СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ЯНВАРЬ

ОГИЗ • 1937
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

СОДЕРЖАНИЕ № 1

	Стр.
А. Вышинский — Сталинская Конституция и задачи органов Прокуратуры	1
А. Вышинский — О задачах следователей	9
М. Виноградов — Как я улучшил качество следствия	13
М. Бронникова — О применении исследования групп и типов крови в делах спорного отцовства	16
А. Рахлин — К вопросу о специфике работы военного следователя	22
В. Власов — Государственный обвинитель на судебной трибуне	23
В. Зайцев — О городском и районном прокуроре	26
В. Мыслов — О некоторых вопросах организационной работы	30
В. Покровский — О некоторых нарушениях революционной законности в области налоговой политики	32
В. Меньшагин — Об извращениях при квалификации должностных преступлений	38
Н. Сергеев — Оценка и проверка свидетельских показаний в делах о должностных преступлениях	42
Б. Борисов Итоги I всесоюзного совещания работников суда и прокуратуры по гражданским делам	45
Н. Лаговиер — О прокурорских протестах по гражданским делам	46
А. Штейнберг — Об одновременном взыскании пени и процентов за просрочку платежа	50
С. Воинский — Не пора ли ликвидировать Госарбитраж?	52
М. Дубровский — К вопросу о советской адвокатуре	56
А. Цыпкин — Советская адвокатура	58
Д. Горвиц — Роль взрослых в преступлениях несовершеннолетних	60
И. Ростовский — Больше внимания рассмотрению жалоб трудящихся	62
Обмен опытом	63
Первое заседание Методсовета Прокуратуры Союза	75
На оперативном совещании при прокуроре Союза	82
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	84
По союзным республикам	90
Право, процесс, судоустройство в капиталистических странах	95
По криминалистическим журналам	102
Библиография	104
Письма в редакцию	115
По следам писем	117
Официальный отдел	118
Сводка важнейших постановлений	120

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ
ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ЯНВАРЬ
1937 г. 1

Редакция:
Москва, Б. Дмитровка, д. 15

А. ВЫШИНСКИЙ

Сталинская Конституция и задачи органов прокуратуры[1]

Сталинская Конституция имеет исключительное всемирноисторическое значение.

Эта Конституция является результатом торжества пролетарской диктатуры, победоносно идущей под руководством партии Ленина—Сталина к коммунизму. Именно поэтому в новой Конституции с такой полнотой и величием отражены принципы подлинного демократизма, подлинной демократии, социалистической демократии, какой мир никогда еще не знал, — демократии, которая невозможна ни в одной капиталистической стране.

Победа пролетарской революции — это победа пролетарской диктатуры, это победа пролетарской демократии. Без победы пролетарской диктатуры не была бы возможна наша новая Конституция, выражающая собой величайшие демократические принципы, величайшие принципы победы идеи подлинного демократизма.

Новая Конституция является прямым результатом торжества идеи пролетарской диктатуры, без победы которой невозможно было бы построить бесклассовое социалистическое общество, которое теперь нашими усилиями в основном уже построено.

В своих лекциях еще в 1924 г. в Свердловском университете товарищ Сталин о диктатуре пролетариата говорил: «Диктатура пролетариата есть орудие пролетарской революции, ее [illegible] ее важнейший опорный пункт, вызванный к жизни для того, чтобы, во-первых, подавить сопротивление свергнутых эксплоататоров и закрепить свои достижения, во-вторых, довести до конца пролетарскую революцию, довести революцию до полной победы социализма»[2].

В этих замечательных словах товарища Сталина [illegible] значение диктатуры пролетариата для победы социализма, для самой возможности создания такой конституции, какой является наша великая сталинская Конституция.

12 лет назад товарищ Сталин указывал на то, что довести до конца социалистическую революцию можно, только опираясь на пролетарскую диктатуру; сегодня мы особенно чувствуем все величие, силу, мощь, крепость пролетарской диктатуры, результатом чего и является великая сталинская Конституция.

Говоря о новой Конституции, в своем историческом докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов товарищ Сталин подчеркнул, что эта Конституция построена на началах развернутого социалистического демократизма, что эта Конституция представляет собой исторический документ, трактующий о фактах победы социализма в СССР, о фактах победы в СССР развернутой до конца демократии.

Основная особенность новой Конституции заключается в ее высоком демократическом содержании.

Говоря о государственном устройстве в СССР по новой Конституции, т. Молотов подчеркнул, что «Новая Конституция вносит здесь крупнейшие усовершенствования. Эти новые элементы в государственном устройстве идут по пути всестороннего развития социалистического демократизма и подлинного интернационализма в отношениях между народами Советского Союза. Опираясь полностью на победу социализма, как основу СССР, эти новые формы демократизма и интернационализма означают новую ступень в развитии того и другого».

Таким образом, наша новая Конституция является выражением торжества пролетарской демократии.

Буржуазные кретины не понимают ни содержания пролетарской диктатуры, ни содержания пролетарской демократии. Поэтому в своей критике нашей Конституции, критике, которую блестяще и уничтожающе высмеял товарищ Сталин в своем докладе, они пытаются найти противоречие между пролетарской диктатурой и пролетарской демократией.

В действительности никакого противоречия между пролетарской диктатурой и пролетар-

[1] Стенографическая стенограмма доклада т. Вышинского А. Я. на объединенном собрании работников прокуратуры и милиции г. Москвы, созванном в Московском комитете ВКП(б) по инициативе секретаря МК т. Н. С. Хрущева.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10,

ской демократией не существует, потому что пролетарская диктатура является высшей формой пролетарской демократии.

«Я должен признать, — говорил товарищ Сталин в своем замечательном докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов, — что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР»[1].

Этим самым товарищ Сталин окончательно разрушил всякие утверждения, которые исходят из враждебных нам кругов, о том, что будто бы новая Конституция ослабляет режим пролетарской диктатуры, что будто бы между пролетарской демократией и пролетарской диктатурой существует какое-либо противоречие.

126 статья Конституции прямо говорит о ведущей, руководящей роли в СССР, в социалистическом строительстве и в борьбе за социализм в нашей стране — нашей коммунистической партии большевиков, воспитанной Лениным и Сталиным, закаленной в жестоких боях за укрепление и развитие социалистического строя. Ст. 126 говорит о партии, которая не знает на своем историческом пути поражений, партии, которая победоносно идет под великим знаменем Маркса — Ленина — Сталина к окончательной победе коммунизма в нашей стране, давая пролетариям, трудящимся и угнетенным всех стран мира пример и образец великой преданности делу освобождения трудящихся масс, давая пример и образец умения бороться за дело освобождения трудящихся, — партии, всегда великой и всегда мудрой, как мудр и велик наш учитель — товарищ Сталин.

О единстве пролетарской диктатуры и пролетарской демократии, которое с такой полнотой выражается в новой Конституции, неоднократно говорил Ленин, на это неоднократно указывал в своих выступлениях товарищ Сталин.

Говоря об основной идее пролетарской диктатуры, товарищ Сталин указал, что Ленин «подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой пролетарской демократии, выражающей интересы большинства (эксплоатируемых), в противовес демократии капиталистической, выражающей интересы меньшинства (эксплоататоров)».

Новая сталинская Конституция представляет собой новый шаг вперед по пути осуществления принципа пролетарской, советской, социалистической демократии.

Понять значение этого шага и его неизбежность, его историческую закономерность, историческую обусловленность можно, только поняв подлинную сущность пролетарской диктатуры, именно как особой формы демократизма, как «высшего типа демократии при классовом обществе».

Между диктатурой пролетариата и пролетарской демократией не только нет какого-либо противоречия, но есть полное единство, взаимная обусловленность.

Вот почему на VIII съезде советов товарищ Сталин подчеркнул, что демократия в С есть демократия для трудящихся, то есть мократия для всех. Поэтому сталинская ституция нашей страны — «единственна мире до конца демократическая конститу Это потому, что только при диктатуре летариата может быть осуществлено дей тельное участие народа в управлении госу ством.

Часто говорят о демократии (демокра слово иностранное, в переводе с гречес на русский язык это означает — власть рода). Это слово нередко употребляют, го о различных формах государственной вл с участием представителей «народа».

Однако никогда в действительности в к совом обществе, где господствовали экс таторы, народ — подлинный народ, рабоч крестьяне, — участия в государственной сти не принимали.

В государстве древнегреческой демокр откуда и пошло самое название «демок ческое государство», власть была в руках, выражался греческий историк Солон, гра «благородного» происхождения.

Знаменитый законодатель древней «дем тической» Греции не стеснялся открыто рить о том, что «никогда и ни в каком чае благородные и простые не будут по ваться равными участками земли».

Старик был не так глуп, как может ка ся, потому что он знал, что во всех ко туциях, трактующих о власти, главным росом является вопрос о собственности, частности, как это было в древней Гр вопрос о частной собственности на землю лон прямо говорил, что никогда не буде кого положения, при котором «благород и «простые» люди будут пользоваться р ми участками земли.

Тов. Молотов в своей блестящей реч VIII съезде советов сказал, что если бу азные демократы хотят, чтобы мы при наличие в капиталистических странах кратии, они должны сделать то же, что и отнять фабрики и заводы у капиталистов нять банки у банкиров, отнять железные до у железнодорожных акционерных об земли — у помещиков, монастыри и ви — у духовенства и сделать все это на ной собственностью. Тогда мы скажем: ва стоящие демократы. Потому что насто демократия заключается именно в том, народ имеет в своих руках землю, фабри заводы, средства производства, являю основой организации всего общества. Б даря тому, что в СССР народ является ственником всех средств производства, смогли организовать такое общество, ко по справедливости называется социали ским обществом рабочих и крестьян. В у капитализма демократия существует для плоататорского меньшинства.

Буржуазная демократия, как указывал нин, это демократия убогая, фальшивая, кратия в кавычках; демократия уреза «рай для богатых, ловушка для бедны эксплоатируемых». Чтобы демократии возвращено ее действительное, подлинно держание, ее нужно было очистить от и щений и искажений, от всех ее нарост наслоений, которые исторически накопля постоянно извращая сущность демократии народоправства и самую идею демокр

[1] И. В. Сталин. О проекте Конституции Союза ССР, Партиздат, 1936, стр. 74.

как идею народной власти. Нужно было отнять для этого власть у меньшинства, нужно было лишить это меньшинство господства, нужно было передать эту власть и ее основание — все средства и орудия производства — в руки рабочего класса. Это сделала наша Великая социалистическая революция 19 лет назад. Поэтому первая наша Конституция 1918 г. — Конституция РСФСР, несмотря на целый ряд ограничений для отдельных частей населения, какие в ней содержались, по справедливости являлась конституцией самой демократической в мире, такой конституцией, про которую по справедливости говорил Ленин, что она в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной конституции. Победоносная социалистическая революция, создавшая на 20-м году своего существования новую сталинскую Конституцию, утверждает еще более глубокий демократизм, социалистический демократизм. Чтобы построить, создать такую Конституцию, нужно было утвердить пролетарскую диктатуру, вырвав хищные клыки у буржуазии, обломав ее хищные зубы; нужно было победить врага, яростно и бешено сопротивляющегося делу социализма. Каждый шаг в деле укрепления диктатуры пролетариата означал приближение к полному торжеству пролетарского демократизма.

Задача всемерного укрепления пролетарской диктатуры вызвала после захвата власти необходимость лишить эксплоататорское меньшинство всякой возможности влиять на политику, всякой возможности влиять на государственное управление, всякой возможности участвовать в управлении государством, а, следовательно, пользоваться политическими правами. Нельзя было бороться с влиянием старых эксплоататорских классов и их агентуры без того, чтобы не лишить их в определенных исторических условиях политических прав во имя интересов рабочих и крестьян нашей страны, поднявших знамя восстания против помещиков и фабрикантов и победивших их в этом восстании.

Вот почему первая конституция нашей страны, Конституция РСФСР 1918 г., и первая конституция нашего Союза ССР — Конституция 1924 г., были конституциями, лишавшими буржуазию права выбирать и быть избранными в советы, являющиеся основным органом пролетарской диктатуры. Эти конституции предоставляли рабочим некоторые преимущества и по сравнению с другими частями трудящегося населения.

Эти конституции тогда не говорили еще о равенстве так, как говорит наша Конституция 1936 г., ибо и в 1918 г. и в 1924 г., когда капиталистические классы не были еще целиком ликвидированы, когда их удельный вес во всем народном хозяйстве был еще относительно значителен, провозглашать и осуществлять политические равенства было невозможно, а значит, невозможна была и такая Конституция, как нынешняя.

Поэтому наши первые конституции лишали буржуазию, так называемых бывших людей, политических прав, оставляя их на положении граждан, если можно так выразиться, второго разряда.

И все же, несмотря на эти ограничения, конституции 1918 и 1924 гг. были самыми демократическими конституциями в мире, так как породившая их пролетарская революция дала невиданное в мире развитие и расширение настоящей демократии, то есть участия народа, трудящихся, рабочих и крестьян в управлении государством, участия гигантской, подавляющей массы населения в управлении государством, участия, которое до тех пор считалось привилегией людей «благородного» происхождения.

Поэтому пролетарская демократия всегда выше буржуазной демократии, всегда представляет собой значительно более высокую ступень развития демократии. Буржуазная демократия прогрессивна, но лишь по сравнению с средневековьем. Она — отстала, реакционна по сравнению с социалистической демократией.

Всеобщее избирательное право, которое в буржуазных государствах также фальшиво, как фальшива сама буржуазная демократия, все же предоставляет рабочему классу некоторые лучшие возможности в деле организации борьбы за свое освобождение, чем это было тогда и там, где и когда не было буржуазной демократии. Поэтому буржуазная демократия, несмотря на свою фальшь, убожество, урезанность и лицемерие, представляет собой некоторый прогресс по сравнению с средневековьем. Но буржуазная демократия сама по себе является средневековьем по сравнению с нашей демократией, с демократией социалистической, с демократией, развернутой до конца, такой демократией, принципы которой с таким блеском выражены в нашей новой великой сталинской Конституции.

Действительная свобода трудящихся возможна лишь на основе уничтожения свободы эксплоататоров. Только после того, как уничтожены полностью сами эксплоататорские классы, — возможна постановка вопроса о политическом равенстве всех людей в социалистическом обществе. Благодаря торжеству пролетарской диктатуры, беспощадно сломавшей старые производственные отношения, опиравшиеся на частную собственность, и создавшей на месте этих старых производственных отношений новые, социалистические производственные отношения, опирающиеся на общественную, социалистическую собственность, обусловившие изменения и всего культурного, и всего политического облика нашей страны, именно благодаря этой победе пролетарской диктатуры мы пришли к новой Конституции, созданной гением великого Сталина.

Социалистический демократизм новой Конституции заключается в подлинном и неограниченном верховенстве народа, в подлинном народоправстве. Это впервые наблюдается в истории человечества. До Октябрьской революции об этом только могли мечтать и об этом, действительно, мечтали немногие лучшие люди человечества.

Таким мечтателем был живший в XVI в. в Англии ученый и государственный деятель, Томас Мор, написавший книгу под названием «Утопия». Характерно само название: «Утопия», — несуществующее место. С тех пор слово «утопия» употребляется, как слово нарицательное, характеризующее то, что несбыточно, невозможно, что представляет собою фантазию, дерзкий взлет мысли мечтателя.

Томас Мор в своей «Утопии» нарисовал будущий идеальный общественный строй, такой, каким должен быть государственный строй, лишенный частной собственности, неравенства

и всех несправедливостей. Как Томас Мор представлял себе такое общество?

Он писал: «В этом обществе, прежде всего, обеспечится за каждой личностью и обществом полное удовлетворение всех нужд, а затем предоставится гражданам как можно больше свобод, дабы они могли иметь достаточно досуга для развития своих духовных сил, путем изучения науки и искусства». Вот цель этого идеального, замечательного государства. Вот в чем, — писал Мор, — «истинное счастье утопистов».

Мы еще не дошли до такого положения, когда можем сказать, что эта золотая мечта этого удивительного человека, жившего в XVI в., осуществилась полностью. Мы этого еще сказать не можем, но мы можем сказать, что мы уже сейчас построили общество, удовлетворяющее основные потребности его членов, гарантирующее каждому право на труд, на образование, на отдых, на обеспечение в старости и на случай болезни, что мы уже пришли к такому обществу, о котором когда-то лучшие люди человечества думали, как о несбыточной мечте. Мы можем сказать, что, несмотря на то, что мы имеем только первую стадию коммунизма — социалистическое общество, у нас обеспечено уже сейчас каждому человеку удовлетворение основных его нужд, теперь уже каждый из наших граждан имеет возможность развить все свои духовные силы. Именно поэтому мы видим сейчас у нас такой расцвет нашей социалистической науки и нашего социалистического искусства. Все это свидетельствует о том, что то, что 200—300 лет назад лучшим людям человечества казалось мечтой, несбыточной фантазией, нами уже сейчас под руководством нашей великой, нашей коммунистической партии большевиков во главе с нашим великим вождем и учителем товарищем Сталиным реально осуществлено.

Можно вспомнить и о другом замечательном человеке, жившем 100 лет спустя после Томаса Мора, о сыне Испании, народ которой показывает сейчас героические образцы борьбы против озверелого фашизма, — о Фоме Кампанелла, удивительном испанском мыслителе, написавшем замечательную книгу, названную им «Государство Солнца». В этой замечательной книге, характеризуя эксплоататарское общество, Кампанелла писал: «Сильные мира сего строят себе лестницы из человеческих тел и запирают в клетки души, как птиц; они пьют их кровь, питаются их мясом; и вид их страданий, страданий этих людей, души которых заперты в клетки, ласкает их взор, их стон и слезы для них — излюбленное зрелище. Из костей несчастных изготовляются рукоятки для инструментов, которыми нас же пытают, и когда все наши члены сведены судорогами, шпионы и лжесвидетели заставляют нас признаваться в таких вещах, о которых мы даже не слыхивали».

Этому обществу эксплоататоров, негодяев, мучителей и угнетателей Фома Кампанелла противопоставляет в своих мечтаниях другое общество, подлинно человеческое общество, озаренное лучами нового социалистического солнца. В этом обществе самые почетные обязанности — это обязанности каменщика, это обязанности пахаря, это обязанности кузнеца, строителя.

Кампанелла пишет: «В надлежащий момент все граждане, оставив в городе необходимую стражу, в полном вооружении, с трубами, с барабанами и с знаменами отправляются пахать, сеять, жать или собирать плоды и виноград».

Вот о чем мечтали некогда лучшие люди человечества, о чем мечтал этот узник, проведший 26 лет в мрачных каменных гробницах испанской инквизиции. Если бы теперь он мог нас услышать, мы ему сказали бы: товарищ Кампанелла, погляди, как у нас с развернутыми знаменами и с песнями социалистического труда наши трудящиеся все вместе, как ты мечтал, идут пахать, сеять, жать и собирать плоды своего труда, эти плоды — нами созданные, нами сорванные и утоляющие нашу жажду.

И Кампанелла должен был бы ответить: да, товарищи из Советского союза, ваше государство — это действительно подлинное «Государство Солнца», взошедшего над измученной землей капиталистического ада,— государство социалистического солнца, о котором я мечтал. Вы эту мечту претворили в действительность, вы эту мечту претворили в подлинную жизнь. Слава вам, строителям нового государства, строителям социалистического общества — подлинного государства солнца.

Вслед за Мором и Кампанелла мрак вековой ночи, окутывающий капиталистический мир, прорезают мечты десятков и сотен лучших передовых людей человечества как Мелье Морелли, Фурье, Сен-Симон, Вейтлинг, Бабеф, Бланки, поднявшие свой голос в защиту труда, в защиту человека, в защиту человеческого достоинства, в защиту трудящихся, стонущих под ярмом капитализма, призвавшие как это сделал Бабеф и его «равные», как это сделали сто лет спустя парижские коммунары, к вооруженному восстанию против угнетателей, против врагов трудового народа.

Бабеф и его «Заговор равных», Парижская коммуна и 72 дня первой диктатуры пролетариата, явившейся прообразом диктатуры пролетариата в нашей стране, вот негаснущие маяки на великом пути борьбы, которым шли лучшие люди человечества, передовые борцы за дело трудящихся, за дело социализма, за дело коммунизма.

Сейчас мы претворили мечту в действительность.

Сталинская Конституция — это документ, свидетельствующий о том, что то, о чем мечтали веками и продолжают мечтать теперь миллионы честных людей в капиталистических странах, в СССР уже осуществлено, осуществлен социализм, построено новое социалистическое государство рабочих и крестьян, утвердившее подлинную свободу, подлинное политическое равенство, радостную и счастливую новую жизнь, подлинный социалистический демократизм...

В чем же именно выражается этот подлинно социалистический демократизм сталинской Конституции?

Во-первых, в подлинном равенстве народов. Ни одна конституция мира не знает ничего подобного. Совет Союза и Совет Национальностей являются выражением этого подлинного равенства. В ст. 123 Конституции говорится о равноправии граждан СССР независимо от их национальности и расы во всех областях государственной, культурной и общественно-политической жизни, что является непреложным законом. Ст. 123 — прямой удар по лицу

фашизма с его преступной средневековой, варварской расовой теорией. Наша Конституция не только провозглашает равенство народов, равноправие граждан, независимо от их национальности и расы, но и обеспечивает всем строем существующих в СССР общественных и политических отношений это равенство на деле. Наша Конституция не просто провозглашает это равноправие. Конституция говорит о том, что всякое, какое бы то ни было, прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан, в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, карается законом.

Наша Конституция в статье 123 во весь рост ставит перед работниками прокуратуры задачу громадной важности, ибо органы прокуратуры в первую очередь призваны бороться со всяким нарушением нашей Конституции. Ведь в первую очередь нас, прокуроров, спросят: «где вы были, когда совершались нарушения ст. 123 Конституции».

Ст. 123 предъявляет к нам, работникам прокуратуры, ряд требований, выполнение которых совершенно обязательно.

Если в нашей сталинской Конституции сказано: «караются законом», мы должны реализовать это требование Конституции, мы должны бороться с нарушителями нашей Конституции, должны карать по закону тех, кто осмелится нарушить закон Конституции, выраженный в ст. 123.

«Караются законом» — это очень ответственное указание, ибо карать по закону нужно тех, кто виноват, карать нужно за вину, за преступление, карать виновных, а виновных найти и установить представляется иногда делом довольно трудным.

Для того чтобы Конституция действительно была нерушимой, — а это должно быть так, мы должны решительно бороться с любым посягательством на каждое требование, каждый принцип великой сталинской Конституции.

Другой принцип социалистического демократизма выражен в ст. 135. Ст. 135 также говорит о подлинном, настоящем народоправстве, говоря о всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве. В ст. 135 сказано: «Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав».

Через некоторое время будет издан избирательный закон. В нем будет очень подробно сказано о том, о чем принципиально говорит эта статья нашей Конституции. На основе этого закона нам придется составлять списки избирателей, рассылать повестки, приглашать избирателей к урнам. Придется играть большую роль в этом деле милиции и меньшую, но все же значительную роль и прокуратуре. Здесь возможным многочисленные, хотя очень часто мелкие, незначительные нарушения избирательных прав граждан, являющиеся результатом бюрократического отношения к избирательному закону, результатом халатности отдельных должностных лиц. Сюда и должно быть направлено внимание наших органов. признанных стоять на страже интересов советского государства, нашей Конституции и отдельных граждан, на страже интересов правильной организации избирательной кампании, в борьбе с нарушениями избирательной системы, лишающими граждан фактической возможности воспользоваться провозглашенным нашей Конституцией избирательным правом.

Принцип полного равноправия и социалистического демократизма выражен ст. 136, говорящей о том, что: «выборы депутатов являются равными», что «каждый гражданин имеет один голос» и что «все граждане участвуют в выборах на равных основаниях».

В капиталистических странах нет ни всеобщего, ни равного, в полном и подлинном смысле этого слова, ни тайного избирательного права. В Соединенных штатах Америки конституцией провозглашено всеобщее избирательное право, но одновременно установлено для пользования этим правом ряд условий; например, знание английской грамоты. Кто ее не знает, тот не может участвовать в выборах. На деле это приводит к тому, что из двух с лишним миллионов негритянского населения в выборах участвует только 19 тыс. чел., так что на деле эта «всеобщность» избирательного права превратилась в прямое издевательство над правом. Кроме того создан ряд «технических» условий для участия в выборах. Каждый гражданин может выбирать, но для этого он должен внести залог в размере 2 долларов. И рабочий думает: «два доллара бросить для того, чтобы проголосовать за Рузвельта или кого другого, — это себе дороже стоит... Рузвельт, пожалуй, обойдется и без моего голоса».

Таким образом, в капиталистических странах принцип — одно, а техническое, так сказать, оформление этого принципа, реализация этого принципа — другое, съедающее принцип без остатка. Именно благодаря такому положению вещей, в одной африканской колонии, принадлежащей Англии, 5½ млн. негров никаким избирательным правом не пользуются. Домашние работницы не пользуются избирательным правом, коечники не пользуются избирательным правом, люди, живущие в меблированных комнатах, этим правом также не пользуются и т. д. и т. п.

В Швейцарии не имеют избирательного права женщины. Во Франции женщины тоже не имеют избирательного права, не имеют этого права солдаты, не имеют его моряки, не имеют избирательного права те, кто прожил в данной местности меньше шести месяцев перед выборами. Не имеют избирательного права и безработные.

Что же это за «всеобщее» избирательное право? Это избирательное право является «всеобщим» только по наименованию, а в действительности ничего всеобщего в этом избирательном праве нет.

Говорить об избирательном праве в странах, где царствует фашистский и полуфашистский режим, нечего. В этих странах «слава богу нет парламентов». Здесь нет ни избирательного, никакого-либо другого права.

В этих странах фашистское зверье дубьем и ружьем выбивает из сознания граждан последние остатки правовых представлений и правовых идей, как и всяких вообще идей. Но и

в так называемых демократических странах, как мы видели выше, об избирательном праве в законе провозглашается одно, а на деле имеет место совершенно другое.

Наша Конституция записывает то, что действительно осуществлено и что действительно на деле обеспечивается всей системой наших общественных и государственных отношений.

Товарищ Сталин сказал: «Конституционная Комиссия исходила из того, что Конституция не должна быть смешиваема с программой. Это значит, что между программой и Конституцией имеется существенная разница. В то время как программа говорит о том, чего еще нет и что должно быть еще добыто и завоевано в будущем, Конституция, наоборот, должна говорить о том, что уже есть, что уже добыто и завоевано теперь, в настоящем. Программа касается главным образом будущего, Конституция — настоящего».

Наша Конституция записала то, что имеет место в действительности, что существует. Но, если в Конституции записано то, что существует, то, с другой стороны, Конституция требует, чтобы то, что в ней записано, действительно существовало, т. е., чтобы никто не смел поколебать ни одно из ее положений, ее принципов, ее требований...

Наша Конституция говорит о праве на труд, о праве на образование, о праве на отдых и т. д. Она говорит не о голом праве, о праве вообще, не о таком «праве на труд», какое провозглашается в капиталистических странах, «хочешь — умирай с голода, хочешь работай, не хочешь — не работай; это — твое право...» Не о таком праве на отдых, когда приходится, как это мы видим в капиталистических странах, отдыхать все 24 часа в сутки и все дни в году. Не о голом праве на образование, как это устанавливается буржуазными конституциями; пожалуйста, поступайте в университеты, вам это не возбраняется, но... Тысячи «но», самых разнообразных «но» поднимаются против этого вашего «права» и от этого «права» ничего не остается, раз только дело идет о трудящемся человеке. Формально ты имеешь все права, а по существу не имеешь никаких прав, ты — бесправен. Вот как обстоит дело с правами в буржуазных конституциях этих «правовых» государств. И неудивительно. Эти конституции соответствуют тем отношениям, которые существуют в капиталистическом обществе, покоящемся на принципе «всяк за себя», на принципе частного собственника. В нашей стране совершенно наоборот. У нас нет частной собственности на средства производства и нет тех отношений, которые вытекают из этих принципов буржуазного государства. У нас господствуют социалистические отношения, которые позволяют миллионам трудящихся приобщиться к настоящей культуре, дают им широкое образование, дают им возможность действительно отдыхать, действительно трудиться, дают подлинное право на труд, гарантированный всем существом, всеми средствами всего нашего советского государства. Поэтому-то право, которое мы провозглашаем, это право реальное, право подлинное, право не такое, которым ты можешь пользоваться лишь юридически, а такое право, которым ты можешь пользоваться фактически.

Вот почему так велика и наша ответственность в этом деле; охранять фактическое пользование правами гражданина, конечно, труднее, сложнее и ответственнее, чем охранять его только формальные права...

На нас возлагается очень большая и серьезная задача стоять на страже внедрения в сознание людей всего величия, незыблемости и неприкосновенности прав, установленных нашей Конституцией. На нас возлагается необходимость энергично бороться и всеми законными средствами защищать неприкосновенность и незыблемость нашей новой сталинской Конституции.

Сталинская Конституция поднимает и роль закона, а значит и роль органов законности, каковыми является наша милиция, наша прокуратура, наш суд, на громаднейшую высоту. Когда в редакционной комиссии обсуждали в последний час окончательную редакцию новой Конституции и дошли до ст. 125, которая говорит, что гарантируется свобода слова, свобода печати и т. д., то товарищ Сталин предложил вставить в эту статью одно слово: законом гарантируется свобода слова, свобода печати и т. д. Этим было подчеркнуто, что закону в наших условиях отводится большая роль и значит на органы охраны закона возлагается особая в наших условиях ответственность.

Первая обязанность наших работников—знать новую Конституцию. Особое значение для нас имеет ст. 130 Конституции: «Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития». Эта статья должна быть написана над входными дверями всех учреждений юстиции и милиции.

Исполнять законы, блюсти дисциплину — это не так просто. В Перовском отделении милиции не особенно хорошо усвоили смысл ст. 130. Паспортист Рыжов полагал, что блюсти дисциплину — это значит брать за шиворот граждан и выставлять их за ворота. Исполнять закон — это дело не легкое. Мы должны не только сами исполнять закон, но и воспитывать в гражданах уважение к советскому закону, учить неуклонно исполнять советский закон.

Исполнять закон — это значит знать закон, понимать закон и уважать закон.

Конституция возлагает на нас, работников юстиции, ряд серьезнейших, в высшей степени ответственнейших обязанностей.

Особенно надо подчеркнуть задачи, вытекающие из ст. 131, указывающей на необходимость «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

Мы, в основном, научились укреплять и беречь общественную собственность, борясь с расхитителями ее как с врагами народа. Но надо сказать, что в нашей практике бывают случаи, когда мы вместо того, чтобы бить со всей беспощадностью по врагу, бьем мимо.

На нас лежит охрана интересов государства, укрепление общественной, социалистической собственности; потому что, как замеча-

тельно сказано в Конституции, общественная, социалистическая собственность является основой всего советского строя, источником богатства и могущества нашей родины, источником зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Без победы общественной, социалистической собственности мы не могли бы иметь такого могучего государства как наше; в этой победе — источник и залог зажиточной и культурной жизни всех трудящихся, залог неуклонного роста всенародного благосостояния.

Только на основе побед социализма мы могли добиться таких успехов в области подъема материального благополучия народных масс, культурного строительства нашей страны, превратившейся в передовую страну среди всех стран мира.

Все это возлагает на работников юстиции и милиции огромные обязанности борьбы с теми, кто стремится подорвать, нарушить наш советский правопорядок. Правда, надо сказать, что за последние годы в области борьбы с преступностью сделано не мало, мы добились в этой области больших успехов. На Чрезвычайном VIII съезде советов я привел ряд цифр, которые говорят о том, что в капиталистических странах преступность катастрофически растет. В таких странах, как Италия, Польша, Германия, Латвия, Америка и др., мы имеем большой рост имущественных и иных преступлений. Губернатор Нью-Йорка в 1935 г. заявил следующее: «Совершенно несомненно, что за последнее время произошло значительное увеличение организованных преступлений, преступники относятся к закону с пренебрежением, их наглость и цинизм представляют вызов к основам нашего демократического строя». Этот губернатор прав во всем, кроме одного: он не понимает, что это не случайное явление, а прямой результат господствующей в Америке, в частности в Нью-Йорке, частной собственности на средства производства и эксплоатации человека человеком, порождающей безработицу, нищету и преступность.

По данным нашей статистики число осужденных в РСФСР в 1936 г. по сравнению с 1933 г. снизилось больше чем вдвое. Если мы примем число осужденных по закону 7 августа 1932 г. в первой половине 1935 г. за 100, то в первой половине 1936 г. число осужденных окажется уменьшившимся в РСФСР в три раза, в УССР — в 4 раза. То же и во всех остальных союзных республиках. Значительно снизилось также и подавляющее большинство иных преступлений.

Это означает, что, благодаря объединенным усилиям органов юстиции и милиции, мы со своей задачей борьбы с преступностью справляемся неплохо. Но этот успех стал возможным только на основе успехов строительства социализма в нашей стране, которые помогли укрепить социалистическую собственность, которые помогли стереть с лица земли всякого рода троцкистские, бандитские, заговорщицкие группы, пытающиеся расшатать наш советский, социалистический строй.

В деле дальнейшей борьбы с преступностью новая Конституция открывает неисчислимые возможности, особенно благодаря тому, что она содействует росту гражданского самосознания, росту пролетарской социалистической дисциплины, чувству ответственности, укреплению чувства государственного долга, государственной ответственности. Она укрепляет и развивает чувство советского, социалистического патриотизма.

В борьбе с преступностью, которую мы ведем, нам помогают миллионные трудящиеся массы ловить преступников как внутри страны, так и на наших рубежах, ловить диверсантов, шпионов, пытающихся пробраться вглубь страны, чтобы творить свое подлое контрреволюционное дело. Новая Конституция еще больше поднимает чувство государственной ответственности работников юстиции, суда и прокуратуры, работников милиции, которым представляются громадные творческие возможности для того, чтобы поднять свою профессиональную работу по охране закона и советского строя на новую высоту.

В частности, особые задачи в деле охраны правил социалистического общежития стоят перед нашей милицией. Обида, оскорбленное чувство человеческого достоинства, поругание человека — ведь это явления, с которыми нашей милиции приходится сталкиваться в первую очередь потому что милиция — это орган, стоящий ближе всего к массам, который сталкивается больше всего с нуждами населения. И здесь каждое движение, каждое действие милиционера, или инспектора милиции, или начальника отделения, даже тон его голоса — это может либо содействовать укреплению престижа советской власти, укреплению советского государства, чувства достоинства, заражая этими образцовыми примерами всякого, которому приходится иметь дело с милицией, либо, наоборот, действовать отрицательно.

В своей замечательной поэме «Хорошо» Маяковский с гордостью говорит о нашей милиции: «Моя милиция, меня бережет, жестом правит, чтобы вправо шел». Эти слова «моя милиция, меня бережет» — это лозунг, под которым она должна строить свою работу, чтобы милиция была родной каждому трудящемуся нашей страны еще больше, чем сейчас, чтобы каждый мог с чувством гордости, признательности и любви к своей милиции, с чувством советского патриота сказать: «это моя милиция, она меня бережет».

Завоевать к себе такое отношение трудящихся, укрепить это, уже завоеванное отношение, — это громаднейшая задача, это задача громаднейшей культурной работы над собой.

Это надо сказать и о других органах советской власти; я подчеркнул задачи милиции потому, что чаще всего, непосредственнее всего гражданин сталкивается с милицией, но то же надо сказать и о прокурорских органах.

Борьба с преступностью, борьба с преступниками, нарушителями закона, ставит во весь рост вопрос о следствии, о его качестве. Милиция и наши следователи ведут уголовные дела, которые передаются в суд, а суд судит живых людей. Надо помнить и знать, что предварительное следствие решает судьбу судебного дела и не только дела, оно решает судьбу и человека. От качества расследования зависит правильность или неправильность привлечения к ответственности людей, ущемление их прав, нанесение ущерба всему народному хозяйству и т. д. От качества расследования зависит и соблюдение величайшей осторожности и экономии в расходовании сил и времени

отдельных граждан, которые сталкиваются с нашей работой. Следствие играет громадную роль в судебной работе, и органы милиции и прокуратуры должны на эту сторону дела обратить серьезное внимание, чтобы не было неправильно привлеченных к ответственности, потому что каждый из них — это маленький человеческий мир, это нередко разбитая психика человека, ибо если человека притянули следственные органы, посадили его на скамью подсудимых, он бросил и семью и работу, он ни о чем больше не думает, как о том, как бы доказать свою правоту, а над ним висит угроза — лишения свободы или иной меры наказания.

Надо понимать, какой это удар, какая травма, какой ущерб не только для данного человека, не только для человека, забота о котором является нашей величайшей задачей, чего требует наша партия, наш учитель и вождь товарищ Сталин, но это ущерб для всего государства с точки зрения баланса сил и творческих возможностей нашей страны.

Новая Конституция требует от нас ясного представления о том, что органы милиции, органы прокуратуры — это не просто канцелярия, это учреждение, которое имеет дело с самым ценным материалом — с человеком. Если мы невнимательно относимся к тому или иному случаю, от этого зависит не только судьба данного человека, но и судьба его семьи, судьба его работы, которая поручена этому человеку.

Перед нами, особенно в свете новой Конституции, стоит задача по-настоящему усвоить требования нашей партии о бережном отношении к человеку. Это значит не преувеличивать тех явлений, которые привлекают наше внимание, уметь в них разбираться спокойно и вдумчиво. Мы выпускаем часто из своего поля зрения главное и основное. Один еврейский библейский мудрец говорил: «люди часто занимаются ловлей блох, а у них в это время через пальцы верблюды уходят». Это верно. Так бывает и с нами, когда мы не умеем отделять серьезное от несерьезного, большого от пустякового... Нужно серьезное отделять от несерьезного, важное — от незначительного, чтобы сосредоточивать свое внимание на действительно важном. Мы хорошо знаем, что наша работа протекает в негладких условиях. Враг около нас, враг среди нас и враг серьезный. Процесс в Кемерове, процесс московского бандитского троцкистско-зиновьевского центра, во главе с Каменевым, Зиновьевым, Смирновым и др., показал, до какой совершенно невероятнейшей гнусности докатились эти мерзавцы, которые переплели свою предательскую по отношению к социализму, к нашему государству деятельность, с прямым предательством, шпионажем, диверсиями, с прямой изменой нашей родине. Мы должны знать и помнить, что враг не останавливается ни перед чем. Они убили т. Кирова, они готовили и готовят каждый день покушения на лучших наших руководителей, они готовили покушение на нашего любимого вождя товарища Сталина, на его славных сподвижников тт. Молотова, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, на целый ряд людей, которые руководят нашей борьбой за социализм. На наши органы прокуратуры, милиции и суда возлагается самая серьезная задача: чтобы ни один волос не упал с головы наших вождей от подлых посягательств врагов, не знающих никаких границ в измене, не знающих никаких границ в выборе гнуснейших средств борьбы против социализма. Мы знаем, что наши классовые враги были биты и будут биты не раз и жестоко, но это ни в какой мере не останавливает и не может остановить их, потому что чем сильнее победы социализма, чем более широко и глубоко принципы социализма врастают в нашу советскую землю, тем более безнадежным становится положение нашего врага и тем на большее преступление, на более коварное, гнусное преступление идет враг.

Вот почему мы должны еще больше заострить свою бдительность, мы должны еще более сознательно, решительно и беспощадно, мечом революционной законности и советского социалистического правопорядка бить врагов нашей страны, нашей партии, которые мешают дальнейшим успехам нашего победоносного социалистического строительства. Стирая с лица земли и разрушая осиные гнезда контрреволюционеров, троцкистов и зиновьевцев, фашистских агентов, шпионов и разведчиков, мы должны в то же самое время еще более последовательно, более настойчиво, еще более углубленно бороться за решение другой задачи — воспитания в массах населения чувства уважения к правилам социалистического общежития, чувства уважения к правилам социалистического труда, социалистической дисциплины.

Эти задачи ко многому обязывают. Они обязывают прежде всего к тому, чтобы мы крепко поработали над собой, над поднятием своей технической, политической, юридической квалификации. Эти задачи велики, но нам это нестрашно. Мы имеем за своими плечами известный опыт.

Мы работаем под непосредственным руководством Центрального комитета нашей великой коммунистической партии, под непосредственным руководством великого Сталина, организатора великих социалистических побед.

Мы знаем и верим, что задачи свои мы разрешим и разрешим так, как требуют наша партия и наше правительство.

А. ВЫШИНСКИЙ

О задачах следователей[1]

Следственный аппарат имеет определенное назначение — борьбу с преступлениями. Это — задача в высшей степени сложная. Помимо того, что преступления многообразны, помимо всевозможных других трудностей, эта задача сложна, в частности, еще и потому, что преступник всегда старается быть умнее следователя и иногда, к сожалению, ему удается следователя обмануть. Поэтому следователю приходится быть на чеку, следить, чтобы обвиняемый не использовал его ошибок, его неумения распознать событие таким, каким оно было на самом деле.

Нельзя скрывать того, что следователь иной раз становится сам игрушкой в руках преступника. Чем преступник хитрее, чем он изворотливее, тем труднее следователю вести борьбу с преступлениями, а надо прямо сказать, что и хитрость и изворотливость у людей, которые совершают преступления, бывают очень часто немалые.

Это предъявляет особые требования к самому следователю. Не все это, к сожалению, понимают, и очень часто бывает так, что следователь считает свою задачу исполненной, если он кого-то предал суду. Он не столько заботится о том, чтобы предан суду был действительно виновный, как заботится о том, чтобы некто был предан суду. Он считает себя удовлетворенным, когда у него следствие заканчивается обвинительным заключением, и прокурор, который руководит следствием, считает тоже себя удовлетворенным тогда, когда он энное количество дел направляет в суд с обвинительным заключением, направляет в дальнейшее производство с заключением о предании людей суду. Нечего греха таить, в нашей системе нередко самое качество следовательской работы измеряется количеством дел, законченных обвинительным заключением. Некоторым не часто приходит в голову мысль: правильно ли данное дело закончено обвинительным заключением, а не прекращением дела; правильно ли данное дело завершилось обвинительным заключением, а не постановлением о доследовании. У нас велик процент дел, которые, не будучи рассмотренными по существу, возвращаются из суда на доследование или вовсе прекращаются. Количество дел, направляемых на доследование и возвращаемых из суда без рассмотрения, у нас более велико, чем это желательно. Процент дел по серьезным преступлениям, за которые угрожают суровые наказания, возвращаемых из суда по тем или иным основаниям, достигает примерно 45%. Некоторые товарищи не задумываются над тем, что это означает, не понимают, что этим наносится величайший ущерб всему нашему народному хозяйству и самому ценному элементу нашей социалистической страны, ценнейшему капиталу нашего социалистического государства — человеку. Очень много людей отвлекается без толку от работы из-за привлечения их к ответственности и очень часто вследствие заключения их под стражу. Очень много теряется времени людьми, которых вызывают в качестве свидетелей, отрывая от работы. В некоторых случаях следователи увлекаются экспертизами: эксперт вызывается по пустякам, и нередко ценного специалиста таким образом отрывают от его полезных занятий.

В ряде случаев привлекают к ответственности по пустякам.

Вот пример из практики прокуратуры Сталинградского края. Приехал человек из города в деревню, привез двое брюк, 2 пачки спичек, рубашку и какую-то еще чепуху. Рубашку вез «дяде», как он говорит, она не подошла, и он ее продал за 12 руб., но рубашка стоила 10 руб. Этого оказалось достаточным, чтобы «продавца» осудили на 3 года лишения свободы... за спекуляцию.

Когда я вызвал представителей местной прокуратуры и побеседовал с ними, то оказалось, что они, особенно райпрокурор, не представляли себе, какая существует разница между ст.ст. 107 и 105 УК. Текст статьи у нас хорошо знают, а смысл статьи не всегда хорошо понимают. Закон о спекуляции, оказывается, понимают так, что если кто-нибудь купил вещь для себя, но потом раздумал или почему-нибудь решил, по нужде или каким-нибудь другим обстоятельствам, вещь продать, то это некоторые прокуроры и следователи рассматривают как спекуляцию и привлекают по ст. 107 УК, а суд, согласно санкции этой статьи, дает наказание не ниже 5 лет лишения свободы. Еще милостивы оказались суд и прокуратура в указанном мною случае, когда приговорили к 3 годам лишения свободы.

Я мог бы привести таких примеров немало.

Причина нередко заключается в том, что следователь идет по линии наименьшего сопротивления, заводит дело, пишет номер, штемпелюет, и человека в результате приговаривают к стольким-то годам лишения свободы.

Бывает и сложнее. Приведу случай, когда осудили человека за убийство на много лет тюрьмы по делу, очень запутанному и до конца не распутанному. Была гулянка в деревенской избе. На гулянку пришел какой-то человек, который из озорства палкой разбил лампу. Гулянка разошлась. Хозяин лампы, узнав, что разбил ее Емельянов, взял кол из забора и стал дожидаться Емельянова, чтобы его побить. Два мальчика-свидетеля говорят: мы видели, как обвиняемый бил Емельянова. Емельянов от побоев умер.

Я внимательно изучил это дело. И что же? Достаточно прочитать протокол судебного заседания, чтобы увидеть, что дело решено неправильно. Все свидетели говорят: ночь была темной, кто бил — не видели... «Павлова (фамилия осужденного) я не видел».. «Павлов сидел в избе»... «Павлов никуда не выходил». Как можно было при таких показаниях признать Павлова виновным? В сущности, следователь и прокурор оказались здесь в плену ошибочной презумпции. Павлова обвинили потому, главным образом, что он был вместе

[1] Стенограмма речи на 3 учебной конференции следователей 11 декабря 1936 г.

с Емельяновым и потому, что Емельянов закричал: «что ты, кум, делаешь». Так как Павлов был кумом, а других кумовьев у убитого, мол, не было, то и решили: Павлов убивал, Павлов и виноват. Создается такое впечатление, что если бы Емельянов воскликнул: «что ты, чорт, сделал», то обвинили бы чорта. Рассмотрев дело, я установил следующее. Во-первых, один из свидетелей, Егоров (мальчик, который сначала в материалах фигурирует как Егоров, а потом фигурирует как Александров), является племянником убитого. Потерпевший шел по улице вместе с каким-то своим родственником, который тоже оказался участником драки. Есть все основания думать, что драка была между этим родственником и убитым, а показание против третьего лица дает мальчик, племянник того родственника, который дрался с убитым. Короче говоря, есть много оснований полагать, что осудили не тех, кого надо, и во всяком случае один из осужденных в драке и вовсе не участвовал. Теперь в колхозе говорят: «зря Павлова осудили, но ничего не поделаешь, он уже сидит». На грех оказалось, что у этого осужденного есть уже одна судимость. Это последнее обстоятельство, очевидно, сыграло здесь решающую роль. Раз на деревне совершилось убийство и у подозреваемого имелась какая-то судимость, значит он и убил...

Таких фактов можно было бы привести множество. Чем это объясняется? Работники, как-будто не плохие, грамотные. Ответ один: не думают, делают впопыхах, делают так, чтобы как-нибудь сделать. Нет вдумчивого отношения к делу, которое является первым условием правильной работы следователя. Нужно задумываться над делом, обращать внимание не только на внешние обстоятельства. Нельзя поддаваться всякого рода так называемым версиям. Следователи наши очень любят «версии» и «презумпции». Они заворожены этими словами, как замоскворецкая купчиха словами «металл» и «жупел». Поменьше версий, а побольше фактов. Насчет фактов у многих следователей дело обстоит особенно плохо. //

Один следователь по делу о спекуляции написал: «ввиду того, что установлены случаи покупки и продажи по повышенным ценам...». Я попросил его найти в материалах дела больше одного случая продажи. Он не мог этого сделать, а пишет в заключении во множественном числе: «установлены случаи покупки и продажи по повышенным ценам». Случай же был один. Ведь такое обращение с материалами дела смахивает немного на подделку документа, это смахивает на фальсификацию следствия.

Следователь отлично понимает, что если написать так, как было в действительности, тогда его обвинительные выводы могут отпасть. Поэтому он не останавливается перед тем, чтобы один случай продажи превратить в несколько случаев, один раз превышения цены превратить в случаи продажи по повышенным ценам вообще.

Это уже прямая недобросовестность. Но это может быть и от непонимания, от недостаточной культуры, от недостаточно ясного представления о том, что такое продажа и что такое перепродажа. Тут мы упираемся в некоторый недостаток культуры, которым кое-какие наши следователи отличаются еще и до сих пор.

Здесь может итти речь и о некоторой неряшливости, небрежности, нечуткости или нечутком отношении к людям. Чуткое отношение к людям обязывает к тому, чтобы в следственном документе показать факт как он есть, без преувеличения или преуменьшения, без всяких прикрас и без всяких приправ. Это дело очень серьезное. Оно требует большой добросовестности и большой культуры. Ежели вы скажете, что человек признал себя виновным в предъявленном ему обвинении, а само обвинение сформулируете несоответственно тому, в чем он себя признал виновным, то это исключит возможность относиться к составленному вами документу с доверием, которое необходимо вообще и в особенности к судебно-прокурорскому документу. Большая культура и большая осторожность, внимательность и умение отображать в документах действительность так, как она есть, избегая обвинительного уклона, способность быть всесторонним и объективным — вот первая обязанность следователя и его большое достоинство.

Некоторые думают, что объективность — это что-то вроде буржуазного предрассудка, аполитичности, надклассовости; что требование быть объективным — это значит «отрешись от классовой борьбы, от классовой политики». Это неверно. Объективность, как мы ее понимаем, не противоречит нашим интересам и задачам в классовой борьбе. Наоборот, объективность помогает правильно отображать действительность. Она, правильно нас ориентируя, помогает одерживать победы. Правильно было бы сказать: следователю в работе нужно иметь горячее сердце, помноженное на холодный рассудок.

Поэтому мы должны потребовать от следователя, чтобы он, работая со всей политической страстностью, был объективным. Что это означает? Раньше всего то, что он должен добросовестно обращаться с фактами. Если следователь поступается фактами, если он немножко кое о чем умалчивает, иногда кое-что прикрашивает или, как говорят, «натягивает» (а мастеров «натяжек» среди вас, простите, немало), — это уже ставит под сомнение достоинство следственного материала.

Я знаю, товарищи, следователей, которые считают для себя недопустимым, если обвиняемый не сознается. Следователю очень хочется, чтобы обвиняемый сознался, и он пишет так, чтобы как можно крепче завуалировать показания обвиняемого, для чего иногда он стремится подобрать двусмысленные слова, искусственно рассечь сказанное на части и зафиксировать в протоколе только ту часть, которая подтверждает обвинение, которая нужна для обвинения. На суде обвиняемый отрицает свое показание. Мы знаем, что бывают отказы от показаний недобросовестные, жульнические, но наши методы и примеры иной раз помогают жулику. Следователи избегают собственноручных записей показаний обвиняемого. А между тем «уходить» от показаний, написанных собственноручно, в словах и выражениях, которые даны самим подсудимым, подсудимому будет гораздо труднее, чем если бы он подписал не только каждую страницу допроса, но и каждую фразу, написанную не его рукой, а рукой следователя.

Закон сам предусматривает возможность для обвиняемого собственноручно изложить свои показания. У меня есть некоторый опыт след-

ственной и судебной работы и, исходя из своего опыта, я должен сказать, что для судебного процесса ничего нет опаснее частичного признания, сдобренного всякого рода искусственными обстоятельствами, их сопровождающими. Например, обвиняемый хотел сам писать, ему не дали, записал следователь. Может быть получилось одно и то же, а может быть получилось и не одно и то же. Я лично предпочитаю лучше иметь полупризнание, записанное собственноручно обвиняемым, чем полное признание, записанное следователем. Когда следователь сидит у себя в кресле, а обвиняемый дает показания, следователь иногда может рассчитывать, что обвиняемый «проговорится», следователь во-время «подхватит» и запишет то, что ему кажется необходимым. Но недопустимость этого приема без труда обнаруживается на суде, когда каждое следственное движение проходит под контролем общественности, гласности, так, как этого требует глава девятая новой Конституции, говорящая о нашем правосудии. Здесь все вещи становятся иными, все обстоятельства начинают говорить своим собственным языком, а не тем языком, которым угодно было записать в протоколе товарищу следователю. И тогда наступает противоречие между тем языком, которым говорит протокол следствия, и тем языком, которым говорят обстоятельства дела. Следователи часто не думают, что их работа будет проверена в иной обстановке, в обстановке иногда очень высокого уровня требований, которые предъявляет наш советский гласный судебный процесс.

Мы, и в этом одна из величайших заслуг Великой пролетарской революции, разгромили старый чиновничий аппарат и на его месте создали, говоря словами Ленина, «подлинный народный суд», который, несмотря на свои недостатки, является действительно подлинным народным судом. Но мы не можем остановиться на том уровне, на который подняли мы государственный аппарат и, в частности, судебную систему в широком смысле этого слова, потому что сейчас эпоха великой сталинской Конституции, потому что мы завершаем построение в нашей стране социализма. Мы начинаем писать уже новую страницу истории — страницу истории коммунистического общества. И вы думаете, что требования, которые предъявляются в этих условиях к прокурору и следователю, будут такие, как раньше? Вы думаете, что наши промахи будет кто-нибудь терпеть? Бюрократам в нашей системе нет места. Лежебокам и бездельникам у нас нет места. До сих пор иногда бывало такое положение, что если человека некуда было пристроить, его посылали в органы юстиции, если в органах юстиции нельзя было человека пристроить, его посылали в следователи. В результате следователи составляют такие акты, что делается за этих следователей стыдно. Вот пример: 15 сентября 1936 г. один нарследователь составил такой документ: «При этом направляется трупп женщины не установленной личности. Прошу произвести вскрытие на предмет установления беременности и других признаков насильственной смерти» и т. д. и т. д. Очевидно, по мнению этого следователя, беременность является одним из признаков насильственной смерти. Вот дальше протокол осмотра трупа. «13 октября 1936 г. народный следователь Середино-Будского района Западной области Грибунов (запомните эту фамилию) и другие выбили на место обнаруженного т р у п п а (слово «труп» он везде пишет через два «п»), в присутствии понятого произвели осмотр, причем установили («у» с большой буквы). Между железнодорожной линией Москва—Киев («киев»— с маленькой буквы) и проселочным трактом г. Середина-Буда. В лесу на расстоянии от железнодорожной линии 1½ клм. в западную сторону и от проселочного тракта 1 клм. в восточную сторону разъезда Горожанко Зап. ж. д. 1 клм. около орехового куста лежит женщина не установленной личности прикрывши жакетом и головным платком, около трупа в южную сторону лежат клочки из газеты напечатанном на украинском языке. Около трупа имеются признаки малозаметных на топтанных человеческих следов. При осмотре вокруг труппа ничево ниобнаружено. Осмотр труппа: труп женщины неустановленной личности на вид лет 22—23. Лежит головой на северо-восток ногами на юго-запад лицом в низ к земли, спиной в верх. — Ноги в прямом вытенутом виде конечности ног в завивку (нога на ногу). Левая рука согнутая под голову. Правая рука лежит в сторону согнутая (как согнута — следователь не пишет). В обеих кистей руки имеется сжатая земля и трава, при наступлении смерти хваталась за землю (почему при наступлении смерти, а не во время борьбы). На обеих руках имеются ссадины (царапины). Волосы растрепанные черные, а в волосах женский гребешок и две приколки. Трупп прикрыт женским жакетом суконной коричневого цвета с хорином черным старым воротником на старой изношенной подкладке, голова прикрыта шерстенным вязаным плотком, под головой и вязанной стального цвета грибы свежия, в кармане жакета 2 носовых белых платка и жолуди свежие... «На ногах желтые старые туфли на высоких каблуках, черные шелковые чулки, одета в шерстяной джемпер желтого цвета. Затем одет бюст-галстух (вероятно бюст-галтер), нательное белье: рубашка бумажного цвета и, наконец, панталоны белой материи. На шее имеется ссадина с кроводтеками. Затем платок вязанный, обмотанный вокруг шеи, сзади завязан крепко на 2 узла. На груди имеются синие пятна, как видно старые, не предусмотренные. Имеется золотая коронка на зубе, глаза закрывши, рот открывши. Трупп для исследования направлен в больницу». (Подписи) Следователь такой-то, понятой такой-то.

Вы скажете: это — редкий случай, это какой-то уникум из кунсткамеры. Конечно, такие документы не часто попадаются. Но достаточно одного такого документа, чтобы мы забили тревогу. Таких документов не должно у нас быть ни одного. Следственный аппарат — это аппарат остро политический. Политика в следственной работе выражается не только в том, что у следователя находятся дела о контрреволюционных и государственных преступлениях. Следствие имеет политическое значение потому, что, когда следователь промахивается и когда следователь ошибается, это на-руку нашему врагу. Когда следователь зря «тащит» людей, когда он неправильно ведет следствие, неправильно составляет обвинительное заключение, неправильно допускает направление дела в суд, потом возвращают дело на доследование, то здесь во всем этом выражается громаднейший политического значения факт, по-

тому что государство в высшей степени заинтересовано в том (и об этом говорит наша великая сталинская Конституция), чтобы права и свобода граждан и интересы нашего социалистического государства были защищены в максимальной степени от всякого ущерба. Если правильно говорил Кетле и за ним другие статистики, что преступление есть налог, который платит общество, то для того, чтобы уменьшить этот налог, одним из могущественнейших средств в руках государства является следовательский аппарат. Если этот аппарат правильно работает, это содействует укреплению авторитета государства и укреплению правопорядка в государстве, это содействует укреплению правосознания потому, что каждый знает, что он защищен и беззаконие не будет оставлено безнаказанным. В силу этого человек лучше работает и полнее ощущает радость жизни, которая наполняет все наше советское социалистическое государство рабочих и крестьян.

Многие не понимают того исключительного значения, которое принадлежит правильно проведенному следствию и правильно организованной борьбе с нарушением законов и всякого рода преступлениями. Многие этого не понимают вследствие недостатка культуры и политического воспитания. Устранить этот недостаток помогают такие конференции, как настоящая конференция.

Но нужно, чтобы и сами следователи поняли то, что было понятно умным русским людям два века назад. Один русский старый бытописатель XVIII в. Иван Посошков написал книгу, изданную в 1724 г.: «О скудости и богатстве». Это — замечательная книга. В этой книге Посошков говорит о классовом характере, о социальной природе судебно-следственного аппарата, и высказывает мысль о том, какое имеет значение правильная работа юстиции для государства. Он пишет: «Все правители дворянского чина своей братии знатным норовят, а власть имут и дерзновение над самыми малосмочными людьми, а нарочитом дворянам не смеют и слова воспретительного нарещи, но как кому угодно, так и творят»... Видите, как он описывает дворянский дореформенный суд и двоянскую юстицию, которая «новорит своей братии»... «Древней российских людей, обычай был, еже во приказах иметь челобитчиков множество, и так бывало их много, что иногда никоими делы до судьи худо сильному не моги; к тому же посажают колодников множество, а решения им не чинят». Это Посошков говорит о содержании под стражей сверх сроков, установленных законом, и дальше добавляет: «и тем они российское царство бесчестят».

Этой мудрой мыслью подчеркивается, что для политического авторитета, для политического достоинства всякого государства суд имеет громадное значение. Если это так было в представлении лучших людей того времени, отдаленного от нашей эпохи двумя столетиями, то эта «честь и бесчестие» во много, много раз важнее для нашего советского государства. Ведь наше государство оформилось и окрепло как социалистическое государство рабочих и крестьян, государство, которое всю свою задачу видит в том, чтобы обеспечить каждому человеку, каждому гражданину нашей великой страны максимум радости, счастья, благополучия и возможности творческого участия в социалистическом строительстве, возможности творческого расцвета всех его духовных и физических сил. Ясно, что в этих условиях какое громадное бесчестие нашему советскому государству приносит любой недостаток в работе органов юстиции, и в частности и в первую очередь — в работе следственных органов. Надо помнить, что вы являетесь, так сказать, «первоисточником» привлечения людей к ответственности, что качество вашей работы является основным условием качества работы суда, что на совести вашей лежит: будут ли правильно привлечены люди к ответственности и будут ли они правильно судимы судом. Огромная ответственность за «честь государства» и за «бесчестие», которое мы можем нанести нашими ошибками и недочетами нашему государству, ляжет в первую очередь на прокуратуру в целом и на следственный аппарат, в частности и в особенности.

Очень часто думают, что суд плохо судит, что он ошибается, что он не использовал всего, что мог бы использовать для вынесения правильного решения. Но часто это неправильно. При всех тех недостатках, которые имеются еще в работе суда, не нужно забывать, что лимитирует работу суда — следствие, что, как правило, — как общее и совершенно непоколебимое правило, — от состояния следствия зависит работа суда, зависит работа всей системы органов юстиции. Если это так, то перед следовательским аппаратом стоит очень большая и ответственная задача, главная трудность в отношении которой заключается в том, что время нам не дает и не даст никаких отсрочек.

Может быть некоторые думают, что все это только слова о больших требованиях и больших задачах, что можно будет по-старинке, по трафарету вести работу, на обложках использованных бумаг, на старых обоях, корявым почерком. Мы должны таких товарищей жестоко разочаровать. Время не ждет, время не даст никакой отсрочки, требования будут к нам предъявлять самые жесткие, потому что не может мириться сознание советского гражданина с таким положением, когда игнорируют его основные и священнейшие права, подтвержденные и закрепленные за ним великой сталинской Конституцией.

Сталинская Конституция — не просто новый закон. Сталинская Конституция это есть итог наших побед и завоеваний. В речи товарища Сталина вы слышали его оценку Конституции как обвинительного акта против фашизма, как регистрации в законодательном порядке того, что нами завоевано, а завоевано нами социалистическое государство, опирающееся на социалистическую систему, в основе которой лежит общественная социалистическая собственность. Завоевано нами освобождение трудящихся от угнетения, от эксплоатации, безработицы и нищеты. Завоевано нами новое советское достоинство советского гражданина, обладающего всеми правами человека, до которых далеко самому демократическому буржуазному обществу. Это вошло в сознание наших граждан, и они готовы своей грудью, своей жизнью отстаивать эти завоевания и никому не позволят над ними издеваться, или посягать на их неприкосновенность — на неприкосновенность личности, неприкосновен-

ность жилища, тайну переписки, гласность в суде, свободу слова, печати, собраний и т. д., осуществляемые в интересах социалистического строительства. Все это не просто лозунги, это все — жизнь, которую рабочий класс и все трудящиеся нашей страны завоевали своей кровью.

Товарищ Сталин, кончая свой замечательный доклад, сказал, что приятно и радостно знать, что кровь эта пролита была недаром. В этих словах заключается для нас требование обеспечить эту радость и не смять ее, не омрачать ее всякими ошибками, подрывающими завоевания, записанные в Конституции, права советских граждан.

Надо перестроить свою работу по-настоящему, надо бороться за укрепление сознания величайшей ответственности, которая возлагается на наши органы, и в частности, и в первую очередь, я это подчеркиваю и на следственные органы, потому что это важнейший, ответственнейший участок нашей системы. Нужно над собой работать, нужно понимать, что в наше время только тот оказывается выполнившим свой долг, кто работает над собой вообще, кроме того, что он работает над конкретным делом. Только тот может сказать о себе, что он солдат, честно стоящий на посту великого фронта социализма и социалистического права, кто на каждом шагу старается усовершенствовать свои знания, технику своей работы, свою политическую и юридическую квалификацию.

Вот почему мы, проводя учебные конференции для следователей, хотим помочь вам в решении этих задач, будучи твердо уверены в том, что вы поймете и сумеете это свое понимание претворить в живую действительность, в свою повседневную практику, что эти конференции дадут толчок нашей дальнейшей работе над собой, явятся началом громадной творческой работы. Творчески работать должен каждый следователь, черпая свои силы в творческой силе советского народа, которая характеризует новую эпоху и которая нашла свое выражение в великой сталинской Конституции.

М. ВИНОГРАДОВ

Как я улучшил качество следствия[1]

Рано утром 24 июля на лесной тропинке в городском бору под Калугой был обнаружен связанным с тряпкой во рту гр. Ерохин, работавший кассиром санатория расположенного в том же бору. Обнаружившие Ерохина лица ничего добиться от него не смогла. Ерохин не отвечал на вопросы. Говорить Ерохин стал только часа в 3 дня. И вот что он рассказал: часов в 11 вечера он вышел из конторы санатория и направился домой в город. Путь его лежал лесом. Отойдя метров 200 от санатория, не почувствовав ни удара, ни толчка, он потерял сознание. Очнулся он часа в 4 утра, увидел себя связанным и с тряпкой во рту, лежащим метрах в 10 от тропинки, по которой шел. Карманы его брюк были вывернуты, почему он решил, что у него похищены ключи от несгораемого ящика. Чтобы скорее привлечь к себе внимание проходящей публики, Ерохин перекатился на тропинку и вновь потерял сознание и очнулся уже в больнице, как указано выше, в 3 часа дня.

При проверке кассы санатория оказалось, что денежный ящик открыт, в нижнем отделении его лежали ключи, в ящике недоставало около 7000 руб. денег.

На место выезжали представители уголовного розыска, но ни осмотра места обнаружения Ерохина, ни конторы санатория они не произвели: денежный ящик, правда, они осмотрели, не забыли тщательно осмотреть и одежду Ерохина, на которой, кстати, не оказалось никаких следов загрязнения.

Телесных повреждений у Ерохина серьезного характера обнаружено не было; было несколько поверхностных ссадин на теменной области головы. Никаких повреждений черепа, или других каких-либо изменений не зафиксировано.

Уголовный розыск вначале стал искать грабителей и, не находя их, при наличии некоторых данных, повел дело в сторону обвинения Ерохина в симуляции ограбления с целью сокрытия хищения денег.

Дело для дальнейшего следствия было передано мне. Даже беглый анализ картины события со всеми предшествовавшими и сопутствующими моментами говорил о симуляции. Но возникал ряд вопросов, результаты выяснения коих версию о симуляции значительно подкрепили бы. Хотя и с опозданием, но был произведен осмотр места обнаружения Ерохина; он показал, что место песчаное и травянистое, покрытое опавшими иглами хвойного леса. По словам Ерохина он должен был перекатываться на расстоянии 10 метров, да еще по местности, имеющей подъем к тропинке, и при этом он не загрязнил костюма и обуви. Кроме того надо иметь в виду, что Ерохин был связан одной веревкой по рукам и ногам, причем руки были скручены назад, а во рту была тряпка.

На руках никаких повреждений или ссадин тоже не оказалось.

Второе, что требовалось точно установить,— действительно ли Ерохин был длительное время без сознания; ведь по его словам выходило, что он находился без сознания 15—17 часов, с одним коротким светлым промежутком, во время которого он ориентировался в положении и произвел сознательные действия (перекатился). На этот вопрос материалы дела ответа не давали, а ответ должен был быть и точный и достаточно авторитетный. Я обратился тогда в областную судебно-медицинскую экспертизу, где комиссия в составе ряда специалистов, в том числе д-ра Семеновского П. С., дала четкое и категорическое заключение.

[1] Статья поступила на конкурс, объявленный редакцией совместно с издательством.

На основании клинической картины длительная потеря сознания исключается. А описанные выше повреждения, имевшиеся у Ерохина, легкого характера, нанесены, очевидно, его же рукой. Тряпка в рот была введена не глубоко, иначе Ерохин не мог бы дышать. Но связан Ерохин был с помощью постороннего лица; вот этот последний момент при подтверждении факта симуляции налагал на следователя серьезную обязанность найти сообщника.

Итак, мы получили доказательство, что на Ерохина никто не нападал, а нападение было симулировано.

Требовалось проверить положение с конторой и т. д. Оказалось, во-первых, что из конторы Ерохин ушел последним и он же и передал лично сам ключи уборщице Самариной. Последняя проверила замки и запоры на окнах и они были в порядке, в порядке они оказались и утром 24 июля.

Больше того, сторож Павлов, охранявший контору, неотлучно находился на посту и проникновение кого-либо в контору отрицал. Это показание получило подкрепление и в заявлении свидетеля Кавокина, живущего в квартире, смежной с конторой, отделенной от нее звукопроницаемой стеной, о том, что он ночью никакого шума в конторе не слыхал. Звукопроницаемость была проверена специальным обследованием. Это, так сказать, прямые доказательства симуляции ограбления. Но были и другие данные. Установлено, что Ерохин вел широкий образ жизни, на значительные суммы закупал вина и закуски, пытался накапливать в кассе наличные деньги и систематически уклонялся от производства у него ревизии.

Характерно, что 23 июля Ерохина категорически предупредили, чтобы в течение 2 дней он подготовился к ревизии.

Симуляция ограбления была доказана и можно бы было о Ерохине закончить следствие, но у него должны были быть сообщники, а раз они не установлены, нельзя было считать дело оконченным.

Материалы дела, собранные уголовным розыском, давали туманные намеки на какое-то преступление, совершенное женой Ерохина, Косяковой, работавшей тоже кассиром в Райпромкомбинате. И, кроме того, было видно, что Ерохин давал деньги жене, а жена—ему, помогая скрывать свою растрату.

Справка в уголовном розыске подтвердила наличие такого дела, и оно было истребовано для ознакомления.

Дело оказалось тоже любопытным.

8 июля в отделение банка, в Калуге, явился человек и предъявил чек на 11 тыс. рублей на зарплату, чек был выдан Райпромкомбинатом. Деньги выданы не были по счастливой случайности; получатель не предъявил поручения на перечисление соцстраху. Человек ушел, а спустя полчаса, в банк было сообщено, что в комбинате похищен бланк чека, подписанный распорядителями кредитов.

Уголовный розыск установил, что хищение бланка чека было организовано Косяковой, знавшей порядки в комбинате и, в частности, такую «предусмотрительность», как заблаговременное подписывание чеков распорядителями кредитов. Бланк чека был похищен в ночь на 8/VII. Помогал в хищении Агеев, он же и пытался получить деньги в банке, так как Косякову хорошо знают там и ей получать деньги нельзя было, а Агеев оказался ее хорошим знакомым, с февраля нигде не работающим. Совершение этого преступления Косяковой и Агеевым было достаточно доказано и Уголовный розыск даже написал обвинительное заключение, но и тут нельзя было останавливаться на обвинении двоих, был здесь и третий человек и именно Ерохин; это мнение надо было подкрепить уликами, доказательствами. Дополнительным расследованием участие Ерохина в этом преступлении было доказано.

Цель этого преступления — добыть деньги, но преступный замысел не удался. Деньги вообще нужны, а тут еще растраты и у Косяковой и у Ерохина; наступает день ревизии.

Ерохин и нашел выход из положения, да еще такой, осуществление которого дает и сокрытие растраты и дополнительное хищение денег. Выход этот — симулирование ограбления.

Этот замысел был осуществлен часов около 11 вечера 23 июля. Один Ерохин привести его в исполнение без посторонней помощи не мог. В материалах же дела имелись показания гр. Логунова, который, идя тропинкой, где был найден Ерохин, в это же время, т. е. в 11 часов вечера, видел двоих — мужчину и женщину, которые при его к ним приближении свернули в сторону. Логунов был вызван вторично и передопрошен более детально, с возможно обстоятельным описанием личностей, и поскольку связь троих — Агеева, Косяковой и Ерохина — была установлена, возник вопрос — не с помощью ли Агеева и Косяковой Ерохин симулировал ограбление.

Изобличение Агеева и Косяковой в соучастии с Ерохиным представляло, ввиду значительности промежутка времени, прошедшего с момента совершения факта, большие трудности.

Важно было установить — где были Агеев и Косякова в вечер 23 июля. Агеев точно объяснить не мог, но указал, что возможно был в парке с своей знакомой. Допрошенная знакомая Агеева предположение его не подтвердила. Косякова заявила, что вечером 23 июля она была в обществе Константиновых. Мало было надежды на удачу допроса Константиновой для проверки показаний Косяковой: ведь речь шла о вечере 23 июля, а допрос производился не на другой день. Но опасения оказались напрасны, удалось точно установить, с подкреплением побочными данными, что Косякова в обществе Константиновых была не 23 июля, а 22 июля. Допрос же Логунова говорил и о сходстве тех лиц, которых он видел в лесу, с Агеевым и Косяковой. Логунову были предъявлены в разное время все трое; о Ерохине он сказал, что никакого сходства с тем мужчиной, которого он видел, Ерохин не имеет, Агеева и Косякову Логунов опознал.

Совокупность всех данных, анализ доказательств, правильное построение следствия привели к изобличению группы в составе трех лиц в совершении двух преступлений, имевших одну и ту же цель.

В заключение следует остановиться на поведении обвиняемых; сперва все они категорически отрицали вину, но позднее, в связи с предъявленными им уликами, признали свою виновность. Первым признал себя виновным Агеев; за ним Косякова, и только после прочтения показаний Косяковой Ерохину он признал свою вину

Я очень подробно остановился на деле Агеева, Ерохина и Косяковой, но я хотел на примере его показать — как в результате анализа всех данных по делу, обстановки и т. д. была определена правильная перспектива, которая и обеспечила раскрытие двух самостоятельных преступлений, совершенных одними и теми же лицами. По делу были применены научные методы расследования.

Что мне позволило так построить следствие?

Во-первых, систематическое изучение тактики и техники расследования.

Во-вторых, постоянный анализ своей работы по результатам следствия; это давало возможность видеть и свои ошибки и вскрывать методы, применяемые преступниками.

Работа следователя чрезвычайно ответственна, и требования к качеству его работы, вполне понятно, высоки. Обеспечить высокое качество работы можно лишь при условии овладения техникой своего дела. Не надо скрывать того факта, что на известном промежутке времени — по линии следствия широко пропагандировалось, а затем и применялось на практике упрощенство.

Вредность этой практики очевидна. Внимания к следователю не было. Качество следствия снизилось. И только приветствовать надо поворот, имеющийся теперь к вопросам следствия и следователю, и мероприятия, направленные к повышению качества следствия.

Как же я лично строю свою работу?

Прежде всего укажу на элементарную истину, которую некоторые прокуроры забывают: это — не приступать к следствию без тщательного изучения материалов, без составления плана, без определения круга вопросов, подлежащих выяснению. Это первое условие объективного и полного расследования, но оно забывается.

Второе — определить последовательность следственных действий (кого, в какую очередь допросить, что истребовать, разрешить вопрос об эксперте, там, где это требуется и т. д.).

Третье — непрерывность следствия, обеспечивающая быстроту и оперативность.

Четвертое — привлечение общественности. Это, конечно, не исчерпывающие, но главные условия для обеспечения быстрого производства следствия, при хорошем качестве.

Чего же я добился в борьбе за качество следствия? За 9 месяцев 1936 года я имею оконченных дел 99, из них 93 с обвинительным заключением, прекращено 3 дела; остальные 3 дела или переданы по подследственности, или приостановлены.

Со сроками следствия дело так обстоит: до 10 дней — 72 дела, до 30 дней — 24 дела и свыше месяца следствие велось по 3 делам. Эти результаты — результаты плана и оперативности.

Из 99 дел, законченных следствием, 54 дела относятся к следовательской подследственности да и среди остальных дел были дела сложные.

За этот период я обратно получил только 2 дела. Успехи эти достигнуты в значительной степени в результате внимания и помощи как со стороны прокурора района т. Шелковникова, так и со стороны Областной прокуратуры, методбюро которой работает, я бы сказал, прекрасно.

Моя задача — еще больше повысить квалификацию, еще лучше овладеть техникой и достойно справляться с стоящими перед следственным аппаратом задачами.

Не может следователь считать свою задачу выполненной лишь проведением следствия по делу; следователь обязан на основе дела вскрыть причины, способствовавшие наступлению преступного факта и принять меры профилактического характера. Поэтому я позволю себе, хотя бы кратко, но осветить и эту сторону работы следователя; ведь она тесно связана со следствием.

Я вел дело о самоубийстве студентки механического техникума Ш. Самоубийство было на бытовой почве.

В процессе следствия я поинтересовался вообще бытом студентов техникума и установил, что там было чрезмерное увлечение танцами, вечеринками, были элементы распущенности.

Политико-воспитательная работа хромала на обе ноги. Да и как мог обеспечить руководство молодежью такой, с позволения сказать, «руководитель», в лице секретаря коллектива ВЛКСМ, который на следствии договорился до того, что стал отстаивать теорию... о врожденных преступниках.

По материалам дела был дан сигнал политотделу Зап. жел. дорог (техникум системы НКПС) РК ВЛКСМ, и по этому сигналу были приняты организационные и политические решения; само же дело было разобрано показательным процессом в техникуме, так как и обвиняемый был студент этого же техникума.

Можно указать и такой факт, когда мое постановление сигнализирующего порядка, посланное республиканской организации, было последней размножено и с особым письмом разослано областным (краевым) отделениям для проверки — нет ли у них дефектов, отмеченных в постановлении.

К каждому делу надо относиться с любовью, с душой: только тогда можно добиться эффективности и высокого качества работы. Я следственное дело люблю, мне чуждо формальное отношение к нему. Но свою работу и ее результаты я всегда рассматриваю с той точки зрения, что если дело провел хорошо, это не значит, что все освоил: сегодня это хорошо, а завтра уже будет плохо, надо совершенствоваться, надо повышать знания, надо поднимать качество работы.

М. БРОННИКОВА

О применении исследования групп и типов крови в делах спорного отцовства[1]

В следственную практику все более внедряются научные методы расследования преступлений. Судебная медицина — помощник органов расследования — использует все новейшие достижения в области медицины и биологии для раскрытия преступлений и выявления действительных виновников их.

Одним из таких достижений последнего времени является учение о группах и типах крови, захватившее умы широких кругов работников различных медицинских дисциплин, в том числе и судебно-медицинских экспертов.

В 1900—1910 гг. Ландштейнером, Декастелло, Стюрли, Янским, Моссом и др. было установлено, что в красных кровяных тельцах (эритроцитах) людей существуют два особые свойства (агглютиногены), которые передаются по наследству и не изменяются в течение всей жизни. Эти свойства обозначаются латинскими буквами А и В. У некоторых людей указанных свойств не имеется вовсе — О, у других есть только свойство А, у третьих — В, у четвертых — А и В вместе. Таким образом, все люди делятся на четыре группы. Соответственно описанным свойствам эритроцитов в сыворотке человеческой крови содержатся свойства (агглютинины), обозначаемые греческими буквами α (альфа) и β (бета).

Дунгерном выяснено правило, что в кровяной сыворотке имеются агглютинины только против чужой крови. Агглютининов против своих собственных эритроцитов не содержится.

Отсюда группы крови получают следующие выражения:

Оαα — 1 группа по Янскому или 4 по Моссу
Аα — 2 »
Вα — 3 »
АВо — 4 » по Янскому или 1 по Моссу.

(В 1907—1908 гг. Янский и в 1910 г. независимо от него Мосс ввели цифровые обозначения групп крови, причем эти классификации отличаются друг от друга лишь тем, что группа 1 Янского называется Моссом 4-й и 4 группа Янского — 1-й группой Мосса).

Установлено, что когда приходят в соприкосновение однозначные свойства сыворотки и красных кровяных телец (А и α; В и β), то последние собираются в кучки и склеиваются.

В 1927 г. Ландштейнер и Левин (Америка) открыли в эритроцитах людей еще два новые свойства, которые существуют независимо от свойств А и В и обозначаются латинскими буквами М и N. По этим свойствам кровь людей делится на три типа: М, N и MN. Типы крови устанавливаются также по склеиванию красных кровяных телец, только сыворотка употребляется другая.

Кроме вышеописанных в крови найдены еще свойства P, G, H, S, которые до настоящего времени не вполне изучены, и потому их исследование широко не применяется на практике. В дальнейшем, конечно, станет известным еще большее количество индивидуальных свойств крови.

Таким образом, учение о кровяных типах и группах обладает большими перспективами.

Оно ставит перед судебно-медицинской экспертизой все более и более сложные и глубокие вопросы, разрешение которых приобретает значительный удельный вес в раскрытии преступлений.

Так, например, при исследовании крови, обнаруженной на вещественных доказательствах, органы расследования уже не удовлетворяются видовым ее определением, т. е. установлением, кому она принадлежит: человеку или животному.

Они почти во всех случаях требуют проведения так называемой «индивидуальной диагностики крови», т. е. выяснения принадлежности ее определенному лицу.

Для разрешения этого вопроса судебная медицина имеет в настоящее время один путь: установление групповой и типовой специфичности крови.

С другой стороны, учение о кровяных группах проникло в широкие массы населения. В Государственный научно-исследовательский институт судебной медицины обращаются десятки людей, стремящихся выяснить свое отцовство, поступают десятки писем от лиц, заинтересованных в алиментных процессах.

Таковы настойчивые запросы жизни.

Вопрос о применении группового исследования крови в судебной медицине в 1929 г. был внесен в ученый медицинский совет НКЗдрава бывшим главным судебно-медицинским экспертом Республики профессором Яковом Леонтьевичем Лейбовичем.

Секция экспериментальной и теоретической медицины ученого медицинского совета 28 октября 1929 г. вынесла следующее постановление:

«1) Реакцию изо-гемо-агглютинации Ландштейнера считать допустимой в судебно-медицинской практике.

2) В настоящее время, впредь до ознакомления всех судебно-медицинских работников с реакцией Ландштейнера, ограничить ее применение в каждом отдельном случае с разрешения краевых или областных органов здравоохранения.

3) Ограничить применение указанной реакции лишь делами об исключении (а не установлении) отцовства.

4) Применение реакции в уголовных делах (индивидуальную диагностику крови) считать пока преждевременным, требующим дальнейшего усовершенствования техники».

Таким образом исследование групп крови в уголовных делах с целью так называемой «индивидуальной диагностики крови» считалось недопустимым.

В отношении гражданских дел (алиментных) мы имеем со стороны ученого медицинского

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

вета разрешение произвести пробу Ландштейнера с целью исключения отцовства в судебно-медицинских лабораториях, обеспеченных квалифицированными кадрами, с санкции краевого (областного) здравотдела.

Наркомюст по последнему вопросу издал следующие циркуляры:

I. О введении в судебную практику реакции изо-гемо-агглютинации

(Цирк. НКЗ и НКЮ № 127 от 5/VI 1925 г.)

Ввиду чрезвычайного распространения в настоящее время судебных дел об отыскании отцовства в связи с истребованием алиментов, к судебно-медицинской экспертизе со стороны населения и юридических органов предъявляются требования на определения отцовства путем исследования крови.

НКЗ и НКЮ, основываясь на заключении ученого медицинского совета, разъясняют:

1. Применение реакции изо-гемо-агглютинации в настоящее время может дать при определении отцовства положительные указания только в незначительном числе случаев, притом лишь наряду с другими данными индивидуального исследования и при производстве его компетентным лицом в научной лабораторной обстановке, причем необходимо присутствие исследуемых — отца, матери и ребенка.

2. Ввиду указанного значения реакции изо-гемо-агглютинации, введение ее в судебную практику при настоящем ее положении в качестве обязательного метода исследования, результаты которого могли бы служить судебным доказательством, является преждевременным. Поэтому НКЗ и НКЮ считают необходимым предложить органам здравоохранения не выдавать на основании указанной пробы каких-либо официальных свидетельств, а органам юстиции — не пользоваться таковыми в качестве судебных доказательств.

II. О недопустимости применения медицинской экспертизы в качестве доказательства при разрешении дел об установлении отцовства

Поступающие в НКЮ сведения указывают, что некоторые судебные органы прибегают при рассмотрении дел об установлении отцовства к медицинской экспертизе, предлагая экспертам давать заключения об отцовстве на основании внешнего сходства, наследственных примет, антропологических измерений и пр.

Ввиду того что все способы установления отцовства путем медицинской экспертизы в настоящее время еще не дают возможности приходить к сколько-нибудь бесспорным выводам, НКЮ в дополнение к циркуляру НКЮ и НКЗдрава № 127 1925 г. о запрещении использования в качестве судебного доказательства при разрешении дел об отцовстве исследований крови предлагает при разрешении означенных дел от судебно-медицинской экспертизы, как судебного доказательства, во всех без исключения случаях воздерживаться.

Народный комиссар юстиции
Курский

Член коллегии НКЮ
Бранденбургский

20 февраля 1926 г.

(Опубликовано в журнале «Еженедельник советской юстиции» № 9, 1926 г.).

III. О применении циркуляра № 34. 1926 года. О судебно-медицинской экспертизе при разрешении вопроса об установлении отцовства

Ввиду того что циркуляр № 34 1926 г. вызвал запросы с мест о том, исключается ли безусловно судебно-медицинская экспертиза при разрешении вопроса об установлении отцовства, НКЮ разъясняет, что означенный циркуляр имел в виду указать, что данные судебно-медицинской экспертизы сами по себе не могут служить доказательством для установления факта отцовства.

Если же в распоряжении суда имеется ряд других доказательств, которые могут послужить основанием к установлению факта отцовства, то суд в этих случаях не лишен возможности прибегнуть дополнительно к судебно медицинской экспертизе, которая в связи со всеми остальными доказательствами может быть использована при разрешении судом дел об отцовстве.

Народный комиссар юстиции
Курский

Член коллегии НКЮ
Бранденбургский

28 апреля 1926 года.

(опубликовано в журнале «Еженедельник советской юстиции» № 19 1926 г.).

IV. Гражданская кассационная коллегия Верховного суда РСФСР по алиментным делам в 1929 г. вынесла следующее постановление:

«Экспертиза крови и сходства».

Суд, стремясь построить решение на более устойчивых и определенных основаниях, чем свидетельские показания, прибегает к установлению отцовства путем экспертизы сходства или крови. Нужно, однако, сказать, что суды иногда слишком переоценивают значение этого вида доказательств. Как экспертиза сходства, так и в особенности экспертиза крови не имеют бесспорного научного основания. Не имея самостоятельного значения, эти виды экспертизы могут иметь подсобное значение только в том случае, если выводы экспертизы подтверждаются другими установленными судом данными. Вообще к экспертизе в делах об отцовстве следует прибегать лишь в тех случаях, когда это действительно вынуждается крайней необходимостью и когда в данном районе имеется эксперт достаточно высокой квалификации. Наконец, надо еще отметить что нельзя придавать доказательственное значение факту внешнего сходства ответчика с ребенком, установленному самим судом без экспертизы.

Председатель Гражданской кассационной коллегии Верховного суда
Ф. М. Нахимсон

(Опубликавано в журнале «Судебная практика» № 14 от 6/VIII 1929 г.).

28 февраля 1930 г. президиум Верховного суда РСФСР, заслушав доклад т. Стучка (вопрос был внесен профессором Я. Л. Лейбовичем) «О возможности отказа в признании от-

цовства, вследствие отрицательной реакции изо-гемо-агглютинации (исследование крови у родителей и ребенка)», постановил: «сообщить НКЗдраву, что президиум Верховного суда не считает возможным изменить существующие циркуляры в отношении применения экспертизы исследования крови при решении дел об алиментах и установлении отцовства».

Таким образом, исследование групп крови с целью исключения отцовства было отодвинуто на 2-й план, и первенство предоставлено свидетельским показаниям. Объективное доказательство в смысле силы и значимости ставилось ниже доказательства субъективного.

За 5 лет, протекшие с 1929 г., произошел огромный сдвиг в вопросе групповой специфичности крови, тканей и выделений человеческого организма.

Остановлюсь лишь на тех достижениях в этой области, которые имеют непосредственное отношение к вопросам спорного отцовства.

1. Стали известными работы целого ряда авторов о подгруппах 2 и 4 групп крови — A_1 и A_2; A_1B и A_2B.

Первые наблюдения в этом направлении (Дунгерн и Гиршфельд, Кок и Клейн, Гезри и Гэк) говорили о качественной разнице двух подгрупп. Латтес и Кавацутти, Мино, Гомсен, различие подгрупп А сводили к количественной стороне в смысле силы антигенных и абсорпционных свойств (А сильное и А слабое). В настоящее время вернулись к качественному толкованию, которое представляется в двух видах:

1. По гипотезе Ландштейнера две подгруппы содержат одно и то же свойство А, кроме которого они имеют добавочные агглютиногены A_1 и A_2.

2. Обе подгруппы содержат качественно различные агглютиногены — A_1 и A_2, которые реагируют с двумя агглютининами анти — А, содержащимися в сыворотках групп О и В и также качественно различными.

По новейшей схеме Фриденрейха существует агглютинин α, который сильно реагирует с A_1 и слабо с A_2, и агглютинии α, специфичный для A_1. В исключительных сыворотках содержится еще агглютинин α_2 реагирующий при низкой температуре с A_2.

Фриденрейхом и Ворсе, Дунгерном и Гиршфельдом, Ландштейнером и др. разработана методика определения описанных подгрупп, позволяющая детализировать и углублять исследование групповой специфичности крови.

2. До нас дошли работы Ландштейнера и Левина (1927 г.) об открытии в эритроцитах человека новых агглютинабильных типов М и N, существование которых вдвое повышает возможность исключения отцовства. Установлены методы их выявления и правила наследования (Шифф, Винер и Вейсбург, Томсен и Клаузен, Латтес, Блаурок, Майзер, Кроме, Николетти, Ишидзу).

3. Огромным фактическим материалом окончательно подтверждена теория наследования групповых свойств А и В.

В течение последних лет зарубежная судебно-медицинская литература пестрит сообщениями казуистического материала в отношении использования исследований групп и типов крови в делах о спорном отцовстве. Весьма интересны следующие из них:

Вейдеман (Рига, Латвия) сообщает случай из своей практики.

В марте 1932 года, один рижский гражданин Л. Н. подал в суд заявление о том, что в одном из родильных домов в Риге, где р[одилась] решалась от бремени его жена, его сын был подменен другим мальчиком, а именно неким А. П. Истец подробно излагает поступление его жены в родильный дом, роды, описывает родившегося мальчика, вполне здорового и хорошо развивавшегося, как мог установить отец, видевший его каждый день. На 4 день он при посещении сразу заявил персоналу, что принесенный ему ребенок не его сын, жена его также подтвердила, что принесенный ей для кормления утром того же дня ребенок показался ей чужим; это мнение еще подкрепилось внезапными судорогами ребенка, бывшего до тех пор совершенно здоровым. Однако в силу твердого заявления руководящего персонала, что перепутать детей при имеющейся в учреждении организации нельзя, родители успокоились.

Со временем выяснилось, что ребенок Р. Н. является умственно дефективным. До 3-летнего возраста у него наблюдались постоянные эпилептические припадки; одно это явление могло вызвать подозрение в принадлежности ребенка к данной семье. Через несколько лет отец ребенка выяснил в разговоре, что в том же родильном доме одновременно с мальчиком Р. Н. родился другой мальчик, который из-за болезненного состояния был подменен другим. На основе этих сведений отец стал наводить справки и выяснил, что в один день с его ребенком в родильном доме действительно родился другой мальчик А. П., в семью которого он и отправился. При свидании он выяснил, что мальчик А. П. чрезвычайно похож на его годовалую дочь, тогда как старший сын семьи Г., семнадцатилетний П. П., очень похож на его сына Р. Н. Из истории болезни и родов обеих матерей в родильном доме он на основе многочисленных подправок и подчисток также вывел заключение, что дети были подменены, то есть, что его сыном является не Р. Н., а А. П., подмененный сознательно в родильном доме. В связи с изложенным истец обратился в суд с просьбой вернуть ему его сына и привлечь виновных в подмене к ответственности.

Уголовное дело, однако, очень скоро было приостановлено, так как суд не усмотрел в материалах доказательств предумышленной подмены детей. После этого истец возбудил гражданское дело, прошедшее через несколько инстанций и закончившееся присуждением ему ребенка А. П.

Процесс тянулся свыше двух лет, в течение которых было произведено несколько экспертиз. Ниже приводятся наиболее интересные данные. Прежде всего, необходимо отметить, что все члены обоих семейств никаких отклонений от нормы не проявляли; один лишь 6-летний Р. Н. представлял собой кретина с деформированной головой, с нарушением образования зубов; далее было установлено, что к 6 годам он не научился ни ходить, ни говорить. Невропатологи высказались за то, что состояние ребенка является результатом родовой травмы и отказались дать заключение о происхождении ребенка от одной или другой пары родителей. Дактилоскопические и антропометрические исследования никаких инте-

ных результатов не дали. Несколько более пригодные для разрешения вопроса принадлежности ребенка результаты дало изучение строения лица членов обоих семейств, при котором выяснилось, что по чертам лица и общему облику ребенок Р. Н. гораздо больше подходит в семью П, а ребенок А. П. — в семью Н. Однако решающим доказательством явилось исследование групп крови, проведенное автором по макроскопическому методу Шиффа и микроскопическому Латтеса-Доминичиса. Ниже приводится таблица результатов определения групп крови.

Семья Н.	Семья П.
Отец Л. 31 г. В	Отец Х. 51 г. В
	Мать М. 46 лет О
Мать Ф. 33 л. А	Ребенок Р. 18 л. О
	Ребенок П. 17 л. О
Ребенок Р. 6 л. О	Ребенок А. 8 л. В
Ребенок 1 г. О	Ребенок А. 6 л. АВ

Из таблицы следует: 1) что А. П. не может происходить от родителей Х. и М. П.; 2) что М. П. не может быть матерью ребенка А. П.; 3) что ребенок А. П. может происходить от родителей Л. и Ф. Н. и, наконец, 4) что ребенок Р. Н. может происходить от обеих пар родителей.

На основе результатов определения групп крови в совокупности со сходством и другими факторами, например, с показаниями свидетелей, что в данном родильном доме часто имеют место замены детей, суд присудил ребенка А. П. родителям Л. и Ф. Н.

В Лагуна (Польша) пришлось разрешить следующий случай по поводу алиментного процесса: мать двух родившихся в 1925 г. близнецов подала заявление в суд, указывая, как на отца, на гражданина, с которым она имела сношение два раза — в мае и сентябре 1924 года. Ответчик признал лишь одно сношение весной 1924 года, не позднее апреля месяца. В мае 1930 года было произведено исследование крови заинтересованных лиц в институте в Познани по методу Шиффа. Свойства эритроцитов определялись с помощью сывороток различных происхождений.

Кровь матери, предполагаемого отца и одного из близнецов принадлежала к группе А, второго близнеца — к группе АВ. Таким образом, результат оказался в несоответствии с законом наследования, согласно которому у родителей А могут быть дети или тоже А или О. Всякий отклоняющийся от схемы наследования подобный случай допускает две возможности: или оба близнеца происходят от одного отца, но не от ответчика, или каждый близнец является ребенком другого отца при условии быстро последовавших друг за другом сношений с разными лицами.

В Государственный научно-исследовательский институт судебной медицины НКЗдрава от органов расследования происходит непрерывно увеличивающийся приток вещественных доказательств для разрешения «индивидуальной диагностики крови» в уголовных делах. Мы выполняем эти задания и во многих случаях успешно.

Таким образом, практически решение ученого медицинского совета 1929 г. о недопустимости применения исследований групп крови в уголовных делах в настоящее время жизнью уже не оправдывается.

И в этом вопросе взаимоотношения между судебно-медицинской экспертизой и органами расследования вполне ясны.

Иначе обстоит дело с исследованием групп крови в алиментных процессах, ибо народные суды, руководствуясь вышеприведенными постановлениями НКЮста и Верховного суда, в огромном большинстве случаев отказывают заинтересованным лицам в производстве исследований.

В случаях спорного отцовства кровь берется у ребенка, матери и предполагаемого отца (или отцов) с соблюдением специальных правил. Если все заинтересованные в экспертизе находятся в Москве, взятие крови производится в лаборатории исследования вещественных доказательств Государственного научно-исследовательского института судебной медицины. В случаях проживания где-либо на периферии, кровь берется местным судебно-медицинским экспертом или врачом ближайшей больницы (амбулатории) и пересылается в институт.

В последнем определяются группы и типы крови матери, ребенка и предполагаемого отца (отцов), причем следует отметить, что техника исследования здесь гораздо проще, чем при экспертизе пятен крови.

Выводы об отцовстве делаются на основании существующих правил наследования групповых и типовых свойств. В отношении наследования групповых факторов было предложено несколько теорий. Однако огромный фактический материал, накопившийся к настоящему времени, подтвердил лишь одну из них, а именно теорию геттингенского математика Бернштейна, которой теперь и руководствуются (у нас и за границей) при разрешении вопросов спорного отцовства.

Не вдаваясь в сущность самой теории, приводим в таблице только окончательные ее выводы.

Группы крови родителей	Группы крови детей	
	Могущих произойти от этого брака	Не могущих произойти от этого брака
О × О	О	А, В, АВ
О × А	О, А	В, АВ
О × В	О, В	А, АВ
О × АВ	А, В	О, АВ
А × А	О, А	В, АВ
В × В	О, В	А, АВ
А × В	О, А, В, АВ	—
А × АВ	А, В, АВ	О
В × АВ	А, В, АВ	О
АВ × АВ	А, В, АВ	О

Допустим, при исследовании установлено, что мать имеет I группу крови — $O\alpha\beta$, отец гр-н Х — вторую — $A\beta$, ребенок — первую группу $O\alpha\beta$.

Сообразуясь с правилами наследования групповых свойств, заключаем, что в данном браке может родиться ребенок с группой крови $O\alpha\beta$. Поэтому исключить отцовство гр-на Х не представляется возможным. Категорически утверждать, что именно гр. Х является отцом этого ребенка, также нельзя, так как любой человек с группой крови $O\alpha\beta$, $A\beta$ и $B\alpha$ может быть его отцом. Поэтому в подобных случаях экспертиза крови мало помогает суду.

Но возьмем другой пример: отец гр-н У относится к группе Oαβ (первой), мать — A β (второй), а ребенок — Bα (третьей). Здесь исключается отцовство гр-на У и можно определенно сказать, что не он, а кто-то другой является отцом данного ребенка.

В настоящее время там, где не помогают группы крови, существенную поддержку оказывают факторы M и N.

Латтес в своей работе «Кровяные группы в судебной медицине» приводит таблицу, объединяющую исследования наследственности этих свойств, проведенные самим автором, Левиным, Шиффом, Винером и Вейсбергом, Томсеном и Клаузеном, Блауроком, Майзером, Кроме, Николети, Ишдзу.

В работах перечисленных авторов изучено наследование типов крови в отношении очень большого количества семейств, что составляет базу для применения факторов M и N в судебной медицине.

Майзер указывает, что наследственность свойств M и N сейчас настолько прочно установлена, что может считаться естественным законом M и N и наследуются следующим образом:

Типы крови родителей	Типы крови детей	
	Могущих произойти от этого брака	Не могущих произойти от этого брака
M × M	M	N, MN
N × N	N	M, MN
M × MN	M, MN	N
N × MN	N. MN	M
MN × MN	M, N, MN	—
M × N	MN	M, N

Так например, если мать относится к типу M, ребенок — к типу N, а предполагаемый отец к типу MN, то можно совершенно определенно сказать, что он не является отцом этого ребенка.

Открытие подгрупп второй и четвертой групп крови еще более расширяет перспективы.

Установлены следующие правила наследования свойств A_1 и A_2, A_1B и A_2B:

1) A_1 не может появиться у детей, если оно не существует у одного из родителей: в то время как A_2 может иметь место в любом браке с родителем A.

2) Комбинации: $A_1B \times O$; $A_1B \times B$ и $A_1B \times A_1B$ исключают возможность ребенка A_2.

3) Комбинация $A_2 \times A_1B$ дает место исключительно детям A_1 и A_2B (сверх того, естественно, детям B).

4) В браках, где родители не относятся к подгруппе A_2 и имеется ребенок A_2, остальные дети не могут быть O; без сомнения, в этом случае родитель должен иметь кровь типа A_1 A_2, который исключает возможность ребенка O.

Мысль авторов идет все дальше, и уже есть попытки еще более уточнить диагностику вопроса спорного отцовства путем использования количественных различий в склеивании эритроцитов (агглютинации).

Так, Москов на основании своих многочисленных исследований пришел к выводу, что дети наследуют от своих родителей не только принадлежность к группе, но и агглютинационную способность наследованных факторов.

Наследование чувствительности свойств A, B, M и N позволяет исключать отцовство тех лиц, которые по принадлежности к группе крови могли бы быть родителями данного ребенка. Исключение происходит в том случае, если унаследованный ребенком агглютиноген отличается в смысле чувствительности от такого же агглютиногена предполагаемого отца. Исключение возможно также произвести с большой долей вероятности при нескольких возможных по своей групповой принадлежности отцах, так как в этом случае следует признать отцом того, чей агглютиноген по чувствительности совпадает с унаследованным ребенком агглютиногеном.

В отношении процента возможности исключения отцовства приводим теоретические и практические выводы различных авторов:

Шифф и Уарин считают, что при четырех группах возможность исключения ложного отца колеблется от одного на шесть, до одного на девять.

Латтес указывает, что открытие агглютиногенов M и N доводит эту возможность до 1 на 3.

Витебский и Винер дают такие же цифры.

По требованиям суда и прокуратуры научно-исследовательский институт судебной медицины провел 25 экспертиз, не считая исследований, прошедших в порядке научной разработки вопроса, из них 23 по алиментным делам и 2 по поводу замены ребенка.

При этом необходимо отметить, что в начале нашей работы мы использовали только свойства A и B, в настоящее же время кроме них еще M и N. Подгруппы 2 группы и типы агглютинации нами не учитывались.

Позволим себе изложить экспертизы с положительными результатами:

1. Гр-н Г. подал заявление прокурору г. К. с просьбой пересмотреть решение народного суда «по делу непризнания фактического мужа его бывшей юридической жены Ш. отцом ее ребенка». В своем заявлении Г. категорически утверждал, что названный Ш. является действительным отцом ребенка его бывшей жены, что он сам записан отцом этого ребенка только как юридический муж и что он по целому ряду объективных и субъективных причин не мог быть отцом ребенка. Заявление Г. было подтверждено свидетельскими показаниями.

При исследовании крови всех трех заинтересованных лиц обнаружено: кровь гражданина Г. относится к группе Aβ (второй). Кровь гр-ки Ш. — тоже к группе Aβ (второй). Кровь ребенка — к группе Bα (третьей).

На основании этого отцовство гр-на Г. было исключено.

2. Гр. Максимова предъявила иск к гр. Митусову на содержание ребенка. Максимова, по ее словам, имела половую связь с Митусовым в начале июля 1934 г. Ребенок Вера родился 31 марта 1935 г. Были двойни. Вторая девочка умерла. Митусов вдовец, имеющий троих детей, половую связь с Максимовой отрицает. Указывает, что в 1931 г. жил в одной квартире с Максимовой, которая состояла домашней работницей у соседей. В 1933—1934 гг. проживал в том же доме, что и Максимова. Встречались случайно как жильцы одного дома. Митусов обращает внимание народного суда на то, что Максимова жила в одной комнате с гр. Дементьевым, у которого снимала угол. Дементь-

ев и Максимова половую связь отрицают. Дементьев женат, имеет двоих детей.

Митусов — служащий военного завода, Дементьев — штукатур.

При исследовании крови всех четверых установлено:

Кровь Максимовой относится к группе Аβ,
Кровь Дементьева „ „ „ Оαβ,
„ Митусова „ „ „ Оαβ,
„ ребенка Веры „ „ „ Аβ.

Таким образом мать и ребенок имеют одну и ту же группу крови — вторую (Аβ). В подобных случаях отцом может являться человек с любой группой крови. Кроме того, оба предполагаемых отца относятся к одной и той же группе — первой (Оαβ).

Само собой разумеется, никаких выводов об отцовстве по исследованию групп крови в данном случае делать не представлялось возможным.

Тогда мы обратились к исследованию типов крови.

Оказалось, что кровь гр. Максимовой относится к типу MN,
„ Митусова „ M,
„ Дементьева „ MN,
ребенка Веры „ N.

Согласно правилам наследования типов крови в браке, где один из родителей относится по крови к типу MN (Максимова), а другой — к типу M (Митусов) не может родиться ребенок типа N.

Следовательно Митусов не является отцом ребенка Веры.

В браках, где оба родителя имеют тип крови MN (Максимова и Дементьев), может родиться ребенок типа N. Поэтому исключить отцовство Дементьева не представляется возможным.

3. В 1936 г. семья Поповых подняла вопрос о подмене ребенка. По мнению Поповых их ребенок находится у Фоминых, а они воспитывают мальчика, принадлежащего последним. Гр. Попова указывает, что 8 июня 1934 года, когда они вместе с гр. Фоминой родили детей в родильном доме г. Белева, произошла замена, вследствие небрежности обслуживающего персонала. Первый раз ей принесли кормить ребенка действительно собственного, во второй раз — чужого, в третий — ребенка Фоминых. Несмотря на неоднократные заявления врачу, никаких мероприятий не было проведено. Возраст Владимира Фомина и Николая Попова — 1 год 11 месяцев.

Семья Фоминых не согласилась добровольно отдать своего единственного ребенка, и дело было передано в суд.

При исследовании крови всех шести заинтересованных лиц оказалось:

Кровь гр. Фомина относится к группе Аβ (второй)
„ „ Фоминой „ „ „ Оαβ (первой по Яноскому)
„ ребенка Фомина Владимира „ Аβ (второй)

согласно правилам наследования групповых факторов у родителей с группами крови Аβ с группой Аβ (второй).

Таким образом ребенок Владимир мог происходить от Фоминых.

Кровь гр. Попова относится к группе АВо (4 по Яноскому)
„ „ Поповой „ „ „ Оαβ (1 по Яноскому)
„ ребенка Николая Попова „ Аβ (второй)

У родителей с группами крови АВо (отец) и Оαβ (мать) может родиться ребенок с группой Аβ (второй).

Таким образом ребенок Николай мог происходить от Поповых.

Ввиду того, что дети Владимир и Николай имеют одинаковую группу крови — Аβ (вторую) и могли происходить из обоих семейств, вопрос о замене детей с помощью исследования групповой специфичности крови не был разрешен.

Тогда мы провели определение типов крови.

Было установлено, что кровь гр. Фомина относится к типу MN,
„ „ Фоминой „ „ „ MN,
кровь ребенка Владимира „ „ „ M.

Согласно правилам наследования типовых свойств крови у родителей с типами MN может родиться ребенок, относящийся к типу крови M.

Таким образом и по типам крови ребенок Владимир мог происходить от Фоминых.

Кровь гр. Попова относится к типу N,
„ „ Поповой „ „ „ MN,
„ ребенка Николая Попова „ MN.

В браке, где один из родителей относится по крови к типу N (отец), а другой — MN, (мать) может родиться ребенок с типом крови MN.

Следовательно ребенок Николай по типам крови мог происходить от Поповых.

У родителей же с типами крови N (Попов) и MN, (Попова) ребенок с типом M (Владимир Фомин) родиться не может.

Таким образом, было установлено, что ребенок Владимир Фомин не принадлежит к семье Поповых и претензии на него со стороны Поповых являются совершенно неосновательными.

Считая, что необходимо повысить удельный вес исследования групп и типов крови в гражданских и уголовных судебных процессах, мы 22 апреля 1935 года подняли этот вопрос перед ученым медицинским советом НКЗдрава.

В заседании расширенного бюро ученого медицинского совета было постановлено:

«Поставить перед НКЮстом РСФСР вопрос относительно принципиального пересмотра существующих циркулярных распоряжений НКЮ, фактически сводивших до сих пор на-нет возможность применения исследования групп крови в судебно-медицинской практике.

Считать желательным более широкое привлечение судебно-медицинской экспертизы как лабораторной, так и акушерско-гинекологической при разрешении алиментных дел по требованию любой из сторон или самого суда».

До настоящего времени изменений циркуляров НКЮста не последовало, и лишь единичные случаи спорного отцовства обеспечиваются судебно-медицинской экспертизой.

Это положение является совершенно недопустимым и требует скорейшего разрешения.

А. РАХЛИН

К вопросу о специфике работы военного следователя

Молодые следователи, поступающие на работу в Военную прокуратуру, обычно с трудом усваивают особенности следственной работы в условиях РККА. Это явление понятно. Могучий, сложный, своеобразный организм РККА, в системе которой находится военный следователь, накладывает особый отпечаток на всю его деятельность, начиная с руководства органами дознания, кончая деталями производства любого следственного дела.

Особая система отношений, особый порядок воинской службы, специфичность уголовных дел — все это требует от военного следователя безукоризненного знания службы, быта, воинских уставов, а также элементарного знания военного дела (тактики, инженерного дела, артиллерии, авиации и т. п.) в объеме, достаточном для ориентировки в любом, специфически армейском преступлении. Трудность заключается в том, что вопрос об особенностях следственной работы в РККА не нашел почти никакого отражения в юридической литературе. Это одна из наименее разработанных и вместе с тем одна из наиболее серьезных методических проблем. Вновь организованный при Правовой академии военно-юридический факультет еще не подошел, насколько мы знаем, к ее обсуждению. Мы считаем поэтому полезным наметить основные контуры этой проблемы хотя бы в короткой журнальной статье.

Специфика следственной работы в РККА определяется, прежде всего, особой ролью, которую прокуратура выполняет в Красной армии. Будучи строго централизованным аппаратом, неразрывно связанным с общепрокурорской системой, подчиняясь только прокурору Союза ССР, независимая от местного командования, военная прокуратура является вместе с тем одной из составных частей армейского политического аппарата. Так же, как и командование и политический аппарат РККА, военная прокуратура ведет борьбу за непрерывное повышение дисциплины, политико-морального состояния и боевой готовности РККА. Но в отличие от командования и политорганов военная прокуратура осуществляет эти задачи исключительно прокурорскими методами работы: организацией борьбы с преступностью, преследованием и предупреждением преступлений.

Круг работы военного следователя, как и военного прокурора, определяется прежде всего задачей укрепления РККА. Вся его деятельность строго подчинена выполнению этой задачи. Это накладывает на него ряд особых обязанностей.

Произведя расследование любого преступления, совершенного в РККА, военный следователь не ограничивается раскрытием преступления и разоблачением преступника. Он идет дальше. Он ставит перед собой вопрос: как это преступление могло совершиться в РККА, каковы его причины?

Мы знаем, что в отличие от армий капиталистических стран, ни в самой Красной армии, ни в условиях ее комплектования и развития не заложено никаких органических пороков, которые могли бы неизбежно вызывать преступность. Мы знаем также огромную силу ведущейся в РККА партийно-воспитательной работы. Если при этих условиях мы сталкиваемся в Красной армии с тем или иным преступлением, то мы обязаны поставить перед собою вопрос: почему оно было допущено, не кроются ли некоторые корни его в недостатках того или иного звена армейского аппарата, какого именно звена, не было ли благоприятствовавшей преступлению обстановки? Ответ на эти вопросы может дать иной раз командованию и политорганам ценный материал для устранения установленных расследованием недостатков, т. е. для дальнейшего укрепления боевого могущества РККА.

Совершенно особенным, специфическим, свойственным только организации вооруженных сил, является самый характер воинской преступности; таковы, например, преступления мирного и военного времени: неисполнение приказания и, особенно, наиболее опасная его групповая форма (ст. 2 Положения о воинских преступлениях), оскорбление подчиненного или начальника (ст.ст. 5 и 6), дезертирство (ст. 7), членовредительство и симуляция болезни (ст. 12), нарушение уставных правил караульной и внутренней службы (ст.ст. 15 и 16), а также преступления, которые могут быть совершены только в боевой обстановке: сдача неприятелю (ст. 20), самовольное отступление начальника от отданных ему для боя распоряжений (ст. 21), самовольное оставление поля боя (ст. 22) и т. д. Методика расследования этих преступлений (особенно в условиях боевой обстановки) в литературе еще совершенно не разработана. Сжатые методические установки Главной военной прокуратуры дают только самую общую ориентировку военному следователю. Теперь уже назрела необходимость выпуска специального пособия типа учебника. За 14 лет существования военной прокуратуры накопился опыт расследования специфически армейских дел. Надо его обобщить.

В условиях армии специфично, однако, не только расследование воинских преступлений. Расследование и общеуголовных преступлений, если они совершаются в РККА, имеет ряд особенностей, с которыми военный следователь обязан считаться. Доступ в военный городок или на территорию военного общежития, например, открыт только для лиц, имеющих особые пропуска. Выход из этой территории тоже регулируется специальными правилами. Если на территории военного городка произошло, скажем, хищение какого-нибудь имущества, то расследование этого преступления требует ясного представления об обязанностях и порядке смены часовых и дневальных, в частности — вооруженного дневального у ворот, условий и порядка охраны и хранения данного вида имущества, правил, регулирующих отпуск людей за ворота и вынос имущества, требует элементарного знания служебного

положения и круга ведения начальников и подчиненных, ответственных за имущество и т. д. Это расследование, с другой стороны, осложняется тем, что в ряде случаев, особенно в небольших, отдаленных от культурных центров гарнизонов, где нет уголовного розыска, следователю и дознавателю приходится выполнять, а, стало быть, и знать самые разнообразные розыскные действия. Именно военному следователю, больше, чем любому другому следственному работнику, необходимо крепко овладеть научными приемами и методами розыска. Во всяком случае, расследование общеуголовных преступлений в условиях РККА представляет деятельность, существенно отличающуюся от деятельности территориального следователя.

Надо также учесть, что в боевой обстановке, на маневрах, на отрядных учениях боевые части и тылы войсковых соединений следуют по определенной, твердо установленной командованием системе. Следователь, не знающий системы организации марша и отдыха, не знает своего места, не попадет в необходимый момент в нужное место, а если и попадет, то, не зная своеобразных условий походной обстановки, не сумеет приспособить своей работы к движению части и может эту работу провалить.

Особо следует остановиться на сложившейся в армии системе отношений между людьми. Суровая революционная дисциплина РККА, основанная на ясном осознании командирами и бойцами своего революционного долга перед Родиной, пронизывает весь порядок, весь строй армейской жизни. Одна из основных задач воинской дисциплины это — всемерное укрепление авторитета и ведущей роли командира, ибо командир ведет свою часть в бой. Этим требованием определяются и особые задачи военного следователя.

Отношения свои с командованием военный следователь строит таким образом, чтобы не только не уронить авторитета командного состава, но и всячески его укреплять и поддерживать. Военный следователь руководит органами дознания — дознавательной работой командира и комиссара полка. В этой работе следователь избегает дергания командира, опеки над ним, способствует воспитанию в нем волевых качеств, в то же время твердо добиваясь выполнения требования закона и помня, что указания его по производству дознания обязательны для командира.

Военный следователь может, по закону, вызвать любого командира и бойца воинской части на допрос. Разумеется, что этот вызов делается только через командира части. Дни и часы вызова выбираются с таким расчетом, чтобы не помешать боевой подготовке.

Следуя правилу об укреплении авторитета командира, военный следователь с величайшей осторожностью продумывает, назначает и проводит очную ставку между командиром и рядовым бойцом.

Можно привести десятки других примеров, характеризующих поведение военного следователя в отношениях с командованием. В журнальной статье всего не перечислить. Сделаем только еще одно замечание: речь идет о методах подготовки кадров военных следователей военного времени (следователи запаса). Мы думаем, что программа этой подготовки должна быть основана, главным образом, на изучении специфики работы в РККА. Это понятно, ибо кадры военных следователей запаса комплектуются из контингента территориальных следователей, знающих следственную работу, но не знающих или мало знающих обстановку работы в Красной армии.

Мы, разумеется, ни в какой мере не исчерпали проблемы специфики работы военного следователя, методики его работы в РККА. Она требует обсуждения и разработки. Мы ограничились только постановкой этой проблемы. Мы надеемся, что обсуждение ее найдет свое место на страницах «Социалистической законности».

В. ВЛАСОВ

Государственный обвинитель на судебной трибуне[1]

Судебное следствие закончено. Детально, шаг за шагом на судебном заседании исследовались обстоятельства конкретного дела, устанавливались факты, опровергались предположения, вырисовывалась картина имевшего место события и определялись отношения к данному событию привлеченных по делу лиц. Наступает ответственный период судебного процесса, когда подводятся итоги, делаются выводы и даются предложения. Внимание участников процесса, аудитории и суда приковывается к судебной трибуне, предоставляемой в первую очередь представителю государственного обвинения.

Мне много раз приходилось занимать эту трибуну. И каждый раз я переживал чувство особой приподнятости от сознания ответственности за каждую свою мысль, за каждое произнесенное с этой трибуны слово.

Судебная трибуна чрезвычайно ответственное место. Если каждая трибуна требует от выступающего конкретности, четкости определений и ясности предложений, то судебная трибуна повышает эти требования до максимума. От выступающего на судебной трибуне требуется реальный анализ всех обстоятельств дела, четкость и убедительность приводимых аргументов, отчетливая политическая и юридическая квалификация события, определение места и ответственности каждого из участников дела.

Впервые мне пришлось выступать на судебной трибуне по делу, по которому привлекалось 13 обвиняемых. Выступал я совместно с опытным прокурором т. К. Я только что окончил Институт советского права, теоретически ясно представлял себе свои задачи, неоднократно присутствовал на ответственных процессах, и мне казалось, что я вполне овладел техникой этого дела. Я тщательно готовился к процессу и к своему выступлению, «на-зу-

[1] Статья поступила в порядке конкурса, объявленного редакцией совместно с издат-вом.

бок» изучил дело, активно участвовал в процессе, составил себе подробный конспект речи. Я выступал первым и говорил 1 час 10 минут. После меня выступал прокурор т. К., который за 40 мин. сказал больше меня. Здесь, на практике, я увидел свои недостатки. Они заключались в том, что у меня не было образности, вследствие чего я был многословен и вместе с тем не так доходчив. Мне было указано также на чрезмерную монотонность голоса, усыпляюще действовавшего на аудиторию.

Не следует думать, что эта, так сказать, формальная сторона выступлений играет последнюю роль. Вялая, монотонная, сухая речь — скучна и не доходчива.

Каким путем я стал вырабатывать в себе необходимые качества для выступления с судебной трибуны? По совету одного своего знакомого я ежедневно прочитываю вслух передовую «Правды». Какое удовольствие получаешь от этого чтения! Четкие, сжатые, образные выражения, подкрепленные короткими но выразительными цитатами, простота языка, в то же время высокая культура и ясность — эти данные передовых статей «Правды», кроме их мобилизующего политического значения, являются неоценимым пособием к изучению построения образной речи.

Я считаю, что одним из основных качеств, которыми должен обладать каждый, кому приходится выступать с судебной трибуны, — это хорошее знание русского языка, сжатость, умение использовать образность, выразительная дикция и соответствующая интонация.

Совсем не плохо, когда государственный обвинитель, находясь на судебной трибуне, будет являться не только проводником революционной законности, но и проводником культуры речи.

Это, так сказать, «формальная» сторона. Но я ее считаю существенной для каждого выступающего с судебной трибуны. Я тут же хочу оговориться, чтобы меня не поняли превратно, я не имею вовсе в виду погоню за внешними эффектами, которые нетерпимы на трибуне советского суда. Но максимальное оживление речи — залог неослабного внимания к ней и наилучшей доходчивости.

Я знаю случаи, когда товарищи знакомятся с делом, по которому им предстоит выступать, только в процессе судебного следствия. Они считают «роскошью» предварительную наметку основных положений, составляющих «канву» речи. В результате этого с судебной трибуны приходится слышать в одном случае общие фразы, в которых тонет существо дела, и в другом — вместо итогового вывода — пересказ, иногда с искажениями того, что было на судебном заседании.

Одним из основных условий содержательного и по форме и по существу выступления с судебной трибуны является тщательное изучение этого дела еще до судебного следствия и активное участие в процессе судебного следствия. Я лично практикую выборки из более актуальных документов дела и обязательно обеспечиваю себя копией обвинительного заключения. В ходе судебного следствия я тщательно фиксирую у себя важнейшие моменты, выявляющиеся на суде, не полагаясь на одну только память. Таким образом к концу процесса у меня собирается полноценный и всесторонний материал. Еще в процессе подготовки к слушанию дела я составляю себе канву, основу речи, дополняемую фактическими материалами судебного следствия.

Вполне естественно, что для того, чтобы получить в процессе судебного следствия необходимый материал, нужно и к самому судебному следствию серьезно готовиться, чтобы знать кому и какие вопросы задавать, как и в какой последовательности эти вопросы ставить.

Свою речь я строю из четырех основных частей. Первая часть — политическая оценка существа дела; вторая — изложение установленных по делу фактов и их анализ; третья — характеристика обвиняемых и, наконец, четвертая часть — квалификация преступлений, совершенных каждым из обвиняемых, и требования государственного обвинителя.

У нас почти нет литературы по вопросу о речах с судебной трибуны. Техника этого дела совершенно не разработана и ждет своего мастера.

Практическими пособиями в этой области являются исключительно помещаемые в печати судебные отчеты по наиболее серьезным делам, в которых приводятся речи тт. Вышинского, Рогинского, Сегала. Пособия эти большой ценности, так как дают обильный материал к построению обвинительных речей.

Особенно богата, содержательна и ценна как пособие для практических работников речь т. Вышинского на процессе Семенчука и Старцева. Эта речь богата в смысле изучения приемов тончайшего анализа косвенных улик, составивших в данном случае как бы звенья цепи, умело сомкнутой в круг, из которого для обвиняемых не было выхода... Блестящий анализ косвенных улик в данном деле соединяется с глубочайшей по своему содержанию политической оценкой существа дела. Попутно в этой же речи т. Вышинский приводит обширный материал по вопросу о косвенных уликах и их доказательственной ценности, в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Эта речь должна явиться настольным пособием каждого, кому приходится выступать с судебной трибуны. Я не говорю уже о других, еще более ответственных, ярких по своему содержанию и по совершенству отделки, по исключительной убедительности, выступлениях т. Вышинского.

Государственный обвинитель — прокурор является представителем государственной власти, призванный наблюдать за точным исполнением законов.

Всякое нарушение требований закона есть не простое нарушение написанных статей и параграфов, а есть выступление против воли трудящихся масс, его руководящего авангарда рабочего класса и его партии, направленной к закреплению позиций социализма и к дальнейшему продвижению вперед — к коммунизму. Вскрыть политическую сущность рассматриваемого судом преступления, дать этому преступлению правильную политическую характеристику, наглядно и убедительно объяснить на основе материалов дела наносимый преступлением вред интересам социализма — такова основная задача государственного обвинителя.

Для этого выступающий на судебной трибуне прокурор должен повседневно работать над собою, тщательно изучать труды классиков марксизма, особенно отлично знать труды вождей партии и рабочего класса товарищей Ленина и Сталина. Изучение трудов товарищей

Ленина и Сталина, являясь базой для правильного политического анализа событий, есть в то же время школа, дающая непревзойденные образцы простоты языка и глубины мысли, краткости изложения и предельной ясности вопроса. Речи товарища Сталина являются классическими образцами насыщенности содержания, железной несокрушимой логики, плановости и в то же время исключительного использования художественной литературы, сравнений и эпитетов. Вот у кого слово является действительно могущественнейшим оружием, которое оголяет врага, срывает с него все фиговые листки и показывает его обнаженную мерзость — метко поражает убийственным сравнением и логикой фактов.

Государственный обвинитель на суде является не только стороной в процессе. Рассматривать его роль на суде исключительно с этой стороны было бы не совсем правильно. Государственный обвинитель на суде является в первую очередь представителем интересов государства, осуществляющим, как это и записано в сталинской Конституции СССР, «надзор за точным исполнением законов как учреждениями, так и отдельными должностными лицами и гражданами СССР». Поэтому знание законов СССР является первым и необходимым условием для выступления с судебной трибуны. Отлично знать законы, относящиеся к материальной стороне рассматриваемого дела, касается ли это уголовного преступления или вопросов гражданских правоотношений; не менее отлично знать и не допускать отступлений от установленного законом процессуального порядка рассмотрения дел — вот основная обязанность прокурора.

Одним из основных и центральных пунктов речи государственного обвинителя является анализ доказательств и аргументация улик против обвиняемого.

Ст. 319 действующего УПК обязывает суд основывать свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, но основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Ст. 112 сталинской Конституции Союза ССР устанавливает, что судьи независимы и подчиняются только закону.

Эти положения должны определять и содержание в данной части речи государственного обвинителя.

Прокурор должен кратко, сжато, четко и убедительно проанализировать все данные дела, рассмотренные в судебном заседании, чтобы восстановить реальную картину имевшего место события и отношения к нему обвиняемых, бьющую резкостью неопровержимых фактов. Он должен помочь суду разрешить первый и основной вопрос, возникающий при постановке приговора: «имело ли место деяние, приписываемое подсудимому, совершил ли именно он данное деяние» (ст. 320 действующего УПК).

В целом ряде случаев этот основной вопрос — самый трудный вопрос.

Для того чтобы суметь правильно осветить его, выступающий с судебной трибуны государственный обвинитель должен отлично знать учение о доказательствах.

Зачастую прокурорам приходится выступать по делам, либо целиком построенным на косвенных доказательствах, либо по делам, где косвенные доказательства играют исключительную роль.

Судебные органы неохотно принимают к своему производству дела, построенные на косвенных доказательствах. В частности подготовительное заседание судебно-уголовной коллегии Московского областного суда от 8/IX 1936 г. прекратило дело по обвинению ряда лиц, привлеченных к ответственности по ст. 59[3] УК, на основании целого комплекса косвенных улик только потому, что не приняло отдельные доказательства, вне связи их с другими уликами. Потребовался протест со ссылкой на известное место в речи т. Вышинского на процессе Семенчука и Старцева, где он сказал: «наличие в деле лишь косвенных улик создает громадные процессуальные трудности, но они неизбежны, с ними необходимо считаться, их нужно преодолевать», чтобы дело все же было принято к производству.

Вполне понятно, что такие дела должны ставиться на судебное разбирательство только при условии собирания в процессе предварительного следствия исчерпывающего материала и такого наличия косвенных улик, которые в своей логической связи окружают обвиняемых глухой стеной. Но когда такая цепь улик собрана — нет оснований отказываться от рассмотрения дела в суде.

Задачей государственного обвинителя по такому делу является: в процессе судебного следствия всесторонняя проверка имеющихся по делу доказательств, а на судебной трибуне их тщательный анализ и построение логически обоснованных выводов.

Мне недавно пришлось выступать по делу о симуляции хищения из склада. Симуляция была «оформлена» так убедительно, что только тщательное расследование следственных органов, основанное на целом ряде косвенных, но в своей совокупности убедительных доказательств — вполне изобличало симуляцию хищения заведующим складом. Последний упорно отрицал свою причастность к данному хищению. В конце концов под влиянием доказательств, против которых ему нечего было возражать, он вынужден был сознаться, что в данный день у него действительно кражи из склада не было, одновременно заявив при этом, что кража у него была совершена много ранее и симулировал он кражу с целью избавить себя от ответственности за образовавшийся в результате этой кражи недостаток имущества. Однако и приводимые им обстоятельства этой якобы кражи опровергались данными дела. Тщательное изучение дела, проверка доказательств в процессе судебного следствия и их анализ в речи с судебной трибуны дали возможность сомкнуть цепь улик, убедительно свидетельствующих о симуляции кражи в обоих случаях. Осужденный по этому делу заведующий складом отказался от кассации приговора. Убежденной оказалась и аудитория, приветствовавшая приговор.

Нельзя сказать, что дела, основанные на прямых уликах, вплоть до признания обвиняемого, не требуют тщательного анализа этих «прямых» доказательств.

Одним из важнейших моментов процесса является установление мотива преступления. Ведь хорошо известно, что в большинстве случаев, даже признаваясь в совершении преступления, преступник тщательно скрывает истинные мо-

тивы преступления, которые руководили им в момент совершения преступления. Зачастую признающийся в совершении того или иного преступления дает показания, рисующие его жертвой обстоятельств. На самом же деле он таким путем пытается скрыть истинные мотивы преступления и других участников его.

Перед прокурором в таких случаях стоит задача вскрыть сущность совершенного преступления, вскрыть действительную роль обвиняемого в совершенном им преступлении с момента подготовки, его поиски сообщников и орудий преступления и раскрыть попытки замести следы совершенного преступления, либо переложить ответственность на других лиц.

Государственный обвинитель должен дать ясный и убедительный ответ на вопрос: содержит ли данное деяние состав преступления и какое?

Судьи оценивают доказательства, как уже было сказано выше, по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. По вопросу об этом внутреннем убеждении в последнее время на страницах юридических журналов была оживленная дискуссия. Я лично целиком присоединяюсь к выводам т. Вышинского и считаю, что обстоятельная и содержательная по убедительности доводов речь государственного обвинителя с судебной трибуны может быть ценным пособием при оформировании совершенно объективного, основанного на трезвом анализе совокупности обстоятельств дела внутреннего судейского убеждения.

При анализе доказательств нельзя обходить отдельные обстоятельства, вскрытые в процессе следствия на том только основании, что они вносят диссонанс в стройную систему, созданную обвинителем. Эти моменты нужно объяснять, учитывая, что защитник может сделать их центральным пунктом своей речи. Прокурор Союза ССР т. Вышинский часто прибегает к этому приему, заявляя, например: «я считаю неправильным предположение, которое, как мне кажется, будет выдвигать защита...» и далее тут же опровергает его (Соцзаконность № 6, 1936 г. стр. 21).

Чрезвычайно существенный момент в речи государственного обвинителя — это характеристика обвиняемых. Преступление совершено конкретными лицами, и нужно показать, что представляют собою эти лица, каков политический, общественный и моральный их облик. Прокурор должен вскрыть причины, которые привели этих лиц к выступлению против законов советской власти. Личная ли корыстная заинтересованность, сознательная ли враждебность социалистическому строю, пережитки ли наследия прошлого, наплевательское ли отношение к обязанностям гражданина СССР, провозглашенным в сталинской Конституции, пренебрежение ли к элементарным правилам поведения и т. д. Выяснение этих обстоятельств наряду с показом действительного облика подсудимого поможет суду «бороться со всем тем, что мешает социалистическому строительству, воспитывать новую дисциплину труда, честное отношение к общественному долгу, уважение к правилам социалистического общежития» (из ст. 130 сталинской Конституции).

Очень важная и ответственная часть выступления государственного обвинителя с судебной трибуны — это юридическая квалификация преступления, совершенного каждым из подсудимых, и конкретные предложения государственного обвинителя по вопросу о мерах наказания. Все предшествовавшее этому моменту выступление уже дает необходимый материал. Остается кратко резюмировать, сослаться на соответствующий закон, предусматривающий это преступление, доказав, что именно данная статья уголовного кодекса квалифицирует данное преступное действие. Иногда возникает необходимость анализировать эту статью, чтобы показать, что именно эта статья, а не какая-либо другая, предусматривает данное преступление. Для этого требуется отличное знание Уголовного кодекса и вкладываемого в каждую его статью содержания.

Предложения государственного обвинителя о мере наказания должны исходить из совокупности доказанных преступных деяний, совершенных подсудимым, из оценки установленных на суде мотивов преступления, из учета распространенности данного вида преступлений и его особой опасности для интересов социалистического строительства в данный момент и из личности обвиняемого. Эти предложения должны быть обоснованы, иначе они не будут убедительны.

Речь государственного обвинителя закончена. Судебная трибуна представляется защитнику. Государственный обвинитель должен с неослабным вниманием прослушать речь защитника.

О роли защиты в суде в последнее время достаточно и авторитетно сказано. Права обвиняемого на защиту установлены ст. 111 сталинской Конституции Советского союза.

И государственный обвинитель, внимательно прослушав речь защитника и обнаружив в ней искажение материалов дела и т. д., должен в реплике всем этим высказываниям дать отпор, не выходя, разумеется, из рамок культурности.

Судебная трибуна — чрезвычайно ответственное место. Каждое слово, произносимое с этой трибуны, должно быть продумано, обосновано и целеустремленно.

Чтобы это было так, — нам нужно учиться, учиться и учиться.

В. ЗАЙЦЕВ

О городском и районном прокуроре

В новой великой сталинской Конституции СССР суд и прокуратура занимают целую главу. Это говорит за то, что в социалистическом устройстве и управлении нашего государства суду и прокуратуре Конституцией отводится особое место.

В статье 113 новой сталинской Конституции предусматривается, что «Высший надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР воз-

лагается на Прокурора СССР». Этот высший надзор за соблюдением советских социалистических законов прокурор Союза будет осуществлять через республиканские, краевые, областные и районные прокуратуры.

Следовательно, на территории республики, края, области и района соответствующий прокурор осуществляет надзор за соблюдением социалистической законности аналогично прокурору Союза, с той только разницей, что у нижестоящих прокуроров меньше масштаб прокурорского надзора.

Выделение прокуратуры из состава НКЮ в самостоятельный орган несомненно поднимает вес и авторитет прокуратуры, создает более стройную и четкую централизованную организацию прокуратуры сверху донизу.

Для выполнения столь ответственной и почетной задачи, возлагаемой новой Конституцией СССР на органы прокуратуры, как осуществление надзора за точным исполнением наших социалистических законов учреждениями, должностными лицами и всеми гражданами нашей социалистической родины, для органов прокуратуры должны быть созданы соответствующие условия.

Нужно сказать, что эти условия для органов прокуратуры были созданы и раньше. Достаточно вернуться и вспомнить замечательный документ, написанный собственноручно т. Лениным еще в 1922 году при организации советской прокуратуры на имя товарища Сталина «О двойном подчинении и законности», и мы будем иметь ясное и четкое представление о том, что прокуратура есть орган централизованный, работники прокуратуры назначаются, сменяются и перемещаются только вышестоящей прокуратурой, а следовательно подчиняются только вышестоящему прокурору, а не местным органам власти, что служит гарантией от нездоровых влияний на работу органов прокуратуры. Указание о прокуратуре как о централизованном органе твердо и неуклонно проводилось партией и правительством на протяжении всего периода существования советской прокуратуры. С принятием новой сталинской Конституции СССР возможности для работы прокуроров стали еще большими.

Согласно ст. 114 новой Конституции прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на 7 лет. Такого продолжительного срока назначения или выборов новая Конституция СССР не предусматривает ни для одного центрального или местного органа власти. Уже одно это говорит о величайшем значении, которое партией и правительством придается советской прокуратуре, что неизмеримо поднимает авторитет прокуратуры.

«Республиканские, краевые, областные прокуроры, а также прокуроры автономных республик и автономных областей назначаются Прокурором СССР сроком на пять лет». — Это предусмотрено ст. 115 новой Конституции, а ст. 116 Конституции предусматривает: «Районные прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет».

Вот законченная, стройная централизованная система организации органов советской прокуратуры. А если еще сюда прибавить ст. 117 Конституции, которая гласит: «Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняются только Прокурору СССР», то будет еще более понятно, какое важное место занимают органы прокуратуры в системе советского государственного устройства, когда вся централизованная система органов прокуратуры через прокурора Союза непосредственно подчинена Верховному совету и никаким другим органам.

В соответствии с тем местом, которое занимает прокуратура в системе советских органов, к органам прокуратуры предъявляются и очень большие требования. Органам прокуратуры новой Конституцией предоставляются большие права, но вместе с тем Конституция на них возлагает большие обязанности и тем самым требует от прокуратуры огромной ответственности за выполнение возложенных на нее задач.

В своей знаменитой речи 4 марта 1935 года на выпуске академиков Красной армии товарищ Сталин сказал: «Кадры решают все», кадры людей, овладевших техникой. Эти слова товарища Сталина полностью применимы к работникам прокуратуры и суда. В промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте мы имеем небывалые в истории человечества успехи потому, что у нас выросли новые кадры, выросли работники, овладевшие техникой, благодаря чему выросло стахановское движение в стране, выросли люди, которые выжимают из техники все, что возможно выжать, и при помощи овладения техникой продолжают двигаться вперед по пути новых завоеваний. Работникам прокуратуры и суда приходится выполнять свою работу без применения машинной техники. Однако без общих, политических и юридических знаний выполнять те грандиозные задачи, которые возлагаются на работников юстиции, невозможно.

Тов. Калинин в 1934 году в своем выступлении на юбилейном вечере Верховного суда СССР сказал: «Народный судья, районный прокурор, народный следователь — важнейшие звенья в борьбе партии за преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей» [1].

«От прокурора зависит направление каждого дела. Наш районный прокурор работает в довольно-таки сложной, трудной обстановке. Мы требуем и вправе требовать от прокурора, чтобы ни один невиновный не был привлечен к суду. Мы требуем от него такой постановки и такого обоснования обвинения, которые действительно помогли бы судье разобраться в деле. Мы требуем от прокурора такой постановки работы, такой организации борьбы за социалистическую законность, при которых каждый рабочий, каждый колхозник, каждое советское учреждение были бы гарантированы от бюрократических извращений, при которых каждый был бы уверен, что его законные права и интересы охраняются, что на страже этих интересов стоит специально поставленный Советской властью прокурор».

Чтобы выполнить предъявленные в настоящий период требования к судье, прокурору и следователю, нужно, чтобы они были политически и юридически образованными людьми. Вот почему т. Калинин в той же речи по-

[1] Сборник «10 лет Верховного суда Союза ССР». «Сов. законодательство», 1934, стр. 185 и 8.

ставил требование, ...«что судья должен обладать знаниями хотя бы в пределах Коммунистического университета; это должен быть человек, который своим личным поведением, своим отношением к работе заслужил доверие и авторитет, человек, который имеет большой общественно-политический опыт, умеет разбираться в людях, и я еще должен к этому прибавить — культурный человек».

Тов. Каганович на одном из совещаний прокурорско-судебных работников города Москвы и Московской области в 1935 году поставил требование перед работниками прокуратуры и суда, чтобы все они в ближайшее время имели среднее и высшее образование. Товарищ Сталин в своей знаменитой речи на I всесоюзном совещании стахановцев поставил задачу поднятия «уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда». И эти требования в первую очередь мы должны предъявить к самим себе, т. е. ко всем работникам прокуратуры и суда. Такие требования особенно становятся необходимыми, когда согласно сталинской Конституции СССР предстоит назначение краевых, областных и районных прокуроров и прокуроров АССР сроком на 5 лет, выборы нарсудей на 3 года, а членов край(обл)судов — сроком на 5 лет.

По указанию прокурора СССР т. Вышинского, Прокуратура РСФСР уже приступила к проведению подготовительной работы к назначению районных прокуроров. Подготовительная работа райпрокуроров должна быть проведена в течение ближайших трех месяцев. Работа эта большая и очень ответственная. Поэтому Прокуратура Союза и РСФСР в каждый край, область и АССР командирует своих представителей сроком на один месяц, на обязанности которых возлагается проведение этой подготовительной работы.

Выезжающие на места представители центральной прокуратуры на основе имеющихся материалов в краевых прокуратурах и прокуратурах АССР, характеризующих работу того или другого городского прокурора, на основе аттестационного материала, и других сведений, которые ими будут собраны, должны всесторонне изучить работников прокуратуры, проверить и дать оценку их работе. Однако основным условием для изучения работы городских прокуроров, для проверки их работы должно быть личное ознакомление выезжающих представителей центральной прокуратуры с работой городских прокуроров, путем выезда в районы и в города, проверка их работы на месте, беседы с ними, беседы с руководителями районных и городских партийно-советских органов и т. д. В необходимых случаях можно вызывать районных прокуроров в краевую, областную прокуратуру и проводить личные беседы с ними на основе имеющихся материалов о их работе в край(обл)прокуратурах, знакомиться с их работой.

Такую громадную работу провести одному представителю центральной прокуратуры будет не под силу. Поэтому в эту работу должны быть включены краевые, областные прокуроры, которые лучше знают работу городских и районных прокуроров, которые повседневно сталкиваются с их работой, руководят ею. Чтобы успешно выполнить эту работу в течение месячного срока, необходимо будет командировать в районы 5—6 работников из аппарата краевых (областных) прокуратур и прокуратур АССР.

При проведении этой работы необходимо установить теснейшую связь с крайкомами, обкомами и райкомами партии, необходимо добиться их помощи в изучении прокурорских работников. Но нужна не только в этом помощь со стороны парторганов. Основное — это, чтобы с помощью местных парторганов добиться прилива новых кадров прокуратуры. Для этого представитель центральной прокуратуры совместно с крайевыми (областными) прокурорами должны поставить перед крайкомами и обкомами партии в первую очередь вопрос о возвращении на прокурорскую работу бывших судебно-прокурорских работников, а когда этого будет недостаточно, добиться посылки на работу в прокуратуру партийцев, которые могут быть назначены городскими и районными прокурорами. С укомплектованием состава прокурорских работников дело обстоит в настоящее время не совсем благополучно. По отдельным краям, областям и АССР некомплект составляет 15—20% всего состава.

После проверки личного состава и назначения городских и районных прокуроров прокурором Республики неизбежно получится отсев, и неукомплектованность прокурорского состава еще больше увеличится. Ожидать пополнения прокурорских работников от Прокуратуры Республики не приходится, так как и там тоже нет никаких резервов. Вот почему теперь, в период подготовки к назначению районных прокуроров должны быть выдвинуты люди на работу районных прокуроров на месте.

Назначение городских прокуроров, согласно ст. 116 новой Конституции, будет производить прокурор Республики, с утверждением прокурора СССР. Поэтому изучение и проверка прокурорских работников на местах должна быть обязательно документирована. О порядке документации в период подготовительной работы Прокуратурой РСФСР уже разосланы соответствующие указания, разосланы материалы для заполнения, дано указание, как нужно их заполнять. По всей республике вводится единообразный порядок учета прокурорско-следственных работников. На каждого прокурора и следователя заводится личное дело как в Прокуратуре Республики, а также в прокуратурах краев, областей и АССР. Личное дело должно состоять из следующих документов: а) личного листка по учету кадров, заполняемого собственноручно прокурорско-следственными работниками; б) автобиографии, в) двух фотокарточек, г) копии приказа о назначении работника и д) аттестации-характеристики, составленной по установленной форме.

Кроме того для облегчения оперативной работы в прокуратурах краев, областей и АССР на каждого работника заводится за одним номером с личным делом должностная и алфавитная карточка.

Нужно навести надлежащий порядок в учетном хозяйстве прокурорско-следственных работников, а это легче всего будет сделать в подготовительный период к назначению райпрокуроров. Поскольку выезжающим на места представителям Центральной прокуратуры придется все время сталкиваться с учетными материалами, то следует подойти к этому делу вплотную и проверить, как налажен этот учет и если этот учет еще не налажен, потребовать

от помощника прокурора по кадрам наладить его немедленно.

Самый главный из вышеперечисленных документов — это аттестация-характеристика, которая должна составляться краевыми (областными) прокурорами и прокурорами АССР совместно с представителями Центральной прокуратуры. Схема этой аттестации-характеристики на места разослана, но тут не в схеме дело. Дело в том, чтобы все характеристики городских и районных прокуроров составлялись не на основе личных впечатлений того или другого работника, а на основе объективных показателей его работы, со ссылкой на документы, которые подтверждают как положительные, а также и отрицательные стороны в работе прокурора.

У нас уже имеется в прошлом опыт проведения аттестационной работы прокурорско-следственных работников. Однако, нужно прямо сказать, что этот опыт по абсолютному большинству краев, областей и АССР дал неудовлетворительные результаты. Недостатки прошлой аттестационной работы заключались, во первых, в том, что эта работа, вместо установленного приказом, прокурора СССР краткого срока, тянулась по некоторым краям и областям по 3—4—5 месяцев; во-вторых — в том, что многие прокуроры краев, областей и АССР недооценили значение этой важной работы, отнеслись к этой работе формально, зачастую составляли аттестации на работников не на основе объективных показателей, которые выписками из документов, характеризующих работу прокурора или следователя, а на основании личных впечатлений того или другого работника; в-третьих — в том, что эта аттестационная работа проводилась кабинетно, в большинстве случаев без выезда и проверки работы аттестуемого, аттестации не были объявлены аттестуемым работникам.

Чтобы не быть голословным, что это именно было так, приведем только несколько выдержек из аттестаций.

Вот аттестация одного из следователей Крымской прокуратуры.

«... в органах юстиции работает с 1918 года. Как следователь опытен и может быть оставлен на работе. Председатель Комиссии прокурор республики — Манатов». Что дает такая аттестация? Она ничего не дает, кроме доказательства несерьезного подхода со стороны т. Манатова к проведению аттестования своих работников.

Прокурором Омской области т. Раппопорт представлена аттестация одного райпрокурора следующего содержания:

«В органах юстиции работает с 1928 г. (нарсудья), член областного суда, районный прокурор с 1934 года). Работу выполняет удовлетворительно, политически развит, подлежит отчислению как служивший в белой армии. Пока можно оставить на работе, установив особый контроль». Интересно было бы узнать какой это «особый контроль» установил прокурор Омской области за этим работником.

Прокурор Кара-Калпакской АССР т. Нуржанов представил аттестацию на народного следователя Н. Н. В этой характеристике говорится: «политически малограмотен, но классово выдержан». Вы думаете, что Нуржанов собирается послать аттестуемого на учебу или снять с работы за малограмотность? Ошибаетесь — решение т. Нуржанова другое: «Подлежит выдвижению на работу райпрокурора».

Прокурор Ойротской автономной области т. Гольберг представил аттестацию на прокурора одного аймака: «... Обкомом ВКП(б) т. Н. Н. за систематическую пьянку дискредитацию прокуратуры с работы снят... У т. Н. Н. основной недостаток — это пьянка, при отсутствии этого вполне работать участковым прокурором может. Подлежит оставлению на работе следователя при условии, если т. Н. Н. в дальнейшем не будет повторять пьянство; при этом условии может быть после испытания переведен обратно на работу прокурором участка; при повторении же в дальнейшем пьянки безусловно будет исключен из партии и снят с работы в органах юстиции». Такая аттестация пожалуй больше всего аттестует самого облпрокурора — т. Гольдберга.

Или вот аттестация, представленная прокурором Хакасской автономной области т. Жаровым: «... прокурорскую работу знает, настойчив, но неповоротлив, требует постоянного подталкивания, недисциплинированный, без инициативен, авторитетом в Хакасской автономной области не пользуется. Как сын кулака подлежит немедленной замене с переводом из Хакасской области в другой район края». Как видно, по мнению т. Жарова, сын кулака, да еще, как он пишет в аттестации, неоднократно исключавшийся из партии, при переводе в другой район должен пользоваться авторитетом, поэтому он его и рекомендует перевести из Хакасской области.

Таких, с позволения сказать, аттестаций можно было бы процитировать не один десяток и не только по названным выше областям. Они имеются и по другим краям, областям и АССР, но и этих достаточно, чтобы сказать, как не надо проводить аттестование работников.

В характеристике городского и районного прокурора должно обязательно быть отражено, насколько правильно прокурор может организовать свою работу, в частности: прием посетителей, выезды в колхозы и на предприятия; практикуется ли им прием и разрешение жалоб на месте, правильно ли поставлен им учет и контроль и проверка исполнения. Для работы горрайпрокурора имеет значение и внешний вид помещения, оборудование камеры и т. д. Однако основная работа городского и районного прокурора — это надзор за точным исполнением законов учреждениями, организациями, отдельными должностными лицами, а также гражданами и борьба с преступлениями на территории района или города, где работает прокурор.

Оценка работы должна производиться главным образом по основным ее объектам, а именно руководство следствием, судебный надзор, общий надзор, рассмотрение жалоб и работа с общественностью. Тут нельзя отделываться общими фразами: эта оценка должна быть конкретизирована и работа должна быть оценена главным образом с качественной стороны, а это можно увидеть только по результатам работы аттестуемого, систематически изучая эту работу.

Городской и районный прокуроры — политические деятели. Они должны уметь делать политические выводы из своей работы, уметь поставить принципиальные вопросы перед местными руководящими органами, перед вышестоящими органами прокуратуры вплоть до прокурора СССР.

Именно на основе умения правильно разбираться в политических вопросах, умения своевременно поставить эти вопросы там, где это нужно, и добиться их правильного разрешения и должна базироваться общественно-политическая часть характеристики работника.

В интересах объективности на одном из совещаний прокурорских работников прокурор СССР т. Вышинский, касаясь аттестации прокурорско-следственных работников, совершенно правильно дал указание, чтобы аттестации и характеристики были объявлены аттестуемым работникам, и это указание т. Вышинского нужно выполнять при проведении подготовительной работы к назначению прокурорских работников.

После изучения работы прокурора, после составления на него характеристики, должна быть дана оценка его работы и высказано мнение прокурора края, области и АССР и представителя центральной прокуратуры о том, подлежит ли работник утверждению в должности прокурора, следует ли его продвинуть на высшую должность или переместить на низшую должность, или этого работника следует освободить от прокурорской работы.

Проведение подготовительной работы к назначению прокуроров и назначение их является большой политической кампанией, которая касается всей массы прокурорских работников. Поэтому к этому делу нужно отнестись со всей серьезностью, как к большому политическому делу, и провести эту работу нужно умело. В результате проведения этой работы нужно добиться того, чтобы вся масса прокурорских работников РСФСР еще больше была бы мобилизована на борьбу за социалистическую законность, за проведение в жизнь великой сталинской Конституции СССР.

В. МЫСЛОВ

О некоторых вопросах организационной работы

(*Заметки районного прокурора*)

Важнейшие задачи, поставленные партией и товарищем Сталиным перед органами прокуратуры, требуют, особенно в связи с утверждением сталинской Конституции, улучшения работы всех звеньев прокуратуры.

Работая несколько лет городским прокурором, я хочу высказать несколько соображений, на которые меня натолкнула практика.

Помимо ряда мероприятий по изучению, пересмотру, подбору кадров и т. п. мы полагаем, что основное заключается в широкой переподготовке районных прокуроров и следователей и организации учебы, совмещая ее с работой. Ведь до сего времени в областях при подборе в юридические школы для переподготовки руководствовались в значительной степени соображением о том, можно ли отпустить партийного товарища из района. Неплохо работающие районные прокуроры годами были лишены возможности попасть на переподготовку. «Нельзя оголять район» — излюбленный довод многих работников в ответ на просьбу об учебе. Добровольность учебы дома и выбора ее форм приводила к тому, что многие товарищи не учились.

Нужно сказать, что заочные отделения правовых институтов да и вышестоящие прокуроры не прилагали особых усилий к тому, чтобы переубедить этих товарищей и организовать их учебу.

Ценнейшее мероприятие Прокуратуры Союза — обязательная сдача юрминимума — было обесценено отчасти отсутствием учебников во многих местах, скоропалительным прохождением юрминимума и в отдельных случаях недостаточно организованной сдачей юрминимума.

Вышестоящие органы прокуратуры, как правило, до введения юрминимума не уделяли внимания вопросам подготовки и переподготовки кадров, считая это дело посторонним. Характерно, что автора этой статьи за все время работы, никто не спросил, занимается ли он где-нибудь, как учится, что читает.

Несмотря на общий политический и культурный рост наших кадров, он все же не может нас удовлетворить в связи с возросшими требованиями. Грустным анекдотом звучат такие факты, когда следователь областного центра на другой день после сдачи юрминимума «на хорошо» в частной беседе настаивает на том, что по новой Конституции будут функционировать съезды Советов, когда работник прокуратуры крупного городского центра не знает разницы между кассационным и надзорным производством; когда другой товарищ, услыхав разговор о Шекспире, заявляет, что кажется он «проходил» в 1933 г. по закону от 7 августа. Эти прорывы мы имеем потому, что гениальные указания товарища Сталина о работе с кадрами, их воспитании не были реализованы организационно в достаточной степени.

Для того чтобы решительно двинуть вперед дело кадров, нам кажется, во-первых, необходимо организовать учебу без отрыва от работы и переподготовку прокурорских работников. Нам представляется возможным и своевременным (учтя опыт других ведомств) ввести обязательную для всех работников прокуратуры, не имеющих законченного высшего образования, подготовку, выделив для этого, кроме свободного времени, дополнительно один день в шестидневку. Надо одновременно обеспечить возможность каждому из товарищей работать в системе заочного правового обучения, предъявляя это требование как обязательное.

Пора приступить к разработке и созданию юридического пособия для прокурорской периферии по образцу «юрминимума», в котором чрезвычайно сжато освещается ряд вопросов и были допущены, по нашему мнению, ошибки. Так, например, отсутствие хотя бы краткого объяснения социально-экономических корней оппортунизма в главе III учебника «Юрминимум» и даже объяснение причин оппортунизма «непониманием» (см. ч. I, стр. 15—16 «Юрминимума») вызвало законное недоумение работников при изучении книги.

Новое пособие, не превращаясь в «Энциклопедию юридических наук», должно быть капитальным трудом, излагающим достаточно полно основы уголовного права, уголовной политики, процесса и гражданского права и процесса равно, как и обязанностей прокурора по общему надзору. Потребность в таком издании весьма ощутима.

Нам кажется, что пора поставить обязательным условием также овладение художественной литературой, хотя бы в объеме программы средней школы. При выросшей сети домов культуры, клубов, библиотек и изменению объема работы (в сельских районах особенно) это никаких трудностей не представляет.

В каждой районной прокуратуре должна быть организована библиотечка, в которой кроме полного комплекта кодексов должна быть основная правовая литература. Каталог этой литературы должен вестись и храниться у секретаря прокуратуры, чтоб библиотека не разбазаривалась.

Следовало бы также, по нашему мнению, в каждой областной (краевой) прокуратуре организовать юридическую библиотеку и консультационный пункт, включив в штаты областных прокуратур библиотекаря-консультанта. Одесская областная прокуратура это сделала, но к сожалению, библиотека и консультант помощью работникам сельских районов еще не занимаются. Во-вторых, нам кажется, вопрос переподготовки следует поставить совершенно по-иному, обеспечив посылку на переподготовку не менее 25% районных прокуроров ежегодно, взамен вредной, неправильной тенденции на местах переподготавливать «не отходя района».

Основные формы переподготовки, по нашему мнению, должны быть две. Краткосрочные курсы-конференции сроком 5—10 дней в областных центрах (или «кустах» районов) с постановкой на них лекций или докладов и 3—6-месячные курсы переподготовки. Курсы-конференции, по нашему мнению, необходимо практиковать 2—3 раза в год, взамен водолейских общих совещаний, где отдается дань общая — достижениям и недостаткам. Это не устраняет конечно целесообразности созыва совещаний в тех случаях, когда они действительно необходимы. Затем нам представляется целесообразным перенесение курсов переподготовки, поскольку это возможно, в республиканские и краевые центры, что значительно повысило бы качество самой переподготовки.

Юридические школы очень часто не дают необходимой подготовки. Выпускник Одесской школы т. Г..., направленный на работу в городскую прокуратуру, обнаружил незнание основ законодательства о гражданском праве и процессе, этот товарищ не имеет представления об уставе сельхозартели. Поэтому целесообразно было бы реорганизовать юридические школы, удлинить в них срок обучения хотя бы до 2 лет и установить продолжительную стажировку выпускников.

Третье — необходимо, несмотря на трудности, связанные с лимитированием отпуска бумаги и т. п., решительно расширить издание и тиражи, выпускаемых издательством «Советское законодательство» кодексов и учебников по правовым дисциплинам. Попробуйте найти в книжных магазинах Николаева, Одессы действующие УК, УПК, ГК, ГПК, об этом нечего мечтать. За «Юминимумом» обращались в Московские, Ленинградские, Харьковские, Киевские книготоргующие организации, просили помощи у сектора науки НКЮ УССР, но даже слабого утешения не получили. После тщательных розысков в области было обнаружено 2 экз. «Криминалистики», 3 экз. «Курса уголовного процесса» Вышинского и Ундревича. Хочется расти, учиться, а учебников нет. Могут ли их заменить хорошие речи о необходимости учебы, о правовом образовании.

Необходимо отметить, что журнал «Социалистическая законность» является для нас незаменимым помощником. Из него мы черпаем информацию, знакомимся с новыми проблемами, задачами, суммированным опытом практической работы по краям, республикам. Очередного номера журнала мы ждем с нетерпением. Наше пожелание, чтобы журнал выходил более регулярно.

Кстати, на Украине в книжных магазинах предлагают полный комплект действующих кодексов РСФСР. Мы предлагаем в целях снабжения районной прокурорской периферии учебниками и кодексами ввести, как обязательное правило, приобретение их всеми районными прокуратурами Союза, поставив перед издательством вопрос о централизованной рассылке всем районным прокуратурам наложенным платежом новых изданий, рекомендованных к рассылке Прокуратурой Союза.

Четвертое — всю ответственность за обязательное обучение, заочное обучение и переподготовку кадров прокуратуры надо возложить на областных и краевых прокуроров. Это главное. Руководящие органы прокуратуры должны организовать учебу, помогать в ней, систематически проверять и контролировать ее ход. Республиканские и союзная прокуратуры периодически должны заслушивать доклады о состоянии кадров и работе с ними.

Кроме указанных выше мероприятий нам кажется целесообразным для улучшения подготовки кадров шире практиковать созыв совещаний отличников в республиканских прокуратурах и Прокуратуре Союза.

I всесоюзное совещание вынесло очень хорошее решение о том, чтобы низовых работников обязательно периодически командировать в центр на 1—3 месяца для повышения их квалификации. К сожалению, этот пункт забыт. между тем такие командировки значительно помогли бы районным прокурорам.

Трудно вспомнить приказ республиканской или союзной прокуратуры о товарищах, показавших хорошие образцы работы, зато в практике работы многих звеньев прокуратуры дисциплинарные взыскания отличались чрезмерным изобилием. Нам кажется, что поощрения работников за хорошие образцы в работе должны стать системой по образцу некоторых наркоматов, как Наркомтяжпром и др. Это не исключает строжайшей дисциплины, предполагая образцовую дисциплинированность работника, как один из элементов отличничества. Ведь небольшое поощрение, хотя бы извещение в приказе, действует ободряюще на работника, усиливает желание работать отлично, быть передовым. Пора иметь образцовые прокуратуры, мы их имеем и будем иметь значительно больше. Уместно вспомнить слова т. Кагановича Л. М. на XVII съезде ВКП(б). «Когда говорят, что нет у нас людей — это неправильно, люди есть и талантливые люди,

надо уметь их выдвинуть, поднять, поставить на надлежащее место».

О техническом аппарате прокуратуры у нас вспоминают редко, а ведь от его организованности, слаженности, четкости в работе зависит очень многое. Необходимо проводить также курсы-конференции техработников, ввести обязательную сдачу техминимума. Наконец вместе с ЦК Союза работников суда и прокуратуры необходимо поставить вопрос о подтягивании зарплаты техаппарата к уровню техработников других ведомств.

В заключение мы хотим сделать несколько замечаний о социалистическом соревновании в наших органах. Социалистическое соревнование, так мощно развернувшееся во всех отраслях социалистического строительства, в наших органах развито очень слабо. В наших органах существует недооценка социалистического соревнования, как могучего рычага социалистического строительства. В соревновании имеет место выдвижение явно неправильных лозунгов «ни одного оправданного», вместо «ни одного неправильно преданного суду», желание одним махом ликвидировать все недостатки путем походов, штурмов и т. п. В других случаях выполнение принятых обязательств никто не проверял, не контролировал.

Опыт Одесской областной прокуратуры, развернувшей соревнование в 1935—1936 гг. между районами, показывает, каких ощутительных результатов можно добиться при организации соревнования.

Мы полагаем, что социалистическое соревнование на лучшую работу, на лучшую прокуратуру может и должно быть организовано не только между районами и городскими прокуратурами, но и между областными и краевыми прокуратурами. Все дело в организации соревнования. Соревнованием должны руководить вышестоящие прокуроры; они, как правило, должны быть арбитрами соревнования. Ход соревнования нужно проверять, освещать его в бюллетенях, организовывать взаимопроверку принятых обязательств, подтягивать отсталых. Обязательства, принимаемые участниками соревнования должны быть конкретными, без общих фраз и должны поднимать работу на высшую ступень. Само соревнование должно проводиться без излишней шумихи, треска, не превращая его в парад, показное. Ведь оно требует длительной, серьезной и настойчивой работы.

Мы предлагаем объявить на 1937 г. социалистическое соревнование имени сталинской Конституции на лучшую работу всех органов прокуратуры во всех краях, областях, республиках, районах.

В своих заметках мы не стремились «объять необъятное», охватив все организационные вопросы прокурорской работы, не открывали новых «Америк». Мы сделали ряд замечаний и предложений по тем вопросам организационной работы, которые больше всего являются предметом обсуждения периферийных работников прокуратуры.

Величайший документ в истории человечества — сталинская Конституция — воодушевляет нас на новые победы, решительное улучшение нашей работы, повышение революционной бдительности, разгром всех врагов народа, охрану советского закона, улучшение всей организационной работы прокуратуры; приведение ее в соответствие с важнейшими политическими задачами прокуратуры поможет работникам прокуратуры — партийным и непартийным большевикам усилить свою работу, отдав все силы для выполнения почетных и ответственных задач, которые поставили перед нами партия и наш великий Сталин.

В. ПОКРОВСКИЙ

О некоторых нарушениях революционной законности в области налоговой политики

Прокуратура Союза, как правило, принимает жалобы на постановления налоговых органов только в том случае, когда они утверждены всеми вышестоящими административными инстанциями до Наркомфина Союза включительно. Поэтому до сведения Прокуратуры Союза доходят только такие искривления и перегибы в налоговой политике, которые не были своевременно исправлены наркомфинами союзных республик и Наркомфином СССР.

Однако на основании проверки даже тех сравнительно немногих налоговых дел, которые были по жалобам налогоплательщиков затребованы Прокуратурой Союза, можно сделать вывод, что в реальном проведении налоговой политики далеко не все благополучно, что налоговыми органами зачастую допускаются грубейшие нарушения революционной законности, которые исправляются только после вмешательства Прокуратуры СССР.

Свыше 90% поступивших в Прокуратуру СССР жалоб на налоговые органы было подано кустарями, отнесенными к 3 категории налогоплательщиков, которая предусматривает обложение нетрудовых элементов (торговцев, лиц, эксплоатирующих чужой труд и т. п.). Отсюда следует заключить, что нарушения и перегибы в налоговой политике допускались главным образом в отношении кустарей, несмотря на то, что целым рядом правительственных постановлений было предложено проявлять особую осмотрительность и осторожность при обложении налогами этой группы населения.

Между тем целый ряд опротестованных Прокуратурой Союза постановлений налоговых органов свидетельствует о том, что при разрешении некоторых налоговых дел не только не было проявлено такой осмотрительности и осторожности, но и были допущены в отношении кустарей грубейшие нарушения революционной законности. Последствия таких перегибов были в большинстве случаев весьма серьезны: с одной стороны, они влекли за собой разорение налогоплательщиков, вынужденных прекратить свое кустарное производство.

а с другой стороны — лишение их избирательных прав, выселение из занимаемых помещений и другие последствия, сопряженные с отнесением их к нетрудовым категориям населения.

Из числа выявленных Прокуратурой Союза нарушений революционной законности, допущенных налоговыми органами, следует отметить следующие:

Основанием к обложению служили не находившиеся в распоряжении налоговой инспекции твердые данные о характере подлежащего обложению предприятия или промысла, а предположения, не получавшие при проверке налогового дела подтверждения в собранных материалах.

Так например, Ухтомское райфо Московской области привлекло к обложению подоходным налогом за 1935 г. как кустарей, работающих на дому по починке примусов, граждан Прокофьевых — отца и двух сыновей — по норме доходности, установленной для этого вида промысла (7000 рублей для каждого из них в отдельности). Основанием к такому обложению послужило то обстоятельство, что один из сыновей Прокофьева при обследовании налоговым инспектором мастерской по починке примусов, содержимой в поселке Малаховке третьим сыном Прокофьева, находился в этой мастерской. Из этого факта налоговый инспектор пришел к выводу, что не только этот сын Прокофьева, но и живущие совместно с ним его отец и второй брат также занимаются починкой примусов. При проверке дела выяснилось, что починкой примусов занимается только один Прокофьев, который имеет регистрационное удостоверение, а другие его два брата и отец — сезонные рабочие, чинили водопровод в малаховской школе и вносили налоги из получаемого заработка. При обложении Прокофьевых налоговые органы, как это ни странно, не задали себе вполне естественного вопроса, могла ли работа четырех человек в одной мастерской по ремонту примусов в условиях сельской местности себя оправдать и хватило ли бы в Малаховке примусов, чтобы от починки их мастерская Прокофьевых могла получить за год 28000 руб. дохода.

При таком же полном отсутствии в налоговом деле конкретных данных, которые могли бы служить основанием к обложению налогами по третьему расписанию, кустари переводились из второй категории налогоплательщиков в третью, подвергаясь не только всем последствиям, вытекающим из отнесения их к нетрудовым категориям населения, но и зачастую уголовному преследованию за обман налоговых органов.

Характерно в этом отношении дело кустаря Шустермана, выбиравшего патент на починку старой одежды и продажу ее и обложенного Дзержинским райфо г. Москвы промналогом в процентном отношении к обороту и подоходным налогом по 3 категории. Основанием к такому обложению послужило предположение налогового инспектора о том, что Шустерман занимается скупкой поношенных вещей и их перепродает без всякой переделки.

Проверкой его налогового дела выяснилось, что это предположение налогового инспектора было основано на протоколе задержания Шустермана 13 марта 1935 г. на Ярославском рынке с двумя старыми пальто, одно из которых было мало ношеное и не требовало ремонта. После того как налоговой комиссией этот протокол был признан недостаточным для отнесения Шустермана к числу торговцев, и налоговому инспектору было предложено вернуть Шустерману отобранный патент и более детально изучить его промысел, налоговый инспектор, без какого бы то ни было обследования, составил 28 апреля 1935 г. второй протокол на Шустермана. Основанием к этому протоколу явилось то обстоятельство, что Шустерман, находясь на Ярославском рынке, подошел к гражданину, продававшему мало ношеное пальто и стал справляться о его стоимости. Этот, сам по себе не имеющий никакого значения факт, послужил, между тем, не только основанием к отнесению Шустермана к плательщикам налогов 3 категории, но и к возбуждению против него уголовного преследования за мошенничество, выразившееся в сокрытии от налогового обложения доходов, полученных от торговли.

В других случаях факты, на которых было основано обложение кустарей по 3 расписанию, не только не подтвердились при проверке их органами прокурорского надзора, но и выявились явно недобросовестные действия налоговой инспекции при составлении протоколов обследований кустарных промыслов, допросов свидетелей и т. п. актов.

Киевским райфо кустарь Ратнер был отнесен к 3 категории налогоплательщиков, ввиду того что налоговый инспектор при обследовании его кустарного производства по выработке синьки обнаружил у него два склада и установил применение им наемной рабочей силы. В подтверждение этих фактов в налоговом деле приведены были показания жены Ратнера и гр. Ланцмана. Между тем, произведенным по поручению Прокуратуры Союза прокурором г. Киева расследованием было установлено, что Ратнер для своего кустарного промысла пользовался лишь частью одного склада и наемной рабочей силы вовсе не имел. Жена Ратнера и гр. Линцман при допросе их в Киевской городской прокуратуре объяснили, что, давая показания в июне 1934 г. налоговому инспектору Петровского района г. Киева, они не ознакомились с содержанием составленного последним на украинском языке протокола, так как не знали украинского языка, и что их показания изложены налоговым инспектором в протоколе неправильно.

Примером того, насколько безответственно в некоторых случаях налоговые органы относились к проверке жалоб налогоплательщиков, может служить дело гр. Роскошенко, который Днепропетровским горфо был обложен налогами по 3 расписанию по доходам от огорода, обрабатываемого им при помощи наемной рабочей силы. По предложению Наркомфина СССР, Днепропетровским горфо была произведена дополнительная проверка факта применения Роскошенко при обработке огорода наемной рабочей силы, после чего постановление об отнесении Роскошенко к 3 категории было Наркомфином СССР утверждено. Последний в своем постановлении по делу Роскошенко сослался на то, что опросом 14 января 1936 г. ряда граждан того поселка, где жил Роскошенко, установлен факт систематического использования гр. Роскошенко в 1933—1934 гг. наемной рабочей силы и что поэтому жалоба гр. Роскошенко, утверждавшего, что применение им при обработке огорода наемного труда

носило единичный и случайный характер, не подтвердилась. Так как в жалобе, поданной в Прокуратуру Союза, гр. Роскошенко продолжал отрицать применение им при обработке огорода наемного труда и ссылался на грубейшие нарушения революционной законности при производстве Днепропетровским горфо дополнительной проверки по его делу, то Прокуратура Союза предложила Днепропетровской прокуратуре произвести расследование по жалобе Роскошенко. Расследованием этим было установлено, что Днепропетровский горфинотдел для дополнительной проверки налогового обложения гр. Роскошенко командировал в поселок им. Карла Маркса своего работника т. Садыко. Последний, прибыв в поселок, обратился к парторгу Трускевичу с поручением «подыскать» ему двух свидетелей, которые могли бы подтвердить факт применения гр-ном Роскошенко наемного труда. Одним из этих «подысканных» Трускевичем свидетелей был б. председатель местного сельсовета Мищенко, который в 1935 г. был осужден за дискредитирование власти, пьянство и присвоение описанного за налоговые недоимки имущества и находился с Роскошенко во враждебных отношениях. Второй свидетель — Слобаков даже не был опрошен Садыко. Его вызвал Трускевич, который, объяснив причину вызова, сам составил протокол его показания, записав в нем, что Слобаков неоднократно видел работавших в огороде Роскошенко посторонних лиц. При опросе Слобакова в Днепропетровской прокуратуре, он показал, что никогда в огороде Роскошенко наемных рабочих не видел и от показания, записанного Трускевичем, отказался.

Отнесение кустарей к третьей категории налогоплательщиков иногда налоговыми органами основывалось даже на таких фактах, наличие которых было отвергнуто вступившим в законную силу судебным решением.

Кустарь по производству восточных сладостей Куцураис был обложен налогами по 3 категории, ввиду поступивших в Одесский облфинотдел сведений о том, что Куцураис занимается не только производством и продажей кондитерских изделий своего производства, но и покупкой их у других лиц с целью перепродажи. При проверке налогового дела Куцураиса выяснилось, что сведения эти основаны на заявлении конкурента Куцураиса — владельца кондитерской мастерской Фрундзоло, который за ложный донос налоговым органам о покупке у него Куцураисом кондитерских изделий был осужден народным судом 4 уч. г. Одессы. Тем не менее и после приговора как Одесский облфинотдел, так Наркомфин УССР и Наркомфин СССР отказались отменить обложение Куцураиса по 3 расписанию. Только после вмешательства Прокуратуры Союза это обложение было отменено.

Кустарь — портной Макаров был Новосибирским горфинотделом отнесен к 3 категории налогоплательщиков ввиду применения им наемного труда в лице гр. Смышляева, несмотря на то что народный суд г. Новосибирска, рассматривая 7 декабря 1935 г. предъявленный Смышляевым к Макарову иск за сверхурочную работу, пришел к выводу, что Смышляев был совладельцем мастерской Макарова, а не наемным рабочим, и на этом отновании в иске Смышляеву отказал. После вмешательства Прокуратуры Союза Наркомфин СССР предложил Новосибирскому краевому финуправлению обложить как Макарова, так и Смышляева по доходам, полученным их портняжной мастерской, по 2 расписанию.

Размер полученного кустарем за окладной период дохода определялся налоговыми органами не всегда на основании твердых документальных данных, а основывался на произвольных расчетах налогового инспектора. Такого рода расчеты, как это было установлено при проверке дела кустаря Сорокина, служили основанием для переобложения кустарей за прошлое время, несмотря на то, что инструкцией Наркомфина Союза по применению положения о подоходном налоге разрешено производить переобложение только за один предшествующий год и то лишь при наличии документальных данных о размерах полученного дохода.

Доходность кустаря Сорокина, занимавшегося производством свинцовых пломб, исчислялась первоначально Дзержинским райфо по твердым ставкам, установленным для этого вида промысла Мосфинотделом (12 т. руб. в 1934 г. и 16 т. руб. в 1935 г.). После того, как в райфо поступили в марте 1935 г. из двух государственных магазинов сведения о том, что Сорокиным в 1934 г. было поставлено пломб на 98 527 р. 50 к., налоговые органы исчислили полученный им чистый доход в сумме 50 355 руб., причем при составлении расчета исходили не из установленного этими сообщениями оборота Сорокина в 98 527 р. 50 к., а из оборота в 170 000 руб. в год. Такой оборот был выведен на основании произвольно принятых налоговым инспектором показателей — емкости котла, в котором Сорокин плавил свинец, стоимости сырья, процент отходов и пр. При составлении расчета показатели эти несколько раз изменялись: в одном случае стоимость сырья принималась в 4 руб. за кг, а угар (отходы) в размере 16,6%, в другом случае стоимость сырья определялась в 2 р. 81 к. за кг, а угар в размере 28%. Исходя из установленного по таким расчетам дохода Сорокина в сумме 50 955 р., Дзержинское райфо не только обложило его налогами за 1935 г., но и переобложило за 1934 г., одновременно возбудив против него уголовное преследование за сокрытие действительных доходов. Так как переобложение Сорокина за прошлый год могло быть основано только на документальных данных, то, по протесту Прокуратуры Союза, Наркомфин СССР предложил Дзержинскому райфо обложить Сорокина за 1934 г. исходя из оборота в 98 527 р. 50 к., установленного справками магазинов госторговли о количестве поставленных им свинцовых пломб. Равным образом, по протесту Прокуратуры Союза, был отменен и приговор народного суда, которым Сорокин по возбужденному против него налоговыми органами делу был осужден по ч. 2 ст. 169 УК к двум годам лишения свободы.

Среди поступавших в Прокуратуру Союза жалоб особого внимания заслуживали жалобы кустарей, отнесенных по признакам применения ими наемного труда к 3 категории, в то время как пользование этими кустарями наемными рабочими носило случайный, временный характер, было вызвано необходимостью и допускалось в пределах, разрешенных законом. После вмешательства Прокуратуры Союза эти кустари облагались по 2 расписанию.

Кустарь-одиночка Горшкова, занимавшаяся изготовлением игрушек, на основании ее собственного заявления налоговому инспектору о том, что во время болезни она вынуждена была часть работы по изготовлению игрушек (их окраску) поручить другому лицу, была Ленинградским облфинотделом обложена по 3 расписанию, с одновременным возбуждением против нее уголовного преследования за сокрытие от налоговых органов пользования наемным трудом.

Несмотря на то что народным судом возбужденное против Горшковой дело было производством на основании примечания к ст. 6 УК прекращено, так как дача гр. Горшковой работы на сторону имела место один раз на незначительную сумму (4 рубля), налоговые органы, до вмешательства в это дело Прокуратуры Союза, отказывались отменить свое постановление об отнесении Горшковой к 3 категории.

Кустарь Чивенков Андреевским райфо г. Ростова на Дону был отнесен к 3 категории налогоплательщиков, ввиду применения им в его производстве по выработке клея наемных рабочих и ввиду пользования им фирмой «Слон», которой он якобы вводил в заблуждение заказчиков, полагавших, что они имеют дело с государственным предприятием. Проверкой налогового дела Чивенкова было установлено, что в 1934 г. у него работал родственник и притом не больше двух часов в день, а в 1935 г. в свободное от занятий время — ученик школы десятилетки Жиленко. В силу примечания к § 19 Положения о подоходном налоге, некооперированные кустари относятся ко 2 категории налогоплательщиков, если работают с одним наемным рабочим и если применение наемного труда вызывается условиями производства. И в налоговом деле Чивенкова имелись две компетентные экспертизы, пришедшие к единогласному выводу о необходимости применения в производстве Чивенкова наемного труда. Чивенков — изобретатель универсального клея склеивающего кожу, резину, дерево и фарфор — получил на свое изобретение заявочное свидетельство. По предложению Кожсиндиката, он организовал кустарное производство изобретенного им клея, имеющего большое значение для промышленности. Необходимое сырье Чивенков получал с фабрик Кожсиндиката, которому сдавал всю свою продукцию. При таких условиях вывод налоговых органов о том, что Чивенков, присвоив своему производству марку «Слон», вводил заказчиков в заблуждение, явно необоснован.

В налоговой практике встречаем искривления и другого порядка.

Наркомфин СССР неоднократно давал своим органам совершенно правильные разъяснения о том, что нельзя облагать налогами доходы, полученные от спекулятивной деятельности, так как такого рода обложение явилось бы в известной степени легализацией преступных действий, — спекуляции. Между тем, вопреки указанному разъяснению, наблюдались случаи обложения налоговыми органами доходов, полученных как от спекуляции, так и от другого рода преступлений, причем такого рода обложения утверждались всеми налоговыми инстанциями, не исключая и Наркомфина СССР.

Гр. Попов был обложен Шахтинским райфо налогами по доходам, полученным от спекуляции сахаром; завхоз Тульского металлообрабатывающего техникума Макарищев был обложен Тульским горфо по третьему расписанию по дополнительным доходам, полученным им от ростовщичества.

При проверке налоговых дел Прокуратурой Союза в ряде случаев устанавливается, что налоговые органы, меняя свою политику в отношении того или иного кустарного промысла, совершенно неправильно придавали своим распоряжениям в отношении этих промыслов обратную силу и незаконно на этом основании переоблагали кустарей за прошлое время.

Характерным примером таких незаконных действий налоговых органов может служить дело кустаря Голубовича, который в течение ряда лет занимался в Москве кустарным производством порошка для чистки бот, выбирая патент 1 разряда и уплачивая подоходный налог и культсбор по 2 расписанию. 4 января 1935 г. налоговый инспектор Дзержинского района г. Москвы объявил гр. Голубовичу, что производство его не может считаться кустарным, так как в таковом отсутствуют трудовые процессы, и что поэтому доходность его по этому производству будет облагаться не по 2, а по 3 категории. Ввиду такого предупреждения, гр. Голубович в тот же день прекратил производство порошка для чистки бот и сдал в райфинотдел патент. Через 2½ месяца после сдачи патента — в марте 1935 года гр. Голубович получил из Дзержинского райфо извещение о переобложении его за 1934 г. налогами по 3 расписанию, в связи с чем с него дополнительно взыскивалось 9.797 рублей подоходного налога и культсбора. Установив при порверке налогового дела Голубовича, что на протяжении 1927—1934 гг. налоговые инспектора неоднократно обследовали промысел Голубовича и за все время кустарный характер этого промысла не вызывал у них никаких сомнений, что на этом основании он облагался по 2 расписанию, и что в 1935 г. характер производства Голубовича по сравнению с предыдущими годами, не изменился, Прокуратура Союза опротестовала переобложение Голубовича за 1934 г. Одновременно по протесту Прокуратуры Союза, президиум Московского городского суда отменил приговор народного суда 11 уч. Дзержинского района г. Москвы от 10 февраля 1936 г., которым Голубович за обман государства, выразившийся в уплате налогов по 2-му расписанию вместо 3-го был по ч. 2 ст. 169 УК осужден к лишению свободы на 2 года, и дело о нем, за отсутствием состава преступления, производством прекратил.

К числу таких же грубых извращений налоговой политики должен быть отнесен практикуемый налоговыми органами пересмотр старых налоговых дел, окончательно разрешенных несколько лет тому назад, с привлечением к обложению совершенно новых лиц.

Примером может служить налоговое дело гр. Френкина. С мая 1925 года по 4 октябрь 1927 года гр. Френкин Борис был владельцем оптовой фруктовой торговли в г. Ленинграде. Закрыв торговое предприятие в октябре 1927 года, Френкин Борис причитающихся с него налогов в сумме 11 394 р. 44 к. не уплатил. За злостный неплатеж налогов Френкин Борис был Ленинградским горфинотделом привлечен к уголовной ответственности. При производстве по этому поводу Ленинградским уголовным розыском дознания было установлено, что хо-

тя Борису Френкину в его торговле помогал двоюродный брат Френкин Григорий, который, проживая в то время на юге, занимался заготовкой фруктов для торговли Бориса Френкина, однако он доходов от этой торговли не получал и единоличным владельцем таковой являлся Френкин Борис. По материалам указанного дознания Борис Френкин был предан суду по ст. 61 УК. В заседании особой камеры народного суда по налоговым делам г. Ленинграда от 27 декабря 1928 года на основании предъявленных Борисом Френкиным документов было установлено, что часть числящейся за ним недоимки Борис Френкин погасил и долг его налоговым органам составлял 6 016 рублей. Признав, что Борис Френкин злостно уклоняется от платежа недоимки, налоговая камера по ч. 1 ст. 61 УК приговорила его к штрафу в размере неуплаченного налога, то есть 6 016 руб., с заменой, в случае несостоятельности, одним годом исправительно-трудовых работ. Приговор этот вступил в законную силу и был приведен в исполнение. Через шесть с лишним лет после этого — в 1935 году Ленинградский горфинотдел стал производить расследование по поводу характера участия в торговле Бориса Френкина его двоюродного брата Григория Френкина, работающего инженером на одной из ленинградских фабрик, имеющего большой производственный стаж, и пришел к выводу, что последний в 1925—1927 гг. был совладельцем этой торговли. На этом основании Григорию Френкину было предъявлено требование об уплате недоимки по этой торговле, которая вопреки тому, что размер ее был налоговой камерой установлен в 6 016 руб., была исчислена в сумме 11 941 р. 95 к., а также пени в размере 4 551 р. 28 к. По протесту Прокуратуры Союза, указавшей, что через восемь лет после ликвидации торговли и уничтожения книг и других документов нельзя проверять факты, касающиеся этой торговли, а тем более признавать обстоятельства, отвергнутые судебным приговором, Наркомфин СССР отменил взыскание с Григория Френкина недоимки по торговле его брата.

К числу таких же недопустимых действий налоговых органов должно быть отнесено практикуемое ими отнесение кустарей к третьей категории налогоплательщиков по основаниям, не предусмотренным Положением о подоходном налоге.

Кустарь Сулла, занимавшийся в г. Одессе производством сладостей без применения наемного труда, был за 1933 г. и первый квартал 1934 г. дополнительно обложен налогами по 3 расписанию на том основании, что в письмах, адресуемых заказчикам, ставил штамп: «Кустарное производство сладостей Сулла». В пользовании такого рода штампом налоговые органы УССР усмотрели со стороны Суллы обман организаций, покупающих у него продукцию, которые якобы вводились этим штампом в заблуждение, полагая, что имеют дело с организацией обобществленного сектора.

Ввиду того, что в действующем законодательстве не содержится запрещения кустарям пользоваться штампом с обозначением их фамилий и производства, и что если бы даже было установлено незаконное пользование гр. Суллой неприсвоенным ему фирменным знаком с целью обмана заказчиков, то в таком случае это обстоятельство могло бы служить основанием к привлечению Суллы к уголовной ответственности, а не к обложению его по 3 расписанию, Прокуратура Союза опротестовала постановление налоговых органов по делу кустаря Суллы.

Прокуратурой Союза также было установлено, что налоговые органы начисляли пеню за несвоевременный платеж налогов в случаях, когда никакой в действительности задолженности за плательщиком не числилось. При этом пеня начислялась в размерах, во много раз превышающих основной налог. Взыскание пени, во много раз превышающей налоговые обложения, в большинстве случаев являлось совершенно нереальным и сводилось по существу, как это видно из нижеследующих примеров, к бюрократической переписке.

Бюро жалоб Наркомфина СССР постановлением от 20 декабря 1935 г. оставило без последствий жалобу гр. Бризгайловой на неправильное взыскание с нее Ульяновским горфо пени в сумме 12 645 руб.. за неуплату в срок недоимки по налогам за 1929 год.

Прокуратура Союза, ознакомившись с налоговым делом, установила, что Брызгайлова с 1927 года живя в г. Ульяновске, имела торговый патент. В июне 1929 г. торговлю гр. Брызгайлова ликвидировала и патент возвратила в местный финотдел. Никаких материалов в деле, указывающих на то, чтобы после сдачи патента у гр. Брызгайловой остались какие-либо налоговые недоимки по этой торговле, нет. В августе 1929 г. гр. Брызгайлова выбрала в Ульяновском горфо патент 1 разряда на сезонную торговлю картофелем и яблоками. Торговля эта продолжалась до конца сентября 1929 г. Оборот по этой торговле был налоговыми органами установлен в 14 тыс. рублей, и с этой суммы с Брызгайловой были начислены налоги. За неуплату последних в декабре 1929 г. был описан дом Брызгайловой, находящийся в г. Ульяновске. Так как торги на этот дом не состоялись, дом Брызгайловой был передан горкоммунотделу. По заявлению гр. Брызгайловой, дом был оценен в 4½ тыс. руб. Таким образом, с нее было перебрано около 3 тыс. руб., так как налоговая недоимка по торговле яблоками и картофелем выразилась в сумме 1 500 руб. В 1935 г., когда гр. Брызгайлова переехала в г. Куйбышев и когда, в связи с отменой неправильно начисленного на нее налога по новому обложению, надо было возвращать неправильно изъятое у нее в г. Куйбышеве имущество, Ульяновский горфинотдел предъявил к гр. Брызгайловой требование об уплате 12 645 руб. пени за несвоевременный взнос начисленного на нее по г. Ульяновску налога и обратил взыскание на имущество, описанное Куйбышевским горфинотделом и подлежавшее возврату гр. Брызгайловой. Ввиду того, что требование об уплате пени за недоимку являлось совершенно не законным, Прокуратура Союза опротестовала постановление налоговых органов по этому делу.

25 июня 1934 г. райфинотдел Московского района г. Ленинграда вынес постановление о принятии от гр. Куршина числящейся за ним недоимки, возникшей в связи с обложением его налогами по торговле за 1926—1927 гг., и освобождением его от уплаты пени по этой недоимке. Чтобы облегчить Куршину, который после ликвидации торговли поступил на ра

рогу в государственную торговую сеть, возможность уплаты недоимки, ему было разрешено реализовать самостоятельно описанное у него имущество. Куршин требование налоговых органов выполнил и всю числящуюся за ним недоимку в сумме 5 312 руб. внес в том же 1934 году. 16 декабря 1935 г., т. е. через 1½ года после того, как Куршин закончил свои расчеты с райфинотделом, последний, пересмотрев свое постановление от 25 июня 1934 г., предложил Куршину внести пеню за 1927—1935 гг. в сумме 126 000 руб. Отмену своего первоначального постановления о сложении пени райфинотдел мотивировал тем, что Куршин якобы произвел погашение недоимки в 1934 году не путем реализации имущества, а за счет имевшихся у него накоплений от б. торговли. Между тем указанная мотивировка, при проверке налогового дела Куршина, не подтвердилась. Из находящихся в деле материалов было установлено, что в 1934 г. до уплаты недоимки, у него имущества было на 4000 руб., а в 1935 г., после уплаты недоимки, осталось на 1100 руб. Ввиду этого и учитывая, что гр. Куршин как до 1925 г., так после прекращения торговли в 1927 г., все время работал по найму, и что взыскание пени в размере 126 000 руб. за налоговую недоимку в 5000 руб. к тому же полностью погашенную, нереально, Прокуратура Союза опротестовала постановление налоговых органов о взыскании с гр. Куршина пени.

Наконец к числу существенных, выявленных Прокуратурой Союза при проверке налоговых дел нарушений, должны быть отнесены незаконные отказы в возврате неправильно изъятого имущества.

Несмотря на признание высшими инстанциями неправильности налогового обложения и отмену его, налоговые органы зачастую отказывались возвратить налогоплательщику изъятое у него за неплатеж отмененного обложения имущество под предлогом пропуска установленного ст. 40 Положения о взыскании налогов годичного срока для возбуждения соответствующих ходатайств. Между тем, как это устанавливается из следующих примеров, ссылка на пропуск срока не находила подтверждения в материалах налогового дела.

Бюро жалоб Наркомфина СССР 28 февраля 1935 г. отказало гр-ке Луганской в возврате изъятого у нее 6 июня 1930 г. в г. Краснодаре дома за неуплату мужем подоходного налога, ссылаясь на то, что хотя обложение гр-на Луганского подоходным налогом и было в августе 1930 г. отменено, однако, гр-ка Луганская в течение годичного срока не обращалась с ходатайством о возврате изъятого у нее и переданного Коммунхозу дома, а потому и утратила право на возвращение его. При проверке Прокуратурой Союза затребованных из Краснодарского горфо налоговых дел гр. Луганских выяснилось, что постановление Кубанской окружной налоговой комиссии от 2 августа 1930 г. об отмене облжения гр. Луганского подоходным налогом ни ему, ни его жене не объявлялось. Находя, что при этом условии ссылка Бюро жалоб Наркомфина СССР на пропуск Луганской установленного ст. 40 Положения о взыскании налогов срока неправильна, Прокуратура Союза опротестовала постановление налоговых органов по делу гр. Луганской и предложила возвратить ей неправильно изъятый дом или стоимость такового по страховой оценке.

Бюро жалоб НКФ СССР 3 июня 1936 г. отказало гр. Барминой в ее ходатайстве о возврате переплаты в сумме 2500 руб., образовавшейся в связи с перерасчетом налогов за 1933 г. ее мужа Романова, умершего в сентябре 1933 г. Свой отказ Бюро жалоб мотивировало пропуском гр-кой Барминой установленного Положением о взыскании налогов годичного срока для подачи заявлений о возврате переплаты. Постановление это, по протесту Прокуратуры Союза, было отменено Наркомфином СССР, который предложил Мособлфинотделу возвратить гр-ке Барминой переплату ее мужем в сумме 2500 руб., так как последний при своей жизни не только в срок подал соответствующее заявление, но даже получил часть причитающейся возврату переплаты. Таким образом, вопрос о возврате гр. Романову переплаты был налоговыми органами разрешен еще при его жизни, а в настоящее время речь идет не о возврате переплаты, а о выдаче принадлежащих гр. Романову сумм его законной наследнице гр. Барминой. Поэтому в данном случае должна быть применена не специальная давность, предусмотренная Положением о взыскании налогов, а общегражданская давность, которая гр-кой Барминой не была пропущена.

Необходимо также отметить то упорство, с которым налоговые органы отстаивали свои явно незаконные постановления по обложению кустарей по 3 расписанию, прибегая, в целях оправдания незаконных действий, к изменению по нескольку раз мотивировки своего решения. Характерным примером такого рода произвольных действий может служить дело кустаря Розенберга.

Одесский горфинотдел переобложил последнего за 1934 г. налогами по 3 расписанию, мотивировав это тем обстоятельством, что Розенберг в феврале 1934 года при реализации в г. Челябинске своей продукции — книжек с папиросной бумагой — пользовался наемным трудом вояжера. Наркомфин УССР это постановление отменил, указав, что пользование Розенбергом услугами вояжера не находит подтверждения в материалах налогового дела. В октябре 1934 г. Одесский горфинотдел вновь переобложил Розенберга налогами по 3 расписанию, сославшись на этот раз на то, что последний в январе 1934 г. продавал свою продукцию Кунгурскому отделению Свердловского промторга через вояжера. Несмотря на то, что Розенбергом была представлена справка от Кунгурского промторга о том, что при продаже последнему продукции у него вояжера не было, Наркомфин УССР утвердил обложение Розенберга по 3 расписанию, указав в своем постановлении, что Розенберг незаконно присвоил своему производству фирменное наименование «Согласие». По жалобе Розенберга, его налоговое дело было пересмотрено Наркомфином СССР, который пришел к выводу, что Розенберг правильно отнесен к 3 категории налогоплательщиков, но уже по совершенно новому основанию, а именно сослался на то, что Розенберг при обследовании 1 июля 1934 г. его промысла показал, что он в день может выработать 50 пачек папиросной бумаги, по 30 книжек в каждой пачке, что таким образом работа Розенберга состояла лишь в резке бумаги фабрично-заводского производства и склеивании книжек, то есть в

незначительной доделке или переделке товаров чужого производства, а потому его промысел должен быть отнесен к 3 расписанию.

Принимая во внимание, что налоговые органы трижды меняли мотивы обложения гр. Розенберга по 3 категории, что факт пользования им трудом вояжера не находит подтверждения в материалах налогового дела, что незаконное присвоение Розенбергом фирменного знака, если бы таковое было доказано, могло бы влечь за собой привлечение его к уголовной ответственности, а не отнесение к 3 категории налогоплательщиков, что, наконец, мотивировка Наркомфина СССР не могла служить основанием для переобложения Розенберга за прошлое время, так как тем же самым промыслом он занимался непрерывно с 1931 года и при неоднократных обследованиях его промысла никогда налоговые органы не возбуждали вопроса о нетрудовом характере его производства и беспрепятственно выдавали ему патент на кустарный промысел, Прокуратура Союза опротестовала отнесение Розенберга к 3 категории налогоплательщиков.

Отмеченные искривления в налоговой практике говорят о необходимости усилить внимание органов прокурорского надзора на местах к этому вопросу.

Прокуроры обязаны уделять самое серьезное внимание жалобам на действия налоговых органов, проверяя закономерность этих действий и неуклонно добиваясь отмены тех из них, которые сопряжены с нарушением революционной законности.

Органы прокуратуры должны, однако, помнить, что их задачей является не только борьба с неправильным обложением трудящихся, кустарей, лиц свободных профессий, но и энергичная борьба со всякого рода попытками уклониться от налогового обложения недобросовестных людей.

Органы прокуратуры должны всемерно содействовать органам налоговой инспекции в борьбе со всякими попытками остатков враждебных советскому государству элементов нарушить советский закон и уклониться от своих обязанностей перед советским государством, не говоря уже о прямой обязанности органов прокуратуры беспощадно громить всяких спекулянтов, больших и малых.

В. МЕНЬШАГИН

Об извращениях при квалификации должностных преступлений

Советская власть и партия неустанно работают над укреплением революционной законности, повседневно совершенствуя ее как систему мер по охране социалистического строя. Одной из важнейших задач в борьбе за революционную законность является точное и неуклонное соблюдение советского уголовного закона, и, в частности, статей особенной части уголовного кодекса. Правильная квалификация тех или иных преступлений является одним из важнейших условий правильности осуществления нашей судебной политики, имеющей дело с живыми людьми, обязанной считаться с живыми интересами трудящихся, с интересами всего пролетарского государства.

Неправильная квалификация преступлений прежде всего дезориентирует органы юстиции, заставляя направлять их усиленное внимание не в ту сторону, в которую следовало. Так, очень часто, особенно в период проводившихся у нас так называемых ударных кампаний по борьбе с хулиганством, следственные и судебные органы, увлекаясь применениями ст. 74 УК, квалифицировали по этой статье такие опасные преступления, как убийство, тяжкие телесные повреждения и даже бандитские нападения, и тем самым ослабляли свое внимание в борьбе с наиболее опасными преступлениями против личности.

Неправильная квалификация преступлений приводит к целому ряду извращений судебными органами нашей политики в области наказания. Искусственно квалифицируя те или иные преступные действия по статьям о наиболее опасных преступлениях, суды совершенно необоснованно, как правило, в этих случаях повышают наказание и, наоборот, незаконно применяя статьи УК о менее опасных преступлениях, понижают наказание. Достаточно сослаться здесь на практику применения закона от 7 августа 1932 г., которая дала немало извращений в этой области. Наконец, неправильная квалификация преступлений приводит и к ложному представлению о состоянии преступности, поскольку уголовная статистика не отражает в таких случаях действительного движения тех или иных преступлений.

Казалось бы, то огромное значение, которое имеет правильная квалификация преступлений, должно быть очень хорошо известно всем работникам юстиции. К сожалению, это не так. «Немало, — как правильно отмечает передовая «Известий» от 8 октября 1936 г., — еще людей, сидящих за судейским столом, мерящих одинаковою мерою, подгоняя под трафарет свои протоколы, различные по своему характеру нарушения революционной законности, правил социалистического общежития и норм поведения».

В практике работы следственных и судебных органов за последние годы особенно часты и многочисленны случаи неправильной квалификации по должностным преступлениям. Здесь целый ряд самых разнообразных должностных преступлений совершенно необоснованно квалифицируется по статье 109 УК, т. е. как злоупотребление властью. Типичные растраты, взятки, обычная должностная халатность, служебные подлоги и т. п. — все эти преступления сплошь и рядом квалифицируются по всеобъемлющей статье 109 УК. Значительная часть дел с такой неправильной квалифика-

цией в кассационном ли порядке или же в порядке прокурорского надзора корректируется, определенная же их часть так и остается с незаконной квалификацией. При столь распространенном злоупотреблении ст. 109 УК становится понятным, почему по данным уголовной статистики четвертая часть, и даже большая, осужденных по должностным преступлениям приходится на осужденных по ст. 109 УК. Огромное число этих лиц в действительности совершили преступления, предусмотренные ст.ст. 111, 116, 117, 120 и другими УК; в силу же неправильной квалификации их действий судебными органами они попадают в число осужденных по ст. 109 УК. Совершенно искусственно, таким образом, снижается в показателях преступности число растрат, взяток, халатности и других должностных преступлений. Злоупотребление ст. 109 УК в судебной практике стало настолько общеизвестным, что всякий оперирующий с цифрами по должностным преступлениям всегда оговаривает неточность статистических данных, относящихся к различным видам должностных преступлений, имея при этом в виду главным образом квалификацию случаев растраты, взяток и халатности по ст. 109 УК [1].

Характерно, что неправильная квалификация должностных преступлений и, в частности, незаконное и без всяких оснований применение ст. 109 УК одинаково широко практикуется как органами расследования, так и судебными органами, причем очень часто и судами краевого и областного масштаба. Проиллюстрируем это несколькими, наиболее яркими примерами.

В обвинительном заключении, составленном Сасовским районным отделением милиции (1936 г.), по ст. 109 УК квалифицируются действия бывшего председателя сельсовета Степанова, выразившиеся в присвоении Степановым 268 руб. казенных денег, полученных Степановым от граждан деревни «Демушки» в уплату страховых взносов. Обвинительное заключение без изменения квалификации санкционируется райпрокурором.

Народным следователем Сокольнического района г. Москвы по ст. 109 УК квалифицируются действия обвиняемого Николаева, заключающиеся в том, что Николаев, будучи судебным исполнителем, присвоил 2065 руб. казенных денег, собранных им по исполнительным листам с ответчиков. Обвинительное заключение по делу Николаева без изменения квалификации санкционируется прокурором.

Народный суд 1 участка г. Фрунзе приговаривает граждан Боровикова и Гриценко: первого по ст. 109 УК, а второго по ст.ст. 109 и 111 УК за то, что Боровиков, будучи должностным лицом, присваивает 1061 руб., а Гриценко растрачивает 450 руб. казенных денег. КК главного суда Киргизской АССР приговор оставляет в силе, соглашаясь с квалификацией преступлений Боровикова и Гриценко по указанным выше статьям.

Все эти примеры, — а их можно было бы привести большое количество, — показывают, что типичная должностная растрата квалифицируется по ст. 109 УК. Наиболее часто встречающиеся случаи растрат, неправильно квалифицируемые по ст. 109 УК, можно разбить на три основные категории. Первая — это растраты, сопровождающиеся подлогами, учиняемыми должностными лицами с целью сокрытия растраты. Здесь обычно вместо квалификации по совокупности по ст.ст. 116 и 120 УК, как двух самостоятельных преступлений, — присвоение или растрата должностным лицом казенных денег и совершение должностного подлога — применяется все та же ст. 109 УК, чем в значительной части смазывается своеобразие совершаемых должностных преступлений. Вторая категория — это присвоения и растраты, где предметом присвоения являются государственные деньги, поступившие в учреждение от различных взносов, платежей лиц и тут же присваиваемые должностным лицом. В этих случаях ошибочность квалификации проистекает от неумения отграничить обращение в свою собственность должностным лицом имущества, полученного им в результате злоупотребления властью (что было бы правильно квалифицировать по ст. 109 УК), от присвоения или растраты должностным лицом имущества, находящегося в его владении на законном основании, т. е. от типичной должностной растраты, присвоения — ст. 116 УК. И, наконец, третья категория — это растраты, где предметом посягательства являлись значительные денежные суммы. Вместо требуемого по закону в таких случаях применения ч. 2 ст. 116 УК — здесь нередко в настоящее время опять-таки фигурирует ст. 109 УК.

Однако злоупотребление ст. 109 УК не менее характерно и по делам о должностной халатности и бездействии власти. Вот несколько типичных примеров.

Сасовским районным отделением милиции по ст. 109 УК квалифицируется такое преступление обвиняемого Кузина: обвиняемый Кузин, работая мельником колхоза «Маяк труда» и имея у себя на хранении квитанционные книжки по сдаче гарнцевого сбора, держал их у себя на квартире в незапертом ящике стола. В результате небрежного хранения квитанционные книжки были похищены. О краже книжек Кузин не поставил своевременно в известность правление колхоза, что создало возможность хищения различными лицами продуктов с мельницы. Районным прокурором обвинительное заключение утверждается по ст. 109 УК.

Народным судом Старорусского района по ст. 109 УК осужден Михеев за то, что, работая кладовщиком колхоза «Большевик», он халатно относился к своим служебным обязанностям и, в частности, небрежно производил выдачу и прием зерновых культур, вследствие чего в кладовой оказался недостаток одних зерновых культур (пшеницы, ржаной муки) и излишек других (ржи, овса, гороха и др.). Отсутствие учета принимаемых и выдаваемых зерновых культур создало возможность хищения их из кладовой колхоза.

Ивлев и Леонович (Назаровский район Красноярского края) были привлечены и осуждены по ст. 109 УК за то, что первый, работая председателем колхоза, а второй бригадиром, допустили недоброкачественную уборку урожая, вследствие чего часть урожая погибла. Никаких корыстных моментов в их действиях не было. Как видим, во всех этих случаях типичная должностная халатность совершенно необоснованно квалифицируется по ст. 109

[1] См. напр. Шляпошников, Преступность и репрессия в СССР, Проблемы уголовной политики, вып. I, стр. 88—89.

УК. Объясняется это, однако, не только недостаточной юридической подготовкой работников следственных и судебных органов и неумением, как следствие этого, отграничить ст. 111 УК от ст. 109 УК. Практика неправильной квалификации должностных преступлений и, в частности, должностной халатности в значительной мере обусловливается и тем сугубо легкомысленным отношением к закону и, в частности, к Уголовному кодексу, которое проявляют в особенности отдельные работники милиции. К таким работникам больше, чем к другим, следует отнести бичующие слова товарища Сталина о людях, «которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков»... Вот образчик такого сугубо легкомысленного отношения к советским законам.

По делу Новикова, преступление которого заключалось в присвоении им 1809 р. 04 к. казенных денег, 34-е отделение милиции в первый раз применяет ст.ст. 111 и 116 УК. Во второй же раз, несмотря на то, что дослелование ничего нового не дало в смысле состава преступления, то же 34-е отделение милиции квалифицирует это же преступление по ст. 109 УК. И быть может еще показательнее то обстоятельство, что народный суд и в первый, и во второй раз соглашается с квалификацией, даваемой милицией. И это не случайное явление со стороны суда. Такой просмотр судами совершенно необоснованного и неправильного применения органами расследования ст. 109 УК является результатом явно не удовлетворительной работы подготовительных заседаний суда. Будучи призванными контролировать обвинительные заключения, распорядительные заседания суда вместо весьма тщательной и внимательной проверки материалов и в частности проверки обоснованности применения тех или иных статей Особенной части УК сводят свою роль к формальной, механической штамповке обвинительных заключений. Очень редки случаи, когда распорядительные заседания обращают свое внимание на неправильное применение ст. 109 УК. Суды таким образом нарушают элементарное правило, указанное п. «б» ст. 236 УПК, а также постановление президиума Верховного суда РСФСР от 16 января 1935 г. о необходимости рассмотрения судами в подготовительных заседаниях вопросов правильности квалификации преступлений. Часто подготовительные заседания суда пропускают дела с незаконным применением ст. 109 УК при участии прокурора и без протеста со стороны последнего; но о прокурорах и о прокурорском надзоре речь будет ниже. В практике имеют место случаи, когда подготовительные заседания, «вникая» в суть обвинительного заключения, начинают исправлять ошибки, связанные с необоснованным применением ст. 109 УК, но часто сами исправления свидетельствуют о весьма слабой подготовке самих судей.

Некто Колчев обвиняется в том (Грязнинское отделение милиции), что, работая в должности электротехника на строительстве Грязнинского спиртозавода и будучи направленным в Ленинград для закупки оборудования для завода, произвел растрату 12 785 руб. из находившихся в его распоряжении казенных денег. Районным отделением милиции преступление Колчева было совершенно правильно квалифицировано по ч. 1 ст. 116 УК. Народный суд в своем подготовительном заседании вынес следующее определение:

«Ввиду того, что обвиняемый Колчев совершил растрату 12 785 руб. и вместе с тем представил Грязнинскому спиртзаводу фиктивные счета, предать обвиняемого Колчева по ст. 116 ч. 2 и по ст. 109 УК». Если еще можно допустить здесь присоединение к ст. 116 ст. 120 УК о подлоге, поскольку Колчев представил фиктивные счета, то уже ст. 109 УК тут совсем не у места. Так исправил суд обвинительное заключение, представленное милицией.

Злоупотребление ст. 109 УК со стороны следственных и судебных органов идет не только по линии подмены этой всеобъемлющей статьей квалификации растрат, халатности, а и по линии совершенно искусственного присоединения ст. 109 в качестве «дополнительной» при квалификации отдельных должностных преступлений. Повидимому, там, где органы расследования и суды приходят к выводу, что без ст. 116 или ст. 111 УК обойтись при квалификации совершенно невозможно, они все же находят место для ст. 109 УК, присоединяя ее к ст. 116 и ст. 111 УК.

Новгородским районным отделением милиции в обвинительном заключении по делу Крылова по ч. 1 ст.ст. 109 и 116 УК квалифицируются следующие действия обвиняемого: Крылов, работая заведующим лавкой в системе орса Новгородского леспромхоза, присвоил деньги, принадлежащие орсу, в сумме 1675 руб. и, чтобы скрыть следы преступления, сослался на кражу из магазина. Прокурором обвинительное заключение утверждается без изменения квалификации.

В обвинительном заключении следователь Ногинского района по делу Грузнова квалифицирует по ст.ст. 109 и 116 УК такое преступление Грузнова: Грузнов, работая буфетчиком и кассиром сектора общественного питания Глуховского комбината, занимался систематическим присвоением вырученных буфетом от продажи продуктов денег. В течение 2½ месяцев Грузнов присвоил казенных денег на общую сумму в 8097 р. 96 к., после чего скрылся.

Приговором народного суда Новгородского района от 16 января 1936 г. по ст.ст. 109, 111, 116 УК квалифицируются следующие действия осужденного Александрова: Александров, будучи заведующим молочно-товарной фермой колхоза «Перелом» и пользуясь своим служебным положением, систематически присваивал деньги от продажи молока. Будучи снятым с работы в качестве заведующего фермой и назначенный бригадиром на той же ферме, Александров халатно относился к порученным ему обязанностям, вследствие чего была допущена порча льняного семени, картофеля и сена — всего на общую сумму в 2250 рублей.

Как видим, во всех приведенных случаях ст. 109 УК присоединена при квалификации преступлений совершенно необоснованно и незаконно. В первых двух случаях налицо имеется типичная растрата, т. е. ст. 116 УК, в третьем — халатность и растрата — ст. 111 и ст. 116 УК. Несмотря на это, во всех этих делах фигурирует все та же неизменная ст. 109 УК.

Невольно возникает вопрос, что же делают прокуроры, призванные наблюдать за правильным применением закона? Как они борются за устойчивость, твердость и непреложность советского закона? К сожалению следует кон-

статировать, что работа местных прокуроров в этом отношении далеко не на должной высоте. Подавляющее большинство дел с неправильным и необоснованным применением ст. 109 УК санкционируется прокурором без каких-либо изменений в части квалификации. Тов. Вышинский указывал, что «нужно преодолеть традицию, до сих пор к сожалению широко распространенную в среде прокурорских и судебных работников, в силу которой на утверждение обвинительного заключения смотрят как на пустую форму». Несмотря на это предупреждение, обращенное ко всем прокурорам, дела по должностным преступлениям с очевидностью показывают, что до сего времени санкции прокурора на обвинительном заключении носят бумажно-формальный характер и ни в коей мере не гарантируют правильности предъявленных обвинений. И это следует сказать не только про районных прокуроров, но и прокуроров краевого и областного масштаба.

Вот для иллюстрации пример такого формального утверждения прокурором обвинительного заключения по той же ст. 109 УК.

Народным следователем Валдайского района по делу Николаева по ст. 109 и ч. 1 ст. 116 УК квалифицируются следующие действия обвиняемого: Николаев, состоя председателем колхоза «Надежда», растратил на пьянство и на другие свои личные нужды 771 р. 25 к. колхозных денег. Помимо этого Николаев проявил преступную халатность к своим служебным обязанностям, выразившуюся в том, что заключенный колхозом договор по сдаче государству льноволокна не был выполнен в срок, а часть льна, оставленная без прополки, сгнила на корню. Помимо этого Николаев плохо руководил работой по уборке урожая, в результате чего оказались неубранными с поля клевер, вика, рожь и картофель. Своим халатным отношением Николаев причинил колхозу ущерб на 6650 руб. Описанные преступления Николаева дают совершенно бесспорно два состава преступлений: растраты — ст. 116 УК и должностной халатности — ст. 111 УК. Однако народный следователь, как мы видим, квалифицирует эти преступления по ст.ст. 116 и 109 УК. И эта незаконная квалификация утверждается старшим помощником ленинградского областного прокурора.

Не менее легкомысленное отношение к квалификации должностных преступлений проявляют некоторые прокуроры и при рассмотрении дел в порядке надзора. Весьма показательным в этом отношении является заключение, данное по делу Кокошникова старшим помощником ленинградского областного прокурора[1], в котором он указывает: «хотя деяние Ризо следовало бы квалифицировать не по ст. 109 УК, а по ст. 111 УК, однако, это обстоятельство не должно влечь отмену приговора, так как назначенное Ризо наказание (2 года лишения свободы) не превышает санкции ст. 111 УК». И так рассуждают, к сожалению, многие прокуроры, не понимая, что и для обвиняемых и для советского государства далеко не безразлично, по ст. ли 109 УК или по ст. 111 УК квалифицировано совершенное преступление.

Неправильная квалификация преступлений неизменно приводит и к извращению нашей политики в области наказания. Это полностью относится и к судебной практике по должностным преступлениям.

Искусственно квалифицируя те или иные должностные преступления по ст. 109 УК или же совершенно незаконно присоединяя при квалификации эту же статью к другим статьям раздела о должностных преступлениях, суды назначают значительно большие сроки наказания и, в частности, лишения свободы, чем это предусмотрено за фактически совершенные преступления. Пользуясь тем, что по ст. 109 УК можно назначить лишение свободы до 10 лет включительно, чего нельзя сделать ни по ст. 111 УК, ни по ч. 1 ст. 116 УК, ни по ст. 120 УК, ни по другим отдельным должностным преступлениям, суды, применяя вместо этих статей ту же статью 109 УК, приговаривают подсудимых к длительным срокам лишения свободы. Нужно при этом прямо сказать, что со стороны отдельных работников расследования и суда неправильная квалификация по ст. 109 УК применяется иногда вполне сознательно, чтобы усилить наказание. Многие из таких работников юстиции считают, что наказание по ст. 111 УК «слишком незначительно— всего лишь до 3 лет лишения свободы», а потому и обращаются к ст. 109 УК за помощью.

Вот несколько примеров.

Народный суд 7 участка Кировского района г. Москвы 17 февраля 1935 г. приговаривает по ст. 109 УК Соколова к 5 годам лишения свободы и Матюшина к 3 годам лишения свободы. Приговор утверждается Московским городским судом. Президиум Московского городского суда отклоняет протест московского городского прокурора, требовавшего переквалификации действий обвиняемых по ст. 111 УК. И лишь по протесту Прокуратуры Союза, судебная коллегия Верховного суда Союза переквалифицировала действия Соколова и Матюшина по ст. 111 УК и назначила наказание каждому по 1 году исправительно-трудовых работ. Весь материал дела с определенностью свидетельствует о том, что действия Соколова и Матюшина представляли собой типичную должностную халатность, в результате которой, правда, учреждению был нанесен ущерб в 3810 р. 72 к. Суд же квалифицировал эти действия по ст. 109 УК и приговорил обвиняемых к весьма суровым наказаниям. И лишь вмешательство прокурора Союза предотвратило исполнение этого совершенно незаконного приговора. Но характерно, какая разница в наказании: при квалификации действий обвиняемых по ст. 109 УК — 5 лет и 3 года лишения свободы, по исправлении приговора — 1 год исправительно-трудовых работ.

Великолукским народным судом 2 октября 1935 г. приговорен обвиняемый Толли по ст. 109 УК к 8 годам лишения свободы. Соответствующими инстанциями приговор в отношении Толли был утвержден без изменения квалификации и назначенного наказания. И лишь по протесту Прокуратуры Союза президиум Калининского областного суда переквалифицировал действия Толли по ст. 111 УК, уменьшив наказание с 8 лет лишения свободы до 1 года лишения свободы. Из материала дела совершенно очевидно, что действия Толли представляют обычную должностную халатность: Толли, работая в качестве заведующего райвнуторгом, вследствие небрежного отношения к своим служебным обязанностям допу-

[1] Соцзаконность, № 11, 1935 г. «О квалификации», статья Березовской.

стил неравномерное снабжение торговых точек хлебом, значительный брак в хлебе и организационные недостатки в общей торговле хлебом. Какая резкая разница между наказанием, которое было назначено судом — 8 лет и наказанием, которое должно было быть назначено — 1 год лишения свободы!

Этих примеров, как нам кажется, вполне достаточно, чтобы показать, к чему приводит незаконная квалификация отдельных должностных преступлений по всеобъемлющей ст. 109 УК и как это отзывается на судьбе обвиняемых и осужденных. А сколько подобно приведенным выше, необдуманных и необоснованных приговоров осталось без изменения? Выводы напрашиваются сами собой. Пора, раз и навсегда, решительно покончить со столь широко распространенным среди работников следствия и суда злоупотреблением статьей 109 УК, с подменой этой статьей других статей по должностным преступлениям и в первую очередь, ст.ст. 111, 116 УК, с незаконным присоединением все той же ст. 109 УК, как дополнительной, при квалификации должностной халатности, растрат, подлогов и т. д. Необходимо, в первую очередь, заставить судебно-прокурорские органы более тщательно и добросовестно обосновывать обвинение по тем или иным статьям о должностных преступлениях. Прокуроры должны осуществлять серьезный контроль за обвинительными заключениями (по должностным преступлениям), поступающими из органов милиции и от народных следователей. Подготовительные заседания суда должны обратить особое внимание на правильность применения тех или иных статей УК по должностным преступлениям. Наконец, кассационные инстанции должны исправлять все без исключения приговоры с неправильной квалификацией по должностным преступлениям, чтобы ориентировать суды первой инстанции в правильном применении статей УК по должностным преступлениям. Помимо этого необходимо обратить внимание на повышение юридической подготовки работников следственных и судебных органов и, в частности, работников милиции, проявляющих сплошь и рядом незнание самых элементарных основ нашего Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов.

Н. СЕРГЕЕВ

Оценка и проверка свидетельских показаний в делах о должностных преступлениях

Изучение дел о должностных преступлениях с точки зрения собирания доказательств и выяснение роли отдельных видов доказательств показывают, что свидетельские показания в количественном отношении являются преобладающими. Установление факта преступления, а равно тех обстоятельств, которые сопровождают преступление, не обходится без допроса свидетелей.

Однако свидетельские показания в делах о должностных преступлениях не являются важнейшим доказательственным материалом, их ценность уступает таким видам доказательств, как документы, акты ревизий, заключение экспертов; поэтому эта последняя группа доказательств является для данной категории дел главнейшим видом доказательств.

Кроме того сама ценность свидетельских показаний зависит от целого ряда причин и в первую очередь от того, насколько умело подойдет следователь к оценке и проверке свидетельских показаний, правильно ли наметит круг свидетелей.

Учитывая значительный удельный вес должностных преступлений и то, что субъектом преступления являются должностные лица советского аппарата и колхозов, каждый следователь должен помнить, что от правильного собирания доказательств, в частности свидетельских показаний, зависит правильность квалификации преступления, обоснованность предания суду. Критический подход к собранным свидетельским показаниям, проверка показаний путем сопоставления с такими материалами дела, которые известны из других источников, — например заключение экспертизы, наличие подложных документов, сравнение одних показаний с другими, а также выяснение социального лица свидетеля, его взаимоотношения с обвиняемым, умение обнаружить заведомо ложные показания — все это обеспечит полноту и объективность следствия.

Хотя свидетельские показания и не являются главнейшим видом доказательств по делам о должностных преступлениях, но нельзя делать из этого вывод, что роль свидетельских показаний сводится на-нет.

Изучение дел по ст. 116 УК показывает, что главным видом доказательств является акт ревизии, устанавливающий недостачу, причины которой еще неизвестны. Является ли она следствием халатности или растраты — это больше всего выясняется свидетельскими показаниями; поэтому от правильной оценки и проверки свидетельских показаний зависит успех дела.

Попробуем эти общие замечания проанализировать на изученных конкретных делах и показать, какой результат получается в том случае, когда следователь умеет оценивать и проверять свидетельские показания, и каков результат, если следователь этого не делает.

20 октября 1935 года в уголовный розыск Гдовского района поступил акт ревизии о недостаче 5649 р. 66 к. у зав. магазином № 37 Григорьева. Следственные действия начались с допроса в качестве свидетеля Григорьева, который недостачу признал, но сослался на то, что его зав. магазином № 36 Петров обманывал, отпуская товар без веса, ибо весов в магазине № 36 у Петрова не было.

Дальше следует допрос 7 свидетелей, которые подтверждали лишь пьянство Григорьева.

Эта часть следственных действий по делу свидетельствует о том, что лицо, ведущее следствие, не сумело правильно наметить круг свидетелей, ибо допрашивались случайные свидетели.

В данном деле, как и в любом деле о растрате, необходимо установить круг лиц, близко знакомых с обвиняемым; их-то и можно использовать для получения доказательственного материала об образе жизни обвиняемого.

При этом надо запомнить, что подчас показания этих свидетелей нуждаются в тщательной проверке, а умение следователя правильно оценить свидетельские показания имеет решающее значение для дела. Это положение мы ниже подтвердим особым примером.

Народный следователь Федорова, правильно наметив круг свидетелей, доказала, что недостача у Григорьева является результатом расхищения средств.

Свидетели подтвердили, что Григорьев систематически пьянствовал, приносил вино и закуску из магазина, пропивал в вечер 30—50 руб. Кроме того Григорьев брал из магазина пальто, костюм, макентош и другие вещи, не внося денег, а равно давал в долг из кассы деньги Филиппову.

Имея столь важные показания, следователь занялся их проверкой.

Установив показаниями свидетеля Прохорова, что Григорьев приобрел ряд вещей, следователь произвел обыск в квартире Григорьева. Обыск дал положительные результаты: здесь были найдены вещи, о которых говорил Прохоров.

Показания свидетеля завмага Петрова о том, что он Григорьеву отпускал товар по весу и что ссылка Григорьева на отсутствие весов не соответствует действительности, были проверены путем осмотра магазина № 36.

Это же обстоятельство было проверено путем сравнения показаний Петрова с показаниями лиц, доставляющих товар, которые подтвердили, что товар отпускался по весу.

Аналогичным способом были проверены показания о даче денег в долг Филиппову, который подтвердил это и заявил, что долг возвращен.

Собранный по делу материал заставил обвиняемого Григорьева признать растрату.

Примером отсутствия проверки свидетельских показаний является дело народного следователя Псковского района Климович по обвинению председателя сельсовета Орлова в растрате 1447 руб., счетовода Кондратьева в растрате 539 руб. и кассира Маркеловой в растрате 1995 руб.

Орлов обвинялся в том, что, работая председателем сельсовета и получая от граждан различные платежи по частным распискам, в кассу сельсовета денег не сдавал. В числе показаний имелись показания свидетельницы Федоровой о том, что она собрала с граждан 198 руб. за штрафы, деньги передала Орлову без расписки. Свидетельница Минина подтвердила, что у нее были взяты Орловым 200 руб., и предъявила его квитанцию на эту сумму, что Орлов продал ее имущество — за что не знает, а также не знает, оприходованы ли деньги.

В данном случае эти показания могли быть проверены путем сопоставления их с такими обстоятельствами дела, которые могут быть известны из других источников: например, путем осмотра документов и кассовой книги по вопросу оприходования денег.

Показания Федоровой могли быть проверены путем сравнения с другими показаниями, выяснения, при ком передавались деньги, и допросом этих лиц, а равно допросом лиц, которые платили деньги Федоровой.

Располагая свидетельскими показаниями о жизни Орлова не по средствам, в частности, имея показания двух свидетелей о покупке Орловым коровы за 1200 руб. в совхозе «Большевичка» следователь не проверил, была ли действительно им куплена корова и за какую сумму.

Показания этих свидетелей могли быть проверены путем осмотра документов в совхозе.

Это дело показывает, что, приняв отдельные показания за точно установленный факт и не проверив этих показаний указанными выше способами, следователь представил суду неполноценный материал.

Мы знаем, что всякое свидетельское показание должно быть проверено. Тщательность проверки свидетельских показаний должна зависеть от того, насколько важно данное показание, и чем важнее для дела показание, тем тщательнее оно должно проверяться.

Правильность этого положения попробуем подтвердить примером из следственной практики.

16 декабря 1935 года народному следователю Гдовского района поступил материал о том, что у зав. буфетом Бубновой за 2½ месяца образовалась недостача в 962 р. 56 к. В процессе ревизии документально установить растрату не представилось возможным. Следователю предстояло разрешить вопрос о причинах недостачи: является ли она результатом халатности или результатом присвоения.

Показания восьми свидетелей по делу являются очень интересными с точки зрения их оценки и проверки.

Свидетель Васильев — зав. столовой, из которой отпускались продукты в буфет, утверждал что Бубнова присвоила деньги и растратила, о чем ему говорил повар Ульянов.

Аналогичные показания дал председатель горпо Гершенбейн, который в своих показаниях утверждал о покупке Бубновой «ряда вещей», но что именно она купила — он не указал.

Наряду с этими показаниями имелись показания соседей по квартире, которые утверждали, что Бубнова жила очень скромно, ничего не по средствам не покупала.

Однако следователь при наличии противоречивости показаний не проверил их и не отнесся критически к показаниям Васильева, заинтересованного в исходе дела. Допросом Гершенбейна не установили, что за вещи купила Бубнова.

Такие показания Васильева и Гершенбейна, которые прямо указывают на растрату, нуждались в тщательной проверке.

Только на суде были проверены и оценены свидетельские показания, и Бубнова по ст. 116 УК была оправдана.

Вот к каким результатам может привести невыполнение указанных выше положений.

Анализ изученных дел показывает, что свидетельские показания, как один из видов доказательств, представляют собой материал, нуждающийся в тщательной проверке, ибо даже вполне добросовестный свидетель может освещать дело недостаточно полно. А если еще учесть особенность свидетельских показаний в должностных преступлениях по делам о халатном отношении к служебным обязанностям,

станет ясно, насколько важна тщательная проверка свидетельских показаний.

Помимо проверки свидетельских показаний чрезвычайно важно следователю уметь произвести правильную оценку свидетельских показаний.

Оценка свидетельских показаний в делах о должностных преступлениях имеет свою особенность. Эта особенность заключается в том, что подчас свидетель является крайне заинтересованным в исходе дела.

При изучении дел о должностных преступлениях в колхозах, в особенности по ст. 111 УК, связанных с нерадивым отношением к хозяйству, нами установлено, что, как правило, следствие начинается с допроса в качестве свидетелей председателя правления колхоза, бригадиров. Объективность в их показаниях часто сомнительна, и здесь требуется от следователя большое умение установить, в какой мере эти показания уклоняются от истины. В процессе следствия многие из этих свидетелей превращаются в обвиняемых. Поэтому их первоначальные показания будут часто направлены на неправильное освещение отдельных фактов.

Указанное выше положение попробуем проследить по делу народного следователя Гдовского района Федоровой по обвинению в растрате 964 руб. зав. ларьком Евстафьевой.

В качестве свидетеля по данному делу проходила соседка по квартире Малова, которая подтвердила, что Евстафьева к работе относится халатно, но ведет скромный образ жизни, ничего из дорогих вещей не приобретала. Эти показания Маловой были даны исключительно с целью опровергнуть растрату Евстафьевой, доказать ее халатность, так как Евстафьева дала 200 руб. в момент ревизии ларька Маловой, которая этими деньгами покрыла имевшуюся у нее недостачу.

Заинтересованность свидетельницы в данном деле была установлена путем проверки и оценки показаний ее, а равно выяснением взаимоотношений Евстафьевой и Маловой. Ложные показания были даны по указанным выше мотивам, а умелое собирание доказательств и оценка показаний свидетеля позволили опровергнуть показания свидетельницы о халатности, так как сопоставление показаний Маловой с бесспорно установленными фактами по делу показало неправильность утверждения Маловой, что недостача является результатом халатности.

В данном примере мы устанавливаем положение, когда оценка показаний свидетеля была произведена на основе оценки личности свидетеля и оценки существа показаний.

Это же положение подтверждается еще более ярким примером по делу обвиняемого Курышева по ст. 111 УК.

На основании акта от 7 октября 1935 года о порче сена на площади 13 га и порче зерновых с площади 0,40 га, следствием чего был убыток для колхоза в сумме 2869 руб. милицией Стругокрасненского района, было возбуждено уголовное преследование против бригадира колхоза «Гаврилова гора» Курышева по ст. 111 УК.

Кроме акта от 7 октября дополнительным доказательством «халатности» явились показания председателя правления колхоза о том, что Курышев халатно относился к работе, не выполнял распоряжений об уборке сена и зерновых.

Аналогичные показания дал инспектор по качеству Никифиров, который также подтвердил, что Курышев не выполнял неоднократных распоряжений председателя правления об уборке сена и зерна, следствием чего имела место порча урожая и был причинен убыток колхозу в 2869 руб.

Следствие по данному делу показывает, что никакой оценки показаний свидетелей произведено не было, круг свидетелей ограничился допросом одного колхозника, кроме указанных выше двух лиц. Как председатель колхоза, так и инспектор по качеству были заинтересованы в привлечении бригадира, ибо в противном случае им пришлось бы отвечать за порчу урожая.

При расследовании дела вопрос об оценке личности свидетелей и их показаний поставлен не был. Не было установлено, откуда известно инспектору по качеству, что председатель правления неоднократно давал распоряжения об уборке, а бригадир их не выполнял. Лишь на суде было выяснено, что это ему известно со слов председателя колхоза.

Лишь на суде при вызове дополнительных свидетелей было установлено, что причина порчи сена и зерна заключается в расшатанности трудовой дисциплины в колхозе, в массовых невыходах на работу и непринятии мер со стороны правления к соблюдению устава сельскохозяйственной артели, в силу чего Курышев был оправдан.

На основе приведенных выше дел можно сделать вывод, что оценка свидетельских показаний основывается на оценке личности свидетеля, с одной стороны, и на оценке существа его показаний, с другой стороны.

Только сочетание этих двух моментов оценки свидетельских показаний дает полноценный материал.

Оценка личности свидетеля заключается в выяснении его социального лица по образу жизни, общественному поведению, взаимоотношениям с обвиняемым и в установлении отсутствия его заинтересованности в исходе дела.

Второй момент оценки свидетельских показаний заключается в проверке указанными выше способами соответствия данных свидетельских показаний другим материалам дела.

Однако изучение ряда дел показывает, что следственные работники не придают должного значения оценке свидетельских показаний.

Примером этого может служить дело народного следователя Середкинского района Герасимова по обвинению Сазонова в растрате 702 руб. В качестве одного из доказательств в деле фигурируют показания свидетеля Евстафьева, на основании которых следователь вменяет в вину Сазонову присвоение 40 руб. Текст этих показаний заслуживает того, чтобы привести его с сохранением всех орфографических ошибок следователя: «По договоренности мною с колхозом «ленинец» оподводе которая нам требовалась по ехать в район. Колхоз нам лошадь. В августе 1935 г. за сумму 40 руб. на двоих 20 руб. мною с Сазоновым расчитавши каковы он был ранее должен мне пораскискам на сумму 20 р. которые я считаю за себя в расчет остальная сумма 20 руб. ремдовский с/с с меня удержал которые еще не выплачены в чем может с/с подтвердить» подпись нар. след. Герасимов.

Эта безграмотная запись показаний говорит сама за себя. Нужно удивляться, как т. Герасимов на основании такого бестолкового показания счел возможным сделать вывод о виновности Сазонова.

В настоящей статье на основе изучения 48 уголовных дел мы хотели показать, какое значение имеет оценка и проверка свидетельских показаний в делах о должностных преступлениях, какой получается результат при соблюдении правил в отношении проверки и оценки показаний и каков при несоблюдении этого.

Мы хотели предохранить следователей от ошибок, подобных описанным в этой статье.

Б. БОРИСОВ

Итоги I всесоюзного совещания работников суда и прокуратуры по гражданским делам[1]

В течение последних двух лет руководящими органами суда и прокуратуры принимались энергичные меры по поднятию и укреплению гражданско-правового участка судебной работы. Исключительное внимание к этим делам в настоящее время объясняется как количеством гражданских дел суда, так и их содержанием. Не меньше двух третей дел, рассматриваемых судами Союза, составляют дела гражданские. По содержанию своему они направлены в основном на защиту общественной социалистической собственности, на охрану личных и материально-правовых интересов трудящихся. Политическое значение этой категории дел особенно выросло в связи с принятой на VIII чрезвычайном съезде советов сталинской Конституцией, поставившей перед нами во весь рост проблемы заботы об основе советского государства — общественной социалистической собственности и об охране личной собственности трудящихся — строителей социализма.

Между тем, несмотря на такое важное значение указанной категории дел и на те организационные мероприятия, которые были приняты в последнее время (создание гражданских коллегий в судах и гражданских отделов в системе прокуратуры) для обеспечения должного внимания к этим делам, гражданский участок судебно-прокурорской работы продолжает и по сей день оставаться в неудовлетворительном состоянии. Для того чтобы форсировать дальнейшие мероприятия в этом направлении и добиться резкого перелома в работе по гражданским делам, было созвано 25 декабря 1936 года Первое всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры по гражданским делам. Интересно попутно отметить, что подобное совещание, посвященное исключительно вопросам гражданского права и процесса, созывается впервые. На нем были заслушаны четыре доклада: 1) о работе суда по гражданским делам, 2) о работе прокуратуры по гражданским делам, 3) об исполнении судебных решений и 4) о практике применения закона от 27 июня 1936 г. по гражданским алиментным делам. В работе совещания принимали участие помимо товарищей, непосредственно занятых на этой работе, и научных сотрудников сектора гражданского права Института судебной политики, также персонально прокурор Союза ССР т. А. Я. Вышинский, зам. прокурора Союза т. Г. М. Леплевский, народный комиссар юстиции Союза ССР т. Н. В. Крыленко. В своих выступлениях они отмечали всю политическую важность этой категории дел в связи со сталинской Конституцией и указывали пути дальнейшего подъема и укрепления этого участка судебно-прокурорской работы. В основном совещание прошло под знаком борьбы за соблюдение процессуальных норм в работе суда и прокуратуры. И это вполне естественно, поскольку основными причинами большого процента отмен и изменений решений судов первой инстанции являются нарушения процессуального порядка.

В основном предложения по сделанным докладам сводятся к следующему:

1) По линии суда:

а) обеспечить точное соблюдение процессуальных норм и требований судебной демократии при рассмотрении дел в суде первой инстанции (обязательный вызов сторон, внимательное отношение к вопросу об аккуратном вручении повесток, допущение свидетелей и третьих лиц, грамотное ведение протоколов, культурное ведение судебного заседания и т. п.);

б) обеспечить руководящую роль гражданских коллегий в отношении народных судов (вынесение квалифицированных определений, обобщение судебной практики, производство периодических обследований судебных органов на местах);

в) обеспечить точное соблюдение норм материального права при рассмотрении гражданских дел (о личной собственности, о наследовании, о праве на жилище, о взыскании алиментов, об авторском праве и т. д.).

2) По линии прокуратуры:

а) принять реальные меры к обеспечению участия прокуратуры в суде и первой инстанции и в кассационной инстанции по делам, в коих затрагиваются существенные интересы государства и трудящихся, в полном соответствии с требованиями действующего ГПК и циркуляром прокурора Союза от 7 апреля 1936 года;

б) обеспечить более строгий отбор дел для принесения протестов в порядке надзора, исходя из критериев, предусмотренных ст. 254 ГПК РСФСР и соответствующими статьями других союзных республик;

в) добиться решительного повышения качества приносимых протестов;

г) устранить из своей работы все те функции, которые составляют компетенцию суда, а не прокуратуры (наблюдение и оперативное руководство судебными исполнителями, разбор

[1] Подробный отчет о совещании будет помещен в следующем номере.

отдельных дел вместо направления их в суд и т. д.);

д) обеспечить строжайшую дисциплину в деле выполнения отдельных поручений, даваемых вышестоящими звеньями прокурорской системы, и перестроить работу по жалобам в полном соответствии с постановлениями 3 пленума Комиссии советского контроля и циркуляром прокурора Союза.

3) По вопросу об исполнении судебных решений:

а) установить активное наблюдение суда за действиями судебных исполнителей;

б) разгрузить судебных исполнителей от излишних функций, сосредоточив их работу главным образом на обслуживании трудящихся, а по линии обобществленного хозяйства — колхозов, с передачей всех остальных взысканий по делам обобществленного хозяйства Госбанку;

в) принять меры к проверке личного состава судебных исполнителей и их срочной переподготовки.

4) По вопросу об итогах применения закона от 27 июня 1936 г. о взыскании алиментов:

а) точно соблюдать закон о порядке размера взимания алиментных платежей с ответчиков;

б) обеспечить более внимательный и квалифицированный разбор дел об установлении отцовства, полностью отказавшись на практике от рассмотрения этих дел в отсутствие ответчиков;

в) обсудить вопрос о пересмотре старых циркуляров, запрещавших прибегать, при установлении отцовства, к экспертизе крови;

г) обеспечить обязательное участие прокурора в делах об истребовании детей.

Подробный отчет об этом исключительно интересном совещании, длившемся четыре дня и поставившем ряд злободневных и политически важных вопросов гражданского права и процесса, будет дан в следующем номере нашего журнала.

Н. ЛАГОВИЕР

О прокурорских протестах по гражданским делам[1]

Опротестование неправильных решений и определений по гражданским делам является, точнее, должно являться столь же существенной частью работы советской прокуратуры в области гражданского процесса, какой опротестование неправильных приговоров является в области уголовного процесса.

Если необходимо со всей настойчивостью добиваться своевременного исправления ошибок, нарушений советского закона, нарушений интересов государства и законных прав отдельных граждан, наблюдающихся при разрешении судами уголовных дел, то бесспорна также необходимость и обязательность для прокурора повседневно вести борьбу с искажениями, извращениями судебной политики по делам гражданским, столь же бесспорна обязательность добиваться своевременного исправления неправильных решений и определений, нарушающих интересы социалистического строительства или законные права отдельных трудящихся. Если практика судов по делам уголовным еще пока, к сожалению, дает весьма многочисленные и весьма существенные поводы для прокурорских протестов, то вряд ли есть нужда доказывать, что не менее (если не более) многочисленные и существенные поводы для эффективного прокурорского вмешательства дает судебная практика по делам гражданским. Не секрет, что качество разрешения гражданских дел во многих случаях еще продолжает оставаться неудовлетворительным, что, в частности, с соблюдением основных процессуальных требований в области гражданского протеста пока в ряде случаев обстоит даже менее благополучно, чем в процессе уголовном. Повседневные сигналы нашей печати, многочисленные постановления главных, краевых и областных судов по надзорным гражданским делам, отмечающие подчас грубейшие нарушения в решениях народных судов, указания Верхсуда СССР и верхсудов отдельных союзных республик достаточно красноречиво подтверждают сказанное выше о неудовлетворительном в ряде случаев качестве судебной практики по гражданским делам. Следовательно, поводов, фактов в судебной практике по гражданским делам, требующих активного прокурорского вмешательства в форме принесения протеста, пока много.

И, наконец, так же, как это отмечалось в отношении протестов прокуратуры по уголовным делам, значение правильных протестов прокуроров по гражданским делам не исчерпывается только тем, что исправляются ошибки народных судов и кассационных инстанций по конкретным делам. Нельзя кроме того забывать и то большое профилактическое значение, которое имеют правильные, обоснованные прокурорские протесты в смысле предупреждений ошибок в дальнейшей судебной практике того или иного суда. Само собой разумеется, что наряду с этими общими моментами, характеризующими громадное значение прокурорского протеста как по уголовным, так и по гражданским делам, есть и некоторые специфические моменты этой прокурорской работы, специфические для гражданского процесса, вытекающие из ряда особенностей гражданского процесса, на которых мы останавливаемся ниже. Но эти специфические моменты, во всяком случае, ни в какой мере не умаляют указанного выше значения протестов по гражданским делам и не могут служить оправданием (а наоборот в некоторых отношениях даже усугубляют отрицательное значение) тех недочетов, которые еще продолжают иметь место в работе отдельных прокуроров по опротестованию неправильных решений и определений по гражданским делам, наряду с большой полез-

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

ной и несомненно усилившейся за последнее время работой прокуратуры в этом направлении.

Вот несколько, отнюдь не самых ярких, нарочито подобранных, а, так сказать, заурядных конкретных примеров и фактов, иллюстрирующих то значение, которое имеют правильные прокурорские протесты по различным категориям гражданских дел.

30 марта 1936 г. президиум Западного областного суда рассмотрел протест прокурора по гражданскому делу нарсуда Темкинского района по иску МТС к колхозу «Красный городок» Медвединского сельсовета на сумму около 7 тысяч рублей. Иск был судом удовлетворен. Между тем сущность дела заключалась в том, что Темкинская МТС обязалась по договору произвести в колхозе сельхозработы с натуроплатой на сумму, указанную в иске. Нарсуд, удовлетворивший иск, и определение кассационной коллегии и областного суда от 8 января 1936 г., в основном оставившее решение суда в силе, находились в противоречии с § 15 договора МТС с колхозом и с примерным договором, утвержденным СНК СССР 17 февраля 1934 г., согласно которым взыскание натуроплаты должно производиться не в судебном, а в бесспорном порядке. Протест прокурора обратил внимание на эти серьезные нарушения закона и результатом его явилось не только то, что президиум областного суда, согласившись с протестом, решение народного суда и определение ГКК по данному делу отменил и самое дело прекратил, но и то, что, благодаря протесту, такие нарушения в дальнейшей практике народного суда и кассационной коллегии уже не наблюдались.

Или вот другой пример: 7 марта 1936 г. народный суд Центрального района Ленинграда отказал гр-ке Касс в иске о зарплате к Ликвидкому общества друзей зеленых насаждений, а ГКК областного суда это решение оставила в силе. В дело вмешался прокурор, который обратил внимание на то, что истица обращалась в суд о взыскании бесспорно следуемых ей сумм только потому, что выплатить этих денег ей никто не отказывал. Поэтому тот мотив решения народного суда, что истица пропустила срок исковой давности, является необоснованным. Далее прокурор обратил внимание на то, что выплата денег истице задерживалась исключительно из-за отсутствия денег, обратил внимание на ходатайство со стороны областного комитета союза рабочих городских предприятий. В результате протеста прокурора, президиум Ленинградского областного суда 10 мая 1936 г. решение народного суда и определение ГКК областного суда отменил.

Известно, с какой особой чуткостью и внимательностью должно подходить к защите интересов и прав матери и ребенка по алиментным делам, в частности по делам о признании отцовства. Но это, конечно, не устраняет обязанности народного суда в каждом конкретном деле тщательно и всесторонне проверять взаимоотношения сторон и все обстоятельства дела. Не такой путь избрал народный суд 147 участка Шиловского р-на, Московской области, который 30 января 1936 г. удовлетворил иск гр-ки Савкиной к гр. Солонину о признании отцовства, не дав себе труда помочь истице в собирании необходимых и вполне доступных по данному делу доказательств; не проявил никакой инициативы в собирании таких доказательств, не вызвал свидетелей для выяснения взаимоотношений сторон, а основал свое решение исключительно на заявлении истицы о том, что «вся деревня говорила» и что «рожденный ребенок похож на отца». (Попутно заметим, что ко дню рассмотрения дела в суде ребенку было всего 36 дней). Между тем из объяснений истицы видно было, что необходимо было вызвать целый ряд свидетелей. Прокурор совершенно правильно в своем протесте обратил внимание на неправильность такого подхода суда к разрешению дела и в результате постановлением президиума Московского областного суда от 22 апреля 1936 г. определение кассационной коллегии и решение народного суда были отменены и дело это было передано на новое рассмотрение.

Работа прокуроров по опротестованию неправильных решений и определений по гражданским делам пока еще не заняла как по своим количественным, так и качественным показателям того места во всей прокурорской работе, какое возможно и необходимо в настоящих условиях.

В количественном отношении эта работа во многих районах продолжает оставаться явно недостаточной. Так же как по уголовным делам, так и в отношении гражданских дел ряд постановлений главных, краевых и областных судов, с одной стороны, отмечают наличие грубейших извращений в судебной практике отдельных судов по гражданским делам, а, с другой стороны, соответствующие районные прокуроры ничем не реагируют на эти извращения. По отдельным участкам судов мы имеем громадный процент отмены решений, с одной стороны, и совершенное отсутствие прокурорских протестов — или ничтожное их количество — с другой. В частности, это уже было нами отмечено по алиментным делам, но это наблюдается и по другим категориям гражданских дел. Так, например, президиум Сталинградского краевого суда 19 марта 1936 г., изучив практику применения закона от 19 июня 1935 г. о подсудности имущественных споров колхозов и колхозников, отметив целый ряд серьезных недостатков в работе судов, обратил внимание краевого прокурора на отсутствие со стороны прокуратуры надзора по этим делам.

Задача количественного развертывания работы по опротестованию неправильных решений и определений требует своего срочного разрешения.

Несвоевременность принесения целого ряда протестов по гражданским делам — другой серьезный недостаток, значительно снижающий эффективность прокурорских протестов, а иногда сводящий ее к нулю. В отличие от УПК, в ГПК установлены определенные сроки для опротестования краевыми районными прокурорами неправильных решений судов. Так, согласно ст. 254-г ГПК срок принесения протеста в порядке надзора по гражданским делам неограничен только для Народного комиссариата юстиции, председателя Верхсуда РСФСР, прокурора республики (и само собой разумеется для прокурора СССР и председателя Верхсуда СССР). Но для краевых и районных прокуроров этот срок ограничен 3 месяцами со дня вступления решения в законную силу.

Еще более ограничительный срок устанавливает примечание к ст. 254-г ГПК РСФСР для

опротестования прокуратурой решений народных судов по производственным и трудовым делам (со дня вынесения соответствующего решения).

Между тем мы имеем значительное количество постановлений президиумов главных, краевых и областных судов об оставлении без рассмотрения прокурорских протестов в виду того, что последние принесены по истечении указанных сроков, причем ближайшее ознакомление показывает, что речь идет о такого рода запаздывании, которое отнюдь не обусловлено какими-либо уважительными причинами. Дело или жалоба поступили к прокурору своевременно, но беда в том, что или их удосужились рассмотреть несвоевременно, или же (и такие случаи бывают) хотя и рассмотрели, но не удосужились дать соответствующее «движение». С таким отношением к соблюдению установленных ГПК сроков для опротестования необходима решительная борьба. В этой же связи нужно отметить совершенно недостаточное использование кассационной формы опротестования. Во всех тех случаях, когда прокурор участвует в суде первой инстанции (в порядке ст. 2 или 12 ГПК) и когда, по мнению прокурора, вынесено неправильное решение, следует считать обязательным принесение протеста не в порядке надзора, а в порядке кассационном. Это должно быть признано обязательным и в тех случаях, когда прокурор хотя и не участвовал в суде первой инстанции, но тем или иным путем в пределах срока кассационного обжалования узнал о существенных искажениях судебной политики по тому или иному делу. Следует подчеркнуть необходимость большого использования кассационного опротестования потому, что на практике этой формой пренебрегают, и преобладающее место занимают протесты в порядке надзора. Преимущество же кассационного опротестования очевидно, поскольку оно дает возможность добиться более своевременного исправления неправильных решений.

Следующее элементарное требование, которому должен удовлетворять каждый протест прокурора по гражданскому делу, заключается в строгой обоснованности протеста как с точки зрения существа и фактических обстоятельств дела, так и соответствие протеста формальным требованиям закона, а вместе с тем, и в целесообразности принесения, в том или ином случае, протеста. Твердо борясь за соблюдение революционной законности судами при разрешении гражданских дел, нужно в то же время иметь в виду, что не по поводу всякого допущенного судом нарушения допустимо принесение протеста с требованием отмены или изменения решений. Прокурор — не буквоед, который приносит протест по поводу мелких нарушений, не повлиявших на правильность решений. Это вовсе не значит, что прокурор должен поощрять и такого рода нарушения. Но борьба с ними должна вестись иными методами и средствами, чем путем принесения протеста. Ст. 254-б ГПК РСФСР не случайно указывает, что дело вносится на рассмотрение в порядке надзора при обнаружении «особо существенного нарушения действующего закона, или явного нарушения интересов рабоче-крестьянского государства или трудящихся масс», а примечание ст. 254-г не случайно подчеркивает, что опротестование прокуратурой решений народных судов по производственным и трудовым делам в порядке надзора допускается «лишь в совершенно исключительных случаях». Во всяком случае для опротестования решений необходимы поводы, которые закон считает достаточными для отмены решений.

Между тем часть прокурорских протестов по гражданским делам, как доказывают материалы судов, определенно не удовлетворяют только что указанным элементарным требованиям. Некоторые протесты приносятся буквально зря и, разумеется, если имеют какое-либо значение, то лишь отрицательное, так как влекут излишнюю затяжку дел, излишнюю трату времени прокуратуры и суда. Так, например, прокуратура Мордовской АССР недавно опротестовала решение народного суда Саранского р-на по иску Мамошкина к конторе Сортсемовощь о восстановлении на работе. Суд иск удовлетворил, а кассационная коллегия совершенно правильно решение отменила, так как по делу было бесспорно установлено систематическое пьянство и систематические невыходы на работу истца. Прокурор на определение кассационной коллегии принес ни на чем необоснованный протест, который президиумом главного суда был отклонен. Ясно, что протеста в данном случае вносить не следовало. Или другой пример. Народный суд Клинцовского р-на Западной области отказал в иске гр-ке Рытик об исключении из описи дома. Из документальных доказательств, находящихся в деле, было совершенно ясно, что этот дом всецело принадлежал осужденному за крупную растрату, ничем не было доказано, что истица вложила какие-либо средства на постройку этого дома. Тем не менее прокурор нашел возможным принести протест, который был отклонен президиумом Западного областного суда 30 марта 1936 г.

По делу народного суда Сормовского р-на по иску завода к гр. Образцову о выселении в протесте прокурора указывалось, будто бы народный суд в иске отказал, а кассационная коллегия будто бы решение суда оставила в силе, между тем как в действительности народный суд иск удовлетворил, а кассационная коллегия дело прекратила. Таким образом в протесте по данному делу были просто искажены фактические данные. То же в протесте Воронежской прокуратуры по делу Тарабина в протесте указывалось, будто истец был членом фабзавкома, что не соответствовало действительности (протест был отклонен 22 апреля 1936 г. президиумом Воронежского облсуда).

Причины принесения подобных недоброкачественных протестов (как это отчасти ясно из приведенных примеров) кроются или в невнимательном ознакомлении с материалами дел, или в столь же невнимательном изучении относящихся к делу законов или ведомственных распоряжений, а в некоторых случаях протесты отражают политическую недооценку того или иного дела.

Некоторые суды отмечают в своих постановлениях, что протесты прокуроров зачастую не содержат абсолютно никаких указаний на допущенные судами нарушения закона, не содержат ссылок на законы. Так, например, президиум Дагестанского главного суда в постановлении от 29 апреля 1936 г. просит прокурора ДАССР дать указания прокурорам, чтобы пос-

ледние при подаче протестов обязательно ссылались на допущенные судами нарушения закона. Совершенно очевидно, что указанные выше причины недоброкачественности отдельных протестов устранить можно и должно.

Поднять как по количественным, так и по качественным показателям работу по опротестованию неправильных решений и определений по гражданским делам на ту высоту, которая соответствует большому значению этой работы — такова задача, разрешение которой никак не должно откладываться в долгий ящик. Во многом разрешение ее зависит от самих районных прокуроров, от степени действительного поворота их к надзору за разрешением гражданских дел. Не в малой мере, разумеется, разрешение указанной задачи зависит от краевых и областных прокуратур, от качества руководства и инструктажа ими районных прокуроров.

Решительно разоблачая всяческие бюрократические извращения в работе по опротестованию решений и определений по гражданским делам, решительно борясь с недооценкой этой работы, нужно вместе с тем поощрять образцовую работу, популяризировать ее на страницах нашей печати.

А. ШТЕЙНБЕРГ

Об одновременном взыскании пени и процентов за просрочку платежа[1]

Практика суда и арбитража по вопросу о пени и процентах за просрочку платежа чрезвычайно разнообразна. При просрочке платежа иногда сверх договороной пени присуждаются также узаконенные 5% годовых на просроченную суму (со дня просрочки), иногда присуждают только договорную пеню и отказывают в присуждении процентов; иногда присуждают договорную пеню со дня просрочки и сверх сего проценты, но лишь со дня предъявления иска и т. д.

Взыскание процентов сверх договорной пени аргументируют часто тем, что «проценты составляют как бы естественную принадлежность основного долга» и ссылаются на ст. 121 ГК РСФСР[2].

Однако вряд ли можно признать правильными эти соображения.

Экономический эффект от процентов сводится к увеличению размера капитала. Если с этой точки зрения считать проценты принадлежностью капитала, то естественно принадлежностью можно бы считать проценты лишь тогда, когда обращение денег из процентов и использование капитала в целях для получения процентов составляют в хозяйственном обороте самодавлеющее повседневное явление. Такое именно положение и существует в капиталистических странах, где проценты действительно являются принадлежностью капитала. Буржуазные юристы так именно и смотрели на денежный капитал и проценты. У Победоносцева мы читаем: «В денежном займе условие о вознаграждении по свойству предмета даже предполагается, так как пользование деньгами всегда имеет на денежном рынке известную ценность, выражаемую процентом. Следовательно, когда нет прямого выражения дарственной воли, естественно предположить, что недаром уступлено одним лицом другому это пользование капиталом в течении определенного времени» (т. III, стр. 334). Аналогичные мысли развивает и проф. Шершеневич [3], но эта классическая буржуазная концепция не имеет корней ни в нашем ГК, ни тем более в позднейшем нашем гражданском законодательстве, регулирующем отношения внутри социалистического хозяйства. Ст. 212 ГК исходит, например, из обратного принципа, презумируя безмездность пользования денежным капиталом. Лишь прямое указание в договоре способно опровергнуть презумпцию безмездности займа. Таким образом по ГК проценты никоим образом не могут быть названы естественной принадлежностью капитала. Больше того у нас теперь обращение денег из процентов в сделках между хозорганами прямо запрещено кредитной реформой, ликвидировавшей коммерческий кредит. Следовательно, в настоящее время является полным анахронизмом взгляд на проценты, как на естественную принадлежность капитала.

Несостоятельна также ссылка на ст. 121 ГК. Из сопоставления ч. 3, ст. 121 со ст. 141 ГК явствует, что ст. 121 предусматривает законную неустойку за просрочку платежа, которая (неустойка) ничего общего не имеет ни с нормализацией порядка обращения денег из процентов, ни с квалификацией процентов как естественной принадлежности капитала.

Более того, ст. 121 на вопрос о возможности одновременного взыскания договорной пени и процентов за просрочку платежа дает отрицательный ответ, а именно: договорная пеня, превышающая 6% годовых, исключает взыскание процентов. С другой стороны, если договорная пеня ниже 6%, то взыскиваются узаконенные, а не договорные проценты, т. е. фактически к договорной пени взыскивается с должника разница до 6% и при том независимо от размера реального убытка, фактически понесенного потерпевшим кредитором.

Итак, ст. 121 ГК не подтверждает мнения о допустимости одновременного взыскания полностью и договорной пени и узаконенных процентов.

Решение вопроса о совместном взыскании пени и процентов по действующему хозяйственному законодательству находится в неразрывной связи с вопросом о координировании взыскания пени и убытков.

Не только директивами центральных ведомств, но и инструкцией главарбитра СНК СССР о претензиях по качеству проводится общий принцип, что наряду с договорными пенями, неустойками и штрафами могут подлежать взысканию лишь реальные убытки и то в сумме, не покрытой штрафными санкциями.

Но что такое реальный убыток?

Позднейшие нормы под реальным убытком понимают только положительный ущерб в имуществе хозоргана, но не упущенную выгоду. В подтверждение такого именно более узкого понятия убытка можно сослаться на ст. 26 Положения НКТП от 21/XII 1933 г. о порядке заключения договоров на 1934 г. и на аналогичные статьи директив о порядке заключения договоров на 1935 и 1936 гг. Требование о возмещения реально понесенных (прямых) убытков должно быть по директивам НКТП основано на оперативных отчетно-бухгалтерских данных, а не на плановых расчетах. Но в отчетно-бухгалтерских данных отражается только положительный имущественный ущерб, только фактическая убыль из наличного имущества хозоргана, т. е. убыль, проходящая по счету прибылей и убытков. Напротив, плановым расчетом может предусматриваться и ожидаемое поступление, ожидаемое увеличение наличного имущества. Однако неоправдавшееся ожидание никакого отражения в бухгалтерском отчете не имеет. При просрочке покупателем платежа поставщик несет реальный убыток.

---

[1] В порядке обсуждения.

[2] См. журн. «Арбитраж» № 1936 г., статью Б. М., стр. 22.

[3] Учебник русского гражданского права, стр. 486

если поставщику по вине неисправного плательщика приходится подкрепить свой расчетный счет банковской ссудой. Проценты, уплачиваемые поставщиком банку за ссуду, составят реальный убыток, отражаемый в оперативных отчетно-бухгалтерских данных. Но если поставщик при составлении финансового плана предусмотрел ожидаемое им поступление от банка процентов на кредитовое сальдо по расчетному счету, и это ожидание не оправдалось в известной части по случаю позднего получения платежа от неисправного покупателя, то утрата поставщиком этих ожидавшихся им процентов не отразится в отчетно-бухгалтерских данных, и, следовательно, не составит того реального убытка, который может подлежать взысканию, сверх договорных санкций.

Такое отступление от принципов ст. 117 вполне целесообразно.

Против расширенного применения ст. 118 ГК высказался Верховный суд РСФСР еще в 1925 г., резонно указав на опасность увлечения взысканием «упущенных выгод» в директивном письме ГКК от 1927 г. И в самом деле, в условиях социалистического хозяйства нет надобности в сохранении расширенного понятия убытка. Основной закон о договорах от 19/XII 1933 г. и последующие директивы обязывают хозорганы заключать письменные договоры и обеспечивать их пенями и неустойками.

Так как эти пени и неустойки имеют одновременно своей задачей стимулировать реальное исполнение договоров и обеспечить исправному контрагенту возмещение возможного ущерба от нарушения договора, то каждая сторона при заключении договора обязана настаивать на такой санкции, которая способна покрыть и возможный реальный убыток, и возможную утрату выгоды, предусмотренные финпланом. Взыскание таких санкций, во-первых, упрощает судебно арбитражный процесс и, во-вторых, возмещает интерес исправной стороны, исчисленный ею при заключении договора по реальным, а не ажиотажным условиям оборота.

Итак, вопрос о совместном взыскании пени и убытков решается по ныне действующему законодательству следующим образом: 1) за просрочку платежа по общему правилу взыскиваются только договорные пени и неустойка; 2) если кредитор докажет бухгалтерско-отчетными данными, что реальный его убыток превышает договорную санкцию за просрочку платежа, то он может взыскать убыток в сумме, не покрытой договорной санкцией, и 3) если договором не предусмотрена санкция за просрочку платежа, то поставщик может требовать только возмещения реального убытка по бухгалтерско-отчетным материалам.

Это решение вопроса о координировании взыскания пени и убытков полностью применимо и к решению вопроса об одновременном взыскании пени и процентов за просрочку платежа: требование кредитора о взыскании в его пользу процентов, сверх договорной пени, может подлежать удовлетворению постольку, поскольку договорная пеня не покрывает реального убытка.

Следовательно, действующее хозяйственное законодательство также не допускает совместного взыскания полностью договорной пени и узаконенных процентов.

Однако решение вопроса о совместном взыскании пени и процентов по позднейшим нормам не совпадает с ст. 121 ГК. Выше было отмечено, что узаконенные проценты, предусматриваемые ст. 121 ГК, представляют собою законную неустойку за просрочку денежного обязательства. По общему смыслу ст.ст. 141 и 142 неустойка имеет у нас оценочный характер, как предварительное определение размера предполагаемого убытка, и по этой именно причине вне особых случаев не допускается одновременное взыскание неустойки и убытков, во избежание двойного взыскания убытков за нарушение одного и того же условия договора. Очевидно, что и неустойка по ст. 121 УК имеет тот же оценочный характер. В данном случае узаконенные проценты являются только одним из способов исчисления предполагаемого убытка от просрочки исполнения одного из видов обязательств.

Отсюда ясно, что различие между позднейшими нормами и ст. 121 ГК сводится к тому, что первое допускает взыскание процентов сверх договорной пени тогда, когда договорная пеня ниже реального убытка, а ст. 121 ГК допускает взыскание процентов сверх договорной пени тогда, когда договорная пеня ниже предполагаемого минимального убытка, определяемого законом минимально в 6% годовых.

Нельзя не признать, что позднейшие нормы стоят на более правильном пути, отдавая преимущественное значение доказанному реальному убытку против абстрактной цифры 6%, позаимствованной из капиталистического оборота.

В отношении координирования взыскания неустойки и убытков имеется также существенное расхождение между позднейшими нормами и ст.ст. 141 и 142 ГК.

Ст. 141 исходит из презумпции равенства неустойки убытку, и поэтому вне особых случаев совместное взыскание неустойки и убытков не должно иметь места. Однако ст. 142 предоставляет должнику право опровергнуть презумпцию, из которой исходит ст. 141, и доказывать, что неустойка значительно превышает убыток, и в этом случае суд может снизить размер неустойки. Позднейшие нормы также исходят из презумпции равенства неустойки убытку. Но право опровержения этой презумпции предоставлено не должнику, а кредитору. Только кредитор может доказывать, что неустойка ниже реального убытка, и тогда арбитраж присуждает разницу между неустойкой и реальным убытком.

В отношении неисправного должника договорная неустойка является штрафом за нарушение договора или просрочку исполнения. Этот штраф налагается не в защиту интересов кредитора, а в обеспечение выполнения плана социалистического хозяйства. Поэтому должник вовсе не может защищаться тем, что кредитор фактически мало пострадал. Напротив, если не весь реальный убыток исправного кредитора покрывается неустойкой и если не давать ему права довзыскать непокрытую часть убытка, то исправный кредитор в конечном итоге понесет ущерб по вине должника. С точки зрения хозрасчета необходимо дать кредитору возможность дополучить реальный

убыток и выравнять свой баланс за счет неисправного контрагента.

Итак, ст. 142 ГК должна бы иметь обратную следующую редакцию: «Если подлежащая уплате неустойка чрезвычайно мала по сравнению с реальными убытками кредитора, суд вправе, по просьбе кредитора, повысить неустойку до полного покрытия убытка кредитора».

Резюмируя все сказанное по вопросу о совместном взыскании неустойки и процентов за просрочку платежа, можно притти к выводу, что последняя часть ст. 121 ГК является не только ошибочною по случаю подмены ею реального убытка абстрактными шестью процентами, но что вообще вся законная неустойка по ст. 121 представляется лишнею.

Непонятно, прежде всего, почему ст. 121 ГК из всех случаев просрочки исполнения обязательств выделила, взяла под особое покровительство и обеспечила законной неустойкой только просрочку денежного обязательства. Неужели просрочка в поставке продукции, в доставке транспортных средств и в оказании услуг имеет меньшее хозяйственное значение, чем просрочка платежа? Более последовательно и хозяйственно целесообразно поступает НКТП, когда в случаях заключения небольших сделок путем обмена письмами без указания размера санкций предписывает взыскивать пеню за просрочку всякого исполнения, а не одного только исполнения платежа.

Кроме того, поскольку законом от 19/XII 1933 г. и последующими директивами предписывается диференцировать санкции в зависимости от характера обязательства, степени его выполнения, кратности его нарушения и т. д., постольку вообще нежелательна всякая законная неустойка с твердою ставкою, как, например, 6% с просроченного платежа.

Гораздо целесообразнее понуждать хозорганы заключать доброкачественные договоры и включать в них диференцированные санкции с различными ставками пени и неустойки.

Итак, ст.ст. 117, 121, 141 и 142 явно устарели для социалистического хозяйства и нуждаются в коренном законодательном изменении.

С. ВОНСКИЙ

Не пора ли ликвидировать Госарбитраж?[1]

В статье «Арбитраж на перепутьи» (журнал «Социалистическая законность» 1936 г. № 6), т. Бешер приходит к совершенно правильному заключению о необходимости ликвидировать ведомственный арбитраж. Но нужно поставить вопрос гораздо шире: не пора ли ликвидировать и Госарбитраж, функционирующий уже свыше 5 лет.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 4/III 1931 г. «Об упразднении арбитражных комиссий» (Собр. зак. СССР — 1931 г. № 135) были ликвидированы арбитражные комиссии по рассмотрению имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями и кооперативными организациями, а дела, подлежащие разрешению упраздненными комиссиями, переданы общим судебным учреждениям с тем, чтобы суды приглашали в свой состав народных заседателей из числа работников хозорганов.

Через два месяца новое постановлене ЦИК и СНК СССР от 3/V 1931 г. «Положение о Госарбитраже» (Собр. зак. СССР 1931 г. № 203) изъяло из ведения общих судебных учреждений почти все имущественные споры между хозорганами обобществленного сектора. Дела эти были переданы госарбитражу.

Но какие были основания к замене суда госарбитражем — к изъятию указанных споров из ведения общих судебных учреждений и к передаче их госарбитражу?

А основания для такого крупного шага должны были бы быть вполне серьезные.

Рассмотрим возможные основания к замене суда госарбитражем, поскольку их можно вывести из содержания положения о госарбитражах.

Положение о госарбитраже предъявляет к госарбитражу такие требования: укрепить договорную и плановую дисциплину и хозрасчет, повысить материальную ответственность хозорганов и руководствоваться при разрешении споров законами и законными распоряжениями органов власти и общими началами экономической политики СССР.

Может быть, исполнение этих требований непосильно для суда и госарбитраж более приспособлен к их исполнению? Может быть именно по этой причине понадобилась замена суда госарбитражем?

Все перечисленные требования спаяны одной общей идеей: госарбитраж обязан соблюдать строжайшую законность, он ни в каком случае не должен освобождать хозорганы от обязательств или ответственности и не имеет права амнистировать их за невыполнение или за ненадлежащее выполнение договоров. Общие начала экономической политики СССР претворяются в законы и руководствоваться этими началами — это значит точно применять законы, являющиеся их воплощением. Планы являются для хозорганов обязательными, а укрепление плановой дисциплины — одной из важнейших задач хозорганов. Укреплять договорную дисциплину — это значит требовать строгого исполнения хозорганами принятых ими на себя обязательств — требовать законности. Наконец, соблюдение хозрасчета немыслимо без точного выполнения хозорганами принятых ими на себя обязательств по договорам, без материальной ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение договоров — вообще без соблюдения строгой законности.

Все эти требования не содержат в себе ничего специфически арбитражного; они вообще

[1] В порядке обсуждения. — Ред.

не имеют никакого отношения к посредничеству арбитра между сторонами. Во исполнение этих требований арбитр не должен допускать таких соглашений между сторонами, которые направлены к обходу законов, к амнистированию стороны, к нарушению хозрасчета и т. д. Взамен таких соглашений арбитр обязан выносить свои решения, которые отвечали бы строжайшей законности. Ясно, что требование соблюдения революционной законности не могло явиться основанием для замены суда госарбитражем. Требование соблюдения строжайшей законности является обычным требованием, предъявляемым к суду, и суд выполняет это требование.

Но не вызвана ли замена суда госарбитражем тем особым методом разрешения споров, который рекомендуется госарбитражу ст. 6 Положения о госарбитраже?

По ст. 6 споры разрешаются арбитром совместно с ответственными представителями спорящих хозорганов (руководителями хозорганов, их заместителями, членами правления) по одному от каждой стороны; а в случаях разногласия между ответственными представителями сторон и в случаях неявки ответственных представителей одной или обеих сторон вопрос разрешается арбитром.

В чем же заключается этот особый метод разбора дел? По справедливому указанию т. Шкундина, в статье его «Об арбитражном процессе» (Журнал «Советское государство» 1936 г. № 3) этот метод является методом арбитрирования, при котором арбитр склоняет стороны к хозрасчетному соглашению, и спор разрешается путем хозрасчетного соглашения, достигаемого под руководством и в соответствии с указаниями арбитра. Тов. Шкундин считает этот метод большим достоинством арбитражного процесса.

Такой способ разрешения дел можно действительно назвать арбитражным, так как арбитр фактически выступает в качестве посредника между спорящими сторонами. И если бы практика показала, что требование ст. 6 осуществимо, что этот метод может быть проведен в жизнь, то этим можно было бы оправдать замену суда госарбитражем.

По ст. 6 такие хозрасчетные соглашения требуют личного участия в делах руководителей хозорганов. Только они могут согласиться на те или иные хозрасчетные соглашения, предлагаемые арбитром. Но 5-летняя практика показала, что метод арбитрирования с ответственными руководителями хозорганов оказался неосуществимым в жизни; метод этот не привился и никогда не применялся.

Руководители спорящих сторон и их заместители, как правило, не являются в госарбитраж для участия в разрешении споров путем арбитрирования. Если разбор дела происходит в городе, где проживает руководитель или его заместитель, то он все же должен оторваться на несколько часов по каждому делу от своей прямой обязанности руководить всей деятельностью хозоргана для участия в процессе арбитрирования (с риском не застать там ответственного представителя другой стороны); кроме того он должен употребить не мало времени на изучение всех материалов дела. А чаще всего дела разбираются в другом городе и нужно по каждому делу выезжать к месту его разбора и тратить на это каждый раз не меньше 2—3 дней. Ни руководитель хозоргана, ни заместитель его не могут позволить себе тратить так много времени на ведение нередко многочисленных спорных дел хозоргана. Поэтому к разбору дел являются обыкновенно юрисконсульты, бухгалтера и т. д., которых закон не признает ответственными представителями хозорганов, метод арбитрирования с их участием не допускается, и решения выносятся не в виде хозрасчетных соглашений, а в виде единоличных решений арбитров.

В результате мы наблюдаем, что процент дел с совместной явкой ответственных представителей обеих сторон сводится к такому мизерному количеству (вероятно, не более 1%), что его и не следует принимать в расчет.

Мало того, всякий практик, знакомый со способом ведения дел в госарбитраже, знает, что даже в тех редких случаях, когда ответственные представители обеих сторон совместно являются к разбору дел, арбитр, как правило, тоже не занимается арбитрированием — склонением их к хозрасчетному соглашению, а выслушивает их объяснения и единолично решает дело.

Ошибка т. Шкундина заключается в том, что он предполагает, что метод разрешения споров, указанный в ст. 6, проводится в жизнь, а в действительности этот метод никогда не проводился, не проводится и не может быть проведен в жизнь.

Ясно, что если метод арбитрирования по тем или другим причинам не может быть проведен в жизнь, то отпадает надобность в замене суда арбитражем. Если из госарбитража вынуть его душу — арбитрирование, то для чего нужен такой госарбитраж?

Но, может быть, замена суда госарбитражем вызвана желанием поручить разбор дел опытным хозяйственникам, назначаемым в арбитры?

Естественно, что орган, разрешающий споры хозорганов, должен быть знаком с их хозяйственной деятельностью. Но указанный закон от 4/III 1931 г. о ликвидации арбитражных комиссий установил прекрасный способ для облегчения суду разрешения споров между хозорганами, а именно: приглашение в состав суда народных заседателей из числа работников хозорганов. Этот способ имеет такие преимущества: дела разрешаются не единолично, а коллегиально. Кроме того можно всегда приглашать к участию в делах в качестве народных заседателей одного из числа работников хозорганов — покупателей или заказчиков, а другого — из числа работников хозорганов поставщиков или производителей. Вне сомнения, что такой коллегиальный состав суда будет выносить более квалифицированные решения, чем один арбитр. Поэтому и с точки зрения персонального подбора лиц для разрешения дел суд также имеет преимущество перед госарбитражем.

Если разрешение споров поручено будет суду в тех же крупных центрах, где теперь функционирует госарбитраж (в зависимости от участия в деле хозорганов общесоюзного, республиканского, краевого и областного значения и от цены исков) и если в каждом крупном центре разрешение споров между хозорганами будет сосредоточено в одном судебном органе, то подбор народных заседателей из числа квалифицированных кадровиков-хозяйственников будет значительно облегчен.

Можно, далее, организовать суд для разрешения споров между хозорганами в виде особых сессий суда, куда работники хозорганов включаются не в качестве народных заседателей, а в качестве постоянных членов суда. Таким способом организованы были особые сессии суда по трудовым делам, куда вместо народных заседателей были включены постоянные члены суда из числа лиц, знакомых с вопросами труда.

Не вызвана ли, наконец, замена суда госарбитражем тем, что ему поручены некоторые акты, имеющие характер управления: сигнализация вышестоящим органам о серьезных нарушениях договорной и плановой дисциплины и об иных недочетах в деятельности хозорганов, контроль над исполнением решений госарбитража и разрешение преддоговорных споров? Этого мнения придерживается тов. Шкундин.

Но если на суде выясняются какие-либо недозволенные или преступные действия хозорганов или их сотрудников, могущие нанести ущерб государству или влекущие за собой дезорганизацию в деятельности государственных или общественных органов, то советский суд обязан неукоснительно доводить об этом до сведения органов прокуратуры или вышестоящих органов. Это его безусловная обязанность. Для этого не нужно заменять суд госарбитражем.

Контроль над исполнением решений может быть поручен суду или хозорганам, или выше их стоящим органам.

Что же касается преддоговорных споров, то они сводятся к спорам о том, обязан ли данный хозорган заключить предлагаемый ему договор и на каких условиях должен быть заключен договор.

Так как у нас народное хозяйство плановое, то указанные споры могут быть разрешены на основании действующих планов. Эти планы указывают каждому хозоргану и объекты его работ, и объем этих работ. Таким образом преддоговорные споры могут быть, а потому и должны быть разрешаемы на основании этих планов. Эти споры ничем не отличаются от других споров, возникающих между хозорганами, и споры эти должны разрешаться теми же судебными органами, которые разрешают другие споры. Для разрешения этих споров не было надобности заменять суд госарбитражем.

В течение истекших 5 лет госарбитраж издал «Правила рассмотрения и разрешения имущественных споров госарбитражем» («Бюллетень Госарбитража» № 18, 1934 г.) и целый ряд приказов и распоряжений, которыми он постепенно совершенствовал арбитражный процесс. Достаточно присмотреться к результатам этого творчества, чтобы убедиться в том, что замена суда Госарбитражем отрицательно повлияла на качество процесса, а значит, и на качество выносимых госарбитражем решений.

В № 15 журнала «Арбитраж» за 1936 г. помещена заметка автора этих строк «Об арбитражном процессе». В этой заметке указаны некоторые отрицательные стороны процесса госарбитража, серьезно нарушающие процессуальные права сторон и вкратце сводящиеся к следующему:

1. Ответчик, посылая арбитражу письменное возражение против иска с приложением документов, не обязан посылать истцу копии возражения и приложений.

2. Сторона имеет право представлять арбитру во время разбора дела новые документы, могущие ухудшить положение «противника», не будучи обязанной заблаговременно посылать «противнику» копии этих документов, а обязанность арбитра отложить в таком случае слушание дела по требованию «противника» не предусмотрена правилами.

3. Сторона, подавая жалобу главному арбитру в порядке надзора, не обязана посылать «противнику» копии жалобы и приложений; о подаче жалобы никто не оповещает «противника», а главный арбитр рассматривает такие жалобы «по общему правилу без вызова сторон», и противник бывает неожиданно ошарашен полной или частичной отменой обжалованного решения.

4. Если местный арбитр разрешил дело, подсудное Госарбитражу при СНК СССР, а недовольная решением сторона подает жалобу в порядке надзора на имя Госарбитража при СНК СССР, то местный арбитр отсылает Госарбитражу при СНК СССР только жалобу; приложить к жалобе подлинное производство с документами ему разрешается только в исключительных случаях, когда по его личному мнению для рассмотрения поданной жалобы необходимо будет ознакомление с подлинным делом.

5. Главарбитры не мотивируют своих решений об оставлении без последствий жалоб, поданных в порядке надзора, а ограничиваются надписями: «решение утверждаю».

Редакция журнала «Арбитраж» сопровождает заметку припиской, что автор заметки не учел широко применяемой в арбитражной практике предварительной подготовки дел госарбитражем, окончательности решения и возможности отмены их лишь в порядке надзора.

Но тяжущиеся почему-то не замечают особой предварительной подготовки дел арбитражем; она не лучше, чем в общих судебных учреждениях.

Непонятно также, почему из окончательности решений госарбитража нужно сделать вывод, что жалобщик не должен посылать «противнику» копий жалобы и приложений и что предстоящий пересмотр решения должен оставаться тайной для противника. Решения народных судов тоже окончательны и могут быть обжалованы только в кассационном порядке по тем самым мотивам, по которым допускается подача жалоб в порядке надзора на решения арбитра. Тем не менее кассаторы посылают противникам копии жалоб; о дне слушания дел по жалобам вывешиваются списки дел; дела слушаются в открытых судебных заседаниях; явившиеся стороны выслушиваются, а решения кассационной инстанции мотивируются.

Можно указать еще на ряд серьезных нарушений прав сторон процессуальными правилами госарбитража. Так, например, по ст. 12 Положения о госарбитраже надзор за деятельностью Госарбитража при СНК СССР возлагается на СНК СССР, а процессуальные правила Госарбитража не упоминают даже о возможности подачи сторонами жалоб в СНК СССР. Далее, правила игнорируют право прокуратуры опротестовать решения арбитража в

случае обнаруженного в этих решениях нарушения революционной законности.

Таким образом правила как бы изъяли госарбитраж из-под надзора СНК СССР и прокуратуры о чем только можно пожалеть.

Вряд ли можно причислить к достоинствам арбитражного процесса: 1) несоставление протоколов заседаний, вследствие чего стороны лишены возможности просить о занесении в протокол фактов, имеющих серьезное значение для дела или нарушающих права сторон и 2) отсутствие правил о свидетельских показаниях, вследствие чего процесс базируется только на письменных (формальных) доказательствах.

Какова природа госарбитража?

Выше мы видели, что фактически он не является арбитражным судом, склоняющим стороны к хозрасчетным соглашениям. Не является он и третейским судом, который разрешает обыкновенно споры по принципу: «грех пополам» и является свободным от применения законов. Госарбитраж является обыкновенным судом, обязанным разрешать споры хозорганов по всей строгости законов, но обладающим рядом особенностей.

Особенности Госарбитража состоят в том: 1) что он является не коллегиальным, а единоличным судом, 2) что он сам составляет для себя процессуальные правила и 3) что он свободен от контроля такого компетентного судебного учреждения как Верховный суд и вообще фактически свободен от какого-либо надзора.

Все эти особенности вместе и каждая в отдельности внесли в арбитражный процесс ряд ненормальностей и лишили спорящие хозорганы массы необходимых процессуальных прав и гарантий, что не может не отразиться на правильности решений.

Бесспорно, что коллегиальный суд является высшим типом суда в сравнении с единоличным судом. Если бы народные суды действовали единолично, если бы кассационная инстанция заменена была единоличным областным судьей, а Верховный суд был бы заменен единоличным главным судьей, то результаты получились бы весьма плачевные. Но несмотря на то, что коллегиальные суды стоят выше единоличных, у нас произошло странное недоразумение: для разрешения дел частных лиц учрежден коллегиальный суд и процессуальные права сторон вполне обеспечены, а для разрешения весьма серьезных дел госорганов обобществленного сектора учрежден единоличный суд, называемый без всякого основания арбитражем, и процессуальные права спорящих хозорганов очень слабо ограждены. В оправдание такого ненормального положения нельзя сослаться на то, что хозорганы обобществленного сектора являются отдельными, тесно сплоченными между собой частями одного целого социалистического государства и что эти части одной цельной системы не должны так отгораживаться в своих расчетах друг от друга, как отгораживаются друг от друга частные лица. Принцип хозрасчета является основным фактором деятельности хозорганов, он требует от хозорганов плановой и договорной дисциплины, он налагает строгую ответственность за невыполнение договоров в целом или в части. Это ни в какой мере не означает какого-либо «отгораживания» хозорганов друг от друга, но это сочетает требования законности с требованиями хозрасчета.

В речи от 4/II 1931 г. на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности товарищ Сталин особо подчеркнул важность этого принципа для промышленности, обратил внимание на то, что без соблюдения хозрасчета немыслимо внутрипромышленное накопление, и сказал: «Итак, внедрить и укрепить хозрасчет, поднять внутрипромышленное накопление — такова задача». Ясно, что этот принцип относится не только к хозорганам промышленности, но и ко всем другим хозорганам.

Хотя хозорганы составляют все вместе одно целое, они все же обязаны в своих расчетах между собою действовать как отдельные единицы. Иначе хозрасчет будет сорван, возникнут бесхозяйственность, безответственность, взаимное амнистирование и все прочие прелести работы без хозрасчета. Хозрасчетная обособленность отдельных хозорганов должна быть доведена до того, чтобы хозорганы рассчитывались между собой не только с не меньшей, но с большей, чем частные лица точностью. Такие хозрасчетные отношения нужно внедрить не только между хозорганами разных ведомств, разных хозобъединений и разных кооперативных систем, но даже между хозорганами одного и того же ведомства или хозобъединения и одной и той же кооперативной системы — словом между всеми хозорганами обобществленного сектора.

Имущественные споры всех хозорганов должны быть переданы в ведение коллегиального суда, лишенного права составлять для себя процессуальные кодексы. А госарбитраж и ведомственный арбитраж должны быть ликвидированы.

До чего доводит единоличный суд со своим правом устанавливать для себя процессуальные правила, видно из разъяснения его о том, что если главарбитр разрешил дело (конечно единолично), и на это решение подана жалоба в порядке надзора, то жалобу эту разрешает тот же главарбитр, который может собственноручно начертать стереотипную немотивированную резолюцию: «решение утверждаю». Легко себе представить, с каким доверием к солидности этой резолюции относится жалобщик. Трудно согласиться с мнением редакции журнала «Арбитраж» о том, что в вопросах ограждения процессуальных прав хозорганов, нужно интересоваться в первую очередь мнением работников системы арбитража, а не мнением хозорганов.

Правда, арбитражные порядки связаны с очень большими удобствами для работников арбитража.

Так нужно готовиться к делу. Но на этот случай у арбитра имеется референт, который докладывает дело, и арбитр может готовиться к делу только тогда, когда он этого желает.

Нужно вынести решение. Так как нет ни народных заседателей, ни членов суда, то арбитру не приходится убеждать их в правильности своего взгляда.

Подается жалоба в порядке надзора; нужно бы для разрешения жалобы выслушать стороны, а это как-никак является обузой; но дело заслушивается без вызова и без заслушания сторон.

Нужно бы мотивировать решение по поданной жалобе. Не угодно ли писать мотивы по каждой жалобе?! И на этот случай имеется большое удобство: решение по жалобе выносится без всякой мотивировки. Подается жалоба в Госарбитраж при СНК по делу, ему подсудному, но разрешенному местным арбитражем. Не угодно ли изучать материалы по подлинным, иногда толстейшим производствам?! Но практикуемая неприсылка подлинных производств освобождает госарбитраж от такой утомительной работы и т. д.

Все это может быть удобно для арбитров, но полезно ли это для разрешения дел? В этом следует усомниться...

Первая пятилетка деятельности госарбитража уже истекла. Вряд ли нужна еще одна пятилетка, чтобы решить вопрос, не пора ли ликвидировать госарбитраж...

М. ДУБРОВСКИЙ

К вопросу о советской адвокатуре[1]

Статья 111 проекта сталинской Конституции, обеспечивающая право на защиту в суде, создание Народного комиссариата юстиции Союза ССР, включение в него отдела, специально занимающегося вопросами советской адвокатуры и организации юридической помощи населению, — все это ставит новые задачи перед советской защитой, все это заставляет внимательно пересмотреть законы, регулирующие дальнейшую ее работу.

Перед Народным комиссариатом юстиции Союза несомненно возникнет вопрос о необходимости пересмотра ныне действующего положения о советской защите. В связи с этим пишущему эти строки представляется крайне важным остановиться на ряде узловых вопросов, касающихся адвокатуры, и попытаться дать ответ на эти вопросы.

Прежде всего следует определить, как нужно называть нашу советскую адвокатуру — адвокатурой или коллегией защитников; как нужно называть людей, занимающихся адвокатурой — адвокатами или тремя буквами «ЧКЗ»?

Мы прежде всего хотим напомнить читателю, что в 1922 г. в один день с опубликованием Положения о советской прокуратуре, было также опубликовано «Положение о советской адвокатуре». Нам представляется, что название это было отнюдь не случайно, и что вошедшие затем в быт и в закон название «Коллегия защитников» и «Чеказа» в значительно меньшей степени соответствуют той мысли, которую законодатель желал провести в вопросе об организации юридической помощи населению.

«Защитник» обязательно предполагает защиту, между тем, наш закон это понятие знает только в уголовном суде. Юридическая же помощь населению оказывается не только в уголовном суде и, главным образом, не в уголовном суде. Рост гражданских дел, юридическая помощь населению советом, дела административные, жилищные и пр. и пр. — все это понятием защиты охвачено быть не может, и потому люди, объединяющиеся в системе Наркомюста, для оказания юридической помощи населению и для юридического обслуживания государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций неправильно, на наш взгляд, называются защитниками.

Слово «адвокат» значительно шире, охватывает гораздо больший круг понятий, и, кроме того, является словом международным, что также следует учесть.

Поэтому в споре о названии пишущий эти строки является решительным сторонником названия «адвокатура» и «адвокат».

Я не говорю уже о том, что вошедшее в быт, а также и в судебные документы (приговоры, решения и пр.) неуклюжее слово «Чеказа» вообще ничего не выражает.

Вопрос о личном составе адвокатуры и о юридической помощи населению имеет совершенно исключительную важность.

Кто, как и каким способом будет оказывать эту помощь — далеко не безразлично как для населения, так и для судебных органов.

Итак, — кто?

Всем судебным и прокурорским работникам хорошо известно, что ныне действующие коллегии защитников достаточно засорены людьми, которые никак не отвечают высокому призванию человека, обязанного помогать суду и обслуживать юридической помощью население, так или иначе нуждающихся в этой помощи. Засоренность эта имеет ряд причин. Среди них очень серьезной является тот недостаток внимания к работе коллегий защитников, к их личному составу, который несомненно проявляют до последнего времени и местные советы и органы юстиции. Нечего греха таить — был такой период, когда отдельные руководители судов и прокуратуры считали, что наиболее подходящим местом для неудавшихся, неспособных и не слишком грамотных судей, прокуроров и следователей является коллегия защитников.

В результате этого, по меньшей мере, ненормального положения мы имеем сплошь и рядом членов коллегии защитников неграмотных не только юридически, но и вообще неграмотных. Люди эти не только не помогают судебным органам и гражданам, имевшим несчастье к ним обратиться, но основательно дискредитируют советскую защиту.

Не имея юридического образования, провалившиеся на практической судебной или прокурорской работе люди эти почему-то считают себя вправе предлагать гражданам свою «юридическую» помощь.

Мы имеем также людей, имеющих дореволюционное высшее юридическое образование, с гордостью называющих себя «старыми адвокатами», которым представляется, что пра-

[1] В порядке обсуждения. — **Ред.**

вовой науки в Советском союзе не существует, что вся «премудрость» закончилась для нашей страны в 1917 г. и которые, поэтому, крайне пренебрежительно относятся к советскому праву, к советскому закону.

Разумеется, и эта категория «Чеказе» ни в какой мере не может претендовать на звание настоящих советских адвокатов.

Необходимо, чтобы в дальнейшем наша адвокатура комплектовалась бы крепкими квалифицированными советскими юристами.

При выработке нового положения о советской адвокатуре необходимо поставить вопрос так, чтобы прием в адвокатуру был качественно весьма строго ограничен.

По нашему мнению, в адвокатуру можно принимать только:

а) людей с законченным высшим юридическим образованием;

б) людей с законченным средним юридическим образованием при условии сдачи ими соответствующих испытаний и

в) лиц, хотя бы и не имеющих высшего юридического образования, но имеющих значительный опыт практической советской судебной, прокурорской и следственной работы.

Эта последняя категория должна, однако, приниматься в адвокатуру только в том случае, если товарищи, желающие в нее вступить, не были сняты с указанной выше работы за непригодностью к ней.

Помимо этих формальных признаков люди, желающие вступить в адвокатуру, должны отличаться высоким идейно-политическим и моральным уровнем. Лица, опороченные по суду, исключенные из общественных организаций за порочащие их, как советских граждан, поступки не могут и не должны находить себе пристанища в советской адвокатуре.

Звание советского адвоката необходмо поднять на большую высоту. Недопустимо такое положение, когда наши молодые, окончившие вуз юристы в подавляющем большинстве пренебрежительно отворачиваются от адвокатской работы. В значительной степени это, конечно, объясняется неудовлетворительным состоянием работы защитников, имевшим место до сих пор. Положение это должно быть в корне изменено. Неправильно также и то, что каждый, получивший высшее или среднее юридическое образование, без всякой практической подготовки, без прохождения стажа, прямо со школьной скамьи принимается непосредственно в коллегии защитников и является сразу же полноправным адвокатом.

Совершенно необходимо установить институт помощников адвоката, которые должны пройти 2-летний практический стаж под руководством наиболее квалифицированных адвокатов, чтобы только после этого получить право самостоятельной работы по юридическому обслуживанию населения.

Это мероприятие несомненно подымет юридический уровень нашей адвокатуры и значительно улучшит качество юридической помощи обслуживаемому населению.

Итак, мы попытались ответить на вопрос — кто может быть советским адвокатом.

Следующий весьма серьезный вопрос, кстати сказать, весьма волнующий адвокатские круги, — это вопрос о методах работы по оказанию юридической помощи: коллективы адвокатов или консультации, коллективы или частно-практикующие адвокаты?

Почему-то в очень многих рассуждениях по этому поводу вопрос ставится альтернативно — или коллектив, или консультации, или частно-практикующие адвокаты.

Это, разумеется, совершенно неправильная постановка: и коллективы, и консультации, и индивидуально работающие адвокаты. Таков единственно правильный ответ на этот вопрос.

Почему вообще возник этот спор? Он возник потому что в ряде мест коллективы адвокатов организовались и работали совершенно неправильно. Для того чтобы уяснить себе, в чем суть дела, нужно поставить перед собой вопрос, что такое коллектив адвокатов?

Я отвечаю на него так: коллектив — это добровольное объединение адвокатов для совместной работы по оказанию юридической помощи населению и юридического обслуживания государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций. Коллектив не является государственным учреждением, организуется на строго добровольных началах и действует под непосредственным руководством совета адвокатуры (по нынешнему положению — президиума коллегии защитников).

Кто может возражать против такой формы адвокатской работы? Разумеется, никто, ибо для этого нет и не может быть никаких оснований.

Разумеется, если нарушить принцип добровольности организации коллектива, произвольно «регулировать» его состав, мешать коллективу распределять заработанные коллективом средства, — то коллектив может превратиться в бюрократическую организацию и против такого коллектива, разумеется, будут возражать, и возражать правильно. Поэтому вся суть вопроса заключается в том, чтобы коллектив был организован правильно, чтобы не повторялись те искажения, которые, к сожалению, бывали в ряде городов.

Указание на добровольность организации коллективов предрешает вопрос о том, должны или не должны существовать индивидуально практикующие адвокаты.

Совершенно очевидно, что те, которые не захотят войти в коллектив по тем или иным причинам и которые не находятся на государственной или профсоюзной юридической работе, будут заниматься частной адвокатской практикой. Напоминаем также, что закон никогда не запрещал частной адвокатской работы. Становясь на путь широкого развития коллективов по оказанию юридической помощи населению, отнюдь не следует из этого делать вывод, что нужно административными, налоговыми или тому подобными мерами «нажимать» на адвоката для того, чтобы заставить его пойти в коллектив. Практика показала, что там, где коллективы организованы по изложенным выше принципам, где они работают хорошо, население почти не обращается к частно-практикующим адвокатам, и последние жизнью ставятся в необходимость войти в адвокатский коллектив.

Там же, где коллективы организованы по-чиновничьи, где они работают неправильно и нехорошо — частно-практикующие адвокаты процветают материально и не имеют никаких моральных побуждений для вступления в коллективы.

Таким образом гвоздь вопроса заключается в правильной организации и хорошей работе коллективов.

Параллельно с этим возникает вопрос о том, может ли какая-нибудь другая организация, кроме адвокатуры, оказывать юридическую помощь населению, может ли отдельный гражданин, не являющийся адвокатом, заниматься юридической практикой по оказанию помощи населению или по обслуживанию государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций?

На оба эти вопроса мы отвечаем отрицательно. Нам представляется совершенно необходимым, чтобы за всеми органами и лицами, занимающимися оказанием юридической помощи населению или юридическим обслуживанием государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций, Наркомюст осуществлял бы надзор.

Организационно самым правильным решением вопроса было бы осуществлять этот надзор через советскую адвокатуру.

Поэтому мы считаем, что:

1) частная адвокатская практика может быть разрешена только лицам, состоящим в адвокатуре;

2) что юрисконсульты всех государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций также могут быть адвокатами, ведущими юридическую судебную работу под надзором совета адвокатуры;

3) что юридические профсоюзные консультации должны обслуживаться адвокатами, либо в порядке индивидуального приглашения их на работу, либо по договору профсоюзной организации с советом адвокатуры или коллективом адвокатов. Все эти мероприятия концентрируют работу по юридической помощи и юридическому обслуживанию в адвокатуре, которая работает под непосредственным руководством народных комиссариатов юстиции союзных и автономных республик.

Совершенно естественно возникает вопрос о том, кто будет оказывать юридическую помощь населению в тех местах, где адвокатура не организована и за отсутствием там адвокатов не может быть организована?

На этот вопрос следует ответить так: в такие районы — народные комиссариаты юстиции будут назначать государственных защитников, являющихся работниками Наркомюста и имеющих все права адвокатов.

Выше мы сказали, что адвокатура действует в системе органов Наркомюста.

Что же это значит?

Остается ли по нынешнему в силе то положение, которое имеется сейчас, когда коллегии защитников существуют при судах или нет?

На этот вопрос мы отвечаем отрицательно. Адвокатуры должны быть подведомственными непосредственно наркомюстам союзных и автономных республик, являясь самоуправляющими организациями, суду не подчиненными. Это, разумеется, не значит, что адвокатуры отрываются от суда.

Основная работа адвокатуры проходит в суде и потому совершенно несомненен фактический контроль суда за работой адвокатуры.

Мы только считаем, что суды не должны иметь никакой административной или ревизующей власти по отношению к адвокатуре. Последняя функция должна, по нашему мнению, осуществляться Наркомюстом. Защитники, также, как и прокуроры, повторяю, выступают в суде под его контролем, но также, как и прокуроры, они должны быть независимы от суда.

Ряд извращений, бывших на местах, показывает, что пора прекратить, такое положение, при котором судья является «фактическим хозяином» коллегии защитников.

Нет никакого сомнения в том, что необходимость издания нового положения о советской адвокатуре назрела и что перед НКЮ СССР стоит задача разработки и внесения на рассмотрение правительства этих положений.

Работа советского адвоката — работа почетная, трудная и ответственная.

В дни, когда наша страна получила новую сталинскую Конституцию, когда в историческом докладе своем вождь народов СССР товарищ Сталин, с такой исчерпывающей ясностью объяснил роль и значение советской интеллигенции, советская адвокатура должна твердо и решительно взяться за перестройку своих рядов, за основательную реорганизацию своей работы.

А. ЦЫПКИН

Советская адвокатура

Еще до опубликования проекта Конституции товарищ Сталин в беседе с американским журналистом Рой Говардом сказал, что «наша советская Конституция будет, по-моему, самой демократической конституцией из всех существующих» (Большевик № 6, 1936 г. стр. 8). Когда проект сталинской Конституции был опубликован, то стало ясно, что новая Конституция действительно самая демократическая из всех существующих, что «самодержавие народа» как переводил Ленин слово «демократия», нашло в ней полное и последовательное разрешение.

В советской стране существует подлинная личная свобода, наше социалистическое общество мы построили для того, сказал товарищ Сталин, «чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной».

Максимально защищаются у нас права отдельного гражданина, все органы советской власти и, в первую очередь, советы трудящихся обеспечивают «охрану прав граждан» (ст. 97 проекта Конституции).

Одним из прав, предоставленных по Конституции, является право граждан на судебную защиту (ст. 111 проекта Конституции).

Обеспечить каждому гражданину возможность осуществить свое право на судебную защиту должны коллегии защитников.

В последнее время советской защите уделяется много внимания. Обсуждаются вопросы, связанные с расширением процессуальных прав защитников в уголовном процессе (участие защитника в стадии предания суду и даже в процессе предварительного следствия). Вновь организованный Наркомат юстиции СССР считает одной из крупнейших задач Наркомата «правильную и надлежащую организацию судебной защиты».

Прокурор Союза А. Я. Вышинский указывает, что «на советскую защиту возлагается не менее ответственная обязанность перед судом и обществом, чем на судью и прокурора».

Чтобы оказаться достойной того места, которое ей отводится, советская защита не мало должна поработать. Слишком много недостатков и недочетов в работе советской адвокатуры и за преодоление их защитники должны взяться сами, чтоб достойно пользоваться тем уважением, к которому в отношении к советской адвокатуре призывают не только «ex officio», но по делам, по заслугам, по работе.

В судебных речах защитников, в жалобах, которые защитники пишут, нередко отсутствуют четкие выводы.

Иногда защитник, заканчивая свою речь, говорит, примерно, так: «обвиняемого нужно оправдать, но если оправдать его вы не найдете возможным, то дайте ему, по крайней мере, снисхождение».

Такие выступления имеют особенно частые явления в районах, но они не редки и в кассационных заседаниях Верховного суда, причем этим грешили и опытные, квалифицированные адвокаты.

Такой «универсальный» вывод является совершенно недопустимым, ибо нельзя одновременно говорить и об оправдании и об осуждении (хотя бы и со смягченной мерой наказания). Если защитник убежден в невиновности своего подзащитного, то он не вправе говорить об обвинительном, хотя бы и «мягком» приговоре, точно также как нельзя говорить об оправдании при бесспорно доказанной виновности.

Подобного рода выступления никакой помощи суду не приносят. По тому или иному делу суд должен вынести определенный приговор и он вправе требовать от защитника, чтоб тот высказал определенное мнение.

Когда после такого «универсального» выступления суд выносит оправдательный приговор — защитник удовлетворен — суд, значит, согласился с ним; когда суд выносит приговор обвинительный с невысокой мерой наказания — защитник, опять-таки, доволен — ведь он и об этом не преминул сказать.

Таким образом шансы для защитника быть довольным собою увеличиваются вдвое, но зато шансы для судьи быть довольным защитой резко снижаются: судья имеет право требовать от защиты помощи, а что же это за помощь, когда защита, говоря одновременно о двух выводах, ярко подчеркивает, что у нее ни одного определенного, продуманного и твердого вывода нет.

Когда человек одновременно смотрит в разные стороны, мы это называем косоглазием, когда юрист одновременно пытается притти по одному делу к двум разным выводам, мы считаем это «юридическим косоглазием» и считаем, что это является болезнью, от которой надо немедленно избавиться.

Некоторые из защитников пытаются чуть ли не «теоретически» доказать правильность подобного рода «юридического косоглазия», но и они согласятся с тем, что «лучше меньше да лучше» — лучше один вывод определенный и обоснованный, чем два вывода — друг друга взаимно исключающих.

Положение защитника в процессе таково, что ему не столь редко случается расходиться с прокурором, возражать прокурору как в процессе судебного следствия, по поводу отдельных вопросов возникающих на суде, — вопросов об отложении дела, направления его на доследование, вызова свидетелей, проведения экспертизы, так и в прениях сторон по поводу окончательных итогов и выводов по делу.

Если защитник считает свои возражения основательными, он может и должен возражать прокурору. Единственно, что требуется от защитника — это, чтоб его возражение было обосновано по существу и тактично по форме.

Но совершенно недопустимым является положение, когда защитник «не смеет своего мнения иметь», когда по тем вопросам, где он мог бы и должен был бы возразить прокурору — он, чтобы «не портить отношений», угодливо поддакивает ему, превращая ответственную работу по защите обвиняемого в фикцию, не выполняя своей обязанности помочь суду — в выяснении сущности вопроса, в отношении которого прокурор на сей раз стоит на неправильной точке зрения.

Такого рода подхалимство особо отвратительно, ибо оно происходит не в частной жизни, а имеет место при выполнении защитником своих процессуальных обязанностей и за счет добросовестного отношения к своим обязанностям.

Случай такого подхалимства мы здесь приводим:

В народном суде Дергачевского района (Саратовского края) слушалось с участием прокурора и защитника дело по обвинению граждан Турковского и Шилина по закону от 7 августа 1932 г. Обвиняемым вменялась в вину растрата 29 000 руб. и дело представляло собою очень объемистый том.

В начале судебного заседания обвиняемые заявили просьбу о производстве бухгалтерской экспертизы для проверки сложных и запутанных бухгалтерских расчетов и о вызове свидетелей.

Прокурор высказался против удовлетворения этой просьбы. Защитник присоединился к прокурору оптимистически считая, что «все (как записано в протоколе) может выясниться и без экспертизы».

К концу судебного заседания прокурор уже сам просит дело отложить и вызвать еще 4 свидетелей. Защитник присоединяется к прокурору и дело откладывается.

Через 9 дней вновь открывается судебное заседание по этому делу и, хотя из вызванных по заявлению прокурора 4 свидетелей явился только один, — прокурор считает возможным дело слушать. Защитник соглашается с мнением прокурора.

Судебное следствие по этому делу, хотя имел место девятидневный перерыв, во время которого суд рассмотрел большое количество дру-

гих дел, не возобновляется. Ограничиваются допросом явившегося одного свидетеля и переходят к прениям сторон. Защитник не возражает против такого грубейшего нарушения правила непрерывности судебного заседания.

Происходят прения сторон и защитник просит «так как обвинение имеет не твердое доказание» (так записано в протоколе) применить не закон от 7 августа, а ст. 116 УК.

Краевой суд отменил приговор, вынесенный народным судом. Народный суд при новом рассмотрении дела опять, вопреки указанию краевого суда, экспертизу не произвел, и новый приговор был снова отменен.

Сейчас дело находится на доследовании.

Такое поведение защитника совершенно недопустимо. Но защитник, повидимому, доволен и, главное, спокоен — зато ведь он с прокурором «не спорил», он ему во всем поддакивал.

Такие случаи процессуального подхалимства, допускаемые защитниками, о которых т. Вышинский говорил, что «они лебезят мелким бесом пред судом и даже пред обвинителем», не могут ни поднять авторитет, ни усилить уважение к защитнику.

В судебной практике встречаются дела, где обвиняемый, отрицая свою виновность, приписывает свою вину другому обвиняемому — оговаривает его. При наличии такого рода противоречий защитник не имеет права защищать обоих, ибо когда защита одного из подсудимых противоречит защите другого, то каждому из подсудимых должен быть назначен особый защитник (ст. 251 УПК).

В практике районов, в особенности тех районов, где работает один защитник, нарушение указанного правила представляет массовое явление.

Если в деле участвует обвинитель и всем обвиняемым должен быть назначен защитник, то, не затрудняясь приглашением второго защитника из ближайшего района, защитник защищает всех обвиняемых, не считаясь с противоречиями, имеющимися в защите каждого из них.

Не трудно себе представить, что собой представляет такого рода «защита». Защищать обоих он, естественно, не может, и обвиняемые с понятной тревогой, взирая на затылок защитника, за спиной которого они сидят, ждут, какую же позицию займет защитник. Кого из них он будет защищать, а кого — неизбежно уличать и обвинять.

Защитник, чувствуя неприглядность своего положения, обращается после такой защиты к «преданному» им подсудимому и конфузливо мямлит: «здесь, мол, я иначе никак не мог — зато в кассации я уж напишу по-вашему».

Пример: В народном суде Куриловского района (Саратовского края) слушалось дело по обвинению членов сельсовета Коробкова и Брагина в получении взятки (ст. 117 ч. 2 УК). Коробков признал себя виновным и объяснил, что полученной взяткой он поделился с Брагиным. Брагин категорически отрицал свою причастность к преступлению.

Суд происходил с участием прокурора и одного защитника. В защитительной речи защитник просил применить ч. 1 ст. 117 к обоим, то есть встал на точку зрения Коробкова, что он взяткой действительно поделился с Брагиным и, следовательно, уличал своего второго «подзащитного» — Брагина.

Суд осудил обоих — и к делу, вошедшему в краевой суд, были приложены две кассационные жалобы. Обе эти жалобы были написаны одной и той же рукой — рукой защитника, выступавшего в суде.

В кассационной жалобе Коробова было написано, что он просит снисхождения, так как полученными деньгами поделился он с Брагиным, а в жалобе Брагина рукой, повторяем, того же защитника было написано, что Коробков его ложно оговаривает, что он, Брагин, взятку не брал и о ней ничего не знал.

Такие защитники дискредитируют советскую адвокатуру. Если защитник забыл ст. 251 УПК, то ему нужно было хотя бы напомнить слова Козьмы Пруткова «Плюнь тому в глаза, кто скажет, что можно объять необъятное».

Сейчас твердо ставится вопрос о всемерном внимании и уважении к защите. Советские защитники, улучшая свою работу, поднимая свою квалификацию, должны доказать, что они достойны этого внимания и уважения.

Д. ГОРВИЦ

Роль взрослых в преступлениях несовершеннолетних

Дела несовершеннолетних, в которых привлекаются взрослые соучастники преступлений, представляют глубокий и особый интерес.

В совместной «работе» с подростками эти взрослые видят для себя большие выгоды.

Ребята — удобное и послушное орудие в руках взрослых преступников: физическая слабость и легко владеющее ими чувство страха держит их в зависимости от взрослых, в момент совершения преступления они меньше заметны, за их спинами легко укрыться от ответственности.

В одних случаях ребят в преступления вовлекают их близкие родственники: отец, мать, брат, дядя, сосед по дому, просто знакомый, в других — связь с профессионалом-вором, деклассированным взрослым часто определяется случайной встречей.

Большое количество этих дел, значительность их удельного веса, трудность их расследования — все это обязывает к пристальному вниманию и изучению дел о соучастии в преступлениях взрослых с несовершеннолетними.

В нашей практике (камера народного суда по делам о несовершеннолетних) эти дела дают резко выраженные случаи, когда взрослые всегда и неизменно являются подстрекателями преступления, и при этом сами остаются в тени.

К примеру: 13-летний Сергей, ученик 5 класса, пионер, как-то днем отправился на Центральный рынок за покупкой батареи для сво-

его электрического фонарика. Не зная, в каком ряду рынка батареи продаются, Сергей обратился с этим вопросом к стоящему у самого входа на рынок инвалиду. Последний торговал какими-то вещами. Инвалид вызвался показать Сергею это место, и сам привел его в ряд, где шла торговля, правда, не батареями, а электрическими фонарями и настойчиво стал уговаривать купить себе фонарик. «Да у меня на фонарь денег нет, есть только на батарею».

«А хочешь иметь деньги?».

«Хочу».

«Принеси облигации, да бери только крупные, дам тебе денег много; если твой товарищ мне принесет облигации, и ему дам денег».

Сергей идет домой, из-под отцовского тюфяка берет облигации, что покрупнее, на сумму 800 руб., учит своего двоюродного братишку взять также у матери облигации, и через час оба мальчика имеют не только новые электрические фонарики, но и получают еще на руки какие-то деньги.

Инвалид снова требует облигации, мальчики второй раз совершают кражу.

Сознание совершенного проступка мучает Сергея, он не решается признаться в нем родителям, по ночам уговаривает своего брата бежать с ним совместно из дома. Подготовка детей к поездке в Крым открыла родителям глаза на переживания Сергея.

Страх перед инвалидом, перед осуществлением его угрозы, содержания которой Сергей и на суде не рассказал, был так велик, что суду пришлось приложить много усилий, чтобы освободить его от страха и допросить.

В этом деле, как и в ряде подобных ему, связь подростка с преступником является случайным, единичным эпизодом в жизни несовершеннолетнего. Такая связь устанавливается мгновенно: не успевает подросток опомниться, как он уже в тенетах взрослого преступника, и собственными усилиями ему не освободиться.

Но чаще взрослые преступники действуют иначе.

Медленно и методично они «обрабатывают» подростков, влияют на них длительно, покуда не добьются своей преступной цели.

14-летний Дмитрий живет в Зарядье, в густо населенном доме, где имеется чувячная мастерская. Работает учеником слесаря на заводе, и свой заработок отдает матери.

Но вот поведение Дмитрия резко меняется. Он начинает курить, домой является поздно, раза два видят его пьяным.

На вопросы матери «где был?» — отвечает: «в красном уголке».

Но, увы, красный уголок этого дома занят не по назначению: к культуре в нем не приобщиться.

Сторож чувячной мастерской Л., 51 года, зимой, по вечерам, зазывал в красный уголок ребят всего дома и рассказывал им всякие случаи из жизни и веселые анекдоты. Ребята охотно слушали и сами в свою очередь делились с ним всякими историями.

К лету контакт между сторожем и детьми был уже настолько близок, что, когда жильцы дома поразъехались на дачи, в деревню, сторож Л. от своих слушателей уже знал, где что у соседей плохо лежит. Он убеждает 14-летнего Дмитрия, что у соседки-буржуйки красть не грех, и в то же время его обучает: «не сознавайся ни в каком случае, иначе со свету изживу не только тебя, но и твоего брата».

Дмитрий совершает кражу из закрытого сундука соседки, сторож вещи продает и щедро угощает Дмитрия вином у себя на дому.

Не мало проходит через камеру дел, где родители несовершеннолетних принимают у себя на квартире товарищей и подруг своих детей; зная, что последние занимаются кражами, угощают их вином, оставляют у себя ночевать, при этом велят приносить к себе на хранение и сбыт краденое.

Как выясняется, в большинстве случаев эти родители сами своих детей на кражи не посылают, но вследствие их покровительства подросткам, ставшим на преступный путь, их дети вовлекаются в кражи, и родители беззаботно пользуются «плодами» их «работы».

Такими притоносодержателями, обычно, бывают деклассированные элементы.

Пути и способы участия взрослых в преступлениях несовершеннолетних различны.

Так, например, существуют «профессиональные мамаши».

Эти женщины, связанные с ворующими подростками, являются в отделения милиции, в комнаты привода и, выдавая себя за мать задержанного, берут его под свое поручительство.

Одна такая «мамаша», если район ее деятельности велик, может в один только день добиться освобождения 5—6 подростков в различных отделениях милиции.

Это — своего рода специализация взрослых на преступном поприще, взрослых, которые пользуются несовершеннолетними, как орудием.

В одних случаях они прибегают к сложной системе мер, направленных на то, чтобы вызывать к себе расположение, доверие, создать атмосферу нерушимой дружбы с ребятами, дружбы, для которой ничего не дорого, все можно принести в жертву. В других случаях они разжигают в подростках страсть к приключениям, храбрости, молодечеству.

И в одних и в других случаях широко идут в ход приманки, угощения, общения, развлечения и т. п.

Это «воспитательное» воздействие часто бывает довольно длительным.

Независимо от фона, на котором создаются эти отношения, поведения подростков всегда строго конспиративны, так как они находятся под тяжелой угрозой отомщения со стороны взрослых соучастников на случай их выдачи, если «засыпятся».

Эта угроза довлеет над несовершеннолетними обвиняемыми, когда они совершают преступления, и когда они за них должны держать ответ.

Страх физической расправы вплоть до боязни быть убитым служит важнейшей причиной упорства несовершеннолетних обвиняемых на суде и следствии.

Они подставляют самих себя под удар, всячески запутывают дело, но не выдают своих взрослых соучастников.

Судебно-следственные работники всегда должны это иметь в виду при расследовании дел, в которых подозревается участие взрослых.

Много уменья, усилия и труда им приходится употребить, чтобы по делам несовершеннолетних посадить на скамью подсудимых основных виновников преступления, чтобы удар пришелся по тем, кто, прячась за спинами детей, делает их орудием своих преступных действий.

И. РОСТОВСКИЙ

Больше внимания рассмотрению жалоб трудящихся

Вопрос об удовлетворительном обслуживании жалобщиков в органах прокуратуры все еще нельзя до настоящего времени считать разрешенным.

В цепи вопросов о заботливом, внимательном отношении к живому человеку, чему нас учит наш вождь товарищ Сталин, оперативная работа прокуратуры по рассмотрению жалоб имеет большое значение.

Внимательнейшее ознакомление с каждой жалобой, быстрые темпы рассмотрения жалоб, недопущение ни одним из работников прокуратуры безмотивных отказов в жалобах подаваемых в надзорном и кассационном порядке — таковы требования неоднократных директив центральной прокуратуры по этому вопросу.

Наша социалистическая родина гигантскими шагами идет вперед, быстро поднимается материальный и культурный уровень трудящихся, растет их политическая сознательность. В новых условиях особо чувствуется, особо воспринимается, возмущает каждое злоупотребление своими правами должностных лиц, превышение власти, каждое нарушение личных и имущественных прав трудящихся, каждый необоснованный приговор и решение судебных инстанций.

В постановлении КСК при СНК СССР по вопросу «о рассмотрении жалоб трудящихся», говорится: «Успехи социалистического строительства ставят с особой остротой вопрос об усилении борьбы с недостатками и бюрократическими извращениями в советском аппарате, а также с фактами нарушения революционной законности» [1].

Иначе и быть не может.

Наша страна самая демократическая во всем мире. Любовью и заботой о человеке-строителе социализма — пронизана замечательная сталинская Конституция.

Однако, к сожалению, далеко не все работники органов прокуратуры осознали всю важность правильного и своевременного рассмотрения жалоб.

Для иллюстрации этого приведем ряд фактов выявленных Прокуратурой РСФСР.

Бухгалтер Анопреев, неправильно привлеченный к уголовной ответственности, впоследствии, после долгих мытарств и трех судебных разбирательств оправданный судом, пять раз обращался с жалобами к курскому облпрокурору на творимые в отношении его беззакония. В одном из своих заявлений в облпрокуратуру Анопреев жаловался на пристрастное к нему отношение суджанского райпрокурора, кроме того, он жаловался на то, что его незаконно содержали под стражей 8 дней в исключительно грязной камере, не отапливающейся, несмотря на большие морозы. Казалось бы эта жалоба должна была заинтересовать облпрокуратуру. Облпрокуратура, вместо тщательной проверки указываемых в жалобе фактов, направила жалобу Анопреева в суд для приобщения к делу. Волокита по многочисленным жалобам Анопреева тянулась около года.

Еще один возмутительный факт.

В письме в редакцию газеты «Правда» сын покончившего самоубийством председателя правления колхоза Минакова, вскрывал преступления и происки классовых врагов—матерых кулаков, пробравшихся в колхоз. Организованная травля со стороны этих кулаков довела до самоубийства предколхоза Минакова. Вследствие их ложных клеветнических доносов Минаков исключен был из партии. В предсмертной записке Минаков писал: «Кончаю жизнь от засилья кулацкой банды Михеевых, Антонова и Ариничева. Прощайте, жаль, раньше времени ухожу от дорогой, светлой жизни». Прокурор Новосильского района Курской области, по совместительству исполнявший обязанности прокурора Корсаковского района, ограничился тем, что написал в облпрокуратуру спустя 6 месяцев после самоубийства, что не согласен с постановлением о прекращении дела. И лишь по прямому предложению Прокуратуры РСФСР, когда об этих фактах было сообщено КСК при СНК СССР, выехала в первый раз за все это время для расследования причин, толкнувших на самоубийство председателя правления колхоза Минакова.

С жалобщиками в Курской облпрокуратуре, судя по этим примерам не особенно считаются. Можно было ожидать, что, когда печать поднимает вопрос о нарушениях революционной законности, облпрокуратура хотя бы в этих случаях проявит оперативность в борьбе с нарушителями социалистической законности. Однако на примере расследования фактов, приводимых в статье «Двухлетняя волокита» (Курская правда 8/V 1936 г.) видно, что и здесь облпрокуратура не блещет оперативностью.

В указанной статье приводится ряд фактов грубейших нарушений ревзаконности в некоторых сельсоветах Скороднянского района.

Чего стоит, например, такой факт. Председатель сельсовета Гладких забрал у единоличника Миженина (с. Кривые Балки) корову с поля. «Записывайся в колхоз — говорил Гладких — тогда отдам корову». Автор статьи «Двухлетняя волокита» заканчивает ее тем, что обращает внимание облисполкома и облпрокурора на дела, творящиеся в Скороднянском районе.

23 мая облпрокуратура запрошена была Прокуратурой Республики о предпринятых мерах в связи с этой статьей. Ряд последующих запросов Прокуратуры Республики также были оставлены без ответа. О результатах расследования этой статьи не мог ничего сообщить и специально вызванный в Прокуратуру Республики 1 сентября 1936 г. заместитель облпрокурора т. Секачев. А статья была напечатана в областной газете еще 8 мая.

Большое количество жалоб поступает в Прокуратуру Республики на органы прокуратуры Западной области.

Ряд жалоб колхозника Котова (Комаричский район, Западной области) на неправильность осуждения его к 5 годам лишения свободы за противодействие стахановскому движению оставлен был прокурором Комаричского района и облпрокурором без удовлетворения. Между

[1] Известия ЦИК СССР и ВЦИК 30/V 1936 г.

ем установлено, что Котов — в колхозе ни в какой мере не противодействовал стахановскому движению, являясь общественником-ударником, имел 395 трудодней в 1935 г., селькор «Крестьянской газеты».

По протесту Прокуратуры Республики приговор был отменен и дело производством прекращено.

При внимательной проверке дела и жалоб Котова в Западной облпрокуратуре ошибка была бы исправлена своевременно.

В связи с этим делом Прокуратура РСФСР поручила прокуратуре Западной области проверить темпы и качество рассмотрения жалоб в прокуратуре Комаричского района.

Установлена вопиющая волокита по многим жалобам. На протяжении пяти месяцев лежала без движения жалобы Козлова С. С.

Дело Замаркина истребовало по жалобе для проверки в порядке надзора 20/II 1936 г.; к моменту обследования 15/VI дело еще не было получено, хотя суд и прокуратура помещаются в одном здании. Таких фактов в Комаричском районе много.

Поручение Прокуратуры Республики о приостановлении продажи хаты Тарасикова лежало без движения два месяца и т. д.

Райпрокурор отказывает в жалобах, не приводя мотивов отказа и т. д.

Дело по обвинению лесовоза Чуватина (Хакасская область Красноярского края) тянулось около 1½ года.

Большое количество совершенно основательных его жалоб о неправильных методах ведения следствия, о допущенных в отношении его семьи незаконных действий, о присвоении вещей, взятых у него при обыске и т. д. облпрокуратурой оставлены были без реагирования. Следственное дело его не было просмотрено, не было принято мер к надлежащему руководству расследованием.

Заместитель начполитотдела совхоза отобрал у Чуватина паспорт и другие документы и не возвращал в течение 1 г. 3 м., из-за этого Чуватин фактически лишен был возможности устроиться на работу.

Несмотря на явное беззаконие и многократные жалобы, райпрокурор и облпрокурор своевременно не приняли мер к возвращению Чуватину документов.

По предложению прокуратуры Республики Красноярской крайпрокуратурой была обследована вся работа по рассмотрению жалоб в Хакасской областной прокуратуре. Проверка показала, что исключительный бюрократизм проявленный при рассмотрении жалоб Чуватина исключением не является.

Никакого контроля за движением жалоб в аппарате облпрокуратуры не было.

Эти факты не могут не внушить тревоги за работу прокуратуры на таком важнейшем участке, каким является рассмотрение жалоб трудящихся.

Много погрешностей допускается также кассационными инстанциями судов. Только этим можно объяснить огромное количество дел, которые приходится рассматривать в порядке надзора президиумами областных, краевых и главных судов, а также и верховными судами союзных республик.

О неудовлетворительной работе кассинстанций говорят протесты прокуратуры, подаваемые в порядке надзора. В I квартале 1936 г. поступило 355 дел, в Прокуратуру РСФСР с жалобами осужденных и протестами прокуроров на неправильные приговоры нарсудов и определения кассинстанций. По этим делам в Верховный суд и в президиумы областных и краевых судов было внесено 208 протестов 75,5% случаев. Подавляющее большинство протестов Верховным судом, областными и краевыми судами удовлетворяются.

Нередки случаи, когда кассинстанции вопреки неоднократным указаниям, оставляя приговор в силе, не считают нужным мотивировать, по каким соображениям тот или иной довод жалобщика не признан уважительным.

Работа по рассмотрению жалоб должна занять одно из центральных мест в работе прокуратуры.

В областных и краевых прокуратурах рассмотрение жалоб должно поручаться опытнейшим работникам. Внимательнейшее отношение к жалобщику, строжайший учет и контроль за прохождением каждой жалобы — основное требование, которое должно быть предъявлено к каждому прокурору.

Это требование записано в постановлении КСК при СНК СССР.

Для борьбы с волокитой и бюрократизмом органам прокуратуры следует применить тот метод массовой работы, который рекомендует КСК — бюро жалоб и своим уполномоченным, а именно — привлекать к работе по разбору жалоб хорошо проверенный актив рабочих, колхозников, рабкоров и специалистов, тщательно инструктируя их и помогая им в работе.

ОБМЕН ОПЫТОМ

Образцовое расследование

15 октября 1936 г. прокурор Союза т. Вышинский, отмечая в специальном приказе образцово проведенное расследование по делу убийства Володина, премировал старшего следователя прокуратуры Южных железных дорог т. Анойченко Д. В.—деньгами в сумме 1000 руб. и прокурора Южных железных дорог т. Эсаулова В. К. за умелое оперативное руководство следствием по этому делу ценным подарком.

Большая работа, проделанная тт. Анойченко и Эсауловым по конкретному делу, указанному в приказе, заслуживает того, чтобы на страницах нашего журнала рассказать об этом подробно.

2 мая 1936 г. в 15 ч. 30 м. дня в г. Харькове у себя на квартире был обнаружен мертвым председатель центрального комитета профсоюза работников железных дорог Юга т. Володин В. Г. со следами огнестрельного ранения в области головы.

Прибывшие на место народный следователь Харьковской областной прокуратуры т. Ильченко и работники уголовного розыска, без всяких на то оснований решили, что в данном случае имеет место самоубийство.

В самом начале была допущена грубейшая ошибка. И т. Ильченко, и работники уголовного розыска не выполнили одного из обязательных условий, абсолютно необходимых для успешного осмотра всякого происшествия и места преступления, заключающегося в том, что ни при каких обстоятельствах нельзя до тщательного осмотра делать предположения относительно того, имело ли в данном случае место самоубийство или убийство.

И следователь и работники уголовного розыска, прибыв на место с уже готовым заключением, что Володин покончил жизнь самоубийством, естественно, не занялись тщательным осмотром трупа и обстановки комнаты.

Ограничившись только поверхностным осмотром Ильченко составил акт, в котором указал, что прибыл на место «где покончил жизнь самоубийством Володин».

За первой ошибкой последовали и другие. Не зафиксировав ни первоначального положения трупа, ни обстановки комнаты Ильченко, работники уголовного розыска все свое внимание уделили поискам предсмертных записок.

Поиски Ильченко ни к чему не привели. Перерыв все в комнате они никакой записки не обнаружили, и всем этим только затруднили дальнейшее расследование. В результате поисков Ильченко обстановка в комнате подверглась большому изменению.

Вся работа т. Ильченко и работников уголовного розыска свелась к составлению акта, в котором было указано, что при обыске «никаких предсмертных записок ни в карманах, ни на столе и ящике стола не оказалось».

Прибывший на место происшествия прокурор Южных железных дорог т. Эсаулов не согласился со столь поспешным заключением и вместе со старшим следователем прокуратуры Южных железных дорог т. Анойченко приступил к тщательному расследованию.

Путем опроса очевидцев и некоторых свидетелей, пришедших первыми на место происшествия, было установлено первоначальное положение трупа и всей окружающей обстановки. Все это было тщательно зафиксировано в акте осмотра.

Составляя акт осмотра т. Эсаулов и Анойченко обратили внимание на крайне спокойное состояние жены Володина — Романович. Резко бросалось в глаза ее хладнокровное отношение к факту «самоубийства».

Это обстоятельство толкнуло товарищей заняться выяснением семейных взаимоотношений Володина.

В тот же день было установлено, что у Романович с Володиным были крайне обостренные взаимоотношения. Дальнейшее расследование установило, что Романович, живя с Володиным с 1932 г., ревновала его к бывшей жене А.

Добыв эти данные, товарищи решили допросить Романович. Поведение на допросе усилило подозрения. Нервничая на допросе, Романович высказала сильное беспокойство по поводу допроса ее домашней работницы. В дальнейшем эти подозрения еще более усилились. Романович подозрительно интересовалась тем что обнаружено осмотром и какое заключение дали лица, производившие вскрытие трупа.

Следствие было направлено по линии детального выяснения взаимоотношений Володина и Романович.

Было установлено, что Володин, будучи в феврале месяце в командировке в Москве, договорился со своей бывшей женой А. (у которой от Володина имеется ребенок) о переезде в Харьков, так как он решил окончательно разойтись с Романович. Договорились, что в начале мая А. переедет в Харьков.

Романович, узнав об этом, решила всячески воспрепятствовать переезду А.

С этой целью она встала на путь прямого шантажа. Решив запугать Володина, она стала сообщать в разные организации клеветнические сведения о Володине. В частности она написала начальнику Политуправления НКПС ряд писем, содержащих в себе порочащие Володина факты. Письма подписывала фамилией «Анадзе». Добыв такие факты, следователь решил допросить домашнюю работницу Романович, проживающую у нее в течение 3 лет.

Следствие располагало фактами, что Романович была близко связана со своей работницей и что она с ней часто делилась о своих переживаниях.

Первоначально домработница категорически заявляла, что взаимоотношения Романович с Володиным были хорошие, но впоследствии рассказала, что отношения были обостренные и, что однажды ей Романович сказала «что если бы я его застрелила, ты бы сказала кому-нибудь?»

Допрошенный в процессе следствия сослуживец Володина С. показал, что Романович в разговоре с ним говорила, что она «готова пристрелить Володина».

Установив эти факты, тт. Анойченко и Эсаулов вернулись к тщательному изучению акта осмотра. Было установлено, что гильза после произведенного выстрела в Володина попала в левую половину стола, за которым был обнаружен труп Володина.

Для установления место куда должна была упасть гильза при выбрасывании ее из револьвера, была произведена экспертиза в Харьковском институте научно-судебной экспертизы.

Перед экспертизой были поставлены вопросы: определить возможное место попадания гильзы при условии, если в данном случае было самоубийство и куда должна была упасть гильза, если было умышленное убийство.

Были произведены экспериментальные выстрелы из того револьвера, которым был убит Володин.

В результате экспертизы пришли к выводу, что гильза могла попасть на левую половину стола только при условии, если револьвер находился в вертикальном положении с небольшим наклоном верхней части револьвера по оси его ствола (правая щечка слегка вниз). При таком положении револьвера Володин ни при каких условиях не мог сам в себя стрелять.

Эти данные экспертизы категорически опровергали версию, выдвинутую Романович о самоубийстве.

Дальнейшее расследование показало, что убийство было заранее подготовлено и намечено к осуществлению на 2/V. В этом следствие убедило письмо, написанное Романович своей дочери за несколько дней до убийства.

Следователь получил сведения, что это письмо вместе с 3 сберегательными книжками было защито Романович в пальто дочери. Прибыв на квартиру Романович для изъятия письма, следователь никого в квартире не застал. Оказалось, что 10-летняя дочь Романович, захватив пальто, отправилась в город со своим отцом Романович (б. мужем Романович). Дождавшись их прихода, следователь потребовал отдать письмо. И отец и дочь категорически отрицали наличие какого-либо письма, а затем Романович (отец) заявил, что, прочтя письмо, он разорвал его и бросил в урну. Принятыми следователем мерами письмо было обнаружено разорванным на мелкие кусочки в одной из урн, стоящих на ул. Карла Либкнехта в г. Харькове.

По найденным клочкам было восстановлено содержание письма.

В этом письме Романович писала:

«Моя родная доченька, все мои сбережения, накопленные за все время, используй по-серьезному на дело. Не трать зря деньги. Мама собирала копейками.

Бери их из сберегательной кассы по острой необходимости... Целую тебя крепко. Твоя мама Аня».

Письмо было написано 28/IV, т. е. за 4 дня до убийства Володина и было расценено следователем как своего рода завещание. Отсюда следователь пришел к выводу, что Романович, написав завещание, заранее готовилась к убийству.

Просмотрев тщательно всю переписку Романович, следователь в одной из книг нашел записку, написанную Романович 28/III (примерно за месяц до убийства), следующего содержания:

«Как мне тяжело Василий, что я забеременела снова.

После всего пережитого я пожалуй не прочь стать на путь «Молль Флендерс».

Обнаружив эту записку, следователь изучил книгу «Молль Флендерс» Даниэль Деффо.

В этой книге автор рисует Молль Флендерс, как авантюристку, бывшую 5 раз замужем и ставшую впоследствии на преступный путь.

И это письмо, рисуя настроения Романович, убеждало следователя в том, что Романович уже в течение ряда месяцев носилась с мыслью об убийстве Володина.

При обыске была обнаружена расписка домашней работницы о получении ею окончательного расчета по 2/V. Это также убеждало следователя в том, что Романович занималась ликвидацией своих дел, готовясь к убийству.

Под тяжестью собранных улик Романович 25/V созналась, что она «случайно» выстрелила в Володина и от этого случайного выстрела Володил был убит наповал.

Романович выдвинула при этом следующую версию.

2/V они вместе собрались ехать на дачу. Володин, сидя за письменным столом, писал записку дочери Кларе, чтобы она (когда придет) также приехала на дачу. И вот в тот момент, когда он, Володин, писал эту записку, он якобы попросил Романович достать ему револьвер.

Достав из ящика револьвер, она хотела передать его Володину, но в это время раздался выстрел, которым Володин и был убит.

Явная надуманность этой версии бросалась в глаза. Это поняла и Романович, которая, наконец, 5/VI созналась в том, что она умышленно убила Володина.

Она рассказала что 2/V, поссорившись с Володиным, она взяла спрятанный ею принадлежащий Володину револьвер и в момент, когда Володин сидел за письменным столом, выстрелила в него.

Установив, что Романович убила Володина, следователь проделал большую работу в части выяснения прошлого Романович.

Было установлено, что Романович является классово чуждым элементом, обманным путем пробравшимся в партию.

Следователь доказал, что Романович ложно указывала в анкетах, что она дочь бедняка и в прошлом работала ткачихой.

В действительности она происходит из кулацкой семьи, окончила Петроградскую мариинскую гимназию и педагогические курсы. Брат ее расстрелян советской властью, как руководитель кулацкого восстания.

***

Собранные следователем материалы полностью подтвердились на судебном заседании.

Романович осуждена к 10 годам лишения свободы.

Ю. Элькинд

К вопросу о гарантии прав подсудимого[1]

В статье, помещенной в № 17 «Советская юстиция» за 1936 г. т. Абрамов ставит наряду с другими вопрос о гарантии прав подсудимого при рассмотрении дела во 2 инстанции.

Принципы гласности и публичности, право подсудимого на дачу личных объяснений в суде 2 инстанции, все эти основные принципы процесса в ряде случаев не соблюдались.

Кабинетное рассмотрение дел, самые разные и неопределенные сроки рассмотрения, без всякого публичного объявления определений СКК, фактическое лишение подсудимого права присутствовать при разборе его дела и давать объяснения,—вот что часто встречалось в кассационной практике.

До мая 1934 года по Куйбышевскому краю существовал весьма целесообразный порядок рассмотрения кассационных дел по кустам, с выездом СКК в Пензу, Ульяновск и др. крупные центры.

Этот порядок несомненно положительно разрешал: 1) принцип приближения суда к населению; 2) соблюдалась при этом и гласность и публичность, тем самым СКК свою работу делала достоянием большей массы трудящихся, всегда в огромном числе присутствовавших на процессах; 3) при таком порядке обеспечивалась гарантия прав подсудимых присутствовать и давать объяснения в СКК, т. к. радиус территории куста был обычно около 100 км, а заключенные по рассматриваемым делам нахо

[1] Печатается в порядке обсуждения.

дились обычно здесь же и всегда вызывались в СКК; 4) вместо отрыва от работы на целую неделю и выезда в краевой центр в течение месяца нескольких сот трудящихся, выезжали в каждый куст 2 члена крайсуда (третий обычно работал из нарсудей) на 10—12 дней в месяц. Вот что достигалось таким порядком.

Все эти лучшие стороны в работе СКК оказались отброшенными при новом порядке, когда все дела стали рассматриваться СКК только в Куйбышеве.

По арестантским, а следовательно и наиболее сложным, серьезным и ответственным делам заключенные, находящиеся в разных тюрьмах на периферии, совершенно не вызывались в СКК и тем самым фактически лишались самого существенного своего права присутствовать в СКК и давать свои объяснения, что несомненно могло влиять на существо выносимых кассационных определений. Находящиеся на свободе сотни кассаторов должны ехать ежемесячно за несколько сот километров в Куйбышев, чтобы воспользоваться своим правом. Для этого каждый трудящийся должен понести значительный расход средств и потерять неделю, а то и всю десятидневку на эту поездку и без всякой гарантии того, что он попадет к слушанию дела, т. к. были случаи, что он по независящим от него причинам задерживался в пути (опоздание поездов, отсутствие свободных мест и т. д.) и приезжал, когда дело уже заслушано или наоборот, приезжал, когда дело еще из нарсуда не поступило.

В таких случаях все затраты времени и средств трудящимся — все оказывается напрасным, и явка подсудимого не в состоянии уже повлиять на исправление приговоров, а его право превращается в фикцию.

Наконец в ущерб последовательному проведению принципа публичности процесса существовал часто большой разрыв во времени рассмотрения дела в СКК и вынесения определения. Были случаи, что дело заслушивается при явке подсудимых с участием защиты, а определение выносится через некоторое, иногда достаточно длительное время, что является совершенно незаконным и неизбежно влечет ошибки в кассационных определениях.

Все это безусловно вредное, а часто и прямо незаконное «упрощенство» в кассационной практике подрывало в глазах трудящихся доверие к работе СКК, как высшего судебного органа, контролирующего работу суда I инстанции.

Новая Конституция Советского союза поднимает права граждан на небывалую высоту.

Существенной гарантией этих прав в судебном процессе являются принципы — гласность, публичность процесса и непосредственное участие в процессе самого подсудимого как в I, так и во 2 инстанциях.

Для действительного же осуществления этих прав подсудимый должен иметь реальную возможность их использовать, а для этого бесспорно необходимо улучшить и упорядочить работу кассационных инстанций.

Практика выезда в кустовые центры кассационной инстанции, по нашему мнению, давала положительное разрешение этих задач. Следовательно к ней необходимо возвратиться и закрепить ее, ибо она одновременно разрешает и ряд других задач, как-то: 1) изучение местных условий; 2) близкое изучение работы каждого судьи в отдельности и живое руководство этой работой; 3) сохранение средств и времени трудящихся; 4) исключает ненужные никому разъезды множества людей в краевые центры, а главное приближает работу суда к населению и гарантирует права подсудимых и наиболее полное и правильное разрешение судебных дел.

Само собой разумеется, что проведение этих мероприятий может иметь место при непременном и строгом соблюдении двух условий: 1) обеспечение во всех случаях законного состава кассационного суда (членами кассационного состава при выездах могут быть только судьи, избранные в законном порядке членами краевого и областного суда, без всяких «кооптаций» и 2) обязательное и тщательное изучение дел членами кассационной инстанции.

М. Тимонин.

Определение орудия преступления по характеру повреждения

(*Случай из практики*)

На имя участкового инспектора Полновского р-на Ленинградской области 3 апреля 1935 года поступило заявление от гр. Климака Рудольфа Петровича с просьбой расследовать обстоятельства, при которых брат его, Осип Петрович Климак, получил повреждения головы и скончался.

В выписке из истории болезни Климака О. П. 56 лет от роду, значится следующее: «31 марта 1935 г. в 12 часов дня, в Черневскую больницу поступил в бессознательном состоянии гр. Климак О. П. При осмотре его было отмечено: «в области лба обнаружена рана с ровными краями длиной в 2 см., глубиной доходит до мозгового вещества. Ниже раны часть области лба вдавлена в полость черепа. Из ушей и из носа выделялась кровь. В области правого и левого глаза кровоподтеки. Зрачки расширены, не реагируют на свет, глазные яблоки выделяются из орбит. В роговой оболочке кровоизлияние. Пульс редкий—напряжен. Живот вздут. Больной в бессознательном состоянии. Состояние тяжелое. В 3 часа появилась рвота и больной, не приходя в сознание, при упадке сердечной деятельности в 2 часа ночи 1 апреля скончался».

На том же листе истории болезни имеется акт вскрытия и осмотра, где значится: «2-го апреля 1935 г. я, врач Черневской больницы Уткин А. С. произвел осмотр и вскрытие трупа умершего 1 апреля гр. Климака О. П. На туловище и конечностях никаких признаков насилия не обнаружено. В средней части лба, на два поперечника пальца выше переносицы имеется рана с ровными краями длиной в 1½ см и вся лобная поверхность ниже раны вдавлена в полость черепа. В наружных слуховых проходах на ушных раковинах и носовых проходах засохшая кровь. В области обоих глаз кровоподтеки. Зрачки расширены. Глазные яблоки вытеснены из орбит. В роговых оболочках кровоизлияние. После разреза и, когда была обнажена кость, то на лобной кости выше подбровных дуг на два поперечника пальца обнаружена горизонтально идущая сквозная трещина длиной 8 см, влево трещина закругляясь идет вниз, справа же трещина идет перпендикулярно горизонтальной, и нижний ос-

колок вдавлен в вещество мозга. Также повреждены носовые отростки лобной кости»...

При расследовании дела допросом брата покойного было установлено, что он слышал от колхозников, что Климака Осипа на лесозаготовках убила лошадь.

Однако, при допросе гр. Барсука Арнольда стало известно, что Климак с лесозаготовок возвращался вместе с ним и около хутора Зорсиной у Климака устала лошадь и потому Барсук его оставил, а сам ушел домой.

Следовавшие позади них колхозники, доехав до этого хутора, обнаружили Климака Осипа «в разбитом виде с кровавым лицом». Лошадь стояла на дороге, а сам Климак был без шапки (шапка найдена была шагах в ста от него) и что-то искал.

Колхозники усадили в сани Климака, и по дороге он ничего не говорил.

Дома осмотрели лошадь и нашли, что «правая нога выше щетки на четверть в крови». Кроме этого в крови были и сани.

Лошадь, принадлежавшая Климаку в течение 8 лет, ни одного раза не била задом, и потому брат Климака усомнился в том, действительно ли лошадь убила Климака. При этом он высказал свое подозрение в убийстве брата на Барсука Арнольда, так как слышал, что между ними произошла ссора, что брат его обозвал Барсука вором, за что, вспылив, Барсук и мог его убить.

Отрицая первоначально убийство Климака и, утверждая, что Климака несомненно убила копытом лошадь, Барсук при последующих допросах сознался в убийстве, рассказав следующее: «Когда лошадь Климака стала останавливаться, Климак стал бить ее палкой. Палка была около трех пальцев толщиной и длиной в метр. Мне стало жалко лошади и я выхватил палку из рук Климака и этой палкой ударил его самого по лбу. После этого сидевший до этого Климак свалился, и изо рта пошла кровь, а я после этого испугался совершенного мной действия и пошел быстро домой».

То, что Климака не лошадь убила, удостоверялось еще показаниями жены Климака Рудольфа, заявившей, что, когда Климака Осипа привезли домой, она спросила его, не лошадь ли его ударила, он ответил отрицательно, но на вопрос кто его ударил, ничего не ответил, а только издал какой-то нечленораздельный звук.

Барсук был предан суду и на судебном следствии Барсук от ранее данных им показаний отказался, заявил, что оставил Климака возле уставшей лошади.

На судебном следствии стало известно, что лошадь Климака была кована на острые шипы, что навело на мысль о возможности получения раны от шипа.

Местный судебно-медицинский эксперт высказался за то, что удар нанесен тупым предметом с значительной силой, но определить, чем именно он был нанесен не представляется возможным из-за краткости описания в протоколе осмотра.

Дело было передано в Ленинградскую областную судебно-медицинскую экспертизу, по указанию которой было произведено перевскрытие трупа, отделена голова от трупа и направлена на исследование.

При осмотре головы было отмечено следующее: «...лобные кости ненормально тонкие. Лицевая часть черепа имеет повреждение, а именно: на лобной кости черепа отмечается перелом, имеющий почти правильную форму полукруга, причем концы этой дуги проходят через наружную треть бровных дуг, вершина дуги располагается между верхней и средней третями лобной кости. Длина линии, соединяющей переломы бровных дуг (по горизонтали), равна 9,0 см. Лобная кость по средней вертикальной линии имеет перелом, и, кроме того, на левой части лобной кости имеются переломы. Переломленная лобная кость вдавлена кнутри. Кости носа у места соединения их с лобной костью переломлены и между разошедшимися костями имеется расстояние около одного сантиметра, располагающегося косо сверху вниз, слева направо. Нос отклонен кзади и его сросшиеся кости у основания имеют по шву, по одной трещине справа и слева... Расстояние от спинки отклоненного кзади носа до линии перелома лобной кости около пяти сантиметров. Голова была сфотографирована для определения возможности нанесения имеющегося повреждения подковой и палкой.

Затем, для ответа на вопрос о возможности нанесения означенного перелома костей черепа копытом лошади с подковой на трех острых шипах, было произведено примеривание подковы к месту перелома костей, с тем, чтобы поставить подкову в такое положение, каковое возможно для переднего шипа при имеющемся переломе костей. Средний шип подковы помещен в отверстие, образованное — между разошедшимися от перелома носовой и лобной костями, т. е. подкове придано должное и единственное возможное положение, из чего следует: а) при ударе лошади подкованным копытом в лицевую часть головы в «должном положении» не могли быть имеющиеся другие трещины на лобной кости и переломы левой глазницы, образующиеся от уплощения кости. Уплощение кости, дающее трещины, образуется тогда, когда ударяющая поверхность предмета имеет в диаметре не менее четырех см, какового размера поверхность подковы не имеет; б) повреждение левой глазницы и продольное отклонение носа кзади, как в данном случае, исключает такой удар копытом лошади — удар снизу вверх и слева направо; в) при повреждении, причиненном подковой лошади, на кожных покровах лица должна была бы быть рана у переносицы. Однако, рана отмеченная при осмотре больного Климака и вскрытии трупа его «на два поперечных пальца выше переносицы и вся лобная поверхность ниже раны вдавлена в полость черепа».

Отмеченная дважды врачом Черневской больницы рана на лбу исключает удар по лицу острым шипом подковы как в лоб, так и в переносицу. Для изучения возможности причинения палкой имеющихся костных повреждений была взята «палка толщиной около трех пальцев». Такая толщина при измерении дает в среднем 5—5½ см. При приложении конца такой палки к месту повреждения черепа явствует, что имеющиеся костные переломы могли произойти при ударе «торчком» или, вероятнее, при ударе сверху вниз прямо — спереди, концом палки.

Опровержением для удара в таком положении является лишь то, что на кожном покрове имела место одна рана. Конец палки, ударяясь в острый край перелома лобной кости по окружности, должен был бы порвать кож-

ный покров в нескольких местах. И, кроме того, для удара «торчком» требовалась бы значительная сила для перелома костей.

Далее было придано положение палке при ударе сбоку.

Наиболее вероятное положение палки, «толщиною около трех пальцев» при ударе сверху вниз и несколько спереди кзади, для причинения имеющихся костных переломов и повреждения кожных покровов.

Наибольшая вероятность удара концом палки именно при устанавливаемом положении объясняется следующим: а) отмеченная рана на кожном покрове лба об острый край сломанной кости при ударе полукруглой поверхностью палки по лбу. Других точек соприкосновения поверхности палки с острым краем сломанной лобной кости могло не быть и при положении, как на снимке не происходит, что и объясняет отсутствие других ран на кожном покрове лба; б) переломы костей лобной, носа и глазниц с последующим давлением в полость черепа произошло от действия на них полукруглой поверхности палки; в) действие силы удара оказалось равномерным на обе глазницы и перелом костей говорит за значительную силу удара.

Предположение о возможности причинения имеющегося повреждения головы обухом топора невероятно, так как характер имеющегося перелома костей даже при приложении обуха топора в различных положениях к месту повреждения головы не дает указаний для обоснования причинения этого повреждения обухом топора.

В деле нет точных указаний, как стоял по отношению к лошади Барсук — справа или слева, по какой части тела лошади бил Барсук — по спине, боку, задней части туловища, ногам и т. д.

Разбирая возможность нанесения удара по лицу гр. Климаку, вместо удара по лошади, как это на одном допросе заявил Барсук, следует учесть, что промахнуться тогда, когда лошадь стоит спокойно, представляется мало вероятным, что при попытке ударить лошадь палкой, лошадь от взмаха палки могла броситься вперед или в сторону и сидящий Климак на перевернувшихся дровнях мог попасть под опустившуюся палку.

В результате экспертиза, проверив ряд возможностей для нанесения удара палкой пришла к заключению, что наиболее правдоподобной версией является та, которую привел в своих показаниях сам Барсук, т. е. что он сам намеренно ударил палкой по лицу Климака.

Что же касается записей врача о размерах имеющейся раны на лбу у потерпевшего Климака и при осмотре его трупа, то это может быть объяснимо тем, что первый раз был осмотрен живой человек, когда точных изменений произвести иногда невозможно. При осмотре же трупа повреждения могут быть более точно измерены.

Приведенный нами случай показателен, как при помощи фотоснимков и тщательной проверкой следов повреждений, можно установить, каким орудием преступление было совершено.

С другой стороны данная экспертиза оказалась ценной для проверки показаний обвиняемого.

Бродский
Владимиров

К вопросу о фиксации показаний

Тов. Зонненберг [1] совершенно правильно ставит вопрос о нетерпимости дефектов в фиксации показаний, которые допускают лица, еще недостаточно знакомые с техникой расследования и процессуальными требованиями, или же недостаточно вдумчиво относятся к всестороннему расследованию всех «мелочей» и обстоятельств дела (неполнота показаний, засорение дела материалами и обстоятельствами, к нему не относящимися, и «отсебятина» в фиксации показаний).

Основным злом, видимо, является то, что недостаточно опытные и вдумчивые работники следствия, заранее не продумывают вопросов и обстоятельств, какие им необходимо выяснить для наиболее успешного исследования дела.

Пользуясь методом свободного изложения, неопытный следователь, зачастую незаметно для себя, идет на поводу у обвиняемого, который, стремясь запутать следствие, отвлечь его в другое русло, вносит в дело обстоятельства, к нему не относящиеся, и т. п., то есть то, от чего предостерегает т. Зонненберг.

Практика фиксации допросов в форме вопросов и ответов делает допрос более целеустремленным, так как ставит следователя перед необходимостью конкретно формулировать (а следовательно продумывать) свои вопросы.

«Причесывание» показаний — субъективное изложение следователем показаний допрашиваемого, — в большинстве является результатом: а) стремления следователя зафиксировать показания в желательном для него направлении, б) стремления обвиняемых зачастую выразить в смягченных, завуалированных, иногда трудно поддающихся фиксации фразах, обстоятельства, которые ведут к изобличению их преступлений.

В этих случаях порядок фиксации показаний, предусмотренный ст.ст. 138, 165 УПК, способствует, в значительной мере, устранению «отсебятины» следователя и уклонения допрашиваемого от конкретного ответа.

Совершенно неверно утверждение т. Зонненберга о том, что практику фиксации показаний в форме вопросов и ответов, как правило, применять не следует, ибо это по его мнению ограничивает показания допрашиваемого.

Опыт показал, что конкретно сформулированный вопрос не ограничивает показания, а конкретизирует их. Давая ответ на коренной вопрос, допрашиваемый вполне свободен в изложении всего ему известного по делу. При этом надо иметь в виду, что следователь не может надеяться на «самотек», и на то, что допрашиваемый изложит ему вполне ясную картину. Следователь должен восполнить серией дополнительных вопросов все обстоятельства дела.

Наконец выполнение ст. 139 УПК обеспечивает допрашиваемому возможность дополнения допроса всем тем, что он пожелает показать.

Совершенно необоснованным является мнение т. Зонненберга о том, что фиксация вопросов почти удваивает затрату времени.

---

[1] См. «Соцзаконность» № 7.

Широкая практика применения этой формы показала, что незначительная затрата времени на фиксацию вопросов с лихвой компенсируется тем, что заставляет следователя не просто «выслушать» допрашиваемого, а получить у него обстоятельные ответы по существу, дисциплинирует его мысль и освобождает от загромождения расследования неотносящимися к делу обстоятельствами.

Закгейм

Статья 162 или 165

Вопрос о том, по какой статье УК, 162 или 165 надлежит квалифицировать действия лица, похитившего что-либо у пьяного или попросту у спящего, судами разрешается в пользу ст. 165, и такое деяние расценивается как грабеж. Так например по приговору народного суда 5 уч. Бауманского р-на г. Москвы от 1934 г., по которому гр. Плешаков был осужден по ст. 165, так как «суд установил, что обвиняемый Плешаков проходил с двумя неизвестными по Доброслободскому пер., где лежал в нетрезвом виде гр. Заворотный, у которого Плешаков из кармана похитил документы и деньги в сумме 50 руб.». Вот более поздний приговор 16 декабря 1935 г. нарсуда 6 уч. Дзержинского района Москвы, которым гр. Семченко был осужден по ст. 165 за то, что он снял сапоги с гражданина, лежавшего на бульваре в состоянии полного опьянения.

Таким образом судебная практика игнорирует и текст и смысл ст. 165, говорящей об открытом похищении чужого имущества. Некоторые судебные работники, отчетливо сознавая, что ст. 162 устарела в отношении санкций по пп. «а» «б» и «в» этой статьи, которые являются недостаточно жесткими, ищут в подобных случаях выхода в переходе к ст. 165. Но это, конечно, ни в коем случае не решение вопроса и тем более не будет им после того, как редакция ст. 162 будет изменена.

Вопрос о том, какую статью применять в этих случаях не только вопрос о мере наказания. Для совершившего такое преступление, в особенности впервые, весьма важно, с чем он выходит из здания суда — с именем вора или грабителя. И хотя и то и другое позорно в наших условиях, но судимость по ст. 165 УК зачастую может трудящегося, совершившего какую либо мелкую кражу, незаслуженно поставить в ряд с подлинными грабителями, со всеми вытекающими отсюда последствиями, даже после отбытия наказания.

Между тем вопрос о квалификации в данном случае вовсе не представляется таким спорным, как это кажется многим судебным работникам и нет основания для осуждения по ст. 165 УК лиц, совершивших хищение чего-либо у граждан, находившихся в нетрезвом состоянии или состоянии сна. Многие судебные работники представляют себе дело так, что раз потерпевший не находится где-то там, в большем или меньшем отдалении от места происшествия, и кража происходит в его присутствии, то уже нельзя говорить о краже. Эти товарищи понимают тайное похищение чужого имущества, предусмотренное ст. 162 УК, только как действие, совершенное в отсутствие потерпевшего. Но если стать на такую точку зрения, то тогда придется, например, всех воров-карманников, производящих кражи в трамваях, поездах, — признать грабителями, поскольку в момент производства самой кражи потерпевший «присутствует». Ясно, что такой взгляд по существу вопроса не верен и дело тут не только в одном присутствии потерпевшего. Литературные источники разрешают этот вопрос с достаточной категоричностью. Приведу цитаты, наиболее ярко подчеркивающие основные признаки грабежа. Проф. Гернет, в своей работе «Имущественное преступление» пишет: «не будет грабежом и тот случай, когда присутствующие видят и сознают, что совершается похищение, но похититель думает, что его не замечают». Другими словами: для понятия грабежа не только необходимо присутствие других лиц, но и сознание самого преступника, что он совершает свое преступление с дерзостью открытого похищения. Комментаторы УК тт. Карницкий и Рогинский указывают (УК РСФСР изд. 1935 г. стр. 224), «Часть I ст. 165 предусматривает грабеж без насилия одним лицом и в первый раз (напр., какое-либо лицо в магазине на глазах у продавцов схватило товар с прилавка и скрылось)». Таким образом из сопоставления этих двух формулировок видно, что для признания деяния грабежом необходимо, чтобы оно произошло на глазах у потерпевшего и чтобы правонарушитель сознавал, что его видят. Этого-то, как раз, при краже у пьяного или спящего нет и поэтому применение ст. 165 в таких случаях неправильно. В конце концов, ведь, центр тяжести вопроса лежит в том, что грабитель более социально опасная личность, чем вор. Но в таком случае нужно ставить вопрос так, что если каждый грабитель пойдет на кражу, то не каждый вор способен на грабеж. Поэтому, если хищение происходит у лица фактически бодрствующего, но притворяющегося спящим, то и такой случай нужно рассматривать как кражу.

Казалось бы вопрос ясен. А между тем судебная практика уклоняется, в данном случае, и от закона и от того бесспорного положения, что нельзя мешать в одну кучу родственные, но далеко не одинаковые преступления. Органы прокуратуры часто совершают ту же ошибку. Необходимы авторитетные разъяснения и указания свыше.

Д. Голубовский

О подозреваемых и обвиняемых[1]

На страницах журнала «Советская юстиция» дискуссируется вопрос «о подозреваемых» и «обвиняемых»; в № 6 помещена статья т. Байрон «Допрос подозреваемого» и в № 28 т. Раскольникова «о подозреваемых» и «обвиняемых». Обе эти статьи в основном сводятся к тому, что в практике расследования до сих пор применяется понятие «подозреваемый», производятся допросы в качестве «подозреваемых», каковая практика по мнению авторов, является неправильной. Редакция журнала «Советская юстиция» эти материалы печатает «в порядке обсуждения».

Так как затронутый вопрос имеет большое значение «принципиального характера, полезно

[1] В порядке обсуждения.

вернуться к нему и на страницах журнала «Соцзаконность».

Тов. Байрон в своей статье ставит вопрос узко — только в плоскости возможности, или допустимости допроса отдельных лиц в качестве подозреваемых. Тов. Раскольников ставит вопрос шире — можно ли вообще допускать в процессе следствия «подозреваемого».

Действующему УПК термин «подозреваемый» известен; встречаем этот термин в ряде статей, как например, ст.ст. 100, 102, 103, 104, 105, 145.

Как, прежде всего, надо понимать сам термин «подозреваемый»? По моему мнению, его надо понимать таким образом: в распоряжении органа следствия имеются сведения, или данные, которые говорят о преступном действии, совершенном тем или иным лицом, но эти данные недостаточны и не могут еще служить основанием для привлечения этого лица в качестве обвиняемого.

Подозрение — это еще не обвинение. Можно ли к «подозреваемому» предъявлять требования, которые бы ставили его в положение обвиняемого? Конечно, нет. Если имеются подозрения и на основании таковых будет допрашиваться человек в качестве «подозреваемого», то что это дает? Ничего. Свидетеля мы допрашиваем с предупреждением об ответственности по ст. 95 УК за дачу ложных показаний; обвиняемый имеет право и дать показания и отказаться от дачи таковых. А подозреваемый? Как его допрашивать? Предупредить ли об ответственности за дачу ложных показаний? Если предупреждать — то получается своеобразное положение: человека предупреждают об ответственности за дачу ложных показаний, но спрашивают его о его преступлениях. Это в том случае, когда мы предположим, что допрашивается лицо, действительно совершившее преступление. Думаю, что гораздо полезнее допросить его или сразу в качестве обвиняемого, когда есть улики, или как свидетеля.

А если подозрения были вообще ошибочны? Если мы официально и не предъявили обвинения, но все же, «подозревали» человека и ему об этом недвусмысленно сказали. Для невиновного и честного человека это несомненно очень тяжело.

Таким образом, надлежит признать, что мы не можем применять в практике допросы в качестве «подозреваемого». Вопрос должен решаться прямо: или свидетель, или обвиняемый. Раз нет достаточных данных для обвинения, нет оснований ставить человека в какое-то двусмысленное положение «подозреваемого». Права трудящегося охраняются, законом, а мы, работники советской юстиции, призваны бороться за правильное применение законов. Здесь же мы как раз и нарушим закон, если начнем отдельных граждан третировать как подозреваемых.

Обращаясь к действующему УПК, отметим, что ряд положений его устарел; в пределах затронутого вопроса эта «устарелость» УПК ярко бросается в глаза. Термин «подозреваемый» довольно часто встречается в 8 главе, а глава 8 говорит о дознании. Теперь процессуальные нормы при производстве следствия одинаково выполняются и следователями, и органами УГБ, и милицией. Раньше милиция как орган дознания, не выполняла ряда требований процесса в части следствия, не предъявляла обвинения, не выполняла ст. 206 УПК и т. д. Теперь положение иное. С допросами же в качестве «подозреваемого» мы чаще всего встречаемся в органах милиции, то — «дань прошлому», вкоренившейся практики, против которой надо бороться.

«Подозреваемый» представляет собою нечто среднее между свидетелем и обвиняемым, а что именно — неизвестно.

Правда, в ст. 145 УПК мы также имеем упоминание термина «подозреваемый», но здесь смысл уже совершенно иной. Ст. 145 говорит: «меры пресечения принимаются лишь после привлечения подозреваемого лица к делу в качестве обвиняемого...». В чем здесь смысл термина «подозреваемый»? Вы имели по делу «подозреваемого». Затем, собрали в отношении его достаточно улик, которые дали основания привлечь его в качестве обвиняемого. Иными словами, орган расследования имел подозрения, но эти подозрения, до тех пор, пока они только были подозрениями, никакого отражения на «подозреваемом» не имели; он ни в чем не ограничивался и достоинство его, как личности, не ущемлялось. Но как только был собран достаточный материал, изобличающий этого «подозреваемого» в преступлении, то ему и не говорят, что «Вы подозреваетесь», а говорят: «Вы обвиняетесь». По моему так именно и надо понимать термин «подозреваемый». Мне могут возразить: как же, мол, так, читайте ст. 145 дальше, а там говорится: «В исключительных случаях меры пресечения могут быть применяемы в отношении подозреваемых лиц и до предъявления обвинения...».

Это не меняет положения. Ст. 145 говорит только об исключительных случаях, но принципиально вопрос должен решаться только таким образом — или свидетель, или обвиняемый.

Путаница в понятиях о «подозреваемом» питается устарелыми положениями действующего УПК. В новом УПК мы, очевидно, не будем иметь «почвы» для толкований подразному.

Возьмите Конституцию — на какую высоту поднимает она права и интересы личности, права и интересы трудящегося гражданина социалистического государства. В свете этих положений мы обязаны и в своей работе максимально охранять права и интересы гражданина. Неосновательное привлечение к уголовной ответственности, неосновательное предание суду сильно бьют по человеку, причиняют ему большие страдания. Не в меньшей мере мы бьем по достоинству человека и в тех случаях, когда не имея достаточных данных для предъявления обвинения, предъявляем «подозрение» в совершении того или иного преступления, ставим человека в положение «подозреваемого», но не даем ему процессуальных прав бороться против этого «подозрения».

В практике работы органов расследования нельзя применять допрос в качестве «подозреваемого»; в процессе есть — обвиняемый, свидетель с соответствующими правами и обязанностями, но нет «подозреваемого», о правах и обязанностях которого нигде не сказано.

М. В.

О культуре в работе следователя

В последнее время в нашей юридической литературе все чаще стали раздаваться голоса практических низовых работников следствия о необходимости культурной работы, о культуре в быту и т. д.

Это явление я считаю отрадным явлением и думаю, что все низовые работники разделяют это мнение.

Сознание необходимости учиться и быть всесторонне культурным и образованным следователем уже давно проникло в гущу низовых работников следствия, и это желание выражено на многочисленных совещаниях и конференциях районных следователей.

Народный следователь в районе, особенно в отдаленных районах, оторванный от технических кабинетов, научных работников-криминалистов, часто предоставлен самому себе и должен самостоятельно учиться работать хорошо.

Говоря о культуре, нельзя не остановиться на тех условиях, в которых должен работать следователь.

Прежде всего хорошая рабочая комната следователя: если она хорошо обставлена, есть условие культурной обстановки работы следователя. На практике дело обстоит неблагополучно. Райисполкомы часто считают, что раз районный прокурор им не подчиняется и не находится на их бюджете, то он сам должен добиваться, где хочет, комнаты и обстановки для себя и следователя.

Одежда следователя тоже играет немаловажную роль в культуре, и поэтому мы должны добиваться опрятности во время исполнения служебных обязанностей и всячески изжить распущенность и неряшливость.

Для работы следователю нужно иметь транспорт для передвижения по району и для выезда на места происшествия, и вот тут-то и начинаются мытарства следователя.

По получении сообщения о происшествии, вместо немедленного выезда следователь часто выезжает через сутки и больше, то есть лишь по получении средств передвижения. Приведу пример: в начале июля я получил сообщение милиции, что на острове (на Волге) обнаружен труп. Чтобы проехать 28—30 километров на автомашине, нужно только один час. Обратился к председателю рика, он вместо того чтобы дать машину, обиделся, что его занимают такими пустяками; машина оказалась занята. До 12 часов ночи я бегал и не добился результата, утром встал в 5 часов и наконец договорился с шофером уполкомзага СНК; шофер согласился ехать, но и здесь райисполком чуть не отбил машину для работников райзо. Все-таки удалось отвоевать место для врача-эксперта, а для двух практикантов правовой школы, которые у меня проходили практику, я так и не мог достать средства передвижения, и они не могли выехать на столь ценный для них практический урок.

Когда я приехал на место, оказалось, что за сутки здесь перебывали на месте происшествия десятки колхозников, убирающих поблизости сено и рабочих с плотов. Вещественное доказательство — топор (орудие убийства) оказался вырытым из песка и побывал в нескольких руках.

Следов на берегу оказалось столько, что о применении гипса и думать нечего было. Хотя я часа 3—4 возился и искал характерные следы, но каждый раз разочаровывался, так как колхозники и охрана тут ходили.

В другом случае на пожар я попал через 36 часов и после дождя, который деформировал или уничтожил следы пожара.

Следователю должно быть обеспечено свободное пользование механизированным транспортом, на котором можно было бы ехать в любое время, в любом направлении, ибо у нас часто бывает срочная и оперативная работа.

Нельзя пройти мимо вопроса о технической вооруженности следователя. Некоторые следователи уже имеют теперь фотоаппараты, иногда дактилоприборы, лупу. Но сделать надо еще много. Нет у нас компасов, нет различных материалов фиксатива, нет стеарина и воска, не все имеют такую простую вещь, как гипс и цемент. Довооружить следователя полным комплектом технического снаряжения жизненно необходимо и как можно скорее.

Я считаю целесообразным создать при Всесоюзном институте юридических наук нечто вроде центра, снабжающего периферию техническими принадлежностями, и консультационный пункт по этим же вопросам.

Наконец самый серьезный и самый основной вопрос — это заочная учеба низовых практических работников. Всякий мало-мальски опытный следователь знает, что при расследовании ему приходится сталкиваться с специальными вопросами, незнание которых делает следователя беспомощным человеком, и следствием тогда руководит уже не он, а кто-то из сведущих людей. Не будучи «хозяином дела», следователь может извратить и запутать следствие. А ведь на практике приходится часто сталкиваться с такими вопросами, как научно-уголовная техника, судебная медицина и др. Следователь должен быть высоко, всесторонне образованным человеком и на всякой стадии процесса должен быть хозяином дела.

Из этого вытекает необходимость немедленно включиться в учебу. Заочное юридическое образование много может помочь. И как бы трудно ни было, нам придется все это преодолеть. Все «объективные» препятствия на пути учебы нужно преодолеть и опрокинуть, ибо Страна советов невиданными темпами в истории двигает культуру вперед, а нам, работникам следствия, отставать нельзя.

Н. Бундиряков

Внимание к детям

Вопрос, поднятый т. Сольцем в статье «О детях преступников», помещенной в № 8 журнала «Социалистическая законность», есть то больное место, с которым нам, судебным работникам, приходится чуть ли не ежедневно сталкиваться. При существовании карточной системы нам пришлось выдержать большую борьбу со снабжающими организациями для получения хлебных карточек для детей осужденных. К сожалению, не все прокуроры на местах нас поддерживали в этой борьбе. В конце концов мы добились того, что представляли приговора об осуждении отцов-трудящихся, и дети получали карточки. Таким образом мы хоть относительно помогали детям заключенных, понимая, что этим еще мало для них сделано.

Необходимость им помочь особенно подчеркивали женщины, когда приходилось беседовать с ними в связи с новым законом о запрещении абортов. Они заявляли, что государство должно будет гарантировать обеспечение их детей в случае осуждения их мужей. Позаботиться об этом действительно надо. Констатировать факт, конечно, мало, — надо найти исход. Таковой нужно найти в пособии со стороны государства в размере, необходимом для существования ребенка. Средства для этого государство должно черпать из части заработка заключенных в местах заключения.

Так как алиментные долги в смысле оплаты имеют преимущество перед всеми остальными долгами, то в первую очередь из заработка осужденных должны быть сделаны отчисления в пользу алиментного фонда.

Ф. Клугман.

О роли „немого свидетеля"

Работа следственных органов и освещающая ее юридическая литература многократно доказывала огромную роль и значение вещественных доказательств в раскрытии преступления. Своеобразные «немые свидетели» — они имеют свой особенный язык, острый язык несокрушимой, режущей и разящей правды. Факт существования такого свидетеля в деле часто помогает следствию осветить такие темные тайники следственного пути, где живая человеческая речь не только недостаточна, но иногда запутывает обстоятельства, несмотря на всю ее добросовестность и искренность. Такого «немого свидетеля» одухотворить, развязать ему язык, раскрыть всю конкретную обстановку его пребывания, установить его прямое и косвенное отношение к делу, его связь с фактом — одна из важнейших задач следствия.

Во всех без исключения случаях, где налицо имеется неполноценность свидетельских показаний, где опознание, установление непреложности, утверждение факта не исчерпывают с достаточной категоричностью доказательств, роль «немого свидетеля» вырастает в могучий фактор следственного действия.

Научная обработка такого «немого свидетеля» — необходимая предпосылка к его оживлению, к его превращению из пассивного состояния в орудие раскрытия истины. Методы научной обработки вещественных доказательств — многочисленны и многообразны. Один из них, указанный в нижеописанном случае еще и еще раз подтверждает, насколько такие пути следствия ценны и в какой мере они содействуют раскрытию правдивой картины преступления.

На хуторе «Красном», Коминтерновского района, Одесской области, в колодце был обнаружен распухший и разложившийся до неузнаваемости труп. Судебно-медицинское вскрытие установило, что налицо имеется убийство и что оружием послужило охотничье ружье, о чем свидетельствовали обнаруженные в черепе крупинки самодельной дроби, сделанной из свинца, а также порох.

Труп был сфотографирован, и фотокарточки были направлены в ряд близлежащих районов милиции для опознания.

Через некоторое время в том же Коминтерновском районе, в степи, после уборки урожая был обнаружен человеческий скелет и одежда: брюки, плащ и рубашка.

Одесский Институт научно-судебной экспертизы, куда был направлен скелет и обнаруженные вещи, дал заключение, что это скелет мужчины, среднего роста 30—32 лет и что смерть наступила от 32 ножевых ран, нанесенных в область сердца и лопаток, о чем свидетельствовали разрезы на плаще и одежде, а также, соответственно расположению этих разрезов на одежде — царапины на костях скелета. Характерно, что приметы этого скелета почти полностью совпадали с приметами обнаруженного трупа в колодце.

В предъявленной фотокарточке трупа, обнаруженного в колодце, гр-ка Листюк опознала своего мужа — Листюка Артема, гонщика скота, который за месяц до этого гнал скот в Одессу и таинственно исчез.

Кроме того, гр-ка Листюк категорически опознала и все вещи, обнаруженные на скелете, как вещи, принадлежащие ее мужу — Листюку Артему.

Таким образом из показаний Листюк не представилось возможным установить, какой же из двух трупов действительно являлся трупом ее мужа, ибо в первом случае она опознала труп, но не признала обнаруженных на нем вещей, в другом же случае категорически опознала вещи, но не могла сказать, что это скелет ее мужа. Следствие занялось выяснением этого важного обстоятельства: при этом делалось предположение, что убийца переодел трупы для создания большей сложности в раскрытии преступления по приметам.

Имея в виду, что в черепе трупа, обнаруженного в колодце, были найдены крупицы самодельной дроби, подозрение пало на гр. Котова, известного по селу, как специалист по выработке самодельных патронов к охотничьим ружьям. Во время обыска на квартире Котова действительно было обнаружено охотничье ружье, свинец, порох, и капсули, то есть все то, что необходимо для изготовления патронов. На первичном допросе Котов категорически отрицал свое участие в этих убийствах и заявил, что уже продолжительное время вообще не стрелял из своего ружья и что в последний раз после стрельбы чистил ствол ружья. Для проверки этих показаний обнаруженные у Котова ружье, свинец и порох были направлены в Институт научно-судебной экспертизы для установления давности произведенных выстрелов и выяснения, является ли ствол ружья прочищенным, а также для сличения свинца и пороха, обнаруженного у Котова, со свинцом и порохом, найденным в черепе трупа.

Институт дал заключение, что ствол ружья не прочищен, что выстрел был произведен несколько дней тому назад и что свинец и порох идентичны.

После предъявления Котову заключения экспертизы, последний сознался в своем участии в этом деле и заявил, что свое охотничье ружье дал для пользования гражданам Попсуйко и Котенко, которых знал раньше, как односельчан, и что они, будучи осужденными и высланными, как кулаки, с ссылки бежали.

Вскоре удалось задержать и указанных Попсуйко и Котенко. Как выяснилось дальнейшим следствием, лица эти при помощи Котова совершили в разное время два самостоятельных убийства указанных двух лиц, с целью похищения у них скота и что скелет, обнаруженный в степи, является скелетом Листюка Артема, а тело, обнаруженное в колодце, принадлежит другому лицу. Жена Листюка дала такие ошибочные показания в силу того, что приметы трупа, обнаруженного в колодце, до тонкости совпадали с приметами ее мужа. Этому заблуждению значительно содействовало разложение трупа, находившегося в колодце; что же касается опознания вещей Листюка его женой, то оно вполне совпало с обстоятельствами дела.

Случай этот лишний раз должен подсказать следствию, что затруднительное положение при установлении факта, когда налицо имеются сбивчивые, неполноценные показания живого свидетеля, легко устранимо там, где на помощь призывается научная обработка вещественных доказательств.

Следователю необходимо во всех таких случаях задуматься над всем многообразием следственных возможностей, особенно научных, дающих нам новые и неоспоримые источники построения доказательств. В таких случаях, также, как и в описанном, решающая роль «немого свидетеля» огромна, ибо «немой свидетель» — разительный факт, а факты — вещь упрямая.

С. Кривицкий

За культурное оформление следственных дел

Вопросы внешнего оформления наших следственных дел почти не привлекают к себе внимания с нашей стороны. Об этом, конечно, приходится лишь сожалеть, ибо каждый из нас, через руки которого проходит большое количество следственных дел, хорошо знает, как порой противно брать их в руки и до чего порой грязно, скверно и не культурно они оформлены.

Начну с обложки. Какое разнообразие всех видов и сортов бумаги. Старые, использованные обертки, «перелицованные» на левую сторону, цветная бумага, прочитанные газеты, обои, скоросшиватели и папки «для доклада» и «на подпись» — все идет в ход, все служит материалом, всевозможные печатные папки на всевозможного вида и оттенках бумаги с самым разнообразным текстом и надписями. Казалось бы, что на обложку дела, ту самую обложку, которая должна сохранить и предотвратить от порчи и гибели, при прохождении через различные инстанции и руки, порой весьма ценные документы, следовало бы обратить побольше внимания. Однако, факты свидетельствуют об ином.

Некоторые работники пытаются эту неряшливость и прямо-таки преступную небрежность объяснить то отсутствием бумаги, то отсутствием обложек. По существу же это не так. Побольше любви и внимания к своему делу, к чистоте, аккуратности и культуре, и тогда найдутся и средства, и обложки, и все прочее.

Полагаю, что следует для всех органов следствия завести плотную, одноцветную единую по тексту и разную лишь по языкам обложку. Инициативу в этом вопросе, как и в ряде других, которых я буду касаться ниже, должна взять на себя Прокуратура Союза.

Следующий вопрос, на котором я бы хотел остановиться это вопрос о подшивке дела. На эту сугубо техническую сторону дела уж совсем не обращают внимания. В подавляющем числе дела подшиваются скверно и небрежно. Листы дела скрепляются слабо и неровно. Документы в деле распределяются неравномерно и беспорядочно. Если к этому добавить подшитые «вверх ногами» листы (и такой грех бывает), мятые, часто ветхие надорванные бумаги, то картина получится хоть и не приглядная, но верная. Иного объяснения этому как небрежность, найти нельзя. Документы и бумаги первым делом следует расправлять. Изорванные места, без вреда для текста, склеивать.

Все листы дела, а равно документы следует аккуратно складывать и подшивать, однако, не так, чтобы затем приходилось дело в судебном заседании расшивать, чтобы прочесть и установить ту или иную спорную дату, номер или цифру. А это часто приходится проделывать в судебном заседании при рассмотрении дела.

Кстати укажем, что вообще следует отказаться от методов подшивки дела путем сгиба наружу или внутрь краев листов дела. Не говоря уже о том, что такой способ удваивает толщину дела, этот метод подшивки также отражается на текстах бумаг дела. Существует весьма простой и несложный, так называемый, переплетный способ подшивки дел и им следует пользоваться. Вообще было бы весьма целесообразно, если бы прокуратуры имели в своем распоряжении малую толику средств на переплетные работы.

Касаясь вопроса внешней формы и безобразного вида дел, следует указать, что во многом мы, следственные работники, сами виноваты. Готовясь к выступлениям и изучая дела, порой приходится буквально тонуть в море лишних бумаг и документов. Дело к моменту передачи его в суд должно содержать в себе все то, что собрано как за, так и против предъявленного обвинения. Фактически же дело собой представляет документально-историческое изложение всего того, что проделано по данному делу. Поэтому к делу должно приобщаться только то, что имеет отношение к исследуемым фактам. Особенно это относится к делам о хозяйственных преступлениях. Действительно, нужно порой прочесть тысячу, а то и две тысячи страниц, дабы обнаружить те 50—100 страниц, которые действительно нужны для дела.

Я хочу также коснуться вопроса оформления разных следственных действий. Грехов тут за следователями можно насчитать не мало. Нередко отсутствует дата, а равно название места совершения следственных действий, подпись допрашивающего, помарки и подправки текста вносятся без оговорок и т. д. Нужно обратить внимание не только на эти дефекты. Казалось бы, до чего просто послать повестку свидетелю или обвиняемому, отобрать подписку о невыезде или же составить протокол предъявления материалов следствия, ведь и действия то несложные и текст-то этих документов совсем простой. Все же

эти простые и всем известные тексты варьируются до бесконечности, в результате чего они сплошь и рядом страдают неполнотой и дефектами. В целом ряде прокуратур существуют печатные бланки для ряда следственных действий, но попробуйте их собрать и вы убедитесь, сколь разнообразны даже эти печатные трафареты. НКЮ Украины в свое время проделал весьма полезную работу. Собрав во всех прокуратурах образцы их бланков, Наркомат на основе собранных материалов в соответствии со всеми требованиями УПК выработал тексты всех необходимых бланков, которые разослал на места, как обязательную и единую форму. Весьма удобно для ориентировки и работы, когда эти бланки напечатаны в зависимости от содержания и рода их на разных цветах бумаги.

Наличие таких бланков не только облегчает работу следователей и придает более опрятный вид делу, но приучает также следователей к определенному, полному и правильному тексту своих постановлений. Этот безусловно полезный и целиком оправдавший себя опыт надо провести во всесоюзном масштабе.

В связи с предстоящим изданием общесоюзного УПК необходимо разработать единый текст бланков для ряда следственных действий.

Вполне естественно, что не все действия полностью укладываются в текст печатных бланков и очень многое приходится писать от руки, и тут-то на сцену часто выступает скверный небрежный и неразборчивый почерк. К этому следует прибавить, что некоторые акты, как напр. первичный осмотр места происшествия или первоначальный допрос заподозренного, которые большей частью составляются не в камере, а при выездах на места, пишутся карандашом, нередко к тому же скверно очиненным.

Нужно решительно и резко положить предел такому безобразию. Ни один акт не может и не должен писаться карандашом. При всех условиях чернила и ручка должны раздобываться, а предусмотрительный работник таковые возит с собой в портфеле.

Очень большую пользу может принести пользование пишущей машинкой. Ряд следователей, знающих машинопись, уже и теперь все свои допросы в камере производят на пишущей машинке. Пользуясь машинкой, следует иметь копии всего печатаемого. Эти копии приносят большую пользу. Оригинал, скажем, допроса подшивается к делу и больше не треплется. На копии же можно производить очеркивания и подчеркивания, а равно делать заметки на полях. По окончании же дела и утверждения обвинительного заключения прокурором, когда дело передается в суд, использованные копии передаются выступающему в суде обвинителю. Наличие у прокурора на суде копий всего дела значительно облегчает его труд по изучению дела, освобождая его от необходимости производить обширные выписки из дела.

Если ко всему вышеизложенному добавить, что пора обязать всех следователей составлять опись всех находящихся в деле листов, а в списке лиц, подлежащих вызову в суд, указывать листы дела, на которых имеются их допросы, то основные мероприятия к культурному оформлению наших следственных дел будут намечены.

З. Ниренштейн

Совещание прокурорско-следственных работников Бел. ж. д.

3 октября 1936 г. прокурор Бел. ж. д. т. Петров провел совещание со своими помощниками по участкам и следователями дороги.

На этом совещании были заслушаны:

1. Информация следователя Бел. жел. дор. т. Давлет-Кильдеева об итогах Всесоюзного совещания лучших военных и транспортных следователей.

2. Доклад прокурора Бел. ж. д. т. Петрова о работе прокуратуры дороги за время организации таковой и о дальнейших задачах ее работы.

3. Доклад заместителя прокурора Бел. ж. д. т. Пониматко о плане работы прокуратуры на IV квартал.

Аппарат прокуратуры дороги укомплектован в основном достаточно, он состоит из работников, как с высшим юридическим образованием, так и солидным стажем практической юридической деятельности.

От такого аппарата следовало ожидать высокие показатели работы в области борьбы за проведение революционной законности, с нарушением советского правопорядка и за оздоровление ж.-д. транспорта, за безаварийную работу последнего, что является основной задачей транспортных органов юстиции, но в действительности, как выяснилось на совещании, этого в достаточной степени не было и нет.

Прокуроры и следователи подпали под формально-бюрократические методы работы; оторвавшись от производственной деятельности отдельных звеньев дороги, и не имея актива юстиции на местах, они до сих пор при наличии директивы Подора местным партийно-профессиональным организациям о подборе соц. совместителей прокуроров и следователей не имеют таковых; если имеют, то с ними не ведут никакой работы.

Кроме этого прокуроры недостаточно занимаются изучением дисциплинарной практики на ж. д., а следователи сплошь и рядом заняты мелочными делами вместо того, чтобы вести производственные дела.

У прокуроров хромает и общий административный надзор.

Нет достаточной связи как у прокуроров, так и у следователей, с печатью, а последние (следователи) не проявляют инициативы.

Все эти существенные недостатки на совещании были взяты под обстрел участников совещания и осуждены прокурором дороги т. Петровым, который призвал всех работников прокуратуры к их ликвидации и выдвинул перед ними новые требования, вытекающие из состояния работы нашей дороги.

Работники прокуратуры Бел. ж. д. обязались в IV квартале по-большевистски выполнить возложенные на них партией и правительством задачи и выдвинуться на почетное место в системе транспортной прокуратуры СССР.

Достойный пример

Военный прокурор внутренней охраны Московской области т. Символ обратился к прокурору Союза т. Вышинскому со следующим рапортом в связи с окончанием им учебы в Институте красной профессуры.

Уважаемый Андрей Януарьевич!

В феврале 1932 г. я, обладая недостаточными познаниями марксистско-ленинской теории, не отрываясь от непосредственной работы, поступил учиться в ИКП мировой политики и мирового хозяйства.

На протяжении 4 лет и 8 месяцев я упорно, по-сталински работая, учился и учась работал.

За весь период учебы я чувствовал, что стоявшие передо мной трудности преодолимы. Но временами приходилось прямо-таки карабкаться в буквальном смысле этого слова, так как я был ограниченно грамотным вообще, не говоря уже о тяжести учебы, без отрыва от работы.

Сегодня для меня радостный день, так как я Вам рапортую о том, что 25 октября 1936 г. сдал последние государственные экзамены, в связи с окончанием учебы в ИКП.

Великой коммунистической партии большевиков, великому вождю и учителю мирового пролетариата товарищу Сталину я обязан этими успехами.

Вам, Андрей Януарьевич, как своему начальнику, я выражаю сердечное спасибо за то, что Вы мне практически помогли в этом трудном для меня деле.

Чувство радости меня переполняет через край именно потому, что мысли великого и мудрого Сталина о том, что теория «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела», осуществлены мною практически.

Именно теперь, когда «жить стало лучше, жить стало веселее», я, вооружившись теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, еще с большей энергией буду бороться за чистоту генеральной линии партии, еще с большей энергией буду бороться против классовых врагов и выкорчевывать капиталистические пережитки из сознания людей.

Теперь мне значительно легче будет выполнять Ваши установки в повседневной практической работе.

От редакции

Редакция поздравляет т. Символа с окончанием ИКП и выражает уверенность, что примеру т. Символа последуют другие прокурорские работники в борьбе за повышение своей научной квалификации как в области общих проблем теории Маркса — Ленина — Сталина, так и в области специальных юридических дисциплин.

Редакция

Первое заседание Методсовета Прокуратуры Союза

22 ноября под председательством прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинского состоялось первое заседание Методического совета Прокуратуры Союза ССР. Открывая заседание, т. А. Я. Вышинский указал, что задача этого совещания заключается, главным образом, в выработке плана работ Методсовета и, кроме того, в разрешении ряда важнейших вопросов, в частности, о классификационной карте народных следователей, об организации учебных конференций следователей, об открытом следствии и соцсовместителях следователей.

Тов. Вышинский далее подчеркнул, что теперь Методический совет значительно укреплен и что в его работе будут принимать участие представители местных прокуратур.

Состав Совета сейчас достаточно полнокровный.

Это гарантирует наибольшую продуктивность работы Методического совета, призванного стать центром всей методической работы в области расследования преступлений.

После вступительного слова т. А. Я. Вышинского, Методический совет заслушал доклад т. Левентона Э. Э. о плане издания методических документов.

Тов. Левентон Э. Э. сообщил, что при разработке плана работ Центрального методического бюро по заданию методических писем и руководств, Прокуратура Союза ССР исходила из основной установки, заключающейся в задаче не вообще издавать руководства, а издавать такие руководства, которые были бы полезны нашему народному следователю в тех условиях его работы, при наличии того портфеля следственных дел, которым он располагает в настоящий момент. Если мы примем во внимание, сказал т. Левентон, что по нашей статистике 65% следователей не имеют никакой юридической подготовки, а 41% следователей имеют стаж до 1 года, то станет ясно, что эти соображения, эти предпосылки должны были в весьма сильной степени отразиться на плане и содержании наших работ по изданию методических руководств.

Второй нашей установкой является следующее: хотя в последние два года мы уже преодолели в значительной части встречавшиеся раньше случаи процессуального «нигилизма», хотя мы и заставили следователей соблюдать процессуальные нормы, но ни для кого из практических работников не является секретом, что на выполнение процессуальных норм следователи часто все еще смотрят, как на выполнение формальных обрядов, что они совершенно забывают о том, что правильное соблюдение норм процесса, предписанных законом, является гарантией не только защиты прав обвиняемого, но и гарантией значительно более полного и всестороннего, а, следовательно, и наиболее правильного расследования дела.

Третьей нашей предпосылкой, с которой мы подходили к разработке нашего плана работ, было то, что ведущаяся ныне работа по поднятию квалификации следователей в ряде республик, краев и областей достигавшая значительных размеров все еще проводится зачастую недостаточно полно, недостаточно углубленно. Это зависит и от недостаточной опытности самих преподавателей и от отсутствия

систематически и методически разработанных руководств.

И, наконец, последняя наша установка вытекала из состояния следственного портфеля в настоящий момент. Большой процент дел, проходящих через народных следователей, это дела о преступлениях, совершаемых против социалистической собственности: хищения, растраты и такие должностные преступления, которые в той или иной степени являются посягательством на общественную (социалистическую) собственность.

Эти четыре установки и предопределили построение предлагаемого на обсуждение плана издания методических пособий.

Далее т. Левентон сказал: «Этот план состоит из 3 разделов:

1-й раздел — разработка примерных пособий для проведения практических занятий по уголовному процессу, криминалистике и оформлению следственных дел.

Прежде чем говорить о том, как мы собираемся подойти к разрешению этих задач, я хотел бы припомнить одно образное сравнение, которое применил т. Вышинский, когда сравнивал следственную работу в некоторых отношениях с войной.

«Следователь, — говорил он, — воюет, борется с врагом, применяет иногда определенную сумму тактических приемов, которые напоминают в известной степени приемы, применяющиеся на войне».

Напомню слова знаменитого Клаузевица, который, говоря о том, как нужно учиться воевать, сказал: «научиться воевать можно двумя способами, либо самому участвовать в сражениях, их выигрывать и проигрывать, и получать положительный или отрицательный опыт, либо изучая множество других проигранных или выигранных сражений».

К сожалению, у нас не каждый следователь может извлечь для себя известные уроки из следственных «сражений». В законченных делах гораздо больше образцов такого рода, на которых учиться нельзя. Поэтому мы должны ему «разыграть» такое следственное сражение, на котором он мог бы чему-нибудь научиться.

Мы можем это сделать двумя способами. Первый способ — наиболее простой: отобрать дела, находящиеся в производстве, разбить их по отдельным категориям, отметить положительные и отрицательные стороны этих дел и предложить следователям изучать эти дела и делать на основе этого изучения те выводы, которые нужны для обучения правильному ведению следствия. Но тут перед нами встает целый ряд трудностей. Первая трудность заключается в том, что в каждом конкретном деле, которое мы предлагаем вниманию следователя, слишком мало ценных элементов в своей совокупности, которые могли бы из одного дела сделать в какой-либо степени более или менее яркое пособие.

Если в деле есть характерные черты активных действий следователя (допроса, осмотра места), то в этом деле нет криминалистических приемов; если есть и то и другое, то нет характерных процессуальных вопросов, которые должны разрешаться в процессе следствия, нет иного рода затруднений, которые должны показать следователю, как правильно оценивать доказательства, в которых совокупность их толкает его на следственную догадку.

Вот почему, если мы примем этот метод и будем руководствоваться следственными делами, уже рассмотренными на практике, мы должны будем распылить внимание обучающегося следователя на десятки следственных производств. Это дело будет итти медленно, слишком кропотливо, будет распылять внимание следователя. Поэтому мы полагаем создать «учебник дел», в котором было бы аккумулировано максимально все то, что нужно для обучения следственному делу и в области оценки доказательств и в области процессуальных затруднений и способов их разрешения, в области криминалистических приемов, в области тактических следственных действий (оперативных действий), начиная с постановления о принятии дела к своему производству, кончая обвинительным заключением». «Мы, — сказал т. Левентон, — предполагаем при этом дать ряд приложений. Первое приложение — схема и план проведения занятий по этому делу: в каком порядке надо его рассматривать, какие вопросы задавать, в какой последовательности их задавать, какие надлежит получать ответы. Последний раздел — справочный материал для преподавателя: изложение, в сжатом хотя бы виде, тех основных источников, на которых базируются все те приемы и методы, которые применены в этом так сказать «выдуманном», скомпанованном следственном деле.

Таким образом это «выдуманное» следственное дело, представляющее собой в известном смысле искусственную аккумуляцию, комплекс всякого рода трудностей, эпизодов процессуального, криминалистического, технического, тактического характера должно явиться одновременно и руководством по проведению занятий, должно явиться одновременно и справочником для научного обоснования всего того, что должно быть научно обоснованно при изучении этого дела. Мы собираемся дать 3 таких дела: первое дело — об убийстве, второе дело — о краже, третье дело — о растрате.

Что касается второго раздела нашей работы — методических писем о важнейших следственных действиях, о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, о предъявлении материалов следственного производства, о составлении обвинительного заключения, — то здесь мы хотим дать не только чисто процессуальную схему, но хотим дать такое руководство, которое заключало бы в себе систематизацию ряда конкретных примерных случаев, начиная от простых и кончая осложненными, систематизацию применения процессуальных норм в разных установках. Например, возмем ст. 206 УПК РСФСР. Смысл этой статьи для всех нас ясен. То, что ты расследовал, надо предъявить обвиняемому, без этого дела направлять по ст. 208 УПК никак нельзя. Однако есть целый ряд затруднений: нужно ли обозначать время, в течение которого может знакомиться обвиняемый с делом, нужно ли обозначать место, где он знакомился, время, — день или вечер, нужно ли обозначать в протоколе, как знакомился, сам или кто читал, как ознакамливать больного, слепого. Нужно ли предъявлять дело, когда есть двое обвиняемых и один заявил ходатайство о дополнении, а другой — нет? Как по-

ступать, когда проводишь следствие и один обвиняемый в Москве, а другой в Калинине и в Москву вызван быть не может, как тогда должен поступить следователь. Сочетание процессуальной теории, исследование ее значения, вместе с показом основных трудностей и казуистики следственного производства, — все это должно быть показано в наших методических пособиях. Мы хотим как можно ближе придвинуть каждую тему к практической работе наших следователей, приложить как можно большее число образцов процессуальных трудностей и показать методы, наиболее целесообразные в наших условиях, для их преодоления».

«Следующий, 3 раздел, касается техники расследования дел по хищениям и растратам. Я уже говорил, что не менее 40% дел, расследованных народными судами, являются дела о хищениях, растратах и должностных преступлениях, которые являют собой покушение на социалистическую собственность. Как составлять эти руководства?

Тов. Вышинский в 1934 г. на совещании в Наркомсвязи сказал: «следователь потому не всегда может успешно расследовать дела о хищениях и растратах в органах связи, что, во-первых, он не знает кто, какое должностное лицо на каком участке сидит и за что именно отвечает; он не знает особенностей тех звеньев работы, в которых совершается то или другое преступление. Во-вторых, следователь не умеет разбираться в значении хотя и примитивных, но специфических для каждого данного места и учреждения документов и иных признаков преступлений».

Вот почему, когда мы решили приступить к разработке руководства по технике и методике расследования дел о хищениях и растратах, мы решили разработать специфику основных мест, где действуют жулики. Мы полагаем необходимым создать руководство о технике и методике расследования хищений и растрат в таких местах, которые более часто становятся ареной различных хищений и жульнических махинаций: хищений переводов, хищений посылок, хищений в пути, хищений в точках отправления, в точках получения; мы хотим осветить такие вопросы, как вопрос о том, какими документами подтверждается хищение при потере документа, какими обстоятельствами или корреспондирующими документами этот потерянный документ восстанавливается, круг лиц, которые в месте отправления, в месте получения могут учинять эти жульнические махинации и т. д. и т. п. Все это должно быть показано следователю, ему должен быть показан документооборот, сопровождающий каждую пересылку ценности, — все это должно быть показано, и затем должны быть даны выводы, на каких участках, за что какой человек отвечает и какими способами он может на этом участке совершать преступления и как с этими преступлениями можно бороться. По такой схеме мы решили дать технику и методику расследования дел не только в органах связи, но и на строительстве, технику и методику расследования дел о растратах в колхозах, в предприятиях общественного питания, на складах, в магазинах, дел о нарушениях финансово-бюджетной дисциплины и, наконец, технику и методику расследования преступлений об обсчете рабочих и т. п.

У нас в плане 16 тем. План рассчитан на 4 с лишним месяца т. е. примерно каждые 10 дней мы должны давать по выполненной теме. Эту большую задачу мы можем выполнить только в том случае, если мы будем пользоваться поддержкой мест. Нам необходимо будет получить различный справочный конкретный материал, — примеры, характеризующие те или иные виды преступлений, отзывы на те или иные наши мнения и предложения. Вот это основное, что мы просим от Центрального методического совета, просим в смысле оказания товарищами нам в этой части поддержки как непосредственно своим опытом, так и опытом тех прокуратур, которые они представляют»...

По докладу т. Левентона развернулись оживленные прения, которые мы и приводим ниже в кратком изложении.

Тов. Иванов (Калининская область). «Работу Методического совета по выпуску писем нужно приветствовать, ибо она действительно необходима. Мы на местах, планируя составление методических писем, останавливались примерно на тех же вопросах, потому что они являются наиболее актуальными в данный момент.

Работу по составлению писем в центре нужно увязать с местами. Я считаю, что нельзя заранее планировать тематику методических писем. Местам необходимо работу по выпуску методических писем увязать с методическим планом и посылать их для согласования в Прокуратуру Союза.

Для меня остался не совсем ясным вопрос о первых трех темах и сможет ли их следователь самостоятельно проработать, или они предназначаются только для преподавания на курсах. Мне кажется, что необходимо поставить вопрос о том, чтобы следователь мог их прорабатывать самостоятельно.

Ставя вопрос о необходимости издания методических писем на местах и помощи, оказываемой местами Центральному методическому совету, мы этим самым ставим вопрос и о том, что на местах должны быть такие работники, которые были бы в состоянии заняться этим, для чего они должны быть освобождены от оперативной работы. Товарищей, которые бы могли отдавать все свое время методической работе, должны быть сохранены. У нас этот вопрос разрешен таким образом, что лично на меня возложена работа по обобщению материала без обременения меня оперативной работой по следственному отделу. Это — единственная гарантия того, что работа, которую мы начали, будет продолжаться и не будет сорвана, что небольшие сравнительно достижения, которые мы имеем, будут в дальнейшем закреплены».

Тарасов-Родионов (Москва). «Бесспорно, план, предложенный рассмотрению Методического совета, чрезвычайно ценен. Мне кажется, что основное значение этих руководств, этих пособий должно относиться к конференциям-курсам, которые должны проводиться на местах. Мы это проводили у себя в Московской области на практике. В течение этого года мы провели 5 конференций-курсов народных следователей, на которых пропустили около 100 следователей. Московской области и 40 — Ярославской. На каждой конференции проводились практические занятия по расследованию определенного дела от начала и до конца. Одновременно следователи выполняли прак-

тические работы, т. е. писали необходимые постановления и т. п. Этот метод занятий принес очень большую пользу. Надо сказать, что на конференциях были следователи, которые уже не первый раз участвуют на конференциях-курсах; но этот новый метод занятий мы применили впервые в этом году, и следователи отзывались о нем самым положительным образом. Раньше мы ограничивались только чтением лекций, но этот метод не достигал цели, потому что он мало был связан с практической работой следователей, и многое из сказанного в лекциях они забывали. Лекции мы закрепляли практической работой. Одновременно мы применяли метод инсценировки осмотра. Мы инсценировали факт преступления и затем вместе со следователями произвели осмотр места происшествия, здесь проверялось умение следователей провести допрос, умение зафиксировать его. Некоторые следователи очень хорошо это сделали, все заметили, на все обратили внимание, но так плохо оформили протокол осмотра, что всю почти работу свели на-нет. Это говорит о необходимости сочетать чтение лекций с практической работой. Когда мы произвели анализ их практических работ, то они поняли все значение правильного оформления. Разработку пособий нужно только приветствовать, так как они окажут большую помощь местам.

Теперь о методических письмах, о важнейших следственных действиях. У нас имеется очень острая нужда именно в таких методических письмах с приложением практических примеров. У нас очень много молодых следователей и многим даже и немолодым нашим следователям нужно еще изучать, как оформлять те или иные следовательские акты. У нас, правда, в настоящее время имеется книга Яхнича, где эти вопросы освещены, но мне кажется, что эта книга очень элементарна и в некоторых местах страдает погрешностями.

Когда-то Прокуратура Республики издавала методические письма по отдельным видам преступлений. Всего было издано около 5—6 писем и они пользовались очень большим успехом. Потом издание этих писем почему-то заглохло и за последние два года у нас письма составлялись только на местах и не везде удачно. Несколько писем было забраковано. Исходя из этого, мне кажется целесообразным издание методических писем сосредоточить в Прокуратуре Союза.

Методические письма по отдельным видам преступлений крайне необходимы и здесь работа предстоит колоссальная. Намечено к изданию около десяти методических писем по отдельным видам преступлений. Совершенно правильно сделано, что взяты узкие категории дел, — это даст возможность их лучше разработать. Единственно, что меня смущает, это то, что план несколько велик и выполнять его придется с большим напряжением, потому что дать 9—10 писем это фактически — дать 9—10 хорошо проработанных научных работ. Центральному методическому бюро придется прибегнуть к помощи целого ряда товарищей, потому что своими силами Центральное методическое бюро выполнить эту работу не сможет.

Вопрос о методических ячейках при следственных отделах, — серьезнейший вопрос. Методическая работа в течение 1935 г. была развернута во всех областных и краевых прокуратурах РСФСР. Если сейчас во вновь организуемых следственных отделах не будет выделена специальная методическая ячейка, то работа может пострадать. Внутри следственных отделов должны быть сохранены, а там, где их нет, должны быть созданы специальные методические ячейки. Есть целая масса маленьких вопросов, которыми здесь не будут заниматься в порядке методики и которые придется разрабатывать на местах».

Тов. Нюрина (И. о. прокурора РСФСР). «Меня интересует вопрос организационно-технического порядка. Я очень внимательно читала письмо, которое прорабатывала Московская прокуратура и Московское методическое бюро. Если письма эти будут построены на искусственном материале, это может создать большую опасность. Надо брать конкретные дела и дополнять их; тогда этот материал будет реальным. Нам надо было принять как обязательное правило, что эти письма должны составляться на основе имеющихся у нас дел, самых разнообразных и самых запутанных. План работы Методического совета очень насыщен. Мы хотим иметь высококачественную продукцию, а в плане выполнение работ связано чрезвычайно маленькими сроками. Наши работники все очень заняты, работу же эту мы не должны делать на-спех. Мое предложение сводится к тому, что план и сроки следует пересмотреть, чтобы наши работники могли действительно дать высококачественную продукцию.

Третий вопрос. Я думаю, что издание писем должно быть облечено в хорошую форму, которая не затрудняла бы, а облегчала пользование материалом. Говорить о журнале очень трудно, так как это потребовало бы бесконечных согласований и разрешений, но при таком насыщенном плане вопрос о журнале можно было бы поставить. Гораздо лучше и проще издавать их в виде книжек, а не в виде бюллетеня, или может быть сделать это в виде приложения к журналу «Соцзаконность». Но все же лучше издавать письма книжками. Надо, чтобы следователь привык, чтобы он знал, что это то методическое пособие, которое он систематически получает. Надо иметь постоянно действующую редакцию. Выходить эти пособия будут от имени Прокуратуры Союза. Писать их будут очень квалифицированные люди. Но это такой насыщенный план и для его хорошего осуществления надо все предусмотреть, чтобы Методсовет не явился аппаратом торможения, вместо аппарата продвижения».

Шаргей (Харьковская область). «Я не собирался возражать ни против одного из пунктов, включенных в это план, но должен заметить, что один из видов преступлений — нарушение правил техники безопасности — обойден в этом плане, по-моему, напрасно. Это как раз те дела, в которых следователь наиболее беспомощен. С вопросами техники следователь чрезвычайно слабо знаком, и если имеет место нарушение правил техники безопасности сложного порядка, следователь становится втупик и не знает, как дать правильное направление делу. Было бы неплохо, если бы тема о краже была заменена темой о нарушении правил техники безопасности, — тема эта сейчас очень актуальна для наших следователей.

В своем докладе т. Левентон ничего не сказал о работе с экспертизой. Между тем работа эта чрезвычайно сложна: самая постановка вопросов экспертизы, порядок постановки этих вопросов, постановление о назначении экспертизы и т. д. Чрезвычайно важно поставить вопрос об экспертизе. До сих пор часто смешивают понятия ревизии и экспертизы. Надо поставить вопрос о разграничении этих понятий.

Если идет речь об убийстве, надо дать несколько примерных планов осмотра места происшествия, не только касающихся данного случая, но вообще — протоколов осмотра мест происшествия, точно так же надо сделать и в отношении составления основных документов по делу, — привлечение в качестве обвиняемого, обвинительное заключение и др.».

Ласкин (Московская область). «Я считаю, что предложенный нам на рассмотрение проект плана Методического совета не исчерпывает работы совета и бюро; он намечен только до апреля 1937 г. Тов. Шаргей прав, что тема по технике безопасности является более актуальной, чем тема о кражах, потому что нашим следователям, особенно в промышленных районах, приходится часто сталкиваться с этими делами, и они очень хромают в делах о нарушениях правил техники безопасности. Что касается тем о кражах, то нашим следователям вообще редко приходится вести дела о кражах, и я думаю, что следует заменить эту тему другой.

Если мы возьмем бюллетени, издававшиеся в краях и областях в 1934—1935 гг., то мы найдем там очень много различных методических писем. Мне кажется, что не мешало бы вытащить из архива старые бюллетени и посмотреть их, может быть там найдутся хорошие методические письма.

План в целом хорош, насыщен и мне кажется, что в него только следует включить вопрос о технике безопасности».

Рахлин (Главная военная прокуратура). «План работы Центрального бюро, предложенный нашему вниманию, очень серьезный документ. Меня очень заинтересовала разработка типизированных дел. Это новая идея, заслуживающая внимания.

У нас были случаи, когда некоторые следователи просили о переводе их на другую неследственную работу, потому, что непривычные условия работы в РККА в первое время создавали для них большие трудности в этой работе.

Надо заметить, что по методике расследования преступлений в РККА нет литературы. О методике расследования преступлений в иностранных армиях имеется крайне ограниченная литература. И вот, когда перед нами стоит задача дать методическое руководство, отвечающее нашим специфическим особенностям, то откуда мы можем дать такое руководство? Естественно, что у нас имеется один только путь — путь изучения нашего положительного опыта. Другого пути у нас, у военных следователей, у военных прокуроров, нет. Мы приходим в часть, в корпус, приходим к военному следователю, спрашиваем его, как он работает. Я говорю следователю: «тебе приходилось расследовать ряд дел, расскажи одно какое-нибудь дело, которое по твоему мнению ты разработал и расследовал очень хорошо». Я должен сказать, что не только старые, но и молодые следователи иногда дают очень ценный в методическом отношении материал, т. е. дают такой материал, который мог бы быть использован в наших следственных документах.

Я позволю себе изложить методический опыт Главной военной прокуратуры. Этот опыт у нас очень небольшой. Мы издали 3 напечатанных в типографии методических письма. Как мы строили наши методические письма? Мы, прежде всего, исходили из специфики работы Военной прокуратуры и военных следователей. Специфичными в наших условиях являются, например, особые взаимоотношения в армии, которые требуют от следователя знания воинской тактики расследования: надо знать, какого командира допросить, надо знать, когда можно устраивать очную ставку между командиром и не командиром и т. п. Эти особенности создают особую сложность расследования.

Если вы посмотрите наши методические письма, то вы увидите, что там затрагиваются разные вопросы, нет определенной целеустремленности. Дело объясняется тем, что когда мы бываем на местах, то мы обращаем внимание на те вопросы, в разрешении коих нужна наша помощь. Мы записываем эти вопросы и пытаемся в наших следственных письмах на эти вопросы ответить. Нас интересует и другой способ связи с нашей периферией, это письма наших следователей и прокуроров в ответ на наши следственные письма. Товарищи реагируют на них, высказывают свое мнение, обмениваются опытом, ставят вопросы, которые предстоит разрешить. Тем самым мы наши методические следственные письма приближаем к насущным практическим требованиям следователей и прокуроров. В этом смысле следует, мне кажется, кое-что позаимствовать при составлении плана Центрального методического совета».

Кузьмин (Следственный отдел Прокуратуры СССР). «По докладу т. Левентона у меня имеется несколько замечаний. Мне кажется, что план издания методических писем является частью плана работы Центрального методического совета. От того, какую программу мы наметим по изданию методических писем, будет зависеть эффективность результатов работы всего Центрального методического совета в деле поднятия квалификации следственных работников и поднятия следственного дела на ту высоту, о которой говорил т. Вышинский, неоднократно дававший справедливую суровую оценку состояния нашего следственного дела.

Я должен сделать несколько критических замечаний по плану, потому что, если в самом начале мы допустим ошибки в плане, то в дальнейшем реализация этого плана приведет к серьезным дефектам в нашей работе.

В настоящее время требования в отношении улучшения следственного аппарата чрезвычайно возросли. Если мы допустим хотя бы одну серьезную ошибку в методическом письме по делу об убийстве или грабеже, какой это даст резонанс! Такое следственное дело будет направлено в суд с серьезной ошибкой, и соответствующая судебная инстанция должна будет исправить ошибку или проштемпелевать следствие, не заметив ее. Если мы возьмем дело о растрате, составим, как говорил т. Левентон, весьма абстрактное дело, умножим на те дефекты, которые имелись в практике и да-

дим это как образец, то мы можем допустить здесь неверный подход и, если хотите, упрощенчество и это упрощенчество сразу скажется на большом количестве дел, которые будут у следователей. Самый подход здесь должен быть чрезвычайно серьезный. Мне кажется, что может быть не сразу следует пойти по тому пути, который предлагает т. Левентон— составление искусственных, абстрактных «педагогических» дел, рекомендуемых следственному аппарату в качестве образцов для его работы. Может быть, лучше сначала взять наши практические дела, — дела, которые были у нас в практике, в производстве. У нас есть прекрасно проведенные дела. Следовало бы их воспроизвести в печатном виде и дать в виде руководящих указаний нашим следственным работникам, как проводилось в данных конкретных условиях расследование данного конкретного преступления, с указанием тех ошибок, которые были допущены и которые не следует допускать.

Мне кажется, далее, что план методических писем о возбуждении уголовных дел, о привлечении в качестве обвиняемых и составлении обвинительного заключения надо дополнить таким образом, чтобы если не в ближайший квартал, то в ближайшее полугодие мы охватили методическими указаниями основные стадии процесса расследования от возбуждения уголовного дела до момента вручения обвинительного заключения, включив в план методику допроса свидетеля, обвиняемого и указания по осмотру места преступления. Мне скажут, что напр., по осмотру места преступления написано много диссертаций, трудов, брошюр, имеется труд Якимова, посвященный осмотру, работа Громова, я знаю об этом. Но они меня не удовлетворяют с точки зрения методической, педагогической и практической постановки вопроса.

То обстоятельство, что эти письма будут утверждаться и издаваться Прокуратурой Союза, накладывает на них особую печать. Методическое письмо, посвященное тому или другому вопросу, утвержденное Центральным советом и санкционированное прокурором Союза, является официальным руководящим указанием, которым должен руководствоваться районный прокурор, народный следователь и т. д. Тут я полностью поддерживаю т. Нюрину в том, что оформление этих писем должно быть несколько иным, чем это было раньше.

Тов. Левентон не сообщил, какими кадрами обеспечен данный план. Мы хотим знать, кто какую часть плана будет выполнять тот или иной научный или практический работник. План, необеспеченный соответствующими кадрами, — не план. Самый план говорит, что тематику намечали, не исходя из того, чем загружен портфель следователя, а из того, что интересует в данный момент работника Методического бюро или Методического совета, с этой точки зрения можно ряд тем вычеркнуть, объединить, тогда у нас будет разрешен и разработан более исчерпывающий цикл вопросов нашей практики и нашей работы.

Нашими методическими письмами будут пользоваться и органы милиции, а это значит, что мы должны посмотреть, что там у них делается и что для них является более насущным, чтобы эти темы включить в наш план.

Я не согласен с товарищами, которые говорили, что дела о краже — неактуальны. Количество дел, проходящих через органы милиции и через другие органы, велико, и это заставляет нас обратить особое внимание на эту категорию дел. В этой области также требуется квалифицированное расследование, как оно равным образом требуется и в области должностных преступлений. Мы должны научить наших следственных работников, как вести расследование в этой области, какие требования предъявлять в отношении привлечения к ответственности должностных лиц. Мы должны добиться серьезного улучшения в деле постановки расследования.

Серьезным является и вопрос о делах о спекуляции, — кого привлекать и как привлекать. Серьезность санкций, предусмотренных статей о спекуляции, требует серьезных методических указаний в этой области.

Дела о поджогах. Нужно взять 2—3 случая с поджогами, описать их так, как сделал т. Вышинский, когда давал некоторые категории дел в своем методическом письме, в котором описывались одно — два дела, ориентировавшие весь следственный аппарат мест в этой области работы.

Я думаю, что и вопросы, связанные с расследованием дел о разбоях и грабежах, равным образом обязывают нас откликнуться по вопросу о методике этой категории дел. Это также следует учесть Центральному методическому совету. Надо учесть, что силами одного бюро мы не в состоянии будем разрешить стоящие перед нами громадные задачи. Работники Института юридических наук т. Митричев, занимавшийся вопросами спекуляции, т. Булатов, интересующийся вопросами техники и методики расследования, и целый ряд других товарищей—должны быть привлечены к выполнению громадной работы, которая на нас ложится в деле разработки методических писем. Я думаю, что и институты и ряд научных и практических работников следствия и прокуратуры, работающие на местах, также должны быть привлечены к работе».

Речь прокурора Союза ССР т. Вышинского. Подводя итоги прениям по докладу т. Левентона, т. Вышинский указал, что хотя все темы в плане названы, но существует серьезная опасность, если пойти по тому пути, который предлагает этот план в части издания методических писем. Если пойти по этому пути, то мы превратимся в академическую группу, которая будет писать трактаты, подсахаренные собственной фантазией.

Это ли вам нужно? Хотя некоторые товарищи одобряют этот план, но я спрашиваю, нужно ли нам «выдумывать» дело об убийстве, когда у нас в руках имеется превосходный материал, взятый из подлинной действительности. Мне кажется это неправильным. Я расхожусь с товарищами по вопросу о полезности таких «выдуманных» дел.

Недавно т. Долицкий дал следственное упражнение на тему: убийство или самоубийство. Там у него было много выдуманного, но фабулу он взял из случая, имевшего место в действительности. Это убийство Володина, представителя ЦК железнодорожников. Это событие жена Володина пыталась изобразить как самоубийство. Оказалось, что это не самоубийство, а убийство, совершенное его женой на романтической почве. Упражнение, разработанное т. Долицким, очень напоминает эту историю, но в измененном виде. Когда я ре-

лактировал это упражнение, я чувствовал, что в нем много нарочитого, искусственного. Это портило работу. Между тем, если бы т. Долицкий взял этот сложнейший случай, это живое дело со всеми недостатками следствия, которые здесь имели место, и дал свою грамотную оценку этих недостаков, показал, как можно было бы избегнуть этих ошибок, то это было бы следственное упражнение гораздо более полезное, чем выдуманное.

Я не сомневаюсь, что каждый из присутствующих здесь опытных следователей и методистов может выдумать и не одно прекрасное и интересное дело и разработать его как угодно, но это не будет результатом изучения опыта и это плохо. Первое условие хорошего методического письма, которое надлежит поставить при разработке методических писем, это изучение опыта, изучение дел таких, какие мы имеем на практике.

Недавно я работал над одним интересным делом. Это дело циркового артиста престидижитатора, выступающего с говорящими куклами, по обвинению в растлении 13-летней девочки. Это живое дело. В нем есть и показания свидетелей и показания потерпевшей. Я пришел к выводу, что он не виноват. Но меня интересовал не только этот вопрос, а то, как велось следствие, какие были допущены в нем дефекты, можно ли было устранить эти дефекты, на что надо было обратить внимание и на что не было обращено внимания. Дело это дважды слушалось. После того, как первый раз обвиняемый был оправдан, приговор был отменен в кассационном порядке, и дело направили на доследование. Возникает задача показать, как нужно доследовать подобное дело. Это тоже очень важный вопрос, ибо, как известно, доследовать дело часто труднее, чем расследовать. Вот из этого живого дела встает целая куча проблем и на них надо давать ответы. Когда речь идет о методике расследования дел о растлении, когда мы берем какое-либо конкретное дело, изучаем, как следователь идет шаг за шагом в распутывании этого «дела», мы видим, что он правильно сделал, что он неправильно сделал, анализируем причины, почему он допустил ошибку, что надо было бы сделать, чтобы не допустить этой ошибки, каким образом предупредить эту ошибку, — вот это будет наука, это будет обучением тысяч следователей тому, чему не научит следователя никакое «выдуманное» дело. У нас немало реальных настоящих дел с кучей ошибок, недостатков, пороков Зачем же «выдумывать» дела? Ясно, незачем. Надо брать конкретные дела и вскрывать ошибки, которые не следует допускать при правильном расследовании.

Тем более не следует выдумывать «идеальные» дела. Таких в жизни не бывает, — не следует такие дела и выдумывать.

Вот почему для меня сомнительна польза та называемых идеальных дел, так же как и дел типизированных. Такие дела не помогут нам изучить наш следственный опыт, а мы должны все содержание методических писем построить на обобщении, анализе опыта, на рекомендации приемов следствия, методов предупреждения, ошибок, возникающих на опыте. Опыт должен лежать в основе. Без опыта эта работа ничего не стоит.

Нам нужно иметь такой методический совет и такие методические письма, которые, во-первых, отражали бы знание реальной работы, знание реальных недостатков, а не агитацию и не анекдоты. Это пройденный путь. Нам нужно посвятить себя серьезному изучению конкретных дел. Я думаю, что тогда мы дадим действительно нужные методические письма.

Второе, что нам нужно — это следственная культура. Надо начать с того, чтобы научить людей, как составлять процессуальные документы. Если уже давать типизированные, то дайте типизированный документ. Вот в плане работы говорится: примерное пособие по криминалистике — технике оформления следственных дел. Это хорошо. Но что это такое? Я ищу и не вижу ничего, что говорило бы об оформлении. Тут есть методическое письмо о возбуждении уголовных дел, о привлечении в качестве обвиняемого, о составлении обвинительного заключения.

С этого надо начинать. Нашему методическому совету и следственному отделу надо начать с того, чтобы научить следователя, как грамотно (технически и процессуально) составлять протокол допроса. Надо подумать о самом допросе — вопросами ли, изложением ли, какие вопросы, как ставить вопросы, как формулировать вопросы. И сейчас еще имеют место кое-где допросы в форме наводящих вопросов и это не случайно. Это выражает, если хотите, целую школу, старую школу советских прокуроров — когда старались получить один и обязательный ответ: «Да» и боялись получить ответ: «Нет», когда вопрос формулируется так, что он уже сам в себе содержит нужный или желательный ответ. Задача гласного процесса заключается не в том, чтобы декларировать правильность утверждений или тезисов обвинительного заключения, а в том, чтобы бороться, доказывать, убеждать, ломать волю преступника на глазах у людей и в этом процессе борьбы организовать общественное мнение, создавать это общественное мнение. Задача в том, чтобы преступник морально и политически падал под ударами обвинителя, чтобы для всех было очевидно его поражение.

К сожалению, многие наши прокуроры не понимают психологии допроса, логики борьбы в допросе и значения этой борьбы. Вот тут и надо показать, как вести эту борьбу, как спрашивать, как формулировать вопросы, чтобы не было «подсказываний», чтобы не выходило так, что прокурор говорит за обвиняемого.

На эту сторону дела надо и обратить внимание. Нужно начинать с азов, как вести допрос, как формулировать допрос, какие вопросы выдвигать, на чем заострять внимание. Сюда же относится и вопрос о судебном юморе и сарказме, о пределах этого сарказма. Иногда сарказм или ирония прокурора переходят в издевательство над подсудимым. Это — недопустимо. Это не малые вопросы, на этих вопросах людей можно воспитать или развратить. Добросовестность записи допроса, то есть запись так, как оно было в действительности, а не искусственная формулировка, тенденциозная, притянутая за волосы. С такими явлениями нужно бороться, но нужно и обучать этому делу. Нужно разработать письмо по этим вопросам умно, тактично, но нельзя уходить от этих больных вопросов нашего следствия.

Нам важно не засудить человека, а засудить врага, установить истину. Следователь, вооруженный ошибочными методами, непониманием

своей роли, наличием обвинительного уклона— плохой следователь. Нужно дать методическое письмо, показав, как нужно вести следствие в области допроса: постановки вопросов, формулировки вопросов, записи вопросов записи ответов.

Вы знаете, например, такой вопрос: подписывать ли вопросы один раз в конце страницы, или после каждого вопроса. Этот большой вопрос и он решается по-разному, но всегда непринципиально. Сплошь и рядом обвиняемые заявляют: «Я не так сказал», «меня не так поняли». Следователь должен так записывать допрос, чтобы таких заявлений не было.

Очень важное оружие в наших руках при запирательстве и отказе от признания вины, — очные ставки. Иногда очные ставки проводят так, что, действительно, все — в куче. Один пишет вопросы слева, ответы справа; другой пишет вопросы и ответы одного допрашиваемого слева, другого — справа; третий пишет— сверху и снизу... не знаешь, что к чему. Вопрос о том, как записывать протокол очной ставки, это — большой вопрос, решающий задачу культуры следственной работы, дающий гарантию того, что следственная работа проведена добросовестно, правильно, культурно. Я проверяю десятки дел ежедневно, путаюсь постоянно в протоколах очных ставок. Что это за очная ставка: «Вы подтверждаете». «Подтверждаю». «Вы не подтверждаете». «Не подтверждаю». — «Распишитесь». Мы по-настоящему до сих пор еще очных ставок не умеем ни проводить, ни оформлять. Надо на это обратить внимание. Что такое очная ставка, в чем заключается ее смысл, каковы ее цели, как разрешить на очной ставке важнейшие, приведшие к очной ставке, к ее необходимости противоречия, каким образом устранить эти противоречия, которые кажутся как будто бы неустрашимыми. Некоторые говорят: очная ставка ничего не даст — каждый останется при своем. А как же сделать так, чтобы этого не было? Такая задача следователя должна быть поставлена. «Ты подтверждаешь свое, — так подтверди — где, когда, каким образом, с кем, какие есть признаки, какие есть доказательства» и т. д. Это не делается, и это приводит к формальным, ничего не дающим «очным ставкам».

Нам нужно помочь этому делу. Нужно. Как помочь? Письмами. Что в письме написать?

Во-первых, нужно разбить весь план на задачи разных очередей: допрос свидетеля, допрос обвиняемого, очная ставка, требования допроса, порядок допроса, что нужно для того, чтобы правильно провести допрос соотношение между изученным материалом и накопленным и задача данного допроса, связь данного допроса с другими обстоятельствами дела. Это нужно избрать исходным пунктом и от этого пункта двигаться вперед. На этом пути встречаются препятствия и нужно показать как преодолеть их. Тут можно кое-что придумать, здесь можно говорить о типизации, но в основу нужно класть живые, подлинные дела.

Затем то же самое нужно сделать по основным следственным действиям, начиная с возбуждения уголовного преследования, предъявления обвинения и т. д.

Рядом с этим поставьте изучение разных категорий дел: о краже, о поджоге, о нарушении правил техники безопасности. Нельзя говорить: это более актуально, это менее актуально. Наше несчастье, что все в нашем деле актуально. Что такое актуально? Это то, что более или менее распространено и требует от нас ответа. Тов. Шаргей говорил, что актуальна техника безопасности. Тов. Ласкин говорил, что кража не актуальна. По-моему это неправильно. Все актуально — все то, с чем приходится иметь дело более или менее часто. У нас и убийство, и кража, и техника безопасности, выходит, являются сейчас актуальными.

Надо больше обратить внимания на отдельные следственные действия и посвятить этим отдельным следственным действиям специальные методические письма, которые должны содержать в себе итог изучения ряда дел, должны дать картину состояния этой области следствия и на основе этого изучения — анализ и критику недостатков, мер к исправлению их.

В этом задача. И еще одно замечание: меньше академичности и ламентаций о высоких следственных материях, больше изучения опыта и обучения новой, совершеннейшей технике борьбы с преступлениями...

Нужно помнить слова великого Сталина, что план — это живые люди. Люди у нас есть. Значит, план будет выполнен.

На оперативном совещании при прокуроре Союза

На состоявшемся 27 декабря 1936 г. оперативном совещании при прокуроре Союза ССР среди других вопросов повестки дня были обсуждены следующие вопросы:

Недонесение о хищении общественной собственности

Является ли недонесение о преступлениях, предусмотренных законом 7 августа 1932 г., уголовно наказуемым деянием? Этот вопрос, поставленный одним из военных прокуроров, вынесен был т. Вышинским, как вопрос принципиального значения, на обсуждение оперативного совещания при прокуроре Союза ССР.

Точка зрения товарищей, которые склонны были ответить на этот вопрос отрицательно, основывалась прежде всего на том, что ни в Уголовном кодексе, ни в самом законе от 7 августа 1932 г. нет прямых указаний о наказуемости недонесения о хищении общественной собственности. Но и кроме того, говорил, например, один из товарищей, стоявший на этой точке зрения, наказуемым мы могли бы в крайнем случае признать недонесение только о таком хищении, которое подпадает под действие закона 7 августа. Недонесение о краже, караемой, например, по пункту «д» ст. 162 УК РСФСР, во всяком случае не должно преследоваться в уголовном порядке. Но ведь известно, как трудно бывает на практике про-

вести грань между преступлением, которое должно квалифицироваться по закону 7 августа, и преступлением, квалифицируемым по ст. 162. Это трудно бывает сделать подчас нам, юристам, работникам суда и прокуратуры. Тем более мы не можем этого требовать от граждан, для которых может представиться еще более затруднительным вопрос, подпадает ли данное, известное им, хищение под действие закона 7 августа или же его квалификация ограничивается рамками ст. 162.

Большинство, однако, выступавших по этому вопросу высказалось за положительный ответ на этот вопрос. Ст. 58^{12} УК РСФСР (так же как и соответствующие статьи УК других союзных республик) устанавливает уголовную наказуемость «недонесения о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении». Определение контрреволюционного преступления известно: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции» (ст. 58).

Могут ли быть какие-либо сомнения в том, что преступления, предусмотренные законом 7 августа 1932 г., содержат в себе полный состав контрреволюционного преступления? Достаточно вспомнить слова сталинской Конституции СССР, характеризующие общественную собственность как «священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся». Достаточно вспомнить формулу, заключающуюся в самом законе, законе 7 августа, где говорится об общественной собственности (государственной, колхозной, кооперативной), как об «основе советского строя», и о людях, покушающихся на общественную собственность как о «врагах народа». Достаточно вспомнить все эти определения и поставить их в связь с ленинским определением контрреволюционного преступления, чтобы отпали всякие сомнения: преступление, предусмотренное законом 7 августа, есть преступление контрреволюционное.

Но тем самым целиком разрешается вопрос о наказуемости, в силу ст. 58^{12}, и недонесения о преступлениях, предусмотренных законом 7 августа.

Товарищам, стоящим на иной точке зрения и аргументирующим тем, что гражданам трудно разобраться, подпадает ли данное, известное им хищение, под действие закона 7 августа или не подпадает, т. Вышинский указал на методологическую неправильность их позиции. Эти товарищи исходят, видимо, из того, что граждане не обязаны сообщать органам власти о готовящемся или совершенном хищении общественной собственности, если это хищение нельзя квалифицировать по закону 7 августа. Но это сугубо неверно. Сталинская Конституция СССР (ст. 131) возлагает на каждого гражданина СССР обязанность «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность». Эта обязанность «беречь» включает в себя, бесспорно, обязанность каждого гражданина немедленно довести до сведения органов власти о покушении на общественную собственность во всех случаях, а не только тогда, когда данное хищение может быть квалифицировано по закону 7 августа. Наличие или отсутствие признаков для квалификации данного хищения по закону 7 августа будет иметь решающее значение для уголовной ответственности лица, не донесшего о хищении. Но самая эта уголовная ответственность за недонесение в наиболее серьезных, в наиболее острых случаях базируется именно на том обстоятельстве, что гражданин СССР обязан беречь общественную собственность во всех случаях.

Считая, таким образом, возможным и правильным в соответствующих случаях давать указания о применении ст. 58^{12} по делам, квалифицируемым по закону 7 августа, т. Вышинский вместе с тем подчеркнул недопустимость сколько-нибудь распространительного толкования уголовной ответственности за недонесение и необходимость в каждом конкретном деле чрезвычайно осторожно и самым тщательным образом подходить к вопросу о предании суду за недонесение.

Оттиск пальцев вместо подписи

На Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов писатель В. П. Ставский привел выразительную справку. Он напомнил нам, что в дореволюционной России было: 542 000 церквей, 23 600 часовен, 950 монастырей, 51 000 попов разных рангов, 15 000 дьяконов, 40 500 дьячков, 29 100 монахов.

Но зато в той же царской России было всего 20% грамотных.

Неграмотными были не только широкие слои населения. По переписи, например, 1897 г. в старой России «из 1 460 000 дворян, чиновников и их семей (старше 10 лет) неграмотных было 223 000. Почти четверть миллиона Митрофанушек» («Известия» № 303/6160).

Виднейший царский сатрап, знаменитый генерал Трепов, был по свидетельству А. Ф. Кони до такой степени «во враждебных отношениях с орфографией», что снискал себе славу человека, который в слове, состоящем из трех букв, умел делать четыре ошибки (вместо «еще» он писал «исчо»)...

Мерою пройденного нами с тех пор, разительной мерой, отделяющей нас от бескультурья и темноты, насаждавшихся в народе властью мракобесов в старой России, может служить тот изумительный факт, что наша страна уже сейчас становится страной всеобщей грамотности. У нас уже сейчас 90% населения (в возрасте от 8 до 50 лет) грамотно.

Работники юстиции, — прокуроры, судьи, следователи, — повседневно общающиеся с самыми широкими слоями населения, могут своим собственным практическим жизненным опытом подтвердить, как разительно изменился, в особенности в последние годы, культурный облик народа. Все реже и реже встречаются в жалобах, в заявлениях, подаваемых гражданами в судебно-прокурорские органы, вековечная, старо-российская формула: «за неграмотного расписался». Все реже и реже под бумагой красуется вместо подписи крест —

этот символ культурной беспомощности человека. Уже не кто-то говорит за человека — человек говорит сам за себя. Не дикарскими знаками, не оттиском пальцев свидетельствует человек подлинность своей мысли, а полным именем своим, записываемым своей собственной рукой с чувством осознанного личного достоинства.

Но неграмотность еще существует, и судебно-прокурорским органам приходится еще иметь дело и с этой формулой «за неграмотного расписался» и с различной символикой вместо подписи под бумагами, носящими официальный, правовой характер.

Прокурор одной из окраинных республик поставил перед Прокуратурой Союза вопрос, как быть с показаниями, даваемыми в процессе следствия неграмотными свидетелями, потерпевшими, обвиняемыми. Можно ли допускать, чтобы под этими показаниями ставился оттиск пальцев лица, дающего показание. Какое правовое значение имеет оттиск пальцев вместо подписи под показанием? Товарищ, приславший этот запрос, высказал между прочим мысль, что следовало бы, вообще говоря, из обихода следствия такой способ засвидетельствования своих показаний устранить и отпечатывание оттиска пальцев, вместо подписи, запретить.

При обмене мнений по этому вопросу на оперативном совещании при прокуроре Союза ССР высказывалась мысль, что для достоверности записи показаний неграмотных необходимо было бы ввести в практику вызов грамотных понятых, в их присутствии производить допрос, их подписью подкреплять достоверность записи показаний.

Говорилось также о том, что в тех случаях, когда у суда возникают сомнения в правильности передачи показаний неграмотных, данных ими в процессе следствия, следует практиковать вызов на судебное заседание лиц, снимавших показание.

Мысль А. Я. Вышинского в этом вопросе заключалась в основном в следующем.

К записи показаний неграмотных работники следствия должны относиться с особой тщательностью и добросовестностью, имея в виду, что в случае, когда дающий показание, вследствие своей неграмотности, не может поправить сделанную запись, на следователе лежит сугубая служебная и моральная ответственность за точность записи. Совершенно обязательным должно быть в этих случаях указание следователя о том, что опрашиваемый неграмотен, что записанное ему прочитано и что прочитанное возражений не встретило. Если у неграмотного имеются какие-либо возражения против записи, эти возражения обязательно должны быть следователем записаны и неграмотному прочитаны.

Нужно, однако, иметь в виду, что точность записи показаний неграмотных гарантируется положением следователя, как доверенного лица государства, которому поручается ведение следствия, качеством и добросовестностью его работы и поэтому никаких понятых, специально вызываемых для подкреплений достоверности записи показаний, в этих случаях не нужно. Если же в дальнейшем возникнут какие-либо сомнения в связи с показаниями неграмотных, суд проверит эти показания по существу, прибегнув для этого ко всем тем способам, которые он сочтет необходимыми.

Требовать, чтобы неграмотный под своим показанием сделал оттиск пальцев, следователь, конечно, не может, — никакого правового значения отпечатывание оттиска пальцев в этих случаях не имеет, никакая дактилоскопия в целях установления тождества папиллярных узоров в этих случаях ничего дать не может и это не нужно. Но и изымать из практики нашей работы такой способ подписывания своих показаний методом административных запрещений было бы неправильным. К этому должно быть отношение как к обычаю, который сам собою сойдет со сцены вместе с полной ликвидацией неграмотности в нашей стране.

В таком духе оперативное совещание и приняло решение ответить товарищу, поставившему этот вопрос.

С.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Осуждение в результате оговора

Линейный суд Московско-Казанской железной дороги 28—29 марта 1934 г. приговорил гр. Саблина Георгия Кузьмича по закону от 7 августа 1932 г. к расстрелу.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, определением от 7 апреля 1934 г. заменила Саблину расстрел десятью годами лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Саблин был осужден за то, что, работая помощником начальника станции Хрущево Московско-Казанской железной дороги, вошел в преступную связь с вором-рецидивистом Соколовым Александром (осужденным по данному делу), с которым систематически пьянствовал и, зная по документам, в каких вагонах находятся ценные грузы, сообщал об этом Соколову, который и похищал из этих вагонов грузы.

Кроме того Саблин обвинялся в том, что сам лично, совместно с Соколовым участвовал в трех хищениях (мануфактура, сахар и детская обувь), а также и в том, что при появлении на станции сотрудников НКВД сообщал об этом Соколову, который скрывался.

Осужденный Саблин подал жалобу, в которой указал, что он осужден по ложному ого-

вору Соколова. В подтверждение этого Саблин привел следующие факты:

По дороге в лагерь Соколов, ехавший в одном вагоне с Саблиным, в присутствии других заключенных стал хвастаться, говоря, что несмотря на полную непричастность Саблина к делу, он осужден по его, Соколова, ложным показаниям, которые он дал, потому что хотел «отомстить и проучить Саблина».

В лагере по жалобе Саблина было проведено следствие, на котором все допрошенные заключенные (Черных, Гринченко, Стипулев, Савельев) подтвердили показания Саблина, указав, что действительно Соколов говорил, что Саблин осужден по его ложному оговору, что будучи помощником начальника станции, выгонял его со станции и заявлял в НКВД, чтобы его задержали.

По получении приведенных материалов из лагеря было затребовано дело, из проверки которого установлено следующее:

В основу приговора действительно был положен оговор Соколова, который утверждал, что хищения он совершал совместно с Саблиным и что последний указывал ему номера вагонов с ценным грузом и помогал скрываться от сотрудников НКВД.

Косвенное подтверждение показания Соколова получили в показаниях другого осужденного по этому делу — Герасимова, утверждавшего, что «Соколов посещал квартиру Саблина». Однако о посещении Соколовым квартиры Саблина Герасимов показывал со слов того же Соколова.

Другой осужденный по этому делу, Грознов, показывал, что похищенная мануфактура была спрятана около риги, куда была доставлена Саблиным и Соколовым. Однако этот факт известен Грознову опять же со слов Соколова.

Кроме этих показаний Герасимова и Грознова в деле имеются еще показания 2 свидетелей, направленные против Саблина.

Так, свидетель Щербаков (сторож по охране грузов) показал на суде, что Саблин поставил вагон с грузом за семафором для того, чтобы дать возможность Соколову совершить хищение. Однако это показание Щербаков делал на основании того, что вагон был поставлен за семафором, недалеко от которого в будке сидели Герасимов и Соколов. Тот же свидетель Щербаков, указывая на то, что Соколов из будки скрылся от сотрудников НКВД, высказал предположение, что «возможно Саблин мог сообщить Соколову, так как в будке был телефон».

Наконец, свидетель Игнатов (сигналист блокпоста) показал, что 19 марта 1934 года Соколов его предупредил, что «если придет в будку «партнер», то, чтобы он ему условно позвонил: «просьба исполнена». Когда же Игнатов спросил, кто такой партнер, то Саблин ответил: «Шурка Соколов».

Таким образом, из приведенных данных видно, что осуждение Саблина основано на оговоре Соколова, не подтвержденном объективными обстоятельствами.

Саблину 32 года, на железнодорожном транспорте он работал 13 лет, ранее не судим.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда Московско-Казанской железной дороги от 28—29 марта 1934 г. и определение транспортной коллегии Верховного суда от 7 апреля 1934 г. в отношении Саблина Георгия Кузьмича отменить и дело о нем прекратить, освободив Саблина из-под стражи.

Осуждение в результате плохо проведенного следствия

Приговором линейного суда Октябрьской железной дороги 5 апреля 1936 г. были осуждены по ст. 109 УК: Немойтин Абрам Евсенович и Евсенов Иван Федорович по ст. 109 УК к 4 годам лишения свободы каждый и Романов Георгий Георгиевич к 3 годам лишения свободы.

Помимо указанных лиц по этому делу были осуждены Громов, Потапов, Петынес и Кособрюхов.

Определением транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР от 27 апреля 1935 г. приговор линейного суда Октябрьской железной дороги был оставлен в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Большинство предъявленных обвинений Немойтину, Евсенову и Романову материалами дела не подтверждены.

Обвинение Евсенова в незаконном израсходовании фонда премирования в сумме 19 245 руб. бухгалтерской экспертизой не подтверждено. По заключению эксперта видно, что всего выплачено, без согласования с треугольником, 3 830 руб., но даже и эта сумма была выдана Евсеновым по предложению директора фабрики Немойтина.

Оплата кладовщиков ленинградских фабрик за произведенные сверхурочные работы в сумме 9 192 руб. была произведена Евсеновым с ведома и согласия руководителей фабрики. Что же касается неправильного оформления произведенной оплаты счетов (не указаны адреса лиц, получивших деньги и т. д.), то это хотя и является нарушением существующих правил оформления денежных документов, однако, следствием не установлено, что эти счета являются фиктивными и что указанные в них работы не производились.

Обвинение Евсенова в составлении подложной ведомости на 450 руб. материалами дела не подтверждено. Свидетельница Балашева подтвердила, что работу, указанную в ведомости, Евсенов производил и что она, Балашева, действительно расписалась в получении денег. Таким образом считать эту ведомость подложной не было никаких оснований.

Выплата Евсеновым 640 руб. работницам фабрики Кузнецовой и Петрейкиной была произведена за сортировку асбестовых отходов. Показания Балашевой о том, что эта работа не производилась, ничем не подтверждены. Кузнецова и Петрейкина допрошены не были.

В приговоре линейного суда включен ряд обвинений Евсенову и Романову, которые не были предъявлены на предварительном следствии и из материалов дела не вытекали, а именно:

В приговоре суда указано, что в октябре 1934 года при передаче кассы Романовым вновь назначенному кассиру Макееву, Евсенов незаконно оставил в подотчет Романову 7 734 руб., которые тот впоследствии покрыл фиктивными счетами. Это обвинение ни Евсенову, ни Рома-

нову предъявлено не было на предварительном следствии и этот факт не проверялся.

Указание в приговоре линейного суда, что благодаря преступной халатности Евсенова, дебиторская задолженность к марту 1935 года выросла до 1 038 тыс. руб., является неосновательным. В деле нет никаких данных, подтверждающих эту сумму дебиторской задолженности. Свидетель Штоф в судебном заседании действительно указал об увеличении дебиторской задолженности. Назвал он сумму в 500 тыс. руб., а не 1 038 тыс. руб. Каких-либо иных материалов в деле нет.

Обвинение Романова и Евсенова в подделке подписи директора фабрики Немойтина на денежных документах, представляемых в Госбанк, материалами дела не подтверждено. На предварительном следствии такое обвинение не предъявлялось, и показания Балашевой, на которых основано это обвинение, объективными данными подтверждены не были (не были истребованы подлинные документы).

Следствие по данному делу проведено было поверхностно, не был исследован ряд основных обвинений, предъявленных работникам Ленинградской концечесальной фабрики Немойтину и др.

Так, например, свидетели Рапопорт и Афанасьев (начальник и зам. нач. хоз. мат. отд. дороги) указывали, что в завышении отпускных цен на продукцию фабрики виноват хозяйственно-материальный отдел дороги, что цены утверждались начальником дороги и ЦОХ НКПС (см. прил. приказ НЗ Октябрьской ж. д. от 27/II 1935 г.). Однако это обстоятельство в полной мере не было проверено, и вся вина в установлении нереальных, завышенных цен отнесена на Немойтина и Евсенова.

Ни предварительным, ни судебным следствием, а также и бухгалтерской экспертизой по делу не проверено (несмотря на заявления Евсенова, Романова и др.), поступали ли на фабрику материалы, указанные в оплаченных ими счетах. Хотя проверки не было, но счета признаны фиктивными.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда Октябрьской железной дороги от 5 апреля 1936 г. и определение транспортной коллегии Верхсуда СССР от 27 апреля 1936 г. отменить и дело вернуть в тот же линейный суд на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Неправильная квалификация обвинения

14 ноября 1935 г. на барже № 32 с пристани Романовской прибыли в Ростов 7 тракторов (а не 8, как говорится в обвинительном заключении и в приговоре), которые были выгружены на территорию пристани Ростов и подлежали дальнейшей отправке по железной дороге в г. Сталино.

Так как при погрузке этих тракторов на пристани Романовской из 8 тракторов, бывших в расторможенном состоянии, один трактор вместо баржи попал в Дон, остальные 7 тракторов были грузоотправителем уже на барже сильно заторможены.

23 ноября 1935 г. были поданы к пристани 2 железнодорожные платформы для погрузки тракторов. Дежурный диспетчер Латошников для погрузки этих тракторов направил бригаду грузчиков в 66 чел., которая справиться с этой задачей не смогла, так как тракторы были заторможенными. Об этом Латошников доложил Тенькову; последний, как он объясняет, во избежание простоя платформ, распорядился направить на погрузку этих тракторов стахановскую бригаду Рафальянца в 11 человек, которая по его словам «эти тракторы на руках погрузить». Диспетчер Латошников выполнил распоряжение Тенькова.

Стахановская бригада Рафальянца вследствие того, что тракторы были заторможенными и стояли в котловане, в грунте, не могла погрузить их. Когда об этом сообщили Тенькову, он заявил: «Вы стахановцы только на легкой работе». В результате стахановская бригада бесцельно провозилась над погрузкой тракторов 6 часов, и 2 платформы непроизводительно простояли это время.

После этого по распоряжению вызванного грузоотправителя тракторы были расторможены и погружены на платформы.

Суд расценил такую нераспорядительность Тенькова (не распорядился сам растормозить тракторы), приведшую к непроизводительной работе стахановской бригады, как дискредитацию стахановского движения и 21 января 1936 г. приговорил Тенькова по ст. 109 УК к 3 годам лишения свободы, а кассационная коллегия Верховного суда РСФСР определением своим от 15 февраля 1936 г. приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза, считая оценку действия Тенькова и их квалификацию судом неправильной, опротестовала приговор по следующим основаниям.

Суд ставил Тенькову в вину то, что он дал распоряжение грузить тракторы, не дав предварительно распоряжения растормозить их; между тем из материалов дела (показание механика Иванова) видно, что самое расторможение довольно сложно, что Тенькову, как не специалисту, разрешать такой вопрос нельзя было, что грузоотправитель этих тракторов не доверил посторонним расторможение их, а вызвал для этого своего специалиста — тракториста.

Если даже стать на точку зрения суда и признать действия Тенькова неправильными, их можно было отнести за счет незнания им дела погрузки тракторов, за счет спешки, имевшей место в те дни на пристани ввиду начавшегося замерзания Дона, но никак нельзя было их связать с умышленной дискредитацией стахановской бригады.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила преступление Тенькова Ивана Семеновича переквалифицировать со ст. 109 на ст. 111 УК и наказание ему определить 1 г. лишения свободы и из-под стражи Тенькова освободить, считая неотбытый срок заключения условным с испытательным сроком в 1 год.

Неправильное применение условного осуждения

28 апреля 1936 г. во время стоянки в порту Баку буксирного парохода «Мгла» механик этого судна Кудряшев отправился к себе на

квартиру, где совместно с пришедшим к нему первым помощником механика парохода «Мгла» Матюниным распил 2 литра вина и 1 литр водки, отчего они оба охмелели.

Из квартиры Кудряшева Матюнин отправился на судно, где сменил на вахте второго помощника механика Савушкина. Последний, сменившись, пошел на квартиру к Кудряшеву, который и с ним пил спиртные напитки. Вслед за этим Кудряшев пришел на пароход «Мгла», где снова пил водку совместно с Матюниным.

Пьянствовали в этот день и другие работники парохода «Мгла». Судебным приговором установлено, что из всего экипажа судна в 18 человек были трезвы лишь капитан, его старший помощник и боцман, все остальные были в различной степени пьяны.

В машинном отделении нес вахту в состоянии сильного опьянения кочегар Названов, которого по этой причине вахтенный механик Савушкин сменил с вахты. Названов, нецензурно обругав Савушкина, бросился в море и поплыл к берегу. Капитан парохода «Мгла» лишен был возможности, ввиду указанного состояния команды, объявить обязательную в данном случае шлюпочную тревогу для спасения утопающего и обратился за помощью к стоявшему рядом у пристани другому пароходу. Названов отклонил предложенную ему помощь и утонул.

В указанный день, 28 апреля 1936 года, вследствие поголовного опьянения судовой команды, пароход «Мгла» имел простой в 10 час. 30 мин.

Приговором бассейного суда 20 июня 1936 г. были осуждены: Кудряшев — к 1 г. 6 мес. лишения свободы, Матютин — к 2 годам лишения свободы, оба без поражения в правах. Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР 10 июля 1936 г. определила считать назначенное судом наказание условным в отношении обоих осужденных.

Прокуратура Союза опротестовала определение водно-транспортной коллегии по следующим основаниям:

1. Осужденные Кудряшев и Матюнин, являясь лицами старшего командного состава на судне, своим поведением 28 апреля 1936 г. и неоднократно до этого подавали команде парохода пример грубого нарушения дисциплины, что в указанный день, 28 апреля 1936 г., привело к тяжелым последствиям — гибели кочегара Названова и длительному простою судна.

Осужденный Кудряшев неоднократно в 1934—1935 гг. и в предыдущие годы подвергался дисциплинарным взысканиям за пьянство, а осужденный Матюнин за аналогичное преступление был уже однажды судим и приговорен 13 октября 1935 г. водно-транспортным судом к 1 году и.-т. работ условно. До истечения испытательного срока по этому приговору водно-транспортная коллегия Верховного суда вторично назначила Матюнину условное наказание.

При таких обстоятельствах осужденные Кудряшев и Матюнин заслуживают безусловного лишения свободы.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение водно-транспортной коллегии от 10 июля 1936 г. отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение в ином составе.

Неправильное осуждение

Приговором линейного суда Самаро-Златоустовской железной дороги гр. Чернышев Михаил Федорович, бывший бухгалтер здравобъединения, а впоследствии поликлиники в г. Уфе за злоупотребления и растрату по ст. 109 и ч. 2 ст. 116 УК был осужден к тюремному заключению сроком на 5 лет.

Коллегия по транспортным делам Верховного суда Союза ССР приговор линейного суда оставила в силе.

Сущность преступления Чернышева, признанного линейным судом Самаро-Златоустовской железной дороги доказанным, заключается в том, что он, состоя в должности бухгалтера поликлиники в г. Уфе, присвоил и обратил в свою личную пользу 101 р. 53 к. денег, подлежащих выдаче уходящей в трудовой отпуск гр-ке Ивановой; обманным путем изъял документы на сумму 963 р. 33 к., провел их по кассовой книге поликлиники, вторично выписал на эту сумму чек и деньги в сумме 963 р. 33 к. присвоил; выписал чек на 3 626 р. 27 к., из этих денег уплатил врачу Копылову 626 р. 27 к., а 3 000 р. обратил в свою пользу.

Чернышев на предварительном и судебном следствии категорически отрицал свою виновность и указывал, что эти преступления совершены его подчиненной Петровой. Чернышеву не поверили и осудили его.

Вместо Чернышева была назначена Петрова. За короткий период времени своей работы Петрова путем подлогов похитила 20 000 руб. и скрылась.

Расследованием было установлено, что методы преступлений Петровой совершенно аналогичны с теми случаями хищений, за которые был осужден Чернышев.

Принимая во внимание, что приписанные Чернышеву преступные операции проходили через руки Петровой, утверждение Чернышева, что он невиновен и преступление совершено Петровой, становится очень правдоподобным.

Считая, что в данном деле при осуждении Чернышева была возможна судебная ошибка, Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза и приняв во внимание, что в процессе следствия и суда в отношении Чернышева, вопрос о Петровой не рассматривался, что с раскрытием преступлений Петровой, обвинительный материал в отношении Чернышева становится сомнительным и что поэтому необходимо его проверить, постановила определение транспортной коллегии от 25 марта 1935 г. отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

Неправильное прекращение в подготовительном заседании дела о злостном хулиганстве

25 июня 1936 г. мастер литейного цеха в Новосибирском затоне Западносибирского речного пароходства Гоняев Григорий Иванович во время совместной выпивки с группой

рабочих, затеяв спор с одним из присутствующих Южаниным, ударил его кулаками по глазу. Южанин сейчас же после этого ушел. За ним побежал Гоняев и, догнав его, стал наносить ему удары и свалил его с ног, а затем и сам был свален на землю Южаниным. Присутствующий при этом свидетель Греков разнял их и увел Гоняева.

Гоняев побежал к дому, в котором проживает Южанин, и стал стучаться к последнему, угрожая, что его убьет, и размахивал при этом имеющимся при нем столовым ножом. Находившаяся в коридоре жена Южанина сказала ему, что Южанина дома нет и, выбежав на улицу, стала просить собравшихся на шум отобрать у Гоняева нож. Узнав, что это жена Южанина, Гоняев бросился за нею по коридору и нанес ей несколько ударов кулаком в бок и по спине. Южанина побежала в пожарное депо, следом за ней гнался Гоняев с криком: «запорю», по дороге нож у него выпал, а он сам упал в яму, затем, увидя, что ножа нет, бросился за своей женой, унесшей нож.

Гоняев за эти хулиганские действия был привлечен в качестве обвиняемого по ст. 74 ч. 2 УК, и дело следователем было передано в ВМТС Западносибирского бассейна.

Суд в подготовительном заседании 14 июля 1936 г. постановил дело в уголовном порядке прекратить, направив материал для рассмотрения в производственно-товарищеский суд Новосибирского затона.

Суд мотивировал прекращение дела тем, что в действиях Гоняева нет признаков преступления по ст. 74 ч. 2 УК, а есть лишь поступок—нанесение побоев Южаниной.

Прокуратура Союза опротестовала постановление суда о прекращении дела в уголовном порядке по следующим основаниям:

Суд оставил без обсуждения хулиганские действия Гоняева, учиненные им в отношении Южанина, между тем, по материалам дела не было оснований расценивать происшедшее между Гоняевым и Южаниным, как обоюдное нанесение побоев; никаких личных счетов у них не было. Гоняев ударил Южанина без повода, и хотя последний ушел, продолжал за ним гнаться и, догнав, опять стал избивать.

Это буйство упорно не прекращалось, хотя от Гоняева вторично увели Южанина. Все поведение Гоняева в дальнейшем: его стуки в двери квартиры Южанина и угрозы ножом, его поведение в отношении жены Южанина, несмотря на все попытки окружающих граждан прекратить это хулиганство, свидетельствуют именно о том, что со стороны Гоняева имело место не простое нанесение побоев Южаниной, а злостные хулиганские действия.

Суд оставил без внимания два обстоятельства: 1) что Гоняев был вооружен ножом, открыто угрожал им и, только благодаря вмешательству граждан, нож был забран у него, 2) что жена Южанина имела шестимесячную беременность и ей была после побоев Гоняева оказана помощь в больнице. Эти обстоятельства являются отягчающими и поэтому обвинение Гоняева было правильно квалифицировано ст. 74 ч. 2 УК.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила постановление подготовительного заседания отменить и дело возвратить в суд для рассмотрения в судебном заседании.

Неправильное прекращение дела

12 июня 1936 г. пароход «Як. Свердлов», имея на борту пассажиров и груз, при переходе с пристани Тобольск к левому берегу Иртыша для погрузки топлива в 6 ч. 5 м. потерпел аварию с котлами, вследствие упуска воды из одного из них. Убытков от аварии было понесено 37 000 рублей, человеческих жертв не было.

В процессе предварительного следствия было установлено, что упуск воды из котлов на этом пароходе в навигацию 1936 г. имел место и до аварии — 29 мая и 11 июня — накануне аварии, причем пожог котлов не последовал, лишь благодаря своевременно принятым мерам (выгребки жара из топок).

Однако мер к недопущению этого впредь не было принято. На пароходе среди команды отсутствовала надлежащая труддисциплина. Младшая команда была технически недостаточно грамотна и недостаточно знакома с судовыми механизмами и уходом за ними.

Вода была упущена из одного котла, однако, это повлекло пожог и второго котла в результате неисправности и дефекта в механизме, отчего нельзя было разъединить котлы.

Виновниками аварии являлись: 1) механик парохода Ревягин, 2) первый помощник механика Залога, в обязанность которого входило непосредственное наблюдение за котлами, причем в момент аварии от сдавал вахту, 3) масленщик Самусевич, упустивший воду из котла, несмотря на данное ему задание наблюдать за уровнем воды в котлах.

Приказом начальника Нижнеиртышского пароходства от 17 июня 1936 г. были подвергнуты дисциплинарному взысканию капитан парохода Петров, указанные выше Ревягин и Залога и некоторые другие работники из команды парохода; что же касается масленщика Самусевича, то в отношении его было возбуждено уголовное преследование и он один прокурором Нижнеиртышского речного бассейна был предан суду по ст. 59^3 УК.

Водно-транспортный суд Нижнеиртышского бассейна, рассмотрев дело в подготовительном заседании от 28 августа 1936 г. и усматривая, что основными виновниками аварии являются Ревягин и Залога, которые уже понесли дисциплинарную ответственность, и что наблюдение за котлами было незаконно возложено на масленщика Самусевича, поскольку это в его обязанности не входило, постановил дело по обвинению Самусевича на основании ст.ст. 4 и 5 УПК производством прекратить.

Имея в виду, что это определение суда неправильно и противоречит установленному по делу факту, что авария произошла по причине упуска воды из котла, а наблюдение за уровнем воды в котлах было поручено Самусевичу и он обязан был выполнять все служебные распоряжения вахтенного механика, Прокуратура Союза опротестовала решение подготовительного заседания водно-транспортного суда.

Водно-транспортная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила отменить постановление подготовительного заседания водно-транспортного суда Нижнеиртышского бассейна и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия с привлечением Ревягина и Залога к уголовной ответственности.

Неправильный приговор, как несоответствующий по суровости содеянному преступлению

Приговором народного суда 8 участка г. Сталинграда от 21 января 1936 г. в числе других был осужден по ст. 109 УК к 7 годам лишения свободы Бабкин Илья Артемович.

28 марта 1936 г. приговор был утвержден кассационной коллегией Сталинградского краевого суда.

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Бабкина по следующим основаниям:

По приговору суда вина Бабкина заключается в том, что, являясь директором лесотаски Наркомсвязи за время с 14 ноября 1934 г. по 29 октября 1935 г., он уделял внимание больше своим личным делам, держал себя с рабочими и служащими, подчиненными ему, свысока, «по-диктаторски», кричал на рабочих и без повода увольнял их с работы; под видом заботы о производстве устроил комбинацию с покупкой сена. Комбинация эта выразилась в том, что Бабкин незаконно, без фондов отпустил колхозу им. Ворошилова 100 кубометров леса в обмен на сено для производства и рабочих, рабочим 30 тонн и производству 40 тонн, с таким расчетом, что он давал возможность получения наличных денег, в результате чего деньги, собранные за сено, —1 476 руб., попав в руки Телегина, были им (Телегиным) присвоены.

Бабкин перед своим увольнением, «пытаясь покончить расчеты с колхозом», написал колхозу два счета на 2 057 руб. «имея намерение через Телегина эти деньги получить, но время не позволило». Расчет с колхозом за сено и лес остался непроизведенным.

Бабкин, «занимаясь устройством личных дел амурного характера», использовал в личных целях автомашину — поехал в г. Ленинск, вместе с гр-кой Цитович, с которой Бабкин сожительствовал. Кроме того Бабкин провез на этой машине пассажиров и получил у них за провоз 220 руб. Присвоив 70 руб., полученных через шофера Филипченко от горпо за пользование машиной, Бабкин заставил шофера Филипченко отдать ему, Бабкину, 50 руб., полученных на ремонт аккумулятора. Бабкин «под видом в долг» несколько раз брал деньги у Филипченко и этих денег не возвращал; в сентябре 1935 г. Бабкин «неизвестно с какой целью» забрал у кассира 20 000 руб., привезенных им для расплаты с рабочими, и увез к себе домой. Бабкин утром деньги привез и раздал рабочим.

Как видно из имеющейся в деле справки, начальник конторы сообщения Управления связи разрешил выдать колхозу 300 кубометров леса. По делу решительно ничем не установлено, что Бабкин на операциях с сеном извлек какую бы то ни было личную выгоду. За то, что собранные от продажи сена деньги украл Телегин, Бабкин не может нести уголовной ответственности.

Обвинение Бабкина в попытке присвоить 20 000 руб. решительно ничем не доказано. По делу установлено, что деньги (20 тыс. руб.) для расплаты с рабочими были привезены вечером. Так как списки рабочих готовы еще не были, сдавать эти деньги было уже поздно, то Бабкин, ни от кого не скрывая и боясь деньги оставить в конторе, увез их к себе домой, а утром роздал их рабочим. Нет ни прямых, ни косвенных доказательств для вывода, что Бабкин эти деньги хотел присвоить.

Нужно считать установленным, что Бабкин разрешил провоз пассажиров на автомашине, принадлежащей лесотаске, а деньги, взятые у пассажиров за проезд (200 рублей), присвоил, и то, что он, Бабкин, как это видно из приказа по Сталинградскому управлению связи, «развалил трудовую дисциплину», создал склоку и нарушил финансовую дисциплину, незаконно увеличивая ставки работников лесотаски.

За эти преступления Бабкин должен нести ответственность, однако избранное судом наказание явно чрезмерно и не соответствует ни содеянному, ни личности обвиняемого Бабкина, в прошлом никогда не судившегося и выдвинутого на ответственную хозяйственную работу комсомолом, и Бабкину должно было быть назначено наказание, не связанное с лишением свободы.

Коллегия по уголовным делам Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила назначить Бабкину наказание в один год и.-т. работ на общих основаниях с зачетом времени, проведенного им в заключении, и в соответствии со ст. 29 УК за отбытием наказания из-под стражи освободить.

Неправильное применение ст. 145 УК РСФСР

17 сентября 1935 г. линейный суд Сталинской железной дороги приговорил гр. Землянского по ст. 145 ч. 2 УК УССР к 3 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного суда СССР 5 октября 1935 г. приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор и определение транспортной коллегии в отношении Землянского по следующим основаниям:

Ст. 145 УК УССР предусматривает доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, до самоубийства или покушения на него.

В данном случае покончивший самоубийством бригадир Гаманец ни в какой зависимости от Землянского не находился. Наоборот, Землянский, работая в бригаде Гаманца рядовым медником, был его подчиненным.

Следовательно, ст. 145 ч. 2 была применена неправильно.

Землянский, как установлено предварительным и судебным следствием, распространял слухи о вредительских действиях Гаманца и написал об этом письменное, заведомо ложное заявление в местком.

Действия Землянского должны быть квалифицированы не по ст. 145 ч. 2 УК УССР, а по ст. 88 УК УССР, т. е. как заведомо ложный донос.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила преступление Землянского Петра Михайловича переквалифицировать на ст. 90 УК УССР, наказание ему определить в 1 год и.-т. работ и освободить его из-под стражи.

В счет этого наказания зачесть срок, отбытый Землянским в заключении, и считать приговор исполненным.

По союзным республикам

Поход им. VIII съезда советов

С огромным подъемом обсуждала наша великая родина проект сталинской Конституции, ставшей в настоящее время основным законом нашего Союза.

Каждый коллектив работников нашего необъятного Союза сделает все возможное, чтобы встретить VIII съезд советов новыми победами, повышением качества своей работы.

Коллектив работников прокуратуры г. Саратова также включился в производственный поход к VIII съезду советов и взял на себя следующие обязательства:

1. Организовать образцовую постановку работы по приему и обслуживанию посетителей, обращающихся в прокуратуру; чутко и внимательно относиться к рассмотрению жалоб и заявлений трудящихся, не допуская ни одного случая волокиты и поверхностного рассмотрения жалоб.

2. Силами оперативных работников организовать на заводах и предприятиях консультации, приемы и рассмотрение жалоб.

3. В целях улучшения работы с общественностью организовать ряд групп содействия прокуратуре с максимальным привлечением членов групп содействия к работе прокуратуры.

4. Образцово организовать работу по связи с печатью, не оставляя без расследования ни одной газетной заметки и не допуская затяжки расследования по сигналам печати.

5. Еще более повысить производительность в работе, бороться с разгильдяйством и строжайше соблюдать государственную дисциплину.

Наряду с этим имея в виду, что «следствие—это краеугольный камень судебной работы» (Вышинский), коллектив г. Саратова принял на себя обязательство притти к VIII съезду советов с лучшими показателями следственной работы. При этом группа народных следователей Саратовского края: т. Борисов—г. Вольск, т. Мазаев—Аткарский район, т. Калинин—Черкасский район и т. Бескровный—Тамалинский район обратились ко всем следователям Саратовского края с предложением объявить себя ударниками и включиться в соцсоревнование, приняв на себя следующие обязательства:

1. Заканчивать в месяц не менее 8 дел. В это количество включать как дела, законченные с обвинительным заключением, так и ту часть прекращенных дел, основанием для возбуждения которых являлись действительно серьезные поводы.

Заключение по вопросу о том, основательно ли возбуждалось расследование, дается следственным отделом прокуратуры края.

2. Проводить следствие так, чтобы ни одно дело не было прекращено или направлено на доследование подготовительным заседанием суда.

3. Охватить расследованием всю категорию дел по преступлениям, перечисленным в ст. 108 УПК.

Дела о должностных преступлениях расследовать своими силами все без исключения.

4. Добиться окончания расследования в сроки: до 10 дней не менее 60%, в срок до 1 мес. не более 40%.

5. Все отдельные требования выполнять в срок не свыше 10 дней.

6. Учитывать прохождение каждого дела, находившегося в расследовании, вплоть до приведения приговора в исполнение.

7. По каждому следственному делу составлять план расследования.

8. Иметь каждому следователю соцсовместителя и привлекать его к участию в расследовании не менее чем по 20% дел.

9. Не допускать ни одного процессуального нарушения при расследовании и культурно оформлять дело.

10. Сдать все требуемые зачеты по заочному Правовому институту в сроки, установленные Институтом.

11. Регулярно прорабатывать все материалы, публикуемые в журналах «За социалистическую законность» и «Советская юстиция».

12. Начать с 2 ноября занятия по русскому языку с расчетом сдать к 1 июня 1937 г. зачет по русскому языку за полную среднюю школу.

13. Написать не менее двух, освещающих вопросы борьбы с преступлением заметок в месяц в районную газету.

14. Прочитывать в месяц не менее двух произведений художественной литературы.

Мы выражаем надежду, что эти обязательства не останутся на бумаге, что принявшие их на себя товарищи будут по-большевистски драться за их выполнение.

Мы ждем сообщений о ходе реализации этих обязательств.

Дальневосточный край

На имя прокурора Союза т. Вышинского поступила следующая телеграмма из Хабаровска, где в декабре 1936 г. проходило совещание работников военных прокуратур Дальневосточного края:

«Объединенное совещание военных прокуратур Дальневосточного края шлет вам, своему руководителю, большевистский привет. Великая сталинская Конституция возлагает на нас громадную ответственность за охрану прав и свободу трудящихся, за укрепление трудовой и воинской дисциплины, соблюдение социалистического закона в борьбе со всеми врагами народа. Мы заверяем, что сделаем все, чтобы оправдать ваше обещание VIII съезду советов, что органы прокуратуры свой долг перед родиной выполнят. Да здравствует сталинская Конституция! Да здравствует наш великий вождь и учитель товарищ Сталин!».

Малкис. Кузнецов.

Верхневолжский бассейн

Речь прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинского на Чрезвычайном VIII съезде советов побуждает меня как одного из работни-

ков прокуратуры откликнуться на требования, которые ставит перед нами наша новая великая сталинская Конституция в борьбе с врагами партии и советской страны.

Недавно состоявшийся процесс над главарями троцкистско-зиновьевской банды в Москве и процесс в Новосибирске вскрыли всю подноготную фашистского лица троцкистов как диверсантов, вредителей и подлых убийц, убивших верного сына народа т. Кирова, губивших удушливыми газами шахтеров в Кемерове, готовивших злодейское убийство вождя народов СССР и трудящихся всего мира товарища Сталина и ближайших его соратников.

Смычка троцкистско-зиновьевской банды с фашизмом была неизбежной, ибо «империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира СССР» (Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 527).

Именно эту позорную роль выполняли троцкисты в борьбе с нашей партией, в борьбе с советской властью. Ход событий показал, что враги партии и народов СССР просчитались, им не удалось повернуть вспять колесо истории. Социализм победил.

Товарищ Сталин еще на XVII съезде партии указал, что: «Существо большевистского наступления состоит, прежде всего, в том, чтобы мобилизовать классовую бдительность и революционную активность масс против капиталистических элементов нашей страны» (там же, стр. 533).

Это указание вождя вдохновляло трудящихся Советского союза на разоблачение врагов социализма и беспощадную борьбу с ними.

Немалая заслуга по выкорчевыванию враждебных элементов принадлежит и работникам прокуратуры, высоко державшей знамя социалистической законности.

Поэтому не случайно, сталинская Конституция отводит особое место прокуратуре в системе диктатуры пролетариата на современном этапе социалистических побед.

Мы еще с большей энергией и готовностью должны выполнить ту почетную роль, которая отведена нам основным законом нашей родины, и оправдать заявление нашего прокурора Союза т. Вышинского VIII съезду советов — и впредь высоко держать знамя социалистической законности, беспощадно разить врагов народа, троцкистско-зиновьевское отребье, пытающееся поднять свою подлую руку на завоевания народа.

М. Метелев

(Пом. прокурора Верхневолжского бассейна).

Прокуратура Караганды в борьбе за уголь

Караганда — молодой город. Шахты Караганды еще далеко не развернули всю свою мощь. И прокуратура Карагандинская также молодая.

Все это дает право требовать от прокуратуры Караганды особо живой и особо боевой деятельности.

Но это же возлагает и особую ответственность на областные органы, которые должны руководить этой молодой прокуратурой.

К сожалению, не со всеми задачами, которые стоят перед прокуратурой Карагандинского бассейна, она одинаково справилась, и не на всех участках она была настойчивым борцом за социалистическую законность.

Шахты Караганды уже несколько лет как стали нормально работающими социалистическими предприятиями с социалистической организацией труда.

Такое положение шахт не дает больше права объяснять те или другие недостатки на производстве состоянием строительства.

Прокуратура осталась в стороне. Прокуратура не сумела использовать свой актив, не сумела взять от него материал и ударить по срывщикам стахановских методов работы.

Вопросы техники безопасности неразрывно связаны с стахановским движением, когда каждый рабочий должен чувствовать, что его труд охранен и является особо значимым в условиях шахт.

Положение с техникой безопасности в Караганде крайне ненормально.

Несмотря на это, прокуратура г. Караганды не только не использует всех возможностей, имеющихся в ее распоряжении, по борьбе с безобразным отношением к технике безопасности рабочих, но часто даже не знает о происходящих несчастных случаях.

Насколько недостаточно Карагандинская прокуратура проводила борьбу с нарушениями техники безопасности, видно также из того, что даже отдельные несчастные случаи из тех, которые стали известны прокуратуре до начала каких-либо следственных действий, крайне залеживались, а иные совсем не получают никакого движения.

К технической экспертизе следователи не прибегают, несмотря на то, что целый ряд несчастных случаев происходил в очень сложной обстановке, когда обвиняемые, отрицали свою виновность, и требуется серьезная техническая экспертиза, правильно объясняющая положение, при котором произошел несчастный случай.

Ни одного дела, проведенного открытым следствием, нет.

Ни по одному делу не видно, чтобы во время следствия чувствовалась попытка выяснить более глубокие причины и общие условия работы данного агрегата, приведшие к конкретному несчастному случаю.

Привлекаются и осуждаются, в основном, — второстепенные виновники.

Во время судебных процессов неправильное привлечение к ответственности лиц, не являющихся основными виновниками в происшедших несчастных случаях, не только не исправлялось, а в отдельных случаях даже усугублялось.

Помимо непосредственной следственно-судебной работы по делам о технике безопасности, прокуратура предпринимала также ряд мер предупредительного порядка.

В результате обследования шахты им. Кирова горно-технической инспекцией был обнаружен ряд нарушений правил техники безопасности. Предписаний горно-технической инспекции шахтоуправление не выполняло. Прокуратура написала письмо управляющему трестом, в котором потребовала устранения нарушений

и наложения на виновных взысканий за игнорирование предписаний горно-технической инспекции. В итоге на заведующего шахтой и его заместителя было наложено взыскание, а помощник главного инженера был снят с работы. В этом факте важно то, что прокуратура, направив письмо, настойчиво следила за выполнением своих требований.

Обвалившимся коржем угля был легко ранен бригадир стахановской бригады Ракишев. Проверкой было установлено, что несчастный случай произошел из-за того, что бригада работала в недостаточно закрепленном пространстве, потому что не было необходимого количества крепильщиков. Прокуратура потребовала от управления треста обеспечения работ достаточным количеством крепильщиков.

Все эти положительные моменты в работе прокуратуры Караганды за технику безопасности имеют особое значение потому, что преобладающее количество работников прокуратуры является молодыми прокурорскими работниками и никакого руководства по вопросам техники безопасности прокуратура г. Караганды со стороны областной прокуратуры не имела.

Ни одного раза городская прокуратура не вызывалась в область с докладом о проделанной работе по промышленности, хотя Карагандинская прокуратура является ведущей в области.

В какой мере поверхностно было отношение областной прокуратуры к руководству Карагандинской прокуратурой, видно из следующего документа: пом. областного прокурора Арискина, обследовавшая работу Карагандинской прокуратуры, в своем докладе пишет: «Прокуратура наладила повседневную живую связь с горно-технической инспектурой. По каждому несчастному случаю последняя своевременно сообщает в прокуратуру». Так, обследовавший областной прокурорский работник во что бы то ни стало старается показать, что все обстоит благополучно, хотя дело обстоит далеко не благополучно.

Областная прокуратура не только не руководила и не помогала городской прокуратуре в борьбе за технику безопасности, но в отдельных случаях даже мешала правильному проведению работы.

19 марта в шахте произошел тяжелый несчастный случай. При расследовании выяснилось, что зав. Кучин и главный инженер Налетов неоднократно допускали нарушение правил техники безопасности. 1 мая, в момент проведения расследования, дело было областной прокуратурой изъято и 19 июня, т. е. через полтора месяца, возвращено, но так как Налетов за это время уехал в отпуск, дело следствием не могло быть закончено.

25 апреля в вентиляционном здании шахты был обнаружен труп мотористки. Расследование выяснило, что смертельный случай произошел из-за отсутствия резиновых перчаток. Были привлечены к ответственности зав. шахтой и главный механик. Ввиду возражения управления треста о предании суду, дело было направлено в областную прокуратуру, где оно пролежало 20 дней и, когда вернулось из областной прокуратуры, следствие не могло быть продолжено за отсутствием обвиняемого.

Главный инженер обогатительной фабрики Русецкий виновен в смертельном случае с рабочим. Русецкий был осужден к двум годам лишения свободы. Кассационная коллегия областного суда приговор утвердила. Дело было затребовано областной прокуратурой, с приостановлением исполнения приговора, и в течение четырех месяцев приговор в исполнение не приводился.

Несмотря на то что в Карагандинском бассейне сосредоточена особо высокая техника, есть большое количество квалифицированных инженерно-технических сил, и вопросы рабочего изобретательства имеют особое значение, борьбы за рабочее изобертательство нет. За 1935 и 1936 гг. ни одного дела по изобретательству в прокуратуре г. Караганды не проходило и работники прокуратуры даже не знали о существовании организации ВОИЗ.

Борьба за качество угля абсолютно выпала из поля зрения Карагандинской прокуратуры. Ни одного дела за 1935 и 1936 гг. по качеству продукции прокуратурой не расследовано и в суде не заслушано. Городской прокурор даже не знает о существовании инспекции по качеству. При проверке материалов в инспекции по качеству выявилось, что в городскую прокуратуру было переслано несколько материалов по качеству продукции, и никаких следов в прокуратуре о каких-либо действиях по этим материалам нет.

В борьбе за своевременную выдачу зарплаты Карагандинская прокуратура ввела хороший порядок. В конце каждого месяца, за пару дней до истечения законного срока выплаты зарплаты, прокуратура запрашивает местные предприятия о том, есть ли у них задолженность по зарплате и о причинах образования этой задолженности. Такой порядок дает возможность прокуратуре своевременно быть информированной о положении с зарплатой и своевременно принять меры к ликвидации задолженности.

Карагандинский угольный бассейн как промышленный центр по сравнению с другими районами, более насыщен промышленными товарами. Благодаря этому в Караганде устремляются для скупки товаров спекулянты из ряда других городов Казахстана и Сибири. В связи со слабостью работы милиции в г. Караганде и специфическим населением спекуляция достигла здесь довольно больших размеров.

В судебной политике в отношении спекулянтов вначале были допущены явные извращения. Так, осудив по отдельным делам спекулянтов Алыбегарова, Сексымбаева, Лолахтываева, Альжанова, признав их виновными по ст. 107, суд применил к ним ст. 53, а в одном случае даже предложил возвратить изъятые у обвиняемых деньги. По этим делам были принесены протесты, которые были все удовлетворены.

Сроки расследования по этим делам очень длительны, по отдельным делам — свыше месяца (Артюнов, Житников); слушание в суде дел также крайне волокитно. Из 7 дел 5 были заслушаны в срок свыше одного месяца.

Карательная политика в отношении спекулянтов в настоящее время соответствует указаниям Прокуратуры Союза. Но все же дела о спекуляции, прошедшие в течение 1936 г., в своем большинстве не охватывают крупных спекулянтов. Преобладающее количество привлеченных — это мелкие спекулянты.

В условиях Караганды, где аппарат промышленно-торговой организации имеет особую засоренность, борьба с растратчиками приобретает особую значимость. В течение 1934 г. только по системе рабочего снабжения было расхищено ценностей на сумму около 1 млн. руб. За 1935 г. по бассейну было растрачено 393 714 руб. и за первый квартал 1936 г. — 54 368 руб. В связи с таким положением прокуратура Караганды развила большую энергию в борьбе с растратчиками: за 1936 г. было заслушано 40 дел по растратам, из них преобладающее большинство было возбуждено прокуратурой и проведено следствие следователями. По всем делам о растратах, при передаче дел в суд, прокурорами составлялись заключения по этим делам. Почти все дела прошли подготовительные заседания с участием прокуроров, но до конца эту работу прокуратура не провела.

Сроки расследования крайне длительны. Большое количество дел в следствии больше месяца. Сроки слушания в суде также крайне длительны. Все дела слушались в камерном порядке. Только в восьми процессах участвовали прокуроры. Принесено прокуратурой по делам о растратах всего четыре протеста.

А в результате, несмотря на то, что почти все дела квалифицируются по ст. 116 УК, ни материалами предварительного следствия, ни судебного в большинстве дел растраты осужденными не доказаны. По отдельным делам следствие сводится к акту ревкомиссии и допросу обвиняемого.

Не совсем хорошо в Карагандинской прокуратуре обстоит и с массовой работой. Прокуратура проделала очень большую работу по организации своего актива. Но весь центр тяжести был перенесен на сельскую местность, в результате из 22 групп содействия прокуратуре на шахтах только 6 — это при том, когда почти вся работа прокуратуры сосредоточена и должна быть сосредоточена в промышленности. В результате в прокуратуру поступают довольно многочисленные сигналы от активистов, но все они из сельской местности и абсолютно нет сигналов с шахт.

Все недостатки в работе Карагандинской прокуратуры являются исключительно результатом недостаточной квалификации молодых работников прокуратуры. Но проделанная работа дает право делать вывод, что хотя эти работники недавно пришли в прокуратуру и являются молодыми кадрами казахских органов юстиции, но они хотят по-настоящему работать и сумеют по-настоящему работать. Надо только, чтобы областная прокуратура и прокуратура Казахстана помогали Карагандинской прокуратуре, систематически руководили ею, а не только посылали прокуроров «гастролеров», которые свою роль и помощь ограничивают собиранием материалов и писанием успокоительных докладов.

А. Красносельский

Больше внимания к районным работникам юстиции

Новая сталинская Конституция есть символ победы как в области укрепления диктатуры пролетариата, так и в области развернутого социалистического строительства.

Нам, работникам органов юстиции, работающим на местах, особенно понятен этот основной закон, так четко и ясно написанный, со всей сталинской мудростью.

Статьи 112 и 117 Конституции указывают, что суд и прокуратура в своей деятельности независимы от местных органов. Эти права одновременно возлагают на нас исключительно большую ответственность. С принятием новой Конституции совершенно исключается всякая ссылка прокурора или народного судьи на то, что он провел то или иное дело под влиянием местных организаций, а этим аргументом в настоящее время кое-кто еще пользуется, для того чтобы переложить с себя ответственность за те или другие недостатки в работе.

Не следует доказывать, что суд и прокуратура, кроме своей карательной политики, проводят и огромную воспитательную работу. Совершенно понятно, что для этого требуются в первую очередь кадры, люди, способные организовать и проводить воспитательную работу, об этом мы скажем ниже, но кроме этого требуется помещение и не кое-какое, а чистое, светлое, побеленное, требуется, чтобы на окнах были шторы или занавески, чтобы было достаточно мебели, были портреты, лозунги, бак для кипяченой воды. Все это как будто бы мелочь, но эта мелочь на данном этапе совершенно необходима, потому что культурные навыки возросли, а нам плестись в хвосте совсем некстати.

Читатели могут удивиться и спросить, неужели до сего времени Аткарский суд и прокуратура этих совершенно необходимых и элементарных предметов для нормальной работы не имеет? На это мы можем сказать, что район, имеющий свыше 50 тысяч населения,— район городского типа, а здание суда и прокуратуры до сего времени еще не приведено в порядок, хотя и стоит оно на главной улице, и это потому, что крайисполком показывает на райисполком, райисполком на горсовет, а горсовет на крайисполком и получается «семь нянек, а дитя без глазу». А ведь больше посетителей рабочих, колхозников, служащих ни в одном из учреждений в районе не бывает, как в районном суде и прокуратуре, а создать условия культурного отдыха во время ожидания приема или разбора дела для посетителей некому и это потому, что мы не имеем твердого бюджета, не с кого спрашивать. С этим бескультурием нужно покончить. Суд и прокуратуру нужно поставить на совершенно твердое легальное содержание, не заставлять прокурора и судью ходить и выпрашивать, то на стул, то на починку стола, то на электропроводку, а ведь не доведи «бог» поссориться с финансовыми органами, тогда, конечно, ни на какую помощь не рассчитывай.

Второй вопрос, ставящий нас в прямое подчиненное положение от местных органов, это транспорт. Кое-где в судах и прокуратуре имеются лошади, но на содержание их нет средств.

Вопрос о средствах передвижения для органов юстиции на местах вопрос чрезвычайно важный и требует немедленного разрешения.

Следующий вопрос, который нуждается в серьезной проработке и срочном упорядочении его, — это вопрос о рабочей нагрузке,

о расстановке кадров, о правах этих кадров и об оплате их труда.

Вопрос учебы, вопрос роста работников юстиции, в особенности районных, — вопрос очень важный, и он в нашей системе в загоне. Правда, была попытка начать, но она до конца не доведена, сборники по юрминимуму, которыми снабжены районы; по нашему мнению, только начали организовывать учебу местных работников и далеко ее еще не разрешили.

Прокурору, народному судье или следователю в практике работы приходится иметь дело с различными отраслями хозяйства и науки, тут могут быть техника, агрономия, педагогика, медицина, и пр. Поэтому мы выдвигаем требование — судебно-следственным работникам среднее образование. Правда, это не просто и не дешево, но это возможно и необходимо.

Вот ряд вопросов, требующих самого внимательного к себе отношения. Разрешив эти вопросы, мы обеспечим высокое качество нашей работы, такой важной и необходимой в борьбе за социализм, за окончательную победу нового социалистического общества.

Работники юстиции Аткарского района:

Прокурор **Шарыпенко**
Народные следователи: **Карякин**
Мазаев
Старший судья **Перфилов**
Судья **Сафонов**

Как мы живем и работаем

Мне хочется поделиться с читателями «Соцзаконности», в каких условиях мы живем и работаем в Заветинской районной прокуратуре, в одном из глухих районов Азово-Черноморья, в 100 км от железной дороги.

Прошлую зиму пришлось работать в очень трудных условиях. С одной стороны, местные власти дали зимой помещение с разбитыми окнами, а с другой — прокурор экономил на топливе, так что не только работать, но и сидеть в канцелярии было невозможно от холода (замерзала вода и чернила). Как вспомнишь этот кошмар, волосы дыбом поднимаются, ведь возможно, что этот кошмар снова повторится.

Несмотря на это, все же приходилось работать, не жалея здоровья, и содержать канцелярию более или менее в порядке.

Как только потеплело, я решил взяться за работу как следует и обратился через «Советскую юстицию» и краевую прокуратуру с призывом к своим коллегам-секретарям районных прокуратур наладить работу и работать ударно и культурно, но ни «Советская юстиция», ни прокуратура на это не обратили внимания. Профработы у нас никакой. За два года было только 2 собрания. Профуполномоченный суда и прокуратуры Леонов бездействует и не обращает внимания на требования работников о создании стенгазеты, приобретении литературы. Деньги на это есть, но они лежат без движения, имеется постановление общего собрания от 2 июля с. г. об оживлении работы союза. Леонов на это — ноль внимания. Несмотря на это, вероятно, за «ударную профработу» Леонов ездил в дом отдыха на Черное море отдохнуть «от праведных трудов». Когда я написал об этом уполномоченному ЦК нашего союза т. Магода с просьбой помочь и расшевелить нашего уполномоченного, то т. Магода не нашел ничего лучшего, как при выезде Леонова сообщить ему имя автора заметки, чем совершил довольно некрасивый поступок и тем дело кончилось.

Актива при прокуратуре нет. Заняться общественной работой нет возможности, нет никакой работы.

В данный момент нет печи в учреждении, грязно, запущено, вид такой, что никакого авторитета наше учреждение заслужить не может. И нас вероятно снова ждет холодная и тяжелая зима.

Я работаю восьмой год в органах НКЮ, люблю это дело, хочу учиться и работать над собой, но такая безотрадная и бесперспективная картина хоть у кого отобьет желание и энергию, так как не знаешь, придется работать или нет.

Вот как у нас в районе на практике «осуществляется» лозунг товарища Сталина о кадрах.

Если и не хочешь — так заставят уйти с работы.

Ни внимания, ни участия, ни хотя бы малой человеческой заботы о работнике и создании обстановки для работы.

Б.

От редакции. Редакция ждет от прокурора Азово-Черноморского края сообщения о результатах проверки указанных в статье фактов и принятых мерах.

Примерный общественник

Привлечение общественности к работе прокуратуры продолжает оставаться серьезной задачей прокурорских органов. В настоящей заметке я приведу пример образцовой работы общественника — т. Куликова.

Тов. Куликов Иван Игнатьевич с 1933 г. руководит группой содействия прокуратуре. Вначале он был руководителем ГСП при колхозе «Красный пахарь» Сернурского района Марийской области, а сейчас, являясь членом секции ревзаконности Ивансолинского сельсовета Куженерского района, Марийской области, руководит одной из ГСП в колхозе. Тов. Куликов является преданным и активным помощником районной прокуратуры в деле борьбы за укрепление революционной законности. За 1936 г. группа т. Куликова приняла и рассмотрела на месте 24 крестьянские жалобы, из которых 4 жалобы направила в сельский суд и 3 жалобы передала в народный суд. Тов. Куликов активно помогал и в работе следствия.

Руководимая т. Куликовым группа содействия прокуратуре активно ведет работу по популяризации революционной законности среди колхозников. За 1936 г. членами группы проведено 19 докладов и бесед в колхозах по вопросу о революционной законности и из них 8 докладов и бесед по вопросу Конституции. Сам т. Куликов выступил 4 раза общественным обвинителем в народном суде. По сигналам т. Куликова возбуждено 7 уголовных и 5 дисциплинарных преследований.

Тов. Куликов является одним из активнейших руководителей ГСП в нашем районе, он в каждом колхозе в период летних сельскохо-

зяйственных работ создавал сигнальные посты по охране соц. имущества и урожая от расхищения. Работа т. Куликова является образцовой не только для нашего района, но и для всей Марийской области. О работе т. Куликова несколько раз информировалась Марийская областная прокуратура. Представители областной прокуратуры при выездах отмечали хорошую работу т. Куликова и, уезжая из района, все обещали премировать его, но несмотря на неоднократные обещания, к сожалению, это не было до сих пор выполнено.

Руководство Марийской областной прокуратуры должно поощрять хорошую работу активистов, опыт хорошей работы должен быть использован и другими активистами нашей области, с честью борящимися за осуществление социалистической законности на селе.

П. Казанцев

Татария

2 октября 1936 г. президиум ЦИК Татарской АССР заслушал доклад прокурора Татарской АССР т. Лейбовича о состоянии социалистической законности в Татарии.

Президиум ЦИК Татарской АССР отметил, что в ряде районов (Буденновский, Дрожжановский, Лапшевский и Аткинский) имелись факты нарушения социалистической законности, вместо воздействия на нарушителей дисциплины в пределах устава, колхозники штрафовались в размерах, превышающих установленные уставом. В колхозе «Правда» Балтасинского района были оштрафованы 4 конюха по 15 трудодней за допущение падежа жеребенка. Допускались массовые штрафы: в колхозе им. Разумова Мензелинского района 84% всех колхозников были подвергнуты штрафу, в колхозе «13 лет октября» — 60%. Исключались из колохозов целые семейства за незначительные проступки отдельных членов семьи: в колхозе им. Чапаева был исключен из колхоза Кузьмин со всем семейством без обсуждения этого вопроса на общем собрании.

Районные исполнительные комитеты в ряде случаев сами допускали грубые нарушения, устава сельскохозяйственной артели. Так, Кзыл-Юлдузский рик давал наряды колхозам на вывозку стройматериалов. По нарядам Антинского рика колхозы «Удар» и «Маро» и «Чулпан» вывозили из лесоучастка дрова для нужд учреждений и сотрудников.

Некоторые районные исполнительные комитеты снимали председателей колхозов с работы за мелкие проступки, переводили их на другую работу без постановлений общих собраний колхозов.

Районные исполнительные комитеты снимали с работы председателей сельсоветов и перемещали на другую без обсуждения на общих собраниях избирателей и без санкции Тат. ЦИК (В. Артынский, Юл-Субилский, Н. Сунский сельсоветы Кзыл-Юлдузского района).

По Татарской АССР имели место нарушения закона о национализации земли: в колхозе им «8 марта» Мамадышского района 11 га лугов были проданы частным лицам; совхоз «Пятилетка» того же района продал луговой участок в количестве 15 га колхозу им. Сталина; колхоз «Боевик» Пестречинского района сдал 23,3 га лугов колхозу им. Вахитова. В Теньковском районе обнаружены случаи продажи приусадебных земель под видом продажи жилых строений, при этом явно незаконные сделки регистрировались риками.

В связи с этим Президиум Центрального исполнительного комитета Татарской АССР постановил считать совершенно нетерпимым случаи нарушения Устава с.-х. артели со стороны некоторых риков, сельсоветов, командование колхозами, вмешательство в их внутрихозяйственную деятельность, запретить рикам допускать снятие, переброски и назначения председателей колхозов, минуя общие собрания колхозников, предупредить председателей районных исполнительных комитетов о недопустимости необоснованных и без ведома избирателей и Тат. ЦИК снятий председателей сельсоветов, установить систематический контроль и постоянную практическую помощь со стороны риков сельсоветам в деле внедрения законности во всей их деятельности и обязательно каждый факт нарушения Устава с.-х. артели, помимо наложения дисциплинарного взыскания на виновных, подвергнуть широкому обсуждению масс колхозников.

Наконец, ЦИК Татарской АССР отметил положительную работу Прокуратуры Татарской АССР по борьбе с нарушениями социалистической законности и поручил прокурору республики обеспечить и впредь решительную борьбу с нарушением законов, не взирая на лица.

Право, процесс, судоустройство в капиталистических странах

Уголовное право и процесс Швейцарии

Уголовное право и уголовный процесс Швейцарии с иключительной яркостью отражают своеобразие государственного устройства Швейцарии, многоязычность ее населения, зависимость от культур соседних государств, определенное стремление ко все большему отходу от демократических форм и к усилению, вопреки желанию большинства населения, реакционной и фашистской политики со стороны правящей финансовой и промышленной буржуазии и аграрного капитала.

Маленькая Швейцария с ее 4 миллионным населением разделена на 25 кантонов, каждый из которых имеет свое самостоятельное уголовное право и уголовный процесс.

По своему содержанию кантональные законы отразили влияния уголовно-правовых идей тех государств, с которыми их роднит общий язык и культурные влияния. Уголовные кодексы кантонов, говорящих по преимуществу на французском или на итальянском языках, созданы под явным влиянием французского Code penale, а говорящих по-немецки — под влиянием германских уголовных кодексов, — частью старых, изданных еще до ныне действующего германского общеимперского уголовного кодекса. Даже швейцарские юристы признают отсутствие в уголовном праве и процессе их страны национального характера и подчиненность иностранным влияниям.

Наряду с кантональным законодательством имеются уголовные и уголовно-процессуальные законы общесоюзного (федеративного) характера. Но если в отношении материального уголовного права швейцарская конституция предоставляет союзному правительству определенную самостоятельность, то процессуальное уголовное право конституция относит исключительно к ведению кантонов. Поэтому процессуальные законы, изданные федеративным правительством, предназначены только для федеративных судебных учреждений; для кантонов они никакой силы не имеют.

I. Кантональное уголовное право

Уголовные кодексы отдельных кантонов издавались в различное время. Наряду со старыми кодексами (Граубюнден 1851 г., Обвальден 1864 г., Берн 1866 г.) имеются изданные сравнительно недавно (Фрейбург 1924 г.). Два кантона (Ури и Нидвальд) вовсе не имеют уголовных кодексов и в значительной мере руководствуются обычным правом.

Множественность кодексов на небольшой территории вызывает междукантональные коллизии, давшие повод говорить о «междукантональном» (наподобие международного) уголовном праве, регулируемом частью при помощи договоров между отдельными кантонами. Поэтому для уголовных кодексов кантонов приобретает большое значение то или иное разрешение вопроса о действии уголовного закона в пространстве. Союзный уголовный кодекс 1853 г. придерживается так называемого территориального принципа, по которому судебная власть страны распространяется на все преступления, совершенные на ее территории. Исключение делается для группы преступлений против государства. Территориального принципа придерживаются в общем и кантональные кодексы. Однако кантоны претендуют на подсудность своим судам некоторых преступлений, совершенных и за пределами кантона (так называемый реальный принцип).

Не существует единства между кантонами и в вопросе о делении преступлений. Некоторые кантоны придерживаются французской системы тройного деления на преступления, проступки и нарушения. Часть кантональных кодексов не содержит вообще никакого деления. Большинство же кантонов признают двойное деление на преступления и проступки.

По вопросу о формах вины кодексы разбиваются на две группы: часть кодексов (Цюрих, Гларус, Базель, Золотурн и др.) не дают определения умысла, предоставляя это теории и практике; остальные дают определение в казуистической форме или носящей сугубо теоретический характер. Что касается неосторожности, то только шесть кодексов (Берн, Неуэнбург, Обвальден и др.) дают определения. Остальные кодексы обходят вопрос молчанием. Некоторые кодексы ограничиваются указанием на то, что неосторожность наказывается мягче чем умысел (Люцерн, Граубюнден, Швиц и др.).

Все кантональные кодексы останавливаются на вопросе о необходимой обороне, но далеко не все содержат специальные указания о безнаказанности крайней необходимости.

Невменяемость как обстоятельство, исключающее вину, упоминается всеми кодексами. Все кодексы, за исключением четырех (Базель, Женева и др.) признают состояние опьянения или потери сознания в результате приема наркотиков обстоятельством, безусловно исключающим ответственность, но требуют, чтобы это состояние наступило не по вине деятеля. Кодекс кантона Золотурн ни в каких случаях не считает опьянение обстоятельством, исключающим вину.

С вопросом вменяемости большинство кантональных кодексов связывают вопрос об уголовной ответственности в зависимости от возраста. Для кантональных кодексов характерно деление несовершеннолетних и молодых преступников на три группы: а) детей, б) несовершеннолетних младшей группы и в) несовершеннолетних старшей группы и молодых людей.

Дети уголовной ответственности не подлежат, но к ним может применяться школьный арест или отдача в исправительные учреждения, обычно мало чем отличающиеся от детских тюрем.

Детский возраст устанавливается в разных кантонах различно: до 10 лет (Граубюнден, Тессин и др.), до 12 лет (Цюрих, Клярус и др.), до 13 лет (Аппенцель), до 14 лет (С. Галлен, Обвальден и др.), до 15 лет (Ааргау).

В отношении несовершеннолетних младшей группы (возраст их устанавливается различно: до 16, 17 и 18 лет) суд в каждом отдельном случае решает вопрос о их вменяемости. В случае отрицательного решения применяются те же, в общем, меры, что и в отношении детей. При положительном решении, — несовершеннолетие является обстоятельством, обязательно понижающим ответственность.

Входящие в третью группу (несовершеннолетние старшего возраста и молодые преступники в возрасте до 18, 19, 20 и даже 23 лет) рассматриваются как вменяемые и пользуются только правом на смягчение наказания.

Покушение все кодексы наказывают мягче, чем законченное преступление. Некоторые кодексы (например Ааргау) устанавливают при этом пропорцию наказания при покушении (например, две трети наказания, следуемого за законченное преступление). Покушение на совершение нарушения не наказывается.

Формы соучастия регулируются кантональными кодексами общепринятым образом (подстрекатели, исполнители, пособники). Однако Люцерн считает исполнителем и того, кто при совершении преступления другим лицом «оказывал ему такую помощь, без которой действие при данных условиях не могло бы быть совершено» (§ 61). С другой стороны, кодекс кантона Шафгаузен считает пособником того, кто, «принимая участие в главном действии, содействовал или оказывал помощь» (§ 60).

Большинство кодексов упоминает в общей части так называемое «покровительство», считая «покровителями» тех, кто оказывает деятелю после совершения им преступления помощь, на которую тот до преступления или во время совершения преступления не рассчитывал. Таким образом понятие «покровительство» с одной стороны не совпадает с укрывательством (если деятель на него рассчитывал), а с другой стороны, шире чем укрывательство (если деятель на него рассчитывал) или недоносительство. Так, например, отдельные кодексы включают в «покровительство» при определенных условиях и невоспрепятствование преступлению. Пособники наказываются по кантональным законам мягче чем исполнители, подстрекатели — так же как пособники.

Полного единообразия нет в кантональном законодательстве и по вопросу о наказаниях. По-разному разрешается вопрос о смертной казни. Конституция Швейцарии 1848 г. отменила смертную казнь только за политические преступления. Конституция 1874 года постановила: «Смертная казнь отменяется», но в 1879 г. народным голосованием была восстановлена формула 1848 г., запрещающая смертную казнь только за политические преступления. После этого 10 кантонов (Анненцель, Обвальден, Ури, Швиц, Цуг, Ст. Галлен, Люцерн, Валлис, Шафгаузен и Фрейбург) восстановили казнь. В некоторых кантонах попытки ввести казнь разбились о народное голосование. Казнь выполняется непублично, при помощи топора.

Крайне разнообразна система наказания в отдельных кантонах.

Два вида лишения свободы (каторжную тюрьму и простую тюрьму) знают кантоны Граубюнден, Ааргау, Ваадт. Три вида (каторжную тюрьму, простую тюрьму и рабочий или исправительный дом) применяют Цюрих, Люцерн, Швиц, Обвальден, Глярус, Цуг, Золотурн Шафгаузен Анненцель, Ст. Галлен и Тургау). Другие кантоны — Базель, Валлис, Женева и Фрейбург, — знают каторжную тюрьму, простую тюрьму и полицейский арест. Кодекс Анненцеля предусматривает, кроме каторжной и простой тюрьмы, арест в учреждения для «наказания работой». Кодекс кантона Тессин предусматривает учреждение для отбывания наказания за политические преступления. В кантоне Нейэнбург такое же учреждение предназначается одновременно для отбывающих наказание за нарушения. Аналогично поступает при незначительных преступлениях и Берн.

Срок каторжной тюрьмы различен. Минимальный срок в большинстве кантонов 1 год, но имеются и отклонения (Тессин — 4 года, Женева 3 года, Фрейбург, Шафгаузен, Ааргау и Валлис — 6 месяцев, Люцерн — 4 месяца, Обвальден 2 месяца, Ваадт — 1 день). Высший срок в большинстве кантонов—20 лет с отклонениями от этого срока в отдельных кантонах (Фрейбург, Ваадт и Нейэнбург — 30 лет, Граубюнден и Валлис — 25 лет, Швиц, Шафгаузен, Ааргау и Тессин — 24 года, Цюрих — 15 лет). Люцерн не знает высшего срока.

Все без исключения кантоны наряду со срочной предусматривают и пожизненную каторжную тюрьму.

Кодексы отдельных кантонов предоставляют суду право оговаривать усиление тяжести каторжной тюрьмы добавочными тюремными атрибутами: Шафгаузен — одиночным заключением, темным карцером и ограничением пищи; Граубюнден — заковыванием в цепи, Золотурн — одиночным заключением; Тургау — одиночным заключением, затемнением камеры и ограничением пищи; Валлис — заковыванием в цепи и позорным столбом.

По большинству кодексов присуждение к каторжной тюрьме механически влечет за собой потерю «гражданских прав чести».

Тюремным заключением наказываются, как правило, совершившие проступки. В большинстве кантонов минимальным сроком тюремного заключения является 1 день. В некоторых кантонах такой срок составляет 3—15 дней. Максимальный срок в различных кантонах от 60 дней (Берн) до 20 лет (Ваадт) и даже 40 лет (в том же кантоне Ваадт при третьем рецидиве). В отдельных кантонах допускается усиление тяжести тюремного заключения при помощи ограничения пищи, одиночного заключения, темного карцера и твердого ложа.

Заключение в рабочий или исправительный дом представляет собою по тяжести нечто среднее между каторжной и простой тюрьмой. Обычно оно отбывается в тех же учреждениях, что и каторжная тюрьма. Различие этой меры от каторжной тюрьмы, с одной стороны, и простой тюрьмы — с другой, — недостаточно отчетливо как в законе, так и на практике. Срок, на который эта мера назначается, также разнообразен. Минимальный и максимальный пределы колеблются в отдельных кантонах между 1 днем (Цуг) и 1 годом — (Нейэнбург), и 3 годами (Нейэнбург) и 10 годами (Золотурн, Цуг).

В тех кантонах, где уголовные кодексы предусматривают арест, эта мера назначается за нарушения. Срок ее от 1 дня до 3 месяцев.

Денежный штраф назначается в качестве как основной, так и дополнительной меры. Минимальный размер штрафа предусматривается не во всех кодексах. Это относится во многих кантонах и к максимальному пределу. Отдельные кодексы устанавливают срок, в течение которого штраф должен быть уплочен (например, Швиц — 1 мес.). Кодекс Нейэнбурга допускает присуждение к платежу штрафа частями. В очень немногих кодексах допускается отработка штрафа на государственных работах. За исключением женевского, все кодексы предусматривают замену штрафа при несостоятельности лишением свободы.

В качестве основных мер наказания отдельные кантональные кодексы предусматривают также запрещение покидать определенную местность, домашний арест и выговор. В качестве дополнительных наказаний встречаются изгнание, отдача под наблюдение полиции и конфискация орудий преступления или предметов, произведенных в результате преступных действий, лишение гражданских прав, смещение с должности, запрещение занимать государственные должности, запрещение на определенный срок заниматься своей профессией или ремеслом, лишение родительских и опекунских прав и опубликование приговора в печати. Специфической для Швейцарии мерой наказания является в большинстве кодексов запрещение посещать питейные учреждения (рестораны, трактиры и т. п.) с тем, что во всех таких учреждениях публично вывешива-

ются списки лиц, осужденных к этой мере наказания.

Начиная с 1892 г., большинство кантональных кодексов один за другим ввели условное осуждение с тем, что после истечения испытательного срока судимость отпадает. Остальные кодексы приняли так называемое условное выполнение приговора, при котором от поведения осужденного зависит, будет ли приговор приведен в исполнение, но при котором во всяком случае остается судимость.

Так называемые меры безопасности, которые по утверждениям буржуазных юристов применяются наряду с наказаниями или взамен наказаний, а на самом деле в большинстве случаев представляют собою те же наказания, стали вводиться в отдельные кантональные кодексы, главным образом в сравнительно недавнее время, под влиянием проекта швейцарского союзного уголовного кодекса.

К числу таких мер относится помещение в специальные учреждения лиц, совершивших преступления и признанных судом невменяемыми или обладающими уменьшенной вменяемостью; привычных преступников; признанных профессиональными нищими, бродягами, развращенными, не желающими работать или привычными пьяницами. Как и в других буржуазных странах, под этим очень часто скрывается расправа с безработными.

К мерам безопасности швейцарские юристы относят присуждение к даче обещания не приводить в исполнение сделанные угрозы или подготавливаемое преступление, а также обязательство возмещения причиненного ущерба.

II. Союзное уголовное законодательство

Союзный уголовный кодекс Швейцарии 1853 г. охватывает (кроме общей части) только ограниченное количество преступлений. Это объясняется тем, что конституция в редакции 1848 г., всячески подчеркивавшая принцип суверенности кантонов, допускала союзное уголовное законодательство только в отношении преступлений, входивших в ведение союзного суда. А к его ведению конституция относила:

а) преступления портив внешней безопасности и спокойствия конфедерации;

б) преступления и проступки против иностранных государств;

в) преступления и проступки против конституционного порядка и внутренней безопасности;

г) преступления и проступки, совершенные служащими конфедерации при исполнении ими служебных обязанностей;

д) преступления и проступки против государственных служащих;

е) подделку федеративных документов, лжесвидетельство перед федеральными органами и действия, причиняющие вред или угрожающие вредом почте или железным дорогам,

ж) преступления, совершенные при помощи печати или аналогичным образом.

Как видно из этого перечня, федерация обеспечила единообразие и возможность сурового преследования преступлений политического характера как путем передачи всех дел о политических преступлениях союзному суду, так и путем создания специального союзного законодательства.

Союзное значение имеют и уголовно-правовые нормы, содержащиеся в различных издаваемых союзом специальных законах, как, например, закон 1921 г. о Швейцарском национальном банке, содержащий многочисленные статьи о фальшивомонетничестве, закон 1924 г. о взрывчатых веществах, закон 1906 г. об анархистских преступлениях и др.

Союзный характер носит и военно-уголовное законодательство. Действующий военно-уголовный кодекс издан 13/VI 1927 г. Он содержит правила, относящиеся к мирному времени, к случаям так называемой активной службы, то есть к случаям, когда войска призываются для защиты национальной территории или для поддержания внутреннего порядка и, наконец, к «военному времени».

Военно-уголовный кодекс, не ограничиваясь регулированием воинских преступлений, содержит многочисленные статьи, относящиеся к общеуголовным преступлениям, совершаемым военными или приравниваемыми к ним лицами.

Не трудно убедиться даже из беглого перечня союзных законодательных актов, что утверждения швейцарских юристов о преобладающей роли кантонального уголовного законодательства и об исключительном характере союзных уголовных законов не совсем соответствуют действительности. Важнейшие разделы уголовного законодательства, и притом наиболее важные, на самом деле регулируются союзом и подведомственны союзному суду. Что касается политических преступлений, полностью отошедших к компетенции союза, то здесь наблюдается стремление господствующего класса к все большему расширению числа составов и максимальному усилению уголовной репрессии, — стремление, наталкивающееся, однако, на решительное сопротивление трудящихся масс Швейцарии. Так, проект закона об охране общественного порядка от 13/X 1933 г. предусматривал ряд составов, направленных, в первую очередь, против революционного пролетариата и его выступлений. Он предлагал ввести усиленные наказания за «публичный призыв к преступлениям или проступкам против государства или общественного порядка», «подкапывание под воинскую дисциплину», «воспрепятствование государственной власти, сбор и раздачу оружия и т. д.».

Плебисцитом 11/III 1934 г. проект этого закона, получившего в рабочей печати кличку «каторжного», был отвергнут.

Под несомненным влиянием возмущения общественного мнения и в особенности давления пролетариата Швейцарии, вызванного похищениями со швейцарской территории агентами германского гестапо немцев-антифашистов, и бесцеремонной деятельности германских фашистских организаций в Швейцарии, союзное правительство вынуждено было издать 21/V 1935 г. закон об охране безопасности союза. Закон этот угрожает тюрьмой, а в тяжелых случаях — каторжной тюрьмой тому, кто без разрешения совершит на территории Швейцарии действия, которые относятся к компетенции какого-либо органа власти или государственного служащего, кто оказывает помощь таким действиям, кто при помощи насилия, хитрости или угроз похитит кого-либо за границу с целью выдать похищенного какой-либо власти, партии или аналогичным организациям или создать для него опасность для жизни или здоровья или подготовляет такое похищение. Закон этот охватывает и передачу сведений политического, военного и экономиче-

ского характера в интересах другого государства.

Отношение между федеративным и кантональным уголовным правом определяется принципом «федеративное право ломает кантональное право». В силу этого принципа вопросы, которые регулируются федеративным законодательством, не подлежат регулированию со стороны кантональных законов, но кантональные уголовные законы могут дополнять федеративное законодательство, в тех случаях, когда последнее оставляет кантональному законодательству определенную область для регулирования. Что касается общей части союзного уголовного кодекса 1853 г., то комментаторы не считают ее обязательной для кантонов, но обязательны для них специально установленные в конституции общие принципы уголовной политики (например, запрещение телесных наказаний).

Действительное неудобство, причиняемое распыленностью уголовного законодательства и отсутствием единообразия в уголовной политике, с одной стороны, и стремлением противопоставить демократическим влияниям в кантонах определенные реакционные тенденции,— с другой, побудило правительство приступить еще в конце прошлого столетия к составлению проекта союзного уголовного кодекса, призванного унифицировать и одновременно реформировать действующее уголовное законодательство.

Проект кодекса, впервые составленный проф. Штоосом, до сих пор не стал еще законом, хотя он и близок к этому.

Проект, наряду с его значением с точки зрения объединения уголовного законодательства Швейцарии, является документом, отражающим усиление реакционных тенденций в господствующем классе и стремление сделать уголовный закон эффективнейшим орудием борьбы с нарастающим революционным движением. Усиление репрессии и развязывание рук судье при установлении наказаний — таковы некоторые из основных тенденций проекта. Введение помимо наказаний так называемых мер безопасности, представляющих собою в сущности те же наказания, пожалуй даже более суровые, чем самые наказания проекта, наряду с растяжимыми формулировками, позволяющими применять меры безопасности в крайне широких размерах, — представляет соденций проекта.
бою характерное проявление указанных тен-

III. Уголовный процесс в кантонах

Конституция Швейцарии относит организацию уголовного процесса, за исключением процесса по делам, подсудным союзному суду, к компетенции кантонов. Обилие процессуальных кодексов повело, при отсутствии общесоюзного процессуального кодекса, к крайней пестроте их содержания и полнейшему разнобою при разрешении основных вопросов судоустройства и процесса.

Достаточно в качестве наиболее яркого примера указать на отношение кантонов к суду присяжных. Этот суд был введен только в 10 кантонах. Остальные кантоны знают только коронный суд.

Кодексы многих кантонов, изданные в первой половине прошлого века, сильно устарели. Наряду с ними имеются только недавно пересмотренные и обновленные кодексы (напр. г. Базеля).

Разнообразие содержания процессуальных кодексов в кантонах настолько велико, что даже многие швейцарские юристы считают «совершенно невозможным дать хотя бы общие идеи кодексов, действующих в Женеве, Арагау, Тессине и других кантонах» (Логос).

Один из наиболее новых процессуальных кодексов, — Базельский, пересмотрен и издан в новой редакции 15/X 1931 г. Этот кодекс строится на основе так называемого официального принципа, т. е. на основе возбуждения уголовного преследования прокуратурой; установления материальной истины судов ex officio, а также состязательного начала на предварительном следствии, судебном следствии и при апелляционном рассмотрении дел.

Отступления от принципа официальности допускаются при рассмотрении дел о преступлениях, совершенных вне пределов кантона, при предъявлении гражданского иска, если его предъявлению предшествовала просьба потерпевшего о возбуждении уголовного преследования и др.

Наблюдение за предварительным следствием базельский кодекс передает прокурору. Наряду с этим обвиняемому и его защитнику предоставляется возможность путем жалоб опротестовывать действия следователя и прокурора. Закон предусматривает 19 видов подобных жалоб. Некоторые швейцарские процессуалисты отмечают, что это чрезмерное обилие жалоб, создавая волокиту, не обеспечивает обвиняемого от злоупотребления прокурором своей властью. Прокурору же принадлежит право на арест обвиняемого, на направление его в определенную тюрьму, на производство обыска и в том числе личного, на изъятие вещей и т. д. Но он не принимает более участия в выполнении приговоров. У него отнято и передано суду принадлежавшее ему раньше право решения вопроса о пересмотре дела (ст.ст. 275, 289).

Своеобразно по базельскому кодексу положение следователя. С одной стороны он для прокурора производит расследование, но не он, а прокурор решает вопрос о предъявлении обвинения, с другой стороны, он является «следователем-судьей» (Untersuchungerichter) и участвует по делам, которые он расследовал в составе камеры предания суду, в которой прокурор выступает уже как сторона, а он (следователь) занимает «независимое судейское положение» (В. Мейер).

Защита по базельскому кодексу, как и по кодексам других кантонов, допускается со стадии предварительного следствия. По просьбе обвиняемого следователь может разрешать ему присутствовать при допросах и собирании других доказательств.

Хотя базельский кодекс неоднократно называет прокурора одной из сторон и хотя швейцарские процессуалисты выставляют положение, что прокурор по базельскому кодексу принципиально является не более чем стороною в процессе, однако, ряд положений кодекса доказывает, что это проявляется только в том, что прокурор, как и обвиняемый, возбуждает перед судом ходатайства. Но в противоположность обвиняемому он вместе с судьей устанавливает объективную истину, он уполномочен прекращать расследование. В суде 2 инстанции он вправе подавать апелляцию

во всех случаях, даже в пользу обвиняемого. Его роль в деле установления материальной истины определяется «обязанностью» принятия всех мер, которые могут содействовать выяснению действительного состава фактов и обстоятельств, которые могут лишить силы «предъявленное обвинение» (ст. 16).

Для ознакомления с порядком рассмотрения дел по существу, больше интереса представляют процессуальные кодексы кантонов, которые ввели суд присужных, как, например, бернский кодекс. В Берне уголовные дела рассматриваются или судом присяжных или коронным судом (уголовной камерой). Суд присяжных рассматривает дела о политических преступлениях, о нарушениях законов в печати и дела об общеуголовных преступлениях, по которым подсудимому угрожает каторжная тюрьма.

Суд присяжных образуется из трех членов суда, восьми присяжных заседателей и двух запасных заседателей. Уголовная камера состоит из трех судей. Присяжные заседатели выбираются на 4 года всеми жителями кантона, имеющими избирательные права.

Председатель суда наделен так называемой «дискреционной властью». Он имеет право принимать любую законную меру, которая, по его мнению, является целесообразной для отыскания истины, призывать во время судебного следствия путем приказа о явке любое лицо для дачи показаний и допустить любое новое доказательство (ст. 283).

Присяжные заседатели имеют право задавать свидетелям и подсудимому вопросы. Характерно, что по словам одного из швейцарских юристов (Оберли) присяжные «на практике, по большей части из-за робости, этим правом не пользуются».

По закону 1/X 1928 г. присяжные заседатели больше не разрешают самостоятельно вопроса о факте преступления и вине с тем, чтобы вопрос о применении закона и определении меры наказания разрешался судом, а соединяются с судом для общего рассмотрения и решения всех этих вопросов.

На приговоры суда могут приноситься кассационные жалобы, рассматриваемые кассационной камерой высшего суда.

IV. Союзный уголовный процесс

Наличие нескольких законов, регулировавших организацию процесса в союзных судебных органах, устарелость этих законов и несоответствие их новым задачам усиления уголовной репрессии в отношении так называемых политических преступлений повлекли за собой издание «Союзного закона об отправлении правосудия» от 15/VI 1934 г. «Союзный закон» представляет собой в основном уголовный процессуальный кодекс, но он включает в себя также и судоустройственные положения, необходимые ввиду отсутствия социального закона о судоустройстве в союзе.

Система союзных судебных органов складывается по новому закону из следующих частей:

1) союзный суд присяжных (ассизы), состоящий из уголовной камеры и двенадцати присяжных;

2) уголовная камера в составе трех членов, представляющих три национальных языка;

3) союзный уголовный суд в составе трех членов уголовной камеры и двух других членов союзного суда;

4) камера обвинения в составе трех членов;

5) кассационная камера в составе пяти членов (ст. I).

Союзный суд присяжных разбирает дела:

а) о государственной измене в отношении союза;

б) о восстании и насильственных действиях в отношении союзных властей;

в) о преступлениях и проступках против международного права;

г) о преступлениях, совершенных служащими союзных органов власти;

д) о политических преступлениях и проступках, явившихся причиной или следствием беспорядков, побудивших к вооруженному вмешательству союзных органов (ст. 9).

Законодатель мог, конечно, спокойно передать разрешение политических дел присяжным, так как избирательная система Швейцарии (а присяжным может быть избран каждый гражданин, пользующийся правом быть избранным в союзные представительные органы) обеспечивает «благонадежный» состав присяжных.

Уголовная камера выступает самостоятельно как орган, выполняющий различные подготовительные к суду присяжных действия, и как коронный состав суда в суде присяжных. В этом последнем случае, при положительном ответе присяжных на вопрос о совершении преступления подсудимым и об его виновности, уголовная камера разрешает вопрос о применении закона, о мере наказания, о гражданском иске, об издержках и др. дополнительные вопросы (ст. 207). Если до судебного заседания по делам, подсудным суду присяжных, подсудимый сознается в предъявленном ему обвинении, дело о нем в случае его желания может рассматривать и уголовная камера (ст. 145).

Союзному уголовному суду (без присяжных заседателей) подсудны дела:

а) о преступлениях и проступках, относящихся согласно союзному законодательству к компетенции союзных судебных органов, поскольку эти преступления и проступки не подсудны союзному суду присяжных,

б) о нарушениях финансовых и других законов союза, переданных союзным советом союзному суду;

в) о восстановлении в правах по делам, разрешенным союзными судебными органами;

г) о преступлениях, рассмотрение которых передано в установленном порядке законодательством кантонов союзным судебным органам (ст. 10).

Если принять во внимание, с одной стороны, обилие специальных союзных законов (свыше 70-ти), содержащих уголовно-правовые санкции, и политический характер многих из этих законов (закон об анархистах, закон о взрывчатых веществах и т. д.) и возможность дальнейшего издания таких законов, а с другой,—твердый перечень дел, подсудных союзному суду присяжных, то ясным становится усиление коронного суда за счет суда присяжных.

Так называемая камера обвинения, являясь камерой предания суду, осуществляет еще и другие функции. Она наблюдает за ведением предварительного следствия, дает разрешение на содержание лиц, находящихся под след-

ствием, более 14 дней; разрешает жалобы на отказ следователя в освобождении, дает разрешение на освобождение под залог или поручительство; разрешает, — в случае протеста заинтересованных лиц, — обыск бумаг; разрешает, в случае сомнения следователя, вопрос о целесообразности возбуждения предварительного следствия и т. д. Она разрешает жалобы на действия следователей и на медленность следствий. Она разрешает вопрос о подсудности в случае совершения обвиняемым преступлений, подсудных как союзному, так и кантональному суду, и другие случаи коллизий законов о подсудности и т. д.

Кассационная камера рассматривает кассационные жалобы на приговоры союзного суда присяжных и уголовной камеры, приговоры союзного уголовного суда, приговоры кантональных судов по делам союзной подсудности, постановления уголовно-правового характера административных органов и постановления о приостановлении дела кантональных судов по делам союзной подсудности. Кассационная же камера рассматривает просьбы о пересмотре дела по приговорам союзного суда присяжных и союзного уголовного суда и разрешает споры о подсудности дела между союзным судом присяжных и союзным уголовным судом (§ 12).

Союзный прокурор действует под наблюдением союзного совета. Он руководит работой судебной полиции (уголовный розыск), представляет обвинение перед союзными судами, а по финансовым делам имеет право выступать и в кантональных судах (ст. 15).

Предварительное следствие начинается по предложению союзного прокурора, обращенного к соответствующему следователю (ст. 108). Если следователь начинает предварительное следствие, он сообщает об этом обвинительной камере (ст. 109). Если он сомневается в допустимости следствия, он испрашивает решение у обвинительной камеры, которая разрешает вопрос по выслушании прокурора (ст. 110).

Обвиняемый и его защитник могут с разрешения следователя знакомиться с делом, поскольку это не мешает следствию (ст. 116). Если следователь находит, что задачи следствия выполнены, то он назначает срок для ходатайств сторон и дополнения следствия. С этого момента стороны имеют безусловное право знакомиться со всеми материалами дела. После удовлетворения требований сторон или отказа в них следователь объявляет следствие законченным, доводит об этом до сведения обвинительной камеры и направляет союзному прокурору материалы следствия со своим докладом (ст. 119).

Союзный прокурор имеет право во время следствия или после окончания отказаться от обвинения. В этом случае следователь прекращает дело, доводя об этом до сведения обвинительной камеры, союзного прокурора, обвиняемого и потерпевшего (ст. 120).

Обвиняемый может пригласить защитника в любой стадии предварительного следствия (защитниками допускаются только адвокаты, а также преподаватели права высших учебных заведений Швейцарии (ст. 35).

Обвиняемый, дело которого прекращено, имеет право требовать возмещения убытков, причиненных ему предварительным заключением, и других убытков. Ему может быть отказано в этом, если он вызвал следствие легкомысленным или порочным поведением. Заявитель и потерпевший, которые злонамеренно или по грубой неосторожности побудили начать предварительное следствие, могут быть присуждены к уплате полностью или частью суммы возмещения убытков (ст. 122).

Союзный закон сохранил принципы устности и публичности судебного следствия. Из нововведений надо отметить: возможность проверки отдельных доказательств до судебного следствия в случаях, когда это невозможно на судебном следствии (например, по болезни свидетеля) (ст. 239); возможность отдельного рассмотрения дел нескольких сообвиняемых (ст. 141); право суда разрешать подсудимому не присутствовать на судебном заседании (ст. 147); заочное рассмотрение дела, если подсудимый не может явиться в суд (ст. 148). Право суда отказаться с согласия прокурора и подсудимого от проверки доказательств в случае признания подсудимого (ст. 156), удаление подсудимого из зала заседания на время оглашения заключения экспертизы о его душевном или физическом здоровье (ст. 161) и т. д.

Допрос свидетелей и экспертов ведется председателем суда (ст. 158). Стороны могут задавать свидетелям и экспертам вопросы через председателя суда. Задавать самостоятельные вопросы они могут только с разрешения председателя. Вопросы должны содействовать «выяснению фактического положения» (ст. 159). Таким образом так называемый перекрестный допрос не допускается.

В организации союзного суда присяжных обращает на себя внимание, что присяжные заседатели могут во время совещания приглашать председателя суда для разъяснений законов. После разъяснения председатель удаляется (ст. 200). В случае обвинительного вердикта присяжных суд решает вопросы о применении закона, о мере наказания, о гражданском иске и судебных издержках.

Просьба об отмене приговора союзного суда присяжных, уголовной камеры и союзного уголовного суда (кассационная жалоба) допускается, если:

1) суд неправильно разрешил вопрос о подсудности ему дела;

2) состав суда был незакономерным;

3) во время судебного следствия были нарушены существенные правила процесса, поскольку эти нарушения были ко вреду жалобщика;

4) были нарушены права сторон (ст. 220).

Принесение кассационной жалобы по этим основаниям допускается только в том случае, если жалобщик во время судебного следствия опротестовал нарушения или заявил соответствующее ходатайство.

Только в отношении приговоров уголовной камеры допускается кассационная жалоба на основании нарушений материального права (ст. 220). Это возможно также при подаче кассационной жалобы на приговор кантонального суда по делам союзной подсудности, но только в случае нарушения союзного материального закона (ст. 269).

Подача кассационной жалобы приостанавливает исполнение приговора только в случае распоряжения кассационной камеры или ее председателя (ст. 223).

Если кассационная камера отменяет приговор по мотивам нарушения закона, то она сама выносит новый приговор. В остальных случаях дело возвращается для рассмотрения в суд, вынесший приговор (ст. 236).

Вопрос о пересмотре приговора по вновь открывшимся обстоятельствам по несовместимости приговора с каким-либо новым приговором или вследствие установления преступного влияния на суд при вынесении приговора, — разрешается кассационной камерой. После рассмотрения доказательств в присутствии сторон (в случае их желания) суд представляет сторонам срок для представления письменных объяснений. По требованию одной из сторон назначается устное разбирательство (ст.ст. 235—236). Просьбы о пересмотре дела допускаются как в пользу осужденного, так и против оправданного. Просить о пересмотре дела могут поэтому: союзный прокурор, осужденный (а после его смерти его родственники, свойственники и супруг), его законный представитель и гражданский истец — в отношении гражданского иска (ст. 231).

Союзный закон содержит также и правила о рассмотрении кантональными судами дел союзной подсудности, переданных этим судам специальными законами союза или специальными распоряжениями союзного совета. В этих случаях кантональные суды применяют союзное уголовное право, но процессуальные нормы применяются кантональные, если только союзные законы не устанавливают иного (ст. 247).

Регулируется в союзном законе также порядок рассмотрения административными и судебными органами дел о нарушениях законов, имеющих финансовый характер (закон о монополии на порох, о почте, телеграфе телефоне, о таможнях и т. п.), порядок наложения административными органами взысканий уголовного характера при нарушении других союзных законов, порядок рассмотрения просьб о восстановлении прав (если лишение последовало по приговору суда) и др.

Буржуазные комментаторы союзного процессуального закона 1934 г. любят подчеркивать его демократический характер. Не приходится прибегать к особенно глубокому анализу, чтобы за отдельными незначительными по значению «демократическими» уступками разглядеть действительную политическую целеустремленность нового закона, направленную к усилению роли союзного суда, в особенности в отношении преступлений политического характера. Несомненно, что швейцарское правительство пошло бы еще значительно дальше в этом направлении, если бы его не сдерживали демократические убеждения трудящихся масс Швейцарии, показавших при плебисците по поводу каторжного проекта закона о защите безопасности страны, что они не позволят беспрепятственно ликвидировать остатки демократических свобод в стране. Учетом этой же воли трудящихся масс объясняются демократические уступки, которые имеются в новом союзном процессуальном законе.

У.

ПО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМ ЖУРНАЛАМ

Об американских методах розыска

Несмотря на значительные дефекты в организации розыскных учреждений в Америке, в постановке этих учреждений есть некоторые элементы, заслуживающие серьезного внимания. Это относится, в первую очередь, к работе связи.

В Беркелее, в Калифорнии и других городах в широких размерах организована уголовно-техническая радиосвязь. Трансмиссия производится из главного розыскного управления передатчиком в 500 ватт. Во всех автомобилях, которыми пользуется розыскной персонал при своих деловых разъездах, имеются приемные аппараты. Двусторонняя связь установлена в 3 пунктах. Приемочные аппараты имеются в 49 экипажах, работающих в Беркелее и в 208 экипажах, работающих в прилегающих к этому городу местностях. Радиосвязь охватывает площадь радиусом в 40—50 миль. В главном управлении розыска, у дежурного сержанта, имеется карта, указывающая места стоянки снабженных аппаратами экипажей, коммутационная телефонная доска и микрофон для радиовещания. Когда сержант получает письменно или по телефону сообщение о совершившемся преступлении, он устанавливает радиосвязь с экипажем, имеющим соответствующий приемочный аппарат, а затем регулярно получает по ближайшему телефону информацию о том, что предпринимается местной агентурой. Если в нужном районе нет экипажа с приемочным аппаратом, сержант, получивший сообщение о преступлении, дает световой сигнал на пост, ближайший к месту преступления; дальнейшая связь осуществляется по телефону. В Беркелее имеется 66 полицейских уличных телефонов и 43 аппарата для подачи световых сигналов агентам розыска. Банки и крупные торговые предприятия соединяются с уголовным розыском особыми сигнальными аппаратами.

В Нью-Йорке снабжены приемниками 366 полицейских автомобилей. Трансмиссия организована здесь лишь в одну сторону — производится с 3 станций и охватывает весь город. Снабженные радиоаппаратами полицейские автомобили представляют собою легкие двухместные форды; радиооборудование их весит 10 кг. Радиосистема — коротковолновая; для розыскных учреждений установлена особая длина волны.

Автор описывает как он, желая ближе ознакомиться с работой «радиоавтомобилей», пробыл на одной из них с половины одиннадцатого вечера до часу следующего дня. В 11 ч.

24 м. вечера было получено по радио сообщение о налете на лавку, находящуюся на расстоянии около мили от места стоянки машины. В 11 ч. 26 мин. автомобиль прибыл на место преступления, где застал уже два других «радиоавтомобиля».

Еще раньше, чем в Беркелее и Нью-Йорке радиосвязь между агентами розыска была организована в Детройте, где она впервые появилась еще в 1928 г. Здесь есть 74 маленьких и 20 больших автомобилей, снабженных радиоаппаратами. На кузовах машин имеется крупная надпись: «полиция», чтобы публика могла быстро найти их и в нужный момент обратиться за помощью. Одна моторная лодка и 4 автомобиля снабжены двусторонней передачей. Организацию широкой двусторонней радиосвязи здесь считают очень желательной, но пока еще она установлена лишь в небольшом объеме; в Детройте трансмиссия производится двумя аппаратами: в западной части — аппаратом в 500 ватт, а в восточной в 400 ватт.

Автор пробыл некоторое время в моторной лодке и в автомобиле с двусторонней радиопередачей. Как сообщили ему впоследствии в полицейском управлении, передачи, сделанные с лодки и автомобиля, были вполне явственны, особенно передачи с лодки.

Для облегчения вызовов персонала управления по телефону каждому работнику управления дан свой порядковый номер. Если это лицо вызывают по телефону, и его не оказывается на месте, звонок вызывает его номер во всех коридорах здания.

Автору пришлось видеть в Эвансгоне, в 10 милях от Чикаго, работу особого «летучего» отряда, состоящего из 6 агентов уголовного розыска, работающих в 3 смены, по 2 человека в каждой. Они ездят в небольшом автомобиле, снабженном радиоприемником, по которому они получают сообщение о каком-либо происшествии, требующем расследования.

Автомобиль снабжен надписью: «летучая полиция безопасности». Кроме расследования преступлений эти же работники должны наблюдать за уличным движением, для чего они систематически объезжают свой район.

В Вашингтоне организовано для всей страны Центральное дактилоскопическое бюро. При Бюро функционируют трехмесячные курсы для повышения квалификации агентов розыска.

В Бюро имеется 5 миллионов дактилоскопических карточек; в день поступает до 300 карточек. Работники бюро производят каждый в среднем сорок дактилоскопических исследований в день. Общий штат бюро, включая подсобный персонал, из 400 человек.

Из мелких лабораторий автор более подробно останавливается на лаборатории при Чикагском университете. В ней работает 7 лаборантов — агентов уголовного розыска. Один из них изучает взрывчатые и ядовитые вещества, один занимается исследованием огнестрельного оружия и снарядов, один — экспертизой документов, двое — биологическими исследованиями и двое — психологической экспертизой. Лаборатория обслуживает 22 розыскных управления и работает также по заказам банков и торговых предприятий. При лаборатории состоят 2 внештатных специалиста, приглашаемые по мере надобности.

Герберт Даубиггин.

(Полис Джернел, 1936 г., октябрь—декабрь, т. IX, № 4).

Расследование одного бандитского налета

Утром 20 мая 1929 г. большой американский отель пересылал в Сан-Диего в автомобиле, под охраной двух лиц, сумму в 85 000 долларов. По дороге машину, на которой везли деньги, нагнал маленький автомобиль «форд», в котором сидели двое лиц в синих дорожных халатах; когда автомобили поровнялись, с «форда» был сделан по первой машине ряд выстрелов. Преследуемый автомобиль был поврежден и остановился, из «форда» выскочили с револьверами в руках оба сидевшие в нем человека и подбежали к первой машине, произошла перестрелка, пассажиры первой машины были убиты; один из бандитов схватил сумку с деньгами и бросил ее в «форд», затем преступники вскочили в свой автомобиль и удалились. Нападение было произведено с необыкновенной быстротой в дневное время, когда по этой дороге происходило оживленное движение. Пассажиры одного из случайно проезжавших автомобилей оказались свидетелями последнего момента преступления и погнались было за налетчиками, но, увидев прицелившегося в них через заднее окно «форда» бандита, приостановили преследование. Они успели, однако, заметить номер «форда» — Калифорния 5Е4132 и сообщили его ближайшему полицейскому. Номер автомобиля был сейчас же сообщен по радио всем окрестным розыскным управлениям и постам; по шоссе, по которому скрылись бандиты, была послана погоня; несколько агентов розыска были направлены на автомобилях по прилегающим дорогам. «Форд», на котором скрылись преступники, был вскоре найден; бандиты бросили его на дороге, пересели в ожидающий их там другой автомобиль и уехали дальше. Случайный свидетель этого происшествия показал следующее: он видел, как подъехал «форд», и из него вышли двое и пересели в другой автомобиль, но не обратил на это особенного внимания; удивило его только, что неизвестные сняли с себя дорожные халаты и бросили их в оставленный автомобиль. Описать внешность этих лиц допрошенный не мог, не заметил он ни номера, ни марки того автомобиля, в который бандиты пересели. Оставленный бандитами «форд» был внимательно осмотрен снаружи и внутри. Для поисков следов пальцев был снят с машины передний стеклянный щит и вынуто стекло из заднего окна. Автомобиль был, видимо, недавно перекрашен из серого в черный цвет. В кабине были обнаружены на заднем сиденье 4 синих халата и две пары дорожных очков, а в передке — старая серая кепка, мешок с несколькими порошинками красного перца и коробка от патронов для автоматического пистолета. В 50 футах от автомобиля был найден зарывшийся в дорожной пыли ключ от «форда» с номером: А—935. Из дальнейших справок в бюро регистрации машин и в органах розыска выяснилось, что данный «форд» был за 12 дней до налета украден у некоего гражданина, в городе, в 900 милях от места бандитского налета. На одной из найденных в автомобиле пар очков были заметны пальцевые отпечатки. По пулям, которыми был поврежден преследуемый автомобиль и убиты охранявшие деньги лица, было установлено, что бандиты стреляли

из пулемета Томпсона и из револьверов. Из всей картины налета было ясно, что нападение было обдумано задолго до его выполнения, что в нем участвовали по крайней мере четверо, считая шоферов двух автомобилей. Преступление по всей вероятности являлось делом хорошо организованной шайки.

На третий день после налета одна девочка, 9 лет, нашла в Сан-Диего, на земле, у дома, где она жила, автомобильный ключ, она показала его человеку, привезшему в их дом молоко. Он взял ключ у девочки и представил его в отделение полиции, где служил его брат. В отделении обратили внимание на номер ключа: А—935. Там помнили данные о налете, которые были сообщены по радио. Ключ передали в уголовный розыск. Оказалось, что это — второй ключ от брошенного бандитами «форда». Было установлено наблюдение за несколькими домами, находящимися вблизи того места, где девочкой был найден ключ. Управляющие этими зданиями были опрошены о составе их жильцов. Разносчик газет, посещавший эти дома, показал, что он слышал, как двое неизвестных упоминали в разговоре, что у «капитана Джерри» есть пулемет. Под прозвищем «капитан Джерри» полиция был известен контрабандист, живший в одном из взятых под наблюдение домов. Когда к нему явились для производства обыска, в квартире нашли его жену и некоего Мартына Кольсона, который был ранен и лежал в постели. Женщина сообщила, что Кольсон был доставлен 20 мая после обеда приятелем ее мужа — Кохраном и девицей Жанной-Ли. С Кольсона были взяты дактилоскопические отпечатки и сравнены с найденными на очках; они оказались тождественными. Продавец красок опознал в Кольсоне покупателя, который купил у него несколько дней назад черную краску, послужившую для изменения внешнего вида украденного преступника «форда». Вскоре были арестованы и другие участники этого преступления.

Настоящий случай показывает как важен тщательный осмотр места преступления и прилегающих к нему мест и какое значение имеет для розыска хорошая организация связи.

Эдуард Дикман

(Полис Джернел 1936 г. том IX, № 4).

Библиография

Документы революционного героизма

13 декабря прошлого года исполнилось три года с того дня, когда фашистские церберы гитлеровской юстиции вынуждены были вынести оправдательный приговор трем болгарским коммунистам: т. Димитрову и тт. Попову и Таневу, обвинявшимся в преднамеренном поджоге здания рейхстага «имея намерение с помощью такового возбудить восстание». (Из обвинительного акта).

«Провокационный процесс в Лейпциге — писал т. Димитров, — самый большой процесс новейшей политической истории — был задуман фашистской верхушкой, чтоб доказать всему миру, что в конце февраля 1933 г. фашистские вешатели «спасли Европу от большевизма» [1].

Геринг, Геббельс и вся шайка германских правителей разнузданно кричала о «руке Москвы», а в обвинительном акте было даже официально указано, что обвиняемые болгары «являются уполномоченными русской коммунистической партии в Москве по организации вооруженного восстания в Германии с целью советизации всей Европы».

Однако процесс-монстр, задуманный фашизмом против коммунизма, превратился в процесс над фашизмом, и «удар, предназначенный коммунизму, обрушился с сокрушительной силой по германскому фашизму» [2].

[1] Из статьи т. Димитрова в «Правде» от 4/III 1934 г. «Победа пролетарской солидарности».

[2] Там же.

И в этом, в первую очередь, огромнейшая заслуга т. Димитрова, который, находясь в каменном мешке фашистских застенков, показал героический пример борца — большевика ленинско-сталинской закалки, готового всю свою жизнь отдать за дело пролетариата, за дело коммунизма.

Вот почему вновь и вновь с неослабевающим и волнующим интересом перечитываешь изданный Партиздатом в 1936 г. Сборник т. Димитрова «Перед фашистским судом», где собраны его письма, наброски и документы периода ареста и Лейпцигского процесса.

Со страниц книги встает во всей своей обаятельности образ человека, владеющего в совершенстве марксистско-ленинской диалектикой, несокрушимого в своей уверенности в окончательной победе коммунизма, не боящегося открыто жестоко бичевать своих врагов, которые заковали его в кандалы и намерены были отрубить ему голову.

И вместе с этим суровым борцом-революционером, не сгибающимся перед самой грозной опасностью, в органическом единстве встает образ любящего мужа, сына, брата и товарища, умеющего находить такие теплые и ободряющие слова в письмах из тюремных застенков своим родным и друзьям.

Сборнику предпослано небольшое предисловие издательства, сжато, но ярко характеризующее всю громадную значимость публикуемых документов и объясняющее как т. Димитрову удалось их сохранить (стр. 5—6).

Далее помещена статья т. Димитрова: «Победа пролетарской солидарности», опубликованная в «Правде» от 4 марта 1933 г., через несколько дней после его прибытия в Москву,

содержащая основные обобщения и выводы из процесса. В этой статье Димитров разоблачает задачи, которые ставил себе германский фашизм, организуя процесс, показывает причины его полного краха и призывает все антифашистское движение к дальнейшей борьбе за освобождение вождя германских революционных рабочих Тельмана и много тысяч других узников фашизма (стр. 9—14).

В главе первой: «В тюрьме предварительного заключения» (стр. 18—73) собраны документы периодов полицейского дознания и предварительного следствия. Первый документ — письменное заявление т. Димитрова полицейским и следственным властям, датированное двадцатым мартом и сделанное по окончании полицейского дознания на двенадцатый день после ареста, произведенного 9 марта в Берлине, в ресторане «Байернгоф», наглядно показывает, что т. Димитров, будучи изолирован от внешнего мира, находясь в одиночном заключении, тотчас же понял всю сложную обстановку и разработал себе точную линию поведения, от которой, в дальнейшем, не отступал ни на шаг: политическая защита коммунизма от возводимых фашистскими клеветниками обвинений: разоблачение действительных поджигателей рейхстага и их действительных замыслов, срывание маски с германской юстиции, как послушного и подлого орудия фашистской политики, и использование суда, как трибуны для призыва масс к борьбе с национал-социализмом, к борьбе с фашизмом.

Дав в начале краткие, основные биографические сведения о себе, как об активном и руководящем деятеле болгарского коммунистического движения, указав, что политические противники угрожали ему убийством и за границей, вследствие чего т. Димитров вынужден был жить под чужим именем, что целью его пребывания в Берлине было развертывание кампании за политическую амнистию в Болгарии, подчеркнув, что он не принимал — никакого — ни прямого, ни косвенного участия в политической борьбе в Германии, что к поджогу рейхстага он не имеет абсолютно никакого отношения и что имя и фамилию «поджигателей» (Ван дер-Люббе. **А. Б.**) он увидел впервые в германских газетах, что лично никогда он его не видел и с ним не встречался, т. Димитров после этого со всей силой негодования отвергает наглое намерение фашистских властей сделать ответственным за поджог рейхстага коммунистов: «Как коммунист, как член коммунистической партии Болгарии, как член Коммунистического интернационала я принципиально против инвидидуального террора, против всяких бессмысленных поджогов такого рода потому, что эти акты несовместимы с основными коммунистическими принципами и методами массовой работы, с экономической и политической массовой борьбой и потому, что они только вредят освободительному движению пролетариата, делу коммунизма. Программы и уставы всех коммунистических партий и Коммунистического интернационала запрещают индивидуальный террор под угрозой исключения из партии каждого ее члена, который прибег бы к методам индивидуального террора» (стр. 19). И далее т. Димитров недвусмысленно намекает, что истинных виновников поджога надо искать в рядах самих фашистов. «По моему глубочайшему убеждению, поджог рейхстага может быть делом рук обезумевших людей или самых злейших врагов коммунизма, которые хотели этим актом создать благоприятную атмосферу для разгрома рабочего движения и коммунистической партии Германии (стр. 19—20).

В дальнейшем, во всех своих заявлениях как на предварительном, так и на судебном следствии, касаясь выдвинутого обвинения, т. Димитров, не страшась угроз, повторяет этот тезис, перейдя от обороны к нападению, и блестяще развертывая его в своем последнем слове.

Фашисты с самого начала ареста т. Димитрова пытались, но тщетно, сломить его физические и духовные силы; для этого в тюрьме ему был создан исключительно тяжелый, каторжный режим. Он был посажен в одиночную камеру; у него конфисковали все средства; ему запретили читать что-либо, кроме национал-социалистических газет; он был совершенно лишен свиданий; большая часть писем и посылок, адресованных на его имя, т. Димитрову не передавалась; письма же, написанные т. Димитровым, задерживались тюремной цензурой и, обычно, в большинстве не доходили до адресатов; в завершение этих бесчисленных притеснений и издевательств т. Димитров был закован в течение пяти месяцев в кандалы, которые не снимались даже ночью, во время сна.

Тов. Димитров настойчиво, не стесняясь называть вещи своими именами, протестовал против создания ему обстановки физических и моральных пыток. В одном из таких заявлений на имя судебного следователя, разоблачая его гнусную роль, т. Димитров пишет: «Я лишен права пользоваться моими деньгами. Я не имею права на посещения и должен днем и ночью находиться в кандалах. Насколько мне известно, даже обвиняемые в убийстве не находятся в таком положении. И этим я обязан вам. Да, это правильно и последовательно. Я нахожусь в руках классового врага, который также юстицию пытается использовать в качестве орудия для искоренения коммунизма, то есть фактически для уничтожения его убежденных, последовательных и непреклонных носителей» (стр. 30).

Чтобы затруднить положение т. Димитрова, германские судебные власти систематически отклоняли его заявления допустить выбранного им самим защитника из числа известных иностранных адвокатов (Дечева, Джиафери, Кампинки, Тореза и др.), на чем т. Димитров неоднократно настаивал.

Вместо этого, т. Димитрову и тт. Попову и Таневу был назначен официальный казенный защитник, адвокат Гейхерт.

Тов. Димитров в своем поведении на процессе вообще и, в частности, в отношении к адвокату полностью реализовал те ценнейшие директивы, которые в 1905 г. давал Владимир Ильич в «письме к Е. Д. Стасовой и товарищам в Московской тюрьме». Ленин учил: «Адвокатов надо брать в ежевые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничает. Заранее им объявлять: если ты, сукин сын, позволишь себе хоть самомалейшее неприличие или политический оппортунизм..., то я, подсудимый,

тебя оборву, тут же публично назову подлецом, заявлю, что отказываюсь от такой защиты и т. д. И приводить эти угрозы в исполнение»[1].

В переписке с официальным защитником Тейхартом т. Димитров подчеркивает, что он согласен на защиту только в том случае, если адвокат будет «в ежовых рукавицах», то-есть будет действовать строго на основе и в согласии с указаниями подсудимого. «Я думаю, пишет т. Димитров Тейхерту, это само собой разумеющееся дело (но чтоб предупредить какие-либо нежелательные недоразумения, я хотел бы это ясно подчеркнуть), что я могу нести ответственность только за те ваши шаги и предложения в связи с моим делом, которые вы, как мой защитник, будете проводить на основе моих точных указаний или с моего предварительного согласия и в духе моего понимания и предложений» (стр. 56).

Неоднократные указания т. Димитрова о линии защиты, о мерах, которые необходимо провести, Тейхертом явно саботировались, а 2 сентября Тейхерт прислал письмо, где он писал т. Димитрову: «Вообще я не могу разрешить вам давать мне предписания о том, как я обязан вести защиту... В нашей защите вы должны исходить из того, что речь идет не о защите коммунистической партии, а о защите вас лично».

Тов. Димитров категорически отклонил такое толкование защиты, ответив Тейхерту, что «официальный защитник не может являться начальником над подсудимым и не может в данном случае действовать по принципу «фюрера» в сегодняшней Германии. Здесь безусловно обязательно взаимное соглашение между защитником и защищаемым. В противном случае подсудимый спокойно может отказаться от блага такой защиты и предпочесть самозащиту, хотя бы и очень недостаточную» (стр. 69). И т. Димитров, как рекомендовал Ленин, привел свою угрозу в исполнение; он отказался от «услуг» Тейхерта и в дальнейшем вел свою защиту сам, без адвоката.

С первых же дней после ареста т. Димитров пытается установить связь со своими политическими друзьями — виднейшими антифашистскими деятелями, чтоб через них сообщить о своем положении, о предъявленном к нему обвинении и мобилизовать общественное мнение на борьбу с фашистской провокацией.

Из этих писем, многие из которых были т. Димитрову возвращены обратно, в сборнике напечатаны письма Анри Барбюсу (стр. 23), Марселю Кашену (стр. 25) и Ромэну Роллану (стр. 64).

Тов. Димитров на первом же допросе у следователя Фогта потребовал и через некоторое время добился разрешения послать письма матери, в Болгарию, и в дальнейшем переписка с родными была единственной связью с внешним миром, которую т. Димитров мог более или менее регулярно поддерживать и которая также служила целям косвенной информации о ходе дела и о необходимых мероприятиях.

Все эти письма проникнуты боевым настроением, твердой уверенностью в освобождении, в крахе выдвинутого обвинения, в позорном провале инициаторов провокации — фашистов.

Вместе с этим в них т. Димитров с чувством горячей благодарности и оптимистических надежд обращается к своей матери Параскеве Димитровой и сестрам, которые ободряли его своими письмами и приняли самое деятельное участие в организации массовой антифашистской кампании, сообщения о которой доходили и до т. Димитрова.

Он пишет: «Особенно порадовало меня письмо нашей любимой мамы. То, что она так храбра, мужественна и полна надежды, является для меня большим облегчением и огромным утешением. Я всегда гордился нашей матерью, ее благородным характером, стойкостью и самоотверженной любовью, и сейчас еще больше горжусь ею. Желаю ей на долгие годы отличного здоровья и жизнерадостности и веры в будущее. Я уверен, что мы еще встретимся и будем счастливы» (стр. 32—33).

Во второй главе «На суде» (стр. 77—148) собраны документы, относящиеся к важнейшему этапу процесса, — судебному следствию, которое началось 21 сентября в имперском суде в Лейпциге; здесь наброски ответов на вопросы суда, письма к председателю суда Бюнгеру; заявления о вызове свидетелей, перечень вопросов, которые должны быть поставлены тем или иным свидетелям; конспект знаменитой заключительной речи и др.

Все эти материалы служат ценнейшим дополнением к блестящим устным выступлениям т. Димитрова, поскольку суд часто в самой грубой и незаконной форме под предлогом «запрещения коммунистической пропаганды» лишал его слова и даже исключал из зала заседаний, явно преследуя цель запугать и лишить возможности разоблачить действительных поджигателей рейхстага из среды правящей фашистской клиники и покрывающих их судей, прокуроров и защитников; многие же из заявлений т. Димитрова на имя суда, вообще, не оглашались и тем самым не могли быть в свое время освещены в печати.

Ряд писем председателю суда Бюнгену ярко отражают ту упорную борьбу, которую мужественно провел т. Димитров за право использовать допущенную, хотя и в сильно урезанном виде, легальность фашистского судилища для осуществления намеченной им линии защиты.

В одном из них т. Димитров заявляет Бюнгену... «Я вынужден выступить перед имперским судом в двойной роли: во-первых, как подсудимый Димитров, во-вторых, как защитник подсудимого Димитрова... Я считаю, что перед имперским судом я должен держать себя как политический подсудимый, а не как солдат в казарме или как военнопленный в концентрационном лагере... Защищаться и активно участвовать на суде и как подсудимый и как самозащитник — мое естественное право. Ясно, что никакие исключения из заседаний суда и судебных выездных сессий не в состоянии в этом отношении меня запугать. Эти исключения как раз из самых важных заседаний и сессий являются фактически открытым грабежом моих прав защиты и только докажут всему миру, что сами мои обвинители чувствуют себя не особенно важно в этом деле. Они откроют глаза многим доверчивым и тем самым могут доставить новую пищу коммунистической пропаганде» (стр. 92—93).

Исключительный интерес представляет «Набросок ответов на предполагаемые вопросы

[1] Ленин, т. VII, стр. 60.

суда», где т. Димитров излагает свое политическое credo и свой взгляд на поджог рейхстага. «Верно, что я большевик, пролетарский революционер», пишет в «Наброске» т. Димитров. «Я должен подчеркнуть: пролетарский [1] революционер, так как ведь сейчас все происходит, навыворот, когда даже германский кронпринц прокламирует себя революционером, а попадаются даже такие сумасшедшие «революционеры», как например Ван дер-Люббе».

«Борьба за диктатуру пролетариата и за победу коммунизма бесспорно составляет содержание мой жизни. Я желал бы еще по крайней мер 20 лет прожить для коммунизма и затем спокойно умереть. Но именно поэтому я решительный противник метода индивидуального террора и путчизма».

«Я действительно являюсь восторженным приверженцем и поклонником коммунистической партии Советского союза потому, что эта партия управляет величайшей страной в мире — шестой частью земного шара — и во главе с нашим великим вождем товарищем Сталиным так героически и победоносно строит социализм. Но я никогда не был представителем коммунистической партии Советского союза в Германии, как это мне хочет навязать обвинительный акт».

«К поджогу рейхстага я не имею абсолютно никакого — ни прямого, ни косвенного отношения. Поджигателя рейхстага Ван дер-Люббе я вижу здесь, в этом зале, впервые». «Теперь я более склонен предположить, что поджог рейхстага — это антикоммунистическое деяние — возник на основе двойственного союза политической провокации и политического сумасшествия» (стр. 80—81—82).

«Набросок» этот, некоторые тезисы из которого мы выше привели, был положен в основу первой речи т. Димитрова на суде, в которой он бесстрашно перед лицом врага выступил с защитой коммунизма, заявив о своей преданности его идеям и о восхищении Советским союзом, дав незабываемый образ непримиримого борца, воспитанного героическими традициями большевизма.

Тов. Димитров не смог закончить свою речь, так как председатель лишил его слова, но и то, что т. Димитров успел изложить, произвело, даже по свидетельству буржуазных газет, огромное впечатление; т. Димитров из подсудимого превратился в грозного обвинителя; его выступлений, вопросов и реплик страшились и фашистские судьи, и опереточные «фюреры» вроде Геринга, Гебельса и др., и тайные агенты гестапо, и прочие подонки общества, выдвинутые прокуратурой в качестве «свидетелей».

Своими заявлениями т. Димитров преследует цель заставить суд заняться выяснением действительной политической линии коммунистической партии Германии в период, предшествовавший захвату власти национал-социалистами и непосредственно после него, чтобы подтвердить его утверждение и показать всему миру, что компартия Германии в это время не ставила себе задачу вооруженного восстания, а, находясь в состоянии самообороны против все возраставшего террора национал-социалистов, превратившегося, по характеристике т. Димитрова, «в истребительный поход с всемерным использованием государственной силы против коммунистической партии Германии и рабочих организаций», что она была занята политической мобилизацией масс и установлением единого фронта борьбы пролетариата против фашизма.

В этой связи т. Димитров требует вызвать в суд томящегося в тюрьме вождя коммунистической партии Германии т. Тельмана (стр. 111).

Естественно, что это ходатайство судом не было удовлетворено. Суд также отклонил ходатайство т. Димитрова о вызове членов президиума Коминтерна — тт. Куусинена, Марселя Кашена и Сен Катаяма, которые должны были опровергнуть измышления обвинительного акта, что в основе разработанных германской компартией планов вооруженного восстания лежали резолюции XII пленума Коминтерна (стр. 118).

Вообще, суд по указке режиссуры процесса всячески старался скрыть действительную политическую ситуацию в Германии, сложившуюся к концу 1932 г., при которой поджог рейхстага был выгоден национал-социалистам и ими использован, что постоянно стремился подчеркнуть т. Димитров, разоблачая маневры прокуратуры и суда и наглую ложь «свидетелей обвинения» об организации поджога коммунистами, как сигнала к восстанию. Тов. Димитров требует вызвать в суд и допросить б. райхсканцлера Шлейхера, вице канцлера Паппена, б. имперского министра Гуренберга, б. канцлера Брюнинга и ставит им вопросы, сама последовательность формулировки которых ясно показывает что т. Димитров предлагает искать подлинных поджигателей в лагере руководства самой национал-социалистической партии (стр. 113—115).

Это ходатайство судом опять-таки по вполне понятным основаниям не удовлетворяется.

Громадное значение т. Димитров придавал разоблачению связей Ван дер-Люббе в Германии вообще и особенно во время пребывания его в Геннигсдорфе, где Ван дер-Люббе накануне пожара провел ночь в полицейском почлежном доме, — важнейшее обстоятельство для выявления сообщников и инспираторов Ван дер-Люббе, которое суд всячески старался обойти, замолчать.

Тов. Димитров, помимо настойчивых устных вопросов по поводу этого факта, подал несколько письменных заявлений (стр. 97—98), где он требовал расследовать со всей тщательностью комплекс «Геннигсдорф», в чем суд, конечно, ни в какой мере заинтересован не был, так как «Геннигсдорф» являлся тем «узлом», разрубив который, распускался весь так хитро сплетенный клубок провокационного обвинения; свидетелей же обвинения, их характеристики и распределение ролей т. Димитров очень наглядно и остроумно показал в составленной им схеме, озаглавленной «Чортов круг» (стр. 125—126), где в одной цепи национал-социалистические депутаты стоят рядом с ворами, морфинистами, фальшивомонетчиками, психопатами и преступниками против нравственности.

---

[1] Разрядка здесь и в дальнейшем принадлежит т. Димитрову.

Центральное место во второй главе принадлежит «Конспекту заключительной речи на суде» (стр. 134—146).

В «Конспекте» т. Димитров логически последовательно, в сжатых, но принципиально четких и ясных положениях дал ответы на все важнейшие моменты процесса и подвел его основные политические итоги, и поскольку в устном выступлении он не смог развернуть ряд существенных тезисов, так как председатель постоянно его прерывал и, не дав закончить, лишил т. Димитрова слова, то «Конспект» является ценным дополнением к самой речи, к тем ее местам, которые т. Димитров вынужден был изложить сжато, лапидарно.

Особо это относится ко второй части речи, когда т. Димитров ведет борьбу за каждое слово, отбивая беспрерывные вмешательства председателя. Тезисы IX—XVI конспекта (стр. 142—146).

«Конспект», как и речь, нельзя передать несколькими цитатами, а тем более своими словами, не рискуя притупить его политическую заостренность и революционный пафос и снизить глубину содержания; «Конспект», как и речь, надо изучать в целом, мысль за мыслью, слово за словом.

Мы приводим лишь некоторые места, чтобы показать, какой воинствующей большевистской партийностью, бесстрашием перед лицом врага и ненавистью к фашизму насыщен этот замечательнейший документ. «Я защищаю себя как обвиняемый коммунист; я защищаю свою собственную, коммунистическую революционную честь; я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения; я защищаю смысл и содержание своей жизни» (стр. 135).

«Верно, что для меня, как коммуниста, высшим законом является программа Коммунистического интернационала и высшим судом — Контрольная комиссия коммунистического интернационала».

«Я горжусь тем, что я сын болгарского рабочего класса, так храбро борющегося против фашизма и за коммунизм» (стр. 136). «Процесс — звено в цепи мероприятий по истреблению коммунизма» (стр. 141).

«Ван дер-Люббе не был один».

«Из тайного союза между политическим «сумасшествием» и политической провокацией возник пожар рейхстага. Союзник из лагеря политического безумия сидит на скамье подсудимых. Союзники из лагеря политической провокации исчезли. И вот здесь присутствует жалкий «Фауст», хитрого «Мефистофеля» нет» (стр. 142—143).

«В XVII столетии Галилео Галилей предстал перед строгим судом инквизиции, который должен был приговорить его как еретика к смерти. С глубоким убеждением и решительностью он воскликнул:

«А все-таки она — земля — вертится». И это научное положение позднее стало достоянием всего человечества.

Мы, коммунисты, можем сегодня с не меньшей решительностью, чем старик Галилей, сказать:

«А все-таки она вертится. Колесо истории вертится вперед к советской Европе, ко всемирному союзу советских республик. И это колесо, подстегиваемое пролетариатом под руководством Коммунистического интернационала, не удастся остановить истребительными мероприятиями, ни каторжными приговорами, ни смертными казнями. Оно вертится и будет вертеться до окончательной победы коммунизма» (стр. 145—146).

«Правда» в статье «Бичующая речь» (19 декабря 1933 г. № 548) писала: «Речь т. Димитрова, несомненно, займет крупное место в истории борьбы международного пролетариата против гнусностей и преступлений господствующих классов. Это не только обвинительная речь против прославившихся на весь мир провокаторов, но и страстный призыв к борьбе. Все свои выступления на суде — реплики, заявления, на каждом шагу изобличавшие организаторов процесса, Димитров охватил в своей заключительной речи и бросил в лицо классовому врагу».

Димитров говорил, и каждое его слово падало, как бич. Шрамы, нанесенные этой речью, никогда не заживут на теле германского фашизма. Эта характеристика целиком и полностью относится и к «Конспекту».

Заканчивается вторая глава «Заметки к приговору» (стр. 147—148).

«Заметки» эти сделаны т. Димитровым во время чтения судом приговора и должны были служить канвой для заявления по поводу приговора, в котором, хотя подсудимые коммунисты и были оправданы, но, во-первых, оправданы они «за недостатком улик» и, во-вторых, в приговоре содержалось утверждение, что поджог рейхстага все-таки дело коммунистической партии.

Тов. Димитров счел необходимым раскрыть новую жульническую махинацию суда, преследовавшую определенную цель: подвести «законную» базу под террористическую расправу с коммунистами и дать повод к очередному «истребительному походу» против компартии.

«Трудная задача суда: чтоб волк был сыт и овца цела. Приговор является неудачной попыткой решения этой неразрешимой задачи»,— записывает в «Заметках» т. Димитров. «Установление и осуждение виновников и закулисных лиц «Мефистофеля» остается на долю будущей пролетарской диктатуры Германии». «Формальное признание коммунизма виновником, фактически после всех разоблачений на суде, равносильно косвенному признанию, что виновниками были национал-социалисты».

«Государственная измена». Нет.

«Народная измена, т. е. измена немецкому народу». «Фашистская диктатура — диктатура капитала Тиссена—Круппа». Эти гневные и убийственные своей классовой правдой для фашизма слова хотел бросить т. Димитров в лицо суду; но председатель, не дав т. Димитрову говорить, поспешно закрыл заседание и в полном смысле слова убежал из зала суда.

Как известно, после оглашения приговора 13 декабря 1933 г., которым т. Димитров был оправдан, его не освободили, а оставили в тюремном заключении сначала в Лейпциге, а позднее перевели в Берлин, в катакомбы тайной политической полиции, где он оставался до 27 февраля 1934 г.

Этот период отражают документы главы III Сборника: «После оправдательного приговора» (стр. 151—163).

Мы узнаем, что т. Димитров вновь был брошен в одиночную камеру и поставлен в прежние каторжные условия; болея, он был даже лишен минимальной врачебной помощи.

Новые зверские издевательства фашистов не сломили волю т. Димитрова к продолжению борьбы; он не перестает энергично протестовать против незаконного заключения.

Тов. Димитров требует освобождения и высылки из Германии, в частности, во Францию или Чехословакию, где он намерен выяснить возможность своего возвращения в Болгарию, чтобы здесь, на родине, бороться за отмену вынесенного ему смертного приговора, якобы за участие в революционном восстании 23 сентября 1933 г., против военно-фашистского режима.

Если же возвращение в Болгарию невозможно, то т. Димитров настаивает на высылке его в СССР (стр. 154, 155, 156, 157).

В продолжение почти двух месяцев т. Димитров не получает ответа на протесты и не может узнать о своей дальнейшей судьбе.

7 февраля 1934 г. т. Димитров вновь обращается с решительным заявлением на имя министра внутренних дел Фрика о «ликвидации нашего (т. е. Димитрова, Попова и Танева — А. Б.) дела путем немедленной высылки в Советский союз или в одну из соседних стран», и, в заключении, т. Димитров ставит вопрос о голодовке как о средстве воздействия на фашистское правительство. Он пишет: «Если к несчастью этого скоро не произойдет (т. е. высылки — А. Б.), мне не остается ничего другого, — и это я прямо заявляю не как угрозу, а как навязанную мне дилемму, — как обратиться к единственному средству личной защиты невинных заключенных и объявить голодовку» (стр. 160).

В ответ на выраженное т. Димитровым желание вернуться на родину, болгарское правительство не только не дало согласие, но сообщило, что т. Димитров утратил болгарское подданство. Вскоре после этого 15 февраля 1934 г. правительство СССР вынесло постановление о принятии т. Димитрова и тт. Попова и Танева в советское гражданство, что сыграло важнейшее значение в их освобождении.

27 февраля рано утром в условиях полнейшей тайны и чрезвычайной поспешности болгарские коммунисты были посажены на аэроплан и направлены в Москву, куда они прилетели в этот же день.

Глава IV и последняя Сборника—«В Москве» содержит ряд документов, характеризующих дальнейшую кипучую, боевую деятельность т. Димитрова по разоблачению поджигателей рейхстага из среды правящих кругов германского фашизма, по мобилизации масс на борьбу с фашизмом, по созданию единого международного фронта борьбы за освобождение узников фашизма и, в первую очередь, вождя германского революционного рабочего класса товарища Эрнста Тельмана.

В главе IV помещены: интервью, данное т. Димитровым представителям иностранной и советской прессы в день его прибытия в Москву, 27 февраля 1934 г. (стр. 168—171); письмо 18 марта Ромэн Роллану и Анри Барбюсу (стр. 172—173); ответы на вопросы из беседы с представителями иностранной коммунистической прессы — «Первые уроки» (стр. 174—180); отрывок из беседы с сотрудником «Юманитэ», Флоримоном Бонтом—«Пламенный привет антифашистским бойцам Франции» (стр. 183—186) и, наконец, выдержки из брошюры т. Димитрова «Спасите Эрнста Тельмана» (стр. 189—191).

Страстные призывы т. Димитрова «Надо бороться с фашизмом шаг за шагом, наносить ему удар за ударом» (стр. 147), «Спасение Тельмана — дело чести международного пролетариата, долг каждого честно мыслящего человека во всем мире» (стр. 191), которыми пронизаны его беседы и статьи по возвращении в СССР в 1934 г., с такой же исключительной силой звучат сегодня, когда в Германии и Италии прокатилась новая волна белого террора, а испанские мятежные генералы превосходят своими зверствами отцов «святейшей» инквизиции.

Сборник т. Димитрова «Перед фашистским судом» должен быть изучен каждым партийным и непартийным большевиком, а тем более он должен быть особо рекомендован как настольная книга каждому работнику советской юстиции, так как документированная в нем историческая схватка между фашизмом и коммунизмом, укрепляя нашу ненависть к гнусностям и мерзостям фашизма, показывая, как нужно с фашизмом бороться и побеждать, — в то же время помогает нам глубже и конкретнее изучить и понять механизм буржуазного «правосудия» на том этапе и в тех странах, где господствует открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала.

Нужно лишь пожелать, чтобы в следующем издании Сборника т. Димитрова был помещен его «Ответ господину Риббентропу» («Правда» от 8 января 1936 г. № 8), где мы находим классическую ленинско-сталинскую критику теории и практики «особой правовой системы» фашистской Германии, критику, являющуюся обобщением тех мыслей о гитлеровской «юстиции», которые т. Димитров развивал на процессе.

А. Бажанов.

Болшевцы [1]

Очерки по истории Болшевской трудкоммуны НКВД. Издательство «История заводов» 1936 г., стр. 550, цена 10 руб.

Книга «Болшевцы» дает в форме художественного очерка подлинную историю создания и развития лучшей трудовой коммуны НКВД, лучшей колонии, перевоспитывающей несовершеннолетних преступников.

В 1924 г. Советской стране приходилось еще залечивать тяжелые раны, нанесенные империалистической и гражданской войной и интервенцией зарубежных империалистов. Одним из самых тяжелых последствий этих войн, разрухи и голода была массовая детская беспри-

[1] Развернутая рецензия на эту же книгу печатается т. С. Я. Булатовым в IV книге «Проблемы уголовной политики».

зорность. Тысячи детей, лишившись родителей, выбитые из колеи, без крова, без куска хлеба шли по старой проторенной дорожке воровства и преступлений.

У асфальтовых котлов, у костров на улицах, в брошенных подвалах полуразрушенных домов собирались эти подростки и все глубже врастали в преступный «блатной» мир.

В 1924 г. Феликс Эдмундович Дзержинский на заседании ЦК партии предложил бросить часть сил ВЧК на борьбу с беспризорностью. Это было сделано не только потому, что аппарат ЧК, благодаря своей организованности, силе и четкости исполнения, мог быстрей и лучше провести ту работу, которую делали уже органы Наркомпроса. Борьба с детской беспризорностью и с детской преступностью, по мысли Дзержинского, входила в прямую задачу ЧК. Для того чтобы уничтожить преступность, нужно прежде всего лишить уголовные элементы возможности набирать себе смену из бесприютных ребятишек. Такая задача была поставлена перед чекистом Матвеем Погребинским, которому была поручена организация этого дела.

Погребинский прочитал книги буржуазных ученых об их системе исправления. Эта система дает общий итог, сформулированный буржуазным ученым Листом в следующем ироническом афоризме: «Каждое последующее наказание увеличивает склонность к осуждению». Погребинский побывал в детских домах для дефективных, беспризорников, и в исправтруддомах. Погребинский посмотрел, что притягивает к себе на свободе беспризорников. Он встречался у ночных костров с беспризорниками и несовершеннолетними преступниками.

Погребинский находит себе помощника, знакомого по старой работе, врача Сергея Петровича Богословского, непосредственного организатора коммуны. Вместе с ним из маленькой группы беспризорников, взятых из детского дома, и несовершеннолетних воров, отобранных из тюрем «по добровольному соглашению», Погребинский начинает создавать трудкоммуну около Болшево, почти на пустом месте, в полуразрушенной усадьбе, принадлежащей до революции Крафту. В коммуну везли без конвоя, в коммуне жили без охраны. Как удалось удержать от побегов? Как удалось из разнузданной банды разложившихся до конца подростков создать честных работников? Историю этой долгой борьбы показывает книга.

В основу организации жизни в коммуне были положены указания Дзержинского о доверии, свободной обстановке, внимании к живому человеку. С самого начала было решено отказаться от «просветительно-культурнических» иллюзий. В основу переделки бывших воров в честных людей должен быть положен труд, который, как указывал еще Маркс, является единственным средством исправления преступника. С самого начала в трудкоммуне был выдвинут принцип самодеятельности, коллективности и самодисциплины.

В противоположность той опеке, которая развивала зачастую иждивенческие настроения у беспризорников, собираемых в детских домах МОНО (а это было особенно опасно практиковать с ворами, и без того имеющими много паразитических наклонностей), было решено, чтобы все, нужное для себя, делали сами будущие коммунары. Наконец, в основу организации жизни коммуны было положено стремление переключить в полезное социальное русло даже не писанные законы профессиональной преступной этики, склонность воров к романтике, чтобы эти привычки, эту спайку переработать в новую дисциплину коллектива (см. стр. 31).

Эти простые и ясные принципы очень не просто, однако, было провести в жизнь. Это потребовало исключительной гибкости, исключительного умения сочетать твердость и терпение, это потребовало исключительно умелого не только педагогического, но и подлинно большевистского подхода.

Когда Погребинский отбирал воров, из которых должна была сложиться коммуна, он сразу же подчеркнул начало добровольности и коллективности в дисциплине коммуны. Он сразу же стремился убедить воров, что они калечат свою собственную жизнь, что они сами себя обкрадывают.

Не сразу, конечно, дошли эти слова до сознания воров. Едва ли не все, кто жил в коммуне, шли туда с первой мыслью, что вступление в коммуну — только путь к бегству, только очередной этап между воровством и новым заключением в тюрьму.

Коммуна проходила через тяжелые трудности; не раз казалось, что все дело развалится, что все безнадежно. С осторожностью приходилось втягивать подростков, презиравших труд, не знавших слова «трудиться», а заменявших его словом «ишачить», в первую работу. Первые сапоги, которые были сделаны в коммуне, весили 12 фунтов; первая табуретка 20 фунтов и обошлась эта табуретка дороже, чем большой шкаф. Но через эти трудности, один за другим — сперва, чтобы получить новые сапоги или заработать на махорку, а затем по привычке — втянулись воспитанники в труд.

Как только были преодолены первые трудности, как только было положено начало вовлечению воспитанников в производственную работу, эта работа сама начала помогать преодолевать новые трудности.

Первая весна в Болшевской трудкоммуне была критической весной. Как только потеплело и засветило солнце — бродяжий бог «Болдоха»,—воспитанников коммуны потянуло к старым бродяжьим привычкам. Опасность массовых побегов угрожала разрушить коммуну до тла. Желая предупредить эти побеги, один из воспитателей коммуны, Мелихов, явился к Погребинскому с просьбой разрешить свозить ребят на юг. Погребинский высмеял это предложение, он показал, что в тех детдомах малолетних правонарушителей, которые пробовали вывозить ребят на курорт, побеги не прекращались, потому что не умели занять ребят, давали не ту романтику, которая нужна.

Лечить от побегов, побеждать побеги Погребинский предложил по-иному. Трудкоммуне дан был первый серьезный заказ — пошивка сапогов на Красную армию. Несмотря на новые трудности, доходившие до кражи заготовок, основной коллектив коммунаров удалось увлечь этой работой.

На помощь производственной работе мобилизовали и спорт — была создана первая футбольная команда. Ее первое поражение и борьба за новые победы удержали в коммуне многих коммунаров.

И вот от непомерно дорогих и неуклюжих сапог и табуреток коммуна шагнула далеко

коммуна превратилась в «большое хозяйство». Старые принципы можно было поднять на новую высоту. Уже не о пошивке сапог для самих воспитанников, не о заработке на махорку, а о балансе и планах строительства коммуны ставился вопрос на собрании в хозяйственном отделе ОГПУ. При участии воспитанников коммуны создавались даже технические проекты.

Трудкоммуна стала приносить пользу всему государству, она оправдала себя и с экономической стороны. Это потребовало, конечно, не только громадной затраты людских сил, таланта и терпения, но и затраты больших материальных средств. Эту сторону развития коммуны рисуют данные об итогах ее десятилетней производственной работы, об итогах капиталовложений в хозяйство Болшевской трудкоммуны.

Если эти цифры известны не многим, то все знают сейчас материальный результат этой производственной работы: спортивный инвентарь, сделанный на фабриках коммуны, распространен по всему СССР, марка «ТК» известно в любом уголке Советского союза.

Коммуна прошла через борьбу с «вожачеством», старыми «паханами» преступного мира. В этой борьбе коммуна выковала актив, который смог повести за собой весь коллектив, который мог противопоставить преступной спайке волю большинства к переделке к здоровой жизни. В этой борьбе особенно развились методы сочетания индивидуального подхода с коллективностью. И Погребинский, и Богословский и активисты коммуны не жалели времени и забот, не щадили терпения, чтобы добиться перелома в человеке, чтобы сделать из него свою опору.

Когда один из активистов Накатников «свихнулся» и задумал бежать, когда он, самовольно явившись в Москву к Погребинскому, грубо заявляет ему об этом намерении, Погребинский под разными предлогами удерживает его двое суток у себя и добивается нужного перелома (см. стр. 225, 226).

Когда нужно показать коммунарам, что для них открывается подлинная, настоящая жизнь «как у всех людей», Погребинский тратит несколько дней на то, чтобы добиться согласия крестьянской семьи на выход крестьянской дочери за бывшего вора Гуляева. Это время было затрачено не даром: для бывшего беспризорника и вора получить семью — это значит получить настоящую «натуральную» жизнь, это значит в большинстве случаев закрепить свое перевоспитание окончательно. Первая свадьба в Болшевской коммуне послужила толчком для перехода к этой «натуральной» жизни многих и многих десятков.

Вот цифры, которые показывают как изменился в этом отношении состав Болшевской трудкоммуны: в 1925 г. среди членов коммуны был только один семейный — Гуляев, о котором мы говорили, в 1926 г. — 2, в 1927 г. — 10, в 1928 г.—24, в 1929 г.—64, в 1930 г.—190, в 1931 г. — 290, в 1932 г. — 440, в 1933 г. — 650, в 1934 г. — 1 034, в 1935 г. — 1 036.

Особенное значение это завязывание новой жизни (на воровском жаргоне, кстати сказать, «завязаться» значит бросить воровство, начать легальную жизнь) имело для девушек — бывших воровок и преступниц. Они позже были приняты в коммуну, и им, пожалуй, еще труднее, чем мужчинам, давался переход к новой жизни.

Опираясь на созданный в коммуне актив, опираясь на внутреннюю спайку, привычную для бывших преступников, но направляя ее в другое русло, воспитатели коммуны организуют новую коллективную дисциплину. Бывшие воры, для которых самое страшное и позорное — быть «лягавым», т. е. выдать своего, приходят к сознанию, что тот из коммунаров, кто крадет, обкрадывает и позорит всех, помогает тем кулакам из окрестной деревни, которые яростно протестовали против образования Болшевской коммуны. Эти бывшие воры сами беспощадно искореняют воровство в своей среде. Они едут в Москву, чтобы изловить в «шалмане» — воровском притоне — своего бывшего товарища, совершившего подлую кражу у приютившего его чекиста. Они ликвидируют при помощи своих недавних «врагов» — агентов уголовного розыска — «шалман», созданный бывшими «друзьями» — притонодержателями, в непосредственном соседстве с трудкоммуной, «шалман», сооздданный с целью отвоевать у коммуны ее воспитанников.

В коммуне создается свой товарищеский суд — «конфликтная комиссия». Бывшие воры, которым доверена ответственная задача судить своих же товарищей за нарушения дисциплины и законов коммуны, изменяются под влиянием общественного доверия. Воспитателям коммуны приходится даже останавливать строгость коммуны к нарушителям ее порядка (см. стр. 295).

Старой воровской идеологии, паразитизма и разложения нельзя было бы искоренить, если бы ей не было противопоставлена идеология иная, идеология более мощная. Перевоспитание было бы невозможно, если бы коммуна не развернула политическую работу. Этот путь был также полон трудностей.

Два комсомольца — Галанон и Калинин, которым доверена была эта тяжелая задача, которых коммунары подсмеиваясь называли «политиками», должны были начинать очень издалека, должны были действовать очень осторожно. С шуток и фокусов, с помощи коммунарам в отдельных случайных вопросах, подходили эти ребята к сложной задаче, стоящей перед ними. Доходило и до трагических конфликтов. Вся работа чуть не пошла на смарку, когда на ехидный вопрос, «сколько судимостей имеет право иметь комсомолец», один из комсомольцев ответил: «члены комсомола не имеют права на судимость».

Потребовалось немало усилий затем, чтобы показать бывшим преступникам, что и путь в комосомол не закрыт для них.

Лучшие активисты, проверенные на работе, вошли в комсомол, лучшие из лучших были приняты потом и в партию. Итоги 16-летней напряженной и кропотливой работы рисуют следующие цифры: в 1925 г. в Болшевской трудкоммуне было 18 членов комсомола, в 1926 г. — 21, в 1927 г. — 27, 1928 г. — 32, в 1929 г. — 48, в 1930 г. — 67, в 1931 г. — 84, в 1932 г. — 132, в 1933 г. — 117, в 1934 г. — 130, в 1935 г. — 131.

Эти цифры не могут передать всю действительную значимость политической работы, проделанной в коммуне. Вся трудкоммуна создана, только благодаря деятельности партии и комсомола. Самим фактом своего существования коммуна агитирует за отказ от воровской жизни, она показывает возможность получить «путевку в жизнь». Характерно, что даже бежавшие из коммуны, не устоявшие, не раз ста-

новились среди находящихся на свободе воров агитаторами за добровольную явку назад в коммуну, за то, чтобы добиваться приема в коммуну как высшего блага. Замечательное описание одного из таких возвратов дает книга «Болшевцы» (см. стр. 479—481).

Рост политической сознательности, смена старой идеологии паразитизма новой, трудовой, советской идеологией происходила незаметно даже у самых отсталых. Это делало возможным по-новому поставить и само втягивание в трудовой процесс. Накатников так объясняет Гуляеву (оба бывшие воры, ставшие активистами — руководителями работы) секрет втягивания новичков в труд: «Подходишь ты к новичкам только как хозяйственник и больше ничего. Вишь новость сказал ты ему: «через тебя коммуна убыток принимает», ему это и без тебя известно... ты объясни ему, что он не только станок ломает, а и жизнь свою калечит. Политический убыток ему от поломки подсчитай. Не много я ему сказал: «буржуазии помогаешь» — а гляди, как он взъерошился — говорит: «за такие слова ответить можешь»... Политики в твоей агитации нехватает» (стр. 528).

Именно эта политика в агитации помогла сделать из бывших воров воспитателей тех, кто не хочет еще бросить воровскую жизнь.

В росте коммуны в Болшеве, в развертывании других трудовых коммун по ее типу приходилось встретиться еще с одним врагом — с силой инерции, с боязнью самих коммунаров, самого актива перед этим расширением задач и работ коммуны. Особо остро стала задача борьбы с этой инерцией даже лучших активистов, когда решался вопрос о втягивании в коммуну девушек. Многие активисты, искренне заботившиеся о коммуне, резко протестовали против этого нового опыта. Один из них, Беспалов, выражая общее настроение, так кричал на собрании: «Блатные бабы любят распутную жизнь, карман любят звонкий. Воровство, пьянство, шалманный разгул — вот что ждет коммуну»...

Немало труда пришлось потратить руководителям коммуны, напоминая этим активистам их собственное прошлое, чтобы сломить эти настроения, чтобы заставить тот же вопрос поставить по-новому. Появление в коммуне девушек вызвало не один случай разложения, вызвало много новых трудностей, но эти трудности были сломлены силами самих активистов. Коллективная ответственность лучших за худших помогла преодолеть эти трудности.

Опираясь на свои принципы, Болшевская трудкоммуна смогла втянуть и перевоспитать не только тысячи несовершеннолетних преступников. В Болшеве получили путевку в новую жизнь и некоторые старые закоренелые преступники, вроде знаменитости преступного мира, приговоренного к смертной казни, «медвежатника» (т. е. взломщика касс) Мологина. Он шел в коммуну, как и большинство, также думая обмануть, а коммуна этого закоренелого человека втянула в работу, переделала. Он был, в числе 14 бывших преступников, награжден к 10-летию коммуны почетной грамотой ВЦИК СССР за громадную работу, проделанную по перевоспитанию других, таких же опасных преступников, для которых много значил на первых порах не столько его авторитет в коммуне, сколько его бывший авторитет удачливого преступного главаря.

Воспитательная работа трудкоммуны не дос стигла бы своих результатов, если бы ее ру ководители, если бы поддерживающие их ор ганизации, если бы, партия прежде всего, н мобилизовала на помощь внутренней работ трудкоммуны общую работу страны. Болше цев перевоспитали не только воспитатели активисты из их собственной среды. Болше цев перевоспитали также те связи, которы установились между ними и всей страной, т поддержка, которую видела трудкоммуна с лучших людей, включая Горького, Барбюса многих других.

Немалую роль сыграла связь с население окрестных деревень и заводами. Болшевски активисты научились вовлекать в свою работ родителей бывших правонарушителей, которы не смогли сами удержать своих детей от пре ступлений, но смогли помочь немало рабо трудкоммуны.

Сложная работа Болшевской трудкоммуны описана в книге «Болшевцы» интересно и пра диво. Это не означает, конечно, что в кни нет отдельных недостатков.

М. Горький в своем предисловии отмечае что в книге есть «недостатки», «оплошности «недоговоренности», которые должна отметит товарищеская критика. Эти недостатки незна чительны в сравнении с положительными сто ронами этой большой книги. В рецензии нель зя, конечно, отделаться таким замечанием. Не достатки должны быть указаны и тогда, когд они не меняют общей оценки книги. Недо статки должны быть отмечены особенно тща тельно, в частности, потому, что книга создана, как указывает Горький «писательской молодежью», для которой эта работа лишь один из этапов роста молодежи, которая должна научиться писать не только так же хорошо, но еще лучше.

Книга решает задачу, трудную уже с литературной стороны. Книга написана коллективом книга пытается в художественной, интересной форме дать точное описание фактов. Это делает особо трудной задачу достижения единства стиля, замысла и внешних форм строения книги. Эта трудная задача решена в основном хорошо: книга читается легко, книга увлекательна, но есть и промахи, есть и отдельные неряшливости в этой большой работе.

В ряде мест книга излишне растянута. 550 страниц — это объем, не только делающий книгу слишком дорогой для массового читателя, но и затрудняющий цельность впечатления от чтения. Если бы книгу сжать, если б материал сконцентрировать, — это пошло только на пользу книге и это могло бы быть сделано без всякого сокращения приведенных в ней фактов. В книге нередко встречаются слишком длинные, не всегда достаточно выразительные биографии, перегруженные массой ненужных деталей, подробностей и описаний прошлой воровской жизни воспитанников трудкоммуны. Иногда даже в лучших с художественной стороны описаниях, — например, в описании преступной карьеры «медвежатника» Мологина — в биографии Накатникова (стр. 32—43) проскальзывают нотки некоторого опоэтизирования «блатной романтики».

Это — недостаток не только литературной формы. Искоренение похвальбы преступным прошлым, количеством судимостей, «уркаганской» славой — одна из трудных задач воспитательной работы в трудовых коммунах.

История большевцев будет читаться многими и многими бывшими преступниками и она должна помогать воспитательной работе коммун, развивая до конца все традиции и пережитки «блатного» прошлого.

Некоторая растянутость описаний книги связана с тем, что иной раз авторы не всегда удачно стремятся дополнить показ героев книги описанием их психологических настроений, а иногда и ненужными «литературными» украшениями. Например, в одной из лучших глав книги, описывающей психологическую переделку старого взломщика Мологина, даются такие ненужные по существу, снижающие впечатление от очерка, разъяснения психологических переживаний Мологина:

«Мологин ушел с собрания, успокоенный сознанием, что сделано много и то, что сделано, не может не принести своих плодов».

Через одну страницу интересное описание «конференции родителей» большой группы правонарушителей, вновь поступивших в коммуну, резюмируется таким соображением, приписываемым организатору конференции, бывшему преступнику Кузнецову:

«Собирать чаще, держать постоянную связь с этими людьми, повысить их чувство ответственности за детей, за родных — может получиться немалый результат», — думал Кузнецов» (стр. 491).

Зачем нужно было так скучно описывать мысли человека, сделавшего такое интересное дело?

Иногда неудачное описание внутренних переживаний делает смешными и неправдоподобно восторженными и сентиментальными людьми тех твердых и мужественных воспитателей, которые создали коммуну.

Описывая встречу старейшего основного работника коммуны Богословского, разговор его с Погребинским, заявившим, что ему поручено организовать коммуну для исправления молодых воров, авторы так описывают переживания Богословского:

«Богословский слушал, задерживая дыхание. Иногда, не утерпев, он шептал:

— «Это да, вот это замахнулись».

Не говоря о странном жаргоне, которым авторы заставляют выражаться Богословского, вряд ли это описание его переживаний помогает понять действительный характер человека, вынесшего на своих плечах самый трудный период организации коммуны. Такое дело требовало прежде всего не восторженности и затаенного дыхания, а несгибаемого упорства и целеустремленности.

Чтобы покончить характеристику недостатков литературной формы, приходится отметить что иногда, правда редко, встречаются небрежности стилистические. В целом, книга написана хорошим, простым языком, без каких-либо выкрутас. Тем досаднее, что встречаются иной раз выпадающие из общего стиля книги канцелярские обороты речи, напоминающие язык трафаретных резолюций. Так, на стр. 443 новая обстановка работы в коммуне характеризуется такими словами: «воспитатели получили неограниченные возможности подхода к людям с полным учетом их индивидуальности».

Небрежность в обращении с литературной формой иногда переходит (правда, чрезвычайно редко) в неряшливое обращение с фактами. Описывая историю одного из интереснейших людей, созданных коммуной, — Фиолетова, ставшего теперь директором спортивно-лыжной фабрики, и членом партии, автор на стр. 444 объявляет, что «Фиолетов знал столярное дело, не задумываясь он сказал: — встану к верстаку на лыжной фабрике». На следующей странице (где, как на грех, соответствующие строчки приходятся прямо против только что приведенных) оказывается, что Фиолетов завоевал звание лучшего слесаря в коммуне. Еще на следующей странице можно узнать, что Фиолетов из столяров стал секретарем комсомольской ячейки.

Читатель, во-первых, вправе заинтересоваться, кем же собственно был Фиолетов — столяром или слесарем, а, во-вторых, вправе предположить, что автора, писавшего историю Фиолетова, такие «мелочи» недостаточно интересовали. В такой книге, как «Болшевцы», малейшая небрежность или вольность в обращении с какими бы то ни было фактами абсолютно недопустима. Это может подорвать доверие к правдивости книги, к тщательности изучения фактов, в ней описанных.

Есть в книге некоторые погрешности и по содержанию. Так, с тем же Фиолетовым, — не то столяром, не то слесарем, — автор потерпел крушение и на серьезном политическом вопросе о политическом воспитании.

На первое предложение вступить в комсомол Фиолетов, уже зарекомендовавший себя большой активной работой в трудкоммуне, по словам автора «самолюбиво» ответил: «не хочу. Я все вижу. У вас в ячейке нет демократизма. Комсомольцы только приказывают, они приходят на собрание с готовыми резолюциями». На эти слова секретарь комсомольской ячейки Селин (если верить автору) промолчал, а затем отправил Фиолетова делать доклад в деревне о проведении субботника по насаждению деревьев. Фиолетов выучил наизусть статью о субботнике, сделал доклад по конспекту, «не отрывая от него глаз» и спросил: «Кто хочет выступить?». Все молчали. Тогда Фиолетов вспомнил, что он говорил о субботнике вообще, а не делал никаких конкретных предложений. На него смотрели все с ожиданием, и он заявил: «Имеется такая резолюция: «Заслушав доклад о субботнике, мы постановляем посадить у школы яблони»... Считая руки, поднятые над партами, Фиолетов понял, почему Селин, вместо того, чтобы спорить с ним о демократизме в комсомольской ячейке, послал его сделать доклад» (стр. 434).

Может быть Фиолетов и понял, почему Селин не разъяснил его вопроса, но мы боимся, что большинство из читателей этого не поймут. Неужели автор думает, что фактом необходимости самому предлагать резолюцию по плохо подготовленному докладу можно ответить на вопрос о значении демократизма и дисциплины в комсомоле или в любой советской организации? Нехорошо это вышло...

Единичные ошибки и недостатки, которые встречаются в книге, никак не могут изменить заслуженной высокой оценки книги.

Книга хорошо решает поставленную перед ней трудную задачу. Рассказ о сложной работе «инженеров душ» М. С. Погребинского, С. П. Богословского и других, рассказ о трудном процессе рождения нового человека из бывшего профессионального вора убеждает своей правдивостью. Это главное. Именно поэтому эту большую книгу, несмотря на отдельные

литературные погрешности, читаешь «залпом», как увлекательный роман. Книга будит мысль, книга служит делу пролетарского гуманизма. «Эта книга» — справедливо пишет в предисловии к ней М. Горький — «показывает, как воспитанный мещанством маленький хищник собственности превращается в сознательного врага ее, готового на борьбу за освобождение всей массы трудового народа из ее цепей, готового на честную героическую работу строительства нового мира. Этого смысла книги вполне достаточно для того, чтобы признать ее ценность и дать ей широкую дорогу в массы не только наших читателей: пролетариат всех стран должен знать, как и в каких формах, какими приемами следует выявлять активный пролетарский боевой гуманизм». Именно это позволило М. Горькому дать книге «Болшевцы» самую высокую, самую почетную в нашей стране оценку — назвать ее «значительной большевистской книгой».

С. Булатов

А. Елоховский — «Производственно-товарищеские суды на железнодорожном и водном транспорте» — Советское законодательство. 1936 г. стр. 108, цена 55 коп.

Брошюра А. Елоховского представляет собой достаточно тщательно составленное краткое практическое руководство.

Дать именно практическое пособие для работников, руководящих деятельностью товарищеских судов на транспорте (железнодорожном и водном) — такова цель брошюры.

Задачи производственно-товарищеских судов, организационные принципы их построения, порядок и сроки избрания и отзыва судей, подсудность и порядок возбуждения дел в судах, применяемые производственно-товарищескими судами меры воздействия — все это явилось предметом детального обзора автора.

Одна из положительных черт брошюры — ряд собранных в ней в качестве приложения постановлений ВЦИК и СНК РСФСР и инструкций ВЦСПС и НКЮ РСФСР и УССР о производственно-товарищеских судах.

Достаточная тщательность обработки указанного материала, однако, еще не говорит о достаточной полноценности брошюры.

Прежде всего заслуживает критики ряд приводимых автором положений, касающихся компетенции производственно-товарищеских судов.

Одним из таких положений является постановление ВЦСПС и НКЮ РСФСР, изданное 27 февраля 1933 г., которым производственно-товарищеским судам разрешено «по согласованию с администрацией рассматривать и дела «о нарушениях со стороны лиц административно-технического персонала до мастера включительно», а также дела о волоките в проведении рабочих предложений» (п. 9 пост. президиума ВЦСПС и коллегии НКЮ РСФСР от 27 февраля 1933 г.).

Такое расширение компетенции производственно-товарищеских судов, поддерживаемое автором брошюры, не выдерживает никакой критики.

Совершенно естественно, что эти «лица административно-технического персонала до мастера включительно», отданные на суд производственно-товарищеского суда этого же предприятия или учреждения, не будут пользоваться никаким авторитетом в глазах рабочи Именно поэтому с нашей точки зрения эт «расширение компетенции» никак нельзя при нать правильным. Необходимо указать кром того, что от автора брошюры ускользнуло т обстоятельство, что ни ВЦСПС, ни НКЮ РСФСР не вправе «расширять рамки закона «Расширять рамки закона» могут органы, из дающие законы, и никто другой.

Вызывает недоумение далее утверждение а тора, что «каждый работник производственно товарищеского суда и, в особенности, его пред седатель обязан проявить инициативу в воз буждении дел о поступках, получивших изве стность на предприятии и в учреждении» (ст 37).

Ну, а что если такие поступки не получил известности на предприятии и в учреждени или если такие поступки стали известны толь ко работнику производственно-товарищеско суда или его председателю?

Следует ли положение автора понимать та что на такой поступок производственно-това рищеский суд не обязан реагировать?

Абсолютно неправильно утверждение автор что «умело проведенное заседание производ ственно-товарищеского суда оказывает не толь ко моральное воздействие на нарушителе трудовой дисциплины, но является причино подъема социалистического энтузиазма» (стр 46).

Автор прав, конечно, что «умело проведен ное заседание производственно-товарищеско суда оказывает моральное воздействие на на рушителей трудовой дисциплины», но он абсо лютно не прав, полагая очевидно, что произ водственный энтузиазм подогревается такими мерами, как воздействие производственно-то варищеского суда.

Такое представление об источнике и услови ях развития энтузиазма лучших людей нашего социалистического хозяйства приводит к гру бейшему извращению действительности.

Думать, что «умело проведенный производ ственно-товарищеский суд является причиной подъема социалистического энтузиазма», зна чит прямо клеветать на социалистическое со ревнование, ударничество, стахановское движе ние, возникающее, развивающееся и растущее не под влиянием суда, хотя бы и товарище ского, а под влиянием высокой политической сознательности, овладения техникой своего де ла, глубокого изучения и знания своего про изводства наиболее талантливых и передовых людей рабочего класса.

Конечно, культурно проведенный производственно-товарищеский суд не может не оказывать своего влияния на подъем производительности труда и повышение производственной культуры на отсталых участках нашей хозяйственной жизни, но это не дает никакого основания говорить о решениях производственно-товарищеских судов и самих производственно-товарищеских судах, как о причине «подъема социалистического энтузиазма».

Неудачно замечание автора о том, что на транспорте и его подсобных предприятиях — затонах, верфях, ремонтных заводах, мастерских — не переводятся несчастные случаи с рабочими (увечья, мелкие телесные повреждения, ушибы и т. д.) (стр. 86).

Такое утверждение способно породить неправильное представление о действительном состоянии у нас техники безопасности.

Несколько слов о стиле письма.

В брошюре имеются такие выражения «нежелательные недочеты» (стр. 25). Разве бывают желательные недочеты? «Возникновение дел о кражах в производственно-товарищеском суде» (вместо, очевидно, рассмотрения дел и т. д.); «Разворот новых методов» (стр. 31); «Целодневные прогулы» (стр. 32), — которые сильно портят эту брошюру, и без того нуждающуюся, как мы видели выше, в исправлениях.

З. В.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

От Всесоюзного института юридических наук

В № 26 «Советской юстиции» за 1936 г. появилась заметка П. Момота «Об одном методическом письме». Заметка П. Момота не требовала бы ответа, если бы не то обстоятельство, что методическому письму Института об опознании личности обвиняемого при расследовании преступлений предназначено служить непосредственным практическим руководством для органов расследования. Необоснованная критика письма может дезориентировать практических работников в ряде вопросов расследования. Поэтому необходимо дать оценку заметке П. Момота.

1. Разработка проекта методического письма «Опознание личности обвиняемого при расследовании преступлений» была поручена Институтом судебной политики В. И. Громову. Тов. Громов поручение выполнил, представленный им проект был в основном одобрен и подвергся тщательному редактированию, с внесением в него ряда изменений.

2. По своему содержанию письмо является ценным практическим руководством для следователей, и в заметке П. Момота нет ни одного указания на неправильность какого-либо методического положения этого письма по существу.

3. Соображения П. Момота относительно того, что в методписьме должны были быть использованы данные экспериментальной психологии по вопросам «взаимоотношений зрительнообразной и вербальной памяти» и «эффективной памяти» в направлении разработки, данной профессором Блонским, являются ненаучными, уводящими практическую следственную деятельность в область такого рода психологических изысканий, которые лишены научного марксистского обоснования.

4. Необоснованным является также указание П. Момота на неиспользование в методписьме таких «достижений» буржуазной следственной практики, как демонстрирование снимков преступников через кино и телепередача этих снимков. Применение этих методов в нашей следственной практике в тех формах, в каких она применяется в буржуазных странах было бы недопустимым. Научно же разработка этого вопроса в советской криминалистике не производилась и она не может быть дана в методическом письме. Указание методписьма на то, что опознание подозреваемого по фотографической карточке не может быть признано достаточно надежным доказательством, является правильным.

5. При разработке проекта письма В. И. Громовым была использована его старая работа на тему об опознании, опубликованная в 1914 г. Некоторые чисто технические моменты, изложенные в этой работе и являющиеся технически целесообразными, В. И. Громовым использованы при разработке проекта методписьма. Само же методписьмо разработано на основе обстоятельного изучения материалов советской следственной практики последних лет. В проекте письма В. И. Громовым был приведен ряд примеров из этой практики последних лет. Часть этих примеров была исключена при редактировании в целях сокращения объема методписьма. Пример с делом Ситова и с делом Улитина, относительно которых П. Момот утверждает, что они являются вариациями или «причесыванием на советский лад» примеров, приведенных в работе Громова в 1914 г., взяты из двух дел Московского областного суда, рассмотренных в 1934 г. Только один пример — с опознанием инсценировки — действительно заимствован Громовым из его статьи 1914 г., и ошибкой т. Громова является то, что он этого не оговорил в представленном им проекте методписьма.

Поэтому мы считаем, что критика письма, данная в заметке П. Момота, необоснована и не отвечает действительному значению и содержанию методписьма Института об опознании личности обвиняемого.

Директор Всесоюзного института юридических наук **Волков**

Зам. зав. сектора судебного права **Строгович**

По поводу одной рецензии

В № 26 журнала «Советская юстиция» за 1936 г. напечатана библиографическая заметка П. Момота под заголовком: «По поводу одного методического письма», являющаяся по содержанию рецензией на изданное Институтом уголовной политики методическое письмо об опознании личности обвиняемого.

Основным содержанием заметки П. Момота является развитие и доказывание утверждения, что методическое письмо Института уголовной политики воспроизводит статью В. И. Громова, опубликованную в 1914 г. в «Журнале министерства юстиции».

Прежде всего я должен перед П. Момотом огласить «тайну», которой он, повидимому, не

подозревал: автором-составителем методического письма являюсь я, и проект письма был мною написан по заданию Института. А потому я должен принять на себя и все упреки за дефекты, которые автор рецензии приписывает составителю методического письма.

Статья на тему об опознании, напечатанная 22 года тому назад в «Журнале министерства юстиции», которую П. Момот розыскал в архивах юридических журналов и при помощи которой разоблачает «секрет Полишинеля», также принадлежит мне. Эта статья в юридической литературе была первой работой, посвященной вопросу о методике проведения того процессуального акта, который в практике следствия принято называть актом опознания. Ни до этого, ни после этого в литературе не появлялось работ, посвященных этому вопросу, если не считать моих же статей и очерков, имеющихся в руководствах и пособиях по методике расследования.

Поскольку речь шла о технике, о методических приемах, содействующих правильному проведению опознания на следствии, вполне естественно, что приступив по заданию Института к составлению методического письма, после тщательного изучения ряда дел из следственной практики последних 2—3 лет, я использовал и свою старую работу по этому же вопросу, и в этом я не вижу ничего плохого. Этим объясняется между прочим и удивляющее П. Момота «совпадение выражений», сходство стиля методического письма и моей старой статьи. Ведь писало эти обе работы одно и то же лицо, хотя и с промежутком в 22 года.

Перехожу к возражениям по существу критических замечаний П. Момота.

Осуждая позаимствование составителем методического письма материала из моей старой статьи, П. Момот приписывает мне «махизм» воззрений по вопросу об «экономии мышления», так как я в этой своей статье в одном месте привел цитату из книги Э. Маха «Познание и заблуждение», изданной в 1909 г. по вопросу о том, что возвращение человека в обстановку, в которой он был раньше, помогает ему восстановить в своей памяти «все события того времени». Из того, что в моей работе, написанной 22 года тому назад, имеется ссылка на Маха, ссылка случайная, по частному вопросу и не связанная с существом вопроса о следственном акте опознания, никак не следует, что методическое письмо, разработанное мною в 1935/36 г. находится под влиянием Маха. В этом легко убедиться из прочтения методического письма Института уголовной политики. П. Момот, однако, утверждает обратное и рекомендует авторам методического письма ознакомиться с марксистской психологией мышлений... по книге Блонского «Память и мышление», выпущенной в 1935 году.

Никак не могу профессора Блонского признать «авторитетом». Авторитетный для П. Момота профессор Блонский является представителем «псевдо-научных» теорий и «в послевоенные годы стоял в стороне от социалистического строительства», «был вождем педологов и в течение ряда лет уродовал советскую школу» (см. «Известия» ЦИК от 23 сентября 1936 г. № 222). То, что в 1914 г. я по частному вопросу сослался на Маха, вовсе не следуя махической методологии и гносеологии, — это одно, а то, что П. Момот в 1936 г. пропагандирует Блонского, как достойного представителя марксистской психологии — это другое, и гораздо худшее.

Еще хуже обстоит дело П. Момота, когда он начинает критиковать самое методическое письмо Института уголовной политики.

Указания П. Момота на дефекты методического письма могут вызвать только улыбку у читателей-следователей. Утверждения П. Момота, основанные на догадках, будто в методическом письме приведены примеры из дореволюционной следственной практики и только «причесаны под советский лад» — это игра фантазии П. Момота. В методическом письме положения методики акта опознания иллюстрированы всего на всего тремя примерами. Из них случай, описанный на стр. 7—8, взят из дела Московского областного суда — № 76, в 1934 г. — о трех грабежах, совершенных группой бандитов. Совпадение фамилии грабителя Ситова с такой же фамилией по другому делу, изложенному мной в статье, напечатанной в 1914 г., объясняется только тем, что я в своих работах имею обыкновение менять действительные фамилии участвующих в делах лиц. Настоящая фамилия обвиняемого по делу, приведенному в методическом письме была Решетников, а я ее изменил на «Ситов» (решето — сито). Вот и все. Второй пример опознания обвиняемого — по «огню папиросы» — взят также из дела Московского областного суда — № 54, 1934 г. — по обвинению Улитина по ч. 2 ст. 165 УК. (Кроме того у меня были даны еще пять примеров из следственной практики последних лет тоже из дел Московского областного суда (дела: № 480, 1933 год, №№ 59, 75, 83 и 833, 1934 г.), которые при окончательном редактировании методического письма были вычеркнуты одним из редакторов в целях сокращения брошюры).

И только один пример (стр. 24—25) опознания в «условиях воспроизведения (инсценировки) обстановки преступления» и притом «лицом, обладавшим исключительной памятью», взят из дела Краснова, описанного в моей статье 1914 г. Этот случай настолько интересен и поучителен, что я считал необходимым использовать его, тем более, что из нескольких сот дел, изученных мной в последние годы, я не мог вспомнить и найти ни одного случая опознания, на котором можно было бы хорошо иллюстрировать методические положения, изложенные мной в главе 7 письма. Этот случай, как образцовый пример, я всегда приводил и в своих лекциях, когда приходилось вести занятия на курсах по методике и технике расследования.

Другое замечание П. Момота, относящееся к вопросу об опознании по фотокарточкам я считаю совершенно абсурдным. Методическое письмо — не монография, и, давая в нем методические указания нашим следователям, совершенно было бы неуместным говорить о достижениях фотографии за границей, о том, что там получило применение фотографирование на киноэкране и т. д.

Вот и все, что смог привести П. Момот в своей рецензии. Но самое характерное и знаменательное — это то, что автор рецензии ни слова не сказал по существу содержания методического письма и не попытался опровергнуть ни одного из методических указаний, изложенных мной на 32 страницах этого письма. А ведь значение письма заключается

именно в том, что оно содержит практические методические указания для следователей, как они должны в своей практической работе производить опознание заподозренных лиц, чтобы избежать ошибок. Ни одной неправильности в этом отношении П. Момот в методическом письме не смог найти. Чего же стоит тогда его рецензия, чем же оправдывается его резко отрицательная оценка этого практического методического пособия и что другое может П. Момот предложить взамен нашим следователям?

И, наконец, надо принять во внимание следующее. Проект письма был разработан по поручению Института мной. Но мой проект тщательно редактировался авторитетными научными сотрудниками Института — процессуалистами-криминалистами; в него вносились дополнения, изменения и исправления. В своем окончательном виде письмо является результатом большой работы с использованием богатейшего материала нашей следственной практики (этот материал не исчерпывается помещенными в письме примерами), и легковесная, написанная с расчетом на сенсацию заметка П. Момота не сможет эту работу обесценить.

В. Громов

Забытые работники

На страницах «Социалистической законности» много пишут о прокурорах, судьях, следователях, защитниках, секретарях. Но не было случая, чтобы вспомнили о курьере народного суда. Его просто не замечают. А между тем этот маленький работник выполняет большую ответственную работу. Этот работник, в большинстве случаев женщина, именуясь «курьером», по существу исполняет обязанности курьера, разносящего весь день пакеты, уборщицы и ночного сторожа. Занята она круглые сутки. Она не имеет выходных дней, не имеет спецовки. Заработная плата ее составляет по всем трем обязанностям 66 руб. а ведь от этого работника зависит правильная работа суда. Своевременная разноска пакетов не дает перебоев в работе суда. Судья спокойно спит по ночам, зная, что дела охраняются ночью надежной сторожихой. Сотрудники суда работают в чистой обстановке. Но эта чистота часто стоит уборщице ревматизма, ибо ей приходится мыть большие помещения холодной водой, не имея надлежащего приспособления для нагревания воды.

И вся эта работа проходит незамеченной, не премируют их. С завистью смотрят они на однородные должности в других учреждениях, где курьеры дают подчас худшее качество работы, но труд их лучше оценивается и лучше оплачивается.

Розанова

По следам писем

Несмотря на неоднократные указания Прокуратуры Союза о необходимости расследование по каждому делу проводить быстро и тщательно, на местах это положение отдельными прокурорами и следователями все еще не усвоено.

Так 22 июля 1936 г. следователем Отрадненского района было направлено отношение прокурору Советского района Азово-Черноморского края с просьбой допросить срочно свидетельницу. Вместо выполнения этого требования, прокурор Советского р-на Елизаров поручает своей жене, которая работает у него в качестве секретаря районной прокуратуры, возвратить отдельное требование обратно следователю Отрадненского района без исполнения, с частной запиской: «Если вам так нужно скоро, приезжайте сами и допрашивайте».

Или другой факт. Народный следователь Отрадненского района Азово-Черноморского края 22 июля 1936 г. возбудил уголовное дело против гр. Губанова по ст. 158 УК за злостное уклонение от уплаты алиментов на воспитание двух детей. По этому делу требовалось выполнение отдельных следственных действий в Советском районе Азово-Черноморского края, как-то: допросить в качестве свидетеля гр-ку Губанову, приобщить справку о рождении и состоянии здоровья детей, а также приобщить копию решения суда Советского района.

Народный следователь Отрадненского района 22 июля 1936 г. послал отдельное требование прокурору Советского района Елизарову, но последний этого требования не выполнил.

15 августа 1936 г. народный следователь Отрадненского района послал прокурору Советского района первое напоминание и затем послал об этом сообщение прокурору Азово-Черноморского края, в котором указал, что следствие по делу Губанова задержалось больше месяца и закончить его не может в силу созданной волокиты со стороны прокурора Советского района.

31 августа 1936 г. жена прокурора Советского района — она же секретарь районной прокуратуры — Елизарова, разозлившись на следователя за то, что он жалуется на ее мужа, пишет от себя частную записку этому следователю, называя его самыми оскорбительными словами.

Естественно, возник вопрос, кто же является прокурором Советского района Азово-Черноморского края, Елизаров или его неуравновешенная супруга?

Вышеприведенные факты, изложенные в присланной в редакцию статье, полностью подтвердились, и по распоряжению прокурора Союза секретарь районного прокурора Елизарова с работы снята, а районному прокурору сделано предупреждение.

Официальный отдел

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 80/2106

ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

О порядке взыскания штрафов, наложенных органами государственной санитарной инспекции

Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР п о с т а н о в л я ю т:

Штрафы, наложенные органами Государственной санитарной инспекции согласно положению об этой инспекции, в случае неуплаты в установленный срок, взыскиваются:

а) с учреждений, предприятий и организаций путем списания соответствующих сумм с их текущих или расчетных счетов в кредитных учреждениях по предложениям органов Государственной санитарной инспекции, наложивших штраф;

б) с работников учреждений, предприятий и организаций путем обращения взыскания на заработную плату этих работников по предложениям органов Государственной санитарной инспекции, наложивших штраф, с применением при этом правил ст. 22 «Положения о взыскании налоговых и неналоговых платежей» (СЗ Союза ССР 1932 г. № 69 ст. 410);

в) с прочих граждан, в случае необходимости применить меры принудительного взыскания — органами Рабоче-крестьянской милиции по предложениям органов Государственной санитарной инспекции, наложивших штраф.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР **М. Калинин.**
Председатель Совета народных комиссаров Союза ССР **В. Молотов.**
Секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР [illegible]

8 декабря 1936 г.

г. Москва, Кремль.

ИНСТРУКЦИЯ

о разграничении работы отделов общего надзора, следственного и уголовно-судебного Прокуратуры Союза ССР, прокуратур союзных и автономных республик и прокуратур краев и областей

В связи с реорганизацией структуры органов прокуратуры устанавливается следующее разграничение работы вновь организованных отделов общего надзора, следственного и уголовно-судебного:

1. Основной задачей отделов общего надзора является своевременное опротестование противоречащих закону ведомственных постановлений инструкций, циркуляров и распоряжений, а равно постановлений местных органов власти (краевых исполкомов, областных исполкомов, районных исполкомов, городских советов, и сельских советов).

2. Для выполнения этой задачи отделы общего надзора организуют и осуществляют систематическое наблюдение за законностью:

Отдел общего надзора Прокуратуры СССР — в отношении постановлений, инструкций, циркуляров и распоряжений общесоюзных и союзно-республиканских наркоматов, приравненных к ним центральных учреждений Союза ССР, а также подведомственных им главков и союзных объединений.

Отделы общего надзора республиканских прокуратур — в отношении постановлений, инструкций, циркуляров и распоряжений ведомств союзных и автономных республик и отделы общего надзора краевых (областных) прокуратур — в отношении постановлений и распоряжений местных органов власти.

Соответственно те же отделы осуществляют надзор за законностью действий должностных лиц всех государственных и общественных учреждений и организаций.

3. Отделы общего надзора органов прокуратуры должны добиться такого положения, чтобы ни одно незаконно изданное ведомственное постановление или постановление местных органов власти не оставалось неопротестованным прокуратурой.

4. Отделы общего надзора в порядке осуществления своих функций рассматривают и непосредственно разрешают жалобы, заявления и сообщения учреждений, организаций и отдельных граждан, если эти функции не отнесены к компетенции специализированных отделов прокуратуры (спецотдел, ИТУ, водно-транспортная прокуратура и военная).

Рассмотрев поступившие материалы и дополнив их при необходимости путем проверки через подлежащие органы, отделы общего надзора немедленно принимают меры к быстрейшему восстановлению нарушенной законности и предупреждению в дальнейшем аналогичных нарушений.

5. В тех случаях, когда в процессе проверки материалов о незаконных действиях должностных лиц отделы общего надзора выявят конкретные данные о преступлениях должностных лиц, они передают эти материалы в следственные отделы для расследования, причем отделы общего надзора Прокуратуры Союза и прокуратур союзных республик (с областным и краевым делением) все материалы о преступлениях должностных лиц на местах, как правило, направляют для расследования прокурорам соответствующих краев и областей.

6. Кроме указанного в предыдущих §§, отделы общего надзора принимают к своему рассмотрению материалы и жалобы на нарушения гражданами советских законов, влекущие за собой по закону административные или дисциплинарные взыскания.

7. Отделы общего надзора составляют периодические сообщения в печать о наиболее

важных случаях нарушений революционной законности.

8. Следственные отделы прокуратуры: а) осуществляют наблюдение за качеством и сроками расследования преступлений и за законностью действий следственных органов; б) разрабатывают и, после утверждения в установленном порядке, проводят в жизнь меры к улучшению следственной работы (методика и техника расследования); в) рассматривают поступающие материалы (заявления, жалобы, газетные заметки, и т. п.), содержащие в себе прямые указания на преступления тех или иных должностных и частных лиц, давая этим материалам законное движение, с возбуждением в подлежащих случаях против виновных лиц уголовного преследования (за исключением работников органов прокуратуры, жалобы и сообщения о которых относятся к компетенции Отдела кадров).

9. Уголовно-судебные отделы прокуратуры осуществляют надзор за законностью и правильностью рассмотрения уголовных дел в судебных органах и за обращением к исполнению судебных приговоров, в соответствии с чем рассматривают поступающие в прокуратуру материалы (заявления, жалобы, газетные заметки и т. п.) о нарушениях судами и отдельными судебно-прокурорскими работниками законного порядка рассмотрения и разрешения уголовно-судебных дел, о незаконности и неправильности вынесенных судебных приговоров, о незаконном обращении приговоров к исполнению и т. п.

Уголовно-судебные отделы принимают участие в судебных заседаниях (как в судах первой инстанции, так и при кассационном рассмотрении дел), приносят протесты на неправильные приговора судебных установлений, обобщают практику по судебной работе, подготовляют для прокурора Союза, прокуроров республик, краев и областей (соответственно) проекты указаний местным органам прокуратуры по вопросам судебной практики.

Примечание: Наблюдение за законностью содержания под стражей и пресечение всякого рода нарушений порядка содержания под стражей относится к компетенции отделов ИТУ, кроме КПЗ при милиции и внутренних тюрем УГБ, управление которыми регулируется в особом порядке.

10. В соответствии с указанным в предыдущих §§ настоящей инструкции разграничением функций отделов, отдел жалоб и центральная регистратура органов прокуратуры направляют:

а) В отдел общего надзора все ведомственные постановления, распоряжения, циркуляры и инструкции, а также все материалы (заявления, сообщения, жалобы, газетные заметки и т. п.) о незаконности ведомственных постановлений, инструкций, циркуляров и распоряжений, а равно постановлений местных органов власти и действий должностных лиц, а также материалы об административных нарушениях или дисциплинарных проступках граждан.

б) В следственные отделы материалы (заявления, сообщения, жалобы, газетные заметки и т. п.) о незаконных действиях следственных органов, о неправильности или неполноте расследования дел по вопросам о повышении качества следствия и т. п., а также материалы о незаконных действиях должностных и частных лиц, содержащих в себе прямые указания на совершение этими лицами преступлений;

в) В уголовно-судебные отделы все материалы (заявления, сообщения, жалобы, газетные заметки и т. п.) по вопросам рассмотрения и разрешения уголовных дел в судебных органах и по вопросам обращения к исполнению судебных приговоров.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

17 ноября 1936 г.

№ 75/1.

НА СТРАЖЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ

Бековский районный исполком (Саратовский край) неоднократно предъявлял к районному прокурору т. Зернакову незаконные требования о возбуждении уголовного преследования против ряда лиц, так:

1) происшедший в с. Нарышкине пожар районный исполком квалифицировал как вылазку классового врага против активиста-ударника Зорькова, предложив прокуратуре немедленно заключить виновных под стражу и организовать показательный процесс. Тов. Зернаков, однако, это незаконное требование отклонил и произведенным расследованием установил, что Зорьков — б. псаломщик, активистом или ударником не был, и что поджог совершен самим Зорьковым с целью получения страховки;

2) в машину, в которой проезжал председатель районного исполкома Евтушенко, был брошен камень 9-летним мальчиком. Евтушенко расценил это как терракт и требовал от прокурора немедленной организации над мальчиком показательного судебного процесса. И это незаконное требование т. Зернаковым выполнено не было.

Неисполнение этих и ряда других незаконных требований районного руководства последним было расценено как противодействие районному руководству, в связи с чем в течение 9 месяцев Зернаков дважды был исключен из партии. В партийном порядке дело это дошло до Бюро КПК при ЦК ВКП(б), решение которого опубликовано в газете «Правда» от 13 декабря 1936 г.

Отмечая особую стойкость, последовательность и энергию т. Зернакова и правильное понимание им своих прокурорских обязанностей в борьбе за социалистическую законность, премирую его двухмесячным окладом и выражаю т. Зернакову от имени Прокуратуры Союза ССР благодарность.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

15 декабря 1936 г.

№ 777.

О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Сообщается к Вашему сведению о переименовании, согласно разъяснению СНК СССР от 30 декабря 1936 г. № 804 Научно-исследовательского института уголовной политики во «Всесоюзный институт юридических наук».

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

3 января 1937 г.

№ 3/1.

Сводка
важнейших постановлений правительства Союза ССР

за ноябрь месяц 1936 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. Об организации Главного управления гидрометеорологической службы Союза ССР при Совете народных комиссаров Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 14/XI 1936 г. (СЗ 1936 г. № 59, ст. 449).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

2. О передаче меховой промышленности из ведения Народного комиссариата внешней торговли в ведение Народного комиссариата легкой промышленности Союза ССР — пост. СНК СССР от 28/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 57, ст. 443).

3. О перечне продукции тяжелой и лесной промышленности, освобожденной от клеймения производственной маркой — пост. СТО от 3/XI 1936 г. (СЗ 1936 г. № 57, ст. 445).

2. Земля и сельское хозяйство

4. О порядке оплаты колхозами при отрезке земель от совхозов, орсов и подсобных хозяйств стоимости произведенных ими работ, а также стоимости плодовых насаждений и мелиоративных сооружений — пост. СНК СССР от 31/XI 1936 г. (СЗ 1936 г. № 57, ст. 442).

5. Об утверждении Ветеринарного устава Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 58, ст. 446-а).

6. Ветеринарный устав Союза ССР — утв. пост. ЦИК и СНК СССР от 27/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 58, ст. 446-б).

3. Транспорт

7. Об установлении норм естественной убыли веса грузов при перевозке их по железным дорогам — пост. СТО от 22/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 56, ст. 441).

III. ФИНАНСЫ

8. Об отмене некоторых льгот по налогу с оборота к налогу с нетоварных операций — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IX 1936 г. (СЗ 1936 г. № 56, ст. 437).

9. О фонде начальника строительной и монтажной конторы и строительства, ведущегося хозяйственным способом — пост. СНК СССР от 26/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 56, ст. 438).

10. О ставках налога с оборота на некоторые товары — пост. СНК Союза ССР от 17/IX 1936 г. (СЗ 1936 г. № 57, ст. 444).

11. О порядке выдачи пособий многодетным матерям — пост. ЦИК и СНК СССР от 14/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 59, ст. 448).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

12. Об отмене постановления СНК Союза ССР от 31 декабря 1934 г. «О патентах на розничную торговлю мукой и зерном» — пост. СНК СССР от 27/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 56, ст. 439).

13. О порядке выплаты премий-надбавок за перевыполнение плана сдачи хлопка-сырца урожая 1936 г. — пост. СНК СССР от 4/XI 1936 г. (СЗ 1936 г. № 58, ст. 447).

V. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

14. О структуре Прокуратуры Союза ССР — пост. СНК СССР от 5/XI 1936 г. (СЗ 1936 г. № 59, ст. 450).

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ
Редакционная коллегия: Г. И. Волков (зам. отв. редактора), Г. И. Едвабный, Г. М. Сегал, М. С. Строгович

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР Технический редактор Н. Журавлев
Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 6/I 1937 г. Сдано в производство 9/I 1937 г.
Подписано к печати 9 II 1937 г. 7,5 п. л.; 19,73 авт. листа. В одном бум листе 23 000 печ. знаков
Формат бум. 72×110/16 С—04 п.; № 89
Уполном. Главлита Б—5014 Заказ № 56. Тираж 18 500 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, М. Дмитровка, 18.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

2

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НКЮ СССР
★ 1937 ★

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)

Центральный Комитет ВКП (большевиков) с глубоким прискорбием извещает партию, рабочий класс и всех трудящихся Союза ССР и трудящихся всего мира, что 18 февраля в 5 часов 30 минут вечера в Москве скоропостижно скончался крупнейший деятель нашей партии, пламенный бесстрашный большевик-ленинец, выдающийся руководитель хозяйственного строительства нашей страны — член Политбюро ЦК ВКП(б), Народный Комиссар Тяжелой Промышленности СССР товарищ ГРИГОРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Смерть товарища ОРДЖОНИКИДЗЕ, дорогого для всей партии, рабочего класса СССР, трудящихся всего мира, безупречно чистого и стойкого партийца, большевика, отдавшего свою славную, героическую жизнь делу рабочего класса, делу коммунизма, является тягчайшей потерей для всей партии и Советского Союза.

Образ товарища ОРДЖОНИКИДЗЕ, его беззаветная борьба за пролетарскую революцию, за строительство социализма в нашей стране вдохновит всех трудящихся, всех партийцев, всех работников хозяйственного фронта на дальнейшую борьбу за победу социализма, за новые завоевания советской промышленности, за новый подъем всего нашего социалистического народного хозяйства.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

Памяти товарища Орджоникидзе

Наша партия понесла тяжелую потерю: 18 февраля от паралича сердца скоропостижно скончался товарищ Григорий Константинович **ОРДЖОНИКИДЗЕ.**

Смерть вырвала из наших рядов выдающегося руководителя, неутомимого борца за дело партии, боевого руководителя и организатора блестящих побед социалистической индустрии, нашего близкого и любимого товарища и друга.

Всю свою светлую жизнь товарищ Орджоникидзе без остатка отдал делу рабочего класса, делу освобождения человечества, делу коммунизма. Еще в юные годы товарищ Орджоникидзе встал под великое знамя Ленина и с тех пор до конца своей жизни честно и преданно нес это знамя в руках, борясь на самых передовых позициях.

Его жизнь была неразрывно связана с революционной борьбой рабочих и крестьян против царского самодержавия и буржуазно-помещичьего гнета, с борьбой за победу Великой пролетарской революции в СССР, с организацией разгрома белогвардейских армий и иностранных интервентов, с победоносным строительством социализма. И всюду, где протекала его кипучая революционная деятельность, она приносила с собой победу за победой.

Товарищ Орджоникидзе представлял образец большевика, не знавшего страха и препятствий в достижении великих целей, поставленных партией. Пламенная энергия, настойчивость и прямота, таланты выдающегося организатора и руководителя масс сочетались в нем с изумительными качествами той сердечности и товарищеской простоты в отношениях к людям, которые так хорошо известны всем, лично знавшим товарища Серго, и которыми отличается настоящий большевик-ленинец.

Последние семь лет товарищ Орджоникидзе стоял во главе тяжелой промышленности СССР. С его именем связаны величайшие победы социалистической экономики. С его помощью партия разрешила труднейшую задачу построения в нашей стране могучей передовой тяжелой индустрии, перевооружившей сельское хозяйство, транспорт и оборону. Во главе многомиллионной армии работников тяжелой индустрии товарищ Орджоникидзе брал приступом одну за другой труднейшие крепости на фронте борьбы за построение и овладение новой техникой. Он любовно выращивал кадры талантливых деятелей тяжелой индустрии, до конца преданных делу социализма, сплоченных вокруг большевистской партии.

И вот теперь тебя, дорогой товарищ Серго, нет с нами. Тяжесть этой утраты неизгладима. Ее с болью будут переживать все трудящиеся нашей страны. Мы потеряли тебя в момент, когда наша страна достигла торжества социализма. В этих победах, завоеванных нами путем великой борьбы, большая доля твоих трудов, твоей энергии, твоей безграничной преданности коммунизму.

Прощай дорогой друг и товарищ Серго!

И. СТАЛИН
В. МОЛОТОВ
Л. КАГАНОВИЧ
К. ВОРОШИЛОВ
П. ПУЗАРЬ
А. МИКОЯН
С. КОСИОР
Г. ПЕТРОВСКИЙ
Р. ЭЙХЕ
Я. РУДЗУТАК
М. КАЛИНИН
А. ЖДАНОВ
П. ПОСТЫШЕВ
А. АНДРЕЕВ
Н. ЕЖОВ
И. АКУЛОВ
В. МЕЖЛАУК
Н. АНТИПОВ
М. ШКИРЯТОВ
Я. ЯКОВЛЕВ

Работники Верховного суда и Прокуратуры СССР направили в Центральный комитет ВКП(б) вождю народов товарищу Сталину И. В. следующее обращение:

Работники Прокуратуры Союза ССР и Верховного суда СССР вместе с партией, рабочим классом и всеми трудящимися глубоко скорбят о тяжелой утрате, постигшей партию, страну и трудящихся всего мира.

Скончался крупнейший деятель нашей партии, пламенный борец за дело коммунизма, непреклонный большевик, один из талантливейших учеников и ближайших соратников тт. Ленина и Сталина.

С именем товарища Орджоникидзе связаны наши героические победы в гражданской войне. С его именем теснейшим образом связана последовательная и непримиримая борьба за единство нашей великой партии — партии Ленина—Сталина.

Он был организатором гигантских побед социалистической тяжелой промышленности, этой могучей основы социализма, мощи и процветания нашей социалистической родины.

Светлый образ товарища Орджоникидзе навсегда останется в сердцах миллионов трудящихся как образец большевика, до конца отдавшего всю свою жизнь за дело пролетарской революции, за дело коммунизма.

Мы заверяем Центральный комитет нашей партии и вождя народов Советского союза товарища Сталина, что мы удесятерим наши усилия для выполнения задач, поставленных перед нами партией и правительством.

Последовательно и непреклонно, как учил нас товарищ Орджоникидзе, мы будем и впредь разить врага. Мы будем и впредь следовать примеру товарища Орджоникидзе в сталинской заботе о нашем, советском человеке.

У гроба дорогого и незабвенного Серго мы даем клятву не выпускать из своих рук великого знамени социализма, отсекая мечом пролетарской диктатуры тянувшиеся к нему грязные и кровавые руки фашизма и его подлых троцкистских наемников.

В нашей повседневной работе и борьбе за торжество коммунизма нас будет вдохновлять светлая память о товарище Орджоникидзе примером его безграничной преданности партии Ленина—Сталина.

А. ВЫШИНСКИЙ

Памяти товарища Серго Орджоникидзе

Смерть Серго Орджоникидзе явилась огромной потерей для нашей партии, всей нашей страны, для дела освобождения трудящихся и угнетенных всего мира.

Смерть Серго Орджоникидзе явилась тяжелым ударом для дела социалистического строительства в СССР, для дела дальнейшего укрепления и развития нашей социалистической промышленности, под непосредственным и талантливым руководством товарища Серго достигшей высокого уровня своего развития и, в буквальном смысле этого слова, блестящего расцвета. Об этом говорит вся история рождения и роста нашей социалистической промышленности, догнавшей и перегнавшей в целом ряде своих отраслей самые передовые в экономическом и техническом отношении капиталистические страны. Всем этим, несомненно, мы обязаны в огромнейшей степени организаторскому таланту, кипучей энергии, железной настойчивости, преданности делу социализма и умению Григория Константиновича Орджоникидзе быстро и последовательно претворять в жизнь директивы и постановления нашей партии и правительства.

Никто так не умел подметить и открыть новые источники творческой энергии масс, как это умел делать товарищ Орджоникидзе. Он один из первых подхватил инициативу Алексея Стаханова, один из первых помог развернуть стахановское движение, явившееся новой страницей в истории социалистического строительства, ставшее замечательной формой творчества и энтузиазма миллионных масс трудящегося народа нашей страны. Он один из первых понял громадное общественное значение движения среди жен инженеров и техников тяжелой промышленности и сделал все, что, кажется, было необходимым для того, чтобы это движение развернуть вширь и вглубь, использовав в интересах дела социализма колоссальные резервы энтузиазма и творчества тысяч и десятков тысяч жен инженерно-технических работников.

Сила организаторского таланта товарища Серго заключалась раньше всего в этой органической его связи с народными массами, в умении всегда и во всем чувствовать пульс подлинной народной жизни, находить в себе силы своевременно и немедленно отвечать на требования этой жизни, давать простор новым победам нового социалистического творчества в их радостном росте и развитии.

Эта организаторская сила товарища Серго воспитана была в нем нашей партией, одним из крупнейших строителей которой был товарищ Серго, ближайший ученик Ленина и Сталина, преданнейший борец за дело коммунизма, пламенный строитель нового социалистического общества.

С именем товарища Серго Орджоникидзе связаны самые ранние и самые блестящие страницы истории нашей партии. Его роль в деле укрепления большевистской партии огромна. С партией большевиков товарищ Серго был связан неразрывными узами почти тридцатипятилетней борьбы. 17 лет товарищ Серго вступил в РСДРП, как большевик, и с тех пор ни на один день не прекращал своей борьбы в рядах большевиков против царского самодержавия, против помещичьего и капиталистического строя. С его именем связаны прекрасные страницы истории большевистской партии в Закавказье — Грузии и Азербайджане. Уже в 1907 г. товарищ Серго вместе со Сталиным, Шаумяном, Джапаридзе и Спандаряном руководят в качестве членов Бакинского комитета бакинской большевистской организацией.

Бакинский период в жизни и деятельности товарища Серго — это один из блестящих периодов его революционной борьбы. После ряда лет подполья, чередовавшегося с тюрьмой и ссылкой, товарищ Серго принимает активное участие в революционной борьбе персидского народа (1909 г.) и в 1910 г. вновь возвращается в Баку, чтобы через некоторое время отправиться к Ленину в Париж учиться в созданной Ильичом партийной школе. Отсюда, прервав учение, он, по указанию В. И. Ленина, вновь отправляется в Россию, чтобы заняться подготовкой к созыву общероссийской партийной конференции, которая и состоялась в 1912 г. в Праге, где товарищ Серго участвовал в качестве делегата от тбилисской (тогда тифлисской) большевистской организации.

Роль товарища Орджоникидзе в истории нашей партии действительно огромна. Стоит только вспомнить, что именно он, вместе с Лениным и Сталиным явился организатором знаменитой Пражской конференции, послужившей основой воссоздания большевистской партии.

«Когда время пришло, чтобы большевистская партия окончательно оформилась и окончательно освободилась от меньшевистских попутчиков, товарищ Орджоникидзе становится одним из основных организаторов знаменитой Пражской конференции, с честью выполнившим эту задачу. Он гордился и имел на это полное право, что вся его замечательная работа по строительству партии проходила под непосредственным руководством Ленина и Сталина».

В этих словах, произнесенных товарищем Молотовым в своей речи на траурном митинге, посвященном памяти товарища Орджоникидзе, содержится достойная оценка великих заслуг товарища Серго перед нашей партией, рабочим классом и трудящимися массами всего мира.

Но с еще большим блеском развернулся талант товарища Орджоникидзе как строителя и руководителя пролетарской борьбы, после Октябрьской революции и, особенно, в годы гражданской войны. Совершенно правильно сказал товарищ К. Е. Ворошилов, что «годы борьбы и строительства Рабоче-крестьянской красной армии неразрывно связаны с именем Серго Орджоникидзе».

«Он был, — сказал Климентий Ефремович,— одним из талантливейших военных организаторов, который своей стойкостью и выдержкой, геройством и мужеством, беззаветной преданностью делу революции на фронте гражданской войны, заражал верой в силу революции и вдохновлял командиров и бойцов на борьбу и победы».

С именем товарища Серго Орджоникидзе связаны исключительные по своему историческому значению, по своему историческому блеску страницы героических боев с врагами пролетарской революции.

В 1917 г. он, во главе красногвардейских пролетарских бойцов, дерется против Краснова и Керенского.

В начале 1918 г. он бьет немецких интервентов и украинских контрреволюционных националистов.

Летом 1918 г. он организует борьбу против муссаватистов, дашнаков, грузинских меньшевиков, продавшихся иностранным интервентам.

С именем Серго связана слава XI Красной армии.

Летом 1919 г. Серго, тогда уже на Западном фронте, вместе со Сталиным организует XVI армию и дает жестокие уроки белополякам

В качестве члена Революционного военного совета XIV армии товарищ Серго громит под Орлом белогвардейскую контрреволюцию, освобождает Донбасс и изгоняет белых с территории левобережной Украины.

В 1920 г. он вновь на Северном Кавказе. И в феврале 1921 г. после победоносной борьбы с закавказской контрреволюцией освобождает из муссаватистского плена Баку... А дальше идут годы его неустанной борьбы и работы как председателя ЦКК—РКИ, председателя Высшего совета народного хозяйства СССР, как наркома тяжелой социалистической промышленности.

Товарищ Серго весь и целиком отдается делу партии Ленина—Сталина. Он в труде и борьбе не знает ни усталости, ни умеренности. Всегда глубоко искренний, он волновал и заражал этой искренностью и подлинным партийным энтузиазмом всех тех, кто с ним соприкасался. Ему исключительно близки и дороги были интересы нашей партии, дела социалистического строительства, поэтому он был так страшен и беспощаден к врагам. В гневе и ненависти к врагам революции и партии товарищ Серго также не знал ни усталости, ни умеренности.

На XIV партийном съезде он гневно, беспощадно, сокрушительно обрушивается на изменников и предателей социализма Зиновьева и Каменева. Он громит Пятакова и всю троцкистскую предательскую банду, как изменников и вредителей, как бы предвидя тот позорный и подлый конец, какой спустя почти десять лет после этого ожидал троцкистско-фашистского наймита Пятакова и его сподручных.

Когда пробовала поднять голову правая оппозиция, возглавлявшаяся Бухариным, Томским и Рыковым, смыкаясь с троцкистами и договариваясь об объединении всех контрреволюционных сил для борьбы против ЦК и против товарища Сталина, вновь прозвучал гневный голос товарища Серго против этих отщепенцев.

На XVI партийном съезде товарищ Серго говорил о борьбе этих негодяев против Сталина, как о борьбе против генеральной линии ленинского ЦК нашей партии. Устами товарища Серго говорила вся партия, вся наша страна, когда Серго произносил следующие слова: «Партия пошла за своим ЦК. Партия в лице товарища Сталина видит стойкого защитника генеральной линии партии и лучшего ученика Владимира Ильича, и поэтому наша партия и рабочий класс вполне правильно отождествляют товарища Сталина с генеральной линией нашей партии, ведущей СССР от победы к победе».

Верный соратник Ленина и Сталина, верный и ближайший друг нашего великого вождя и учителя товарища Сталина, бесконечно близкий и дорогой нам Серго Орджоникидзе, в этих словах он показал всю свою природу подлинного большевика, последовательного и непреклонного борца за ленинизм. Вот почему Серго Орджоникидзе так глубоко и так трагически переживал особенно в последние годы предательство и измену в наших рядах, так глубоко переживал подлые преступления наших врагов, тайно замышлявших и частично осуществивших свои злодейские преступления. Товарища Орджоникидзе глубоко и мучительно волновала измена Пятакова. Товарищ Серго тяжко переживал это беспримерное в истории нашей партии вероломство человека, которому оказано было так много доверия и который сумел так цинично и нагло это доверие нарушить. .

Смерть товарища Серго несомненно была ускорена подлыми преступлениями Пятакова, Ратайчака и им подобных, немало сделавших усилий для того, чтобы подорвать здоровье товарища Серго и ускорить роковую развязку.

«Кронштадтцы», как назвал в свое время благородный рыцарь пролетарской революции Феликс Дзержинский троцкистов, во главе с Троцким, Пятаковым и Каменевым, 11 лет назад доканали товарища Дзержинского. Теперь они доканали дорогого Серго, смерть которого до глубины души потрясла всю нашу страну, миллионы рабочих, крестьян и интеллигенции.

В 1926 г. товарищ Дзержинский бросил по адресу Пятакова свои гневные слова: «Вы являетесь самым крупным дезорганизатором промышленности». Увы, самые худшие предположения ныне сбылись и обнажились в тысячах фактов злодейств и чудовищных преступлений, запятнавших имя Пятакова. В ряду этих злодейств одно из самых подлых и гнусных — это нанесенный пятаковской бандой удар великому и благородному сердцу товарища Серго, которое теперь навсегда остановилось.

На траурном митинге 21 февраля товарищ Молотов сказал: «Враги нашего народа и всех трудящихся, троцкистские выродки фашизма и иные подлые двурушники, изменническая работа которых на службе обреченной на скорую гибель буржуазии вызывала такие острые и всем нам понятные переживания товарища Орджоникидзе, несут ответ за то, что во многом ускорили смерть нашего Серго. Товарищ Орджоникидзе не ожидал, что Пятаковы, которым были предоставлены такие возможности, могут пасть так низко, скатиться в такую грязную, темную яму контрреволюции. Мы знаем, как на это ответить....

Сам Серго всей своей героическою жизнью, без остатка отданной борьбе с врагами трудящихся, борьбе за победу коммунизма, сделал для этого столь много, как лишь немногие.

Образ Серго Орджоникидзе будет всегда стоять перед нами, как светлый пример жиз-

ни славного большевистского борца за дело коммунизма. Память о нем не только нам, но и грядущим поколениям, будет служить призывом к беззаветной борьбе за полное освобождение и счастье всей великой семьи народов, за полное торжество коммунизма».

Светлый образ Серго Орджоникидзе будет всегда служить нам примером преданности, героизма и величия борца за коммунизм, за дело Ленина—Сталина, воспитавших такого замечательного человека, такого верного сына нашей партии и трудового народа...

Г. М. ЛЕПЛЕВСКИЙ

Невозвратимая утрата[1]

Товарищи! Вчера, в 5 час. 30 мин. вечера, угасло пламенное сердце великого Григория Константиновича Орджоникидзе. Не стало всем нам близкого, бесконечно дорогого и горячо любимого товарища Серго Орджоникидзе.

Хочется сегодня, в этот день, когда нашу страну, нашу партию, народы нашего великого Союза постигло такое огромное, такое неизъяснимо глубокое горе, развернуть на несколько минут страницы этой поразительно яркой, этой сверкающей красотой и удивительным благородством жизни замечательного борца.

Серго Орджоникидзе представлял собой чистейший образец ленинца-сталинца, большевика. Возьмите эту удивительную жизнь.

Родился он в бедной семье, в семье труженика. Прошел огромный путь страданий и терзаний от произвола царских властей. Закованный в кандалы, он сидит годами в крепости, он идет из одной ссылки в другую, он живет в далекой Якутии. Но всюду, всегда и везде это — кристально-честный, чистый, скромный и яркий большевик.

Задолго до 1917 г. он в Париже, на чужбине, встречается и становится плечом к плечу к Владимиру Ильичу Ленину. Он становится, по воспоминаниям Н. К. Крупской, близким человеком в этой железной когорте большевиков.

На Пражской конференции в те годы, когда изменник, ренегат, фашистский наймит и шпион Троцкий сколачивал августовский блок против большевистской партии, товарищ Серго — один из семи избранных в Центральный комитет большевистской партии.

Его революционная большевистская борьба не прерывается ни во время ссылки, ни в период подавления — временного подавления пролетарского революционного движения царским правительством.

1917 год. Февральский переворот. Товарищ Серго спешит из Якутии в центр, в сердце революции — в Ленинград, тогдашний Петроград; он спешит туда, где, по выражению Владимира Ильича, глубже всего залегают корни пролетарской диктатуры. И там, в Ленинграде, он развивает огромную деятельность большевика и партийного руководителя.

Как мужественный и стойкий большевик, он не теряется и в июльские дни, когда наша партия была загнана в подполье, когда палачи — Керенский, Милюков, Родзянко и К° старались получить в свои руки Владимира Ильича Ленина, чтобы обезглавить революцию, чтобы, прикрывшись судебной комедией, срезать с могучих плеч российского пролетариата эту гениальную голову. Товарищ Серго Орджоникидзе вместе с товарищем Сталиным против выдачи Ленина Керенскому и палачам, посланным буржуазией.

Товарищ Серго Орджоникидзе проделывает громадный путь своего собственного роста вместе с гигантским ростом рабочего класса нашей страны.

Фронты, гражданская война, разруха. Серго Орджоникидзе там, куда посылает его партия, рабочий класс. Руководя то одной армией, то другой, он венчает победами нашу страну, нашу пролетарскую революцию. Товарищ Серго всюду по предложениям Ленина и Сталина, где только нужен энтузиазм, где нужна воля к победе, где нужен блестящий организаторский талант, на всех фронтах борьбы за установление советской власти, за разгром интервентов, за хлеб, за свободу, за мир, везде и всюду — товарищ Серго Орджоникидзе.

И не случайно, но совершенно закономерно, именно на X съезде партии, тогда, когда троцкисты, рабочая оппозиция, шляпниковцы, и всевозможные ренегаты типа Рязанова обрушиваются на нашу партию, именно тогда, когда Владимир Ильич бросает свои знаменитые слова: «партию лихорадит, надо понизить ее температуру», надо создать железное единство, надо воспитать дисциплину в нашей партии, положить конец шатаниям внутри нашей партии, именно тогда Серго Орджоникидзе избирается в ЦК нашей партии.

1926 год. XIV съезд партии. Новая оппозиция, старые изменники и ренегаты, оставившие пролетариат в октябрьские дни, выдавшие план восстания врагу,—Зиновьев и Каменев во главе этой оппозиции. Один из пламенных борцов с этой оппозицией—товарищ Орджоникидзе. И не случайно партия в это время выдвигает его на пост председателя Центральной контрольной комиссии. Под его руководством она проделала громадную работу по очищению своих рядов для сохранения железного монолитного единства партии, столь нужного нашей и мировой коммунистической революции.

В 1926 г. я впервые увидел этого замечательного человека в домашних условиях. Передо мной был столь знакомый нам всем и всеми любимый товарищ Серго Орджоникидзе, его поразительные глаза, постоянно смеющиеся, умные, пытливые, прекрасные глаза кристально честного большевика, чистейшим образцом которого он остался до конца своих дней, до последнего вздоха. В полутемной комнате в

[1] Речь на траурном митинге работников Прокуратуры и Верховного суда Союза ССР 19 февраля 1937 года, посвященном памяти Г. К. Орджоникидзе.

Кремле, еще на своей старой квартире, он вел со мной длительную беседу. До чего он был полон внимания к новому для него человеку. Никто, как он, не воспринял так глубоко, не впитал так полно того, что составляет самое ценное в нашей жизни, в нашей стране, того, что составляет основу революции — учение Ленина—Сталина. Передо мной был удивительно живой, удивительно ласковый, удивительно внимательный человек, и вместе с тем передо мной был железный большевик.

Мы все сколько раз видели и поражались, восхищались, были полны любви к этому человеку, когда он брал слово на заседании Совета народных комиссаров или СТО. Воцарялось поразительное молчание и тишина, и каждое слово этого страстного борца за коммунизм живо воспринималось всеми слушателями. Он умел с непоколебимой страстностью нападать на своего противника, если он с ним расходился в мнении по тому или иному вопросу. Но кончился спор, и перед вами был все тот же ласковый, все тот же внимательный, все тот же товарищ Серго. Но он решительно поворачивался и навсегда отходил от того, в котором почувствовал, что тот хотя бы на миг изменил делу большевизма, делу революции; в этих случаях он мог отнестись к такому человеку только, как к самому лютому врагу, потому что товарищ Серго был твердый, это был железный большевик.

Я помню в 1933 г. мне было поручено подготовить вопрос о ценах на с.-х. машины. Был поздний час летней ночи. Товарищ Серго Орджоникидзе в своем кабинете слушает внимательнейшим образом детали этого сложного вопроса, а в приемной еще много ответственных работников. В 2 часа ночи я покинул кабинет, а он оставался работать. Частенько Серго Орджоникидзе продолжал работу до самого утра.

Мне довелось через месяц видеть этого же человека отдыхающим среди советских граждан, среди тружеников—рабочих и служащих. Это был скромный большевик, поразительно скромный и чистый человек. Серго Орджоникидзе знал, что он — ответственный руководитель, он знал, что именно ему партией и правительством было поручено ведущее звено в хозяйстве нашей страны — социалистическая индустрия, то звено, которое составляет основу всей хозяйственной жизни нашей страны, та индустрия, которая превратила нашу страну из отсталой в передовую, та индустрия, которая перевела наше сельское хозяйство на рельсы социалистического земледелия. Это важнейшее, ведущее звено во всей цепи нашего народного хозяйства было вручено товарищу Серго Орджоникидзе, и он прекрасно справился с этим делом.

Возьмите самое недавнее время, когда праздновалось его 50-летие. Посмотрите, какой заботливой лаской, какой любовью ответил наш народ этому достойнейшему своему руководителю. И хозяйственник, и академик, и пролетарий, и колхозник — все пожимали руку товарищу Серго, все горячо, пламенно приветствовали его.

Возьмите стахановское движение. Он учит стахановцев и учится у них. Он—один из возглавляющих стахановское движение. Только-только нащупывалось движение жен инженеров и техников — командиров промышленности, Серго становится во главе этого движения. Многие из вас побывали на этом совещании и видели, какими неразрывными нитями и узами этот человек был связан с широчайшими массами народа, как каждый в нем чувствовал и своего человека и своего достойнейшего руководителя.

Партию, страну и народы нашего великого Советского союза постигла огромная печаль, невозвратимая утрата. Не стало товарища Серго Орджоникидзе. Но весь он — живой, умный, внимательный, ласковый, один из достойнейших руководителей нашей страны — перед нами. Весь его жизненный путь — путь страстного борца за дело коммунизма — перед нами. Он с нами. Он служит наилучшим образцом для всех работников нашей страны. Его имя, так же бессмертно, как бессмертны дела ленинско-сталинской эпохи.

Нет с нами больше горячо любимого Серго Орджоникидзе. Но ближе, плечом к плечу, станем друг к другу. Теснее, ближе станем к партии, всем сердцем и душою к Центральному комитету и к вождю нашей партии, к нашему вождю и учителю — товарищу Сталину.

ИТОГИ ПРОЦЕССА

Закончился процесс антисоветского троцкистского центра. Приговор вынесен. Приговор справедливый. Тринадцать изменников уничтожены. Исключительное великодушие и величайшая гуманность советского суда сохранили жизнь четырем предателям, осужденным к длительным срокам заключения в тюрьму.

Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР — это приговор всего советского народа, приговор трудящихся всего мира, всех честных и передовых людей всех стран.

Исключительное значение этого приговора, как и всего судебного процесса, заключается раньше всего в том, что оказались разоблаченными до конца заклятые и подлейшие враги всего передового, всего прогрессивного, всего лучшего, что существует в человеческом мире. Проклятые агенты фашизма — поджигателя войны, истребителя и насильника, разбойника и палача всего честного и подлинно человеческого, враг народа Л. Троцкий и его подлая сарня — Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Муралов, Лившиц и другие, разделившие с ними их презренную судьбу, на процессе антисоветского троцкистского центра оказались разоблаченными до последней своей черты, — разоблаченными именно как враги передового человечества, как враги мира и демократии, как враги советского строя, олицетворяющего самые высокие принципы, — строя, создавшего подлинную демократию и защищающего ее как величайшее достижение пролетарской революции и пролетарской диктатуры. Враг народа Л. Троцкий и его подлая сарня, осужденная Верховным судом Союза ССР, это враги всех народов, томящихся под игом фашистских угнетателей. Вот почему во всем мире, во всех уголках земного шара, где борется свободная человеческая мысль, горит или даже теплится огонь человеческой культуры и цивилизации, где светит свет подлинного прогресса, где идет борьба за мир и демократию, — приговор Верховного суда был встречен с величайшим удовлетворением и величайшим одобрением.

Весь мир трудящихся и угнетенных, все лучшие, передовые представители человечества облегченно вздохнули, выслушав этот приговор, устранивший с нашего пути одну из беснейших шаек фашистских бандитов, пытавшихся взорвать Советское государство и остановить победный ход нашего социалистического строительства. Они облегченно вздохнули потому, что в лице осужденных они справедливо видели агентуру темных, враждебных интересам человечества, мира и демократии, сил. Не только пролетарии и крестьянская беднота, не только коммунисты, но и люди далекие от коммунистических взглядов — простые люди, все те, кто сохранил в себе честность и чистоту мысли, с одной стороны, и ясное, трезвое понимание действительности — с другой, облегченно вздохнули, выслушав судебный приговор, раздавивший эту фашистскую гадину.

Только слепые или окончательно потерянные в моральном отношении люди могут не видеть, что сейчас во всем мире стоят друг против друга две непримиримые, смертельно враждебные одна другой силы: сила коммунизма и сила фашизма. Только слепые и окончательно погибшие люди не видят, что во всем мире идет борьба не на жизнь, а на смерть между двумя системами общественных и политических отношений, между двумя системами принципов и идей, между стремлением к миру и счастью миллионных масс, с одной стороны, и стремлением к войне и порабощению народов — с другой. Наоборот, все передовые и честные люди, независимо от их социальных и политических взглядов, должны видеть и видят теперь, что готовившийся фашистами и продолжающий ими готовиться удар против Советского союза есть удар против дела мира, дела культуры всего человечества. Советский союз, как каменный утес, стоит среди бушующих вокруг него волн беснующегося фашистского моря, принимая на свою грудь первые и самые жестокие удары враждебных ему сил. Об эту скалу разбиваются и разлетаются вдребезги эти удары, — так всегда было, так будет и впредь. Советский союз — оплот и твердыня борьбы за мир, борьбы против братоубийственной войны, против потоков крови, слез и безграничного горя, ожидающих миллионы рабочих и крестьян, обреченных быть первыми жертвами темных фашистских сил в случае удачи их замыслов.

Троцкистская организация во главе со своим антисоветским троцкистским центром — это передовой отряд фашизма, это его «пятая колонна», растленная и продававшаяся врагу, предавшая интересы трудящихся, интересы социализма, свою родину.

Вот почему так неудержим гнев нашего народа против троцкистских бандитов, против фашистских разведчиков. Вот почему так негодующи несущиеся со всех сторон мира крики презрения и проклятия по адресу изменников. Вот почему так живы и горячи бесконечные приветствия тружеников всех стран и всех народов по адресу советского правительства и нашей партии, по адресу его великого вождя товарища Сталина, своим мудрым и гениальным руководством обеспечивших неприступность советских твердынь, неприкосновенность советского строя, беспощадность и решительность удара против врагов социализма, трудящихся и всего передового человечества.

Процесс антисоветского троцкистского центра подвел последний итог преступной деятельности троцкистских заговорщиков, сделавших борьбу против советской власти и коммунизма своей профессией и осуществляющих эту борьбу в течение целых десятилетий. Этот процесс показал неизбежность того конца, к которому должны были притти троцкисты и их вожаки — враги народа Л. Троцкий, Ю. Пятаков, Серебряков, Радек и другие. Политический путь Л. Троцкого и троцкистов завершился черной изменой. Превратившись в одно из отделений Гестапо, став на службу фашистских разведок, троцкистское подполье перешло на путь террора, вредительства, диверсий и шпионажа, этих обычных и излюбленных средств врагов Советского государства, не смеющих действовать открыто, вынужденных действовать исподтишка, бить в спину

пользуясь самыми вероломными и подлыми средствами борьбы.

Путь троцкистов, путь троцкизма завершен. Превращение троцкистских групп в группы диверсантов и убийц, действующих по указаниям иностранных разведок и генеральных штабов агрессоров, является лишь завершением деятельности борьбы Троцкого против рабочего класса и нашей партии, борьбы против Ленина и ленинизма. Превращение троцкистских групп в группы убийц, диверсантов, вредителей и шпионов обусловлено всей предшествующей историей троцкизма, всей историей, всем процессом его развития, как течения, враждебного интересам рабочего класса и делу социализма.

В своей обвинительной речи на процессе антисоветского троцкистского центра т. Вышинский говорил:

«Случайно ли, что троцкисты в конце концов превратились в гнездо и рассадник перерожденчества и термидорианства, как об этом в свое время говорил товарищ Сталин? Случайно ли, что Троцкий, очутившись после революции в рядах нашей партии, опять сорвался, скатился на контрреволюционные позиции, оказался выброшенным за пределы нашего государства, за пределы Советского союза? Случайно ли троцкизм превратился в штурмовой отряд капиталистической реставрации?

Не случайно, потому что к этому шло дело с самого зарождения троцкизма. Не случайно, потому что и до Октябрьской революции Троцкий и его друзья боролись против Ленина и ленинской партии так, как теперь борются против Сталина и партии Ленина—Сталина.

Предсказания товарища Сталина полностью сбылись. Троцкизм действительно превратился в центральный сборный пункт всех враждебных социализму сил, в отряд простых бандитов, шпионов и убийц, которые целиком предоставили себя в распоряжение иностранных разведок, окончательно и бесповоротно превратились в лакеев капитализма, в реставраторов капитализма в нашей стране».

Троцкисты пришли к этому своему позорному концу потому, что они десятки лет шли по этому пути, славословя капитализм, не веря в творческие силы рабочего класса, в победу социализма, в победу пролетарской революции. Именно этим объясняется и их презренная программа капиталистической реставрации, их подлая изменническая программа предательства СССР — социалистического государства рабочих и крестьян, подлинного отечества трудящихся всего мира.

Никогда не веря в социализм, хотя постоянно и прикрываясь именем социализма, Иудушка-Троцкий поочередно служил экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству, социал-демократизму и национал-шовинизму, борясь против Ленина и партии большевиков в прошлом, как теперь служит империализму фашизму, борясь против Сталина, коммунистической партии и СССР.

На заре русского рабочего движения в своей подлой клеветнической и предательской книжонке «Наши политические задачи», вышедшей в свет 32 года назад, Троцкий нагло издевался над ленинизмом, над пролетарской диктатурой, над пролетарской революцией, над партией большевиков, над основными организационными и программными принципами большевистской партии, созданной и выпестованной Лениным. Этот мастер фашистских заплечных дел уже тогда доходил до беспримерной клеветы и цинизма в своих гнусных обвинениях против В. И. Ленина. Иудушка-Троцкий, продавшийся фашистам, уже тогда всячески помогал врагам рабочего класса и врагам пролетарской революции в их борьбе против авангарда пролетариата, учившего рабочих и крестьян тому как надо организовываться для борьбы с капитализмом, как нужно эту борьбу вести, как нужно бороться и побеждать. Этот негодяй, враг советского народа и всех трудящихся мира Л. Троцкий уже тогда пытался изобразить собою подлинного выразителя «революционных традиций партии», как спустя 23 года он осмелился цинично заявить на заседании президиума ИККИ о себе как о хранителе революционных традиций партии.

Этот негодяй 10, 20 и 30 лет назад, как всю свою жизнь неустанно боролся, как борется сейчас, против дела социализма, перебегая из одного лагеря врагов рабочего класса в другой, пока, наконец, после окончательной победы в СССР социализма он не нашел свое настоящее место — в гитлеровской передней, превратившись окончательно и бесповоротно в последнего лакея фашизма, в откровенного палача дела рабочего класса.

В 1931 г. товарищ Сталин дал исчерпывающую характеристику троцкизма, хотя в 1931 г. нам еще не были известны все те подлые преступления, какие уже тогда не только замышлял, но и начал проводить в жизнь против дела социализма и СССР враг народа Л. Троцкий. В письме в журнал «Пролетарская революция» товарищ Сталин писал:

«На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР.

Кто дал контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевизма и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с Советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения Советской власти, о вероятности возврата к капитализму.

Кто дал контрреволюционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против Советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 года. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов.

Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу. Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР.

Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии» (И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 475—476).

Товарищ Сталин заклеймил троцкизм как передовой отряд контрреволюционной буржуазии, получившей именно из рук троцкистов духовное, тактическое и организационное оружие для своей борьбы с большевизмом, со строительством социализма.

Величайшее значение процесса антисоветского троцкистского центра заключается в том, что он окончательно вскрыл подлости троцкистского подполья и показал весь длительный процесс превращения троцкистской фракции в передовой фашистский отряд — отряд изменников, шпионов, убийц, вредителей и диверсантов.

Величайшее значение этого процесса заключается в том, что он с исчерпывающей полнотой показал и те программные установки — установки на возврат к капитализму в СССР, какие тщательно и упорно скрывали «деятели» троцкистско-зиновьевского объединенного центра — Зиновьев, Каменев, Тер-Ваганян, Смирнов и другие, пытавшиеся уверить нас, что у них не было никакой программы и что ими в их преступной борьбе против Советского государства руководила лишь голая жажда власти. И хотя уже в том процессе Рейнгольд, Дрейцер, отчасти тот же Каменев и некоторые другие обвиняемые говорили о своей программе реставрации капитализма, но только процесс антисоветского троцкистского центра вскрыл эту программу во всей полноте, показав, до каких чудовищных пределов докатились изменники, вступив в союз с врагами советской земли, торгуя и распродавая советскую территорию, предавая интересы социализма и интересы трудящихся.

Заслуга этого процесса заключается еще и в том, что он рассеял ложное представление о таких господах, как Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и другие, как о старых большевиках, как о «большевиках-ленинцах», какими они себя любили именовать, пытаясь прикрыть свою истинную сущность великим именем Ленина.

Судебный процесс показал, что главари этого центра, не говоря уже о Троцком, фигура которого слишком хорошо и давно известна трудящимся как предателя и изменника делу социализма, — ни Пятаков, ни Радек, ни Серебряков, ни Сокольников, эти основные руководители антисоветского троцкистского центра в СССР, никогда в действительности не были большевиками, что еще задолго до Октябрьской революции, еще при Ленине они из года в год вели борьбу против Ленина и ленинизма, против ВКП(б) и пролетарской диктатуры, против пролетарской революции и социалистического строительства. Судебный процесс показал это со всей исчерпывающей отчетливостью, и ни один из них, даже такой самовлюбленный актер и фразер, как Радек, не осмелился выступить с опровержением брошенного им в лицо обвинения в многолетней борьбе против ленинизма и в изменах, уходящих своими корнями в дооктябрьское время.

Как это было с точностью установлено на суде, Пятаков начал свою борьбу против Ленина еще в 1915 г. и упорно ее вел на протяжении всех последующих лет, вплоть до своего ареста, периодами маскируя эту борьбу, двурушнически и лицемерно заявляя иногда о своем отказе от борьбы, но продолжая все же эту борьбу вести, и чем дальше, тем все более подло и ожесточенно.

То же можно сказать и о Радеке, и о Сокольникове, и о Серебрякове. В 1918 г. Радек вместе с Пятаковым, Бухариным и другими так называемыми «левыми» коммунистами в момент острейшей опасности для советской страны — во время переговоров о Брестском мире — готовились предать родину, заявляя о том, что лучше пойти на утрату советской власти, ставшей, по словам этих предателей, к тому же чисто формальной, чем итти на заключение Брестского мира. Радек вместе с Пятаковым и Бухариным в 1918 г. вели переговоры с эсерами об аресте Ленина и о захвате Совнаркома в свои руки, пытаясь, таким образом, путь к власти проложить себе через государственный переворот и настоящую измену.

Сокольников всегда был сторонником капитализма, защищая план «дауэсизации» нашей страны, т. е. закабаления СССР капиталистическими странами, превращения СССР в придаток капиталистической системы.

От первых трех не отставал никогда и Серебряков — кадровый троцкист, активный участник троцкистской оппозиции (1920—1921 гг., 1923 г., 1926—1927 гг. и т. д.). Ведь это Серебряков на суде признал, что он, в сущности говоря, никогда не порывал с троцкизмом, хотя и умел периодами притаиться и потихоньку выжидать, прикрываясь партийным билетом, лучших для троцкизма дней.

Процесс показал, что эти люди, осмелившиеся называть себя «большевиками-ленинцами», никогда в действительности большевиками не были, всегда были троцкистами, всегда боролись против Ленина и его партии при жизни Ленина, как и продолжали бороться против Сталина и партии Ленина — Сталина после смерти Ленина.

Судебный процесс окончательно сорвал с этих негодяев последние маски, изобличил их как врагов народа, как ничтожную, гнусную кучку людей, ставших агентами иностранных разведок.

Несмотря на то, что троцкисты и их главари в лице Пятакова, Радека, Серебрякова и других пытались изображать собою политических деятелей, процесс показал, что они составляли не политическую партию, а простую банду преступников, действовавших обычными методами профессиональной уголовщины, не останавливаясь перед тем, чтобы «снимать» — устранять со своего пути всех, кто им мог помешать, как это было с честным беспартийным специалистом инженером Бояршиновым, отправленным на тот свет по поручению подпольного троцкистского центра бандитской группой Шестова.

Убийства и террор, поджоги и диверсии, крушения поездов и уничтожение ценного государственного имущества, систематическое вредительство и попытки сорвать и пошатнуть обороноспособность нашей страны, тайные связи с представителями некоторых иностранных государств и совместная «работа» с откровенными шпионами и агентами иностранных разведок, обещания «территориальных уступок», т. е. откровенная продажа советской земли, т. е. настоящая самая черная и подлая измена, — вот перечень тех преступлений, кото-

рые составляли все содержание деятельности этой политической партии, в действительности партии уголовных преступников, настоящих бандитов.

Процесс антисоветского троцкистского центра показал вместе с тем всю ничтожность попыток враждебных СССР сил нарушить его покой и благополучие. Вредительские замыслы и отдельные акты троцкистских вредителей оказались бессильными в какой бы то ни было мере ослабить или замедлить победоносный ход развития нашего социалистического хозяйства. На каждую вредительскую вылазку троцкистских преступников наш рабочий класс отвечал удесятеренными усилиями, героическим энтузиазмом и новыми победами.

Ни в области промышленности, ни в области железнодорожного транспорта, куда были направлены основные усилия троцкистских вредителей и диверсантов, им не удалось добиться своих целей. Почему?

«Потому, что на стороне вредителей стоят единицы. Вред, причиняемый этими единицами, быстро ликвидируется миллионами. Потому, что на стороне советского правительства и строительства социализма стоят миллионы». (Вышинский).

Мы приветствуем приговор Военной коллегии Верховного суда СССР, разоблачившего и уничтожившего еще один отряд темных фашистских сил.

Мы призываем всех работников советской юстиции, и в первую голову работников суда и прокуратуры, еще зорче всматриваться в то, что происходит вокруг них, еще больше проявлять подлинную большевистскую бдительность, еще энергичнее и настойчивее бороться с врагами совстской земли, еще теснее сплотить свои ряды вокруг великого знамени Ленина — Сталина, решительно, последовательно и беспощадно обрушивая свои удары на врагов социализма, врагов пролетарской революции.

Великие жертвы нами принесены и много нашей братской крови нами пролито за дело социализма, за наши победы. Их никто не отнимет у нас, никто не смеет на них посягать, никто не смеет угрожать нашему благополучию.

Работники прокуратуры должны беззаветно и самоотверженно охранять эти великие завоевания пролетарской революции, охранять благо и жизнь наших руководителей, нашего великого вождя товарища Сталина и его славных и мудрых сподвижников, на благо и счастье нашей родины, нашего народа и трудящихся всего мира.

Г. и М. РОГИНСКИЕ

Из зала суда

Октябрьский зал Дома Союзов.

Совсем недавно, в этом же зале, суд народа вынес свой приговор шестнадцати взбесившимся псам, шестнадцати заправилам передового отряда международной контрреволюции, объединившимся в троцкистско-зиновьевский террористический центр. Чудовищны были их преступления, безгранична была их подлость и мерзость, беспредельно было их падение. Но еще большим смрадом несет от 17 бандитов из антисоветского троцкистского центра. Еще более чудовищные преступления вскрылись на пролетарском суде. Буквально трудно подобрать соответствующие слова, чтобы выразить всю мерзкую, гнусную и преступную деятельность этих бандитов, пойманных за руку, изобличенных и представших перед судом народа.

В течение ряда дней в открытом судебном заседании разбирались перед лицом трудящихся нашей страны, перед лицом всего мира преступления участников антисоветского троцкистского центра, изменников и предателей родины, вредителей, диверсантов, шпионов и убийц. Страшные картины чудовищных преступлений, чудовищных предательств, чудовищных измен! Невероятной жутью веяло от показаний подсудимых. Жутко становилось, когда нагло-цинично подручные Троцкого — Пятаков, Радек и др. рассказывали о своих дьявольских планах и делах. Жутко делалось, когда прилизанный Сокольников передавал о своих беседах с представителями фашистских агрессоров. Призрак кровавой войны и ужаса веял от рассказов и дел фашистских наймитов, действовавших под руководством злейшего врага народа — Иудушки-Троцкого, действовавших под руководством врага человечества.

Каждому из присутствовавших в зале суда, от стахановцев социалистических предприятий, ученых и писателей нашей великой родины до иностранных корреспондентов, всему народу и всему миру, было ясно, что на скамье подсудимых рядом с Пятаковым, Радеком, Серебряковым, Сокольниковым и их подручными незримо находится пойманный и изобличенный обер-бандит Троцкий.

Судебное следствие с исключительной полнотой вскрыло цели и задачи этой фашистской банды, все методы и формы действий этих бандитов, с исключительным цинизмом и хладнокровием идущих на самые гнусные сделки с наиболее озверелыми врагами Советского союза.

Шайка бандитов, представшая перед судом народа, возглавляемая и руководимая выброшенным за пределы Союза врагом народа и всего передового человечества Л. Троцким, в своей озверелой вражде и ненависти к Советскому союзу, к успехам социалистического строительства не останавливалась перед самыми ужасными, самыми чудовищными преступлениями.

Нет и не было такого злодейства и преступления, на которые не пошли бы растленные подонки и отбросы человеческого общества, троцкистско-фашистские гадины.

Это они — атаманы бандитской шайки, именуемой троцкистским центром,—продавали оптом и в розницу великую страну победившего социализма.

Это они — заключали сделки с представителями фашистских агрессоров и совместно с ними пытались ускорить нападение на Советский союз.

Это они — призывали страшный призрак войны, готовя гибель миллионов людей, ужас и страдание для всего человечества.

Это они — взрывали наши шахты, поджигали наши заводы, разрушали наш транспорт.

Это они — убивали наших лучших рабочих, наших доблестных красноармейцев.

Это они — в зловонной яме троцкистского подполья готовили убийства вождей нашего народа, в именах которых воплощена победа социализма в нашей стране, воплощена счастливая, радостная и свободная жизнь на одной шестой земного шара.

Это они — готовили удар в самое сердце, подготовляя убийство вождя советского народа и мирового пролетариата, великого Сталина.

Это их руки обагрены кровью верного соратника Ленина — Сталина, пламенного борца и трибуна — Сергея Мироновича Кирова.

Суд на гласном процессе разоблачил и навеки заклеймил верного цепного пса фашизма — Троцкого и его гнусных выучеников, заправил антисоветского троцкистского центра — Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова и соучастников их бандитской деятельности — Лившица, Муралова, Дробниса, Богуславского и других крупных и малых бандитов троцкистского подполья—к л е й м о м в р а г о в н а р о д а.

Суд вытащил на свет всю механику подготовки и организации злодейств этих 17 бандитов, сидевших на скамье подсудимых.

Пролетарский суд перед всем миром раскрыл готовящиеся и совершенные троцкистскими заговорщиками-изменниками преступления, показал подлинное лицо преступников и их действительных вдохновителей.

Процесс над антисоветским троцкистским центром со всей беспощадностью вскрыл и показал всю безграничную подлость и жестокость врагов пролетарской революции и социализма.

На гласном суде преступники не могли уйти от фактов, от улик, от доказательств, полностью их изобличавших в совершении чудовищных злодеяний.

Прокурор Советского союза т. Вышинский с исключительной четкостью, точностью и безупречностью доказал и обосновал фактами и документами преступления и вину каждого троцкистского бандита в отдельности и всей бандитской шайки в целом.

Сами подсудимые рассказали о том, кому они служили, но еще более красноречиво об этом говорят их злодейские дела, их грязные, кровавые дела контрреволюции.

На XVI съезде партии товарищ Сталин указывал: «Существо троцкизма состоит, прежде всего, в отрицании возможности построения социализма в СССР силами рабочего класса и крестьянства нашей страны. Что это значит? Это значит, что если в ближайшее время не подоспеет помощь победоносной мировой революции, мы должны будем капитулировать перед буржуазией и расчистить дорогу для буржуазно-демократической республики. Стало быть, мы имеем здесь буржуазное отрицание возможности построения социализма в нашей стране, прикрываемое «революционной» фразой о победе мировой революции...» И далее, — указывал товарищ Сталин, — «...Существо троцкизма состоит, во-вторых, в отрицании возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело социалистического строительства в деревне. Что это значит? Это значит, что рабочий класс не в силах повести за собой крестьянство в деле перевода индивидуальных крестьянских хозяйств на коллективные рельсы, что если в ближайшее время не подоспеет на помощь рабочему классу победа мировой революции, крестьянство восстановит старые буржуазные порядки. Стало быть, мы имеем здесь буржуазное отрицание сил и возможностей пролетарской диктатуры повести крестьянство к социализму, прикрываемое маской «революционных» фраз о победе мировой революции....» И далее, учит товарищ Сталин, — что «...существо троцкизма состоит, наконец, в отрицании необходимости железной дисциплины в партии, в признании свободы фракционных группировок в партии, в признании необходимости образования троцкистской партии. Для троцкизма ВКП(б) должна быть не единой и сплоченной боевой партией, а собранием групп и фракций со своими центрами, со своей печатью и т. д. А что это значит? Это значит провозглашение свободы политических фракций в партии. Это значит, что вслед за свободой политических группировок в партии должна притти свобода политических партий в стране, то-есть буржуазная демократия. Стало быть, мы имеем здесь признание свободы фракционных группировок в партии вплоть до допущения политических партий в стране диктатуры пролетариата, прикрываемое фразой о «внутрипартийной демократии», об «улучшении режима» в партии. То, что свобода фракционной склоки интеллигентских групп не есть еще внутрипартийная демократия, что проводимая партией развернутая самокритика и колоссальная активность партийных масс являются проявлением действительной и подлинной внутрипартийной демократии, — этого троцкизму не дано понять...»

«Капитулянтство на деле, как с о д е р ж а н и е, «левые» фразы и «революционно»-авантюристские замашки, как ф о р м а, прикрывающая и рекламирующая капитулянтское содержание, — таково существо троцкизма...» (Политический отчет ЦК на XVI съезде, «Вопросы ленинизма», изд. 10, стр. 418—419).

Весь наш народ отверг троцкистско-зиновьевскую платформу, как антисоветскую, контрреволюционную, антисоциалистическую. Троцкий, как враг народа, был изгнан из пределов Союза советских социалистических республик. Троцкистско-зиновьевская контрреволюция была разгромлена; однако она не успокоилась, не сложила своего оружия.

Итти в массы со своей контрреволюционной капитулянтской платформой — реставрации капитализма — троцкистско-зиновьевская банда не могла. Народ стер бы впрах всех до одного проповедников такой программы. Отсюда — безудержная злоба троцкистских изуверов к советскому народу.

Отсюда — метод самого гнусного двурушничества, подлого лицемерия и чудовищного обмана партии и рабочего класса начинают особенно широко применяться троцкистскими контрреволюционерами, ушедшими в свое грязное, смрадное подполье.

На XV съезде партии товарищ Сталин указал на двурушничество, как на одну из характерных и основных черт троцкистско-зиновьевского блока. Товарищ Сталин заклеймил тогда выступление Каменева, назвал его «самой лживой, самой фарисейской, самой шулерской и мошеннической из всех оппозиционных речей».

К этому времени, к моменту XV съезда партии, троцкистский блок уже представлял собой полностью контрреволюционную бандитскую группу. У этой бандитской группы была своя программа — программа борьбы против социализма, программа борьбы за реставрацию капитализма в нашей стране. Эта группа — троцкистско-зиновьевский блок — ушла в глубокое зловонное, грязное подполье, создала свою бандитскую подпольную организацию, вступив в союз с белогвардейцами всех мастей, со всяким контрреволюционным отребьем внутри и вне нашей страны, привлекая к своей злодейской деятельности и всякий иной уголовный элемент.

Судебный процесс над троцкистско-зиновьевским террористическим центром в августе 1936 года дал яркую иллюстрацию подлой беспринципности и двурушничества троцкистско-зиновьевских изменников.

Зиновьев на процессе говорил: «Мы перешли на путь тщательно продуманного и глубоко законспирированного заговора, мы считали себя марксистами и, помня фразу «восстание есть искусство», переделали ее по своему, заявляя, что «заговор против партии, против Сталина есть искусство».

Тов. Вышинский в своей речи на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра совершенно правильно указал, что «на скамье подсудимых сидят мастера этого «искусства». Не скажу, чтобы мастера были высокой пробы. Низкопробные мастера! Но они все же сумели осуществить свое низкое дело. В чем же состояло их «искусство»? В этом плане на первом месте стояла маскировка всеми средствами их истинного преступного лица» (из речи т. Вышинского на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра).

Судебный процесс над антисоветским троцкистским центром показал, как подручные врага народа Троцкого — Пятаков и другие атаманы троцкистской шайки проводили в жизнь практику двурушничества. Об этом на суде говорил пятаковский «полпред» по террору и диверсии на Украине — Логинов, это вынужден был признать сам Пятаков и ему подобные «пятаковцы».

Троцкистско-зиновьевские контрреволюционеры старались сорвать победоносное наступление социализма.

За что же боролась троцкистско-зиновьевская контрреволюция и была ли у них программа?

Материалы судебного процесса над антисоветским троцкистским центром говорят о том, что заправилы этого центра — Пятаков, Серебряков, Радек, Сокольников и другие точно так же, как и заправилы троцкистско-зиновьевского террористического центра, пытались уйти от наличия у них политических программных требований, пытались скрыться за завесу «голой жажды власти».

На суде, однако, была полностью сорвана маска с этих господ и с полной ясностью было доказано, что их утверждение—об отсутствии определенной политической программы — неправда и что это утверждение не что иное, как еще одна попытка троцкистских бандитов обмануть общественное мнение, чтобы скрыть свое действительное подлое и мерзкое лицо фашистских слуг и капиталистических реставраторов. Программа у них была. Их программа сводилась к капиталистической реставрации в СССР, к разрушению всего того, что было завоевано рабочим классом и трудящимися массами нашей страны за 19 лет пролетарской революции, к уничтожению всего того, что было завоевано кровью миллионов и закреплено Сталинской Конституцией. Их программа сводилась к восстановлению строя нищеты, голода и безработицы.

Программа врага народа Троцкого и его подручных из антисоветского троцкистского центра по реставрации капитализма в качестве одной из составных частей этой программы включала сговор с наиболее озверелыми врагами трудящихся — с фашистскими государствами, на основе уступок экономических, политических и территориальных.

Подсудимый Сокольников на суде по вопросу о программе признал: «Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутскианского ультраимпериализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму».

Троцкистские изменники понимали, что значит «сговориться с фашизмом», они понимали, кто будет хозяином положения, но их это не смущало. Это соответствовало их капитулянтскому нутру, их реставраторской программе. Радек на процессе говорил: «Хозяином положения будет фашизм — германский фашизм, с одной стороны, и военный фашизм одной дальневосточной страны, с другой».

Иуда Троцкий договаривается с Гессом, правой рукой Гитлера, о распродаже нашей родины.

Иудушка-Троцкий вкупе и при помощи своих атаманов — Пятакова, Серебрякова, Радека и Сокольникова — в союзе с фашистскими агрессорами, при содействии иностранных штыков, стремились превратить нашу цветущую великую страну в жалкую, бесправную колонию империалистов, пытались одеть на рабочих и крестьян нашей родины двойное ярмо — российских помещиков, фабрикантов и иноземных купцов и капиталистов.

Враг народа Троцкий на имя подсудимого Радека писал: «Ни о какой демократии речи быть не может, рабочий класс прожил 18 лет революции и у него аппетит громадный...» «...этих рабочих надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет

крутое ухудшение положения рабочего класса...» «...в деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества, и тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто...». В области внешней политики программа троцкистских бандитов предусматривала прямой раздел страны: «Германии отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии...»

Помимо территориальных уступок троцкистские контрреволюционеры предусматривали экономические уступки фашистским агрессорам — «уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров...» «...все это в совокупности означало полное закабаление страны...».

Насчет Японии говорилось: «Надо не только отдать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки...»

Такова программа троцкистских мерзавцев, изменников, предателей социализма. Процесс над антисоветским троцкистским центром подвел последнюю черту, последний итог и с чрезвычайной яркостью вскрыл и выявил истинное изменническое, капитулянтско-фашистское существо троцкизма.

Этой предательской и изменнической программе врагов народа мы противопоставляем свою программу, программу советского правительства, программу ликвидации капитализма, ликвидации классов, ликвидации эксплоатации человека человеком, программу победы социализма, счастливой, свободной, радостной жизни.

Мы противопоставляем программу укрепления нашей государственной независимости, самостоятельности и неприкосновенности советской земли.

В прошлом у нас не было и не могло быть отечества, — говорил товарищ Сталин в 1931 г., — «но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость». Вся наша страна громко, на весь мир повторяет эти слова товарища Сталина и готова по первому призыву партии и правительства, как один, подняться на защиту отечества.

Товарищ Сталин сказал: «Наша политика есть политика мира» и что мы «эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому». Пусть это крепко запомнят наши враги.

Судебный процесс над антисоветским троцкистским центром полностью установил, что одним из пунктов программы троцкистского центра была установка на ускорение нападения фашистских агрессоров на Советский союз и способствование поражению Советского союза в войне.

Этим путем троцкистские торговцы родиной имели в виду притти к власти и использовать свою власть для реставрации капитализма.

На штыках военных интервентов думали троцкистские гады притти к власти. Эти звероподобные бандиты хотели залить кровью нашу страну.

История знает много примеров гнусного предательства. Но самые ужасающие из них бледнеют перед теми злодеяниями, которые совершали троцкистские наймиты фашизма.

Пятаков показывал, что Троцкий при свидании с ним объяснял, что одним из пунктов достигнутого Троцким с представителями германской национал-социалистской партии соглашения было обязательство — «...во время войны Германии против СССР... занять пораженческую позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения... действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом».

Тов. Вышинский в своей обвинительной речи показал, что означала и что означает изменническая программа троцкистов для рабочего класса, для крестьян, для дела мира, для интересов советского народа.

«Эта программа означает возврат к прошлому, ликвидацию всех завоеваний рабочих и крестьян, ликвидацию побед социализма, ликвидацию советского социалистического строя. Социалистический строй — это строй без эксплоатации и эксплоататоров, это строй без купцов и фабрикантов, без нищеты и безработицы, это строй, где хозяином являются рабочие и крестьяне, строй, где уничтожены все эксплоататорские классы, где остались рабочий класс, класс крестьян, интеллигенция».

Все это хотели уничтожить троцкистские гадины.

Это должен хорошо запомнить каждый трудящийся нашей страны, изучая итоги процесса над антисоветским троцкистским центром.

Добиваясь осуществления своей гнусной реставраторской программы, антисоветский троцкистский центр организовывал и совершал чудовищнейшие злодеяния.

Вредительство и диверсия, шпионаж, организация террористических групп и подготовка террористических покушений в отношении руководителей нашей партии и правительства, убийства рабочих, красноармейцев и детей — такова грязная, кровавая, злодейская деятельность верного лакея фашизма — врага народа Троцкого и его головорезов из антисоветского троцкистского центра.

На процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра, затем на процессе Кемеровской и троцкистско-фашистской вредительской группы, и с особой яркостью на процессе антисоветского троцкистского центра, было вскрыто, что троцкистско-зиновьевские бандиты в своих злодейских делах блокировались, вступали в союз и объединяли вокруг себя все враждебные и антисоветские силы, любые антиобщественные и преступные элементы.

Шантаж, угрозы, убийства из-за угла, грабеж — арсенал средств троцкистских бандитов.

Заведомый вредитель, вор, бандит, шпион, агент иностранной разведки, убийца, авантюрист — вот их кадры.

Чем больше подлости, продажности и мерзости переплеталось в ком-либо, тем большую ценность он представлял для троцкистского «центра».

Вот почему не случайно их друзьями оказались разведчики фашистской охранки — Штейн, Берг, Флесса и другие, вот почему в их рядах оказались авантюристы типа Арнольда, шпионы типа Граше, убийцы типа Че-

репухина, грабители типа Шестова и им подобные.

И это не случайно. Троцкистские контрреволюционеры — не политическая партия, а банда преступников, представляющих собой верных псов и агентов фашистских разведок.

Находясь на службе у фашизма, троцкистская сволочь не только в Советском союзе, но и за пределами Советского союза по всему фронту выполняет прямые задания своих фашистских хозяев, выполняет задания фашистских охранок.

В Испании, Франции и в других странах, везде и всюду троцкистские предатели плетут свою гнусную сеть измен, провокаций, двурушничества. В Испании троцкисты, действуя по прямым указаниям врага народа Троцкого, по прямым директивам его хозяина — германской тайной полиции — Гестапо, делают все от них зависящее, чтобы внести раскол в ряды народного фронта, предать героический испанский народ, сражающийся за свою свободу.

Во Франции троцкисты, выполняя задания гитлеровской Германии, не останавливаются ни перед одной гнусностью и клеветой на Советский союз, добиваются разрыва франко-советского пакта о взаимопомощи. Связь французских троцкистских негодяев с Гестапо уже давно установлена. Процесс над антисоветским троцкистским центром показал, что троцкизм является злейшим врагом трудящихся всего мира, что он является верным агентом и лакеем фашизма, что троцкизм является гнуснейшей разновидностью фашизма, что троцкисты являются провокаторами, убийцами и поджигателями мировой войны, действующими по указанию германского и японского фашизма.

Глубоко прав Мартин Андерсен-Нексе, говоря, что «величайшим позором для западноевропейской демократии является то, что она берет под защиту эту банду преступников, главаря которой — Троцкого следует рассматривать как врага номер 1 всего человечества и демократии. Ведя себя так, западноевропейская демократия становится соучастницей их преступлений» («Правда» № 29 от 30 января 1937 года).

Процесс над антисоветским троцкистским центром еще раз напоминает каждому трудящемуся нашей страны, что ни на одну минуту нельзя забывать, что каждая победа, каждое наше движение вперед происходит в тяжелых условиях классовой борьбы, происходит при ожесточеннейшем сопротивлении классовых врагов, мобилизующих все свои силы для того, чтобы помешать этому движению вперед. Процесс вскрыл, как еще много скрытых врагов нас окружает, готовых каждый день и каждый час продать и предать интересы нашей социалистической родины.

Товарищ Сталин нас учит, что «бесклассовое общество не может притти в порядке, так сказать, самотека. Его надо завоевать и построить усилиями всех трудящихся, — путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами, как внутренними, так и внешними». (Из доклада на XVII съезде ВКП(б), стеногр. отчет, стр. 28).

От каждого трудящегося нашей страны требуется высокая революционная бдительность, требуется непримиримость ко всему классово враждебному. Величайшим преступлением явится проявление малейшего благодушия.

Надо твердо помнить слова нашего вождя товарища Сталина: — «чтобы разглядеть такого ловкого врага и не поддаться демагогии, нужно обладать революционной бдительностью, нужно обладать способностью сорвать маску с врага...» (Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 522).

Неустанная борьба с врагами социализма, уменье разоблачить их, как бы они ни маскировались, наличие действительной большевистской сталинской бдительности необходимы каждому верному сыну Советской страны, всем честным трудящимся для того, чтобы разоблачить и раздавить без остатка всех врагов социализма.

Бдительность стража Советского государства — органов Наркомвнудела, руководимых сталинским наркомом внутренних дел Союза ССР — тов. Ежовым, разрушила и разоблачила злодейские замыслы врага народа Троцкого и его подручных, разрушила козни передового отряда международной контрреволюции, каким является троцкизм и его троцкистская банда.

17 троцкистских бандитов предстали перед судом народа, который вынес им заслуженное наказание.

Приговор Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР по делу антисоветского троцкистского центра есть не только приговор 17 троцкистским бандитам, представшим перед судом, но и является приговором всему контрреволюционному троцкизму.

Превращение троцкистских групп в группы диверсантов и убийц, действующих по указанию иностранных разведок и генеральных штабов агрессоров, лишь завершило борьбу троцкизма против рабочего класса и партии, борьбу против Ленина и ленинизма, длившуюся десятилетия. Отвратительной борьбой троцкизм начал свой путь, на этом пути троцкизм стоит и сейчас, по этому пути идет все дальше и дальше, не зная в борьбе никаких пределов ненависти и злобы. Вся история политической деятельности троцкистов представляет собой сплошную цепь измен делу рабочего класса, делу социализма.

Расчеты фашистских слуг, руководителей штурмового отряда контрреволюционной буржуазии — Троцкого, Пятакова, Серебрякова и им подобных — на восстановление капитализма в нашей стране, полностью провалились. Социализм в нашей стране победил окончательно и бесповоротно. Советский народ под руководством ВКП(б) и вождя народа великого Сталина уверенно идет вперед к коммунизму. Каждый, кто осмелится встать на пути этого движения, будет подобно троцкистским бандитам сметен в мусорную яму истории.

Процесс антисоветского троцкистского центра

Речь государственного обвинителя — прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского

Особенности настоящего процесса

Товарищи судьи и члены Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик! Приступая к исполнению своей последней обязанности по настоящему делу, я не могу не остановиться на некоторых, в высокой степени важных, особенностях настоящего судебного процесса.

Эти особенности заключаются, на мой взгляд, раньше всего в том, что данный судебный процесс в известном смысле подводит итог преступной деятельности троцкистских заговорщиков, боровшихся в течение многих лет, систематически и при помощи самых отвратительных, самых гнусных средств борьбы против советского строя, Советского государства, против советской власти и нашей партии. Этот процесс подводит итог борьбе против Советского государства и партии этих людей, начавших борьбу задолго еще до нынешнего времени, еще при жизни великого нашего учителя и организатора Советского государства — Ленина; людей, боровшихся при Ленине против Ленина, после Ленина — против его гениального ученика, верного хранителя ленинских заветов и продолжателя его дела — Сталина.

Особенности настоящего процесса заключаются еще и в том, что именно этот процесс, как лучами прожектора, осветил самые потаенные уголки, тайные закоулки, отвратительные углы троцкистского подполья.

Этот процесс показал и доказал, с каким тупым упорством, с каким змеиным хладнокровием, с какой расчетливостью профессиональных преступников троцкистские бандиты вели и ведут против СССР свою борьбу, не отступая ни перед чем — ни перед вредительством, ни перед диверсиями, ни перед шпионажем, ни перед террором, ни перед изменой родине.

Когда несколько месяцев назад в этом самом зале, на этих самых скамьях подсудимых сидели члены так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра, когда Верховный Суд в лице Военной Коллегии судил тех преступников, — каждый из нас при виде преступлений, которые кошмарной картиной проходили перед нашими глазами, не мог не отпрянуть с ужасом и отвращением.

Каждый честный человек нашей страны, каждый честный человек в любой стране мира не мог тогда не сказать:

Вот бездна падения!

Вот предел, последняя черта морального и политического разложения!

Вот дьявольская безграничность преступлений!

Каждый честный сын нашей родины думал: такие гнусные преступления не могут повторяться. Таких низко павших, таких подло предавших нас людей больше в нашей стране нет.

И вот теперь вновь нас охватывает недавно пережитое нами чувство! Вновь проходят перед нашим встревоженным и негодующим сознанием страшные картины чудовищных преступлений, чудовищных предательств, чудовищной измены.

Этот процесс, где сами подсудимые сознались в своей вине; этот процесс, где рядом с руководителями так называемого параллельного троцкистского центра — обвиняемыми Пятаковым, Сокольниковым, Радеком, Серебряковым сидят на той же скамье подсудимых такие видные троцкисты, как Муралов, Дробнис, Богуславский, Лившиц; где рядом с этими троцкистами сидят просто шпионы и разведчики — Ратайчак, Шестов, Строилов, Граше, — этот процесс показал, до чего докатились эти господа, в какой омут окончательно и бесповоротно погряз контрреволюционный троцкизм, давно уже превратившийся в передовой и злейший отряд международного фашизма.

Этот процесс вскрыл все тайные пружины подпольной преступной деятельности троцкизма, весь механизм их кровавой, их предательской тактики. Он еще раз показал лицо настоящего, подлинного троцкизма — этого исконного врага рабочих и крестьян, исконного врага социализма, верного слуги капитализма.

Этот процесс показал еще раз, кому служат Троцкий и его сподручные, что представляет собой троцкизм в действительности, на практике.

Здесь, в этом зале, перед судом, перед всей страной, перед всем миром прошла вереница преступлений, совершенных этими людьми.

Кому на пользу их преступления? Во имя какой цели, во имя каких идей, во имя, наконец, какой политической платформы или программы действовали эти люди? Во имя чего? И, наконец, почему стали они предателями родины — изменниками делу социализма и международного пролетариата?

Настоящий процесс ответил, на мой взгляд, с исчерпывающей полнотой на все эти вопросы, ответил ясно и точно, почему и как они дошли до жизни такой.

Как кинематографическая лента, пущенная обратным ходом, этот процесс нам напомнил и показал все основные этапы исторического пути троцкистов и троцкизма, потратившего 30 с лишним лет своего существования на то, чтобы подготовить в конце концов свое окончательное превращение в штурмовой отряд фашизма, одно из отделений фашистской полиции.

Сами обвиняемые рассказывали о том, кому они служили. Но еще более красноречиво

говорят об этом их собственные дела, их грязные, кровавые, преступные дела.

Много лет назад наша партия, рабочий класс, весь наш народ отвергли троцкистско-зиновьевскую платформу, как платформу антисоветскую, антисоциалистическую. Троцкого наш народ выбросил из пределов страны, его пособников вышвырнули из рядов партии, как изменивших делу рабочего класса и социализму. Троцкий и Зиновьев были разгромлены, но они не успокоились, не сложили своего оружия.

Троцкисты ушли в подполье, накинув на себя маски раскаявшихся и якобы разоружившихся людей. Следуя указаниям Троцкого, Пятакова и других руководителей этой банды преступников, ведя двурушническую политику, маскируясь, они вновь проникли в партию, вновь проникли на советскую работу, кое-кто пролез даже и на ответственные государственные посты, припрятав до поры до времени, как это теперь с очевидностью установлено, свой старый троцкистский антисоветский груз на своих конспиративных квартирах, вместе с оружием, шифрами, паролями, связями и своими кадрами.

Начав с образования антипартийной фракции, переходя все более и более к обостренным методам борьбы против партии, став особенно после изгнания из партии главным рупором всех антисоветских групп и течений, они превратились в передовой отряд фашистов, действующий по прямым указаниям иностранных разведок.

Судебный процесс объединенного троцкистско-зиновьевского центра уже разоблачил связи троцкистов с Гестапо и фашистами. Настоящий процесс пошел в этом отношении дальше. Он дал исключительной доказательной силы материал, еще раз подтвердивший и уточнивший эти связи, подтвердивший полностью и уточнивший в процессуально-доказательном смысле и в полном объеме предательскую роль троцкизма, полностью и безоговорочно перешедшего в лагерь врагов, превратившегося в одно из отделений «СС» и Гестапо.

Путь троцкистов, путь троцкизма завершен. На всем протяжении своей позорной и печальной истории троцкисты старались бить и били по самым чувствительным и опасным местам пролетарской революции и советского социалистического строительства.

Та директива, о которой здесь говорил Пятаков, полученная им от Троцкого — «бить самыми чувствительными способами по самым чувствительным местам»,—эта директива представляет собой старую троцкистскую установку в отношении советской власти, в отношении социалистического строительства в нашей стране.

Особенной активностью, особенной решительностью, упорством, настойчивостью троцкистов в борьбе с советской властью отличается тот период, который совпал с окончательной победой в СССР социализма. И это вполне естественно. Эта победа далась нам не без преодоления громадных трудностей. Трудности и, в частности, те, которые мы встретили на своем пути в период 1929—1931 гг., особенно в деревне, эти трудности окрылили троцкистско-зиновьевское подполье, зашевелившееся, приведшее в движение свои щупальцы, пытавшееся ударить, по указанию Троцкого, в самое чувствительное место.

Чуя свою неминуемую гибель, остатки уничтоженных пролетарской диктатурой эксплоататорских классов и их агентура перешли к новой тактике, к новым формам, к новому курсу борьбы с советской властью, о которых здесь достаточно обстоятельно излагали и говорили суду обвиняемые.

Рост сопротивления враждебных пролетарской диктатуре классов окрылил троцкистско-зиновьевскую банду, которую к тому же воодушевляло и подстрекало на преступления против СССР и существующее до сих пор капиталистическое окружение СССР.

В расчете на ослабление советского тыла международная контрреволюция ускоряла подготовку интервенции. Известно, ведь, что интервенты готовят удар против Советского Союза каждый год. Осколки контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группировки знали, что рядом с ними действуют другие защитники реставрации капитализма, другие отряды капиталистической агентуры в нашей стране. «Промпартия», кондратьевская «Трудовая крестьянская партия» — кулацкая партия, «Союзное бюро меньшевиков», деятельность которых была рассмотрена в свое время в судебном заседании Верховного Суда, — все эти организации были вскрыты как организации вредителей и группы диверсантов, которые приветствовали борьбу Троцкого с нашей партией, с советской властью, зная, что в лице троцкистов они действительно имеют подобных себе, но более циничных, более наглых защитников свержения диктатуры пролетариата.

Что такое реставрация капитализма в нашей стране? В 1932 году троцкисты усиливают консолидацию с контрреволюционными антисоветскими группами, они завязывают связи с правой оппозицией для совместной борьбы против партии, против советской власти. Действительное содержание этой связи товарищ Сталин разоблачил на XVI и XVII партсъездах, показав, что контрреволюционных троцкистов и зиновьевцев с «капитулянтами без маски», как он выразился, объединяет стремление к реставрации в СССР капитализма. Эту программу товарищ Сталин назвал тогда программой презренных трусов и капитулянтов, контрреволюционной программой восстановления капитализма в СССР.

В свете сегодняшнего дня особенно ясно, какое огромное историческое дело сделал товарищ Сталин, показавший в 1931 году подлинное существо троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации в ее «новом» качестве. Товарищ Сталин в письме в журнал «Пролетарская Революция» писал:

«На самом деле троцкизм есть передовой отряд контр-революционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР».

Товарищ Сталин заклеймил троцкизм как передовой отряд контрреволюционной буржуазии, получившей именно из рук троцкистов духовное, тактическое и организационное оружие для своей борьбы с большевизмом, со строительством социализма.

В свете нынешнего процесса особенно ясно, какое исключительное историческое значение имеет это указание. В свете настоящего процесса особенно ярко представляется роль подпольных антисоветских троцкистских групп

этого основного канала всяких антисоветских настроений, надежд и чаяний, основного рычага, тарана, которым враги советов пытаются пробить брешь в стенах нашего государства, сокрушить воздвигнутую нами крепость социализма.

Эту роль авангарда антисоветских фашистских сил троцкисты играли отнюдь не случайно. Уход троцкизма в антисоветское подполье, превращение его в фашистскую агентуру — только завершение его исторического развития.

Превращение троцкистских групп в группы диверсантов и убийц, действующих по указанию иностранных разведок и генеральных штабов агрессоров, лишь завершило борьбу троцкизма против рабочего класса и партии, борьбу против Ленина и ленинизма, длившуюся десятилетия. Отвратительной борьбой троцкизм начал свой путь, на этом пути троцкизм стоит и сейчас, по этому пути идет все дальше и дальше, не зная в борьбе никаких пределов ненависти и злобы. Вся история политической деятельности троцкистов представляет собой сплошную цепь измен делу рабочего класса, делу социализма.

В 1904 году Троцкий выступил, как известно, с подлейшей брошюркой под заглавием «Наши политические задачи». Эта брошюрка была наполнена грязными инсинуациями по поводу нашего великого учителя, вождя международного пролетариата Ленина, великого ленинского учения о путях большевистской победы, победы трудящихся, победы социализма. В этой брошюрке Троцкий брызжет ядовитой слюной, оплевывая великие идеи марксизма-ленинизма. Он пытается отравить этим ядом пролетариат, пытается свернуть пролетариат с пути непримиримой классовой борьбы, он клевещет на пролетариат, клевещет на пролетарскую революцию, клевещет на большевизм, на Ленина, называя Ленина «Максимилианом» — именем Робеспьера—героя буржуазной французской революции, желая этим унизить великого вождя международного пролетариата.

Этот господин позволил себе называть Ленина вождем реакционного крыла рабочего движения, не зная никаких пределов в своей наглости и политическом бесстыдстве. В то время как Ленин и Сталин отбирали лучших людей, воспитывая их в политических боях с самодержавием, с царизмом, с буржуазией, сколачивая из них ядро большевистской партии, Иудушка-Троцкий сплачивал единый фронт лакеев капитализма для борьбы против дела пролетариата. В 1911—12 году Троцкий организовал тоже блок, подобно тому, как организовал затем троцкистско-зиновьевский блок, организовал так называемый «августовский блок» из прислужников капитала, из меньшевиков, из выброшенных из рядов большевистской партии, из размагниченных интеллигентов и отбросов рабочего движения. Об этом блоке Сталин писал: «Известно, что эта лоскутная «партия» преследовала цели разрушения большевистской партии».

Ленин писал, что этот блок «построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе». Троцкий и его сподручники отвечали потоком грязной клеветы, чернили Ленина и большевиков, называли их «варварскими», «сектантски-неистовыми» азиатами. О Троцком Ленин писал:

«Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...»

Против такого «типа», как называл Троцкого тогда Ленин, он предупреждал 20 лет тому назад партию и рабочий класс. В статье «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве» Ленин писал:

«Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело».

Наш процесс помогает миллионам и миллионам молодых рабочих и крестьян, трудящихся всех стран, ясно и отчетливо представить себе, с кем действительно мы имеем дело. Разрушить большевистскую партию, конечно, презренному троцкистскому блоку не удалось, но троцкисты не переставали и после провала блока нападать на большевистскую партию, как только могли. Весь период с 1903 года по самый канун революции в истории нашего рабочего движения наполнен борьбой Троцкого и троцкистов с крепнущим и растущим в России революционным настроением масс, борьбой против Ленина и против его партии.

В 1915 году Троцкий выступает против ленинского учения о возможности победы социализма в одной стране, уже 20 с лишним лет тому назад капитулируя, таким образом, полностью перед капитализмом.

Троцкий поочередно служит экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству, социал-демократизму и национал-шовинизму в борьбе против Ленина, как теперь служит империализму и фашизму в борьбе против СССР.

Случайно ли, что троцкисты в конце концов превратились в гнездо и рассадник перерожденчества и термидорианства, как об этом в свое время говорил товарищ Сталин? Случайно ли, что Троцкий, очутившись после революции в рядах нашей партии, опять сорвался, скатился на контрреволюционные позиции, оказался выброшенным за пределы нашего государства, за пределы Советского Союза? Случайно ли троцкизм превратился в штурмовой отряд капиталистической реставрации?

Не случайно, потому что к этому шло дело с самого зарождения троцкизма. Не случайно, потому что и до Октябрьской революции Троцкий и его друзья боролись против Ленина и ленинской партии так, как теперь борются против Сталина и партии Ленина — Сталина.

Предсказания товарища Сталина полностью сбылись. Троцкизм действительно превратился в центральный сборный пункт всех враждебных социализму сил, в отряд простых бандитов, шпионов и убийц, которые целиком предоставили себя в распоряжение иностранных разведок, окончательно и бесповоротно превратились в лакеев капитализма, в реставраторов капитализма в нашей стране.

И здесь на суде с исключительной полнотой и ясностью была вскрыта именно эта подлая сущность троцкизма. Они пришли к своему позорному концу потому, что десятки лет шли по этому пути, славословя капитализм, не веря в успехи социалистического строительства, в победу социализма. Вот почему они пришли в конце концов к развернутой программе капиталистической реставрации, вот почему они пошли на то, что стали предавать и продавать нашу родину.

К этому дело шло уже тогда, когда Троцкий, как это было в 1922 году, предлагал разрешить нашим промышленным предприятиям, трестам закладывать наше имущество, в том числе и основной капитал, частным капиталистам для получения кредитов, которые тогда действительно были нужны советскому государству.

Это предложение Троцкого уже тогда было ступенькой к возврату к власти капиталистов, к тому, чтобы капиталистов, финансистов, заводчиков вновь сделать хозяевами наших фабрик и заводов и отнять у наших рабочих завоеванные ими при советской власти права. Эти господа уверяли, что советское хозяйство «все более и более сращивается с капиталистическим хозяйством», т. е. превращается в придаток мирового капитализма. Они уверяли, что «мы все время будем находиться под контролем мирового хозяйства», т. е. утверждали то, о чем мечтали капиталистические акулы.

Товарищ Сталин тогда разоблачил эту вредительскую позицию троцкизма, говоря:

«Капиталистический контроль — это значит, прежде всего, финансовый контроль... Финансовый контроль — это значит насаждение в нашей стране отделений крупных капиталистических банков, это значит образование так называемых «дочерних» банков. Но разве есть у нас, — говорил Сталин, — такие банки? Конечно, нет! И не только нет, но и не будет их никогда, пока жива Советская власть».

Капиталистический контроль, о котором тогда говорили, мечтали и которого требовали троцкисты и вот эти, сидящие здесь на скамье подсудимых, главари троцкистского блока, — это право капиталистов распоряжаться нашей родиной, нашими рынками. Капиталистический контроль означает, наконец, — говорил товарищ Сталин, — контроль политический, уничтожение политической самостоятельности нашей страны, приспособление законов страны к интересам и вкусам международного капиталистического хозяйства. Вот что означал этот так называемый капиталистический контроль, о котором тосковали Троцкий и некоторая часть, головка сидящего здесь на скамье подсудимых так называемого антисоветского троцкистского центра.

Товарищ Сталин, разоблачая антисоветскую сущность подобных предложений говорил:

«Если речь идет о таком действительном капиталистическом контроле,... то я должен заявить, что такого контроля у нас нет, и не будет его никогда, пока жив наш пролетариат и пока есть у нас диктатура пролетариата».

Вот почему не случайно, почему так органически связаны эти две задачи — подготовка капиталистической реставрации с борьбой против диктатуры пролетариата.

Случайно ли, что, начав с капиталистического контроля, эти люди докатились до откровенной платформы капиталистической реставрации, до открытой борьбы, во имя осуществления этой платформы в союзе с капиталистами, против диктатуры пролетариата!

Известно, что троцкистские лидеры в переломные моменты нашей борьбы, на крутых подъемах нашей пролетарской революции, всегда, как правило, оказывались в стане наших врагов, по ту сторону баррикад.

Отрицание социалистического характера нашей революции, отрицание возможности построения социализма в нашей стране определяло и предопределяло враждебную позицию троцкистов к делу социалистического строительства в СССР.

Это, однако, не мешало троцкистам прикрываться именем социализма, как не мешало и не мешает в настоящее время многим врагам социализма прикрываться этим именем.

Так бывало всегда в истории. Известно, что меньшевики и эсеры, эти злейшие враги социализма, всегда прикрывались именем социализма. Но ведь это им не мешало валяться в ногах у буржуазии, у помещиков, у белых генералов. Мы помним, как меньшевики в петлюровской Раде призвали на Украину войска Вильгельма II, как они торговали свободой и честью украинского народа;

как под вывеской эсеровского правительства Чайковского орудовали в Архангельске интервенты;

как так называемое «социалистическое» «правительство Комитета Учредительного Собрания» привело к власти Колчака;

как меньшевистское правительство Ноя Жордания верой и правдой служило иностранным интервентам!

Все эти господа называли себя социалистами, все они прикрывались именем социализма, но всем известно, что не было и нет более последовательных и более жестоких, озверелых врагов социализма, чем меньшевики и эсеры.

Троцкий и троцкисты всегда были капиталистической агентурой в рабочем движении. Они превратились теперь в передовой фашистский отряд, в штурмовой батальон фашизма.

В 1926—27 году они перешли на путь открытых антисоветских, уже караемых в уголовном порядке преступлений. Они перенесли на улицу, пытались, по крайней мере, это сделать, свою борьбу против руководства нашей партии, против советского правительства. Это было трудное и сложное время в жизни Советского государства. Это было время перехода от восстановительного периода к периоду перестройки нашей промышленности и сельского хозяйства на основе высокой техники. В этот период не могло не быть ряда серьезных трудностей, отражавших собой сложность борьбы между капиталистическими и социалистическими элементами нашего хозяйства.

«Оппозиционный блок», так называемая «новая оппозиция», возглавляемая Троцким, Зиновьевым, Каменевым с участием почти всех сидящих здесь подсудимых — обвиняемых Пятакова, Радека, Серебрякова, Сокольникова, Муралова, Дробниса, Богуславского, — пытался тогда использовать эти трудности для того, чтобы еще раз попытаться ударить в спину Советского государства, и притом как можно крепче.

Троцкистско-зиновьевский блок 1926 года был блоком, повернувшим все острие своей борьбы против дела социализма в нашей стране, за капитализм. Под прикрытием лживых, иногда внешне «левых» фраз о «сверхиндустриализации» и пр., троцкистско-зиновьевская банда с 1926—27 гг. выдвинула такие предложения, которые подрывали и срывали союз рабочих и крестьян, подрывали основу Советского государства. Она выдвигала такие требования, как усиленный нажим на крестьянство, как «первоначальное социалистическое накопление» за счет разорения и ограбления крестьян,

ства, она выставляла ряд требований, которые должны были привести к срыву смычки между городом и деревней и тем самым сорвать возможность действительной индустриализации. Это были, в сущности говоря, те же диверсионные и вредительские меры. В сущности говоря, между вредительскими и диверсионными мерами 1926—27 гг. и теперешними разница только в форме. И тогда оппозиционный блок пытался сорвать смычку между рабочим классом и крестьянством своими как-будто «левыми», а на самом деле контрреволюционными предложениями, в форме, которая соответствовала условиям классовой борьбы того времени. Это тоже была особая форма диверсии, форма подрывных актов, направленных против диктатуры пролетариата и дела социалистического строительства. Эти предложения тогдашней оппозиции были лишь особой формой борьбы против Советского государства, соответствовавшей тогдашней исторической обстановке. Прошло 10 лет, и мы видим, что они становятся на путь прямых диверсий, на путь вредительства, на путь подрывной работы. Но уже в гораздо более острых формах, соответствующих новым условиям, — условиям ожесточенной классовой борьбы с остатками капиталистических элементов.

«Новая оппозиция», как назывался этот блок, объединила не случайно такого «сверхиндустриализатора», каким был Троцкий, с таким противником индустриализации, каким был 10 лет назад Сокольников и каким он остался и до сих пор. «Новая оппозиция» по существу вещей стояла за определенную политическую и социально-экономическую программу, которая не могла не привести, неминуемо должна была привести к ликвидации диктатуры пролетариата, что в свою очередь неминуемо должно было привести к реставрации в СССР капитализма.

Товарищи судьи, когда теперь мы слышим на суде в показаниях главарей этой банды, главарей троцкистской подпольной организации признание в том, что они действительно получали от Троцкого установки на реставрацию в СССР капитализма, приняли эти установки и во имя их осуществления вели вредительскую, диверсионную, разведывательную работу, — может стать вопрос, который кое у кого и возникает: как эти люди, которые столько лет боролись за социализм, люди, которые кощунственно называли себя большевиками-ленинцами, — как можно их обвинять в этих чудовищных преступлениях? Не доказательство ли это того, что обвинение предъявлено неправильно, что эти люди обвиняются в том, в чем не могут быть обвинены по самому существу всей своей прошлой социалистической, революционной, большевистской деятельности?

Я на этот вопрос отвечаю. Подсудимым по настоящему процессу предъявлено обвинение в том, что они действительно пытались всякими, самыми отвратительными и бесчестными мерами вернуть нашу страну под иго капитализма. Мы обвиняем этих господ в том, что они — предатели социализма. Это обвинение мы аргументируем не только тем, что они совершили сегодня, — это предмет обвинения, — но мы говорим, что история их падения начинается задолго до организации ими так называемого «параллельного» центра, этого отростка преступного троцкистско-зиновьевского объединенного блока. Органическая связь — налицо. Связь историческая — налицо. И достаточно было бы ограничиться тем, что я сказал, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что основное обвинение, предъявляемое государственной прокуратурой сидящим здесь на скамье подсудимых, в попытке восстановления в нашей стране низвергнутого девятнадцать лет назад капиталистического строя, — обосновано полностью, доказано документально, и этим обвинением сидящие здесь преступники пригвождены к вечному позору и вечному проклятию со стороны всех честных тружеников, честных людей нашей страны и всего мира.

От платформы 1926 года, от уличных антисоветских выступлений, от нелегальных типографий, от союза с белогвардейскими офицерами, на который они тоже тогда шли, до диверсий, до шпионажа, до террора, до измены родине в 1932—1936 гг. — один шаг. И этот шаг они сделали!

Это мы видели уже на примере троцкистско-зиновьевского объединенного блока, на примере политической судьбы Зиновьева, Каменева, Смирнова, Мрачковского, Тер-Ваганяна и др., позорно кончивших свою жизнь с клеймом наймитов иностранных разведок.

Это же мы видим теперь и на примере судьбы обвиняемых по настоящему делу, большинство которых многие годы и до и после Октябрьской революции боролись против Ленина и ленинизма, против партии Ленина—Сталина, против строительства социализма в нашей стране.

Пятаков, К. Радек, Сокольников, Серебряков, Дробнис, Муралов, Лившиц, Богуславский, Шестов — все они ряд лет боролись против дела социализма, против дела Ленина—Сталина.

Эти господа уже тогда направляли свои силы на то, чтобы, как говорил Сталин, «переломить партии хребет» и вместе с тем переломить хребет и советской власти, о гибели которой не уставали каркать все контрреволюционные вороны.

В этой борьбе против советской власти эти господа пали так низко, как, кажется, еще не падал никто и никогда.

Ленин предвидел неизбежность такого позорного конца, к которому пришли обвиняемые, к какому должен притти всякий, кто станет на тот путь, на который стали они. В резолюции X съезда нашей партии, тогда еще называвшейся Российской Коммунистической Партией, принятой по предложению Ленина, было грозное предостережение, что тот, кто настаивает на своей фракционности и на своих ошибках при советском строе, неминуемо должен скатиться в лагерь врагов рабочего класса, в лагерь белогвардейцев и империалистов. Эти господа доказали всей своей деятельностью всю справедливость этого исторического предсказания.

Как они боролись против Ленина

Что собою представляют члены центра в своем политическом прошлом? Пятаков и Радек, Серебряков и Сокольников, Богуславский и Дробнис, Муралов и Шестов долгие годы воспитывали в себе ненависть к советскому строю, к социализму. Они умели маскировать, они умели скрывать свои настоящие чувства и взгляды, двурушничали, обманывали, в чем все они сейчас и признаются. Некоторые утверждают, что в некоторые периоды вре-

мени у них был отход от троцкизма. Трудно поверить. Мы знаем, что вся деятельность обвиняемых по настоящему делу была в высокой степени последовательной. Такие, я бы сказал, заслуженные деятели троцкизма, как Пятаков, Радек, Дробнис, Серебряков, Богуславский, маскировались, шантажировали, надували и своих и чужих. Только в такой среде, которую создали Пятаковы и Радеки, — эти беспринципнейшие, окончательно отпетые люди, использовавшие свое высокоответственное положение в советской государственной системе для обделывания своих позорных, грязных и кровавых преступлений, и могли оказаться в числе, так сказать, троцкистского актива такие авантюристы и проходимцы, как Ратайчаки, Князевы, Шестовы, Арнольды, Строиловы, Граше.

Вы, товарищи судьи, видели здесь этих господ, вы их слушали, вы их изучали. Вот Ратайчак, не то германский, не то польский разведчик, но что разведчик, в этом не может быть сомнения, и, как ему полагается, — лгун, обманщик и плут. Человек, по его собственным словам, имеющий автобиографию старую и автобиографию новую. Человек, который эти автобиографии, смотря по обстоятельствам, подделывает и пересоставляет. Человек, который, будучи заместителем председателя губернского совета народного хозяйства на Волыни, не только покрывает грабительство, воровство и спекуляцию своего подчиненного, но вместе с ним участвует в прямых корыстных преступлениях. По его собственным словам, он состоит на содержании этого вора, растратчика и спекулянта. И вот, этот Ратайчак, со всеми своими замечательными, вскрытыми следствием и судом, качествами, становится ближайшим помощником Пятакова по химической промышленности. Химик замечательный! (Движение в зале.)

Пятаков знал, кого выбирал. Можно сказать, на ловца и зверь бежит. Ратайчак пробирается к большим чинам. Он молчит о двигающих им мотивах и не говорит так болтливо, как это сказал, пожалуй, Арнольд, признавший, что его мучила — «тяга к высшим слоям общества». (Смех, движение в зале.) Об этом Ратайчак молчит. Он, конечно, хитрее Арнольда. Он знает, что слово — серебро, а молчание — золото. И вот этот Ратайчак, со всеми своими моральными качествами, оказывается человеком, сумевшим добиться степеней известных. Он начальник Главхимпрома! Надо только вдуматься в то, что значат эти слова: начальник Главного управления всей химической промышленности нашей страны!

Если бы у Пятакова не было никаких других преступлений, то только за одно то, что он этого человека подпустил ближе одного километра к химической промышленности, — его надо было привлечь к самой суровой ответственности.

На ответственном посту начальника Главхимпрома Ратайчак, этот обер-вредитель, разворачивает свои преступные таланты, пускается в широкое преступное плавание, раздувает паруса во-всю, — взрывает, уничтожает плоды трудов народа, губит и убивает людей.

Или возьмите Дробниса, старого профессионального троцкиста, этого истребителя рабочих по формуле — «чем больше жертв, тем лучше». Или возьмите Князева, японского разведчика, пускавшего под откос не один десяток маршрутов. Или Лившица — бывшего зам. наркома путей сообщения и одновременно заместителя Пятакова по преступным делам на транспорте. Совместительство было в ходу у этой компании... Наконец, троцкистский «солдат» Муралов, один из самых преданных и закоренелых адъютантов Троцкого, — он также признал, что был вредителем и диверсантом. И рядом — Арнольд, он же Иванов, он же Васильев, он же Раск, он же Кюльпенен и, как еще его там звали, — никому неизвестно. Этот прожженный пройдоха, прошедший огонь, воду и медные трубы, жулик и авантюрист, тоже оказывается троцкистским доверенным человеком... И первым бандитом. Или Граше, человек не только трех измерений, но, по крайней мере, трех подданств, сам определивший свою основную профессию очень красноречиво, хотя не особенно приятным словом, — шпион, и, добавивший, что ему, как шпиону, по положению иметь убеждений не полагалось... (Смех в зале.)

Вот беглая характеристика тех кадров, которые здесь продефилировали перед судом, перед всей страной, перед всем миром, — кадров, которые собрал «параллельный» центр, армии, которую организовал этот самый «параллельный» центр по указанию Троцкого, воспитал и бросил на троцкистскую борьбу против советской власти и Советского государства.

Говоря об этих кадрах, конечно, особо надо сказать об их главарях, об атаманах. Начнем, конечно, с Пятакова, — после Троцкого первого атамана этой бандитской шайки. Пятаков не случайный человек среди троцкистов. Пятаков, до сих пор упорно и умело маскировавшийся, всегда был и есть старый враг ленинизма, враг нашей партии и враг советской власти. Проследите политический путь Пятакова.

В 1915 году он выступает вместе с Бухариным П. Киевского выступает, как сложившийся о праве наций на самоопределение, по вопросу, имеющему важнейшее принципиальное значение в определении позиции большевизма, кстати, обругав Ленина находу «талмудистом самоопределения».

В 1916 году этот же человек под псевдонимом П. Киевского выступает, как сложившийся уже идеолог троцкизма. Он доказывает, что социальный переворот (он говорит — социальный процесс) можно мыслить лишь, как объединенное действие пролетариев всех стран, разрушающее границы буржуазного государства, сносящее пограничные столбы. Внешне ультра-«левая», в действительности — чисто троцкистская постановка вопроса. Пятаков полностью здесь повторяет троцкистский тезис о невозможности построения социализма в одной стране. Он выступает против Ленина. Ленин разоблачает антимарксистский характер этого пятаковского выступления. Ленин квалифицирует эту статью уже тогда как статью, способную нанести «серьезнейший удар нашему направлению и нашей партии», как статью, которая могла скомпрометировать партию изнутри, из ее собственных рядов, «превращала бы ее, — как писал Ленин, — в представительницу карикатурного марксизма».

1917 год. Пятаков опять выступает против ленинского тезиса о праве наций на самоопределение. Он называет это право «бессодержательным правом», увлекающим революционную борьбу на ложный путь. Он высказывается против возможности построения социализма в

одной стране. Пятаков в 1917 году — против апрельских тезисов Ленина

В 1918 году он опять против Ленина. Это был тяжелый год героической борьбы рабочих и крестьян нашей страны, отстаивавших в неимоверно сложных и трудных условиях, с оружием в руках, свою независимость. Это был год, когда, по словам Ленина, мы впервые «вошли в сердцевину революции». Это был год, когда Ленин призывал «лучше пережить и перетерпеть и перенести бесконечно большие национальные и государственные унижения и тягости, но остаться на своем посту, как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному переждать, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь».

Позиция Пятакова вместе с Радеком — против этого тезиса, против Ленина. Они — эти «левые» коммунисты — готовы даже итти на утрату советской власти. Еще в 1918 году, засев в бюро Московского комитета партии, эти господа говорили о необходимости, хотя бы ценою утери советской власти, превратившейся, как они говорили, в формальное понятие, сорвать Брестский мир. Заключение Брестского мира Сталин справедливо называл образцом ленинской стратегии, давшей силы для подготовки к отражению банд Деникина и Колчака.

Пятаков, Радек и их единомышленники думали и действовали уже тогда так, как их уже позже метко и крепко назвал Феликс Дзержинский, бросивший по адресу троцкистов и зиновьевцев — «кронштадтцы»! Пятаковы и Радеки не дорожили советской властью. Они дошли в своей борьбе против Ленина до такого остервенения, что поговаривали о смене существовавшего тогда Совета Народных Комиссаров и о замене его Совнаркомом из людей, входящих в состав группки «левых». Это Пятаков и его компания в 1918 году, в момент острейшей опасности для Советской страны, вели переговоры с эсерами о подготовке контрреволюционного государственного переворота, об аресте Ленина с тем, чтобы Пятаков занял пост руководителя правительства — председателя Совнаркома. Через арест Ленина, через государственный переворот прокладывали себе эти политические авантюристы путь к власти!

А сейчас что делают они? Через попытки свержения советской власти, через террористические акты против руководителей нашей партии и Советского государства — против товарища Сталина и его соратников — они прокладывают тот же путь к реставрации капитализма при помощи иностранных интервенционистских агрессорских штыков, при помощи террора, диверсий, шпионажа, вредительства и всех возможных тяжких государственных преступлений. Историческая преемственность налицо. Вместе с Троцким Пятаков восставал против Ленина в тяжелые для нашей страны дни Бреста. Вместе с Троцким восставал Пятаков против Ленина в дни, когда партия совершала сложнейший поворот к новой экономической политике. Вместе с Троцким Пятаков боролся против ленинского плана построения социализма в нашей стране, против индустриализации и коллективизации нашей страны, проведенной под гениальным руководством нашего вождя и учителя товарища Сталина.

15-й год, 16-й год, 17-й год, 18-й год, и 19-й, 21-й и 23-й, 26-й и 27-й — больше десятилетия Пятаков неизменно защищает троцкистские позиции, ведет открытую борьбу против Ленина, против генеральной линии партии и против Советского государства.

1926-й год — 1936-й год — это второе десятилетие почти непрерывной, но уже тайной, подпольной борьбы Пятакова против Советского государства и нашей партии, борьбы, которую он вел систематически и не покладая рук, пока, наконец, не был пойман с поличным, не был уличен, не был посажен на эту скамью подсудимых, как предатель и изменник!

Таков Пятаков и его портрет.

Многое из того, что я сказал о Пятакове, можно повторить и в отношении подсудимого Радека. Радек не раз выступал против Ленина как до, так и после революции. Этот Радек в 1926 г. на диспуте в Коммунистической Академии хихикал и издевался над теорией построения социализма в нашей стране, называя ее теорией строительства социализма в одном уезде, или даже на одной улице, называя эту идею щедринской идеей.

По этому поводу Сталин писал: «Можно ли назвать это пошлое и либеральное хихикание Радека насчет идеи строительства социализма в одной стране иначе, как полным разрывом с ленинизмом?»

Радек — один из виднейших и, надо отдать ему справедливость, талантливых и упорных троцкистов. При Ленине он идет войной против Ленина, после Ленина он идет войной против Сталина. Прямо пропорционально его личным способностям велика его социальная опасность, его политическая опасность. Он неисправим. Он — хранитель в антисоветском троцкистском центре портфеля по внешней политике. По поручению Троцкого он ведет дипломатические переговоры с некоторыми иностранными лицами или, как он выражается, «дает визу» на мандат Троцкого. Он регулярно, через собственного, так сказать, дипкурьера Ромма переписывается с Троцким, получает от него то, что они здесь высокопарно называли «директивами». Он один из самых доверенных и близких к главному атаману этой банды — к Троцкому — людей.

Сокольников. В 1918 г. он тоже против Ленина. Он даже в том году по одному политическому конфликту угрожал Ленину отставкой. В 1921 г. он подписывает антиленинскую бухаринскую профсоюзную платформу. В 1924 г. он подписывает «пещерную платформу», ту, которая была написана в пещере около Кисловодска. В 1925 г. Сокольников, клевеща на Советское государство, утверждал, что наша внешняя торговля, наши внутренние торговые предприятия являются государственно-капиталистическими предприятиями. Государственный банк является точно так же государственно-капиталистическим предприятием, что наша денежная система проникнута принципами капиталистической экономии. Апологет и идеолог капиталистической экономической политики!

Товарищ Сталин тогда указал, что Сокольников — сторонник дауэсизации нашей страны. Сокольников был доподлинным сторонником сохранения хозяйственной отсталости нашей страны, т. е. закабаления нашей страны капиталистическими странами, «превращения нашей страны в придаток капиталистической

системы». Как видите, от этой позиции Сокольников никуда не ушел и к сегодняшнему дню.

Сокольников, будучи в 1925 году наркомфином, жаловался и клеветал на нашу партию и советское правительство, что они мешают ему защищать диктатуру пролетариата и бороться с кулаком, мешают обуздать кулака. А теперь Сокольников перед всем миром признался, что троцкистский центр, одним из заправил которого он является, рассчитывал именно на кулака, или вернее, уже на остаточки кулака. На суде он сам говорил: «Мы понимали, что в своих программных установках нам надо возвращаться к капитализму и выставлять программу реставрации капитализма, потому что тогда мы сможем опереться на некоторые слои в нашей стране».

Вопрос: Конкретно, на какие силы вы рассчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: Нет.

Вопрос: На колхозное крестьянство?

Сокольников: Конечно, нет.

Вопрос: На кого же?

Сокольников: Говоря без всякого смущения, надо сказать, что мы рассчитывали, что сможем опереться на элементы крестьянской буржуазии...

Вопрос: На кулака, на остаточки кулака?

Сокольников: Так.

Так Сокольников пришел к откровенной кулацкой программе, к откровенной защите кулацких интересов, завершив путь своего падения. От позиции Сокольникова 1925—26 гг. к программе троцкистского центра 1933—1936 гг.— переход вполне естественный.

Два слова о Серебрякове — четвертом члене этого антисоветского троцкистского центра. Он подписывает бухаринскую программу во время профсоюзной дискуссии 1920 г., он активный участник оппозиции 1923 года, он активный участник оппозиции 1926—27 гг., он, по существу, как он и сам признался здесь на суде, никогда не порывал с троцкизмом. Ясно, что он имел все основания претендовать на руководящее положение в этом антисоветском троцкистском центре.

Как старых троцкистов, мы знаем Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Лившица. Знаем, что они ряд лет посвятили борьбе против Ленина и социалистического строительства в нашей стране. Не ясно ли, что участие этих людей в антисоветской подпольной троцкистской работе, участие в троцкистском вредительстве, диверсиях и террористических группах, их измена родине были подготовлены и явились прямым следствием всей их прошлой троцкистской деятельности, явились прямым результатом их многолетней борьбы против СССР, против советского народа. Это должны были признать сами обвиняемые. Они долго, упорно и гнусно вели свою борьбу против социализма. Теперь они схвачены с поличным. С них сорвана последняя маска. Они изобличены как враги народа, как ничтожная гнусная кучка людей, ставших агентами иностранной разведки.

Не политическая партия, а банда преступников

Эти господа пробовали предстать, как некая политическая партия. Пятаков на суде говорил о своих сообщниках, как о «фракции», говорил о «политическом недоверии» своей «фракции» к зиновьевской части блока. Он говорил о «собственной организации», употребляя это понятие в политическом смысле; о «собственной» даже политике, которую собирался вести Троцкий. Радек тоже говорил о своих сообщниках, как о политических руководителях. Говоря о преступных вредительских требованиях Троцкого, полученных Пятаковым в личной беседе Пятакова с Троцким, обвиняемый Пятаков говорил о них, как о составной части политики Троцкого.

В высоком стиле говорил и Радек — один из тех «реальных политиков», которые реально изменяли родине, обещали врагам реальные территориальные уступки. Говоря даже о таких прозаических вещах, как обычное уголовное вредительство, Радек пытался говорить в высоком штиле, как о политической материи. На судебном заседании 24 января Радек говорил: «Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германо-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял, что, раз я говорил о реальных политиках, значит есть в СССР реальные политики и нереальные политики; нереальные — это советское правительство, а реальные — это троцкистско-зиновьевский блок». Вот они, эти реальные политики, сидят здесь под охраной... всего только трех красноармейцев! (Смех в зале.) Не трудно убедиться, что весь этот высокий стиль был в сущности говоря приплетен сюда по некоторой старой памяти. Не трудно убедиться, что это — вовсе не политическая партия, что это — просто банда уголовных преступников, ничем или, в лучшем для них случае, немногим отличающихся от бандитов, которые оперируют кистенем и финкой в темную ночь на большой дороге.

Это — не политическая партия. Это — банда преступников, представляющих собой простую агентуру иностранной разведки. На прямо поставленный Пятакову вопрос: «Были ли связаны члены вашей организации с иностранными разведками?» — Пятаков ответил: «Да, были». И рассказал о том, как эта связь была установлена по прямой директиве Троцкого. Это подтвердил и Радек — специалист «параллельного» центра по «внешним делам». Это подтвердили Лившиц, Князев, Шестов, ряд других подсудимых — прямые и непосредственные агенты этих разведок. Вот что представляет собой эта компания, которая называла себя «политической силой», какой она хотела казаться, а в действительности была не политической партией, а шайкой разведчиков, бандитов, террористов и диверсантов.

Корни этой группы — не в народных массах нашей страны, которых эта банда боится, от которых она бежит, как чорт от ладана. От народных масс эта банда прячет свое лицо, прячет свои звериные клыки, свои хищные зубы. Корни этой компании, этой банды надо искать в тайниках иностранных разведок, купивших этих людей, взявших их на свое содержание, оплачивавших их за верную холопскую службу. Вы видели этих штатных и внештатных полицейских шпиков и разведчиков.

Пятаков убеждает своих подручных в необходимости организации взрывов и диверсий по преимуществу с человеческими жертвами. Дроб-

нис доказывает, что «чем больше жертв, тем лучше» для троцкистов. Шестов организует убийства. Лившиц, Князев, Турок организуют крушения поездов. А Радек занимается «внешней политикой», смысл которой состоит в том, чтобы так же, как Лившиц и Князев пускали под откос поезда, пустить под откос дело социализма, открыть ворота иноземному врагу, врагу-агрессору. Каждый из них у вас перед глазами, погрязший в этом кровавом преступном месиве. Возьмите отдельные группы: они переплелись с иностранными разведчиками, покупающими их обещаниями поддержки, а то и просто за наличный расчет.

Они взрывают шахты, сжигают цеха, разбивают поезда, калечат, убивают сотни лучших людей, сынов нашей родины. 800 рабочих Горловского азотно-тукового завода через газету «Правду» сообщили имена погибших от предательской руки диверсантов лучших стахановцев этого завода. Вот список этих жертв: Лунев — стахановец, рождения 1902 года, Юдин—талантливый инженер, рождения 1913 г., Куркин — комсомолец, стахановец, 23-х лет от роду, Стрельникова — ударница, 1913 года рождения, Мосиец, ударник, тоже 1913 года рождения. Это — убитые. Ранено было больше десяти человек. Погиб Максименко — стахановец, выполнявший норму на 125—150 проц., Немихин, один из лучших ударников, который спустился в забой на шахте «Центральная», пожертвовал своими 10 днями отпуска, а там его подстерегли и убили, убит запальщик Юрьев — один из участников боев с белокитайцами, убит Ланин — участник гражданской войны, старый горняк. И так далее и так далее.

Товарищи судьи! Их убийцы сидят вот здесь, перед вами!..

Шестов организует ограбление банка. Шестов организует бандитское убийство инженера Бояршинова, который показался ему способным разоблачить их преступную деятельность.

Арнольд — международный бродяга, побывавший, кажется, во всех странах мира и везде оставлявший следы своих мошеннических проделок. В Минске он подделывает документ. В Америке оказывается сержантом американской армии и попадает в тюрьму, по его собственному признанию, по подозрению в растрате казенного имущества. Я думаю, что если этот человек когда-нибудь дарвался до казенного имущества, то этому казенному имуществу не сдобровать. (С м е х.) Это — человек, который через масонов пытался пробраться в «высшие слои общества» в Америке, а через троцкистов — к власти, по которой тайно и вожделенно вздыхал, под умелым руководством такого воспитателя, каким явился висельник Шестов...

В буквальном смысле слова шайка бандитов, грабителей, подделывателей документов, диверсантов, шпиков, убийц! С этой шайкой убийц, поджигателей и бандитов может сравниться лишь средневековая каморра, объединявшая итальянских вельмож, босяков и уголовных бандитов. Вот моральная физиономия этих господ, морально изъеденных и морально растленных. Эти люди потеряли всякий стыд, в том числе и перед своими сообщниками и перед самими собой.

Этим «политическим» деятелям ничего не стоило развинтить рельсы, пустить поезд на поезд. Ничего не стоило загазовать шахту и спустить в шахту десяток или несколько десятков рабочих. Ничего не стоило из-за угла убить инженера, честно работающего. Поджечь завод. Взорвать в динамитной яме забравшихся туда детей.

Хороша, нечего сказать, политическая партия! Если бы это была партия, то она не прятала бы от масс своей программы. Политические партии не прячут своей программы, своих политических взглядов. Большевики — эта подлинная политическая партия, партия в самом настоящем и высоком смысле этого слова — никогда не пряталась от масс и никогда не прятала свою программу.

На заре русской революции Ленин писал о том громадном значении, которое революционная социал-демократия придает открытой пропаганде ее идей, открытому заявлению ее целей, открытой массовой агитации за свои программные, тактические и организационные взгляды и принципы. Партия Ленина—Сталина выросла, окрепла и превратилась в громадную и могущественную силу, как партия, опирающаяся на массы, партия, органически связанная с массами. В этом признак настоящей политической партии. Она не только не скрывает от масс своих взглядов, а старается как можно шире распространить в массах эти взгляды. А эта «партия», как они себя называют, боялась и боится сказать о себе народу правду, боится сказать о своих программах.

Почему? Потому что их взгляды, их программа ненавистна нашему народу, как ненавистна капиталистическая кабала, как ненавистен капиталистический гнет, который эти господа хотят вернуть, навязать на шею нашему народу, потому что они превратились в оторвавшуюся от народа группу отщепенцев, банду преступников во главе с атаманом Троцким, с податаманами Пятаковым и Радеком и другими бандитскими «батьками». Это не растение советской страны. Это растение иностранного происхождения, и на советской земле не расти ему, не цвести ему...

Странно слышать, когда эти господа говорят здесь о каком-то соглашении этой «партии», а попросту банды преступников, с японскими и германскими фашистскими силами. С серьезным видом Пятаков, Радек и Сокольников говорили о «соглашении», которое Троцкий заключил, или о котором Троцкий договорился с Германией и Японией. Эти господа с серьезным видом рассказывали, что они рассчитывали использовать эти страны в своих интересах. Но как можно серьезно об этом говорить, когда этот самый «параллельный» центр — просто несчастная козявка по сравнению с волком.

Соглашение! Сказали бы просто: «Сдались на милость победителя». Это, конечно, не соглашение, а сдача на милость победителя.

Послушать Пятакова и Радека, так можно подумать, что действительно это было соглашение. Радек показывал, что он послал Троцкому письмо, «в котором сообщил о получении его директивы, о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше завизирования его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: «не только мы официально, как центр, но я лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами».

Видите ли, Радек и Пятаков «визируют мандат» Троцкому на переговоры Троцкого с ино-

странными государствами. Но это еще не главное. Не главное и то, что центр одобряет эти переговоры. Главное то, что я — Карл Радек, блочный министр иностранных дел центра, лично одобряю то, что Троцкий—этот блочный премьер министр—ищет контакта с иностранными государствами. Это, конечно, звучало бы очень смешно, если бы положение Пятакова и Радека не было бы столь трагичным. Но для всякого, не потерявшего окончательно голову человека, для всякого, обладающего минимумом рассудка, должно было бы быть ясно, что это соглашение, о котором говорили Пятаков с Троцким и Радеком, не соглашение, а прикрашенная капитуляция, сдача троцкистов на милость победителя, что это кабала, что итти на такое соглашение значило лезть в волчью пасть, утешаясь тем, что волк не злой и не проглотит.

Это соглашение мне напоминает басню Крылова «Лев на ловле». В басне говорится, как собака, лев да волк с лисой между собой заключили соглашение — «положили завет» — сообща зверей ловить. Лиса поймала оленя, начали делить. Тут одна из «договаривающихся сторон» говорит: «Вот эта часть моя по договору, вот эта мне, как льву, принадлежит без спору, вот эта мне за то, что всех сильнее я, а к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет, тот с места жив не встанет». (Смех.)

Очень похож этот «завет» на ваше соглашение, господа подсудимые, господа офицеры германского и японского фашизма! Так получилось и у вас, с той лишь, пожалуй, разницей, что в вашем соглашении лев фигурирует на ролях цепной собаки. Вот почему я утверждаю, что здесь нет никакой политической партии, — есть банда преступников, есть морально ничтожные, в моральном отношении растленные люди, потерявшие и совесть и разум.

Морально ничтожные, морально растленные

После того, что мы слышали здесь на суде от этих людей, может ли быть какое-нибудь сомнение, что это действительно и окончательно разложившиеся и морально павшие люди?! Нет, сомнений быть не может.

В то время, как советский народ под руководством нашей партии трудился над укреплением своих новых социалистических позиций, наш враг,—а это его передовой отряд,—медленно, предательски старался прорвать фронт наших побед, обойти нас и ударить с тылу. Не покладая рук, работают иностранные разведчики, отыскивая и находя себе, к сожалению, союзников в нашей стране, помощников в среде, правда, разложившихся, враждебных советскому строю людей и, как теперь доказано с полностью и точностью, — в первую очередь среди троцкистов.

Почему среди троцкистов иностранные разведки находят своих агентов? Потому что троцкисты всем прошлым своим и настоящим доказали непримиримую враждебность к советам, готовность служить капитализму не за страх, а за последние остатки своей совести,—доказали свою способность действовать самыми мерзкими и подлыми средствами борьбы, не останавливаясь ни перед чем.

Еще на XV Всесоюзной партийной конференции товарищ Сталин подчеркивал, что троцкистов и организованный ими в то время блок отличает именно: «неразборчивость в средствах и беспринципность в политике». Эта неразборчивость в средствах, в политической борьбе переросла теперь всякие пределы, достигла чудовищных размеров, возросла в тысячу крат.

Разве не о крайнем пределе морального разложения говорят статьи Пятакова и Радека, посвященные их сообщникам, Зиновьеву и Каменеву, гнуснейшим изменникам, настоящим бандитам, убившим незабвенного Сергея Мироновича Кирова! Не являются ли верхом цинизма и издевательства над последними остатками человеческой совести, над последними понятиями морали статьи, в которых Радек и Пятаков с притворным видом возмущенных праведников требовали расстрела своих собственных союзников, единомышленников и сообщников?!

Вы хотите знать, что представляет собой моральное лицо этих господ? Прочтите их статьи, которые отделяют сегодняшний день от дня их напечатания в наших газетах всего лишь несколькими месяцами.

Вот Радек в 3 номере «Большевика» за 1935 г. разоблачает — что бы вы думали? Двурушничество Зиновьева и всей головки зиновьевской фракции, как он выражается. Специалист этого дела — Радек проявляет здесь большие познания. Развязно повествует он о том, что представляет собой двурушничество...

Позвольте привести свидетельство Радека по вопросу о том, что такое двурушничество... Радека. Он пишет:

«Скатившись к контрреволюции, бывшие вожаки зиновьевско-троцкистского блока применили этот метод разведчиков интервенции, подрывников и вредителей. Двурушничество оказалось маскировочным средством, позволяющим обстрелять пролетарский штаб».

Мы знаем, что когда Радек писал эту статью, он был уже осведомлен за много времени о подготовляющемся злодейском убийстве Сергея Мироновича Кирова. Мы знаем, что он, Радек, был в заговоре и в сговоре с Зиновьевым и Каменевым, убившими тов. Кирова, обреченного на смерть этим самым Радеком и сидящими с ним рядом его друзьями.

И вот, заметая следы своего соучастия в этом гнусном злодействе, Радек повествует о разоблаченных двурушниках, отданных в руки закона, «знающего, как обращаться с теми, кто пытается колебать устои пролетарской революции».

Да, подсудимый Радек, вы правы! Советский закон знает, как обращаться с двурушниками и изменниками, подобными вам и вашим друзьям.

Накануне суда над Зиновьевым, Каменевым и другими, накануне суда над государственными изменниками, изобличенными в антисоветской преступной борьбе, — что писал этот Радек? Он писал о «троцкистско-зиновьевской фашистской банде и ее гетмане — Троцком» (это его собственное выражение), что из зала, где происходил процесс и разбор этого дела, несло «трупным смрадом», и с пафосом восклицал: «Уничтожьте эту гадину! Дело идет не об уничтожении честолюбцев, дошедших до величайшего преступления, дело идет об уничтожении агентов фашизма, которые готовы были помочь зажечь пожар войны, облегчить победу фашизму, чтобы из его рук получить хотя бы призрак власти».

Так писал Радек. Радек думал, что он писал

о Каменеве и Зиновьеве. Маленький просчет! Этот процесс исправит эту ошибку Радека: он писал о самом себе!

Двурушничая и гримасничая, он писал тогда о том, как в 1928 году его — Радека — соблазнял Троцкий бежать за границу и как он — этот Радек — «ужаснулся от мысли о действиях под охраной буржуазных государств против СССР и саботировал попытку побега». В 1929 году, по словам Радека, — «он, Троцкий, уговорив троцкиста Блюмкина организовать транспорт литературы в СССР, послал к нему в гостиницу своего сына Седова с поручением организовать нападение на торгпредства за границей для добычи денег, необходимых Троцкому для антисоветской работы. От эксов, которые Троцкий подготовлял в 1929 году, он в 1931 перешел к подготовке террора, о чем дал прямую директиву Смирнову и Мрачковскому, людям, связанным с ним восемнадцать лет. Смирнов и Мрачковский, поднимая оружие против Сталина и партии, растоптав оказанное им доверие, пали так низко, что нельзя без отвращения вспоминать их имена».

Товарищи судьи! Тогда еще Радек не судился и не был на скамье подсудимых. Это было не в 1936 году, даже не в 1935 году, это было в 1929 году. И здесь Радек свидетельствует о том, как Троцкий давал ему поручения организовать ограбление нашего торгпредства. Тогда Радек был на свободе, его не держали никакие ЧК, ГПУ или НКВД, ему не докучали допросами следователь или прокурор, он был свободным гражданином, он был журналистом, он свободно курил везде и всюду свою трубку, пуская дым в глаза не только своим собеседникам. Что же он тогда писал? Он писал, что он получил от Троцкого поручение организовать нападение на торгпредства для добычи денег, необходимых Троцкому на антисоветскую работу. Я думаю, нельзя не поверить этому авторитетному признанию, сделанному перед советской общественностью, сделанному не на скамье подсудимых, а в советской печати. История, как вы видите, повторяется. И когда нам теперь говорят, что Троцкий в 1935 г. уговаривал Пятакова, вернее не уговаривал, а предлагал организовать хищение советских денег при содействии фирм «Демаг» и «Борзига», когда Седов налаживал для тех же целей связь с фирмой «Дейльман», то мы видим, что история повторяется...

Дальше. Когда Радек писал тогда: «От эксов...» (что такое экс? По-русски, — это просто-напросто грабеж), ...«от эксов, которые Троцкий подготовлял в 1929 году, он в 1931 перешел к подготовке террора, о чем дал прямую директиву Смирнову и Мрачковскому — людям, связанным с ним восемнадцать лет»,— мы думали, что Радек пишет на основании официальных следственных документов. Оказывается, то, что писал Радек, было, так сказать, аутентичным толкованием, т. е. толкованием из авторских уст, как одного из соавторов. Дальше он пишет: «Смирнов и Мрачковский... пали так низко, что нельзя без отвращения вспоминать их имена». Писал так Радек или не писал? Писал. Увы, писал! Радек бил тогда на откровенность, он делал вид, что раскаивается, говорит искренне. Он возмущался, бранился, проклинал, клялся, уверял, раскаивался... От чистого сердца? Нет, он лгал... Вспоминая 1929 г., когда Троцкий подготовлял грабежи наших торгпредств за границей, он делал вид, что говорит от чистого сердца. Нет, он лгал, он прикидывался только, что говорит правду, проклинал своих друзей, чтобы отвести глаза от самого себя, чтобы, как он выразился здесь на своем блатном жаргоне, «не засыпаться». И все-таки он «засыпался». Он прибег к приему закоренелых преступников. «Держи вора!» — кричал он, чтобы самому уйти из рук правосудия. Это известный прием тех, которые говорят языком — «засыпаться» и «пришить». Он пробовал увильнуть, ускользнуть от ответственности. Он, этот Радек, по трупам своих друзей и сообщников пытался выбраться из той зловонной, кроваво-грязной ямы, в которой он тогда уже сидел по уши. Он с искусственной и лживой, нарочитой аффектацией восклицал:

«Пролетарский суд вынесет банде кровавых убийц приговор, который они себе стократ заслужили. Люди, поднявшие оружие против жизни любимых вождей пролетариата, должны уплатить головой за свою безмерную вину. Главный организатор этой банды и ее дел Троцкий уже пригвожден историей к позорному столбу. Ему не миновать приговора мирового пролетариата».

Вы помните, Радек, вы говорили тогда, что эти люди, такие люди должны головою уплатить за свою вину? Радек писал: «Главный организатор этой банды — Троцкий — уже пригвожден историей к позорному столбу, ему не миновать проклятия мирового пролетариата. Это верно. Изменникам не миновать приговора мирового пролетариата, как не миновать и приговора нашего советского суда, суда великого социалистического государства рабочих и крестьян!

А Пятаков? Пятаков тоже выступает в печати по поводу разоблачения бандитско-террористического объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Пятаков рвет и мечет по поводу подлой контрреволюционной деятельности, деятельности, окутанной, как он писал, невыносимым смрадом двурушничества, лжи и обмана. Что скажет Пятаков сейчас, чтобы заклеймить свое собственное моральное падение, свой собственный «смрад лжи, двурушничества и обмана»? Найдет ли Пятаков эти слова, а если найдет, то какая цена этим словам, кто этим словам поверит?

Пятаков писал:

«Нехватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать, как падаль, заражающую чистый, бодрый воздух Советской страны, падаль опасную, могущую причинить смерть нашим вождям и уже причинившую смерть одному из самых лучших людей нашей страны — такому чудесному товарищу и руководителю, как С. М. Киров».

Навзрыд плачет Пятаков над трупом убитого им Кирова. Рыдает. «Враг в нашей стране победившего социализма увертлив», — пишет Пятаков, смотрясь в зеркало. «Приноравливается к обстановке», — охорашивается Пятаков перед зеркалом. «Притворяется», — про себя думает Пятаков, — а ловко я притворяюсь... «Лжет». Гм, — думает Пятаков, — как же не лгать в таком положении? «Заметает следы»... «Втирается в доверие»...

Вот что пишет Пятаков, заметая кровавые следы своих преступлений:

«Многие из нас, и я в том числе, своим ротозейством, благодушием, невнимательным отношением к окружающим, сами того не замечая, облегчили этим бандитам делать свое черное дело». Удивительный трюк! Бдительности мало было у Пятакова! (Движение в зале.) Вот в чем, оказывается, виноват Пятаков. Это опять-таки старый прием уголовных преступников. Когда человека обвиняют в грабеже с убийством, он признает себя виновным в грабеже. Когда человека обвиняют в краже со взломом, он признает себя виновным только в краже. Когда его обвиняют в краже, он признает себя, на худой конец, виновным только в хранении или в скупке краденого.

Это старая тактика профессиональных преступников. Пятаков боится быть пойманным, разоблаченным, и он выступает в печати, громит врага и себя не жалеет. Ах ты, говорит, ротозей Пятаков, не замечаешь, что делается вокруг тебя. Но ведь делается-то не вокруг тебя, это делаешь сам ты!

Пятаков писал: «Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду». Правда, хорошо. Спасибо органам НКВД, что они наконец разоблачили вот эту банду. «Хорошо, что ее можно уничтожить». Правильно, подсудимый Пятаков, хорошо, что можно, не только можно, а нужно уничтожить. «Честь и слава работникам НКВД». Вы кощунствуете, подсудимый Пятаков!

О ком писал Пятаков 21 августа 1936 г.? Пятаков писал о себе. Пятаков опередил неумолимый ход событий.

О чем же говорят эти статьи Пятакова и Радека? Разве не говорят они о крайнем, беспредельном, в буквальном смысле этого слова, моральном падении этих людей, о моральном ничтожестве, о растлении этих людей? Ничтожные, заживо сгнившие, потерявшие последний остаток не только чести, но и разума, подлые людишки, собиравшиеся в поход против Советского государства мальбруки, плюгавые политики, мелкие политические шулера и крупные бандиты.

Программа антисоветского троцкистского центра

Объединенный зиновьевско-троцкистский центр и его деятели упорно пытались доказывать, что у них никаких политических программных требований не было, что у них была одна только «голая жажда власти». Это неправда. Это была попытка обмануть общественное мнение. Не может быть борьбы за власть без какой-нибудь программы, без программы, которая должна формулировать цели, задачи, стремления, средства борьбы. Мы и тогда не верили тому, что не было у объединенного торцкистско-зиновьевского террористического центра какой-нибудь программы. Мы знали, что они ее упорно скрывают, и действительно: программа у них была, как была программа и у этого троцкистского террористического центра. Она сводилась к откровенному признанию необходимости капиталистической реставрации в СССР. Сокольников подтвердил, что по сути дела — это была старая антисоветская рютинская программа. И это верно. Сокольников говорил:

«Что касается программных установок, еще в 1932 г. и троцкисты, и зиновьевцы, правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это — так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще 1932 г.

Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутского ультра-империализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму».

Но как «сговориться»? Захочет ли фашизм «сговориться»? Не предпочтет ли он действовать без всякого сговора, так, как он действует везде, во всем мире — нахрапом, нахрапываясь, давя и уничтожая слабых? Радек говорил, что было ясно, что —

«Хозяином положения будет фашизм — германский фашизм, с одной стороны, и военный фашизм одной дальневосточной страны, с другой».

Это, конечно, понимал не хуже их и их учитель Троцкий, это понимал весь троцкистский центр. На это они шли с открытыми глазами. Это составляло второй пункт их «замечательной» программы.

Третий пункт — вопрос о войне и поражении СССР.

Четвертый — вопрос о последствиях поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств промышленных предприятий, но и продажа в частную собственность важных экономических объектов, которые они наметили; это займы, о которых говорил Радек; это допущение иностранного капитала на те заводы, которые лишь формально останутся в руках Советского государства.

Пятый пункт, как они говорили, — аграрный вопрос. Этот аграрный вопрос очень просто решался у «параллельного» центра, точь в точь, как у Фамусова решался культурный вопрос — «забрать все книги бы да сжечь». Так решался и у них аграрный вопрос: сжечь завоевания пролетарской революции — колхозы распустить, совхозы ликвидировать, тракторы и другие сложные сельскохозяйственные машины передать единоличникам. Для чего? Откровенно сказано: «Для возрождения нового кулацкого строя». «Нового» ли? Может быть, просто старого?

Шестой вопрос — это вопрос о демократии. Радек рассказывал, что ему писал по этому поводу Троцкий. Это очень важно нам знать, особенно теперь, когда наша страна достигла высочайшего развития пролетарской социалистической демократии, выражением чего является недавно принятая и утвержденная нашим народом великая Сталинская Конституция. Как о демократии ставился вопрос в троцкистской программе? Что говорит по вопросу о демократии К. Радек, получивший письмо от своего учителя?

«В письме Троцкий сказал (я цитирую показания Радека):

«Ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции (теперь уже 19. — А. В.), и у него аппетит громадный...»

Это правильно. Такой громадный аппетит, что он скушает, как уже скушал не раз, любого своего врага.

«... а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса».

А в деревне?

«В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то возьмите аналогию с властью Наполеона I и продумайте эту аналогию».

Ну, вероятно, Радек продумал очень хорошо.

И, наконец, седьмой вопрос — программа внешней политики, раздел страны: «Германии отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии». Мы дальше интересовались, а как обстоит дело насчет каких-нибудь других экономических уступок?

Радек ответил:

— Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем—сначала он сказал без цифр, а после более определенно — известный процент обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Я спросил: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помех к завоеванию Китая японским империализмом.

— А насчет Придунайских стран?

Радек: О Придунайских и Балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вот семь основных вопросов этой так называемой программы центра, добивавшегося насильственного свержения советской власти в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя и восстановления в нашей стране господства буржуазии, добивавшегося нанесения удара против демократии, против дела мира, против мирных демократических стран, — в помощь кровожадным империалистическим агрессивным странам фашистского типа.

Что означало и что означает эта программа для рабочего класса, для крестьян, для дела мира, для интересов советского народа?

Эта программа означает возврат к прошлому, ликвидацию всех завоеваний рабочих и крестьян, ликвидацию побед социализма, ликвидацию советского социалистического строя. Социалистический строй — это строй без эксплоатации и эксплоататоров, это строй безкупцов и фабрикантов, без нищеты и безработицы, это строй, где хозяином являются рабочие и крестьяне, строй, где уничтожены все эксплоататорские классы, где остались рабочий класс, класс крестьян, интеллигенция.

Троцкисты этим недовольны. Они хотят изменить существующий у нас ныне общественный строй. Они хотят уничтожить рабочий класс, превратившийся благодаря победе социализма в совершенно новый класс, в р а б о ч и й к л а с с СССР, вернуть его в положение, которое он занимал до Октябрьской революции, в положение рабов, закованных в капиталистические цепи.

Вот что означает для рабочих нашей страны и для рабочих всех стран мира троцкистская платформа капиталистической реставрации в СССР.

Наше советское крестьянство, это новое колхозное крестьянство, — оно совсем не похоже на крестьянство капиталистических стран. В капиталистических странах крестьянство влачит нищее, полуголодное или совсем голодное существование. Разбросанные по лицу всей страны, как говорил об этом товарищ Сталин, они «копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплоатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п.».

«Такого крестьянства, — говорил на Чрезвычайном VIII Съезде Советов Сталин, — у нас уже нет... У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплоатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплоатации крестьянство... Как видите, — говорил товарищ Сталин, — советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества».

Это не нравится троцкистам, и они хотят изменить и это положение. Они хотят вернуть в деревню кулаков и помещиков, утвердить вновь кулацкую власть, восстановить в деревне хозяев, кулаков, отдать крестьян в кулаческую кабалу, лишить наше колхозное крестьянство добытых кровью прав.

Вот что означает для крестьян нашей страны троцкистская программа капиталистической реставрации, возврата нашей страны в руки капиталистов, кулаков и помещиков.

Троцкисты недовольны, наконец, и тем, что победа социализма в СССР превратила интеллигенцию из служанки капитала в равноправного члена советского общества. Троцкисты недовольны тем, что наша интеллигенция «вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества» (Сталин).

Они этим тоже недовольны. Они хотят изменить общественно-политический строй в СССР. Это значит — изменить общественно-политическое положение и роль в нашем государстве рабочих, крестьян и интеллигенции и вернуть их в положение, какое они занимают в старом капиталистическом обществе, бросить их в омут эксплоатации, безработицы, каторжного, беспросветного и тупого труда, вечной нищеты и голода.

Вот что значат те семь пунктов программы реставрации капитализма, о которых я говорил выше.

Поэтому Зиновьев, Каменев и другие главари антисоветского объединенного троцкистского блока и скрывали эту программу, упорно отрицая ее наличие. Эту программу скрывали и главари «параллельного» центра—Троцкий, Пятаков, Радек, Сокольников и другие.

Как показывал Радек, Троцкий указывал, что «не надо теперь перед рядовыми членами блока ставить программных вопросов во весь рост. Испугаются...» Радек заявил:

«И для меня и для Пятакова было ясно, что директива подвела блок к последней черте, что подводя итоги и намечая перспективы работы блока, она устраняла всякие сомнения насчет ее буржуазного характера. Понятно, мы этого вслух признать не могли, ибо это ставило нас перед необходимостью—или признать себя фашистами, или поставить перед собой вопрос о ликвидации блока»... (т. V, л. д. 147).

Не потому ли, между прочим, не удалось Радеку созвать совещание? О чем бы стали они говорить на этом совещании? О реставрации капитализма? О расчленении СССР? О разделении территории СССР? О территориальных уступках? О распродаже нашей территории японским и германским захватчикам? О шпионаже, вредительстве? Они скрывали эти пункты своей программы, являющиеся основными пунктами их программы. Но известно, что нет ничего тайного, что не стало бы явным. Стала явной и эта позорная программа антисоветского троцкистского блока.

Эту программу признали здесь Пятаков, Радек, Сокольников, об этом рассказали здесь на суде они сами.

Но может быть, это выдумки? Может быть, они говорят так просто потому, что они хотят разыграть комедию раскаявшихся грешников? Раз раскаялись, то надо о чем-то говорить, надо что-то разоблачать. Может быть, Троцкий никогда таких установок не давал?

Но, товарищи судьи, вы знаете, всем известно, что за границей Троцкий издает так называемый «Бюллетень оппозиции», и если вы возьмете № 10, за апрель 1930 г., этого «Бюллетеня», вы увидите, что там напечатано по существу то же самое:

...«Отступление все равно неизбежно. Нужно совершить его как можно раньше...

...Приостановить «сплошную» коллективизацию...

...Прекратить призовые скачки индустриализации. Пересмотреть в свете опыта вопрос о темпах...

...Отказаться от «идеалов» замкнутого хозяйства. Разработать новый вариант плана, рассчитанный на возможно широкое взаимодействие с мировым рынком...

...Совершить необходимое отступление, а затем стратегическое перевооружение...

...Без кризисов и борьбы из нынешних противоречий выйти нельзя...»

В 1933 году Л. Троцкий требовал:

а) роспуска большей части колхозов, как дутых;

б) роспуска совхозов, как нерентабельных;

в) отказа от политики ликвидации кулачества;

г) возврата к концессионной политике и сдачи в концессию целого ряда наших промышленных предприятий, как нерентабельных.

Эта программа не только выражала взгляды, надежды и чаяния троцкистских контрреволюционеров, но, как установлено следствием, служила и основой соглашения троцкистов с иностранными агрессорами, которые зарятся на советскую землю. Ведь следствием установлено, что на основе этой программы Радек, Пятаков и их сообщники вступили в вели переговоры с иностранными агрессорами, с их представителями, ожидая от них военной помощи и обещая им различные экономические и политические выгоды, вплоть до уступки части советской территории. Предатели шли на все, даже на распродажу родной земли. Они пошли на самую черную измену, они пали ниже последнего деникинца или колчаковца. Последний деникинец или последний колчаковец выше этих предателей. Деникинцы, колчаковцы, милюковцы не падали так низко, как эти троцкистские иуды, продававшие родину за 30 серебренников, да и то фальшивых, пытавшиеся отдать в кабалу иностранному капиталу нашу страну. Это — факты. Это следствием установлено, и поколебать это нельзя.

Мудрено ли, что подобная программа предательства отвергается нашим народом, что если бы с этой программой пойти на наши фабрики, заводы, в колхозы, в наши красноармейские казармы, агитатора немедленно бы схватили и повесили на первых попавшихся воротах. И поделом, ибо, кроме виселицы изменникам не может быть другого удела. Это программа черной измены. Мы противопоставляем ей свою программу — программу советского правительства. Напрасно было бы изображать дело так, будто здесь идет борьба, спор между двумя фракциями, одной из которых повезло, и она пришла к власти, а другой не повезло, «не пофартило», и она к власти не пришла.

Тут идет борьба не на жизнь, а на смерть между двумя программами, двумя противоположными системами принципов, враждебных друг другу направлениями, взглядами, отражающими эти принципы. Этой черной программе троцкистов мы противопоставляем свою программу ликвидации капитализма, ликвидации всех отстатков капитализма в нашей стране. Вся Советская страна, рабочие, крестьяне и интеллигенция, под руководством нашей великой партии, партии Ленина—Сталина, под руководством нашего великого вождя и учителя Сталина героически борется за эту программу, неустанно трудится на укрепление нашей государственной независимости, самостоятельности и неприкосновенности наших границ и нашей земли.

В одном великом порыве, невиданном в прошлом истории царской России и ни в одном капиталистическом государстве, в порыве советского патриотизма, героическими руками трудящихся СССР строится наше новое социалистическое отечество. Все народы нашей страны охвачены небывалым в истории энтузиазмом, творящим чудеса. Могуча любовь к нашей родине, к нашему отечеству!..

«В прошлом у нас не было и не могло быть отечества»,—говорил товарищ Сталин в 1931 г. «Но теперь, когда мы свергли капитализм, власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость».

Вся наша страна громко, на весь мир повторяет эти слова товарища Сталина и готова по первому призыву партии и правительства, как один, подняться на защиту отечества.

Товарищ Сталин сказал:

«Наша политика есть политика мира» и что мы «эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

Пусть это крепко запомнят наши враги.

Наш великий русский народ, наши великие народы — украинский, белорусский, узбекский, грузинский, азербайджанский, армянский, татарский и все другие многомиллионные народы СССР живой стеной стоят на страже наших границ, охраняя каждую пядь, каждый вершок нашей священной советской земли!

«Мы полны, — писал Ленин, — чувства национальной гордости, ибо великорусская нация т о ж е создала революционный класс, т о ж е доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами» (XVIII, 81).

И вот перед вами, товарищи судьи, сидят люди, которые собирались повергнуть с помощью иностранных штыков нашу страну в капиталистическое рабство. Об этих людях и им подобных писал в свое время Ленин, что это «вызывающие законное чувство негодования, презрения и омерзения холуи и хамы». Вот эти люди, эти холуи и хамы капитализма, пытались втоптать в грязь великое и святое чувство нашей национальной, нашей советской патриотической гордости, хотели наглумиться над нашей свободой, над принесенными нашим народом за свою свободу жертвами; они изменили нашему народу, перешли на сторону врага, на сторону агрессоров и агентов капитализма. Гнев нашего народа уничтожит, испепелит изменников и сотрет их с лица земли...

Пораженческая позиция троцкистского центра—провокация войны

Как это установлено на предварительном судебном следствии, антисоветский троцкистский центр одним из пунктов своей программы имел установку на ускорение войны и поражение Союза ССР в этой войне. А через войну и поражение — приход к власти, захват власти и использование ее для капиталистической реставрации.

Троцкистский центр в составе Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова понимал, разумеется, всю безнадежность своих преступных замыслов о свержении Советской власти и захвате этой власти в условиях мирного существования нашего Союза, мирного развития СССР. Они понимали, конечно, что внутри нашей страны нет сил, на которые можно было бы рассчитывать, как на действительно реальные силы. Поэтому главари этого центра основную ставку свою ставили на предстоящую войну, на неизбежность военного нападения на СССР агрессора, на неизбежность завязки войны, на необходимость обеспечить в этой войне победу нашего врага и наше поражение.

В беседе с Пятаковым в декабре 1935 года Троцкий, по словам Пятакова, прямо говорил о неизбежности войны в ближайшее же время. Мы здесь это проверили, насколько возможно. Называлась дата — 1937 год.

Я не могу здесь не сказать об одном обстоятельстве, которое было вчера рассмотрено в закрытом заседании. Именно, в связи с установкой Троцкого и, очевидно, соответствующих компетентных в этом деле кругов и учреждений одного иностранного государства, с которым договаривался Троцкий, установка на 1937 год обусловливалась необходимостью ряда таких мероприятий, которые должны были бы действительно к этому времени подготовить неизбежность поражения СССР. Вчера на закрытом судебном заседании Пятаков и Ратайчак дали подробное объяснение, что они сделали для того, чтобы обеспечить наше поражение в случае возникновения войны в 1937 году и, в частности, в деле снабжения нашей армии необходимыми средствами обороны. Они нам показали вчера, как глубоко и как чудовищно подл был их план предательства нашей страны в руки врага. Они показали, как они своим планом хотели обезоружить в наиболее для нас важный и опасный в случае возникновения военных действий период времени — нашу Красную Армию, нашу страну, наш народ.

Теперь становится понятным, почему их планы были приноровлены к тому, чтобы именно в 1937 году поставить нас в тяжелое положение в области некоторых мероприятий оборонного значения.

Именно к 1937 г. было подтянуто то чудовищное преступление, которое вчера было установлено в закрытом судебном заседании. Именно в 1937 г. ставилась основная ставка на поражение.

Надо вспомнить, что еще 10 лет назад Троцкий оправдывал свою пораженческую позицию по отношению к СССР, ссылаясь на известный тезис о Клемансо. Троцкий тогда писал: надо восстановить тактику Клемансо, восставшего, как известно, против французского правительства в то время, когда немцы стояли в 80 км от Парижа. Товарищ Сталин зло высмеял Троцкого — этого «опереточного Клемансо» и его «Донкихотскую группу». Троцкий и его сообщники выдвинули тезис о Клемансо не случайно. Они вновь вернулись к этому тезису, но уже теперь не столько в порядке теоретической, сколько практической подготовки, подготовки на деле, в союзе с иностранными разведками, военного поражения СССР.

Л. Троцкий и антисоветский троцкистский центр всячески, всеми доступными им средствами старались ускорить нападение агрессоров на СССР.

«Ускорить столкновение» — спровоцировать войну, подготовить поражение СССР — вот к чему сводилась программа троцкистского «центра» в области, так сказать, внешней политики.

Это — «программа» иностранных лазутчиков, агентов иностранных разведок, забирающихся, если это им удастся, в самую гущу рядов противника и пытающихся взрывать ряды противника изнутри. Вот к чему сводилась программа троцкистского центра в части, так сказать, внешней политики.

Две программы — непримиримые, как смертельные враги, стоят одна против другой. Две

программы, два лагеря. С одной стороны, оторванная от народа и враждебная народу жалкая кучка людей, ставшая агентами иностранных разведок: с другой стороны — советское правительство, имеющее поддержку со стороны всего населения СССР. Две программы, две принципиально противоположные линии борьбы.

Вполне понятно, что исходя именно из этих принципиальных своих установок на войну, на поражение, на дезорганизацию нашего государства, на предательство его интересов воинствующему фашизму, и вытекал ряд уже других практических шагов и мероприятий, которые проводила троцкистская организация под руководством своего троцкистского антисоветского центра.

Организация и совершение диверсий и вредительства

Радек и Пятаков подтвердили на суде, что в подготовке военного поражения главным методом в руках изменников из «центра» являлись вредительские мероприятия и диверсии.

Пятаков показывал, что Троцкий при свидании с ним объяснял, что одним из пунктов достигнутого Троцким с представителями германской национал-социалистской партии соглашения было обязательство.

«... во время войны Германии против СССР... занять пораженческую позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения... действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом».

Осуществляя взятые на себя таким образом обязательства, «параллельный» или просто антисоветский троцкистский центр на ряде предприятий нашего Союза в действительности организовал, как это установлено следствием, широкую систему вредительских действий и даже диверсий, проводившихся через специально организованные ими диверсионные и вредительские группы. Не только в области нашей промышленности, но также и в области жел.-дор. хозяйства, «параллельный» центр расставлял, в соответствии с этим, своих людей. Мы видели ведь, как это делалось. Если плохо или недостаточно удовлетворительно, с точки зрения центра, разворачивается вредительская и диверсионная работа в Западной Сибири, Пятаков спешит туда, посылает Дробниса, специально для того, чтобы усилить западносибирский центр, руководящий диверсионной и вредительской работой.

Мы знаем, что расстановка сил проводилась и проходила по определенному плану, не случайно. Были специальные люди, в адреса которых направлялись прибывавшие из-за границы разведчики. Эти разведчики расставлялись также по определенному плану, их направляли именно туда, где, казалось, необходимо нанести наиболее чувствительный, как говорили Пятаков и Троцкий, удар.

Пятаков оставляет в центре за собой руководство диверсионной и вредительской работой. Руководство вредительством и диверсиями на жел.-дор. транспорте поручается Серебрякову, вкупе с ним Князеву, Туроку, Богуславскому.

Естественно, громадное внимание преступный центр обращал на Кузбасс, в частности, на Кемерово. Не случайно, именно в Западной Сибири создается достаточно сильный краевой ших помощников — Ратайчака, Норкина; Муралова, Дробниса и Богуславского. Пятаков подтягивает к себе в качестве своих ближайших помощников — Ратайчака, Норкина, Муралов и Дробнис опираются на Шестова и Строилова.

Основные вредительские и диверсионные силы расставляются достаточно умело и по определенному плану. Основной вредительский и диверсионный актив не распыляется, он концентрируется. Эти силы концентрируются со всеми необходимыми требованиями, предъявляемыми конспирацией. Эти силы концентрируются на наиболее крупных, наиболее важных предприятиях, имеющих преимущественно оборонное значение. Здесь учитывается и ряд таких, естественно возникающих трудностей, которые связаны с организацией нового дела, каким является, например, организация мощного Кемеровского комбината. Учитывается решительно все. Можно сказать, что каждая мелочь берется на строгий учет. Все взвешивается «по-хозяйски», если употребить это слово в издевательством над понятием хозяин. Пятаков выступает здесь именно как хозяин, как организатор этого вредительского хозяйства.

Это — человек, который живет двойной жизнью. Он ко всему, даже к вредительскому и диверсионному акту, подходит с расчетом, с выкладкой, соображая, что к чему, что и когда, действуя не просто так, по-партизански. Пятаков — враг партизанщины и в области террора, и в области вредительства, и в области диверсии. Он действует по строгому хозяйственному расчету: вредит там, тогда, так и столько, где, когда, как и сколько ему в этом помогают и содействуют обстоятельства. Учет обстоятельств находится в его руках, учет обстановки находится в его руках, учет сил — в его руках, учет средств — в его руках. Средства маскировки также находятся в его руках. Отсюда достаточно широкая, планомерная, разветвленная вредительская, диверсионная деятельность, чудовищность которой иногда может просто привести в содрогание. На предварительном следствии Пятаков показал:

«Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не распыляться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение.

В этом пункте я действовал по директиве Троцкого: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах».

Надо отдать Пятакову справедливость, он умел наносить чувствительные удары в действительно чувствительных местах.

Мы видели на судебном следствии, что означала эта троцкистско-пятаковская формула в действии: она означала порчу и уничтожение машин, агрегатов и целых предприятий, поджог и взрыв целых цехов, шахт и заводов, организацию крушений поездов, гибель людей.

Наша история знает немало преступлений против власти рабочих, против пролетарской диктатуры. В нашу историю вписаны отвратительные страницы возмутительных заговоров против советов. Мы помним «шахтинское дело» и как живые свидетели прошедших перед нашими глазами судебных процессов, мы помним дело «Промпартии», дело «Союзного бюро с.-д. меньшевиков». Но едва ли будет преувеличе-

нием сказать, что в искусстве вредительства, цинизма и гнусной диверсионной практики троцкисты далеко оставили за собою своих предшественников, что в этой области они перещеголяли самых матерых и отъявленных преступников. Если сравнить Пятакова с его предшественниками в этой области, то я думаю, что фигуры его предшественников померкнут перед силою и глубиною тех предательских, преступных действий, которые сумел осуществить Пятаков, прикрывая свою преступную деятельность своим высоким положением в Наркомтяжпроме.

Организуя вредительские диверсионные акты, троцкистский антисоветский центр решал по существу одновременно две задачи: одну задачу — подорвать хозяйственную мощь советского государства и обороноспособность нашей страны, другую задачу — вызвать у рабочих, у трудящихся, у населения озлобление против советской власти, натравить народ на советскую власть. Эту вторую задачу они решали при помощи самых изуверских преступлений. Они не только не останавливались перед этими преступлениями, они, наоборот, старались эти преступления организовать в возможно более широком масштабе, старались увеличить число жертв возможно больше. И не прав Пятаков, когда говорит, что принимал «это», как неизбежное. Он здесь не имеет мужества сказать всю ту правду, которую сказал сидящий за его спиною Дробнис.

Не как необходимое и неизбежное принималась центром система взрывов, поджогов, крушений с человеческими жертвами. Организация этого рода преступлений входила в план центра, являясь его составной частью. Дробнис сказал:

«Даже лучше, если будут жертвы на шахте, так как они несомненно вызовут озлобление у рабочих, а это нам и нужно».

Князев говорил, что Лившиц дал ему поручение:

«Подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений или отравлений), которые сопровождались бы большим количеством человеческих жертв».

Товарищи судьи! На суде перед нашими глазами прошло несколько тяжелых картин, которые я должен буду сейчас восстановить в вашей памяти. Должен восстановить взрыв на шахте «Центральная», повлекший гибель 10 рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих. Я должен буду также напомнить о крушении на станции Шумиха, повлекшем за собой смерть 29 красноармейцев и ранение еще 29 красноармейцев.

Характерно, что, совершая преступления, заговорщики очень хладнокровно и продуманно заметали свои следы, пытались эти следы замести. Мы видели, как по поводу отравления рабочих в декабре 1935 года на 6-м участке в районе Северного Ходка в Кемерово члены вредительской троцкистской организации Пешехонов и другие составили специальный акт, скрывший умышленный характер этого отравления. Здесь же на суде Князев и Турок должны были подтвердить, что ряд организованных ими железнодорожных крушений остались безнаказанными, потому что они с циничным искусством прятали достаточно успешно концы в воду.

Мы знаем, что эти люди не останавливались перед тем, чтобы заведомо лживо, заведомо неправильно сообщать следственным органам о виновниках организованных ими крушений, что они умели свалить вину на совершенно невинных людей, как это было со стрелочницей Чудиновой.

Здесь действовала чудовищная бандитская система, которая не щадит никого, не останавливается ни перед чем, направляет свои удары не только против тех, с кем непосредственно ведется борьба, но и против всех тех, кто вообще встречается на их преступном пути.

Надо сказать, что организация диверсионных и вредительских актов и проведение их в жизнь весьма облегчались преступникам тем, что ряд командных должностей в промышленности и на транспорте был захвачен в свои руки этими людьми, сумевшими нас обмануть. Экспертные технические комиссии, которые давали здесь свое заключение, с совершенной точностью и конкретностью установили, что все так называемые аварии, взрывы, пожары, которые сначала пытались изобразить, как результат несчастных случаев, на самом деле проводились вредителями умышленно, продуманно. Установлено, что на Горловском азотно-туковом комбинате под руководством подсудимого Ратайчака были организованы в сравнительно короткий срок три диверсионных акта, в том числе два взрыва, повлекшие за собой человеческие жертвы и причинившие нашему государству к тому же и тяжелый материальный урон.

Товарищи судьи! Для того, чтобы оценить со всей полнотой всю безмерную чудовищность этих преступлений, надо не упускать из виду не только то, что эти преступления совершены, но и то, что они совершены людьми, которым была вверена охрана интересов нашего государства от всякого рода посягательств на них. Ратайчак, который должен был в первую очередь охранять нашу химическую промышленность от всякого рода посягательств на нее и беречь от всякого рода ущерба, этот человек предает. Он действует, как прямой изменник: за подобного рода преступления в военной обстановке он подлежал бы расстрелу на месте, немедленному уничтожению.

Аналогичные диверсионные акты по поручению Ратайчака совершаются троцкистской организацией и на других химических предприятиях Союза. Диверсионный характер этих взрывов установлен и признан и подсудимыми, и свидетельскими показаниями, и, наконец, специальной технической экспертизой, которая здесь поставила все точки над «и» и не оставила никакого сомнения, что речь идет действительно о диверсиях.

Я хотел бы кратко остановиться на этих данных экспертизы. Я просил экспертов ответить нам на ряд вопросов по взрыву, имевшему место в ноябре 1935 года на Горловском туковом заводе в водородно-синтетическом цехе. На прямой вопрос — имелась ли возможность предупредить этот взрыв, эксперты ответили — бесспорно имелась. Что же нужно было сделать для того, чтобы этих взрывов не было?

Оказывается, немногое. Для этого нужно было только придерживаться инструкции по безопасному проведению работ. Инструкция обеспечивает нормальную и безопасную работу. Это не было сделано. Отсюда взрыв. И

когда мы поставили экспертам вопрос: а может быть этот взрыв все-таки случайный? Когда мы проверили показания подсудимых, экспертиза ответила: «факт злого умысла неоспорим».

Мы при помощи экспертизы проверили показания самих подсудимых и, хотя мы знаем, что в некоторых европейских законодательствах признание подсудимыми своей вины считается достаточно авторитетным для того, чтобы уже не сомневаться больше в их виновности, и суд считает себя вправе освободить себя от проверки этих показаний, мы все же для того, чтобы соблюсти абсолютную объективность, при наличии даже собственных показаний преступников, проверили их еще с технической стороны и получили категорический ответ и о взрыве 11 ноября, и о горных пожарах на Прокопьевском руднике, и о пожарах и взрывах на Кемеровском комбинате. Установили, что не может быть никакого сомнения в наличии злого умысла.

Мы, таким образом, имеем целую систему широко разветвленных вредительских и диверсионных мероприятий, которые охватывали те отрасли нашей промышленности, которые имеют наиболее важное значение с точки зрения общесоюзных интересов и с точки зрения интересов обороны и обороноспособности нашего государства.

Троцкистский центр организовал достаточно широко разветвленные вредительские и диверсионные мероприятия и на железнодорожном транспорте. Мы уже установили, что активную роль в этом кошмарном преступлении или, вернее, в этой сумме кошмарных преступлений играли Лившиц, Турок, Князева и Богуславский. Но и здесь я не могу не выделить Лившица, ибо это уже предел, как мы имели и в случае с Пятаковым, всякого мыслимого преступления. В самом деле, Лившиц был не просто работник железнодорожного транспорта, не просто один из ответственных работников Народного комиссариата путей сообщения. Лившиц был заместителем народного комиссара путей сообщения. В этом отношении он ничем не отличается от Пятакова, несмотря на то, что его роль по сравнению с Пятаковым была второстепенной. Когда наша промышленность и железнодорожный транспорт под блестящим руководством товарищей Серго Орджоникидзе и Лазаря Моисеевича Кагановича, преодолевая всякого рода трудности, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год поднимались в гору, — в это самое время те, кто призван был им помогать, нагло и предательски обманывали их, обманывали нас всех, нашу партию, наш народ.

Вот почему я полагаю, что в отношении Пятакова, бывшего заместителя народного комиссара тяжелой промышленности СССР, в отношении Лившица, бывшего заместителя народного комиссара путей сообщения, и в отношении Сокольникова, бывшего заместителя народного комиссара по иностранным делам, — в отношении этих трех лиц, как лиц, облеченных особым доверием, особой государственной ответственностью перед нашей страной, — вопрос об уголовной ответственности должен быть поставлен особо, даже если бы за их плечами не было иных чудовищных преступлений.

Подсудимый Князев по прямому заданию «параллельного» троцкистского центра организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся значительным количеством человеческих жертв. Было крушение на ст. Шумиха, где погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев оказались ранеными, крушение на перегоне Яхнино — Усть-Катав, крушение воинских поездов, крушение товарных поездов. Князев организовал их, как это выяснилось, не только по поручению и указаниям «параллельного» троцкистского центра, и, в частности, Лившица, но и по прямым заданиям агента одной из иностранных держав, — агента японской разведки господина Х., который действительно был одной из движущих пружин преступной деятельности Князева и Турока.

Князев показал, что организация крушений воинских поездов входила в круг мероприятий, намеченных для удара по нашей Красной Армии, и нельзя отказать в признании того, что действительно эти мероприятия преступного характера могли нанести нам чувствительный удар.

Так переплетались интересы троцкистской организации с интересами иностранных разведок. Они не могли не переплетаться, потому что у них были общая политическая задача, общие методы работы и организационная связь, что, в сущности говоря, стирало всякие грани различия троцкистской организации от организации японской или германской разведки.

Связи Князева и Турока, связи шпионского диверсионного характера нами были проверены на закрытом заседании, где была совершенно точно установлена и личность этого господина Х., и все те обстоятельства, о которых подсудимые давали показания на суде.

Я здесь должен буду напомнить об имеющихся в деле двух письмах, где изобличаются связи Князева с этим господином Х. Эти письма только лишний раз и вполне объективно подтверждают показания Князева.

Князев показал, что по соглашению с этим самым господином Х. он давал и выполнял задания на случай войны по организации поджогов воинских складов, пунктов питания, пунктов санитарной обработки войск. Князев подтвердил, что японская разведка особенно резко ставила вопрос об организации диверсионных актов путем применения бактериологических средств в момент войны с целью заражения остро заразными бактериями поездов под воинские эшелоны, а также пунктов питания и санитарной обработки войск.

Вот два наиболее характерных факта, которые сами по себе говорят о действительно беспредельном падении, о действительно моральном растлении, которым оказались подвержены и малые и большие деятели этого антисоветского троцкистского центра. Эпизод с Кемеровским комбинатом и задание, которое Князевым получено от [illegible] на случай войны,— заражение красноармейцев остро заразными бактериями — два факта, вполне достаточных для того, чтобы считать полностью установленным предъявленное здесь обвинение в государственной измене.

Преступники действовали с наглостью и цинизмом. На них оказывало некоторое влияние их положение, позволявшее им думать, что они настолько крепко законспирированы и замаскированы, что не будут разоблачены до

конца. В самом деле, как могли они в течение сравнительно длительного времени совершать эти преступления, оставаясь безнаказанными? Это вопрос, конечно, законный. Но что же, если те самые консулы, на которых лежит обязанность заботиться, чтобы никакого ущерба не понесло государство (старая формула, которая говорит, что консулы обязаны не допускать никакого ущерба государству), эти самые консулы оказались основными вредителями, основными организаторами этих преступлений! Тут, конечно, можно вредить месяц, можно вредить год, два, пять лет, может быть даже целые десять лет, если играть эту подлейшую двойную игру, если жить той двойной жизнью, какой жили обвиняемые по этому делу. Да, эти преступления были возможны потому, что они совершались под прикрытием тех, кто должен был бы первый поднять тревогу, дать сигнал и броситься в борьбу не на жизнь, а на смерть против подобных преступлений. Это объясняет все.

Но тут я поставлю другой вопрос: несмотря на то, что к руководству примазались вот такие шпики и разведчики, как Ратайчак, вот такие предатели и изменники, как Лившиц или Пятаков, — как случилось, что, несмотря на все это, их усилия подорвать мощь промышленности, ослабить силы оборонной промышленности, поколебать обороноспособность нашей страны оказались тщетными? Это наиболее важный вопрос и на него нужно дать точный и исчерпывающий ответ.

Да, в известный период, в известный момент, на известных участках нам приходилось туго. Но, несмотря на вредительские и диверсионные удары, наша промышленность и наш железнодорожный транспорт все время идут в гору, все больше поднимаются вверх. Я приведу несколько справок из нескольких отраслей промышленности, которые были ареною преступной деятельности троцкистских заговорщиков.

В угольной промышленности мы имеем рост добычи угля:

по Донбассу с 25 288 тыс. тонн в 1913 г. до 75 202 тыс. тонн в 1936 г.,

по Кузбассу — с 799 тыс. тонн в 1913 году до 17 259 тыс. тонн в 1936 г.,

по Подмосковному бассейну — с 300 тыс. тонн до 7 201 тыс. тонн в 1936 году. Громадный рост!

За 19 лет наша страна создала мощную химию и заняла третье или даже по отдельным отраслям промышленности второе место в мире.

К началу первой пятилетки наша страна обогатилась созданием ряда новых отраслей промышленности, имеющих общенародное хозяйственное значение, как анилино-красочная промышленность, коксо-бензоловая промышленность, химико-фармацевтическая и т. д. Первая и вторая пятилетки советской химии были наиболее яркими этапами в развитии химической промышленности. Надо иметь в виду, что история мировой химии вообще начинается с конца XVIII века. Следовательно, современная мировая химическая промышленность имеет около 150 лет своего развития, а наша советская химическая промышленность имеет не больше 10 лет своего развития. И за эти 10 лет она прошла путь 150-ти лет мирового капиталистического хозяйства. Мы имеем успехи, благодаря которым по серной кислоте и соде мы занимаем третье место, уступая только Германии и Соединенным Штатам, по суперфосфату — первое место после Соединенных Штатов, по азотным удобрениям наша страна выдвигается на четвертое место в мире. Это факты многозначительные, особенно в свете тех кошмарных преступлений, о которых мы здесь слышали и которые вызвали всеобщее негодование нашей страны. Это говорит о том, что именно так отвечает наш народ, наша социалистическая промышленность на подрывную работу предателей и агентов фашистских разведок. Несмотря на вредительство, несмотря на диверсии, сотни погибших от рук разведчиков и диверсантов лучших стахановцев, несмотря на систематические и планомерно проводившиеся мероприятия по сознательному срыву стахановского движения, — наша промышленность бурно растет и перевыполняет свои производственные планы!

Аналогичное положение на ж.-д. транспорте. И здесь мы имеем героический подъем желдор. хозяйства, о чем особенно красноречиво говорят цифры средне-суточной погрузки. Эта погрузка в 1934 г. выражалась в 55 417 вагонов, в 1935 г. — в 68 098 вагонов, в 1936 г. — в 86 160 вагонов! Годовая перевозка грузов в миллиардах тонно-километров за те же годы: 205, 258, 323! Ж.-д. транспорт героически преодолел былые трудности...

Чем объяснить это чудо, чем объяснить это явление? Чудес в мире не бывает. Почему же мы имеем такой блестящий рост, такой расцвет нашей промышленности и ж.-д. транспорта? Потому что на стороне вредителей стоят единицы. Вред, причиняемый этими единицами, быстро ликвидируется миллионами. Потому что на стороне советского правительства и строительства социализма стоят миллионы!

Шпионаж и террор

Материалами предварительного судебного следствия и собственными признаниями обвиняемых Ратайчака, Князева, Пушина, Турока, Граше, Шестова Строилова установлено, что наряду с диверсионно-вредительской деятельностью троцкистский антисоветский центр широко и систематически занимался шпионажем в пользу иностранных разведок. На этом вопросе я не буду подробно останавливаться, скажу лишь основное. Установление связи с японской и германской разведками осуществлялось не в порядке личной инициативы какого-то Турока или Шестова. Эта связь осуществлялась в порядке выполнения директивы Троцкого. Люди, связавшиеся с иностранными германской и японской разведками под руководством Троцкого и Пятакова, своей шпионской работой подготовляли результаты, которые должны были самым тягчайшим образом сказаться на интересах не только нашего государства, но и на интересах целого ряда государств, вместе с нами желающих мира, борющихся вместе с нами за мир.

Товарищ Сталин в своей телеграмме на имя Центрального Комитета Коммунистической партии Испании, на имя товарища Хозе Диас сказал, что

«Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они, — ска-

зал товарищ Сталин, — отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

И я хочу просить вас, товарищи судьи, чтобы и вы, взвешивая все обстоятельства данного дела и оценивая значение преступлений, совершенных подсудимыми, также подошли к этому делу с точки зрения охраны интересов нашего государства, с точки зрения охраны интересов всего передового и прогрессивного человечества

Мы в высокой степени заинтересованы в том, чтобы в каждой стране, желающей мира и борющейся за мир, самыми решительными мерами их правительств были прекращены всякие попытки преступной шпионской, диверсионной, террористической деятельности, которая организуется врагами мира, врагами демократии, темными фашистскими силами, подготовляющими войну, собирающимися взорвать дело мира и, следовательно, дело всего передового, всего прогрессивного человечества. Достаточно полно установлено, что именно в этой области делали и маленькие шпики, сидящие здесь на скамье подсудимых, вроде Граше, Ратайчака, и большие шпики, возглавляющие эту скамью подсудимых. Князев и Лившиц, Ратайчак, Шестов, Строилов, Пушин, Граше — это непосредственная агентура германской и японской разведок. Агентура, конечно, не только не исключает, а, наоборот, предполагает ответственность на равных началах и главарей этого центра, организовавших агентуру и пустивших ее в ход.

Обвинительное заключение предъявляет обвинение к членам троцкистского центра и их сообщникам в организации террористических актов.

Здесь надо раньше всего остановиться на основном и общем вопросе — доказано, что в программе троцкистского антисоветского центра стоял террор, что этот террор проводился на деле.

В наших руках имеются документы, свидетельствующие о том, что Троцкий дважды, по крайней мере, и притом в достаточно откровенной, незавуалированной форме, дал установку на террор, — документы, которые оглашены их автором orbi et urbi (всему миру). Я имею в виду, во-первых, то письмо 1932 г., в котором Троцкий бросил свой предательский, позорный клич — «убрать Сталина», и, во-вторых, я имею в виду документ, уже относящийся к более позднему времени, — троцкистский «Бюллетень оппозиции» №№ 36—37, октябрь 1933 г., где мы находим ряд прямых указаний на террор, как метод борьбы с советской властью.

В самом деле, здесь, в статье, имеющей программный характер, в статье, которая под своим официальным названием содержит еще подзаголовок — «Проблемы IV интернационала», — Троцкий говорит совершенно откровенно о терроре, как методе, который уже в те годы был поставлен в порядок практической деятельности троцкистов. Этот террор они, к нашему великому горю, сумели осуществить в 1934 г., убив Сергея Мироновича Кирова.

В этой самой статье, имеющей программный характер, есть глава, в которой говорится: «Возможно ли мирное снятие бюрократии?» Троцкий и троцкисты считают наш советский аппарат бюрократическим аппаратом.

Здесь говорится:

«Возьмите немаловажный вопрос, как подойти к реорганизации Советского государства».

Троцкий, видите ли, озабочен реорганизацией Советского государства, чем озабочены,— как мы видели на этом процессе, — также и его ближайшие помощники—Пятаков, Сокольников, Радек, Серебряков и другие.

Как подойти к реорганизации Советского государства и можно ли разрешить эту задачу мирным способом? Ясная совершенно постановка. Противник террора, насилия должен был бы сказать: да, возможно мирным способом, скажем, на основе конституции.

А что говорят Троцкий и троцкисты? Они говорят так:

«Было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского съезда. Для устранения правящей клики (как они называют наше правительство клеветнически) не осталось никаких нормальных конституционных путей».

«Заставить их передать власть в руки пролетарского авангарда (они говорят о себе, как об авангарде, имеют в виду, очевидно, вот подобный этим господам «авангард», который занимался убийствами и диверсиями и шпионажем) можно только силой».

Причем слово «силой»,—как это можно убедиться,—набрано черным шрифтом. Ясная постановка вопроса! Мирные средства? Мирные средства бессильны. Единственное средство — сила, силой и устранять. Но мы знаем, как силой устраняют, в особенности, когда дело идет о том, чтобы эту силу оставлять в руках такого «авангарда», каким являются вот эти господа. (См с х.)

Они говорят дальше прямо о «сталинском аппарате», говорят, что если все-таки этот аппарат, наш государственный аппарат, будет сопротивляться, то придется применить против него особые меры.

То, что я процитировал и что я из чувства просто политической брезгливости не имею возможности цитировать дальше, — совершенно отчетливо говорит о том, как ставится троцкистами в своих журнальчиках вопрос о методах борьбы, каковы установки Троцкого в отношении этой так называемой «реорганизации» Советского государства. Об этом самом «Бюллетене» троцкистской оппозиции нам, кстати, Пятаков говорил, что Троцкий сказал ему: не обращайте внимания полностью на то, что будет писаться в «Бюллетене». Имейте в виду, что в «Бюллетене» мы не можем откровенно сказать все, что мы говорим и требуем от вас. Знайте, что в «Бюллетене» мы будем даже говорить иногда, может быть, прямо противоположное тому, что мы от вас требуем. И если при этих условиях говорится то, что я сейчас процитировал, — как это назвать, если не прямым призывом к насильственным действиям против нашего государства, против наших руководителей? Как это назвать, как не прямым призывом к террору? Иного названия я этому дать не могу.

И это является объективнейшим доказательством того, что, когда некоторые — Пятаков, Радек и другие члены этой преступной

банды — говорили, что они организовали террористические акты по прямым установкам Троцкого, то они вынуждены были сказать, то, что в действительности есть, и никакой болтовней, никакой клеветой, никакой инсинуацией и троцкистской брехней этого факта не замазать! В наших руках есть документы, которые объективно говорят, что террор стоит в порядке дня троцкистской организации, что террор был предложен Троцким, что он был принят Пятаковым.

Перед нами сидят террористы, которые организовывали теракты, не только сами, но по соглашению с троцкистско-зиновьевским блоком, с которым у них была некоторая конкуренция. Посмотрите: опубликованные протоколы судебных заседаний объединенного зиновьевско-троцкистского центра говорят о том, что зиновьевцев подхлестывала боязнь, что троцкисты в своей преступной деятельности их могут «обскакать». Разве и на этом процессе мы не слышали о том же? Разве троцкисты из «параллельного» центра не считали своей задачей, как здесь признался Радек, держать зиновьевцев в руках, не позволять зиновьевцам оттиснуть их от власти в тот момент, когда они будут распределять портфели. Этот «авангард» спал и видел во сне портфели. Радеку — портфель министра иностранных дел, Ратайчаку — вероятно, министра религиозных исповеданий (в з а л е с м е х), потому, что он показывал, что он чувствует себя связанным до сих пор присягой, которую он где-то кому-то давал. А Пятакову предназначался (нам это известно) пост военного министра и вообще главнокомандующего всех вооруженных, сухопутных (морских сил у них не было) и — я имею в виду «старого летчика» Ратайчака — летных сил. (В з а л е с м е х.)

Центр организовал сеть террористических групп. У Пятакова — Логинов, Голубенко и другие. У Радека — Пригожин и другие; у Сокольникова — Закс-Гладнев, Тивель и другие; у Серебрякова — у того есть своя группа — Мдивани; у Дробниса — какая-то Подольская, которая тоже подготавливала террористический акт. У Дробниса — своя группа. У Муралова — об этом и говорить нечего. Он же бывший командующий, как ему быть без армии? Если нельзя командовать советскими силами, разве нельзя командовать антисоветскими? Он «солдат» — чем и как прикажут, тем и так он будет командовать. Даже у Шестова — и то была своя группа —Арнольд и К° — и группа неплохая с точки зрения ее задач. Правда, небольно она презентабельна с виду, но практически умела действовать.

Пятаков подготовляет террористический акт через своих украинских представителей против тт. Постышева и Косиора, а в 1935 г. против товарища Сталина. Мы спрашивали об этом Пятакова, мы вызывали Логинова для свидетельского допроса, и он это подтвердил. Радек подготовляет террористические кадры в Ленинграде; Закс-Гладнев и другие готовят под руководством Сокольникова террористический акт против товарища Сталина; Мдивани, под руководством Серебрякова, готовит террористический акт против товарища Берия, собирает террористов, которых можно было бы стянуть в Москве для того, чтобы обеспечить наиболее успешное осуществление так называемых групповых террористических актов. Они же готовят террористический акт против тов. Ежова. Дробнис тоже готовит террористический акт против тов. Ежова. Муралов готовит акт против тех, кто приедет к нему в Сибирь, не считая тов. Эйхе, который там живет. Такова установка: учесть, использовать выезды руководителей партии и правительства на периферию и организовать их убийства. И вот Муралов, который никак не хочет согласиться с тем, чтобы ему приписывалась подготовка покушения против тов. Орджоникидзе, этот самый Муралов твердо и откровенно (я не могу сказать «честно», потому что это слово не подходит к таким делам) признает, что он действительно организовал террористический акт против товарища В. М. Молотова, председателя Совета Народных Комиссаров нашего Союза. Террористический акт Муралов не только организовал, но и пытался осуществить через Шестова и Арнольда.

Конечно, может быть поставлен и такой вопрос: много групп, а «дела» как-то не видать. Но это наше счастье. Ведь эти самые господа не брали на себя лично совершения террористических актов, в этом-то наше счастье. С Радеком, с Пятаковым, с Сокольниковым встречались довольно близко, обсуждали вместе разные вопросы, полагая, что рядом сидят товарищи. А оказалось, что рядом сидят наши убийцы! Если бы они могли открыто выступить за террор, положение было бы, конечно, сложнее. Но тактика у них была иная: не открывать, что троцкисты подготовляют убийства. Их тактика заключалась в том, чтобы можно было совершение терактов свалить на других — скажем, на белогвардейцев (так ставился вопрос). В этих условиях, конечно, не легко было им найти людей, которые, вроде таких просвещенных мореплавателей, как Арнольд, согласились бы взять на себя подобного рода ужасные преступления. Арнольд, Шестов, Муралов, западносибирский центр, троцкистский центр в целом отвечают, конечно, за подготовку этих актов, потому что это делалось по общей директиве, «конкретно переведенной», как выразился Пятаков, «с языка алгебраического на язык арифметический». Но они забыли, что существует еще один язык — язык Уголовного кодекса, который знает преступления, знает людей, их совершивших, и знает ответственность, предусмотренную законом за эти преступления. Они избирают Арнольда как вполне подходящего человека для подобного рода преступлений. Ну, что такое Арнольду взять на себя совершение одного или десятка террористических актов? Вы уже видели этого Арнольда. У Арнольда есть только одно качество, которого не учли эти троцкистские заговорщики — трусость... Вот он организовал покушение против товарища Орджоникидзе и, к величайшему счастью нашему, в последнюю минуту сдрейфил, — не удалось. Организует покушение на жизнь председателя Совнаркома СССР товарища Молотова, но, к нашему счастью, к величайшему счастью, опять сдрейфил,—покушение не удалось.

Но факт остается фактом. Покушение на товарища Молотова произошло. Эта авария на гребешке 15-метровой канавки, как здесь Муралов скромненько говорил, — факт.

Возьмите убийство инженера Бояршинова. Кто такой Бояршинов? Это был человек, когда-то осужденный за вредительство. Но по-

том это прошло. Бояршинов оказался честным человеком. Он отказался строить шахту имени Рухимовича по вредительским планам и не раз выступал против отставания работ и преступной деятельности Строилова. Он разоблачает Строилова.

Эта честная работа Бояршинова озлобила гнездо диверсантов. Они организуют убийство. 15 апреля 1934 года инженер Бояршинов едет на лошади с вокзала. Его нагоняет грузовая машина и давит на смерть. Опять тот же самый прием, при помощи которого действовала шайка Шестова — Черепухина, которая имела в своих рядах Арнольда и некоторых других лиц, которые были вскрыты, судимы и осуждены. Например, Казанцев, который участвовал в этой истории. Это факт, это не самооговор, это факт: убили Бояршинова. Покушались на убийство аналогичным способом председателя Совета Народных Комиссаров товарища В. М. Молотова.

Вот почему за террористическую деятельность, за подготовку террористических преступлений отвечает этот центр в полной мере и в полном объеме — от Арнольда и до Пятакова, и от Пятакова до Арнольда. Ответственность одинаковая и солидарная.

Преступления, перечисленные нами в обвинительном заключении, я считаю доказанными полностью, преступники изобличены также полностью.

Процессуальные вопросы

Наш закон требует производить оценку имеющихся в деле доказательств по внутреннему убеждению суда, на основании рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности.

320-я статья Уголовно-процессуального кодекса РСФСР говорит о необходимости постановки на разрешение суда при вынесении приговора ряда вопросов. Из них я считаю наиболее существенными и важнейшими два первых вопроса: вопрос о том, имело ли место деяние, приписываемое подсудимому, и, во-вторых, содержит ли это деяние в себе состав уголовного преступления? На оба эти вопроса обвинение дает положительный ответ. Да, приписываемые обвиняемым преступления имели место. Приписываемые обвиняемым деяния ими совершены, и эти деяния заключают в себе полный состав уголовного преступления. В этих двух вопросах не может быть никакого сомнения. Но какие существуют в нашем арсенале доказательства с точки зрения юридических требований?

Надо сказать, что характер настоящего дела таков, что именно этим характером предопределяется и своеобразие возможных по делу доказательств. Мы имеем заговор, мы имеем перед собой группу людей, которая собиралась совершить государственный переворот, которая организовалась и вела в течение ряда лет или осуществляла деятельность, направленную на то, чтобы обеспечить успех этого заговора, заговора, достаточно разветвленного, заговора, который связал заговорщиков с зарубежными фашистскими силами. Как можно поставить в этих условиях вопрос о доказательствах? Можно поставить вопрос так: заговор, вы говорите, но где же у вас имеются документы? Вы говорите программа, но где же у вас имеется программа? У этих людей где-нибудь есть писанная программа? Об этом они только говорят.

Вы говорите, что это есть организация, что это есть какая-то банда (а они называют себя партией), но где же у них постановления, где же у них вещественные следы их заговорщической деятельности — устав, протоколы, печати и пр. и т. п.?

Я беру на себя смелость утверждать, в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговоре таких требований предъявлять нельзя. Нельзя требовать, чтобы в делах о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с точки зрения того — дайте нам протоколы, постановления, дайте членские книжки, дайте номера ваших членских билетов; нельзя требовать, чтобы заговорщики совершали заговор по удостоверению их преступной деятельности в нотариальном порядке. Ни один здравомыслящий человек не может так ставить вопрос в делах о государственном заговоре. Да, у нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинения на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей и, если хотите, косвенных улик. Я в данном случае должен сослаться хотя бы на такого блестящего процессуалиста, каким является известный старый английский юрист Уильям Уильз, который в своей книге «Опыт теории косвенных улик» говорит, как сильны бывают косвенные улики и как косвенным уликам принадлежит нередко убедительность гораздо большая, чем прямым доказательствам.

Я думаю, что и мои уважаемые противники согласятся со мной с точки зрения позиций, на которых они, как защитники, в этом вопросе стоят. Но у нас есть и объективные доказательства. Я говорил о программе и я предъявил вашему вниманию, товарищи судьи, «Бюллетень» Троцкого, где напечатана эта самая программа. Но идентификация здесь будет гораздо более легкой, чем та, которую вы провели, устанавливая по фотоснимкам идентичность некоторых лиц из германской разведки.

Мы опираемся на ряд доказательств, которые могут служить в наших руках проверкой обвинительных утверждений, обвинительных тезисов. Во-первых, историческая связь, подтверждающая обвинительные тезисы на основании прошлой деятельности троцкистов. Мы имеем в виду далее показания обвиняемых, которые и сами по себе представляют громаднейшее доказательственное значение. В процессе, когда одним из доказательств являлись показания самих обвиняемых, мы не ограничивались тем, что суд выслушивал только объяснения обвиняемых: всеми возможными и доступными нам средствами мы проверяли эти объяснения. Я должен сказать, что это мы здесь делали со всей объективной добросовестностью и со всей возможной тщательностью.

Для того чтобы отличить правду от лжи на суде, достаточно, конечно, судейского опыта, и каждый судья, каждый прокурор и защитник, которые провели не один десяток процессов, знают, когда обвиняемый говорит правду и когда он уходит от этой правды в каких бы то ни было целях. Но допустим, что показания обвиняемых не могут служить убедительными доказательствами. Тогда надо

ответить на несколько вопросов, как требует от нас наука уголовного процесса. Если эти объяснения не соответствуют действительности, тогда это есть, то, что называется в науке оговором. А если это оговор, то надо объяснить причины этого оговора. Эти причины могут быть различны. Надо показать, имеются ли налицо эти причины. Это может быть личная выгода, личный расчет, это желание кому-нибудь отомстить и т. д. Вот если с этой точки зрения подойти к делу, которое разрешается здесь, то вы в своей совещательной комнате должны будете также проанализировать эти показания, дать себе отчет в том, насколько убедительны личные признания обвиняемых, вы обязаны будете перед собою поставить вопрос и о мотивах тех или иных показаний подсудимых или свидетелей. Обстоятельства данного дела, проверенные здесь со всей возможной тщательностью, убедительно подтверждают то, что говорили здесь обвиняемые. Нет никаких оснований допускать, что Пятаков не член центра, что Радек не был на дипломатических приемах и не говорил с господином К. или с господином Х., или с каким-нибудь другим господином, — как его там звать, что он с Бухариным не кормил «яичницей с колбасой» каких-то приехавших неофициально к нему лиц, что Сокольников не разговаривал с каким-то представителем, — «визируя мандат Троцкому». Все то, что говорили они об их деятельности, проверено экспертизой, предварительным допросом, признаниями и показаниями, и все это не может подлежать какому бы то ни было сомнению.

Я считаю, что все эти обстоятельства позволяют утверждать, что в нашем настоящем судебном процессе, если есть недостаток, то недостаток не в том, что обвиняемые сказали здесь все, что они сделали, а что обвиняемые все-таки до конца не рассказали всего того, что они сделали, что они совершили против Советского государства.

Но мы имеем, товарищи судьи, такой пример и в прошедших процессах, — и я прошу вас иметь это в виду и при окончательной оценке тех последних слов, которые пройдут перед вами через несколько часов. Я напомню вам о том, как, скажем, по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра некоторые обвиняемые клялись вот здесь, на этих же самых скамьях в своих последних словах, одни — прося, другие не прося пощады, — что они говорят всю правду, что они сказали все, что у них за душой ничего не осталось против рабочего класса, против нашего народа, против нашей страны. А потом, когда стали распутывать все дальше и дальше эти отвратительные клубки чудовищных, совершенных ими преступлений, — мы на каждом шагу обнаруживали ложь и обман этих людей, уже одной ногой стоявших в могиле.

Если можно сказать о недостатках данного процесса, то этот недостаток я вижу только в одном: я убежден, что обвиняемые не сказали и половины всей той правды, которая составляет кошмарную повесть их страшных злодеяний против нашей страны, против нашей великой родины!

Я обвиняю сидящих здесь перед нами людей в том, что в 1933 г. по указанию Троцкого был организован под названием «параллельный» центр в составе обвиняемых по настоящему делу Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова, в действительности представлявший собой действующий активный троцкистский центр, что этот центр по поручению Троцкого, через обвиняемых Сокольникова и Радека, вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы с Советским Союзом, причем центр обязался, в случае прихода своего к власти, предоставить этим государствам ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок; что этот центр через своих членов и других членов преступной троцкистской организации занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки важнейшими, секретнейшими, имеющими огромное государственное значение материалами; что в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности нашей страны этот центр и его сообщники организовали и провели ряд диверсионных и вредительских актов, повлекших за собой человеческие жертвы, причинивших значительный ущерб нашему Советскому государству.

В этом я обвиняю членов «параллельного» антисоветского троцкистского центра — Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова — т. е. в преступлениях, предусмотренных статьями УК РСФСР: $58^{1а}$ — измена родине, 58^{6} — шпионаж, 58^{8} — террор, 58^{9} — диверсия, 58^{11} — образование тайных преступных организаций. Я обвиняю всех остальных подсудимых: Лившица, Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Князева, Ратайчака, Норкина, Шестова, Строилова, Турока, Граше, Пушина и Арнольда в том, что они повинны в тех же самых преступлениях, как члены этой организации, несущие полную и солидарную ответственность за эти преступления, вне зависимости от индивидуального отличия их преступной деятельности, которая характеризует преступления каждого из них, т. е. в преступлениях, предусмотренных теми же статьями Уголовного кодекса.

Основное обвинение, товарищи судьи, которое в этом процессе предъявляется, — это измена родине. Измена родине карается $58^{1а}$ статьей УК РСФСР. Она говорит об измене родине, как о действиях, которые совершены в ущерб военной мощи Союза, его государственной независимости, его территориальной неприкосновенности, как шпионаж, выдача военных и государственных тайн, переход на сторону врага. Все эти элементы, кроме последнего, — бегство за границу — мы имеем здесь налицо. Закон возлагает на совершивших это тяжелое государственное преступление, которое наша великая Сталинская Конституция справедливо называет тягчайшим злодеянием,— тягчайшее наказание. Закон требует при доказанности вины преступников приговорить их к расстрелу, допуская смягчение этого наказания лишь при смягчающих обстоятельствах.

Вы должны будете, товарищи судьи, в совещательной комнате ответить на вопрос — есть ли у этих обвиняемых и у каждого из них в отдельности индивидуальные и конкретные обстоятельства, которые позволили бы вам смягчить угрожающее им по закону наказание? Я считаю, что таких смягчающих обстоятельств нет. Я обвиняю преданных суду по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса в полном объеме.

я обвиняю не один! Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников, на костылях, искалеченные, полуживые, а, может быть, вовсе без ног, как та стрелочница ст. Чусовская т. Наговицына, которая сегодня обратилась ко мне через «Правду» и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми! Я не один. Я чувствую, что рядом со мной стоят вот здесь погибшие и искалеченные жертвы жутких преступлений, требующие от меня, как от государственного обвинителя, предъявлять обвинение в полном объеме.

Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом со мною, указывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!..

Я обвиняю не один! Я обвиняю вместо со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания — расстрела, смерти! (*Долго не смолкающие аплодисменты всего зала.*)

Приговор

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

В составе:

Председательствующего—Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР армвоенюриста **В. В. Ульрих.**

Членов:

Заместителя Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР корвоенюриста **И. О. Матулевич** и члена Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР диввоенюриста **Н. М. Рычкова.**

При Секретаре военном юристе 1 ранга **А. Ф. Костюшко.**

С участием государственного обвинителя — Прокурора Союза ССР тов. **А. Я. Вышинского** и членов Московской коллегии защитников тт. **И. Д. Брауде, Н. В. Коммодова** и **С. К. Казначеева** — в открытом судебном заседании, в городе Москве, 23—30 января 1937 года, рассмотрела дело по обвинению:

1. **Пятакова,** Юрия (Георгия) Леонидовича, 1890 г. рождения, служащего;
2. **Сокольникова,** Григория Яковлевича, 1888 г. рождения, служащего;
3. **Радека,** Карла Бернгардовича, 1885 г. рождения, журналиста;
4. **Серебрякова,** Леонида Петровича, 1888 г. рождения, служащего;
5. **Лившица,** Якова Абрамовича, 1896 г. рождения, служащего;
6. **Муралова,** Николая Ивановича, 1877 г. рождения, служащего;
7. **Дробниса,** Якова Наумовича, 1891 г. рождения, служащего;
8. **Богуславского,** Михаила Соломоновича, 1886 г. рождения, служащего;
9. **Князева,** Ивана Александровича, 1893 г. рождения, служащего;
10. **Ратайчака,** Станислава Антоновича, 1894 г. рождения, служащего;
11. **Норкина,** Бориса Осиповича, 1895 г. рождения, служащего;
12. **Шестова,** Алексея Александровича, 1896 г. рождения, служащего;
13. **Строилова,** Михаила Степановича, 1899 г. рождения, служащего;
14. **Турок,** Иосифа Дмитриевича, 1900 г. рождения, служащего;
15. **Граше,** Ивана Иосифовича, 1886 г. рождения, служащего;
16. **Пушина,** Гавриила Ефремовича, 1896 г. рождения, служащего и
17. **Арнольда,** Валентина Вольфридовича, он же **Васильев** Валентин Васильевич, 1894 г. рождения, служащего —

— всех в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58^{1a} 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} Уголовного Кодекса РСФСР.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ И СУДЕБНЫМ СЛЕДСТВИЕМ УСТАНОВЛЕНО:

В 1933 году, по прямому указанию высланного в 1929 г. за пределы СССР врага народа Л. Троцкого наряду с существовавшим так называемым «объединенным троцкистско-зиновьевским террористическим центром» в составе Зиновьева, Каменева, Смирнова и других, был создан в Москве подпольный параллельный антисоветский троцкистский центр, в состав которого вошли подсудимые по настоящему делу Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников и Л. П. Серебряков.

На основании указаний врага народа Л. Троцкого, параллельный антисоветский троцкистский центр основной своей задачей ставил свержение Советской власти в СССР и восстановление капитализма и власти буржуазии путем вредительской, диверсионной, шпионской и террористической деятельности, направленной на подрыв экономической и военной мощи Советского Союза, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам и на поражение СССР.

В полном соответствии с этой основной задачей враг народа Л. Троцкий за границей, а параллельный антисоветский троцкистский центр в лице Радека и Сокольникова — в Москве — вступили в переговоры с отдельными представителями Германии и Японии. Враг народа Л. Троцкий во время переговоров с одним из руководителей национал-социалистской партии Германии Рудольфом Гесс обещал в случае прихода к власти троцкистского правительства, в результате поражения Советского Союза, сделать Германии и Японии ряд политических, экономических и территориальных уступок за счет СССР, вплоть до уступки Украины — Германии, Приморья и Приамурья — Японии. Одновременно враг народа Л. Троцкий обязался, в случае захвата власти, ликвидировать совхозы, распустить колхозы, отказаться от политики индустриализации страны и реставрировать на территории Советского Союза капи-

талистические отношения. Кроме того, враг народа Л. Троцкий дал обязательство оказывать всемерную помощь агрессорам путем развития пораженческой агитации, вредительской, диверсионной и шпионской деятельности как в мирное время, так и, в особенности, во время их военного нападения на Советский Союз.

Члены антисоветского троцкистского параллельного центра Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков, во исполнение указаний врага народа Л. Троцкого, неоднократно получаемых Радеком, а также лично полученных Пятаковым при его свидании с врагом народа Л. Троцким в декабре 1935 г. близ города Осло, — развернули вредительско-диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность.

Для непосредственного руководства антисоветской деятельностью на местах, в некоторых крупных городах Советского Союза были созданы местные троцкистские центры. В частности, в Новосибирске, по прямому указанию Пятакова, был организован Западно-Сибирский антисоветский троцкистский центр в составе подсудимых по настоящему делу Н. И. Муралова, М. С. Богуславского и Я. Н. Дробниса.

Диверсионная и вредительская работа в промышленности, главным образом, на предприятиях оборонного значения, а также на железнодорожном транспорте, проводилась подсудимыми по настоящему делу по указаниям врага народа Троцкого и по заданиям и при прямом участии агентов германской и японской разведок и заключалась в срыве планов производства, ухудшении качества продукции, в организации поджогов и взрывов заводов или отдельных цехов и шахт, в организации крушений поездов, порче подвижного состава и железнодорожного пути.

При организации диверсионных актов подсудимые исходили из указаний врага народа Троцкого — «наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах», дополненных указаниями Пятакова, Лившица и Дробниса, не останавливаться перед человеческими жертвами, ибо, «чем больше жертв, тем лучше, так как это вызовет озлобление рабочих».

В химической промышленности, по заданиям Пятакова, подсудимыми Ратайчак и Пушиным проводилась вредительская работа, направленная на срыв государственного производственного плана, на задержку строительства новых заводов и предприятий и на недоброкачественное строительство новых предприятий.

Кроме того, обвиняемые Ратайчак и Пушин в 1934—1935 гг. организовали три диверсионных акта на Горловском азотно-туковом комбинате, при чем два из них со взрывами, что повлекло за собой гибель рабочих и причинило большие материальные убытки.

Диверсионные акты были также организованы, по предложению подсудимого Ратайчака на Воскресенском химическом комбинате и Невском заводе.

В угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна подсудимые Дробнис, Норкин, Шестов и Строилов, по указаниям Пятакова и Муралова, проводили вредительскую и диверсионную работу, направленную к срыву добычи угля, к задержке строительства и развития новых шахт и химического комбината, к созданию, путем загазования забоев и шахт, вредных и опасных для жизни рабочих условий работы, а 23 сентября 1936 года участниками местной троцкистской организации по заданию Дробниса, был организован взрыв на шахте «Центральная» Кемеровского рудника, повлекший гибель 10-ти рабочих и тяжелые ранения 14-ти рабочих.

На железнодорожном транспорте диверсионная и вредительская деятельность подсудимых Серебрякова, Богуславского, Лившица, Князева и Турок, в соответствии с установками антисоветского троцкистского центра, была направлена на срыв государственного плана погрузки, особенно по важнейшим грузам (уголь, руда, хлеб), на порчу подвижного состава (вагоны, паровозы), железнодорожного пути и на организацию крушений поездов, особенно воинских.

Подсудимым Князевым, по указанию Лившица и заданию агента японской разведки г-на Х., в 1935—1936 гг. был организован и совершен ряд крушений товарных, пассажирских и воинских поездов с человеческими жертвами, при чем крушение воинского эшелона на станции Шумиха 27 октября 1935 года повлекло смерть 29-ти красноармейцев и ранение 29-ти красноармейцев.

По прямому указанию врага народа Л. Троцкого, членами антисоветского троцкистского центра Пятаковым и Серебряковым, на случай военного нападения на СССР, подготовлялся ряд диверсионных актов в промышленности, имеющей оборонное значение, а также на важнейших магистралях железнодорожного транспорта.

Подсудимый Норкин, по указанию Пятакова подготовлял поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Подсудимый Князев, по поручению Лившица, принял к исполнению задание агента японской разведки г-на Х. организовать во время войны взрывы железнодорожных сооружений, поджоги воинских складов и пунктов питания войск, крушения воинских поездов, а также проводить умышленное заражение бактериями остро-заразных болезней подаваемые под войска эшелоны, а также пункты питания и санобработки частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

На ряду с диверсионной и вредительской деятельностью подсудимые Лившиц, Князев, Турок, Строилов, Шестов, Ратайчак, Пушин и Граше, по поручению троцкистского антисоветского центра, занимались сбором и передачей агентам германской и японской разведок секретных сведений, имеющих важнейшее государственное значение.

Подсудимые Ратайчак, Пушин и Граше были связаны с агентами германской разведки Мейерович и Ленц, которым 1935—1936 гг. передавали особо секретные материалы о состоянии и работе химических заводов, при чем Пушин в 1935 году передал агенту германской разведки Ленц секретные сведения о выработке продукции на всех химических предприятиях Союза ССР за 1934 год, программу работ всех химических предприятий на 1935 год и план строительства азотных комбинатов, а подсудимый Ратайчак пере-

дал тому же Ленц совершенно секретные материалы о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 год по военно-химическим заводам.

Подсудимые Шестов и Строилов были связаны с агентами германской разведки Шебесто, Флесса, Флорен, Зоммерэггер и др. и передавали им секретные сведения по угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна.

Подсудимые Лившиц, Князев и Турок систематически передавали агенту японской разведки г-ну Х. совершенно секретные сведения о техническом состоянии и мобилизационной готовности железных дорог СССР, а также о воинских перевозках.

По прямым указаниям врага народа Л. Троцкого антисоветским троцкистским центром было создано несколько террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Новосибирске, Сочи и других городах СССР, которые занимались подготовкой террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Ежова, Жданова, Косиора, Эйхе, Постышева и Берия, при чем некоторыми террористическими группами (в Москве, Новосибирске, на Украине, в Закавказье) непосредственно руководили члены антисоветского троцкистского центра подсудимые Пятаков и Серебряков.

Организуя террористические акты, антисоветский троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и Советского правительства на места.

Так, осенью 1934 года Шестов, по указанию Муралова, пытался осуществить террористический акт против председателя Совета Народных Комиссаров СССР т. В. М. Молотова во время его пребывания в Кузбассе, для чего участник местной троцкистской террористической группы подсудимый Арнольд пытался совершить катастрофу с автомашиной, в которой ехал тов. В. М. Молотов.

Кроме того, подсудимый Шестов, по заданию Пятакова и Муралова, подготовлял террористический акт против секретаря Западно-Сибирского Краевого Комитета ВКП(б) тов. Р. И. Эйхе, а подсудимый Арнольд, по подстрекательству того же Шестова, подготовлял террористический акт против тов. Г. К. Орджоникидзе.

Таким образом, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР установила, что:

I. Пятаков, Серебряков, Радек и Сокольников состояли членами антисоветского троцкистского центра и по прямым указаниям находящегося за границей врага народа Л. Троцкого, в целях ускорения военного нападения на Советский Союз, содействия иностранным агрессорам в захвате территорий Советского Союза, свержения Советской власти, восстановления капитализма и власти буржуазии, руководили изменнической, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельностью антисоветской троцкистской организации в Советском Союзе, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст.ст. 58^{1}, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} Уголовного Кодекса РСФСР.

II. Указанные в пункте I Пятаков и Серебряков, а также являвшиеся участниками антисоветской троцкистской организации Муралов, Дробнис, Лившиц, Богуславский — организовали и непосредственно направляли изменническую, шпионскую, диверсионно-вредительскую и террористическую деятельность членов антисоветской троцкистской организации, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст.ст. 58^{1-}, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} Уголовного Кодекса РСФСР.

III. Князев, Ратайчак, Норкин, Шестов, Турок, Пушин и Граше, являясь участниками антисоветской троцкистской организации, привели в исполнение задания антисоветского троцкистского центра по изменнической, шпионской, диверсионно-вредительской и террористической деятельности, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст.ст. $58^{1а}$ 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} Уголовного Кодекса РСФСР.

IV. Арнольд, будучи участником антисоветской троцкистской организации, по подстрекательству подсудимых Муралова и Шестова, пытался осуществить террористические акты против товарищей Молотова и Орджоникидзе, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 19—58^{8} и 58^{11} Уголовного Кодекса РСФСР.

V. Строилов — частично выполнил несколько отдельных заданий по шпионажу и вредительству, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^{6} и 58^{7} Уголовного Кодекса РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

ПРИГОВОРИЛА:

1. **Пятакова,** Юрия (Георгия) Леонидовича,
2. **Серебрякова,** Леонида Петровича, как членов антисоветского троцкистского центра, организовавших и непосредственно руководивших изменнической, шпионской, диверсионно-вредительской и террористической деятельностью — к высшей мере уголовного наказания— **РАССТРЕЛУ;**
3. **Муралова,** Николая Ивановича;
4. **Дробниса,** Якова Наумовича;
5. **Лившица,** Якова Абрамовича;
6. **Богуславского,** Михаила Соломоновича;
7. **Князева,** Ивана Александровича;
8. **Ратайчак,** Станислава Антоновича;
9. **Норкина,** Бориса Осиповича;
10. **Шестова,** Алексея Александровича;
11. **Турок,** Иосифа Дмитриевича;
12. **Пушина,** Гавриила Ефремовича и
13. **Граше,** Ивана Иосифовича — как организаторов и непосредственных исполнителей указанных выше преступлений—к высшей мере уголовного наказания — **РАССТРЕЛУ;**
14. **Сокольникова,** Григория Яковлевича и
15. **Радека,** Карла Бернгардовича — как членов антисоветского троцкистского центра, несущих ответственность за его преступную деятельность, но не принимавших непосредственного участия в организации и осуществлении актов диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельности — к заключению в тюрьме сроком **НА 10 ЛЕТ КАЖДОГО;**
16. **Арнольда,** Валентина Вольфридовича — к заключению в тюрьме **НА 10 ЛЕТ;**

17. **Строилова**, Михаила Степановича, в виду обстоятельств, указанных в пункте V резолютивной части настоящего приговора, — к заключению в тюрьме **НА 8 ЛЕТ.**

Осужденных к тюремному заключению Сокольникова, Радека, Арнольда и Строилова лишить политических прав сроком на пять лет каждого.

Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, — конфисковать.

Высланные в 1929 году за пределы СССР и лишенные постановлением ЦИК СССР от 20-го февраля 1932 года права гражданства СССР враги народа Троцкий Лев Давыдович и его сын Седов Лев Львович, изобличенные показаниями подсудимых Ю. Л. Пятакова, К. Б. Радека, А. А. Шестова и Н. И. Муралова, а также показаниями допрошенных на судебном заседании в качестве свидетелей В. Г. Ромма и Д. П. Бухарцева и материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского антисоветского центра, в случае их обнаружения на территории Союза ССР, — подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Председательствующий — **Председатель Военной Коллегии Верхсуда СССР Армвоенюрист**

В. УЛЬРИХ.

Члены:

Заместитель Председателя Военной Коллегии Верхсуда СССР Корвоенюрист

И. МАТУЛЕВИЧ.

Член Военной Коллегии Верхсуда СССР Диввоенюрист

Н. РЫЧКОВ.

Обвинительное заключение

по делу: Пятакова Ю. Л., Радека К. Б., Сокольникова Г. Я., Серебрякова Л. П., Муралова Н. И., Лившица Я. А., Дробниса Я. Н., Богуславского М. С., Князева И. А., Ратайчака С. А., Норкина Б. О., Шестова А. А., Строилова М. С., Турок И. Д., Граше И. И., Пушина Г. Е. и Арнольда В. В., обвиняемых в измене родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве и подготовке террористических актов, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58[1а], 58[8], 58[9] и 58[11] УК РСФСР

Следствием по делу объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра, участники которого осуждены Военной Коллегией Верховного Суда СССР 24 августа 1936 г., было установлено, что, наряду с вышеуказанным центром, существовал так называемый запасный центр, созданный по прямой директиве Л. Д. Троцкого на тот случай, если преступная деятельность троцкистско-зиновьевского блока будет разоблачена органами Советской власти. Осужденные члены объединенного троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев, Каменев и др. показали, что в состав запасного центра входили известные по своей прошлой троцкистской деятельности Пятаков Ю. Л., Радек К. Б., Сокольников Г. Я. и Серебряков Л. П.

Предварительным следствием по настоящему делу установлено, что, так называемый, запасный центр в действительности был параллельным троцкистским центром, который был организован и действовал по прямым указаниям находящегося в эмиграции Л. Д. Троцкого.

Свою преступную деятельность троцкистский параллельный центр наиболее активно развернул после злодейского убийства Сергея Мироновича Кирова и последовавшего затем разгрома объединенного троцкистско-зиновьевского центра.

Главной своей задачей параллельный центр ставил насильственное свержение советского правительства, в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя. Л. Д. Троцкий и, по его указанию, параллельный троцкистский центр добивались захвата власти при помощи иностранных государств, с целью восстановления в СССР капиталистических отношений.

Эти изменнические замыслы против Советского Союза Л. Троцкий изложил в наиболее законченном виде в своем директивном письме параллельному троцкистскому центру, полученном обвиняемым Радеком К. Б. в декабре месяце 1935 года.

Обвиняемый Радек по этому поводу на допросе от 22 декабря 1936 года показал:

«Надо понять, писал Троцкий, что без известного приравнения социальной структуры СССР к капиталистическим державам правительство блока удержаться у власти и сохранить мир не сможет...

Допущение германского и японского капитала к эксплоатации СССР создаст крупные капиталистические интересы на советской территории. К ним потянутся в деревне те слои, которые не изжили капиталистической психологии и недовольны колхозами. Немцы и японцы потребуют от нас разряжения атмосферы в деревне, поэтому надо будет итти на уступки и допустить роспуск колхозов или выход из колхозов». (Том 5, лист дела 142, 143).

И далее:

«Мы с Пятаковым пришли к заключению, что эта директива подводит итог работы блока, ставит все точки над «и», выдвигая в самой острой форме вопрос о том, что власть троцкистско-зиновьевского блока может быть при всех обстоятельствах только властью реставрации капитализма». (Т. 5, л. д. 146).

В свою очередь, обвиняемый Пятаков, излагая содержание своей беседы с Л. Троцким, имевшей место близ г. Осло в декабре месяце 1935 года, показал, что Л. Троцкий, требуя активизации диверсионной, вредительской и террористической деятельности троцкистской организации в СССР, подчеркнул, что, в результате договоренности с капиталистическими государствами, необходимо, как он выразился, отступить к капитализму. По показаниям обвиняемого Пятакова, Л. Троцкий говорил:

«Это значит, надо будет отступать. Это надо твердо понять. Отступать к капитализму. Насколько далеко, в каком размере, сейчас

трудно сказать, — конкретизировать это можно только после прихода к власти». (Т. 1, л. д. 269)

О том, что программа параллельного троцкистского центра была программой восстановления капитализма в СССР, показал обвиняемый Сокольников Г. Я. на допросе 30 ноября 1936 года:

«Эта программа предусматривала отказ от политики индустриализации, коллективизации и, как результат этого отказа, подъем в деревне на основе мелкого хозяйства капитализма, который в соединении с капиталистическими элементами в промышленности развился бы в капиталистическую реставрацию в СССР.

...Все члены центра сходились на признании того, что в нынешних условиях другой программы не может быть и что необходимо проводить в жизнь именно эту программу блока». (Т. 8, л. д. 225).

Исходя из этих программных установок, Л. Д. Троцкий и его сообщники из параллельного центра вступили в переговоры с агентами иностранных государств, с целью свержения советского правительства при помощи военной интервенции.

В качестве базы для этих изменнических переговоров Л. Д. Троцкий и параллельный центр выдвинули: допущение в СССР развития частного капитала, роспуск колхозов, ликвидацию совхозов, сдачу в концессию иностранным капиталистам целого ряда советских предприятий и предоставление этим иностранным государствам других экономических и политических выгод, вплоть до уступки части советской территории.

По этому поводу Л. Д. Троцкий в упомянутом выше письме к К. Радеку, по словам обвиняемого К. Радека, писал:

«Было бы нелепостью думать, что можно притти к власти, не заручившись благоприятным отношением важнейших капиталистических правительств, особенно таких, наиболее агрессивных, как нынешние правительства Германии и Японии. Совершенно необходимо уже сейчас иметь с этими правительствами контакт и договоренность»... (Т. 5, л. д. 140).

Следствием установлено, что Л. Д. Троцкий вступил в переговоры с одним из руководителей германской национал-социалистской партии о совместной борьбе против Советского Союза.

Как показал обвиняемый Пятаков, Л. Троцкий, в беседе с ним в декабре 1935 г., сообщил, что в результате этих переговоров он заключил с означенным руководителем национал-социалистской партии соглашение на следующих условиях:

«1) Гарантировать общее благоприятное отношение к германскому правительству и необходимое сотрудничество с ним в важнейших вопросах международного характера;

2) согласиться на территориальные уступки;

3) допустить германских предпринимателей, в форме концессий (или каких-либо других формах), к эксплоатации таких предприятий в СССР, которые являются необходимым экономическим дополнением к хозяйству Германии (речь шла о железной руде, марганце, нефти, золоте, лесе и т. п.);

4) создать в СССР условия, благоприятные для деятельности германских частных предприятий;

5) развернуть во время войны активную диверсионную работу на военных предприятиях и на фронте. Причем эта диверсионная работа должна проводиться по указаниям Троцкого, согласованным с германским генштабом.

Эти основы соглашения, как рассказывал Троцкий, были окончательно разработаны и приняты при встрече Троцкого с заместителем Гитлера Гессом.

Точно также, сказал Троцкий, у него имеется вполне налаженная связь с . . . . . правительством». (Т. 1, л. д. 267, 268).

О характере этого соглашения и о размерах территориальных уступок Л. Троцкий сообщил в своем письме обвиняемому Радеку в декабре месяце 1935 года.

В этом письме Л. Троцкий, по показаниям обвиняемого К. Радека, писал следующее:

«...Неизбежно придется пойти на территориальные уступки... Придется уступить Японии Приморье и Приамурье, а Германии — Украину.

Германии нужны сырье, продовольствие и рынки сбыта. Мы должны будем допустить ее к участию в эксплоатации руды, марганца, золота, нефти, апатитов и обязаться на определенный срок поставлять ей продовольствие и жиры по ценам ниже мировых.

Нам придется уступить Японии сахалинскую нефть и гарантировать ей поставку нефти в случае войны с Америкой. Мы также должны допустить ее к эксплоатации золота. Мы должны будем согласиться с требованием Германии не противодействовать ей в захвате придунайских стран и Балкан и не мешать Японии в захвате Китая...» (Т. 5, л. д. 142, 144).

Не ограничиваясь своими личными переговорами с представителями иностранных государств, Л. Троцкий предложил членам параллельного центра установить связь с представителями этих государств в СССР.

По показаниям обвиняемого Пятакова, Л. Троцкий в своих письмах параллельному центру

«...требовал от Радека и Сокольникова, которые имели соответствующие возможности, нащупать здесь с официальными представителями держав необходимый контакт и поддержать то, что им, Троцким, практически проводится». (Т. 1, л. д. 257).

В соответствии с этой директивой Л. Д. Троцкого, обвиняемый Радек К. и Сокольников Г. установили контакт с представителями тех же государств.

По этому поводу обвиняемый Радек на допросе 4 декабря 1936 года показал:

«...Утверждение Троцкого об его контакте с представителями . . . . . правительства не было простой болтовней. В этом я мог убедиться из разговоров, которые мне приходилось иметь на дипломатических приемах в 1934—35 гг., с военным атташе г. . . . . и с пресс-атташе . . . . . посольства г. . . . . ., очень хорошо осведомленным представителем Германии.

Оба они в осторожной форме давали мне понять, что у . . . . . правительства существует контакт с Троцким».

И далее:

«Я сказал г. К., что ожидать уступок от нынешнего правительства — дело совершен-

но бесполезное, и что . . . . . правительство может рассчитывать на уступки «реальных политиков в СССР», т. е. от блока, когда последний придет к власти». (Т. 5, л. д. 119, 121).

Обвиняемый Сокольников также признал, что, используя свое служебное положение заместителя народного комиссара по иностранным делам, он, по указаниям Л. Д. Троцкого, вел тайные переговоры с представителями одного иностранного государства.

Обвиняемый Сокольников показал:

«По окончании одной из официальных бесед, происходившей у меня в кабинете, когда г. . . . . и секретарь посольства собрались уходить, г. . . . . несколько задержался.

В это время оба переводчика вышли уже из кабинета. Воспользовавшись этим, г. . . . . в то время, как я его провожал к выходу, обменялся со мной несколькими фразами. Г. . . . . сказал мне: «Известно ли Вам, что г-н Троцкий сделал некоторые предложения моему правительству?».

Я ответил: «Да, я об этом осведомлен».

Г. . . . . спросил: «Как Вы расцениваете эти предложения?».

Я ответил: «Я считаю эти предложения весьма серьезными».

Тогда г. . . . . спросил: «Это только Ваше личное мнение?».

Я ответил: «Нет, это мнение также и моих друзей». (Т. 8, л. д. 235, 236).

Главные свои надежды на приход к власти Л. Д. Троцкий и его сообщники в СССР возлагали на поражение Советского Союза в предстоящей войне с империалистическими государствами. В соответствии с этим, в своих переговорах с агентами иностранных государств лично Л. Д. Троцкий и параллельный центр, через обвиняемых Радека и Сокольникова, всячески стремились ускорить военное нападение этих государств на СССР.

Это подтверждается показаниями всех обвиняемых по настоящему делу.

Так, обвиняемый Радек на допросе от 22 декабря 1936 г. приводит следующее место из письма к нему Л. Д. Троцкого:

«Надо признать, что вопрос о власти реальнее всего станет перед блоком только в результате поражения СССР в войне. К этому блок должен энергично готовиться... Так как главным условием прихода к власти троцкистов, если им не удастся этого добиться путем террора, было бы поражение СССР, надо, поскольку это возможно, ускорять столкновение между СССР и Германией». (Т. 5, л. д. 143, 117).

Л. Д. Троцкий и его сообщники в СССР считали необходимым во время предстоящей войны занять активную пораженческую позицию, всячески помогая иностранным интервентам в их борьбе против СССР.

Так, например, обвиняемый Пятаков, передавая содержание своего разговора с Л. Троцким в декабре 1935 года, близ г. Осло, показал:

«Что касается войны, то об этом Л. Д. Троцкий сказал весьма отчетливо. Война, с его точки зрения, неизбежна в ближайшее время.

Он, Троцкий, считает совершенно необходимым занять в этой войне отчетливо пораженческую позицию. Он считает, что приход к власти блока, безусловно, может быть ускорен военным поражением СССР». (Т. 1, л. д. 258).

В соответствии с этим планом подготовки поражения СССР с целью захвата власти, Л. Д. Троцкий, Ю. Пятаков, К. Радек, Г. Сокольников, Серебряков Л. П., Я. Ливщиц и другие обвиняемые по настоящему делу развернули вредительскую, диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность, направленную к подрыву экономической и военной мощи нашей родины, совершив, таким образом, ряд тягчайших государственных преступлений.

Следствием установлено, что по прямым указаниям Л. Троцкого и под непосредственным руководством параллельного троцкистского центра, ряд обвиняемых по настоящему делу: Турок, Князев, Ратайчак, Шестов, Строилов, Граше и Пушин были непосредственно связаны с агентами — диверсантами германских и японских разведывательных органов, систематически занимались шпионажем в пользу Германии и Японии и совершили ряд вредительских и диверсионных актов на предприятиях социалистической промышленности и железнодорожного транспорта, особенно на предприятиях, имеющих оборонное значение.

Эту шпионскую и диверсионно-вредительскую деятельность указанные выше обвиняемые осуществляли, в соответствии с имевшимися у троцкистов по этому поводу соглашениями, с иностранными разведчиками.

Так, например, обвиняемый Радек, подтверждая показания Пятакова, на допросе от 22 декабря 1936 г. показал, что одним из пунктов соглашения, достигнутого Троцким с представителем германской национал-социалистской партии, было обязательство —

«...во время войны Германии против СССР... занять пораженческую позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения... действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом». (Т. 5, л. д. 152).

Осуществляя взятые на себя обязательства перед представителями Германии и Японии, параллельный троцкистский центр организовал на ряде промышленных предприятий Советского Союза и железнодорожном транспорте диверсионно-вредительские группы, задачей которых было поставлено осуществление диверсионных и вредительских актов.

Обвиняемый Пятаков на допросе от 4 января 1937 года показал:

«Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не распыляться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение.

В этом пункте я действовал по директиве Троцкого: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах». (Т. 1, л. д. 287).

Следуя этой установке обвиняемого Пятакова Ю., организованные параллельным центром группы совершили ряд диверсионно-вредительских актов на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте.

Так, например, как это было установлено на судебном процессе 19—22 ноября 1936 г., по

делу троцкистско-диверсионной группы на Кемеровском руднике, по указанию обвиняемого Дробниса, был организован взрыв на шахте «Центральная», повлекший за собой гибель 10-ти и тяжелые ранения 14-ти рабочих.

(См. приобщенные к настоящему делу материалы и документы судебного следствия по Кемеровскому процессу от 19—22 ноября 1936 года).

На Горловском азотно-туковом комбинате, под руководством обвиняемого Ратайчака, было организовано три диверсионных акта, в том числе два взрыва, повлекших за собой человеческие жертвы и причинивших огромный материальный ущерб государству.

Аналогичные диверсионные акты, по поручению Ратайчака, были совершены участниками троцкистской организации и на других химических предприятиях Союза (Воскресенский химический комбинат и Невский завод).

Диверсионный характер этих взрывов установлен актами специальной технической экспертизы и собственными признаниями обвиняемых Ратайчака, Пушина и Граше, (Т. 40, л. д. 30, 39, 50).

(См. акты технической экспертизы).

Наиболее активную диверсионно-вредительскую деятельность на железнодорожном транспорте проводили обвиняемые по настоящему делу: Лившиц Я. А., Турок И. Д., Князев И. А. и Богуславский М. С.

Так, обвиняемый Князев, по прямому заданию параллельного троцкистского центра, организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся большими человеческими жертвами. Из этих крушений наиболее серьезными являются:

а) крушение воинского эшелона на ст. «Шумиха» 27 октября 1935 года, во время которого погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев ранено;

б) крушение на перегоне «Яхино — Усть-Катав» в декабре 1935 года;

в) крушение на перегоне «Единовер — Бердяуш» в феврале 1936 года.

Крушение воинских поездов обвиняемый Князев организовал не только по указаниям параллельного центра и, в частности, руководителя диверсионно-вредительской работы на железнодорожном транспорте обвиняемого Лившица, но и по прямым заданиям агента японской разведки г-на Х.

По этому поводу на допросе 14 декабря 1936 года обвиняемый Князев показал:

«Что же касается шпионской работы и нанесения удара Красной армии, путем устройства крушений воинских поездов с человеческими жертвами, то я к этой работе приступил, лишь выяснив отношение троцкистской организации к шпионажу и диверсионной работе против Красной армии в пользу японской разведки.

Задание в части развертывания диверсионно-вредительской работы на транспорте и организации крушений поездов мною было выполнено полностью, так как в этом вопросе задание японской разведки целиком совпадало с заданием, полученным мною несколько раньше от троцкистской организации». (Т. 32, л. д. 61, 57).

О сотрудничестве с агентами японской разведки показал также и обвиняемый Турок И. Д. (Т. 23, л. д. 106).

Совершая диверсионные акты в сотрудничестве с агентами иностранных разведок, организуя крушения поездов, взрывы и поджоги шахт и промышленных предприятий, обвиняемые по настоящему делу не брезговали самыми гнусными средствами борьбы, идя сознательно и обдуманно на такие чудовищные преступления, как отравление и гибель рабочих, стремясь спровоцировать недовольство рабочих советской властью.

Так, обвиняемый Пятаков на допросе 4 декабря 1936 г. по этому поводу показал:

«Мы учитывали, что, в случае необходимости прибегнуть, в целях осуществления вредительских планов, к диверсионным актам,— неизбежно будут человеческие жертвы. Мы это учитывали и принимали как неизбежность». (Т. 1, л. д. 196, 197).

Еще более цинично об этом показал обвиняемый Дробнис:

«Даже лучше, если будут жертвы на шахте, так как они несомненно вызовут озлобление у рабочих, а это нам и нужно». (Т. 13 л. д. 66).

О том, что эти враги народа, организуя диверсионные акты, сознательно шли на многочисленные человеческие жертвы, свидетельствует и следующее показание обвиняемого Князева от 26 декабря 1936 года.

«Лившиц дал особое поручение подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений или отравлений), которые сопровождались бы большим количеством человеческих жертв». (Т. 32, л. д. 92).

Аналогичные показания дал и обвиняемый Турок И. Д. (Т. 23, л. д. 73)

Особо активную разрушительную работу на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте, путем взрывов, поджогов, крушений поездов и т. п., троцкистский центр и руководимые им диверсионные группы на предприятиях и транспорте должны были развернуть во время войны, когда эти чудовищные акты предательства нанесли бы особо чувствительный удар обороноспособности Советского Союза.

Так, и обвиняемый Пятаков дал указание обвиняемому Норкину подготовить поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Допрошенный об этом Пятаков Ю. Л. показал:

«Да, подтверждаю. Такое задание я Норкину действительно дал. Это было вскоре после моей встречи с Троцким, в которой он ставил передо мною вопросы о необходимости проведения в начале войны диверсионных актов на оборонных предприятиях. Именно в связи с этим я говорил с Норкиным о необходимости предусмотреть возможность совершения такого диверсионного акта в Кемерове». (Т. 1, л. д. 309).

В свою очередь обвиняемый Князев на допросе от 14 декабря 1936 года показал, что по соглашению с параллельным центром он принял от агента японской разведки г-на Х. задание на случай войны:

«...организовать поджог воинских складов, пунктов питания и пунктов санобработки войск». (Т. 328, л. д. 68).

Еще более чудовищное задание, направленное против советского народа, обвиняемый Князев принял от того же агента японской разведки, г-на Х.:

«...особенно резко ставился японской разведкой вопрос о применении бактериологических средств в момент войны, с целью заражения остро-заразными бактериями подаваемых под войска эшелонов, а также пунктов питания и санобработки войск»... (Т. 32, л. д. 68).

Предательская связь обвиняемого Князева с японской разведкой установлена не только личными показаниями Князева, но и обнаруженными у него перепиской с г. **X.** и фотоснимками (письма г-на **X.** с пометкой «15/XII» и от 23/VIII—36 года). (Т. 32, л. д. 121).

Материалами предварительного следствия и собственными признаниями обвиняемых — Ратайчака С. А., Князева И. А., Турок И. Д., Пушина Г. Е., Граше И. И., Шестова А. А. и Строилова М. С. — установлено, что, наряду с диверсионно-вредительской деятельностью, троцкистский параллельный центр не менее серьезное значение в борьбе с Советским Союзом придавал организации шпионажа в пользу иностранных разведок.

Все указанные обвиняемые, будучи связанными с представителями германской и японской разведок, систематически снабжали их секретными сведениями важнейшего государственного значения.

Так, например, обвиняемый Князев И. А. снабжал японскую разведку, через упомянутого выше агента этой разведки г. **X.**, секретными сведениями о техническом состоянии, мобилизационной готовности железных дорог СССР и воинских перевозках». (Т. 32, л. д. 103).

Обвиняемые Ратайчак С. А., Пушин Г. Е. и Граше И. И. признали, что они были связаны с германской разведкой, которой передавали секретные материалы о состоянии и работе наших химических заводов.

Допрошенный по этому поводу обвиняемый Граше показал:

«Организация, участником которой я был, вела по заданию германской разведки не только диверсионную, но и шпионскую работу на предприятиях химической промышленности». (Т. 21, л. д. 40).

Обвиняемый Пушин Г. Е., признав свое участие в шпионаже, показал, что он и обвиняемый Ратайчак С. А. осуществляли связь с германской разведкой через монтера фирмы «Линде» — Ленца.

Обвиняемый Пушин Г. Е. на допросе от 26 октября 1936 года показал:

«Ленцу были переданы следующие материалы:

1) данные о выработке продукции на всех химических предприятиях Союза за 1934 год;

2) программа работ всех химических предприятий Союза на 1935 год;

3) план строительства азотных комбинатов, в котором были предусмотрены строительные работы, кончая 1938 годом.

Все эти материалы передал Ленцу лично я в разные сроки в первой половине 1935 года.

Кроме того, мне известно от Ленца, что непосредственно от Ратайчака он получил данные о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 г. по военно-химическим заводам. Помимо всего этого, Ленц систематически снабжался мною сведениями о простоях, авариях, о состоянии оборудования по азотным заводам». (Т. 19, л. д. 31). Аналогичную шпионскую работу в пользу германской разведки вели также и обвиняемые Шестов А. А. и Строилов М. С., изобличенные в преступной связи с рядом разведчиков, прибывших в СССР под видом иностранных специалистов, каким был, например, осужденный за шпионско-диверсионную работу по «Кемеровскому делу» инженер Штиклинг.

Шпионская деятельность троцкистов в пользу германской разведки в ряде случаев прикрывалась их связью с некоторыми немецкими фирмами.

Следствием по настоящему делу установлено, что между Л. Троцким и некоторыми германскими фирмами было заключено соглашение, в силу которого эти фирмы содержали троцкистов за счет фонда, созданного путем накидок на цены товаров, ввозимых в СССР из Германии.

По этому поводу обвиняемый Пятаков, в связи со своей беседой с находящимся в эмиграции сыном Троцкого — Л. Л. Седовым, показал:

«...Седов передал мне указания Троцкого, чтобы я старался разместить побольше заказов в фирмах «Демаг» и «Борзиг», с представителями которых Троцкий имеет связь.

Вам, — добавил Седов, — придется переплатить в ценах, но деньги эти пойдут на нашу работу». (Т. 1, л. д. 227).

В своих планах свержения советского правительства и захвата власти Л. Троцкий и параллельный центр первостепенное значение придавали террористическим актам против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Предварительным следствием по настоящему делу установлено, что параллельный троцкистский центр, по прямым указаниям Л. Д. Троцкого, полученным Пятаковым Ю. Л. и Радеком К. Б., организовал ряд террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Сочи, Новосибирске и других городах.

По показаниям обвиняемого К. Радека, Л. Д. Троцкий требовал:

«...организовать узкий коллектив надежных людей для выполнения террористических покушений против руководителей ВКП(б), в первую очередь, против Сталина». (Т. 5, л. д. 102).

Такие же указания Л. Д. Троцкий дал обвиняемому Пятакову в беседе с ним в 1935 году.

Обвиняемый Пятаков показал, что

«...в этой беседе Троцкий говорил: «Поймите, что без целой серии террористических актов, которую надо провести как можно скорее, нельзя свалить сталинское правительство.

Надо борьбу еще более обострить, еще более расширить. Надо, буквально, не останавливаться ни перед чем, чтобы свалить Сталина». (Т. 1, л. д. 263, 264).

Так агент фашизма Л. Д. Троцкий инструктировал троцкистскую организацию, подготовлявшую ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Организуя указанные выше террористические акты, троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и советского правительства на места.

Например, во время пребывания в Сибири в 1934 году председателя СНК СССР тов. Молотова В. М., троцкистские террористы, под руководством обвиняемого Шестова, покушались на убийство тов. В. М. Молотова, устроив автомобильную катастрофу.

Непосредственный исполнитель этого злодейского преступления, член троцкистской террористической группы, обвиняемый Арнольд, показал по этому поводу на допросе 21 сентября 1936 года следующее:

«В сентябре 1934 года, точно дня не помню, Черепухин вызвал меня к себе в кабинет и предупредил, что в Прокопьевск приезжает Молотов... Он тут же мне заявил, что я должен пожертвовать собой и во что бы то ни стало устроить катастрофу с моей машиной, которая будет подана Молотову. Я согласился и ответил, что все будет сделано». (Т. 36, л. д. 32, 33).

Обвиняемый Шестов подтвердил это, показав:

«По указанию Муралова, я в 1934 году проводил активную подготовку к террористическому акту против председателя СНК СССР Молотова и секретаря Западно-Сибирского крайкома Эйхе». (Т. 15, л. д. 157).

Покушение на жизнь председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Молотова В. М. путем аварии с автомашиной, в которой он следовал от экспедиции шахты № 3 (Прокопьевское рудоуправление) по направлению к рабочему городку, было действительно совершено, но безрезультатно. (Т. 36, л. д. 48).

Такова подлая, предательская, антисоветская деятельность презренных фашистских наймитов, изменников родины и врагов народа — троцкистов.

Потерпев окончательно поражение в своей длительной борьбе против партии и советской власти, лишенные, вследствие полной победы социализма в СССР, всякой поддержки народных масс, представляя собой изолированную и политически обреченную группу бандитов и шпионов, заклейменных общим презрением советского народа, Л. Д. Троцкий и его сподвижники — Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Лившиц и остальные обвиняемые по настоящему делу совершили неслыханное предательство интересов рабочего класса и крестьянства, изменили родине и превратились в шпионскую и диверсионно-вредительскую агентуру германских и японских фашистских сил.

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ

Следствие считает установленным:

1) что, по указанию Л. Д. Троцкого, в 1933 году был организован параллельный центр в составе обвиняемых по настоящему делу: Пятакова Ю. Л., Радека К. Б., Сокольникова Г. Я. и Серебрякова Л. П., задачей которого являлось руководство преступной антисоветской, шпионской, диверсионной и террористической деятельностью, направленной на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и власти буржуазии;

2) что, по поручению того же Л. Д. Троцкого, этот центр, через обвиняемых Сокольникова и Радека, вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы против Советского Союза, причем троцкистский центр обязался, в случае своего прихода к власти, предоставить этим государствам целый ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок;

3) что, вместе с тем, этот центр через своих членов и других участников преступной троцкистской организации систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки секретными сведениями важнейшего государственного значения;

4) что, в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности СССР, этим центром был организован и совершен на некоторых предприятиях и железнодорожном транспорте ряд вредительских и диверсионных актов, повлекших за собой человеческие жертвы и гибель ценного государственного имущества;

5) что этот центр подготовлял ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, причем были сделаны попытки эти акты осуществить;

6) что активное участие в указанной выше преступной деятельности этого центра, кроме его руководителей — обвиняемых Пятакова Ю. Л., Сокольникова Г. Я., Радека К. Б. и Серебрякова Л. П., принимали обвиняемые: Лившиц Я. А., Муралов Н. И., Дробнис Я. Н., Богуславский М. С., Князев И. А., Турок И. Д., Ратайчак С. А., Норкин Б. О., Шестов А. А., Строилов М. С., Граше И. И., Пушин Г. Е. и Арнольд В. В.

Все обвиняемые полностью признали себя виновными в предъявленном им обвинении и уличаются имеющимися в деле документами, вещественными доказательствами и показаниями свидетелей.

На основании изложенного, обвиняются:

1. **Пятаков,** Юрий (Георгий) Леонидович, 1890 г. рождения, служащий;

2. **Сокольников,** Григорий Яковлевич, 1888 г. рождения, служащий;

3. **Радек,** Карл Бернгардович, 1885 г. рождения, журналист;

4. **Серебряков,** Леонид Петрович, 1888 г. рождения, служащий —

в том, что, будучи участниками антисоветского подпольного троцкистского центра, изменили родине, совершив преступления, указанные в п.п. 1—6 формулы обвинения, т. е. преступления, предусмотренные ст.ст. $58^{1а}$ 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} УК РСФСР.

5. **Лившиц,** Яков Абрамович, 1896 г. рождения, служащий;

6. **Муралов,** Николай Иванович, 1877 г. рождения, служащий;

7. **Дробнис,** Яков Наумович, 1891 г. рождения, служащий;

8. **Богуславский,** Михаил Соломонович, 1886 г. рождения, служащий;

9. **Князев,** Иван Александрович, 1893 г. рождения, служащий;

10. **Ратайчак,** Станислав Антонович, 1894 г. рождения, служащий;

11. **Норкин,** Борис Осипович, 1895 г. рождения, служащий;

12. **Шестов,** Алексей Александрович, 1896 г. рождения, служащий;

13. **Строилов,** Михаил Степанович, 1899 г. рождения, служащий;

14. **Турок**, Иосиф Дмитриевич, 1900 г. рождения, служащий;

15. **Граше**, Иван Иосифович, 1880 г. рождения, служащий;

16. **Пушин**, Гавриил Ефремович, 1896 г. рождения, служащий;

17. **Арнольд**, Валентин Вольфридович, он же **Васильев**, Валентин Васильевич, 1894 г. рождения, служащий —

в том, что, будучи активными участниками той же антисоветской подпольной троцкистской организации, изменили родине, совершив преступления, указанные в п.п. 1—6 формулы обвинения, т. е. преступления, предусмотренные ст.ст. 58 [1а], 58 [8], 58 [9] и 58 [11] УК РСФСР.

Вновь изобличенные материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского центра, находящиеся в эмиграции, Л. Троцкий и его сын Л. Л. Седов, в случае их обнаружения на территории СССР, подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Вследствие изложенного и в соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 10 июля 1934 года, все указанные выше лица подлежат суду Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР.

Настоящее обвинительное заключение составлено в гор. Москве 19 января 1937 года.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ

А. Я. ВЫШИНСКИЙ

За высокое качество работы[1]

Я хочу остановить ваше внимание на нескольких, как мне кажется, важнейших вопросах работы воднотранспортной прокуратуры. Вот вопрос о расследовании дел об авариях. Оказывается, по этим делам расследование в среднем занимает 55 дней. Однако этого факта достаточно, чтобы сказать, что ваша работа никуда не годится, потому что 55 дней, т. е. почти два месяца, в некоторых бассейнах составляют весь срок или половину срока навигации. Какой эффект может быть от расследования и рассмотрения этих дел в суде при таких сроках? Никакого эффекта. Вы скажете, это дело серьезное, это техника, тут нужна экспертиза и т. д. С этим согласиться нельзя. Дела об авариях на водном транспорте неизмеримо проще, чем дела о крушениях на железнодорожном транспорте, потому что семафоров тут никто не открывает и не закрывает, на запасные пути никто не принимает и не направляет. Море, как известно, шире железнодорожного пути. Я думаю, что нужно нашей транспортной прокуратуре заняться анализом этих дел с точки зрения установления того, какие имеются технические препятствия к быстроте проведения следствия по этого рода делам.

Я глубоко убежден, что если такую работу проделать, то можно будет сказать прокурорам, что любое дело можно закончить в 15 дней и дать методический разбор того, как делать. Нужно знать, что есть ряд дел, которые не требуют ажурной, скрупулезной обработки, что ряд дел можно проводить быстро, в максимально короткие сроки.

Должен сказать, что этот вопрос упирается целиком в методическую процессуальную проблему. В самой теории уголовного процесса существуют две точки зрения на задачи предварительного следствия. Одна точка зрения сводится к представлению о судебном следствии, как о поверочной инстанции, призванной проверить от начала до конца предварительное следствие. Судебное следствие как бы вновь проходит путь, уже пройденный следствием предварительным. Что это значит? Это значит, что предварительное следствие должно исчерпать вопрос, а судебное следствие должно только проверить его и, в соответствии с результатами проверки, притти к окончательному решению вопроса.

Есть другая постановка этой проблемы. Здесь задача предварительного следствия заключается лишь в том, чтобы ответить на основной вопрос — собрано ли достаточно улик, позволяющих предъявить обвинение обвиняемому, и, следовательно, предварительное следствие по отношению к судебному есть не два одинаковых процесса, соотношение между которыми определяется только контрольными функциями одного к другому, а это есть предварительное, в прямом смысле слова, следствие, которое предварительно устанавливает основные вопросы, подробная разработка которых не относится к компетенции предварительного следствия, а должна и может иметь место на самом судебном следствии.

Какая из этих двух точек зрения правильна? Обе и ни одна. Все зависит от характера дела. Неправы те и другие. Почему? Потому что от характера дела зависит предел детализации.

Только сегодня ночью я утвердил обвинительное заключение по делу об убийстве делегатки Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов т. Прониной. Я, против первоначального проекта, выбросил целый ряд подробностей, которые сами по себе интересны, но которых не нужно вводить в обвинительное заключение, а нужно оставить для суда. Весь вопрос зависит от оценки тех или других обстоятельств, которые могут иметь отношение к этой основной процессуальной задаче предварительного расследования — доказан ли и в какой мере состав преступления и участие в нем лица, которое я как прокурор считаю необходимым предать суду.

Но есть другие дела, в которых, наоборот, нужны очень большая тщательность и исчерпанность обвинительной темы. Таковы, например, политические дела, где нельзя ограничиваться только тем, что доказано, что обвиняемый, будучи членом организации, выполнял одну преступную функцию, а о других

---

[1] Обработанная стенограмма речи на совещании прокуроров водного транспорта 11 января 1937 г.

даже и не знал. Приведу пример. По делу антисоветского троцкистского центра привлекается 17 человек. В вину им ставится организация террористических актов, шпионаж, вредительство, диверсия и связь с некоторыми представителями иностранных государств. Враг народа Троцкий и троцкистский центр торгуют нашей родиной: Сокольников обещает отдать Приморье и Приамурье японцам, Радек обещает отдать Украину немцам. В эту компанию врезаются несколько людей, не членов троцкистской партии, но членов этой преступной организации, и говорят: мы признаем себя виновными в том, что мы совершали диверсионные акты, а о терроре не знали; мы признаем себя виновными в том, что совершали вредительские акты, а о шпионаже ничего не знали... В таком деле нам нужно исчерпать все возможности, чтобы доказать вину каждого и вину всех, ответственность одного за всех и ответственность всех за одного... Иначе ставится под угрозу конструкция обвинения с точки зрения участия в преступной организации. Не всегда это удается сделать, но я говорю о задаче. И задача по такого рода делам состоит не только в том, чтобы определить, что обвиняемый является членом организации, а в том, чтобы доказать и собрать материалы, свидетельствующие, что он, являясь членом организации, участвовал или одобрял, или был прикосновенен и к террору, и к шпионажу, диверсии, вредительству, и к измене родине.

Вот я привел два примера, которые говорят о том, что в различных делах необходимо различно разрешать вопрос о пределах расследования. В делах одного рода надо исчерпать вопрос, и в соответствии с этим должно быть построено предварительное следствие. Другие дела, о которых я тоже говорил, наоборот, позволяют эту следственную тематику не исчерпывать, а поставить лишь важнейшие вопросы с тем, чтобы все остальное доработать на суде. Судебное следствие не есть повторение предварительного следствия, не есть просто проверка того, что было на предварительном следствии. Судебное следствие это есть творческий процесс, где очень часто можно поднять целый ряд совершенно новых вопросов, даже не замеченных на предварительном следствии. Почему? Потому что различны принципы организации работы предварительного и судебного следствия.

На судебном следствии мы имеем состязательность, а на предварительном, как правило, ее нет. При наличии состязательности целый ряд вещей может заговорить своим собственным языком, ибо каждое доказательство, каждая улика по делу может говорить собственным языком. При состязательности улика говорит своим собственным языком. Здесь идет борьба, и очень часто обвинительная улика превращается в улику оправдательную. Такие парадоксы бывают.

Именно потому, что судебное следствие стоит на совершенно иных принципиальных началах, можно в судебном следствии увидеть факт, прошедший на предварительном следствии, в совершенно другом, новом свете.

Факт тот, что в состязательном процессе прокурор или обвинитель перестает быть хозяином процесса, а в предварительном следствии он — хозяин, его рука — владыка, не потому, что он подтасовывает документы (не поймите мои слова в этом одиозном смысле), а потому, что каждая человеческая деятельность имеет свою логику, и подчиняется эта логика определенным законам отношений, хочу я или не хочу этого, и там, где нет гласности и состязательности, законы следствия вступают в свои права. Благодаря этому на судебном следствии, где действует принцип состязательности, раскрывается целый ряд новых источников понимания тех или других вопросов. Это бывает при условии даже идеально проведенного следствия. И не может быть иначе потому, что самый процесс работы на суде опирается на иные принципы, чем это было на предварительном следствии. Если это так, то значит судебное следствие есть процесс творческой работы. Поэтому без особой нужды незачем повторять то, что было установлено на предварительном следствии.

Вот почему по целому ряду дел на предварительном следствии можно обойтись без скрупулезной детальной проработки отдельных вопросов.

Мне кажется, что к такого рода делам, как правило, принадлежат дела об авариях. Тут все очень элементарно: произошла авария, есть технический акт, он тоже очень прост, это не то, что авария в шахте. Обыкновенно как бывает авария? Назалились или не отвалились. Почему вы копаетесь с такими делами 55 дней? Потому что прокурор, когда возникло дело, посмотрел, понюхал, повернул, отложил. Через день переложил, через два дня обратно положил, через некоторое время чем-нибудь другим занялся. И вот идет день за днем, пятидневка за пятидневкой, декада за декадой, над тобой не каплет, никто в затылок не жмет. Очень часто само пароходство не заинтересовано в том, чтобы дело быстрее закончить. Думаете: меня не жмут и я не жму. Один этот факт свидетельствует, что положение совершенно нетерпимо; следовательно, вам надо добиться короткого срока рассмотрения дел об авариях. Ведь это самая гуща вашей работы. Мы должны себе поставить за правило внимание наше концентрировать на основных вопросах. Основных вопросов в работе водной прокуратуры имеется у нас сейчас два — это борьба с авариями и борьба с растратами и хищениями. Если мы эти задачи разрешим правильно, то водный транспорт скажет: прокуратура нам помогла.

Возьмите железнодорожный транспорт, который очень страдал в последнее время от крушений. Лазарь Моисеевич Каганович поставил этот вопрос в центре всей работы железнодорожников. Прокуратура в свою очередь переключила на эту работу ряд работников, жмем во всю. И правильно делаем, потому что только такими мерами можно разбить ту косность, которая приучила людей смотреть на такого рода преступления как на проступки мелкие и относить гибель людей к воле божьей. Мы заставили их отказаться от такого старого взгляда, сказали: ты проехал семафор, погибли люди, отвечай за гибель людей серьезно. А если серьезно, то отвечай так, чтобы это запомнилось всему транспорту. И добились результатов. С этой точки зрения вы, водники, можете похвалиться такой методологией работы? Нет. Нужно, чтобы был какой-нибудь процесс, вроде «Советского Азербайджана», чтобы мы серьезно взялись за дело. А я должен сказать, что если бы во время

предыдущей навигации двадцать аварийщиков крепко наказали, то в следующую навигацию аварий было бы в 20 раз меньше. То же самое с хищениями и растратами. Закон нам позволяет, больше того—закон от нас требует суровой борьбы. Почему вы не проявите должной решительности в этом вопросе? Нужно решительно действовать; нужно уметь, во-первых, быстро дела проводить; действительных виновников находить, во-вторых; уметь использовать судебный процесс, как это надлежит, в-третьих.

Следующий важнейший вопрос — это вопрос об участии прокуроров бассейнов в судебных делах. Возьмите цифры: из 6000 дел только в 305 делах, т. е. 5%, выступают прокуроры. Поддержано обвинений 1159, из них прокурорами бассейнов 305, помощниками прокуроров 518, общественными обвинителями 71, причем не сказано, общественные обвинители выступали вместе с прокурорами или отдельно.

Мы до сих пор к этому делу подходили немного либерально, теперь будем подходить иначе. Будем шельмовать и позорить прокуроров, дегтем мазать на страницах журнала, в приказах бить за игнорирование этой важнейшей задачи. Не можем мы дальше терпеть, чтобы прокуроры наши выступали в судах только в особо торжественных случаях. Я выступал за этот год в четырех делах обвинителем, а областные прокуроры ни одного раза не выступали, и наверное среди вас такие есть, которые не удосужились выступить в суде в течение ряда лет. Вы непосредственно сидите на гуще этих дел. Нужно выбирать интересные, принципиальные дела, которые могут быть даже и мелкими, но на них можно поточить наше прокурорское оружие, чтобы оно не очень заржавело от пребывания в ножнах без употребления. Вы можете найти сотни две интересных дел. Нередко выступает в суде помощник прокурора; а прокурор какое отношение имеет к этому делу? Инструктирует? Нет. Ваше руководство заключается в том, что вы протитюлевали обвинительное заключение. Уже не говоря о том, что когда идет процесс, то вы не сидите с прокурором, который обвиняет, изучая своего помощника, как он себя ведет как прокурор, как он наступает, как обвиняет, как обороняется, не изучаете его способностей прокурорских по живому процессу. А вот сесть за стол около прокурора и весь процесс, день или два просидеть в суде и посмотреть, как он ставит вопросы, как отбивается от вопросов защиты, как знает дело, какова степень его уменья вести дело. Это важный вопрос или нет? Опыт его, умение держаться как обвинитель на суде, техника процессуальная, вот вопросы, которыми определяется ценность прокурора. Этим вы не занимаетесь, как правило, даже не думали заниматься, по крайней мере, пусть кто-нибудь из присутствующих меня поправит, если я неправ. (Голоса с мест. — Правы). Вы не работаете с соцсовместителями, с общественными обвинителями, из которых растут прекрасные прокуроры. Мы из Прокуратуры Союза несколько соцсовместителей послали в Правовую академию, и они выросли в прекрасных прокуроров. Из наших соцсовместителей мы, по крайней мере, получаем 25% хороших прокуроров.

Это все вопросы, которые органически связаны с вашей работой. Дело не только в том, чтобы знное количество людей предать суду, осудить, не только в этом, а в том, чтобы воспитывать новые кадры, чтобы перевоспитывать прокуроров в соответствии с новыми требованиями. Вот сейчас поднят вопрос (я не знаю, как он решится) о допущении защиты на предварительном следствии. Будет ли это решено и в каком объеме это будет — я не предрешаю, но во всяком случае эта постановка вытекает из новой Конституции, из изменившихся условий нашей работы. А допущение защиты на предварительном следствии по целому ряду дел означает для вас громадные трудности. Среди наших адвокатов есть очень зубастые. Мы запланировали 20% выпускаемых из ВУЗов для коллегий защитников. Мы поднимаем положение членов коллегии защитников на высоту, которая соответствует принципу Конституции, каждый гражданин имеет право на защиту, на квалифицированную, настоящую защиту, не защиту формальную, домашнюю, нет, а на настоящую, которая может поссориться очень крепко с прокурором.

Поэтому сейчас вопрос, который я затронул, о работе над собой, над своими помощниками и своим аппаратом — это вопрос самой острой оперативной потребности. Без нее вы не сможете решить всех вопросов, вытекающих из Сталинской Конституции о прокурорской работе так, как требует наша великая эпоха, наша родина, наша партия.

Остается вам пожелать одного, чтобы сказанное, хотя и бегло, вы приняли за очень серьезный совет человека, который не только отвечает формально за вашу работу перед партией и правительством, а чтобы вы приняли это как совет человека, который искренне и по-братски, по-товарищески хочет, чтобы каждый из вас был в лучших и первых рядах борьбы за решение тех задач, которые стоят перед прокуратурой. И это не только потому, что я и мои помощники отвечаем за вашу работу, а главным образом потому, что во мне, когда я сейчас говорю, живет очень ясное ощущение того, какая действительно великая ответственность на нас лежит сейчас, как на нас партия сейчас смотрит и какие упования возлагает.

У нас есть все возможности работать на собой; больше чем когда-либо. Нужно уметь оправдать доверие партии и правительства.

Если вы спросите, какая наша первая задача, то я отвечу: будьте достойны нашей великой партии и тех требований, которые нам предъявляет наш великий вождь и учитель товарищ Сталин. Оправдайте доверие партии и правительства — это ваша, это наша главная задача.

Вредительство на Оренбургской ж. д.[1]

Дело бывших руководителей Оренбургской ж. д. рисует перед нами ярчайшую картину того, как при слепых, безруких и чванливых руководителях орудует классовый враг, как при их покровительстве и пособничестве враг организует прорывы на важном участке хозяйственного фронта, как они — эти гнилые и преступные руководители — становятся орудием в руках врага и его соучастниками в подрыве стахановского движения, во вредительском срыве важнейших мероприятий партии и правительства.

Предварительным и судебным следствием по настоящему делу неопровержимо установлено, что на Оренбургской ж. д. при попустительстве и пособничестве руководителей дороги — Подшивалина и Чиркова — в течение ряда месяцев проводился организованный срыв всех важнейших норм и измерителей работы ж.-д. транспорта, проводился саботаж и вредительство, приведшие дорогу к тяжелому прорыву.

В своей борьбе за срыв работы ж.-д. транспорта саботажники и вредители, засевшие в управлении дороги, проявили исключительную наглость и цинизм, настойчивость, изворотливость. Они исключительно умело использовали то обстоятельство, что во главе дороги стояли люди, настроенные против высоких темпов работы ж.-д. транспорта и санкционировавшие вредительские и жульнические махинации врагов.

Исходной точкой организованного похода против норм, измерителей и графика движения поездов со стороны контрреволюционной группы, захватившей командные посты в управлении дороги, явился вредительский срыв важнейшего задания правительства о переводе паровозов с нефтяного на угольное отопление. Вокруг этого развернулись махинации вредителей и саботажников. Вокруг этого проводился организованный срыв работы Оренбургской ж. д., вокруг этого проводилась ориентировка не только управления дороги, но и всех работников линии на срыв работы дороги, на снижение скоростей, на невыполнение государственного плана перевозок.

Предварительным и судебным следствием точно установлено, что вдохновителями этого вредительства являлись руководители службы движения Оренбургской ж. д. — начальник службы движения Пашкевич и его заместитель — Рябоконь.

Не случайно они оказались вдохновителями и организаторами вредительского срыва работы дороги. Оба они — бывшие петлюровцы. Рябоконь был уже раз приговорен к 10 годам лишения свободы за вредительство. Советская власть помиловала его, дала ему возможность доказать, что он исправился, доказать, что он может и хочет добросовестно работать на пользу социалистического строительства. Но он не вступил на путь, на который его призывала советская власть, вместо этого он пошел по старому пути — пути организованного вредительства и саботажа.

Вокруг этих контрреволюционеров и саботажников группировались все контрреволюционные, саботажнические и предательские элементы, которых немало было в управлении дороги и которые захватили целый ряд важных командных постов в этом управлении, как Гельднер — заместитель начальника службы пути, который провел целый ряд крупнейших вредительских актов, приведших к срыву работы путевого хозяйства и к подрыву работы Оренбургской дороги в целом. Военский — начальник локомотивной группы — один из активных виновников срыва перевода Оренбургской ж. д. с нефтяного отопления на угольное, Анфилов — инженер службы, который при помощи целого ряда мошеннических преступных махинаций добивался резкого снижения скоростей на протяжении почти половины всей дороги.

Вот кто группировался вокруг Пашкевича и Рябоконя. Но это еще далеко не все. Следствие, которое ведется по делу работников Оренбургской ж. д., без сомнения разоблачит еще ряд других контрреволюционеров и вредителей, орудовавших на Оренбургской дороге.

Вокруг Пашкевича и Рябоконя группировались предательские элементы управления дороги. Вот, например, свидетель — начальник паровозной службы Тарасов, разваливший паровозную службу. Он сочувственно реагировал на все попытки вредителей и саботажников сорвать работу паровозного парка и принял активное участие в снижении форсировки котла паровозов, активно участвуя в снижении скоростей на Оренбургской дороге.

Вот начальник службы пути Броницкий, санкционировавший и штамповавший вредительские расчеты саботажников, засевших в службе пути.

Переходя к роли в этом деле Подшивалина и Чиркова, т. Сегал указывает, что когда ставился вопрос о корректировке графика, у начальника дороги Подшивалина было созвано совещание начальников служб. Подшивалину прекрасно было известно, говорит т. Сегал, что существует тенденция использовать перевод на угольное отопление для того, чтобы снизить скорости и, тем самым, сорвать все измерители эксплоатационной работы дороги. Как же должен был на его месте поступить настоящий руководитель, который не потерял совести и блюдет государственное дело, порученное ему, спрашивает т. Сегал и отвечает: он должен был сказать, что перевод на угольное отопление должен сопровождаться ростом и развитием стахановско-кривоносовского движения, что в этом переводе необходимо опереться на опыт лучших железных дорог Союза, на опыт лучших машинистов, стахановцев-кривоносовцев той же Оренбургской дороги.

Все это сделал бы честный руководитель.

А что сделал Подшивалин? На совещании руководителей служб он дал возможность вредителям начать открытый поход против всех норм и измерителей.

«Учтите все, учтите в том числе и необходимость снижения скоростей», — заявил на этом совещании Подшивалин.

Кому же было поручено руководство работой по корректировке графика? Саботажнику

---

[1] Обработанная стенограмма обвинительной речи главного транспортного прокурора т. Г. М. Сегала на процессе б. руководителей Оренбургской ж. д. Подшивалина, Чиркова и др.

и вредителю Пашкевичу и его заместителю — опытному вредителю, с большим вредительским стажем — Рябоконю.

Что же делает Пашкевич? Он созывает совещание начальников служб и дает прямое указание — форсировку котла снизить, скорости движения поездов сократить. Это вредительское предложение сразу же было подхвачено всеми саботажническими элементами, засевшими в Управлении Оренбургской ж. д.

Летом 1936 г. НКПС издал приказ, в котором, между прочим, говорилось, что при износе рельсов типа 4-А от 3 до 6 мм должна быть установлена определенная скорость. Таких рельсов Оренбургская дорога имеет на участке всего, как это установлено судебным следствием, на протяжении 150 км.

Мошенническим образом, подтасовывая факты и имеющиеся материалы, выводят расчет, что рельсов с износом от 3 до 6 мм на Оренбургской ж. д. имеется 945 км. Как же это сделали? Очень просто. К участкам с износом рельсов от 3 до 6 мм прибавили участки с износом рельсов от 1 до 3 мм. Таким образом получилось 945 км.

Эта вредительская махинация была проделана Анфиловым при поддержке и соучастии начальника службы пути Броницкого.

Второй вопрос — о форсировке котла.

С борьбы за высокую форсировку котла началось стахановско-кривоносовское движение на ж.-д. транспорте. Машинист Донецкой ж. д. Петр Кривонос первый повел паровоз товарного поезда на большом клапане, первый достиг высокой форсировки котла и первый показал высокую техническую скорость. А за ним пошли лучшие машинисты ж.-д. транспорта нашей страны, показавшие великолепные образцы стахановского освоения техники и достижения высоких темпов работы, высоких скоростей.

Как же обстояло дело с форсировкой котла на Оренбургской ж. д.? Существовала норма форсировки котла в размере 50 кг с квадратного метра площади нагрева котла паровоза в час. Такова была норма при нефтяном отоплении.

При переходе на угольное отопление руководители дороги не заинтересовались тем, какая форсировка котла достигается при угольном отоплении. Их не интересовал опыт лучших, передовых железных дорог работающих на угольном отоплении, и лучших машинистов-кривоносовцев той же Оренбургской ж. д.

Паровозная служба, как и руководители дороги в целом, особенно Пашкевич и Рябоконь, не были заинтересованы в том, чтобы добиться высоких скоростей. Наоборот, все свои усилия они напрягали, чтобы добиться сокращения скоростей.

На Орской линии норма форсировки котла была установлена в 47 кг, и они решили распространить эту пониженную форсировку на всю Оренбургскую ж. д.

Но Орская линия Оренбургской ж. д. не является передовой линией, и не доказано, что машинисты той же Орской линии не достигали большей форсировки котла, чем 47 кг. Никакого учета действительной форсировки котла в управлении дороги не было, и снижение форсировки котла до 47 кг нельзя рассматривать иначе, как прямой и сознательный вредительский акт.

Заместитель начальника дороги Чирков и начальник дороги Подшивалин санкционировали снижение форсировки котла. Судебное следствие по настоящему делу показаниями ряда лучших машинистов-кривоносовцев депо Оренбург и ряда свидетелей из административно-технического персонала самой дороги, в том числе и непосредственно отвечающего за срыв скоростей движения поездов начальника паровозной службы Тарасова, доказало, что дорога, освободившись от гнилого и преступного руководства, добилась форсировки котла на угле еще более высокой, чем форсировка, достигавшаяся на нефтяном отоплении.

Об этом говорили свидетели Филиппович, Кузнецов, Воронин и, наконец, сам Тарасов.

Форсировка котла у лучших машинистов достигает 53—55 и даже 58 кг.

На кого же было возложено художественное, так сказать, оформление вредительских махинаций? На сцене появляется опытный вредительских дел мастер, без которого, как говорили и обвиняемые и свидетели, ни одно пакостное дело на дороге не проходило — заместитель начальника службы движения, петлюровский министр путей сообщений Рябоконь. Он готовит корректировку, он собирает визы, он все это несет на подпись начальству и оформляет.

Но ему не терпится. Как только был готов расчет, он шлет радостные телеграммы Ташкентской дороге: мы, оренбуржцы, валим все нормы и измерители, валите и вы, мы сбиваем график, мы уменьшаем скорость движения поездов на 3½ часа, мы будем подводить к подводам на другие дороги поезда с огромным опозданием.

Таким образом он стремился дезорганизовать работу не только Оренбургской дороги, но и соседних дорог.

Он не сидел сложа руки и до того, как началась работа по корректировке графика. По установленным НКПС нормам, коммерческая скорость должна быть определена в транфинплане в размере 22,1 км в час.

Рябоконь же составляет транфинплан на IV квартал, где вместо 22,1 км указывает только 19 км. Но и этого ему было мало, и он идет на прямой срыв и дезорганизацию стахановско-кривоносовского движения среди работников службы движения Оренбургской ж. д. Для этой цели он изобретает чрезвычайно хитроумную комбинацию. Нужно было спустить штатное расписание на линию и в этом штатном расписании указать нормы оплаты труда движенцев, кондукторов, составителей и т. д. НКПС установлена прогрессивная система оплаты труда этих работников. Эта прогрессивная система обеспечивает такое положение, когда при одном и том же фонде заработной платы достигается рост производительности труда и выполнение одним и тем же количеством работников гораздо большей работы и по объему и по качеству.

Что же делает Рябоконь? Он спускает штатное расписание, в котором графу о прогрессивной оплате просто вычеркивает, отменяя, таким образом, прогрессивную систему оплаты труда работников службы движения Оренбургской ж. д.

Только вредительством, направленным на подрыв и дезорганизацию стахановско-кривоносовского движения на Оренбургской дороге, можно назвать это действие Рябоконя.

Таковы были методы, при помощи которых вредительско-саботажническая группа работников Оренбургской дороги, при полном покровительстве ее руководителей, проводила срыв работы дороги под предлогом перевода ее на угольное отопление.

На судебном следствии мы установили, что заместитель начальника дороги Чирков в первый период перевода паровозов на угольное отопление в течение полутора месяцев замещал начальника дороги. Что же он сделал, чтобы выполнить задание правительства? Чирков саботировал это мероприятие, он даже приказ НКПС о том, что нужно перевести паровозы на угольное отопление, спустил через 3 недели после того, как этот приказ был им получен, не говоря уже о том, что никаких организационных мероприятий по переводу паровозов на угольное отопление он не проводил.

Чирков видел, как вредители и саботажники срывали дело, он сочувствовал и покровительствовал им. Что же удивительного, если, в результате такого отношения к решениям правительства и приказами наркома, на Оренбургской дороге стал открыто орудовать классовый враг, пытавшийся не без некоторого успеха вызвать на дороге угольный голод.

Мы установили на судебном следствии, что Гельднер, с согласия Пашкевича, пытался провести через Чиркова распоряжение о снижении скорости хопперов. На хоппере написано, что его грузоподъемность 60 т, вес самого хоппера 20 т, итого 80 т. Так как хоппер 4-осный, то выходит, что давление на ось груженого хоппера составляет 20 т. Казалось, что надо снижать скорость хопперов. На самом деле и Гельднеру и Пашкевичу прекрасно было известно, что хопперы грузятся не на 60 т, а только на 50 т, и поэтому давление на ось составляет не 20 т, а 17,5 и нет надобности снижать скорость.

Это мероприятие Гельднер подсовывает Чиркову. Чирков не решается его санкционировать, я утверждаю — именно не решается, потому что, если бы он хотел ликвидировать этот вредительский акт, то он не ограничился бы только отказом в подписи этого документа, он тут же разоблачил бы Гельднера.

Чирков отказал Гельднеру в подписи, но дал возможность Гельднеру на другой день самостоятельно пустить эту телеграмму по всей линии Оренбургской ж. д. Что получилось в результате? Ряд начальников станций, начальников отделений посылали в управление дороги телеграмму за телеграммой с требованием отмены этого предельческого и вредительского распоряжения. Эти телеграммы попадали к Пашкевичу и Рябоконю и клались ими под сукно, а слепые и безрукие руководители не слышали сигналов, ибо они были оторваны от линий. Вредительское распоряжение Гельднера действовало 2½ месяца и привело дорогу к очень серьезным затруднениям с снабжением углем, вплоть до того, что были дни, когда дорога стояла перед угрозой полной остановки.

Чрезвычайно характерные факты были приведены свидетелем Ворониным. Машинисты никакой помощи не имели, инструктажа не получали. Естественно, что они пытались обмениваться собственным опытом и овладеть техникой вождения паровозов на угле. Машинисты обсуждают наболевшие вопросы, а тут около них вертится меньшевик — наставник Иванов. Он видит, что машинисты не знают, как выйти из затруднительного положения, в которое их поставило отсутствие инструктажа и опыта по угольному отоплению. Используя это, он ведет агитацию, ведет ее подло, хитро, так, как могут это делать меньшевики. Он подходит к группе машинистов, слушает все, что они говорят, и вставляет только одно словечко: «что же, 1700 т».

У машинистов сразу возникает мысль: в самом деле, не тяжелы ли поезда? Не снизить ли вес поездов?

Тот же самый Иванов подходит к другой группе, постоит, послушает, как будто не вмешивается в беседу, но вставляет только одно словечко: «что же, уголек».

Готово! Уже дезорганизаторская мысль внесена в среду машинистов, уже смятение посеяно, а это, как раз то, что нужно меньшевику — вредителю и предателю.

Нагло орудовали троцкисты. Вот машинист Каргин в том же депо Оренбург. Он, видите ли, техник. Он считает себя высококвалифицированным специалистом паровозного дела. Он заявляет среди машинистов: «Чтобы я, квалифицированный машинист, ездил на угле? За кого вы меня считаете? Это ниже достоинства хорошего машиниста, квалифицированного работника паровозного дела».

Выходит, что машинисты, которые ездят на угле, — это как будто машинисты второго сорта, неквалифицированные машинисты, какие-то чумазые. А с чего началось кривоносовское движение на транспорте? Разве Петр Кривонос — инициатор и зачинатель стахановского движения на ж.-д. транспорте — не на угле ездит? Разве он не пользуется огромным уважением, почетом, славой среди миллионов трудящихся нашей социалистической родины? Но что до этого троцкисту Каргину. Ему важно посеять смятение в умах машинистов, внушить им, что ездить на угле ниже достоинства хороших машинистов.

Судебное следствие установило факты прямой диверсии со стороны троцкистских элементов, пытавшихся выводить из строя паровозное хозяйство Оренбургской ж. д. В депо Эмба, в Казалинском депо и в Новосергиевском депо паровозный парк был дезорганизован.

Особенно яркие факты имели место в депо Эмба. Эмба находится в местности, в которой вода отличается чрезвычайной жесткостью и большим содержанием солей. Всякому железнодорожнику прекрасно известно, что вода с большим содержанием соли вредна для паровоза, и в депо Эмба были построены мощные опреснители, которые должны были, извлекая из воды соли, снабжать паровозы доброкачественной водой.

Что же сделали в депо? Опреснители были остановлены, паровозы стали снабжать соленой водой. В результате у 90% паровозов потекли трубы.

Мало этого, там вредительски использовали движение за увеличение межпромывочного пробега для выведения из строя паровозов. При снабжении паровозов соленой водой, при выведении из строя опреснителей, межпромывочный пробег довели до 7000 км без применения антинакипина и без продувки котлов. Это привело к выведению из строя паровозного парка депо Эмба.

Кто же был организатором этого гнусного, вредительского диверсионного дела? Троцкист Ермоленко — начальник депо. Подшивалин, Чирков и начальник политотдела дороги Чичеров прекрасно знали, что Ермоленко троцкист. Только их преступное бездействие дало возможность этому подлому троцкисту орудовать на дороге и развалить паровозный парк депо Эмба.

Что же удивительного, если в результате всех этих махинаций паровозный парк Оренбургской ж. д. был дезорганизован, что работа паровозного парка, а с ним и всей Оренбургской ж. д. катастрофически падала из месяца в месяц и дорога пришла к зимнему сезону в чрезвычайно тяжелом положении. Сейчас пришлось принять экстренные меры, чтобы вытащить Оренбургскую дорогу из того прорыва, в который ее загнали враги и мерзавцы, засевшие в Управлении дороги.

Норма технической скорости 31 км в час. Эта норма не только была выполнима, но ее легко можно было перевыполнить, что подтверждается опытом машинистов Оренбургской ж. д., которые в июле добились технической скорости в 32 км.

Что же произошло дальше? В августе техническая скорость была 30,3 км, в сентябре — 29,7 км, а в октябре — 28,9 км. Неуклонное падение технической скорости.

Вы видите, товарищи судьи, рост бросания поездов, рост порчи паровозов, рост недодач, которые в октябре по Оренбургской дороге достигли 214 случаев.

Такая работа паровозного парка сорвала всю работу дороги. Какие мы имели показатели по участковой скорости? При задании в 21,5 км, в августе было 15,5 км, в сентябре — 15,4 и в октябре — 15 км.

Отправление поездов по расписанию: в июле — 66,9, а в сентябре уже 44,8.

Товарных поездов было отправлено по расписанию: в июле — 21,2% поездов, а в сентябре — 22,2%.

Налицо срыв всех показателей работы Оренбургской ж. д. в результате деятельности контрреволюционной банды, которая орудовала в Управлении Оренбургской ж. д. и которой содействовали и помогали руководители этой дороги.

Перейдя далее к вопросу о жульнических махинациях вредителей Пашкевича и Рябоконя в области выполнения плана погрузки, т. Сегал указывает, что они систематически срывали выполнение государственного плана перевозки грузов первой категории. Этот план выполнялся в течение летних и осенних месяцев от 57 до 71%. А официально они показывали: в августе — 117,7%, сентябре — 121% и в октябре — 126,2%. Как же они это делали, спрашивает т. Сегал и отвечает:

Пашкевич и Рябоконь захватывали тысячи порожних вагонов, которые шли по регулировочному заданию НКПС на соседние дороги, грузили балласт, возили его на короткое расстояние, выгружали, где придется, и все это выдавали за выполнение плана погрузки.

Начальник службы пути на суде показал, что возить-то балласт возили, но не туда, куда нужно было, а, туда, где легче его было выгрузить, для того, чтобы получить возможность показать цифры: столько-то вагонов погружено, столько-то выгружено.

Наряду с этим Пашкевич и Рябоконь дезорганизовали работу и других дорог тем, что систематически задерживали на продолжительное время порожняк, держали его у себя на дороге и не сдавали для погрузки на соседние дороги.

Пашкевич пытался оправдать недогруз грузов первой категории ссылкой на клиентуру: «чем, мол, мы виноваты, клиентура не грузит, а если клиентура не грузит, что нам делать? Надо возить те грузы, которые имеются».

Отчетность Оренбургской дороги показывает, что дело обстояло не так. Вот что говорят цифры.

Недогруз грузов первой категории по вине Оренбургской дороги в июле составлял 1651 вагон, в августе — 5041 вагон, в сентябре — 7730 вагонов и в октябре — 3297 вагонов.

Это по данным Управления Оренбургской ж. д. Какое же право имеет Пашкевич говорить, что срыв выполнения плана перевозки грузов первой категории происходил по вине клиентуры, когда заместитель начальника службы движения Рябоконь пошел на то, чтобы объявить конвенцию на погрузку грузов первой категории. Он объявил конвенцию на погрузку хлеба в хлопководческие районы.

Рябоконь прекрасно понимает значение этого акта. Недаром он пытался выкрутиться: «позвольте, я понимаю, но ведь дело было в октябре». Как будто, в октябре, как раз в то время, когда происходят хлопкозаготовки, срыв снабжения хлебом хлопководческих районов — это не вредительство.

А Чирков и Подшивалин, вероятно, в это самое время, читая сводки о ходе погрузки, хлопали друг друга по плечу и говорили: «смотри, как мы хорошо выполняем план погрузки».

Перехожу к вопросу об организации на Оренбургской дороге борьбы с крушениями и авариями, вернее об организации крушений и аварий.

Чрезвычайно яркие и красочные факты из этой области были установлены на судебном следствии.

Перед вами тут проходили свидетель Логвинов, скромный инженер группы организации движения. Посмотреть на него, не подумаешь, что он был таким великим человеком на Оренбургской ж. д. Он не только инженер по организации движения, он, вместе с тем, инспектор при начальнике службы движения, он, вместе с тем, инспектор и начальника дороги. Он занимается вопросами маршрутизации, он экзаменует агентов по вопросам технической эксплоатации, он руководит перевозкой негабаритных грузов, он ведет расследования по газетным заметкам. Между делом этот же самый Логвинов выполняет и всю работу по борьбе с крушениями и авариями на Оренбургской ж. д.

Несчастный человек этот Логвинов. Он, как видно, работник очень старательный и аккуратный и болел за свое дело. Но что же мог сделать этот скромный, старательный работник, на которого были возложены такие огромные задачи. Характерно, что за 7 месяцев его работы начальник дороги ни разу его не принял.

Логвинов добросовестно составлял заключения по авариям и крушениям. В своих заключениях он тщательно прорабатывал вопрос о том, кому нужно объявить выговор, кому нужно объявить замечание, кого нужно сме-

стить, а кого и прокурору передать. Все споры, оказывается, велись именно вокруг этих вопросов, как будто в этом было все дело. И это на дороге называлось борьбой с крушениями и авариями.

Разве Пашкевич и Рябоконь не знали, как нужно организовать борьбу с крушениями и авариями? Они не были заинтересованы в ликвидации крушений. Наоборот, они в душе радовались крушениям, которые помогали им дезорганизовать работу дороги.

Что же они делали с несчастными заключениями Логвинова? Прежде всего они по 10—12 дней мариновали эти самые заключения, в которых говорилось о том, что Иванову нужно объявить выговор, а Петрову — замечание. Логвинов бегал, искал эти заключения. А они занимались тем, что перекладывали их друг другу: один на стол другого, другой — на стол третьего. Логвинов метался в поисках заключений, а крушения росли.

Чирков, когда до него, наконец, доходили эти заключения, штамповал взыскания, а Подшивалин даже и этим редко занимался.

Чрезвычайно характерно, что один из свидетелей — инспектор контроля т. Степанов — смелый и честный большевик, который сыграл крупную роль в раскрытии вредительских махинаций на дороге, при проверке состояния крушений и аварий установил, что одни и те же 35 машинистов систематически и безнаказанно делали крушения и аварии, но их и им подобных разгильдяев и саботажников никто не трогал. Удивительно ли, что на Оренбургской дороге крушения и аварии росли из месяца в месяц?

Такова, товарищи судьи, тяжелая картина, развернувшаяся перед нами на протяжении судебного следствия и с достаточной полнотой и яркостью характеризующая организованный вредительский срыв, производившийся на Оренбургской ж. д., срыв всех важнейших норм, измерителей и графика движения поездов.

Какова же роль каждого из обвиняемых в этом деле? Я считаю вполне установленным, что Пашкевич и Рябоконь являлись и являются сознательными контрреволюционерами, вредителями, проводившими организованную линию на срыв работы ж.-д. транспорта и что поэтому предъявленное им обвинение по ст. 58[14] УК РСФСР, т. е. в контрреволюционном саботаже, направленном к подрыву советской власти, вполне доказано.

Я считаю также установленным, что заместитель начальника дороги Чирков, который был наиболее близко связан в практической работе с этими вредительскими элементами и принимал участие в их контрреволюционных и мошеннических махинациях, должен быть признан виновным в прямом соучастии с этими контрреволюционными вредителями, т. е. по ст.ст. 17 и 58[14] УК РСФСР.

В отношении Подшивалина я считаю установленным, что он является преступным нарушителем государственной дисциплины и что по его вине распоясалась вся эта банда, гнусная деятельность которой привела к полному срыву и дезорганизации всей работы дороги. Я считаю, что Подшивалин должен нести ответственность по ст. 59[10] УК РСФСР.

Я считаю также, что прошедшие перед судом в качестве свидетелей Броницкий — начальник службы пути и Тарасов — начальник паровозной службы, с достаточной полнотой проявившие себя как саботажники и покровители контрреволюционеров и вредителей, проводившие линию на срыв работы ж.-д. транспорта, должны быть отстранены от работы и привлечены к уголовной ответственности. Я считаю, что суд должен вынести по этому вопросу специальное определение.

Товарищи судьи! Этот процесс должен явиться сигналом бдительности для всех честных железнодорожников, рядовых работников и командиров, для всех большевиков ж.-д. транспорта — партийных и непартийных. Каждый честный железнодорожник должен помнить слова славного полководца железнодорожной армии — сталинского наркома Лазаря Моисеевича Кагановича, сказанные им на декабрьском пленуме ЦК нашей партии:

«Никакая группа профессоров не осмелилась бы выступить с наглой саботажнической платформой, если бы она не имела за собой некоторого резерва, если бы она не считала, что ей сочувствует часть командиров».

Разве, товарищи, эти слова т. Кагановича не относятся полностью к бывшим руководителям Оренбургской дороги? Разве вредители, саботажники и контрреволюционеры могли бы орудовать, если бы им не сочувствовали руководители дороги Подшивалин и Чирков?

«Нет, товарищи, — говорил на декабрьском пленуме т. Каганович, — никакой архиученый профессор не сможет околпачить коммуниста, если этот коммунист не ищет лазейки для того, чтобы оправдать свою собственную плохую работу».

Разве эти слова полностью не применимы к бывшим руководителям Оренбургской ж. д.?

«Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа». (Ст. 131 Конституции СССР).

Такая банда врагов народа, товарищи судьи, орудовала на Оренбургской ж. д.

И железнодорожники ежедневно и ежечасно должны помнить, что враги и диверсанты, махровые изменники и контрреволюционеры, агенты международного фашизма — троцкисты — не останавливаются ни перед какими подлостями и преступлениями в своих гнусных попытках сорвать победоносное строительство социализма и счастливую жизнь народов нашей великой родины.

Товарищи судьи! Я считаю, что виновники вредительского срыва работы Оренбургской ж. д., пытавшиеся сорвать достигнутые, на основе великого стахановско-кривоносовского движения, успехи ж.-д. транспорта нашей страны, должны понести суровое наказание.

Я считаю необходимым подвергнуть их лишению свободы, причем Рябоконя и Пашкевича на максимальный срок.

Вместе с тем, товарищи судьи, я считаю необходимым и прошу вас возбудить перед Президиумом ЦИК СССР ходатайство о лишении Подшивалина, этого преступного нарушителя государственной дисциплины и покровителя саботажников и вредителей, ордена Трудового красного знамени.

С. ГОЛУНСКИЙ

Камера предания суду

Термин — камера предания суду происходит из Франции. Во времена Французской революции 1789 г. впервые во Франции был поставлен в законодательном порядке вопрос о гарантиях граждан против произвольного предания суду.

20 декабря 1791 г. докладчик комитета, созданного Учредительным собранием для разработки основ нового законодательства, Дюпор говорил:

«Никогда не будем разделять права общества временно арестовывать граждан и права каждого гражданина на то, чтобы его судили как можно быстрее и с наибольшей возможной степенью достоверности. Без этого или виновные избегают наказания или невиновные подвергаются ему. В обоих случаях страдает свобода и общественная и индивидуальная безопасность. Самое надежное средство обеспечить эти права и соблюсти эти различия — это поручить их осуществление различным учреждениям, из которых одно представляет собой воздействие общества на каждого индивидуума, а другое включает в себя в особенности права индивидуума против общества».

Из этого Дюпор делал вывод о необходимости создания двух отдельных и независимых друг от друга органов, из которых один решает вопрос о предани суду, а другой — разбирает дело по существу и выносит приговор.

«Ничто так не угрожает безопасности, — говорил Дюпор, ссылаясь на Монтескье,—как обвинения. Поэтому общество должно принимать самые большие предосторожности для того, чтобы обвинения были, если не более редки, то, по крайней мере, более правильны, более свободны от предвзятости и клеветы. Достигнуть этого нельзя иначе, как только предоставив гражданам право решать, есть или нет основание для того, чтобы обвинять гражданина... Одно учреждение мы считаем необходимым поставить у дверей юстиции — обвинительное жюри. Мы думаем, что свобода граждан — вещь достаточно важная и что если общественное спокойствие требует предоставления полиции больше энергии и быстрых действий, то необходимо сразу же решить судьбу арестованного гражданина».

По этим мотивам законом от 16—29 сентября 1791 г. был организован особый орган по преданию суду по обвинению в наиболее серьезных преступлениях, так называемое обвинительное жюри.

Создавая этот орган, французские законодатели подражали английским процессуальным порядкам. Так как в Англии буржуазия утвердила свое господство более чем на сто лет раньше, чем во Франции, идеологи французской буржуазии в течение всего XVIII в. восхваляли английский государственный строй.

В Англии уже в течение ряда столетий существовал порядок, по которому вопрос о предании суду решался коллегией присяжных заседателей в числе 12—23 человек, называвшейся Большое жюри [1]. Эта коллегия рассматривала обвинительный акт, заслушивала личные объяснения обвинителя, допрашивала, если находила нужным, свидетелей обвинения (ни обвиняемый, ни свидетели с его стороны в Большом жюри не фигурировали) и либо прекращала дело, либо выносила определение о предании обвиняемого суду. Но в Англии в то время Большое жюри отнюдь не ограничивалось разрешением вопроса о предании суду. Оно выполняло целый ряд функций, которые у нас выполняет теперь прокуратура, и ряд чисто административных функций. Писатель первой половины XIX в. Ричард Филиппс в своей книге «Права и обязанности присяжных» так описывает эти функции Большого жюри: «Состояние различных тюрем, злоупотребления тюремной администрации, поведение всех должностных лиц, скандальные злоупотребления всякого рода... являются для Большого жюри предметом розыска, исследования, обсуждения и предания суду». Большое жюри занималось даже такими вопросами, как состояние дорог и мостов, загромождение русла судоходных рек, существование игорных и иных притонов и т. п.

Перенимая этот институт, французские законодатели придали ему, однако, гораздо более узкие функции, ограничили его деятельность только разрешением вопроса о предании суду по делам о наиболее серьезных преступлениях.

Это была коллегия из 8 человек присяжных заседателей, отбираемых по жребию из списка 30 граждан, пользующихся избирательными правами, так называемых «активных граждан». Таким образом, делая этот первый и решительный шаг в сторону создания демократических гарантий прав личности, французская буржуазия позаботилась о том, чтобы эта демократия была буржуазной демократией, чтобы в качестве присяжных в обвинительном жюри могли заседать только добропорядочные буржуа, обладающие определенным имущественным обеспечением.

Эта коллегия присяжных должна была рассматривать проекты обвинительных актов, выслушивать устные объяснения обвинителя и показания свидетелей обвинения (ни обвиняемый, ни свидетели защиты в обвинительном жюри не выслушивались) и решать вопрос о прекращении дела или о предании суду.

Конвент, осуществлявший диктатуру мелкобуржуазных слоев населения, отменил имущественный ценз для участия в обвинительном жюри и предоставил право всем гражданам быть присяжными заседателями.

Однако там, где классовая борьба со стороны свергнутых классов принимали более острые формы, где требовалась быстрая и беспощадная репрессия со стороны революционной диктатуры, деятельность обвинительных жюри не проявлялась.

Дела в революционные трибуналы — органы террористической борьбы якобинцев с контрреволюцией — вносились непосредственно про-

[1] Большое жюри в Англии упразднено законом 1933 г.

курором (именовавшимся тогда публичным обвинителем), и никакой предварительной проверки обоснованности обвинения по этим делам не производилось.

В этом виде в условиях революционного подъема, который был тогда во Франции, обвинительное жюри превратилось в весьма реальное средство гарантии личной свободы. Вполне понятно, поэтому, что, как только буржуазия, испугавшись размаха, который приняла революция в период якобинской диктатуры, повернула в сторону реакции, один из первых ударов этой реакции в области уголовного процесса был направлен на обвинительное жюри.

Вскоре после установления диктатуры Бонапарта, 7 плювиоза IX года, правительство Бонапарта издало закон об уголовном процессе, задачей которого, как определяет один из крупнейших французских процессуалистов Ф. Эли, было «возвратить уголовной юстиции силу, которой, как начинало казаться, ей недоставало».

Не решившись еще сразу ликвидировать все демократические завоевания революции, правительство Бонапарта стремилось в этот период выхолостить их подлинное демократическое содержание. В отношении обвинительного жюри статья 21 указанного закона установила правило, что «жалобщик или заявитель не будет выслушиваться обвинительным жюри, свидетели не будут вызываться на его заседания, их показания будут передаваться жюри в письменной форме вместе с другими материалами дела».

Совершенно понятно, что присяжные заседатели, не обладающие специальной юридической подготовкой, не могли самостоятельно разбираться в письменных материалах дела и попадали в полную зависимость от руководящего работой обвинительного жюри члена окружного трибунала, так называемого директора жюри.

Однако для важнейших категорий дел, даже в таком урезанном виде, обвинительное жюри казалось Бонапарту чрезмерно либеральным учреждением. Все такие категории дел были переданы специальным трибуналам, и на эти дела компетенция обвинительных жюри вообще не распространялась.

В таком урезанном виде обвинительное жюри просуществовало 8 лет. Утвержденным в 1808 г. уставом уголовного судопроизводства Французской империи оно было окончательно упразднено. Чрезвычайно любопытна мотивировка Наполеона Бонапарта, ставшего к этому времени императором Франции, которую он выдвинул для обоснования упразднения обвинительного жюри. В протоколе заседания государственного совета от 6 февраля 1808 г. записано следующее:

«Его величество считает, что обвинительное жюри состоит из людей, не привыкших к судебной работе. Между тем, производство перед ними ограничивается только чтением письменных материалов дела, а, не имея привычки к судебной работе, очень трудно по подобному чтению составить себе какое-либо мнение. Очень немногие могут слушать его с неослабевающим вниманием; массе граждан надо предоставлять только те функции, которые они могут выполнять, и передать юристам те, к выполнению которых они одни способны».

Само собой разумеется, что никто из членов государственного совета не напомнил Наполеону о том, что не кто иной, как он сам законом 7 плювиоза IX года отменил устное производство и установил порядок, при котором обвинительное жюри и стало заниматься чтением письменных протоколов, по которым «очень трудно составить себе какое-либо мнение».

Взамен упраздненного обвинительного жюри, для решения вопросов о предании суду было создано в составе суда второй инстанции, именовавшегося в то время императорским судом, ныне называемого апелляционным судом, особое отделение, получившее название обвинительной камеры.

Мы не имеем возможности в объеме настоящей статьи подвергнуть тщательному разбору весьма сложную организацию системы предания суду по французскому кодексу 1808 г. Достаточно сказать, что упомянутая обвинительная камера, являвшаяся и камерой предания суду, представляла собой постоянное отделение суда, действовавшее в составе пяти постоянных судей. Производство в этой камере было тайным и основывалось исключительно на письменных материалах. Какая бы то ни была состязательность в нем отсутствовала. Прокурор выступал в обвинительной камере, делал там доклад по делу и давал свое заключение, но ни обвиняемый, ни его защитник доступа в обвинительную камеру не имели.

Правда, закон предоставлял обвиняемому право подавать в обвинительную камеру свои письменные заявления. Однако ни права знакомиться с материалами дела, ни права даже быть осведомленным о времени передачи дела на рассмотрение обвинительной камеры закон обвиняемому не давал. Обвиняемый в своем письменном заявлении мог исходить только из своих догадок. Вполне понятно, что при этих условиях эти зародыши состязательности никакого практического значения не получили.

Только законом 1897 г., и то в очень ограниченных размерах, защитнику обвиняемого было предоставлено право в определенные моменты знакомиться с материалами дела и косвенным путем узнавать о передаче дела в обвинительную камеру.

По мысли французского законодателя обвинительная камера должна была быть не только камерой предания суду в узком смысле этого слова, но и высшим органом по руководству всем предварительным расследованием. Ей было предоставлено право истребовать следственные дела, выносить по ним необходимые, по ее мнению, определения, принимать дисциплинарные меры по отношению работников органов расследования и осуществлять надзор за действиями прокуратуры.

«Дело в том, — говорил Наполеон на заседании государственного совета 5 июня 1804 г., — чтобы организовать преследование преступлений; оно равняется нулю при современном положении вещей... Надо, чтобы апелляционные суды могли бы следить за прокуратурой, требовать от нее объяснений, если она пренебрегает своими обязанностями, приказывать ей вести уголовное преследование».

Однако эта мысль французского законодателя полностью не осуществилась. На практике оказалось, что французская прокуратура

является вполне надежным защитником интересов господствующего класса. Уже указом от 5 августа 1844 г. организационная структура обвинительной камеры была существенно видоизменена: было установлено, что члены этой камеры будут одновременно работать в одной из других камер апелляционного суда. В результате этого указа обвинительная камера перестала быть постоянным, систематически действующим органом и превратилась в периодически собирающуюся коллегию для рассмотрения либо жалоб на действия следователей, либо вносимых прокуратурой предложений о предании суду. Фактическим руководителем всего следствия стала прокуратура.

В таком виде камера предания суду была позаимствована из Франции и уставом уголовного судебного производства царской России 1864 г.

По этому уставу все дела, подсудные суду присяжных, т. е. дела о наиболее серьезных уголовных преступлениях, должны были вместе с обвинительными актами прокуратуры поступать на рассмотрение суда второй инстанции, так называемой судебной палаты, которая и выносила по ним определение о предании суду или о прекращении дела. Характерно, что дела о государственных преступлениях, о должностных преступлениях, о важнейших преступлениях против порядка управления, т. е. все те категории дел, которые наиболее близко затрагивали насущные интересы господствующих классов, попадали в суд, минуя обвинительную камеру судебной палаты.

Никаких функций по руководству следствием, помимо решения вопроса о предании суду или о прекращении уголовного преследования по отдельным конкретным делам, по уставу уголовного судопроизводства царской России на обвинительную камеру не возлагалось.

Эта системы предания суду, которую многие буржуазные криминалисты пытались рассматривать как одну из лучших гарантий личной свободы, фактически никого ни от чего не гарантировала.

«Французское законодательство о предании суду, — пишет один из крупнейших буржуазных процессуалистов К. Миттермайер, — выражало решительное стремление предоставить полную энергию публичному обвинению и основать с новыми силами власть, которая зависела бы от правительства и подавляла бы местные влияния. При этом не было и речи о защите против неосновательного обвинения» («Законодательство и юридическая практика. СПБ., 1864 г., стр. 824).

Другой крупный буржуазный процессуалист Глазер следующим образом характеризует указанную систему предания суду:

«Предварительное рассмотрение обвинения в одной или двух обвинительных коллегиях только повидимому служит для охраны интересов обвиняемого. Всякий сколько-нибудь знающий уголовную практику континентальных европейских государств, признает, что число обвинений, отвергнутых обвинительной палатой, относительно говоря, чрезвычайно невелико... так что весь громадный аппарат, приводимый в движение для предварительного испытания обвинений, совершает работу, не имеющую почти никакого значения» («О предании обвиняемого уголовному суду». «Журнал Министерства юстиции», 1868, № 3, стр. 232).

Под влиянием таких соображений многие буржуазные криминалисты пришли к выводу о том, что особая процедура по преданию суду является вещью излишней и может быть сохранена в уголовном процессе только для тех случаев, когда обвиняемый обжалует обвинительный акт прокуратуры.

К такому выводу пришел состоявшийся в 1902 г. в Петербурге IX конгрессе международного союза криминалистов. Вековой опыт функционирования особого института по преданию суду в условиях буржуазного общества привел буржуазных ученых к отрицанию этого института.

Причины, которые привели буржуазную юриспруденцию к такому выводу, очень сложны, и их невозможно объяснить в полном объеме в журнальной статье.

Основное значение имело здесь усиление удельного веса прокуратуры. Камера предания суду во Франции (откуда этот процессуальный институт позаимствовало большинство европейских стран) была создана прежде всего как орган надзора за прокуратурой, как средство обеспечить максимальную эффективность обвинительной власти, придать ей возможно больший авторитет. К концу XIX в. прокуратура во всех буржуазных странах континентальной Европы завоевала себе в глазах господствующего класса прочное положение как вполне надежный и весьма эффективный политический орган.

Дело шло не к тому, чтобы отдать прокуратуру под надзор суда, а скорее, наоборот, к тому, чтобы всемерно усилить надзор прокуратуры за судом.

При этих условиях существование специального судебного органа для решения вопроса о предании суду становилось ненужным: эту обязанность было удобнее возложить на прокуратуру.

Эти соображения отнюдь не являются исчерпывающими. Многие либеральные профессора иначе обосновали тот же вывод, но несомненно, что именно отмеченное выше усиление значения прокуратуры заставляло правительство буржуазных стран благосклонно относиться к упразднению камер предания суду.

Во всех обильно создаваемых в фашистских государствах чрезвычайных судах предание суду как процессуальная стадия обычно отсутствует [1]. Закон 9 августа 1932 г. о чрезвычайных судах в Германии, закон 19 марта 1929 г. об ускоренном судопроизводстве в Польше и другие законы того же рода устанавливают систему непосредственной передачи дел в суды прокуратурой, минуя какие бы то ни было промежуточные контрольные инстанции.

Такова в самых кратких чертах история камеры предания суду в государствах континентальной Европы.

Советское законодательство с первых же дней после Октябрьской революции уделяло вопросу о предании суду особо серьезное внимание. Уже декрет о суде № 1 от 24 ноября

[1] Исключение представляет специальный трибунал для защиты государства в Италии, при котором королевским декретом от 13 марта 1927 г. № 313 создана особая следственная комиссия, выполняющая функции камеры предания суду.

1917 г., несмотря на исключительную краткость этого декрета, особо оговаривал в статье 3, что все постановления следственных органов о личном задержании и о предании суду должны быть подтверждены постановлением всего местного суда.

Декрет о суде № 2 от 8 марта 1918 г., Положение о народном суде от 30 ноября 1918 г., ряд декретов о революционных трибуналах, начиная с декрета от 4 мая 1918 г., повторяли основное положение, что вопрос о предании суду может быть разрешен не иначе, как после коллегиального обсуждения этого вопроса в суде.

Эта точка зрения никем не оспаривалась и при составлении наших первых УПК 1922 и 1923 гг. По обоим этим кодексам все дела, по которым производилось предварительное следствие (а к этой категории были отнесены дела о всех важнейших преступлениях), не могли попасть в судебное заседание иначе, как после утверждения обвинительного заключения и вынесения особого определения о предании суду распорядительным заседанием того суда, которому было подсудно дело.

Характерной особенностью первоначальной постановки вопроса о работе распорядительного заседания в УПК 1922 и 1923 гг. было правило о том, что распорядительное заседание ограничивается только рассмотрением обвинительного заключения и не может рассматривать подлинных материалов дела. Это правило (отмененное только в октябре 1924 г.) было вызвано опасением, как бы распорядительное заседание не превратилось в своего рода репетицию судебного рассмотрения дела.

По существу указанная ограниченная роль распорядительного заседания сводилась исключительно к проверке обоснованности обвинительного заключения. В соответствии с этим и задачи распорядительного заседания суда были первоначально формулированы следующим образом:

«Распорядительное заседание суда рассматривает исключительно следующие вопросы:

1. Достаточно ли обоснованы предъявленные обвинения данными, приведенными в первой, описательной части обвинительного заключения.

2. Правильно ли сформулировано обвинение согласно данным описательной части обвинительного заключения.

3. Предусмотрено ли предъявленное обвинение уголовным кодексом и какой именно статьей.

4. Подлежит ли изменению и какому именно список лиц, вызываемых в судебное заседание (ст. 240 УПК 1922 г. и ст. 236 УПК 1923 г.).

Такая формальная проверка одного только обвинительного заключения не могла гарантировать действительного и всестороннего контроля со стороны распорядительного заседания.

Если в обвинительном заключении не было бросающихся в глаза противоречий, очевидных пробелов или явных неправильностей квалификации, то распорядительное заседание было бы вынуждено пропустить на судебное рассмотрение и такие дела, по которым расследование было проведено недоброкачественно, по которым обвинительное заключение использовало односторонние обвинительные материалы.

После отмены этого ограничения распорядительное заседание получило возможность не ограничивать свою проверку одними только формальными моментами, но и вникать в самое существо дела.

Однако на практике проверка, производимая распорядительным заседанием, не всегда давала тот эффект, которого от нее можно было бы ожидать. Результаты этой проверки зависели от степени добросовестности, с которой член суда, являвшийся в то время докладчиком по делу, изучил дело. Соблазн ограничиться изучением одного только обвинительного заключения и поверхностным просмотром дела был иногда чересчур велик, и многие недостатки следствия, не бросавшиеся в глаза, оставались в распорядительном заседании суда незамеченными.

Состязательности, которая могла бы выявить такие скрытые дефекты предварительного следствия, в распорядительном заседании не было. Ни обвиняемый, ни его защитник в распорядительное заседание не допускались. Правда, обвиняемый имел право по окончании следствия знакомиться со всеми материалами дела и мог, на основании этого ознакомления, изложить суду свои соображения по поводу недостатков предварительного следствия. Но такая возможность затруднялась, во-первых, тем, что обвиняемый мог прибегнуть к услугам защиты только после утверждения обвинительного заключения распорядительным заседанием суда. Поэтому недостаточно квалифицированному обвиняемому было трудно без помощи квалифицированного юриста усмотреть и достаточно отчетливо изложить недостатки предварительного следствия. Во-вторых, копия обвинительного заключения сообщалась обвиняемому только после утверждения этого заключения распорядительным заседанием суда. Таким образом, обвиняемый не знал системы обвинения, не знал тех доводов, которые обвинительная власть положила в основу выдвигаемого ею обвинения, и поэтому, естественно, не мог и возражать против этих доводов.

Начиная с 1927 г., в теории и практике нашего процесса начинает все яснее и яснее проявляться тенденция к устранению из процесса особой стадии предания суду.

В 1927 г. Народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции (НКРКИ) было произведено обследование низовых судебных органов. Подводя итоги этому обследованию, заседание коллегии НКРКИ СССР и НКРКИ РСФСР высказалось за полное упразднение распорядительных заседаний в народных судах с тем, чтобы вопрос о предании суду и прекращении дела разрешался народными следователями по делам, по которым производилось дознание, и прокурором по делам, по которым производилось предварительное следствие. Этот вывод вполне соответствовал тем взглядам, которые в то время начинали все больше и больше преобладать в Народном комиссариате юстиции.

Взгляд на уголовный процесс, как на технику, выраженный т. Стучкой еще в 1918 г., начинал превращаться в официальную точку зрения Народного комиссариата юстиции. Тов. Крыленко взял эпиграфом для своей статьи «К проекту УПК», опубликованной в № 47 «Еженедельника советской юстиции» за 1927 г.,

следующее место из статьи т. Стучки, написанной в 1918 г.:

«По моему мнению, ныне для нас нет ни одной формальности, которая была бы абсолютно обязательной по иным, как только по чисто техническим соображениям, и вообще будущий устав судопроизводства будет просто инструкцией, руководством, пособием для решения судебных дел и только» («Пролетарская революция и право», 1918, № 1).

Выработанные буржуазией процессуальные формы, созданные ею демократические гарантии в уголовном процессе рассматривались в этот период не как проявление буржуазной демократии, свойственное определенным условиям классовой борьбы капиталистического общества, а как непосредственное отражение буржуазных рыночных отношений.

Эта ошибочная точка зрения, высказанная первоначально Пашуканисом в 1925 г. в его работе «Общая теория права и марксизм», легла в основу тезисов о реформе УПК, принятых 9 июня 1927 г. коллегией НКЮ.

«Формальные правоположения, установленные нынешним УПК, — писалось в пункте 3 этих тезисов, — создали то, что расширение до безграничных пределов судебного следствия, затягивание, осложнение его представлением документов и разного рода оправдывающих данных во время судебного заседания, широкое использование ничем не ограниченного права выступления в прениях и репликах, права допроса и передопроса свидетелей, ходатайства об отложении дела, назначения экспертизы сделались обычным явлением... Процесс, долженствовавший обеспечить краткую и быструю репрессию в отношении классовых врагов, превратился в свою противоположность — длинный, наполненный формалистикой и крючкотворством процесс» («Еженедельник советской юстиции», 1927, № 47, стр. 1471).

Из этой основной предпосылки делался вывод о том что важнейшая задача заключается в упрощении процесса во что бы то ни стало. Этим духом упрощения, доведенным до крайних пределов и превратившимся уже в «упрощенство», были проникнуты по большей или меньшей степени все проекты УПК, выработанные в этот период (проект 1927 г., проект 1929 г., проект Комакадемии 1931 г.).

До каких пределов доходила в то время забота о том, чтобы всеми мерами и всеми способами упростить процесс, можно судить по следующим словам тогдашнего наркома юстиции т. Янсона, сказанным им 26 ноября 1929 г. на 2 сессии ВЦИК XIV созыва в его докладе об изменениях кодексов:

«Я довожу до вашего сведения, — говорил т. Янсон, — что Уголовно-процессуальный кодекс нами заново переработан. При переработке мы достигли того, что вместо 465 статей старого кодекса в новом кодексе только 173 статьи. Правда, мы хотели добиться, чтобы количество статей было еще меньше. Я хотел даже премировать работников за сокращение количества статей, но дальше достигнутого мы не могли пойти» (стенографический отчет 2 сессии ВЦИК XIV созыва, бюллетень № 11, стр. 36).

Руководитель юстиции в своем докладе высшему законодательному органу страны находил, таким образом, нужным говорить не о существе тех изменений процесса, которые в то время разрабатывались (об этом в докладе т. Янсона ничего не говорилось), а о достижениях НКЮ в области сокращения числа статей кодекса.

Не нужно, конечно, думать, что установки, изложенные в приводимых выше цитатах, являются проявлением просто какого-то недомыслия. С современной точки зрения, с точки зрения 1936 г., того года, который навеки войдет в историю человечества как год утверждения первой в мире Конституции социалистического государства, само собой разумеется, изложенные выше установки представляются более чем странными. Но нужно смотреть на них с точки зрения той эпохи, когда эти слова говорились и писались. Это была эпоха перехода от восстановительного периода нэпа к периоду реконструктивному, эпоха развертывания социалистического наступления на капиталистические элементы города и деревни.

Само собой разумеется, что, чем шире развертывалось это наступление, чем энергичнее оно становилось, тем более отчаянной становилась классовая борьба против наступающего социализма со стороны гибнущих остатков эксплоататорских классов.

В условиях такой обостренной классовой борьбы в городе и деревне уголовный процесс должен был сыграть громадную роль. Требования быстроты и жесткости репрессии, быстрого ответа решительным ударом уголовной репрессии на каждую вылазку классового врага не всегда сочетались с требованиями осторожного, вдумчивого подхода в возбуждении уголовного преследования, требования заботы о качестве самого судебного процесса.

Бесспорно, что между этими двумя требованиями нет непримиримой противоположности, что одно не исключает другого, что НКЮ в эти годы не учел в достаточной степени возможности совместить оба указанные требования; бесспорно, что можно было бы обойтись и тогда без той крайней степени упрощенства в процессе, которое было допущено в целом ряде краев и областей, где указанные выше установки НКЮ некоторыми местными работниками были доведены до крайности.

Вполне понятно, что при том подходе к разрешению основных проблем уголовного процесса, который был выражен в приводимых выше цитатах, отображавших собой точку зрения руководителей советской юстиции, не мог быть поставлен вопрос о расширении и углублении работы органов предания суду.

Вся процедура по преданию суду в свете указанных установок представлялась не гарантией против попадания в суд недоброкачественно расследованных дел и против неосновательных обвинений, а только задержкой в ходе процесса, лишним колесом в процессуальной машине, которое очень удобно изъять для упрощения этой машины.

Поэтому все указанные выше проекты УПК, различаясь между собой в целом ряде весьма существенных вопросов, сходились на том, что они упраздняли особую процессуальную стадию предания суду. По всем этим проектам решение вопроса о предании суду представлялось прокурору и только в случае несогласия с выводами прокуратуры со стороны председателя суда допускалось рассмотрение этого несогласия в судебной коллегии.

Проект УПК 1929 г., не получивший в целом утверждения, в части, определяющей порядок предания суду, был утвержден постановлением ВЦИК и СНК от 20 октября 1929 г. Этим постановлением была установлена та редакция соответственных статей УПК, которая остается формально в силе и до наших дней.

XVII съезд партии подвел итоги решительной победе социализма в городе и в деревне, констатировал, что ленинский вопрос «кто кого» решен бесповоротно в пользу социализма, и наметил пути дальнейшего развития Советского союза в условиях социалистического общества.

XVII партийный съезд особо подчеркнул значение вопроса о качестве работы во всех отраслях хозяйства и государственного управления. Само собой разумеется, что это требование повышения качества работы не могло не относиться и к органам юстиции. В апреле 1934 г. в Москве состоялось I всесоюзное совещание работников юстиции, задача которого заключалась в том, чтобы обсудить вопрос, какие выводы органы юстиции должны сделать для себя из решений XVII съезда партии.

Исходная позиция этого совещания была уже совершенно иная, чем та, из которой исходил НКЮ в своих мероприятиях 1927—1929 гг.

«Если мы предъявляем высокую требовательность к советскому аппарату, — говорил в своем докладе на этом совещании т. Вышинский, — особенно в наших условиях, особенно перед лицом великих задач второй пятилетки, то с еще большей силой, настойчивостью, решительностью и беспощадностью мы должны предъявлять требования высокого качества работы к органам советской юстиции».

Задача поднять качество процесса, обеспечить меткость и организованность уголовной репрессии была центральной задачей, которая была поставлена на этом совещании. С этой точки зрения вопрос об организации предания суду как гарантии высокого качества процесса приобретал особое значение.

«Нам необходимо, — говорил далее т. Вышинский, — сосредоточить главное и самое важное внимание на проверке доброкачественности следственных материалов и обвинительного заключения. Необходимо раз и навсегда покончить с игнорированием распорядительных заседаний. Нужно установить такой порядок, при котором дела определенных категорий обязательно направлялись бы в суд через распорядительные заседания с участием обвинителя».

Против этой точки зрения на совещании почти что не было возражений, и пункт 10 резолюции совещания признал, что

«Важнейшим средством повышения ответственности прокуратуры за качество расследования является предварительная проверка при участии самого суда обоснованности привлечения к ответственности. Формой такой проверки является распорядительное заседание, которое должно быть по определенным категориям дел восстановлено и введено в систему работы как необходимая часть подготовки к судебному процессу».

Совещание в своей резолюции установило еще два кардинальной важности положения:

1) что дела в распорядительном заседании должны рассматриваться по докладу прокурора, который, таким образом, несет полную ответственность за качество представляемого им материала, и

2) что вопросы о недостатках предварительного следствия, возбужденные обвиняемым, должны рассматриваться в распорядительном заседании «как правило, с вызовом обвиняемого».

Это решение совещания вводило в работу распорядительных заседаний судов тот элемент, которого им до этого времени не доставало, элемент состязательности, гарантирующий наиболее полное, наиболее всестороннее рассмотрение дела.

Решения I всесоюзного совещания по этому вопросу были оформлены 47 пленумом Верховного суда СССР от 7 июня 1934 г. и постановлением президиума Верховного суда от 14—16 января 1935 г. и 54 пленумом Верхсуда СССР 29 марта 1936 г. Согласно этим постановлениям высших судебных органов СССР и РСФСР, было признано обязательным, чтобы все дела, по которым обвиняемому могло грозить наказание в виде лишения свободы, попадали в суд не иначе, как после рассмотрения дела распорядительным заседанием суда.

Основные политические директивы за истекшие со времени I всесоюзного совещания работников юстиции два с половиной года не только не ослабили принятых этим совещанием положений, но, наоборот, еще более усилили их значение.

Речь товарища Сталина 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной армии о бережном отношении к кадрам повысила ответственность судебных органов за обоснованность предания суду.

«Сейчас мы должны с еще большей серьезностью и решительностью продумать ряд мероприятий по правильной организации нашей работы на такой стадии уголовного процесса, как предание суду», — говорил т. Вышинский в своем докладе в ИССП Комакадемии и в Институте уголовной политики. «В этом отношении мы уже сделали шаг вперед, — дела проходят через распорядительные заседания суда, но эта наша работа также не стоит на должной высоте» («За соцзаконность», 1935, № 6, стр. 9).

Утверждение новой Конституции создает для советского суда те же самые обязанности на новом, гораздо более высоком уровне.

Освещая те задачи, которые встают перед органами юстиции в связи с новой Конституцией, т. Вышинский в своем докладе на всесоюзном прокурорском совещании от 13 июля 1936 г. говорил:

«Перед нами стоят громадные практические вопросы и задачи. Одной из самых важных задач, на мой взгляд, является задача обеспечить авторитет нашего советского суда, судебных приговоров, судебных решений» («За соцзаконность», 1936, № 8, стр. 18).

Естественно, что высокий авторитет может иметь только тот приговор, который вынесен на основании вполне доброкачественных, тщательно проверенных материалов. Конечно, основная проверка обвинения судом, окончательное обсуждение тех фактов, на которых основывается приговор, происходят в судебном заседании. Но для того, чтобы судьи могли быть уверены, что они рассмотрели в судебном заседании действительно все те доказательства, которые нужно рассмотреть для

правильного разбора дела, дело должно быть доброкачественно расследовано.

Если подбор доказательств на предварительном следствии был сделан односторонне, то очень часто суд в судебном заседании может притти к неверному выводу даже при самом добросовестном отношении к делу. Вот почему особо тщательная проверка полноты и доброкачественности расследования являются одним из главных условий, обеспечивающих повышение авторитета судебного приговора.

Необходимость поднять в настоящее время работу органов юстиции по преданию суду на значительно большую высоту, чем это было до сего времени, настоятельно требует, прежде всего, тщательного разрешения всех вопросов о работе того органа, который призван решать окончательно вопрос о предании суду.

Между прочим, необходимо разрешить и терминологический вопрос о том, как должно именоваться то заседание суда, в котором решается вопрос о предании суду. В этом отношении до сих пор существует полная недоговоренность. Резолюции I всесоюзного совещания применяют термин — распорядительное заседание, постановление 47 пленума Верховного суда СССР говорит о подготовительном заседании, постановление президиума Верховного суда РСФСР от 14—16 января 1935 г. говорит «о подготовительном (распорядительном) заседании».

Термин «подготовительное заседание» был введен в наше законодательство постановлением ВЦИК и СНК от 20 октября 1929 г. (СУ 1929 г. № 78, ст. 756). Это было как раз то самое постановление, которое изъяло из ведения этого органа решение вопроса о предании суду. Вполне последовательно было в связи с этим и переименование этого заседания. При условиях, созданных этим законом, суд уже не распоряжался судьбой дела, а ограничивался только подготовкой к его слушанию.

Но теперь, когда роль суда по решению вопроса о предании суду стала существенно иной по сравнению с той ролью, которую предоставлял ему закон 20 октября 1929 г., термин — подготовительное заседание делается уже неприемлемым. В настоящее время, также, как и до закона 20 октября 1929 г., суд, оценивая материалы предварительного следствия, распоряжается судьбой дела. Он выносит определение о прекращении дела, об обращении его к доследованию, о предании суду. При этих условиях термин «распорядительное заседание» гораздо полнее и правильнее выражает существо задач, стоящих перед судом в этой стадии процесса. Каковы же эти задачи?

Первое затруднение, которое возникает при попытке уточнить задачи распорядительных заседаний судов при разрешении ими вопроса о предании суду, это отграничение этих задач от задач судебного заседания, рассматривающего дело по существу.

Совершенно очевидно, что было бы очень опасно, если бы рассмотрением дела в распорядительном заседании создало у судей какое-то предвзятое мнение по делу. Так как статья 1 упомянутого постановления президиума Верховного суда РСФСР от 14—16 января 1935 г. включает в состав распорядительного заседания того судью, который намечен к участию в судебном рассмотрении данного дела, эту опасность никак нельзя игнорировать.

Как бы глубоко ни проникло распорядительное заседание в существо дела, как бы тщательно оно ни анализировало материалы, оно никогда не сможет достигнуть той же глубины рассмотрения всех возникающих по делу вопросов, которая достигается в судебном заседании в условиях гласного, состязательного процесса.

Поэтому при отсутствии точных границ между задачами распорядительного и судебного заседания может получиться, что судья принимающий участие в распорядительном заседании, придет в этом заседании к определенным выводам о виновности или невиновности обвиняемого, о доказанности или недоказанности преступления и, председательствуя вслед затем в судебном заседании, этот судья поведет судебное следствие с односторонним уклоном.

Практика дает нам ряд примеров, когда отдельные судебные органы, рассматривая дело в распорядительном заседании суда, пытаются превратить это заседание в какое-то подобие сжатого, урезанного рассмотрения дел по существу. Например, Горьковский краевой суд в декабре 1935 г., рассматривая дело по обвинению Жукова, Головачева и Лефлера по закону 7 августа 1932 г., вызвал в распорядительное заседание не только обвиняемых, но и некоторых свидетелей. Основываясь на допросе обвиняемых и этих свидетелей, произведенном в распорядительном заседании, краевой суд в своем определении о предании суду констатировал доказанность или недоказанность ряда фактических обстоятельств дела. Если в данном случае это не повлияло на результаты судебного рассмотрения, то только потому, что председатель в судебном заседании оказался лицом, не учавствовавшим в распорядительном заседании. Если бы было иначе, нет сомнения, что куцое судебное следствие, проведенное в распорядительном заседании, не могло бы не повлиять на результаты исследования дела на суде.

Поэтому нужно с самого начала отказаться от мысли, что распорядительное заседание должно производить исчерпывающую оценку доказательств по делу, оценивать достоверность или недостоверность показаний того или иного свидетеля, разрешать противоречия между отдельными доказательствами. Такая оценка может быть произведена только на судебном следствии, только на основе непосредственного впечатления, полученного судом от перекрестных допросов свидетелей, от всестороннего изучения в условиях состязательности того или иного доказательства.

Задача распорядительного заседания отнюдь не заключается в том, чтобы дать ответ на вопрос о виновности обвиняемого. Его основная задача — проверить качество предварительного расследования и обсудить вопрос о том, дает ли материал предварительного следствия основания для обвинения и насколько дело подготовлено для вынесения его в открытое судебное заседание. Эта проверка должна состоять в следующем.

Прежде всего распорядительное заседание должно обсудить вопрос о том, есть ли в действиях, приписываемых обвиняемому, в том виде, в каком эти действия представляются по материалам предварительного следствия, состав

преступления и какой именно. Распорядительное заседание при этом не предрешает вопроса о том, насколько материалы предварительного следствия могут быть признаны за окончательно достоверные. Оно берет эти материалы такими, как они есть. И только в том случае, когда даже на основании этих материалов становится совершенно очевидно, что в действиях обвиняемого нет состава преступления, распорядительное заседание выносит определение о прекращении дела.

Далее, распорядительное заседание должно проверить полноту расследования, т. е. разрешить вопрос о том, все ли необходимые следственные действия были произведены, а если не все, то могут ли допущенные пробелы быть исправлены в судебном заседании.

Вывод, который должно сделать в этом случае распорядительное заседание, зависит от характера тех пробелов предварительного следствия, которые оно усмотрит. Если эти пробелы такого рода, что они ставят под сомнение основной вопрос о наличии состава преступления, распорядительное заседание должно вернуть дело к доследованию.

Недопустимо сажать на скамью подсудимых человека, действия которого, может быть, ничего преступного в себе не заключают.

Распорядительное заседание должно особо проверить соблюдение органами расследования требований ст. 111 УПК, в частности, правильности разрешения в стадии предварительного следствия ходатайств, заявленных обвиняемым.

Наконец, задачей распорядительного заседания является проверка качества самых следственных действий. Эту задачу не нужно смешивать с задачей окончательной оценки доказательств, которая, как выше указывалось, не стоит вовсе перед распорядительным заседанием. Проверяя, например, качество производства экспертизы, распорядительное заседание не должно ставить перед собой вопрос о том, следует ли согласиться с выводом экспертов или не следует. Этот вопрос может быть решен только в судебном заседании после перекрестного допроса экспертов путем сопоставления их заключения со всеми обстоятельствами дела.

Но распорядительное заседание должно проверить доброкачественность экспертизы с другой точки зрения: все ли вопросы, вытекающие из дела, были поставлены на рассмотрение экспертов; все ли материалы, необходимые для ответа на эти вопросы, были им предъявлены; исчерпывают ли ответы экспертов все поставленные перед ними вопросы; соответствует ли квалификация экспертов сложности тех задач, которые они должны были разрешить.

В зависимости от ответов на эти вопросы распорядительное заседание либо признает экспертизу доброкачественной, не предрешая окончательной оценки ее выводов, либо признает ее недоброкачественной и возвращает дело к доследованию для производства повторной экспертизы, указав в чем именно заключалась недоброкачественность первой экспертизы.

С такой же точкой зрения распорядительное заседание должно подходить к оценке всех других следственных действий. Другими словами, распорядительное заседание должно проверить, правильно ли проведено то или иное следственное действие, собраны ли следствием все данные, необходимые для проверки имеющихся доказательств (например, проведен ли следственный эксперимент в тех случаях, когда он необходим). Но если окажется, что, несмотря на исчерпывающий материал, собранный следователем, те или иные доказательства все же возбуждают сомнения, разрешение этих сомнений должно быть предоставлено судебному заседанию. И, наоборот, если сомнения, возникающие по делу, вызваны тем, что следователь чего-то недоделал, то принять меры к устранению таких сомнений путем обращения дела к доследованию, путем исключения соответственного пункта обвинения и т. п., — безусловная обязанность распорядительного заседания.

Очень важная задача распорядительного заседания — устранить всякую односторонность в выборе лиц, вызываемых в судебное заседание. Бывают случаи, когда следователи не включают в список свидетелей, вызываемых в суд, тех свидетелей, показания которых неблагоприятны для обвинения. Такая практика безусловно неправильна. Она нарушает один из основных принципов советского уголовного процесса, выраженный в ст. 111 УПК РСФСР, и распорядительные заседания должны вести с этой практикой решительную борьбу.

Вопрос об организации работы распорядительного заседания суда должен разрешаться с точки зрения обеспечения наилучшего разрешения описанных выше задач. Первый вопрос, с которым мы сталкиваемся в этой области, это вопрос о том, кто должен быть докладчиком в распорядительном заседании. Как было отмечено выше, I всесоюзное совещание работников юстиции признало, что докладчиком должен быть прокурор, утвердивший обвинительное заключение. Однако президиум Верховного суда РСФСР сначала стоял на другой точке зрения и в своем постановлении от 14—16 января 1935 г. установил, что докладчиком должен быть судья, роль прокурора, таким образом, сводилась только к даче заключения по делу. Это решение президиума Верховного суда было подвергнуто резкой критике со стороны т. Вышинского:

«Докладчиком в распорядительном заседании суда должен быть прокурор, который докладывает о положении данного дела. Значит ли это, что судья при этом пассивен? Нет, он после доклада прокурора должен дать свое заключение как судья, как содокладчик и при оказавшихся ошибках, недочетах, недостатках может требовать дальнейшего расследования, или же соглашается, что обвинение составлено правильно. Там, где докладывает не прокурор, а докладчиком является член суда, там возможна штамповка, там прокурор присутствует на суде по наряду своего начальства» («За соцзаконность», 1935, № 6, стр. 9).

Практика распорядительных заседаний до реформы 1929 г., когда докладчиком в этом заседании являлся судья, в значительной степени поддерживает эту критику. Только в редких случаях судья-докладчик настолько тщательно изучал дело, что мог в своем докладе вскрыть пробелы и недостатки расследования.

Однако возложение доклада на прокурора может вызвать возражения иного рода. Если прокурор допустил при расследовании дела обвинительный уклон, если он составил обвинительное заключение односторонне, то понятно

что и доклад в распорядительном заседании он сделает односторонне, с точки зрения обвинения.

Этот довод является безусловно серьезным. Поэтому громадное принципиальное значение приобретает то нововведение, которое в связи с новой Конституцией предполагает проект УПК: допуск в распорядительное заседание защитника обвиняемого. Присутствие защитника, изучившего дело специально с точки зрения критики обвинения, является гарантией против односторонности прокурора. Если же такая односторонность будет прокурором допущена — гарантией против обвинительного уклона.

Хотя проект УПК еще не стал законом, однако можно утверждать, что уже в настоящее время нет формальных препятствий против осуществления этого мероприятия на практике. Поскольку в соответствии с решением I всесоюзного совещания присутствие обвиняемого в распорядительном заседании признано допустимым, поскольку защитник не представляет собой особой стороны в процессе, а является, так сказать, только дополнением обвиняемого, допуская его в распорядительное заседание, суд не совершает никакого нарушения закона.

Бесспорно, что в настоящее время защитник не имеет права требовать допущения его на распорядительное заседание, но в том случае, когда суд находит это целесообразным, он может защитника допустить.

Верховный суд РСФСР признал неправильность своего решения по вопросу о том, кто является докладчиком в распорядительном заседании. 16 ноября 1935 г. президиум Верховного суда во изменение своего прежнего постановления признал, что докладчиком должен быть прокурор, но что по заслушании доклада прокурора обязательно заслушивается содоклад судьи. Присутствие в распорядительном заседании защитника не устраняет необходимости этого содоклада.

Введение в стадию предания суду элементов состязательности является, несомненно, расширением начала советской демократии в уголовном процессе и полностью соответствует духу новой Конституции. Но здесь возникает опасение, аналогичное тому, которое было высказано выше при обсуждении вопроса о значении распорядительного заседания: не превратит ли участие и прокурора и защитника в распорядительном заседании это заседание в репетицию судебного рассмотрения дела, не превратится ли обсуждение вопроса о предании суду в обсуждение вопроса о виновности обвиняемого.

Это зависит от того, насколько председательствующий в распорядительном заседании сумеет дать правильное направление прениям. Если он сумеет удержать прения в пределах описанных выше задач распорядительного заседания, если стороны в своих выступлениях будут касаться только вопросов о полноте и доброкачественности расследования и о правильности юридической квалификации установленных этим расследованием фактов, то никакой опасности такие прения собой не представляют.

Мы подходим здесь к очень трудному вопросу, к вопросу о степени достоверности, которая требуется от решений распорядительного заседания. Совершенно несомненно, что степень этой достоверности меньше, чем степень достоверности, требуемая от приговора суда. Но насколько должно быть достоверно обвинение, чтобы оно могло быть принято в распорядительном заседании, никакими объективными показателями установить нельзя.

В буржуазной теории уголовного процесса (см., например, Арсеньев «Предание суду») была высказана мысль, что если при вынесении приговора суд должен исходить из презумпции невиновности, то при решении вопроса о предании суду нужно, наоборот, исходить из презумпции виновности и, в случае сомнения в виновности обвиняемого, передать дело для судебного рассмотрения.

Эту точку зрения нельзя признать приемлемой для советского процесса. Все зависит от того, каково это сомнение. Нельзя сажать на скамью подсудимых гражданина только на основании смутных предположений о его виновности.

Поэтому обсуждение вопроса в распорядительном заседании, а, следовательно, выступление сторон в этом заседании, может и должно касаться вопроса о том, имеются ли в деле определенные доказательства, подтверждающие обвинение.

Защитник может указать на отсутствие таких доказательств, прокурор обязан точно объяснить, на каких именно доказательствах основано выдвинутое им обвинение. Но дальше этого прения в распорядительном заседании итти не должны. Если прокурор указывает на конкретные доказательства: показания свидетелей, экспертизу, документы и т. п., которыми он обосновывает обвинение, распорядительное заседание не должно входить в оценку этих доказательств по существу.

Другими словами, распорядительное заседание будет совершенно право, если оно в своем определении напишет: «Так как обвинение, выдвинутое прокуратурой, не подтверждено никакими доказательствами, а основано исключительно на предположениях, дело производством прекратить».

Но распорядительное заседание будет неправо, если оно обоснует прекращение дела на такой формулировке: «Хотя обвинение и обосновано на показаниях свидетелей **Х.** и **У.**, но ввиду того, что по таким-то соображениям показания этих свидетелей нельзя признать достоверными, дело производством прекратить».

Нет никакого сомнения, что на практике первое время состязательная форма решения вопроса о предании суду может вызвать некоторые недоразумения, главным образом в виде превращения распорядительного заседания в репетицию судебного. Однако преимущества состязательной формы настолько велики, что останавливать из-за этих опасений проведение этого, безусловно благотворного нововведения не следует.

Рассмотрение дела в распорядительном заседании есть часть уголовного процесса. Поэтому оно должно протекать, как и всякий процесс, в определенных установленных процессуальных формах. Тов. Вышинский был совершенно прав, когда он в своем докладе «Речь товарища Сталина 4 мая и задачи органов юстиции» («За соцзаконность», 1935, № 6, стр. 10) резко выступил против всякой «семейственности» в распорядительном заседании.

Вопрос о предании суду слишком серьезный вопрос для того, чтобы его можно было разрешить в форме частной беседы, в форме бес-

порядочного спора между отдельными участниками заседания. Доклад прокурора, возражения обвиняемого или его защитника (если он присутствует на распорядительном заседании) и содоклад судьи — в такой последовательности должно итти обсуждение вопроса в распорядительном заседании.

После этого из зала заседания должны удалиться все, кроме судей, входящих в состав суда. Только эти судьи, без участия кого бы то ни было, обсуждают вопрос и выносят свое определение.

Качество определения распорядительного заседания должно соответствовать качеству всей его работы. Только в случае безоговорочного утверждения обвинительного заключения при отсутствии каких бы то ни было ходатайств и возражений со стороны обвиняемого, допустимо немотивированное определение распорядительного заседания. Во всех остальных случаях это определение должно быть точно мотивированным. Такая мотивировка приобретает особое значение в одном из трех следующих случаев:

1) когда дело прекращается,

2) когда оно обращается к доследованию,

3) когда обвиняемым или его защитником были заявлены устно или письменно какие-либо ходатайства или возражения против предъявленного обвинения.

В первом из этих трех случаев определение о прекращении дела является в руках обвиняемого реабилитирующим его документом.

При обращении дела к доследованию необходимость мотивировки ясна сама по себе. Здесь необходимо только подчеркнуть, что, по общему правилу, распорядительное заседание не должно ограничиваться указанием в своем определении тех вопросов, которые оно считает недостаточно выясненными, а должно, кроме того, совершенно определенно указать те следственные действия, которые оно считает необходимым произвести. Часто может случиться, что тот или иной вопрос, бесспорно, имеет для дела существенное значение, но выяснить этот вопрос следствию не удалось. Возвращение в таком случае дела на доследование с указанием, что такие-то основные вопросы остались не выясненными, но без всяких указаний относительно тех путей, какими они могут быть выяснены, явилось бы только затяжкой в разрешении дела и не привело бы ни к каким практическим результатам.

Наконец, в последнем из указанных выше случаев обвиняемый (или его защитник), подавший в суд то или иное заявление, бесспорно имеет право требовать, чтобы определение распорядительного заседания содержало в себе исчерпывающий ответ на все доводы, изложенные в этом заявлении.

Общие формулировки, вроде следующей: «ввиду явной неосновательности возражений обвиняемого» или «ввиду того, что заявление обвиняемого никаких новых обстоятельств не приводит» и т. п., должны быть признаны совершенно недопустимыми.

Если то или иное ходатайство обвиняемого отклонено потому, что это ходатайство не имеет значения для дела, определение распорядительного заседания должно объяснить, почему оно считает, что данные обстоятельства для дела неважны. Если оно отклоняет такое ходатайство по тем мотивам, что обстоятельства, о выяснении которых просит обвиняемый, достаточно установлены имеющимися в деле доказательствами, оно должно указать, какими именно доказательствами установлены соответственные факты.

Размеры настоящей статьи не позволяют мне коснуться чрезвычайно сложного и обширного вопроса о законной силе определения распорядительного заседания о предании суду и о возможности обжалования этого определения. Но, во всяком случае, необходимо особо подчеркнуть обязанность прокуратуры неуклонно осуществлять свое право опротестовывать эти определения в порядке надзора во всех тех случаях, когда такие определения не исчерпывают тех чрезвычайно ответственных задач, которые стоят перед распорядительным заседанием.

В своем докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов Союза ССР о проекте новой Конституции товарищ Сталин говорил:

«Особенность проекта новой Конституции состоит в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав».

Процедура по преданию суду в советском процессе является одной из важнейших гарантий прав советских граждан против неосновательного, легкомысленного привлечения их к уголовной ответственности. Работа распорядительных заседаний, призванных осуществить эти гарантии, должна быть поставлена так, чтобы эти заседания стали действительным средством осуществления прав, предоставленных советским гражданам, неприкосновенность личности которых гарантирована новой сталинской Конституцией.

С. БУЛАТОВ

Первое всесоюзное совещание по судебной психиатрии

22—24 декабря 1936 г. в Москве состоялось I всесоюзное совещание по судебной психиатрии. Совещание было организовано Научно-исследовательским институтом судебной психиатрии им. проф. Сербского. На совещание съехались 127 делегатов из 36 городов Советского союза. Действительное число участников совещания было, однако, значительно больше. Большое число судебных психиатров и юристов, присутствовавших в качестве гостей, принимало активное участие в работе совещания.

Успех этого совещания, происходившего в Институте им. Сербского, заставляет вспомнить другой съезд, организованный тем крупнейшим русским психиатром, имя которого носит институт. Судьба этих двух съездов представляет яркую иллюстрацию положения науки в Советской Росссии и в России царской.

25 лет назад, открывая Московский съезд невропаталогов и психиатров, проф. Сербский, оставивший Московский университет в знак протеста против политики реакционнейшего царского министра народного просвещения Кассо, говорил:

«Если мудрецы древности утверждали, что жизнь каждого человека может быть признана счастливой только после благополучного конца, то в нашей современности то же самое может быть сказано и о съездах. И возникает вопрос, своевременно ли мы собираемся «в ночи, которую сейчас мы доживаем боязливо...» Когда принцип нестеснения царит только в психиатрических больницах, и то не во всех, а в свободной жизни, «на воле», допускается лишь для полоумного иеромонаха, тоже лица ведения психиатрического. Но... знание способствует бодрому оптимизму. Минуют невзгоды, пройдут все эти, как их называют французы, «глупые случаи» (Cas sots — Кассо), а истина будет гореть еще ярче».

Слова проф. Сербского подтвердились полностью. Немедленно после речи Сербского полицейский пристав закрыл съезд. Но оправдал себя и «бодрый оптимизм, основанный на знании». Железная метла революции вымела в мусорный ящик истории и министра Кассо и все «глупые случаи» деятельности царского правительства. Прошли годы, и сталинская Конституция создала исключительные условия для развертывания научной работы. Истина горит еще ярче.

Одной из иллюстраций общего расцвета научной работы, общего роста активности научных деятелей явилось I всесоюзное совещание по судебной психиатрии.

Открывая совещание, и. о. прокурора РСФСР т. Нюрина указала на внутреннюю связь работ совещания с общим положением нашей страны, получившей лучшую в мире сталинскую Конституцию.

Суд и прокуратура,—говорила т. Нюрина,—подняты Конституцией на новую высоту. Суд и прокуратура имеют дело с живым человеком, им должна быть обеспечена помощь квалифицированных специалистов. Всякая ошибка суда может привести к тяжелым результатам, может изломать человеческую жизнь. И судебная психиатрия должна помочь суду в разрешении сложных и трудных задач, требующих специальных судебно-психиатрических знаний.

Выступивший затем народный комиссар юстиции СССР т. Н. В. Крыленко указал в своей речи, что работа совещания должна быть связана с общими задачами, поставленными сейчас сталинской Конституцией и работами Чрезвычайного VIII съезда советов перед нашей страной. Говоря об единстве интересов общества и личности в социалистическом обществе, теоретически обоснованном товарищем Сталиным и практически осуществляемом под его руководством в нашей стране, т. Крыленко противопоставляет это положение положению в странах фашистской диктатуры. Мы отбрасываем все квази-научные теории, пытающиеся объявить одних людей в силу расовых признаков призванными господствовать, а других находиться в угнетении. Мы отбрасываем теорию прирожденного преступника, мы объявляем надругательством над истинной наукой подлые попытки якобы научных оправданий подлой фашистской расправы.

Немало психиатров в капиталистических странах, говорит т. Крыленко, опозорило свою прежнюю научную репутацию, приложив руку к оправданию отвратительной фашистской расправы, в частности, к оправданию широкого применения стерилизации. Советские психиатры должны противопоставить этой лженауке подлинную социалистическую науку. Мы никого не объявляем заранее негодными, мы не признаем существования неисправимых по своему положению или расовому происхождению преступников.

Судебный психиатр, говорит т. Крыленко, не может прятаться под колпаком одного медицинского диагноза. Судебный психиатр должен с высокой медицинской подготовкой соединить знакомство с наукой уголовного права, с общим философским пониманием вопросов ответственности, причинности и специальных юридических вопросов о роли умысла, сознания противоправности и т. д. Поэтому необходимо специальное изучение судебной психиатрии в медицинских учебных заведениях и юридических институтах. Поэтому необходима специальная организация судебно-психиатрической экспертизы, имеющей ряд отличий от общей медицинской экспертизы.

Тов. Крыленко заканчивает свою речь призывом на любом участке работы бороться, понимая политическое значение и связь всякого дела, как бы оно ни было мало, с нашими общими задачами, призывом итти вперед под знаменем великой коммунистической партии и гениальнейшего мыслителя нашей эпохи, великого вождя нашей борьбы товарища Сталина. Съезд овациями встречает имя товарища Сталина и принимает приветствие товарищу Сталину.

Громадное значение для работников юстиции имеют организационные вопросы советской судебно-психиатрической экспертизы. И этому вопросу был посвящен доклад директора Института им. Сербского Ц. М. Фейнберг. Охарактеризовав политические задачи и значение судебно-психиатрической экспертизы, т. Фейн-

берг дала развернутый анализ советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства о судебно-психиатрической экспертизе.

Тов. Фейнберг анализирует историческое развитие работы Института им. Сербского и громадные сдвиги, которые произошли в самой системе оценок вменяемости и невменяемости при пограничных состояниях. В свое время, в первые годы своей работы, в 1921—1923 гг. институт признавал невменяемыми и уменьшенно вменяемыми 75% психопатов, поступающих на экспертизу. Сейчас институт установил необходимость диференцированного подхода в этом вопросе и в большинстве случаев признает вменяемость, способность к ответственности у психопатов. В 1936 г. из 258 психопатов, прошедших экспертизу, было признано невменяемыми только 8 человек (3%).

Отмечая отсутствие единства в решении наиболее актуальных судебно-психиатрических проблем: психопатии, реактивных и исключительных состояний и шизофрении, которая до настоящего времени толкуется многими психиатрами несообразно широко и расплывчато, т. Фейнберг дает основные итоги практики института по этим вопросам и отмечает обусловливающее разнобой психиатрических оценок неудовлетворительное состояние организационных форм судебно-психиатрической экспертизы. Отстает от стоящих перед ней задач экспертиза несовершеннолетних. Особенно резко дают себя знать организационные дефекты при осуществлении принудительного лечения. Больницы, в которые направляют опасных душевнобольных и психопатов, стремятся поскорее избавиться от этого взрывчатого элемента, выписывают больных с нарушением правил, установленных специальными инструкциями, а это приводит к новым опасным действиям, к новым преступлениям.

Тов. Фейнберг считает необходимым усилить научно-исследовательскую работу по изучению клинических разделов, имеющих особое значение для судебной психиатрии (реактивные и исключительные состояния, психопатия, легкие органические поражения центральной нервной системы, шизофрения). В настоящее время подготовка квалифицированных судебных психиатров недостаточна количественно и неудовлетворительна качественно. Необходимо специально организовать эту подготовку на курсах усовершенствования, необходимо создать кадры специалистов судебных психиатров, нельзя поручать судебно-психиатрическую экспертизу судебным медикам, не имеющим специальных психиатрических знаний. Тов. Фейнберг предлагает упорядочить практическое проведение судебно-психиатрической экспертизы. Должен быть создан институт областных (краевых) судебных психиатров, являющихся руководителями и консультантами судебно-психиатрической экспертизы по всей области. Необходимо организовать в психиатрических больницах специальные отделения для подэкспертных и проходящих принудительное лечение.

Следующий доклад был сделан на совещании зав. отделом экспертизы Украинского центрального психо-неврологического института доцентом Лещинским. Доклад был посвящен вопросу о судебно-психиатрической экспертизе в зале суда. Тов. Лещинский отмечает ряд преимуществ этого вида экспертизы: непосредственный контакт между экспертами, подэкспертными, судьями и сторонами процесса, полнота материала, получаемого во время судебного следствия, и пр. Однако этому виду экспертизы свойственны особые трудности и недостатки, непродолжительность и однократность наблюдения, невозможность использования специальных видов исследования, влияние самой судебной обстановки на обследуемого, усиливающее стремление к симуляции, к обману врача и суда. Поэтому необходимо в ряде случаев сочетание экспертизы на суде со стационарной экспертизой.

По заслушанным докладам развернулись широкие прения.

В рамках небольшой статьи трудно дать даже краткий обзор содержания отдельных выступлений. Приходится ограничиться подведением только общих итогов обсуждения. Основные положения доклад т. Фейнберг были поддержаны во всех существенных вопросах. Расхождения были лишь по вопросу об организации специальных учреждений для психопатов. Профессора Внуков, Бунеев и некоторые другие психиатры выступили против этого предложения. Они утверждали, что сосредоточение в одном месте психопатов, совершивших преступления, приводит к вредному воздействию наиболее опасных из них на остальных, к тяжелым нарушениям дисциплины, терроризированию персонала и т. д.

Другие организационные вопросы не вызвали значительных расхождений. Избранная совещанием комиссия (в составе 24 человек представителей союзных республик, краев и областей под председательством заслуженного деятеля науки проф. Осипова) выработала резолюцию, выражающую общее мнение участников совещания по основным организационным вопросам.

Резолюция считает необходимым создание единого методологического центра по судебной психиатрии, образуемого из крупнейших психиатров и юристов Союза. Этот центр должен обеспечить единство методологического руководства судебно-психиатрической экспертизой. Совещание признало также необходимым выделение при гражданских психиатрических больницах специальных судебно-психиатрических отделений. Наконец, а практически это решение, пожалуй, наиболее важно, совещание высказалось за организацию института областных (краевых) судебных психиатров.

Более точно определить положение судебных психиатров совещание, естественно, не могло. Это — задача правительственных органов. Необходимо, однако, отметить, что при обсуждении вопроса и на совещании и в комиссии общее единодушное мнение сводилось к тому, что институт судебных психиатров должен находится в ведении НКЮ. Только при такой постановке будет обеспечено единство руководства, необходимая связь с органами юстиции и действительная заинтересованность в надлежащем материальном и организационном обеспечении работы судебной экспертизы. НКЗдрав не заинтересован столь непосредственно, как НКЮ, в работе судебной психиатрической экспертизы, но судебные психиатры—медики, и поэтому только НКЗдрав может и должен обеспечить их подготовку. Для специальной подготовки в области судебной психиатрии НКЗдравом должны быть выделены необходимые кадры из числа оканчивающих медицинские институты.

Как отмечали проф. Осипов, проф. Останков и другие работники медицинских вузов, программа последних не обеспечивает достаточной подготовки в области судебной психиатрии. Факт почти анекдотический: в медицинских вузах на специальные занятия по судебной психиатрии отводится гораздо меньше часов, чем в юридических институтах. Перегруженность курса медицинских институтов основными дисциплинами не позволяет рассчитывать на значительное увеличение часов, отводимых занятиям по судебной психиатрии. Необходимо поэтому увеличить число интернов и аспирантов, получающих специальную подготовку при Институте им. Сербского, необходимо создать курсы усовершенствования врачей по судебной психиатрии.

Наметив как важнейшую организационную задачу создание единого методологического центра по вопросам судебной психиатрии, само совещание непосредственно сыграло крупнейшую роль в практическом осуществлении этой задачи. Методологические, теоретические вопросы не решаются, конечно, голосованием. Их не всегда возможно и нужно выразить в жестких формулах резолюции. І всесоюзное совещание судебных психиатров не включало в свою резолюцию спорных методологических вопросов. Но тем не менее взгляды совещания по этим вопросам были выражены достаточно определенно.

Уже доклад т. Фейнберг и его обсуждение не ограничились чисто организационными вопросами. Подытоживая всю работу Института имени проф. Сербского, т. Фейнберг поставила на обсуждение совещания суммированные результаты работы института за 15 лет его существования. Институт превратился за эти годы в авторитетное всесоюзное учреждение, внесшее немало нового в теорию и практику судебной психиатрии.

Совещание заслушало целый ряд специальных клинических докладов: доцента Халецкого — о вменяемости шизофреников, проф. Буневева — о шизофренических реакциях, проф. Введенского — о судебно-психиатрической оценке реактивных состояний, доцента Разумовской — о судебно-психиатрической оценке исключительных состояний, проф Эпштейна — о значении соматологического исследования для распознания перенесенных исключительных состояний, д-ра Зеленина — о диагностических ошибках при оценке сумеречных состояний и доцента Молахова — о симуляции психозов.

Сама тематика клинических докладов показывает, что совещание обсудило как раз те спорные вопросы судебной психиатрии, которые имеют особое значение и для органов суда и прокуратуры. Выводы из этих докладов и их обсуждения представляют поэтому непосредственный интерес и для юристов-практиков.

Выше были уже отмечены резкие изменения, которые произошли в практике института по оценке вменяемости психопатов. Эта «переоценка ценностей» далеко еще недостаточно воспринята на периферии. Один из выступавших указывал, что иногда, спекулируя на недостаточном знании вопроса судом, защита требует автоматического признания невменяемости, раз поставлен диагноз — психопатия. Ведь буквальный перевод слова психопатия на русский язык будет «душевная болезнь», а душевная болезнь, как указывает ст. 11 УК, — основание для признания невменяемости...

Совещание признало правильным установление вменяемости в б о л ь ш и н с т в е случаев так называемых психопатий. В то же время совещание предупредило против возможных перегибов, против тенденции к огульному признанию вменяемости в с е х психопатов.

Заслуженный деятель науки проф. Осипов подчеркнул, что в большинстве случаев психопаты, находящиеся в «пограничном состоянии» между нормальным состоянием и душевной болезнью, должны быть признаны вменяемыми. Нельзя, однако, забывать, что именно у них особенно легко могут возникать временные расстройства душевной деятельности, исключающие вменяемость.

Необходимость индивидуализации и именно юридической индивидуализации при судебно-психиатрических оценках была единодушно подчеркнута и в выступлениях как юристов, так и в выступлениях психиатров. И т. Фейнберг и психиатр т. Внуков подчеркивали, что установление того или иного психиатрического диагноза далеко не всегда предрешает вопрос и о «диагнозе» юридическом — вопрос о вменяемости. Нужно исходить из конкретного состояния, говорил проф. Внуков. В этом смысле психопат может в известных случаях оказаться невменяемым, а дефектный шизофреник—вменяемым.

Это замечание подводит вплотную к наиболее спорному вопросу не только судебной, но также и общей психиатрии — к вопросу о шизофрении. Крепелин определяет в свое время шизофрению как раннее, преждевременное слабоумие. Блейлер, создавший самый термин шизофрения (от греческого схидзо — расщеплять), отметил, что в картине болезни не всегда выступают признаки слабоумия. Чаще характера лишь психическая расщепленность целостной личности, разрыв связей во взаимоотношениях между «я» и внешним миром. Отдельные формальные способности интеллекта — внимание, память, наблюдательность, способность суждения могут быть нарушены очень мало.

Новейшая психиатрия до крайности распространительно толковала понятие шизофрении. Она охватила самые различные степени изменения целостности сознания, начиная от легких, едва уловимых дефектов психики, до глубокого распада и оскудения.

Безграничное, расплывчатое расширение понятия шизофрении вызывает уже справедливую критику в общей психиатрии. К особенно острым противоречиям это расплывчатое понимание шизофрении приводит в судебной психиатрии. По старой традиции установление диагноза — «шизофрения» обычно автоматически влечет установление невменяемости.

Институт судебной психиатрии им. Сербского, как указывает в своем докладе т. Халецкий, постепенно и с большой осторожностью подошел к признанию возможности установления вменяемости в отдельных случаях шизофрении. В прошлые годы число вменяемых шизофреников исчислялось только единичными случаями. В 1936 г. 6,4% шизофреников, проходивших экспертизу в Институте судебной психиатрии, было признано вменяемыми.

Оценка вменяемости шизофреников должна определяться конкретными особенностями болезненного состояния, а не общим диагнозом.

По взглядам, развивавшимся в ряде работ, вменяемость может быть установлена в случаях благоприятного, легкого течения болезни, а также в отношении дефектных личностей, у которых процесс болезни имел место в прошлом, если дефект выражен не глубоко и структура личности нарушена незначительно. Симулятивное поведение, стремление искусственно представить имеющиеся шизофренические симптомы более тяжелыми, более резко выраженными с целью добиться признания невменяемости указывает большей частью на сохранность «я», сохранность личности и нормальной мотивации и тем самым заставляет предполагать вменяемость.

Более точное решение вопроса о судебно-психиатрическом значении диагноза шизофрении — задача большой работы не только судебной, но и общей психиатрии. Однако уже сейчас судебным работникам необходимо иметь в виду, что даже диагноз — «шизофрения» — не имеет абсолютного значения. В некоторых, хотя и в очень редких, случаях шизофреник может быть признан вменяемым. В таких случаях необходима, конечно, особо тщательная экспертиза с участием, по возможности, нескольких квалифицированных психиатров, так как самое понимание шизофрении различно у психиатров разных школ.

Существенный интерес для судебных работников представляет и вопрос с судебно-психиатрической оценке так называемых исключительных состояний. Этот вопрос был освещен в содержательном докладе т. Разумовской.

Исключительными состояниями называются внезапно возникающие расстройства душевной деятельности. Они ограничены обычно относительно коротким периодом и развиваются в большинстве случаев на почве какой-либо недостаточности, в частности, на почве психопатии. Такими состояниями признаются патологический аффект, патологическое опьянение, т. е. такое опьянение, при котором речь идет о ненормальной реакции мозга, только спровоцированной действием алкоголя, но в основном обусловленной не этим действием алкоголя, а раньше существовавшей неполноценностью центральной нервной системы. Исключительным состоянием признаются и так называемые сумеречные состояния, при которых нарушается ориентировка в действительности, воспринимаемой как бы в сумерках (отсюда название) и способность руководить своими действиями. Такие состояния чаще всего наблюдаются при поражении центральной нервной системы. С внешней стороны сумеречное состояние выражается в нелепых «безмотивных» действиях.

За 12 лет с 1925 по 1936 г. по материалам Института судебной психиатрии исключительные состояния давали в среднем 15% всех, прошедших экспертизу и признанных невменяемыми. Однако и в этой области произошли значительные изменения. В 1921—1928 гг. исключительные состояния давали почти 27% всех случаев признания невменяемости. В 1933 — 1936 гг. — только 5%.

Изменение оценок оказалось далеко не одинаковым для различных форм исключительных состояний. Наиболее резко — почти в 10 раз — снизился удельный вес признания невменяемости ввиду патологического аффекта. Среднее место занимает группа признаваемых невменяемыми в силу патологического опьянения, показывающая сокращение почти в три раза. Наиболее устойчивой оказалась группа сумеречных состояний, но и эта группа показывает сокращение в 2 раза.

Своеобразие изменений диагностики исключительных состояний объясняется проведенным институтом пересмотром самих критериев этих состояний. Первые годы работы института основное внимание уделялось остроте и интенсивности клинической картины исключительного состояния и психологическим моментам, связанным с его возникновением. В последние годы решающее значение придается тому основному заболеванию, той дефектности, на почве которой возникает исключительное состояние.

Соответственно этому изменению жестче стал подход к оценке исключительных состояний, связанных, главным образом, с внешними-экзогенными факторами (патологический аффект, патологическое опьянение). Напротив сумеречные состояния, связанные с эндогенными, т. е. обусловленными внутренними дефектами организма, процессами оценивались по-прежнему.

Практика института судебной психиатрии приводит к выводу, что правильная оценка временных расстройств душевной деятельности — исключительных состояний — возможна лишь путем углубленного изучения патологической почвы, на которой они развиваются в сочетании с точным установлением характерной картины внешнего проявления конкретных форм исключительных состояний.

Одним из наиболее спорных и трудно устанавливаемых исключительных состояний является патологическое опьянение. Вопрос о нем по-разному решается в кодексах различных советских республик. В Уголовном кодексе Украинской ССР, например, сделано исключение только в отношении тех лиц, которые для совершения общественно-опасного деяния привели себя в состояние опьянения. Такие лица подлежат ответственности и в том случае, если опьянение носило такой характер, что они «временно не могли отдавать себе отчета о своих действиях или руководить ими». Примечание к ст. 11 УК РСФСР дает более широкую формулировку. Оно указывает, что действие статьи о невменяемости не распространяется на лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Опираясь на практику Института судебной психиатрии, т. Разумовская отрицает, однако, распространение этого примечания на случаи патологического опьянения.

Эту точку зрения надо признать правильной. Патологическое опьянение представляет качественно иное состояние, чем обычное опьянение, которое предусматривает ст. 11. В отличие от последнего патологическое опьянение возникает только на почве болезненных изменений или дефективности организма. Оно является ненормальной реакцией ненормальной нервной системы. Алкоголь является только провоцирующим, а не решающим условием патологического опьянения.

Все это заставляет признать, что и по УК РСФСР патологическое опьянение должно быть признано такой формой временного расстройства душевной деятельности, которая исключает вменяемость, исключает уголовную ответственность.

С вопросом об оценке исключительных состояний суд и судебный психиатр сталкиваются только в тех случаях, когда приходится разрешать вопрос о вменяемости в момент совершения преступления. Наступление исключительного состояния после совершения преступления не устраняет уголовной ответственности, так как исключительное состояние означает только кратковременное расстройство душевной деятельности.

Иначе практически встает вопрос о так называемых реактивных состояниях. Судебно-психиатрической оценке этих состояний был посвящен доклад крупного клинициста, одного из старейших работников института — проф. Введенского.

Реактивные состояния характеризуются обычно, как такие болезненные психические состояния, которые являются реакцией на внешнее воздействие, причем реакция эта психогенна, т. е. вызвана не непосредственно физическим воздействием на организм, а психическими причинами.

В отличие от исключительных состояний реактивные состояния возникают в большинстве случаев после совершения преступления. В этих условиях и в силу закона и по соображениям политической целесообразности временное расстройство душевной деятельности не может влечь полное освобождение от уголовной ответственности. Реактивные состояния в большинстве случаев носят временный характер и не ведут к качественным изменениям сознания. Поэтому реактивные состояния по общему правилу не дают оснований для признания невменяемости. В 1922—1925 гг. 5% проходивших экспертизу в институте и находившихся в реактивном состоянии были признаны невменяемыми. Разработка теории реактивных состояний привела к значительному сужению критериев невменяемости и в этой области. В 1933—1936 гг. только 10% были направлены в больницу, при этом не все направленные в больницу были признаны невменяемыми. Некоторые были посланы для временного лечения.

При судебно-психиатрической оценке реактивных состояний диагноз, однако, также не предрешает еще вопроса о вменяемости.

Во-первых, реактивные состояния могут возникать на такой патологической почве, когда они получают характер только симптома оживления и обострения основного серьезного заболевания, например, шизофрении. В подобных случаях дальнейшее применение наказания является нецелесообразным и должна быть признана невменяемость.

Во-вторых, а об этом как раз часто забывают психиатры, совершенно иной подход должен иметь место в тех случаях, когда реактивное состояние обусловило самое совершение преступления. В этих случаях и временное расстройство душевной деятельности, не влекущее качественных изменений личности, дает все основания для признания невменяемости, если реактивное состояние достигало такой степени интенсивности, что препятствовало совершителю преступления отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Совещание приняло постановление об издании своих трудов. Судебно-прокурорским работникам следует ознакомиться с этими трудами и с изданным институтом судебной психиатрии учебником, рассчитанным специально на работников-юристов [1].

Два года назад выступивший на совещании судебно-прокурорских работников т. Л. М. Каганович в четырех простых правилах определил сложные задачи судебной работы.

«Надо, — говорил т. Каганович, — чтобы суд судил по закону, за дело, культурно и с душой». И вот для того, чтобы судить культурно и по закону, суд должен, в частности, уметь пользоваться экспертизой, в особенности непосредственно влияющей на вопрос об уголовной ответственности, экспертизой психиатрической. А для того, чтобы правильно пользоваться помощью специалистов-психиатров, судебные и прокурорские работники сами должны быть знакомы с основами судебной психиатрии.

С. БЕРЕЗОВСКАЯ

Первые итоги работы по общему надзору

Вновь организованным отделам общего надзора приходится начинать эту работу почти что заново. Система построения отделов прокуратуры по отраслям народного хозяйства не способствовала развертыванию общенадзорной работы. Этому, в частности, мешала раздробленность руководства общим надзором между отраслевыми отделами и загруженность отделов текущей работой по судебному надзору, которому в последние годы приходилось уделять особенно много времени и внимания. Многие и многие работники этих отделов проявляли к тому же пренебрежительное отношение к работе по общему надзору. Доходило до того, что самый термин «общий надзор» употреблялся некоторыми нашими товарищами чуть ли не с улыбкой извинения за этот «архаизм». Умного в этом было, конечно, мало и воспоминаний бы не заслуживало, если бы не имело некоторого неизбежного отражения в настоящем. Надо также сказать, что та постановка работы по общему надзору, которая была в органах прокуратуры до организационной перестройки в 1934 г., страдала серьезнейшими недостатками, сказавшимися затем на ослаблении всей этой работы.

Теперь, строя отделы общего надзора вновь, в благоприятнейшее для развертывания этой работы время, необходимо придирчиво разобраться в оставшемся наследстве и не колеблясь отказаться от того, что устарело или и всегда было негодным. В частности это относится к некоторым приемам работы, но об этом после.

---

[1] Реферат об учебнике судебной психиатрии мы даем в ближайшем номере журнала.

У нас нет еще исчерпывающих данных о том, как организовались и работают отделы общего надзора во всех республиках, краях и областях, но и по тем данным, которые сейчас имеются, видно, что работа эта определенно растет. По материалам и сигналам с мест, в частности, по материалам прокурора Ленинградской области, Западносибирского края, Калининской, Куйбышевской и Саратовской областей, Казахской ССР и др., Прокуратура СССР разработала и внесла в правительство ряд представлений по вопросам весьма серьезного характера. По поступающим спецдонесениям видно также, что развертывается активность отделов общего надзора на местах (Молдавская АССР, Кировская область, Калининская, Омская, Куйбышевская, Киевская, Саратовская) и, что еще важнее, активность районных прокуроров. С тем большим вниманием надо отнестись к тем организационным неполадкам и ошибкам по существу, которые допускаются в этой работе, и исправить их, что называется, «на-ходу».

Прежде всего приходится отметить, что отделы общего надзора не поняли важности и необходимости систематического ознакомления с приказами и инструкциями, издаваемыми советскими и хозяйственными организациями, в целях осуществления надзора за соблюдением этими организациями законов. Дело это во многих местах еще не налажено. Даже Прокуратура РСФСР, которая должна была бы играть, по меньшей мере, роль примера для прокуратур краев и областей, не получает еще приказов и инструкций наркоматов и других республиканских учреждений. Прокуратура Московской области также не наладила еще этого дела. Между тем в инструкции Прокуратуры СССР от 17 ноября 1936 г. прямо сказано, что основной задачей отделов общего надзора является своевременное опротестование противоречащих закону ведомственных инструкций, циркуляров и распоряжений, а также постановлений местных органов власти (краевых исполкомов, областных исполкомов, районных исполкомов, городских советов, сельских советов), и что отделы общего надзора должны добиться такого положения, чтобы ни один незаконно изданный приказ или постановление местных органов власти не оставались неопротестованными прокуратурой (пп. 1 и 3 инструкции).

В деле общего надзора нельзя рассчитывать на самотек, на то, что борьба с нарушениями закона может итти только через рассмотрение поступающих жалоб. Многие тысячи жалоб порождаются незаконными постановлениями и распоряжениями различных ведомств и учреждений. Но в том-то и беда, что не во всех случаях изданий незаконных постановлений от населения поступают жалобы. Мы знаем случаи, когда в ряде городов СССР годами действовали различные обязательные постановления, изданные с грубейшими нарушениями закона. Например, во многих городах УССР, в том числе и в бывшей столице УССР в Харькове, долгое время взимались установленные городскими советами, не предусмотренные законом налоги и сборы. Неужели городские прокуроры должны были ждать жалоб от населения для того, чтобы опротестовать эти незаконные постановления? На практике бывает и так, что прокурор узнает о незаконных актах, действующих на обслуживаемой им территории, только из центральных газет.

Такое положение совершенно недопустимо и с ним необходимо покончить. Прокурор никогда не завоюет необходимого ему авторитета, если будет плестись в хвосте событий. А для того, чтобы не плестись в хвосте, он должен быть осведомленным о том, что делается вокруг. Одним из обязательных путей такого осведомления является знакомство с приказами и постановлениями, издаваемыми местными исполкомами, а также другими организациями, действующими на данной территории.

Как видно из поступающих с мест планов работы органов прокуратуры, спецдонесений и других материалов, отделы общего надзора правильно в основном намечают вопросы, по которым они должны вести свою плановую работу. Так, например, повсюду правильно ставится задача борьбы с нарушением Устава с.-х. артели, с незаконным наложением штрафов, налоготворчеством и т. д. Однако уже сейчас видно, что выполнение поставленных задач страдает крупными ошибками.

Например, кое-где возрождаются «обследовательские» тенденции, казалось, за последние годы изжитые. Этой болезнью, как известно, страдал общий надзор прежде, и она сильно подтачивала его силы. Теперь, при воссоздании отделов общего надзора, некоторые товарищи решили, должно быть, что следует воссоздать и прежние ошибки. В плане работы отдела общего надзора Казахской ССР, например, имеется пункт, которым предусматривается обследование двух наркоматов по вопросам законности установленных у них ставок зарплаты отдельным категориям работников. В том же плане предусматривается «обследование пяти районов» по вопросам ликвидации задолженности колхозам (правда, не написано, кого или что именно собирается прокуратура обследовать). Эту же ошибку допускает Днепропетровская прокуратура, проводя сплошные обследования сельских советов и колхозов, Курская область и др.

Стремление к обследованиям имеет свои причины. Когда тот или иной орган прокуратуры не следит систематически за ходом жизни в обслуживаемом районе, не знает, какие распоряжения издаются органами власти на месте, не расследует своевременно поступающих жалоб или расследует их поверхностно, не вскрывая корней этих жалоб, у него естественно появляется необходимость в обследовании той или иной организации, того или иного вопроса. Он хочет таким путем пополнить свои познания об окружающей обстановке, наверстать упущенное. Но это глубокое заблуждение. Ничего нельзя наверстать путем обследований. Вот, например, Днепропетровская прокуратура, обследовавшая колхозы и сельские советы Перешепинского района, открыла, что каждый из них допускал массу нарушений законов. Открытие это принесло, конечно, свою пользу, так как вероятно убедило прокуратуру в необходимости систематического надзора за законностью в районе. Однако оно не могло уже исправить зла, которое было причинено всеми этими беззакониями, существовавшими на протяжении весьма долгого времени.

А вот разительный пример из практики работы Крымской прокуратуры по методу «обследования». Были обследованы сельские советы и районный исполком Тельмановского района.

Описывая результаты этого обследования, прокурор Республики т. Монатов меланхолически замечает, что «собственно говоря, за 1935 и 1936 гг. в Тельмановском районном исполкоме не оказалось безупречных с точки зрения закона обязательных постановлений». Вот тебе и раз! За два года ни одного безупречного с точки зрения закона постановления! Что же делал в этом районе прокурор и какой практический эффект такого обследования?

Думается, что преимущества систематического надзора за соблюдением законности над случайными ревизиями и обследованиями настолько очевидны, что можно об этом по данному поводу больше не говорить.

При осуществлении поставленных в планах задач мало используются так называемые «воспитательные» методы работы. На это указывает Комиссия советского контроля в своем постановлении от 16 декабря 1936 г. «О нарушениях колхозного устава в Ивановской и Свердловской областях». В этом постановлении прямо говорится, что органы прокуратуры недостаточно энергично и успешно борются с нарушением Устава с.-х. артели, ограничиваясь принятием эпизодических административно-судебных мер и пренебрегая воспитательной работой.

Под воспитательной работой в данном случае надо понимать доклады прокуроров об уставе и борьбе с нарушениями его на колхозных собраниях, освещение в местных газетах протестов, которые были принесены прокуратурой, обращения в руководящие партийные организации на местах с материалами о нарушении устава для использования в партийной работе и т. д. Эта работа нашими органами прокуратуры ведется, но не в тех масштабах, которые сейчас требуются.

В связи с этим т. Вышинский дал всем прокурорам республик, краев и областей указание о борьбе с нарушениями Устава с.-х. артели, в котором обязал краевых, областных и районных прокуроров при выездах на село практиковать доклады на общих собраниях колхозов и пленумах сельских советов о борьбе с нарушениями Устава с.-х. артели, используя в качестве материала конкретные случаи нарушения устава в данной местности. Работу органов прокуратуры по борьбе с нарушениями устава предложено освещать как в центральной, так и местной печати. Указано также на необходимость изучения жалоб и представления материалов об этом со своими предложениями в местные руководящие организации. Этими указаниями надо руководствоваться и во всей другой работе отделов общего надзора, поскольку в этой части они носят методический характер.

В заключение необходимо отметить, что во многих прокуратурах нет еще необходимой организационной четкости в разграничении функций вновь организованных отделов.

Кое-где есть тенденция заставить отделы общего надзора выполнять всю ту работу, которая требует каких бы то ни было обобщений, разработки, выводов и т. д. На них возлагают обязанность писать циркуляры по любым вопросам, в том числе по следственным и судебным, докладные записки и представления в исполкомы, опять-таки по всем вопросам и т. д. Это, конечно, очень приятная и квалифицированная работа, но пусть она все же будет направляться, что называется, «по принадлежности», в соответствии с инструкцией Прокурора СССР.

Надо также бороться с попытками загружать отделы общего надзора вопросами, вообще не относящимися к компетенции органов прокуратуры. Речь идет о всевозможных обращениях различных хозяйственных организаций в органы прокуратуры с целью использования их в качестве «толкачей», арбитров по договорным спорам и т. д.

Тут хотелось бы привести один свежий пример неправильного выполнения прокуратурой несвойственной ей работы: Мариупольская городская прокуратура провела сплошное обследование торговых организаций для того, чтобы установить причины невыполнения ими плана товарооборота, повлекшего за собой задержку выдачи зарплаты в городе. Обследованием было установлено, что план не выполняется из-за несвоевременного завоза товаров в торговые точки, запоздания в выкупе товаров и т. д. Прокуратура Мариуполя, действуя последовательно, должна была пойти по пути прямого вмешательства в хозяйственную жизнь торговых предприятий для того, чтобы ликвидировать обнаруженные дефекты в работе. Прокурор города Мариуполя т. Збарский утверждает, что его вмешательство дало хорошие результаты и что выполнение плана товарооборота значительно продвинулось вперед. Весьма возможно, что это так и что т. Збарский лучший хозяйственник, чем торговые работники г. Мариуполя. Однако это не давало ему оснований для административного вмешательства в работу хозорганизаций. Прокуратура имеет свои особые права и обязанности, и в распоряжении ее находятся данные только ей средства борьбы со всевозможными нарушениями закона, преступлениями (в том числе с той же бесхозяйственностью) и незаконными действиями. Средств этих и прав вполне достаточно для того, чтобы не требовалось узурпировать чужие.

Здесь затронута только небольшая часть вопросов, относящихся к работе отделов общего надзора и в тех пределах, которые допускает наличие новых материалов. В частности ничего еще нельзя сказать об эффективности работы отделов общего надзора. Торопиться с выводами по этому вопросу и не следует. Будем заботиться о хорошей постановке нашей работы, помня, что хорошая работа обязательно будет и эффективной.

С. МИРОНОВ

Совещание прокуроров водного транспорта

9—11 января 1937 г. в Москве проходило совещание бассейновых прокуроров водного транспорта. Совещание обсудило три вопроса: о борьбе с преступлениями в области судоремонта, о борьбе с хищениями и растратами, о борьбе с авариями на водном транспорте.

Совещание подытожило работу прокуратуры по этим вопросам за истекший 1936 г. и наметило конкретные мероприятия к дальнейшему улучшению работы прокуратуры в борьбе с преступлениями на водном транспорте.

Совещание отметило, что в результате принятых мер Прокуратурой Союза в 1936 г. значительно сократилось необоснованное привлечение работников водного транспорта к уголовной ответственности. По сравнению с 1935 г. в 1936 г. предано суду на 39,9% меньше.

В 1936 г. из числа всех привлеченных 82,3% предано суду, а в 1935 г. 72,3%. Свыше месяца расследовалось в 1935 г. 37,7% всех дел, а в 1936 г. — 32,4%.

Осуждено к лишению свободы в 1935 г. 49,3%, а в 1936 г. — 65,9%.

Прокуратура водного транспорта не добилась ликвидации волокиты в расследовании. В навигацию 1936 г. прокуратура не нанесла сокрушительного удара по аварийщикам и злостным нарушителям трудовой дисциплины.

Начальники пароходств, начальники политотделов и центральные управления Наркомвода почти не использовали материалы суда и прокуратуры для укрепления железной дисциплины на водном транспорте.

По делам об авариях в 1935 г. осуждено 58,1%, а в 1936 г. 80% всех преданных суду.

В 1935 г. к лишению свободы приговорено по этим делам 36,4%, а в 1936 г. — 63,3% всех осужденных, кроме Балтийского и Северо-западного бассейнов, где приговорено к лишению свободы около 50% осужденных.

Главными недостатками в работе прокуратуры водного транспорта совещание признало:

а) Недопустимо длительные сроки расследования дел об авариях, а по ряду дел допускается прямая волокита. С момента аварии до направления дела в суд проходит около 55 дней, из них падает 17 дней до начала следствия, 22,5 дня на следствие и 15,5 дня от окончания следствия до передачи дела в суд.

б) Судебные процессы по делам об авариях проходят без достаточной политической подготовки. Плохо освещаются в печати материалы суда. Политотделы и профсоюзные организации не используют судебные процессы как одно из важнейших средств в мобилизации масс на борьбу с авариями.

в) Прокуратура водного транспорта не развернула борьбы с косностью, волокитой, бюрократизмом в органах Наркомвода.

Руководящие работники пароходств, виновные в невыполнении и даже в игнорировании приказа Наркомвода № 272 о борьбе с авариями, не получили соответствующего отпора и воздействия.

Количество аварий за 11 месяцев 1936 г. по сравнению с 1935 г. возросло на 27,4%. Убытки от аварий за это же время увеличились на 6,9%.

Свыше 50% всех аварий произошло по причине неправильного судовождения и грубого нарушения трудовой дисциплины командами судов.

Несмотря на то, что аварии дезорганизовали работу флота, срывали план погрузки, почти во всех пароходствах не было большевистской борьбы с авариями. Систематически нарушался боевой приказ наркома № 272. Начальники пароходств крайне редко выезжают на место аварии. Служебное расследование аварии ведут второстепенные работники — инспекторы судоходства. Начальники пароходств преступно долго задерживают у себя материалы по авариям, не вынося по ним никаких решений, и тем самым создается для аварийщиков обстановка безнаказанности.

В Средневолжском пароходстве аварийные материалы задерживаются до реализации на 40 дней, из них 20 дней лежат без движения у начальника пароходства.

В Азовском и Доно-Кубанском бассейнах за последние 3 месяца навигации начальники пароходств и служб эксплоатации не выезжали ни на одну аварию. По многим авариям и в частности по аварии «Бригадир и тракторист» начальник Азовского пароходства вынес решение через 1½ месяца после аварии.

В Московско-Окском пароходстве у начальника пароходства лежало 58 дел об авариях свыше 19 дней, из них 21 дело—более 20 дней.

Такое же положение прокуратурой было вскрыто в Верхневолжском и Енисейском пароходствах.

Начальник Северного речного пароходства с начала навигации по август 1936 г. ни на одну аварию не выезжал.

О волоките в служебном расследовании со стороны начальников пароходств Главная прокуратура водного транспорта два раза ставила вопрос перед Народным комиссаром водного транспорта. К сожалению, после этого положение почти не изменилось.

Вина прокуратур бассейнов заключается в том, что они проявили либеральное отношение к канцелярско-бюрократическим методам руководства в пароходствах. Никто из руководящих работников пароходств за волокиту и игнорирование приказа № 272 не был привлечен к уголовной ответственности.

Хуже всего проводили работу по борьбе с авариями прокуратуры бассейнов: Аму-Дарьинского, Северного, Черноморского. Лучше — Камского, Верхневолжского, Нижневолжского, Средневолжского бассейнов. Но и в этих прокуратурах имело место недопустимо длительное расследование дел об авариях.

Примером преступного отношения к вопросам возбуждения уголовного преследования является дело об аварии мотобота «Фиолетов», который сел на мель и затем лег на бок. На мотоботе было 13 пассажиров и 8 чел. команды.

Авария была 15 августа, о чем прокурор участка Каспийского бассейна Кулиев своевременно получил извещение, но сразу он никаких мер не принял. Несмотря на серьезность

аварии, происшедшей по причине преступно-халатного отношения к делу капитана Насирова, прокуратура до 19 декабря не начинала следствие.

Совещание разработало мероприятия, обеспечивающие в навигацию 1937 г. окончание следствия по делам об авариях в 10-дневный срок и получение в этот же срок технического заключения от начальника пароходства.

В целях сокращения сроков продвижения дел совещание признало своевременным предоставить право прокурору бассейна окончательно разрешать вопрос о направлении дела в суд.

Прокуратуры бассейнов и участков должны вести непримиримую борьбу с нарушителями приказа Наркома № 272 о борьбе с авариями, привлекая к ответственности виновных, не взирая на лица.

В навигацию 1937 г. прокуроры и следователи водного транспорта должны развернуть большевистскую борьбу с авариями. Надо немедленно после аварии приступать к следствию, надо уметь правильно оценивать все материалы при решении вопроса о возбуждении уголовного преследования, на крупные аварии прокуроры и следователи обязаны выезжать на место. Каждый судебный процесс об аварии должен проходить как процесс, имеющий большое политическое значение. При участии политотделов и профсоюзов широко освещать материалы суда в печати.

В оставшееся время до навигации прокуроры и следователи наряду со сдачей юрминимума должны широко развернуть учебу по вопросам техники водного транспорта.

К 1 мая 1937 г. все прокуроры и следователи обязаны сдать техминимум.

Техническая безграмотность мешает вести борьбу с авариями.

Охрана социалистической собственности, борьба с хищениями и растратами на водном транспорте находятся в неудовлетворительном положении.

По сравнению с 1935 г. мы имеем в 1936 г. снижение хищений и растрат. Однако суммы материального ущерба от этой категории преступлений продолжают оставаться большими и исчисляются миллионами рублей.

Вопросам сохранности перевозимых грузов не уделяется соответствующего внимания. Наркомвод в 1936 г. не вел оперативного учета потерь от хищений и порчи грузов. Под многочисленными случаями так называемых «недостач» грузов зачастую скрывается прямое хищение грузов. Служебное расследование недостаточно полно проводится. Много фактов недостач остается без проверки. Материалы о недостачах не анализируются и складываются в кучу в ожидании предъявления претензии со стороны клиентуры.

Динамику хищений на водном транспорте никто не ведет. Прокуратура бассейнов не проявляла в этой области инициативы и настойчивости. Даже к совещанию были даны прокурорами бассейнов далеко неполные данные. Если прокурор не знает числа хищений, не знает наиболее пораженных хищениями складов, пакгаузов, магазинов и т. п., то он естественно не может организовать борьбу с хищениями. По всем бассейнам за хищения осуждено к лишению свободы в 1935 г. 69,7, а в 1936 г. — 76%.

Вызывает сомнение правильность судебной политики в некоторых бассейнах. По делам о хищениях в Днепровском бассейне осуждено к исправительно-трудовым работам 49%, а по делам о растратах в большинстве бассейнов применено лишение свободы в отношении 50% всех осужденных. Эти меры наказания не обеспечивают эффективность судебной репрессии.

Прокуратуры — Днепровская, Балтийская, Московско-Окская — не выполняют указаний Главной прокуратуры об обязательном поддержании обвинения в суде по делам о растратах и хищениях.

Необходимо отметить как положительное явление в работе прокуратур Северного, Нижневолжского и Азовского бассейнов — созыв широких совещаний счетно-бухгалтерского и ревизорского состава, на которых подвергались обсуждению конкретные мероприятия по борьбе с растратами на основе материалов прокуратуры.

Имели место случаи неосновательного предания суду по закону 7 августа в прокуратурах Аму-Дарьинской, Нижневолжской и Балтийской. Плохо вела расследование и неправильно предавала суду по делам о хищениях и растратах прокуратура Черноморского бассейна. Из общего количества преданных суду 131 чел. осуждены только 88 чел., из них 70 чел. к лишению свободы.

Прокуратура Каспийского бассейна допускает волокиту в расследовании дел о хищениях и растратах.

Дело по обвинению начальника отделения орса Мирзоева о растрате якобы 26 000 руб. начато 6 сентября. С 11 ноября по 25 декабря по делу не было никаких следственных действий, дело лежало без движения у следователя Соловьева.

Дело по обвинению Устинова, продавца магазина, в растрате 1800 руб. Материала по делу находился в прокуратуре в проработке с апреля по август, и только 22 сентября прокурор Кулиев возбуждает уголовное преследование. До 26 ноября проведено 8 допросов. Экспертиза по делу приглашена обвиняемым и за его счет.

Дело о систематическом хищении грузов на лихтере № 4 начато 20 сентября. С 28 октября по 15 ноября дело лежало без движения.

По всем бассейнам в 1936 г. прекращено 16% дел о хищениях и растратах. Этот процент крайне высок и говорит о неосновательности возбуждения некоторых дел.

Более правильно возбуждали уголовное преследование прокуратуры бассейнов Балтийского морского и Северозападного речного (прекращено 3,8%), Восточносибирского (прекращено 4,8%).

Совещание подвергло критике работу прокуратур бассейнов, главворса Наркомвода и трестов Водресторан в области борьбы с хищениями и растратами.

Совещание разработало ряд мероприятий к усилению охраны социалистической собственности на водном транспорте и к улучшению работы прокуратуры в борьбе с хищениями и растратами.

От успешного выполнения плана судоремонта зависит успех подготовки к предстоящей навигации 1937 г. Мы не можем терпеть фактов, имевших место в прошлом году, когда суда, только что вышедшие из ремонта, становились после первого рейса в повторный ремонт, а ряд судов имели аварии в результате недо-

брокачественного ремонта в затонах, мастерских и на заводах.

Вот почему Прокурор Союза т. Вышинский А. Я. еще в октябре 1936 г. указал в специальном письме, что борьба с преступлениями в области судоремонта является важнейшей и боевой задачей прокуратуры водного транспорта. На прокуроров бассейнов и участков возложена ответственность за вскрытие всех фактов недоброкачественного ремонта судов.

Доклады и прения на совещании по этому вопросу показали, что большинство прокуроров не проявляет необходимой оперативности и допускает ничем не оправдываемую медлительность в привлечении к ответственности виновников срыва плана судоремонта. По всем данным судоремонт в этом году проходит не лучше прошлого года.

Прокуроры бассейнов рассказали о многочисленных фактах, подрывающих программу судоремонта. Плохо поставлено дело снабжения материалами.

В Уральском пароходстве особо неблагополучно обстоит с лесом, что ставит под угрозу судостроение и судоремонт.

В Черноморском пароходстве теплоход Волголес простоял на ремонте в заводе вместо 30 — 153 суток. Пароход «Ленин» находится на ремонте с 1934 г., и когда будет закончен ремонт — неизвестно. Виновники преступной волокиты в ремонте не наказаны.

В Верхневолжском пароходстве в бараке «Зимовка» в затоне им. Карла Маркса температура доходит до минус 4°, барак же грозит обвалом. Прокуратура бассейна до сих пор не привлекла виновных к ответственности.

По Нижневолжскому пароходству прокуратура обнаружила на заводе им. Урицкого 10 случаев недоброкачественного ремонта, на заводе им. Сталина 13 случаев, на заводе III интернационала — 10 случаев. При наличии такого состояния с ремонтом прокуратура бассейна не закончила расследованием ни одного дела.

Прокурор Восточносибирского бассейна т. Якушин не удосужился до сих пор ознакомиться с состоянием судоремонта, он не знает положения в бассейне, он не выявляет преступлений в области судоремонта.

В IV квартале лучше других работала прокуратура Камского бассейна. Она проявила оперативность. Правильно и своевременно возбуждала уголовное преследование. Из 8 уголовных дел, связанных со срывом судоремонта, 3 дела рассмотрены в суде, и по ним вынесены приговоры.

Во всех бассейнах возбуждено 20 дел по судоремонту, а законченных нет, кроме 3 дел по Камскому бассейну. Прокуроры бассейнов участков и следователи затягивают дела и этим снижают эффективность мер судебной репрессии.

В Вознесенском судоремонтном пункте Северо-западного речного пароходства по преступной халатности работников пароходства часть судов была выброшена на берег со значительными повреждениями, а другая часть — 28 непаровых судов — находится в затонувшем и полузатонувшем состоянии.

Прокуратура бассейна (т. Григорьев) начала следствие 2 декабря и до конца января дело не было закончено.

Все прокуроры бассейнов плохо используют группы содействия в борьбе с преступлениями в области судоремонта. Активисты прокуратуры не проинструктированы, поэтому от групп содействия мало поступает сигналов о недоброкачественном ремонте.

Прокурор Каспийского бассейна т. Тагамлицкий не знает руководителей групп содействия на важнейших судоремонтных заводах, расположенных в Баку.

Пока не поздно, надо всем прокурорам решительно активизировать работу групп содействия. Провести совещания и в дальнейшем поддерживать с активистами прокуратуры постоянную связь.

Главное внимание прокуратуры сосредоточить на крупнейших судоремонтных пунктах и на больших судах.

На совещании выступил Прокурор Союза ССР т. А. Я. Вышинский. Он обратил особое внимание на исключительную роль прокурора и следователя в проведении сталинской Конституции. Подвергнув критике недостатки в работе прокуратуры водного транспорта, т. Вышинский дал развернутую конкретную программу большевистских действий в борьбе с преступлениями на водном транспорте.

Прокуратура водного транспорта имеет все возможности работать во много раз лучше. Для этого необходимо всемерно повышать политическое развитие, юридическую и техническую квалификацию прокуроров, следователей и секретарей.

Вся наша работа должна быть пронизана большевистской бдительностью, решительной и непримиримой борьбой с врагами партии, с врагами народа.

Высокие требования предъявляет сталинская Конституция каждому прокурору.

Ни на минуту нельзя забывать, что невыявленные еще остатки к.-р. троцкистско-зиновьевской банды и их защитники всеми мерами террора, диверсии, шпионажа, вредительства стремятся подорвать дело великого социалистического строительства и на водном транспорте. Беспощадная борьба с этими злейшими врагами партии и всех трудящихся является первейшей и главной обязанностью прокуратуры водного транспорта.

Поднимем еще выше революционную бдительность.

А. ВИНАВЕР

Об авторском праве[1]

Авторское право, действующее сейчас в РСФСР и других наших союзных республиках, в основных своих частях сложилось из постановлений правительства, изданных 8—9 лет назад. Срок этот, при наших темпах хозяйственного и культурного строительства, далеко не малый. Неудивительно поэтому, что за последнее время все чаще и чаще раздаются голоса, заявляющие о необходимости пересмотра то одного, то другого постановления, касающегося прав автора на созданное им произведение.

В результате образовался целый комплекс больных вопросов, требующих не только освещения их в специальной и общей печати, но и разрешения в законодательном порядке.

Между тем, общего мнения ни по одному из них до сих пор нет.

Первое, бесспорно, место среди этих проблем занимает вопрос, который можно озаглавить — «быть или не быть авторскому праву на переиздание». (О постановке вопроса в такой решительной форме см., например, заметку т. Сементовского в газ. «Правда» от 29 декабря 1936 г.).

В самом деле, не следует ли принять такой порядок, при котором творческий труд автора оплачивался бы один лишь раз, а не при каждом переиздании труда? Ведь нынешняя система оплаты каждого последующего издания приводит иногда к тому, что отдельные авторы, и притом иногда далеко не лучшие, обращаются в новоявленных рантье, почивают на лаврах и получают ежегодно по многу десятков тысяч рублей (см. ст. т. Лежнева в газ. «Правда» от 15 декабря 1936 г.). С такими чрезмерными доходами, говорят некоторые товарищи, пожалуй, еще можно было бы мириться, но беда в том, что «такая рента, получаемая писателями от переизданий, замедляет темпы творческой работы» (там же).

Попробуем разобраться в фактах, приводимых т. Лежневым.

Фактов этих много, даже очень много, но при всем своем изобилии они однообразны. Тов. Лежнев заимствует их из практики одного лишь издательства — Гослитиздата. Но, как всем известно, это издательство выпускает исключительно произведения художественной литературы (беллетристику). Не станем спорить. Действительно, следовало бы сократить «вакханалию переизданий» в области изящной литературы, и простого повышения установленных для этого рода литературы тиражей (с ныне существующей скромной цифры — 5000 экземпляров до 20—25 тысяч [2]) плюс более критическое отношение издательств к переиздаваемым ими произведениям было бы вполне достаточно для того, чтобы устранить зло, о котором говорит т. Лежнев.

Мало того, повышением тиражей можно было бы ввести в правильное русло и другой поток переизданий — стабильных учебников, выпускаемых в миллионных тиражах. Об этом роде литературы т. Лежнев в своей статье не говорит, но и к ней можно отнести многие из его рассуждений.

В прочих же областях литературы, т. е. научной, технической, публицистической, популярной и прочей, проблемы «вакханалии переизданий» вовсе не чувствуется. Перед нами точные статистические сведения по издательствам системы ОГИЗ за период времени 1932—1936 гг. Здесь процент переизданий колеблется по отдельным годам от 8,4 до 15,7%, — процент совершенно незначительный. К тому же вряд ли существуют научные или технические книги, которые при переиздании своем могли бы на много лет обеспечить своего автора ежегодною более или менее значительною рентой.

Еще менее вероятно было бы предположение, что доходы, получаемые автором от переиздания его научной книги, способны «замедлить темпы его творческой работы».

Для урегулирования вопроса о переизданиях вовсе не нужно прибегать к таким радикальным мерам, которые рекомендует, например, т. А. Воронов в своей заметке об авторском праве (газ. «Правда» от 14 января 1937 г.). «Произведения писателей, — говорит т. А. Воронов,— должны приобретаться государством в полную собственность»; «оплата должна существовать разная, в зависимости от качества и размеров произведения, но независимо от имени автора».

К чему такой сложный способ? Не проще ли меры, предложенные выше,—соответствующее повышение тиражей? И кто поручится за правильность и непогрешимость оценки качества произведения? В истории издательского дела известны как легкомысленные случаи слишком поспешного воскурения фимиама перед литературными ничтожествами, так и печальные случаи запоздавшего преклонения перед гениями.

Таким образом наш первый вопрос можно разрешить путем изменения закона о тиражах (пост. СНК РСФСР от 20 ноября 1928 г. с последующими дополнениями и изменениями). Цифры наших тиражей, установленных этим законом, давно уже отжили свой век. За восемь лет мы обогнали его на много десятилетий.

Выше мы уже говорили о пятитысячном тираже для художественной литературы. Несоразмерно малы также цифры 3000 для драматических произведений, 10 000 — для детской литературы и т. д.

Следующий вопрос — наследование.

По действующему закону, лица, унаследовавшие авторское право на литературные произведения, пользуются ими в течение 15 лет, считая с 1 января года смерти наследодателя. Срок этот достаточен. Но в случае смерти, до истечения этих 15 лет, самого наследника авторское право от него ни к кому далее не переходит. Между тем, такое положение вещей не всегда справедливо.

Известны случаи, когда по тем или иным причинам из двух или нескольких наследников в правах наследства утверждался лишь один наследник и притом с согласия всех прочих лиц, имеющих право на такое утверждение.

---

[1] Статья печатается в порядке обсуждения.— Редакция.

[2] Примечание. Эта мера уменьшила бы «ренту» сразу в несколько раз.

Родственно-дружеские отношения делали, как казалось им, людям, далеким от тонкостей закона, излишним ввод в наследства всех, когда достаточно только одному из них «по поручению» прочих приобрести права. И этот один, закрепив свои наследственные права, делился доходами, извлекаемыми из унаследованного авторского права, с другими (братьями, сестрами и пр.). Делился честно год — другой, пока сам не умирал, лишив тем самым своих «доверителей» всякой возможности пользоваться этими доходами.

Думается нам, было бы целесообразно в таких случаях призывать к наследованию на оставшийся срок (т. е. до истечения 15 лет по смерти автора) тех лиц, которые к моменту смерти автора входили в круг его законных наследников, но в свое время не позаботились об оформлении принадлежащих им прав.

Проблемой крупного принципиального значения является вопрос о пределах обязанностей издательств, заключивших с авторами издательский договор.

«Издательским договором, — гласит ст. 17 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г., — признается договор, в силу которого автор уступает на определенный срок исключительное право на издание произведения, облеченного в объективную форму, а издатель обязывается издать и принять все зависящие от него меры к распространению этого произведения».

В судебной практике не раз возникало недоумение по поводу второй части приведенной статьи закона. Обязано ли издательство печатать работу или ему можно предоставить возможность воздержаться от печатания, ограничившись уплатой автору гонорара по договору.

В большинстве случаев суды обязанности печатания на издательства не возлагают. Изредка, правда, попытки такие наблюдаются, но за отсутствием реальных возможностей приведения такого решения в исполнение эти попытки обращаются в простые декларации, лишенные реального юридического содержания. Очевидно, при пересмотре авторских законов придется от второй части ст. 17 отказаться, изменив самое определение издательского договора.

Во взаимоотношениях между автором стихотворного произведения и композитором, переложившим стихотворение на музыку (песни) до сих пор царит порядок, который вряд ли можно признать нормальным. Ст. 9, п. «3» постановления ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. устанавливает, что «не считается нарушением авторского права использование композитором для музыкального произведения текста, заимствованного из чужого литературного произведения, при отсутствии на это запрещения, объявленного автором последнего на каждом экземпляре произведения».

По прочно укоренившемуся обыкновению ни один автор у нас о таком запрещении никогда нигде не объявляет. В результате композитор извлекает доходы из обработанных им для музыки стихотворных произведений единолично. Было бы правильнее признать здесь наличие соавторства со всеми вытекающими отсюда последствиями (ст. 5 пост. ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г.).

К числу острых вопросов авторского права надлежит отнести также проблему ответственности автора, по неосторожности причинившего убытки издательству, напечатавшему представленное им недоброкачественное произведение (невнимательное отношение к выбору и просмотру иллюстраций, приложенных автором к тексту, использование при составлении труда непроверенных материалов, устаревших статистических данных и т. п., вследствие чего получился производственный брак).

По действующему закону, потерпевшее убытки издательство взыскать с такого автора-бракодела ничего не может.

В соответствии с общим смыслом трудовых законов (ст. 83 и сл. Кодекса законов о труде) нужно было бы твердо установить принцип имущественной ответственности автора в указанных случаях, ограничив размер такой ответственности определенными пределами (20—25% с суммы гонорара по данному договору).

Приведенным перечнем, разумеется, не исчерпывается весь круг недоуменных вопросов в действующем авторском праве. При предстоящем пересмотре авторского права в связи с составлением, согласно Конституции, проекта всесоюзного гражданского кодекса необходима осторожная и вдумчивая кодификация. Из существующих узаконений по авторскому праву многое настолько стабилизовалось и так прочно вошло в жизнь, что ни в каких изменениях не нуждается. Кое-что придется вовсе отбросить как совершенно ненужное, а на все наболевшие вопросы, надеемся, будут даны в законодательном порядке окончательные и исчерпывающие ответы.

Дуэль А. С. Пушкина и царский суд

В обширной литературе о дуэли Пушкина с Геккереном-Дантесом совершенно не имеется таких работ, которые знакомили бы читателя с правовой стороной судебного дела об этой дуэли.

Объяснение полному молчанию криминалистов и отсутствию всякой критики и оценки постановленного военным судом приговора об участниках дуэли лежит в значительной степени в цензурных условиях того времени. Такое объяснение тем более правильно, что судебное дело о дуэли было начато производством по повелению «самого» Николая I. Процесс происходил в условиях полной безгласности. В производстве оказалось немало бумаг с пометкою «секретно», и все дело закончилось собственноручной конфирмацией приговора царем.

Дуэль Пушкина была не только его поединком с Геккереном. Она была схваткой двух миров, двух политических и общественных течений: демократии с придворной аристократией, радикализма с крепостничеством, свободы с деспотизмом — с гнетом николаевщины. По справедливым словам П. Е. Щеголева, «убийца был не один, убийцей был целый коллектив, члены которого были объединены и спаяны общим пороком. В этом патологическом коллективе один играл роль руководителя, другие—исполнителей» [1]. Так же расценивали убийство Пушкина и его современники из числа представителей передовой интеллигенции. Так, Андрей Карамзин, сын историка, в письме из Парижа писал своей матери о смерти Пушкина: «Поздравьте от меня петербургское общество — оно сработало славное дело. Пошлыми сплетнями, низкой завистью к гению и к красоте оно довело драму, им сочиненную, к развязке»... «То, что пишет мне сестра о суждениях хорошего общества, высшего круга, гостинной аристократии (черт знает как эту сволочь назвать), меня ни мало не удивило: оно выдержало свой характер. Убийца бранит свою жертву, и это в порядке вещей...» [2]. Пушкин был убит, но с его смертью борьба противоположных политических течений не закончилась. Дело об его дуэли было одним из эпизодов этой борьбы и не могло не отразить на себе соотношения боровшихся сил.

Правительство боялось и мертвого Пушкина. Волнение и негодование, вызванные убийством Пушкина в широких народных массах, были огромны. Тысячи народа шли в квартиру поэта проститься с его прахом. До администрации доходили слухи о возможности демонстраций при переносе тела. Поэтому в ночь перед выносом гроба из квартиры туда явились жандармы и сыщики; друзья Пушкина были вынуждены перенести в полуночной темноте гроб вместо Исаакиевского собора в Конюшенную церковь. В церковь была впущена по особым билетам та аристократия, о которой уже цитированный мною Карамзин писал: «выгнать бы их и впустить рыдающую толпу, и народная душа Пушкина улыбнулась бы свыше...» После отпевания гроб с останками поэта был спущен в подвал на церковном дворе, откуда в ночь с 3 на 4 февраля был увезен под охраной жандарма в Святогорский монастырь Псковской губернии.

Негодование в народе объяснялось не только любовью к великому народному поэту, но и условиями политического характера. Убийцею поэта оказался один из тех аристократов, в лицо которым, под живым впечатлением смерти Пушкина, бросал свое пламенное обвинение другой великий русский поэт Лермонтов:

> А вы, надменные потомки
> Известной подлостью прославленных от-
> цов,
> Пятою рабскою поправшие обломки
> Игрою счастия обиженных родов.
> Вы, жадною толпой стоящие у трона,
> Свободы, гения и славы палачи.
> Таитесь вы под сению закона.
> Пред вами суд и правда — все молчи...

В этой беспощадной оценке политической и правовой системы царской николаевской России Лермонтов был выразителем настроения всего передового общественного мнения России того времени.

Общественное мнение предвидело, что высокопоставленным убийцам Пушкина сойдет безнаказанно их преступление. Оно это предвидело и волновалось... С этой точки зрения интересны два анонимных письма, впервые опубликованные лишь в 1922 г. Они найдены в архиве третьего отделения «собственной его величества канцелярии».

Одно из этих писем адресовано поэту Жуковскому. Оно имеет штемпель Петербургской городской почты от 30 января 1837 г., т. е. было отправлено на следующий же день после смерти поэта. В письме анонимный автор писал: «Неужели после сего происшествия может быть терпим у нас не только Дантес, но и презренный Геккерен?» [1]. Автор письма спрашивает, неужели преступление Дантеса останется безнаказанным.

Второе письмо этого же автора было отправлено им графу Орлову, когда по Петербургу распространились неверные сведения, что Геккерен-Дантес уже осужден и приговорен лишь к «лишению всех званий и ссылке на вечные времена в дальние гарнизоны» солдатом. Этот приговор, по словам автора, «не может удовлетворить русских за злоумышленно обдуманное убийство Пушкина...». Письмо заканчивается аккордом чисто политического содержания с указанием на то, что «увеличивающиеся злоупотребления во всех отраслях правления, неограниченная власть, врученная недостойным

---

[1] Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина. С предисловием Цявловского. Москва. 1936, стр. 324.

[2] Гросман, Карьера Дантеса. Москва. 1935, стр. 6.

[1] Здесь имеется в виду усыновитель Дантеса, посланник Нидерландского двора, барон Геккерен, сыгравший, как известно, позорную роль в отношениях между женою Пушкина и Дантесом. Сам Пушкин в своем письме к нему называл его сводником и сравнивал со старой развратницей (см. Фон-Кауфман, Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном, 1900, стр. 56).

лицам, стая немцев — все порождает более и более ропот и неудовольствие в публике и в самом народе».

Для отыскания анонимного автора этих писем третье отделение и тот самый шеф жандармов Бенкендорф, которому была вручена «неограниченная власть» и от которого непрестанно страдал Пушкин, предприняли более энергичные поиски, чем для розыска автора анонимного пасквиля, сыгравшего роковую роль в дуэли Пушкина.

В то самое время, когда жандармская тройка мчала ящик с гробом Пушкина по ухабам, а в аристократических гостиных трепали имя поэта, шло спешное приготовление к комедии военного суда над участниками дуэли, оставшимися в живых. Вместе с тем, готовилось гнуснейшее поругание памяти убитого поэта.

Как было мною указано выше, процесс о дуэли Пушкина не стал предметом гласности. Все дело было запрятано в подвалы архива военного министерства и только через 63 года увидело свет. В 1900 г. Кауфман издал это дело и притом, как указывается в предисловии к изданию, — в полном объеме, с дословною точностью и сохранением подлинного правописания.

Следует предполагать, что подлинное военно-судное дело будет доставлено на Пушкинскую юбилейную выставку, и тогда представится возможность сличения печатного издания с оригиналом.

Кауфман не дал описания внешней стороны дела, ограничившись только указанием, что все дело состоит из трех производств:

1) канцелярии аудиторского департамента о предании военному суду поручика Кавалергардского полка барона Геккерена,

2) военно-судной комиссии, учрежденной при Лейб-гвардии конном полку,

3) переписки аудиторского департамента и определения генерал-аудиториата.

Все производства сохранились в порядке и целости, за исключением двух кем-то изъятых листов (листы 67 и 68), на которых было изложено показание секунданта Пушкина Данзаса, данное им комиссии военного суда в заседании 10 февраля 1837 г.

Подлинное показание Данзаса, впрочем, было найдено в архиве морского министерства. Сообщение об этой находке было опубликовано Протасьевой в 1920 г. в журнале «Дела и дни». Возникало предположение, не являются ли эти листы теми, которые были изъяты из дела о дуэли Пушкина. Но исследование этих листов доказало неправильность такого предположения. Несмотря на глубочайший интерес, который пробуждает к себе это военно-судное дело о дуэли Пушкина с Дантесом, юридическая мысль обошла его полным молчанием и после опубликования материалов производства. Но после Октябрьской революции раскрыты тайны всех архивов царского правительства, и разъяснились и уточнились различные обстоятельства, предшествовавшие и сопровождавшие ее. Достаточно в виде примера указать, что только после нахождения в архиве третьего отделения подлинника пасквиля с присуждением А. С. Пушкину звания рогоносца представилась возможность при помощи методов научной графологической экспертизы обнаружить анонимного автора этого пасквиля. В 1927 г., по поручению Щеголева, судебный эксперт Ленинградского уголовного розыска Сальков с точностью установил, что автором пасквиля был один из представителей родовой аристократии, князь Долгоруков Петр Владимирович [1].

Казалось бы, что по вопросу исторической важности правительство Николая I и военное ведомство должны были мобилизовать свои лучшие юридические силы и проявить максимум внимания и осторожности. Ничего этого не произошло в действительности, и для правительства и не требовалось. Царь хотел лишь скорейшего завершения этого процесса. Предписывалось «дело сие кончить сколь возможно поспешнее».

Во всех трех указанных производствах подлинного военно-судного дела о дуэли Пушкина 234 пронумерованых и прошнурованых листов.

Помещенная в самом начале всего дела опись бумаг дает общее представление об его содержании и объеме отдельных его частей. Я воспроизвожу эту опись здесь полностью (см. таблицу на 81 стр.).

Для полноты ознакомления с подлинным делом о дуэли Пушкина необходимо напомнить, хотя бы в основных чертах, существовавшее тогда уголовно-процессуальное и материальное военное законодательство.

Военный суд осуществлялся так называемыми «комиссиями военного суда», созываемыми при полках по каждому делу. Все члены этой комиссии были из числа военных в составе председателя — «презуса» и шести членов — «ассесоров». При комиссии состоял так называемый «аудитор», который до известной степени совмещал в своем лице обязанности делопроизводителя, секретаря и прокурора. Подготовка этих аудиторов была очень невысокая: в 1817 г. для образования кадра этих сотрудников военного суда было отобрано из числа кантонистов сто человек. Они получали звание аудиторов по выдержании особого испытания. С 1833 г. было открыто в Петербурге аудиторское училище.

Порядок рассмотрения дел в комиссиях военного суда (это была первая инстанция) был, как и в общегражданском уголовном процессе, письменный, с отобранием от вызванных в суд обвиняемых письменных ответов на поставленные им «вопросные пункты».

Аудитор составлял для суда выписку из относящихся, по его мнению, к делу законов.

Постановленный приговор, носивший название «сентенции», поступал из комиссии военного суда на вторичное рассмотрение в порядке ревизии в генерал-аудиториат, независимо от принесения или непринесения жалоб. Сюда препровождалось все производство комиссии военного суда и так называемые «мнения» различных чинов высшего командования (командиры полковой, бригадный, дивизионный, корпусной).

Постановление генерал-аудиториата считалось окончательным лишь по делам нижних чинов, а по прочим делам его определения представлялись через военного министра на «высочайшее усмотрение». С 1833 г. генерал-аудиториат получил расширение права ходатайствовать о смягчении участи осужденных и излагать в докладах свое заключение о степени снисхождения [2].

---

[1] Щеголев, ук. соч., стр. 325.

[2] См. подробнее «Столетие военного министерства», т. XII, книга 1-я, часть 2-я.

«Опись бумагам, в сем деле содержащимся»

№	Означение бумаг	На скольких листах
1	Отношение командующего Отдельным Гвардейским Корпусом от 11-го марта 1837-го, за № 307—Ом, на	1
	Мнение	
2	Командира Кавалергардского ея величества полка, 27 февраля 1837-го, на	2
3	Командующего 1-ю Гвардейскою кирасирскою бригадою, от 26-го февраля, на	1
4	Начальника Гвардейской Кирасирской дивизии, от 3-го марта, на	2
5	Командира Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса от 6-го марта, за № 1262-м, на	2
6	Командующего Отдельным Гвардейским корпусом, от 11-го марта, за № 308-м, на	2
7	Военно-судное о подсудимых Де-Геккерене и Данзасе дело на	116
8	Выписка, составленная из дела в Комиссии Военного Суда с сентенциею	21
9	Записка о мере прикосновенности к сему делу иностранных лиц на	2
10	Дело по канцелярии Аудиторского департамента о предании поручика Де-Геккерена военному суду на	4
11	Записка начальника штаба Отдельного Гвардейского корпуса от 11-го марта № 1912 на	1
12	Отпуск с отношения Аудиторского департамента в придворную контору от 16-го марта за № 880-м на	1
13	Отношение придворной конторы от 16-го марта № 1355	1
14	Выписка, составленная в Аудиторском департаменте из военно-судного о Геккерене дела	35
15	Определение генерал-аудиториата, последовавшее 16-го марта 1837 года	7
16	Записка генерала-аудитора с представлением доклада от 17 го марта	1
17	Записка о мере прикосновенности иностранных лиц по делу Геккерена от 17-го марта	2
	Формулярные списки	
	Кавалергардского ее величества полка поручика барона Де-Геккерена на	4
18	Полевого инженер-полковника Данзаса	8
19	Записки военного министра от 18-го марта на	1
20	Отпуск с отношения военного министра командующему Отдельным Гвардейским	
21	корпусом от 18-го марта 1837 г. за № 932-м	9
22	Таковый же от департамента дежурному генералу главного штаба того же числа № 933	3
23	С рапорта военного министра в правительствующий сенат от 19-го марта № 952	2
24	Отношение начальника штаба Отдельного Гвардейского корпуса от 19-го марта № 2171	1
	Высочайший приказ, состоявшийся в 20-й день марта 1837 года	1
25	Отпуск с записки генерал-аудитора директору канцелярии военного министер-	
26	ства от 30 апреля за № 1514-м на	1

Столоначальник **Иванов**

Помощник столоначальника **Иванов**

В частности на утверждение царя поступали приговоры о лишении дворянства, чинов, орденов и к наказаниям в размере большем, чем указано в законе.

Исполнительным органом при генерал-аудиториате был аудиторский департамент.

Военно-уголовными законами того времени являлись: «Воинский устав 1716 г.», «Устав полевого производства» и «Полевое уголовное уложение» 1912 г. Но военные судьи были обязаны руководиться также многими указами и общими законами, как, например, «Уложениями Алексея Михайловича», «Генеральным регламентом», «Сводом законов» 1832 г., «Дворянской грамотой» и др.

Разбор дел в военных судах происходил, конечно, быстрее, чем в общих судах, но волокита так крепко срослась со всяким судом царской России, что на завершение процесса о дуэли Пушкина потребовалось полтора месяца. Из этого срока время с 3 по 19 февраля ушло на рассмотрение дела в первой инстанции военного суда (комиссия военного суда). Затем в период после приговора и до 11 марта собирались «мнения» от пяти генералов о постановленном приговоре. Во второй инстанции (генерал-аудиториат) дело находилось с 11 по 18 марта, когда последовала конфирмация приговора царем.

В комиссии военного суда было 13 заседаний, т. е. они происходили, за исключением четырех дней, ежедневно. Местом заседаний комиссии была квартира председателя комиссии полковника Бреверна в казармах полка.

Исключительно благожелательное отношение к убийце Дантесу сказалось с первых же дней процесса. Он был оставлен лишь под домашним арестом. Вместо доставки Дантеса в засе-

дание суда на 5 февраля, как это постановила комиссия, командир полка ограничивается отпиской, что подсудимый, «по случаю раны, им полученной на дуэли, живет у сеоя на квартире». Из приложенного же свидетельства врача было видно, что полученная Дантесом-Геккереном рана была несерьезная, что «больной может ходить по комнате, разговаривает свободно, ясно и удовлетворительно». «Вообще же он кажется в хорошем и надежном к выздоровлению состоянии». Несмотря на такое очень определенное сообщение врача, военный суд не решается беспокоить обвиняемого личной явкой в суд и сам направляется к нему на квартиру для снятия с него допроса через двух своих асессоров... Такое предупредительно внимательное отношение суда к обвиняемому тем более бросается в глаза, что подсудимый был человек военный.

Очень интересно и показательно заключение врача при освидетельствовании подсудимого 8 февраля. Врач находил возможным перевод обвиняемого на гауптвахту, но при условии, чтобы это была «особая сухая и теплая комната, которая бы следовательно ничем не отличалась существенно в отношении к его здоровью от занимаемой им теперь квартиры»... Нельзя не признать, что заботы военного врача о легко раненом и уже выздоровевшем кавалергарде заходили очень далеко, когда он даже требовал, чтобы подсудимому была отведена комната, сходная с теми аппартаментами, которые занимал посланник, барон Геккерен.

Комиссия военного суда, с одной стороны, выясняла поводы к дуэли, а с другой — интересовалась самой дуэлью. Но первый из названных вопросов был выяснен ею очень поверхностно. Секундант Пушкина, Данзас, говорил об анонимных письмах, полученных Пушкиным, и об оскорбительных для чести жены его слухах. Со своей стороны Геккерен на поставленный ему вопрос, не известно ли ему, кто автор анонимных писем Пушкину, отвечал незнанием. Несмотря на показание Данзаса, что Пушкин считал автором анонимного письма посланника Нидерландского двора барона Геккерена, суд удовлетворился ответом обвиняемого Геккерена-Дантеса, что он не знает автора этого письма. Никаких мер к дальнейшему выяснению этого вопроса суд не предпринял. В сентенции, или приговоре, суда первой инстанции совершенно не упоминается об анонимных письмах, но подробно излагается чрезвычайно резкое оскорбительное письмо Пушкина к посланнику Геккерену.

В окончательном же приговоре второй инстанции это письмо барону Геккерену прямо было поставлено в вину Пушкину, и в резолютивной части определения генерал-аудиториата «преступный поступок» состоял, по мнению суда, с одной стороны, в «написании дерзкого письма к министру Нидерландского двора», а с другой — «в согласии принять предложенный ему незаконный вызов на дуэль».

Но приговоры обеих инстанций военного суда, и особенно первой, заслуживают того, чтобы на них остановиться подробнее.

Из дела не видно, когда царь повелел судить участников дуэли, и в том числе Пушкина, военным судом. Во всяком случае следует подчеркнуть, что царь, вполне осведомленный о безнадежном положении умирающего поэта, успел отдать военному министру это повеление о военном суде. Уже 29 января (день смерти А. С. Пушкина) военный министр передал это повеление командующему гвардейским корпусом. Этот последний секретной бумагой от 30 января предписал начать следствие. О смерти Пушкина уже было известно, и потому приказ о суде над ним не мог быть выполнен. Тем не менее секретный приказ требовал от суда «поелику же известно, что камергер Пушкин умер, то следует объяснить только в приговоре суда, к какому бы он за поступки его наказанию по законам подлежал».

Этот приказ о наказании уже мертвому поэту был в точности выполнен обеими инстанциями суда, но вынесенные ими определения наказаний были не одинаковы.

При определении наказания суд первой инстанции и генералы, представившие свои «мнения» о постановленном приговоре, совершили (может быть, из «усердия») грубейшее нарушение уголовного закона. Ко всем участникам дуэли, и в том числе к Пушкину, был применен текст 139 и 140 артикулы «Воинского устава» 1716 г., и в качестве наказания для всех них было определено повешение. Суд, находя «виновными как барона Геккерена-Дантеса, так и камергера Пушкина в произведении строжайше запрещенного законами поединка...», «приговорил подсудимого поручика Геккерена-Дантеса повесить, каковому наказанию подлежал бы и подсудимый камергер Пушкин, но как он уже умер, то суждение его за смертью прекратить».

Ссылка приговора на 139 и 140 артикулы Военного сухопутного устава 1716 г. имела значение лишь в отношении диспозитивной части этих артикулов о запрете дуэли, но ни в каком случае не в отношении репрессии, которая, за отменой смертной казни, еще при Елизавете должна была быть определена по статьям 352 и 354 Свода законов, том XV, изд. 1832 г. Эти статьи, источником которых был манифест от 1787 г. о поединках, фактически отменяли постановления названных артикулов.

Может быть, этот незаконный приговор к повешению, вынесенный судьями крамольному поэту после его смерти, доставил злорадное чувство удовлетворения его врагам...

Не будь приказа свыше определить наказание, какому Пушкин подлежал, если бы остался живым, то этот суд, на точном основании того же 139 артикула, должен был бы присудить труп Пушкина к повешению за ноги. Этого требовал названный артикул, текст которого воспроизведен в деле полностью.

Интересно проследить отношение к приговору комиссии военного суда, выразившееся в так называемых «мнениях» запрошенных генералов. Каждый из них старался превзойти другого в смягчении наказания для оставшихся в живых участников дуэли. Никто из них не шел далее требования заключения Геккерена-Дантеса на шесть месяцев в крепость с лишением дворянства и разжалованием в солдаты. При этом полковой командир, высказавшийся первым, предлагал определить рядовым в дальние гарнизоны Сибири, второй — на Кавказ, третий — просто предлагал разжаловать в рядовые, лишив чинов и дворянства. Четвертый генерал, командир корпуса, пошел еще далее: не говоря ни о лишении дворянства, ни о свободы, он предлагал разжаловать Геккерена в рядовые с выслугой.

Смягчающие вину обстоятельства для убийцы Пушкина генералы видели в молодости

убийцы, в том, что он вступался за честь отца или, совсем не мотивируя смягчения, указывали лишь на «высочайшее милосердие».

Никто из этих генералов не касался вопроса о смягчении наказания, определенного убитому поэту.

Окончательное определение второй судебной инстанции признало поручика Геккерена виновным в нанесении Пушкину смертельной раны. Суд на основании 139 артикула и Свода законов, том XV, статья 352, приговорил Геккерена-Дантеса к лишению дворянства, чинов и к разжалованию в рядовые. Вместе с тем генерал-аудиториат определил такое же наказание Пушкину «за преступный поступок его», выразившийся в написании дерзкого письма посланнику Геккерену и в принятии вызова на дуэль. Но за смертью Пушкина суд «предавал» эти преступные проступки «забвению».

Вынесенный Геккерену-Дантесу приговор ни в какой степени не отвечал содержанию той статьи 352 Свода законов том XV, на которую он ссылается. Эта статья требует за убийство на поединке такого же наказания, которое полагается за умышленное убийство. По статье же 332 того же Свода виновный в умышленном убийстве подлежит «лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и каторжной работе». Поскольку обвиняемые из дворянского сословия были освобождены от телесных наказаний, убийца Пушкина подлежал лишению прав состояния и ссылке в каторжные работы. Таким образом ссылка генерал-аудиториата на ст. 352 лишена всякого практического значения, и наказание убийце не стояло ни в каком соответствии с требованием статьи 352.

Во всяком случае безоговорочное определение генерал-аудиториата — «преступный поступок Пушкина, подлежавшего равному с подсудимым Геккереном наказанию» — неправильно уже потому, что Пушкин, не будучи офицером, не мог быть разжалован в солдаты.

Царь, утвердив определение генерал-аудиториата, повелел вместо службы в солдатах, выслать рядового Геккерена за границу.

Определение генерал-аудиториата, подписанное восемью генералами, говоря о преступных поступках Пушкина и уравнивая наказания для убийцы и убитого, прикрывало гнусность этого суда над мертвым поэтом пышной фразой о предании преступлений Пушкина за его смертью забвенью. Правительство хотело бы предать забвенью все дело о дуэли Пушкина с Геккереном-Дантесом. Этого не случилось.

Пришли новые дни — дни суда над судьями Пушкина, над палачами «свободы, гения и славы». Сбылись слова Лермонтова:

Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И . . . . . .
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью;
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

В. ТРАХТЕРОВ

Кастрация и стерилизация[1]

Законом 24 ноября 1933 г. в «III империи» была введена кастрация (оскопление) преступников против половой нравственности. По инициативе же германских фашистов в программу «XI международного конгресса по уголовному праву и пенитенциарии» включен был вопрос: «в каких случаях следует применять кастрацию в современной карательной системе?» И конгресс, собравшийся осенью 1935 г. в Берлине, постановил рекомендовать мероприятие, тяжко калечащее человека физически и морально.

Область применения кастрации при этом должна быть чрезвычайно широка. В докладах речь идет не только об особо-опасных преступниках, не только о том широком круге, который предусмотрен ст. 42 фашистского закона «об опасных привычных преступниках», но и о таких формах, как гомосексуализм и даже невиннейший эксгибиционизм[2].

Но мало того, кастрация оказывается средством против всех преступлений: «Даже имущественные преступления, совершенные многими преступниками против нравственности до кастрации, прекратились затем после кастрации в большинстве случаев». В этом утверждении фашистов не только «убедительный» довод в пользу кастрации, удар по колеблющимся, но и прямой призыв применять тяжкое телесное наказание и за имущественные преступления.

Все эти случаи далеко еще не заполняют области применения кастрации: кроме «слов», имеются и «дела» германских фашистов. В «руководящих кругах» признаны «образцовыми» заключения «Баварского криминально-биологического пункта» в Мюнхене. Вот, к примеру, одно из них: «Испытуемый (учитель школы для девочек) совершил преступления, предусмотренные п. 3 § 176 и п. 1 § 174. Нет сомнения, что согласно п. «к» § 42 нового закона... предпосылка для кастрации налицо. Но... в отличие от других преступников против нравственности... испытуемый показал себя таким товарищем по народу, каких мы себе только желаем... он после войны добровольно

---

[1] По материалам XI международного конгресса по уголовному праву и пенитенциарии.

[2] Помимо кастрации, применяемой в принудительном порядке, она рекомендуется в резолюции конгресса и «при настоянии или с согласия лица», имеющего «склонность» к совершению половых преступлений. Но добровольность эта мнимая. В самом деле, в ряде случаев на них намекает и «комментарий», приложенный к тексту данного вопроса и указывающий, что эта мера «может эвентуально заменить лишение свободы» — согласие подвергнуться кастрации есть условие для того, чтобы избежать интернирования или условия для получения досрочного освобождения: какая же здесь добровольность? Или возьмем другие еще более разительные случаи: «Есть заключенные, которые заявляют о намерении подвергнуться операции не столько из опасения дальнейших рецидивов, сколько для того, чтобы на короткое время выйти из тюрьмы». И здесь не добровольность, а лишь яркое свидетельство о страшном режиме фашистских застенков.

участвовал в гражданской войне против изменников народа и отечества, прилагал затем старания в своей педагогической деятельности (sic!), а не «выжидал», как очень многие другие». На этом основании эксперт высказывается против кастрации.

Это заключение представляет интерес с различных точек зрения. Прежде всего, как новая иллюстрация к тому, что «в толщу национал-социалистической партии все более внедряются уголовные элементы» [1] — растлители, насильники в роли педагогов. Затем как образец услуг, которые оказываются классовой юстицией не только верхушке национал-социалистической партии, но и второстепенным фашистам — участникам гражданской войны против рабочего класса. Наконец, если кастрация не применяется, несмотря на наличие законных предпосылок к ней, то зато, наоборот, она превращается без всяких законных оснований в террористическое средство расправы фашизма с революционным пролетариатом.

Стерилизация (обеспложение) «неполноценных» мужчин и женщин введена была в Германии законом 14 июля 1933 г. и, как известно, вскоре получила там широчайшее применение. Вопрос, поставленный германскими фашистами пред XI конгрессом гласил: «в каких случаях следует применять стерилизацию в современной карательной системе». И конгресс ответил: «Принудительная стерилизация по показателям евгенического порядка рекомендуется в качестве меры предупреждения ввиду того, что она уменьшит в будущем количество ненормальных лиц, из которых рекрутируется значительное число преступников».

Судя по германской практике и даже по одной этой формуле, «показателей евгенического порядка» великое множество.

Но даже на конгрессе, проходившем при чрезвычайной активности германского фашизма, невозможно было скрыть ту научную истину, что по отношению к большинству «показателей» законы наследственной передачи болезненных свойств, патологических «ген» слишком еще шатки и недостоверны. «Можно ли уже в настоящее время установить с уверенностью законы болезненной наследственности»; «наша неосведомленность в этой деликатной области слишком велика... нельзя вводить... столь тяжкие меры безопасности, раз у врачей не может быть единодушия относительно их целесообразности» и т. п.

Любопытно все же познакомиться с «теоретическими» доводами, с последним словом фашистской науки в пользу применения стерилизации. Такая форма «неполноценности», как слабоумие, «вероятно, наследственно»; хотя относительно наследственной передачи всех других форм неполноценности «известно слишком мало», но ведь есть уже некоторые исследования, открывающие «многообещающую перспективу».

Святейшая инквизиция тоже считала лишь «вероятной» связь ее жертв с дьяволом и сжигала их в таких же массах, в каких современные варвары подвергают «неполноценных» стерилизации...

Политическое значение стерилизации сравнительно с кастрацией еще более глубокое.

Политическую заостренность имеет уже идеологическое обоснование применения этой меры — биологизация преступности, попытка установления связи аномалий с преступлениями. Ведь к вопросу о биологизации общественных явлений можно применить слова Ленина, что «такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы» [1].

Политическую заостренность стерилизации затем можно усмотреть в том, например, указании инструкции к фашистскому закону, что лица, уплатившие за содержание в лечебнице, стерилизации не подлежат: только неимущие, только эксплоатируемые массы становятся ее жертвами...

Но особенно важно подчеркнуть следующее. Применение меры принудительного характера не за преступление, а за «неполноценность», отсутствие часто демаркационной линии, отграничивающей «неполноценных» от «полноценных», полная необоснованность предпосылок евгенического порядка для большинства случаев, культивирование расовой теории, сближающей наследственно неполноценных преступников и борцов за дело рабочего класса, неукротимая потребность во все новых насильственных мероприятиях, ибо «главное в фашизме— это его открытое наступление на рабочий класс всеми методами принуждения и насилия, — это гражданская война против трудящихся» [2], вот комплекс условий, который неизбежно будет открывать все пути, все шлюзы для злоупотреблений в определенном направлении. «Стерилизация превращена в средство политической борьбы», — говорил т. Димитров на VII конгрессе Коминтерна.

Это значение фашистской стерилизации начинают, наконец-то, понимать и разоблачать даже отдельные буржуазные криминалисты из более умеренного лагеря. Очень резко протестует против принудительной стерилизации Y Wł Sliwouski. «Задачей научных конгрессов не является оказание политической услуги правительству страны, где конгресс происходит». «Научная истина оказалась на последнем месте просто потому, что она была немцам невыгодна». «Было бы чрезвычайно желательно, чтобы будущий конгресс занялся этим вопросом в более научной и объективной обстановке».

Впрочем, другие соотечественники польского автора думают несколько иначе: W. Grzywo Dabrowki выступает с предложением о применении стерилизации в широчайшем объеме также и к лицу, которое «вследствие своего болезненного состояния не сможет воспитывать своих детей»; польское «евгеническое общество» спешит представить в сейм проект закона о принудительной стерилизации, составленный в духе германского фашистского законодательства и реакционнейшей резолюции последнего международного конгресса.

---

[1] Волков, Классовая природа преступлений и советское уголовное право, стр. 75.

[1] Ленин, т. XXI, стр. 375.

[2] Мануильский, Компартии и кризис капитализма, доклад на XI пленуме ИККИ.

Г. СВЕРДЛОВ

Вместо фельетона

Трудно себе представить пределы человеческого многословия. В устах опытного болтуна самый простой, самый примитивный жизненный факт может обрасти такой неудержимой порослью всяческих посторонних сообщений, привходящих обстоятельств, смежных происшествий и общих сентенций, что когда слушаешь такого говоруна, страшно становится за судьбу самого факта.

Ну, к примеру, самая тривиальная карманная кража, совершенная в трамвае каким-нибудь гражданином Ивановым у гражданина Петрова в присутствии гражданина Сидорова, из-под пера болтливого следователя может выйти в таком, например, фантастически-роскошном виде:

«Во время переезда свидетеля Сидорова на службу, на которой он работает в течение восьми лет, не имея ни одного взыскания, а наоборот, получил даже в премию патефон и коричневые ботинки на резиновом ходу (лист дела 195), в трамвае было значительное количество пассажиров, ехавших по разным общественным, хозяйственным и по другим неизвестным свидетелю Сидорову делам (лист дела 454), в результате чего имели место некоторая теснота и другие затруднения для граждан, как-то отрывание пуговиц и нажимание на чужие мозоли (лист дела 639). В это именно время обвиняемый Иванов, сделав руки по направлению снизу немножко вверх (лист дела 18), а затем чуть-чуть вперед (л. д. 574) вошел в непосредственное соприкосновение с кошельком потерпевшего Петрова, который, по словам свидетеля Сидорова, произвел на него впечатление человека, имеющего 42 года от роду, несудимого, неимущего, по всей вероятности женатого (л. д. 272), хотя, как утверждает свидетель Сидоров в другом своем показании (л. д. 934-об), вполне возможно, что потерпевший Петров является человеком холостым»...

«Если у тебя есть фонтан, заткни его, — дай отдохнуть и фонтану», — выразился небезызвестный Козьма Прутков по поводу такого рода болезненных проявлений словесного недержания.

Но нужно прямо сказать. Все мыслимые шедевры многословия, все патентованные образцы трескучей болтливости превзошел старший следователь Одесской прокуратуры т. Лещинский, обвинительное заключение которого демонстрировал недавно А. Я. Вышинский на конференции начальников следственных отделов.

На долю т. Лещинского выпало произвести расследование очень серьезного дела. В один из совхозов Одесской области проникла шайка прохвостов. В течение довольно длительного времени некто Миронюк, устроившийся директором этого совхоза, вместе со своими сподвижниками Авербухом, Юргелайтисом и другими разворовывали государственное добро, жульничали, спекулировали, издевались над рабочими и т. д. Целый комплекс больших и малых отвратительных проделок самого низкого контрреволюционного пошиба был выявлен в процессе следствия по этому делу.

Перед следователем, который, судя по обвинительному заключению, собрал в этом деле большой обличительный материал, стояла задача — на конкретных, убедительных и неоспоримых фактах показать преступную работу этой компании. А так как фактов оказалось много, то особенно важно было эти факты систематизировать, показать последовательность событий, показать взаимосвязь явлений и людей, точно определить время и место действия и т. д.

Но для того, чтобы это сделать, для того, чтобы обвинительное заключение, — этот важнейший синтетический акт, венчающий собою весь процесс следствия, — получилось убедительным, чтобы оно звучало так же полнозвучно, как звучат отраженные в нем факты, нужно... нужно, по крайней мере, добросовестно над ним поработать...

Мы не можем, к сожалению, воспроизвести всего обвинительного заключения т. Лещинского ввиду прямо-таки угрожающего его размера. На страницах этого журнала оно должно было бы занять по крайней мере два печатных листа... Но достаточно будет привести только две-три выдержки из этого уникального произведения, чтобы читатель составил себе ясное представление, что это за документ.

Итак, дорогой читатель, набери в свои легкие побольше воздуха и попробуй прочесть, не переводя дыхания, хотя бы нижеследующий абзац:

«В беседе с Миронюком (директором) Авербух (кладовщик) стал советоваться как ему поступить и получил распоряжение от Миронюка о том, чтобы неоприходованную муку и смушковые шкурки выкрасть из опечатанной кладовой, временно их спрятать, а после прохождения ревизии их снова использовать, для чего обещал Авербуху отослать сторожей и дал в помощь Горовца, а также и Монятовского, с которыми Авербух и совершил вышеуказанную кражу, для совершения которой Миронюк вместе с ними вышел во двор, где встретил начальника ночной охраны Федоровского, которого под предлогом проверки постов отослал на другой участок, сам стал у выключателя электрического света. Авербух вместе с Монятовским и Горовцем направились в кладовую, где Авербух взломал потолок, через отверстие в котором влез в кладовую, откуда подавал стоящим внизу Монятовскому и Горовцу муку и шкурки, а последние ее прятали в яму, специально выкопанную в сарае, а после окончания выкрадывания всей муки и шкурок Авербух слез с чердака, снова таки через вышеуказанное отверстие, и часть неспрятанной муки вместе с Горовцем и Монятовским стал переносить на квартиру к Горовцу, где таковая и была обнаружена».

По совести говоря, можно ли что-нибудь понять из этой сумасшедше построенной фразы? Что собственно произошло? Ведь если поверить тому, что наворочено здесь неудержимо болтливым следователем, то получается какая-то сплошная чертовщина с какой-то дикой эквилибристикой всех действующих лиц.

Ведь что получается? «Авербух... направился... в кладовую, где взломал потолок, через отверстие в котором влез в кладовую»... То есть, иначе говоря: человек проник каким-то образом в запечатанную кладовую, будучи уже в кладовой взломал каким-то способом отверстие в потолке и затем через это отверстие в потолке влез в ту же кладовую. Да ведь это же совсем по барону Мюнхгаузену, который сам себя за волосы вытащил из колодца.

Но читаем дальше. «Авербух через отверстие в потолке влез в кладовую, откуда подавал стоящим внизу... муку и шкурки». Представляет ли т. Лещинский, что он тут нагородил? Человек находится в кладовой,—а кладовая-то закрыта и запечатана. Влез он в эту кладовую через отверстие в потолке. Значит сверху. Значит сам он находится внизу. Спрашивается, как же человек, находящийся сам внизу, может «оттуда» подавать стоящим тоже внизу в то время, как отверстие-то наверху. Ведь это же что-то тоже из барона Мюнхгаузена или во всяком случае из детской сказочки о телеге, которая ехала задом наперед...

Но читаем еще дальше, и тогда оказывается, что «после выкрадывания (!) всей муки и шкурок Авербух слез с чердака снова таки (!) через вышеуказанное отверстие»... И мы «снова таки» спрашиваем т. Лещинского: ведь только что мы слышали, что все свои сверхестественные штучки Авербух проделывал в кладовой. Откуда же вдруг взялся какой-то чердак? И что это за сумасшедший такой чердак, с которого слезают через отверстие, проделанное в кладовой...

Есть одно замечательное народное выражение, которое мы встретили где-то у Горького, удивительно точно определяющее добротность работы, подобную той, которую продемонстрировал т. Лещинский:

Сбил, сколотил — вот колесо!
Сел да поехал — ах хорошо!
Оглянулся назад —
Одни спицы лежат...

Сбил, сколотил... наворотил тысячу слов, скрепил все это тягучим клейстером сугубо туманной, сугубо непереваренной мысли, рассовал впопад и невпопад изрядное количество знаков препинания и вот, пожалуйста, «обвинительное заключение». Ах, хорошо. А как коснешься всей этой рыхлой постройки — одни спицы лежат...

Описывается в этом обвинительном акте еще одна какая-то жульническая проделка Миронюка, в которой не последнюю роль играют четвероногие — свиньи и поросята. На изысканном языке Лещинского эта история обозначается как «сделка со свиньями», хотя, как известно, со свиньями вступать в какие-либо сделки весьма затруднительно. Но мы готовы были бы внести предложение объявить премию тому человеку, который взялся бы эту часть обвинительного акта перевести на вразумительный человеческий язык.

Посудите сами:

«31 июля с. г. с целью личной наживы по предварительной договоренности с Юргелайтисом, Миронюк купил в подсобном хозяйстве «Экспортхлеба» 34 штуки свиней за 12 336 рублей из расчета 3 р. 50 к. за кило живого веса, причем денег за этих свиней Миронюк не платил, а решил часть свиней по себестоимости раздать рабочим, а часть свиней больших и жирных в количестве 10 штук продать на базаре по спекулятивным ценам и разницу между себестоимостью и продажной ценой присвоить, ибо (?) эта сделка совершенно не была отражена по бухгалтерии.

Для этой цели Юргелайтис лично получил деньги от рабочих за розданных им поросят, а в это же время, по распоряжению Миронюка, 2 августа, была зарезана большая свинья, весом около 8 пудов, после чего Миронюк и Юргелайтис подписали справку о том, что эта свинья принадлежит рабочему Грищенко, эту справку выдали ему на руки, после чего он эту свинью отвез на базар, где продал по спекулятивной цене, а вырученные деньги сдал в кассу кассиру Муленко, которому Юргелайтис велел их не приходовать, а Грищенко выдать неофициальную расписку в получении этих денег.

На следующий день, 3 августа, снова были зарезаны две еще большие свиньи, которые были проданы на базаре по спекулятивной цене от имени рабочих Шоха и Соцкой, для чего им также были выданы фиктивные справки за подписью Юргелайтиса о том, что эти свиньи принадлежат им. После продажи этих свиней, вырученные за них деньги были сданы кассиру Муленко и снова таки (опять это излюбленное «снова таки») по распоряжению Юргелайтиса не оприходованы.

8 августа с. г., когда в совхоз прибыла комиссия для обследования деятельности Миронюка, последний с целью сокрытия своих преступлений решил завуалировать сделку со свиньями, для чего Юргелайтис составил задним числом список на розданных свиней, где указал, что проданные на базаре свиньи выданы Шоху, Соцкой и Грищенко, причем Шох до этого и фактически получил поросенка и таким образом по этому списку у Шоха значатся полученными две свиньи. Кроме этого Юргелайтис велел кассиру Муленко оприходовать сданные Грищенко, Шохом и Соцкой деньги за свиней задним числом, а так как по балансовой стоимости эти свиньи стоили гораздо меньше, нежели за них было выручено от продажи на частном рынке, то разница в этих ценах также была оприходована и вышеуказанные лица получили официальные квитанции, а также за труды, за то, что они их продали, получили по 15 рублей без всяких расписок, а Шох получил 40 рублей за убой этих свиней, также нигде не расписавшись в получении денег.

Таким образом бухгалтерская проводка по приходу денег от продажи этих свиней оказалась странной, ибо свиньи были проданы вышеуказанным трем рабочим по одной цене, а уплачено за них больше, нежели они стоят, к тому же эти деньги были оприходованы задними числами...»

Можно ли представить себе что-нибудь более путаное, более кашеобразное, нежели то, что здесь «сбито-сколочено».

Какие-то свиньи... какая-то сделка... какая-то дикая скачка из одного противоречия в другое!

То вас Лещинский уверяет, что Миронюк что-то присвоил. То вам начинает казаться, что Миронюк еще ничего не присвоил, а еще только собирался что-то присвоить.

Вот вам рассказывают, что какие-то свиньи, «большие и жирные», были проданы на базаре с помощью Шоха, Соцкой и Грищенко. Но через несколько строк вас огорошивают сообщением, что свиньи были проданы самим этим «вышеуказанным трем рабочим».

То вам кажется, что разница в цене пошла в широкий карман Миронюка и Юргелайтиса. Но затем вас сбивают с толку сообщением, что сам же Юргелайтис распорядился эту разницу заприходовать по кассе специально как будто для того, чтобы вы ничего не поняли во всей этой истории.

А когда вы хотите, наконец, узнать ответственный, синтетический следовательский вывод самого товарища Лещинского из блестяще описанного им события, то он вам под конец кокетливо и интригующе заявляет: ничего вам не могу сказать, кроме того, что вся эта история со свиньями какая-то, знаете, — «странная» история...

Много еще других драгоценных страниц и сверкающих перлов таит в себе этот документ.

В одном месте указывается, например, что областная комиссия, проверявшая совхоз, прибыла «8 августа». Через пять страниц это же обстоятельство излагается так: «после приезда комиссии, т. е. 9 июля». А если вы пороетесь немножко, то в третьем месте вы обнаружите, что комиссия прибыла «9 августа».

Ответственные должности в этом совхозе заполнены, как уверяет Лещинский, не людьми, а всяческими «элементами». И перемещены были вышеназванные «элементы» не просто на работу в совхоз, а на работу «в прорывной» совхоз... и т. д. и т. п.

Но мы не станем утомлять читателя дальнейшим разбором творчества т. Лещинского. Приведенного достаточно, чтобы определить характер этой работы. Большое, серьезное дело опошлено, искажено, затуманено. В невообразимой бестолковщине, в неудержимой болтливости следователя потоплено самое существо дела. Забыта элементарная истина, что обвинительный акт в каждом судебном деле — это ответственнейший политический и юридический документ и что в зависимости от качеств этого документа это или аттестат зрелости или свидетельство о бедности, которое следователь сам себе выдает.

Судьба обвинительного заключения т. Лещинского такова: заместитель одесского областного прокурора т. Кузоваткин, оставшийся, видимо, в высшей степени довольным продукцией т. Лещинского, прислал это обвинительное заключение т. Вышинскому «для сведения».

А вслед за этим он получил от т. Вышинского телеграмму, в которой областной прокуратуре запрещалось утверждать такое обвинительное заключение. А еще через пару дней областная прокуратура получила от прокурора СССР подробное письмо, где после тщательного разбора всех нелепостей этого документа было сказано:

«Ввиду обнаруженного таким образом мною «прорывного» обвинительного заключения предлагаю впредь ни одного обвинительного заключения не утверждать без моей санкции, а, следовательно, впредь все обвинительные заключения должны до направления их в суд представляться, немедленно по их составлению, мне на утверждение. Я знаю, что эта мера вызовет замедление в работе вашего аппарата, но эта вопиющая безграмотность и безответственность, которую ваш аппарат обнаружил в обвинительном заключении по делу Миронюка и других, лишает меня возможности отнестись к этой важнейшей работе прокуратуры с должным доверием».

Первое всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры по гражданским делам

25—28 декабря 1936 г. состоялось совещание судебно-прокурорских работников. Совещание было открыто вступительными словами народного комиссара юстиции СССР т. Н. В. Крыленко и заместителя прокурора СССР т. Г. М. Леплевского.

Тов. Н. В. Крыленко в своем вступительном слове указал, что это совещание практических работников нашей судебной системы в области гражданского права созвано для того, чтобы посоветоваться о том, как сейчас, в нашу эпоху, в дни введения в жизнь великой сталинской Конституции, накануне крупного переустройства нашей судебной системы, нужно работать на том участке судебной работы, который делается сейчас все более и более крупным, делается в целом ряде отношений ведущим как по количеству дел, которые восходят на рассмотрение наших судебных учреждений, так и по значению, которое эти дела приобретают в общей системе правовых отношений нашего социалистического общества.

Было время, когда мы полагали, что очень скоро мы сможем повесить замок на гражданские отделы наших судов за полной ненадобностью таковых, хотя тогда еще в практике живы были традиции гражданских судов старого времени и разрешение гражданских дел шло по старым образцам еще дореволюционных законов.

Было время, оно соответствовало первому периоду нэпа, когда гражданские дела снова начали в нашей судебной практике играть большую роль, когда мы вынуждены были обратить свое внимание на этот участок нашей работы, но когда мы делали это также нехотя, когда мы подходили к гражданским правоотношениям с известного рода опаской. И поэтому и в этот период времени нашей работы, несмотря на то, что гражданские дела занимали большое место, тем не менее они не пользовались у нас популярностью.

И был период времени, когда на базе борьбы с эксплоататорскими элементами, с эксплоататорскими классами в момент окончательного разрешения вопроса «кто кого», какая система, система социалистических отношений или система капиталистических отношений, возьмет

верх, в годы великого перелома тем паче к гражданским делам укрепилось такого рода отношение. Это был период, когда в гражданском суде и гражданской практике восторжествовало «упрощенство», наилучшее свое выражение нашедшее в том, что гражданские коллегии, как таковые, были вовсе ликвидированы.

Мы сейчас вступаем в иной период. Мы сейчас вступаем в такой период, когда гражданское право во всем многообразии и богатстве содержания этого понятия не только целиком и полностью вернуло себе право на существование, но когда оно как социалистическое гражданское право в нашем социалистическом обиходе начинает играть ведущую роль, ибо в содержание этого гражданского права входят не только правоотношения граждан друг с другом, но и их правоотношения к государству и государственным и хозяйственным организациям и отношения хозяйственных организаций друг с другом и с государством. И поскольку характернейшим отличительным признаком социалистического строя является единая система социалистического народного хозяйства и государства, отсюда понятна и выросшая роль в нашем хозяйственном социалистическом обороте советского социалистического гражданского права во всех его отраслях — в области производства и в области распределения по принципу: от каждого по способностям, каждому по труду.

Гражданское право становится с этой точки зрения основой нашего гражданского социалистического правопорядка. Недаром эта роль уже нашла свое отражение в росте гражданских дел, достигающем 75% всех дел, поступающих в суды.

Нельзя в этих условиях дальше терпеть прежний упрощенческий подход к этой категории дел и к этому громадному участку нашей практической работы.

Возьмите любую из статей нашей Конституции об общественном устройстве — ст.ст. 4, 5, 6 Конституции, трактующие об основах нашего общественного порядка, возьмите статьи, говорящие о правах колхозов, о различных видах социалистической, общественной собственности, различающейся по своей природе, с вытекающими отсюда различными правовыми последствиями. Возьмите ст.ст. 9, 10, говорящие о праве распоряжения личной собственностью граждан СССР, — все они трактуют о правах, все они являются руководящими статьями нашего гражданского права и в новом Гражданском кодексе СССР займут свое ведущее место.

Этого всего достаточно, чтобы показать, какое огромное значение получает сейчас гражданское право, а следовательно, и гражданский суд. И сейчас, когда права граждан, в частности в гражданских правоотношениях, охраняются законом и судом, как носителем этого закона, — вопрос о том, как лучше построить работу судебных органов в сфере гражданских правоотношений, получает исключительное политическое значение.

Работа нашего совещания построена в целях чисто делового обсуждения и делового анализа основных недочетов нашей работы в этой области и изыскания методов, которые дали бы нам возможность эту область наладить и поправить.

Общий доклад — о работе судов по гражданским делам, характеризующий имеющиеся недочеты в работе судов, построен так, что дает анализ основных недочетов работы судов по определенным участкам материального права с акцентированием внимания и на процессуальных нарушениях, которые имеют место.

Первый доклад объединяется с докладом прокуратуры по гражданским делам; я думаю, что не ошибусь, если скажу, что гражданские дела самый слабый участок и в прокурорской работе. Если мы еще с грехом пополам добиваемся того, чтобы прокурор выступил в суде первой инстанции по уголовным делам, то добиваться, чтобы он выступил по гражданскому делу, еще труднее. А работа прокурорского аппарата в области надзорной судебной практики по гражданским делам такова, что иногда заставляет желать, чтобы ее было поменьше. К сожалению, в той же мере, в какой работа прокуратуры блещет своим отсутствием в первой инстанции, она страдает гипертрофией в судебно-надзорной работе.

Тут нам нужно посоветоваться по вопросу координирования деятельности суда и прокуратуры в гражданском процессе. Выслушать, что скажут товарищи с мест, безусловно целесообразно.

Второй доклад будет об итогах применения закона 27 июня по алиментным делам. Закон этот дал чрезвычайный приток дел в гражданские суды и в гражданскую прокуратуру и, вместе с тем, породил ряд серьезнейших вопросов, неразрешенность которых очень больно бьет по живым людям и как раз часто по людям, которые меньше, чем кто-либо другой, способны правильно, самостоятельно защищать свои интересы, — по женщинам и детям. Вот почему выделен этот вопрос.

И, наконец, отдельным вопросом стоит вопрос — тоже очень больной — об исполнении судебный решений.

Я должен предупредить товарищей, что одними жалобами по поводу того, что судебные исполнители получают незначительную зарплату, дела не поправишь и не исправишь. Этот вопрос мною, где нужно, поставлен, но я никогда не позволю себе обещать товарищам то, за что я не могу ручаться. Вот почему достаточно сказать, что этот вопрос мною уже поставлен, и пока в эту область не входить, а ставить вопрос конкретно: как мы должны в нынешних условиях поставить работу исполнения судебных решений, ибо это—конкретный ответ на конкретный вопрос о системе руководства и о системе проверки исполнения.

Вот какие вопросы стоят у нас в порядке дня. Все они, однако, упираются в один общий вопрос — о руководстве народными судами при разрешении гражданских дел со стороны наших гражданских коллегий краевых и областных судов. Как поставить правильно систему руководства, систему проверки исполнения, систему судебного надзора, чтобы эта отрасль ни на одну секунду не выпадала из нашего поля зрения? Так стоит вопрос.

Мы знаем пока лишь одно развернутое решение по этому поводу—это решение 55 пленума Верховного суда Союза ССР и 53 пленума. Мы имеем по этому поводу директивы наркома юстиции РСФСР. На нашем совещании стоит еще раз подвергнуть его обсуждению: как правильно поставить систему руководства,

систему судебного надзора и систему проверки исполнения по гражданским делам. Разрешения этих вопросов мы ждем на нашем совещании, ибо они все актуальны, все исключительно значимы, все имеют большое политическое значение.

Я повторяю: в наших условиях, товарищи, когда вопросы нашего социалистического гражданского права приобретают такое значение, что превращаются в политические вопросы, очень остро стоит вопрос о гарантировании необходимого качества наших судебных решений по гражданским делам.

Наше совещание имеет задачей помочь продумать и разрешить эти вопросы.

В итоге этого совещания мы прежде всего хотим, чтобы в сознание всех судебных работников глубоко проникла мысль о том, что эта область заслуживает внимания, что к ней должно подходить с сознанием величайшей политической значимости и политической ответственности.

Заместитель Прокурора Союза ССР т. Г. М. Леплевский в своем выступлении указал, что Прокурор Союза ССР т. Вышинский поручил передать совещанию, что его отсутствие в настоящий момент отнюдь не объясняется тем, как здесь говорил т. Крыленко, будто вопросы прокурорской работы, связанные с работой гражданской прокуратуры, и весь комплекс вопросов гражданского права занимают второе место. Тов. Вышинский занят подготовкой к процессу троцкистского антисоветского центра и поэтому не может сегодня здесь присутствовать.

Тов. Крыленко в своем вступительном слове сказал, что гражданское право и интерес к нему пережили различные стадии своего развития, что в период военного коммунизма оно не имело особого значения и мы относились к вопросам гражданских правоотношений более чем прохладно. С установлением нэпа некоторые наши работники не поняли основных вопросов гражданского права и процесса, поставленных по-новому.

Тов. Крыленко правильно сказал, что некоторые наши товарищи не хотели заниматься этим делом. Я считаю, что хорошие коммунисты не могли так относиться к этому делу.

Очень плохи те судебные и прокурорские работники, которые к важнейшим вопросам гражданского права подходят нехотя, полагая, что вопросу о праве личной собственности или наследования или о других очень существенных гражданских правах, которые так ярко отражены в великой сталинской Конституции, можно не уделять серьезного внимания.

Я хочу поделиться впечатлением, которое я вынес недавно из заседания Совета народных комиссаров Союза ССР. Вопрос о гражданском праве в этом заседании получил очень интересное и яркое освещение. При рассмотрении программ наших высших учебных заведений Комитетом по высшей школе было внесено предложение об утверждении в качестве одной из дисциплин преподавания в наших вузах «хозяйственного права». Я должен сказать, что глава нашего правительства В. М. Молотов уделил этому вопросу чрезвычайно большое внимание и проявил к нему исключительный интерес.

Тов. Молотов прежде всего поставил вопрос, правильна ли сама постановка вопроса о хозяйственном праве. Чем хозяйственное право отличается от гражданского права?

Тов. Молотов поставил вопрос очень глубоко. Он прежде всего подверг сомнению, имеются ли у нас хорошие учебники по хозяйственному праву, являются ли они достаточно серьезными.

Тов. Молотов поставил вопрос, есть ли у нас, например, точное определение того, что такое объединение, предприятие, главк, трест. Что эти вопросы интересны и содержательны для нашего государственного устройства и для правильного руководства отдельными отраслями управления, — вы сами понимаете. Мы знаем, насколько эти вопросы серьезны, а сейчас, с новой Конституцией, вопросы гражданского права приобретают сугубо важное значение.

Все права граждан ярко выражены в нашей Конституции.

Гражданское право — отрасль исключительно большая.

Третьего дня ко мне на прием записалось около 50 человек и ¾ из них были по вопросам, связанным с алиментами, квартирными, трудовыми и тому подобными делами. Зачастую дать ответ на жалобы по этим вопросам бывает исключительно трудно.

Наше совещание сыграет огромную роль, если мы сумеем изучить наш опыт в общесоюзном масштабе по ряду больных вопросов. Великая сталинская Конституция подчеркивает заботу о живом человеке. Забота о живом человеке связана с целым рядом вопросов гражданского права, с вопросами жилья, трудового устройства и др. Наш старый Гражданский кодекс содержит ряд статей, которые никакого отношения к настоящей нашей эпохе не имеют. Значит, нужно их пересмотреть, переработать в свете нынешних общественных отношений.

Все это будет хорошо сделано, если мы наладим обмен опытом, если все судебно-прокурорские работники, присутствующие на совещании, расскажут нам обо всех этих вопросах, если эти вопросы будут подвергнуты тщательной разработке, анализу и если мы в результате сможем внести предложения о необходимых изменениях в нашем законодательстве.

С докладом о работе судов по гражданским делам выступил заместитель председателя гражданской судебной коллегии Верховного суда СССР т. **Рейхель.**

Перед советским судом по гражданским делам, — сказал т. Рейхель, — стоят три основные задачи. Первая задача — охранять и обеспечивать материальную базу каждого гражданина нашей страны: сюда входят защита права на труд, зарплату, жилище и пр. Вторая задача — охранять и защищать социалистическую собственность. Третья задача — осуществлять огромную воспитательную работу по преодолению капиталистических пережитков в экономике и сознании граждан.

Объем работы судов по гражданским делам чрезвычайно велик. По неполной статистике судов РСФСР, в 1931 г. через гражданские суды прошло 760 тыс. дел, в 1932 г. — 940 тыс., в 1933 г. — 1096 тыс., в 1934 г. — 1342 тыс. и в 1935 г. — 1741 тыс. дел. Количество гражданских дел с 1931 г. все возрастало, что являлось отражением огромных сдвигов социального порядка, происшедших в Советском союзе и связанных с колоссальным культурным ростом населения, колоссальным улучшением

материального положения трудящихся и с укреплением социалистического правосознания. Однако в последний год уже намечается известная стабилизация гражданских дел. По неполной статистике этих дел по РСФСР (кроме Москвы, Дальневосточного края и др.), в первом квартале 1935 г. было рассмотрено 433 тыс. дел, во втором квартале — также 433 тыс., а в третьем квартале — 483 тыс. Однако в том же третьем квартале количество алиментных дел в связи с изданием закона 27 июня 1936 г. возросло на 57 тыс. Это означает, что прирост алиментных дел перекрыл общий прирост, иначе говоря, что мы подошли к известной стабилизации потока гражданских дел.

Судебным работникам недостаточно отметить намечающуюся стабилизацию этих дел, но следует проверить, нет ли в работе самих судов таких моментов, которые тормозят эту стабилизацию. Такие моменты есть.

Сюда относится судебная волокита, пользуясь которой неисправные ответчики рассуждают: дело будет тянуться долго, так зачем мне исполнять свое обязательство.

В некоторых республиках, по данным I и II кварталов 1936 г., около 10% дел находилось в народных судах свыше трех месяцев. Особенно плохо обстоит дело в Белорусской и Азербайджанской ССР, где количество гражданских дел, продолжающихся от одного до трех месяцев, достигает 55%.

Второй отрицательной причиной, способствующей притоку дел в суды и развитию сутяжничества, является отсутствие твердой судебной линии, причем по некоторым категориям дел еще недавно ни один самый осведомленный член коллегии защитников не мог бы сказать, выиграет ли он данное дело или проиграет. По жилищным делам в некоторых судах развилась теория «приобретательной давности», при которой временного жильца, если он прожил два или три года, считают уже не временным, а постоянным жильцом. Такую «давность» применяют не только к тем жильцам, у которых она возникла до суда, но и к тем, которые накопили ее в течение судебного процесса. Если ответчик сумеет затянуть дело года на два, то он получает 80—90% шансов за то, что он выиграет дело. Здесь мы сталкиваемся с вредным и неправильным упрощенством и с применением «приобретательной давности», которой наш закон не знает и не допускает.

Одной из причин волокиты является нарушение процессуальных норм. Вынесенное с нарушением закона решение поступает в высшую инстанцию, отменяется, дело рассматривается вновь, решение снова отменяется и т. д.

Совершенно неудовлетворительна работа по исполнению судебных решений, также создающая дополнительный поток обращений в суды.

Нужно признать, что там, где суд лучше работает и не допускает волокиты, приток дел становится меньше.

Одним из основных дефектов работы судов является упрощенство, о котором Верховному суду СССР приходилось писать в каждом инструктивном письме. До сих пор наблюдаются случаи, когда дела, подлежащие рассмотрению с народными заседателями, слушаются без них, когда оказывается, что народных заседателей, рассматривавших дело, никто не избирал и т. д. Такие случаи отмечены в Грузии и в Татарской АССР.

Очень плохо обстоит дело с вручением повесток, в чем вина как судов, несерьезно относящихся к этому вопросу, так и органов связи. Нам следует просит НКЮ СССР договориться по этому поводу с Наркоматом связи.

Не осуществляется досудебная подготовка гражданских дел, что вызывает задержку их рассмотрения.

Ни один советский орган, вероятно, не вооружен для истребования доказательств так, как вооружен народный суд. Он имеет право истребовать доказательства и наложить штраф на любое лицо, не выполняющее требования суда о представлении выписок, документов и пр. Но суд этим почти не пользуется, тогда как по алиментным, например, делам непредставление справки о зарплате или выписки из загса вызывает большую волокиту.

Зачастую встречается неправильное применение закона или прямое пренебрежение к закону. Оно проявляется даже в трудовых делах. До судебно-надзорной коллегии Верховного суда Союза дошел такой случай, где ответчиком был сам народный судья. Гр. Сухова работала сторожем в Краснопресненском народном суде и не получала платы за работу в выходные дни, а потом за что-то была уволена. РКК признала ее право на оплату за работу в выходные дни; это право было признано и инспектором труда и администрацией, но потом кто-то закапризничал и Сухова добилась уплаты 120 руб. лишь через год, обойдя все инстанции. Разве это не формально-бездушное отношение к закону, граничащее с преступлением?

Плохо организованы судебные заседания. Через камеры народных судов и кассационные инстанции проходят миллионы людей и теряют много времени. Вызывают людей на 10 часов утра, а отпускают вечером, иногда же предлагают явиться на другой день. С такими явлениями надо повести решительную борьбу.

Качество работы судов характеризуется в известной степени количеством кассационных жалоб. Одно время количество этих жалоб стало падать, что как будто свидетельствовало о том, что суд стал лучше работать. В 1936 г. количество жалоб увеличилось, и это объясняется повышением активности сторон. В РСФСР в первом полугодии 1935 г. процент обжалованных решений составлял 13,7; во втором полугодии — 11,7, — довольно заметное снижение. В первом полугодии 1936 г. — 11,1%, третий квартал 1936 г. дал повышение количества кассационных жалоб.

В УССР в первом полугодии 1935 г. было 6,9% обжалованных решений, во втором полугодии — 7,9%, и в первом полугодии 1936 г. — 9%. Количество жалоб увеличивается.

В Армянской ССР мы имеем неожиданные цифры: в первом полугодии 1935 г. жалобщики принесли жалобы по 17,8% рассмотренных дел, во втором полугодии — по 11,3%, а в первом полугодии 1936 г. — по 22% дел. Это — тревожная цифра. Едва ли население Армении настолько активней по судебным делам сравнительно с населением других союзных республик. Следует проверить, не объясняется ли эта цифра низким качеством работы судов.

По Туркменской ССР имеются следующие данные по полугодиям: 7%, 5,4%, и 6,6% — это либо неправильные статистические данные,

либо свидетельство о беспомощности населения в гражданских судебных делах.

О проценте утвержденных решений имеются такие данные: по СССР в первом полугодии 1935 г. — 59%, во втором — 55% и в первом полугодии 1936 г. — 55%. В УССР этот процент значительно ниже: 42%, 46% и 46% соответственно.

Переходя к работе кассационных инстанций, нужно отметить, что нередко дела рассматриваются в незаконном составе. В Азово-Черноморском краевом суде, например, в качестве докладчиков дел привлекались юрисконсульты. Привлечение народных судей к участию в заседаниях кассинстанций кое-где проходит явно неправильно.

Так, в Донбассе в одно заседание назначалось иногда до ста дел, причем большая часть их давалась для доклада нарсудьям. Последние, естественно, не могли справиться с задачей.

В кассационных инстанциях допускается перегрузка судебных заседаний, что ведет к поверхностному рассмотрению дел.

Вопрос об упорядочении работы кассинстанций в значительной мере связан со штатами и составом этих инстанций. Необходимо осуществлять правильное распределение работников по гражданским коллегиям.

Грубым извращением в работе кассационных инстанций является то, что во многих республиках (кроме РСФСР) стороны не извещаются о слушании дела. Это бескультурье нужно решительно изжить.

Кассационные инстанции не выполняют своих обязанностей по руководству народными судами, особенно в части живого инструктажа и обобщения практики. В большей части и не знают профиля народного суда.

Среди нарушений материального права наиболее типичными являются случаи, обнаруживаемые в делах по защите права на личную собственность. Все еще наблюдаются случаи «кампаний» со стороны горсоветов и райисполкомов по демуниципализации строений, принадлежащих частным лицам. Подобные кампании проводились, например, в Узбекистане, причем по одному из дел обнаружилась механизация таких судебных дел на 100%: горсовет Ферганы завел печатные бланки исковых заявлений, актов о дефектах, обнаруженных при осмотре дома, и даже... печатные бланки решений. Суды не всегда дают надлежащий отпор беззаконным поползновениям на личную собственность граждан, и прокуратура располагает значительно большим материалом в этом отношении.

В случаях, когда домовладение принадлежит нескольким лицам, суды зачастую не учитывают прав всех участников. Они оставляют в силе сделку о продаже дома, совершенную одним из совладельцев, хотя сделка нарушает права других соучастников.

В делах о праве застройки мы решительно должны бороться с перерастанием личной собственности в собственность капиталистическую. Мы не должны допускать эксплоатации застройщиками своих жильцов и спекуляции. Но если застройщик основательно просит освободить комнату в его доме потому, что у него выросла семья, родились дети, то иногда суды отказывают застройщикам без законных оснований.

По трудовым делам, особенно в Узбекской и Таджикской ССР, недостаточно охраняются права рабочих и служащих и случаи незаконных увольнений не всегда встречают отпор со стороны судов.

Необходимо изжить недооценку гражданских дел. Нужно воспитать уважение к закону, нужно бороться за стабильность закона. О всяком нарушении закона со стороны административных органов необходимо немедленно доводить до сведения прокуратуры.

В наступающем году нужно покончить с упрощенством и другими недостатками работы судов и укрепить кассационные инстанции, наладив их работу по руководству народными судами. Великая сталинская Конституция выдвигает наших судей в ряды первых людей нашей страны, и мы должны стать достойными великих задач, поставленных перед нами. Тогда мы сможем рапортовать великому вождю нашей страны товарищу Сталину об успехах нашей работы на судебном фронте.

Помощник Прокурора Союза ССР т. Борисов[1] свой доклад «О работе прокуратуры по гражданским делам» начал с указания, что принятая на Чрезвычайном VIII съезде советов сталинская Конституция ставит перед прокуратурой задачу борьбы за социалистическую законность: а) в области охраны общественной, социалистической собственности, б) в области охраны личных прав и прав на личную собственность трудящихся, в) в области правильного разрешения гражданско-правовых споров между отдельными трудящимися и государством, исходя из принципа единства интересов и тех и других.

Вопрос об активной роли прокуратуры в гражданском процессе не впервые ставится сегодня. Первый и до сих пор действующий ГПК 1923 г. разрешил положительно этот вопрос и предусмотрел те случаи, когда прокуратура от имени государства должна вмешиваться в гражданский процесс.

Советская прокуратура с момента своей организации стояла неизменно на той точке зрения, что для нашего государства, которое борется за перестройку быта, за преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, которое заботится о поднятии материального благосостояния трудящихся, не может быть безразлично, как складываются гражданско-правовые отношения в нашем обороте и быту. Поэтому наш ГПК зафиксировал активное вмешательство прокуратуры и в эту сферу правовых отношений, в сферу, считающуюся, с точки зрения буржуазного процесса, запретной зоной для вмешательства государства. Тогда же, в 1923 г., когда принимался наш ГПК, не все, однако, стояли на этой точке зрения.

Я вам приведу цитату из статьи профессора Люблинского, опубликованной в журнале «Право и жизнь» (июль 1922 г., стр. 75), где он останавливается на вопросе об отношении прокуратуры к гражданским делам:

«Административный надзор прокуратуры намечен слишком широко, распространяясь не только на деятельность официальных учреждений и должностных лиц, но и проникая в сферу общественных и частных организаций и частных лиц». По мнению Люблинского, это

[1] Печатается по исправленной докладчиком стенограмме.

неправильно, так как «в области, отведенной частной или общественной деятельности, частные организации и частные лица не могут создавать чего-либо, затрагивающего публичный интерес; отстаивание же нарушаемых ими законных интересов граждан следует предоставить самим гражданам».

На той же точке зрения стояли и некоторые другие. Вы видите, таким образом, что в журнале «Право и жизнь» была высказана другая точка зрения, продолжающая настаивать на буржуазной трактовке этого вопроса, исключающей вмешательство прокуратуры в гражданско-правовые отношения, представляющие, по мнению автора, личное дело каждого отдельного гражданина.

Нам не приходится сейчас принципиально пересматривать свою точку зрения, зафиксированную в ГПК 1923 г. Нужно, однако, сказать, что удельный вес участия прокуратуры в гражданских делах был неодинаков на различных этапах социалистического строительства. В первый период нэпа, период восстановительный, прокуратура принимала довольно энергичное участие в гражданских делах. Я могу привести следующую статистическую справку, которая иллюстрирует динамику роста участия прокуратуры в гражданском процессе по РСФСР:

	Истребовано гражданских дел	Выступлений прокуратуры в процессе	Возбуждено прокуратурой дел в порядке ст. 2 ГПК
1923 г.	100%	100%	100%
I пол. 1924 г.	212%	175%	260%
II пол. 1924 г.	265%	225%	331%
I пол. 1925 г.	460%	308%	623%
II пол. 1925 г.	752%	362%	652%

Задача, которая тогда ставилась перед прокуратурой, была иная. Прокуратура как страж социалистической законности боролась, с одной стороны, против остатков и пережитков военного коммунизма, а с другой с обходом советских законов и злоупотреблениями частнокапиталистических элементов. Своим участием в гражданских делах прокуратура тогда осуществляла присущими ей специфическими методами общую политику государства, направленную на ограничение и вытеснение частнокапиталистических элементов из нашего народного хозяйства. По этим делам проходили тогда в качестве сторон различного рода подрядчики, поставщики, представители товариществ «полных» и «на вере» и другие представители частнокапиталистической стихии. Опираясь на ст. 2 ГПК РСФСР, прокуратура вмешивалась в эти дела, исходя из интересов государства и трудящихся масс.

Если мы имеем возможность констатировать активность прокуратуры в гражданском процессе в период нэпа, то мы не можем этого сказать про следующий период, о котором сегодня нам достаточно ярко напоминали Николай Васильевич Крыленко и докладчик «О работе суда по гражданским делам» т. Рейхель.

Речь идет о последних годах, начиная, приблизительно, с 1928—1929 гг. В этот период прокуратура фактически не принимала вовсе или принимала очень слабое участие в гражданских делах.

Надо сказать, товарищи, что теоретически никто из работников, возглавлявших суд и прокуратуру в эти годы, не стоял на той точке зрения, что ликвидация кулачества как класса влечет за собой отмирание гражданского права и что прокуратура, следовательно, может пренебрежительно относиться к гражданско-правовому участку судебной работы. Наоборот, имевшие место левацкие «теоретические» вылазки подобного рода были встречены сокрушительным огнем и немедленно разоблачены. Однако на практике в целом ряде мест этому фронту внимание не уделялось. Перелом в отношении к гражданским делам связан с I всесоюзным совещанием работников юстиции.

Тогда по докладу т. А. Я. Вышинского было принято постановление о том, что «суд является основным производственным участком работы прокуратуры» и что в средних и высших звеньях судебной системы должны быть восстановлены гражданские коллегии, с начала 1936 г., по инициативе т. Вышинского и с разрешения правительства, стали создаваться в системе прокуратуры гражданские отделы.

7 апреля 1936 г. Прокурором Союза ССР был разослан подробный циркуляр, давший развернутую характеристику значения гражданских дел на данном этапе социалистического строительства и подробно остановившийся на роли прокурора в гражданском процессе и методах его работы. Таковы организационные мероприятия, которые должны были обеспечить поворот внимания прокуратуры к гражданским делам и усиление ее активности в гражданском процессе.

Некоторые спрашивают, зачем необходимо сейчас активизировать в такой степени работу прокуратуры в области гражданских дел.

Я думаю, товарищи, что если мы стоим на той точке зрения, что суд является основным производственным участком работы прокуратуры, то совершенно невозможно ставить вопрос иначе.

Процент гражданских дел в суде составляет 70—75% всех дел.

Не принимать участия в разрешении такого огромного количества дел, значит по существу отвернуться от суда, отказаться от точки зрения, что суд является основным производственным участком для работы прокуратуры.

Мы имеем, несомненно, рост гражданских дел. Одной из причин этого роста является укрепившееся социалистическое правосознание трудящихся, в силу которого заинтересованные лица более настойчиво и последовательно защищают свои материально-правовые интересы. Ведь факт, что, как только был опубликован новый закон о взыскании алиментов, мы стали наблюдать из квартала в квартал увеличение количества этих дел. После того, как мы констатировали неуклонный рост гражданских дел, необходимо посмотреть, что собой представляют эти дела по своему содержанию, каков их удельный вес по своей политической и социальной значимости. Стоят ли они того, чтоб прокуратура уделяла им столько внимания? С этой точки зрения проанализируем отдельные категории гражданских дел в зависимости от участвующих в них лиц. В первую очередь остановимся на делах по спорам внутри обобществленного хозяйства, о которых, кстати сказать, т. Рейхель вообще ничего не говорил, полагая, очевидно, что эти дела составляют исключительную компетенцию системы Государственного арбитража; между тем, в суде на сегодняшний день имеется большой процент этих дел. По статистике Белорусского суда 50% гражданских дел — это дела внутри обобществленного хозяйства.

Сюда относятся дела колхозные, коммунальные, железнодорожные, банковские и др. Перед судом в этой области, как и перед Госарбитражем, стоит борьба за хозрасчет, договорную дисциплину и укрепление рубля.

Вторая категория дел — это дела между частными лицами и государственными и общественными организациями и предприятиями. В отличие от того содержания, которое имела эта категория дел в первый период нэпа, в настоящее время по ним проходят споры между отдельными трудящимися и государством, споры о заработной плате, о жилище, об авторском гонораре, об оплате изобретательств и т. д. Это — споры вокруг правильной охраны материально-правовых интересов трудящихся, которые должны быть разрешены, исходя из единства их интересов и интересов государства; мы не можем противопоставлять эти интересы друг другу. Это — сложнейшая категория дел, возлагающая на нас обязанность сугубой охраны материальных интересов живого человека.

И, наконец, третья категория дел — это дела между частными лицами: лучшей их иллюстрацией являются дела алиментные. Таким образом, мы можем констатировать, что и по своему содержанию и по политической значимости гражданские дела заслуживают сегодня того внимания, о котором в последнее время столько говорят. При таких условиях должно быть совершенно ясно, что активизация прокуратуры в гражданском процессе является задачей неотложной и злободневной. Против такой постановки вопроса можно было бы еще выдвинуть такое возражение: зачем, мол, нужен особый надзор прокуратуры по гражданским делам, когда суд и так хорошо справляется с ними, когда социалистическая законность по этой категории дел и так обеспечена. Однако факты и цифры говорят совершенно обратное. Я лично не совсем понял т. Рейхеля, считает ли он положительным фактом то обстоятельство, что имеется ничтожный процент обжалования дел (13,8%, 14,2%, 15,2%, 11,4% и т. д.). На 100% дел 88 не обжалуются вообще; решения по этим делам остаются в силе без проверки кассационной инстанцией. Я не склонен считать это обстоятельство положительным моментом и не допускаю, что отказ сторон от обжалования по такому большому количеству дел вызван тем, что решения судов оказались для них столь авторитетными и убедительными. Это явление безусловно нуждается в анализе и изучении. Может быть, это отчасти связано с непопулярностью нашей кассационной инстанции, с неверием в реальность вынесенного решения, а отчасти со слабой работой в смысле оказания юридической помощи тяжущимся.

Надо, товарищи, иметь в виду, что процент обжалования гражданских дел гораздо меньше соответствующего процента по уголовным делам. Например, в Белоруссии, процент обжалования гражданских дел составляет половину количества жалоб по уголовным делам.

Какова же судьба тех 11—12% дел, которые поступают в кассационную инстанцию? Ведь это факт, что 60—70% этих дел там отменяются и изменяются.

Возьмем, например, Донецкую область. Там, судя по статистике за 10 месяцев 1936 г., из 100 обжалованных решений остаются в силе лишь 36. Это лучшее доказательство, что народные суды еще плохо справляются с гражданскими делами. Можно ли при таких условиях ставить серьезно вопрос о том, что активность прокуратуры в смысле помощи и борьбы за социалистическую законность на этом судебном участке не нужна? Текущая практика нашей работы доказывает необходимость повседневного вмешательства прокуратуры в эту область судебной работы. В своем докладе я мог бы не заниматься отдельными примерами из работы суда; однако для характеристики я разрешу себе на несколько минут задержать ваше внимание на некоторых случаях, с которыми мы столкнулись в последнее время.

Прокурор Плещенского района (БССР) возбудил дело в порядке ст. 2 ГПК в пользу колхоза. В своем исковом заявлении он просил рассмотреть дело, в связи с его возможной командировкой, — в его отсутствие. Суд же вынес определение о прекращении этого дела за неявкой прокурора; надо отметить, что суд проводил судебное заседание в том же помещении, где работает прокурор, который, кстати сказать, никуда в тот день и не уезжал.

Второй пример: тот же прокурор подает в тот же суд иск в интересах колхоза; суд выносит определение: «до тех пор, пока прокурор не внесет государственной пошлины, суд дело разбирать не будет».

Следующий пример. Прокурор Глуского района (БССР) направил в один день 15 протестов на 15 определений суда, в коих было сказано, «что ввиду неявки истца, который, очевидно, делом не интересуется, дело производством прекратить». Таким образом судом был прекращены все 15 дел.

Интересно одно дело, рассматривавшееся в Грузии. К одной американской фирме был предъявлен иск на 700 или 800 тыс. долларов. Суд вручил непосредственно истцу повестку для передачи ее ответчику в Америке. Когда

прошло около месяца, суд снова назначил это дело к слушанию, хотя ответа о том, что эта повестка вручена, не было. Дело было заслушано заочно (ответчик, несмотря на посланную ему повестку, в суд не явился) и было постановлено взыскать с этой фирмы 700 тыс. долларов.

Вот еще один свежий пример. Народный судья Белопольского района по иску Пугачевой к Пугачеву о выселении выносит решение об удовлетворении иска «условно, с испытательным сроком на один год».

Народный судья пригородной зоны г. Харькова по одному гражданскому делу, вместо вынесения решения, выдал судебный приказ, не указав в нем ни фамилии, ни имени, ни отчества ответчика; вместо этого, было написано: «взыскать с директора Артемуголь столько-то рублей».

При таком качестве работы судов навряд ли приходится еще доказывать необходимость активного участия прокуратуры в гражданском процессе.

Следующий вопрос, который нам нужно разрешить — в каком же направлении надо эту прокурорскую активность проявлять и что нужно делать для ее реализации.

Товарищи, у нас до сих пор часто забывают о том, что прокурор, борющийся за социалистическую законность, тем самым борется за стабильность закона и за стабильность судебного решения, вступившего в законную силу. Поэтому мы должны обеспечить такую активность прокуратуры, чтобы она всемерно содействовала укреплению и стабилизации правильного судебного решения, вступившего в законную силу. Между тем, наша активность очень часто проявляется совершенно в другом направлении. Прокурор, как правило, встречается с решением суда только тогда, когда оно уже вступило в законную силу; лишь с этого момента обычно начинается его активность.

Отчего это получается? Почему прокурор сталкивается с решением суда только тогда, когда оно вступило в законную силу? Потому, что он не принимает, как правило, никакого участия ни в первой, ни в кассационной инстанции. Я думаю, что нам необходимо несколько перестроить работу гражданской прокуратуры. Активность прокурора должна осуществляться не только в том, что он приносит протесты в порядке надзора, но также и в том, что он принимает систематическое участие в работе судов первой и второй инстанций. Такая практика значительно содействовала бы задаче укрепления судебного решения и привела бы, несомненно, к сокращению случаев для возбуждения надзорного производства.

Я думаю, что через некоторое время мы начнем характеризовать работу прокуратуры, исходя не только из процента принесенных в порядке надзора протестов, но и из процента участия прокуратуры в первой и второй инстанциях.

Теперь возникает следующий вопрос: каким же образом осуществить участие прокурора в первой и кассационной инстанциях. Как говорил т. Рейхель, через наши суды проходят в год около 5 миллионов гражданских дел. Необходимо, следовательно, нам установить твердые принципы, руководствуясь которыми прокурор мог бы отбирать из этой массы дел те из них, по коим его участие действительно необходимо. В ГПК РСФСР имеется ст. 2, которая дает критерий для участия прокуратуры в гражданском процессе. Она говорит, что прокуратура вмешивается в гражданское дело тогда, когда этого требуют интересы государства и трудящихся; критерием этим очень хорошо пользовалась прокуратура в первый период нэпа, когда она использовала свое участие в гражданских делах для борьбы с классовым врагом (нэпманом, кулаком и т. п.).

Теперь же, когда, как правило, во всех гражданских делах проходят в качестве сторон представители государства и трудящихся, использование этого критерия в смысле правильного отбора дел стало делом более трудным и сложным.

Не имея твердой линии в этом вопросе, поддаваясь «текучке», мы можем легко сбиться на беспринципную, либо случайную политику.

Я, однако, думаю, что и на сегодняшний день ст. 2 ГПК можно с успехом использовать. В тезисах мы наметили путь, по которому должна итти прокуратура, возбуждая дела по своей инициативе, в порядке ст. 2 ГПК; в первую очередь необходимо обеспечить участие прокуратуры в тех делах, где мы имеем существенную материальную заинтересованность государства. Например, дела по исключению из описи значительного конфискованного имущества, дела о крупной наследственной массе, могущей стать выморочной, дела о расторжении сделок, заключенных в обход закона, дела, в результате которых может возникнуть вопрос о возбуждении против какой-либо из сторон уголовного преследования.

Следующая категория дел, в коих необходимо участие прокуратуры, — это дела, имеющие в тех или иных условиях особое политическое значение. В данный момент, например, к такого рода делам относятся дела колхозные, только недавно переданные в суды из системы Госарбитража. Очень хорошо поступила Молдавская прокуратура, предъявившая в течение последних шести месяцев 551 обоснованный иск в интересах колхозов.

Третий критерий касается участия прокуратуры в интересах отдельных лиц. В этих случаях прокурору надо участвовать лишь тогда, когда налицо имеются обстоятельства, создающие необходимость особой заботы государства об интересах этой стороны; так, например, когда в гражданском деле участвуют недееспособные или подопечные, когда спор идет о расторжении сделки, заключенной на кабальных условиях, под влиянием угрозы, обмана или насилия.

И, наконец, участие прокурора чрезвычайно полезно в делах, затрагивающих вопросы принципиального порядка, сигнализирующих о неясности или устарелости того или иного циркуляра или закона.

Вот в основном те критерии, которые можно было бы положить в основу участия прокуратуры в суде первой инстанции.

Я полагаю, что те же принципы должны лечь в основу участия прокурора и в кассационной инстанции.

При этом необходимо добавить, что участие прокурора в кассационной инстанции должно стать во всяком случае обязательным в отношении тех дел, в коих принимал уже участие прокурор, когда они разбирались в суде первой инстанции. Само собой разумеется, что участие прокурора в кассационной инстан-

ции не должно быть формальным. Заключения его (все равно—письменные или устные) должны быть принципиально выдержанные, в правовом отношении грамотные и по содержанию своему отражающие имеющиеся в деле фактические состоятельства.

Что касается рассмотрения дел прокуратурой в порядке надзора, то надо думать, что более активное участие прокурора в первой и второй инстанциях, несомненно, повлечет за собой уменьшение количества случаев, требующих возоуждения надзорного производства. Надо, товарищи, помнить, что применение протеста в порядке надзора связано с ломкой решения, вступившего в законную силу; обстоятельство это в условиях борьбы за стаоильность закона делает особо ответственным и сложным реальное использование прокурором своего «надзорного» права. Тем более, что обычно истребование дела в этих случаях, как правило, сопряжено с приостановлением решения. Вот почему от прокурора требуется в данном случае сугубо-четкое выполнение ст. 254 ГПК РСФСР (и соответствующих статей других союзных республик), в силу которой протест в порядке надзора может приноситься лишь тогда, когда имеется налицо «особо существенное нарушение закона или явное нарушение интересов государства или трудящихся».

Если же прокурор уже подал протест, причем протест этот верный и основанный на законе, то его необходимо доводить до конца. Если он был неправильно отклонен в одной инстанции, необходимо добиваться через вышестоящую прокуратуру перенесения протеста в вышестоящую судебную инстанцию.

Между тем, Прокуратура Союза ССР за этот год получила всего три обращения от прокуроров союзных республик с просьбой поддержать их протесты перед Верховным судом Союза ССР. А отклонений на местах немало, и прокуроры не всегда основательно с ними мирятся.

Товарищи, я попытался изложить те принципы, которыми должен руководствоваться прокурор, осуществляя надзор за работой судов по гражданским делам; на практике, однако, обстоит далеко не так.

Разрешите привести в подтверждение этого положения некоторые данные.

По БССР мы получили от прокуратуры доклад; в нем об участии прокурора в кассационной инстанции вообще ничего не говорится; что касается первой инстанции, то надо сказать, что 60 районных прокуроров за четыре месяца (июль — октябрь) 1936 г. выступили в суде всего 82 раза, т. е. на долю одного районного прокурора приходится на ⅓ года одно дело с дробью. В докладе прокуратуры Украины вообще не приводятся данные об участии прокурора в какой-либо судебной инстанции. Весь доклад посвящен лишь работе прокуратуры в порядке надзора. По Харьковской области за весь 1936 г. на 9 тысяч дел, рассмотренных в кассационной инстанции, было дано прокурором всего 168 заключений.

В Одесской области за весь 1936 г. имело место 27 выступлений прокурора в кассационной инстанции.

Я хочу отметить Молдавию, небольшую республику, показавшую, однако, положительную работу в этом отношении: прокурором там за 1936 г. предъявлены 554 иска в порядке ст. 3 ГПК (большинство из них в интересах колхозов по делам о покрытии дебиторской задолженности). Вообще, надо сказать, что украинская прокуратура в последнее время серьезно взялась за гражданско-правовой участок своей работы. Я имел недавно случай в этом убедиться, присутствуя на Всеукраинском совещании начальников гражданских отделов. В частности прокурор республики т. Железногорский лично очень много внимания уделяет этому фронту. На Украине впереди других областей идут Молдавия и Харьков, однако и в этих, относительно лучших областях надо работу перестроить по-новому.

По РСФСР мы имеем довольно крепкий, напряженно работающий гражданский отдел в Прокуратуре Республики; на периферии же, как правило, дело обстоит еще неудовлетворительно. Например, в Красноярском крае за весь июль этого года имело место только одно выступление районного прокурора в суде.

По Московской области 107 районных прокуроров принимали участие в суде в течение июля 1936 г. всего 45 раз. Вот вам статистический ответ на вопрос о том, как участвует прокуратура по гражданским делам в суде первой и второй инстанций.

Совершенно иную картину представляет работа прокуратуры в порядке надзора. Возьмем, например, Украину; за 10 месяцев 1936 г. по судам прошли 504 тысячи гражданских дел, из этого количества рассмотренных в судах дел районные прокуроры затребовали в порядке надзора 54 тысячи дел, т. е. свыше 10% всех дел, рассмотренных в суде.

По Харьковской области за три квартала 1936 г. было рассмотрено в суде 89 397 гражданских дел; из них 14 792 дела, т. е. 12,3% дел, затребованы прокуратурой в порядке надзора. Днепропетровской областью истребовано 10% дел, Киевской — 8% и т. д. Попробуйте сопоставить эти данные с теми, которые приводил т. Рейхель в своем докладе о работе судов по гражданским делам; в результате получается, что в кассационном порядке было рассмотрено 11% всех рассмотренных дел, а в надзорном порядке — 13%. Совершенно ясно, что такое положение нельзя считать нормальным, когда центр тяжести проверки переносится из кассации в надзор. Ведь надзорный порядок является не третьей инстанцией, а исключительным порядком проверки дел, решения по которым уже вступили в законную силу. К этому еще необходимо иметь в виду, что истребование дела в порядке надзора, как правило, сопряжено с приостановлением судебного решения; надо, однако, сказать, что, поскольку в большом проценте случаев у прокуроров не было никаких оснований для истребования дел, подобная практика неизбежно била по устойчивости судебного решения.

Это положение лучше всего можно проиллюстрировать на количестве поданных прокурорами протестов.

Так, по БССР было опротестовано 33—34% всех затребованных дел. Этот процент гораздо ниже процента отмены решений в кассационном порядке. По УССР рассмотрено за 9 месяцев 48 740 дел, опротестовано же всего 13% дел. Итак, из 100 затребованных дел 87 возвращены обратно в суд «по миновании надобности»; по большинству же из них приостанавливались судебные решения. Мы констатируем, таким образом, сплошь да рядом несерь-

езное отношение к истребованию дел; дело, как правило, надо требовать лишь тогда, когда имеется достаточно данных для утверждения, что решение суда не может остаться в силе. Такое же положение мы имеем и в отдельных областях.

По Харьковской области, например, из 14 782 затребованных дел опротестовано 1532, т. е. 11—12%.

По Днепропетровской области опротестовано 6% всех затребованных дел.

Теперь разрешите остановиться на вопросе о качестве принесенных прокурорами протестов. Надо сказать, что эти протесты, как правило, грешат тем, что в них не бывает ссылок на законы и что они не ставят принципиальных вопросов.

На Украинском совещании было констатировано, что большинство протестов имеют ссылки на две статьи ГПК (7 и 116), нарушаемые судами (ст. 7 ГПК УССР говорит об обязанности суда активно и внимательно исследовать все фактические обстоятельства дела, а ст. 116 регламентирует случаи заочного рассмотрения дел).

О нормах материального права в протестах упоминается очень редко.

Как характеризуют качество протестов прокуратуры отдельных союзных республик? Так, Прокуратура РСФСР в своем отчете пишет: «Почти нет протестов, носящих принципиальный характер, поднимающих вопрос на необходимую теоретическую высоту или ставящих общие вопросы законодательства или линии судебной политики».

Прокуратура УССР пишет в своем отчетном докладе: «Причины значительного отклонения протестов объясняются тем, что районные прокуроры не выделяют наиболее принципиальных дел, часто не обосновывают свои протесты фактическим материалом, а исключительно занимаются переоценкой доказательств. Наконец районные прокуроры часто протестуют лишь по формальным моментам, не отразившимся на решениях судов по существу, и не учитывают нецелесообразности пересмотра дел».

Харьковская прокуратура пишет: «В протестах нет ссылок на нарушение законов, большей частью это не кассационные, а апелляционные протесты, касающиеся только существа дела».

Вот вам отзывы, которые дают сами места о качестве своих протестов.

Теперь разрешите мне привести несколько примеров, иллюстрирующих недочеты наших протестов.

По недостаткам своим протесты можно разбить на следующие группы: 1) протесты, которые приносятся по незначительным, совершенно ничтожным случаям; 2) протесты, приносимые по мотивам сугубо формального порядка; 3) протесты неправильные с точки зрения действующего законодательства; 4) протесты, сознательно ориентирующие суд на нарушение закона, и, наконец, 5) протесты, недопустимые по стилю и по языку изложения.

Разрешите вам привести отдельные примеры.

Обращаю ваше внимание на язык протеста областного прокурора Кабардино-Балкарии, направленного в ГКК Верховного суда по делу Батькина и Нальчикского горжилсоюза: «Гражданин Батькин вселился «по блату», в квартиру...» Язык, совершенно недопустимый в официальном документе. Я выше говорил о протестах по настоящим делам, вот прокурор Ленинского района г. Харькова подал протест на решение суда, которое было вынесено два года назад по делу по иску Федорова к Дондэ о возвращении брюк.

Вот пример совершенно неграмотного протеста: один районный прокурор Молдавии спутал гражданское дело с уголовным, он принес протест по тому мотиву, что на одной стороне в процессе участвовал защитник, а на другой стороне его не было.

Вот вам еще один пример подобного рода. Речь идет о возмещении вреда, причиненного истцу неосторожной ездой на автомашине. Народный судья решил взыскать в пользу увечного с предприятия, которому принадлежит машина; прокурор же г. Бобруйска незаконно опротестовал это решение, исходя из того, что за действия шофера материальную ответственность должен нести шофер, а не учреждение.

Разрешите привести пример формально-бездушного протеста.

Гр. Бульба был осужден за убийство своей жены. Ребенок его был по суду отдан на воспитание матери убитой, назначенной горсоветом опекуном ребенка. В постановлении горсовета было указано, что гр. Бульба издевался над ребенком, с гр. Бульба были присуждены алименты на содержание ребенка. Недавно Бульба за отбытием наказания возбудил ходатайство о возвращении ему ребенка. Опекунский совет вернул ему ребенка по тем соображениям, что он не был формально лишен родительских прав. Прокурор на этом основании принес протест о возврате убийце-отцу ребенка.

Нюрина. Причем тут протест?

Борисов. Протест на первое судебное решение, согласно которому был отобран ребенок с присуждением алиментов в пользу матери убитой.

Мы имеем дальше протесты, которые толкают суд на вынесение неправосудных решений.

В Донбассе, например, гр. Лысенко занял самовольно освободившуюся комнату. Суд постановил выселить Лысенко, как захватчика комнаты, а прокурор протестует, исходя из того, что член правления жакта договорился с Лысенко относительно занятия комнаты. Совершенно ясно, что при таком качестве протестов мы неизбежно имеем большой процент их отклонений со стороны судов. Так, по Воронежской области из рассмотренных в июле 1936 г. 17 протестов 10 отклонено, по Калининской области за тот же месяц из 12 протестов отклонено 10, по Карельской АССР за тот же месяц из 11 протестов отклонено 7.

Специально, товарищи, я хотел бы остановиться на вопросе о соблюдении сроков для принесения протестов. С точки зрения борьбы за стабильность судебного решения вопрос о точном соблюдении существующих сроков имеет большое значение.

По действующему ГПК РСФСР краевые (областные) прокуроры не имеют права приносить протестов в порядке надзора по истечении трех месяцев со дня вступления решения в законную силу. На местах эти сроки часто не соблюдаются: суды на этом основании отклоняют, и совершенно правильно, прокурорские протесты.

В тех случаях, когда по обстоятельствам дела краевой (областной) прокурор считает все-таки необходимым истребовать дело и приостановить исполнение судебного решения по истечении законного срока, он обязан предварительно получить на это соответствующую санкцию прокуратуры союзной республики.

Разрешите кратко остановиться на других недочетах. С организацией гражданских отделов в ряде мест еще дело обстоит очень плохо; там, где они уже созданы, они, как правило, не укомплектованы; так, в Одесской прокуратуре в гражданском отделе один человек; такое же положение в Винницкой прокуратуре. В Молдавии полчеловека, потому что один работник занимается одновременно уголовными и гражданскими делами.

На наше совещание не приехали вовсе представители Туркменистана, Армении, Таджикистана и Киргизии; очевидно, это случилось потому, что в натуре таких начальников гражданских отделов не оказалось.

Прокурор Киргизии, например, хотел послать на это совещание начальника спецотдела.

Мы в тезисах предлагаем в течение первого квартала 1937 г. окончательно организовать, а там, где они уже имеются, полностью укомплектовать все гражданские отделы прокуратур, с таким расчетом, чтобы меньше двух человек вообще не было ни в одном гражданском отделе, иначе нельзя будет серьезно говорить о повороте внимания прокуратуры к гражданско-правовому участку судебной работы.

Следующий вопрос касается роли прокуратуры в деле надзора за исполнением судебных решений. У нас уже завелась традиция, что жалобы на действия судебных исполнителей идут в прокуратуру, а не в народные суды.

Прокуроры, идя по течению, стали оперативно вмешиваться в работу судебных исполнителей (сами предоставляют отсрочки, указывают порядок взыскания, налагают арест на имущество и т. п.). Дело дошло до того, что в Западносибирском крае один районный прокурор сам восстановил судебного исполнителя, уволенного по распоряжению народного судьи; правда, в этом случае судья предложил прокурору и самому оплачивать этого судебного исполнителя **(оживление в зале)**. Между тем, практика эта ничего общего не имеет с функциями прокуратуры. За действиями судебных исполнителей, согласно ГПК, наблюдает народный судья. Прокурор вмешивается в порядке общего надзора лишь в тех случаях, когда имеют место незаконные действия судебных исполнителей, злоупотребления или случаи преступной волокиты. Во всех указанных случаях, однако, прокурор, кроме случаев возбуждения уголовного преследования, не сам решает спорные вопросы, а ставит их в форме протестов перед судом.

Следующий вопрос касается надзора прокуратуры за разъяснениями судов по вопросам гражданского права и процесса. К сожалению, за некоторыми исключениями прокуратура за этими разъяснениями не наблюдает. Прокуратура РСФСР за этот год принесла несколько протестов на незаконные постановления президиума Верховного суда РСФСР (о запрещении судам принимать иски об оплате частных заказов на чертежи и проекты, о случаях выселения в связи с расторжением трудовых договоров). В других же республиках мы вообще не имеем подобного рода протестов; между тем, подобный надзор составляет прямую компетенцию гражданских отделов прокуратур.

Теперь несколько слов о жалобах и служебной дисциплине прокуроров. На этом совещании этот вопрос может интересовать только часть делегатов, т. е. прокуроров, с которыми надо серьезно поговорить; надо прямо сказать, что по жалобам продолжает иметь место исключительная волокита. По данным ряда областей Украины у них 64% жалоб рассматриваются свыше месяца. Прокуроры часто в порядке рассмотрения жалоб подменяют народных судей; так, харьковский прокурор пишет, что ему удается часто ликвидировать гражданско-правовые конфликты, минуя суд; таким образом, вместо того, чтобы обратиться в суд, жалобщик идет к прокурору, который в административном порядке заставляет ответчика выполнить то, что нормально должно быть реализовано по судебному решению.

По вопросу о служебной дисциплине я приведу следующий случай. Нижестоящим прокурорам мы даем поручения, а они их иногда выполняют годами. Возьмите дело Пекелиса, которое прошумело и в газетах. По этому делу мы имеем переписку с Киевом с 1 декабря 1935 г. Пекелис — инженер, командированный на временную работу на Магнитострой. Во время его отсутствия незаконно вселили в его квартиру одну семью. И вот в течение 10 месяцев шла борьба за освобождение этой незаконно занятой комнаты, и только 1 октября 1936 г. законные права Пекелиса были восстановлены.

Наконец, последний вопрос—об обобщениях нашей практики. Прокуратура по гражданским делам, как правило, не занимается обобщением своей работы. Только Харьковская прокуратура, по имеющимся у нас данным, изучила три категории дел: жилищные, алиментные и бытовые и разработала на этой основе циркулярные письма.

Прокуратура Союза ССР убеждена, что данное совещание послужит переломным моментом в работе прокуратуры по гражданским делам; мы надеемся, что II всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры по гражданским делам сможет констатировать значительные успехи в деле борьбы за социалистическую законность в сфере личных и имущественных отношений социалистического общества.

По докладам тт. **Рейхеля** и **Борисова** развернулись оживленные прения. Первым в прениях выступил т. **Зарайский** (Московской областной суд). Поступление гражданских дел в суды растет из месяца в месяц. В первом квартале 1935 г. в судах было 36 248 гражданских дел, а в первом квартале 1936 г. — 48 608 дел, во втором — 49 500, в третьем — 55 000. В октябре 1936 г. в судах было 18 344 дела, а в ноябре — 19 000. Особенно увеличивается рост алиментных дел: в первом полугодии 1936 г. этих дел было 17 000, а в июле, августе и сентябре — 22 000. Народные судьи на местах проявляют большой интерес к гражданским делам, так как эти дела охватывают все хозяйственные вопросы быта. Кассационная коллегия по гражданским делам организовалась в Московском областном суде в 1935 г.,

но организационный период длился до 1936 г. При наличии 200 народных судов в области, кассационная коллегия имела всего 9 членов и иногда в состав суда, рассматривавшего кассационные жалобы, входило 2 народных судьи при одном члене областного суда. Сейчас в гражданской коллегии областного суда имеется 17 членов, но и при этом количестве состав коллегии крайне перегружен, что ведет к понижению качества работы и препятствует осуществлять живой инструктаж народных судей на местах.

Из вопросов материального права являются сложными вопросы, возникающие по жилищным делам в сельских местностях. Ряд колхозов имеет по несколько домов, принадлежавших бывшим кулакам. Эти дома сдаются в пользование колхозникам, а последние со своей стороны сдают их в наем жильцам-дачникам. Возникает вопрос о ставках квартплаты, подлежащей взиманию, и о порядке выселения из этих домов. По делам застройщиков возникают такие случаи: застройщик выстроил дом согласно заключенному с ним договору, но помимо договора построил еще пару сараев, а затем превратил их в жилые помещения. Спрашивается, как рассматривать эти строения и распространять ли на них действие договора о праве застройки? Нет ясных инструкций по делам о разделах в колхозных дворах. Колхозник-стахановец получил телку и вырастил ее; при разделе имущества возникает вопрос, считать ли эту телку его личной собственностью или общим имуществом двора, поскольку она паслась на общем поле.

Капустин (начальник гражданского отдела прокуратуры Западносибирского края). В суды Западносибирского края в 1931 г. поступило 77 179 уголовных дел и 39 895 гражданских, т. е. 51,7% числа уголовных дел. В 1932 г. уголовных дел поступило 68 956, а гражданских — 38 310, т. е. 55,5%. В 1933 г. уголовных дел было 79 093, а гражданских — 50 308, что составляет уже 62,3%. В 1934 г. уголовных дел поступило 74 737, а гражданских уже 74 748, т. е. более 100% к числу уголовных. В 1935 г. уголовных дел было 54 738, а гражданских — 83 344, или 151,5%. За 10 месяцев 1936 г. картина еще более резкая: уголовных дел поступило 35 951, в то время как гражданских — 90 930, что составляет 289% к числу уголовных дел. Объяснить этот рост только общим нашим ростом, конечно, нельзя, но одной из самых важных причин является повышение культурного уровня трудящихся и укрепление социалистической законности.

Большой рост дают алиментные дела. В 1935 г. их было около 17 000, а за 10 месяцев 1936 г. уже 25 000. Такова же картина и по делам колхозов: в 1935 г. их было 9000, а за 9 месяцев 1936 г. — свыше 15 000. Возрастает и количество поступающих в прокуратуру жалоб по гражданским делам. За 5 последних месяцев прокуратурой рассмотрено 38 183 жалобы, из которых удовлетворено около 45%, оставлено без последствий 27% и передано в другие организации 28%. Дефекты работы прокуратуры, отмеченные в докладе т. Борисова, относятся и к органам Зап.-сибирской прокуратуры. В порядке ст 2 ГПК за 5 месяцев имели место 532 выступления прокуроров, что на каждого прокурора составляет немного более одного дела в месяц.

Вериго (начальник гражданского отдела прокуратуры Ленинградской области). Созыв настоящего совещания является следствием того, что сталинская Конституция поставила гражданские дела на большую высоту. До этих пор наблюдалась недооценка работы по гражданским делам. В Ленинградской области теперь 80% — дела гражданские и только 20% падает на уголовные дела. При огромном количестве гражданских дел мы имеем 45% решений, отменяемых в кассационном порядке. Этот процент крайне высок и говорит о неподготовленности низового аппарата судебных и прокурорских работников к рассмотрению гражданских дел. Большой процент отмены решений наблюдается по колхозным делам. Одной проверки знания работниками юрминимума недостаточно и нужно установить непосредственную, живую проверку работы на местах.

Тов. Борисов развернул большую программу работы прокуратуры в области гражданских дел, но как выполнить эту работу, если гражданских дел 80% и если у прокурора, как, например, в Ленинградской области, 7—8 участков народного суда в районе. Попробуйте в этих условиях побывать в каждом участке и выяснить, по каким делам нужно выступить прокурору. Если бы суды выполняли ст. 12 ГПК, то это облегчило бы работу прокурора, но суды этого не делают даже тогда, когда помещаются в одном доме с прокуратурой: непосредственной связи суда с прокуратурой нет.

Обобщение опыта по колхозным делам показало, что много необжалованных дел было решено неправильно. Необжалование решений по этим делам объяснялось тем, что колхозы недостаточно защищают свои интересы. Отсюда ясно, что необжалование решений еще не говорит об их правильности.

Работа прокурора в области гражданских дел очень сложна. Прокурор должен работать так, чтобы не дать гражданским делам делаться надзорными, но при наличии недостаточно квалифицированных кадров мы еще не можем добиться этого. По жилищным делам, загружающим суды и в Ленинграде, и в Москве, следует обобщить имеющееся законодательство и практику.

Файнблит (административно-политический отдел ЦК ВКП(б). Сталинская Конституция, подчеркивая значение гражданских дел, устанавливает вместе с тем ряд организационных мероприятий, которые облегчают разрешение гражданских споров. Конституция устанавливает порядок выборов судей на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, что высоко поднимает значение судейской работы. Она устанавливает длительные сроки назначения прокуроров и выборов судей — на 5 лет. Согласно Конституции суд подчиняется только закону. Это подчеркивает огромное значение работы суда и прокуратуры, в том числе и по гражданским делам. В настоящее время, когда идет речь о подготовке к выборам народных судей, перед НКЮ СССР и всеми нами стоит вопрос о том, чтобы надлежаще подготовить кандидатов в судьи. Судья подчиняется только закону, следовательно, он должен знать этот закон. Школы подготовки судебных работников требуют особого внимания.

Тт. Борисов и Рейхель дали правильную картину работы судебно-прокурорских органов

по гражданским делам. На этом участке работы многое неблагополучно.

Работа Верховного суда СССР по гражданским делам в 1936 г. была незначительна. Гражданская коллегия Верховного суда истребовала в порядке надзора лишь 234 дела. Эта цифра была бы достаточной, если бы по этим делам были вынесены принципиальные решения. Однако ни в общей, ни в специальной печати не было опубликовано таких решений Верховного суда Союза ССР, которые явились бы руководящими для периферии.

Выездов работников гражданской коллегии на места было мало, и выезжавшие товарищи не давали руководящих указаний местам.

Вызовам местных работников в Верховный суд (что является правильным методом проверки работы) не предшествовало предварительное обследование их работы на месте. В работе Верховного суда Союза ССР по гражданским делам имеется ряд недостатков, нуждающихся в устранении для того, чтобы центральный орган правосудия нашей страны укрепился и усилился.

Прокуратурой Союза ССР в 1935 — 1936 гг. был издан ряд циркуляров и указаний по работе по гражданским делам, но все же общего плана этой работы прокуратура не имела. Гражданский отдел Прокуратуры Союза ССР за 6 месяцев 1936 г. проверил 225 дел, из которых принес протесты по 63 делам. Я не хочу сказать, много это или мало, но эти 63 дела не были опубликованы и принципиальное значение их не было выявлено. Тов. Борисов говорил о десятках тысяч протестов, но каковы они были? Не проверялось качество протестов, и в этом отношении работы было мало или совсем не было.

Необходимо улучшить руководство и инструктаж со стороны Верховного суда и Прокуратуры СССР. Нужно бороться за соблюдение закона и за то, чтобы судьи знали закон. Гражданской коллегии Верховного суда Союза ССР нужно выносить мотивированные решения по гражданским делам, чтобы они являлись руководством для судебной периферии. Нужно систематически инструктировать периферию путем выездов и снабжать ее литературой. Необходимо ускорить организацию гражданских судов и прокуратуры по гражданским делам. Если эти мероприятия будут выполнены и если мы надлежаще подготовимся к выборам народных судей, то задачи, поставленные перед нами партией и нашим вождем товарищем Сталиным, безусловно будут выполнены.

Бакшеев (народный судья Ухтомского района Московской области). Нагрузка работников народных судов крайне велика, штаты ее недостаточны. Помещения народных судов неудовлетворительны. Люберецкий народный суд помещается там, где раньше был трактир. Правда, мы отремонтировали это помещение, но все же оно непригодно для суда. Многие судьи еще не имеют правовой подготовки, тогда как в московских районах, где население очень культурно, судьи должны быть квалифицированными. Недавно к нам приехал стахановец-рабочий завода «Фрезер» и говорит: «В приговоре очень много орфографических ошибок, как же этот судья может судить».

У нас возникают дела застройщиков, спекулирующих площадью. Но как установить, имеются ли элементы спекуляции? Мы устанавливаем так: берем справку из финотдела и если видим, что обложение резко растет, то говорим, что застройщик спекулирует.

Нужно рассмотреть вопрос об авторитете судебных решений. Решение выносится именем РСФСР, оно вступило в законную силу, а прокуратура требует дело и ломает решение. Зачастую прокуратура подолгу задерживает дела и этим создает волокиту.

По многим делам соцсектора стороны просят рассмотреть дело заочно; сторонам нужно только решение о списании той или иной суммы. Юрисконсульты государственных учреждений не делают ссылок на законы, не привыкли к этому. Плохо обстоит дело с вручением повесток, так как в подмосковных районах люди с утра до вечера отсутствуют, а по ночам почтальоны не ходят. Очень больной вопрос с секретарями народных судов, так как на ставку в 225 руб. хорошего секретаря не найти.

Постников (Верховный суд Туркменской ССР). В 1929 г. был выработан Гражданский процессуальный кодекс Туркменской ССР, но он не был переведен на туркменский язык, хотя большинство судей туркмены. На русском языке кодекс также не отпечатан и имеется всего один экземпляр. Положение о нотариате имеется старое, нуждающееся в переработке. Судьи в большинстве неподготовлены к рассмотрению гражданских дел. За первое полугодие 1936 г. в кассационном порядке было отменено и прекращено 243 дела из 689, т. е. 43%. О результатах рассмотрения дел гражданская коллегия Верховного суда сообщает всем народным судьям поквартально, так что каждый судья видит результаты как своей работы, так и своих соседей.

За первое полугодие 1936 г. народными судами было рассмотрено 5512 гражданских дел, из них обжаловано 831, т. е. 15%. В третьем квартале рассмотрено 2500 дел, обжалованы решения по 435 делам, т. е. 17%.

Работа прокуратуры недостаточна, так как в гражданском отделе ее имеется лишь один работник. Из 328 надзорных дел, рассмотренных Верховным судом, только 56, т. е. 17%, было рассмотрено по протестам прокуратуры.

Тамаркин (Прокуратура БССР). Вопрос об участии прокуратуры в гражданских делах следует поставить значительно шире, чем это сделано т. Борисовым. Необходимо разбить имеющееся еще у многих прокуроров мнение, что гражданские дела — это частное дело, а уголовные дела имеют государственный интерес. Прокурор должен начинать дело и вступать в дело во всех случаях, когда этого требует охрана социалистической собственности. Следует взять под непосредственную защиту прокуратуры те организации, работники которых еще недостаточно юридически подкованы, например, колхозы, зачастую не предъявляющие исков о взыскании причитающейся им задолженности. В ряде дел требуется помощь судье со стороны прокурора, например, по жилищным делам. Эту работу прокуратуры следует вести в плановом порядке, заранее разрабатывая план. Необходимо участие прокурора в делах алиментных, наследственных, увечных, в делах обобществленного сектора и т. д. Необходимо дать положение о гражданских отделах прокуратур: эти отделы завалены неимоверным количеством жалоб, рассмотрение которых не оставляет времени для

другой работы. В частности поступает много жалоб на неисполнение судебных решений; суды и арбитраж отсылают эти жалобы к прокурору. Необходимо точно установить, кто должен осуществлять надзор за работой судебных исполнителей. Нужно определить функции гражданских отделов прокуратур, штаты которых определены лишь в 2 человека, так как сейчас имеется тенденция все, что не связано с уголовным делом, направлять в гражданский отдел.

Иванов (председатель ГК Ленинградского областного суда). Количество гражданских дел в Ленинградской области чрезвычайно растет. В 1935 г. в Ленинграде эти дела составляли 87,7% всего количества дел.

Примерно 40% гражданских дел падает на иски организаций обобществленного сектора. Эти иски в большинстве порождаются запущенностью бухгалтерии в организациях. Представители по этим делам не являются в суд и по этим делам обжалуется только 6% судебных решений, тогда как по трудовым делам обжалуется 35%, по алиментным — 20% и т. д.

В среднем процент обжалования решений по Ленинградской области составляет 11,5%. Низок процент обжалования решений колхозами, так как колхозы не получают необходимой юридической помощи. Гражданской коллегии пришлось предупредить дортранс и лесотрест, которые предъявляли к колхозам неправильные иски.

Вышинский. Как вы их предупредили?

Иванов. Получив сведения, что лесотрест предъявляет к колхозам рваческие иски, мы изучили эти дела, вызвали председателей трестов и предупредили, что по этим делам требуются такие-то материалы и что при непредставлении материалов мы не будем рассматривать исков.

Вышинский. Вы объяснили, что такое рваческий иск?

Иванов. Мы предупредили, каким должен быть иск.

Вышинский. Предъявить иск — дело истца, а ваше дело — отказать в иске или удовлетворить иск. Поменьше занимайтесь профилактикой и обращайте больше внимания на оперативную работу.

Иванов. Необходимо разрешить вопросы, кем будут выбираться судьи в участках, где рассматриваются железнодорожные дела. Правление Октябрьской ж. д. дает 600 дел в месяц. Если организуется судебный участок на один этот дом, то кто будет избирать судью?

В Ленинграде облисполкомом избраны несколько профессоров в состав запасных судей областного суда. Эти запасные судьи совмещают свою научную работу с работой в кассационной коллегии, что дает теоретикам ознакомление с нашей практикой, а постоянным работникам суда дает стимул к овладению теорией.

Судам необходимо установить обмен опытом судебной практики и публиковать свои решения. Нужно возродить журнал «Судебная практика».

Случевский (начальник гражданского отдела Прокуратуры УССР). В Украинской ССР прокуратура проверила в порядке надзора около 13% всех дел, что свидетельствует об активизации надзорной работы. Районные прокуроры работали в значительной степени ощупью, самотеком и не имели твердых установок. Мы считаем, что задача прокуратуры — стать ближе к суду. Прокурор должен знать, что делает суд и какие в нем имеются дела, и тогда он выберет принципиальные дела, требующие его участия. Пока же наши прокуроры стоят в стороне от суда и больше находятся во власти жалобщиков. В начале 1937 г. мы проведем во всех областях совещания районных прокуроров по гражданским делам и не менее двух раз в квартал будем вызывать прокуроров в Прокуратуру Республики для доклада, предварительно обследовав их работу в области гражданских дел. Непосредственным контролем за их работой мы подготовим прокуроров к участию в народных судах и кассационных инстанциях, это поведет к сокращению работы в порядке надзора. В настоящее же время отказ от надзорной работы невозможен.

Лютый (Днепропетровский областной суд). В первом квартале 1936 г. мы имели 13 332 гражданских дела, во втором — 22 091, а в третьем — 55 113 дел, из которых рассмотрено 52 235. Рассмотрено почти все количество поступивших, дел, но качество работы невысокое. Областной суд в 1936 г. обследовал 83% народных судов и 76 камер судебных исполнителей; работа последних была неблагополучной: мы обнаружили 6 случаев растрат. Здесь не говорилось о работе общественных судов, в которых имеется много гражданских дел. Эти суды настолько выросли, что можно поставить вопрос о расширении их подсудности. В Днепропетровске имеется нотариальная контора, но в районах этих контор нет и нотариальные дела, количество которых очень велико, поступают в суды. Мы возбудили вопрос об организации нотариальных контор и в других городах области.

В кассационную инстанцию областного суда в 1936 г. поступило 14 908 жалоб. В коллегии работает 6 человек. Это число работников недостаточно, так как на каждого члена приходится по 10 дел в день, а нужно еще осуществлять руководство народными судами и выезжать на места для обследований.

В кассационную инстанцию стороны являются даже из отдаленных пунктов, и бывают дни, когда стороны проходят по 70% дел. Из рассмотренных дел 6 158 было рассмотрено в 5-дневный срок, 3875—в 10-дневный, остальные — до 20 дней.

Казанский (Прокуратура Горьковской области). Тов. Борисов правильно указал, что до сих пор участие прокуратуры в гражданском процессе сводилось, главным образом, к опротестованию решений, вошедших в законную силу, и что это создавало угрозу устойчивости судебных решений. Сейчас основная задача заключается в том, чтобы активизировать работу прокурора в начальной стадии судебного процесса. Некоторые предлагают установить перечень дел, в которых прокурор должен участвовать. Создание такого перечня было бы неправильным: прокуратура должна вступать по всякое дело, в котором нарушены интересы государства и трудящихся. Теперь прокуратура поздно вступает в процесс потому, что узнает о состоявшемся решении только от жалобщика, а жалобщик обращается к прокурору тогда, когда он исчерпает нормальные пути обжалования решения. Среди прокурорских работников существует мнение, что прокурор должен интересоваться делом только после рассмотре-

ния его в кассационной коллегии и что споры между двумя госорганами вообще не должны интересовать прокуратуру; это — явная недооценка значения судебных решений по вопросам обеспечения договорной дисциплины и укрепления хозрасчета. Нужно повысить качество протестов, приносимых прокуратурой. Протесты часто построены лишь на фактическом материале и не содержат ссылок на закон. Это объясняется недостаточностью подготовки работников прокуратуры в области гражданского права; необходимо поднять их квалификацию.

Вишняков (народный судья Подольского района Московской области). В нашем районе из 5000 рассмотренных дел только 700 уголовных, остальные — гражданские. Мы, народные судьи, коренным образом перестроили свою работу по директивам 52 пленума Верховного суда СССР, и процент отмены наших решений не всегда свидетельствует о качестве нашей работы. У нас был случай, когда стороны по двум однородным делам получили в кассационной коллегии различные разрешения их дел: одно решение народного суда было утверждено, а другое, однородное — отменено.

Надзор со стороны прокуратуры неудовлетворителен. Дела в порядке ст. 2 ГПК возбуждаются формально, исковое заявление не подается, и дело рассматривается без участия прокурора. Иногда прокуроры чувствуют себя не прокурорами, а командирами, и по одному делу прокурор сказал ответчику: «Ничего, я могу отменить решение». Прокуратура иногда требует обратного вселения лиц, выселенных судебным решением, только на том основании, что прокуратура собирается опротестовать это решение.

Мы страдаем от разбросанности законодательства и от отсутствия систематизированных материалов. Мы сдали юрминимум, но этого мало; мы должны просить, чтобы НКЮ предложил нам сдать юрмаксимум, так как сталинская Конституция ставит громадные задачи перед судом. Нужно больше заботы о кадрах: некоторые судьи растут, а некоторые говорят, что нет перспективы и что все равно — дальше работы судьи не уйдешь.

РЕЧЬ ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Товарищи, я думаю, что теперь совершенно бесспорно, насколько своевременно собрано это совещание, которое обсуждает очень важные и интересные вопросы, связанные с работой прокуратуры по гражданским делам. Я бы сказал, что оно даже немного запоздало, потому что все то, что сегодня говорится здесь и что, очевидно, говорилось и вчера, в частности докладчиком по вопросу, по которому я сейчас здесь выступаю, — это все вопросы, которые настолько наболели, что требуют своего немедленного разрешения. В порядке самокритики я должен сказать, что один из недостатков доклада т. Борисова, который строился по тезисам, утвержденным мною, заключается в том, что не было уделено места в этом докладе критике работы и Союзной прокуратуры и прокуратуры в целом с точки зрения опоздания в постановке ряда в высокой степени важных и злободневных вопросов, без разрешения которых сдвиг работы наших органов по линии рассмотрения гражданских дел абсолютно невозможен. Это относится раньше всего к гражданскому отделу нашей Союзной прокуратуры. По стенограмме выходит, что Борисов сделал прекрасный доклад, все очень гладко, хорошо. На самом деле не так это все благополучно и просто.

В Прокуратуре Союза ССР, прежде чем перейти к установкам, о которых здесь правильно докладывал т. Борисов, была проделана немалая работа. К сожалению, и наш Институт судебной политики тоже очень отстал в этом отношении и своевременно не поставил и не разрешил тех вопросов, которые так назрели и которые так необходимо разрешить возможно скорее.

Вот несколько примеров. Возьмем закон о застройщиках и о правах застройщиков. Вы знаете, как практика сталкивает наше социалистическое правосознание с теми задачами, которые на наш суд возлагаются самим характером и природой его работы.

Мы знаем, что у нас имеется известный разрыв между нашими требованиями и теми нормами, которые сейчас особенно бросаются в глаза своей отсталостью, как нормы отжившие, и в этом отношении на нашей прокуратуре лежит не меньшая ответственность, чем и на суде, потому что гражданский отдел не пытался перестроить практику своей работы в этой области, в соответствии с требованиями нашего гражданского права, как они должны быть понимаемы в настоящих условиях, а продолжал итти по проторенной дорожке. Тов. Борисов ничего не сказал о борьбе, которая шла внутри прокуратуры по этой линии. Наш основной недостаток заключается раньше всего в том, что у нас нет современного Гражданского кодекса. Работает комиссия по созданию Гражданского союзного кодекса, но не можем же мы ждать, пока комиссия закончит работу. Правда, наш Гражданский кодекс и наш Гражданский процессуальный кодекс могут быть правильно использованы и в нынешних условиях.

И если, однако, мы этого не делаем, то это только потому, что мы не умеем в законе найти конкретных выражений тех или иных юридических требований. Самое основное, что в каждом законе заключается, — это юридический, политический и общественный принцип. Этот принцип мы нередко нарушаем.

Здесь выступал т. Иванов из Ленинграда. Я о нем говорю, потому что я застал его выступление и потому что он очень интересно выступал, потому что он, очевидно, интересуется своей работой и понимает всю ту ответственность, которая лежит на нем, как на судье и председателе гражданской коллегии Ленинградского областного суда. Но надо сказать, что т. Иванов в своей работе допускает грубейшие извращения закона, когда требуется мое вмешательство и вмешательство т. Крыленко для того, чтобы устранить эти нарушения закона. Тов. Иванов позволил себе, например, не выполнить требование Прокуратуры Союза о высылке дела, ссылаясь на то, что прокурор может требовать дела после какого-то специального промежутка и т. д. Иванов на наш запрос ответил: «Ваше предложение о направлении вам такого-то дела в порядке надзора считаю не подлежащим удовлетворению».

Тов. Иванов, который является, если я не ошибаюсь, доцентом Ленинградского юридиче-

ского института, не знает законов. Мне пришлось его исправлять и притом не особенно деликатно.

Иванов. Я это исправил без вашего вмешательства, так как на следующий день я направил это дело к вам, потому что вспомнил Положение о Прокуратуре Союза.

Вышинский. Я очень рад, что т. Иванов иногда вспоминает законы, но я хотел бы, чтобы он не забывал эти законы.

У нас в Москве был такой случай, когда президиум Верховного суда РСФСР отклонил один мой протест на том основании, что опротестовать прокурор может решение или приговор Верховного суда по первой инстанции только в отношении правильности квалификации, а не в отношении размера наказания. И мне нужно было опротестовать это постановление президиума Верховного суда РСФСР в судебно-надзорную коллегию Верховного суда Союза ССР для того, чтобы Верховный суд уразумел закон. Таких примеров немало.

Мне кажется, что наше совещание должно было бы нащупать больные вопросы в нашей работе. Оно должно было бы сказать, что, может быть, нам не нужно так высоко подниматься в «стратосферу» всяких проблем гражданского права, что лучше было бы нам обратиться к бренной нашей земле. Наша основная задача сейчас заключается в том, чтобы знать законы, чтобы у нас не было такого положения, когда председатель гражданской коллегии областного суда забывает существующие законы, а президиум Верховного суда РСФСР нарушает законы. Я думаю, что большая наша беда в том, что мы не знаем закона.

Тов. Иванов похвастался в своем выступлении (это очень интересно для вас, Николай Васильевич, как Наркома юстиции) тем, что он проводит профилактическую работу по борьбе... с рваческими исками. Мы вызвали, говорит он, тресты (к счастью, у них оказалось только два треста, но, очевидно, он этот пример хочет рекомендовать всем нам) и сказали, что имейте в виду, что рваческих исков мы принимать к рассмотрению не будем. Я спросил т. Иванова, что такое рваческий иск. Он, конечно, ничего не ответил.

У нас существует ст. 117 ГК. Должны мы ее применять или нет? У нас нет сейчас нэпманов, нет кулаков, которых мы в свое время били. Но ст. 117 остается, и мы должны уметь ее применять. А вот т. Иванов установил в Ленинградском суде такую практику, что он не принимал исков по упущенной выгоде. Спрашивается, куда т. Иванов девал ст. 117? Вы, может быть, скажете, что эта статья нэпманская? Нет, эта статья направлена против тех людей, которые разбазаривают чужие интересы, чужое время.

Недавно на совещании московских судей и прокуроров выступил т. Хрущев, который говорил о том, как иногда у нас растрачивается дорогое время, когда мы задерживаем по целым часам в приемных пришедших к нам граждан, не уважая их труд, вызывая и держа того или иного гражданина в приемной в течение почти целого дня. Вот я допускаю, что какой-нибудь гражданин, не бездельник, как тот, который вызвал к себе этого гражданина, а человек деловой, предъявит к этому бюрократу иск об упущенной выгоде. Не может быть такого иска? Нет, такой иск может быть. Может ли такой иск принять наш суд? Да, он обязан этот иск принять. Будем мы пользоваться ст. 117? Будем. Гражданин предъявит иск об упущенной выгоде за то, что он два часа или четыре простоял в очереди в сберкассе, за то, что он долго простоял у прилавка за сахаром и т. д., и эти иски суд будет обязан принимать к своему производству, ибо так диктует нам сталинская Конституция.

Иванов. Убытки, но не упущенная выгода.

Вышинский. Новое профессорское толкование, но эта упущенная выгода есть мой убыток. Тут, т. Иванов, такого рода крючкотворством делу не поможете...

Я не рассчитываю специально на этом останавливаться, я хочу проиллюстрировать на этом примере, на выступлении т. Иванова систему так называемой профилактической работы суда. То, что говорил здесь т. Иванов — издевательство над интересами и правами граждан, над законом, над правосудием. На каком основании Ивановы вызывают к себе людей, не совершивших ни проступков, ни преступлений, и предъявляют к ним незаконные требования?

Недавно один прокурор позволил себе вызвать в прокуратуру председателя товарищеского суда для объяснений по поводу поступившей на этого председателя жалобы. Когда этот товарищ обратился ко мне, я сказал: «Вы к прокурору не ходите, а я его вызову к себе». Я вызвал этого прокурора и спросил его: на каком основании вы позволяете себе такие вызовы? То же самое я могу сказать т. Иванову. У суда есть другой метод борьбы — отказать в иске и возложить судебные издержки на виновную сторону. А то, что говорил т. Иванов, способно вызвать тревогу. А это ведь председатель Ленинградской гражданской коллегии. Что мы не знаем законов, не умеем с законами обращаться, как нужно, как требуется, и очень часто упираемся в узко формальную сторону, упираемся в текст, в слова, несмотря на то, что действительные правоотношения совершенно иные, чем те, которые скрываются за формулами, указанными в законе, — это наша большая беда. В этом отношении нужно обратиться к действующему кодексу, который знает ст. 5 ГПК, которая обязывает суд рассматривать правоотношения, как они действительно существуют, которая не позволяет ссылаться на формальную сторону дела. Некоторые думают, что это не касается суда.

Научиться при помощи великой теории Маркса—Ленина—Сталина, единственно и подлинно научной теории, уметь читать законы, понимать законы, суммировать законы, уметь эти законы корректировать и определять их правление их огня — это наша первая задача. Мы должны преодолеть узкий, частно-правовой горизонт нашего Гражданского кодекса и ГПК, как и УК и УПК. Нам нужно скорее изжить болезнь юридической схоластики. Я не могу согласиться с тем, что, пока не будет создан новый Гражданский кодекс, до тех пор мы поставлены в положение людей, связанных по рукам и ногам, и не можем развернуть творческой работы для удовлетворения требований нынешней социалистической эпохи. Я думаю, что можно на основании нынешнего кодекса вести линию правильно, если уйти из-под влияния пережитков буржуазного юридицизма, который, к сожалению, у цивилистов является чем-то вроде второй натуры, гораздо в большей степени, чем у кого-либо другого.

Тов. Борисов в своем докладе сделал попытку провести некоторую черту размежевания между вопросами, которые должны привлекать внимание прокуратуры в порядке выполнения требований ст. 254 и других статей ГПК, и между теми вопросами, которые не должны привлекать ее внимания. Он эту попытку сделал и в известной степени удачно. Но я согласен с т. Казанским, который обращал внимание и на другую сторону этого дела, говоря, что нельзя руководствоваться внешним, формальным определением, что нельзя говорить так: когда нарушены интересы государства — это дело прокуратуры, а когда этого нет — то и прокуратуры это не касается.

Дело не в том, чтобы определить признаки или условия, требующие прокурорского вмешательства, а вмешиваться тогда, когда это вмешательство оправдывается принципами, лежащими в основе нашего ГПК, а этот принцип — интересы государства и трудящихся масс. Выполняем ли мы правильно этот принцип? Я должен сказать, что нет. Мы очень часто слишком расширительное понимание вкладываем в эту формулу — интересы государства и трудящихся масс, мы даем слишком распространительное толкование пониманию о трудящихся массах.

Нередко мы вмешиваемся в дело, когда оно вовсе не затрагивает интересов государства или трудящихся масс, когда оно ограничивается очень узким кругом интересов, вовсе не затрагивающих интересов государства или трудящихся масс.

Мы чрезвычайно широко и вопреки прямому смыслу закона пользуемся ст. 254-б ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик.

Правильно это или неправильно? Это, конечно, неправильно. Очевидно, для прокурора должен быть более строгий критерий вмешательства в гражданские дела, чем нарушение интересов отдельного гражданина. Я подхожу тут к первому положению т. Борисова, которое нужно несколько уточнить и немного подправить. Я так понимаю его выступление, и это соответствует той тенденции, которую он пытается осуществлять в нашей работе, вопреки предостережениям, которые руководство прокуратурой в этой области делает,—именно побольше вмешиваться в гражданские дела первой инстанции. Мне кажется, что это требование неправильно. Эта установка для прокуратуры опасна.

Опасность и ошибочность этой установки вытекают из двух положений: во-первых, прокуратура не может с такой задачей справиться. Я утверждаю, что она с этой задачей не справится и ее захлестнет этот поток дел и отвлечет от основной задачи — стоять на страже интересов государства и трудящихся масс.

Если прокуратура будет вмешиваться в каждое гражданское дело — в спор о комнате, о лампе, об утюге, о выбитом стекле и не вовремя уплаченной арендной плате за квартиру и т. д., то за целым ворохом этих, хотя и важных дел отдельного человека, дел прокуратура не сможет выполнить своей основной задачи— охраны интересов трудящихся масс и Советского государства. Это неправильно еще и потому, что внушает мысль, что защита человека в суде — это дело только прокурора, но это ни из чего не вытекает.

В самом деле, у т. Борисова сквозила такая мысль, что если прокуратура будет вмешиваться широким фронтом в гражданские дела, то в суде наступит справедливость, в суде будет меньше ошибок и судебная политика поднимется на должную высоту. Это, по-моему, неправильно. Это — извращение представления о задачах нашего суда как стража закона и интересов социалистического государства и граждан.

Правда, на прокуратуру возложена государством специальная обязанность охраны закона и интересов Советского государства. Прокурор — это представитель государственной власти, на которого возложена защита государственных интересов в суде. Но суд точно так же призван к охране этих интересов. А по т. Борисову выходит так, что будто суд отвечает в меньшей мере или совсем не отвечает за это. Он говорит: «Я думаю, что через некоторое время наступит такой момент, когда мы будем говорить о качестве работы прокурора, исходя не из процента участия прокуратуры в делах в порядке осуществления надзора, а исходя из участия его в первой и второй инстанциях».

Значит, качество работы прокуратуры по гражданским делам и гражданского суда должно зависеть от того, участвует или не участвует прокуратура в гражданских делах в первой или кассационной инстанциях. Я считаю, что это неправильно. Если мы так поставим вопрос, как ставит его т. Борисов, то получится, что суд есть привесок к прокуратуре, и все пылкие слова о том, что нельзя допускать, чтобы прокуратура командовала судом, — все эти пылкие речи превратятся в пустые слова. Суть же заключается в том, что как судья ни старайся, но пока не будет стоять около него дядьки — прокурора, работа суда на должную высоту не поднимется.

Я как Прокурор Союза не рекомендую прокурорам переносить центр тяжести своей работы по гражданским делам в первую инстанцию, я не говорю: поменьше надзорных протестов, побольше участия прокуратуры в первой инстанции. Я не могу выбросить такого лозунга потому, что это не нужно. Не нужно, чтобы прокуроры совали свой нос во все дела, проходящие через первую инстанцию. Это значило бы ослабить судебный надзор прокуратуры, подменить прокурорский надзор непосредственным участием в практической работе первой инстанции. Если бы мы последовали такому совету, мы утонули бы в настоящем океане мелких гражданских дел.

Участие прокурора в работе суда по гражданским делам должно определяться важностью в принципиальном смысле этого слова вопросов, подлежащих прокурорской ревизии или надзору.

Как в кассационном порядке, так и в порядке судебного надзора прокурор должен вмешиваться в гражданские дела лишь в особо ответственных случаях, тогда, когда это вызывается интересами государства, социалистического строительства и трудящихся масс. Что это значит? Это значит: прокурор защищает интересы советского строя, советского общества, интересы, где затрагиваются общественные или государственные нужды или потребности, интересы, в которых отражаются принципы советского государственного социалистического строительства, когда нужно помочь слабому

(ребенку, матери, старикам-родителям), когда нужно предотвратить нарушение закона, затрагивающее интересы государства, целого народа, когда нужно вступить в бой с несправедливостью, когда нужно дать или обеспечить удовлетворение социалистическому правосознанию, чувству социалистической законности.

Рассчитывать на то, что прокуроры могут вступать во все дела, нельзя. Они могут вступать в эти дела тогда, когда этого требует закон и общественный, государственный интерес. Сам закон (ст. 2 ГПК РСФСР) обязывает прокурора это делать тогда, когда, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс.

Я обращаю ваше внимание на тот момент, который подчеркивается в ст. 2, «по его мнению». Значит, заранее закон не устанавливает, когда это будет. Закон это предоставляет прокурору, который своим социалистическим сознанием, пониманием своих прокурорских обязанностей, правильным пониманием того, чего требуют интересы государства, должен определить, должен или не должен он, прокурор, вступить в то или другое дело. Это возлагает на прокурора громадную ответственность. Он должен быть готов выполнить эту высокую свою обязанность.

Я считаю, что задача наших органов прокуратуры в области гражданской судебной практики заключается отнюдь не в том, чтобы взвалить на свои плечи возможно большее участие в гражданских делах, начиная с первой инстанции. Наоборот, я бы сказал: поменьше участвуйте в первой инстанции и в кассационных инстанциях по гражданским делам, побольше вступайте в дела по мотивам принципиального характера.

Тут надо подчеркнуть еще одну важную деталь. Дело не в том, что судья не может правильно разобраться в деле и что поэтому ему нужна помощь прокурора. Дело в том, что судья не может отделить мелкие дела от крупных дел; судья обязан рассматривать все и всякие дела. В потоке дел, с которыми судье приходится иметь дело, он не в состоянии зачастую выделить дела, имеющие принципиальное значение.

И вот здесь ему нужна помощь прокурора, которая должна заключаться в том, чтобы помочь судье из массы дел, из целого потока гражданских дел, который судья не имеет права не принимать к своему производству, чтобы из этого потока отобрать важнейшие, принципиальные, имеющие политическое значение дела и помочь судье на этих вопросах сосредоточить свое внимание. Тогда у нас меньше будет политических ошибок, потому что прокурор будет не дублировать работу судьи, а будет помогать ему на том участке, который судья не охватил и не мог охватить по особенностям своей судейской работы.

Судья не может сказать, что такое-то дело я не желаю рассматривать, это мог только т. Иванов так сказать. А прокурор может сказать, что в эти дела я не буду вмешиваться, потому что закон меня не обязывает вмешиваться во все дела, а обязывает меня вмешиваться в те дела, которые требуют защиты интересов государства, защиты интересов трудящихся масс.

Поэтому я должен внести поправку в эту часть доклада т. Борисова.

Я не могу согласиться с т. Борисовым и в другом вопросе.

Тов. Борисов говорит: «Если прокурор подал протест, то будь любезен этот протест довести до конца... Если провал в ГКК, иди в президиум, в пленум, до конца добивайся торжества своей точки зрения, несмотря на то, что протест отклонен».

В такой «прямолинейной» постановке этот совет неправилен. Конечно, нужно добиваться «торжества своей точки зрения». Но при одном, очевидно, условии: если эта точка зрения правильна. Тов. Борисов это-то и упустил сказать. И вышло, что прокурор должен протестовать «до конца» и несмотря ни на что...

По т. Борисову выходит так, что прокурор в суде ничему научиться не может, ничего не может узнать, увидеть и услышать, что могло бы изменить его первоначальную точку зрения. Он забывает, что благодаря состязательности прокурор часто получает возможность увидеть вещи и явления в новом освещении, с иной стороны, чем он их видел до суда. Противная сторона представляет свои доводы, свои доказательства. Может же случиться так, что истина окажется не на стороне прокурора и что суд станет против прокурора в полном соответствии с фактами, логикой и требованиями закона. Почему в таком случае прокурор должен протестовать по борисовскому рецепту «до конца» и «несмотря»... Почему? Такая установка неправильна. Этот совет очень похож на совет «дуй до горы», лишь бы не остановиться, не отстать, не посрамить чести прокурорского мундира.

Я советовал бы действовать иначе, так, как обязывает прокуроров действовать, например, ст. 206 УПК: при отсутствии внутреннего убеждения в виновности подсудимого надлежит отказаться от обвинения.

Так и в гражданских делах: при отсутствии уверенности в правильности своей позиции, после отклонения прокурорского протеста, дальше не итти. Тов. Борисов говорит:

«Одно из двух, либо не надо было соваться с протестом, а если протест подал, то добивайся его до конца, до судебно-надзорной коллегии и до пленума Верховного суда Союза ССР»...

Как вы видите, мы здесь с т. Борисовым расходимся, как говорится, во взглядах. Придется т. Борисову внести и в эту часть своего доклада поправку.

Еще два слова. Я не могу не остановиться на одном замечании народного судьи, который выступал передо мною. К сожалению, я застал только конец его речи. Он сказал, что в настоящее время у судьи нет никакой перспективы. Сидишь, мол, судьей и дальше двигаться некуда. Это очень неправильная точка зрения. Ведь что может быть почетнее должности народного судьи в Стране советов? Разве можно подходить к судебной работе с точки зрения служебной карьеры? Разве не обеспечивает наша великая сталинская Конституция нашему судье высокий почет, высокое уважение и внимание, как избраннику советского народа, избраннику, получающему из рук самого народа громадную власть, получающему великое право именем народа и социалистического государства решать дела, затрагивающие самые священные интересы и государства и граждан? Народный судья в нашей стране — это народный избранник, обеспеченный величайшим на-

родным доверием. Это ли не величайшая награда, не величайшая честь!

Звание советского судьи — одно из почетнейших званий в Советском государстве, которое облечено величайшим доверием масс советского народа. Судья должен осуществлять функции, которые записаны в Конституции великим, замечательным словом «советское правосудие». Это надо помнить. Это великая честь и в этом уже есть величайшее удовлетворение, которое может быть оказано человеку, искренне и честно участвующему в строительстве нашего социалистического общества (шумные, продолжительные аплодисменты).

Острер (гражданский отдел прокуратуры УзбССР). Работа гражданского отдела началась 15 июля 1936 г., однако прокуроров в отделе до сего времени нет и отдел работает в составе только одного начальника. За 4 месяца было затребовано 113 дел, принесено протестов по 35% этих дел. Поступает много жалоб по алиментным делам на несвоевременный платеж алиментов. По существу это — жалобы на судебных исполнителей и они не должны направляться в прокуратуру. Прокуратура мало участвует в работе суда и не выступает в первой инстанции. Все же в последнее время мы предъявили 450 исков по алиментным делам, когда обнаружили, что ответчики платят по 5—7 руб. в месяц.

Прушицкий (председатель ГК Верховного суда УССР). Наиболее больным в работе наших судов по гражданским делам является то, что когда придешь в народный, областной и даже Верховный суд, то не чувствуешь, что находишься в суде. Порой кажется, что находишься в жилищном отделе треста. Нет ссылки на закон, а решение дела не имеет правового характера.

Недавно случилась кража в студенческом общежитии. Воры украли чемодан техника общежития, и техник потребовал возмещения стоимости украденного. Народный суд допросил свидетелей о том, какие были вещи и сколько они стоили. Институт возражал, ссылаясь на правила внутреннего распорядка, по которым вещи нельзя держать в помещении, а следует сдавать в кладовую. Но техник сказал, что не знает такого правила, и суд удовлетворил иск. Кассационную жалобу института не удовлетворили, так как факт кражи был подтвержден комендантом, а стоимость вещей — свидетелями, а правовой вопрос о том, обязано ли учреждение отвечать за кражу, совершенно обошли.

Здесь говорилось, что бухгалтерам нечего делать и потому они отправляют дела в суд. Между тем, по инструкции НКФ, утвержденной СНК СССР, заключительные балансы должны содержать расчеты, признанные и кредитором и должником, а если расчеты не признаны, то дела должны быть переданы в суд или арбитраж.

Суды занимаются делами организаций обобществленного сектора до 1000 руб. Нужно поставить вопрос о работе арбитража и если все останется попрежнему, то и дела до 1000 руб. надо передать в арбитраж.

Вышинский. Сие от нас не зависит.

Прушицкий. Пока мы будем заниматься делами до 1000 руб., мы не заставим наших судей как следует заниматься ими.

Вышинский. Занимайтесь хорошо делами до 1000 руб.

Прушицкий. По жилищным делам мы считаем, что нельзя так выселять, как предлагает т. Рейхель. Вот пример: рабочий ломает замок и занимает комнату, которая присуждена другому гражданину. Прокурор дает распоряжение выселить захватчика. Когда приходит милиция, то беременная жена рабочего ложится на пол и начинает кричать. Прокурор дает распоряжение не выселять, и комната остается у захватчика. Дело не только в захватчиках, а в той массе людей, которые получают от жилищных отделов неправильно выдаваемые ордера. Когда этим ордероносцам говорят, что жилищный отдел сделал ошибку и вас нужно выселить, — то им трудно понять законность выселения.

Суды зачастую не хотят брать на себя ответственности за решение дела. Как только у судьи возникает сомнение, он обращается в высшую инстанцию. Отсюда — тяга к циркулярам. С этим нужно повести решительную борьбу: ты судья, решай дело, правильно применяя закон.

Литовский (прокуратура Дагестанской АССР). У нас гражданские дела составляют 64% всех судебных дел. Имеется особенность: в Дагестане есть высокогорные и плоскогорные районы. В плоскогорных районах на 72 уголовных дела приходится 422 гражданских, тогда как в высокогорных районах уголовных дел больше, чем гражданских. Горцы не обращаются в суды, за разрешением имущественных споров, а разрешают их на основании адата и бытовых пережитков. Процент отмены решений за 1936 г. у нас достиг 36. Сроки прохождения дел, в особенности трудовых и алиментных, еще велики. Причины этого в недостаточности подготовки работников и в том, что в главном суде Дагестана до сих пор не создана специальная гражданская коллегия. Гражданские дела во второй инстанции рассматриваются теми членами главного суда, которые свободны. Продолжается рассмотрение дел пачками, не изжито упрощенство, дела рассматриваются без участия ответчика и т. д.

Гражданский отдел прокуратуры еще не организован. Настоящее совещание и, особенно, установки, данные т. Вышинским, должны подтянуть судебно-прокурорскую работу в Дагестане.

Лисицын (председатель ГК Верховного суда РСФСР). Обследуя Калининский областной суд, я зашел в камеру народного суда. В течение часа народный судья рассмотрел 8—9 алиментных дел, уделяя каждому делу около 5 минут. Такое отношение к делам недопустимо: судью, общественного и политического работника, явно не интересовало социальное явление, отраженное в этих делах. Есть вдумчивые судьи в том же Калинине, например, т. Воронцевич, поставившая интересный вопрос: Заготзерно принесло пачку исков, я отказала в них, они не обжаловали. Эти иски — требования штрафов от крайпотребсоюзов за опоздание в подаче заявок, тогда как заявки никакого реального значения не имеют. Это — мелкие дела, но пренебрегать ими нельзя.

Определения наших кассационных коллегий пишутся канцелярским языком, в них больше фраз, чем правильных мыслей. В том же Калинине народных судей привлекают для работы в кассационной коллегии. Это — хорошая школа, но она часто превращается в формальную школу. Мне попалось определение, написанное

молодым народным судьей на двух страницах, а когда я попытался его средактировать, то от него осталось только 10 строчек, все остальное был набор ненужных слов, причем в каждом по 2—3 орфографические ошибки. Нужно учить на таких определениях, выправлять их и с политической стороны, и с точки зрения доказательств и стиля, но этого не делается.

Необходимо поставить вопрос о пределах прав судьи при применении закона. Может ли судья, считая, что закон устарел или что по конкретному делу нет закона, сказать: «Я решаю дело, исходя из общего смысла политики партии и правительства». Это серьезный вопрос и нужно продумать, как судье подойти к решению целого ряда дел, которые подлежат разрешению в духе сталинской Конституции.

Таковы вопросы по делам личной собственности, права застройки, жилищные, колхозной собственности, вопрос о ст. 407 ГК, по которой госорганы не отвечают, если их ответственность не предусмотрена особым специальным законом. Специальных законов же нет. Эта статья была в свое время направлена против покушений нэпманов на государственный карман, в настоящий же момент ее применение затруднительно. Если считать, что она устарела, то возможны случаи, когда дела будут решаться вопреки этой статье, исходя из духа сталинской Конституции. Но нельзя предоставить судье решать, как вздумается: надо дать указания, как решать, надо потребовать, чтобы НКЮ Союза в самое ближайшее время дал эти указания.

Амфитеатров (Институт советского права). Теоретическая работа по вопросам гражданского права на известном этапе не только не препятствовала, но даже содействовала недооценке ряда правовых категорий. Это находилось в общей связи с левацкой недооценкой права и государства, которая нашла определение и в конкретных вопросах нашего хозяйственного и гражданского права. Основная причина недооценки объясняется тем, что не были поняты до конца новые черты, присущие гражданскому праву в социалистическом обществе. Некоторые теоретические работники утверждали, что развитие и укрепление социалистических имущественных отношений ведет к свертыванию личных имущественных отношений граждан. Эта позиция оказалась полностью битой: люди недооценивали новых социалистических правоотношений, возникающих в условиях победы социализма.

Социализм заключается в обобществлении средств производства и в распределении продуктов по мере работы каждого. Личная собственность в условиях социализма есть собственность на предметы потребления, а не на средства производства. Она связана с социалистическим хозяйством. Охраняя социалистический принцип распределения по труду, мы тем самым охраняем общественную, социалистическую собственность.

Право на личную собственность является выражением нашей политики, направленной на укрепление материальных и культурных интересов трудящихся. Недооценка значения регулирования гражданских правоотношений есть непонимание того нового, что социализм дает каждому трудящемуся.

Ошибочно было бы отождествлять всю систему имущественных отношений в социалистическом обществе только с гражданским правом. Гражданское право регулирует имущественные отношения трудящихся друг с другом и с обществом. Наряду с этим мы имеем систему хозяйственных отношений социалистических предприятий и организаций. В ней мы сталкиваемся с вопросами общественной, социалистической собственности. Эта область, которую мы в теоретических работах называем областью хозяйственно-административного права, вместе с гражданским правом в целом называется хозяйственным правом. Гражданское право есть существенная часть единой системы хозяйственного права.

Наши практические работники в области гражданского права слабо знают не только теоретическую литературу, но и действующее законодательство. Работа не пойдет вперед, если не будет взята установка на учебу.

Солодилов (гражданская судебная коллегия Верховного суда СССР). В выступлении т. Прушицкого отметилась нотка противопоставления законности и целесообразности. В практике УССР имеется ряд таких случаев, и в Киеве установилась следующая практика: вы уезжаете в командировку и оставляете квартиру, а в ваше отсутствие ее занимают. Вернувшись, вы предъявляете иск о выселении гражданина, занявшего квартиру, но суд говорит: он вселился законно, так как получил ордер, а потому его нельзя выселить, пока ему не дадут другой площади; вы же пока живите, где хотите. Вот к чему приводит «целесообразность» в жилищных делах.

Аналогичные случаи есть и в практике Верховного суда РСФСР. Нужно поставить принципиальный вопрос о недопустимости таких решений. Когда народный судья получает такое определение Верховного суда, то он думает: значит, и я могу делать то же самое.

На Украине, в Узбекистане и Туркменистане до сего времени сторонам не посылают повесток о слушании дела в кассационной инстанции. Это должно быть устранено.

Следует сказать о работе сельских судов. Их подсудность значительна, и они разрешают дела на большие суммы, но за работой их никто не надзирает. Нужно организовать этот надзор.

Орлов (Прокуратура РСФСР). В разрешении гражданских дел наблюдается пренебрежение к закону: оно заключается в чрезмерно расширительном толковании, в присвоении непредоставленных по закону прав, в отсутствии в судебных решениях ссылок на закон. Ряд судов, в частности столичные, перебрасывают дела из судов в административные органы, в результате чего не выполняются решения партии и правительства. Так, невыполнено постановление о выселении из студенческих общежитий, и прокуратура с трудом убедила Мосгорсуд, что ряд дел о выселении из общежитий подсуден суду.

Резкие нарушения законности имеются и по трудовым делам. Вчера пришла одна работница и сказала, что ее уволили за невыполнение распоряжения начальства. Оказалось, что ее заставили дежурить 2 раза по 12 часов. Суд признал ее увольнение правильным, тогда как это является издевательством над законом. Неблагополучно положение с колхозными делами: так, в Смоленском суде есть дела организации, предъявившей к колхозам иски на сумму свыше 12 млн. руб. за невыполнение дорожных работ; колхозу не предъявляют

предварительно акта о невыполнении работы, а прямо обращаются с иском в суд. Вот отдельные примеры из судебной работы: в деле народного суда 3 уч. г. Златоуста есть только исковое заявление и решение, протокола судебного заседания нет, ответчик не вызывался. В Свердловске вынесено решение: «восстановить на работе с оплатой вынужденного прогула, а если администрация не согласится, выдать выходное пособие». Милютинский сельсовет выдал справку о рождении ребенка, а в графе примечаний написал: «незаконнорожденный от девки». Это — кулацкая вылазка, мимо которой прошли и судьи, и прокуроры.

Гоглидзе (народный судья г. Тбилиси). У нас на каждом шагу применяется целесообразность, но этого не должно быть. Решение дела предусматривается законом, и помимо закона нельзя говорить о какой-то целесообразности. Прокуратуре следует стать ближе к суду. Она чаще участвует в порядке надзора, а это задерживает исполнение судебных решений и приводит к тому, что в конце концов суд, по соображениям целесообразности, отменяет законно вынесенное решение.

Розенберг (прокуратура Харьковской области). Условия нашей работы таковы, что выступления прокурора в первой инстанции, как правило, исключаются. Нужно улучшить порядок надзора. Особенно больными являются вопросы выселения, отнимающие у нас 50% времени, как и во всех больших городах. Сложность их в том, что никто не желает выселять. Закон предоставил право ведомствам выселять посторонних из ведомственных домов, но суды и прокуратуры под разными предлогами отклоняют выселения.

Ястржембский (Мосгорсуд). Правильной работе суда мешает отсутствие единой судебной политики, в частности по жилищным делам. Я не согласен с т. Пружицким, который сказал, что судье достаточно знать закон и он разрешит дело. С такой задачей справятся квалифицированные судьи, а малоподготовленным судьям нужны указания. Нашим работникам нужно дать сборники разъяснений законов и теоретическую литературу. Перед нами задача подготовить для Москвы не менее 100 новых судей и дать трудящимся в суде защиту их прав. Сейчас есть недостатки, примером которых служит, например, ответ народного судьи Сокольнического района, который на ходатайство прокурора освободить от судебной пошлины иск женщины о разделе имущества с мужем ответил: «пусть прокурор платит за вас». Такой работник суда не будет избран населением в народные судьи.

Швейцер (гражданский отдел Прокуратуры СССР). Необходимо изменить порядок надзора за судебными решениями. Теперь надзор осуществляется одновременно и прокуратурой и судебными органами, и этот параллелизм ненормален. В работе судов союзных республик имеется ряд дефектов. В г. Баку судебный исполнитель выселил гр. Кириллова без судебного решения. Судебный исполнитель ведал исполнением решений по делам Азнефти и по просьбе директора последней выселил в административном порядке Кириллова из дома, арендуемого Азнефтью; прокуратура санкционировала выселение. Это было в 1933 г., но Кириллов не вселен обратно и по сей день. В свете того, о чем здесь говорил т. Вышинский, трудовые дела гребуют особого внимания. Один гражданин был уволен с работы, и Верховный суд УССР (т. Пружицкий) признал, что увольнение было незаконным, но не постановил восстановить его на работе. Когда же прокуратура стала настаивать на восстановлении, т. Пружицкий ответил, что требование не может быть удовлетворено, так как с момента увольнения прошло много времени: «В СССР нет безработицы и т. Мендель, неправильно уволенный, мог за такой большой промежуток найти себе работу». Это неправильно, противоречит закону и не учитывает, что хотя безработица у нас ликвидирована, но все же отдельные работники из-за бюрократических грубых нарушений законов могут по нескольку месяцев не получать работы.

Крейчман (Верховный суд БССР). В судах БССР все еще отмечается пренебрежительное отношение к гражданским делам. В гражданской коллегии Верховного суда до ноября 1936 г. было лишь три человека, из которых большую часть года работали только двое. Этот состав не мог, понятно, справиться с рассмотрением 12 000 гражданских дел. Та же недооценка этих дел и в прокуратуре БССР. Не случайно за первое полугодие 1936 г. ею были принесены протесты по 1079 уголовным делам и только по 54 гражданским. Нам предлагают разгружать гражданские дела, но мы не грузчики. Мы должны судебным порядком рассматривать дела, а не разгружать их. До организации гражданского отдела прокуратуры, как ни странно, прокуратура принимала больше участия в рассмотрении гражданских дел: то придет прокурор с.-х. сектора, то прокурор промсектора, теперь же организован отдел из двух человек, и положение ухудшилось. Нужно усилить кадры работников.

Борисов (заключительное слово). Прокурором СССР т. Вышинским были сделаны отдельные поправки к моему докладу. Надо сказать, что на протяжении последних двух лет т. Вышинский неоднократно ставил вопрос о значении гражданского правового фронта и о задачах, стоящих перед прокуратурой по гражданским делам. Еще на I всесоюзном совещании работников юстиции т. Вышинский требовал, чтобы суд стал основным производственным участком в работе прокуратуры. Тогда же по его докладу был поставлен вопрос о восстановлении гражданских коллегий в судах. В 1935 г. т. Вышинский возбудил перед СНК СССР вопрос об организации специальных гражданских отделов в прокуратуре. На ряде оперативных совещаний в Прокуратуре Союза уделялось очень много внимания конкретным гражданским делам.

Такое внимательное отношение нашего руководителя к проблемам гражданского права должно помочь работникам прокуратуры успешно реализовать стоящие перед нами задачи.

Тов. Вышинский отметил, что он не почувствовал в моем докладе достаточной самокритики гражданского отдела Прокуратуры Союза. Отделом было сделано многое, но следует констатировать основной недостаток его работы: недостаточное руководство периферией — не была найдена та форма работы, которая сочетала бы вопросы текущей работы и вопросы руководства. Наряду с этим имело место недостаточно критическое отно-

шение к истребованию дел в порядке надзора, текучка в работе и пр.

По вопросу о принесении протестов т. Вышинский подчеркнул, что не со всяким протестом нужно итти «до конца». Если протест основан на правильно понимаемом законе, если в нем прокурор борется за социалистическую законность и если протест неправильно отклонен, то от этого протеста нельзя отказываться. Но если протест оказался неосновательным, то поддерживать его дальше не нужно.

По вопросу об участии прокуратуры в работе суда не следует считать, что прокурор является каким-то комиссаром при суде; суд должен в первую очередь сам бороться за социалистическую законность. По вопросу о работе прокурора в суде первой инстанции и в кассационном суде необходимо подчеркнуть, что эта работа должна охватить наиболее ответственные категории дел, политически важные с точки зрения государства и трудящихся. Тов. Вышинский отметил, как положительную, мою попытку наметить принципиальный критерий для участия прокурора в гражданских делах. Критерии, по моему мнению, должны быть следующие: материальная заинтересованность государства, дела, имеющие сугубо политическое значение (например, колхозные), и дела частных лиц, нуждающихся в особой заботе со стороны государства. Нужно добавить еще один критерий: дела принципиального значения; там, где вопрос ставится по-новому, там, несомненно, полезно будет участие прокуратуры.

По вопросу о надзоре по гражданским делам нужно сказать, что надзор нам необходим, так как имеется целый ряд неправильных решений, требующих прокурорского вмешательства. Но надзор должен быть введен в рамки: требовать дело в надзорном порядке нужно лишь тогда, когда имеется достаточно данных утверждать, что дело решено неправильно. По вопросу о сроках надзора: областной прокурор не может самостоятельно затребовать дело по истечении трехмесячного срока, но если Прокуратура Республики поручит ему затребовать дело и принести протест и после этого срока, то такое поручение должно быть выполнено.

Рейхель (заключительное слово). Тов. Файнблит правильно указал на недостатки работы гражданско-судебной коллегии Верховного суда Союза. Все же к активу работы коллегии следует отнести организацию гражданских коллегий в судах, достигнут некоторый поворот судебных работников лицом к гражданским делам и то, что постановление 52 пленума Верховного суда о соблюдении процессуальных норм стало основным документом для работы судов.

Цифры, касающиеся кассационных жалоб, очень важны, но неправы те, кто понял меня так, как будто я говорил о слишком большом количестве подаваемых у нас жалоб. При надлежащей постановке юридической помощи и при повышении юридической грамотности населения цифры обжалования должны расти, но в то же время эти цифры должны уменьшаться, если повышается качество судебных решений. В 1936 г. процент обжалования решений не понизился, а увеличился; это ведет к выводу о том, что приостановилась борьба за улучшение качества судебных решений. Наше совещание должно дать толчок к новому сдвигу в этом отношении.

Сталинская Конституция подчеркивает роль и значение закона и провозглашает принцип стабильности закона на данном этапе развития социалистического строительства. Мы должны вести борьбу за устойчивость закона. Стабилизации закона корреспондирует в нашей работе устойчивость судебных решений. Поэтому, когда некоторые товарищи, цепляясь за старое, продолжают противопоставлять закон целесообразности, то ясно, что это несозвучно переживаемой нами эпохе. К решению судебных дел мы должны подходить не с точки зрения пресловутой целесообразности, а с точки зрения закона.

По вопросу об исках обобществленного сектора здесь говорилось, что нужно отмахнуться от этих дел, передать их арбитражу и т. д. Это — недооценка наших судов и их роли в деле укрепления хозрасчета и приведения в порядок расчетов внутри обобществленного сектора.

Следует отметить выступление т. Лютого из Днепропетровского областного суда, где борются за внесение культуры в работу кассационной инстанции. Необходимо, чтобы все суды, до сих пор применяющие вывешивание списков дел, назначенных к слушанию в кассационной инстанции, перешли к порядку, осуществленному в Днепропетровске.

Затем был заслушан доклад **председателя гражданской коллегии Верховного суда РСФСР т. Лисицына об исполнении судебных решений.** В своем докладе **т. Лисицын** указал, что 22 апреля 1936 г. Комиссия советского контроля при СНК СССР, обследовав работу по исполнению судебных решений, дала резкую, но справедливую оценку этой работе. Она констатировала крайне запутанное состояние этой работы, волокиту, формализм, невнимание к живому человеку, плохие условия работы судебных исполнителей. Были отмечены запутанность учета исполнительных документов, механическая пересылка исполнительных листов на алименты по месту работы ответчиков без последующей проверки со стороны суда, отсутствие подбора кадров судебных исполнителей и случаи злоупотреблений и растрат.

По этому постановлению был принят ряд мер Верховным судом Союза и НКЮ РСФСР, в частности, была предпринята проверка личного состава судебных исполнителей. Однако эта работа еще не полностью выполнена.

По штатам НКЮ СССР намечено значительное увеличение количества судебных исполнителей. В РСФСР в 1936 г. было около 2000 судебных исполнителей, причем в 30% народных судов исполнителей не было. Теперь по РСФСР намечается 3956 единиц народных судов и при каждой из них судебный исполнитель. До сих пор там, где не было судебных исполнителей, исполнение решений судов было возложено на сельсоветы. Это вело к тому, что решения в большей части совсем не исполнялись. Были курьезы, когда исполнение решений поручалось сельсоветом члену пожарной дружины, удерживавшему, наряду с взысканием, 5—6% в свою пользу. Учета взысканий не велось, листы лежали в сельсовете и за ненадобностью уничтожались. По отзыву Западносибирского суда решение приводилось в исполнение только тогда, когда должник хотел его выполнить.

Будет очень хорошо, если благодаря новым штатам судебные исполнители будут иметься в каждом народном суде и можно будет отказаться от услуг сельсоветов, за исключением мелких взысканий в тех районах, куда судебный исполнитель не может скоро добраться.

В данное время состав судебных исполнителей характеризуется следующими цифрами: рабочих — 20%, крестьян — 30%, служащих — 50%, членов партии 17,5%, комсомольцев — 17,3%, беспартийных 65,2%. Женщин очень мало, всего 143, тогда как на этой работе женщина могла бы принести много пользы. С юридическим образованием 11 человек, окончивших ВЮК — 1 человек, 168 чел. окончили курсы и 2044 человека не имеют никакой юридической подготовки. В 1936 г. было предано суду 64 человека. Качественный состав исполнителей неудовлетворителен.

В ряде вопросов работы судебных исполнителей возникают трудности. Как произвести взыскание с совхоза? Вся продукция совхоза принадлежит государству. Один судебный исполнитель описал легковую машину, но она является средством передвижения и без нее совхоз не может работать. С точки зрения неплатежей себя зарекомендовали райпотребсоюзы; можно ли описать имущество сельпо за долг райпотребсоюза? В некоторых системах хозорганизаций есть хозяйственные единицы, являющиеся юридическими лицами. Некоторые из них не платят долгов, а потом ликвидируются. Кто должен отвечать за их долги? В отношении таких организаций мы пришли к выводу, что следует обращать взыскания на вышестоящую хозяйственную единицу, на систему. В Калинине есть организация, у которой за долг НКФ текущий счет арестован в течение нескольких лет; судебный исполнитель, производивший взыскание мелкой суммы, описал лишнюю машинку этой организации, и она немедленно уплатила долг. Однако законны ли действия судебного исполнителя, получающего взыскание помимо Госбанка, в котором счет ответчика арестован? Думаю, что по мелким взысканиям это не будет нарушением кредитной реформы.

Поражает волокита. Судебные исполнители зачастую не дают ответов на запросы взыскателей, в каком положении их дело. 30% и даже более всех взысканий переходят на следующий месяц, следующий квартал, полугодие и т. д. В 1935 г. 41% взысканий осуществлялось в течение 10 дней, до 1 месяца — 32%, свыше месяца — 26%. В 1936 г. темпы ускорились: до 10 дней — 43%, до 1 месяца — 34%, но эти темпы совершенно недостаточны.

В ряде случаев описывалось имущество, которое по закону нельзя описать; на предприятиях описывали сырье, нужное для производства, в Московской области описали единственную корову у колхозницы за долг по алиментам ее сына, находящегося в Красной армии. Колхозница потеряла корову, а взыскательница получила очень небольшую сумму. По закону эту корову нельзя было описывать.

Суды в большинстве не проверяют денежных книг судебных исполнителей и не производят ревизий. Имеются растраты. В Н.-Тагиле в 1936 г. два судебных исполнителя растратили более 20 000 руб., но это удалось вскрыть лишь специальной бригаде, высланной на место. Судебных исполнителей осудили на 10 лет, но с народным судьей, в ведении которого они находились, ничего не сделали: говорят, нецелесообразно, он уже переведен в другой район. Нужно выяснять, в чем причины растраты, кто виноват и как ликвидировать растраты.

Условия работы судебных исполнителей крайне неудовлетворительны. Рабочей комнаты нет, иногда нет даже стола, судебный исполнитель сидит в общей канцелярии. Средств передвижения нет, он ходит пешком. Вид его: ходит в майке, засученные рукава, толстый портфель и зверский вид. Необходимо поставить вопрос о форме для судебных исполнителей. Есть факты безобразного отношения к судебным исполнителям: в Татарии директор совхоза, когда судебный исполнитель законно описал лошадь, выгнал судебного исполнителя и лошадь отобрал. На эти случаи суды не обращают внимания и не привлекают к ответственности за дискредитацию суда.

Наблюдаются случаи неправильного вмешательства прокуратуры, когда прокурор после судебного выселения давал приказ вселить обратно. После проверки дела прокурор признал, что выселение было произведено правильно. Мы стали на такую точку зрения: правильное решение было исполнено; раз вы вселили, то теперь выселяйте сами.

Мы ставим вопрос о стимулировании работы судебных исполнителей, оплачивая их работу по количеству и качеству их труда, о передаче всех денежных взысканий с учреждений и предприятий в Госбанк, о введении вызывного производства и об организации общественного актива вокруг работы по исполнению судебных решений, в частности, путем создания соцсовместителей для осуществления взысканий по тем делам, где есть волокита, злоупотребления и где необходима защита живого человека.

По докладу т. Лисицина развернулись прения, в которых приняли участие: тт. Дельцов (Мосгорсуд), Черлюнчакевич (Верховный суд СССР), Домбровский (Прокуратура СССР), Будаев (народный судья г. Москвы), Зарайский (Мособлсуд), Рогов (Главный суд Татарской АССР), Андрейчик (Верховный суд БССР), Гогшидзе (народный судья г. Тбилиси).

Выступавшие указывали на недостаточную квалификацию судебных исполнителей, необходимость увеличить их число и повысить их подготовку. Тов. Зарайский отметил существующую безответственность народных судей за работу судебных исполнителей, при которой судебные исполнители рассматриваются не как помощники суда, а как побочный аппарат.

Последним был заслушан доклад **заместителя председателя гражданско-судебной коллегии Верховного суда СССР т. Рейхеля** о предварительных итогах применения закона 27 июня 1936 г.

Свой доклад т. Рейхель начал с того, что отметил, что статистические данные по 21 краю и области РСФСР указывают, что после издания закона алиментные дела возросли в 1½ раза. В первом квартале 1936 г. было 81 тыс. алиментных дел, во втором — 95 тыс., а в третьем — 138 тыс. Примерно, таковы же данные по другим союзным республикам.

Около ⅓ дел, прошедших в третьем квартале, представляет собой дела по пересмотру ранее состоявшихся решений. В то же время ряд докладов с мест отмечает не только рост

дел, связанных с пересмотром, но и прирост новых, впервые заведенных дел. При рассмотрении дел отмечается специфический недостаток работы суда—невручение повесток. Если вообще нельзя рассматривать дело без вызова обеих сторон, то тем более это недопустимо при исках об отцовстве. Число дел, по которым не были своевременно вручены повестки, колебалось в Крымской АССР от 32 до 50%, в Москве из изученных дел по 13% нет сведений о вручении ответчику повестки. Это — недопустимое явление.

Суды очень редко обеспечивают иски по алиментным делам и редко пользуются ст. 24 Кодекса законов о браке, которая позволяет суду до разрешения вопроса о том, у кого останутся дети, присуждать временно сумму, необходимую для обеспечения детей. Немедленное исполнение решения дается не по всем делам, а это незаконно и нарушает интересы детей. Иногда решения пишутся: «присудить в пользу истицы столько-то», не указывая имен, отчеств и фамилий сторон и возраста ребенка, что затрудняет исполнение решения. В решениях допускаются безобразные формулировки, например, судья Елоховского района Куйбышевской области написал: «отказать истице в иске на том основании, что она вообще ведет себя все время распущенно». С другой стороны, нельзя доходить до таких положений, какие принял главный суд Татреспублики: «запретить судам отказывать в исках об отцовстве»; это — недопустимый перегиб.

В АССР немцев Поволжья народный судья для проверки сходства ребенка с предполагаемым отцом выбрал из публики трех наиболее солидных людей и сказал: «решите, похож или нет». Те сказали, что похож, и он присудил. Это — негодный прием.

Метод анализа крови разрабатывался Ученым советом Наркомздрава, причем признано, что на данной стадии развития науки он является надежным методом, который может быть рекомендован судам. Мы ставим перед НКЮ вопрос о проработке этого метода и даче соответствующих указаний судам.

Суды не оказывают достаточной помощи в розыске скрывающихся ответчиков. Основной аппарат, имеющий больше возможностей для розыска, НКВД, не достаточно еще мобилизован на эту работу, и суды жалуются, что милиция отказывает в содействии для розыска.

По вопросу о размере алиментов имеется затрудняющий суды вопрос: нужно ли понимать закон так, что никогда нельзя отступать от указанных в нем норм, например, в случаях, когда буквальное применение закона ведет к неравномерному обеспечению одних детей ответчика за счет других его детей. Закон должен быть выполняем так, как он написан, никаких отступлений не допускается.

Ответчики пытаются обойти закон путем искусственных исков детей, оставшихся при отце. Вторая жена, живущая с ответчиком, предъявляет, с его согласия, иск от себя, суд удовлетворяет его, и у судебного исполнителя оказывается 2 исполнительных листа: один в пользу детей, живущих отдельно от отца, другой — в пользу совместно с ним живущих. С такого рода обходами закона необходимо бороться.

Алиментные дела крайне важны. Для правильного их рассмотрения не нужно особой юридической подготовки, правовой материал легко усваивается. Тем более необходимо достигнуть правильности разрешения этих дел.

В прениях по докладу т. Рейхеля выступили т. Салынь (Прокуратура г. Москвы), Дворецкий (народный судья Горьковской обл.), Алексеев (Горьковский областной суд), Вериго (Прокуратура Ленинградской области), Удрис (председатель Верховного суда УзбССР), Давыдов (народный судья Западной области), Случевский (Прокуратура УССР), Нюрина (и. о. прокурора РСФСР), Примак (Одесский областной суд), Борисов (Прокуратура СССР).

Тов. **Вериго** сообщил, что получил протест районного прокурора по делу одного заслуженного артиста РСФСР, обязанного уплачивать алименты; его заработок составляет 4000 руб., доходя иногда до 10—12 000 руб. в месяц. Народный суд присудил с него 1000 руб. в месяц на одного ребенка; кассационная коллегия областного суда изменила решение, признав достаточной сумму в 500 руб. Истица жалуется на это определение кассационной коллегии, указывая, что она претендует на 25% от заработка ответчика и в те месяцы, когда заработок достигает 10 000 руб. Для таких случаев необходимы ясные указания, в каком размере следует взыскивать алименты.

Тов. **Удрис** отметил увеличение количества осужденных за неплатеж алиментов после издания закона 27 июня 1936 г.: в Узбекистане в 1935 г. было осуждено 70 человек неплательщиков, а после издания закона количество осужденных увеличилось в 1¾ раза. В 1935 г. лишение свободы было применено к 34% осужденных за неплатеж, а в третьем квартале 1936 г. — 47%.

Тов. **Давыдов** находит необходимым обеспечить положение детей, остающихся у отца, когда последний признан обязанным уплачивать алименты за других своих детей. Он привел пример из практики: истица — учительница, получает 350 руб. зарплаты, имеет домик и на ее иждивении находится один ребенок. Ответчик — рабочий, получает 200 руб., имеет новую семью, 4 детей и стариков отца и мать. Разошлись 10 лет назад. Истица предъявила иск об увеличении алиментов и ей присуждено 25% из зарплаты ответчика.

Случевский. Украинский Кодекс законов о браке, семье и опеке содержит статью о том, что если отец ребенка неизвестен и по делу привлечено несколько соответчиков, то суд вправе избрать одного основным ответчиком, а других признать соответчиками (голос с места: «Получается в виде акционерного общества»). Это — позорная статья и нужно срочно устранить неправильности, имеющиеся в законодательстве УССР.

Нюрина. Я не разделяю мнения товарищей, считающих метод исследования крови для установления отцовства высококультурным методом: даже когда мы прибегаем к судебной психиатрии, имеющей твердую научную основу, то не всегда получаем твердые ответы; в отношении же установления отцовства наука пока еще только карабкается. Задача алиментных дел — обеспечить интересы ребенка. Это еще не всеми судами усвоено. Вот пример из практики Северного областного суда. Женщина жила одновременно с мужем и с его братом, муж об этом знал. Ребенок был записан на имя мужа. Через год — полтора брат мужа женился, а женщина из ревности предъявила иск о признании его, а не мужа отцом ребенка. Муж

в суде заявил, что считает ребенка своим, имеет средства на его воспитание, живет с его матерью, но народный суд удовлетворил иск матери, а областной суд утвердил решение. Подан протест в Верховный суд. Ясно, что народный суд и областной суд копались в ненужных вещах, в интимных письмах и вынесли решение, противоречащее интересам ребенка. У ребенка были все нормальные условия для существования, а его сделали объектом дрязг.

Если отец и мать поделили детей, то суду следует взвесить материальную базу обеих сторон и в соответствии с этим вынести решение. Женщины также обязаны платить алименты, и если они иногда поставлены в менее хорошие материальные условия, чем мужчины, то отсюда не вытекает, что их нужно освобождать от материальной ответственности.

Я получила запрос, верно ли, что по закону ребенок при всех условиях отбирается от отца и передается матери. Я ответила, что это бывает в 99% случаев, но что нельзя всегда применять это как схему. Бывают случаи, когда ребенку лучше у отца, и установить это — задача суда.

По вопросу о взыскании алиментов нужно провести пару показательных процессов в отношении тех «хозяев», которые помогают своим служащим укрываться от судебных исполнителей при предъявлении исполнительных листов. Что касается размера алиментов, то нельзя подвергать новый закон никаким колебаниям. Есть закон, и нужно его выполнять. Прокурор должен вмешиваться в алиментные дела только при наличии волокиты, а сейчас он вмешивается больше чем нужно, так как суды плохо работают. Если работа будет поставлена лучше и обязанности суда и прокуратуры будут правильно распределены, то не будет колебаний судебных решений и поднимется их авторитет.

Борисов. Вопрос об исследовании крови по делам об отцовстве важен потому, что это исследование дает доказательный материал при недостатке других доказательств. Тов. Вышинский поставил вопрос об отмене устаревшего циркуляра, не допускающего метода исследования крови, как одного из видов доказательств. По вопросу об участии прокуратуры в делах об отобрании детей следует напомнить, что это участие обязательно; по этому поводу имеется циркуляр Прокурора Союза ССР. О розыске ответчиков имеется циркуляр НКВД о том, что розыск будет производиться только по предъявлении исполнительных листов; при этом, говорят, можно к ответчику предъявить иск по последнему местожительству, признать его отцом и после этого начать его розыск. Такая установка неправильна, так как толкает на упрощенческий подход к делам об отцовстве. Есть случаи, когда прокуратура одной союзной республики приостанавливает решение, вынесенное судом другой республики. Это незаконно; прокуратура может приостановить дело только при условии затребования его для опротестования, но если, например, Прокуратура РСФСР не вправе опротестовать решение народного суда другой республики, то она не может и приостановить его исполнение.

Рейхель (заключительное слово). Из выступлений некоторых товарищей видно, что они не поняли вопроса о том, можно ли делать отступления от норм, указанных в законе, и учитывать имущественное положение сторон. Повторяю, что закон 27 июня должен применяться во всей его полноте и должны присуждаться указанные в нем ставки, не делая корректив по имущественному положению. Недопустимо халатно относиться к вопросам о вручении повесток по алиментным делам. По вопросу о взыскании судпошлин по искам к колхозникам (где алименты исчисляются в трудоднях) имеется соглашение НКЮ и НКФ, что пошлины в этих случаях будут взыскиваться по твердой ставке 3 руб. При взысканиях алиментов с безработных надо брать суммовой итог, исходя из прежнего заработка, очевидно, этот человек либо укрывается от платежа, либо болен, так как вообще безработных у нас нет. Что касается больших заработков, то никаких директив не имеется и следует исходить из указаний закона.

По алиментным делам особенно необходимо добиться привлечения общественности к работе суда. Общественность окажет помощь в выявлении и розыске ответчиков и в исполнении решений.

Обмен опытом

Оговор со стороны обвиняемых

(Из практики следователя)

Задача следствия заключается в том, чтобы всесторонне исследовать обстоятельства дела и, в случае подтверждения виновности, представить суду исчерпывающий, обоснованный материал.

В практике нередко приходится сталкиваться с фактами, когда обвиняемый по делу указывает на других лиц или как на участников преступления, или как даже на инициаторов его. Показания обвиняемого в данных случаях служат уликой против того, на кого они направлены. Иногда эти ссылки бывают обоснованы и отвечают действительности, а иногда являются ложными и направлены только к тому, чтобы переложить вину на другого и тем самым скрыть свою вину. Поэтому подобные факты, когда обвиняемый затрагивает других лиц как участников преступления, подлежат всестороннему исследованию.

Одного показания обвиняемого, конечно, недостаточно, чтобы на их основе предъявить обвинение лицам, против которых они направлены. Показания обвиняемого будут иметь вес и силу как улика, если они подтверждены иными данными по делу. Иначе «оговор» один, без подтверждения, не может быть положен в основу обвинения. В следственной практике случаи такого оговора нередки, и от следователя требуется очень осторожный и вдумчивый подход к показаниям обвиняемого, оговаривающего других лиц.

Приведем один пример из практики, представляющий, с нашей точки зрения, некоторый интерес.

Весовщик склада Заготзерна в г. Калуге Чудаков обратил внимание на то, что склад стали посещать неизвестные ему лица, которые постоянно спрашивают заведующего складом Ефимова. На указания Чудакова, что если они приехали за получением хлеботоваров, то он может, при наличии оформленных документов, отпустить сам, эти люди уклончиво заявляли, что им нужен Ефимов — член ВЛКСМ, комсорг всех складов, расположенных при станции Калуга, где был и его склад. Чудаков, дабы не вызвать недоразумений, никому не говорил о своих подозрениях, но наблюдения продолжал. Однажды Чудаков заметил, что на склад приходил какой-то молодой человек, поговорил с Ефимовым, а через некоторое время в склад въехала подвода, на которую Ефимов стал грузить муку, крупу, рис и т. д. Всего было погружено 14 мешков, весом в тонну. Передачи документов Ефимову Чудаков не видел, да и подвода была, очевидно, частного найма. Чудаков усомнился в законности отпуска продтоваров и поставил в известность заведующего всеми складами Соколова. За подводой установили наблюдение и, идя следом за ней, дошли до магазина № 62 Калужторга, где она и остановилась. Как и следовало ожидать, документов на отпуск и получение муки, крупы и т. д. со склада Заготзерна не оказалось. Продтовары получал продавец магазина Анисимов по поручению зав. магазином Чернышкова, сказавшего Анисимову: «Поезжай, получишь такое-то количество таких-то продтоваров, получение уже оформлено».

Иными словами, Ефимов и Чернышков были пойманы с поличным. Ревизия склада установила недостачу на 20 тыс. руб., а по магазину — на 3000 руб. Было возбуждено уголовное дело и начато расследование. Ефимов и Чернышков виновными себя признали. Вместе с тем Ефимов заявил, что не только участником, но даже инициатором хищения был Чудаков, раскрывший преступление, а он, Ефимов, поддался его влиянию. Далее Ефимов показал, что и в этом с Чернышковым случае Чудаков был участником; с ним была договоренность; Чернышков сам говорил с Чудаковым и может подтвердить, что Чудаков — участник преступления.

Чернышков показал, что он, якобы, договорившись с Ефимовым о хищении со склада товаров для последующей реализации через магазин, был послан к Чудакову, а тот его сразу встретил вопросом: «Вы из магазина? Приезжайте». Чернышков, кроме того, показал, что он и Анисимову (продавцу) велел ехать прямо на склад и спросить Чернышкова.

Чудаков свою причастность к преступлению категорически отрицал. Получалось так: с одной стороны, Чудаков раскрыл преступление, а с другой — он участник его, что подтверждалось двумя обвиняемыми.

Руководящие складские работники Заготзерна дали хорошую характеристику Чудакову. Существенное значение имело показание продавца магазина Анисимова, который совершенно не подозревал, что через него производят вывоз похищенных продуктов. Так, Анисимов (получавший товары по поручению Чернышкова) показал, что Чернышков посылал его на склад, велел найти Ефимова, передать ему записку и привезти груз. Фамилии Чудакова Чернышков совершенно не называл. На складе муку, крупу и пр. отпускал сам Ефимов, и он, Анисимов, больше никого не видел. Чернышков же ждал его у изгороди склада. Отпустил продтовары Ефимов сразу.

Показания Анисимова — совершенно объективного свидетеля — подтвердил еще тот факт, что Ефимов, при содействии Чернышкова, умышленно хотел «впутать» в дело Чудакова за разоблачение его преступной деятельности. Как Ефимов, так и Чернышков приговорены к лишению свободы, Чудаков же не был привлечен, так как в данном случае оговор его со стороны уличенных обвиняемых не только не был подтвержден обстоятельствами дела, но прямо им противоречил.

М. Виноградов.

Прием жалоб на производстве

Прокурор Донецкой ж. д. т. Любимов, поставил перед собой задачу максимально приблизить работу прокуратуры к массам рабочих-железнодорожников, направил 11 июня п. г. всех работников прокуратуры в основные предприятия дороги для проведения бесед с рабочими о решении III пленума Комиссии советского контроля «О рассмотрении жалоб трудящихся» и для приема жалоб от трудящихся на производстве.

Работниками прокуратуры Донецкой ж. д. лишь в один этот выезд было принято 240 жалоб на различного рода нарушения революционной законности. 125 жалоб были тут же разрешены на месте, а по остальным были приняты меры к их немедленной проверке и разрешению.

Будучи на производстве, работники прокуратуры получили сведения о многих производственных неполадках, и на основе этих материалов прокурор дороги поставил ряд вопросов в управлении дороги и в политотделе дороги.

В своем приказе от 22 июня Прокурор Союза, полностью одобряя проделанную прокуратурой Донецкой ж. д. работу, указал, что это является «реальным шагом к повышению качества работы прокуратуры по жалобам и к усилению связи прокуратуры с массами населения».

В том же приказе Прокурор Союза предложил всем прокурорам широко использовать опыт прокуратуры Донецкой ж. д.

В настоящей статье мы ставим себе задачей показать, как опыт Донецкой ж. д. претворяется в работе транспортной прокуратуры.

В тех прокуратурах, где серьезно подошли к использованию опыта Донецкой ж. д. и стали применять этот опыт в повседневной работе, там мы имеем значительные достижения в работе по рассмотрению жалоб трудящихся.

Прокурор Конотопского участка Московско-Киевской ж. д. т. Любимов, договорившись с партийными и профессиональными организациями Конотопского вагоноремонтного завода, стал принимать жалобы в цехах завода во время обеденного перерыва. После краткого вступительного слова о задачах прокуратуры и о решении пленума Комиссии советского

контроля т. Любимовым принимались жалобы. Большинство жалоб разрешалось на месте, и жалобщики тут же получали исчерпывающий ответ. На жалобы, требующие проверки, ответ сообщали на второй день.

Жалобы рассматривались в цехе в присутствии администрации и завкома. Всего было подано 145 жалоб.

Интересен характер жалоб. На неправильное использование по специальности — 14, на снижение разрядов — 10, на невыдачу спецодежды — 23, на неправильную оплату труда — 32, на непредставление отпусков — 12, на неправильные действия администрации — 11, на производственные неполадки — 28.

Как видно из этого перечня, эти жалобы крайне актуальны и касаются насущнейших интересов рабочих.

Принятыми прокурором мерами ряд рабочих был переведен на работу по своей специальности; пять жалобщиков были переведены на более легкую работу согласно заключению врачебной комиссии.

Непосредственное общение с рабочими убедило прокурора в том, что с охраной труда на заводе обстоит крайне неблагополучно.

Так, администрация формально-бюрократически относилась к выдаче рабочим спецодежды. Вследствие недоброкачественности материала рукавицы приходили в негодность через три дня. Независимо от явной непригодности рукавиц администрация завода доказывала, что рабочий имеет право на получение новых рукавиц лишь через 3 месяца. В сборном цехе мастер решил «экономить» и додумался до того, что выдавал котельщикам только одну рукавицу на правую руку.

Возмутительное отношение к нуждам рабочих подтверждает и следующий факт: рабочий поезд на Бахмач отправлялся в 23 ч. 33 м., а работа на заводе оканчивается в 24 часа. Рабочие были вынуждены до утра находиться или на вокзале или в цеху.

46 рабочих малярного цеха имеют право на получение молока, но вследствие халатности и разгильдяйства молоко на завод привозили поздно, часто к концу рабочего дня. В результате молоко портилось, и рабочие отказывались получать его. Вследствие этого накоплялась большая задолженность молока и рабочим выдавали молоко сразу за 20 дней.

Все эти и многие другие выясненные прокурором факты наглядно показывали, что завком и инспекция труда не борются с грубейшими нарушениями законодательства о труде. Прокуратурой был поставлен вопрос перед ЦК союза ж. д. о принятии решительных мер к улучшению работы инспекции труда и завкома.

Помощник прокурора Ашхабадской ж. д. т. Ногосян выехал для приема жалоб на ст. Казандумы. Всего им было принято 30 жалоб (15 письменных и 15 устных). В основном жалобы подавались на неправильно наложенные дисциплинарные взыскания. Большинство жалоб были признаны прокурором основательными, и тут же были приняты меры к отмене неправильно наложенных взысканий.

Для иллюстрации приведем две жалобы.

Машинист Касаткин был уволен с работы якобы за опоздание на один день, несмотря на то, что им был представлен бюллетень о болезни. Принятыми прокуратурой мерами Касаткин восстановлен на работе.

Уборщица станции Матюнина, будучи уволена, в течение двадцати дней не могла получить расчета. По предложению прокурора Матюниной деньги были немедленно выплачены.

Принятые прокурором жалобы дали основание сделать вывод, что начальник депо несерьезно подходит к применению устава о дисциплине и зачастую становится на путь огульного применения наказаний. Об этом прокуратурой было сообщено начальнику дороги и начальнику политотдела дороги.

Хорошо был организован тем же прокурором прием жалоб на ст. Джебел. Из 20 поданных жалоб 16 жалоб были разрешены в пользу жалобщиков.

В основном жалобы были на неправильное применение устава о дисциплине и на неправильную выдачу зарплаты.

Вот факты: кубовщица станции Корчагина жаловалась на неправильное объявление ей строгого выговора за якобы несвоевременный выход на работу. Оказалось, что от Корчагиной не было истребовано объяснения, что никаким взысканиям она ранее никогда не подвергалась. По предложению прокурора, начальник станции пересмотрел свой приказ.

Группа машинистов жаловалась на неправильную оплату маневровой работы. Здесь же вопрос был поставлен перед начальником депо и разрешен в пользу машинистов.

Рабочие-железнодорожники ст. Казанджик и ст. Джебел горячо приветствовали и одобряли прием жалоб непосредственно на производстве.

Пом. прокурора Октябрьской ж. д. т. Захаров выехал на Пролетарский паровозо-ремонтный завод.

Им было принято 25 жалоб, из коих часть жалоб, касавшихся задержки оплаты за сверхурочную работу, были немедленно удовлетворены.

Большая часть жалоб была на отказ администрации завода увольнять по собственному желанию. Прокуратура занялась изучением этого вопроса и установила, что рабочие подают пачками заявления с просьбой освободить их с работы, потому что администрация цехов не загружала рабочий день полностью, что приводило к снижению заработка.

Вопрос о правильной загрузке рабочего дня прокуратурой был поставлен перед администрацией завода.

Прокурор Алатырского участка Казанской ж. д. т. Егоров выехал на станцию Красный узел. Им было принято 16 жалоб.

Рабочие жаловались по разным вопросам. В частности один рабочий обратился с жалобой на неправильное исключение из школы его 10-летнего ребенка. Прокурор тут же вызвал директора школы со всеми документами об исключении. Оказалось, что еще в прошлом году мальчик был за шалость исключен из школы на 3 года. Прокурор разъяснил директору неправильность такого приказа. Директор заявил, что приказ будет пересмотрен, и мальчик будет принят в школу.

Прокурор Грозненского участка Северокавказской ж. д. т. Геллер систематически производит прием жалоб на производстве.

За 2 месяца (июль и август) им было принято и рассмотрено непосредственно на производстве 140 жалоб.

Прокурор Вяземского участка Западной ж. д. т. Бойков принял в сентябре на производстве 27 жалоб.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы говорят о том, что там, где прокуратура принимает жалобы на производстве не от случая к случаю, а систематически, там авторитет прокуратуры сильно возрос, и работа прокуратуры значительно улучшилась. Это видно и на общем увеличении жалоб, поступающих в прокуратуру. Так, если в прокуратуру Грозненского участка за период с 1 июня по 15 сентября поступило 261 жалоба, то в соседнюю Махач-Калинскую участковую прокуратуру той же Северокавказской дороги за 6 месяцев поступило всего 77 жалоб. Такое незначительное количество жалоб объясняется не тем, что на Махач-Калинском участке меньше нарушений революционной законности, а тем, что прокурор Махач-Калинского участка на производстве не бывал, его там не знали и к нему поэтому не обращались.

Надо со всей категоричностью подчеркнуть, что еще далеко не все прокуратуры дорог приступили к систематическому приему жалоб на производстве. На большинстве дорог работа эта носит случайный характер. Выезды предварительно не подготавливаются. Рабочие не информируются о предстоящем приезде прокурора. В результате в ряде случаев, когда прокурор приезжает, рабочие об этом не знают, и никто к нему с жалобами не приходит.

Самым резким образом необходимо осудить практикующуюся кое-где такую подготовку к приемам жалоб на производстве, вроде посылки телеграмм завкому, что «такого-то числа я, прокурор, приеду принимать жалобы на производстве».

Надо установить такой порядок, при котором прокурор принимал бы жалобы в крупных, решающих пунктах своего участка в строго определенные дни и часы и в определенном месте. Все рабочие данного предприятия должны быть об этом широко оповещены, кроме того, необходимо своевременно договориться с местными партийными и профсоюзными организациями.

Помимо заранее установленных и строго регламентированных дней приема прокурор участка должен в течение месяца организовать 3—4 выезда в другие пункты своего участка для приема жалоб.

Крайне полезно использовать выезды с сессиями линейного суда. Выезжая с судом, необходимо заранее согласовать с местными организациями вопрос о пункте приема жалоб и широко информировать об этом рабочих.

Надо, чтобы и прокуроры дорог лично принимали жалобы. Должен быть установлен такой порядок, при котором прокурор дороги, бывая на линии, обязательно лично принимал бы жалобы. Это во многом поможет прокурору дороги в его борьбе с нарушениями революционной законности.

Надо объявить жесточайшую борьбу с нездоровыми настроениями, наблюдающимися сейчас в ряде прокуратур и заключающимися в том, что раз принимаются жалобы на производстве, то нет надобности бороться за быстрое рассмотрение жалоб, поступающих непосредственно в прокуратуру.

Обследование Минераловодской участковой прокуратуры (прокурор Тонкаль), произведенное заместителем прокурора Северокавказской ж. д., выявило совершенно недопустимую волокиту по жалобам.

Вот несколько фактов.

23 июня гр. Склярова подала заявление, что ей не платят алиментов по исполнительному листу. В тот же день прокурор запросил директора известкового комбината о причине невысылки причитающихся Скляровой сумм. И на этом прокурор успокоился. Не получив ответа, секретарь механически начинает посылать напоминания. Посылается запрос 5 июля, затем 17 августа, и так бы продолжалось бесконечно, если бы не обследование зам. прокурора дороги. Жалоба, которая могла и должна была быть разрешена буквально в 2—3 дня, волокитилась 1 месяц и 24 дня.

6 июля дежурный по станции Минеральные воды Степкин подал жалобу на неправильное удержание из его зарплаты 5% за брак в работе. В тот же день прокурор запросил начальника станции, находящегося на расстоянии 5 шагов от прокурора участка. Не получая ответа, прокурор посылал напоминания. Жалоба «разрешалась» в течение 2 месяцев 15 дней — до приезда прокурора дороги.

13 июля дежурный по станции Минеральные воды подал жалобу на то, что в трудовом списке неправильно записана формулировка о его увольнении. 16 июня прокурор запросил начальника отделения (который кстати находится с ним в одном здании). Не получая ответа, он посылал напоминания. Так прошло 2 месяца 8 дней, пока не приехал прокурор дороги.

Самая решительная борьба должна быть объявлена бюрократизму в нашей работе.

Как иначе, как не бюрократизмом, возмутительным издевательством над живым человеком, можно назвать подобное отношение к жалобщику.

Борясь с волокитой, надо обратить серьезное внимание на глубокое расследование поступающих жалоб, не допуская формальных отписок.

Каленым железом надо выжигать такое отношение к жалобам, какое допускал зам. прокурора Горьковской ж. д. т. Деев.

Вот пример его бюрократического отношения к жалобам.

26 сентября зам. начальника 9 дистанции пути Алехин обратился с жалобой в прокуратуру, что в его отсутствие и в то время, когда жена его находилась в родильном доме, его вещи были выброшены из одной комнаты, а комнату предоставили новому заместителю начальника дистанции. По заявлению Алехина, при переселении из комнаты пропали золотые часы и 420 рублей денег.

27 сентября Деев дал телеграмму о прекращении незаконного уплотнения, а 29 сентября, получив сообщение начальника дистанции, что уплотнение производилось на основании распоряжения начальника службы пути, сообщил жалобщику дословно следующее: «На вашу жалобу по вопросу уплотнения вас сообщаю, что такое произведено по распоряжению П... в части похищенных вещей необходимо обратиться в суд». Так Деев разрешил жалобу.

Раз уплотнение произведено по распоряжению П. (нач. службы пути), это уже для Деева

оказалось достаточным. Не разрешение жалобы по существу, а формально-бюрократическая отписка.

Сталинская Конституция Союза ССР возлагает на прокуратуру высокоответственную и почетную задачу охраны социалистической законности.

Вытравив же все элементы бюрократизма в нашей работе, обеспечим охрану законности на железнодорожном транспорте.

Ю. Элькинд.

Следователь и милиция[1]

На совещании Прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинского с народными следователями, в ответ на заявление одного следователя о том, что в УССР ответственные дежурные по милиции приходят к народному следователю и получают от него инструктаж, т. Вышинский сказал: «Очень плохо». Далее т. Вышинский пояснил, что следователь делает это, когда ему нечего делать, что следователь должен быть только следователем, а не пом. прокурора, и он должен знать только следствие.

В заключительном слове на этом же совещании т. Вышинский сказал: ...на следователя нужно смотреть, как на заместителя прокурора по следственной части»[2].

Совершенно правильно, что следователь — это следователь, это лицо, имеющее своим назначением расследование конкретных преступлений.

Всегда ли, при всяких ли условиях, по любому ли делу следователь самостоятельно от начала и до конца, без всякой помощи может установить виновных в совершении преступления лиц? Нет, не всегда.

Есть категория дел, в которых тщательный осмотр места преступления и зафиксирование всех следов, допрос лиц, имеющих отношение к делу, является недостаточным для установления конкретного лица, совершившего преступление, давая лишь ключ к тому, где следует искать преступника. Обнаружение преступника, относящегося в таких случаях к категории деклассированных элементов, требует применения специальных розыскных мер. Может ли следователь сам заниматься такими розысками? Нет, не может. В этом случае он вынужден прибегать к помощи милиции и уголовного розыска, располагающих специальными для этой цели средствами. Может ли следователь оставаться пассивным наблюдателем по такому делу и ждать, пока ему пришлют материал? Нет, не может и не должен.

Отсюда напрашивается необходимый вывод: следователь должен обладать какими-то правами для объединения своей и других органов работы по розыску преступников по конкретному делу.

Из практики известно, что по ряду дел, расследованных органами милиции и уголовного розыска, народному следователю приходится проводить дополнительные следственные действия в порядке ст. 109 УПК или по специальному предложению прокурора.

В нашей практике был такой случай. Мы разыскивали пропавшего человека. Труп его был обнаружен через 3 месяца в лесу. Случайно удалось узнать, что в этом же лесу за месяц до обнаружения трупа разыскиваемого нами человека был также обнаружен труп неизвестного. В милиции мы разыскали дело об обнаружении этого трупа, причем оказалось, что личность его не установлена и дело сдано в архив. Между тем очевидно было, что в обоих случаях имело место убийство, а ряд характерных признаков указывал, что оба убийства совершены одной и той же группой лиц. Следователь установил, что убитый является жителем деревни, расположенной в 4 километрах от места, где был обнаружен труп, осужденный ранее на 10 лет лишения свободы и скрывшийся до убийства в этой деревне. Путем установления связей убитого удалось выявить шайку убийц, действовавших с целью ограбления, и привлечь их к ответственности.

Народные следователи освобождены от надзора за расследованием, производящимся милицией. Этот надзор возложен непосредственно на районных прокуроров. Против освобождения народного следователя от всеобъемлющего надзора возражать не приходится. Мероприятие это необходимое, оно освобождает народного следователя от мелочной опеки над милицией и обеспечивает единство руководства борьбы с преступностью и делом расследования. Однако лишать народного следователя права ознакомления с находящимися в производстве милиции особо сложными делами, требующими в соответствии со ст. 108 УПК предварительного следствия, по-моему, неразумно, так как эти дела подследственны ему, следователю, и по выполнении милицией необходимых следственных действий должны будут перейти к нему.

Не вызовет ли это параллелизма и, как следствие, безответственности в части наблюдения за работой милиции и не оторвет ли это следователя от выполнения прямых его обязанностей по производству следствия?

Прокурор в районе осуществляет наблюдения за расследованием во всех органах, ведущих борьбу с преступностью, и единственно ответственен за качество и сроки расследования дел. Народный следователь, непосредственно выполняя функции следователя по наиболее важным делам, требующим предварительного следствия, одновременно должен быть в курсе всех таких дел, находящихся в производстве милиции и угрозыска. Если он видит, что дело не получает правильного разрешения, он своевременно должен ставить перед прокурором вопрос о передаче этого дела ему.

Такое право народного следователя не только не оторвет его от выполнения прямых обязанностей по производству следствия, но, наоборот, значительно может облегчить его работу. Не говоря уже о живом общении с работниками милиции и уголовного розыска по конкретным делам, которое всегда полезно, народный следователь сможет предотвратить получение из милиции дел, по которым, в результате упущений при первоначальных следственных действиях, дополнительное следствие будет совершенно бесплодно.

---

[1] Статья печатается в порядке обсуждения. Ред.

[2] «Соц. законность», 1936, № 11, стр. 55, 59, 60.

Надо полагать, что этот вопрос, равно как и ряд других, будет разрешен новым Уголовно-процессуальным кодексом СССР, который точно определит положение, права и компетенцию каждого органа расследования.

В. Власов.

Договор и судебное решение

Без плана не может жить ни одна организация, ни одно предприятие в стране социализма. В плане — успех и сила советского государства. Бесспорно и то, что договор является неотъемлемой частью плана. Выполняется договор — выполняется план, нарушается договор — хромает план. Если аксиому эту усвоили и проводят в жизнь работники ведомственных и государственных арбитражей, то о народных судах этого сказать нельзя.

Вот примеры.

Дорожный трест Сталинского райсовета г. Москвы в Старорусском районе имеет камнеразработки. Производственная программа их — 100 000 кубометров булыжного камня. Работа, кажется, не такая уж большая, но каждому ясно, какое значение она имеет для реконструкции Москвы и очистки от камня старорусских колхозных полей. Производитель работ в зимний период заключил с колхозами и единоличниками договоры на добычу и вывозку камня к линии железной дороги. Под производственную программу, таким образом, был подведен реальный фундамент — договор. А договоры, наряду с другими, содержат и такой пункт: «Сторона, нарушившая обязательство, платит пеню и неустойку... Уплата санкций не освобождает стороны от выполнения договора». Казалось бы, что, раз план охвачен такими договорами, выполнение его, так или иначе, гарантировано. Однако на практике получилось несколько иначе.

Дорожный трест за первое полугодие предъявил 9 исков за невыполнение договоров. В каждом исковом заявлении излагалась и подтверждалась просьба: «Невыполнение работ по договорам ставит под угрозу срыва наш производственный план. Просим в порядке § 8 договора взыскать с ответчика пеню и неустойку с суммы невыполненного обязательства и обязать его выполнить договор». Народные судьи в своей практике не нашли ответа на вопрос: «а какие же надо принять меры, чтоб обеспечить выполнение договора?», хотя они и знали, что органы арбитража в этих случаях устанавливают штрафы на случай, если договор не будет выполнен в установленный ими срок. Они рассуждали, примерно, так: «права арбитров установлены для арбитров, а не для народных судей, и нечего тут нам мудрить»... И они присуждали только пеню и неустойку, оставляя вторую часть иска — выполнение договора — без рассмотрения. Правда, иногда они писали в решении: «Обязать ответчика выполнить договор в 1936 г.». Но ответчик слушал такое решение и думал: «Ну, а если не будет выполнено?» и легко выкручивался из создавшегося положения. «Неустойка с меня присуждена, а второй раз не присудят», — говорится тем, кто пытался воздействовать на его «чувства»; судебное решение оказывалось в этих случаях беспомощным.

А как на подобные решения реагировала кассационная коллегия Ленинградского областного суда?

10 января 1936 г. Лендорснаб обязался к 10 марта доставить к сладам камнеразработок 1000 кубометров камня. Лендорснаб своего обязательства не выполнил. А так как договор имеет пункт «за невыполнение — неустойка, и уплата ее не освобождает от выполнения договора», то камнеразработки обратились в народный суд Волотовского района с иском. Народный судья т. Павлов решил: «Неустойку взыскать, а в выполнении договора отказать». Причем в решении не было приведено никакой мотивировки, почему суд в выполнении договора отказал. Камнеразработки обжаловали решение, и кассколлегия определила: «Решение суда оставить в силе».

Эти примеры говорят о том, что суды в своей практической работе забыли о борьбе за план, за укрепление договорной дисциплины и контроль рублем. Они забыли о том, что, освобождая от выполнения договора, они создают безответственность сторон, ибо неустойка в 3% с невыполненного обязательства по мелким договорам (подчинены народным судам по обобществленному сектору иски до 1000 руб.) обычно не представляет собой силу, и любой нарушитель договора охотно идет на то, чтобы заплатить неустойку и освободиться от исполнения договора. Поэтому на очереди дня стоит задача, которую необходимо разрешить таким образом, чтобы в судебных решениях обязывали сторону, нарушившую договор, независимо от уплаты пени и неустойки, выполнять под угрозой штрафа договор к определенному сроку.

Пеня и неустойка являются не только гарантией выполнения договора, но и резервом для покрытия убытков, нанесенных его нарушителем.

СНК СССР в своем постановлении от 19 декабря 1933 г. по вопросу о заключении договора указал: «В случае систематического нарушения договорных обязательств органы государственного и ведомственного арбитража могут устанавливать повышенные против договора штрафы». Эти меры не ослабляются, а усиливаются. И те, кто следит за практикой арбитража, знает, что в 1936 г. это проводится особенно настойчиво.

Народные суды или не знают этого, или думают, что их это не касается.

Так, например, ликвидировавший на Украине свое хозяйство и приехавший в Ленинградскую область Василий Корзун заключил с камнеразработками договор на вывозку 500 кубометров камня. В обеспечение договора ему был выдан аванс в 1500 руб. на покупку лошади и телеги. Получив деньги, гр. Корзун положил их в карман, а на договор махнул рукой. Камнеразработки обратились с иском в народный суд Волотовского района, и народный судья Павлов вместо 400 руб. обусловленной договором неустойки присудил с Корзуна лишь 100 руб.

А по делу Константина Борисова тот же народный суд (народный судья Иванов) вынес совсем оригинальное решение: «Ответчик Борисов из полагаемых по договору 500 кубометров не вывез 100 кубометров вследствие бездорожья и отсутствия камня у самого истца, а потому на него (т. е. на Борисова. — М. А.), ответственности никакой быть не может». Эта мотивировка была взята судьей из

объяснений ответчика, ничем не подтвержденных.

Между тем, в деле имеется справка бухгалтерии, что Борисов вместо 500 кубометров выполнил лишь 89 (а не 400, как он говорил на суде) и что договор он заключил 11 декабря 1935 г., обусловив срок вывозки камня не позднее 1 марта 1936 г., т. е. договор действовал как раз в такое время года, когда дорога (санный путь) самая лучшая. Откуда судья Иванов взял «бездорожье» — ведомо только ему.

Волотовский народный суд взял себе за правило: если неустойка составляет для частного лица сотни рублей — ее надо снижать, а если она выражается в десятках рублей и для нарушителя договора не страшна — ее можно присудить. К этому еще нужно добавить одну деталь: понижая неустойку частным лицам, суд ни разу не нашел оснований понизить ее колхозам.

Такая политика в применении договорных санкций ослабляет силу договора и колеблет его авторитет.

Старорусские камнеразработки имеют 13 исполнительных листов, но, к сожалению, ни один из них не приведен в исполнение.

В Псковском сельсовете Волотовского района с 1 июня находится исполнительный лист на взыскание с гр. Корзун 1823 руб. Этот Корзун, не будучи связан с сельским хозяйством, имеет двух лошадей и корову и ежедневный заработок в 60—70 рублей. Хотя гр. Корзун живет и работает в 3 километрах от сельсовета, последний не принял в течение двух месяцев никаких мер к взысканию с него денег.

Автору этих строк пришлось, в качестве представителя камнеразработок, выехать на место для установления причин. Оказывается, никаких причин нет: следовало или описать и продать имущество гр. Корзун или производить удержание из его заработной платы.

По моей просьбе, сельсовет у Корзун произвел опись имущества. Но когда я с этой описью явился к Волотовскому районному прокурору и попросил его воздействия на сельсовет, зная, что иначе опись превратится в клочок бумаги, прокурор ответил:

— Разорять людей не наше дело. Вам надо передать исполнительный лист туда, где он работает.

— Это же не разорение. Лошади его куплены на деньги камнеразработок...

Но прокурор был непреклонен.

— Нет, пусть это сделают камнеразработки.

Аналогичные примеры можно бы еще привести, но и этот дает достаточное представление о том, как органы местной власти относятся к хозяйственным договорам.

Мы в этой статье рассказали о практике только двух народных судов и одной маленькой хозяйственной организации. Но каждый из читателей понимает, что подобная практика выходит далеко за пределы взятых нами конкретных учреждений. Какие же выводы из всего этого нужно сделать? Их немного, и они ясны.

1. По спорам, связанным с выполнением договоров, практика народных судов и Госарбитража должна быть единой, ибо по делам, связанным с договорами, народный судья — тот же арбитр, только с меньшей подсудностью.

2. Нельзя снижать пени и неустойки, предусмотренные договорами без особо уважительных причин, ибо применение договорных санкций означает взаимный контроль рублем над выполнением договора. Но, взыскивая санкции, необходимо помнить о постановлении СНК СССР от 19 декабря 1933 г. о заключении договоров на 1934 г., в котором в § 19 сказано: «Уплата пени, неустойки и штрафа не освобождает сторону, уплатившую их, от исполнения договора». А для этого в судебном решении следует назначать новые сроки и такой штраф за невыполнение, который гарантировал бы это выполнение.

Исполнение решений должно быть быстрым и реальным, иначе оно не достигает цели. Приводить эти решения в исполнение должны не сельские советы, а судебные исполнители, с отнесением всех расходов, связанных со взысканием, за счет ответчика.

Эти меры, несомненно, поднимут авторитет и договора, и судебного решения.

М. Антиков.

Практика применения закона от 27 июня 1936 г. о пособиях многосемейным матерям

В практической работе при проведении в жизнь закона от 27 июня 1936 г. нам приходится встречаться с многочисленными случаями, вызывающими серьезные затруднения.

Некоторые особенности этого закона требуют, по нашему мнению, авторитетного разъяснения, ибо затрагиваемые мною ниже вопросы не везде разрешаются одинаково.

Многочисленные случаи из своей практики я разбиваю на 4 категории. Я позволяю себе по каждой группе случаев высказать свое мнение.

1. Случай смерти матери

Субъектом права на пособие (правомочным лицом) является мать семьи. В статье 10 закона это подчеркивается дважды: «Установить государственное пособие многосемейным матерям...» и дальше в той же статье: «а матерям, имеющим 10 детей...». Целевое назначение этого пособия изложено во вступительной части закона: «Необходимо материальное обеспечение женщин и детей, государственная помощь многосемейным и т. д.». Таким образом из текста закона ясно, что требуется наличие обоих моментов: мать семьи и соответственный состав семьи, т. е. количество детей. Поскольку сам заголовок второго раздела закона говорит «об увеличении материальной помощи государства роженицам и установлении государственной помощи многосемейным» и поскольку во вступительной части закона ясно стремление закона к улучшению материального положения женщины-роженицы, то при отсутствии правомочного лица, субъекта права — матери семьи — это пособие не выдается. А посему ходатайства отцов семьи нами не удовлетворяются. Однако несколько случаев вызывают у нас большое сомнение. Конкретный случай такой. Гражданка Гребнева (Винницкой области и района) подала в августе 1936 г. заявление о назначении ей государственного пособия в связи с наличием у нее 7 детей. Потребовалось некоторое время для проверки указанного за

явительницей обстоятельства, для получения метрических свидетельств на детей, и в начале сентября Винницкий облисполком утвердил для гр. Гребневой пособие. 14 сентября с. г. до проведения в жизнь постановления ОИК гр. Гребнева родила восьмого ребенка и после родов скончалась, а ребенок остался жив. Возникает вопрос, подлежит ли выдаче установленное пособие за седьмого ребенка и кто должен получать это пособие за восьмого ребенка? Нам кажется, что вопрос должен быть разрешен в положительном смысле для обеих выдач на один 1936 г. Ст. 10 закона говорит, что право на пособие для матери приобретается самим фактом рождения седьмого и следующего ребенка. Если выдача денег в натуре требует прохождения некоторых формальностей (проверка состава семьи, проверка метрических свидетельств и т. д.), то это только отодвигает на некоторое время осуществление права матери. Право же матери наступает немедленно после рождения соответствующего ребенка, и это право как приобретенное является ее имуществом, которое, в случае смерти ее, переходит к законным наследникам — детям. После смерти матери отпадает правомочный субъек на дальнейшее получение пособия, но то право, которое приобретено матерью при ее жизни (право на пособие за этот год, как в случае с гражданкой Гребневой, — на пособие за седьмого и восьмого ребенка на 1936 г.), как право приобретенное, переходит к ее детям. Такое толкование соответствует целевому назначению пособия — материальной помощи осиротевшим детям.

2. Случаи усыновления

Усыновление является институтом правовым, когда путем юридических актов между лицами создаются отношения семейные, вроде тех, которые создаются самим фактом рождения одного лица от другого. Таким образом путем усыновления количество детей в семье может быть увеличено, причем по закону усыновленный пользуется всеми правами родного ребенка. Подлежат ли включению в состав семьи усыновленные дети при исчислении состава семьи для получения государственного пособия? По нашему мнению, вопрос разрешается отрицательно. Это вытекает из смысла вступительной части закона (забота о женщине-роженице) и из буквального текста статьи 10 закона «...многосемейным матерям, имеющим 6 детей при рождении...». И дальше: «матерям, имеющим 10 детей, — единовременное государственное пособие при рождении...». Очевидно, что такое право приобретается только фактом рождения ребенка, увеличения семьи естественным путем, а не путем искусственным. По этому поводу имеется инструкция Главного управления загс при Наркомате внутренних дел СССР, которая допускает включение в состав семьи при выдаче пособия усыновленных детей при условии, если усыновители проявляли к усыновленным полностью родительское отношение в смысле ухода, воспитания и т. д. Мы все же считаем точку зрения Главного управления загс НКВД неправильной и полагаем, что разъяснение Народного комиссариата здравоохранения СССР по этому вопросу, исключающее усыновленных из состава детей при исчислении пособия, более соответствует смыслу закона.

3. Случаи утраты родительских прав

Гр. Люлька Е. И. (Ситковецкий район Винницкой области) заявила, что у нее имеется семь детей, но старшего сына (еще 14 лет назад) ее родители «забрали» к себе, поскольку у них при себе детей не осталось. Какова была действительная подкладка усыновления дедушкой и бабушкой внука, нежелание ли оставить имущество выморочным, желание ли помочь многосемейной дочери, были ли иные мотивы морального или материального характера, — из сухих бумаг установить невозможно. По соображениям, изложенным нами выше, нам кажется, что мать своего права на пособие не потеряла. Если юридически она свое родительское право утеряла, то фактически ее старший сын, отданный в усыновление, — ребенок, ею рожденный. Юридическая отчужденность не разрывает фактических, естественных связей матери и ребенка, и если даже ребенок перестал носить фамилию своих естественных родителей, то мы все же, в случае тяжелой нужды родителей или ребенка, не освободили бы их от взаимной обязанности давать алименты друг другу. Мы полагаем, что содержание закона, направленное к моральному и материальному обеспечению женщины-роженицы, диктует нам, что отданных в усыновление детей необходимо засчитывать в состав семьи естественных их матерей при выдаче государственного пособия.

4. Случаи смерти детей

Текст и смысл закона 27 июня 1936 г. не оставляют сомнения в том, что пособие выдается только при наличии в живых всех рожденных детей. В таком случае следует понимать слово «имеющих», которое дважды повторяется в законе, «...многосемейным матерям, имеющим 6 детей», «матерям, имеющим 10 детей...». Целевая установка — помощь многосемейным — требует этого момента — многосемейности. Однако были случаи смерти одного из ребят после издания закона, какое обстоятельство уменьшило общий состав семьи и довело его до количества, не дающего права на пособие. Так, гр. Мамчура Ф. Д. (Хмельницкий район Винницкой области) в своем заявлении указывает, что у нее родилось 7 детей, но один из них в сентябре 1936 г. умер от дизентерии. Мы считаем, что гражданка эта права на пособие не потеряла, так как такое она приобрела в день издания закона, когда семья имела в наличии 7 детей. Всякое последующее изменение в составе семьи может отразиться на ее праве в дальнейшем, а то пособие, которое ей полагается в 1936 г., она вправе получить.

С. Алукер.

Из практики следственной работы по делам о растратах

Дела о растратах в той или иной мере по сравнению с другими делами страдают в большей степени неполнотою следствия. Сложность этих дел заключается в том, что в большинстве

случаев они возникают на основании актов ревизии, которые не всегда отвечают действительности. Обычно, когда следователь получает акт ревизионной комиссии, он в качестве свидетелей по этому делу допрашивает тех же «ревизоров», которые составляли акт. И в конечном итоге получается только то, что акт ревизионной комиссии, как и протокол допроса, независимо от правильности акта предъявляется обвиняемым как обвинение. Безусловно, что такой материал следствия нельзя считать доброкачественным.

Начиная с 1932 г., я занимался специальным изучением растрат. На основании достигнутых мною данных я могу привести несколько примеров, которые говорят о том, что следователь при расследовании этих дел не должен копировать акты ревизионных комиссий, а должен вести следствие гораздо глубже и более всесторонне.

Работая в Ляховецком районе (Винницкая область УССР), я, будучи в одном из сел, в беседе с колхозниками узнал, что продавец кооператива в течение одного месяца потратил на личные потребности более тысячи рублей. Колхозники уверяли меня, что личных денег такой суммы иметь он не мог и что где-то он их взял. Я решил это обстоятельство проверить и предложил председателю райпотребсоюза произвести у подозреваемого продавца ревизию. Однако председатель райпотребсоюза уверил меня, что в ближайшие дни заканчивается квартал и во всех кооперативах будет произведена плановая ревизия, а посему нет надобности и делать специальной. С таким предложением я согласился и решил ожидать плановой ревизии, попросив по окончании таковой прислать мне копию акта. Через некоторое время акт ревизионной комиссии я получил, но к большому удивлению в акте указывалось, что у подозреваемого мною продавца все гладко. Я решил этот акт проверить и немедленно составил вторую ревизионную комиссию. Вторичная ревизия обнаружила у этого же продавца до трех тысяч рублей растраты. В процессе следствия оказалось, что этот продавец, зная дату, когда у него должна была быть плановая ревизия, имея связи с секретарем сельсовета, всегда перед ревизией, под предлогом закупки товаров, занимал у последнего деньги, а через 2—3 дня после ревизии возвращал обратно. На основании этих данных я пришел к заключению, что плановая ревизия не всегда себя оправдывает и что необходимо практиковать внезапные ревизии. Райпотребсоюз, исходя из опыта этого дела, после плановой ревизии произвел по всему району вторичную внезапную ревизию и в течение декады внезапными ревизиями было выявлено до 30 тыс. руб. растрат по району. Этот случай говорит о том, что при наличии иных данных нельзя полностью верить акту ревизионной комиссии.

Второй случай противоположен первому. Это было в текущем году. Ко мне поступили материалы инструктора Шепетовского окрпотребсоюза о том, что бывший председатель потребкооперации с. Б. Пузырек растратил 1300 руб. кооперативных денег. Я, ознакомившись с материалами, пришел к заключению, что они далеко не полны, и для некоторого объяснения вызвал к себе инструктора. Однако это ничего не дало, он подтвердил, что при сверке документов остаток кассы оказался меньше на 1300 руб. Также никакого объяснения в свое оправдание не дал и допрошенный по делу подозреваемый. Он лишь заявил, что кооперативных денег для себя не брал. Факт недостачи подтвердили три человека местной ревизионной комиссии. Таким путем мне оставалось только предъявить обвинение и дело направить в суд, где оно, возможно, прошло бы с успехом, но я на этом не остановился и решил произвести вторичную проверку денежных дел потребкооперации и одновременно занялся изучением личности обвиняемого. В течение каких-нибудь двух часов было установлено, что на счет подозреваемого лица два раза оприходован по бухгалтерии один и тот же документ на сумму 1300 руб. Это мне удалось установить благодаря внимательному осмотру бухгалтерских записей.

В этом году органы розыска ознакомили меня с материалами, в которых указывалось, что заведующий центральным магазином антонинского свеклорабкоопа и бухгалтер того же магазина систематически тратят кооперативные деньги. Произведенная ревизия ничего не дала, — растраты не оказалось. Несмотря на это, я все-таки приступил к следствию. Моя цель была — установить, где обвиняемыми взята разница денег между полученной ими зарплатой и фактически выплаченной суммой, которая превышала зарплату в десять раз. В процессе следствия все обвиняемые признались, что они растратили до 13 000 руб. кооперативных денег, но периодически покрывали эти суммы за счет заготовки неплановых товаров, т. е. они производили по городским магазинам закупку различного товара, но не приходовали его по бухгалтерии, делали на нем высокую наценку и накопленными прибылями покрывали растрату.

И последний интересный случай — это обнаруженная растрата в колхозе. Дело началось с того, что при ревизии одного из потребкооперативов обнаружилось 800 руб. недостачи. На следствии подозреваемый предъявил на эту сумму квитанцию соседнего колхоза о возврате колхозу 800 руб. паевых вкладов. Вызванный мною председатель колхоза подтвердил правильность квитанции. Таким путем не оставалось ничего делать, как прекратить дело. Но прежде чем это сделать, я решил выехать в это село и проверить личность подозреваемого. По дороге в это село я заехал в колхоз, которому подозреваемый возвратил 800 руб. В колхозе предъявил указанную квитанцию счетоводу колхоза, но счетовод, ознакомившись с ней, отказался от своей подписи на квитанции. Это обстоятельство натолкнуло меня на размышления, что председатель потребкооператива с председателем колхоза действуют сообща. И действительно, при одновременной ревизии потребкооператива и колхоза оказалось, что председатель кооператива растратил 3000 руб. кооперативных денег и покрывал эту сумму поддельными документами председателя колхоза, а председатель колхоза растратил 2600 руб. колхозных денег и покрыл свою растрату документами председателя кооператива. Все эти случаи говорят о том, что дела о растратах требуют очень тщательного расследования.

Осипчук.

К вопросу о бухгалтерской экспертизе

В № 11 журнала «Социалистическая законность» за 1936 г. помещена статья т. Л. Зонненберга «За высокое качество следственной работы по хозяйственным преступлениям, требующим производства бухгалтерской экспертизы».

Автор правильно указывает на большое значение бухгалтерской экспертизы для полного и объективного расследования дел о присвоении или разбазаривании материальных ценностей и отмечает как серьезный дефект следствия — неумение пользоваться бухгалтерской экспертизой.

Однако, пытаясь формулировать правила организации бухгалтерской экспертизы в стадии расследования, автор допустил несколько весьма существенных методических ошибок.

Путая экспертизу с ведомственной ревизией, т. Зонненберг предъявляет к экспертам-бухгалтерам требования проверять фактические остатки денег и материальных ценностей у подотчетного лица (подозреваемого), проверять правильность записи счетов в бухгалтерии предприятия, получать объяснения администрации предприятия по обнаруженной недостаче. Все эти действия входят в функции ревизии, а не экспертизы и должны быть отражены в ревизионном акте, обычно предшествующем возбуждению уголовного дела. При отсутствии в деле акта ревизии следователь в необходимых случаях может предложить вышестоящей хозяйственной организации произвести ревизию. Но поручать ревизионную работу экспертам, требовать, чтобы эксперты шли на склад или в магазин, снимали там натурные остатки и восстанавливали учет в бухгалтерии предприятия, значит совершенно не понимать задач и процессуального значения экспертизы вообще и судебно-бухгалтерской экспертизы в частности. Единственным возможным объяснением допущенной здесь т. Зонненбергом путаницы может служить то, что он, во время работы над своей статьей, еще не успел познакомиться с циркуляром Прокуратуры Союза ССР от 7 октября 1936 г., регулирующим порядок производства судебно-бухгалтерских экспертиз и проводящим резкую грань между экспертизой и ревизионной работой.

Второй ошибкой статьи надо признать установки об организации «экспертных комиссий». Наши процессуальные законы не знают таких «комиссий» и не требуют назначения по делу обязательно нескольких экспертов. Эксперт-бухгалтер может давать (и часто дает) единолично свое заключение по делу. Никакого «коллегиального» заключения не требуется. Наоборот, ст. 173 УПК РСФСР гарантирует возможность изложения каждым из экспертов своих выводов в том случае, если он расходится в каком-либо отношении с мнением другого эксперта.

Наконец, последнее, на чем надо остановиться, — это требование т. Зонненберга по адресу следователя «руководить экспертизой от начала до конца». Разумеется, следователь должен быть в курсе работы эксперта, должен путем постановки перед экспертом вопросов ставить задание экспертизе, может в процессе работы эксперта, в соответствии с уже полученными результатами, ставить новые, дополнительные вопросы. Но было бы совершенно неправильно ограничивать инициативу эксперта и требовать от следователя прямого «руководства» экспертизой. В этом отношении совершенно ясные указания даны упомянутой уже директивой Прокуратуры Союза ССР: «следователь должен предоставить эксперту полную возможность самостоятельно вести изучение всех имеющихся материалов, должен помочь эксперту путем истребования необходимых дополнительных материалов, должен предоставить эксперту возможность получить объяснения обвиняемого или свидетеля.

Бранецкий.

Защита при расхождении с позицией подзащитного

Одной из основных трудностей в развитии защиты, в превращении ее в институт, отвечающий требованиям не только лиц, обращающихся за юридической помощью, но и, что в сущности главное, требованиям социалистического правопорядка, требованиям нашего государства, является сравнительно слабая разработка и популяризация руководящих принципов и основных вопросов советской защиты.

Это обстоятельство тем более ощутительно, что молодые кадры защиты, чуждые навыкам и традициям дореволюционной адвокатуры, начиная свою адвокатскую работу, лишены возможности правильно ориентироваться при выборе методов и принципов своей будущей деятельности.

Основной вопрос — о правдивости защитника перед судом — бесповоротно решен и воспринят всеми судебными работниками, как нечто само собой разумеющееся по принципу: «Защитник не имеет права обманывать суд».

К сожалению, этот же вопрос, немного более углубленный, перенесенный, условно говоря, в плоскость юридическую, т. е. анализ материалов, выводы и т. д., еще часто вызывает разногласия и колебания в нашей среде.

А если правдивое и честное изложение убеждения защитника идет в разрез с позицией подзащитного?

«Ведь человек обратился к защитнику за помощью, в большинстве случаев уплатил за это деньги, и вдруг этот же защитник признает вину доказанной при отрицании таковой обвиняемым, и это тогда, когда в деле имеются кое-какие материалы, выгораживающие его».

Кто же после этого обратится к такому защитнику, так ведь сам Институт защиты может кончить свое существование вследствие прекращения обращений к защите.

В 1925—1926 гг. этот вопрос вызвал довольно оживленную дискуссию в правовой литературе, но определенного решения все же не получил и остался до последнего времени спорным и вызывающим разногласия.

Тов. Голубовский[1] рекомендует предварительно хорошо изучить дело и с величайшей

[1] «Соц. законность», 1936, № 12.

осторожностью принимать защиту в тех делах, где приходится ставить вопрос о недоказанности преступления. Но разве это достаточная гарантия от возможных расхождений с точкой зрения подзащитного?

Ведь часто, очень часто в следствии процесса картина совершенно меняется, и как быть, если в начале процесса, вполне согласный с позицией обвиняемого, защитник к концу такового убедится в противоположном?

По-моему, единственно правильное решение этого вопроса в том, что защитник должен честно изложить суду основания, по которым он не может настаивать на невиновности своего подзащитного, и перенести защиту в другую плоскость (в плоскости переквалификации деяния, смягчения наказания и т. д, которые могли бы оказать влияние на решение суда).

Поэтому я считаю вполне допустимой защиту и таких дел, где защитник расходится с подзащитным в позициях. Это тем более основательно, что всякий защитник должен рассматривать свое выступление в суде не только как исполнение договора с клиентом, но в первую очередь как исполнение публичноправовой обязанности, и поэтому расценивает его «исходя не из интересов только клиента, а в первую очередь из интересов социалистического правопорядка, из интересов нашего государства» (В ы ш и н с к и й).

Единственное, но безусловное ограничение этого положения должно заключаться в предупреждении клиента, что его точка зрения на дело, его позиция на процесс ни в коей мере не связывает защитника и не определяет его поведения на судебном заседании.

Лишь при таком решении этого вопроса защита может стать истинным помощником суда и внести свою посильную лепту в дело укрепления революционной законности.

А. Кобешавидзе.

О защите в линейном суде [1]

Особенность разбора дел в линейных судах состоит в том, что дела в этих судах в огромном большинстве случаев рассматриваются не в месте нахождения линейного суда (при управлении ж. д.), а на месте или вблизи места совершения преступления в выездных сессиях. Выездная сессия обычно приезжает на место слушания дела за несколько часов до начала процесса, иногда за 2—3 часа. Защитник уведомляется о процессе телеграммой за 4—5 дней и часто не может до начала слушания дела найти своего подзащитного (особенно, если он живет на линии) и не может предварительно ознакомиться с делом по копии обвинительного заключения, находящейся на руках у подзащитного.

Защитнику по назначению приходится знакомиться с делом на лету. Хорошо еще, если дело не представляет особой сложности (а таких бывает в линейном суде очень мало), но как быть, если подзащитные обвиняются в крушении по сложным техническим причинам, или в развале работы в депо и в крупной недостаче по орсу и тому подобным делам.

В таких делах, особенно связанных с техникой ж.-д. транспорта, защитнику нужно не только продолжительное время для детального знакомства с делом в спокойной деловой обстановке (а не на час или полтора в служебном вагоне или на сцене рабочего клуба), но и знание правил технической эксплоатации, сигнализации, служебно-должностных инструкций, коммерческой эксплоатации, знаний учета товаров, бухгалтерии, иногда торгового планирования и товароведения. Лишь овладев делом и с юридической (соблюдение процессуальных норм в предварительном следствии) и с технической стороны, защитник может стать действительным помощником суда. Что нарисованная мною обстановка в ознакомлении защитников с делами в выездных сессиях линейного суда не является вымышленной — это должны и могут подтвердить не только защитники, но железнодорожные транспортные прокуроры и судьи.

Что же нужно сделать, чтобы избежать указанных ненормальностей?

Как временная мера до издания общесоюзного УПК защитники должны уведомляться линейным судом одновременно с посылкой повесток, и им (защитникам), так же как и обвиняемым, должны посылаться копии обвинительных заключений.

Вместе с этим нужно обсудить вопрос: не целесообразно ли было бы, поскольку существуют специальные суды и специальные прокуратуры (военная, железнодорожная, транспортная, воднотранспортная), организовать при этих судах и специальные коллективы защитников.

Кораблинов.

[1] В порядке обсуждения. **Редакция.**

О юрминимуме повышенного типа

Руководящие работники Института уголовной политики тт. Маньковский, Ошерович и Шляпочников своевременно и правильно поставили вопрос об издании учебных пособий по «юрминимуму повышенного типа» (см. «Социалистическая законность» № 7 за 1936 г.).

Работая в так называемом среднем звене прокуратуры и одновременно преподавателем консультационного пункта и правовой школы, я особенно ощущаю необходимость и важность учебных пособий. На протяжении года мне пришлось читать лекции по уголовному праву и криминалистике и принимать зачеты по юрминимуму по этим дисциплинам. Здесь можно было убедиться, что даже те работники юстиции, которые получали хорошие отметки по юрминимуму, и те по своей теоретической подготовке стояли на низком уровне, особенно в вопросах уголовного права, хозяйственного права и общей теории права. Есть и такие судьи, прокуроры и следователи, которые переросли юрминимум. От них можно требовать уже не только юридической грамотности, но и юридической образованности. Поэтому мне кажется, что должен быть разработан учебник по каждому разделу права в отдельности, но этот учебник не должен быть копией существующих учебников для вузов, он должен быть несколько популярней по изложению, чем вузовские учебники. Если при разработке юрминимума удалось вместить в два тома все материалы по различным вопросам права (кроме криминалистики), то при выработке пособий повышенного типа такое положение не удастся, и навряд ли оно будет полезно. Можно

не спешить с каждой работой, чтобы не задерживать остальные, а выпускать их по мере подготовки каждой.

На наш взгляд, следует разработать в первую очередь учебные пособия по ведущим разделам права: уголовное право, уголовный процесс, хозяйственное и гражданское право, общая теория права.

Следовало бы в первую очередь издать пособие по общей теории права уже по одному тому, что учебников у нас по этому предмету нет; ни в вузах, ни в юркружках нет литературы по общей теории права. При разработке пособия повышенного типа необходимо отвести значительное место исторической части каждого курса. Нельзя больше мириться с тем положением, когда работники юстиции в своем большинстве не знают истории уголовного права, истории прокуратуры, истории суда, истории государства и права.

Но самое большое место в пособиях должно быть отведено советскому законодательству.

Известно, что выпущенный двухтомник по юрминимуму беден фактическим материалом. Пора, давно пора знакомить практических работников с первоисточниками и чем больше, тем лучше.

Например, в качестве приложения к пособию по уголовному праву должны быть такие важнейшие документы по истории уголовного права, как «Руководящие начала по уголовному праву» 1919 г., декрет о красном терроре от 5 сентября 1918 г. и ряд других. Нет сомнения, что, работая над таким учебным материалом, каждый прокурор, судья и следователь приобретет действительно глубокие знания.

Пособия должны быть написаны серьезно и углубленно, на достаточно высоком научном уровне.

Такие действительно научные пособия по различным разделам права будут способствовать поднятию общей и юридической культуры работников юстиции.

Кстати об энциклопедии государства и права. В 1926 г. была издана пятитомная энциклопедия государства и права и больше не издавалась. Нет сомнения, что хорошая энциклопедия имеет большое значение для всех прокуроров, судей и следователей. Изданная же в 1926 г. энциклопедия стала библиографической редкостью и настолько устарела, что ею пользоваться невозможно. Новая энциклопедия государства и права явилась бы прекрасным дополнением к учебникам права.

М. Авербах

Второе заседание методического совета при Прокуратуре Союза ССР

С 10 по 13 февраля, под председательством тов. Вышинского, состоялось второе заседание методического совета при прокуратуре СССР.

На обсуждение совета были представлены проекты методических писем, выработанные следственным отделом Прокуратуры СССР и образец следственного чемодана, сконструированный лабораторией научно-следственного дела при Прокуратуре СССР.

Первым обсуждался проект методического письма об основных принципах методики расследования дел о растратах и хищениях общественной социалистической собственности. Прения по этому вопросу представляли особый интерес потому, что в них был поставлен принципиальный вопрос о том, что должны представлять собой методические письма.

По этому вопросу т. Вышинский высказал мнение, полностью принятое советом, что каждое методическое письмо о расследовании того или иного вида преступлений должно содержать в себе следующие данные: необходимые следователю основные сведения о технике работы той отрасли хозяйства, к которой относится данное письмо. Например, письмо о методах расследования растрат и хищений в органах связи должно содержать в себе сведения о том, какова техника оформления переводных операций, порядок приема, пересылки и выдачи ценных посылок, какова система отчетности по этим операциям и т. д. Письмо о методах расследования растрат и хищений в торгующих организациях должно содержать сведения о структуре этих организаций, о распределении в них ответственности между отдельными работниками, о схеме движения товаров, об отчетности по торговым операциям и т. п.

Но т. Вышинский особенно подчеркнул, что все эти технические сведения должны излагаться отнюдь не отвлеченно, а каждый раз в связи с конкретными указаниями о методике расследования. В методическом письме должно быть показано, какими способами на той или иной стадии движения ценностей эти ценности могут быть похищены, какие приемы могут быть использованы, чтобы скрыть в отчетности совершенную растрату или хищение, а в связи с этим также и то, какие приемы должен употребить следователь для того, чтобы раскрыть ту или иную форму этих преступлений.

Вслед затем в каждом методическом письме должны содержаться указания о том, как строить план рассмотрения по делам о тех видах преступлений, которым посвящено данное письмо.

Наконец в методическом письме должны быть отмечены особенности доказательственного материала, которым следователю приходится оперировать при расследовании данного вида преступлений и должен быть описан порядок собирания процессуального оформления и оценки доказательств.

По предложению т. Вышинского совет постановил в каждом методическом письме особо обращать внимание следователей на необходимость в каждом отдельном случае индивидуализировать приемы расследования, применять их к особенностям расследуемого дела, исходя из основной задачи: добиться наибольших результатов с наименьшей затратой сил и в наиболее короткий срок.

Методические письма должны содержать большой иллюстративный материал из конкретных следственных дел.

Представленный совету проект методического письма об основных принципах методики расследования дел о растратах и хищениях общественной социалистической собственности не соответствовал указанным требованиям. Этот проект письма был составлен так, что само по себе это письмо не могло бы служить для следователя руководством при расследовании дел о хищениях и растратах общественной социалистической собственности.

Для этого следователю каждый раз пришлось бы пользоваться, по крайней мере, двумя источниками: письмом об основных принципах методики расследования дел о растратах и хищениях общественной социалистической собственности и специальным методическим письмом о технике и методике расследования дел о растратах и хищениях на данном участке хозяйства, напр., письмом о расследовании дел о растратах и хищениях в торгующих организациях, в колхозах, в органах связи и т. п.

Поэтому совет постановил поручить т. Голунскому представленный проект письма переработать с учетом поправок и замечаний, сделанных в совете не в качестве методического письма, а в виде опыта систематизации некоторых методических приемов расследования дел о растратах и хищениях общественной социалистической собственности.

Такое письмо послужит полезным пособием при изучении следователями и прокурорами методики расследования.

Вместе с тем совет признал необходимым на основе материалов, собранных при разработке этого проекта, в десятидневный срок выработать новый проект методического письма об основных принципах методики расследования дел о растратах и хищениях общественной социалистической собственности на основе принятых советом принципиальных установок. Составление этого письма также поручено т. Голунскому, как автору первоначального проекта.

Вслед затем совет рассмотрел представленные следственным отделом проекты методических писем о методике расследования дел о растратах и хищениях общественной социалистической собственности в органах связи (т. Шабер) и в строительных организациях (т. Голунский). Совет детально обсудил оба эти письма, содержащие в себе большое количество технических сведений об особенностях расследования дел указанных категорий.

В оба эти письма совет внес ряд поправок и дополнений, направленных, главным образом, на облегчение усвояемости этих писем для следователей, на усиление наглядности методических указаний. Совет исходит при этом из основной установки, что в методическом письме не должно быть таких формулировок, которые предоставляли бы следователю самому догадываться, что он должен делать при указанных в письме обстоятельствах.

Во всех случаях, где в указанных письмах имелись такие формулировки, совет дополнил их конкретными методическими указаниями.

С этими поправками и дополнениями оба эти письма были советом утверждены. Текст обоих писем, после окончательного редактирования, будет сдан в печать. В скором будущем оба эти письма выйдут из печати и будут разосланы на места.

Представленный совету образец следственного чемодана был признан удовлетворительным, хотя и чрезмерно громоздким. Чемодан содержит в себе все, что может потребоваться следователю при осмотре места преступления: фотографический аппарат со всеми принадлежностями, измерительные приборы, вещества для опыления (шеллан) отпечатков пальцев и для снятия слепков со следов ног, со следов взлома и т. п., планшет для снятия планов местности, электрический фонарь и проч.

Но в том виде, как он был представлен совету, чемодан был чересчур объемист и тяжел (8 кг). Совет предложил, с одной стороны, несколько дополнить содержимое чемодана некоторыми предметами, которых в образце чемодана не было (напр., рулетка, спирт), а с другой — облегчить чемодан и сделать его более компактным, частью за счет изъятия из него предметов, которые могут понадобиться следователю только в исключительных случаях (вроде набора отмычек), частью — за счет более рационального размещения в нем содержимого. Кроме того, совет предложил пронумеровать все содержащиеся в чемодане предметы и приложить к каждому чемодану подробную инструкцию о способах употребления каждого из содержащихся в нем предметов.

Лаборатории научно-следственного дела при Прокуратуре СССР предложено принять меры к тому, чтобы немедленно обеспечить серийное производство таких следственных чемоданов и теперь же запросить прокуроров союзных республик о числе чемоданов, которые им потребуются.

Ориентировочная стоимость одного следственного чемодана намечена 350—400 рублей.

Следующее заседание методического совета намечено на 15 марта с. г. В повестку этого заседания включены отчетные доклады ряда научно-исследовательских криминалистических учреждений: Минского, Харьковского и Одесского институтов и лаборатории научно-следственного дела при Прокуратуре СССР. Кроме того, в повестку мартовской сессии совета включены проекты методических писем о возбуждении уголовного дела и о методике расследования дел о хищениях и растратах общественной социалистической собственности в торгующих организациях.

По предложению члена Совета прокурора Харьковской области тов. Брона, Совет признал необходимым к апрельской сессии Совета подготовить проект методического письма о расследовании дел о нарушениях правил техники безопасности, использовав для этого письма, помимо прочих данных, также и материал о контрреволюционном вредительстве со стороны троцкистов и других врагов народа, выражавшееся в посягательстве на жизнь и здоровье рабочих.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Неправильная оценка обстоятельств дела при кассационном рассмотрении

Приговором воднотранспортного суда Азовского и Донокубанского бассейнов от 15 августа 1936 г. были осуждены по п. «д» 162 ст. УК: Бородин и Белау к лишению свободы каждый на три г., Болмачев на два и Путивен по п. «д» ст. 17—162 УК к лишению свободы сроком на полтора года.

Определением воднотранспортной коллегии Верховного суда СССР от 7 сентября 1936 г. приговор был отменен в отношении Бородина, Белау и Путивена и дело о них в уголовном порядке производством прекращено, Толмачеву же наказание было снижено до одного года исправительно-трудовых работ.

Прокуратура Союза опротестовала определение воднотранспортной коллегии Верховного суда СССР в части прекращения уголовного дела в отношении Бородина и Белау по следующим основаниям.

Имеющимися в деле материалами установлено, что в Ростовский порт, в адрес Ростовского финансово-экономического техникума, прибыл цемент в количестве 16 тонн, который был вывезен из порта экспедитором техникума Белау 24 июня по ордеру № 4158.

В день вывоза этого цемента приемщик склада порта Бородин предложил Белау вывезти еще некоторое количество цемента, на который документов не было и который оставался в порту в результате недогруза по отправкам. Белау в свою очередь предложил купить этот цемент начальнику снабжения строительства театра им. М. Горького Якиро, и последний дал согласие. Чтобы иметь возможность вывезти цемент из порта, Бородин и Белау использовали старый ордер № 4158, внеся в него фиктивные записи. 28 июня и 3 июля цемент вывозил Белау, который не имел никакого отношения к строительству театра, а 4 июля по тому же фиктивному пропуску цемент был вывезен ответственным исполнителем театра Путивен. Всего было привезено на строительство театра 21,5 тонны цемента.

Хотя по делу не установлено и не представляется возможным сейчас установить, за какую именно сумму согласился Бородин отпустить весь бездокументный цемент и сколько он именно получил, однако, установлено, что 4 июля при вывозе цемента Бородин получил 150 руб., причем из этой суммы он дал приемщикам склада Улякову и Толмачеву — первому 40 руб., а второму 30 руб., а магазинеру Новикову — 40 руб., которые последний и сдал в органы НКВД, сообщив о незаконном вывозе цемента.

Поступление цемента на склад строительства театра не было оформлено, ибо никаких документов на право получения этого цемента театр не имел. Поэтому указание воднотранспортной коллегии, что здесь имело место лишь «несвоевременное оформление» продажи цемента, несостоятельно и расходится с имеющимися в деле материалами.

Ссылка воднотранспортной коллегии на отсутствие сговора, о чем, якобы, свидетельствует непривлечение к делу в качестве обвиняемого начальника снабжения театра Якиро, — несостоятельна, ибо по делу не было установлено, что Якиро знал о незаконном характере этой сделки, почему он и не был привлечен.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор воднотранспортной коллегии в части, касающейся Бородина и Белау, отменить и дело о них передать на вторичное рассмотрение в воднотранспортный суд в ином составе со стадии судебного следствия; в отношении Путивена дело прекратить за его смертью.

Неправильное заочное рассмотрение дела, приведшее к неосновательному приговору

8 мая 1936 года народный суд Кюрдамировского района Азербайджанской ССР приговорил по ч. 3 ст. 139 и по ст. 155 УК к 8 годам лишения свободы Абдулаева Ису и по ч. 3 ст. 139 УК к 5 годам лишения свободы Эйвазова Алхаза.

Суд признал установленным, что заведующий Кюрдамирским раймагом Гулам Алиев, уклонившийся от суда, совместно с бухгалтером раймага Абдулаевым, получил для реализации через магазин мануфактуру на 21 693 руб., составил на эту мануфактуру фиктивную накладную, преувеличив в ней стоимость мануфактуры на 7482 руб., а затем поручил реализацию мануфактуры по повышенной цене гр. Эйвазову, не имеющему никакого отношения к раймагу.

При реализации указанной мануфактуры Эйвазов был задержан инспектором Азертифака Эфендиевым.

Кассационная коллегия Верховного суда приговор по этому делу отменила с передачей дела на новое рассмотрение. Кассационная коллегия нашла, что суд без достаточных к тому оснований рассмотрел дело в отсутствии главного обвиняемого — заведующего раймагом Алиева, несмотря на то, что располагал сведениями о местожительстве последнего и что, помимо того, суд не установил степени участия каждого из обвиняемых в совершенном преступлении.

15 июня п. г. дело Абдулаева и Эйвазова было рассмотрено Президиумом Верховного суда АзССР. Президиум признал, что обвинение Абдулаева и Эйвазова в указанном выше преступлении основано на материалах дела и что отсутствие в судебном заседании

обвиняемого Алиева не повлияло на вынесенный судом приговор. Исходя из этого, президиум Верховного суда определение кассационной коллегии отменил, восстановил приговор суда первой инстанции.

Прокуратура Союза опротестовала постановление президиума Верховного суда Азербайджанской ССР по следующим основаниям:

Указанным постановлением президиум Верховного суда нарушил ст. 28 Основ уголовного судопроизводства СССР, восстановив приговор суда первой инстанции, отмененный кассационной коллегией, без передачи дела на рассмотрение нового состава кассационной коллегии.

Дело разрешено неправильно и по существу. Несмотря на имевшиеся сведения о том, что основной обвиняемый Алиев находится в г. Баку, суд не обеспечил его явки в судебное заседание. Между тем, это имело существенное значение для установления степени участия каждого из обвиняемых в инкриминируемом им преступлении. Из материалов дела видно, что осужденный Абдулаев является бухгалтером раймага, а осужденный Эйвазов ни в раймаге, ни в каком-либо другом учреждении не работал. Естественно, что ни Абдулаев, ни Эйвазов не могли явиться инициаторами повышения цен на мануфактуру, и таким образом, их участие в этом преступлении являлось второстепенным. В то же время не установлено, знал ли вообще Эйвазов о реализации мануфактуры по повышенной цене или только являлся техническим исполнителем поручения по продаже мануфактуры, которое дал ему заведующий магазином Алиев.

Приговором суда не установлено, какое количество мануфактуры, было реализовано по повышенной цене. Между тем, этот вопрос имел существовенное значение при определении меры наказания обвиняемым.

Наконец и квалификация действий осужденных — Абдулаева по ч. 3 ст. 139 и по ст. 155 УК и Эйвазова — по ч. 3 ст. 139 УК является неправильной. Действия Абдулаева следует квалифицировать по ст. 135 УК, а действия Эйвазова по ст.ст. 18 и 135 УК.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила постановление президиума Верховного суда АзССР по настоящему делу отменить и дело передать на новое рассмотрение народного суда в ином составе со стадии предварительного расследования.

Судебный процесс, послуживший орудием родовой мести

Приговором судебной коллегии Верховного суда ССР Армении были осуждены за убийство из мести в ночь на 11 августа 1934 г. на хлопковом поле 65-летнего колхозника Абумара Наджар-Оглы по ст. 162 УК — Кязим-Аббас Али Оглы—к 8 г. лишения свободы, Али Алашраф (Ашраф) Таверды Оглы Гусейнов — к 6 г. лишения свободы, Алияр Мамед Оглы Пейрамов — к 6 г. лишения свободы.

По этому же делу был осужден по ст.ст. 17—162 УК и 195 УК за пособничество в убийстве и незаконное хранение оружия: Авад Гасан Али Оглы — к 3 годам лишения свободы.

Протест, принесенный на этот приговор Прокуратурой ССР Армении, был пленумом Верховного суда ССР Армении отклонен как необоснованный.

Прокуратура Союза, считая приговор судебной коллегии и утвердившего его постановление пленума Верховного суда ССР Армении неправильным, опротестовала приговор по следующим основаниям:

Суд обосновывает свой приговор на трех основных уликах: а) на показаниях сына убитого, б) на показаниях свидетелей Ислама и Джавада и в) на факте враждебных отношений между убитым и обвиняемыми.

Однако, при ближайшем рассмотрении всех указанных улик, оказывается, что ни одна из них не может служить доказательством виновности обвиняемых в приписываемом им преступлении.

Сын убитого Али Наджафов при допросе в судебном заседании показал, что, находясь на расстоянии 15 шагов от места убийства, видел, как отец упал после выстрелов, как обвиняемый Алашраф подошел к трупу, как обвиняемый Кязим дотронулся до трупа и произнес: «дыхание прекратилось», «пойдем». Словом, дал отчетливые показания об обстоятельствах убийства и роли каждого обвиняемого, на основании лично виденного и слышанного.

Однако, стоит проследить эволюцию показаний этого «очевидца», данных им на предварительном расследовании, чтобы убедиться, что в действительности Али ничего не видел и ничего не слышал, а данные им суду показания продиктованы особыми соображениями.

Прежде всего, необходимо констатировать, что Али, прибежав после убийства домой, никому из своих домашних или из посторонних лиц не сообщил, что видел убийство и опознал убийц. Этот факт сам свидетель вынужден был признать перед судом: «В ночь убийства я никому не говорил о том, кто убил моего отца».

При первом допросе в милиции Али уже показывает, что он по голосу узнал двоих из убийц и что это были Ализаман Гасан Оглы и Али Мамед Оглы Зейналовы, а в отношении третьего, им не опознанного, он предполагает, что это был Гасан Мамед Оглы Зейналов.

Таким образом, в этом показании он называет в качестве убийц, им якобы опознанных, Ализмана и Али Зейналовых, но отнюдь не кого-либо из обвиняемых.

Проходит 3 дня, и в показании от 14 августа 1934 г. свидетель Али Наджафов, резко меняя свои показания, заявляет, что убийцами его отца являются обвиняемые Кязим, Алашфар и Алияр, которых он хотя и не мог разглядеть (было очень темно), но безошибочно распознал по голосу.

Факт дачи свидетелем Али этих двух взаимно исключающих одно другое показаний, не говоря уже о целом ряде других противоречий между ними, свидетельствует о том, что его показания не могут быть положены в основу судебного приговора.

К аналогичным выводам приходится притти и при анализе показаний двух других «очевидцев» — Ислама и Джавада.

Эти два свидетеля, будучи допрошены 15 августа 1934 г., т. е. на другой день после дачи Али Наджафовым изобличающего обвиняемых

показания, показали, что они находились во время выстрелов вблизи, на полпути между хлопковым полем и селом, что, притаившись за забором, они подслушали разговор убийц и опознали в них обвиняемых Кязима, Алашрафа и Алияра.

Однако, несмотря на то, что эти два свидетеля помогли перенести труп, несмотря на то, что тут же присутствовали не только многочисленные соседи и односельчане, но и работники милиции и даже местный прокурор, они не обмолвились о том, что им известны имена убийц их родственника.

И только четыре дня спустя, уже после того, как сын покойного свидетель Али Наджафов дал показание, изобличающее обвиняемых, и эти двое свидетелей заговорили, вторя ему.

Для того, чтобы установить мотивы показаний Ислама, Джавада, и Али Наджафова, необходимо остановиться на взаимоотношениях между этими тремя лицами и обвиняемыми.

В показании от 14 августа 1934 г. Али Наджафов поясняет, что из числа троих обвиняемых Алашраф убил его отца, как старый враг на почве кровной мести, ибо он был убежден, что покойный Абузар являлся убийцей его брата Аллаберды. Эта старая месть и руководила, по мнению Али Наджафова, Алашрафом, когда тот убивал его отца Абузара. Что же касается Алияра, то он, — говорит Али, — «являлся зятем Алашрафа, следовательно, в этом деле он непременно должен был принимать участие, как самый близкий Алашрафу человек».

Это рассуждение Али Наджафова раскрывает тот путь, который привел этого свидетеля к его второму, обличающему обвиняемых показанию, и свидетельствует о том, что в основе последнего лежит не виденное и слышанное, а лишь умозаключение.

Еще менее вразумительное умозаключение кладет Али Наджафов в основу своих показаний против Кязима. «Кязим являлся двоюродным братом подозреваемого Алияра. Таким образом, поскольку Алашраф отомстил нам, то Алияр должен был быть первым помощником своего шурина Алашрафа, а Кязим, двоюродный брат Алияра, с другой стороны, находившийся с нами в ссоре, они объединились и убили моего отца»...

Эти рассуждения о причастности Кязима как «двоюродного брата» убийцы совершенно неубедительны.

При таких условиях вряд ли приходится сомневаться в том, что сын покойного, свидетель Али Аджафов, меняя свои первоначальные показания в сторону изобличения Кязима и других обвиняемых, действовал по мотивам мести.

Только некритическим подходом суда к свидетельским показаниям и неучетом взаимоотношений между свидетелями и «уличаемыми» или обвиняемыми можно объяснить тот факт, что явно недостоверные, полные противоречий показания кровных врагов положены в основу обвинительного приговора.

Объективные данные дела свидетельствуют о том, что убийство Абузара произведено не группой, а одним лицом. Об этом говорит результат осмотра местности, запечатлевшей следы одного человека, а не трех. Эти следы, совпавшие по размерам со следами ноги обвиняемого Алашрафа, при всем несовершенстве способа их сличения, дают указания на то, что убийство было совершено последним. Ряд других косвенных улик против Алашрафа, в том числе обнаружение у него ружья со следами недавнего выстрела и притом того же калибра, что и патрон, найденный возле трупа, также говорит против него. Факт же давней кровной вражды между ним и покойным Абузаром объясняет мотивы, которые толкнули преступника на убийство.

Совокупность этих объективных данных, независимо от свидетельства мнимых «очевидцев», сама по себе являлась достаточной для осуждения Алашрафа.

Не никаких достоверных данных для того, чтобы заодно с ним осуждать Алияра и Кязима, в материалах дела не имеется.

Поэтому дело по отношению к ним подлежит прекращению за недоказанностью обвинения.

Особо стоит вопрос о четвертом обвиняемом — Авазе. Осужден он за хранение оружия (нагана) и соучастие в убийстве. Что касается первого из этих обвинений, то факт незаконного хранения нагана полностью доказан, и осуждение Аваза по ст. 195 УК представляется правильным. В отношении же его соучастия в убийстве Абузара (в чем конкретно выразилось это соучастие — приговор не говорит), то это обвинение абсолютно никакими данными по делу не подтверждено и принято судом лишь в силу того соображения, что у Аваза были якобы личные счеты с покойным Абузаром на «любовной» почве.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: считая недоказанным участие в убийстве со стороны Кязима Абас Али Оглы и Алияр Мамед Оглы Кярамова, а в отношении Абас Гасан Али Оглы недоказанным его пособничество в убийстве и доказанным лишь незаконное хранение им оружия — отменить приговор судебной коллегии Верховного суда ССР Армении от 9 декабря 1934 г. и постановление Пленума Верховного суда ССР Армении от 1 июля 1935 г. в отношении Кязим Абас Али Оглы и Алияр Мамед Оглы Кярамова и дело о них за недоказанностью производством прекратить. Исключить из приговора в части, касающейся осужденного Абас Гасан Оглы, обвинение по ст. 17—162 УК ССР Армении, оставив в отношении его обвинение по ст. 195 УК ССР Армении, по которой определить ему в виде меры наказания лишение свободы в размере 2 лет без поражения в правах, с зачетом времени, отбытого под стражей.

Недопустимая небрежность при кассационном рассмотрении

31 декабря 1935 г. приговором воднотранспортного суда Печорского бассейна был осужден по ч. 1 ст. 116 УК к лишению свободы на 2 года Наволоцкий Иван Васильевич за то, что в сентябре 1935 г., работая временным продавцом ларька орса. Печорского речного пароходства, растратил 2187 р. 96 к.

Определением воднотранспортной коллегии Верховного суда РСФСР от 14 февраля 1936 г. приговор воднотранспортного суда был отме-

нен и дело возвращено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, ввиду неполноты исследования обстоятельств дела.

Прокуратура Союза опротестовала определение воднотранспортной коллегии Верховного суда РСФСР как вынесенное в явном несоответствии с материалами дела.

Виновность Наволоцкого в растрате 1467 р. 96 к. вполне доказана. Наволоцкий, не оприходовав принятые им товары по накладной № 110 на 1490 р. 49 к., по накладной № 113 — на 103 р. 50 к. и по приемно-сдаточному акту на 593 р. 97 к. и не показав в своих отчетах их поступление в ларек, присвоил их стоимость. В своих показаниях Наволоцкий признал, что товары по указанным накладным действительно получил и не отразил это получение в отчетах якобы из-за потери документов. Не отрицая общей суммы недостачи по ларьку, Наволоцкий признал себя виновным в присвоении около 1000 руб.

В определении коллегии Верховного суда РСФСР имеются ссылки на акты ревизии от 17 ноября 1935 г., от 16 декабря 1935 г. и от 5 января 1936 г.

Вышеуказанных актов в материале дела нет и не было.

Вполне вероятным представляется, что коллегия Верховного суда РСФСР, вынося определение по делу Наволоцкого, рассматривала материалы какого-то другого дела. Это подтверждается тем, что коллегия Верховного суда, отменяя приговор воднотранспортного суда Печорского бассейна, в своем определении указала, что приговор вынесен 8 января 1936 г., тогда как он был вынесен 31 декабря 1935 г.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза и принимая во внимание, что 1) обосновывая необходимость передачи дела на новое расследование, воднотранспортная коллегия Верховного суда РСФСР ссылается на акты ревизии от 17 ноября 1935 г., 16 декабря 1935 г. и 5 марта 1936 г., которых в деле не имеется, а акты от 5 января 1936 г. и не могли быть, поскольку дело было рассмотрено судом 31 декабря 1935 г., 2) в заключительной части определение указывает на отмену приговора от 8 января 1936 г., тогда как приговор по делу Наволоцкого вынесен 31 декабря 1935 г., — 3) все эти обстоятельства дают основания полагать, что, вынося определение по делу Наволоцкого, воднотранспортная коллегия Верховного суда РСФСР оперировала материалами по какому-то другому делу — постановила определение воднотранспортной коллегии Верховного суда РСФСР по данному делу отменить и дело Наволоцкого передать на новое кассационное рассмотрение в воднотранспортную коллегию Верховного суда СССР.

Неправильное применение ст. 73¹ УК РСФСР

7 июля 1935 г. линейный суд ж. д. им. Дзержинского приговорил Башкатова Николая Ивановича по ст. 73¹ УК к 3 г. лишения свободы.

Траспортная коллегия Верховного суда СССР 25 июля 1936 г. приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Предварительным и судебным следствием по этому делу установлено, что Башкатов, состоя в должности заведующего электросетью электростанции Курск, 6 июня 1935 г. в нетрезвом виде в помещении электростанции схватил за шею электромонтера Антропова и с руганью начал его душить. Антропов вырвался, подошел к телефону и стал звонить в оперпункт НКВД, а Башкатов после этого ушел из помещения электростанции.

В приговоре указано, что Башкатов напал на Антропова из мести за выступления с критикой на производственном совещании.

Это утверждение линейного суда не соответствует материалам судебного заседания. Допрошенный на судебном заседании Антропов по этому вопросу показал, что он действительно выступал на производственном совещании с критикой производственных дефектов электростанции, но Башкатова не касался.

Так как побои были нанесены Башкатовым Антропову не на почве недовольства выступлением Антропова с критикой действий Башкатова, а вследствие неприязненных отношений личного порядка, на основании ст. 416 УПК действия Башкатова должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 146 УК.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила переквалифицировать действия Башкатова со ст. 73¹ на ч. 1, ст. 146 УК РСФСР и снизить определенную Башкатову меру наказания до 6 месяцев исправительно-трудовых работ с соответствующим зачетом времени, проведенного под стражей, и из-под стражи Башкатова освободить.

Суровое наказание за нераспорядительность

Линейный суд Западной ж. д. 9 марта 1936 г. приговорил по ст. 111 УК гр. Агафонова Петра Федоровича к трем годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного суда СССР определением от 22 апреля 1936 г. приговор в отношении Агафонова оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда в отношении Агафонова по следующим основаниям:

Предварительным и судебным следствием установлена виновность Агафонова в том, что он, временно исполняя обязанности заведующего магазином, 15 декабря 1935 г. дневную выручку по магазину в сумме 7668 руб. не сдал в Госбанк, а оставил на хранение в магазине, спрятав деньги в ларь с сахарным песком. В ночь на 16 декабря неизвестными преступниками, проникшими в помещение магазина через окно, эти деньги были похищены.

Агафонов объясняет несдачу денег в Госбанк 15 декабря 1935 г. тем, что в этот день инкассатор за деньгами в магазин не явился. Это объяснение Агафонова материалами предварительного и судебного следствия не опровергнуто.

Агафонов работал в должности врид. заведующего магазином всего в течение 15 дней. Ранее взысканиям не подвергался. При этих обстоятельствах примененное судом в отношении Агафонова наказание следует признать явно чрезмерным.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: снизить определенную Агафонову меру наказания до одного года исправительно-трудовых работ с зачетом времени, проведенного под стражей; из-под стражи его освободить.

Недопустимость вторичного предъявления гражданского иска по тому же основанию

19 февраля 1935 г. гр. Родина М. И. продала принадлежащий ей дом в г. Вязьме Вяземскому районному комитету РОКК за 8000 руб., из которых комитет 6500 руб. уплатил при совершении договора, а 1500 руб. обязался уплатить 19 марта 1935 г.

Комитет не уплатил 1500 руб. в срок, но когда Родина предъявила к нему иск, ответил встречным иском о взыскании 3650 руб. Этот иск был мотивирован тем, что Родина не освободила проданный ею дом от жильцов, чем причинила комитету убытки.

Народный суд Вяземского района 14 сентября 1935 г. удовлетворил иск Родиной в сумме 1500 руб. и 105 руб. судебных расходов; встречный иск комитета он удовлетворил в сумме 1350 руб. и 27 руб. судебных расходов и по зачете обязал комитет уплатить Родиной 228 руб.

3 октября 1935 г. кассационная коллегия Западного облсуда отменила решение народного суда в части встречного иска комитета за явной необоснованностью и в этой части прекратила дело. Решение народного суда в части взыскания 1500 руб. с комитета в пользу Родиной осталось в силе.

Затем против Родиной было возбуждено уголовное дело по обвинению ее в мошеннической перепродаже дома. Народный суд того же Вяземского района 26 февраля 1936 г. в уголовном деле рассмотрел гражданские иски комитета РОКК и гр. Богдановой. Приговорив Родину по ч. 2 ст. 169 УК к 2 годам лишения свободы, народный суд удовлетворил иск комитета в сумме 1100 руб. и иск Богдановой — в 1000 руб.

Гр. Богданова при рассмотрении уголовного дела заявила, что она будто бы через гр. Ашкирова дала Родиной в задаток за ее дом 1000 руб., но не получила этих денег обратно. Расписки Родиной в получении денег она не представила, а гр. Ашкиров не был вызван в суд. Родина же утверждала в суде, что она получила 1000 руб. от Ашкирова и 470 руб. вернула ему, а 530 руб. зачла в счет квартплаты, так как Ашкиров был жильцом в ее доме.

Кассационная коллегия Западного областного суда 11 марта 1936 г. оставила приговор народного суда в силе, снизив наказание Родиной до 1 г. исправительно-трудовых работ.

Президиум областного суда, рассмотрев дело по протесту председателя областного суда, постановил: «Не усматривая в деле ничего кроме гражданских взаимоотношений, дело в уголовном порядке прекратить, оставив в силе удовлетворенный гражданский иск».

Прокуратура СССР, считая, что и последняя часть постановления президиума областного суда неправильна, опротестовала эту часть постановления по следующим основаниям:

Районному комитету РОКК было уже отказано в его иске к Родиной; определение кассационной коллегии областного суда от 3 октября 1935 г. о прекращении дела по этому иску вступило в законную силу и никем отменено не было. При этих условиях народный суд не мог 26 февраля 1936 г. вновь рассматривать исковые требования комитета в уголовном деле.

При рассмотрении же в уголовном деле требования гр. Богдановой о взыскании в ее пользу 1000 руб. народный суд 26 февраля 1936 г. вынес постановление при отсутствии каких-либо доказательств.

Поэтому определение Западного областного суда в части «оставления в силе удовлетворенного гражданского иска» подлежало отмене, и Прокуратура СССР находила необходимым, отменив это определение, прекратить гражданское дело по иску комитета РОКК к Родиной, а в части исковых требований Богдановой к Родиной — предложить истице обратиться в народный суд с исковым заявлением.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР удовлетворила протест Прокуратуры Союза.

Незаконность внесудебного аннулирования брони, выданной на площадь лица, командированного за границу

Командированный в 1932 г. в Монголию для работы по линии Наркомвнешторга гр. Павлов до выезда в Монголию проживал в Москве в принадлежащем ему доме по Кузнецкой ул. № 6 с женой и ребенком.

Уезжая за границу, он оставил гр. Захарову, совместно с ним проживавшему, доверенность на управление домом, сроком по 10 сентября 1935 г. За границу выехала и его семья.

На основании этой доверенности Захаров с сентября 1935 г. передал дом в жакт, получил 10 сентября броню от Мосжилотдела на одну комнату размером 14,72 кв. м. Броня была выдана на имя Павлова сроком по 10 сентября 1938 г.

Однако 25 сентября 1935 г. Мосжилотдел аннулировал броню на комнату Павлова, сославшись на то, что Павлов потерял право на площадь вследствие истечения 10 сентября 1935 г. срока, на который была выдана доверенность Захарову. Комната (где оставались вещи Павловых) была вскрыта и передана проживающей в доме гр. Петруниной, а комната последней занята по ордеру Мосжилотдела гр. Меламедман.

Возвратившись из-за границы и найдя комнату занятой, жена гр. Павлова предъявила в народный суд 7 участка Сокольнического района иск к гр. Петруниной, Меламедману и Сокольническому райжилотделу, требуя освобождения комнаты.

Народный суд 8 июня 1936 г. вынес решение, которым обязал Сокольнический райжилотдел предоставить Павловой другую жилплощадь размером 14,72 кв. м.

Это решение было обжаловано Павловой и райжилотделом. ГКК Московского городского суда 22 июня 1936 г. отменила решение, ука-

зав, что за командированными за границу сохраняется, на основании постановления СНК РСФСР от 24 марта и 5 апреля 1928 г., их жилплощадь, и предложив народному суду при новом рассмотрении руководствоваться этими постановлениями.

Вновь рассмотрев дело, народный суд 8 июля 1936 г. постановил: комнату гр. Павловых, размером 14,72 кв. м, вернуть им, Петрунину переселить в ту комнату, которую она занимала ранее, и обязать Сокольнический РЖО в кратчайший срок, не позднее 20 июля 1936 г., предоставить площадь гр. Меламедману.

Это решение было 20 июля утверждено ГКК городского суда. В своем определении ГКК отметила, что право Павловой на площадь бесспорно и что Мосжилотдел не вправе был аннулировать броню.

Решение было приведено в исполнение, и Павловы были вселены в комнату, Петрунина — переселена, а Меламедман выселен и получил от РЖО ордер на другую комнату.

Однако, 28 сентября 1936 г. президиум Мосгорсуда по протесту районного прокурора Сокольнического района оставил в силе решение народного суда от 8 июня 1936 г. об обязании РЖО предоставить Павловой другую площадь и отменил все последовавшие решения по делу от 5 октября 1936 г. Народный суд Сокольнического района рассмотрел вопрос о повороте решения и постановил Павлову выселить, Петрунину вселить в комнату Павловой, а Меламедмана — в комнату Петруниной и обязал РЖО предоставить другую площадь, годную для жилья.

Павловым была предложена комната в д. 4 по Богородскому шоссе, меньшего (чем в д. 6 по Кузнецкой ул.) размера и имеющая ряд неудобств (кухни нет, уборная находится во дворе, воду нужно брать из колонки далеко от дома и пр.).

Признавая бесспорным право Павловых на комнату, забронированную в 1935 г., и учитывая, что семье Павловых предоставляется далеко не равноценная площадь и что вызванный в Прокуратуру СССР заведующий РЖО заявил, что никакой другой площади Павловым не может быть предоставлено, — Прокуратура СССР принесла протест на постановление президиума Мосгорсуда от 28 сентября и решение народного суда от 5 октября.

При этом Прокуратура СССР положила в основание протеста следующие соображения:

1) при выезде за границу Павлов не имел надобности бронировать за собой комнату в собственном доме;

2) комната была законно забронирована за Павловым 10 сентября 1935 г. (при переходе дома в жакт) на 3 года на основе действующих законов о бронировании площади за работниками, находящимися за границей;

3) получая 10 сентября 1935 г. броню на комнату Павлова, гр. Захаров действовал на основании доверенности Павлова, в этот день имевшей полную силу;

4) аннулирование брони без судебного решения, распоряжением того же Мосжилотдела, который выдал броню, не может быть признано правильным; оно нарушило инструкцию НКХ и НКЮ РСФСР от 27 июля 1933 г.;

5) вселение гр. Петруниной в комнату Павловых, где находились вещи последних, могло произойти не иначе, как по суду; РЖО, вселив Петрунину, допустил нарушение циркуляра НКХ и НКЮ РСФСР от 1 апреля 1934 г. «О борьбе с самоуправным вселением и несвободные жилые помещения».

Гражданская судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: согласиться с протестом, отменить постановление президиума Московского городского суда от 28 сентября 1936 г. и решение народного суда от 5 октября 1936 г. и оставить в силе решение народного суда от 8 июля 1936 г. и определение кассационной коллегии Московского городского суда от 26 июля 1936 г., которые фактически уже приведены в исполнение.

Недопустимость условных судебных решений

В июне 1934 г. гр. Карпук П. Г. заключил договор с Ленпроектконторой НКПС «Ленпроектпуть», по которому гр. Карпук продал, а «Ленпроектпуть» купил за 30 000 руб. дом в пос. «Красный бор», принадлежавший гр. Карпуку на праве собственности.

Согласно п. 3 договора Ленпроектпуть обязался внести первый взнос в 15 000 руб. в течение 3 дней по подписании договора, а вторые 15 000 руб. уплатить после полного освобождения дома от всех проживающих в нем жильцов.

Согласно п. 4 договора гр. Карпук обязался для переселения жильцов, проживающих в доме, предоставить годные для жилья помещения.

Карпук просрочил исполнение этого обязательства, за что уплатил 3137 руб. неустойки.

Карпук, хотя и с просрочкой, но предоставил помещения для всех жильцов дома.

Все жильцы дома, за исключением гр-на Харитонова, выехали. Харитонов выехать отказался. Тогда Ленпроектпуть предъявил иск о выселении Харитонова, но кассационная коллегия областного суда в иске отказала на основании ст. 169 ГК.

Ленпроектпуть выплатил Карпуку 25 500 руб. из причитающейся по договору суммы в 30 000 руб., не доплатив 4500 руб.

Карпук предъявил иск к Ленпроектпути о взыскании 4500 руб. и пени, а всего о взыскании 5938 руб. 15 коп.

Народный суд решил взыскать с Ленпроектпути в пользу Карпука 4363 руб.; в остальной части иска отказал и оговорил, что решение должно быть приведено в исполнение «после переселения железнодорожника от ответчика, для чего ответчику предложить выдать истцу доверенность».

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда в последней его части по следующим основаниям:

Народный суд считает, что выплата денег Ленпроектконторой Карпуку может быть произведена лишь после переселения «железнодорожника» (не указана даже фамилия лица, подлежащего переселению), но в том же решении народный суд устанавливает, что право выселения Харитонова принадлежит Ленпроектпути. Это следует из указания народного суда, что «ответчик» (т. е. Ленпроектпуть) «должен выдать «истцу» — Карпуку доверенность на выселение «железнодорожника» (Харитонова).

Народный суд правильно указал, что правом на иск к Харитонову о выселении может пользоваться не Карпук, а Ленпроектпуть, так как последний является собственником дома.

В таком случае остается непонятным, почему от выселения Харитонова, уже не состоящего ни в каких отношениях с Карпуком, зависит получение Карпуком задолженности Ленпроектпути.

Решение народного суда от 27 февраля 1935 г. тем более неправильно, что еще ранее состоялось определение кассационной коллегии Ленинградского областного суда об отказе Ленпроектпути в иске о выселении Харитонова. Карпук же, который при выселении Харитонова должен будет действовать по доверенности Ленпроектпути, естественно, не может иметь более прав, чем его доверитель — Ленпроектпуть.

Народный суд неправильно истолковал договор, заключенный сторонами, трактуя его как договор запродажи (тогда как он является договором о купле-продаже строения) и приписывая истцу обязанность переселить всех жильцов; в действительности же Карпук по п. 4 договора обязался освободить не весь дом, а 3 комнаты (что он и выполнил); он обязался предоставить другим жильцам помещения и возместить расходы по перевозке их имущества, но вовсе не переселять их. Такая обязанность и не могла быть возложена на Карпука, так как с момента регистрации договора право собственности на дом уже переходило к Ленпроектпути, а выселение и переселение жильцов может осуществляться лишь настоящим, а не бывшим собственником строения.

Указание в договоре, что второй взнос Ленпроектпути должен быть сделан только после полного освобождения дома от всех жильцов, не может быть истолковано в смысле принятия Карпуком на себя обязанности переселения всех жильцов.

Более того: это указание (п. 3-б договора) вообще не может быть признано обязывающим Карпука. Поскольку после заключения договора право на переселение жильцов могло принадлежать только Ленпроектпути, поскольку уплату второго взноса следовало ставить в зависимости не от переселения жильцов (то есть от действия Ленпроектпути), а лишь от того, выполнил ли Карпук свои обязательства по п. 4 договора: предоставил ли он за свой счет годные для жильцов помещения в районе поселка «Красный бор». Если народный суд установил, что Карпук выполнил эти обязательства, то он должен был удовлетворить иск Карпука: ибо Карпук и не обязывался осуществить переселение Харитонова, да и не мог бы его осуществить, перестав быть собственником дома.

В заседании народного суда представитель Ленпроектпути признал, что Карпук предоставил жильцу (Харитонову) помещение, но в 3 верстах от станции; рабочий говорит «перееду, но предоставляйте помещение соответствующее». Из материала дела видно, что Карпук предоставил для Харитонова помещение в пос. «Красный бор» на Международном проспекте д. 23 площадью 30 кв. м — иначе говоря, выполнил свое обязательство по п. 4 договора; этот пункт не оговаривает, на каком расстоянии от железнодорожной станции должны находиться помещения, предоставляемые Карпуком жильцам.

При этих условиях народному суду следовало удовлетворить иск Карпука без дополнительного условия о том, что решение приводится в исполнение «после переселения железнодорожника». Нельзя ставить исполнение ответчиком решения в зависимости от тех действий, которые могут быть осуществлены лишь самим ответчиком.

Поэтому Прокуратура СССР считает необходимым изменить решение народного суда, исключив из него слова «решение привести в исполнение после переселения железнодорожника от ответчика, для чего ответчику предложить выдать истцу доверенность».

Президиум Ленинградского областного суда согласился с протестом и постановил исключить из резолютивной части решения народного суда: «решение привести в исполнение»... и пр.

Нарушение правил гражданского процесса (неоформление прокурором его искового заявления, непредставление ответчику возможности подготовить объяснения и пр.) как основание для отмены решения

4 января 1936 г. народный суд Стародубовского района Западной области, рассмотрев дело по иску районного прокурора о расторжении договора купли-продажи дома, заключенного артелью «Свой труд» с гр. Азбелем, решил: договор расторгнуть, возвратив дом артели, а деньги в сумме 900 руб. — Азбелю. Народный суд обосновал свое решение ссылкой на ст.ст. 30 и 147 ГК.

Это решение было 25 января 1936 г. утверждено кассационной коллегией областного суда, со ссылкой на ст. 28 ГК.

Из дела видно, что артель «Свой труд» в свое время приобрела у гр. Энтиной за 1150 руб. 2-этажный дом размером 6 × 8 кв. м, с хозяйственными постройками. В заседании народного суда председатель правления артели гр. Гапонов объяснил, что дом требовал ремонта и что часть дома была сломана, а остаток продан Азбелю за 900 руб. По объяснению того же Гапонова, договор артели с Азбелем был оформлен в 1934 г. в сельсовете.

В решении народного суда о расторжении договора было указано, что Азбель заключил договор с артелью, несмотря на то, что был лишен избирательных прав; между тем, это не соответствовало действительности (что видно из имеющейся в деле справки), да и не имело отношения к вопросу о действительности сделки. По поводу регистрации договора в решении указано, что Азбель добился регистрации «путем обмана районных организаций», хотя в деле по этому поводу нет никаких материалов.

Исходя из того, что страховая оценка дома составляет 4100 руб. и что Азбель в 1935 г. стал принимать меры к продаже дома, требуя от покупателя 7 тыс. руб. вместо уплаченных 900 руб., а также находя, что Азбель неосновательно обогатился, — народный суд вынес вышеизложенное решение.

Прокуратура СССР опротестовала решение народного суда по следующим основаниям:

Чрезвычайно существенны процессуальные нарушения, допущенные по этому делу. Районный прокурор, получив ходатайство сельсовета о расторжении договора артели с Азбелем, направил это ходатайство в суд с резолюцией на нем: «В порядке ст. 2 ГПК прошу расторгнуть незаконно совершенную сделку». Особого искового заявления прокурором подано не было. Народный суд рассмотрел дело в тот же самый день, 14 января, когда прокурором была написана эта резолюция. Ответчик — гр. Азбель — и свидетели не были вызваны в суд повестками. Дело было рассмотрено без предварительного извещения ответчика и без предоставления ему возможности подготовить объяснения, получить правовую помощь и пр. Между тем, в постановлении 52 пленума Верховного суда СССР о порядке рассмотрения гражданских дел прямо указана недопустимость подобной спешки, лишающей граждан правовых гарантий.

По существу дела народный суд не выяснил, к какому времени относится имеющаяся в деле страховая оценка дома в 4100 руб. (справка об этой оценке не имеет даты); осталось также невыясненным, какая часть дома была сломана и как это отразилось на его оценке.

Народный суд допустил ошибку, сославшись на ст.ст. 30 и 147 ГК, но не установив, какой именно ущерб понесен государством или артелью, если артель продала дом на 250 руб. дешевле, чем его сама купила и притом после того, как имела место частичная сломка дома. Народный суд неправильно сослался на ст. 147, возвратив стороны в первоначальное положение, так как указанная статья не допускает этого возврата.

ГКК областного суда неправильно сослалась на ст. 28 ГК, не имеющую отношения к делу.

Ввиду изложенного Прокуратура Союза ССР находила необходимым отменить решение народного суда от 14 января, и определение ГКК от 25 января 1936 г. и передать дело на новое рассмотрение.

Президиум областного суда Западной области, согласившись с протестом Прокуратуры Союза, отменил решение народного суда и ГКК областного суда и возвратил дело в тот же народный суд для рассмотрения в другом составе суда.

Обязанность учреждения предоставить другую жилплощадь лицу, выселяемому из дома учреждения, если это лицо продолжает работать в той же системе

Народный суд 3 участка Сокольнического района г. Москвы решил выселить гр. Ефимова из помещения, принадлежащего Институту Наркомпищепрома.

Кассационная коллегия Московского городского суда решение оставила в силе.

Ефимов получил в 1934 г. жилплощадь в помещении Института Наркомпищепрома, в связи с работой в 25 отд. милиции по охране студенческого городка института.

Впоследствии Ефимов был уволен с работы в отделении милиции и перешел на работу на макаронную фабрику Наркомпищепрома.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда по следующим основаниям: согласно разъяснению пленума Верховного суда РСФСР от 11 августа 1936 г. лицам, работающим в другом учреждении той же системы, при выселении предоставляется другая жилплощадь.

Ефимов получил спорную площадь в учреждении Наркомпищепрома СССР в связи с работой и в настоящее время работает в другом предприятии Наркомпищепрома СССР, т. е. в той же системе и на основании разъяснения пленума Верховного суда РСФСР от 11 августа 1936 г. Ефимову при выселении из помещения Института Наркомпищепрома следует предоставить другую жилплощадь.

Решение народного суда 3 уч. Сокольнического района от 19 августа 1935 г. и определение кассационной коллегии Московского городского суда от 10 сентября 1935 г. должно быть дополнено обязательством Наркомпищепрома СССР предоставить Ефимову другую, годную для жилья площадь.

Президиум Московского городского суда, согласившись с протестом Прокуратуры Союза, постановил дополнить решение народного суда указанием, что Ефимов может быть выселен лишь с предоставлением ему другой годной жилой площади.

Применение давностного срока к искам о выселении, основанном на ст. 171-а Гражданского кодекса

Народный суд 4 участка Пролетарского района г. Москвы, рассмотрев дело по иску Московского фибролитового завода к гр. Макарову о выселении, удовлетворил иск на основании ст. 171-а ГК.

Кассационная коллегия Московского городского суда утвердила решение.

Проверив дело по жалобе гр. Макарова, Прокуратура Союза ССР нашла, что Макаров получил в 1931 г. комнату в доме завода в связи с работой в должности консультанта завода.

В 1932 г. Макаров оставил работу на заводе. Завод предъявил иск о выселении Макарова в 1936 г. то есть через 4 года после утраты Макаровым связи с заводом; право же на иск возникло у завода в 1932 г.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда и определение КК городского суда по следующим основаниям:

Не предъявляя иска в течение 4 лет, завод, согласно ст. 44 ГК, потерял право на выселение Макарова в порядке ст. 171-а ГК за пропуском исковой давности. Завод не лишен права предъявить к Макарову в дальнейшем иск о выселении его из дома завода, однако лишь при условии предоставления Макарову другой, равноценной и годной для жилья, площади.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил, отменить решение народного суда от 9 мая 1936 г. и определение КК от 31 мая 1936 г. и в иске Московскому фибролитовому заводу о выселении Макарова отказать.

По союзным республикам

РСФСР

Как работают группы содействия прокуратуре Оренбургской области

Успешная борьба прокуратуры за революционную законность невозможна без постоянного участия в этой борьбе широчайших масс общественности — передовиков промышленности и социалистических полей, организованных в группы содействия прокуратуре.

Прокурор, не сумевший окружить себя таким активом, не понимающий необходимости вовлечения актива в практическую работу, — беспомощен. Он не в состоянии будет реально бороться с нарушениями революционной законности, во-время вскрывать и, тем более, во-время их предупреждать. Прокурор должен располагать достаточно мощным и хорошо подготовленным активом, организовать его во всех важнейших точках нашего народного хозяйства, широко вовлекая его в свою работу, осуществляя постоянное руководство этой работой.

Тщательный подбор активистов, высокая бдительность, зоркость их, достаточная техническая грамотность, приобретаемая на практической прокурорской работе, достаточная грамотность, приобретаемая в процессе повседневного инструктирования прокурором актива и специального обучения его на курсах активистов — вот основные условия успеха работы групп содействия прокуратуре.

Помимо этого прокурор должен окружить свой актив постоянным вниманием и заботой, знать каждого члена группы содействия, знать кто и как из них работает, поощрять работу лучших, популяризировать ее в печати, в своих выступлениях по радию в докладах, делать достоянием всех групп содействия прокуратуре района, учить на этих лучших образцах работы отстающих.

Прокурор обязан оградить своих активистов от каких-либо нарушений их законных прав и интересов, тем более от преследований их, явных и завуалированных, в связи с их ответственной и почетной работой по борьбе с нарушениями советского закона.

Социалистическое соревнование должно быть непременным условием работы групп содействия прокуратуре. Прокуроры и бригадиры групп содействия прокуратуре должны быть застрельщиками и пропагандистами социалистического соревнования групп содействия прокуратуре и их членов, используя для этого печать, беседы и выступления. Зажечь энтузиазм активистов, вызвать в массе их стахановское движение — большая, почетная и прекрасная задача. Среди наших активистов не мало стахановцев промышленности и социалистического сельского хозяйства. Пусть же множатся и растут ряды стахановцев — борцов за революционную законность. Строя свою работу с активом на основе приведенных нами предпосылок, мы неизбежно добьемся высоких показателей его работы и на деле убедимся, какой ценный капитал представляют наши люди, наши активисты, с которыми мы плечо к плечу боремся за устранение всех препятствий на пути победоносного шествия строительства социализма.

Оренбургская прокуратура — молодая прокуратура. Ей всего только 23 месяца. К моменту ее организации во вновь организованной Оренбургской области она получила от прокуратур краев и автономных республик, выделивших ей части своих территорий, только списки групп содействия прокуратуре, но почти не получила живых людей, значащихся в этих списках. Когда наши новые районные прокуроры приступили к проверке этих списков, то многие из них обнаружили, что большинство числящихся в них «активистов» либо давно выбыло, либо вообще не существовало. Те же, кто оказались налицо, и представления не имели о том, что они состоят в группах содействия. Никто ими не интересовался и никакой работы им не поручал. Приходилось создавать актив заново. Крепко усвоив, что без актива никакая реальная работа прокуратуры невозможна, что он необходим, как воздух, руководство областной прокуратуры сразу же поставило своей неотложной задачей организацию крепкого актива. Уже через десять дней после организации областного аппарата прокуратуры, на первом же совещании районных прокуроров и следователей области 3—4 февраля 1935 г. этот вопрос был поставлен ребром. На первом областном совещании работников юстиции — 3—5 апреля 1935 г. уже присутствовали вновь избранные бригадиры групп содействия прокуратуре. К тому времени мы создали 503 группы содействия прокуратуре с 2635 членами.

В течение 1935—1936 гг. вопросы работы актива стояли в центре внимания областной прокуратуры и большинства районных прокуроров.

Работе с активом в 1935 г. были посвящены 3 областных и 4 кустовых совещания и 50 докладов районных прокуроров. В течение 3 кварталов 1936 г. на оперативных совещаниях при областном прокуроре был заслушан 51 доклад районных прокуроров. Доклады эти выявляли лучшие образцы работы групп содействия прокуратуре, на основе оценки работы докладчиков давались директивы городским и районным прокурорам. Лучшие группы содействия прокуратуре популяризировались в печати, в выступлениях по радио и на радиоперекличках. Таких радиодокладов было сделано 9, радиоперекличек проведено 6. В 3 печатных бюллетенях, выпущенных областной прокуратурой, было помещено 17 статей, посвященных работе актива. Последний бюллетень подытоживает работу актива за 2 года его достижения и недочеты, его задачи в свете Сталинской Конституции, итоги проведенного в октябре 1936 г. областного съезда бригадиров групп содействия прокуратуре. В феврале 1936 г. была выпущена однодневная газета «За

охрану социалистической собственности», посвященная задачам актива прокуратуры в период весеннего сева, задачам по охране им передовых людей социалистических полей стахановцев. Стремясь дать активисту настольное пособие в его практической работе, мы выпустили «Памятку активиста» с тиражем в 4000 экземпляров. Как в 1935 г., так и в 1936 г. работники областного аппарата проверяли работу актива и работу с активом всех без исключения районных прокуроров (у нас их 52) на местах, работа некоторых из них проверялась по несколько раз (в 1936 г. было 74 выезда на места). Областной прокурор т. Лутцев установил личную связь с бригадирами 37 групп содействия прокуратуре, пишет им письма и дает задания.

Большинство районных прокуроров, совершенно правильно подходя к разрешению вопроса о поднятии авторитета групп содействия прокуратуре, приняли меры к тому, чтобы заинтересовать в этой работе районные и сельские руководящие организации и добиться их поддержки. Они добились того, что не только районные слеты актива, но даже кустовые совещания стали созываться по постановлениям директивных органов. Они сумели заинтересовать работой актива районную печать и ряд совещаний актива был организован ими при участии редакций районных газет. Районные исполкомы и сельские советы стали включать в план своих работ доклады бригадиров групп содействия прокуратуре о работе групп содействия прокуратуре. Многие бригадиры по своей инициативе делали доклады на заседаниях пленумов и президиумов сельских советов и правлений колхозов. Эти мероприятия, систематическое руководство работой актива районными прокурорами и реальные результаты работы актива завоевали ему прочный авторитет и признание в глазах местных органов и широких колхозных масс как общественной организации, защищающей права граждан и активно борющихся с нарушениями революционной законности.

Эти сдвиги нашли свое отражение в выступлении на октябрьском съезде бригадиров групп содействия прокуратуре бригадира группы содействия прокуратуре Кичкасского района т. Гиптнер, охарактеризовавшего условия работы прокурорского актива прежде и теперь. Вот что говорил он: «Я сегодня с радостью расскажу о нашем немецком районе, как легко сейчас там работать». «Тогда (несколько лет тому назад. — Б. Б.) нельзя было по-хорошему с людьми поговорить. Раз ты считаешься активистом, то когда издали увидят тебя, то все разговоры прекращают, а сейчас совсем наоборот. Где только люди меня не встретят, сейчас же начинают беседовать со мной по тому или иному постановлению, и мы обсуждаем всякие постановления. Когда у нас бывают громкие читки, клуб все время переполнен».

Большинство районных прокуроров заботилось о повышении правовых знаний актива путем инструктажа, в некоторых районах проведены были краткосрочные курсы актива. Прокуроры крепко дрались с посягательствами на законные права и с преследованием своих активистов. Ни один из таких, немногих, правда, случаев не остался безнаказанным.

Внимание, которым мы окружили свой актив, вызвало большой приток активистов в группах содействия прокуратуре.

Если прибавить сюда 84 соцсовместителей прокуроров и следователей и 1705 членов,

На 1 октября 1935 г. мы имели				919	групп	содействия	прокуратуре	с числ.	чл.	4717
» 1 января	1936 г.	»	»	1198	»	»	»	»	»	6719
» 1 апреля	»	»	»	1203	»	»	»	»	»	6920
» 1 октября	»	»	»	1218	»	»	»	»	»	7147

393 секций ревзаконности при советах — сельских, поселковых и городских, организованных усилиями наших же прокуроров и участвующих в их работе, то окажется, что мы располагаем девятитысячным отрядом бойцов за революционную законность. Мы уверены, что недалек тот день, когда эта цифра вырастет до 10 000 и, таким образом, 150-я часть населения области будет активно бороться с нарушениями советского закона.

Каковы реальные результаты работы нашего актива?

В 1935 г. активисты дали прокуратуре 1906 сигналов, за три квартала 1936 г. — 1828 сигналов.

Действенность этих сигналов о нарушениях революционной законности была очень высока. Возьмем цифры 1936 г.:

Не подтвердилось только 192 (10,5%) сигнала.

По 430	сигналам	возбуждены	уголовные преследования (23,5%),
» 268	»	»	дисциплинарные преследования,
» 55	»	»	парторганами наложены взыскания.
» 30	»	»	принесены протесты в порядке надзора,
» 853	»	»	приняты разные меры.

Эти цифры говорят о том, что наш актив неплохо борется за революционную законность.

Это значит, что помимо раскрытия ряда преступлений, которые, или большая часть которых без участия в нашей работе не могла бы быть своевременно раскрыта, мы, благодаря активу, исправили ряд неправильных приговоров, призвали к порядку людей, не желающих исполнять наши советские законы, исправили ряд нарушений. Это значит, что наш актив бдителен и понимает свои задачи. Но это не значит, что достигнутые успехи удовлетворяют нас. Наряду с ростом сигналов в 1936 г. росло и участие актива в практической работе прокуратуры. При участии актива бы-

ло закончено около 100 следственных дел, проверено 700 жалоб и газетных заметок и проведено около 500 целевых обследований по заданиям прокуроров. Соцсовместители прокуроров рассмотрели 396 жалоб и 141 дело в порядке надзора. Активисты освещают свою работу в печати. В 1936 г. ими было помещено 97 статей в областной и районной печати и 189 статей в стенгазетах.

Реальная помощь, получаемая нами от своего актива, еще нагляднее видна на отдельных примерах. Не будет преувеличением сказать, что нет тех уголков жизни, куда бы не проникал глаз активиста и где бы не чувствовалась его помощь. Приведем несколько примеров. В нацменском совхозе «Жана-Тан» группа баев, пробравшись на руководящие посты, проводила вредительскую работу, направленную на срыв сельскохозяйственных кампаний, разбазаривала и присваивала колхозное добро. Актив вскрыл эти воровские махинации, и вся шайка была предана суду. Член группы содействия прокуратуре Кичкасского района колхозник колхоза «Путь Ильича» т. Кочергин вскрыл растрату продавцом сельпо Ладо 2500 руб. Расследование производил соцсовместитель прокурора т. Митришкин. Ладо был предан суду и осужден на 2 года лишения свободы.

Группа содействия прокуратуре на хлебозаводе № 1 г. Оренбурга, руководимая т. Никифоровой, настойчиво требовала и добилась ограждения большого конвейерного ремня и мотора. Ряд грубейших нарушений техники безопасности был ликвидирован благодаря настойчивости актива на золотом прииске «Кумак» Адамовского района. Там, например, не был расчищен проточный ход в шахту на глубину 60 метров, где работало 120 рабочих под постоянной угрозой обвала. Благодаря настойчивости нашего актива, этот ход был приведен в надлежащий вид, а виновники нарушения привлечены к ответственности.

Актив в г. Оренбурге помог выявить целый ряд людей, злостно уклонявшихся от платежа алиментов на содержание детей.

В Сорочинской машинно-тракторной станции активисты обнаружили недоброкачественный ремонт поршней для тракторов. Эти поршни были поставлены на нескольких тракторах. По сигналу актива районный прокурор организовал технический осмотр этих поршней, который показал, что работа с ними неизбежно вызвала бы расплавку их и выход тракторов из строя.

Во время поездок по полевым станам бригадир группы содействия прокуратуре Александровского района т. Самойлов заметил, что колхозный амбар никем не охраняется. Стоит лошадь полевода, а людей нет. Тов. Самойлов начал искать людей, которым была вверена охрана колхозного зерна, нашел председателя колхоза, счетовода и кладовщика за выпивкой на квартире колхозного конюха. Охрана амбара была тотчас же обеспечена, а виновники привлечены к ответственности.

В колхозе имени Сталина правление начало снимать крыши с сараев колхозников и покрывать ими тока и навесы для зерна. По сигналу актива прокурор прекратил это безобразие и привлек виновников к ответственности.

В колхозе имени Степана Разина Абдулинского района правление штрафует колхозников до 10 трудодней. Бригадир группы содействия прокуратуре идет к председателю правления и говорит ему (приводим слова из его выступления на областном съезде бригадиров): «друг мой, вы нарушаете устав — нельзя штрафовать в размере 10 трудодней, можно только до 5 дней». Допущенное правлением нарушение им же самим исправляется.

Таких примеров можно привести еще очень много. Нужно ли после этого говорить, что наш актив законно пользуется прочным признанием местных органов власти и широких масс рабочих и колхозников?

В октябре 1936 г. на областном съезде бригадиров групп содействия прокуратуре мы подытожили пройденный путь и поставили новые задачи. На съезде присутствовали 141 бригадир из 37 районов. Мы слушали их живые, интересные доклады. Областной прокурор выступил с докладом об итогах работы актива и задачах его в свете Сталинской Конституции. От бригадиров мы услышали, что проект Конституции широко обсуждался всеми группами содействия прокуратуре. Сталинская Конституция красной нитью прошла через все выступления активистов. Все они говорили, что, приехав на места, они с новой энергией возьмутся за работу. И мы уверены, что это так и будет. Мы проникнуты решимостью драться за место в первых рядах областных прокуратур по работе с активом.

Прокуратура и ее актив все свои силы отдадут на защиту нашего Основного закона, потому что «в результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед, приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не пропала даром, что она дала свои результаты. Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма» (Сталин).

Б. Бабичев.

Кустовые совещания районных прокуроров в Саратовском крае

В целях руководства городскими и районными прокурорами по осуществлению надзора за следствием в органах УГБ НКВД, прокуратурой Саратовской области в декабре 1936 г. было проведено два кустовых совещания городских и районных прокуроров.

Кустовым совещанием обслужено 20 районов из 57 районов области.

Перед проведением кустовых совещаний было произведено по специально разработанной программе обследование состояния надзора за следствием в РО УГБ НКВД прокуроров двух крупных районов области: Балашовского и Аткарского.

Кустовые совещания проводились с участием представителей военной прокуратуры, председателя военного трибунала и представителей областного управления НКВД.

На кустовых совещаниях были заслушаны доклады городских и районных прокуроров и содоклады командированных для обследований прокуроров.

Подведенные на кустовых совещаниях итоги работы районных прокуроров за полугодие показывают, что в ряде районов Саратовской области имеется некоторое улучшение качества надзора за следствием в УГБ НКВД.

Оконченные следствием дела прокурорами более тщательно просматриваются, на месте исправляются обнаруженные недостатки следствия, благодаря чему во многих районах создалось такое положение, что дела, направленные для заслушания в суде областной прокуратурой, областным управлением НКВД судом к доследованию не возвращались.

Отмечается более вдумчивый подход и ответственное отношение к материалам, представляемым прокурору для получения санкции на арест.

Почти совершенно отсутствуют случаи нарушения правил об арестах и случаи последующей санкции на арест.

Основной недостаток заключается в отсутствии систематического надзора за следствием с момента возбуждения уголовного преследования и до окончания следствия.

В значительном большинстве случаев городские и районные прокуроры лишь просматривают и дают свои санкции на законченные следственные дела, представляемые через УНКВД в прокуратуру области, причем районные прокуроры в ряде случаев не сообщают своих заключений по этим делам.

Слабо поставлена информация прокуратуры области со стороны городских и районных, прокуроров по наиболее важным делам, возбуждаемым в районах.

В ряде районов нет еще должного порядка в постановке своего хозяйства, в ведении и хранении наблюдательных производств по следственным делам.

В январе—феврале 1937 г. намечается проведение кустовых совещаний с охватом остальных районов.

Как ликвидирована задолженность по колхозам

Моршанская юридическая консультация, по получении циркуляра Прокуратуры СССР от 15 марта 1936 г., немедленно приступила к его исполнению. Прежде всего мы занялись выявлением колхозов, имеющих дебиторов. При обращении в машинно-тракторные станции мы столкнулись с явным недоброжелательным отношением к такой «затее», кроме того машинно-тракторные станции обладали очень скудными сведениями по части дебиторской задолженности колхозам. Районный земельный отдел, куда мы обратились, также не имел сведений о задолженности по колхозам.

При отсутствии такого учета консультация вынуждена была вызывать счетоводов от каждого колхоза, и таким путем были получены необходимые сведения.

Оказалось всего по району колхозов 73, из них 32 колхоза имели задолженность в сумме 19 421 р. 92 к.; 10 колхозов совершенно не имели задолженности; остальные колхозы если имеют незначительную дебиторскую задолженность и то внутри самого колхоза. Консультация прежде всего решила эту задолженность ликвидировать внесудебным порядком, для чего дебиторам колхозов были разосланы предложения погасить свою задолженность. Всего с напоминаниями было послано около 100 предложений. Результат оказался благоприятным в интересах колхозов. Таким способом, не доводя дела до суда, было погашено 45 829 руб., передано в суд 80 исковых заявлений, всего на сумму 17 676.

Трудности заключались в том, что сами руководители колхозов к лидвидации этой задолженности относились с «холодком», что затрудняло окончательную ликвидацию задолженности. Все же, несмотря на некоторую пассивность правлений колхозов, Моршанская юридическая консультация уверена, что в ближайшие месяцы дебиторская задолженность колхозам будет в районе окончательно ликвидирована.

Моршанский.

Краевое собрание членов коллегии защитников Азово-Черноморского края

Краевое общее собрание членов коллегии защитников Азово-Черноморского края обратилось к прокурору Союза ССР т. Вышинскому с письмом, в котором пишет, что «Сталинская Конституция, поднимая советский суд и советскую прокуратуру, социалистическую законность на новую ступень их исторического развития, на огромную высоту в деле борьбы за социализм, за новые победы коммунизма, также неизмеримо поднимает и советскую защиту в деле осуществления ею задач, возложенных Конституцией.

Защитники Азово-Черноморского края заверяют т. Вышинского что: «в выполнении возложенных на нас обязанностей мы все, как один, поможем вашей ответственной почетной работе, за осуществление советских законов, социалистической законности, стоящих на страже интересов нового социалистического общества, с тем, чтобы каждому гражданину, в самых далеких уголках Советского союза обеспечено, гарантировано, на деле осуществляемо все, что завоевано и записано в новой Конституции, созданной под непосредственным руководством гениального вождя, друга и учителя товарища **Сталина».**

Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия большевиков — вождь и организатор побед в Стране советов!

Да здравствует советское правительство и социалистическая законность — важнейший рычаг в деле строительства нового общества Сталинской эпохи! Да здравствует товарищ **Сталин!**

Выпуск Казанского заочного юридического института

В связи с выпуском окончивших Казанский заочный юридический институт, Прокурор Союза ССР т. Вышинский обратился к выпускникам со следующей приветственной телеграммой:

«Приветствую выпуск окончивших Казанский заочный юридический институт. Поздравляю работников заочной юридической системы с большой победой на фронте борьбы за высококвалифицированные кадры юристов. Уверен, что в лице выпускников, успешно преодолев-

ших все трудности заочной учебы и овладевших основами революционной теории Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, мы получим специалистов, отвечающих требованиям великой Сталинской Конституции, стойких борцов за революционную законность, за социализм. Желаю дальнейших успехов».

В ответ на эту телеграмму директор Казанского юридического института Шалюпа по поручению профессорско-преподавательского состава и студентов-заочников информировал т. Вышинского о том, что в январе 1937 г., состоится 2-й выпуск заочно окончивших Казанский юридический институт. Все выпускники — ответственные работники системы органов суда и прокуратуры Башкирии, Татарии, Чувашии, Мордовии и Марийской области.

Обязываемся, пишет т. Шалюпа, и впредь по-большевистски работать по подготовке юристов, стоящих на высоте требований Сталинской Конституции Социалистического государства рабочих и крестьян.

Актив за учебой

В зимние вечера много свободного времени. В станицах, в селах, в аулах края развернулась кружковая работа. Работают школы, кружки, организуются лекции.

Передовые прокуроры правильно поняли, что зимний период нужно использовать для организации учебы актива. Прокурор Семикаракорского района т. Бородавченко, прокурор Славянского района т. Попов организовали школы актива суда и прокуратуры.

Сейчас в этих школах активисты изучают программу юрминимума, особенно подробно и внимательно изучают новую Конституцию и доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII съезде советов.

Руководят кружками и школами актива работники прокуратуры и суда и партийные работники.

Вслед за этими районами учебу актива организовали еще в 12 районах, и краевая прокуратура сейчас предложила всем районам организовать учебу актива. Азово-Черноморский краевой комитет партии дал указание всем районным комитетам партии оказать практическую помощь органам суда и прокуратуры в деле проведения учебы своего актива.

А. Коновалов.

УССР

Прокуратура Донецкой ж. д. в борьбе за уголь

Донецкая дорога—крупнейшая дорога Союза. Она одна грузит в сутки 11 тысяч вагонов при общем плане погрузки на всей сети дорог в 91 000 вагонов. Основной груз — уголь.

Донецкая дорога — родина стахановского движения на транспорте и заслуженно стоит в первых рядах дорог по своей работе.

Однако, в последнее время на дороге произошла заминка; она систематически перестала выполнять государственный план погрузки. В Донбассе скопились сотни тысяч тонн невывезенного угля.

Этот невывоз произошел по вине работников Донецкой дороги и по вине работников транспортных цехов заводов и угольных трестов, на подъездных путях которых происходит погрузка. (Протяженность подъездных путей промышленных предприятий в Донбассе равна протяженности Донецкой дороги).

Естественно, что срыв выполнения государственного плана погрузки такого важнейшего для всего народного хозяйства груза, как уголь, потребовал активного вмешательства транспортной прокуратуры Донецкой дороги.

Пребывание в декабре прошлого года на Донецкой дороге т. Л. М. Кагановича, разоблачившего оппортунистические настроения относительно невозможности выполнения плана погрузки угля, его указания о том, как надо работать, подсказали и прокуратуре дороги, какими путями она должна строить свою работу.

Прокуратура дороги возбудила в ноябре — декабре 8 уголовных дел о срыве государственного плана погрузки со стороны крупнейших трестов Донбасса:—«Донбассантрацит», «Чистяковуголь», некоторых заводов треста «Кокс» и ряда железнодорожных станций на решающих участках дороги.

Ряд судебных процессов уже проведен, и виновные осуждены к различным срокам лишения свободы.

В этой статье я хочу остановиться на некоторых моментах из практики проведения этих дел.

Одним из наиболее опасных видов преступлений, связанных со срывом государственного плана погрузки, является взаимное покрывание и очковтирательство работников железнодорожных станций и транспортных цехов заводов и трестов. Свое бездействие и саботаж по вывозу угля эти работники прикрывают очковтирательством и подлогами.

Возьмем, к примеру, транспортный цех треста «Донбассантрацит» и станцию Криндачевку, на которой идет погрузка угля этого треста. По взаимному сговору работников треста и станции срыв погрузки на протяжении долгого времени искусно маскировался. Так, например, если станция Криндачевка не подавала порожняк на шахту в обусловленное договором время, то транспортный цех треста все же свидетельствовал, что порожняк подан во-время. А когда шахты не загружали вагонов в установленные тем же договором сроки, то работники станции свидетельствовали, в свою очередь, что вагоны загружены и поданы на станцию во-время. Эта антигосударственная практика развратила обе стороны настолько, что все без исключения работники станции Криндачевка и соответствующие работники транспортного цеха были в нее втянуты; те же, которые противодействовали ей, преследовались и увольнялись. За получавшиеся в результате этого жульничества «хорошие» показатели работы руководители транспортного цеха получали премии «за снижение простоя вагонов». Лысенко, бывший начальник станции «Андруд», на следствии показал: «дошло дело до того, что начальник движения транспортного цеха Иванов приезжал ко мне на станцию, и когда вагоны находились еще на шахте под погрузкой, он посылал на шахту списывать номера вагонов и их подъемную силу и составлять документы, а затем эти документы я сдавал на станции Донецкой ж. д

Вагоны же на станцию отправлялись только через несколько часов. На указания о преступности такого порядка Иванов отвечал: «Делайте так, как вам приказано... Вы — дерево и ничего не понимаете». Когда же Лысенко стал выступать с разоблачениями на собраниях, то он был уволен «за развал дисциплины». В свою очередь, аналогичные преступления совершались и на станции Криндачевка. По показанию ряда лиц начальник станции Криндачевка Донецкой ж. д. Бусыгин говорил дежурным по станции по поводу жульнических записей: «Сегодня плохая погрузка и нужно это делать... Покажите вагоны загруженными...».

Столь же возмутительным по своему характеру является очковтирательство, практиковавшееся руководителями транспортного цеха треста «Чистяковуголь» и ряда примыкающих станций Донецкой ж. д. Здесь очковтирательство продолжалось около двух лет и было проделано в отношении многих тысяч вагонов. Методы очковтирательства те же, что и в «Донбассантраците». Работники треста получали «за хорошую работу» тысячи рублей премии вместо того, чтобы платить штраф железной дороге. Устраивались совместные пьянки, кутежи. Транспортный цех треста ежедневно давал подложные, дутые рапорта о «хорошей» работе в партийные и хозяйственные органы. Начальник транспортного цеха треста Дорохов, привлеченный к уголовной ответственности, на следствии показал: «Я считал, что эти рапорта дальше горпарткома и управляющего трестом не пойдут, и поэтому отнесился к их составлению так легкомысленно».

Дорохов и другие слишком легко думали отделаться. Можно считать вполне установленным, что в преступных действиях этих очковтирателей железнодорожников и угольщиков лежит другая, политическая, основа: саботаж вывоза угля и желание усыпить бдительность партийных и хозяйственных органов.

Конечно, и личные корыстные цели, как показало расследование, играли здесь не последнюю роль.

Этот вывод подтверждается и личным составом саботажников и очковтирателей, разоблаченных во время расследования.

Приведу характеристики лишь некоторых из числа преданных суду по этим делам:

Иванов — начальник движения транспортного цеха «Донбассантрацит». В 1918 г. Иванов был начальником крупнейшей на сети станции Лиман и вместе с белыми эвакуировался; впоследствии дважды увольнялся с дороги.

Новодранов — начальник погрузочных работ этого треста в 1931 г., был осужден за контрреволюционное вредительство.

Фомин — начальник транспортного цеха завода «Кокс» № 19, в прошлом увольнялся с дороги за разложение трудовой дисциплины и был судим за крушение.

Верховой — заместитель начальника транспортного цеха завода «Кокс» № 19, дважды судим за крушение и за очковтирательство. Уволен с дороги как дезорганизатор.

Сербинов — начальник транспортного цеха завода «Кокс» № 3, судим в прошлом за простой вагонов .

Первеев — начальник рудничной станции Чистяково, до 1923 г. находился в белой эмиграции.

Мандыч — начальник движения транспортного цеха треста «Чистяковуголь», за разложение трудовой дисциплины уволен с дороги.

Список этих людей, вершивших судьбу погрузки угля, к сожалению, можно было бы продолжать.

Почему эти враждебные нам люди имели возможность столь длительное время безнаказанно совершать свои преступления?

Потому, что директора предприятий, управляющие трестами сами лично делом отгрузки угля не занимались, целиком и бесконтрольно передоверив это транспортным цехам, руководители которых во многих случаях люди, изгнанные с ж.-д. транспорта.

С другой стороны, это могло продолжаться потому, что работники Донецкой ж. д., вместо беспощадного разоблачения очковтирателей, стали довольствоваться показным благополучием.

Приведем еще некоторые факты.

Одним из наиболее неисправных клиентов по Донецкой дороге является трест «Кокс». Его заводы — № 1 в Алмазной, № 3 в Горловке, № 19 в Алчевске — прямо тормозят работу, перепростой вагонов и цистерн доходит у них до 45 часов свыше договорной нормы. Трест уплатил дороге штраф за перепростой вагонов в 1936 г. свыше 3 000 000 руб. Однако это мало беспокоит и руководителей заводов, и руководителей треста, и этот своеобразный откуп треста от выполнения государственных обязанностей вошел в систему. Более того, работники завода № 19 встали на явно вредительский путь. Они в целях уменьшения простоев вагонов под выгрузкой, вместо проведения необходимых организационно-технических мер, предложили грузчикам взламывать полы в вагонах и через получаемые таким образом дыры выгружать уголь. Сотни вагонов были проломлены специально сделанными на заводе ломами. В замаскированном виде вагоны с проломленными полами сдавались обратно. Об этом знали командиры станции Алчевск, но делали вид, что ничего не замечают. Грузчики, отказывавшиеся это делать, увольнялись.

Не менее возмутительным является и такой факт.

Харьковская клиентура, не могущая получить в Харькове (Южная дорога) вагоны под погрузку своих внеплановых грузов, второстепенных по своему характеру, привозила их на грузовиках на пограничную с Южной ж. д. ст. Жихорь Донецкой ж. д. и здесь получала вагоны в неограниченном количестве. Лишь в течение октября 1936 г. станция Жихорь, при плановой погрузке в 6 вагонов в месяц, погрузила сверх плана 246 вагонов, преимущественно харьковских грузов. Начальник станции Жихорь Будянский получал по телефону разрешения от диспетчеров Лиманского отделения Донецкой ж. д. отцеплять для этих грузов порожняк, шедший с Южной на Донецкую под уголь. Затем вагоны, загруженные харьковским грузом, возвращались по встречному направлению к северу от Харькова. Делалось это, конечно, не бескорыстно. За короткий срок начальник станции Жихорь Будянский, получил от «благодарной» клиентуры 7000 руб. под видом уплаты грузчикам.

В то же время Лиманское отделение Донецкой ж. д. не выполнило государственного плана погрузки угля и соли... из-за неимения ваго-

нов. Очевидно, забыли в Лиманском отделении постановление ЦК ВКП(б) о Донецкой дороге, предлагающее квалифицировать такие действия как расхищение социалистической собственности. Прокуратуре дороги ничего не оставалось сделать, как арестовать всех виновных по этому делу и передать их суду по закону от 7 августа 1932 г.

Проведен ряд дел о срыве погрузки угля из-за преступной халатности и бездействия соответствующих работников (заводы «Кокс» № 1 и № 3, шахта Центральная-Ирмино и др.).

Следует отметить улучшение погрузки в тех местах, где были проведены процессы.

Расследование и проведение в суде этих, имеющих в условиях Донбасса актуальное политическое значение, дел было большой школой для транспортной прокуратуры. По заданиям следователей были проведены сложные хозяйственные ревизии, были допрошены в качестве свидетелей крупные хозяйственные руководители и инженеры, проведены экспертизы. Следователи и прокуроры должны были вооружиться не только юридическими знаниями, но и рядом познаний из области железнодорожной и угольной техники. Иначе бы не удалось разоблачить искусных очковтирателей. Результаты расследования и судебные процессы подробно освещались в железнодорожной и общей печати. Процессы проходили при большом внимании общественности.

Большую работу по расследованию этих дел провели участковые следователи Кривицкий (Дебальцевский участок), Пеньков (Лиманский), Самофалов (Иловайский), Хлебников (Кагановический) и руководившие ими прокуроры — Куренков, Лесняк, Шестаков, а также старший следователь прокуратуры дороги т. Светов.

Крепкую помощь и систематическую поддержку в своей борьбе с преступным антигосударственным срывом погрузки и выгрузки получает прокуратура Донецкой ж. д. от Донецкого обкома КП(б)У и лично от т. Саркисова.

В процессе этой борьбы укреплялась связь транспортной прокуратуры с территориальными партийными органами, что крайне важно для нашей работы.

Перед транспортной прокуратурой полностью продолжает стоять задача: не снижать качества своей работы на этом участке, не ослаблять своего надзора за выполнением государственного плана погрузки угля, пресекать малейшие попытки проявления саботажа и очковтирательства, преступно-халатного отношения к работе и разгильдяйства.

Уголь из Донбасса должен вывозиться бесперебойно.

И. Любимов.

Как мы работаем с жалобами

Тяжело сейчас вспомнить, как мы работали с жалобами в 1933—1934 гг. Высокие, запутанные лестницы, засыпанные окурками, обрывками бумаги, темные и узкие коридоры на третьем этаже, толкотня жалобщиков, споры из-за очереди к прокурору, нервирующие жалобщика оборванные, висящие клочьями обои— вот обстановка приема жалобщиков.

Письменными жалобами занимались все и почти никто. Господствовал стиль бумажной переписки, стиль невозмутимо эпический, стиль в значительной мере бюрократический по существу и форме.

«Придите завтра, нет ответа», такие ответы часто слышали жалобщики в канцелярии. По жалобе подолгу переписывались с руководителями учреждения, которое иногда находилось на той же улице, что и прокуратура. На запросы во многих случаях не отвечали вообще, канцелярия писала грозные «напоминания», проходил месяц — два, а затем, просматривая ожидающие разрешения жалобы, работник прокуратуры приобщал их «к наряду», полагая, что в связи с давностью жалобщик вероятно добился удовлетворения.

Были случаи, когда жалобы посылали неоформленным группам содействия прокуратуре и даже тем лицам, на которых жаловались. Так, невнимательное наше отношение к жалобе и пересылка ее председателю Терновского сельского совета Шпаку не дали нам возможности вскрыть своевременно грубейшие извращения линии партии — массовые исключения из колхозов. Эти извращения были вскрыты непосредственно областной прокуратурой.

Какие же жалобы нам приходится разрешать, и как мы их разрешаем теперь?

В 1934 г. наша прокуратура получила письменных (не считая устных) 4594 жалобы, а в 1936 г. только 50% этого количества. Резко изменился характер нарушений, как это видно из жалоб и практики их разрешения.

По городу основная группа жалоб — это жалобы на нарушение трудового законодательства, жилищных прав рабочих и интеллигенции, жалобы по алиментам. Жалобы этих категорий составляют больше 50% всех поступивших в 1936 г. к нам жалоб.

Решения ЦИК СССР, Советского контроля, а в особенности историческая речь товарища Сталина 4 мая 1935 г. подтолкнули нас к улучшению работы с жалобами. Прежде всего мы поставили точный учет поступающих жалоб. Все жалобы записываются в настольный реестр, жалобы же особой категории — в специальную книгу «особого контроля». У нас не было ни одного случая утери жалобы. Жалобы рассматриваются только прокурором и его помощниками, причем государственный прокурор непосредственно занимается разрешением всех жалоб, взятых на «особый контроль», и более важных из остальных жалоб.

Естественно, что большое внимание мы уделяли сокращению сроков рассмотрения жалоб, добившись при этом первых успехов. В срок до 10 дней разрешено прокуратурой в 1935 г.— 70,6% всех рассмотренных жалоб, а в 1936 г.— 73,5%. Это свидетельствует о том, что большинство жалоб разрешалось быстро, без волокиты. 2% всех жалоб рассматривают дольше 1 месяца. Эти жалобы требовали специального расследования, переписки с другими городами и т. п.

О решении по жалобе обязательно, как правило, жалобщик извещается устно или письменно. О дате извещения секретарь делает отметку в настольном реестре. При желании жалобщика, кроме устного сообщения о решении жалобы, ему выдается также письменное решение. На 1937 г. мы обязались для жалоб завести специальные обложки для хранения

каждой жалобы, всей переписки по ней и копии решения по жалобе. Мы обязались также по каждой жалобе выносить подробное мотивированное решение с обязательной ссылкой на закон.

Какие методы мы применяем при рассмотрении жалоб?

Мы постарались, во-первых, к борьбе с волокитой привлечь работников технического аппарата, наших секретарей, работа которых имеет очень важное значение. Для этого мы почаще проверяли состояние жалоб, влезали в технику учета жалоб, проводили совещания по вопросам работы с жалобами. В улучшении работы с жалобами технические работники сыграли у нас определенную роль. Во-вторых, вместо длинной и грустной переписки по жалобам, нам удалось в значительной степени организовать их оперативное разрешение. Мы стали широко прибегать к услугам телефона, к живому общению с теми, на кого поступают жалобы.

В-третьих, при разрешении жалобы мы проявляем настойчивость, защищая нарушенные права жалобщиков,и, исчерпав методы убеждения, мы в необходимых случаях не останавливаемся перед возбуждением уголовного преследования. Это необходимо и потому, что иногда некоторые бюрократы проявляют изумительно бездушное отношение к человеку.

В один из жарких августовских дней в прокуратуру явился с жалобой гражданин Ворошилов П. Г. В январе 1936 г. он был уволен с работы как классово чуждый элемент. Из представленных Ворошиловым документов было видно, что он активный общественный работник в прошлом, председатель сельревкома, один из организаторов колхоза, его братья и сыновья в колхозе, а сам Ворошилов в 1931 г. был колхозом отпущен в отходничество и с тех пор работает рабочим. Документы и просьба Ворошилова проверить его жалобы не повлияли на администрацию. Жалобой Ворошилова занялся паспортный отдел. В течение 7 месяцев жалоба прошла ряд инстанций и последняя—начальник городской милиции — решил жалобу считать неправильной, поскольку Ворошилов кулак. Основанием для этого явилось безграмотное отношение сельсовета: «жалобщик сбежал от раскулачивания, избирательных прав никогда не лишался, сын в колхозе тоже» (?!). Мы через органы прокуратуры других районов срочно проверили жалобу Ворошилова, она оказалась целиком правильной, и жалобщик был восстановлен на работе и во всех законных правах.

В июне 1936 г. гражданка Лебедева, жена мастера коммуниста, работающего в Комсомольске, была переселена по распоряжению горсовета. Работники жилсектора коммунального отдела не сумели подыскать Лебедевой квартиры и целый день возили ее с детьми и вещами под дождем по городу в поисках квартиры. Вместо квартиры семью Лебедева поместили в темной проходной комнате, ключ от которой хозяева квартиры при уходе утром на работу забирали с собой. Для сообщения с внешним миром оставалось только окно. Двухнедельные хождения Лебедевой в коммунальный отдел и другие отделы горсовета результата не дали. Сама Лебедева в прокуратуру обращаться не хотела, и устная жалоба была заявлена товарищами мужа Лебедевой.

В прокуратуре Лебедева заявила, что она не верит в то, что ей кто-нибудь поможет. По постановлению прокурора было возбуждено уголовное преследование против виновных в издевательстве над семьей рабочего, они были осуждены. Лебедевой же, согласно предложению прокуратуры, в пятидневный срок была предоставлена коммунальным отделом равноценная квартира.

Следует вспомнить еще один исключительный случай «пришибеевского» отношения к трудящемуся со стороны руководителей Богоявленского поселкового совета. Они предложили гражданке Пономаренко, жене рабочего, сдать свой паспорт председателю сельского совета, заявив, что паспорт будет возвращен только после того, как она предъявит им купленный для выезда билет до г. Поти, куда выехал ее муж после развода. Паспорт у Пономаренко был действительно отобран. Разговор по телефону с разгневанными самодурами и последующее письмо прокуратуры результатов не дали. Наоборот, жалобщица была обругана за то, что она обратилась с жалобой в прокуратуру. Заставив восстановить в правах гр. Пономаренко, мы виновных привлекли к судебной ответственности, и они были осуждены судом. Соединяя оперативность с твердостью и настойчивостью в разрешении жалоб, в исключительных случаях прибегая к мерам судебной репрессии, мы улучшили свою работу с жалобами. Из рассмотренных нами жалоб удовлетворено в 1935 г. 77%, в 1936—77,5% всех жалоб. Связь с местными советскими и общественными организациями города и крупных заводов, печатью, рабочими, колхозниками значительно нам помогла в работе с жалобами. Благодаря жалобам рабочих, мы смогли выявить нарушения социалистической законности в жилищной практике коммунального отдела, случаи взяточничества, возмутительного отношения к жалобщикам и их жалобам. Виновные показательным процессом были осуждены на разные сроки. 80% удовлетворенных жалоб свидетельствуют не только о возросшей ответственности жалобщика к своей жалобе, но прежде всего о недостаточности нашего надзора за строжайшим соблюдением социалистической законности.

Мы обратили внимание на то, что многим кажется «мелочью», — на организацию приема жалобщиков и обстановку приема. Ведь в год мы по самым скромным подсчетам принимаем не менее 6000 человек. Люди эти обращаются в прокуратуру по самому разнообразному поводу: с устными жалобами, с просьбами, за юридической консультацией, просто за советом. У нас отменены всякие пропуска или их подобие, и установлены твердые часы приема от 10 до 13 часов.

Времена тесноты, толкотни, грязи отошли в область предания. При помощи местных партийных и советских организаций мы получили просторный, светлый дом. Мы его капитально отремонтировали, окрасили масляной краской, меблировали, в коридорах поставили столики, на которых всегда имеются чернила, ручки, графины с водой. Для удобства жалобщиков организовали приемную, где можно почитать газеты, посидеть в чистоте и тепле, полы всего здания устланы мягкими дорожками. Мы старались придать помещению вид, достойный государственного учреждения, создав в меру

своих возможностей необходимые условия для посетителей.

Необходимо отметить, что остатки классово враждебных элементов во многих случаях пытались вводить в заблуждение нас своими жалобами, часто возводя явно безосновательные обвинения на работников колхозов, госаппарата и т. п. Характерны также требования некоторых кулаков о возврате им колхозами раскулаченного имущества потому, что «по новой Конституции все равны» (?!).

Для характеристики подобных «жалоб» мы приведем только два примера.

В 1935 г. Николаевская городская газета получила заявление, подписанное председателем Водопойского сельского совета Н. Петрашем, о том, что заведующий рабочим клубом Луценко развалил работу в клубе и даже дошел до того, что заявляет о нецелесообразности отмены карточной системы на хлеб. Заявление без всякой проверки было помещено полностью в газете под псевдонимом. В результате этой заметки Луценко был снят с работы и, после обращений в завком и наробраз, не добившись результата, покончил самоубийством. Дознание по делу было прекращено.

По устной жалобе жены покойного Луценко расследованием дела занялись прокурор и квалифицированный следователь. Что же оказалось?

Было выяснено, что Луценко — старый рабкор, активный общественник, участник гражданской войны, хороший клубный работник. Было установлено, что в процессе своей работы он пытался разоблачить группу враждебных элементов, которая пролезла в сельский совет, искривляла политику партии и государства и доходила до антисоветской пропаганды. У Луценко столкновения происходили главным образом с членом президиума сельского совета — председателем культсекции — Шапило, который ставил на сцене явно шовинистический, антисемистский хлам и пытался воспитывать молодежь в духе национализма. Луценко протестовал против постановки подобных пьес. На одной из вечеринок группой принято было решение убрать Луценко, использовав для этого «повышение бдительности». Автором провокационного заявления о Луценко был директор школы Артеменко, подписал заявление председатель сельского совета Петраш. Организаторы этой гнусной выходки остались в тени. Это — Шапило, о котором речь шла выше, эсер Норов, старый меньшевик Кулаков, председатель финсекции, связанный с уголовными элементами, Юбавин и раскрытый нами в процессе следствия бывший помощник пристава в г. Москве — Бирич, работавший секретарем сельского совета, тщательно и не без причин скрывавший свои «подвиги» в Московской полиции и сам факт службы в ней. Фактические убийцы Луценко были осуждены областным судом. Тщательное расследование жалобы жены Луценко дало нам возможность установить гнусную вылазку классового врага, вскрыть гнездо врагов народа всех мастей и, разоблачив их преступную деятельность, передать в руки советского правосудия для заслуженного наказания.

В июне прошлого года гражданин Ч. пытался покончить самоубийством через повешение. До этого на имя редакций всех газет и командира воинской части он послал пространное заявление, в котором старинным юридическим языком, витиевато, изложил свое решение покончить самоубийством и причины, толкнувшие его на самоубийство. Эти причины — исключительный бюрократизм, который проявили к нему все городские организации и прокуратура, отказавшись разобрать его жалобу о травле его, как домохозяина — квартирантом военнослужащим, т. У. С таким письмом в руках на место срочно выехал представитель редакции газеты «Коммунист» из Киева. Была создана комиссия для расследования. Члены комиссии выяснили, что причиной попытки Ч. к самоубийству является якобы систематическая травля его со стороны квартиранта. Никаких доказательств травли привести он не мог. Комиссия вынуждена была обратиться в прокуратуру с просьбой о помощи в расследовании этой очень неясной жалобы.

Оказалось, что гр-н Ч. обращался с жалобами в прокуратуру, что они были расследованы и что в свое время сам жалобщик официально признал отсутствие факта травли его. Выяснено было, что квартирант У., командир РККА, коммунист, никогда не посягал на достоинство квартирохозяина. Оказалось, что домик должен быть продан, но предварительно очищен от квартирантов, и жалобы Ч. преследовали одну мысль — выжить т. У.

Необходимо отметить, что подобные заведомо ложные жалобы являются исключением.

Что нужно для улучшения работы с жалобами?

Прежде всего своевременное разрешение жалобы, чуткое отношение к жалобщику, выяснение всех деталей дела.

Необходима оперативность, широкое использование телефонов, большевистская настойчивость в доведении дела до конца, контроль за прохождением жалоб, организация приема самих жалоб и создание необходимых условий для посетителей.

Вопросы расследования по жалобам, наиболее характерные жалобы надо широко освещать в печати, в общественных и советских организациях. Жалобы, подлежащие разрешению другими организациями и учреждениями, как и сама практика разрешения этих жалоб, также должны быть в поле внимания прокуратуры.

Но прежде всего в работе с жалобами необходима революционная бдительность, для того, чтобы суметь разоблачить всякие махинации враждебных элементов.

За хорошую организацию работы, за результаты в социалистическом соревновании прокуратура г. Николаева в 1936 г. награждена переходящим красным знаменем прокуратуры Одесской области. Но некоторые успехи в организации работы с жалобами не кружат нам голову. У нас есть еще ряд существенных недостатков, а новая Сталинская Конституция поставила перед нами неизмеримо возросшие задачи. Наш лозунг — лозунг нашего любимого вождя товарища Сталина: «Сегодня работать лучше, чем вчера, завтра лучше, чем сегодня».

В. Мыслов.

Право, процесс, судоустройство в капиталистических странах

Уголовный суд и уголовно-процессуальное законодательство Румынии

Румыния принадлежит к числу слабейших звеньев в системе европейского капитализма, так как промышленное развитие ее находится на очень низком уровне, а сохранившее полуфеодальные пережитки сельское хозяйство, в котором занято 80% населения является основным содержанием всей экономики Румынии.

Экономическая и политическая власть находится в руках румынской крупной буржуазии и румынских крупных помещиков-бояр. Зависимая от международного империализма, Румыния проводит одновременно империалистическую политику внутри страны, угнетая нацменьшинства.

По форме своего государственного строя Румыния является конституционной монархией с двухпалатным парламентским представительством. Конституционная реформа 1923 г. сохранила прежнюю, заимствованную у Бельгии конституцию 1831 г. и по существу своему ничего нового в государственное устройство Румынии не внесла.

Экономический кризис разразился в Румынии еще в 1927 г.

Это объяснялось экономической отсталостью страны, ее зависимостью от иностранного капитала, сильнейшим расстройством хозяйства во время войны и ростом революционного брожения в многонациональных трудящихся массах.

В результате кризиса сократилась посевная площадь наполовину, крестьянство больше чем когда-либо почувствовало свою зависимость от банков, ростовщиков и помещиков, нищету и голод. Хозяйственная разруха, в частности, получила свое отражение и углубление в расколе среди господствующих классов, приведшем к образованию в буржуазном лагере двух десятков политических партий и группировок. Часть из них, являющаяся открытой агентурой гестапо в Румынии и находящаяся на содержании гитлеровского империализма, оформилась в виде нескольких фашистских партий и организаций («железная гвардия», антисемитская партия авантюристов Гоги и Кузы, немецкая национал-социалистическая партия с гитлеровским форейтором, бывшим капитаном Фабрициусом во главе).

Сменяющие друг друга правительства не смеют открыто проводить фашистскую политику, предпочитая применение террористических методов управления в периоды особенного обострения классовой борьбы. Это общее направление политики румынской буржуазии находит свое выражение в организации судебного аппарата и в методах его деятельности (специальный подбор судей, сужение деятельности суда с участием присяжных заседателей, военно-полевые суды).

Заимствованное у Франции судоустройство и уголовно-процессуальное законодательство постепенно изменяются в сторону отказа от либерально-демократических принципов. В то же время, уступая французскому влиянию, правительство законом от 7 апреля 1934 г. «Об охране порядка в государстве» создало угрозу для фашистских организаций и даже на бумаге распустило их. Но в последние месяцы румынское правительство снова стало проявлять на деле исключительную терпимость к агентам гестапо, а на словах продолжало искать дружбы с Малой Антантой, Францией.

***

Организация уголовного суда в Румынии определяется конституцией 1925 г., положением о судоустройстве 1925 г. и УПК 1864 г.

Судебная власть объявляется самостоятельной и независимой и осуществляется ее органами (ст. 5 конституции). Дела уголовные и гражданские подсудны одним и тем же судам (ст. 107 конституции). Суды должны применять закон к установленным судом фактам и искать разрешения вопросов по способу, который без всяких доказательств назван ректором Ясского университета проф. Жени «свободным научным исследованием»[1]. Суды не имеют права изменять постановления закона. Унификация и постоянство судебной практики, в особенности решений кассационного суда, обязательны для нижестоящих судов.

Низшей судебной инстанцией является единоличный участковый мировой суд, которому подсудны все дела о нарушениях и о незначительных проступках (румынский УК разделяет преступные деяния на преступления, проступки и нарушения). Участковый мировой суд рассматривает дела на основании материалов дознания, произведенного агентом судебной полиции, по жалобам потерпевших и по материалам собственного дознания, произведенного в сельских местностях. По делам о проступках участковый мировой суд приступает к рассмотрению на основании материалов расследования прокурора, по постановлению о предании суду следственного судьи и по жалобе потерпевших. Приговоры участкового мирового суда, за исключением приговоров к штрафу, которые обжалованию не подлежат, могут быть обжалованы в апелляционном и кассационном порядке. Апелляционной инстанцией является апелляционный коллегиальный суд, учрежденный в каждом из главных городов департаментов Румынии. Апелляционный суд в качестве суда первой инстанции рассматривает дела судей, прокуроров и офицеров судебной полиции.

Закон 19 декабря 1925 г. обязывает апелляционный суд подчиниться указаниям кассационного суда после отмены приговора.

В качестве суда первой инстанции по делам о проступках и преступлениях, которые исключены из подсудности участкового мирово-

[1] «La vie juridique des peuples» в. II, 1933, p. 251.

го суда и суда присяжных, действует исправительный трибунал, имеющийся в главном городе каждого департамента. Исправительный трибунал состоит из трех палат и возглавляется его председателем. Рассмотрение дел происходит в коллегиальном составе из 4 должностных судей на основе материалов расследования прокурора и по постановлению о предании суду следственного судьи, а также по жалобам потерпевших.

Организован также и суд присяжных, которому подсудны дела о преступлениях, в частности о политических преступлениях и о преступлениях в печати. Суд присяжных имеется во всех главных городах департаментов Румынии, за исключением Бессарабии и Добруджи, где судов присяжных не существует. Суд присяжных состоит из трех должностных судей и 12 присяжных заседателей. По делам о политических преступлениях обязательно постановление о предании суду следственного судьи. По делам о преступлениях в печати обязательна жалоба потерпевшего. По остальным делам для рассмотрения дела необходимы обвинительный акт, составленный генеральным прокурором, и постановление камеры предания суду. Передачей дел в военно-окружные и военно-полевые суды деятельность суда присяжных ограничивается до минимальных размеров.

Высшей судебной инстанцией является единый для всей Румынии касационный суд, который одновременно действует и как суд верховный. Кассационный суд состоит из 45 должностных судей, 3 палат (во главе каждой имеется председатель) и первого председателя кассационного суда. Кассационный суд рассматривает дела по жалобам на неправильное применение закона всеми уголовными судами, за исключением кассационных жалоб на приговоры участковых мировых судов, которые обжалуются, по закону 1932 г. в апелляционный. В качестве суда первой инстанции кассационному суду подсудны дела по обвинению румынских министров в должностных преступлениях (ст. 26 конституции и ст. 504 УПК).

В качестве исключительных судов действуют в порядке упрощенного судопроизводства конструируемые каждый раз по приказу военного министра военно-полевые суды. Суды по делам несовершеннолетних существуют только в бывших венгерских провинциях и действуют по правилам судопроизводства, установленным венгерским УПК 1896 г. Суды для мусульман организованы главным образом в Добрудже и рассматривают дела о нарушении правил о вступлении в брак и вообще о преступлениях, связанных с семейно-бытовыми условиями мусульман, причем обращение в эти суды необязательно. Судья (кадиу) при рассмотрении этих дел руководствуется формальным и обычным мусульманским правом. Приговор произносится на румынском языке.

Судьями могут быть только мужчины, румынские подданные, имеющие ученую степень доктора или кандидата права (ст. 101 конституции). Все кандидаты на судебные должности должны пройти годичный стаж и сдать экзамен в специальной комиссии при министерстве юстиции. Судьи назначаются королем из кандидатского списка, составленного верховным советом судебной магистратуры из расчета трех кандидатов на каждую свободную судейскую должность.

Судьи по конституции (ст. 103) несменяемы: никто из судей не может быть смещен иначе, как по постановлению дисциплинарной комиссии (ст. 114 конституции). Запасные судьи могут быть смещены по распоряжению министра юстиции. Перевод должностного судьи с одной должности на другую может быть осуществлен только с согласия судьи или по постановлению дисциплинарной комиссии.

Для рассмотрения дисциплинарных дел учреждены дисциплинарные комиссии при апелляционном и кассационном судах. Дисциплинарная комиссия при апелляционном суде рассматривает дисциплинарные дела членов исправительного трибунала и участковых мировых судей. Комиссия эта состоит из председателя апелляционного суда и двух должностных судей. Дисциплинарная комиссия при кассационном суде состоит из председателя кассационного суда, трех председателей палат и пяти должностных судей. Комиссия эта в качестве первой инстанции рассматривает дисциплинарные дела членов апелляционного суда и высших должностных лиц судебной иерархии, а в качестве апелляционной инстанции рассматривает дела по жалобам на постановления дисциплинарной комиссии при апелляционном суде.

Прокуратура является иерархической корпорацией, осуществляющей прокурорский надзор. Генеральным прокурором является министр юстиции, который имеет право предписывать нижестоящим прокурорам и налагать на них дисциплинарные взыскания. Прокурорам при исправительных трибуналах и апелляционных судах гарантируется стабильность, т. е. они могут быть переведены на другую должность при оставлении за штатом только после специального расследования, закончившегося мотивированным постановлением министра юстиции. Прокуроры при кассационном суде должны занимать свою должность пожизненно и могут быть смещаемы и переводимы только с их согласия или по постановлению дисциплинарного суда. На должность прокурора при апелляционном суде назначается член апелляционного суда, специально уполномоченный министром юстиции. Вышестоящий прокурор может отдавать нижестоящему свои распоряжения, но в своих судебных выступлениях нижестоящий прокурор этими распоряжениями не связан. Таким образом, в Румынии действует французский принцип: «La plume est serve, le parole est libre».

***

Румыния имеет множественное уголовно-процессуальное законодательство: на территории провинции, в границах довоенного времени, действует румынский УПК 1864 г., заимствованный из французского УПК 1898 г.; в Бессарабии действует русский устав уголовного судопроизводства 1864 г.; в Трансильвании, Банате, Кришане и Марамуреше действует венгерский УПК 1896 г.; а в Буковине—австрийский УПК 1873 г.

В 1931 г. была сделана попытка унифицировать уголовно-процессуальное законодательство. Составленный в 1931 г. проект УПК до сих пор не рассмотрен в законодательных органах, и содержание его неизвестно, так как проект этот не был опубликован.

Право возбуждения уголовного преследования принадлежит прокуратуре. Предваритель-

ное расследование имеет две формы: дознание и предварительное следствие. Органами дознания являются агенты судебной и охранной полиции. На их обязанности лежит немедленное пресечение преступлений, собирание доказательств и доставление виновных в суд (ст. 13 УПК). В случае задержания на месте преступления непосредственно прокурором последний сам производит дознание. Правом производства дознания, кроме прокурора, пользуются также начальник, квестор и секретарь полиции. В сельских местностях участковый мировой судья является одновременно офицером судебной полиции и имеет право производить дознание.

Деятельность одного из органов дознания (сигуранцы) характеризуется следующими статистическими данными: за 1929—1934 гг. охранная полиция (сигуранца) арестовала 42 806 чел., из которых 10 697 чел. было ранено, а 790 было убито [1]. Издевательства и пытки, учиняемые в сигуранце, доставили ей вполне заслуженную славу средневекового органа пыток, успешно конкурирующего с германским гестапо.

Предварительное следствие производится следственным судьей. Следственный судья действует по представлению прокурора или непосредственно по собственной инициативе и по жалобе потерпевших. По закону 1902 г. подследственный имеет право пользоваться услугами защитника. Следственный судья имеет право прибегнуть к следующим мероприятиям: вызову, приводу (только в случае, когда подследственному угрожает тюрьма), задержанию в течение 24 часов после допроса и аресту, если оставление обвиняемого на свободе угрожает государственным интересам. Следственный судья вправе применить также и превентивный арест. Освобождение из-под стражи может быть факультативным, под залог. Предварительное заключение подлежит зачету или незачету по свободному усмотрению суда. Если обвиняемый работал, содержась под стражей, то предварительное заключение подлежит обязательному зачету (тюремный устав 1929 г.). Законченное следственное производство следственный судья направляет прокурору, который со своими указаниями возвращает это производство следственному судье для составления постановления о предании суду.

При каждом апелляционном суде находится камера предания суду, которая наблюдает за предварительным следствием, составляет обвинительный акт и направляет дело по подсудности. В камеру предания суду можно жаловаться на неправильное постановление следственного судьи об аресте. В этих случаях производство по жалобе является секретным, а самая жалоба рассматривается в отсутствие жалобщика.

Судебные заседания по конституции объявляются публичными (ст. 110). Если публичное рассмотрение является опасным для порядка и нравов, то суд вправе постановить о закрытии дверей. По делам политическим и печати постановление о закрытии дверей должно быть вынесено единогласно. Деятельность румынских судов может быть охарактеризована следующими статистическими данными: за 1929 — 1932 гг. всего осуждено 1 640 166 чел., из них осуждено судом присяжных 10 807 чел., к тюремному заключению приговорено 112 354 человека [2].

Если учесть, что население Румынии по переписи 1930 г. достигает 18 024 300 чел., то можно притти к выводу, что 9% всего населения, считая стариков и детей, было осуждено румынскими судами.

Судебные издевательства над антифашистами известны всему миру по процессам румынских железнодорожников, нефтяников, проф. Константинеску, Анны Паукер и многих других.

Гарантированная конституцией гласность сводится к тому, что процессы слушаются при закрытых дверях в зданиях, окруженных семью рядами полицейских и офицеров. «Равноправие» сторон иллюстрируется тем, что обвиняемых, как правило, избивают в самом зале судебного заседания во время судебного следствия, а адвокатов, которые «позволяют себе» защищать по этим делам, исключают из сословия и привлекают к уголовной ответственности.

Такова судебная система Румынии, направленная к подавлению трудящихся масс в интересах румынских промышленных магнатов и помещиков-бояр.

И. Саппир.

В Всесоюзном институте юридических наук

Судебная экспертиза огнестрельного оружия

13 декабря в Всесоюзном институте юридических наук состоялся доклад проф. Червановa на тему: «Судебная баллистика» (экспертиза оружия).

Доклад собрал большую аудиторию. Такой повышенный интерес к настоящему докладу является не случайным. Работа проф. Червановa является первой попыткой у нас в СССР дать работникам следствия и суда пособие по судебно-баллистической экспертизе.

Богатство и обширность материала, глубина его теоретической разработки заслуженно нашли большое одобрение у собравшейся аудитории.

Судебная баллистика, — как указывает докладчик, — термин, впервые предложенный американскими авторами, является наиболее удобным для обозначения обширнейшего из отделов современной уголовной техники, посвященного изучению тех вопросов об огнестрельном оружии, которые возникают у ра-

[1] «Сборник материалов по статистике преступлений и наказаний в капиталистических странах», Москва, 1935, стр. 173.

[2] «Annuaire statistique de la Roumanie», 1933, № 4, p. 19.

ботников суда и следствия по делам об убийствах и ранениях огнестрельным оружием.

Докладчик подчеркивает нераздельность вопросов научно-технической экспертизы огнестрельного оружия и огнестрельных повреждений тела. Односторонняя судебно-медицинская трактовка телесных повреждений без их криминалистической оценки очень часто не может удовлетворить работника расследования.

Поэтому правильно докладчик настаивает на включении в судебную баллистику раздела судебно-медицинской экспертизы об огнестрельных повреждениях одежды и тела человека. И криминалистическое исследование огнестрельных повреждений достигнет большего результата, если это исследование будет связано с судебно-медицинским.

Практика показывает, что огнестрельное оружие нередко является вещественным доказательством в уголовных делах.

Это обстоятельство известно всякому практическому работнику суда и следствия. Но практика показывает, что исследование вещественных доказательств в этой области не поставлено на должную высоту. Для исследования огнестрельного оружия редко привлекаются специалисты, квалифицированные работники в области судебной баллистики. Обыкновенно местные работники суда, прокуратуры и следствия направляют на исследование огнестрельное оружие случайным экспертам, обычно охотникам и военным специалистам. Еще существует взгляд, что судебно-баллистическую экспертизу может производить всякий, умеющий стрелять.

Некоторым отражением этих взглядов является и то, что до настоящего времени мы не имеем хорошего руководства по судебной баллистике. С этой стороны особенно необходимо подчеркнуть насущную потребность скорейшего издания работы проф. Червакова.

К наиболее актуальным, в научно-практическом отношении представляющим интерес для наших следственных работников, в области идентификации огнестрельного оружия принадлежат вопросы идентификации оружия по выстреленным из него патронным гильзам и снарядам. Чаще всего встают такие вопросы: 1) определение образца оружия по найденной патронной гильзе, 2) определение образца оружия по обнаруженной пуле, 3) установление идентичности оружия по представленному оружию и гильзам, 4) установление идентичности оружия по представленному оружию и пулям, и, наконец, идентификация гильз и пуль по представленным образцам последних. Определение образцов оружия и идентификация последнего по обнаруженным гильзам является вопросом, наиболее разработанным. Современные методы исследования почти во всех случаях дают возможность установить образец огнестрельного оружия и в громадном проценте случаев идентифицировать оружие по выстреленным патронным гильзам.

При обнаружении патронных гильз на месте происшествия обязательно фиксируется в протоколе их местонахождение. Последнее может в некоторых случаях принести пользу при определении места, откуда был произведен выстрел.

В процессе расследования смертельных и несмертельных ранений, нанесенных при помощи огнестрельного оружия, перед следователем обычно стоят и требуют разрешения следующие основные вопросы: 1) имело ли место в данном случае убийство или самоубийство, 2) не произошел ли в данном случае выстрел от неосторожности потерпевшего или неумения последнего обращаться с огнестрельным оружием, 3) не является ли данный случай умышленным самоповреждением, т. е. членовредительством.

При разрешении этих вопросов всегда необходимо использование всех современных научно-технических методов исследования как места происшествия, так и вещественных доказательств по делу. Безусловно необходимо также немедленное, своевременное и полное использование судебно-медицинской экспертизы. Нужно помнить, что судебно-медицинская экспертиза выстрела и огнестрельных повреждений должна быть немедленной экспертизой, в противном случае результаты ее равны или почти равны нулю.

Так же необходимы, как и во всяком уголовном деле, тщательный осмотр и исследование места происшествия и окружающих предметов с обязательным детальным их протоколированием. Если выстрелы произведены в закрытом помещении, обязательно отмечается, не были ли заперты двери и окна изнутри и каким образом.

Предметом особой заботы следователя на месте происшествия должно быть отыскание следов выстрела и пуль на стенах, потолке, мебели и других предметах, находящихся в помещении. Характер повреждения предметов пулями и линия направления пуль должны быть зафиксированы.

Также нужно иметь в виду, что на гладких металлических частях оружия могут оставаться пальцевые отпечатки. Поэтому брать оружие нужно с большими предосторожностями и стремиться снять пальцевые отпечатки.

Пыль, имеющаяся в оружии, различного рода кусочки волокон и пр., которые могли попасть в оружие во время нахождения его в кармане преступника, необходимо тщательно исследовать.

Нахождение огнестрельного оружия плотно зажатым в руках трупа не является, как это считалось ранее, абсолютным доказательством самоубийства. Доказано, что вложенное в руки убитого оружие вскоре после убийства, может оказаться сильно сжатым в руках убитого вследствие наступившего окоченения.

Для различения убийства или самоубийства имеет большое значение месторасположение входного отверстия и направление пулевого канала. В этом случае необходимо вспомнить классический афоризм Тейлора: «Нет таких ран, наносимых самоубийцей самому себе, каковые не могли быть нанесены рукой убийцы, но есть целый ряд ран, наносимых убийцей, которые не могут быть нанесены рукой самоубийцы».

Наличие нескольких огнестрельных ран на трупе не является доказательством умышленного убийства, в чем нас убеждают случаи из практики. В этом отношении характерен необычный случай самоубийства посредством нескольких револьверных выстрелов, произведенных попеременно обеими руками, опубликованный Карэном...

Один субъект, покинутый своей женой, три раза выстрелил из револьвера себе в голову. Одна пуля попала в правый висок, второй вы-

стрел произведен в переднюю часть лобной области. Третья пуля пробила левый висок и прошла насквозь всю массу мозга. При этом нужно иметь в виду, что стрелявший после двух выстрелов мог взять оружие в другую руку и произвести третий выстрел левой рукой. По вскрытии выяснилось, что первые два выстрела оставили мозг относительно нетронутым, не вызвали немедленной потери сознания. В результате выяснения этого обстоятельства, следствием с самого начала была исключена возможность убийства.

Насколько необходима правильно организованная экспертиза, чтобы избежать судебных ошибок, показывает один поучительный случай. Рабочий Днепростроя Адам Привода был обвинен Полоцким судом в убийстве своей жены и присужден к 8 годам тюремного заключения. Обстоятельства убийства Акулины Привода были следующие:

Семья Приводы состояла из осужденного Адама П., его жены Акулины, двух маленьких детей, племянницы и мужа последней — Прохора Д. До убийства между Адамом П. и Прохором Д. были частые недоразумения и споры на имущественной почве. В день убийства, вечером была сильная гроза и ливень. Племянницы дома не было, а муж ее еще вечером поехал пасти лошадь. Таким образом, в доме оставался только Адам П. со своей женой. О самом убийстве Адам П. в судебном заседании показал следующее: «После ужина муж племянницы Прохор отправился на ночлег пасти коня, а мы легли спать на кровать, которая стоит у окна. С края легла моя жена, у стены легла наша трехлетняя дочка, а я лежал посреди их. Некоторое время спустя после того как мы заснули, я внезапно проснулся от очень громкого выстрела и в избе я почувствовал запах как бы от оружейного выстрела. В тот же момент я почувствовал сильную боль в спине. Я окликнул свою жену, она ничего не ответила, я услышал только хрипенье, я потрогал ее руками и почувствовал, что у нее из груди что-то лилось. Я понял, что это кровь и сам потерял сознание. Не знаю, через сколько времени я очнулся, добрался до дверей и вышел на двор. Я кое-как добрался до хаты соседки, которая начала созывать людей. После этого я так же ползком вернулся в избу и лег на другую кровать. Пришедшим соседям я сказал, что нас убила молния. Если врачи признают, что это не от грома, то это дело рук моего зятя Прохора. Оружия у нас в доме не было». Ранее на следствии Адам П. показывал: «Приехал фельдшер, поглядел рану, покачал головой и сказал, что от грома столько крови не может быть. Это ранение нанесено кинжалом». Услышав это, я сказал окружающим: «не поднимайте дела, я сам видел, что из трубы выскочила синяя полоска, ударила меня и жену и выскочила в окно».

В связи с убийством был арестован Прохор Д., но через три недели был освобожден, после ареста самого Адама П. Свидетели показали, что Адам П. имел на стороне любовницу, что и было одним из оснований обвинять Адама П. в убийстве своей жены.

Из протокола судебно-медицинского вскрытия трупа Акулины П. видно, что смерть наступила в результате огнестрельного ранения. Выстрел произведен на расстоянии приблизительно около 2 метров из обреза трехлинейной винтовки.

При освидетельствовании Адама П. врачами-экспертами через три недели после убийства его жены дано заключение, что рана его нанесена холодным острым оружием. В судебном заседании эксперт дал следующее заключение: «При осмотре мною Адама П. я нашел у него в области правой лопатки небольшую, уже зажившую рану. Если бы сюда попала пуля, то она прошла бы значительно глубже. При желании можно себе нанести ранение спины, тем более, что Адам П. столяр и имеет инструменты».

За время нахождения в тюрьме Адам П. подает многочисленные заявления о своей невиновности, с просьбой о пересмотре дела. Через год после вынесения приговора, врачом Полоцкой тюрьмы, при освидетельствовании, Адама П., обнаружено в верхней части левого плеча инородное тело, каковое было удалено оперативным путем и оказалось деформированной пулей от трехлинейной винтовки.

Институт криминалистики и судебной экспертизы, куда направлен был Адам П., на основании тщательного исследования пришел к заключению, что в данном случае имело место ранение одной пулей лежавших рядом на кровати Акулины П. и Адама П.

Президиум Верховного суда согласился с заключением Института, и гражданин Адам П. был освобожден от наказания.

Вышеприведенный случай судебной ошибки, где врачи-эксперты повели по неправильному пути судебно-следственные органы, к сожалению, является не единственным. Это показывает, насколько важна и необходима правильно организованная экспертиза — судебно-медицинская совместно с криминалистической.

Кроме перечисленных вопросов докладчик подробно остановился на вопросах техники расследования случаев убийства, самоубийства и самоповреждений из огнестрельного оружия, а также дал подробную классификацию огнестрельного оружия.

Большой раздел в докладе был посвящен также порохам и другим взрывчатым веществам.

Выступавшие в прениях дали высокую оценку докладу, как глубоко научному и полезному не только для работников следствия, но и для экспертов огнестрельного оружия.

Об ответственности владельцев автомашин за причиненный вред

На заседании Всеукраинского института судебной политики был заслушан доклад т. Е. И. Кельмана на тему: «Об имущественной ответственности владельцев автомашин за причиненный вред».

Основные положения доклада были таковы.

Бурное развитие автомобильной промышленности СССР создало прочную базу для широчайшего внедрения автомобилей в наше народное хозяйство. Рост автомобильного движения ставит со всей остротой вопрос о борьбе с авариями автомашин и особенно в больших городах.

В отличие от капиталистических стран, в наших условиях, в условиях победы социализма, имеются все возможности для полного изжития аварийности автотранспорта.

В борьбе с аварийностью определенное место должно быть отведено и правовому регулированию, в частности, регулированию вопроса об имущественной ответственности за вред, причиненный личности или имуществу граждан социалистического государства.

Между тем, в советской правовой литературе вопросы «автомобильного права» обходятся полным молчанием; это относится к такому актуальному вопросу, как вопрос об имущественной ответственности владельца автомашин, а в частности, предприятий автотранспорта за вред, причиненный автомашинами.

Этот вопрос представляется частью более общего вопроса об ответственности за вред и убытки, причиненные неправомерными действиями (так называемый «внедоговорный вред»).

В капиталистическом обществе эпохи промышленного капитализма господствующим началом, на котором строилось возмещение внедоговорного вреда, было начало **«вины»**, нашедшее свое выражение во французском гражданском кодексе, кодексе Наполеона: «Всякое действие человека, причиняющего вред другому, обязывает того, по вине которого этот вред произошел, возместить таковой» (ст. 1382).

В позднейших кодексах имущественная ответственность строится по принципу **«объективного причинения»** или по началам **«риска»**.

По вопросу об имущественной ответственности владельцев автомашин в законодательстве и судебной практике капиталистических стран наблюдается зигзагообразная линия: с одной стороны, стремление не слишком ущемлять интересы капитала, стоящего за спинами владельцев автомашин, а с другой, кое-какие уступочки «общественному мнению» с целью обмануть широкие массы населения.

Во Франции единственная возможность расширения ответственности по гражданскому кодексу состоит в применении ст. 1384 французского гражданского кодекса, устанавливающей в некоторых строго ограниченных случаях ответственность собственника вещей за причиненный таковыми ущерб. В общем, судебная практика до последнего времени отрицательно относилась к возможности применять в случаях автомобильных аварий ст. 1384, возлагая таким образом на потерпевшего необходимость доказать вину причинителя вреда. Впрочем, с изданием закона от 31 декабря 1922 г., вменившего водителю машины в обязанность замедлить и даже остановить движение всякий раз, как машина может сделаться причиной несчастного случая, беспорядка или замешательства в движении, практически, в подавляющем большинстве случаев, можно установить вину водителя машины в случаях, когда машиной задавлен человек.

Новейшая французская судебная практика, которую приводил докладчик, не отказывается, однако, принципиально от конструкции вины, а именно **вина собственника машины** признается в том, что он предоставил машину неосторожному либо некомпетентному водителю, за что он и должен отвечать.

В Германии повышенная по сравнению с общегражданским кодексом ответственность владельцев автомашин основывается на законе об автотранспорте от 3 мая 1909 г. с изменением 23 декабря 1922 г., в силу которого владелец машины отвечает за смерть, телесные повреждения и повреждения вещей, если несчастный случай не вызван неотвратимым событием. Таким образом, расширение ответственности здесь состоит в сущности лишь в том, что **бремя доказывания переносится на ответчика,** причем всякое поведение потерпевшего, третьего лица или животного при отсутствии вины владельца машины квалифицируется как неотвратимое событие, т. е. освобождает владельца машины от ответственности.

Особенно часто встречаются в судебной практике случаи, когда владелец машины защищается от иска о возмещении вреда ссылкой на то, что машина была использована шофером без его ведома и согласия (по закону от 20 октября 1932 г. — уголовно-наказуемое деяние). Обычно судебная практика возлагает и в таких случаях ответственность на владельца, если будет установлено, что самый факт использования машины шофером, без его, владельца машины, ведома был вызван неосмотрительностью, т. е. виной самого владельца, допустившего такое использование машины шофером.

Размер имущественной ответственности лимитируется определенными максимальными суммами.

Заслуживает внимания вопрос о **страховании,** в частности об обязательном страховании риска автотранспорта. В ряде стран введено обязательное страхование этого риска. (Дания — закон от 1 июня 1927 г., Финляндия — от 28 апреля 1925 г., Швеция — от 16 мая 1929 г., Норвегия — от 20 февраля 1926 г., Англия — от 1 августа 1930 г. и др.).

Новейший чехословацкий закон от 26 марта 1935 г. устанавливает, что владелец автомашины, внесенной в реестр чехословацких автомашин, обязан застраховать себя либо соответственно иное лицо, эксплоатирующее с ведома владельца за свой риск автомашину, от последствий ответственности, вытекающей из эксплоатации этой машины. От обязательного страхования освобождаются государственные органы, а также автономные местные организации.

Суммы страхования соответствуют установленным гражданским законодательством лимитам имущественной, общегражданской ответственности за внедоговорный вред. Впрочем, как показала практика, владельцы автомашин и в Чехословакии и в других капиталистических странах, установивших обязательное страхование, находят разнообразные лазейки, чтобы усложнить, либо сделать вовсе невозможным потерпевшему получить полное страховое вознаграждение. Так например, хотя в Англии закон от 1 августа 1930 г. (Motor Vehicles Regulations) предусматривает особые уголовные санкции за использование автомашины без застрахования имущественной ответственности, тем не менее в одном лишь 1932 г., 18 000 (!) владельцев автомашин были оштрафованы по этой причине. Существует и ряд иных приемов, закрывающих потерпевшему, даже при наличии застрахования, возможность получить возмещение от страхового общества.

Переходя затем к положению этого вопроса в советском праве, докладчик указал, что в советском праве нет специальных норм об имущественной ответственности за вред и убытки, причиненные при эксплоатации автотранспорта. Не упоминается об автотранспор

те и в ст. 404 ГК, перечисляющей предприятия повышенной опасности.

Еще в 1924 г. пленум Верховного суда УССР опубликовал разъяснение о том, что несчастный случай, причиненный движением автомобиля, во всех случаях должен быть обсуждаем по ст. 404 ГК. В том же 1924 г. ГКК Верховного суда УССР утвердила решение Одесского губернского суда по иску Тимофеева к Заготконторе о возмещении убытков в результате увечья, причиненного автомобилем Заготконторы, каковым решением иск был удовлетворен на основании ст. 404 ГК. Вообще говоря, в судебной практике, не взирая на отсутствие прямых указаний в ГК, не вызывает сомнения применение ст. 404 ГК к делам о причинении вреда при эксплоатации автомашины.

Должно быть решительно отвергнуто мнение, будто в случаях, когда вред был причинен автомашиной, принадлежавшей государственному органу, надлежит применять не ст. 404 ГК, а ст. 407 ГК.

Практически такое решение означало бы установление безответственности госорганов по таким делам. Такое мнение не соответствует ни тексту ст. 404 ГК, ни ее смыслу.

Верховный суд УССР неоднократно разъяснял, что по ст. 407 ГК учреждение отвечает лишь за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц, действующих как органы власти. (См., например, Определения ГКК Верховного суда УССР, вып. III, 1936, стр. 194 и др.). Поэтому к действиям лиц, управляющих автомашинами, ст. 407 неприменима, а тем самым неприменимы и те строго ограниченные условия ответственности госорганов, которые установлены ст. 407 и дополнениями к таковой.

Проанализировав судебную практику по этим делам по материалам киевских судов, докладчик пришел к таким выводам.

1. Судебная практика подходит весьма строго к владельцам автомашин по этим делам. Принцип объективного причинения проводится твердо и неукоснительно. Раз доказано наличие причинения увечья, следует присуждение к возмещению. Спор в суде, в основном, сводится к спору о размере возмещения.

2. По большинству таких дел в гражданском процессе имеется преюдициальный приговор уголовного суда, осуждающий шофера за допущение аварий (ст. 56, 30-а, либо чаще — ст. 96 УК УССР).

3. В отдельных случаях, при оправдательном приговоре шофера, гражданский суд, тем не менее, присуждал владельца автомашины к имущественному возмещению. Это в принципе совершенно правильно, ибо отсутствие уголовно-наказуемой вины со стороны шофера не значит, что в порядке «объективного причинения» владелец автомашины не должен отвечать за причиненный вред.

Советское государство, даже освобождая водителя машины от уголовной репрессии, не может оставить без защиты потерпевшего. В этом принципиальное отличие нашей позиции от позиции капиталистических стран.

4. Сомнение вызывает метод исчисления возмещения вреда. Практически сплошь и рядом идет речь о фикции — «усиленном питании». Недостаточность и во многих случаях необоснованность таких требований заставляет считать целесообразным и актуальным предоставление суду права по усмотрению назначать возмещение вреда, учитывая и неимущественные моменты.

В действующем советском законодательстве, а равно и в некоторых циркулярах НКЮ, имеется ряд правил, направленных на укрепление трудовой дисциплины в автотранспорте и надлежащее использование такового. Однако отсутствуют какие бы то ни было указания по вопросу о гражданско-правовой ответственности.

По примеру иных видов транспорта, желательно издание особого закона об автотранспорте, одним из разделов которого мог бы быть раздел об имущественной ответственности хозяев и водителей машин за причинение вреда и убытков.

В этом законе об автотранспорте можно было бы кроме того дать правовое регулирование целого ряда иных вопросов, надлежащее разрешение которых, в определенной мере, должно способствовать упорядочению использования автотранспорта и, тем самым, уменьшению аварийности последнего. Сюда относятся, например, такие вопросы, как порядок регистрации, передания и эксплоатации автомашин, установление номенклатуры автомашин, подлежащих действию особых правил эксплоатации, условия допущения лиц к управлению автомашинами, правила перевозок грузов автомашинами, правила ответственности за нарушение этого закона и пр.

В заключение докладчик выдвинул идею введения страхования имущественной ответственности владельцев автомашин за возможное причинение вреда при эксплоатации автомашин. Цель такого страхования — охранять владельцев автомашин от чрезмерного и неожиданного ущерба в случае предъявления к ним претензий за причиненный вред при эксплоатации автомашин третьими лицами.

Такое страхование на первых порах можно ввести как добровольное, а затем для определенных кругов владельцев (в первую очередь для собственников личных машин) установить обязательный характер такого страхования.

Сущность взаимоотношений, вытекающих из такого страхования, в основном, будет представляться в следующем виде: страхователь (владелец автомашины) выплачивает страховщику (Госстраху) страховую премию. В случае наступления страхового случая (присуждения с страхователя-причинителя потерпевшему вознаграждения) страховая сумма выплачивается ему Госстрахом.

Введение у нас такой новой системы страхования имущественной ответственности связано с разрешением ряда побочных вопросов, в частности, установлением лимитации общегражданской ответственности за причиненный вред.

Выступивший в прениях т. Евтихиев указал, что интересный доклад т. Кельмана нужно дополнить в двух отношениях. 1. Автором не учтена такая существенная область правоотношений, как ответственность владельцев машин в тех случаях, когда таковым является коллектив, например, колхоз, и вред, причиненный члену того же коллектива. 2. Следовало бы осветить вопрос о новых тенденциях буржуазного государствоведения, расширяю-

щих имущественную ответственность государства.

Тов. Л. Случевский указал, что докладчик собрал ценный материал по законодательству буржуазных стран, однако недостаточно обобщена наша советская судебная практика. Надо бы подвергнуть обсуждению установки судебной практики эпохи 1924—1926 гг., поскольку резко изменилась экономика нашего государства. Неправильно замечание т. Евтихиева в отношении колхозов. В основном орудия производства в настоящее время сосредоточены в последовательно социалистических предприятиях — МТС, а последние по договорам с колхозами предоставляют им свои машины для использования. Конечно, колхозы тоже являются собственниками автомашин, но если такая машина причинит вред, то такие случаи рассматриваются в порядке общегражданского законодательства — судебным порядком.

Тов. Каплан А. также отметил, что доклад не полностью охватил практику Верховного суда УССР за прошлые годы. Недостаточно убедительно замечание докладчика по вопросу о присуждении на усиленное питание. Что же касается морального ущерба, то этот вопрос находится вне ведения советского суда.

Тов. Энтилис Я. отметил, что докладчику следовало бы дать краткий проект закона об автотранспорте, тогда была бы твердая почва для обсуждения. Введение страхования имущественной ответственности оппоненту представляется нецелесообразным. В буржуазных странах страхование создает фикцию помощи трудящимся. У нас же возмещение за вред в порядке Гражданского кодекса имеет совершенно реальный характер. У нас есть социальное страхование, а это в корне меняет всю проблему.

Тов. Клейнбергер В. согласен с указаниями докладчика, что по данным делам в значительной части случаев все возмещение сводится к компенсации расходов на усиленное питание. В докладе следовало бы особо остановиться на вопросах, связанных с утратой малолетним трудоспособности в связи с автомобильными авариями. Необходимо также было остановиться на вопросах социального страхования. При этом надо, однако, иметь в виду, что социальное страхование далеко не всегда покрывает причиненный вред, ибо имеется значительная категория лиц, которые ввиду отсутствия трудового стажа, либо ввиду того, что они не застрахованы, не имеют права на социальное страхование либо обеспечение. Предложение докладчика о введении страхования риска может снизить чувство ответственности владельца автомашин, т. е. снизить превентивное значение права в деле предупреждения автомобильных аварий.

Резюмируя прения, т. Пруницкий С. М. указал, что указания оппонентов на недостатки доклада правильны. Докладчик действительно непропорционально распределил материал между буржуазным законодательством, литературой, судебной практикой, советской литературой и в особенности практикой. Объясняется это тем, что докладчик лучше знаком в данном вопросе с иностранной литературой, чем с нашей судебной практикой. Докладчик затронул целый ряд вопросов, связанных с темой его доклада, но относящихся ко всей проблеме ответственности за причинение внедоговорного вреда. Сюда относится в первую очередь общий вопрос о началах вины и причинения, о размерах ответственности и ее пределах и др. И это тем досаднее, что, затрагивая эти вопросы общего порядка, докладчик совершенно не коснулся вопроса о социальном страховании, несмотря на то громадное значение, которое социальное страхование имеет именно для разрешения проблемы ответственности за внедоговорный вред в советском праве.

Затронув много вопросов, связанных с ответственностью за внедоговорный вред и затронув их лишь вскользь, докладчик недостаточно осветил вопросы, непосредственно связанные с возмещением вреда, причиненного автомашинами, как один из видов транспорта. Очень большой вопрос об автолихачестве выпал из поля зрения докладчика. Надо бы изучить, посмотреть, как в нашей практике обстоит дело с материальной ответственностью шоферов. Не нашел времени докладчик и для вопроса о влиянии на ответственность владельцев автомашин нарушения потерпевшими правил уличного движения. Докладчик не привел ни одного случая из судебной практики, когда бы отпала эта ответственность вследствие нарушения правил движения пострадавшим. А между тем немало несчастных случаев именно на автотранспорте, больше чем на другом, вызвано как раз этим нарушением. Неужели наши суды проходят мимо таких фактов?

Что касается предложения докладчика о позаимствовании нами страхования риска, то нет оснований так решительно отвергать эту мысль, как это сделал т. Энтелис. И при наличии социального страхования в размерах, неслыханных нигде в мире, у нас существует государственное страхование жизни и имущества трудящихся.

В заключительном слове т. Кельман ответил оппонентам, что их возражения не убедили его в том, что закон об автотранспорте излишен. Если мы имеем уже в течение ряда лет правовую регламентацию железнодорожного транспорта, водного (речного и морского) и даже самого молодого транспорта — воздушного (воздушный кодекс СССР 1935 г.), то нет оснований оставлять без четкого правового оформления автотранспорт.

Библиография

И. Н. Якимов „Осмотр". 1935 г. стр. 120, цена 3 руб.

При крайней бедности нашей криминалистической литературы появление всякой новой работы в этой области представляет собой, несомненно, крайне желательное явление. С этой точки зрения книга И. Н. Якимова «Осмотр», содержащая на 115 страницах подробное изложение тактических и технических правил, касающихся столь важного следственного акта, как осмотр места преступления, заслуживает большого внимания как теоретических работников в области криминалистики, так и всех практических работников юстиции.

Ценность книги заключается уже в том, что она дает возможность каждому следователю иметь подробное руководство по проведению осмотра места преступления с целым рядом крайне ценных справочных материалов. Таковы, например, таблицы Бертильона для определения роста и размера частей тела по одежде и обуви (стр. 39—41); таковы подробные рецепты пластических масс для снятия слепков со следов орудий взлома и т. п.

Имевшаяся до настоящего времени литература по этим вопросам (произведения самого Якимова, Гросса, Бразоля, Боккариуса и др.) были для следователей недоступны, а многие из них по проводимым в них установкам не соответствовали основным принципам советского уголовного процесса. Поэтому именно чрезвычайно важно, чтобы эта новая работа Якимова, предназначенная стать практическим пособием в руках работников расследования, отражала полностью как основные принципиальные положения теории советского уголовного процесса, касающиеся места преступления, так и все те технические сведения, которые необходимы при практическом выполнении этого акта. К сожалению, надо констатировать, что очень многого в этом отношении в рецензируемой книге Якимова недостает.

Прежде всего, автор совершенно не касается процессуальной стороны вопроса — вопросы о доказательной силе результатов осмотра на суде, о процессуальных гарантиях точности и объективности фиксирования этих результатов разработаны в рецензируемом труде далеко недостаточно. Не сделано необходимого упора на основной вопрос, на котором спотыкается большинство наших следственных и милицейских работников, а именно, на то, что доказательная сила результатов осмотра места преступления зависит прежде всего от точности и объективности фиксирования этих результатов.

Излагая примеры осмотра места преступления (стр. 9—12), автор не только не предостерегает своих читателей о полной недопустимости смешивать факты, устанавливаемые путем осмотра, с теми выводами, которые из этих фактов вытекают, но, наоборот, сам допускает такое смешение в излагаемых им примерах. Например, излагая историю дела гр-ки П., облившей своему мужу лицо серной кислотой, автор не разъясняет, что результатом осмотра можно считать только то, что около дивана обнаружены темнокоричневые пятна, а около шкафа, где, по словам гр-на П., он случайно облился серной кислотой, никаких пятен не обнаружено. Только это и ничего другого не может дать осмотр. Дальнейшие выводы следователя о том, что гр-н П. не облился серной кислотой, а что его облили ею, когда он спал на диване, основываются не на одних только результатах осмотра, а на сопоставлении установленных осмотром фактов со всеми другими обстоятельствами дела: с показаниями свидетелей и потерпевшего, с выводами химической экспертизы о происхождении обнаруженных при осмотре пятен и т. д.

В изложении же т. Якимова это важное процессуальное разграничение не проведено. Выводы, вытекающие из оценки результатов осмотра, изложены им одновременно с изложением самого хода осмотра, что на практике легко может повести к проявлению следователями «субъективизма» в фиксировании результатов осмотра, к подмене точно установленных фактов догадками и предположениями лиц, производящих осмотр.

Основная тактическая задача осмотра также не указана в рецензируемой книге с необходимой полнотой и четкостью. Автор неоднократно, во многих местах своей работы касается отдельных подробностей, на которые следователь и должен обратить внимание при осмотре места преступления. Но им нигде не дано точных указаний на общую важнейшую цель всякого осмотра места преступления: выявить и зафиксировать всякое отступление от обычной нормальной обстановки того места, которое подвергается осмотру. Внушить всем работникам расследования это общее основное правило, безусловно, необходимо ввиду того, что конкретные предметы, с которыми приходится сталкиваться при осмотре, настолько разнообразны, как об этом говорит и сам автор разбираемой книги, что говорить о перечне тех предметов, на которые следователь должен обратить внимание при осмотре, совершенно невозможно.

Другой очень полезный тактический прием, могущий облегчить следователям и другим работникам расследования определение в сложной обстановке места преступления тех предметов и следов, на которые им нужно обратить внимание, — перечень основных вопросов, которые должны быть выявлены при осмотре места преступления, также не использован автором в разбираемой книге. Это тем более досадно, что в главе «Об осмотре мест преступления» в курсе криминалистики Института уголовной политики, написанной тем же автором, дается перечень 9 таких вопросов, несомненно, облегчающий всякому следственному работнику ориентировку на месте преступления. Отсутствие этих вопросов в разби-

раемой книге нельзя не расценить как ее существенный недостаток.

Основное внимание автор уделяет технике осмотра, описанию тех технических приемов, которые должны быть применены лицом, производящим осмотр, для обнаружения и закрепления следов преступления. Не нужно пояснять, что это одно представляло бы собой очень большую ценность, если бы описание этих приемов было дано так, чтобы каждому, даже мало квалифицированному следователю, можно было, прочитав эту книгу, применять на практике рекомендуемые в ней приемы. К сожалению, и здесь рецензируемая книга не вполне охватывает весь круг необходимых для этого сведений. В книге т. Якимова есть такие формулировки, которые затрудняют возможность практического применения даваемых автором указаний. Вот примеры некоторых таких формулировок.

На стр. 8—9 автор правильно указывает, что найденные на месте преступления мелкие предметы, могущие иметь значение в вещественных доказательствах, «должны быть закупорены с надлежащими предосторожностями», чтобы не произошла их порча, а каковы эти «надлежащие» предосторожности, автор не указывает.

Об этом он говорит в другом месте, на стр. 89—92. Но и там правила упаковки и хранения вещественных доказательств приведены в крайне сжатом виде и даже нет ссылки на имеющуюся по этому вопросу подробную инструкцию НКЮ РСФСР.

На стр. 21 автор указывает, что осмотр огнестрельных ранений на трупе должен помочь отличить входное отверстие на одежде от выходного. Указание совершенно правильное, но и здесь автор, к сожалению, не приводит ни одного признака, по которому следователь, производящий осмотр, мог бы судить о том, какое же отверстие является входным, какое выходным.

На стр. 23 автор указывает, что труп человека, личность которого не установлена, должен быть сфотографирован «особым способом фотографической съемки (сигналетическая фотография)», а каков этот способ, как нужно производить съемку, чтобы получившийся снимок удовлетворял требованиям, предъявляемым к сигналетической фотографии, автор также ничего не говорит.

Как известно всякому криминалисту, следы ног на месте преступления являются одним из важнейших доказательств и должны быть закреплены и приобщены к делу во всяком случае. Этот трудный и сложный вопрос о способах снятия копий со следов занял у автора всего четверть страницы (на стр. 46). Автор отсылает своего читателя к правилам уголовной техники. Но ведь разбираемая книга как раз и имеет сугубо-технический характер. Ценность ее в том и заключается, что она дает читателю технические указания о выполнении тех или иных действий, необходимых для правильного фиксирования результатов осмотра места преступления. Вполне понятно, что самое подробное изложение способов закрепления следов ног является абсолютно необходимым для всякой работы об осмотре места преступления, если эта работа стремится всесторонне исчерпать эту важнейшую для криминалиста тему.

Таких пробелов в книге Якимова можно было бы указать еще целый ряд и нельзя не признать, что наличие их значительно снижает ценность книги.

С точки зрения продуманности и четкости основных формулировок изложение также оставляет желать много лучшего. Например, на стр. 44 автор дает следующее определение следа: «Следом называется отпечаток на чем-нибудь предмете, позволяющий судить об его форме или об его назначении». Это определение с точки зрения криминалистической никак нельзя признать правильным. Сам автор на стр. 47 (т. е. через три страницы после приведенного выше определения) относит к числу следов пыль, грязь, табачную пыль, следы свечи, краску, ржавчину и пр. Ни один из этих следов под определение, данное автором на стр. 44, не подходит, так как никаких отпечатков на этих предметах не имеется, но они сами по себе являются следами преступления.

На стр. 93—94 автор дает схему протокола осмотра, излагая в 7 пунктах содержание этого протокола. Не говоря о том, что эти 7 пунктов, приводимые автором, далеко не исчерпывают всех требований, предъявляемых к протоколу осмотра (это ясно уже по одному тому, что в упомянутой выше главе об осмотре в курсе криминалистики, написанной тем же т. Якимовым, приводится 9 основных вопросов, которые должны быть выявлены при всяком осмотре места преступления), формулировки этой схемы страдают значительной нечеткостью, затрудняющей усвоение их читателем.

Пункт «а» этой схемы сформулирован так: «место преступления — в его узком смысле (место убийства, место взлома и т. п.)»; а пункт «в» той же схемы гласит: «места, где обнаружены объекты преступления (место обнаружения трупа или взломанного хранилища)». Для квалифицированного криминалиста разница между этими двумя пунктами понятна, т. е. убийство часто происходит не в том месте, где окажется труп, и взломанное хранилище может оказаться очень далеко от той точки, где был произведен самый взлом. Но для практических работников, не имеющих высокой квалификации в этом вопросе, указанная выше формулировка, несомненно, представит значительные затруднения, и очень многие читатели книги т. Якимова будут безуспешно ломать себе голову, пытаясь найти разницу между пунктами «а» и «в» его схемы.

Столь же непонятным для рядового читателя окажется и описание способа определения места нахождения пятен на стенах и на полу комнаты по методу координат, который дает т. Якимов на стр. 8. В особенности неясно составлена вся глава, посвященная съемке плана местности. Практические работники юстиции хорошо знают, каким большим и часто встречающимся недостатком в оформлении уголовных дел является или полное отсутствие в них планов места преступления, или небрежное, нечеткое составление этих планов.

Научить работников, производящих расследование, основным правилам глазомерной съемки, безусловно, крайне важно. Поэтому т. Якимов поступил совершенно правильно, посвятив этому вопросу отдельную главу. Но, к сожалению, изложение этой главы страдает такими же неясностями, примеры которых были приведены выше. Автор не дает пояснения такого

сугубо технического термина, как ориентировка планшета. Единственное пояснение, которое он приводит в скобках, ограничивается следующим: «вороненый конец компасной стрелки на север» (стр. 95). Получается, что для того, чтобы ориентировать планшет, надо установить его так, чтобы вороненый конец компасной стрелки показывал север. Но, как известно всем и каждому, значение компаса в том и заключается, что, как бы его ни поворачивали, вороненый конец стрелки всегда будет показывать север. Не ясно ли, что читатель, который не знаком с правилами съемки и который будет пытаться ознакомиться с ней по книге т. Якимова, будет долго и безуспешно ломать себе голову над значением указанного пояснения Необходимо было указать, что на листе бумаги, предназначенном для съемки плана, надо провести сверху вниз линию, обозначающую направление с севера на юг, и что ориентировка планшета заключается в той его установке, чтобы эта линия совпадала с направлением компаса. Этого указания автор не дает, а без этого невозможно приступать к съемке плана.

На стр. 97, на рис. 24, приведены два образца планов местности, наверху первоначальный набросок — кроки, а внизу то, что т. Якимов называет законченной съемкой местности. На эту законченную съемку местности нанесены не только все линии и предметы, имеющиеся на местности, но и горизонтали. Известно, что нанести на план горизонтали методов глазомерной съемки совершенно невозможно, и читатель, изучающий метод съемки по книге Якимова, безусловно, будет в большом затруднении, когда он будет рассматривать рисунок 24 и ломать себе голову над тем, что же обозначают изображенные на этом рисунке волнистые линии.

В книге имеются некоторые и прямо неверные утверждения. Так например, никак нельзя согласиться с утверждением автора о том, что «документы обгоревшие, изгрызанные и изжеванные осмотру не подвергаются, а передаются эксперту для их восстановления» (стр. 50). Если следователь в точности последует этому совету автора, то подобные документы потеряют всякую доказательную силу, и обвиняемый на суде получит полную возможность утверждать, что заключения эксперта даны не по материалам, обнаруженным на месте преступления, а по каким-нибудь иным, которые или были кем-нибудь умышленно подсунуты или попали случайно.

Процессуальное значение протокола осмотра вещественных доказательств в том и заключается, что этот осмотр представляет собой гарантию тождества передаваемых суду вещественных доказательств с теми предметами, которые были обнаружены на месте преступления. Устранять эту гарантию для обгоревших и изжеванных документов нет никаких оснований. Автору следовало бы указать, что, произведя осмотр таких документов, следователь не должен делать ничего такого, что могло бы повредить эти крайне хрупкие вещественные доказательства, что он должен ограничиваться описанием их внешнего вида, количества и тому подобных признаков, предоставив детальное исследование эксперту.

Точно также нельзя согласиться и с тем, что при осмотре трупа не нужно снимать с него дактилоскопических отпечатков, «когда личность покойного точно установлена и заведомо известна, что он не имеет никакого отношения к преступным элементам» (стр. 14). Ведь дактилоскопические отпечатки с трупа снимаются не только для установления его личности, но также и для того, чтобы иметь возможность отличить среди найденных на месте преступления отпечатков те, которые были оставлены убийцей, от тех, которые были оставлены убитым.

Автор посвящает специальную главу, занимающую всего три страницы, осмотру документов. Этого вопроса можно было вообще не касаться, поскольку он прямого отношения к осмотру места преступления не имеет. Но если касаться его, то нужно было дать детальное описание этого крайне сложного следственного действия. Автор же не только не дает такого описания, но не упоминает о таких элементарных вопросах, как определение признаков подложности печатей и т. п.

Книга оставляет желать очень много лучшего с точки зрения ее формы и стиля. Вот примеры некоторых стилистических неточностей: «Если возможно, следует устранить с места преступления все, что сделано после о т к р ы т и я преступления посторонними лицами» (стр. 2). Автор, очевидно, имеет в виду не открытие преступления, а его обнаружение. Раздел 7 гл. 2 о наружном осмотре трупа озаглавлен «Осмотр т е л а т р у п а и повреждений на нем». На стр. 104 при описании фотоаппарата системы Бертильона есть такая фраза: «вертикальная чрез оптическую ось, при плоскость, проходящая пересечении с картинной плоскостью дает «главную вертикальную» линию, пересекающуюся на картинной плоскости с линией горизонта». Ответственность за эту полную бессмыслицу лежит, конечно, не столько на авторе, сколько на издательстве. Но читателю от этого не легче. И без того трудная тема о фотограмметрической съемке до крайности затрудняется подобной недопустимой небрежностью.

Многочисленные рисунки, имеющиеся в книге, безусловно, во много раз увеличили бы ее ценность, если бы они были прилично оформлены. К сожалению, большинство этих рисунков оформлено настолько плохо, что разглядеть на них те подробности, для пояснения которых эти рисунки приводятся, совершенно невозможно.

Исключительная важность процессуального акта осмотра места преступления и неумение большинства работников расследования правильно выполнить это важнейшее следственное действие общеизвестны. При этом условии крайне желательно снабжение всех следственных и милицейских работников доступным и подробным руководством, по которому они могли бы научиться правильно производить осмотр места преступления и которое содержало бы в себе все необходимые для этого справочные материалы.

Книга т. Якимова могла бы быть руководством, лишь при условии устранения из нее отмеченных выше недостатков. Книгу нужно тщательно переработать.

С. Голунский.

***

Е. М. ЛЬВОВ и Л. М. ЯХНИЧ. Участие прокурора в подготовительном и судебном заседаниях в уголовном процессе. Гос. изд. «Советское законодательство», Москва, 1936, стр. 40, Ц. 48 коп.

Брошюра Е. М. Львова и Л. М. Яхнича, «Участие прокурора в подготовительном и судебном заседаниях в уголовном процессе», излагающая задачи, порядок проведения подготовительных и судебных заседаний и роль в них поркурора, будет с пользой и интересом прочитана судебно-прокурорскими работниками, на которых она рассчитана в первую очередь. Брошюра могла бы послужить также пособием при прохождении уголовного процесса не только в правовых школах, но даже в вузах, если расширить ее объем и подвергнуть переработке в направлениях, которые будут указаны ниже.

В деятельности прокуратуры авторы выделяют судебную ее сторону, под которой вообще следует понимать участие прокурора во всех стадиях движения уголовного дела (в отличие от тесно связанной с ней деятельности по общему надзору). В этой судебной работе прокуратуры авторы сосредоточивают свое внимание на двух этапах: 1) на роли прокурора в подготовительных заседаниях и 2) на роли прокурора в судебных заседаниях.

Предварительно остановимся на вопросе об отличии подготовительных заседаний от распорядительных и о самом термине: «подготовительное заседание».

В этом вопросе надо отметить один из недостатков рецензируемой брошюры, а именно, отсутствие в ней хотя бы кратких справок из истории нашего уголовного процесса в тех его частях, которым посвящена брошюра.

Авторы пишут: «Мы называем заседания эти подготовительными только потому, что в действующих УПК они называются и установлены как подготовительные заседания, хотя по существу, практически они являются распорядительными заседаниями».

Сказать так — значит сказать очень мало. Разница между распорядительными и подготовительными заседаниями остается неясной.

Термин «подготовительное заседание» был введен проектом УПК 1928 г. А. Я. Вышинский в своей статье «К реформе уголовно-процессуального кодекса» («Проблемы уголовной политики», кн. 1, стр. 30) пишет: «Этот проект просто упразднил распорядительное заседание, заменив его «подготовительным» заседанием, что означало гораздо больше, чем простую перемену названий (разрядка наша — А. Б.). Дело в том, что в подготовительные заседания дела по проекту 1928 г. должны были вноситься, как правило, не для проверки основательности привлечения органами прокуратуры обвиняемых к ответственности (разрядка наша — А. Б.), а лишь в тех случаях, когда судья «усмотрит существенную неполноту материалов дела, которая не может быть восполнена в судебном следствии» или когда судья не согласится с квалификацией приписываемого обвиняемому преступления, с преданием его суду или избранной в отношении его мерой пресечения (ст. 93 проекта). Неудовлетворительность такого рода «реформы» ясна сама собою: дело не в словах, дело в самом существе функций и объеме прав и обязанностей этого заседания, терявшего по проекту 1928 г. характер камеры предания суду (разрядка наша — А. Б.).

Проект УПК 1928 г. не получил во всем объеме силы закона. Однако, действующий УПК 1923 г. под влиянием проекта 1928 г. подвергался изменению именно в части отмены распорядительных заседаний и замены их подготовительными заседаниями (СУ 1929 г. № 78, ст. 756) со всеми вытекавшими отсюда последствиями, как они очерчены в процитированном отрывке из статьи А. Я. Вышинского.

Проект всесоюзного УПК 1934 г. внес полную ясность в этот вопрос. Проект УПК 1934 г. не только восстановил отмененное в 1929 г. название: «распорядительное заседание», но и четко обрисовал функции этого распорядительного заседания как камеры предания суду. Проект этот, как известно, пока еще силы закона не получил.

Не будем более подробно останавливаться на истории этого вопроса, так как это выходит за рамки рецензии. Напомним только, что целым рядом постановлений (47-го пленума Верховного суда СССР 7 июня 1934 г., президиума Верховного суда РСФСР 14—16 января 1935 г. и пр.) подготовительным заседаниям придан тот характер, который они должны иметь,— характер распорядительных заседаний, как камеры предания суду.

Все эти вопросы не освещены в брошюре. А между тем, даже краткая историческая справка помогает сразу вскрыть разницу между подготовительными и распорядительными заседаниями. Такая справка также показывает, что самый термин: «подготовительное заседание» должен в настоящее время считаться устаревшим. Брошюра в этой части, как и в других, безусловно выиграла бы, если бы она уделила необходимое внимание истории тех советских процессуальных институтов и проблем, которым она посвящена.

В свете исторической майской речи товарища Сталина, в свете великой Сталинской Конституции, в плане растущего пролетарского демократизма в судебном процессе роль и значение распорядительных заседаний должны еще более возрасти.

Сейчас ставится вопрос не только об участии обвиняемого в распорядительном заседании, но также его защитника.

Однако ни по вопросу о случаях и формах участия обвиняемого, а тем более его защитника в распорядительных заседаниях, ни о порядке и технике проведения этих заседаний нет специальных постановлений, а самый вопрос о распорядительных заседаниях не оформлен в законодательном порядке. Роль прокурора в этих заседаниях, взаимоотношения между докладом прокурора и содокладом судьи также нуждаются в более подробном освещении.

Вот почему постановка этих проблем в брошюре Е. М. Львова и Л. М. Яхнича является вполне своевременной.

Коснемся попутно еще одного вопроса. Авторы правильно пишут: «По другому пути идет буржуазное законодательство, вставшее на путь свертывания и полной ликвидации судебной демократии. Так, например, по итальянскому уголовно-процессуальному кодексу, вступ-

пившему в действие в 1931 г., предание суду как самостоятельная стадия процесса, требующая существования особой камеры, через которую должны проходить уголовные дела, упразднена. В последнее время ликвидировано в Англии так называемое большое, или обвинительное жюри, которое в составе 23 человек, состоящих обычно из землевладельцев и мировых судей, решало вопросы предания суду (малое жюри).

Эта справка ясно недостаточна, если брошюра претендует на роль также учебного пособия (для чего она имеет все права). Авторам надлежало более подробно остановиться на институте предания суду в капиталистических странах. Обрисовав роль этого института, авторы могли бы показать, что даже в период расцвета так называемого классического буржуазного уголовного процесса предание суду не носило того характера, какой придан этому институту в настоящее время у нас, и сводилось очень часто к простой формальности.

Если разработка проблемы предания суду и роли прокурора в распорядительном заседании является по изложенным выше мотивам своевременной, то столь же своевременной является разработка вопроса о роли прокурора в судебном заседании.

В своем курсе судоустройства (3 изд. 1936 г., стр. 222—227) А. Я. Вышинский, обрисовав характер и важное значение участия прокурора в судебных заседаниях, пишет: «Незначительное участие прокуроров в судебных процессах, почти полное отсутствие прокуроров в кассационных судах — все это свидетельствует о недооценке со стороны работников прокуратуры роли и значения суда и судебного процесса и в особенности в настоящее время».

В этом вопросе, несомненно, должен наступить перелом. Брошюра авторов и с этой точки зрения отвечает назревшей потребности более точно очертить роль прокурора в судебном заседании, помочь ему в выполнении этой ответственной задачи.

Авторы пишут: «Если судебное рассмотрение уголовного дела является основной и важнейшей стадией уголовного процесса, то, следовательно, участие прокурора в этой стадии составляет один из важнейших элементов всей судебной и судебно-надзорной работы прокуратуры. Участвуя в судебном процессе и, в частности, принимая активное участие в проведении судебного следствия, в исследовании всех обстоятельств дела и проверке доказательств, прокурор лучше может судить о правильности приговора и немедленно реагировать путем принесения кассационного протеста на неправильный приговор». Это правильно. Тем не менее авторы сделали несомненную ошибку, выделив в судебной деятельности прокурора только эти два этапа. Разве роль прокурора в кассационных судах представляет меньший интерес, чем роль прокурора в распорядительном и судебном заседаниях? Разве роль прокурора в стадии предварительного расследования заслуживает меньшего внимания? Целый ряд серьезнейших проблем возникает в связи с изучением роли прокурора на предварительном следствии, как и роли прокурора в кассационных судах, где у прокурора особая позиция, как дающего заключение, а не выступающего обвинителем.

Авторы и сами не удерживаются в тех искусственных рамках, которые они себе поставили, они вынуждены, например, попутно касаться положения прокурора в стадии предварительного следствия.

Обратимся к главе: «Роль прокурора в подготовительном заседании».

Глава начинается следующим правильным политическим введением: «Исторические указания, которые содержит в себе майская речь товарища Сталина, требуют от всех прокурорских и судебных работников нового подхода к своим задачам, к своим обязанностям. Беспощадная расправа с классовыми врагами и воспитание трудящихся в духе социалистической дисциплины — эта двуединая задача суда, оставаясь основой судебной работы, должна осуществиться под углом зрения сталинского указания о необходимости «прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу». Решая вопрос о привлечении к уголовной ответственности, о предании суду, каждый прокурор и судья должны понимать, что они в подавляющем большинстве случаев решают вопрос о судьбе живого человека нашей социалистической страны. «Надо, наконец, понять, — говорит товарищ Сталин, — что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры». Это обязывает судебно-прокурорских работников к исключительной чуткости, серьезности, вдумчивости и осторожности при принятии решения о предании суду».

Авторы, далее, подробно останавливаются на вопросе, что считать актом предания суду. Здесь правильно подчеркивается, что утверждение прокурором обвинительного заключения не является актом предания суду.

Авторы пишут: «Предварительное расследование уголовного дела, если оно не прекращается производством, заканчивается составлением обвинительного заключения. Серьезность и важность этого документа определяется тем, что в нем систематизируются материалы следствия (техническая сторона) и определяется объем обвинения, что дает обвиняемому возможность готовиться к своей защите (процессуальная сторона). Утверждение обвинительного заключения, по своему смыслу, состоит, следовательно, в том, что прокурор, наблюдающий за следственным производством и отвечающий за него, согласен как с порядком и формой изложения материалов дела, так и с пределами инкриминируемых фактов и их квалификацией. Утверждая обвинительное заключение, прокурор этим фактом констатирует свое согласие с итогом предварительного расследования по делу, осуществляя одновременно и контрольную функцию. На этом заканчивается определенная стадия процесса — предварительное расследование.

Вслед за этим возникает новая стадия процесса — предание суду, и обвиняемые приобретают некоторые новые процессуальные права (право участия в подготовительном заседании по усмотрению суда, заявление новых ходатайств, вторичное ознакомление с делом до его судебного рассмотрения). Рассматривать утверждение обвинительного заключения как акт предания суду — это значит соединить в один процессуальный этап окончание расследования и предание суду». «Что же следует считать органом предания суду? Органом пре-

дания суду является подготовительное заседание суда, ибо оно фактически окончательно решает вопрос, судить или не судить человека... Утверждение обвинительного заключения имеет своим последствием лишь направление дела в суд»... Актом предания суду является постановление распорядительного заседания как камеры предания суду. Это верно. Сомнение вызывает другой вопрос: не допускают ли авторы недооценки обвинительного заключения. Обвинительное заключение, в случае предания обвиняемого суду, является прежде всего формулировкой обвинения, которое государственная прокуратура предъявляет определенному лицу и которое она будет поддерживать в соответствии с данными предварительного и судебного следствия. Все остальное, что пишут авторы об обвинительном заключении, правильно, однако этот момент нужно было подчеркнуть в первую очередь. Вообще вопрос о роли обвинительного заключения, как и другие проблемы, авторы разработали бы более подробно, если бы занялись судебной деятельностью прокурора в полном ее объеме (в частности ролью прокурора на предварительном следствии).

Сущность, характер и формы распорядительного заседания, роль в них прокурора и других участников, порядок их проведения разработаны достаточно подробно и вполне в соответствии с нашей текущей судебной политикой.

Хорошо очерчено взаимоотношение между ролью прокурора как основного докладчика в распорядительном заседании и ролью судьи как содокладчика. Прекрасно изложены также примерные схемы и содержание докладов и содокладов. Практическая полезность этой части работы не может вызывать никаких сомнений. Если судебно-прокурорские работники будут руководиться составленной авторами схемой и выполнять поставленные в этой схеме требования, можно быть уверенным в надлежащем качестве работы самого распорядительного заседания.

Правильно очерчен круг вопросов, которым должно заниматься распорядительное заседание, объем и перспектива, в которых они должны ставиться.

Не вина авторов, что они не смогли дать исчерпывающий ответ на вопрос, какой характер, объем и формы примет участие в распорядительном заседании обвиняемого, а также еще защитника. Необходимо отметить, что тенденция к расширению рамок этого участия подчеркнута авторами правильно.

Авторы пишут: «По вопросу о том, как организуется порядок проведения подготовительных заседаний, когда вызывается обвиняемый, мы не имеем специальных указаний. На практике следует исходить из того, что объем прав обвиняемого на подготовительных заседаниях не может быть равен объему его прав, которыми он пользуется на судебном следствии. Опыт показал, что такой подход к этому вопросу правилен, и порядок, который применялся, в частности, в городском суде Москвы, оправдал себя. Заседания в этих случаях, как обычно, начинались с доклада прокурора, затем шел содоклад судьи и после вопросов и прений приглашали в заседание обвиняемого, который отвечал на вопросы судей и прокурора и заявлял ходатайство. Исчерпав опрос обвиняемого, выслушав его ходатайство, подготовительное заседание в отсутствии обвиняемого принимало окончательное решение по делу. Практика таких заседаний показала, какое огромное значение имеет привлечение самого обвиняемого в момент, когда разрешается вопрос о предании суду. Сейчас не будет ошибкой проявление некоторой большей смелости — можно практиковать подготовительное заседание с участием обвиняемого от начала его до конца. Вызов обвиняемого в подготовительное заседание практикуется сейчас еще недостаточно широко, а между тем уже поставлен вопрос, и по всей вероятности будет разрешен в положительном смысле, о допущении в известных пределах и защиты не только к участию в подготовительных заседаниях, но и в стадии предварительного расследования. Вызов обвиняемых в подготовительное заседание надо рассматривать как одну из серьезных гарантий обоснованного предания суду».

Нельзя не согласиться с правильностью и своевременностью такой постановки вопроса.

Авторы подчеркивают, что «за скверным оформлением обычно скрывается и скверная работа». Поэтому, уделяя внимание оформлению распорядительных заседаний, авторы в приложении приводят образцы определений и протоколов.

В главе: «Роль прокурора в судебном заседании» авторы прежде всего ставят вопрос, каково процессуально-правовое положение прокурора-обвинителя в судебном заседании. Вопрос важный, который авторы разрешают в общем правильно, но несколько более сложный, чем он им представляется.

Авторы пишут: «Обвинитель в стадии судебного рассмотрения дела является стороной в процессе. Это значит, что обвинитель осуществляет свои функции под контролем председателя суда, который руководит судебным заседанием. Если в стадии предварительного расследования прокурор является органом, осуществляющим надзор и руководство расследованием, и имеет право решать самостоятельно все вопросы, связанные с производством следствия, и решения его обязательны для органов расследования, то в судебном заседании прокурор таких прав не имеет. Все вопросы, возникающие в судебном заседании, разрешает суд (выслушивая, когда требуется, мнение сторон). Советский уголовный процесс признает принцип процессуального равенства сторон, поэтому прокурор в судебном заседании одна из равноправных сторон, т. е. он имеет права, равные с защитой».

Затем в развитие этого положения авторы подробно останавливаются на сопоставлении роли прокурора в судебном заседании и на предварительном следствии и высказывают интересные соображения, подтверждая, однако, этим самым правильность упрека, что им следовало бы не суживать тему, а дать развернутую работу о роли прокурора в уголовном процессе во всем объеме.

Авторы понимают, что вопрос о роли прокурора в судебном заседании — сложный вопрос, требующий более детального анализа. Он неотделим от исследования состязательного начала вообще и в применении к нашему процессу в особенности.

Необходимо было во всяком случае более точно очертить пределы «односторонности» прокурора в судебном заседании. Авторы видели проблему, но не раскрыли ее во всей пол-

ноте. А что они видели проблему, это явствует из следующего места (как и из некоторых других, которых мы не приводим): «Несмотря на то, что прокурор, участвующий в судебном заседании, является только равноправной стороной, это не освобождает его, как представителя прокуратуры, наблюдать за соблюдением закона, от обязанности следить за тем, чтобы судом при проведении судебного заседания соблюдались требования УПК».

Авторы могли бы отметить еще ряд других черт, доказывающих, что «односторонность» прокурора в судебном заседании обладает некоторыми особенностями (например, прямая обязанность прокурора по проекту УПК 1934 г. отказаться от обвинения, когда он придет к убеждению в недоказанности обвинения, право подсудимого заявлять отвод против прокурора и пр.).

Для контраста авторы могли бы отметить, что, например, фашистский итальянский уголовно-процессуальный кодекс не позволяет прокурору бороться с нарушением процессуальных норм, если это не затрагивает интересов обвинения.

В соответствии с нашим УПК авторы разбивают судебное заседание на отдельные моменты, указывая, какова роль прокурора во время каждого из этих моментов. Это делает изложение очень наглядным, позволяет более детально остановиться на особенностях и задачах, связанных с каждым таким моментом.

Прениям сторон авторами уделяется недостаточное внимание. Этот вопрос представляет большой интерес и мало разработан в процессуальной литературе.

Нельзя удовлетвориться тем, что авторы говорят об общественных обвинителях. Ввиду важности вопроса темы этой нельзя было касаться вскользь: ей нужно было уделить специальное внимание.

Разбираемая глава содержит в высшей степени ценные и интересные указания по технике и методике прокурорской работы. В неразвернутом виде дан материал, который мог бы составить содержание отдельной брошюры и даже целой книги.

У нас нет руководства по методике и технике прокурорской работы, в частности по методике подготовки к делам, к речи, к допросу. Потребность в таком руководстве бесспорно имеется. Указания, которые дают авторы прокурорам, участвующим в судебном заседании (как и указания по составлению докладов в распорядительных заседаниях), могут принести большую пользу прокурорам в их практической работе.

Все эти критические замечания не изменяют общей положительной оценки брошюры. Вместе с тем надо признать, что при последующем издании (надобность в котором несомненно представится в ближайшее время) брошюра нуждается в доработке: тему следует расширить, включив в нее всю судебную деятельность прокуратуры, соответственно следует увеличить объем работы и углубить трактовку затронутых авторами проблем.

А. Е. Брусиловский.

***

Проф. **А. А. ГЕРЦЕНЗОН, «Учет и статистика органов прокуратуры»**, под редакцией А. Я. Вышинского, издание 2-е, переработанное и дополненное, «Советское законодательство», Москва, 1936.

Правильно налаженные учет, статистика и информация играют большую роль в деле организации быстрой оперативной борьбы с нарушениями революционной законности. С помощью статистики и информации, умело используя их для изучения и обобщения своей работы, органы прокуратуры и суда могут работать гораздо продуктивней и лучше.

С 1 июля 1935 г. в органах Прокуратуры СССР была введена новая система учета и статистики, обсужденная предварительно на целом ряде специальных совещаний по статистике. За полтора года действия новой системы учета и информации выявлен был целый ряд дефектов в проведении учетно-статистической и информационной работы.

Значение небольшой работы проф. Герцензона прежде всего в том, что она суммирует практику проведения в жизнь новой системы учета и информации и дает очень важные практические указания, как ее необходимо осуществлять прокурорским работникам, представляя собой, как указывает автор в предисловии, «своего рода «статминимум» для работников прокуратуры».

Как правильно указывает автор, основным недочетом в работе органов прокуратуры по постановке учета и информации является еще неполностью изжитый пренебрежительный подход к этой работе, как к «цифири» и «бумажной волоките». Автор правильно отмечает, что «это является недооценкой политического значения статистики, социалистического учета, о которых Ленин и Сталин говорят как о важнейших задачах пролетарской диктатуры» (стр. 6).

В первой главе рецензируемой работы автор дает характеристику новой системы учета, статистики и информации. Основными видами информации статистических материалов по новой системе являются: 1) статистическая сводка, 2) специальное донесение. Как указывает автор, «учетно-статистическая и информационная работа прокуратуры должна осуществлять:

1) учет преступлений и других нарушений социалистической законности на различных участках социалистического строительства;

2) учет оперативных мероприятий по борьбе с нарушениями социалистической законности» (стр. 9).

В целях сокращения информационно-статистических материалов, они сводятся к месячному статистическому отчету прокурора и специальному донесению. Для правильной постановки информации имеет особое значение отчетная дисциплина, которая, к сожалению, не всегда на должной высоте. Автор приводит ряд примеров, показывающих неблагополучие в деле организации учетно-информационной работы в ряде районных и областных прокуратур, отмечая недостаточное руководство его некоторыми прокуратурами союзных республик (УССР, РСФСР) в 1935 и начале 1936 года. Автор указывает на мероприятия, которые нужно провести для того, чтобы обеспечить поднятие на должную высоту учетно-статистической работы. К этим мероприятиям в первую очередь автором относятся следующие:

1) Повсеместная организация в прокуратурах

республик, краев и областей информационно-статистических групп.

2) Освобождение информационно-статистических групп от всевозможных «оргинстровских» функций, с закреплением за ними задач исключительно информационно-статистической работы.

3) Проведение совещаний с районными работниками по вопросам организации учетно-статистической работы.

4) Обследования хотя бы части прокуратур в связи с постановкой у них учетной работы (стр. 13).

Дефектом этой главы, в которой дается детальная характеристика системы отчетности, сроков ее представления и задач районных, областных и союзных органов прокуратуры в деле постановки учета и информации, является отсутствие указаний на постановку учета и статистики гражданских дел. Учет и статистика гражданских дел представляют очень серьезную и важную часть нашей работы, особенно важную в свете задач, выдвигаемых перед органами юстиции новой Сталинской Конституцией. Между тем, автор не только в первой, но и в последующих главах не уделяет этому важнейшему участку почти никакого внимания, за исключением нескольких строчек, посвященных учету гражданских дел при перечислении учетных показателей работы (стр. 41).

Вторую главу автор посвящает характеристике первичного учета, значению его и видам и порядку заполнения и использования учетных карточек. Первичный учет имеет особое значение, поскольку от качества этого учета зависит вся дальнейшая работа по учету и информации. Основным документом первичного учета является единая учетная карточка, отражающая все основные сведения о привлеченных к уголовной ответственности и все основные стадии работы следователя и прокурора по делу. Кроме того, устанавливаются специальные учетные карточки на жалобы и на газетные заметки.

В третьей главе автор дает характеристику показателей статистического отчета. Как правильно указывает автор, «этот отчет должен быть таким же точным и полным, какой должна быть, например, отчетность завода о его продукции или денежная отчетность. Нужно помнить, что подтасовывание цифр или неправильное их истолкование является совершенно недопустимым, является уголовным преступлением» (стр. 34).

Проект статистического отчета районного и областного прокурора, составленный на 1937 г., значительно упрощает статистический отчет, поскольку он исключает целый ряд показателей, в частности показатели, учитывающие преступления по видам хозяйственно-политических кампаний. Этот проект идет в направлении увеличения числа показателей, учитывающих преступления прежде всего по их юридическим признакам.

Главная задача статистического отчета—дать полную и ясную картину характера преступлений и качества работы следователя и прокурора по борьбе с ними. Как указывает автор, в новом проекте статистического отчета на 1937 г. исключен раздел, в котором учитывались направленные прокурором в суд уголовные дела по месту совершения преступления (колхоз, совхоз, единоличное хозяйство, промышленность, торговля и т. д.). Пожалуй, исключение этого раздела из статистического отчета является слишком поспешным. Нам очень важно знать не только характер преступлений, но и место совершения преступлений. Особое значение имеют также данные статистического отчета, в которых дается характеристика привлеченных к уголовной ответственности по их социальному положению, что дает возможность выяснить социальное лицо преступников и правильно определить направление своей работы. Можно согласиться с исключением этих показателей из проекта статотчета на 1937 г., поскольку для этой цели можно использовать более точные показатели судебной статистики. Этот вопрос автор почему-то вообще обошел в своей работе.

Очень полезна для практических работников глава IV, излагающая технику составления статистического отчета. Дефектом этой главы является то, что автор не использовал имеющихся в прокуратуре отчетов с мест для того, чтобы конкретно показать, правильны или неправильны ответы на вопросы. Проделав такую работу, автор дал бы более ясное представление о технике работы по составлению статистического отчета. В силу этого недочета эта глава очень суха и по существу представляет собой изложение данной Прокуратурой СССР инструкции по составлению статистического отчета.

Имеются, однако, в этой главе отдельные неправильные указания в области техники составления статистического отчета. Так, на стр. 60, указывая правила раскладки карточек, после раскладки их по основному признаку, автор указывает на возможность раскладки карточек по социальному составу лиц, преданных суду. Однако, технически проделать это невозможно, так как в одном следственном деле, по одной карточке могут учитываться несколько человек обвиняемых, и, следовательно, раскладка по этому признаку этой одной карточки никак невозможна.

Последняя, V глава характеризует основные приемы анализа статистических данных. Эта глава имеет особое значение, ибо она указывает основные приемы, с помощью которых прокурорские работники могут углубленно изучить опыт своей работы, используя для этого статистические данные. Учитывая значение этого раздела, нужно признать, что он составлен слишком схематично и сжато; автору следовало бы детальнее остановиться на показе конкретных приемов анализа статистических данных, которые он приводит в своей работе. В частности, основным недостатком этой главы является то, что автор не ориентирует на изучение социально-экономических показателей района при изучении преступности. Между тем, эти показатели имеют для нас существеннейшее значение для того, чтобы правильно понять движение преступлений в том или ином районе.

Рецензируемая книга, мобилизуя практических работников на борьбу с недочетами в области учета, поможет им поставить на должную высоту учет, статистику и информацию в органах прокуратуры, используя как важнейшее средство повышения качества своей работы.

А. Шляпочников

Официальный ОТДЕЛ

О нарушениях колхозного устава

Постановление Комиссии советского контроля при СНК СССР от 16 декабря 1936 г. «О нарушениях колхозного устава в Ивановской и Свердловской областях» констатирует, что как по указанным областям, так и по другим краям и областям имеют место грубые нарушения устава с.-х. артели, причем местные органы прокуратуры недостаточно энергично и успешно борются с нарушениями устава, ограничиваются принятием лишь эпизодических административно-судебных мер, пренебрегая мерами воспитательного характера.

В целях усиления борьбы с нарушениями Устава с.-х. артели, в дополнение к ранее данным мною указаниям,—п р и к а з ы в а ю:

1. Обратить особое внимание на нарушения колхозной демократии (незаконный прием и исключение из членов колхоза, нарушение принципа выборности правления и ревизионной комиссии и т. д.), привлекая виновных в этом лиц к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР или по соответствующим статьям УК других союзных республик.

2. Не допускать нарушения постановления СНК СССР от 27 марта 1935 г. «Об упорядочении финансов и учета в колхозах», привлекая к суровой ответственности лиц, допустивших, вопреки закону, принудительное списание сумм с текущего счета колхоза.

3. Наблюдать за тем, чтобы права колхозов на землю не нарушались, в частности не допускать сокращения земельного массива артели под видом землеустройства, не допускать взимания с колхозов арендной платы за пользование землей и сдачу колхозами в аренду земли другим организациям, а также частным лицам.

4. Не допускать привлечения к ответственности колхозников за незначительные нарушения и проступки, борьба с которыми должна вестись в соответствии с § 17 Устава с.-х. артели, не допускать массового и незаконного наложения штрафов на колхозников за незначительные проступки; с другой стороны, направить острие репрессий против действительных преступников и классовых врагов, расхищающих колхозную собственность, срывающих выполнение важнейших хозяйственно-политических кампаний, дезорганизующих работу колхозов.

5. Краевым, областным и районным прокурорам при выездах на село практиковать доклады на общих собраниях колхозов и пленумах сельсоветов о борьбе с нарушениями Устава с.-х. артели, используя в качестве материала конкретные случаи нарушения устава в данной местности.

6. Районным прокурорам провести инструктирование групп содействия прокуратуре и секций ревзаконности сельсоветов, в целях систематического получения от них сигналов о случаях нарушения Устава с.-х. артели.

7. Работу органов прокуратуры по борьбе с нарушениями Устава с.-х. артели систематически освещать как в центральной, так и местной печати. Вменять в обязанность прокуроров краев и областей и союзных республик изучать жалобы на нарушения Устава с.-х. артели и, в необходимых случаях, представлять эти материалы со своими предложениями в местные руководящие организации, информировав меня об особо характерных и важных случаях нарушения Устава и принятых по этим нарушениям мерах.

8. Прокурорам союзных республик произвести в течение января — февраля 1937 г. плановое обследование работы отдельных звеньев прокуратуры (край, область, район) по борьбе с нарушениями Устава с.-х. артели. Прокурору РСФСР и отделу общего надзора Прокуратуры СССР проверить, в частности, работу Ивановской, Свердловской, Курской, Омской областей, Западносибирского, Северокавказского краев и Татарской АССР.

9. Прокурорам союзных республик представить мне о проделанной работе подробный отчет к 1 марта 1937 г. Доклад о проверке работы областей и краев РСФСР, перечисленных в пункте 8, представить к 15 февраля 1937 г.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

2 января 1937 г.

№ 2/1.

О лаборатории по научно-следственной работе

С 1 января 1937 г. в составе Прокуратуры Союза ССР организована лаборатория по научно-следственной работе.

В задачу лаборатории входит производство криминалистических исследований (документов, следов орудий взлома и т. п.) по требованиям следственных и прокурорских органов по наиболее сложным делам.

В соответствии с этим мое циркулярное письмо от 23 марта 1936 г., опубликованное в журнале «Соцзаконность» № 5 за 1936 г., стр. 85 «О лаборатории научно-судебной экспертизы Института уголовной политики», отменяется.

Требования о производстве криминалистических исследований, указанных выше, могут направляться по адресу: «Прокуратура СССР, лаборатории по научно-следственной работе».

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

9 января 1937 г.

№ 4/1.

Незаконный арест

Народному следователю Маргеланской городской прокуратуры Ибрагимову за незаконный арест и содержание под стражей граждан Джафарова и Ишматова объявляю строгий выговор с предупреждением.

Прокурора г. Маргелана Шалиева, за незаконное санкционирование без достаточных оснований ареста граждан Джафарова и Ишматова, с работы городского прокурора снять.

Шалиева перевести на работу в другой район на должность помощника районного прокурора.

Зам. Прокурора Союза ССР **Г. РОГИНСКИЙ**

13 января 1937 г.

№ 37.

ПРИКАЗ ПО ГЛАВНОЙ ПРОКУРАТУРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

№ 26/т 5

Москва 10 января 1937 г.

Обследованием работы прокуратуры Ясиноватского участка, произведенным прокуратурой Сталинской ж. д. 29—31 декабря 1936 г., установлено, что прокурор Ясиноватского участка т. Кочетков в своей работе проявил недопустимую недисциплинированность, волокиту и прямое нарушение законов.

1. На протяжении последнего квартала 1936 г. т. Кочетков заволокитил два дела, по которым обвиняемые содержались под стражей (дело по обвинению Терентьева и других и дело по обвинению Киблера и других), вследствие чего арестованные содержались под стражей свыше 3 месяцев.

2. Прокуратура Ясиноватского участка проявила бездеятельность в области борьбы с растратами и хищениями в системе Трансторгпита. На момент обследования в прокуратуре было обнаружено 39 актов о растратах в магазинах Трансторгпита на сумму свыше 100 тыс. рублей, причем эти акты лежали без движения до трех и свыше месяцев.

3. Тов. Кочетков систематически не выполняет требования Главной прокуратуры ж.-д. транспорта о ежедекадной проверке дел в оперпунктах НКВД.

4. Целый ряд запросов и требований прокуратуры дороги на протяжении нескольких месяцев оставался невыполненным т. Кочетковым, причем ряд заданий им прямо игнорировался.

Вызванный мною для объяснений т. Кочетков признал свою вину и дал обязательство в ближайшее время обеспечить коренной перелом в работе.

За допущенные нарушения закона, волокиту и грубую недисциплинированность т. Кочетков заслуживает снятия с работы и предания суду. Учитывая, однако, продолжительность его работы в органах прокуратуры и отсутствие взысканий в прошлом, **приказываю:**

1) Тов. Кочеткову объявить строгий выговор.

Предупредить его, что если в течение ближайшего месяца он не устранит указанных выше безобразий, он будет снят с работы с преданием суду.

2) Прокурору Сталинской дороги т. Грушко взять под повседневное наблюдение и контроль работу т. Кочеткова.

Ст. пом. Прокурора Союза ССР
главный транспортный прокурор **СЕГАЛ**

О повышении квалификации периферийных работников

В целях повышения уровня теоретической и практической подготовки прокуроров и следователей, работающих на периферии, устанавливаю, в виде опыта, на март—июнь месяцы 1937 г. прикомандирование к отделам и управлениям Прокуратуры Союза специально вызываемых с периферии работников сроком на один месяц каждого. Прикомандированные должны провести в отделах и управлениях, куда они будут направлены, оперативную работу по определенному плану, одновременно проходя и краткий курс теоретической переподготовки.

В соответствии с указанным **приказываю:**

1. Вызвать с мест для указанных выше целей работников прокуратур союзных и автономных республик, краев и областей, железных дорог, водных бассейнов, военных округов и отдельных районов из расчета по 10 человек на март, апрель и май месяцы.

2. На март месяц командировать в Прокуратуру Союза ССР:

а) Калининскому областному прокурору — одного районного прокурора для работы в следственном отделе Прокуратуры Союза;

б) Свердловскому областному прокурору — одного пом. областного прокурора для работы в отделе общего надзора;

в) Ивановскому и Ленинградскому областным прокурорам по одному пом. областного прокурора для работы в гражданско-судебном отделе;

г) Прокурору БССР и западному областному прокурору по одному пом. прокурора отдела по специальным делам для работы в отделе по специальным делам Прокуратуры Союза;

д) Прокурору Закавказской ж. д. одного помощника прокурора Закавказской ж. д. для работы в Главном управлении Прокуратуры железнодорожного транспорта;

е) Прокурору Днепровского водного бассейна одного из прокуроров прокуратуры водного бассейна для работы в Главном управлении Прокуратуры водного транспорта и

ж) Прокурору Ленинградского военного округа и прокурору Закавказского военного округа по одному помощнику военного прокурора для работы в управлении Главной военной прокуратуры.

2. Всем указанным в п. 1 лицам прибыть в мое распоряжение к 10 марта 1937 г.

3. Тов. Томскому и т. Строговичу представить мне к 1 марта с. г. на утверждение план и краткую инструкцию о порядке работы в отделах и управлениях Прокуратуры СССР прикомандированных к ним работников периферии, а также тематический план теоретических занятий с этими лицами и расписание этих занятий.

4. Тов. Бесякову и т. Томскому представить к 26 февраля с. г. на утверждение смету расходов на проведение настоящего мероприятия, предусмотрев в этой смете расходы по содержанию прикомандированных и оплату их проезда в оба конца.

5. Тов. Рогинскому Г. К. лично распределить прибывших с мест товарищей между отделами и управлениями и проинструктировать как прикомандированных на практику, так и на-

чальников управлений и отделов о порядке прохождения этой практики.

6. Обращая особое внимание начальников отделов и управлений Прокуратуры Союза на всю важность настоящего мероприятия, предлагаю им лично систематически осуществлять руководство и помощь прикомандированным на практику к их отделам товарищам, доложив мне первые результаты этой работы по истечении пяти дней со дня начала работы.

7. Предложить тт. Рогинскому Г. К. (созыв), Томскому и Строговичу к 5 марта с. г. разработать и представить мне проект разверстки мест практики на апрель и май месяцы по прокуратурам других республик, краев, областей, военных округов, железнодорожных и водных бассейнов.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

23 февраля 1937 г.
№ 135.

Постановления Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников по гражданским делам

О практике применения закона 27 июня 1936 г. по гражданским алиментным делам

I

1. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г., являющегося новым доказательством заботы партии и правительства о детях и об интересах женщины как матери и гражданки и могучим рычагом в деле укрепления советской семьи, не могло не вызвать сильного притока в суды алиментных исков, в особенности по пересмотру ранее состоявшихся решений.

2. Однако, качество рассмотрения алиментных дел, в особенности в народных судах, неудовлетворительно. Нарушение процессуальных законов и другие проявления «упрощенчества», допускаемые при разрешении гражданских дел вообще, имеют место и при разрешении алиментных дел.

3. Многие народные суды допускают прямые нарушения закона 27 июня, отступая от указанных в нем долей отчисления из заработка ответчиков, произвольно и неправильно толкуя закон.

4. Народные суды редко применяют обеспечение алиментных исков. Очень редко применяется ст. 24 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и соответствующие статьи других кодексов союзных республик, невзирая на все значение этой статьи для своевременного обеспечения детей. Народные суды УССР недостаточно применяют ст. 214 ГПК УССР. Очень редко применяют ст.ст. 52 и 143 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик. Предварительное (немедленное) исполнение решений нередко не дается.

5. Многие народные суды допускают нарушения закона при исчислении госпошлины.

6. Особенно неудовлетворительным продолжает оставаться положение с исполнением решений о взыскании алиментов.

7. Народные суды редко привлекают к участию в деле органы прокуратуры даже по делам об отбирании детей.

II

Учитывая огромную важность правильного и безволокитного разрешения алиментных дел, совещание считает необходимым дачу судам следующих указаний:

1. Судьи должны оказывать лицам, взыскивающим алименты, самую активную помощь, разъяснять им права, помогать получать необходимые доказательства, обращаться в подлежащие госорганы и общественные организации за содействием по розыску скрывающихся ответчиков и пр.

2. Шире применять ст. 24 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и соответствующие статьи того же кодекса других союзных республик, допуская их применение не только при недостижении соглашения между супругами о детях при разводе, но и в тех случаях, когда происхождение ребенка от ответчика установлено предусмотренным в законе порядком (запись в актах гражданского состояния или судебные решения).

3. При истребовании справок и документов от организаций и третьих лиц, предупреждать их об ответственности по ст. 52 и 143 ГПК РСФСР и соответствующим статьям ГПК других союзных республик и на виновных в непредставлении в срок затребованных справок и документов налагать установленные законом штрафы.

4. Во избежание нередко возникающих на практике трудностей и ошибок при установлении лица, с которого присуждено взыскание, точно фиксировать в деле все данные о личности ответчика (имя, отчество, фамилия, год и место рождения, постоянное и последнее местожительство, основную профессию, национальность). Точно обозначать в решении также детей, в пользу которых присуждаются алименты (имя, отчество и фамилия, место и дату рождения), а также срок, до которого алименты должны уплачиваться.

5. Особенно тщательно разрешать споры об отцовстве, обязательно требовать при этих спорах личной явки сторон или, при отдаленности их жительства, производить опрос их через народного судью по месту их жительства. Повестки ответчикам по этим делам направлять обязательно по месту их действительного жительства выясняя таковое в случае его неизвестности истице, через органы милиции, домоуправления, откуда ответчик выбыл, и пр.

При рассмотрении обстоятельств интимной жизни сторон — шире применять практику разбора соответствующей части дел при закрытых дверях (ст. 95 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик).

6. По делам о передаче ребенка от одного лица другому обязательно производить, с привлечением органов опеки, обследование бытовых условий жизни ребенка и даваемого ему воспитания у ответчика, а также возможных условий жизни и воспитания ребенка у истца, и разрешать дела, исходя исключительно из интересов ребенка. При этом должны приниматься во внимание и собственные желания ребенка, в особенности достигшего более сознательного возраста, поскольку эти желания соответствуют жизненным интересам ребенка. По этим делам обязательно привлекать прокуратуру в порядке ст. 12 ГПК РСФСР и соот-

ветствующих статей ГПК других союзных республик.

7. При заключении под стражу лиц, обвиняемых в уклонении от платежа алиментов, ставить перед надлежащими организациями (органы охматмлада, профсоюзы, колхозы и др.) вопрос об оказания материальной помощи детям впредь до наступления возможности реального взыскания алиментов с ответчика.

8. Вести борьбу с обходом закона 27 июля 1936 г. путем предъявления искусственных исков в пользу детей, живущих при ответчике (для уменьшения алиментов, присуждаемых в пользу детей, живущих отдельно от ответчика), и в таких исках отказывать.

9. При заявлениях сторон о прекращении дела миром, проверять содержание состоявшихся соглашений и не утверждать тех из них, которые ухудшают обеспечение детей сравнительно с требованиями закона 27 июня 1936 г.

Все алиментные дела, по которым выносятся решения об отказе в признании, отцовства, а также прекращенные за примирением сторон, отсылать по вступлении решения в законную силу в областные, краевые и верховные суды для проверки в порядке надзора.

10. В отношении исполнения судебных решений строго руководствоваться циркулярным письмом Верховного суда СССР от 22 мая 1936 г. за № 28, обратив особое внимание на контроль судов за действиями судебных исполнителей и на организацию при содействии общественности контроля за производством хозорганами и учреждениями присужденных удержаний из заработной платы ответчиков.

11. При поступлении на одного ответчика нескольких исполнительных листов, превышающих в итоге установленный законом лимит взыскания в 50% от заработной платы ответчика, строго соблюдать установленную законом первоочередность удовлетворения алиментных взысканий и распределять взысканные деньги между взыскателями алиментов пропорционально суммам, причитающимся им по исполнительным листам.

При присуждении с ответчика по нескольким искам в пользу детей более 50% его заработной платы признать за ответчиком право обратиться в краевые или областные суды (в республиках, не имеющих областного деления, в Верховный суд) по месту вынесения одного из решений с просьбой о приведении в соответствие с законом 27 июня 1936 г. Суд, получивший такое заявление, должен истребовать в порядке надзора все дела, по которым вынесены решения, вступившие в законную силу, и произвести распределение 50% заработной платы (трудодней) ответчика между истцами пропорционально количеству детей у них, с указанием срока, до которого такое распределение должно действовать (в зависимости от достижения детьми совершеннолетия), о дне слушания дела извещать всех его участников.

III

Ввиду возникающих на практике сомнений считать необходимым дачу разъяснений судам о том:

1) что иски по закону 27 июня 1936 г. о взыскании алиментов в пользу детей могут предъявляться не только к отцам, но также и к матерям, усыновителям и усыновительницам. В соответствии с этим, при распределении детей между родителями алименты могут быть присуждены той или другой стороне лишь в размере разницы между суммами платежей, причитающихся с отца и с матери (например, отец зарабатывает 300 руб. в месяц, мать 150 руб., 4 детей распределены поровну. В этом случае с отца причитается 100 р. и с матери 50 р., т. е. за зачетом взаимных претензий с отца должно быть присуждено в пользу матери 50 руб.;

2) что иски об алиментах для детей, предъявляемые к другим лицам, обязанным при определенных условиях предоставлять детям содержание (дед, бабка, взрослые братья и сестры и др.), должны разрешаться не на основании закона 27 июня, а по общим правилам кодексов законов о браке, семье и опеке;

3) что единая госпошлина по искам о приведении состоявшегося ранее решения о присуждении алиментов в соответствии с законом 27 июня 1936 г., должна исчисляться не со всей суммы алиментов, а лишь с той суммы, на которую истец домогается увеличить или уменьшить присужденные ранее платежи.

IV

1) Просить НКЮ ускорить прохождение законопроекта об уменьшении ставок единой госпошлины по искам.

2) Просить НКЮ СССР издать совместно с НКВД циркуляр, обязывающий органы милиции оказывать суду и представителям интересов детей содействие по выяснению местожительства ответчика и устанавливающий условия, при которых должен объявляться и производиться формальный розыск ответчиков.

3) Разработать совместно с НКЗдравом СССР вопрос о допустимости и порядке производства анализа крови, доказательства в спорах об отцовстве.

Об исполнении судебных решений

I. Указания Комиссии советского контроля в постановлении от 22 апреля 1936 г., что работа по исполнению судебных решений представляет собой «крайне запущенный участок» судебной работы, сохраняют свою силу и в настоящее время.

Несмотря на некоторое оживление контроля за исполнением решений со стороны областных и краевых судов (проверка личного состава судебных исполнителей, обследования и т. п.), работа судебных исполнителей продолжает быть неудовлетворительной, причем проверка личного состава судебных исполнителей до сих пор не закончена по большинству союзных республик.

Это показывает на продолжающуюся недооценку со стороны верховных судов и НКЮ республик дела исполнения решений.

II. В работе судов и судебных исполнителей имеются следующие серьезные недочеты:

а) нетерпимая волокита с исполнением решений, которые месяцами, а иногда и годами, не приводятся в исполнение, причем наблюдается безответственное отношение к запросам сторон, которые нередко остаются без ответа;

б) самотек в работе по исполнению решений, вследствие чего очередность взысканий устанавливается не по степени важности дела, а по легкости исполнения;

в) нарушения социалистической законности судебными исполнителями — нарушение правил, установленных для описи и оценки имущества, игнорирование требований закона о порядке продажи имущества с торгов и т. п.;

г) у большинства судебных исполнителей отсутствует учет движения исполнительных листов и нередко никаких следов о времени поступления исполнительного листа к судебному исполнителю, о времени совершения тех или иных исполнительных действий нет;

д) особенно неудовлетворительна постановка денежной отчетности и хранения денежных сумм и документов. Взысканные с должника суммы принимаются из руки судебными исполнителями вопреки инструкции и не сдаются на хранение в кредитные учреждения в установленный срок. Денежные книги ведутся небрежно, хранятся в незапертых столах, открытых полках. Денежные операции оформляются крайне небрежно, в результате чего имеют место злоупотребления, присвоения и растраты денег отдельными судебными исполнителями (Свердловская область, Мордовская ССР и т. д.);

е) большинство судебных исполнителей продолжают формально относиться к исполнению судебных решений, не принимая активных мер для выяснения места нахождения должника, розыска его имущества, в особенности по алиментным делам, не контролируют исполнение по посланным для удержания на предприятия исполнительным листам. Более того, не знают об исполнении по своим исполнительным листам, а народные судьи не оказывают судебным исполнителям содействия в их работе.

III. Общественность в работу судебных исполнителей почти не вовлечена. Выделенными содовместителями и составом судебного актива никто не интересуется. Суды и судебные исполнители не организуют контрольных постов в крупных предприятиях для помощи судебным исполнителям в проверке взысканий по исполнительным листам, посланным в это предприятие.

IV. Руководство судебными исполнителями со стороны судов совершенно недостаточное. Многие судьи до сих пор не считают своей обязанностью контролировать работу судебных исполнителей. На подбор кадров судебных исполнителей должного внимания со стороны областных судов и НКЮ республик не уделяется. На работу судебного исполнителя принимаются нередко случайные люди, без проверки пригодности их к этой работе. Подготовка кадров судебных исполнителей и повышение их квалификации не поставлена, 91% судебных исполнителей не имеют юридической подготовки. Подавляющее большинство судебных исполнителей с низшим образованием.

V. Состояние депозитных счетов беспорядочное. Областные (краевые) суды и НКЮ республик не проверяют правильности и законности задержки денежных сумм на депозитном счету и своевременности передачи их взыскателям. В некоторых случаях производится незаконное списание денег с депозитных счетов без постановления суда местными органами (Украина, Мордовия).

VI. Во многих народных судах судебные исполнители не обеспечены помещениями для работы и приема посетителей. На снабжение судебных исполнителей бумагой, бланками и канцелярскими принадлежностями внимания не обращается, вплоть до того, что, за отсутствием средств на почтовые расходы, судебные исполнители не отправляют заготовленных ответов (г. Архангельск). Транспортных средств для передвижения судебных исполнителей, как правило, не имеется.

VII. Имеют место случаи незаконного вмешательства в оперативную работу судебного исполнителя со стороны прокурорских органов и других местных организаций (распоряжение о приостановлении и отмене отдельных исполнительных действий, дача словесных и по телефону распоряжений по вопросам исполнения и т. п.).

Народные судьи и председатели краевых и областных судов и наркомюсты не принимают решительных мер к ограждению судебных исполнителей как от насильственных действий должников, так и от незаконного вмешательства каких бы то ни было должностных лиц в их деятельность.

Для правильной постановки и улучшения работы по исполнению решений совещание признает необходимым:

1) Закончить проверку личного состава судебных исполнителей там, где эта проверка до сих пор еще не была закончена, не позднее двухмесячного срока.

2) Предложить наркомюстам республик и председателям областных и краевых судов выделить для руководства и инструктажа судебных исполнителей опытных и квалифицированных разъездных инструкторов.

3) Провести в течение 1937 г. подготовку и переподготовку судебных исполнителей с обязательным испытанием по юрминимуму по специальной программе, которая должна быть преподана НКЮ СССР в течение месяца.

4) Создать для судебных исполнителей нормальные условия работы, с выделением им по смете народного суда определенных средств на оперативные расходы, обеспечить помещением, оборудованием, бумагой и бланками и т. д.

5) Указать всем народным судьям, что судья является ответственным за постановку в участке дела исполнения судебных решений и за работу судебного исполнителя своего участка.

Безразличное отношение со стороны судьи к этому вопросу недопустимо. Работа судьи должна заключаться не только в вынесении судебного решения, но и в активном содействии по проведению этого решения в жизнь.

При наличии преступной халатности, волокиты, растрат и злоупотреблений со стороны судебного исполнителя наряду с привлечением к уголовной ответственности судебного исполнителя должен быть рассмотрен и вопрос об ответственности судьи за работу своего судебного исполнителя.

6) Установить, что исполнительные листы по алиментным и трудовым делам должны быть выписаны и переданы судебному исполнителю не позже 3 дней с момента вступления решения в силу, а при допущении немедленного исполнения с момента решения.

7) Издать типографским способом правила учета денежных операций судебного исполнителя, а также инструкции по проверке работы судебного исполнителя, положив за основу соответствующие инструкции, разработанные по Верховному суду РСФСР.

Переработать инструкцию по исполнению судебных решений, учтя опыт НКЮ и Верховного суда в республиках.

8) Учитывая беспорядочное состояние депозитивных счетов и затруднения с приемом взысканных денег Госбанком, разработать при участии Госбанка и НКФ мероприятия по упорядочению денежных операций судебных исполнителей. В частности, необходимо отменить практику сокращенных «давностных сроков» о хранении денег на депозитном счету (Украина) и незаконных списаний с депозитного счета местными организациями.

9) Предложить НКЮ республик принять энергичные меры к ограждению судебных исполнителей от незаконных вмешательств в их оперативную работу со стороны органов других ведомств и отдельных граждан и не оставлять без воздействия со стороны суда ни одного случая неподчинения законным требованиям судебных исполнителей или насилий над ними. Обратиться в НКВД о даче указаний органам милиции по вопросу содействия судебным исполнителям при исполнении решений.

10) Указать судам на необходимость строгого соблюдения установленного в ГПК порядка обжалования действий судебного исполнителя. Каждая жалоба, поданная стороной на неправильные действия судебного исполнителя по исполнению решения, на медленность исполнения, волокиту и т. п., должна обязательно решаться мотивированным постановлением судьи с конкретным указанием судебному исполнителю о допущенных им ошибках и о способах их устранения.

Исполнение судебным исполнителем данных указаний должно проверяться судьей.

11) Совещание обращает особое внимание всех судов и НКЮ республик на большое политическое и практическое значение вовлечения общественности в работу по исполнению решений путем организации соцсовместителей, создания на крупных предприятиях контрольных постов по наблюдению за исполнением решений (удержание алиментов); создания при каждом суде актива из народных заседателей для помощи в деле исполнения решений и т. п.

12) Ввиду того, что взыскание с хозорганов и учреждений фактически сводится к удержанию денег с расчетного счета должника, а действия судебного исполнителя по описи и аресту имущества в большинстве случаев не дают практических реальных результатов — разработать вопросы: а) об оставлении у судебных исполнителей лишь взысканий с отдельных лиц и колхозников, а в отношении хозорганов и учреждений только исполнительные листы по изъятию и передаче имущества в натуре; б) о передаче полностью в Госбанк исполнения решений арбитражных органов и судебных решений, связанных с взысканием денег с хозорганов и учреждений; в) об установлении штрафной пени с должников, не выполняющих добровольно судебных решений; г) о мерах, обеспечивающих исполнение судебного решения при взыскании задолженности с хозорганов.

13) Поставить перед правительством вопрос об улучшении материального положения судебных исполнителей, установлении форменной одежды и установлении системы оплаты труда судебных исполнителей по принципу стимулирования работы по количеству, темпам и качеству работы.

О работе судов Союза ССР по гражданским делам

1. Великая Сталинская Конституция победившего социализма записала и закрепила в законе завоеванные трудящимися СССР под руководством рабочего класса и его партии основы социалистического общества.

Она обеспечила всем гражданам СССР пользование политическими и личными правами.

В свете этих положений приобретают особое значение гражданские судебные дела.

2. В 1936 г. можно констатировать некоторое, но совершенно недостаточное улучшение работы судов по гражданским делам. В значительной степени это улучшение связано с образованием гражданских коллегий, восстановленных в 1935 г. Однако, гражданские коллегии верховных, главных, краевых и областных судов до последнего времени еще не укомплектованы и должного руководства народными судами не осуществляют.

3. Качество решений народных судов по гражданским делам остается на очень низком уровне. Не изжито всякого рода «упрощенчество», не выполняется постановление 52 пленума Верховного суда СССР о строжайшем соблюдении процессуальных норм. Отсутствует предварительная подготовка дел. Часто дела разрешаются в отсутствие ответчиков, о вручении повесток которым нет сведений; недостаточно обследуются обстоятельства дела, иногда прямо безграмотно и неряшливо ведутся протоколы, составляются решения и т. д. Нередко судьи обнаруживают в решениях незнание законов, неумелое их применение и допускают прямые нарушения. Во многих случаях наблюдается волокита.

4. Неудовлетворительно работают гражданские кассационные коллегии. В большинстве республик не проводится требование Верховного суда СССР об извещении сторон повестками о дне слушания дела в кассационной инстанции; продолжается заслушивание дел «пачками». Заседания чрезмерно перегружаются делами. В применении закона нет твердой линии и принципиальной выдержанности. Качество и мотивировка кассационных определений недостаточна, а иногда мотивировка совсем отсутствует. Нередко выносятся новые решения по существу, вместо возвращения дела на пересмотр в первую инстанцию, сроки рассмотрения дел часто недопустимо длительны.

Совещание постановляет:

1. Признать основными методами руководства судами в части гражданских дел:

а) руководство работой нижестоящих судов и в особенности народных судов путем вынесения гражданскими кассационными коллегиями квалифицированных определений, обоснованных с правовой и фактической стороны; б) обобщение НКЮ союзных и автономных республик и председателями краевых и областных судов судебной практики по отдельным вопросам и составление на основе такого обобщения общих оперативных указаний судам по отдельным недочетам работы; в) производство в установленном порядке и плане обследова-

ний и живого инструктажа судебных органов на местах.

2. Учитывая почти повсеместную недостаточность составов гражданских кассационных коллегий для выполнения возложенных на них задач, срочно предложить НКЮ союзных и автономных республик провести доукомплектование гражданских коллегий до необходимого состава.

3. Подтвердить постановление 52 пленума Верховного суда СССР о строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе, обратив особое внимание: а) на извещение сторон повестками; б) на полное обследование народным судом обстоятельств дела; в) на правильное ведение протоколов и четкую мотивировку решений; г) на соблюдение установленных законом и 53 пленумом сроков разрешения гражданских дел.

4. В целях искоренения «упрощенчества» при разрешении гражданских дел и повышения качества работы народных судов, вменить в обязанность председателям гражданских коллегий следить за тем, чтобы ни один случай серьезного нарушения судом материального или процессуального закона не оставался без соответственного воздействия на судью, допустившего такое нарушение (частные определения, товарищеские письма, вызовы для объяснений и т. п.).

5. Дать судам следующие общие указания:

а) обязать НКЮ союзных и автономных республик, краевые и областные суды обеспечить не позднее 1 марта 1937 г. извещение сторон о слушании дела в кассационных инстанциях повестками или личными объявлениями под расписку; б) указать судам РСФСР, где объявление жалобщику о дне рассмотрения кассационной жалобы производится народными судами, на необходимость обеспечить вручение копий кассационной жалобы и извещения о дне слушания дела другой стороне, в) не допускать нарушения требований закона о публичном открытом рассмотрении дел в гражданских коллегиях областных, краевых, главных судов и верховных судов республик как по кассационным жалобам с вызовом сторон, так и по протестам в порядке надзора; г) обеспечить заблаговременное изучение дел докладчиками, не допускать перегрузки заседаний делами, распределять слушание дел по часам во избежание излишней затраты времени лицами, участвующими в деле, и т. д.; д) разработать вопрос о ведении протоколов судебных заседаний в кассационных инстанциях и кассационных производств, е) дать указания об использовании судами ст. 12 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик о привлечении по более серьезным делам прокуратуры к обязательному участию в гражданских делах.

6. Учитывая наблюдающиеся в практике судов ошибки по отдельным видам дел, считать необходимым:

а) по делам о праве собственности на домостроения указать на необходимость тщательной проверки судами исков местных органов власти об отобрании домов ввиду бесхозяйственного их содержания, о строжайшем соблюдении всех правил о муниципализации;

б) по жилищным делам указать на необходимость ограждения жилищных прав граждан от всяких нарушений со стороны других лиц и учреждений; лица, вселяющиеся на законно занятую площадь самочинно, либо на основании незаконно выданного ордера, подлежат по требованию законного жильца выселению, равным образом суды не должны отказывать в выселении временного жильца, если последний по истечении срока, установленного по договоренности с постоянным жильцом, не освобождает таковой добровольно; при выселении граждан, в частности, из домов, принадлежащих предприятиям и учреждениям, строго соблюдать установленные в законе гарантии и льготы для выселяемых (предоставление другого помещения, транспортных средств и пр.);

в) по трудовым делам решительно ограждать основное право гражданина СССР — право на труд; точно соблюдать постановление 3 пленума Комиссии советского контроля при СНК СССР от 30 июля 1936 г. в части увольнения и восстановления на работу; не допускать расширительного применения установленного НКТрудом перечня лиц, увольнение которых может отменяться только вышестоящими административными органами; в случае восстановления на работу лица, уволенного по порочащим мотивам, лишившим его возможности приискать себе другую работу, присуждать зарплату за все время вынужденного прогула, передавая в подлежащих случаях присуждаемые суммы на лиц, виновных в неправильном увольнении; точно соблюдать законы о возмещении личного вреда («увечные» дела).

7. Подтвердить судам необходимость уделения особого внимания колхозным делам, оказывать колхозам в этих делах необходимую помощь на основании ст. 5 ГПК РСФСР и соответствующих статей других союзных республик, изучать и обобщать практику по этим делам и обо всех серьезных неполадках, появляющихся при рассмотрении этих дел, как и по другим делам, сигнализировать подлежащим органам.

8. Обязать председателей (областных) судов, а в республиках, не имеющих областного деления—председателей верховных судов, не менее раза в декаду ставить доклады народных судей по гражданским делам, отчет о рассмотрении гражданских дел с обсуждением вытекающих из предварительного обследования вопросов и недочетов.

О работе прокуратуры по гражданским делам

1. Сталинская Конституция выдвигает задачу решительного улучшения работы прокуратуры в области надзора за строгим соблюдением социалистической законности в сфере регулирования личных и имущественных отношений социалистического общества.

В основу работы прокуратуры по гражданским делам должно быть положено:

а) всемерное укрепление и охрана общественной социалистической собственности — основы советского строя;

б) строжайшая забота о человеке — участнике социалистического строительства, путем защиты его личных прав, прав на охраняемую законом личную собственность.

Всю свою работу в указанных направлениях прокуратура должна проводить в неуклонной борьбе за стабильность советского закона и устойчивость судебного решения.

2. В последние годы имела место недооценка со стороны отдельных органов прокуратуры

гражданско-правового участка судебной работы.

Решительная борьба с подобным отношением к гражданским делам начала проводиться на основе циркуляров прокурора Союза от 21 ноября 1935 г. «Об организации отдела Прокуратуры Союза по гражданским делам» и от 7 апреля 1936 года «О работе прокуратуры по гражданским делам».

В соответствии с этими циркулярами в союзных и автономных республиках, краях и областях были организованы отделы прокуратуры по гражданским делам. Циркуляр от 7 апреля констатирует неудовлетворительное состояние судебно-прокурорской работы по гражданским делам, отмечая явно недостаточное внимание прокуратуры к этому участку работы, несмотря на все растущее количество гражданских дел в судебных органах.

На гражданские отделы прокуратуры возложено:

а) расширение практики вступления прокурора в процесс в порядке ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик по отдельным категориям гражданских дел;

б) участие в кассационной инстанции;

в) принесение протестов в порядке надзора и поддержание их в президиумах и пленумах верховных и краевых (областных) судов.

Одновременно было также предложено усилить надзор за правильностью исполнения судебных решений и решительно улучшить работу прокуратуры по жалобам трудящихся.

3. Несмотря, однако, на указанные циркуляры и мероприятия организационного порядка, необходимо констатировать, что, за незначительными исключениями, работа прокуратуры по гражданским делам продолжает оставаться неудовлетворительной.

Подобного рода пассивность прокуратуры в судебно-надзорной работе по гражданским делам является тем более недопустимой, что имеет место непрерывный рост количества гражданских дел в суде и что процент отмены кассационными коллегиями решений судов первой инстанции чрезвычайно велик.

Основные недостатки судебно-надзорной работы прокуратуры по гражданским делам заключаются в следующем:

а) Со времени издания Прокуратурой Союза циркуляра об организации гражданских отделов на местах прошло уже свыше 8 месяцев. Однако, отделы эти до сих пор в ряде мест еще не созданы, а в подавляющей чести не укомплектованы надлежащим образом.

б) При незначительном количестве дел, возбуждаемых прокуратурой в порядке ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик, одновременно имеют место неправильные случаи возбуждения дел, когда характер последних вовсе не требует обязательного участия прокуратуры.

В то же время серьезные, имеющие политическое значение гражданские дела, затрагивающие интересы государства и трудящихся, проходят без участия прокуратуры (колхозные дела, трудовые, об истребовании детей и т. п.).

в) Прокурор, как правило, в кассационных коллегиях не участвует; в заседаниях же президиумов судов участие прокуратуры совершенно недостаточно и в большинстве случаев носит формальный характер, не оказывая должного влияния на качество работы президиума и на принципиальность выносимых им судебных решений.

г) Качество приносимых прокуратурой протестов низкое.

Правовая сторона дела не подвергается анализу, нарушения закона не отмечаются или затрагиваются в протесте совершенно поверхностно. Нередко прокурор в своем протесте предлагает суду вынести решение с нарушением действующего закона; содержание дела зачастую излагается в протесте неверно, а порой безграмотно.

д) Принесенные прокуратурой протесты зачастую не поддерживаются лично прокурором в судебных инстанциях; при неправильном отклонении протеста надзор прокуратуры не доводится до конца, даже гражданские отделы прокуратур союзных республик не ставят перед Прокуратурой Союза вопроса о принесении в Верховный суд Союза протестов, неправильно отклоненных верховными судами союзных республик (за весь 1936 г. было только 3 случая таких обращений).

е) Надзор за законностью разъяснений президиумов верховных судов и постановлений пленумов тех же судов не осуществляется прокуратурами союзных республик; остаются в большинстве своем неопротестованными со стороны органов прокуратуры отдельные незаконные постановления президиумов краевых и областных судов.

ж) При осуществлении надзора за работой судебных исполнителей прокуроры нередко вмешиваются в существо работы последних, подменяя собой народных судей и нарушая закон о порядке рассмотрения жалоб на действия судебных исполнителей (ст. 270 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик).

з) Один из важнейших участков работы прокуратуры — рассмотрение жалоб трудящихся не стоит еще в центре внимания и в отдельных случаях сопряжено с волокитой и невнимательным отношением к материально-правовым интересам трудящихся. Заключения по жалобе последних представляются нижестоящими прокурорами по поручениям вышестоящих прокуратур очень часто в неудовлетворительном виде, без исчерпывающей мотивировки отказов жалобщикам и без ссылки на законы, которыми прокурор руководствовался, вынося свое постановление об отказе.

и) Районные и краевые (областные) прокуроры нарушают часто действующее законодательство о надзорных сроках, в течение которых они вправе истребовать из суда дела и приносить протесты в порядке надзора. Подобная практика приводит к подрыву устойчивости судебных решений.

к) Гражданские отделы республиканских и краевых (областных) прокуратур не занимаются изучением отдельных категорий гражданских дел, что не дает возможности устранить допускаемые на местах ошибки и обеспечить правильный инструктаж местных прокуроров.

л) Совершенно неудовлетворительна в ряде случаев дисциплина со стороны нижестоящих прокурорских органов. Поручения вышестоящих прокуратур не выполняются. Сообщения о принятых мерах в назначенный для ответа срок не присылаются. Остаются без ответа иногда по месяцам даже поручения Прокуратуры Союза.

В соответствии с изложенным совещание считает необходимым провести в жизнь следующие мероприятия:

Обязать прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей:

1) Обеспечить, в соответствии с приказом прокурора Союза от 7 апреля 1936 г. в течение 1 квартала 1937 г. повсеместную организацию и доукомплектование гражданско-судебных отделов прокуратуры, обратив особое внимание на опыт и квалификацию подбираемых для этих отделов работников.

2) Неукоснительно проводить в жизнь циркуляр прокурора Союза от 3 июня 1936 г. за № 37/23 по вопросу о порядке рассмотрения жалоб трудящихся в связи с решением 3 пленума Комиссии советского контроля. Необходимо решительным и коренным образом перестроить всю систему и методы работы по рассмотрению жалоб и добиться устранения волокиты и бюрократизма в их прохождении.

3) Обеспечить участие прокуратуры в гражданском процессе по ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующим статьям ГПК других союзных республик в таком направлении, чтобы были охвачены наиболее ответственные и политически важные категории дел с точки зрения интересов государства и трудящихся.

Так, прокурор, как правило, должен участвовать: в делах, затрагивающих крупные материальные интересы государства; в делах, имеющих особо важное политическое или принципиальное значение, а также в делах, в которых одна из сторон нуждается в особой защите со стороны суда и прокуратуры.

Надлежит организационно обеспечить такую взаимную информацию суда и прокуратуры, чтобы последняя заранее могла знать о предстоящем рассмотрении указанных категорий дел.

4) Установить такой порядок, чтобы гражданско-судебные отделы республиканских и краевых (областных) прокуратур обязательно принимали участие в кассационной инстанции при рассмотрении дел, по коим в суде первой инстанции выступал прокурор. Кроме того, в целях создания большей устойчивости судебных решений, вступивших в законную силу, и во избежание излишнего впоследствии надзорного производства обязать гражданские отделы в выборочном порядке участвовать в кассационной инстанции и давать заключения по наиболее важным делам, с точки зрения защиты интересов государства и трудящихся.

5) Обеспечить, при принесении протестов в порядке надзора, строгое соблюдение прокурорами ст. 254 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик в смысле жесткого отбора конкретных дел, когда действительно требуется приостановление исполнения решений, вступивших в законную силу, и принесение протестов в высшие судебные инстанции; установить, как правило, что в случае неосновательного отклонения подаваемых протестов соответствующий прокурор добивается через вышестоящие звенья прокуратуры их удовлетворения в высших судебных инстанциях.

Считать обязательным участие прокурора во всех судебно-надзорных инстанциях.

6) Строго соблюдать при принесении надзорных протестов установленные действующими ГПК союзных республик сроки. В случае необходимости, когда этого требуют интересы дела, краевой (областной) прокурор испрашивает каждый раз санкцию прокурора союзной республики на истребование дела и приостановление исполнения решения, а равно на принесение протеста.

7) Запретить прокурорам оперативное вмешательство в текущую работу судебных исполнителей, выражающееся в самостоятельном предоставлении отсрочки исполнения решения, в непосредственном определении порядка взыскания, наложения ареста на имущество и т. п. Руководство действиями судебных исполнителей принадлежит исключительно народному суду. Прокуратура в порядке надзора обязана принимать меры против волокиты, злоупотреблений и незаконных действий органов исполнения судебных решений путем принесения соответствующих протестов в суд и привлечения виновных к ответственности.

8) Осуществлять повседневный надзор за постановлениями и разъяснениями президиумов и пленумов верховных судов и краевых (областных) судов, опротестовывая каждый раз те из них, которые вынесены с нарушением действующего законодательства.

9) Обеспечить решительное повышение качества работы прокуроров в направлении квалифицированного отбора дел для активного вмешательства прокуратуры и составления политически выдержанных и юридически грамотных протестов и заключений по отдельным делам.

10) Принять энергичные меры к укреплению служебной дисциплины в деле выполнения нижестоящими прокурорами распоряжений и поручений вышестоящих органов прокуратуры как по отдельным делам, так и по вопросам общего порядка.

11) Обязать начальников гражданско-судебных отделов прокуратуры приступить к планомерному обобщению своей практики по отдельным категориям дел, реализуя свои выводы в форме конкретных указаний периферии и постановки перед вышестоящими органами вытекающих из этих обобщений общих вопросов и предложений.

Сводка
важнейших постановлений правительства Союза ССР
за декабрь 1936 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. О ликвидации Главного управления пушно-мехового и охотничьего хозяйства (Главпушнина) Народного комиссариата внешней торговли — постановление СНК СССР от 23 ноября 1936 г. (СЗ 1936 г., № 61, ст. 454).

2. Положение о Народном комиссариате юстиции Союза ССР — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 455).

3. Об образовании Общесоюзного Народного комиссариата оборонной промышленности — постановление ЦИК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г., № 63, ст. 461).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Планирование и учет

4. О формах первичного учета в сельских советах в 1937 г. — постановление СНК СССР от 9 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г., № 63, ст. 462).

2. Транспорт

5. О размере процентов, начисляемых по претензиям и искам, возникшим из перевозки грузов и багажа железнодорожным и водным транспортом — постановление СНК СССР от 16 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г., № 64, ст. 467).

III. ФИНАНСЫ

6. Об утверждении «Правил добровольного сверхокладного страхования посевов зерновых и бобовых культур» (СЗ 1936 г., № 61, ст. 453).

7. О фонде директора в предприятиях Народного комиссариата водного транспорта — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г., № 62, ст. 457).

8. О дополнении правил взимания земельной ренты — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г., № 64, ст. 465).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

9. Об утверждении инструкции Народного комиссариата пищевой промышленности Союза ССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР «О порядке приведения обязательных поставок мяса государству в 1937 г.» — постановление СНК СССР от 23 ноября 1936 г. (СЗ 1936 г., № 60, ст. 452).

10. Инструкция Народного комиссариата пищевой промышленности Союза ССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР «О порядке проведения обязательных поставок мяса государству в 1937 г.», утвержденная постановлением СНК СССР от 23 ноября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 60, ст. 452).

11. Об изменении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 26 декабря 1935 г. «О порядке подписания сделок по внешней торговле» — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 459).

V. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

12. Об изменении ст. 1 постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 7 июня 1934 г. «Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры» — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 456).

VI. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

13. О порядке взыскания штрафов, наложенных органами Государственной санитарной инспекции — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 458).

НКЮ — СССР
ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОГИЗ
„ПАРТКНИГА“

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА,

выпущенная б. Государственным издательством „Советское законодательство“

ТЮРЬМА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Сборник статей под ред. **А. Я. ВЫШИНСКОГО**

Издательство „Советское законодательство“ 1937 г. Стр. 248.

Цена в переплете **5** руб. **20** коп.

Сборник состоит из статей, посвященных истории и современному состоянию тюрем в капиталистических странах и колониях, а также тюрьмам царской России.

СОДЕРЖАНИЕ:

С. Я. БУЛАТОВ — Лишение свободы в буржуазной уголовной политике.
М. Б. ГЕРНЕТ — Царская тюрьма.
М. М. ИСАЕВ — Тюремная политика буржуазии в колониях.
М. А. КЕССЛЕР — Труд в царской тюрьме.
Б. С. УТЕВСКИЙ — Тюремная политика фашизма.
Ф. ГАЛЛЕ — Международный конгресс уголовного права и тюрьмоведения и его политическое и уголовно-политическое значение.

Продажа в книжных магазинах и киосках КОГИЗа.

При отсутствии на местах, почтовые заказы направляйте в ближайшие областные (краевые) отделения КОГИЗа, а также по адресу: **Москва, МОГИЗ „Книга-почтой“**

Юридическое издательство Наркомюста СССР

Государственное издательство «Советское законодательство», входившее в систему ОГИЗ'а, ликвидировано. На его базе создано Юридическое издательство Наркомюста СССР. Юридическое издательство будет выпускать: кодексы, официальную литературу, комментарии и систематику, учебники и учебные пособия для правовых вузов и для заочного обучения, учебники и учебные пособия для юридических курсов и правовых школ НКЮ, пособия и руководства для судей, прокуроров, следователей.

Юридическое издательство будет выпускать научно-исследовательскую, инструктивную, массовую и популярно-инструктивную литературу, а также монографии.

Всего в 1937 году предполагается выпустить 100 книг.

Кроме книг Юридическое издательство НКЮ СССР выпускает журналы: «Социалистическая законность», «Советская юстиция», «Арбитраж», «Советское государство», «Собрание узаконений РСФСР», «Сокращенное собрание законов СССР и РСФСР» и «Собрание законов СССР» первый и второй отделы.

Первый отдел «Собрания законов СССР» печатается на русском, украинском, белорусском, армянском, грузинском, узбекском, туркменском, тюркском, таджикском, казахском и киргизском языках.

В 1937 г. Издательство выпустит ряд книг на национальных языках.

Управляющим издательством назначен тов. Татаркин Д. Ф.

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Редакционная коллегия: Г. И. Волков (зам. отв. редактора), Г. И. Едвабный, Г. М. Сегал, М. С. Строгович

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР Технический редактор Н. Журавлев

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 8.II 1937 г. Сдано в производство 11.II 1937 г.
Подписано к печати 2.III 1937 г. 10,5 п. л.; 26,5 авт. листа. В одном бум. листе 231000 печ. знаков

Формат бум. 72×110/16 Ю—4 п.; № 189

Уполном. Главлита Б—5050 Заказ № 227. Тираж 20 000 экз

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, М. Дмитровка, 18.

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 7 декабря 1936 г. под № 717 (семьсот семнадцатым)

Монтажная к-ра при ГЛАВЛЕГМАШЕ НКТП СССР,

находящаяся в ведении Главлегмаша НКТП СССР.
Адрес: Москва, Кузнецкий мост, 16, тел. 1-97-52

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистриров. в госуд. реестре юрид. лиц 17 сентября 1936 г. под № 603 (шестьсот третьим).

Контора материально-технического снабжения „Стройтехснаб" строительно-монтажного треста „Транссигналсвязьстрой" НКПС,

находящаяся в ведении «Транссигналсвязьстроя» НКПС
Москва, Гороховская, д. 8, тел. К-1-06-00, доб. 2-19-23

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть	По чьей вине
4	—	1 снизу	примером	пример	корректоров изд-ва
6	правая	36 и 37 сверху	доканали	доконали	»
13	»	4 снизу	начинают	начинает	
20	»	8 »	троцкистко	троцкистско	»
22	»	34 »	мом П. Киевского выступает, как сложившийся	ным с антиленинской платформой по вопросу	типографии
23	»	21 сверху	соцализма	социализма	корректоров изд-ва
27	»	30 »	«Главный	Главный	»
28	левая	11 снизу	торцкистско	троцкистско	»
32	правая	3 сверху	ших помощников—Ратайчака, Норкина; Му-	центр в составе испытанных троцкистов: Му-	»
40	»	8 »	вместо	вместе	»
48	»	31 снизу	реждения	рождения	»
54	левая	22—23 сверху	покровительствовали	покровительствовал	»
54	»	25 сверху	приказами	приказам	»
57	»	29 »	предани	предании	»
59	»	33 снизу	системы	система	»

лиц 28 августа 1936 г. под № 704 (семьсот четвертым)

Московская государственная организация по розничной торговле промтоварами „МОСТОРГ",

находящаяся в ведении Мосгорвнуторга
Петровка, 10, тел. 3-68-29

лиц 31 июля 1936 года под № 691 (шестьсот девяносто первым)

Ростокинский районный ДОРОЖНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ТРЕСТ,

находящийся в ведении президиума Ростокинского райсовета
Адрес: Москва, Рождественка, 12, тел. 5-34-72

Юридическое издательство Наркомюста СССР

Государственное издательство «Советское законодательство», входившее в систему ОГИЗ'а, ликвидировано. На его базе создано Юридическое издательство Наркомюста СССР. Юридическое издательство будет выпускать: кодексы, официальную литературу, комментарии и систематику, учебники и учебные пособия для правовых вузов и

Издатель: Юридическое издательство НКЮ СССР Технический редактор ...

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 8.II 1937 г. Сдано в производство 11.II 1937 г.
Подписано к печати 2 III 1937 г. 10.5 п. л.; 26,5 авт. листа. В одном бум. листе 231000 печ. знаков

Формат бум. 72×110/16 Ю—4 п.; № 189

Уполном. Главлита Б—5050 Заказ № 227. Тираж 20 000 экз

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, М. Дмитровка, 18.

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 7 декабря 1936 г. под № 717 (семьсот семнадцатым)

Монтажная к-ра при ГЛАВЛЕГМАШЕ НКТП СССР,

находящаяся в ведении Главлегмаша НКТП СССР.

Адрес: Москва, Кузнецкий мост, 16, тел. 1-97-52

1

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирован, в госуд. реестре юрид. лиц 17 сентября 1936 г. под № 603 (шестьсот третьим).

Контора материально-технического снабжения „Стройтехснаб" строительно-монтажного треста „Транссигналсвязьстрой" НКПС,

находящаяся в ведении «Транссигналсвязьстроя» НКПС

Москва, Гороховская, д. 8, тел. К-1-06-00, доб. 2-19-23

5

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в госуд. реестре юрид. лиц 13 октября 1936 г. под № 742 (семьсот сорок вторым)

Советская районная контора по очистке домовладений,

находящаяся в ведении Президиума Советского райсовета

Москва, ул. Горького, 27, вход с Брюсовского пер., тел. К-4-91-61

2

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в госуд. реестре юридич. лиц 15 ноября 1936 г. под № 690 (шестьсот девяностым)

НКТП СССР Главное Управление Метизной промышленности „ГЛАВМЕТИЗ", МОСКОВСКАЯ КОНТОРА,

находящаяся в ведении Главметиза НКТП

Москва, Рыбный пер., д. 3, тел. 5-75-35

6

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собран. закон. и распоряжен правительства СССР» 1931 года, ст. 99 и «Бюллетень финансов. и хозяйствен. законодат.» 1931 г. № 12) зарегистрировано в госуд. реестре юридических лиц 14 декабря 1936 г. под № 727 (семьсот двадцать седьмым)

Московское городское отделение главного аптечного Управления Наркомздрава РСФСР,

находящееся в ведении Главаптекоуправления НКЗ РСФСР

Адрес: Москва, ул. 25 Октября, 19

3

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 года № 12) зарегистрирована в госуд. реестре юрид. лиц 1 авг. 1936 г. под № 572 (пятьсот семьдесят вторым)

Контора материально-технического снабжения строительно-монтажного треста „ЦЕНТРОСТРОЙПУТЬ",

находящаяся в ведении Центрального государственного Строймонтажного треста по ж. д. стр-ву «Центростройпуть»

Москва, ул. 25 Октября, № 10, тел. К-5-71-95

7

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 28 августа 1936 г. под № 704 (семьсот четвертым)

Московская государственная организация по розничной торговле промтоварами „МОСТОРГ",

находящаяся в ведении Мосгорвнуторга

Петровка, 10, тел. 3-68-29

4

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 31 июля 1936 года под № 691 (шестьсот девяносто первым)

Ростокинский районный ДОРОЖНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ТРЕСТ,

находящийся в ведении президиума Ростокинского райсовета

Адрес: Москва, Рождественка, 12, тел. 5-54-72

8

М2058

Цена 1 руб. 50 коп.

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. зак. и распоряж. правительств СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хоз. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирована в госуд. реестре юридич. лиц 14 окт. 1936 г. под № 640 (шестьсот сороковым)

К-ра по проектированию и монтажу электромеханического оборудования для театрально-зрелищных представлений СССР

„ГОСТЕАМОНТАЖ“,

находящаяся в ведении Центрального театрально-производственного комбината ЦТПК

Москва, Ветошный пер., 11, пом. 7, тел. К-4-21-19

9

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. законов и распор. правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 7 августа 1936 г. под № 696 (шестьсот девяносто шестым)

Кооперативно-промысловая производственная артель

„ЛИНОКСИЛЬ“,

находящаяся в ведении Мособлхимпромсоюза

Москва, Яузская ул., 1/15.

Телефоны: Ж-1-79-13, Ж-1-87-32

10

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюлл. фин. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 5 августа 1936 г. под № 695 (шестьсот девяносто пятым)

Кооперативно-промысловая производственная артель

„ЭЛЕКТРОМЕТПРОМ“,

находящаяся в ведении Моссантехпромсоюза

Москва, Лужниковская ул., 8, тел. В-1-65-55

11

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюлл. фин. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 14 сентября 1936 г. под № 599 (пятьсот девяносто девятым)

Московская контора по снабжению ГЛАВГИДРОЭНЕРГОСТРОЯ,

находящаяся в ведении „Главгидроэнергостроя“ (Москва, ул. Куйбышева, 4, пом. 24). Тел. 5-60-11. Расчетный счет № 40426 в МОК Госбанка

12

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст 99 и «Бюлл. фин. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 9 октября 1936 г. под № 630 (шестьсот тридцатым)

Московская контора (агентство) „ГЛАВСТРОЙПРОМА“ по сбыту

и под № 631 (шестьсот тридцать первым) **Моск. к-ра Главстройпрома по снабжению,**

находящиеся в ведении Главстройпрома НКТП СССР. Арбат. 20. Телефон Г-1-02-91

13

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюлл. фин. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в реестре юридических лиц под № 661 (шестьсот шестьдесят первым)

Транспортно-складская база снабжения „ГЛАВМОСЛЕНХЛОПРОМ“,

находящаяся в ведении Главмосленхлопрома

Адрес: Москва, Каланчевская ул., 1, тел. 5-46-66

14

НКЮ СССР

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАХОДИТСЯ В ПЕЧАТИ

Вл. Громов. „СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА В ПРИМЕРАХ“

(убийство, поджог, террор, грабеж и разбой)

Пособие (следственные упражнения) для следователей и правовых школ.

Предисловие Э. Э. Левентона

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

3

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НКЮ СССР
* 1937 *

СОДЕРЖАНИЕ № 3

Стр.

А. Вышинский — Роль процессуального закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян — 1

Г. Волков — О проекте нового Уголовного кодекса — 11

А. Шляпочников — Приготовление и покушение на преступление в советском уголовном праве — 22

Н. Александров — Против антипартийных извращений в понимании категории советского трудового права — 25

М. Чельцов — Возбуждение уголовного преследования и процессуальное положение следователя — 28

Бомас — Борьба против родовых пережитков в национальных республиках и областях СССР — 35

М. Шифман — Весенний сев — в центр внимания — 44

С. Березовская — Первые итоги работы Отдела по общему надзору — 45

С. Миронов — Задачи прокуратуры водного транспорта в навигацию 1937 г. — 48

Е. Домбровский — Прокуратура и надзор за исполнением судебных решений — 50

С. Митричев — О техническом снаряжении следователя — 53

Г. Мельников и Б. Ершов — К вопросу о переподготовке кадров — 55

М. Строгович — Новое начинание — 57

СКК — Вместо фельетона — 58

Обмен опытом — 61

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза — 83

По союзным республикам — 91

Право — процесс — судоустройство в капиталистических странах — 93

Библиография — 97

Письмо в редакцию — 108

Официальный отдел — 109

Сводка важнейших постановлений — 111

Социалистическая законность
ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

МАРТ 1937 г. 3

Редакция:
Москва, Пушкинская, д. 15а.

А. ВЫШИНСКИЙ

Роль процессуального закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян[1]

Товарищи, мы приступаем к курсу уголовного процесса и на мою долю выпадает обязанность прочитать вводную лекцию к этому курсу.

В программе эта вводная лекция содержит в себе два вопроса; в программе сказано: новая Сталинская Конституция СССР и вопросы уголовного процесса, роль процессуального закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян.

Я и постараюсь свою вводную лекцию построить в рамках этих двух вопросов. Правда, эти рамки, очевидно, будут достаточно широки,—потому что вопрос о нашем процессуальном законе, как и о процессуальном праве в целом, стоит, естественно, в органической связи с общим вопросом о советском праве. С другой стороны, совершенно естественно, что общий вопрос о советском праве нельзя решать вне особенностей нашего времени, нашей эпохи.

И, в-третьих, наконец, совершенно естественно, что нельзя рассматривать и решать вопросы нашей эпохи, вопросы социалистического строительства в данное время и на данном этапе вне зависимости от всего предшествующего периода, от всей предыдущей истории борьбы за построение в нашей стране социалистического общества.

Новая Конституция, действительно, ставит по-новому вопросы суда и прокуратуры, советского закона и социалистического права. Новая Конституция поднимает работу наших органов суда и прокуратуры на исключительно большую высоту, на такую высоту, на какой до сих пор наша работа не стояла. Новая Конституция эту работу поднимает на громадную высоту общественно-политического значения. То, что суду и прокуратуре отведена в Конституции целая глава, вам всем известная глава IX, уже само по себе говорит о том громадном принципиальном значении, которое Конституция придает судебным и прокурорским органам и нашей работе. Раз введена в Конституции особая глава, говорящая о суде и прокуратуре, то это дает право говорить о том, что суд и прокуратура занимают в системе советского государства особое место, такое место, которое не позволяет рассматривать суд и прокуратуру как один из обыкновенных органов государственного управления, хотя несомненно и суд и прокуратура являются органами государственного управления в широком смысле этого слова.

В самом деле, если вы обратитесь к Конституции Союза 1936 г., то вы увидите главу III, которая говорит о высших органах государственной власти Союза ССР и не упоминает о таких высших органах власти, каким является, скажем, Верховный суд Союза, каким является Прокуратура Союза, пользующаяся всеми правами и несущая все обязанности наркомата.

Если вы обратитесь к главе IV, говорящей о высших органах власти союзных республик, то опять-таки вы и в этой главе не найдете никаких указаний на верховные суды союзных республик и на органы прокуратуры, действующие в союзных республиках, хотя нет никаких сомнений, что верховные суды и руководящие органы прокуратуры союзных республик имеют все основания претендовать на такую трактовку их природы в системе государственного управления, которая не ставила бы их в иное положение, чем наркомюсты союзных республик.

Обратитесь к V, VI, VII и VIII главам Конституции, то есть к тем главам, которые посвящены тем или другим звеньям нашей государственной системы, начиная от органов управления СССР и кончая местными органами государственной власти, вы и тут не найдете никакого намека на суд, на прокуратуру. Что это значит? Или они не являются органами государственного управления, и поэтому о них не говорится там; где говорится об ор-

[1] Вступительная лекция по курсу «Уголовный процесс СССР» в Правовой академии 2 февраля 1937 г.

ганах власти, об органах государственного управления, или они являются такими органами государственной власти и государственного управления, которые не позволяют их смешивать с другими органами государственной власти.

Надо притти к заключению, что наш суд и наша прокуратура, являющиеся несомненно органами государственной власти в СССР и союзных республиках, являются органами государственной власти особого рода sui generis.

Не случайно Ленин говорил о суде не просто и не только как об органе управления, а больше и чаще как об органе привлечения бедноты к государственному управлению, подчеркивая тем самым своеобразие этих особенностей суда как органа управления. Через суд граждане привлекаются к управлению, но непосредственно не управляют, ибо суд непосредственно не управляет.

Ленин говорил, что судебная деятельность есть одна из функций государственного управления, что эта функция заключается в подавлении и воспитании к дисциплине.

Известно, что не все органы государственного управления обладают подобного рода функциями, как известно и то, что только суд обладает этой второй функцией принудительного воспитания к дисциплине. Ибо если можно говорить о том, что наряду с судом имеются другие органы, которые являются в прямом смысле этого слова органами государственного управления, осуществляющими функции подавления и воспитания, то уже можно прямо утверждать, что нет ни одного органа, кроме суда, который осуществляет вторую функцию — принудительного воспитания к дисциплине в специфических, только ему свойственных формах.

Что суд — орган государственного управления особого рода, это видно из того, что по новой Конституции судебные органы лишены всякого рода административных функций. Разрешая судебные вопросы, суд несомненно принимает участие в управлении государством, разрешая судебные вопросы, суд разрешает их в соответствии с задачами, которые стоят перед государством в целом. Осуществляя судебную политику, суд осуществляет общегосударственную политику, а не какую-то свою особую политику. И вот поэтому-то правильно говорить о суде как органе государственного управления. Но именно поэтому неправильно было бы представлять себе, что суд ничем не отличается от другого любого органа государственного управления, как это представляют себе некоторые товарищи. Точно так же неправильно представление о нашем суде как об органе расправы, неправильно сводить суд к расправе.

Суд, по Ленину,—орган пролетарского государства. Как орган пролетарского государства суд является органом пролетарской диктатуры. Суд как орган пролетарской диктатуры, как орган советского государства строится на началах, на основе тех же принципов, что и само советское государство, и иначе быть не может потому, что это есть орган государства, это есть орган, хотя и своеобразный, осуществления государственной власти.

Вот почему, когда мы говорим об организации судебной системы, о принципах организации судебной системы, мы не можем найти иных принципов, чем те принципы, на которых строится само данное государство. Иначе говоря, основа, на которой стоит судебная система, заключает в себе те же самые принципы, на которые опирается вся государственная система, все государство в целом. В этом заключается единство суда и государства, судебной системы и всей государственной системы. Именно это единство обусловливает неизбежность внесения в формы деятельности, в структуру, в методы работы наших судебных органов всех тех изменений, которые являются неизбежными в результате исторического развития нашего советского государства. Окончательная победа социализма в СССР, приведшая нас к всеобщему, равному, прямому и тайному избирательному праву, приведшая нас к X главе Конституции, говорящей об основных правах и обязанностях граждан, к Конституции, являющейся законодательным закреплением нового социалистического строя,—эта победа неизбежно вызывает необходимость внесения тех же самых особенностей, тех же самых элементов, начал, принципов и в построение нашей судебной системы и организации нашей судебной работы.

Известно, что одним из наиболее важных элементов новой Конституции, важнейшим, решающим, определяющим природу и лицо всей новой Сталинской Конституции, является то, что товарищ Сталин назвал последовательным и до конца выдержанным демократизмом. Особенностью Конституции является также то, что в новой Конституции принцип стабильности советского закона поднят на неизмеримую высоту и в силу этого представляется одним из принципов этой Конституции. Провозглашая принцип стабильности закона, Конституция обязывает нас строить свою деятельность в соответствии с требованиями закона так, чтобы закон был действительно стабилен, это значит — нерушим, непреклонен. Это не значит: неподвижен. Стабильность не есть застывшее состояние. Стабильность это значит прочность и устойчивость. Прочность и устойчивость не исключают развития; наоборот, развитие может быть здоровым и плодотворным на основе прочности и стабильности.

Стабильность не значит неподвижность, отсутствие развития. Наоборот, развитие и в том числе развитие нашей социалистической законности, социалистического права возможно лишь на основе твердых и устойчивых принципов такого права. А эти принципы права, как прекрасно разъяснил это в своем докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов товарищ Сталин, принципы социалистической законности и заключаются в новой Конституции.

Вы помните, что, разбирая поправки к проекту Конституции, товарищ Сталин остановился на вопросе о законодательной компетенции отдельных органов нашей системы и высказался против дополнения ст. 40, говорящей о функциях Президиума Верховного Совета Союза ССР, заявив: «Надо, наконец, покончить с таким положением, когда законодательствует не один какой-либо орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов, а стабильность за-

конов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было».

Новая Конституция ставит перед нашей судебной системой требование укрепить эту стабильность, обеспечить эту стабильность закона. Поэтому я говорю — вопрос о стабильности закона представляется в условиях новой Конституции вопросом громадной принципиальной важности. И в силу этого и под этим углом зрения нам приходится сейчас пересматривать целый ряд положений, которые казались до сих пор если и не всем, если и не во всем, то кое в чем во всяком случае правильными.

Этот вопрос о стабильности законов, с одной стороны, о последовательности социалистического демократизма, который должен быть введен во всей стране и во всей работе, во всей системе работы органов суда и не только суда, но и органов прокуратуры, с другой,— эти два принципа определяют собой решение целого ряда в высокой степени важных и серьезных вопросов, которые играют громаднейшую роль в деле правильной организации всей работы наших судебно-прокурорских органов, органов нашей советской юстиции.

Есть мнение (это мнение высказал, в частности, в своей книге «Ленин о суде» т. Крыленко), что суду дано право (это вы найдете на стр. 90 4-го издания этой книги) решать дела «без законов на основе революционного правосознания». Я не хочу, чтобы меня вы поняли так, что будто бы т. Крыленко против законов, что он предлагает вообще решать дела без законов, но он допускает, что суд может в известных случаях решать дела «без законов», на основании, как он дальше пишет, революционного правосознания.

Это положение неправильно. Почему оно неправильно? Оно неправильно раньше всего потому, что противопоставляет революционный закон революционному правосознанию. Оно представляет дело таким образом, что будто бы революционное правосознание и революционный закон — это два, исключающих друг друга, рычага судебной деятельности. Когда нет закона, суд может опереться на революционное правосознание; когда есть закон, суд, очевидно, может пользоваться только законом. Иначе нельзя, по-моему, понимать утверждение: «решать дела без законов, на основе правосознания».

Неправильно оно, следовательно, потому, что оно противопоставляет закон правосознанию. Между тем, совершенно ясно, что закон есть только форма, только один из способов выражения правосознания господствующего в данном обществе класса. Отрывать одно от другого, противопоставлять одно другому никак нельзя.

Это определение неправильно еще потому, что оно предоставляет широкий простор всякому усмотрению, произволу, который прикрывается ссылкой на правосознание и который способен только подорвать стабильность закона.

Социалистическое правосознание — это ключ к пониманию законов, к практическому применению этих законов, к пониманию общественно-политической обстановки, в которой совершено преступление, с одной стороны, и, с другой стороны, к пониманию того, какая должна быть дана оценка этого преступления. Но, действительно, бывают случаи, когда суду предоставляется решать дела о преступлениях, прямо и точно не указанных в кодексе. Такие случаи мы знаем, такой принцип есть. Здесь идет речь об аналогии. Но это вовсе не значит, что можно решать дела «без законов, на основе правосознания». Но опять-таки, применение аналогии возможно лишь на базе законов. Конечно, никакой кодекс не может предусмотреть все возможные случаи жизни. Неизбежно поэтому в ряде «случаев» применять законы, наиболее близко подходящие к этим случаям, сходные, отвечающие признакам данного явления, не предусмотренного в кодексе. Но и тут обязательно исходить из действующего закона, решать дела «по закону», хотя и не предусматривающему данный случай, а по закону, наиболее близкому к указанному в кодексе, но все же по закону, или, как говорит старое, дореволюционное право, по общему смыслу законов.

Поэтому надо сказать, что если формула «суд имеет право решать дела без законов, на основе революционного правосознания» и когда не была в таком виде правильной, и, наоборот, была вредной и опасной, благодаря своей двусмысленности, то в настоящее время такая формула никак не может быть признана формулой, в какой-либо степени определяющей позицию ленинизма в вопросе о советском суде и социалистической законности.

Есть точка зрения, что аналогией приходится пользоваться именно тогда, когда нет закона, и что, следовательно, применять аналогию нужно и можно и естественно, и необходимо, и закономерно, и целесообразно тогда, когда нет закона. Это тоже неверно. Здесь смешивают разные понятия. Здесь смешивается вопрос о том, есть ли д а н н ы й закон, относящийся к д а н н о м у, конкретному явлению, или же вообще нет такого закона, который хотя бы в отдаленной степени имел какое-нибудь отношение к данному конкретному явлению, сейчас, в настоящих условиях рассматриваемому в качестве преступления. В действительности, аналогия не освобождает от необходимости применять закон, не дает права объявлять преступным то или другое деяние по собственному усмотрению суда или прокуроров, не дает права объявлять преступным то, что кажется преступным органу, ведущему расследование, — прокуратуре, или органу, разрешающему вопрос об ответственности, — суду, безотносительно к положительному, действующему праву. Наоборот, пользование аналогией возможно лишь на основе действующего законодательства, применительно к существующим законам, на строгой основе закона и, больше того,—закона, указанного в Уголовном кодексе.

Если стать на иную точку зрения, то мы несомненно раскроем такие широкие ворота личному усмотрению, при котором не только от стабильности закона, но и от самого закона останутся только одни рожки да ножки, так как тогда на место законодателя станет судья законодательствующий, на место судьи, призванного выполнять закон, станет прокурор, предлагающий судье решать без законов, на основе только правосознания.

К чему это могло бы привести? К разрушению законности и уничтожению стабильности закона, а «стабильность законов нужна

нам теперь больше, чем когда бы то ни было» (Сталин).

При таком положении вещей никто не будет знать, что можно, что нельзя. Никто не будет знать, что дозволено, что недозволено. Никто не будет знать, что будет считаться дозволенным и что не будет завтра считаться дозволенным, за что я должен и могу отвечать и за что я отвечать не могу и не должен.

При применении аналогии играет роль и правосознание. Но играет роль и закон, общий смысл, разум законов. При применении аналогии важно и то и другое. Без аналогии обойтись нельзя, то есть нельзя обойтись без того принципа, который выражен у нас, скажем, в ст. 16 Уголовного кодекса РСФСР и в соответствующих статьях кодексов других союзных республик или выражен в ст. 5 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Без аналогии мы строить нашу судебную практику не можем.

Но аналогию мы применять можем только в том случае, если у нас есть закон, если мы будем исходить из твердости этого самого закона, из его устойчивости, ясности, исключающей какую бы то ни было двусмысленность и в силу этого исключающей и какой бы то ни было произвол.

Может быть поставлен и должен быть поставлен в судебной практике (и это не только вопрос материального уголовного права, а это в громадной степени вопрос и процессуального права) вопрос о пределах применения аналогии. Должна ли быть эта аналогия беспредельной? Иначе говоря, применяя эту аналогию, нужно ли считать себя связанным подходящими к данному явлению законами или статьями законов, статьями уголовных кодексов? Или, наоборот, применяя аналогию, можно не считаться с тем, как вообще данная категория явлений, не говоря уже о данном конкретном явлении, предусматривается хотя бы подходящими, приближающимися к этому явлению другими статьями закона?

Может стоять только вопрос о том, где лежат пределы применения аналогии. Но нельзя ставить вопросы о том, что можно обойтись без аналогии.

Отвечая на выше поставленные вопросы, я говорю, что применение аналогии не должно и не может быть беспредельным, что нужно исходить из закона, установленного для аналогичных, то есть подходящих, напоминающих своими некоторыми общими чертами и свойствами то преступное деяние, для которого нет точно указанного текста законодательного постановления.

Совершенно ясно, что применение аналогии требует стабильности закона. Совершенно ясно, что там, где закон нестабилен, неустойчив, недостаточно чеканен и ясен по самому своему существу, там, разумеется, аналогия ничего кроме дезорганизации работы дать не сможет. Поэтому в наше время, в нашу эпоху вопрос о применении аналогии приобретает особо острый характер и значение.

Не опираясь в практике применения аналогии на точный и твердый состав преступления, на закон, твердо и точно определяющий сущность, так сказать, родовые признаки преступления, аналогию применять невозможно без того, чтобы не вступить на путь усмотрения и произвола. Если отбросить эту основу твердой законности, на почве которой только и возможна здоровая и последовательная практика аналогии, — а эта практика необходима, — то неизбежно будет такое положение, которое выражается старой римской поговоркой «сколько голов, столько и умов», то есть «всяк молодец на свой образец». Извольте тогда в кассационном порядке проверять, правильно или неправильно оцениваются и решаются те или другие вопросы. Раз нет твердого масштаба в виде закона, то аналогия превратится в щель, через которую проникнет в нашу практику личное усмотрение, по принципу: мне кажется, что так, а больше никак, а обосновать это советским законом — это дело десятое потому, что для данной категории преступлений нет в законе прямого указания, а следовательно, я этот пробел должен восполнить по своему социалистическому правосознанию. Ясно, что при такой постановке вопроса от стабильности закона ничего не останется.

Ст. 5 «Основ» говорит, что «судебные органы не вправе отказывать в принятии к своему производству или прекратить уголовное преследование в отношении общественно-опасного деяния на том основании, что в уголовном законе не указано признаков этого деяния, а также под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов».

Если обратиться к кодексам союзных республик, то можно напомнить, например, ст. 45 Уголовного кодекса РСФСР, которая действительно ссылается на социалистическое правосознание, но не вместо законов, а наравне с законами. Это, конечно, разница. Или ст. 16 УК, вам хорошо известная, которая говорит о решении дел не «без законов», а, как там сказано, «применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривают сходные по роду преступления».

А как же быть в том случае, если перед нами будет деяние, которое мы считаем преступным, но которое по своим признакам не подходит к описанным в Уголовном кодексе преступлениям? Такие буржуазные аналогисты, как Дорадо, или такие буржуазные процессуалисты и криминалисты, как проф. Чубинский, склонны не ставить аналогии никаких пределов. Именно они говорят: «без законов», «если нет подходящих законов, поступайте на основе правосознания», — только на основе не революционного правосознания, а своего, буржуазного. А ст. 5 наших «Основ» говорит совершенно иное. Ст. 5 «Основ», ст. 45 УК РСФСР и ст. 16 говорят совершенно иное. Они разрешают применять закон, наиболее сходный по своим признакам с признаками настоящего деяния. Это, конечно, вовсе не означает действовать «без законов». Наоборот, аналогия возможна лишь при наличии законов, так как требует применения наиболее сходного закона. Хотя аналогия не в почете у буржуазных юристов и законодателей, однако, неправильно думать, что аналогия — это благоприобретение нашей социалистической революции. Аналогия известна и некоторым буржуазным кодексам и даже была известна нашему дореволюционному праву.

Если вы обратитесь к дореволюционному Уставу уголовного судопроизводства, то вы

там найдете две статьи: ст. 12 и ст. 13. Я вам прочту эти статьи, и вы сами решите, прав я или нет, утверждая, что в этих статьях вопрос об аналогии, при всем принципиальном различии его постановки у нас и у них, ставится очень близко к тому, как этот вопрос разрешается в наших кодексах.

Ст. 12 УУС говорит: «Все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должно основывать решение на общем смысле законов».

Вот этот самый «общий смысл законов» — это и есть классовое правосознание. «Общий смысл законов» — это общие правовые понятия, диктующие решение того или иного вопроса в соответствии с ними, на их основе, если нет подходящего закона.

Ст. 13 УУС еще более категорично говорит: «Воспрещается останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов. За нарушение сего правила виновные подвергаются ответственности как за противозаконное бездействие власти».

Таким образом, вы видите, что российское дореволюционное законодательство признавало уже аналогию и признавало ее, довольно точно и ясно обозначив самое понятие аналогии.

Ясно, таким образом, что аналогия не есть особенность, которая отличает наш советский процесс и наше советское процессуальное право от буржуазного процессуального права и даже квази-буржуазного права, каким являлось наше дореволюционное право, которое представляло собой смесь помещичье-капиталистической уголовной и процессуальной политики.

Практика применения аналогии также хорошо была известна юстиции дореволюционной России.

Еще в 1868 г. Сенат по вопросу о том, как применять аналогию, разъяснил, что: «Если действие обвиняемого, составляющее несомненное преступление, прямо не предусмотрено уголовным законом, то можно указать по аналогии наиболеее подходящий к данному случаю закон».

Следовательно, Сенат допускал, что могут быть преступления, прямо не предусмотренные уголовным законом. Вы видите, как жизнь заставляла буржуазию и помещиков вносить поправки в такие принципы, казалось бы непоколебимые, как принцип «nullum crimen, nulla poena sine lege» — «нет преступления, нет наказания, если они не указаны в законе». А некоторые наши юристы говорят: аналогия — это наше отличие от презренной буржуазной юриспруденции, которая стоит на принципе отрицания аналогии.

Буржуазия не очень уж тверда в своих «принципах» и «непоколебимых» законах своей юриспруденции. Когда требовал или требует ее классовый интерес, она не колеблется отступить от этих «принципов» и «законов» и действовать по правилу: «Тащи и не пущай», а что касается закона — это приложится.

Буржуазное процессуальное право и наше дореволюционное процессуальное право как бы говорят: «Не стесняйся этими принципами, не стесняйся тем, что в законе не указан состав данного преступления. Действуй по сходству»... И сам Сенат, верховный блюститель законности в царское время, прямо науськивал на такую практику, прямо говорил: ату его, хватай его, тащи его, сажай его. По какой статье закона? Не важно, — говорил Сенат, — подбирай подходящую, пользуйся аналогией как тебе нужно, и даже тогда, когда преступление это в законе не указано, или, как говорил канцелярский язык, когда оно не обозначено как преступление.

А как же тогда разобраться: что же преступление, что не преступление? В кодексе не сказано, что это преступление. Как же я тогда могу за то, что в кодексе не обозначено как преступление, тащить и не пущать? А Сенат отвечал: привлекай к суду, когда действие обвиняемого составляет несомненное преступление. А что такое «несомненное преступление»? Для кого оно «несомненное»? Для того, кто совершил преступление, или для того, кто призван преследовать этого так называемого преступника? Очевидно, для того, кто призван преследовать нарушителя. Таким образом органы царской юстиции должны были решать по собственному усмотрению, что «преступление» и притом «несомненное» и что не преступление.

Сенат говорил: решай дела и по закону — когда есть закон, и по «крайнему своему разумению», то есть по своему правосознанию, то есть без закона, когда нет закона. Кажется, очень радикально: судье предоставлено право без законов решать дела на основе правосознания. В действительности же, ничего радикального в этой формуле не было. Эта формула была лишь лазейкой для буржуазии и такой лазейкой остается и сейчас там и тогда, где и когда уголовного кодекса для охраны своих интересов буржуазии нехватает.

Есть еще одно решение Сената, которое говорит о том, как быть в таких случаях с обвинительным актом. Ст. 520 Устава уголовного судопроизводства требовала, чтобы в обвинительном акте была обозначена, как у нас это требуется 207 статьей УПК, статья закона, предусматривающая данное преступление. Пункт 5 ст. 520 Устава уголовного судопроизводства царского времени требовал, чтобы в обвинительном акте содержалось «Определение по закону, какому именно преступлению соответствуют признаки рассматриваемого деяния».

Возникал вопрос: а как же быть, если преступление налицо и прокурор, и следователь, и весь синклит юстиционный считают, что преступление налицо, а закона нет. Тогда нельзя выполнить требование пункта 5 ст. 520 УУС.

Сенат и тут разъяснил, — а известно, что Сенат как раз был на то и создан, чтобы разъяснять даже неразъяснимое, — что можно обойтись и без законов. В этом разъяснении Сенат указал, что «наше уголовное законодательство подвергает уголовной ответственности даже и за такие деяния, которые не определены с точностью в уголовном законе, если только они имеют преступный характер, а затем и судебное преследование таких деяний не только дозволительно, но и составляет обязанность обвинительной власти».

Это замечательно сказано. Спрашивается, что такое преступление? Сенат отвечает: преступление это то, что имеет преступный ха-

рактер. А что имеет преступный характер? Все то, что является преступлением.

Сенат в этом разъяснении говорил: «Если только они имеют преступный характер». Значит вовсе не требуется для применения аналогии наличия подходящего уголовного закона, не требуется, чтобы это преступление было охарактеризовано в уголовном законе. Сенат разъяснил, что привлекать к суду за такое деяние «не только дозволительно, но и составляет обязанность обвинительной власти». Значит Сенат прямо говорил прокурорам царского времени: преследуйте и за те деяния, которые как преступление в кодексе уголовном не обозначены, а руководствуйтесь своим усмотрением, привлекайте к суду и за такое деяние, которое в законе не обозначено, но имеет, по вашему мнению, преступный характер. А что такое преступный характер, решайте по общему разуму законов. А общий разум законов каков? Известно каков — он состоит в том, чтобы не пострадал помещичье-капиталистический строй и его политическая форма — царское самодержавие, а все остальное не представляет никакого интереса и значения.

В ст.ст. 12, 13 и 520 Устава уголовного судопроизводства содержатся, таким образом, требования старого царского устава, которые предоставляют широчайший простор для личного произвола в деле привлечения к уголовной ответственности, при возбуждении уголовного преследования и при вынесении обвинительных приговоров, под прикрытием так называемой аналогии.

Можно ли было говорить о стабильности законов при наличии такой политики? Думаю, что нельзя без риска быть опровергнутым. Можно ли утверждать, что в таком государстве, где господствуют такие безграничные возможности называть преступлением то, что не предусмотрено уголовными кодексами, и то, что не содержит в себе признаков сходства с тем, что названо и обозначено в законе как преступление, можно ли считать, что в таком государстве действует закон, что он устойчив, стабилен, прочен и является основой деятельности людей, что он является рычагом организации общественных отношений, способом и формой организации этих общественных отношений? Полагаю, что на этот вопрос можно дать только отрицательный ответ.

Неправы те, кто видит специфическую особенность советского процессуального права в возможности применять аналогию. Между тем в этом отношении некоторые наши процессуалисты и криминалисты грешат, рассматривая аналогию как нечто принципиально чуждое буржуазному праву и как, наоборот, принципиально свойственное лишь одному советскому праву.

Такое мнение ошибочно. Принцип аналогии не чужд буржуазному праву и даже такому заскорузлому, недоделанному буржуазному процессуальному праву, каким было русское дореволюционное уголовное, процессуальное право.

Некоторые буржуазные юристы принцип аналогии отстаивают очень горячо, прямо пропагандируя возможно более широкое его применение. Правда, эти юристы отвергают принцип «nullum crimen», но это лишний раз доказывает, что и среди буржуазных теоретиков право аналогии пользуется известным признанием. Это нужно сказать в первую очередь о буржуазных юристах, принадлежащих к антропологическому и социологическому направлениям. Так, например, французский юрист Дорадо в работе «Социология и уголовное право» требует предоставления судье безграничного простора в этом отношении. Он говорит, что судья должен иметь право инкриминировать все факты, которые ему будут казаться требующими преследования в уголовном порядке, и применять к их совершителям такие меры — охранительные, защитительные и пр., которые он счел бы наиболее согласованными с интересами дела. Вот формула Дорадо. Куда итти дальше такого понимания аналогии? Судья не связан законом, судья может все факты, которые ему кажутся преступными, рассматривать как преступление и применять к ним все те меры охраны и защиты, которые он признает наиболее соответственными.

Такая постановка вопроса об аналогии для нас абсолютно неприемлема.

Она не вяжется с нашей постановкой вопроса о законности. Она противоречит сталинским указаниям о стабильности законов, так как при той беспредельности аналогии, какую пропагандируют всякие Дорадо и Ферри, — типичные представители фашистского направления в науке права, — ни о какой законности говорить нельзя.

Мы должны применять аналогию в рамках наших законов, на основе наших законов, применительно к нашим законам, а не «без законов».

Против такой беспредельности применения аналогии я возражал в прошлогоднем споре с т. Крыленко, доказывая, что аналогия в нашем советском правопонимании должна быть заключена в очень ограниченные рамки, определяемые законом, что мы не можем допустить такого положения вещей, при котором стирается грань между законом и усмотрением.

Советское понимание аналогии и условия ее применения не только не исключают необходимости исходить из действующих законов, но прямо этими законами определяются.

Ведь должно быть ясно, что, когда мы говорим о применении аналогии, о решении того или иного вопроса по аналогии, мы должны говорить об аналогии с каким-то данным, существующим, действующим законом. Следовательно, аналогию применять можно лишь при наличии или исходя из существующего закона или существующих законов. Иначе получится аналогия неизвестно с чем...

Советское правило применения аналогии требует опоры в законе, требует прочности, стабильности закона. Советская аналогия, в известном смысле слова, связана действующим законом, хотя в то же время и дополняет его.

Совершенно иначе ставят этот вопрос такие буржуазные школы права, как антропологическая, социологическая и др. Это мы видели уже на примере Дорадо. Так же по существу ставит вопрос и Ферри («Уголовная социология»), этот типичный фашистский криминалист. Фашизм заинтересован в неограниченном применении аналогии. У фашистов аналогия оправдывает беззаконие. Она развязывает им руки, освобождая от необходимости счи-

таться с таким либерально-демократическим «пережитком», как закон и законность. Недаром Гитлер вводит в новый уголовный кодекс аналогию, приспособляя ее на потребу своему варварскому режиму.

Беспредельная аналогия — это есть освобождение от всех обязательств, налагаемых законом. Наоборот, требование ограничить эту аналогию, ввести ее в необходимое русло, поставить ее в строгие рамки, точно фиксированные в законе, — это, конечно, означает связать аналогию. Тут уже не скажешь: без законов, а на основе революционного правосознания. Кстати сказать, слово «революционный» ничего не меняет. Мы же знаем, что фашисты, эта самая оголтелейшая из оголтелейших реакций, ведь они же себя называют национал-социалистским государством, настоящими революционерами, а нас с вами они называют контрреволюционерами. (Смех.) Мы же знаем, что именем социализма прикрывались и прикрываются троцкисты и меньшевики во главе со своим II интернационалом, эсеры и т. д. и т. п.

Эксплоатировать такие лозунги, как социализм, — это иногда удается тем, кто строит свою политику на околпачивании, на одурачивании масс. То, что прибавляют: без законов, а на основе революционного правосознания — это ничего не спасает. Без законов для нас эта формула никогда не была приемлемой. Сейчас эта формула неприемлема, в особенности в силу сложности наших отношений, в силу грандиозности задач организации, налаживания новых общественных отношений и той роли, которую в этом отношении призван играть и играет наш советский закон, являющийся в нашем рабоче-крестьянском советском государстве крупнейшим фактором государственного строительства.

Аналогия необходима и неизбежна. На применение аналогии нас толкает, если можно так выразиться, нужда, объясняющаяся тем, что нельзя создать такого Уголовного кодекса, в котором были бы предусмотрены все случаи возможных преступлений.

Это по нужде мы вынуждены прибегать к аналогии, так как нельзя предусмотреть и записать в законе все возможные случаи преступлений. Но эту нашу нужду нельзя возводить в добродетель, нельзя превращать в принцип, да в такой, на основе которого должна строиться вся наша судебная деятельность,—это значило бы подрывать самые корни законности. Есть тьма охотников это делать, даже из тех, на кого возложены совершенно противоположные функции. Надеюсь, мы не из их числа.

В соответствии с новой Конституцией и ее требованиями, с указаниями товарища Сталина о стабильности закона нужно поставить вопрос о пределах аналогии еще более резко, чем он стоял в наших теоретических спорах до сих пор. Мы получаем большую возможность это сделать, исходя из проекта нового уголовного кодекса, статья 5 которого говорит уже о том, что преступлением является лишь то общественно-опасное деяние, направленное против интересов советского государства, которое указано в настоящем кодексе.

Вопрос о пределах применения аналогии, таким образом, является одним из животрепещущих вопросов нашей судебной политики. Проблема аналогии в уголовном процессе есть вместе с тем проблема законности в уголовном судопроизводстве. Именно в силу этого последнего обстоятельства этой проблемой не могут в равной мере не интересоваться и процессуалисты. Вопрос о пределах и условиях применения аналогии есть вопрос, непосредственно относящийся к задаче укрепления законности, задаче, требующей к себе самого пристального внимания и процессуалистов.

Известно, что в нашем уголовном процессе точное и правильное соблюдение законности не является сильным местом, что здесь также довольно широко распространена привычка действовать «без законов, на основе революционного правосознания». У нас не очень-то считаются с Уголовно-процессуальным кодексом, прикрываясь тем, что он устарел, что в нем масса изъянов, масса недостатков и так далее. Недостатки в нынешних уголовно-процессуальных кодексах действительно имеются. Но как они ни устарели, а все-таки они нам служат и служат неплохо.

Ссылки на устарелость УПК это только отговорка для тех, кто не желает считаться с процессуальными законами, кто не понимает всей важности соблюдения процессуальных правил.

Ведь не случайно, что в нашей советской правовой литературе встречается трактовка процессуальных правил как правил технических (Стучка), хотя совершенно очевидно, что это подлинные правовые нормы, а не технические, что это законы, регулирующие определенный круг общественных отношений.

Процессуальный нигилизм все еще, к сожалению, остается у нас довольно распространенной болезнью, большим злом.

Преодолеть эту болезнь — это наша первейшая обязанность и задача, в особенности в условиях новой Сталинской Конституции.

Новая Конституция, проникнутая духом социалистической законности, требует, чтобы социалистической законностью была проникнута и работа нашего суда, и работа нашей прокуратуры.

Нынешний, то есть соответствующий требованиям новой Конституции уголовный процесс должен стоять на высоте социалистической законности, должен удовлетворять принципам, на которые опирается сама Конституция, записавшая то, что завоевано победоносными успехами социализма.

Уголовный процесс должен быть построен в точном соответствии с принципами нашего советского государства, нашей новой Конституции, выражающей собой победу идеи последовательного социалистического демократизма. Наш уголовный процесс должен быть построен на основе социалистического демократизма. Он должен быть, как правило, процессом гласным, обеспечивающим максимальную возможность установления материальной истины. Он должен обеспечить возможность быстрого и решительного разоблачения и подавления врага и преступника, с одной стороны, и воспитания в правилах социалистического общежития и дисциплины тех, кто способен перевоспитаться, с другой. Он должен быть построен на принципе признания обвиняемого не объектом, а субъектом права, а следовательно, на принципе состязательности и равенства сторон.

Некоторые товарищи, стараясь предугадать ход развития нашего процесса, несколько лет назад намечали пути его развития, исходя из прямо противоположных принципов. Они рассматривали, во-первых, состязательность, равенство сторон, гласность не как процессуальные правовые принципы, а как «технические средства, установленные опытом буржуазных стран», как об этом говорит, например, т. Крыленко в книге «Суд и право» (часть I, стр. 17). Так об этом говорит и т. Стучка, хотя в некоторых своих статьях принципу состязательности и равенства сторон он придает очень большое значение как процессуальным принципам.

Говоря о перспективах развития советского уголовного процесса, т. Крыленко правильно указывал на основную задачу нашего процесса — это на обеспечение «возможности борьбы с прямыми врагами революции и нового порядка».

Однако т. Крыленко, исходя из этой правильной установки, неправильно представлял себе методику этой борьбы, совершенно безосновательно и вопреки марксистско-ленинской теории «левацки» пренебрегая такими формами или методами борьбы в судебном процессе, какие вытекают из принципа «представительства сторон и обязательного предоставления обвиняемому правовых гарантий» (К р ы л е н к о).

Тов. Крыленко в цитированной уже книге писал: «В этих условиях совершенно ничем не доказанным является и обязательное его построение на основе «представительства сторон» и обязательное предоставление обвиняемому ряда формальных правовых гарантий. Недаром же в громаднейшей степени боязнью этих формальных гарантий должен быть объяснен тот факт, что в критические моменты борьбы пролетарская власть предпочитает прибегать к процессуальной технике ВЧК и ГПУ, где, как известно, формальные гарантии отсутствуют почти совершенно. Дать жесткий процесс, который бы давал возможность без лишних слов бороться с покушениями на революцию,—эта задача также должна быть достигнута в результате пересмотра. Возможно, одним из средств для такого разрешения проблемы будет создание двух процессов» (Н. В. К р ы л е н к о, Суд и право в СССР, 1928 г., стр. 17).

Тов. Крыленко полагал, что там, где речь идет о борьбе с врагами революции, там не нужно представительство сторон, там не нужно предоставление обвиняемому формально правовых гарантий.

В этом рассуждении т. Крыленко имеется ряд ошибок.

Во-первых, ошибочно утверждение, что «в громаднейшей степени боязнью формальных гарантий» надо объяснить, что в известных условиях мы прибегаем, как говорит т. Крыленко, к процессуальной технике ВЧК и ГПУ.

Дело вовсе не в «боязни формальных гарантий», а в более глубоких причинах, объясняющих необходимость существования в известных условиях таких органов пролетарской диктатуры, как ГПУ или ВЧК. Не «боязнью» же формальных гарантий объясняется появление закона 1 декабря 1934 г. и учреждение Особого совещания при НКВД! Такое «психологическое» объяснение отдает слишком большим упрощенчеством.

Во-вторых, ошибочно утверждение, что в «процессуальной технике ВЧК и ГПУ... формальные гарантии отсутствуют почти совершенно». Ошибочно, потому что нельзя противопоставлять «формальные» гарантии «неформальным» гарантиям, как нельзя вообще говорить о какой-то «процессуальной технике ВЧК и ГПУ».

В-третьих, ошибочно говорить о каком-то «жестком» процессе, который «без лишних слов» даст возможность «бороться с покушениями на революцию». Ошибочно потому, что «лишние слова» всегда и во всяком процессе — лишние. Может быть автор хотел сказать о таком процессе, в котором можно обойтись без обвинителя, без прений сторон, без кассационного обжалования.

Разумеется, мы можем в иных случаях быть поставлены в необходимость прибегать к упрощенному судопроизводству по известной категории дел, например, по делам, предусмотренным законом 1 декабря 1934 г.

Было бы величайшим филистерством это отрицать. Но это не исключает ошибочности утверждения, что только такой процесс («жесткий процесс» «без лишних слов») и является приемлемой процессуальной формой для борьбы с контрреволюцией.

Мы провели ряд процессов на основе состязательности, гласности и предоставления обвиняемым всех процессуальных гарантий. Таковы были процессы по «Шахтинскому делу», по делу Промпартии, Центрального бюро меньшевиков, по делу инженеров Метро-Виккерс, по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра и антисоветского троцкистского центра. Все эти процессы в максимальной степени разоблачили вражеские махинации, подлейшие преступления вредителей, шпионов, диверсантов-террористов, изменников нашей родине, эти процессы нанесли сокрушительный удар по нашим врагам. Между тем, эти процессы были проведены на основе представительства сторон и, несмотря на это, а может быть и именно поэтому, они нанесли жесточайший удар по врагам и предателям, послужив вместе с тем могущественным рычагом мобилизации бдительности и общественно-политической активности масс.

Неправильно поэтому говорить о двух процессах, об особом процессе, исключающем гласность и состязательность («лишние слова») для контрреволюционных преступлений. Мы допускаем наряду с таким, так называемым развернутым процессом и процесс упрощенный.

Но основная линия развития нашего процесса идет не по линии ограничения или вовсе отказа от этих, так называемых правовых гарантий, а как раз наоборот, по линии расширения их, по линии укрепления этих гарантий, по линии все большего и большего применения этих гарантий. Это вполне естественно, потому что неправильно представление, будто бы разгромить врага можно только на основе отказа от принципа состязательности или равенства сторон. Наоборот, на основе состязательного процесса разгромить врага бывает гораздо полезнее с точки зрения мобилизации внимания, общественного мнения.

Посмотрите с этой точки зрения на послед-

ний процесс антисоветского троцкистского центра. Вы знаете, что на этом процессе состязательность была развернута достаточно широко, и равенство сторон было обеспечено в полной мере.

Что же, этот процесс антисоветского троцкистского центра, проведенный на основе широкой состязательности и гласности с участием защиты и экспертов, помешал нам нанести жестокий удар нашим врагам? По-моему, не только не помешал, а наоборот, обеспечил этот жестокий удар, если понимать под жестоким ударом не просто уничтожение нескольких физических лиц, сидящих на скамье подсудимых, а удар по самым корням этих преступлений, по всей системе этих преступлений, которые очень часто имеют многочисленные разветвления в разных направлениях.

Разве открытый, гласный процесс, проведенный по делу антисоветского троцкистского центра, помешал разоблачить наших врагов, предателей, шпионов? Разве он не помог самому беспощадному их разоблачению и на этой основе мобилизации общественного мнения и усилению большевистской бдительности?

Процесс помог снять, сорвать с этих негодяев маски; он помог увидеть их настоящие лица, увидеть и познать их преступные методы и приемы борьбы с советской властью и социалистическим строительством. В этом громадное значение гласного процесса и по таким острым политическим делам, как недавно прошедшее дело антисоветского троцкистского центра.

Процесс показал трудящимся нашей страны и всего мира истинное лицо всех этих Пятаковых, Ратайчаков, Радеков, Сокольниковых, Граше, Арнольдов, всех тех, кто в течение ряда лет умело и искусно скрывал свое лицо под лживой маской, кто умел коварно и подло обманывать, продавать и предавать наше дело.

Но гласный судебный процесс важен еще и с другой стороны. Он важен тем, что сплошь и рядом оглашенные на суде факты воскрешают в памяти честных людей аналогичные им случаи, события, явления, мимо которых они в свое время проходили без внимания и которые теперь, в свете того, что выяснилось на суде, заставляют их кое-что пересмотреть из собственной практики, собственного опыта прошлого; пересмотреть не только кое-что, но и кое-кого.

Процесс антисоветского троцкистского центра поднял громадную волну общественной активности в этом отношении. Посыпались с разных сторон сообщения о различных фактах, представляющихся достаточно подозрительными, чтобы обратить на них должное внимание. Укажу на один из таких фактов, представляющих известный интерес.

Вы помните, как на суде по делу антисоветского троцкистского центра выяснилось, что троцкисты при переписке пользовались пересылкой ботинок с заделанными в них письмами, книг с заделанной в их корешки почтой и пр.

И вот после процесса я получил от одной гражданки письмо, в котором она сообщала о том, как когда-то к ней обратилась ее знакомая, в прошлом поддерживавшая связи с троцкистами, и просила ее передать за границу туфли ее приятельнице.

Она сообщила ряд подробностей, не оставляющих сомнения, что эта история с туфлями как две капли воды похожа на историю с письмами, привезенными из-за границы от Седова Шестовым заделанными в ботинки.

Автор письма сообщает: «Прочитавши в газетном отчете об этой паре ботинок с письмом, я довожу до Вашего сведения о таком случае со мной и прошу проверить, в чем тут дело»...

На такой шаг эту гражданку толкнул процесс. Это немаловажное значение процесса. Вот другой пример.

Датская газета «Арбейдербладет» опубликовала письмо из Москвы датского инженера Грегеренс, который пишет: «Когда я в декабре 1934 г. должен был ехать в отпуск в Копенгаген, осужденный ныне по процессу антисоветского троцкистского центра Граше, при проезде моем через Москву, хотел передать через меня книгу НН. Во-время я у Граше не получил этой книги и не мог ее поэтому доставить в Копенгаген. На процессе выяснилось, что в переписке с Троцким использовалась книга «Тысяча и одна ночь», и я теперь понимаю старания Граше, потому что как раз эту книгу он хотел вручить мне для передачи НН». Это замечательный факт, который говорит о том, что гласный процесс обладает могущественной силой, организует общественное внимание и пробуждает общественную бдительность. Гласный процесс учит настораживаться, заставляет честных людей искать в своей памяти, вокруг себя, не было ли чего-либо подозрительного, такого, что может быть шло теми же преступными путями.

За 1934—1936 гг. у нас прошло не мало дел по технике безопасности. Там взрыв, здесь взрыв, завал в шахте, пожар, человеческие жертвы, горит имущество. Ищем. Предаем суду. Судим: нарушение техники безопасности. Ст.ст. 111, 112, 109... А вот, когда начали вскрываться троцкистские злодейства, Прокуратура Союза дала циркулярное распоряжение всем краевым и областным прокурорам за все время с 1934 г. просмотреть, проанализировать все эти дела по технике безопасности, чтобы установить, не были ли эти взрывы, пожары и пр. результатом не простой халатности, не должностных преступлений, а организованной вредительской, диверсионной троцкистской деятельностью. И вы представьте себе, сейчас извлекаются дела, устанавливаются связи ранее осужденных за халатность с троцкистами. Перед нами встают старые дела в другом виде, мы имеем в своих руках данные, что люди действовали тогда как вредители, как диверсанты, как члены подпольных вредительских антисоветских троцкистских организаций. И, конечно, эту работу можно провести тем легче, чем более становятся известными факты и о самих преступлениях, и о методах совершения преступлений, и о методах маскировки преступлений. Разоблачение методов маскировки, разоблачение самих преступлений, всего механизма подготовки совершения преступлений, как мы сделали на процессе с инженером Строиловым, показав, как советский инженер был опутан шпионской паутиной, попал в расставленные немецкой охранкой сети, как

он постепенно, понемножку, как муха на липкой бумаге, лапка за лапкой, ножка за ножкой весь увяз, пропал, по поговорке «коготок увяз, всей птичке пропасть» имеет очень большое значение. Вы посмотрите допрос Строилова, вы увидите, как шаг за шагом человек лез в петлю, которая была коварно заброшена на его шею, фашистской охранкой Гестапо. Освещение на суде таких обстоятельств, конечно, должно иметь громадное воспитательное значение.

Гласный процесс — это колоссальнейшая сила в руках государства. Это, конечно, не значит, что всякое дело можно рассмотреть на гласном суде. Нет, есть пределы. Есть факты и целые дела, не допускающие разглашения и требующие своего рассмотрения в закрытых заседаниях. Но, как правило, для того, чтобы расколотить врага до конца, гласный процесс никогда не был препятствием. Наоборот, он дает в руки государства богатое средство, могучее средство, и нужно только уметь этим средством пользоваться.

Правда, это трудное дело. Процесс состязательный — это трудное дело. Гораздо труднее провести процесс на основе состязательности, когда подсудимый — субъект права, как это называется, когда он рвет, мечет, дерется и плюется, — тогда труднее такой процесс провести. Гораздо легче, конечно, вести процесс, когда подсудимый не «субъект» права, а то, что называется на юридическом языке «объект» права, то есть когда его можно тереть и перетирать как угодно, и он, хотя и пищит, как говорится в одном анекдоте, а лезет (смех); конечно, гораздо труднее провести процесс тогда, когда он защищается, когда он борется.

Но, товарищи, когда процесс кончается, в результате этой борьбы и сопротивления, победой обвинения, тогда, конечно, этот процесс в общественном мнении выигрывает так, как не может выиграть никакой иной процесс.

Поэтому совершенно неправильной была установка, которая господствовала в умах некоторых товарищей, что в моменты острой классовой борьбы мы не можем прибегать к помощи гласного процесса. Последние годы показали со всей силой и остротой неправильность этой установки.

Наш процесс должен быть построен на тех же началах социалистического демократизма, что и все советское государство. В основу этого процесса должен быть положен принцип состязательности, гласности, равенства сторон. Неправильно думать, что состязательность есть «буржуазный предрассудок». Это так же ошибочно, как ошибочна вредная пашуканисовская «теорийка» о праве как категории буржуазного общества. Об этом я буду говорить более подробно в следующей лекции. Но совершенно аналогично тому, что утверждал контрреволюционер, полутроцкист, полубухаринец Пашуканис, в области общей теории права доказывавший, что право является категорией буржуазно-капиталистического общества, некоторые неправильно утверждают, что состязательность есть принцип капиталистического общества. Да, состязательность родилась и выросла в капиталистическом обществе, но говорить о том, что состязательность есть принцип или категория, свойственная только буржуазному обществу, абсолютно неправильно.

Конечно, было бы ошибочно состязательность в советском суде приравнивать или отождествлять с состязательностью буржуазной. В буржуазном суде состязательность — единоборство при полной или относительной пассивности суда. Буржуазная состязательность притом ставит результат в зависимость от соотношения сил сторон. Сам суд как будто «спокойно зрит на правых и виновных, добру и злу внимая равнодушно».

В условиях капиталистического строя это на деле означает помощь сильной стороне: богатому истцу против бедного, прокурору — против обвиняемых, подавляющее большинство которых падает на трудящихся, бедноту.

В буржуазном суде состязательность опирается на строго и узко формальные основы, сама становится узко формальной. Мы понимаем состязательность иначе: состязательность в советском процессе не исключает инициативы и активности самого суда. Состязательность у нас не просто единоборство при пассивном и безучастном отношении суда к борьбе сторон. Состязательность в советском суде — это средство установления истины в наиболее полном и исчерпывающем ее виде.

Без того, чтобы всесторонне разобрать дело, не может быть правильного решения, как не может быть всестороннего разбора дела без предоставления обеим, заинтересованным в исходе этого дела сторонам возможности изложить суду все, что они считают необходимым, все свои доводы и соображения в пользу той или другой точки зрения. Без того, чтобы дело было подвергнуто разносторонней оценке, чтобы были взвешены все доводы за и против, все обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, как отягчающие, так и смягчающие его ответственность, не может быть правильного и убедительного решения.

Состязательность сторон плюс активное участие в судебном следствии самого суда на основе гласности и равенства всех участвующих в процессе перед судом и перед законом, — вот путь к установлению той материальной истины, стремление к которой характеризует подлинное правосудие и подлинный суд.

Вот почему нашему советскому суду, опирающемуся на те же принципы социалистического демократизма, что и все советское государство, не может быть и никогда не был чужд этот принцип состязательности в указанном выше смысле. Состязательность — это тоже право. Это право на отстаивание своей точки зрения, на доказывание своей правоты, в противовес праву обвинителя на доказывание виновности. Даже тогда, когда в суде отсутствуют прокурор и защитник, принцип состязательности в смысле осуществления обвиняемым права на защиту, как это провозглашено статьей 111 нашей новой Конституции, остается в полной силе.

Состязательность в советском суде — это один из принципов той судебной демократии, которая не может не воплощать в себе тех самых черт и особенностей, которые воплощает и вся советская социалистическая демократия.

Неправильно представление о суде как об особой форме расправы. Суд — это суд. По-

этому-то судебное производство или разбирательство дел в наших судах не может не быть открытым, если в самом законе не предусмотрены исключения из этого правила; не может не быть связанным с обеспечением обвиняемому права на защиту, но право на защиту без состязательности, т. е. без права обвиняемого на равных с обвинителем основаниях защищаться против выдвинутых обвинений, — фикция. Если бы суд был просто расправой, то в суде не могло бы быть места ни состязательности, ни гласности. Расправляться удобнее всего без всякой гласности, для расправы не нужна и состязательность.

Не может не быть, конечно, исключения из этого основного правила, имеющего принципиальное значение. Существуют дела, сама особенность и характер которых не допускают разглашения связанных с этими делами обстоятельств, имеющих значение общественной, политической или дипломатической тайны. Именно это имеет в виду ст. 111 новой Конституции, говорящая о возможных, предусмотренных законом исключениях из принципа открытого разбирательства дел во всех судах СССР.

Суд есть суд. Советский суд не только наказывает, не только громит, подавляет, уничтожает, советский суд также еще воспитывает и перевоспитывает. Воспитательная сила советского суда—это важнейшая особенность, отличающая его от судов капиталистических государств, в которых царит одно лишь голое, хотя и искусно прикрытое различными юридическими формулами и правовыми сентенциями насилие.

Эта воспитательная роль советского государства нисколько, ни в коей мере не находится в противоречии с задачами беспощадной расправы, беспощадного подавления врагов революции, врагов социализма.

Но совершенно неправильно, разумеется, все воспитание сводить к беспощадности. А между тем (опять-таки вынужден возвратиться к т. Крыленко) в книге «Право и суд» т. Крыленко воспитательную роль суда сводит к беспощадности, к подавлению. Он прямо говорит: «Беспощадность по отношению ко всем колеблющимся элементам из нашей среды, кто осмеливается вносить дезорганизацию, вот какой метод воспитания предлагал Владимир Ильич».

Это грубое упрощенчество. Ленин и Сталин требуют от нас беспощадности к врагам, но ни Ленин, ни Сталин никогда не сводят к беспощадности воспитание. Беспощадность в подавлении врагов и вражеских выступлений, преступной их деятельности—это одна задача советского суда. Воспитание путем применения различного рода принудительно-воспитательных мер — это его другая задача. Обе задачи органически связаны между собой. Но сводить воспитание к беспощадности это неправильно, это ошибочно, это искажение ленинизма.

На III всероссийском съезде советов Ленин говорил: «Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессии, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей и т. д.» (т. XXII).

Следовательно, по Ленину, сила нашего нового суда заключается не столько в силе репрессий, сколько в воспитании масс. Одна задача не исключает другой задачи. В этой связи я должен буду перейти к некоторым вопросам, связанным с вопросом об ответственности индивидуальной и коллективной, о вине и виновности, которые также весьма важны для процессуалистов. Но это вопросы особые. Этим вопросам я рассчитываю посвятить следующую лекцию.

Г. ВОЛКОВ

О проекте нового Уголовного кодекса

Сталинская Конституция СССР — исторический образец социалистического правотворчества — является мощным фундаментом законодательной деятельности нашей страны.

«Конституция,— говорит товарищ Сталин,— не исключает, а предполагает текущую законодательную работу будущих законодательных органов. Конституция дает юридическую базу для будущей законодательной деятельности таких органов» [1].

Законотворческая деятельность на юридической базе Сталинской Конституции, вдохновляемая Сталинской Конституцией, направляется к тому, чтобы во всех отраслях нашего социалистического права отразить те грандиозные изменения, которые произошли за последние 12 лет в СССР. Эти изменения в экономике, в классовой структуре и в области национальных взаимоотношений СССР показаны с наибольшей ясностью и глубиной товарищем Сталиным в его историческом докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов и отражены в Сталинской Конституции.

Действующие уголовные кодексы не выражают этих грандиозных изменений во всей их целостности и полноте. Стране нужно новое уголовное законодательство, единое для вполне сложившегося и выдержавшего все испытания многонационального социалистического государства, «прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света» [1].

Стране нужен Уголовный кодекс, соответствующий такой экономике нашей страны, при которой «эксплоатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена как незыблемая основа нашего советского общества» [2].

[1] Сталин, О проекте Конституции СССР, Доклад на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

[1] Там же.
[2] Там же.

Стране нужен Уголовный кодекс, соответствующий такой классовой структуре, при которой «грани между рабочим классом и крестьянством равно как между этими классами и интеллигенцией стираются, а старая классовая исключительность исчезает»[1].

Указание на необходимость замены действующих уголовных кодексов союзных республик новым единым для СССР Уголовным кодексом мы находим в Конституции СССР, которая создание Уголовного кодекса прямо относит к ведению высших органов власти Союза ССР (п. «х» ст. 14 Конституции СССР). В постановлении ЦИК СССР от 20 июля 1936 г. указано, что «уголовное и гражданское законодательство, а также закон о судоустройстве и судопроизводстве должен быть единым для всего Союза ССР».

Таковы политические и юридические основы и предпосылки для выработки проекта Уголовного кодекса СССР. С другой стороны, к проекту Уголовного кодекса СССР нас вплотную подводят предварительные работы по подготовке такого проекта, ведущиеся Комиссией при Президиуме ЦИК Союза ССР с 1935 г.

В результате этих работ, получивших новое направление с опубликованием и затем утверждением проекта Сталинской Конституции СССР, подготовлен предварительный проект УК СССР.

Этим проектом впервые за последние 10 лет реформа уголовного законодательства поставлена на реальную почву. Предыдущие попытки наших академических кругов разработать Уголовный кодекс оканчивались крахом. Таких попыток было несколько. Вскоре — через пару лет — после издания действующих уголовных кодексов союзных республик возникла мысль о реформе уголовного законодательства. Началась усиленная работа по составлению проектов УК, но для того, чтобы эти проекты стали законом, не было достаточных предпосылок ни объективного, ни субъективного характера; тогда еще не созрела необходимость издания нового УК, как не созрела тогда и творческая мысль многих авторов проектов. Хотя во многих частях уголовное законодательство было устаревшим уже в 1929—1930 и следующих годах, но в этих устаревших частях уголовные законы обновлялись отдельными законодательными новеллами.

Было бы неправильно думать, что одна незрелость политической мысли наших теоретических работников была причиной того, что «проектирование» уголовных кодексов оказалось бесплодным вплоть до последних лет.

Тут несомненно были и другие причины — причины объективного характера.

Одной из неудачных попыток объяснить неудачу проектов и их последовательную смену является объяснение, которое давалось т. Н. В. Крыленко в его статье о новом проекте УК СССР 1935 г.

Тов. Н. В. Крыленко говорил: «Было бы коренной ошибкой, если бы мы сделали такой вывод: мы, мол, и только мы конкретно виноваты в том, что не можем написать устойчивый кодекс»[1]. Тов. Н. В. Крыленко пытался найти объективные причины того, что «мы не могли написать устойчивый УК», в том, что творческая роль советского права толкала к непрерывным изменениям этого же права.

Тов. Крыленко писал: «Мы ломаем производственные отношения, мы создаем новые производственные отношения с помощью государственного принуждения, одной из форм которого является уголовное право. Вся система пролетарского государства есть не что иное, как сочетание классового принуждения с методом убеждения, с помощью которых мы приводим в повиновение остатки повергнутых классов и перестраиваем наново весь мир, создавая новое общество, ликвидируя пережитки капитализма в экономике и сознании людей, воспитывая к социалистической дисциплине широчайшие массы трудящихся.

В итоге в наших условиях, при наших темпах революционной перестройки должны неизбежно меняться и те правовые методы, которые мы используем для переделки и перестройки общества. Уже это одно достаточно объясняет, почему на протяжении короткого исторического промежутка времени мы столько раз возвращались к реформе УК»[2].

В этом несомненное влияние тезиса Пашуканиса о том, что «мы не можем связывать себя правовыми системами».

Особенно сейчас, в свете сталинских установок, данных в докладе о новой Конституции, видно, как ссылки на невозможность устойчивости советских законов противоречат действительным требованиям, предъявляемым к советскому социалистическому законодательству... «Стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было», — говорит товарищ Сталин[3]. Если теперь нам стабильность законов нужна больше, чем когда бы то ни было, то это значит, что стабильность законов, хотя и в меньшей степени, нужна была и в прошлые годы. Эта стабильность ни в коей мере не противоречит творческой революционной роли социалистического законодательства, а наоборот, ее обеспечивает. Эта стабильность ни в коей мере не противоречит гибкости и «политичности» законов, но она сочетается с ними и не допускает непрочности и качаний из стороны в сторону.

Но кроме всего, объяснение, данное т. Н. В. Крыленко, бьет мимо цели: несмотря на ряд проектов, самый-то Уголовный кодекс как раз не изменялся коренным образом и был стабильным в течение 10 лет, менялись же неудачные проекты. Их неудача в первую очередь должна быть отнесена к их неудовлетворительным политическим качествам, к ошибочным политическим позициям авторов.

Но если уж искать объективные причины неудачи проектов УК, то их нужно искать в следующем: именно стабильность законодательства потребовала, чтобы, несмотря на отсталость действующих уголовных кодексов, к созданию нового Уголовного кодекса при-

[1] Там же.

[1] «Проблемы уголовной политики» 1935 г., книга I, стр. 6.

[2] «Проблемы уголовной политики», книга I, стр. 6.

[3] Цитированный выше доклад товарища Сталина.

ступили с известной выдержкой и необходимой предусмотрительностью. Необходимая гибкость законов и соответствие их требованиям практики классовой борьбы в последние годы достигались, как уже сказано было выше, изданием ряда законодательных новелл, отдельных законодательных актов, часть которых имеет историческое значение, как, например, закон 7 августа 1932 г. о борьбе с хищениями общественной, социалистической собственности, закон 7 июня 1934 г. об измене родине и т. п. Что же касается общей реформы уголовного законодательства и создания нового общесоюзного Уголовного кодекса, то для этого нужно было, чтобы изменения в экономической и классовой структуре нашей страны и изменения в области национальных взаимоотношений в СССР достигли столь значительной степени, что оказалось возможным и необходимым изменить основной закон СССР, создать Сталинскую Конституцию СССР.

В самом деле, не является ли естественным, что коренная реформа отдельных отраслей законодательства совершается в с л е д за утверждением нового основного закона — новой Конституции, и на о с н о в е этой новой Конституции. Ведь не даром товарищ Сталин подчеркнул значение новой Конституции как юридической базы для будущей законодательной деятельности.

Непонимание этого обстоятельства было без сомнения одной из причин порочности «проектирования» уголовных кодексов в 1929—1930 гг., одной из причин, в ряде которых видное место занимало и вредное влияние пашуканисовских концепций права, и политическая близорукость наших научных работников в области теории уголовного права.

Вот почему возможно было появление на свет трех политически ошибочных, конкурировавших друг с другом, проектов Уголовного кодекса в 1929—1930 гг.: проекта, составленного Институтом советского строительства и права Комакадемии под руководством т. Н. В. Крыленко, проекта Красикова-Галкина, защищавшегося т. Винокуровым, и проекта, составленного т. Ширвиндтом совместно с группой профессоров, стоявших на чисто буржуазных теоретических позициях.

Проект Института советского строительства и права Комакадемии в основном был политически ошибочным, «левацким», извращающим задачи уголовной политики. Он разрывал связь между наказанием и конкретными видами преступлений, рекомендуя вместо этого «примерный перечень» преступлений, в котором каждое не связано с конкретным наказанием. Это строение кодекса на практике способствовало бы судебному произволу. Теоретически такой кодекс был связан с «теорией» Пашуканиса о «товарной» форме права. Авторы проекта признавали, что советское уголовное право содержит в себе момент «иррациональный», стихийный, характерный для буржуазного права. Этот «иррациональный» характер уголовного права выражался в том, что суд отвешивает наказание в точной пропорции с тяжестью содеянного преступления, то есть наказание определяет по эквивалентной дозировке. Основным в проекте УК Института советского строительства и права Комакадемии было желание «преодолеть» в советском уголовном праве эту буржуазную эквивалентную дозировку и для этого уничтожить в кодексе и на практике назначение наказания, пропорционального тяжести содеянного преступления, оторвать наказание от конкретных составов преступления. Это несомненно стирало качественную разницу между буржуазным уголовным правом и социалистическим уголовным правом [1], это означало, что хотя реформа уголовного законодательства должна быть направлена к борьбе против буржуазной формы советского права (и в этом, в частности, отличие позиции авторов проекта от «теории» Пашуканиса, который отрицал возможность такой борьбы), но сама эта буржуазная форма советского права (или в смягченном виде элементы буржуазной формы) есть факт, признанный авторами проекта согласно теории Пашуканиса.

Другой проект УК, составленный т. Красиковым с участием Галкина, теоретические основы которого защищал т. Винокуров, стоял, правда, на противоположных позициях по вопросу о структуре кодекса, включал особенную часть с составами преступлений и связывал каждый данный вид преступления с соответствующей санкцией. Но обоснование этого проекта было не менее ошибочным. Авторы и защитники этого проекта исходили из того, что пропорциональная форма наказания должна быть сохранена именно вследствие «товарного характера» советского права. Другими словами, если в обоснование проекта УК Комакадемии приводилась необходимость преодолеть Пашуканисом выдуманный рыночный характер советского права и его буржуазную природу, то товарищи, стоявшие на позициях проекта Красикова и Галкина, эту буржуазную природу советского права «преодолевать» не считали целесообразным и возможным.

Выводы авторов двух проектов оказываются различными, но исходное положение — общим, одинаково далеким от марксистско-ленинско-сталинской теории, одинаково ее,—хотя и в разные стороны,— извращающим.

Наконец, политический центр тяжести третьего проекта, составленного группой профессоров, стоявших на позициях буржуазных теорий уголовного права и возглавленных т. Ширвиндтом, заключался в наибольшем благоприятствовании кулацким элементам: проект смягчал наказания именно за те преступления, которые, согласно тексту статей самого же проекта, совершаются классово враждебными элементами: именно в этих случаях проект исключал применение не только расстрела, но и ссылки и лишения свободы.

[1] Такова печальная участь неудачного теоретического прожектерства: авторы проекта старались сделать так, чтобы проект возможно дальше отстоял от буржуазных уголовных кодексов. Создание «первого в мире» уголовного кодекса, в котором нет ни Общей, ни Особенной части, ни составов преступления, ни связанных с ними наказаний, казалось очень заманчивым именно своим новаторством. По замечанию т. С. Я. Булатова, «мы старались сделать так, чтобы было ни на что не похоже...» И все это новаторство привело к тому, что именно все эти ухищрения и вытекали из таившегося в глубине признания буржуазного права довлеющим над советским правом.

Не мудрено, что все три проекта бесславно погибли, оставшись только памятниками политической невыдержанности нашего теоретического фронта, его доступности вредным влияниям и попыткам трансплантации теорий с буржуазной почвы на советскую.

Новый проект Уголовного кодекса СССР 1935—1937 гг. представляет собой резкий контраст по сравнению с его предшественниками. Если те проекты были плодом, главным образом, кабинетного теоретизирования, то новый проект является подытоживанием опыта классовой борьбы. В нем органически объединяются основные мысли, заключенные в важнейших общесоюзных актах уголовного законодательства последних лет: закона 7 августа 1932 г. о борьбе за социалистическую собственность, законов об измене родине, о борьбе за качество продукции, о борьбе с детской преступностью, о борьбе со спекуляцией, об укреплении революционной законности и учреждении ее боевого органа — Прокуратуры Союза ССР, о создании Всесоюзного НКЮ и т. п.

Новый проект впитал и критически переработал практику как судебных и прокурорских органов, так и органов применения репрессии в исправительно-трудовых лагерях, в исправительно-трудовых колониях и тюрьмах. Но что самое главное и основное — это то, что проект исходит из основных сталинских установок, выраженных в новой Конституции СССР, из задач борьбы за укрепление диктатуры пролетариата, за укрепление священной и неприкосновенной социалистической собственности — основы советского строя, за права и интересы граждан СССР, за права и интересы живого человека — его жизнь, здоровье, неприкосновенность, достоинство, свободу, имущество, за безопасность социалистического строительства от посягательств классово враждебных элементов изнутри в пределах и извне СССР. Это — Уголовный кодекс социалистической страны, борющийся за зажиточную жизнь, культуру и счастье народов СССР, руководимых рабочим классом и его партией с великим Сталиным во главе.

Для характеристики и анализа проекта рамки одной журнальной статьи слишком тесны; поэтому здесь можно будет лишь кратко охарактеризовать узловые вопросы, заключающиеся в проекте УК СССР.

В первую очередь остановимся на системе кодекса.

В отличие от «левацкого» проекта УК Комакадемии, проект УК СССР состоит из части Общей и Особенной со свойственными последней специальными составами преступлений.

Система Общей части сравнительно мало отличается от системы Общей части действующих УК. Первые два раздела — о задачах Уголовного кодекса и о пределах его действия — совпадают с первыми двумя разделами действующего УК. Вместо третьего раздела действующего УК РСФСР («Общие начала уголовной политики РСФСР») раздел III проекта посвящен вопросам о преступлении и уголовной ответственности, IV раздел — вопросам наказания и V раздел — порядку применения наказания. Нынешний VI раздел УК РСФСР — об условном осуждении и условно-досрочном освобождении — в проекте упразднен, так как условное осуждение и досрочное освобождение являются институтами, в которых выражается порядок применения наказания. Поэтому в проекте оба эти института входят в V раздел — о применении наказания.

Система Особенной части кодекса представляет больший интерес. Прежде всего здесь сохранен принцип, по которому Особенная часть является систематизированным собранием статей, каждая из которых посвящена отдельному виду преступлений и состоит из диспозиции, указывающей признаки специального состава преступления, и из санкции, определяющей наказание за это преступление.

В этом отношении проект резко порвал с установками проекта Института советского строительства и права Комакадемии.

Однако наличие специальных составов и связь с ними санкций ни в коем случае не означают, что наш проект воспринял буржуазный принцип эквивалентной дозировки как некоторое выражение «товарности отношений» и т. п. Связь санкции с диспозицией и выделение специальных составов преступлений являются средством укрепления революционной социалистической законности. Имея достаточную свободу в выборе наказания для осужденного, не будучи ни в какой степени стесненным формализмом буржуазного права, наш советский суд не может действовать произвольно и не действует так. Он является проводником и исполнителем воли господствующего рабочего класса и руководимого рабочим классом многомиллионного народа, воли, выраженной в социалистическом законе.

Социалистическое правосознание живет в каждом судье, но им же, социалистическим правосознанием, продиктованы и статьи закона. Не противопоставляя своего правосознания и воли социалистическому правосознанию и революционной воле законодателя, выраженным в концентрированной и обобщенной форме закона, суд должен действовать в рамках этого закона, в рамках нашего социалистического стабильного закона.

В статьях Особенной части УК, предусматривающих специальные составы преступления, выражено, таким образом, руководство со стороны верховной власти практической деятельностью судов.

В этом — один из примеров диалектического соотношения законодательной и судебной власти, вытекающего из установок новой Конституции. Наше право отнюдь не исходит из старинной буржуазной теории разделения властей. Конституция отнюдь не противопоставляет органы законодательства, суда и управления друг другу и не отрывает их друг от друга. Их единство вытекает из единства диктатуры пролетариата. Одновременно законодательные, судебные и управленческие функции в новой Конституции четко разграничены и не смешиваются одна с другой. Этот же принцип выражен и в руководстве деятельностью суда со стороны закона. Закон лимитирует судебную практику и направляет ее, но это руководящее действие протекает в рамках самого же закона.

С другой стороны, связь между видом и размером наказания и данным видом преступления выражает учет одной из сторон общественной, классовой опасности, которая заключена в этом преступлении и которая

в конечном счете является опасностью для интересов господствующего класса. Так, например, и убийство и легкое телесное повреждение нарушают интерес каждого данного потерпевшего, но в конечном счете они нарушают интересы диктатуры пролетариата, обеспечивающей такой правопорядок, при котором охраняются и жизнь гражданина, и его здоровье, и телесная его неприкосновенность. Вместе с тем для этого правопорядка и его источника — диктатуры пролетариата — эти интересы отнюдь не равнозначущи и не равновелики, как они не равнозначущи и не равновелики для самого потерпевшего. Поэтому советский закон предусматривает в различной степени применение государственного принуждения для охраны этих интересов, усиливая это принуждение в случаях нарушения бо́льших, жизненно-важнейших интересов.

Надо подчеркнуть, что, в отличие от старого эквивалентного наказания-возмездия буржуазного права, в советском уголовном праве это соответствие наказания тяжести преступления является вовсе не единственным и вовсе не главным моментом связи преступления с наказанием. Советское уголовное право учитывает в наибольшей степени разнообразие условий, которыми определяется социальная классовая опасность и преступления и личности преступника. Так, ст. 34 УК СССР говорит: «При определении наказания суд должен руководствоваться соответствующими статьями Общей и Особенной частей Уголовного кодекса, учитывая при этом как смягчающие и отягчающие обстоятельства, так и другие условия, характеризующие опасность преступления и лица, его совершившего». И далее в ст. 34 и в ст. 35 перечисляются отягчающие и смягчающие обстоятельства. К этим обстоятельствам относятся не только обстоятельства, свидетельствующие о тяжести самого деяния. Учитывается общественная опасность и преступления и преступника. Следовательно, при назначении наказания, в числе прочих обстоятельств, тяжести деяния никак со счетов не сбросить и надобности в этом нет решительно никакой.

Итак, Особенная часть проекта Уголовного кодекса состоит из отдельных статей с диспозицией и санкцией. Санкции в подавляющем числе статей Особенной части построены по принципу так называемой «относительно-определенной санкции», то есть такой санкции, в которой указывается высший и низший пределы допускаемого этой санкцией наказания. В тех случаях, когда проект предусматривает в качестве наказания расстрел, он все же допускает при наличии смягчающих обстоятельств уменьшение наказания. Таким образом и в этих случаях санкция не дается в абсолютно определенном виде, исключающем для суда возможность снизить наказание.

Лишь в отдельных случаях (в статье, предусматривающей измену родине) проект применяет абсолютно определенный срок наказания.

Определение наказания в законе по методу относительно определенной санкции подвергалось одно время (главным образом во время споров о проекте УК Комакадемии) ожесточенному обстрелу, в особенности со стороны т. Н. В. Крыленко.

Дело представлялось таким образом: относительно определенная санкция дает возможность суду «взвешивать» наказание в зависимости от тяжести преступления в пределах санкции; если закон в статье Особенной части предусматривает лишение свободы не ниже 5 лет, а по Общей части УК вообще лишение свободы не может превышать 10 лет, то суд в пределах от 5 до 10 лет может определить любой срок наказания — 5, 6, 7 и т. д. лет.

Таким образом, если самое существование санкций в статьях Особенной части Кодекса было дозировкой наказания со стороны законодателя, так сказать дозировкой «оптом», то относительно определенные санкции дают возможность отвешивать наказание «в розницу».

Поэтому в яростной борьбе с «буржуазной», «иррациональной» и т. п. дозировкой было предложено заменить относительно определенные санкции абсолютно определенными, установив пресловутые «твердые сроки» наказания, разрешающие судье назначать наказания в виде лишения свободы в лагери только на срок 5 или 10 лет. Сначала предложение этого метода распространяли на все виды наказания, потом автор этого предложения т. Н. В. Крыленко отказался от него, признавая его в таком виде «левацким», и в проект УК Комакадемии этот метод вошел лишь по отношению к особо опасным преступлениям. Наконец, еще в 1935 г. остатки «преодоления» эквивалентной дозировки выражались в предложении два «твердых срока» заменить четырьмя (3—5—8 и 10 лет лишения свободы).

В действительности все эти предложения, во-первых, никакой борьбы с эквивалентной буржуазной дозировкой не осуществляли. Достаточно указать на пример того, как именно посредством применения «твердых сроков», то есть абсолютно определенных санкций в буржуазном уголовном кодексе, чрезвычайно широко и скрупулезно проводилась эквивалентная дозировка наказания. Таким примером может служить уголовный кодекс 1791 г. — первый акт уголовного законодательства только что пришедшей к власти буржуазии. В этом уголовном кодексе особенная часть очень детально, с аптекарской педантичностью развешивала наказания по многочисленным составам отдельных преступлений, причем к каждому дробному составу преступления привешивалось наказание с абсолютно «твердым сроком» лишения свободы.

Таким образом сама по себе абсолютно определенная санкция может служить не только для «борьбы» с эквивалентной дозировкой, а наоборот, для ее последовательного проведения в Уголовном кодексе.

Во-вторых, вообще неправильно видеть какую-то мистику и чертовщину, какой-то буржуазный туман в том, что закон предлагает суду избрать срок наказания в пределах санкции. Много этого тумана вредительски напустил в нашу теорию Пашуканис. Надо энергично рассеивать все остатки его, еще задержавшиеся в отдельных уголках уголовно-правовой теории.

Каково действительное значение относи-

тельно определенных санкций в советском уголовном законе? Выбирая в пределах санкции тот или иной размер наказания, суд тем самым индивидуализирует наказание, назначает наказание в соответствии со всеми обстоятельствами данного конкретного дела, учитывая все особенности личности совершившего преступление, его прошлой деятельности, причин, непосредственно толкнувших его на совершение преступления, мотивов совершения преступления, обстоятельств времени и места, при которых было совершено преступление, и т. п. Два преступления, совершенные разными людьми в разное время при различных обстоятельствах, вместе с тем могут в одинаковой степени подходить под диспозицию одной и той же статьи Особенной части Уголовного кодекса. Диспозиции статей Особенной части УК вообще призваны обобщать в своих формулировках конкретные индивидуальные черты сходства отдельных преступлений. Но кроме этих черт сходства, жизнь в ее бесконечном разнообразии выдвигает черты различия, также чрезвычайно существенные для определения общественной опасности преступника и совершенного им преступления. Эти-то черты различия и должны учитываться судом в пределах черт сходства. Поэтому наказание, конкретно назначаемое судом, должно заключаться в пределах санкции статьи Особенной части: тем самым оно будет соответствовать обобщениям, делаемым законом. Но, с другой стороны, наказание должно варьироваться судом: тем самым оно будет соответствовать характеру и степени общественной классовой опасности именно данного конкретного индивидуального случая. Социалистическое правосудие не стрижет всех обвиняемых под одну гребенку, не подгоняет всех под один ранжир, советский суд выясняет степень виновности, степень ответственности и опасности каждого из обвиняемых, хотя бы несколько из этих обвиняемых совершили одно и то же преступление, — скажем, в соучастии друг с другом. Ярким примером такой индивидуализации наказания может служить применение Военной коллегией Верхсуда СССР различных наказаний членам антисоветского троцкистского центра.

Конечно, индивидуализация наказания достигается и качественным различием применяемых наказаний, т. е. назначением в одном случае лишения свободы в тюрьме, в другом — в лагере, в третьем — в исправительно-трудовой колонии, в четвертом — штрафа, в пятом — исправительных работ без лишения свободы и т. п. Но и количественная сторона должна быть использована, тем более что здесь очень нагляден переход количества в качество. Так, сопоставим краткосрочное лишение свободы, например, на 6 месяцев, с долгосрочным — например, на 6 лет. Они отличаются друг от друга не только количественно: ряд мероприятий исправительно-трудового и дисциплинирующего воздействия, приложимых при длительном сроке лишения свободы, окажутся вовсе неприменимыми при кратком сроке лишения свободы и т. п.

В силу всего сказанного надо признать, что метод определения наказания посредством относительно определенных санкций, принимаемых в проекте УК СССР, является совершенно правильным, целесообразным методом. Вместе с тем надо покончить с набившими оскомину разговорами об «иррациональной» зловредности относительно определенных санкций.

Классификация преступлений в системе Особенной части проекта отличается от классификации, принятой в действующих уголовных кодексах. Все преступления распределяются по пяти разделам: I раздел содержит государственные преступления. Сюда относятся преступления контрреволюционные, преступления против социалистической собственности и преступления против государственного порядка и безопасности.

Новой, таким образом, является глава «Преступления против социалистической собственности».

Эта глава включает статьи о хищении общественной, социалистической собственности, о похищении, растрате и мошенническом присвоении социалистической собственности и о покупке похищенного государственного или общественного имущества.

В статьях о хищениях общественной, социалистической собственности воспроизводится в основном закон 7 августа 1932 г. с учетом судебной практики. Этот учет позволяет под суровую санкцию закона 7 августа 1932 г. подвести наиболее опасные виды хищений общественной, социалистической собственности. Менее опасные случаи входят в отдельную статью о похищении, растрате и мошенническом присвоении общественной, социалистической собственности с санкцией менее суровой, чем санкция закона 7 августа. Таким образом глава II раздела I Особенной части проекта УК СССР дает выработавшуюся в пятилетней практике применения закона 7 авг. 1932 г. дифференциацию различных видов преступлений против социалистической собственности.

III глава раздела о государственных преступлениях — «Преступления против государственного порядка и безопасности» содержит в себе, главным образом, преступления, которые в действующих уголовных кодексах называются «особо для СССР опасными преступлениями против порядка управления».

II раздел — это преступления против обороны. Сюда входит, во-первых, глава о воинских преступлениях и, во-вторых, глава о нарушении военных обязанностей и повинностей. В эту главу включены преступления, которые в действующих уголовных кодексах входят в главу «Иные преступления против порядка управления» и относятся к нарушению военных обязанностей и повинностей. Объединение этих преступлений с воинскими преступлениями в одном общем разделе преступлений против обороны совершенно правильно, ибо если для воинских преступлений типичным является субъект воинского преступления, то объект как воинских преступлений, так и нарушений военных обязанностей и повинностей — общий: это — интерес обороны СССР.

Раздел III содержит в себе «преступления против неприкосновенности личности и других гарантированных Конституцией СССР прав граждан». Этот раздел приобретает особое значение в свете сталинского гуманизма, сталинской заботы о человеке и соответствующих установок новой Конституции СССР, приказывающей как зеницу ока хранить са-

мый ценный наш капитал — живых людей, кадры строителей социализма. Для системы Особенной части проекта УК СССР характерно, что преступления против неприкосновенности личности и других гарантированных Конституцией СССР прав граждан поставлены на место, непосредственно следующее за преступлениями против обороны страны. В этом — одно из важных отличий системы проекта от действующих уголовных кодексов, где и преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности и входящие в главу об «имущественных преступлениях» преступления против имущественных прав граждан стояли после преступлений против порядка управления, после преступлений должностных, после нарушений правил об отделении церкви от государства и после преступлений хозяйственных, то есть стояли где-то на одном из последних планов кодекса. Раздел «Преступления против неприкосновенности личности и других гарантированных Конституцией СССР прав граждан», в соответствии с его значением, разработан в проекте очень тщательно.

В пределах этого раздела преступления классифицированы в трех главах.

Глава VI посвящена преступлениям против жизни, здоровья и достоинства личности. При этом среди этих преступлений в особый параграф выделены преступления против семьи и брака (незаконный аборт, принуждение к аборту, неплатеж алиментов, использование опеки в корыстных целях, неисполнение обязанностей по воспитанию детей, вовлечение несовершеннолетних в преступление, похищение ребенка, обманное использование регистрированного брака, принуждение к браку или разводу, вымогательство калыма, оставление без помощи родителей).

Следующая глава этого раздела — глава VII: «Преступления против основных прав граждан». Это также новая в УК глава. Она концентрирует уголовно-правовую борьбу за сформулированные новой Конституцией основные права граждан. Статьи этой главы карают за преступления против права на труд, права на социальное обеспечение, права на образование, за преступления против равноправия женщин, за отказ от приема на работу женщин по мотивам их беременности, за преступления против национального равноправия и свободы совести, за нарушение свободы слова, печати, собраний и демонстраций, за преступления против избирательных прав граждан, против неприкосновенности личности, жилищ и тайной переписки и, наконец, за эксплоатацию чужого труда.

Последняя — VIII глава этого раздела — «О преступлениях против личной собственности граждан». В отличие от действующих уголовных кодексов, проект УК СССР в своей классификации принципиально разделяет посягательства на социалистическую собственность и посягательства на личную собственность, в то время как действующие УК говорят об «имущественных преступлениях» «вообще», не отличая принципиально социалистической собственности от личной собственности граждан[1]; проект, как указано было выше, посягательства на социалистическую собственность выделяет в самостоятельную главу раздела о государственных преступлениях, а посягательства на личную собственность граждан включает в раздел преступлений против неприкосновенности личности и других гарантированных Конституцией СССР прав граждан. Такой систематикой достигается двоякая цель: с одной стороны, подчеркивается принципиальное отличие общественной, социалистической собственности как основы советского строя: посягательства на эту собственность являются государственными преступлениями; с другой стороны, посягательства на личные права граждан проект отнюдь не рассматривает как некую «бытовщинку», как преступления «недостойные внимания советского суда». Надо признаться, что до опубликования, а затем утверждения проекта Сталинской Конституции СССР у многих судебных работников было именно такое отношение к имущественным преступлениям в «частном секторе». Проект УК СССР вслед за Конституцией СССР, закрепляя несомненно имеющийся в практике перелом, подчеркивает, что преступления против личной собственности граждан являются (в числе других) преступлениями против гарантированных Конституцией СССР прав граждан.

Раздел VI посвящен должностным и хозяйственным преступлениям. При этом нужно отметить, что объем понятия «должностное преступление» в проекте сокращен по сравнению с действующими уголовными кодексами. Это проведено как в определении должностных преступлений, так и в определении понятия «должностное лицо». Ограничение понятия «должностное преступление» и «должностное лицо» в значительной степени объясняется многочисленными на местах искривлениями политики борьбы с должностными преступлениями, искривлениями, при которых суды нередко присуждали к наказаниям в качестве должностных лиц колхозных бригадиров, колхозных доярок и т. п. работников социалистических полей, конечно, ни в какой мере должностными лицами не являющихся. Эти искривления создали в некоторых областях и республиках слишком большой процент осужденных, в частности, за должностную халатность в тех случаях, когда бороться за укрепление служебной дисциплины можно было мерами не уголовно-репрессивного порядка.

Раздел V содержит «преступления против порядка управления и преступления против общественной безопасности».

В настоящей статье не ставится задача дать характеристику отдельных видов преступлений и связанных с ними мер наказания по проекту УК СССР: характеристика Особенной части здесь ограничивается только изложением ее системы.

Подытоживая сказанное о системе Общей и Особенной частей кодекса и о системе всего проекта в целом, необходимо подчеркнуть единство целей, единство мысли, пронизывающие систему проекта, в которой выражена система социалистического уголовного права,

[1] Конечно, надо иметь в виду, что закон 7 августа 1932 г. издан в качестве самостоятельного акта и его включение в действующие УК не изменило структуры главы об «имущественных преступлениях».

являющегося частью общей системы социалистического права Советской страны.

Из отдельных узловых проблем проекта остановимся на двух наиболее общих и основных — на вопросе о преступлении и вопросе о наказании.

К преступлению проект подходит как к материальному общественному отношению в конкретной обстановке нынешнего этапа развития социалистической революции. Проект в статье 5 так определяет преступление: «Преступлением признается всякое предусмотренное настоящим кодексом общественно-опасное действие или бездействие, направленное против социалистического государства, его основы — социалистической собственности, препятствующее социалистическому строительству, дезорганизующее социалистический правопорядок или нарушающее неприкосновенность личности и права граждан».

Это определение является развитием материального, то есть даваемого по существу, определения преступления, которое свойственно советскому уголовному праву с первых лет его развития, начиная с «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» 1919 г. Это определение диаметрально противоположно формальным определениям преступления, содержащимся в буржуазных уголовных кодексах, верней в тех из них, которые вообще пытаются давать определение преступления. В этом определении объединены: определение социального содержания преступления (общественно-опасное действие или бездействие против социалистического государства, социалистической собственности, социалистического строительства) с правовой стороной вопроса о преступлении, как деянии противоправном. Эта сторона преступления — его противоправность — долго игнорировалась в нашей теории уголовного права. Лишь в последнее время в нашей литературе был поставлен вопрос о том, что признание противоправности преступления вовсе не является догматической ересью, что без признания противоправности одно определение социального классового содержания преступления не дает еще полного материального определения преступления и что противоправность преступления нисколько не оторвана от его общественной опасности, что, наоборот, в преступлении общественно-классовая опасность проявляется в противоправной форме. В статье 5 проекта УК СССР противоправность преступления непосредственно выражена в словах: «... предусмотренные настоящим кодексом...».

Не значит ли это, что проект становится на точку зрения буржуазной «классической» школы уголовного права, утверждавшей, что «нет преступления и наказания, не предусмотренных в законе»? Не значит ли это, что проект отказывается от принципа аналогии?

Нет, никоим образом.

Признание принципа «нет преступления и наказания без закона» было бы налицо в том случае, если бы статья 5 говорила, что преступлением являются только прямо предусмотренные в статьях Особенной части действия. Тогда действительно аналогия была бы неприменима: аналогия имеет в виду преступность как раз такого действия, которая не предусмотрена прямо в статьях Особенной части УК. Статья 5 проекта УК ставит вопрос иначе: то или иное действие или бездействие может быть прямо не предусмотрено статьями Особенной части УК, но вместе с тем оно является общественно-опасным действием, направлено против социалистического государства, его основы — социалистической собственности, либо препятствует социалистическому строительству, либо дезорганизует социалистический правопорядок, либо нарушает неприкосновенность личности и права граждан и подпадает под признаки и действие статей Общей части УК. Хотя в Особенной части и нет статьи, прямо предусматривающей это действие, но есть статья, предусматривающая наиболее сходное[1] по содержанию преступление, поскольку и это действие является преступным и охватывается Общей частью кодекса как преступное.

В соответствии с этим проект не отказывается от принципа аналогии и признает его в ст. 6, говоря: «Если общественно-опасное действие прямо не предусмотрено статьями Особенной части УК, то ответственность за него определяется по той статье, которая предусматривает наиболее сходное по содержанию преступление». Если сопоставить это определение аналогии с определением, даваемым ст. 16 действующего УК РСФСР, то сразу ясна гораздо большая точность и четкость редакции статьи проекта. Статья 16 действующего УК РСФСР говорит о таком общественно-опасном действии, которое «прямо не предусмотрено настоящим кодексом». Это выражение неточно. Кодекс в целом не может не предусматривать такого действия, которое является общественно-опасным; если же действие оказывается не предусмотренным кодексом в целом, то его нельзя считать общественно-опасным и по аналогии. Другое дело, если общественно-опасное действие прямо не предусмотрено в статьях Особенной части кодекса, отнюдь не претендующих на то, чтобы прямо и в точности отразить в своих строках все бесконечное разнообразие конкретных жизненных отношений, то такое действие или бездействие может в то же время подходить под общие социальные признаки общественно-опасного, преступного поступка и по аналогии считается преступлением.

Второе уточнение, которое дается статьей 6 проекта, заключается в том, что по аналогии преступным считается действие и бездействие не «применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривают сходные по роду преступления» (как это говорит статья 16 действующего УК РСФСР), а ответственность определяется «по статье, которая предусматривает наиболее сходное по содержанию преступление». Дело, таким образом, не в том, чтобы действие, общественно-опасный и преступный характер которого требуется определить путем аналогии, признаки этой общественной опасности и преступности исчерпывало сходством по роду с тем или иным преступлением. Такое сходство позволяет только отнести поступок к той или иной

[1] См. статью А. Я. Вышинского в этом же номере.

группе преступлений, но еще не обосновывает преступного характера этого поступка. Дело в том, чтобы найти между этим действием и содержащимся в одной из статей Особенной части преступлением сходство по содержанию материально-общественных отношений.

Таким образом определение статьи 6 проекта не только редакционно уточняет ответственность по аналогии, оно говорит нам о большем, — о стремлении законодателя сочетать принцип аналогии с принципом строжайшей социалистической законности. В этом отношении перед практикой применения нового кодекса, когда он вступит в действие, да и теперь, при действующем УК, стоит очень важная задача: не снижая значения аналогии, принципиально связанной с материальным пониманием преступления, в то же время всячески уберечься от нарушения революционной законности под предлогом аналогии. В практике такие случаи нередки. «Левацкие» извращения проекта УК Комакадемии, пошедшего дальше аналогии и для уголовной ответственности не требовавшего ни того, чтобы то или иное действие было предусмотрено какими бы то ни было статьями кодекса, ни того, чтобы оно было даже сходно с каким-либо преступлением, включенным в «ориентировочные перечни, — эти «левацкие» извращения дают в той или иной степени отзвуки в нашей судебной практике до последнего времени. Нередки случаи, когда под видом аналогии местные органы юстиции прямо нарушают закон и в целях усиления наказания применяют по аналогии статью Особенной части с более суровым наказанием к преступлению, прямо предусмотренному другой статьей Особенной части (но содержащей более мягкую санкцию). В этом смысле общеизвестны случаи применения статьи о бандитизме к поступкам, являющимся вне всякого сомнения для самого же суда обыкновенным убийством и т. п. Будущая практика применения нового кодекса должна будет с подобными примерами покончить бесповоротно.

Подобно примечанию к статье 6 действующего УК РСФСР, проект исключает также уголовную ответственность в случаях, когда действие или бездействие хотя и подходит формально под признаки статей Особенной части УК, но по своей малозначительности и отсутствию вредных последствий не является общественно-опасным (часть вторая статьи 5 проекта).

Материальное понимание преступления проходит очень ярко в проекте трактовкой вопроса о невменяемости. В действующем УК РСФСР статья 11 редактирована крайне неудачно. Она говорит только о неприменении к невменяемым мер социальной защиты судебно-исправительного характера; она, таким образом, не исключает уголовной ответственности невменяемых, считая, что невменяемый является субъектом преступления, но что к таким субъектам преступления может быть применен из всех видов репрессий, предусмотренных УК, один вид репрессии — меры социальной защиты медицинского характера. Такая трактовка невменяемости совершенно неверна, да она и противоречит судебной практике, давно восставшей против неудачного буквального текста статьи 11. Невменяемый, совершающий какой-либо вредный или опасный поступок вследствие душевной болезни, не выражает своим поступком ни сопротивление классово враждебных элементов, ни влияние классового врага или его агентуры, ни влияние буржуазной или мелкобуржуазной стихии. Это больной человек[1], а не враг и не неустойчивый или отсталый трудящийся. Если по отношению к невменяемому необходимо применять меры принудительного лечения, соединяемые часто с принудительной изоляцией, то это принуждение иного сорта, чем наказание. В этом принудительном лечении и связанной с ним изоляции душевнобольного нет ничего от двуединой задачи наказания, определенной Лениным: по отношению к невменяемому принуждение не является ни подавлением классово враждебных элементов или элементов разложения старого общества, ни принудительным воспитанием к дисциплине неустойчивых элементов из среды трудящихся.

Проект УК СССР имеет в своем распоряжении более совершенную терминологию, чем действующий УК, говоря не о «мерах социальной защиты», а о наказании, и правильно ставит вопрос, прямо отказываясь применять наказание к невменяемым, так как не считает невменяемых уголовно-ответственными. Принудительное же лечение, возможность которого предусматривается проектом в отношении невменяемых, проект не считает наказанием.

Аналогично проект ставит вопрос и в отношении малолетних. В то время как действующий УК по отношению к малолетним ниже минимального возраста допускает применение «мер социальной защиты медико-педагогического характера» (а меры социальной защиты медико-педагогического характера включаются действующим УК в общую систему мер социальной защиты, то есть, по сути дела, наказания), проект УК СССР в статье 12 прямо говорит, что «малолетние в возрасте до 12 лет уголовной ответственности не подлежат» и, следовательно, к ним не применяются никакие меры, которые бы охватывались системой репрессии. Что касается несовершеннолетних старше 12 лет, то о них проект говорит, что они могут подлежать уголовной ответственности лишь в случае совершения ими кражи, насилия, телесных повреждений, злостного хулиганства или убийства. Несовершеннолетние, достигшие 16-летнего возраста, подлежат уголовной ответственности и по всем остальным преступлениям.

Как и действующие уголовные кодексы, проект признает преступным и допускает уголовную ответственность лишь в случаях, когда общественно-опасное действие совершено умышленно или по неосторожности. Проект, таким образом, решительно отбрасывает те попытки принизить значение наряду с другими уголовно-правовыми институтами и умысла и неосторожности, — попытки, которые делались авторами проекта УК Комакадемии, считавшими, что умысел и неосторожность не являются необходимыми элементами уголовной ответственности, а служат лишь «рабочей гипотезой» при определении

[1] См. Н. В. Крыленко, Три проекта УК.

ответственности. Проект УК этим самым утверждает, что уголовно-ответственным виновным может быть только человек, действия которого связаны с его сознанием. Такими формами связи психики лица с его поступками и является умысел и неосторожность. Этим самым отвергается категорически так называемое объективное вменение, когда может быть вменен простой случай, который не был ни предвиден, ни предвидим при данных обстоятельствах. Только в качестве исключения в статье, говорящей об измене родине, проект предусматривает лишение избирательных прав и ссылку в отдаленные районы СССР на срок 5 лет для совершеннолетних членов семьи бежавшего за границу изменника — военнослужащего, если эти члены семьи с ним совместно проживали или находились на его иждивении к моменту совершения им преступления. Но, во-первых, это исключительный случай, полностью соответствующий исключительному характеру такого преступления, как измена родине, во-вторых, здесь наказание применяется к указанным в законе членам семьи изменника как часть наказания самого изменника, ибо характер преступления таков, что эффективность угрозы наказания требует распространения уголовной ответственности не только на самого преступника. Повторяю, что это единственный в кодексе случай объективного вменения, объясняемый исключительно опасным характером преступления — изменой родине.

Из вопросов, относящихся к преступлению, остановимся в двух словах на соучастии.

Проект сохраняет основные установки о соучастии, содержащиеся в действующих уголовных кодексах, но вносит два нововведения: первое заключается в том, что укрыватели преступления относятся к самостоятельному виду соучастников наравне с исполнителем, подстрекателем и пособником, а не выступают в качестве пособников, как это считает действующий УК РСФСР (ст. 17).

Второе, гораздо более важное нововведение, заключается в том, что наряду с исполнителями, подстрекателями, пособниками и укрывателями проект выделяет как отдельный вид соучастников организаторов преступления, представляющих при всяких условиях большую опасность, чем остальные соучастники. В этом отношении проект вводит в Общую часть кодекса то совершенно правильное положение, которое содержится в действующем УК РСФСР, но только в Особенной части, в статье 59[2] о массовых беспорядках. Действительно, если подстрекатели в тех или иных случаях могут быть более или менее опасны, чем исполнитель, а исполнитель в одних случаях может быть более опасен, а в других — менее опасен, чем пособники, если степень ответственности исполнителей, пособников и подстрекателей не может быть заранее предустановлена в зависимости от того, относится ли соучастник к подстрекателям, исполнителям или пособникам, то организаторы преступлений всегда более опасны. Выделение этого вида соучастников в кодексе имеет гораздо большее и теоретическое и практическое значение, чем сохранение деления соучастников на подстрекателей, исполнителей и пособников. В этом отношении проект УК СССР сделал новый шаг в конструкции соучастия[1].

В вопросах наказания проект вносит много нового по отношению к первоначальным редакциям действующих уголовных кодексов союзных республик, используя практику применения наказания за последние годы и отдельные законодательные акты, касающиеся применения наказания. Во-первых, проект резко порывает с терминологией действующих уголовных кодексов, отказываясь от термина «меры социальной защиты», этого громоздкого термина, заимствованного из терминологии буржуазной социологической школы уголовного права и просочившегося в советское уголовное законодательство с мутными ручейками буржуазных влияний на советскую уголовно-правовую теорию. «Меры социальной защиты» — термин, не известный ни программе партии, ни «Руководящим началам» 1919 г., его мы не найдем ни в трудах Ленина, ни в трудах Сталина. Он ничего общего не имеет с мерами социальной защиты, применяемыми в буржуазном уголовном праве, но вместе с тем он затемняет действительный характер наказания в советском уголовном праве. Меры социальной защиты отодвигают на второй план государственное значение наказания, говоря о какой-то «социальной» защите, этот термин затушевывает то обстоятельство, что репрессия выполняет не только защитную, но и наступательную задачу[2] и т. д.

Чрезвычайно важно определение в проекте целей наказания. Во-первых, определяя цели наказания, проект в ст. 15 воспроизводит по существу ленинскую формулу двуединой задачи наказания, хотя редакционно эта формула в проекте переработана применительно к языку закона. «Уголовное наказание, — говорит ст. 15, — имеет цель: а) подавление врагов народа и иных противообщественных элементов и принудительное воспитание лиц, совершивших преступление, к государственной и общественной дисциплине и уважению к правилам социалистического общежития; целей возмездия, причинения физического страдания и унижения человеческого достоинства наказание себе не ставит». В этой формуле органически соединено убеждение и принуждение; здесь соединена задача подавления врагов народа, подавление противообщественных элементов с задачей принудительного воспитания преступников к дисциплине и к уважению правил социалистического общежития. В этой формуле не исключается возможность принудительного воспитания не только представителей неустойчивых элементов среди трудящихся, но и других противообщественных элементов: здесь, таким образом, учтено замечание Ле-

[1] См. по этому поводу предложения, сделанные т. А. Я. Вышинским в его докладе в Институте уголовной политики в 1936 г. об итогах суда над контрреволюционно-троцкистско-зиновьевским террористическим центром. См. также мою статью на ту же тему в «Советском государстве» (1936 г. № 5).

[2] Подробно по этому вопросу см. мою статью в «Проблемах уголовной политики» за 1935 г. № 1 «Наказание в советском уголовном праве».

нина об исправлении тех представителей капиталистических элементов, которые поддаются исправлению; здесь учтена и практика переделки сознания не только деклассированных элементов, но и отдельных представителей классово враждебных элементов. С другой стороны, в этой формулировке целей наказания даются в классовом политическом разрезе задачи общего и специального предупреждения, рассчитанного на то, что наказание должно воздействовать как на совершившего преступление, так и на лиц, данного преступления не совершивших, но могущих его совершить, склонных к его совершению.

Во-вторых, в определении целей наказания статья 15 воспроизводит тот отказ от целей возмездия, причинения физического страдания и унижения человеческого достоинства, который существует в советском уголовном праве с самого начала его развития.

В-третьих, статья 15, говоря о целях наказания, подчеркивает, что «уголовное наказание применяется судом лишь к тем, кто признается ответственным за совершенное ими преступление». Таким образом уголовные наказания не могут применяться к неответственным — к невменяемым, к малолетним ниже минимального предельного возраста уголовной ответственности, к лицам, совершившим преступление не умышленно и не по неосторожности, а случайно.

С другой стороны, из текста статьи 15 следует, что наказание применяется судом только за конкретное преступление. В этом отношении проект вносит новшество по сравнению с действующими до сего времени «Основными началами уголовного законодательства СССР и союзных республик» 1924 г., которые в статье 22 предусматривали применение судом ссылки и высылки к лицам, не совершившим конкретного преступления, но обнаружившим свою общественную опасность вследствие связи с преступной средой или прошлой преступной деятельностью. Как известно, это правило ст. 22 «Основных начал», введенное в УК некоторых союзных республик, не вошло в действующий УК РСФСР. Проект УК СССР, как явствует из текста статьи 15, исключает положения, аналогичные предусмотренным в ст. 22 «Основных начал»: суд может наказывать только за конкретное преступление.

Однако этим наказуемость паразитических элементов, элементов, связанных с преступной средой или развращенных прошлой преступной деятельностью, не исключается советским уголовным правом, но выводится за рамки деятельности судов. По отношению к этим элементам, независимо от совершения конкретного преступления, но при установлении общественной классовой опасности по перечисленным только что признакам, помещение в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет осуществляется в административном порядке особым совещанием при народном комиссаре внутренних дел на основании положения об НКВД.

Проект УК предусматривает следующие виды наказаний (ст. 16): а) бессрочное изгнание или высылка из пределов СССР; б) лишение свободы; в) ссылка; г) исправительные работы; д) ограничение прав; е) конфискация имущества; ж) штраф; з) увольнение от должности; и) общественное порицание.

В качестве исключительной меры, впредь до ее окончательной отмены, проект предусматривает в случаях, указанных в Особенной части кодекса, — расстрел. Применение расстрела ограничивается: не могут быть приговорены к расстрелу лица, не достигшие 18-летнего возраста, и женщины, находящиеся в состоянии беременности.

Лишение свободы предусматривается в виде заключения в тюрьму, заключения в исправительно-трудовой лагерь, заключения в исправительно-трудовую колонию и, кроме того, проектом предусмотрен краткосрочный арест. Тюрьма и лагерь назначаются на срок от 2 до 10 лет, колония — на срок от 6 мес. до 2 лет. Что касается ареста, то он может быть применен только в случаях, указанных в Особенной части кодекса, и отбывается в специальных арестных помещениях. В отличие от всех видов лишения свободы, рассчитанных на исправительно-трудовое воздействие на заключенных, арест этой цели перед собой не ставит: его роль — чисто дисциплинирующая.

В числе наказания, как это видно из перечня, проект предусматривает и ссылку, но прямо оговаривает применение ссылки только к взрослым членам семьи изменника военнослужащего, живущим с изменником или состоявшим на его иждивении к моменту совершения им измены. Высылку проект предусматривает только из пределов СССР. Таким образом и высылка в пределах СССР и ссылка в советском праве теряют значение, и ссылка остается только для одного — к тому же исключительного — случая.

Исправительные работы без лишения свободы в сравнении с действующим УК получают новое название: отбрасывается автология, заключающаяся в названии, принятом действующим УК, — «исправительно-трудовые работы». Проект правильно считает, что называть работы трудовыми бессмысленно, и применяет термин — «исправительные работы»; согласно ст. 23 проекта исправительные работы назначаются без лишения свободы на срок от 5 дней до 1 года. Проект не указывает характера и видов исправительных работ без лишения свободы, отсылая для этого к Исправительно-трудовому кодексу, но в проекте Исправительно-трудового кодекса СССР, разрабатываемом параллельно с проектом УК СССР, этот вопрос решается в том направлении, что исправительные работы по месту службы осужденного упраздняются.

Это решение продиктовано тем, вполне правильным соображением, что на практике исправительные работы по месту службы превратились в «штраф в рассрочку».

Проект УК СССР, говоря о штрафе, прямо предусматривает (ст. 30) возможность взыскания штрафа в несколько сроков, не более, впрочем, 12 месяцев. При этом проект устанавливает для единовременного взыскания максимум — 25% месячного дохода осужденного.

***

В настоящей статье освещены лишь некоторые важнейшие положения проекта УК СССР

Надо помнить, что здесь речь идет о предварительном проекте кодекса, что возможен еще ряд изменений проекта и, как показала практика работы над текстом проекта в последние два года,—изменения эти могут быть довольно существенны. Но при всех возможных изменениях в проекте несомненно останется то, что в нем особенно ценно,—это неразрывная органическая связь со всей системой нашего социалистического права, это революционная действенность, революционная целесообразность, слитая с революционной законностью, крепнущей в жизни нашей цветущей и мощной социалистической родины и выраженной в кованых молотом революции определениях сталинской Конституции.

А. ШЛЯПОЧНИКОВ

Приготовление и покушение на преступление в советском уголовном праве

В свете новой сталинской Конституции и вытекающих из нее требований большей, чем когда-либо, стабильности советских законов приобретает особое значение разработка институтов социалистического права, в том числе и уголовного.

Советское уголовное право, основой которого является охрана и укрепление общественной, социалистической собственности, как право социалистическое, и по своему содержанию и по форме, принципиально отлично от уголовного права буржуазного общества. Это отличие проходит красной нитью через всю систему советского уголовного права. В противоположность господствующему буржуазному определению преступления как действия, запрещенного законом под угрозой наказания, определению, затушевывающему классовую сущность преступлений, советский уголовный закон дает определение преступления по существу (так называемое материальное определение преступления). Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые в 1924 г., определяли преступления как общественно-опасные действия, подрывающие власть трудящихся или нарушающие установленный ею правопорядок. Исключительно четкое определение преступления как общественно-опасного действия, включая в это понимание противоправность преступления, дает последний проект кодекса Союза ССР: «Преступлением признается всякое, предусмотренное настоящим кодексом действие или бездействие, направленное против социалистического государства, препятствующее социалистическому строительству, дезорганизующее социалистический правопорядок или нарушающее неприкосновенность личности и права граждан» (ст. 5). Понятие противоправности преступления как действия, нарушающего советский закон, нами и ранее подразумевалось составной частью материального понятия преступления. Но впервые это понятие со всей определенностью подчеркивается в нашем уголовном законодательстве указанием на то, что только предусмотренное Уголовным кодексом действие или бездействие может рассматриваться как преступление. Это имеет для нас особую важность потому, что представляет существенный принцип развертывания социалистического демократизма в суде.

В связи с этим особое значение приобретают возникающие повседневно в практике борьбы с преступлениями такие вопросы, как соучастие, приготовление и покушение и подобные им, теоретической разработкой которых мы до сих пор почти не занимались, явно недооценивая их актуальность и важность для судебной практики.

В рамках настоящей статьи мы хотим остановиться на вопросе о покушении и приготовлении, иначе говоря, на вопросе о стадиях преступной деятельности. Буржуазная теория различает обычно: 1) обнаружение умысла, 2) приготовление, 3) покушение (неоконченное и оконченное), 4) оконченное преступление. Как правило, в большинстве западноевропейских буржуазных государств как обнаружение умысла, так и приготовление, если оно не носило характера самостоятельно-наказуемого деликта, формально не влечет применения мер уголовного наказания. Однако многочисленные отступления от этого принципа делают наказуемым на деле не только приготовление, но и обнаружение умысла к совершению наиболее опасных для буржуазии преступлений, в первую очередь преступлений государственных.

Как правило, очень тщательно различаются в буржуазном уголовном праве покушение и оконченное преступление. Покушение влечет более мягкое наказание по сравнению с оконченным преступлением (например, в русском дореволюционном праве при покушении наказание могло быть понижено до 4 степеней).

Такое формальное разграничение наказуемости покушения и оконченного преступления вытекает из буржуазного формального подхода к преступлению.

Рассматривая преступление с точки зрения его опасности для интересов пролетарского государства, советское уголовное право при рассмотрении различных стадий преступления исходит из принципа общественной (классовой) их опасности. При этом нужно иметь в виду, что принцип общественной (классовой) опасности понимается в нашем праве как диалектическое единство опасности преступления и лица, его совершившего, учитывая этим самым степень его виновности.

Обнаружение умысла, поскольку оно не выявилось в конкретных действиях, выражающих приготовление к совершению преступле-

ния или непосредственно связанных с началом его исполнения, как правило, не наказуемо по советскому уголовному праву.

Как действующее советское уголовное законодательство, так и проект УК Союза ССР, исходя из принципа общественной опасности преступлений, не устанавливают принципиального различия стадий преступления (приготовление, покушение, оконченное преступление). Уже в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г., в которых, хотя и проводилось различие между приготовлением, покушением и оконченным преступлением, указывалось, что «стадия осуществления преступного намерения совершающего преступление сама по себе не влияет на меру репрессии, которая определяется степенью опасности преступника» (ст. 20).

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. проводит последовательно эту же точку зрения в отношении покушения и оконченного преступления. «Покушение на какое-либо преступление карается как совершенное преступление...» (ст. 14). Однако при этом УК РСФСР 1922 г. выделяет приготовление к преступлению, объявляя его ненаказуемым, за исключением тех случаев, когда «оно само по себе является наказуемым действием» (ст. 12). В соответствии с изменением в 1923 г. редакции этой статьи при признании этих лиц, приготовлявшихся к преступлению, социально-опасными, суду предоставлялось факультативное право применения к ним мер социальной защиты.

«Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» говорят о начатом и не доведенном до конца преступлении, не упоминая совершенно о приготовлении: «Если начатое преступление не было доведено до конца, то есть если преступный результат по каким-либо причинам не наступил, то суд при выборе меры социальной защиты, назначенной уголовным законом за данный вид преступления, руководствуется степенью опасности лица, совершившего преступление, и степенью осуществления преступного намерения» (ст. 11). И здесь не устанавливается обязательного для суда различия между оконченным преступлением и только начатым.

Истолковывая термин «начатое преступление», Верховный суд Союза ССР 7 мая 1928 г. разъяснил, что речь идет о всяких подготовительных действиях к преступлению [1].

Ст. 19 действующего Уголовного кодекса РСФСР прямо говорит о том, что «покушение на какое-либо преступление, а равно и приготовительные к преступлению действия, выражающиеся в приискании или в приспособлении орудий и средств и создании условий преступления, преследуются так же, как и совершенное преступление...»

Этим устанавливается принципиально одинаковый подход ко всем стадиям преступления, в основе которого лежит оценка степени фактической опасности преступника, а не формальное разграничение стадий его преступной деятельности.

В соответствии с указанием ст. 19 УК РСФСР при выборе наказания суд «должен руководствоваться степенью опасности лица, совершившего покушение или приготовление, подготовленности преступления и близости наступления его последствий, а также рассмотрением причин, в силу которых преступление не было доведено до конца». Как правильно было уже указано в нашей литературе [1], ссылка на «близость наступления последствий» представляет крайне неустойчивое основание для применения наказания. Все же остальные моменты, указанные в ст. 19 УК РСФСР, степень опасности лица и подготовленности преступления, несомненно, должны быть положены в основу применения наказания по конкретному делу.

Ст. 12 проекта Уголовного кодекса Союза ССР 1936 г. таким образом характеризует покушение и приготовление к преступлению и их наказуемость:

«Ст. 12. «Покушение и приготовление к преступлению». Уголовная ответственность за покушение или приготовление к преступлению устанавливается по тем же статьям Особенной части Уголовного кодекса, как за оконченное преступление.

При определении ответственности за покушение или приготовление к преступлению суд должен учитывать степень опасности лица, совершившего эти действия, степень опасности и подготовленности преступления, а также причины, в силу которых преступление не было доведено до конца.

При добровольном отказе от осуществления преступления наказуемы лишь те совершенные действия, которые сами по себе являются преступными».

Таким образом и здесь проведен принцип принципиально-одинакового подхода, как к оконченному, так и к начатому преступлению. Однако это вовсе не означает, как вывод из изложенного, что практически разграничение стадий преступной деятельности при оценке опасности преступника не существенно и не играет никакой роли.

Вот почему в ст. 12 проекта УК СССР и подчеркивается, что уголовная ответственность за покушение или приготовление к преступлению устанавливается «по тем же статьям Особенной части Уголовного кодекса, как за оконченное преступление».

Это более совершенная формулировка, чем та, которую дает нам ст. 19 УК РСФСР.

К сожалению, до сих пор в нашей уголовно-правовой литературе подчеркивался только принцип одинакового подхода к начатому и оконченному преступлению, критиковалась формальная буржуазная точка зрения разграничения стадий преступления, но совершенно упускалась из виду другая сторона — реальное значение стадий преступления для оценки действительной степени опасности данного лица, его виновности.

Разрешение вопроса о стадиях преступления в советском уголовном праве отнюдь не должно базироваться исключительно на опасности личности преступника в отрыве от совершенных им действий. Такая точка зрения, для которой преступление должно являться толь-

[1] См. постановление 20 пленума Верховного суда Союза ССР от 7 мая 1928 г., утвержденное Президиумом ЦИК Союза ССР от 31 октября 1928 г.

[1] См. Волков, Классовая природа преступлений и советское уголовное право, М., 1935, стр. 221.

ко «симптомом» опасности преступника, усиленно культивировалась одно время под влиянием ревизионистской теории Пашуканиса и отражения идей буржуазно-социологической школы в нашей уголовно-правовой литературе. Эта точка зрения нашла свое прямое выражение в проекте УК ИССП Комакадемии 1930 г. В ст. 17 проекта УК ИССП 1930 г. указывалось, что «все виды подготовительных к преступлению действий рассматриваются судом на тех же основаниях, что и совершенное преступление. Суд обязан при определении мер воздействия исходить от степени выявившейся опасности привлекаемых лиц, а не от степени подготовленности преступления». Здесь прямо противопоставляются друг другу принцип оценки опасности лица и степени подготовленности преступления. Эта типичная для буржуазной реакционной социологической школы уголовного права точка зрения ничего общего с марксизмом не имеет.

Неправильна также сделанная т. Волковым попытка рассматривать наше уголовное законодательство по вопросу о стадиях преступления, как содержащее «и здесь элементы буржуазной уголовно-правовой формы, но тем не менее строя и этот институт по-своему»[1].

Признание наличия в советском уголовном праве элементов буржуазной правовой формы является отражением влияния вредительской «теории» Пашуканиса, отрицавшей социалистический характер советского права.

Ряд ранее существовавших институтов уголовного права, в том числе и вопрос о стадиях преступления, подобные которым мы находим в нашем советском уголовном праве, меняют свое содержание и форму, как институты социалистического права, становясь принципиально отличными от аналогичных, казалось бы, институтов уголовного права эксплоататорских государств.

Глубокое диалектическое понимание взаимосвязи и единства опасности лица и совершенных им поступков принципиально отличает советскую уголовно-правовую теорию и законодательство от буржуазных школ уголовного права, пытающихся выхолостить классовое содержание преступления и мер борьбы с ним.

Не случайно и «Основы уголовного законодательства Союза ССР», и УК РСФСР, и проект УК Союза ССР указывают в той или иной форме на необходимость учета судом при определении наказания степени осуществления преступного умысла. Если «Основы» говорят о «степени осуществления преступного намерения», то ст. 19 УК РСФСР указывает на необходимость учета степени «подготовленности преступления и близости наступления его последствий». Очень важную роль при этом играет изучение причин, в силу которых преступление не было доведено до конца. Это подчеркивается как в действующем законодательстве, так и проекте УК СССР.

Таким образом принципиально одинаковый подход к начатому и оконченному преступлению отнюдь не означает отказ от дифференциации мер наказания в зависимости от степени виновности преступника в каждом отдельном случае. В отличие от буржуазного суда советский суд не связан формальным моментом — степенью осуществления преступления, но именно это обеспечивает индивидуализацию репрессии, обоснованной в каждом конкретном случае степенью опасности самого преступника и совершенного им преступления.

Рассмотрение причин, в силу которых преступление не было доведено до конца, имеет еще и то особое значение, что добровольный отказ лица, намеревавшегося совершить преступление, от его совершения делает действия его не наказуемыми в тех случаях, когда они сами по себе, независимо от задуманного преступления, не являлись преступными. И действующее уголовное законодательство и проект УК Союза ССР стоят на этой точке зрения. Между тем, в судебной практике требования ст. 19 УК РСФСР и соответствующих статей союзных республик об отказе от уголовного преследования добровольно оставленного приготовления или покушения не всегда выполняются. Нет никакой необходимости привлекать к уголовной ответственности и наказывать лицо, добровольно отказавшееся от доведения до конца задуманного преступления, если совершенные им при этом в стадии подготовки действия не являлись сами по себе преступлением.

Подчеркивая ненаказуемость совершенных действий при добровольном отказе от осуществления преступления, как действующее законодательство, так и проект УК СССР не проводят разницы между приготовлением и покушением. Однако признать ненаказуемым при добровольном отказе можно только неоконченное покушение. Покушение оконченное должно влечь за собой уголовное преследование, хотя бы покушавшийся отказался от мысли повторить попытку осуществления своего преступного намерения. Приведем два конкретных примера. Иванов, желая отомстить Петрову, прячется в засаде с винтовкой, поджидая его возвращения с работы. Заметив идущего по дороге Петрова, Иванов прицелился в него, но не спустил курок, испугавшись в последнюю минуту ответственности. Представим себе другой вариант. Иванов выстрелил в Петрова, но не попал в него, прострелив край его пальто; неудача так на него подействовала, что он отказался от попытки в дальнейшем осуществить свое намерение.

В первом варианте мы имеем покушение неоконченное, во втором — оконченное. Действия Иванова в первом случае не могут являться основанием для возбуждения против него уголовного преследования, хотя вопрос о его социальной опасности может быть поставлен в порядке ст. 22 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». Во втором случае уголовное преследование обязательно.

В заключение мы хотим остановиться на наказуемости приготовления к преступлению, не доведенного до конца по причинам, от преступника не зависящим. Как мы выше указывали, подготовительная деятельность, направленная на совершение преступления (как приготовление, так и покушение), влечет за собой уголовную ответственность по тем же уголовным законам, что и оконченное преступление. Однако это отнюдь не означает, что

[1] См. Г. И. Волков, Классовая природа преступлений и советское уголовное право, стр. 218.

всякое приготовление к преступлению обязательно должно влечь уголовную ответственность. Совершенно очевидно, что, исходя из статьи 6[1] «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» и примечания к ст. 6 УК РСФСР и соответствующих статей УК союзных республик, далеко не всякое приготовление к преступлению должно наказываться, поскольку вредные последствия не наступили и, следовательно, нужно решить вопрос о степени опасности совершенных действий.

Поэтому мы не можем согласиться с мнением т. Н. В. Крыленко, высказанным им в своем докладе на 2 сессии ВЦИК XII созыва в 1925 г., об обязательной наказуемости приготовления к преступлению. «Исходя из идеи борьбы с опасностью, которую представляет данное социальное лицо, — говорил т. Крыленко, — нам совершенно все равно, успело оно или не успело совершить те или другие действия — это разберет суд и определит, какие меры нужно принять. Но подлежать ответственности люди, подготовляющие преступление, должны всегда». Эта точка зрения разрывает диалектическое единство опасности лица и совершенных им действий. Больше того, нам думается, что было бы целесообразным ограничить в законодательном порядке наказуемость приготовления к преступлению, не осуществившемуся по независящим от преступника обстоятельствам, преступлениями государственными. Важность государственных интересов требует, чтобы ни один случай приготовления к государственному преступлению, не осуществившемуся по обстоятельствам, от преступника не зависящим, не оставался безнаказанным.

Во всех остальных случаях приготовление к преступлению может быть наказуемо только тогда, если оно составляло самостоятельный деликт. Конечно, практически очень часто представляет большую трудность провести водораздел между приготовлением и покушением. Принятый в буржуазной теории принцип «начало исполнения» не всегда оказывается для этого пригодным. Однако, оценивая все собранные следствием доказательства, можно в каждом конкретном деле установить совершенно отчетливо, на какой стадии находилось осуществление преступления. Одна эта трудность не может явиться препятствием к отказу от уголовного преследования всякого приготовления к преступлению, если нет иных соображений принципиального характера. А таких мы со своей стороны не находим. Наоборот, в свете новой сталинской Конституции мы должны усилить борьбу за максимальную рационализацию нашей судебной политики, исключая из ее поля действия такие незначительные нарушения социалистической законности, преодоление которых возможно мерами общественно-воспитательного и административного характера.

Н. АЛЕКСАНДРОВ

Против антипартийных извращений в понимании категории советского трудового права[1]

Газета «Правда» (см. статью т. Юдина в № 20 (6986) от 20 января 1937 г. «Против путаницы, пошлости и ревизионизма») безусловно правильно охарактеризовала правовой участок теоретического фронта, как участок издавна засоренной антимарксистской лжеученостью, выдаваемой за марксизм.

Кое-кто считал, как известно, Е. Пашуканиса «главным теоретиком» в области права, хотя Пашуканис в действительности являлся «основоположником» вульгаризации и искажений в области права.

Учившиеся по «трудам» этого «главного теоретика» молодые научные кадры засоряли свои мозги наукообразной пошлостью, путаницей и ревизионизмом и зачастую становились проводниками антиленинских концепций Пашуканиса в вопросах теории права.

Своеобразная «рапповщина», претензии руководства Института государственного права Академии наук безапелляционно выдавать свои установки за установки партии, немедленное приклеивание ярлыков всякому выступавшему с иной точкой зрения — все это углубляло и умножало антипартийные извращения в различных областях теории права.

Отрицание возможности построения системы советского социалистического права составляло один из краеугольных камней вредительской, меньшевистской «теории» Пашуканиса. По той же «системе», которая фактически лежала в основе выпускаемых возглавляемым Пашуканисом Институтом советского строительства и права программ и учебников по советскому праву, правовая организация труда рабочих и правовая организация труда колхозников оказывались в двух различных отраслях права. Причем первая отождествлялась с категорией советского трудового права в целом, вторая же рассматривалась только отдельно — в земельно-колхозном праве.

Это нашло свое яркое выражение в выпущенных ИССП Комакадемии программах по трудовому праву (автор проф. Войтинский) и по земельно-колхозному праву (автор проф. Павлов).

Проф. Войтинский весь курс советского трудового права сводит к рассмотрению правового регулирования труда рабочих и служащих.

[1] Вопросы системы советского социалистического трудового права будут освещены нами в отдельной статье.

В этой программе проф. И. Войтинский категорично выдвигает следующее определение: «Советское трудовое право, как особая форма политики пролетарской диктатуры в области труда рабочих и служащих» (подчеркнуто мной. — Н. А.)[1]. Дальше же в этой программе мы читаем следующее определение сферы действия трудового права: «Труд рабочих и служащих, как сфера действия трудового права»[2].

Проф. Павлов в программе по земельно-колхозному праву, уделяя место организации и оплате труда колхозников, однако категорически подчеркивает недопустимость рассматривать колхозный труд в сфере советского трудового права.

Институт советского строительства и права не ограничился изданием одной программы. Им же выпущен учебник по советскому трудовому праву проф. З. Гришина.

В основу этого учебника З. Гришин кладет следующее определение советского социалистического трудового права: «Советское социалистическое трудовое право является формой политики пролетарского государства в области регулирования и социалистической организации труда рабочих и служащих»[3] (разрядка автора). Дальше в учебнике З. Гришина следует целый раздел, так и озаглавленный: «Неприменимость советского трудового права в колхозах»[4]. В этом разделе своего учебника З. Гришин попытки рассматривать отношения внутриколхозной организации труда как отношения трудового права безапелляционно объявляет чуть ли не троцкизмом[5].

В служившей также до сих пор одним из основных пособий для юридических вузов статье проф. Войтинского «К 15-летию советского трудового права» утверждалось следующее: «Наше трудовое право — орудие регулирования труда рабочих и служащих как в социалистическом секторе, так и в секторе частно-хозяйственном, в той сфере найма рабочей силы, которая сокращалась и сокращается с каждой новой победой социализма»[6].

В своей статье «Сталинская Конституция и трудовое право» (подготовленной к печати в № 6 «Советское государство» за 1936 г.) я также исходил из этого грубо ошибочного понимания трудового права как правовой организации труда рабочих и служащих.

В соответствии с этим пониманием трудового права, указав в начале статьи, что «Сталинская Конституция, разумеется, служит основой не только правовой организации труда рабочих и служащих, но и основой внутриколхозной организации труда, учитывающей особенности кооперативно-колхозной формы социалистической собственности», я, однако, все дальнейшее содержание статьи построил на рассмотрении закрепленных сталинской Конституцией трудовых прав в применении к рабочим и служащим, не сопоставляя это с практическими особенностями осуществления этих же прав в колхозах.

В этой статье я несколько раз подчеркнул то ошибочное положение, что сферой действия социалистического трудового права является якобы только труд рабочих и служащих, а рассмотрением применения принципов Конституции во внутриколхозном регулировании труда должны заниматься представители другой отрасли права — аграрники-юристы.

В помещенном в газете «Правда» 20 января с. г. обзоре т. Юдина журнала «Советское государство» за 1936 г. указанная моя статья получила правильную оценку, как статья, носящая антипартийный характер вследствие юридического кретинизма в разработке темы статьи.

Почему узкое понимание категории трудового права, т. е. в смысле правовой организации труда рабочих и служащих, является юридическим кретинизмом?

Потому, что только следуя доведенной до юридического кретинизма формально-юридической логике, можно отождествлять сферу действия трудового права со сферой действия Трудового кодекса и делать отсюда вывод: раз Кодекс законов о труде распространяется только на рабочих и служащих, то, значит, сфера действия советского трудового права ограничивается трудовыми отношениями рабочих и служащих.

Только такая «логика» может приводить к противоречащему здравому смыслу выводу о том, что правовая организация колхозного труда должна рассматриваться обязательно отдельно, вне предмета трудового права.

Почему отождествление сферы действия трудового права с сферой действия КЗоТ является по сути дела антипартийным?

Потому, что оно затушевывает единство социалистических принципов организации труда в советских государственных предприятиях и колхозах.

Изложение самых основных принципов организации социалистического труда раздельно — в одной литературе, программе и т. д. для рабочих, в другой — для колхозников, противоречит тому основному положению, что, несмотря на все различия, особенности, обусловленные различием государственной и кооперативно-колхозной форм социалистической собственности, — труд рабочих и колхозников основан на одних и тех же принципах социалистического труда.

Понимание категории советского трудового права только в смысле правовой организации труда рабочих и служащих является прямым следствием антиленинской концепции Пашуканиса и его «школы» о советском праве как праве буржуазном. Именно в буржуазном государстве капиталистическое правовое регулирование труда, имеющее задачи эксплоатации наемного труда, охватывает сферой своего действия труд рабочих и служащих, превращенных там в наемных рабов капитала.

Будет уместно вспомнить, что в литературе по советскому трудовому праву имели отражение по сути дела меньшевистские попытки изобразить социалистический труд как однотипную с капиталистическим разновидность «несамостоятельного» труда. Одним из таких

---

[1] И. Войтинский, Программа по трудовому праву, 1934, стр. 13.

[2] Там же, стр. 21.

[3] З. Гришин, Советское трудовое право, 1936, стр. 25.

[4] Там же, стр. 31.

[5] Там же, стр. 32.

[6] «Советское государство», 1932, № 9—10, стр. 107.

отражений является следующее положение И. С. Войтинского.

«При наемно-капиталистическом труде и при труде социалистическом, — писал И. С. Войтинский, — отдельный непосредственный производитель (трудящийся) является только рабочей силой (подчеркнуто автором), но не является ни владельцем средств производства, ни организатором производства: при наемно-капиталистическом труде средствами производства владеют и производство организуют капиталисты, а при социалистическом труде — общество трудящихся. В этом смысле как наемно-капиталистический труд, так и труд социалистический одинаково носят характер труда несамостоятельного»[1].

Правовики, критиковавшие эти попытки изобразить советское трудовое право, как правовую форму наемного, «несамостоятельного» труда, все же оставались на позициях буржуазной систематики советского права. Поэтому, указывая, что предметом советского трудового права является, в корне отличная от капиталистической, социалистическая организация труда рабочих и служащих, мы, по сути дела, не выходили из исторических рамок наемного труда и социалистическую организацию труда колхозного крестьянства отделяли в отрасль специального колхозного права.

Порывая с юридическим кретинизмом в понимании категории советского социалистического трудового права, мы должны видеть предмет советского социалистического трудового права в регулировании и организации труда граждан СССР.

В условиях победившего социализма в основе этого регулирования лежат принципы социализма, закрепленные в Сталинской Конституции: труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: «кто не работает, тот не ест», право на труд и оплату по труду, право на отдых, право на материальное обеспечение в старости и в случаях утраты способности к труду, обязанность блюсти дисциплину труда и т. д.

Трудовое право социалистического общества есть единая система гражданских прав и обязанностей, связанных с участием в социалистическом труде.

Поэтому советское социалистическое трудовое право есть часть социалистического гражданского права вообще.

Социалистические принципы организации труда едины. Они охватывают всю социалистическую организацию труда как там, где труд связан с государственной формой социалистической собственности (труд рабочих), так и там, где труд связан с кооперативно-колхозной формой социалистической собственности.

Эти общие принципы социалистической организации труда находят различное практическое преломление в государственных и кооперативно-колхозных предприятиях.

Единство принципов социалистической организации труда не снимает, а, наоборот, предполагает различия в конкретных формах правового регулирования труда в зависимости от того, с какой из двух форм социалистической собственности связан труд.

Из различных государственной и кооперативно-колхозной форм социалистической собственности вытекают различия в формах гарантии отдельных трудовых прав (например, социальное страхование рабочих и служащих, в одном случае, и создаваемые по решению общих собраний колхозов фонды помощи нетрудоспособным, в другом).

Важным моментом являются различия в методах регулирования труда:

«На государственных предприятиях организация труда определяется государственными органами, конечно, при содействии всех рабочих, при помощи их организации, при их активном участии.

А как дело обстоит в колхозах? Тут организацию труда определяют сами колхозники на основе примерного устава сельхозартели, который принят и принимается добровольно всеми колхозниками»[1].

Правовая организация труда в государственных предприятиях осуществляется госорганами на основе КЗоТ и дополняющего его трудового законодательства. Правовая организация колхозного труда осуществляется на основе Устава с.-х. артели актами внутриколхозного регулирования, при этом надо иметь в виду, что Примерный устав является законом социалистического государства.

Правовая организация труда рабочих и правовая организация труда членов колхозов и кооперативных объединений отнюдь не механически, а органически образуют единую систему советского социалистического трудового права.

На вопросах системы трудового права, как это указано в начале статьи, мы остановимся в специальной статье. Здесь же мы считаем необходимым остановиться еще на том, что в теории советского трудового права нашла свое отражение и антиленинская концепция Пашуканиса и его «школки» об отмирании права чуть ли не с 1917 года. Так, в тезисах З. Гришина, утвержденных возглавляемым Пашуканисом директоратом Института советского строительства и права в 1931 г., мы читаем следующее: «Характерная черта развития трудовых отношений в социалистическом секторе ярко проявляется на нынешнем этапе в том, что элементы отмирания государственного правового регулирования труда неразрывно связаны с укреплением единоначалия и т. д.[2] (подчеркнуто мной. — **Н. А.**). В работах проф. Войтинского мы находим следующее обоснование антиленинского тезиса об отмирании советского права со специфической «аргументацией» в отношении советского трудового права. Проф. Войтинский пишет: «Социалистическое соревнование и ударничество, будучи в перспективе своего развития ориентированы на отмирание трудового права, уже в настоящее время содействуют постепенному вывстриванию, свертыванию право-

[1] Войтинский, Трудовое право СССР, 1925, стр. 10.

[1] А. Стецкий, О ликвидации классов в СССР, «Большевик», 1936, № 11, стр. 23.

[2] Сборник «Советское трудовое право на новом этапе», 1931, стр. 88.

вой формы трудовых отношений»[1] (разрядка автора).

Подлинная история советского социалистического трудового права, разумеется, не имеет ничего общего с приведенными антипартийными утверждениями З. Гришина и Войтинского, отражающими антиленинскую концепцию Пашуканиса об отмирании права.

Советское социалистическое трудовое право, организуя проведение в жизнь социалистических принципов организации труда, в действительности неизменно способствовало развитию социалистического соревнования, подъему его на высшую ступень — к стахановскому движению, закрепляло достижения соревнующихся, подтягивая отстающих к уровню передовых. Пересмотр норм выработки на фабриках и заводах и в порядке внутриколхозного регулирования труда в колхозах на основе результатов стахановского движения является одним из ярких примеров характерного для социалистической организации труда сочетания социалистического соревнования с методами правового регулирования.

М. ЧЕЛЬЦОВ

Возбуждение уголовного преследования и процессуальное положение следователя[2]

1.

Приходится начать с терминологического замечания. Действующий УПК говорит не о возбуждении уголовного преследования, а о возбуждении производства по уголовному делу или (ст. 91) о возбуждении уголовного дела.

Однако оба термина не имеют юридических отличий. В нашей официальной и теоретической литературе они употребляются безразлично в одном и том же смысле. Циркуляр НКЮ РСФСР 1929 г. «Об упрощении уголовного процесса» говорил об оформлении «возбуждения уголовного преследования». Резолюция всесоюзного совещания работников юстиции (апрель 1934 г.) и изданный в развитие решений этого совещания циркуляр Прокурора СССР 13/VIII говорят о «возбуждении уголовного дела и начале расследования». Авторы, пишущие об этом моменте, охотно употребляют, как более выразительный, термин — «возбуждение уголовного преследования»[3]. Мы также предпочитаем этот последний термин, понимая под ним преследование не только индивидуально-определенного уже обвиняемого, но и неизвестного еще в момент возбуждения при наличии возможности определения его в будущем.

2.

Таким пониманием мы сразу и решительно отгораживаемся от понятия «возбуждения уголовного иска» (La mise en mouvement de l'action publique французского процессуального кодекса), охотно употреблявшегося старыми авторами[4]. В другом месте я подробно аргументировал против введения в теорию процесса понятия уголовного иска («Советский уголовный процесс», т. II, 1929, стр. 44—46). Здесь достаточно будет указать, что за редкими исключениями (ст. 10 и 11 УПК РСФСР) обвинение является обязанностью, а не правом определенных государственных органов. И их длительная планомерная деятельность, направленная на отыскание преступника и его изобличение перед судом, конечно, не укладывается в понятие «предъявление иска», а является уголовным преследованием.

Сам Фойницкий должен был подчеркнуть, как отличие уголовного обвинения от иска, «сближение деятельности по первоначальному обвинению с деятельностью по пресечению преступлений». «Обвинение, начиная судебное производство, заканчивает производство по пресечению преступлений, последний акт которого оно составляет. Естественно поэтому, что существующая в данной стране система пресечения преступлений оказывает решительное влияние и на систему обвинения, преимущественно первоначального, определяя ее организацию и степень возможной для нее энергии деятельности»[1]. Сторонники понимания процесса как юридического отношения между судом и сторонами, говоря об этой стадии процесса, наименее поддающейся укладыванию в Прокрустово ложе «юридического отношения», сокрушенно подчеркивают, что «положительное право... часто в той или иной стадии процесса конструирует последний, как одностороннюю деятельность должностных органов, близкую к деятельности административной и даже полицейской и устраняющую определенное и полное участие в ней сторон»[2].

Критикуя в своем курсе теорию процесса как юридического отношения, я подчеркивал,

---

[1] Сборник «Советское трудовое право на новом этапе», 1931, стр. 57.

[2] В порядке обсуждения. — Редакция.

[3] Например, С. Голунский, О возбуждении уголовного преследования («Социалистическая законность», 1936, № 2).

[4] См., например, Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, стр. 2, сл. Гольмстен в «Журн. министерства юстиции». 1916. № 9. стр. 305—307. См. анализ различных определений у Полянского. Очерки общей теории уголовного процесса, стр. 116, сл.

[1] Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, стр. 9.

[2] Розин, Уголовное судопроизводство, 3-е изд., стр 447. Автор тут же должен, впрочем, признать, что это обстоятельство обусловливается и «самой материей, с которой имеет дело уголовное правосудие».

что ее чрезмерная юридизация процессуальных действий имела определенное правно-политическое значение, служа интересам раскрепощения буржуазии в царской России, где суд был в руках класса, тяготевшего к феодальным порядкам. Я указывал также, что мы не можем принять теорию, игнорирующую, как аномалии, такие стадии процесса, как предварительное следствие, не построенное у нас на принципе состязательности [1].

Уголовный процесс по своему содержанию всегда был и останется одной из форм напряженной борьбы государственной власти за правопорядок с его нарушителями. Согласно ироническому замечанию наиболее ярого противника конструкции «юридического отношения» профессора Ваха по адресу его автора Бюлова, уголовный процесс «не теоретико-познавательная, а практическая операция». И никакая теория не может скрыть специфической особенности уголовного процесса. Личность обвиняемого неизбежно является в нем объектом исследования — в отношении физическом и психическом; отсюда — ряд весьма существенных ограничений его прав как гражданина и субъекта процесса (стороны).

Исходя из такого понимания процесса, мы с особой тщательностью должны изучить все вопросы, относящиеся к его начальному моменту. Ведь с этого момента ряд советских граждан может быть втянут в сложную цепь правовых отношений, подвергаться различным и иногда весьма существенным ограничениям.

Новая Конституция СССР, требующая строгого соблюдения всех прав граждан Союза, обязывает работников прокурорско-следственного аппарата к особо осторожному применению своих широких полномочий, а советскую теорию — к вдумчивому систематическому пересмотру всех положений советского уголовного процесса в свете провозглашенных сталинской Конституцией принципов.

3.

С точки зрения организационного построения наш следственный аппарат является частью аппарата прокуратуры. В нынешнем положении о судоустройстве советский законодатель полностью покончил с системой «двойного подчинения» следователя, принятой в 1922 г., при которой все спорные вопросы, а также жалобы на следователя разрешались судом, и которая воспроизводила построение следственного аппарата царской России. Наш следователь есть работник прокуратуры, вполне ей подчиненный.

Таким образом у нас не может быть речи об основном принципе французского предварительного производства — разделении полномочий прокурора и следователя, из которых лишь первому принадлежит исключительное право возбуждения и ведения преследования, а второму — также исключительное право совершать следственные действия [1].

Наш следователь — не следственный судья типа французского процесса, не имеющий права без предложения представителя обвинительной власти — прокурора — приступить к следствию, но имеющий зато право отклонять те или иные требования этого прокурора. Наоборот, следователь может по собственной инициативе начать следствие; указания же прокурора для него обязательны.

С этой точки зрения можно говорить о том, что у нас все предварительное производство построено, как прокурорское расследование (или по старому выражению — прокурорское дознание).

И это, конечно, налагает особый отпечаток на всю работу следователя, делая ее исключительно трудной.

В большинстве случаев именно следователю приходится начинать дело с разрешения вопроса, входящего в компетенцию органа обвинительной власти: есть ли достаточное основание для возбуждения уголовного производства. Далее, на нем лежит совершение целого ряда активных розыскных действий (осмотров, обысков, выемок). На него же возложена задача собрать данные, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его вину, и он же, выполняя функции судьи, делает оценку собранных им же самим доказательств как при вынесении постановления об арестах, обысках, привлечении обвиняемых, так и при решении по окончании следствия вопроса о его направлении на прекращение или с обвинительным заключением. В этом последнем случае следователь превращается опять в орган обвинительной власти, группируя собранные улики, освещая их под определенным углом зрения, формулируя обвинение. О характере этой работы очень четко говорит выше цитированный циркуляр Прокурора СССР 1934 г. о качестве расследования: «Обвинительное заключение должно быть составлено таким образом, чтобы из него была ясна несостоятельность оправданий обвиняемого и чтобы резолютивная часть с формулировкой обвинения являлась строго обоснованным логическим выводом из положения описательной части».

---

[1] Курс II, № 113 и 114. Мимоходом отмечу pro domo mea: проф. Ундревич с непонятным упорством продолжает зачислять меня в ряды сторонников теории юридического отношения (А. Вышинский и В. Ундревич, Курс уголовного процесса, т. I, изд. 2, стр. 61), хотя эту явную его ошибку уже осветил в литературе проф. Строгович («Проблемы уголовного процесса» в сборнике «Проблемы уголовной политики», вып. II, стр. 60).

[1] Un requiert, tandis que l'autre ordonne toutes les mesures propres à la découverte de la vérité, говорит Garraud Précis de droit criminel Bd N 394.

Этот принцип, который должен был гарантировать права граждан от увлечений обвинительной власти, провозглашен еще законом 7 плювиоза IX года республики и перешел затем в процессуальный кодекс 1908 г.

Тов. Вышинский в речи на совещании с районными следователями 29 мая 1936 г. говорил об «известной самостоятельности» следователя. Однако сейчас же пояснил: «Несмотря на то, что следователь является фигурой, ведущей работу в специфическом направлении, прокурор осуществляет руководство этой работой... Я настаиваю, что руководителем следователя в его работе является и будет являться прокурор («Соц. законность», 1936, № 7, стр. 82).

О психологической трудности сочетания в деятельности следователя указанных моментов, принятия во внимание двух противоположных точек зрения (обвинения и защиты), много писалось в нашей дореволюционной литературе — применительно к судебному следователю по Уставу уголовного судопроизводства. «Созданное законом положение следователя психологически фальшиво, говорил, например, Даневский. Очень трудно в деле, исследуемом по отношению к определенному лицу, одновременно сосредоточить внимание, равномерно напряженное на двух различных сторонах дела; не легко составить себе две противоположные точки зрения, которые находились бы в состоянии равновесия и проверялись бы следователем с одинаковой ревностью, убежденностью и силой логического мышления»[1].

Превалирование обвинительно-розыскных тенденций в работе следователя наблюдается в ряде случаев и в настоящее время. Характерна, хотя и небезупречна с точки зрения советской теории процес. права, в этом отношении установка т. Крыленко: «Секретный розыск, как акт первичного расследования, секретно проводимого органами НКВД, дознание, как совокупность первичных действий, производимых по горячим следам органами того же комиссариата, уже не секретно, а активно, и предварительное следствие, как квалифицированный вид систематически производимого расследования — суть лишь три различных вида единого по своему существу процесса»[2]. Розыскной характер следствия подчеркивал и т. Вышинский[3]. В резолюции V съезда работников юстиции РСФСР устанавливалось соответствующее организационное построение: «Следственно-розыскные органы, подготовляющие материал для судебного рассмотрения, должны в своей деятельности организационно быть частями единого следственно-розыскного аппарата».

Резкий обвинительный уклон предварительного расследования удостоверялся авторитетными органами и лицами на протяжении десятилетия. Так, отмечался он в отчете Прокуратуры РСФСР за 1926 г. т. Стучкой в тезисах по реформе УПК в 1928 г.[4]. Наконец, в уже цитированном циркуляре Прокурора СССР 13/VIII 1934 г. говорится о «недостаточно ответственном подходе к вопросу о возбуждении уголовного дела», о «привлечении граждан к уголовной ответственности по весьма шатким основаниям», о несоблюдении следователем «процессуального правила (ст. 206 УПК РСФСР), обеспечивающего максимальную полноту и объективность расследования и в то же время охраняющего права обвиняемого», об «игнорировании в обвинительных заключениях объяснений обвиняемых», о загромождении обвинительных заключений «ни на чем не основанными догадками»[5].

Но если все эти явления и существовали в течение десятилетия, то теперь, после принятия новой Конституции они не должны больше иметь места. Отсюда возникает вопрос о самих принципах построения расследования. Вопрос этот может быть поставлен в двух плоскостях: 1) более радикально, т. е. в плоскости принципиального изменения нашей системы или: а) путем установления контроля суда над существующим у нас сейчас прокурорским расследованием, или б) путем замены этого расследования предварительным следствием с широким допущением состязательности (на английский образец); 2) менее радикально, т. е. сохраняя наше построение расследования, но с введением элементов состязательности.

По ряду практических соображений вряд ли целесообразно радикальное изменение принципов нашего расследования в ближайшее время. Вместе с тем несомненно, что одна из настоятельных задач момента — скорое издание нового общесоюзного УПК, в котором максимально были бы учтены новые требования в этой области.

Поэтому мы не будем сейчас останавливаться на теоретическом обосновании иного построения расследования, хотя и считаем очень вероятным, что через некоторое время в соответствии с общим движением нашего законодательства жизнь выдвинет вопрос о внесении ряда существенных изменений и в эту стадию процесса. Дальнейшее изложение будет посвящено вопросу о частичных улучшениях ныне действующей системы расследования.

4.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что даже полное организационное слияние отдельных звеньев аппарата розыска и расследования, о котором мы говорили выше, не устраняет необходимости в точном проведении грани между неформальными розыскными действиями, входящими в так называемую «доследственную проверку» («негласную проверку» по выражению ст. 93 УПК), и официальными действиями органа расследования (следователя).

О таком «негласном розыске» очень подробно говорил дореволюционный Устав уголовного судопроизводства. По ст. 253, «когда признаки преступления или проступка сомнительны или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве), или, вообще, из источника не вполне достоверного, то во всяком случае, прежде сообщения о том, по принадлежности (т. е. судебному следователю или

---

[1] В. Даневский. Наше предварительное следствие, 1895, стр. 10.

[2] «Суд и право в СССР», т. II, стр. 46.

[3] «Уголовный процесс», 1927, стр. 152—153.

[4] «Революция права», 1928, кн. I.

[5] На совещании народных следователей в Прокуратуре СССР осенью 1936 г. т. Вышинский подчеркнул в своем выступлении тот же момент. «Нам приходится бороться не только с тем, что не привлекают к уголовной ответственности, но главным образом с тем, что зря привлекают... Психология наших товарищей такова, что качество дела определяется обвинительными выводами».

И очень энергично Прокурор Союза потребовал покончить «с этим старым подходом и предрассудками». «Нужно так ставить следствие, чтобы торжествовала истина, а не обвинение во что бы то ни стало... Объективность и истина в расследовании — превыше всего» («Социалистическая законность», 1936, № 11, стр. 60—61).

мировому судье. — **М. Ч.**) она должна удостовериться через дознание: действительно ли происшествие то случилось, и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка». В этих случаях «полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254). Эти правила дополнялись еще относящимся к прокурору запрещением требовать начатия следствия без достаточных к тому оснований. В сомнительных случаях он обязан был собирать сведения посредством «негласного полицейского разведывания» (ст. 312).

С. А. Голунский в названной выше статье показывает, как в «упрощенческий период» нашего процесса директива НКЮ РСФСР 1929 г. № 93 «Об упрощении уголовного процесса» стерла на практике всякую грань между негласным розыском и формальным расследованием и как в результате во всех сомнительных случаях уголовное дело «на всякий случай» возбуждалось. Вытекающие отсюда последствия понятны для каждого работника юстиции. Не менее понятна должна быть полная недопустимость столь неряшливого отношения к правам граждан теперь, когда сталинская Конституция обеспечивает неприкосновенность личности советских граждан. Как известно, в борьбе с неосновательным возбуждением уголовных дел Всесоюзное совещание работников юстиции признало желательным, а Прокуратура СССР летом 1934 г. ввела процессуальное правило, идущее дальше требований УПК по этому вопросу, а именно — предварительный контроль прокурора над возбуждением уголовного дела (мотивированным постановлением следственного органа).

Проект союзного УПК отказывается от этого предварительного контроля, требуя только вынесения мотивированного постановления следователя о возбуждении дела.

Но характерно, что Прокуратуре СССР пришлось столь круто нажать на руль следственной политики, чтобы выправить массовый уклон.

Соглашаясь с возможностью предоставить квалифицированному следователю возбуждать производство по уголовному делу под свою ответственность[1], я бы считал необходимым:

1) сохранить обязанность предварительной санкции прокурора для возбуждения дел всеми другими органами расследования, как не стоящими в тесной организационной связи с прокурором и не всегда достаточно квалифицированными;

2) поместить в будущем союзном УПК норму такого приблизительно содержания, как выше приведенные ст.ст. 253, 254 Устава уголовного судопроизводства, точно устанавливающие негласный порядок доследственной проверки, с исключением следователя из круга лиц, производящих таковую[2].

[1] Строгович, Уголовный процесс, изд. 3, стр. 54.

[2] Еще в 1933 г. НКЮ РСФСР вынес постановление, запрещающее прокурору передавать следователю материалы, не содержащие определенных указаний на конкретные факты преступлений. Это правило может быть еще более обобщено: ни в каком случае следователь не должен заниматься действиями, лежащими по ту сторону порога формального следствия.

Обвинитель возможен там, где установлен факт преступного деяния, правильно говорил Розин: такое установление должно логически и фактически предшествовать появлению обвинителя[1]. До того момента, когда в данном событии установлены черты преступного деяния,—нет места для формального ведения уголовного дела[2].

Действующий УПК говорит об основании и поводах к возбуждению уголовного дела. Ст. 96 УПК очень часто понималась на практике, как простая ссылка на ст. 91, потому что выражение: «при наличии в заявлении указаний на состав преступления» — выражение мало отчетливое; в жизни очень часто бывает так, что заявление кричит о преступлении и даже ссылается на соответствующие статьи УК, но необходимый юридический анализ показывает следователю, что при всей эффектности словесной оболочки жалобы в действиях, на которые жалуются, нет состава преступления. Этой-то мысли о необходимости предварительной юридической оценки фактов, указанных в заявлении, и нехватает в ст. 96 УПК. Надо пожелать, чтобы будущий УПК нашел более удачную формулировку этой мысли. Основное в нашей постановке следствия — не поводы к возбуждению; поскольку п. 5 ст. 91 разрешает следователю приступить к следствию по своему непосредственному усмотрению (он ведь представитель обвинительной власти), перечень поводов в ст. 91 теряет свое ограничительное значение. По какому бы поводу ни возбудил следователь дело, его действия не могут быть аннулированы, если только основание для возбуждения было.

Центр тяжести вопроса переносится, таким образом, на оценку основания к возбуждению дела.

5.

При анализе достаточности основания следователь должен в сущности решить не один вопрос, а целый комплекс их. Для ведения уголовного процесса от начального его момента до конечного необходимо наличие ряда

[1] Розин, указ. соч., стр. 448.

[2] На майском совещании с районными следователями в Прокуратуре Союза т. Вышинский обратил внимание на эту сторону дела: «У вас, наверное, не вывелась система — до заведения следственного дела иметь еще переписку по делу... Следователь этим заниматься не должен. Пусть прокурор переписывается, пока это ему нужно, а следователь приступает к своей работе, когда переписка дала уже результаты для начатия предварительного следствия, а не дознания, ибо следователь — это следователь, производящий предварительное следствие, а не просто ревизор» («Соц. законность», 1936, № 7, стр. 76).

условий или так называемых предпосылок процесса [1].

Эти предпосылки (или предположения) распадаются на: 1) фактические и 2) юридические.

Фактические предпосылки — это данные, доказывающие существование самого события преступления (а на более поздней стадии процесса — и совершение его определенным лицом). В нашем УПК оценка фактических обстоятельств лежит на лице, возбуждающем дело. В дальнейших стадиях процесса проверка этой оценки принадлежит самому следователю (при решении вопроса о привлечении в качестве обвиняемого и при составлении обвинительного заключения), прокурору (при утверждении обвинительного заключения или рассмотрении жалоб участвующих в нем лиц) и в конечном счете суду (как в подготовительном, так и в судебном заседании), но в начальной стадии процесса следователь самостоятелен в оценке фактов, что налагает на него обязанность особенно осторожного подхода к сообщениям учреждений и частных лиц.

Юридические предпосылки теоретически делятся в свою очередь на две группы: А) материально-правовые и Б) процессуальные в тесном смысле слова.

А) Материально-правовые сводятся к наличию оснований для применения наказания с точки зрения материального уголовного права.

Следовательно, для возбуждения уголовного дела необходимы:

1. Наличие (в событии или действии) состава преступления. Недействительным является преследование за совершение деяния, не заключающего в себе состава преступления. Оно подлежит прекращению во всякой стадии процесса (так, п. 5 ст. 4 и ст. ст. 95, 204, 222, 238, 320, 326, 418 — для различных стадий процесса).

При действии ст. 16 УК об аналогии этот пункт давал известный простор для личного усмотрения следователя, а значит и лишний повод для совершения ошибки — привлечения за мнимое преступление.

Надо думать, что новый Уголовный кодекс, в соответствии с руководящей мыслью Конституции — о стабильности, твердости и законов и охраняемых ими прав граждан, даст замкнутый перечень точно очерченных составов преступлений [2].

Поэтому следователю не нужно будет впредь прибегать к собственным толкованиям «аналогичной социальной опасности» непредусмотренных законом деяний и легче будет противостоять всякому нажиму извне, рассчитанному на двойную гибкость, — следователя и закона. На его обязанности будет лежать проверка соответствия фактических данных дела с тем или другим предусмотренным Уголовным кодексом составом.

Ввиду конструкции ст. 6 УК вопрос об отсутствии в деянии состава преступления (по малозначительности или отсутствию вредных последствий) подлежит, однако, в ряде случаев проверке не только с формально-юридической стороны: можно ли произвести субсумпцию (подведение) деяния под определенный карательный закон. Следователю придется решать этот вопрос также с точки зрения уголовно-политической целесообразности. И это, конечно, одна из ответственнейших задач следователя: правильно отделить случаи, не требующие карательного вмешательства государства, от преступлений, хотя и менее тяжких, но явно нарушающих те или иные охраняемые законами социалистического государства отношения [1].

2. Наличие преступника. Так как принцип личной ответственности требует наказания физического виновника преступления (с расширением этого понятия на все виды соучастников), то при невозможности отыскания такового дело вестись не может и подлежит прекращению (ст. 202 УПК). Однако наличие определенного обвиняемого в самый момент возбуждения дела необязательно, и его отсутствие не может быть приравнено к абсолютной невозможности его привлечения, если только в самих материалах, рассматриваемых следователем, нет указаний на смерть совершившего преступление. Такое обстоятельство, как смерть обвиняемого, относится к следующей предпосылке процесса.

3. Отсутствие обстоятельств, погашающих применение наказания. Если налицо имеется одно из этих обстоятельств,—возбуждение уголовного дела является бесцельным; оно все равно не может закончиться обвинительным приговором и применением наказания.

Сюда относятся следующие обстоятельства:

а) Смерть обвиняемого (п. 1 ст. 4 УПК), за исключением тех случаев, когда для возобновления дела о человеке, осужденном на основе подложных доказательств или ввиду злоупотребления судьи (следователя), необходимо согласно ст. 375 УПК осудить лицо, виновное в подлоге или злоупотреблении, но лицо это умерло. Тут, очевидно, несмотря на смерть,

---

[1] Фойницкий (т. II, стр. 39) говорит об «условиях обвинения», Розин. указ. соч., стр. 449 — о «процессуальных предположениях».

[2] А. Вышинский, Сталинская Конституция и задачи органов юстиции («Соц. законность», 1936, № 8, стр. 17).

[1] «Как можно меньше людей таскать по пустякам в суд — вот наша задача сейчас. Это не значит — не таскать в суд и преступников, но уверяю вас, преступников, меньше, чем воображаемых преступников.., задача следователей заключается в том, чтобы за преступника не принимать воображаемого преступника, иначе говоря, воображаемое не принимать за действительное. Следователь должен возможно меньше людей таскать в суд по пустяковым основаниям. ЦК нашей партии это ясно сказал в отношении колхозников. Мы должны этот принцип перенести на всю нашу работу в целом» (из речи т. Вышинского на совещании с народными следователями, «Соц. законность», 1936, № 11, стр. 60).

может быть возбуждено дело и собираемы доказательства.

б) Истечение уголовной давности (п. 4 ст. 4 УПК). Институт давности рассматривается советским законодателем как материально-правовой, и соответствующие правила излагаются в Уголовном кодексе. Однако одно из условий применения давности в Уголовном кодексе отсылает к моменту процессуальному. Давность применяется, «если в течение соответствующего срока не было никакого производства по делу» (ст. 14 УК). Исходя из оснований давности и для того, чтобы она в действительности могла иметь применение, надо понимать начало производства не в смысле принятия дела к производству соответствующим органом, а возбуждение уголовного преследования против определенного лица. Такое возбуждение прерывает течение давности в отношении именно этого лица [1].

Что касается дел о контрреволюции, здесь правило о давности не имеет значения материально-правовой, абсолютной нормы.

По этим делам только суд при рассмотрении по существу правомочен решить, подлежит или не подлежит применению давность в каждом конкретном случае.

Значит, следователь должен принять к своему производству такое дело, несмотря на истечение давностного срока.

в) Амнистия или специальное постановление верховной власти (п. 6 ст. 4 УПК).

Тут самый текст акта об амнистии или о помиловании определяет пределы его применения. Если акт этот редактирован в смысле прекращения производства по делам определенной категории, отдельному делу или в отношении определенных лиц, то следователь уже не имеет права на возбуждение уголовного преследования по соответствующим делам, которые могут стать предметом внимания органов власти значительно позже издания акта об амнистии.

г) Недостижение лицом, которое является совершителем преступления, возраста уголовной вменяемости, т. е. по закону 7 апреля 1935 г. (в большинстве случаев) двенадцати лет.

Б) К процессуальным (в тесном смысле слова) предпосылкам относится ряд условий, без наличия которых уголовный процесс не может начаться, нормально развиваться и закончиться имеющим законную силу приговором, хотя налицо имеется и преступление, и преступник, и возможность (с точки зрения материального уголовного права) применения наказания.

С какими же препятствиями процессуального порядка может встретиться следователь при самом возбуждении уголовного дела? [2].

1) Препятствием процессуального порядка является правило о силе судебного решения (autoritas rei judicate).

Несомненным условием правопорядка, особенно в момент, когда сама Конституция подчеркивает стабильность законов и покоящихся на них правоотношений, является всемерное поддержание силы судебного решения. Мы понимаем его, конечно, не в смысле абсолютной незыблемости, а в смысле строгого соблюдения гарантий определенного порядка его отмены.

Наша ст. 3 УПК выражает правило о силе судебного приговора в узкой форме, лишь в отношении тех лиц, которые уже судились по данному делу и приговор о которых вступил в законную силу: они не могут быть привлечены вновь к судебной ответственности по обвинению в том же преступлении (кроме случаев возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам). Это правило, обычно выражаемое латинским афоризмом: non bis in idem, то есть «нельзя дважды (судить) за одно и то же».

Однако правило о силе судебного приговора может и должно иметь более широкое применение. Об этом говорит ст. 373 УПК: нельзя возобновлять дела, по которому состоялся вошедший в законную силу приговор до отмены этого приговора Верховным судом (на основе собранных путем особого прокурорского расследования материалов — ст. ст. 377, 378, 379 УПК).

Поэтому надо признать, что следователь не имеет права возбуждать уголовного преследования о новых лицах, не привлекавшихся по данному делу, если после осуждения обвиняемого будут собраны розыскные материалы, изобличающие этих новых лиц и оправдывающие одновременно осужденного (например, осужден муж за убийство жены на почве ревности по ст. 136; сейчас есть материалы, указывающие на то, что убитая женщина стала жертвой нападения грабителей). Пока Верховный суд не отменит первого приговора, следователь не может создавать нового дела по тому же преступлению.

Во всех подобных случаях следователь должен ставить перед собой и разрешать вопрос о тождественности фактического материала, а не юридической квалификации. Азбучный пример: лицо, оправданное по ст. 167 УК в разбойном нападении с убийством потерпевшего, не может вновь обвиняться в убийстве этого же лица по ст. 136 УК.

2) Вторым препятствием может явиться некомпетентность заявителя и самого следователя в возбуждении данной категории дел (так называемая некомпетентность обвинителя). О ней может стоять вопрос в делах частного и частно-публичного обвинения (ст.ст. 10 и 11 УПК РСФСР).

По сравнению с буржуазным процессом у нас это препятствие может встречаться реже, поскольку ч. 2 ст. 10 УПК разрешает прокуратуре (по толкованию нашей практики) не только поддержание обвинения, но и возбуждение дел частного обвинения в целях охраны публичного интереса. Надо считать, однако, что право это принадлежит только прокуро-

---

[1] Так и комментарий к Уголовному кодексу Д. Карницкого и Г. Рогинского, М., 1935, стр. 44

[2] На практике он обычно встречается с ними позже, как с возражениями, заявляемыми обвиняемым, но теоретически их действие должно учитываться уже в первые моменты процесса.

ру, а не следователю. Практика дает и сейчас примеры возбуждения милицией (а иногда и следователем) дел об изнасиловании помимо жалобы пострадавшей на основании дошедших сведений (и даже слухов). Ст. 11 УПК категорически запрещает такую практику по делам об изнасиловании, не осложненным элементами «чубаровщины». Таким образом следователю надо по этим делам проверять, имеется ли необходимая предпосылка возбуждения дела — ясно выраженная воля потерпевшей.

3) Последним из процессуальных препятствий, с которым может столкнуться следователь, препятствием, родственным с только что названной некомпетентностью обвинителя, является так называемая административная гарантия, т. е. особый порядок возбуждения дел в отношении различных категорий должностных лиц. Известный в той или иной мере буржуазным процессуальным законодательствам, крайне расширяемый фашистским процессом до полной безнаказанности всех злоупотреблений и превышений власти чиновников этот институт был упразднен советским законодателем: наши должностные лица — не привилегированные чиновники, а «приказчики пролетариата» (Маркс), подчиняющиеся в своей деятельности требованиям единой социалистической законности и привлекаемые за ее нарушения тем же органом охраны законности, — прокуратурой, как и все советские граждане.

Не в порядке изменения этого принципа, а лишь в порядке учета ошибок следственного аппарата возникла в нашей практике для следователя и прокурора обязанность предварительного согласования в известных случаях (например, по хозяйственным преступлениям) привлечения тех или иных категорий должностных лиц (инженерно-технических работников, директоров заводов, председателей колхозов) с вышестоящими организациями и учреждениями.

Полагаем, что принятая Конституцией постановка вопроса о правосудии в целом и о независимости прокуратуры от каких бы то ни было местных органов предопределяет позицию будущего УПК в этом вопросе. Прокурор (а равно и следователь) должен иметь право разрешать самостоятельно вопрос о возбуждении уголовного дела, невзирая на лица, но полностью отвечая за свои действия.

Этими замечаниями мы считаем исчерпанным рассмотрение тех вопросов, которые могут вставать перед следователем в момент возбуждения им уголовного преследования при оценке достаточности оснований для этого возбуждения.

6.

В настоящее время можно считать бесспорным, что полное обезличение следователя, превращение его в покорное орудие выполнения прокурорских указаний отнюдь не улучшило нашего процесса. Оно понизило у следователя чувство ответственности за свои действия, но и не создало настоящего полноценного (т. е. оперативного) руководства им со стороны прокурора: при наличии в деле даже десятка бумажных директив и указаний прокурора этот последний, да и суд всегда склонен был ставить все дефекты следствия на счет следователя.

Очень хорошо говорил о таком «руководстве» следствием т. Вышинский на совещании в Прокуратуре Союза с районными следователями: «Чтобы руководить работой следователя, нужно участвовать в этой работе. А когда прокурор не знает конкретно дела, как он может давать оперативные указания? Он тогда будет вносить в дело только путаницу». Если прокурор хочет давать указания по делу, он должен принять в этом деле непосредственное участие. Если он не принимает участия, не допрашивает свидетелей, не вызывает экспертов.., то я говорю—он не должен давать никаких оперативных указаний следователю... «Соотношение между прокурором и следователем — это соотношение между оперативной работой и работой органов, руководящих оперативной работой» [1].

Естественно, что кое-где на местах уже сделаны попытки освободить следователя от всеобъемлющей и не всегда внутренно-авторитетной опеки прокурора. Калининский областной прокурор, например, дал по периферии указание о праве следователя не принять дела, по которому не нужно, по его убеждению, возбуждать уголовного преследования, о праве следователя обжаловать неправильное, по его мнению, предложение районного прокурора перед областным прокурором [2].

По существу это очень разумная мера, но мне представляется бесспорным, что такой вопрос не может разрешаться на местах в зависимости от взглядов областного прокурора. Это было бы проведением «калужской и казанской законности» в работе того органа, который призван к охране законности «единой всероссийской и даже единой для всей федерации советских республик» [3].

Известная самостоятельность следователя в отношении прокурора должна быть гарантирована законом. Тов. Вышинский уже указал, что в будущих «правилах прохождения службы» должно быть указано, «в каких пределах следователь должен подчиняться прокурору и когда он не только не должен подчиняться, но обязан не подчиняться и даже жаловаться на прокурора [4]. Но мне думается, что этот момент должен быть фиксирован и в статьях Уголовно-процессуального кодекса, в частности в норме, дающей следователю право отклонять предложение районного прокурора об возбуждении уголовного преследования мотивированным постановлением. Копия его должна направляться областному прокурору, окончательно разрешающему вопрос.

Такая постановка вопроса будет лучше обеспечивать нас против зуда приклеивания статей Уголовного кодекса, хватанья первого встречного-поперечного и проделыванья с ним следственных манипуляций, зуда, о котором очень хорошо говорил т. Вышинский районным следователям: «От нас сейчас требуется

[1] «Соц. законность», 1936, № 7, стр. 82—83.
[2] «Соц. законность», 1936, № 7, стр. 78.
[3] Ленин, т. XXVII, стр. 298.
[4] «Соц. законность», 1936, № 7, стр. 75—76.

действовать осмотрительно, действовать не так, как, по словам Ленина, действуют торопыги, не быть такими торопыгами, действовать осторожно, разумно, с полным сознанием ответственности за каждое свое действие, потому что, провозглашая независимость и самостоятельность суда и независимость и самостоятельность органов прокуратуры, партия и правительство будут требовать от нас четкой работы и ответа за допущенные ошибки» [1].

Есть еще один момент, который, как нам кажется, накладывает неизбежный отпечаток на всю деятельность следователя, придавая ей ту нежелательную односторонность, ту обвинительную тенденцию, о которой мы уже не раз говорили выше. Это — возможность выполнения следователем чисто обвинительных функций: участие в предании суду в подготовительном заседании суда и особенно поддержание обвинения в судебном заседании. Мы считали бы совершенно необходимым категорическое запрещение следователям выступать в этой роли, роли обвинителя, стороны в процессе. По нашему мнению, в новом УПК должна быть уточнена редакция ст. 50 в смысле предоставления права поддержания обвинения не представителю прокуратуры, а только прокурору или его соцсовместителю; в ст. же 237 должно быть указание на вызов в подготовительное заседание только прокурора.

Строгая последовательность требовала бы также передачи составления обвинительного заключения от следователя прокурору, так как в нашем процессе обвинительное заключение является не постановлением об открытии судебного заседания, а требованием обвинительной власти, обращенным к суду и проверяемым в своей основательности в подготовительном заседании.

Передача этой функции, лежащей за пределами предварительного следствия (по ст. 206 УПК следователь объявляет обвиняемому об окончании следствия до составления обвинительного заключения), прокурору как представителю обвинительной власти тем более необходима, если, как это намечено в проекте союзного УПК, предание суду будет построено в форме состязания с допущением к нему обвиняемого и его защитника.

Все, что может усилить в следователе и без того естественную в его положении обвинительную тенденцию, должно быть устранено. Все, что может укрепить самостоятельность следователя на всем протяжении процесса следствия, должно быть закреплено в будущем УПК.

Только при создании соответствующих задачам следствия и технически совершенных норм УПК новые хорошо подготовленные следовательские кадры смогут повысить качество своей работы до уровня, требуемого новой сталинской Конституцией.

БОМАС

Борьба против родовых пережитков в национальных республиках и областях СССР

Среди препятствий, стоящих на пути к выполнению задачи второй пятилетки — преодоления остатков капитализма в сознании людей, одним из самых серьезных в условиях национальных республик являются старые пережитки родового быта. Было бы грубейшей ошибкой думать, что с перестройкой всего здания нашей экономики и с ростом культуры одновременно сам собой исчезнет и весь хлам бытовых пережитков, что они отомрут при социализме на подобие того, как гибнет сырость и плесень от действия солнечных лучей. Конечно, главным и основным фактором разложения старого бытового уклада является уничтожение той экономической базы, на которой только и могли держаться варварство и изуверство родового быта. В наших советских колхозах, где раскрепощенная и свободная женщина строит бок о бок с мужчиной, на равных товарищеских правах члена единого трудового коллектива, свободную, зажиточную и счастливую жизнь, не могут сколько-нибудь долго удерживаться дикие нравы средневековья. Для них нет там соответствующей «питательной среды», нет почвы, на которой они могли бы вырастать и развиваться. Полное не формально-юридическое, а фактическое и реальное равноправие женщины с мужчиной в нашей стране, равноправие, опирающееся на нашу социалистическую экономику и обеспечиваемое советским строем, нашло себе яркое выражение хотя бы в тех цифрах, которые отражают долю участия женщин в общественной жизни и государственном управлении, в промышленности и сельском хозяйстве и на учебе, даже в культурно более отсталых республиках Средней Азии. Так, по данным ЦУНХУ, на последних выборах в сельсоветы по Узбекистану, Туркмении и Таджикистану процент явки женщин-избирательниц превысил 70. Среди занятых в крупной промышленности этих республик женщин-работниц от 20 до 30% принадлежат к коренным национальностям, а в совхозах Узбекистана этот процент повышается до 38,7 (по данным на 1 января

[1] Вышинский, в «Соц. законности» 1936 г. № 7, стр. 76. Ср. там же, стр. 77 выступление т. Шейнина, сожалеющего о том, что «следователь сегодня сплошь и рядом чувствует себя действительно агентом прокурора», о том, что «мы потеряли свою самостоятельность, которую имели в 1923—1925 гг.».

1934 г.). В школах этих республик в 1935/36 учебном году обучалось свыше 365 тыс. девочек, а в республиках б. Закавказской федерации — свыше 552 тыс., в Казахстане — свыше 345 тыс.

Равноправие женщин стало уже совершенно бесспорным фактом, чем-то само собой разумеющимся. За годы революции наша советская женщина очень выросла, глубоко и до конца осознала она свою роль в социалистическом обществе, на производстве и в семье.

Все это совершенно бесспорно. Но значит ли это, что мы можем на этом успокоиться и предоставить ходу исторического процесса самому постепенно изживать остатки имеющихся еще кое-где бытовых пережитков?

В докладе на XVII съезде ВКП(б) товарищ Сталин предостерегал от такого самоуспокоения на лаврах одержанных побед, как бы велики они ни были:

«Понятно, что бесклассовое общество не может притти в порядке, так сказать, самотека. Его надо завоевать и построить усилиями всех трудящихся — путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами как внутренними, так и внешними»[1].

Враг разбит наголову, но он еще не добит. Классовая борьба продолжается. Она стала еще напряженней, еще острее, сложнее и хитрее. Не решаясь итти в открытую, враг ищет тех «дыр», тех слабых мест и щелей, где бы он мог еще незаметно, исподтишка, «тихой сапой» вести свою подрывную работу, пакостить и вредить социалистической стройке.

Одной из таких щелей — и из более, глубоких — является быт, бытовые и семейные отношения, старые родовые связи, переплетающиеся с религиозными верованиями, шарлатанством попов и изуверством полудикарей. Там, в темных дебрях поповско-кулацкой «идеологии» враг пытается еще окопаться против советской власти, чтобы, играя на темноте и невежестве отсталых слоев некоторой части крестьянства, использовать ее в своей подрывной, контрреволюционной работе.

Мы знаем, что коренная переделка экономических отношений еще не означает соответствующей переделки сразу же, ipso facto, сознания людей.

«... дело идет здесь о переделке наиболее укоренившихся, привычных, заскорузлых, окостенелых «порядков» (по правде сказать, безобразий и дикостей, а не «порядков»)»[2].

Эти слова нашего великого учителя о трудностях перехода на рельсы новых взаимоотношений между людьми, сказанные им еще в 1921 г., находят себе яркое подтверждение в целом ряде фактов, отображающих ход борьбы за раскрепощение женщины в национальных республиках Средней Азии и Закавказья и в автономных республиках РСФСР. Все те «безобразия и дикости», о которых говорил Владимир Ильич, настолько привычны, обыденны, что люди сами их иногда не замечают, не сознают их гнусности и лицемерности, не задумываются над тем, откуда, для кого, кому на пользу, из каких корней эти «порядки» выросли, и кому выгодно, чтобы они удержались в нашем быту возможно дольше.

В этом смысле весьма показательны данные судебной статистики о классовом составе осужденных за преступления, составляющие пережитки родового быта.

Эти данные указывают на тот факт, что эти «безобразия и дикости» есть результат не только классового сопротивления наших врагов, но и результат отставания сознания от экономики, результат неизжитых пока «привычек полудикарей», на почве культурной отсталости. Отсюда вытекают и определенные выводы в отношении методов борьбы с этим явлением и в отношении судебной политики.

Но можно ли сделать из этих цифр вывод, что вопрос о классовой борьбе на этом участке сейчас снимается, что кулак уже отошел в сторону и не пытается «пакостить» советскому государству по крайней мере в этой области человеческих отношений? Конечно, нет. Такое самоуспокоение было бы величайшей ошибкой, играющей наруку классовому врагу, который и на этом участке, как и на других, не сложил оружия, а лишь изменил, применительно к новой обстановке, методы своего сопротивления; не решаясь вести борьбу в открытую, он использует культурную отсталость и несознательность некоторой части крестьянства, выполняющей за него и для него его волю, не подозревая об этом.

Нельзя, конечно, вульгаризировать этот процесс, представляя себе дело так, что за каждым похитителем женщин, за каждым многоженцем, насильником, вымогателем калыма и т. п. стоит за спиной подстрекатель — враг, направляющий его руку. Время такого «прямого действия» в основном миновало. Формы и средства борьбы изменились, усложнились, приспособились к окружающей обстановке, приняли защитную, трудно-различимую окраску. Поэтому вопрос о борьбе против кулацко-поповской «идеологии» не снимается, а лишь требует от нас большей проницательности, бдительности и применения соответствующих форм борьбы.

Для того чтобы подойти к этому вопросу с полной ясностью и конкретностью, необходимо вкратце остановиться на том, что же представляют собой эти преступления, возникающие из пережитков родового быта (которые мы в дальнейшем, для краткости, будем условно называть «бытовыми преступлениями»), на сегодняшний день, какие из них выявили свою особую стойкость и живучесть и в каких формах они сейчас обычно возникают.

Если сравнить тот довольно обширный перечень бытовых преступлений, какой был дан в уголовных кодексах РСФСР, Узбекистана и других союзных республик, где фигурирует свыше 20 разновидностей этих преступлений, с той реальной действительностью, какую мы сейчас наблюдаем, можно констатировать, что целый ряд таких преступлений утратил уже на сегодняшний день свою прежнюю значимость, либо совсем исчезнув, либо же сведясь к сравнительно редким единичным проявлениям. Сюда относятся прежде всего те преступления, которые являлись прямым неприкрытым

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 580.

[2] Ленин, Международный день работниц, т. XXVI, стр. 194.

выражением экономической эксплоатации, как, например, установление и принудительное взимание сборов и подношений в пользу главы рода; нападение рода на род; баранта («бармта» у узбеков); уплата и взимание куна (в Узбекистане); карангикунак, т. е. предоставление хозяином почетному гостю девушки на ночь (Кара-Калпакия) и т. п. Эти виды бытовых преступлений, непосредственно связанные с экономическим и политическим господством кулаков, баев, манапов и т. п., не могли, конечно, не уйти в прошлое вместе с ликвидацией всех разновидностей кулачества.

Нужно оговориться: тот факт, что за последнее время эти преступления почти выпали из судебной хроники, еще не доказывает, что они уже не совершаются. Такие, например, виды их, как присвоение судебных правомочий (адат), загнаны в подполье, но мы не можем утверждать, что где-нибудь в отдаленных аулах, за закрытыми дверями и спущенными занавесками «почетные старики» не творят еще своего суда по древнему обычаю и преданиям отцов в противовес советскому правосудию. Поэтому даже и здесь при наличии внешнего благополучия мы не вправе предаваться благодушию и успокоенности.

Параллельно с постепенным уходом в прошлое некоторых форм бытовой преступности наблюдается за последние годы нарождение новых разновидностей преступлений этого рода, как прямая реакция на наше наступление. Проводимая партией и советской властью в национальных республиках политика раскрепощения женщин, снятие чадры и паранджи, широкое вовлечение масс трудящихся женщин-националок в промышленность, сельскохозяйственное производство, привлечение их к активному участию в общественной жизни и т. п. — все это не могло не вызвать новых форм классового сопротивления, а следовательно, и новых видов «бытовой» преступности. Борьба против раскрепощения женщины приняла самые острые, самые резкие формы.

Иллюстрируем это рядом примеров.

Горянка Дагестана Салихат Юсупова, прежде покорная жена-раба своего мужа, начинает принимать участие в общественной жизни своего села, выбирается в сельсовет, активно участвует в работе района; муж отвечает на это побоями, требует возвращения к семейному очагу, покорности и подчинения, а когда это не помогает, убивает жену-активистку.

В отдаленном Ташаузском оазисе туркменка Ниязметова увлекается открывшимися перед ней перспективами свободной и радостной жизни, начинает посещать кино, театр, приобщаться к культуре. Муж зверски убивает ее.

В Киргизии Ахметов убивает жену за то, что она посещает школу ликбеза.

В Баку комсомолец Сафаров убивает сестру за то, что она посмела, вопреки воли родных, уйти от мужа и этим «опозорила» семью.

Все эти и подобные им факты, прикрываемые внешностью «бытовых» преступлений, имеют заостренный политический характер и направлены непосредственно против политики раскрепощения женщин. Поэтому следует со всей решительностью отвергнуть всякие попытки смазать политическую значимость этих преступлений переводом их в русло «бытовщины».

Характерны те новые формы противодействия освобождению женщины-тюрчанки, в какие оно вылилось в Азербайджане. За 1934—1936 гг. там имел место целый ряд случаев, целая своеобразная эпидемия самоубийств девочек и молодых девушек, протестовавших этим путем против деспотизма и порабощения со стороны семьи и родичей.

Опозоренная отказом жениха уплатить за нее выкуп, боясь огласки и связанных с этим преследований и травли, молодая девушка Сарра Манамширова обливает себя нефтью и этим путем, живым огненным факелом, заявляет свой протест против своего рабского положения в семье.

14-летняя Ниса Мамедова, замученная, затравленная, униженная и оскорбленная, лишенная даже возможности учиться, прибегает к тому же средству: керосину и огню.

Распространенность таких огненных протестов (по одному только городу Баку за 1935 и начало 1936 г. зарегистрировано было 15 случаев самосожжения) вынудило прокуратуру поставить перед правительством Азербайджана вопрос об усилении ответственности за доведение до самоубийства путем самосожжения. В Уголовный кодекс введена была дополнительная ч. 2 ст. 178, предусматривающая за это преступление лишение свободы на срок до 10 лет.

Наряду с острыми формами сопротивления раскрепощению женщин — убийством, доведением до самоубийства, систематическими истязаниями «непокорных», — противодействие выливается в целый ряд иных, не столь резких, но зато настойчиво проводимых, упорных и систематических приемов, направленных к одной цели: не дать женщине уйти от своего семейного очага, приковать ее, как каторжника к тачке, к каторге безрадостного семейного плена, заглушить в ней стремление к вольной, счастливой и радостной жизни, к свету и знанию, к активному творческому участию в той гигантской, дух захватывающей стройке, которая ключом кипит и бурлит вокруг нее.

Если советская власть сняла чадру и паранджу, то ее нужно постараться заменить другой, невидимой глазу, завесой домашнего плена и семейного порабощения. И тут в ход пускаются все и всякие приемы и ухищрения: не пускать в школу, на курсы, на лекции; отпугивать всякими страхами и заклинаниями, а если они не помогают, то и кулаками, плетьми и палками от посещения клубов, театров, концертов; не пускать на выборы советов; не разрешать итти на работу на фабрику, завод, в мастерскую; запрещать какое бы то ни было участие в жизни коллектива, травить ее клеветой, позорными кличками и т. д.

Многообразие таких и им подобных ухищрений настолько велико, их настолько трудно заранее предвидеть и учесть, что для борьбы с ними пришлось дополнить уголовные кодексы ряда национальных республик статьями общего, всеобъемлющего, так сказать, содержания с такой, примерно, диспозицией: «всякое посягательство на личность или достоинство женщины в связи с ее раскрепощением...» (см., например, ст. 144[1] УК Туркмении, ст. 274-б УК Узбекистана), сопроводив их достаточно жесткими санкциями —

до 5 лет лишения свободы. И как раз этот вид преступлений занимает одно из первых мест среди других бытовых преступлений как в республиках Средней Азии, так и в Азербайджане.

Если обратиться к другим разновидностям бытовой преступности, полученным по наследству от старого дореволюционного уклада, то здесь, по своей распространенности и общественно-политической значимости, на первые места выходят: похищение женщины, калым, браки с несовершеннолетними и малолетними, многоженство.

Умыкание невест, восходящее своими корнями к седой древности, проявляет особую стойкость и упорство в отстаивании своего права на существование. Даже в тех национальных республиках, как, например, в Грузии, Татарии, Чувашии, где другие виды бытовых преступлений встречаются сравнительно редко, похищение женщин до сих пор продолжает упорно держаться, выливаясь подчас в самые острые формы прямого бандитского налета. Не получая согласия на брак с облюбованной им девушкой, жених собирает группу молодых родичей или друзей и организует вооруженный налет на дом девушки, насильственным путем похищает ее, иной раз прямо из постели, и увозит к себе или к своим родственникам; при этом, с целью закрепить ее за собой, похититель нередко, при содействии своих сообщников насилует девушку, закрывая этим ей путь к возвращению в семью. Чувствуя себя «опозоренной», девушка не только вынуждена молчать, но иной раз сама «добровольно» оформляет брак с похитителем в ближайшем органе загса. Нужно со стороны такой потерпевшей немало решимости и мужества, чтобы, пренебрегая огласки своего «позора», выступить обличительницей преступления.

Для иллюстрации приведем случай похищения 17-летней Маро Бутикашвили. Комсомолец Николай Бекурашвили упорно сватался к Маро, но неудачно. Молодая девушка его не любила и кроме того она хотела продолжать учиться. Ни настояния назойливого претендента, ни уговоры родных не могли сломить сопротивления Маро. Тогда Бекурашвили подговорил нескольких родственников и друзей, и вся банда, вооружившись кинжалами, вымазав себе лица сажей, ворвалась ночью в дом родителей Маро, силой вытащила девушку, босую, в одном белье из постели и увезла с собой. По дороге «жених» ее изнасиловал в лесу, после чего запер в своем доме. Однако на другой день она воспользовалась тем, что он уснул, и бежала.

Второй случай: молодой колхозник Карачая Григорий Козаев, не добившись согласия на брак от понравившейся ему девушки Зины Абоевой, похищает ее при содействии группы друзей ночью из родительского дома, увозит в лес, насилует и под угрозой убийства вынуждает ее зарегистрировать в сельсовете свой «добровольный» брак.

Еще более яркий факт из жизни Северо-Осетинской деревни. Летом 1934 г. Сулейман Темурзиев с помощью товарищей устраивает вооруженную засаду, похищает возвращающуюся домой несовершеннолетнюю девушку Есиеву и при содействии тех же товарищей насилует ее, после чего держит у себя в плену. Девушке все же удается бежать. Запуганная, опозоренная, она не заявляет об этом властям. Проходит после этого почти два года, и вот уже в 1936 г. Темурзиев вторично похищает ее ночью из родительского дома, причем пытавшаяся оказать сопротивление мать девушки подвергается побоям, а самое девушку с израненными ногами, в одной сорочке увозят на грузовике.

Если во всех этих случаях похищение невест производилось людьми малокультурными, то в случае с похищением Хороманской в роли похитителя и его сообщников выступают уже представители интеллигенции, люди с высшим образованием и ответственным служебным положением.

Напомним здесь вкратце случай, описанный в свое время в фельетоне Рыклина в «Правде».

Чичико Миндадзе, экономист-плановик одной из хозорганизаций, безуспешно ухаживал за женщиной-врачом Кето Хороманской. Тогда он решается преодолеть ее сопротивление хитростью и насилием. По его просьбе, его родственница вызывает ночью запиской Кето к мнимому больному, но вместо этого девушку увозят на машине за город к Чичико, где путем угроз, застращивания и даже прямого физического насилия этот «жених» добивается физического сближения. Во всем этом предприятии ему помогают такие лица, как управляющий трестом, ответственный работник ЗАГЭС, член ВКП(б) и др.

Все описанные выше случаи похищения женщин настолько четко и определенно выявляют характер преступления, что правовой диагноз их не представляет каких-либо особых трудностей. Здесь имеются налицо, без всякой вуали, все признаки, весь «состав» бандитизма.

Но такая простота и легкость распознавания действительной природы преступления встречаются далеко не всегда, особенно в тех случаях, когда похищение не сопровождалось прямым непосредственным насилием над потерпевшей.

Дело в том, что наряду с фактами действительного похищения, совершаемого, вопреки воли и желания похищенной, наблюдаются случаи, когда внешняя форма похищения прикрывает собою фактически добровольный уход девушки к жениху, вопреки воли родителей и опекунов. Именно это-то обстоятельство — противодействие родителей и родичей — толкает молодых людей на инсценировку похищения. Совершенно очевидно, что в таких случаях нельзя говорить не только о похищении, но и о каком-либо ином преступлении со стороны «жениха». Но разобраться в этом, правильно поставить правовой диагноз в том или ином отдельном случае, далеко не всегда легко.

Вот пример. Миша Г. и Фрида В. полюбили друг друга еще со школьной скамьи. Зажиточная семья девушки против ее брака с бедняком Мишей. И когда девушка сама уходит к любимому человеку, родные затевают дело о похищении. Когда же власти предлагают Фриде вернуться под родительскую кровлю, она заявляет, что лучше броситься в Куру.

В этом случае все закончилось благополучно: дело, возбужденное против мнимого похитителя, было прекращено, и молодые люди

были оставлены в покое. Но далеко не всегда такая «запретная любовь», оскорбляющая «священные» семейные и родовые традиции, завершается столь счастливым финалом.

Вот такой случай из ближайшего прошлого. Молодая девушка-колхозница увлеклась своим женатым соседом и, бросив семью, ушла с ним из родного села. Но эта счастливая, забывшая обо всем любовь продолжалась недолго. «Проза жизни» в лице прежней семьи мужа и администрации кооператива, где он работал, напомнила ему о себе. Ему пришлось временно оставить молодую жену. Этим воспользовались родичи и увели ее в дом к опекуну. На протяжении целого месяца велась «обработка» молодой женщины для того, чтобы понудить ее подать ложное заявление властям о «похищении». Она не соглашалась. Тогда опекун сам подает такое заявление от ее имени, не подписанное. Ее вызывают ночью в 11 час. к прокурору, где она сначала подтверждает ложное заявление опекуна, а затем сбивается, плачет. Протокол допроса остается неподписанным. На завтра продолжить его уже оказывается невозможным: молодая женщина повесилась. И даже смерть была использована родичами для того, чтобы расправиться с мнимым «похитителем», взвалив на него всю ответственность за преждевременную гибель молодой жизни (дело Гергедава, Грузия).

Борьба старой семьи и рода за свою власть, за законное право определять судьбу «своих» женщин, за сохранение их рабской покорности воле семьи и рода пронизывает большую часть дел, возникающих на почве революционной ломки старого быта. Ожесточенно защищая свои привилегии, семья и род пускают в ход все доступные им средства, используя не только забитость и запуганность самих девушек, неизжитые ими представления и остатки религиозных верований, их страх перед «позором», их материальную зависимость, но даже, применительно к новой обстановке, пытаются и, к сожалению, не всегда безуспешно, сделать нашу печать и наше советское правосудие слепым орудием защиты искусно замаскированных интересов своего господства.

Значительное распространение имеют родовые пережитки в форме принудительных браков и калыма, упорно и крепко держащихся по сей день в целом ряде национальных республик и областей. Наиболее отвратительная форма этого сорта «безобразий и дикостей» — выдача замуж, фактически же — продажа несовершеннолетних и даже малолетних девочек, не вышедших из детского возраста, с исключительной наглядностью подчеркивает грубо материальную подоплеку расцвеченной религиозными заповедями и святостью старинных обычаев звериной «идеологии». На брачной бирже выше котируются несозревшие девочки, за них можно получить более богатый выкуп (калым), больше баранов, ослов, тканей и серебра, да при этом ранняя выдача замуж избавляет от дальнейших, явно нерентабельных, затрат на воспитание и прокормление. Словом, чем раньше можно выдать девочку замуж, тем выгоднее такая сделка для семьи. Кроме того это и легче: ребенок не станет противодействовать воле семьи, в то время, как, достигнув более зрелого возраста, девушка может заявить требование на свое самоопределение, особенно сейчас, в условиях советской действительности. Так уж лучше не искушать судьбу, а поскорей «честным пирком да за свадебку».

И вот, несмотря на самые суровые кары, мы до сих пор имеем еще целый ряд районов и даже областей, пораженных этим преступлением. Так, например, по одному Сальянскому району Азербайджана было осуждено за год за браки с несовершеннолетними 58 человек, по Алма-Атинской области Казахстана — 63 человека и т. п. В ряде районов Азербайджана браки с несовершеннолетними вызвали отлив учащихся-девочек из школ, так как мужья не разрешали своим женам-подросткам продолжать учебу (в Закатальском, Белаканском, Кедибекском районах и др.).

Совершенно очевидно, что это общественное зло могло получить такое распространение лишь в условиях попустительства со стороны местных органов власти и в лучшем случае безразличного отношения местной общественности. Мы имеем целый ряд случаев, когда, например, учителя не только не препятствовали бракам с ученицами, но и сами являлись посредниками при заключении таких браков, а иногда и сами занимались развращением и растлением своих учениц. Вот, например, учитель Ага Рзаев, женившийся на малолетней учащейся своей школы (Кубинский район АССР); учителя Аналиев и Исмагулов, изнасиловавшие двух учениц своего интерната (Алакульский район, КазССР); учитель Камердинов, который взял себе в жены 11-летнюю школьницу (Чиликский район, КазССР); зам. зав. районо Кочкарского района — то же (КирССР). Аналогичные факты зафиксированы судебными приговорами и по другим республикам Средней Азии.

Не отстают от «педагогов» и ответственные работники, в том числе члены и кандидаты партии и даже некоторые руководители районных организаций. Так, в Кочкарском районе Киргизской ССР из числа 35 человек осужденных за бытовые преступления 8 человек — члены и кандидаты ВКП(б), в том числе пропагандист райкома; этому не приходится удивляться, если учесть, что эти «уважаемые граждане» пользовались покровительством районного руководства; когда один из преступников Дигарунов был предан суду по ст. 151 УК, секретарь райкома Кочкомбаев изъял на 5 месяцев дело из народного суда с явным желанием его замазать, а член райкома Грибарский изъял на целый год такое же дело работника райкома Осиюнова. Народный судья же Сейталиев своим молчанием покрывал эти безобразия, которые были обнаружены лишь после снятия этого «ревнителя правосудия» с судебной работы.

Такую же «политическую линию» по делам о браках с несовершеннолетними проводил в одном из районов Туркмении председатель райисполкома, систематически регистрировавший браки с недостигшими брачного возраста и даже половой зрелости девочками и втянувший в эту работу целый ряд председателей сельсоветов, которые выдавали в угоду своему начальнику заведомо ложные справки о возрасте девочек. В результате такой «политики» у населения создавалось впечатление, что в подобных браках нет ничего

зазорного и что советская власть сама им покровительствует.

Характерно дело ответработников Макинского района (Казахстан). Приехавшие из районного центра в село ответработники решили «поразвлечься». С этой целью они предложили доставить им девочек; подхалимствующий председьсовета бросился выполнять волю начальства. Когда попытки изнасиловать девочек не удались, разобиженные насильники бросили девочек в поле, а сами уехали. Интересно при этом, что местное районное руководство отнеслось к этому событию с эпическим спокойствием: никто из «героев» этих похождений не был даже снят с работы, пока в дело не вмешались областная прокуратура и областной комитет.

Еще более безобразный факт имел место в одном из районов Узбекистана, где группа ответработников пыталась превратить районные курсы в дом терпимости, не останавливаясь перед групповым изнасилованием.

Можно было бы привести еще немало таких и подобных им фактов. За недостатком места мы этого делать не будем, отметив лишь еще один случай из Атбашинского района Киргизии. Народный судья этого района Тугонбаев сам женился на 14-летней девочке, не достигшей половой зрелости. Можно себе представить, сколь ревностно сей судья ограждал интересы себе подобных растлителей!

«Почетное» место приходится, к сожалению, отвести и некоторым представителям комсомола. В анкетах, заполняемых обвиняемыми в браках с несовершеннолетними и малолетними, далеко не редко приходится наталкиваться на звание члена ВЛКСМ.

Конечно, все эти факты нельзя ни в коем случае обобщать и делать из них вывод, что все наши национальные республики сплошь поражены этой болезнью и что последняя имеет в них массовое распространение, пользуясь общим сочувствием и покровительством властей. Для таких выводов нет никаких оснований. Напротив, факты говорят о том, что мы имеем здесь дело с отдельными очагами болезни, с отдельными пораженными местами, где развитие болезни находится в прямой зависимости от плохой работы, а иногда и от прямого морально-политического загнивания районного руководства. В этом случае полностью подтверждается та оценка положения, какая была дана еще резолюцией XVII партконференции, отметившей, что, несмотря на огромные достигнутые успехи, классовая борьба продолжается и что она неизбежно должна обостряться в отдельные моменты и на отдельных участках социалистического строительства. Именно там, где местное руководство забыло о том, что «революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам», там, где руководители проглядели и не поняли того, что фронт борьбы за раскрепощение женщин является такой же ареной классовой борьбы, как и фронт борьбы за хлеб, за уголь и т. п., что в условиях национальных республик этот фронт приобретает особое политическое значение; там, где руководители примиренчески смотрели сквозь пальцы на «бытовщину», которая-де стоит далеко от «политики», там и расцветает и множится чертополох «бытовых» преступлений.

***

Исходя из анализа того, что собой представляют на сегодняшний день преступления, возникающие из пережитков родового быта, мы попытаемся наметить методы и средства борьбы с ними и условия, необходимые для успеха этой борьбы.

Прежде всего необходимо со всей решительностью отбросить пренебрежительно-высокомерное отношение к этого рода преступности, как к «бытовщине», которая, мол, постепенно изживется сама собой, по мере укрепления социалистической экономики и роста культуры, так сказать, в порядке самотека.

Если теория «аполитичности» быта является вообще вреднейшим измышлением, смазывающим смысл и значение быта, оказывающего огромное влияние на положение всей женской половины человеческого общества, то в применении к проблеме раскрепощения женщины в наших национальных республиках подобная «теория» прямо играет наруку классовому врагу, внутреннему и внешнему.

В. И. Ленин писал:

«Советская власть первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной... Но этого мало. Равенство по закону не есть еще равенство в жизни. Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником...»[1].

«Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевывая полной свободы для женщин»[2].

Говоря о бесправном положении женщины при капитализме, Ленин подчеркивал, что «женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых, — и это главное — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства»[3].

Можно ли после этого говорить об аполитичности быта, об аполитичности бытовых преступлений, отрывая задачи борьбы с этими преступлениями от классовой борьбы, от задачи построения социализма?

В своем докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов о проекте новой Конституции, ст. 122 которой закрепляет полное равноправие женщины с мужчиной, наш вождь и учитель товарищ Сталин говорил:

«Особенность проекта новой Конституции в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав».

---

[1] Ленин, К женщинам-работницам, т. XXV, стр. 40.

[2] Там же, стр. 41.

[3] Ленин, Международный день работниц, т. XXVI, стр. 193.

В этом аспекте проблема борьбы против всех и всяких попыток сохранить фактическое закрепощение и неравенство женщины получает новое и особое значение. Эта борьба становится борьбой за осуществление великой сталинской Конституции, за обеспечение действительности записанного в ней положения.

Все это с полной ясностью и бесспорностью говорит о том, что борьба против бытовых преступлений в национальных республиках является одной из важнейших политических задач советской власти, в том числе прокуратуры и суда, в этих республиках.

Об этом должен твердо помнить каждый прокурор и судья, каждый работник юстиции.

Между тем, недавние факты говорят за то, что далеко не все прокуроры уяснили себе всю важность этого вопроса. Чем иным, как не явной недооценкой политической значимости бытовых преступлений, можно объяснить, например, тот факт, что прокуратура УзбССР не проверила на протяжении всего третьего квартала 1936 г. ни одного дела этой категории, несмотря на такой исключительно тревожный сигнал, как то, что из 55 дел, расследованных за этот период народными следователями, 29 дел (т. е. более половины) оказались прекращенными до суда? Или аналогичное бездействие Азербайджанской прокуратуры, которая из 129 дел, законченных в июле и августе 1936 г. в судах, ограничилась проверкой в порядке надзора всего лишь 4 дел? Это ли говорит о внимании к делам данной категории, об учете их значения в условиях указанных республик. Чем другим, как не недооценкой этого можно объяснить то, что до сих пор большая часть дел о родовых пережитках расследуется по РСФСР органами милиции, а не народными следователями? Что дела волокитятся расследованием иногда по 2 месяца и дольше? Что качество расследования таково, что чуть ли не половина из них прекращается (Узбекистан, отчасти Туркмения)?

Подобные же факты плохой работы приходится отметить и в ряде судов. Вот б. народный судья Буриев, который мариновал у себя в шкафу по полгода без движения дела о браках с малолетними или выносил по ним оправдательные приговоры (Киргизия). Вот другой судья, оправдывающий покупателя 14-летней девочки по тому соображению, что «народные заседатели сами пользовали потерпевшую и потому знают, что в момент выхода замуж она не была девушкой» (Джумгальский район, Киргизской ССР). Вот народный судья Эскиев, который установил практику назначения по бытовым делам и.-т. работ по месту работы, предоставляя возможность преступникам откупаться деньгами за серьезнейшие преступления против свободы и достоинства женщин (Саясановский район ЧИАО).

Можно было бы привести много конкретных дел, где неправильная квалификация преступления и ничем не оправдываемая мягкость репрессии смазывали политическое значение процесса (квалификация убийств на почве раскрепощения как обычных убийств на личной почве с соответствующим снисходительным наказанием; подведение фактов систематической травли активисток на почве раскрепощения под квалификацию личного оскорбления или клеветы; назначение и.-т. работ или условного осуждения там, где социальная опасность преступлений и распространенность их в данном районе диктовали необходимость жесткой репрессии; мягкотело-снисходительный подход к соучастникам и пособникам, в особенности к должностным лицам, снабжающим, например, «женихов» заведомо ложными справками о возрасте, регистрирующим их браки «на-глазок», не замечая явно детского возраста невесты и т. п.). Данные судебной статистики также подтверждают невыдержанность карательной политики по делам о бытовых пережитках в ряде республик. Так, например, в Грузии, где похищение женщин занимает первое место среди преступлений этой категории, преобладающей формой карательного воздействия оказываются исправительно-трудовые работы; из 17 человек, осужденных за это преступление в I полугодии 1936 г., только к 4 было применено лишение свободы, все же остальные отделались исправительно-трудовыми работами и даже — в одном случае — условным осуждением. Еще более милостивы суды Узбекистана: на 71 человек, приговоренных за «бытовые преступления» к лишению свободы, приходится за тот же период 80 человек, получивших и.-т. работы, и 55 человек, отпущенных с миром под условные приговоры. Особенно снисходительны суды к фактам воспрепятствования мужьями и родителями участию женщин и девушек в общественной и культурной работе. Здесь, как правило, применяются и.-т. работы, а лишение свободы составляет редкое исключение, и это даже в таких республиках, как Азербайджан и Туркмения, выдерживающих вообще жесткую карательную политику по делам о бытовых преступлениях. Тут, бесспорно, сказывается недооценка этих дел, этакое либерально-снисходительное отношение к «бытовщине», подыскивающее смягчающие моменты личного характера, позволяющие «извинить» многое, но упускающие при этом из виду всю социальную опасность этих якобы «невинных» «бытовых» дел, направленных объективно на срыв политики раскрепощения женщины.

Если к отмеченным фактам неустойчивости и колебаний в карательной практике судов добавить неизжитые факты судебной волокиты, несоблюдения сплошь и рядом основных процессуальных гарантий, низкое зачастую качество судебного следствия и неграмотно и бестолково написанные приговоры, составляющие далеко не редкость в делах этого рода, то нужно признать, что судебная работа по делам о бытовых пережитках еще далека от того высокого уровня советского правосудия, какое требуется для реального обеспечения фактического равноправия женщины, провозглашенного ст. 122 сталинской Конституции.

Только при решительном улучшении качества следственно-прокурорской и судебной работы, на основе отчетливого понимания всей политической значимости «бытовых» дел, мы сможем выполнить ответственную задачу, возложенную на нас партией и правительством в деле окончательного освобождения советской женщины от «безобразий и дикостей» старого быта.

Вторым необходимым условием успешности борьбы на «бытовом» фронте является сосре-

доточенное, согласованное действие всех сил, сочетание мер судебной репрессии с широко развернутой работой всей общественности. Было бы крайне наивным полагать, что одно подавление, одна голая репрессия может разрешить поставленную задачу. Подобная «левацкая» установка, не учитывающая коренных изменений в социальной структуре общества, так же вредна и опасна, как и противостоящая ей оппортунистическая ставка на самотек, на автоматическое отмирание бытовых пережитков. Только правильное сочетание работы суда и всего советского аппарата власти с культурно-массовой работой советско-партийной общественности может обеспечить то сосредоточенное действие огня по окопам противника, которое может привести к победе.

Хорошие образцы именно такой сосредоточенной и согласованной работы всего аппарата власти и общественности дала прокуратура Дагестана (прокурор республики т. Склярский), сумевшая включить в эту борьбу и советские органы, и партийные и комсомольские организации, и самих женщин-горянок, и местную печать. В результате проблема освобождения женщины-горянки стала там в центре внимания всей общественности как актуальнейшая жизненная задача не одного только суда, но всего трудящегося народа этой республики. Мы не станем здесь подробнее останавливаться на конкретных приемах и средствах, использованных прокуратурой Дагестана в этом направлении, поскольку этот вопрос был уже освещен на страницах «Соц. законности».

Немало было сделано и прокуратурой ССР Киргизии в смысле привлечения общественности. Но здесь, к сожалению, эта положительная работа по созданию широкого актива не была закреплена дальнейшей систематической работой с ним. Вообще приходится отметить, что компанейщина в этом вопросе наложила свою печать на работу не только Киргизии, но и других национальных республик и областей.

После того как прошедшие осенью 1935 г. съезды женской молодежи всколыхнули застоявшееся болото спячки и равнодушия, после принятия хороших резолюций, люди, разъехавшись на места, постепенно опять забыли в повседневных текущих заботах то важное и принципиальное, что должно было определять содержание и методы их дальнейшей работы. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы те факты судебной статистики за первую половину 1936 г., о которых мы выше говорили. Можно ли, например, говорить о серьезном отношении к вопросу со стороны Туркменской прокуратуры, которая на протяжении полугодия не смогла даже найти работника для руководства бытовым отделом республиканской прокуратуры. Особенно «не везло» местным прокуратурам в их попытках наладить и закрепить свою связь в работе с общественностью, с женским, комсомольским и селькоровским активом. А между тем, как раз эта сторона дела особо важна при наступлении на старый быт. Без помощи общественности прокуратура бессильна вскрыть те «безобразия и дикости», с которыми она призвана бороться. Чтобы убедиться в этом, приведем следующие данные, характеризующие инициативу в возбуждении дел о многоженстве по Чечено-Ингушской автономной области.

Из 19 дел этой категории, по заявлениям самих потерпевших, возбуждено было всего 2 дела, по сигналам актива и селькоров — 11 дел и по инициативе партийных и советских органов — 6 дел.

Оно и понятно: забитость, малокультурность, фаталистическая покорность судьбе, которые держат в плену родовых пережитков «потерпевших» от этих преступлений женщин, заставляют их молчать и не жаловаться.

Поэтому там, где местная общественность не активизирована, преступления остаются нераскрытыми, свободно распространяются в глубине бытового подполья, а местный прокурор, сидя в своем кабинете в районном центре, может слать в столицу победные реляции о преодолении в его районе родовых пережитков: на Шипке все спокойно.

До чего можно докатиться, если отгородиться китайской стеной от общественности, показывает, например, следующий случай из жизни одного из сел Чечено-Ингушской области. Председатель сельсовета Кусиев не только не противодействовал обычаю калыма, но решил его регламентировать. С этой целью он образовал специальную комиссию при сельсовете, введя в ее состав мулл и «почетных стариков». Комиссия установила твердую таксу, предложив женихам поскорее вступать в брак и пригрозив, что через месяц такса будет повышена. Это подействовало: за один месяц заключено было 30 браков.

А вот другой случай из судебной хроники Азербайджана. В лесу невдалеке от Хачмаса объявилось «святое место», исцелявшее бесплодие. И вот комсомолец Махмудов вместе с группой женщин отводит туда свою бесплодную жену и, вырыв у «святого места» могилу, укладывает ее туда, прикрыв досками. В результате несчастная жертва этого дикого обряда была извлечена мертвой. Об этом знали и не могли не знать многие. Но молчали... И только корреспонденция селькора газеты «Бакинский рабочий» вскрыла этот случай.

Вывод ясен: без самой тесной связи с общественностью, в особенности с женским активом, прокуратура и суд не в состоянии сами победить на фронте борьбы с закрепощением женщин.

Третье условие успешности борьбы — это нанесение меткого сосредоточенного удара. Как мы указывали выше, географически распространение бытовых преступлений не идет сплошной полосой, а характеризуется образованием отдельных пораженных очагов. Отсюда следует, что нужно прежде всего хорошо знать расположение этих очагов и в зависимости от этого сосредоточивать внимание именно на этих отдельных участках не разбрасываясь. Это требует от руководящих органов республиканских прокуратур дифференцированного, конкретного и оперативного руководства, не сводя последнее лишь к спуску общих директив.

В таких районах необходимо усиление следственного и прокурорского аппарата, передача расследования дел этой категории следственному аппарату прокуратуры, усиление связей с местной общественностью, активизация работы последней, обеспечение жестких сроков

расследования и прохождения дел в судах, равно как качество расследования и суда, организация общественного обвинения, принятие через рик и сельсоветы мер против практики выдачи ложных справок о возрасте, установления контроля над работой загса, постановка показательных процессов, широкая разъяснительная кампания в печати и на общих собраниях колхозников, проводимая на конкретных примерах живых дел, и т. п., словом, мобилизация всех средств и сил для сосредоточенного удара по противнику.

Четвертое условие успеха — подлинная большевистская бдительность, умение распознать маневры врага, приспосабливающегося к нашей советской действительности для того, чтобы обмануть правосудие и даже сделать его подчас послушным орудием в своих руках.

Выше мы отмечали уже некоторые из таких ухищрений. Чтобы нагляднее показать, как умело маскируется враг, приведем еще несколько типичных фактов из судебной практики.

В делах о похищении женщин и насильственной выдаче замуж самым обычным приемом, применяемым для обмана правосудия, является использование самих потерпевших девушек для этой цели.

Желая избавиться от жены, Теймур Сафаров заманил ее обманом в безлюдную степь и, нанеся удар молотком по голове, бросил в колодезь. Ее удалось спасти. А когда он был предан суду, она же сама стала его защищать, требуя его освобождения (Азербайджан).

На съезде женской молодежи Азербайджана одна из делегаток рассказала публично перед съездом об издевательствах со стороны ее мужа Аскерова. Но стоило следственной власти завести на основе ее слов дело против него, как от потерпевшей поступило письменное заявление с требованием прекратить дело как неосновательное.

Вот еще одно дело, вскрывающее «хитрую механику» таких «примирений».

В одном из сел Чечено-Ингушетии была похищена молодая девушка Мархиева. Сбежав от похитителя, она подала заявление властям о похищении и изнасиловании. Тогда похититель выплачивает родне богатый калым, после чего Мархиева смягчает свои показания, отказываясь от обвинения в изнасиловании. «Обработка» и торг продолжались, и когда потерпевшая была вновь допрошена, она отказалась уже и от обвинения в похищении.

В той же ЧИАО Аксанов с группой пособников насильно похитил комсомолку Зубайруеву, причинив ей ряд телесных повреждений. Когда же дело дошло до суда, потерпевшая заявила, что похищения не было, а была лишь инсценировка как обрядовая форма. Суд ей не поверил и осудил Аксанова. После этого Зубайруева рассказала, как родичи путем целой системы средств психического воздействия вынудили у нее ложные показания перед судом.

Таких фактов судебная практика в национальных республиках знает не один десяток. А сколько дел не доходит вовсе до суда вследствие этой скрытой подпольной работы!

На какие жульничества пускаются «женихи», показывает, например, дело б. парторга Верхне-Марского аула Милюкаева (Карачаевская АССР). Не добившись согласия на сожительство от комсомолки К., требовавшей регистрации брака, Милюкаев использует свои связи в сельсовете и при помощи работников последнего проделывает такую комбинацию: они берут из архива старую книгу записи браков и вносят туда регистрацию брака Милюкаева с К. Когда же этим путем ему удалось добиться половой близости с К., он выгнал ее из дому и настоял на исключении из комсомола как «проститутки».

Другой случай. Ибрагим Джафаров сосватал 14-летнюю девочку Гзею. Зная заранее, что загс не зарегистрирует такого брака, он ведет вместо нее к врачу и в загс взрослую девушку Мину и получает врачебное удостоверение о совершеннолетии, после чего регистрирует брак. Когда в загсе потребовали фотокарточку, он вследствие ротозейства председателя сельсовета получает засвидетельствование личности Гзеи на фотографической карточке подставного лица — Мины (Вагаршапатский район Армении).

Организованное лжесвидетельство, подлоги, фальшивки, подкуп должностных лиц, использование их разгильдяйства, давление на потерпевших и свидетелей, запугивание, иногда прямое насилие и т. п. — все это пускается в ход для того, чтобы запутать дело, сбить с толку суд, прикинуться невинными простачками. И, к сожалению, далеко не редки случаи, когда эти жульнические махинации и искусная маскировка вводят суд в заблуждение.

Эти факты показывают со всей наглядностью, как необходима для следователя, прокурора и судьи подлинная революционная бдительность, с какой сугубой настороженностью должны взвешиваться и оцениваться улики — будь то свидетельские показания, объяснения потерпевших или письменные документы.

Резюмируем сказанное.

Чтобы с честью выполнить ответственнейшую задачу обеспечения действительного равноправия женщины-националки и вытравить из сознания людей остатки «безобразий и дикостей» родовых пережитков, все работники юстиции должны вести свою работу на этом участке классовой борьбы на высоком политическом уровне, всемерно повышая качество своей работы, ведя ее рука об руку с местной общественностью, организуя последнюю на это дело, активизируя ее работу; должны уметь извлекать политические уроки из каждого дела и организовывать на конкретном живом материале таких дел общественное мнение и всегда и всюду быть бдительными, вскрывая вражеские махинации и ухищрения.

Только такая работа, одухотворенная сознанием важности и значимости поставленных перед нами партией и правительством задач, даст нам право заявить, что на этом участке борьбы за социализм мы честно и до конца выполняем волю народов Советского союза, воплощенную в величайшем документе эпохи — сталинской Конституции.

М. ШИФМАН

Весенний сев—в центр внимания

2 февраля СНК Союза ССР принял постановление «О государственном плане весеннего сева 1937 года».

Вторая стахановская весна будет проходить в текущем году в условиях огромных побед, одержанных народами Советского союза под руководством коммунистической партии во всех областях нашего культурного и хозяйственного строительства, в том числе и в области сельского хозяйства.

Техническая реконструкция земледелия сделала в СССР гигантские успехи.

В 1936 г. социалистические поля необъятного Союза бороздили свыше 400 тыс. тракторов мощностью в 7580 тыс. л. с., что превышает тракторное вооружение фашистской Германии в тридцать раз и фашистской Италии в сорок раз. Больше того, в результате ударной работы многомиллионной армии энтузиастов социалистических полей мы обработали в 1936 г. тракторами в три с лишним раза большую площадь, чем США (200 млн. га против 66 млн. га в США).

Если к этому прибавить, что в государственном плане весеннего сева текущего года доля единоличных хозяйств составляет менее одного процента, а доля колхозов, обслуживаемых МТС, достигла 90% всего ярового клина колхозов, то станет совершенно очевидным, что колхозный строй в нашей стране победил окончательно и бесповоротно.

Такие успехи нашего сельского хозяйства обусловили возможность, несмотря на неблагоприятные климатические условия 1936 г., планировать весенний сев 1937 г. в количественном, а главное в качественном отношении на значительно более высоком уровне, чем в предыдущие годы.

План ярового сева на 1937 г. утвержден в размере 94 494,7 тыс. га, что превышает прошлогодний план на 2 с лишним миллиона га. При этом наряду с ростом зерновых культур, в первую очередь пшеницы, план намечает расширение посевов наиболее ценных масличных культур.

Дальнейший подъем культуры нашего сельского хозяйства сказывается в повышении плана сортовых посевов, в расширении паров по колхозам, в увеличении минеральных и органических удобрений, в надлежащей обработке семян, в повышенных требованиях к сортовым участкам и, наконец, в установлении более коротких сроков сева.

Все эти мероприятия должны обеспечить максимально быстрое выполнение исторической задачи, поставленной товарищем Сталиным перед социалистическим земледелием Советского союза — добиться в ближайшие 3—4 года производства 7—8 миллиардов пудов зерна в год.

Выполнение плана весеннего сева 1937 г. должно протекать при самом активном участии органов прокуратуры.

Это никоим образом не должно приводить к мелочной опеке и вмешательству в повседневную жизнь МТС, совхозов, колхозов и отдельных единоличных хозяйств, к рассылке на места многочисленных трафаретных циркуляров, телеграмм, к требованию «подробных», «исчерпывающих» докладов и статистических отчетов о посевной кампании, одним словом, к созданию вокруг этой важнейшей хозяйственно-политической кампании той бумажной, бюрократической шумихи, в которой тонет всякое подлинно живое дело.

Органы прокуратуры должны сосредоточить свое внимание на отдельных решающих участках подготовки и проведения весеннего сева.

В одном районе неблагополучно с ремонтом тракторного парка и с.-х. машин, в другом с подготовкой и использованием рабочего скота и удобрений; в одном колхозе срывается подготовка семян к посеву, расхищаются семенные фонды или не выделяются семенные участки, а в другом, — вопреки директивам правительства, сев затягивается, безобразно относятся к кадрам или тормозится развертывание стахановского движения. Органы прокуратуры должны, учитывая специфические особенности каждого района, каждого колхоза, уметь улавливать, что является важнейшим, решающим в данный момент, чтобы на этом именно участке притти на помощь районным организациям, руководящим севом.

При этом никоим образом нельзя увлекаться массовыми репрессиями и привлечением к уголовной ответственности «по совершенно пустяковым основаниям, где было бы вполне достаточно ограничиться общественным воздействием или указанием соответствующего партийного или советского органа»[1], а нужно направлять острие репрессии против действительных классовых врагов, расхитителей социалистической собственности, дезорганизаторов с.-х. производства и других преступных элементов, стремящихся сорвать весенний сев текущего года.

В настоящий момент, когда «в области сельского хозяйства вместо океана мелких единоличных крестьянских хозяйств с их слабой техникой и засилием кулака мы имеем теперь самое крупное в мире машинизированное, вооруженное новой техникой производство в виде всеобъемлющей системы колхозов и совхозов» (Сталин), а колхозное крестьянство перешло к зажиточной жизни, классовый враг будет вновь и вновь делать свои преступные попытки сорвать проведение весеннего сева.

Поэтому при расследовании дел о преступлениях, связанных с невыполнением обязательств по весеннему севу и срывом различных мероприятий правительства в этой области, необходимо принимать все меры к тому, чтобы устанавливать, нет ли в выявленных случаях преступного или небрежного отношения обвиняемых к своим обязанностям более

[1] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1935 г. «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках нечерноземной полосы».

глубоких преступных мотивов и не руководит ли классовый враг рукою какого-нибудь незаметного технического исполнителя. А для этого нужно, чтобы наш аппарат досконально знал свой район, его слабые и сильные звенья, чтобы он чутко реагировал на сигналы о неблагополучии на том или ином участке, чтобы расследование каждого дела проводилось не поверхностно, а глубоко, всесторонне, в максимально короткий срок и, наконец, чтобы организуемые по преступлениям, связанным с весенним севом, судебные процессы проводились не келейно, а как первостепенной важности общественно-политическое дело, широко освещаемое в областной и районной печати.

Только в этом случае работа прокуратуры будет в достаточной мере эффективной.

Борьба прокуратуры за надлежащее проведение весеннего сева текущего года должна быть органически увязана с проводимыми мероприятиями по неуклонному соблюдению Сталинского устава с.-х. артели. «До сих пор приходится сталкиваться с возмутительными фактами грубейшего нарушения устава. На первый взгляд эти нарушения кажутся как будто незначительными, но на самом деле речь идет об ущемлении классовых интересов колхозов. Жизнь уже ввела свои законы. Там, где запущено колхозное хозяйство, где низок урожай, там, как правило, надо искать нарушения Устава с.-х. артели. Это первая и главная причина отставания многих колхозов»[1].

Сформулированная «Правдой» глубоко правильная мысль должна быть усвоена всеми работниками прокуратуры, которые должны понять, что хозяйственное укрепление колхозов возможно только на основе безоговорочного и полного соблюдения Сталинского устава с.-х. артели.

Между тем, в большом количестве районов все еще имеют место нарушения Устава с.-х. артели, причем нарушения эти охватывают самые разнообразные стороны колхозной жизни. Особенно часты случаи командования колхозами со стороны риков, нарушения колхозной демократии (незаконный прием и исключение из членов колхоза, нарушение принципа выборности правления и ревизионной комиссии и т. д.), незаконного распоряжения средствами колхозов и игнорирования личных интересов колхозников.

Так, президиум Юсвинского рика Свердловской области, слушая доклад о работе Афонинского колхоза, предложил прокурору арестовать правление колхоза, в трехдневный срок оформить материал и судить показательным судом, а президиум Нытвенского рика той же области предложил прокурору немедленно взять под стражу председателя колхоза им. Кирова.

В селе Миллер АССР немцев Поволжья на собрании, где избирался председатель колхоза, из присутствовавших 445 человек только 130 голосовали за кандидатуру председателя. тем не менее он оказался избранным.

Красноярская МТС АССР немцев Поволжья взяла у колхоза платежное поручение на свое имя без указания суммы, с расчетом забрать все денежные суммы, которые в дальнейшем окажутся на счете колхоза.

Исполнительный комитет Гмеринского кантона АССР немцев Поволжья обязал колхоз оплачивать телефонисток сельсовета.

В АССР немцев Поволжья были случаи изъятия у колхозников конюшен, которые нужны были им для индивидуального скота колхозников (село Шталь, село Розенгейм, село Рейнвальд и т. д.).

Поступающий с мест материал прокуроров об их работе по борьбе с нарушениями Устава с.-х. артели показывает, что органы прокуратуры, как правило, недостаточно энергично и успешно борются с этими нарушениями, ограничиваясь принятием лишь эпизодических мер. Поэтрму борьба, которая ведется прокуратурой с нарушителями Устава с.-х. артели, все еще не дает надлежащих результатов.

Такое положение в дальнейшем должно быть признано совершенно нетерпимым.

Органы прокуратуры, в соответствии с директивами Прокуратуры Союза, обязаны систематически, изо дня в день вести борьбу с нарушениями Устава с.-х. артели, с пренебрежительным отношением к основному закону колхозной деревни, проводя эти работы не в виде очередной кампании, а как важнейшую, составную часть работы прокуратуры по борьбе за революционную законность.

Весенний сев текущего года должен проходить с исключительным подъемом.

Это, с одной стороны, последний весенний сев второй пятилетки, а с другой — первый сев, который крестьянство Советского союза будет проводить под знаменем новой, самой демократической в мире сталинской Конституции.

Мы должны поэтому сделать максимум возможного, чтобы эта весна стала новой исторической вехой на великом пути нашего движения к бесклассовому социалистическому обществу, к коммунизму.

С. БЕРЕЗОВСКАЯ

Первые итоги работы Отдела по общему надзору

Сейчас уже можно с определенностью сказать, что организация отделов общего надзора в аппарате органов прокуратуры дала положительные результаты. Прокурорский надзор за соблюдением законности становится более действенным, и вся эта работа получила значительно больший размах.

В Прокуратуру СССР ежедневно поступают спецдонесения о вскрытых органами прокуратуры на местах фактах нарушения советских законов. Из этих спецдонесений видно.

[1] Передовая «Правды» от 25 февраля 1937 г. № 55.

что органы прокуратуры во многих случаях играют активную роль во вскрытии беззаконий и правильно ставят борьбу с ними, не ограничиваясь пресечением того или иного незаконного действия, а принимая предупредительные меры на дальнейшее.

Как видно из поступающих материалов, основная масса нарушений законности приходится на деревню.

Наиболее распространенными из них являются нарушения устава с.-х. артели, незаконное административное вмешательство райков и сельсоветов в хозяйственную деятельность колхозов, нарушения закона о национализации земли, о государственных заготовках, о кооперативной собственности.

Так, например, Диканьский рик Харьковской области в заседании 16 января 1937 г. вынес постановление о снятии 20 председателей колхозов, грубо нарушив тем действующее законодательство. Такие же самые беззакония допустил Тобольский рик Омской области, сняв с работы 29 председателей колхозов. Интересно отметить, что мотивами снятия являлись и такие, как «прибытие в район работника, окончившего курсы». Председатель Грязновского сельсовета единолично снял с работы председателя колхоза Лыкова.

В Омской, Ленинградской, Калининской, Кировской и Воронежской областях вскрыты многочисленные случаи незаконного распоряжения колхозным имуществом.

Серединкинский сельсовет Омской области вынес постановление, обязывающее колхозы засеять колхозными семенами участок земли сельсовета, предназначенный для нужд его работников. Казанский сельсовет Липецкого района Воронежской области обязал колхоз выдавать счетоводу сельсовета продукты «по его потребности». В Тельмановском районе Крымской АССР на колхозы возложили обязанность предоставить строительные материалы и рабочую силу для постройки районного клуба. Все эти постановления опротестованы.

Повсеместно вскрыты факты нарушения устава с.-х. артели как самими колхозами, так и органами власти на местах.

Обнаружилось, что в Ленинградской области во многих ревизионных комиссиях колхозов состоят люди, не являющиеся членами колхозов; колхозы Березовского района Омской области ввели у себя «кандидатский стаж» для принятия в члены колхоза; Пашенский рик Ленинградской области установил «испытательный срок» для принимаемых в колхозы. В той же Ленинградской области и в ряде других областей и краев исключение из колхозов проводится постановлениями не общих собраний, а бригадных.

Эти нарушения происходят, главным образом, из-за плохого знакомства с уставом, малой культурности, недомыслия. Органы прокуратуры, опротестовывая подобные незаконные постановления, одновременно ведут и разъяснительную работу, делают на колхозных собраниях доклады об уставе и т. д.

Встречаются злостные нарушения законности, требующие от органов прокуратуры принятия репрессивных мер в отношении виновных.

Так, например, в Ронгинском районе Марийской области прокуратурой вскрыты грубейшие нарушения Конституции, выразившиеся в производстве зам. зав. финотделом Строфилевым и председателем сельсовета Тошпаевым массовых незаконных обысков в домах у лиц, не выполнивших своих обязательств по государственным поставкам. Виновные были преданы прокуратурой суду. Строфилев осужден к 2 годам лишения свободы, Тошпаев к 1½ годам лишения свободы.

За незаконные обыски у колхозников предан суду председатель Некрасовского колхоза В. Реченского района Омской области Прудников. За незаконные обыски, грубое обращение с колхозниками и единоличниками и нарушение кооперативной демократии, выразившееся в снятии с работы председателя сельпо, отдан под суд председатель Редьковского сельсовета Омской области Поздняк; за попытки принудительного размещения займа осужден народным судом к 1 году и.-т. работ председатель Лыковского сельсовета той же Омской области Некрасов. Нарушения законности принимают иногда характер «законотворчества». Березовский рик Омской области установил своеобразную «приобретательскую» давность, не известную нашему гражданскому праву, издав постановление о том, что лица, выловившие во время наводнения то или иное имущество, по истечении одного месяца приобретают на него право собственности.

Все еще встречаются случаи нарушения закона о национализации земли.

Правление колхоза «Дружба» Татищевского района Саратовской области сдало в аренду райзаготскоту 130 га колхозной земли. Председатель колхоза за это осужден. Сдачей земли в аренду занялся и колхоз «Знамя труда» той же области. Правление колхоза сдало колхозникам в аренду за плату огороды.

По Московской области обнаружены серьезные нарушения законов об издании обязательных постановлений и о наложении штрафов за невыполнение этих постановлений. Так, например, в Шелуховском районе ни на одном постановлении о взыскании штрафов не указано, за нарушение какого именно обязательного постановления он наложен. Имеются случаи незаконного наложения штрафов. В том же Шелуховском районе подвергнуты штрафу колхозники Монахов, Сучков за то, что они в пруду ловили рыбу. Колхозники Краюшкин, Трушин и др. подвергнуты штрафу за игру в карты дома. Наконец, оштрафованы три колхозника по 25 руб. каждый за то, что они около пожарного сарая пели песни и тем самым отвлекли дежурного пожарника от прямых обязанностей.

В Московской области, как и в Ленинградской, обнаружены случаи о штрафовании злостных хулиганов вместо привлечения их к уголовной ответственности.

Эти и многие другие нарушения законности прокуратурой опротестованы, причем в Мособлисполком внесен ряд практических предложений, направленных к предупреждению подобных нарушений в дальнейшем.

Много случаев нарушения законов отмечается по делам налогового обложения и государственных заготовок.

Однако здесь работа органов прокуратуры определенно еще слаба. Это видно и по спецдонесениям, которые мало уделяют внимания

делам этого рода. Между тем, по жалобам и другим материалам, имеющимся в распоряжении Прокуратуры СССР, видно, что эти нарушения имеют широкое распространение и зачастую принимают весьма злостные формы.

Работники прокуратуры не дают себе труда входить в проверку правильности расчетов заготовительных и финансовых органов и кладут их решения в основу своих постановлений по жалобам. Налоговое законодательство для районного прокурора часто является «книгой за семью печатями», к преодолению премудрости которой он и не приступает.

Много грубых нарушений допускаются при взыскании налоговых недоимок. Зачастую в погашение налога отбирается то имущество, на которое по действующим законам взыскание не может быть обращено. Нормы, оставляемые плательщику по закону, не соблюдаются. Нарушаются и правила продажи имущества с торгов. Часто не составляются даже описи изъятого имущества и цены, за которую оно продано. Благодаря этому при отмене обложения и необходимости возврата имущества невозможно бывает установить ни количества его, ни стоимости. Этими делами наши прокурорские работники занимались мало в предшествующие годы, мало занимаются и сейчас, что совершенно недопустимо. Только тогда, когда нарушения налоговых законов начинают принимать формы прямых уголовных действий, иногда контрреволюционного характера, наши работники начинают бить в набат. Так было, например, в Витязевском районе Одесской области, где налоговые извращения, которым не давалось должного отпора, приняли, наконец, характер издевательства над населением.

Нарушения законности, вскрытые органами прокуратуры в городах, сводятся, главным образом, к нарушениям законов об издании исполкомами и горсоветами обязательных постановлений и наложения штрафов за них.

Так, например, установлено, что в Ленинграде постановления о наложении штрафов зачастую выносятся через 2—3 месяца после совершения поступка, за который штраф налагается, в то время как по закону штраф может быть наложен не позднее месячного срока со дня совершения нарушения. В наложении штрафов существует непонятная уравниловка. Гражданин, сорвавший цветок с клумбы в общественном саду, и явный дебошир-хулиган штрафуются одинаково по 10 руб. При этом ленинградская милиция допускала наложение штрафов на злостных хулиганов, в то время как их следовало предавать суду.

Нарушения закона допускали также райжилотделы Ленинграда. Выражалось это, главным образом, в том, что они выносили постановления (и проводили их в жизнь) о выселении различных учреждений из занимаемых ими помещений, не считаясь с договорами на право занятия помещения. Прокуратура Ленинградской области наряду с принесением протестов на незаконные постановления сообщила о них Ленинградскому облисполкому.

В г. Калинине нарушались правила опубликования обязательных постановлений. О многих из них население не знало.

Мотивы наложения штрафов в Калинине носили иногда анекдотический характер; так, например, на одно домоуправление был наложен штраф «за антисанитарное состояние домовой книги».

В Ростове на Дону горсовет на-днях принял незаконное постановление об установлении трудгужповинности для борьбы со снегозаносами. Оно опротестовано и отменено.

Гораздо меньше внимания уделяют органы прокуратуры на местах надзору за соблюдением законности в хозяйственных учреждениях и отделах исполкомов. Между тем, и здесь совершается немало беззаконий, требующих вмешательства органов прокуратуры. Отделу общего надзора Прокуратуры СССР нередко приходится указывать работникам общего надзора на местах на конкретные факты нарушений закона, которые под боком у них совершаются, или устранять их непосредственным своим вмешательством.

Грубое нарушение закона вскрыто, например, в Московском горвнуторге: инспекция Мосгорвнуторга, задачей которой в частности является проверка различных жалоб на работу торговых предприятий, отпечатала в типографии и пустила в обращение повестки для вызова лиц, на которых поступают жалобы. В повестке указывается, что вызываемые приглашаются «на допрос». На обратной стороне повестки жирным шрифтом напечатано: «Не явившиеся по вызову подвергаются приводу на основании Уголовного (!?) и Уголовно-процессуального кодекса».

Прокуратура СССР вскрыла это безобразие и предложила немедленно изъять повестки из обращения. По делу ведется расследование.

Кировобадский горсовет (Азербайджанская ССР) вынес постановление, которым предложил горснабу: «Ввиду антисанитарного состояния базара и отсутствия развернутой борьбы со спекуляцией уволить всех работников городского базара и заменить их более честными».

Это беззаконное постановление, грубейшим образом нарушающее трудовые законы СССР, бросающее оскорбление целому коллективу работников, прокурором г. Кировобада не было опротестовано и горснаб провел его в жизнь. В число уволенных попал, например, и счетовод базарной конторы, не имеющий никакого отношения ни к «антисанитарному содержанию базара», ни к «развертыванию борьбы со спекулянтами». Он обратился к прокурору Кировобада с жалобой на неправильное увольнение, однако безрезультатно. В дело должна была вмешаться Прокуратура СССР, предложившая немедленно опротестовать незаконное постановление горсовета и восстановить нарушенную законность.

В г. Мерве прокурор даже сам санкционировал явное беззаконие.

Председатель Мервского горсовета пожелал отобрать для себя квартиру, занимаемую командиром запаса т. Рославцевым. В этой квартире т. Рославцев жил в течение многих лет. Он своими руками вырастил во дворе сад, развел пчел, приспособил свое жилище для культурной жизни советского гражданина.

Мервский горсовет, не посчитавшись с жилищными законами СССР, с санкции прокурора выселил т. Рославцева из квартиры, предложив ему взамен ее лачужку в другом мес-

те. Тов. Рославцев решил вступить в борьбу за свои законные права и в лачужку не поехал, оставшись жить на дворе, куда его выселили.

Самое печальное в этом деле то, что прокуратура Туркменской республики, которой Прокуратура СССР предложила проверить это дело, присоединилась к нарушителям закона. Помощник прокурора республики т. Медведев сообщил, что он не видит в действиях горсовета ничего особенного. Рославцев, по его мнению, просто капризничает, не желая отдавать своей квартиры, своего сада и своих пчел. Подумаешь, буржуазные предрассудки! Может поселиться и в другом месте и там снова разводить и сады и пчел. Квартира же понадобилась председателю горсовета, который решил переменить свою старую.

Прокуратура СССР дала хороший урок прокурору Туркменской республики, раскрыв всю гнилость подобных взглядов на законность, предложив немедленно вселить Рославцева обратно, а виновных в незаконном его выселении предать суду.

На этом маленьком и таком обыденном примере видны все неизжитые еще недостатки нашего общего надзора.

Защита прав отдельного советского гражданина не привлекает внимания прокурора; при разрешении вопросов, связанных с этими правами, прокурор позволяет себе противопоставлять «целесообразность» «законности», постановления и заключения прокурора по жалобам граждан на нарушение их прав носят еще иногда следы влияния местных органов власти. С этими недостатками работы отделов общего надзора надо как можно скорее покончить.

Забота об ограждении прав советского гражданина от каких бы то ни было посягательств должна стоять в центре внимания советского прокурора, ведущего работу по общему надзору. А единственным руководящим началом в разрешении этих вопросов является советский закон.

С. МИРОНОВ

Задачи прокуратуры водного транспорта в навигацию 1937 г.

В навигацию 1937 г. перед водным транспортом партия и правительство поставили огромные задачи. В этом году нужно перевести по сравнению с 1936 г. много больше грузов и пассажиров. Государственный план перевозок должен быть выполнен точно и с наименьшими затратами. Все организации водного транспорта мобилизуют водников на большевистское проведение навигации в 1937 г.

Прокуратура водного транспорта обязана развернуть решительную борьбу со всеми преступлениями, которые могут подорвать успешное завершение плана перевозок. Прежде всего, каждый работник прокуратуры должен сделать до конца все выводы из недавно закончившегося процесса антисоветского троцкистского центра. Оголтелая банда фашистско-троцкистских шпионов, диверсантов и террористов, стертая с лица советской земли, пыталась парализовать важнейший нерв народного хозяйства и обороны социалистической родины — транспорт. Этим процессом раскрыты причины многих чудовищных крушений на железных дорогах, совершенных бандой троцкистских заговорщиков.

Совершенно правильно сказал в своей речи т. А. Я. Вышинский, что «этот процесс вскрыл все тайные пружины подпольной преступной деятельности троцкизма, весь механизм их кровавой, их предательской тактики».

Еще кое-где остались, притаились эти трижды презренные, заклятые враги народа и продолжают вести подрывную вредительскую работу.

Контрреволюционеры-троцкисты — изменники родины и правые отщепенцы — вредили и на водном транспорте и особенно там, где не было большевистской бдительности и где сидели ротозеи и болтуны. Следователи и некоторые прокуроры недостаточно остро подходили к расследованию многих преступных фактов, сигнализировавших о вредительстве, неправильно заканчивали ряд таких дел с квалификацией преступления по ст. 111 или ст. 112 УК РСФСР.

Первая и главная наша задача — разоблачить и добить троцкистское охвостье и правых отщепенцев, ведущих подрывную работу на водном транспорте.

Материалы процесса требуют от прокуратуры по-иному оценивать аварийность на водных путях. Надо каждую аварию анализировать по-новому.

В 1936 г. многие прокуроры бассейнов слабо искали врага-вредителя в делах по авариям. Заканчивали следствие и предавали виновных суду за обычное нарушение трудовой дисциплины и невыполнение правил плавания и судовождения. По некоторым, даже серьезным, авариям прокуроры не приступали к производству следствия (прокурор М.-Окского бассейна т. Погоржельский) и полагались на начальников пароходств, которые в свою очередь тянули волокиту в даче технического заключения о причинах аварий, и поэтому аварийщики оставались безнаказанными.

Следы аварийности, как показывает ряд дел, ведут на заводы, в механико-судовые службы, в отделы кадров.

Преступно вредительски ремонтируют суда, назначают явно неопытных, неподготовленных командиров.

Надо прямо сказать, что до настоящего времени все еще нет непримиримой борьбы с аварийщиками и их пособниками. Прокуратура бассейнов не всех виновных в совершении аварий привлекает к ответственности, многие начальники пароходств проявили гнилой либе-

рализм и даже прямое игнорирование приказа наркома № 272 о борьбе с авариями. Вся обстановка на водном транспорте и рост аварий из года в год настоятельно требуют от суда более строгих мер наказания в отношении аварийщиков. В настоящую навигацию прокуратура должна это обеспечить и не допускать ошибок, имевших место в 1936 г., которые подробно обсуждались на январском совещании прокуроров бассейнов.

Недопустимо длительные сроки расследования дел об авариях приводили к утрате эффективности судебной репрессии и к прекращению некоторых дел по мотивам нецелесообразности слушания их в суде.

Прокуратура Аму-Дарьинского бассейна дело об аварии баржи «Комсомолка», возбужденное 12 мая 1936 г., не закончила до конца января 1937 г. по вине следователей Таджиевой, Садовникова и прокуроров Андреева и Нечаева.

Дело о поджоге катера «Туркменистан» и каюка № 243 расследовалось с 4 июня по 12 декабря, причем это дело лежало без движения несколько месяцев у следователей Рахматулина и Азаниева. Можно было бы привести много таких фактов возмутительной волокиты и по другим бассейнам. Никакими причинами эту волокиту оправдать нельзя. Объяснение волоките надо только искать в расхлябанности, недисциплинированности и безответственности следственных кадров, а также в крайне слабом руководстве со стороны прокуроров бассейнов и участков.

Прокурор Союза ССР требует положить конец ничем не оправдываемой волоките в расследовании преступлений на водном транспорте. Вместо бесполезной констатации длительности расследования прокуроры бассейнов и участков должны взять под непосредственный надзор движение следствия по каждому делу и в отношении всех волокитчиков принимать решительные меры вплоть до отстранения их от работы и предания суду.

На аварию судов обязан немедленно выезжать прокурор и следователь, следствие заканчивать не позднее 10-дневного срока. В этот же срок необходимо обеспечить получение технического заключения от начальника пароходства. По всем делам об авариях должен выступать обвинителем прокурор. Каждый судебный процесс над виновниками аварий должен проводиться как процесс, имеющий большое политическое значение. Каждый процесс должен широко освещаться в местной и центральной печати водного транспорта.

Безаварийная работа в предстоящую навигацию во многом зависит от доброкачественного ремонта судов. Контрреволюционные троцкисты и их сподвижники — правые отщепенцы — стараются всеми мерами вредить и сорвать план ремонта судов. Этих мерзавцев — изменников родины — всех до одного прокуратура должна выявить и вымести с водного транспорта.

Ни одно судно не может выйти в плавание без хорошо выполненного ремонта. Прокуратура бассейна несет полную ответственность за своевременное разоблачение всех виновников, срывающих зимний судоремонт, и привлечение их к ответственности. В мастерских, на заводах, на всех судах следует активизировать работу групп содействия прокуратуре. Надо добиться такого положения, чтобы активисты прокуратуры сигнализировали о всех преступлениях в области судоремонта и подготовки судов к выходу в плавание.

Важнейшим условием в ликвидации аварийности и в успешном проведении навигации является укрепление трудовой дисциплины среди водников. Расхлябанность дисциплины, преступная безответственность, косность и бюрократизм не получают решительного отпора и воздействия со стороны прокуратуры и командного состава.

В навигацию 1936 г. на судах работали злостные аварийщики и хулиганы. По их вине немало было совершено аварий и немало имело место случаев срыва работы судов.

В предстоящую навигацию мы не можем допустить такого состояния личного состава судовых команд. Прокуратура бассейна обязана оказать помощь начальникам пароходств и политотделов в разоблачении аварийщиков, хулиганов и лиц, нарушающих трудовую дисциплину.

Обучение кадров плавсостава, тщательное его инструктирование по вопросам правил плавания и судовождения играют большую роль в четкой и безаварийной работе. Прокуратура должна вести борьбу с лицами, игнорирующими и срывающими дело вооружения техническими знаниями плавсостава.

Прокуратура водного транспорта в 1936 г. плохо боролась с перепростоем судов под погрузкой и выгрузкой. Это приводило к тому, что виновники задержки судов оставались безнаказанными. Этим пользовались враги народа, охвостье троцкистов, и срывали план перевозок. Так было в Камском и Волжских пароходствах.

Троцкисты на пристани Пермь организовали контрреволюционный саботаж. Забили рейд груженными судами, а пристанционные склады — грузами, ожидавшими погрузки на суда и перевалки на железную дорогу. В результате тоннаж не подавался во-время к пунктам погрузки в Камском и даже в других пароходствах, что повлияло на срыв плана перевозок. Прокуратура Камского бассейна очень поздно по этому делу приступила к расследованию, а к ответственности привлекла виновных в конце навигации.

Так работать в 1937 г. мы не можем. Такое отношение прокуроров свидетельствует об ослаблении революционной бдительности. Мы должны обеспечить в предстоящую навигацию своевременное возбуждение уголовного преследования, быстрое расследование дел и без задержки рассмотрение их в суде.

Важнейшей задачей прокуратуры является охрана общественной социалистической собственности.

На основе указаний прокурора Союза ССР мы должны в этой области поднять нашу работу на новую, более высокую ступень. Главное внимание работники водной прокуратуры должны сосредоточить:

а) на выявлении и привлечении к уголовной ответственности всех виновников хищений и растрат;

б) на раскрытии виновников хищений, которые скрываются под так называемыми «недостачами» грузов;

в) на привлечении к ответственности лиц, виновных в неорганизации охраны груза, что способствует хищениям;

г) на ликвидации волокиты в расследовании дел и особенно дел о растратах;

д) на соблюдении порядка приема и сдачи грузов по весу.

Мы имеем все возможности путем более оперативной, более ответственной работы полностью ликвидировать хищения на водном транспорте. Работа прокуроров будет оцениваться не по количеству расследованных дел, а по тому, как борьба прокуратуры повлияла на сокращение и ликвидацию хищений и растрат.

Водные прокуроры должны особое внимание обратить на борьбу с преступлениями в области капитального строительства. Враги народа — вредители-троцкисты и правые отщепенцы и на этом участке протягивают свои кровавые руки. Проекты на объекты строительства изменяются несколько раз. Строительство сильно затягивается и даже много раз консервируется, а затем вновь возобновляется. То, что может быть построено в 1—2 года, строится 5—7 лет, и кроме того многие объекты заканчиваются строительством недоброкачественно. Разбазаривание строительных материалов и случаи задержки выдачи зарплаты рабочим и служащим не получают соответствующего отпора со стороны прокуроров бассейнов, и многие виновные в этом лица не привлекаются к ответственности.

Надо систематически проводить борьбу с преступлениями на важнейших объектах строительства и нанести сокрушительный удар по контрреволюционным саботажникам и вредителям.

Для успешного большевистского выполнения всех задач, поставленных перед прокуратурой великой сталинской Конституцией, нам нужно высоко поднять идейно-политическую и юридическую подготовку кадров прокуроров, следователей и секретарей.

К началу навигации необходимо закончить сдачу юрминимума и в основном пройти техминимум.

Поднимая политическую и юридическую квалификацию и повышая общую грамотность, мы будем продолжать непримиримую борьбу со всеми врагами народа, мерзавцами-троцкистами и правыми отщепенцами.

На январском совещании прокуроров бассейнов т. Вышинский сказал: «Если вы спросите, какая наша первая задача, то я отвечу: будьте достойны нашей великой партии и тех требований, которые нам предъявляет наш великий вождь и учитель товарищ Сталин, оправдайте их, и все задачи будут решены».

Водные прокуроры должны это указание прокурора Союза крепко запомнить и выполнить.

Е. ДОМБРОВСКИЙ

Прокуратура и надзор за исполнением судебных решений

Правильное и своевременное исполнение судебного решения имеет исключительно важное значение для укрепления социалистической законности, устойчивости гражданского оборота социалистического общества и охраны гражданского правопорядка.

Сказанное товарищем Сталиным о стабильности наших законов целиком относится и к устойчивости судебного решения, вступившего в законную силу.

«Стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было» (Сталин). Строй гражданских правоотношений социалистического общества требует охраны их судебными органами, точного исполнения судебных решений, надзора за их исполнением.

Недавно состоявшееся в Москве I всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников по гражданским делам обстоятельно, поделовому проанализировало недостатки работы суда и прокуратуры в гражданском процессе.

Особое место в работе совещания было уделено обсуждению вопроса об исполнении судебных решений.

Председатель гражданской коллегии Верховного суда РСФСР т. Лисицын в своем докладе на совещании нарисовал объективную картину крайне неудовлетворительного положения на этом участке судебной работы.

«Ревизии и обследования народных судов и непрекращающийся поток жалоб на действия судебных исполнителей, волокиту, бездействие, бюрократизм и т. п. свидетельствуют о том, что в настоящее время работа по исполнению судебных решений находится в неудовлетворительном состоянии» (из тезисов доклада т. Лисицына).

Совещание подробно обсуждало намеченные докладчиком мероприятия для улучшения работы по исполнению судебных решений. В числе основных недостатков указывались: нетерпимая волокита с исполнением судебных решений, безответственное отношение судебных исполнителей к запросам сторон, оставление без ответа обращений взыскателей, самотек в работе по исполнению решений, загрузка судебных исполнителей мелкими взысканиями хозорганов, от чего страдают живые интересы взыскателей-трудящихся, нарушение социалистической законности со стороны судебных исполнителей — формальное отношение к исполнению судебных решений, отсутствие инициативы, плохая постановка учета исполнительных листов и денежных документов, неудовлетворительная денежная отчетность и плохое хранение денежных сумм, крайне слабая работа с общественностью и неудовлетворительное руководство судебными исполнителями со стороны судов.

Перечень этих недостатков являлся бы неполным, если бы мы не отметили совершенно

неудовлетворительную работу народных судов по руководству судебными исполнителями и по качеству тех определений, которые выносятся судьями в порядке ст. 270 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик. Краевые и областные суды чрезвычайно слабо руководят этим участком судебной работы.

Принятая совещанием резолюция по докладу т. Лисицына целиком направлена на скорейшее устранение этих недостатков и надлежащую организацию надзора за исполнением судебных решений. Улучшению работы по исполнению судебных решений будет, несомненно, способствовать значительное расширение сети судебных исполнителей.

Нетерпимо дальше такое положение, когда суд фактически стоит в стороне от исполнения судебных решений.

Надзор судебных органов за исполнением судебных решений прямо предусмотрен ст. 270 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик. Согласно этой статье, жалобы на действия судебного исполнителя и иного органа, исполняющего судебное решение (исполнительный комитет, сельский совет и т. п.), в установленных законом случаях подаются народному судье, в районе которого производится исполнение, в пятидневный срок со дня совершения обжалуемого действия или же с того момента, когда оно стало известно жалобщику.

Жалобы эти рассматриваются единолично народным судьей с вызовом, в случае необходимости, заинтересованных сторон.

На определения, выносимые по этим жалобам народным судьей, могут быть приносимы частные жалобы в краевой (областной) суд (ст. 249 ГПК).

Следовательно, закон устанавливает не только непосредственный надзор за исполнением судебных решений со стороны народного судьи по месту исполнения, но и проверку определений судьи краевым (областным) судом по гражданской кассационной коллегии. Исправление ошибок народных судей по надзору за исполнением судебных решений, дача конкретных указаний в связи с рассматриваемыми частными жалобами лежат на краевом (областном) суде.

Непосредственный налзор за работой судебных исполнителей предусмотрен также ст. 267 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик. Эта статья предусматривает утверждение народным судьей расчета при распределении судебным исполнителем взысканных с должника сумм для удовлетворения нескольких взыскателей. В случае возражения взыскателей или должника против расчета судебного исполнителя последний представляет этот расчет на утверждение народного судьи. Постановление народного судьи об изменении расчета может быть обжаловано в пятидневный срок в порядке частного обжалования (ст. 249 ГПК).

Нормы Гражданского процессуального кодекса РСФСР и кодексов других союзных республик, однако, недостаточно полно регламентируют надзор суда за работой судебных исполнителей, равно как и процессуальный порядок рассмотрения жалоб на их действия.

Отсутствие в кодексе соответствующих норм ставит нередко суд в затруднительное положение. При разработке проекта ГПК Союза ССР, очевидно, необходимо восполнить этот пробел, предусмотрев в нем в числе особых производств подробно регламентированное производство по жалобам на действия судебных исполнителей. В схеме проекта союзного ГПК такое производство предусмотрено.

Какова же роль прокурора в стадии исполнения решения?

Практика знает ряд случаев неправильного осуществления прокуратурой надзора за исполнением судебных решений.

В докладе т. Лисицына правильно отмечалось, что имеются случаи незаконного вмешательства прокурора в оперативную работу судебных исполнителей, выражающиеся в непосредственных распоряжениях об отсрочке и отмене отдельных исполнительных действий, в даче словесных и по телефону распоряжений по отдельным вопросам исполнения.

Такие распоряжения прокурорских органов не соответствуют закону. Лишь суд является тем органом, на который возложен законом оперативный надзор за исполнением судебных решений. Этот тезис подчеркивался как в докладе т. Борисова о работе прокуратуры по гражданским делам, так и в докладе т. Рейхеля о работе суда

Принцип невмешательства суда в исполнительное производство чужд нашему гражданскому процессу. Дореволюционный закон, исходя из буржуазной диспозитивности и состязательности гражданского процесса, устанавливал, что «судебные установления не обязаны наблюдать за приведением решений в исполнение» (ст. 925 Устава гражданского судопроизводства). Аналогичные нормы содержатся и в процессуальных кодексах буржуазных стран.

Последовательное проведение принципа диспозитивности в буржуазном процессе предоставляет исполнение судебных решений целиком усмотрению взыскателей. Суд не вправе активно вмешиваться в осуществление взыскателями их прав по исполнительным документам. Совершенно другое положение мы имеем в нашем гражданском процессе — активность суда в процессе, несомненно, распространяется и на стадию исполнения судебного решения. Важнейшие указания ст. 5 ГПК РСФСР, ст. 7 ГПК УССР и соответствующих статей ГПК других союзных республик настоятельно требуют усиления внимания суда к исполнению судебных решений и активной работы по надзору за деятельностью судебных исполнителей. Суд обязан «оказывать обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред. При этом суд разъясняет обращающимся к нему сторонам их процессуальные права и необходимые формальности, предупреждая о последствиях, связанных с процессуальными действиями или упущением их» (ст. 5 ГПК РСФСР).

Совершенно очевидно, что указанное требование закона как один из основных принципов советского гражданского процесса полностью распространяется и на стадию исполнения судебного решения.

Кто из судебных работников не знает, как часто взыскатели обращаются за содействием

к судебным органам именно в порядке исполнения судебных решений? Достаточно напомнить исключительно большое количество жалоб и заявлений об исполнении судебных решений по алиментам, о взыскании присужденной заработной платы и др., чтобы отчетливо представить себе, насколько актуальным является требование закона об активном вмешательстве суда в исполнительный процесс и осуществлении действенного надзора за исполнением судебных решений. Такого надзора необходимо во что бы то ни стало добиться.

В гражданском процессуальном кодексе Союза необходимо развить нормы, касающиеся активного надзора за исполнением судебных решений.

Вследствие игнорирования судьями этого участка своей работы мы имеем сейчас такое положение, когда взыскательницы алиментов на содержание детей нередко не могут добиться реализации судебного решения, а иногда не получают даже ответа на свои неоднократные запросы о взыскании алиментов с неисправных или злостных неплательщиков.

Тов. Лисицын констатировал в своем докладе, что почти 50% взысканий по исполнительным листам сводятся к формальному составлению судебными исполнителями актов о несостоятельности или о нерозыске должника и к составлению препроводительных бумажек о направлении исполнительных листов в другие организации. Судьи молчаливо наблюдают за подобного рода «исполнением» судебных решений.

Отсюда понятен тот поток жалоб, который направляется взыскателями в органы прокуратуры на бездействие судебных исполнителей или на неправильные действия последних, а также на оставление без ответа запросов и обращений сторон.

Роль прокуратуры в этой области определяется действующим законодательством, согласно которому «прокурор вправе как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс» (ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик).

Следовательно, прокурор, опираясь на указанную ст. ГПК, может вмешаться в дело и в стадии исполнения судебного решения.

Проверив жалобу, прокурор вправе принести протест на незаконные действия судебного исполнителя в суд по месту исполнения; он вправе также опротестовать незаконное определение народного судьи, вынесенное в порядке ст. 270 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик, в гражданскую кассационную коллегию краевого (областного) суда.

Прокурор вправе возбудить перед краевым (областным) судом вопрос о наложении дисциплинарного взыскания на виновных в волоките, бюрократизме, невнимательном отношении к жалобщикам должностных лиц судебной системы. Прокурор обязан также ставить вопрос о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших уголовно-наказуемое деяние в стадии исполнения судебного решения.

Прокурор вправе, наконец, потребовать судебное дело и принести протест на судебное решение, если из поданной жалобы он усмотрел незаконность судебного решения, руководствуясь при этом ст. 254 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик.

Прокуратура не должна, однако, непосредственно вмешиваться в оперативную работу судебных исполнителей. Жалобы на их действия должны направляться в суд. Верховные суды союзных республик, краевые и областные суды на основе решений всесоюзного совещания должны разработать систему мероприятий по обеспечению нормальной работы судебных исполнителей и судебного надзора за их деятельностью.

Прокуратура же принимает к своему производству жалобы на действия судебных исполнителей лишь в тех случаях, когда эти действия противозаконны, когда наблюдаются случаи волокиты, бюрократизма, нарушения признанных судебным решением гражданских прав в стадии исполнения или когда жалоба указывает на явно неправильное судебное решение, требующее истребования дела, приостановления исполнения решения и принесения протеста.

Так, например, Прокуратура Союза ССР правильно вмешалась в дело исполнения судебного решения о выселении машинно-тракторной станции, произведенном явно противозаконно. Жалоба направлена была в следственный отдел для расследования и привлечения виновных к ответственности. Прокуратура также правильно вмешалась в исполнение судебного решения об истребовании ребенка, по которому ребенок на основании судебных решений в течение месяца несколько раз перебрасывался от одного родителя к другому. По делу был принесен протест в интересах ребенка, и дело окончательно разрешено с участием в процессе прокурора. В связи с этим делом, кстати сказать, была издана директива Прокурора Союза от 8 августа 1936 г. об обязательном участии прокурора в судебных процессах об истребовании ребенка.

Прокурор должен поинтересоваться исполнением судебного решения по поручениям вышестоящих звеньев прокуратуры, а также по поручениям контрольных органов. Все предложения вышестоящих прокуратур о проверке принятых мер по исполнению того или иного судебного решения должны быть неукоснительно выполняемы нижестоящими звеньями прокуратуры в установленные сроки.

Общий вывод, какой следует сделать по затронутым нами вопросам, сводится, таким образом, к строгому соблюдению законов, определяющих роль суда и прокурора в гражданском процессе.

Нормальной инстанцией, осуществляющей повседневный надзор за исполнением судебных решений, является суд по месту исполнения.

Прокурор не вмешивается в оперативную работу судебного исполнителя или иного органа, исполняющего судебные решения (сельсовет и др.). Роль прокурора и в стадии исполнения решения определяется ст. 2 ГПК и задачами надзора за законностью судебных решений.

С. МИТРИЧЕВ

О техническом снаряжении следователя

На заключительном заседании последней конференции следователей Прокуратуры Союза ССР т. Вышинский заявил, что следователю пора научиться настоящему следственному розыску, что пора следователю перестать заниматься одним только протоколированием. Это не значит, конечно, что следователь будет иметь свой розыскной аппарат, но это значит, что он должен обладать такой квалификацией, чтобы быть в состоянии руководить, когда это необходимо, и розыском преступника.

Новые требования, которые предъявляются к следователю, вытекают из сталинской Конституции социалистического общества. Необходимо обеспечить такое положение, при котором всякий враг народа, всякий покушающийся на социалистическую собственность, всякий покушающийся на личные права граждан социалистического общества будет изобличен органами правосудия, при котором ни одно преступление не останется не раскрытым.

На народного следователя возложено расследование наиболее серьезных уголовных дел, имеющих большое общественно-политическое значение.

Для успешного выполнения этой большой и ответственной задачи наш следователь должен обладать не только высоким политическим и культурным уровнем развития, но и определенными знаниями в области уголовной техники и иметь минимум технического снаряжения.

За последнее время Прокуратура Союза ССР сделала очень многое в области повышения теоретического уровня следователей; особенно эта работа усилилась с созданием следственных отделов. Собираются периодические конференции следователей, к работам этих конференций привлекаются лучшие педагогические силы, издается целый ряд методических пособий. И все же эта работа может оказаться незавершенной, если мы серьезно не возьмемся за техническое оснащение следователя.

На совещании начальников следственных отделов союзных республик, которое было созвано следственным отделом Прокуратуры Союза ССР, был рассмотрен образец так называемого следственного чемодана. Все выступившие в прениях приветствовали это начинание Прокуратуры Союза ССР и просили ускорить разрешение вопроса о снабжении следователей подобными чемоданами. Демонстрируемый следственный чемодан был принят совещанием в качестве образца. Совещание вынесло решение приступить к массовому изготовлению следственных чемоданов с тем, чтобы уже в 1937 г. часть следователей его имела.

Центральный методический совет при Прокуроре Союза ССР 10 февраля с. г. при окончательном утверждении образца следственного чемодана внес в него много изменений. Указано было, чтобы чемодан не был громоздким, чтобы содержимое чемодана по своей простоте было доступно каждому следователю. В качестве приложения к чемодану предложено написать руководство. В этом руководстве необходимо описать каждый предмет чемодана и правила пользования им.

Совет обязал зам. Прокурора Союза ССР т. Рогинского обеспечить массовое изготовление следственных чемоданов уже начиная с марта.

Следственный чемодан — это и есть тот минимум технического снаряжения, который должен иметь следователь.

Мысль о «следственном чемодане» или «следственной сумке» не нова. О «следственном чемодане» не раз уже писалось в нашей криминалистической литературе. Многие заинтересованные в этом учреждения разрабатывали и изготовляли показательные экземпляры «следственных чемоданов». Но «воз и ныне там». — дальше изготовления показательных экземпляров дело не шло.

Нам кажется, что этот вопрос очень серьезный и заслуживает большего внимания, чем он до сего времени имел. Лаборатория по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР получила не один десяток писем от наших следователей с просьбой оказать им содействие в приобретении некоторых материалов и аппаратуры по технике расследования. Это лишний раз подтверждает, что надо ускорить снабжение нашего следователя необходимыми предметами технического снаряжения.

Аксиомой для каждого криминалиста является, что осмотр места совершения преступления есть основа для всего дальнейшего расследования. От успешности произведенного осмотра часто зависит все дальнейшее рассмотрение дела. Но что может сделать следователь, если он выезжает на место совершения преступления что называется с «голыми руками». Кроме того, следователь часто не знает, с чем ему придется встретиться на месте преступления и что он должен с собой захватить. В этих случаях «следственный чемодан» как набор всего необходимого может спасти от неожиданностей.

Подходя с этим требованием к содержимому «следственного чемодана», мы должны дело организовать таким образом, чтобы «следственный чемодан» содержал все необходимое: приборы и материалы по обнаружению и собиранию вещественных доказательств на месте преступления.

Первым, самым крупным отделом «следственного чемодана» должен быть фотографический. Мы не согласны с т. Якимовым, который, предлагая образец «следственного чемодана», исключает вообще фотографию. Фотографирование места преступления или отдельного вещественного доказательства должно всегда предшествовать всем другим методам расследования. Во-первых, это полезно сделать потому, что фотографический метод не вносит никаких изменений в обстановку места преступлений, чего другие методы гарантировать не могут. Во-вторых, тщательный осмотр и изъятие отдельных предметов в качестве вещественных доказательств может быть только после того, как все место преступления сфотографировано в целом.

Какие предметы и материалы необходимы в этом отделе? Мы считаем, что предметы должны быть самые необходимые и притом такие, которые имеются в продаже (последнее обстоятельство важно, имея в виду массовое изготовление следственных чемоданов): фотографический аппарат ВООП (Фотокор). Этот фотоаппарат имеет двойное расстояние меха, позволяющее фотографировать предмет в его натуральную величину. Качество объектива этого аппарата (светосила 1 : 4,5) позволяет его рекомендовать для оперативно-следственной фотографии. Необходимо иметь в чемодане не менее десяти штук кассет. Кассеты лучше всего заряжать ортохроматическими пластинками.

Необходимы два светофильтра — желтый и оранжевый. Желтый необходим для получения на фотоснимке правильного соотношения между окраской снимаемых объектов, оранжевый — для фотосъемки предметов или следов, находящихся на красном, оранжевом или коричневом фоне. При употреблении светофильтров нужно иметь в виду, что при фотографировании на пластинках, не чувствительных к желто-зеленым или красным световым лучам, светофильтры не применяются.

Вместо обыкновенного штатива в чемодане должен быть видель-штатив. Последний, во-первых, занимает очень мало места, во-вторых, при помощи его фотоаппарату можно придать устойчивое положение в любой обстановке. Имеющаяся на штативе вращающаяся штативная головка позволяет при необходимости придать фотоаппарату вертикальное (объективом вверх или вниз) или наклонное положение.

Необходимо также иметь порошок для вспышки, ибо не всегда можно использовать дневной или электрический свет.

Для точного обозначения размера фотографируемых следов или отдельных предметов употребляется масштаб. Для этого масштабная линейка помещается рядом и в одной плоскости с фотографируемым объектом.

Вдавленные следы фотографировать необходимо при косом одностороннем освещении. При искусственном освещении это достигается расположением светового источника с одной стороны под углом от 10° до 20° к плоскости нахождения следа, причем угол освещения возрастает при фотографировании наиболее углубленных следов во избежание образования теней.

Правильность освещения следа проверяется по матовому стеклу фотоаппарата, на котором контуры следа должны изображаться с достаточной отчетливостью.

В чемодане должно быть все необходимое для получения копий следов путем изготовления с них слепков (второй отдел чемодана). Это, во-первых, гипс, необходимый для изготовления слепков со следов ног человека и животных, транспортных средств и т. д., и, во-вторых, пластелин, применяемый для получения слепка со следа, оставленного каким-либо орудием на твердой поверхности.

Пульверизатор необходим для опрыскивания водой сыпучих веществ, на которых имеется след, с которого необходимо получить слепок.

Для составления плана необходимы планшет с укрепленным на нем компасом, трехгранная линейка для визирования при производстве «глазомерной съемки», миллиметровая бумага в листах на размер планшета, готовальня и металлический метр.

Для применения дактилоскопического метода соответствующий отдел следственного чемодана должен содержать: 1) аргенторат и графит для проявления бесцветных пальцевых отпечатков, оставленных на стеклянных, гладких металлических и полированных поверхностях; 2) пленки белого и черного цвета для снятия копий пальцевых узоров, проявленных порошками; 3) кисти из мягкого волоса; 4) лупа; 5) типографская краска; 6) цинковая полированная пластинка; 7) валик; 8) скипидар; 9) свечи; 10) резиновые перчатки; 11) деревянная коробка, предназначенная для сохранения от порчи изъятых кусков стекла со следами пальцев рук; 12) алмаз для разрезывания стекла при изъятии кусков с пальцевыми отпечатками.

Оттиски пальцев рук, обнаруженных на месте преступления, подлежат изъятию и направлению в соответствующие лаборатории для исследования. На предметах, могущих быть доставленными в лабораторию, пальцевые отпечатки не подвергаются обработке на месте преступления.

Кроме перечисленных выше приборов и материалов, в «следственном чемодане» необходимо иметь: отмычки — дверные и шкафные для вскрытия помещений на месте преступления, когда это нельзя сделать обычным способом; инструменты — нож, ножницы, щипцы, кусачки, напильник, молоточек, отвертку,—все это требуется для работ по изъятию и укупорке вещественных доказательств.

Из реактивов должна быть перекись водорода для предварительной пробы на кровь. Здесь же нужно заметить, что предварительную пробу на кровь при нахождении пятен, схожих с кровяными, следует производить только в исключительных случаях и притом на самом ограниченном пространстве пятна. Основное исследование должно быть произведено в соответствующей лаборатории.

В «чемодане» в запасе должно быть несколько пустых пробирок для помещения в них мелких вещественных доказательств, подлежащих микроскопическому исследованию, например, волосы, грязь из-под ногтей, пыль и т. п.

Все перечисленное и является тем минимумом, который должен иметь каждый следователь в своем распоряжении. При массовом изготовлении стоимость одного «следственного чемодана» не будет превышать 550 руб.

Чем скорее мы проведем в жизнь прекрасное решение совещания начальников следственных отделов о «следственном чемодане», тем будет больше пользы для дела. Вновь организованная лаборатория по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР должна взяться за это дело немедленно.

Г. МЕЛЬНИКОВ и Б. ЕРШОВ

К вопросу о переподготовке кадров

В резолюции июльского Всесоюзного совещания прокурорских работников с полной ясностью было записано: «Перед лицом чрезвычайно важных задач, поставленных новой Конституцией перед органами прокуратуры, приобретает особенное и исключительное значение правильная организация работы самой прокуратуры... прокуратура в работе всех звеньев своего аппарата, от районной прокуратуры до прокурора союзной и автономной республики должна давать образцы:

а) беспредельной преданности делу социализма, делу великой партии Ленина—Сталина;

б) высокой политической и специальной квалификации каждого из работников своей системы;

в) высокой сознательной пролетарской дисциплины и беспрекословного большевистского исполнения своего прокурорского долга».

Несмотря на необходимость резкого улучшения качества работы всего следственно-прокурорского аппарата, вопросу переподготовки кадров уделяется все еще очень мало внимания.

Крупным недостатком в организации прохождения юрминимума явилось, по нашему мнению, то, что работа была начата с периферии.

Областные прокуроры и их заместители до сих пор все еще собираются сдавать юрминимум.

На протяжении 1935 г. была полная возможность организовать сдачу юрминимума руководящими работниками краев и областей, а при этом основательно проинструктировать их о порядке проведения этой работы на местах.

Ничего подобного Наркомюст не предпринял, и лишь в начале 1936 г. лично т. Вышинский вызвал целый ряд областных и краевых прокуроров на совещание по вопросам проведения юрминимума при Прокуратуре СССР.

Единой системы организации сдачи зачетов выработано не было: в Западной Сибири имели место случаи сдачи зачетов целыми группами с составлением одного общего протокола человек на 15—20 сдающих. Сдача зачета по первой части юрминимума такой группой людей «укладывалась» в 5—6 час. По Западной области зачеты сдавались и сдаются индивидуально с составлением отдельных актов.

При таком положении вещей не удивительно, что наши руководящие организации в центре несколько недоверчиво относятся к итоговым данным сдачи испытаний по юрминимуму, и т. Рогинский на июльском совещании прокуроров совершенно правильно по этому поводу заметил: «Одно из двух, либо юридический минимум проводился бюрократически, по-чиновному, и те данные, которые нам представили, не соответствуют действительному положению вещей, либо выступления здесь и указания о том, что вы имеете такой прорыв в кадрах, о котором говорили т. Гарин и другие, свидетельствуют лишний раз о том, что вы не знаете своих кадров»

Несомненно, что организация проведения юрминимума была поставлена плохо: не носила единообразного характера, отсутствовали единые критерии оценки, а отсюда и наличие странного положения — неплохие отметки и в то же время в аппарате попрежнему — неподготовленные люди, подчас буквально обыватели «в мундирах следователей и прокуроров».

Сейчас во всю ширь поставлен вопрос о том, что следователи и прокуроры должны быть всесторонне культурными, вполне грамотными людьми. Наши мероприятия по переподготовке кадров в очень малой мере обеспечивают достижение значительных результатов в этом направлении и недостаточно способствуют изучению кадров.

В практике работы Западной областной прокуратуры в порядке опыта экзаменационная комиссия, принимая испытания по юрминимуму, попробовала не ограничиться рамками учебника, а в ряде случаев, стремясь выяснить степень политического и общего культурного развития товарищей, беседовала по вопросам, выходящим за пределы программы юридического минимума.

Такая постановка работы дала возможность выявить буквально вопиющие факты.

Народный следователь т. Самосват, который в свое время закончил семилетку и работает следователем с 1929 г., услышав, что его спрашивают не о порядке возбуждения уголовного дела, а по географии, обиделся и прямо указал, что это едва ли касается его следовательской работы.

Народный следователь Дятьковского района т. Латынов работает с 1933 г. и «ухитрился» (иное выражение в данном случае едва ли подойдет) до сих пор не знать, что такое стратостат.

Следователь Гордеевского района т. Зайцев не знает, что такое монархия, и склонен считать, что в Германии — монархия. Он объяснил свое «мнение» тем, что «по его сведениям там у власти буржуазия».

Комсомолец Кулешов, работающий около года следователем Погарского района, в дни, когда даже советские дети следили за событиями в Испании и, как пять своих пальцев, изучили географическую карту этой страны, признался, что не знает, какой город — столица Испании.

По его мнению, в Италии власть в руках коммунистов, а на вопрос о том, кто такой Муссолини, он спокойно заявил, что не знает и не видит надобности запоминать отдельные фамилии.

Что может быть более возмутительным в сравнении с фактами, установленными в процессе сдачи испытаний по юрминимуму следователем Климовского района Срединским?

Этот человек в свое время закончил полный курс гимназии. Он имел неплохое общее образование. Работая несколько лет следователем, т. Срединский, вместо того чтобы расти политически, безнадежно увяз в болоте обывательщины, не интересовался и не инте-

ресуется жизнью страны, забыл, что такое книга и газета.

Из беседы с ним во время испытаний выяснилось, что с проектом сталинской Конституции он совершенно незнаком.

Он остался в стороне от окружающей его действительности, владея лишь остатками знаний, полученных в гимназии.

Когда т. Срединского спросили, что он читал из произведений современной художественной литературы, то выяснилось, что даже таких замечательных книг, как «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Как закалялась сталь», он не читал.

К сожалению, т. Срединский не одиночка. Во время беседы комиссии с рядом следователей и прокуроров выяснилось, что некоторые из них до сих пор не читали ни одного произведения Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Алексея Толстого и др.

Все эти люди мало-мальски удовлетворительно отвечали на прямые вопросы по содержанию учебника юрминимума, но обнаруживали полное невежество всякий раз, когда речь заходила о вещах, которых нет в учебнике.

В результате работы таких следователей и прокуроров мы получаем позорные факты.

Вот образец такой «работы».

Народный следователь Велижского района т. Казаков в обвинительном заключении по делу Павлова пишет: «В своих показаниях Павлов называет себя человек исключительной честности и преданности советской власти (беспартийный большевик), но если бы Павлов был действительно таким, то он не хранил бы на протяжении 19 лет полицейскую паспортную книжку — Начальника Земской Управы».

Большая ответственность перед партией и правительством за качество работы на важнейшем участке, на участке защиты социалистической законности обязывает не допускать, чтобы человек, занимающий политически ответственный пост прокурора или следователя, по своим знаниям, политическому развитию, общей культурности оставался буквально обывателем.

Низкий уровень развития некоторой части следователей и прокуроров нельзя объяснить только скверной работой по переподготовке кадров в краях и областях.

Прокуратура Западной области добросовестно отнеслась к организации освоения работниками юрминимума: все то, что рекомендовалось центром, выполнено, проводились учебные конференции, рассылались учебники, давалась письменная консультация, но несмотря на все это продолжают иметь место случаи, подобные описанным выше.

Кроме того, известно, что перлы невежества следователей и прокуроров встречаются не только в Западной области. О ряде таких же фактов в других краях и областях говорил в июле на совещании т. Вышинский.

Все дело в том, что система переподготовки и подготовки кадров, осуществляемая НКЮ, во многом неудовлетворительна

Разве можно считать положение вещей удовлетворительным, если по Западной областной правовой школе НКЮ в 1935 г. истрачено 77 107 руб., а Западная областная прокуратура получила по окончании учебного (1935) года лишь 3 работников, к тому же отвратительно подготовленных?

Этой же правовой школой в 1936 г. истрачено было 213 957 руб. При таких финансовых ресурсах учеба могла бы быть организована неплохо, а в действительности оказывается, что преподаватель по уголовному праву на протяжении года менялся трижды, в отношении других предметов дела обстоят не лучше. Никаких специальных кабинетов школа не имеет.

Важнейшей задачей увязки теоретических занятий в правовых школах с прохождением практики НКЮ совершенно не занимается. Люди, проучившись год в школе, буквально в глаза не видели уголовного дела, не имеют никакого понятия о практике применения требований УПК, ГПК и т. д.

На местах этот вопрос разрешают «как бог положит на душу», в иных местах оставляют людей по окончании школы на месяц или два при аппарате краевой (областной) прокуратуры, в других — посылают на «учебу» к опытным прокурорам и следователям. Находятся и такие областные (краевые) прокуроры, которые направляют товарищей, окончивших школу, без всякой практики, сразу на самостоятельную работу.

Пора НКЮ привести в порядок этот участок подготовки кадров и перестать рассчитывать исключительно на инициативу мест.

Еще хуже дело обстоит с переподготовкой кадров.

Попытка вооружить аппарат некоторыми юридическими знаниями путем проведения юрминимума, проведена неудачно, да и едва ли иные результаты могли бы быть достигнуты.

При разрешении этого вопроса следовало иметь в виду, что недостатки наших кадров сводятся не только к отсутствию у многих следователей и прокуроров юридической подготовки, основным недостатком является низкий уровень общего развития. Известно, что очень многие следователи и прокуроры располагают лишь низшим образованием.

Прохождение юрминимума ни в какой мере не обеспечивало повышение общего развития, и с подобной практикой переподготовки наших кадров следует раз и навсегда распрощаться.

С осени 1936 г. по линии заочного образования начато мероприятие исключительной важности — это организация заочных юридических школ. В программу этих школ включены 8 правовых и 11 общеобразовательных дисциплин. Трехлетний курс обучения «без отрыва от производства», система закрепления за учащимся на местах педагогов местных средних школ гарантирует нам, при большом, систематическом и серьезном руководстве центра, серьезную переподготовку кадров.

Заочная юридическая школа при такой организации в состоянии подготовить неплохие кадры для заочных институтов.

По Западной области в заочном институте учатся только 31 прокурор и 32 следователя. Целому ряду из этих товарищей учиться очень трудно — не хватает общего развития. Широко вовлекать следователей и прокуроров в систему высшего заочного правового образования трудно по этой же причине.

Необходимо теперь же широко развернуть работу заочных юридических школ с охватом всех людей, подходящих для работы в органах прокуратуры, из наличных кадров.

Ясно, что такая переподготовка кадров потребует больших капиталовложений, серьезного внимания центра, планового снабжения литературой и целого ряда иных организационных мероприятий. Уложить широкую переподготовку кадров в рамки различных 3-месячных или месячных курсов и пресловутого юрминимума невозможно.

Следует теперь же буквально всех следователей и прокуроров, не имеющих высшего образования и не подготовленных к учебе в заочном вузе (а уровень знания для лиц, вступающих в заочный правовой вуз, должен быть безусловно высоким), охватить учебой в хорошо организованных заочных юридических школах с программой средней школы плюс некоторые правовые дисциплины. Объявить для соответствующей категории работников эту учебу обязательной и безусловно обеспечить ее денежными ассигнованиями и руководством.

Наша обязанность организовать дело так, чтобы тот, кто не может учиться в вузе, учился в школе, а если он этого не хочет, несмотря на все созданные возможности, то с такими «работниками» придется распрощаться.

Совершенно прав был т. Вышинский, говоривший, что, «если мы не поставим перед собой задачи в течение ближайших 3—4 месяцев — полугодия просмотреть буквально каждого работника и не выкинем из аппарата... неграмотных дураков или чрезмерно умных философов, ничего хорошего не выйдет из нашей работы».

Организовав так систему переподготовки кадров, следует учесть, что в краях и областях изо дня в день стремятся всячески найти людей для пополнения следственного аппарата и принимают на эту работу лиц, не работавших в органах юстиции и не имеющих юридического образования: например, бывших работников милиции. Необходимо теперь же, не ожидая издания нового положения о судоустройстве, разослать единую, твердую программу-минимум тех требований, которые должны предъявляться в отношении лиц, желающих работать в нашем следственном аппарате.

Нам известно, что не за горами издание нового положения о судоустройстве и различных проектов о прохождении службы в органах прокуратуры, но нельзя не иметь в виду, что прием на работу новых людей начнется не завтра, а ведется изо дня в день уже и сейчас. Поэтому следует подбирать новые кадры так, чтобы не пришлось переделывать всей работы потом.

От редакции

Для проверки сообщенных в настоящей статье фактов и для ознакомления с нарследователями, о которых идет речь в публикуемой статье, в Западную область был командирован представитель Прокуратуры СССР т. Кузьмин.

Шесть нарследователей были вызваны в Смоленск. На оперативном совещании у Облпрокурора тов. Еремина была проведена с ними беседа.

Приведенные в статье факты подтвердились. Эти факты были давно известны руководству Облпрокуратуры. Еще в октябрьском номере бюллетеня Западной облпрокуратуры «За образцовую постановку следствия» была напечатана статья «Больше внимания учебе» с характеристикой крайне низкого политического и культурного уровня нарследователей. Тем не менее, поскольку руководство Облпрокуратуры не сделало серьезных выводов, ограничившись простой констатацией и регистрацией фактов, положение с этими нарследователями мало чем изменилось и через несколько месяцев.

Прокуратурой Союза ССР предложено Облпрокурору т. Еремину взять под свое личное наблюдение работу этих нарследователей с представлением в Прокуратуру Союза к 1/VII 1937 г. материалов, характеризующих их работу в течение первого полугодия 1937 г. Со своей стороны, Прокуратура Союза ССР установила систематическую связь с этими следователями в целях оказания им необходимой помощи в устранении в их работе и квалификации обнаруженных недостатков.

М. СТРОГОВИЧ

Новое начинание

Задача повышения уровня теоретической и практической подготовки прокурорских работников делается все более и более актуальной, а ее разрешение — все более и более неотложным. Особенно сейчас, когда новая сталинская Конституция СССР возлагает такие громадные и ответственнейшие задачи на прокуратуру, повышение квалификации прокурорских работников, их идейно-политического роста, их юридических знаний и практических навыков должно стать предметом самого пристального внимания, самой большой заботы со стороны руководящих органов прокуратуры. Осуществление этой задачи достигается различными средствами. Проведение юрминимума, циклы лекций по важнейшим правовым дисциплинам, конференции следователей и прокуроров, система юридических школ, заочное юридическое образование — все это крайне важно сейчас, все это помогает (но все еще далеко не в достаточной мере) систематически поднимать уровень наших прокурорских кадров.

Сейчас Прокурор СССР т. А. Я. Вышинский, наряду с указанными выше мерами, в виде опыта ввел еще одну меру, очень трудную для

исполнения, но очень плодотворную и эффективную при правильном ее осуществлении. Приказом по Прокуратуре СССР от 23 февраля 1937 г. № 135 т. Вышинский распорядился вызывать в течение марта, апреля и мая с. г. по 10 человек прокуроров с периферии для работы в течение месяца в Центральном аппарате Прокуратуры СССР. Вызываемые товарищи с мест — помощники областных прокуроров, районные прокуроры, народные следователи или прокуроры специальных прокуратур должны будут в течение месяца работать в соответствующих отделах Прокуратуры СССР под непосредственным руководством начальников отделов, под общим руководством Прокурора Союза и его заместителей. Основное, что преследуется этим — это приобщение товарищей с мест к важнейшим принципиальным вопросам прокурорской работы, как они ставятся и решаются Прокуратурой СССР, к стилю, к методам работы Прокуратуры СССР. Работая под руководством Прокуратуры СССР, участвуя в разработке важнейших мероприятий, захватывающих различные стороны прокурорской работы, знакомясь с методами руководства прокурорской периферией, командированные товарищи за месяц своей работы в Прокуратуре СССР смогут значительно расширить свой кругозор, поднять свой политический уровень, и ряд вопросов, с которыми они сталкивались повседневно в своей работе на местах, получит для них иное освещение и иное значение. Но для этого должно быть обеспечено одно важнейшее условие. Командированные товарищи с мест ни в коей мере не должны использоваться в качестве добавочной «рабочей силы» для разгрузки текущих дел в соответствующих отделах Прокуратуры СССР. Иначе — все это начинание обречено на неуспех. Текущих дел, переписок, жалоб и т. п. у товарищей с мест было достаточно и на своей постоянной работе. Поэтому основным содержанием их работы в Прокуратуре СССР должно быть участие в разработке принципиальных вопросов прокурорской работы, в разрешении важнейших, принципиальных дел, чтобы товарищи могли усвоить линию работы, методы работы, получить зарядку для своей дальнейшей работы, научиться свободно ориентироваться в сложных и трудных практических вопросах. Иными словами—основная задача командированных товарищей с мест — учиться работать и, научась работать, — учить этому своих товарищей на местах. Этому много поможет и участие командированных товарищей на оперативных совещаниях при Прокуроре СССР, на совещаниях по специальным вопросам и т. д. Другой стороной работы командированных товарищей будет учение в собственном смысле слова. Для них будут организованы специальные курсы лекций по правовым дисциплинам, которые будут читать наиболее квалифицированные лекторы, они будут участвовать на научных заседаниях Института юридических наук, с ними будут проводиться беседы по отдельным вопросам права. Работа товарищей будет распланирована таким образом, чтобы они имели полную возможность, помимо работы в отделах, успешно заниматься и читать соответствующую литературу самостоятельно.

Таковы основные условия проведения этого нового мероприятия по повышению уровня теоретической и практической подготовки прокуроров и следователей. Количественно охват этого мероприятия невелик, но если опыт удастся (а он должен удасться), его можно будет распространить на прокуратуры союзных республик и этим увеличить количество таким образом обучающихся товарищей. А затем — совершенно очевидно, что командироваться в Прокуратуру СССР должны будут только лучшие работники с мест, поэтому по возвращении к месту своей постоянной работы они свой опыт и полученные знания должны будут использовать для помощи другим работникам в деле повышения уровня их знаний.

СКК

Вместо фельетона

Зрительный зал клуба одного из крупнейших заводов столицы был переполнен доотказа. На улицах шумела густая толпа жаждущих пробиться в зал. Публика волновалась: начало было объявлено в пять часов, шел уже восьмой, а на сцене не было заметно никаких признаков жизни. Каждые десять—пятнадцать минут поднимался стук стульями, вспыхивали аплодисменты вперемежку со свистками, но ничто не помогало.

Вы ошибетесь, если подумаете, что зрители, собравшиеся в таком необычно большом количестве, ждали начала какого-нибудь интересного концерта, спектакля или выступлений популярного докладчика.

Мы не будем спекулировать на догадливости читателя и скажем прямо — тысячная толпа рабочих ждала начала показательного процесса над врачами, обвинявшимися в производстве абортов, тремя женщинами, подвергшимися этой операции, и мужем одной из них, толкнувшим ее на такой способ ликвидации беременности.

Было объявлено, что народный суд 1 участка Таганского района под председательством старшего судьи т. Грязнова начнет в пять часов дня слушание этого дела, так взволновавшего заводскую общественность.

Поверив объявлению и собравшись к пяти часам, публика была наказана за свое легковерие и незнакомство с практикой организации показательных процессов народным судом Таганского района.

Когда часовая стрелка приблизилась к пяти минутам девятого, через толпу протискался плотный мужчина в очках и, поднявшись на сцену, скрылся за кулисами. У толпы вырвался вздох облегчения — все поняли, что пришел судья. Однако процесс не начинался еще не один десяток минут. Тайна этой последней задержки осталась неизвестной публике.

Пожалуйста, не подозревайте судью в том, что он в эти минуты пил чай или читал газету, заставляя нервничать аудиторию, так терпеливо ожидавшую целых три часа.

Эти минуты принесли ряд неожиданных волнений и беспокойств самому старшему судье: именно тогда обнаружилось непредвиденное обстоятельство, грозившее срывом процесса. Вопрос — быть или не быть показательному процессу — был решен только в эти минуты и то лишь благодаря истинно суворовской находчивости старшего судьи.

Перед судьей стала во весь рост такая проблема: трое обвиняемых по делу, оказывается, остались без защиты, так как явились только трое защитников, приглашенных другими обвиняемыми, а защита из местной консультации не была затребована судом, так как старший судья полагал, что между тремя защитниками по соглашению можно будет распределить всех обвиняемых. Однако такое распределение между тремя защитниками всех обвиняемых оказалось невозможным в силу противоречий интересов обвиняемых. А так как явившиеся защитники оказались недостаточно «дисциплинированы» и не согласились на уговоры судьи «как-нибудь примирить противоречия», то перед самым открытием процесса и возникло непредвиденное осложнение.

Тогда прокурором и судьей были вызваны обвиняемые, оставшиеся без защиты. Уговорить их оказалось легче.

Проблема, казавшаяся неразрешимой, разрешилась очень легко: обвиняемые отказались от защиты, услуги коей им не были даже предложены.

Дальше последовало спешное наведение порядка на сцене, и в 8 ч. 30 м. долгожданный процесс начался.

Большая часть публики была весьма поражена своеобразием того, что происходило на ее глазах, зато любители эксцентрики остались весьма довольны.

Обычно двери судебного зала закрываются в те моменты процесса, когда исследуются сугубо интимные стороны жизни и даются показания по таким обстоятельствам, о каковых не всегда удобно рассказывать в присутствии публики.

Здесь же судья решил, что в интересах показательности не следует закрывать двери судебного заседания даже в такие моменты. И вот перед тысячной настороживщейся аудиторией поднимавшиеся на сцену женщины-обвиняемые подвергались настойчивому допросу и, едва преодолевая смущение, должны были повествовать о том, какие именно меры принимались ими для предотвращения беременности, и т. п.

Одной из женщин настойчиво предлагалось рассказать, от кого именно она забеременела и с кем имела случайные связи.

Это позорище происходило под взрывы смеха, фырканье и не совсем пристойные реплики кое-кого из местных хулиганов, пробравшихся в зрительный зал.

Ободренный создавшимся «веселым» настроением, судья шутливо успокаивал публику и, призывая к порядку, острил: «Граждане, снимите головные уборы — голове будет легче».

В остальном все шло в соответствии с установившимися традициями показательных процессов районного масштаба: обвиняемые и свидетели долго и нудно допрашивались по моментам, не имеющим никакого отношения к делу, ходатайства защиты отклонялись, часто объявлялись перерывы «на три минуты», продолжавшиеся, примерно, по полчаса...

На следующий день судебное заседание, в силу каких-то совершенно непонятных причин, началось во-время, но наученная горьким опытом публика собралась только к восьми часам.

То, что своевременное начало судебного заседания на второй день процесса было лишь исключением, только подтверждающим правило, выяснилось в последующие дни процесса: на третий день судебное заседание началось с опозданием в два с половиной часа, а на четвертый день процесса не состоялось совсем. В результате каких-то неполадок или, как принято говорить, недостаточной увязки во взаимоотношениях канцелярии суда с канцелярией Таганской тюрьмы обвиняемые вообще не были доставлены в суд.

После трехчасового ожидания публике было объявлено, что продолжение процесса будет на следующий день утром в 10 час. Следующий день был выходной — в клубе вечером должны были быть сеансы кино. Поэтому по договоренности с администрацией клуба на следующий день был запланирован такой порядок: утром и днем должны были состояться прения сторон и суд должен был заслушать последнее слово обвиняемых, затем суд должен был удалиться на совещание, а в это время в зрительном зале должен был начаться киносеанс. После первого сеанса предполагалось оглашение приговора в зрительном зале, а затем уже второй киносеанс.

План этот оказался недовыполненным лишь в очень незначительной части: прения сторон, реплики, последнее слово, первый киносеанс прошли во-время, однако второму киносеансу не суждено было состояться в силу того, что судья не успел написать приговор за время первого киносеанса и вследствие нарушения порядка в зале (администрация клуба не хотела пропускать в зал лиц, не взявших билеты в кино, а густая толпа чающих услышать судебный приговор смела на своем пути и контроль, и все другие преграды).

В практике работы наших кинотеатров мы не слышали, чтобы в перерывах между сеансами, вместо обычного джаза, происходили прения сторон или оглашались бы судебные приговоры, хотя, может быть, и нашлись бы люди, предпочитающие, вместо джаза, прослушать приговор по тому или иному судебному делу прежде, чем смотреть «Полицмейстера Антека» или «Девушку, которая спешит на свидание».

Мы думаем, что опыт, проведенный в этом направлении народным судом Таганского района, вряд ли привьется и скорее привлечет к себе внимание руководителей Мосгорсуда и

Наркомюста, чем руководителей управления московскими кинопредприятиями.

Редким своеобразием отличался и стиль прений сторон, предшествовавших киносеансу.

В качестве обвинителя выступал нарследователь Таганского района т. Танасевич, производивший предварительное расследование дела. Тов. Танасевич был чрезвычайно разгневан тем, что защита осмелилась указать на несколько необычные дефекты предварительного следствия, в частности на то, как следователь протоколировал допросы обвиняемых и свидетелей (в протоколах допросов без всяких оговорок были вычеркнуты, переправлены и изменены отдельные слова и целые фразы, в результате чего в суде произошел даже такой инцидент: когда председательствующий зачитывал показания, данные на предварительном следствии, то прокурор заявил, что они оглашаются не так, как они изложены в протоколе, тогда как на самом деле во всей этой стряпне с помарками и исправлениями никак нельзя было уловить, что собственно там хотел изложить следователь).

Тов. Танасевич в гневе дал волю своему полемическому темпераменту настолько, что в реплике и в отдельных выкриках с места заявлял по адресу защиты: «Вы говорите чушь», «занимаетесь передергиванием» и т. п.

Все это не только не пресекалось народным судьей, но последний, видимо, даже решил поощрить резвость т. Танасевича, так как, вопреки порядку, установленному УПК, предоставил сторонам возможность воспользоваться репликами по два раза. Во второй своей реплике т. Танасевич дал весьма ценное пояснение своему образу действий, свидетельствующее как о его такте, так и о культурном уровне. Тов. Танасевич громогласно заявил, что, по его мнению, «чушь», «передергивание» и другие выражения такого типа являются выражениями литературными и вполне допустимыми в прениях по делу.

Одна из подсудимых в последнем слове со слезами на глазах недоумевала, почему прокурор считает ее женщиной легкого поведения.

Естественно каждый заинтересуется, почему все это происходило, и отдавал ли себе отчет т. Грязнов в том, в какой мере проведенный им показательный процесс дискредитирует советский суд и прокуратуру.

Поэтому следует привести некоторые доказательства того, что т. Грязнов до некоторой степени это понимал, так как после процесса принял меры к тому, чтобы не все, здесь описанное, стало достоянием тех, кто проверяет деятельность народного суда, причем предпринятые т. Грязновым меры носили довольно специфический характер.

Как известно, происходившее в судебном заседании должно отражаться в протоколе судебного заседания. Конечно, протокол судебного заседания не может претендовать на точность стенограммы, однако в ст. 80 УПК точно перечисляются моменты, которые должны быть отмечены в протоколе.

Видимо, недостаточно точный протокол, составленный секретарем судебного заседания, т. Грязнова не удовлетворил, так как его в деле не оказалось. Место этой пропавшей грамоты было занято другим протоколом, написанным каллиграфическим почерком той же секретарши, но составленным, несомненно, после судебного заседания. В этом новом протоколе значились даже такие определения суда, которые на самом деле не выносились, и предусмотрительно умалчивалось о таких, например, мелочах, как время открытия судебного заседания и т. п.

Обнаружив это, некоторые из защитников подали замечания на протокол судебного заседания.

Как же, вы думаете, реагировал на это т. Грязнов? Некоторая находчивость была проявлена им и здесь: по закону он должен был или удостоверить факты, приведенные защитой, или их отвергнуть, но как в самом деле будешь отвергать факты, очевидцами коих были сотни людей? И товарищ Грязнов избрал третий, не предвиденный законом, путь — заявления защитников были просто подшиты к делу, причем ни да, ни нет по поводу приведенных там фактов т. Грязнов не сказал.

Казалось бы, кассационному суду нельзя было пройти молча мимо таких, например, фактов, как только что описанная операция с протоколом судебного заседания, однако Мосгорсуд с поистине эпическим спокойствием прошел мимо этого безобразия, утвердив целиком приговор и никак на это не реагировав.

Пока эпилог всей этой истории таков: в «Вечерней Москве» появилась небольшая заметка о процессе, в заводской многотиражке процесс также был отмечен, но нигде не было ни звука о том, как все это дело разбиралось и в какую возмутительную форму дискредитации суда вылился весь этот процесс, с позволения сказать, показательный. Судья и прокурор — организаторы всего этого неслыханного безобразия — теперь, конечно, успокоились: приговор утвержден горсудом — как будто все в порядке, а присутствовавшие на процессе никак не могут уяснить, как в Москве на первом месяце после принятия великой сталинской Конституции, на глазах общественности крупнейшего из московских заводов в таких непристойных формах может отправляться правосудие.

Мы не сомневаемся, что эти недоумения будут рассеяны и вместо этого эпилога соответствующие органы сумеют написать другой.

Обмен опытом

Как я улучшил качество следствия

Шесть лет назад я впервые начал работать народным следователем в одном из районов Западной Сибири. В то время моя квалификация как следователя сводилась только к желанию во что бы то ни стало овладеть, как можно скорее и лучше, техникой новой для меня работы.

Думаю, что мой рассказ о том, как я добился высокого качества проводимого мною следствия в такой мере, что был выдвинут на работу по руководству следствием в областной прокуратуре, будет полезен для нашей следовательской молодежи — таких же новичков в этом деле, каким не так давно был и я, он облегчит им выбор правильного пути для скорейшего овладения искусством следствия.

Уже по истечении нескольких, самых первых дней своей следовательской работы я убедился в том, что не только нельзя не быть хорошим следователем, но и нельзя быть следователем вообще без наличия двух условий.

Первое условие это — всякий, желающий работать следователем, должен быть вполне развитым культурно и политически.

Я встречал многих товарищей, думающих иначе: кое-кто из них полагал — раз знаешь, что в процессе следствия надо допрашивать, а потом предъявлять обвинение, знакомить обвиняемого с материалами следствия и составлять обвинительное заключение, то значит налицо все основания для работы следователем. Однако это не так: по целому ряду мало-мальски серьезных дел политически неграмотный, некультурный человек не только не изобличит преступника, но сам безнадежно запутается в обстоятельствах дела и будет вынужден признать свою беспомощность.

Мне однажды пришлось в процессе следствия анализировать работу директора библиотеки. Совершенно ясно, что политически неграмотный и некультурный товарищ следствие по этому делу не провел бы.

Но и этот, я бы сказал, исключительный пример не нужен, так как ясно, что вести следствие по любому делу — это заниматься оценкой политической значимости человеческих поступков, устанавливать их подлинную цель, решать вопросы юридической квалификации преступлений, разбираться в человеческой жизни, бороться с хитроумными и осторожными действиями последышей разбитых враждебных классов и т. п., а такая серьезная задача — не по плечу малограмотному, некультурному, политически неразвитому человеку.

Поняв все это, я установил для себя режим: газеты и книги читать каждый день. Разумеется, я старался не читать, что попадает под руку, и не ленился доставать интересные, полезные и нужные книги.

Я знал и знаю немало районных следователей, жалующихся на невозможность достать в районном центре нужную книгу.

Это неверно. Я сам работал следователем в небольшом сибирском городе, который не так давно был простой деревней, но нужную мне книгу я всегда находил. Те, кто жалуется на отсутствие нужных книг, обычно думают, что книгу и журнал им должен кто-то принести. При такой постановке вопроса, конечно, книг, журналов и газет не получишь.

Ежедневное чтение газет и книг стало одной из основных моих привычек. Я не мог лечь спать, не прочитав газеты, не почитав книги. Я могу отказать себе во многом, но нужную газету, книгу и журнал обязательно куплю, выпишу.

Второе условие это — отличное знание всех процессуальных требований, определяющих порядок следствия, права и обязанности следователя.

Упорно изучая уголовный процесс, УПК и постоянно практикуясь в составлении различных постановлений, я в то же время тщательно присматривался к работе опытных товарищей и в конечном счете овладел всем этим в такой степени, что потом, в процессе работы, припоминание тех или иных процессуальных требований и форм следственных документов не отвлекало моего внимания, примерно так же, как не отвлекается во время письма внимание грамотного человека припоминанием того, как пишут ту или иную букву.

Такой степени освоения процессуальных требований и форм следственного производства я достиг в полной мере и считаю, что это — первейшая обязанность следователя, элементарное условие не только для повышения качества его работы, но и работы вообще в должности следователя.

Однако на практике своей работы следователем я убедился, что высокой грамотности, культурности, вполне удовлетворительного политического развития и отличного знания уголовного процесса и форм следственного производства еще недостаточно для того, чтобы хорошо вести следствие.

Располагая всеми этими данными, можно все же оставаться плохим следователем.

Успешность работы следователя зависит от степени его умения вести расследование по плану. Удачи и неудачи в процессе расследования многих и самых разнообразных дел убедили меня, что главное именно в этом.

Некоторые следователи понимают задачу ведения следствия по плану неправильно, примитивно: они изобретают различные универсальные схемы порядка производства следственных действий и пытаются применять их на практике.

«Планирование» подобного рода не ведет к улучшению качества следствия, а вносит лишь в работу следователя элементы трафарета и схематичности, живое, сложное, интересное дело омертвляет, низводит до выполнения

только определенного порядка и правил «оформления дела».

Что же значит вести следствие по плану?

Я считаю, что вести следствие по плану, это значит вдумчиво относиться к расследованию каждого дела, тщательно разбираться во всех, даже самых мельчайших и, с первого взгляда, как будто бы второстепенных деталях происшествия. Собирая доказательства, не итти вслепую, допрашивая кого придется, а звено за звеном проверять вероятность, одну за другой, всех намеченных версий.

Проверяя намеченные версии, надо использовать все ресурсы уголовной техники и тактики (криминалистики) и по мере установления новых обстоятельств быстро перестроить, если понадобится, все направление следствия.

Следователь должен полностью вскрыть все политические мотивы совершения преступления, его общественно-политическую значимость и установить подлинное лицо преступника.

Я решительно настаиваю на том, что именно все это и есть ведение следствия по плану.

Наконец, расследовать по плану — это до щепетильности быть бережливым в отношении времени. Следует помнить, что некоторые вещи сегодня, сейчас, сию минуту могут быть легко установлены, а немного позже, тем более завтра на это же, в лучшем случае, потребуется значительно больше времени, а может случиться и то, что ряд фактов безвозвратно ускользнет от следователя.

Мне приходилось слышать жалобы следователей на неумение работать по плану, на незнание формы составления планов.

Дело не в форме, план можно составлять по любой форме, я составлял план в трех вертикальных графах: в первой отмечал, — какое действие намечено к производству, во второй, — что этим действием должно быть выяснено, и в третьей — дату, указывающую время, когда намечено к производству это действие.

Думаю, что все жалобы о незнании формы составления планов несерьезны и более всего рассчитаны на оправдание безобразного отношения к делу со стороны людей, случайно ставших следователями и не любящих этой работы.

Обдумывая много раз различные случаи из своей следовательской практики и припоминая работу моих товарищей следователей, среди которых были и «удачники» и «неудачники», я пришел к выводу, что всякий следователь, любящий свое дело, систематически работающий над освоением уголовной техники и тактики, вне всякого сомнения, может усвоить систему расследования по плану.

Приведу несколько случаев из моей следовательской практики, позволивших мне притти к таким выводам и научивших меня некоторым правильным приемам работы.

Однажды летом, часов в 6 утра, мне по телефону сообщили, что в рудничном поселке обнаружены убитыми муж и жена.

Я немедленно выехал к месту происшествия.

Обстоятельства дела оказались такими: в небольшом домике жили отец, мать, дочь 20 лет и сын 22 лет.

Вечером, накануне убийства, сын ушел в гости, дочь пошла на вечеринку, а отец и мать остались дома.

По словам дочери, она вернулась домой часа в два ночи, двери дома оказались незапертыми и она, не придав этому никакого значения, во дворе, на крыльце дома, сняла ботинки, вошла в комнату, не зажигая электричества, заперла двери и легла спать на пол, а родители, по ее словам, как всегда спали посредине комнаты, в двух шагах от нее.

Часов в пять утра вернулся сын, долго стучал, а, зайдя в комнату, зажег свет и увидел, что одеяло, которым накрыты родители, все в крови, и отец с матерью лежат убитые.

Сын, по его словам, немедленно сообщил в милицию, а милиция уведомила меня.

До момента моего приезда в комнате, где лежали убитые, почти ничего не было тронуто.

Мое внимание прежде всего привлекло резкое различие в поведении дочери и сына убитых. Сын очень сильно волновался, почти плакал, а дочь была странно спокойна и нехотя отвечала на вопросы. Заинтересовало меня и то, что из массы сундуков и ящиков взломанным оказался только один, самый неказистый с виду, но именно тот, в котором лежали деньги.

Убитые лежали посредине комнаты: мужчина на спине, голова у него была почти отрублена, удар был нанесен, видимо, топором, верхняя часть тела женщины лежала на муже, ее лицо было спрятано у него на груди. По всей вероятности, в момент убийства она проснулась и, испугавшись, инстинктивно спрятала лицо. Удар нанесен ей был в тот момент, когда она находилась в таком положении. По характеру раны смерть, должно быть, наступила моментально.

В головах убитых стоял покрытый скатертью туалетный столик с массой безделушек.

Кто-то из убитых, возможно судорожным движением перед смертью, сдернул скатерть со столика: все безделушки упали на пол и ими был буквально усеян пол комнаты.

Среди безделушек на столике стоял будильник, он тоже упал на пол и лежал почти рядом с местом, где находилась подушка постели дочери.

Падая, будильник не сломался и продолжал итти.

Осматривая место происшествия, я невольно обратил внимание на громкое тиканье будильника.

Звук идущих часов, странное, чересчур спокойное поведение дочери убитых, упорно утверждающей, что, возвратившись ночью домой, она ничего не заметила, побудили меня инсценировать ее ночное возвращение.

В комнате, по моему приказу, ничего не было тронуто.

Наступившей ночью, ровно в два часа, т. е. тогда, когда дочь в ночь убийства якобы вернулась домой, я приехал в этот дом снова. На этот раз в комнату зашел я, дочь убитых, работник уголовного розыска и понятые.

Ночь была светлая, светила полная луна.

В небольшой комнате с пятью окнами оказалось светло, как днем.

Безделушек, которыми был усеян пол, лежащий и тикающий будильник нельзя было не заметить. Нельзя было не обратить внимания и на убитых, с головой прикрытых одеялом и не издающих ни одного звука, а в

ночной тишине, подчеркнутой тиканьем будильника, это буквально резало слух.

Ложь дочери убитых стала очевидной и она тут же рассказала об убийстве все, что знала. Убийцей оказался ее жених, по ее указанию взломавший сундук, в котором хранились деньги.

Этот случай говорит о необходимости вдумчивого отношения к оценке обстоятельств происшествия и показывает эффективность правильно избранных тактических приемов расследования.

С большой неохотой я приостанавливал расследуемые мною дела. Приостанавливание дел почти всегда свидетельствует о неповоротливости следователя, благодаря которой преступники успевают скрыться. Больше того, я убежден, что и те дела, по которым преступники скрылись до поступления первичных материалов к следователю, могут быть приостановлены только в том случае, если действительно нет ни одного факта, указывающего на место нахождения преступника, и нет ни одной нити, могущей привести к разгадке этого дела, а такие дела встречаются очень и очень редко. Только в этих редких случаях неизбежно приостановление расследования и применение обычного союзного розыска.

Во всех остальных случаях следователь, если он действительно любит и знает свое дело, должен, как можно быстрее, найти преступника.

В моей практике был один интересный случай.

Райсберкасса обратилась ко мне с просьбой принять меры для борьбы с растратами и возможно скорее организовать процесс над одним из растратчиков. Управляющий кассой жаловался, что целый ряд материалов, посланных в милицию, не расследованы, и ему ничего не удалось добиться, несмотря на настойчивые переговоры по телефону с работниками уголовного розыска. К этому письму прилагался материал о новой крупной растрате по одному из отделений сберкассы.

Я решил сам провести следствие по этому делу. Обстоятельства дела оказались до смешного очевидными: некий Б., холостой молодой человек, живя один, любил «кутнуть», и средства для этого брал из денежного сундука сберкассы.

Стремясь покрыть растрату, Б. грубо подделывал лицевые счета вкладчиков.

Почувствовав, что не сегодня, так завтра его проделки заметят, он выписал на свое имя крупный аккредитив и скрылся.

Желая закончить следствие по этому делу, я решил не приостанавливать расследования и, не прибегая к объявлению розыска, самому поискать Б.

В течение двух дней все мое внимание было сосредоточено на изучении круга знакомых Б. Вскоре мне стало известно, что с одной девушкой он знаком довольно близко и вероятно ей он напишет.

Принятые мною меры не замедлили привести к желанным результатам. Почтовая контора доставила письмо от Б. в адрес этой девушки.

Б. сообщил ей, что он в Киеве, и указывал свой адрес.

На мое телеграфное предложение об аресте уголовный розыск сообщил, что Б. выехал неизвестно куда.

Мое разочарование продолжалось недолго. Вскоре было задержано второе письмо Б. из Одессы, на этот раз он сообщал, что собирается там работать в одной из сберкасс.

Опять телеграмма об аресте и вновь ответ о том, что Б. на работу не был принят и выехал.

Прошло около трех недель и... новое письмо от Б. Оказалось, что Б. уже в Челябинске, работает в сберкассе и приглашает свою знакомую приехать к нему.

По моей телеграмме Б. был арестован, но до ареста он все же успел растратить крупную сумму уже по Челябинской сберегательной кассе.

В некоторых случаях подобный метод неприемлем, так как адресаты, не получая писем, могут быть обеспокоены и предупредят об этом того, чей адрес нужен следователю. В процессе следствия по делу Б. для таких опасений не было оснований; девушка, которой адресовались изымаемые мною письма, не особенно беспокоилась молчанием Б. и, не зная его адреса, не могла ему писать.

Я не помню, ни одного случая, когда я отказался бы от расследования того или иного дела по мотивам необходимости каких-то розыскных действий, не свойственных следователю.

«Горе-следователи», уклоняющиеся от расследования некоторых дел по указанным выше мотивам, просто не умеют и не любят работать. Они не понимают того, что всякое преступление может быть раскрыто любым следователем, овладевшим уменьем расследовать преступление по плану и знающим уголовную технику, тактику и методику следствия.

Надо раз и навсегда понять, что милиция и какие-либо иные органы расследования не располагают какой-то «волшебной палочкой» для установления личности преступника, а поэтому с практикой отказа следователей от ведения следствия по так называемым «загадочным» делам надо раз и навсегда покончить.

Попробую примерами показать, что любое такое, на первый взгляд, загадочное дело вполне по плечу следователю.

Помню случай убийства целой семьи: мужа, жены и трех детей.

Убитые лежали в своих кроватях, головы у всех были размозжены, а тяжелая кувалда, принадлежавшая убитому хозяину дома и послужившая орудием преступления, валялась тут же на полу.

На первый взгляд казалось невозможным найти преступника, совершившего это преступление.

Осмотревши домик, работники милиции не нашли никаких следов, указывающих хотя бы косвенно на личность преступника, и не знали, что предпринять дальше.

Во время нового, тщательного обыска мне удалось в куче мусора, выметенного в сени, отыскать извещение из ОИТР о явке для отбывания принудительных работ на имя некоего гр. Р. На столе были обнаружены, незамеченные ранее, два стакана с недопитой водкой. На одном из них оказались отпечат-

ки пальцев, не принадлежащие кому-либо из убитых.

Вызванный для допроса Р. заявил, что с убитыми был знаком, бывал у них, а извещение, полученное им из ОИТР, где-то потерял.

Свое участие в убийстве он отрицал и утверждал, что в последнее время в доме у убитых не бывал.

Я установил, что дактилоскопические отпечатки на стакане с недопитой водкой принадлежат ему.

Изобличенный Р. признал, что действительно накануне убийства он был в гостях у убитых, пил там водку, потом якобы ушел и о преступлении ничего не знает. Свои попытки скрыть этот факт раньше он теперь объяснил нежеланием навлекать на себя какие-либо подозрения.

При обыске на квартире у Р. я нашел окровавленную рубашку, он заявил, что рубашка его, но на ней не пятна крови, а следы клюквы, которую он недавно покупал на базаре и нес домой в подоле этой рубашки.

Анализ установил, что рубашка испачкана не соком клюквы, а кровью человека.

Тогда Р. сознался в убийстве, но выдвинул версию о том, что мотивом убийства было желание отомстить убитому и его семье за сообщение колчаковцам о партизанской деятельности Р.

Однако мною было доказано, что после убийства Р. выломал золотые коронки изо рта убитого, а с прежнего места жительства Р. на мой запрос был получен ответ: «Р — кулак, лишен избирательных прав, сбежал от уголовной ответственности за грабеж».

Таким образом «партизанское» прошлое Р. и мотивы совершения им убийства были установлены с исчерпывающей полнотой, а «загадочное» преступление оказалось полностью расследованным обычными способами, доступными любому следователю.

Я хочу еще остановиться на одном интересном случае подобного рода.

Местная газета опубликовала ряд корреспонденций о связи спекулянтов с работниками большого городского универмага и требовала предать преступников суду.

Уголовный розыск не смог установить конкретных фактов связи служащих магазина со спекулянтами, а на базаре изо дня в день спекулянты продолжали торговать наиболее дефицитными товарами универмага.

Дело надо было расследовать во что бы то ни стало. Прокурор поручил мне взяться за следствие.

Установив связь с редакцией газеты, рабкорами и организовав при универмаге группу содействия прокуратуре, я начал внимательно присматриваться к работе этого магазина. Кое-какие материалы о постоянном отпуске некоторыми продавцами товаров по знакомству я добыл довольно быстро, но все это было не то, чего требовалось отыскать.

По данным группы содействия и из показаний отдельных работников универмага, у меня сложилось впечатление, что внимание следователя должно быть, главным образом, сосредоточено на действиях заместителя заведующего обувным отделом П.

Правильность этой линии подтверждалась, правда, весьма косвенно, наличием у спекулянтов большого количества именно обуви.

Через несколько дней, часов в семь вечера мне сообщили, что внутренней охраной магазина задержан какой-то гражданин, получивший при помощи П. несколько пар детских валенок, несмотря на отсутствие в данный момент их в продаже.

Отложив все остальные дела, я сейчас же поехал в универмаг.

Задержанный Ю. оказался молодым, нигде не работающим человеком. Он, действительно, при помощи П. купил 5 пар детских валенок. Детей, по его словам, он не имел и его потребность в этих вещах была очень сомнительной. Арестовать Ю. оснований не было, но в то же время было вполне ясно, что если его освободить, то позже вновь браться за исследование этого случая будет бесполезно.

При допросе Ю. заявил, что с работником магазина П. не знаком, а валенки получил не по знакомству, а купил, как обычный покупатель. На замечание о том, что сегодня в магазине они не продавались, он ничего не ответил.

П. в своих показаниях запутался, и в конечном счете они оба сознались, что давно знакомы друг с другом и года два назад вместе приехали из Восточной Сибири.

При обыске на квартире у Ю. были обнаружены вещи, бесспорно купленные для спекуляции: несколько пар разных валенок, пуховые дамские береты, большое количество всевозможной мануфактуры.

Ю. сознался в том, что жил исключительно на средства, добываемые спекуляцией разными товарами из универмага, которые ему удавалось покупать при помощи П. в неограниченном количестве.

По словам Ю., он получал сообщения от П. о поступлении в универмат вещей, подходящих для спекуляции.

Во время обыска на квартире у П. в папке со старыми бумагами нашлись его письма к жене, в которых он давал ей точные указания о порядке продажи вещей, купленных в универмаге исключительно для спекуляции. В вещах жены П. была найдена записная книжка с подробными приходо-расходными отметками. В приходах перечислялось большое количество сапог, валенок, мануфактуры и многое другое, чем торговала жена спекулянта, а в расходе оказались записи стоимости «передач Мишке».

Эти передачи меня заинтересовали и мне удалось выяснить, что в Восточной Сибири, куда ездила спекулировать жена П., содержался под арестом ее брат по обвинению в убийстве милиционера.

Я вспомнил, что еще в своих прежних показаниях П., стремясь отклонить обвинение в незаконном отпуске товаров по знакомству, заявил, что мужчина, часто приходивший к нему, не просто знакомый, а его родной брат.

Отправившись тут же к брату П., я нашел то, чего даже не мог ожидать. Как оказалось, брат П. тоже содержался под стражей в Восточной Сибири вместе с указанным выше «Мишкой» — вторым братом П.

После этого он нигде не работал и занимался исключительно получением товаров из универмага для группы живущих в этом доме профессиональных спекулянтов.

Братья П., Ю. и связанные с ним торговцы с базара прибыль от спекуляции делили поровну и систематически устраивали большие кутежи.

Так, в одну ночь мне удалось закрепить следствием все, что потом облегчило окончательное расследование дела. Следствие по делу вскоре было закончено, и судебный процесс привлек внимание трудящихся города.

Думаю, что на основании даже только двух рассказанных случаев я имею право утверждать, что всякое преступление остается загадочным только то время, пока следствие ведется без плана, т. е. необдуманно, неумело, небрежно, без применения методически правильных приемов расследования.

В процессе ведения следствия по любому делу с особой тщательностью следует относиться к задаче расследования с исчерпывающей полнотой всех обстоятельств преступления.

Следует помнить, что довольно часто наиболее опасные преступники, пытаясь избежать более суровых форм уголовного наказания, умышленно стремятся скрыть подлинный объем и характер совершенного, «признаются» в фактически не совершенных, менее тяжких, преступлениях и укрывают остальных участников преступления, угрожающих дальнейшими разоблачениями по делу.

Я знаю случай, когда на одной из сибирских станций, по жалобе пассажиров, линейным уполномоченным был задержан неизвестный гражданин за проведение контрреволюционной агитации в вагоне.

Закончив дежурство, линейный уполномоченный не рассказал своему товарищу, пришедшему на смену, за что задержано это лицо. Преступник был достаточно хитер, он воспользовался оплошностью дежурного и, основываясь на том, что причины его задержания неизвестны, указал при допросе, что является обыкновенным карманным вором.

За систематические кражи, по далеко неполным следственным материалам, его приговорили к 3 годам тюрьмы.

Через полгода Прокурор Союза предложил немедленно расследовать все обстоятельства дела, так как осужденный сообщил, что он бывший работник центральных органов ВЛКСМ, студент Тимирязевской академии, благодаря произволу и вопиющим безобразиям в судебно-следственных органах Сибири, незаконно осужден за кражи, которых никогда не совершал.

В результате тщательного расследования удалось установить, что эта «жертва» беззакония в прошлом — активный троцкист и за это был осужден к 5 годам тюрьмы, но сбежал и, проезжая мимо города Б., занимался в вагоне троцкистской агитацией. По жалобе пассажиров его задержали, но благодаря оплошности работников следствия ему удалось скрыть свое контрреволюционное троцкистское лицо и выдать себя за вора, в результате чего он получил возможность через некоторое время обрушиться с жалобой на органы суда и следствия, убедительно доказывая, что никогда не являлся вором, и обвинение, выдвинутое против него, квалифицировал чудовищным беззаконием.

Я думаю, что этот случай достаточно поучителен и демонстрирует тактику противника.

Хорошо мною усвоен и еще один принцип улучшения качества работы следователя.

Получив сигнал о совершенном преступлении, следователь должен уметь в процессе следствия, исходя из одного сообщенного ему эпизода, вскрыть все обстоятельства дела и установить весь круг преступников. Конечно, заслуживает всяческого порицания стремление следователя найти то, чего нет. Следователь должен обладать чутьем, вырастающим на основе вдумчивого отношения к делу, большой культурности, политической грамотности, накопления опыта и при помощи этого чутья уметь, ухватившись за главное звено, вытащить всю цепь событий.

Расскажу еще один случай, которым проиллюстрирую правильность этого моего вывода.

Мне были переданы для расследования материалы о присвоении инспектором горфо товаров, изъятых им у спекулянта.

За 20 дней тщательного расследования я полностью изобличил 8 работников горфо в совершении преступлений, в получении больших взяток и систематическом снижении налогов торговцам.

Это удалось мне исключительно благодаря тщательной разработке плана следствия, внимательного анализа фактов и правильного ведения отдельных следственных действий: допросов, обысков, очных ставок и т. д.

Я успешно расследовал это дело потому, что каждому следственному действию, как и всегда, придавал большое значение, проводя следствие по разработанному плану, конкретно и полно выясняя и записывая все интересующие меня обстоятельства.

Объем статьи не позволяет изложить всей «истории» следствия по делу горфо, но о двух эпизодах я все же расскажу.

Производя тщательный обыск у крупного спекулянта и изучая его старую записную книжку, я нашел его черновые записи расходов прошлого года. В этих записях перечислялись взятки лицам, которых до отыскания этого документа очень трудно было изобличить в чем-либо.

Показания самого обысканного спекулянта после предъявления ему его же записной книжки резко изменились: он многое рассказал и во многом признался.

К сожалению, некоторые наши следователи во время обысков пытаются обнаружить тонны спрятанной муки, а на невзрачную, старую записную книжку не обращают внимания.

Второй интересный эпизод был такой: арестовав изобличенного в преступлении инспектора горфо Б., я решил произвести обыск в его служебном столе и нашел под чернильницей небольшую записочку, в которой другой инспектор просил Б. за взятку уничтожить налоговое дело торговца.

Следствие по делу горфо да и вся моя работа в целом убедили меня, во-первых, в необходимости ориентироваться в той области, в которой приходится вести следствие.

Если расследуешь случай нарушения техники безопасности в шахте, надо познакомиться с основными элементами этого дела, самому побывать в шахте, изучить работу шахтера; имея дело с фиморганами, надо изучить основы содержания их работы и т. д.

Во-вторых, в том, что следователем не может быть лентяй: выезды на место происшествия, а иногда и неоднократные личные выезды на обыск и многое другое, подобное этому, не должны пугать следователя потерей времени. Эта «потеря времени» сторицей окупается и дает следователю возможность действительно и вполне ориентироваться во всех обстоятельствах дела.

Каждый следователь должен твердо запомнить, что заниматься оценкой событий, которых он сам не понимает, нельзя.

Я постарался изложить, правда, далеко не полно, случаи, учившие меня работать, и те пути, идя которыми, я улучшил качество проводимого мною следствия и в известной мере овладел искусством следствия, научился побеждать в процессе следствия, поняв, что это действительно война со всеми присущими ей аксессуарами: планом действий, техникой, тактикой и стратегией.

Остается добавить немногое.

Первое — в деле улучшения качества следствия мне немало помогли народный судья П. И. Терехов и помощник районного прокурора М. Я. Свирин.

Часто бывая с ними в командировках, я многому научился при их помощи.

Мне кажется, что каждый опытный судья и тем более прокурор, а таких у нас немало, должны помогать следователю, как мне когда-то помогали тт. Терехов и Свирин. К сожалению, не говоря о судьях, у нас даже и некоторые прокуроры, обязанные наблюдать за работой следователя, ограничиваются наложением резолюции: «следователю расследовать».

Второе — я приучился не видеть в своей работе мелочей, не достойных внимания следователя.

Хранение литературы, бланков, постоянное пополнение канцелярских принадлежностей, культурная обстановка в кабинете, картотека следственных дел никогда не выходили из поля моего зрения.

Сводный план всей проводимой мною работы разрабатывался постоянно с большой тщательностью и этим путем мне удавалось избежать как вызовов различных лиц на одно и то же время, так и потери рабочего времени.

Вопросу тщательной организации вызовов и контролю за своевременным отправлением почты я также уделял немало внимания.

Еще лет пять назад, когда следователям не высылали предметов технического вооружения, я сам купил для себя фотоаппарат, рулетку, лупу и т. д., словом, соорудил небольшой следственный чемодан.

Сейчас мне странно смотреть на следователя, работающего с голыми руками и ожидающего, когда о нем позаботятся.

Такие «иждивенческие настроения» указывают прежде всего на нежелание товарища работать следователем, на наплевательское отношение с его стороны к делу.

Два с половиной года я учился работать и овладевать искусством следствия.

Те следователи, которые и теперь плохо работают, не изучают своего дела, не имеют оправданий, с такими людьми, очевидно, надо распрощаться.

С работой следователя я расставался с большим сожалением, и до сих пор с величайшим удовольствием, получая специальные задания, веду следствие.

Сложность поручаемых мне дел не смущает, а радует меня, так как в таких случаях открывается возможность для восполнения знаний и извлечения новых для себя уроков.

Пом. прокурора Западной области

Ершов.

Государственный обвинитель на судебной трибуне [1]

Уже сейчас часто от следователей, прокуроров и народных судей слышишь: «Стало трудней работать, дела пошли какие-то трудные». Дело тут, конечно, не в делах, а в нас. Еще не отрешившись от формализма, неправильных методов работы и извращений в прошлом, еще не умея делать каждое судебное дело остро политическим, но уже почувствовав большую ответственность за свою работу, мы часто в силу этого теряем перспективу, ясность ориентировки в новой обстановке и допускаем ошибки, извращения, которые, особенно сейчас, в условиях сталинской заботы о живом человеке, совершенно недопустимы. Если бы каждый районный прокурор покопался, если так можно сказать, в своей совести, чуточку «раздел» себя, сколько бы он там нашел обвинительного материала против себя, человека, от неправильного слова и действия которого иной раз ломались человеческие жизни. Неправильно дал распоряжение привлечь к ответственности, потом также неправильно направил дело в суд, на суде произнес зажигательную речь. Человека посадили, а через полгода выяснилось, что «этот человек не виновен».

Не поднимая всех вопросов (о возбуждении уголовного преследования, о протестах и т. п.), связанных с судебной работой прокуратуры в новых условиях, вопросов, из которых каждый сам по себе заслуживает глубокого изучения, я хочу осветить роль государственного обвинителя (прокурора) в судебном процессе.

Актуальность этой темы сейчас ясна. Если мы хотим по-настоящему вести нашу судебную работу, мы обязаны внести коррективы в работу обвинителя на судебной трибуне, коррективы немедленные, общие и обязательные для прокуроров. В самом деле, разве не ясно, что если мы улучшим следствие, свою надзорную работу, чаще будем выступать в судах, но ничего не сделаем для того, чтобы такая функция судебной работы, прямо возложенная на прокурора «как поддержание обвинения на суде» (ст. 18 Основ судоустройства), также реализовалась как следует, все наши успехи и достижения будут сведены на-нет.

[1] Статья поступила на конкурс, объявленный редакцией совместно с издательством.

М. И. Калинин, выступая на северокавказской партконференции сказал:

«Процесс суда — это лучшая конкретная агитация. Нигде в практической жизни нельзя так агитировать хорошо, как в судебных процессах. Мы не умеем их еще достаточно хорошо использовать... Судебный процесс и есть тот постоянный конкретный случай, который берется прямо из жизни. Наш суд — это демонстрирование нашего пролетарского подхода к бесконечному количеству конкретных случаев... Когда выносится то или иное судебное решение, важно не только то, чтобы оно было правильно, по закону, но важно, чтобы окружающая аудитория внутренне согласилась с приговором и сознала бы, что суд правильно постановил».

Слова т. М. И. Калинина полностью могут быть отнесены к роли прокурора в судебном процессе. Прокурор до вынесения приговора в процессе судебного следствия должен дать делу правильную политическую заостренность, и путем вопросов, ходатайств, заключений, и, наконец, обвинительной речью — прокурор не только помогает суду правильно решить дело, но и организует общественное мнение вокруг процесса еще задолго до приговора. Высказывания обвинителя долго после процесса обсуждаются и комментируются.

Сколько удовлетворения, какой-то особой силы, чуждого обычному тщеславию («вышло по-твоему») чувствовал я, уходя после процессов домой. Вот в памяти моей встает процесс Московского областного суда о К. и З.— убийцах своих детей. Вызванное корыстью, это убийство внушало отвращение своей жестокостью. Битком набитый публикой клуб, главным образом женщины-матери. Атмосфера вокруг убийц была накалена до попыток самосуда. Ярость аудитории действует и на обвинителя. Но надо было ярость и слепую ненависть к убийцам переключить на иное: на вопросы борьбы с недостатками советского быта. Я чувствовал, как после приговора, удовлетворившего и общественность, и меня, многие, расходясь, обещали мне кое-что посмотреть, поправить у себя в семье, в своих отношениях к детям и т. д. Значит речь обвинителя дошла до сознания слушателей, а для обвинителя это высшая награда.

Не снижая роли председателя и членов суда (хозяев процесса), тщательно изучив дело, прокурор публично от имени государства формулирует обвинение и помогает поставить процесс как процесс общественный и политический.

Вот пример: в районе участились случаи группового хулиганства, массами поступают жалобы рабочих. Можно сделать очень просто: всех хулиганов предать суду и удовлетвориться этим. Мы чаще идем на другое: организуем два-три процесса с участием сторон, посылаем приговоры на фабрики, печатаем о процессах в местной прессе, и это дает большой, заметно ощутимый эффект.

Уметь вести процесс, держаться в нем, как подобает государственному обвинителю, — задача, несомненно, сложная и ответственная; совершенно непонятно почти полное отсутствие каких-либо руководств по этому вопросу, пособий, в которых бы говорилось о том, как надо готовиться к речи, как строить ее и как выступать.

Выдвигая сейчас этот вопрос, я хотел бы остановиться только на одном — на обвинительной речи государственного обвинителя. Не только в речи заключается роль прокурора как стороны в процессе, как помощника суда. Еще до того, как ее произнести, прокурор проделывает большую работу, но речь — это итог работы прокурора в процессе.

Я знаю таких прокуроров, которые к выступлению в суде готовятся за несколько минут или совсем не готовятся. Это, если хотите, чуждые для советской прокуратуры люди, ибо лучше отказаться от выступления, чем выступить ради выступления, ибо непродуманным выступлением легко дезориентировать суд, дискредитировать прокуратуру.

Подготовку к процессу я делю на две части: подготовка к процессу в целом и подготовка собственно к речи.

Мне могут сказать, о какой подготовке к процессу в целом идет речь.

Прокурор возбуждал дело, сам его направил в суд, оно ему ясно, но практика показывает, что это не так.

Во-первых, дело в суд послал помощник, минуя тебя, и, следовательно, дело по окончании следствия ты в деталях не знаешь и, во-вторых, если даже ты сам направил дело, надо его еще раз изучить. Именно изучить. Я это делаю так: дня за три, как минимум, до процесса (перед процессом с делом будет знакомиться защитник и дело могут дать только на короткий срок) с карандашом в руках я изучаю дело.

Методика изучения различна: я восстанавливаю самое событие (кто, что, когда, каким образом и т. д.) путем прочтения обвинительного заключения и всех материалов дела. Перечитываю и делаю выборки из показаний основных свидетелей, акта экспертизы.

Тут же надо решить еще раз вопрос о том, все ли сделало предварительное следствие для полного расследования дела. Если отвечаешь: «да», — мысль ищет ответа и на другой вопрос: «что может осложнить дело». Неявка обвиняемого. Новые свидетели. Требование повторной экспертизы. Невольно хочешь проверить себя — как надо будет тогда реагировать в целях объективного правильного рассмотрения, и естественно кой-какие ответы ищешь в старой практике, в самом УПК (он постоянно должен быть под рукой). Дело изучено, суду обвиняемый предан правильно, и тут переходишь к подготовке речи. Я к ней начинаю готовиться в основном сейчас же, при первом же изучении дела, хотя еще не знаю, будет ли речь произнесена. Я готовлю конспект — тезисы речи в разрезах пока установленных предварительным следствием фактов, ибо этот конспект будет еще раз корректироваться после судебного следствия перед самой речью.

В моих конспектах уже перед речью вчерне намечаются, как правило, такие части: 1) общественно-политическая оценка с точки зрения обстановки района конкретного преступления; 2) совершено ли оно, какое и кем; 3) доказано ли и чем; 4) о мерах наказания; 5) концовка (почему я прошу о том или ином

приговоре). Вооруженный этим, иду на процесс. Моя собственная работа давно убедила меня в правильности метода такой подготовки. Легко уже ориентируясь в процессе, активно в нем участвуя, по ходу процесса корректируя некоторые данные, ранее мною зафиксированные в соответствии с установленными судом сейчас фактами, я окончательно формулирую (пока в сознании) собственное убеждение: обвинять или отказаться. Это дается не сразу, это, если хотите, самый ответственный момент.

Сколько раз «да» или «нет» вертится у тебя в сознании и сколько раз живым калейдоскопом проходит перед тобой все слышанное и виденное сегодня — люди, их семьи, их поступки, их значение и т. д. Не решил, не продумал и сам недоволен своей речью. Убежден — говорят слова речи — и я знаю: что суд, общественность со мной, именно сейчас я командую умами слушающих меня людей.

К речи я предъявляю следующие требования:

1) Она должна быть сжата, деловита, юридически и политически насыщена. Хорошо, кто умеет говорить красиво, но гнаться надо не за красотой. Фауст Вагнеру советовал: «Говори с убеждением, слова и влияние на слушателей придут сами собой». Надо убеждать силой знания жизни, уметь за малым найти многое, уметь, зная закон, памятуя о директивах партии, преступное отличить от случайного, показать общественную опасность содеянного и преступника.

2) Обвинительная речь — это речь прокурора. Значит нужен анализ фактов, а не общие слова, значит надо ссылаться на закон, и тут же его популяризировать.

3) Знать чувство меры в требованиях о наказании. Избегать так называемых судебных перегибов. Не бояться, если убежден, отказаться от обвинения.

4) Не допускать актерства и неправильных выпадов по адресу подсудимого или защитника. Это принижает достоинство самого прокурора.

Скажут: эти изречения, правила избиты, стары, как стара сама постановка этих истин. Что делать? Если бы хоть часть их стала правилом каждого обвинителя — прокурора в суде, — еще больше укрепилась бы революционная законность, еще правильнее исполнялось бы советское правосудие победившего пролетариата.

В. Деревщиков

Прокурор—государственный обвинитель

«Большим недостатком в работе прокуратуры являлась до сих пор недооценка роли прокурора в судебном процессе», писал еще в 1934 г. т. Вышинский в своей статье «Выше качество работы органов юстиции», посвященной I всесоюзному совещанию работников советской юстиции.

За прошедшие годы, благодаря решительному курсу Прокуратуры Союза, эту недооценку в значительной степени удалось сломить. Бесспорным является факт решительного повышения участия прокурора в судебном процессе, и если сейчас еще может итти речь о наличии в тех или иных звеньях прокуратуры недооценки роли прокурора в судебном процессе, то мы имеем в виду уже не столько вопрос о том, в скольких судебных заседаниях прокурор участвовал, а главным образом, вопрос о том — как он участвовал.

В передовой центрального органа партии «Правда», посвященной второй годовщине закона 7 августа, «На страже советского закона», со всей рельефностью была определена роль прокурора на судебном процессе. «На каждом судебном процессе, где он выступает как представитель государственного обвинения, прокурор должен быть выразителем воли пролетарской диктатуры, карающей всякого, кто пытается сопротивляться законам нового строя» («Правда» от 7 августа 1934 г.).

Можем ли мы утверждать, что все прокуроры эту ответственнейшую и почетнейшую роль выразителя воли пролетарской диктатуры выполняют с достаточным умением?

Рядом с прекрасными прокурорами — государственными обвинителями, с прекрасными ораторами мы еще, к сожалению, иногда встречаем на судебном процессе в роли государственного обвинителя прокурора, не владеющего в достаточной мере даром речи, не умеющего изложить членораздельно, внятно и вразумительно свою мысль. Мы встречаем еще государственного обвинителя, не знающего материалов дела, допускающего по отношению к суду и защите недопустимые выражения и реплики, разрешающего себе по отношению к подсудимому и свидетелям оскорбляющие достоинство человека «остроты». Иногда можно даже услышать с трибуны государственного обвинителя и политически неграмотные изречения.

Сталинская Конституция, вознесшая на небывалую в истории человечества высоту достоинство человека — гражданина нашей великой родины, возлагающая на суд и прокуратуру великую задачу всемерного укрепления диктатуры пролетариата и охрану советского закона, еще раз подчеркивает огромный авторитет и роль суда и прокуратуры.

Как неоднократно указывал нам В. И. Ленин, эта роль двояка — беспощадное подавление сопротивления врага, с одной стороны, и воспитание масс — с другой.

В свете этих задач не может быть дальше терпимо хотя бы малейшее проявление недооценки политической роли трибуны государственного обвинителя, в какой бы форме эта недооценка ни выявлялась.

Вредной снисходительностью иногда пользуются у нас прокуроры, любящие похвастать выступлением в суде без предварительного добросовестного изучения материалов дела.

«Я, — рассказывает такой прокурор, — совсем забыл, что должен выступать в суде, звонит судья, меня ждут, беру наблюдательное производство и бегу в суд. И представьте себе, — хвастливо заканчивает такой горе-обвинитель, — я закатил такую речь, такую речь...». Редко когда такого хвастуна крепко одернут.

Между тем, не трудно себе представить,

каково положение прокурора в суде, не знающего детально материалов дела и не понимающего, к чему сводится его роль.

Мне лично пришлось, правда, не по моей вине, побывать в таком положении. Как-то мне навязали, несмотря на мои категорические возражения, выступить экспромтом по делу, которого я совершенно не знал и изучить которое, как следует быть, я не имел возможности. Я был прямо счастлив, когда по ходатайству одного из защитников, по совершенно незначительному поводу, дело было отложено.

Прокурор, готовясь к выступлению в суде, должен самым добросовестным образом изучить дело. Не менее внимательно надо изучить вещественные доказательства, документацию и прочие приложения к делу. Надо притти в суд, имея в руках не только наблюдательное производство, но и специальные заметки и выписки из материалов дела. Это дает возможность умело и убедительно изложить суду улики и доказательства и свою — государственного обвинителя — точку зрения, не случайную, а вытекающую из знания дела.

Хорошо построенная, политически и юридически грамотная речь, произнесенная на процессе прокурором, произнесенная убедительно и искренне, без трескучих и громких фраз, всегда достигает цели, доходит до глубины души аудитории и суда.

Речь государственного обвинителя, как правило, состоит из пяти частей, перемещение которых может, без вреда для стройности речи, иметь место: политическая и общественная характеристика совершенного преступления, анализ улик и доказательств, изобличающих подсудимых, анализ положений, выдвинутых защитой, характеристика подсудимых, обоснование квалификации преступления и требуемая санкция.

Весьма важно соразмерно правильно распределить время между этими частями речи в соответствии с материалом дела таким образом, чтобы ни одна из них не была бы скомкана за счет другой.

Мне довелось на одном показательном процессе слушать речь одного моего товарища, неплохого прокурора и неплохого оратора, увлекшегося, в порыве вдохновения, первой частью своей речи — общественно-политической характеристикой, и совершенно скомкавшего такую весьма важную часть речи, как анализ материалов дела. Это дало возможность защитникам пустить в него несколько язвительных стрел вроде того, что много сказано и ничего не доказано.

Даже правильно построенная речь, если она произносится неискренно, не производит впечатления. Без ложного пафоса, искренно и убежденно должен говорить государственный обвинитель. Для этого надо прежде всего самому быть искренно убежденным в том, в чем хочешь убедить других.

К своей обвинительной речи нужно серьезно готовиться, конечно, не в 5—10-минутном перерыве, объявляемом иногда председательствующим для подготовки к прениям.

Кстати вспомним еще об одной неправильной практике, введенной отдельными председательствующими. Стремясь скорее «разделаться» с делом, эти товарищи ввели в практику принципиально не давать слова для реплики или возражения.

Они рассуждают так: если дать слово для реплики прокурору, то потом придется дать слово для реплики защитнику, а потом опять может потребовать слово прокурор и т. д., и, рассуждая таким порядком, они рисуют себе мрачную картину возвращения домой к остывшему самовару.

А, между тем, после речи защиты, выдвинувшей целый ряд новых существенных положений, по которым прокурор, не предвидя их, не высказался, реплика необходима.

Эту неправильную практику надо устранить. Прокурор обязательно должен выступить с репликой или возражением, если защита в порыве усердия извратила обстоятельства дела, высказала принципиально или политически неправильные положения или выдвинула новые существенные мотивы, по которым прокурор свое суждение не высказал.

Совершенно недопустимыми, несолидными, снижающими авторитет государственного обвинителя надо признать такие «приемы» обвинения, как извращенное изложение обстоятельств дела. Правда, такого рода государственного обвинителя мне лично не приходилось встречать. Но извратить обстоятельство можно и без злого намерения. Просто по небрежности или по незнанию дела может такое получиться. От этого надо наших прокуроров особенно предостеречь.

Надо помнить, что наш закон обязывает прокурора отказаться от обвинения, если он убедился, что судебное следствие опровергло выдвинутое предварительным следствием против подсудимого обвинение. Задача государственного обвинителя вовсе не в том, чтобы во что бы то ни стало доказать обвинение, хотя бы судебное следствие его опровергло, а в том, чтобы, изложив правильно суду обстоятельства дела, проанализировав улики и доказательства, дать им оценку, с точки зрения государственных интересов, совершенно объективно.

Совершенно недопустимо держать себя вызывающе или высокомерно по отношению к суду и защите. Об этой болезни некоторых прокуроров неоднократно и совершенно справедливо указывал Прокурор Союза ССР.

Надо, наконец, понять, что могут быть и есть отдельные плохие судьи, отдельные плохие защитники, как могут быть отдельные плохие прокуроры, но это не дает права превращать судебный процесс в место взаимных излияний не совсем лестных мнений друг о друге.

В заключение я хочу сказать еще пару слов и о том, что иногда старшие прокуроры не интересуются тем, как их помощники и районные прокуроры выступают в суде, не знают недостатков этих выступлений и не помогают их исправлять.

Я бы считал цель этой статьи достигнутой, если бы она обратила внимание наших прокуроров на имеющиеся серьезные недочеты на одном из ответственнейших участков прокурорской работы — на трибуне государственного обвинителя.

Ал. Семенов

Работа районного прокурора по надзору за законностью

Надзор за законностью составляет важнейшую часть работы районного прокурора. Он должен следить за тем, чтобы ни одно незаконное постановление местных органов и ни одно незаконное действие должностного лица, нарушающего закон, не осталось бы неопротестованным.

Прокурор своей работой учит уважать советские законы и строго их выполнять. Надо помнить, что каждое нарушение закона, задевающее интересы того или иного гражданина, нередко порождает у него недовольство не только тем должностным лицом, которое нарушило закон, но и самим госорганом, от имени которого исходило незаконное распоряжение, а иногда и всем советским аппаратом.

Работа по общему надзору очень трудна и сложна, поэтому практическим работникам полезно было бы делиться друг с другом опытом своей работы.

Расскажу про свою работу в Бердянском районе. Надзор за законностью мы осуществляли тремя путями: проверяли постановления рика, сельсоветов и других органов при выездах на места, просматривали присылаемые в прокуратуру копии постановлений и использовали сигналы актива прокуратуры.

За 10 месяцев моей работы в Бердянской прокуратуре таким образом было проверено 480 различных постановлений рика, горсовета, сельсоветов, колхозов и кооперативных организаций.

Мы добились того, что рик и горсовет стали регулярно присылать в прокуратуру копии всех своих постановлений. При выездах на места мы просмотрели постановления 13 сельсоветов (из 20 в районе) и 33 колхозов (из 74 в районе). Проверяли штрафную практику милиции, конвенцбюро и т. д.

В этой работе немалую помощь нам оказали группы содействия прокуратуре, которые были специально для этой работы организованы.

За 10 месяцев прокуратура принесла 97 протестов на незаконные действия местных органов власти. Многие из них были принесены по делам о нарушении устава сельскохозяйственной артели.

Так например: правление артели «Искра» оштрафовало двух своих членов на 7 трудодней за то, что они не явились на общее собрание колхоза; общее собрание артели им. Шевченко вынесло постановление об оштрафовании за неявку на общее собрание каждого колхозника в 10 руб. Та же артель «Искра» оштрафовала 16 колхозников за невыход на работу. При наложении штрафа правление исходило из того, на какую сумму невышедший на работу колхозник собрал бы хлопка.

Правление артели «Заря» оштрафовало 6 колхозниц в 10-кратном размере стоимости урожая 2 гектаров погибшей кукурузы (этим колхозникам поставлено было в вину то, что они своевременно не пропололи этой кукурузы, вследствие чего кукуруза погибла).

Отменяя постановления, опротестованные прокурором района, президиум рика свои мотивированные постановления разослал всем колхозам района. Одновременно рик предложил начальнику райзо проверить практику всех колхозов района по наложению штрафов.

Мы обнаружили также ряд незаконных исключений из колхозов. Некоторые колхозы вопреки уставу исключали колхозников на заседаниях правлений. Исключали за маловажные проступки, причем не только тех, кто совершил эти проступки, но и их семьи.

Артель «25000» исключила из колхоза колхозника Курлова за то, что он отказался контрактовать свою телку для продажи безкоровным колхозникам.

Правление артели имени Сталина исключило из колхоза колхозника Грибанова и его семью за то, что Грибанов якобы намеревался изнасиловать колхозницу Б. Дело Грибанова о покушении на изнасилование было прекращено за отсутствием состава преступления. Грибанов и его семья после вмешательства прокуратуры в колхозе восстановлены.

Ряд сельсоветов в районе в массовом порядке штрафовали граждан.

Ногайский сельсовет за убой скота не на убойной площадке, специально отведенной для этой цели, оштрафовал гр. Буряка в 50 руб. и Венева в 25 руб. Этот же сельсовет за невыполнение обязательств по поставке в I квартале 1936 г. уже 29 января (т. е. до истечения срока) оштрафовал трех колхозников.

Ново-Спасский, К. Марксовский, Николаевский и Деревецкий сельсоветы за невыполнение мясопоставок штрафовали колхозников и единоличников по 5—10 человек на одном заседании президиума, причем штрафовали в многократном размере (от 2 до 6 раз больше стоимости несданного мяса), в то время как по закону штраф может взыскиваться только в размере рыночной стоимости несданного мяса.

Характерное постановление вынес Дмитриевский сельсовет: у колхозника Яроша заболела корова, он пригласил ветфельдшера Антонова, Антонов своевременно к корове не пришел, и корова пала. Президиум сельсовета, обсуждая поступок Антонова, вынес постановление, которым обязал ветфельдшера Антонова уплатить стоимость коровы гр. Ярошу. При отчуждении домостроений, собственники которых в 1933, 1934 и 1935 гг. выехали из сел, сельсоветы, невзирая ни на какие связи этих собственников со своими домостроениями, отбирали эти строения и их продавали.

В Старо-Петровском сельсовете с 1930 г. в бывшей кулацкой хате живет 60-летняя колхозница Федоровская. Несмотря на свои 60 лет, она еще и в 1935 г. имела в колхозе 240 трудодней. В годы гражданской войны она была председателем комбеда и членом сельсовета. Теперь это беспомощная старуха. Дом, в котором она живет, на протяжении ряда лет не ремонтировался и начал разрушаться. Президиум сельсовета, исходя из того, что дом не ремонтируется, отобрал его у Федоровской и продал Рыбпрому. Прокуратура опротестовала постановление сельсовета. Президиум рика отменил постановление сельсовета, обязав сельсовет и правление колхоза отремонтировать дом Федоровской и оказать ей материальную помощь.

Были случаи вынесения горсоветом и риком постановлений об отобрании домостроений у кооперативных артелей, которые находились в их пользовании ряд лет и арендные сроки на которые истекали только через 2—3 года. После нашего вмешательства эти постановления горсовета и рика были отменены. Не редки в районе и случаи нарушения сельсоветами и даже риком советской демократии.

Старо-Петровский сельсовет вывел из состава пленума и президиума сельсовета гр. Стрибаманя за то, что он не описал у единоличника за неуплату государственных платежей лошадь, и этот единоличник успел свою лошадь продать.

Много протестов было принесено по поводу неправильного обложения граждан. В 1933 г. рабочий государственной обувной фабрики Аджавенко купил 3 пуда кукурузы и пуд пшеницы. Горсовет его обложил в 200 руб. как спекулянта, а на 1 января 1936 г. Аджавенко был должен горсовету кроме этих 200 руб. еще и 2 400 руб. пени.

В 1935 г. горсовет обложил подоходным налогом в 710 руб. жену рабочего Устинова за продажу мороженого. Проверкой нами было установлено, что Устинова была подставным лицом у спекулянта Подлужного. Фактически же изготовлял и продавал мороженое Подлужный. По нашему предложению Устинова была освобождена от обложения. Подлужного же обложили в 1 800 руб., а за уклонение от обложения мы его привлекли к уголовной ответственности и он был осужден к 1½ годам лишения свободы.

Ряд постановлений начальника районной милиции о наложении штрафов за мелкие правонарушения был отменен благодаря нашему вмешательству. Следует остановиться на деле гр. Лютой. За оставление детей без надзора начальник районной милиции привлек ее к принудительным работам на 20 суток. Гр. Лютая — вдова, работает на заводе, получает низкую зарплату и обеспечить няней своих детей не может. Рик, к которому мы обратились с протестом, 7 октября отменил постановление начальника милиции и обязал зав. наробразом взять под особенный надзор детей гр. Лютой, предложив деткомиссии приобрести для ее детей обувь и пальто.

Нарушения закона были обнаружены и в хозяйственных организациях района.

Ново-Васильевское СПО обложило своих членов по 3 руб. на приобретение выезда для доставки печеного хлеба потребителям. После нашего вмешательства это постановление было отменено. Рик предложил председателю РПС принять меры к немедленному устранению нарушений во всей торговой сети.

Конвенцбюро оштрафовало представителей двух организаций в 25 и 50 руб. за неявку на заседание конвенцбюро. Председатель конвенцбюро заявил, что этот штраф наложен «с целью попугать» неявившихся. Областное конвенцбюро, куда мы вошли с протестом, отменило это постановление, вынесло специальное, мотивированное постановление, которое было разослано всем районным конвенцбюро, и предложило всем конвенцбюро пересмотреть свои постановления.

Нужно сказать, что не все наши протесты удовлетворялись. 4 протеста рик отклонил и 5 протестов снято областной прокуратурой. Мы не всегда соглашались с постановлениями областного прокурора о снятии протестов, 2 таких постановления областного прокурора мы обжаловали в Прокуратуре Республики, и Прокуратура Республики с нами согласилась.

Прокуратура района вела надзор за соблюдением законности и на промпредприятиях. Мы установили ряд незаконных увольнений; начальники цехов Первомайского и Азово-Черноморского заводов незаконно штрафовали своих рабочих, удерживали большие суммы за брак; нередко накладывались взыскания за проступки рабочих, не связанные с производством: хулиганство, оскорбления и т. п. Было бы гораздо полезнее, если бы эти дела передавались производственно-товарищеским или народным судам.

Некоторые руководители возлагали материальную ответственность на своих подчиненных за кражу другими лицами вещей на производстве. Так, директор МТС возложил материальную ответственность на своего шофера за кражу у него с автомашины плаща. Начальник почты оштрафовал свою уборщицу в 5 руб. за плохую уборку помещения.

Одно только опротестование незаконных постановлений недостаточно для того, чтобы такие же нарушения не делались другими. Необходима и профилактическая работа. В этих целях я два раза выступал в местной газете со статьями, в которых указывал на нарушения социалистической законности как в колхозах, так и в учреждениях и организациях. Моя работа по надзору за законностью еще недостаточна. Надзор за правильным применением закона необходимо построить так, чтобы ни один объект не был оставлен без надзора. Практика получения постановлений и приказов прокуратуры с проверкой их в кабинете еще не обеспечивает полностью настоящего надзора.

Необходимо систематически выезжать в район, в сельсоветы, колхозы и проверять соблюдение законности на месте. Большую помощь в вопросе надзора за законностью оказывают группы содействия прокуратуре, если с ними ведется систематическая работа. Проведение всех этих мероприятий со стороны прокурора сделает работу по общему надзору достаточно эффективной.

Шегида

Несколько слов в ответ т. Шегида

Взгляды т. Шегида на постановку работы по общему надзору очень характерны для многих и многих наших районных работников.

Говоря о «трех путях», по которым прокурор должен итти для того, чтобы обнаружить незаконное постановление или действие должностных лиц, т. Шегида совершенно не упоминает о таком «столбовом пути», как рассмотрение конкретной жалобы живого человека. А между тем это наиболее простой, верный и скорый путь обнаружения нарушений закона. Держась за нитку одной основательной жалобы, всегда можно вскрыть целый клубок незаконных действий того или иного органа. Но в том-то и беда, что к жалобам у нас в районах относятся сплошь да рядом

равнодушно, по-бюрократически. Жалобы считаются черной работой, от них отмахиваются, их презрительно причисляют к «самотечной работе» в отличие от «активной, плановой». Жалобы разрешаются часто без ознакомления с законодательным материалом, по «наитию», небрежно, лишь бы отделаться. Особенно это относится к налоговым жалобам. Тут требуется и знание финансовых законов и фактическое положение вещей изучить (для чего иной раз надо и соседей порасспросить и самому на месте побывать). А на это у нас охотников мало. Можно привести немало живых таких примеров, на которых показать, как возмутительно бюрократически относятся у нас кое-где к рассмотрению жалоб и как нарушают закон при их разрешении, да т. Шегида, вероятно, и сам знает такие примеры.

Как же можно, говоря о работе по общему надзору, обходить молчанием вопрос о жалобах.

И еще одно замечание, которое также относится не к одному только т. Шегиде, а ко многим нашим районным работникам.

Тов. Шегида, рассказывая о том, как он боролся с нарушениями законности, и показав, что много этих нарушений в районе допускалось, ни разу не упомянул о том, поставил ли он хоть раз вопрос о привлечении лиц, нарушающих законы, к ответственности (партийной, дисциплинарной, уголовной). Не упомянул же он об этом потому, что, вероятно, не о чем было. А между тем в его статье приводятся такие случаи, когда мало было ограничиться только опротестованием незаконного постановления, а надо было бы поставить вопрос о наказании нарушителя. К сожалению, к нарушителям закона, иногда очень злостным, причиняющим большой вред советской власти, — часто относятся у нас очень снисходительно. Однако очевидно, что т. Шегида все же проделал в своем районе значительную работу, в особенности, если учесть, что он всего там проработал 10 месяцев.

Редакция

За высокое качество приговоров решений и определений

Победа социализма в СССР, ликвидация эксплоататорских классов по-новому определяют задачи нашего суда. Основная задача суда — беспощадная борьба с врагами народа и социалистического государства. Вместе с тем важнейшая задача суда — воспитание к дисциплине и самодисциплине трудящихся.

«Это — воспитание нового социалистического отношения к общественной собственности, к труду. Это — воспитание нового социалистического отношения гражданина к гражданину, укрепление новой морали в быту, нового отношения к семье, к женщине, к детям. Это — борьба против пережитков старого в сознании советского гражданина, в частности с остатками всяких родовых, национальных и иных предрассудков»... (передовая «Правды» № 345, 1936 г.).

Эти огромные задачи может выполнить только хорошо грамотный и культурный человек, вооруженный марксистско-ленинско-сталинской теорией. Если же судья этими качествами не обладает, то его решения и приговоры не будут отвечать своему назначению и вместо пользы будут приносить вред. Тов. Калинин на заседании судебно-прокурорских работников в день 10-летия Верховного суда Союза говорил, что:

«Если судья — хороший марксист, диалектик, опытный, практический работник, культурный, грамотный человек, то можно смело сказать, что 99 процентов его приговоров и решений будут иметь положительное политическое значение, будут являться одной из лучших форм пропаганды советских законов, пропаганды директив партии... Судья должен не только уметь правильно политически разобраться в данном конкретном деле, в той обстановке, в которой это дело произошло, правильно оценить, распознать людей, участвовавших в этом деле, выявить все пружины каждого данного дела, его классовую подоплеку и сущность, но он должен еще, кроме того, суметь это сделать так убедительно, так показательно, чтобы не только он сам и народные заседатели, но и все присутствующие на суде разобрались в этом деле и поняли правильность вынесенного судом решения»...

Обладают ли всеми этими качествами наши судьи? У нас имеется много прекрасных судебных работников, обладающих общей, политической и юридической грамотностью. Эта категория работников, правильно поняв указания нашей партии в области карательной политики, дает хорошие образцы и высокое качество своей работы. Этой работой довольны трудящиеся, ибо они отлично понимают, что такая работа суда помогает им быстрей строить социализм.

Но, к сожалению, приходится констатировать, что среди судебных работников имеются отдельные работники, которые наплевательски относятся к своему делу, страдая общей политической и юридической неграмотностью, в практике своей работы выносят такие возмутительные приговоры и решения, непонятные трудящимся массам, которые подрывают авторитет суда, ибо трудящиеся по работе отдельных судебных работников судят о работе всей судебной системы.

Конечно, эта категория работников своей плохой работой кроме вреда больше ничего принести не может, а поэтому мы должны направить огонь своей критики и самокритики по нашим недостаткам, по бескультурности, малограмотности и наплевательскому отношению к делу.

За последнее время «Социалистическая законность» на своих страницах уделяет внимание вопросам внедрения культуры в работу судебных органов, но это внедрение ограничивалось рамками борьбы за светлые и чистые помещения, в которых мы работаем, за вежливое и хорошее обращение с посетителями. Но еще недостаточно уделялось внимания борьбе с ошибочными и неверными политическими формулировками в приговорах, решениях и определениях, а таких приговоров и определений, к сожалению, бывает много. При рассмотрении дел с такими приговорами в кассационных инстанциях обращается главное внимание на исправление ошибок «по существу дела» и не ведется достаточной борьбы

за политически правильный и культурный приговор.

Чтобы не быть голословным, мы приведем несколько фактов из деятельности работы судов и прокуроров в Северокавказском крае.

13 января 1936 г. народный суд Апанасенского района в составе: народного судьи Кузьминой, народных заседателей Попова и Мостриенко, при секретаре Четверикове, гособвинителе Исаеве и защитнике Скачко, в селе Вознесенске в открытом судебном заседании рассмотрел уголовное дело по обвинению Ступаря Дмитрия, Компанейца Ивана, Емельяненко Григория и Погребняка Павла по ч. 2 ст. 142 УК.

Из вынесенного судом приговора по этому делу с трудом можно узнать, что все вышеуказанные лица нанесли тяжкие телесные повреждения гр. Крячко за то, что он, являясь сторожем совхоза, не усмотрел, как из барака пропал тулуп гр. Ступаря Михаила. В результате нанесенных Крячко побоев он умер. Надо было факт четко, конкретно, ясно изложить в приговоре, чтобы трудящиеся, присутствовавшие на суде, поняли этот приговор, но суд по этому делу вынес такой безграмотный приговор, что он даже не каждому судебному работнику понятен. Приведем выдержки из этого приговора (с соблюдением орфографии):

«...Все выше указанные лица обвиняются в том, что все они работали плотниками в совхозе за № 114 на второй ферме во главе их был бригадиром Погребной Павел, а потерпевшим Крячко Артем там же работал сторожем куда он был отпущен колхозом, как отходник. Этот сторож охранял как имущество колхоза, также и вещи рабочих, находящихся в бараке 2-го декабря 1935 года все обв. в том числе сын обв. Ступаря Д. Ступарь Михаил ушли домой в свое село клм. за 5—6 и в их отсутствие пропал тулуп Ступаря Михаила. Отец его и они стали вспрашивать Крячко, где делся тулуп, то умерший заявил, что он не видел и не знает кто взял 4/XII—вся эта группа уже перед вечером бросив работу и обвин. Ступарь Дмитрий, Компанеиц Иван, Емельянченко Григорий, Погребной Павел решили попытать умершего, чтобы он признался, где девал тулуп т. к. подозревали его в хищении зазвали его в барак, положили на нары клали Ступарь Дмитрий и Компанеец Иван, подняли ему рубашку стали бить по животу, при чем Компанеец заявил, что он сидел в тюрьме и знает как учить, брал тело живота в руку, а затем ребром другой бил по животу (при чем Компанеец заявил, что он сидел в тюрьме и знает, как учить) когда Компанеец бросил бить начал Ступарь Дмитрий, который сперва бил кулаками затем схватил топор ударил Крячко топором ему бить недали. Когда избивали умершего и Компанеец то Ельников держал и сам два раза ударил. Погребной закрыл двери на крючек обыскал старика ища денег, а затем приказал ему разуться и когда тот снял портки он стал его бить палкой по пяткам, но палка сломалась избиение было прекращено только с приходом в барак других рабочих»...

Интересно знать, что бы ответила судья Кузьмина, вынесшая этот приговор, если бы ее спросить, с каких это пор живые люди пытают умерших, добиваясь от них, «чтобы он признался где дел тулуп», с каких это пор мертвый человек отвечает на вопрос, «что он не видел и не знает кто взял тулуп».

И только в конце приговора указано, что все вышепоименованные обвиняемые избили Крячко так, что он через два дня умер.

Повидимому обвиняемый Ступарь заявлял суду о том, что это преступление он совершил под влиянием болезненного состояния и просил суд подвергнуть его медицинскому исследованию, но эту просьбу суд отверг и в своем приговоре пишет:

«что касается того, что якобы Ступарь нервно-больной и действовал не в нормальном состоянии и нуждается в экспертизе, то на это нет никаких оснований и он за всю жизнь не совершил такого действия, которое бы давало основание заподозревать его в психическом расстройстве».

Как видите, судья Кузьмина легко разрешает вопросы не только юридического порядка, и даже вопросы, входящие в сферу медицинских познаний. Вместо того, чтобы подвергнуть Ступаря медицинскому исследованию, она росчерком пера авторитетно заявляет, что нет никаких оснований считать Ступаря больным.

3 февраля 1936 г. по кассационной жалобе обвиняемых дело было рассмотрено судебно-кассационной коллегией Северокавказского краевого суда в составе: председательствующего Либерис, членов Открытова и Жидковой, которая приговор народного суда оставила в силе и не сделала никаких замечаний народному судье Кузьминой, не указала ей о недопустимости вынесения таких безграмотных приговоров, подрывающих авторитет нашего советского суда. О том, что Кузьмина вынесла такой приговор, знали и прокурор Исаев и ЧКЗ Скачко, и они также не протестовали против этого приговора. Из этого можно сделать вывод, что и они не ведут борьбы за внедрение культуры в работу судебных органов.

Приводим выдержку из приговора народного суда 16 участка Малгобекского района Чечено-Ингушской Автономной ССР.

27 мая 1936 г. народный суд в составе: председательствующего Поговорова, народных заседателей Суслова и Бокова, рассмотрев уголовное дело за № 1—104 по обвинению Платоновой Екатерины по ч. 1 ст. 116 УК, в приговоре указывает (орфография сохраняется):

«Проверив имеющийся материал дело предварительного и судебного следствия, путем опроса свидетелей, а также показание самой подсудной судом установленные доказанным что она Платонова, будучи являяся буфетчицей при столовой ИТР Малгобекского ОРС совершила растрату из государственных денег в веренных ей по службе на сумму 1372 руб. 35 коп. Указанную сумму выявлена натурных остатков бухгалтерской экспертизой последним на основании этого судом установлено преступного дияние со стороны подсудимой Платоновой по признакам ст. 116 ч. 1 УК РСФСР.» (Платонова осуждена на 2 года лишения свободы).

Вот яркий образец безграмотного приговора. Никаких знаков препинания судья не при-

знает. Вместо того, чтобы ясно, просто и четко написать о том, что Платонова, работая в столовой ИТР в должности буфетчицы, растратила 1372 руб., он придумывает какие-то фразы «будучи являеся» и т. д. и на основе этих фраз, подпав под их влияние, пишет такой безграмотный приговор.

Мы могли бы продолжить изложение подобного рода фактов, но считаем, что и изложенные факты в достаточной степени ярко говорят о том, как плохо работают некоторые работники органов суда и прокуратуры.

Невольно напрашивается вопрос, почему были вынесены такие приговоры, определения и постановления?

По нашему мнению эти документы были составлены в таком виде вследствие того, что лица, вынесшие их, страдают общей, политической и юридической неграмотностью, наплевательски относятся к порученной им работе.

Какие же следуют выводы из вышеизложенного?

Надо объявить беспощадную борьбу тем работникам органов суда и прокуратуры, которые наплевательски относятся к порученному им делу. Надо безжалостно изгонять их из наших рядов, ибо они своими действиями дискредитируют органы советского суда и прокуратуры.

Надо вменить в обязанность кассационным инстанциям, чтобы они при рассмотрении дел, если даже признают, что приговор надо оставить в силе, в своих определениях указывали бы мотивировку определения, а не писали бы голые фразы «приговор оставить в силе». Составление мотивированного определения об оставлении приговора в силе обяжет судей изучать рассматриваемое ими дело.

Все работники органов суда и прокуратуры обязаны работать хорошо и культурно. Выносимые ими приговоры, определения и постановления должны быть написаны просто, ясно и юридически грамотно, чтобы эти документы были понятны каждому трудящемуся. А чтобы работать хорошо и культурно, необходимо всемерно повышать свою общую, политическую и юридическую грамотность.

Мы обязаны работать хорошо. Этого от нас требует наша партия и советская власть. Мы должны построить свою работу так, чтобы поднять авторитет нашего советского суда и прокуратуры на недосягаемую высоту.

В целях ликвидации недостатков нашей работы, которые больно бьют по трудящимся нашей социалистической родины, необходимо подвергать их резкой критике на страницах наших журналов. Только огнем резкой самокритики мы уничтожим эти недочеты, мешающие нам итти быстрее вперед.

Раскольников

Об одном деле

3 сентября 1936 г. дежурный кладовщик камеры хранения ручной клади Московского вокзала в Ленинграде, придя утром на работу, обнаружил, что из одного стоящего на полке сундука просачивается кровь.

Прибывшими сотрудниками угрозыска сундук был вскрыт.

В нем оказался связанный веревками труп 20-летнего мужчины с повреждениями головы.

На трупе были надеты белая верхняя рубашка с галстуком, трусики и носки с резинками. Брюки, пиджак, ботинки отсутствовали...

На внешней стороне сундука, по виду совершенно нового, зеленого цвета, обитого крест-на-крест узкими полосками жести, значились карандашная и меловая надписи в виде $\text{М О } \frac{38-60}{5579}$.

По сообщению одного из кладовщиков, Жидкова, этот сундук был доставлен в камеру 2 сентября в 16 ч. 30 м. двумя неизвестными ему гражданами в сопровождении третьего гражданина, назвавшегося при получении квитанции Масловым. Лиц всех троих Жидков, конечно, не приметил.

7 сентября, после публикации в газете, труп убитого был опознан его родственниками и знакомыми. Убитый оказался Моисеевым Анатолием, проживавшим вместе с родителями в д. № 14 по Подольской ул. и бесследно исчезнувшим 1 сентября 1936 г.

Покойный был музыкантом-баянистом, работавшим в московском отделе Ленсовета.

Баян его тоже исчез.

В поисках убийцы и баяна прошло еще 3 дня.

Наконец, сотрудники угрозыска напали на верный след, вернее, на этот след их навела знакомая Моисеева гражданка Голик.

10 сентября, проходя по ул. Куйбышева, она встретила неизвестного, несшего в руках знакомый ей баян Анатолия. Последовав за неизвестным и установив его местожительство, Голик сообщила об этом в милицию, которая и задержала незнакомца.

Он оказался Калининым, купившим баян 6 сентября на Предтеченском рынке у некоего Иванова, а последний в свою очередь баян приобрел 2 сентября на Вяземском рынке у Алексеева Василия.

При обыске у Алексеева в квартире д. № 17 по ул. Герцена был обнаружен паспорт убитого Моисеева; кроме того, на одном из ботинок и серых брюках, принадлежащих Алексееву, были найдены свежие кровяные следы.

Алексеев Василий оказался шофером 1-й автобазы горвнуторга, знакомым покойного Моисеева.

Он объяснил, что он встретился с Моисеевым 1 сентября на улице; они были у знакомых, где выпивали, а затем в первом часу ночи вернулись домой, в комнату Алексеева, где и переночевали вместе на кровати Алексеева. Здесь же в комнате спали родственники Алексеева — жена брата, ее ребенок и мать. Утром 2 сентября Моисеев ушел. Вернувшись около 2 часов дня, он попросил у него, Алексеева, в долг 600 руб., якобы для приобретения другого баяна. При этом Моисеев якобы сказал, что если он не вернется к 3 час. дня, то он, Алексеев, может продать оставленный у него баян, для чего Моисеев оставил свой паспорт, чтобы зарегистрировать по нему продажу баяна на рынке. Получив 580 руб. от него, Алексеева, Моисеев ушел. После ухода Моисеева к Алексееву якобы пришли его и Моисеева два приятеля,

знакомые по пивной, один — Алексей, или Андрей, по кличке «Хирург», другой Владимир — с двумя девицами и попросили разрешить им распить у него в комнате принесенные с собой вино и водку. Считая неудобным устраивать попойку у себя в комнате, он отвел их в смежный с квартирой чердак, где на постланном матраце компания, в том числе и он, Алексеев, и расположились. Затем, уже в 16 час., не дождавшись возвращения Моисеева, он, Алексеев, взял его баян из комнаты и ушел продавать его, оставив компанию на чердаке. Продав на рынке баян и возвращаясь домой, он во дворе дома у черной лестницы встретил «Хирурга» и Владимира уже без девиц. «Хирург» и Владимир несли большой зеленый сундук. Этот сундук они поставили на ручную тележку, стоявшую во дворе и поехали со двора. Сообразив, что они что-то украли, он, Алексеев, спросил их об этом, но получил ответ: «Молчи». Поднимаясь затем по лестнице с черного хода, он увидел на лестнице у чердака лужу крови, которую замыл, взяв ведро с водой и тряпку. Тут он впервые якобы догадался, что приятели кого-то убили и унесли в сундуке.

Вечером, в этот же день, к нему, Алексееву, зашли его приятели «Хирург» и Владимир, причем первый вернул ему его серый костюм (ранее взятый заимообразно) со следами крови на нем. На этот раз приятели также отказались ответить ему о подробностях убийства и быстро ушли. После этого он их больше не видел.

Происхождение кровяных следов на ботинке Алексеев объяснил тем, что он, замывая кровь на лестнице, мог запачкать его, а на вопрос, как мог попасть в его отсутствие на чердак Моисеев, ответил, что у Моисеева был ключ от черного хода, который вел в чердачное помещение.

При двукратном осмотре (оба осмотра были поверхностными) чердака дома № 17 по ул. Герцена, произведенного сотрудниками угрозыска, там были обнаружены следы крови на полу при выходе из чердака на черную лестницу, которой пользовались жильцы квартиры, где проживал Алексеев, половая тряпка, топор со следами крови и окровавленные подтяжки Моисеева. Топор, по показаниям жильцов, все время хранился в чердачном помещении.

По заключению судебно-медицинского эксперта «смерть Моисеева последовала от асфиксии вследствие сдавления дыхательных органов в области шеи руками человека, причем предварительно покойному были нанесены множественные удары плотным орудием в область головы в положении, когда покойный лежал (голова была фиксирована на каком-то плотном предмете). Покойный в момент убийства находился в состоянии опьянения».

Дальнейшие оперативные действия угрозыска были направлены исключительно по линии установления личности «Хирурга» и «Владимира».

Были проверены все пивные, находящиеся по ул. Дзержинского, где, по показаниям Алексеева, он встречался со своими приятелями, но все розыски оказались тщетными. «Хирурга» и «Владимира» установить и задержать не представилось возможным.

Установлено было лишь из допросов свидетелей — родственников Алексеева, что в ночь с 1 на 2 сентября он с Моисеевым ночевал не в общей комнате, а взяв матрац, ушел с Моисеевым ночевать на чердак, где этот матрац и остался до третьего осмотра чердака, произведенного в связи с этим обстоятельством, угрозыском.

При таком положении дело по обвинению Алексеева по ч. 3 ст. 167 УК было направлено в спецколлегию областного суда.

В судебном заседании Алексеев, не признавая себя виновным в убийстве Моисеева, по-прежнему сводил свою роль в этом деле к недоносительству, максимум — к сокрытию следов преступления, подтверждая настойчиво свои объяснения о «Хирурге» и «Владимире».

Суд приговорил Алексеева к расстрелу.

Однако тени «Хирурга» и «Владимира» продолжали витать над этим делом.

В приговоре было указано, что «вынос трупа убитого из дома, а также сдача его в камеру хранения была произведена при помощи неустановленных следствием лиц».

О трех неизвестных, доставивших сундук, показывал и кладовщик Жидков, почему-то не вызванный в суд.

Кто эти люди? Существовали ли они вообще?

Президиум Верховного суда РСФСР отменил этот приговор и направил дело к доследованию, предложив передать доследование опытному следователю.

И вот дело вступило в новую фазу доследования или, вернее говоря, нового, исчерпывающего расследования.

Тщательно изучив и проанализировав все материалы дела, старший следователь т. Ручкин пришел к выводу, что дальнейшее расследование надо вести по линии выяснения следующих обстоятельств:

1. Установить, не осталось ли еще в чердачном помещении после трехкратного осмотра его сотрудниками угрозыска каких-либо следов, могущих пролить свет на обстоятельства убийства Моисеева.

2. Установить, куда делись не оказавшиеся при трупе пиджак, брюки и ботинки Моисеева.

3. Установить, где и при каких обстоятельствах был приобретен убийцей сундук.

4. Тщательно сопоставить все объяснения, данные обвиняемым по делу в разное время, проанализировав все его противоречия.

Поставленная перед следователем задача была не из легких, но разрешил он ее очень успешно.

Передопросив ряд жильцов, пользовавшихся чердаком, следователь установил, что за несколько дней до первого осмотра чердачного помещения сотрудниками угрозыска одна из проживающих в этом доме нашла на чердаке паспорт на имя неизвестной гражданки, который она передала соседу, а тот отнес в милицию.

Выяснилось, что этот паспорт принадлежал некоей гражданке Рудый, которая и получила его обратно из милиции. Разыскали Рудый, она оказалась в тюрьме, осужденная за кражу. Рудый заявила, что паспорт вместе с чемоданчиком и деньгами был у нее открыто похищен неизвестным на канале Грибоедова, после того как он уплатил ей деньги (Рудый занималась проституцией).

При предъявлении Рудый фотографии Алек-

сеева она в нем опознала этого «неизвестного».

В поисках вещей Моисеева — пиджака, брюк и ботинок следователь съездил на Вяземский рынок, где Алексеев 2 сентября продавал баян Моисеева, и осмотрел регистрационную книгу (регистрация граждан, продающих вещи с рук). Записи от 2 сентября о продаже баяна в книге не оказалось, зато на этой же странице от 2 сентября оказалась следующая запись: «Алексеев Василий.., прож. по ул. Герцена, д. № 17, кв. 8, **старые вещи**».

Автор записи расшифровал, что под термином «старые вещи» он обычно записывал несколько предметов одежды и обуви, не особенно сильно поношенных.

Осмотрев сундук, находившийся уже в музее угрозыска, следователь обратил внимание на имевшийся внутри на крышке сундука синий штамп «Чулковская кузнечно-меховая артель Горьковского края». Затем, использовав фотографические снимки сундука и обойдя ряд магазинов, торгующих этими вещами, следователь нашел такие же сундуки в магазине № 208 горвнуторга на Сенной площади.

Зав. магазином охотно пояснил, что из таинственного знака МО $\frac{38-60}{5579}$ он может расшифровать только меловую надпись — 38—60. Это цена сундука (38 р. 60 к.). А что означает остальная часть знака, написанная карандашом, ему — неизвестно. Но для следователя и этого оказалось достаточно: он знал теперь, где, когда и за какую цену был приобретен этот сундук.

Собирая эти улики и приберегая их на день окончательного допроса обвиняемого, следователь тем временем терпеливо и добросовестно записывал все объяснения Алексеева, которые тот давал.

Особенно тщательно следователь фиксировал в допросах сообщаемые Алексеевым приметы «Хирурга» и «Владимира».

Обвиняемый сразу же сообразил, почему следователь несколько раз допрашивал его об одном и том же, но когда понял, было уже поздно...

В описании примет обоих «приятелей» Алексеев настолько в конце концов запутался, что отказался вообще давать следователю показания.

Тогда следователь перешел в наступление и использовал все добытые им улики. Он предъявил обвиняемому потерпевшую Рудый, он рассказал Алексееву, где, когда и за сколько он покупал сундук, где и когда он продал вещи Моисеева.

Следователь, правда, еще не знал, кто же помогал обвиняемому свести сундук на вокзал и сдать его в камеру, но здесь ему помог уже сам обвиняемый.

Припертый к стене неоспоримо вескими доказательствами Алексеев вынужден был сказать: «Пишите, я буду говорить правду».

Вот эта правда:

«Хирурга» и «Владимира» вообще не существует. Убил Моисеева Алексеев один. С вечера 1 сентября привел его на чердак ночевать, напоил и убил. 2 сентября оставил труп на чердаке, вышел на улицу, купил на Сенной площади сундук, там же на углу нанял тележника-старика (№ тележки 829) и привез сундук к себе на двор. Оставив во дворе тележника, поднялся с сундуком наверх, положил труп в сундук, а затем позвал снизу тележника. Вместе снесли тяжелый сундук вниз, поставили на тележку. Ничего не подозревавший старик повез сундук, а Алексеев поехал на трамвае к вокзалу. У вокзала нанял носильщика в подмогу сторожу и труп был сдан в камеру хранения. Одежду и баян Алексеев продал в тот же день на рынке.

Эти показания были проверены следователем.

Предъявитель номера на тележку № 829, немедленно разысканный следователем, подтвердил объяснения обвиняемого в этой части.

Остальное стало уже не интересно... Дело можно было кончить

Дело направляется в суд по обвинению Алексеева по ч. 2 ст. 167 УК.

Следователь полагает, что на этот раз оно к доследованию уже не вернется.

Если только... суд не предложит следователю разгадать так и неразгаданные им остальные знаки таинственной формулы на сундуке: МО $\frac{38-60}{5579}$.

Кравцов

На подъеме

«Качественно полноценное проведение расследования является решающим условием правильной судебной политики и высокого качества работы суда» — под этим лозунгом прокуратура ДВК стала бороться за повышение качества следствия, за повышение технического и политического уровня следователей края. Создание методических бюро, дача следователям практических указаний способствовали тому, что следователь стал расти, обогащая свои знания новыми методами ведения следствия. Положительными нужно считать мероприятия, проводимые методическими бюро Уссурийской областной прокуратуры в части проведения кустовых конференций следователей, на которых прорабатывались вопросы техники следствия. Докладчиками по вопросам, поставленным на конференции, являлись сами следователи; это заставляло их углубленно прорабатывать вопросы, черпая материалы из имеющейся литературы.

Технический и политический уровень следователя повысили месячные курсы следователей, организованные при краевой прокуратуре. Особым мероприятием по обмену опытом работы явились радиопереклички, проводимые прокурором ДВК т. Черниным, охватывающие самые отдаленные уголки края. Много мне дала конференция следователей, проведенная Прокуратурой Союза ССР.

Не имея специального юридического образования, но пройдя систему мероприятий по повышению квалификации, я на практической работе добился некоторых успехов: улучшилось качество следствия, по ряду дел мною применялись научные методы следствия. Бухгалтерская экспертиза, судебно-медицинская экспертиза, фотографирование, составление схематических планов мест происшествия — все это в совокупности помогло суду быстро и правильно рассматривать дела. Изжито возвращение дел на доследование. Майские де-

ла, как хорошо оформленные, прорабатывались на совещании следователей в областной прокуратуре.

Добиваясь хорошего качества фотографирования, я освоил вертикальную фотосъемку, которая дает исключительные результаты по фотографированию места происшествия, следов, трупа и т. п. При горизонтальной фотосъемке предметы на фотопластинке запечатлевались в ракурсе; при вертикальной съемке этот недостаток устраняется, но для вертикальной фотосъемки требуется специальный штатив, которого я не встречал в продаже. Задавшись целью приспособить имеющийся трехножный штатив, я произвел его реконструкцию, и в результате сделанного добавочного приспособления этот штатив можно использовать при любой фотосъемке как вертикальной, так и горизонтальной.

Положительной стороной своей работы я считаю хорошо налаженную связь с печатью: все проходившие характерные дела освещались мною в печати.

Хочу привести в заключение обстоятельства одного раскрытого мною преступления.

Тихо протекала жизнь корейского поселка Вишневка, расположенного в тайге, далеко от районного центра, но это спокойствие нарушило необычайное для поселка происшествие. В ночь с 7 на 8 сентября в поселке было совершено убийство и ограбление корейской гражданки Ли-эсан. Получив сообщение об этом, я верхом на лошади (иначе туда доехать нельзя было) выехал в поселок. По прибытии было установлено, что в ночь с 7 на 8 сентября к корейскому гражданину Хаишен-дину явилось трое неизвестных корейцев, которые под видом уполномоченных сельпо по хлебозакупке попросились переночевать. Хозяин, не подозревая плохого, пустил пришедших к себе в дом, а сам в полночь выехал в город, оставив дома 68-летнюю жену и двух соседских детей. Как только уехал хозяин, находящиеся трое неизвестных немедленно встали; один из них, вооружившись ружьем, вышел на улицу, двое (у одного из которых был нож) зашли на кухню и стали требовать от хозяйки выдачи денег и золота. Требуя деньги, они начали душить женщину и затем повесили ее под потолок на балке. Перепуганные дети были связаны веревкой. Перерыв весь дом и забрав более ценные вещи, убийцы скрылись в неизвестном направлении.

Ведение следствия представлялось весьма трудным, так как факт произошел в корейском поселке, преступники были корейцы, и опросы пришлось производить только через переводчика, что усложняло ведение следствия. Не было ни малейших нитей, которые тянулись бы к преступникам. Произведенным опросом одного из граждан в убийстве и грабеже был заподозрен некто Цой-ей-ман, нигде не работавший долгое время. Самого подозреваемого в селе не было; он был найден в корейском поселке и привезен в районный центр. Он сначала категорически отрицал участие в совершенном убийстве, но потом сказал, что он предполагает, кто мог совершить убийство, что этот человек ранее проживал в г. Владивостоке под фамилией Сон. Получив такие сведения, без замедления, 16 сентября я выехал во Владивосток, взяв с собою и подозреваемого.

Розыск Сона осложнялся тем, что я хорошо не знал частей города, но все же 16 сентября в 11 часу ночи, после тщательных розысков, была установлена квартира Сона. Предполагая, что Сона может не оказаться дома, я, чтобы себя не расконспирировать как следователя, под видом проверки переписи, стал производить проверку паспортов и, когда паспорт Сона попал ко мне в руки, Сон был арестован. Немедленно был сделан обыск, но он положительных результатов не дал. Будучи допрошенным, Сон признался в убийстве и ограблении корейской гражданки и показал, что один из участников убийства (Ким-чан-сун) выбыл из Владивостока, а другой (Ким-сан-чен) должен, по его мнению, находиться на Спасском цементном заводе. Оставив в милиции данные для розыска Ким-чан-суна, я выехал в Спасск, куда прибыл 19 сентября в 3 часа утра, и направился на цементный завод, где мной был найден в поселке Ким-сан-чен, который сперва отрицал участие в убийстве, но потом полностью сознался.

Через несколько дней в г. Владивостоке по моим указаниям уголовным розыском был арестован Ким-чан-сун, возвратившийся во Владивосток. Таким образом вся группа была арестована. Цой-ен-ман, как было установлено следствием, являлся наводчиком. Эти лица в продолжение длительного периода времени систематически совершали ограбления. Раскрытию преступления способствовали оперативность и личный активный розыск преступников.

Напористость в работе, уметь отстаивать свою точку зрения, уметь доказать свою правоту — вот качества, которыми должен обладать следователь. При этих условиях мы будем на высоте своего положения.

Еще много трудностей в нашей работе, но учеба, осуществление сталинского лозунга об овладении большевизмом — залог того, что в кратчайший срок все недостатки в работе будут выправлены.

М. Тибенко

Стать юристами

На совещании при прокуратуре УССР А. Я. Вышинский заявил:

«Мы должны стать настоящими, советскими юристами, должны превратить следователей и прокуроров в знатоков советских законов и советского права» [1].

Это заявление относится не только к прокурорам и судебным работникам. Оно полностью относится и к советской адвокатуре.

В составе коллегии защитников имеется немало «юристов» в кавычках, о которых писал в «Известиях» М. Дубровский: «недоучившиеся экономисты, неудавшиеся бухгалтера.., уволенные из суда и прокуратуры за неграмотность.., для которых коллегии защитников оказались последним пристанищем» [2].

Но и юристы по образованию порою забывали о том, что они юристы, старались забыть об этом и немного стыдились называть себя юристами.

Основная масса кассационных жалоб, составляемых в юрколлективах, носит определенно

[1] «Соц. законность» 1936 г., 11, стр. 8.
[2] «Известия» 30 декабря 1936 г.

не-юридический характер. Господствующий в них стиль:

«народный суд признал подсудимого виновным, между тем, свидетель такой-то показал то-то»...

Это — чистая апелляционная жалоба, нередко впадающая в обывательский тон и наивный сентиментализм (соц. происхождение и семейное положение).

Часто ли в кассационных жалобах встречаются ссылки на статьи закона? Также редко ссылаемся мы на статьи и в устных наших ходатайствах перед судом. Кое-где это считается еще и посейчас признаком дурного тона, вызывая некоторое раздражение.

Между тем, статья — это условный сигнал, применяемый в юридической речи, напоминающий о целом комплексе юридических идей. Ссылка на статью напоминает о законности. Как часто суд отказывает защите в ходатайствах по «ясности дела», по «достаточности наличных доказательств» и т. п. Между тем, ссылка защитника на ст. ст. 272, 253 и 254 УПК напоминает суду, что он должен выслушать заключение противной стороны, что отказ должен быть мотивирован, что единственный законный мотив к отказу — признание данных обстоятельств не имеющими отношения (значения) к делу, а такой отказ вполне поддается кассационной проверке.

Ссылка на статьи означает знание законов. Как часто у нас ссылаются на «дух советского закона», на «директивы партии и правительства», на «неоднократные указания Наркомюста и Верховного суда», не зная подлинного закона, подлинного разъяснения Верхсуда.

Стоит прочитать наши кассационные жалобы, послушать судебные выступления, чтобы убедиться, что у нас отсутствует единая, четкая, точная и выдержанная юридическая терминология. Мы не совсем отвыкли от архаического дореволюционного канцелярского стиля, мы часто переходим на обывательский язык, мы не выработали своего четкого, ясного, советского юридического языка — необходимого условия юридической мысли.

Часто ли в кассационных коллегиях защита поднимает спорные юридические вопросы? В областных судах подобные попытки обычно встречают противодействие: на аншлаге — 70 дел, по «неписанному регламенту» защитнику «неприлично» говорить свыше 5—10 минут, и его уже перебивают: «ваши выводы?» Где уж тут до юридических вопросов!

— Гражданин защитник, не читайте лекции, суд знает законы...

И вот т. Вышинский пишет: «В нашей среде редко вспыхивают споры по какому-либо юридическому вопросу. Почему? Потому что в юридических вопросах мы мало квалифицированы, у нас кое-кто даже забывает, что существует УПК. Очень редко услышишь ссылку на УПК или УК [1].

Даже в правовых наших журналах не часто появляются статьи по догматическим вопросам, посвященные толкованию законов, обсуждению спорных вопросов права, разработке отдельных институтов процесса. Это свидетельствует о том, что у нас еще очень слаб вкус к работе юридической мысли, интерес к углубленной разработке юридических вопросов. Наша судебная практика еще не создала достаточного спроса в этой области.

Такое положение более немыслимо. Великая сталинская Конституция исключительно высоко поставила советский закон. Идея социалистической законности красной нитью проходит через всю Конституцию. Судьи, подчиняющиеся только закону (ст. 112), должны стать «знатоками советских законов и советского права» **(Вышинский)**.

Стать настоящими юристами. Это слово «настоящими» имеет глубокий смысл. И среди судебных работников, и среди адвокатуры у нас распространен взгляд, что юрист это тот, кто знает законы, вернее — их ходовые статьи, кто сдал «юрминимум». Забывают, что юрминимум только первая ступень.

Опасность этого взгляда — в его грубом практицизме. Представители этого взгляда в кассационных коллегиях обрывают защитника:

— Вы нам теории не развивайте...

Они забывают сталинскую идею о неразрывной связи теории с практикой. Советский юрист должен не только знать закон, но и понимать его: его историю, его классовое значение, его внутренний смысл, его связь со всем советским правом, его отличие от буржуазного закона. Настоящий советский юрист должен знать сов. право не только практически, но и теоретически. Теоретическое же изучение советского права предполагает критическое изучение и буржуазного права в его прошлом и настоящем. В этом смысле очень полезны обзоры «Социалистической законности» по праву капиталистических стран.

Коллегии защитников кое-что делают в смысле подготовки и переподготовки кадров, лекций, курсов и т. п. В порядке самокритики надо сказать, что в значительной части это — дело показное, «отчетное», а не реальное. Мы судим по опыту Ленинградской коллегии.

Профиль советского юриста должен быть широким, включая в себе широкое юридическое образование, которое может дать только юридический вуз. Наряду с политическими дисциплинами (учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина), наряду с чисто юридическими науками, сюда входят такие вспомогательные для юриста дисциплины, как судебная психопатология и медицина, психология, криминалистика, бухгалтерия и т. д.

В отличие от специалистов — техников, врачей и т. п., следователь (как и вообще советский юрист) по самому характеру своей деятельности не может быть узким специалистом. Сталкиваясь с самыми разнообразными явлениями жизни, то с медициной, то со строительством, то с техникой, он должен уметь ориентироваться во всех областях науки и жизни. Для этого требуется — «общее образование, общая культура». Только «широко образованный человек» сумеет правильно подойти к экспертам из разных областей науки. Пойдем еще дальше. Общее образование включает в себя и известный минимум литературного образования. Это необходимо и для овладения психологией.

Таковы, нам представляется, требования, необходимые для выработки настоящего юриста.

[1] «Соц. законность» 1936 г., № 11, стр. 9.

Но в формуле А. Я. Вышинского есть еще третье требование: «стать настоящими, советскими юристами». Об этом третьем требовании — «советскими» — мы, советские адвокаты, не должны забывать ни на минуту. Ибо здесь таится опасность скатиться на чуждые рельсы.

Отличие советского юриста от юриста буржуазного вытекает из отличия советского права от права буржуазного.

Советское право это — социалистическое право, служащее интересам социалистического строительства, это — воля советского государства, воля миллионных трудящихся масс.

Буржуазное право служит интересам эксплоататорского меньшинства, оно охраняет капитализм и частную капиталистическую собственность против масс. Отсюда — его консервативный, реакционный характер.

Советское право — прогрессивное, революционное, творческое. Оно глядит не назад, в прошлое, а вперед, в светлое будущее.

Буржуазное право преследует одну цель — подавить (насилием и обманом) сопротивление масс. Советское право осуществляет огромные культурные задачи, оно будит самодеятельность масс, оно воспитывает[1].

Советский юрист — носитель этого революционно-прогрессивного, творческого, культурного советского права. В этом его коренное отличие от буржуазных юристов.

Из этого вытекает и другое отличие. Буржуазный юрист — это узкий, сухой законник, буквоед-догматик. Ибо фетишизм буквы закона — это средство для подавления и усыпления масс.

Советский юрист чужд этого узкого догматизма. Марксистская диалектика, политическое образование, наряду с образованием общим, помогают ему широко понимать закон, правильно сочетая теорию с практикой.

Советский защитник не может рассматривать себя, подобно буржуазным адвокатам, как представителя и слугу личности, противопоставляемой государству. В нашем социалистическом государстве интересы личности и общества не противоречат, а гармонически согласованы между собою.

Защищая в суде подсудимого, советский адвокат делает это как представитель того же советского государства, что и прокурор, по заданию государства, ни на минуту не забывая при этом об интересах советского государства и социалистического строительства.

Советское государство, охраняя права и интересы личности, возлагает на советскую адвокатуру защиту этих прав на суде. И гуманитарные идеалы советского государства обязывают советского юриста ни на минуту не забывать за законом о живом человеке, самом ценном капитале в нашей стране.

И тут мы опять противопоставляем себя буржуазному правосознанию с его лозунгом: Fiat justitia, pereat mundus[2].

Лозунг «стать настоящими, советскими юристами» чрезвычайно плодотворен. Мы пытались набросать несколько мыслей, применяя этот лозунг к советской адвокатуре. Эта тема требует широкого обсуждения и разработки.

М. Равич

[1] См. А. Я. Вышинский, Рев. законность на современном этапе, М., 1933 г.

[2] Пусть свершится правосудие, хотя бы погиб мир.

Советская защита на новых путях[1]

Ст. 111 Конституции СССР, гарантирующая обвиняемому право на защиту, означает новый этап в развитии советской защиты. Значение защиты этим неизмеримо повышается. Это обязывает коллегии защитников провести ряд мероприятий, которые обеспечили бы полноценную судебную защиту, квалифицированную и добросовестную юридическую помощь населению.

Первое мероприятие, которое представляется совершенно необходимым, состоит в улучшении кадров защитников.

Существующие кадры коллегий защитников в значительной своей части неудовлетворительны. Среди защитников немало бывших людей, немало людей неразвитых, политически безграмотных и т. д. Об этом уже не раз сообщалось в печати, и с фактами подобного рода мы сталкиваемся повседневно.

Чего, например, стоит заявление защитника, адресованное в бюро своего коллектива и содержащее в себе такие перлы:

«С момента переезда на работу — 1 апреля 1936 г. не отходит от меня, равно и моей семьи болезнь (малярия), лечивший от указанной болезни местный врач в процессе его наблюдения установил, что такой инцидент на здоровье, может только высказаться неподходящими климатическими условиями, применение к которым натуры здоровья поддается туго.

Вследствие чего и, исходя из указанных выше причин, которые, безусловно занимают место уважительности, я и возбудил ходатайство о переводе меня в... район, тем более в данный момент, как известно свободный, и как окруженный лесами (бор), где безусловно, климатические условия могут быть применительно лучше...»

Такое положение явилось результатом многих причин. Требования, предъявляемые действующим положением о судоустройстве к вступающим в состав коллегии защитников, незначительны, но практически и они соблюдались лишь формально. Коллективы, нуждавшиеся в защитниках для заполнения пустующих районов, принимали практикантом каждого желающего, не считаясь или почти не считаясь с тем, имеются ли какие-либо основания предполагать, что в дальнейшем из кандидата выработается способный, знающий защитник. Само практикантство также протекало обычно самотеком и в подавляющем большинстве случаев заключалось в формальной обязанности пробыть известный срок в звании практиканта с тем, чтобы потом почти механически получить звание члена коллегии защитников. При нормальной постановке дела практикантство должно быть связано, конечно, с серьезным, систематическим изучением теории в соединении с повседневной практической подготовкой и последующим

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

серьезным же испытанием знаний практиканта. На деле вся подготовка ограничивалась ежедневной работой в консультациях, писанием заявлений и выступлением в судах, а испытание превращалось в чистейшую формальность, так как комиссии легко пропускали явно неподготовленных практикантов.

Вполне понятно, что результаты были печальными и множество членов коллегии защитников представляют собой плохих практиков без малейшей теоретической подготовки.

Новые задачи, стоящие теперь перед защитой, со всей силой требуют создания полноценных, культурных, знающих и способных с честью осуществлять свое дело кадров защитников, иначе защита долго еще не завоюет того уважения, которое по праву принадлежит ей, как важнейшему звену советской судебной системы.

Опасность проникновения в ряды защиты некультурных, неразвитых, ленивых, неспособных, подхалимствующих, а порой и антисоветски настроенных людей очень велика, культивирована всеми прошлыми привычками коллегии защитников и поэтому не может недооцениваться.

Некоторые товарищи видят спасение от всех бед в том, чтобы разрешить работу в коллегии защитников только лицам с высшим юридическим образованием. Подобное разрешение проблемы представляется нам неправильным и неприемлемым, линией наименьшего сопротивления. Конечно, отчисление неудовлетворяющих формальным требованиям — самый простой и легкий путь, но в то же время путь неблагодарный, связанный с огромной потерей кадров. Неизмеримо труднее воспитать существующие кадры, поднять их на более высокий уровень, но именно здесь лежит, по нашему мнению, решение задачи.

Личные качества человека имеют в работе защитника особенно большое значение, и высшее образование поэтому весьма желательно, но не решает еще вопроса о возможности зачисления товарища в коллегию, как не решает его и не должно служить препятствием для зачисления отсутствие высшего образования.

Кроме того, отчисление из состава коллегий защитников лиц, не имеющих высшего образования, практически невозможно. Нам известны сведения о составе на 1 января 1936 г. двух коллегий защитников — Челябинской и Омской. В первой из общего числа 44 защитников высшее образование имеют лишь 5, среднее — 9. Во второй из 70 членов коллегии защитников высшее образование имеют 16, среднее — 20.

Нетрудно убедиться, что в случае отчисления из состава коллегии лиц, не имеющих высшего образования, обе эти коллегии превратились бы в пустое место. Защитниками, и то в недостаточной мере, были бы обеспечены только областные центры, а районы, заполнение которых кадрами связано с особенными трудностями, оголились бы совершенно.

Не зная состава других коллегий, мы полагаем, однако, что положение их таково же или немногим лучше, за исключением таких крупных центров, как Москва, Ленинград, Киев и др.

Нам думается, что решение вопроса должно пойти по другому пути. Прежде всего это касается практикантов. Прием их необходимо производить только после тщательного ознакомления с личностью кандидата, раз навсегда отказавшись от зачисления лиц, непригодность которых очевидна. Помимо этого мы считали бы целесообразным установить для каждого кандидата непродолжительный испытательный стаж, например, месячный, по истечении которого коллектив должен перевести кандидата в разряд практикантов или отказать ему в приеме. Надо увеличить срок практики, доводя его до 2—3 лет.

Обеспечив практиканту прикрепление к квалифицированному защитнику, обязанному обучать практиканта, руководитель должен заботиться не только о юридическом образовании практиканта, но и об общем его развитии.

Испытание на звание члена коллегии защитников необходимо превратить из пустой формальности, каковым оно было подчас до настоящего времени, в серьезный экзамен. Практикант должен помнить, что только большой запас знаний даст ему право на звание члена коллегии защитников.

Что касается лиц, уже состоящих к данному моменту членами коллегии защитников, то и в отношении их необходим ряд мероприятий, обеспечивающих повышение их квалификации.

На первом плане должно стоять, конечно, заочное высшее юридическое образование. Там, где это возможно, должно практиковаться обучение на краткосрочных юридических курсах и в правовых школах. Защитники, не имеющие высшего образования и не проходящие его заочно, должны сдать юрминимум, что проделано еще не везде.

Таков круг минимальных мероприятий для повышения квалификации защитников. Мы думаем, что членами коллегии защитников могут быть не только лица с высшим юридическим образованием, но и лица, не имеющие его. Вместе с тем основной задачей защиты становится улучшение и воспитание своих кадров.

Второй вопрос, который мы хотели бы поставить на обсуждение, касается оплаты труда защитников.

При сравнении действующих в различных коллегиях такс бросается в глаза пестрота их построения.

Мы думаем, что такое положение ненормально. Такса должна быть единой для всех коллегий защитников на территории СССР, с учетом особенностей отдельных краев и областей.

Кроме того, мы высказываемся за изменение одного из принципов построения таксы. Действующие ныне таксы предусматривают максимальный размер вознаграждения. Независимо от затраченного на проведение дела труда и лишь в исключительных случаях допускают превышения максимального размера, при условии доведения об этом до сведения президиума коллегии. Теоретически такое построение предполагает, что максимальное вознаграждение будет назначаться только там, где требуется затрата количества труда и энергии.

Практически же это получается не так, поскольку, с одной стороны, максимальная оплата назначается зачастую независимо от сложности и длительности дела, с другой, по делам действительно сложным и длительным

защитники, за ничтожными исключениями, не используют права на повышение оплаты, дабы избежать той сложной и неприятной процедуры, которая установлена на этот счет. В результате в одних случаях недостаточно обоснованное высокое вознаграждение, в других — по процессам, требующим серьезной, длительной и сложной работы, — оплата, совершенно не оправдывающая своей незначительностью того большого труда, который имел место.

Было бы значительно правильнее установить оплату труда защитников по количеству затраченных на проведение дела трудодней, так как именно этот признак определяет обычно и сложность дела и длительность и напряженность предварительной подготовки, не говоря уже о том, что он является прямым отражением труда, потраченного на участие в судебном заседании.

Наконец, мы полагаем, что новая такса должна строиться из расчета увеличения заработка защитника. Наша основная задача в настоящий момент сводится к улучшению качества работы.

Но это улучшение возможно только при условии, если защитник получит возможность больше работать над собой и над порученным ему делом.

Практически и в этом отношении дело обстоит зачастую не так, как хотелось бы, особенно в таких пунктах, где имеется один или небольшое количество защитников.

Здесь защитник должен принять на себя всю работу по ведению дел по назначению суда, всю работу в консультациях и значительную, подчас, общественную работу, а для того, чтобы обеспечить себе заработок, защитник загружает себя платными поручениями, стремясь принять их возможно больше в целях увеличения заработка.

Результат получается обычно безрадостный — недостаточное знание дела, халтурное и непродуманное выступление, неряшливая, бессодержательная жалоба и т. д., а у добросовестного, отдающегося делу не за страх, а за совесть защитника, принимающего на себя лишь такое количество поручений, которое он в состоянии внимательно проработать, — низкий заработок, создающий стремление уйти на другую, лучше обеспечивающую его работу.

Работа защитника нервная, напряженная, но интересная и почетная. Судебная речь не укладывается в пределы сухого юридического резюме и зачастую представляет собой и должна представлять в известной мере художественное произведение. Содержание и оформление не исключают, а дополняют друг друга. Речь, насыщенная аргументами и интересная по своему оформлению, доходчива, убедительна, значительно облегчает работу суда.

Продуманная, последовательно и логично составленная жалоба может служить подчас исходным пунктом для кассационной и надзорной работы. Но для того, чтобы такое качество работы защитников было повседневным и привычным, а не единичным явлением, как это наблюдается теперь, нужно создать соответствующие условия. В этом направлении сделано очень много, но многое еще предстоит сделать среди тех мероприятий, которые необходимы; не главное, конечно, но и не последнее место занимает вопрос об улучшении материального положения защитников.

Размеры журнальной статьи не позволяют затронуть другие вопросы, касающиеся работы защитников, вследствие чего мы останавливаемся на приведенных выше двух, как наименее освещенных в печати.

Б. Тиховский

О советской адвокатуре

Под таким заголовком в «Соц. законности» за 1936 г. помещены две статьи: в № 10 — т. А. С. Тагера, в № 12—т. Е. Львова. Между обоими этими авторами произошла дискуссия, главным образом, по вопросу об организационном построении и «подведомственности» советской адвокатуры, роль которой в судебном аппарате, в связи с введением новой Конституции, чрезвычайно повышается. В высказываниях обоих авторов имеются спорные моменты, решение по которым подскажет в дальнейшем сама жизнь. Исключение составляет вопрос о том, кому должна быть подчинена адвокатура. Этот вопрос может и должен быть решен уже сейчас, а по моему мнению, как это видно будет из дальнейшего изложения, он должен считаться уже решенным.

Тов. Тагер предлагает подчинить местные советы адвокатов исполкомам местных советов. Тов. Львов предлагает подчинить их местным судам. На мой же взгляд, оба неправы.

Тов. Тагер назвал адвокатуру в своей статье третьим звеном советской судебной системы. Тов. Львов, со своей стороны, цитируя эти слова т. Тагера в кавычках, против данного определения не возражает, этим самым соглашаясь с ним полностью. Но тогда позволительно спросить сразу обоих авторов: почему вы находите возможным и необходимым это третье звено судебной системы подчинить одному из остальных двух звеньев этой системы (судам) или органу, хотя и наиболее авторитетному, но стоящему вне этой системы (советам). Не находит же никто возможным подчинить, скажем, прокуратуру суду или, наоборот, не находит же никто возможным подчинить прокуратуру и суд советам. Как известно, суд и прокуратура, как это теперь твердо записано в Конституции, независимы ни от какого влияния местных органов власти. Друг другу, как известно, они тоже не подчинены. Почему же адвокатура должна быть зависимой от суда или совета, подчиненной им. Она тоже должна быть независимой.

Это, конечно, отнюдь не значит, что адвокатура не должна быть административно подчинена какому бы то ни было органу. Она должна иметь подчинение по своей, наркомюстовской, линии.

По сути дела, тт. Тагер и Львов, если можно так выразиться, расчленили существующее ныне положение, предлагая вместо наличествующего сейчас двоевластия установить власть одного органа. В настоящее время коллегии защитников подчинены в тесном смысле этого слова суду, но советы также имеют власть над ними в виде права отвода и пр. И вот т. Тагер проектирует снять подчинение суду и оставить подчинение совету, а т. Львов, на-

оборот, — снять подчинение совету и оставить подчинение суду. Но рассуждать так можно было бы до новой Конституции. Теперь же ситуация совершенно изменилась. Мы имеем по новому положению о Наркомюсте СССР специальный отдел в составе этого Наркомюста, ведающий делом защиты. Само собой напрашивается мнение, что этому, и только этому отделу и должна быть подчинена теперь советская адвокатура.

Наркомюст — вот кому «подведомственна» адвокатура на новом этапе. Иначе зачем организован в его составе отдел защиты?

Давно уже назрел вопрос о такой форме организации советской адвокатуры, когда она будет составным элементом определенного ведомства, а не каким-то отщепенцем, не имеющим пристанища и находящимся в множественном подчинении различным органам. И вот теперь, когда этот вопрос решен, наконец, в самом разумном смысле, когда советская адвокатура нашла свое ведомство и узаконенное «начальство», находятся изобретатели разных других подчинений. Кому это нужно? Решительно никому.

Этот вопрос решен и жизнью и законом, и обсуждение его должно быть снято с порядка дня.

А. Либерман

О протоколах судебных заседаний

В журнале «Социалистическая законность» № 6, июнь 1936 г., в статье «Такую практику надо прекратить» т. И. М. и в том же журнале № 11 т. Гринштейн, в статье «Еще о протоколах», критикуют военные трибуналы в части ведения протоколов судебных следствий и подготовительных заседаний. Как тот, так и другой с пеной у рта доказывают, что печатание протоколов на машинке есть нарушение какого-то закона. Я согласен с тем, что нарушение закона должно пресекаться в корне, тем более в судах. Но печатание протоколов не есть нарушение закона. Оба автора ссылаются на ст. 80 УПК. Такая статья в УПК есть, но в ней не сказано, как должны писаться протоколы, т. е. чернилами ли, карандашом ли, или их можно писать на машинке. Ст. 81 говорит, что протокол должен быть готов и подписан в течение трех дней после заслушания дела, но нигде в УПК не указано, что протокол должен быть готов к концу судебного заседания, как это предлагают авторы. И в этих же статьях указано, что стороны могут делать замечания на протокол после его подписания. Гринштейн и И. М. утверждают, что трибуналы не руководствуются протоколами в совещательной комнате якобы по той причине, что некоторые секретари делают только заметки в судебном заседании, а некоторые и этого не делают, надеясь на свою «хорошую память».

Это — клевета на секретарский состав трибуналов.

Я в трибуналах работаю несколько лет и такого вывода о работе секретарей, какой делают И. М. и Гринштейн, не сделал, ибо этого не видел и не слышал. К тому же не по каждому делу нужен протокол в совещательной комнате. Если есть председательствующий, которому нужен протокол по каждому делу, то у этого человека нет памяти, а раз так, то он не может и не должен работать в суде. Как бы ни был квалифицирован секретарь, если он будет начисто составлять протоколы в судебном заседании, никогда он полностью не схватит всех основных вопросов, которые проходят на судебном заседании; если же он пишет для того, чтобы перепечатать, то он значительно полнее напишет протокол, ибо ему не обязательно каждое слово записывать полностью, а он может записать сокращенно и восполнить при перепечатывании. Я лично считаю, что печатание протоколов себя целиком оправдало и в дальнейшем это нужно оставить и даже ввести в народных судах, где есть пишущие машинки.

К такому выводу я прихожу на основе того, что протоколы зачастую секретарями фиксируются в судебном заседании неточно и председательствующий вносит ряд поправок, а вносить поправки в протокол, написанный от руки, чтобы этот протокол имел культурный вид, невозможно.

Однако от народных судей и председательствующих нужно потребовать, чтобы протоколы оформлялись не позже трех суток, т. е. в срок, как это предусмотрено УПК, и чтобы стороны могли знакомиться с ними и делать на них свои замечания.

Лукьянович

О языке судопроизводства

Согласно ст. 110 Конституции Союза ССР «судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области, с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке».

Таким образом судопроизводственным языком в ССР Грузии является язык грузинский, в Аджарской АССР — также грузинский, в Абхазской АССР — абхазский, а в автономной области Юго-Осетии — осетинский.

Для народностей, населяющих ССР Грузии, вопрос о языке судопроизводства приобретает особенное значение в тех районах, где языком большинства населения не является язык грузинский. Таковы, например, районы бывшего Борчалинского уезда, где большинство населения говорит на тюркском языке, Ахалкалакский район, с преобладающим армянским населением, Цалкинский район, с преобладающим греческим населением и др. Между прочим необходимо отметить, что еще в конце 1929 г. ЦИК и СНК ССР Грузии установили языком судопроизводства мингрельский язык в тех судебных районах, где население в большинстве своем пользуется, как родным языком, мингрельским и не владеет грузинским языком. Это касается районов бывшего Зугдидского уезда.

В интересах общедоступности судебного процесса было бы целесообразно допустить ведение судопроизводства в национальных районах на языке большинства населения данного

района, как это предложил т. Еремеев («Правда» от 27 июня 1936 г. № 175).

Текст Конституции СССР содержит прямые указания на возможность учета специфических особенностей каждой республики. Хотя по ст. 15 суверенитет союзных республик ограничен в пределах, указанных в ст. 14, а следовательно, в области законодательства о судопроизводстве, но согласно ст. 16 каждая союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР. Согласно ст. 60 Верховный совет союзной республики принимает Конституцию республики и вносит в нее изменения в соответствии со ст. 16 Конституции СССР.

Судопроизводство на грузинском языке в районах бывшего Борчалинского уезда повлекло бы за собой необходимость сплошного перевода показаний свидетелей и подсудимых с тюркского языка на грузинский, в результате чего утратилось бы одно из основных требований процесса — непосредственность. Наиболее рациональным было бы допустить в указанных районах судопроизводство на тюркском языке, что, конечно, предполагает создание специальных судебных национальных кадров, не только на местах, но и в центре — в Прокуратуре и в Верховном суде ССР Грузии. Тов. Лихтман («Правда» от 9 июля 1936 г. № 187) идет далее указанных предложений: он находит, что в районах, где то или иное национальное меньшинство составляет значительный процент к общему населению, необходимо организовать также суды с судопроизводством на языке данного национального меньшинства.

Желательно, чтобы указанные особенности были приняты во внимание при составлении проекта Конституции ССР Грузии.

К. Плетников

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Два случая нарушения ст. 112 Конституции СССР

3 декабря 1936 г. на ст. Бухарево Октябрьской ж. д. потерпел крушение поезд № 711, повлекшее за собой перерыв в движении в течение 12 часов и убытки свыше 70 000 руб. Комиссией, производившей служебное расследование, было установлено, что причиной крушения является лопнувший под поездом рельс, имевший старую трещину около 3 метров.

Кроме того комиссия установила отсутствие соответствующего наблюдения за состоянием пути на 11 дистанции.

Решением дорожной комиссии и специальным приказом начальника Октябрьской ж. д. от 5 декабря № 489 были наложены дисциплинарные взыскания на ряд работников этой дистанции, в частности бригадир Диранов был смещен в ремонтные рабочие. Кроме того ПЧ-11 было предложено произвести тщательный осмотр рельсов на главном пути, во исполнение чего дорожный мастер Степанов, обнаружив при проверке пути 4 декабря 4 негодных рельса на 156 км, предложил бригадиру Диранову выехать на перегон и сменить эти рельсы.

Диранов 5 декабря, приступая к смене рельс на 156 км, не оградил места работы сигналами, в результате чего следовавший по перегону резервный паровоз № 5287 наскочил на замененный, но не укрепленный еще рельс, который под тяжестью паровоза скантовался на бок скатами паровоза и ударил в конец следующего рельса, который был согнут и разбит. Крушения не было только потому, что паровоз этот следовал без вагонов.

Дорожный мастер Степанов (не предупредивший дежурного по станции о смене рельсов на перегоне) и бригадир Диранов были привлечены к уголовной ответственности, и оконченное следственное дело 13 декабря было передано в суд.

Линейный суд Октябрьской ж. д. 13 декабря, рассмотрев это дело в подготовительном заседании под председательством т. Беззубова, вынес следующее определение:

«Принимая во внимание, что в деле не имеется приказа начальника дороги о предании суду, что, по сообщению секретаря начальника дороги, на виновных приказом начальника дороги наложено дисциплинарное взыскание без предания суду, на основании изложенного дело возвратить прокурору для согласования вопроса о предании суду с главным транспортным прокурором и НКПС».

Вынося такое определение, линейный суд допустил грубейшее извращение основного закона Союза ССР — сталинской Конституции, статья 112 которой гласит: «Судьи независимы и подчиняются только закону».

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала определение линейного суда.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: принимая во внимание, что ст. 238 УПК точно определяет основной вопрос, который должен рассматриваться на подготовительном заседании суда, что по вопросу о работе подготовительных заседаний даны исчерпывающие указания пленума Верховного суда Союза ССР. Между тем, в прямое нарушение закона и указаний пленума Верховного суда, суд по делу Диранова уклонился от рассмотрения дела по существу и вынес определение, которое устанавливает особый порядок предания суду, УПК не предусмотренный. Имеются указания о целесообразности иметь в делах, связанных с крушениями и авариями, заключение начальника дороги

или его заместителя как лиц административно-технически компетентных в оценке действий виновников крушения или аварии, но отсюда вовсе не вытекает, что отсутствие заключения начальника дороги или наложение начальником дороги на виновников дисциплинарного взыскания дает право не рассматривать представленное прокуратурой дело по существу и выносить определения, аналогичные тем, какие вынесены по делу Диранова и Романова, поэтому определение от 13 декабря 1936 г. отменить и дело вернуть в линейный суд на вторичное рассмотрение в подготовительном заседании.

**
*

8 декабря 1936 г. на ст. Новинка машинист Романов Н. Д., следуя со сборным поездом № 1193, проехал указательный столбик на 160 м и выехал на главный путь, за входную стрелку. При осаживании состава обратно Романов допустил резкое нажатие, в результате чего 3 вагона свалились на бок.

Произведенным следствием было установлено, что Романов перед поездкой не проверил действия автотормозов, которые у некоторых вагонов оказались выключенными. Сам Романов признал, что действия автотормозов он не проверил. Романов ранее имел ряд дисциплинарных взысканий за обрывы поездов и другие нарушения правил технической эксплоатации.

По окончании следствия дело по обвинению Романова было передано в линейный суд Октябрьской ж. д. для рассмотрения. В деле имеется акт служебного расследования с постановлением комиссии о передаче материалов следственным органам для привлечения Романова к уголовной ответственности.

Линейный суд Октябрьской ж. д. 13 декабря 1936 г., рассмотрев это дело в подготовительном заседании под председательством т. Беззубова, вынес совершенно исключительное по своей политической неграмотности определение. Определение это гласит: «Принимая во внимание, что в деле не имеется приказа начальника дороги о предании суду, что, по сообщению секретаря начальника дороги, на виновных приказом начальника дороги наложено дисциплинарное взыскание без предания суду, — на основании изложенного дело возвратить прокурору для согласования вопроса о предании суду с главным транспортным прокурором и НКПС».

Прокуратура Союза опротестовала это определение подготовительного заседания линейного суда.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: ввиду того, что суд неправильно уклонился от рассмотрения на подготовительном заседании дела Романова по существу, что суд вынес по делу неправильное определение, которым устанавливает порядок предания суду, Уголовно-процессуальным кодексом не предусмотренный, что только в том случае, когда суд считал бы, что нет оснований для привлечения Романова к уголовной ответственности, а необходимо ограничиться дисциплинарным взысканием, суд, после обсуждения дела по существу, вправе был вынести соответствующее определение. Определение суда от 13 декабря 1936 г. отменить и дело передать на вторичное рассмотрение подготовительного заседания.

Неправильное направление дела к доследованию

Определением суда Верхневолжского бассейна от 5 декабря 1936 г. дело по обвинению Кашина Николая Павловича по ч. 1 ст. 116 УК было возвращено из судебного заседания в прокуратуру для доследования только потому, что Кашин на суде заявил о том, что при проверке документов по пароходу «Якубов» он якобы не присутствовал и что числящихся за ним 150 яиц он не получил, а также для установления фамилии официантки, удостоверяющей присвоение Кашиным в 1935 г. по пароходу «Пахомов» 13 цыплят.

В судебном заседании, после оглашения обвинительного заключения, Кашин полностью признал себя виновным и заявил, что никаких документов, опровергающих приписываемую ему недостачу, он не имеет, что документы по пароходу «Пахомов» были проверены в его присутствии. В отношении недостачи по пароходу «Якубов» Кашин указал, что он там работал всего 4 дня, что документов по этому пароходу он не смотрел, доверив бухгалтеру-контролеру, и подписал составленный акт, в правильности которого сейчас сомневается, так как по этому пароходу за ним значится недостача 150 яиц, которых за свою 4-дневную работу он вообще не получал.

Приемка продуктов на пароходе «Якубов» производилась Кашиным в присутствии рабочего контроля и по весу. Сдачу продуктов после 4 дней работы Кашин производил также в присутствии рабочего контроля и по весу. Акт о сдаче продуктов приобщен к делу, правильность этого акта Кашин подтвердил.

В этом акте значится, что Кашин передал новому заведующему производством 68 штук яиц. Если верно, что Кашин вообще не получал яиц, то каким образом при сдаче продуктов появились эти 68 яиц? По акту выверки от 10 июня 1936 г. за Кашиным числится не 150 яиц, как он утверждал на суде, а только 110.

Таким образом из материалов дела усматриваются голословность и необоснованность заявления обвиняемого.

В свете этого совершенно очевидна необоснованность заявлений Кашина о том, что он якобы не присутствовал при перепроверке документов по пароходу «Якубов», произведенной 20 ноября 1936 г., так как на суде он признал, что акт он подписал лично, содержание акта ему было прочитано, и он с ним согласился, наименование недостающего сырья ему известно, но якобы сам он документов не просматривал, поверив на совесть контролеру. На допросе у старшего следователя по этому поводу Кашин указывал буквально следующее: «Сумму недостачи я признал, выдал обязательство на уплату всей недостачи. Признаю ее и теперь, никаких документов у меня больше нет. Все документы, которые у меня были, учтены при проверке 27 октября и 20 ноября. Никакой проверки новой я не тре-

бою, это будет без толку, так как у меня нет документов, оправдывающих недостачу. В накладных расписывался я и подтверждаю получение товаров и продуктов и против правильности проверки не возражаю».

Отвечая на вопрос прокурора, Кашин объяснил, что поток пассажиров на пароходе «Якубов» был небольшой, что «талончики на отпущенные кушания из кухни я первоначально подсчитывал сам для того, чтобы знать, сколько же и каких кушаний (блюд) отпущено, а потом уже передал их контролеру-бухгалтеру, причем его подсчет талонов на отпущенные блюда вполне соответствовал моему подсчету и никаких недоразумений на этой почве у меня с контролером не было».

На судебном следствии Кашин подтвердил, что показания им были даны совершенно добровольно и что в правильности выверки по пароходу «Якубов» он сомневается лишь в части записи ему в недостачу 150 яиц.

При таком положении вещей у суда не было оснований обращать дело к доследованию. Можно было истребовать наряд у треста «Водресторан» с подлинными документами для обозрения. Подлинные накладные на яйца, находившиеся в бухгалтерском наряде, на суде в присутствии управляющего трестом Сецена, защитника обвиняемого Соколова были прокурором предъявлены Кашину, который признал, что подписи на накладных — его.

Требование суда о розыске официантки, видевшей кур, взятых Кашиным на пароходе «Пахомов» в 1935 г., в то время когда свидетель Краковский на допросе прямо заявил, что ни имени, ни фамилии этой официантки он не помнит, что на пароходе было несколько официанток и какая из них говорила ему об этом, он не помнит; при осведомленности суда о том, что набор официанток на пароходы производится в разных местах и учета их в отделе кадров не ведется, узнать ее имя, отчество и фамилию, как равным образом и местожительство, нельзя, тем более, что не только она, а все работники этого ресторана были уволены в 1935 г., на службе в тресте не состоят и на учете не значатся, — еще раз подчеркивает формальное отношение суда к рассмотрению дела и неправильность возвращения его к доследованию, тем более, что эпизод с курами не имеет решающего значения для дела, а является второстепенным.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала определение суда.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила отменить определение суда и дело возвратить в суд для рассмотрения по существу.

Грубые нарушения процессуальных норм

Приговором Керкенского окружного суда от 13—15 апреля 1936 г. бывший начальник строительной конторы горсовета, инженер Бекиш Владимир Антонович, был осужден по ч. 2 ст. 104, ст. 170 и ч. 2 ст. 141 УК к 4 годам лишения свободы со взысканием с него 7195 р. 76 к. в пользу строительной конторы.

Определением УКК Верховного суда от 11 мая 1936 г. приговор этот был утвержден, за исключением удовлетворения гражданского иска, с предложением окружному суду рассмотреть этот вопрос вторично с учетом представленных обвиняемым в судебное заседание денежных оправдательных документов.

Прокуратура Союза опротестовала приговор окружного суда и определение УКК Верховного суда по следующим основаниям:

Обвинение Бекиша по ст. 104 УК в должностных злоупотреблениях слагается из нескольких инкриминируемых ему судом фактов: задержки зарплаты рабочим строительства в результате расходования фондов зарплаты не по назначению и корыстного присвоения 7195 р. 76 к. средств строительной конторы.

Если самый факт существования задолженности по зарплате можно считать доказанным, то причины этого явления ни на предварительном расследовании, ни на суде в должной мере не были выяснены.

Обвиняя Бекиша в расходовании фондов зарплаты не по назначению, суд исходил из расчета, сделанного старшим следователем Архиповым в обвинительном заключении, в котором указано, что из отпущенных Госбанком на зарплату 94 055 р. 13 к. строительная контора израсходовала на зарплату только 58 584 р. 31 к., на выдачу авансов в счет зарплаты 24 032 р. 19 к. (т. е. по существу также на зарплату) и на прочие хозяйственные расходы 11 438 р. 64 к.

Между тем, если бы суд проверил этот расчет, включенный следователем в состав обвинительного заключения на основании справки, данной бухгалтером Копыловым (уволенным обвиняемым Бекишевым за развал работы и систематическое пьянство), и сопоставил бы данные этой справки с официальной справкой, данной Госбанком о суммах, выплаченных им строительной конторе на выдачу зарплаты, то он обнаружил бы существенное расхождение между этими двумя документами и убедился бы в неправильности выводов обвинительного заключения.

Из справки бухгалтера Копылова видно, что строительная контора получила из Госбанка за время с 1 октября 1934 г. по 31 января 1935 г. 89 820 р. 13 к., в то время как Госбанк удостоверяет, что за этот же период на зарплату им выдано всего 80 928 р. 57 к., т. е. на 8 791 р. 56 к. меньше. Эта разница, очевидно, получилась потому, что кроме средств на выплату зарплаты банк выдавал деньги и на другие надобности. Совершенно очевидно, что указанная разница не может быть причислена к фонду зарплаты и что при рассмотрении вопроса о неправильном расходовании фондов зарплаты необходимо исходить из цифры, указанной Госбанком, т. е. из 80 928 р. 57 коп. При этих условиях сумма денег, истраченная Бекишем из фонда зарплаты на хозяйственные и прочие расходы, снижается до 2546 руб. 08 коп., и вывод суда о том, что причиной задолженности по зарплате являлось разбазаривание фондов зарплаты на хозяйственные расходы, оказывается неверным, ибо позаимствование этой незначительной суммы не могло сколько-нибудь существенным образом повлиять на образование указанной задолженности.

Тот факт, что все средства, отпущенные на зарплату банком после 1 октября 1934 г., почти целиком, за исключением лишь 2546 р., пошли на выплату зарплаты рабочим, а в то же время, по выводам обследовательской комиссии, задолженность строительной конторы рабочим и служащим составляла на 16 ноября 1934 г. 29 075 руб., допускает несколько возможных объяснений, а именно: либо эта задолженность в своей основной массе образовалась еще за прежнее время до октября 1934 г., как утверждал обвиняемый Бекиш, ссылавшийся на то, что он получил ее по наследству от своего предшественника; либо строительная контора нанимала рабочих в количестве, превышающем плановые контингенты, или оплачивала их труд по повышенным против установленных расценок, почему и образовался разрыв между банковским финансированием и обязательствами строительной конторы перед своими рабочими; либо же в действительности указанная сумма задолженности являлась бухгалтерской фикцией и результатом неправильной системы расчетов с рабочими (частично выдававшейся по ведомостям как зарплата, а частично проходившей под видом авансов в счет зарплаты), какая упорно поддерживалась бухгалтером Копыловым в целях личного обогащения за счет обсчитывания рабочих (за что суд постановил привлечь его к уголовной ответственности).

Следствию надлежало выяснить этот вопрос путем бухгалтерской экспертизы. Так как этого сделано не было, то вопрос о характере и происхождении задолженности, а следовательно, и о степени и пределах ответственности за ее образование обвиняемого Бекиша остался неразрешенным.

Еще хуже был расследован основной вопрос о корыстных злоупотреблениях, приписываемых Бекишу. По акту обследовательской комиссии за ним значится 5564 руб., по выводам обвинительного заключения — 4050 руб., наконец, по заключению судебной экспертизы и по приговору суда эта цифра повышается до 7195 руб. Но и эта последняя цифра, как вполне правильно отмечает в своем кассационном определении Верховный суд, является сомнительной. Прежде всего обращает на себя внимание самый метод образования «экспертной» комиссии, выведшей эту последнюю цифру, и ее состав. Вместо того, чтобы пригласить компетентных бухгалтеров со стороны, окружной суд выносит постановление о создании экспертной комиссии в составе члена судебной тройки Лукьянова и двух допрошенных по этому делу свидетелей — Яковлева и Трубачева, причем оба эти свидетеля — первый как инициатор возбуждения дела, а второй как бухгалтер той же строительной конторы — являлись лицами, заинтересованными в исходе дела. О незаконности возложения обязанностей эксперта на судью, вопреки прямому запрещению закона, говорить не приходится.

Эта порочная по своему составу «экспертиза» дала и порочные по содержанию выводы, тенденциозно подойдя к оценке данного ей на исследование документного материала. Так, например, экспертиза инкриминирует Бекишу в качестве растраты 2235 р. 39 к. по акту от 28 сентября 1934 г. на том основании, что бухгалтер Копылов потерял оправдательные документы на эту сумму, о чем сама же экспертная комиссия пишет в особом акте, и несмотря на то, что один из членов этой комиссии — Яковлев — в свое время видел и проверял эти документы и признал эту сумму подлежащей списанию со счета задолженности Бекиша. Второй пример: в «растрату» обвиняемому включается 1885 руб. подъемного пособия, законно причитавшегося ему на основании ст. 82 КЗоТ. Далее, ему проставляется ряд сумм, полученных разновременно (500 руб., 370 руб., 100 руб., 350 руб.) и зачисляемых в «растрату» на том основании, что эти суммы были им получены «на что неизвестно», хотя, казалось бы, чего бы было проще спросить об этом самого обвиняемого, который, согласно определению суда, должен был присутствовать при производстве экспертизы, но который привлечен к ней почему-то не был.

Если к этому добавить еще отмеченный в кассационном определении Верховного суда факт оставления экспертами без всякого обсуждения представленных Бекишем оправдательных документов на 2691 руб., то станет совершенно ясно, что подобного рода «бухгалтерская экспертиза» ни в какой мере не способна была облегчить задачу суда, а напротив, ввела суд в заблуждение и способствовала произвольным и необоснованным выводам о «растрате».

При таких условиях, учитывая, что вопрос о наличии в действиях Бекиша корыстных моментов являлся основным и решающим при определении наказания, УКК Верховного суда, установившая недоброкачественность «экспертизы», выводы которой были положены в основание признания Бекиша виновным в корыстных злоупотреблениях, должна была бы отменить приговор окружного суда и направить дело к доследованию. Вместо этого она ограничилась лишь снятием гражданского иска как необоснованного.

Второе обвинение — по ч. 2 ст. 170 и ч. 2 ст. 141 УК — в причинении телесного повреждения и оскорблении действием основано на случае с рабочим-националом Абдуллаевым. Достаточно прочесть показания самого потерпевшего, чтобы убедиться, что инкриминируемые Бекишу в связи с этим инцидентом действия не дают никаких оснований для квалификации их по ч. 2 ст. 170 УК. Вот как сам Абдуллаев описывает это происшествие: «5 февраля 1935 г. я обратился к Бекишу за зарплатой. В это время он был в кабинете. Ответив мне, что денег нет, меня толкнул, я тогда схватил его за грудь; в этот момент, отрывая мои руки от груди, он, Бекиш, вывихнул большой палец...» Очевидица этого происшествия свидетельница Евсеева описывает его по-иному: «Тов. Абдуллаев приходит к т. Бекишу и стал просить деньги, т. Бекиш ответил, что денег нет, тогда т. Абдуллаев перегнулся через стол, схватил за грудь т. Бекиша и стал трясти; во время того, как Бекиш отнимал руки от груди, нечаянно вывихнул большой палец...».

При наличии столь существенного противоречия между показаниями потерпевшего и свидетельницы, суду надлежало, во-первых, произвести между ними очную ставку, а во-вторых, допросить по тому же поводу других свидетелей-очевидцев (например, свидетелей Ковецкого и Волкова), допрошенных судом, но по другим обстоятельствам дела. Суд этого

почему-то не сделал, и приговор в этой части, построенный на показании заинтересованного лица, без надлежащей проверки, нельзя считать достаточно обоснованным.

При этих условиях приговор окружного суда в целом и утвердившее его кассационное определение УКК Верховного суда не могут быть оставлены в силе, и дело должно быть передано на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования, с обязательным производством бухгалтерской экспертизы по вопросу о характере, происхождении и размерах задолженности по зарплате по вине Бекиша и о размерах и характере его личной задолженности и с уточнением обстоятельств, при которых было причинено телесное повреждение Абдуллаеву.

Президиум Верховного суда ТАССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор окружного суда и определение УКК Верховного суда отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования через Прокуратуру Республики для производства новой бухгалтерской экспертизы по вопросу о размерах задолженности по зарплате по вине обвиняемого Бекиша, размера присвоенных им сумм, а также уточнения обстоятельств, при которых было причинено телесное повреждение Абдуллаеву.

Суровое осуждение, не оправдываемое обстоятельствами дела

Приговором выездной сессии Верховного суда БССР мастер Ленинградского корбюраторного завода Козлов Петр Федорович был признан виновным в даче взятки и осужден по ст. 208-б к 8 годам лишения свободы.

По делу было установлено, что, желая скрыть от заводских организаций свое кулацкое происхождение, Козлов уговорил и. о. районного прокурора, б. народного следователя Целебринского (осужденного по этому же делу), выдать ему ложную справку о социальном происхождении, за что «отблагодарил» следователя двумя почтовыми посылками с папиросами ценой 80 руб.

Квалификация деяния Козлова по ст. 208 УК (дача взятки) правильна, однако действия его должны были квалифицироваться не по п. «б», а по п. «а» этой статьи, ввиду отсутствия квалифицирующих признаков, предусмотренных пунктом «б».

При выборе наказания Козлову суд упустил из виду ряд существенных моментов, говорящих в его пользу.

По окончании профшколы и службы в Красной армии, в 1929 г. Козлов поступил в Ленинграде слесарем на карбюраторный завод, где проработал вплоть до момента его разоблачения и ареста, то есть до января 1935 г. На производстве он выдвинулся, овладел техникой и стал мастером сверловочной группы. Из приложенных к делу приказов по заводу и номеров заводской многотиражки за 1933—1935 гг. видно, что Козлов не только показал себя передовым ударником на производстве, за что неоднократно премировался и отмечался в заводской газете, но и дал заводу ценное изобретение, сконструировав станок, освобождающий завод от необходимости импортировать соответствующие заграничные станки.

За несколько дней до ареста в приказе начальника ГУТАП Наркомтяжпрома Союза ССР была особо отмечена плодотворная работа Козлова.

Все эти факты указывают, что Козлов, несмотря на свое кулацкое прошлое, стал активным участником социалистической стройки и имел полное основание рассчитывать на восстановление в избирательных правах. Он малодушествовал и, вместо того, чтобы итти к этому прямым и открытым путем, избрал путь обмана и взяткодательства, за что и должен нести ответственность.

Но совершенно очевидно, что при указанных выше обстоятельствах применение к Козлову длительной изоляции совершенно не вызывается необходимостью.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор выездной сессии Верховного суда БССР.

Президиум Верховного суда БССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил преступление Козлова переквалифицировать на п. «а» ст. 208 УК и определить ему меру наказания в 1 г. 6 м. лишения свободы и с зачетом отбытого им срока из-под стражи освободить.

Неправильное осуждение шофера за несчастный случай, происшедший в результате грубой небрежности пострадавшего

Народный суд г. Москвы по делам местного транспорта по ст. 139 УК РСФСР приговорил к 1 г. 6 мес. лишения свободы Малахова Николая Георгиевича, шофера 2-й автобазы Метростроя.

Приговор этот был утвержден КК Московского городского суда, президиумом Московского городского суда, судебной коллегией Верховного суда РСФСР и президиумом Верховного суда РСФСР.

По приговору суда вина Малахова заключается в том, что, управляя 25 мая 1935 г. автогрузовой машиной, Малахов, проезжая Площадь восстания, сделал поворот вправо со скоростью 5—6 км, видя, что на расстоянии трех метров стоит гражданка Добрякова. Малахов, вплотную следуя к тротуару, не принял мер предосторожности и сшиб гр. Добрякову правым бортом, причинив ей тяжкие телесные повреждения.

Как видно из материалов дела, машина, которой управлял Малахов, шла со скоростью 5—6 км в час, то есть медленно. Поворачивая за угол, шофер дал сигнал. Суд признал, что Малахов не давал сигнала, однако для такого вывода нет оснований, так как единственная допрошенная по делу свидетельница Илюхина заявила на суде, что «не знает, был ли сигнал».

Ехать вплотную к тротуару шофер вынужден был, так как улица очень узкая. После того как ему крикнули, что машиной сбит человек, Малахов немедленно остановил машину и начал оказывать помощь пострадавшей.

Таким образом непонятно, в чем же выразилась преступная халатность Малахова? Добрякова попала под машину вследствие допущенной ею грубой неосторожности. Стояла Добрякова, как это установлено показанием свидетельницы Илюхиной, у самого тротуара, а не на тротуаре и не отошла на тротуар даже тогда, когда машина с ней поровнялась. Сбита она была задним бортом, и шофер, проехав стоявших у тротуара людей, не мог видеть, что делается сзади.

Малахов не проявил преступной неосторожности и не должен нести уголовной ответственности.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор суда и все утвердившие этот приговор определения.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила переквалифицировать действия Малахова на ч. 2 ст. 112 УК РСФСР и определенную ему меру наказания снизить до одного месяца и.-т. работ по месту работы, с удержанием из заработка 10%; исключить из приговора воспрещение Малахову работать в качестве шофера в течение одного года шести месяцев.

Неправильное заочное рассмотрение дела

Заочным приговором народного суда 1-го участка Наровчатовского района гр. Зубков Федор Иванович был признан виновным в спекуляции луком и по ст. 107 УК осужден к 10 годам лишения свободы.

Кассационная жалоба Зубкова, в которой он ссылался на нарушение судом ст. 265 УПК, так как из постоянного своего местожительства в с. Раменском никуда не выезжал и в суд не явился лишь потому, что повестки о дне слушания дела не получал, была судебно-кассационной коллегией Средневолжского краевого суда оставлена без последствий.

В своем определении КК указала, что ссылка осужденного Зубкова на ст. 265 УПК не заслуживает доверия, так как подсудимый скрылся от суда.

Прокуратура Союза ССР, считая, что как приговор народного суда, так и кассационное определение не могут быть оставлены в силе ввиду нарушения ст. 265 УПК, опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям:

Суд заслушал дело заочно, в отсутствие обвиняемого и вызванных в судебное заседание свидетелей.

Таким образом никакой судебной проверки собранных на дознании против Зубкова материалов произведено не было.

В деле нет обратных экземпляров повесток, посланных как Зубкову, так и свидетелям по его делу. Из протокола судебного заседания от 24 марта 1934 г. устанавливается, что повестки были посланы за несколько дней до судебного заседания, но не видно, чтобы они были своевременно вручены вызываемым (перед протоколом судебного заседания подшиты расписки лиц, вызванных в судебное заседание народного суда на 23 марта 1934 г. по другому делу).

При таких условиях суд не вправе был слушать дело в отсутствие обвиняемого и свидетелей и, вынося заочный приговор, допустил тем самым существенное нарушение ст. 265 УПК.

Отсутствие в материалах дела расписок Зубкова и свидетелей по его делу не давало кассационной инстанции возможности проверить правильность ссылки кассатора на нарушение судом ст. 265 УПК, и поэтому вывод кассационной коллегии Средневолжского краевого суда о том, что Зубков скрылся от суда и что суд вправе был вынести заочный приговор, является совершенно произвольным, не основанным на находящихся в деле материалах.

Президиум Куйбышевского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда и определение СКК отменить и дело направить в народный суд на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

Неправильное применение ст. 107 УК

5 мая 1935 г. народный суд Кольчугинского района Ивановской области приговорил по ст. 107 УК к 5 годам лишения свободы Костикова Филиппа Максимовича.

Кассационная коллегия областного суда приговор народного суда утвердила.

По протесту областного прокурора дело Костикова рассматривалось президиумом областного суда, который не нашел оснований к отмене или изменению приговора.

Суд признал Костикова виновным в том, что он систематически занимался спекуляцией мясом и промтоварами и в частности зарезал одну корову и трех телят и мясо их перепродал. Факт занятия Костикова спекуляцией, по мнению суда, устанавливается также и тем, что у Костикова при обыске были обнаружены 4 кило махорки, 10 кило семячек и 16 кило селедок.

Прокуратура СССР, считая, что виновность осужденного Костикова по ст. 107 УК не доказана, опротестовала приговор по следующим основаниям:

Обвинение Костикова в спекуляции основано исключительно на показаниях свидетеля Андрюшечкина. На предварительном следствии Андрюшечкин дал показания не против осужденного Филиппа Костикова, а главным образом против его отца Максима Костикова. В своих показаниях Андрюшечкин отметил, что спекуляцией занимаются Максим Костиков, его сыновья Филипп и Никанор и его зять Поляков.

Из показаний свидетеля Андрюшечкина на суде невозможно установить, кто же именно из Костиковых занимался спекуляцией (зарезал корову и трех телят и свез для продажи в Москву).

Никакими другими данными дела показания свидетеля Андрюшечкина не подтверждаются.

Из показаний Филиппа Костикова, а также Костикова Максима и других видно, что Костиков Филипп действительно продал на базаре принадлежащую ему корову, а теленок был куплен и зарезан семьей Костиковых на свадьбу.

Что же касается обвинения Костикова в спекуляции промтоварами, то в деле отсутствуют какие-либо конкретные материалы, изобличающие его в совершении этого преступления.

Обнаружение в доме Костиковых незначительного количества махорки, семячек и сельдей не дает оснований для признания Костикова виновным по ст. 107 УК. Кроме того, по делу вообще с достаточной точностью не установлено, кому именно из Костиковых принадлежали обнаруженные у них в доме махорка, семячки и селедки. В деле в частности имеются показания свидетелей о том, что семячки привозила мать Костикова.

Из показаний свидетеля Шилова, соседа Костиковых, видно, что он не замечал никого из Костиковых, в том числе и осужденного Филиппа Костикова, в занятии спекуляцией.

При наличии указанного выше обвинительного материала против Филиппа Костикова следует признать, что достаточных данных для осуждения его по ст. 107 в распоряжении суда не имелось.

На предварительном следствии осужденный Костиков признал, что он несколько раз действительно продавал семячки, но делал это по поручению некоего гр. Перекрестенко.

Так как перепродажа Костиковым семячек не носила систематического характера, Костиков ранее не судился и в момент осуждения занимался общественно-полезным трудом, действия Костикова не могли быть квалифицированы по ст. 107 УК.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила переквалифицировать деяние Костикова на ст. 105 УК и меру наказания ему установить в один год и.-т. работ на общих основаниях без применения конфискации.

Неправильное осуждение за сокрытие социального происхождения

Приговором народного суда Могилевского района от 4 марта 1936 г., утвержденным 11 марта 1936 г. УКК Верховного суда, Крамаренко Павел Митрофанович был осужден по п. «б» ст. 250 УК к 2 годам лишения свободы за сокрытие своего социального происхождения при поступлении на работу на железнодорожный транспорт.

Прокуратура Союза, считая квалификацию действий обвиняемого, а в связи с этим и избранную ему судом меру наказания необоснованной, опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям:

Суд признал установленным, что, заполняя анкету при поступлении в ноябре 1935 г. на должность весовщика ст. Могилев, Крамаренко указал, что его родители не лишались избирательных прав и не подвергались раскулачиванию, в то время как в действительности они являлись кулаками и лишенцами.

Этот вывод суда основан на соответствующей справке сельсовета. В опровержение этой справки Крамаренко представил другую, ранее выданную справку того же сельсовета, удостоверяющую трудовой характер его хозяйства. Кроме того, Крамаренко неоднократно возбуждал ходатайства о затребовании соответствующих данных от районных организаций, утверждая, во-первых, что хозяйство его отца никогда в индивидуальном порядке не облагалось и не подвергалось раскулачиванию, а, во-вторых, что хотя его родители и лишались в 1927 г. избирательных прав, однако через год были восстановлены; в период коллективизации его отец был принят в колхоз, где в течение нескольких лет, до 1932 г., состоял членом колхоза, выйдя оттуда добровольно; в 1933 г. оба родителя умерли. В момент заполнения анкеты, таким образом, родители его лишенцами не были. Поэтому, подписывая без оговорок печатный текст анкеты о том, что «родители не раскулачены и избирательных прав не лишены», обвиняемый Крамаренко, по его утверждению, ни в чем не разошелся с действительностью. Сам обвиняемый является трудящимся, никогда избирательных прав не лишался, до поступления на железную дорогу работал на заводе, а еще ранее на транспорте.

При этих условиях у суда не было никаких оснований расценивать действия обвиняемого как мошенничество.

Президиум Верховного суда БССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда и определение КК Верховного суда отменить и на основании ч. 2 ст. 202 УПК дело в уголовном порядке прекратить.

Неправильное осуждение за прошлое, покрытое давностью

Приговором народного суда Лисичанского района от 8 января 1936 г., утвержденным 25 января 1936 г. Донецким областным судом, Архангельский Николай Андреевич был признан виновным в том, что по ликвидации банды Антонова, с целью скрыть свое прошлое, он изготовил себе подложный вид на жительство на имя Залесского Н. П., по которому и жил вплоть до последнего времени, получив в 1933 г. паспорт на фамилию Залесского.

Суд квалифицировал его действия по ч. 1 ст. 68 УК УССР и приговорил его к 4 годам лишения свободы с поражением прав на 3 года. С 4 декабря 1935 г. Архангельский находится под стражей.

Определением УСК Верховного суда УССР от 23 июля 1936 г. действия обвиняемого были переквалифицированы на ч. 2 ст. 68 УК. со снижением срока лишения свободы до 2 лет.

Прокуратура Союза, считая, что определение УСК Верховного суда является неправильным. опротестовала его по следующим мотивам:

Для применения к Архангельскому ч. 2 ст. 68 УК не было оснований, поскольку его ответственность за фабрикацию документа погашена давностью и Архангельскому можно было бы формально вменять в вину только использование в 1933 г. заведомо неправильного документа для получения паспорта, предусмотренное ч. 3 ст. 68 УК УССР. Однако вообще судить Архангельского за эти действия не было надобности, и постановление органа НКВД, прекратившего это дело после про-

верки личности обвиняемого, было безусловно правильным. Хотя Архангельский и вел в свое время активную борьбу против советской власти как правый эсер, однако уже с 1919 г. вплоть до конца 1935 г. он честно работал в советских учреждениях и организациях и стал за это время советским человеком. Об этом свидетельствует как его работа за истекшие 15 лет, так и факт его саморазоблачения в 1933 г. (письмо к т. Ярославскому и заявление в НКВД).

Президиум Верховного суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда, определение Донецкого областного суда и кассационной коллегии Верховного суда УССР отменить и дело в уголовном порядке на основании ст. 5 УПК прекратить.

Необоснованное осуждение

Против кассира артели «Геркулес» в г. Керчи Бернштейна было возбуждено уголовное преследование по ст. 116 УК.

В судебном заседании Бернштейн предъявил акт ревизии, по которому наличие растраты не подтверждалось. Вызванный в качестве свидетеля по делу Бернштейна б. бухгалтер артели «Геркулес» Чурин-Граченко В. А. заявил суду, что ревизия проведена поверхностно и что необходимо назначить бухгалтерскую проверку.

Народный суд назначил бухгалтерскую экспертизу, которая также пришла к выводу, что растраты нет. Суд, установив, что в действиях Бернштейна имеется халатность и квалифицируя его деяние по ч. 2 ст. 112 УК, дело прекратил на основании ст. 6 УК. Одновременно с этим народный суд, признав, что по вине Чурина было неосновательно возбуждено уголовное дело против Бернштейна, что это вызвало ненужную затрату средств артели, возбудил против Чурина уголовное преследование по ст. 111 УК.

Приговором народного суда 1-го участка г. Керчи Чурин-Граченко В. А. был признан виновным в неправильном возбуждении уголовного преследования против Бернштейна, в незаконном получении из артели некоторых сумм — за составление отчета, участие в экспертизе и в качестве командировочных — всего около 800 руб. и в халатном отношении к служебным обязанностям, повлекшим за собою неправильное расходование средств артели, каковыми действиями Чурина-Граченко артели «Геркулес» были причинены убытки в размере 3292 руб.

Квалифицируя деяние Чурина-Граченко по ст. 111 УК, народный суд приговорил его к 1 году и.-т. работ и ко взысканию в пользу артели 3 292 руб.

КК Главного суда Крыма приговор народного суда оставила в силе.

Президиум главного суда, переквалифицировав деяние Чурина по ст. 109 УК, оставил приговор в остальной части без изменения. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, отменив постановление президиума как противоречащее ст. 419-а УПК, а приговор в части гражданского иска как необоснованный, направила дело в этой части для рассмотрения в гражданском порядке.

25 июня 1935 г. народный суд 2-го участка г. Керчи взыскал с Чурина 3 292 руб. Решение народного суда кассационной коллегией главсуда было отменено с предложением произвести экспертизу для точного установления размера убытков, причиненных Чуриным. Эксперты, произведя документальную проверку, пришли к выводу, что требования истца к Чурину неосновательны, так как за отчет, участие в экспертизе и командировочные Чурин получил законно, а остальная часть из 3 292 руб. израсходована неправильно не по вине Чурина, а по вине других работников артели. На этом основании гражданский истец отказался от иска, и суд дело прекратил.

Прокуратура Союза ССР, считая и приговор народного суда в отношении Чурина неправильным, опротестовала его по следующим основаниям:

Возложение на Чурина ответственности за возбуждение уголовного дела против Бернштейна совершенно неосновательно, так как последний был привлечен к ответственности по инициативе правления артели. Кроме того, хотя обвинение Бернштейна в растрате и не подтвердилось, однако в его действиях все же имелись признаки уголовного деяния, квалифицированные судом по ч. 2 ст. 112 УК, и дело о нем было прекращено не за отсутствием состава преступления, а по ст. 6 УПК.

Остальные вмененные в вину Чурину деяния — незаконное получение из артели сумм и неправильное израсходование средств артели — при рассмотрении гражданского иска не подтвердились.

Рассмотрев протест Прокуратуры Союза, президиум Верховного суда РСФСР постановил отменить как приговор народного суда 1-го участка г. Керчи от 11 мая 1934 г., так и последующие определения кассационной коллегии и Главного суда Крыма и судебной коллегии Верховного суда РСФСР по настоящему делу и дело в отношении Чурина-Граченко за отсутствием в его действиях состава преступления производством прекратить.

По союзным республикам

РСФСР

Как прокуратура Азово-Черноморского края выполняет решение КСК об улучшении работы по жалобам

22—26 мая 1936 г. состоялся III пленум КСК, который обязал всех руководителей советских и хозяйственных организаций принять решительные меры к улучшению работы по рассмотрению жалоб трудящихся. К моменту опубликования указанного решения КСК в прокуратуре, как и в других организациях Азово-Черноморского края, положение с рассмотрением жалоб было крайне неблагополучное. Жалобы находились на рассмотрении довольно длительные сроки, а отдельные из них попадали в положение нетерпимой волокиты (находились на рассмотрении 4—6 месяцев). Извещения жалобщикам о результатах и причинах задержки рассмотрения их жалоб посылались в редких случаях, прием посетителей как районными и городскими прокурорами, а также и в аппарате краевой прокуратуры организован был плохо. Прокуроров, выделенных специально для приема посетителей, не было, благодаря чему жалобщик вынужден был часами бродить по многочисленным кабинетам, разыскивая нужного ему прокурора.

Таково было отношение к жалобам и посетителям, и совершенно справедливо и своевременно краевая газета «Молот» подвергла жесточайшей критике работу краевой прокуратуры по жалобам. Прокуратура Азово-Черноморского края приняла немедленные и решительные меры к выполнению решения КСК и указаний печати. После опубликования решения КСК краевой прокуратурой была проделана следующая работа: обследованы 31 райгорпрокуратуры и их работа по жалобам, кроме того, разновременно было проведено 12 камерных совещаний при краевой прокуратуре, на которых были заслушаны доклады о работе по жалобам 41 районных и городских прокуроров.

За указанный период времени вызвано в краевую прокуратуру 32 районных и городских прокуроров с докладом специально по отдельным жалобам, которые приняли волокитный характер.

На периферию был спущен ряд директив по вопросу организации работы по жалобам. В аппарате краевой прокуратуры в интересах работы по жалобам и приема посетителей специально было организовано бюро жалоб.

В результате проведенных организационных и оперативных мероприятий следует констатировать улучшение работы по жалобам во всей прокурорской системе края, а именно: значительно сократились сроки рассмотрения жалоб, основная часть из них рассматривается в минимальный срок; как правило, жалобщику посылается извещение о результатах рассмотрения его жалобы и причинах задержки. Таких извещений за последнее время только одним бюро жалоб краевой прокуратуры послано 22 тыс.; мотивированные постановления при отказе по жалобам выносятся во всех случаях.

В краевой прокуратуре посетитель теперь уже не бродит по кабинетам в поисках прокурора или справки о результатах по жалобе. Все посетители краевой прокуратуры принимаются на протяжении всего рабочего времени в кабинете при бюро жалоб; принимает один из помощников краевого прокурора; в случае несогласия жалобщика с решением помощника последний направляет жалобщика с письменной справкой с указанием номера кабинета на прием к краевому прокурору. Если же жалобщик желает разговаривать только с краевым прокурором, то он также беспрепятственно направляется к нему.

За 9 месяцев работы бюро жалоб принято посетителей 4 242 человека и выдано 14 933 устных справок. Все эти факты с неопровержимой очевидностью свидетельствуют об огромной работе, которую провела за последнее время краевая прокуратура в деле улучшения рассмотрения жалоб, по сравнению с тем, что было раньше, т. е. до мая текущего года. Но в соответствии с теми требованиями и задачами, которые вытекают из новой сталинской Конституции Союза ССР, все то, что сделано краевой прокуратурой, только начало той огромной работы в деле наведения большевистского порядка с рассмотрением жалоб, в деле борьбы за заботливое и чуткое отношение к жалобщикам и за защиту их прав. Прокуратура Азово-Черноморского края неплохо организованную работу по улучшению рассмотрения жалоб должна продолжать и дальше, борясь за подлинное выполнение своего долга перед сталинской Конституцией, борясь за то, чтобы научиться по-сталински заботиться о человеке.

Сталинской заботой человек в Советской стране поднят до значения самого ценного капитала, которым располагает современное общество. Только у нас слово «человек» звучит действительно гордо и величественно.

Сталину дорога жизнь и интересы каждого честного труженика. «Берегите людей, цените кадры, цените каждого человека, способного принести пользу нашему общему делу» — вот сталинская заповедь, которую ни на минуту не следует забывать, особенно работникам прокуратуры и суда. Быстро рассматривать жалобу, своевременно послать извещение о результатах рассмотрения ее, вне очереди принять жалобщика, быстро выдать ему справку по жалобе — всего этого еще не достаточно. Жалобы нужно рассматривать не только быстро, но и правильно. При удовлетворении или при отказе по жалобе обязательно нужно выносить обстоятельно мотивированные постановления и заключения со ссылкой на закон.

не допуская пустых демагогических рассуждений. При приеме жалобщика, к нему нужно относиться с подлинным советским гуманизмом, внимательно и любовно выслушать его и дать ему исчерпывающий и понятный ответ. Нужно иметь не только культурно и приветливо обставленные кабинеты, где принимается посетитель, но так же надо обставить и комнаты-ожидальни, которые необходимо оборудовать хорошей мебелью, цветами, поставить в них стол с журналами, газетами и сборниками текущего советского законодательства. На стенах этих комнат должны быть развешаны правила, из которых жалобщик мог бы знать порядок обжалования неправильного судебного приговора, решения и т. п. Уезжая из прокуратуры, жалобщик должен быть удовлетворен разъяснением не только по своему вопросу, но одновременно явился бы своеобразным пропагандистом права и для других по тем вопросам, с которыми он хорошо ознакомился.

Таковы конкретные задачи в этой области, которые стоят перед работниками прокуратуры. Необходимо эти задачи с честью разрешать, чтобы стать достойным образцом для других советских и хозяйственных организаций.

Ф. Васин

Как некоторые судьи и прокуроры ведут борьбу со спекуляцией

Тихо и незаметно протекала жизнь Писаренко Сергея Трофимовича, шофера вагоно-ремонтного пункта ст. Армавир, до того момента, пока соблазненный полученным отпуском Писаренко не решил прокатиться вместе со своей женой в Ленинград и обратно.

Получив 20 июля 1936 г. свой отпуск и два бесплатных проездных билета на себя и жену, Писаренко решил поехать в Ленинград и в Москву для того, чтобы воспользоваться консультацией специалистов для определения болезни своей жены и, очевидно, немного погулять. С этой целью Писаренко продал за 1 950 руб. принадлежащую ему корову и, получив еще свыше 1 000 руб. полагающегося ему заработка, уехал с женой в Ленинград.

К несчастью Писаренко, вместе с женой, приехав в Ленинград, пошел в магазины и приобрел в них для своих личных нужд две пары обуви, шесть метров шерсти и 30 метров различной хлопчатобумажной материи. Этого оказалось достаточным, чтобы ретивыми представителями милиции Писаренко и его жена были заподозрены в спекуляции и немедленно были заключены под стражу. Все обнаруженное у них было изъято и одновременно были изъяты 2 036 руб. наличными деньгами, из которых 2 001 руб. были сданы в Госбанк, а 35 руб. выданы на руки Писаренко.

Несмотря на то, что у Писаренко и его жены были документы, удостоверяющие, что они трудящиеся, приехали в Ленинград в связи с отпуском Писаренко, одного факта покупки ими 36 м мануфактуры оказалось достаточным, чтобы против них было возбуждено обвинение по ст. 107 УК, как против спекулянтов, и чтобы, затем с переквалификацией данного дела по ст. 105 УК они были осуждены народным судом 81 уч. г. Ленинграда Писаренко к 8 месяцам и.-т. работ, а жена его Мария — к 4 месяцам и.-т. работ. Кассационная коллегия Ленинградского областного суда, куда Писаренко обратился с жалобой, оставила этот приговор в силе, заменив 4 месяца и.-т. работ, назначенные Писаренко Марии, условными. Товар и деньги, отобранные у Писаренко, были, конечно, конфискованы.

С жалобой на неправильное разрешение дела Писаренко обратился к прокурору Приморского района Ленинградской области. Однако пом. прокурора Приморского района Старков, рассмотрев жалобу и дело Писаренко, оставил его жалобу без удовлетворения. Об «исключительном» внимании, которое проявил пом. прокурора Старков к жалобе Писаренко, свидетельствует то, что он в своем заключении указывает на то, что Писаренко осужден к 1 году и.-т. работ, в то время как Писаренко осужден к 8 месяцам и.-т. работ. Далее Старков указывает на то, что объяснения осужденного о том, что он приехал в Ленинград лечиться, не соответствуют действительности, так как, приехав в Ленинград, он к врачу сразу не обратился, а пошел раньше в магазин и занялся скупкой товаров. Между тем, сам Писаренко не собирался обращаться к врачу, а хотел показать специалистам свою жену.

Только тогда, когда жалоба Писаренко была рассмотрена в Прокуратуре Союза ССР, приговор по настоящему делу был опротестован и отменен уголовно-судебной коллегией Верховного суда РСФСР 5 февраля 1937 г., т. е. тогда, когда Писаренко Сергей уже отбыл назначенное ему наказание.

Дело Писаренко прекращено, отобранные товары и деньги ему возвращены, но кто может вернуть ему потраченное здоровье и ту трепку, которую он прошел в силу бездушно-бюрократического отношения к своей работе народного судьи 81 уч. Приморского района и других работников Ленинградского суда и прокуратуры, приложивших свою руку к этому делу?

Борьба со спекуляцией — очень важная задача суда и прокуратуры. Надо уметь ловить настоящих спекулянтов, применяя к ним со всей строгостью революционные законы. А это, конечно, гораздо сложнее, чем объявить спекулянтом трудящегося, купившего несколько лишних метров мануфактуры. В деле Писаренко, как в зеркале, отражены присущие многим нашим судебным органам недостатки, особенно нетерпимые в свете новой сталинской Конституции.

Беспощадная борьба с врагами народа, с ворами и со спекулянтами должна сочетаться с чутким и бережным отношением к трудящемуся. Только при выполнении этих требований мы поднимем работу на должную высоту.

А. Шляпочников

В Юрьевецкой прокуратуре

В узком и темном коридорчике Юрьевецкой прокуратуры (Ивановская область) каждое утро можно видеть с десяток ожидающих приема посетителей.

Колхозники из разных концов района приходят в прокуратуру в 8—9 часов утра. Они

не знают, будет сегодня принимать прокурор или нет.

К 11 часам появляется секретарша прокурора. На вопросы посетителей, состоится ли прием и когда, секретарша сердито отвечает: «С часу».

Население темного коридора, теряющее полдня еще до начала приема, вяло поддерживает разговор. В беседе выясняется, что колхозница т. Деньгина еще вчера приходила к прокурору, но разговаривать с ней прокурор не стал и предложил притти сегодня.

Колхозник т. Мольков добивается приема третий раз под ряд. Еще позавчера он ждал прокурора до 12 часов, но в коридор вышла секретарша и объявила, что прокурор уедет и, следовательно, принимать не будет.

Почему же Юрьевецкий прокурор т. Емелин принимает посетителей с часу, а не утром? Почему посетители должны терять в приемной прокурора половину рабочего дня и даже больше? Почему нет дежурства в выходные дни, совпадающие в Юрьевце с базарными днями? Районный прокурор на эти вопросы отвечает, что-де эти порядки еще до него были заведены. Еще безобразнее в Юрьевецкой прокуратуре разбирают жалобы трудящихся. Колхозник из деревни Гари, Жуковского сельсовета, т. Шутов около двух месяцев назад заявил прокурору о том, что ему не выдают заработанных им на строительстве школы денег. Прокурор послал запрос в районо, ответа на запрос не последовало, этим дело и ограничилось.

Администрация юрьевецкой МТС незаконно задержала выплату зарплаты за время, проведенное начальником тракторного отряда т. Румянцевым на лагерном сборе. Районный прокурор сделал запрос, ответа не получил, и жалоба т. Румянцева больше двух месяцев не удовлетворена.

Жалоба гр. Тихонова о неправильном обложении сельхозналогом лежит без движения в прокуратуре с ноября 1936 г. Такая же жалоба гр. Соловьева из деревни Белоусиха, Соболевского сельсовета, лежит третий месяц.

Подобных примеров по Юрьевецкой прокуратуре можно привести десятки. Районный прокурор в свое оправдание ссылается на то, что районные организации не считают нужным отвечать на его запросы, однако виноват в этом и сам т. Емелин.

***

Мы ждем от Ивановского областного прокурора т. Карасика ответа на поставленные в этой заметке вопросы.

Ждем, что он поможет юрьевецкому районному прокурору правильно организовать свою работу.

Редакция

Право, процесс, судоустройство в капиталистических странах

Гражданское право и процесс фашистской Германии

После прихода к власти гитлеровского фашизма гражданское право Германии служит тем же целям эксплоатации, что и раньше, но фашизм еще в большей мере обостряет противоречия между рабочим классом и капиталистами, между городом и деревней, усиливает до крайности колоссальную безработицу и обнищание широких трудящихся масс; «фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилья» (Сталин, Беседа с английским писателем Г. Д. Уэльсом).

При сохранении капиталистической сущности общественных отношений в фашистской Германии как отношений эксплоатации человека человеком меняется лишь форма эксплоатации и усиливается ее степень; наступает господство полного произвола, зоологической грубости и безграничного бесстыдства.

Гитлеровский фашизм не вносит и не может внести никаких принципиальных изменений в германское гражданское право. Он исходит в гражданском праве из тех принципов монополистического капитала, из тех же утверждений о незыблемости устоев капитализма, как ранее действовавшее право. Гитлеровский фашизм изыскивает лишь новые пути к полному закабалению широких трудящихся масс Германии, пытаясь их одурачить социально-демагогическими рассуждениями.

Одним из этих социально-демагогических методов является критика действовавшего до прихода Гитлера к власти гражданского права, объявленного плодом либерально-материалистического «иудейского» мировоззрения. В противовес ему выдвигается расовая теория германского фашизма, которая стала, «так сказать, правовой теорией Германии»[1].

«Каждый человек,— пишет официозный теоретик Николаи,—появляется на свет с врожденными ему социальными инстинктами. Эти инстинкты говорят ему, как он должен вести себя для того, чтобы была возможна упорядоченная совместная жизнь с другими людьми. Инстинкт, который подсказывает, что есть право, это совесть. Социальный инстинкт, правовой инстинкт говорит, что есть истина и что ложь, что есть добро и что есть зло»[2].

Из этих рассуждений проистекает один только вывод: писаное право связывает руки фашистской диктатуре, а поэтому необходима такая правовая концепция, которая предоставит возможность осуществлять безграничный

---

[1] Helmut Nicolai, Die rassengesetzliche Rechtslehre, Magdeburg, 1934, S. 5.

[2] Там же, стр. 11.

произвол всем, занимающим соответствующие должности в гитлеровской Германии.

Таким образом не принципиальное изменение гражданского права, а пополнение его реакционным законодательством определяет законодательную деятельность германского фашизма, режим которого по сути является режимом бесправия и беззакония.

Исследование германского фашистского «правотворчества» приводит к полному подтверждению этих выводов.

В области регулирования хозяйства в интересах предпринимательских объединений заслуживают внимания закон 27 февраля 1934 г. о подготовке органического переустройства немецкого хозяйства и закон 15 июля 1934 г.[1] об учреждении принудительных картелей.

Первый из этих законов предоставляет министру хозяйства ряд полномочий, которые по существу в полицейском порядке регулируют деятельность предприятий.

Министр хозяйства уполномочен: 1) признавать экономические объединения единственными представителями данной отрасли хозяйства; 2) учреждать, распускать и сливать друг с другом экономические объединения; 3) изменять и дополнять уставы и учредительские договоры экономических объединений, в частности вводить принцип «вождизма»; 4) назначать и смещать командиров экономических объединении; 5) включать предпринимателей и предприятия в состав экономических объединений (ст. 1).

Союз предпринимателей приобретает монополистическое право распоряжаться всей отраслью хозяйства, а министр хозяйства является диктатором всей хозяйственной жизни этих организаций.

Министр хозяйства вправе не только административно распоряжаться, но и издавать постановления, которые будут восполнять настоящий закон (ст. 2). Следовательно, министр хозяйства по своему усмотрению может изыскивать всякие мероприятия, которые, по его мнению, пойдут даже дальше закона.

Министру хозяйства дано не только право административного регулирования хозяйства, но и право карать в уголовном порядке тех, кто не подчиняется его распоряжениям. Нарушители (умышленно или по неосторожности) распоряжений министра хозяйства караются штрафом или тюремным заключением до одного года (ст. 3). Усмотрению министра хозяйства не поставлено никаких пределов, так как возбужденное им уголовное преследование может быть им же аннулировано. (ст. 3).

Второй из этих законов предоставляет министру хозяйства право по своему усмотрению объединять предприятия в синдикаты, картели, конвенции (ст. 1).

Министр хозяйства имеет право регулировать взаимоотношения членов объединения между собой (ст. 3).

Министру хозяйства принадлежит право надзора и вмешательства в деятельность объединений непосредственно или через своих уполномоченных (ст. 4).

Министр хозяйства вправе проявлять особое благоприятствование к какой-либо отрасли хозяйства (ст. 5).

Министр хозяйства вправе постановить о наложении карательным судом штрафа в неограниченном размере на нарушителей его постановлений и о мерах полицейского принуждения для проведения в жизнь его мероприятий (ст. 7).

Так же, как и по закону от 27 февраля 1934 г., министр хозяйства имеет право своими распоряжениями восполнить действия настоящего закона (ст. 8).

Государственное воздействие на народное хозяйство не является изобретением гитлеровского фашизма. До прихода к власти фашистов этот метод в Германии и ранее применялся в интересах крупного промышленного и финансового капитала.

В военное и послевоенное время ряд отраслей промышленности в Германии подвергался государственному регулированию в тех же интересах (угольная, железоделательная, калийная, табачная, спичечная, стекольная промышленность).

Фашистское регулирование продолжает ту же политику, уснащая ее демагогическими указаниями на «общую пользу», «общее благо».

К подобным же законам следует отнести и закон 16 мая 1934 г. против увеличения цен.

Закон этот был вызван к жизни двумя стремлениями фашистского законодательства: воздействовать на широкие трудящиеся массы, поставленные в бедственное положение продовольственным кризисом и недостатком предметов широкого потребления, и устранить в интересах германского промышленного и торгового капитала иностранную конкуренцию.

Попытка обмануть трудящиеся массы содержится в самом названии закона (постановление «против увеличения цен»). В действительности, никакого запрещения увеличивать цены в этом законе найти нельзя. Увеличение цен ставится лишь под контроль специального органа (ст. 1).

Хотя речь в законе идет о предметах первой необходимости, продовольственные продукты изъяты из действия настоящего закона, как состоящие в ведении министра продовольствия.

В области «правотворчества», относящегося к гражданскому состоянию и семейному праву, имеется целый ряд законов, заслуживающих большого интереса.

Закон 14 июля 1933 г. лишил германского гражданства целые категории граждан, в частности лиц, совершивших тяжкие преступления против «блага немецкого народа» и его государства, и восточных евреев.

Закон 15 сентября 1935 г. разделил германских граждан на две категории: 1) на граждан и 2) подданных.

Германским гражданином является обладатель чистой немецкой или немецко-родственной крови, доказывающий своим поведением, что он желает и способен верно служить немецкому народу и Третьей империи (ст. 2).

Подданным является тот, кто входит в союз лиц, пользующихся защитой германской империи, и несет за это специальные обязанности (ст. 1).

Тут же указывается, что носителем всех политических прав является только имперский гражданин (ст. 2).

Это утверждение является злым парадоксом, так как весь мир знает, что в условиях гит-

[1] Ф. Манфрид, Фашизм и германское гражданское право, 1936, стр. 110—111.

черовского фашизма германский народ никаких политических прав не имеет.

Закон 15 сентября 1935 г. о защите немецкой крови и немецкой чести лишил евреев прав гражданства и запретил как браки евреев с подданными немецкой или немецко-родственной крови, так и внебрачные отношения. Нарушение закона в этой части карается каторгой или тюремным заключением (ст. 5).

Обязательное постановление к закону от 15 сентября 1935 г., изданное 14 ноября 1935 г., регулирует вопрос о том, кто является имперским гражданином.

Считается временно имперским гражданином германский подданный немецкой или немецко-родственной крови, который при вступлении в силу имперского закона о гражданстве пользовался избирательным правом (ст. 1). Одновременно имперскому министру внутренних дел, по согласованию с заместителем Гитлера, предоставляется право по своему усмотрению признать того или иного гражданина имеющим имперское гражданство или лишить его этого звания.

Обязательное постановление вводит понятие еврея-метиса, который может пользоваться временными правами имперского гражданина (ст. 2). Еврей не может быть имперским гражданином (ст. 4).

Следует также отметить закон 1 июня 1933 г. (RGB, № 60/1933), который пытается сделать вступление в брак одним из способов к уменьшению количества безработных.

В случае вступления в брак немецкой женщине предоставляется право получения ссуды. Чтобы иметь право на получение ссуды, немецкая женщина должна предварительно отказаться от работы и не брать ее до тех пор, пока ее муж будет зарабатывать не менее 125 марок в месяц. Супруги должны подать заявление о постоянной готовности стать на защиту Третьей империи и подвергнуться медицинскому освидетельствованию в удостоверение того, что они не страдают заразными болезнями.

Подвергшись всем этим унижениям человеческого достоинства, супруги не могут быть уверены еще в удовлетворении их ходатайства о ссуде, так как местные финансовые органы вправе отказать в выдаче ссуды, если ее выдача противоречит «общему благу» или если имеется опасение, что супруги этой ссуды не вернут.

Размер ссуды не может превышать 1000 марок. Самая ссуда выдается не деньгами, а бонами, на которые можно, по указанию местных финансовых органов, приобрести в рассрочку мебель и хозяйственные принадлежности. Имущественную ответственность по ссуде несут оба супруга, причем работодатель должен производить удержание из заработка мужа в покрытие этой ссуды.

Закон 23 ноября 1933 г. ставит себе целью борьбу с «неравными» браками. Средневековое стремление сохранить «чистоту крови» находит в этом законе свое оформление.

Правовое положение внебрачного ребенка регулируется ст. 1705 Германского гражданского уложения, которая устанавливает, что внебрачный ребенок состоит в отношении родства только с матерью и ее родственниками. Юридически у ребенка отца нет. Все сводится ко взысканию с отца незначительных по размеру алиментов. Существующие проекты об урегулировании правового положения внебрачного ребенка исходят из основной установки: «Обязанность выдачи алиментов должна регулироваться таким образом, чтобы не служить соблазном для внебрачного полового общения»[1].

Нельзя не отметить также два закона, которые исчерпывающе показывают, какими средствами пользуются выродки эксплоататорского класса в своем стремлении удержать власть в своих руках и устрашить население. Это законы 14 июля 1933 г. о стерилизации и 24 ноября 1933 г. о кастрации (RGB №№ 86 и 133). Под предлогом «общего оздоровления» могут подвергнуться опасной для жизни, нарушающей всю жизнедеятельность оперируемого, хирургической операции лица, носящие в себе признаки наследственных болезней. Специальные суды по наследственному оздоровлению вправе постановить о производстве хирургической операции в специальных больницах. Врачи не только не обязаны соблюдать врачебную тайну, но, наоборот, подлежат ответственности за несообщение суду об известных им болезнях своих пациентов.

В области земельного права наиболее яркими для характеристики социальной подоплеки гитлеровского фашизма являются закон 29 сентября 1933 г. о наследственно-подворном имуществе и закон 13 сентября 1933 г. об организации сословия германского сельского хозяйства.

Первый из указанных законов приводит понятие наследственно-подворного имущества. Им является крестьянский двор, обладающий до 125 га сельскохозяйственных и лесных угодий и представляющий собой единоличную собственность гражданина, принадлежащего к крестьянскому сословию.

Интересы крупного помещичьего землевладения пользуются защитой этого же закона, так как всякому помещику разрешается раздробить свое владение на несколько наследственно-подворных имуществ. Хотя закон в качестве правила запрещает одному лицу владеть несколькими наследственно-подворными имуществами, для помещиков допускаются исключения. Так как на крестьянский двор не может быть обращено взыскание по долгам, то для помещиков при помощи этого способа узаконяется уклонение от принудительного взыскания долгов. Интересы растущего кулачества тоже охраняются законом, так как министр продовольствия и сельского хозяйства вправе разрешить по своему усмотрению образование крестьянских дворов с землевладением, превышающим 125 га. Двор должен принадлежать обязательно одному лицу, чтобы остаться во владении определенного рода. Закон различает звания «крестьянин» и «сельский хозяин». Собственник наследственно-подворного имущества имеет право носить звание крестьянина. Все остальные хозяйства дают своим владельцам право на звание сельского хозяина. Кроме имущественных показателей, претендент на звание крестьянина должен обладать: 1) расовой чистотой, определяемой при помощи исследования генеалогии до 1 января 1800 г., 2) германским гражданством, 3) «почетностью» (достаточно развитым

[1] Цит. по книге Ф. Манфрида, Фашизм и германское гражданское право, 1936, стр. 59.

«чувством чести»), 4) способностью хозяйствовать.

Круг лиц, призываемых к наследованию в крестьянском дворе, ограничен наследниками по мужской линии, в отличие от общих норм Германского гражданского уложения.

Двор является родовым имуществом и не может быть отчуждаем ни в целом, ни в отдельных частях. Исключение допускается лишь при отчуждении двора при жизни собственника в пользу лица, к которому двор должен перейти в порядке наследования. При отсутствии законного наследника последний назначается распоряжением имперского крестьянского начальника. Обременяющая крестьянское хозяйство задолженность покрывается при помощи специально выпускаемых рентных обязательств. Интересы финансового капитала прекрасно обеспечиваются этими рентными обязательствами, так как они гарантированы государством и государственной финансовой помощью—специальным рентным банком. Принудительное взыскание долга при помощи судебного пристава не допускается. Неудовлетворенный кредитор может обратиться к крестьянскому начальнику с жалобой на бесчестное поведение должника. Для удовлетворения жалобы крестьянский начальник может по своему усмотрению лишить должника права собственности на двор.

Второй закон предоставляет имперскому министру продовольствия и сельского хозяйства право регулировать организацию сословия германского сельского хозяйства (ст. 1).

Под сельским хозяйством понимаются также и лесное хозяйство, огородничество, торговля на селе, обработка и переработка сельскохозяйственных продуктов (ст.ст. 1 и 7).

Имперский министр продовольствия и сельского хозяйства вправе уполномочить все сословие в целом или отдельные его группы на регулирование производства, сбыта и цен на сельскохозяйственные продукты, «если это окажется нужным в интересах хозяйства в целом и общего блага» (ст. 2).

Результатом этого закона явилось исчезновение с рынка наиболее нужных сельскохозяйственных продуктов.

Недавно Геринг выбросил лозунг: «Пушки вместо масла». В настоящее время, как пишет газета «Таймс», существует опасность, что придется этот лозунг заменить другим: «Пушки вместо хлеба» [1].

В области трудового законодательства следует отметить закон 20 января 1934 г. о национальном труде, который (закон) стремится к полному закрепощению рабочего. Социальное различие между хозяином и рабочим законом отвергнуто: работодатель обращен в «вождя предприятия» (ст. 1).

Вождь предприятия вправе разрешать все вопросы, затрагивающие интересы рабочих и служащих, а эксплоатируемые обязываются проявлять верность вождю предприятия (ст. 2).

Коллектив рабочих и служащих назван коллективом сопровождающих. Социальный смысл этого термина — «челядь» [2].

Таким образом феодальные взаимоотношения являются тем идеалом, который грезится фашистскому законодателю.

Фабзавкомы упраздняются, поскольку они являются первичными ячейками массовых пролетарских организаций. Вместо фабзавкомов учреждается институт доверенных людей (ст. 5), которые должны заниматься поддержанием классового мира внутри предприятия.

Членом совета доверенных может быть только тот, кто доказал своим поведением, что он во всякое время может стать на защиту национального государства (ст. 8).

Германский фашизм не решился в 1936 г. произвести новые выборы в советы доверенных, так как настроения германского рабочего класса должны были привести во время этих выборов к бурному протесту против фашистского режима.

Правила внутреннего распорядка издаются единолично предпринимателем (ст. 27) и являются на предприятии основным документом, заменяющим тарифное соглашение.

Совет доверенных в случае несогласия с правилами внутреннего распорядка может жаловаться на них уполномоченному по труду, причем подача жалобы не приостанавливает проведение в жизнь обжалуемых правил (ст. 16).

Уполномоченный по труду вправе давать директивы по вопросу о правилах внутреннего распорядка (ст. 32). Уполномоченные по труду являются на местах агентами «трудового фронта», которым командует небезызвестный доктор Лей, бывший заведующий организационным отделом национал-социалистической партии.

Закон 15 мая 1934 г. о регулировании использования рабочей силы преследовал цель вывести из промышленных центров массы безработных и принудительно пополнить ими ряды рабочих неквалифицированного сельскохозяйственного труда. Этим должно было быть достигнуто в политическом отношении удаление безработных масс из промышленных центров, поскольку они представляли собой опасность для фашистского режима, а в экономическом отношении — оказание помощи автаркистской экономической политике. Безработная молодежь в возрасте от 18 до 25 лет вообще не подлежала принятию на работу. Она направлялась принудительно в лагери трудовой повинности, где и используется на работах военного значения и проходит военную подготовку.

В области гражданского процесса германский ГПК 1934 г. содержит в себе изменения, которые вытекают из фашистского понимания права и задач суда.

Германский ГПК в прежней редакции придавал большое значение подготовительным бумагам, подаваемым сторонами в суд. Ст. 279 новой редакции усиливает это значение, обязывая стороны изложить в подготовительных бумагах ссылки на все доказательства, перечислить все свои утверждения и опровергнуть заявления другой стороны. При невыполнении этого требования суд может исключить не указанные в подготовительной бумаге доказательства в случае их представления непосредственно в судебное заседание.

Ранее истец имел право во второй инстанции изменить основания иска с согласия про-

[1] «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» № 300, 1936.

[2] Ф. Манфрид, Фашизм и германское гражданское право, 1936, стр. 95.

тивной стороны (ст. 527). Теперь стороны это право утратили, так как ст. 527 отменена.

Ст. 138 в новой редакции обязывает стороны давать свои объяснения полно и правдиво. Неправдивость или умолчание рассматриваются как обман, который преследуется в уголовном порядке. Кассационное обжалование, как правило, может иметь место по делам с ценой иска не менее 6000 марок (ст. 646).

Так как по делам, непосредственно затрагивающим интересы широких трудящихся масс, предмет спора не достигает оценки 6000 марок и больше, то решения по этим делам кассационному обжалованию не подлежит. По искам, вытекающим из брачных отношений, кассационное обжалование является факультативным: суд второй инстанции может допустить или не допустить кассационное обжалование. Допущение кассационного обжалования может иметь место только при наличии вопросов, носящих принципиальное значение, или если решение противоречит судебной практике верховного суда.

Освобождение от судебных издержек облегчает трудящимся обращение в буржуазный суд. Гитлеровский фашизм постарался ограничить эту возможность еще в большей степени, чем она была ограничена до его прихода к власти.

Отсутствие средств подлежит проверке со стороны суда путем истребования от стороны в процессе не только справок о несостоятельности, но и дополнительных доказательств по усмотрению суда (ст. 118-а). Определение суда об освобождении от судебных издержек или об отказе в освобождении должно содержать обоснование фактического и правового порядка (ст. 126). Определение об отказе в освобождении от судебных издержек обжалованию не подлежит.

Из всего этого видно, что германское фашистское законодательство в области процесса направлено к преграждению трудящимся возможности обращаться в суд.

И. Сапгир

Библиография

Против троцкистской контрабанды в вопросах трудового права

ЗИН. ГРИШИН. «Советское трудовое право». Учебник для правовых школ и юридических курсов и учебное пособие для правовых вузов. Издание Академии наук СССР — Институт советского строительства и права. Издательство «Советское законодательство», 1936, стр. 271. Цена в обложке 3 р. 95 к.

Учебник Гришина по трудовому праву представляет собой невежественную халтуру в изложении фактического материала советского законодательства о труде рабочих и служащих. Но еще важнее вопрос о политической стороне учебника, напыщенно рекламируемого в предисловии.

Статья т. Юдина в «Правде» от 20 января 1937 г., мобилизуя всех правовиков на разоблачение лжетеоретика права Пашуканиса и на перестройку всего правового участка теоретического фронта на боевых марксистско-ленинских позициях, разоблачила, в частности, антипартийный характер понимания социалистического трудового права как такой отрасли социалистического права, которая якобы охватывает только правовое регулирование труда рабочих и служащих, но не охватывает правового регулирования труда колхозников и остальных трудящихся в социалистической системе хозяйства (промкооперация и т. д.). Эта антипартийная концепция, связанная с вредительскими теориями Пашуканиса, переносит на почву социалистического государства, построившего социализм, систематику буржуазного права, принятую буржуазной юриспруденцией. Эта извращенная концепция социалистического права выражает отрицание единства принципов социалистической организации труда во всей системе советского социалистического хозяйства, противопоставляет рабочий класс колхозному крестьянству, по существу отрицает социалистическое переустройство и победу социализма в деревне.

Этот факт можно объяснить только копированием буржуазных образцов, юридическим кретинизмом, инерцией формального юридического мышления, смешением права и кодекса[1].

На критике указанного извращения и задачах перестройки теоретической работы по трудовому праву я подробнее остановлюсь в отдельной статье. — *И. В.*

Позиция З. Гришина в рассматриваемом вопросе выделяется и на общем печальном фоне трудового участка правового теоретического фронта. З. Гришин не случайно оказался единственным из юристов-трудовиков, который пытался оспаривать правильность указаний «Правды» в статье т. Юдина.

В учебнике Гришина дано развернутое в целый параграф обоснование ревизионистского тезиса о различии основных принципов организации труда рабочих и служащих в государственных советских предприятиях и

[1] На такой явно антипартийной позиции грубо извращенного понимания социалистического трудового права стоял до указания «Правды» и автор настоящей рецензии, который как специалист по трудовому праву с большим стажем работы в этой области несет сугубую ответственность за подобное грубое извращение ленинизма.

учреждениях и организации труда колхозников (см. главу II, № 4 «Неприменимость советского трудового права в колхозах», стр. 31—33). Гришин, таким образом, извращает самую природу колхозов и колхозного труда. Знаменательно, что автор, пропагандируя это троцкистское по самому своему существу извращение, характеризует отнесение внутриколхозной организации труда к трудовому праву как троцкизм.

В своем противопоставлении основных принципов организации труда в советских государственных предприятиях и в колхозах Гришин доходит до ссылки на известное положение Маркса о том, что «структура... распределения вполне определяется структурой производства» и что «определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения»[1]. Как показывает эта ссылка, у Гришина отрицание единства социалистического принципа распределения по труду доведено до такого предела, что дальше итти уже решительно некуда. Различие между формами проведения единого социалистического принципа оплаты по труду между социалистической заработной платой рабочих и служащих и социалистической оплатой по трудодням колхозников поставлено Гришиным на одну доску с различием между зарплатой рабочего при капитализме и прибылью капиталиста и с различием между формами распределения в разных социально-экономических формациях.

Посмотрим на отдельных примерах, как З. Гришин «разоблачает» контрреволюционный троцкизм, правых реставраторов капитализма, анархо-синдикалистские установки.

На стр. 81, где речь идет о дискуссии о профсоюзах, автор изображает яростную борьбу оппозиции, объединявшей всех врагов социализма, против ленинских установок в вопросе о профсоюзах как оппортунистическую «критику». Автор, замазывая контрреволюционную сущность троцкистских установок в дискуссии о профсоюзах, сводит позицию троцкизма к тому, что троцкизм «не понимал» отдельных вопросов.

В дискуссии о профсоюзах троцкизм, по Гришину, якобы просто выдвигал «оппортунистические установки», «не понимал» задач профсоюзов «в области перевоспитания отсталых элементов рабочего класса», «снимал защитные задачи союза, снимал задачи борьбы с бюрократическими извращениями госаппарата, не понимал, что роль профсоюзов в борьбе с этими извращениями неразрывным образом связана с новыми формами классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата» (стр. 81).

Таким образом, по Гришину, оказывается, что троцкизм в дискуссии о профсоюзах якобы исходил из признания у нас эпохи диктатуры пролетариата. Оказывается, далее, по Гришину, что троцкизм якобы по-большевистски подходил и к вопросу о новых формах классовой борьбы пролетариата в эпоху диктатуры пролетариата. Оказывается, затем, по Гришину, что троцкизм, который в действительности возводил бюрократизм в принцип всякого руководства и управления и который стремился превратить и профсоюзы в подсобный бюрократический аппарат при госорганах, — был якобы за борьбу против бюрократических извращений госаппарата, но только «не понимал» роли профсоюзов в этой борьбе. Так, у Гришина «разоблачение» троцкизма оказывается прямой защитой троцкизма.

На стр. 82 такое же по существу отношение к правым реставраторам капитализма. Здесь можно прочесть, что старое руководство профсоюзов (ВЦСПС?) во главе с Томским «недооценивало роли профсоюзов как организаторов социалистического соревнования, творческой инициативы масс в борьбе за высокие темпы индустриализации страны» (подчеркнуто нами). Оказывается, что правые реставраторы капитализма, которые, как общеизвестно, вели бешеную борьбу против социализма, против сталинского плана социалистической индустриализации, сплошной коллективизации, против взятых партией высоких темпов индустриализации СССР, — оказывается, по Гришину, что эти враги социализма якобы стояли за высокие темпы социалистического строительства и только «недооценивали» те или иные средства для обеспечения этих темпов. Оказывается, в частности, по Гришину, что правые реставраторы капитализма, которые, в действительности стремились выключить профсоюзы из подготовлявшего и затем проводившегося и проведенного партией развернутого социалистического наступления по всему фронту, которые вели бешеную борьбу против соцсоревнования, — якобы только «недооценивали» роль профсоюзов как организаторов соцсоревнования.

Что касается «разоблачения» анархо-синдикалистских установок, то З. Гришин в вопросе о перспективах роли профсоюзов в управлении производством сам по существу стоит на той позиции, которая в дискуссии о профсоюзах являлась общей для троцкизма и для «рабочей оппозиции», т. е. на позиции превращения профсоюзов из школы коммунизма в администрирующий орган. Говоря об анархо-синдикалистской постановке вопроса о передаче профсоюзам функций хозяйственного управления, Гришин явно исходит из того, что «рабочая оппозиция» и ее поздние отпрыски расходились с партией не в принципе, а лишь в отношении темпов. «Не медленность» передачи, «забегание вперед» с передачей или «форсирование» передачи, не самую «передачу» профсоюзам функций хозяйственного управления,— вот то, что Гришин берет под обстрел (см. стр. 81, 85, 100).

Программа партии говорит, что профсоюзы «должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым». Программа партии при этом совершенно ясно указывает, и Ленин именно в борьбе против Троцкого со всей силой подчеркивал в дискуссии о профсоюзах, что здесь речь в конечном счете идет не о передаче профсоюзам тех или иных функций хозяйственного управления, осуществляемого экономическим аппаратом советской власти, но об обеспечении «действительно народного контроля над результатами производства». Ленин со всей силой подчеркивал, что в программе партии речь идет о «народном», т. е. рабоче

[1] Маркс и Энгельс, т. XII, ч. 1, стр. 185.

крестьянском, отнюдь не только пролетарском, «контроле»[1].

Партийную перспективу, которая осуществляется на наших глазах, перспективу неуклонного роста производственной активности и инициативы всех тружеников социалистического общества и в городе и в деревне, перспективу дальнейшего развертывания стахановского движения, которое подымает «народный контроль над результатами производства» на все более и более высокие ступени,— эту партийную перспективу З. Гришин упорно и настойчиво подменяет перспективой передачи профсоюзам функций хозяйственного управления, той перспективой, которую в дискуссии о профсоюзах, с различием только в вариантах, выдвигали и троцкизм и «рабочая оппозиция».

Только исходя из установок оппозиции в дискуссии о профсоюзах, из установок на превращение профсоюзов из школы коммунизма в администрирующие органы, З. Гришин мог превратить профсоюзы в «органы регулирования труда» (стр. 29). По Гришину, профсоюзы и только профсоюзы являются «органами регулирования труда». Экономический аппарат советской власти подменяется профсоюзами.

С превращением профсоюзов в «органы регулирования труда» перекликается у Гришина смешение профсоюзов с законодательными органами. На стр. 40 «учебника» постановления ВЦСПС и ЦК союзов поставлены в качестве «источников права» наряду с постановлениями центральных органов советской власти. На стр. 42 извращена действительная, законом определенная компетенция ВЦСПС в отношении разъяснений по применению законодательства о труде. Гришин приписывает ВЦСПС право самостоятельно издавать постановления по вопросам регулирования труда, несмотря на то, что в действительности, по общеизвестному прямому указанию закона, постановления ВЦСПС по вопросам регулирования труда, ограниченные кругом инструкций, правил и разъяснений по применению законодательства о труде, требуют утверждения или предварительной санкции Совнаркома СССР. Вместе с тем Гришин договаривается до того, что «постановления ВЦСПС, выходящие за пределы действующего законодательства о труде СССР, подлежат утверждению Совнаркома СССР» (стр. 42), как будто вообще ВЦСПС может выносить такие постановления.

Как видно из приведенных выше данных, идеология Гришина по вопросу о профсоюзах черпает из грязного источника троцкистско-шляпниковских установок, противопоставленных в дискуссии о профсоюзах ленинско-сталинскому учению о профсоюзах как школе коммунизма. Ясно, что эти враждебные социализму концепции неразрывно связаны с противопоставлением рабочих советскому государству. Не случайно, что к такому противопоставлению рабочих советскому государству скатывается Гришин в своем антипартийном «теоретизировании».

Гришин приписывает Ленину и партии тезис о том, что якобы в условиях перехода к нэпу имела место «известная противоположность между рабочими и администрацией государственных предприятий» (стр. 61). Так Гришин в меньшевистско-троцкистском стиле фальсифицирует общеизвестные указания написанного лично Лениным постановления ЦК партии от 12 января 1922 г. о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики[1], фальсифицирует указания того постановления ЦК партии, которое легло в основу резолюции XI съезда партии о профсоюзах.

Ленин и партия указывали, что новая хозяйственная обстановка в начальной стадии нэпа «при общей культурной отсталости и истощении страны неизбежно будет в большей или меньшей степени приводить к противопоставлению в сознании масс администрации данных предприятий занятым в них рабочим»[2].

Ленин и партия указывали, что новая хозяйственная обстановка начальной стадии нэпа, «в связи с настоятельнейшей необходимостью повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого предприятия, в связи с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда в предприятии между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятий или ведомствами, коим они принадлежат»[3].

Ленин и партия тут же еще раз подчеркивали, что эта «известная противоположность интересов» («в сознании» масс и лишь «по вопросам условий труда в предприятии») порождается исключительно ошибками и преувеличениями хозяйственных органов, вытекающих из бюрократических извращений госаппарата.

Эти указания Ленина о бюрократических извращениях госаппарата в условиях общей культурной отсталости и истощения страны в начальной стадии нэпа З. Гришин превратил в антипартийную троцкистскую формулировку об «известной противоположности между рабочими и администрацией государственных предприятий».

Все эти антипартийные, в основном троцкистского порядка, извращения отражаются и на освещении Гришиным отдельных конкретных вопросов.

Первая глава учебника З. Гришина, посвященная «сущности капиталистического правового регулирования труда», представляет собой сочетание ревизионизма и невежественной халтуры.

В постановке вопроса о возникновении капиталистического правового регулирования труда Гришин отправляется от буржуазных социальных реформ в области законодательства о труде (стр. 6). В данном вопросе автор игнорирует то, что законодательство относительно наемного труда, как прямо указывает Маркс, «начинается» с того законодательства о труде эпохи первоначального капиталистического накопления, которое характеризуется самым широким применением непосредствен-

[1] Ленин, т. XXVI, стр. 141.

[1] Ленин, т. XXVII, стр. 147—156.

[2] Ленин, т. XXVII, стр. 147. (Подчеркнуто нами).

[3] Там же, стр. 148. (Подчеркнуто нами).

ного государственного насилия против рабочих, внеэкономического принуждения к труду[1].

По Гришину, обуржуазивание, приспособление к интересам буржуазии гражданско-правового регулирования труда всецело и исключительно сводится к освобождению производителя от феодально-крепостной и цеховой зависимости. В этой схеме исторического возникновения капиталистического законодательства о труде легко распознается та апологетическая концепция возникновения капитализма, которую выдвигали буржуазные историки и которую подверг такой убийственной критике Маркс на протяжении всей XXIV главы 1 тома «Капитала», говоря о так называемом первоначальном накоплении.

Отношение Гришина к руководящим материалам лишний раз иллюстрируется тем, что он цитирует замечания о конспекте учебника «Новой истории» товарищей Сталина, Кирова и Жданова (стр. 13), но тут же в своем изложении сохраняет распространенную ранее ошибочную периодизацию: период первоначального капиталистического накопления, эпоха промышленного капитала (без учета такой исторической вехи, как французская буржуазная революция) до конца XIX в., эпоха империализма с конца XIX в.

Относя к эпохе промышленного капитала весь период до конца XIX в., Гришин иллюстрирует развитие фабричного законодательства примерами социального законодательства Бисмарка и царских фабричных законов 1886 г. и 1897 г. И тут же, на основе этого материала, делается вывод, что якобы в эпоху промышленного капитала «буржуазия в условиях роста сопротивления пролетариата и угрозы его революционных выступлений меняет свою тактику, иллюстрируя вводимым ею фабричным законодательством применение в качестве основного метода управления — метода либерализма» (стр. 13).

Так З. Гришин превращает реакционную политику Бисмарка и бесчеловечную варварскую политику царизма в преимущественное применение метода либерализма. И для обоснования подобного реакционного вздора Гришин имеет смелость ссылаться на известные указания Ленина по вопросу о двух системах управления, вырабатываемых буржуазией. Гришина не смущает, что приводимая им цитата из статьи Ленина «Разногласия в европейском рабочем движении» как раз и опровергает излагаемый в учебнике сплошной вздор по данному вопросу (статья Ленина, кстати сказать, цитируется с безобразной неряшливостью, без указания на пропуск части текста). Гришин своим «комментарием» Ленина замазывает как раз противоположный вывод, который ясно вытекает из указаний Ленина: то или иное фабричное законодательство может иметь место как при преимущественном применении буржуазией метода либерализма, так и при преимущественном применении метода насилия, а поэтому введение фабричного законодательства в эпоху промышленного капитала вовсе не «иллюстрирует» ту идиллию, в которую Гришину угодно превратить эпоху промышленного капитала, распространяемую к тому же автором вплоть до конца XIX в.

Извращения подобного порядка характеризуют всю первую главу учебника, посвященную капиталистическому правовому регулированию труда.

В критике извращений в правовой литературе Гришин всячески обходит основоположника вредительских теорий по вопросам права Пашуканиса, предпочитая говорить о ком угодно другом, вплоть до совершенно третьестепенных авторов. Это характерно для Гришина, который, протаскивая вредительскую теорию Пашуканиса о буржуазной природе советского права, утверждает, что будто бы правовая форма трудовых отношений в советских государственных предприятиях сохраняет «пережитки буржуазной формы права» (стр. 27).

Критика Гришиным извращений в его прежних работах обращает на себя внимание своеобразным характером «признаний», которые смазывают не только политическую оценку допущенных ранее извращений, но и фактическую сторону дела.

Если посмотреть рекомендуемую в учебнике Гришина специальную литературу по трудовому праву, то можно подумать, что учиться трудовому праву надо главным образом по Гришину. Автор рекомендует свои прежние писания, совершенно не считаясь с тем, какие в них допущены ошибки и извращения.

Так, например, Гришин рекомендует свою книжку 1929 г. «Правовое положение юношеского труда в СССР». А между тем в этой книжке мы, в частности, находим троцкистскую постановку вопроса о роли молодежи и комсомола.

«Инициатором и творцом новых форм производственного воспитания молодняка,— писал Гришин в указанной книжке,— явилась сама молодежь как непосредственно заинтересованная сторона, в лице ее передовой части — комсомола» (стр. 37 книжки «Правовое положение юношеского труда в СССР»). Спрашивается, где в этом гришинском освещении истории развития новых форм производственного воспитания молодежи учение Маркса, Ленина, Сталина? Где программа партии? Где вообще партия Ленина—Сталина? В вопросе о новых формах производственного воспитания молодежь была превращена Гришиным в троцкистский «барометр».

Гришин рекомендует также свою статью «Стахановское движение и вопросы советского трудового права» из № 1 «Советского государства» 1936 г. В этой совершенно пустой статье можно найти все, что угодно, но в ней нет даже упоминания о самом главном в поставленной проблеме — нет даже упоминания об исторических шести условиях товарища Сталина, которые сыграли исключительную по своему значению роль в подготовке стахановского движения и определяют вместе с последующими указаниями товарища Сталина постановку вопросов нашего социалистического трудового права в связи со стахановским движением.

Учебник Гришина выпущен Институтом советского строительства и права Академии наук СССР вопреки категорическим предостережениям со стороны некоторых из тех самых лиц, которым автор выражает в предисловии

[1] См. Маркс, Капитал, т. I. изд. 8, 1936, стр. 634.

свою благодарность, стараясь прикрыться также и их именем. Книга Гришина «Советское трудовое право» могла увидеть свет только под покровительством вредителя на правовом участке теоретического фронта, бывшего директора Института советского строительства и права Пашуканиса и другого вредителя, бывшего заведующего секцией «хозяйственного права» института Доценко.

Войтинский

„Процесс антисоветского троцкистского центра"

Юридическое издательство, 1937, стр. 258, Цена 4 р. 25 к.

Вышел в свет судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. Отчет составлен по тексту газет «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» и «Правда» со включением материала судебно-технической экспертизы.

Этот отчет содержит обвинительное заключение, допросы подсудимых: Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и др., заключение экспертизы, обвинительную речь Прокурора Союза т. А. Я. Вышинского, речи защитников, последние слова подсудимых и приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Книга эта является весьма ценным материалом для пропагандистов, всех партийных и непартийных большевиков, и в особенности практических работников суда, прокуратуры и НКВД, изучающих весь тот арсенал методов и оружия, которыми пользуется враг в борьбе против победившего социализма в нашей стране, в борьбе против рабочих и крестьян нашего социалистического отечества.

«Знание вражьих повадок вооружает нас для борьбы с ними. Задача теперь заключается в том, чтобы разоблачить и бить врага под какой бы личиной он ни таился» («Правда» от 1 февраля 1937 г.).

В этом отношении огромное политическое, воспитательное значение, помогающее повысить нашу большевистскую бдительность и срывать маску с лица наболее подлого и опасного врага — троцкистов и зиновьевцев, имеет замечательная по глубине анализа, по страстности чувства и силе негодования, блестящая по форме речь государственного обвинителя— Прокурора Союза т. А. Я. Вышинского.

В своей яркой обвинительной речи против контрреволюционного фашистского троцкизма и троцкистов Прокурор Союза т. Вышинский был строго беспристрастен, руководствуясь только законом, непоколебимым законом советского социалистического государства, выражающим стальную волю 170-миллионного трудового народа нашей страны.

Но беспристрастие в обвинительной речи т. Вышинского, основанное на советском законе, пронизано могучей силой большевистской страстности, ненависти к врагу, не знающему пределов подлости и лицемерия, потерявшему остатки человеческого облика, прячущему свое человеконенавистническое звериное лицо под лживой маской покаяния.

Сидевшие на скамье подсудимых прожженные диверсанты, шпионы и убийцы, ближайшие помощники и агенты международного бандита и авантюриста врага народа — Троцкого, прикрывавшиеся высоким званием членов нашей партии, пойманные с поличным славными органами НКВД, руководимыми наркомом внутренних дел т. Ежовым Н. И., под неумолимым допросом Прокурора сбрасывали с себя и тот последний фиговый листок добродетели, которым они пытались еще прикрыть свои гнусные, не имеющие себе равных преступления.

Допрос Прокурора обнажил всю глубину их политического и морального падения, их неразрывную организационную и политическую связь с международным фашизмом, с гитлеровской охранкой (тайная полиция — Гестапо), с заместителем Гитлера — «кровавым египтянином» Гессом и с японской фашистской военщиной.

На прямые, не допускающие увертоk вопросы т. Вышинского подсудимые должны были дать прямые, ясные и четкие ответы, раскрыть содержание своей политической бандитской «программы», рассказать о методах своей борьбы за ее осуществление. Об этой программе можно сказать то, что еще 10 лет назад сказал товарищ Сталин о «программе» оппозиции: «Платформа оппозиции есть платформа по разрушению нашей партии, платформа по разоружению рабочего класса, платформа по развязыванию антисоветских сил, платформа по срыву диктатуры пролетариата».

Благодаря бдительности партии, руководимой великим Сталиным, благодаря разгрому контрреволюционных троцкистов-зиновьевцев, бухаринцев и всех врагов социализма победила генеральная ленинско-сталинская линия нашей партии. Победа эта конкретизировалась в построении социализма в нашей стране, в сталинской Конституции. Победа социализма в нашей стране лишила врага остатков той классово враждебной социализму базы, на активность и торжество которой рассчитывал германский и японский фашизм и их передовой отряд — троцкистко-зиновьевская банда.

Ставя перед собой основную задачу — разгром социализма и реставрацию капитализма в нашей стране, троцкистко-зиновьевская банда оправдывала все средства борьбы против рабочих и крестьян, построивших свое социалистическое государство, где нет эксплоатации и порабощения человека человеком, где нет безработицы и нищеты, где обеспечены права на труд, отдых, образование и социальное обеспечение, где обеспечены и процветают подлинная свобода и демократия.

Беспринципные, не знающие границ злобы и подлости к трудовому народу, выполняя заказ германского фашизма и японского милитаризма, троцкисты организуют убийство наших вождей, взрывают наши шахты, отравляют рабочих нашей страны, организуют крушения наших воинских поездов, пытаясь вызвать недовольство масс и натравить их против советской власти.

Потеряв всякую социальную базу внутри нашей страны, троцкизм всеми мерами старается развязать и ускорить войну против СССР. По директиве врага народа Л. Троцкого члены антисоветского троцкистского центра дают обязательство германскому и японскому фашизму, в случае войны с СССР, всячески содействовать поражению нашей родины, взорвать крупнейшие предприятия оборон-

ного значения, отравлять воинские эшелоны, всюду на территории Советского союза сеять смерть и разрушения, отдать Гитлеру Украину, японской военщине Приморье, обещая неограниченные концессии, обязуясь превратить нашу великую социалистическую родину в колонию германского и японского империализма.

Железной рукой НКВД, под руководством генерального комиссара государственной безопасности т. Ежова, и рукой Прокурора Союза ССР т. Вышинского были сорваны маски с врагов народа, троцкистских бандитов — Пятакова, Радека, Сокольникова, Лифшица, Серебрякова и др.

Перед всем народом нашего Союза, перед всем миром предстали обнаженными люди, преступления которых вызывают священную ненависть масс, справедливое требование народа — раздавить гадину, беспощадно уничтожить ее физически, чтобы она не отравляла чистого воздуха нашей социалистической родины.

В своей глубокой по содержанию обвинительной речи, построенной на точных исторических фактах, Прокурор Союза ССР т. Вышинский дал глубокий анализ того пути, который проделал троцкизм в его борьбе с партией и советской властью на протяжении всей своей истории, того пути, который привел эту бандитскую шайку к кошмарным, злодейским преступлениям против дела рабочего класса и социализма.

Тов. Вышинский раскрыл и показал, что не случайна та разбойничья, вражеская позиция, которую занимают Троцкий и троцкисты по отношению к Стране социализма, что не случайны и те подлейшие кровавые методы борьбы, которыми они пользуются против диктатуры рабочего класса, против социалистического государства рабочих и крестьян.

Тов. Вышинский показал, как на протяжении всей своей политической авантюристической деятельности враг народа Л. Троцкий, прикрывавшийся сверхреволюционной фразой, никогда не стоял на пролетарских революционных позициях марксизма—ленинизма, что и в те годы, когда он был в рядах нашей партии, Л. Троцкий не только не пришел к Ленину, но, наоборот, всегда боролся против Ленина, всегда держал за пазухой остро отточенный нож для того, чтобы в трудный для Страны советов момент всадить его в спину рабочему классу, в спину трудящимся массам, чтобы в первую очередь поразить авангард трудящихся — нашу стальную и славную ленинско-сталинскую партию.

Под руководством своих гениальных учителей Ленина и Сталина партия в борьбе на два фронта — против контрреволюционного троцкизма и правых разоблачила и до конца разгромила своих врагов, привела нашу страну к полной и бесповоротной победе социализма. Об этой победе и торжестве социализма над его врагами говорят материалы.

Обвинительная речь т. Вышинского имеет большое и актуальное политическо-воспитательное значение. Она мобилизует партию и трудящиеся массы нашего Союза на разоблачение, выкорчевывание остатков притаившихся врагов СССР — бандитов троцкистов и зиновьевцев, на дальнейшее и еще большее укрепление нашего социалистического общества, нашего социалистического государства рабочих и крестьян, идущего под руководством великого Сталина от победы к победе по пути построения коммунистического общества.

К. Тройников

А. Я. ВЫШИНСКИЙ — Государственное устройство СССР. Огиз. «Советское законодательство», 1936, стр. 48. Цена 35 коп.

Рецензируемая брошюра т. Вышинского представляет значительный интерес не только как популярное изложение основ государственного устройства СССР, но и как работа, которая может послужить введением в изучение нашего государственного устройства и для квалифицированного читателя. Рецензируемая работа дает советскому читателю не только знакомство с нашим государственным устройством по старой и новой конституции, но и обширные сведения в области государственного устройства буржуазных стран. В небольшой по объему работе автор сумел нарисовать картину государственного устройства СССР в сравнении с буржуазными странами, обосновать свои положения многочисленными ссылками на основоположников марксизма и дать критический анализ высказываний целого ряда государствоведов: Монтескье, Беджгота, Эсмена и других.

Свою работу т. Вышинский начинает с показа социально-экономических изменений, происшедших в стране в связи с победой генеральной линии партии, с победой социализма. Эти победы были одержаны в труднейших условиях борьбы с врагами партии и народа и, прежде всего, с презренными агентами Гестапо — контрреволюционными троцкистско-фашистскими бандами.

Далее автор излагает основы учения о диктатуре пролетариата и сломе буржуазной государственной машины и учение о советах как государственной форме диктатуры пролетариата. Говоря о Конституции 1918 г., т. Вышинский показывает, что уже в первые годы революции, в период военного коммунизма, советская демократия была в тысячу раз демократичнее самой демократической буржуазной конституции.

В неоднократных противопоставлениях нашего государственного устройства государственному устройству буржуазных стран красной нитью проходит в брошюре положение, что государственное устройство СССР принципиально отлично от государственного устройства буржуазных стран.

Говоря об органах управления Союза ССР и союзных республик, т. Вышинский обращает внимание читателя на точную и четкую классификацию государственных органов в новой Конституции Союза ССР, которая разделяет все государственные органы на следующие категории: 1) высшие органы государственной власти; 2) органы государственного управления; 3) местные органы государственной власти.

Тов. Вышинский подчеркивает далее важность классификации постановлений власти, как она устанавливается новой Конституцией, которая вводит следующие категории постановлений: 1) закон, 2) указ, 3) распоряжение и постановление и 4) приказ и инструкция.

Особый интерес в работе т. Вышинского представляет изложение им буржуазной теории разделения властей, ее классового смысла и критика этой теории. Тов. Вышинский говорит:

«Теория разделения властей» — очень удобная для буржуазии теория. В действительности, как мы это подчеркивали уже выше, власть в государстве едина: здесь нет «властей», а есть власть; здесь нет разделения властей, а есть единство власти.

Сам Монтескье на примере Венеции показал, что даже при внешнем, формальном разделении властей — законодательная власть у большого совета, исполнительная — у 12 сенаторов, избранных из членов большого совета, судебная — у отделения большого совета в числе 40 сенаторов, членов большого совета, «все эти трибуналы состоят из должностных лиц одного и того же сословия, вследствие чего они представляют собой одну и ту же власть».

На примере Парижской коммуны — этого прообраза советов автор показывает, почему коммунисты являются противниками системы разделения властей.

«Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества,— писал Ленин,— Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями».

Отрицание разделения властей нами не означает их смешения. Тов. Вышинский пишет: «В этом (государственном — Х. Ш.) аппарате должны быть разграничены отдельные функции государственного строительства. Здесь не может быть допущено смешения или пересечения функции, не может быть подмены закона и законодательной функции исполнительными распоряжениями и исполнительной функцией. Здесь не может быть стерта разница между высшими законодательными органами и органами подчиненного управления.

Новая Конституция с исключительной четкостью определяет компетенцию законодательных органов и органов исполнительных, исключая какую-либо возможность смешения принадлежащих этим органам функций».

Значительное место в рецензируемой работе посвящено суду и прокуратуре. Автор рассматривает вопрос о работе суда и прокуратуры не только в разрезе главы 17 Конституции, но и с точки зрения тех задач, которые ныне встают перед советским судом в связи с переустройством всех органов пролетарской диктатуры на основе величайшего документа современности — сталинской Конституции.

Автор в ярких красках показывает процесс расцвета советской судебной демократии, расцвета революционной законности, социалистического права.

Тов. Вышинский заканчивает брошюру следующими словами:

«Весь советский строй озарен лучами высоко поднявшегося над необозримыми просторами нашей родины, ярко сверкающего солнца социализма.

Освобожденный, победивший, поднятый к творческой работе советский народ строит новое общество, где навеки побеждено прошлое, где царит равенство и братство народов, где в радостном труде соревнуются миллионы и миллионы людей, творящих новую, светлую, радостную социалистическую жизнь.

Новая Конституция — Конституция великих побед трудящихся нашей страны и трудящихся всего мира. Новая Конституция — кодекс великих завоеваний, добытых в героической борьбе трудящихся против эксплоататорского старого мира. Новая Конституция — основа дальнейших и новых побед освобожденного труда, основа дальнейшей борьбы за новый мир, за коммунизм».

Работа т. Вышинского—одна из лучших брошюр, написанных о нашем государственном устройстве. Несмотря на огромный тираж, книга эта разошлась в несколько дней. Необходимость ее переиздания назрела уже до VIII Съезда советов, а после исторического доклада товарища Сталина на VIII Съезде советов Союза ССР, после принятия ряда изменений к проекту Конституции необходимость переиздания рецензируемой книги особенно актуальна. Само собой разумеется, что второе издание должно отразить то новое, что внесено замечательным докладом товарища Сталина на Чрезвычайном VIII съезде советов и работами съезда в целом.

Х. Шварц

ЯХНИЧ — «Краткое руководство по ведению предварительного следствия» (под ред. М. Строговича, изд. Института уголовной политики, Москва, 1936 г.)

Новая сталинская Конституция уделяет особое внимание суду и прокуратуре, подчеркивая этим исключительное значение органов советской юстиции, стоящих на страже социалистической законности. В связи с этим с особой остротой перед нами стоит задача повышения качества всей работы и в особенности качества расследования, определяющего всю дальнейшую судьбу возбужденного дела и, следовательно, связанных с данным делом людей.

Между тем именно в этой области, являющейся для нас центральной, мы до сих пор сталкиваемся с крупнейшими недостатками, приводящими зачастую к необоснованному привлечению к уголовной ответственности, преданию суду и неосновательному осуждению.

Повышение своей квалификации, овладение юридическим образованием, а не только элементарной юридической грамотностью — важнейший залог преодоления этих недостатков. С этой точки зрения надо приветствовать то, что Институт юридических наук выпустил целый ряд пособий по методике и технике расследования, помогающих нашим следственным работникам овладеть юридическими знаниями.

Серьезность стоящих перед нами задач возлагает особую ответственность на авторов этих работ за их содержание, глубину и качество в целом.

Рецензируемая работа т. Яхнича, как указано в титульном листе, является практическим пособием для следователей и прокуроров и учебным пособием для юридических школ и курсов.

Достоинством работы является популярное, доступное изложение техники проведения и правил процессуального оформления основных следственных действий с приложением в качестве иллюстраций к каждому очерку образцов отдельных следственных актов. В семи сжатых очерках автор рассматривает следующие вопросы: возбуждение уголовного дела, план расследования, методика и техника допроса, предъявление обвинения и допрос обвиняемого, окончание предварительного следствия и ознакомление обвиняемого с материалами дела, обвинительное заключение и методика его составления, вещественные доказательства.

Существенный недостаток работы т. Яхнича в том, что целый ряд этих важнейших вопросов излагается им упрощенно и поверхностно (например, очерк IV, VI и VII). Недостаточно тщательно отобраны автором также и образцы следственных актов.

В своем первом очерке «О возбуждении уголовного дела» автор правильно предостерегает против неосновательного возбуждения уголовного дела, указывая на важность составления требуемых законом процессуальных документов о возбуждении уголовного дела и о принятии дела к своему производству. Отмечая важность постановления о возбуждении уголовного дела, автор указывает, что «...постановление о возбуждении уголовного дела в известной мере предопределяет объем предварительного расследования, что предотвращает случаи собирания следователем ненужных материалов и расследования фактов, не имеющих прямого отношения к делу. Правильно составленное постановление о возбуждении уголовного дела, указывая конкретно сущность преступления, по поводу которого будет производиться следствие, дает возможность сразу же определить круг вопросов, подлежащих расследованию, а, с другой стороны — следователь, отражая в постановлении материалы, которыми он располагает, имеет возможность наметить, какие еще данные ему необходимы для установления того или иного факта» (стр. 5).

Указанные здесь вопросы определяются не столько постановлением о возбуждении уголовного дела, сколько намечаемым следователем планом расследования, значение которого совершенно справедливо подчеркивает автор в своем втором очерке. Правильно указывает автор на динамичность плана расследования, на изменение его в самом процессе расследования. Автор дает три варианта плана, указывая три различных положения, в которые может быть поставлен следователь при получении материала, содержащего указание на конкретное преступление.

Нельзя согласиться с рекомендуемым автором проектом плана расследования при получении следователем материала, свидетельствующего о совершении нескольких преступлений. Автор рекомендует составление нескольких планов расследования отдельно по каждому эпизоду. Это неправильно, ибо если несколько преступлений, о которых указывает поступивший материал, совершены одним лицом, или одной группой, т. е. представляют собой одно следственное дело, то нельзя составлять по этому делу несколько планов. Следуя указаниям автора, следователь теряет перспективу по данному делу. В пределах одного плана должно найти место расследование отдельных эпизодов настоящего дела, но это расследование должно быть связано единой нитью, дающей возможность не терять перспективу дела. Правильно указывает автор на необходимость составления, помимо планов по каждому возникающему делу, календарного плана работы, которым следователь планирует имеющееся в его распоряжении время для осуществления всей работы в целом.

Особое значение в работе следователя имеет правильная постановка методики и техники допроса как свидетеля, так и обвиняемого. Этому вопросу автор посвящает два очерка — III и IV. Более подробно автором разработан вопрос о методике и технике допроса свидетелей. Однако при этом автор, пытаясь разрешить эти два вопроса, путает вопрос о методике допроса свидетеля и вопрос об оценке свидетельских показаний. При этом совершенно отчетливо выступает у автора недооценка роли внутреннего убеждения при оценке свидетельских показаний. Так, автор пишет: «Свидетелем может быть каждый человек (за исключением психических больных), и оценка показаний свидетеля производится судом, исходя из совокупности всех данных (доказательств) дела» (стр. 29).

Если методика допроса свидетелей разработана сравнительно более или менее детально, то очень мало места уделено методике допроса обвиняемого. Автор неправильно, в силу неконкретной постановки им этого вопроса, оценивает значение сознания обвиняемого в совершенном им преступлении. Автор указывает, что «Признание обвиняемым своей вины не должно являться единственным доказательством в деле, обвинение должно базироваться на других, достаточно твердых, объективных доказательствах. Поэтому следователь вовсе не должен добиваться сознания обвиняемого, а должен направлять все усилия к тому, чтобы объективно и точно исследовать все обстоятельства дела» (стр. 48).

Это указание правильно, поскольку оно относится к большинству общеуголовных дел. Однако оно совершенно неправильно, когда речь идет о преступлениях государственных и в особенности преступлениях контрреволюционных. В этих случаях признание обвиняемого может являться, при отсутствии других доказательств, достаточным объективным доказательством виновности. В целом автором вопрос о методике допроса обвиняемого недоработан.

Надо согласиться с указанием автора в очерке «Окончание предварительного следствия» о необходимости ознакомления каждого обвиняемого по делу со всем материалом дела, независимо от того, прямо или косвенно этот материал к нему относится, ибо обвиняемый должен знать весь материал, идущий в суд. Точно так же правильно указание на необходимость ознакомления обвиняемого с дополнительными материалами, которые собраны в связи с его ходатайством, заявленным им при предъявлении ему материалов следствия.

Подчеркивая значение обвинительного заключения в VI очерке и указывая на порядок составления обвинительного заключения, автор, однако, не дает методики составления обвинительного заключения, что является чрез-

вычайно существенным для работников расследования. К сожалению, до сих пор мы не имеем такой методики, хотя целый ряд опубликованных обвинительных актов особенно по крупнейшим процессам, может послужить прекрасным материалом для составления подобной методики. Достаточно сослаться на показывающие образцы стиля работы — обвинительные заключения, составленные по делам троцкистско-зиновьевского террористического центра и антисоветского троцкистского центра.

Не совсем удачен также и образец обвинительного заключения, на который ссылается автор по делу об убийстве гр. Кавериной, прилагаемый к данной главе (стр. 68—74), хотя само по себе это дело очень интересно с точки зрения роли косвенных улик. Это обвинительное заключение крайне многословно, изобилует многочисленными повторениями и не дает отчетливой картины собранных улик, подтверждающих правильность предания суду обвиняемого, каким должно быть прежде всего всякое обвинительное заключение.

В VII очерке «Вещественные доказательства» имеются некоторые путаные положения. Так, в сноске к стр. 75 автор указывает, что документы не являются вещественными доказательствами. Однако в целом ряде мест, в частности на стр. 79, автор говорит о приобщении к делу осмотренных предметов или документов в качестве вещественных доказательств.

Одновременно надо отметить неряшливость изложения в некоторых местах рецензируемой работы. В книге также очень много опечаток. Все эти недостатки значительно снижают полезность этого популярного практического руководства.

Такое краткое руководство по ведению предварительного следствия нам крайне необходимо, но, учитывая требования, которые к нам сейчас предъявляются, к разрешению этой задачи нужно подойти с большей серьезностью и большей тщательностью, чем это сделал автор настоящей книги.

А. Шляпочников

КАЗИМИР СТОЛЯРОВ — «Слово о жизни». Рассказы. Издание КВО Дмитлага НКВД, 1936, стр. 72.

Автор рецензируемой книжки рассказов—Казимир Столяров—сам получил «путевку в жизнь» в Дмитлаге, прошел здесь «перековку», о которой в рассказе «Золотая рота» пишет: «Я, Казимир Столяров, некогда осужденный в лагерь за мерзкое преступление, сделался курсантом и через десять дней стану советским лейтенантом».

«Мне памятен день, когда поезд привез меня на глухую маленькую станцию среди леса. Это было три года назад. Три года однообразной, тоскливой, мучительной жизни предстоит мне, — думал я. Три года наказания за мое преступление. И как я ошибся. В эти три года я закалился и выучился большему, чем за всю предшествовавшую жизнь.

Я был лагерником и получил ударные зачеты. Потом я остался на стройке вольнонаемным. Сейчас учусь сразу по двум линиям: я буду командиром и хочу стать писателем.

Я не смел мечтать, что мои первые, совсем неумелые писания попадут в Дмитров к начальнику лагеря. Я не верил до того момента, пока передо мной не открылась дверь его кабинета и строгий приветливый человек сказал мне: «Не нужно говорить, Столяров, о том, что у вас нет необходимых знаний, нужно этими знаниями овладеть. Но у вас уже имеется нечто: жизненный опыт, а это много для начинающего писателя. Вам всегда надо помнить об удивительном жизненном пути А. М. Горького. И еще он сказал мне: «Вам будут созданы условия для работы и занятий. Остальное будет зависеть от вас» (К. Столяров «Слово о жизни» стр. 66—67).

Пусть не посетует читатель за эту пространную выдержку из книжки Столярова, ибо здесь раскрывается полностью психология самого автора и тем самым его отношение к тем персонажам, которые фигурируют в его рассказах.

Книжка содержит три небольших рассказа: «Слово о жизни», «Два товарища» и «Золотая рота». Все рассказы объединяет одна идея—борьба между силой прошлой, крепко цепляющейся преступной жизни и новой силой, силой всего честного работающего лагерного коллектива, силой всей обстановки, силой, слагаемой из многих больших и «малых» дел наших славных чекистов, силой, выводящей на дорогу новой, светлой жизни.

Подлинное знакомство автора с бытом, стремлениями и переживаниями лагерников делает эту маленькую книжку особенно привлекательной, живой и интересной.

В рассказе «Слово о жизни» Иван Семенюк с трибуны районного лагерного слета в выразительных и простых словах говорит о своей прошлой жизни, повлекшей его на путь преступлений. Империалистическая война, сиротство Ивана, смерть матери, дальше беспризорность, далее длинная цепь преступлений и среди них — кража крупной суммы денег у кулака. Свое кулацкое хозяйство, созданное на эти деньги. Бездушное кулацкое стяжательство и издевательство над соседом-бедняком. Раскулаченным попав в лагерь, Иван Семенюк решил, что все пропало. Ни к чему рук приложить не мог. «Не мое — чего же стараться», так кратко сформулировал он свое положение. Однако лагерная жизнь диктовала необходимость браться за какую-либо работу. И Иван Семенюк стал конюхом. Работа незаметно подводит его к полному перелому. Семенюк сам отчетливо ощутил этот перелом после штурмовой ночи при спасании экскаватора «Ковровец» от затопления. Иван Семенюк — бывший вор, беспризорник, затем кулак становится ударником, входящим новым человеком в жизнь. Вот фабула первого открывающего книжку рассказа.

Второй рассказ «Два товарища» — еще резче ставит вопрос борьбы между старой и новой жизнью, между воровской моралью, неписанными нормами преступного мира и формирующимся новым мировоззрением лагерника. Лагерник Абыдалов, выдвинутый в вооруженную охрану лагеря, в критический момент стреляет, не дрогнув, в своего закадычного по прошлой преступной жизни друга Тимошку, пытающегося организовать побег. Этот Тимошка однажды спас жизнь Абыдалову, но несмотря на это Абыдалов не поколебался перед исполнением долга более важного, чем благодарность за услугу.

Третий рассказ — «Золотая рота» является итогом борьбы указанных выше двух противоположных сил. Само заглавие рассказа уже определяет его содержание. Под именем «Золотой роты» подвизается целый коллектив людей, в прошлом — отъявленных воров всех специальностей, продолжающих вести, наряду с кулаками, разлагательскую работу и в лагере. Хорошо показана фигура Мишки Цыгана — бригадира этой бригады золотых отказчиков от работы, спаянных воровскими «законами» под предводительством Цыгана.

После длительной, упорной работы над этой бригадой, путем бесед, посредством стенной газеты и других мер сопротивление ее было сломано.

Жизненная правдивость выведенных авторами персонажей и правильный показ перелома в их психике, знание среды, о которой пишет автор, — вот те достоинства, которые прежде всего оказались в книжке.

Книжка имеет и ряд недостатков. Прежде всего надо сказать, что весь процесс перековки рисуется, если можно так выразиться, в безвоздушном пространстве. Не показана совсем роль работников НКВД в лагере. Выходит, что перековка осуществляется как-то сама собой — самотеком. Эта абстрактность, оторванность от повседневной будничной работы лагеря по перевоспитанию человеческого сознания является большим пороком не только рецензируемой книжки, но и целого ряда других книг на эту тему. Не бывает так в жизни, что наличие топора, лопаты или кирки в руках лагерника уже гарантирует его перековку. А в наших книжках сплошь и рядом все строится по такой схеме. Сначала не работал — был злостным отказчиком, потом взял кирку или лопату, стал выполнять, а потом и перевыполнять норму, получил значек ударника... «перековался».

Конечно, это не легкое дело — показать сложный процесс переделки человеческого сознания, всю сумму мер, приемов, тактики и стратегии перековки; трудно уловить момент перелома в сознании лагерника, незаметно приходит перелом часто и для него самого, но сделать это необходимо.

Нельзя не показывать в такого рода книжках громадной культурно-воспитательной работы, проводимой в лагерях систематически по всем линиям. Повышение культурного уровня лагерника идет рядом с ростом его производственных успехов. Сознание обреченности воровской «профессии» в социалистических условиях приходит не сразу, оно появляется с ростом политической грамотности, сознательности и общего культурного уровня. Мало этого, эти процессы идут и не могут не итти на основе успехов на всех участках — в области экономики, политики, социалистической культуры и т. д. в нашем социалистическом государстве. Жизнь страны, социалистические интересы, задачи ближайших дней и большие планы не могут проходить мимо лагеря. Все эти стороны также не затрагиваются в рассказах Столярова. Короче говоря, всей обстановки «перековки» не дано. Откуда берется перелом, откуда же рост сознательного отношения к труду — эти вопросы остаются без ответа.

Несмотря на эти пробелы книжка К. Столярова — хорошая, правдивая и интересная книжка о работе наших исправительно-трудовых лагерей, в которых чудесные превращения закоренелых преступников в ударников, знатных людей, мастеров стройки, честных сынов своей родины стали повседневным явлением, обычным делом.

А. Лаптев

СЕРГЕЙ МАТВЕЕВ, «Жизнь», стихи. Издание культурно-воспитательного отдела Дмитлага НКВД 1936 г.

Автор небольшой книги стихов под скромным и в то же время обязывающим названием «Жизнь» — старый вор-рецидивист, неоднократный гость исправительно-трудовых лагерей, беспризорный в детстве, бродяга в недавнем прошлом, — тяжелейший материал для перековки, — один из тех, кого буржуазная криминология относит к числу «неисправимых». Эту «неисправимость» буржуазная теория объясняет «врожденными» свойствами, биологическими особенностями, приобретенными преступником еще в «утробе матери».

Исправительно-трудовые лагери заслужили почетную славу своими достижениями по массовой переделке сознания самых «трудных» и «запущенных», самых «неисправимых» преступников. Механизмы этой переделки частично вскрыли книги «Беломорстрой», «От преступления к труду» (И. Авербах) и замечательная статья М. Горького «Воспитание правдой» («Правда» и «Известия» 4 августа 1933 г.), написанная им в связи с окончанием строительства Беломорско-Балтийского канала. Но изучение этого механизма заслуживает гораздо большего внимания, ибо он являет собою наиболее трудный участок борьбы за нового социалистического человека, за накопление того ценнейшего людского капитала, ценить который научил нас товарищ Сталин.

Стихи Сергея Матвеева, помимо их литературно-поэтических достоинств, интересны как человеческий документ, помогающий понять механизм превращения лагерями преступников в людей социалистического труда и дающий образную картину процесса этой переделки в изображении одного из «перековываемых».

Сергей Матвеев еще не порвал всех связей с прошлым. Самые прочные из этих связей, таящиеся в его сознании, еще достаточно сильны в нем. Чисто внешне это проявляется в том, что, как поэт и будущий мастер слова, он черпает еще часть своего словесного материала из «блатной музыки», из воровского жаргона. Скупые строки его стихов пестрят еще такими словечками, как «подобранные ключи», «коли фарт засветит», «марафет», «ширмачи» и «отмычки». Не случайно Матвеев и в поэзии считает себя «всесветным вором, крадущим и ритм и тон», мечтающим украсть «для ребят» «с небес далеких млечный дым».

Но грандиозная, захватывающая стройка, твердая направляющая рука руководителей лагеря — инженеров души и четкая система лагерного режима делают свое дело. Старые нити рвутся. Бродяга и вор, беспризорный и рецидивист заражается пафосом строитель-

ства и твердо ставит ногу на недавно еще непонятный и враждебный берег.

Много ярких строк посвящает Матвеев этому процессу похорон прошлого и рождения нового.

Теперь меня не обмануть,
Не заманить к тому, что было, —
По-новому здесь дышит грудь,
И новой кровью полны жилы.

По глянцу рельсов пламень глины
В гробах вагончиков гоню —
Так прошлое я хороню
В тяжелых дамбах у плотины.

Этот мотив часто повторяется у Матвеева и одевается в разные образы. Трудная работа над ломкой своего прошлого звучит в его стихах в пестром разнообразии звуков:

Ломаю голос, зрение и слух свой,
Учусь иначе жить и говорить,
Чтоб прошлому бесповоротно рухнуть
В строительстве бесклассовой Зари.

Чем же объясняется этот отказ от прошлого, почему лагерник сбрасывает «воровскую судьбу» свою и творит «разбойными руками новую жизнь»?

Ответ на этот вопрос и раскрывает нам тайну мастерства переделки людей. Трудовой коллектив, социалистическая стройка канала, ударные бригады, батальоны, штурмующие трассу, — вот та лаборатория, в которой происходит переделка «человеческого шлака» в строителей социалистических каналов.

В «Поэме о перековке» Матвеев показывает, как «Колька Пан», один из «отходящего сброда», из «отбросов лагерного мира», стал

. . . . . Неузнаваем:
Нашлася цель, открылась жизнь.
Непонятно...
Что сталось с ним? Он на пути
К прекрасной жизни. Мрачный тигр
Сумел от крови отойти,
Шофером стать на стройке знатным.

Это сделал канал, и нет такого стихотворения в книжке стихов Матвеева, в котором на живом примере вора-тридцатипятника не показал бы он, как стройка канала была одновременно и стройкой нового человека.

Так будет. Мой отряд, соединенный
Весельем песен, ветром молодым,
Идет на бой за сердца перековку,
За пять морей, за право жить —
на бой.
Несет отряд лопаты, как винтовки,
И рушится, как прошлое, забой.
У берегов Москвы, где с Волгой встреча,
Знамена гордо бьются на ветру.

Песнь труду все звонче и все победнее звучит в стихах недавнего принципиального противника труда:

Я, очарованный цементщик,
Слагаю песенки труду,
А надо мною волжский вечер
Роняет дальнюю звезду.

Пою неслыханным наречьем
И про себя и про бетон,
И слушает безлунный вечер
Нестройных песен робкий звон.

И тем замечательней и этот труд, который воспевает Матвеев, и эта песнь, которую он поет о труде, что это — труд недавних противников трудовой жизни и что только в нашей стране мыслимо, чтобы сам в прошлом вор-тридцатипятник пел:

... Я первый песней и горячей речью
Воров и проституток славлю труд.

Матвеев не один; рядом с ним шеренги таких же познавших на строительстве канала радость и пафос труда. Более того, Матвеев и его товарищи по работе учатся не просто работать и не просто любить труд, а работать коллективно и любить труд. Лагерь ставит себе задачу воспитать в заключенных социалистическое отношение к труду, а социалистический труд — это прежде всего труд коллективный. И Матвеев показывает, как лагерники вовлекаются именно в коллективный труд. «Соединенный отряд», «боевые бригады», «лихой отряд», «ударников река», — вот кого воспевает Матвеев. Даже песня его — это «отрядная песнь».

Не ширмачи идут с вокзалов
Искать судьбу по кошелькам,
Нет. У строительного вала
Бурлит ударников река.

На подступах стального строя
На дне шлюзов заложен путь,
Что даль кудрявую откроет
И снимет с глаз ночную муть.

За блеск морей под стягом алым
Деремся мы, и кровь горит,
И солнце с волнами канала
О нашем счастьи говорит.

В этой коллективной работе у лагерников рождается новое чувство, новая привязанность, новая гордость. Она связана с одним — со стройкой, с каналом. Как называет канал прежний бродяга и враг труда? У него нет для него иных слов, как «радостный канал», «канал чудесный», «светлый канал». Он мечтает о встрече берегов Волги с Москвой, о прибое «морских волн в Москве», о том, —

Чтоб Волга стала на излом
И вышла на московский берег.

Так совершается великий перелом в сознании вора и преступника. Отпетый бродяга и ширмач может смело сказать: «Да, осталось страшное далеко или «Теперь я матрос на фронте».

— Ну, спасибо советской власти
Научила жить для труда.

Но эта победа не всегда легко дается и работникам лагерей и заключенным. Людской

материал, получаемый лагерями, часто бесконечно труден. Срывы ждут работников на каждом шагу. Герой «Поэмы о перековке» «Колька Пан» готов в лагере «полоснуть ножом» заключенную Ирину за то, что она «ушла от прежних дней». И в стихах своих Матвеев вспоминает об изоляторе, — но вместе с тем и показывает, что изолятор это только

. . . . . заминка в пути,
Это только остатки проклятой
Черной мути, что разум мутит.

Матвеев это хорошо знает. И он с полным правом заявляет:

Если Волга от Каспия моря
Устремилась уйти в этот век,
То и я от разбойного горя
Отойду, — я еще человек.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый тов. Вышинский!

В журнале «Социалистическая законность» № 11 1936 г. опубликована ваша речь на оперативном совещании при прокуроре УССР, в которой есть такое место: «Старая болтовня о мобилизации общественного актива, групп содействия — это все уже должно куда-то отойти. Сейчас нужно другое».

Это место вашей речи непонятно.

К указаниям вашим прислушиваются работники прокуратуры всего Союза, считают их своими основными практическими указаниями, и естественно, что многие уже сделали и сделают такой вывод — коль общественный актив, группы содействия являются старой болтовней, то этим делом и заниматься не следует.

Так ли нужно понимать вас?

Тогда как же должен быть поставлен вопрос об участии общественности в работе прокуратуры?

Мы не можем и не должны отказаться от работы с общественностью. Последние годы работы наглядно и убедительно показали, как может быть велика роль общественности в деле борьбы за социалистическую законность, в деле борьбы с преступностью и особенно в части профилактики преступлений.

Десятки и сотни передовых рабочих, колхозников и служащих работают в активе прокуратуры и в сотнях случаев оказали прокуратуре в деле борьбы за социалистическую законность огромные услуги.

Можно привести десятки фактов из опыта работы общественности нашего края (Азово-Черноморский).

Весь край знает нашего лучшего активиста т. Бабминдру, колхозника-стахановца колхоза «Красный партизан» Армавирского района, который уже много лет помогает прокуратуре. Он старейший селькор многих газет. Тов. Бабминдра борется с преступностью, разоблачает, предостерегает, воспитывает в колхозниках чувство уважения к закону, прививает им качества нового человека, социалистические качества.

За один только 1936 г. т. Бабминдра дал районному прокурору больше ста сигналов, по которым во многих случаях были разоблачены преступники, во-время вскрыты грязные делишки темных людей и тем самым предупреждены тяжелые преступления. Часто можно видеть этого старика, обходящего владения своего колхоза, присматривающегося к непорядкам, а затем идущего в правление колхоза, где он добивается устранения обнаруженных им непорядков, и если там ничего не получается, то он идет к прокурору или пишет ему. Часто его можно видеть в кругу колхозников, где он просто и понятно разъясняет советские законы.

И не только Бабминдра. Можно назвать в числе передовых активистов тт. Чеботарева — орденоносца-колхозника, донского казака Глубокинского района, Привалова, рабочего-стахановца Сельмаша, Сатарова, Прутова, Орлова и многих других. Эти люди уже срослись по-деловому с работой прокуратуры.

По-моему нужно отказаться не от общественности, а от болтовни вокруг общественности. Подчас мы действительно много шумим, говорим и пишем об активе, а мало занимаемся отбором действительных активистов, мало воспитываем свой актив.

Сейчас нужно поощрять работу с активом, работу по организации общественности вокруг прокуратуры. И было бы чрезвычайно полезно, если бы Прокуратура Союза разрешила вопрос о какой-то единой форме участия общественности в работе прокуратуры, а то мы имеем и группы содействия прокуратуре, и секции ревзаконности при советах, и сигнальные посты и соцсовместителей.

Не в меньшей мере имеется потребность в выработке единого положения, кстати имеющееся сейчас «Положение о группах солействия прокуратуре», изданное Прокуратурой РСФСР еще в 1933 г., во многом устарело, отстало от жизни.

Пом. крайпрокурора АЧК
А. Коновалов

Прокурор Армавирского района
И. Яковенко

Ответ товарищам Коновалову и Яковенко

Вам кажется непонятным то место моей речи на оперативном совещании при прокуратуре УССР, где я говорю об отношении к группам содействия и нашему общественному активу, вы считаете, что если я говорю о «старой болтовне о мобилизации общественного актива», то, следовательно, этим делом заниматься не нужно, разумея под «этим делом» не болтовню, о которой я говорил, а работу общественного актива.

Такое ваше понимание моих слов является очевидным недоразумением. Кажется, у меня

сказано ясно: «Старая болтовня о мобилизации общественного актива, групп содействия — это должно уже куда-то отойти. Сейчас нужно другое».

Ясно, что речь идет о болтовне о мобилизации актива, то есть о том, что надо перестать болтать на эту тему, а этой болтовней у нас занимаются, к сожалению, очень много и дальше этой болтовни не идут. В чем заключается эта «болтовня»? В том, что вместо действительной мобилизации актива и вместо правильного использования этого актива в соответствии с нашими законами, вместо систематического и повседневного руководства работой этого актива, вместо того, чтобы получать помощь от актива, некоторые (к сожалению, их не мало) прокуроры занимаются тем, что гонятся за количеством активистов, за количеством групп содействия, болтают и кричат о сотнях и чуть ли не тысячах «общественников», числящихся у них в активе, но в действительности никакого актива собою не представляющих. У этих прокуроров с этим тысячным общественным активом под носом совершаются там и здесь всевозможные злоупотребления, грубейшие нарушения закона, издевательства над правами и интересами граждан, над интересами советского государства. Несмотря на то, что у таких прокуроров имеются якобы тысячные активы, они не видят этих безобразий, так как болтают об активах, о группах содействия, но не работают с ними по-настоящему, не организуют действительной помощи.

Короче говоря, живое дело организации советской общественности вокруг задач революционной социалистической законности и борьбы с врагами нашей родины и врагами дела социализма они подменяют пустыми разговорами, забавляются болтовней о мобилизации общественного актива, палец о палец не ударяя для того, чтобы в действительности этот актив мобилизовать и поставить его работу на надлежащую высоту.

Когда я говорил, что все это должно куда-то отойти, что сейчас нужно другое, я говорил о необходимости перейти, наконец, от разговоров о «мобилизации» к делу. Нам нужно сейчас не разговаривать только о мобилизации общественного актива, а нам нужно уметь по-деловому этот актив организовать, его правильно инструктировать и правильно его использовать.

Я имел в виду сказать и говорю это сейчас — нельзя играть в «мобилизацию общественного актива», как нельзя допускать, чтобы наши активисты, члены групп содействия своей работой и своей помощью прокурору подменяли работу прокурора, выступая вместо прокурора, выполняя обязанности прокурора, вплоть до совершения таких оперативных действий, которые закон предоставляет только прокурору. А разве у нас не мало случаев в практике групп содействия прокуратуре, когда отдельные члены этих групп содействия, вместо того, чтобы помогать прокурору, действуя под его руководством, по его поручению, в действительности действуют, как будто они и есть прокуроры, присваивая себе функции, права и обязанности, принадлежащие прокурору и возложенные законом на прокурора. Против этого я возражаю. Вот это делать я не рекомендую. Вот это, я считаю, «должно куда-то отойти». Вот вместо этого «нужно сейчас другое».

Что же нужно? Нужно, чтобы прокурор был прокурором, чтобы следователь был следователем. Надо, чтобы член группы содействия помогал прокурору, а не подменял или заменял прокурора, помогал следователю, а не заменял или подменял следователя. Это значит — надо пересмотреть функции групп содействия таким образом, чтобы они действительно содействовали прокурору в его работе, а не извращали вместе с прокурором существо прокурорских функций и прокурорских обязанностей. Речь идет не об ослаблении или тем более ликвидации групп содействия, а о перестройке их работы и об уточнении их правового положения. Положение о группах содействия прокуратуре, изданное прокуратурой РСФСР в 1933 г., разумеется, устарело и в ближайшее же время будет заменено союзным «Положением о группах содействия прокуратуре».

А. Вышинский

Официальный отдел

О ПОДПИСИ НА БУМАГАХ, АДРЕСУЕМЫХ В ПРОКУРАТУРУ СОЮЗА

Обращаю внимание на то, что в целом ряде случаев подписи на бумагах, присылаемых с мест в Прокуратуру Союза, настолько неразборчивы, что очень трудно, а иногда и вовсе невозможно установить фамилию лица, от которого документ исходит. Это вызывает совершенно ненужную потерю времени на «расшифровку» непонятных подписей.

Предлагаю впредь обеспечить такой порядок подписания документов, чтобы подписи были вполне разборчивы.

Прокурор Союза ССР
А. ВЫШИНСКИЙ

10 февраля 1937 г. № 6/1.

О ТОЛКОВАНИИ СТ. 128 КОНСТИТУЦИИ СССР

В связи с появлением в печати толкования ст. 128 Конституции Союза ССР в том смысле, что в силу этой статьи органы власти не могут иметь доступа в жилища граждан без санкции прокурора и что так же обеспечивается и тайна переписки (Н. В. Крыленко, Сталинская Конституция в вопросах и ответах, стр. 56—57), предупреждаю органы прокуратуры, что такое толкование является неправильным.

По прямому смыслу ст. 128 Конституции Союза ССР эта статья, провозглашая, что неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом, тем самым

исключаст всякое противозаконное вторжение в жилища или противозаконное нарушение тайны переписки, но ни в какой мере не устраняет и не изменяет действующих ныне законов, определяющих собой условия и порядок доступа органов власти в жилища граждан для производства тех или иных законных служебных действий (для описи имущества, для обыска, для производства административного или судебного выселения и т. п.), а равно и определяющих собой условия и порядок изъятия в установленных законом случаях почтовой корреспонденции тех или иных лиц.

Поэтому ни для доступа подлежащих органов власти в жилища граждан, ни для изъятия правомочными органами почтовой корреспонденции граждан в качестве общей меры санкции прокурора не требуется. Такая санкция необходима лишь в тех случаях, когда она прямо предусмотрена в действующих законоположениях, например, в тех случаях, как доступ в жилище необходим для производства ареста соответствующего лица.

В то же время ст. 128 Конституции Союза ССР обязывает органы прокуратуры усилить свое наблюдение за тем, чтобы ни одно противозаконное вторжение в жилища граждан и ни одно противозаконное нарушение тайны переписки не оставалось без привлечения виновных в том лиц к законной ответственности.

Прокурор Союза ССР
А. ВЫШИНСКИЙ

11 февраля 1937 г.
№ 7/1.

О ПОРЯДКЕ ИСТРЕБОВАНИЯ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

В целях урегулирования порядка истребования прокуратурой из судов дел для просмотра их в порядке надзора приказываю:

1. В прокуратурах союзных республик, автономных областей, краевых и областных прокуратурах правом истребования дел для просмотра в порядке надзора пользуются только прокуроры указанных прокуратур или их заместители.

2. В Прокуратуре Союза ССР требования о высылке дел подписываются мною, моими заместителями и начальниками отделов, причем, прежде чем истребовать дело, начальник отдела обязан проверить, не было ли это дело уже предметом рассмотрения в одном из отделов Прокуратуры Союза.

Вторичное истребование дела может иметь место за моей или моих заместителей подписью.

Краевые и областные прокуроры на вторичное истребование дела должны запрашивать разрешения прокурора Республики.

Прокурор Союза ССР
А. ВЫШИНСКИЙ

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ СТАЛИНГРАДСКОЙ Ж. Д.

§ 1.

Произведенным главной прокуратурой железнодорожного транспорта обследованием работы прокуратуры Сталинградской ж. д. установлено:

1. Работа прокуратуры по борьбе с крушениями на дороге поставлена неудовлетворительно. Указание главной прокуратуры железнодорожного транспорта от 12 ноября 1936 г. о расследовании дел в трехдневный срок не выполняется: в расследовании дел нет оперативности, а сроки расследования дел чрезвычайно велики.

2. Следственный надзор прокурором дороги и участковыми прокурорами поставлен слабо. Требование о составлении обоснованных, развернутых постановлений при возбуждении уголовных дел прокурорами не выполняется. Руководство прокуроров следствием недостаточно.

3. Несмотря на многочисленные факты простоя вагонов под погрузкой и выгрузкой, прокуратура не ведет борьбы с этими преступлениями. За полгода (июль — декабрь 1936 г.) возбуждено лишь одно дело. Прокурор дороги не имеет сведений о простоях и не поставил перед собой задачи знать о систематических простоях, чтобы воздействовать на виновных.

4. Работа прокуратуры по рассмотрению жалоб трудящихся неудовлетворительна. Сроки рассмотрения жалоб очень велики. Направляя жалобу на рассмотрение участковым прокурорам, прокурор дороги и его заместитель не дают никаких указаний, что нужно сделать по этим жалобам. Нет контроля за исполнением рассмотрения жалоб. Исключение в рассмотрении жалоб составляет прокурор Сальского участка т. Мололкин, который рассматривает жалобы в трехдневный срок и осуществляет контроль за исполнением рассмотренных жалоб.

§ 2.

Для устранения указанных недочетов предлагаю:

1. Неуклонно и точно выполнять указание главной прокуратуры железнодорожного транспорта от 12 ноября 1936 г. о сроках и методах расследования дел о крушениях. Расследование производить под личным наблюдением прокурора дороги или его заместителя.

2. Быть в курсе организационно-технических мероприятий, принимаемых руководством дороги в связи с расследованием причин крушения, и установить надзор за осуществлением этих мероприятий.

3. Обеспечить решительную борьбу с систематическими простоями вагонов как по вине работников железнодорожного транспорта, так и по вине клиентуры.

4. Строго выполнять требование о составлении обоснованных, развернутых постановлений при возбуждении уголовных дел.

5. В связи с неудовлетворительным состоянием работы прокуратуры Сталинградской ж. д. по рассмотрению жалоб трудящихся обязываю прокурора дороги:

а) Все жалобы, которые могут быть разрешены в дорожной прокуратуре, не передавать участковым прокурорам.

б) При передаче жалоб на рассмотрение участковых прокуроров давать указания по существу жалоб, установив контроль за выполнением этих указаний, а также прохождением и правильностью разрешения по сущест-

ву жалоб, рассмотренных участковыми прокурорами.

в) Безоговорочно выполнять распоряжение главной прокуратуры железнодорожного транспорта о рассмотрении жалоб не позже чем 24-часовой срок и о сообщении результатов рассмотрения жалоб заявителям.

г) Установить практику выездов прокуроров на места и во все важнейшие пункты предприятия дороги для принятия жалоб и заявлений трудящихся и для разрешения их, по возможности, на месте.

д) К 1 марта 1937 г. представить мне спецдоклад о работе по жалобам.

§ 3.

Отмечая, наряду с этим, хорошую работу по рассмотрению жалоб прокурора Сальского участка т. Мололкина, который широко практикует опыт рассмотрения жалоб на местах, жалобы рассматривает в трехдневный срок, установил строгий контроль за исполнением рассмотрения жалоб, — объявляю ему благодарность.

Ст. пом. прокурора Союза ССР
главный прокурор ж.-д. транспорта
СЕГАЛ

13 февраля 1937 г.
№ 82/Т—17.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

за декабрь 1936 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Государство и управление

1. О ликвидации Главного управления пушно-мехового и охотничьего хозяйства (Главпушнина) Народного комиссариата внешней торговли—постановление СНК СССР от 23 ноября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 61, ст. 454).

2. Положение о Народном комиссариате юстиции Союза ССР — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 455).

3. Об образовании Общесоюзного Народного комиссариата оборонной промышленности—постановление ЦИК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 63, ст. 461).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Планирование и учет

4. О формах первичного учета в сельских советах в 1937 г. — постановление СНК СССР от 9 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 63, ст. 462).

2. Транспорт

5. О размере процентов, начисляемых по претензиям и искам, возникшим из перевозки грузов и багажа железнодорожным и водным транспортом — постановление СНК СССР от 16 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 64, ст. 467).

III. ФИНАНСЫ

6. Об утверждении «Правил добровольного сверхокладного страхования посевов зерновых и бобовых культур» (СЗ 1936 г. № 61, ст. 453).

7. О фонде директора в предприятиях Народного комиссариата водного транспорта — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 457).

8. О дополнении правил взимания земельной ренты — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 64, ст. 465).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

9. Об утверждении инструкции Народного комиссариата пищевой промышленности Союза ССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР «О порядке проведения обязательных поставок мяса государству в 1937 г.» — постановление СНК СССР от 23 ноября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 60, ст. 452).

10. Инструкция Народного комиссариата пищевой промышленности Союза ССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР «О порядке проведения обязательных поставок мяса государству в 1937 г.», утвержденная постановлением СНК СССР от 23 ноября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 60, ст. 452).

11. Об изменении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 26 декабря 1935 г. «О порядке подписания сделок по внешней торговле» — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 459).

V. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

12. Об изменении ст. 1 постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 7 июня 1934 г. «Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры» — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 456).

VI. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

13. О порядке взыскания штрафов, наложенных органами Государственной санитарной инспекции — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 458).

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Государство и управление

1. О разрешении образования в Белорусской ССР народных комиссариатов легкой, пищевой, лесной промышленности, зерновых и животноводческих совхозов — пост. ЦИК СССР от 22/XII 1936 г. (СЗ 1937 г. № 2, ст. 2).

2. О разрешении образования в Казахской ССР народных комиссариатов легкой, пищевой, лесной промышленности, зерновых и животноводческих совхозов — пост. ЦИК СССР от 3/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 5, ст. 10).

3. О структуре Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР — пост. СНК СССР от 5/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 5, ст. 13).

4. О разрешении образования в Узбекской ССР народных комиссаров легкой и пищевой промышленности, зерновых и животноводческих совхозов — пост. ЦИК СССР от 9/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 15).

5. О разрешении образования в Туркменской ССР народных комиссариатов легкой и пищевой промышленности, зерновых и животноводческих совхозов — пост. ЦИК СССР от 9/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 16).

6. О разрешении образования в Таджикской ССР народных комиссариатов легкой и пищевой промышленности — пост. ЦИК СССР от 10/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 17).

7. О разрешении образования в Киргизской ССР народных комиссариатов легкой и пищевой промышленности, зерновых и животноводческих совхозов — пост. ЦИК СССР от 10/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 18).

8. О разрешении образования в Грузинской ССР народных комиссариатов легкой, пищевой и лесной промышленности — пост. ЦИК СССР от 11/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 19).

9. О разрешении образования в Азербайджанской ССР народных комиссариатов легкой, пищевой и лесной промышленности — пост. ЦИК СССР от 11/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 20).

10. О разрешении образования в Армянской ССР народных комиссариатов легкой, пищевой и лесной промышленности — пост. ЦИК СССР от 11/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 21)

2. Просвещение

11. О возложении на Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК Союза ССР утверждения планов граммофонной записи и контроля за качеством граммофонных пластинок — пост. СНК СССР от 3/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 8, ст. 29).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

12. О прекращении перераспределения лимитов на капитальное строительство, выделенных отдельным стройкам на 1936 г. — пост. СНК СССР от 28/XII 1936 г. (СЗ 1937 г. № 4, ст. 8).

13. Об организации в системе Народного комиссариата тяжелой промышленности Главспецстали — пост. СНК СССР от 8/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 8, ст. 27).

2. Земля и сельское хозяйство

14. Об отчетности колхозов на 1937 г. — пост. СНК СССР от 20/XII 1936 г. (СЗ 1937 г. № 1, ст. 1).

15. Об отмене льгот по минеральным удобрениям для колхозов хлопковых районов и об оплате труда трактористов-колхозников в хлопковых МТС — пост. СНК СССР от 30/XII 1936 г. (СЗ 1937 г. № 4, ст. 9).

III. ФИНАНСЫ

16. Об утверждении инструкции Народного комиссариата финансов Союза ССР по применению постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 19 апреля 1936 г. «О фонде директора предприятия за счет прибылей» — пост. СНК СССР от 31/XII 1936 г. (СЗ 1937 г. № 3, ст. 5).

17. О государственном бюджете Союза ССР на 1937 г. — пост. ЦИК СССР от 13/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 7, ст. 22).

18. По отчету об исполнении государственного бюджета Союза ССР за 1935 г. — пост. ЦИК СССР от 13/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 7, ст. 23).

19. О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 8, ст. 25).

20. О мерах улучшения финансовой работы сельских советов — пост. СНК СССР от 29/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 9, ст. 31).

21. О порядке оплаты счетов за электроэнергию — пост. СНК СССР от 23/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 9, ст. 33).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

22. О реорганизации отделов рабочего снабжения водного транспорта — пост. СНК СССР от 15/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 8, ст. 28).

V. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

23. О дополнительном отпуске работникам станций механического учета — пост. СНК СССР от 23/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 9, ст. 32).

VI. СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

24. О повышении размера пенсий инвалидам гражданской войны и военной службы в рядах РККА, бывшим красногвардейцам и красным партизанам, а также женам семей этих лиц — пост. ЦИК и СНК СССР от 31/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 9, ст. 30).

Ответственный редактор **А. Я. ВЫШИНСКИЙ**

Редакционная коллегия: **Г. И. Волков** (зам. отв. редактора), **Г. И. Едвабный, Г. М. Сегал, М. С. Строгович**

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР Технический редактор **Л. Васильев**

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, СССР, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 26/II—5/III 1937 г. Сдано в производство 9/III 1937 г.
Подписано к печати 21/IV—27/IV 1937 г. 7 п. л.; 18,09 авт. листа. В 1 бум. листе 220.800 зн.
Формат 72×110/16 Ю-4п.; 268. Уполном. Главлита Б — 13934 Заказ № 102. Тираж 20.000 экз.
Набрано 1-й типографией Государств. военного изд-ва НКО СССР, ул. Скворцова-Степанова, д. 3

Отпечатано 15-ой типографией треста «Полиграфкнига», Москва, М. Дмитровка, 18.

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собран. законов и распоряжен. правит. СССР ст. 99 и «Бюллет. финансов. и хозяйственного законодат.» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 4655 (четыре тысячи шестьсот пятьдесят пятым)

ВСЕСОЮЗНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТРЕСТ МЕЛКОСЕРИЙНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ВОССТАНОВЛЕНИЯ ШАРИКОВЫХ И РОЛИКОВЫХ ПОДШИПНИКОВ „СОЮЗШАРТРЕСТ“

Адрес: Москва, Шарикоподшипническая, 9

15

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание закон. и распоряжен. правит. СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллет. финансов. и хоз. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрировано в государственном реестре юридических лиц 16 октября 1936 г. под № 644 (шестьсот сорок четвертым)

ОБЪЕДИНЕННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИНОГОРОДНИХ КОНТОР ЖЕЛ.-ДОР. И ВОДНЫХ БУФЕТОВ СИСТЕМЫ ГУБТ НКВТ СССР,

находящееся в ведении Главного управл. ж.-д. и водн. буфетов и вагон-ресторанов.

Москва, Баррикадная, 6, тел. Д 2-16-46

16

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжен. правит. СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллет. финансов. и хоз. законодат.» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 4742 (четыре тысячи семьсот-сорок вторым) 19 февраля 1937 г.

ТРЕСТ ПО ТОРГОВЛЕ И ОБЩЕСТВЕННОМУ ПИТАНИЮ МОСКОВСКИЙ ТРЕСТ „ВОДТОРГПИТ“

Адрес: Москва, ул. 25 Октября, 6

17

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правит. СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллет. финансов. и хозяйственного законодат.» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 593 (пятьсот девяносто третьим)

ДОРОЖНЫЙ ТРЕСТ ОКТЯБРЬСКОГО РАЙСОВЕТА,

находящийся в ведении президиума Октябрьского райсовета.

Адрес: Москва, ул. 25 Октября, 4, тел. К 4-29-03

18

М3290

1 руб. 50 коп.

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правит. СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансов. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 587 (пятьсот восемьдесят седьмым)

БАУМАНСКАЯ МЕЖРАЙОННАЯ КООПСТРАХКАССА,

находящаяся в ведении Мособлпромсоюзкасс

Адрес: Москва, Кривоколенный пер., 14

19

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 7 августа 1936 г. под № 696 (шестьсот девяносто шестым)

КООПЕРАТИВНО-ПРОМЫСЛОВАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ АРТЕЛЬ „ЛИНОКСИН“,

находящаяся в ведении Мособлхимпромсоюза.

Москва, Яузская ул., 1/15 тел. Ж 1-79-32, Ж 1-87-32, Ж 1-69-32

20

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

4

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НКЮ СССР
★ 1937 ★

СОДЕРЖАНИЕ № 4

	Стр.
На историческом повороте	1
А. Вышинский. — Роль процессуального закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян	4
С. Булатов. — Закон 7 апреля 1935 г. в системе советского уголовного права	14
В. Тадевосян. — Прокурор и следователь по делам несовершеннолетних	25
Б. Утевский. — Преступность детей и молодежи в капиталистических странах	27
Д. Горвиц. — Несовершеннолетние перед судом	34
Ц. Фейнберг. — Основные вопросы советской судебно-психиатрической экспертизы	39
А. Лещинский. — Значение и место судебно-психиатрической экспертизы в зале суда	53
А. Винберг. — Исследование оттисков шрифта пишущих машинок	56
М. Строгович. — Некоторые процессуальные вопросы защиты на суде	63
С. Митричев. — Расследование поджогов	66
П. Тарасов-Родионов. — Овладеть высоким уровнем своей техники	70
Б. Ошерович. — О работе Харьковского института советского строительства и права	74
Лопухов. — О кадрах для кадров	79
Н. Н. — Слова и дела	82
Обмен опытом	84
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	93
По союзным республикам	101
Право — процесс — судоустройство в капиталистических странах	108
В Всесоюзном институте юридических наук	121
Второй пленум Центрального комитета работников суда и прокуратуры	122
Библиография	125
Памяти Внукова	

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Редколлегия: Г. И. Волков (зам. отв. редактора), Г. И. Едвабный, Г. М. Сегал, М. С. Строгович

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР. Технический редактор Н. Журавлев

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 13/III 1937 г. Сдано в производство 23/III 1937 г.

Подп. к печ. 20/IV 1937 г. 8 п. л.; 20,45 авт. листа. В одном бум. листе 220 800 печ. знаков.

Уполном. Главлита Б—13909. Формат бум. 70×108/16. Заказ № 285. Ю—4 п.; 252. Тир. 20.250 экз

Типография Профиздата. Москва, Крутицкий вал, 18.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

АПРЕЛЬ 1937 г. 4

Редакция:

Москва, Пушкинская, д. 15

НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ

Великая Сталинская Конституция — Конституция замечательных побед социализма в нашей стране — открыла новую эпоху в политической жизни Советского союза, эпоху дальнейшего развертывания и величественного расцвета социалистической демократии, обеспечивающей огромным массам советского народа непосредственное участие в демократическом управлении Советским государством. Устанавливая государственную форму диктатуры рабочего класса на новой ступени ее развития в условиях социалистического общества, наша новая советская Конституция знаменует поворот в политической жизни страны, глубина и разносторонность которого не могут быть переоценены.

Введение новой Конституции с ее подлинно-демократической избирательной системой означает, прежде всего, усиление всенародного контроля в отношении советских органов и усиление ответственности советских органов в отношении масс. Выборы в верховные органы советской власти являются при новой избирательной системе высшей формой этого контроля масс и, вместе с тем, высшей формой проявления политической активности всего советского народа.

Наша партия, являющаяся «передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющая руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (ст. 126 Конституции СССР), должна возглавить эту политическую активность масс, идя впереди масс, политически руководя ими, организуя и направляя творчество масс в русло дальнейшего укрепления мощи социалистического государства.

Закончившийся на-днях пленум Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) — первый пленум боевого штаба социалистической революции после введения Сталинской Конституции — принял решения огромной важности о перестройке партийно-политической работы в соответствии с задачей возглавить крутой поворот в политической жизни страны, встретить этот поворот во всеоружии и обеспечить полностью руководящую роль партии в предстоящих выборах верховных органов страны.

Значение пленума в жизни нашей партии и всей Советской страны огромно. Боевой штаб ленинско-сталинской партии собрался после того, как весь народ в течение нескольких месяцев широко обсуждал проект Сталинской Конституции, после того, как волей Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов этот проект стал незыблемым, основным законом социалистического государства рабочих и крестьян. Во время всенародного обсуждения проекта Конституции, в дни VIII съезда советов народные массы прошли замечательную политическую школу, неизмеримо повысившую уровень политического сознания масс, еще более укрепившую в сердцах народа чувство величайшей преданности своей родине, гордости ее величественными победами и огромное чувство собственного достоинства, достоинства гражданина могучей социалистической державы.

Пленум ЦК ВКП(б) происходил после того, как партия и советская власть разоблачили и разгромили подлую и презренную агентуру фашизма в нашей стране, после того, как органы диктатуры рабочего класса нанесли сокрушительный удар троцкистско-зиновьевской террористической банде наемников японо-немецкого фашизма, шпионов, вредителей и диверсантов и их пособников — правых реставраторов капитализма. Разоблачение подлой работы троцкистских прохвостов, гнусных изменников родине мобилизовало революционную бдительность партии и всего народа, объединило всю страну в ненависти и отвращении к заклятым врагам народа.

Наконец, пленум ЦК ВКП(б) собрался тогда, когда страна победно вступила в последний год второй пятилетки, когда перед ней во весь рост встают новые огромные задачи хозяйственного строительства, когда усиление военной опасности, опасности нападения на нашу страну фашистских поджигателей войны, требует напряженной работы для дальнейшего роста оборонной мощи нашей родины.

Собравшись в этих сложных и ответственных условиях, пленум Центрального комитета ВКП(б) обсудил вопрос о задачах партийных организаций в связи с предстоящими выборами Верховного Совета СССР на основе новой Конституции. Кроме того, пленум рассмотрел важнейшие вопросы хозяйственного и партийного строительства, приняв соответствующие практические решения. Наконец,

пленум рассмотрел также вопрос о гнусной антипартийной деятельности правых отщепенцев Бухарина и Рыкова, приняв решение об исключении их из рядов ВКП(б).

Пленум проделал огромную работу по проверке готовности большевистских рядов к работе в новых условиях, в условиях создаваемого Сталинской Конституцией поворота политической жизни страны. «Существо этого поворота заключается в проведении дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов в советы равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми» (из решения пленума ЦК ВКП(б).

Прямым следствием введения всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании будет огромный рост политической активности масс, вовлечение в управление государством новых слоев трудящихся. База диктатуры рабочего класса расширяется, ее основа становится еще более прочной. Диктатура рабочего класса «становится более гибкой, а стало быть, более мощной системой государственного руководства рабочего класса обществом».

В этих условиях от каждой партийной организации требуется, как никогда, величайшая организованность, огромная авторитетность каждой организации и каждого члена партии в глазах широких масс трудящихся, уменье возглавить растущую политическую активность масс, большевистское уменье довести лозунги партии до сознания всех без исключения граждан нашей страны. Все организации нашей партии должны на деле возглавить массы, храня и всемерно укрепляя тот огромный авторитет ленинско-сталинской партии, который так высок в глазах трудящихся всего мира и завоеван всей ее всемирно-исторической борьбой за торжество коммунизма. Никогда звание коммуниста и роль коммунистической партийной организации не были так ответственны, как теперь, в эпоху Сталинской Конституции, в эпоху расцвета социалистической демократии.

Что же требуется для того, чтобы партия возглавила поворот в политической жизни страны, чтобы она могла стать во главе новых до конца демократических выборов? Резолюция пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Жданова дает исчерпывающий ответ на этот вопрос. «Для этого требуется, чтобы партия сама проводила последовательную демократическую практику, чтобы она проводила до конца в внутрипартийной жизни основы демократического централизма, как этого требует устав партии, чтобы она сама имела необходимые условия, в силу которых все органы партии являлись бы выборными, чтобы критика и самокритика развивались в полной мере, чтобы ответственность партийных органов перед партийной массой была полная и чтобы сама партийная масса была полностью активизирована».

Принципы демократического централизма, как основы внутрипартийной жизни, выкованы всей историей строительства нашей партии, всей историей борьбы — борьбы за воспитание большевистских кадров. Без точного и строжайшего соблюдения основ внутрипартийного демократизма и уставных требований, обеспечивающих активное участие всех членов партии во всей ее жизни и работе, невозможен надлежащий рост активности коммунистов, их участие в руководящей работе парторганизаций, правильные взаимоотношения между руководящими и партийными массами, невозможно развитие критики и самокритики, необходимых нам, как воздух. Не случайно во всех важнейших документах партии, касающихся вопросов внутрипартийной жизни, в решениях с'ездов партии и постановлениях Центрального комитета всегда с особой силой подчеркивалась задача неуклонного проведения в жизнь принципа демократического централизма.

Пленум ЦК ВКП(б) со всей решительностью указал, что новые задачи партии, возникшие в связи с ростом поворота политической жизни страны, с принятием новой Конституции и с предстоящими выборами верховных органов страны на началах новой избирательной системы, не могут быть выполнены без перестройки всех партийных организаций и партийно-политической работы на демократический лад. Такая перестройка — необходимое условие дальнейших побед нашей партии в деле политического руководства народными массами в эпоху расцвета социалистического демократизма.

Между тем, «можно ли сказать, что все партийные организации уже готовы выполнить эти условия, что они уже перестроились полностью на демократический лад.

К сожалению, нельзя этого сказать с полной уверенностью.

Об этом говорит имеющаяся в некоторых организациях практика нарушения устава партии и основ внутрипартийного демократизма» (из решения пленума ЦК ВКП(б).

С высокой большевистской принципиальностью, с ленинско-сталинской непримиримостью пленум ЦК ВКП(б) подверг резкой и беспощадной критике недостатки и прямые извращения в партийной работе ряда партийных организаций.

Пленум резко осудил допущенные этими организациями нарушения выборности партийных органов путем широкого распространения нетерпимой практики кооптации различных руководящих работников в члены партийных комитетов, нарушения установленных уставом партии сроков выборов парторганов, превращение порядка утверждения вышестоящими парторганами секретарей парткомитетов в фактическое назначенчество. Пленум особенно подчеркнул недопустимость существующей в ряде организаций практики выборов парторганов с нарушениями внутрипартийного демократизма, превращающими выборную процедуру в пустую формальность: обсуждением кандидатов лишь на всевозможных предварительных совещаниях, голосованием кандидатов списком, а не персонально и т. д.

Резолюция пленума по докладу т. Жданова указывает, что «все эти факты нарушения основ демократического централизма наносят партии вред, так как они тормозят рост активности членов партии, лишают актив, имеющий особое политическое значение в жизни нашей партии, возможности участия в руководящей работе, лишают членов партии их за-

конных прав контроля над деятельностью парторганов и тем самым нарушают правильные взаимоотношения между руководителями и партийными массами».

Центральный комитет нашей партии по-большевистски резко осудил эти ошибки и извращения, подчеркнув обязанность всех руководителей партийных организаций не только учить массы, но и учиться у них самим, не отрываясь от массы рядовых членов партии, используя их огромный опыт и будучи всегда подконтрольными выбравшим их партийным организациям. Нарушения этих элементарных требований большевистской партийности грозят неисчислимыми вредными последствиями. Там, где нет постоянной заботы о полном соблюдении требований внутрипартийного демократизма и устава партии, там создается благоприятная обстановка для обюрокрачивания иных партработников, для зажима самокритики, для подхалимства. В таких организациях слабеет пульс живой партийной работы, распыляется партийный актив, появляется казенщина, благодушие, беспечность и самотек в работе, притупление бдительности. Этим и пользуются враги народа, троцкисты-мерзавцы и двурушники всех сортов для того, чтобы вести свою предательскую работу.

Пленум Центрального комитета нашей партии указал всем партийным организациям пути преодоления недостатков и извращений в партийной работе, пути перестройки партийно-политической работы на новый лад. Ликвидация практики кооптации в члены парткомитетов и восстановление выборности парторганов, воспрещение голосования кандидатов списками, введение закрытого (тайного) голосования кандидатов при выборах парторганов, обязательное соблюдение уставных сроков выборов, обязательность выборов парткомов на общих собраниях членов партии, не допуская подмены последних конференциями, — все эти решения пленума ЦК ВКП(б) должны обеспечить решительную борьбу с извращениями и перестройку партийной работы «на основе безусловного и полного проведения в жизнь начал внутрипартийного демократизма, предписываемого уставом партии».

Центральный комитет предложил всем партийным организациям провести до 20 мая выборы парторганов, начиная от парткомов первичных организаций и кончая краевыми, областными комитетами и ЦК нацкомпартий.

Эти выборы должны пройти под знаком подлинной большевистской самокритики, беспощадно вскрывающей все недостатки партийной работы и помогающей выбросить из партии все чуждое большевизму. Для этого необходимо довести все глубокое содержание и огромное значение решений пленума до сознания всех без исключения членов партии, обеспечив глубокое и всестороннее их изучение.

Партийные организации судебно-прокурорских органов, в частности, обязаны организовать изучение решений пленума ЦК ВКП(б), особо учитывая ту ответственнейшую задачу, которую выполняют они в деле охраны социалистической законности и борьбы со всеми врагами народа, изменниками нашей великой родины. Опыт серьезных политических ошибок, вскрытых в деятельности отдельных звеньев судебно-прокурорского аппарата, опыт борьбы с оппортунистическим благодушием и ротозейством в наших рядах, борьбы с засоренностью судебно-прокурорских органов, с проникающими в них врагами народа должен многому научить партийные организации суда и прокуратуры. Большевистская самокритика, невзирая на лица, разоблачение тех из руководителей, которые потеряли вкус к партийной работе, раскрытие серьезных недостатков партийного воспитания судебно-прокурорских кадров, как-то: притупление бдительности, идиотской беспечности и ротозейства, карьеризма и подхалимства, изгнание из наших рядов двурушников и контрреволюционеров, — вот те вопросы, о которых постоянно должен помнить каждый коммунист, — прокурор и судья, над разрешением которых он должен неустанно трудиться.

Новая Конституция, охраняющая священнейшие права и блага народов СССР, завоеванные в кровавой и бескровной, но одинаково героической борьбе трудящихся за социализм, требует от советского суда и прокуратуры беззаветного служения своему народу, беспощадной расправы с врагами, неутомимой и последовательной борьбы с последними капиталистическими пережитками в сознании и психологии граждан СССР.

Новая Конституция делает в области организации советской судебной системы дальнейший шаг вперед, расширяя до невиданных в истории юстиции пределов принципы судебной демократии — выборности, независимости и сменяемости судей.

Прокуроры и судьи единственного в мире подлинно-демократического социалистического государства рабочих и крестьян должны быть на высоте своей исторической задачи. Большевистская партийность должна пронизать всю их практическую работу. Настоящий советский прокурор, судья, следователь — это, прежде всего, настоящий большевик, активный партиец, преданный до конца великой ленинско-сталинской партии, живущий ее жизнью и историческими задачами. Воспитать каждого судебно-прокурорского работника в духе этой большевистской партийности — ответственнейшая и почетная задача партийных организаций суда и прокуратуры. Эта задача будет разрешена на путях, указанных для всей партии решениями исторического пленума ЦК ВКП(б).

А. ВЫШИНСКИЙ

Роль процессуального закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян[1]

Вопросы уголовного процесса органически связаны с общими вопросами права; они органически связаны и с вопросами уголовно-материального права. Но в свою очередь и материальное уголовное право связано с общей теорией права, и мне представляется, что нельзя правильно решать процессуальные проблемы в специальном и узком смысле этого слова без того, чтобы не иметь под своими ногами почву общей теории права.

Можно было бы обойтись без этой связи, можно было бы осветить вопросы уголовного процесса, независимо от вопросов общей теории права только при одном условии, если на уголовный процесс смотреть не как на право, а как на технику.

Совершенно естественно, что те из юристов и ученых, которые рассматривают уголовный процесс и уголовно-процессуальное право как совокупность технических правил, а вовсе не как право в собственном смысле этого слова, не испытывают ни необходимости, ни особой нужды связывать вопросы уголовного процесса с вопросами общей теории права.

Мы, однако, должны неизбежно их связать, потому что процесс это не техника. Уголовный процесс и уголовно-процессуальное право — это есть право, а не совокупность технических правил, подобно, скажем, правилам железнодорожного движения. И уже поэтому совершенно неизбежно для правильного понимания процессуальных правовых принципов и для правильного понимания роли и значения правовой формы в процессе остановиться на вопросе о роли и значении права, о природе права.

Это понимали и те, кто сделали своей специальностью общую теорию права и, в частности, в нашей советской юридической литературе. Это понимали и те, кто умел сочетать свои «теории» с вредительской работой на практике, они понимали и отражали в своих работах эту связь между вопросами организации судебной системы, судоустройства и уголовного процесса, с одной стороны, и вопросами, относящимися непосредственно к общей теории права, с другой.

Не случайно поэтому у Пашуканиса в изложенной в его книжке «Общая теория права и марксизм» вредительской «теории» вопросы общей теории увязаны с вопросом уголовного материального и процессуального права.

В этой книжке «Общая теория права и марксизм» Пашуканис, извращая взгляды Маркса, утверждает, что Маркс «переход к развернутому коммунизму представлял себе не как переход к новым формам права, но как отмирание юридической формы вообще, как освобождение от этого наследия буржуазной эпохи, которому суждено пережить самое буржуазию». И дальше: «Общество, которое по состоянию своих производительных сил вынуждено сохранять эквивалентное отношение между затратами труда и вознаграждением в форме, хотя бы лишь отдаленно напоминающей обмен товарными стоимостями, вынуждено будет сохранить и форму права».

Отсюда Пашуканис приходит к утверждению, что правовая форма должна исчезнуть, как только исчезнет это «эквивалентное отношение». А вместе с исчезновением «правовой формы», естественно, исчезнет и суд и процесс. И это неудивительно. Ведь и буржуазные ученые находят возможным еще до исчезновения «эквивалентного отношения» обходиться и без суда, и без юристов.

И дальше: «Ведь теоретически, — пишет Пашуканис, — даже буржуазная передовая криминалистика пришла к убеждению, что борьба с преступностью сама по себе может рассматриваться как медицинско-педагогическая задача, для разрешения которой юрист с его «составами преступлений», кодексами, понятием «виновности», «полной или уменьшенной вменяемости», с его тонкими различиями между соучастием, пособничеством, подстрекательством и т. д. вовсе не нужен. И если это теоретическое убеждение до сих пор не привело к уничтожению уголовных кодексов и судов (а значит, и процесса, — **А. В.**), то, конечно, лишь потому, что преодоление формы права связано не только с выходом за рамки буржуазного общества, но и с радикальным избавлением от всех пережитков последнего».

Таким образом, по Пашуканису, суд и уголовный процесс сохраняются только в меру того, что у нас сохраняются некоторые буржуазные предрассудки. Иначе говоря: по мере исчезновения буржуазных предрассудков должен исчезнуть суд, а значит, и судебный процесс. По Пашуканису выходит, что если до сих пор у нас сохранился этот суд, как и уголовный кодекс, если они не уничтожены до сих пор, то лишь потому, что преодоление формы права связано не только с выходом за рамки буржуазного общества, но и с радикальным избавлением от всех пережитков последнего. Следовательно, советский суд существует в меру существования, сохранения пережитков буржуазного общества. Выходит, что наш суд есть пережиток буржуазного общества и наш процесс есть, следовательно, пережиток буржуазного общества потому, что суд — это судебный процесс.

Одно от другого неотделимо. Следовательно, с этой точки зрения в социалистическом обществе уже судебного процесса быть не должно. Здесь перекликаются, несомненно, те, кто, как Пашуканис и иже с ним, пытались сознательно дискредитировать советское право как право социалистическое с теми, которые, хотя может быть и бессознательно, дискредитировали наше право в практической работе, культивируя процессуальный нигилизм, который по сути дела является практическим выражением вредительских теорий, отрицаю-

[1] Вторая лекция, прочитанная 9 марта во Всесоюзной правовой академии.

щих социалистическую природу советского права.

Процессуальный нигилизм, который нередко прикрывается архиреволюционными фразами, по сути вещей всеми своими корнями уходит в принципиальное отрицание социалистического характера советского процесса, советского суда, означает признание такого положения, что наши суд и процесс существуют лишь в меру того, что существуют еще некие буржуазные предрассудки и что, следовательно, по мере исчезновения этих процессуальных предрассудков должны ослабевать и процессуальные формы, и значение, и роль нашего процесса, и значение, и роль наших судов и всей судебной деятельности. Вы представляете себе, какую действительно величайшую путаницу, прямой вред для формирования нашего сознания может принести и в значительной степени принесла эта, по существу, контрреволюционная пашуканисовская «теория»!..

Вы вместе с тем тут легко можете убедиться еще в одном обстоятельстве, именно в том, что вопросы уголовного процесса переплетаются с вопросами уголовно-материального права, а вместе с тем и вопросы уголовного процесса и вопросы уголовно-материального права, и не вообще вопросы, а принципиальные основные вопросы, так сказать, установочные вопросы, установочные положения в свою очередь неизбежно органически переплетаются с проблемами общей теории права.

Все это органически связано одно с другим. Совершенно поэтому естественно, что, став на путь отрицания кодексов, неизбежно было притти и к отрицанию судебного процесса. Став на путь отрицания соучастия, пособничества и т. п., неизбежно было притти к отрицанию судебного процесса. Став на путь отрицания вины и виновности, вменяемости и т. д., неизбежно было притти к отрицанию процесса. Почему? По одной простой причине, что если суд откажется от понятия составов преступления, то ему нечего делать, потому что задача суда и заключается в том, чтобы установить в действиях обвиняемого наличие или отсутствие состава преступления, а если мы откажемся от самого понятия состава преступления, если мы растворим это понятие состава преступления в какой-то совершенно бесформенной интуиции, то ясное дело, что суду здесь делать уже нечего, то есть суду в его подлинном смысле, суду как организованному учреждению, действующему в соответствии с какими-то положениями, подчиняющемуся каким-то правилам, руководствующемуся какими-то принципами.

Совершенно ясно, что если отвергнуть понятие виновности, то опять-таки суду делать будет нечего, потому что задача суда в том и заключается, чтобы определить, виновен человек или не виновен, а когда отказываемся мы от самого понятия виновности, то что же тогда делать суду? Тогда суду делать нечего.

Ясно, что если мы станем отрицать кодексы, если мы станем отрицать составы преступления, если будем отрицать такие основные принципы, основные понятия уголовного материального права, как вина, виновность, наказание, наказуемость, то отсюда совершенно неизбежен переход к отрицанию уголовного процесса. Это Пашуканис и продемонстрировал блестящим образом в этой самой своей вредительской книге. Он показал нам, к чему приводит утверждение о том, что в период социализма можно обойтись без кодексов и т. п. Пашуканис ссылается на «передовую буржуазную криминалистику». Он имеет ввиду, конечно, социологическую и антропологическую школу Листа, фашиста Ферри и др., которых Пашуканис выдает за представителей «передовой» буржуазной юридической мысли, тогда как в действительности ни Ферри, ни Гарофалло, ни Лист никогда не были представителями передовой буржуазной мысли, потому что все эти антропологи и социологи, все эти Листы, Ферри, Гарофалло и прочие являются представителями подлинной фашистской юриспруденции.

Ясно совершенно, что, став на путь отрицания в области материально-уголовного права кодексов, вменяемости, вины и т. д., неизбежно должно было притти к отрицанию уголовного процесса. С другой стороны, откуда явились эти антиленинские установки в области уголовно-материального права и в области уголовного процесса? Они явились из общей теории права. Если уголовно-процессуальные принципы, изложенные здесь, как я процитировал из книжки Пашуканиса, навеяны идеями материально-уголовного права этого вредителя, то в свою очередь идеи материально-уголовного права, несомненно, уходят своими корнями в его «Общую теорию права». Поэтому каждый грамотный процессуалист, который хочет разобраться в этих вопросах теории уголовного процесса, неизбежно должен обратиться к общей теории права. Поэтому разоблачение и познание ошибок и извращений в области теории уголовного процесса невозможны без разоблачения ошибок и в области общей теории права. Величайший недостаток у нас, преподавателей уголовного процесса и судебного права, заключается в том, что мы были далеки от общей теории права, считая, что общая теория права нас особенно не касается, что мы-де процессуалисты, что наша область это область процесса и что нам не следует соваться ни в область уголовного права, ни тем более в область общей теории права. «Всяк сверчок, знай свой шесток». И получилось, что у нас завелись в разных областях «сверчки», которые так верещали, что в голове кое-кого все перепуталось, что получился громадный вред, извращение марксистско-ленинского учения о государстве и праве и, в частности, об уголовном праве. Наша задача — разоблачить эти преступные вредительские извращения, которые отнюдь не являются просто всякого рода теоретическими выкрутасами, а своими корнями уходят в антисоветские, антиленинские установки, уходят в практическую работу, направленную на подрыв Советского государства, советской системы, советской власти, на прямую борьбу с Советским государством и советским строем, на борьбу, которая, как вы видите, ведясь на фронте теоретическом, имеет непосредственную связь и с практическими делами. Поэтому неизбежно обратиться, хотя и бегло, к разбору и анализу некоторых вопросов, связанных как с общей теорией права, так и с теорией материально-уголовного права.

Несомненно, что эта извращающая марксистско-ленинское учение о суде и праве «теория» Пашуканиса является вредительской, вред которой нисколько не уменьшился от того, что на съезде государственников-марксистов в 1931 г. Пашуканис якобы отказался от целого ряда своих ошибочных положений. В действительности, это был двурушнический отказ.

Пашуканис исходил из своих общих предпосылок, что, в сущности говоря, социалистическому государству никакого права не нужно, а если социалистическое государство еще и пользуется каким-то правом, то оно пользуется, говоря языком проф. Рейснера, «чужим правом», то есть правом буржуазным.

Пашуканис исходил при таком утверждении из основного своего принципиального положения, что право есть вообще категория только буржуазная, что там, где нет буржуазных отношений, не может существовать и права. Чтобы это доказать, он не останавливается перед прямым извращением взглядов Ленина («Государство и революция») и Маркса («Критика Готской программы»), пытаясь, извращая Ленина и Маркса, доказать, что если в социалистическом государстве и существует какое-то право, то это буржуазное право.

Тут же кстати скажу, что это, к сожалению, была точка зрения не одного Пашуканиса, но и целого ряда наших теоретиков, в известной части даже и П. И. Стучка, который боролся в свое время против ряда извращений в работах Пашуканиса.

Пашуканис начинает свою «Общую теорию права» с утверждения, что «остатки эквивалентного обмена в сфере распределения, которые сохранятся и при социалистической организации производства (до перехода к развернутому коммунизму), заставят социалистическое общество, как он пишет, временно замкнуться в «узких горизонтах буржуазного права».

Здесь Пашуканис допускает прямую фальсификацию. Вы слышите об «узких горизонтах буржуазного права» и вы думаете, что это что-то очень знакомое; это, конечно, из «Критики Готской программы» Маркса, это из «Государства и революции» Ленина. И сразу у вас получается такое впечатление, что Пашуканис исходит из марксистско-ленинских установок, а в действительности он извращает Маркса и Ленина и достигает этого таким образом, что он незаметно вводит в текст только два своих слова.

Он говорит: эти «остатки эквивалентного обмена... з а с т а в я т (это — первое слово, **А. В.**) социалистическое общество... (временно) з а м к н у т ь с я (это — второе слово, **А. В.**) в «узких» горизонтах буржуазного права».

Если вы возьмете «Критику Готской программы» или если вы возьмете Ленина «Государство и революция», и именно те места, где говорится об этих «узких горизонтах буржуазного права», то вы не найдете указания на то, что социалистическое общество должно з а м к н у т ь с я, хотя и временно, в этих горизонтах. Что значит замкнуться? Замкнуться — это значит потерять возможность развития; это значит стоять на мертвой точке: приехали, мол, к буржуазному обществу, приехали к кодексам, которые-де представляют собой простой сколок с буржуазных кодексов.

Пашуканис исходит из общей своей неправильной предпосылки о том, что право есть выражение эквивалентного обмена, рыночных отношений, что право — это есть форма отношений товаропроизводителей...

Выходит, что и советское право есть форма общения «эгоистических субъектов», «автономных частных собственников». Выходит, что наше общество состоит не из свободных строителей социализма, а из... частных собственников... Выходит, что наше право — это то же самое буржуазное право. Разве это не явная клевета на социализм?

Вся концепция Пашуканиса сводится к тому, что право есть выражение буржуазных отношений. Он говорит: «Только буржуазно-капиталистическое общество создает все необходимые условия для того, чтобы юридический момент в социальных отношениях достиг полной определенности». Юридический момент в социальных отношениях... Когда этот «момент» достигает полной определенности? Где? На какой почве? Пашуканис отвечает: при капитализме, на почве капитализма, при условии господства капиталистических отношений.

Один из учеников Пашуканиса, Сизонов, в брошюрке «Вопросы советского права в реконструктивный период» пишет, что «право, будучи реальной формой общественных отношений, во всяком классовом обществе, основанном на господстве частной собственности, выступает... как историческая давность...» Следовательно, там, где есть частная собственность, там есть право, а там, где уничтожена частная собственность, хотя бы на средства производства, там нет и права.

Если послушать этого пашуканисовского подголоска, то окажется, что правовые отношения возможны «только в классовом обществе, основанном на отношениях частной собственности, на отношениях эксплоатации, на отношениях разделения труда».

По этой гнилой «теории», право может быть только в эксплоататорском обществе, а в социалистическом обществе его не может быть, так как здесь нет частной собственности. По этой «теории» выходит, что социалистическое общество не может построить социалистического права, так как такого права не может быть в природе. Эта «теория» указывает, таким образом, невозможность построения социалистического права... Не есть ли это mutatis mutandis, тот же троцкистский тезис о невозможности построения социализма в нашей стране? Ведь социализм не есть только тяжелая социалистическая промышленность, хотя она и является фундаментом социализма. Социализм не есть только новая социалистическая транспортная сеть — кровеносная артерия нашего государственного организма, хотя это тоже есть важней основная часть фундамента нашего социалистического общества. Социализм не есть только особая система распределения и не только особая система обмена, опирающаяся на особые принципы, неведомые, неизвестные капиталистическому обществу.

Социализм есть и идеология, социализм есть и школа, социализм есть и суд, социа-

лизм есть и право. Кто отрицает социалистический характер нашей школы, нашего искусства, нашей культуры, тот отрицает, по сути дела, социализм.

Если нам скажут, что наш суд не социалистический суд и что нельзя построить социалистического суда, что наш судебный процесс не социалистический процесс и что нельзя построить социалистического процесса, ибо не бывает социалистического процесса, не бывает социалистического суда, как не бывает социалистического права, то это будет равносильно отрицанию социализма в нашей стране в целом, потому что суд и судебный процесс должны выражать собой и не могут не выражать те отношения, которые господствуют в обществе.

Поэтому это просто перепев троцкистского тезиса о невозможности построения у нас социализма: если нельзя построить социализм, то нельзя построить и социалистическое право.

Пашуканис утверждает, что принципиальная сущность правовой формы заключается в абстракции. Он писал: «Можно согласиться с Карнером (буржуазный юрист, автор книги «Социальные функции права»), что наука «начинается там, где кончается юриспруденция». Остроумно, но абсолютно неправильно, потому что юриспруденция — это и есть наука о праве.

«Но из этого, — добавляет Пашуканис, — не вытекает, что наука о праве должна просто-напросто выкинуть за борт основные абстракции, выражающие принципиальную сущность правовой формы».

Неправильно утверждение, что будто бы принципиальным содержанием или принципиальной сущностью правовой формы или права является абстракция. Такое утверждение нельзя не рассматривать иначе, как плохо замаскированную попытку лишить советское право практического значения. Сведя право к абстракции, господа вредители на правовом фронте сводят на-нет практическое значение советского права, дискредитируют его, лишают его или, по крайней мере, пытаются лишить его необходимого авторитета, необходимого практического смысла. К этому же сводится и уже цитированное мною утверждение Пашуканиса о том, что «только буржуазно-капиталистическое общество создает все необходимые условия для того, чтобы юридический момент в социальных отношениях достиг полной определенности». Что это значит? Пашуканис этого не раскрывает. Но надо раскрыть и сказать, что это есть, очевидно, разграничение различных функций государственного управления, что это есть точное определение прав и обязанностей граждан и органов; определение правового положения в общественной и государственной системе различных учреждений, органов, лиц, определение различных юридических последствий, вытекающих из правового положения, из общественного поведения тех или других органов и отдельных лиц, — все это «юридический момент». Если Пашуканис говорит о том, что только в буржуазном капиталистическом обществе имеются условия для того, чтобы «юридический момент в социальных отношениях достиг полной определенности», то этим самым он говорит, что в нашем обществе невозможно юридическое разграничение функций различных учреждений, что в нашем обществе невозможно точное юридическое определение положения различных органов, точное юридическое определение положения отдельных лиц, то есть, в сущности говоря, невозможна конституция. Этот тезис Пашуканиса есть отрицание возможности в нашей стране конституции, и в особенности такой, как великая Сталинская Конституция. Потому что товарищ Сталин говорил, что наша Конституция является «регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле». Таково значение юридического момента, который вредители вроде Пашуканиса отрицают в наших условиях, отрицая значение юридического оформления завоеваний пролетарской революции. Между тем, это юридическое, законодательное оформление завоеванного и добытого, запечатленное в нашей Конституции, является могучим оружием для новых боев за новые успехи социализма, за новые социалистические победы. Не ясно ли, что этот вредительский тезис означает разоружение нашей страны в борьбе за окончательную победу коммунизма? Вот что означает эта невинная с внешней стороны формула о том, что «юридический момент в социальных отношениях» у нас не может достигнуть своей полной определенности. Это антисоветский, контрреволюционный тезис.

Почему не может быть «юридического момента», о котором говорит Пашуканис, в социалистическом обществе? Пашуканис объясняет это тем, что новые правовые понятия не могут возникнуть в социалистическом обществе, так как это означает «прокламирование бессмертия формы права».

«Требуя,—пишет Пашуканис,—для пролетарского права своих новых обобщающих понятий, это направление является как будто революционном par excellence. Однако оно на деле прокламирует бессмертие формы права, ибо оно стремится вырвать эту форму из тех определенных исторических условий, которые обеспечили ей полный расцвет, и объявить ее способной к постоянному обновлению».

Пашуканис потому отрицает возможность новых юридических форм и правовых понятий, то есть наполнения права новым содержанием при социализме — социалистическим, что, по его мнению, это означало бы провозглашать бессмертие права, это означало бы, что право идет не к своему закату или отмиранию, а наоборот.

Выходит, что если признать возможность новых, то есть не буржуазных обобщающих правовых понятий, то это означает признание бессмертия права, означает попытку вырвать право из исторических условий, которые обеспечили его полный расцвет (а полный расцвет правовых явлений и права в целом, как вы знаете, обеспечен развитием буржуазного капиталистического общества), и объявить правовую форму способной к постоянному обновлению.

Таким образом, по Пашуканису, выходит, что советское право — это отмирающее буржуазное право, что отмирание права началось с первых дней Октябрьской революции. Пашуканис пишет: «Отмирание категорий (именно

категорий, а не тех или иных предписаний) буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права... Отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще...»

И здесь новая передержка, потому что, если мы признаем, что право нам нужно на известные исторические периоды, то это вовсе не означает, что оно нам нужно навсегда. Если мы признаем, что право должно существовать и должно быть использовано пролетариатом на первой фазе коммунизма, то это не значит, что мы тем самым признаем неизбежность существования права и на последней фазе коммунизма. Абсолютно нет. Право необходимо и будет существовать в первой фазе коммунизма; но это вовсе не означает, что оно будет существовать на всех фазах коммунизма, вплоть до того, когда мы вступим в фазу развернутого коммунизма. Абсолютно не значит. Пашуканис делает просто логический saltus, желая доказать, что в эпоху социалистического строительства на первой фазе коммунизма право как новое право, как новое, не буржуазное по своему содержанию и форме существовать не может, что на первой фазе коммунизма право, если и существует, то существует только как право, наполненное старым буржуазным содержанием.

Он утверждает: «Отмирание категорий буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права». Следовательно, раз право отмирает, то оно отмирает не как буржуазное право, оно отмирает как право вообще. Если право отмирает, следовательно, оно отмирает целиком, уже не восстанавливаясь в какой-то новой форме, то есть, в сущности говоря, здесь нарушается основной принцип марксистской диалектики, потому что представлять себе процесс отмирания таким образом, что идет сплошное отмирание, — это же не диалектика. Это ничего общего с марксизмом не имеет.

Абсолютно неправильно положение, что буржуазным правом оканчивается развитие права, что дальше праву не суждено существовать, что социализму и пролетариату право не нужно. А как говорят Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин? Они говорят прямо противоположное. Если социализму не нужно право, то почему социализму нужно государство? Право это есть форма политики, то есть форма деятельности государства. Если есть государство, то в известных исторических условиях государственная политика может выражаться и в форме права. Право есть один из способов регулирования общественных отношений, укрепления общественной дисциплины.

Основной закон Советского государства — Конституция «нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, угодные и выгодные трудящимся» (Сталин).

Как известно, особенность нашей Конституции состоит в том, что она «не ограничивается фиксированием формальных прав граждан и переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав» (Сталин). Эти средства дает советский строй, вся советская система, дает Конституция, закрепляющая в законодательном порядке завоевания пролетариата.

Такова роль закона в Советском государстве. На Чрезвычайном VIII съезде советов товарищ Сталин сказал: «Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было» (Сталин, О проекте Конституции СССР).

Ясно, что в нынешних исторических условиях право и закон необходимы, так как они служат способом, являются формой закрепления социалистических побед.

Ясно также, что наше право и наш закон могут выполнить эту роль как право социалистическое, как социалистический закон и что задача стабилизации советских законов есть задача стабилизации социалистического советского права. Это исключает возможность говорить об отмирании советского права, как это делает пашуканисовская «школка».

Поэтому ставить так вопрос, как его ставят эти господа,—отмирание категорий буржуазного права отнюдь не означает их замену новыми категориями социалистического права, — это значит утверждать, что пролетарское государство может обойтись без права, что нам не нужно создавать и укреплять свое право. Пашуканис так и говорил: «Отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще, то есть постепенное исчезновение юридического момента в отношениях людей».

Но Пашуканис признает, что до того момента, как отомрет право, то есть до наступления высшей фазы коммунистического общества у нас будет действовать какое-то право. Какое же это право? Очевидно, буржуазное право. Но что такое буржуазное право? Это есть право, которое освящает буржуазные общественные отношения и которое не только освящает, но которое определяется ими, ибо никогда право не бывает выше уровня экономического развития данного общества — вот основной марксистско-ленинский принцип. Выше уровня общественно-экономических отношений данного общества, данной эпохи никогда право подняться не может.

Следовательно, если наше право буржуазное (хотя бы и отмирающее) и если оно должно соответствовать известному уровню общественно-экономических отношений, то, следовательно, наши общественно-экономические отношения тоже буржуазные. Вот что получается — получается клевета и вранье.

А разве это не похоже на то, что утверждал в свое время Сокольников, что, в сущности говоря, Государственный банк у нас — капиталистический банк, что наша торговля ничем не отличается от буржуазной и т. д.? Разве это не похоже на клеветнические утверждения этих самых Пятаковых, Радеков и Троцких, что наши предприятия не социалистические предприятия и что вообще у нас нет социализма, так как и социализма построить в одной стране нельзя.

По Пашуканису, наше право — буржуазное право, ибо иным оно и не может быть.

Не значит ли это, что наш строй буржуазный? Ведь право не может быть выше уровня определенных экономических отношений. В таком случае не притти ли к выводу, что уровень наших общественно-экономических отношений таков, каково наше право? Иначе говоря, буржуазный характер советского права означает, что советский строй — буржуазный строй. Вот до какой клеветы и извращений доходят эти господа, пытающиеся своей quasi ученостью прикрыть свое предательство и измену делу социализма!..

Правильно ли даже, независимо от всех этих «философских», а по существу явно вредительских рассуждений, что у нас действительно право не социалистическое? Конечно, не правильно.

Во-первых, можно указать на основные категории нашего права, которые являются совершенно неизвестными праву буржуазному. Первое—это то, что наше право—форма политики диктатуры пролетариата. Где в буржуазном праве можно найти что-либо похожее? Нигде. Самая постановка такого вопроса нелепа. И это главное и основное. Наше право имеет своей не только основной, а исключительной задачей — защиту такого государственного и общественного строя, который опирается не на частную собственность на средства производства, не на капиталистическую частную собственность, а на социалистическую собственность на средства производства. Наше право не только не опирается на эксплоатацию и не только не охраняет эксплоатацию, но, наоборот, ведет смертельную борьбу с эксплоатацией, уничтоженной пролетарской революцией. Разве это не новые категории права, не оставляющие никакого сомнения, что какими бы словами мы ни выражались, сходными со словами, употребляемыми в буржуазной юриспруденции, что наше право не рецепция буржуазного права, не «сколок» с буржуазного права?

Нелепо говорить, что наше право не социалистическое право. Мы имеем алиментное право, которого не знает ни одно буржуазное право; наше право проникнуто духом социалистической солидарности трудящихся.

В капиталистическом обществе говорится: homo homini lupus est — человек человеку волк. Капиталистическое общество учит тому, что каждый должен изловчаться, чтобы надуть, объегорить, обойти, объехать друг друга «на кривой». Капиталистическое общество учит, что «на бога надейся, а сам не плошай». Сплошаешь — тебя слопают, поэтому торопись сам слопать соседа. Это находит свое отражение во всех «культурных» проявлениях жизни при капитализме. А у нас? У нас такого рода принципы вызывают осуждение, насмешку; их клеймят, гонят, людей с такими принципами бьют, критикуют и т. д. У нас принципы другие: на бога не надейся, надейся на коллектив. Сам не плошай и другому плошать не давай. Иди вперед и тащи за собой отстающего. Вот у нас какие принципы, совершенно иные принципы.

Разве не клеветой является поэтому утверждение о том, что наше право не социалистическое право? Это явная клевета; это вредительство, это контрреволюция, потому что такого рода «теориями» можно только дискредитировать советское право, уронить его авторитет, внушить неуважение к этому праву.

Говорят: позвольте, но Ленин еще говорил, что «не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство без буржуазии»[1].

Но Ленин неоднократно разъяснял, что пролетарское государство нельзя смешивать ни с каким иным государством, что это есть именно пролетарское государство, что это особое государство, новая форма государства. Сталин писал, что «Новое у Ленина состоит в этой области в том, что: а) он открыл Советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, использовав для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции»[2].

Товарищ Сталин еще в 1924 г. подчеркивал, что «Советская власть является новой формой государственной организации, принципиально отличной от старой, буржуазно-демократической и парламентарной формы, новым типом государства, приноровленным не к задачам эксплоатации и угнетения трудящихся масс, а к задачам полного их освобождения от всякого гнета и эксплоатации, к задачам диктатуры пролетариата»[3].

Товарищ Сталин подчеркивает, что «Республика советов является, таким образом, той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма»[4].

А вредитель Пашуканис в 1929 г. позволял себе выдавать за марксизм антиленинское утверждение, что «мораль, право и государство суть формы буржуазного общества», позволял себе утверждать, что «если пролетариат вынужден ими пользоваться, то это вовсе не обозначает возможности дальнейшего развития этих форм в сторону наполнения их социалистическим содержанием. Они неспособны вместить это содержание и должны будут отмирать по мере его реализации».

Совершенно бесспорно, что попытки отрицать социалистический характер советского права и не только в настоящий момент, когда оно вступает в полосу своего наиболее полного и широкого развития, но отрицать его социалистический характер с первых же дней его возникновения, с первых дней Октябрьской революции, это значит решительно извращать марксистско-ленинское учение о праве и государстве.

Неправильным поэтому, грубо ошибочным преступным, вредительским извращением является утверждение Пашуканиса, что переход к развернутому коммунизму Маркс представлял себе не как переход к новым формам права, но как отмирание юридической формы вообще, как освобождение от этого «наследия буржуазной эпохи, которому суждено пережить самое буржуазию». Неправильно мыслить первую фазу коммунистического общества такой, что здесь нет места праву, что уже в эту эпоху право вместе с государством должно быть сдано в музей древностей вместе с каменным топором и прялкой. Неправильно

[1] Ленин, т. XXI, стр. 438.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 170.
[3] Там же, стр. 32.
[4] Там же, стр. 33.

думать, что отмирание права и государства произойдет как-то механически, что этому не будет предшествовать громаднейший период и вероятно даже не один период, а целый ряд периодов, эпох.

Говоря о том, как после осуществления равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства... перед человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы итти дальше, от формального равенства к фактическому, то есть к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям», Ленин писал: «Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем» [1].

Следовательно, и к отмиранию права мы придем через ряд этапов. Говоря об «отмирании» эксцессов, Ленин писал: «Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство».

Ленин писал: «Поэтому мы и в праве говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материалу для решения таких вопросов нет» [2].

Ясно, отмирание государства — длительный процесс. До того, как этот процесс завершится, «пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты, добавлял Ленин, требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих».

Вопросом об отмирании государства и права Пашуканисы пробуют подменить вопрос, имеющий громадное практическое значение, — вопрос о задачах и методах осуществления при помощи государства и права пролетарской диктатуры великих целей борьбы за коммунизм.

Они подменяют этим вопросом вопрос о конкретных задачах советского права и советской юстиции на пути к коммунизму, болтая об отмирании права, вместо того, чтобы ставить вопрос об укреплении советского права.

К отмиранию права мы придем через ряд этапов, эпох, периодов развития права. Это длительный путь. Этот путь мы пройдем через максимальное укрепление социалистического права, укрепление, которое послужит средством укрепления социалистического государства.

Путь к отмиранию права лежит через развитие и укрепление социалистического права. Путь к отмиранию лежит через укрепление нашего права как права социалистического, и только тогда, когда мы поднимем наше право как социалистическое право на всю высоту его исторического роста, тогда будут подготовлены условия к его отмиранию.

«Высшее развитие государственной власти в целях подготовки для отмирания государственной власти — вот марксистская формула» (Сталин).

Это полностью применимо и к советскому праву, отмирание которого может быть подготовлено лишь высшим его развитием.

Похоже ли это на то, что говорит Пашуканис? Ясно, что ничуть не похоже, хотя Пашуканис оперирует именами Маркса, Ленина и их великими теоретическими работами, являющимися источником организации нашей борьбы и за утверждение наших правовых принципов. Пашуканис утверждает, что «мораль, право и государство суть формы буржуазного общества». Абсолютно неправильна такая постановка вопроса. Пашуканис говорит: «Если пролетариат вынужден ими пользоваться»... Оказывается, у нас буржуазная мораль! Какая? Слопай соседа, если не хочешь, чтобы сосед тебя слопал? Пашуканис утверждает, что у нас нет ни своего права, ни своей морали, ни своего государства, что мораль, право и государство — формы буржуазного общества и что пролетариат берет их у буржуазии напрокат. Так ли это у Маркса, Ленина, Сталина? Абсолютно не так. Насчет государства Маркс, Ленин и Сталин утверждают, что пролетариат не может воспользоваться буржуазной государственной машиной, что он должен это буржуазное государство разбить вдребезги. Ленин говорит: надо сломать его и вместо этого государства, сломанного, разбитого, построить новое, свое. А по Пашуканису выходит, что пролетарская революция не разбила буржуазное государство, а сохранила и использовала его в своих целях. Это — абсурд. Государство — это не совокупность наименований учреждений, это есть система управления, это люди, это принципы и цели, это методы и задачи. Вот что такое государство.

Неправильно утверждение, что мы пользуемся будто бы государством, которое является формой буржуазного общества. Также неправильно, что мы пользуемся правом, которое является формой буржуазного общества. Также неправильно, что мы используем мораль, которая является формой буржуазного общества. Все это — грубое извращение, потому что наша мораль — это наша мораль, наше право — это наше право и наше государство — это наше государство. Ни то, ни другое, ни третье ничуть не похожи на буржуазные «формы».

Из таких грубо ошибочных общих своих установок Пашуканис исходит и для конструирования своих положений уже и в области материально-уголовного права. В этой области Пашуканис дал также ряд вредных, антиленинских и антисоветских утверждений, грубо извращающих марксистско-ленинскую теорию уголовного права. Пашуканис отрицает понятие ответственности, вины, наказания.

Пашуканис отрицает «идею ответственности», а вместе с тем и наказание, изображая дело так, что наказание может иметь место только при эквивалентности, то есть опять-таки при господстве товарно-капи-

[1] Ленин, т. XXI, стр. 439.
[2] Там же, стр. 436.

талистических отношений. Вот где лежат корни отрицания наказания и «дозировки» известного проекта УК Комакадемии (автор т. Крыленко). Пашуканис говорит, что «наказание, соразмерное с виной, принципиально представляет собой ту же форму, что и возмездие, соразмерное с ущербом». Это опять-таки грубая ошибка. Говоря об ответственности, он пишет: «Идея ответственности необходима, если наказание выступает как средство расплаты. Преступник отвечает своей свободой за преступление и отвечает таким куском свободы, который с о р а з м е р е н тяжести им содеянного. Эта идея ответственности совершенно не нужна там, где наказание освобождено от характера эквивалентности. Но там, где от этих начал действительно не осталось и следа, там наказание перестает быть наказанием в юридическом смысле слова». Совершенно неправильно, будто «идея ответственности» обязательно предполагает то, что здесь приписывается этому понятию Пашуканисом, — око за око, зуб за зуб. Тут понятие эквивалентности довольно условно. Разве тогда, когда я наказываю одного человека меньше, а другого больше, это обязательно талион, это обязательно возмездие, это обязательно эквивалент в буржуазном смысле этого слова? Разве не справедливо человека, укравшего 25 тыс. руб., наказать крепче, чем укравшего 25 руб.? Следовательно, нельзя говорить, что раз мы отказываемся от буржуазного понимания наказания как возмездия, от буржуазных принципов эквивалентности, то, следовательно, нам не нужно разбираться в степени вины и в степени ответственности преступника, и что нам не нужно никакого различия степеней, форм и видов наказания. На такой точке зрения в свое время стоял проект Уголовного кодекса Комакадемии (1931 г.), мы все повинны в его ошибках.

Неправильно, что «идея ответственности» — это обязательно есть расплата. Пашуканис ополчается против «юридического понятия вины», объявляя это понятие ненаучным, ведущим якобы «прямым путем» к индетерминизму.

Вот что он писал в своей книжонке «Общая теория права и марксизм»:

«С точки зрения сцепления причин, вызвавших то или иное событие, нет ни малейшего основания отдавать предпочтение одному звену перед другим. Действия человека ненормального (невменяемого) точно так же обусловлены рядом причин, то есть наследственностью, условиями жизни, средой и т. д., как и действия человека вполне нормального (ответственного)». Выходит, что нужно относиться к ненормальному так же, как и к нормальному, — какая разница? Действия ненормального ведь обусловлены теми же самыми объективными факторами, что и действия нормальных людей. Следовательно, понятие вины не научно. Следовательно, по-научному выходит так: сумасшедшего суди так же, как и не сумасшедшего, вот это будет научно. Он тебе петухом кричит на скамье подсудимых, а ты говоришь: знаем мы этих петухов, десять лет покричишь у меня петухом. По Пашуканису, вменяемый это не тот, кто сознательно относится к своим действиям, а тот, кто поддается «воздействию в определенном направлении». Отсюда прямая дорога к признанию уголовно-ответственными сумасшедших.

Надо признать, к сожалению, что в этих нелепых рассуждениях о вине, ответственности, наказании и пр. Пашуканис не одинок.

Пашуканис за так называемые неопределенные приговоры. Пашуканис пишет: «Лишение свободы на определенный, заранее указанный в приговоре суда срок есть та специфическая форма, в которой современное, то есть буржуазно-капиталистическое, уголовное право осуществляет начала эквивалентного воздаяния». Значит, на определенный, заранее указанный в приговоре суда срок наказывать нельзя, а нужно наказывать на неопределенный срок, может быть, как говорится, ad Kalendas Grecas? До греческих календ, которых никогда не было у греков? Самый лучший приговор — сиди, пока сидится. Теперь мы знаем, что на путь неопределенных приговоров охотно переходят фашисты, а вот шесть лет тому назад это провозглашалось как высшее выражение коммунистической мудрости из института, во главе которого до последнего времени стоял Пашуканис.

Но я говорю это не для того, чтобы поиздеваться над тем, кто достоин большего, а для того, чтобы послать упрек самому себе и сидящим здесь товарищам профессорам-криминалистам, не удосужившимся своевременно разоблачить эту «теорию».

Причина этого кроется отчасти в том, действительно буржуазном, профессорском предрассудке, который можно выразить поговоркой: «Всяк сверчок, знай свой шесток».

Криминалисты не считали себя обязанными вмешиваться в процесс, процессуалисты — в уголовное право, и те и другие — в общую теорию права, считая, что «suum cuique» — «каждому свое».

Хуже этого. Мы все пренебрегли важнейшим принципом нашей партии и общественности: с а м о к р и т и к о й. В Институте советского строительства и права самокритикой не пахло. Там царил вечный, чисто академический покой — тишь да гладь. Мы все повинны в этом, ибо это благоприятствовало расцвету таких «теоретических» упражнений всяких Пашуканисов, которые иначе как вредительством назвать нельзя.

До последнего времени у нас царили такие настроения, что общая теория права — это дело специалистов этой отрасли права, а мы — процессуалисты, это нас не касается. Мы рассуждали так, что вот в Институте советского строительства и права сидит Пашуканис и разрабатывает общую теорию права, государственное право. Около него синклит учеников, вроде Сизонова, Аширафьяна и пр., которые, дескать, занимаются уголовным правом. В Институте советского строительства и права — «методологический центр», а мы — «прикладники». Вышло же так, что важнейшую область права мы отдали в руки врагов!

Пашуканис издевается над исчислением лишения свободы определенными сроками. Он пишет: «Характерным является прежде всего числовое математическое выражение для «тяжести» приговора: количество дней, месяцев и т. д. лишения свободы, та или иная сумма денежного штрафа, лишение таких-то и та-

ких-то прав». А как же можно лишение свободы мыслить без числового выражения? Можно лишение свободы освободить от «числового выражения», но это значит перейти к неопределенным приговорам! Этого хотят вредительские «теоретики»?

Развитие советского уголовного права Пашуканис видит в стремлении окончательно ликвидировать наказание. Говоря о задаче превращения наказания «из возмездия и воздаяния в целесообразную меру защиты общества и исправление данной социально-опасной личности», Пашуканис считает, что это означает разрешение «громадной организационной задачи, которая не только лежит вне судебной деятельности, но по существу, при успешном ее выполнении, делает излишними судебные процессы и судебные приговоры».

Вот к чему пришел Пашуканис. Яснее ничего не может быть. Он против судебных процессов, ибо они связаны с применением наказаний, а это несовместимо-де с задачами исправления. Здесь новое извращение ленинско-сталинского принципа о сочетании задач подавления и принудительного воспитания. Пашуканис отождествляет наше наказание с наказанием буржуазного права.

Тут все перепутано. Наше наказание не есть буржуазное наказание, оно вовсе не лишено моментов педагогического характера. Наоборот, наше наказание тем-то и отличается от наказания буржуазного, что оно, заключая в себе элементы насилия, неизбежно свойственного всякому наказанию, заключает в себе нечто такое, что не свойственно капиталистическому строю, именно это воспитательное воздействие. Поэтому само наказание должно быть организовано так, чтобы оно было разумным, т. е. чтобы оно могло воспитывать. Даже тогда, когда сажают человека на энное количество лет в лагерь, надо организовать отсиживание этих лет не так, чтобы он в конце концов превратился в какую-то тень человека, абсолютно бесполезную впоследствии для общества, а нужно сделать, наоборот, так, чтобы он вышел из этого испытания окрепшим физически и морально, иначе говоря перевоспитавшимся.

Но от этого наказание не перестает быть наказанием. Конечно, нельзя сюсюкать здесь и сентиментальничать. Нельзя говорить так, что всякое наше наказание должно быть обязательно сдобрено вот этими элементами воспитания. Этого нельзя говорить потому, что мы вынуждены наказывать так, что уже никакое воспитание не поможет, применяя в известных, хотя и исключительных, случаях высшую меру наказания, расстреливая наших врагов.

Следовательно, представлять себе наше наказание, как наказание, обязательно соединенное с воспитанием, неправильно. Но также неправильно представлять себе, что у нас наказание сохраняет старый буржуазный характер. Это тоже клевета. Пашуканис клевещет на наши уголовные кодексы, доказывая, что общая часть всякого уголовного кодекса (в том числе и нашего) с ее понятиями пособничества, соучастия, покушения, приготовления и т. д. является не чем иным, как «способом более точного взвешивания виновности». Это, во-первых, неверно потому, что определить, кто пособник, кто организатор, это означает не только задачу более точно определить виновность, но и то, кто более опасен, ибо более опасен организатор преступления, чем пособник или укрыватель. Это совершенно ясно. Поэтому неправильно говорить о том, что пособничество, соучастие, покушение, приготовление нужны только для того, чтобы «взвесить» виновность. Нет. Если человек идет на преступление, а по дороге добровольно отказывается от своего преступного замысла, то выявление этого факта играет громадную роль для установления не только того, насколько он виноват, но и насколько опасен. В частности, по делу антисоветского троцкистского центра наш советский суд встал на точку зрения, что, например, Арнольд, дважды добровольно оставивший свой злодейский замысел, должен отвечать за это ниже, чем если бы он оставил свой преступный замысел не добровольно. Я думаю, что это совершенно увязывается с нашим пониманием. Многие недовольны, что Арнольда не расстреляли. Но дело не в том, кто доволен и кто недоволен, но в судебном приговоре относительно Арнольда есть логика и мудрость. И мы преклоняемся перед ними.

Для Пашуканиса нет разницы в степенях виновности, нет разницы даже между умыслом и неосторожностью. Известно, что наши уголовные кодексы эту разницу проводят достаточно резко. Возьмите, например, ст. 10 УК РСФСР. А Пашуканис это отвергает. Это можно объяснить прямым вредительством...

Ведь Пашуканис дошел (кстати сказать, этого до сих пор наши коллеги по кафедре уголовного права не разоблачили, хотя это их прямая обязанность) до полного отрицания разницы между умыслом и неосторожностью. «Что представляет собой разграничение умысла и неосторожности, как не разграничение степеней виновности?» — восклицает Пашуканис, отрицающий понятие виновности и степени виновности. Таким образом он против того, чтобы разграничивали, где преступление, совершенное с умыслом, и где преступление, совершенное по неосторожности.

Но, товарищи, когда мы говорим — вредительская теория, мы говорим, это не для красного словца, а потому что действительно с такой «теорией» подойти к судебной деятельности, построить судебную практику на основе такой «теории» и на основе таких «принципов» — это значит играть наруку врагам нашего государства. Ведь если наши суды будут судить по-пашуканисовски, то есть не будут разбираться в том, умышленно или неосторожно совершено преступление, по умыслу или по случайности, все равно катай одним и тем же порядком, — это будет такая дискредитация суда, что едва ли такой суд может кто-нибудь терпеть! Это прямая провокация, прямая попытка такой «работой» взорвать суд, уронить авторитет суда, возбудить негодование всех здравомыслящих людей, не только социалистов, не только коммунистов, а просто здравомыслящих людей, ибо если суд будет работать таким образом, что человека, совершившего преступление по неосторожности, будет так же наказывать, как совершившего преступление умышленно, только потому, что получается один и тот же результат, то это

будет полная неразбериха, полная каша, полный подрыв авторитета государственной власти, разума, государственного строительства, разума государственного авторитета, а это хуже всего. Если государственный аппарат действует таким образом, какое же это государство? Такое государство терпеть нельзя. Пашуканисы на это и шли, и не только в «теории», но и на практике, как об этом можно судить по ряду вскрытых теперь дел и преступлений.

Отрицая меры наказания, Пашуканис приходит к отрицанию и Особенной части Уголовного кодекса. И в самом деле, зачем нужна Особенная часть Уголовного кодекса, если дело идет только о мерах социальной защиты? Пашуканис доказывает, что «последовательное проведение принципа охраны общества требовало бы не зафиксирования отдельных составов преступления (с чем логически связана мера наказания, определяемая законом и судом), но точного описания симптомов, характеризующих общественно-опасное состояние, и разработки тех методов, которые нужно в каждом данном случае применять для того, чтобы обезопасить общество».

Известно, что Институт советского строительства и права и, особенно, т. Крыленко упорно защищали в течение ряда лет аналогичную позицию, энергично борясь против «составов преступления», что является грубо ошибочным.

Все трубейшие политические извращения Пашуканиса в области уголовного права уходят своими корнями в его антиленинскую «общую теорию права». Именно поэтому Пашуканис представляет себе уголовное право, так же как и право вообще, как «форму общения эгоистических обособленных субъектов, носителей автономного, частного интереса или идеальных собственников».

С этим абсолютно неправильным утверждением связано и другое его утверждение, что «понятия преступления и наказания, как это ясно из всего вышесказанного, суть необходимейшие определения правовой формы, от которых можно будет освободиться лишь тогда, когда начнется отмирание юридической надстройки вообще. И поскольку мы на деле, а не в декларациях только, начнем изживать эти понятия и обходиться без них, — это будет лучшим симптомом того, что перед нами, наконец, раздвигаются узкие горизонты буржуазного права».

Итак, Пашуканис нашу задачу видит в отказе от понятий преступления и наказания, не задумываясь, очевидно, над тем, что дело не в понятиях, а в реальной жизни, в реальных общественных отношениях, внушая мысль о том, что если мы откажемся от понятия преступления и наказания, то тем самым мы раздвинем узкие горизонты буржуазного права.

Пашуканис и его контрреволюционная «школка» разоружают наше государство в борьбе против наших врагов, пытающихся своими преступлениями поколебать мощь нашего государства.

Итак, если он начал с того, что нам только буржуазные пережитки мешают обходиться без уголовных кодексов, а в уголовных кодексах они же — эти буржуазные предрассудки — мешают нам обходиться без Особенной части, то кончил он тем, что только буржуазные предрассудки мешают нам обходиться без уголовного права.

По существу нашу задачу в области уголовного права Пашуканис видит не в преодолении буржуазной науки права и буржуазного права, а в «преодолении» нашего уголовного права.

Эту попытку надо беспощадно разоблачить как попытку буржуазных реставраторов под прикрытием «левых» фраз оказать помощь нашему врагу, как попытку ослабить пролетарское государство, подорвать пролетарскую диктатуру, одним из могущественнейших средств которой является советское право, социалистическая законность и советская юстиция.

(Продолжение следует)

С. БУЛАТОВ

Закон 7 апреля 1935 г. в системе советского уголовного права

7 апреля 1937 г. исполнилось два года действия постановления ЦИК и СНК Союза ССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних».

Этот закон означал серьезный поворот советской уголовной политики в этой области. Закон 7 апреля явился только первым звеном в целой системе законов и мероприятий, направленных не только на борьбу с преступностью несовершеннолетних, но и на ликвидацию причин, ее порождающих, на ликвидацию детской беспризорности и безнадзорности в первую очередь.

Чтобы уничтожить преступность в Советской стране, а такую задачу ставит перед собой социалистическое государство рабочих и крестьян, нужно ликвидировать и такое «родимое пятно», оставшееся от капитализма, каким является преступность несовершеннолетних.

Нужно лишить сохранившиеся еще уголовные элементы, профессионалов преступного мира, всякой возможности набирать себе «смену» среди беспризорных и безнадзорных детей.

Все это показывает большое значение, которое имеет закон 7 апреля 1935 г. не только для решения своей особой непосредственной задачи — борьбы с преступностью несовершеннолетних, но и для решения целой цепи общих основных вопросов советской уголовной политики, в первую очередь вопросов о ликвидации профессиональной преступности, вопросов, которые советское право может и должно ставить перед собой.

Понятно поэтому то исключительное внимание, которое привлек закон 7 апреля 1935 г. и мероприятия, связанные с ним, не только в среде советских юристов, не только в самых широких кругах советской общественности, но и в стане наших врагов. Враг и здесь как бы чует своим классовым чутьем, что дело идет о большом политическом вопросе, что из его рук победное социалистическое строительство вырывает один из тех крапленых козырей, которыми он рассчитывал играть.

Небольшой по своему объему закон 7 апреля 1935 г., содержащий всего лишь две статьи, за небольшой, всего двухлетний, срок своего существования успел вызвать значительную журнальную литературу, поднимающую вопросы практики его толкования и применения, вызывавшие оживленные обсуждения и горячие споры в среде работников советской юстиции.

Этот закон вызвал немало статей и в буржуазной, в особенности в фашистской прессе, содержащих ожесточенную клевету против советского права, против советского законодательства.

Все это не позволяет пройти мимо двухлетней годовщины закона 7 апреля 1935 г. Специальная статья в нашей юридической прессе даст ответ буржуазным клеветникам на наше право.

Насущные практические вопросы не позволяют, конечно, ограничиться этим. У работников советского права есть потребность в известном обобщении пройденного пути, в систематизации законодательного материала и практического опыта.

Мы не можем еще подвести сейчас итоги действия закона 7 апреля и других законов, связанных с ним. Сообщения из различных районов и областей не носят одинакового характера. Наряду с большими достижениями, которые отмечались, например, по Баку, Украине, Москве, есть немало отрицательных фактов.

Статистические данные о движении преступности несовершеннолетних имеются только за 1935 и первую половину 1936 г., то есть всего за год с небольшим действия закона. Это слишком короткий срок для того, чтобы можно было подводить итог, так как этот итог сформулирован в определении целей закона и может быть только один — ликвидация преступности несовершеннолетних. Право подвести этот итог нами еще не завоевано. Нужно усилить и улучшить работу органов суда и прокуратуры, работу органов Народного комиссариата просвещения и других государственных и общественных организаций, в первую очередь комсомола, чтобы добиться решающего успеха в этой области.

Одним из моментов, необходимых для успешной правовой работы, является систематическая и точная разработка самого нашего законодательства, систематическое изучение его, без которого в судебной работе неизбежно будет прорываться случайность и дилетантизм. Без этого систематического изучения законодательства нельзя обеспечить единства действия.

В значительной литературе, посвященной закону 7 апреля, преобладают статьи, выясняющие политические условия, вызвавшие закон, его задачи, статьи практических работников, выдвигающих отдельные конкретные вопросы в практике применения закона. Очень немного работ, пытающихся систематизировать весь материал в целом, охватить вопросы применения этого закона в системе нашего права. Можно упомянуть по существу, как такую обобщающую работу, едва ли не одну статью т. Тадевосяна, опубликованную в №№ 10 и 12 журнала «Социалистическая законность» за 1936 г. Эта статья посвящена преимущественно вопросам процессуальной практики.

Систематического исследования закона как части целой системы советского законодательства Союза и отдельных республик еще не сделано, а необходимость в этом велика.

же получились различия в приведении уголовных кодексов отдельных республик в соответствие с этим законом, а тем самым получились различия в практическом осуществлении борьбы с преступностью несовершеннолетних, которые должны быть устранены.

Историческое развитие законодательства борьбе с преступностью несовершеннолетних

Для правильной оценки сущности и значения изменений, внесенных законом 7 апреля 935 г. в систему советского права, необходимо хотя бы вкратце остановиться на историческом развитии законодательства о борьбе преступностью несовершеннолетних.

Этот вопрос привлекает внимание советского законодательства уже в первые месяцы уществования советской власти.

14 января 1918 г. издается декрет об учреждении комиссии по делам несовершеннолетних. Этот декрет отбрасывал полностью систему царского права в этой области. Он объявлял, что «суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются». Все дела о преступлениях несовершеннолетних передавались в ведение особых комиссий, учрежденных при Народном комиссариате общественного призрения.

Декрет не детализировал понятия малолетства и несовершеннолетия. По мнению Люблинского, «ввиду того, что в то время еще охраняли свою силу наши старые уголовные законы (поскольку они не были отменены революционным правосознанием), то возраст несовершеннолетия у нас понимался на практике до 17 лет, как то было по дореволюционному праву»[1].

С этим замечанием нельзя согласиться уже и с формально-юридической стороны. Отменяя уголовную ответственность несовершеннолетних, декрет 14 января 1918 г. тем самым отменял все царское уголовное законодательство по этому вопросу.

Еще более очевидна неправильность этого замечания, если оценить фактическую обстановку того периода времени. Руководствоваться старым царским законодательством могли только бывшие мировые судьи и другие юристы, в очень небольшом числе попавшие в новые суды. Судьи из числа рабочих и крестьян не могли руководствоваться старым сложным законодательством уже потому, что просто его не знали. Поэтому в определении возраста малолетних и несовершеннолетних практически существовали большие расхождения.

Неясность положения и чрезмерно широкое определение границ уголовной безответственности скоро потребовали законодательного разрешения вопроса.

«Декрет 1918 г., — как пишет Люблинский, — при всей его гуманности и широте реформ, не принес благодетельных результатов. Правда, тысячи детей на протяжении республики были избавлены от мытарств по судам и тюрьмам, но, с другой стороны, полный отказ от ответственности и неучитывание типических особенностей морально-дефективного ребенка привели к необычайному росту детской и юношеской преступности, как то мы видели из статистического обзора.

Дети с признаками моральной дефективности[1], попадая в общие детские дома, разлагающе влияли на других; отсутствие ответственности приводило к частым нарушениям дисциплины, побегам, новым правонарушениям».

Нельзя согласиться с Люблинским, что рост детской преступности вытекал из недостатков декрета 1918 г. Действительные причины лежали, конечно, в более глубоких социально-экономических основаниях — в войне, разрухе и их последствиях для существования семьи. Тем не менее необходимо признать, что именно в этой напряженной обстановке скоро стала очевидна необходимость в более твердой и четкой линии.

«Руководящие начала уголовного законодательства», принятые 12 декабря 1919 г., сделали необходимые выводы из создавшегося положения. Эти выводы учитывали сложившийся уже опыт работы новых судов, установление новых воспитательных методов судебной работы, учитывали также недостатки чрезмерно широкого определения границ уголовной безответственности несовершеннолетних.

Статья 13 «Руководящих начал» установила две возрастные границы уголовной ответственности. Несовершеннолетние до 14 лет вообще «не подлежат суду и наказанию. К ним применяются лишь воспитательные меры приспособления».

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, которых закон называет «лицами переходного возраста», освобождаются от уголовной ответственности только в том случае, «если будут признаны действующими без разумения».

Неопределенный критерий «разумения» был разъяснен декретом 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях». Декрет предусматривал передачу дел о несовершеннолетних от 14 до 18 лет в народные суды, если «комиссией будет установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медико-педагогического воздействия»[2].

Дальнейшее уточнение вопроса о передаче дел несовершеннолетних в суд дает инструкция комиссиям о несовершеннолетних, изданная в июле 1920 г. Инструкция предусматривает передачу дел в народный суд при недостаточности медико-педагогических мер. Она

---

[1] П. И. Люблинский, Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте, М. 1923, стр. 227.

[1] Понятие моральной дефективности, кстати сказать, чуждо марксистскому пониманию вопроса. Это понятие характерно для буржуазной криминалистики и педологических извращений.

[2] Необходимо также отметить, что вопрос об установлении в советском законе границ несовершеннолетия неправильно освещался и в советской литературе и в заграничной. Маурах указывает, что декрет 1918 г. установил безответственность несовершеннолетних до 17 лет. Люблинский в своем обстоятельном обзоре законодательства пропускает, как ни странно, «Руководящие начала» и связывает решение этого вопроса только с декретом 4 марта 1920 г.

указывает, что медико-педагогических мер недостаточно при упорных рецидивах, систематических побегах из детских домов и при явной опасности для окружающих оставления несовершеннолетнего на свободе. Ст. 10 инструкции развивает последнее положение. Передача дела несовершеннолетнего в суд даже в стадии предварительного производства необходима, если имело место посягательство на человеческую жизнь, причинение тяжких ран и увечья, изнасилование, разбой, грабеж, поджог, подделка денежных знаков и документов, взяточничество, крупные хищения из советских или общественных учреждений и крупная спекуляция.

Инструкция 1920 г., таким образом, определяет условия уголовной ответственности несовершеннолетних очень близко к условиям, указанным законом 7 апреля 1935 г. Эта инструкция во многом и надолго определила дальнейшую практику в решении этого вопроса.

При разработке Уголовного кодекса 1922 г. возрастные границы малолетства и несовершеннолетия, установленные «Руководящими началами», были приняты проектом. На сессии ВЦИК, обсуждавшей проект, граница несовершеннолетия была понижена до 16 лет. Уголовный кодекс не содержал указаний об условии ответственности лиц от 16 лет до 18 лет. Поэтому вскоре специальным постановлением Президиума ВЦИК Уголовный кодекс был дополнен запрещением применять расстрел к лицам, не достигшим 18 лет.

После некоторых изменений, внесенных IV сессией ВЦИК в 1922 г., имевших процессуальное значение (вопрос о возможности ограничиться мерами медико-педагогического воздействия в отношении несовершеннолетних от 14 до 16 лет должен был решаться не комиссией, а судом), получилось противоречие с Уголовно-процессуальным кодексом, сохранившим старый порядок. 10 июля 1923 г. постановлением ВЦИК было поэтому установлено, что «в отношении обвиняемых несовершеннолетних от 14 до 16 лет рассмотрение дела судом может иметь место только по постановлению комиссии».

Октябрьской сессией ВЦИК в 1922 г. в Уголовный кодекс были введены две новые статьи—18-а и 18-б, требовавшие обязательного смягчения наказания для несовершеннолетних от 14 до 16 лет на половину и от 16 до 18 лет—на одну треть.

Эти нормы ответственности несовершеннолетних были воспринятыуголовными кодексами и всех других республик. Принятие «Основных начал уголовного законодательства СССР» не привело к каким-либо изменениям. «Основные начала» в ст. 8 устанавливали, что к малолетним могут быть применены только меры медико-педагогического воздействия. К несовершеннолетним меры судебно-исправительного воздействия могут быть применены лишь в том случае, если комиссия по делам о несовершеннолетних не признает возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия. Суду было предоставлено право применять медико-педагогические меры и в других случаях. Определение возрастных границ малолетства и несовершеннолетия было отнесено к компетенции уголовных кодексов отдельных республик.

Произведенные после издания «Основных начал» изменения уголовных кодексов республик не затронули вопроса об ответственности несовершеннолетних вплоть до издания закона 7 апреля 1935 г. Исключение представлял только УК РСФСР, о чем будет сказано ниже.

За этим исключением во всех республиках до издания закона 7 апреля к несовершеннолетним до 14 лет никакие «меры судебно-исправительного воздействия» или, проще говоря, меры наказания не могли быть применены. К несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет меры наказания могли быть применены лишь, если комиссией по делам о несовершеннолетних будет признано, что в данном случае невозможно ограничиться применением мер медико-педагогического характера. Кроме того, суд в свою очередь мог в отношении несовершеннолетних от 14 до 16 лет а иногда (Уголовный кодекс Украины) делалась специальная оговорка об этом праве суда и в отношении несовершеннолетних от 16 до 18 лет, «заменять меры судебно-исправительного воздействия мерами медико-педагогического характера».

Расстрел, являющийся исключительной мерой наказания, не мог быть применен к лицам, не достигшим 18 лет.

В случаях применения к несовершеннолетним срочных мер наказания (лишение свободы и исправительные работы)[1] суд обязан был снизить наказание для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет на половину, а для несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет—на одну треть.

В Уголовном кодексе РСФСР значительное отступление от этих общих для уголовных кодексов всех остальных республик положений было сделано новеллой 30 октября 1929 г.

Этот закон повысил возраст абсолютной уголовной безответственности несовершеннолетних до 16 лет. Обязательное смягчение наказания в отношении несовершеннолетних было установлено в очень сложной форме и в большей степени, чем в законодательстве других союзных республик.

Ст. 50 Уголовного кодекса требовала в отношении несовершеннолетних от 16 до 17 лет не только снижения конкретной меры наказания на одну треть по сравнению с наказанием, которое было бы вынесено взрослому, но и устанавливала дополнительный лимит. Срок назначенной меры социальной защиты должен был во всяком случае не превышать половины максимального срока, установленного Уголовным кодексом за данное преступление.

В советской литературе по вопросам уголовного права механическое требование обязательного снижения сроков наказания несовершеннолетним неоднократно подвергалось критике. Однако сама критика зачастую также грешила и механистичностью и формализмом. Суть вопроса нередко сводилась к борьбе за искоренение пресловутой «эквивалентной буржуазной формы наказания». Так и в этом частном вопросе абстрактно-схоластические споры о пропорциональной форме права, пря-

[1] Ссылка и высылка к несовершеннолетним по понятным причинам почти совершенно не применялась.

мо или косвенно выражавшие влияние вредительской «концепции» Пашуканиса приводили на деле к отрыву формы от содержания и мешали сосредоточить внимание на реальной сущности практических задач борьбы с преступностью. Именно с последней точки зрения приходится признать, что обязательное снижение репрессии, применяемой к несовершеннолетним, приводило к ненужному и необоснованному либерализму. Содержание наказания в советском праве, как это указывала уже партийная программа, написанная в 1919 г., в корне изменилось. В лишении свободы, в особенности в формах, применяемых к несовершеннолетним преступникам (исправительно-трудовые колонии, ФЗУ НКЮ и т. п.), преобладающая роль моментов воспитания и образования была вполне очевидна.

Обязательное сокращение срока наказания, требуемое законом в интересах несовершеннолетнего, практически могло означать поэтому сокращение срока за пределы, минимально необходимые именно в интересах самого несовершеннолетнего для его воспитания, для его профессионального обучения. Преобладающее число преступлений несовершеннолетних — кражи. За это преступление советское уголовное законодательство устанавливало и так чрезвычайно легкие наказания, чрезвычайно короткие сроки лишения свободы. Обязательное сокращение их приводило к тому, что именно краткосрочное, то есть исключающее возможность воспитательной работы, лишение свободы должно было быть наиболее часто применяемо к несовершеннолетним.

Практика показала, что в лучших из наших исправительно-трудовых колоний для несовершеннолетних воспитанники их остаются иногда в колонии добровольно по отбытии обязательного срока наказания, чтобы закончить свое обучение, или в порядке вольного найма.

Учет этих особенностей советской исправительно-трудовой политики привел к несогласованности отдельных постановлений в уголовных кодексах РСФСР и ряда других республик. Ст. 50 Уголовного кодекса РСФСР требует обязательного снижения сроков лишения свободы для несовершеннолетних. Напротив, ст. 57 устанавливает, что «несовершеннолетние, приговоренные к лишению свободы и помещенные в трудовые дома для несовершеннолетних, остаются там впредь до исправления, однако не долее достижения ими 18-летнего возраста».

В литературе по советскому праву не получило совершенно отражения повышение возраста полной уголовной безответственности несовершеннолетних до 16 лет. Это нововведение УК РСФСР прошло совершенно незамеченным советской юридической литературой. Между тем вряд ли может быть спор о том, что вопрос о полном устранении наказуемости несовершеннолетних в таких широких границах и практически и теоретически более важен, чем вопрос о формах снижения наказания для этой группы.

Уже опыт первого декрета от 14 января 1918 г. показывал серьезные последствия, серьезные недостатки чрезмерно широкого устранения ответственности несовершеннолетних. Отказ УК РСФСР от установившихся на протяжении ряда лет во всех кодексах всех республик границ ответственности несовершеннолетних представлял серьезную ошибку.

Трудно подыскать объективные основания для такого расширения возраста уголовной безответственности, которое вносила новелла 30 декабря 1929 г., в особенности если вспомнить специфические условия этого периода.

Такие объективные причины, как голод, разруха, война, порождавшие беспризорность и преступность несовершеннолетних и объяснявшие решение вопроса в декрете 14 января 1918 г., уже не играли роли. Налицо были, напротив, возможности улучшения борьбы с преступностью несовершеннолетних не путем отказа от этой борьбы, а путем создания специальных учреждений для перевоспитания. Обострение классовой борьбы, характерное для реконструктивного периода, для года великого перелома (1929 г.), делало особенно опасным использование классово враждебными элементами и элементами разложения старого общества широких границ уголовно-правовой безответственности несовершеннолетних, делало особенно опасными попытки этих элементов вовлечь несовершеннолетних, пользуясь их неустойчивостью и безответственностью, на путь преступлений.

Внесенное в УК РСФСР в 1929 г. изменение имело вредные последствия. Среди беспризорников, среди несовершеннолетних преступников укоренилось представление об их полной безответственности. Даже анализом статистических данных о преступности несовершеннолетних можно доказать вредные влияния столь широкого определения границ уголовной безответственности в законе.

Широкими границами уголовной безответственности несовершеннолетних широко воспользовались взрослые профессионалы преступного мира. Содержатели различных притонов и преступники-профессионалы посылали детей на преступления, успокаивая безнаказанностью до 16 лет любого совершенного ими действия. Эти же мотивы помогали деклассированным элементам из среды самих несовершеннолетних втягивать на путь преступления других детей, в том числе школьников, оказавшихся без надзора, без правильного влияния семьи.

Закон 7 апреля решительно выправил эту ошибку. «Правда», в передовой от 9 апреля 1935 г., с полным основанием писала, что этот закон «несомненно создаст перелом в том недопустимом положении, в котором находится сейчас эта область общественной жизни и, прежде всего, он разорвет цепочку безответственности и безнаказанности, окружавшую преступление подростка».

Закон 7 апреля и законы о ликвидации беспризорности и безнадзорности

Значение закона 7 апреля и причины его издания не исчерпываются, однако, вопросом о необходимости уничтожить, разорвать эту цепочку безответственности и безнаказанности подростков, мешавшую ликвидации преступности несовершеннолетних.

Закон 7 апреля 1935 г. не только поправил ошибку Уголовного кодекса 1926 г. Этот за-

кон поставил вопрос о дифференцировании ответственности несовершеннолетних шире, чем все предшествовавшие законы, именно потому, что он был создан не только для преодоления некоторых трудностей момента, указанных выше, но и на основе достигнутых успехов социалистического наступления. Эти успехи позволили поставить вопрос о ликвидации беспризорности и безнадзорности вообще, о ликвидации причин и очагов детской преступности. В этом случае, как и во всех остальных вопросах нашей уголовной политики, репрессия выступила только как вспомогательный, а не главный элемент социалистического наступления.

В буржуазной, в особенности фашистской печати делались попытки оклеветать закон 7 апреля 1935 г., изобразить его как «брутальное», грубое применение голой репрессии, представляющей безнадежную попытку остановить бурный рост преступности несовершеннолетних.

Фашистские критики вроде доктора Мауpаха, посвятившего закону 7 апреля обширную статью [1], пытаются по своему обыкновению праздновать именины и на Антона и на Онуфрия, как известный гоголевский горожанчий.

Маурах вынужден признать, что причины, порождавшие беспризорность и преступность несовершеннолетних раньше, — разруха в результате гражданской войны, голод 1921 г. в Поволжье и т. п., — не являются сейчас источником и объяснением детской преступности. Рост детской преступности Маурах приписывает «сверхиндустриализации» во второй пятилетке. В результате этого, скорбит Маурах, в производство были втянуты не только мужчины, но и женщины. В результате этого в новых индустриальных городах жилищное строительство не поспевало за промышленным. Отсюда, торжествует Маурах, плохие семейные и жилищные условия, отсюда — тяга детей на улицу, отсюда и безнадзорность и преступность несовершеннолетних.

Плохо должны обстоять дела фашистских критиков советского права, если такие причины им приходится объявлять неустранимыми причинами несуществующего «бурного роста» преступности несовершеннолетних.

Отставание жилищного строительства, в частности, в ряде случаев вызванное вредительской деятельностью троцкистских агентов германо-японского фашизма, которому служит и господин Маурах, конечно, причинило нам вред и в этой области. Но такие причины мы преодолеваем и можем преодолеть до конца. Только Советская страна отпускает миллиардные суммы на детские ясли и школы. Только Советская страна обеспечивает не только воспитание всех детей, но и помощь роженицам, многодетным и т. д.

Достаточно сопоставить эту картину с постоянной безработицей, существующей в капиталистических странах, с постоянно прогрессирующим обнищанием все растущих масс трудящегося населения, чтобы понять ничтожность такой критики. Естественно поэтому, что даже в «богатейшей» стране мира — в Соединенных штатах Северной Америки к 1930 г. количество несовершеннолетних правонарушителей достигало 300 тыс. человек. В том же году только за одно такое серьезное преступление, как кража автомобилей, было осуждено 2639 несовершеннолетних.

За последние годы кризиса число несовершеннолетних преступников по всем странам Западной Европы выросло не менее чем в полтора раза. Вот это действительно бурный рост. Совершенно очевидно, что продолжающаяся безработица и растущий экономический гнет, в первую очередь в самой Германии, должны привести и к дальнейшему росту преступлений.

В РСФСР население по численности больше, чем в Соединенных штатах, а несовершеннолетних преступников, осужденных судами, по крайней мере в десять раз меньше, не говоря уже о том, что самые преступления их носят менее серьезный характер [1]. Еще более невыгодное сопоставление для капиталистических стран можно было бы сделать при сравнении удельного веса несовершеннолетних преступников в СССР и в Германии.

За 1 половину 1936 г. в РСФСР было осуждено несовершеннолетних на основании закона 7 апреля 1935 г., то есть в возрасте от 12 до 16 лет, всего 5½ тыс. человек. Если наша печать, наша общественность и наше законодательство постоянно привлекают общественное внимание к борьбе с преступностью несовершеннолетних, то причина этому лежит никак не в угрожающем росте и не в высоком удельном весе этой преступности. Именно потому, что у нас уничтожены объективные предпосылки осуществления преступности несовершеннолетних, для нашей страны совершенно недопустимым фактом, который должен быть устранен до конца, который не может иметь места в нашей стране, является самая возможность совершения преступлений несовершеннолетними. Мы не можем помириться с тем, что хотя бы один несовершеннолетний пошел по пути преступления, ибо это растущие люди растущей социалистической страны.

Критики закона 7 апреля из числа «дипломированных лакеев буржуазии», как величал Ленин подобных «ученых», в своих «обстоятельных» обзорах стараются замолчать поэтому те объяснения действительного положения вещей и всей совокупности мероприятий по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, которые дает постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г.

«СНК СССР и ЦК ВКП(б), — указывает это постановление, — отмечают, что в настоящее время в условиях непрерывного улучшения материально-культурного положения трудящихся города и деревни и при производимом государством отпуске огромных средств на содержание детских учреждений, наличие беспризорных детей в столицах и других городах страны объясняется плохой работой местных советских органов и партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в области ликвидации и предупреждения детской беспризорности и отсутствием организованного

[1] См. „Monatschrift für kriminal Psychologie und Strafrechtsreform", 1936, № 5 — 6.

[1] См. Сборник «Преступность несовершеннолетних в капиталистических странах».

участия в этом деле советской общественности».

Это постановление развертывает широкую систему мероприятий, которые должны устранить все эти бесспорно устранимые при хорошей работе недостатки. Это постановление дает реальную программу действительного искоренения детской беспризорности и безнадзорности до конца, а тем самым обеспечивает решительный успех в ликвидации преступности несовершеннолетних.

Конечно, в нашей стране находятся еще иногда плохие отцы и плохие матери, которые не занимаются воспитанием своих детей. Конечно, у нас в отдельных случаях, очень редких, находятся даже негодяи, полные такого мещанского эгоизма, которые способны убить ребенка, чтобы избежать ответственности, чтобы избежать платежа алиментов. Но это единицы, это редкие негодяи, на которых может и должна обрушиться суровая рука советского закона, защищающего общий интерес, выражающего единые общие взгляды 170-миллионного социалистического народа.

Во исполнение постановления ЦК и СНК о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности советское законодательство приняло поэтому не только ряд мероприятий, обеспечивающих материальную возможность уничтожения всякой беспризорности, но и ряд законов, которые должны бороться с людьми, нарушающими свои социальные обязанности перед своими детьми и перед страной

Постановление ЦИК и СНК от 29 июля 1935 г. предлагает правительствам союзных республик дополнить их уголовные кодексы статьями, карающими «использование опеки в корыстных целях (занятие жилплощади, использование имущества, оставшегося после смерти родителей, и т. д.) и оставление опекаемых детей без надзора и необходимой материальной помощи». Эти преступления закон предлагает карать лишением свободы на срок до 3 лет.

Постановление о ликвидации беспризорности и безнадзорности предусматривает реальную ответственность руководителей общественных и государственных учреждений за непринятие необходимых мер охраны и заботы о воспитании детей-сирот.

Уголовный кодекс РСФСР на основании этого постановления в новелле, воспроизводящей указанное выше постановление ЦИК и СНК СССР от 29 июля 1935 г. (ст. 158-1), карает поэтому непринятие мер охраны и заботы о воспитании детей-сирот председателями сельских советов и назначенных сельскими советами опекунами, допустившими своими действиями или бездействием вступление этих детей на путь бродяжничества. Эти преступления караются в отношении опекунов лишением свободы на срок до 2 лет, в отношении председателей сельсоветов по ст. 111 Уголовного кодекса, то есть лишением свободы до 3 лет или принудительными работами.

Важнейшей частью самого закона 7 апреля 1935 г. является вторая статья его. Она карает заключением в тюрьму на срок не ниже 5 лет лиц, «уличенных в подстрекательстве или в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством».

27 июня 1936 г. союзный закон установил миллиардные ассигнования в помощь роженицам, многодетным, на развитие сети учреждений для воспитания детей. Этот же закон изменил постановление уголовных кодексов отдельных республик об ответственности за неплатеж алиментов в пользу детей, повысив наказание за это преступление до 2 лет лишения свободы. Эта суровая охрана интересов детей возможна и реальна только в условиях социалистического государства, обеспечившего право на труд, отдых и образование за каждым, обеспечившего непрерывное повышение материально-культурного положения трудящихся города и деревни.

В нашей стране оставлять детей без помощи или толкать их на путь нищенства может только негодный, недобросовестный человек, к которому можно и нужно применить меры уголовного принуждения.

И в этом вопросе мы видим совершенно иную картину по сообщениям самой прессы капиталистических государств. Даже фашизированная германская пресса не может обойти молчанием многочисленные случаи, когда вовсе не отдельные негодяи, а многие и хорошие люди вынуждены посылать детей нищенствовать или даже убивать детей, зачастую кончая одновременно с ними жизнь самоубийством. Это делают зачастую не негодяи, а честные люди, потому что самоубийство легче, чем голодная смерть, потому что легче задушить своего ребенка, чем видеть, как он сохнет от голода, потому что легче столкнуть в реку свою дочь, чем видеть ее малолетней проституткой

Страшная картина беспросветного обнищания и эпидемических смертей от изнурения и голода, нарисованная талантливым польским писателем Курек в его книге «Грипп свирепствует в Направе», типична не только для польского захолустья. Застойная безработица и растущее обнищание масс сделали картину «зимних бедствий» [1] типичной и для крупнейших центров капиталистических государств, в первую очередь для фашистских государств, разоряющих свое население для подготовки войны.

Беглый обзор отличия в причинах, порождающих детскую преступность в капиталистических государствах и государстве социалистическом, делает понятным различие значения законодательства о борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Как бы ни была организована репрессия в капиталистических государствах, она не может не быть безрезультатной, ибо она не может устранить причин, порождающих явления детской преступности.

Закон 7 апреля, взятый как часть системы советского права, полностью укладывается в сталинское определение задач и места уголовной репрессии.

Этот закон, разрывая представление о безответственности малолетних преступников, изымая наиболее опасных из них для воспитания в специальных учреждениях, выполнит возложенную на него задачу ликвидации пре-

[1] Это официальный термин в Германии.

ступности несовершеннолетних. Он выполнит эту задачу именно потому, что центр тяжести не в нем, а в законах, устраняющих причины преступности. Он выполнит эту задачу потому, что основная сила репрессии обрушивается нашим законом на тех взрослых преступников, живых носителей «пережитков капитализма в сознании людей», представителей гниения и разложения старого общества, которые пытаются вовлечь детей на путь преступления или же не выполняют своих минимальных обязанностей перед детьми.

Закон 7 апреля выполнит свою задачу именно потому, что он является только вспомогательным средством социалистического наступления. И в этой области — области борьбы с преступностью несовершеннолетних — полностью применимо указание товарища Сталина о роли, месте и удельном весе репрессии в социалистическом наступлении. И здесь центр тяжести в нашем экономическом наступлении, в результате которого Сталинская Конституция незыблемо закрепила право на труд, право на отдых, право на образование, право на достойное и свободное существование за всеми гражданами социалистического государства. И здесь центр тяжести в организационной работе в массах и в ряде специальных организационных мероприятий, экономически и политически укрепленных законом 31 мая 1935 г., законом о помощи многодетным семьям и всей системой социального обеспечения и всеобщего бесплатного образования, которое создано в социалистическом государстве и закреплено его Конституцией.

Закон 7 апреля и уголовные кодексы союзных республик

По своей юридической структуре закон 7 апреля 1935 г. представляет большой интерес. Изменения, вносимые им, это не только изменения наказания за определенную группу преступлений. Изменения, вносимые этим законом, касаются Общей части уголовного права, Особенной части уголовного права и уголовного процесса [1].

Сделанный выше обзор уголовного законодательства Союза показал ряд отличий, имеющихся в кодексах отдельных республик. Закон требует, между тем, в определенных пределах единства уголовного законодательства во всем Советском союзе. Уже поэтому представляет большой практический интерес результат осуществления ст. 4 этого закона, требующей приведения в соответствие с ним уголовных кодексов отдельных республик.

Первый вопрос, встающий при юридическом анализе всякого нового закона, — вопрос о пределах его действия во времени и пространстве. Действие закона 7 апреля как союзного закона распространяется на всю территорию Союза. Отсюда неизбежно требование, чтобы во всех кодексах союзных республик он был воспроизведен одинаково. Требование это, как покажет дальнейшее изложение, оказалось далеко не так просто осуществить.

Закон 7 апреля устанавливает более высокую ответственность несовершеннолетних преступников за определенные преступления, чем уголовные кодексы отдельных республик, в своих постановлениях по этому вопросу действовавших до издания закона. Поэтому, в соответствии с общими принципами уголовного законодательства СССР, этот закон не имеет обратной силы. Он не может быть применен к преступлениям, совершенным несовершеннолетними до его издания.

Однако в этом правиле приходится сделать некоторые исключения. Закон содержит определенные процессуальные изменения, предусматривая рассмотрение дел по определенной группе преступлений судом. На основании закона 31 мая 1935 г. комиссии по делам о несовершеннолетних упразднены. Между тем именно эти комиссии до издания закона должны были рассматривать дела о преступлениях, охваченных им. В результате неизбежен вывод, что в более важных случаях дела о преступлениях, возникших до издания закона 7 апреля, придется рассматривать или органам Наркомпроса или, что более правильно, судебным органам, так как комиссий по делам о несовершеннолетних уже нет.

При этом суд должен будет применить необходимые меры медико-педагогического характера или же меры наказания, но последние только в тех пределах, которые допускались кодексами до издания закона.

Закон 7 апреля написан по типу ленинских декретов, по типу сталинских законов 7 августа, 8 декабря, 10 июля. Закон открывает мотивировочная часть. В отличие от всех других законов, как причина его издания, указывается не развитие соответствующей группы преступлений, не рост жалоб рабочих и колхозников на эти преступления, как это сделано в законе 7 августа, не повышение общественной опасности данного преступления ввиду изменения экономических и технических условий, как это сделано в законе 8 декабря,—впервые в истории советского законодательства мотивировочная часть закона указывает такую причину издания законодательного акта, как необходимость ликвидации и, мало того, необходимость скорейшей ликвидации определенного вида преступности.

Эта мотивировочная часть при всей своей лаконичности и краткости имеет громадное принципиальное значение. Она не могла быть включена в уголовные кодексы отдельных республик по техническим причинам. Мотивировочное определение нельзя уложить ни в обычную форму статей Общей части, ни в обычную форму статей Особенной части Уголовного кодекса. Но это постановление ЦИК и СНК СССР, требовавшее «быстрейшей ликвидации преступности среди несовершеннолетних», является общесоюзным законом. Оно обязательно для всех судов всех отдельных республик. Это требование определяет цель закона, дает ключ к его толкованию, применению указанных в нем мер борьбы.

Ни одна мера наказания по закону 7 апреля не может быть назначена судом, если она не является необходимым средством для достижения этой цели. Поэтому в применении закона 7 апреля особенно недопустим формализм. Здесь особенно необходимо внимание

[1] На изменениях в области уголовного процесса мы в этой статье не останавливаемся.

суда к таким условиям, исключающим целесообразность применения уголовной репрессии в конкретном случае.

Малозначительность и отсутствие вредных последствий действия, которое хотя формально подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части Уголовного кодекса, но лишено характера общественно-опасного, безусловно исключает возможность применения закона 7 апреля.

Необходима особенно тщательная оценка и другого ограничительного требования Общей части. Нельзя применять меры наказания, если в силу изменения социально-политической обстановки данное действие перестало быть опасным, или если лицо, его совершившее, к указанному моменту не может быть признано общественно-опасным.

Другая характерная особенность закона 7 апреля — его язык. Это не специальный юридико-технический язык, обычный для статей Уголовного кодекса. Это язык политических декретов революции, обращенных к массам, требующих массового действия. Это язык закона 7 августа. Декрет 7 апреля написан так, что он понятен не только для юристов-специалистов, но для всякого грамотного человека, более того, даже для неграмотного, для беспризорника, который услышит чтение этого закона.

Закон, определяя круг преступлений, ответственность за которые он устанавливает, не отсылает к точному, но зато совершенно непонятному для неспециалиста, перечню номеров статей Уголовного кодекса, эти преступления предусматривающих.

Закон считает нужным упомянуть об ответственности не только за убийство, но и за попытку к убийству. Закон умышленно пользуется здесь более понятным народным словом, чем обычный юридический термин, — покушение. Закон выделяет этот вопрос, чтобы привлечь к нему внимание именно не специалиста, а всякого гражданина. Для юриста-специалиста это упоминание необязательно, так как общая часть уголовных кодексов устанавливает по общему правилу ответственность и за покушение и за приготовление к любому преступлению.

Вносимые законом изменения касаются прежде всего общей части уголовных кодексов отдельных республик. Ст. 3 закона исключила из Основных начал упоминавшуюся выше ст. 8, определявшую общие рамки уголовной ответственности несовершеннолетних.

Это не означает, конечно, по мысли законодателя, необходимости заменить все постановления о несовершеннолетних в общей части отдельных уголовных кодексов одной первой статьей закона.

Ст. 1 закона устанавливает ответственность несовершеннолетних начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении определенных преступлений. Она не требует изменения ответственности несовершеннолетних за все другие преступления.

Это показывает, что неправильно было бы расширительное толкование закона — установление уголовной ответственности несовершеннолетних начиная с 12-летнего возраста по всем видам преступлений, в законе не указанным.

Также неправильно было бы ограничиться в уголовных кодексах указанием ответственности несовершеннолетних только в пределах, указанных законом. Исключение из уголовных кодексов всякого упоминания об ответственности несовершеннолетних по другим преступлениям естественно могло бы быть истолковано как отсутствие уголовной ответственности несовершеннолетних за эти преступления, либо привело бы к не опирающемуся на закон расширительному толкованию, которое показано выше.

В циркуляре Верховного суда и Прокуратуры СССР № 36—37 от 21 июля 1935 г. эта мысль находит подтверждение.

«Одним из существенных недочетов, — указывает этот циркуляр, — является тенденция судебно-следственных работников к расширительному толкованию постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», выражающаяся в привлечении к уголовной ответственности детей, не достигших 12-летнего возраста, привлечении за преступления, совершенные до издания этого закона, а также за преступления, им не предусмотренные».

В другом пункте циркуляр указывает, что все остальные случаи нарушений со стороны детей в возрасте от 12 до 16 лет в уголовном порядке не наказуются. Это положение циркуляра выражает правильную мысль, однако, в форме, согласованной только с законодательством РСФСР, но не законодательством всех остальных союзных республик.

Как было показано при обзоре этого законодательства, лишь в Уголовном кодексе РСФСР уголовная ответственность несовершеннолетних начиналась с 16 лет. Циркуляр Верховного суда и Прокуратуры СССР правильно указывает, что в отношении преступлений, не предусмотренных законом 7 апреля, ответственность, предусмотренная Уголовным кодексом РСФСР, сохраняется в прежнем объеме, то есть начиная с 16-летнего возраста. Однако циркуляр упускает из виду, что по уголовным кодексам всех остальных республик уголовная ответственность начиналась не с 16, а с 14 лет.

Нет никаких оснований издание закона, усиливающего уголовную ответственность по определенной группе преступлений, считать поводом для устранения существовавшей ранее уголовной ответственности по всем остальным преступлениям начиная с 14-летнего возраста. Эта неточность циркуляра, рассчитанного на общесоюзное применение, должна быть устранена.

Уголовные кодексы отдельных республик разрешали вопрос об изменении уголовной ответственности несовершеннолетних в соответствии с законом 7 апреля не всегда правильно.

Уголовный кодекс Белорусской ССР уже 17 апреля, то есть через 10 дней после издания общесоюзного закона, изменил ст. 15[1]. Поместив постановление, содержащееся в ст. 1 закона 7 апреля, УК БССР дополнил его второй частью, которая гласила:

[1] Определявшую условия ответственности несовершеннолетних.

«В остальных случаях меры уголовного наказания применяются к несовершеннолетним от 12 до 16 лет только тогда, когда комиссия по делам о несовершеннолетних признает невозможным применить к ним меры медико-педагогического характера». Требование обязательного снижения наказаний несовершеннолетним было отменено.

Это означало расширительное толкование закона 7 апреля — общее снижение возраста уголовной ответственности несовершеннолетних и за преступления, законом не предусмотренные, до 12 лет. Правда, в последнем случае уголовная ответственность кодексом БССР предусматривалась факультативно.

Очень скоро потребовалось изменение этого закона. Постановлением ЦИК и СНК БССР от 8 сентября 1935 г. (СУ БССР № 34, ст. 180) изложенная нами ч. 2 ст. 15 была отменена. Предшествовавшая ей ст. 14 УК, которая в результате изменения ограничила неприменение мер уголовного наказания возрастом до 12 лет, была изменена вторично и изложена в следующей редакции: «Меры уголовного наказания не применяются к несовершеннолетним до 12 лет. К несовершеннолетним от 12 до 16 лет меры уголовного наказания применяются только по преступлениям, указанным в ст. 15, то есть в пределах, предусмотренных законом 7 апреля». Таким образом окончательная редакция, принятая УК БССР, совпадает с указаниями циркуляра Верховного суда и Прокуратуры СССР полностью. Однако устранение факультативной ответственности несовершеннолетних с 14 лет не вытекает, по нашему мнению, из смысла закона 7 апреля 1935 г.

Уголовный кодекс Украинской ССР (СЗ УССР 1935 № 11—12, ст. 49) изменил ст. 11, дополнив ее примечанием, воспроизводящим ст. 1 закона 7 апреля. Это примечание было введено постановлением ЦИК и СНК УССР 9 апреля 1935 г., то есть немедленно после издания союзного закона.

Затем была изменена вся редакция ст. 11. Было устранено указание о факультативной ответственности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет и возможности применения мер медико-педагогического характера к несовершеннолетним от 16 до 18 лет и исключена ст. 12 об обязательном снижении наказания. Тем самым Уголовный кодекс УССР фактически усилил ответственность несовершеннолетних и по другим преступлениям, сохранив, однако, для них прежнюю границу уголовной ответственности (14 лет), более высокую, чем по преступлениям, предусмотренным законом 7 апреля. В своей теперешней редакции ст. 11 УК Украины гласит: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут быть применимы в отношении малолетних до 14 лет». Далее следует примечание, воспроизводящее ст. 1 закона 7 апреля.

Таким образом Уголовный кодекс Украинской ССР разрешает вопрос об ответственности несовершеннолетних в полном объеме, но попрежнему отличается от УК РСФСР в его прежней редакции и от возрастных границ уголовной ответственности, намеченных циркуляром Верховного суда и Прокуратуры СССР для преступлений, не предусмотренных законом 7 апреля.

В Уголовном кодексе Грузии[1] изменения первоначально выразились в том, что по всем преступлениям несовершеннолетних от 12 до 16 лет в случаях, не предусмотренных законом 7 апреля, была допущена уголовная ответственность в том случае, если невозможно ограничиться мерами медико-педагогического характера. В этих случаях наказание подлежало обязательному смягчению на половину. Кроме того, была введена ст. 11^1, воспроизводящая ст. 1 закона 7 апреля (20 апреля 1935 г. — СЗ № 14, ст. 81; 4 июня 1936 г. — СЗ 1936 г. № 18, ст. 109). Ст. 11 была исключена. Таким образом вопрос об уголовной ответственности несовершеннолетних в случаях, не предусмотренных законом 7 апреля Уголовным кодексом Грузии, остался не урегулированным.

Уголовный кодекс Азербайджана дополнил ст. 12, определявшую общие правила ответственности, оставшуюся без изменений, статьей 12^1, воспроизводящей ст. 1 закона. Кроме того, к ст. 56, устанавливающей обязательное снижение наказаний для несовершеннолетних, было добавлено примечание, исключающее применение этих правил к несовершеннолетним, совершившим преступления, предусмотренные законом 7 апреля.

Таким образом в уголовных кодексах республик Закавказья уголовная ответственность несовершеннолетних в случаях, не предусмотренных в законе 7 апреля, определяется различно.

Весьма своеобразно разрешил Азербайджанский УК вопрос о положении ст. 2 закона, устанавливающей наказание за подстрекательство и понуждение несовершеннолетних к совершению преступлений. Эта статья (18^1) помещена как развитие статьи 18, определяющей соучастие. Таким образом в Общей части УК Азербайджана оказалась статья, содержащая и состав преступления и полагающуюся за него меру наказания, то есть статья, безусловно относящаяся к Особенной части (10 августа 1935 г. — СЗ Азербайджанской ССР № 10, ст. 155).

Уголовный кодекс Туркменской ССР, на основании постановления ЦИК и СНК ТуркССР от 28 апреля 1935 г., изменил статью, определяющую условия ответственности несовершеннолетних, снизив общие границы ответственности до 12 лет. Установив общее правило, что меры судебно-исправительного характера не подлежат применению к несовершеннолетним до 12 лет, этот кодекс поместил дальше ст. 1 закона от 7 апреля. Ст. 46 кодекса, предусматривавшая обязательное снижение ответственности несовершеннолетних от 14 до 16 лет на половину и от 16 до 18 лет на одну треть, была исключена. Поэтому образовался пробел, и неясно, должна ли уголовная ответственность по всем преступлениям определяться одинаково с 12 лет или, напротив, по преступлениям, не упомянутым в законе 7 апреля, уголовная ответственность наступает только с 18 лет.

---

[1] Изменениями, внесенными на основании закона 7 апреля в УК Армении, при работе над этой статьей автор не располагал.

В Уголовном кодексе Таджикистана, введенном в действие только 15 июля 1935 г., вопрос об ответственности несовершеннолетних разрешает статья 11. Она воспроизводит только текст ст. 1 закона от 7 апреля. В этом кодексе вопрос об ответственности несовершеннолетних за другие преступления совершенно не предусмотрен. Приходится считать, что во всех неуказанных случаях нет ответственности до 18 лет, а это противоречит общим установкам закона 7 апреля.

Уголовный кодекс Узбекистана, исключив на основании специального постановления ст.ст. 17, 18 и 56, устанавливавшие правила ответственности несовершеннолетних, изменил редакцию ст. 25. Эта статья указывает, что меры медико-педагогического характера подлежат применению к несовершеннолетним, не достигшим 12-летнего возраста. Часть 2 этой статьи воспроизводит ст. 1 закона от 7 апреля. Здесь также совершенно неясен вопрос об ответственности несовершеннолетних за остальные преступления.

Этого недостатка не избежал и УК РСФСР. Ст. 12 этого кодекса, определявшая условия ответственности несовершеннолетних, полностью заменила ст. 1 закона. Ст. 50 УК, определявшая условия смягчения наказания несовершеннолетних, была исключена. Напротив, в ст. 57 сохранилось оставление несовершеннолетних в трудовых домах впредь до исправления, но не дольше 18 лет.

Обзор уголовных кодексов отдельных республик показывает, что многими из них ст. 1 закона 7 апреля была воспринята как общее решение вопроса об ответственности несовершеннолетних. Вопрос об ответственности несовершеннолетних за преступления, не упомянутые в законе 7 апреля, остался неурегулированным законодательным путем. Необходимо, чтобы в уголовных кодексах РСФСР, Грузии, Туркменистана, Таджикистана и Узбекистана этот недостаток был исправлен. Необходимо также, чтобы весьма ценный циркуляр Верховного суда и Прокуратуры СССР был в части, определяющей ответственность несовершеннолетних за преступления, не предусмотренные законом 7 апреля, дифференцирован и приведен в соответствие с возрастом несовершеннолетних, предусматриваемым кодексами отдельных республик.

Вопрос о других элементах юридического состава ст. 1 и закона 7 апреля вызывал разногласия не в законодательстве, а в судебной практике, в попытках толкования этого закона.

Вся судебная практика без исключения к понятию насилия, употребляемому законом, относила не только различные виды тяжких повреждений, побои и истязания, но также и изнасилование.

Расхождения обнаружились по вопросу об ответственности за хулиганство и за мошенничество. Верховный суд РСФСР в постановлении президиума от 14 ноября 1935 г. признал, что несовершеннолетние не могут привлекаться к уголовной ответственности по ст. 74 и 69 УК РСФСР, то есть за хулиганство и мошенничество, так как эти действия не предусмотрены непосредственно законом. 55 пленум Верховного суда СССР признал это постановление неправильным. Пленум указал, что хулиганство несовершеннолетних, сопряженное с насилиями, телесными повреждениями и другими преступлениями, по которым несовершеннолетние могут привлекаться к ответственности согласно закону 7 апреля, должно влечь ответственность по ст. 74 УК.

Это указание юридически бесспорно; как мы указывали выше, термины, употребленные законом 7 апреля, вовсе не стремились воспроизвести терминологию УК. Вопрос о квалификации решает сущность действительно совершенного преступления. Поэтому за хулиганство, связанное с насилием, несовершеннолетние несут ответственность с 12-летнего возраста, а хулиганство, не связанное с такими действиями, под закон 7 апреля не подпадает.

Более спорным, однако не по существу, а по своей формулировке, является указание пленума об ответственности несовершеннолетних за мошенничество. Пленум указывает:

«Кражи, то есть такие преступления, по которым согласно закону от 7 апреля 1935 г. могут привлекаться к ответственности несовершеннолетние, могут совершаться ими при помощи мошенничества, что влечет за собой уголовную ответственность по ст. 169 УК РСФСР».

Это толкование юридически неточно. Кража и мошенничество отличаются друг от друга именно способом своего совершения. Кража, как определяют и закон и теория, есть тайное похищение чужого имущества. Мошенничество есть злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или иных личных выгод. Верховный суд, видимо, хотел сказать, что по закону 7 апреля должны преследоваться опасные случаи мошеннического получения имущества. Меры наказания в таком случае, конечно, должны определяться по ст. 169.

Точно так же нужно признать, что по закону 7 апреля должно преследоваться и открытое похищение чужого имущества или грабеж, хищение социалистической собственности, предусмотренное законом 7 августа, бандитизм и разбой. Во всех этих случаях мера наказания будет определяться по соответствующим статьям Уголовного кодекса. Закон 7 апреля не перечисляет непосредственно этих преступлений, а говорит о краже и различных видах насилия, но несомненно, что все эти преступления подходят под точный смысл закона.

Следующий вопрос, связанный с толкованием ст. 1 закона, — вопрос о мерах наказания, допускаемых в отношении несовершеннолетних. Закон, который стремился покончить с представлением о безответственности несовершеннолетних, написан нарочито суровым языком. Он говорит о применении всех мер уголовного наказания. Он не делает оговорки о неприменимости к несовершеннолетним до 18 лет высшей меры наказания, то есть расстрела.

Возможно, что отсутствие этой оговорки вызвано нежеланием ослаблять впечатление репрессивной силы закона. Но эта оговорка и не нужна. Закон указывает ту статью Основных начал, которую он отменяет, — ст. 8. Закон говорит, правда, о всех мерах уголовного наказания, но расстрел не входит в об-

щую систему этих мер. Он признается нашим законодательством мерой исключительной и временной. Основные начала и все уголовные кодексы устанавливают неприменимость расстрела к несовершеннолетним до 18 лет. Эти постановления сохранены и в Основных началах и во всех уголовных кодексах. Отсюда ясен клеветнический характер выступлений в фашистской прессе, в которых указывалась и такая нелепость, что «в СССР начали расстреливать 12-летних детей».

Ст. 2 закона 7 апреля не вызвала особых затруднений и различий при включении ее в систему уголовных кодексов отдельных республик.

Поскольку она говорит о подстрекательстве и привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, она представляет особое исключение из правил о соучастии, даваемых в Общей части УК. По этим общим правилам ответственность подстрекателей, как и всех других соучастников, определяется по той же статье, что и ответственность исполнителя преступления, а следовательно, и карается мерами наказания, предусмотренными этой статьей. Опасность подстрекательства несовершеннолетних заставила закон 7 апреля установить за эту специфическую форму соучастия в любом преступлении высокую меру наказания — тюремное заключение не ниже 5 лет. Это наказание обязательно, хотя бы само преступление, подстрекательство к которому имело место, каралось несравненно легче, как, например, кража, подстрекательство к которой несовершеннолетних является наиболее распространенным видом этого преступления.

Различия между кодексами отдельных республик в отношении этой статьи закона 7 апреля были только систематического порядка. Только один Азербайджанский кодекс, как указано выше, поместил ст. 2 закона 7 апреля в Общую часть, расценив ее как особое правило о соучастии. Все остальные кодексы рассматривают этот вид соучастия как преступление особого рода (delictum sui generis). Так же, как самостоятельное преступление особого рода, советское право расценивает участие в контрреволюционной организации.

Между кодексами отдельных республик нет единообразия в понимании основного значения этой статьи.

Уголовные кодексы РСФСР, Украины, Грузии рассматривают это преступление как преступление против порядка управления. УК РСФСР помещает его (ст. 73[2]) в непосредственном соседстве с сопротивлением власти (ст. 73) и угрозой, убийством и т. п. по отношению к должностным лицам или общественным работникам (ст. 73[3]). Такое расположение статьи о подстрекательстве несовершеннолетних к преступлениям мало понятно. УК Украины помещает эту статью (67[1]) в более понятном соседстве со статьей 67, карающей призыв к совершению некоторых преступлений против порядка управления (призыв к невыполнению налогов и повинностей).

Весьма неудачно в смысле системы соответствующая статья включена в УК Грузии (ст. 82[1]), где она поставлена непосредственно за статьей, карающей побег из-под стражи.

Более правильна однако, с нашей точки зрения, позиция тех уголовных кодексов, которые относят подстрекательство несовершеннолетних к преступлению, к числу преступлений против личности. При такой системе эта статья располагается по соседству со статьей, карающей неплатеж алиментов (см. ст. 210[1] УК Узбекской ССР, ст. 232[1] УК Белоруссии). В кодексе Туркменской ССР она (ст. 158[1]) помещена, однако, непосредственно после статьи, карающей развращение малолетних или несовершеннолетних (ст. 158). В кодексе Таджикской ССР она (ст. 182) отнесена в раздел о телесных повреждениях и насилиях над личностью и непосредственно граничит со статьей, карающей похищение чужого ребенка.

Наконец, все кодексы, за исключением Уголовного кодекса РСФСР, правильно исключили из статьи, говорящей о неплатеже алиментов и оставлении родителями малолетних детей без поддержки, понуждение детей к занятию нищенством, караемое более строго ст. 2 закона 7 апреля.

Особых споров толкование ст. 2 на практике не вызывало, но дефекты в применении ее как раз наиболее значительны. И в целом ряде статей в наших юридических журналах и в указаниях Верховного суда и Прокуратуры СССР неоднократно отмечалось, что органы юстиции не умеют еще достаточно выявлять подстрекателей несовершеннолетних к преступлениям. Кроме того, закон нарушается судом слишком часто и в отношении выносимых мер наказания. Здесь политика суда недостаточно жестка. В некоторых областях до 50% приговоров по ст. 2 закона 7 апреля нарушают установленный законом лимит, устанавливают наказания ниже 5 лет тюремного заключения.

Обзор уголовных кодексов отдельных республик по этому специальному вопросу показывает не только необходимость немедленного устранения ряда отдельных недостатков и разноречий, которые были указаны. На этом примере можно почувствовать лишний раз, насколько своевременно и необходимо установленное Конституцией СССР единство уголовных законов для всего Союза, единство законодательного центра, единство верховного органа толкования закона. Эти постановления Конституции в то же время уже сейчас обязывают не допускать ни малейшего отклонения от принятых Союзом законов. Постановления Конституции обязывают к исключительно тщательной технической работе всех законодательных органов. Пробелы в законе делаются особенно недопустимыми, когда суд подчинен только закону, когда требования стабильности законов означают и требования твердой единой судебной практики. Без этого нельзя добиться единой законности для всего Союза, а этот принцип, выдвинутый Лениным еще в 1922 г. в его известном письме к товарищу Сталину, превращен сейчас в непререкаемой силы требование основного закона нашей страны — Сталинской Конституции.

В. ТАДЕВОСЯН

Прокурор и следователь по делам несовершеннолетних

Прошло два года с тех пор, как перед органами юстиции во весь рост была поставлена историческая задача скорейшей ликвидации преступности среди несовершеннолетних в нашей стране. Абсолютная нетерпимость детской беспризорности и преступности в социалистической стране стала ясной уже давно, но особенно ощутимой и невыносимой стала детская беспризорность и вместе с ней детская преступность в условиях зажиточной и веселой жизни в стране. Ведомственные сводки, почти ежедневные газетные статьи и сообщения, партийно-профсоюзные собрания на фабриках, заводах, колхозах в конце 1934 г. и начале 1935 г. приводили многочисленные факты недопустимого отношения к детям со стороны школы, детдомов, семьи, общественных организаций, комсомола, сообщали о преступлениях детей, которые оставались безнаказанными, а потому не прекращались, и требовали ликвидации этих позорных наследий капиталистического прошлого. Органы юстиции до 1935 г. оказались в стороне от активной борьбы с детской преступностью, считая, что это дело одних лишь комонесов.

Поэтому, когда 7 апреля 1935 г. с изданием закона о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних было решено передать дела о наиболее серьезных и часто встречающихся преступлениях несовершеннолетних в возрасте от 12 лет на рассмотрение судов, последние, как и органы расследования и прокуратуры, стали перед совершенно новыми для них задачами и трудностями. Специфический характер этих дел требовал выделения особых работников, которые могли бы специализироваться в этой новой области работы органов юстиции.

Инициатива в этом вопросе была в руках Прокуратуры Союза ССР. Еще до издания закона 7 апреля 1935 г., 17 марта 1935 г. на совещании работников прокуратуры, милиции, суда, комонесов, научных и общественных организаций, ведущих борьбу с детской преступностью, созванном Прокуратурой Союза ССР, выявилась необходимость решительной перестройки работы органов прокуратуры, суда и милиции. 22 марта оперативное совещание при Прокуроре Союза ССР наметило ряд конкретных мероприятий в этом направлении, причем тут же было решено выделить как при Прокуроре Союза ССР так и при республиканских, краевых и областных прокурорах специальных прокуроров по делам о несовершеннолетних. В циркуляре Прокурора СССР от 31 марта 1935 г. все эти мероприятия были сообщены местам для исполнения. Позднее, после издания законов 7 апреля и 31 мая 1935 г., в циркуляре от 21 июля 1935 г. («Соц. законность» № 9 за 1935 г.) Прокурор Союза ССР предложил прокурорам республики, краев и областей в целях повышения качества расследования по делам о несовершеннолетних выделить специальных следователей во всех крупных городах и фабрично-заводских центрах.

Указания Прокурора Союза ССР о выделении специальных прокуроров и следователей по делам несовершеннолетних, а также о конкретных мерах к улучшению работы в этой области дали повсеместное оживление и активизацию борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью. Прокуроры по делам несовершеннолетних, особенно в столицах и крупных городах СССР, сумели быстро мобилизовать внимание всех работников, ведущих борьбу с детской преступностью, вокруг трудностей и недостатков в этой работе. Они связались с органами Наркомпроса, профсоюзов, комсомола, секциями советов и провели большую и полезную деятельность, приобретая одновременно опыт и навык в незнакомой им до сего времени области работы. Однако далеко не везде было правильно понято и проведено в жизнь предложение о том, чтобы определенные прокуроры и следователи занимались делами о несовершеннолетних. Многие руководители республиканских краевых и областных прокуратур поняли это дело как очередную кампанию — выделили людей, те поработали немного, написали отчетный доклад, циркуляр и «хватит».

Достаточно сказать, что в Прокуратуре РСФСР за два года действия закона 7 апреля 1935 г. сменилось четыре прокурора, которые попеременно занимались делами о несовершеннолетних. Какое же может быть в подобном случае приобретение опыта и квалификации со стороны этих прокуроров, которые без нужды перемещаются из отдела в отдел, не успев нигде как следует поработать? Только неумением правильно организовать работу и расставить силы можно объяснить такое положение, когда так часто меняют людей, перемещают их без крайней необходимости, искусственно создают текучесть в аппарате, не дают работникам специализироваться, полюбить свою работу, понимая все ее тонкости и ценя ее результаты. В Прокуратуре Союза ССР также к моменту издания закона 7 апреля 1935 г. не было ни одного работника, знакомого с вопросами борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. Однако так как работа эта была выделена и возложена на определенного прокурора, состоящего при Прокуроре СССР, это дало возможность указанному прокурору овладеть предметом и стать специалистом в своей области. Нередко приходится слышать от руководителей местных органов прокуратуры о том, что нехватает у них квалифицированных работников, однако, далеко не все эти руководящие работники умеют выращивать у себя квалифицированные кадры простейшим путем, путем закрепления их в определенном месте, определенной отрасли и

дачи им возможности специализироваться, приобрести опыт и знания.

Объем работы прокуроров по делам несовершеннолетних в различных местах весьма различен; в то время как в г. Москве специальный отдел прокуратуры по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних, имея трех работников, едва справляется с делами несовершеннолетних, и то не всех, а лишь в возрасте от 12 до 16 лет (а не до 18 лет, как это должно было быть), в Воронежской, Курской и целом ряде других областей и краев работы нехватает даже на одного работника прокуратуры. Тем не менее специализация необходима, так как необходимо знание особенностей этих дел, умение обращаться с детьми, допрашивать их и т. д. Расследования дел о несовершеннолетних имеют свои особые трудности. Эти дела сплошь и рядом оказываются более сложными, чем аналогичные дела о взрослых, например, дела о кражах, когда дети отказываются выдавать соучастников, боятся сказать, кто из взрослых преступников является подстрекателем, путают следствие оговорами, признаниями и т. д., несмотря на то, что эти дела во многих случаях должны были бы быть предметом расследования наиболее квалифицированных следователей, далеко не во всех органах прокуратуры крупных городов и фабрично-заводских центрах имеются специально выделенные для этого следователи. Вопросу выращивания специальных следователей по делам несовершеннолетних уделяется еще меньше внимания, чем вопросу о прокурорах по делам несовершеннолетних. Московская и Ленинградская прокуратуры, ссылаясь на то, что милиция имеет специальные бригады, ведущие расследование дел о несовершеннолетних, почти не принимают к своему производству дел для предварительного расследования силами следователей. На Украине же и в некоторых областях и краях РСФСР дела о несовершеннолетних, как правило, расследуются народным следователем или же после расследования милицией проходят через прокуратуру для выполнения необходимых следственных действий со стороны народных следователей.

Общее количество дел о несовершеннолетних, расследуемых следственным аппаратом прокуратуры, увеличивается в 1936 г. до 30—35%. Таким образом процент дел, расследуемых милицией, все еще довольно высок. Однако надо иметь в виду, что в таких городах, как Ленинград, Москва, это расследование со стороны милиции ведется опытными работниками, знающими детскую преступность и условия борьбы с ней.

Тем не менее плохое качество расследования дел продолжает иметь место и до сих пор, особенно в тех случаях, когда это расследование поручается милицией неопытным работникам ее, а прокуроры не наблюдают за ходом и правильным ведением следствия.

Количество дел, которые были расследованы милицией, а затем прекращены производством, равняется 20% всех дел о несовершеннолетних, расследованных милицией (в то время как тот же процент по делам, расследованным следователями, равен 12%). Кроме того, цифры показывают, что расследование дел в органах милиции ведется значительно медленнее, чем в органах прокуратуры. Сводные показатели за I полугодие 1936 г. говорят о том, что в органах милиции 35% всех дел расследуются в сроки свыше месяца, в то время как следователи ведут следствие свыше месяца только по 18% дел.

Прокуратура Азово-Черноморского края в своем докладе сообщает о том, что к началу 1936 г. больше половины всех дел о несовершеннолетних расследовалось милицией; в результате брак в работе был равен 53%. К концу же 1936 г. почти $^3/_4$ всех этих дел расследовалось уже следователями, и процент брака сократился до 15—18%.

Недостаточный процент дел, расследование которых ведется следователями по делам несовершеннолетних, частично возмещается тем, что, как правило, повсюду дела направляются в суд не иначе, как по утверждении обвинительных заключений прокурорами по делам несовершеннолетних. Однако это необходимое мероприятие так же, как и участие прокурора по всем делам в подготовительных заседаниях суда, во многих случаях оказывается запоздалым, прокурорам не удается своевременно замечать и устранять недостатки расследования. Характерно в этом отношении дело о преступлениях в Московском центральном детском кино, о котором писала «Правда» в декабре 1936 г. Суть этого дела заключалась в том, что вследствие безобразного отношения к внешкольной воспитательной работе с детьми, вследствие явного попустительства администрации кино к хулиганскому поведению некоторых детей в кино, оно было в течение нескольких месяцев превращено из прекрасного культурно-воспитательного учреждения для детей в место массового детского хулиганства и других преступлений. Расследование этих преступлений было начато милицией лишь после сигналов «Правды». Быстрыми темпами проведенное расследование все же продолжалось больше месяца, к уголовной ответственности был привлечен за злостное хулиганство ряд несовершеннолетних, и дело было направлено на рассмотрение суда. И вот только на суде, после четырехдневного рассмотрения дела, после допроса нескольких десятков свидетелей выяснилось, что дело не доследовано, что не привлечены к ответственности трое лиц, о которых обвиняемые и свидетели говорили, что они были организаторами хулиганства в детском кино. Прокуратура г. Москвы, допустившая до суда недоследованное дело, имеющее политическое значение, исходя из соображений быстроты применения репрессии, игнорировала вопросы полноты и качества расследования. В результате оказалось, что дело было передано на доследование и еще более затянулось рассмотрением, чем если бы прокуратура во-время исправила ошибки органов расследования надлежащим надзором за ними.

В городе Элиста (Калмыцкая АССР) несколько несовершеннолетних в течение ряда месяцев совершали кражи со взломом из ларьков магазинов и т. д.

Расследование было начато в ноябре 1936 г. Велось оно различными работниками милиции без всякого надзора со стороны прокуратуры

до января 1937 г., а несовершеннолетние тем временем продолжали совершать все новые и новые кражи. Несмотря на длительность расследования, милиция не установила действительных причин совершения краж указанными детьми (которым было от 10 до 13 лет), условий их жизни и воспитания, обстановки обучения и поведения их в школе. Четыре работника милиции по несколько раз допрашивали несовершеннолетних, а возраст привлеченных был установлен только в конце расследования, когда стало ясно, что часть из них неправильно привлечена к ответственности, и потому дело в отношении их было прекращено. Прокуратура установила эти ошибки и недочеты расследования только через два месяца после начала расследования и вместо того, чтобы самой немедленно исправить ошибки милиции и направить дело в суд в отношении лиц, достигших 12-летнего возраста, направила вновь дело в милицию, вступила с нею в пререкания и еще больше задержала окончание расследования.

Участие прокурора в подготовительных заседаниях народного суда по делам несовершеннолетних в начале 1936 г. было, несмотря на циркуляр Прокурора СССР от 21 июля 1935 г., явно недостаточно: по данным статистики РСФСР — только по 35—40% дел. В настоящее время этот процент, судя по сообщениям ряда республик, краев и областей, резко поднялся. Так, например, по Москве, Ленинграду, Харькову, Ростову и другим городам прокурор по делам несовершеннолетних участвует в подготовительных заседаниях суда почти по всем делам. Значительно меньше участие прокуроров и общественных обвинителей в судебных заседаниях по делам несовершеннолетних — 15%. Многие прокуроры считают, что их роль в суде заканчивается участием в подготовительном заседании. Внешняя простота дел о несовершеннолетних (главным образом кражи) приводит их к выводу, что участие прокуратуры в суде излишне, что суд вместе с защитой разберется в деле. Это, конечно, неправильно и нередко приводит к тому, что суды под впечатлением поведения несовершеннолетних на судебном заседании выносят им неосновательные оправдательные или чрезвычайно мягкие приговоры (условные приговоры до сих пор еще в ряде мест составляют 30—40% всех выносимых народными судами приговоров), отрицательное значение которых особо важно по делам несовершеннолетних. Если прибавить к этому, что количество протестов, внесенных прокурорами, не больше 20% дел, рассмотренных ими в порядке надзора (последних также всего 20% из всех дел о несовершеннолетних), будет очевидно, что судебный надзор прокуратуры по делам несовершеннолетних недостаточен и мало эффективен. Возьмем к примеру дела о хулиганстве с поножовщиной. В конце 1936 г. в некоторых местах, например, в г. Москве было отмечено несколько случаев этих преступлений с серьезными последствиями. Вместо того, чтобы от начала расследования и до конца рассмотрения этих дел в суде принять участие в них и добиться применения жестких мер репрессии в целях быстрой ликвидации подобных преступлений, прокуратура допустила применение целого ряда условных и других мягких мер наказаний к этим хулиганам, а затем внесла ряд протестов по указанным делам в вышестоящие судебные органы. Само собой понятно, что и профилактическое значение работы прокуратуры в этих случаях явно ослабляется. Мы здесь не останавливаемся уже на вопросе о воспитательном значении процесса по делам несовершеннолетних, а следовательно и на роли прокурора, выступающего в этом процессе в качестве государственного обвинителя. Это значение процесса и серьезная роль прокурора в нем немало разъяснялись; а по делам о несовершеннолетних они еще более существенны, так как в суде по этим делам обычно бывает много родителей, для которых каждый процесс имеет весьма поучительное значение.

Эти недостатки в работе прокуратуры по делам несовершеннолетних, имеющая иногда место недооценка этих дел, кампанейское отношение к ним, отсутствие систематического контроля со стороны республиканских и областных прокуратур за исполнением указаний Прокурора СССР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних до сих пор еще продолжают мешать правильной организации работы, быстрейшей ликвидации преступлений несовершеннолетних.

Б. УТЕВСКИЙ

Преступность детей и молодежи в капиталистических странах

Продиктованные величайшей заботой о детях и глубоким интересом к их судьбе высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о детской беспризорности и преступности в капиталистических странах дают возможность установить закономерности, которым подчинено развитие детской преступности в капиталистических странах, и понять неизбежную в условиях капиталистического общества обреченность пролетарских детей и молодежи на нищету, нужду, безработицу, физическое и моральное вырождение, беспризорность и преступность.

Маркс и Энгельс не раз останавливались на преступности детей и молодежи в капиталистических странах. В «Капитале» и «Положении рабочего класса в Англии», в статье «Образцовое государство Бельгия» они показывали, как ход развития капитализма неизбежно приводит к прогрессирующему ухудшению

положения трудящихся масс, как губительно это ухудшение отражается на детях и молодежи, бросаемых под «колесницу Джаггернаута — капитала», — этой «капитализированной крови детей» (Маркс), и осуждает определенную часть молодежи на совершение преступлений.

Товарищ Сталин, указав в докладе на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г., что в «США и во Франции совершенно отсутствуют или почти отсутствуют какие бы то ни было формы страхования безработных, в виду чего колоссально растет число бездомных рабочих и беспризорных детей, особенно в США», установил тем самым зависимость детской беспризорности (а значит и неразрывно связанной с ней детской преступности) от общего положения рабочего класса в капиталистических странах.

Фабричное законодательство, защищающее интересы капиталистов, беспощадная эксплоатация детского труда, ужасающие жилищные условия, полуголодное или голодное существование детей и молодежи, невозможность получить хотя бы элементарное образование, политическое бесправие — все эти условия жизни пролетарских детей и молодежи, толкающие их на беспризорность и преступность, неразрывно связаны с капитализмом, им порождаются и только вместе с ним могут быть уничтожены.

Даже официальная статистика несовершеннолетних в эпоху империализма полностью это подтверждает. Эпоха империализма — это, как известно, эпоха «скачкообразного и конфликтного развития капитализма» (программа Коминтерна). Это скачкообразное развитие вело к неравномерности и скачкообразности в процессе ухудшения положения рабочего класса и тесно с ним связанного положения пролетарских детей и молодежи, при неизменной общей тенденции неизбежно прогрессирующего ухудшения этого положения.

Анализ данных официальной уголовной статистики о детской и юношеской преступности на отдельных этапах эпохи империализма и по отдельным странам подтверждает всю правильность устанавливаемых Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным закономерностей развития в капиталистических странах детской беспризорности и преступности.

Частичные и временные понижения кривой детской и юношеской преступности отнюдь не противоречат этим закономерностям, так как вслед за каждым из этих временных понижений систематически следовал новый подъем. Капитализм неизменно остается самим собой. Законы его развития не дают ему возможности надолго задержать рост детской преступности даже тогда, когда капитализм в интересах самосохранения тратит на это большие усилия и средства.

В период 1871—1914 гг. процесс относительного и абсолютного обнищания масс продолжался. Ухудшилось положение детей и молодежи, и вместе с тем росли их заброшенность, беспризорность и преступность. В Германии число осужденных несовершеннолетних в возрасте 12—18 лет составляло на 100 000 населения 739 в 1901 г. и 764 в 1906 г. После такого подъема число это падало до 1910 г. С 1910 г. начался новый рост: если в 1910 г. было осуждено 51 315 несовершеннолетних, то в 1913 г. их было осуждено уже 54 155. Во Франции детская преступность непрерывно растет до 1900 г., а с 1910 г. принимает скачкообразный характер. Число осужденных в возрасте до 16 лет с 3975 в 1905 г. доходит до 5089 в 1909 г. В Англии за период 1900—1909 гг. число осужденных несовершеннолетних несколько уменьшилось, что в значительной мере объяснялось введением в 1908 г. закона о детях, сократившего число дел о несовершеннолетних, направляемых в суды. Тем не менее с 1910 г. начинается новое систематическое повышение.

Империалистическая война привела воюющие и нейтральные страны к полному истощению производительных сил, к разорению и обнищанию народных масс, к острой нужде и подлинному голоду населения. В особенности сильно тяжесть войны легла на детей. Война принесла с собою потрясающую картину детских лишений и страданий, в особенности в Австрии и Германии, испытывавших на себе всю тяжесть блокады. Обследование, произведенное к концу войны в школах в г. Вене, установило, что 33,1% всех школьников страдают от сильного недоедания, 32,4% — от недоедания, 10,8% — от недоедания в более слабой степени и только 3% хорошо питаются. Преступность несовершеннолетних росла. Число осужденных несовершеннолетних составляло: 1935 — в 1913 г., 2334 — в 1916 г., 3002 — в 1917 г., 4039 — в 1918 г. и 6025 — в 1918 г., т. е. выросло на 400%.

В Германии, как и в Австрии, к голоду и физическому вырождению детей присоединились во время войны и в последующие годы распад семей, отцы которых были взяты на войну, распад школы, занятость матерей на работе, безнадзорность, беспризорность и рост преступности несовершеннолетних. С 1914 по 1919 гг. преступность несовершеннолетних, по официальным данным, выросла на 100%. На самом же деле рост ее был во много раз большим.

В Англии число осужденных несовершеннолетних с 14 974 в 1914 г. поднялось до 27 397 в 1918 г., т. е. почти на 100%. Во Франции с 1913 по 1918 гг. число несовершеннолетних, обвиняемых в проступках, выросло на 70%. Выросла детская преступность во время войны в США и в нейтральных странах (в Швеции с 180,0 осужденных в возрасте 15—18 лет на 100 000 населения в 1915 г. до 780,1 в 1918 г.).

За войну, которую империалисты вели во имя увеличения своих барышей, больше всего расплачивались дети пролетариата. Они не только погибали от истощения, от туберкулеза, от тяжелых желудочных заболеваний, но и десятками тысяч шли в тюрьмы, чтобы там окончательно деклассироваться и пополнить ряды профессиональных преступников.

Период относительной капиталистической стабилизации отличался непрочностью, неравномерностью развития, ростом хронической безработицы. Продолжался в значительной степени голодный кризис, вызванный обнищанием масс и истощением внутренних рынков в результате мировой войны. Ухудшающееся

положение трудящихся масс и обострение классовых противоречий влекли за собой повышение преступности, хотя и не столь бурное, как непосредственно послевоенный период. Несмотря на расцвет в этот период либеральной тактики буржуазии в области борьбы с детской беспризорностью и преступностью, наряду со скачкообразным движением детской преступности и некоторым понижением в одних странах, наблюдался неуклонный ее рост в других. Понижалась в общем кривая детской преступности в этом периоде в Германии. Во Франции статистика этого периода свидетельствует о скачкообразном росте детской и юношеской преступности. В Италии, хотя и незначительно, но все же преступность несовершеннолетних росла из года в год. Понизилась несколько преступность несовершеннолетних в Англии, но она систематически повышалась в Польше.

Таким образом в некоторых странах, благодаря временному улучшению хозяйственной конъюнктуры, буржуазии удавалось местами добиться незначительного понижения преступности несовершеннолетних. Стоило, однако, разразиться мировому экономическому кризису, и все эти дорогой ценой доставшиеся буржуазии «достижения» пошли на смарку.

Товарищ Сталин в докладе на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. нарисовал потрясающую картину положения рабочего класса в странах капитала в годы кризиса: «Посмотрите-ка на капиталистические страны, — говорил товарищ Сталин, — какие ужасы творятся там на почве безработицы. В этих странах имеется теперь не менее 30—40 миллионов безработных. Что это за люди? О них обычно говорят, что это конченные люди. Безработным отказывают в пище, потому что им нечем платить за пищу, им отказывают в крове, потому что им нечем платить за квартиру. Чем и где они живут? Они живут скудными подачками с барского стола, раскапыванием мусорных ящиков, где они находят гнилые остатки пищи, живут в трущобах больших городов, а больше всего в лачужках за городом, наскоро выстроенных безработными из досок от ящиков и древесной коры»[1].

Пролетарские дети и молодежь разделяют судьбу своего класса и платят дань преступности еще в больших размерах, чем их отцы и взрослые братья. Что характеризует в настоящее время жизнь широких слоев трудящейся молодежи?

«Массовая безработица, растущее количество молодежи, никогда не работавшей и вообще не имеющей возможности получить профессию; жестокая эксплоатация занятых на производстве; обнищание крестьянской молодежи; лишение политических прав молодежи и ее прав на культурную жизнь, резкое сокращение возможностей получения как общего, так и специального образования; потеря всякой перспективы; разрушение здорового быта молодежи, рост бродяжничества, проституции и нищеты» (из резолюции VI конгресса КИМ).

Правда, буржуазия, напуганная ростом детской преступности, продолжает в этом периоде принимать меры для ее понижения. В ряде стран издаются законы о детском суде и специальные «законы о детях». Вопросы детской беспризорности и преступности ставятся на международных конгрессах. Вопросами «охраны детства» занимается Лига наций. В годы кризиса буржуазия особенно энергично втягивает детей в буржуазные и в особенности фашистские, массовые детские и юношеские организации. Одновременно буржуазия усиливает судебную и внесудебную расправу с молодежью, загоняет миллионы молодежи в лагери трудовой повинности или заставляет ее отбывать принудительную годичную «сельскохозяйственную службу».

В этот период в капиталистических странах не только растет преступность несовершеннолетних и молодежи, но преступность в целом настолько «омолаживается», что проблема преступности становится все более проблемой преступности молодежи.

Рост числа осужденных несовершеннолетних в Англии наглядно рисуется и следующими данными: на 100 000 населения приходилось осужденных несовершеннолетних: в 1929 г. — 288, в 1933 г. — 370.

Несмотря на то, что официальная статистика Германии и фашистские «исследователи» изо всех сил стараются убедить читателей в том, что преступность несовершеннолетних в Германии понижается, имеются все основания утверждать обратное.

Официальные статистические отчеты о судившихся за 1931 и 1932 гг. говорят о том, что преступность несовершеннолетних в Германии понизилась. Однако таблицы возрастного состава осужденных составлены так, что они несравнимы: за 1931 г. приводятся сведения о числе осужденных в возрасте 14—21 г., а за 1932 г. — в возрасте 14—18 лет.

Пытается доказать понижение детской и молодежной преступности в Германии фашистский автор Эрхардт. Однако приводимая им, составленная по официальным материалам, таблица выдает его с головой. Как видно из таблицы, коэфициент преступности несовершеннолетних (повидимому, на 100 000 населения), составлявший в 1931 г. 977, вырос в 1932 г. до 1093, т. е. на 11,9%[1].

Впрочем, данные официальной статистики вряд ли могут вообще претендовать на точное отражение состояния детской преступности в Германии. Писал же в 1932 г. германский либеральный журнал по охране детства: «Мы имеем круглым счетом миллион несовершеннолетних безработных. Число несовершеннолетних, бродящих по дорогам, оценивается в 200 000. Число юношей и проституток девушек растет. В Берлине ежедневно похищается 100 велосипедов, а в месяц 250 автомобилей. Виновники в преобладающем числе случаев — несовершеннолетние. Число осужденных детскими судами несовершеннолетних давно уже перестало быть масштабом действительного числа правонарушителей»[2]. Еще более усилилось несоответствие между официальными данными и действительными размерами преступности несо-

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 500—501.

[1] Ehrhardt, Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtsurssenschaft, 1935, H. 5—6, S. 670.

[2] Zentralblatt f. Jugendrecht und Jugendwohlefahrt, 1932, H. 2.

вершеннолетних после захвата власти фашистами. Большое количество молодежи было вовлечено в штурмовые отряды, совершающие бесчисленные преступления над населением под флагом борьбы с марксистами, коммунистами и евреями, — преступления, которые не только не преследуются в уголовном порядке, но даже поощряются, как проявление арийского духа.

Наконец, сотни тысяч юношей загнаны в лагери трудовой повинности, где преступления — проявления возмущения молодежи, сопротивления и протеста—ликвидируются внутренними мерами и носят скромное название «дисциплинарных проступков», за которыми следуют нигде не учитываемые «дисциплинарные меры», даже легально достигающие 8 месяцев лишения свободы.

Насколько можно судить по данным тюремной статистики, а эти данные с известными поправками отражают движение преступности, преступность несовершеннолетних в Польше продолжает систематически расти. В общих тюрьмах Польши содержалось несовершеннолетних:

1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
168	853	869	881	899	973	1126	1192

Таким образом, за исключением некоторых случаев временного и частичного снижения, детская и юношеская преступность в годы кризиса и тяжелой депрессии растет не только абсолютно, но и относительно, и удельный вес числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, увеличивается.

Этот процесс сопровождается тесно связанным с ним процессом понижения среднего и низшего возраста несовершеннолетних преступников внутри группы несовершеннолетних. В преступность втягиваются все более юные возрасты, и в отдельных странах среди несовершеннолетних преступников происходит передвижка от старших групп (21—18, 18—16, 16—14) к более молодым (16—10, 10 и ниже).

В тюрьмах США несовершеннолетние в 1933 г. распределялись по возрастам следующим образом[1]:

[2]) (См. табл. на верху стр. в правой колонке).

Возраст	Мальчики	Девочки
Моложе 5 лет . .	5,7%	10,0%
5—10 . .	11.1%	15 2%
10 лет . .	5,0%	3 2%
11 „ . .	6 %	3 8%
12 „ . . .	9.1%	5.6%
13 „ . . .	11 7%	9 1%
14 „ . . .	17,7%	13,3%
15 „ . . .	19.4%	17.5%
16 „ . . .	10,0%	13.1%
17 „ . . .	3,9%	6 9%
18 лет и старше	1,0%	2,3%

5,7% мальчиков и 10% девочек, совершающих «преступления» в возрасте моложе 5 лет, разве может быть более разительное даже для капиталистических стран доказательство неслыханного понижения возраста несовершеннолетних преступников?!

В Австрии во время войны и в послевоенный период можно уже было явственно проследить передвижку внутри группы несовершеннолетних преступников в сторону наиболее юных возрастов. За период 1912—1920 гг. рост числа детей и молодежи происходил здесь следующим образом:

Число преступников в возрасте 10—14 лет выросло в 18 раз.

Число преступников в возрасте 14—16 лет выросло в 5 раз.

Число преступников в возрасте 16—18 лет выросло в 4 раза[1].

В Англии по последним данным (за 1933 г.) в пределах группы несовершеннолетних до 21 года наибольший коэфициент преступности (на 100 000 населения) дает возраст 14—16 лет.

И, наконец, надо отметить происходящий, параллельно с описанными изменениями в составе детской и юношеской преступности, общий процесс омоложения преступности, т. е. понижения возраста групп населения, дающих наибольший коэфициент преступности.

По данным о среднем возрасте заключенных, поступивших в федеральные тюрьмы г. Нью-Йорка, можно с исключительной отчетливостью проследить понижение из года в год среднего возраста поступивших заключенных. Этот возраст составлял:

1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.[2]
25 49	25,15	24 64	24 90	24,92	24,90	24,82	24,14	23,29

[1] F. Warner, Juvenil Detention in United States, 1933, P. 106.

[1] Ruhle, Das proletarische Kind. S. 110.
[2] Tufths, Americas Sozial Morality, 1933, P. 236.

Про 1932 г. американский криминолог Тэфтс пишет, что наиболее криминальным возрастом был 19-летний. К такому же выводу привело изучение в 1932 г. карточек Вашингтонского дактилоскопического бюро, в котором сосредоточиваются материалы со всего США, дающие картину всей преступности США.

По словам отчета о преступности в штате Филадельфия за 1931 г., «взрослые и более молодые преступники исчезают мало-по-малу со скамьи подсудимых, а на их место становятся преступники — почти мальчики»[1]. Один из судей в штате Лос-Анжелос указывает, что «возраст преступника с каждым годом все более понижается, и проблема, которой мы заняты,—это в настоящее время почти всецело юношеская проблема»[2].

Чтобы проследить изменение возрастного состава преступников в других странах, мы пользуемся следующими тремя группами материалов: данными, опубликованными в работе проф. Неклюдова и относящимися к времени до 1865 г., данными, собранными М. Гернетом, Майором и Войтинским, и, наконец, данными о наиболее криминальном возрасте, собранными в 1935 г. проф. Хакером[3]. Правда, при этом приходится пользоваться не вполне сравнимыми материалами: Неклюдов определял коэфициент преступности разных возрастов в процентах к общему числу осужденных, а остальные авторы — в числах осужденных разных возрастов на 100 000 населения данной страны. Но даже с учетом несовпадения методов измерения выводы получаются достаточно убедительные.

Наиболее криминальный возраст по тем странам, которые можно сравнить по всем трем или по двум группам источников, понижался следующим образом: Австрия до 1865 г. — 30—40 лет, в 1896—1900 гг. — 20—30 лет, в 1900—1912 гг. — 20—25 лет; Бельгия до 1865 г. — 30—40 лет, в 1912 г. — 21—25 лет (мужчин), в 1920 г. — 18—21 год; Германия — 1911 г. — 30—40 лет, в 1929—1931 гг. — 21—30 лет; Дания — в 1891—1896 гг. — 20—25 лет., в 1929—1930 гг. — 18—21 год.

По остальным странам мы не имеем сравнимых показателей, но следующие данные, составленные нами по материалам Хакера, показывают, насколько снизился со времени Неклюдова наиболее криминальный возраст.

В Болгарии наиболее криминальный возраст 17—21 год: в Швеции — 18—21; в Чехословакии — 18—21; в Финляндии 21—25; в Мемеле (обл.) 18—21; в Норвегии 21—25; в Данциге 21—30; в Швейцарии 20—30; в Греции 21—30; в Ирландии 21—30; в Голландии 21—30; в Португалии 21—30; в Венгрии 22—30.

Какой вывод может быть сделан из этих данных? Возраст наибольшей преступности, все более снижаясь, явственно перемещается к 17, 18, 19, 20, 21 годам.

Молодежь, — вот кого капитализм все более обрекает на преступность, кого он загоняет в залы судебных заседаний и за тюремные решетки.

Этот вывод находится в полном соответствии с положением, установленным в резолюции VI конгресса КИМ: «Жизнь молодого поколения трудящихся в капиталистических странах за последний период неслыханным образом ухудшилась и все больше ухудшается. Молодежь в своем подавляющем большинстве сейчас является жестоко угнетенным, бесправным поколением.

Роста преступности несовершеннолетних в капиталистических странах не могут остановить ни либеральные мероприятия, ни суровая уголовная репрессия.

В эпоху расцвета либерализма писалось много книг и статей и делалось докладов на тему о вреде применения наказаний к детям.

Расцвет этих либеральных теорий сопровождался, однако, казнями несовершеннолетних, каторжными приговорами, переполнением детских тюрем и телесными наказаниями.

В одной только Англии за первые 25 лет XX в. было приговорено к смертной казни 57 лиц в возрасте до 21 года: 48 юношей и 9 девушек[1].

Во Франции в 1896—1910 гг. было приговорено к казни 46 лиц в возрасте от 16 до 20 лет[2].

Английские суды не останавливаются перед присуждением несовершеннолетних к каторжной тюрьме. В 1925—1926 гг. к «уголовному рабству» (каторжная тюрьма) были приговорены 21 несовершеннолетних[3].

За мелкие проступки английские суды шлют детей в тюрьмы и в учреждения для принудительного воспитания. В 1935 г. мальчик 9 лет был отправлен в такое учреждение за то, что он украл детскую коляску, так как его матери, сопровождавшей его из школы, было тяжело нести другого ребенка на руках. Трое детей были посланы в тюрьму за то, что они портили деревья, принадлежащие герцогу Джерсейскому. Мальчик был осужден на 14 дней тюрьмы за кражу яблок. Мальчик был осужден в Этингеме к двум месяцам тюрьмы за то, что из рогатки разбил стекло в церкви[4].

Очень часто дети приговариваются в Англии к тюремному заключению за неуплату штрафа. В течение одного только года за такие «преступления» было отправлено в тюрьму 703 детей. Одна девочка была приговорена к тюремному заключению за то, что не уплатила 12 шиллингов штрафа, наложенного на нее за продажу на улице помидоров в позднее время. Другой мальчик был оштрафован за то, что проехался по тротуару на детской мотоциклетке[5].

«Более двух тысяч ребят ежегодно отправляются в тюрьмы, — говорил в свое время бывший министр внутренних дел Англии

---

[1] „Archiv f. Criminologie", 1932, H. 5—6. S. 261
[2] Judge Black, в книге Tufths, Americas Sozial Morality, 1933 г. 23
[3] Hacker, Monat chr f. Krim Psych. und Str R, Ref., 1935. H. I, S. 20 Mayr. Statistik; Гернет, Моральная статистика; Неклюдов — по последней книге М. Гернета.

[1] Hausman, A new way withe crime, P. 92.
[2] Wottinsky, Die Welt in Zahlen, S 353.
[3] Howard Journal 1933, № 4, S. 15.
[4] „Daily Worker", 26 апреля 1935 г.
[5] «Дети в тюрьмах», «Правда» от 6 июня 1935 г.

Джонсон Хикс, — из них многие осуждены за неуплату штрафа» [1].

В США несовершеннолетние, поступившие в 1923 г. в тюрьмы, распределялись по наказаниям, к которым они были приговорены следующим образом: пожизненное заключение — 0,5%; до совершеннолетия — 0,5%; на неопределенные сроки — 21,5%; на определенные сроки — 77,7%; из них: менее чем на один год — 55,3%; на 1 год — 5,1%; на 2—5 лет — 4,9%; на 5 лет и более — 1,7%; неизвестно на какой срок — 10,9%.

В 1929—1930 гг. в государственные и федеральные тюрьмы США для взрослых было направлено 50 детей в возрасте до 14 лет. При этом 5 из них, в возрасте 12 и 14 лет, были приговорены к пожизненному заключению, а один в возрасте 13 лет — на неопределенный срок от 15 лет до пожизненного лишения свободы [2].

13-летние дети, осужденные к пожизненному заключению, — воображение отказывается представить себе этих несчастных детей!

Среди осужденных к срочному лишению свободы имеется 14-летний мальчик, осужденный к лишению свободы на срок от 1 года до 50 лет.

По данным Эссерлянда, один из судов США приговорил за год несовершеннолетних: 65 — к тюремному заключению, 40 — к цепной команде (самый страшный из видов каторжных работ, больше 10 лет которых не выдерживают самые крепкие взрослые люди), 12 — к лишению свободы в реформаториях и 1 — в сиротском доме, 156 были оштрафованы, 156 были оправданы и только 51 приговорен к условным наказаниям [3].

По данным австрийской уголовной статистики за 1929 г., к безусловному лишению свободы было приговорено 38% несовершеннолетних.

Политика национального угнетения нашла свое отражение и в судебной репрессии по делам о несовершеннолетних. По свидетельству Варнера, негритянские дети чаще помещаются в тюрьмы, чем белые.

«Негритянские дети, — говорит Варнер, — вырываются из своих семей в два с половиной раза больше по сравнению с их долей в общем населении страны. В особенности высок процент негритянских детей в тюрьмах для взрослых. Приблизительно половина всех детей, содержащихся в тюрьмах для взрослых, — это негритянские дети» [4].

Не менее яркий образчик подчинения судебной политики национальной травле — это известное дело юношей из Скоттсборо, осужденных к смертной казни на основании показаний проститутки, отказавшейся позже от своих показаний. Впрочем, казни юношей негров по суду конкурируют с казнью посредством линчевания. В декабре 1935 г. в Колумбусе (штат Техас) был линчеван 16-летний негр по обвинению в убийстве дочери фермера, которая на самом деле упала с лошади и разбилась. Почти одновременно в Западной Виргинии был найден висевший на дереве труп негритянского юноши, облитый керосином и подожженный толпой [1].

Особое усиление репрессий в отношении несовершеннолетних принес с собою фашистский режим в Германии. В 1935 г. Моллеихауэр сообщил, что, в то время, как раньше суды в Германии приговаривали несовершеннолетних, как правило, к тюремному заключению, теперь они не останавливаются перед применением к несовершеннолетним каторжной тюрьмы, и число приговоров несовершеннолетних к наказаниям на длительные сроки, свыше 4 лет, значительно возросло [2].

Резкое усиление репрессии в Германии подтверждается и повышением среднего срока тюремного заключения несовершеннолетних. С 13 месяцев в 1932 г. этот срок вырос до 22 месяцев в 1935 г. [3].

Распространение на несовершеннолетних закона 1934 г. о профессиональных преступниках и подсудности по делам о политических преступлениях «народному» суду несомненно вызовет новое еще большее усиление репрессии по делам о несовершеннолетних.

Приговоры несовершеннолетних к лишению свободы стали вместе с тем выполняться в Германии с каждым годом строже, а применение досрочного освобождения несовершеннолетних стало резко падать. Процент досрочно освобожденных к общему числу всех освобожденных несовершеннолетних, составлявший в 1932 г. 30%, упал в 1933 г. до 25%, а в 1934 г. до 10% [4].

Однако самое суровое применение германскими фашистами судебной репрессии бледнеет перед внесудебным террором в отношении детей. По сведениям, сообщенным польской печатью и воспроизведенным во всей европейской прессе, в Германии в 1934 г. 22 000 несовершеннолетних были помещены в концентрационные лагери. В 1935 г. число детей, содержащихся в лагерях, выросло до 40 000. Большинство из них в возрасте около 14 лет [5].

Но мало применения к детям и молодежи казней, каторги и тюрьмы. На них обрушивают еще и телесные наказания. Кнут, плеть и розга до сих пор не выходят из легального репертуара судебных мер, не говоря о еще более широко применяемых нелегально телесных наказаниях.

До сих пор классической страной сечения детей по приговору суда и без суда, в порядке дисциплинарной меры в тюрьмах, остается Англия.

---

[1] Godwin, Cain or the future of the crime, P. 63.

[2] Journal of criminal Law and Criminologie, 1934, P. 17.

[3] Sutherland, Principles of Criminologie, 1934, P. 282.

[4] Warner, Juvenil Detention in United States, P. 147.

[1] „Daily Worker" 2/XII 1935.

[2] Mollenhauer, Zeitschr. f. d. ges. Straf. R. Wiss. 1935, H. 5 6, S. 594, 605.

[3] Там же, S. 593.

[4] Там же, S. 607.

[5] „Daily Worker", 28/XII 1935.

Либеральничающие английские авторы любят оправдывать сохранение сечения детей фактом уменьшения числа случаев применения судами телесных наказаний. Так, например, Брокуэй указывает, что число приговоров к этой мере, составлявшее в 1917 г. 4,971, упало в 1924 г. до 607 [1].

Однако насколько крепко Англия придерживается сечения детей по суду, видно из того, что попытка отменить в законодательном порядке сечение детей в качестве меры наказания встретила в 1933 г. столь решительное сопротивление со стороны палаты лордов, что перед ним спасовала палата общин, одобрившая уже было отмену телесных наказаний для детей [2].

Продолжают до сих пор сечь детей по приговорам судов и в Шотландии. Хотя здесь число случаев сечения одно время уменьшилось, но оно с 1928 г. снова систематически возрастает: было высечено детей по приговорам судов: в 1925 г. — 255; в 1927 г. — 247; в 1928 г. — 127; в 1929 г. — 177; в 1930 г. — 155 и в 1931 г. — 196.

В США по сведениям, сообщенным Зесерляндом, детский суд только в одном штате имеет право приговаривать детей к сечению. В нескольких штатах судьи могут предписывать сечение детей, взамен предания их суду, что мало в сущности меняет дело. Один судья сказал Зесерлянду, что в случаях упорного уклонения детей от посещения школы его метод состоит в следующем: «Сперва прочесть нотацию, потом приказать родителям высечь ребенка, потом направить его в учреждение для принудительного воспитания». Зесерлянд также указывает, что согласно отчету управления учреждениями для принудительного воспитания сечение было применено 4 судами к 121 несовершеннолетним [3].

В Германии в числе «воспитательных» мер, предусматриваемых законом 1923 г. о детских судах, имеется передача для «исправления» (Zucht) лицу, уполномоченному воспитывать, или в школу. Лист, комментируя это право суда, указывает, что в подобных случаях воспитательное воздействие должно производиться при помощи всех правомерных средств исправления, и прибавляет: «к которым принадлежат и физические наказания» [4].

Фашистское законодательство Германии не ввело еще по суду физических наказаний для несовершеннолетних. Но оно уже легализировало их в учреждениях для принудительного воспитания. В тюрьмах избиение несовершеннолетних производится самым безудержным образом без всякой легализации.

Однако, судя по тому, что в германской специальной печати начинают появляться статьи на тему «За и против» телесных наказаний для несовершеннолетних, отвечающие, конечно, на вопрос о целесообразности введения этой меры в положительном смысле, можно ожидать в недалеком времени законодательного оформления широко практикующегося сечения и избиения детей.

Пока же фашистская Германия создает себе печальную славу массовым применением стерилизации детей. Когда печать впервые сообщила об изуверском предложении германского профессора Гейнца, стерилизовать девочек 11—15 лет, оказывая давление на сопротивляющихся родителей, то можно было думать, что голос этого изувера, прикрывающегося званием профессора, не встретит сочувствия даже в фашистской Германии. Однако фашисты приступили уже к стерилизации несовершеннолетних, совершающих преступления. Молленхауэр сообщает, что о 500 поступивших в одну из тюрем несовершеннолетних был поставлен вопрос о стерилизации в отношении 15, а в отношении 4 был поставлен еще до их поступления в тюрьму; в отношении 16 ходатайство было удовлетворено [1].

Но ни система либеральных мероприятий, ни беспощадная репрессия не в состоянии остановить действие закономерностей, установленных Марксом и Энгельсом. Капитализм, в силу внутренних, присущих ему противоречий, не может разорвать тот круг нищеты, голода, лишений, безработицы, физического и морального вырождения, который он несет пролетарским детям и юношам.

Анализ положения детей и подростков в современных капиталистических странах показывает, что установленные Марксом и Энгельсом закономерности развития детской и юношеской преступности сохраняют полностью свою силу. При ознакомлении с жизнью, бытом, условиями работы рабочего класса и пролетарских детей и молодежи невольно оживают в памяти картины, нарисованные в «Капитале» и в «Положении рабочего класса в Англии». Капитализм не может улучшить положение рабочего класса. Он может только ухудшить условия его существования и труда. И хотя бы уже по одному этому бессильными оказываются в борьбе с детской преступностью и либеральные и реакционные его мероприятия. Это одно из тех противоречий, с которым капитализм справиться не может

---

[1] Brockway, A new way withe crime, 1928, P. 63.

[2] См. у М. Исаева, в „Сборнике по детской преступности в капиталистических странах"

[3] Sutherland, Principles of Criminologie, 1934, P. 282.

[4] Lisst, Lehrbuch, 1927, S. 389.

[1] Mollenhauer, Zeitschr. f. d. ges. Straf. R. Wiss. 1935, H. 5 и 6, S. 598.

Д. ГОРВИЦ

Несовершеннолетние перед судом

(Московская камера)

Описанием данных, полученных в динамике разбора судебного дела, в живой связи с несовершеннолетними обвиняемыми мы делаем попытку дать их облик, рассказать, каковы их интересы.

В этот сложный переходной период, когда из ребенка формируется взрослый человек, когда исчезают особенности первого, но не вполне еще установились особенности второго, интересы подростков очень различаются. Семья, школа, общее окружение, возраст — год и даже полгода — значительно меняют круг и сферу направленности их интересов.

Несмотря на то что ребята в 12 и 13 лет перед судом легко раскрываются, их профиль дается труднее, чем подростков старшего возраста, так как их умственные интересы еще не столь четко отдифференцированы.

Двор, улица, витрины ближайшего продуктового магазина, а то и рынок, вокзал, жажда сластей, игры, неумеренное катание на коньках легко конкурируют с намечающимся интересом к книге.

Но над всем этим царит, все побеждает в этом возрасте интерес к кино.

Ваня Л., 12½ лет, специализировавшийся на мелких кражах у соседей по квартире, — то утюг из кухни унесет, то просушиваемое белье стянет, а то и горящую керосинку, на которой кипятится молоко, увезет на рынок — несмотря на обилие улик, упорно не признается в совершении краж.

На вопрос судьи, любит ли смотреть картины в кино, забывшись отвечает:

«Ужас, как люблю кино, на него-то и деньги все свои трачу».

«А где деньги берешь?»

«Ла от краж имею».

«Ведь ты, небось, с товарищами делишься?»

«Нет, это те, что по верхам лазят[1], делятся, а я только в своей квартире ворую. На Чапаева всех товарищей со двора кином угощал, да самого своего первого товарища два раза водил».

«А сам сколько раз смотрел Чапаева?»

«Раз 8 или 9».

«Еще что видел?»

«Много картин, да лучше Чапаева нет».

«А почему тебе нравится?»

«Нигде нет такого, как Петька. Я бы за Чапаева тоже погиб».

«Чем же он тебе так нравится?»

«Хорошо умел командовать, чтобы белых бить. Расстреляет, своего не пожалеет, если что против дисциплины сделают. У него партизаны все одно, что Красная армия у Ворошилова».

«Кем хочешь быть?»

«Ясно, командиром».

«А ясно ли тебе, что того, кто кражами занимается, в Красную армию не берут? Там такие не нужны».

«Теперь понимаю, больше воровать не стану».

«А как же с кино?»

«Буду ходить на детские сеансы, мать по 25 коп. дает».

В последнем слове: «Пусть меня из школы не выключают, буду учиться и в кружок планерный запишусь. Дайте условно, чтобы потом, как мне в Красную армию итти, не посчитали, что я судимый. Не только у жильцов, а у матери ничего теперь воровать не буду».

Прошло 1½ года. Проверен. Учится хорошо. Стал пионером.

Большинство наших подсудимых 12- и 13-летнего возраста — это, как они себя представляют, — будущие бойцы, танкисты, красные командиры и летчики. Многие из них интересуются газетой уже не ради одних происшествий.

Военно-испанский мятеж занимает их мысль, и все, как один, отвечают: «Мятежники — это те же фашисты». Это «как у нас в гражданскую войну белые».

«На чьей стороне ты бы сражался?»

«Я мятежников, их генералов, гонял бы».

У подсудимых этого возраста книга занимает еще мало места. Переход от чисто детской книги к подростковой — приключенческой — происходит не сразу. Ослабевает интерес к рассказам из детской жизни, о животных и растениях, но уже определяется влечение к рассказам о военных походах и событиях. Многие же ребята совсем не имеют в своем обиходе книги.

Помимо кино, в этом возрасте мы встречаемся еще с одной страстью — «приваживание голубей».

Любя голубей, зорко охраняя своих, ребята не стесняются в свою голубятню заполучить чужих голубей; для покупки еще одной парочки совершить кражу кроликов из соседнего сарая, запертого на замок, а там по дороге «развернуть» и безнадзорную палатку, нет ли в ней чего съестного.

Казалось бы, интерес к голубям — здоровый детский интерес. Что тут родителям препятствовать? А между тем, этот интерес, по самой своей природе влекущий их на улицу, вызывает легкость встреч и знакомств не только с «болтающимися» подростками, но и с деклассированными взрослыми, ловко пользующимися ребятами как орудием для достижения своих преступных целей. Общие ночевки летом в сараях, бесконтрольность поведения подростков постепенно приводят их к уходу и побегам из дому, не говоря уже о том, что в первую очередь бросается школа.

Каждый побег из дому, как бы краток он ни был, — три, пять дней, неделя — ведет к

[1] Карманники.

разрыву с семьей, к приобретению антисоциальных навыков, к одичанию, тем более опасному, что побег имеет тенденцию к периодическому повторению.

Голубей «гоняют», голубей «манят», голубями идет торг.

«По 25 руб. за парочку взял».

Он же, голубь, участвует и в показаниях на суде несовершеннолетнего Гр-ва, 13 с половиной лет, признающего себя виновным в краже на рынке денег у колхозника.

«Почему на рынок попал?»

«А за кормом для своих голубей на Конную ездил».

Тот же Гр-в научил 11-летнего Вилю украсть из портфеля своего приемного отца—кассира — 1200 руб.

По обвинению в растрате этих 1200 руб. отец сидит в тюрьме, так как Виля в милиции упорно не признается, что деньги он из дому унес. На суде по обвинению Гр-ва в краже свидетель Виля говорит: «Я «Рыжего» (кличка Гр-ва) боялся, потому в милиции и не сказал, что я деньги взял. «Рыжий» бы меня избил до смерти. Он к нам в дом ходил, научил меня голубей гонять. Никто так их хорошо не приманивает, как «Рыжий».

На суде выясняется, что и до этой кражи под угрозой Гр-ва Виля совершил кражу у отца 300 руб. и целую неделю после этого скрывался в сарае у «Рыжего».

В школе Гр-в не учится около двух лет, исключен за хулиганство. Дома не питается: «не вкусно». Ест на свои деньги. «Спать люблю в сарае». «А что мне родители? Только и знают, что ругать меня». Книг не читает, газетами не интересуется, но «про войну Италии с Абиссинией любит слушать». «Одна только и есть хорошая книга из всех: Робин-Гуда «Роб-Рой», где пишется про грабителя».

А вот подсудимые постарше. Обвиняются по п. «г» ст. 162 УК. Их шестеро, в возрасте от 15 до 18 лет.

Ночью, в канун Октябрьских праздников, они взламывают продуктовый магазин и совершают кражу. Рыба, ящик консервов, головки сыра, четыре ящика вина, сласти, бочонок масла выносятся из магазина и прячутся в близлежащем сарае одного из соучастников. Спрятав украденное (с собой захватывают лишь по паре пачек папирос), они двигаются дальше. Шутя и смеясь, попутно «вскрывают» квасную палатку, притом захватывают с собою насос, который кладут в тот же сарай.

«Палатку открыли, потому что захотелось напиться квасу».

«Товар из магазина вынесли: хотели праздник весело встретить».

«На кражу из магазина сговаривались в парадном ходу: их было сначала трое; там же они вместе предварительно и выпили из бутылки; двое к ним «пристали» по дороге, возвращаясь из кино, а к шестому, старшему, работающему на заводе слесарем, все пять пришли за инструментами. Сначала не давал, но соблазненный перспективой «весело праздник встретить», он пошел с ними на «дело».

Все живут в семьях, с родителями. Четверо из них имеют приводы. Один уже условно осужден. Все пьют, курят. На кражи шли «выпивши». Двое не учатся и не работают, остальные либо учатся в ФЗУ и имеют заработок, либо работают.

Николай П. Не работает, не учится. Ему 15 лет. Исключен из 6 класса за дезорганизацию группы. За 5 месяцев до данного дела той же камерой осужден условно к лишению свободы на 1 год по ст. 162 УК. Родная мать умерла, отношения с мачехой хорошие.

«Пью с год, как из школы ушел, пью, когда деньги есть».

«Почему шел на кражи?»

«Не из нужды, из баловства. Время у меня много свободного было».

«Что государственную собственность из магазина беру — это я знал, но я не расхититель социалистического имущества. Я себя вором не считаю и вором не буду. На себя я не надеюсь. У меня слабая воля, сегодня решаю одно, завтра другое делаю. Прошу направить в коммуну, да только в Болшевскую».

16-летний Сергей Н. Окончил 7 классов, в школе был пионером, работает учеником-слесарем ФЗУ на заводе им. Сталина. Имеет привод.

«Не знаю, что заставило меня воровать. Шел для баловства. Родителям сделал еще хуже, чем себе. Все думал: взрослым стану, буду родителям помогать. Документ себе годом старше сделал, чтобы поскорее на завод поступить: отца жалко — слепой, да и мать стареет. Если бы сознавал хорошо, я бы этого не сделал. Все передумывал, пока сижу под стражей. Думаю, что исправился уже, но понимаю, что вы мне должны дать тюрьму». Любит читать занимательную физику, химию, вообще про технику.

Из этой же группы 15-летний Т., «приставший», обнаруживает немалую начитанность. Он давно расстался с чтением фантастического. Как он выразился на суде, Жюль Верн «засоряет мозг». Его любимый писатель Горький. «Мать». «Детство», «Супруги Орловы», «Челкаш», «Дело Артамоновых», «Клим Самгин» — все персонажи в его памяти, как живые.

«Я люблю читать жизненное. Люблю театр, если на сцене показывают картины из периода гражданской войны. Люблю «Разгром» Фадеева. Нравится мне Лев Толстой, Тургенев, Лесков, Джек Лондон. Из картин мне больше всего понравилась «Иудушка Головлев», потому что так бывает в жизни, как Щедрин описывал. Вот уж умел в человека посмотреть! Нравится мне Чапаев».

По день ареста П. был записан в двух библиотеках. Мать жалуется суду, что сын по ночам книги читает. «Хоть бы в библиотеку какую его определить на место: там бы уже удержался, а то из одной мастерской в другую переходит».

Перед судом девушка. 15-летняя М-ва, единственная дочь кустаря-фотографа, живущая в достатке со своим отцом, специализировалась на кражах пальто в школах. Действуя по разработанному плану, она являлась из школы в школу, и, рекомендуясь пионервожатой, умело вела деловую беседу то с директором, то с комсоргом школы. Физически зрелая, на вид старше своих лет, красивая, приветливая, она к себе легко располагала техничек, которые доверчиво ее пропускали

в раздевалку. Уверенными движениями она надевает лучшее учительское пальто и, никем не останавливаемая, спокойно выходит на улицу. В одних случаях одна, в других совместно с подругой, М-ва «продуктивно» обходит 29 школ.

До первой ее судимости[1] ничего не подозревающий отец после суда особо тщательно старается поуютнее обставить жизнь своей дочери, чтобы она «дома держалась». На старости лет расстается с женой, боясь, что последняя, как мачеха, в его отсутствии может обижать его дочь. Есть у М-вой и родные со стороны покойной матери, где она находит и ласку и заботу о себе.

Мотив ее преступлений: «Быть первой на танцевальных вечерах, платья и туфли иметь лучше всех». Метод ее самозащиты в судебном заседании стоит некоторого внимания. М-ва ходатайствует перед судом о назначении ей государственного защитника. Она требует, чтобы родственники со стороны матери оставили судебный зал, когда она будет давать свои объяснения. Оба ходатайства удовлетворяются. С нею же на скамье подсудимых ее отец, 57 лет, которому предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 158 УК.

В назначенном судом защитнике М-ва хочет видеть обвинителя своего отца. «Отец некультурно меня воспитывал, он баловал меня, давал мне большую свободу, ни в чем меня не стеснял. Он скупой: он мне платьев не делал, есть не давал, требовал, чтобы я ему готовила обед».

На суде она всячески старается опорочить своего отца, надеясь на то, что суд на основе ее слов его осудит к лишению свободы. Все же свидетели говорят, что старик только и живет для своей дочери: свежими обоями оклеил стены ее комнаты, красивыми занавесками окна украсил, платья ей заказывал. Видя, что суд склоняется к оправданию отца, что ее поведение в судебном заседании расценивается судом как недостойное, М-ва во время речи отца и его защитника истерически рыдает. Но в этих рыданиях нет ни нотки раскаяния. В последнем слове М-вой суд не услышал ни осознания ею своих преступлений, ни своего поведения. Хочет М-ва быть киноактрисой. Немало усилий должна будет приложить колония, чтобы перевоспитать М-ву для трудовой жизни.

В декабре 1935 г. перед судом прошел Григорий З., 15 лет, убивший свекровь своей тетки, 73-летнюю старуху.

С 10-летнего возраста, т. е. со смерти матери Григорий периодически жил то у отца, то у тетки. 12 лет, самовольно оставив школу, он неожиданно для отца оказывается в провинции у дедушки. Своровав у дедушки золотое кольцо и 70 руб. денег, он приезжает в Москву. Отец определяет Григория в пионердом, но Григорий оттуда скоро совершает побег и оказывается снова у дедушки. Его привозят в Москву, устраивают в школу. Из школы его вскоре исключают за хулиганство и кражу. Отец женится, Гриша начинает жить у тетки, которой отец платит за его содержание. Потихоньку он торгует папиросами, совершает кражи. С помощью отдела народного образования устраивается учеником на кроватной фабрике, бросает ее, переходит на часовой завод, а оттуда уже на трикотажную фабрику. Летом, когда тетка с мужем уезжают из дому, а отец с женой на курорт. Гришу устраивают в комнате у дальнего родственника. Григорий часто навещает свекровь тетки, оставшуюся в квартире вместе с 12-летним внуком. Старуха стирает Григорию белье, подкармливает его, осужает то тремя, то пятью рублями. За 2 дня до убийства Григорий оставляет работу. Идет к старухе, но ее внук Геннадий дома. Уходит.

На другой день застает ее одну. При входе в переднюю он увидел рубель, снял его с гардероба и переложил поближе в кухню.

«Я пошел на кухню, старуха за мной. Она всегда за мной следила, как бы я чего не стащил. Старуха вернулась в комнату, я следом за ней, за спиной держу рубель. Первый удар нанес ей сзади по голове. Она бросилась на меня, я ее второй раз ударил. Она умерла. Сразу взялся за пальто Геннадия. Вынул из кармана кошелек, разорвал его, в нем было 23 рубля. Замечал раньше, что деньги клала она в карман пальто. Искал велосипед. Взял с собой ключи, чтобы из гардероба взять костюм, но вспомнил, что Геня должен из школы притти, может меня застигнуть. Слышу стук в дверь, стук повторился, все смолкло. Я тихонько посмотрел. Никого. Я втиснул труп в спальню; сделал это, чтобы меня не заподозрили, думал, что никто не узнает, что я ее убил. Позвонил по телефону в 25 квартиру узнать, нет ли там Геннадия. Думал я взять деньги, а главное, костюм и велосипед.

Сначала хотел кражу совершить, а потом решил перейти на убийство. Обдумывал два дня. Хотел хорошо одеться».

«Вот выучился бы хорошо работать, зарабатывал бы больше, тогда бы и оделся».

«Когда еще выучусь, а денег уже надо».

«Что убийство совершил, перед отцом стыдно, а старуха всегда приставала: «Где был, куда ходишь, учись жить, денег много не трать».

По внешнему виду Григорию можно дать 18 лет: высокого роста, плечист, лицо мужественное. В обиходе тихий, к людям глубоко равнодушен. Никого из родных не любит; впрочем говорит, что любит отца. Нет интереса ни к чтению, ни к спорту. Друзей не имеет.

Вот девочки — жертвы эксплоатации взрослых.

13-летняя Зина, по кличке «Седая» ворует вдвоем со своей соседкой по двору 14-летней Ольгой, по кличке «Цыганка». Воруют они уже 2½ года. Обе семьи трудовые, нужды нет. Три месяца назад Зина бросила школу, училась неплохо. «Что объясняют в классе, все понимаю, но уроки мне готовить некогда» Летом Зина исчезает из дому то на 5 дней, то на 8, приходит в чужом платье, без белья.

«Где была?» — плачет мать.

«Там уже меня нет, а если будешь долго

[1] За 3 месяца до этого дела М-ва была по ст. 162 УК осуждена условно той же камерой.

спрашивать, совсем уйду и не увидишь меня больше».

После каждого побега Зина долго к семье не привыкает, ходит молчаливая, угрюмая.

Уже после приговора осужденная к лишению свободы Зина сквозь рыдания откровенно рассказывает своему защитнику о том, что скрывалась у «больших, у которых мужья есть».

«Мы на них только и воруем, они продают наше и живут себе хорошо. Нинка, моя подруга, что давно уже села, правильно меня учила: «Не давайся большим в руки, они нас бросят, а сами спасутся». Вот и Нинка сидит и я сижу, а у «больших» ничего при обыске не нашли, они и на воле. Наш «бан» [1] около самого комонеса, потому и ловить нас было трудно».

Хулиганство, приведшее к убийству.

15-летний Д-н с группой ребят в октябрьский вечер идет на сквер поиграть в «казаки и разбойники». На сквере они уже застают группу подростков, играющих в эту игру. Начинают приставать к играющим. Ссора сопровождается дачей тинков, толчков.

14-летний К. «стукнул» Д-на. Вспылив, Д-н вынимает из кармана нож, намереваясь ударить противника.

К. отскакивает, удар приходится прямо в грудь рядом стоящему 15-летнему Семенову, никакого участия в ссоре не принимавшему. В ту же ночь Семенов умирает в больнице (удар пришелся в левое легкое и предсердие).

Д-н получил нож в чехле от кинжала в тот же день от товарища по кличке «Разгильдяй». Нож, говорит, выпросил, чтобы «по-настоящему стеречь разбойников». Надоело играть с палками, с кинжалами из палок. «Не думал, что так выйдет. Вышло сгоряча». «Злобы против убитого Семенова не имел, его и не видел, как следует. К-ва я хотел проучить, чтобы не «глотничал».

Д-н ученик — ткач, работает на фабрике окончил 4 класса, бросил школу, так как русский язык «не давался». Мало развит, в семье тихий, но «с товарищами жить не умею».

Дело с «самооговором».

С раннего утра 13-летний Коля Яшкин поджидает на улице судью, которая его уже однажды судила. Судья входит в камеру, Яшкин к ней: «Макарова, я за другого не сяду. Сегодня меня судят». Судья выслушивает Яшкина, узнает, что есть Сергей, 11 лет, «который скажет, как дело было».

Яшкин отправляется за свидетелем. Судья вызывает защитника по делу Яшкина. Выясняется, что Яшкин «взял на себя дело», что деньги в магазине культторга у гражданки вытащил «Сосун». При первом допросе Яшкин так и показал в милиции, но после допроса он чуть живым спасся, так как «Сосун» со своими вечером пришел в клуб, в руках у него была «закладка». «Он грозил, что изобьет меня, Сергей прибежал мне это сказать, я черным ходом убежал». «На втором допросе перед очной ставкой «Сосун» скрипел на меня зубами, чтобы никто не видел. Я сказал, будто я украл у гражданки деньги, на себя взял. По дороге домой «Сосун» говорит мне: «Хорошо, что ты меня спас».

«А вот как обвиниловку прочитал, разозлился, порвал ее и свою рубашку хорошую на себе разорвал. Не хочу за другого сесть, зачем милиция мне поверила!»

(До этого дела Яшкин был осужден условно той же камерой по ст. 162 УК совместно с Гусевым. По частному определению суда районо его устроило в школу с обязательством следить за его учебой).

«Как учишься?»

«Учусь на «хорошо» и «отлично». Одно «посредственно» по физкультуре: спину себе в акробатическом кружке наломал».

«Будешь продолжать учиться?»

«Буду, пока не выгонят».

«Значит, плохо себя ведешь?»

«Нет, не потому: скоро выгонят, у нас только 4 класса».

«Не воруешь больше?»

«Если бы Гусева тогда не посадили, я, может, и теперь бы еще воровал, а если бы я с ним летом не ходил по карманам, я был бы уже в 5 классе. Очень меня на музыку тянет. Мне сам директор скрипку купил, я в музыкальном кружке почти что первый. Я еще и красками хорошо рисую. Читать люблю — больше про белых и красных, только, когда белые берут верх, у меня слезы выскакивают. Люблю еще читать про великих людей».

Комсорг 418 школы подтвердил на суде, что Яшкин занимается по предметом успешно, что, учтя его музыкальную одаренность, из школьных средств ему купили скрипку, что способности к музыке и живописи у него незаурядные. Отец у Яшкина пять лет назад умер, в семье пятеро детей, все воспитываются на заработок матери, неквалифицированной работницы.

Из всех развлечений первое место у наших подростков занимает кино. Оно привлекает потому, «что там много действий показывается», «что там все лучше и интереснее, чем дома, и на улице»; «что там показывают все, что творится на свете». За ним идет цирк, театр. Спорт во всех его видах, игры зачастую принимают неумеренные формы. Почти отсутствует интерес к книге естественно-научного содержания и к научной книге. Огромен интерес к военным походам и событиям, к жизнеописанию знаменитых людей. Очень интересует наших подростков всех возрастов литературное изображение периода нашей гражданской войны. Вообще плохо запоминая авторов, они все же всегда называют Фурманова, Фадеева, Шолохова и Островского как своих любимых авторов героики гражданской войны. Классиков читают только старшие возрасты, и то немного. Горького «Мать», «Детство» знают почти все. Книги же о приключениях, путешествиях, об особенных людях (в том числе о героях-разбойниках и жуликах) — любимые книги.

Поэтических произведений они совсем не знают. «Пионерская правда», центральные газеты интересуют, но только определенные отделы.

Такова примерно сфера умственных и иных

[1] Сборище воров.

интересов мальчиков. Интересы же девочек, оторвавшихся от семьи, домовитости, проводящих время на улице, в магазинах, на рынках, носят на себе печать значительной скудности.

Свойственное ребятам критического переходного возраста стремление к предприимчивости, движению, деятельности, риску легко может вылиться в отрицательные формы: в распыление энергии, порывы на недозволенное, на преступления. Их стремлениям должен быть дан здоровый исход: к общественному строительству, к познанию, к подготовке к профессии.

Оздоровление семьи с созданием нормальных взаимоотношений родителей друг с другом и с детьми; правильно построенный школьный коллектив, организующий поведение своих школьников; своевременное внимание школы через комсорга, классного руководителя к окружающей среде, в которой несовершеннолетний находится во внешкольной жизни; активное вовлечение рабочих подростков в ряд организаций — все это профилактические пути к искоренению и ликвидации преступности в нашей детской среде, в большинстве своей здоровой.

Организация широкой сети клубов, игровых площадок, домов культуры, лекториев для школьников и рабочих-подростков, повсеместная массовая пропаганда идеи оздоровления семейно-бытовых условий среди родителей на предприятиях, новостройках, в рабочих казармах, жактах, общежитиях и т. п. — неотложная задача сегодняшнего дня.

Опыт же двухлетнего применения закона 7 апреля 1935 г. о мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних и их пособниками на огромном количестве дел убеждает нас, практиков этого участка работы, как в своевременности издания этого закона, так и в реально ощущаемой благотворности его результатов.

Изъятие по судебному приговору одного, другого глубоко разложившегося подростка незамедлительно дает эффект. Очищается, буквально, оздоровляется не только двор, близлежащий сквер, улица, но часто и школа начинает жить по-другому.

А если одновременно изымается ведущая группа хулиганов, срывщиков серег, беретов, сумок, чемоданов и т. п., то даже целый район громадной Москвы становится благополучным.

По ряду дел камеры проходят свидетели — несовершеннолетние.

Близкие товарищи обвиняемых, они же «очевидцы» преступных фактов и событий, вызванные в суд как свидетели, они довольно четко уясняют себе последствия дальнейшего «делового» содружества с подсудимыми.

Их реплики в судебном заседании зачастую такие:

«Сам я ничего не делал, я только глядел, как они шарили по карманам.

Вот, если бы я с ними «в деле» был, знаю, что мне тогда с ними сесть.

У меня не только эти товарищи, у меня хорошие есть, теперь я только с хорошими буду водиться.

Понимаю, что другой раз это мне не сойдет».

Свидетель, 11½ лет, по делу о хулиганстве и кражах:

«Мне скоро 12 лет, знаю, что на меня тогда уже не посмотрят».

Много «условников» пропустила камера за эти два года применения закона.

Большинство из них благополучно заканчивают свой «испытательный срок», продолжают учиться в школах, работают на предприятиях, объявляются стахановцами по цехам.

По взрослым же преступникам, пользующимся подростками как орудием для достижения своих преступных целей, по притоносодержателям, извлекающим наживу из преступлений детей, сокрушительный удар нанесен второй частью этого закона.

Небезынтересно отметить, что под обложками дел, заведенных судом по обвинению по второй части закона, нашли свой приют дела комонесов в качестве приложений к следственному материалу.

Дела комонеса пестрят заголовками:

«Развращающая пьянка родителей».

«Укрывательство подростков».

«Притоносодержательство несовершеннолетних».

Эти «развращающие детей лица» в течение целого ряда лет состояли под наблюдением районных комонесов, их «дела» обсуждались по 5—6 раз, выносились многократно «постановления», а разложение ими подростков беспрепятственно шло все дальше и глубже.

Ныне, силою закона, эти родители и посторонние изъяты в тюрьмы.

На борьбу с преступностью детей, на принятие решительных мер к ее искоренению и ликвидации победно нас ведет закон 7 апреля 1935 г.

Ц. ФЕЙНБЕРГ

Основные вопросы советской судебно-психиатрической экспертизы[1]

После всенародного обсуждения принятая Чрезвычайным VIII съездом советов Сталинская Конституция фиксирует и закрепляет в основном законе огромные завоевания нашей страны в победоносном строительстве социализма.

В стране победившего социализма граждане пользуются правами, которых не знает ни одна страна в мире, которые возможны только в социалистическом обществе.

По Сталинской Конституции суд избирается всем населением СССР на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Это высоко поднимает авторитет советского суда, повышает его ответственность, требует от суда четкой, вдумчивой и качественно высокой судебной работы.

Внимание, какое уделяется партией и правительством личности, так ярко отраженное в Сталинской Конституции, и то значение, которое приобретает охрана личности на суде, обязывает нас, судебных психиатров, еще с большим вниманием и чувством большей ответственности относиться к сложным и ответственным задачам судебно-психиатрической экспертизы.

Задачи судебно-психиатрической экспертизы

Как суд и следственные органы, так и места лишения свободы, обращаясь к психиатру-эксперту, требуют от него прежде всего достоверного и с научной точки зрения обоснованного заключения о психическом состоянии обвиняемого или осужденного. На основании этого заключения органами юстиции решается дальнейшая судьба подэкспертного.

К эксперту-психиатру советские органы юстиции предъявляют вместе с тем и другое не менее важное требование — дать в своем заключении конкретные и определенные указания о наиболее целесообразных практических мероприятиях в отношении подэкспертных, признанных нуждающимися в применении к ним мер медицинского характера. Решение экспертом-психиатром обеих указанных задач должно быть дано в соответствии с основными положениями советской уголовной и исправительно-трудовой политики. Лишь в этом случае психиатрическая экспертиза действительно может оказать реальную помощь суду, следственным органам и местам лишения свободы.

«Понимание всех особенностей нашей советской системы уголовной политики, — говорит т. Крыленко[2], — является необходимой предпосылкой для того, чтобы судебный психиатр правильно давал ответ на поставленный перед ним в экспертизе вопрос об ответственности. Психиатр должен знать и понимать характер всех мер государственного принуждения, которые могут быть применены к осужденному».

Права эксперта

Ни в одной из капиталистических стран эксперту не предоставлено столько прав, как в советском государстве. Эти права вытекают из общего положения экспертизы по советскому УПК.

Права и обязанности экспертов регулируются ст.ст. 171, 275, 172, 173, 298, 212, 65, 88, 64, 92, 95 и 121 УПК РСФСР.

Очень важным условием для производства экспертизы является право советских психиатров-экспертов знакомиться с следственным делом[1]. Без знания характера, условий и обстановки совершенного преступления и всех особенностей поведения преступника эксперт-психиатр не может дать полной всесторонней экспертизы. Законодательство наше предоставляет эксперту право отказаться от дачи заключения, если предоставленных для ознакомления материалов окажется недостаточно[2]. Да и сами судебно-следственные органы, будучи заинтересованы в качестве экспертизы, стараются предоставлять эксперту-психиатру возможно более исчерпывающий объективный материал.

Эксперт-психиатр имеет право присутствовать на судебном заседании во время слушания дела, причем присутствие эксперта на суде возможно в течение всего судебного процесса[3]. Опыт Института судебной психиатрии, имеющего все условия для тщательного изучения подэкспертных, показывает, что все же бывают такие случаи, когда ввиду недостаточной полноты следственного материала можно сделать заключение о психическом состоянии подэкспертного только во время судебного заседания.

Предоставленные советским законам права дают возможность психиатру-эксперту наилучшим образом выполнять свое назначение. Это исключительно благоприятное положение эксперта в советском суде выступает особенно отчетливо при сравнении с тем, что имело место в царской России.

Положение эксперта в царской России было исключительно бесправным.

В царском уголовном законодательстве не было точных и определенных указаний на условия и порядок проведения психиатрической экспертизы. Вопросы вызова эксперта-психиатра судебным следователем, ознакомления эксперта с судебно-следственным материалом, вопрос о помещении подэкспертного на испытание в психиатрическое учреждение, вопрос о порядке освидетельствования обвиняемого в распрядительном заседании, вопрос о присутствии экспертов в судебном заседании и т. п.—все эти вопросы в дореволюционной России разрешались на практике в разных местах и судах, а иногда и в одном и том же суде поразному, в зависимости от характера престу-

[1] Статья представляет литературную обработку доклада на I всесоюзном судебно-психиатрическом совещании 22 декабря 1936 г.

[2] Речь т. Крыленко на I всесоюзном совещании по судебной психиатрии 22 декабря 1936 г.

[1] Ст. 171 УПК.

[2] Примечание к ст. 171 УПК.

[3] Ст. 275 УПК.

пления и от классового лица обвиняемого. Эти суды в нужных царизму случаях могли свести на-нет всю экспертизу.

Окружные суды отказывали экспертам в ознакомлении с судебно-следственным материалом даже при производстве сложных стационарных экспертиз. О возможности присутствия эксперта на суде суд в каждом отдельном случае вопрос обсуждал. Посылка подэкспертного на стационарную экспертизу обычно обставлялась исключительными трудностями и т. п.

Законодательство и организационные формы судебно-психиатрической экспертизы

Для производства судебно-психиатрической экспертизы советским законодательством созданы наиболее благоприятные условия.

Советская судебно-психиатрическая экспертиза уже с первых лет Октябрьской революции пошла по новым путям, незнакомым ни дореволюционной России, ни современным буржуазным государствам. Уже в первой половине 1919 г. для надзора и обнаружения душевнобольных в местах заключения Мосздравотделом были введены врачи-психиатры мест заключения (при медицинской инспекции мест заключения). Эти психиатры вели в местах заключения амбулаторный прием: осматривая на месте подозрительных по душевным заболеваниям заключенных, отбирали тех из них, которые обнаруживали признаки психической болезни, и направляли их в специально организованное для этой цели в 1919 г. психиатрическое отделение при Московской губернской тюремной больнице.

Посылка на стационарную экспертизу еще до издания первого советского Уголовно-процессуального кодекса (1932 г.) была предусмотрена в «Положении о психиатрической экспертизе», утвержденном Наркомздравом 8 мая 1919 г. В примечании 1 к п. «г» § 2 Положение указывало, что: «на основании заключения врачей-экспертов, подозреваемые в расстройстве умственных способностей помещаются в случае надобности в специальные лечебные заведения для испытания».

Стационарная психиатрическая экспертиза вводится в первый советский Уголовно-процессуальный кодекс (1923 г.). Ст. 199 этого кодекса указывает, если «суд в распорядительном заседании признает, что имеющиеся данные недостаточны для суждения о психическом состоянии обвиняемого, он может вынести определение о помещении обвиняемого для наблюдения в соответствующее лечебное заведение, о чем соответствующее ходатайство может быть возбуждено и следователем».

В действующем УПК (ст. 203) право помещения на стационарную экспертизу дается не только суду, но и следственным органам.

Как первый советский УПК, так и действующий, указывая о направлении на стационарную экспертизу, говорят о «соответствующем лечебном учреждении». То же предусматривалось и в инструкции «об организации психиатрического надзора в местах заключения», утвержденной Наркомюстом, Наркомздравом, Наркомвнуделом и ВЧК 27 июля 1921 г. В § 3 этой инструкции прямо указывалось, что: «для содержания испытуемых и психически больных заключенных, выяснения характера заболевания первых и дальнейшей судьбы вторых организуются психиатрические отделения при тюремных больницах или, при отсутствии таковых, соответствующие отделения при губернских психиатрических больницах».

Уже в 1921 г. предусматривалась организация специальных отделений для производства психиатрической экспертизы. В 1924 г. Наркомздрав, НКЮ и НКВД издают правила содержания душевнобольных и испытуемых в специальных институтах судебно-психиатрической экспертизы. В § 1 этих правил указывается основное назначение этих институтов: «испытание обвиняемых, числящихся за судебно-следственными органами, а также и лишенных свободы, отбывающих назначенное им по суду наказание».

Инструкция НКЮ, НКВД и НКЗ 1924 г. «о содержании душевнобольных и испытуемых в специальных институтах судебно-психиатрической экспертизы» дает указания, как должно проходить направление на экспертизу, как она проводится, состав комиссии и т. п.

Таким образом в области законодательства о судебно-психиатрической экспертизе и ее организации мы уже в первые годы после Октябрьской революции пошли своими новыми путями, незнакомыми ни дореволюционной России, ни буржуазным странам. Этого нельзя сказать в отношении основных принципов судебно-психиатрических оценок в нашей практике. Здесь еще значительное время было сильно влияние буржуазных теорий.

Основные критерии судебно-психиатрических оценок

Теоретические положения судебной психиатрии, сложившиеся под влиянием западноевропейской науки, с ее тенденцией к биологизации человеческой личности и ее поведения, имели своим последствием ряд ошибок в нашей судебно-психиатрической практике. Исходное положение антропологической школы уголовного права о врожденном предрасположении к преступлениям, будучи перенесено в область судебной психиатрии, со всей последовательностью приводило к установлению связи между предрасположением к преступлению и биологическим особенностям личности. Эти ломброзианские идеи нашли свое отражение в первом положении об Институте им. Сербского (1922 г.). Институтом намечено было изучать вопросы об отношении между психической конституцией и типом преступника «наследственные факторы преступления» и т. п. В работах Московского кабинета по изучению личности преступника и преступности и в подобных кабинетах в Ростове, Тбилиси и др. еще сильнее сказалось влияние ломброзианства.

Научные работы Института им. Сербского в первые годы его существования шли, главным образом, в направлении разработки вопросов психиатрической клиники и мало касались теоретических вопросов судебной психиатрии. Все это отражалось в первые годы работы института на его практике. Огромный процент испытуемых признавался невменяемым, и те сдвиги, которые мы имели в период 1923—1928 гг. по линии судебно-психиатрических

оценок, являлись результатом проверки опыта экспертной работы института.

Попытки классово враждебных элементов укрыться от суда путем изображения той или иной формы психической болезни требуют от экспертизы и эксперта особой бдительности и осторожности в решениях вопроса вменяемости и невменяемости. Эти ответственные задачи требуют от советских экспертов-психиатров не только высокого уровня теоретической и клинической подготовки, вооружающей его в борьбе с враждебными и чуждыми теориями (биологизация, неоломброзианство), но и специального судебно-психиатрического опыта. Судебно-психиатрическое заключение наряду с психиатрическим диагнозом требует и оценки вменяемости, установление психиатрического диагноза еще не предрешает вопроса о вменяемости. И хотя не всегда та или иная диагностика влечет за собой определенное решение вопроса о вменяемости, но правильная диагностика позволяет глубже оценить имеющееся налицо болезненное состояние и предсказать его вероятное течение и исход.

Происходящий в настоящее время в клинической психиатрии пересмотр критериев, служащих основанием для постановки диагноза, особенное значение приобретает в судебной психиатрии, так как здесь еще меньше согласованности и единства в подходе к судебно-психиатрическим оценкам. В диагностическом отношении контингенты испытуемых, проходящих через судебно-психиатрическую экспертизу, представляют особые трудности. Клиническая картина здесь значительно видоизменяется и нередко осложняется наличием реактивных изменений или симулятивным поведением. Между тем ошибочное решение экспертизы влечет за собой или освобождение от уголовной ответственности социально-опасных правонарушителей, укрывающихся от суда путем симуляции душевной болезни или пребывание в местах заключения душевнобольных, часто опасных для себя и для окружающих. Правильная судебно-психиатрическая оценка невозможна без достаточного знания основных установок нашей уголовной и исправительно-трудовой политики. Все это выдвигает перед судебной психиатрией задачу выработки более или менее единообразных критериев судебно-психиатрических оценок при различных формах психических заболеваний.

Эта задача может быть разрешена лишь при условии плановой и систематической научно-исследовательской работы в области судебной психиатрии. Являясь ответвлением от общей психиатрии, судебная психиатрия имеет свои специальные задачи не только в практической, но и теоретической области. Вместе с тем судебная психиатрия в силу специфичности своего материала раскрывает также и ряд психопатологических закономерностей, имеющих теоретическое и практическое значение для общей психиатрии. Исходя из необходимости создать научно-теоретическую базу для практической экспертной работы, Институт им. Сербского занялся теоретической разработкой вопросов судебной психиатрии. В первую очередь институт заострил внимание на разработке тех проблем, которые имеют особенно большое значение для судебно-психиатрической практики и где особенно остро стоит вопрос о пересмотре той практики, где больше всего сказались буржуазные влияния.

В первую очередь это относится к проблеме психопатий, занимающей в судебной психиатрии значительное место. Прежде всего было необходимо разоблачить систему взглядов, отстаивающих специфичность связи между психопатичностью и преступлением.

Ряд психиатров, развивших основные положения в учении о психопатии, делают вывод о неизбежном вступлении психопатов на путь правонарушений, об их биологической обреченности на преступление. Институт им. Сербского в своем сборнике «Психопатии и их судебно-психиатрическая оценка» в статьях Внукова и Бунеева дает резкую критику буржуазным концепциям криминогенного значения психопатий. Через все работы в этой области основной нитью проходит мысль, что такой специфической связи не имеется и на соответствующем практическом материале доказывается, что постановка такой проблемы в самом существе своем ненаучна и неправильна.

Целевой установкой в разработке проблемы психопатий является не только разоблачение системы взглядов, отстаивающих специфичность связей между преступлением и психопатичностью, но и расшифрование смысла этих взглядов, показ классовых корней, которые делают эту систему взглядов знаменем борьбы и ею пытаются закрепить теорию и практику воинствующей реакции и мракобесия (фашистская теория «высших» и «низших» рас и вытекающая из этой теории практика стерилизации «биологически неполноценных» личностей) [1].

Второй не менее важной задачей для Института являлась необходимость дать практические указания в области судебно-психиатрических оценок психопатий. Эти указания должны были создать единство в судебно-психиатрическом подходе к психопатам в свете тех практических задач, какие стояли и стоят перед судебными психиатрами.

В этом отношении работа института, имеющего большой опыт в области судебно-психиатрической оценки психопатий, дает возможность сделать определенные выводы.

В большинстве случаев психопатий вопрос о вменяемости решается положительно. Поведение психопатов определяется социальными моментами. Ошибки института по линии судебно-психиатрической оценки психопатий особенно сказались в период 1921—1923 гг. В 1922 г. 75,8% психопатов были признаны невменяемыми и уменьшенно-вменяемыми. Это имело печальные последствия. Путь на свободу через психиатрическую больницу приобрел большую популярность у психопатов; они хорошо учитывали выгодные стороны своего положения и, прикрываясь невменяемостью, совершали рецидивы преступления. Между тем, как показал опыт Института им. Сербского, когда он изменил свои установки и стал признавать большинство психопатов вменяемыми, психопаты вполне уживаются в местах лишения свободы, быстро приспособляются к

[1] См. статьи проф. Внукова и проф. Бунеева в сборнике «Психопатии и их судебно-психиатрическое значение» (Издательство «Советское законодательство», 1934 г.).

режиму и работают. Это подтвердили данные, собранные институтом о поведении психопатов, прошедших экспертизу в институте и направленных в места заключения. Опыт показал, что путем включения этих психопатов в трудовые процессы и создания для них соответствующих условий труда и быта мы способствуем их перевоспитанию. В настоящее же время психопаты институтом в подавляющем большинстве случаев признаются вменяемыми. Число психопатов, прошедших через Институт им. Сербского и признанных невменяемыми, колеблется от 8,2% (1934 г.) до 3,7% (1936 г.) (на 271 чел. психопатов, прошедших через институт в 1936 г., признано невменяемыми 10 чел.).

Эта общая установка ни в коем случае не устраняет необходимости тщательной индивидуализации судебно-психиатрической оценки отдельных случаев психопатий. Нельзя забывать, что в некоторых случаях психопатические черты могут быть выражены настолько резко, что дают основание приравнять эти случаи в отношении судебно-психиатрической оценки к душевному заболеванию. Надо также иметь в виду и возможность временных расстройств душевной деятельности, возникающих иногда у психопатов по тем или иным поводам.

Обследования судебно-психиатрических заключений, которые институт произвел в больницах на периферии показывают, что в отношении судебно-психиатрической оценки психопатов допускается много ошибок, что целый ряд психопатов признаются невменяемыми и посылаются на принудительное лечение без достаточных к тому оснований. Они не подлежат пребыванию в психиатрических больницах и являются для них бременем, не говоря уже о том, что совершенно нецелесообразно освобождение их от судебной ответственности.

Для иллюстрации приведем следующее заключение о гр. Н., поступившем с диагнозом «психопат» в больницу Орловка Воронежской области. Нарсуд Н-го района 11 августа 1936 г. приговорил его «к двум годам» помещения в психиатрическую больницу. «Гр. Н. является наследственно отягощенным психопатом с преобладающими чертами характера, выражающимися в эффективной возбудимости, неуравновешенности, неустойчивости и наличии интенсивных непреодолимых влечений. Под влиянием возбудимости и в состоянии опьянения, он в апреле проявил хулиганские действия. Все эти действия он производил в болезненном состоянии, т. е. в состоянии невменяемости». В этом случае элементы опьянения и психопатические черты характера были основанием для неправильного решения о невменяемости, не говоря уже о законном приговоре суда, который не имел права приговором определять заранее необходимый срок помещения в психиатрическую больницу. Такие заключения далеко нередкие явления.

Здесь необходимо несколько остановиться на понятии об «уменьшенной вменяемости», которое встречается в заключениях экспертизы в первые годы работы института. Понятие это не нашло своего отражения в нашем Уголовном кодексе. Высказываясь против применения «уменьшенной вменяемости», Форкастнер говорит: «Нельзя начинать дело воспитания, говоря с самого начала воспитуемому, что он в меньшей степени отвечает за свои действия, чем другие. Это действует отрицательно в смысле воспитательном»[1].

Понятие «уменьшенная вменяемость» особенно часто применялось и применяется еще кое-где и теперь в отношении судебно-психиатрической оценки психопатий, поскольку психопатии относятся к «пограничной группе». Между тем именно эта группа особо нуждается в мерах воспитательных и в привитии ей социально-положительных навыков, особенно установки на ответственность. Лечение психопата это — воспитание, изменение его личности с помощью организующих и дисциплинирующих условий режима, труда и пр. Это вполне возможно в наших местах заключения, где заключенному предоставляется возможность участвовать в коллективном труде, проявлять трудовую инициативу, где перед ним осмысленный путь исправления.

Глубоко ошибаются те, которые считают, что для психопатов, как «уменьшенно-вменяемых» надо организовать специальные учреждения. Психопатов нельзя собирать в одном месте,— концентрация их чрезвычайно опасна. Об этом говорит опыт Института им. Сербского и опыт организации особых отделений для них в условиях самого места заключения. В этих отделениях психопаты укреплялись в мысли о том, что они больны, нуждаются в особом режиме, что их надо лечить, не посылать на работу и т. п. В итоге возможны массовые психопатические вспышки, с суицидальными попытками, припадками, нападениями на надзор, медицинский персонал и т. п. Эти отделения были поэтому ликвидированы.

Понятие «уменьшенная вменяемость» нашло свое применение в фашистских странах — в Италии в уголовно-процессуальном кодексе 1930 г. и в Германии — в законе от 24 ноября 1933 г. С «уменьшенной вменяемостью» закон как в Германии, так и в Италии соединяет последствия двоякого рода — наказание и применение «мер безопасности и исправления». Практически это означает, что при наличии «уменьшенной вменяемости» наряду с понижением или непонижением наказания уменьшенно-вменяемые помещаются в специальные учреждения, продолжительность пребывания в которых не связана никаким сроком (ч. 3, ст. 427, пред. 3).

Таким образом достаточно фашистскому суду вынести постановление о направлении того или иного осужденного в специальное учреждение для уменьшенно-вменяемых, чтобы превратить срок его наказания в длительный, который в нужных фашистскому правительству случаях может превратиться в пожизненный. Все это указывает, что понятие «уменьшенная вменяемость» введено в фашистские кодексы не с целью облегчения участи психически неполноценных (психопатов и т. п.), но как одно из средств усиления репрессии в отношении лиц, неугодных фашистскому правительству.

По закону 1933 г. смягчение наказания при уменьшенной вменяемости должно иметь место только в исключительных случаях. Правительственная комиссия, разрабатывающая

[1] «Руководство по душевным болезням» под редакцией Бумке, 1929 г.

проект нового национал-социалистического УК, пошла еще дальше, установив принцип одинаковой наказуемости уменьшенно-вменяемых с вменяемыми с присоединением уменьшенно-вменяемым к наказанию и «мер безопасности».

Таким образом разработка проблемы психопатий, наряду с анализом теоретических вопросов, дает богатый материал для ориентировки психиатра-практика в основных линиях его работы с психопатами как при необходимости давать судебно-психиатрическую экспертизу, так и при работе в местах заключения и в психиатрических больницах.

Для иллюстрации судебно-психиатрической оценки психопатий приведем следующий случай:

26 октября 1933 г. был доставлен в институт М—з, крепкого сложения молодой человек, 22 лет.

Обстоятельства дела говорят о том, что М—з прибыл в больницу 25 сентября 1933 г. из единого диспансера, где он совместно с отцом накинулись на санитара, избили его и пытались сбросить с площадки второго этажа.

В психиатрических больницах М—з уже создал себе славу крайне опасного больного. Он выбирал себе место и пищу, диктовал свои требования, создавал невыносимую обстановку в отделении. Персонал боялся его, а он хорошо подмечал отношение к нему. В расчете на улучшение его состояния ему разрешен был выход из отделения. Во время одной из прогулок на территории больницы ему кто-то сообщил, что за ним приехала карета МУР (Московского уголовного розыска). М—з решил не сдаваться, стал у стены, подобрал камни и, когда к нему попытались приблизиться, он, одновременно угрожая, начал, методически передвигаясь от окна к окну, разбивать камнями стекла. Врачу, подошедшему к нему, он нанес удар железной палкой (трубой) по голове, и тот свалился у его ног. Тяжелый удар он нанес и второму врачу. К нему больше не решались приблизиться, а он продолжал бить стекла. Только спустя некоторое время после ряда усилий М—з был схвачен и взят под арест.

Данные анамнеза сводятся к следующему. В семье М—за происходили частые споры, драки и пьянство; отец буянил, избивал мать и детей. Уже со школьных лет испытуемый иногда выходил из себя, возбуждался, проявлял импульсивность. Окрепнув физически, он начал и дома скандалить, бил посуду, швырялся тяжелыми предметами; однажды ранил ножом сестру. На работе нигде долго не удерживался, вступал в конфликты, дрался.

Первая судимость относится к 1930 г.—осужден был на шесть месяцев принудительных работ за избиение милиционера. Вторая судимость в 1931 г. — снова за хулиганство. Осужден был на шесть месяцев. Работ не отбывал, так как по поведению сочли его больным. В 1932 г. поступил в психиатрическую больницу, где вел себя также агрессивно и недисциплинированно. Спустя два месяца снова помещен был в больницу, где избивал всех, рвал белье. Находился он в больнице им. Ка[illegible]во, в 1 городской, в больнице им. Яковен[illegible], им. Соловьева и т. д. Больница им. Кащенко установила диагноз — травматический невроз; Невропсихиатрический институт — травматический невроз у эпилептоидной личности; больница им. Соловьева сообщила предположительную диагностику — шизофрения, эпилептоидная психопатия.

Физическое состояние: испытуемый высокого роста, массивного телосложения, лоб непомерно высокий, резко выступают надбровные дуги. Ясно выражен вазомоторный синдром. Нарушений со стороны интеллекта нет. Отмечены расстройства настроения, несколько раз возбуждался, проявлял агрессивность и большую заинтересованность в том, куда направят его из института.

В институте было установлено, что испытуемый признаков душевной болезни не обнаруживает, что по ряду причин он проявлял стойкие антисоциальные навыки, что в нем сильны паразитические тенденции, а предшествующий опыт закрепил в нем установки на болезнь.

Комиссия определила у М—за психопатию с эпилептоидными и шизоидными чертами, признала его вменяемым в отношении инкриминируемого правонарушения и указала в акте, что он не должен находиться в исправительно-трудовой колонии открытого типа, а требует более строгой системы мер исправительного воздействия.

По полученным в июне 1936 г. сведениям от отца М—за, который за это время успел быть освобожденным из тюрьмы и вновь за хулиганство быть арестованным, его сын до сих пор находится в лагерях и не перестает добиваться освобождения, ссылаясь на свою психическую болезнь. Он не раз за это время побывал, по словам его отца, в психиатрических больницах, но каждый раз признавался вменяемым.

По собранным дополнительным сведениям М—з через 8 месяцев после освобождения из лагеря вновь обратился к районному психиатру с целым рядом жалоб и был направлен в Институт им. Ганнушкина, где 4 февраля 1937 г. квалифицированной комиссией врачей-психиатров дано было заключение, что М—з является сложной психопатической личностью, лечению в общегражданских больницах не подлежит.

Переходим к вопросу о судебно-психиатрической оценке реактивных состояний. Разработка этой проблемы имеет особую актуальность и важность, так как практика в отношении оценки вменяемости при реактивных состояниях очень различна, часто неправильна и нецелесообразна.

При оценке реактивных состояний следует иметь в виду, что в большинстве случаев они возникают после совершения преступления, носят временный характер и не ведут, обычно, к качественным изменениям личности.

Таким образом, реактивные состояния сами по себе не исключают вменяемости, кроме небольшой группы реактивных психозов, обычно возникающих на патологической почве.

Разработка Институтом им. Сербского отдельных теоретических вопросов реактивных состояний привела к значительному сужению критериев невменяемости при них. Так с 1922 г. по 1926 г. 50% испытуемых, обнаруживающих реактивное состояние, были освобождены от ответственности и направлены в больницу; в следующее пятилетие—с 1927—1932 гг.—освобождено от ответственности было 20% и

за последние 3 года — 1933—1935 гг. — в больницы были направлены только 10% с реактивными состояниями, причем среди них не все были освобождены от ответственности, а были случаи временного направления в больницу.

При судебно-психиатрической оценке реактивных состояний встречаются большие трудности как диференциально-диагностического, так и практического характера. Иногда реактивное состояние прикрывает более серьезные заболевания, например, шизофрению или органические заболевания. С другой стороны, оно нередко дает повод к ошибочной диагностике процессуального заболевания. Наконец, в некоторых случаях реактивные заболевания принимают настолько затяжной характер, что представляют большие трудности при практическом решении вопроса о дальнейшем направлении испытуемого, несмотря на то, что вопрос о его вменяемости не вызывает сомнения. В таких случаях приходится иногда довольно долго стационировать таких больных в институте и откладывать судебное разбирательство.

Для иллюстрации трудностей судебно-психиатрической оценки реактивных состояний приводим следующий случай:

С. получил в своем кругу славу «короля блата». Обстоятельствами дела установлено, что С. принял на себя функции лица, объединяющего предложение и спрос. Он приобрел знакомства в различных учреждениях, точно знал, где можно достать дефицитные товары, что может в порядке обмена предложить заинтересованная сторона. У С. была целая коллекция удостоверений, бланков. В начале своей карьеры он присваивает орден Красного знамени. У него имеются удостоверения красногвардейца и красного партизана, грамота почетного комсомольца, пропуска во все лучшие закрытые кооперативы, в театры, удостоверения на право бесплатного проезда по всем железнодорожным и водным путям с правом входа на паровоз и с правом контроля в пути, на право бесплатного проезда по всем городским железным дорогам и автобусным линиям с правом входа с передней площадки. С. получает персональную пенсию. Он выдает себя за крупного работника ОГПУ, появляется в военной форме с ромбом. В других случаях он оперирует удостоверением помощника прокурора Ленинградской области. Однажды в военной форме с ромбом и орденом Красного знамени он появляется в Крыму, наводит панику на руководящих работников одного из курортов, угрожая всех арестовать за непорядки, затем направляется в винные склады «Массандры», договаривается о транспортировке в Москву пятисот бутылок редких и ценных вин, не идущих в продажу, и уезжает. Пятьсот бутылок по себестоимости погружаются и направляются в Москву. Перед ним, как говорят свидетели, открыты все двери. «Клиентура» все растет, дела становятся все более запутанными. С. подвергается аресту и привлекается затем по закону от 7 августа 1932 г.

С. находился в Институте судебной психиатрии в 1927 и 1929 гг. Оба раза он обвинялся в мелких мошенничествах. Диагноз оба раза: «Психопатическая личность типа патологических лгунов и мошенников. Склонен к преувеличению болезненных симптомов. Вменяем».

В третий раз он поступает в институт в связи с описанным делом. Состояние его остается ровным до конференции в институте. С того момента как ему было объявлено, что он признан вменяемым и будет отправлен обратно в место лишения свободы, быстро развивается реактивное состояние. Он тревожен, плачет, непрерывно ищет возможности поговорить с врачом, крайне напряжен, растерян, говорит о том, что его расстреляют, что за ним «приходят», «идут». Врача не выслушивает, повторяет одно и то же. В отделении тревожен. В исправительно-трудовом учреждении, куда испытуемый возвращен, он остается в таком же положении, заметно худеет, начинает раздирать старые рубцы, образуются большие незаживающие раны. Он не следит за собой, грязен, всему сопротивляется, наконец, перестает отвечать на вопросы. В этом состоянии его возвращают в институт.

Поведение его в институте остается таким же. На вопросы не отвечает, непрерывно ходит взад и вперед. Все время раздирает раны, физически истощен. При всякой попытке направить его куда-нибудь оказывает сильнейшее сопротивление.

Повторная конференция приходит, как и в первый раз, к заключению о психопатии и о реактивном состоянии. С. задерживают в институте до улучшения, он возвращается в место лишения свободы через пять месяцев после прибытия.

В Таганском доме заключения, куда переведен был испытуемый, состояние медленно улучшалось в связи с прояснением ситуации (остальные подсудимые получили по этому делу по 5 лет). Его начали втягивать в работу. Это удалось настолько, что вскоре он выбран был старостой, проявил активность, начал следить за собой. Наконец, С. предстал перед судом. Во время судебного заседания испытуемый внешне спокойно давал все необходимые сведения. Признаков какого-либо психического расстройства не обнаруживал. За время процесса испытуемый ни разу не плакал. Ответы на все давал охотно и коротко, в показаниях был искренен, разоблачал себя и других, и сам все время подчеркивал, что он говорит правду. Выяснилась картина непрерывных кутежей, пьянок. Выяснилось, что многое делал он без особой корысти, из любви к позе, к демонстрации своей силы. За время процесса обнаружил вполне удовлетворительную ориентировку и неплохую память, несмотря на обилие материалов, которыми необходимо было оперировать.

В этом случае имели место и диференциально-диагностические трудности, так как благодаря атипичности реактивного состояния возникали серьезные подозрения возможности шизофрении и, кроме того, реакция носила затяжной характер, вследствие чего судебное разбирательство дела С. откладывали в течение длительного срока.

Значительные диагностические затруднения представляет для эксперта судебно-психиатрическая оценка исключительных состояний (патологический аффект, патологическое опьянение, сумеречные состояния, импульсивные действия и т. п.).

Неправильное понимание проблемы психопа-

тий, недооценка социальных моментов в генезе поведения психопатов приводит к неправильной судебно-психиатрической оценке таких «исключительных состояний», которые возникают на психопатической основе. Опыт института показал, что исключительные состояния, т. е. временное расстройство душевной деятельности реже встречаются на психопатической почве, а в большинстве случаев возникают на почве органических заболеваний центральной нервной системы.

Практика института показывает неуклонное из года в год сужение понятия исключительных состояний, все большую четкость клинической характеристики их и связанное с этим сужение группы признанных невменяемыми в связи с исключительными состояниями. По обработанным т. Разумовской данным, за период 1925—1928 гг. процент признанных невменяемыми по исключительным состояниям был равен 26,7, а за период с 1933—1936 гг. этот процент упал до 4,9.

Большие трудности возникают у экспертной комиссии при вынесении практических решений о том, что делать дальше с лицом, признанным совершившим правонарушение в исключительном состоянии. Так, если эпилептик в сумеречном состоянии совершил правонарушение, а в обычном состоянии он не обнаруживал таких изменений психики, которые позволили бы считать его неответственным, то возникает вопрос, что с ним делать дальше.

Здесь требуется индивидуальный подход к каждому случаю.

Обычно в таких случаях ставится вопрос об отдаче под опеку родных, но у нас нет определенных законодательных норм по вопросам опеки, в каждом городе она осуществляется различно и к тому же довольно плохо, и потому очень актуален вопрос о разработке законодательства об опеке. Иногда с целью профилактики правонарушения показано направление таких больных в лечебно-трудовые колонии.

Труден этот вопрос и в случаях так называемого патологического опьянения. Судебно-следственные органы в некоторых случаях полагают, что поскольку речь идет об опьянении, то и в отношении «патологического опьянения» должно быть применено примечание к ст. 11 УК РСФСР, и что в подобных случаях заключение о невменяемости идет вразрез с примечанием к ст. 11 УК РСФСР.

Между тем, судебно-психиатрическая практика знает целый ряд случаев, когда в результате приема алкоголя, иногда очень незначительного количества, развивается исключительное состояние, т. е. временное расстройство душевной деятельности. Это состояние качественно отличается от обычного состояния опьянения, даже очень тяжелого. Дело идет здесь «о патологической реакции, хотя и возникшей в связи с опьянением, но в конечном счете обусловленной заболеванием нервной системы, не имеющим прямой связи с данным опьянением».

Здесь судебно-психиатрическая оценка должна быть иной, чем в случаях простого опьянения.

Для иллюстрации приведем следующий случай, описанный Бунеевым:

Испытуемый К., 30 лет. Со стороны наследственности: алкоголизм, тяжелый характер у отца.

В детстве, под влиянием травмирующих переживаний, связанных с пьянством и скандалами отца, рано стал обнаруживать черты нервности. Рос раздражительным, упрямым. Страдал ночными страхами. Четырнадцати лет озлобленный поведением отца ушел из дома. Стал чернорабочим на заводе. Часто конфликтовал с администрацией. Будучи в армии, получил сильный ушиб головы при разрыве снаряда. В течение 2 месяцев после травмы страдал головными болями. Кроме того, стал вскакивать во сне и куда-то стремиться. Эти состояния повторялись несколько раз в течение, примерно, 4 месяцев. От военной службы был освобожден.

В 1920 г. перенес сыпной и возвратный тифы. По выздоровлении поступил на службу. В 1925 г. ушел в Донбасс, а оттуда на Кавказ. На Кавказе болел малярией. В 1926 г. был призван в армию. На военной службе были столкновения с начальником, но красноармейцем был аккуратным. После демобилизации поехал в Москву. Здесь женился и поступил в кооперативный университет. С этого же времени стал выпивать.

В 1930 г. бросил учебу, так как жена получила на производстве увечье и ему пришлось ухаживать за ребенком. В этот период чувствовал себя плохо: усилилась раздражительность, появились сосущие боли в желудке.

В 1931 г. он был командирован на административную работу в Восточную Сибирь. Там его состояние еще более ухудшилось. Появились сильные головные боли, бессонница, упала работоспособность. Стал подозрительным и придирчивым, конфликтовал с сослуживцами. Беспокоили беспричинные колебания настроения.

В 1931 г. он административную работу бросил и поступил на производство. Первое время стал чувствовать себя лучше, а затем здоровье снова ухудшилось. Стал пить почти ежедневно.

В 1934 г. по роду работы ему пришлось часто выезжать в районы. В июне 1934 г. перед очередной поездкой испытуемый зашел в магазин, и там в толкучке у него вытащили деньги и документы. Испытуемый заподозрил в краже одну женщину, которая стояла рядом с ним у прилавка, но эта женщина быстро исчезла.

Через 3 дня испытуемый пришел на Виндавский вокзал с тем, чтобы ехать в командировку. В ожидании поезда он зашел в буфет, выпил две стопки зубровки. Там же, в буфете, к нему подошел дежурный по ТОГПУ и спросил у него разрешение на имевшийся при нем револьвер. Испытуемый объяснил, что разрешение у него украдено, и отдал револьвер дежурному, обещав представить документ по возвращении из командировки. Затем он занял место в поезде. До отхода поезда оставалось минут 15 и, чувствуя сильную жажду, испытуемый вышел на перрон поискать воды. Внезапно он обратил внимание на женщину, сидящую на перроне, в которой он узнал похитительницу его документов. Испытуемый подошел к ней и в резкой форме потребовал возвращения похищенных документов. Дальнейшее он помнит очень смутно. За женщину кто-то вступился, началась драка.

Вспоминает окровавленную гимнастерку стрелка. Из дела видно, что за женщину заступился какой-то гражданин; испытуемый бросился на него с ножом. После этого он стал набрасываться на всех окружающих и поранил стрелка ж.-д. охраны, который стал стрелять в испытуемого и ранил его в плечо. Раненого испытуемого посадили в карету скорой помощи, но он из кареты выскочил и бросился бежать по направлению к поезду; с большим трудом он был доставлен в Институт им. Склифасовского, где ему была сделана перевязка.

При наблюдении в институте со стороны неврологической уклонений от нормы нет; со стороны психики испытуемый депрессивен, напряжен. Речь замедленная. В разговоре обстоятелен, часто затрудняется в подборе необходимых слов и выражений, чем очень тяготится: «пропадают слова», говорит испытуемый. Память снижена. Ведет себя правильно. Случившееся помнит только отрывками. Совершенно не помнит лица женщины, к которой он подошел на перроне. Помнит, что он опознал ее ошибочно. Жалуется на головные боли и кошмарные сны.

Состояние К. в момент совершения правонарушения не укладывается в картину обычного опьянения. Мы здесь имеем бессмысленную агрессию с глубоким изменением сознания (испытуемый не слышит выстрелов, не чувствует ранения головы). Алкоголь здесь явился лишь поводом, вызвавшим временное психотическое состояние, и потому К. должен быть от ответственности освобожден.

Дифференциальная диагностика «патологического опьянения» представляет большие трудности. Как правильно указывает Введенский, «иногда опьянение, носящее, бесспорно, характер патологического, не должно оцениваться, как безответственное. Это может иметь место в случаях, где в силу прирожденной или приобретенной невыносливости к алкоголю субъект обычно реагирует на вино развитием патологического состояния и социально опасным поведением. Об этом обыкновенно обвиняемый знает из опыта, предупреждается врачом или близким и достаточно ясно понимает зависимость патологического состояния от своего поведения». Мы полностью согласны здесь с проф. Введенским, что в ряде случаев такого рода судебно-исправительные меры могут быть применяемы с большим основанием и успехом чем меры медицинские. В каждом отдельном случае исключительного состояния необходимо внимательное изучение почвы, на которой возникло исключительное состояние, которое является часто признаком нарастающего органического или эпилептического процесса. Судебно-следственные органы должны знать, что при наличии заключения «патологическое опьянение» речь идет о временном расстройстве душевной деятельности, конечно, если диагноз «патологическое опьянение» был поставлен правильно.

В связи с кризисом, который сейчас переживает учение о шизофрении, большую актуальность получают вопросы судебно-психиатрической оценки при этом заболевании, которыми институт занимается в течение последнего ряда лет. Широкое диагностирование шизофрении, имевшее за последнее время место в психиатрии, могло вести также к неправильным судебно-психиатрическим заключениям. Но сужение границ шизофрении не снимает проблемы вменяемости шизофреников. Не исключается возможность признания шизофреников вменяемыми в случаях относительно благоприятного, легкого течения болезни, а также при наличии нерезких симптомов дефекта, когда перенесенное в прошлом психотическое состояние оставило личность достаточно сохранной, а имеющиеся изменения незначительны и носят стационарный характер.

Институт им. Сербского, считая на основании данных своих наблюдений, что часть шизофреников может быть признана вменяемой, подходил к этому вопросу чрезвычайно осторожно, признавая вменяемыми единичные случаи шизофреников.

Диагноз «шизофрения» в отношении всех признанных душевнобольными в институте ставился в 20,4% в 1935 г., 15,6% в 1936 г.

Для иллюстрации возможности признания вменяемым дефектного шизофреника приводим следующий случай:

М—в, 36 лет, находился впервые в институте в 1930 г. Работая в артели, он растратил артельные деньги. В институте отмечено: склонен к резонерству, речь разорвана, к судебному делу относится без всякой критики. Внимание отвлекаемо. Возбудим. С диагнозом «шизофрения» М—в направлен был на принудительное лечение в психиатрическую больницу. В больнице им. Кащенко, где находился испытуемый, диагноз при выписке — шизофрения.

Поступил он снова в июне 1933 г. Обвинялся в том, что, будучи заведующим столовой, растратил 24½ тыс. руб. Привлекался по закону 7 августа. При повторном поступлении расстройств сознания не было, отмечалась некоторая вялость, непродуктивность, с окружающими не общался, несколько стереотипно возбуждался, произносил защитного характера речи. В этих жалобах ясно выступало стремление подчеркнуть болезненные черты.

После двукратного прохождения через конференцию врачей признано было, что М—в обнаруживает некоторые дефекты личности после перенесенного душевного заболевания в форме шизофрении, однако дефект этот не настолько значителен, чтобы можно было считать испытуемого невменяемым.

В начале 1934 г. защита обратилась с ходатайством к прокурору о повторной экспертизе, ввиду «явных признаков душевной болезни и свидетельства психиатра места лишения свободы о том, что содержание М. в месте лишения свободы представляет большие трудности». Прокурор удовлетворил ходатайство.

В институте при повторном испытании поведение М. было таким же.

Решением комиссии М. вновь был признан вменяемым. Спустя несколько дней состоялся суд. М—в был осужден к 10 годам. Вслед за тем в поведении его наступила резкая перемена. Он повел себя в корпусе сознательно, стал предприимчивым, назначен был на внутренние работы и вскоре стал старостой корпуса. У психиатра он больше не появлялся. Сразу же было обнаружено умение М. приспособляться, устраивать свою жизнь, камера его стала одной из лучших по внешнему виду. Однако при всем этом отмечались де-

фектность личности, узость интересов, некоторые нарушения мышления.

Бунеев описывает встречающиеся в судебно-психиатрической практике группы случаев, где дело идет о произвольном симулятивном использовании опыта перенесенной ранее шизофренической вспышки. Для иллюстрации этой группы Бунеев приводит следующий случай:

Испытуемый Н., 30 лет, по профессии столяр. Инвалид III группы. Обвиняется в покушении на убийство. Поступает в институт в четвертый раз.

Со стороны наследственности ничего патологического. Детство прошло благополучно. Учился плоховато. По окончании училища работал с отцом по столярному делу. В 1919 г был контужен и получил пулевое ранение в шею. Был эвакуирован в Москву; здесь у него развилось психотическое состояние, по поводу которого он был помещен в психиатрический госпиталь. Около года находился в беспокойном отделении. Был агрессивен, неопрятен, слышал голоса, «грозившие его убить», отказывался от пищи. Наблюдались припадки. В ноябре 1920 г. был выписан на руки родных. Через 2 месяца, ввиду нового ухудшения, был помещен в психиатрическую клинику 1 МГУ. Пробыл там около 2 месяцев. Выписался с улучшением. Диагноз — шизофрения. По выписке не получил инвалидности, работал по столярному делу. В 1925 г. женился. В 1926 г. был арестован по обвинению в домашней краже и направлен в Институт им. Сербского.

В институте: со стороны нервной системы особых уклонений от нормы нет. Со стороны психики: испытуемый в ясном сознании. Ориентировка не нарушена. Бредовых идей и галлюцинаций нет. Отмечается некоторая вялость, эмоциональная уплощенность наряду с назойливостью. Несколько слабоумен. С врачами говорит в слезливом, жалобном тоне. Очень назойлив. В поведении, высказывании черты стереотипии. Экспертной комиссией был признан невменяемым, как дефектная личность после перенесенной шизофренической вспышки.

Из института выбыл домой. Чувствует себя удовлетворительно, работает столяром. В 1928 г. арестован вторично за нанесение ранений во время ссоры. Вновь был помещен в институт. Поведение в институте то же, что и при первом поступлении. Признан невменяемым с прежним диагнозом и переведен в психиатрическую больницу.

В 1930 г. поступил в институт в третий раз, арестован за спекуляцию жилплощадью. Поведение прежнее, признан невменяемым

В 1932 г. арестован за покушение на убийство ребенка жильца. Из материалов следствия видно, что Н. за большую сумму денег сдал часть своей жилплощади знакомой семье. Получив деньги, испытуемый с женой начинают травить жильцов, пытаясь их выжить. В квартире ежедневно скандалы. Однажды утром Н. набросился на ребенка жильцов и стал его душить. Был удержан подоспевшими соседями. По свидетельским показаниям, Н. частенько выпивает и в состоянии опьянения скандалит. Трезвый ведет себя правильно. При поступлении в институт Н. отвечал на вопросы с большой задержкой. Сведения давал о себе крайне сбивчиво. Жаловался на оклики. В отделении все время лежит в кровати, укрываясь с головой одеялом. На вопросы почти не отвечает или отвечает не по существу, иногда повторяет последнее слово вопроса. Взгляд растерянный. С окружающими не общается. Знаками просит лекарств. При попытках расшевелить его становится агрессивным. В таком состоянии находится около месяца. Вызванный на комиссию, вначале упорно молчит, но затем под влиянием настойчивых расспросов председателя, хорошо знающего испытуемого по прежним преступлениям, начинает говорить. Поведение его быстро изменилось. Испытуемый адэкватно реагировал на окружающую его обстановку, волновался, обнаружил достаточное понимание своего положения. Отчетливо выступила установка на болезнь. Комиссией признан вменяемым. После комиссии поведение правильное.

В этом случае мы, несомненно, имеем симулятивное поведение личности, дефектной после шизофренической вспышки. В своем стремлении прикрыться болезнью Н. использовал опыт своего прежнего заболевания, благодаря чему его состояние близко напоминало шизофреническое. Опыт прежних переводов Н. в психиатрическую больницу показал всю нецелесообразность его освобождения от ответственности. Оказалось, что производящий в институте впечатление полной беспомощности Н проявил большую активность в устройстве своих дел и, несомненно, рассчитывая на защиту психиатров, совершил ряд правонарушений. Этим и объясняется последнее решение экспертной комиссии.

От рассмотрения задач и основных критериев судебно-психиатрических оценок перейдем к вопросу о практическом проведении экспертизы.

По советскому УПК судебно-следственные органы имеют право вызвать для судебно-психиатрической экспертизы не только одного, но двух, трех и более психиатров (ст. 169 УПК) или же направлять подсудимых на судебно-психиатрическую экспертизу в специальные комиссии из врачей-психиатров (ст.ст. 172, 173 УПК). Экспертиза может происходить в камере следователя.

Наиболее существенные виды экспертиз — это экспертиза амбулаторная, стационарная и экспертиза на суде[1].

Амбулаторная экспертиза

Амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза дает заключение о вменяемости или невменяемости испытуемых после их однократного обследования без данных предварительного наблюдения, возможных в условиях стационара. Это обстоятельство делает работу амбулаторной экспертной комиссии особо трудной. Она требует тщательной предварительной подготовки по собиранию объективного материала, изучения уголовного дела, она требует наличия высококвалифицированных экспертов.

---

[1] О судебно-психиатрической экспертизе на суде см. специальную статью доцента Лещинского.

Рост числа амбулаторных экспертиз в Институте им. Сербского (46 экспертиз в 1925 г., 183 экспертизы в 1930 г. и 1010 — в 1935 г., рост по отношению к 1930 г. — 551,9%) показывает, насколько велика потребность у судебно-следственных органов в такой экспертизе, особенно когда речь идет об обвиняемом, не находящемся под стражей.

Между тем, по данным института, при выборочном обследовании периферии, за исключением Ленинграда, Харькова и некоторых других городов, амбулаторная экспертиза проводится крайне редко.

Правда, даже при тщательной предварительной подготовке при амбулаторной экспертизе в целом ряде случаев нельзя решить вопрос о вменяемости и приходится направлять испытуемых на стационарную экспертизу.

Стационарная экспертиза

Стационарная психиатрическая экспертиза обеспечивает возможность наиболее правильных и обоснованных судебно-психиатрических заключений. Назначается она (на основании ст. 203 УПК), когда требуется углубленное обследование и длительное наблюдение. Направление на стационарную психиатрическую экспертизу за 15 лет работы Института им. Сербского значительно выросло. Это объясняется не увеличением количества лиц, совершивших преступление (наоборот, имеется резкое снижение преступности), а улучшением качества работы судебно-следственных органов, тем большим вниманием, какое уделяется судебно-следственными органами при разборе дела личности преступника, а также и значительным улучшением отбора лиц, нуждающихся в судебно-психиатрической экспертизе. Кроме того, большое значение имеет распространение судебно-психиатрических знаний среди судебно-следственных работников. За 15 лет рост числа испытуемых, прошедших через стационар института, выразился в следующих цифрах — 139 человек в 1921 г., 786 человек — в 1930 г., а в 1935 г. — 1399 человек, рост в отношении 1930 г. — 177,9%.

В практике осуществления стационарной экспертизы имеется большое разнообразие, чаще всего она осуществляется в обычных городских психиатрических больницах, очень редко в специальных отделениях этих больниц и еще реже в институтах или судебно-психиатрических клиниках.

Выборочное обследование, произведенное институтом, показало, что в Ленинграде стационарная экспертиза осуществляется в Институте экспертизы, где имеется стационар на 50 коек, который фактически является отделением областной тюремной больницы для следственных, и в судебно-психиатрическом отделении 2-й городской больницы со стационаром на 125 коек; в Перми — в судебно-психиатрическом отделении при психиатрической больнице. В Калинине имеется экспертное отделение (для всех видов экспертизы, в том числе трудоспособности, военной и т. п.) при психиатрической колонии; в других же местах (Киров, Горький и др.) судебно-психиатрическая экспертиза осуществляется в общих отделениях психиатрических больниц. Специально подготовленных экспертов для проведения экспертизы в этих больницах не имеется.

Отсутствие организационного единства в проведении и осуществлении стационарной психиатрической экспертизы отрицательно отражается как на работе судебно-следственных органов в тех случаях, когда им приходится прибегать к стационарной экспертизе, так и на качестве самой судебно-психиатрической экспертизы. Проведение судебно-психиатрической экспертизы в общих психиатрических учреждениях нарушает правильное ведение следствия и не гарантирует ни получения необходимого для экспертизы наблюдения и материала об испытуемых, ни специализации врачей в области судебно-психиатрической экспертизы, ни возможности установления единства судебно-психиатрических оценок, что делает актуальным вопрос об едином типе учреждений для проведения стационарной экспертизы обвиняемых и осужденных.

Вопросы об организации специальных отделений для производства судебно-психиатрической экспертизы при психиатрических или при тюремных больницах обсуждался уже на съезде русских психиатров в 1911 г. Одни считали тогда необходимым организовать такие отделения при тюремных больницах, а другие — при общегражданских больницах, но все считали, что такие отделения должны быть организованы.

В инструкции 1921 г., утвержденной НКВД, НКЮ, ВЧК и НКЗ, говорится об организации психиатрических отделений при тюремных больницах, в инструкции НКЗ и Главного управления местами заключения 1924 г. — об организации специальных институтов по судебно-психиатрической экспертизе.

Лучшим выходом, конечно, была бы организация отдельных судебно-психиатрических отделений (клиник или институтов), но пока этого сделать нельзя и приходится проводить экспертизу в больницах, необходимо организовать при психиатрических больницах специальные судебно-психиатрические отделения, которые должны быть отделены от других отделений больниц и соответствующим образом оборудованы.

Во всяком случае такое положение, какое мы имеем в настоящее время, когда стационарная экспертиза обвиняемых так поставлена, что они нередко из больниц бегут, что наблюдение за ними чрезвычайно слабое, что экспертизу дают не специалисты, должно быть в корне изменено. Должен быть установлен единый тип учреждений для проведения стационарной экспертизы обвиняемых и осужденных.

Экспертиза несовершеннолетних правонарушителей

Не лучше обстоит дело с организацией судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних правонарушителей. Эта область наименее изучена и организационно почти не оформлена. Между тем, постановление ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. «О мерах борь-

бы с преступностью несовершеннолетних» ставит перед нами вопрос о необходимости усиления работы в области судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних правонарушителей. Для экспертизы несовершеннолетних правонарушителей необходимы специальные отделения, организованные таким образом, чтобы все моменты работы в этих отделениях (режим, учеба и трудовые процессы) служили диагностическим целям. Мы отдаем себе полный отчет о тех трудностях, которые имеются на местах для организации этих отделений при отсутствии помещений и кадров, но это не значит, что мы должны от этого отказаться. Это не значит, что мы должны допускать такое положение, когда подростка со стойкими криминальными навыками помещают или в общие психиатрические больницы, или в детские психиатрические больницы, откуда они к тому же и убегают.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что число экспертиз несовершеннолетних правонарушителей на периферии чрезвычайно ничтожно—единичные случаи. Так, через Пермскую психиатрическую больницу, обслуживающую край с населением в 9 млн., за год прошли экспертизу только двое подростков. Число психических заболеваний детей у нас в СССР неуклонно идет на убыль. Но все же эта цифра чрезвычайно мала, из чего можно заключить, что к экспертизе несовершеннолетних правонарушителей судебно-следственные органы почти не прибегают. Из числа подростков, прошедших испытание в институте и вызвавших сомнение в их психической полноценности, только 26% было признано невменяемыми, этим и объясняется отчасти такая незначительная обращаемость к экспертизе, но судебно-следственные органы должны помнить, что подростки почти никогда не обращаются к следователям по собственной инициативе с заявлением о своей болезни, что болезненные симптомы у них менее выражены. Поэтому судебно-следственным работникам, имеющим дело с несовершеннолетними правонарушителями, необходимо обладать некоторыми знаниями в области психопатологии детского и подросткового возраста, которые позволяли бы им ориентироваться в показаниях к направлению несовершеннолетних на психиатрическую экспертизу.

При проведении судебно-психиатрических экспертиз несовершеннолетних правонарушителей мы должны помнить о тех педологических извращениях, которые, базируясь на лженаучных предпосылках, имели своим результатом наряду с другими вредными последствиями непомерное расширение как самого понятия «умственная отсталость», так и увеличения числа детей, признанных умственно-отсталыми. Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» прекратило массовую штамповку так называемых «умственно-отсталых» детей и потребовало действительного научного, чуткого, внимательного подхода к каждому ребенку. Постановление ЦК ВКП(б) является для нас сигнализацией к осторожному подходу к различного рода лженаучным теориям. Особое внимание должно быть уделено в области судебно-психиатрических оценок олигофрении и психопатий, так как именно в этой области легче всего соскользнуть на путь подобного рода извращений.

Виды судебно-психиатрических заключений

Перейдем к видам судебно-психиатрических заключений. В результате судебно-психиатрической экспертизы испытуемый (подсудимый или осужденный) может быть признан или психически здоровым, или психически больным, или обнаруживающим некоторые уклонения от нормы, не дающие все же основания рассматривать его как душевнобольного.

Во всех этих случаях, вслед за установлением его психического состояния, должна последовать и рекомендация необходимых дальнейших мероприятий.

В отношении подэкспертных, признанных психически больными и невменяемыми, могут быть рекомендованы следующие мероприятия:

1. Помещение в психиатрическую больницу или колонию на общих основаниях.
2. Отдача психически больного на поруки родным и под наблюдение районного психиатра.
3. Помещение в психиатрическую больницу на принудительное лечение.

Практика работы института показывает, насколько нецелесообразны были заключения института в первые годы работы, когда свыше 90% признанных невменяемыми направлялись в больницы на общих основаниях. Среди этих больных было немало социально-опасных, которые, будучи посланы в психиатрические больницы на общих основаниях, нередко убегали из больниц или больницы их быстро выписывали, желая, как можно скорее избавиться от этой группы больных, вносящих дезорганизацию в жизнь лечебного учреждения. Эти больные обычно циркулировали между психиатрической больницей, местом заключения и институтом.

Начиная с 1923 г., на основании своего опыта институт меняет эту свою практику, и число больных, направляемых в психиатрические больницы на общих основаниях, падает. Так, в 1923 г. из всего числа испытуемых, переведенных в гражданские психиатрические больницы, было направлено на общих основаниях 67,4% и 12,6% на принудительное лечение, а в 1935 г. соотношение этих групп резко изменилось — на общих основаниях направлено 32,5%, а на принудительное лечение — 67,5%.

Принудительное лечение имеет своим основным отличием от направления в больницу на общих основаниях то, что выписка из больницы лиц, направленных на принудительное лечение, контролируется со стороны судебных органов.

Контингент лиц, направленных на принудительное лечение, может быть схематически разбит на 2 группы: а) группа душевнобольных, представляющих серьезную и длительную опасность для окружающих, непосредственно вытекающую из характера их заболевания — стойкие параноиды, эпилептики с сумеречными состояниями, импульсивные шизофреники и т. д.; б) душевнобольные хроники, идущие на путь правонарушения, вследствие своей беспомощности и неприспособ-

ленности к жизненной среде (эта группа больных иногда используется преступным элементом).

Для длительного содержания первой группы больных необходима организация крепких отделений при больших психиатрических больницах. В отношении душевнобольных хроников наибольшее значение имеют их правильное трудо- и жизнеустройство и хорошо организованная опека.

Между тем, за больными, посылаемыми на принудительное лечение, надзор весьма слаб, что и приводит к довольно частым побегам таких лиц из больниц. Многие больницы, по собственной инициативе, переводили и до сих пор переводят больных, отбывающих принудительное лечение по суду, на лечение на общих основаниях, направляя этих больных в психиатрические колонии, откуда еще легче бежать, чем из больниц.

Единой установки в системе применения принудительного лечения до 1935 г. не было.

Больницы освобождали лиц, отбывающих принудительное лечение, совершенно без участия в этом деле судебных органов. В лучшем случае отдельные психиатрические больницы после освобождения таких лиц сообщали об этом в соответствующие судебные органы. Получалось совершенно ненормальное явление: суд назначал принудительное лечение, но не осуществлял никакого контроля над его проведением, не участвовал в решении вопроса о том, возможно ли прекращение принудительного лечения. Такое положение приводило к тому, что лица, совершившие весьма опасные преступления и посланные на принудительное лечение, будучи довольно скоро выписаны из больницы, вновь совершали преступление.

Существенные дефекты были и в порядке назначения принудительного лечения. Психически больные посылались на принудительное лечение не только судебными органами, но и органами, производящими расследование (следователями, милицией и уголовным розыском) по заключению экспертов о том, что их подследственный нуждается в применении принудительного лечения. Бывали и такие случаи, что суд выносил постановление о применении принудительного лечения без предварительной психиатрической экспертизы и т. п.

Вышеописанная практика применения и осуществления принудительного лечения в значительной степени объяснялась как отсутствием достаточно четких указаний по этим вопросам в действующем Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах, так и отсутствием специальных инструкций по вопросам принудительного лечения.

Так, в ст. 24 действующего Уголовного кодекса, в котором говорится о мерах медицинского характера — «о принудительном лечении» и «помещении в лечебное заведение», — нет достаточной ясности в определении содержания этих отдельных мер и отличия их друг от друга.

Далее, ни Уголовный, ни Уголовно-процессуальный кодексы, говоря о принудительном лечении и помещении в лечебное учреждение, совершенно не содержат указаний о продолжительности принудительного лечения, об условиях, при которых оно может быть снято, и, в частности, о том, должно ли это снятие принудительного лечения быть санкционировано судебными органами.

Наконец, нигде не указывается, в отношении каких категорий душевнобольных необходимо и целесообразно назначение принудительного лечения.

Такое положение в практике назначения и проведения принудительного лечения приводило к повторным правонарушениям душевнобольных.

Для иллюстрации приведем следующие два случая:

1. Испытуемый Голубков, диагноз — органическое слабоумие, невменяем. За период с 1926 до 1934 гг. был в институте 11 раз, направлялся из института в психиатрические больницы на общих основаниях, а затем на принудительное лечение, но через несколько месяцев вновь возвращался в институт. Обвинялся все время по ст. 162 (кражи).

2. Испытуемый Полунин обвиняется по ст.ст. 74—73 УК. 22 июля 1934 г. направлен на стационарную экспертизу. 17 августа 1934 г. признан страдающим шизофренией, невменяем, нуждается в направлении на принудительное лечение. 27 ноября 1934 г. вновь направлен на стационарную экспертизу. Обвиняется по ст. 74. 26 декабря 1934 г. признан душевнобольным (шизофрения), невменяемым с направлением в психиатрическую больницу на принудительное лечение. 7 сентября 1936 г. вновь направляется на амбулаторную экспертизу в институт (обвиняется по ч. 2 ст. 74). Признается шизофреником, невменяемым, направляется на длительное принудительное лечение.

Процент повторно поступающих в институт на экспертизу довольно высок (в 1930 г. — 6,1%, в 1931 г. — 15,2%, в 1932 г. — 9,8%, в 1933 г. — 13,3%, в 1934 г. — 7,4%). Сталкиваясь в своей повседневной практике с результатами этой, не имевшей единых установок системы применения принудительного лечения, Институт им. Сербского разработал проект инструкции о порядке назначения и проведения принудительного лечения душевнобольных, совершивших преступления. Эта инструкция, утвержденная НКЮ и НКЗдравом 17 февраля 1935 г. за № 14, внесла значительную ясность в круг вопросов, связанных с принудительным лечением. Инструкция дает точные указания о порядке назначения принудительного лечения. Принудительное лечение как мера воздействия медицинского характера назначается исключительно приговором или определением суда. Суд назначает принудительное лечение в тех случаях, когда находит необходимым применение мер медицинского характера в условиях изоляции в отношении социально-опасных душевнобольных с целью предотвращения побегов и предупреждения повторных с их стороны правонарушений.

Инструкция, четко указывая все те категории лиц, к которым возможно применение принудительного лечения, требует обязательности предварительной психиатрической экспертизы при на-

значении принудительного лечения, обязательности мотивировки суда в случае его несогласия с заключением психиатрической экспертизы и дает указания об условиях и порядке самого осуществления принудительного лечения. Инструкция вводит ясность в понятия «принудительное лечение» и «лечение на общих основаниях», которые недостаточно четко, а иногда совершенно неправильно воспринимались судебно-следственными органами.

Проведение этой инструкции в жизнь должно создать единую и целесообразную практику принудлечения.

Но перегруженность психиатрических больниц приводит к стремлению этих больниц, как можно скорее, освободиться от присланных к ним на принудительное лечение больных, как от трудных и тяжелых для больницы и как ненадежных в смысле побега. Этим и объясняется, что психиатрические больницы на периферии дают заключение о назначении принудительного лечения в отношении обвиняемых, проходящих у них судебно-психиатрическую экспертизу в исключительно редких случаях.

Кировская психиатрическая больница в 1935 г. на 31 случай признанных невменяемыми только в одном случае указала на необходимость принудительного лечения. Псковская больница на 60 больных, признанных невменяемыми, дала заключение о необходимости принудительного лечения в двух случаях. Пермская больница на 46 больных, признанных невменяемыми, — в семи случаях и т. п.

Обследование, произведенное Институтом им. Сербского, о применении инструкции о принудительном лечении в отношении больных, прошедших экспертизу в институте за 10 месяцев в 1936 г. и направленных на принудительное лечение, показало всю неудовлетворительность его осуществления. Больные часто убегают, отпускаются в продолжительные отпуска с последующим невозвращением, имеются случаи выписки без постановления судов и т. п.

Так, из 134 больных, направленных за 10 месяцев 1936 г. на принудительное лечение в одну из загородных больниц, 31 человек (23,1%) был в побеге, некоторые по несколько раз бежали. Из 31 бежавших 12 шизофреников, 2 эпилептика, 11 с органическим поражением центральной нервной системы, 6 алкоголиков, а по преступлениям они распределяются следующим образом: 18 против порядка управления, 2 против личности, 10 имущественных и 1 должностное преступление. Находились в больнице: 1 месяц и менее — 20,0%, от 2—4 месяцев — 41,3%, от 5—7 месяцев — 16,0%, больше 7 месяцев — 1,4% и неизвестно—21,3% (в таких случаях в истории болезни отмечены отпуска или побеги без указания срока). Из 73 человек, выписанных из больницы, формально на 68 человек разрешение было, а на 5 человек не было, но в действительности дело обстояло несколько иначе: получение разрешения оформлялось в то время, когда больные были или в отпуску или в бегах. Так, 5 человек выписано заочно, 3 человека сами хлопотали о своей выписке, 3 человека поступили с повторным преступлением, а 2 человека, получившие отпуск, покончили дома самоубийством, 4 человека выписаны, как бежавшие, 3 человека выписаны до получения разрешения, только 24 человека из этой группы выписаны на попечение родных, 37 самостоятельно, а 3 человека выписаны с санитаром, т. е. направлены к родным без желания родных взять этого больного.

Для примера приведем следующий случай: Р., обвиняемый по ст.ст. 74 и 182, диагноз — шизофрения. Выписан из института в больницу 3 февраля 1936 г., 23 февраля 1936 г. получил в больнице отпуск на 5—10 дней. 10 апреля отметка в истории болезни: «считать выписанным как не вернувшегося из отпуска»; 25 апреля послано ему извещение о снятии с него принудительного лечения. Ходатайство о снятии принудительного лечения было возбуждено, когда Р. не вернулся из разрешенного ему отпуска. Таких примеров немало.

Все это настоятельно требует создания крепких отделений при психиатрических больницах для осуществления принудительного лечения и организации специальных колоний для принудительного призрения душевнобольных хроников. Необходимо, чтобы душевнобольные по выписке из психиатрических больниц находились под усиленным психиатрическим надзором, необходимо заняться вопросами их трудоустройства, так как отсутствие такового приводит этих больных к рецидиву и социальной деградации. Кроме того, необходим периодический контроль прокуратуры за осуществлением принудительного лечения.

Подготовка кадров

Правильная организация и проведение судебно-психиатрической экспертизы требуют наличия достаточного количества хорошо подготовленных кадров в этой области. Судебный психиатр наряду с большой клинической подготовкой и опытом должен обладать подготовкой и в области юридических наук, знать основные установки нашей уголовной и исправительно-трудовой политики и уметь увязывать свои решения с их основными принципами.

Совершенно не выдерживает никакой критики мнение тех, которые думают, что экспертизу могут проводить судебно-медицинские эксперты, которые не только не работали по судебной психиатрии, но не знакомы с клинической психиатрией и не являются специалистами в области судебной психиатрии. Необходимо помнить, что наука давно уже вступила на путь разделения дисциплин, трактующих вопросы этих экспертиз. Судебных психиатров очень мало. С ростом потребности органов юстиции в судебно-психиатрической экспертизе встал вопрос о плановой систематической подготовке новых кадров в области судебной психиатрии. Пока Институт им. Сербского единственное учреждение в СССР, которое занимается подготовкой кадров су-

дебных психиатров-экспертов. Аспирантура в институте введена с 1932 г., и институт уже подготовил группу научных работников, в настоящее время работающих при институте.

Подготовленные институтом научные сотрудники еле обеспечивают потребности самого института, так как институту до сих пор не удалось наладить регулярное комплектование аспирантов ввиду того, что институт до сих пор не включен НКЗдравом в разверстку на выделение ему ежегодно определенной группы врачей, подходящих для прохождения аспирантуры.

Программами медвузов преподавание судебной психиатрии совершенно не предусматривается, нет даже факультативного (необязательного) курса судебной психиатрии. Кафедра судебной психиатрии организована только при Институте им. Сербского. При ней проводятся лекционные и клинические занятия. Обслуживает кафедра из медицинских учреждений — I и II мединституты, невро-психиатрический институт им. Ганнушкина, Центральный институт усовершенствования врачей. Но если для переподготовки врачей предоставляется 12—16 часов, то для студентов медвузов на судебную психиатрию отводится от 2 до 4 часов, даже для экскурсии по институту этого времени недостаточно. НКЮ уделяет этому вопросу большое внимание, отводит для преподавания судебной психиатрии в юридических институтах от 30—50 часов.

Из юридических учебных учреждений институт обслуживает Московский юридический институт, Московский заочный юридический институт (причем студенты Заочного института на время занятий по судебной психиатрии съезжаются, и занятия проводятся в Институте им. Сербского), Московские областные юридические курсы, а также курсы по подготовке советских защитников. Намечены занятия и со слушателями Правовой академии.

Число слушателей и часов занятий с каждым годом увеличивается: в 1932 г. было 67 слушателей и 24 часа занятий, а в 1935 г. — 261 слушатель при 234 часах занятий. И число медиков прошло немало: в 1935 г. — 768 человек, в 1932 г. — 355 человек, но, как уже было указано, количество часов, отводимых для занятий с медиками, настолько ничтожно, что ни о какой подготовке их не может быть и речи. Совершенно не учитывается, что «судебная психиатрия,—как сказал т. Крыленко[1], должна рассматриваться как самостоятельная отрасль научного исследования, требующая специальной постановки в медицинских учебных заведениях и юридических институтах. У судебных психиатров, кроме общих медицинских знаний, должен быть необходимый запас знаний социальных».

Все преподавание судебной психиатрии сосредоточено в Институте судебной психиатрии, где имеется богатый живой материал для иллюстрации и где преподавание ведут специалисты в области судебной психиатрии. В институте и должна быть сосредоточена подготовка и переподготовка судебных психиатров-экспертов. Та точка зрения, что любой психиатр может давать судебно-психиатрическую экспертизу,— неверна.

Судебно-психиатрическая наука, — говорит т. Крыленко, — является особой специфической дисциплиной. Медицинские основы этой науки теснейшим образом, увязаны с науками общественными. Судебный психиатр не может ограничиваться одним медицинским диагнозом. Он не может забыть о той системе общественных отношений, в которую вплетается решение поставленного перед ним вопроса... Врач-психиатр, чтобы дать сознательно ответ на поставленный перед ним вопрос о вменяемости и ответственности, должен понимать особенности нашей советской уголовной политики.

Все вышеизложенное приводит нас к следующим выводам:

1. Необходимо усилить научно-исследовательскую работу по изучению клинических разделов, имеющих особое значение для судебной психиатрии (реактивные и исключительные состояния, легкие органические поражения центральной нервной системы, шизофрения).

2. Подготовить кадры квалифицированных судебных психиатров, знающих не только психиатрию, но и основы нашей уголовной и исправительно-трудовой политики.

3. Упорядочить практическое проведение судебно-психиатрической экспертизы как путем организации в психиатрических больницах специальных отделений, так и установлением института областных (краевых) судебных психиатров, являющихся руководителями и консультантами судебно-психиатрической экспертизы в масштабе области (края).

4. Обеспечить реальное осуществление принудительного лечения надлежащей реорганизацией тех отделений психиатрических больниц, в которых оно проводится, обеспечив этому вопросу внимание руководства органов здравоохранения, прокурорских и судебных работников.

---

[1] Речь на I всесоюзном совещании по судебной психиатрии 22 декабря 1936 г.

А. ЛЕЩИНСКИЙ

Значение и место судебно-психиатрической экспертизы в зале суда[1]

Судебно-психиатрическая экспертиза, проводимая непосредственно в зале суда, является наряду со стационарной, амбулаторной и заочной экспертизой одной из форм участия эксперта-психиатра в судебном процессе.

Непосредственное участие эксперта во всем судебном разбирательстве, несомненно, благоприятствует получению различного рода материалов, характеризующих с самых разнообразных сторон жизнь, личность и деятельность исследуемого. В процессе допроса свидетелей эксперт, непосредственно знакомясь со всеми деталями дела, имеет возможность собрать более полный объективный анамнез испытуемого. Перекрестный допрос свидетелей облегчает эксперту критическую оценку их показаний и отбор наиболее достоверных. Во время судебного разбирательства перед экспертом может возникнуть ряд новых, доселе не бывших в поле его зрения вопросов, разрешение которых тут же на месте часто имеет существенное значение для его выводов. Одновременно врач может выяснить и ряд вопросов, хотя и нашедших некоторое отражение в материалах предварительного следствия, но разработанных недостаточно полно, ввиду отсутствия у лиц, ведших следствие, психиатрических знаний и вытекающей отсюда недооценки ими важности получения необходимых данных, освещающих эти вопросы. Исключительное значение приобретает участие эксперта в судебном заседании по делам, в которых психиатрической компетенции подлежит разрешение вопроса не о состоянии здоровья обвиняемого в момент суда, а определение его психического здоровья в период совершения инкриминируемого ему правонарушения. В этих случаях стационарная экспертиза, как бы долго и тщательно она ни проводилась, зачастую оказывается беспомощной. В самом судебном заседании, где как бы вновь проходит вся картина правонарушения, можно остановиться и заострить внимание на тех или иных деталях, могущих оказаться решающими для выводов эксперта. В качестве иллюстрации к сказанному приведем из нашего материала следующий случай:

Л-ч, 32 лет, обвинялся в покушении на убийство своей жены, с которой за год до того развелся, но имел постоянные конфликты, ссоры и бурные сцены на почве ее плохого отношения к их ребенку. При стационарной экспертизе Л-ч не обнаружил никаких признаков психического заболевания. Причиной его направления на экспертизу послужило только его заявление о запамятовании периода правонарушения. В то же время в деле имелись указания о том, что Л-ч лично явился в райотдел милиции и заявил, что он убил свою жену (фактически легко ранил), а также о том, что перед преступлением с обеих сторон были угрозы расправиться друг с другом. Располагая только этими данными, стационарная экспертиза, естественно, не могла высказаться ни за наличие исключительного состояния (патологический аффект), ни исключить последнее. Мы попросили вызвать эксперта в суд. В процессе судебного разбирательства прокурор обратил внимание на несоблюдение милицией одной детали при проведении следствия: между составлением протокола заявителя и первым допросом прошел необычно долгий срок (около суток). Прокурора это заинтересовало с юридической точки зрения, для эксперта же выяснение этого вопроса оказалось решающим моментом в его экспертизе: специально вызванные по этому вопросу свидетели — дежурный по милиции и другие граждане — объяснили задержку допроса тем, что Л-ч, прибежав в милицию и крикнув «я убил свою жену», тут же опустился на скамью и заснул так крепко, что никакими способами, даже «героическими» (вплоть до обливания его водой, дергания за ноги и проч.), не удавалось его разбудить. Проснувшись через 12 часов, Л-ч заявил, что он о совершенном ничего не помнит.

Присоединение к предыдущим материалам этой «детали», указывающей на наличие глубокой нервно-психической истощенности (прострации), характерной для патологического аффекта, дало возможность эксперту с определенностью высказаться за исключительное состояние и невменяемость.

В отдельных случаях при определении психического состояния пострадавшего эксперт на суде имеет возможность более точно установить наличие и степень связи (причина, совпадение во времени) между психическим заболеванием пострадавшего и полученной им психической травмой, что имеет известное значение для суда при определении степени ответственности обвиняемого.

Преимущества, представляемые этим видом экспертизы непосредственно для суда, в основном заключаются в возможности выяснить ряд подчас для него неясных положений предшествовавших экспертиз и получить ответ на могущие возникнуть новые вопросы в процессе самого судебного разбирательства. Так, нам известен случай, когда вызов эксперта в суд, при наличии достаточно определенного заключения о вменяемости предшествовавшей стационарной экспертизы, был обусловлен тем, что в деле, помимо нашего диагноза (истерическая личность), имелись справки других специалистов, наблюдавших испытуемого до правонарушения. В одной из них значилось, что у обвиняемого имеется «реактивное состояние, обусловленное как эндогенными (конституциональными), так и психогенными (семейной ситуацией) моментами; в дру-

[1] Переработанная стенограмма доклада на I всесоюзном совещании по судебной психиатрии.

гой справке фигурировал диагноз «невроз на конституциональной почве». Хотя в этих справках ничего противоречащего нашему заключению о вменяемости испытуемого и не имелось, все же вполне понятно желание суда разобраться в этой разноречивой терминологии и выяснить, не кроется ли за этим различием в терминах существенное диагностическое и судебное различие.

Удобство этого вида экспертизы для суда, в смысле быстроты получения им необходимого заключения, избежания отсрочки судебного разбирательства и направления испытуемого в психиатрическую больницу особенно наглядно в тех случаях, когда сомнение в психическом здоровьи кого-либо из участников дела впервые возникло после назначения слушания дела, или даже начала судебного разбирательства.

Что такие случаи далеко нередки, показывает собранный нами совместно с доктором Гринбергом материал, по которому из 67 экспертиз в зале суда в 24 случаях эта экспертиза была произведена здесь впервые. Следует также отметить, что из указанных 67 экспертиз в 17 случаях подэкспертные не являлись обвиняемыми (пострадавшие, истцы, свидетели). Направление таких лиц на стационарную экспертизу представляется для них неудобным (а советский суд всегда с этим считается), и, кроме того, их стационирование не всегда оправдывает возникающую в связи с этим отсрочку судебно-следственного процесса.

Наконец, целесообразен вызов экспертов-психиатров в зал суда в тех случаях, когда судебный процесс имеет большой общественный резонанс. В этих случаях публичное выступление эксперта, помимо обычно стоящих перед ним задач, может иметь значение для правильного направления общественного мнения и для борьбы с психиатрическими предрассудками в населении («пьяные дела», «хулиганства на почве нервности» и проч.).

Однако судебно-психиатрическая экспертиза в зале суда имеет и ряд существенных недостатков. К основным из них прежде всего относится непродолжительность и одноактность исследования. Этот, несомненно, серьезный недостаток послужил даже основанием для ряда авторитетных психиатров высказаться за необходимость значительного сужения и максимальной осторожности в выборе этого вида экспертизы.

Современная психиатрическая клиника помимо тщательного и квалифицированного наблюдения располагает рядом специальных видов исследования, требующих соответствующего оборудования, обстановки и времени для их проведения (лабораторные, рентгенологические, некоторые экспериментально-психологические методики и пр.). Невозможность применения этих средств исследования, прочно вошедших в арсенал психиатрической клиники, также в известной степени снижает ценность экспертизы в зале суда, как самостоятельной формы судебно-психиатрического исследования.

Плодотворная деятельность эксперта в суде затрудняется также той специфической обстановкой, в которой находится и исследуемый и которая зачастую вызывает у него аффективную напряженность, защитную реакцию, изменяет его обычное поведение. Подчеркивая отрицательную роль этого фактора, следует в то же время отметить, что, с другой стороны, наблюдение за испытуемым в этой новой, сложной и необычной для него ситуации представляет для эксперта дополнительный, небезынтересный материал для суждения о психической полноценности исследуемого. Наконец, к числу недостатков относится также вызываемое судебной обстановкой изменение обычно существующих отношений между пациентом и врачом в смысле повышенной настороженности и подозрительности со стороны исследуемого к эксперту, как непосредственному участнику суда, что в некоторых случаях препятствует установлению необходимого контакта для всестороннего исследования испытуемого. Однако тут же следует отметить, что в отношении этого недостатка разбираемая форма экспертизы характеризуется только количественным усилением тех отрицательных моментов, которых не лишены, хотя и в меньшей мере, и другие виды судебно-психиатрической экспертизы.

Учитывая серьезность перечисленных недостатков экспертизы в зале суда, в значительной степени исключаемых при стационарной форме судебно-психиатрической экспертизы, необходимо признать последнюю основной, наиболее квалифицированной и гарантирующей наибольшую объективную достоверность формой судебно-психиатрического исследования. Исходя из этого, мы не собираемся пропагандировать значительное расширение разбираемой нами формы экспертизы или предпочтение ее перед остальными, уже установившимися видами. Мы хотели лишь определить ее место, роль и значение в системе судебно-психиатрического исследования и показать судебным работникам, что в ряде случаев она является практически целесообразной и оправдываемой, а иногда и единственно возможной формой судебно-психиатрической экспертизы.

Мы до сих пор рассматривали судебно-психиатрическую экспертизу в зале суда как самостоятельную форму психиатрической экспертной деятельности, к этому следует добавить, что в целом ряде случаев ее целесообразно применять и в комбинации с другими видами экспертиз (стационарной, амбулаторной) как последнее звено ряда исследований.

В то же время на практике в ряде мест, повидимому, недооценивают значения этого вида психиатрической экспертизы. Сошлемся в этом отношении на недавнее выступление на всесоюзном судебно-психиатрическом совещании в Институте им. Сербского главного врача ставропольской психиатрической больницы доктора Доршта, который указал, что за последние пять лет врачи больницы ни разу не вызывались для участия в качестве экспертов в судебном заседании, хотя их больница является крупнейшим психиатрическим учреждением для всего Северокавказского края.

Вряд ли это можно объяснить отсутствием соответствующих случаев в практике судебных учреждений Северного Кавказа. Однако

было бы совершенно несправедливо обвинять в этом отношении только, или преимущественно, судебных работников.

Права доцент Фейнберг, которая пишет, что советский суд, прокуратура и следственные органы часто прибегают к психиатрической экспертизе, «она стала повседневным делом. Причиной этого является не увеличение количества лиц, совершивших преступления, но значительное улучшение качества работы судебно-следственных органов и то большое внимание, какое уделяется ими при разборе дела личности преступника». Следовательно, в недостаточном использовании нашими судебными органами экспертизы в зале суда в значительной мере погрешны сами психиатры и, в первую очередь, судебные психиатры. Знаменателен и тот факт, что в психиатрической литературе за последнее десятилетие мы не встречаем ни одной работы, посвященной этому вопросу. Первой ласточкой в этом отношении является учебник по судебной психиатрии, выпущенный недавно Институтом им. Сербского, в котором в специальном разделе рассматривается судебно-психиатрическая экспертиза в зале суда.

Для правильного осуществления и обеспечения должного качества судебно-психиатрической экспертизы в зале суда следует провести некоторые организационные мероприятия. Если коллегиальность экспертизы является желательной при стационарной экспертизе, опирающейся на данные всестороннего и продолжительного клинического исследования и наблюдения, то это тем более является необходимым при экспертизе в суде, значительно более ограниченной в возможности изучения объекта исследования. Здесь психиатрическая экспертиза, если она является первичной, должна осуществляться коллегиально. Далее, следует еще раз подчеркнуть целесообразность неоднократно высказываемого положения о том, что в качестве эксперта по вопросам о психическом состоянии кого-либо из участников процесса может выступать на суде только специалист-психиатр. Судебные медики, которые, в силу недостаточности своей психиатрической компетенции, сами тяготятся этой обязанностью, должны быть от нее совершенно освобождены. Идеальным являлось бы положение, при котором психиатрическую экспертизу осуществляли бы специалисты—судебные психиатры. Однако, учитывая крайнюю недостаточность в настоящее время соответствующих кадров, вряд ли это возможно практически осуществить. Поэтому мы, как минимум, предлагаем обеспечить хотя бы достаточную общую психиатрическую компетенцию эксперта и некоторую его осведомленность в вопросах судебной психиатрии. Организационной формой, предусматривающей выполнение этого положения, может быть требование к эксперту-психиатру наличия не менее трехлетнего клинического стажа. Учитывая вышеуказанные требования к эксперту-психиатру, а также исключительную важность и ответственность выполняемой им роли в советском суде, является целесообразным, чтобы списки врачей-психиатров, допускаемых к этой обязанности, предварительно рассматривались и утверждались государственными органами здравоохранения и юстиции (областными или краевыми отделами). В практике дореволюционного русского судопроизводства и современных капиталистических государств эксперт-психиатр значительно ограничен в своих правах. Советский суд не знает таких ограничений, он создает для эксперта максимально благоприятные условия для добросовестного и высококвалифицированного осуществления возложенных на него функций (ознакомление с делом, присутствие на судебном заседании, допрос обвиняемых и свидетелей, специальное исследование объекта экспертизы и т. д.). Ряд прав эксперта на суде закреплен в советском процессуальном законодательстве. Является желательным, чтобы в законодательстве было также зафиксировано фактически осуществляемое право эксперта самому непосредственно задавать вопросы обвиняемым и свидетелям.

Недавно утвержден величайший документ нашей великой эпохи—Сталинской Конституции. В ней с кристальной четкостью отражено то внимание, которое уделяется партией и правительством в нашей социалистической родине личности и охране ее прав. К каждому делу в нашей стране мы подходим теперь с точки зрения требования Сталинской Конституции. Нас, судебных психиатров, это обязывает еще с большим вниманием, вдумчивостью, четкостью и ответственностью относиться к выполнению почетной работы эксперта в советском суде.

А. ВИНБЕРГ

Исследование оттисков шрифта пишущих машинок

Среди разнообразия криминалистической экспертизы документов одно из наиболее сложных исследований принадлежит установлению идентификации шрифта пишущих машинок. Преступный мир приспособляет пишущие машинки как средство для совершения различных подлогов.

Подлоги, осуществляемые посредством пишущих машинок, преследовали по существу те же цели, что и подлоги рукописные. Среди «усовершенствованных» по исполнению подложных документов—различных фиктивных справок, удостоверений, отзывов, дипломов, среди обилия анонимных писем контрреволюционного содержания, угрожающих, шантажирующих, клеветнических—нередко фигурирует машинописный текст.

Подделывателю, пользующемуся пишущей машинкой, не приходится приспособляться под другой, не свойственный ему, почерк, ему не требуется прилагать лишние усилия для достижения сходства подделки с подлинным документом.

Пишущая машинка устраняет эти трудности. Понятно, почему возрастает количество подлогов, исполненных на пишущих машинках.

Известный исследователь документов американский проф. Осборн в своей работе «Техника исследования документов» считает, что рост подлогов при помощи пишущих машинок объясняется, с одной стороны, все возрастающим применением пишущих машинок, внедрением и распространением применения пишущих машинок во всех областях хозяйства и, с другой—от совершенно ошибочного предположения, что текст, написанный на пишущей машинке, не может быть идентифицирован. Оба эти положения, высказанные проф. Осборном, являются верными и не лишены своей актуальности в настоящее время.

Среди наших практических следственно-прокурорских работников еще существуют взгляды, что производство дактилографической экспертизы по текстам, исполненным на пишущих машинках, заранее обречено на неудачу, что все шрифты пишущих машинок одинаковы и лишены тех отличительных, индивидуальных признаков, которые бы служили средством идентификации шрифта. Лишь этим можно объяснить исключительно редкую практику графической экспертизы по установлению тождественности шрифта пишущих машинок. Это положение подтверждается практикой лаборатории по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР, где за 1½ года производства графических экспертиз имелось лишь 1—2 исследования шрифта пишущих машинок. Не менее разительна в этом отношении практика криминалистической лаборатории Московского правового института им. Стучки, где среди исполненных за 1936 г. свыше 500 дел по экспертизе письма, лишь 2—3 дела подвергались исследованию в целях идентификации шрифта пишущей машинки.

Несомненно, что столь редкое обращение работников юстиции к производству этого вида экспертиз отчасти объясняется неправильным представлением о возможностях идентификации шрифта пишущих машинок. Правильно утверждает проф. Осборн, что «...хотя большинство пишущих машинок имеет приблизительно похожий размер шрифта, однако, не существует двух машинок точно одинаковых по размерам букв, за исключением, конечно, совершенно новых машинок одинаковой модели, одной и той же фабрики»[1].

Как мы дальше увидим, абсолютно, казалось бы, одинаковые машинки, спустя некоторое время работы, вследствие изнашивания, приобретают индивидуальные признаки.

Видные исследователи документов среди своих многочисленных литературных работ в области графического исследования, к сожалению, разделяют «молчание» практиков работников в вопросах идентификации шрифта пишущих машинок. Так, Е. Ф. Буринский в известной работе «Судебная экспертиза документов», С. Отоленги в книге «Экспертиза почерка и графическая идентификация» ни одним словом не обмолвились по этому поводу. Серьезная работа проф. Макаренко «Техника расследования преступлений» (Харьков, изд. 1925 г.) в обстоятельной главе о подлогах документов не упоминает совершенно о подлогах, исполненных посредством пишущих машинок.

Даже в подробных исследованиях о подлогах, как в работах проф. Осборна, Рейсса, Бразоль, вопросам идентификации шрифта пишущих машинок уделяются 2—3 страницы среди капитальных объемистых трудов.

Исследование шрифта пишущих машинок в литературе и следственно-судебной практике пребывает далеко еще на ненадлежащем уровне и недостаточно отражает практику использования машинописного текста в целях совершения преступлений.

В известной степени игнорирование этих вопросов приводит на практике к тому, что экспертизы по идентификации пишущих машинок нередко поручаются не экспертам-специалистам, а различным техникам по ремонту пишущих машинок, которые при исследовании вопроса исходят только из формы и величины букв или из некоторой аномалии литья. Здесь вполне уместна аналогия с исследованием невежественных каллиграфов в области экспертизы письма, когда заключения последних основывались лишь на внешнем сходстве различия букв, т. е. их конфигурации, не занимаясь при этом исследованием содержа-

[1] Осборн, Техника исследования документов, под ред. Потапова, стр. 186.

ния документов, стиля, манеры изложения, словом, ограничиваясь лишь одним из элементов письма—почерком, как внешним, готовым графическим процессом (об этом же мы встречаем указания в статье В. Шату «Идентификация и определение давности текста, написанного на машинке»). («Архив Криминалогии», 1933, № 3—4).

При исследовании шрифта пишущих машинок экспертиза должна разрешать следующие главнейшие задачи: 1. Напечатан ли исследуемый документ на данной пишущей машинке? 2. Напечатаны ли сравниваемые документы на одной и той же машинке (какой системы машинка)? 3. Установление автора текста, пользовавшегося пишущей машинкой (особенно в анонимных письмах). 4. Исследование допечатанных вставок, цифр, строк и т. п., изменяющих смысл, содержание и назначение документа. 5. Определение времени напечатания документов.

В первую очередь исследование шрифта пишущих машинок сводится к определению системы и типа машинок. С этой целью эксперт, а равно и следователь должны знать хотя бы наиболее распространенные системы машинок с тем, чтобы при тщательном осмотре шрифта иметь возможность определять, печатался ли исследуемый текст на машинке системы «Ундервуд» или же «Ремингтон», «Смис-Премьер», «Эрика», «Адлер», «Континенталь», «Ленинград» и пр.

У пишущих машинок, особенно старых выпусков, шрифты явно отличались друг от друга по размерам букв, по их соотношению и рисунку. По этим признакам было возможно в первую очередь применить так называемую групповую идентификацию, т. е. выявить тип машинки, ее систему и шрифты одной и той же системы, но разных типов.

При этом учитываются самые незначительные, на первый взгляд, особенности и различия шрифта, наглядно различимые при соответствующем фотоувеличении (линейное увеличение от 2—4 раз).

Наличие каталога разных систем и типов пишущих машинок, иллюстрации различных по рисунку букв их размеров и соотношений облегчают работу эксперта в определении типа пишущей машинки. Однако эти каталоги в нашей практике еще не нашли себе применения.

Системы машинок различаются положением букв, цифр и знаков препинания по отношению к горизонтальной и вертикальной линии строки, т. е. стоят ли буквы вертикально или имеют наклон вправо или влево.

Прямота строк позволяет также судить, имеем ли мы применение машинки с переменным реестром, где по нескольку знаков прикреплены к одному букводержателю, или же текст печатался на машинке с полной клавиатурой, где буквы прикрепляются независимо друг от друга.

В настоящее время широко применяется стандартизация пишущих машинок, что естественно усложняет возможность определения системы машинок. Это затруднение усугубляется также процессом стандартизации шрифта, когда последний изготовляется самостоятельно на специальных фабриках, которые обслуживают заказы на изготовление одного и того же шрифта для разных систем и типов пишущих машинок. Однако при исследовании шрифта пишущих машинок следует руководствоваться бесспорным положением, что каждая машинка, находясь в различных условиях эксплоатации и разного по качеству ухода, от работы изнашивается, претерпевает различное расстройство, подвергается ремонту—все это позволяет менее всего проявляться индивидуальным признакам, характеризующим данный конкретный тип машинки. Как в учении о следах, мы познаем и отличаем след обутой ноги в стандартный ботинок по характерному износу подошвы, заплатам, или расположению гвоздей после ремонта, или же различаем разыскиваемую автомашину по следам отпечатков стандартных шин на дороге, благодаря лишь индивидуальным признакам получаемых шиной от степени и характера износа, заплат и ремонта,—применительно таким же образом, тем же криминалистическим методом руководствуется эксперт при исследовании оттиска шрифта пишущих машинок.

Определив систему и тип пишущей машинки, надлежит перейти к исследованию особенностей шрифта, к его индивидуальным признакам.

Здесь следует иметь в виду, что наиболее характерные отличительные признаки в результате износа машинки проявляются в деформации шрифта. Это выражается либо в порче отдельных букв в результате длительного употребления машинок, когда деформируются ударные поверхности букв и образуются различные вдавления, рубцы, выбоины, разрывы и тому подобные повреждения, на подобие «особых примет» в «словесном портрете», либо в более глубоком «органическом» пороке шрифта. Последнюю категорию составят дефекты строчки, когда строка вместо прямой, в результате дефекта отдельной группы букв, представляет собой кривую, в которой некоторые буквы «устремлены» вверх строки, другие представлены «падающими» ниже строки, а в целом получается «танцующая строка» [1].

Отличительным признаком является иногда наблюдаемое проскакивание в слове отдельных букв, когда образуется «плешивая строчка».

Проскакивание отдельных определенных букв в результате дефекта машинки должно наблюдаться, как постоянное явление, во всем исследуемом тексте. В противном случае будет уместнее говорить о случайном пропуске букв или разрыве ленты. Аналогичным же отличительным признаком следует считать «наскакивание» одной буквы на другую — соседнюю букву. При внимательном исследовании текста, исполненного на подобной машинке, будет заметно, как некоторые буквы оказываются слитыми друг с другом, в результате чего образуются непропорциональные разрывы в расстояниях между отдельными буквами и словами. Здесь также внимание иссле-

[1] Бразоль, Очерки по следственной части, Петроград, 1916, раздел «Осмотр документов».

дователя должно быть сосредоточено на выяснении, наблюдается ли так называемое «наскакивание» по всему тексту документа или быть может оно объяснимо тем, что, нажав клавишу и не опустив ее, одновременно нажали клавишу соседней буквы. Обычно такого рода «слияние» объясняется неумением пишущего работать на машинке.

Индивидуализирует машинку также шрифт, в котором определенные буквы, например, «о», «р», «а» и пр., пробивают насквозь бумагу. Противоположным явлением будет так называемый «слепой шрифт», когда в результате изношенности букв и их загрязнения от мелких частиц резинки, пыли, краски и масла, попадающих в гнезда букв, некоторые из них при оттисках дают различные формы клякс, как-то: буквы «о», «р», «а», «с», «б», «в», цифры 6, 8, 9.

Этот дефект устраняется очередной чисткой машинки, но имеет большое значение для установления времени напечатания документа — до или после чистки машинки, тем более, что смазка и чистка машинки в хороших руках производится регулярно (примерно, 2 раза в месяц). Этот разительный признак в особенности проявляется при всяких позднейших вставках и допечатках. Например, текст исследуемого документа исполнен вскоре после чистки машинки и представлен в виде четкого, ясного рельефа букв, а какая-либо вставка, меняющая смысл документа, исполнена после длительной работы машинки «слепым» шрифтом.

Это обстоятельство, по степени загрязненности букв, позволит исследователю утверждать, что текст и вставка в документе писались на данной машинке в разное время.

Последующую вставку или приписку в документе выдает также неровность в строке. Невозможно установить бумагу точно так же, как это было сделано при напечатании первоначального текста.

При тщательном исследовании шрифта эксперту удается установить время напечатания документа в отличие от выставленной на исследуемом документе даты и тем самым установить подложность неправильно датированного документа.

При этом эксперт исходит из тех соображений, что машинка в среднем имеет продолжительность службы от 5 до 20 лет. За время работы машинки, как мы уже говорили, изнашиваются ее ударные поверхности букв, и чем больше находилась в эксплоатации машинка, тем специфичнее эти дефекты. Исследуемый документ, исполненный на известной нам машинке, помеченный более поздней или ранней датой, не может отвечать действительному состоянию машинки в период, который указан фиктивной датой на документе.

Для установления подлинной даты (не числа, а года или месяца напечатания) следует иметь все образцы шрифта пишущей машинки в хронологическом порядке — по месяцам и годам.

Также надо знать различные изменения и улучшения, которые произошли с разными системами машинок. Эти признаки могут свидетельствовать, что указанный шрифт на исследуемом документе исполнен раньше или после внесенных конструктивных и иных изменений в машинку данного типа.

Отличительным признаком принадлежности шрифта и определенной машинки служит также степень износа ее переставных рычагов и состояние букводержателей. Букводержатели гнутся, расшатываются, что приводит к неправильному отпечатыванию букв, к образованию неровных оттисков различных букв. Исследование этих оттисков показывает, что они или неравномерно отпечатываются на нижней, верхней, левой или правой сторонах отдельных букв, или же целиком изображаются криво. Дефекты рычажков проявляются в том, что они от продолжительной работы ослабляются, что приводит к меняющемуся направлению линий, либо сгибаются, следствием чего явится одинаково неправильное направление по всему рассматриваемому тексту.

Ослабление винтов, соединяющих валик с металлической пластинкой, за которую вставляется при печатании лист бумаги, также приводит к искривлению всей строки.

Сильно изменяют общий вид шрифта дефекты пишущей ленты. При очень жирной гектографической ленте буквы забиваются краской и имеют подобие «слепого» шрифта.

Разная степень изношенности ленты приводит к неравномерным оттискам букв на бумаге. Некоторое влияние на вид шрифта оказывает и степень использования копировальной бумаги. Текст, напечатанный через копировку, устанавливается при помощи лупы — на краях букв заметны зубцы и мельчайшие окрашенные точки вокруг букв, в то время как при непосредственном печатании буквы будут иметь прямолинейные очертания. При употреблении резинки на копиях размазывается краска копировальной бумаги.

Вот в самых общих чертах основные, на наш взгляд, моменты, которые надлежит исследовать эксперту и следователю для того, чтобы среди бесчисленного количества, на первый взгляд «одинаковых» оттисков шрифта пишущих машинок, установить разыскиваемую машинку. Установив машинку, приходится выяснить вопрос, имеется ли возможность установить также и личность писавшего?

При этом следует согласиться с правильным указанием в книге «Криминалистика», что «письмо, выполненное на пишущей машинке, отражает личность писавшего в значительно меньшей степени по сравнению с почерком. Поэтому возможность установить автора такого письма непосредственно по машинописи очень ограничена и требует особых условий»[1].

О каких же признаках и с какой степенью вероятности можем мы устанавливать автора машинописного текста? В первую очередь возможно установить, исполнен ли исследуемый текст лицом, хорошо владеющим практикой работы на пишущей машинке, или автором, которому не приходилось работать на машинке.

Несомненно, что лицо, которому длительный период приходилось работать на пишущей машинке, приобретает навык и привычки, проследить которые возможно при тщательном

[1] «Криминалистика», кн. I, 1936, стр. 128

исследовании текста. Это проявляется в быстроте и непринужденности письма, в равномерной силе удара по клавишам опытных рук, в привычном размещении текста, в специфическом для пишущих на машинке употреблении красных строк, полей, интервалов, в величине типичных промежутков между буквами,—все эти признаки у лица, впервые пользующегося машинкой, будут разнородны—разная степень удара по клавишам, неуверенность, неровность расстояния между словами и строками, пропуски отдельных букв, налезания букв и т. п.

При идентификации лица, напечатавшего исследуемый текст, писавший обнаруживает себя как по содержанию документа, так и по присущим ему привычкам письма и ошибкам.

Эти признаки приобретают особо серьезное значение, когда исследованию подвергаются анонимные письма.

Здесь в первую очередь подлежит исследованию содержание письма, из которого будут явствовать цель и мотивы писавшего, исследование стилистического построения фраз, соблюдения грамматических правил, подбор слов и выражений, разделение слогов и расстановка знаков препинания. Необходимо серьезное внимание обратить на привычки письма, как-то: манера расположения текста, способ подчеркивания, величина и форма полей, способ переноса слогов, особенности нумерации страниц, особый вид подчисток и исправлений слов и т. п.

Столь же серьезное внимание требует исследование ошибок, присущих письму заподозренного лица. Сюда относятся пропуски определенных букв, употребление маленьких букв вместо больших, повторяющиеся орфографические ошибки, неправильное употребление знаков препинания и т. д.

Эксперту и следователю необходимо иметь в виду, что анонимные письма и любые вообще документы, исполненные на машинке, часто на боковых сторонах листа сохраняют невидимые оттиски папиллярных линий, остающихся при вставлении бумаги в машинку. Следует всеми мерами оберегать от порчи эти следы. Также не рекомендуется уничтожать конверты, в которых часто присылаются анонимные письма, исполненные машинописным шрифтом, ибо нередко адрес на конверте исполняется от руки, и путем графического исследования становится возможным установить автора письма.

Исследователь не должен механически рассматривать в отдельности все указанные признаки при идентификации личности.

Все эти приемы имеют значение и смысл лишь тогда, когда применяются в связи друг с другом, когда одно исследуемое обстоятельство находится в связи с другими и когда вся совокупность признаков приводит эксперта к тому или иному выводу. При этом следует помнить, что все исследование экспертом должно проводиться на основе тщательного изучения всех обстоятельств дела, а не оторванным от фактической стороны дела. Знание обстоятельств дела необходимо эксперту для наиболее достоверного разрешения исследуемого вопроса.

Поступающий на исследование документ надлежит всячески предохранять от повреждения и изменений, для чего категорически не допускается прокалывать, чертить и вшивать этот документ, лишний раз его складывать, загибать и пр. Первоначальное состояние документа рекомендуется описать в специальном протоколе до исследования. Хранить исследуемые документы необходимо в конвертах, а документы, пришедшие в ветхое состояние,—между двумя стеклянными пластинками, оклеенными по краям бумагой.

Опасность порчи документов, в результате которой весьма ценные графические экспертизы оказываются лишенными своей полноты, должны обязать каждого следственного и судебного работника к самому бережному и аккуратному обращению с исследуемыми документами. Ведь далеко нередкое явление, когда опытный следователь, направляя материал на исследование, предварительно различные места текста несколько раз подчеркивает цветными карандашами, берет некоторые слова в кружок, направляет на нее стрелки и т. п. Вместо помощи эксперту получается порча документа, порча часто непоправимого характера.

Не меньшее значение имеет правильный подбор образцов шрифтов пишущей машинки (так называемого свободного письма и под диктовку).

Одним из основных условий для правильного разрешения дактилографического исследования является наличие правильного и достаточно подобранного материала для сравнительного исследования, ибо от этого весьма часто зависит и правильность заключения

При подборе образцов письма следователь должен учесть следующие основные моменты:

1. Образцы должны быть по возможности по тексту обширного содержания, ибо тем больше возможностей у эксперта выявить особенности и отличительные признаки данного шрифта пишущей машинки.

2. При отборе образцов под диктовку каждый образец следователю надлежит удостоверить и отметить, на какой машинке (точно) исполнялся данный текст, кем и когда (число, месяц, год).

3. Образцы под диктовку следует отбирать у заподозренных лиц, а не поручать эту работу квалифицированным машинисткам.

4. Образцы необходимо отбирать на такой же бумаге (разная способность впитывать краску оттиска букв) такой же величины и разлиновки, как и заподозренный документ. Лента и копирка должны быть такого же цвета и той же степени изношенности, как и при печатании шрифта заподозренного документа.

5. При диктовке текста, аналогичного по содержанию заподозренному документу, следователь не должен требовать от заподозренного исполнения тех же орфографических ошибок, какие имеются в заподозренном документе, а равно не должен подсказывать расстановку знаков препинания, переносов слогов и т. п.

Диктовать нужно по обычным правилам диктовки, и, если в этом случае в образце будут систематически встречаться те же грамматические ошибки (что и в заподозренном тексте), это будет одним из признаков идентификации личности.

Помимо этого следует отобрать у заподоз-

ренного полную копию с заподозренного документа. Копия должна быть индентична — одинаковые поля, интервалы, количество знаков в строчке, число строк в странице, те же, что и в заподозренном документе, ошибки и т. п.

6. Образцы надлежит отбирать по времени, совпадающему с предполагаемым или известным исполнением заподозренного документа, так как индивидуальные признаки машинки после ее ремонта и изношенности подвергаются изменениям.

Все это необходимо для последующего исследования путем совмещения сравниваемых текстов (наложением и совмещением диапозитивов — пленка, стекло).

7. Необходимо на специальном листе отпечатать также весь алфавит больших и малых букв со всеми знаками и цифрами.

Одновременно следует навести справку, не подвергалась ли машинка ремонту за истекший период со дня написания документа и в чем состоял ремонт.

Приведенные данные рекомендуются далеко не как исчерпывающие, а лишь как минимальные требования, предъявляемые в целях обеспечения наибольшей вероятности при даче экспертом заключения.

Предпосылки научно-графического исследования документов, т. е. криминалистической экспертизы, нужно усматривать не только в правильной подготовке материала для исследования, но и в надлежащей обстановке для исследования — в наличии хорошо оборудованной лаборатории, в возможности применения достижений современной микро- и макро-фотографий, производства химического анализа, выявления подчисток путем действия ультрафиолетовых лучей кварцевой лампы и т. п. и, наконец, в своевременности производства исследования, т. е. в известной оперативности работников экспертизы. Само собой разумеется, что к производству экспертизы может быть допущен лишь специалист, имеющий достаточную квалификацию, образование и практический стаж работы.

Перейдем к основным принципам исследования документов.

Они сводятся, во-первых, к тому, что любой экспертизе документа должно предшествовать производство наружного осмотра документов — осмотр документа на просвет, под косым углом зрения и освещения, исследование бумаги, знаков, следов пятен, травления и соскребов копировки, рисовки, карандашной подготовки и т. п.

Во-вторых, экспертом параллельно производится исследование документа по его содержанию, стилю и манере изложения письма, грамотности пишущего. Наряду с этим, сопоставляя исследуемый материал с фактическими обстоятельствами дела, эксперт выясняет цель и мотив, которыми руководствовался пишущий при составлении заподозренного документа. Все эти моменты исследования, как это выше отмечалось, необходимы эксперту, как условия для правильного разрешения дела и дачи наиболее достоверного заключения.

Установление признаков идентификации машинки и пишущего лица требует от эксперта кропотливой работы и большого внимания. При этом следует иметь в виду указание проф. Осборна, что «никакое заключение об идентичности печатных букв не должно основываться на незначительном числе изменяющихся оттисков».

До начала исследования рекомендуется сфотографировать документ, увеличив его, примерно, в 2—4 раза.

Эта репродукционная работа необходима! Во-первых, становятся более заметны особенности текста документа, резче выступают его индивидуальные признаки. Во-вторых, имея увеличенные фотокопии документов, можно производить различные требуемые измерения, сохраняя при этом в полной неприкосновенности подлинные документы. В-третьих, это увеличение нужно как наглядная демонстрация выводов эксперта о наличии или отсутствии идентификации сравниваемых документов.

Исследование обычно начинается с шрифта машинок на заподозренном документе. Лишь после установления особенностей данного шрифта рекомендуется перейти к исследованию представленных образцов. При наличии большого и разнообразного количества образцов методом исключения отбрасываются образцы, явно не имеющие отношения к заподозренному шрифту, а остающиеся образцы подвергаются самому тщательному исследованию и выявлению идентичных, заподозренному шрифту, признаков.

Последующая стадия работы — метод сравнительного исследования шрифтов заподозренного документа с представленными образцами.

Здесь рекомендуется применить к сравниваемым документам в целях установления их тождественности метод наложения друг на друга диапозитивов исследуемых документов (стеклянной пластинки или пленки).

Совмещение одинаковых слов сравниваемых документов во всех точках явится бесспорным признаком тождественности шрифтов пишущей машинки.

Для установления отклонений букв от горизонтальной линии строки, наклона проф. Рейсс рекомендует пользоваться прозрачной целлулоидной или стеклянной пластинкой, разграфленной таким образом, что любой наклон букв становится очевидным.

В случаях, когда отдельные признаки шрифта невооруженным глазом мало различимы, применяются разной степени увеличения лупы, бинокулярный микроскоп и другая аппаратура, находящаяся в лаборатории.

Какие могут возникнуть различные вопросы при идентификации шрифтов пишущих машинок. Это поясняют некоторые случаи, описанные в различных зарубежных криминалистических журналах и отмеченные в нашей экспертной практике.

В статье Ф. Мишо «Уроки одного скандала», опубликованной во французском журнале «Ревю интернациональ де криминалистик», 1933 г. № 9, приводится одно интересное исследование идентификации пишущей машинки: Лукко был главным обвиняемым по так называемому делу Азропостали. «Этот французский процесс нашумел во всей Европе. Здесь были спутаны в один клубок уголовные преступники, промышленники, финансисты и парламентские

деятели. Поводом к процессу явилась, нестесняв-шаяся никакими средствами ожесточенная конкуренция двух французских авиационных кампаний».

Техническая сторона преступления состояла в подлоге документов и мошенничествах.

Среди документов, подлежащих исследованию, были напечатанные на машинке. Здесь прежде всего надлежало выяснить, на машинках какой системы они были изготовлены.

Эксперты имели в своем распоряжении 150 образцов шрифтов пишущих машин.

Сравнив их со спорными документами, пришли к заключению, что они написаны на машинке «Вудсток», для которой характерна, главным образом, форма ударения (резко отличается от всех других машинок).

После этого эксперты обратились к этой фирме в Париж, при которой имелось бюро, принимавшее от клиентов перепечатку документов на машинках своей системы: были взяты образцы шрифтов всех пишущих машинок. По следам повреждения некоторых букв эксперты смогли идентифицировать машинку, на которой была написана часть исследуемых документов.

Отличительной особенностью этих писем было то, что они, видимо, были напечатаны не специалистом, а лицом, плохо знакомым с работой пишущих машинок. Так, например, опытная машинистка всегда опускает зажимы, оттягивающие бумагу выше линии письма назад. Лукко этого не делал, благодаря чему лента мазала бумагу и большие цифры, и буквы шрифта, расположенные на общей вилке с маленькими, слегка касались бумаги под линией письма и оставляли на ней следы.

Не менее интересные случаи иллюстрируются в статье Г. Шмидта «Криминалистическое значение текстов, воспроизведенных на пишущих машинках», опубликованной в журнале «Архив Криминалогии», т. 83, кн. 3—4, стр. 295 (цитирую по сборнику «Вопросы уголовной техники» перевод Брусиловского и Утевского, изд. «Сов. законодательство»).

«Купец Г. узнал, что в ряд банков поступили написанные на пишущей машине циркуляры, в которых сообщалось о его некредитоспособности. В конце концов один из таких циркуляров попал и в его адрес. Г. возбудил преследование против И., у которого была множительная машина, предполагая, что именно И. был распространителем циркуляров. Вместе с тем подозрение пало также и на некоего Ф., у которого была машинка системы «Идеал». Таким образом нужно было определить, какой системы та машинка, на которой были написаны циркуляры, и не является ли она той машинкой, которая принадлежит И. или Ф.

Пишущие машины делятся на такие, где шрифт помещается либо на рычаге, либо на колесе или челноке. В первом случае рычаг с буквой ударяет по ленте и дает оттиск на бумаге. Во втором — буквы насажены на барабан (колесо), либо на сегмент кольца — челнок. В этом случае оттиск происходит так, что колесо поворачивается к бумаге тем местом, где расположена буква, а бумага с помощью специального приспособления придавливается к букве.

Рычаговые машины дают яркий и равномерный оттиск, так как буквы крепко ударяют по ленте и бумаге. Машины типа колеса или челнока дают более слабые оттиски: на них можно различить рисунок ткани ленты и оттиски букв с левой стороны лучше окрашены чем с правой.

Названные циркуляры обнаруживали типичные черты машины последнего типа (колеса или челнока). Таким образом машина фирмы «Идеал», которая принадлежала Ф., исключалась.

Возник вопрос, не написаны ли циркуляры на множительной машине старого типа (новые все рычаговые) или какой-нибудь другой машине.

Самая распространенная машина типа челнока «Гаммонд». Но у нее шестилучевая звезда, между тем как у циркуляров обнаружена восьмилучевая звезда. Кроме того, отличия были обнаружены в формах некоторых букв. Таким образом речь не могла итти о «Гаммонде». Восьмилучевую звезду имеют множительные машины старого типа (типа колеса). В начертании других знаков также замечалось полное тождество между шрифтом циркуляров и машиной, принадлежащей И. Кроме того, обнаружились и дальнейшие особенности, устанавливающие тождество. Когда колесо было выдвинуто из машины И. и были сделаны оттиски со всех букв, то обнаружилось, что все буквы в порядке, кроме одной. У этой буквы нехватало левого верхнего штриха и левой верхней точки, что указывало на ее порчу. Тот же дефект в названной букве был обнаружен и в циркулярах.

Этот дефект нужно отнести к индивидуальным особенностям машины И., потому что на других аналогичных машинах его не было. Таким образом экспертиза могла притти к твердому заключению, что циркуляры написаны на множительной машине И., типа колеса.

Еще один пример. У фирмы Р. была в феврале украдена пишущая машинка, которую фирма купила у некоего Г. Спустя короткое время, тот же Г. предложил фирме К. купить у него машинку той же системы. Подозревая, что Г. предлагает ту самую машинку, которая была украдена у фирмы Р., фирма К. вернула эту машинку фирме Р. и одновременно заявила о случившемся в розыск. Надлежало установить тождество или различие обеих машинок.

Если машинки тождественны, то Г. продал оба раза одну и ту же машинку, если разные, то речь идет о двух машинках.

Фирма Р. имела многочисленные документы, написанные на машинке до ее кражи (февраль) и после ее возвращения (август). Материал этот сличили с текстом, написанным следователем на спорной машинке. При этом было установлено полное тождество букв и длины строк между материалами от февраля и августа, представленными фирмой Р., и тем, который следователь изготовил с помощью машинки. Различие состояло только в расстоянии между строками, но вскоре оно получило свое объяснение. Именно в материалах от августа расстояние между строками было несколько меньшим, чем в материалах от февраля, но, впрочем, расстояние в последних было неодинаково. При опытах с самой машинкой обнаружи-

лось, что расстояния между строками колебались. Это зависело от того, что при механическом повороте рычага, который регулировал расстояние между строками, это расстояние уменьшалось, если зубчатое колесо не было закреплено. Таким образом расстояние между строками не играло роли.

Полное доказательство тождественности материалов от августа и от февраля вытекало из следующих соображений:

Буквы «а», «в», «к» имели повреждения, особенно заметные, если отлить их из воска и затем изготовить гипсовые слепки. Эти гипсовые слепки были сняты при восьмикратном увеличении. С негативов были сделаны позитивы, были сличены все материалы. При этом выяснилось, что правый нижний угол буквы «а» вдавлен и стерт, как и правый полукруг «в», как крючок буквы «к», что было вызвано сцеплением при писании соседних букв. Это тождество дефектов на всех материалах приводило к бесспорному убеждению, что машинки тождественны и что, следовательно, Г. предлагал К. краденую машинку.

Еще один пример.

Уже однажды привлекавшийся за подлог Циммерман предстал перед судом по следующему поводу. Он задолжал своей жене 4000 марок. Этот долг будто бы принял на себя некий Кунце, умерший к моменту следствия, которому Циммерман оказал какую-то юридическую услугу. В доказательство того, что взамен этой услуги Кунце взял на себя долг Циммермана перед его женой, Циммерман представил написанное на машинке обязательство Кунце, подписанное как последним, так самим Циммерманом и его женой. Возникло подозрение, что в распоряжении Циммермана была бланковая подпись Кунце под пустым текстом и что текст заполнил затем сам Циммерман. Именно это обстоятельство нужно было проверить.

Обязательство имело посредине вертикальную борозду, которую пересекали не только части подписи жены Циммермана и самого Кунце, но также и ряд знаков пишущей машинки. Буквы машинки были отчетливо выбиты, но под микроскопом казались слегка расплывшимися. В месте скрещения с бороздой буквы были слегка расширены и зазубрены, как это было видно на фотографии с 7,5-кратным увеличением. Это проистекло не от свойства ленточной краски, но от того, что буква попадала не только на гладкую бумагу, но и на борозду с ее выступающими слегка краями (на микрофотограмме отчетливо видно на буквах).

Наоборот, если рассмотреть при увеличении букву подписи «Карл Кунце», то эта буква не только не расплылась, но благодаря борозде и отрыву части чернил, получила легкое сужение, между тем как буква «е» подписи «Эрнестина Циммерман» расплылась в силу того, что чернила попали в борозду.

Из всех этих фактов с бесспорностью вытекает, что подпись Кунце была сделана до появления надлома на бумаге, подписи же супругов Циммерман после надлома, а отсюда следует, что Кунце дал свою подпись под незаполненным бланком. В литературе не раз уже указывалось на важное значение надломов, борозд и надрывов на бумаге, но наблюдению подвергались только чернильные надписи. Описанный нами эксперимент показывает, что можно установить и для пишущих машинок, сделана ли надпись до или после появления разрыва.

В заключение небезынтересно привести случай из практики лаборатории по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР.

В одном из отделений Сталинабадской главсберкассы систематически производились крупные хищения рыночных займов на сотни тысяч рублей. Среди многих заподозренных документов были установлены документы, исполненные на пишущей машинке.

Один из этих подложных документов, адресованный в Госбанк от имени райсберкассы №..., с просьбой выдать инкассатору ценный пакет на 25 400 руб. рыночного займа, был подвергнут тщательному экспертному исследованию.

Сравнительным исследованием заподозренного шрифта с представленными образцами шрифта пишущей машинки из сберкассы №... была установлена их тождественность путем совмещения одинаковых слов при наложении диапозитивов сравниваемых документов. Помимо этого совпадали одинаковые дефекты букв «а», «р», «и», «х», цифр «5», «1» по всему исследуемому заподозренному тексту и образцам письма, что и было отражено в таблицах увеличенных фотоснимков в качестве иллюстраций.

Все это позволило установить принадлежность пишущей машинки сберкассе № ... и помогло следственным органам правильно ориентироваться в процессе предварительного расследования.

М. СТРОГОВИЧ

Некоторые процессуальные вопросы защиты на суде

Последовательный и до конца доведенный демократизм, которым характеризуется новая Сталинская Конституция СССР, проводится во всех областях государственной деятельности, проводится и в деятельности советского суда. Этот демократизм судебной деятельности выражается и реализуется различными путями, и одним таким путем является развитие, расширение и укрепление состязательной формы уголовного процесса. Эта состязательная форма характеризуется главным образом тем, что обвиняемому предоставляются права стороны в процессе, что обвиняемый делается субъектом процессуальных прав, а не бесправным «объектом исследования», каким он был в средневековом инквизиционном процессе и в какого он обращается сейчас в уголовном процессе фашистских государств. А это связано с вопросом о деятельности той организации, задачей которой является помощь обвиняемому в осуществлении его процессуальных прав — советской защиты, советской адвокатуры.

Безусловная актуальность вопроса о советской защите сейчас совершенно очевидна. Ст. 111 Сталинской Конституции, обеспечивающая обвиняемому право на защиту, предусматривает предоставляемый обвиняемому ряд процессуальных средств, при помощи которых он может защищаться против предъявленного ему обвинения. Одним из таких средств, и средством крайне существенным, является право обвиняемого пользоваться помощью защитника, адвоката. Вопросы советской адвокатуры в нашей юридической прессе привлекают к себе большое внимание, но ставятся они главным образом в плоскости организационной.

Организационные вопросы советской защиты несомненно очень важны, но не следует упускать из виду и вопросы чисто процессуальные, связанные с положением, ролью защитника на суде. А этот вопрос у нас разработан очень, недостаточно.

В юридической литературе (главным образом дореволюционной) неоднократно поднималось обсуждение так называемых «вечных вопросов защиты» или «вечных вопросов адвокатуры», существующих с тех пор и до тех пор, пока существует защита. И надо сказать, что чем больше разрабатывались эти «вечные» вопросы, тем больше они росли и конца края им не было видно. И ни один из этих «вечных» вопросов не был решен. Это не объясняется недостаточно умелой постановкой этих вопросов; очевидно, здесь был порок в самой постановке проблемы. О самой постановке этой проблемы «вечных вопросов» я скажу дальше, а пока остановлюсь на отдельных вопросах, связанных с выступлением защитника на суде. Первый вопрос: что такое защитник в уголовном суде, каково его процессуальное положение, какова его процессуальная роль? Защитник, прежде всего, представитель интересов обвиняемого, которого он защищает на суде. Несомненно, защитник является представителем интересов обвиняемого, но представителем своеобразным. Это своеобразие в первую очередь заключается в том, что, будучи представителем обвиняемого, защитник имеет в то же время самостоятельное положение и не связан целиком волеизъявлением, указаниями, точкой зрения, позицией своего подзащитного. Известная самостоятельность защитника в отношении обвиняемого — необходимое условие защиты в уголовном процессе.

Но это не исчерпывает вопроса о положении защитника на суде: защитник есть также помощник суда.

Защитник как представитель интересов обвиняемого на суде и защитник как помощник суда, — оба эти признака определяют процессуальное положение защитника и оба они неразрывно между собою связаны. Правильно ли то положение, что защитник является помощником суда?

Положение это не ново, но одно время оно оспаривалось. Проф. Н. Н. Полянский так ставил вопрос в своей известной работе «Правда и ложь в уголовной защите»: защитник является помощником не судьи, а помощником правосудия. Проф. Полянский очень решительно боролся против конструирования положения защитника как помощника судьи, противопоставляя иную конструкцию: защитник — помощник правосудия. Очевидно, точка зрения Н. Н. Полянского в некоторой степени основана на недоразумении, достаточно существенном. Конечно, нельзя говорить, что защитник является помощником судьи. Защитник не является помощником судьи, потому что судья есть должность. Но если судья — должность, то суд — это орган, это функция, и помощником суда защитник безусловно является. В этом его роль: защитник помогает суду в рассмотрении и правильном разрешении дела, содействуя выявлению всех тех обстоятельств, которые говорят в пользу обвиняемого, оправдывают его, смягчают его ответственность.

Таковы роль, положение защитника. Это положение, по видимости, двойственное: представительство интересов обвиняемого и помощь суду. Противоречия здесь нет; защитник помогает суду именно тем, что защищает законные (именно законные) интересы обвиняемого. Всегда же, когда защитник противопоставляет себя суду, не помогает суду правильно решить дело, а пытается увести суд с правильного пути и рассматривает себя только как представителя интересов обвиняемого (всяких интересов, а не только законных), он несомненно уходит с позиций советского защитника.

Однако в вопросе о процессуальном положении защитника на суде иногда допускается совершенно нетерпимая путаница.

С этой точки зрения очень характерна одна статья в № 6 «Социалистической законности» за июнь 1935 г., — статья т. Кирзнера под грозным названием «С открытым забралом».

Тов. Кирзнер пытается «нейтрализовать» защиту в уголовном процессе, то есть морально связать ее по рукам и ногам и в таком обезоруженном виде, правда, с открытым забралом, но без всякого огнестрельного и холодного оружия выпустить на арену. Основная мысль Кирзнера заключается в следующем: прокурор, идя в суд, имеет определенную точку зрения, которую он официально сформулировал в обвинительном заключении. Точка зрения прокурора ясна, а вот точка зрения защиты продолжает быть неизвестной для суда и прокурора до самого конца судебного следствия. Правда, о ней можно догадываться по вопросам, которые защитник задает на суде обвиняемому, свидетелям, но в основном точка зрения, которую защитник будет защищать в своей речи, до этой речи не ясна или совсем неизвестна. Тов. Кирзнер, характеризуя это положение, утверждает, что как раз это явление — неизвестность точки зрения защиты в процессе всего судебного следствия — влечет то, что «суд раздражается, иногда выражает нетерпение и недовольство поведением защиты, урезывает ее активность, нервирует ее, а то и вовсе дезориентирует». Почему это происходит? Тов. Кирзнер утверждает, что происходит это потому, что отношение защиты к обвинительному заключению не выявляется достаточно четко в самом начале процесса. Поэтому т. Кирзнер делает предложение такого порядка: после оглашения обвинительного заключения защитник обязан заявить суду, считает ли он предварительное следствие проведенным правильно, а обвинительное заключение — соответствующим материалам предварительного следствия, и если нет, то в каких частях и почему. Защитник обязан сразу определить, признает ли он обвиняемого виновным или не признает, если признает, то в чем. И все это защитник должен сделать не в результате судебного следствия, а на основании материалов предварительного следствия. В таком виде, объявив свою точку зрения, защитник должен продолжать участвовать в суде, независимо от конкретных материалов, которые на судебном следствии выявляются.

Это абсолютно неправильная трактовка роли защитника на суде. Нельзя же защитнику так связывать руки: не он вел следствие, не он за качество следствия отвечает, но он должен, не проверяя следствия, не видя живых людей, которые на следствии давали показания, может быть только побеседовав со своим подзащитным, уже сразу выносить свое решение по вопросу о виновности обвиняемого.

Далее т. Кирзнер поднимает вопрос о равноправии сторон и довольно решительно выступает в следующем направлении. Он говорит, что защита перед прокурором имеет то преимущество, что у нее остается возможность, «игнорируя материал предварительного следствия, применяться к конъюнктуре судебного следствия». Тут уже все непонятно. Что же плохого в том, что защитник имеет право приноравливаться к «конъюнктуре» судебного следствия? Это и прокурору не возбраняется, наоборот, очень рекомендуется. Однако т. Кирзнер находит, что отсутствие всяких «обязательств» защиты по отношению к материалам предварительного следствия оказывает на защиту «разлагающее влияние». «Защита, — утверждает т. Кирзнер, — отдает предпочтение «судебным» материалам, хотя сплошь и рядом они по разным причинам (промежуток времени до суда, последующие влияния на свидетелей и подсудимых и т. п.) могут в смысле близости к истине оказаться хуже материалов предварительного следствия». Но ведь основное — это именно материалы судебного следствия, именно на них базируется суд при вынесении приговора. Сам закон (ст. 319 УПК) «отдает предпочтение» материалам судебного следствия, а т. Кирзнер в явное противоречие с законом и в не менее явное противоречие с принципами устности и непосредственности процесса вообще лишает всякого значения судебное следствие и предлагает «отдавать предпочтение» предварительному следствию. Как будто речь идет о конкуренции между предварительным и судебным следствием!..

Это, между прочим, не случайно. Тов. Кирзнер в другой своей работе «Вступление защиты в производство по уголовному делу» («Сов. юстиция» № 2 1936 г.) вообще поставил задачу — сузить защиту не только с точки зрения ее поведения на суде, но и с точки зрения тех вопросов, которыми она на суде должна заниматься. Тов. Кирзнер указывает в этой статье, что основная задача защиты в советском суде должна сводиться к подысканию и указанию доказательств, фактов, документов, свидетелей, конкретных данных, опровергающих обвинение и правильно квалифицирующих действия подсудимого. «Рассуждения по поводу убедительности тех или иных материалов стоят на втором месте. И пожалуй, на последнем — вопрос о значимости бесспорно установленных фактов». Больше извратить природу и задачи советской защиты нельзя. Защитник превращается в какого-то ходатая сомнительного свойства.

Следующий вопрос очень существенный и практике и в теории — это вопрос относительно взаимоотношений защитника с его подзащитным в уголовном процессе, защитника с обвиняемым, интересы которого защитник в данном случае представляет. Выше было сказано, что защитник не связан позицией, которую занимает его подзащитный, и по своему разумению, по своей совести должен сам избрать тот путь, который наиболее благоприятствует осуществлению правосудия, действительной, правильной защите данного обвиняемого. Это создает сложность для защиты, но именно такова задача и иначе она решена быть не может.

В старой книге т. Ривлина «Советская адвокатура» (1926 г.) выставлено такое положение, например, что тяжким нарушением профессионального долга защитника явится заявление им суду, что он, защитник, признает обстоятельства, которые обвиняемый отрицает, хотя бы защитник был убежден, что со-

ответствующие обстоятельства в действительности имели место.

Тов. Ривлин далее говорил, что оказание защитником «намеренной помощи» обвинению, в чем бы эта помощь ни заключалась, явится грубым нарушением его долга и обязанностей защитника. Тов. Ривлин прав в том смысле, что не дело защиты доказывать факты, оспариваемые обвиняемым, равно не входит в круг обязанностей защитника оказание помощи обвинителю. У защитника своя функция, и если он не связан позицией своего подзащитного, то он вовсе не обязан спорить с ним на суде, опровергать показания обвиняемого и т. д. Помогать же защитник должен не обвинителю, а суду. Но с т. Ривлиным нельзя никак согласиться в части превращения обвинителя и защитника в представителей каких-то враждующих лагерей. Ведь оба они — разными путями, с разных сторон — идут к одной цели, содействуя вынесению правильного, справедливого судебного приговора.

Крайне существенным вопросом является вопрос об отказе от защиты, о праве защитника отказываться от защиты обвиняемого. Отказ от защиты может быть в двух формах: отказ до суда, т. е. отказ от принятия на себя функций защиты по данному делу и отказ на суде, то есть отказ от защиты со стороны формально допущенного, участвующего в деле защитника.

Вопрос об отказе от защиты на суде сейчас уже не вызывает никаких сомнений в смысле его недопустимости, полной недопустимости перебежки защитника в лагерь обвинения, когда защитник в результате судебного следствия (такие случаи иногда бывали) заявлял суду, что он считает обвинение доказанным, ничего не может возразить прокурору и, присоединяясь к прокурору, в сознании выполненного гражданского долга, от защитительной речи отказывался.

Этот вопрос совершенно бесспорен, и опыт очень серьезных и громких процессов (например, дело антисоветского троцкистского центра) показал, что добросовестный советский защитник может с достоинством выполнить свои обязанности даже при полной доказанности обвинения. В каждом деле есть много вопросов, где защита найдет правильную линию. Можно признать обвинение доказанным, но оспаривать квалификацию, можно признать квалификацию, но настаивать на смягчении наказания. Никакой аналогии с отказом прокурора от обвинения здесь нет.

Очень удачно сказал один немецкий процессуалист Цу-Дона: «Защита виновного остается достойной задачей, а преследование невинного есть преступление».

Другой вопрос — это отказ от принятия дела до суда. Врач не может отказать в помощи больному, как бы последний антипатичен ему ни был.

Может ли защитник отказаться от принятия на себя обязанностей защиты по данному делу?

Конечно, нельзя настаивать на том, чтобы каждый защитник обязательно брал на себя защиту всякого, кто к нему обратится. Но бесспорно, что такие отказы возможны лишь при условии, что обвиняемый будет обеспечен защитой через организации защитников, иначе будет нарушена ст. 111 Конституции.

Этого вопроса касался т. Голубовский в статье «Узловые вопросы защиты» («Соц. законность» № 6 1936 г.). В этой статье есть правильные мысли, но по данному вопросу выражена совершенно неприемлемая точка зрения.

По мнению т. Голубовского, во всех случаях, когда защитник усматривает, что он не сможет стать в ту позицию, которую указывает его подзащитный, защитник самое лучшее сделает, если устранится от защиты.

Тов Голубовский правильно говорит, что защитник должен быть достаточно активным в деле выявления истинной картины преступления и не итти на поводу у клиентов. А вывод — совершенно нелепый — «...с величайшей осторожностью принимать на себя защиту в тех делах, где приходится ставить вопрос о недоказанности самого факта преступления».

Это значит, что во всех случаях, когда защитник в чем-либо не уверен, не уверен в виновности, но, может быть, сомневается и в невиновности обвиняемого, когда вопрос стоит о том, чтобы оспаривать обвинение по существу, то защитник должен постараться от участия в таком деле уклониться. Спрашивается, что же будет с гражданами, с обвиняемыми, которые имели несчастье попасть к такому щепетильному защитнику?

Тов. Голубовский утверждает далее, что в работе защитника особо важна принципиальная линия, а не то, уйдет или нет клиент без помощи. «Нужно, чтобы обращение к защите было таково, чтобы защитники больше интересовались принципиальной линией в своей работе, а не тем, уйдет ли обратившийся за юрпомощью или нет». Конечно, у защитника должна быть принципиальная линия, но если это превратить в такое положение, что у защитника будет принципиальная линия, а у обвиняемого не будет защитника, то вряд ли кому нужен такой защитник.

Несомненно, если иногда бывают перегибы в смысле чрезмерной связанности защитника позицией его клиента, его подзащитного, то Голубовский в данном случае ударяется в противоположную крайность, не менее вредную. Он чрезмерно заботится о чистоте риз защитника и, благодаря этому, оставляет обвиняемого без помощи.

Это абсолютно ошибочная точка зрения. В статье т. Голубовского проскальзывает какое-то пренебрежительное отношение к «клиенту», выражающее, очевидно, известные настроения некоторых коллективов защитников.

Конечно, никто не станет отрицать необходимости разборчивости защитника, но защитник должен быть разборчив в с р е д с т в а х защиты, а не в тех д е л а х, которые он принимает к своему производству. Иначе можно зайти далеко и брать только так называемые «чистые» или «битые» дела, оставляя без защиты обвиняемых по всем делам, по которым выступление представляет известные трудности.

Как уже было указано выше, все эти вопросы иногда носят громкое название «вечных вопросов адвокатуры». Конечно, ничего

«вечного» в них нет. Эти «вечные» вопросы обычно остро всплывают лишь тогда, когда положение защиты оказывается неблагоприятным, когда не ясны ее перспективы, ненормальны взаимоотношения с судом, не ясна сама роль защиты и т. д. — вот тогда сейчас же как из рога изобилия выплывают «вечные» вопросы, один другого сложней. Но ведь именно сейчас у нас как никогда возрастает роль защиты в суде, поднимается ее значение и авторитет, а потому и нет почвы для подобных «вечных» вопросов. Конечно, дело заключается не в казуистическом нагромождении таких вопросов в порядке формально логического конструирования различных казусов, — речь идет об осознании защитой своей политической роли как помощника правосудия, как помощника суда, как защитника законных прав и интересов советского гражданина, гарантированных советским законом, великой Сталинской Конституцией. В этом направлении и нужно искать решения этих якобы «вечных», а по существу очень и очень временных вопросов.

С. МИТРИЧЕВ

Расследование поджогов

Можно без преувеличения сказать, что расследование дел о поджогах является наиболее трудной категорией дел. Раскрыть хорошо произведенный поджог может только следователь, хорошо знающий уголовную технику и умеющий владеть ею. Трудность раскрытия поджога заключается прежде всего в том, что, во-первых, обычно во время тушения пожара имеющиеся следы преступника в некоторой степени уничтожаются, во-вторых, сам огонь частично уничтожает следы и предметы, которые могли быть использованы при расследовании, в-третьих, умышленный поджог может быть произведен таким простым способом, который не требует ни большого умения, ни техники, и все это может быть сделано самым незаметным образом.

Но как бы ни трудно было расследование дел о поджогах, при быстром, умелом и глубоком расследовании раскрытие дела обеспечено. Очень часто оказывается, что при внимательном изучении обстановки пожара обнаруживаются такие следы и предметы, которых огонь не уничтожил; умелое использование их часто дает возможность раскрыть дело.

Так, например, было по делу № 138 (народный суд Немского района Кировской обл.). Пожаром уничтожен дом колхозника, подозревался поджог, но конкретных виновников первоначально обнаружено не было. Дом и надворные постройки сгорели дотла и казалось, что никаких вещественных доказательств по делу добыть нельзя. Но при внимательном осмотре места происшествия вскоре же после пожара обнаружена полулитровая бутылка, пахнувшая керосином. Свидетельскими показаниями было установлено, кому принадлежит эта бутылка. Эта находка дала в руки следствия важное доказательство причастности к поджогу собственника этой бутылки. Но эта находка могла бы быть бесспорным доказательством, если бы следователь сделал нечто большее, чем простая фиксация находки. Подозреваемый категорически отрицал принадлежность этой бутылки ему. И следователь в ответ на это ничего не мог противопоставить кроме свидетельских показаний, достоверность которых казалась сомнительной. Но если бы следователь попытался обнаружить, например, на бутылке пальцевые отпечатки, закрепил бы их и установил, кому они принадлежат, не принадлежат ли они заподозренному лицу, это доказательство уже имело бы совершенно иную силу. Нужно отметить, что этот момент совершенно не учитывается нашими следователями. Из просмотренных мною 800 дел о поджогах я не нашел ни в одном, где бы в качестве доказательства были пальцевые отпечатки, обнаруженные на месте совершения преступления. Пальцевые отпечатки при раскрытии дел о поджогах могут сыграть исключительную роль. Всегда необходимо тщательно осмотреть аппараты, послужившие для поджога, инструменты, различные вещи, обнаруженные на месте пожара или поблизости, на дверях, окнах, ручках и т. п. с целью обнаружения пальцевых отпечатков. Обнаруженные пальцевые отпечатки необходимо закрепить и снять на особую пленку или сфотографировать.

То же самое можно сказать по второму техническому вопросу — о следах ног. Бесспорно, что на месте пожара трудно найти следы отдельных ног, так как присутствие большого количества людей при тушении пожара делают почти невозможным установить отдельные следы. Но это вовсе не снимает вопроса о следах ног. Необходимо следы искать в местности, окружающей место пожара, особенно это указание относится к сельской местности. Мало обнаружить следы, нужно уметь их использовать, снять слепки, сфотографировать. Только после этого след может быть надежным доказательством.

По делу № 61 (Молоковский район Калининской области) в умышленном поджоге обвинялась гр-ка Ч. Главным доказательством в ее виновности было то, что след от места пожара вел в другой поселок к ее дому. Сами колхозники еще до прибытия следователя, вскоре после пожара, по указанному следу пришли в дом гр-ки Ч. Несмотря на позднее время (ночь) они нашли ее не спящей, с мокрыми от снега валенками. Это доказательство было очень серьезное, но следователь не произвел ни измерения следа, ни слепка, ни фотографии. Экспертиза следа также не производилась. В результате в суд дело пошло без всяких доказательств, ибо свидетельские показания противоречили друг другу.

Данное явление наблюдается почти по всем делам о поджогах. Если следы и обнаружены, но они достаточно как доказательство не используются. По делу № 2034 (народный суд Томаровского района Курской обл.) по подозрению в поджоге колхозного молотильного сарая был привлечен гр. С. Основанием для подозрения были следы, обнаруженные на снегу около сарая. В деле имеется протокол «осмотра и сличения следов». Сличение происходило путем примерки сапога подозреваемого со следом, оставленным на снегу. В протоколе указано, что сапоги подозреваемого «неоспоримо пришлись по отпечаткам следа». Но какие были индивидуальные признаки следа, какие имелись совпадения с сапогом обвиняемого, в протоколе не указано. Понятые, присутствовавшие при осмотре в качестве свидетелей, следователем допрошены не были. В результате подобного отношения к следам на суде нельзя было установить, действительно ли обнаруженный след принадлежал обвиняемому гр. С. На суде один из понятых показал, что на следу были ясно видны подметки, а на сапогах подозреваемого подметок не было. Это исключающее обстоятельство проверить было уже нельзя, ибо ни слепка, ни фотографии со следа не было.

Народный суд не придал значения показаниям этого свидетеля, обвиняемый был приговорен по ч. 2 ст. 175 УК к лишению свободы.

Кассационная коллегия областного суда приговор отменила за недоказанностью обвинения и дело передала на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

При вторичном разборе дела обвиняемый был оправдан, а дело за необнаружением виновного прекращено.

Налицо был умышленный поджог, который причинил большой материальный ущерб колхозу. Но вследствие плохо проведенного предварительного следствия преступник обнаружен не был.

Таковы результаты пренебрежительного отношения к технике собирания и закрепления вещественных доказательств. Это пренебрежительное отношение к техническим вопросам доходит иногда до абсурда. Так, по делу № 64 (нарсуд Тагаевского района Куйбышевской области) сличение обнаруженных на месте пожара следов было поручено следователем самому подозреваемому.

Не имея порой ни знаний, ни технических средств, производящий расследование поджогов становится совершенно беспомощным. Дело № 79 (следствие вело Нарукковское РУМ Харьковского облсуда) об умышленном поджоге прекращено с такой мотивировкой: «Хотя пожар возник от умышленного поджога, но подозрения виновного не имеется и следствием не установлено, а посему, руководствуясь ст. 4 УПК, постановил — дальнейшее расследование прекратить». Раз подозрения нет, то и искать нечего.

Не составляет большой трудности обнаружить и закрепить следы ног. Большая часть наших следователей может это сделать. Не делается это лишь только потому, что многие считают излишним заниматься такой кропотливой работой. Но по делам о поджогах такое отношение к технике ведет к очень плохим результатам.

Беспомощность следователя при расследовании поджогов порой бывает просто поразительная. Изучая дело, видишь, что следователь даже не знал с чего начать расследование, и в таких случаях принимался обыкновенно за свое излюбленное дело — допрос всех по порядку.

По делу № 1400 (народный суд Моршанского района Воронежской области) о большом пожаре, когда огнем уничтожено 22 жилых дома, именно и наблюдалась такая картина. Допрашивали, допрашивали, а виновных все же не обнаружили, но привлечь к ответственности кого-то все же нужно. И вот в качестве обвиняемых привлекаются две женщины: первая — хозяйка дома, с которого начался пожар, и вторая — ее ближайшая соседка с правой стороны. Трудно понять, почему именно эти две женщины, а не другие, так как это привлечение почти ничем не мотивируется. Еще более непонятной является квалификация преступления. Обвиняемая хозяйка дома, с которого начался пожар, привлечена по ст.ст. 17—175 УК, а ее соседка — по ч. 2 ст. 175 УК. Если для привлечения первой было хоть какое-то основание (около ее дома обнаружена высыпанная из печи зола), то для привлечения второй обвиняемой не было никаких оснований.

Народный суд первую обвиняемую — хозяйку дома — оправдал, а вторую приговорил к 5 годам лишения свободы. Совершенно не видно из дела на основании каких данных.

В результате кассационная коллегия областного суда приговор нарсуда отменила и дело производством прекратила, указав на полную невыясненность причин пожара.

Единой схемы для расследования дел о поджогах нельзя предложить, так как каждое конкретное дело имеет свои особенности. Но важна не мертвая схема, а быстрое, продуманное и глубокое расследование с использованием данных уголовной техники, и тогда можно ожидать, что дело будет раскрыто, как бы искусно ни был произведен поджог и как бы искусно ни пытался замести следы сам преступник, пытаясь иногда направить следствие на ложный путь. Примером в этом отношении может служить дело № 1274 (народный суд Рязанского района Московской области). В селе Мурмино за время с мая по август 1935 г. произошло пять пожаров, которыми уничтожено 19 жилых домов. Во время пожаров были и человеческие жертвы. В селе Мурмино были сильно развиты кражи и грабежи. За грабежами начались пожары. 10 мая был первый пожар из этой серии. Пожаром уничтожено было 6 домов. 11 мая был второй пожар, сгорело 5 домов. 23 мая произошел третий пожар, на этот раз сгорело также 5 домов. Для следственных органов стало понятно, что между грабежами и пожарами имеется связь, что это дело одних рук, ибо во время пожаров совершались кражи. Расследуя это дело, была выявлена организованная бандитская шайка, которая и была арестована. Но с арестом шайки пожары не прекратились. Дальнейшее расследование показало, что происшедшие пожары после ареста основной шайки — это попытка оставшихся на свободе членов шайки сбить

следствие с правильного пути, доказать, что арестованные не имеют ничего общего с совершенными ранее пожарами. Но это им не удалось, следствие стояло на правильном пути, и все участники шайки были изобличены.

Перед судом предстало 12 человек, которые все признались в совершенных ими преступлениях.

Другое же подобное дело показывает как раз противоположные результаты. В течение одного вечера, 15 сентября 1934 г. (дело № 11—37 народного суда Локнянского района Калининской области), произошло пять пожаров. Протокол осмотра дает подробный перечень сгоревших построек и указание на их расположение. Из приложенного плана места пожара видно, что пожары возникали не рядом, а на расстоянии до пятисот метров. Это обстоятельство указывало, что эти поджоги — дело не одних рук. Но следователь пошел на поводу у потерпевших, которые показали на колхозника К. как виновника пожаров. Причем причиной всех поджогов было якобы стремление обвиняемого отомстить потерпевшим за различные обиды. Никаких доказательств в этом направлении следователь не добыл и, несмотря на необоснованность обвинения, дело направил в суд. Народный суд вынес обвинительный приговор. Но КК по жалобе обвиняемого приговор отменила и дело производством прекратила за недостаточностью собранных по делу доказательств.

В связи с этим последним делом можно сделать один большой общий вывод: при расследовании дел о поджогах необходимо всегда проверить все возможные версии. И только после тщательной проверки исключить такие, которые явно не имеют отношения к данному конкретному случаю и не находят себе подтверждения в фактических обстоятельствах дела. Следователь должен интересоваться прежде всего началом пожара, с тем чтобы таким путем установить его причины. Расследование должно начаться вскоре же после окончания пожара, а иногда и во время пожара. А не так, как у нас иногда бывает, когда следователь приступает к расследованию месяц спустя после происшествия. Так, по делу № 41 (народный суд Чердаклинского района Куйбышевской обл.) 4 сентября 1933 г. пожаром уничтожен жилой дом колхозника. Подозревался поджог, но к следствию приступлено только 4 ноября, то есть через два месяца после пожара. Естественно, что результатом такого следствия было оправдание в суде обвиняемого.

Далее следователь должен установить число и положение очагов пожара. Необходимо составить подробный план места пожара, а иногда и составить чертеж сгоревшего здания. Наличие, например, нескольких очагов пожара сразу же должно следователю показывать, что есть основание подозревать поджог. Правда, необходимо тщательно проверить, не связаны ли эти очаги между собою. Очаг пожара при осмотре места происшествия особенно тщательно осматривается. Если есть возможность — исследовать распространение копоти на стенках, потолке. Попытаться обнаружить следы горючего, иногда, в нижележащих местах пола, куда оно может затечь, а иногда и в грунте под полом. Исследование копоти может дать в руки следователя важное доказательство. Но это исследование может произвести только сведущий в этой области человек. По копоти можно иногда установить, что употреблял поджигатель — керосин, бензин, бензол, даже и тогда, когда остатков этих жидкостей на месте не обнаружено.

Несмотря на строгую индивидуальность каждого конкретного дела о поджогах, все же можно указать целый ряд мероприятий и действий, обязательных при расследовании дел о поджогах.

Следователь должен:

1. Прибыть немедленно на место пожара и принять все меры к собиранию и сохранению вещественных доказательств.

2. Выяснить, кто первым явился на пожар. Особенно это важно при массовых поджогах: часто бывает, что первым является сам поджигатель.

3. Выяснить, где появился огонь и где особенно свирепствует с наибольшей силой (для определения очага пожара).

4. Установить, каким путем можно было пробраться к месту предполагаемого поджога. Не был ли кто замечен на этом пути перед началом пожара.

5. Произвести осмотр места пожара и прилегающих местностей с целью обнаружения следов ног. Если таковые обнаружены — обеспечить их сохранность. С места, где обнаружены следы, взять пробу грунта для последующего сравнения с грязью на обуви подозреваемого.

6. Выяснить поведение собаки, если таковая была во дворе, где начался пожар, или в соседних дворах.

7. Если есть возможность, проверить, каково состояние дверей, окон, слуховых окон и люков — открыты они были или нет, нет ли на них следов взлома.

8. Если есть письма с угрозами поджога, направить их в лабораторию для экспертизы, для сравнения с почерками потерпевших и подозреваемого.

9. Если есть подозрение в том, что поджог учинен самим владельцем имущества, то необходимо установить особое наблюдение за поведением его во время пожара и после него. Если пожар возник в ночное время, то нужно особенно обратить внимание, в какой одежде выскочили потерпевшие на улицу.

10. Если в горевших зданиях имелось электроосвещение, то проверить исправность его. В некоторых случаях по этим вопросам необходимо допросить сведущих лиц.

11. Опросить свидетелей, какой был цвет пламени и в каких местах горевшего здания. Не было ли во время пожара взрывов или вспышек. Хранился ли в помещении керосин или другие горючие вещества и где именно.

12. Проверить состояние дымоходов и труб или путем свидетельских показаний или, если это возможно, путем осмотра.

13. Осмотреть распространение копоти и установить ее характер. В некоторых случаях необходимо пригласить сведущих лиц.

14. Установить направление ветра во время пожара.

Эти мероприятия не исчерпывают все тех мер, которые следователь бывает вынужден

принять при расследовании дел о пожарах и которые определяются конкретной обстановкой каждого дела.

Говоря об осмотре места происшествия, нужно особо сказать об осмотре и обыске пожарного мусора. Осмотр нужно производить планомерно, разбирая слой за слоем, а не беспорядочно рыться, как в куче навоза. При осмотре необходимо фиксировать положение находок и забирать те, которые могут быть полезными при дальнейшем расследовании. При находке вещей обязательно установить, кому они принадлежали — лицам ли, которые проживали в этом помещении, или посторонним. В последнем случае необходимо обязательно выяснить, каким образом они попали в помещение.

Придавая большое значение технике при расследовании поджогов, мы ни в коем случае не должны забывать и о других методах расследования. Что невозможно установить через осмотр места происшествия и что называется «немых свидетелей», следователь должен попытаться установить допросом как самих потерпевших, так и случайных свидетелей. Ошибка многих наших следователей заключается в том, что они придают решающее значение именно последнему методу, считая его совершенным и более надежным.

По многим изученным нами делам видно было, что следователь мог собрать очень важные вещественные доказательства, но собирать их совершенно не пытался, предпочитая этому один допрос. Например, по одному делу, на крыше дома колхозника был замечен дым; принятыми мерами пожар был быстро ликвидирован. На месте поджога найдена была коробка с обгоревшими спичками и привязанный к ней фитиль из тряпки. Следователь вместо того, чтобы попытаться установить, кому могла принадлежать эта тряпка, не произведя ни у одного подозреваемого обыска, ограничился только допросом свидетелей и подозреваемых. В результате — прекращенное дело за необнаружением виновника. А из дела можно было видеть, что это была наверняка симуляция поджога, но эта версия была совершенно не проверена.

Умелое сочетание всех средств расследования, имеющихся в распоряжении следователя, — таков путь правильного расследования дел о поджогах. При расследовании дел о поджогах в распоряжении следователя те же средства и те же способы, которые применяются при расследовании и других преступлений. Это те же допросы свидетелей и потерпевших, осмотр места происшествия, выявление и собирание вещественных доказательств, экспертиза и т. п. Но по делам о поджогах эти все средства особенно должны быть тщательно проверены в смысле умелого их применения. Ведь ни для кого не является секретом, что расследование дел о поджогах — наше самое слабое место. И это все происходит от того, что наши следователи не хотят считаться с спецификой этого преступления, не перестраиваются соответственно особенностям этой категории дел, а, что называется, хотят обыкновенной отмычкой открыть несгораемый шкаф. А порой и сама отмычка бывает сомнительного качества. По делу № 31 (народный суд Чердаклинского района Куйбышевской обл.) необходимо было организовать экспертизу для исследования вещественных доказательств, обнаруженных на месте пожара. Следователь конкретных вопросов эксперту не поставил. Какова была квалификация эксперта — не указано. Акт экспертизы написан на половине листа, вырванном из бухгалтерской книги. Штампа на акте нет, нет даже указания, где производилась эта экспертиза. Исключительный интерес представляет заключение этой «экспертизы»: «Тряпка и вата, найденные при поджоге 10 июля с. г. с тряпкой и ватой, найденными при обыске 15 июля с. г. такая же. В чем и составили настоящий акт», следуют три подписи.

Подобного рода «экспертизы» встречаются очень часто и приходится удивляться, что думают прокуратура и суд, проходя мимо такого рода явлений.

Необходимо качество расследования по делам о поджогах резко повысить. Не можем мы считать нормальным явлением, когда большое количество дел об умышленных поджогах, которые причиняют колоссальный материальный ущерб социалистическому строительству, остаются не раскрытыми. Классовый враг часто этой нашей слабостью пользуется и вредит, оставаясь безнаказанным.

П. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ

Овладеть высоким уровнем своей техники

«Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

Так говорит ст. 131 Основного закона победившего социализма — великой Сталинской Конституции.

Если обязанностью каждого гражданина является охрана и укрепление социалистической собственности, то тем большей и ответственнейшей обязанностью каждого прокурора, каждого следователя является: беспощадная борьба с расхитителями общественной, социалистической собственности, разоблачение врагов народа, посягающих на основу советского строя.

Это не легкая задача. Разрешение ее требует немало умения, навыков и знания. Каждый следователь и прокурор обязан подумать о том, достаточно ли он подготовлен к выполнению этой и ряда других серьезнейших задач, поставленных перед ним великой Сталинской Конституцией, являющейся великим завоеванием социализма.

Не меньшую ответственность возлагает на всех прокурорско-следственных работников и борьба за неуклонное обеспечение предусмотренных главой X Основного закона прав и обязанностей граждан СССР.

Исторические указания товарища Сталина о чутком, бережном отношении к человеку налагают на всех нас большие обязанности.

Надо констатировать, что и сейчас мы еще имеем случаи, когда наши следователи и прокуроры вместо действительных расхитителей общественной собственности привлекают к уголовной ответственности и предают суду попавших в поле их зрения случайных людей.

Естественно, что такая практика лишь на руку врагам, такая практика является не чем иным, как грубейшим нарушением Сталинской Конституции, такая практика есть результат низкой квалификации и беспомощности некоторых наших прокурорско-следственных работников.

Эта беспомощность и низкая квалификация калечат честных советских граждан и потворствуют врагам народа — расхитителям социалистической собственности.

Такие недопустимые случаи объясняются тем, что многие прокуроры и следователи, изучив методику расследования определенной категории дел, например, о хищениях и растратах, считают, что они достаточно «технически оснащены», и приведенные в учебнике методы расследования без каких-либо изменений или дополнений применяют по каждому возникающему у них делу данного вида преступлений, превращая вопросы методики в схему, в которую они и пытаются вогнать методы расследования любого дела.

Такая практика вредна и кроме отрицательных результатов ничего не может дать.

Нельзя забывать неоднократных указаний Прокуратуры Союза ССР о том, что методы расследования определяются каждым конкретным делом, так как нет единых методов расследования для всех дел. При расследовании каждого дела могут быть особые методы, причем лучшим методом является тот, который позволяет в кратчайший срок объективно и с достаточной полнотой расследовать преступление.

Эти важнейшие для каждого прокурора и следователя указания надо помнить и стараться реализовать в практической работе.

Осуществление же этих указаний вплотную упирается в требование — «бороться за высокий уровень следственной техники».

Мы имеем немало действительно передовых следователей и прокуроров, которые хорошо уяснили себе поставленные перед ними требования и по-большевистски дерутся за овладение высотами техники своего дела, достигнув уже значительных результатов.

Следует остановиться на нескольких примерах, характеризующих работу таких следователей по делам о хищениях и растратах, расследование которых, особенно если эти дела начинаются с сообщения о недостаче, для большинства следователей представляет немало трудностей и нередко приводит к ошибочным выводам.

На этих примерах со всей наглядностью можно убедиться, насколько тщательна и вдумчива должна быть работа следователя и какие непоправимые серьезные последствия могут явиться результатом небрежного, поверхностного отношения к следствию или слепого механического применения при расследовании каждого конкретного дела общей схемы. Вот эти примеры.

3 октября 1936 г. у заведующей магазином № 3 Боровского отделения Мосторга К. при очередной инвентаризации и ревизии была обнаружена недостача в сумме 3014 руб., образовавшаяся за один месяц работы магазина. Заведующая магазином К. не могла дать никаких объяснений причин образования недостачи, в то же время было известно, что К. являлась опытным торговым работником.

Приступив к расследованию настоящего дела, народный следователь Боровского района т. Елифанов обследовал образ жизни гр. К. Показания ряда свидетелей говорили о том, что К. жила не по средствам: хорошо одевалась, часто покупала себе обновки, устраивала у себя нередко вечеринки и т. п.

Сама К. на допросе у следователя категорически отрицала совершение растраты, но в то же время давала довольно сбивчивые, не поддающиеся проверке объяснения о своем образе жизни.

О причинах образования недостачи К. не могла дать следователю никаких объяснений, заявив лишь, что ее мог обмануть заведующий базой Мосторга Николаев, выписав ей подложную накладную. Однако никакой подложной накладной К. указать не могла, признав, что на всех накладных, выписанных базой на отпуск товара в магазин № 3, расписки ее, и что сделанные бухгалтерией по этим накладным записи на ее счет отпуска товаров правильны.

Как печальный факт надо констатировать, что многие следователи и прокуроры, формально, поверхностно относясь к своим ответственнейшим обязанностям, закончили бы на этом расследование и предали К. суду по обвинению ее в растрате по ст. 116 УК, совершив тем самым грубейшую ошибку.

Не так поступил следователь Епифанов: он чутко прислушался к объяснениям К., стараясь найти в них те ниточки, которые, разматываясь, должны привести к подлинному раскрытию хищения и разоблачению хищников.

Следователь затребовал к себе все подлинные накладные на отпуск товаров базой в магазин № 3 за весь период образования недостачи. Наряду с этим следователь изъял в базе Мосторга все корешки этих накладных.

Тов. Епифанов не пошел по пути общей схемы методики расследования дел о растратах. В данном конкретном случае он вполне правильно встал на путь изучения первичных документов. Тщательно, при помощи лупы осмотрев все корешки и накладные, сравнивая при этом имеющиеся на них подписи К., следователь обнаружил, что на корешке и накладной № 171 на отпуск товара на сумму 2604 руб. расписка от имени К. во всех деталях совпадает с ее распиской на корешке и накладной № 170. Следователь обратил особое внимание на то, что по подписи К. на корешке накладной № 170, написанной через копирку, имеются нажимы, образовавшиеся как бы от сведения этой подписи при помощи какого-либо твердого острого предмета.

Заподозрив, что подписи от имени К. на накладной и корешке № 171 переведены с корешка № 170, следователь вполне правильно направил эти документы для научного исследования в криминалистическую лабораторию Московского юридического института.

Не прерывая следствия на время производства экспертизы, т. Епифанов также вполне правильно тщательно выяснил порядок выписки базой накладных и передачи их в бухгалтерию. Оказалось, что заведующий базой не всегда выписывал накладные в момент отпуска товаров магазинам, что нередко он, спустя лишь значительное время, давал получателям товара расписываться на накладных и корешках за ранее отпущенный им товар.

Произведенной по распоряжению следователя ревизией деятельности базы была обнаружена недостача в сумме 3840 руб.

Получив эти данные, а также и заключение экспертизы о подложности подписей К. на корешке и накладной № 171, так как эти подписи с несомненностью оказались срисованными с подписи К. на корешке № 170, следователь, учитывая наличие совершенного зав. базой Николаевым подлога на 2604 руб., а также сверх того обнаруженной у него недостачи на 3840 руб., избрал в отношении Николаева мерой пресечения содержание под стражей и сейчас же произвел у него на квартире тщательный обыск, в результате которого обнаружил немало похищенных с базы товаров и 1743 руб. наличных денег.

Наряду с этим тщательное обследование образа жизни Николаева установило, что Николаев систематически пьянствовал, часто устраивал у себя на квартире кутежи, за последнее время приобрел много различных ценных вещей, как, например, золотые часы, велосипед ряд дорогостоящих носильных вещей, много мануфактуры и т. д. Оказалось, что Николаев лишь недавно покрыл недостачу в сумме 833 руб., образовавшуюся у его жены, работавшей где-то заведующей палаткой.

В то же время было установлено, что Николаев получал зарплату в размере лишь 150 руб., из которых часть ежемесячно удерживалась по исполнительным листам.

Николаев был предан суду по обвинению в растрате и осужден.

В данном конкретном случае следователь проявил необходимую чуткость и пытливость, результатом этого явились реабилитация и освобождение честной работницы К. от уголовной ответственности и изоляция действительного расхитителя общественной, социалистической собственности, ловко маскировавшего свою преступную деятельность, используя для этого в своих интересах «прорехи» и расхлябанность, имевшиеся в постановке учета и отчетности.

Какой бы вред, именно вред мог причинить следователь, если бы он не проявил должной инициативы и гибкости и, ограничившись первоначально собранными материалами, предал суду работницу К.

Однако т. Епифанову все же можно сделать упрек в том, что он не проявил должной настойчивости в выявлении всех сообщников Николаева.

Между тем при известной настойчивости и изучении возможных мест сбыта, зная, какие именно товары и в каком количестве были похищены с базы, можно было установить и сообщников.

Утверждение о невозможности и неправильности применения одного и того же метода расследования, даже при расследовании, казалось бы, однородных дел, находит яркое подтверждение в нижеследующем примере, в котором основанием для возбуждения уголовного дела также послужило обнаружение недостачи и подозрение в совершении растраты и также большое значение имели взаимоотношения заведующего магазином с заведующим базой и оборот документов.

Однако при всей кажущейся аналогичности этих дел было бы совершенно неправильно, если бы и это дело расследовалось точно теми же методами, со всеми их особенностями, как и вышеприведенное дело о растрате, произведенной заведующим базой Николаевым.

Обстоятельства второго дела таковы:

У заведующего складом общества потребителей при государственном стеклозаводе «Пионер» Чегравина ревизией была обнаружена недостача товаров на сумму 12 936 руб., обра-

зовавшаяся за два месяца работы склада. Следователь начал расследование с допроса заведующего складом Чегравина, который, не оспаривая выведенную ревизией сумму недостачи, заявил, что он ничего не расхищал и не присваивал в свою пользу, недостача же явилась, очевидно, результатом того, что он по халатности не выписал своевременно расходные накладные универмагу № 1 на отпущенные ему 65 ящиков водки на сумму 8092 р. 50 к. и, возможно, на другие товары, которых он точно не помнит.

На складе велся суммовой учет товаров. Однако при наличии показаний Чегравина следователь поручил обществу потребителей произвести количественный учет всех товаров, прошедших через склад за эти два месяца, что всегда возможно сделать по любому складу, и определить, за счет каких же именно товаров образовалась недостача в сумме 12 936 руб.

Одновременно по распоряжению следователя была произведена ревизия универмага № 1.

Количественный потоварный учет на складе показал, что на 8092 руб. нехватает 65 ящиков водки, на остальную же сумму 4844 руб. нехватало небольшими сравнительно количествами различных товаров, как-то: масла, сахара, муки и др.

Ревизия же универмага № 1 не только не обнаружила каких-либо излишков, но выявила недостачу сверх полагающейся нормы естественной убыли в сумме 133 руб. Поступала ли в универмаг водка без накладной — установить не представилось возможным, так как потоварного учета в магазине не велось и восстановить его не представлялось возможным.

Исследуя параллельно с этим образ жизни и поведение заведующего складом Чегравина, следователь показаниями ряда свидетелей установил, что Чегравин по ночам ходил в склад со своими товарищами, продавал со склада товары в розницу, чего он не имел права делать, получая и никуда не сдавая вырученные при этом от продажи деньги, часто пьянствовал и жил не по средствам, что, наконец, Чегравин однажды ночью увез со склада два мешка с какими-то товарами.

При наличии всех этих данных некоторые из следователей, формально выполняя общие установки частной методики дел о растратах, предъявили бы обвинение Чегравину в растрате вверенных ему товаров на общую сумму 12 936 руб. и, считая свою работу законченной, передали бы дело в суд, полагая, что они вполне добросовестно проверили объяснения Чегравина о бездокументном отпуске партии водки универмагу № 1 и что данными ревизии универмага эти объяснения опровергнуты. Однако не так отнесся к делу народный следователь Коробовского района Московской области т. Семенов, расследовавший это дело.

Тов. Семенов вполне правильно пошел по пути использования всех возможных путей для проверки правильности заявления Чегравина о бездокументном отпуске им универмагу № 1 партии водки.

Вполне разумно рассуждая, что партия водки всегда отправляется с тарой, в данном случае в ящиках, что движение тары учитывается в магазине, что, следовательно, если нельзя проверить из-за отсутствия потоварного учета бездокументного поступления водки, то всегда можно восстановить движение и остаток тары, следователь поручил обществу потребителей вывести по универмагу книжный остаток ящиков из-под водки и проверить фактический. В результате этого по универмагу был обнаружен излишек 72 ящиков из-под водки.

Не ограничившись этим, следователь, установив, что торговля водкой во всех точках общества потребителей, в том числе и в универмаге, производилась бесперебойно, проверил по документам универмага № 1 ежемесячное поступление водки. Эта проверка показала, что в январе водки поступило в универмаг на 31 636 руб., в феврале на 15 267 руб., в марте, когда, по заявлению Чегравина, он отпустил универмагу без накладной на 8092 руб. водки, на 5 963 руб., а в апреле на 16 674 руб.

Таким образом, по данным магазина следовало, что в течение марта резко снизилось поступление, а следовательно, и продажа водки.

С целью проверки, насколько естественно снижение оборота водки в течение марта, следователь затребовал сведения о ежемесячном обороте водки в соседнем магазине, находившемся в этом же поселке. Оказалось, что по этому магазину оборот водки в марте был такой же, как в феврале и апреле.

Таким образом в результате проявленной им инициативы и тщательности в работе, а также методически правильного развертывания хода расследования следователь с несомненностью установил четыре факта, подтверждающие правильность объяснений заведующего складом Чегравина о бездокументном отпуске универмагу партии водки:

1) недостача на складе 65 ящиков водки на 8092 руб.;

2) излишек в универмаге № 1 72 ящиков из-под водки;

3) резкое снижение по универмагу № 1 поступления и оборота водки в марте, в течение которого, по объяснениям Чегравина, им и была отпущена универмату без документа партия водки на 8092 руб.;

4) отсутствие в соседнем таком же магазине снижения оборота водки в течение марта по сравнению с февралем и апрелем.

При наличии этих данных, а также, установив показаниями свидетелей, что заведующий универмагом Орехов вел образ жизни не по средствам, что, несмотря на наличие в универмаге кассы, Орехов нередко сам получал деньги с покупателей по розничной торговле, следователь имел уже полное основание подозревать Орехова в том, что, воспользовавшись упущением Чегравина и получив без документа партию водки, он ее не оприходовал, а стоимость ее изъял из магазина деньгами и товарами, пользуясь тем, что при суммовом учете это не может быть вскрыто.

Все это дало следователю основания для производства у пр. Орехова обыска.

Надо отметить, что по такого рода делам следователи чрезвычайно редко производят обыски, совершенно неосновательно заранее предполагая, что обыск все равно ничего не даст. Даже те немногие следователи, которые все же производят обыск, под давлением того же рассуждения, то есть заранее будучи убеж-

дены в бесплодности своей работы, производят чаще всего обыск чисто формально, неумело. Конечно, такой поверхностный обыск обычно не дает никаких результатов.

Совершенно иначе подошел к этому ответственному следственному действию следователь Семенов.

Обыск был произведен с особой тщательностью, о чем можно судить по тому, что он производился в течение 10 часов.

Только такой тщательный обыск и мог дать результаты. Обыск комнат квартиры, чуланов и скотного сарая не дал результатов. На потолке скотного сарая, стоявшего во дворе дома, где жил Орехов, лежало сено, причем Орехов заявил, что это сено им закуплено и сложено на потолке сарая еще с осени.

Надо сказать, что многие следователи при таком положении совершенно не подвергли бы обыску сеновал или в лучшем случае слегка и, конечно, безрезультатно «поковыряли» бы сложенное там сено.

В данном же случае следователь вполне добросовестно и тактически правильно довел обыск до конца, тщательно обыскав и сеновал. Под большим количеством сена были обнаружены два сундука буквально набитых всевозможной ценной мануфактурой, которой оказалось 212 метров, пачками различного нового белья и готового платья с оставшимися на них фабричными ярлыками и пломбами. Всего обыском было обнаружено различных товаров на 3000 руб.

Наряду с производством обыска следователь вполне правильно поступил, описав одновременно все имущество Орехова на общую сумму 11 000 руб.

Гр. Орехов был отстранен от должности и мерой пресечения ему было избрано содержание под стражей.

Не ограничившись этим, следователь, также методически вполне правильно, предъявил обнаруженные при обыске товары работникам общества потребителей и универмага, которые опознали в них те товары, которые в течение последних месяцев поступали для реализации в универмаг.

Наконец, путем допроса ряда свидетелей — продавцов, возчиков, грузчиков — следователю удалось установить, что 25 марта действительно со склада в универмаг была отправлена крупная партия водки, которая была принята лично заведующим Ореховым, накладной же на отпуск водки от 25 марта, а также за ближайшие предшествующие и последующие дни не оказалось.

Так, в результате методически правильного построения хода расследования и тщательности работы следователь Семенов разоблачил ловко скрывавшегося расхитителя общественной, социалистической собственности Орехова, не освободив от ответственности и более мелкого хищника Чегравина. Каждый из них получил по заслугам.

Уже из этих двух частных примеров можно сделать вывод, что при расследовании любых категорий дел недопустима схема, шаблон.

При расследовании каждого дела следователь, используя все то, что разработано в области частных методик, в области техники и тактики расследования, наряду с этим должен проявить максимум инициативы и гибкости, применяя по каждому конкретному делу те методы расследования, которые, исходя из индивидуальных особенностей данного дела, позволят в кратчайший срок объективно и с достаточной полнотой расследовать преступление.

Методическим советом при Прокуроре СССР уже разработано и принято несколько методических писем по расследованию отдельных видов хищений и растрат, например, в органах овязи, в строительных организациях и т. д.

Несомненно эти письма должны оказать немалую помощь практическим работникам на местах, но лишь при условии не слепого следования указаниям этих писем, при условии овладения следователями высоким уровнем своей техники.

Наконец, еще один вывод надо сделать из приведенных примеров.

Большинство следователей привыкли в своей работе «сортировать» дела на «большие» и «маленькие», на «интересные» и «скучные», причем, конечно, дела о растратах, да еще выявляемых на основе обнаруженных недостач по той или иной торговой точке, почти всеми относятся к категории «маленьких» и «скучных» дел.

Эта неправильная и даже вредная установка многих наших следователей объясняется в большинстве случаев их беспомощностью, неумением методически правильно вести расследование по такого рода делам и приводит к отрицательным результатам.

Приведенные выше примеры с наглядной убедительностью показывают, что «интересным» может оказаться любое дело при умелом, методически-правильном подходе следователя к своей сложной работе, требующей знаний, навыков и максимальной инициативности.

Лишь отрешившись от подобных неправильных установок и овладев высоким уровнем своей техники, прокурорско-следовательский аппарат сумеет обеспечить выполнение тех ответственнейших задач, которые поставлены перед ним величайшим документом эпохи — великой Сталинской Конституцией.

Б. ОШЕРОВИЧ

О работе Харьковского института советского строительства и права

Проблема кадров для органов юстиции в настоящее время приобретает особое значение. Сталинская Конституция во весь рост поставила вопрос о социалистическом демократизме, пролетарском гуманизме и значении социалистической законности. Для органов юстиции это означает, что они должны беспощадно расправляться с врагами народа, с изменниками родины, с троцкистскими бандитами и агентами фашизма, с троцкистскими и правыми реставраторами капитализма, с расхитителями социалистической собственности. Сталинская Конституция ставит перед органами юстиции задачу борьбы с остатками и пережитками старого капиталистического мира — хулиганством, воровством, рвачеством, бюрократизмом и т. п.

С другой стороны, социалистический гуманизм и социалистическая законность требуют от органов юстиции самого бережного и внимательного отношения к человеку как труженику социалистического общества. В нашей стране ни один человек не может и не должен быть неправильно привлечен к судебной ответственности; в нашей стране не может и не должен быть вынесен ни один несправедливый приговор. Для всего этого требуется, чтобы наши следственные и судебные работники были высоко политически развитыми, теоретически подготовленными, культурными и образованными людьми.

К сожалению, до сих пор многие наши юридические учебные заведения такого типа работников еще не готовят. Об этом в частности свидетельствует обследование Харьковского института советского строительства и права.

Харьковский институт советского строительства и права основан в 1930 г. на базе правового факультета бывшего Харьковского института народного хозяйства.

Срок обучения в институте до конца 1934/35 г. был 3-годичный, а с начала 1935/36 учебного года решением ЦИК УССР установлен 4-годичный срок обучения. Институт до 1936 г. был комвузом, и основной кадр студентов составляли члены партии с 5-летним партийным стажем и в большинстве своем работники советских органов.

Институт имеет два факультета: правовой факультет, факультет советского строительства. Правовой факультет готовит судебных работников, а факультет советского строительства готовит работников советов.

Руководство института вместе с партийными и общественными организациями института проделало большую работу по очищению института от контрреволюционеров-троцкистов, националистов и антиобщественных элементов как из среды профессорско-преподавательского состава, так и из среды студентов. Институт также был очищен от профессорско-преподавательского состава, не сумевшего обеспечить высокотеоретический уровень преподавания. Руководство института смогло собрать, объединить и сплотить крепкий коллектив профессорско-преподавательского состава, который живет интересами института и уделяет ему много внимания.

При директорате имеется совет института. Совет периодически собирается один раз в месяц—полтора в составе его постоянных членов из лиц профессорско-преподавательского состава и общественных организаций; на совет приглашаются также профессора и преподаватели, не состоящие членами совета. На обсуждение совета ставятся важнейшие вопросы политической, академической и хозяйственной жизни института. За 1936 г. на заседаниях совета ставились следующие вопросы: решение правительства и ЦК ВКП(б) от 23 июля 1936 г. о высшей школе; о программах и планах работы института; отчеты кафедр по гражданскому праву, по судебному праву, государственному праву; о ходе учебного процесса на курсах; о ходе учебного процесса с аспирантами; о работе заочного сектора; о производственной практике; о работе кабинетов уголовного права и государственного права; о работе библиотеки; о трудовой дисциплине; о научной работе кафедр; о научных кружках и т. п.

Несмотря на неплохую работу совета, все же совет не охватил в полном объеме всех вопросов, связанных с работой кафедр, например, не были заслушаны доклады о работе кафедры социально-экономических дисциплин, экономической кафедры. Также не были заслушаны доклады о работе всех кабинетов и научно-студенческих кружков. Кроме того, на совете следовало бы поставить отчеты не только кафедр, но и отчеты о прохождении отдельных дисциплин, входящих в ту или иную кафедру, чтобы иметь возможность судить не только о работе кафедр в целом, но и ее отдельных звеньев.

Руководство факультетами осуществляется деканами.

В институте 8 кафедр: 1) социально-экономическая, в которую входят: политическая экономия, философия, история партии и ленинизм; 2) кафедра государственного права, в которую входят: государственное право СССР, энциклопедия права, административное право, общая теория государства и права, международное право, история государства и права народов СССР, государство и право капиталистических стран и финансовое право; 3) кафедра уголовного права, в которую входят: уголовное право, судебная медицина, судебная психиатрия; 4) кафедра судебного права, в которую входят: уголовный процесс, гражданский процесс, судоустройство и криминалистика; 5) кафедра гражданского права, в которую входят: гражданское право, аграрное право и трудовое право; 6) экономическая кафедра, в которую входят: общая ста-

тистика, судебная статистика, бухгалтерия, организация районного планирования, коммунального хозяйства и животноводства; 7) кафедра языков, в которую входят: иностранные языки, русский язык и украинский язык; 8) военная кафедра.

Если кафедры уголовного права, судебного права, гражданского права организованы по принципу родственных дисциплин, то кафедра социально-экономических дисциплин, кафедра государственного права организованы по принципу «экономии сил». Кафедры могут плодотворно работать только тогда, когда они в состоянии уделить максимум внимания дисциплинам, входящим в эти кафедры, но когда кафедра объединяет 8—10 дисциплин, то совершенно понятно, что даже в том случае, если заведующий кафедрой был бы на основной работе в институте и только исключительно занимался этой кафедрой, то и тогда вряд ли он мог бы охватить все 8—10 дисциплин. Кафедра может успешно работать только тогда, когда члены кафедры знакомы с дисциплинами, входящими в нее, и могут в той или иной степени помогать в работе. Но вряд ли найдутся среди профессорско-преподавательского состава люди, которые были бы достаточно знакомы с 8—10 предметами и могли активно участвовать в работе кафедры. Таким образом получается, что многие из членов кафедры являются только пассивными ее членами и в конце концов перестают совершенно работать. Как на курьез, можно указать на принцип объединения дисциплин экономической кафедрой. В эту кафедру входят: общая статистика, животноводство, коммунальное хозяйство, уголовная статистика и т. д. Спрашивается, что общего между этими предметами и в какой мере преподаватель по животноводству может участвовать в обсуждении вопроса уголовной статистики или коммунального хозяйства и наоборот? Кафедру социально-экономических дисциплин следовало бы разбить на три отдельных кафедры: 1) кафедру политической экономии, 2) кафедру философии, 3) кафедру истории партии и ленинизма. Кафедру государственного права также следовало бы разбить на две кафедры: 1) кафедру государственного права и 2) историческую кафедру. Финансовое право следует передать в кафедру гражданского права. Экономическую кафедру следовало бы самым коренным образом перестроить и организовать кафедру общей статистики и учета. Уголовную статистику следовало бы передать в кафедру уголовного права.

Останавливаясь на вопросе о работе кафедр, нужно сказать, что не все кафедры института работают удовлетворительно. Это связано, как мы выше указали, со структурой самих кафедр, с одной стороны, а с другой — не все руководители кафедр работают так, как следовало бы работать. Не плохо работает кафедра гражданского права, уголовного права, судебного права. Хуже обстоит с кафедрой государственного права. Плохо работает кафедра социально-экономических наук.

Совершенно неблагополучно обстоит дело с преподаванием философии в институте. Присутствуя на лекции по философии, не трудно было убедиться в том, что лектор не знает читаемого им предмета. Излагаемый им предмет передается в виде отдельных разрозненных сведений. Излагая социалистические воззрения Канта и Гегеля, лектор ограничился указанием на то, что философия Канта дуалистична и что у Гегеля есть революционное зерно и т. д. В таком же духе он излагает социалистические воззрения Конта и Спенсера. Уровень преподавания философии не соответствует требованиям высшего учебного заведения.

Общее количество преподавателей института, за исключением военной кафедры и кафедры языков, — 30 человек.

Из них:

Профессоров	16 человек	53,3%
Доцентов	13 »	43,3%
Ассистентов	1 »	3,4%
Членов ВКП(б)	6 »	20,0%
Членов ВЛКСМ	2 »	6,7%
Беспартийных	22 »	73,3%

Педагогический стаж

От 2— 5 лет	3 чел.	10,0%
От 5—10 »	7 »	23,3%
От 10—15 »	13 »	43,3%
От 15—20 »	2 »	6,7%
Более 20 »	4 »	13,3%
Неизвестно	1 »	3,4%

Научные труды

Имеют научные труды	21 чел.	70.0%
Не имеют »	9 »	30,0%
На основной раб. в Институте	14 чел.	46,7%
По совместительству	16 »	53,3%

Для характеристики профессорско-преподавательского состава Харьковского института небезынтересно будет сопоставить с характеристикой профессорско-преподавательского состава юридических институтов Москвы и Ленинграда, которые были мною обследованы в 1935 г.

В Ленинградском юридическом институте:

Профессоров	16 чел.	48,5%
Доцентов	11 »	38,3%
Преподавателей	6 »	18,2%
Членов ВКП(б)	16 »	48,5%
Беспартийных	17 »	51,5%

В Московском юридическом институте:

Профессоров	18 чел.	51,4%
Доцентов	17 »	48,6%
Членов ВКП(б)	15 »	42,9%
Членов ВЛКСМ	1 »	2,0%
Беспартийных	19 »	54,3%

Это сопоставление показывает, что научная квалификация профессорско-преподавательского состава Харьковского института совпадает с научной квалификацией профессорско-преподавательского состава юридических институтов Москвы и Ленинграда. Бросается в гла-

за низкий процент партийцев среди профессорско-преподавательского состава в Харьковском институте. В то время как члены партии среди профессорско-преподавательского состава в Ленинградском институте составляют 48,5%, а в Московском институте 42,9%, в Харьковском институте члены партии среди профессорско-преподавательского состава составляют только 20%. Если учесть, что двое товарищей из членов партии, которые считаются преподавателями, фактически педагогической работы не ведут, то процент членов партии среди профессорско-преподавательского состава в Харьковском институте еще более снижается.

Все кафедры института имеют планы научно-исследовательской работы. Но не все кафедры ведут научную работу. На первом месте в научно-исследовательских работах идет кафедра по гражданскому праву. За сентябрь — декабрь был заслушан на кафедре ряд докладов, например, доклад проф. Гордона «Фашизация германского гражданского права на практике рейсгерихта», доклад проф. Вильнянского «Кредитование товарооборота», доклад доцента Гранберга «Жилищное право в практике судебных органов», доклад доцента Бару «Хозяйственно-расчетное право главков». На этом докладе присутствовало около 150 практических, судебных, арбитражных работников, юрисконсультов и т. д. Все члены кафедры работают над диссертационными темами.

Кафедра уголовного права также имеет план научно-исследовательской работы. В этом семестре были заслушаны доклады проф. Трахтерева «XI международный конгресс по уголовному праву в Берлине», доклад проф. Гродзинского «Фашизация уголовной политики Польши».

Кафедра судебного права также имеет план работы. В этом семестре был заслушан доклад проф. Гродзинского «Оценка доказательств в советском уголовном процессе». Намечены доклады: проф. Ривлина «Допрос в уголовном суде», доклад доцента Елисеева «Осмотр места происшествия», доклад доцента Гранберга «Анализ судебной практики по делам об увольнении».

Научные работы ведет также и кафедра государственного права.

***

Общее количество студентов в институте 508 человек, из них: мужчин — 399, женщин — 109.

Партийность:

Членов ВКП(б) — 235 чел. ВЛКСМ — 208 чел.
Беспартийных — 65 чел.

Национальность:

Украинцев — 266 чел.		Евреев — 128 чел.	
Русских — 100 „		Прочих — 14 „	

Образование:

Техникум	58 чел.	9-летка	7 чел.
Рабфак	179 „	Прочие институты	28 „
10-летка	40 „	Низшее образован.	196 „

Эта таблица показывает то, что не все студенты при поступлении в институт имели среднее образование. Если учесть, что студенты I и II курсов в большинстве своем поступили из 9-летней и 10-летней средней школы, то есть имели среднее образование, то 196 человек, которые при поступлении не имели среднего образования, падают на III и IV курсы.

Для характеристики подготовки студентов IV курса также необходимо отметить, что учебный процесс происходил не на основе программ юридических институтов, а на основе программы коммунистического сельскохозяйственного вуза.

В учебных планах недостаточное место занимают юридические дисциплины. Особенно это заметно на факультете совстроительства.

Из 34 дисциплин на факультете только 5—6 в той или иной мере имеют отношение к юридическим дисциплинам, то есть факультет в целом не обеспечивал достаточно государственно-правовой профиль выпускаемых студентов. Правда, дирекция института в начале 1936/37 учебного года выработала новый переходный план для IV курса факультета совстроительства для того, чтобы заполнить пробел в правовой подготовке студентов. Однако и этот переходный план ни в какой мере не обеспечивает в достаточной степени юридически-образованных деятелей государственников-юристов.

Ко всему этому нужно добавить, что преподавание в большинстве случаев происходит на довольно низком теоретическом уровне. Некоторые преподаватели пытаются оправдаться тем, что общая подготовка некоторой части студентов такова, что она не позволяет поднять читаемые ими лекции и практические занятия на большую теоретическую высоту. Эти объяснения находятся в прямом противоречии с решениями партии и правительства о высшей школе. Преподавание ни в коем случае не должно равняться на менее подготовленную часть студенчества, а наоборот, должно вестись на высоком теоретическом уровне.

Также не выполняется решение партии и правительства о том, что высшие учебные заведения должны максимум времени предоставлять студентам для самостоятельных занятий. Обследование института показало, что студенты I и II курсов ежедневно проводят в институте по 6 часов. Кроме того, в вечерние часы устраиваются консультации и другие занятия. Если учесть, что почти все студенты имеют определенные общественные обязанности — собрания, заседания, а также посещают театры, кино и т. д., то ни один вечер не остается свободным для занятия непосредственно предметами, касающимися их учебы, и не остается времени для чтения книг. Таким образом главным источником подготовки для сдачи зачетов остаются плохо написанные ими конспекты лекций. Правда, студенты III курса имеют формально один день в пятидневку, а студенты IV курса имеют два дня в пятидневку для самостоятельной работы, но фактически это не выполняется вследствие того, что переходные планы для этих курсов превышают нормальные учебные планы, и, кроме того, эти студенты имеют еще добавочные

нагрузки в виде 60 часов по украинскому и русскому языкам.

В настоящее время в институте имеется 8 аспирантов, фактически же работают только 5 человек. Один аспирант приема 1936/37 учебного года перешел на другую работу; одна аспирантка второго года обучения также не занимается ввиду того, что она в течение года болеет. Особо заслуживает внимания то обстоятельство, что в этом году 4 человека ушли из аспирантуры.

Общее академическое руководство аспирантурой осуществляется кафедрами. Нужно отметить, что с академической подготовкой аспирантуры не все обстоит благополучно: аспиранты второго года обучения еще не прошли предметов первого года. Доклады аспирантов стоят не на должной теоретической высоте.

Это объясняется тем, что не все аспиранты имеют достаточную теоретическую подготовку для научной работы. Кроме того, нужно еще отметить, что все аспиранты кроме научной работы выполняют и другие обязанности. Все эти обязанности отвлекают их от академической работы, и это не может не отразиться на их теоретической подготовке.

Директорату необходимо поставить вопрос о разгрузке аспирантов и создать им условия для более планомерной академической работы.

В институте имеется ряд научных студенческих кружков. Научным кружком по уголовному праву руководит проф. Трахтерев, по судебному праву — проф. Гродзинский, по истории государства и права — проф. Корецкий и т. д. На кружках обсуждаются доклады студентов и аспирантов.

В институте имеются следующие кабинеты: по уголовному и судебному праву, по государственному праву, хозяйственному праву, криминалистике, химический, партийный кабинеты, военный и физкультурный зал. За исключением химического кабинета все другие кабинеты работают. Кабинеты прекрасно оборудованы. По новизне их оборудования они резко отличаются от кабинетов Московского и Ленинградского институтов. Каждый экспонат прекрасно отделан и продуман. Особенно хорошо работает кабинет по гражданскому праву. Имеется постоянный работник, который ежедневно бывает в кабинете по 6 часов. Кабинет разбит по разделам прохождения курса гражданского права, и каждый раздел снабжен соответствующими экспонатами и соответствующей литературой. При этом кабинете имеется кодификационное бюро, посещаемость его от 20 до 25 студентов в день.

Не плохо была организована производственная практика в 1936 г. Прохождению производственной практики предшествовали подготовительные работы: был разработан ряд диференцированных программ специально для практикантов областной прокуратуры, областного суда, народных судов, районной прокуратуры, следственной камеры и т. д. Созывалось совещание с практикантами перед отъездом на места для инструктирования и консультации. Производственную практику по правовому факультету проходили в областной прокуратуре, городской прокуратуре, районной прокуратуре, в народных судах и транспортной прокуратуре. По факультету совстроительства производственную практику проходили в ЦИК УССР, в областных исполкомах, районных исполкомах и городских советах. Во время практики на места выезжали профессора и преподаватели для инструктирования и консультаций. После окончания практики каждый студент представил подробный, засвидетельствованный руководителем учреждения, в котором он проходил практику, отчет о своей работе.

Библиотека института имеет хорошее книгохранилище и прекрасно оборудованный читальный зал. Библиотека насчитывает около 160 000 книг.

Студенты в материальном и бытовом отношениях находятся в удовлетворительном состоянии. В большинстве случаев студенты живут по 3—4 человека в комнате. Комнаты содержатся в очень опрятном состоянии и чистоте. За последнее время этому способствует работа комиссии жен профессорско-преподавательского состава, которые ведут повседневную работу в этом направлении.

Культурное обслуживание студентов также поставлено не плохо: имеются постоянные билеты в театры, часто читаются популярные лекции по вопросам литературы и музыки и не плохо организуется самодеятельность студентов.

***

С заочным образованием на Украине дело обстоит неважно. На Украине нет центра, нет органа, который бы занимался организацией и руководством столь важного участка правового образования, каким является заочное образование.

Сектор заочного образования Харьковского института, который Центральный заочный институт почему-то считает украинским центром по заочному образованию, на самом деле таковым не является как в юридическом отношении, так и по существу.

Харьковский заочный сектор входит в стационар как составная часть и ему подчинен. По линии учебно-методической сектор связан и работает в контакте с Центральным заочным юридическим институтом, получает от него учебные планы, программы и т. д. Руководство заочного сектора состоит из заведующего сектором и заместителя заведующего. Аппарат заочного сектора состоит из методиста, секретаря, статистика, машинистки и экспедитора.

Для обеспечения учебно-методического руководства студентами при секторе организованы 4 цикла: криминалистический, хозяйственный, общей теории и истории государства и права и социально-экономических дисциплин. Эти циклы заменяют собой кафедры и являются по существующим комплексам дисциплин учебно-методическими центрами. Заочный сектор своих штатных преподавателей не имеет. Все дисциплины обеспечены профессорско-преподавательским составом стационара.

Учебные занятия в заочном секторе проходят по программам Центрального заочного обучения, которые соответствующим образом перерабатываются и дополняются законодательством УССР и местной судебной практикой. Имеются программы: по политэкономии, ленинизму, общей истории государства и права, общей теории права (энциклопедия права), судоустройству, уголовному праву, государ-

ственному устройству буржуазных стран, уголовному процессу, хозяйственно-гражданскому праву, брачно-семейному праву, гражданскому процессу и нотариату, трудовому праву, судебной психиатрии, бухгалтерии и статистике. По остальным дисциплинам программы отсутствуют.

Учебный процесс организован следующим образом: студенты-заочники после зачисления их вызываются в институт на установочную конференцию. На конференции даются вступительные лекции к дисциплинам, намеченным к прохождению в первом году обучения. Следующая конференция созывается в январе для производства испытаний и организации дальнейших вступительных лекций. Таким образом конференции созываются два раза в году. Эта же форма организации учебного процесса применяется и к студентам других курсов.

Учебный план и работа построены в основном по линии обеспечения самостоятельной работы студента. Этот учебный процесс проверяется путем контрольных работ, выполняемых заочниками по плану. Кроме того, имеется индивидуальная связь между преподавателями и заведующими циклами со студентами по соответствующим дисциплинам. Эта связь осуществляется путем дачи индивидуальных консультаций, которыми студенты пользуются довольно широко, о чем свидетельствует то, что ежедневно в письменной форме дается не менее 10 консультаций. Общая связь со студентами характеризуется числом отправленных писем. Так, в октябре их было отправлено 735, в ноябре — 1760, в декабре — 1405. Таким образом в среднем каждому студенту дается три письменных консультации в месяц. Для усиления связи с заочниками и оказания помощи в их работе заочным сектором издается бюллетень библиографии и законодательства. С менее подготовленными студентами созываются конференции больше чем два раза в году.

Заочный сектор имеет в своем составе три «очных» группы, обслуживающих студентов Харькова и пригородной зоны. «Очные» группы занимаются по стабильному расписанию один раз в шестидневку. По всем группам в настоящем учебном году проведено около 60 занятий с количеством 320 часов. Студенты «очных» групп пользуются фундаментальной библиотекой и читальным залом стационара.

Узким местом в работе является отсутствие необходимой учебной литературы. Обеспечить всех студентов необходимой им литературой сектор не в состоянии. Тем не менее в этом учебном году им было приобретено и разослано: по хозяйственному праву — 47 книг, по бухгалтерии — 68, кроме того были разосланы заочникам альбомы по уголовному процессу и судоустройству, полученные от Центрального заочного института.

В общем сектор стал работать не плохо. Имеется ряд достижений в работе сектора, которые состоят в следующем: им организован цикл, который занимается методическими вопросами и вопросами организации учебного процесса. Сектором привлечены к преподаванию самые лучшие преподавательские силы, которые имеются в Харькове. Имеется хорошо налаженная связь с заочниками и хорошо поставленные консультации.

К недостаткам в работе сектора нужно отнести то, что в секторе нет корреспондентских пунктов на местах и этим самым затрудняется вопрос о привлечении и охвате широких масс работников органов юстиции. При наличии корреспондентских пунктов не надо каждый раз по 200—300 человек стягивать в Харьков. Гораздо лучше было бы в более крупных городах области создавать корреспондентские пункты, объединить студентов-заочников вокруг этих корреспондентских пунктов и при надобности посылать туда преподавателей для проведения учебных конференций. В организационном отношении сектором не сделано все то, что необходимо было проделать. К недостаткам нужно отнести также и то, что заочное образование на Украине и в частности в Харькове существует с 1932 г., а между тем до настоящего времени нет еще ни одного окончившего, имеются только студенты III курса.

Харьковский институт в этом году приступил к ликвидации недостатков, имеющих место в организации учебного процесса. В этом отношении имеется ряд достижений, но тем не менее руководству Харьковского института придется немало поработать и коллективу работников института придется немало потрудиться над тем, чтобы сделать институт подлинной кузницей подготовки судебно-прокурорских работников, которые могли бы выполнить задачи, поставленные перед ними Сталинской Конституцией.

ЛОПУХОВ

О кадрах для кадров

Политическая острота вопроса подготовки высококвалифицированных кадров в области науки права и государства особенно стала ясной в свете последних судебных процессов контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды убийц, вредителей, диверсантов, прожженных политических авантюристов и изменников родине.

Подлейшие из подлых — организаторы капиталистической реставрации в СССР вербовали себе сторонников, в частности на ряде участков идеологического фронта, в том числе и на правовом научно-педагогическом участке.

В течение ряда лет на правовом теоретическом фронте орудовал троцкист Пашуканис и его школка: Доценко, Дзенис, Бенедиктов, Гришин, Костельцев и другие. Они контрабандным путем протаскивали в журнале «Советское государство», учебниках, программах и педагогической работе вредные, извращающие ленинизм антипартийные теорийки.

Сейчас Пашуканис и большинство из его школки изобличены как враги партии, правительства и народа.

В связи с этим во весь рост встала задача подготовки действительно марксистско-ленинских педагогических и научных кадров в области государства и права. В данный момент эта подготовка кадров для кадров сосредоточена в ИКП права, являющегося единственным в СССР, и в аспирантуре при Московском юридическом институте, которая является почти единственной в РСФСР (если не считать небольшого числа аспирантов при Ленинградском юридическом институте).

В обоих этих институтах в 1936/37 учебном году обучается свыше 80 человек.

Но состав обучающихся в ИКП права и аспирантуре, а также учебные планы, организация учебного процесса, обеспеченность помещением, учебными пособиями, стипендией и т. п. являются далеко не одинаковыми.

Вскрытые партийной печатью отрицательные явления на участках науки государства и права, с одной стороны, и с другой стороны, оценка, которая была дана в историческом постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. о высшей школе, отмечающая, что «состояние подготовки кадров в высшей школе все еще остается неудовлетворительным», свидетельствуют о том, что руководство ИКП права и аспирантуры МЮИ выпускает неполноценные научно-педагогические кадры.

Историческое постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о высшей школе перед юридическими институтами поставило новые серьезные задачи, особенно важные в свете требований Сталинской Конституции, по которой роль советских работников, судьи и прокурора, поднята на высшую ступень, соответствующую нынешнему этапу социалистического строительства.

Отсюда во весь рост встает проблема подготовки и выпуска из юридических институтов вполне политически и юридически образованных людей. Юридические институты должны воспитывать такие молодые кадры, которые умеют распознать классового врага, не только выступающего с открытым забралом, но и в особенности тех, которые маскируют классово враждебное содержание своей работы. Оканчивающие юридические институты также должны уметь по-большевистски бороться за проведение социалистической законности и за каждую букву и дух нашей великой Сталинской Конституции.

Современное состояние обучения в ИКП права и особенно в аспирантуре совершенно не отвечает возросшим требованиям юридических институтов.

Основную задачу, которую настойчиво в последние годы ставили партия и лично товарищ Сталин — заботливое воспитание и выращивание кадров, эту задачу ни дирекция ИКП права, ни тем более руководство аспирантуры МЮИ не выполнили. Тут имеются большие пробелы. Правда, характер недостатков в этих институтах весьма различен, но отрицательный результат и там и здесь.

В настоящий момент весь учебный процесс в аспирантуре рассчитан на три года и, начиная с первого года обучения, каждый аспирант специализируется в конкретной области права: уголовного, гражданского, трудового, земельного и воздушного, а также по уголовному процессу и криминалистике.

Общеметодологических дисциплин аспиранты почти не изучают. В учебном плане совершенно отсутствуют следующие науки: история философии, диамат, истмат, а также история политических учений. Курс истории государства и права проводится по сокращенной программе, в которой исключена история государства и права народов СССР по причине незначительного числа отведенных часов. А причиной незначительного числа отведенных часов никто не заинтересовался и получается, что выброшена за борт история нашего советского социалистического государства и права.

Ясно, что отсутствие общеметодологических дисциплин лишает оканчивающих аспирантуру возможности овладения марксистско-ленинским методом и не способствует вооружению последними достижениями коммунистической научной мысли.

Иностранные языки проходят на протяжении всех трех лет подготовки. Они занимают в учебном плане весьма солидное место, так как овладение к третьему году аспирантуры двумя иностранными языками является обязательным. Вместе с этим, в текущем учебном году желающим разрешено дополнительно изучать третий иностранный язык, в качестве которого рекомендуется латинский.

К сожалению, усвоение иностранных языков находится на низком уровне. Причина кроется в том, что поступающие в аспирантуру в большинстве своем не знакомы с иностранными языками. Ясно, что одновременное занятие двумя и даже тремя иностранными языками

отрицательно отражается на качестве овладения этими специфическими предметами.

Отсюда совершенно естественно, что оканчивающие аспирантуру в лучшем случае оказываются узкими и ограниченными специалистами права, умеющими кое-как со словарем в руках читать специальную юридическую иностранную литературу, но с точки зрения новых задач социалистического строительства, нового уровня научной и педагогической работы они являются очень часто работниками неполноценными.

Положение усугубляется еще тем обстоятельством, что аспиранты изолированы от педагогической и научной работы и лишены возможности соединять теорию с практикой. Аспиранты хронически не посещают заседаний в научно-исследовательских институтах, и это никого не беспокоит.

В результате получилось, что только считанные единицы окончивших аспирантуру МЮИ оказались пригодными для педагогической работы и почти никто из них не оказался годным для научной работы. Кроме того, за шесть лет существования аспирантуры и за три состоявшихся выпуска никто из так называемых окончивших аспирантуру не представил выпускных работ, диссертации, несмотря на то, что все аспиранты на третьем году обучения обычно числятся занятыми составлением диссертации. Об этом все знают, но изменить эту порочную систему и гнилые традиции пока никто не собирается.

Для полноты картины необходимо остановиться еще на одном недостатке из области учебного плана, а именно на отсутствии обучения аспирантов военному делу и физкультуре. Известно, что военная опасность для СССР все возрастает. Совершенно очевидно, что в самый трудный и решительный момент, во время войны, надо быть не только преподавателем права, но и активным помощником в боевой работе Красной армии. Но об этом «забыли» руководители аспирантуры МЮИ. Повидимому, они считают, что в случае войны врага можно будет победить и без военной науки. Эти гнилые, враждебные нам расчеты надо ликвидировать.

Касаясь внутренней организации учебной работы, необходимо отметить следующие моменты: первое—это плохое качество индивидуальных учебно-производственных планов. Их характер еще далеко не отвечает тем требованиям, которые поставлены перед ними в известном постановлении правительства от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях».

Индивидуальные планы должны исходить из специальных программ. Еще 7 мая 1935 г. НКЮ своим постановлением обязал дирекцию МЮИ составить эти программы. Но специальных программ по подготовке аспирантов до сих пор нет и индивидуальные планы в большинстве своем представляют перечень тем из вузовских программ, список литературы и указаний сроков представления тезисов и письменных докладов.

Второе — это неуменье правильно регулировать режим времени аспиранта. В результате из года в год и в текущем учебном году у аспирантов бесцельно пропадает много времени из-за неумелого составления расписания, отсутствия условий для спокойной работы над книгой, отсутствия соответствующей литературы в библиотеке института, излишней заседательской суеты и т. д.

Третье — это неуменье организовать для аспирантов старших курсов соответствующую их специальностям платную работу. Ведь ни для кого не секрет, что аспиранты на получаемые 200 руб. стипендии не живут и почти 40% из них ведут платную работу в разных организациях. Характер этой платной работы большинства аспирантов не совпадает с избранными ими специальностями, и эта работа ведется без разрешения, ведома и контроля кафедр.

Первым по важности делом является партийная работа среди аспирантуры. Надо прямо сказать, что внутрипартийная работа у аспирантов еще далеко не бьет ключом того полнокровия, которого требует партия от каждого пратийного коллектива и особенно такого, в составе которого находятся люди с высшим образованием. Воинствующая партийность и самокритика в партгруппе аспирантов еще только начинает развиваться. Обращает на себя внимание одно очень характерное явление, состоящее в том, что из года в год партийный состав аспирантуры резко снижается: если в 1935/36 учебном году было 50% партийной прослойки, то в 1936/37 учебном году стало уже около 25%. Это снижение грозит достигнуть нуля в том случае, если дирекция МЮИ будет в будущем проводить набор в аспирантуру так же, как в 1936 г. Набор в аспирантуру в 1936 г. не был организован и преимущество в приеме получали те, кого легко отпускали с практической работы, а легко отпускают только малоценного работника. Борьбы же за хорошие, талантливые, молодые, крепкие большевистские кадры дирекцией МЮИ проявлено не было.

Состояние подготовки кадров для кадров в ИКП права по сравнению с аспирантурой МЮИ находится в лучшем состоянии потому, что ИКП является высшей партийной школой кандидаты в которую отбираются крайкомами и обкомами партии с последующим персональным утверждением Оргбюро ЦК ВКП(б).

В состав слушателей ИКП права принимаются только члены ВКП(б) с партийным стажем не менее шести лет, определенным опытом партийной работы и обладающие законченным высшим образованием. Всего в ИКП права с начала 1936/37 учебного года обучалось 47 человек, но из них по разным причинам было исключено и отчислено 7 человек.

Подготовка в ИКП права определена сроком в три года. На первом курсе изучаются следующие предметы: 1) история философии и диамат, 2) история государства и права, 3) история политических учений, 4) политэкономия, 5) иностранный язык, 6) военные науки и 7) физкультура.

На втором курсе изучаются следующие предметы: 1) история государства и права народов СССР, 2) история политических учений, 3) учение о советском праве, 4) иностранный язык, 5) военные науки и 6) физкультура.

На третьем курсе проходят изучение дисциплин по специальностям.

Ведущей дисциплиной на первом курсе яв-

ляется история государства и права, по которой дополнительно к лекционному курсу в течение года прорабатываются семинарским способом пять узловых тем, причем на семинаре каждый слушатель обязан сделать квалифицированное выступление.

Ведущей дисциплиной на втором курсе является учение о советском праве. На одну из тем этого курса каждый слушатель обязан представлять письменный доклад. Ведущей дисциплиной на третьем курсе является специальная дисциплина, избранная каждым слушателем.

В организации учебной работы ИКП права имеется целый ряд положительных моментов, но задача состоит в том, чтобы сделать работу еще лучше, устранив имеющиеся недочеты.

В числе недочетов в первую очередь надо отметить слабость партийной работы. Партком в составе товарищей Баканина, Бермана, Ратнера, Денисова и Гукова, не обеспечил проведения четкой и выдержанной политической линии, развертывания критики и самокритики и не только не организовал разоблачения врагов и вскрытия ошибок, допущенных на теоретическом правовом фронте, но и повинен в замазывании этих ошибок.

Партийный коллектив ИКП права в начале 1937 года, тщательно обсудив сигналы «Большевика» и «Правды» и работу парткома, пришел к выводу, что партком вел неправильную политическую линию и оказался неспособным возглавить борьбу крепкого и здорового партийного коллектива икапистов-правовиков с вредительством на теоретическом правовом фронте. Кроме этого на партсобрании ИКП права был принят для улучшения работы целый ряд других мероприятий.

Вредная деятельность Пашуканиса, который был преподавателем в ИКП права, нашла себе место в ликвидации изучения конкретных областей права. Специализация в ИКП права была поставлена плохо. Теоретически она начиналась со второго курса, но фактически специальных отраслей права слушатели не изучали, а преподаватели конкретных правовых дисциплин были фактически отстранены.

В курсе же учения о советском праве, который читается для специализирующихся по уголовному и гражданскому праву, из 13 тем имеется только одна тема по уголовному праву под названием «Советская уголовная политика».

В этом курсе совершенно отсутствует изучение советского законодательства, и эта недооценка роли советского закона явилась далеко не случайно. Сейчас, как никогда, высоко поднята роль советских законов, которые, как сказал товарищ Сталин, должны быть стабильными, а судьи в СССР по Конституции «подчиняются только закону».

Ясно, что без тщательного изучения законодательства СССР, не зная советских законов, и с проработкой одной темы по советскому уголовному праву слушатели II курса не могли быть использованы на педагогической практике по специальным дисциплинам.

В 1936/37 учебном году ни один из слушателей ИКП права не ведет педагогической работы по правовым дисциплинам, а преобладающее большинство ведет педагогическую работу в райкомвузе не по специальности.

Это ненормальное положение должно быть немедленно ликвидировано.

Следующим крупным недостатком в подготовке ИКП права является оторванность слушателей от научно-исследовательской работы кафедры. По существу получилось изолированное от научной и педагогической работы выращивание молодых педагогических и научных кадров.

К организации этого разрыва теория от практики была приложена вредительская рука Пашуканиса, который воспользовался излишней доверчивостью некоторых партийных шляп.

Надо со всей силой подчеркнуть, что потребность в высококвалифицированных кадрах и именно таких, какие должны готовить ИКП права и аспирантура МЮИ, сильно возросла. Сеть правового образования за последние годы значительно расширилась и будет расти еще быстрее, ибо наше правительство совсем недавно приняло постановление (постановление ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г.) о развертывании и улучшении правового образования.

Существующий профессорско-преподавательский состав в наших правовых учебных заведениях незначителен и неудовлетворителен. Всего по СССР в конце 1936 г. было зарегистрировано профессорско-преподавательского состава 220 человек, из коих ученые степени докторов имеют 4 человека, ученые степени кандидатов 4 человека и 212 [1] преподавателей не имеют никаких ученых степеней, хотя 56 человек из них числятся профессорами, тогда как по постановлению правительства от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях» после 2 лет с момента опубликования его, т. е. с января 1936 г. профессором может быть только имеющий ученую степень.

Характерно отметить, что из числа наших профессоров имеют высшее образование только 180 человек.

Следовательно, острота в удовлетворении возросших потребностей в высококвалифицированных научных и преподавательских кадрах в области государства и права стала еще сильнее.

Отсюда ближайшими задачами должно явиться следующее: первое — это проведение коренного пересмотра и улучшения системы подготовки кадров для кадров в ИКП права и особенно аспирантуре МЮИ и второе — это организованное проведение набора и обеспечение ИКП права и аспирантуры достойными кандидатами. К разрешению второй задачи надо обязательно приступить уже со второго квартала 1937 г., иначе есть опасность невыполнения этой задачи.

[1] Теперь эти числа несколько изменились.

Н. Н.

Слова и дела

Прошло уже несколько месяцев, как в НКЮ СССР существует отдел, занимающийся вопросами советской адвокатуры и организации юридической помощи населению. В печати появилась не одна статья о том, как новый орган, призванный руководить советской адвокатурой, предполагает разрешать поставленные перед ним задачи.

В нашем распоряжении имеется ряд сведений, позволяющих подвести некоторые итоги того, как за это время осуществлялось руководство коллегиями защитников и какие новые принципиальные установки получали президиумы коллегий от нового отдела НКЮ.

В целях лучшей организации работы в НКЮ было решено произвести обследование нескольких коллегий защитников и на базе полученных в результате обследования материалов дать дальнейшие руководящие указания.

Казалось бы, задача, поставленная перед лицами, призванными производить такое обследование, была весьма серьезна и в первую очередь требовала от этих лиц ясного представления о целях и особенностях тех организаций, работу которых они должны были проверять.

Видимо поэтому в качестве обследователя нескольких коллегий защитников, в том числе Московской и Ленинградской, был выдвинут некий т. Цитович, имеющий солидный стаж административно-канцелярской работы, несколько лет назад бывший председателем одного из провинциальных судов и проявивший на этой работе исключительно отрицательное отношение и редкую нетерпимость к защитникам.

Сознавая ответственность возложенных на него заданий, т. Цитович быстро сумел показать выдающиеся образчики обследовательского искусства, дающие право причислить его к лику тех «обследователей» и «ревизоров», достижения коих освещались в свое время на страницах «Крокодила».

В середине февраля к председателю Московской коллегии защитников явился т. Цитович, предъявив мандат НКЮ, где были изложены права и полномочия обследователя.

Тов. Цитович тут же вынул из толстого портфеля целый ряд анкет, сводок, таблиц, опросных листов и предложил в кратчайший срок дать ответы на все вопросы, содержащиеся в этом изобилии всякого рода бланков и форм.

Каждая из этих форм заключала в себе не один десяток вопросов, разграфлены были формы и горизонтально и вертикально. Всего было более полутора десятка форм, охватывающих все области адвокатской работы. Сумма всех вопросов, поставленных во всех анкетах, выражалась многозначной цифрой.

Тут же т. Цитович приступил к практическому разрешению проблемы равномерного распределения на территории г. Москвы коллективов защитников. Взяв план г. Москвы, т. Цитович наносил на нем разноцветные кружочки, условно обозначавшие коллективы защитников, причем тщательно следил за тем, чтобы каждый кружочек отстоял от другого кружочка на равном, точно вымеренном расстоянии.

Разрешая так задачу распределения коллективов по территории города, т. Цитович был убежден в том, что математическая точность тут не подведет, однако, как утверждают злые языки, тут неожиданно вскрылись непредвиденные затруднения: при точном математическом расчете некоторые кружочки попадали в места, не совсем удобные для организации коллективов защитников, — один кружочек попал в самый центр Московского зоопарка, а другой оказался внутри ограды Лазаревского кладбища. Не желая отступать от точного математического расчета и в то же время не вступать в коллизию с жизненными требованиями, т. Цитович оставил пока открытым вопрос о том, куда именно надлежит поставить злополучные кружочки, что во всяком случае свидетельствует о том, что излишней опрометчивости им проявлено не было.

Попытки сотрудников президиума коллегии защитников заполнить анкеты по формам т. Цитович, без его личной помощи, успехом не увенчались, так как никто не мог сообразить, как надо заполнять ту или иную графу и как в отдельных случаях следует расшифровать смысл заданий обследователя.

Недостаток места не позволяет нам восстановить во всей девственной красе все анкеты т. Цитовича, но для иллюстрации трудностей, с которыми пришлось встретиться заполняющим анкеты, попробуем остановиться на двух образцах. Перед нами особая форма учета работы ревизионной комиссии. Заголовок этой формы гласит: «Работа ревкомиссии (приложить сметы назначений и исполнений)». Этот заголовок смущал каждого работника, ибо, как известно, никаких смет ни одна ревизионная комиссия не составляет, не говоря уже о том, что никто не мог понять, что такое «смета назначений и исполнений». Как полагается, дальше лист был разграфлен: в первой графе указывался номер, вторая графа гласила «перечень обязанностей по установке президиума», третья графа — «перечень прав и обязанностей, выдвигаемых РК», а дальше следовали другие графы, озаглавленные столь же загадочно. О чьих обязанностях говорила первая графа, уяснить никто не мог; лица, претендующие на сообразительность, пробовали указывать, что там речь идет об обязанностях членов ревизионной комиссии, но тут же уличались в ошибке, ибо в таком случае нельзя было объяснить, причем «установка президиума».

В догадках о том, о каких правах и обязанностях трактовала третья графа, терялись даже люди, умудренные долголетним опытом заполнения самых невероятных по бессмысленности анкет.

Следующая таблица была озаглавлена так: «Работа президиума по обмену опытом рабо-

ты», причем первая графа этой замечательной таблицы предлагала дать «перечень объектов и лиц по обмену опытом работы», а дальше следовали не менее красочные разветвления этой анекдотической белиберды.

Немало дней работники президиума МГКЗ потратили на заполнение всех таблиц т. Цитовича, причем работа эта оказалась настолько непосильной для наличного штата сотрудников, что на очередном заседании президиума было решено пригласить специального статистика, который помог бы справиться с заданиями т. Цитовича.

К особенностям обследования придется отнести и тот факт, что, не имея квартиры в Москве, т. Цитович, начиная со второго дня своей работы, поселился на житье в кабинете председателя МГКЗ, где проводил не только дни, но и ночи в прямом и буквальном смысле этого слова.

Помимо перечисленной работы т. Цитович совершенно самостоятельно, без помощи сотрудников президиума, провел «учет» дисциплинарных дел ЧКЗ. Данные учета нашли отражение в специальной таблице, где в 25 пунктах перечислялись отдельные виды проступков ЧКЗ, причем графа, посвященная этому перечислению, была озаглавлена: «Виды нарушений (элементы и признаки)». О том, с какой исключительной тонкостью т. Цитович улавливал эти элементы и признаки, можно судить хотя бы по тому, что в пункте 19 перечня проступков было выведено «подстрекательство» (?!).

О подстрекательстве к чему шла здесь речь — остается тайной Цитовича вплоть до сегодня.

Крайне важно отметить, что учет ЧКЗ, привлеченных по дисциплинарным делам, был произведен по делам, еще не законченным, по которым не вынесено решения. Видимо, считалось целесообразным взять на учет тех лиц, виновность коих в том или ином проступке еще не установлена. Если бы органы, ведающие учетом осужденных уголовным судом, пользовались методом Цитовича, то пришлось бы взять на учет и считать судившимися людей, в отношении коих не вынесено судебного приговора, на том лишь основании, что они привлечены к ответственности.

Подробное повествование о трудах т. Цитовича заняло бы не менее нескольких объемистых томов, но мы остаемся при скромном убеждении в том, что и приведенные нами примеры, может быть и недостаточно и не с исчерпывающей полнотой, но все же характеризуют стиль и размах работы обследователя НКЮ.

Почти всю свою работу т. Цитович провел не выходя из помещения президиума МГКЗ и пришел к ряду выводов, крайне отрицательно характеризующих столичную адвокатуру, а особенно ее руководителей.

Выводы и заключения т. Цитовича приведены в специальном акте, с содержанием коего не были ознакомлены члены президиума МГКЗ, и акт этот представлен по начальству. Утверждают, что выводы этого акта в скором времени будут обсуждаться на оперативном совещании НКЮ.

Не ставя в известность о своих выводах руководителей МГКЗ, т. Цитович в разговорах с отдельными товарищами частично посвятил их в существо своих глубокомысленных выводов и ознакомил их с своими взглядами на московскую адвокатуру. По этим отрывочным сведениям можно понять, что значительную часть московских ЧКЗ, в частности всех индивидуально практикующих, т. Цитович считает просто жуликами (вызывая к себе некоторых из индивидуально практикующих ЧКЗ, т. Цитович заявлял им, что не желает просматривать их «жульнические квитанционные книжки»), работу президиума — вредной, никуда не годной и т. п.

Акт т. Цитовича исключительно богато иллюстрирован цифрами. Там с точностью до одной тысячной вычислено, сколько дел приходится на каждого ЧКЗ, хотя при этом не учтено то простое соображение, что есть дела продолжительностью в полчаса и затягивающиеся на десятки дней, там в вину членам президиума нынешнего состава ставится то, что есть дисциплинарные дела, которые не были рассмотрены в течение 10—11 месяцев, тогда как нынешний президиум существует всего лишь полгода, и т. п.

То, что Цитович не одинок, и методы его работы вполне одобряются начальством из НКЮ, видно хотя бы из того, что параллельно «обследованию» Цитовича из НКЮ сыплются требования на всякого рода цифровые сводки из коллегий защитников, причем требования эти принимают такие размеры, что президиумам коллегий не удастся ограничиться приглашением лишь отдельных новых статистиков, но придется серьезно призадуматься над большим расширением своего канцелярского аппарата.

Аппарат отделов, руководящих адвокатурой в НКЮ СССР и НКЮ РСФСР, видимо настолько заполнен большим количеством Цитовичей и людей в футлярах, ищущих применения своему бюрократическому творчеству, что и в НКЮ РСФСР и в НКЮ СССР параллельно решили завести личные дела на весь руководящий состав коллегий защитников, причем для этой цели затребуются анкеты, автобиографии и характеристики руководящего состава всех коллегий, и эти пресловутые характеристики президиумы коллегий пишут фактически сами себе.

Живое руководство и деловая связь президиума Московской коллегии с наркоматами юстиции республик и Союза ограничивается пока что лишь телефонными звонками и предписаниями принять кого-нибудь в члены коллегии защитников, причем направляются в коллегию иногда люди, совсем непригодные к работе адвоката, а иногда желающие получить хорошее «место».

Недавно в президиум МГКЗ по специальной путевке была направлена одна гражданка, только что окончившая вуз и не имевшая ни одного дня практики судебной работы, которая заявила, что стажировать ей надо «не больше одного—двух дней», после чего она станет «прекрасным адвокатом», и требовала немедленного предоставления «платной работы», очевидно считая, что ЧКЗ состоят на определенном жаловании.

Трогательная забота НКЮ о пополнении

коллегии защитников надлежащими кадрами сказалась недавно в одном весьма показательном случае. Президиум МГКЗ исключил из состава коллегии некоего гр. Хворостухина, б. члена партии, человека весьма мало культурного, который, усвоив приемы подпольного ходатая, занимался вербовкой клиентуры в разных учреждениях. Он появлялся в приемной ВЦИК, финотдела и в ряде других учреждений, где предлагал публике свои услуги, брал по 5—10 руб. за полуграмотные жалобы, причем неоднократно такая охота за клиентами заканчивалась в отделении милиции, куда доставляли Хворостухина как подпольного дельца. В дисциплинарном деле Хворостухина было несколько протоколов, составленных в разных отделениях милиции, при разборе его дела описанные факты Хворостухин не отрицал, а «объяснял» тем, что в его действиях нет ничего предосудительного.

На-днях Наркоматом юстиции отменено постановление президиума МГКЗ об исключении Хворостухина «за необоснованностью», и он вновь получил билет члена МГКЗ.

Мы считаем своевременным поставить вопрос о допустимости описанных методов руководства и о целесообразности расходования значительных государственных средств на «работу по обмену опытом работы» бюрократов, приютившихся в НКЮ, «элементы и признаки» плодотворной деятельности каковых здесь частично отображены.

От редакции. Редакция просит наркома юстиции СССР т. Крыленко обратить внимание на бюрократические затеи отдела НКЮ СССР, рассчитывающего «управлять» адвокатурой такими совершенно непонятными и недопустимыми методами.

ОБМЕН ОПЫТОМ

Государственный обвинитель на судебной трибуне[1]

Роль прокурора в процессе большая. Суд требует от него обоснования каждой детали дела, помощи в установлении материальной истины. Слушатель ждет разъяснения смысла процесса и отношения государственной власти к преступлению и к подсудимым. Прокурор должен знать не только самое дело, но и все те вредные последствия, которые получились в результате совершенного преступления, если даже эти последствия и не вменяются подсудимым в вину. Изучать дело он должен задолго до публичной встречи с подсудимым, в период расследования.

Три года под ряд на кожзаводе № 1 шли массовые хищения продукции. В 1935 г. угрозыск напал на след большой шайки воров. Главарем ее был Вассер, занявший должность зав. складом, в прошлом бывший приказчик заводовладельца, в 1920 г. судимый за шпионаж. На раскрое и весовой разнице замоченного сырья он получал большие излишки кожи и через своих сослуживцев снабжал ею рынок. В числе агентов по продаже кожи он завербовал и работников охраны завода. Вне завода на него работали 5 вояжеров, которые отправляли краденую кожу в другие города. Десятки частных сапожников снабжались Вассером дешевой кожей.

Прокурору надо было выявить 25 участников шайки, показав каждого в его роли. Пришлось пересмотреть архив бухгалтерского и первичного учета за три года, поднять крепко слежавшуюся кору подлогов — следов юрких и жадных рук мошенников. Поднять «природу подбитой подметки», показать ее суду, как красноречивого свидетеля, можно было тщательным осмотром предметов преступлений, объяснениями с экспертами, допросом и передопросом обвиняемых во время предварительного расследования и судебного следствия.

В январе прошлого года педагог Рыбинской школы зашел на квартиру Дементьева узнать, почему сын его Вова перестал учиться. В комнате между столом и кроватью стоял его воспитанник, прикованный цепью к полу. Родители ребенка изнуряли его голодом и жестоко с ним обращались. Часто избиваемый Вова уходил из дома, ночевал на Волге и попал под влияние улицы. Отец и мачеха надломили характер ребенка в самом начале нечеловеческим обращением с ним, а потом решили, что он сам виноват в дурных своих наклонностях. Полтора месяца под ряд с утра до вечера 9-летний Вова сидел на цепи и не мог даже пользоваться кроватью. За окном он видел, как его сверстники катались на лыжах, слышал их веселый смех. Иногда он знаками просил бросить ему кусочек снега через форточку. Дети подходили к окну, указывали на него пальцем и убегали. Дикая расправа мачехи над школьником вызвала гнев населения. Дать правильное направление этому порыву негодования, объяснить уголовно-правовую сторону этого необычайного преступления можно только тщательным изучением мельчайших деталей дела во время расследования. Три дня заняла беседа с Вовою и его родителями с участием экспертов, признавших отца и мать вменяемыми. Зато в суде ни одна подробность дела не вызвала никаких сомнений.

Самая тщательная подготовка к процессу может быть сведена на-нет, если не будет хорошо отработан документ, которым открывается судебное следствие. Обвинительное заключение дает описание событий, анализ улик, определение степени участия в преступлениях преданных суду лиц и квалификацию преступлений по закону. Небрежное составление этого документа может привести к тому, что

[1] Статьи поступили на объявленный редакцией совместно с издательством конкурс.

прокурор, хорошо изучивший дело, будет лишен возможности настаивать на обвинении, так как поддерживать обвинение можно только в пределах обвинительного заключения. Изменить его во время судебного процесса нельзя. Обвинительным заключением вводится в курс дела аудитория на процессе. Если анализ дела дан убедительно, то аудитория в суде убеждается в правильности обвинения. Всякая вольность с аргументацией, небрежность в обращении с фактами создает у слушателей впечатление бездоказанности обвинения и настраивает их сочувственно к обвиняемым. Текст обвинительного заключения должен быть тщательно проверен и, в необходимых случаях, отредактирован самим прокурором.

Изучение дела составляет только часть подготовки к выступлению в суде. Готовясь к делу, прокурор должен создать общественный интерес к делу и придать этой своеобразной форме участия населения в судебном процессе организованный характер. Самый действенный способ такой подготовки — это печать.

У заведующего магазином Рыбинского горта Смирнова из месяца в месяц рсла недостача, пока она не достигла 14 тыс. руб.

До Смирнова по 130 магазинам очередные ревизии не раз вскрывали растраты и так называемые недостачи на 1 января, 1 апреля и 1 июля отличались друг от друга только суммой да фамилиями растратчиков. За квартал расхищалось 40—70 тыс. руб. Особенно вредны были многочисленные мелкие недостачи, не преследуемые в уголовном порядке. Много раз мы созывали бухгалтерию. Тщательно проверяли претензии организаций к подотчетным лицам, судили за плохую охрану ценностей, однако сколько-нибудь заметных результатов не было. Хаос в учете и обезлйчка продолжались. Во многом признавшийся Смирнов не согласен был с обвинением в одном. Мы удивлялись большой сумме его растрат и долгой безнаказанности, он же считал себя скромным и уверял, что мог украсть больше, так как за ним некому было смотреть. Смирнов был лишь отдельным эпизодом в общем хоре кооперативных воров и воришек. С этим потоком растрат мы бессильны были бороться одними только мерами уголовного преследования.

Многие процессы, имеющие большое общественное значение, не освещаются в печати. Это плохо, и прокуроры согласны с этим. А сами прокуроры пишут редко. Некоторым из них кажется, что если он, прокурор, решил написать в газету, то это значит, что его статья должна отличаться сильными выражениями по адресу обвиняемого и только. Дальше этого его представления о роли государственного обвинителя в печати не идут. К тому же многим прокурорам мешает участвовать в газете «суконный язык», привычка оперировать казенными оборотами речи, мало понятными населению. Нередко статья нашего работника отличается от обвинительного заключения только заголовком. Чтобы избавить читателя от «каковых», «таковых», «подлежащих преданию», редакция бракует ее или в лучшем случае заменяет простой хроникой. А уж если такой артиллерийский выстрел и увидит свет, то не всегда он кончается разрушением только неприятельских позиций. Прокурор или судья, ограничившийся в газете одними преждевременными требованиями о наказаниях обвиняемым, создает излишние трудности на процессе.

В Костромском суде по делу работников уголовного розыска председательствующий в беседе с нетерпеливым корреспондентом за 4 дня до приговора сообщил ему, что он думает строго наказать обвиняемых. Во второй половине 8-дневного процесса подсудимые заявили, что если бы они знали о плане председателя, то воспользовались бы правом отвода. Председатель заверил обвиняемых, что суд был и остается беспристрастным. Обвиняемые не настаивали на отводе, казалось, скандал миновал. Однако приговор по делу удивил всех. Из 10 уличенных в избиениях арестованных, присвоении имущества и связи с ворами только 1 был приговорен на 4 года тюрьмы, остальные — на меньшие сроки. После протеста на мягкость, приговор был отменен, и другим составом суда вся эта группа была осуждена к лишению свободы сроком на 10 лет.

Большая редкость в газете, коротко составленная, доступно и живо написанная статья за подписью прокурора.

В 1933 г. пассажирские вагоны Ленинград—Горький освещались только на остановках. Большую часть ночного пути пассажиры ехали впотьмах. Оказалось, что весь причт одной церкви несколько лет под ряд освещал свой храм стеариновыми свечами, «сэкономленными» раздатчиками багажных и пассажирских вагонов. Каждую сэкономленную свечу мелкий вор продавал старшему раздатчику за рубль. Тот перепродавал ее посреднику за два. От агента свечи принимал церковный староста за три рубля. Хранитель священной копейки накладывал рубль для себя. Дьякон-счетовод приписывал новый рубль и продавал ее за четыре рубля. Свечи отвлекали дьякона от мирской суеты, суля ему безмятежное житье на подделках церковных счетов. Этот «бухгалтер» успел продать две тысячи свечей, но запутался в своей арифметике, попал под суд и потащил за собой всех остальных. О всей этой шайке воров я написал статью в газете. На собраниях, где обсуждалась эта статья, со стороны железнодорожников раздавались требования уволить с транспорта всех сколько-нибудь замешанных в снабжении церкви краденными свечами. Деловые предложения были внесены не только по вопросам охраны имущества пассажирских вагонов, но и депо путевого хозяйства.

Большой интерес проявляет слушатель и к объяснениям обвинителя с подсудимым и свидетелями. Этим вниманием надо дорожить и бережно обращаться с ним. Аудитория в суде — это лучшее по активности собрание. С особым вниманием следит слушатель не только за смыслом этого разговора, но и за каждым ходом мысли обвинителя, судьи и обвиняемого. Прокурор, представляющий государственную власть на процессе, всею суммою своих действий учит слушателя и объясняет, что противозаконного есть в действиях обвиняемых. Допрос, который ведет на процессе обвинитель, должен быть объективен. Постановка вопросов и самые вопросы должны быть продуманы и осторожны.

В качестве одного из обвиняемых по делу

Кожзавода был предан суду технорук Маслов за халатность. Наряду с прочими проступками за ним числилась мошенническая отправка кож в Москву для подарков работникам треста. Этот грязный штрих, не вмещающийся в служебный облик советского инженера, вызвал сомнение при первых вопросах обвинителя. Выяснилось следующее: за несколько часов до отъезда в Москву технорук забежал на постройку заводского дома и положил портфель на доску, а сам поднялся по сходням, чтобы посмотреть работы. Зная о повальном воровстве на заводе, свидетель Березин решил, что портфель директора раздулся не иначе как от краденой кожи. Улучив момент, Березин открыл портфель и увидел в нем два куска образцов кожи среди чертежей, отчетов и других деловых бумаг. Это открытие он свидетельствовал как доказательство причастности технорука к хищению. Автору этой статьи, повинному в том, что такой важный недостаток дела не был устранен на предварительном следствии, пришлось особым заявлением объяснить объективный смысл мелкой провокации, отмежеваться от свидетеля и во-время освободить обвиняемого от неосновательных обвинений.

Большую пропагандистскую работу выполняет государственный обвинитель обстоятельным ведением допроса в суде. Обвиняемый часто запирается. Свидетель, не привычный к судебной обстановке или близкий к подсудимому, говорит уклончиво: прокурор должен преодолевать эти препятствия, правильно учитывая индивидуальные особенности допрашиваемых, их психологию и настроение в суде.

Воспитательная цель процесса будет достигнута только тогда, когда не только суд, но и слушатель будут убеждены в правильности обвинения. Задача прокурора и заключается в том, чтобы, помогая суду установить материальную истину дела, одновременно добиться такого положения, при котором аудитория в суде была бы на его стороне и не просто интересовалась делом, но в результате дела начала борьбу за устранение аналогичных фактов у себя на производстве. Вот почему правильным допросом прокурор в известной мере разрешает пропагандистскую задачу. Этим он подготавливает обвинительную речь и создает почву для правильного восприятия общественностью судебного приговора. Полноценное участие государственного обвинителя в процессе помогает суду проверить юридическую ценность улик, найти окончательное решение каждого вопроса среди многочисленных разносторонних показаний, а по материалам подробных кропотливо собранных заметок составить черновые тезисы обвинительного заключения. Окончательно отработать эти тезисы можно только тогда, когда суд рассмотрит все доказательства и последние ходатайства сторон, нередко имеющие большое значение для исхода дела.

Итог процесса прокурор подводит в своей обвинительной речи.

Она в известном смысле как бы намечает проект приговора суда. Судебная трибуна — это ответственное дело. С ее высоты государственный обвинитель произносит обвинительную речь. Обвинительная речь должна быть глубокой по содержанию, доступной по изложению. В то же время в ней должны быть использованы достижения науки для того, чтобы обосновать выводы, к которым приходит обвинитель.

Изложением политического смысла дела и уголовно-правовой природы преступления прокурор должен доказать, что его обвинительная позиция отнюдь не является только результатом его субъективного убеждения, а представляет неизбежное следствие, вытекающее из обстоятельств дела.

Вместе с тем государственный обвинитель должен убедить аудиторию в том, что главное средство предупреждения преступлений — это политическая, культурная и производственная активность трудящихся.

Хорошей подготовкой до суда, объективным и культурным поведением в суде и глубоким анализом дела с судебной трибуны прокурор может успешно выполнить поставленные перед ним и судом задачи: защиту социалистической законности, осуществление советского правосудия.

Ф. ГАЛКИН.

(Ст. помощник Ярославской областной прокуратуры).

***

Объявленный редакцией журнала «Социалистическая законность» конкурс на лучший очерк «Государственный обвинитель на судебной трибуне» совершенно правильно и своевременно ставит в повестку дня один из актуальных вопросов нашей работы.

В соответствии с указаниями Прокурора Союза на всесоюзном совещании работников прокуратуры в июле 1936 г. редакция поставила задачу просмотреть нашу работу на судебной трибуне. Вопрос, несомненно, чрезвычайно серьезный, требует широкой проработки и самого тщательного обсуждения в свете требований, которые предъявлены к нам Прокуратурой Союза. А т. Вышинский прямо заявил, что нельзя называться прокурором, не умея выступить в суде.

За последние годы судебная работа прокуроров в ряде мест чрезвычайно отстает; выступления в суде отводились в нашей работе на задний план, а тогда, когда прокуроры все же выступали в суде, то они оказывались довольно беззаботными по части подготовки к судебному процессу.

Для каждого из нас ясна та огромная воспитательная роль суда, судебного процесса, которая отводилась В. И. Лениным. Тем более это обязывает прокурора особо тщательно изучать материалы и литературу, необходимые для использования в обвинительной речи.

И если бы нам удалось на страницах нашего журнала «Социалистическая законность» установить, наметить определенные линии в деле подготовки прокурора к судебному выступлению, исчерпать наиболее широко опыт больших процессов, это сыграло бы крупную роль в части выучки особенно районных прокуроров.

В нашей действительности, в истории советских судебных процессов мы имеем образцы классических выступлений известных проку-

рорских трибунов т. А. Я. Вышинского и т. Н. В. Крыленко.

Помимо выдающихся выступлений т. Вышинского на процессе контрреволюционной троцкистской банды, о вредительстве в электропромышленности и др., мы имеем такие исключительные по своей силе речи, как речь по делу Семенчука (события на острове Врангеля); в этой речи, как она известна большинству работников юстиции, дан непревзойденный образец построения обвинения на косвенных уликах. Мы сегодня, конечно, можем лишь мечтать о возможности таких речей из наших уст, нам до них еще далеко, но мы не отказываемся от борьбы за это. Однако не сомневаемся, что т. Вышинский поможет нам в выработке методов подготовки к процессу и в построении обвинительной речи. Здесь нам есть чему поучиться.

Поскольку редакция поставила задачу осветить ряд работ наших прокуроров в порядке обмена опытом по подготовке к судебным процессам, я позволю себе изложить на страницах печати опыт подготовки к только что прошедшему и освещенному на страницах центральных газет процессу по делу московского холодильника № 2 (дело Акульшина, Бродского и др.). Думается, что излишне излагать десяток-два дел, достаточно взять одно, наиболее типичное.

Руководящие работники холодильника № 2, как установлено предварительным следствием и на суде, занимались систематическим хищением мороженого, материалов и денежных средств.

В сети холодильника широко практиковались взятки и ряд других преступлений. Дело было усложнено громоздкими судебно-бухгалтерской и технической экспертизами.

По количеству обвиняемых (39 человек) и по объему материала (36 томов с приложениями) дело представлялось чрезвычайно трудным, а с точки зрения доказательств весьма серьезным, ибо там были подняты вопросы о господствующих в умах руководителей холодильника своеобразных «теориях» естественных убылей и брака.

Сложный переплет различных преступлений требовал исключительно серьезного ознакомления с делом и нам пришлось в процессе подготовки не только читать это дело буквально от корки до корки, но ряд мест прямо изучать, прибегая к помощи как экспертов-бухгалтеров, так и журнала «Холодильное дело», знакомившего нас с терминологией и спецификой производства мороженого.

Одна только читка материалов потребовала 15 дней. Для облегчения работы в суде были приготовлены дубликаты всех протоколов допросов и основных документов (это особенно необходимо по большим делам). Для удобства и быстрого отыскания показаний участвующих в суде лиц были составлены алфавиты отдельно на обвиняемых и на свидетелей.

Это чрезвычайно облегчило нашу работу в ходе судебного следствия.

Кроме того, на каждого обвиняемого в отдельности в процессе подготовки нами были составлены карты, в которых помимо необходимых биографических данных и отдельных сведений о личности обвиняемых были собраны все эпизоды, относящиеся к его обвинению, были произведены выдержки по основным обвинениям, причем под каждой группировкой обвинения были указаны источники обвинения со ссылками на лист дела.

После того как доказательственный материал был достаточно проработан, нам по ходу судебного следствия при проверке оставалось лишь вносить некоторые изменения на оставленных на каждой карте полях.

Для выступления потребовалось изучение определенной литературы. Так, полностью были использованы указания Владимира Ильича в статье «Как организовать соревнование», речь товарища Сталина на январском пленуме ЦК ВКП(б) в 1933 г.

Кроме того, была использована речь т. Микояна «О развитии пищевой промышленности» на январской сессии ЦИК Союза ССР 1936 г., передовые центральных газет: «Известия» от 11 и 17 июля, от 17 сентября 1936 года и «Правда» от 9 сентября 1936 г.

Наконец, был полностью использован дискуссионный материал о «Проблемах оценки доказательств в советском уголовном процессе», в особенности речь т. Вышинского от 15 мая 1936 г. (журнал «Социалистическая законность» № 7).

Все это облегчило построение обвинительной речи.

Сама обвинительная речь была построена таким образом: в первой части была дана оценка политического значения всего процесса — здесь были освещены материалы, касающиеся борьбы с «жуликами и тунеядцами» (Ленин, «Как организовать соревнование»), борьбы за охрану социалистической собственности в свете указаний товарища Сталина на январском пленуме ЦК 1933 г. и Сталинской Конституции, где, в частности, был разобран вопрос о силе и смысле ст. 131 этой Конституции.

После вводной политической части речи, мы перешли к краткому изложению существа всего дела, эпизодов преступлений, как они представлялись по материалам предварительного и судебного следствия, а дальше был подвергнут обстоятельному анализу конкретный, фактический материал уже в отношении каждого подсудимого. Здесь исключительную роль сыграло тщательное заполнение карты на каждого обвиняемого.

Ни одна деталь дела не была упущена. Именно это по отзывам как защиты, так и слушателей, а равно и суда придало речи достаточную убедительность.

После анализа доказательств в отношении каждого мы перешли к разбору «теорий» о закономерности брака и идентичности понятий брака и естественных убылей.

Здесь был использован газетный материал и, в частности, передовая «Известий» от 17 сентября 1936 г. «За социалистическую законность», в которой по-новому, в свете Сталинской Конституции, поставлены вопросы о борьбе с расхищениями социалистической собственности.

После того как эта часть была закончена, мы перешли к определению меры наказания в отношении каждого подсудимого, а заключительная часть речи была посвящена призыву

к бдительности рабочих и ИТР холодильной промышленности. Итоги процесса, кроме того, подведены в отдельной статье в журнале «Холодильное дело». Подготовка и поведение прокурора на этом процессе были предметом обсуждения на оперативном совещании Прокуратуры Республики, причем на совещании оценка была дана хорошая.

Но дело не только в оценке, а дело в той внутренней удовлетворенности, которая осталась от этого процесса, в той исключительной убежденности в правоте наших позиций, которая родилась в результате тщательной проработки материала до суда.

Вот основные мысли, которыми мы хотели поделиться с читателями нашего журнала.

А. ВИНОГРАДОВ.

Как я работаю с жалобами [1]

Одним из ответственных участков работы каждой районной прокуратуры, в том числе и нашей Орехово-Зуевской, является прием и рассмотрение жалоб. Громадное количество жалоб, поступающих в прокуратуру, заставляет нас на этот участок обращать особенное внимание.

Правильно принять жалобу, во-время и по существу ее рассмотреть, «добиться ликвидации указанного в ней нарушения законности, суметь от поры до времени обобщать жалобы, чтобы своевременно сигнализировать директивным органам о неблагополучии на том или ином участке — задача ответственная и сугубо политическая. Отнюдь не претендуя на то, что наша районная прокуратура свободна от ошибок и недостатков в работе с жалобами, я хочу рассказать, как организовано это дело у нас, как и какими методами мы работаем. В нашей практике письменная жалоба (я в этой статье говорю только о письменных жалобах) занимает количественно значительное место. Правда, по сравнению с прошлыми годами их стало меньше, но во всяком случае количество жалоб еще настолько велико, что этот вопрос требует особого внимания со стороны прокуратуры.

Вот краткая статистика жалоб за последние три года. В 1934 г. поступило 4675 жалоб, в 1935 г. — 5436 и в 1936 г. — 2972. В среднем 300 человек, ежемесячно подав нам жалобы, требовали от нас конкретной помощи в охране их прав и интересов.

Естественно это обязывало нас, практических работников крупного промышленного района, не только принимать эти жалобы и, решая их, искать наиболее удовлетворяющие жалобщика формы и методы разрешения жалоб. Одним из таких методов, с моей точки зрения, наиболее действенным является вызов нарушителя законности и прав и жалобщика. У нас этот метод применяется очень широко (около 49% всех жалоб этого года решено так). Главные достоинства здесь сводятся к быстроте разрешения вопроса и, если хотите, наиболее безошибочному решению его, что не всегда гарантирует, например, запрос в письменном виде. Вот поступает жалоба Петровой о том, что бухгалтерия, положим, отбельно-красильной фабрики задерживает выплату ей алиментов и неаккуратно высылает их. Можно просто на такой жалобе написать излюбленную многими прокурорами трафаретку: «Канцелярия, затребовать объяснение». Объяснение требуется, жалоба идет в наряд ожидающих и там часто «ожидает» до тех пор, пока жалобщица снова не придет в прокуратуру. Тогда звонки, угроза дисциплинарной ответственностью секретарю, но факт безобразия уже зарегистрирован, ибо оказывается бухгалтер на наш запрос и три напоминания секретаря не реагировал. Этого не случится при личном вызове. Жалоба перед тобой, по телефону вызов на завтра бухгалтера с материалами лично к прокурору. Если нужно, берется обязательство сегодня—завтра деньги перевести, если нужно, виновный привлекается к уголовной ответственности.

Часто бывает в этих случаях иное: зная, что лично вызывает районный прокурор, вызываемый, приходя к нему, уже сообщает об исправлении допущенной ошибки. Народ теперь знает законы и последствия их нарушения. Надо ли говорить, какое чувство испытывает Петрова или Иванова, когда через день — два после заявления прокурору она реально почувствует внимание к ней со стороны последнего. Но ведь жалобы не однообразны. У нас, например, масса жалоб на нарушения законности в области жилищ. Быт не всех еще рабочих Орехово-Зуева до конца устроен. В частности, многие семьи живут «на сторонках», что означает проживание в одной комнате казармы двух семей. Между двумя семьями идет борьба прямо за каждый вершок жилой площади. Вот поступает жалоба одной из них. «На-днях умер мой отец. Моя соседка, воспользовавшись тем, что меня дома не было, и считая, что у меня семья убавилась, сама заняла часть моей площади». Если к жалобе подойти формально, исход ясен. «Разъяснить о необходимости обращения в товарищеский или народный суд». Делаем и так, но делаем и иначе: вызовешь обе стороны к себе, разъяснишь им, чуточку, попросту говоря, пристыдишь. Ушли обе, договорились, а через месяц—два встретишь кого-либо из них. «Ну, как?» «Живем теперь душа в душу, не ссоримся». А сколько других проявлений чувств, настроений, сколько вообще интересных явлений новой жизни, новых отношений наряду с еще существующими пережитками капитализма констатирует во время этой работы с жалобами и жалобщиками прокурор? Это правда утомительно и отнимает массу времени, но зато сколько особого чувства удовлетворения выносишь и ты. Ты, прокурор, сейчас — толкователь законов, пропагандист, агитатор партии, тебе приходится упорно, терпеливо кое-кому объяснять, убеждать, ломать психику, заставлять думать по-новому. Бывают здесь и неудачи: отрегулировали, разрешили, а потом рецидив. Но ты уже знаешь дело, людей, обстановку, условия и, следовательно, можешь применить и другие меры. Я уже говорил, что все жалобы путем вызова часто двух сторон или одной из них не решишь. Но большинство жалоб по делам жилищным (волокита с предоставлением, неправильное уплотнение, самоуправство и

[1] Статья поступила на конкурс, объявленный редакцией совместно с издательством.

др.), на задержку зарплаты, о непредоставлении льгот красноармейцам и их семьям, на плохое воспитание детей и надзор за ними родителей мы в своей прокуратуре решаем таким образом. Этот метод оправдывается и, мне кажется, его надо шире внедрять в нашу практику как наиболее действенный.

Приведем еще один пример: работница Исаева обратилась к нам с жалобой, что ее, уволенную за прогул с ткацкой № 3, не принимают на ткацкую № 1. Вызываю зав. отделом кадров ткацкой № 1 и устанавливаю, что управление треста дало всем фабрикам незаконный приказ: «В целях поднятия труддисциплины лиц, уволенных за самовольный прогул, на другую фабику не брать». Личное внимание прокурора к одной жалобе, личное рассмотрение ее с вызовом того, на кого жалуются, помогло немедленно устранить нарушение закона, устранить скорее, эффективнее, чем обычно. Но из дальнего села, с отдаленной фабрики, завода сразу не вызовешь. Тут приходится работать иначе — или посылать кого-нибудь проверять, или требовать подробных объяснений, а потом уже по существу решать вопрос. В самом деле, колхозник Петров жалуется, что Ивановский колхоз неправильно у него сломал сарай. Жалоба писана самим колхозником не совсем четко. Совершенно не установишь, был ли когда-нибудь этот сарай обобществлен, почему именно сейчас взят. Лучший способ в условиях сплошной телефонизации районов позвонить председателю колхоза, председателю сельсовета. Иной раз не дозвонишься и вот запрос, а там два—три напоминания. Поступает очень невразумительный ответ, и только тогда начинаешь думать о более радикальном способе разрешения. А время-то шло, и жалоба уже около 3—4 декад по существу не решена. Мы на камерном совещании решили, кроме посылки запросов, прибегать и к другим методам. Сделали так:

а) Ввели правило, чтоб жалобы обязательно рассматривались прокурором в день поступления. Запрос должен быть послан или в этот же день или на другой с утра. Сам запрос редактируется полно по существу жалобы. Дается срок.

б) Жалобы с запросом такого порядка из наряда ожидающих один раз в три дня обязательно проверяются пом. прокурора и один раз в 10 дней — районным прокурором.

Последнее мероприятие у нас в прокуратуре сразу свело почти на-нет количество жалоб, ожидающих ответа на запросы и напоминания долгое время (а в прошлом такие факты и у нас были часты).

Далее, мы стали делать и так. Рассматривая жалобу, положим, колхозницы Никоновой, на неправильное исключение из колхоза, я решаю, что запросом, требованием объяснения здесь не решишь, так как жалобщица пишет, что ее исключили потому, что она кого-то из правленцев разоблачила. Запрос ничего не дает, сам скоро в ту деревню поехать не могу. Надо послать надежного активиста. Знаю, что в том кусте деревень работает соцсовместитель Жиронов А. М., проживающий или в этой деревне или рядом с ней. Жиронов или лично, или по телефону, или срочным письмом получает задание, и дня в два—три максимально мы имеем достаточные материалы. Насколько широко мы используем соцсовместителей, здесь видно хотя бы из того, что за этот год ими проверено до 350 различных жалоб. Соцсовместители Жиронов А. М., Орлов И. И., Ефимов В. И. значительно выросли сами на этой работе.

Вот те методы, которыми я и мои помощники работаем по письменным жалобам.

Мы сегодня можем сказать, что в деле рассмотрения жалоб мы оделали шаг вперед. Если в 1935 г. жалобы по срокам у нас разрешались так, что в течение 10 дней было разрешено только 52% всех жалоб, то в 1936 г. преобладающее количество — 91% всех жалоб — разрешено в срок до 10 дней.

Было бы неправильным не сказать и о другом. Работа с конкретной жалобой — дело нужное, ответственное. Ее быстрое и правильное разрешение — наша обязанность. Но этим не ограничивается наша работа.

Мы обобщаем материал по жалобам и данные о нарушениях закона, делая из этого нужные выводы. С жалобами на нарушения Устава сельскохозяйственной артели мы проделали следующее. Когда они участились, мы, дав 10 протестов в рик за один месяц о незаконных исключениях из колхозов, сообщили об этом директивным органам и провели особое совещание в райкоме по этому вопросу. Этим не только были устранены конкретные нарушения, но и сделано предупреждение, и с исключением стало благополучнее. Анализ нескольких жалоб на нарушения закона о торговле хлебом в торговых организациях привел нас прямо к хлебозаводу, где были вскрыты такие факты, что руководство его через две недели село на скамью подсудимых. Вокруг фактов, вскрытых по жалобе рабочих, здесь проведена громадная массовая работа: печать, выездное заседание президиума горсовета на хлебозавод, собрание рабочих его. Этой работой, бесспорно, лицо прокуратуры было показано достаточно ясно как органа, до конца реагировавшего на жалобу рабочих.

Такова практика нашей прокуратуры и лично моя в работе с жалобами. Совершенствовать, углублять эту работу, устранять недопустимые факты волокиты по отдельным жалобам, небрежность, невнимательность в некоторых случаях к посетителям — вот моя и нашего коллектива задача в настоящем, особенно сейчас, когда Сталинская Конституция, наша партия с новой силой поставили вопрос о человеке-гражданине нашей великой родины и о полном, действительно советском, внимании к нему.

ДЕРЕВЩИКОВ.

К толкованию ст. 29 закона от 27 июня 1936 г.

Практика применения закона от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам и т. д.» выдвинула ряд вопросов, имеющих чрезвычайно важное значение с точки зрения достижения целей, преследовавшихся законом.

Одним из таких вопросов, до сих пор не обсуждавшихся на страницах нашей правовой

печати, является вопрос о том, как надлежит применять ст. 29 закона в случае, если к одному ответчику-отцу предъявлены иски двумя матерями на содержание имеющегося у каждой из них по одному ребенку, какую долю заработка ответчика надлежит присудить: по ¼ на каждого или ⅓ на двоих с соответствующим дроблением этой трети на каждого из двоих детей.

Президиум Верховного суда РСФСР в своем постановлении от 8 августа 1936 г. и НКЮ СССР в своем циркуляре № 3 от 28 августа 1936 г. стали на точку зрения необходимости присуждения в данном случае алиментов, исходя из совокупного количества детей, т. е. ⅓ на двоих. Эти директивы были восприняты судебной практикой.

Такая трактовка закона является спорной и требует изменения для приведения ее в соответствие с целями, положенными в основание закона.

Закон ставил своей задачей проведение ряда мероприятий по борьбе с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям, и одним из таких мероприятий является установление минимума сумм, подлежащих уплате отцом ребенка на его содержание при раздельном жительстве супругов.

Опираясь на эту отправную точку зрения законодателя, следует процентные отчисления, установленные ст. 29 закона, рассматривать как м и н и м у м алиментного обеспечения ребенка, оставшегося у матери.

Исходя из этого, нет никаких абсолютно оснований к тому, чтобы не распространять минимальные нормы процентных отчислений и на те случаи, когда претендуют на получение алиментов д в е матери на находящегося у каждой из них ребенка, и не присуждать каждой матери по ¼ заработка отца на каждого ребенка.

Несомненно, законодатель, устанавливая на содержание двоих детей ⅓ заработка отца и уменьшая тем самым на каждого ребенка минимум, предусмотренный на одного ребенка (¼), мыслил о двух детях, оставшихся у о д н о й матери, поскольку наличие двоих детей в одной семье уменьшает расходы по общему уходу, по общему питанию и т. д. в сравнении с тем случаем, когда каждый ребенок живет раздельно.

Таким образом применяемое в настоящее время распространительное толкование о необходимости присуждения алиментов разным матерям по совокупности детей не находит опоры в законе, но в то же время ухудшает положение каждого ребенка и косвенно устанавливает своего рода премию ответчику за его легкомысленное поведение, за его порхание от жены к жене.

Выгоды действующей практики уже успели раскусить «любвеобильные» отцы. Уже нередки случаи, когда в целях уменьшения доли алиментов на ребенка от первого брака предъявляются фиктивные иски женами по второму браку, и суды при всей их настороженности к подобным явлениям могут оказаться лишенными возможности раскрыть нечистую игру.

Действующая практика должна быть изменена таким образом, чтобы в вышеприведенных случаях присуждалось к а ж д о й матери по ¼ заработка ответчика.

Права ответчиков ущемлены не будут, так как защищенный законом лимит удержаний в размере 50% от заработка не будет нарушен, но вместе с тем будут восстановлены права ребенка, особо защищаемые законом, но ныне ущемленные неправильной интерпретацией закона.

М. КЛЯЧКО.

О „юридическом косоглазии"

В статье «Советская адвокатура» («Социалистическая законность» № 1 за 1937 г.) т. Цыпкин затронул среди других вопросов адвокатской практики вопрос о допустимости альтернативной позиции для защитника в уголовном деле. Автор упрекает тех адвокатов, которые заканчивают свою речь примерно так: «Обвиняемого нужно оправдать, но если оправдать его вы не найдете возможным, то дайте ему, по крайней мере, снисхождение». Далее автор говорит, что при такой постановке вопроса защитник всегда может быть довольным собой, но суд не может быть доволен, так как «судья имеет право требовать от защиты помощи, а что же это за помощь, когда защита, говоря одновременно о двух выводах, ярко подчеркивает, что у нее ни одного определенного, продуманного и твердого вывода нет». И автор приходит к выводу: «когда юрист одновременно пытается притти по одному делу к двум разным выводам, мы считаем это «юридическим косоглазием» и считаем, что это является болезнью, от которой надо немедленно избавиться».

Прежде всего, стоит остановиться на общем тоне статьи т. Цыпкина. Несмотря на то, что внешне он как будто почтительно и толерантно относится к адвокатуре, все же в его статье явно сквозит какое-то, я бы сказал, барское пренебрежение к адвокатам, и говорит он о них точно о каких-то «малых сих». Пора уж, выражаясь словами т. Цыпкина же, и от этой болезни избавиться.

Теперь перейду к той «болезни», которую т. Цыпкин подсмотрел даже у опытных, квалифицированных адвокатов. Так ли они действительно «грешны»? Я считаю, что нет «греха» и нет «болезни». Не все так просто и так схематично, как это рисует т. Цыпкин. Начать хотя бы с его «примерного» изложения альтернативного ходатайства защиты, которое т. Цыпкин презрительно именует «универсальным». Обычно эта просьба на практике выглядит совсем иначе. Защитник доказывает, в меру своих сил и разумения, что подсудимого надо оправдать, но на тот случай, если суд с его доводами не согласится, он приводит соображения, по которым подсудимый при осуждении заслуживает снисхождения. Возражающий против такой постановки вопроса т. Цыпкин был бы прав только в том случае, если бы все дела были абсолютно просты и если бы все в них было всегда так ясно, как небесная лазурь в безоблачный день. Но в том-то и суть, что таких дел не бывает или почти не

бывает. А так как знать заранее, как суд отнесется к тому или иному показанию, к тому или иному материалу дела, не дано даже самому квалифицированному адвокату, то кто же может лишить его права высказать суду и те доводы, которые говорят в пользу его подзащитного и в том случае, если суд так оценит данные дела, что признает вину его доказанной? Никто. Даже тот суд, который, по словам т. Цыпкина, ждет от защиты помощи.

Да, кстати, что это вообще за постановка вопроса о помощи защиты только суду? Разве только суд ждет этой помощи? А где же тот самый подзащитный, который первый вправе требовать (а не только ждать) помощи от своего защитника? Мы все еще по устарелой традиции говорим о помощи адвоката суду, забывая о первоочередной его помощи своему подзащитному. Пора и от этой «болезни» избавиться. Плох будет тот адвокат, который не выскажет суду всего того, что можно привести в пользу обвиняемого, защита которого ему вверена. Ибо в конце концов и ст. 111 Сталинской Конституции, о которой говорит т. Цыпкин в начале своей статьи, гарантирует о б в и н я е м о м у право на з а щ и т у.

Наконец, если стать на ригористическую точку зрения т. Цыпкина, следовало бы отменить все процессы с участием сторон, ибо там, как правило, прокурор требует, скажем, осуждения обвиняемого к лишению свободы (а иногда сам тут же просит заменить более легкой мерой наказания или осудить лишь условно), а защитник требует оправдания. По т. Цыпкину, в этих случаях суд должен «согласовать» — с правой стороны ему предлагают один вывод, а с левой — другой, резко противоположный...

К обсуждаемому вопросу тесно примыкает вопрос о допустимости альтернативного просительного пункта в конце кассационной жалобы. Это тоже судьям кассационных коллегий не нравится. И, став на их сторону, президиум ленинградской коллегии защитников однажды даже выпустил циркуляр, запрещающий защитникам составлять такие жалобы. Находятся, конечно, такие, которые, вопреки запрету, пишут. И они, по-моему, правы. В кассационной коллегии, где дело очень часто рассматривается заочно, особенно необходимо дать суду, — там, где это вытекает из конкретных материалов, — два варианта. В кассационной коллегии рассматривается часто оценка доказательств, данная судом первой инстанции в приговоре, и противоположная оценка, содержащаяся в кассационной жалобе. Обыкновенно кассационная инстанция держится того мнения, что оценка доказательств—прерогатива первой инстанции. Но бывает и так, что кассационная инстанция отвергает оценку первой инстанции. А защитник при составлении кассационной жалобы не может заранее знать, что изберет кассационный суд. Поэтому он, желая максимально помочь своему подзащитному, обязан указать и мотивы к снисхождению на случай, если кассационный суд согласится с оценкой первой инстанции.

А. ЛИБЕРМАН.

Об оформлении допросов

В № 1 «Социалистической законности» за 1937 г. помещена статья т. З. Ниренштейна «За культурное оформление следственных дел». В ней правильно поставлены и разрешены многие вопросы, относящиеся к данной области. Но мне кажется, что еще один вопрос из этой сферы следует поставить в порядок дня. Это — вопрос о протоколе допроса. Он до сих пор заполняется каждым по своему разумению. Это было бы очень хорошо. Но многие допрашивающие имеют привычку составлять протоколы в форме вопросов и ответов. Задается такой вопрос: «Скажите, гр. Икс, вы признаете себя виновным в том, что в ночь на 20 декабря 1936 г. похитили из сарая гр. Игрека 12 килограмм овса?» Потом излагается ответ: «Нет, я не признаю себя в этом виновным». Следует вопрос: «У следствия имеются сведения, что вы совершили эту кражу. Почему вы это отрицаете?» И на это следует ответ...

Или заносится в протокол такой вопрос: «Расскажите, гражданка Зет, что вам известно по этому делу».

Много других не менее курьезных вопросов можно было бы привести из практики. Легко себе представить, во что превратился бы протокол судебного заседания, если бы его стали составлять в таком стиле (что, кстати, в редких случаях тоже наблюдается).

При такой системе протоколирования допросов суть дела тонет в многословии, и до нее очень трудно бывает добраться. Затем каждое дело от этого минимум в два—три раза утолщается. Тратится уйма лишней бумаги. Тратится уйма лишнего времени и тех, кто протоколирует, и тех, кто эти протоколы вынужден снова читать и разбирать. Надо ликвидировать эту систему. Точно так же надо устранить дублирование материалов.

А. М.

О секретарях

Работая довольно продолжительное время в органах суда и прокуратуры, я пришел к выводу, что работа секретарей имеет немаловажное значение. Плохая постановка канцелярии отражается на всей работе прокуратуры.

Между тем этому участку работы прокуратуры до сих пор совершенно не уделяется внимания. В данный момент, когда остро стоит вопрос о коренной перестройке работы прокуратуры в связи с новой Конституцией, пора заняться и прокурорскими канцеляриями.

Поэтому своевременна, на мой взгляд, постановка этого вопроса на страницах «Социалистической законности».

Но прежде чем поставить вопрос о задачах, стоящих в данный момент перед техническими работниками прокуратур, необходимо сказать, в каких условиях нам приходится работать.

В конце лета 1935 г. я поступил на работу секретарем Заветинской районной прокуратуры Азово-Черноморского края, имея семилетний опыт работы в органах юстиции. За работу я взялся с большим интересом. Хотя работы было и много, но сколько бы ни было

переписки, я всю ее обрабатывал в день получения. Я чувствовал, что моей работой довольны, думал, что и обстановка для работы будет хорошая. Но меня ждало горькое разочарование. Рано наступили холода, а администрация учреждения ухитрилась не отапливать помещения до самого января. С января стали «топить», но так, что замерзали чернила, вода, приходилось писать в перчатках, карандашом, а ноги к концу занятий так коченели, что почти не ощущались. За всю зиму не было ни одного дня с нормальной температурой, и все же канцелярию я не запускал.

Прошла зима. Я простудил ноги, начались у меня частые головные и зубные боли. Летом начались новые неприятности: то мобилизация на борьбу с сусликами, на посадку деревьев, на милицейские занятия, на пруды, лишение праздников 1—2 мая, 7 ноября и выходных дней при молчаливом согласии прокурора. Не хотелось мириться с произволом, но приходилось. В нашем районе только один работающий — фактически активист прокуратуры. У меня явилось желание тоже быть активистом прокуратуры. Я узнал, что у одного гражданина местный милиционер произвел обыск и изъял имущество по гражданскому делу. Это было незаконно. Я настоял перед прокурором о возврате вещей. Прокурор распорядился вещи возвратить и спор разрешить в гражданском порядке, но истец даже не счел нужным обращаться в суд, чем лишний раз подчеркнул необоснованность своих притязаний и незакономерность действий милиции. После этого я работал в том же духе. Но скоро я стал замечать, что на мои сигналы прокурор смотрит неодобрительно, считая их, вероятно, вмешательством в чужие дела, и однажды на мой сигнал, который я закончил словами: «товарищ прокурор, это же безобразие», я получил ответ: «а где их нет, безобразий», ответ, достойный гоголевского Манилова, а не советского прокурора. После такой «философии», конечно, активистом я не стал.

В ожидании «лучших времен» я взялся за изучение юридической литературы.

Я изучил первую часть «Юрминимума» и хотел к осени закончить вторую часть и сдать полностью зачеты по юрминимуму, вызвав последовать моему примеру своих земляков — секретарей Азово-Черноморья. Подал рапорт краевой прокуратуре о разрешении сдачи юрминимума, но краевая прокуратура мне не ответила и до сего времени, несмотря на то, что по краю проведены только зачеты по первой части «Юрминимума», да и то часто с грехом пополам. Не будучи во-время поддержан, я махнул рукой и забросил учебу.

Краевая прокуратура в 1936 г. отпустила нам 1300 руб. на оборудование. Что же было сделано на эти деньги? Две перегородки, до сих пор сырые, и в конце декабря только сложена печь. В других учреждениях начали отапливать с середины октября, а у нас с 1 декабря. Но что за отопление: в комнате полно дыма, угар, стены сырые, с потолка капает. А работать нужно. Не хочется уходить, не хочется бросать любимое дело, хочется подождать того времени, когда техническим работникам прокуратуры будут уделять больше внимания.

Работая в советских учреждениях с начала революции, я почти половину этого времени провел на работе в суде и прокуратуре. Мне эта работа более всего нравится. Я знаю, что прокуратура занимает видное место в социалистическом строительстве, что в прокуратуре можно учиться и быть полезным и себе и другим.

Кажется на прокурорском совещании т. Вышинский сказал, что нам нужны смелые и инициативные люди. Многие из нас, секретарей, могли бы откликнуться на этот призыв, могли бы и хотели встать в ряды борцов социалистического общества за великую Сталинскую Конституцию, борцов с произволом, который царит в некоторых районах, вроде Заветинского района (см. «Правду» от 12 декабря, статья «Чрезвычайные прудостроители»), но мы не знаем, с какого конца начать.

В частности, требует разъяснения вопрос, может ли секретарь, формально не избранный, быть активистом прокуратуры? Может ли он сигнализировать своему прокурору об известных ему безобразиях и, в случае бездействия на месте, переносить вопрос в вышестоящие прокуратуры?

Нельзя дальше мириться с тем позорным явлением, существующим на местах, когда сплошь и рядом не на чем и нечем писать. Хорошая работа требует и хороших материалов, а часто нет даже плохих. Попробуйте при этих условиях держать в порядке канцелярию! Не пора ли наладить централизованное снабжение бланками, обложками и т. д.? Во всяком случае необходимо немедленно в той или иной форме урегулировать это ненормальное положение.

Ни для кого не секрет, что в канцеляриях низовых прокуратур царят неразбериха и кустарничество. Ныне действующая инструкция по карточной системе никого не удовлетворяет и ничего ценного не представляет. Не пора ли на страницах «Социалистической законности» открыть обмен опытом технических работников прокуратур и после него издать инструкцию по делопроизводству, чтобы положить конец разнобою, когда в двух соседних прокуратурах делопроизводство ведется по-разному.

Мы чувствуем себя советскими гражданами и работниками, мы не хотим быть чиновниками и обывателями, мы хотим выйти на широкую общественную дорогу, на служение великому советскому трудовому народу. Многие из нас получили только сельское образование. За годы службы в советских учреждениях мы прошли большую школу, мы закончили период первоначального накопления и хотим реализовать накопленный долгими годами опыт, но на местах, как видно из приведенных примеров, на нас не обращают внимания. Одна надежда на Прокуратуру Союза, которая должна оказать нам помощь по затронутым вопросам, а мы постараемся в долгу не остаться.

Мне хочется верить, что ценные и дельные начинания будут поддержаны и нам окажут скорую и решительную помощь.

Секретарь Заветинской районной прокуратуры Азово-Черноморского края

КУЛЬШИН

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Отмена приговора по вновь открывшимся обстоятельствам

25—28 августа 1936 г. приговором линсуда Южно-Уральской ж. д. по ст. 59 [1в] УК были осуждены: Могильников Дмитрий Ануфриевич, Андреев Федор Алексеевич к 2 годам лишения свободы каждый, Николаев Петр Игнатьевич, Кильдибеков Александр Николаевич к 3 годам лишения свободы каждый и Федоров Алексей Прокофьевич к 5 годам лишения свободы.

21 сентября 1936 г. транспортная коллегия заменила лишение свободы Кильдибекову на один год и.-т. работ по месту новой работы с удержанием из зарплаты 10%, Андрееву и Николаеву — условным наказанием с испытательным сроком на один год.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

18 января 1936 г. на перегоне Роза—Варгаши вследствие взрыва огневой коробки котла паровоза серии «ФД» 20—665 произошло крушение поезда № 708. Взрывом были тяжело ранены помощник машиниста Степанов и кочегар Рогов (через несколько дней после крушения умерли в больнице) и легко ранен машинист Федоров.

Судом было установлено, что паровоз «ФД» 20—665 был выпущен из депо с неисправными водоуказательными приборами.

Мастер депо Могильников, несмотря на протесты машиниста Ромашева, вместо исправления приборов заглушил водопроводный краник, что явилось одной из причин взрыва котла.

Суд признал главным виновником по делу машиниста Федорова, который поехал на неисправном паровозе вместо Ромашева и, несмотря на предупреждения последнего о неисправности водомерного стекла и краника, не потребовал их исправления.

Начальник паровозного отделения Николаев, начальник депо Курган Андреев и дежурный по депо Кильдибеков осуждены были за систематический выпуск из депо паровозов, в том числе серии «ФД», с незаконченным ремонтом и неисправностями важнейших частей паровоза, приведшими к ряду аварий и к взрыву котла на паровозе 20—665, понуждение машинистов под угрозой увольнения выезжать на неисправных паровозах.

Материалами судебного процесса по делу антисоветского троцкистского центра (показание осужденного Князева) установлено, что Андреев, Николаев и Могильников являлись членами контрреволюционной троцкистской организации, по заданию которой они вели подрывную работу в депо Курган.

Кроме того, во вредительской работе в паровозном хозяйстве Курганского отделения принимал участие также член контрреволюционной организации инженер Старостин Николай Савельевич, дело в отношении которого было прекращено в процессе предварительного следствия.

По вновь открывшимся обстоятельствам приговор линсуда от 25—28 августа 1936 г. подлежит отмене и дело в отношении Андреева, Николаева, Могильникова и Кильдибекова — передаче на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Хотя в действиях осужденного Федорова и имеется грубое нарушение правил технической эксплоатации, но учитывая, что он вынужденно выехал на неисправном паровозе в силу созданной Андреевым и Николаевым преступной обстановки для работы машинистов, определенное ему судом наказание — лишение свободы — следует заменить одним годом и.-т. работ, освободив его из-под стражи.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор в отношении Николаева, Андреева, Могильникова и Кильдибекова на основании ст.ст. 445, 447 УПК РСФСР отменить и дело в отношении их направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. В отношении машиниста Федорова дело в уголовном порядке прекратить.

***

Приговор линейного суда Южно-Уральской ж. д. 2—3 декабря 1935 г. по ст. 59 [3в] УК РСФСР были осуждены: Колесников Илья Игнатьевич к расстрелу, Маркевич Александр Иванович к 10 годам тюремного заключения, Рыков Сергей Федорович к 5 годам лишения свободы, Безгин Егор Лукьянович к 3 годам лишения свободы и Чудинова Надежда Ивановна к 1 году 6 месяцам лишения свободы.

Транспортная коллегия 28 декабря 1935 г. приговор линсуда оставила в силе.

Судебно-надзорная коллегия 8 февраля 1936 г. определенное судом наказание Колесникову — расстрел — заменила 10 годами лишения свободы.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда от 2—3—4 декабря 1935 г. и определение транспортной и судебно-надзорной коллегий по следующим основаниям:

27 октября 1935 г. на ст. Шумиха произошло крушение воинского поезда № 504 с большими человеческими жертвами (убито 29 бойцов, 29 человек ранено) и повреждением подвижного состава.

Суд в то время признал виновными:

Старшего стрелочника ст. Шумиха Колесникова в том, что он, получив распоряжение дежурного по станции Рыкова приготовить маршрут для приема поезда № 504 на 4-й путь, приказал практикантке-стрелочнице, не

допущенной к самостоятельной работе, переделать стрелку № 14, находившуюся в правильном для приема поезда положении, и запереть ее на замок. Находясь у стрелки и видя, что стрелка переделана на занятый путь, оставил ее в таком положении и перед приходом поезда отправил Чудинову чистить стрелки, а другого стрелочника, Безгина, послал собирать стекла.

Отобрав у Чудиновой ключи от стрелки № 14 и не отобрав ключей у стрелочника Безгина, Колесников ушел в будку и к встрече поезда не вышел.

Начальник станции Шумиха Маркевич был осужден за то, что не вел борьбы с авариями и крушениями, допустил засорение аппарата классово чуждыми людьми, систематически допускал производство маневров во время приема поездов, оставление ключей от замков стрелок у младших стрелочников и ряд других грубых нарушений правил технической эксплоатации, приведших к крушению поезда № 504.

Дежурного по станции Рыкова суд признал виновным в том, что он не проверил правильности приготовленного маршрута для поезда № 504 и при встрече поезда, видя, что поезд № 504 следует на занятый путь, не дал сигнала остановки.

Стрелочник Безгин был осужден за то, что не вернул ключей от стрелок старшему стрелочнику и не встретил поезда № 504.

Чудинову суд признал виновной в том, что, зная о приеме поезда № 502 на 4-й путь и о том, что стрелка № 14 находится в правильном положении, выполнила явно преступное распоряжение Колесникова и перевела стрелку на занятый путь.

По материалам дела антисоветского троцкистского центра (показания осужденного Князева) установлено, что крушение поезда № 504 было организовано с целью диверсии членами контрреволюционной троцкистской организации Маркевичем, Рыковым, Колесниковым и Безгиным.

Акт технического расследования крушения был составлен под непосредственным руководством б. начальника дороги диверсанта Князева.

Кроме того, установлено, что участником контрреволюционной организации был дежурный по станции Шумиха Ваганов.

Отведя от себя ответственность, организаторы диверсионного акта воспользовались неопытностью ученицы-стрелочницы Чудиновой, переложив на нее вину за крушение поезда № 504.

По этим вновь открывшимся обстоятельствам приговор линсуда от 2—3—4 декабря 1935 г., определение транспортной коллегии от 28 декабря 1935 г. и судебно-надзорной коллегии от 8 февраля 1936 г. в отношении Колесникова, Маркевича, Рыкова, Безгина подлежит отмене с передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, в отношении Чудиновой Н. И. дело надлежит прекратить.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор линсуда от 3 декабря 1935 г. и определение транспортной коллегии от 28 декабря 1935 г., оставившее этот приговор в силе, отменить в отношении всех осужденных; дело в отношении Колесникова, Маркевича, Рыкова и Безгина направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия по признакам ст.ст. 59[9] и 58[11] УК РСФСР. В отношении Чудиновой на основании п. 5, ст. 4 УПК РСФСР дело производством прекратить.

***

Приговором линсуда Южно-Уральской ж. д. 26—27 июня 1936 г. были осуждены по ст. 59[3б] УК РСФСР Факеев Владимир Васильевич к высшей мере наказания — расстрелу и Пруцких Петр Васильевич к 5 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия 16 июля 1936 г. приговор линсуда оставила в силе, заменив Факееву расстрел 10 годами лишения свободы.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении Факеева по следующим основаниям:

14 мая 1936 г. на ст. Козурево произошло крушение двух товарных поездов № 801 и 721, в результате которого тяжело ранены были два человека, разбиты 25 вагонов, повреждены 22 вагона и паровоз серии «ФД» № 20—627. Убыток 118 231 руб.

Линсуд признал виновным дежурного по станции Факеева в том, что он дал распоряжение стрелочным постам об одновременном приеме на станцию поезда № 801 и отправлении со станции поезда № 721 и вышел встречать поезд № 801 с фонарем, имеющим белый и зеленый сигналы. Судом также было установлено, что Факеев сознательно нарушал правила приема и отправления поездов и систематически производил одновременный прием и отправление поездов.

По материалам судебного процесса по делу антисоветского троцкистского центра (показания осужденного Князева) установлено, что крушение 14 мая 1936 г. было совершено Факеевым с диверсионной целью, как член контрреволюционно-троцкистской организации в сокрытии диверсионного характера крушения участвовал Бочкарев, инспектор управления Южно-Уральской ж. д., являвшийся также членом контрреволюционной организации и производивший расследование по этому крушению.

Машинист поезда № 801 Пруцких П. В. был признан виновным в том, что, подъезжая к семафору, задремал, при подходе к станции проснулся и, заметив непонятные сигналы — белый, а затем зеленый, не принял мер к остановке и даже к сокращению скорости и проехал контрольный столбик.

Пруцких судом был осужден правильно.

Ввиду вновь открывшихся обстоятельств в отношении Факеева В. В. приговор в части Факеева подлежит отмене с передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отно-

шении Факеева отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия с дополнительным привлечением к уголовной ответственности по признакам ст.ст. 58[8] и 58[11] инспектора дороги Бочкарева.

Вновь открывшиеся обстоятельства ни в коей степени не изменяют ни фактов преступных действий, ни степень вины Пруцких, а потому в отношении Пруцких приговор линсуда оставить в силе.

***

Приговором линейного суда ж. д. им. Л. М. Кагановича 16—17 июня 1936 г. был осужден по ч. 1 ст. 59[36] УК РСФСР Попов Федор Михайлович к 2 годам лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда по следующим основаниям:

26 апреля 1936 г. на перегоне Свердловск-Сортировочная — Свердловск-Пассажирская на 853 км произошло крушение пассажирского поезда № 76, следовавшего в составе 11 вагонов при электровозе 19—39.

В результате крушения 20 человек было ранено, 1 убит и поврежден подвижной состав.

Судом в то время было установлено, что причиной крушения явилось неисправное состояние пути, за что и был осужден дорожный мастер 18-й дистанции пути Попов Ф. М.

По материалам судебного процесса по делу антисоветского троцкистского центра (показания осужденного Турок) установлено, что это крушение было организовано Поповым с диверсионной целью по заданию членов контрреволюционной троцкистской организации — зам. начальника службы пути Алексина и начальника дистанции пути Свердловск-Сортировочная Перро.

По этим вновь открывшимся обстоятельствам приговор линсуда от 16—17 июня 1936 г. подлежит отмене с передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор линсуда в отношении Попова отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия с дополнительным привлечением к уголовной ответственности Алексина и Перро.

***

26 октября 1936 г. приговором линейного суда Южно-Уральской ж. д. по ст. 59[36] УК РСФСР были осуждены: Романов Николай Васильевич к 6 годам лишения свободы и Цибин Георгий Васильевич к 3 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия 15 ноября 1936 г. приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

23 сентября 1936 г. на разъезде Хребет произошло крушение поезда № 761, в результате которого был поврежден подвижной состав, в том числе 3 паровоза, из них один паровоз серии «ФД».

Причиной крушения, как в то время было установлено судом, был прием поезда на занятый путь.

Суд признал виновным дежурного по станции Хребет Романова в том, что он, дав согласие на прием поезда № 761 со станции Сыростан, не прекратил маневров и не только не дал распоряжения стрелочнику Цибину готовить маршрут для приема поезда № 761, но, открыв семафор для последнего, приказал Цибину сделать перестановку маневрового состава со второго главного пути на первый станционный путь.

Стрелочник Цибин был признан судом виновным в выполнении незаконного распоряжения дежурного по станции Романова.

По материалам судебного процесса по делу антисоветского центра (показания осужденного Князева) установлено, что Романов был членом контрреволюционной троцкистской организации и с целью диверсии умышленно сообщил на ст. Сыростан, что поезд № 761 может быть принят. Расследование крушения производил инспектор дороги по безопасности движения Бочкарев, являвшийся также членом контрреволюционной троцкистской организации, по указаниям которого Романов давал объяснения на предварительном и судебном следствии.

Из материалов судебного следствия видно, что Цибин не был предупрежден Романовым о приеме поезда № 761 и принимал меры к его остановке.

По этим вновь открывшимся обстоятельствам, приговор линсуда и определение транспортной коллегии подлежат отмене и дело в отношении Романова Н. В.— передаче на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, в отношении же Цибина Г. В. дело в уголовном порядке надлежит прекратить.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор линсуда от 26 октября 1936 г. и определение транспортной коллегии от 16 ноября 1936 г. отменить в отношении Романова и дело о нем направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. В отношении Цибина приговор отменить и дело в уголовном порядке прекратить.

Мягкий приговор по делу об антигосударственных действиях

Приговором Сталинградского краевого суда от 25 октября 1936 г. Триадский Александр Викторович, директор сталинградской конторы Сельхозснабжения, по ст. 109 УК был осужден к одному году и.-т. работ условно.

Триадский обвинялся в том, что, являясь директором краевого отделения «Ватозапчастьсбыт», скрыл от инвентаризации запасные части на 1 млн. руб., чем уменьшил «переходящий остаток», представил завышенную вдвое заявку на потребность в завозе запчастей на 1936 г. на 40 млн. руб. против фактической реализации в 1935 г. на сумму 10,6 млн. руб.; вопреки запрещению правительства, выдал в

январе 1936 г. товар в кредит на 243 тыс. руб.; вопреки запрещению управляющего трестом, самовольно израсходовал на работу по ремонту подшипников 69 тыс. руб.

Верховный суд РСФСР, рассматривая это дело 25 сентября 1936 г. по протесту Прокуратуры Союза ССР на приговор Сталинградского краевого суда от 3 июля 1936 г., коим суд на основании ч. 2 ст. 112 УК счел возможным ограничиться увольнением Триадского с работы, признал, что все изложенные выше обвинения Триадского являются доказанными, отменил поэтому приговор Сталинградского краевого суда от 3 июля 1936 г. и предложил квалифицировать действия Триадского по ст. 109 УК, указав при этом, что действия Триадского ведут к срыву планового социалистического хозяйства и являются антигосударственными.

Сталинградский краевой суд, рассматривая дело вторично (25 октября 1936 г.), вновь, вопреки материалам дела, признал недоказанным представление Триадским завышенных заявок и приговорил его к 1 году и.-т. работ условно. Из имеющейся в деле ведомости видно, что первоначальная заявка на тракторные части составлена работниками сталинградской конторы на 24 778 281 руб., «вторая заявка на запчасти, отправленные в Москву», составлена на 33 030 186 руб. (см. ведомость.) Свидетели — работники сталинградской конторы — Зубарев, Попов, Вейсман, Ютконд, Кирпичников подтвердили, что Триадский сознательно увеличил заявку на запчасти.

Специальная комиссия в составе ряда специалистов, ознакомившись с деятельностью конторы, констатировала, что план завоза на 1935 г. был составлен в сумме 24 778 281 руб., а после исправления увеличен до 33 030 186 руб. Комиссия отметила, что план реализации 1935 г. составляет 10 853 тыс. руб. и был выполнен на 97,5%. Между тем, Тридский был предупрежден трестом, что заявки должны быть составлены на 1 год и строго обоснованы. Таким образом факт сознательного завышения Триадским без всякой к тому потребности заявок на запчасти является вполне доказанным. А это — одно из основных обвинений, вменяемых Триадскому материалами дела. Доказано также и другое, отвергнутое судом обвинение, а именно — в незаконном расходовании Триадским средств на организацию ремонта подшипников. Трест категорически запретил Триадскому производить работы по организации ремонта подшипников в Сталинграде. Вопреки этому запрещению, Триадский самовольно израсходовал на организацию этих работ 64 тыс. руб., причем 12 тыс. руб. заплатил частным лицам за проектирование,

По материалам дела все выдвинутые против Триадского обвинения материалами дела доказаны, и приговор суда по своей мягкости не соответствует тяжести совершенного Триадским преступления.

По этим основаниям Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор Сталинградского краевого суда.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор Сталинградского краевого суда отменить и дело направить в тот же суд для рассмотрения в ином составе со стадии судебного следствия.

Необоснованное осуждение за мошенничество

Народный суд Петроградского района Ленинградской области приговорил по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы б. экспедитора артели «Инкокондитер» Пиотровича Дмитрия Иосифовича, признав его виновным в подмене баула с деньгами другим баулом, наполненным нарезанной бумагой, и в присвоении 5358 руб.

Вместе с Пиотровичем были осуждены Сундин Петр Васильевич, б. заведующий 4 отделения артели, и Липовский Яков Львович, его помощник, преступно халатно отнесшийся к пропаже баула и к хранению пломбира.

Суд признал доказанным, что Пиотрович похитил у кассирши Боровиковой баул за № 303. Наполнив его нарезанной бумагой, запломбировал пломбой при помощи пломбира, находившегося в столе у Сундина, и, воспользовавшись данным ему 9 мая поручением сдать баул с деньгами, произвел подмену одного баула другим. Однако это обвинение не имеет под собой достаточных оснований. Как органы следствия, так и суд не уделили необходимого внимания исследованию движения баула № 303. Между тем, из материалов видно, что баул этот был на учете в Госбанке, следовательно, если бы баул исчез из обращения, это обстоятельство нашло бы отражение в материалах Госбанка. К жалобе Пиотровича на имя прокурора СССР приложена копия справки, выданной ст. бухгалтером отделения Госбанка, из которой видно, что баул № 303 в период с 4 мая по 9 мая был в обращении, в частности, 6 мая этот баул принял с деньгами от орса «Швейник», 7 мая от орса № 7. Из протокола судебного заседания не видно, обсуждался ли этот вопрос судом. Кассационная коллегия областного суда на это обстоятельство не обратила внимания, несмотря на то, что кассатор на него ссылался в своей кассационной жалобе. Между тем, для разрешения настоящего дела проверка движения баула № 303 имеет чрезвычайно важное значение и, в случае подтверждения справки Госбанка, обвинение, выдвинутое против Пиотровича, теряет основание. Подделанные препроводительные ведомости подвергались специальному исследованию научно-технического отделения УГРО по вопросу об установлении подчистки номера, однако органы расследования не поставили одновременно вопроса о производстве калиграфической экспертизы цифры «303», которая, по заключению экспертизы, была написана взамен другой, стертой цифры.

Президиум Ленинградского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор народного суда и определение УКК областного суда отменить и дело направить прокурору Петроградского района для дополнительного расследования.

Неправильное применение ч. 3 ст. 75 УК УССР

Приговором народного суда Херсонского района были осуждены по п. «г» ст. 170 и ч. 3 ст. 75 УК за кражу колхозного хлеба и уничтожение соломы: Цуркан Евдокия Вакуловна, Занько Полина (Пелагея) Харламовна, Гранько Мария Леонтьевна и Цуркан Наталья Ивановна к 8 годам лишения свободы с поражением прав на 5 лет и высылкой за пределы УССР сроком на 5 лет каждая; Соловьева Анна Ивановна к 6 годам лишения свободы с поражением прав на 5 лет и высылкой на 5 лет и Ильина Татьяна Денисовна к 4 годам лишения свободы с поражением прав на 2 года.

Определением УКК Одесского областного суда приговор народного суда в отношении Соловьевой и Ильиной был изменен, и срок лишения свободы обеим был снижен до 2 лет без поражения прав. В отношении остальных осужденных приговор был оставлен в силе с отменой высылки.

Прокуратура Союза ССР, считая, что приговор народного суда и определение УКК областного суда неправильны в отношении всех обвиняемых в части квалификации совершенных ими преступлений, а в отношении первых четырех: Цуркан Евдокии и Натальи, Занько и Гранько и в части назначенного им наказания, опротестовала приговор народного суда и определение УКК областного суда, по следующим основаниям:

Для применения ч. 3 ст. 75 УК требуется наличие не только общеопасного способа уничтожения имущества (в данном случае поджога), но и наступления в результате его применения особо тяжких последствий в виде человеческих жертв или общественного бедствия. Отсутствие этих квалифицирующих признаков исключает возможность применения ч. 3 ст. 75 УК, и преступление должно квалифицироваться либо по первой, либо по второй части этой статьи.

В данном деле осужденным приписывается уничтожение огнем в степи, после уборки хлеба, части соломы, оставшейся после обмолота похищенного хлеба, с целью уничтожения следов кражи. Ни каких-либо человеческих жертв, ни даже сколько-нибудь серьезного материального ущерба колхозу, не говоря уже об общественном бедствии, это сжигание в скошенной степи небольших куч соломы за собой не повлекло и повлечь не могло.

Поэтому действия осужденных в этой части должны квалифицироваться по ч. 2 ст. 75 УК, не допускающей лишения свободы на срок более 5 лет.

Кроме ч. 3 ст. 75 УК суд применил ко всем осужденным также п. «г» ст. 170 УК, не указав при этом, какое наказание назначается им по каждой из этих двух статей в отдельности.

Однако, имея в виду, что преступление имело место осенью 1931 г., т. е. до издания постановления ЦИК и СНК УССР от 2 ноября 1932 г. о повышении санкции по пп. «г» и «е» ст. 170 УК, нужно признать, что срок наказания, назначенный судом по п. «г» ст. 170 УК, не мог превышать предела, установленного действовавшим в момент совершения преступления законом, т. е. 3 лет лишения свободы.

Приговор народного суда по этому делу последовал после отмены областным судом по кассационной жалобе осужденных первоначального приговора от 17 августа 1931 г., причем приговор был отменен по мотивам, указанным в жалобе осужденных и при отсутствии протеста прокурора.

Поскольку это так, суд при вторичном рассмотрении дела не мог назначить осужденным за те же преступления наказаний более тяжких, по сравнению с теми, какие были им даны при первом разборе дела, т. е. Занько Пелагея и Цуркан Наталья не могли получить более 5 лет лишения свободы, Цуркан Евдокия — более 3 лет, Гранько Мария — более 1 года и.-т. работ и Ильина Татьяна — более 10 месяцев и.-т. работ (ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства Союза и союзных республик» и постановление XX пленума Верховного суда СССР от 8 мая 1928 г.).

Из двух преступлений, совершенных осужденными, наиболее опасным бесспорно являлось хищение хлеба, а не уничтожение части пустой соломы, не имевшее сколько-нибудь серьезных последствий; поэтому назначать за сожжение соломы максимальное наказание, предусмотренное законом (5 лет лишения свободы), превышающее притом максимальное наказание, которое можно было назначать за основное преступление — хищение хлеба (3 года лишения свободы), не было достаточных оснований.

Пленум Одесского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор народного суда и определение УКК областного суда изменить, определить Евдокии Цуркан, Наталье Цуркан и Пелагее Занько по 3 года лишения свободы, считая их осужденными по п. «г» ст. 170 (в редакции 1927 г.), Соловьевой — 2 года лишения свободы, Гранько Марии—1 год и.-т. работ и Марии Гранько—10 месяцев и.-т. работ.

Неосновательное осуждение за присвоение денег

Приговором Харьковского областного суда 18 февраля 1936 г. по делу работников Украинского общества пролетарского туризма и экскурсий (Укртурэ) был осужден вместе с другим директором производственной мастерской 15-й ФЗС Шер Израиль Григорьевич по ст. 97 и ч. 4 ст. 104 УК УССР к 5 года лишения свободы.

19 марта 1936 г. приговор был оставлен в силе уголовно-судебной коллегией Верховного суда УССР.

Президиумом Верховного суда УССР 13 ноября 1936 г. приговор бы изменен только в отношении осужденного Волынского С. Я.

Прокуратура Союза ССР, считая приговор суда в отношении Шера неправильным и подлежащим отмене, опротестовала его по следующим основаниям:

областной суд следующим образом описывает преступление Шера.

«В первых числах мая 1934 г. Перцовский и Волынский, сговорившись между собою и воспользовавшись тем, что учет материалов и готовой продукции по Центральному совету Укртурэ находился в ненадлежащем состоянии, а также, что в хромолитографии им. Дзержинского находилось до 45 тыс. плакатов, забракованных заказчиком, вследствие чего Укртурэ понесло убытков до 2646 руб., реализовали указанные плакаты на 19 686 руб. с целью присвоить указанную сумму. Для этой цели они сговорились с заведующим переплетной мастерской 15-й школы Шером, что указанная сумма будет переведена мастерской как аванс в счет изготовленных мастерской заказов. Волынский и Перцовский в октябре 1934 г. написали письмо на имя Харьковской промколонии, датировав 10 октября 1934 г., с просьбой вышеуказанную сумму перечислить на счет 15-й ФЗС, после чего указанная сумма была частями перечислена. В счет указанной суммы была частично получена продукция, и вырученные деньги были поделены между собой Перцовским и Волынским, а остаток 9001 руб. присвоен Шером».

«Шер как заведующий переплетной, получив от заказчика 1200 руб., задержал их у себя в течение нескольких месяцев, не давая сведений бухгалтерии».

В другом месте приговора суд дает такую мотивировку доказанности присвоения денег Шером: «что касается 9001 руб., суд считает, что таковые присвоил Шер, ибо других данных, что эти деньги были поделены между Волынским и Перцовским, у суда не имеется».

В этом изложении суд допустил существенную фактическую ошибку, смешав два различных эпизода дела.

Как видно из материалов дела, из 19 686 руб., перечисленных за счет 15-й ФЗС Харьковской промколонией по поручению Укртурэ, Перцовский и Волынский могли присвоить 2708 р. 30 к., на каковую сумму они получили из переплетной мастерской различных бланков, реализованных ими «на стороне». Остальная же сумма была переведена 15-й ФЗС на счет Укртурэ. Деньги эти перечислялись исключительно через банк. О том, что и остальные деньги 16 987 р. 85 к. Перцовский и Волынский не могли использовать, указано и в обвинительном заключении с ссылкой на начало следствия по делу.

Деньги эти, как видно, были перечислены Харьковской промколонии в несколько приемов, начиная с 17 октября 1934 г., по поручению Укртурэ от 10 октября того же года. Поэтому они никак не могли быть присвоены до этого момента.

Между тем, все счета на 9001 руб., которые Перцовский и Волынский представили при своих авансовых отчетах, относились к более раннему периоду времени.

По эпизоду с представлением Перцовским и Волынским при своих авансовых отчетах счетов с подписями Шера о их оплате для решения вопроса о том, имеется ли здесь присвоение со стороны Перцовского (по трем счетам на 1102 руб., 1285 руб. и 5774 руб., т. е. всего 8161 руб.) и Волынского (по счету на 840 руб.) или со стороны Шера, суд располагал следующими данными:

Наличием аналогичных надписей Шера об оплате не только на спорных четырех счетах, но и на ряде других, которые, как это твердо установлено, были оплачены не наличными (заключение эксперта Вайнштейна и показание по этому же вопросу свидетеля Озерного, главного бухгалтера Укртурэ).

Выдача специальных расписок Шером в получении по счету денег наличными, независимо от учинения надписи об оплате на самом счете, в тех случаях, когда действительно счет оплачивался наличными. Две таких расписки к счетам на 500 и 760 руб. Волынский представил суду, а Шер признал получение по этим счетам денег.

Выписка из счета Укртурэ в 15-й ФЗС, сделанная Шером на 29 июня и выверенная Перцовским с исправлениями, сделанными последним с датой 7 июля 1934 г. В этой выписке в дебетовой части значатся спорные счета в 1102 и 1285 руб., в кредитовой же части, где отмечены все случаи уплаты с указанием способа их, не значится ни одного платежа наличными.

Факт прихода Перцовского с Волынским в бухгалтерию ФЗС уже в период начавшейся ревизии Укртурэ с просьбой принять от них наличными 6000 руб. Об этой просьбе было сейчас же сообщено бухгалтером ФЗС Павленко в Комиссию советского контроля (показания Павленко и Мальцевой).

Заключение эксперта Каца и ответ его в судебном заседании на вопрос № 15 по вопросу о получении денег Шером по спорным счетам.

Здесь необходимо отметить, что, отвергая всякое значение акта выверки взаимных расчетов между Шером и Перцовским, эксперт проявил непонимание постановки вопроса о доказательствах в советском уголовном процессе, независимо от того, является ли выверка без участия бухгалтера обязательной для учреждения при разрешении спора в арбитражном порядке, совершенно очевидно, что для уголовного суда, не связанного никакими формальными доказательствами, всякий документ, написанный одним лицом и выправленный и подписанный другим, может играть роль доказательства в вопросе о том, давало ли одно лицо другому деньги.

В этом же заключении эксперт Кац допустил еще одну довольно грубую фактическую ошибку. Он сослался в подтверждение своего тезиса (противоположного тезису эксперта Вайнштейна) о значении надписи Шера на счетах как доказательства оплаты наличными на то, что счет от 29 июля на 12 000 руб. и счет от 3 ноября на 8000 руб., покрытые банковскими перечислениями, не имеют надписей Шера об оплате.

На указанных же листах дела имеются не подлинные счета, а их копии, на которых, естественно, нет надписей об уплате, которые, как показывает Шер, он делал по просьбам Перцовского и Волынского на подлинных счетах, приносимых ими со ссылкой на требование бухгалтерии Укртурэ.

Областной суд вместо того, чтобы оценить все эти доказательства в их совокупности и, в частности, решить вопрос о правильности первой или второй экспертизы при наличии

резкого расхождения между ними, обошел молчанием весь доказательный материал и ограничился в формулировке доказанности присвоения Шером 9001 руб. вышеприведенной фразой: «ибо других данных о том, чтобы эти деньги были поделены между Волынским и Перцовским у суда не имеется».

Таким отстранением всех добытых следствием данных от оценки и такой формулировкой доказанности обвинения суд бесспорно нарушил ст. 308 УПК УССР, требующую приведения в приговоре данных, положенных судом в основу приговора. Это нарушение следует считать в данном случае и нарушением ст. 296 УПК УССР. В этом смысле разъяснил значение подобных нарушений пленум Верховного суда еще в 1927 г. (постановление 11 октября 1927 г. по делу Бакина).

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор Харьковского областного суда и постановления вышестоящих судебных органов в части, касающейся Шера И. Г., отметить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе, со стадии судебного следствия, поручив суду, в частности, назначить новую экспертизу по делу и исследовать все указанные выше моменты, связанные с эпизодом о присвоении Шером 9001 руб.

Неправильное осуждение в результате оговора

15 июля 1935 г. приговором народного суда Красноармейского района Азово-Черноморского края были осуждены Струев Василий Захарович по ч. 1 ст. 116 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы и Бутко Василий Никифорович по ст. 111 УК — к 1 году и.-т. работ на общих основаниях.

Кассационная коллегия Азово-Черноморского краевого суда приговор народного суда оставила в силе.

Прокуратура СССР, считая приговор народного суда и определение кассационной коллегии Азово-Черноморского краевого суда в отношении Струева неправильными, опротестовала их по следующим основаниям:

Суд, признавая Струева виновным в присвоении 1000 руб., принадлежавших Гривенскому рыбкоопу, базировался на показаниях контролера Гривенской сберкассы Бутко и кассира этой же кассы Кривченко, сущность которых сводилась к следующему: заведующий магазином рыбкоопа Струев через Гривенскую сберкассу постоянно сдавал вырученные предприятиями рыбкоопа деньги для перевода их в дальнейшем на текущий счет Главрыбкоопа в Госбанке. В частности 1 апреля им была сдана 1000 руб., в получении которых контролер сберкассы Бутко выдал квитанцию и 2 апреля 1200 руб. Квитанция, однако, в подтверждение получения этой последней суммы была выдана по просьбе Струева на 2200 руб., т. е. с учетом 1000 руб., сданных 1 апреля. Ранее же выданная квитанция не была изъята. Воспользовавшись якобы этим, Струев предъявил к зачету выданную 1 апреля расписку и присвоил, таким образом, 1000 руб. за счет позднее поступивших средств.

Однако показания Бутко и Кривченко в данном случае не могут служить основанием к признанию Струева виновным в присвоении 1000 руб., вследствие того, что эти лица, непосредственно оформлявшие приемку денег, заинтересованы в том, чтобы Струев был признан виновным в присвоении 1000 руб., так как этим самым снимается их личная ответственность за недостачу 1000 руб. Иных доказательств виновности Струева нет. Наоборот, произведенной в Гривенском рыбкоопе ревизией никаких недостач за Струевым не обнаружено. Общая выручка от торговых предприятий в эти дни, как указано и в приговоре, составляла 3200 руб. и на сдачу этой суммы у Струева имеются от сберкассы квитанции с оплаченным сбором за перевод их из сберкассы в Госбанк. Размер сборов также указывает на сдачу в банк за 2 дня не 2200 руб., а 3200 руб.

При этих условиях обвинение Струева в присвоении 1000 руб. является неосновательным.

Президиум Азово-Черноморского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор народного суда в части осуждения Струева отменить и дело о нем производством прекратить.

Право членов семьи РЖСКТ на площадь в случае осуждения главы семьи по уголовному делу

13 сентября 1934 г. гр. Серков Д. М. путем отравления лишил жизни свою жену, Серкову П. Г.

2 октября 1934 г. Серков вступил в брак с гр. З. А. Спиридоновой.

Спиридонова-Серкова переехала на площадь мужа, в занимаемую им одну комнату в доме РЖСКТ по Подколокольному переулку № 13/15 (г. Москва).

В октябре Серков был арестован по подозрению в отравлении своей первой жены, а 26 ноября был осужден по п. «г» ст. 136 УК на 7 лет лишения свободы.

Спиридонова-Серкова допрашивалась в качестве свидетельницы по делу. Никаких оснований для привлечения ее к уголовной ответственности не было установлено.

Правление РЖСКТ 26 декабря 1934 г. постановило исключить Серкова из числа членов РЖСКТ на том основании, что он «попал в члены РЖСКТ, скрыв свое социальное происхождение — сын торговца, а также учитывая, что он осужден к лишению свободы на 7 лет».

В январе 1935 г. гр. Спиридонова-Серкова предъявила к правлению РЖСКТ иск о признании за нею права на занимаемую жилплощадь и о переводе на мужа на ее имя. К заявлению она приложила заверенную администрацией тюрьмы, где содержался Серков, «доверенность» последнего от 26 ноября 1934 г. следующего содержания: «Настоящим передаю паевую книжку райжилкооперации и площадь в доме 13/15, кв. 15 по Подколоколь-

ному переулку своей жене З. А. Серковой, прописанной на моей жилплощади в начале октября с. г.».

Народный суд 3 участка Бауманского района 27 января 1935 г. удовлетворил иск, но КК Мосгорсуда 15 февраля 1935 г. отменила решение и прекратила дело производством, найдя, что Серкова не обращалась в правление РЖСКТ с просьбой о переводе пая и что правлением РЖСКТ за сокрытие социального происхождения Серков исключен из членов РЖСКТ, поэтому у Серковой не было права на обращение к суду.

В марте 1935 г. правление РЖСКТ пред'явило иск о выселении Серкова (хотя он отбывал лишение свободы) со всеми с ним проживающими из дома РЖСКТ. Народный суд отказал в принятии искового заявления, предложив представить доказательства, что исключение Серкова из числа членов РЖСКТ утверждено собранием уполномоченных. КК Мосгорсуда нашла, что постановление правления является достаточным, и 18 марта 1935 г. предложила народному суду рассмотреть дело по существу.

13 мая 1935 г. народный суд 3 участка Бауманского района отказал в иске РЖСКТ, установив, что Серков не был лишен избирательных прав и что осуждение его за совершенное им преступление не может повести к лишению жилплощади его жены.

Это решение было 2 июня 1935 г. отменено КК Мосгорсуда, и дело возвращено на новое рассмотрение. КК нашла, что народный суд «не учел того положения, что ответчица Серкова З. А. в'ехала на площадь Серкова уже после отравления им своей первой жены, за что Серков осужден к 7 годам лишения свободы».

При новом рассмотрении народный суд 6 участка Бауманского района 2 февраля 1936 г. удовлетворил иск РЖСКТ и постановил: «выселить Серкова Д. М. и Серкову З. А. и освобожденную площадь передать в распоряжение РЖСКТ Бауманского района». Решение это было мотивировано следующими соображениями: иск подлежит удовлетворению, так как в доме, принадлежащем РЖСКТ, имеют право проживать лишь члены последнего; Серков же, ныне осужденный за убийство своей жены, исключен из членов РЖСКТ, а его вторая жена, в'ехавшая после убийства, не принята собранием уполномоченных в члены; следовательно, «нет законных оснований для отказа в иске о выселении».

КК горсуда 20 февраля 1936 г. оставила жалобу Серковой-Спиридоновой без последствий.

Таким образом Серкова-Спиридонова подлежала выселению. Следует отметить, что лишь 17 декабря 1935 г. состоялось постановление общего собрания уполномоченных РЖСКТ Бауманского района об исключении Серкова из числа членов РЖСКТ и об отказе в приеме Серковой-Спиридоновой в члены РЖСКТ.

Прокуратура СССР, считая выселение Серковой-Спиридоновой неправильным, опротестовала это решение по следующим основаниям:

Серкова с 1931 г. работает плановиком на II госчасовом заводе. Треугольник завода характеризует ее как лучшую работницу, окончившую заводские курсы плановиков и активную общественницу. Избирательных прав она никогда не лишалась.

Серков был осужден на 7 лет лишения свободы без поражения в правах и не лишен права распоряжения своим имуществом. Он имел бесспорное право передать свой паевой взнос и право на площадь, на основании примечания к § 17 устава РЖСКТ, «одному из членов своей семьи, совместно с ним проживающему и пользующемуся избирательными правами, причем последний подлежит зачислению в члены товарищества».

Отказ собрания уполномоченных РЖСКТ в принятии Серковой-Спиридоновой в число членов неправомерен: собрание не имело права отказать ей в приеме и на основании примечания § 17 устава было обязано принять ее в члены.

Общее собрание не имело оснований исключать Серкова из числа членов, так как он, как установлено по делу, не являлся лишенным избирательных прав до приговора по уголовному делу, и так как и приговором этим он избирательных прав не лишен. Основанием же для исключения из числа членов РЖСКТ является, по уставу, или лишение избирательных прав (§ 19) или неподчинение уставу и постановлениям общего собрания (§ 18). К тому же Серков 26 ноября 1934 г. передавал свой паевой взнос и право на помещение гр. Серковой-Спиридоновой, что должно рассматриваться как акт добровольного выбытия Серкова (прим. к § 17 устава) из РЖСКТ; при наличии этого заявления собранию уполномоченных в декабре 1935 г. не следовало вообще рассматривать вопроса об исключении Серкова, поскольку он должен был уже считаться выбывшим с ноября 1934 г. Следует признать, что для применения § 21 устава (о том, что члены семьи выбывшего члена РЖСКТ могут быть приняты в члены РЖСКТ лишь с согласия общего собрания) в данном случае не было места.

Как видно из материалов дела, постановление о непринятии Серковой в члены РЖСКТ (вынесенное, как указано, в нарушение прим. к § 17 устава) и самое пред'явление иска о выселении ее мотивировано в существе соображениями о том, что «жена убийцы не может жить в доме» и что Серкова-Спиридонова «не могла не знать об убийстве Серковым своей первой жены».

Однако проверка уголовного дела показала, что нет оснований для привлечения Серковой-Спиридоновой к уголовной ответственности в качестве соучастницы Серкова; нет данных для предположений и о том, что Серкова-Спиридонова в свое время знала о готовящемся Серковым убийстве и может нести хотя бы моральную за него ответственность.

При таких обстоятельствах заслуживает внимания заявление Серковой-Спиридоновой о том, что после обрушившегося на нее трагического известия о том, что ее муж оказался убийцей, к ней пред'является требование о выселении на том основании, что муж ее совершил убийство, к которому она не была причастна.

Прокуратура Союза ССР нашла, что реше-

ние о выселении Серковой-Спиридоновой основано на узко формальных соображениях о том, что Серков исключен из РЖСКТ и притом примененных неправильно и что постановление собрания уполномоченных об отказе в принятии ее в члены РЖСКТ вынесен вопреки уставу. Опротестовываемое решение нарушило право Серковой на площадь и потому подлежит отмене. Эта отмена откроет Серковой возможность пред'явить к РЖСКТ иск об отмене постановления собрания уполномоченных об отказе в принятии ее в члены. Член семьи пайщика РЖСКТ, не участвовавший в преступлении пайщика, не может быть лишен площади за это преступление.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, вынесла следующее определение:

Постановление правления РЖСКТ об исключении гр. Серкова из членов РЖСКТ является неправильным, так как он, как установлено по делу, не был лишен избирательных прав до приговора по уголовному делу, и также и приговором он избирательных прав не лишен. Основанием же для исключения из числа членов РЖСКТ является по уставу или лишение избирательных прав (§ 19) или неподчинение уставу и постановлениям правления и общего собрания (§ 18). Гр. Серков 26 ноября 1934 г. передал свой паевой взнос и права на помещение гр. Серковой-Спиридоновой, что является актом добровольного выбытия Серкова из членов РЖСКТ. При таких условиях не было оснований ставить вопрос об исключении гр. Серкова из членов РЖСКТ, поскольку он в декабре 1934 г. добровольно выразил согласие на передачу пая своей жене Серковой-Спиридоновой.

Отказ общего собрания членов РЖСКТ в принятии Серковой-Спиридоновой в число членов также неправилен; собрание не имело права отказывать ей в приеме, основываясь только на предположениях об ее якобы участии в убийстве Серковым своей первой жены. Перед общим собранием членов РЖСКТ стоял вопрос о передаче пая Серковым гр. Серковой-Спиридоновой. Между тем, этот вопрос не был поставлен на обсуждение общего собрания до 17 декабря 1935 г.

Разделение рассмотрения этих двух вопросов не могло не повлечь неправильных выводов, так как, исключив Серкова из членов РЖСКТ, общее собрание не могло вынести другого решения, как только отказать в передаче пая и жилой площади. Общее собрание, отказывая гр. Серковой в передаче пая на ее имя, совершенно неосновательно взвело на нее ряд обвинений, в которых она никогда не обвинялась. Все это создало искусственное положение, при котором постановление общего собрания не может считаться правильным, а это в свою очередь повлияло на судебное решение. Поскольку вопрос идет о передаче прав члена РЖСКТ, т. е. о праве гражданском, вопрос этот подлежит судебному рассмотрению, почему суду надлежит в первую очередь обсудить вопрос о правильности постановления общего собрания об отказе в переводе пая на имя Серковой-Спиридоновой, причем суд в случае признания этого отказа неправильным может поставить перед общим собранием членов РЖСКТ вопрос о пересмотре вновь этого отказа, или, если к этому есть достаточные основания, разрешить этот вопрос в судебном порядке.

По изложенным основаниям гражданская коллегия Верховного суда РСФСР определила: согласиться с протестом Прокуратуры Союза ССР, отменить решение народного суда от 2 февраля 1936 г. и определение КК Мосгорсуда от 20 февраля и дело передать на новое рассмотрение.

По союзным республикам

РСФСР

Только ли в Льговском районе так работают?

Не может Льговская районная прокуратура жаловаться на то, что задыхается под тяжестью многочисленных и сложных дел. Не может она жаловаться и на то, что жалобщики ежедневно отрывают ее работников от нормальной работы своими назойливыми просьбами и требованиями.

В живописно разбросанном на высоком берегу реки Сейма г. Льгове жизнь протекает тихо и безмятежно. Непривычному глазу приехавшего из шумного центра человека представляется даже, что здесь вряд ли на что-нибудь люди жалуются, так мирно и спокойно, кажется, живут они в этом городе. Но это только кажется, ибо и здесь еще немало нарушений социалистической законности, немало преступлений, немало нарушений личных и имущественных прав граждан. То колхозную лошадь сгонит кто-нибудь со двора дома колхозника, то жену свою изобьет колхозник до потери сознания или подожжет хату из мести к своей же падчерице, то растратит где-нибудь в магазине потребсоюза заведующий несколько тысяч рублей и т. д. Работы, конечно, хватает в районной прокуратуре, нечего и говорить. Но этой работы столько, что ее можно было бы сделать как следует, культурно и с большой пользой для всего дела социалистического строительства в районе. Без излишней торопливости, но и без бюрократической волокиты могла бы работать Льговская районная прокуратура.

Достаточно сказать, что за 1936 г. всего было передано из всех органов расследования в суд 490 дел, т. е. 40 дел в месяц. Жалоб же в прокуратуру поступает ежемесячно 30—50, не больше.

Работников имеет районная прокуратура по штату: районного прокурора, помощника прокурора, двух следователей и секретарского персонала в количестве трех единиц. Этого вполне достаточно, чтобы справиться с указанной выше работой.

Но, как и во всяком деле, главное — в организации и руководстве работой. Без этого остается одно лишь название, внешняя форма. Да и форма не всегда остается. Не только в том смысле, что в г. Льгове нельзя найти вывески, на которой было бы написано: «Льговская районная прокуратура». Это тоже важно. И не случайно то, что, проходя по широким, но безлюдным улицам г. Льгова, вы встретите различнейшие вывески почти на всех домах, но вывески прокуратуры вы не увидите нигде. Она (прокуратура) стыдливо спряталась в половине этажа дряхлого домика рядом с риком, а на дверях этого дома (вернее этажа), где помещается и народный суд, висит одна лишь полинявшая и сплошь покрытая ржавчиной вывеска «государственной нотариальной конторы». Отсутствие вывески вполне соответствует положению прокуратуры в Льговском районе. Она не имеет там лица и авторитета. Да и как она может иметь авторитет? Ведь требования-то к районной прокуратуре растут изо дня в день, ошибки становятся заметнее, чем раньше. А люди, которые в прокуратуре сидят, этого как будто бы и не понимают вовсе.

Мыслимое ли это дело, чтобы работа в районной прокуратуре была поставлена удовлетворительно, если в течение года в ней меняется четыре районных прокурора. В первые 4 месяца 1936 г. прокурором Льговского района Курской области был Гришин, затем была назначена прокурором Редько, после нее остался временно исполняющим обязанности районного прокурора Голозубов, этот последний «работал» в качестве врио в течение октября, ноября и частично декабря 1936 г., затем был назначен прокурором района Разоренов. Все последующие прокуроры не без основания ругали своих предшественников, найдя производство в безобразном состоянии. Но никто из них не имел даже времени (мы уж не говорим об умении) наладить дело, ибо едва успевал «принять» работу, как надо было уже «сдавать» ее вновь назначенному прокурору.

То же самое происходило с остальным аппаратом районной прокуратуры. Достаточно сказать, что в августе 1936 г. был уволен народный следователь Кривопустов, в течение 4 месяцев замена ему дана не была, и дела его лежали без движения в столе у районного прокурора в ожидании прихода нового следователя. Этот новый следователь Брусенцов, назначенный в конце декабря 1936 г., поработал немного больше месяца и был переведен в другое место, а на его должность был назначен в феврале 1937 г. опять новый следователь Тарасов, совершенно не работавший в органах юстиции и юридически совершенно неподготовленный человек.

Само собой понятно, что при такой текучести личного состава районной прокуратуры никакая работа всерьез невозможна. Это приводит лишь к дискредитации прокуратуры, к бесцельной трате государственных средств, к недопустимому отношению к людям, к их нуждам, жалобам и делам.

Из многих фактов подобного отношения к делу в районной прокуратуре возьмем лишь для примера несколько. В феврале 1936 г. в г. Льгов приехали председатель колхоза им. Коминтерна и председатель одного из сельсоветов Льговского района. Они остановились в доме колхозника, сдали лошадь заведующему конным двором дома колхозника и ушли по своим делам в город. Возвратившись в 2 часа дня, они не нашли своей лошади. Оказалось, что заведующий конным двором ушел со двора, оставив ворота открытыми; кто-то украл и угнал колхозную лошадь. Правление колхоза обращается в милицию. Там начинают розыск конокрада, задерживают одного молодого человека, подозрительного, по мнению уголовного розыска, в своих связях с конокрадами; потом его отпускают, так как оказывается, что он не украл колхозной лошади, а затем через несколько месяцев «расследования» дело производством прекращают. Колхоз обращается с жалобой к прокурору. Истребовав дело и узнав о результатах расследования, прокурор Редько пишет резолюцию (наиболее существенной особенностью прокуроров является то, что они пишут резолюции): почему не привлечен к ответственности зав. конным двором, с прекращением дела не согласен. Тогда милиция выходит из создавшегося положения тем, что пишет: дело производством приостановить (а не прекратить) за нерозыском вора, а в отношении привлечения к ответственности зав. конным двором переговорить с районным прокурором. Неизвестно далее, переговорили ли друг с другом эти два органа государственной власти или нет. Известно лишь, что колхоз не получил удовлетворения своих требований и не дождался даже ответа; а прошло уже больше полугода, как он лишился лошади. Тогда колхоз обратился с жалобой на действия милиции и прокуратуры в народный суд. А народный суд направил жалобу в районную прокуратуру; там пролежала она несколько месяцев без движения; беспомощный и. о. районного прокурора Голозубов не знал, что же делать с колхозом и ее жалобой. Этот врид прокурора района не знал, что делать и со многими другими делами и перепиской. В числе этих дел — весьма серьезное дело об отравлении мышьяком, насыпанным в молоко, пяти работников МТФ Малиновского свеклосовхоза.

1 августа 1935 г. управляющий МТФ и ряд ответственных работников совхоза прибыли в МТФ для проверки работы доярок. На совещании, созванном ими, работа доярок, особенно одной из них, Кучерявых, подверглась резкой критике; управляющий МТФ в решительных выражениях требовал восстановления дисциплины, улучшения работы и т. п. Ночью он предложил Кучерявых налить молока в ведерко для себя и для других приехавших в

табор лиц. Кучерявых исполнила распоряжение, но молоко не было выпито, так как приехавшие забыли о нем. Утром рано после проверки работы доярок управляющий МТФ и другие лица, приехавшие с ним, нашли ведерко с молоком у табора и трое из них выпили молоко и тут же почувствовали себя дурно. Это же молоко было выпито двумя доярками, которые также отравились, и все они (пять человек) были доставлены в Льговскую больницу, где пролежали 6—8 дней. Химический анализ показал, что в молоке был мышьяк в большом количестве. Привлечена к уголовной ответственности за это была доярка Кучерявых по ст. 19—136 УК. Они отрицала свою вину, но так как одна из отравившихся ее подруг заявляла, что через несколько дней после отравления она видела у Кучерявых в комнате рассыпанный на кровати порошок, похожий на мышьяк, то Кучерявых была предана суду и 12 января 1936 г. осуждена к 3 годам лишения свободы. Однако областной суд 1 февраля 1936 г. нашел, что дело недоследовано, отменил приговор народного суда и передал дело на новое расследование.

Из обстоятельств дела видно, что между доярками и их б. бригадиром была вражда, что в совхозе имелись сторожа и некоторые другие работники, о которых были сведения, что это — бывшие кулаки и т. д. Одним словом дело требовало к себе самого тщательного и серьезного внимания. И вот, оказывается, что следователь Кривопустов, который вел расследование этого дела, получив его вновь для доследования, вынес 22 марта 1936 г. постановление о принятии дела к своему производству и потом ничего буквально не сделал до августа 1936 г., когда он был уволен. Вместе со всеми другими делами и перепиской этого следователя дело по обвинению Кучерявых попало к и. о. пом. районного прокурора Голозубову, который ничего не сделал и не в состоянии был сделать с этим делом до назначения в Льговский район нового прокурора т. Разоренова. Теперь, когда через год взялись за это дело, оказалось, что Кучерявых нет уже в этом районе и, как это механически делается по всем подобным делам, вынесено постановление об об'явлении розыска скрывающегося преступника. Нет сомнения в том, что такая борьба со столь серьезным преступлением явно обречена на неудачу.

Особенно скверно ведется борьба с растратами и недочетами в магазинах, колхозах, совхозах и т. д. Прежде всего всякую неудачу принимают за растрату и нередко зря привлекают людей к уголовной ответственности. Затем почти во всех случаях применяют к растратчикам ч. 2 ст. 116 УК, хотя для этого сплошь и рядом нет ровно никаких оснований, а преступление предусмотрено ч. 1 ст. 116 УК. Но главное в том, что, не успев вовремя раскрыть и расследовать растрату, путаясь в документах, актах, бухгалтерских отчетах и тому подобных бумагах о недостачах при ревизии, без конкретных фактов о растрате, следователи вызывают и допрашивают много людей, отрывают их зря от работы, достаточных доказательств растраты не находят и нередко упускают настоящих растратчиков. Последние успевают уехать из данного района неизвестно куда, и дела лежат без движения, объявляется розыск скрывшихся, и обесцениваются результаты работы органов прокуратуры. Происходит это часто потому, что до сих пор еще хозорганы и всякого рода ревизионные комиссии ограничиваются составлением формального акта о недостаче и, считая свою задачу выполненной, успокаиваются на этом, «передав дело судебно-следственным органам». Там, мол, разберутся. А там очень часто не разбираются. И так пропадают миллионы государственных и общественных средств.

Вот вам еще пример того, как милиция и прокуратура борются с расхищением соцсобственности. В 1935 г. было начато дело по обвинению работников Ольшанского спиртозавода Логачева, Меснянкина и др. по закону 7 августа 1932 г. Они обвинялись в расхищении 56 центнеров пшеницы, 5 овец и т. д. Собрано было много актов, документов, показаний, жалоб и т. п., но в течение 4 месяцев милиция не могла закончить расследование. Дело было затребовано Курской областной прокуратурой, которая 4 апреля 1936 г. за подписью старшего пом. областного прокурора Михайлова возвратила дело прокурору Льговского района со строгим письмом следующего содержания: «Областная прокуратура дело по обвинению Логачева и Меснянкина предлагает закончить в декадный срок, после чего сообщить о результатах расследования.

Обращаю ваше внимание,—писал далее строгий на словах начальник из области,—на безобразную волокиту по расследованию этого дела. Несмотря на то, что следствие начато еще 27 ноября 1935 г. (не заметил ст. пом. областного прокурора, что следствие начато 5 ноября 1935 г., но это не так важно), оно до сих пор расследованием не закончено. Какие вами приняты меры к быстрейшему окончанию расследования, сообщите».

А какие вами, тов. Михайлов, приняты меры, чтобы проверить исполнение вашего распоряжения? Ровно никаких. Занимаетесь вы лишь сотрясением воздуха; «руками водите», воображая, что вы областное руководство, с которым на местах считаются.

Ровно через декаду после вашего распоряжения, 14 апреля 1936 г. следователь Льговского района Кривопустов успел лишь составить постановление о принятии дела к своему производству. С тех пор прошло много месяцев, Кривопустов был в августе 1936 г. снят или переброшен в другое место, а по этому делу, как и по ряду других, ничего не сделал; прокуроры же чередовались, как куклы на сцене кукольного театра, и передавали дела из рук в руки. При этакой полной бесконтрольности дело лежало без движения до 25 декабря 1936 г., когда оно было принято к производству другим народным следователем Сухачевым, через месяц, 20 января 1937 г., составившим постановление об объявлении розыска обвиняемых, которые, по его мнению (ничем не подтвержденному), скрылись из Льговского района.

С подобной «быстротой» и «умением» ведется борьба с расхищением соцсобственности. Столь же похвально поведение прокуратуры и милиции по другому делу, в котором речь

идет о заведующем магазином «торга» № 2 Карпенко. Этот завмаг был арестован 14 ноября 1936 г. по обвинению в продаже сельдей по повышенным ценам. Продержав с санкции прокурора Голозубова до 27 ноября 1936 г. в тюрьме этого человека, отца трех малолетних детей, милиция не удосужилась проверить его заявления о том, что цены на сельди были установлены не им, а директором «торга» Жаровым. Освободив из тюрьмы Карпенко и приняв дело к своему производству, районная прокуратура (следователь Сухачев) также не допросила Жарова и дело направила в суд. Только на суде, 24 декабря 1936 г., при допросе директора Жарова выяснилось, что Карпенко не при чем, что директор «торга», не зная цен на сельди, но не желая в то же время сорвать торговлю 7 ноября 1937 г., предложил Карпенко продавать сельди по цене, которая оказалась выше прейскурантной. Как только ошибка эта была установлена, торговля сельдями по указанной цене была прекращена. Таким образом только на суде выяснилось, что Карпенко не виновен и он был оправдан. Между тем, достаточно было малейшей внимательности и добросовестности работников милиции и прокуратуры, чтобы зря не пострадал неповинный человек.

Так работали в Льговской районной прокуратуре в 1936 г. Неудивительно поэтому, что около половины привлеченных к суду лиц оказались невинно или неосновательно привлеченными. За 1936 г. только по данным судебной статистики было прекращено дел в подготовительном заседании в отношении 65 человек (из 568 привлеченных к уголовной ответственности), а кроме того 85 человек были оправданы народным судом.

Небрежность, хаос в делопроизводстве, потеря бумаг и дел стали обычным явлением в районной прокуратуре. Попробуйте получить какую-либо справку в канцелярии прокурора, или пусть вам дадут самую простую статистическую отчетность о работе. Вы не добьетесь ничего.

Вот, например, серьезное дело о преступлении, которое в течение года лежало без движения и не расследовалось, переходило из одной комнаты (народного суда Льговского района) в другую, соседнюю комнату (прокурора того же района), а оттуда в третью, также соседнюю комнату (народного следователя района) не иначе, как с оформленной препроводилкой следующего содержания (обратите при этом внимание на даты): «5 марта 1936 г. Льговской народный суд.

Льгов—Прокуратура—Народный суд Льговского района при сем направляет дело по обвинению Кучерявых для доследования согласно определению Курского облсуда. Секретарь (подпись)». И затем: «14 января 1937 г. Прокурор Льговского района. Нарследователю т. Сухачеву. При этом препровождается дело по обвинению гр. Кучерявых М. И. по ст. 19—136 УК для расследования согласно резолюции райпрокурора. Секретарь (подпись)».

Вот об этих именно случаях, когда районному прокурору для дачи распоряжения своему следователю о доследовании серьезного дела приходится писать через секретаря приведенную выше бумагу, да притом еще через 10 месяцев после поступления дела в районную прокуратуру, об этих случаях, очевидно, и сказано, что «форма заедает». Да, такое применение формы действительно может натворить беду.

Симпатией наполняется сердце к человеку, когда видишь четкость, конкретность и аккуратность в работе, стремление навести порядок во всяком деле и т. д.

Почему бы, например, не иметь в каждой районной прокуратуре книгу приказов, в которую записывать наиболее существенные распоряжения, ну хотя бы о перемещениях, назначениях и увольнениях работников. А то ведь иной раз нельзя даже установить, когда и кто был назначен на работу, при ком произошел тот или иной значительный факт и т. д.

Так думал, по всей вероятности, бывший прокурор района Гришин, который решил завести книгу приказов Льговской районной прокуратуры. Мы получили возможность заглянуть в эту книгу и с удовлетворением прочли на первой же странице этой книги: «Приказ № 1 по Льговской районной прокуратуре от 1 января 1936 г.». В нем сообщается, что «с сего числа после своей болезни вступаю на работу. Райпрокурор Н. Гришин». Из этой же книги становится нам известным много любопытных фактов, о которых мы предпочитаем рассказать языком тех же приказов. Прежде всего, приказ № 19 от 14 февраля 1936 г. сообщает, что «с сего числа райпрокурора Гришина Н. И. считать больным на дому согласно заключению врача. Пом. райпрокурора Коробов». Приказ № 20 от 18 февраля 1936 г. говорит: «Сего числа убываю в командировку в колхоз «Путь к социализму» Износковского сельсовета и Ольшанской сельсовет по поручению РК ВКП(б) по проверке преследования стахановцев. Райпрокурор Гришин». Как видит читатель, не складно получилось с этим делом. Приказ пом. прокурора Коробова гласил о том, чтобы Гришина считать больным; и после этого не было никакого приказа, чтобы считать Гришина выздоровевшим, а он уже подписал приказ № 20 от 18 февраля 1936 г., что едет в командировку. Но надо отдать справедливость людям, эту ошибку на следующий же день исправил пом. прокурора Коробов. Приказ № 21 от 19 февраля гласит: «С сего числа райпрокурора Гришина Н. И. считать выздоровевшим и приступившим к своим обязанностям. Пом. прокурора Коробов». Это тоже не совсем точно, но зато здорово: никто не скажет, что в райпрокуратуре порядка нет, формы не соблюдают.

Приказы нового районного прокурора Редько начинаются с № 41 от 16 мая, когда она извещает, что едет в командировку вместе с б. районным прокурором Гришиным в Надеждовский сельсовет по делу председателя сельсовета Ткачева «по проверке его д е с к р е д е т и р у ю щ и х действий». Уже 10 июня в новом приказе № 46 она решает откомандировать пом. прокурора Коробова в распоряжение райкома ВКП(б). 1 июля 1936 г. она издает приказ № 51 об увольнении секретаря районной прокуратуры Жарких; 15 июля районный прокурор Редько увольняет машинистку прокуратуры; затем 2 августа издает при-

каз № 57 о том, что «с сего числа и. о. пом. прокурора Льговского района назначается Голозубов С. Ф.». Этот новый работник, принятый по рекомендации Редько, но ничего не понимающий в судебно-прокурорской работе, бывший инспектор собеса, был вскоре оставлен и. о. районного прокурора, так как Редько сперва уехала в Москву якобы по вызову прокурора РСФСР, а затем и вовсе была освобождена от работы в Льговском районе. Но до этого она успела написать несколько замечательных приказов. 22 августа 1936 г. в приказе № 60 районный прокурор Редько записала: «С сего числа нарследователя Сухачева И. К. за неисполнение моих распоряжений от работы отстранить». 14 сентября 1936 г. был издан другой приказ № 63, в котором сказано: «С 15 сентября, с. г. и. о. пом. райпрокурора т. Голозубов отстраняется от работы как несоответствующий своему назначению».

Так буквально и записано у этого блюстителя советской законности в Льговском районе. Но так как, очевидно, она сама (прокурор Льговского района Редько) не принимала всерьез своих приказов, то 19 сентября 1936 г. записала новый приказ, в котором сказано, что вследствие временной своей нетрудоспособности исполнение обязанностей районного прокурора возлагает на народного следователя т. Сухачева (отстраненного ею же), а право на санкцию арестов предоставляет ст. народному судье т. Ильину. В общем, делаю все, что мне вздумается. Можно ли после этого удивляться, что этот, с позволения сказать, районный прокурор арестовал однажды шофера, отказавшегося взять его на свою машину и довести куда-то.

Картина будет неполной, если не сказать, что отстраненный приказом районного прокурора Редько от должности пом. районного прокурора Голозубов, не подчинившись приказу Редько, 19 же сентября 1936 г. издал свой приказ № 67, которым приказал: «С сего числа нарследователю Сухачеву приступить к исполнению своих обязанностей. Пом. райпрокурора Голозубов». Нужно ли добавить что-нибудь, чтобы было ясно позорное состояние, в котором находились дела в этаком учреждении? Думаем, что ничего добавлять не следует. Но знала ли о состоянии работы Льговской прокуратуры областная прокуратура? Знала и не могла не знать, так как даже в районную печать проникла информация о безобразном состоянии дел в районной прокуратуре. Что же сделала областная прокуратура?

На это отвечают нам: а что же она могла сделать? Подбирала людей. Ведь кадры решают все!

В том-то и дело, что великий лозунг вождя народов товарища Сталина не стал еще для многих и многих руководящих работников прокуратуры действительным руководством к действию; этот мудрейший лозунг многие повторяют как аллилуйщики, но без понимания его существа и глубины, без реального проведения в жизнь. Как же можно было в дни всенародного обсуждения проекта Сталинской Конституции, в августе 1936 г., допустить назначение помощником прокурора Льговского района, а затем, через 1½ месяца, врио районного прокурора человека, не только совершенно безграмотного, но и явно случайного. Ведь Голозубов, о котором идет речь, был назначен помощником районного прокурора по одной лишь рекомендации районного прокурора Редько, которая сама не знала его (не говоря уже о том, что сама занимала высокий пост прокурора явно по ошибке). Голозубов за полгода своей «работы» в районной прокуратуре не написал ни одной бумаги (кроме, впрочем «резолюций»).

Назначение других работников районной прокуратуры разве не с той же легкостью производилось? Возьмем хотя бы самое позднейшее назначение — следователя Тарасова, назначенного в начале февраля 1937 г. Человека, совершенно незнакомого даже с кодексами, прислали из областной прокуратуры для работы в Льговскую районную прокуратуру. Оказывается, он прошел какие-то 20-дневные курсы подготовки при областной прокуратуре; ему и другим таким же, как он, прочли лекции и послали работать в район. Хотелось бы видеть, как себя чувствовали бы эти люди (которые назначают подобных следователей), если бы дело о них расследовалось таким следователем. Преступно забывают, что районному прокурору, народному следователю приходится иметь дело с личной свободой, правом на отдых и другими правами гражданина СССР.

10 февраля 1937 г. новый народный следователь Льговского района, Тарасов, допрашивал в течение нескольких часов председателя колхоза, обвинявшегося в растрате 1270 руб. Этот председатель колхоза явился по вызову прокуратуры. Его местожительство — на расстоянии 18 км от Льгова. Самый материал обвинения достаточно шаткий. И когда на следующий день после допроса я потребовал протокол допроса председателя колхоза, я ровно ничего не понял из того, что было написано народным следователем Тарасовым. Но главное то, что не только я не понял, но не понял ничего из протокола допроса и прокурор района, и даже сам допрашивавший. Стало совершенно очевидно, что «протокол» этот должен быть уничтожен, а следовательно, председатель колхоза пока что зря прошелся 36 км в прокуратуру и обратно. Подсчитайтека с карандашом в руках и с необходимой добросовестностью, сколько таких напрасных вызовов и допросов, ненужных, вредных, преступных дерганий причиняют гражданам скверно работающие кадры в наших районных прокуратурах.

Нет действительного подбора кадров до сих пор еще во многих местах, работают люди по-старинке, без учета того нового, которое записано теперь в Сталинской Конституции. Нет настоящей заботы о кадрах, об их учебе, об обстановке, в которой они работают. Люди, являющиеся ответственными работниками в районе, не читают газет, ни одного журнала; следователь на мой вопрос, знает ли он какой-нибудь юридический журнал, отвечает, что «видел «Советскую юстицию» за 1932 г., она имеется у нас в районной прокуратуре». Ну, а еще какой журнал вы знаете, спрашиваю я, недоумевая. «А я видел, — говорит народный следователь Льговского района Сухачев, — в областной прокуратуре еще один

журнал в синей обложке, как он называется — не помню».

Так дальше работать нельзя. Нельзя допускать того, чтобы неграмотные люди, не желающие к тому же работать над собой, оставались бы на прокуратуре в сталинскую эпоху нашего великого социалистического государства.

Только ли в Льговском районе так работают? Думаем, что нет. Но наступила пора, засучив рукава и не покладая рук, вскрывать все недочеты в нашей работе, тщательно и без парадного шума работать над тем, чтобы по-настоящему укрепить районное звено прокурорского аппарата, сделать его боевым органом социалистического государства во всех областях работы.

ТАД.

Прокуратура г. Сталинска Западносибирского края в борьбе за соблюдение Сталинского устава с.-х. артели

За последнее время горпрокуратура провела целый ряд отчетных докладов о своей работе на колхозных собраниях в разрезе отдельных отраслей работы, как-то: а) борьба с нарушениями Устава с.-х. артели, б) борьба за сохранение и развитие животноводства, в) борьба с нарушениями ревзаконности со стороны сельсоветов и т. п.

Благодаря выступлениям в прениях и проверкой на месте протоколов заседаний правлений удалось установить целый ряд фактов нарушений колхозной демократии и Сталинского устава с.-х. артели.

Приведем несколько фактов: 17 декабря 1936 г. уже после утверждения Сталинской Конституции начальник горзо Логвиненко разослал всем колхозам циркуляр, в котором «разъяснял», что отныне «все решения колхоза без утверждения горзо считаются недействительными, вынесенные мероприятия и решения по тому или иному вопросу в протоколе общего собрания колхоза предварительно подлежат утверждению городским земельным отделом».

Этот же Логвиненко предложил, чтобы с выбывшими и исключенными из колхозов расчет производился за заработанные трудодни не натурой, а деньгами. Нет надобности доказывать, что первый циркуляр является грубейшим нарушением колхозной демократии и Устава с.-х. артели, а второе разъяснение также нарушает устав.

Директор Кузнецкой МТС Селиверстов сам налагал на председателей колхозов и счетоводов взыскания в то время, как они за свою работу отвечают перед общим собранием колхозников, а не перед директором МТС.

Сельсоветы Сосновский и Ильинский обязали колхоз не выделять на содержание родильных домов продукты и деньги, несмотря на то, что постановлением правительства от 10 ноября 1932 г. запрещено местным органам власти обязывать колхозы выделять денежные и натуральные фонды на нужды, не предусмотренные уставом и специальными постановлениями правительства.

В некоторых колхозах при исключении членов семьи из колхоза за то или иное нарушение устава заодно исключают и всю семью.

Некоторые колхозы стали на путь подмены массово-политической работы штрафами, как, например, колхоз «Красное знамя» 26 октября 1936 г. оштрафовал 5 доярок по 0,50 трудней за неявку на собрание по изучению Конституции.

Все незаконные циркуляры, распоряжения сельсоветов и постановления правлений и общих собраний прокуратур опротестованы.

Кроме того, все эти факты нами освещались в местной газете «Большевистская сталь».

Пом. прокурора г. Сталинска
ГОЛЬБЕРГ

Заочное образование в Казахстане

Президиум Западноказахстанского облисполкома, заслушав сообщение областного прокурора т. Акжарова о ходе заочного юридического образования (в областной прокуратуре), отметил упорную работу заочников в этой области. В течение года и одного месяца студенты-заочники Саратовского юридического института достигли блестящих успехов, выразившихся в том, что 6 товарищей 5 февраля 1937 г. переведены на III курс института и один — на II.

Переведенные на III курс сдали зачеты по 11 основным дисциплинам и имеют следующие показатели:

1. Акжаров из 11 зачетов: отлично 10
2. Попов » 11 » » 8
3. Крайнев » 11 » » 6

За успехи в учебе, достигнутые в результате упорной работы над книгами, умелое сочетание учебы с основной работой и максимальное уплотнение дня, президиум облисполкома премировал тт. Попова, Крайнева и Мукашева по 500 руб. каждого, тт. Мухамедова и Сентяй по 300 руб каждого.

Президиум облисполкома отметил также активную помощь по заочному образованию, оказываемую работникам областной прокуратуры заочным сектором Саратовского юридического института.

УССР

Семинар для следователей

Роль следователя как центральной фигуры в системе юстиции и, в частности, прокуратуры, неоднократно подчеркивала центральная печать и специальные юридические органы.

Для того чтобы с честью выполнить возложенные на него задачи, советский следователь должен обладать рядом качеств, одним из которых является высокая культурность и овладение техникой следственного дела.

Следователь раньше других прокурорских и судебных инстанций знакомится с материалами будущего следственного дела, оценивает

их, взвешивает все имеющиеся в деле «за» и «против» заподозренного или обвиняемого и первый решает вопрос о судьбе человека, чьи действия и поступки расследуются в процессе предварительного следствия.

В свете новой Сталинской Конституции, проникнутой заботой о людях — трудящихся нашей великой родины, эти задачи становятся еще более сложными и еще больше вырастает ответственность следователя.

Мы требуем к ответу инженера, небрежно смонтировавшего машину, если в результате допущенной им халатности погиб или выбыл из строя агрегат.

Мы требуем привлечения к ответственности врача за неправильно и небрежно проведенную им операцию, в результате которой пациент умер, остался калекой или подвергался ненужным мучениям.

Мы в такой же мере должны требовать ответственности следователя за необоснованные и незаконные действия, нарушающие интересы трудящихся Советского союза или незаслуженно оскорбляющие их достоинство.

С другой стороны, мы должны требовать от следователя уменья разобраться в сложной, иногда весьма запутанной обстановке, мы должны требовать от него уменья разоблачить классового врага и преступника, а это не всегда бывает просто и доступно.

Для того чтобы добиться этого, следователь должен овладеть техникой следственной работы.

В деле повышения квалификации следователей большую ценность представляет создание краткосрочных семинаров для следователей.

По директиве Прокуратуры УССР такие семинары были созданы в Киеве, Харькове, Одессе и Днепропетровске—в центрах, где находятся научно-исследовательские институты судебной экспертизы и юридические школы, которые этой же директивой были обязаны обеспечить семинары квалифицированными лекторскими силами.

Кроме того, семинары были организованы в Виннице, Чернигове и Сталине.

Прокурор Республики т. Г. А. Железногорский утвердил учебный план, охватывающий комплекс дисциплин, в первую очередь подлежащих усвоению следователями.

Эти семинары ставили своей целью поднять квалификацию лучших следователей областей Украины, освежить уже накопленные ими знания, приобщить их к научным методам расследования преступления, внедрить в практику следственной работы применение судебной фотографии и т. д.

Все семинары должны были начать работу в начале декабря 1936 г. и закончить программу занятий в 20 дней.

Для помощи Черниговской области была выделена бригада работников Киевского института научно-судебной экспертизы, следователи АМССР были прикреплены к семинару в г. Одессе.

В Киеве семинар окончили 18 человек, в Харькове — 24 человека, Днепропетровске — 20 человек и т. д.

Опыт работы Киевского семинара говорит о несомненной пользе этого начинания, о том, что 20 дней занятий дали следователям не только теоретическое обоснование, но и практический базис для повседневной деятельности следователя.

Занятия семинара были построены с таким расчетом, чтобы не отрывать теоретическую подготовку от практического преломления полученных знаний.

Краткие курсы уголовного права и процесса были преподаны с разбором конкретных дел, проведенных как самими слушателями семинара, так и следователями прокуратуры области.

Разбор этих дел помог слушателям семинара усвоить основные требования процесса и правильно квалифицировать преступления.

Особое внимание было уделено технике расследования дел о хищении социалистической собственности. Этот раздел программы был иллюстрирован конкретными делами, по которым слушатели семинара могли учесть допущенные при расследовании ошибки и позаимствовать опыт хорошо, грамотно и правильно расследованных дел.

Специально были разработаны вопросы, связанные с назначением по делам экспертиз, в частности бухгалтерской экспертизы.

При этом были освещены последние директивы Прокуратуры Союза о создании бюро судебно-бухгалтерской экспертизы при органах прокуратуры.

Слушатели были ознакомлены с практическими мероприятиями при осмотре места происшествия, с техникой закрепления следов на почве, стекле и других предметах.

Во время занятий по судебной фотографии все слушатели семинара овладели искусством фотосъемок, и можно с уверенностью сказать, что выданные им в пользование фотоаппараты в дальнейшей работе будут верными и надежными помощниками в повседневной работе следователя.

При обсуждении итогов семинара большинство следователей высказалось за прохождение повторного семинара повышенного типа и за установление повседневной связи с прокуратурой области в смысле получения методических указаний на запросы следователей по различным вопросам, возникающим в их оперативной работе.

Эти методические письма и квалифицированные консультации должны стать источником обогащения опыта следователей и дополнить собой семинары.

Эта большая и необходимая отрасль деятельности прокуратуры должна быть, наконец, поставлена на принципиальную высоту. Конкретная помощь народному следователю должна быть обеспечена в полном объеме.

В порядке самокритики можно сказать несколько слов об организационных неполадках — о неудовлетворительном размещении слушателей, об отдельных случаях нарушения расписания занятий по вине лекторов, но все эти недостатки не могут умалить пользы семинара и его значения.

Это ценное начинание себя полностью оправдало.

П. ЮФФА.

Право, процесс, судоустройство в капиталистических странах

Уголовное законодательство Китая

Действующее на территории гоминдановского правительства Китая уголовное законодательство состоит из: 1) УК 1935 г., 2) закона 1928 г. о наказаниях за нарушения полицейских правил и 3) нескольких некодифицированных исключительных законов, сохранивших свою силу в соответствии со ст. 2 закона о введении в действие УК 1935 г.

Политический смысл действующего в Китае уголовного законодательства становится ясным после анализа породившей его социальной структуры гоминдановского Китая. Буржуазно-помещичий гоминдан осуществляет открытую диктатуру над китайским народом. Блок крупной буржуазии и помещиков составляет классовое содержание этого антидемократического и полуколониального государственного строя. Огромная территория занята Китайской советской республикой и ее красной армией; на значительной части территории власть гоминдана является только номинальной, находясь реально в руках отдельных генералов, безжалостно подавляющих революционное движение широких масс и пресмыкающихся перед империалистами всех стран, в особенности перед японскими империалистами.

На территории, подвластной гоминдановскому правительству, лишь за последний год наметились некоторые сдвиги в сторону готовности правительства к обороне Китая от чужеземной агрессии, в сторону общенационального движения, которое требует решительного сопротивления японскому империализму.

Поднявшийся не в первый раз на борьбу за свое освобождение китайский народ, под руководством вождя революции Сун Ят-сена в 1911 г. свергнул монархию. Одержанная национально-революционным движением победа положила конец средневековому уголовному законодательству манчжурской династии, просуществовавшему почти без всяких изменений с 654 года до 1912 года и, по выражению французского правоведа Гране, являвшемуся «процедурой кровавой мести, законом войны»[1].

Конфуцианская мораль покорности и подчинения пяти наказаниям (легкое побивание палками, большое побивание палками, тюремное заключение на срок и пожизненно, смертная казнь), которыми правящий класс феодалов расправлялся с китайским народом, противоречил интересам национально-революционного движения.

Образованная Сун Ят-сеном при участии японских и французских советников юридическая комиссия подготовила проект УК, который был в 1912 г. введен в действие.

Названный временным, УК 1912 г. был первым в Китае кодексом буржуазного типа и состоял из 411 статей. УК 1912 г. принял двухчленное деление на преступления и нарушения, причем наказуемость нарушений была изложена в отдельном законе.

Применение УК 1912 г. на практике выявило ряд дефектов его с точки зрения правящих классов (расплывчатые формулировки диспозиций составов преступления, слабая охрана семейных устоев, недостаточная тяжесть наказания). Была создана новая юридическая комиссия, которая в 1927 г. внесла на рассмотрение постоянной комиссии при ЦК гоминдана новый проект. К этому времени гоминдан не представлял собою больше блока рабочих, крестьян, национальной буржуазии и интеллигенции. Верхушка гоминдана во главе с Чан Кай-ши и Ван Цзинь-веем отказалась от оставленного умершим в 1925 году Сун Ят-сеном богатого революционного наследия и стала на путь кровавой расправы с революционным движением. Национально-революционная роль гоминдана закончилась, и он с тех пор стал выражением реакции, выражением интересов буржуазно-помещичьего блока. В качестве одного из орудий, призванных охранять интересы этого буржуазно-помещичьего блока, надо рассматривать УК 1928 г., выработанный при участии французского профессора Эскарра под сильным влиянием японского УК 1907 г. Одновременно с принятием УК 1928 г. был принят в качестве приложения к нему отдельный закон о наказуемости нарушений полицейских правил, ничем не отличающийся от ранее действовавшего.

УК 1935 г. явился третьим по счету из построенных по буржуазному образцу и издан в период установленной гоминданом «политической опеки» над китайским народом, означающей по существу господство феодально-милитаристической клики.

Постановления общей и особенной части УК 1935 г. изложены в 357 статьях. Действовавший до него УК 1928 г. содержал в себе 387 статей. С внешней стороны УК 1935 г., по сравнению с УК 1928 г., отличается большей краткостью, сохраняя без изменения в общей части 45 статей из УК 1928 г. и почти целиком всю особенную часть 1928 г.

Общая часть китайского УК 1935 г. содержит 99 статей. Она состоит из 12 глав: 1) об уголовном законе (ст. 1—11), 2) об уголовной ответственности (ст. 12—24), 3) о покушении (ст. 25—27), 4) о соучастии (ст. 28—31), 5) наказания (ст. 32—46), 6) о рецидиве (ст. 47—49), 7) о совокупности преступлений (ст. 50—56), 8) усиление и смягчение наказания (ст. 57—73), 9) об условном осуждении (ст. 74—76), 10) об условно-досрочном освобождении (ст. 77—79),

[1] Granet, La civilisation Chinoise. Paris, 1929, p. 261.

11) о давности (ст. 80—85), 12) меры охраны (ст. 86—99).

Особенная часть китайского УК 1935 г. содержит в себе 278 статей и состоит из 35 следующих глав: 1) преступления против внутренней безопасности государства (ст. 100—102), 2) преступления против внешней безопасности государства (ст. 103—115), 3) преступления, нарушающие отношения Китайской республики с другими государствами (ст. 116—119), 4) должностные преступления (ст. 120—134), 5) преступления, препятствующие исполнению служебных обязанностей должностных лиц (ст. 135—141), 6) посягательство на избирательное право (ст. 142—148), 7) преступления против общественного порядка (ст. 149—160), 8) о наказуемости побега заключенных (ст. 161—163), 9) об укрывательстве преступников и уничтожении следов преступления (ст. 164—167), 10) о лжеобвидетельстве и ложном обвинении (ст. 168—172), 11) преступления против общественной безопасности (ст. 173—194), 12) о подделке монет (ст. 195—200), 13) о подделке товарных знаков (ст. 201—205), 14) о подделке мер и весов (ст. 206—209), 15) о подделке документов и печатей (ст. 210—220), 16) преступления против общественной нравственности (ст. 221—236), 17) преступления против брака и семьи (ст. 237—245); 18) религиозные преступления, осквернение могил (ст. 246—250), 19) преступления, препятствующие земледелию, промышленности и торговле (ст. 251—255), 20) нарушение правил об опиуме (ст. 256—265), 21) об азартных играх (ст. 266—270), 22) об убийстве (ст. 271—276), 23) о телесных повреждениях (ст. 277—287), 24) об аборте (ст. 288—292), 25) об оставлении в опасности (ст. 293—295), 26) посягательства на личную свободу (ст. 296—308), 27) посягательства на честь и торговый кредит (ст. 309—314), 28) о нарушении чужой тайны (ст. 315—319), 29) о краже (ст. 320—324), 30) о грабеже, разбое и пиратстве (ст. 325—334), 31) о растратах (ст. 335—338), 32) о мошенничестве, злоупотреблении доверием и о ростовщичестве (ст. 339—345), 33) об угрозах и о похищении людей с целью получения выкупа (ст. 346—348), 34) о покупке похищенного (ст. 349—351), 35) о повреждениях чужого имущества (ст. 352—357).

В первой главе китайского УК 1935 г. содержатся общие положения об уголовном законе и пределах его действия. Как и УК 1928 г., УК 1935 г. разделяет новый для китайского уголовного законодательства принцип классической школы: «nulla poena sine lege» (ст. 1), отступая от общих положений УК 1912 г., которые (ст. 84) допускали применение аналогии.

С редакционной стороны между УК 1928 г. и 1935 г. в этой части имеется весьма существенная разница: УК 1928 г. декларировал, что деяние, не объявленное наказуемым, не является преступлением, а УК 1935 г. отвергнул эту негативность, приняв следующую формулировку: «Наказуемым является деяние, которое до диспозиции закона рассматривается как наказуемое».

Смягчающему наказание уголовному закону придается обратная сила (ст. 2 УК 1928 и 1935 гг.). Но УК 1935 г. отдельно отмечает применение мер охраны («обеспечивающих мер») по закону, действующему в момент вынесения приговора (УК 1928 г. вовсе не знал мер охраны). УК 1912 г. не придавал обратной силы смягчающему наказание уголовному закону. Наказуемость деяния, совершенного за пределами Китайской республики, определяется в УК 1935 г. частично иначе (ст. 107), чем оно определялось по УК 1928 г. По УК 1928 и 1935 гг. наказуемость преступлений против внешней и внутренней безопасности государства, совершенных за пределами Китайской республики, устанавливается безусловно. Остальные преступления по УК 1928 г., будучи совершенными за границей, караются в зависимости от наличия трех условий (наказание не менее срочного тюремного заключения, противоправность деяния по местным законам и уклонение от ответственности). УК 1935 г. сохранил только два условия (наказание не менее трех лет тюремного заключения, наказуемость по местным законам). Осуждение за границей не освобождает от уголовного преследования за то же преступление китайскими судами. Отбытие наказания за границей может быть учтено китайскими судами. Иностранец, совершивший преступление на территории Китайской республики или посягнувший на китайского гражданина вне ее пределов, несет уголовную ответственность на общих с китайскими гражданами основаниях, если этот иностранец не пользуется правом экстерриториальности.

На практике эта статья не имеет надлежащего применения и служит образцом социальной демагогии.

Сопротивление этой главы с японским УК 1907 г. приводит к выводу о совпадении основных принципов китайского и японского УК.

В УК 1935 г. не вошли две главы УК 1928 г., посвященные китайскому юридическому статуту родственных отношений в том виде, как он был воспринят гоминданом. Этот юридический статут являлся результатом сохранившихся феодальных пережитков, освященных каноническим правом и охранявших неравенство перед законом мужа и жены, родителей и детей, лиц, имеющих право на особое уважение, и лиц, на это особое уважение прав не имеющих. Вокруг этого статута была открыта очень большая дискуссия, в результате которой, очевидно, авторы УК 1935 г. пришли к выводу, что регламентация неравенства в законе при наличии ст. 6 конституции, формально это неравенство отвергающей, не может более иметь места.

В главе второй изложены обстоятельства, обусловливающие и исключающие вменение в вину. Как и УК 1912 и 1928 гг., УК 1935 г. признает подлежащими безусловно вменению в вину деяния умышленные. Деяния неосторожные караются только в случаях, предусмотренных законом. Под умышленным понимается деяние, совершенное при обстоятельствах, когда исполнитель сознавал все содержание деяния и намеренно привел его в исполнение (ст. 13). Под неосторожным пони-

мается деяние, когда исполнитель не представлял себе возможности его наступления или надеялся, что последствия его не наступят (ст. 14). Влияние возраста на вменение в вину отмечено в специальных статьях. По УК 1935 г. дети, которым не исполнилось 14 лет, освобождаются от уголовной ответственности. Несовершеннолетние от 14 до 18 лет могут быть подвергнуты уменьшенному наказанию. Достигшие 80 лет в свою очередь могут быть подвергнуты уменьшенному наказанию. Несовершеннолетие рассматривается как смягчающее вину обстоятельство. По УК 1912 г. освобождались от уголовной ответственности не достигшие 12-летнего возраста, а по УК 1928 г. недостигшие 13-летнего возраста. В отношении достигших 80-летнего возраста УК 1912, 1928 и 1935 гг. основываются на одном и том же принципе, но УК 1912 и 1928 гг. допускали уменьшение наказания только наполовину, а УК 1935 г. предоставляет возможность уменьшения наказания усмотрению суда. Незнание закона не освобождает от уголовной ответственности, но в зависимости от конкретных обстоятельств может быть учтено судом как основание для уменьшения наказания.

Душевная болезнь исключает наказуемость, душевное расстройство допускает уменьшенную наказуемость (ст. 19). Немота допускает уменьшенную наказуемость (ст. 20). УК 1912 и 1928 гг. допускали уменьшенную наказуемость деяний, совершенных в состоянии опьянения, в которое исполнитель был приведен не добровольно. УК 1935 г. вовсе не упоминает о преступных деяниях, совершенных в состоянии опьянения. Преступные деяния, совершенные при исполнении закона, служебных обязанностей, или в силу профессиональной необходимости, или при использовании своего права в порядке необходимой обороны (ст.ст. 21, 22, 23), не наказуемы. Превышение пределов необходимой обороны может по усмотрению суда повлечь освобождение от наказания или смягчение в зависимости от конкретных обстоятельств (ст. 23).

Основные положения этой главы вполне совпадают с основными положениями японского УК 1907 г.

В третьей главе содержатся постановления, относящиеся к покушению. По УК 1935 г. под покушением понимается попытка совершить преступление, содержащая в себе начало исполнения, но без доведения преступления до конца. Наказуется не всякое покушение, а только в случаях, указанных в законе (ст. 25). Наказуемость за покушения может быть менее суровой, чем за оконченное преступление, и определяется по усмотрению суда в зависимости от результатов покушения (ст. 26). Покушение, добровольно оставленное, по усмотрению суда может остаться не наказуемым (ст. 27). По УК 1912 и 1928 гг. покушение каралось только в зависимости от объективных его последствий.

В четвертой главе изложены постановления о соучастии. Под соучастием понимается совместное совершение преступления двумя и более лицами (ст. 28). Различаются исполнители, подстрекатели и пособники. УК 1912 г. различал ответственность исполнителей и пособников. УК 1928—1935 гг. разрешает этот вопрос компромиссным путем, в зависимости от конкретных обстоятельств, по усмотрению суда (ст. 31).

Пятая глава общей части УК 1935 г. содержит в себе постановления о наказании. Наказание построено по принципу возмездия за вину. Наказания делятся на основные и дополнительные. Основными наказаниями являются: смертная казнь, тюремное заключение пожизненное, тюремное заключение на срок, арест и штраф. Дополнительными наказаниями являются: лишение гражданских прав и конфискация имущества.

Смертная казнь указана в качестве наказания за следующие преступления: 1) насильственное посягательство на внутреннюю безопасность государства (ст. 101), 2) посягательство на внешнюю безопасность с целью спровоцировать войну между Китайской республикой и другими государствами (ст. 103), 3) посягательство на внешнюю безопасность в целях отторжения части национальной территории Китайской республики (ст. 104), 4) служба в иностранной армии и вооруженная помощь иностранной армии (ст. 105), 5) сдача отдельной воинской части стратегического пункта, военного или воздушного корабля (ст. 107), 6) убийство (ст. 271), 7) убийство родственника по восходящей линии (ст. 272), 8) изнасилование, сопряженное с убийством потерпевшей (ст. 223), 9) разбой (ст. 232), 10) пиратство (ст. 233).

По УК 1912 и 1928 гг. смертная казнь приводится в исполнение на территории тюрьмы путем повешения. Отдельными законами о бандитизме и о «наказуемости лиц, угрожающих опасностью республике», в 1927—1931 гг. была введена смертная казнь путем расстрела. По специальному распоряжению министерства юстиции приговоренные к смертной казни подлежали перед исполнением приговора обязательному хлороформированию. Каждый смертный приговор должен был быть утвержден министром юстиции. В УК 1935 г. не содержится никаких указаний на перечисленные постановления.

Тюремное заключение может быть пожизненным и срочным. Срочное тюремное заключение — от 2 месяцев до 15 лет (ст. 33), при отягчающих обстоятельствах — до 20 лет. По УК 1912 г. тюремное заключение было разделено на 5 степеней (первая степень — от 10 до 15 лет, пятая степень — от 1 до 2 лет).

Арест может быть назначен на срок от 1 дня до 2 месяцев (ст. 33), при отягчающих обстоятельствах может быть продолжен до 4 месяцев. Как арест, так и тюремное заключение могут сопровождаться принудительным (физическим) трудом.

Штраф назначается от одной иены (китайский доллар, содержащий в себе 23 грамма серебра). Максимум штрафа законом не ограничен. Штраф является очень серьезным наказанием вследствие нищеты китайских народных масс (одна иена является средним месячным заработком большинства населения Китая).

Неуплата назначенного судом штрафа вызывает замену его лишением свободы из расчета один день лишения свободы за штраф от

одной до трех лет. Лишение свободы, назначенное в порядке замены штрафа, отбывается в специальных помещениях при тюрьмах и обязательно сопровождается физическим трудом. Превентивный арест по УК 1912 г. не зачитывался вовсе в срок наказания, по УК 1928 г. зачитывался из расчета двух дней превентивного ареста за один день лишения свободы и по УК 1935 г. — день за день.

Лишение гражданских прав заключается в запрещении занимать должность на государственной службе, заниматься своей профессией и вообще в ограничении в 4 конституционных правах (участие в выборах, отозвание должностных лиц, инициатива, участие в референдуме) китайского гражданина. Конфискация применяется в качестве дополнительного наказания. Подлежат конфискации: предметы запретные, предметы, которые служили орудием совершения преступления, предметы, добытые преступным путем.

При освобождении судом от основного наказания конфискация имущества может быть все же сохранена (ст. 39).

В шестой главе содержатся правила о рецидиве. УК 1935 г. под рецидивом понимает совершение в течение пяти лет после отбытия или освобождения от наказания нового преступления (ст. 47). Наказание увеличивается при рецидиве на половину.

Седьмая глава содержит в себе правила применения наказания по совокупности преступлений. Правила почерпнуты из германского уголовного законодательства. При совокупности преступлений наказание повышается до половины высшего предела лишения свободы, назначаемого за одно из преступлений (ст. 56).

Восьмая глава посвящена правилам об усилении и смягчении наказания. Право усилить или смягчить наказание объявляется дискреционным правом суда (ст. 73). При определении наказания суд должен учесть: мотивы совершения преступления, его последствия, постороннее влияние на исполнителя, способ совершения, условия жизни исполнителя, поведение его, степень умственного развития, отношение к потерпевшему, опасность преступления и причиненные убытки, поведение после совершения преступления (ст. 57). При назначении штрафа подлежит учету и имущественное положение обвиняемого. Если обстоятельства, при которых совершено преступление, представляются суду смягчающими, то суд вправе снизить наказание по своему усмотрению (ст. 59). Исключением является наказание за разглашение служебной тайны, хотя бы и не относящейся к национальной обороне (ст. 132), подкуп избирателей (ст. 143), воспрепятствование участию в выборах (ст. 145), изготовление, хранение и перевозку взрывчатых веществ (ст. 186), убийство родственника по восходящей линии (ст. 272), неосторожное убийство (ст. 276), кражу (ст. 320), растрату (ст. 335), мошенничество (ст. 339), укрывательство (ст. 340).

Лица, не достигшие 18 лет или старше 80 лет, не могут приговариваться к смертной казни или к пожизненному тюремному заключению. Недостигшие 18 лет за убийство родственника по восходящей линии могут быть подвергнуты смертной казни и пожизненному тюремному заключению.

По образцу японского УК 1907 г. в случаях смягчения смертная казнь может быть заменена пожизненным тюремным заключением или на срок от 12 до 15 лет; пожизненное тюремное заключение—срочным от 7 лет; тюремное заключение на срок может быть сокращено на половину и в особо предусмотренных законом случаях — на две трети.

Главы девятая и десятая общей части УК 1935 г. содержат в себе постановления об условном осуждении и условно-досрочном освобождении. Постановления эти частично заимствованы из японского УК 1907 г. и ничем не отличаются от соответствующих постановлений УК 1928 г. Условное осуждение применяется в виде отсрочки исполнения наказания на срок от 2 до 5 лет. Оно может быть применено к приговоренным к тюремному заключению до 2 лет, аресту или штрафу. Условно-досрочное освобождение применяется по представлению директора тюрьмы высшими судебными властями к тем приговоренным к пожизненному тюремному заключению, которые отбыли 10 лет, а в остальных случаях к отбывшим половину срока. Непременным условием является установление признаков «исправления» (ст. 77).

Глава одиннадцатая содержит в себе правила погашения уголовного преследования давностью. Погашение давностью ранее не было известно уголовному законодательству Китая и до сих пор неизвестно гражданскому законодательству сегодняшнего Китая. Погашение давностью зависит от сроков наказаний, установленных для конкретных преступлений.

Глава двенадцатая общей части УК 1935 г. содержит в себе новые для китайского управления законодательства меры охраны («обеспечивающие меры»).

Применение мер охраны, чрезвычайно расширяющих репрессивные возможности наказания, является признаком фашизации юстиции соответствующей страны.

С такой оценкой обеспечивающих мер в китайском УК вынужден частично согласиться и китайский правовед доктор Хи Тай-ханг, признавая, что обеспечивающие меры примыкают к системе наказания [1].

Недостигшие 14 лет не наказуемы, но могут быть помещены в исправительный дом для перевоспитания и исправления. Достигшие 18 лет после отбытия наказания могут быть помещены в исправительный дом в тех же целях на срок до трех лет. Страдающие душевным расстройством могут быть помещены в специальные заведения сроком до трех лет. Наркоманы (курильщики опиума, морфинисты и кокаинисты, алкоголики) до отбытия наказания могут быть отправлены в специальные заведения на срок до шести месяцев (ст. 88). Нищенствующие, бродяжничающие, «отлынивающие от работы» могут быть помещены на срок до трех лет в специальные места для приучения к труду (ст. 90). Иностранцы, осужденные к тюремному заключению, после отбытия наказания или после освобождения от него подлежат высылке за пределы Китайской

[1] Z. f. St. W. 1934, 4 Heft, стр. 499.

республики. Меры охраны могут быть продолжены и сокращены по усмотрению суда в пределах установленных законом сроков (ст. 97).

Особенная часть китайского УК 1935 г. очень незначительно отличается от особенной части УК 1928 г. и находится под серьезным влиянием японского УК 1907 г.

Остановимся на преступлениях, которые наиболее ярко характеризуют социальные отношения на гоминдановской территории Китая и их классовую структуру.

В первой главе особенной части УК 1935 г. перечислены преступления против внутренней безопасности.

Посягательства на государственный строй, отторжение части территории или попытка сменить правительство караются срочным тюремным заключением от 7 лет. Руководители караются пожизненным тюремным заключением. Приготовление или участие в сговоре по поводу совершения этого преступления карается тюремным заключением от 6 месяцев до 5 лет (ст. 100). Те же деяния, сопряженные с повстанческими действиями, караются пожизненным тюремным заключением или тюремным заключением от 7 лет. Руководители караются смертной казнью или пожизненным тюремным заключением (ст. 101).

Глава вторая особенной части УК 1935 г. посвящена преступлениям против внешней безопасности (вовлечение в войну, отторжение части территории, служба в неприятельской армии и т. д.), которые караются смертной казнью или пожизненным тюремным заключением (ст. 103, 104, 105, 106 и 107). Покушение является наказуемым. Приготовление или сговор карается тюремным заключением от 3 до 10 лет.

Глава четвертая посвящена должностным преступлениям. Должностное лицо, предающее порученное ему дело, карается смертной казнью, тюремным заключением пожизненно или на срок не менее 10 лет (ст. 120). Должностное лицо, участвующее в иных преступлениях, карается по статьям, предусматривающим эти преступления, но с повышением наказания до половины (ст. 134). Взяточничество карается тюремным заключением от 3 до 10 лет и штрафом до 10 тысяч иен (ст. 122). Вынесение неправосудного приговора в корыстных интересах вопреки закону карается тюремным заключением от 1 года до 7 лет. Злоупотребление судебно-следственной и исполнительной властью при превентивном аресте или исполнении наказания карается тюремным заключением от 1 года до 7 лет (ст. 125).

Главы пятая и седьмая посвящены преступлениям, препятствующим исполнению обязанности должностных лиц и направленным против общественного порядка. Насильственные действия против должностных лиц при исполнении ими своих законных обязанностей караются тюремным заключением до 3 лет или арестом и штрафом до 300 иен (ст. 135). Если в результате насильственных действий последовала смерть должностного лица, то наказанием является пожизненное тюремное заключение и тюремное заключение от 7 лет. Надо отметить ст. 149, которая может быть использована в борьбе с революционной активностью масс. В ней указывается о том, что участники в толпе людей, собравшейся с намерением совершить насильственные действия, в случае отказа разойтись после троекратного и более предупреждения со стороны представителя власти, подлежат наказанию в виде тюремного заключения до 6 месяцев. Руководители караются тюремным заключением до трех лет. Если толпа учинит насильственные действия, то участники караются тюремным заключением до 1 года, арестом или штрафом до 300 иен. Руководители и активные участники — тюремным заключением от 6 месяцев до 5 лет.

Отметим также, как УК 1935 г. охраняет «священную» частную собственность китайских капиталистов и помещиков. Разглашение профессиональной и торговой тайны карается тюремным заключением до 1 года или штрафом до 500 иен (ст. 315, 316). Подделка документа, исходящего от частного лица, карается тюремным заключением до 5 лет (ст. 210). Простая кража карается тюремным заключением до 5 лет (ст. 320). Квалифицированная кража (ночная, вооруженная, совершенная шайкой из трех и более человек) карается тюремным заключением до 7 лет (ст. 322). Виновный в краже у родителей может быть освобожден от наказания по их просьбе (ст. 324). Насильственное похищение (грабеж) карается тюремным заключением от 3 до 10 лет. Разбой карается тюремным заключением от 5 до 12 лет, а при отягчающих обстоятельствах (поджог, насилие, похищение людей с целью получения выкупа, убийства) — смертной казнью или пожизненным тюремным заключением (ст. 332). Пиратство карается пожизненным тюремным заключением, а при отягчающих обстоятельствах — смертной казнью (ст. 333). Растрата карается тюремным заключением до 7 лет и штрафом до 1000 иен (ст. 335). Мошенничество и злоупотребление доверием караются тюремным заключением до 5 лет (ст. 340 и 341). Повреждение или истребление чужого имущества карается тюремным заключением до 3 лет (ст. 350). Если при похищении или истреблении чужого имущества последовала смерть владельца, то это преступление карается тюремным заключением пожизненно или до 10 лет (ст. 353). Подделка мер и весов карается тюремным заключением до 6 месяцев, арестом или штрафом до 300 иен (ст. 206).

Следует отметить также, как караются посягательства на жизнь. Убийство карается смертной казнью, пожизненным тюремным заключением или тюремным заключением от 10 лет. Покушение наказуется. Приготовление карается двухлетним тюремным заключением (ст. 271). Убийство родственников по прямой восходящей линии карается смертной казнью или пожизненным тюремным заключением. Покушение и приготовление наказуемы (ст. 272). Детоубийство, совершенное во время родов или немедленно после них, карается тюремным заключением от 6 месяцев до 5 лет. Покушение наказуется (ст. 274). Подстрекательство к самоубийству, помощь при самоубийстве или убийство по требованию или с согласия по-

терпевшего караются тюремным заключением от 1 года до 7 лет (ст. 275). Неосторожное убийство карается тюремным заключением до двух лет; арестом или штрафом до 2 тысяч иен ст. 276). Неосторожное убийство, причиненное при исполнении профессиональных обязанностей, карается тюремным заключением до 5 лет, арестом или штрафом до 3 тысяч иен.

Производство аборта по просьбе женщины и с ее согласия карается тюремным заключением до двух лет. Если в результате аборта последовала смерть, то наказание от 6 месяцев тюремного заключения до 5 лет (ст. 289). Производство аборта без согласия женщины карается тюремным заключением от 1 года до 7 лет, а при смертном исходе—тюремным заключением пожизненным или срочным, минимум 7 лет. Продажа женщины в целях наживы для разврата карается тюремным заключением от 1 до 7 лет (ст. 298). Половое сношение путем психического или физического насилия карается тюремным заключением до 5 лет. Это же деяние, учиненное двумя или более лицами, карается пожизненным тюремным заключением или тюремным заключением от 7 лет (ст. 222). Мужеложство путем физического или психического насилия карается тюремным заключением до 7 лет. Запрещенное половое сношение с девочкой, не достигшей 14 лет, карается тюремным заключением от 1 года до 7 лет, с девочкой от 14 до 16 лет — тюремным заключением до 5 лет (ст. 227). Побуждение с целью наживы к разврату женщины из «почтенной» семьи карается тюремным заключением до 3 лет. Нарушение «супружеской верности» карается тюремным заключением до 1 года, а партнер—тем же наказанием (ст. 238). Дело возбуждается только по жалобе другого супруга и может окончиться примирением сторон.

Применение опиума и иных наркотиков без цели наживы карается штрафом до 5000 иен, а с целью наживы путем содержания специальных курилен — тюремным заключением от 1 года до 7 лет и штрафом до 1000 иен (ст. 259).

Курильщики опиума и употребляющие иные наркотики караются тюремным заключением до 6 месяцев, арестом или штрафом до 500 иен (ст. 262).

Закон 1928 г. о наказуемости нарушений полицейских правил состоит из 53 статей, изложенных в девяти главах. Несовершеннолетние до 14 лет не подвергаются наказанию, но к ним могут применяться обеспечивающие меры. Основными наказаниями за нарушения полицейских правил являются: аресты до 2 месяцев, денежные штрафы и высылка. Дополнительным наказанием является запрещение торговли. По отбытии половины срока обнаруживший «признаки исправления» может быть досрочно освобожден. Закон содержит в себе перечень нарушений общественной тишины, порядка, правил о народном здравии и охране личности и частной собственности. Заслуживает интереса полицейская наказуемость нарушения врачом правил оказания неотложной помощи.

Из действовавших до 1 апреля 1935 г. исключительных законов часть была использована при составлении УК 1935 г. Заслуживает интереса сохранивший силу в качестве самостоятельного исключительного закона закон 31 марта 1931 г. о «наказуемости лиц, угрожающих опасностью республике».

Закон этот был издан в отмену закона 7 марта 1928 г. о борьбе «против контрреволюционных махинаций».

По закону 7 марта 1928 г. контрреволюционерами объявлялись все, кто был не согласен с диктатурой гоминдана.

Закон 31 марта 1931 г. имеет отчетливый политический характер и направлен против коммунистического движения. Закон состоит из 11 статей, которые можно расчленить на следующие группы: 1) статьи, в которых указываются отдельные действия, подлежащие наказанию по этому закону, и меры наказания (ст. 1—6), 2) статьи процессуального характера (ст. 7—8) и 3) статьи, в которых разрешаются частные вопросы, связанные с применением настоящего закона (ст. 9—11).

В первой группе статей перечисляется применение смертной казни ко всем тем, кто в целях посягательства на республику нарушает общественную тишину и порядок, конспирирует с иностранными государствами, состоит в связи с повстанцами или побуждает солдат к дезертирству и грабежу (ст. 1). Смертной казнью или пожизненным тюремным заключением караются те, кто в тех же целях склоняет других лиц к нарушению общественного порядка или к связи с повстанцами, кто в письме или словесно ведет пропаганду к ниспровержению государственного строя. Пожизненным тюремным заключением или тюремным заключением до 10 лет караются те, кто согласился быть вовлеченным в ряды повстанцев или кто совершил дезертирство. Недоносительство карается тюремным заключением не ниже 5 лет. Донесший может быть подвергнут смягченному наказанию или освобожден от наказания вовсе. Тюремным заключением от 5 до 15 лет караются организаторы объединений или устроители собраний, имеющих целью посягнуть на республику или пропагандировать теории, противоречащие принципам Сун Ят-сена (ст. 6). Во второй группе перечисляются процессуальные правила, из которых видно, что дела по этому закону подсудны исключительно судам, состоящим из окружного начальника и двух судей. Приговор должен быть переслан военным властям и может быть приведен в исполнение по утверждении последними. В случаях, не предусмотренных настоящим законом, действуют общие положения УК.

Срыв гоминданом единого национального фронта, подавление массового движения китайского народа всеми имевшимися в распоряжении гоминдановского правительства средствами, в том числе и при помощи созданного им реакционного уголовного законодательства, посеяли и укрепили в китайских народных массах чувство недовольства теми, кто изменил заветам Сун Ят-сена.

Только единый национальный фронт может изменить уголовное законодательство Китай-

ской республики в сторону не подавления народных масс в интересах капиталистов и помещиков, как это имело место сегодня, а в сторону борьбы с врагами народа и для внедрения внутренней дисциплины в народные массы.

И. Я. САПГИР.

Уголовное законодательство фашистской Италии

Уголовная политика фашистской Италии является выражением общей ее политики. Последняя же охарактеризована в следующих словах товарища Сталина: «Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов, — вот что особенно занимает теперь современных империалистических политиков». Все уголовное законодательство фашистской Италии определяется этой целью, призвано служить «обузданию рабочего класса», оголтелому террору в отношении антифашистских и революционных деятелей, «укреплению тыла военных фронтов», для фашистской Италии уже не будущих, а настоящих (Абиссиния, интервенция в Испании).

Уголовный кодекс фашистской Италии был утвержден 19 октября 1930 г. и вступил в действие 1 июля 1931 г. одновременно с фашистским уголовно-процессуальным кодексом.

Ни уголовный, ни уголовно-процессуальный кодексы нельзя изучать в отрыве от итальянского фашистского исключительного законодательства.

Изданный еще в 1926 г. в силу особого полномочия, предоставленного правительству, и переизданный в 1931 г. в порядке согласования с уголовным кодексом кодекс полиции безопасности («единый текст закона общественной безопасности») привели к тому, что даже некоторые фашистские правоведы вынуждены признать «чрезмерное расширение полицейского права за счет уголовного». «Полицейское право грозит уничтожить признанные в кодексе Рокко и подтвержденные основные положения об объеме притязаний государства на наказание. В результате создается второе, невидимое уголовное право, построенное целиком на понятии опасности» (Гунар Дибвад).

При ознакомлении с этим «вторым, невидимым уголовным правом» особенно ярко выступит здание полицейского произвола, фасад которого образуют фашистские суд и прокуратура, становится очевидным переход к методам прямой полицейской расправы.

Итальянское фашистское уголовное право эклектично. Оно сочетает положения буржуазных школ — классической и антрополого-позитивной или социологической. В нем мы находим как начала «моральной ответственности», влекущей за собою наказание-возмездие-искупление-устрашение, так и принцип «социальной опасности», влекущий за собою «меры социальной защиты». Именно этот принцип «социальной опасности» и «меры социальной защиты» объединяют кодекс полиции безопасности и фашистский уголовный кодекс, помогают координировать деятельность полиции безопасности с деятельностью судебно-прокурорских органов, заставляя судебно-прокурорские органы итти на поводу у полиции безопасности.

Это же вынужден признать тот же Гунар Дибвад в своей работе («Теория и практика фашистской пенитенциарии»). «Необходимо признать, — пишет он, — что меры социальной защиты, введенные в уголовный кодекс, по сравнению с мерами социальной защиты, которые предусматривает кодекс полиции безопасности, не имеют собственного содержания и собственной цели. Между полицейскими мерами безопасности и теми, о которых идет речь в уголовном кодексе, разницы нет, если не считать, что последние снабжены несколько большими гарантиями».

В каком порядке принимаются меры социальной защиты полицейского характера и против кого направлены эти меры, мы увидим в дальнейшем. Что касается мер социальной защиты, которые включены в уголовный кодекс, то и в отношении их уголовно-процессуальный кодекс предписывает упрощенное производство, причем суд (или особый «судья по надзору») и прокурор только «оформляют» требования полиции безопасности.

Полиция безопасности развивает большую активность по вмешательству во все стороны судебной жизни. От ее характеристик зависит применение мер безопасности, когда эти меры применяются судебными органами, от ее характеристик зависит и возможность реабилитации, — полиция безопасности составляет основное ядро судебной полиции, работающей в теснейшем контакте с прокуратурой и пр

Таким образом, с одной стороны, нельзя изучать оба фашистских кодекса — уголовный и уголовно-процессуальный — вне их связи с кодексом полиции безопасности. С другой стороны, оба кодекса нельзя изучать вне их связи еще с одним исключительным законом — законом по охране государства. Этот закон определил характер уголовного кодекса в его наиболее существенной с точки зрения интересов фашистского «правосудия» части, именно в той, которая касается преступлений против «личности государства». Далее закон об охране государства существенно ограничил рамки применения фашистского уголовно-процессуального кодекса, сделав этот кодекс применимым только в общих судах и неприменимым в чрезвычайном (особом) трибунале для охраны государства.

Вот почему наш очерк об уголовном законодательстве фашистской Италии нам приходится разбить на три части. В первой части мы даем характеристику исключительного законодательства Италии, поскольку это необходимо для понимания фашистского уголовного кодекса, во второй — характеристику основных установок фашистского уголовного кодекса (т. е. общей его части), а в третьей — характеристику особенной его части.

Таким образом нам теперь необходимо обратиться к анализу исключительного законодательства фашистской Италии.

В сборнике, изданном германским «Институтом по изучению иностранного публичного

права и международного права» (Берлин, 1928 г.) и посвященном исключительному законодательству главнейших капиталистических стран, авторы пишут, что «с момента победы фашизма в Италии широко распространено мнение, особенно за границей, что Италия находится под длительной властью исключительного положения, каким является фашистский режим». Авторы, настроенные благоприятно к итальянскому фашизму, конечно, с такой характеристикой этого режима не согласны. Между тем эта характеристика совершенно справедлива. Она справедлива для периода с момента прихода фашизма к власти в Италии до 1925—1926 гг., когда «правящая уголовщина», не заботясь о сохранении видимости закона и права, громила рабочие и революционные организации, когда по стране катилась волна террора и внесудебных расправ. Она справедлива и для периода после 1925—1926 гг., когда, не прекращая внесудебных расправ, эта «правящая уголовщина» пыталась вместе с тем волну беспощадного массового террора ввести в русло исключительного законодательства.

Мы говорим об исключительном законодательстве в трех отношениях: 1) это законодательство исключительно потому, что оно нарушало итальянскую конституцию, 2) оно исключительно по способу своего издания и 3) оно исключительно потому, что, острием своим прямо направленное против широких трудящихся масс Италии, против рабочего и революционного движения, против антифашистских деятелей, оно осуществляет террор с исключительной жестокостью.

Прежде чем обратиться к кодексу полиции безопасности, который будет нас интересовать в первую очередь как документ, обнажающий фундамент фашистской репрессии, а также к исключительному закону об охране государства, мы дадим краткую характеристику движения исключительного законодательства в Италии.

В момент прихода фашизма к власти в Италии (октябрь 1922 г.) действовали: 1) уголовный кодекс 1889 г. (кодекс Ценарделли), построенный на принципах буржуазной классической школы уголовного права, с введением которого отменялась в Италии смертная казнь, и 2) уголовно-процессуальный кодекс 1913 г. Для наиболее серьезных политических и уголовных дел сохранялся суд с участием присяжных заседателей.

Это законодательство, конечно, никак не могло удовлетворить итальянский фашизм. Не стал законом также изданный в 1921 г. проект Ферри, известный под именем уголовного кодекса без вины и наказания. Проект исходил из принципа «легальной ответственности» и «социальной опасности», упразднял понятие «вменяемости» и заменял наказание «мерами социальной защиты» или санкциями. Проект не пошел дальше составления первой книги, являвшейся общей частью кодекса и состоявшей, кроме «предварительных замечаний», из трех разделов: 1) преступление, 2) преступник и 3) санкция. Однако этот проект оказал огромное влияние на фашистский уголовный кодекс 1930 г., который не воспринял целиком идей Ферри, а стал на путь эклектизма.

В области государственного устройства в момент прихода фашизма к власти действовала так называемая конституция короля Альберта. Эта конституция была введена в Сардинии-Пьемонте еще в 1848 г. и после объединения Италии в 1861 г. была провозглашена конституцией итальянского королевства. Эта конституция не предусматривала возможности введения чрезвычайного положения. Создание исключительных судов было прямо запрещено ст.ст. 70 и 71 названной конституции.

Таково было положение вещей в момент прихода фашизма к власти в Италии. Никакого исключительного положения объявлено не было, но сам фашистский режим явился таким «исключительным положением». Террор осуществлялся по линии форменных погромов, налетов, убийств, нападений, внесудебных расправ. Продолжал действовать суд присяжных, но противников режима не предавали суду, с ними прямо расправлялись без суда, и основная забота правительства сводилась к тому, чтобы создать безопасность для фашистских налетчиков, погромщиков и бандитов, а также освободить тех, кто попал в тюрьму при прежнем правительстве. Одна за другой последовали три амнистии, направленные на то, чтобы эти фашистские молодчики поскорее получили свободу. Первая амнистия от 22 декабря 1922 г. (она была выработана министром Овильо) покрывала все преступления, включая убийство, если они были совершены в «национальных интересах». Вторая амнистия последовала вскоре после первой — 31 октября 1923 г., а третья — 31 июля 1925 г.

Быстрым темпом шла фашизация государственного, фашизация судебного аппарата. Одним из первых шагов фашистского правительства было упразднение высшего совета магистратуры; принцип «несменяемости судей», для обхода которого и прежнее итальянское судоустройство оставляло многочисленные лазейки, был окончательно обращен в прах: министр юстиции стал по своему усмотрению перемещать и увольнять судей.

Что касается сменяемой прокуратуры, то тут подбор нужных людей шел полным темпом. Особенно тщательно подбирались генерал-прокуроры апелляционного суда (в руках которых впоследствии фашистский уголовно-процессуальный кодекс 1930 г. сосредоточил чудовищные по своему объему полномочия). Список присяжных заседателей «очищался» от неугодных фашизму лиц. Суд, присяжные, защитники, свидетели подвергались запугиванию, а защитники и свидетели иногда прямому насилию. В Италии ходячей фразой стало: «Фашист может рассчитывать на безнаказанность». Это значило, что если расправа совершена по приказу фашистской власти или заслужила последующее одобрение, эта самая власть вступается, чтобы помешать полиции, жандармерии или магистратуре возбудить преследование против виновных».

«Неизвестное лицо», по терминологии судебно-прокурорских и полицейских органов, — это фашист, который совершает налет, ограбление, убийство в полной уверенности, что он останется безнаказанным. Убийцы Маттеоти тоже стали бы «неизвестными лицами», если бы номер их автомобиля не был замечен при-

вратником дома, около которого они поджидали намеченную к похищению жертву.

В этот период толпы людей, носящих фашистский значок, наводняли суды, угрожая судьям и присяжным, избивая защитников и свидетелей, нападая на закованных в наручники антифашистских заключенных. Свидетели бывали до такой степени запуганы, что они боялись что-либо «припомнить» и отказывались от ранее данных показаний, если они сводились к изобличению фашистских дружинников. Сальвемини рассказывает такой случай. Во время процесса фашистских погромщиков, совершивших 4 октября 1925 г. налеты во Флоренции, один из свидетелей обвинения на вопрос председателя, опознает ли он кого-либо из подсудимых, ответил отрицательно, даже не бросив взгляда на скамью подсудимых. Смущенный председатель под хохот всего зала заметил свидетелю: «Вы хотя бы повернули голову и посмотрели в ту сторону, где сидят обвиняемые».

В таком составе и в такой обстановке работали суды.

Для разгрома рабочего движения, кроме методов внесудебной расправы, пользовались старыми законами, в которые более или менее секретные инструкции вкладывали новый, извращенный, желательный смысл, и суды покорно подчинялись данным им директивам. Приведем некоторые примеры. Ст. ст. 248 и 251 уголовного кодекса 1889 г., каравшие за участие в преступных сообществах и за подстрекательство к неповиновению закону (ст. 248 предусматривала наказание исправительным домом от 1 года до 5 лет, а при отягчающих обстоятельствах от 3 до 10 лет), начали применяться к различным рабочим организациям, которые стали квалифицироваться как преступные. Под предлогом борьбы с франкмасонством в 1925 г. был издан закон о «тайных обществах», и правительство не постеснялось под тайные сообщества подвести организации МОПР. В начале 1925 г. фашистское правительство извлекло из забвения ст. 3 старого закона о провинциях и общинах, дававшую префекту право запретить любую газету, которую он признает «опасною для общественного порядка».

Оппозиционная пресса была окончательно раздавлена в декабре 1925 г. В том же 1925 г. был издан закон (впоследствии вошедший в уголовный кодекс 1930 г.), устанавливавший суровые кары за «посягательство на честь или достоинство главы правительства». Немедленно последовали многочисленные обвинительные приговоры, присуждавшие к 6, 9 и 12 месяцам заключения и даже к заключению на более длительные сроки (в ст. 282 фашистского уголовного кодекса наказание назначается уже от 1 года до 5 лет исправительного дома).

Годы 1925—1926 были годами лихорадочного законодательного вооружения фашистского кулака. Шло сосредоточение власти в руках главы правительства. Право издания законов передается исполнительной власти. Появляются так называемые «декрети-ледже» («декреты-законы»), для которых, правда, требуется последующее утверждение законодательных палат, но которые вступают в действие немедленно.

С другой стороны, для некоторых законодательных актов палаты заранее уполномочивают на их составление правительство, создавая вместе с тем упрощенный порядок для их утверждения.

Именно в этом последнем порядке законом от 24 декабря 1925 г. фашистское правительство было уполномочено на составление уголовного и уголовно-процессуального кодексов, а также судоустройственных законов. Особое полномочие правительство также получило, как мы видели, на составление кодекса полиции безопасности. (Ср. «закон о полномочиях и прерогативах главы правительства, первого министра, государственного секретаря» от 24 декабря 1925 г., закон от того же числа, уполномочивающий на составление кодексов, «закон о праве исполнительной власти издавать юридические нормы» от 31 января 1926 г. и др.).

3 апреля 1926 г. был издан закон о «правовой организации трудовых коллективных отношений», закладывавший фундамент «корпоративного государства» (ср. также изданную 21 апреля 1927 г. «хартию труда»), но одновременно воспрещавший стачки рабочих под угрозой суровых репрессий.

В ноябре 1926 г. фашистское правительство объявило все оппозиционные партии нелегальными.

6 ноября 1926 г. был издан кодекс полиции безопасности. 25 ноября 1926 г. был издан закон об охране государства. На этих двух последних исключительных законах мы остановимся несколько подробнее. Вместе с тем нам станет ясным, почему фашистское правительство после издания всех этих исключительных законов могло не очень торопиться с реформой обоих кодексов — уголовного и уголовно-процессуального и положения о судоустройстве.

Прежде чем подвергнуть анализу кодекс полиции безопасности, скажем несколько слов о том, что собою представляет полиция безопасности. Полиция безопасности — этот филиал национальной милиции — является вновь созданной фашизмом охранной политической полицией. Фашистский режим считает национальную милицию более надежной опорой, чем армию, и возлагает на нее, а особенно на ее филиал — полицию безопасности — основную задачу по охране фашистской диктатуры в стране. Постановление фашистского большого совета от 26 июля 1929 г. отмечает, что «милиция является организацией политической полиции в крупном масштабе». Мы уже указывали, что полиция безопасности составляет основное ядро также судебной полиции, полномочия которой в области производства арестов, дознаний и даже следственных действий значительно расширены фашистским уголовно-процессуальным кодексом 1930 г.

Изданный 6 ноября 1926 г. кодекс полиции безопасности вобрал в себя все фашистские законы, уничтожавшие свободу печати, союзов, собраний и пр., и вооружил полицию безопасности чудовищными полномочиями по борьбе с неугодными фашистскому режиму лицами и по применению к ним «мер безопасности».

Кодекс полиции безопасности разбива-

ется на следующие разделы: 1) о полицейских мероприятиях и их исполнении, 2) положения, касающиеся общественного порядка и спокойствия, 3) положения, касающиеся зрелищ, публичных представлений, агентств, типографий, афиш, разносчиков, рабочих и служащих, 4) положения о частной охране и частных сыскных конторах, 5) об иностранцах, 6) положения, касающиеся лиц, опасных для общества, 7) о конституции, 8) об обществах, союзах и организациях, 9) о состоянии общественной опасности и о состоянии войны, 10) постановления заключительные и временные.

Впервые в Италии были введены «идентификационные карточки», которые обязаны иметь все лица старше 15 лет. Каждое «подозрительное» лицо (а определение «подозрительности» вполне предоставлено произволу полиции) должно, кроме того, иметь на своей идентификационной карточке дактилоскопические отпечатки. О каждом «подозрительном» или «опасном» лице сообщается в министерство внутренних дел, которое составляет бесконечные описки этих лиц.

Суровые полицейские мероприятия предусмотрены кодексом для «неблагонадежных» и «опасных».

Что же это за категория «опасных» и какие права предоставлены полицией для расправы с ними?

Там, где кодекс полиции безопасности говорит о праве полиции безопасности применять ссылку, он расшифровывает с полной ясностью понятие «опасных». Речь идет в этом случае о «политически-неблагонадежных», о лицах, неугодных фашизму или опасных для него.

Принудительное административное интернирование знал и старый кодекс полиции безопасности 1889 г., но только для праздношатающихся, торговцев белыми рабами и привычных алкоголиков.

Между 1915 и 1921 гг. количество таких интернированных ежегодно колебалось от 136 до 152 человек.

Кодекс полиции безопасности 1926 г. создал новый класс нарушителей, которых можно интернировать, а именно: «всех тех, которые совершили или обнаружили обдуманное намерение совершить деяния, разрушительные для общественного, экономического или национального порядка, или способные уменьшить безопасность государства, а также лиц, которые мешают действиям или критикуют действия государственных властей способом, могущим принести ущерб национальным интересам в зависимости от внутренней или внешней ситуации данного момента». Из этой растяжимой формулы видно: 1) что речь идет именно о политически-неугодных для фашизма лицах и 2) что эти лица могут быть интернированы, хотя бы они не совершили никакого преступного деяния. В чем заключается интернирование и какой характер оно носит—это мы сейчас увидим.

Мерами социальной защиты, которые предусматривает кодекс полиции безопасности, являются: 1) выражение «недоверия», 2) предупреждение (выговор), сопровождающееся подлинным надзором полиции в самой тягостной форме, и 3) наконец, принудительное интернирование.

Предупреждение может перерасти в интернирование и обыкновенно перерастает. Однако политически-неугодные для фашизма лица, подпадающие под приведенную выше формулу, подвергаются интернированию б е з п р е д в а р и т е л ь н о г о п р е д у п р е ж д е н и я.

Что касается тех, кто может быть интернирован только после полученного предварительно предостережения, то круг этих лиц значительно шире, и в этом случае «политически-неблагонадежные» сознательно помещаются в одну категорию с привычными пьяницами, с рецидивистами, с лицами, страдающими заразными болезнями, сутенерами и пр., чтобы можно было их уравнять при применении репрессивных мер также в смысле режима. Общим для всех этих лиц, нарочно отнесенных в одну группу, является то, что об их опасности должна свидетельствовать «народная молва». Ссылка на «народную молву» упоминается в статье кодекса, которая уполномочивает полицию принимать меры безопасности и в тех случаях, когда обвиняемый в преступлениях против «личности государства», против общественного порядка или совершенных с помощью взрывчатых веществ будет оправдан по недостатку доказательств или дело о нем будет прекращено по тем же основаниям в стадии предварительного расследования.

Право выражать «недоверие» имеет префект полиции, и выражение недоверия является началом неизбежного длительного пути мучений, которые должен пройти тот, кому это недоверие выражено. Предупреждение (выговор) с полицейским надзором и интернирование выносятся административной комиссией, состоящей из пяти лиц: трех полицейских, представителя прокуратуры и одного члена фашистской партии. Лицо, получившее предупреждение, подвергается подлинному полицейскому надзору. Он получает специальную книжку, куда заносятся все предписания, которым он должен следовать. Предписания эти делятся на такие, которые указаны в самом кодексе, и на такие, которые угодно изобрести самой полиции безопасности. К первой категории относятся следующие предписания: получившему предостережение нельзя переменить места жительства без предварительного о том уведомления полиции. Ему предписывается «жить честно, уважать законы, не давать поводов к подозрению», не принимать участия в общественных собраниях, не выходить из дому ранее и не возвращаться домой позднее установленного часа, не носить оружия и пр.

Срок такого политического надзора — два рода. Обыкновенно предупреждение влечет за собою с неизбежностью интернирование, являясь только ступенью к нему. Нарушение указанных правил влечет за собою арест от 3 месяцев до 1 года (не предрешая возможности дальнейшего присуждения к интернированию).

Если получивший предупреждение будет приговорен судом за какое бы то ни было деяние к лишению свободы, то по отбытии наказания к нему применяется мера безопасности в виде надзора (ст. 215, 228—232 фашистского уголовного кодекса), если суд не выберет более суровой меры безопасности.

Что же такое интернирование (конфино)? Интернирование — это назначение принудительного местожительства (домичилио коатто). Эта мера назначается от 1 года до 5 лет и отбывается в колонии или общине, не являющейся местом жительства интернируемого.

Назначив эту меру безопасности, комиссия имеет право немедленно взять под стражу интернируемого.

Место принудительного жительства устанавливает министр внутренних дел. Местами принудительного жительства для политических устанавливаются «ужасные острова смерти и безумия»: Липари, Лампедуза, Устика, Фавиньяна, Пантеллериа (все вблизи Сицилии) и Понца и Вентотене (вблизи Неаполя).

При этом «политически-неблагонадежные» пользуются своеобразной «привилегией» (privilegio odiosa): в то время как для остальных категорий «опасных» требуется, чтобы они подверглись предупреждению, прежде чем им будет назначено интернирование, для политических такого предупреждения не нужно — они могут прямо быть присуждены к интернированию.

В виде тяжкого «привеска» к интернированию устанавливается обязательный труд, каким на практике является труд физический. Это — новшество фашистского кодекса полиции безопасности. Соответствующие статьи кодекса полиции безопасности делают необязательными для комиссии допрос интернируемых и предъявление им обвинения. Интернированный часто узнает о примененной к нему ссылке, когда прибывает на место интернирования.

Мы имеем многочисленные описания тех ужасающих условий, в которых живут, а чаще погибают интернированные политические. Такие описания дает профессор социологии Натаниэль Кантор (Буффало, США) и даже коечто выбалтывает германский правовед Гунар Дибвад, которому итальянское правительство дало разрешение посетить один из островов, являющихся местом интернирования.

Приведем сначала некоторые факты, сообщаемые Н. Кантором.

Прежде всего Кантор показывает, как мало требуется для того, чтобы человек очутился на одном из «островов смерти и безумия». Второе, невидимое уголовное право, о котором говорит Гунар Дибвад, выступает во всей своей «красе».

В 1929 г. на остров Липари был интернирован человек, на которого его деловой конкурент донес, что он коммунист, между тем как этот человек никогда не интересовался политикой.

Про бедного фермера, не знающего ничего о коммунизме, местный полицейский чиновник, находившийся в связи с его женой, донес, что он коммунист. Фермер был направлен на остров Липари.

Двадцать жителей Монтеротондо (близ Рима) были сосланы на Липари за то, что они присутствовали на похоронах одного рабочего, хорошо известного как социалиста. Среди этих двадцати имелись две женщины (родственницы покойного).

Доктор Розелли, автор книги «Манцини и Бакунин», был арестован и без всякого интернирован в Устике летом 1927 г., в то время как «Общество истории Возрождения» присудило ему премию за его книгу.

Нередко политические подвергаются интернированию немедленно после того, как они бывают оправданы судом. Тот же Кантор приводит следующий факт: в сентябре 1927 г. Этторе Альбини, Франческо Спирито, Эмилио Амелио и Джиакомо Оча, после того как они были оправданы судом в Савонне по делу о содействии побегу из Италии Филиппо Турати, лидера социалистов-реформистов, были немедленно же отправлены из тюрьмы: первые трое — на остров Липари, четвертый — на остров Устику.

Д-р Карло Розелли и проф. Ферручио Парри, после отбытия десятимесячного заключения за содействие побегу Турати, вместо освобождения были интернированы на остров Липари.

Интернированных перевозят в наручниках в специальных тюремных вагонах. Ночи они проводят в пересыльных тюрьмах, закованные в цепи по 4 человека, часто без пищи, в тесноте переполненных камер.

На месте ссылки заключенные живут в специальных бараках, лишенных элементарных удобств. Они обязаны возвращаться в бараки до захода солнца. Помимо нездорового климата (малярия) заключенные страдают от недоедания. Посылки и передачи запрещены. Муссолини в речи, произнесенной 18 декабря 1930 г., определил «экзистенц минимум» для рабочих в 8 лир на человека. Интернированным ассигнованная на содержание сумма снижена с 10 до 5 лир на каждого. На жену добавляется лира и пол-лиры на каждого ребенка.

Лагерь, определяющий «свободу» передвижения интернированного, чаще не более ½ квадратной мили. В июне 1933 г. на острове Понцо на 320 интернированных приходилось 600 человек администрации. Письма просматриваются. Книг почти нет. Среди запрещенных книг А. Франс, Л. Толстой, Вольтер. Администрация груба и придирчива, дело доходит до избиений, жаловаться некому. Политические вынуждены терпеть общество уголовников-рецидивистов. Три раза в день в определенные часы интернированные обязаны являться в полицию. Опоздание на одну минуту влечет за собою три месяца тюрьмы. Издеваясь над своими жертвами, полиция нередко переставляет часы, чтобы создать повод для репрессий.

Германский правовед Гунар Дибвад, несмотря на сухость своего описания, дает в общем ту же картину положения интернированных что и Натаниэль Кантор. Он посетил остров Вентотене и пишет: «Вентотене — остров небольшого размера к западу от Неаполя, принадлежащий к Понтийской группе островов. Интернированные (в Вентотене исключительно из числа политических) живут частью в старом замке, частью в расположенных отдельно бараках. Оба здания снаружи и внутри безусловно производят впечатление тюрем (разрядка моя — А. Б.). В этих зданиях интернированные должны находиться от 8 часов вечера до 7 часов утра. В 8 часов утра они идут за получением своего

содержания и для проверки в полицию (на содержание они получали сначала 10 лир, теперь 5 лир). В 2 часа дня и в 7 часов вечера снова обязательно посещение полиции. Обед имеет место за общими столами... Свободное распоряжение своим временем сильнейшим образом стеснено рядом специальных предписаний, которым интернированные должны следовать. Директор колонии уполномочен по своему усмотрению издать специальные предписания, обязательные для интернированных, если они вносятся в книжку, которой снабжен каждый интернированный. В Вентотене я прочел в этих книжках между прочим следующие предписания: не играть в карты, не собираться и не стоять в количестве более трех человек, не встречаться с женщинами, находящимися в деревне. Прогулки внутри острова или к берегу запрещены. На 70 интернированных [illegible]ется 71 служащий. Передвижение совершается в наручниках и группами по 4 человека, «скованных цепями».

Гунар Дибвад добавляет: «В противоположность Новелли, необходимо притти к выводу, что налицо подлинное заключение, подлинное и ничем не прикрытое лишение свободы». Гунар Дибвад не видит никакой разницы между мерами социальной защиты, которые введены в фашистский уголовный кодекс, и теми, которые предусматривает кодекс полиции безопасности, больше того, не видит никакой разницы между мерами социальной защиты и наказанием.

Кодекс полиции безопасности необходимо изучать в его неразрывной связи с фашистским уголовным кодексом. Кодекс полиции безопасности обращает в ничто один из основных конституционных принципов буржуазной формальной демократии о том, что «никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, установленного и опубликованного раньше преступления», как это выражено в декларации прав гражданина и человека 1789 г., хотя этот принцип лицемерно повторен и в ст. 1 фашистского уголовного кодекса. Меры безопасности применяются в отношении лиц, не совершивших никакого преступления, — без суда, в порядке простого полицейского усмотрения. Меры безопасности применяются и в отношении оправданных. Что касается мер безопасности, предусмотренных уголовным кодексом, то они, правда, применяются только к лицам, совершившим определенное преступное деяние, но могут быть приняты до приговора, вне связи с приговором и даже в случае оправдания. При принятии мер безопасности суд и прокуратура действуют в тесном контакте с полицией безопасности.

В интересах полноты характеристики кодекса полиции безопасности нам необходимо в заключение остановиться на его IX разделе, который говорит о «состоянии общественной опасности и о состоянии войны» (ст. ст. 219 — 224). Как мы уже указывали, этим разделом впервые в Италии легализуется возможность введения исключительного положения.

Фашистский кодекс полиции безопасности не употребляет термина «осадное положение» и придает термину «состояние войны» совершенно новое значение.

«Состояние общественной безопасности» объявляет министр внутренних дел с согласия главы правительства и даже в порядке делегации префект путем издания соответствующего декрета. Префект в случае «неотложности» может предпринять по своему усмотрению любые мероприятия «для охраны порядка и общественной безопасности». После объявления «состояния общественной опасности» полиция получает право арестовывать любое лицо и держать его в заключении без ограничения срока, если она считает это необходимым для восстановления «порядка». Министр внутренних дел получает право, если «состояние общественной опасности» объявлено для всего государства, издавать распоряжения в противоречии с любыми законами под предлогом требования о восстановлении «порядка». Нарушители этих постановлений подвергаются аресту и наказываются в административном порядке заключением на срок не ниже года (предельный срок не указан), если они не подлежат более серьезному наказанию по уголовному закону. Тем же наказаниям подвергается лицо, нарушившее издаваемые префектом распоряжения. «Состояние войны» объявляется министром внутренних дел с согласия главы правительства и даже префектом в порядке делегации, когда они признают необходимым призвать военные силы для защиты «порядка». В этом случае распоряжения, о которых говорилось выше, выпускаются военным командованием. Нарушители подвергаются тем же наказаниям, о которых мы говорили выше.

Лица, совершившие преступления против «государства-лица», против порядка управления, против общественного порядка, против личности или имущества, судятся военным судом, если эти преступления совершены во время объявленного состояния войны или во время предшествовавшего такому объявлению «состояния общественной опасности».

6 ноября 1926 г. был утвержден кодекс полиции безопасности, а 25 ноября 1926 г. был издан закон о защите государства. Кодекс полиции безопасности — это подлинный кодекс политического бесправия итальянских граждан. Закон об охране государства — это введение во внешне «легальные» формы самого оголтелого фашистского террора.

Закон об охране государства 1) вводил смертную казнь за ряд политических преступлений, составы которых устанавливались в тексте самого закона, после того, как она в течение 27 лет была отменена в Италии, и 2) создавал чрезвычайный трибунал для охраны государства, военный по своему составу, с применением в нем военных судопроизводственных законов, изданных для времени войны.

Закон об охране государства был введен как исключительный и временный закон на пять лет. На пять лет был учрежден и чрезвычайный трибунал по охране государства. Действие чрезвычайного трибунала два раза отсрочивалось на пять лет, причем один раз вскоре после упразднения суда присяжных и замены его судом с асессорами, а второй раз совершенно недавно — королевским декретом от 15 декабря 1936 г. № 2136 («Гадзетта уффициале» от 26 декабря 1936 г. № 298). Недаром сенатор Сильвио Донги, восхваляя чрезвычай-

ный трибунал за его «заслуги» перед фашистским режимом, предлагал из чрезвычайного и временного сделать это судилище нормальным и постоянным, как нормальной стала та часть закона от 25 декабря 1926 г. об охране государства, которая вводила новые составы политических преступлений и применение смертной казни, поскольку она была воспринята фашистским уголовным кодексом.

Чрезвычайный (особый) трибунал для охраны государства был предметом постоянной заботы о нем фашистского правительства. Один за другим издавались многочисленные декреты, регулировавшие различные стороны его деятельности. При этом компетенция его постепенно значительно расширялась. В первоначальном законе в ведение этого трибунала передавались лишь некоторые политические преступления, перечисленные в ст. ст. 1—6 названного закона, причем смертная казнь устанавливалась в 7 случаях. При продлении действия чрезвычайного трибунала в 1931 г. еще на пять лет (первое продление) этому трибуналу передавались уже все преступления, предусмотренные разделом первым второй книги фашистского уголовного кодекса 1930 г. Раздел первый книги второй обнимает все преступления против «личности государства», т. е. все политические преступления. Этот раздел состоит из 72 статей (от 241 до 313) и устанавливает смертную казнь в 25 случаях, причем в большинстве случаев как единственную меру, как абсолютно-определенную санкцию.

Для полноты картины посмотрим, как «работает» чрезвычайный трибунал на практике.

Единственной — и притом неизбежной — мерой пресечения по делам, подлежащим суду чрезвычайного трибунала, является заключение под стражу. В силу ст. 9 декрета от 12 декабря 1926 г. № 2008 прокурор может прямо вызвать подсудимого в суд без предъявления ему обвинения, хотя бы подсудимому угрожала смертная казнь.

Следователь не обязан сообщать подсудимому о собранных против него доказательствах. В деле могут быть документы и вещественные доказательства, которые председатель трибунала может признать «секретными» и изъять от обозрения подсудимого и его защитника. Дело слушается через 24 часа после поступления его в суд, причем председатель может сократить этот срок. К этому нужно добавить, что предварительное следствие по делу тянется весьма продолжительное время (например, два года по делу Замбони, 16 месяцев по делу швейцарского гражданина Гофмейстера и пр.). Ознакомиться часто с многотомным делом, разбухшим за многие месяцы предварительного следствия, ни у обвиняемого, ни у его защитника не представляется никакой возможности за тот короткий срок, который предоставлен в их распоряжение.

Председатель и следователь чрезвычайного трибунала назначаются самим Муссолини.

Защитники боятся принимать на себя защиту в чрезвычайном трибунале, так как это чревато всякими неприятными последствиями. Кроме того, гражданский защитник может быть не допущен председателем к участию в деле и заменен военным защитником. Для этого достаточно простого требования прокурора. Военный защитник не должен иметь чина выше капитана. Что представляют собою защитники, принимающие защиту в чрезвычайном трибунале, видно из такого факта: один из защитников в сентябре 1930 г., защищая группу славян, утверждал, что его подзащитные «находятся в ужасном положении» и что «по делу нужен смертный приговор». Этот защитник имел наглость после дела требовать от отца одного из своих подзащитных гонорар в размере 30 000 лир.

Заседания чрезвычайного трибунала считаются публичными, но председатель имеет право всегда по своему усмотрению закрыть двери заседания. Отчеты о заседаниях обыкновенно не печатаются, и о них можно узнать только по тем сведениям, которые просачиваются в иностранную прессу. Публикация отчетов о заседаниях (когда они печатаются) составляет монополию официального телеграфного агентства Стефани. Отчеты эти тщательно редактируются председателем трибунала и соответствующими заинтересованными лицами. Когда двери заседания не закрыты, председатель пользуется своим правом подбирать публику из числа тех, присутствие которых для него желательно.

Грубая фальсификация доказательственного материала составляет неотъемлемую принадлежность этого судилища. Как правило, свидетелями выступают чины полиции безопасности, которые не обязаны сообщать источников своей информации. Бремя доказательства перекладывается на подсудимого.

Приговоры трибунала окончательны. В течение трех лет не допускался даже пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Пересмотр необычайно труден даже после того, как он разрешен. Обыкновенно просьбы о пересмотре рассматриваются самим Муссолини, который запрашивает мнение трибунала, вынесшего приговор. Для полноты картины добавим, что по многочисленным свидетельствам, опубликованным в иностранной печати, во время следствия широко применяется допрос «третьей степени».

Мы видели положение политических интернированных. Не лучше положение политических заключенных как находящихся в предварительном заключении, так и отбывающих наказание.

Политические заключенные фашистской Италии содержатся в худших условиях, чем уголовные преступники. При отбывании наказания от 6 месяцев до 3 лет они находятся в одиночном заключении.

Без изучения кодекса полиции безопасности, без анализа исключительного законодательства вообще, закона об охране государства от 25 ноября 1926 г. в частности, нельзя приступить к изучению ни уголовного, ни уголовно-процессуального кодексов. Ни оба кодекса, ни упразднение суда присяжных и замена его судом с асессорами не создали «нормализаций» фашистской «юстиции». Только на фоне кодекса полиции безопасности и всего исключительного законодательства раскрывается истинный смысл уголовного кодекса, к анализу которого в порядке дальнейшего изложения фашистского уголовного законодательства мы перейдем в следующей статье.

А. Е. БРУСИЛОВСКИЙ.

В Всесоюзном Институте Юридических Наук

Рецидив и профессиональная преступность в капиталистических странах

На заседании секции уголовной статистики был заслушан доклад т. Утевского Б. С. на тему «Рецидив и профессиональная преступность в капиталистических странах».

Докладчик указал, что страх, внушаемый буржуазии ростом рецидива и профессиональной преступности, изображенный еще К. Марксом в его статье о Брюссельском тюремном конгрессе, усилился по мере того, как даже официальная статистика приносила все новые доказательства, что рост рецидива обгоняет рост преступности в целом, а в пределах группы рецидивистов наибольшие темпы роста обнаруживают рецидивы с наибольшим числом судимостей.

Этот страх отражала и буржуазная теория. Международные съезды криминалистов, десятки книг, сотни и тысячи статей были посвящены этому вопросу. В связи с ростом рецидива были сделаны такие реакционные предложения, как введение в законодательство понятия «опасного состояния», открывающего неограниченные возможности судебного и административного произвола; введение так называемых «мер безопасности», не связанных с тяжестью совершенного преступления или даже с преступлением вообще, и исключительное усиление репрессии.

Но эти предложения, формально направленные против уголовных рецидивистов—профессиональных преступников, открывали, однако, возможность использования их и для борьбы с так называемыми политическими преступлениями. В этом и заключалась причина того, что все школы уголовного права шли на любые компромиссы, лишь бы обеспечить введение в уголовные кодексы этих реакционных мер.

Докладчик приводит ряд специальных законов, изданных в разных странах Европы и США, и показывает, как все законы о рецидивистах, в особенности изданные в странах фашистской диктатуры, сформулированы так, что они делаются удобнейшим оружием белого террора. Практика показала, что эти законы действительно в гораздо большей степени применялись к политическим врагам буржуазии, чем к уголовным рецидивистам.

При помощи статистического материала т. Утевский показывает, как рецидив и профессиональная преступность во всех странах капитала неуклонно растут и почти привели уже к такому положению, при котором приходится ставить знак равенства между преступностью вообще и преступностью рецидива.

Анализируя применение специальных законов о рецидивистах в отдельных странах, т. Утевский показывает, как эти законы на практике обанкротились. Банкротство это было двойным: они не устрашили преступный мир и они фактически применялись к уголовным элементам в таких мизерных размерах, что обывательские круги заговорили о «бессилии закона», о «банкротстве закона» и т. д. Это фактическое банкротство совершенно естественно вытекало из особенностей капиталистического строя.

Все внимание буржуазного государственного аппарата обращается не на борьбу с рецидивом, а на борьбу с революционным движением. Полиция, суд, прокуратура, тюрьмы в капиталистических странах вынуждены все меньше сил и внимания отдавать борьбе с уголовными рецидивистами и профессиональными преступниками и бросать все свои силы на борьбу с революционными и антифашистскими элементами, хотя бы это достигалось и ценою роста уголовной преступности. Более этого, они используют уголовные элементы для борьбы с революционным движением.

В заключение т. Утевский остановился на том недоверии к полиции и суду в их борьбе с уголовной преступностью, которое все больше овладевает обывательскими массами в капиталистических странах, и о том чувстве небезопасности этой борьбы, которая обнаруживается даже в трудах буржуазных криминологов.

По докладу т. Утевского развернулись оживленные прения.

Тов. Пионтковский отметил, что при окончательной разработке доклада необходимо больше внимания уделить анализу юридического понятия рецидива в уголовном законодательстве различных капиталистических стран, так как это понятие неодинаково в различных странах. Надо более широко развить верное положение докладчика о применении в капиталистических странах методов, предназначенных формально для борьбы с уголовным рецидивом, к политическим преступлениям, и о том, что усиленное внимание всего аппарата буржуазной юстиции к политическим преступникам понижает статистику по общей уголовной преступности.

Надо, наконец, указать, что описанные явления широко применяются империалистическими странами в колониях и представляют собой по существу перенесение колониальных методов расправы в метрополии.

Тов. Маньковский полагает, что главу о размерах рецидива надо сократить, дать более компактно, так как этот материал частично известен. Надо уделить больше внимания юридическому понятию рецидива, дать глубокий анализ его, изучить по этому вопросу не только законодательство в капиталистических странах, но и судебную практику. Тов. Маньковский находит, что доклад представляет интерес, но нуждается в некоторой доработке.

Тов. Герцензон отметил, что докладчик не только недостаточно юридически подошел к

понятию рецидива, но еще менее осветил его статистическими данными. Вопрос о различии учета рецидива полицейской и судебной статистикой докладчик обошел; не указал он ничего о движении рецидива в период мирового кризиса; не отразил в докладе вопроса о личности профессионального преступника, рецидивиста.

Тов. Трайнин считает, что доклад богат фактическим материалом и прекрасно обработан, но необходимо было остановиться и на общей теоретической проблеме рецидива, дать юридическое понятие рецидива, указать на различие этого понятия в разных странах и рассказать, как эта проблема разрешается у нас.

По мнению т. Дурманова, доклад можно разделить на две части. В первой части говорится о развитии и росте рецидива в капиталистических странах, об отражении этого роста в буржуазной литературе, об интересе, который проявили теоретики к рецидиву и профессиональным преступникам и тому подобным вопросам. Эту часть т. Дурманов предлагает основательно переработать.

Вторая часть говорит о специальных законах в применении их к уголовным рецидивистам. Эта часть наиболее разработана. Однако недостатком этой части надо считать недостаточный юридический анализ законодательных актов.

Тов. Дурманов считает, что нельзя безоговорочно сравнивать цифры судебной и тюремной статистики, нельзя также утверждать, как говорит докладчик, приводя слова профессионального вора, что арест для рецидивиста является лишь маленькой неприятностью. Уголовный закон в буржуазных странах довольно суров к уголовным рецидивистам. Наконец, что надо было бы остановиться на отношении нашего закона к профессиональным преступлениям и рецидиву.

Тов. Булат присоединяется к мнениям выступивших товарищей, указав, что докладчиком представлен обширный материал, представляющий большой интерес. К недостаткам надо отнести, как уже отмечалось, то, что не дан анализ юридической природы рецидива. Надо было отчетливее показать классовую природу рецидива, показать лицемерие и фальшь законов против рецидивистов в буржуазных странах. В заключение т. Булат указал, что все сделанные замечания надо учесть и в этом направлении доклад доработать.

В результате прений по докладу секция постановила рекомендовать доклад для опубликования в печати, при условии, что докладчик на основе сделанных замечаний его доработает.

Второй пленум Центрального комитета работников суда и прокуратуры

7—11 февраля с. г. в Москве состоялся II пленум Центрального комитета союза работников суда и прокуратуры.

В своих постановлениях пленум отметил, что Сталинская Конституция возлагает на органы суда и прокуратуры особо ответственные и почетные задачи: охранять социалистическую собственность от расхитителей и воров, разоблачать классово враждебные элементы, искоренять всех последышей троцкистской банды, которые своими подрывными действиями пытаются затормозить победоносный ход социалистического строительства и строжайше охранять революционную законность.

В этих условиях, говорит резолюция, «роль и задача профессионального союза работников суда и прокуратуры — добиться посредством политико-воспитательной работы усиления революционной бдительности, усилить критику и самокритику, внимательно изучать поступающие жалобы и предложения для устранения возможности врагу проникнуть в наш аппарат, поднять качество работы суда и прокуратуры на такую высоту, при которой была бы достигнута незыблемость решения народного суда».

Пленум констатировал, что за истекший год работа президиума ЦК союза, средних и низовых звеньев союза была главным образом направлена на выполнение решений I пленума ЦК союза по улучшению качества работы судебно-прокурорских органов и материально-бытового обслуживания членов союза, а также на подъем культурного роста членов союза и приведение в порядок профсоюзного хозяйства.

Проведенная президиумом ЦК союза проверка состояния профсоюзной работы по 40 областям, краям и республикам свидетельствует, что поставленные I пленумом ЦК союза задачи во многих областях не выполнены, а в некоторых областях эти решения не были даже проработаны на общегородских собраниях членов союза и в низовых коллективах.

Существенным недостатком в работе является то, что профсоюзные организации еще не повернулись лицом к работе суда и прокуратуры, не обеспечили охвата соцсоревнованием основной массы членов союза (всего соревнуется по полученным отчетам 20%), не обеспечили работы производственных совещаний и осуществления на практике решений XVII съезда партии об организации работы низового контроля, переданного профсоюзам после реорганизации РКИ.

Для устранения этих недочетов пленум поставил перед каждым коллективом союза задачу охватить соцсоревнованием всех работников суда и прокуратуры, привлекая к этой работе руководителей учреждений, поощряя лучших ударников, организуя постоянно действующие бригады низового контроля.

Особое внимание пленум обратил на необходимость глубокого изучения работы аппарата, решительного искоренения волокиты, бюрократизма, широкого развертывания самокритики и мобилизации творческой инициативы масс. Большевистская самокритика должна стать основным методом работы производственных совещаний.

Проведенная работа по улучшению бытовых

условий работников суда и прокуратуры ставит перед низовыми и средними звеньями нашего союза задачу — закрепить уже достигнутые результаты и продолжать в дальнейшем улучшение условий труда, предоставление судебно-прокурорским органам помещений, обеспечивающих нормальную работу и культурное обслуживание населения.

В развернувшихся на пленуме прениях было установлено, что обмен профбилетов в ряде областей, краев не был использован для приведения в надлежащий порядок профсоюзного хозяйства, ликвидации задолженности по членским взносам, мобилизации членской массы и вовлечения ее в профсоюзную работу (Северокавказский край, Северная обл. и др.). Это ставит перед профсоюзными организациями задачу на ходу исправить допущенные ошибки, для чего необходимо провести в марте 1937 г. специальный профсоюзный день по обсуждению на общих собраниях докладов обкомов, оргбюро, председателей месткомов и профуполномоченных о результатах обмена профбилетов.

В решениях II пленума ЦК союза указано, что укрепление обороноспособности нашей страны обязывает каждого члена профсоюза включиться в военно-оборонную работу, обеспечить сдачу норм ГТО, ГСО, ПВХО, ворошиловского стрелка и т. д. Президиуму ЦК союза предложено дать соответствующие указания местам о проведении этой работы и организации всесоюзного стрелкового соревнования.

Обращает на себя внимание количество жалоб, поступающих в ЦК союза на нарушение законов о труде органами суда и прокуратуры, увеличившееся за истекший год в 2½ раза. Пленум поставил перед всеми низовыми организациями задачу решительной перестройки работы в этой области с тем, чтобы всякое нарушение трудового закона органами суда и прокуратуры было пресечено в корне низовым коллективом. Для устранения нарушений законов о труде и борьбы с этими нарушениями предложено выделить во всех коллективах общественных инспекторов труда.

В резолюции по докладу об итогах выполнения плана по профбюджету за 1936 г. и о плане на 1937 г. пленум ЦК отметил значительное улучшение материально-бытовых условий и обслуживание членов союза (путевок на курорты в дома отдыха в 1936 г. выдано на 56% больше, чем в 1935 г), выполнение плана по профбюджету на 104,2%, упорядочение финансирования касс взаимопомощи и улучшение состояния профсоюзного хозяйства в результате обмена профбилетов.

В то же время пленум отметил основные недостатки в работе: перерасход фонда зарплаты (Одесса, Свердловская обл., ДВК), по хозрасходам (Азербайджан, Винницкая, Донецкая обл.) и по орграсходам (Азербайджан, Винницкая, Черниговская обл., Татария, Днепропетровская обл.). Особо отмечен недорасход средств на культурные мероприятия (Азербайджан, Винницкая, Горьковская, Днепропетровская, Одесская обл. и Татария).

Пленум утвердил сводный профбюджет по доходной части в сумме 2 574 000 руб. и расходную смету профбюджета по зарплате, хозяйственным и организационным расходам и расходам по съезду в сумме 1 175 000 руб.

В принятой пленумом резолюции по докладу т. Чадарайн об итогах выполнения плана по социальному страхованию за 1936 г. и о плане на 1937 г. отмечено значительное улучшение соцстрахработы.

План соцстраха за 1936 г. выполнен по всему союзу на 113,2%. На первое место по выполнению плана вышли: Киргизия — 139%, Азербайджан — 138%, Восточная Сибирь — 126,4%, Сталинградская обл., Кара-Калпакия — 121,3%, Калининская обл., Грузия и Башкирия — 119% и т. д. В то же время нужно отметить невыполнение плана соцстраха по следующим областям: Свердловская — 85,9%, Черниговская — 91,3%, Ивановская — 94%, Омская — 94,3%, Харьковская — 94,5%, Саратовская — 97%, Казахская ССР — 92,5%, ДВК — 95,8%, Азово-Черноморский край — 96%.

Пленум поручил президиуму ЦК союза создать во всех коллективах и средних звеньях страховой актив, использовав его для проверки правильности выдачи больничных листков, изучения условий работы и разработки профилактических мероприятий по сокращению заболеваемости; рассмотреть вопрос о премировании лучших соцстрахделегатов на основе предоставленных материалов с мест; устранить случаи переплаты по больничным листкам, в случае установления переплаты относить ее за счет виновных лиц, а в случаях получения одновременно зарплаты и пособия по соцстраху виновных привлекать к ответственности.

Пленум отметил как ненормальное явление неизрасходование президиумом ЦК союза средств, отпущенных на врачебный контроль, обязав последний в 1937 г. организовать эту работу.

Пленум одобрил проект бюджета социального страхования и решил просить ВЦСПС утвердить его.

Пленум отметил также сдвиги в политико-воспитательной и культурно-массовой работе среди членов союза. Особо большое внимание этой работе было уделено профорганизациями Ленинграда, Киева, Грузинской ССР, Азово-Черноморского края, Черниговской, Одесской, Воронежской обл., МК Прокуратуры СССР и Верховного суда СССР.

Несмотря на наличие сдвигов в этой работе, пленум считает, что они еще далеко не соответствуют тем колоссальным требованиям культурно-политической работы, которые обязаны претворять в жизнь профсоюзные организации в связи со Сталинской Конституцией СССР. Ряд средних и низовых профорганизаций до сих пор недооценивает всю политическую важность этой работы. Несмотря на решение I пленума ЦК союза, крайне слабо развернута работа по Ивановской, Винницкой, Северной обл., Красноярскому краю, Казахской и Киргизской ССР. Неудовлетворительна постановка работы по Донецкой, Оренбургской обл., Северокавказскому краю, Белорусской ССР и Башкирии.

Отстающим участком культмассовой работы ягляется массовая работа по художественной самодеятельности, библиотечная, работа по организации красных уголков, клубов и создание при них всех видов культурного развлече-

ния. Со стороны ряда профорганизаций до сих пор нет должного отношения к работе по ликвидации неграмотности и малограмотности членов союза и членов их семей, вследствие чего план обучения за 1936 г. не выполнен. В ряде организаций еще недостаточно уделяют внимание вопросу 100-процентного охвата политучебой и работе стенгазет.

Пленум постановил: обязать республиканские, краевые, областные комитеты, оргбюро и месткомы активизировать работу кружков по изучению Конституции СССР, охватив ими всех членов союза и членов их семей. Развернуть широкую пропаганду Конституции не только среди членов союза, но и всего трудящегося населения, обращающегося в наши учреждения, для чего организовать консультацию для посетителей, вывесить на видных местах Конституцию, организовать выставку литературы, касающейся этого вопроса, и обеспечить бесперебойную работу политкружков, бесед, читки газет, доклады, лекции на общественно-политические темы.

Во всей работе по повышению идейно-политического уровня членов союза должно быть обращено особое внимание на изучение истории ВКП(б), основ марксистско-ленинско-сталинского учения, повышая тем самым большевистскую бдительность членов союза, непримиримость и классовую ненависть к врагам Советского союза. Пленум обязывает профорганизации путем массово-разъяснительной работы обеспечить 100-процентный охват членов союза политико-воспитательной работой.

Учитывая огромное политическое значение работы по продвижению в массы советской книги и печати, пленум обязал профколлективы организовать при учреждениях библиотеки и развернуть в них массовую библиотечную работу, периодически изучая характер читаемой литературы. Обратить особое внимание на изучение художественной литературы и вопросов искусства.

Пленум поручил всем республикам, краям и областям провести смотр работы стенгазет.

Пленум обязал также все республиканские, краевые и областные отделы союза оказать всемерную помощь членам союза в поднятии общеобразовательного уровня, для чего выявить контингент товарищей, наиболее нуждающихся в этом, привлекая их к поднятию грамотности в учебных заведениях, а также практикуя организацию школ и общеобразовательных кружков.

Наряду с этим пленум предложил обратить серьезное внимание на поднятие юридической квалификации работающих через систему прохождения юридического минимума и заочного правового обучения.

Под персональную ответственность оргбюро и месткомов пленум обязал выполнить задание партии и правительства по ликвидации неграмотности в 1937 г. Для более успешного хода работы пленум предложил использовать положительный метод работы Грузии, Азово-Черноморского края, Одессы и предупредить оргбюро Белорусской, Казахской ССР, Ивановской, Западной, Донецкой, Северной, Винницкой обл., что ими до сих пор не обеспечена работа по ликвидации неграмотности и малограмотности.

Огромные возможности, открывающиеся Сталинской Конституцией для проявления творческой инициативы трудящихся, обязывают профсоюзные организации проявить исключительное внимание работе по развертыванию художественной самодеятельности. Учитывая положительный опыт этой работы по Москве, Чернигову, Ленинграду и др., пленум обязывает средние и низовые звенья выявить творческие силы художественной самодеятельности, организовать во всех краевых и областных центрах и там, где возможно, в районах коллективы самодеятельности.

Президиуму ЦК союза поручено проработать вопрос об организации всесоюзного смотра художественной самодеятельности работников суда и прокуратуры.

Учитывая рост профактива и громадную потребность его в повышении знания, пленум обязал оргкомитеты проводить ежегодно краткосрочные курсы по подготовке профкадров (без отрыва от производства), организуя их по отдельным категориям актива (пред. МК, культработники, низовой контроль и др.).

Учитывая значительное увеличение финансирования судебно-прокурорских органов на мероприятия по созданию лучших культурных условий в наших учреждениях, пленум предложил оргкомитетам и МК поставить перед областными и краевыми судебно-прокурорскими организациями вопрос о создании красных уголков и их культурного оборудования. Одновременно обеспечить в них надлежащий разворот всей культработы.

В связи с утверждением титульного списка строительства в Москве дома НКЮ СССР, поставить вопрос перед НКЮ СССР о предусмотрении в плане этого строительства постройку помещения для клуба работников юстиции г. Москвы.

Учитывая громадное политическое значение работы с женами и членами семей работников промышленности, транспорта и женами командиров РККА, поручить всем средним и низовым звеньям развернуть работу по привлечению жен судебно-прокурорских работников и членов семей к работе профколлективов, в частности в кружки художественной самодеятельности, политпросвещения, к работе по организации культурных условий в судебно-прокурорских учреждениях, а также организовать работу среди детей членов союза.

Констатируя по ряду областей факты использования не по назначению культсредств, а по ряду областей недорасходование их вследствие слабого развертывания культработы, запретить обкомам и месткомам расходовать культассигнования на другие нужды. Обеспечить правильное и полное использование средств, отпускаемых на культмассовую и политико-воспитательную работу.

На заключительном заседании пленум принял ряд практических решений по вопросам оргработы.

Библиография

Тюрьма капиталистических стран. Сборник статей под редакцией А. Я. Вышинского. Гос. издательство «Советское законодательство». Москва. 1937 г. Цена 5 р. 20 коп.

В системе мер подавления буржуазией эксплоатируемого огромного большинства населения особое место занимает тюрьма, являющаяся орудием угнетения и насилия буржуазной диктатуры над трудящимися.

Рецензируемый сборник в ряде статей на большом конкретном, фактическом материале разоблачает сущность буржуазной тюрьмы как важнейшего метода угнетения трудящихся в капиталистическом обществе, обнажая систему произвола и беззакония, господствующую в этих застенках буржуазного государства.

Сборник состоит из шести статей: Лишение свободы в буржуазной уголовной политике Царская тюрьма; Тюремная политика буржуазии в колониях; Тюремная политика фашизма; Международный конгресс уголовного права и тюрьмоведения и его уголовно-политическое значение.

Статья т. Булатова «Лишение свободы в буржуазной уголовной политике» дает краткий очерк возникновения буржуазной тюрьмы и характеристику различных систем лишения свободы, действующих в капиталистических странах.

Лишение свободы, применявшееся в виде заключения в тюрьму, уже со времени возникновения рабовладельческого государства и в средние века служило, главным образом, местом предварительного заключения и пытки. В редких случаях в средние века тюрьма назначается и в качестве наказания на неопределенные, как правило, сроки, являясь по существу более медленным способом смертной казни.

В основной вид наказания тюрьма превращается только с развитием буржуазного общества. Автор правильно указывает, что развитие лишения свободы соответствовало интересам эксплоатации ставших у власти капиталистов, извлекающих из реформированной ими соответствующим образом системы лишения «свободы ту выгоду, что выпущенный из тюрьмы покорно, как овца, работает на капиталистов в стенах фабрик, в поместьях, в копях, на железных дорогах, на водных путях и т. д., содействует им в извлечении прибыли и, с голодным желудком проходя через картофельное поле, не решается взять ни одного клубня»[1]. Именно в этом, в частности, смысл столь излюбленной буржуазному сердцу системы одиночного заключения и системы молчания, описываемых т. Булатовым в его очерке.

Задача буржуазии, нуждавшейся в рабочей силе как объекте эксплоатации, заключалась в том, чтобы, не уничтожая преступника, как это практиковалось в средние века, превратить его путем системы «донимающего исправления» в забитое, тупое и покорное буржуазной воле существо. Маркс дает исключительно меткую характеристику этого процесса озверения, по выражению Энгельса, человека в одиночестве. «Изолирование человека от внешнего мира и насильственное погружение в глубокое душевное одиночество, соединение юридического наказания с теологическим мучительством получает законченное выражение в системе одиночного заключения».

Раскрывая классовые корни распространения лишения свободы в виде заключения в тюрьму в капиталистических странах, автор правильно в начале очерка критикует попытки искать причины этого в эквивалентной форме лишения свободы, которая, как утверждал в своей работе Пашуканис, является якобы специфической формой буржуазного уголовного права, будучи обусловленной отношениями обмена и связанной с «представлением об абстрактном человеке и абстрактном человеческом труде, измеряемом временем». Это типичный меньшевистско-ревизионистский для всей теории Пашуканиса отрыв формы права от ее классового содержания, подмена классового анализа существа буржуазного права и ее формы схоластическими рассуждениями об абстрактном труде и абстрактном человеке, социальный смысл которых и заключается в том, чтобы в конце концов выхолостить этим классовое существо и классовую направленность буржуазного права.

Однако т. Булатов не раскрывает до конца насквозь враждебный нам социальный смысл этой вредной «теории». При этом т. Булатов допускает в разделе IV своего очерка очень неясную формулировку, дающую повод к обвинению автора в противоречии с самим собой. Характеризуя взгляды криминалиста-классика Цахариа, наиболее ревностного защитника лишения свободы, т. Булатов пишет: «Так подтверждается замечание Пашуканиса, что для широкого развития срочного лишения свободы необходимо было внедрение в общественное сознание представления об абстрактном человеческом труде» (стр. 21). Понять, что это автором относилось только к буржуазной идеологии, можно лишь из последующих страниц.

Автор прав, когда, переходя к характеристике так называемой прогрессивной системы тюремного заключения, вскрывает реакционный характер этого типа лишения свободы, очень тонко замаскированного либеральной фразеологией криминалистов из лагеря социологической школы. В конце концов и прогрессивная система превращается, как указывает т. Була-

[1] Маркс, т. V. стр. 179—180.

тов, «в жестокую систему обмана и эксплоатации заключенного обещанием заведомо недостижимых льгот» (стр. 19). Свою задачу подавления трудящихся путем устрашения и угнетения буржуазная тюрьма осуществляет как изоляцией, так и широкой системой мер дисциплинарных взысканий, являющихся по существу формами дисциплинарного издевательства над заключенными. Применяемый в капиталистической тюрьме труд является средством подавления и угнетения, превращаясь также в форму калечения, в способ издевательства над заключенным. Исключительно яркие примеры этого мы находим в последующих статьях сборника, написанных М. Н. Гернетом, М. К. Кесслером. Поэтому нельзя согласиться с т. Булатовым, что «труд заключенных и дисциплинарные взыскания — только наиболее характерные моменты содержания буржуазной тюрьмы» (стр. 41). Меньше всего труд характерен для содержания буржуазной тюрьмы; труд, применяемый в наиболее тяжелых для заключенного формах, является только придатком к методам насилия, применяемым в тюрьме, будучи одним из орудий этого насилия.

Исключительный интерес представляет статья М. Н. Гернета о царской тюрьме как по богатству собранного в ней материала, так и по его литературному оформлению. Это, собственно говоря, первая работа, обобщающая за период с 1905 по 1917 гг. огромный материал о царской тюрьме, этом мрачном и зверском застенке военно-феодального империализма царской России, разбитом и сломанном вдребезги Великой социалистической революцией.

Автор, анализируя законодательство царизма, показывает беспредельную широту как «законных» возможностей заключения трудящихся в тюрьму, так и методов внесудебной расправы, лишавших свободы тысячи и десятки тысяч людей, неугодных отвратительному старому режиму, ибо «право арестов и высылок без суда остается у полиции и останется у нее до тех пор, пока существует самодержавие» (Ленин, т. V, стр. 173).

Очень интересен произведенный автором подсчет «законных» оснований применения лишения свободы по действовавшему в этот период законодательству. В результате этого подсчета «на каждую статью без санкции лишения свободы приходится статей, предусматривающих применение того или иного вида лишения свободы: по уложению о наказаниях 2 статьи, по уголовному уложению — 14½, по уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, — 1⅓, по воинскому уставу о наказаниях — 8 статей» (стр. 49). Фактически же лишение свободы применялось чаще, ибо им заменялся штраф, налагаемый в широких размерах на трудящихся, которые обычно не могли его уплатить. Не удивительно, что перед войной за год через русские тюрьмы проходило почти 2 млн. заключенных в среднем, по официальным данным; фактически же их было гораздо больше. Число арестованных и, в частности, в каторжных тюрьмах возрастало из года в год в связи с расправой царизма с революционным движением. Так, число каторжных заключенных возросло с 6 тыс. в 1903 г. до 32 тыс. в 1910 г.

Характерной особенностью царских тюрем был царивший в них произвол и режим, физически медленно уничтожавший заключенных. Каторга была наиболее тяжелой формой заключения. Начиная с этапа на каторгу, осуществлявшегося, как правило, пешком, в ножных и ручных кандалах и цепях, каторга представляла сплошное физическое и душевное калечение заключенных, особенно политических. За малейшую провинность заключенного пороли, сажали в карцер, лишали пищи, воскрешая систему средневековых пыток. На этой почве имели место массовые самоубийства политических заключенных. Заканчивает свой очерк М. Н. Гернет яркими фактами упорного сопротивления и протеста, к которому в тюрьме прибегали политические заключенные.

Принудительный труд заключенных в тюрьме и особенно на каторге носил мучительный и унизительный для заключенного характер.

Статья М. А. Кесслера дает характеристику труда в царской тюрьме, являясь по существу дополнением работы М. Н. Гернета. Условия труда были настолько кошмарны, что заключенные наносили себе саморанения, чтобы от него избавиться. «Люди рубили пальцы рук, ног, вонзали железные ломы в собственные ступни и друг другу только для того, чтобы избежать ежесекундно витавшей над ними смерти», описывает прошлое один из заключенных Нерчинской каторги (стр. 149). Заработок заключенного, занятого на работах, был ничтожен, доходя в лучшем случае до нескольких копеек в день. Заключенные были превращены в объект самой беззастенчивой эксплоатации своих тюремщиков; сама же работа была совершенно бесперспективна и бесцельна. Очень характерен отзыв об этой работе бывшего каторжанина Соболева, участвовавшего в сооружении дороги на Дальнем Востоке: «Мы строили дорогу, ненавидя ее... Мы чувствовали от первого до последнего всю ее бессмысленность, мы знали, что ни один обоз никогда не пройдет по ней» (стр. 152).

Такова была тюремная политика русского царизма, одного из наиболее отвратительных столпов европейской реакции.

Такова же характеризовавшаяся еще более крайним и безудержным произволом тюремная политика буржуазии в колониях, описанная в статье М. М. Исаева.

Статья М. М. Исаева содержит большой и ценный материал по этому вопросу. Ее дефект — недостаточная обработка материала, поданного, как правило, в виде сводки еще сырых, хотя и интересных материалов.

Роль буржуазной тюрьмы как орудия подавления трудящихся и в особенности разгрома их революционного авангарда усиливается с обострением капиталистических противоречий в период империализма и особенно после войны.

Буржуазная тюрьма становится действенным орудием белого террора, широко практикуемого в странах, где господствует фашизм, являющийся террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала (Резолюция XIII пленума ИККИ).

Статья Б. С. Утевского дает характеристику тюремной политики фашизма, показывая со-

стояние тюрем в фашистских странах и процессы фашизации тюремной политики буржуазии в других капиталистических государствах. Автор в недостаточной степени при этом использовал имеющийся богатейший материал о полном произволе и бесправии, характерном для фашистского мракобесия, и, в частности, тюремной политики фашизма, представляющей по существу возврат к средневековому тюремному режиму, в десятки крат ухудшенном издании. Поэтому неправ автор, когда он утверждает, что «фашизм не только создал свою тюремную систему, но и получил свою тюремную теорию» (стр. 193). Фашизм возродил средневековую систему расправы и пыток, превратив свои тюрьмы и их якобы «новые» разновидности — концентрационные лагери в место медленного физического зверского уничтожения своих политических противников. Теоретические потуги оправдать свою систему произвола и насилия также возрождают окрошку различных реакционных теорий конца XIX столетия и, в частности, «певца» средневекового тюремного рабства Миттельштедта, которого как новоявленного «теоретика» поднимают на свой щит фашистские «юристы». Этот «теоретик» писал:

«Заключенный должен работать тяжело, как раб, ибо он находится в уголовном рабстве. Его надо без всякого зазрения совести и без сожаления принуждать к самой тяжелой работе, которую только выносят мозг его костей и жилы в шее. Он должен ощущать ужасную боль, его душа и тело должны страдать, он должен стонать и сваливаться с ног, и каждый должен знать, что таков справедливый порядок на земле. Как, где и в какой области промышленности работает заключенный, на ступальном ли колесе, в рудниках ли, на галере, — глубоко безразлично: целью его рабского тягла является не создание какой-либо продукции, не получение какой-либо прибыли, а претерпевание тяжелого бремени, страданий и мук [1].

Последняя статья, помещенная в сборнике, дает характеристику XI международного тюремного конгресса, состоявшегося в 1935 г. в Берлине. Немецкие фашисты решили использовать намеченный еще в 1930 г. в г. Праге на X конгрессе созыв XI конгресса в Берлине, чтобы развернуть на нем свою социальную демагогию и добиться одобрения проводимой ими уголовной политики. Это было особенно важно для фашистов, как указывает автор, и потому, что авторитет германской юстиции резко упал, в связи с разгулом белого террора даже в буржуазном общественном мнении других капиталистических стран. Однако эти попытки немецких фашистов встретили очень сильную оппозицию со стороны делегатов Англии, Франции и ряда других буржуазных государств. Итоги конгресса явились по существу крупным моральным поражением гитлеровского правительства.

Ошибочно утверждение автора о том, что предшествовавший в Германии приходу Гитлера к власти период являлся либеральной эпохой (см. стр. 225 и др.). Это был тоже период реакции, прикрываемой щитом германской социал-демократии, подготовившей приход Гитлера к власти, но реакцией, во многом, конечно, уступающей фашистскому разгулу.

Таково содержание рецензируемого сборника. Несомненно, что он дает в целом очень интересный материал для характеристики тюремного режима в капиталистических странах, для понимания полной противоположности ему советской исправительно-трудовой политики. С этой точки зрения надо пожалеть, что в сборнике отсутствует хотя бы краткий вводный очерк, освещающий принципы советской уголовной политики, вытекающие из основ советского социалистического уголовного права.

А. Ш.

С. КОПЕЛЯНСКАЯ, «Защита прав ребенка в советском суде». ОГИЗ, Советское законодательство. Москва. 1936 г. Стр. 136. Цена 1 р. 15 к.

Брошюра Копелянской С. Е. «Защита прав ребенка в советском суде» представляет собой практическое руководство для работников судебно-прокурорских органов, юридических консультаций и отдельных лиц.

Несмотря на относительную краткость пособия (130 стр.), в нем достаточно полно подобраны разъяснения Верховного суда РСФСР, циркуляры Прокуратуры Союза ССР, инструкции НКЮ, ряд законодательных актов и, наконец, дана комментация ряда разделов и статей Кодекса о браке, семье и опеке, касающихся защиты прав ребенка.

Специально освещен целый ряд вопросов и чисто практического порядка. Например, какие необходимы документы при подаче заявлений о признании отцовства, компетенция опекунских органов и т. д.

Соответственно указанным вопросам вся брошюра разбита на 6 разделов: 1) установление отцовства; 2) споры о детях; 3) алименты; 4) неплатеж алиментов; 5) подкидывание детей; 6) связь суда с учреждениями охраны детства.

Ограниченные размеры рецензии не позволяют достаточно подробно разобрать все высказанные автором брошюры положения, потому хотелось бы остановиться лишь на ряде основных из них.

С этой точки зрения прежде всего заслуживает критики то ничем необоснованное утверждение автора, сделанное им на странице 48 брошюры, что у нас «не ведется почти никакой борьбы с неплатежом алиментов, ни против самих неплательщиков, ни против предприятий и учреждений, виновных в нарушении интересов детей».

Это утверждение тем более странно, что на предыдущей 47 странице в таблице, характеризующей регулярность выплаты алиментов, говорится, что из всех прошедших в судах дел алименты платились регулярно от 28,6 до 45,1 %. Платились нерегулярно от 7,1 до 13,9 %, и присужденные судом алименты в 19,7—28,6 % вовсе не платились.

Таким образом цифры говорят о том, что борьба с неплатежом алиментов ведется, но недостаточная.

Это утверждение тем более странно, что в распоряжении автора имелись цифры, характеризующие рост алиментных дел (135 588 дел в

[1] Mittelstädt, „Gegen die Freiheitsstrafe", s. 37. Цитирую по статье Утевского, стр. 208.

1932 г. и 180 400 в 1934 г., стр. 46), которые как раз говорят о том, что рост их объясняется именно усилением внимания судебно-прокурорских органов к борьбе с этим злом.

Далее. Делая правильное утверждение на странице 91, что женщина в СССР поднята на небывалую высоту экономической самостоятельности, автор забывает, что в ряде случаев у ряда женщин живут и проявляются такие предрассудки, как стыд (например, при появлении внебрачного ребенка) и т. д., ведущие к такому преступлению, каким является подкидывание детей.

Не делая этой оговорки, автору брошюры ничего не останется, как утверждать, что раз теперь нет никаких оснований для подкидывания, а детей все же подкидывают, то это делается особыми (может быть «прирожденными»? — **З. В.**) преступницами.

Раздел, посвященный этому вопросу, так прямо и называется: «Преступницы по подкидыванию детей», а мать, которая, как говорит автор, подкидывает подросшего ребенка, именуется злостной преступницей (стр. 96).

Наконец, наиболее серьезное и резкое возражение вызывает то обстоятельство, что автор брошюры находится под влиянием так называемой «теории факторов» преступности.

На странице 95 автор пишет следующее: «Данные о жилищном положении большинства подкинувших матерей показывают, что и этот (жилищный — **З. В.**) фактор сейчас в большинстве случаев не может служить объяснением совершенного преступления». Суть, понятно, не в том, играет или не играет сейчас роль в совершении преступления жилищный вопрос, а в том именно, что о нем говорится не иначе, как о факторе, и в том, что это не просто неудобная терминология, а сознательно проведенное рассуждение, которое, как нами уже говорилось, приводит к теории «факторов преступности».

В заключение несколько слов о языке брошюры, вызывающем большие недоумения.

Такие выражения, как: «обобществление отдельных моментов быта» (стр. 50), «послеясельное время» (стр. 51), «профиль подкидывающих матерей» (стр. 90), «в этих преступлениях (т. е. в подкидывании—**З. В.**) таится коллизия интересов матери и ребенка» (стр. 90), вместе с такими названиями отдельных глав брошюра, как «Основные моменты оценки подкидывания детей», «Преступницы по подкидыванию детей», «Многожественность отцов» и т. д., сильно портят и без того нуждающуюся в серьезных исправлениях брошюру.

З. В.

Памяти В. А. Внукова

6 марта 1937 г. после тяжелой болезни (рак желудка) на 47 году жизни безвременно скончался профессор психиатрии Вольф Абрамович Внуков.

Тов. Внуков был хорошо известен не только врачам-психиатрам, не только широкому кругу деятелей медицины вообще. Вольф Абрамович Внуков был не только крупнейшим психиатром, блестящим лектором, вдумчивым клиницистом, отличным общественником, крупным организатором. Вольф Абрамович Внуков своей практической и теоретической работой в области судебной психиатрии дал много ценного и для работников теории права и для практической работы органов юстиции.

В области судебной психиатрии работа тов. Внукова внесла особенно много в решение наиболее спорного вопроса об уголовной ответственности психопатов. Громадное значение для судебной психиатрии имеют и работы тов. Внукова над диагностикой и клиникой шизофрении.

Экспертизы, которые профессор Внуков давал по наиболее сложным и запутанным делам (например, экспертиза по делу Шульца), являлись образцом экспертного заключения, образцом поведения эксперта на суде.

В последние годы своей работы проф. Внуков сделал немало для методологического разгрома ломброзианских теорий, особенно глубоко укоренившихся в области судебной психиатрии. Его статья в сборнике «Судебно-психиатрическая экспертиза» на богатом и тщательно проанализированном материале опровергает взгляды о криминогенном значении психиатрии, усиленно распространяемые фашистскими учеными.

Уже в самый последний год своей жизни, тяжело больной, проф. Внуков выполнял громадную работу. Он руководил крупнейшей кафедрой общей психиатрии в СССР — кафедрой Московского медицинского института. Одновременно он руководил Институтом нервно-психиатрической профилактики Наркомздрава. Тов. Внуков сумел объединить в единый спаянный коллектив эти два учреждения, сумел увязать интересы и работу теоретиков и практиков психиатрии и нейро-патологии. В это же время тов. Внуков работает в редакции медицинской энциклопедии и Московском обществе невропатологов и психиатров. Самые последние месяцы своей жизни он отдавал громадное количество сил и времени на организацию всесоюзного съезда невропатологов и психиатров. Блестящий доклад и выступление профессора Внукова на этом съезде запомнились всем участникам съезда.

Член партии с 1920 г., участник гражданской войны, тов. Внуков во все годы своей жизни был активным политическим бойцом. Громадная работа в области общей психиатрии не мешала ему уделять внимание тому наиболее политически острому участку, где работа врача-медика непосредственно соприкасается с вопросами классовой борьбы, — участку судебной психиатрии.

Под его редакцией и редакцией т. Фейнберг выходит капитальный учебник по судебной психиатрии, — учебник, рассчитанный в первую очередь на студентов юридических вузов и работников суда и прокуратуры. Этот учебник не только обобщает и излагает уже добытые научные истины. Многие вопросы он ставит по-новому, исправляя распространенные в судебной психиатрии ошибки. Этот учебник является незаменимым пособием для советского судебного психиатра и работников юстиции. В оригинальной постановке и решении целого ряда вопросов очень многим обязаны мы непосредственной работе В. А. Внукова.

Последняя встреча Вольфа Абрамовича с теоретическими и практическими работниками права произошла совсем недавно на I всесоюзном совещании работников судебной психиатрии, происходившем в Москве в конце декабря 1936 г. Вольф Абрамович, тонкий врач, знал про свою страшную болезнь и несомненно чувствовал, что смерть все ближе и ближе подходит к нему. Он уже не мог почти ничего есть, но большевистская воля не оставляла его, он не отказывался ни от какой работы.

Тов. Внуков по просьбе участников совещания нашел в себе силы выступить и на нем, и в блестящей речи охарактеризовал и общие задачи, встающие сейчас перед судебными психиатрами, и свое решение ряда наиболее сложных вопросов.

Вольф Абрамович Внуков умер еще совсем молодым (47 лет), не успев дать всего того, что он мог и хотел дать советской психиатрии, в частности советской судебной психиатрии, которую он также любил, интересами которой он жил до последних часов своей жизни, которым он отдавал все свои рано сгоревшие силы.

Но за свою короткую жизнь Вольф Абрамович успел сделать многое. Им написано свыше 30 крупных научных работ.

Вольф Абрамович оставил после себя не только большое литературное наследство. Его работа будет продолжаться в организованных и сплоченных им коллективах.

Вольф Абрамович Внуков оставил нам и прекрасный пример жизни большевика, ученого, организатора, общественника, непоколебимо смелого и мужественного человека, не выпускавшего своего теоретического оружия из рук до последнего момента своей жизни.

Преждевременная смерть т. Внукова — тяжелая потеря для советского здравоохранения, советской науки, общей и судебной психиатрии, тяжелая потеря и для нас, всех работников советской юстиции.

А. Я. Вышинский, Н. В. Крыленко, Г. М. Рогинский, Г. М. Леплевский, Ф. Е. Нюрина, Г. И. Волков, В. П. Антонов-Саратовский, С. Я. Булатов, М. С. Строгович, Э. Э. Левентон, А. Р. Шейнин, Ц. Э. Фейнберг.

58
27

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

5

1937

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

МАЙ 1937 г. 5

Редакция:
Москва, Пушкинская, д. 15а

Овладеть большевизмом, ликвидировать беспечность

Международный праздник трудящихся — 1 мая—наша страна празднует в этом году в особых условиях. Тысяча девятьсот тридцать седьмой год — год, в котором исполняется двадцатилетие Великой пролетарской революции в СССР. Это год введения Сталинской Конституции, на страницах которой записан блистательный итог величественных побед социализма в нашей стране, побед нового общественного строя, обеспечивающего подлинную демократию и счастливую жизнь миллионам трудящихся.

Вместе с тем, тысяча девятьсот тридцать седьмой год — год наиболее яростной, ничем неприкрытой агрессии международного фашизма против всего прогрессивного и демократического, год чудовищных преступлений германского и итальянского фашизма в Испании, год неприкрытой подготовки Германией и Японией новой империалистической войны, в первую очередь войны против социалистического государства, против Советского союза.

Обанкротившись в своей внутренней политике ограбления и закабаления трудящихся масс, потерпев крах в попытках путем жесточайшего белого террора раздавить революционное пролетарское движение, теряясь и зверея перед фактом грозных успехов единого антифашистского и антивоенного фронта в крупнейших странах мира, фашистские заправилы пытаются на путях военной авантюры разрешить все свои непреодолимые трудности, за счет порабощения народа укрепить фашистскую диктатуру. В этом стремлении им оказывает непосредственную помощь действующая по найму фашистских разведок преступная банда троцкистско-зиновьевских шпионов, диверсантов и террористов.

Советский народ в международный праздник трудящихся 1 мая демонстрирует свою сплоченность вокруг великой коммунистической партии и советского правительства, свою боевую готовность дать жестокий отпор фашистскому врагу, свою твердую решимость покончить раз и навсегда с бандой троцкистских изменников родине.

Наша партия, весь советский народ получили новое могучее оружие в борьбе за развитие и укрепление социалистического строя, за укрепление обороны нашей родины. Это оружие — решения последнего пленума ЦК ВКП(б), дающие точные и конкретные указания в деле перестройки партийно-политической работы, указывающие меры ликвидации последствий вредительской деятельности германо-японских троцкистских агентов. Это оружие — доклад товарища Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников».

Охватывая основные проблемы социалистического строительства, давая исчерпывающий анализ крупнейших недостатков нашей работы, указывая пути преодоления этих недостатков, решения пленума ЦК ВКП(б) и доклад товарища Сталина представляют собою документы исключительного значения как для марксистско-ленинской теории, так и для практической работы нашей партии.

Доклад товарища Сталина, охватывая весь круг вопросов, обсуждавшихся на пленуме ЦК ВКП(б), дает глубокий марксистско-ленинский анализ переживаемого нами периода, выпукло оттеняя все его особенности.

Этот доклад — яркий образец большевистской мысли, анализирующий с точки зрения марксизма-ленинизма всю совокупность разнообразных фактов и процессов внутри страны и вне ее, мысли, бесстрашно вскрывающей наши недостатки для того, чтобы преодолеть и ликвидировать их.

С огромной широтой и полнотой в докладе товарища Сталина показаны основные факты из области международного положения СССР, охарактеризовано лицо современного троцкизма, давно превратившегося из политического течения в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банду заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств. В докладе исчерпывающе показаны причины и корни недостатков нашей работы, причины возникновения в наших рядах идиотской болезни политической беспечности, забывчивости, благодушия и политической слепоты.

«Чем объяснить, — говорит товарищ Сталин, — что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть

настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску?»

С большой силой напоминает товарищ Сталин о тех фактах, которые забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и убаюканы нашими несомненными успехами: о капиталистическом окружении, постоянно засылающем в наши тылы шпионов и диверсантов, в частности, троцкистских агентов, наемников международных охранок; о разнице между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем; о разнице между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и промпартийцами, обманывавшими наших людей технически, и троцкистами, двурушнически втирающимися в доверие и обманывающими политически под прикрытием партбилета.

Забвение этих фактов, распространение среди части партийных товарищей гнилых и ложных теорий, разоблаченных в докладе товарища Сталина, культивируемая некоторыми руководителями атмосфера зазнайства и самодовольства, парадных манифестаций наших успехов и шумливых самовосхвалений — все это привело многих членов партии и руководителей к политической слепоте, к идиотской болезни беспечности и благодушия.

Между тем, жестокий и беспощадный капиталистический враг отнюдь не собирается складывать оружия; наоборот, фашистские страны лихорадочно готовятся к войне, к нападению на Советский союз, бешено вооружаясь и стремясь всеми средствами проникнуть в наши тылы, насаждая здесь шпионско-вредительские и диверсионные группки. В этих условиях растленные и оголтелые троцкистско-зиновьевские бандиты и их правые пособники оказались находкой для разведывательных органов фашистских государств. Злобно ненавидящие советский народ, готовые на любую подлость, на любое преступление, эти двурушники, прикрывающиеся партбилетом, являются наиболее «подходящими» людьми для гнусной изменнической работы, оплачиваемой германской и японской разведками.

Не головотяпски-наплевательское отношение к факту капиталистического окружения нужно нам, а неусыпная бдительность в отношении врага, постоянная готовность отразить его нападение и разоблачить гнусную работу его агентов, политическая настороженность во всей практической работе.

Не дискуссии с троцкистами, давно переставшими быть идейными людьми, давно превратившимися в разбойников с большой дороги, агентов фашистских охранок, нужны нам, а выкорчевывание всех их змеиных гнезд, полный разгром и ликвидация этой безыдейной и беспринципной банды наемных убийц, вредителей и диверсантов.

Чтобы разоблачить маскирующегося и двурушничающего врага, чтобы разгромить его и выкорчевать его змеиные гнезда, нам нужно острое политическое чутье, настоящая политическая прозорливость и революционная бдительность, умение разглядеть подлинное лицо врага, как бы хорошо он ни маскировался.

О необходимости пронизать всю работу наших партийных, государственных и общественных организаций неусыпной революционной бдительностью Центральный комитет нашей партии неоднократно предупреждал всех руководителей, всех членов партии. Революционной бдительности — этому неотъемлемому свойству каждого большевика — постоянно, на множестве конкретных фактов учили нас Ленин и Сталин. Но, как оказалось на деле, наши успехи убаюкали многих партийных товарищей, создали у них те настроения, которые приводят к политической беспечности и слепоте.

«Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, мало искушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Неудивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и, как следствие всего этого, — появляется политическая слепота» (Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников).

Именно вследствие политической слепоты и ослабления большевистской бдительности некоторые наши руководящие товарищи как в центре, так и на местах, как указывает товарищ Сталин, «не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты».

Товарищ Сталин со всей силой вскрыл серьезные недостатки в работе наших организаций. Вместе с тем, он ясно и четко указал пути и способы их преодоления, пути и способы борьбы против идиотской болезни беспечности. Он развернул программу работы по ликвидации последствий гнусной подрывной деятельности врагов народа, указал мероприятия, необходимые для того, чтобы разгромить врага, ликвидировать троцкистских и иных двурушников, создать условия, при которых они не могли бы больше проникать в наши ряды и вести вредительскую и шпионскую работу.

Всегда помнить о капиталистическом окружении, засылающем к нам своих наемников — троцкистских агентов; беспощадно разить эту банду шпионов, вредителей и диверсантов, выкорчевывая до конца их змеиные гнезда, непримиримо расправляясь с изменниками родине; вооружить наши кадры большевизмом, политически воспитывая и просвещая наших людей, закаляя их большевистскую бдительность, ликвидируя политическую беспечность и доверчивость, нанося сокрушительные удары по гнилым теориям, притупляющим политическое чутье и размагничивающим работников,— вот основная сущность тех мероприятий, ко-

торые должны быть безотлагательно реализованы партией и советским государством.

Политическое воспитание кадров, большевистская закалка их, тщательный подбор их, постоянная проверка и контроль — центральная задача партийной работы и работы всего государственного аппарата.

«Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду» (Сталин).

Этот новый лозунг партии определяет основное звено всей нашей работы. Задача большевистского воспитания кадров требует широчайшего развертывания критики и самокритики, раскрытия всех и всяческих недостатков работы, борьбы с благодушием и самоуспокоенностью. Руководителям партийных и советских организаций следует крепко запомнить указания товарища Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) о спасительной силе самокритики для наших людей, о необходимости соединить проверку и контроль всех работников сверху, со стороны руководителей, с контролем снизу, со стороны народа.

Руководители и все работники прокуратуры сверху донизу должны, засучив рукава, безотлагательно взяться за реализацию решений пленума ЦК ВКП(б) и указаний товарища Сталина в нашей практической работе.

Факты свидетельствуют о том, что в прокурорский аппарат проникло также немало подлых врагов народа, особенно на Украине, в Азово-Черноморском крае. Гнусная «работа» Михайликов, Бенедиктовых, Петренко и прочих троцкистско-зиновьевских мерзавцев была возможна лишь вследствие политической слепоты, притупления бдительности многих руководителей и отсутствия самокритики среди работников прокуратуры.

Неумение увидеть и правильно оценить эволюцию троцкизма и, в соответствии с этим, неумение «во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с троцкистами по-новому, более решительно» (Сталин), характеризует работу многих руководителей прокуратуры. За последнее время вскрыто немало фактов формально-бюрократического, чиновничьего подхода работников прокуратуры к задачам борьбы с врагами народа. Таковы, например, «подвиги» чиновников из Курской облпрокуратуры, считающих возможным по формально-бюрократическим мотивам освобождать из мест заключения контрреволюционеров.

Факты преступной политической слепоты бывшего прокурора АЧК Драгунского, бывшего прокурора Курской области Заславского и других сигнализируют о серьезном ослаблении бдительности во многих звеньях прокурорского аппарата. Из этих фактов должны быть сделаны выводы всеми работниками прокуратуры. Большевистская бдительность — вот то качество, без которого нет и не может быть настоящей прокурорской работы, отвечающей требованиям, поставленным перед нами партией и правительством.

Особенно нетерпимым в новых условиях, созданных введением Сталинской Конституции, является неумение поставить со всей остротой вопросы о нарушениях местными органами революционной законности, характерное для работы многих прокуратур. Эта своеобразная модификация той семейственности, «артельности», которую разоблачил товарищ Сталин в своем заключительном слове на пленуме ЦК ВКП(б), приводит к тому, что прокуроры проходят мимо вопиющих нарушений советского закона, приносящих прямой политический вред и играющих на-руку врагам. С этим злом надо покончить со всей решительностью.

Работа по подбору, большевистскому воспитанию и политическому просвещению кадров в большинстве прокуратур поставлена из рук вон плохо. Нет систематического изучения кадров, их постоянной проверки и инструктажа на практической работе, постоянной заботы об их политическом росте и закалке. Никуда не годится тот прокурор края, области, республики, который не изучает лично подчиненных ему прокуроров, не контролирует их сам, выезжая в районы, не собирает их у себя для систематической политической информации и практического инструктажа, не обеспечивает им реальную возможность политической и юридической учебы.

Развертывание большевистской критики и самокритики в органах прокуратуры, укрепление связи прокуратуры с общественностью, усиление живого руководства местами, использование всех возможностей переподготовки кадров (заочная учеба, методические и иные совещания), систематический созыв периферийных работников для политической информации и конкретного инструктажа — все эти мероприятия непосредственно вытекают из задачи преодоления серьезных недостатков нашей работы.

Решения пленума ЦК ВКП(б) и указания доклада товарища Сталина должны быть тщательно изучены всеми работниками прокурорской системы как важнейшие документы партии, как прямое руководство к действию.

Честная, самоотверженная, не жалеющая усилий и не боящаяся трудностей, чуждая зазнайства и благодушия, пронизанная революционной бдительностью и ответственностью работа по реализации этих решений на практике является единственной предпосылкой нашего дальнейшего движения вперед. Пусть каждый работник прокуратуры помнит о своей ответственности в этой борьбе, помнит слова товарища Сталина: «И когда мы разделаемся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом».

Пусть каждый из нас помнит об ответственнейшей задаче — очищения нашей страны от наемников фашизма.

Демонстрируя в этом году в день 1 мая в рядах трудящихся нашей великой и могучей родины, работники прокуратуры заявляют о своей решимости покончить с крупнейшими недостатками своей работы, о готовности наносить беспощадные удары врагам народа, о безграничной преданности идеям коммунизма и партии Ленина—Сталина.

с/з 5-37

О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников

ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б)
3—5 МАРТА 1937 г.

Товарищи!

Из докладов и прений по ним, заслушанных на Пленуме, видно, что мы имеем здесь дело со следующими тремя основными фактами.

Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

Таковы три бесспорных факта, естественно вытекающих из докладов и прений по ним.

I
Политическая беспечность

Чем объяснить, что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску?

Можно ли утверждать, что вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, действующих на территории СССР, может являться для нас чем-либо неожиданным и небывалым? Нет, нельзя этого утверждать. Об этом говорят вредительские акты в разных отраслях народного хозяйства за последние 10 лет, начиная с шахтинского периода, зафиксированные в официальных документах.

Можно ли утверждать, что за последнее время не было у нас каких-либо предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний насчет вредительской, шпионской или террористической деятельности троцкистско-зиновьевских агентов фашизма? Нет, нельзя этого утверждать. Такие сигналы были, и большевики не имеют права забывать о них.

Злодейское убийство товарища Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца, для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации.

Судебный процесс «Ленинградского центра», равно как судебный процесс «Зиновьева—Каменева», дал новое обоснование урокам, вытекающим из факта злодейского убийства товарища Кирова.

Судебный процесс «Зиновьевско-троцкистского блока» расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты объединяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы, что они превратились в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охранки, что двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши организации, что бдительность и политическая прозорливость представляют наиболее верное средство для предотвращения такого проникновения, для ликвидации зиновьевско-троцкистской шайки.

Центральный Комитет ВКП(б) в своем закрытом письме от 18 января 1935 года по поводу злодейского убийства товарища Кирова решительно предостерегал партийные организации от политического благодушия и обывательского ротозейства. В закрытом письме сказано:

> «Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто-бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрыжкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства, как единственные средства обреченных в их борьбе с советской властью. Надо помнить это и быть бдительным».

В своем закрытом письме от 29 июля 1936 года по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского

блока Центральный Комитет ВКП(б) вновь призывал партийные организации к максимальной бдительности, к умению распознавать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы. В закрытом письме сказано:

«Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны, — шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани, — все наши партийные организации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован».

Значит, сигналы и предупреждения были.

К чему призывали эти сигналы и предупреждения?

Они призывали к тому, чтобы ликвидировать слабость партийно-организационной работы и превратить партию в неприступную крепость, куда не мог бы проникнуть ни один двурушник.

Они призывали к тому, чтобы покончить с недооценкой партийно-политической работы и сделать решительный поворот в сторону всемерного усиления такой работы, в сторону усиления политической бдительности.

И что же? Факты показали, что сигналы и предупреждения воспринимались нашими товарищами более чем туго.

Об этом красноречиво говорят всем известные факты из области кампании по проверке и обмену партийных документов.

Чем объяснить, что эти предостережения и сигналы не возымели должного действия?

Чем объяснить, что наши партийные товарищи, несмотря на их опыт борьбы с антисоветскими элементами, несмотря на целый ряд предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний, оказались политически близорукими перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов народа?

Может быть наши партийные товарищи стали хуже, чем они были раньше, стали менее сознательными и дисциплинированными? Нет, конечно, нет!

Может быть они стали перерождаться? Опять же нет! Такое предположение лишено всякого основания.

Так в чем же дело? Откуда такое ротозейство, беспечность, благодушие, слепота?

Дело в том, что наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать. Они забыли об одном основном факте из области международного положения СССР и не заметили двух очень важных фактов, имеющих прямое отношение к нынешним вредителям, шпионам, диверсантам и убийцам, прикрывающимся партийным билетом и маскирующимся под большевика.

II

Капиталистическое окружение

Что это за факты, о которых забыли или которых просто не заметили наши партийные товарищи?

Они забыли о том, что советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств. Они забыли, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае — подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом.

Взять, например, буржуазные государства. Наивные люди могут подумать, что между ними существуют исключительно добрые отношения, как между государствами однотипными. Но так могут думать только наивные люди. На самом деле отношения между ними более чем далеки от добрососедских отношений. Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверс-

санты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох.

Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охранки оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью.

III

Современный троцкизм

Далее. Ведя борьбу с троцкистскими агентами, наши партийные товарищи не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был, скажем, лет 7—8 тому назад, что троцкизм и троцкисты претерпели за это время серьезную эволюцию, в корне изменившую лицо троцкизма, что ввиду этого и борьба с троцкизмом, методы борьбы с ним должны быть изменены в корне. Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств.

Что такое политическое течение в рабочем классе? Политическое течение в рабочем классе — это такая группа или партия, которая имеет свою определенную политическую физиономию, платформу, программу, которая не прячет и не может прятать своих взглядов от рабочего класса, а наоборот, пропагандирует свои взгляды открыто и честно, на глазах у рабочего класса, которая не боится показать свое политическое лицо рабочему классу, не боится демонстрировать своих действительных целей и задач перед рабочим классом, а наоборот, с открытым забралом идет в рабочий класс для того, чтобы убедить его в правоте своих взглядов. Троцкизм в прошлом, лет 7—8 тому назад, был одним из таких политических течений в рабочем классе, правда, антиленинским и потому глубоко ошибочным, но все же политическим течением.

Можно ли сказать, что нынешний троцкизм, троцкизм, скажем, 1936 года, является политическим течением в рабочем классе? Нет, нельзя этого говорить. Почему? Потому, что современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что, если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их, как людей чуждых, и прогонит их от себя. Этим, собственно, и объясняется, что основным методом троцкистской работы является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов, подобострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь своих собственных взглядов.

На судебном процессе 1936 года, если вспомните, Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы. У них была полная возможность развернуть на судебном процессе свою политическую платформу. Однако они этого не сделали, заявив, что у них нет никакой политической платформы. Не может быть сомнения, что оба они лгали, отрицая наличие у них платформы. Теперь даже слепые видят, что у них была своя политическая платформа. Но почему они отрицали наличие у них какой-либо политической платформы? Потому что они боялись открыть свое подлинное политическое лицо, они боялись продемонстрировать свою действительную платформу реставрации капитализма в СССР, опасаясь, что такая платформа вызовет в рабочем классе отвращение.

На судебном процессе в 1937 году Пятаков, Радек и Сокольников стали на другой путь. Они не отрицали наличия политической платформы у троцкистов и зиновьевцев. Они признали наличие у них определенной политической платформы, признали и развернули ее в своих показаниях. Но развернули ее не для того, чтобы призвать рабочий класс, призвать народ к поддержке троцкистской платформы, а для того, чтобы проклясть и заклеймить ее, как платформу антинародную и антипролетарскую. Реставрация капитализма, ликвидация колхозов и совхозов, восстановление системы эксплоатации, союз с фашистскими силами Германии и Японии для приближения войны с Советским Союзом, борьба за войну и против политики мира, территориальное расчленение Советского Союза с отдачей Украины немцам, а Приморья — японцам, подготовка военного поражения Советского Союза в случае нападения на него враждебных государств и, как средство достижения этих задач, — вредительство, диверсия, индивидуальный террор против руководителей советской власти, шпионаж в пользу японо-немецких фашистских сил, — такова развернутая Пятаковым, Радеком и Сокольниковым политическая платформа нынешнего троцкизма. Понятно, что такую платформу не могли не прятать троцкисты от народа, от рабочего класса. И они прятали ее не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но даже от руководящей троцкистской верхушки, состоявшей из небольшой кучки

людей в 30—40 человек. Когда Радек и Пятаков потребовали от Троцкого разрешения на созыв маленькой конференции троцкистов в 30—40 человек для информации о характере этой платформы, Троцкий запретил им это, сказав, что нецелесообразно говорить о действительном характере платформы даже маленькой кучке троцкистов, так как такая «операция» может вызвать раскол.

«Политические деятели», прячущие свои взгляды, свою платформу не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но и от руководящей верхушки троцкистов, — такова физиономия современного троцкизма.

Но из этого вытекает, что современный троцкизм нельзя уже называть политическим течением в рабочем классе.

Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств.

Таков неоспоримый результат эволюции троцкизма за последние 7—8 лет.

Такова разница между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем.

Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили этой глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем. Они не заметили, что троцкисты давно уже перестали быть идейными людьми, что троцкисты давно уже превратились в разбойников с большой дороги, способных на любую гадость, способных на все мерзкое вплоть до шпионажа и прямой измены своей родине, лишь бы напакостить советскому государству и советской власти. Они не заметили этого и не сумели поэтому во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с троцкистами по-новому, более решительно.

Вот почему мерзости троцкистов за последние годы явились для некоторых наших партийных товарищей полной неожиданностью.

Дальше. Наконец, наши партийные товарищи не заметили того, что между нынешними вредителями и диверсантами, среди которых троцкистские агенты фашизма играют довольно активную роль, с одной стороны, и вредителями и диверсантами времен шахтинского периода, с другой стороны, имеется существенная разница.

Во-первых. Шахтинцы и промпартийцы были открыто чуждыми нам людьми. Это были большей частью бывшие владельцы предприятий, бывшие управляющие при старых хозяевах, бывшие компаньоны старых акционерных обществ, либо просто старые буржуазные специалисты, открыто враждебные нам политически. Никто из наших людей не сомневался в подлинности политического лица этих господ. Да и сами шахтинцы не скрывали своего неприязненного отношения к советскому строю. Нельзя то же самое сказать о нынешних вредителях и диверсантах, о троцкистах. Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты, — это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане, — стало быть, люди формально не чужие. Если старые вредители шли против наших людей, то новые вредители, наоборот, лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, подхалимничают перед ними для того, чтобы втереться в доверие. Разница, как видите, существенная.

Во-вторых. Сила шахтинцев и промпартийцев состояла в том, что они обладали в большей или меньшей степени необходимыми техническими знаниями, в то время, как наши люди, не имевшие таких знаний, вынуждены были учиться у них. Это обстоятельство давало вредителям шахтинского периода большое преимущество, давало им возможность вредить свободно и беспрепятственно, давало им возможность обманывать наших людей т е х н и ч е с к и. Не то с нынешними вредителями, с троцкистами. У нынешних вредителей нет никаких технических преимуществ по отношению к нашим людям. Наоборот, технически наши люди более подготовлены, чем нынешние вредители, чем троцкисты. За время от шахтинского периода до наших дней у нас выросли десятки тысяч настоящих технически подкованных большевистских кадров. Можно было бы назвать тысячи и десятки тысяч технически выросших большевистских руководителей, в сравнении с которыми все эти Пятаковы и Лившицы, Шестовы и Богуславские, Мураловы и Дробнисы являются пустыми болтунами и приготовишками с точки зрения технической подготовки. В чем же в таком случае состоит сила современных вредителей, троцкистов? Их сила состоит в партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации. Их преимущество состоит в том, что, имея партийные билеты и прикидываясь друзьями советской власти, они обманывали наших людей п о л и т и ч е с к и, злоупотребляли доверием, вредили втихомолку и открывали наши государственные секреты врагам Советского Союза. «Преимущество» сомнительное по своей политической и моральной ценности, но все же «преимущество». Этим «преимуществом» и объясняется, собственно, то обстоятельство, что троцкистские вредители, как люди с партбилетом, имеющие доступ во все места наших учреждений и организаций, оказались прямой находкой для разведывательных органов иностранных государств.

Ошибка некоторых наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили, не поняли всей этой разницы между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и троцкистами, и, не заметив этого, не сумели во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с новыми вредителями по-новому.

IV

Теневые стороны хозяйственных успехов

Таковы основные факты из области нашего международного и внутреннего положения, о которых забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи.

Вот почему наши люди оказались застигнутыми врасплох событиями последних лет по части вредительства и диверсий.

Могут спросить: но почему наши люди не заметили всего этого, почему они забыли обо всем этом?

Откуда взялись все эти забывчивость, слепота, беспечность, благодушие?

Не есть ли это органический порок в работе наших людей?

Нет, это не органический порок. Это — временное явление, которое может быть быстро ликвидировано при наличии некоторых усилий со стороны наших людей.

В чем же тогда дело?

Дело в том, что наши партийные товарищи за последние годы были всецело поглощены хозяйственной работой, они были до крайности увлечены хозяйственными успехами и, будучи увлечены всем этим делом, — забыли обо всем другом, забросили все остальное.

Дело в том, что, будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом деле начало и конец всего, а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение, усиление политической работы партии, борьба с вредительством и т. п. — не стали просто обращать внимания, полагая, что все эти вопросы представляют второстепенное или даже третьестепенное дело.

Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, мало искушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Неудивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и, как следствие всего этого, — появляется политическая слепота.

Тут я должен сказать несколько слов об опасностях, связанных с успехами, об опасностях, связанных с достижениями.

Об опасностях, связанных с трудностями, мы знаем по опыту. Вот уже несколько лет ведем борьбу с такого рода опасностями и, надо сказать, не без успеха. Опасности, связанные с трудностями, у людей нестойких порождают нередко настроения уныния, неверия в свои силы, настроения пессимизма. И, наоборот, там, где дело идет о том, чтобы побороть опасности, проистекающие из трудностей, люди закаляются в этой борьбе и выходят из борьбы действительно твердокаменными большевиками. Такова природа опасностей, связанных с трудностями. Таковы результаты преодоления трудностей.

Но есть другого рода опасности, опасности, связанные с успехами, опасности, связанные с достижениями. Да, да, товарищи, опасности, связанные с успехами, с достижениями. Опасности эти состоят в том, что у людей, мало искушенных в политике и не очень много видавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением, — порождает настроение беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах.

Неудивительно, что в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений люди забывают о некоторых существенных фактах, имеющих первостепенное значение для судеб нашей страны, люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства, опасности, связанные с нашими успехами и т. п. Капиталистическое окружение? Да это же чепуха! Какое значение может иметь какое-то капиталистическое окружение, если мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Новые формы вредительства, борьба с троцкизмом? Все это пустяки! Какое значение могут иметь все эти мелочи, когда мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда? Стоит ли вообще возиться с этими мелочами, если хозяйство у нас растет, а материальное положение рабочих и крестьян все более и более улучшается? Пустяки все это! Планы перевыполняем, партия у нас неплохая, ЦК партии тоже неплохой, — какого рожна еще нам нужно? Странные люди сидят там в Москве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают...

Вот вам наглядный пример того, как легко и «просто» заражаются политической слепотой некоторые наши неопытные товарищи в результате головокружительного увлечения хозяйственными успехами.

Таковы опасности, связанные с успехами, с достижениями.

Таковы причины того, что наши партийные товарищи, увлекшись хозяйственными успехами, забыли о фактах международного и внутреннего характера, имеющих существенное значение для Советского Союза, и не заметили целого ряда опасностей, окружающих нашу страну.

Таковы корни нашей беспечности, забывчивости, благодушия, политической слепоты.

Таковы корни недостатков нашей хозяйственной и партийной работы.

V

Наши задачи

Как ликвидировать эти недостатки нашей работы?

Что нужно сделать для этого?

Необходимо осуществить следующие мероприятия.

1) Необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязающих в «текущих вопросах» по линии того или иного ведомства, — в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера.

2) Необходимо поднять политическую работу нашей партии на должную высоту, поста-

вив во главу угла задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров.

3) Необходимо разъяснять нашим партийным товарищам, что хозяйственные успехи, значение которых бесспорно очень велико и которых мы будем добиваться и впредь, изо дня в день, из года в год, — все же не исчерпывают всего дела нашего социалистического строительства.

Разъяснять, что теневые стороны, связанные с хозяйственными успехами и выражающиеся в самодовольстве, беспечности, в притуплении политического чутья, могут быть ликвидированы лишь в том случае, если хозяйственные успехи сочетаются с успехами партийного строительства и развернутой политической работы нашей партии.

Разъяснять, что сами хозяйственные успехи, их прочность и длительность целиком и полностью зависят от успехов партийно-организационной и партийно-политической работы, что без этого условия хозяйственные успехи могут оказаться построенными на песке.

4) Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза.

Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение, — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства.

Разъяснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

5) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем классе, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов.

Разъяснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома.

6) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам разницу между современными вредителями и вредителями шахтинского периода, разъяснить, что если вредители шахтинского периода обманывали наших людей на технике, используя их техническую отсталость, то современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним, как к членам партии, используя политическую беспечность наших людей.

Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду.

Могут спросить: разве нельзя было лет десять тому назад, в период шахтинских времен, дать сразу оба лозунга, и первый лозунг об овладении техникой, и второй лозунг о политическом воспитании кадров? Нет, нельзя было. Так у нас дела не делаются в большевистской партии. В поворотные моменты революционного движения всегда выдвигается один какой-либо основной лозунг, как узловой, для того, чтобы, ухватившись за него, вытянуть через него всю цепь. Ленин так учил нас: найдите основное звено в цепи нашей работы, ухватитесь за него и вытягивайте его для того, чтобы через него вытянуть всю цепь и итти вперед. История революционного движения показывает, что эта тактика является единственно правильной тактикой. В шахтинский период слабость наших людей состояла в их технической отсталости. Не политические, а технические вопросы составляли тогда для нас слабое место. Что касается наших политических отношений к тогдашним вредителям, то они были совершенно ясны, как отношения большевиков к политически чуждым людям. Эту нашу техническую слабость мы ликвидировали тем, что дали лозунг об овладении техникой и воспитали за истекший период десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров. Другое дело теперь, когда мы имеем уже технически подкованные большевистские кадры и когда в роли вредителей выступают не открыто чуждые люди, не имеющие к тому же никаких технических преимуществ в сравнении с нашими людьми, а люди, обладающие партийным билетом и пользующиеся всеми правами членов партии. Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы. Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно заполучившим партийный билет.

Такова коренная разница между узловым вопросом в деле борьбы за кадры в период шахтинских времен и узловым вопросом настоящего периода.

Вот почему мы не могли и не должны были давать лет десять тому назад сразу оба лозунга, и лозунг об овладении техникой, и лозунг о политическом воспитании кадров.

Вот почему старый лозунг об овладении техникой необходимо теперь дополнить новым лозунгом об овладении большевизмом, о политическом воспитании кадров и ликвидации нашей политической беспечности.

7) Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным.

Это — не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплоататорских классов, тем скорее будут они итти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР неодиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки.

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм.

Необходимо помнить все это и быть начеку.

8) Необходимо разбить и отбросить прочь другую гнилую теорию, говорящую о том, что не может быть будто бы вредителем тот, кто не всегда вредит и кто хоть иногда показывает успехи в своей работе.

Эта странная теория изобличает наивность ее авторов. Ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу.

Я думаю, что вопрос этот ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

9) Необходимо разбить и отбросить прочь третью гнилую теорию, говорящую о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на-нет вредительство и результаты вредительства.

Подобная теория может преследовать лишь одну цель: пощекотать ведомственное самолюбие наших работников, успокоить их и ослабить их борьбу с вредительством.

Что значит — «систематическое выполнение наших хозяйственных планов»?

Во-первых, доказано, что все наши хозяйственные планы являются заниженными, ибо они не учитывают огромных резервов и возможностей, таящихся в недрах нашего народного хозяйства.

Во-вторых, суммарное выполнение хозяйственных планов по наркоматам в целом еще не значит, что по некоторым очень важным отраслям так же выполняются планы. Наоборот, факты говорят, что целый ряд наркоматов, выполнивших и даже перевыполнивших годовые хозяйственные планы, систематически не выполняет планов по некоторым очень важным отраслям народного хозяйства.

В-третьих, не может быть сомнения в том, что если бы вредители не были разоблачены и выброшены вон, с выполнением хозяйственных планов дело обстояло бы куда хуже, о чем следовало бы помнить близоруким авторам разбираемой теории.

В-четвертых, вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду канупа войны или самой войны. Допустим, что мы стали бы убаюкивать себя гнилой теорией о «систематическом выполнении хозяйственных планов» и не трогали бы вредителей. Представляют ли авторы этой гнилой теории, какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о «систематическом выполнении хозяйственных планов».

Не ясно ли, что теория о «систематическом выполнении хозяйственных планов» есть теория, выгодная для вредителей?

10) Необходимо разбить и отбросить прочь четвертую гнилую теорию, говорящую о том, что стахановское движение является будто бы основным средством ликвидации вредительства.

Эта теория выдумана для того, чтобы под шумок болтовни о стахановцах и стахановском движении отвести удар от вредителей.

Тов. Молотов в своем докладе демонстрировал целый ряд фактов, говорящих о том, как троцкистские и не-троцкистские вредители в Кузбассе и Донбассе, злоупотребляя доверием наших политически беспечных товарищей, систематически водили за нос стахановцев, ставили им палки в колеса, искусственно создавали целый ряд препятствий для их успешной работы и добились, наконец, того, что расстроили их работу. Что могут сделать одни лишь стахановцы, если вредительское ведение капитального строительства, скажем, в Донбассе привело к разрыву между подготовительными работами по добыче угля, которые отстают от темпов, и всеми другими работами? Не ясно ли, что само стахановское движение нуждается в реальной помощи с нашей стороны против всех и всяких махинаций вредителей для того, чтобы двинуть вперед дело и выполнить свою великую миссию? Не ясно ли, что борьба с вредительством, борьба за ликвидацию вредительства, обуздание вредительства является условием, необходимым для того, чтобы стахановское движение могло развернуться во всю ширь?

Я думаю, что вопрос этот так же ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

11) Необходимо разбить и отбросить прочь пятую гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских вредителей нет будто бы больше резервов, что они добирают будто бы свои последние кадры.

Это неверно, товарищи. Такую теорию могли выдумать только наивные люди. У троцкистских вредителей есть свои резервы. Они состоят прежде всего из остатков разбитых

эксплоататорских классов в СССР. Они состоят из целого ряда групп и организаций за пределами СССР, враждебных Советскому Союзу.

Взять, например, троцкистский контрреволюционный IV интернационал, состоящий на две трети из шпионов и диверсантов. Чем это не резерв? Разве не ясно, что этот шпионский интернационал будет выделять кадры для шпионско-вредительской работы троцкистов?

Или еще, взять, например, группу пройдохи Шефло в Норвегии, приютившую у себя обершпиона Троцкого и помогавшую ему пакостить Советскому Союзу. Чем эта группа не резерв? Кто может отрицать, что эта контрреволюционная группа будет и впредь оказывать услуги троцкистским шпионам и вредителям?

Или еще, взять, например, другую группу такого же пройдохи, как Шефло, группу Суварина во Франции. Чем она не резерв? Разве можно отрицать, что эта группа пройдох также будет помогать троцкистам в их шпионско-вредительской работе против Советского Союза?

А все эти господа из Германии, всякие там Рут Фишеры, Масловы, Урбансы, продавшие душу и тело фашистам,—чем они не резерв для троцкистской шпионско-вредительской работы?

Или, например, известная орда писателей из Америки во главе с известным жуликом Истменом, все эти разбойники пера, которые тем и живут, что клевещут на рабочий класс СССР,—чем они не резерв для троцкизма?

Нет, надо отбросить прочь гнилую теорию о том, что троцкисты добирают будто бы последние кадры.

12) Наконец, необходимо разбить и отбросить прочь еще одну гнилую теорию, говорящую о том, что так как нас, большевиков, много, а вредителей мало, так как нас, большевиков, поддерживают десятки миллионов людей, а троцкистских вредителей лишь единицы и десятки, то мы, большевики, могли бы и не обращать внимания на какую-то кучку вредителей.

Это неверно, товарищи. Эта более чем странная теория придумана для того, чтобы утешить некоторых наших руководящих товарищей, провалившихся на работе ввиду их неумения бороться с вредительством, и усыпить их бдительность, дать им спокойно спать.

Что троцкистских вредителей поддерживают единицы, а большевиков десятки миллионов людей—это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что вредители не могут нанести нашему делу серьезнейший вред. Для того, чтобы напакостить и навредить, для этого вовсе не требуется большое количество людей. Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется может быть несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало.

Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах.

Так обстоит дело с вопросом о том, как ликвидировать недостатки нашей работы, общие для всех наших организаций, как хозяйственных и советских, так и административных и партийных.

Таковы меры, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки.

Что касается специально партийных организаций и недостатков в их работе, то о мерах ликвидации этих недостатков достаточно подробно говорится в представляемом на ваше усмотрение проекте резолюции. Я думаю, поэтому, что нет необходимости распространяться здесь об этой стороне дела.

Хотелось бы только сказать несколько слов по вопросу о политической подготовке и усовершенствовании наших партийных кадров.

Я думаю, что если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры, снизу до верху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач.

Как обстоит дело с руководящим составом нашей партии?

В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал,—генералитет нашей партии.

Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это—наше партийное офицерство.

Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство.

Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти кадры свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров,—вот задача.

Что требуется для этого?

Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям, от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций, подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и во-время выдвигать, чтобы они не перестаивали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящете.

Далее. Для партийного обучения и переподготовки секретарей ячеек необходимо создать в каждом областном центре четырехмесячные «Партийные курсы». На эти курсы надо направлять секретарей всех первичных пар-

тийных организаций (ячеек), а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,—их заместителей и наиболее способных членов первичных парторганизаций.

Дальше. Для политической переподготовки первых секретарей районных организаций необходимо создать по СССР, скажем, в 10-ти наиболее важных центрах, восьмимесячные «Ленинские курсы». На эти курсы следует направлять первых секретарей районных и окружных партийных организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,—их заместителей и наиболее способных членов районных и окружных организаций.

Дальше. Для идеологической переподготовки и политического усовершенствования секретарей городских организаций необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячные «Курсы по истории и политике партии». На эти курсы следует направлять первых или вторых секретарей городских организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,—наиболее способных членов городских организаций.

Наконец, необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячное «Совещание по вопросам внутренней и международной политики». Сюда надо направлять первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо и это должно быть сделано.

Я кончаю, товарищи.

Мы изложили таким образом основные недостатки нашей работы, как те, которые общи для всех наших организаций, хозяйственных, административных, партийных, так и те, которые свойственны лишь специально партийным организациям, недостатки, используемые врагами рабочего класса для своей диверсионно-вредительской и шпионско-террористической работы.

Мы наметили, далее, основные мероприятия, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки и обезвредить диверсионно-вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов иностранных разведывательных органов.

Спрашивается, можем ли осуществить все эти мероприятия, есть ли у нас для этого все необходимые возможности?

Безусловно, можем. Можем, так как у нас есть в нашем распоряжении все средства, необходимые для того, чтобы осуществить эти мероприятия.

Чего же нехватает у нас?

Нехватает только одного: готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость.

В этом загвоздка.

Но неужели мы не сумеем разделаться с этой смешной и идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли великое знамя мирового коммунизма?

У нас нет оснований сомневаться в том, что безусловно разделаемся с ней, если, конечно, захотим этого. Разделаемся не просто, а по-большевистски, по-настоящему.

И когда мы разделаемся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом. (Аплодисменты).

Заключительное слово

Товарищи!

Я говорил в своем докладе об основных вопросах обсуждаемого дела. Прения показали, что у нас имеется теперь полная ясность, имеется понимание задач и есть готовность ликвидировать недостатки нашей работы. Но прения показали также, что есть некоторые конкретные вопросы нашей организационно-политической практики, по которым нет еще у нас вполне ясного понимания. Таких вопросов я насчитал семь.

Разрешите сказать несколько слов об этих вопросах.

1) Теперь, надо полагать, все поняли, осознали, что чрезмерное увлечение хозяйственными кампаниями и хозяйственными успехами при недооценке и забвении партийно-политических вопросов—ведет к тупику. Необходимо, стало быть, повернуть внимание работников в сторону партийно-политических вопросов с тем, чтобы успехи хозяйственные сочетались и шли рядом с успехами партийно-политической работы.

Как практически осуществить задачу усиления партийно-политической работы, задачу освобождения партийных организаций от хозяйственных мелочей? Как видно из прений, некоторые товарищи склонны делать из этого неправильный вывод о том, что теперь придется будто бы отойти вовсе от хозяйственной работы. По крайней мере были голоса: ну, теперь, слава богу, освободимся от хозяйственных дел, теперь можно заняться и партийно-политической работой. Правилен ли этот вывод? Нет, неправилен. Когда наши партийные товарищи, увлекаясь хозяйственными успехами, отходили от политики, это была крайность, стоившая нам больших жертв. Если теперь некоторые наши товарищи, берясь за усиление партийно-политической работы, вздумают отойти от хозяйства, то это будет другая крайность, которая будет нам стоить не меньших жертв. Нельзя шарахаться от одной крайности к другой. Нельзя отделять политику от хозяйства. Мы не можем уйти от хозяйства так же, как не можем уйти от политики. Для удобства изучения люди обычно отделяют методологически вопросы хозяйства от вопросов политики. Но это делается лишь методологически, искусственно, только для удобства изучения. В жизни, наоборот, на практике политика и хозяйство неотделимы. Они существуют вместе и действуют вместе. И тот, кто думает в нашей практической работе отделить хозяйство от политики, усилить хозяйственную ра-

боту ценой умаления политической работы или, наоборот, усилить политическую работу ценой умаления хозяйственной работы,—тот обязательно попадает в тупик.

Смысл известного пункта проекта резолюции об освобождении партийных организаций от хозяйственных мелочей и усилении партийно-политической работы состоит не в том, чтобы отойти от хозяйственной работы и хозяйственного руководства, а только лишь в том, чтобы не допускать больше практики подмены и обезличения хозяйственных органов, в том числе и особенно земельных органов, нашими партийными организациями. Необходимо, стало быть, усвоить метод большевистского руководства хозяйственными органами, состоящий в том, чтобы систематически помогать этим органам, систематически укреплять их и руководить хозяйством не помимо этих органов, а через них. Нужно дать хозяйственным органам и прежде всего земельным органам лучших людей, нужно укомплектовать эти органы новыми лучшими работниками, способными выполнять возложенные на них задачи. Только после того, как будет проделана эта работа, можно будет рассчитывать на то, что партийные организации будут полностью освобождены от хозяйственных мелочей. Понятно, что дело это серьезное и требует известного времени. Но пока это не сделано, партийным организациям придется и впредь, на определенно короткий срок, заниматься вплотную сельскохозяйственными делами со всеми их мелочами, пахотой, севом, уборкой и т. д.

2) Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений.

Но вот вопрос: как практически осуществить задачу разгрома и выкорчевывания японо-германских агентов троцкизма? Значит ли это, что надо бить и выкорчевывать не только действительных троцкистов, но и тех, которые когда-то колебались в сторону троцкизма, а потом давно уже, отошли от троцкизма, не только тех, которые действительно являются троцкистскими агентами вредительства, но и тех, которые имели когда-то случай пройти по улице, по которой когда-то проходил тот или иной троцкист? По крайней мере такие голоса раздавались здесь на пленуме. Можно ли считать такое толкование резолюции правильным? Нет, нельзя считать правильным. В этом вопросе, как и во всех других вопросах, необходим индивидуальный, дифференцированный подход. Нельзя стричь всех под одну гребенку. Такой огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными троцкистскими вредителями и шпионами.

Среди наших ответственных товарищей имеется некоторое количество бывших троцкистов, которые давно уже отошли от троцкизма и ведут борьбу с троцкизмом не хуже, а лучше некоторых наших уважаемых товарищей, не имевших случая колебаться в сторону троцкизма. Было бы глупо опорачивать теперь таких товарищей.

Среди наших товарищей есть и такие, которые идеологически стояли всегда против троцкизма, но, несмотря на это, поддерживали личную связь с отдельными троцкистами, которую они не замедлили ликвидировать, как только стала для них ясной практическая физиономия троцкизма. Не хорошо, конечно, что они прервали свою личную приятельскую связь с отдельными троцкистами не сразу, а с опозданием. Но было бы глупо валить таких товарищей в одну кучу с троцкистами.

3) Что значит—правильно подбирать работников и правильно расставлять их на работе?

Это значит подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, т. е. заслуживают ли они политического доверия и, во-вторых, по деловому признаку, т. е. пригодны ли они для такой-то конкретной работы.

Это значит не превращать деловой подход в деляческий подход, когда люди интересуются деловыми качествами работников, но не интересуются их политической физиономией.

Это значит не превращать политический подход в единственный и исчерпывающий подход, когда люди интересуются политической физиономией работников, но не интересуются их деловыми качествами.

Можно ли сказать, что это большевистское правило выполняется нашими партийными товарищами? К сожалению, нельзя этого сказать. Здесь на пленуме уже говорили об этом. Но не сказали всего. Дело в том, что это испытанное правило нарушается в нашей практике сплошь и рядом и при том самым грубым образом. Чаще всего подбирают работников не по объективным признакам, а по признакам случайным, субъективным, обывательски-мещанским. Подбирают чаще всего так называемых знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей, мастеров по восхвалению своих шефов — безотносительно к их политической и деловой пригодности.

Понятно, что вместо руководящей группы ответственных работников получается семейка близких людей, артель, члены которой стараются жить в мире, не обижать друг друга, не выносить сора из избы, восхвалять друг друга и время от времени посылать в центр пустопорожние и тошнотворные рапорта об успехах.

Не трудно понять, что в такой семейственной обстановке не может быть места ни для критики недостатков работы, ни для самокритики руководителей работы.

Понятно, что такая семейственная обстановка создает благоприятную среду для выращивания подхалимов, людей, лишенных чувства своего достоинства и потому не имеющих ничего общего с большевизмом.

Взять, например, товарищей Мирзояна и Вайнова. Первый из них является секретарем краевой партийной организации Казахстана, второй — секретарем Ярославской областной партийной организации. Эти люди в нашей среде—не последние работники. А как они подбирают работников? Первый перетащил с собой в Казахстан из Азербайджана и Урала, где он раньше работал, 30—40 «своих» людей и расставил их на ответственные посты в Казахстане. Второй перетащил с собой в Ярославль из Донбасса, где он раньше работал,

свыше десятка тоже «своих» людей и расставил их тоже на ответственные посты. Есть, стало быть, своя артель у товарища Мирзояна. Есть она и у товарища Вайнова. Разве нельзя было подобрать работников из местных людей, руководствуясь известным большевистским правилом о подборе и расстановке людей? Конечно, можно было бы. Почему же они этого не сделали? Потому, что большевистское правило подбора работников исключает возможность обывательски-мещанского подхода, исключает возможность подбора работников по признакам семейственности и артельности. Кроме того, подбирая в качестве работников лично преданных людей, эти товарищи хотели, видимо, создать для себя обстановку некоторой независимости как в отношении местных людей, так и в отношении ЦК партии. Допустим, что товарищи Мирзоян и Вайнов в силу тех или иных обстоятельств будут переведены из места нынешней их работы в какие-либо другие места. Как они должны поступать в таком случае в отношении своих «хвостов»? Неужели им придется снова перетаскивать их в новые места своей работы?

Вот к какому абсурду приводит нарушение большевистского правила о правильном подборе и расстановке работников.

4) Что значит—проверять работников, проверять исполнение заданий?

Проверять работников, это значит проверять их не по их обещаниям и декларациям, а по результатам их работы.

Проверять исполнение заданий, это значит проверять их не только в канцелярии и не только по формальным отчетам, но прежде всего проверять их на месте работы по фактическим результатам исполнения.

Нужна ли вообще такая проверка? Безусловно, нужна. Нужна, во-первых, потому, что только такая проверка дает возможность распознать работника, определить его действительные качества. Нужна, во-вторых, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки исполнительского аппарата. Нужна, в-третьих, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки самих заданий.

Некоторые товарищи думают, что проверять людей можно только сверху, когда руководители проверяют руководимых по результатам их работы. Это неверно. Проверка сверху, конечно, нужна, как одна из действительных мер проверки людей и проверки исполнения заданий. Но проверка сверху далеко еще не исчерпывает всего дела проверки. Существует еще другого рода проверка, проверка снизу, когда массы, когда руководимые проверяют руководителей, отмечают их ошибки и указывают пути их исправления. Этого рода проверка является одним из самых действительных способов проверки людей.

Партийные массы проверяют своих руководителей на активах, на конференциях, на съездах путем заслушивания их отчетов, путем критики недостатков, наконец, путем избрания или неизбрания в руководящие органы тех или иных руководящих товарищей. Точное проведение демократического централизма в партии, как этого требует устав нашей партии, безусловная выборность партийных органов, право выставления и отвода кандидатов, закрытое голосование, свобода критики и самокритики,—все эти и подобные им мероприятия необходимо провести в жизнь для того, между прочим, чтобы облегчить проверку и контроль руководителей партии со стороны партийных масс.

Беспартийные массы проверяют своих хозяйственных, профессионалистских и иных руководителей на беспартийных активах, на массовых совещаниях всякого рода, где они заслушивают отчеты своих руководителей, критикуют недостатки и намечают пути их исправления.

Наконец, народ проверяет руководителей страны во время выборов в органы власти Советского Союза путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Задача состоит в том, чтобы соединить проверку сверху с проверкой снизу.

5) Что значит—обучать кадры на их собственных ошибках?

Ленин учил, что добросовестное вскрытие ошибок партии, изучение причин, породивших эти ошибки, и намечение путей, необходимых для исправления этих ошибок, является одним из вернейших средств правильного обучения и воспитания партийных кадров, правильного обучения и воспитания рабочего класса и трудящихся масс. Ленин говорит:

> «Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле ее обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку—вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это—воспитание и обучение класса, а затем и массы».

Это значит, что обязанностью большевиков является не замазывание своих ошибок, не увиливание от вопроса об их ошибках, как это бывает у нас часто, а честное и открытое признание своих ошибок, честное и открытое намечение путей для исправления этих ошибок, честное и открытое исправление своих ошибок.

Я бы не сказал, чтобы многие из наших товарищей с удовольствием пошли на это дело. Но большевики, если они действительно хотят быть большевиками, должны найти в себе мужество открыто признать свои ошибки, вскрыть их причины, наметить пути их исправления и тем помочь партии дать кадрам правильное обучение и правильное политическое воспитание. Ибо только на этом пути, только в обстановке открытой и честной самокритики можно воспитать действительно большевистские кадры, можно воспитать действительных большевистских лидеров.

Два примера, демонстрирующие правильность положения Ленина.

Взять, например, наши ошибки с колхозным строительством. Вы помните, должно быть, 1930 год, когда наши партийные товарищи думали разрешить сложнейший вопрос перевода крестьянства на колхозное строительство в какие-нибудь 3—4 месяца и когда Центральный Комитет партии оказался вынужденным осадить увлекающихся товарищей. Это был один из самых опасных периодов в жизни на-

щей партии. Ошибка состояла в том, что наши партийные товарищи забыли о добровольности колхозного строительства, забыли, что нельзя переводить крестьян на колхозный путь путем административного нажима, забыли, что колхозное строительство требует не нескольких месяцев, а нескольких лет тщательной и продуманной работы. Они забыли об этом и не хотели признавать своих ошибок. Вы помните, должно быть, что указание ЦК о головокружении от успехов и о том, чтобы наши товарищи на местах не забегали вперед, игнорируя реальную обстановку, — было встречено в штыки. Но это не удержало ЦК от того, чтобы пойти против течения и повернуть наших партийных товарищей на правильный путь. И что же? Теперь ясно для всех, что партия добилась своего, повернув наших партийных товарищей на правильный путь. Сейчас у нас имеются десятки тысяч великолепных кадров из крестьян по колхозному строительству и колхозному руководству. Эти кадры обучались и воспитались на ошибках 1930 года. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Другой пример уже из области промышленного строительства. Я имею в виду наши ошибки в период шахтинского вредительства. Наши ошибки состояли в том, что мы не учитывали всей опасности технической отсталости наших кадров в промышленности, мы мирились с этой отсталостью и думали развернуть широкое социалистическое промышленное строительство при помощи враждебно настроенных специалистов, обрекая наши хозяйственные кадры на роль плохих комиссаров при буржуазных специалистах. Вы помните, должно быть, как неохотно признавали тогда наши хозяйственные кадры свои ошибки, как неохотно признавали они свою техническую отсталость и до чего туго усваивали они лозунг—«овладеть техникой». И что же? Факты показывают, что лозунг «овладеть техникой» возымел свое действие и дал свои благие результаты. Теперь у нас имеются десятки и сотни тысяч великолепных большевистских хозяйственных кадров, уже овладевших техникой и двигающих вперед нашу промышленность. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия спасовала перед упорством хозяйственников, не желавших признать свою техническую отсталость, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Некоторые товарищи говорят, что нецелесообразно говорить открыто о своих ошибках, так как открытое признание своих ошибок может быть расценено нашими врагами, как наша слабость, и может быть использовано ими. Это пустяки, товарищи, сущие пустяки. Открытое признание наших ошибок и честное их исправление, наоборот, может лишь усилить нашу партию, поднять авторитет нашей партии в глазах рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, поднять силу и мощь нашего государства. А это главное. Были бы с нами рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, а все остальное приложится.

Другие товарищи говорят, что открытое признание наших ошибок может привести не к обучению и укреплению наших кадров, а к их ослаблению и расстройству, что мы должны щадить и беречь свои кадры, что мы должны щадить их самолюбие и спокойствие. Для этого они предлагают замазывать ошибки наших товарищей, ослабить силу критики, а еще лучше—пройти мимо этих ошибок. Такая установка является не только в корне неправильной, но и в высшей степени опасной, опасной прежде всего для кадров, которые хотят «щадить» и «беречь». Щадить и сохранить кадры при помощи замазывания их ошибок, — это значит наверняка погубить эти самые кадры. Мы бы наверняка загубили свои колхозные большевистские кадры, если бы не вскрыли ошибок 1930 года и не обучили их на этих ошибках. Мы бы наверняка загубили свои промышленные большевистские кадры, если бы мы не вскрыли ошибок наших товарищей в период шахтинского вредительства и не обучили наши промышленные кадры на этих ошибках. Кто думает щадить самолюбие наших кадров путем замазывания их ошибок, тот губит и кадры, и самолюбие кадров, ибо он замазыванием их ошибок облегчает повторение новых, может быть более серьезных ошибок, которые, надо полагать, приведут к полному провалу кадров в ущерб их «самолюбию» и «спокойствию».

6) Ленин учил нас не только учить массы, но и учиться у масс.

Что это значит?

Это значит, что мы, руководители, не должны зазнаваться и должны понимать, что, если мы являемся членами ЦК или наркомами, то это еще не значит, что мы обладаем всеми знаниями, необходимыми для того, чтобы правильно руководить. Чин сам по себе не дает знаний и опыта. Звание—тем более.

Это значит, что одного лишь нашего опыта, опыта руководителей недостаточно для того, чтобы правильно руководить, что необходимо, стало быть, дополнять свой опыт, опыт руководителей, опытом масс, опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом народа.

Это значит, ни на минуту не ослаблять, а тем более не разрывать наших связей с массами.

Это значит, наконец, чутко прислушиваться к голосу масс, к голосу рядовых членов партии, к голосу так называемых «маленьких людей», к голосу народа.

Что значит правильно руководить?

Это вовсе не значит сидеть в канцелярии и строчить директивы.

Правильно руководить—это значит:

во-первых, найти правильное решение вопроса, а правильное решение невозможно найти без учета опыта масс, которые на своей собственной спине испытывают результаты нашего руководства;

во-вторых, организовать исполнение правильного решения, чего, однако, нельзя сделать без прямой помощи со стороны масс;

в-третьих, организовать проверку исполнения этого решения, чего, опять-таки, невозможно сделать без прямой помощи масс.

Мы, руководители, видим вещи, события, людей только с одной стороны, я бы сказал—сверху, наше поле зрения, стало быть, более или менее ограничено. Массы, наоборот, видят вещи, события, людей с другой стороны, я бы сказал—снизу, их поле зрения тоже, стало

быть, в известной степени ограничено. Чтобы получить правильное решение вопроса, надо объединить эти два опыта. Только в таком случае руководство будет правильным.

Вот что значит не только учить массы, но и учиться у масс.

Два примера, демонстрирующие правильность этого положения Ленина.

Это было несколько лет тому назад. Мы, члены ЦК, обсуждали вопрос об улучшении положения в Донбассе. Проект мероприятий, представленный Наркомтяжем, был явно неудовлетворительный. Трижды возвращали проект в Наркомтяж. Трижды получали из Наркомтяжа все разные проекты. И все же нельзя было признать их удовлетворительными. Наконец, мы решили вызвать из Донбасса несколько рабочих и рядовых хозяйственных и профессиональных работников. Три дня беседовали с этими товарищами. И все мы, члены ЦК, должны были признать, что только они, эти рядовые работники, эти «маленькие люди» сумели подсказать нам правильное решение. Вы помните должно быть известное решение ЦК и Совнаркома о мерах усиления добычи угля в Донбассе. Так вот это решение ЦК и Совнаркома, которое признано всеми нашими товарищами правильным и даже знаменитым решением, подсказали нам простые люди из низов.

Другой пример. Я имею в виду пример с тов. Николаенко. Кто такая Николаенко? Николаенко—это рядовой член партии. Она — обыкновенный «маленький человек». Целый год она подавала сигналы о неблагополучии в партийной организации в Киеве, разоблачала семейственность, мещанско-обывательский подход к работникам, зажим самокритики, засилье троцкистских вредителей. От нее отмахивались, как от назойливой мухи. Наконец, чтобы отбиться от нее, взяли и исключили ее из партии. Ни Киевская организация, ни ЦК КП(б)У не помогли ей добиться правды. Только вмешательство Центрального Комитета партии помогло распутать этот запутанный узел. А что выяснилось после разбора дела? Выяснилось, что Николаенко была права, а Киевская организация была неправа. Ни больше, ни меньше. А ведь кто такая Николаенко? Она, конечно, не член ЦК, она не нарком, она не секретарь Киевской областной организации, она даже не секретарь какой-либо ячейки, она только простой рядовой член партии.

Как видите, простые люди оказываются иногда куда ближе к истине, чем некоторые высокие учреждения.

Можно было бы привести еще десятки и сотни таких примеров.

Выходит таким образом, что для руководства нашим делом одного лишь нашего опыта, опыта руководителей, далеко еще недостаточно. Для того, чтобы правильно руководить, необходимо опыт руководителей дополнить опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом трудящихся, опытом так называемых «маленьких людей».

А когда это возможно?

Это возможно лишь в том случае, если руководители связаны с массами теснейшим образом, если они связаны с партийными массами, с рабочим классом, с крестьянством, с трудовой интеллигенцией.

Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушиваться к голосу масс,—вот в чем сила и непобедимость большевистского руководства.

Можно признать как правило, что пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимыми. И наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились всякой силы и превратились в пустышку.

У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой—Антей, который был, как повествует мифология, сыном Посейдона—бога морей и Геи—богини земли. Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила, вскормила и воспитала. Не было такого героя, которого бы он не победил—этот Антей. Он считался непобедимым героем. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что каждый раз, когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая родила и вскормила его, и получал новую силу. Но у него было все-таки свое слабое место — это опасность быть каким-либо образом оторванным от земли. Враги учитывали эту его слабость и подкарауливали его. И вот нашелся враг, который использовал эту его слабость и победил его. Это был Геркулес. Но как он его победил? Он оторвал его от земли, поднял на воздух, отнял у него возможность прикоснуться к земле и задушил его таким образом в воздухе.

Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми.

В этом ключ непобедимости большевистского руководства.

7) Наконец, еще один вопрос. Я имею в виду вопрос о формальном и бездушно-бюрократическом отношении некоторых наших партийных товарищей к судьбе отдельных членов партии, к вопросу об исключении из партии членов партии, или к вопросу о восстановлении исключенных в правах членов партии. Дело в том, что некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают членов партии, не знают чем они живут и как они растут, не знают вообще работников. Поэтому у них нет индивидуального подхода к членам партии, к работникам партии. И именно потому, что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо хвалят их огулом, без меры, либо избивают их также огулом и без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч. Такие руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь об «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас двухмиллионная и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут под-

ходить к членам партии лишь люди, по сути дела, глубоко антипартийные.

В результате такого бездушного отношения к людям, к членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии, а троцкистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото троцкистского вредительства.

Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии. Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 году. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов партии голосовало тогда 730 тысяч членов партии. Из них за большевиков, за Центральный Комитет партии против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов—4 тысячи членов партии, то-есть около полпроцента, и воздержалось 2 600 членов партии. Не приняло участия в голосовании 123 тысячи членов партии. Не приняли они участия либо потому, что были в отъезде, либо потому, что были в сменах. Если к 4 тысячам, голосовавших за троцкистов, прибавить всех воздержавшихся, — полагая, что они тоже сочувствовали троцкистам, — и если к этой сумме прибавить не полпроцента не участвовавших в голосовании, как это следовало бы сделать по правилу, а пять процентов не участвовавших, то-есть около 6 тысяч членов партии, то получится около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила господ троцкистов. Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил. И если, несмотря на это, троцкистские вредители все же имеют кое-какие резервы около нашей партии, то это потому, что неправильная политика некоторых наших товарищей по вопросу об исключении из партии и восстановлении исключенных, бездушное отношение некоторых наших товарищей к судьбе отдельных членов партии и отдельных работников искусственно плодят количество недовольных и озлобленных и создают, таким образом, троцкистам эти резервы.

Исключают большей частью за так называемую пассивность. Что такое пассивность? Считают, оказывается, что ежели член партии не усвоил программу партии, то он пассивен и подлежит исключению. Но это же неправильно, товарищи. Нельзя же так буквоедски толковать устав нашей партии. Чтобы усвоить программу партии, надо быть настоящим марксистом, проверенным и теоретически подготовленным марксистом. Я не знаю, много ли найдется у нас членов партии, которые уже усвоили нашу программу, стали настоящими марксистами, теоретически подготовленными и проверенными. Если итти дальше по этому пути, то нам пришлось бы оставить в партии только интеллигентов и вообще людей ученых. Кому нужна такая партия? У нас имеется проверенная и выдержавшая все испытания ленинская формула о членстве в партии. По этой формуле членом партии считается тот, кто признает программу партии, платит членские взносы и работает в одной из ее организаций. Обратите внимание: в ленинской формуле говорится не об усвоении программы, а о признании программы. Это две совершенно различные вещи. Нечего и доказывать, что прав здесь Ленин, а не наши партийные товарищи, всуе болтающие об усвоении программы. Оно и понятно. Если бы партия исходила из того, что членами партии могут быть только такие товарищи, которые уже усвоили программу и стали теоретически подготовленными марксистами, то она не создавала бы в партии тысячи партийных кружков, сотни партийных школ, где членов партии обучают марксизму и помогают им усвоить нашу программу. Совершенно ясно, что если партия организует такие школы и кружки среди членов партии, то это потому, что она знает, что члены партии не успели еще усвоить партийную программу, не успели еще стать теоретически подготовленными марксистами.

Стало быть, чтобы выправить нашу политику по вопросу о членстве в партии и об исключении из партии, необходимо покончить с нынешним головотяпским толкованием вопроса о пассивности.

Но у нас есть еще другая погрешность в этой области. Дело в том, что наши товарищи не признают середины между двумя крайностями. Стоит рабочему, члену партии слегка провиниться, опоздать раз—два на партийное собрание, не заплатить почему-либо членских взносов, чтобы его мигом выкинули вон из партии. Не интересуются степенью его провинности, причиной неявки на собрание, причиной неплатежа членских взносов. Бюрократизм в этих вопросах прямо невиданный. Не трудно понять, что именно в результате такой бездушной политики оказались выброшенными из партии замечательные кадровые рабочие, великолепные стахановцы. А разве нельзя было, раньше чем исключить из партии, сделать предупреждение, если это не действует—поставить на вид или вынести выговор, а если и это не действует—поставить срок для исправления или, в крайнем случае, перевести в кандидаты, но не исключать с маху из партии? Конечно, можно было. Но для этого требуется внимательное отношение к людям, к членам партии, к судьбе членов партии. А этого-то именно и нехватает у некоторых наших товарищей.

Пора, товарищи, давно пора покончить с этим безобразием. (Аплодисменты.)

0/3 5-37

В. М. МОЛОТОВ

Наши задачи в борьбе с троцкистскими и иными вредителями, диверсантами и шпионами

1. Воспитание кадров

Начну с первого вопроса — с вопроса о воспитании кадров.

В свое время мы сумели сделать нужные выводы из шахтинского дела. Шахтинское дело показало, что мы находились в слишком большой зависимости от старых, буржуазных специалистов, чуждых советскому строю. Оно показало, насколько мы были слабы по части большевистских кадров, овладевших техникой и производством. Уроки шахтинского вредительства мы использовали для того, чтобы поставить вопрос о воспитании хозяйственно-технических кадров на новые рельсы.

С 1928 года, к которому относится дело шахтинских вредителей, мы начали перестройку всего технического образования. Тогда партия прямо сказала, что больше нельзя мириться с технической отсталостью наших хозяйственных кадров. Задача создания большевистских технических кадров, задача овладения техникой была поставлена перед большевиками как одна из самых главных и неотложных.

Товарищ Сталин в начале 1931 года на совещаний хозяйственников говорил:

«Надо признать, к стыду нашему, что и среди нас, большевиков, есть не мало таких, которые руководят путем подписывания бумаг. А вот, чтобы вникать в дело, овладеть техникой, стать хозяином дела,— на этот счет — ни-ни.

Как могло случиться, что мы, большевики, проделавшие три революции, вышедшие с победой из жестокой гражданской войны, разрешившие крупнейшую задачу создания промышленности, повернувшие крестьянство на путь социализма, — как могло случиться, что в деле руководства производством мы пасуем перед бумажкой?

Причина тут заключается в том, что подписывать бумагу легче, чем руководить производством. И вот многие хозяйственники пошли по этой линии наименьшего сопротивления».

Дальше тов. Сталин говорил о шахтинском деле как о первом важном сигнале насчет недопустимой отсталости наших хозяйственников в техническом отношении:

«Сама жизнь не раз сигнализировала нам о неблагополучии в этом деле. Шахтинское дело было первым сигналом. Шахтинское дело показало, что у парторганизаций и профсоюзов не хватило революционной бдительности. Оно показало, что наши хозяйственники безобразно отстали в техническом отношении, что некоторые старые инженеры и техники, работая бесконтрольно, легче скатываются на путь вредительства, тем более, что их непрерывно донимают «предложениями» враги из-за границы. Второй сигнал — процесс «Промпартии».

Товарищ Сталин так разъяснял уроки шахтинского вредительства:

«Как могло случиться, что вредительство приняло такие широкие размеры? Кто виноват в этом? Мы в этом виноваты. Если бы мы дело руководства хозяйством поставили иначе, если бы мы гораздо раньше перешли к изучению техники дела, к овладению техникой, если бы мы почаще и толково вмешивались в руководство хозяйством, — вредителям не удалось бы так много навредить».

В этой речи тов. Сталин сформулировал и новые задачи, вставшие перед нами в период реконструкции:

«Пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить другую, новую, соответствующую нынешнему периоду установку: вмешиваться во все. Если ты директор завода — вмешивайся во все дела, вникай во все, не упускай ничего, учись и еще раз учись. Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все».

Лозунг об овладении техникой стал в центре задач партии и рабочего класса, и это дало громадные положительные результаты. Не желая этого, шахтинские вредители ускорили создание кадров красных специалистов, ускорили перестройку нашего технического образования.

Приведу некоторые цифры по тяжелой промышленности. Сравним положение по предприятиям НКТП в 1930 и 1936 гг.

В 1930 году на тысячу рабочих в предприятиях НКТП приходилось 20 инженеров, а в 1936 году — уже 33 инженера. Если взять инженеров, техников и мастеров вместе, то получается рост с 68 до 105 на тысячу рабочих. В каменноугольной промышленности за тот же период количество инженеров возросло с 4 до 9, а в химической — с 33 до 52 на тысячу рабочих, занятых в производстве.

Что рост новых технических кадров промышленности шел в значительной мере за счет коммунистов, видно из следующих фактов.

За три года — с 1933 по 1936 — количество коммунистов возросло с 9 до 24% среди общего количества главных инженеров шахт, по которым имеется соответствующий учет. В химической промышленности количество коммунистов среди главных инженеров предприятий за тот же период возросло с 20 до 28 процентов.

Индустриальные вузы в 1928 году выпускали всего около 9 тысяч человек. В 1936 году выпуск из этих вузов поднялся до 36 тысяч, т. е. увеличился за этот срок в 4 раза. Общее количество учащихся во втузах НКТП с 1930 года, когда оно составляло 57,5 тысячи человек, поднялось в 1936 году до 108,6 тысячи человек, т. е. увеличилось за 6 лет пример

но в два раза. За этот же период количество учащихся в техникумах НКТП увеличилось с 42,7 тысячи до 80 тысяч человек.

За последние годы развернулась техучеба рабочих, занятых в производстве. От ⅔ до ¾ рабочих тяжелой промышленности охвачены техучебой в различного рода школах и курсах. Техучеба неуклонно развертывается и в других отраслях промышленности.

Все это говорит о том, что в деле подготовки хозяйственно-технических кадров, в создании новых кадров квалифицированных промышленных работников вообще за последние годы сделано громадное дело.

Теперь мы уже не так слабы в техническом отношении, как это было в период шахтинского дела и в период «Промпартии». Мы многое сделали для того, чтобы провести в жизнь лозунг об овладении техникой и производством. Мы имеем теперь свои, советские, хозяйственно-технические кадры, в основном овладевшие своим делом. Их уже немало, они твердо стоят на ногах.

Однако надо признать, что проведение задачи овладения техникой проходило во многих случаях однобоко, с ущербом для большевистского воспитания кадров. Овладев техникой, многие наши работники отстали в своем политическом развитии от современных, более сложных политических задач.

Узкое делячество, ограничение кругозора узко-хозяйственными рамками, отрыв от партийно-политических задач и порожденная всем этим политическая близорукость стали уделом многих наших работников хозяйственного фронта. Вместо повышения большевистской бдительности многие работники промышленности и транспорта политически отстали, попали в русло обывательского благодушия, политической беспечности. Надо признать, что, увлекшись успехами и перевыполнением планов, многие из наших товарищей хозяйственников, да и не только хозяйственников, отдали большую дань самоуспокоенности и самодовольству, которые столь чужды большевистским качествам.

Партия выдвинула лозунг — «Большевики должны овладеть техникой». Кажется, понятно, что дело шло об овладении техникой большевиками, что партия призывала хозяйственников овладеть техникой так, как это полагается большевикам. На деле зачастую получалось так, что, овладевая техникой, наши товарищи забывали о своих большевистских обязанностях и политически шли не вперед, а назад. Этим воспользовался враг, чтобы не только зло посмеяться над политической близорукостью некоторых, даже очень крупных наших работников, но чтобы нанести государству немалый ущерб. У нас нередко получалось, что овладение техникой шло вместе с ослаблением большевистских качеств работника. Нам же требуется овладение техникой в полном смысле этого слова с дальнейшим усилением большевистских качеств наших кадров.

Из этого видно, какие требования мы должны предъявлять к нашим хозяйственным кадрам. Остановлюсь на этом подробнее.

Понятно, что, во-первых, к числу таких требований относится *знание своего дела*, иначе говоря полное овладение техникой, производством и всем порученным делом, как это требуется для настоящего руководителя. Ни о каком ослаблении этого требования к нашим руководящим кадрам не может быть и речи. Напротив, уроки вредительства, диверсий и шпионажа троцкистской и иностранной агентуры, не раз водившей за нос наших хозяйственных руководителей, подчеркивают необходимость дальнейшей упорной борьбы за овладение техникой. Тот, кто еще не знает по-настоящему порученной работы, тот должен изучать дело, вникать в него, учиться работать. Учиться не только у друзей, но и у врагов, не только внутри страны, но и за границей — у всех, у кого можно, чтобы овладеть своим делом по-настоящему в полном смысле слова. Без серьезного знания своего дела сейчас не может быть настоящего руководителя ни в одной области работы.

Способность к самокритике, развитие этой способности — таково второе требование к нашим кадрам, которое нужно решительно подчеркнуть в связи с уроками вредительства троцкистов. Без развития этой способности, без действительной самокритики не может быть настоящего движения наших кадров вперед. Без развития способности к самокритике нельзя мечтать о достижении задачи догнать и перегнать передовые по технике капиталистические страны. Мы проводим техническую реконструкцию всего народного хозяйства, мы хотим внедрить и внедряем новую технику, передовые производственные методы, высшие современные производственные нормы. Мы движемся по этому пути вперед, но еще во многом отстаем от передовых по технике капиталистических стран. Чтобы быстрее овладеть всеми достижениями современной техники, мы должны подвергнуть нашу работу, наши достижения и успехи тщательной проверке, серьезной критике. Нельзя успокаиваться на имеющихся успехах, надо доискиваться причин, по которым мы еще во многих случаях далеко отстаем от передовых в технико-производственном отношении иностранных государств, от достигнутого ими уровня производительности труда, от достигнутых ими производственных норм и качества работы.

Без самокритики, без развития способности к настоящей самокритике нельзя двигаться вперед. В наших условиях это особенно важно. В наших условиях идет быстрый рост новых технических кадров, есть немало людей, способных и желающих своей инициативой, практическим опытом и знаниями помочь делу. Надо воспитывать в наших работниках чуткость и уменье прислушиваться к сигналам, идущим снизу, со стороны рядовых работников и техников. Надо добиться того, чтобы руководитель относился к этим сигналам не по-чиновничьи бездушно, не по-сановному высокомерно. Нужна внимательность даже тогда, когда сигнал идет из чуждой среды и по чуждым нам мотивам. Если мы разовьем эту способность, способность по-большевистски вникать в эти сигналы, подвергать проверке любое, иногда кажущееся абсолютно проверенным положение в своей работе, тогда мы быстрее будем исправлять наши недостатки и предупредим происки многих вредителей и диверсантов. Ослабление же самокритики, неспособность к ее развитию ведут к бюрократизации и окостенению, что легко использовывают

наши враги в своих антисоветских целях, в целях вредительства и диверсионно-шпионской работы. Чем больше мы разовьем наше умение разбираться в недостатках своей работы, умение отличать положительное и творческое от формально-бюрократического, тем быстрее наши кадры будут расти как настоящие большевистские организаторы и тем быстрее народное хозяйство нашей страны догонит и перегонит передовые современные показатели в технике, в производстве и в других областях. Когда мы соединим такие качества, как знание дела и способность к самокритике, мы расчистим наш путь от всяких вредителей и обеспечим достижение любых современных технических и производственных показателей.

Честность в отношении к государству — таково еще одно качество хозяйственно-технических кадров, которое мы должны всемерно воспитывать и укреплять. В нашей стране, где основные хозяйственные и культурные ценности принадлежат государству, осуществляющему волю трудящихся, где, с другой стороны, многие руководители проявляют беззаботность насчет борьбы с ворами и казнокрадами и где так еще сильны мелкобуржуазные, или, иначе говоря, хищнически-анархические, привычки у работников госаппарата — никак нельзя считать зазорным напоминать о необходимости воспитания наших кадров в духе действительной добросовестности и честности в отношении государства. Между тем об этом снова и снова приходится говорить, так как у нас немало фактов надувательства государства, иногда, к нашему стыду, проводимого с поощрения руководителей, в том числе и партийных руководителей. Одни приписки угледобычи в Донбассе что значат! Сколько мы ни осуждали за это, сколько ни отдавали под суд, а и теперь еще не выкорчевали многих жульничеств с приписками добычи угля на шахтах Донбасса и в других районах. Разве среди наших руководителей нет таких работников, которые смотрят сквозь пальцы на приписку угледобычи, которые подписывают, чтобы приукрасить свое положение перед вышестоящими органами, неправильные рапорта об окончании строек и о выполнении производственных планов раньше действительного их выполнения? Для того чтобы поскорее выдвинуться, покрасоваться хотя бы на момент, иной раз и неплохие организаторы-хозяйственники идут на фальшь, на обман государства. А уж вокруг таких руководителей-карьеристов ищите кучу подхалимов и холуев, за спину которых так удобно прятаться всяким вредителям-мерзавцам. В наших условиях ослабление трудовой дисциплины на предприятиях и в учреждениях на-руку только злейшим врагам трудящихся. В наших условиях потворство обману государства со стороны руководителей учреждений и предприятий, хотя бы для того, чтобы отрапортовать и похвастаться «успехами», или просто мягкотелость в этих делах — щель, в которую просовывают свою предательскую лапу диверсант, вредитель и шпион, которые ведь так нуждаются в «расположении» наших руководителей, чтобы пакостить государству. Без серьезной и постоянной борьбы за воспитание наших кадров в духе честного отношения к государству нельзя обеспечить успеха в решении великих задач социализма, нельзя покончить с хищническими, мелко-буржуазными пережитками в сознании людей.

Мы должны поднимать знание дела, способность к самокритике, честность в отношении к государству у наших хозяйственных и инженерно-технических кадров. Мы должны развивать все эти качества у наших работников.

Но особенно нам необходимо поднять бдительность к врагу, преодолеть политическую близорукость и привить всем нашим руководителям настоящее большевистское понимание их обязанностей.

Без усиления этого качества ни о каком серьезном воспитании советских кадров не может быть и речи. Когда партия выдвинула лозунг «Большевики должны овладеть техникой», она требовала, чтобы большевики овладели еще одним оружием, оружием передовой техники. А как этот лозунг проводился на деле? На деле, двигаясь вперед в области техники, многие товарищи беззаботно отнеслись к своим политическим обязанностям, оторвались от политики, отдались позорной беспечности в отношении к врагу. Конечно, дело нелегкое — справиться одновременно с обеими задачами: расти в овладении техникой и в овладении большевизмом. Но если ты большевик, то не должен подменять одну задачу другой или, по крайней мере, должен нагнать замеченное упущение. Уроки, о которых мы сейчас говорим, достаточно поучительны, чтобы признать, что во многих случаях у нас этого не вышло. Эти уроки требуют от нас того, чтобы мы исправили этот крупный недостаток, чтобы мы не противопоставляли овладение техникой овладению большевизмом, а добивались бы того, чтобы вместе с овладением техникой наши кадры росли в своей большевистской сознательности.

В резолюции Пленума ЦК ВКП(б) говорится:

«Пленум ЦК ВКП(б) не может пройти мимо того нежелательного явления, что само выявление и разоблачение троцкистских диверсантов, после того как диверсионная работа троцкистов стала очевидной, происходило при пассивности ряда органов промышленности и транспорта. Разоблачали троцкистов обычно органы НКВД и отдельные члены партии — добровольцы. Сами же органы промышленности и в некоторой степени также транспорта не проявляли при этом ни активности, ни тем более инициативы. Более того, некоторые органы промышленности даже тормозили это дело».

Правильно ли это указание или неправильно? Правильно ли, что наши хозяйственники не помогали разоблачению вредительства, а иногда даже тормозили его? Да, правильно. Этого не оспоришь.

Мы имеем громадные успехи в хозяйственном и культурном строительстве, но растут и наши политические задачи. Нам приходится считаться и с тем фактом, что наш классовый враг прибегает к новым, более хитрым, более замаскированным методам борьбы. От наших руководителей требуется умение распознать и разоблачить эти новые маневры врага. Для этого необходимо расширить политический кругозор наших кадров, привить им зоркость к врагу, чем бы он ни маскировался. Только в этом случае, только с этими большевистскими качествами наши хозяйственники и другие

работники будут достойны имени настоящих руководителей.

Многочисленные факты разоблаченного вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов говорят о том, что нужные большевистские качества у наших хозяйственно-технических кадров во многих случаях сейчас отсутствуют. Поэтому у нас расплодилось немало вредителей, диверсантов и шпионов. Поэтому наши работники плохо распознают троцкистов и иных двурушников. Пора всерьез взяться за борьбу с этими позорными явлениями.

Приведу примеры того, как в некоторых случаях нам удавалось сорвать намерения троцкистских вредителей. Возьму для примера вопросы химии, где благодаря вмешательству тов. Орджоникидзе был сорван ряд крупных вредительских планов.

В серно-кислотной промышленности троцкистские вредители всячески старались снизить производственные мощности заводов. Они усиленно доказывали, что мощность этих заводов не обеспечивает выполнения намеченного плана производства серной кислоты. После проверки оказалось, что путем интенсификации производственного процесса можно дать на действующем оборудовании серной кислоты на 60 проц. больше того, что намечалось. Благодаря этому уже на 1937 год серно-кислотным заводам оказалось возможным дать производственный план, значительно превышающий называвшуюся ранее «производственную мощность заводов», хотя работы по интенсификации еще не закончены. Надо продолжить работу по разоблачению вредительских дел в этой отрасли промышленности, и мы добьемся дальнейших успехов.

Вот другой пример. По другой отрасли промышленности Главоргхимпром НКТП для удвоения производственной мощности промышленности потребовал капиталовложений не больше и не меньше как 1300 миллионов рублей. И здесь поставленная тов. Орджоникидзе задача интенсификации производства на заводах позволила решить дело иначе. Проведенная уже работа по этим заводам дала возможность установить, что для удвоения мощности требуется не 1300 миллионов рублей, а 350 миллионов рублей, — вероятно, и того меньше. И в этом деле вредительские планы с их бесчестно-рваческими требованиями в отношении к государству были разоблачены.

Примеры с серно-кислотной и другими отраслями промышленности, имеющими большое значение для обороны страны, достаточно поучительны. На этих примерах видно, как зарвавшиеся вредители получили отпор от руководства наркомата. Но и в этих случаях нам не удалось своевременно вскрыть вредительства и вредителей. Вредительские планы в данном случае были опрокинуты, но организация вредителей во главе с Ратайчаком и другими оставалась до недавнего времени неразоблаченной.

Всем известна борьба с так называемым «предельчеством» в НКПС. Троцкистские вредители в НКПС пытались прикрыть свою антигосударственную работу наукой и техническими соображениями, доказывая невозможность дальнейшего роста погрузки на железнодорожном транспорте без новых больших капиталовложений. Планы вредителей-«предельщиков», как известно, были сорваны. Тов. Каганович успешно развернул борьбу с «предельщиками» в НКПС, и, как известно, это дало большие положительные результаты. Псевдо-научные и псевдо-технические возражения вредителей-«предельщиков» были разгромлены практическими успехами железнодорожного транспорта. Этим было сделано большое дело для государства. Но все дело в том, что вредители в НКПС сидели не только в плановых органах, проповедывавших «теорию пределов». После разгрома «предельщиков» троцкистская вредительская организация в НКПС осталась существовать и продолжала свое предательское дело, особенно изощряясь в устройстве аварий и крушений. Это нам лишнее напоминание о необходимости развернуть борьбу с вредительством и вредителями до конца.

Разумеется, разоблачение вредителей лежит прежде всего на органах Наркомвнудела. Но нельзя всю ответственность за разоблачение вредителей взваливать на органы Наркомвнудела. Для чего-нибудь сидят же руководители в своих организациях, получают же они сигналы от работников своего аппарата, должны же они хоть иногда почувствовать опасность со стороны врага, когда враг ведет подкопы!

Поняли ли наши хозяйственные руководители теперь свои большевистские обязанности в борьбе с вредителями, диверсантами и шпионами — вот в чем главный вопрос. Это еще надо доказать. Это необходимо доказать каждому руководителю на своем посту, на своей работе. Без этого нельзя поднять политическое воспитание кадров, усилить бдительность и уменье бороться с врагом. Руководители обязаны, по крайней мере теперь, когда многие факты уже вскрыты, объяснить своим работникам, где они ошиблись, кто допустил эти упущения, почему произошли эти факты. Как иначе можно заставить людей задуматься над своими недостатками, как иначе расширить политический кругозор работников, если мы не будем их учить этому на конкретных примерах, на конкретных ошибках и недостатках работы.

Некоторые думают отговориться признанием «некоторых недостатков» в «некоторых звеньях». Но такие речи не стоят ни гроша. Руководитель, у которого вскрыты крупные недостатки, опасные вредители, наличие важных фактов политической беспечности, должен честно, на конкретных примерах, объяснить своим работникам, своему активу причины этих явлений. Только так можно предупредить новые провалы и новые подкопы врагов. Без этого нельзя говорить о большевистском воспитании кадров, без этого руководитель — не руководитель, а бюрократ, сановник, что хотите, но не большевистский представитель на ответственном посту.

Нам предстоит большая практическая работа по ликвидации вредительства. Насколько успешно справимся мы с этой задачей, будет зависеть от того, сумеем ли мы по-большевистски подойти к этому важному вопросу. Есть большая опасность, что некоторые наши хозяйственники еще плохо учли уроки вредительства, еще не освободились от политической беспечности и относятся к этому делу поверхностно, несерьезно.

Приведу теперь пару таких примеров, из которых видно, что разоблачение фактов вредительства — дело непростое.

Типичным в этом отношении можно считать положение с оловом. В течение длительного времени многие наши хорошие намерения вредители в оловянной промышленности проваливали с треском. Мы нуждаемся в олове, тратим большие средства для его импорта, поэтому, казалось, Наркомтяжпром должен был бы добиться правильной организации этого дела и покончить с позорными рассуждениями всяких вредителей и хвостистов об отсутствии залежей олова в СССР. Но, к нашему стыду, нам до сих пор не удавалось этого сделать. Года три тому назад, вопреки главку, пришлось отдать под суд руководство соответствующего треста и некоторых других работников, явно срывавших это дело. Но произведенное обновление личного состава в оловянной промышленности к существенному улучшению не привело. Пятакову удалось посадить в Главникельолово, которому подчинена оловянная промышленность, вредителя с партийным билетом — Языкова, и мы все еще остаемся с жалким производством олова в стране. Тем не менее не подлежит сомнению, что теперь, приняв меры к очистке оловянной промышленности от вредителей и учтя недавний урок, мы быстро двинем эту работу вперед.

Другим примером не разоблаченного до конца вредительства можно считать «Уралвагонстрой». Дело идет о крупнейшем вагоностроительном заводе, который должен в ближайшие годы давать главную массу вагонов современного типа. Во главе этого строительства в течение ряда лет стоял активнейший вредитель Марьясин, причем секретарем партийного комитета на «Уралвагонстрое» был также вредитель-троцкист Шалико-Окуджава. Несколько месяцев как эти вредители разоблачены. Казалось, надо было из этого извлечь соответствующие уроки. Насколько мы сумели это сделать, — видно из следующего.

В феврале этого года по поручению Наркомтяжпрома для проверки вредительских дел на «Уралвагонстрое» выезжала специальная авторитетная комиссия. Во главе этой комиссии были поставлены такие товарищи, как начальник Главстройпрома тов. Гинзбург и кандидат в члены ЦК ВКП(б) тов. Павлуновский. К каким же выводам пришла эта комиссия? Комиссия так сформулировала общие свои выводы по «Уралвагонстрою»: «Ознакомление с Уралвагонзаводом привело нас к твердому убеждению, что вредительская работа Пятакова и Марьясина на стройке не получила большого развития».

Оказывается, вредительство в «Уралвагонстрое» «не получило большого развития». Комиссия пытается обосновать эти свои выводы, сведя недостатки в строительстве к некоторым перерасходам и к отставанию в строительстве подсобного хозяйства. Но политическая близорукость комиссии совершенно очевидна. Даже прежних показаний вредителя Марьясина было достаточно для того, чтобы понять, что комиссия Гинзбурга — Павлуновского смазала фактическое положение дела на стройке. Достаточно сказать, что эта комиссия не привела ни одного факта вредительства на стройке. Получается, что матерый вредитель Марьясин вместе с другим вредителем Окуджавой сами на себя наклеветали. Между тем, пока комиссия ездила на Урал, Марьясин дал новые показания, где более конкретно указывает, в чем заключалась его вредительская работа на стройке. Он указывает при этом на целый ряд фактов вредительства в «Уралвагонстрое», которые прошли мимо глаз уважаемой комиссии. После этого, товарищи из Наркомтяжпрома, не следует ли признать, что нужно посерьезнее проверять вредительские дела разных Марьясиных и признать, что некоторые проверочные комиссии склонны слишком поверхностно относиться к своим задачам.

Факт с проверочной комиссией по «Уралвагонстрою» говорит о том, что, несмотря на все уроки, мы очень туго перестраиваемся, продолжаем страдать неумением распознавать врага, проявляем и теперь избыток политической близорукости.

Наркомтяжпром, должно быть, еще разберется в этом деле более серьезно, но сейчас важно сделать урок из работы этой комиссии для ликвидации последствий вредительства в целом. Работа этой комиссии показала, насколько недостаточно было поставлено политическое воспитание хозяйственников, даже когда мы имеем дело с крупнейшими представителями тяжелой промышленности. Даже такие крупные работники, как Павлуновский и Гинзбург, проверяя работу вредителей на месте, не нашли нужным указать хотя бы на один факт вредительства. Даже они свели все дело к мелким недочетам, не заметив вредительства. А ведь это дает тон, и плохой тон, другим работникам промышленности.

Очевидно, даже в Наркомтяжпроме, не говоря уже о Наркомлегпроме, Наркомпищепроме, Наркомлесе и других наркоматах, в отношении политического понимания разоблаченных фактов вредительства дело обстоит далеко не благополучно. Факты показывают, что о наличии политической бдительности в отношении врага говорить рано. Наши практические работники во многих случаях так политически отстали, политический кругозор их так замкнулся, что они нелегко разбираются даже в очевидных политических фактах. Из результатов работы комиссии Наркомтяжпрома надо извлечь урок для всей нашей работы: у нас нет должной бдительности к врагу, надо поднять дело большевистского воспитания кадров.

Мы запустили дело политического воспитания хозяйственников. Теперь мы должны поднять их политическую бдительность, расширить их политический кругозор, привить и усилить их большевистские качества. Задача усиления политического воспитания хозяйственных кадров — актуальнейшая задача дня.

Усиление большевистской бдительности — важнейшее условие ускорения дальнейшего роста всего социалистического строительства.

2. Подбор работников

Второй вопрос, значение которого в связи с уроками вредительства нельзя преувеличить, — это подбор работников. И в этом отношении перед нами вскрылись теперь большие недостатки нашей работы, с которыми следует серьезно считаться.

Начну с вопроса об отношении к бывшим троцкистам. Теперь можно ждать в некоторых

случаях шарахания из одной крайности в другую: от беспечности в отношении троцкистов-вредителей к огульному походу против бывших троцкистов. Этого нельзя допустить. Мы частенько слышим теперь такой вопрос: значит, нельзя иметь дела с бывшими троцкистами? Значит, надо снимать с постов всех бывших троцкистов? Такой огульный подход и в этом случае, конечно, неправилен. Мы не можем считать ошибкой всякое назначение бывшего троцкиста на ответственный пост. Мы не можем отказаться от использования на ответственной работе бывшего троцкиста только за одно то, что когда-то, во время оно, он выступал против партийной линии. Надо разобраться и серьезно разобраться в этом деле, прежде чем отказаться от использования его на той или иной работе в данный момент. Помогая таким товарищам окончательно изжить их прошлые ошибки, проверяя их на работе, под контролем партийной организации, мы выполняем нужное для партии дело. Но мы ни в коем случае не можем считать правильным такое положение, когда, назначая бывшего троцкиста или кого бы то ни было другого, мы не умеем организовать должного контроля за его работой. Это уж наша вина, вина руководителей, если мы не умеем на деле проверять, должным образом контролировать работу бывших троцкистов и других работников.

Но среди наших людей есть и такие, которые рассуждают на этот счет совсем неправильно. Они готовы одним махом признать прошлую борьбу троцкистов с партией несущественным делом для данного момента. Они готовы использовать всех бывших троцкистов без разбора, так как, видите ли, без них не обойдешься, что уж просто смехотворно. Нельзя не признать, что в этом сказывается совершенно небольшевистское отношение к делу, что это обывательский аполитицизм, вкорне чуждый большевизму. В этом нельзя не видеть попытки отмахнуться от одной из самых важных обязанностей руководителя — от обязанности серьезно заниматься расстановкой и подбором работников. Заниматься этим делом, конечно, не так просто, как кажется тем товарищам, которые перепоручают это дело кому попало из своего аппарата. Надо знать своих работников, надо следить за их работой, проверять их работу, критиковать отстающих и смещать неспособных и обюрократившихся, замечать новых, растущих работников и активно помогать их выдвижению.

Большевистский подход к делу требует умения проверять работников с учетом их деловых и политических качеств. Нельзя проверять работников просто по анкетам об их прошлой деятельности. Это — не настоящая проверка. Нельзя руководствоваться случайными воспоминаниями и справками об их прежней работе. Так легко можно подвести дело. Недопустимо решать вопрос о пригодности работника по личным привязанностям и симпатиям. Тогда от подхалимства прямо некуда будет деваться. Неправильно также судить о работниках по рапортам, хотя бы и по рапортам о перевыполнении планов. Критерием в подборе работников должны быть как их деловые, так и их политические качества, о которых руководитель должен знать,—знать не по наслышке и не по бумажкам, а всерьез, на основе повседневного наблюдения за работой и на основе постоянной проверки работы этих людей. Только такой подбор работников можно считать большевистским отношением к делу.

Тогда мы покончим с такими фактами, которые иначе, как позорными, назвать нельзя. Приведу пример.

Бывший главный инженер Осиновского рудника в Кузбассе, вредитель Ежов, показывал о работе тогдашнего главного инженера «Кузбассугля», вредителя Строилова, следующее:

«Техническую политику в «Кузбассугле» безраздельно творит Строилов, и расстановка основных инженерных кадров проводится им же. Он выживает советских специалистов и окружает себя инженерством старой формации, беспрекословно ему подчиняющимся».

Нельзя сказать, чтобы такие факты служили к украшению хозяйственных руководителей, отвечавших за «Кузбассуголь». Но ведь это только один из очень многих фактов, показывающих, как опасно выпускать подбор работников из рук руководителя, как опасно по-чиновничьи отмахиваться от этого дела.

Пора признать, что руководитель отвечает за подбор работников. Какого бы высокого звания и чина не был человек, но если он неспособен заметить вредителей, работающих под носом, и даже не хочет вникать в такие вопросы, — он не руководитель, а канцелярист, пустой чиновник. Никто не застрахован от того, что к нему не прокрадется, под той или иной личиной, враг и прямой предатель, — ошибки, конечно, возможны. Но если ты допустишь в своем окружении сплошную гниль, если окружишь себя всякими чуждыми и подозрительными людьми, если ты сам не проявишь инициативы в борьбе с этим окружением, то как же можно снять с тебя ответственность за беспечность, за неразборчивость, за политическую близорукость? Не так легко разгадать врага-двурушника, прикрывающегося личиной преданности, а иногда и прошлыми заслугами. Но мы должны понять, что руководитель должен развивать в себе те качества, которые необходимы для распознавания врага. Кто из руководителей не заботится о развитии этих качеств, не развивает в себе способности распознавать все и всякие приемы врагов, в том числе приемы самых ловких в приспособленчестве и двурушничестве предателей, тот отмахивается от одной из основных большевистских обязанностей.

Кто не знает, что нам приходится использовать на работе и людей, враждебных советской власти? Мы и от этого отказываться не можем. Есть люди из буржуазных специалистов, которые под хорошим контролем, при должной бдительности руководителей, могут приносить и приносят немалую пользу государству. Для того чтобы предупредить возможные в этом случае ошибки, руководители должны по существу вникать в их работу, следить за соответствующими сигналами об их работе, проверять всеми доступными средствами действительный характер их работы, изобретать новые средства проверки, где не хватает старых.

Напомню на этот счет замечательные слова Ленина. В статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин специально учил этому коммунистов. Там он непосредственно говорил о работниках

РКИ, но по существу эти указания относятся ко всем нам, ко всем руководителям. Ленин говорил тогда:

«...им придется подготовлять себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле, не скажу — мошенников, но в роде того, и придумыванием особых ухищрений для того, чтобы прикрыть свои походы, подходы и т. п.

Если в западно-европейских учреждениях подобные предложения вызвали бы неслыханное негодование, чувство нравственного возмущения и т. д., то я надеюсь, что мы еще недостаточно обюрократились, чтобы быть способными на это... У нас еще так недавно построена советская республика и навалена такая куча всякого хлама, что обидеться при мысли о том, что среди этого хлама можно производить раскопки при помощи некоторых хитростей, при помощи разведок, направленных иногда на довольно отдаленные источники или довольно кружным путем, едва ли придет кому-либо в голову, а если и придет, то можно быть уверенным, что над таким человеком мы все от души посмеемся».

Ленин говорил дальше так:

«Если я писал выше о том, что мы должны учиться и учиться в институтах по высшей организации труда и т. п., то это отнюдь не значит, что я понимаю это «учение» сколько-нибудь по-школьному, или чтобы я ограничивался мыслью об учении только по-школьному. Я надеюсь, что ни один настоящий революционер не заподозрит меня в том, что я под «учением» в этом случае отказался понять какую-нибудь полушутливую проделку, какую-нибудь хитрость, какую-нибудь каверзу или нечто в этом роде. Я знаю, что в западно-европейском чинном и серьезном государстве эта мысль вызвала бы действительно ужас, и ни один порядочный чиновник не согласился бы даже допустить ее к обсуждению. Но я надеюсь, что мы еще недостаточно обюрократились, и что у нас ничего, кроме веселья, обсуждение этой мысли не вызывает.

В самом деле, почему не соединить приятное с полезным? Почему не воспользоваться какой-нибудь шутливой или полушутливой проделкой для того, чтобы накрыть что-нибудь смешное, что-нибудь вредное, что-нибудь полусмешное, полувредное и т. д.?»

Вот как учил Ленин проверять работников, когда дело идет об охране интересов государства, о защите интересов трудящихся. Чтобы разоблачить врага или полуврага, чтобы разоблачить что-нибудь «вредное» или «полувредное», Ленин советовал прибегать к «хитростям», к «разведкам», к «каверзам», к «проделкам». Если бы мы эти указания Ленина серьезно использовали в нашей работе, мы многих вредителей разоблачили бы раньше, мы не допустили бы ряда диверсий, подкопов и шпионских вылазок на заводах, в шахтах, на железных дорогах. По крайней мере на будущее мы должны учесть эти советы Ленина так, как полагается большевикам.

Мы нередко слышим от ответственных товарищей, что работников им дает партия, партийная организация. Этим хотят сказать, что так называемый «ответственный работник» не отвечает за подбор работников своего аппарата, что если эти работники плохи или оказались прямо врагами, то ответственность будто бы несет не непосредственный руководитель, а партийная организация, пославшая работника. Такие речи, пожалуй, можно еще понять со стороны тех беспартийных, для которых партия — чужое дело. Коммунисты не могут так говорить: партийная организация, конечно, несет ответственность за коммуниста и за тех, кого она направляет на ту или иную работу, но это не значит, что кому бы то ни было дано право пачкать имя партии.

Наоборот, нашей первейшей обязанностью, обязанностью руководителей, является обязанность проверять на работе присланных партийной организацией работников. Направляя работника, партийная организация требует правильного его использования, проверки его способностей на деле, контроля за его работой. Обязанность руководителя во-время предупредить партийную организацию о недостатках, а тем более о преступлениях тех, кто непосредственно работает у данного руководителя. Но мы что-то не встречаемся с таким положением, что, скажем, руководитель-хозяйственник разоблачил того или иного вредителя, а партийная организация его защищает. На деле мы имеем обыкновенно обратное. Даже после разоблачения вредителя, и несмотря на законное требование партийной организации заменить его честным работником, хозяйственники нередко выступают защитниками чуждых людей, проявляя то и дело обывательскую неразборчивость, политическую слепоту. Разве это не верно?

Мы немало награждаем хозяйственников орденами, прославляем их успехи. Будем это делать и дальше. Но у нас есть такие люди, которые охотно приписывают себе все успехи предприятия или целой отрасли промышленности, но считают себя свободными от ответственности за грубые политические ошибки в своей работе, за беззаботность и слепоту в отношении вредителей. Поэтому приходится напомнить нашим руководителям не только об их моральной и юридической ответственности за проявление политической близорукости, но надо прямо сказать таким людям, что они ставят себя в положение, когда за их спиной троцкистские и иные вредители издеваются над их беспомощностью, насмехаются над их политической близорукостью. Хоть бы этот злорадный смех врага заставил некоторых погрязших в беспечности руководителей взяться за ум, построже проверять ответственные участки своей работы, побдительнее смотреть за работой своего аппарата!

Уроки разоблаченной вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистской шайки подчеркивают необходимость выдвижения на руководящие посты политически проверенных, честных в отношении к государству работников. Там, где слабы наши кадры, мы должны решительнее выдвигать политически проверенных, хотя и недостаточно подготовленных, но способных и желающих учиться работников. Таких людей немало. Их можно и должно научить работать, поднять их деловую квалификацию.

Руководитель должен уметь подобрать своих основных работников, проверять их работу,

помогать им исправлять недостатки в работе, содействовать их политическому развитию. Руководитель, не занимающийся подбором основных работников или не умеющий по-большевистски подойти к этому делу, — не руководитель, а пустой канцелярист или болтун. У нас много недостатков в подборе работников потому, что многие руководители пренебрегают этим делом, забывая о своей политической ответственности, забывая о том, что проверка, особенно политическая проверка, и расстановка работников с учетом не только деловых, но и политических качеств — важнейшее дело каждого руководителя-большевика.

Руководитель отвечает за свои кадры. Руководителя надо проверять, прежде всего, по уменью расставить работников, по уменью подбирать кадры с учетом как деловых, так и политических их качеств. Мы не извлечем должных уроков из разоблаченной диверсионно-шпионско-вредительской работы троцкистской банды, если не добьемся серьезного улучшения в подборе работников в наших хозорганах и на предприятиях, если наши руководители не поймут своей серьезной ответственности за это дело. Улучшив же организацию этого дела, мы еще быстрее будем шагать вперед во всех областях социалистического строительства.

Поднять ответственность руководителей за подбор работников — вот еще один важный вывод из уроков вредительства.

3. Метод руководства

Наконец, третий вопрос — о методах руководства.

За последние годы этому вопросу партия уделяла исключительное внимание. Напомню в первую очередь о постановлениях Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О работе угольной промышленности Донбасса» и «О работе железнодорожного транспорта», относящихся к лету 1933 года.

В постановлении о Донбассе, дела которого тогда были очень плохи, СНК СССР и ЦК ВКП(б) сказали, что:

«... главной причиной этого позорного движения назад является все еще неизжитый, окончательно обанкротившийся канцелярско-бюрократический метод руководства угольной промышленностью, начиная от шахты и кончая Главным топливным управлением Народного Комиссариата Тяжелой Промышленности».

В постановлении о железнодорожном транспорте ЦК ВКП(б) и СНК СССР сказали, что считают:

«...главной причиной совершенно неудовлетворительной работы железных дорог недостатки руководства, недостатки организационного характера, все еще неизжитый, окончательно обанкротившийся канцелярско-бюрократический метод руководства железными дорогами, начиная от районов и дирекций и кончая центральными управлениями НКПС».

В этих решениях партии и правительства удар был направлен по канцеляроко-бюрократическим методам в работе хозорганов. В преодолении бюрократизма в аппарате промышленности и транспорта партия видела главную задачу подъема их работы. Жизнь целиком подтвердила правильность этой установки. Каждый серьезный шаг в преодолении бюрократизма в наших хозорганизациях давал нам серьезные успехи. Мы видели это не только на примере угольной промышленности и железнодорожного транспорта.

Важным моментом в улучшении метода хозяйственной работы за последние годы была борьба с так называемой «функционалкой».

Одно время в функциональном построении аппарата наши хозорганы зашли слишком далеко. Недостаток практического опыта и знаний пытались заменить созданием многочисленных, не склеенных между собой функциональных органов. В результате нередко создавался сложнейший бюрократический аппарат с запутанными взаимоотношениями его частей, с многочисленными, параллельно работающими органами, путающимися друг у друга в ногах. Такой аппарат не может не плодить бюрократическую безответственность и избыток бюрократических извращений. Не только в учреждениях, но и в промышленных предприятиях «функционалка» принесла нам немало вреда.

Так, несколько лет назад в хлопчатобумажной промышленности занялись, было, упразднением таких профессий, как ткачество, с заменой ткачей и ткачих неквалифицированными рабочими, выполняющими отдельные упрощенные производственные функции, на которые разбили работу по ткачеству. Это «новшество» в текстильной промышленности кое-кому из наших товарищей понравилось. На проведении этого дела сложился своего рода союз вредителей и головотяпов. Хорошо, что мы быстро исправили эту нелепость.

Партия развернула решительную борьбу с раздутой функциональной системой во всех отраслях и, несомненно, сделала это правильно.

В связи с фактами разоблаченной диверсионно-шпионско-вредительской работы троцкистских и других элементов вскрылись многие недостатки нашего хозяйственного аппарата.

Так, теперь ясно, что троцкистские вредители, диверсанты и шпионы во многом использовали в своих преступных интересах существующие в наших хозорганах бюрократические извращения принципа единоначалия. Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) говорит по этому поводу:

«Бюрократические извращения принципа единоначалия, сводящиеся к тому, что многие хозяйственные руководители считают себя на основании единоначалия совершенно свободными от контроля общественного мнения масс и рядовых хозяйственных работников, не прислушиваются к голосу хозяйственно-производственного актива, не считают нужным опереться на этот актив, отрываются от актива и тем самым лишают себя поддержки актива в деле выявления и ликвидации недостатков и прорех, используемых врагами для их диверсионной работы».

Это очень важное указание. Не может быть никакой борьбы с канцелярско-бюрократическими методами, если мы будем проходить мимо таких извращений принципа единоначалия.

В целях коренного улучшения хозяйственного руководства партия указывает на производственно-хозяйственные активы как на важнейшую опору руководителей. Хозяйственное руководство настолько усложнилось, обязанности хозяйственных руководителей настолько расширились, что справиться с этим делом без помощи актива, без его поддержки нельзя. Хорошие хозяйственники и теперь знают об этом и видят в активах свою верную опору.

Мы за твердое проведение принципа единоначалия, но мы не можем мириться с таким пониманием этого принципа, когда руководитель противопоставляет себя остальным своим работникам, когда он считает себя свободным от общественного контроля масс и рядовых хозяйственников, отрывается и пренебрегает активом вместо того, чтобы в поддержке актива видеть свою основную опору. Поднять активы в хозорганах и на предприятиях, привлечь туда не только партийных, но и беспартийных активистов — одна из важнейших задач улучшения нашей хозяйственной работы, одна из верных гарантий дальнейших серьезных успехов. Кто из руководителей не поймет этой большевистской установки, тот окажется в хвосте событий, окажется в плену отсталых и обюрократившихся. Хозяйственно-производственные активы помогут нам быстрее двинуть всю работу вперед, они вскроют многие прорехи, помогут разоблачению и устранению троцкистских и иных вредителей. Эти активы правильно поступят, если не пощадят некоторых дутых авторитетов, но также и выдвинут немало новых людей, способных двигать дело по-большевистски. Громить троцкистов и иных вредителей и выдвигать новых, способных, преданных работников советской власти — это две стороны одной и той же задачи.

Наши хозяйственники справятся с этой задачей, если почаще будут вспоминать указание товарища Сталина о том, что требуется для того, чтобы наладить руководство по-новому. Среди других указаний товарищ Сталин на летнем совещании хозяйственников в 1931 году подчеркивал такое:

«Требуется, далее, чтобы председатели объединений и их заместители почаще объезжали заводы, подольше оставались там для работы, получше знакомились с заводскими работниками и не только учили местных людей, но и учились у них. Думать, что можно руководить теперь из канцелярии, сидя в конторе, вдали от заводов, — значит заблуждаться. Чтобы руководить заводами, надо почаще общаться с работниками предприятий, надо поддерживать с ними живую связь».

Пора понять, что без развития самокритики и критики мы не добьемся серьезных результатов в борьбе с бюрократическими извращениями. Против злоупотреблений в этом деле у нас достаточно средств. Но развитие критики со стороны масс и рядовых хозяйственных работников не успело еще сделать сколько-нибудь существенных новых завоеваний, а уже некоторые товарищи готовы бить отбой.

Перед самым Пленумом ЦК ВКП(б) на имя т. Орджоникидзе поступило письмо директора Днепропетровского металлургического завода т. Бирмана. Вот как начинается это письмо т. Бирмана:

«Положение, создающееся особенно в последнее время здесь в Днепропетровске, вынуждает меня обратиться к Вам, как к старшему товарищу, как к члену Политбюро, за указаниями и за содействием.

Мне кажется, что директиву высших партийных инстанций о всемерном развертывании критики и самокритики здесь в Днепропетровске в некоторых отношениях поняли неправильно. Иностранное слово «критика» здесь часто путают с русским словом «трепаться». Я полагаю, что директива партии направлена на то, чтобы путем добросовестной критики выявить действительных врагов, вскрыть действительные недостатки. Здесь же многие поняли так, что надо во что бы то ни стало обливать грязью друг друга, но в первую очередь определенную категорию руководящих работников.

Этой определенной категорией руководящих работников и являются в первую очередь хозяйственники, директора крупных заводов, которые, как по мановению таинственной волшебной палочки, сделались центральной мишенью этой части самокритики. Установлено, что одной из основных причин всего того, что произошло, является забвение партийными организациями партийной работы. Однако в выступлениях немалого количества партийных работников на только что состоявшемся трехдневном заседании областного партийного актива вместо действительной самокритики получилось так, что причиной всех бед являются хозяйственники».

Нельзя отрицать права тов. Бирмана защищаться от неправильной критики. Видимо, он имеет известные основания критиковать выступления некоторых партийных работников.

Из письма видно, что некоторые партийные работники Днепропетровска пытаются направить критику односторонне — против руководства завода, против хозяйственников. С этим никак нельзя согласиться. Но тов. Бирман впадает в другую односторонность: он считает неправильным все недостатки валить на хозяйственных работников, но, к сожалению, сам не хочет говорить о недостатках у хозяйственников и видит недостатки только у партийных работников. Это неправильная, не наша установка. Это однобокая, ведомственная установка, которую мы не можем поддержать.

Мы за то, чтобы всячески помогать нашим хозяйственникам в их работе, не сваливать на них чужую вину, но и не замазывать их недостатки. Кажется, теперь после разоблачения такого количества вредителей, диверсантов и шпионов в хозаппарате, которых мы проморгали, очень своевременно покритиковать наших хозяйственников, чтобы поднять их работу, улучшить методы их работы. Но это не значит, что нужно обходить недостатки, промахи и ошибки партийных работников, партийных руководителей. И тех и других надо критиковать, исправляя их ошибки. Открывшиеся язвы в нашем аппарате, где укрывались троцкистские и иные агенты иностранных контрразведок, достаточно говорят о том, что имеется немало недостатков в работе как хозяйственных, так и партийных работников. Нам надо всем подтянуться в работе, в хозяйственной и в партийной, да и в профсою-

ной, о которой мало говорят, но вовсе не потому, что там дело обстоит хорошо.

Теперь о проверке исполнения. Надо прямо сказать: пусть лучше будет поменьше распоряжений, поменьше бумажной «оперативности», но побольше проверки исполнения принятых решений и распоряжений. Между тем по части организации проверки исполнения у нас много грехов.

Недавно мы имели поучительный пример с Наркомлесом.

Осенью Центральный комитет собрал совещание лесозаготовителей для улучшения этого дела. Это как раз совпало с назначением т. Иванова наркомом лесной промышленности. На совещании вскрылось много недостатков. Один из них особенно бросился в глаза. Оказалось, что руководящие работники Наркомлеса не знают или не помнят, — не знаю, что лучше, — о важнейших решениях партии и правительства, относящихся к их работе. Так, на совещании долго обсуждался вопрос о договорах с колхозами по обеспечению лесозаготовителей рабочей силой. При этом лесозаготовители робко подходили к вопросу о необходимости заключать договора не с колхозами в целом, как делалось обыкновенно, а с отдельными колхозниками. Только к концу совещания удалось выяснить, что этот вопрос, вопрос о целесообразности заключения договоров с отдельными колхозниками, был положительно разрешен партией и правительством еще в начале прошлого года. Оказалось, что товарищи лесники забыли об этом решении, а между тем оно имеет первостепенное значение для перехода лесозаготовок от старых, полукустарных методов работы через колхозы к индустриальным методам с опорой на свои постоянные квалифицированные кадры. Можно ли ждать серьезного улучшения работы лесозаготовителей, если они будут «забывать» о том, что имеет решающее значение в их работе? Но если так быстро «забываются» важнейшие решения, то о какой проверке исполнения можно здесь говорить? А ведь это лишь один из многих показателей беспечности и безответственности хозяйственных руководителей.

Возьмем дальше положение в Наркомсовхозов. Недавно в Совнарком и Комиссию советского контроля поступило письмо от заместителя наркома, начальника политуправления Наркомсовхозов, тов. Сомса. Зам. наркома тов. Сомс писал следующее:

«Из Центрального планово-финансового отдела Наркомсовхозов арестованы НКВД за участие в контрреволюционной троцкистской работе Преображенский — зам. начальника ЦПФО тов. Майстрового и одновременно являющегося начальником сектора сводного планирования; парторг группы ЦПФО — Бармин и Пущин (беспартийный) — начальник группы зерносовхозов».

Написано это не совсем грамотно и просто не особенно понятно, но тов. Сомс делает из этих слов вывод, что

«можно полагать, что в ЦПФО Наркомсовхозов за время работы вышеуказанных антисоветских лиц велась вредительская работа по созданию тяжелого финансового состояния совхозов» и дальше:

«Я прошу Вас назначить специальную ревизию состояния работы и дел ЦПФО Наркомсовхозов для проверки возможной вредительской работы в области финансов Наркомсовхозов со стороны Преображенского, Бармина, Пущина и других работников».

Вместо того чтобы заместителю наркома самому, вместе с наркомом, взяться за очищение своего аппарата, тов. Сомс хочет навалить это дело на других. Такое отношение к своим обязанностям весьма пахнет безответственностью. Непонятно также и благодушное поведение наркома тов. Калмановича, который вообще отмалчивается в таких случаях. Не пора ли им, наркому и его заместителям, самим заняться чисткой своего аппарата? Для чего же они там сидят?

Коммунистам-руководителям пора понять, что они отвечают за свой аппарат, за уменье его проверять и направлять работу по назначению. Нельзя сваливать обязанность по проверке аппарата на Наркомвнудел или на Комиссию советского контроля или на какие-либо другие органы. Так могут поступать безответственные чиновники, но не большевики, которым дорого дело, которые не ленятся в работе, которые имеют связь со своим активом.

Для улучшения методов хозяйственной работы имеет большое значение еще одно указание Пленума ЦК, где говорится о необходимости обеспечить предприятия техническими правилами и инструкциями.

За последние годы наши заводы и фабрики во многом переоборудованы и построены заново. Работать по старинке уже нельзя. Надо, чтобы в производственной жизни был строгий порядок, чтобы были технические правила и инструкции в цехах, чтобы эти правила и инструкции хорошо знали соответствующие работники, чтобы их инструктировали инженеры в повседневной работе, чтобы вся эта работа проверялась директором и его помощниками. В наших предприятиях много новых станков, машин, технического оборудования и проч. С этим новым оборудованием нельзя работать без знания соответствующих технических правил и инструкций, без повседневного живого инструктажа рабочих в проведении этих правил и инструкций, без серьезной организации этого дела. Только некультурным отношением к производству можно объяснить пренебрежение этим делом.

Надо помнить также о том, что наши враги — троцкистские и иные вредители пользуются каждым беспорядком, чтобы мешать производству, пакостить рабочему классу. И здесь нужно помнить об указаниях Ленина, как надо бороться с саботажниками и вредителями. Еще в 1919 году в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» Ленин писал о саботажниках и всяких врагах советской власти:

«С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми, надо быть беспощадным.

А чтобы уметь ловить их, надо быть искусным, осторожным, сознательным, надо внимательнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти. Помещики и капиталисты сильны не только своими знаниями и своим

опытом, не только помощью богатейших стран мира, но также и силой привычки и темноты широких масс, которые хотят жить «по старинке», и не понимают необходимости соблюдать строго и добросовестно законы Советской власти.

Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся...»

Из этого видно, что полезно почаще напоминать указания Ленина о том, как нам нужно работать.

Когда мы сумеем по-настоящему опереться на активы в предприятиях и в учреждениях, наше руководство поднимется на новую, более высокую ступень, и работа пойдет гораздо успешнее. От улучшения метода руководства теперь зависит очень многое. Мы должны считаться с большими недостатками, с большими бюрократическими наслоениями в нашем хозяйственном руководстве, как с фактом. Но у нас есть могучее орудие поднятия дела хозяйственного руководства, каким не располагает и не может располагать ни одна страна, никакая власть, кроме советской власти. Надо ликвидировать бюрократические извращения в руководстве, поднять эту борьбу, по-большевистски взявшись за организацию хозяйственно-производственных активов.

* * *

Итак, на уроках вредительства, диверсий и шпионажа троцкистской и иностранной агентуры мы должны научиться тому, как преодолеть вскрывшиеся серьезные недостатки в деле воспитания работников, в подборе кадров, в методах хозяйственного руководства. Без настойчивой работы по большевистскому воспитанию хозяйственно-технических кадров, без серьезного улучшения этого дела мы не справимся с новыми задачами, мы не выкорчуем до конца троцкистских и иных врагов народа. Без решительной борьбы с обывательски-беспринципным отношением к подбору работников, без поднятия этого дела на более высокий политический уровень наши руководители не могут считаться настоящими большевистскими руководителями, стоящими на уровне современных задач. Без жестокой критики бюрократической безответственности и канцелярщины в методах работы, как бы сие ни задевало те или иные раздутые авторитеты, нельзя двигаться вперед, как это полагается стране социализма, как это полагается большевикам. К главным условиям наших успехов мы должны отнести укрепление большевистских качеств наших руководителей, обеспечение большевистского отношения к делу воспитания наших кадров. Это должны понять наши хозяйственники, да и не только хозяйственники.

Теперь нередко можно встретиться с таким рассуждением: разговоры о вредительстве сильно раздуты, если бы вредительство действительно представляло крупное значение, то у нас не было бы тех успехов, которыми мы гордимся. Успехи нашей промышленности, дескать, говорят о том, что вредительство кем-то раздуто.

Такое рассуждение, конечно, грубая ошибка, ошибка политической близорукости. Факты говорят о другом. Вредительство причинило нам немало ущербов, замазывать этот неприятный факт легкомысленно, глупо.

Чтобы понять уроки вредительства, надо дать отпор и такого рода рассуждениям. Обывательски настроенные хозяйственники говорят иногда так: у нас разоблачают вредительство, а между тем планы мы выполняем. И в самом деле, у нас есть целые отрасли промышленности, во главе которых стояли в течение ряда лет троцкисты-вредители, а заводы все же выполняли производственные планы. Даже химический главк НКТП, во главе которого стоял Ратайчак, перевыполнил свой план и за 1935 г. и за 1936 г. Значит ли это, что Ратайчак — не Ратайчак, вредитель — не вредитель, троцкист — не троцкист? Конечно, не значит. Это значит, что и вредители не могут заниматься только вредительством, потому что тогда они не уцелеют. Это значит, дальше, что на деле выполнение наших планов зависит от всего коллектива рабочих, служащих и инженеров, о которых, конечно, нельзя сказать, что они заодно с вредителями. Наконец, это значит, что многие наши планы занижены. Когда мы основательно выкорчуем троцкистско-вредительские группы в промышленности, мы наверняка будем двигаться вперед еще быстрее, чем это было. Значит, фальшивый аргумент о перевыполнении планов, выдвигаемый для того, чтобы смазать вредительские дела, нельзя защищать, а надо разоблачать, как и всякую другую фальшивку.

С другой стороны, многие работники попытаются теперь сваливать все свои грехи на вредителей. Где что-нибудь плохо, будут говорить — вредитель виноват. Некоторым работникам, из числа беспомощных, это покажется очень удобным. Найдутся бюрократы, которые таким приемом попытаются отвести удар от себя. Но с этим никак нельзя мириться. Таким попыткам надо противопоставить серьезную проверку фактов, уменье безусловно отделить ошибки от вредительства. Только в этом случае мы поставим на свое место бюрократов и очистим наши организации от вредителей и диверсантов всех мастей.

Есть и такие горе-руководители, которые в свое время не умели бороться за разоблачение вредителей, а теперь проявляют неспособность понять свои обязанности в отношении ликвидации последствий разоблаченного вредительства. Как можно иначе понять тех товарищей, которые готовы теперь свести всю борьбу за ликвидацию последствий вредительства к разговорам о развитии стахановского движения. Слов нет, без стахановцев мы не мыслим дальнейшего движения нашей промышленности вперед. Но нельзя же свои политические и деловые грешки сваливать на стахановцев, нельзя прятаться за их спину. Лучше почестному признать свои промахи и недостатки и по-большевистски их исправить, ликвидировать до конца. Что стахановцы — молодцы и свою задачу выполняют неплохо, это известно каждому. Но что многие руководители по своей политической беспечности проспали вредителей, а теперь пытаются отговориться хорошими словами о стахановцах — это тоже

правда. Мы не должны пройти мимо этой ошибки хотя бы уже по одному тому, что она может нанести большой ущерб и самому стахановскому движению. Нельзя же забывать о том, что успехи стахановского движения в очень большой мере зависят от работы руководителя цеха, предприятия и вышестоящих органов. Чтобы обеспечить дальнейшие успехи стахановского движения, мы должны не на словах, а на деле позаботиться об улучшении методов работы наших хозяйственных руководителей, о ликвидации прорех в хозяйственном руководстве. Без этого дела не поправить.

Возьмем хотя бы Донбасс, которому принадлежит инициатива в стахановском движении. Разве не ясно, что теперешний провал угольной промышленности Донбасса лежит не на ответственности стахановцев, которые готовы делать свое дело не хуже, чем раньше, а на ответственности тех руководителей, которые подводят нас сейчас с выполнением производственной программы. Как ни печально, а в Донбассе январь и февраль 1937 года дали меньше угля, чем январь и февраль 1936 года. Разве в этом виноваты стахановцы? Разве кто-нибудь обвиняет Донбасс в том, что там перевелись рабочие-стахановцы? Об этом не может быть и речи. Но что наши хозяйственные руководители в Донбассе не справились со своей задачей, что они не сумели обеспечить должную организацию производства и стахановского движения, что они не сумели использовать подъем стахановского движения для дальнейшего продвижения вперед и даже покатились назад — это ясно, это бесспорно. Значит, нельзя хозяйственным руководителям прятаться за спину стахановцев, а лучше смелее вскрыть недостатки руководства и поскорее поправить дело.

Успехи социалистического строительства были бы еще крупнее, если бы мы лучше боролись с недостатками в нашей хозяйственной работе, если бы мы лучше воспитывали наши кадры, лучше организовали подбор работников, решительнее искореняли канцелярско-бюрократические элементы в хозяйственной работе.

К буржуазным вредителям, диверсантам и шпионам перешли отщепенцы партии — троцкисты и правые. Но они не больше как догнивающие отбросы буржуазного общества. В наши ряды вливаются все новые тысячи высококвалифицированных и преданных советской власти специалистов. Рост армии стахановцев отражает великий подъем всего рабочего класса.

Насколько сильно наши успехи зависят от нас самих, от нашего желания поднять работу, мы знаем по многим примерам. Один из самых ярких среди них — подъем черной металлургии за последние годы. Благодаря исключительному вниманию тов. Орджоникидзе, черная металлургия не только выполнила вторую пятилетку в четыре года, но дала такие технические показатели по домнам и мартенам, которые превзошли наметки пятилетки. Наши домны с начала первой пятилетки улучшили свой коэффициент использования больше чем на 70%. Съем стали с квадратного метра площади пода в мартенах увеличился за этот же срок на 56%.

Во всей промышленности рост производительности труда идет теперь быстрее, чем в прошлые годы; освоение новой техники стало двигаться быстрее — вот залог наших новых великих успехов.

Надо помнить, однако, что задачу догнать и перегнать передовые по технике капиталистические страны мы еще не осуществили. Нам никак нельзя зазнаваться. Придется еще много поработать, чтобы добиться выполнения этой задачи. Выкорчевывание вредителей, диверсантов, шпионов и прочей мерзости из промышленности и из всего государственного аппарата — одна из важнейших предпосылок ускорения этого дела.

Вредительско-диверсионно-шпионская деятельность троцкистов и всех их союзников свидетельствует о том, что на открытую борьбу с советской властью они уже не могут итти вследствие своей слабости. По темным дорожкам двурушничества они ходят не потому, что не хотели бы открытого нападения на социализм и его строителей, а потому, что силы социалистического строя несоизмеримо больше того, что они могут им противопоставить. Они боятся света и потому живут, как двурушники, прикрываясь личиной лойяльности и даже преданности советской власти.

Но тот факт, что в течение ряда лет они могли незамеченными вести свою предательски-подрывную работу в промышленности и во многих других органах, на ответственнейших постах, показывает, насколько сильны в нашей среде опасное самоуспокоение и политическая беспечность. Нельзя мириться с такой политической близорукостью, с такой опасной беспечностью особенно со стороны тех, кто призван на руководящие посты. В таких случаях боязнь критики и неспособность к самокритике — преступление. Пока есть хоть один двурушник-вредитель в нашей среде, нельзя забывать об опасности, нельзя успокаиваться, нельзя утешаться тем, что массы за нами. Мы потеряли бы право называться большевиками, если бы не сделали этих выводов из новых, чреватых опасностями приемов борьбы двурушников.

Разоблачение вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов подчеркнуло остроту и серьезность борьбы между капитализмом и социализмом в наше время. Враг идет на все средства борьбы с социализмом. Вчерашние колебания неустойчивых коммунистов перешли уже в акты вредительства, диверсий и шпионажа по сговору с фашистами, в их угоду. Мы обязаны ответить ударом на удар, громить везде на своем пути отряды этих лазутчиков и подрывников из лагеря фашизма. Мы знаем, что это отвечает интересам и желанию не только трудящихся нашей страны, но и рабочих всего мира. Вчера еще мы не допускали, что наши противники из бывших коммунистов докатились до последней черты, что они пойдут на любую измену и предательство в отношении своей родины. Сегодня, после стольких разоблачений, мы знаем их подлинное лицо. Острота форм борьбы говорит о безнадежности дела наших врагов и об их отчаянии, но также о том, что мы должны еще больше повысить революционную бдительность, социалистическую организованность, большевистскую сознательность. Тогда разоблачение подлой ра-

боты троцкистских, бухаринских и иных групп послужит дальнейшему укреплению нашего строя и обеспечит еще большие победы социализма в нашей стране.

Нечему удивляться, что некоторые из вчерашних наших попутчиков ушли в лагерь врага, превратились в агентуру фашизма, стали бандитами контрреволюции. Мы все еще единственная социалистическая страна в кольце капиталистических держав. Наши успехи велики, но именно они все больше озлобляют классового врага, видящего в них приближение своей гибели. Буржуазия, занимающая господствующее положение во всех странах, кроме СССР, вовсе не собирается добровольно сдать свои позиции и уступить власть рабочим.

Она находит еще немало средств для того, чтобы держать в покорности себе и в страхе перед своим могуществом тех, кто пропитан буржуазными предрассудками и заражен неверием в революционные силы трудящихся. А таких немало, особенно среди мелкой буржуазии.

Перебежки из революционного лагеря к врагу давно известны рабочим. Их немало знает история борьбы за социализм. Приближение новых крупных революционных событий, опорой которых являются успехи социализма в СССР, поднимает во всех странах дух среди рабочих, рвущихся к освобождению, но и порождает панику у людей, пропитанных буржуазными предрассудками и неверием в силы рабочего класса. Перебежки троцкистов и бухаринцев в лагерь буржуазии, превращение их в банду вредителей, диверсантов, убийц и шпионов говорят именно об этом.

От нас ушли те, кто неспособен к борьбе с буржуазией, кто предпочитает связать свою судьбу с капитализмом, а не с рабочим классом. Мы должны радоваться тому, что разоблачили врага в момент, когда идет подготовка к новым боям, еще до начала этих боев. Мы должны торопиться доделать это дело, не откладывая его и не проявляя колебаний.

Советский союз соревнуется с капиталистической системой. Борьба приобретает все более крупный масштаб. О остроте ее свидетельствуют многие меры, которые капиталистические страны принимают в подготовке новых войн. Вредительские шайки всех этих троцкистов и прочих — один из активнейших отрядов в этой подготовке. Забывать об этом, предаваться беспечности — значит забывать о своем первейшем долге перед народом, перед трудящимися.

Чтобы победить в этом соревновании, мы должны неуклонно итти вперед, мы должны мерить наши успехи не меркой довоенной России, а современными мерками. Пока есть время, мы должны использовать каждый момент для того, чтобы подтянуться на слабых участках, чтобы достичь производительности труда и технических норм наиболее развитых капиталистических стран. Надо еще сильнее вовлекать во всю нашу работу широкую массу трудящихся, рядовых работников, активы. Надо поднять большевистское воспитание кадров и по-большевистски поставить подбор работников во всех организациях. Надо считаться с тем, что враг идет теперь на все, использует любые приемы борьбы, лезет во все щели; враг использует и наш партийный билет, чтобы обмануть нас, прокрасться туда, куда он не имеет иного доступа. Личину коммуниста враг принимает для того, чтобы забраться на руководящие посты, видя, что все руководство, во всех отраслях, находится в руках коммунистов. Разоблачение и изгнание врага из действующей армии строителей социализма, усиление нашей армии, подъем ее сил — гарантия новых успехов.

Поэтому каждый из нас должен помнить о священной обязанности коммуниста, развивать свою большевистскую зоркость, поднимать большевистскую сознательность кадров. Главное теперь зависит от нас — большевиков. Насколько мы, большевики, поймем свои задачи и сделаем нужные выводы, большевистские выводы, — настолько ускорится наше движение вперед.

А. ВЫШИНСКИЙ

К положению на фронте правовой теории

I

В арсенале борьбы и побед трудящихся нашей великой родины одно из почетных мест принадлежит советскому праву. Оно было и остается могучим оружием революционной борьбы за социализм. На протяжении почти двадцати лет своего существования советские законы служили и служат инструментом подавления врагов трудящегося народа, воспитания неустойчивых членов общества, укрепления государственной и общественной дисциплины. Социалистическое государство рабочих и крестьян высоко держит знамя революционного правопорядка в обстановке, когда в ряде стран фашистская буржуазия затоптала в грязь и кровь самое понятие права и законности.

Понятно, какое громадное значение имеет овладение марксистско-ленинской теорией права для практических работников, призванных осуществлять стоящие перед советским государством задачи. Понятно также, какое значение имеет теоретическая разработка как общих, так и специальных проблем советского права. Между тем, едва ли найдется другой участок теоретического фронта, столь отсталый и засоренный всяким лжемарксистским, антинаучным гнильем и хламом, как область правовых наук.

В своем историческом выступлении на конференции аграрников-марксистов (1929 г.) товарищ Сталин разоблачил отсталость нашей теоретической мысли в области экономики, подчеркнув, что теоретическая мысль «не поспевает» за нашими практическими успехами, что «мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли».

Товарищ Сталин обращал тогда наше внимание на то, что «в нашей общественно-политической жизни имеют хождение различные бур-

жуазные и мелко-буржуазные теории по вопросам нашей экономики», засоряющие головы и не встречающие должного отпора.

И товарищ Сталин спрашивал: «Разве трудно понять, что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами».

Нужно сказать, что кое-кому это, действительно, было и остается непонятным. Этим в значительной степени следует объяснить недостаточность нашей борьбы с этими «теориями», приобретшими, говоря словами товарища Сталина, прочность предрассудков на ряде участков нашего теоретического фронта и, в частности и в особенности, на правовом участке этого фронта.

В самом деле, едва ли найдется еще другая такая отсталая, такая засоренная всяким лжемарксистским, антинаучным гнильем и хламом область теории, чем область права.

Едва ли в какой-либо другой области так долго и так беззастенчиво «имели хождение», да еще и сейчас продолжают иметь хождение, «теории» и «теорийки», пропитанные ядом грубейших извращений учения Маркса—Ленина—Сталина о государстве и праве.

Здесь — в области и так называемой общей теории права, и в теории отдельных, частных правовых дисциплин (государственного права, гражданского, уголовного, трудового, земельного и других прав) — можно найти представителей разнообразных направлений, течений, оттенков, взглядов, значительная часть которых не только не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, хотя и упорно прикрывается его именем, но представляет собой грубую фальсификацию нашей науки, грубые извращения принципов и основных положений марксизма-ленинизма.

Для доказательства правильности этого утверждения достаточно указать на «работы», пользовавшиеся в свое время широким «хождением», таких «марксистов», как, например, проф. Гойхбарг («Хозяйственное право» «Пролетариат и право» и др.), проф. Рейснер («Право. Наше право, чужое право, общее право), Ильинский, Магеровский, Разумовский, Архипов и др., перепевавших на советский лад буржуазные теории психологистов, нормативистов, всех этих Петражицких, Кнаппов, Дюги, Карнеров и пр. и т. п.

На этом участке долгое время орудовал разоблаченный ныне двурушник Пашуканис. В течение ряда последних лет он бесконтрольно хозяйничал в Институте советского строительства и права. Призванный быть руководящим центром научной мысли в области теории государства и права, институт этот в руках Пашуканиса и его сподручных стал пристанищем для многих врагов народа. Здесь подвизались такие матерые троцкистские двурушники, как Дзенис, Ашрафьян, Доценко, Старовойтов и др.

Пашуканис и его приспешники превратили советский научно-исследовательский институт в хлев, где процветали отвратительные нравы семейственности и групповщины. Неугодные и неудобные работники отшивались, вся работа была монополизирована «артелью» тесно спаянных людей. Зажим самокритики, подхалимство, взаимное восхваление, взаимная амнистия при разоблачении чьих-либо ошибок, «вождизм» — все это свило себе здесь пышное гнездо. Многократные сигналы партийной печати о неблагополучии на фронте теории права оставались без результата. Этому способствовало отсутствие большевистской бдительности у правовиков-коммунистов

Вредительская работа в области правовых дисциплин проводилась Пашуканисом и его сподручными довольно тонко. Эти люди неоднократно признавались в своих ошибках, но только для того, чтобы продолжать проповедь лжемарксистских, антиленинских взглядов в более прикрытой форме. Их «научная» деятельность была направлена к тому, чтобы всячески задерживать развитие правовых дисциплин, чтобы дискредитировать и разрушать советскую правовую науку.

Отступая под огнем критики с одной ступеньки на другую, они в различных формах проповедывали антипартийные, вредительские «теории» отмирания государства и права. Разоружить рабочий класс перед лицом его врагов, подорвать государственную мощь социализма — такова была цель этих попыток. Учащейся молодежи, растущим кадрам внушалось нигилистическое отношение к советскому праву. Это в одинаковой степени относится как к области общей теории права, так и к отдельным, частным правовым дисциплинам (государственное, гражданское, уголовное, трудовое, земельное и другие права).

Лженаучные позиции Пашуканиса и его группы переплетались с реставраторскими «теориями» троцкизма и правых (в особенности с антиленинскими взглядами Бухарина). Истоки ликвидаторских «теорий» Пашуканиса и его компании — в авгиевых конюшнях опошления и извращения марксизма меньшевистскими теоретиками II Интернационала. Все это прикрывалось громкими словами о критике буржуазной науки права, шумом и громом словесных заклинаний. На деле же систематически протаскивалась буржуазно-реставраторская, троцкистско-бухаринская контрабанда. «Методологический центр», как величали свою «артель» Пашуканис и его сподручные, на словах выступая против буржуазных теорий и их носителей на советской почве, на деле продолжал ту же линию извращения марксизма, которую с первых лет советской власти проводили буржуазные и меньшевистские юристы, рьяные последователи Петражицкого, Кнаппа, Дюги, Реннера и т. п.

Поэтому, чтобы добраться до корней извращений марксизма-ленинизма Пашуканисом и его школкой, необходимо хотя бы в самых общих чертах восстановить в памяти те антимарксистские теории права, которые имели хождение в первые годы пролетарской революции.

II

Тогда большевистские кадры правовиков были чрезвычайно малочисленны. Пользуясь этим, буржуазные профессора, в ранней юности отдавшие дань «легальному марксизму», и меньшевистские юристы выступали с пухлыми книгами, полными самых беспардонных подделок марксизма. Особенно оживилась их деятельность с переходом к нэпу, когда во всех областях стали наблюдаться попытки возрождения буржуазной идеологии.

У каждого из этих «марксистов» был свой «учитель» из числа махровых буржуазных

ученых. В духе этих учителей «ученики» и обрабатывали в меру своих сил марксизм-ленинизм, выдавая результаты такой «обработки» за марксистско-ленинскую теорию права. Старый меньшевик Гойхбарг восхвалял Карла Реннера, махист и богдановец проф. Рейснер хвалил Кнаппа и Петражицкого. Буржуазная апологетика в применении к вопросам советского права давала отвратительные плоды. Любопытно, что нередко самые махровые выводы выступали под оболочкой якобы «левых» фраз.

Еще в 1923 г. проф. Гойхбарг писал об «антиправовой пропаганде», как одной из наиболее важных задач органов советской юстиции, призывая к прямому походу против права — буржуазного ли, советского ли, это ученый профессор не пояснял... — против права вообще.

Этот ученый муж в одной из своих многочисленных, к сожалению, книг писал буквально следующее: «Всякий сознательный пролетарий знает в настоящее время или по крайней мере сотни раз слышал, что религия — опиум для народа. Но редко кто, мне кажется, сознает, что право — еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа...» («Основы частного имущественного права», 1924 г.).

Под маркой социалистической Академии общественных наук и Народного комиссариата юстиции сей откровенный меньшевистский теоретик провозглашал отличие буржуазного строя от социалистического в том, что — «храм буржуазного владычества — законодательство и его фетиш — закон; храм пролетарского и социалистического мирового строя — управление, а его богослужение — труд».

Совмещая должность профессора права с должностью члена коллегии Народного комиссариата юстиции РСФСР, проф. Гойхбарг с упоением цитирует Дюги, Вильсона и Реннера, с легким сердцем выбрасывал из арсенала пролетарского государства закон и право как буржуазную ветошь, как «опиум», как вредный — «буржуазный пережиток», как идею, которая служит интересам эксплоататорского класса...

С Гойхбаргом перекликался проф. Рейснер. В 1925 г. он в одном из своих «трудов» недоуменно восклицает: «...Мы так и не знаем, нужно ли нам право, в какой степени оно нам нужно, и можно ли мириться с тем, что мы почему-то пролетарскую диктатуру и классовый интерес перекрашиваем в какие-то загадочные правовые образы и формы» [1].

Запутавшись в вопросе о соотношении диктатуры пролетариата и права, проф. Рейснер пришел к простому отрицанию возможности использования права как революционного оружия в руках советского государства.

«Перед революцией, — писал он, — я думал, что право могло бы быть использовано нами как революционное оружие. В настоящее время, при наличности новой экономической политики и замедления мировой революции, я склонен стать на противоположную точку зрения».

И дальше: «Если право не «опиум для народа», то, во всяком случае, довольно опасное снадобье, обладающее в горячем состоянии свойствами взрывчатого вещества, а в холодном — всеми признаками крепкого, иногда слишком крепкого, клея или замазки» [1].

Боязнь революционных качеств советского права (свойств «взрывчатого вещества») и отрицание громадной организующей роли советского закона и советского права в процессе социалистического строительства — вот чем характеризуются буржуазно-меньшевистские позиции Рейснера, Гойхбарга и им подобных.

Ленин в 1922 г. на XI съезде РКП(б) говорил, что «простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов» (т. XXVII, стр. 255), подчеркивая тем самым громадное организующее значение советской, социалистической законности и советского права в целом. Ленин на IV сессии ВЦИК говорил о первом советском кодексе законов о труде, установившем в законодательном порядке восьмичасовой рабочий день, как о громадном завоевании советской власти, а о таких законах, как декрет о земле, говорил, что их изданием мы обеспечили союз крестьянина с рабочим (т. XXVII, стр. 319). Ленин и Сталин энергично отстаивали идею единой законности во всей федерации, не «калужской» или «казанской», а единой всероссийской и даже единой «для всей федерации советских республик» (т. XXVII, стр. 298). А «марксисты» типа Рейснера и Гойхбарга засоряли головы читателей гнилыми, антиленинскими «теориями» о советском праве, как «опиуме», как «опасном снадобье», отрицая, таким образом, его значение, пользу и необходимость в борьбе трудящихся против эксплоататоров.

Когда же эти «ученые» все же оказывались вынужденными обращаться к анализу советского права, они договаривались до таких чудовищных нелепостей, печатание которых можно объяснить только исключительной беспечностью издателей в отношении марксистско-ленинской теории, их невежеством или прямой враждебностью делу ленинизма.

В качестве образца грубейших извращений ленинско-сталинского учения о праве можно сослаться на «теорию» того же Рейснера, определявшего право вообще как «право интуитивное», как форму «сознания», как «комплекс ощущений». Проф. Рейснер стоит на позициях Маха — Авенариуса — Богданова, подменяя марксизм-ленинизм махизмом, подменяя материализм и материалистическую диалектику идеализмом, и притом в форме одной из самых реакционных и обскурантских его разновидностей.

По проф. Рейснеру, право — компромисс между классами. «Всякая система права... есть компромисс, образованный из идеологических обрывков самых различных классовых идей, есть пестрая ткань, которая создана на основе правовых требований и воззрений самых различных общественных классов».

Так пишет проф. Рейснер, выдавая эту антиленинскую чепуху за марксизм, за последнее слово науки права.

Марксизм-ленинизм учит, что право «есть только возведенная в закон воля класса». По Рейснеру, право — куча «идеологических обрывков» различных классов.

[1] М. Рейснер, Право. Наше право, чужое право, общее право, стр. 34.

[1] Там же, стр. 35.

Марксизм-ленинизм учит, что «каждая борющаяся партия (а следовательно, и класс — А. В.) должна свои притязания формулировать в своей программе в виде правовых требований». По Рейснеру, система права — это «пестрая ткань», созданная «на основе правовых требований и воззрений самых различных общественных классов...»

Исходя из этих абсолютно ошибочных, вредных, антимарксистских и лженаучных взглядов, проф. Рейснер пришел к представлению о советском праве как о компромиссном праве, как о праве «умиротворения и примирения». Проф. Рейснер договорился до того, что изобразил советское право как право, в состав которого включено «на началах союза» право крестьянское и на основах «терпимости и компромисса» — право буржуазное.

По проф. Рейснеру, советское право — «триединое право»: пролетарское, крестьянское и буржуазное с господствующим положением в этой, с позволения сказать, системе пролетарского права...

Немудрено, что проф. Рейснер видит в советском праве опасность превращения в реакционную силу, способную парализовать успехи борьбы за социализм.

Проф. Рейснер писал буквально следующее: «В рамках наших условий право есть громадный аппарат умиротворения и примирения, который делает возможной наличность диктатуры пролетариата в крупно- и мелко-капиталистическом окружении, как во внутренних, так и внешних отражениях, но, с другой стороны, то же право может стать реакционной силой, которая закрепит переходный период в его нэповской форме сверх всякой действительной необходимости, даст простор буржуазному праву в объеме, который может нанести серьезный ущерб пролетарскому интересу и этим или замедлит ход «врастания» в коммунистическое общество или сделает необходимой новую революцию для освобождения пролетариата от незаметно въевшихся буржуазных сетей» (цит. соч.).

Так, по Рейснеру, выходит, что: 1) советское право «умиротворяет и примиряет» борющиеся классы и 2) спасает пролетарскую диктатуру от крушения под напором «крупно- и мелкокапиталистического окружения». В этом проф. Рейснер видит положительную сторону советского права. Но советское право «рискует» стать реакционной силой, нанести ущерб «пролетарскому интересу», замедлить ход «врастания» (?!) в коммунистическое общество и привести даже к какой-то еще «новой революции» (?!). Это — отрицательная сторона советского права.

Это откровение Рейснера чрезвычайно характерно. Оно показывает тесную связь и переплетение буржуазно-меньшевистских концепций права с контрреволюционной троцкистской клеветой насчет «перерождения» советского государства, «третьей революции» и т. п.

Горе-теоретики типа Гойхбарга и Рейснера некоторое время безнаказанно проповедывали буржуазно-апологетическую галиматью. Их клевета на советское право не встречала отпора. Проповедники всевозможных буржуазных идеологий беспрепятственно извращали и искажали действительное содержание советского права, его подлинную сущность, роль и значение в пролетарской революции и социалистическом строительстве.

Этими извращениями они причинили немало вреда делу социализма, воспитывая своеобразный «правовой нигилизм», дискредитируя советское право и советские законы, выбивая из рук пролетариата это сильное и острое оружие его классовой борьбы...

III

В истории советского права видное место принадлежит П. И. Стучка, с именем которого связаны первые шаги организации советской юстиции и рождение первых декретов о суде.

П. И. Стучка немало сделал для пропаганды революционной роли советского права, для разработки основ советского государственного и гражданского права. Ему принадлежит значительная заслуга в разработке ряда правовых проблем в духе марксизма-ленинизма и в борьбе за утверждение марксистско-ленинского понимания советского права как выражения воли рабочего класса, записанной в законах советского государства. Его борьба против буржуазно-меньшевистских юристов сохранила свое значение до наших дней.

И тем не менее, в его работах имеется ряд серьезных ошибок, антиленинских положений, дающих извращенное представление о существе и значении советского права в эпоху социализма.

Так, П. И. Стучка, говоря о «пролетарском праве» как о праве переходного периода, утверждал, что в период пролетарской диктатуры или социалистического общества «взаимоотношения людей, социальный порядок будут регулироваться не принуждением, а сознательной доброй волей трудящихся, то есть всего нового общества»[1].

Это прямо противоречит марксистско-ленинскому учению о государстве и праве.

Ленин писал: «Если мы не анархисты, мы должны принять необходимость государства, то есть принуждения для перехода от капитализма к социализму» (т. XXII, стр. 462). Он подчеркивал, что «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» (т. XXI, стр. 438).

Сталин учит, что «революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве...»[2].

Марксизм-ленинизм представляет себе, таким образом, регулирование «социального порядка» переходного времени не только при помощи «доброй воли трудящихся», как ошибочно думал Стучка, но и при помощи принуждения.

Были у П. И. Стучка и другие ошибки, мешавшие ему правильно понимать сущность советского права и пути его развития. Так, он утверждал, что «у нас уже трудно становится провести резкую грань между правом и техникой», что «одно переходит в другое», что «мы весь первый период (пролетарской революции — А. В.) жили почти без законов». Далее,

---

[1] П. Стучка, 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права, стр. 24.

[2] И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 509.

он выставлял в корне ошибочный тезис об отмирании в советском государстве противопоставления права и обязанности.

Новая Конституция СССР прямо разграничивает права и обязанности. Мы наказываем по всей справедливости и строгости советских законов за нарушение обязанностей. Но никому не придет в голову наказывать кого-либо за неиспользование того или другого своего права!..

Разоблачая антимарксистское утверждение Пашуканиса, что право является лишь специфической формой отношений товаровладельцев, обособленных носителей частных интересов, П. И. Стучка сам впадал в грубые ошибки. Наше право периода новой экономической политики он прямо объявлял буржуазным, утверждая, что мы попросту «произвели рецепцию, заимствование буржуазного права».

П. И. Стучка видит в советском Гражданском кодексе такой же, говоря его словами, «автомат» для опосредствования спроса и предложения, каким является буржуазный гражданский кодекс. Наш Гражданский кодекс т. Стучка считает «реализуемой через куплю-продажу формой опосредствования «общественного обмена веществ». Все отличие нашего Гражданского кодекса от буржуазного Гражданского кодекса т. Стучка видит в том, что у нас «врезывается новый момент: социалистическая плановость» («Курс советского гражданского процесса», ч. I, стр. 73).

Указание на плановость, однако, не меняет дела, так как основная ошибка т. Стучка заключается в сведении советского гражданского права к сфере производства и обмена. Но как быть в таком случае с той частью гражданского права, которое регулирует брачные и семейные отношения? Или и эти отношения также должны регулироваться с точки зрения «социалистической плановости?» Ясно, что гражданское право охватывает сферу отношений более широкую, чем только отношения обмена (как думает Пашуканис) или даже только отношения производства и обмена (как неправильно думал Стучка).

В этой точке зрения несомненная связь и родство «теории» П. И. Стучка с «теорией» Пашуканиса. Не даром т. Стучка расхваливает вредительскую книжку Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» на все голоса, кощунственно ставя его имя рядом с именами Маркса, Энгельса, Ленина («Революционная роль советского права», стр. 96).

Советское гражданское право и советский гражданский кодекс т. Стучка характеризует как в основном буржуазные явления.

Наше право периода новой экономической политики т. Стучка прямо объявляет буржуазным, утверждая, что мы попросту «произвели рецепцию, заимствование буржуазного права».

Наши новые (и, скажем здесь же, первые) кодексы т. Стучка рассматривает как результат «уступок буржуазному праву», как «вехи отступления», повторяя, таким образом, антиленинские измышления Зиновьева—Бухарина, перенося троцкистско-зиновьевские установки в область теории права.

Но сам П. И. Стучка в своей книжке «Революционная роль советского права» писал о том, что ему при помощи товарищей удалось дать новую, революционно-диалектическую концепцию гражданского права вообще и нашего, советского, в особенности.

Надо в пояснение приводимой выше цитаты сказать, что одним из вопросов, связанных с этой «новой, революционно-диалектической концепцией», было выделение в особую отрасль права так называемого хозяйственно-административного или, как впоследствии его стали называть, хозяйственного права (см. курс «Советского хозяйственного права», Институт советского строительства и права Комакадемии, 1935, авторы — Гинцбург, Амфитеатров, Костельцев). Это «хозяйственное» право своими корнями уходит в гнилую вредительскую теорию Пашуканиса, во вредительскую работу возглавлявшегося им указанного выше института.

Основное в этом хозяйственном административном праве «сводилось к раскалыванию советского права, регулирующего хозяйственные отношения, на два «права»: гражданское—для отношений между государственными органами и частными лицами и для отношений частных лиц (граждан) между собой и «хозяйственное» — для отношений внутри государственного или социалистического сектора.

Говоря о содержании административно-хозяйственного права, т. Стучка писал, что эта область права регулирует «хозяйственные отношения социалистического сектора, тогда как частно-хозяйственное или гражданское (частное тоже) право регулирует имущественные отношения, главным образом, сектора частных собственников и отчасти междусекторные отношения» («Курс советского гражданского права», ч. III, стр. 10).

Тов. Стучка при этом пояснил, что различие между этими двумя «правами» заключается в том, что первое отличается плановым характером, а второе—определяется «анархическим характером свободы конкуренции», лежащей в основе этих отношений. Между этими секторами (а следовательно, и между этими «правами» — А. В.) происходит борьба, в которой «один сектор стремится уничтожить другой»...

Очевидно, то же должно происходить и с «правами», из которых одно право должно «стремиться уничтожить другое»...

Вот до каких пределов доходит путаница у т. Стучка, вплотную, по сути вещей, подошедшего к «теории» «своего» и «чужого» права проф. Рейснера.

П. И. Стучка в подкрепление этой глубоко ошибочной своей позиции утверждает, что «купля-продажа никогда не будет социалистической», что «купля-продажа есть буржуазный институт, а социализм купли и продажи не признает. Он признает только прямое снабжение». А посему—вывод: «Надо выделить в особый кодекс то, что уже относится просто к регулированию отношений социалистического сектора, а не к гражданскому праву» («ЕСЮ», 1929, № 9/10). Здесь все перепутано, начиная со смазывания ленинского лозунга «учитесь торговать» и кончая игнорированием известных решений по вопросу о нэпе и социализме XIV партсъезда нашей партии.

Гордо провозглашенная т. Стучка «новая, революционно-диалектическая концепция» свелась к правооппортунистической «теории» «двухсекторного права», к противопоставлению интересов социалистического хозяйства инте-

ресам социалистического человека, к недооценке гражданского права как права, регулирующего, утверждающего и охраняющего личные и имущественные интересы трудящихся, граждан СССР, строителей социализма.

Это — грубое извращение учения Маркса — Ленина — Сталина о социализме, о месте и роли личности в социалистическом обществе.

«... Социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того,—социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 602).

Этими указаниями товарища Сталина определяется и путь развития советского гражданского права и стоящие перед нами в этой области задачи—задачи развития и укрепления советского гражданского права.

П. И. Стучка и его последователи (Амфитеатров, Гинцбург и др.), наоборот, видели эту задачу в «упрощении и сужении действий чисто гражданских отношений» (Стучка). Отсюда—игнорирование задач, связанных с осуществлением личной собственности граждан, как важнейших задач советского гражданского права.

Отсюда утверждение разных авторов-цивилистов об отмирании гражданского права (Братусь), об отмирании категории юридического лица (Гинцбург), сведение советского гражданского права к хозяйственному (см. указанный выше двухтомник), а этого последнего—к вопросам управления хозяйством и т. д. и т. п.

В такой постановке проблемы советского гражданского права фактически ликвидируется советское гражданское право.

Пашуканисы и Доценки — внутри СССР, Нуссбаумы и Гедеманы—по ту сторону наших границ делают, по сути вещей, одно, общее им всем дело,—дело врагов социализма, пытающихся подорвать наше право—один из лучших рычагов пролетарской диктатуры и советского государства.

IV

Появление книжки Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» в 1924 г. было встречено подавляющим большинством наших «ученых» юристов весьма благожелательно.

Резолюция I всесоюзного съезда марксистов-государственников (1930 г.) по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана прямо объявляла Пашуканиса «виднейшим представителем марксистско-ленинской теории права».

Резолюция эта утверждала, что «работа Пашуканиса вооружила против буржуазно-юридического мировоззрения, препятствуя протаскиванию в советскую теорию и практику отдельных его элементов под видом невинных технических приемов».

П. И. Стучка также без меры расхваливал эту, как он говорил, «прекрасную работу», не замечая содержащихся в ней грубейших извращений и опошлений марксизма-ленинизма.

Ряд молодых советских юристов буквально захлебывался от восторга перед «заслугами» Пашуканиса в области советского права.

Основная идея книжки Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» выражена в краткой формуле, объявляющей право формой буржуазного общества, «формой общения эгоистических, обособленных субъектов, носителей автономного частного интереса или идеальных собственников».

Рассматривая право исключительно как буржуазную категорию, субъекта права—то есть носителя, обладателя права—как товаровладельца, а правовые отношения как отношения товаровладельцев, частных собственников, Пашуканис все правовые понятия и в советском обществе выводил из характера товарно-денежного, капиталистического хозяйства. Отсюда Пашуканис приходил к утверждению, что право в наиболее развитом виде возможно только в буржуазном обществе.

«... Я утверждал,—писал он,—и продолжаю утверждать, что наиболее развитое, всестороннее и законченное правовое опосредствование порождается отношениями товаропроизводителей; что, следовательно, всякая общая теория права... есть одностороннее, абстрагированное от всех прочих условий описание отношений людей, выступающих на рынке в роли товаровладельцев» (стр. 10).

Нетрудно открыть корни этой враждебной марксизму концепции. Пашуканис пришел к большевикам после долголетнего пребывания в меньшевистской партии. Он принес с собой груз меньшевистского псевдомарксизма.

Его в корне антимарксистская и антиреволюционная теория права, которую он продолжал исповедывать до последнего времени, лишь слегка перекрашивая ее фасад, типична для меньшевистской идеологии. Она целиком вытекает из того извращения и опошления марксизма, которое связано с именами Гильфердинга и Реннера. Заменяя Маркса Махом и Кантом, эти господа развили насквозь идеалистическую теорию права, связанную с идеалистической же ревизией марксизма в области политической экономии. Пашуканис рабски повторял своих меньшевистских учителей. Так он попал в унисон с Бухариным, также занимавшимся перепевами теоретических откровений Богданова и Гильфердинга.

Пашуканис объявлял советское право буржуазной категорией, присущей социалистическому обществу в том же виде, как и капитализму. Но если наше право—буржуазное право, то, очевидно, юридическая сущность его не изменилась, изменилась лишь его «социальная функция», выражаясь словами Карнера—Реннера. Выходит, таким образом, что буржуазное право «переросло» в социалистическое право... Это совершенно в духе Гильфердингов, Карнеров и Адлеров, утверждающих возможность эволюционного превращения капитализма в социализм.

Что касается Бухарина, то сам Пашуканис вынужден был признать влияние его «закона трудовых затрат». Приравнение закона движения нашей экономики к социализму, к закону стоимости, лежащему в основе капиталистического хозяйства, тесно связано у Пашуканиса с приравнением советского права к буржуазному праву. В правовой науке Пашуканис протаскивал подлую троцкистскую клевету на советский хозяйственный и политический строй.

Пашуканис утверждал, что правовые формы не могут развиваться в условиях пролетарской

диктатуры «в сторону наполнения их социалистическим содержанием», что «они неспособны вместить это содержание и должны будут отмирать по мере его реализации».

Извращая действительные взгляды Маркса, он утверждал далее, что «переход к развернутому коммунизму Маркс представлял себе, следовательно, не как переход к новым формам права, но как отмирание юридической формы вообще, как освобождение от этого наследия буржуазной эпохи, которому суждено пережить самое буржуазию» (стр. 25).

Пашуканис прямо отрицал возможность замены буржуазного права «категориями пролетарского права», утверждая, что «отмирание категорий буржуазного права в этих условиях (то есть при переходе к развернутому социализму—А. В.) будет означать отмирание права вообще, то есть постепенное исчезновение юридического момента в отношении (отношениях—А. В.) людей».

Этот «юридический момент» Пашуканис объявлял также исключительной принадлежностью буржуазного общества, в котором-де этот «момент» в социальных отношениях и достигает якобы «полной определенности». Это абсолютно неверно.

Достаточно напомнить о том, как фашизм расправился со всеми и всякими «юридическими моментами» и «правовыми категориями», чтобы стала ясна чудовищная нелепость подобного рода утверждений.

Фашистская буржуазия превосходно обходится без «юридических моментов», превратив закон и право в их противоположность. Наоборот, социалистическое общество рабочих и крестьян закрепляет в законе при помощи «юридических моментов» свои социалистические победы, в своей Конституции запечатлевая завоеванное и добытое в борьбе с классовыми врагами.

У Пашуканиса же все наоборот... Уже побитый на I съезде марксистов-государственников (1930 г.), Пашуканис продолжал отстаивать свои вредительские взгляды, договариваясь до такой глупости, как утверждение, что «буржуазное право» есть «не только отражение или выражение определенного уровня развития экономики, оно есть средство в руках пролетариата для дальнейшего развития производительных сил, для строительства социализма» (!).

Грубо извращая мысли Маркса — Ленина о том, что при социализме «буржуазное право» «отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота» (Ленин, т. XXI, стр. 427—441), Пашуканис право советского государства объявил просто буржуазным правом, приписав этому буржуазному праву роль орудия борьбы за социализм...

Эту «теорию» Пашуканис упорно защищал и как редактор «Советского государства» на протяжении ряда лет.

В 1934 г. эту же мысль повторил В. Комаров (один из редакторов «Советского государства») в статье под громким заглавием «Основные вопросы теории советского права». В этой статье можно прочесть, что «буржуазное право в кавычках не пустышка, о которой можно забыть. Оно является орудием строительства социализма» («Советское государство», № 1, стр. 43). Это—буквальное повторение Пашуканиса.

В 1936 г. в статье «Государство и право при социализме» Пашуканис вновь, как и в 1932 г. и в 1929 г., пытается оправдать свое отрицательное отношение к проблеме построения системы советского социалистического права.

В этой статье Пашуканис всю разницу между социализмом и социализмом и коммунизмом видит только в способе распределения, забывая, что этим разница далеко не исчерпывается и что в этой «разнице» известную роль играет и государство и право, и такие правовые институты, как Конституция, кодексы, суды...

В этой статье Пашуканис продолжал утверждать невозможность в предшествующее нынешней эпохе время построения системы социалистического права, исходя из того, что «это был период революционной ломки старых производственных отношений» и что «советское право должно обладать максимальной подвижностью и гибкостью, в особенности на этапе развернутого социалистического наступления» («Советское государство», 1936, № 3), а следовательно, не может быть речи о системе советского права.

В этой статье Пашуканис вновь, как и в предыдущие годы, оправдывает всякого рода жульническими ссылками свое отрицательное отношение к построению системы советского социалистического права («Советское государство», 1936, № 3).

Однако ясно, что Пашуканис просто уходит от ответа на вопрос о том, что представляет собой советское право, каково его содержание, цели, методы как права, отличного от буржуазного права.

Отрицая социалистический характер советского права, Пашуканис выбрасывает вон и советские законы, советские кодексы.

«Возьмете ли вы Гражданский кодекс, Земельный кодекс или Трудовой кодекс,—говорит он,—все они, как кодексы, сейчас уже не могут применяться»...

Ни для кого не ново, что многое в этих кодексах, изданных в 1922—1923 гг., устарело и требует изменения. Но Пашуканис отвергает их целиком, вследствие того что они якобы «были рассчитаны на сосуществование и борьбу капиталистических и социалистических секторов».

Это грубое извращение природы наших кодексов.

Пашуканис извращает содержание нашей законодательной политики в период нэпа. Гражданский кодекс и другие кодексы этой эпохи вовсе не представляли собой «рецепции» аналогичных буржуазных кодексов, не развязывали мелкобуржуазной рыночной стихии. Эти кодексы, отражая особенности эпохи, были направлены на защиту интересов трудящихся, на укрепление социализма.

В 1922 г. Ленин писал Курскому, тогдашнему наркому юстиции: «Идет подготовка нового гражданского законодательства. НКЮст «плывет по течению»,—я это вижу. А он обязан бороться против течения. Не перенимать (вернее, не дать себя надувать тупоумным и буржуазным юристам, как перенимают) старое буржуазное понятие о гражданском праве, и

создать новое... гражданское право, новое отношение к «частным» договорам... и т. д.»

В том же 1922 г. в другой записке Курскому Ленин писал: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное. Мы допускаем капитализм только государства... Отсюда расширить применение государственного вмешательства в «частно-правовые» отношения, расширить право государства отменять «частные» договоры, применять не corpus juris romani к «гражданским правоотношениям», а наше *революционное правосознание*, показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как надо делать с умом и энергией» (т. XXIX, стр. 419).

Выступая в октябре 1922 г. на IV сессии ВЦИК по поводу принятого тогда сессией Гражданского кодекса, Ленин говорил: «Мы и здесь старались соблюсти грани между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребление нэпом, которое во всех государствах легально, и которое мы легализовать не хотим» (т. XXVII, стр. 319).

По Ленину, Гражданский кодекс был направлен против «злоупотребления нэпом, которое во всех государствах легально», то есть против буржуазных принципов и буржуазного содержания гражданских кодексов капиталистических стран.

А по Пашуканису, в советском Гражданском кодексе все дело сводилось к «сосуществованию социалистических и капиталистических секторов».

Разница немалая. Немалое и извращение ленинских взглядов на наше гражданское право...

Пашуканис, даже «самокритикуя» свои установки, не стеснялся писать про наше право, что «оно есть или по крайней мере *должно быть* совокупностью таких форм, смысл которых доступен и понятен каждому трудящемуся и, следовательно, в основе его системы *должна* лежать политическая классовая цель» и т. д.

Подчеркнутые мною слова выдают действительные, подлинные взгляды Пашуканиса, этого проповедника буржуазной реставрации в нашем праве...

В области уголовного права и процесса «теория» Пашуканиса приводила к отрицанию этого права и процесса. Пашуканис, например, утверждал, что превращение наказания «из возмездия и воздаяния в целесообразную меру защиты общества и исправления при успешном разрешении этой задачи «делают излишним судебные процессы и судебные приговоры».

Что из этого следует? Одно из двух: или наше наказание остается «возмездием и воздаянием» или нам надлежит стать на путь ликвидации судов и судебных процессов.

«Tertium non datur»—третьего не дано. Для Пашуканиса путь «развития» советского права и суда представляется именно таким — путем ликвидации и того и другого. Если это еще не произошло, то, как думает Пашуканис, в этом виновата лишь сила живучести у нас буржуазных пережитков.

V

Пашуканис и его школка проводили ликвидаторскую, вредительскую линию как в области общей теории права, так и в отношении частных правовых дисциплин. Эта сторона их деятельности особенно пагубно отразилась на постановке правового образования, на подготовке кадров юристов.

В области трудового права ликвидаторская линия выразилась в ограничении сферы этого предмета трудовыми отношениями рабочих и служащих. В области государственного права ликвидаторская политика проводилась совершенно неприкрыто. Правовые вопросы колхозного движения совершенно не разрабатывались в течение ряда последних лет, то есть как раз в тот период, когда победа колхозного строя поставила множество практических актуальных проблем. Легко понять, как подобная ликвидаторская практика отразилась на постановке преподавания в вузах.

Особенно поучительны плоды ликвидаторской политики Пашуканиса и иже с ним, как это мы уже видели выше, в области гражданского права. Само это название исчезло за последние годы из правовой литературы, из учебных пособий, из учебных программ и планов. Гражданское право было заменено так называемым хозяйственным правом.

Составители курса хозяйственного права (Амфитеатров, Костельцев, Доценко, Гинцбург и др.) ограничили сферу своего предмета исключительно рамками отношений внутри обобществленного советского хозяйства. И в этих пределах они подменили плохо перевареннными экономическими рассуждениями какой-либо анализ правовых форм.

Подмена гражданского права так называемым «хозяйственным» правом—ценная услуга врагам коммунизма, клеветникам, рассказывающим небылицы о коммунизме, якобы подавляющем личность и не признающем никаких иных категорий, кроме как общество, хозяйство, производство.

Пашуканис и его школка делали с величайшей наглостью дело врагов социализма, пытающихся подорвать наше право — один из мощных рычагов диктатуры рабочего класса и советского государства.

Необходим полный разгром троцкистско-бухаринских вредительских «теорий» на правовом фронте. Необходимо решительное разоблачение всех антипартийных взглядов и представлений, долго проповедывавшихся в правовой литературе и учебных заведениях. Только тогда наука о советском социалистическом праве расцветет и достигнет того уровня, которого требует наша замечательная действительность.

Б. МАНЬКОВСКИЙ

Против антимарксистских теорий в уголовном праве[1]

I

Сталинская Конституция с исключительной силой показала огромное революционное значение закона в социалистическом государстве. Советский закон есть выражение воли широчайших народных масс страны победившего социализма, и с нигилистическим отношением к советскому закону нужно вести решительную борьбу. Товарищ Сталин поэтому на VIII съезде советов со всей остротой подчеркнул, что «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было».

В борьбе за укрепление социалистического закона перед теорией советского права стоят огромные задачи. Однако теория советского права была засорена контрреволюционными «теориями» Пашуканиса и лжемарксистской ученостью. Советское уголовное право квалифицировалось либо как «типично буржуазное уголовное право», либо что в советском праве есть «элементы буржуазной уголовно-правовой формы», что является замаскированной формой отрицания советского уголовного права как права социалистического.

Тов. Юдин в статье «Против пошлости, путаницы и ревизионизма на правовом фронте» вскрыл крупнейший прорыв на фронте теории советского права. Пашуканис отрицал качественное отличие советского права от буржуазного права. Выхолащивая классовое содержание права, Пашуканис рассматривал советское право как иррациональную и мистифицирующую категорию, которая препятствует действительно целесообразному построению репрессии. Институты советского права отождествлялись с институтами буржуазного права. «Итак следует иметь в виду,—писал Пашуканис,—что мораль, право и государство суть формы буржуазного общества. Если пролетариат вынужден ими пользоваться, то это вовсе не обозначает возможности дальнейшего развития этих форм в сторону наполнения их социалистическим содержанием. Они не способны вместить это содержание и должны будут отмирать по мере его реализации. Но тем не менее, в настоящую переходную эпоху пролетариат необходимо должен использовать в своем классовом интересе эти унаследованные от буржуазного общества формы и тем самым исчерпать их до конца».

Решительно возражая против трактовки Стучкой советского права как права пролетарского, Пашуканис указывает, что «другое возражение против выдвигаемого нами понимания задач общей теории права состоит в том, что абстракции, лежащие в основе анализа, признаются присущими только буржуазному праву. Пролетарское право,—говорят нам,—должно найти себе иные обобщающие понятия, поиски которых и должны составить задачу марксистской теории права.

Это возражение представляется на первый взгляд весьма серьезным, однако оно покоится на недоразумениях. Требуя для пролетарского права своих новых обобщающих понятий, это направление является как будто революционным par excellence. Однако оно на деле прокламирует бессмертные формы права, ибо оно стремится вырвать эту форму из тех определенных исторических условий, которые обеспечили ей полный расцвет, и объявить ее способной к постоянному обновлению».

Таким образом советское право может быть только буржуазным правом, и всякая попытка рассматривать советское право как право пролетарское ведет, оказывается, к утверждению бессмертия правовой формы. Эти клеветнические утверждения Пашуканиса нужны для того, чтобы «теоретически» обосновать отказ от изучения социалистического права. Социалистическое уголовное законодательство, по Пашуканису, насквозь пронизано принципом возмездия и принципиально уголовный кодекс ничем не отличается от законодательства буржуазных государств. «Уголовный кодекс, — пишет Пашуканис, — сам по себе и та судебная процедура, для которой он создан, пропитаны насквозь юридическим началом эквивалентности, воздаяния. В самом деле, что представляет собой всякая часть всякого уголовного кодекса (в том числе и нашего) с ее понятиями пособничества, соучастия, покушения, приготовления и т. д., как не способ более точного взвешивания виновности? Что представляет собой разграничение умысла и неосторожности, как не разграничение степеней виновности? Какой смысл имеет понятие невменяемости, если не существует понятия виновности? Наконец, зачем нужна вся Особенная часть кодекса, если дело идет только о мерах социальной (классовой) защиты?» Контрреволюционно-реставраторская сущность этих положений Пашуканиса очевидна. Все институты социалистического уголовного права отождествляются с институтами буржуазного уголовного права. Неслучайно, исходя из «теории» Пашуканиса, троцкист Старосельский открыто выступил с термидорианскими положениями в журнале «Революция права», где писал, что «приходится заключить, что мы имеем с формальной стороны такой же типичный кодекс, такое же уголовное право, какие имеются в буржуазных государствах». Глубоко прав т. Юдин, когда он указывает, что «теория врастания буржуазного права в социализм есть не что иное, как теория врастания буржуазного государства в социализм»[1].

Выводя право из меновых отношений, Пашуканис приходит также к отрицанию возможности создания системы советского права. «У нас есть система пролетарской политики, но нам не нужно никакой юридической системы пролетарского права». «У нас есть система пролетарской политики, на нее должно быть ориентировано право. Мы когда-то хотели так

[1] Статья первая.

[1] П. Юдин, Против путаницы, пошлости и ревизионизма («Правда» от 20 января 1937 г.).

ставить преподавание, что, например, курс земельного права заменяли курсом земельной политики и права, потому что право у нас самостоятельной, законченной роли играть не может». Как известно, вредительство Пашуканиса на правовом фронте выразилось, в частности, в том, что в наших юридических вузах преподавание права было заменено изложением социологических схем. Это резко снижало юридическую подготовку судебных кадров и вело к отказу от изучения системы социалистического права и, в частности, системы социалистического уголовного права.

Наконец, в 1936 г., после ряда выступлений т. Юдина в «Большевике» об антипартийной сущности «теории» Пашуканиса, последний делает вынужденное заявление, что сейчас советское право стало правом социалистическим. «На данном этапе, — писал Пашуканис, — победа социализма, ликвидация многоукладности нашей экономики это вовсе не начало какого-то отмирания права, а наступление того периода, когда содержанием советского социалистического права и в городе и в деревне стали однотипные социалистические производственные отношения». Следовательно, по своему содержанию, существу советское право только с победой социализма стало правом социалистическим. Отсюда неизбежно вытекает вывод, что на прежних этапах диктатуры рабочего класса советское право было не вполне социалистическим. Так протаскиваемая Пашуканисом оссовщина в праве маскировалась марксистской фразеологией [1].

Отрицание Пашуканисом социалистического уголовного права связано с контрреволюционной троцкистской теорией о невозможности построения социализма в одной стране.

В работах Ленина и Сталина мы находим исчерпывающий ответ о существе советского права. Проблема советского права ставилась в прямую связь с природой Советского государства. Источником советского права, по Ленину и Сталину, является социалистическая собственность и диктатура рабочего класса.

Ленин с гениальной глубиной показал, что диктатура рабочего класса является новым типом государства. На всех этапах своего развития Советское государство по своему содержанию являлось социалистическим государством. «Не было еще, — писал Ленин, — кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение «Социалистическая советская республика» означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими» [1]. Далее Ленин неоднократно подчеркивает, что с введением новой экономической политики существо рабочего государства не изменяется, но меняются методы и формы социалистического строительства.

«Новая экономическая политика, — писал Ленин, — вносит ряд существенных изменений в положение пролетариата... Подавляющая масса средств производства в области промышленности и транспорта остается в руках пролетарского государства. Вместе с национализацией земли это обстоятельство показывает, что новая экономическая политика не изменяет существа рабочего государства, изменяя, однако, существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строющимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом на почве удовлетворения через рынок многомиллионного крестьянства» [2].

Эти указания Ленина имеют громадное значение для уяснения существа советского уголовного права. На всех этапах социалистического строительства советское уголовное право является правом социалистическим, хотя меняются формы и методы борьбы с действиями, опасными социалистическому строительству, на различных стадиях его развития.

Ленин и Сталин в своих работах неоднократно указывают на революционную роль социалистической уголовной репрессии.

Ленин еще до Октябрьской революции, останавливаясь на возникновении советов в 1905 г., отмечает с гениальной прозорливостью значение советов как формы диктатуры пролетариата.

Ленин указывает, что в ходе создания советов народ творит новое революционное право.

«Описанные нами, — пишет Ленин, — органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было, исходящей. Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть, — это и есть диктатура...

На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот основное отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти...

Вы спросите, может быть, г. Бланк или г. Кизсветтер, зачем же тут «диктатура», зачем «насилие»? Разве же огромная масса нуждается в насилии против горстки, разве десятки и сотни миллионов могут быть диктаторами над тысячей, над десятком тысяч?..

Вы забываете, что новая власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает наряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее. Без насилий по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников...

[1] Составленный под руководством Пашуканиса план работ ИССП Академии наук на 1937 г. намечал для научной разработки тему «Советское социалистическое право», где давалось следующее обоснование: «Показать роль права в условиях победившего социализма как одного из орудий организации социалистического общества, его политической и хозяйственной жизни, создания новой дисциплины и регулирования общественных отношений». Обобщив высказывания классиков марксизма, практику законодательного регулирования, показать социалистическое право как стройную систему, созданную в результате победы социализма. Таким образом и здесь протаскивается клеветническая оценка советского права как права, которое только сейчас стало правом социалистическим.

[1] Ленин, т. XXVI, стр. 322.
[2] Ленин, т. XXVII, стр. 147.

Вот видите, г. Бланк и г. Кизеветтер: когда Аврамов с казаками истязает Спиридонову, это есть военно-полицейская диктатура над народом. Когда революционный... народ применяет насилие к Аврамову и Аврамовым, это есть диктатура революционного народа...

Далее, во взятом нами примере мы видим диктатуру именно *народа*, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, *творит новое революционное право*»[1].

Ленин, следовательно, еще в 1906 г. показал, что революционный народ в борьбе с эксплоататорами творит и новый тип государства — советы и новый тип права — революционное право. Однако ленинское наследство крайне недостаточно изучалось советскими правовиками. Враги народа сознательно извращали марксистско-ленинские принципы советского права. Ревизионисты отрывали право от государства и отказывались видеть в советском праве новый тип права.

Ленин рассматривал советское право как право принципиально отличное от буржуазного права и по содержанию и по форме.

В своих указаниях Наркомюсту о выработке советских кодексов Ленин беспощадно бичует всякие попытки перенесения буржуазного права в советское законодательство.

«Идет подготовка, — пишет Ленин, — нового гражданского законодательства. НКЮст плывет по течению, я это вижу. А он обязан бороться против течения. Не перенимать (вернее не дать себя надувать тупоумным и буржуазным юристам, как перенимают) старое понятие о гражданском праве, а создавать новое гражданское право, новое отношение к «частным» договорам и т. д.»[2].

В записке к Курскому (февраль 1922 г.) Ленин еще раз подчеркивает, что в советских гражданских правоотношениях нужно руководствоваться не буржуазным законодательством, а нашим революционным правосознанием, и что «мы ничего «частного» не признаем, для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное»[3]. Недавно в «Большевике» опубликовано письмо Ленина к В. М. Молотову (написанное еще 22 февраля 1922 г.), где Ленин страстно бичует раболепие перед буржуазно-правовой формой.

«Обращаю внимание на то, что вчера в Совнаркоме совершенно изгадили, как мне сообщает т. Горбунов, гражданский кодекс. Именно те предостережения, которые я делал в письме Курскому, оказываются непринятыми во внимание. Предписать Президиуму ВЦИК рассмотреть это дело в духе моих указаний в письме к Курскому. Ни в каком случае не утверждать без вторичного внесения в Политбюро с моим предварительным заключением. Создать немедленно комиссию из трех юристов, за которых можно ручаться, что они правильно понимают дело и сумеют формулировать необходимые поправки и дополнения, и этой комиссии поручить в небольшой срок представить в Политбюро проект изменений и дополнений. Главной задачей комиссии признать: полностью обеспечить интересы пролетарского государства с точки зрения возможности контролировать... все без изъятия частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы. *Не рабское подражание буржуазному гражданскому праву, а ряд ограничений его в духе наших законов, без стеснения хозяйственной или торговой работы*»[1].

Таким образом Ленин неоднократно подчеркивает необходимость разработки социалистического права, которое принципиально отлично от буржуазного права по содержанию и по форме.

Особенно часто извращались указания Маркса и Ленина о «буржуазном праве» при социализме. Ведь совершенно очевидно, что «буржуазное право» при социализме и есть советское социалистическое право. В нашей же юридической литературе неоднократно отмечалось, что «буржуазное право» при социализме качественно не отличается от буржуазного права без кавычек (Берман и другие).

Товарищ Сталин поднимает на новую ступень развитие марксизма-ленинизма также и по вопросу о революционной роли советского закона, о революционной роли советского социалистического права. В работах товарища Сталина гениально вскрывается революционная роль советского закона, социалистический характер уголовной репрессии на всех этапах диктатуры рабочего класса.

Следовательно, и Ленин, и Сталин в своих работах, поднимая на новый уровень развитие марксизма, дают развернутую теоретическую систему социалистического права, подчеркивая, что источником советского социалистического права является диктатура рабочего класса и социалистическая собственность.

II

Трактовка Пашуканисом советского права как права буржуазного оказала сильное влияние на работы советских правовиков. Конечно, делать отсюда вывод, что весь уголовно-правовой теоретический фронт сводится к «теории» Пашуканиса, было бы грубейшей ошибкой. Но отрицать влияние «теории» Пашуканиса на работы по уголовному праву было бы замазыванием ошибок, допущенных на уголовно-правовом фронте. Поэтому политически ошибочным было бы считать, что «теория» Пашуканиса для советских криминалистов служила «для отталкивания», после чего все развитие теории советского уголовного права шло независимо от «концепции» Пашуканиса; или только «брызги» «теории» Пашуканиса, как ядом, поразили отдельные участки уголовно-правового фронта. В действительности дело обстоит гораздо серьезнее.

Ведь довольно долгий период времени «теория» Пашуканиса пропагандировалась как единственная марксистская теория.

В журнале «Революция права», который редактировался Пашуканисом, о самом Пашуканисе писалось, что им дан марксистский ана-

[1] Ленин, т. IX, стр. 117—119. Разрядка моя. — Б. М.

[2] Ленин, т. XXIX, стр. 419.

[3] Там же.

[1] «Большевик», 1937, № 2, стр. 62. Разрядка моя. — Б. М.

лиз правовых категорий, и результаты «социологического» анализа этих категорий «в течение каких-нибудь 5 лет получили почти всеобщее признание в нашей юридической литературе,—случай, не имеющий прецедента в истории идеалистической юриспруденции»[1]. В том же журнале писалось, что «единственно марксистской и единственно революционной теорией остается теория Е. Пашуканиса, которая только одна может дать действительно научное и марксистское и диалектически последовательное обоснование необходимости коренной реформы уголовного права»[2].

Не случайно поэтому проект УК 1930 г. весьма значительно отражает влияние «теории» Пашуканиса. В обоснование принципов проекта УК 1930 г. ведь прямо указывалось т. Булатовым, что «выдвинутое в работах Комакадемии марксистское понимание специфической связи буржуазной формы права с гегемонией ценностных рыночных отношений и частного производства показывает с очевидностью и необходимость права на данном этапе, когда качественные изменения происходят в самом социально-экономическом базисе»[3]. Причем дальше в этой статье т. Булатов признает, что советское уголовное право является буржуазным уголовным правом. «Уголовный кодекс 1922 г., лишь незначительно измененный в 1926 г., дал совершенно новое по содержанию уголовное право, невиданное до Октябрьской революции,—уголовное право пролетарского государства». И для подтверждения своих взглядов Булатов приводит, далее, следующую выдержку из введения к проекту УК 1930 г.: Но, «изменив классовое содержание права, он не сумел сразу освободиться от унаследованных буржуазных форм. Отражая еще не изжитые товарные отношения капиталистического порядка, он усвоил от буржуазных кодексов принцип взвешивания мер репрессии «соответственно содеянному», принцип пропорциональной «дозировки» этих мер, и лишение свободы в качестве основной меры репрессии, отмериваемой согласно тем же началам».

На каком уровне стоял теоретический правовой фронт в этот период и насколько сказалось влияние «теории» Пашуканиса в советском уголовном праве, видно из того, что в тезисах к I съезду марксистов-государственников, составленных секцией уголовной политики б. Комакадемии, указывались следующие «спорные» проблемы марксистской теории уголовного права:

«Положение осложняется еще и тем, что в лагере теоретиков-марксистов в области теории уголовного права существует также ряд неясностей и спорных проблем, неразрешенность или недостаточная разрешенность которых приводит к спорам при разрешении ряда практических вопросов, что, конечно, отнюдь не способствует скорейшему проведению реформы. К числу этих спорных проблем относятся, в частности, такие кардинальные проблемы, как вопросы: 1) о существе права переходного периода вообще, какое это право — буржуазное или пролетарское по форме; 2) о связи правовых отношений с меновыми отношениями или отношениями производства и т. д. Все это заставляет нас при определении основных вех реформы начинать с основных и исходных теоретических проблем».

Таким образом «спорной» оказалась проблема, является ли советское уголовное право правом социалистическим. В связи с начавшейся критикой меновой концепции Пашуканиса, хотя и совершенно недостаточной, указанные тезисы пытаются занять промежуточное положение, и по существу остаются на позиции отрицания социалистического уголовного права. Так мы читаем:

«Диалектическое соотношение формы и содержания на различных этапах пролетарской революции различно. Использование определенных элементов буржуазной формы права на определенных этапах для тех же целей конечного уничтожения всякого классового господства имеет место в советском праве. Нельзя поэтому говорить ни о том, что советское право—буржуазное право по существу или по форме, ни о том, что оно—полная антитеза буржуазного права по форме, или так называемое «пролетарское право»[1].

Здесь по существу «Три проекта реформы УК» в замаскированной форме сохраняют прежний тезис, что советское уголовное право по форме является правом буржуазным. В особенности это видно на трусливой «теорийке» так называемых «элементов буржуазно-правовой формы» в советском уголовном праве.

Перед I съездом марксистов-государственников Пашуканис вместо прежней формулировки советского права как буржуазного права пишет несколько осторожнее (очевидно, по методу Пятакова, вредительство нужно проводить в более тонкой форме): для выяснения вопроса о форме советского права нужно «проявить очень много диалектической тонкости, диалектики революционного подхода для того, чтобы всегда конкретно ответить на вопрос, что именно остается или сохраняется от буржуазной формы права на данном этапе и что отходит и отошло в прошлое». В резолюции по докладу Пашуканиса на I съезде марксистов-государственников все же протаскивается целиком прежний тезис о буржуазной форме советского права: «Единство советского права со стороны его классового существа и цели не снимает проблемы сохранения буржуазной формы права после пролетарской революции»[2]. В резолюции, однако, отмечается, что отрицание в советском праве наличия пережитков («элементов») буржуазной формы права представляет собой «левый» загиб. Совершенно очевидно, что Пашуканис свою контрреволюционную «концепцию» начал маскировать более тонко, ибо ее вредительская сущность весьма сильно бросалась в глаза.

Однако советские криминалисты не разоблачили новый маневр классового врага и некри-

---

[1] Булатов, Юридическая логика, «Революция права», 1928, № 6, стр. 90.

[2] «Революция права», 1929, № 5, стр. 18.

[3] Булатов, Проблемы реконструкции уголовного права («Советское государство и революция права», 1930, № 2, стр. 66).

[1] «Три проекта реформы УК», 1931, стр. 13.

[2] «Сов. гос. и рев. права», 1931, № 3, стр. 150.

тически пошли за этой «теорийкой» «элементов буржуазно-правовой реформы». Поэтому, с одной стороны, советское уголовное право не признается правом социалистическим и, с другой стороны — прямо не говорится, что оно является правом буржуазным по форме. «Теория» «элементов буржуазно-правовой формы» в советском уголовном праве чрезвычайно тесно связана с «теорией», что в советском уголовном праве «формальная правильность все больше и больше будет оттесняться правильностью по существу. Все больше и больше будет выветриваться буржуазная форма права...»[1]. Это «выветривание» буржуазно-правовой формы советского уголовного права приводит к выводу о все большем преодолении «элементов буржуазно-правовой формы» в советском уголовном праве. После I съезда марксистов-государственников эти «теорийки» получили широкое хождение в работах советских криминалистов. Так, в книге Волкова «Уголовная политика эпохи промышленного капитализма» говорится об элементах буржуазно-правовой формы в УК 1922 и 1926 гг.[2].

То же самое повторяется Волковым и в 1935 г.[3].

В какой мере наш теоретический фронт был засорен антимарксистской ученостью, видно из того, что даже в работе Крыленко «Ленин о суде», специально построенной на ленинских материалах, вопрос о социалистическом праве также не поставлен. И больше того, даже отрицание системы социалистического права иногда рассматривалось как выражение творческого характера советского права[4]. Неудивительно поэтому, что основные вопросы социалистического уголовного права не были подвергнуты надлежащей теоретической разработке, что привело к крупнейшему прорыву на фронте социалистического уголовного права.

III

В вопросе об отмирании социалистического уголовного права ревизионисты исходили из контрреволюционной теории об отмирании государства и права с самого начала Октябрьской революции. «Следовательно, мы видим,— писал Пашуканис, — что Ленин говорит об отмирании (государства—Б. М.), которое начинается после захвата власти». Отсюда и советское право в переходный период постепенно «выветривается», отмирает. В переходный период идет процесс отмирания советского права как буржуазного права.

«Отмирание категорий, — пишет Пашуканис (именно категорий, а не тех или иных предписаний), — буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права, так же как отмирание категорий стоимости капитала, прибыли и т. д. при переходе к развернутому социализму не будет означать появления новых пролетарских категорий стоимости капитала, ренты и т. д.

Отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще, то есть постепенное исчезновение юридического момента в отношении людей. Переход к развернутому коммунизму Маркс представлял себе, следовательно, не как переход к новым формам права, но как отмирание юридической формы вообще, как освобождение от этого наследия буржуазной эпохи, которому суждено пережить самое буржуазию».

Отсюда, по Пашуканису, и советское уголовное право будет в переходный период постепенно преодолеваться, отмирать по мере преодоления меновых отношений. Эта реставраторская «теория», отрицающая качественное отличие советского уголовного права от буржуазного права как права социалистического, стремилась к размагничиванию, к ослаблению органов репрессии диктатуры рабочего класса. Фальсифицируя взгляды Маркса и Ленина по вопросу об отмирании права, Пашуканис писал:

«Понятие преступления и наказания, как это ясно из всего вышеизложенного, суть необходимейшие определения правовой формы, от которых можно будет освободиться лишь тогда, когда начнется отмирание юридической надстройки вообще. И поскольку мы на деле, а не в декларациях только, начнем изживать эти понятия и обходиться без них, — это будет лучшим симптомом того, что перед нами, наконец, раздвигаются узкие горизонты буржуазного права».

Эти реставраторские «теории» Пашуканиса об отрицании социалистического уголовного права, о путях отмирания советского уголовного права смыкаются, с одной стороны, с контрреволюционными «теориями» троцкизма о невозможности построения социализма в одной стране и, с другой стороны — с реставраторской бухаринской «концепцией» об отмирании государства и суда, в связи с якобы плавным затуханием классовой борьбы в переходный период.

Эти антипартийные «теории» об отмирании советского государства и права в переходный период нашли свое отражение в работах по советскому уголовному праву. Так, Эстрин в учебнике «Советское уголовное право» пишет: «Развивая и поднимая на новую высоту учение Маркса и Энгельса о государстве, о пролетарской революции и о построении социализма, Ленин показал в «Государстве и революции», что лишь с ликвидацией классов, с построением бесклассового социалистического общества создаются условия для отмирания государственной власти и государства вообще и что этот процесс «отмирания» государства заканчивается со вступлением в высшую фазу коммунизма»[1]. Отмирание советского государства, по Эстрину, происходит на первой фазе коммунизма, и этот процесс отмирания заканчивается лишь на высшей фазе комму-

---

[1] Булатов, Проблемы реконструкции уголовного права («Сов. гос. и рев. права», 1930, № 2).

[2] Волков, Уголовная политика эпохи промышленного капитализма, 1933, стр. 87.

[3] Волков, Наказание в советском уголовном праве («Проблемы уголовной политики», кн. I, стр. 40).

[4] Крыленко, Проект Уголовного кодекса СССР («Проблемы уголовной политики», кн. I, стр. 6).

[1] А. Я. Эстрин, Советское уголовное право, 1935, стр. 30. (Разрядка моя. — Б. М.).

низма. В этой работе т. Эстрин допускает ряд правооппортунистических и троцкистских «установок». Недопустимым извращением взглядов марксизма-ленинизма Эстриным является утверждение, что с выполнением второй пятилетки уголовная политика будет осуществляться в «особом смысле», что о политике здесь в точном смысле слова говорить не приходится.

«Возникает, впрочем, вопрос, — пишет Эстрин, — можно ли говорить об «уголовной политике»... в условиях бесклассового социалистического общества: ведь «отношения между классами», в прямом смысле слова, в бесклассовом социалистическом обществе мы уже, вообще говоря, иметь не будем. На этот вопрос должен быть дан у т в е р д и т е л ь н ы й ответ. Довольно длительное время в применении к бесклассовому обществу, находящемуся в первой фазе коммунизма, правильным будет употреблять термин «политика» вообще и «уголовная политика» в частности (хотя и с оговоркой, что это в определенных отношениях уже не есть политика в точном смысле слова)... «Эти утверждения Эстрина рвут с марксизмом-ленинизмом и извращают ленинские указания в духе реставраторских теорий Бухарина и контрреволюционного троцкизма. Эстрин приводит высказывание Ленина, что диктатура пролетариата есть отмирающее государство и что на известной ступени советское государство можно назвать неполитическим государством. Но Эстрин замалчивает, что здесь у Ленина речь идет об отмирании диктатуры рабочего класса на второй фазе коммунизма, что процесс отмирания государства зависит от быстроты развития высшей фазы коммунизма.

Контрреволюционная сущность всех «теорий» об отмирании советского государства блестяще разоблачена товарищем Сталиным, который в своем докладе об итогах первой пятилетки говорил следующее:

«Сильная и мощная диктатура пролетариата, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять впрах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации.

Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства, как оправдание лени и благодушия, оправдание контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Это — перерожденцы, либо двурушники, которых надо гнать вон из партии. Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено»[1].

На Чрезвычайном VIII съезде советов товарищ Сталин в докладе о проекте новой Конституции СССР с исчерпывающей ясностью дал ответ врагам трудящихся нашей социалистической родины, что советское государство, в результате величайших побед социализма, еще больше будет усилено и укреплено.

«Я должен признать, — говорил товарищ Сталин, — что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение коммунистической партии СССР»[1].

**
*

Грубейшие извращения марксизма-ленинизма допущены и в вопросе о природе преступления в буржуазном обществе и при диктатуре пролетариата. Так, общеуголовные преступления в буржуазном обществе в моей статье «Маркс, Энгельс и уголовная политика в эпоху пролетарской диктатуры» (сб. «Классовая борьба и преступность на современном этапе», 1933) рассматриваются как зачаточная форма классовой борьбы, чем смазывается значение так называемых политических преступлений как формы классовой борьбы. Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что общеуголовные преступления есть форма стихийного протеста одиночки против отношений капиталистического общества. По этому вопросу выступал в печати враг народа Ашрафьян, который в двух своих работах защищал принципиально две различные точки зрения (причем не оговаривая, какую же из них он считает ошибочной): общеуголовные преступления в капиталистическом обществе не являются формой классовой борьбы, а во второй своей работе защищает прямо противоположную точку зрения, что общеуголовные преступления есть низшая форма классовой борьбы. В моей статье подчеркивается беспринципность позиции Ашрафьяна, тем не менее я некритически воспринимаю ту точку зрения, что общеуголовные преступления есть низшая форма классовой борьбы; в моей статье, далее, дается совершенно недостаточная критика троцкизма. Хотя подчеркивается, что троцкизм есть передовой отряд международной контрреволюции, тем не менее указания о том, что троцкисты не хотят понять успехов социалистического строительства, — глубоко политически ошибочны. Чрезмерно широко в статье также приводятся и выдержки из работ Каутского и других источников, что также недопустимо. Помимо этого в моей статье допущено упрощенчество в трактовке преступления в переходный период. Так, я пишу, что в переходный период преступление есть форма классовой борьбы. Отсюда может быть сделан политически ошибочный вывод, что в каждом отдельном случае преступление есть форма классовой борьбы. Трактовка преступления в переходный период как формы классовой борьбы разделялась всей секцией уголовной политики б. Комакадемии. Так, в программе о советской уголовной и исправительно-трудовой политике, изданной в 1933 г. под ред. т. Крыленко и с предисловием т. Волкова, во 2-й теме говорится следующее: «П р е с т у п л е н и е и р е п р е с с и я к а к ф о р м ы к л а с с о в о й б о р ь б ы в п е р е х о д н ы й п е р и о д» (стр. 21). Нужно отметить, что в нашей юридической литературе этот вопрос еще не нашел надлежащего

[1] И. С т а л и н, Итоги первой пятилетки, Партиздат, 1933, стр. 36—37.

[1] И. С т а л и н, О проекте Конституции Союза ССР, Партиздат, 1936, стр. 30.

теоретического освещения на основе работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Антипартийные «теории» в уголовном праве оказали также значительное влияние и на судебную практику. Пренебрежительное отношение к социалистическому закону, к советскому уголовному праву как к праву буржуазному весьма отрицательно сказалось в судебной практике. Недостаточная теоретическая вооруженность судебных работников связана с тем прорывом на теоретическом фронте, который сейчас вскрыт. Отсутствие учебников по уголовному праву, научного комментария к Уголовному кодексу, монографий по отдельным институтам социалистического уголовного права тормозят поднятие и судебной практики на ту высоту, которая сейчас необходима в свете Сталинской Конституции победившего социализма. Ведь не так давно руководящими теоретическими работниками уголовно-правового фронта высказывались в печати соображения о том, что отказ в проекте УК 1930 г. от целого ряда институтов, требующих высокой юридической подготовки, дает возможность полностью орабочить состав судей. Так, мы читаем:

«Не нужно забывать и того, что радикальное упрощение Уголовного кодекса, отказ от формально-юридических понятий, для овладения которыми требуется специальная подготовка, сильнейшим образом будут способствовать полному орабочению суда, превращению его на 100% в выборный орган низовых пролетарских коллективов. В этом именно и лежит та незаменимая гарантия, которую дает и может дать трудящимся только одно государство — государство пролетариата»[1].

Не случайно, что при такой установке в подготовке кадров мы до сих пор не имеем учебников по уголовному праву.

Пренебрежительное отношение к советскому закону в судебной практике и по сегодня дает себя весьма болезненно чувствовать. Нередко низкое качество судебных приговоров и весьма слабое знание советского законодательства говорят весьма красноречиво о результатах пренебрежительного отношения к закону в судебной практике, которое даже нашло свое выражение в формуле «Минимум формы — максимум классового существа» (см. резолюции II всероссийского совещания судебно-прокурорских работников 1929 г.).

Сталинская Конституция, поднимающая на невиданную высоту авторитет советского суда и социалистической законности, предъявляет огромные требования к повышению уровня работы органов юстиции. Это вызывает также особо повышенные требования к теоретической разработке социалистического уголовного права.

Февральский пленум ЦК партии дает образец, как нужно развертывать большевистскую самокритику. Важнейшей задачей является ликвидация политической беспечности и на фронте теории уголовного права, которая не дала возможности во-время выкорчевать вредительские «теории» на правовом фронте.

Ликвидируя политическую беспечность, групповщину, семейственность, развертывая большевистскую самокритику, мы ликвидируем тот крупный политический прорыв, который имеем на фронте права, и выполним те задачи, которые ставят перед нами партия и правительство.

В. МЕНЬШАГИН

Должностные преступления по проекту Уголовного кодекса

Товарищ Сталин в своем докладе «О проекте Конституции СССР» сказал, что «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было». Стабильность законов — это устойчивость, это точность и ясность советских законов, являющихся могучим орудием социалистического государства рабочих и крестьян в борьбе за коммунизм.

Стабильность законов о должностных преступлениях предполагает создание таких устойчивых и точных законов, которые были бы прежде всего направлены против тех государственных служащих, которые нарушают и подрывают государственную дисциплину, против тех должностных лиц, про которых товарищ Сталин сказал: «Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают таким образом основы партийной и государственной дисциплины».

Стабильность законов о должностных преступлениях означает и создание таких точных и упорядоченных законов, которые были бы направлены против всех и всяких бюрократов, «зазнавшихся вельмож» и преступных элементов и классовых врагов, пролезших в советский государственный аппарат.

Наконец, стабильность законов о должностных преступлениях предполагает и наличие таких законов, которые беспощадно обрушивались бы на тех зарвавшихся чиновников, которые попирают советские законы, которые нарушают запечатленные в Сталинской Конституции права и свободы всех граждан и которые не понимают, что защита этих прав является одной из основных функций советского государственного аппарата.

Имеющийся в действующем Уголовном кодексе РСФСР (а также и в кодексах других союзных республик) раздел о должностных преступлениях в значительной своей части устарел и не может полностью отвечать всем вышеуказанным задачам борьбы с должностными преступлениями в настоящее время. Применение же этого технически весьма несовершенного раздела Уголовного кодекса на практике, в последние годы, сплошь и рядом приводило к различного рода искривлениям политики борьбы с должностными преступлениями и в частности к массовому осуждению

[1] Статья С. Булатова «Проблемы реконструкции уголовного права», журнал «Советское государство и революция права», 1930, № 2, стр. 87.

должностные преступления и часто даже тогда, когда бороться за укрепление государственной дисциплины можно было бы мерами не уголовно-репрессивного порядка.

Проект нового Уголовного кодекса СССР и его раздел о должностных преступлениях должны отвечать всем вышеуказанным задачам борьбы с должностными преступлениями, а также создать наиболее рациональную и эффективную практику в этой области.

Лишь под этим углом зрения и должен рассматриваться и оцениваться раздел о должностных преступлениях проекта нового Уголовного кодекса.

Переходя к анализу должностных преступлений по проекту УК, остановимся прежде всего на системе должностных преступлений по проекту. Будучи помещенной в IV разделе УК, вслед за разделом, посвященном преступлениям против неприкосновенности личности и других гарантированных Конституцией СССР прав граждан, глава о должностных преступлениях значительно меньше по своему объему (по количеству статей) по сравнению с аналогичной главой действующего УК. Если в действующем УК глава о должностных преступлениях включает 14 статей, трактующих отдельные составы должностных преступлений, то по проекту предусмотрено лишь 10 статей, причем две из них (первая и вторая статьи) посвящены общим вопросам о должностных преступлениях. Первая статья содержит определение должностного преступления и вторая — определение должностного лица. Таким образом глава о должностных преступлениях по проекту предусматривает лишь восемь конкретных составов преступлений. Значительное уменьшение перечня должностных преступлений в проекте получилось в результате: во-первых, исключения из главы отдельных составов и перенесения их в другие разделы УК (так, состав растраты перенесен в первый раздел УК, в главу о преступлениях против социалистической собственности); во-вторых, в результате исключения вовсе из УК целого ряда составов должностных преступлений, имеющихся в действующем УК (так, исключены вовсе из УК состав злоупотребления властью — ст. 109 УК РСФСР, состав ст. 111-а УК РСФСР—содействие организации лжекооперативов, состав ст. 112 УК РСФСР — квалифицированные виды злоупотребления властью и, наконец, состав ст. 119 УК РСФСР — провокация взятки); в-третьих, уменьшение количества составов достигнуто в результате объединения в проекте УК нескольких составов в одну статью (так, объединены в одну статью состав получения взятки и дача взятки, объединены составы ст. 114 УК и ст. 115 УК). Правда, в отношении ныне действующей ст. 111 УК проект пошел в обратном направлении и разделил ее на две самостоятельные статьи (бездействие власти и халатное отношение к службе).

Вся глава о должностных преступлениях по проекту выглядит следующим образом:

1-я статья главы — определение должностного преступления;

2-я статья главы — определение должностного лица;

3-я статья главы — превышение власти;

4-я » » — неправосудие;

5-я » » — бездействие власти;

6-я статья главы — халатное отношение к службе;

7-я статья главы — взятка;

8-я » » — служебный подлог и обман государства;

9-я статья главы — разглашение сведений;

10-я » » — дискредитация власти.

Необходимо, однако, указать, что в главу о должностных преступлениях проект включил далеко не все должностные преступления, имеющиеся в проекте УК. Так, целый ряд преступлений, предусмотренных проектом в главе о преступлениях против основных прав граждан, как-то: воспрепятствование гражданам СССР пользоваться избирательными правами, нарушение законов, регулирующих прием на работу и увольнение с работы, отказ в приеме на работу женщины по мотивам ее беременности, нарушение законов о социальном обеспечении и другие, являются по существу должностными преступлениями, поскольку все указанные преступления, как правило, совершаются должностными лицами с использованием своего служебного положения в госаппарате. Доказательством этого могут служить недавно опубликованные в передовой «Правды»[1] случаи грубейшего нарушения избирательных прав трудящихся должностными лицами в Архангельске, когда вместо избрания трудящимися нового районного совета городской совет выделил часть депутатов из соседнего районного совета и таким образом сформировал новый состав. Или другой случай, когда директор работьковского спиртозавода Курской области приказом по заводу грубейшим образом нарушил советское законодательство о труде, и тому подобные случаи.

Все эти по существу должностные преступления проектом, однако, включены в другой раздел УК.

Обращаясь непосредственно к содержанию статей, включенных проектом в главу о должностных преступлениях, остановимся прежде всего на двух первых статьях, дающих определение должностного преступления и определение должностного лица. Нужно приветствовать попытку составителей проекта УК дать в Уголовном кодексе определение должностного преступления.

Действующий УК РСФСР, как известно, не содержит специальной статьи о понятии должностного преступления. Этот дефект действующего УК на практике приводил сплошь и рядом к слишком расширительному и неправильному пониманию должностного преступления. Правда, роль родовой статьи о должностных преступлениях в УК РСФСР до известной степени выполняла ст. 109 УК, дающая описание злоупотребления властью. Однако громоздкая формулировка ст. 109 УК с огромным количеством нанизанных в ней признаков мало способствовала ясному представлению о сущности должностного преступления.

Определение должностного преступления, даваемое проектом УК, бесспорно имеет целый ряд положительных моментов. Для показа последних необходимо привести текст определения должностного преступления по проекту.

«Нарушение должностными лицами в их служебной деятельности государственной дисциплины и социалистической законности, бюро-

[1] «Правда» от 1 марта 1937 г.

кратическое отношение к нуждам граждан, если эти действия причинили значительный ущерб государственным или общественным учреждениям или отдельным гражданам, а равно злоупотребление служебным положением в корыстных или иных личных целях"—таково определение должностного преступления по проекту УК. Если сравнить приведенное определение со ст. 109 УК РСФСР, то сразу же бросятся в глаза огромные преимущества определения должностного преступления по проекту УК. Должностное преступление по ст. 109 УК — это действия должностного лица, которые «не вызывались соображениями служебной необходимости»... и далее идет речь о тех результатах, которые эти действия причинили. Такое описание должностных преступлений как действий, не вызывавшихся служебной необходимостью, носит формальный характер. Какова же сущность этих действий, содержание их? На эти вопросы ст. 109 УК ответа не дает. Вместо такого расплывчатого понятия должностного преступления проект УК дает достаточно конкретное и, самое главное, по существу определение должностного преступления... Должностное преступление — это такое действие должностного лица, которое нарушает государственную дисциплину и социалистическую законность или же выражается в бюрократическом отношении к нуждам трудящихся. Таким определением достигаются две цели: дается определение по существу и ограничивается в значительной мере понятие должностного преступления.

Но обратимся к каждому из даваемых проектом признаков должностного преступления.

Первый признак — это нарушение государственной дисциплины. Советское общество победившего социализма — самое организованное из всех существовавших в истории и существующих сейчас обществ. Государственная дисциплина есть основа организованности. Она является непременным условием разрешения ответственнейших задач, стоящих перед Советской страной. Целый ряд должностных преступлений, как-то: халатное отношение к службе, бездействие власти, разглашение сведений должностными лицами и другие являются типичными нарушениями этой государственной дисциплины, типичным проявлением расхлябанности, неорганизованности. Недисциплинированность же и расхлябанность должностных лиц представляют большую опасность, ибо эти моменты могут лишь благоприятствовать классовым врагам, пользующимся малейшей щелью, малейшим ослаблением бдительности и организованности, чтобы вредить делу социализма. Первым из признаков, содержащихся в определении должностного преступления по проекту УК, — нарушение государственной дисциплины — является таким образом одним из наиболее существеннейших признаков должностного преступления.

Второй важный признак должностного преступления, на который указывается в проекте, — это нарушение социалистической законности. Вряд ли нужно доказывать, какое огромнейшее значение имеет особенно теперь, с принятием Сталинской Конституции, точное и неуклонное соблюдение советских законов. К сожалению, у нас еще немало случаев грубого нарушения социалистической законности и нарушения ее должностными лицами. Необоснованные обыски и аресты, незаконное наложение штрафов, незаконное снятие с работы, зажимы самокритики, издание собственных законов или «дополнение» утвержденных правительством законов и т. п. — вот многочисленные примеры нарушения должностными лицами социалистической законности, дающие составы наиболее опасных из должностных преступлений — превышения власти, неправосудия и др. Вот почему, нам кажется, и этот второй признак (нарушение социалистической законности) совершенно правильно проектом включен в определение должностного преступления.

Третий признак должностного преступления по проекту — бюрократическое отношение к нуждам граждан. Бюрократизм в наших условиях —огромное зло. Коммунистическая партия и советская власть с первых же дней пролетарской революции вели и ведут борьбу с бюрократизмом. Победа социализма уничтожила экономические корни бюрократизма. Однако у нас в государственных учреждениях еще немало служащих, которые еще продолжают работать бюрократическими методами. Особенно часты случаи бюрократического отношения к нуждам трудящихся. Бюрократизм и волокита — весьма характернейшие элементы целого ряда должностных преступлений — бездействия власти, небрежного отношения к своему служебному долгу и т. п.

Таким образом в первой половине определения проект дает в основном наиболее типичные и характерные признаки должностных преступлений. В этой части определения, нам кажется, необходимо только добавить еще один признак: «нарушение должностным лицом конституционных прав трудящихся». Правда, в определении должностного преступления, даваемого проектом УК, это охватывается понятием нарушения социалистической законности, но в настоящее время нарушение должностным лицом прав трудящихся, присвоенных им Сталинской Конституцией, является настолько опасным, что фиксировать этот момент в качестве признака должностного преступления, нам кажется, необходимо. Несмотря на то что в проекте имеется специальный раздел о преступлениях против основных прав граждан, часть преступлений, связанных с нарушением должностными лицами гарантированных Сталинской Конституцией прав трудящихся, безусловно, должны будут квалифицироваться по разделу о должностных преступлениях. Например, нарушение должностным лицом ст. 127 УК Конституции о неприкосновенности личности должно будет квалифицироваться и по проекту или по статье о неправосудии или по статье о превышении власти, т. е. по должностным преступлениям. В силу этого указанный нами выше признак должен найти свое место в определении должностного преступления.

Обращаясь ко второй половине определения должностного преступления по проекту («а равно и злоупотребление своим служебным положением в корыстных или иных личных целях»), следует подчеркнуть правильность выделения проектом этой особой группы должностных преступлений в самом определении должностного преступления. Такие преступления, как взятка, служебный корыстный подлог и другие, являются типичными корыстны-

ми должностными преступлениями и полностью охватываются понятием должностного преступления, даваемым во второй части статьи о должностном преступлении. Имея в виду, что эти корыстные должностные преступления в настоящее время не являются типичными для всей массы должностных преступлений, проект правильно отводит им второе место в статье о понятии должностного преступления.

Анализируя определение должностного преступления по проекту, необходимо указать на наличие в проекте попытки дать более четкое разграничение должностного преступления от дисциплинарного проступка, чего нет в действующем УК.

Нарушение государственной дисциплины и социалистической законности, бюрократическое отношение к нуждам трудящихся дает состав должностного преступления лишь в случаях, когда эти действия причинили значительный ущерб (подчеркнуто нами — В. М.) государственным или общественным учреждениям или отдельным гражданам.

Вторая часть статьи об определении должностного преступления специально оговаривает это положение: «Нарушение служебной государственной дисциплины, не содержащее указанных выше признаков (имеется в виду причинение значительного ущерба), караются в дисциплинарном или административном порядке.» Не совсем лишь понятно, почему во второй части этой статьи упоминается лишь о нарушении государственной дисциплины. А нарушения социалистической законности и бюрократическое отношение к нуждам трудящихся, если эти действия не причинили значительного ущерба, разве не будут рассматриваться проектом как дисциплинарные проступки? Здесь должна быть внесена полная ясность.

Наконец, необходимо отметить еще один, очень важный и положительный момент в определении должностного преступления по проекту УК. В связи с тем, что проект из главы о должностных преступлениях вовсе исключает составы, предусмотренные действующей в настоящее время ст. 112 УК РСФСР, в новом УК упраздняется вся та сложная, громоздкая, а главное и путаная система должностных преступлений, которая имеется в действующем УК. Как известно, сейчас по крайней мере в УК РСФСР предусматриваются следующие категории должностных преступлений в зависимости от их тяжести, простые (обычные) должностные преступления (ст. ст. 109, 110, 111 УК), квалифицированные должностные преступления (ч. 1 ст. 112 УК), незначительные должностные преступления (ч. 2 ст. 112 УК) и, наконец, дисциплинарные должностные проступки (примечание 1 к ст. 112 УК). В практике эта система создавала невероятную путаницу и положение отнюдь не спасали многочисленные разъяснения, циркуляры и директивы по этому вопросу. Взамен этой системы проект предусматривает весьма простое деление на должностные преступления и должностные проступки.

Как уже указывалось выше, вслед за статьей, дающей определение должностного преступления, проект помещает статью, посвященную понятию должностного лица.

Но если определение должностного преступления имеет целый ряд положительных моментов, то этого отнюдь нельзя сказать про статью, дающую определение должностного лица. Проект по сравнению с действующим УК в определение должностного лица не внес каких-либо принципиальных и существенных изменений. Достаточно обратиться к тексту статьи проекта о должностном лице, чтобы убедиться в этом.

«Должностным лицом признается тот, кто занимает постоянную или временную должность в государственном учреждении или предприятии, а равно в общественной организации, на которую возложены законом определенные обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственно-административных, профессиональных и других общегосударственных задач», — вот текстуальное определение должностного лица в проекте УК. Если не считать некоторых редакционных изменений, проект полностью воспроизводит определение должностного лица, имеющееся в примечании к ст. 109 УК РСФСР. Столь широкое понятие должностного лица по действующему УК способствовало, как известно, на практике многочисленным и значительным искривлениям политики борьбы с должностными преступлениями. Эти искривления выражались в совершенно незаконном привлечении к уголовной ответственности за должностные преступления недолжностных лиц, как-то: колхозников, колхозных доярок, технических служащих и других, которые ни в коей мере должностными лицами не являются. Такая практика приводила к огромному проценту осужденных за должностные преступления. И не удивительно, что для устранения этих дефектов потребовалось издание специальных циркуляров, сужавших понятие должностного лица. Так, например, НКЮ в своем постановлении от 27 мая 1936 г. предлагал по ст. 111 УК привлекать лишь следующих лиц: а) несущих постоянную или временную работу, связанную с правами административного характера (подчеркнуто нами — В. М.) в государственных и хозяйственных учреждениях и предприятиях, б) ведущих административную работу (подчеркнуто нами — В. М.) на выборных или замещаемых по найму должностях в профсоюзах, кооперативных или иных общественных организациях. Таким образом сама жизнь и практика подсказывали о необходимости уточнения и главное сужения понятия должностного лица. К сожалению, в этом отношении проект не сделал шага вперед по сравнению с действующим УК.

Необходимо указать и еще на один пробел в проекте в связи со статьей о должностном лице. Как известно, советская теория уголовного права и судебная практика разрешают положительно вопрос о соучастии частных лиц в должностных преступлениях. Однако в действующем УК РСФСР нет прямых указаний по этому вопросу. Отсутствие такого указания в законе приводит иногда на практике и даже в теории к отрицанию возможности привлечения частных лиц за соучастие в должностных преступлениях и чаще всего за соучастие в отдельных должностных преступлениях. Нам кажется, следовало бы к статье, дающей в проекте определение должностного лица, добавить примечание на подобие примечания к ст. 193 УК РСФСР о том, что «соучастие в должностных преступлениях лиц, не

упомянутых в данной статье (имеется в виду статья о должностном лице — В. М.), влечет за собой ответственность по соответствующим статьям о должностных преступлениях». Закон должен быть четким и ясным; в этом одна из гарантий стабильности закона.

Перечень конкретных составов должностных преступлений по проекту начинается с превышения власти. Как уже указывалось выше, конкретный состав злоупотребления властью (ст. 109 УК РСФСР) исключен вовсе из нового УК. Целесообразность исключения из нового УК этого состава преступления вызывает большие сомнения. Правда, существующая судебная практика слишком злоупотребляла и злоупотребляет статьей 109 УК РСФСР,[1] квалифицируя по этой статье ряд других должностных преступлений, как-то: должностную халатность, растрату, служебный подлог, взятку и другие преступления. Однако из этого нельзя делать вывода об исключении из УК этого отдельного состава преступления. В самом деле, как нужно будет по новому УК квалифицировать злоупотребление властью должностного лица с корыстною целью, когда это злоупотребление не будет охватываться ни понятием подлога, ни понятием взятки? Как превышение властью? Такое злоупотребление с корыстной целью может быть и лишено признаков превышения власти. Более того, и нарушение государственной дисциплины и социалистической законности и бюрократическое отношение к нуждам трудящихся может быть совершено не только в форме превышения власти, бездействия власти и халатного отношения к службе или неправосудия, а и в форме злоупотребления властью. И в этом случае возникают серьезные затруднения в смысле квалификации состава преступления. Можно было бы не спорить по поводу исключения из нового УК состава злоупотребления властью, если бы проект расширил понятие превышения власти, включив в него и элементы злоупотребления властью. Так между прочим сделал в свое время Уголовный кодекс Белоруссии ССР (не включил в УК состав злоупотребления властью, но несколько расширил понятие превышения власти). Однако, как мы увидим ниже, проект УК оставляет состав превышения власти в том же виде, в каком он дан в действующем УК. К тому же следует сказать, что тот же Белорусский УК, не включивший в 1928 г. в УК состав злоупотребления властью, в дальнейшем (в 1935 г.) принужден был дополнительно ввести этот состав в свой УК. Повидимому, затруднения, встретившиеся в судебной практике в связи с отсутствием состава злоупотребления властью, заставили исправить ошибку, допущенную УК БССР. Думаем, что пример этот весьма поучителен.

В статье о превышении власти (в ч. 1) проект воспроизводит буквально текст ч. 1 ст. 110 УК: «Превышение власти или служебных полномочий, т. е. совершение действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий представленных законом совершившему их, при наличии признаков, предусмотренных ст. 165 настоящего кодекса» (имеется в виду статья, дающая определение должностного преступления). Ссылка этой статьи проекта, как впрочем и статей о бездействии власти и о халатном отношении к службе, на признаки, указанные в статье, дающей определение должностного преступления, не совсем ясна. На какие признаки ссылаются статьи о превышении власти и другие статьи главы о должностных преступлениях? Только ли на признаки, относящиеся к нарушению государственной дисциплины и социалистической законности и бюрократическому отношению к нуждам трудящихся, то есть на причинение значительного ущерба государственным или общественным учреждениям или отдельным гражданам, или же здесь имеются в виду и признаки, относящиеся и ко второй половине статьи об определении должностного преступления (говорящей о злоупотреблении власти), то есть признаки корысти или личной заинтересованности.

Часть вторая статьи о превышении власти также почти полностью воспроизводит редакцию ч. 2 ст. 110 УК РСФСР с тем лишь изменением, что к слову «насилием» добавляется «физическим». Ограничение случаев квалифицированных видов превышения власти применением только физического насилия непонятно. А если будет иметь место угроза, запугивание (психическое насилие) при превышении должностным лицом власти, разве это не будет квалифицированным видом превышения власти? В свете задач создания особого уважения к достоинству личности в СССР, вытекающих из Сталинской Конституции, непонятно введение проектом указанного выше ограничения понятия квалифицированного вида превышения власти, Наказание за превышение власти предполагается то же, что и в ст. 110 УК РСФСР.

Вслед за превышением власти проект УК помещает статью о неправосудии. Нам кажется совершенно правильным и принципиально весьма важным помещение этой статьи на одно из первых мест в главе о должностных преступлениях. Преступления, предусмотренные этой статьей, посягают на одно из важнейших прав гражданина СССР, провозглашенных Сталинской Конституцией,—на неприкосновенность личности (ст. 127 Конституции), и с этой точки зрения этот вид должностного преступления является наиболее опасным и отводимое ему проектом место лишь подчеркивает это обстоятельство. Сам состав преступления (неправосудие) представляет огромнейший интерес и является по существу новым составом в проекте УК. В этой статье проекта находят свое отражение положения Сталинской Конституции, устанавливающие для граждан полную гарантию от всякого административного произвола, от всякого посягательства на неприкосновенность личности. В основу статьи о неправосудии авторами проекта положена ст. 114 УК РСФСР о вынесении судьями неправосудного приговора. Однако состав ст. 114 УК РСФСР подвергнут в проекте столь существеннейшим и принципиальным изменениям, что правильнее говорить не об изменениях, а о создании нового состава. Текст этой одной из важнейших статей главы должностных преступлений гласит:

«Вынесение судьей заведомо неправосудного приговора или решения, а также вынесение судьей, прокурором, следователем или иным

[1] См. по этому вопросу статью автора в журнале «Социалистическая законность» за 1937 г. № 1.

органами расследования заведомо неправильных постановлений о возбуждении или прекращении уголовных дел или заведомо незаконных определений об аресте, приводе или других мерах государственного принуждения карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже двух лет» (первая часть статьи о неправосудии).

Если в настоящее время ст. 114 УК РСФСР предусматривает в качестве объективных свойств состава преступления лишь постановление судьями неправосудного приговора, то проект УК объективные свойства состава неправосудия значительно расширяет. Сюда входят и такие действия, как вынесение судьей, прокурором или иными органами расследования заведомо неправильных постановлений о возбуждении или прекращении уголовных дел, а также вынесение заведомо незаконных определений об аресте, приводе и других мерах государственного принуждения. И если о незаконном приводе и об аресте имелись указания в ст. 115 действующего УК, то о вынесении неправильных постановлений, о возбуждении или прекращении уголовных дел в УК нет вовсе упоминаний. По вполне понятным причинам расширяется и круг субъектов состава неправосудия по проекту. Если по действующему УК в качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 114 УК РСФСР, могли быть только судьи, то теперь, по проекту УК, субъектами неправосудия могут быть и прокуроры, и следователи, и всякие другие работники органов расследования. И еще один весьма важный момент, который необходимо отметить в отношении статьи о неправосудии. Ст. 114 УК, как известно, предполагает состав преступления лишь при непременном условии наличия у судьи, выносящего неправосудный приговор, корыстной или иной личной заинтересованности. При отсутствии этого признака исключается состав неправосудия и лишь в отдельных случаях и, кстати сказать, на практике встречавшихся весьма и весьма редко, здесь могла наступить уголовная ответственность по ст. 109 УК РСФСР или по ст. 110 УК. Проект УК в статье о неправосудии этот признак (корысти или личной заинтересованности) исключает. Для состава неправосудия по проекту требуется лишь сознание у субъекта неправосудности приговора или решения, сознание незаконности постановления о возбуждении или прекращении уголовного дела или, наконец, сознания неправильности определения об аресте и других мерах государственного принуждения.

Наказание за неправосудие предполагается по проекту довольно суровое — лишение свободы на срок не ниже двух лет. Но дело не только, конечно, в наказании. Самый факт наличия такого состава, как неправосудие, в УК будет иметь колоссальное значение в смысле общепревентивного воздействия на судебно-следственных работников. Не меньшее значение имеет и вторая часть статьи о неправосудии: «Принуждение незаконными мерами к даче показаний при допросе обвиняемых или свидетелей или искусственное создание должностным лицом неправильных доказательств обвинения» караются тем же наказанием, что и преступления, предусмотренные первой частью статьи о неправосудии. Эта статья гарантирует проведение расследования в строгих рамках революционной законности и на основе лишь действующего Уголовно-процессуального кодекса. И эта часть статьи о неправосудии, как видно из ее текста, значительно расширена по сравнению с действующим УК, котором нет среди должностных преступлений упоминания об искусственном создании должностным лицом неправильных доказательств обвинения. Это нововведение проекта УК еще раз подчеркивает создание советскими законами максимальных гарантий неприкосновенности личности граждан СССР.

Вслед за статьей о неправосудии в проекте помещены статья о бездействии власти и статья о халатном отношении к службе. Ст. 111 УК РСФСР в проекте таким образом расчленяется на две самостоятельные статьи. Это расчленение, однако, не носит характера механистического отделения бездействия власти от халатного отношения к служебным обязанностям, а имеет сугубо принципиальный характер. Бездействие власти конструируется по проекту совершенно иначе, чем по ст. 111 УК РСФСР. Если по действующему УК за бездействие может нести уголовную ответственность всякое должностное лицо, то субъектами этого преступления, по проекту, может быть только узкий круг должностных лиц, только представители власти. Сам текст статьи (в проекте) о бездействии власти достаточно ясно свидетельствует об этом: «Бездействие власти, то есть невыполнение представителем власти (подчеркнуто нами — В. М.) в его служебной деятельности требований закона, а также постановлений и распоряжений правительственных органов при наличии признаков, предусмотренных ст. 165 настоящего кодекса» (имеется в виду статья об определении должностного преступления — В. М.).

Сужение понятия бездействия власти как преступления, по проекту, достигается и сужением объективных свойств состава бездействия власти. Если в ст. 111 УК говорится о бездействии власти как о невыполнении должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, то проект вместо этого формального и весьма широкого понятия бездействия власти говорит лишь о таком бездействии представления власти, которое выразилось лишь в невыполнении требований закона или постановлений и распоряжений правительственных органов. При этом нужно иметь в виду, что и в этих случаях, по проекту, наступает уголовная ответственность лишь в случаях наличия признаков, указанных в статье, дающей понятие должностного преступления.

Такое значительное сужение понятия бездействия власти, проводимое проектом, следует, безусловно, признать правильным, так как оно создает гарантии против многочисленных в настоящее время случаев совершенно нецелесообразного привлечения к уголовной ответственности за всякое бездействие как должностного, так и недолжностного лица. Нам думается, что при таком ограничении состава бездействия станут уже невозможными случаи (приводившиеся в свое время т. Вышинским) привлечения к уголовной ответственности кухарки, не посолившей колхозный обед, или колхозника, у которого в городе, куда он приехал по поручению колхоза, украли лошадь.

Не нужно забывать, как правильно отмечает т. Вышинский[1], что «уголовный суд—это крайнее средство, последнее средство воздействия».

Говоря о бездействии власти, по проекту УК, следует отметить также и тот положительный факт, что в противовес ст. 111 УК РСФСР, предусматривающей наказание только в виде лишения свободы, проект в качестве санкции за бездействие власти допускает (при смягчающих обстоятельствах) и исправительно-трудовые работы или арест.

В статье о халатном отношении к службе, следующей за бездействием власти, проект дословно воспроизводит текст ст. 111 УК РСФСР в той ее части, где говорится о халатном отношении к службе. При этом халатное отношение как преступление, по проекту, рассматривается так же, как и бездействие власти, лишь в случаях причинения значительного ущерба государственным или общественным учреждениям или отдельным гражданам.

Следует отметить, что и по этому преступлению проект значительно снижает наказание по сравнению с действующим УК. Халатное отношение к службе карается, по проекту, арестом или исправительно-трудовыми работами и лишь при отягчающих обстоятельствах лишением свободы до трех лет.

Как видим, проект УК последователен в смысле снижения наказания за бескорыстные должностные преступления, какими являются обычно бездействие власти и халатное отношение к службе.

Совершенно иначе проект подходит к наказанию за корыстные должностные преступления и в частности к наказанию за получение взятки. Но остановимся прежде на структуре статьи проекта о взяточничестве. Авторы проекта, исключив статью о провокации взятки—ст. 119 УК РСФСР, сделали, как нам кажется, совершенно правильно. Статья о провокации взятки, имевшая особое значение в период волны взяточничества, в 1924—1925 гг., и сыгравшая определенную роль в деле предупреждения наиболее уродливых форм борьбы со взяточничеством, в настоящее время потеряла свое практическое значение и, как правило, почти не встречается в судебной практике.

Далее, объединив в одну статью получение взятки и дачу взятки, проект также поступил правильно, так как и получение взятки и дача взятки по существу являются одним преступлением, хотя и преступлением двусторонним.

Наконец, проект реконструировал статью о взятке в смысле сокращения формулировок составов о взятке. Так, вместо громоздкой редакции ст. 117 УК проект так формулирует состав получения взятки: «Получение должностным лицом взятки за выполнение или невыполнение какого-либо действия по службе». Несмотря на краткость формулировки, здесь все основные элементы состава получения взятки даны. Такой же краткостью формулировок отличаются и последующие части статьи о взятке (ч. 2 — о квалифицированных видах получения взятки, ч. 3 — о даче взятки и ч. 4 — об условиях освобождения от уголовной ответственности взяткодателя). Поскольку в приведенных выше частях статьи о взятке ничего особенного по сравнению с действующим УК (ч. 2 ст. 117 и ст. 118 УК) не имеется, остановимся лишь на наказании за взятку по проекту.

Наказание за получение взятки проект в значительной мере усиливает. Так, если по действующему УК получение взятки наказывается лишением свободы до двух лет, то по проекту — на срок до пяти лет. За квалифицированный же вид взятки проект вводит наказание в виде лишения свободы на срок не ниже пяти лет. Характерно, однако, что за дачу взятки проект наказание снижает. Если по действующему УК за это преступление предусмотрена санкция — лишение свободы на срок до пяти лет, то по проекту — лишение свободы только до трех лет.

Вслед за взяткой проект помещает статью о служебном подлоге и обмане государства. Новшеством этого состава в проекте УК является введение наказуемости наряду с подлогом «умышленного обмана государства путем дачи должностным лицом ложных сведений о работе учреждения или предприятия».

Затруднения, встречавшиеся в судебной практике, с квалификацией случаев так называемого очковтирательства, т. е. составления ложных, прикрашенных отчетов руководителями государственных предприятий об их работе (например, дутые цифры выполнения промфинплана, преувеличение о ходе заготовок и т. п.) проектом УК, в связи с расширением состава о подлоге устраняются. Редакция статьи проекта о служебном подлоге исключает указание на корыстные мотивы, и это нововведение проекта вызывает сомнения. Вряд ли можно считать подлог без наличия корыстных мотивов всегда должностным преступлением. Нам кажется, было бы более правильным ввести признак корыстных мотивов или личной заинтересованности в части, касающейся служебного подлога.

Состав разглашения должностным лицом сведений, по проекту, воспроизводится полностью по действующей ст. 121 УК, а потому мы на нем и не останавливаемся.

Глава о должностных преступлениях в проекте заканчивается составом о дискредитации власти. По сравнению с действующим УК (со ст. 113) состав дискредитации власти в проекте средактирован значительно лучше. Прежде всего уточнен субъект преступления. В проекте говорится о действиях представителей власти (разрядка наша — В. М.), а не должностного лица, как это имеет место в ст. 113 УК РСФСР. Кроме того, статья о дискредитации власти, по проекту, предусматривает подрыв авторитета и достоинства не только тех органов власти, представителем которых должностное лицо является (ст. 110 УК), но и других органов власти.

Заканчивая анализ главы о должностных преступлениях, по проекту УК, нужно, как нам кажется, сделать следующие выводы.

Глава о должностных преступлениях, несмотря на то, что она, как впрочем и весь УК, является лишь предварительным проектом, все же уже и сейчас имеет ряд преимуществ по сравнению с действующим УК. Эти преимущества следующие:

1. Проект значительно сокращает объем понятия должностного преступления, что будет способствовать изживанию в практике массо-

[1] А. Я. Вышинский, Речь товарища Сталина 4 мая и задачи советской юстиции.

вых осуждений за незначительные должностные проступки.

2. Проект взамен расплывчатых и отчасти формальных определений должностных преступлений, имеющихся в действующем УК, дает определения по существу, наполняя эти определения конкретным содержанием, что, безусловно, создаст более ясное представление как о должностном преступлении вообще, так и об отдельных видах должностных преступлений в частности.

3. Проект упраздняет сложную и весьма путанную систему деления должностных преступлений по действующему УК по степени их тяжести, заменяя ее простым делением на должностные преступления и должностные проступки.

4. Проект, вводя по существу новый состав неправосудия, поднимает на особую высоту защиту неприкосновенности личности в СССР.

5. Проект, снижая наказания за бескорыстные преступления, повышает, как правило, наказание за корыстные преступления.

6. Проект исключает из главы о должностных преступлениях ряд составов, отживших в настоящее время и потерявших практическое значение.

7. Проект взамен громоздких и малопонятных формулировок статей вводит четкие и краткие формулировки.

Несмотря, однако, на все эти положительные моменты, проекту присущ и целый ряд существенных дефектов:

1. Проект не уточнил и не сузил, как следовало бы, объем понятия должностного лица, а лишь воспроизвел в этой части полностью редакцию действующего УК.

2. Проект не дает достаточно четкого разграничения должностного преступления от должностного проступка.

3. Проект исключил вовсе самостоятельный и отдельный состав преступления — злоупотребления властью, что создаст определенные затруднения в судебной практике.

4. Проект неосновательно расширил понятие должностного подлога как преступления.

При устранении указанных выше дефектов, при окончательной разработке проекта, глава о должностных преступлениях нового УК позволит, как нам кажется, в будущем наиболее рационально и эффективно организовать дело борьбы с должностными преступлениями.

М. ЧЕЛЬЦОВ

О судебном языке

(Беглые заметки)

«Язык не может быть отделен от своей социальной среды так же, как растение не может быть оторвано от свойственной ему среды климатической».

ЛАФАРГ

«Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

ПУШКИН

1

Уже с момента Февральской революции 1917 г., но, конечно, главным образом со времени Великой пролетарской революции, наш социально-политический обиход обогатился множеством новых слов, которые лингвистически оформляли новые политические и экономические понятия и формулы. Первые декреты-призывы «Временного рабоче-крестьянского правительства», передававшиеся по радио «всем, всем, всем», несли в широкие массы трудящихся эти слова, не всегда, может быть, до конца понятные для всех, но близкие и волнующие своим революционным духом, доходчивые по эмоциональной насыщенности тех фраз, в которые они входили. Революционная фразеология скоро стала достоянием миллионных масс: на фронте, в городских совдепах, в глухих деревнях, в газетах, школах, в суде зазвучали новые слова, соответствующие новым понятиям, а также слова старые, но наполненные новым содержанием. Появились и те сокращения, против которых больше десяти лет, то оживляясь, то затихая, ведется борьба и со стороны серьезных лингвистов, ополчающихся против засорения языка чрезмерным количеством ненужных и непонятных условных обозначений, и со стороны неумолимых к новшествам языка пуристов, по-обывательски брюжжащих не только по поводу «промвоздуха» или «семзерна», но даже и по адресу «совнаркома» и «колхоза»[1].

2

Суд с его широкой аудиторией, вырастающей в особо значительных процессах, с помощью газет и радио до объема десятков

[1] «Возможно, что многие ненавидят в новых словах только новые идеи и учреждения», — говорил М. Ж. Шенье, выступая на защиту слов, ставших опальными во Франции после реставрации Бурбонов. Цитирую по работе П. Лафарга, Язык и революция, М.—Л. 1930, стр. 71.

миллионов людей, находясь под языковым влиянием законодательного и газетного материала, сам, в свою очередь, является источником распространения новых идей и слов. Как на пример, укажу на слова алименты, алиментщица, которые получили свое широкое распространение через суд.

Поэтому вопрос о языке суда, языке судебных прений, судебных актов, и, прежде всего, о языке приговоров может представлять и более широкий лингвистический и культурный интерес, чем профессиональный интерес работников суда в повышении качества своей работы.

Но, конечно, первостепенный интерес общественного порядка имеет судебный язык и, прежде всего, язык приговора, в связи с выполнением судом его политически-воспитательной задачи.

От того, что́ и как говорят в суде стороны — обвинитель и защитник, — а главное судьи, от того, что́ и как от имени республики провозглашено в приговоре, зависит отношение к суду широкой общественности и, в первую очередь, непосредственно воспринимающей процесс аудитории.

М. И. Калинин в речи на празднования 10-летия Верховного суда СССР отметил огромное значение такой формулировки приговора, которая была бы убедительной для аудитории, разделялась ее большинством.

И здесь, конечно, «как» не отделимо от «что», словесная оболочка приговора от его содержания.

«Совершенно ясно, что... смесь юридических терминов, безграмотно соединенных слов и незаконченных фраз не может быть понята не только ни одним колхозником, но и ни одним работником юстиции, не исключая и самих авторов приговора. Характерно, что приговоры такого рода по большей части проявляют претензию на «ученость», пользуются высокопарными и непонятными выражениями и, само собой разумеется, совершенно недопустимы» [1].

3

Только что приведенная цитата ставит в отношении языка суда вопрос, который в отношении языка повседневной прессы был предметом дискуссии уже в 1923—1924 гг. В ней выдвигался острый тезис о непонятности газетного языка. Некоторые авторы в «Правде», очевидно, в приступе самокритики выдвинули следующее положение: «Язык, на котором говорит масса, у нас принято считать простонародным наречием, «жаргоном». К нему наши литераторы относятся свысока. Подлинно народные слова и выражения... не допускаются в статьях и речах... Нам и в голову не приходит, что по всей справедливости настоящий-то загадочный «арго» для огромнейшего большинства населения и есть наш так называемый «литературный язык», выработанный ничтожным привилегированным меньшинством (дворянская интеллигенция)». «Трагично то, что вы, рабкоры, пишете, как мы... Простой человек в разговоре не употребляет придаточных предложений, так в разговоре не говорят, не говорят ни в деревне, ни на заводе. Ясно, что и статья должна быть без придаточных предложений: простые фразы, простые предложения, по возможности короткие... Перед вами несколько десятков миллионов читателей и десяток редакций. Скажите, кого же легче повернуть на правильный путь? Кто мне скажет, что легче: расправиться с миллионом читателей или с несколькими борзописцами? По-моему, борзописцев повернуть легче, а массу повернуть гораздо труднее» [1].

Совершенно, мне кажется, правильно возражал против этого провозглашения принципа «упрощенчества» специалист-лингвист Г. Винокур: «Язык — не только свидетель, он есть и орудие культуры, поскольку он является совершеннейшим средством человеческого общения. С ростом социальной культуры усовершенствуется и язык, который вынужден приспособляться к новым культурным задачам, к новым понятиям... Когда, в силу каких-либо исторических причин, возникает новое социальное понятие, лексикология обогащается новым словом, нужным для обозначения этого понятия, ранее неизвестного, а потому в языке и незафиксированного (разрядка моя—М. Ч.)... Чего же стоит их жажда (выше цитированных авторов—М. Ч.) примитивного, неприспособленного к отображению нынешней социально-культурной действительности, не знающего большинства из новых культурных понятий, крестьянского «простого» языка» [2].

Правда, суд стоит здесь в несколько иных условиях, чем газета. По сгущенной конкретности тем судебных дел, по всей обстановке их рассмотрения, наконец, и по тому недостаточно высокому общекультурному уровню, который характеризовал основную массу народных судей и в 1923 и в 1933 гг., суду гораздо меньше грозила опасность оторваться от широких масс из-за непонятной для них литературности приговоров.

Но, конечно, выдвинутый газетными работниками вопрос о снижении языка до уровня развития десятков миллионов должен быть принципиально решен отрицательно и в отношении суда и его приговоров.

Приговор, прежде всего, — политически заостренный волевой акт органа власти, а не обывательский рассказ о случившемся событии. Приговор должен давать четкую политическую оценку рассмотренных в процессе фактов.

Представим на одну минуту, что суд изложил приговор языком рассказов Зощенко, и нам станет ясной вся недопустимость такого «снижения» стиля.

«Приговор должен быть написан ясно, простым языком, но в то же время каждое слово в нем должно быть взвешено, каждая формулировка обдумана», — говорит уже цитированное инструктивное письмо.

А ясность и простота языка вовсе не равнозначущи с его бедностью и тем более с нарочитым обеднением, якобы рассчитанным

[1] Из Инструктивного письма «О судебном приговоре», разосланного Верховным судом и Прокурором СССР 13 августа 1934 г.

[1] Цитирую по книге Г. Винокура, Культура языка, М., 1925, стр. 109—111.

[2] Цит. соч., стр. 112—113.

на всеобщую доступность. Прозрачна, ясна и проста золотая речь Пушкина. Очень просты по построению и лишены всяких вычуров статьи и речи Ленина и Сталина. Но те и другие в своей простоте совершенны по форме и по выбору лексического материала и никогда не обеднены нарочитым стремлением опуститься до уровня понимания масс, предполагаемых неграмотными. Наоборот, они как бы обращены к читателю и слушателю, могущему и желающему сделать необходимое иногда интеллектуальное усилие, чтобы овладеть всем богатством этой простоты.

Только *такая простота* может быть образцом, приближение к которому хоть в малой мере должно стать задачей как работников нашей прессы, так и работников нашего суда.

4

Трудно переносить шаблоны и трафареты даже в газете, где они обусловлены самою техникой газетного дела и, как уверяют специалисты и доказывает ежедневная практика, почти неустранимы. Но совершенно нетерпимы эти трафаретные формулы в приговоре. Приговор всегда воспринимается и не может не восприниматься всеми слушающими и читающими его как творческий акт суда, возникший в результате непосредственного восприятия и оценки обстоятельств дела, всегда конкретных, живых.

Не раз уже цитированное инструктивное письмо Верховного суда и Прокурора СССР совершенно правильно указывает, что «политическая заостренность приговора должна выражаться не в общих фразах, не в высокопарных отвлеченных рассуждениях, а в правильной оценке фактических обстоятельств данного дела».

К сожалению, до сих пор не изжита практика некоторых судей давать специальную «политическую шапку» приговора, обычно состоящую как раз из типичных газетных шаблонов, при этом нередко неграмотно изложенных. В лучшем случае при грамотном их изложении они кажутся чем-то лишним, искусственно притянутым; но при неграмотном изложении они производят эффект прямо противоположный желаемому, вызывая недоумение, досаду, насмешку, но только не уважение к провозглашаемому от имени республики приговору.

Вот пример (середины 1936 г.), в котором прямо-таки издевательски звучит делаемое народным судом противопоставление: с одной стороны — социализм, построенный в СССР, с другой — продажа Иоселем Гольдштейном 4 килограммов пшена, 3 кусков мыла, 3 селедок и полкило хлеба, — всего на сумму 14 руб.

Описав эту продажу, приговор говорит: «Переходя к избранию меры соцзащиты к подсудимому Гольдштейну, суд нашел, что предъявленное ему обвинение заслуживает внимания в то время, когда партия и правительство и все трудящиеся Советского союза заканчивают построение бесклассового социалистического общества, когда уничтожили остатки нэпа, когда в основном ликвидировали разницу между городом и деревней и сейчас особое внимание обращено на сельскую советскую кооперацию, чтобы удовлетворить нужды колхозников, чтоб торговать культурно, в это время находятся остатки нэпа в лице подсудимого Гольдштейна и под маркой советской кооперации делают темные дела, закупают на базаре разный товар и с.-х. продукты под видом для заготовок яиц и продают этот товар и с.-х. продукты под видом на квартире за деньги и по повышенным ценам».

Приведенные тирады — образцы того, что Ленин называл «политической трескотней»[1].

Поучительно сравнить с этими наполненными «политической трескотней» писаниями суровую простоту и сдержанность языка, которым написан приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу антисоветского троцкистского центра.

Ни одного напыщенного выражения, ни одного лишнего слова, никаких «политических шапок», но эта самая скупость усиливает впечатление, производимое описанием организации и разворачивания вредительско-диверсионной, шпионской и террористической деятельности троцкистов. Каждый трудящийся, читающий этот приговор, с предельной ясностью видит, каковы были планы Троцкого и его союзников и что грозило Стране советов в случае прихода к власти троцкистского правительства в результате поражения Советского союза в войне с иностранными агрессорами. Таким образом политическая заостренность приговора и его максимальный воспитательный эффект, повышение революционной бдительности всех трудящихся достигается здесь предельной сжатостью и простотой описания самых тяжких преступлений. Приговор Верховного суда, отражая волю миллионов трудящихся, всего советского народа, прост и выразителем как язык этого народа, и чужд всякого искусственного повышения тона, ложного пафоса.

5

Очень нередко наши судебные работники грешат таким «повышением тона», дурной литературщиной в самом описании событий и поступков. Чем менее социально-опасно данное деяние, тем менее, конечно, оправдан повышенный тон описания, и этот контраст опять-таки производит комический эффект, нежелательный для автора.

Народный следователь одного из районов Московской области летом 1936 г. пишет обвинительное заключение по ч. 2 ст. 146 УК.

Обстоятельства дела можно изложить, как это и сделал впоследствии народный суд, в 10—15 строчках: муж плохо жил с женой, несколько раз расходился и вновь сходился с ней, издеваясь и даже нанося ей побои.

Но, упиваясь своим красноречием, следователь посвящает описанию издевательств две большого формата страницы текста, напечатанного через один интервал.

Вот отрывок из этого произведения:

«В конце 1935 г. в бытность гр. Г. (жены) на 4-м месяце беременности, последняя однажды придя в комнату, увидела гр. П. (мужа) и с ним посторонюю женщину некую Е. Тогда Г., убедившись в причине, послужив-

[1] «Чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы — политической трескотне» (т. XV, стр. 482).

шей к обострению семейного положения, предложила посторонней женщине удалиться из ее комнаты, назвав ее проституткой.

...Следствием также установлено, что гр-н П., находясь в близком знакомстве с другой женщиной гр. Е., не питая к Г. чувство любви, а при наличии только оставшихся у него к Г. чувств «сожаления», все же использовал гр. Г. в период всех этих скандалов для удовлетворения своих половых страстей, продолжая и после издевательства над ней использовать ее для половых актов. П. после вышеуказанных издевательств, с появлением ребенка у Г. от П., не пренебрегая и тем, что снова путем обмана Г., в преданности ей, принося цветы в родильный приют, где находилась Г. и впоследствие на квартиру к ее матери, создает искусственно нормальный образ жизни с Г., тем самым вводя в заблуждение Г., стараясь загладить прежнее безобразие с его стороны.

...Обманув вторично в преданности Г., П. снова обостряет отношения и, опять-таки не порывая связи с гр-кой Е., с первого мая 1936 г. переходит окончательно к гр-ке Е. для совместного сожительства... Г., истерически плача, бессильна была что-либо сделать, как только кричать».

Автор не прочь и от психологического анализа:

«Что же касается моральных болей, наносимых П. своими издевательскими поступками над ней, то это подтверждается показаниями самого П., где он говорит: «физических побоев я гр-ке Г. не производил», в то же время умалчивая о моральных болях».

И прокурор своею подписью утверждает это повествование «высокого штиля», и небольшой грамотности, оно оглашается затем на суде, и, по удостоверению одного очевидца, в публике вместо выражения сочувствия к потерпевшей то и дело раздается смех. Если бы следователь присутствовал при таком восприятии красот его языка, авторское самолюбие его, вероятно, было бы уязвлено.

Недавно мы читали в приговоре по делу о краже из магазина потребительского общества, что «обвиняемые простерли свою хищническую работу, граничащую с контрреволюционной диверсионной деятельностью, и вглубь и вширь». Фактически это «вширь» обозначало, что два приказчика сперва украли несколько десятков пачек папирос в одном отделе магазина, а затем, расхрабрившись, вынесли боченок с сельдями из другого отдела, но на этом ввиду обнаружения их преступная деятельность и оборвалась. Что значит «вглубь», — расшифровать по материалам дела не удалось.

Судьи, правда, применили к обвиняемым не закон 7 августа 1932 г., так что в данном случае словесные громы не привели к судебной ошибке, но отрицательный эффект подобной «политической» оценки деяния в приговоре для нас несомненен.

6

Нередко в наших судебных документах противоположная особенность стиля — «снижение» его, причем в отдельных случаях это снижение приводит к тому, что документы кажутся взятыми не из судебных дел, а из сборника рассказов Зощенко. Это как раз тот язык, о котором мы говорили выше, принципиально отвергая его: он не соответствует достоинству суда и значению исходящих от него приговоров.

В качестве примера привожу обвинительное заключение по делу о растрате С. и Т. 3500 руб. в одном из кооперативов Оренбургской области. Привожу две короткие выдержки:

«...они растратили всего на сумму 3500 руб. Весь капитал их о г о сельпо составлял 7000 руб., следовательно на 50% он б ы л л ю б е з н о присвоен Завмагом и Пред. сельпо на п а я х. Т. сфабриковал документ на 1835 р., а С. п о л ю б е з н о с т и подписал его. Также печать этой расписки еще раз подтверждает их у семейную связь и гарантийную ответственность за кооперативные «д е н е ж к и».

Может быть, сторонники опрощения языка одобряют подобные «словесные коленца», но мне лично за ними чудится обывательская ухмылка зощенковского мещанина, а не серьезность судебного акта.

В промышленном районе Челябинской области в сентябре 1936 г. судят старого рабочего. Обвинение тяжкое — убийство жены. Несомненно, что трудящиеся собрались на процесс. Что же они услышали? Какими словами суд описал преступление и выразил свое отношение к нему?

«Суд установил, что подсудимый Уткин на протяжении порядочного времени занимается пьянкой и на почве опьяненного состояния всюду возникали брани со своей женой Уткиной и наносил побои. 22/VIII 1936 г. с 5 ч. вечера до поздней ночи Уткин со своими друзьями занимался выпивкой и после опьянения Уткин проводил своих друзей, взошел в квартиру, достал из полевой сумки финский нож, подошел к своей жене Уткиной, п р о и з в е л в з м а х и н а н е с ножем удар в о б л а с т и п р е д п л е ч е ц а г р у д н о й ч а с т и, в п о с л е д с т в и и у ш е л в к о м н а т у и л е г с п а т ь, а жена Уткина от с м е р т е л ь н о г о в ы б е ж а л а на к о р е д о р и ч е р е з н е с к о л ь к о в р е м е н и и з т е к л а к р о в ь ю, п о с л е д о в а л а с м е р т ь».

Все. Уткину суд дал 10 лет лишения свободы, а всем присутствующим — приговор, слушая который, не знаешь, плакать или смеяться.

Иной раз самое содержание дела по бытовым преступлениям принуждает суд описывать сцены, более близкие к комедии, чем к трагедии. Но характер преступления не может изменять отношения суда к словесному оформлению приговора. Оно должно оставаться прежде всего серьезным. И от судьи требуется чрезвычайно большое внимание. Мало еще, чтобы в приговоре не было того зубоскальства, которое мы отметили выше в обвинительном заключении по делу о «любезном присвоении» двумя кооперативами 3500 руб. Иной раз один неграмотный оборот, неловкое словоупотребление достаточны для того, чтобы испортить надлежащий эффект приговора.

Вот пример. Народный суд Песковского района Воронежской области, описывая в приговоре действия гр. С., обвиняемого по ч. 1 ст. 73 и ч. 2 ст. 74 УК, говорит так: «обви-

няемый С. «при отказе (в пособии) ругался нецензурными словами и пытался ударять кулаком по столу и чернильницами бросаться в директора МТС в момент служебных обязанностей. Кроме того всех руководителей района называл дураками и бюрократами, где ничего не обосновано».

Первые два из подчеркнутых выражений производят комическое впечатление неудачным и невполне грамотным словосочетанием. Но заключительная фраза, в которой суд как будто принимает на себя защиту незаслуженно обиженных районных руководителей, именно из-за этих последних слов о необоснованности обозвания дураками звучит прямо-таки убийственно и может вызвать неприятный в суде хохот.

7

Нельзя не отметить третьего очень распространенного недочета словесного оформления наших судебных актов. Это — злоупотребление тем, что можно назвать канцеляризмами: оборотами речи не литературными, а выработанными в старых дореволюционных канцеляриях. Этот недочет речи не является исключительным свойством судебных органов; он одинаково характерен почти для всех советских учреждений. Можно спорить о причинах этого явления, но несомненно, что сыграли здесь свою роль и те бесчисленные столоначальники, письмоводители и секретари, которые достались советской власти по наследству от старого режима и в первые годы революции заполнили все губернские и уездные учреждения и стали для своих комиссаров и председателей тщательно выписывать на новые темы те же «исходящие» и «входящие» с их обязательными «коими», «каковыми», «таковыми» и «тем паче»[1].

Эти старые столоначальники и секретари в большинстве своем выбыли уже из строя, но стиль их, к сожалению, пережил их. И сейчас еще мы читаем в повестках, протоколах и постановлениях: «имеет быть», «согласно распоряжения», «вопреки указаний». Эти же канцеляризмы бытуют в наших приговорах: «согласно заявления потерпевшего»..., «вопреки многочисленных предписаний вышестоящих организаций»..., «используя свой авторитет представителя центра»..., «несмотря на придание наркоматом особо-сугубого значения своевременному проведению кампании»..., «путем непринятия никаких мер противодействия ревизионная комиссия встала на путь содействия растрат и расхищений».

Эти канцеляризмы или грешат против правил литературного языка («согласно чему» или «с чем», но не «чего»; «вопреки чему»; «содействие растратам», а не «растрат»), или отягчают речь нанизыванием ряда отглагольных существительных, или вводят особенности провинциального, в частности южного говора, как, например, слово «используя» вместо «используя»[1]. Вообще приговоры нередко грешат провинциализмами. Если слова «иха», «ихи» сравнительно редкий провинциализм, то употребление «ихнего» вместо «их», «чего» вместо «что» — явление постоянное; «потерпевший сказал ему чего-то, а на это обвиняемый ударил его по голове»; «на вопрос, «чего вы хотите получить», М. решительно отказался от предложенной ему взятки». Не редко употребление слова «хужее» в значении «хуже» и т. д. и т. п.

Несколько лет назад повсеместное распространение так называемых блатных слов захватило и суд. Обвинительные заключения и приговоры употребляли, как всем понятные слова, не требующие ни разъяснений, ни ковычек, «малину», «бузу», «уркаганов», «тихую» и пр.

Движение против этой «блатизации языка», возглавленное партийными и комсомольскими работниками[2], принесло большую пользу в смысле очищения языка наших книг и газет. Не прошло оно и мимо судебного языка. В просмотренных мною приговорах 1936 — 1937 гг. мне не довелось встретить «блатной музыки», хотя отдельные судебные работники указывали, что и сейчас кое-где в судебных актах попадаются слова воровского жаргона.

8

Несколько замечаний об иностранных словах и словах новых, в частности о сокращениях.

Как указано выше, мы считаем ошибочной тенденцию снижения литературного языка приговора. Отсюда ясна наша позиция в отношении иностранных слов. Слова, выражающие новые понятия, вводимые в наш социально-политический обиход, вполне уместны в приговоре суда. Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу контрреволюционного троцкистского центра может быть и в этом отношении примером. Он говорит о диверсии, о шпионаже, пораженческой агитации, террористических актах, о содействии иностранным агрессорам. Но было бы смешно требовать, чтобы Верховный суд выбросил из приговора эти иностранные слова только потому, что не все трудящиеся их понимают. Слова эти частью стали терминами нашего кодекса, частью твердо вошли в политический словарь передовых слоев населения, и нет сомнения, что глубокий интерес трудящихся к

[1] О языковом воздействии многочисленных канцелярий говорит Селищев, Язык революционной эпохи, М, 1928, стр. 59 и сл.

[1] Это слово очень условно можно относить к канцеляризмам. Во всяком случае оно стало повседневно употребляться в канцеляриях и приговорах после революции. В двух решениях по алиментным делам мы нашли выражения: «Ответчик содерживает на своем иждивении», «ответчик отказался содерживать ребенка», того же южного происхождения.

[2] Е. Ярославский еще в 1925 г. говорил о необходимости решительно бороться против того, что среди нашей молодежи некоммунистичным, некомсомольским объявляется отвращение к циничным выражениям, к распущенности в языке, к похабщине («Комсомольская правда», 1925, № 162). Ср. ст. Н. Марковского «За культуру комсомольского языка» («Молодой Большевик», 1926, № 15—16).

этому процессу обеспечит полное усвоение всех непонятных терминов. Быстрое же общее повышение культурного уровня в СССР лишает всяких оснований разговоры об опасности употребления иностранных слов вообще. Иной вопрос, нужно ли употреблять их без толку и меры в тех случаях, когда русский язык имеет соответствующие однозначущие слова. По этому вопросу давно уже сделал указание Ленин: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты, или недостатки или пробелы?.. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности? Не пора ли объявить войну коверканию русского языка?»[1]. К этой выразительной цитате добавить нечего.

Вопрос о новых словах тесно примыкает, но не совпадает с вопросом об иностранных словах.

Современное языковедение твердо установило, что язык как продукт и орудие общества отражает борьбу классов и смены их в руководстве культурным творчеством нации, отражает экономические сдвиги, лежащие в основе этих смен. И чем сильнее ломка социальная и политическая, тем сильнее и ломка языка[2]. Поэтому тот наплыв новых слов, о котором мы говорили в первых строчках наших заметок, вовсе не особенность Октябрьской революции.

Развитие языка, его пополнение новыми словами (и параллельное очищение от обветшавших слов) идет непрестанно. И в истории русского языка были периоды трудного усвоения греческих церковных слов (XVI в.), и слов западноевропейских, выражающих отвлеченные и технические понятия (XVIII в.), в период проникновения в книжный язык слов, принесенных «разночинцами» сороковых годов, и слов и словечек молодой русской буржуазии (семидесятые годы).

И в каждый период истории языка мы встречаемся и с протестами представителей «старого языка» против новшеств, и с теми же кличками «птичий язык», «обезьяний язык» по адресу нового языка. Протестовал Гончаров, протестовал Лев Толстой, как до них протестовали безыменные дворяне, обращавшиеся в редакции журналов с воплями о непонятности новых слов.

В петровскую эпоху в толковых словарях объяснялось значение слов «монета», «матрос» («карабельный солдат»), «металл», «история», как сейчас объясняются: «федерация», «республика», «коммунизм».

Та же история языковедения показывает, что, по мере усвоения новых форм культуры, «ломка» языка теряет свой острый характер, язык узаконяет одни и отбрасывает другие неологизмы (новые слова) и в итоге неизменно обогащается.

Ясно, что Октябрьская революция — пролетарская и социалистическая — вызвала особенно резкую ломку языка: наряду с выбрасыванием ряда слов ввиду их определенной классово враждебной окраски (например, замена «министра» «комиссаром»)[1], появилось множество новых слов, отвечающих новым понятиям (назову хотя бы слова «выдвиженец», «субботник», столь раздражающие пуристов); появились и особенно ненавистные последним «искусственные слова», т. е. различные сокращения.

Совершенно очевидно, что многие новые слова этого типа прочно вошли в обиход русского языка. В виде примера назовем: «колхоз», «комсомол», «совнарком» и «нарком», «завком», «Госплан», «Донбасс», «рабкор», «нэп», «ЦИК», «Цека», «Чека», как и сокращения иного типа — «СССР» и «РСФСР». Многие из этих слов стали склоняться по падежам: «в колхозе», «преследование рабкоров», «в эпоху нэпа», от них образовались новые слова с точным содержанием: чека — чекист, комсомол — комсомолец, комсомольский, колхоз — колхозный, колхозник, рабкор — рабкоровское (движение), нэп — нэпман, нэповский (дух). Иные из них уже заимствуются в иностранные языки: в современных французских, да и не только французских, газетах мы встречаемся с «комсомолом» и «колхозом».

Было бы нелепостью возражать против употребления этих полных смысла, выразительных слов в судебных актах.

«Сокращения наши, поскольку они только не плодятся наспех, без разбора, ко всякому удобному и неудобному случаю, будучи замкнуты в кругу понятий из сферы государственной, политической и экономической жизни, есть составная часть современного русского языка и выполняют в составе этого языка свою культурную функцию»[2].

Но, учитывая назначение судебных актов, мы можем выдвинуть определенные ограничения.

Во всех актах, рассчитанных на широкую публику, нельзя злоупотреблять сокращенными буквенными названиями, смысл которых известен узкому кругу лиц, вроде АКВ, ОДВФ, МАПП, ММИ, или столь же малопопулярными сокращениями по начальным звукам, как ГИМН, ЮП, ЮЖОПС, ЦУМОР, ОЛЯ, ЛИЯ, которые непонятны и подают только повод к сомнительным остротам.

Не могут служить украшением судебных актов и бесчисленные сокращенные слова, образованные из начальных слогов, сокращенные без нужды и толку. Все эти словечки, как «трудбат», «физмат», «стенгаз», «жургаз», «шкраб», «зампомзав», «едсельхозналог», «главбум», «облотнароб», употребляемые в массе, действительно превращали наш язык в «птичий язык».

Между тем, в недавних по времени приговорах мы встретили еще и «х/п кампании», и

---

[1] Ленин, т. 24, стр. 662.

[2] Ср. Шор, О «порче» русского языка

[1] Советские юристы вспомнят, вероятно, что на 3 сессии ВЦИК IX созыва при обсуждении вопроса о введении прокуратуры было выдвинуто возражение против самого слова «прокурор», ассоциировавшегося у революционеров с мрачными страницами истории самодержавия, и было предложено присвоить новому должностному лицу имя «укрепзак». Слово «адвокат» до последнего времени было официально упразднено.

[2] Винокур, ук. соч., стр. 126—127.

даже «полхозк-нии», и «райдирорганы», и «детдомовцы» (в смысле «работники детского дома»), и «подшефчасть», и «собесовщину», и «наркомзасов», и «судиспов».

Очень трудно, конечно, говорить о каких-то твердых правилах, по которым можно было бы решить годится или не годится данное сокращенное слово для употребления в судебных актах.

В начале этих заметок мы поставили прекрасное суждение Пушкина по этому вопросу. Чувство соразмерности и сообразности — вот в чем состоит истинный вкус, а не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота. А это чувство можно развить в себе только путем упорной работы со словом и над словом, путем чтения политической литературы и художественных произведений и в первую очередь того же Пушкина и других классиков.

Возможно, что критические замечания, сделанные выше, будут расценены как непонимание условий, в которых работают наши судебные работники. Они — представители нового класса, выходцы из ранее угнетенных рабочих и крестьянских масс, им негде и некогда было научиться тонкостям литературного языка. Достаточно, чтобы они правильно проводили политику господствующего класса.

Я думаю, что такие возражения должны быть отведены. Рабочий класс России, ставший в СССР у власти, проделал под руководством коммунистической партии огромный путь. Он овладел техникой и выдвинул тысячи и десятки тысяч своих специалистов — инженеров, агрономов, врачей — новую советскую интеллигенцию. Наши судьи прежде всего политические работники. В качестве таковых они повседневно следят за политическими событиями, читают газеты, работают над партийными и советскими директивами по разнообразнейшим вопросам, относящимся к жизни страны, изучают законы, циркуляры и директивные письма НКЮ, Верховного суда и Прокурора СССР.

Материалы, которые дают все эти источники, вполне достаточны для того, чтобы при условии постоянной работы над собой поднять уровень своей грамотности и языковой культуры, выучиться говорить и писать хорошим русским языком.

Я считаю бесспорным, что судьи и следователи, которые писали приведенные мною как иллюстрации языковых ошибок документы, не умеют и устно выражать свою мысль в связанной и легко усваиваемой слушателями форме. А какой же политический работник — судья, прокурор и следователь — не является естественным агитатором и культурным работником в своем районе?

Судебные работники должны овладеть языком. Если они этого еще не сделали, то не потому, что не могут, а потому, что об этом мало думали и на местах и в центре. Центр издавал, правда, директивы, вроде цитированного мною инструктивного письма, в котором указывалось, что «с безграмотностью в составлении приговоров необходимо бороться самым решительным образом, настойчиво добиваться полного устранения (неграмотных) приговоров». Но составители письма тут же должны были констатировать: «Кассационные инстанции сплошь и рядом не придают должного значения этим недостаткам, исходя из того соображения, что форма не важна, важно содержание. В действительности же одно неотделимо от другого».

Сейчас наступило время для реализации этих указаний. Граждане СССР вправе требовать, чтобы в относящихся к ним судебных документах не было ничего лишнего, было бы все необходимое, чтобы не надо было ломать голову над вопросом, что́ хотел сказать суд, чтобы серьезность формы обвинительного заключения и приговора отвечала важному значению этих актов.

Задача Наркомюста — учесть это требование при подготовке новых кадров. Задача нынешних судебных работников — поднять свою языковую культуру, чтобы их устные выступления и письменные процессуальные акты не только по содержанию, но и по форме были достойны социалистического суда.

С. ГОЛУНСКИЙ

Методика расследования дел об убийствах

При расследовании дел об убийствах задачей органов расследования является установление следующих основных положений: 1) факт насильственной смерти; 2) причина смерти; 3) время наступления смерти; 4) место, где совершено убийство; 5) способ, которым оно совершено; 6) личность убитого; 7) личность убийцы; 8) мотивы убийства; 9) участие в совершении преступления других лиц, кроме физического исполнителя.

Каждый из этих девяти вопросов имеет очень важное значение, причем они связаны между собой таким образом, что выяснение одного вопроса ведет часто к выяснению другого. Нельзя сказать раз и навсегда, в какой последовательности должно происходить выяснение этих вопросов. Та последовательность, в которой эти вопросы изложены выше, является наиболее обычной, но отнюдь не обязательной. Иногда ключом ко всему делу является вопрос о том, где совершено убийство, когда оно совершено; очень часто преступление раскрывается путем исследования возможных мотивов убийства.

Но как бы ни складывались обстоятельства того или иного дела, расследование всегда (за исключением отдельных крайне редких случаев) начинается с осмотра места преступления, или вернее места обнаружения трупа[1]. Осмотр производится по общим правилам

[1] Существенными особенностями отличается расследование дел о предполагаемом убийстве при отсутствии трупа. Об этих особенностях будет сказано ниже.

осмотра места преступления[1], отличаясь, однако, целым рядом существенных особенностей.

Прежде всего необходимо особо подчеркнуть, что если вообще по всем делам, по которым применяется осмотр места преступления, это следственное действие имеет очень важное значение, то по делам об убийствах значение его исключительно велико.

Можно без преувеличения сказать, что по этим делам осмотр места преступления является в подавляющем большинстве случаев основным, решающим следственным действием. Правильно и своевременно произведенный осмотр места преступления дает такие указания, которые не могут быть получены никаким другим способом, и обеспечивает следователю[2], во-первых, возможность наметить вполне обоснованные версии, которые он сможет положить в основу плана расследования, а во-вторых, возможность при дальнейшем расследовании критически подходить к оценке показаний свидетелей и обвиняемых.

Успех всякого осмотра места преступления в значительной степени зависит от того, насколько сохранена в неприкосновенности обстановка места преступления. Но по делам об убийствах и это общее правило уголовной тактики приобретает исключительно важное значение. Так, например, если кто-нибудь на месте кражи со взломом повернет на 90° оставленное взломщиком орудие взлома, это изменение обстановки в большинстве случаев не создаст непреодолимых затруднений для расследования. Если же кто-нибудь повернет таким же образом револьвер, лежащий около обнаруженного трупа, это может в корне изменить выводы следователя по вопросу о том, имело ли в данном случае место убийство или самоубийство, и направить все следствие на ложный путь. Поэтому прежде чем приступить к осмотру места обнаружения трупа особенно важно тщательно выяснить, какие изменения были внесены в обстановку этого места после обнаружения трупа[3]. Следователь должен всегда тщательно расспросить об этом всех, кто находился за это время около места обнаружения трупа, сделать себе заметки обо всех изменениях обстановки, которые будут таким образом выявлены, а после осмотра зафиксировать эти данные в протоколах допроса тех лиц, которые знают, кто и что изменил в обстановке места осмотра.

Другой особенностью осмотра по делам об убийствах является специальный характер основных объектов осмотра. Такие важнейшие следы преступления, как раны на трупе, кровяные пятна и т. п., могут быть правильно оценены только судебно-медицинским экспертом. Самая поза, в которой лежит труп, может очень многое сказать эксперту о причинах смерти. Так, например, если на снежной равнине обнаружен труп, лежащий на спине с разбросанными в разные стороны руками и ногами, эксперт по одному взгляду на позу трупа скажет, что смерть произошла не от замерзания.

Поэтому следует признать крайне желательным, чтобы судебно-медицинский эксперт привлекался не только для вскрытия трупа, но и для участия в самом осмотре места преступления.

Последовательность, в которой следует производить осмотр, определяется следователем в зависимости от конкретных особенностей местности, подлежащей осмотру. Но в большинстве случаев лучше такая последовательность:

1) Бегло обойти всю местность, прилегающую к тому месту, где лежит труп (конечно, принимая все меры, чтобы не уничтожить при этом каких-либо следов).

Во время этого обхода следователь должен определить границы осмотра, порядок, в котором всего удобнее производить осмотр, и постараться принять меры к сохранению тех следов, которые могут быть легко стерты (закрыть опрокинутым ведром след ноги, положить на двух кирпичах доску через кровяную лужу, чтобы ее не растоптали, и т. п.); после этого сфотографировать общий вид места преступления.

2) Произвести тщательный статический осмотр трупа и сфотографировать его.

3) Произвести тщательный статический осмотр пространства вокруг трупа (на 2—3 метра в каждую сторону).

4) Затем либо продолжать статический осмотр, постепенно удаляясь от трупа, либо начать статический осмотр с периферии, постепенно возвращаясь к трупу. Снять план осмотренной местности.

5) Произвести динамический осмотр трупа и снять с него дактилоскопические отпечатки.

6) Произвести динамический осмотр остальных существенных для дела следов преступления, отмеченных при статическом осмотре, изъять и соответственным образом зафиксировать вещественные доказательства.

7) Составить протоколы осмотра трупа и места его обнаружения.

Существенной частью всей этой работы является осмотр самого трупа[1]. При осмотре трупа следователь преследует прежде всего цель — определить причину смерти и время наступления смерти.

Обстоятельный ответ на оба эти вопроса должна дать судебно-медицинская экспертиза, но уже при первоначальном осмотре трупа следователь должен иметь в виду оба эти вопроса.

При статическом осмотре трупа следователь прежде всего тщательно изучает позу, в которой лежит труп. Ни в каком случае недопустимо довольствоваться при этом общим впечатлением, которое получается у следователя при беглом взгляде на труп. Следователь должен, не прикасаясь к трупу, осмотреть по

---

[1] См. «Криминалистика» под ред. А. Я. Вышинского, 1935, кн. 1, стр. 169—190.

[2] Под термином «следователь» в настоящей статье понимается всякое лицо, производящее расследование, независимо от его служебного положения.

[3] Само собой разумеется, что самой первой заботой следователя должно быть установление наступления смерти. Если потерпевший проявляет еще признаки жизни, следователь прежде всего должен принять все меры к тому, чтобы обеспечить ему необходимую медицинскую помощь.

[1] Лучшее руководство по этому вопросу книга Бокариуса, «Народный осмотр трупа на месте происшествия».

очереди положение головы, рук, туловища и ног трупа и сделать в своем блок-ноте заметки о положении каждой из этих частей тела убитого.

Затем, в том же порядке следует осмотреть, также не прикасаясь к трупу, всю одетую на нем одежду. Некоторые следователи думают, что осмотр одежды относится к стадии динамического осмотра.

Это верно в том смысле, что только при динамическом осмотре может быть подробно исследована каждая отдельная часть надетых на трупе белья и одежды.

Но только при статическом осмотре трупа можно отметить тот или иной беспорядок в одежде, который может иметь значение для дела. Например, поднятые кверху юбки у убитой женщины дают основание предполагать изнасилование, задравшиеся вверх штанины брюк или полы пиджака дают основание предполагать, что труп перетаскивали за ноги с одного места на другое, и т. п.

Все эти особенности изгладятся, как только труп будет сдвинут с места, почему и необходимо тщательно изучить их в стадии статического осмотра.

После осмотра одежды надо осмотреть все следы и предметы, находящиеся в непосредственной близости к трупу, отмечая при этом их положение по отношению к трупу. Это в особенности важно, если около трупа лежит орудие, которым была причинена смерть: нож, револьвер и т. п. Если такой предмет около трупа имеется, необходимо тщательно определить его положение не только по отношению к трупу вообще, но и по отношению к рукам трупа в частности, тщательно отметить, в каком направлении обращена рукоятка, в каком дуло или лезвие, точно измерить расстояние, отделяющее это орудие от ближайшей к нему части трупа и от рук трупа. Если около трупа оказывается гильза от автоматического пистолета (браунинг, маузер и т. п.), нужно с такой же тщательностью определить ее положение в отношении трупа и измерить расстояние, отделяющее ее от определенных частей трупа по крайней мере по двум линиям (напр., от левого виска на расстоянии 20 см, от левого плеча на расстоянии 30 см). Это дает возможность в любой момент восстановить точное положение данного предмета по отношению к трупу.

Все эти данные имеют решающее значение при решении вопроса о том, убийство или самоубийство имело место в данном случае.

Из других следов, которые могут оказаться на месте преступления, особое значение имеют кровяные пятна. Эти пятна, имеющие форму брызг, капель, луж и потоков крови, дают следователю богатый материал для восстановления обстановки, при которой было совершено преступление.

В объеме журнальной статьи нет возможности подробно описать все особенности каждого из указанных видов кровяных пятен[1], но необходимо подчеркнуть, что все такие пятна, их форма, размеры, места, где они находятся и т. д., должны быть тщательно изучены следователем, отмечены на плане местности и описаны в протоколе осмотра.

Отсутствие кровяных пятен, если повреждения на трупе такого рода, что они должны были бы вызвать кровотечение, также должно быть особо оговорено в протоколе осмотра. Это дает основания предполагать, что убийство было совершено где-либо в другом месте, и труп уже после наступления смерти, когда кровотечение прекратилось, был перенесен туда, где он был впоследствии обнаружен.

Иногда отсутствие кровяных пятен объясняется тем, что помещение, где произошло убийство, было вымыто с целью скрыть следы преступления. Если есть основания предполагать это, следователь должен искать следов крови под различными прикрытиями, где они могли остаться незамеченными лицами, производившими уборку комнаты. Так, например, по одному делу о террористическом акте следствие имело все основания предполагать, что убийство было совершено в доме кулака Х. Однако при самом тщательном осмотре этого дела никаких следов крови не оказалось.

Тогда следователь приподнял плинтус, к которому были прикреплены края досок, составлявших пол комнаты. Под плинтусом была обнаружена бурая грязь.

При исследовании этой грязи химико-микроскопическая экспертиза с несомненностью установила наличие в ней человеческой крови.

Таким же образом следы крови могут быть обнаружены под различными тяжелыми предметами: под шкафами, под комодами, под ножками столов и т. п.

Само собою разумеется, что обнаруживаемые на месте преступления следы ног и следы пальцев рук имеют по делам об убийствах исключительно важное значение. Они служат не только для сопоставления их со следами ног и с дактилоскопическими отпечатками подозреваемого, но и для того, чтобы уяснить себе, как передвигался преступник на месте преступления, что он там делал. Дело в том, что уже при осмотре места преступления следователь может получить ценные указания на мотивы убийства, которые помогут ему направить расследование по правильному пути.

При каждом осмотре места преступления по делам об убийствах нужно поставить перед собой вопрос, не было ли убийство совершено с целью грабежа, и если да, то что именно было похищено. Проверка наличия ценных вещей, которые убитый должен был иметь при себе, осмотр всякого рода хранилищ, которые могли привлечь внимание грабителя, поиски отпечатков пальцев на этих хранилищах и проверка целости их содержимого, безусловно, обязательны при всяком осмотре места убийства.

След ног и отпечатки пальцев могут также помочь следователю разрешить очень важный вопрос: каким путем убийца проник в то место, где убийство было совершено, и как он оттуда ушел. Этот вопрос следователь всегда должен иметь в виду при осмотре и искать на него ответ. Он должен тщательно осмотреть все запоры, двери и окна, пол перед дверью, землю под окнами для того, чтобы выяснить, нет ли в этих местах следов

[1] Подробные данные по этому вопросу можно найти в указанной книге Бокариуса, а также в кн. I курса «Криминалистика», изд. Института уголовной политики, под редакцией А. Я. Вышинского.

ног, отпечатков пальцев или каких-либо повреждений, которые указывали бы на насильственное проникновение в данное помещение.

Если следы ног и пальцев рук хорошо сохранились и если следователь с достаточным вниманием изучит эти следы, он очень часто получит возможность воспроизвести всю картину преступления со всеми подробностями. Какие поразительные результаты могут быть таким образом получены, показывает следующий случай, имевший место в 1926 г. в Северокавказском крае.

В одном селе ранней весной было совершено убийство гр. У. Убитый был найден на дорожке своего сада. Так как сад был огорожен и сразу же после обнаружения трупа были приняты меры охраны места преступления, следы ног на влажной земле хорошо сохранились.

Через некоторое время следователь обнаружил ряд косвенных улик, указывавших как на убийцу на гр. Х. Однако эти улики сами по себе не были достаточно убедительны, чтобы только на основании их одних можно было предать Х. суду. Сличение следов, сделанных обувью, отобранной у Х., со следами на месте преступления показало только приблизительное совпадение размеров этих следов, но мелкие особенности следов (неровность краев подошвы, царапины, выступающие гвозди на подошве и т. п.) не совпадали. Совпадение же размера следов само по себе ничего не говорит, так как ясно, что два разных человека, носящие ботинки одного и того же номера, оставят одинаковые по размеру следы.

Тем не менее следователь на основании имевшихся у него косвенных улик предъявил Х. обвинение в убийстве. Х. не только не признал себя виновным, но совершенно уверенно заявил, что в этот день он был в городе, расположенном в 80 км от места преступления, и указал двух свидетелей, которые, по его словам, могли это подтвердить.

В ответ на это следователь сказал ему: «Ничего подобного. Вы перелезли через забор около старой березы и некоторое время простояли, спрятавшись за стволом этой березы, очевидно, чтобы убедиться, что вас никто не видит. Затем вы на четвереньках переползли через грядки к кустам акации около дорожки, сидели там, ожидая вашу жертву, и даже выкурили две папиросы. Когда У. вышел из дома и, идя по дорожке, прошел то место, где вы были спрятаны, вы прыгнули на него сзади, свалили его с ног и вонзили ему нож в затылок. Затем вы бегом напрямик вернулись к той же березе, перелезли через забор и убежали».

Х., выслушав эти слова следователя, с недоумением произнес: «Но кто же мог меня видеть? Ведь я был твердо уверен, что в саду тогда никого не было». После этого ему, конечно, не оставалось ничего другого, как сознаться в убийстве.

Х. был прав. В саду никого не было и никто его не видел. Все, что говорил следователь, он знал только потому, что тщательно изучил все следы на месте преступления. Х., предвидя возможность того, что против него возникнет подозрение, подготовил себе алиби, заранее договорившись с двумя своими приятелями, что они подтвердят это алиби. Если бы не тщательное изучение следователем следов ног, преступление, вероятно, осталось бы нераскрытым.

Случай этот, конечно, исключительный. Только при очень благоприятных условиях есть возможность с такой точностью и полнотой восстановить по следам каждое движение преступника на месте преступления. Но и при отсутствии таких благоприятных условий тщательное изучение следов на месте преступления очень часто дает следователю, помимо других преимуществ, возможность заметить целый ряд несообразностей в показаниях свидетелей и подозреваемых, если эти показания в чем-либо не соответствуют действительности, и, наоборот, убедиться на основе объективных данных осмотра в правильности этих показаний, если они правильны.

Очень важное значение имеет обнаружение оружия, которым было совершено убийство, или следов действия этого оружия. В практике известно множество случаев, когда убийства были раскрыты только по найденному на месте преступления оружию убийства. Ножи, топоры и т. п. предметы, служащие оружием убийства, сплошь и рядом имеют на себе отпечатки пальцев и различные другие индивидуальные признаки, помогающие обнаружить их владельца. Так, в одном случае убийства топором имевшийся на топоре знак, являвшийся своего рода «фабричной маркой» кустаря-кузнеца, который его изготовил, дал возможность найти сначала кузнеца, изготовившего топор, а через него и владельца этого топора, который и оказался убийцей. В другом случае обнаружение около трупа сапожного ножа, которым были нанесены раны, дало следователю основание направить следствие в сторону выявления лиц, занимавшихся сапожным ремеслом, которые могли бы быть виновниками преступления; в третьем случае орудием преступления был крупный нож, который несколько свидетелей сразу же опознали, как принадлежащий бригадной кухарке той колхозной бригады, в которой было совершено убийство. Убийцей оказался муж этой кухарки. Поэтому обнаружение орудия преступления имеет по делам об убийстве исключительно важное значение.

Надо различать два случая:

1) орудие преступления оказывается непосредственно около трупа и сразу бросается в глаза при осмотре;

2) орудия преступления в непосредственной близости от трупа не оказывается.

Первый из этих случаев имеет место как в случае самоубийства, или в случае когда убийца сознательно создает обстановку, которая должна навести на мысль о самоубийстве, или когда вследствие сильного душевного волнения убийца сразу же после совершения преступления бежит, бросая орудие убийства, или, наконец, в тех случаях, когда убийца считает, что орудие преступления не может явиться уликой против него (при убийстве палкой, камнем или предметом, принадлежащим самому убитому).

Кроме того, бывают случаи, когда оружие, найденное около трупа, ошибочно принимается за орудие преступления. Так, например, в 1932 г. в Кабардино-Балкарской области около трупа с огнестрельной раной в голове был

обнаружен револьвер системы наган с двумя выстреленными патронами. Рана также была причинена пулей револьвера той же системы. Дальнейшее следствие, однако, доказало, что пуля, причинившая смерть, была выпущена из другого револьвера; убитый, как было потом установлено, отстреливался от нападавших, и его револьвер и был обнаружен около трупа. Таким образом сам по себе факт нахождения около трупа оружия, сходного с тем, которым должны были быть причинены имеющиеся на трупе повреждения, еще не доказывает, что это то самое оружие, которым эти повреждения были нанесены. Ответ на этот вопрос, если речь идет о холодном оружии, должна дать судебно-медицинская экспертиза. Если же речь идет об огнестрельном оружии — криминалистическая экспертиза пуль и гильз, если они будут обнаружены.

Основная задача следователя, если предмет, который есть основания считать орудием преступления, находится в непосредственной близости от трупа, заключается, как было указано выше, в том, чтобы как можно точнее установить положение этого предмета относительно трупа. Надо иметь в виду, что при самоубийстве оружие остается зажатым в руке трупа только в сравнительно редких случаях, главным образом при ранениях в мозг, вызывающих мгновенное окоченение трупа. В большинстве случаев самоубийца роняет оружие. Автоматические пистолеты (браунинг, маузер и т. п.) при падении на пол часто производят при этом выстрел и отскакивают в сторону. Это может создать иногда обстановку, способную ввести следователя в заблуждение.

Наоборот, убийцы, желающие придать своей жертве вид человека, покончившего самоубийством, обычно или прямо вкладывают оружие в его правую руку или кладут его рядом с этой рукой.

Поэтому во всех этих случаях громадное значение, помимо точного установления положения оружия относительно трупа, приобретает обнаружение на этом оружии отпечатков пальцев.

Если же в непосредственной близости от трупа нет предмета, который мог бы быть орудием преступления, следователь должен искать этот предмет. Для этого, прежде всего, нужно по характеру повреждений, имеющихся на трупе, составить себе приблизительное представление о характере того оружия, которым эти повреждения могли быть причинены. Ответить на этот вопрос не так легко, не так просто отличить огнестрельную рану от колотой, рубленую рану от резаной, рану, причиненную острым орудием, от раны, причиненной тупым орудием. Ганс Гросс в своем руководстве для судебных следователей описывает следующий случай: при драке в трактире один из дерущихся, обладавший геркулесовой силой, схватил большой стол и ударил этим столом по головам нескольких своих противников одновременно. В результате получились повреждения самого разнообразного вида. У одного из пострадавших рана на голове была совершенно ровной, как от сабельного удара.

Дать окончательный ответ на вопрос о том, каким орудием были причинены раны, дело судебно-медицинского эксперта, но крайне желательно, чтобы следователь имел достаточный судебно-медицинский опыт, чтобы составить себе хотя бы приблизительное представление о том, какого рода предмет ему надо искать.

Составив себе примерное представление о характере орудия преступления, следователь приступает к поискам этого орудия. Надо иметь в виду, что в большинстве случаев убийцы уносят к себе домой орудие преступления только в том случае, когда оно представляет известную ценность (огнестрельное оружие и т. п.).

В остальных случаях убийца всегда стремится поскорее отделаться от орудия преступления, в котором он справедливо усматривает серьезную улику против себя. Очень часто убийца уже на пути от места преступления бросает это орудие, стараясь выбрать для этого такое место, где его трудно будет найти. Орудия преступления часто находят в расположенных вблизи от места преступления колодцах, прудах, ямах, оврагах и т. п.

В тех случаях, когда по характеру повреждений на трупе нет оснований предполагать, что убийца унесет орудие преступления к себе домой (например, в большинстве случаев убийств, совершенных тупыми орудиями), следователь должен осмотреть все окрестности того места, где было совершено убийство, и поискать таких мест, которые убийца мог бы выбрать для того, чтобы бросить орудие преступления. Если такие места окажутся, их необходимо обыскать. Обнаружение орудия преступления в этих случаях, помимо указанных выше преимуществ, важно еще и потому, что оно дает следователю некоторое указание на то, в какую сторону направился преступник.

Особый характер имеет орудие преступления в тех случаях, когда труп найден повешенным.

Таким орудием в этих случаях является петля. Для следствия крайне важно, во-первых, положение петли на шее трупа. Дело в том, что положение это различно в случаях самоповешения и в случаях повешения другим лицом.

Убийства путем повешения совершаются сравнительно редко. В большинстве случаев, когда обнаружен висящий труп, имеет место либо самоубийство, либо повешение уже убитого (или во всяком случае приведенного в бессознательное состояние) человека, для того чтобы создать видимость самоубийства.

Задача следователя заключается в том, чтобы суметь различить эти два случая. Положение петли на шее трупа, характер оставленной петлей на шее трупа так называемой странгуляционной борозды имеет в этом отношении решающее значение.

И то и другое должно быть детально описано в протоколе осмотра.

Очень важное значение имеет в этих случаях самая петля. При снятии повешенного трупа никогда нельзя развязывать петлю. Кусок веревки, на котором висел труп, вместе с петлей должен быть целиком приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

Дело в том, что у людей разных профессий, которым часто приходится иметь дело с веревками (моряки, пожарные и т. п.), есть, специфические способы завязывания узлов,

свойственные только данной профессии. Криминалистическая экспертиза часто может дать по такой петле указания, какой из таких специфических способов завязывания узлов был в данном случае применен. В криминалистической литературе описаны случаи, когда убийства были раскрыты именно таким путем.

Если веревка, на которой висит труп, перекинута через какой-нибудь деревянный предмет (через балку, через ветвь дерева и т. п.), то следователь обязательно должен осмотреть в лупу волокна древесины на том месте, по которому проходила веревка. Если сначала была привязана веревка, а затем на нее был повешен человек (как всегда бывает при самоубийствах), то эти волокна будут отогнуты давлением веревки вниз. Если же, наоборот, сначала была надета на человека петля, а потом тело его было поднято вверх, так что сук дерева, балка и т. п. играли роль блока (как бывает в большинстве случаев при убийствах), то волокна древесины будут отогнуты вверх. Этот признак имеет иногда решающее значение.

Если убийство было совершено огнестрельным оружием, то найти самое оружие на месте преступления удается сравнительно редко. Огнестрельное оружие убийца обычно уносит с собой. Поэтому в этих случаях задача следователя сводится к обнаружению тех следов действия этого оружия, которые должны быть на месте преступления.

Эти следы могут дать возможность ответить на следующие вопросы:

1) Из какого именно оружия (какой системы, какого калибра) был произведен выстрел?

2) С какого расстояния был произведен выстрел?

3) Каково было направление выстрела?

Кроме того, пуля (при стрельбе из нарезного оружия) и гильза (при стрельбе из автоматических ружей и револьверов) могут дать эксперту по оружию возможность установить индивидуальные признаки того оружия, из которого был произведен выстрел. По особенностям следов нарезов на пуле, по особенностям следов от удара ударником по пистону эксперт часто может точно сказать, была ли пуля, найденная на месте преступления, из того самого оружия, которое отобрано у подозреваемого.

В объеме настоящей статьи нет возможности дать подробно описания всех следов действия огнестрельного оружия и способов их исследования[1]. Необходимо только указать, что во всех случаях убийства, совершенного огнестрельным оружием, следователь должен искать следующие следы:

1) пулю или дробь, которыми оружие было заряжено;

2) гильзу (при стрельбе из автоматических ружей и револьверов), или пыжи (при стрельбе из гладкоствольных охотничьих ружей);

3) следов ожога, копоти, внедрившихся порошков около места попадания пули (эти следы имеют громадное значение для определения расстояния, с которого был произведен выстрел);

4) повреждения всякого рода, причиненные снарядом. Сюда относятся не только повреждения на трупе, но и все повреждения, причиненные снарядом по пути его полета (например, отверстия, пробитые в стекле окна, и т. п.). Эти следы особенно важны для определения направления выстрела.

Обнаружив эти следы, следователь должен подробно описать в протоколе осмотра их вид и местонахождение, отметить местонахождение этих следов на плане и сфотографировать их. То, что возможно, надо приобщить к делу в качестве вещественных доказательств. Обязательно должны быть приобщены к делу пуля или дробь, пыж и гильза. При выстреле через окно должно быть приобщено к делу и пробитое стекло. Для этого стекло наклеивается на лист твердого картона, причем выпавшие осколки вставляются на место, после чего стекло вынимается вместе с приклеенным к нему картоном.

Перед тем, как вынуть стекло, надо отметить путем наклейки на угол стекла куска бумаги с надписью, какая сторона стекла была обращена к окну внутрь комнаты, какая — наружу. Это очень важно, если впоследствии возникает вопрос, не был ли выстрел произведен изнутри комнаты.

Производя осмотр места преступления, следователь должен стараться выяснить, когда было совершено убийство. Как уже было сказано, ценные указания по этому поводу может дать судебно-медицинский эксперт по степени развития на трупе так называемых трупных явлений. Но и сам следователь при осмотре места преступления может найти ряд следов, которые могут дать ему важные указания по этому вопросу.

Если в месте, где находится труп, есть часы (висячие часы или часы-будильник в комнате, карманные часы или часы-браслет на трупе), следователь всегда должен удостовериться, идут они или нет. Если часы идут, то следователь должен взять эти часы и, отнюдь не трогая завода, проследить за тем, когда они остановятся. Любой часовщик скажет после этого следователю, когда эти часы были последний раз заведены. Это даст следователю возможность предполагать, что убийство было совершено во всяком случае после этого момента[1].

Если же часы стоят, то следователь также должен отметить в протоколе осмотра, какой час показывают стрелки, а затем вызвать эксперта — часовщика и выяснить причину остановки. Иногда случается, что причина остановки часов находится в прямой связи с убийством (например, опрокидывание будильника во время борьбы убитого с убийцей, погружение карманных часов в воду при утоплении и т. п.). В этом случае положение стрелок прямо покажет время, когда убийство было совершено.

Но помимо часов целый ряд других обстоятельств могут дать следователю косвенные указания о времени, когда было совершено убийство.

---

[1] См. по этому вопросу «Криминалистика», изд. Института уголовной политики, под ред. А. Я. Вышинского, кн. 1, стр. 75—84.

[1] В практике известны, правда, случаи, когда убийца, после совершения убийства, заводил часы убитого, но такие случаи — крайне редки.

Постелены или не постелены на ночь кровати. Одет или раздет убитый. Насколько сгорела свеча или сколько выгорело керосина в лампе и т. д. Вопросы могут быть всегда разрешены при осмотре места преступления, а разрешение этих вопросов дает важные указания относительно времени, когда убийство было совершено.

Так как, по возможности точное, определение момента совершения убийства имеет очень важное значение при расследовании дела, следователь всегда должен иметь этот вопрос в виду при осмотре места обнаружения трупа и всеми способами искать на него ответа.

Указанные обстоятельства отнюдь не исчерпывают собой всего, что может быть обнаружено при осмотре места обнаружения трупа.

Самые ничтожные на первый взгляд следы и предметы могут повести к раскрытию преступления. Вот примеры нескольких таких случаев.

Ганс Гросс описывает следующий случай: на мосту через реку раздался выстрел. Прибежавшие туда сразу же после выстрела люди нашли на середине моста труп владельца фабрики с огнестрельной раной в голове. Никакого оружия около него не было. Ворот рубашки был разорван. Бумажника при трупе не оказалось.

Все это дало основание предполагать убийство с целью грабежа. По подозрению в совершении этого убийства был задержан бродяга, которого незадолго до этого видели около моста.

Неизвестно, какова была бы судьба этого бродяги, если бы следователь не обратил внимания на царапину на перилах моста. Труп лежал на середине моста, и с первого взгляда эта царапина не имела ровно никакого отношения к делу. Однако следователь исследовал дно реки под тем местом, где была царапина, и извлек со дна револьвер, к рукоятке которого была привязана длинная веревка с грузом на другом конце.

Оказалось, что разорившийся фабрикант решил покончить жизнь самоубийством, но, чтобы не лишать семьи права на получение страховой суммы за его жизнь, решил симулировать убийство. Выбросив бумажник и разорвав на себе рубашку, он привязал к револьверу веревку с грузом, перебросил конец веревки с грузом через перила моста и выстрелил себе в висок.

Понятно, что привязанный к веревке груз увлек за собой револьвер на дно реки.

Произведенными экспериментами было установлено, что при таком расположении веревки и револьвера последний, падая в реку, зацеплялся за перила, оставлял на них царапины, подобные той, которая была обнаружена при первоначальном осмотре места обнаружения трупа.

В Киеве был случай, когда убийство было раскрыто благодаря стружкам карандаша, который убийца очинил на месте преступления.

Убийство одной женщины в Москве удалось раскрыть потому, что в пепельницах на месте преступления были обнаружены обрывки записок, которыми убийцы переписывались между собой, сговариваясь в присутствии своей жертвы, каким образом совершить убийство.

В целом ряде случаев убийцу удавалось обнаружить по клоку волос, по оторванной пуговице, по клочку материи, зажатых в руке убитого.

Перечислить все предметы такого рода, которые могут быть обнаружены при осмотре, нет возможности. Следователь, производя осмотр места обнаружения трупа, должен обращать внимание и отмечать в протоколе осмотра всякий предмет, не являющийся обычной принадлежностью того места, где производится осмотр, всякое изменение в обычной обстановке этого места: передвинутое на необычное место кресло, переставленную лампу и т. п.

Закончив статический осмотр, засняв план осмотренной местности, сделав необходимые фотоснимки, слепки со следов ног и т. п., следователь приступает к производству динамического осмотра, в первую очередь динамического осмотра трупа. Вопрос о наружном осмотре и о судебно-медицинском вскрытии трупа будет освещен в специальной статье.

Н. АЛЕКСАНДРОВ

Право на труд и социалистическое правовое регулирование труда

1

Сталинская Конституция закрепила величайший исторический факт осуществления в основном социалистического общества в СССР.

В условиях победившего социализма впервые в истории созданы необходимые предпосылки для действительного развития личности.

Социалистическое общество «мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной» [1].

[1] Сталин, Беседа с г-ном Рой Говардом.

Вот почему Сталинская Конституция — основной закон социалистического общества — посвящает специальный раздел правам и обязанностям граждан СССР.

Первое место в системе прав, гарантируемых Сталинской Конституцией гражданам, занимает право на труд.

Право на труд является основным правом граждан социалистического государства рабочих и крестьян. «Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплоатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищеты, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище,

хлеб»[1]. Обеспечением права на труд для граждан СССР создано реальное условие для подлинной, настоящей свободы.

Капиталистическая система хозяйства отнимает у трудящегося даже право на подневольный труд, отнимает то, чем фактически обладали раб и крепостной. «Существование раба обеспечено личной выгодой владельца; у крепостного есть, по крайней мере, кусок земли, которым он живет: оба они гарантированы, по меньшей мере, от голодной смерти; пролетарий же предоставлен исключительно себе самому и в то же время не в состоянии найти такого приложения своим силам, чтобы на них можно было рассчитывать...»[2].

Буржуазные историки обычно видят только одну сторону исторического процесса превращения производителя в наемного рабочего — это освобождение производителя от крепостной и цеховой зависимости. «Но имеется и другая сторона, состоявшая в том, что освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями»[3].

Экспроприированный крестьянин и ремесленник получают от буржуазных конституций и буржуазных гражданских кодексов одно право — «отдавать в наем свои услуги», то есть право продавать свою рабочую силу.

Право купли-продажи рабочей силы является стержнем капиталистического правового регулирования труда. Превращению рабочей силы в своеобразную разновидность товара соответствует включение буржуазными гражданскими кодексами трудового договора в общую систему меновых имущественных сделок.

Стремление буржуазно-либеральной юриспруденции отграничить наем труда от имущественных сделок и тем самым отделить регулирование наемного труда от системы буржуазного гражданского права в особую отрасль права (так называемое «трудовое право») выражают попытки создать представления о том, что современный буржуазный правопорядок якобы ограждает «человеческую личность от превращения в пассивное средство для чужих целей»[4].

Но и право продавать свою рабочую силу является для пролетария только лишь формальным правом. Капиталистическая система хозяйства и конституции буржуазных государств никогда не гарантируют рабочему фактическую покупку его рабочей силы. «Создание относительного перенаселения или промышленной запасной армии» Маркс называет «первым словом» производимого капитализмом «приспособления» численности рабочих к потребностям капитала в самовозрастании[5].

Безработица является необходимой составной частью капиталистического механизма. Чем дальше развивается крупная капиталистическая индустрия, тем большим колебаниям подвергается спрос на рабочую силу в зависимости от кризисов и периодов подъема промышленности. Капиталистическое производство «не могло бы существовать, если бы не было избыточного населения (т. е. превышающего средний спрос капитализма на рабочих)...»[1].

Охраняемая буржуазным правопорядком «свобода собственности» для мелкой буржуазии и крестьян означает «свободу продавать задавленную могущественной конкуренцией крупного капитала и крупного землевладения мелкую собственность именно этим магнатом капитала»[2]. Так, по меткому выражению Энгельса, «свобода собственности» для мелкой буржуазии и крестьян превращается в «свободу от собственности». Лишаемые капиталистической конкуренцией своей мелкой собственности крестьяне и другие слои мелкой буржуазии переходят в ряды пролетариата.

Если развитие капитализма всегда непрерывно увеличивало безработицу, принимавшую особенно большие размеры в период экономических кризисов, то общий кризис капиталистической системы отличается наиболее значительным ростом безработицы.

Для современного общего кризиса капитализма характерно наличие «миллионных армий безработных, превратившихся из резервных в постоянные армии безработных»[3].

Основоположники марксизма резко критиковали реформистские пожелания об осуществлении права на труд в условиях сохранения капиталистической системы.

Сравнивая речи французских мелкобуржуазных демократов 1848 г. о праве на труд французского рабочего и речи крестьян-трудовиков во второй Думе о праве на труд русского крестьянина, В. И. Ленин прежде всего отмечал, что «и то и другое, несомненно, декламация буржуазного демократа, смутно выражающая действительное историческое содержание борьбы»[4].

Требование права на труд французского рабочего XIX в. выражало пожелание обновить все мелкое производство на началах кооперации при сохранении капиталистической собственности. В действительности же «за правом на труд стоит власть над капиталом, а за властью над капиталом — присвоение средств производства, подчинение наемного труда, капитала и их взаимоотношения»[5].

Иначе говоря, осуществление права на труд может быть следствием уничтожения капиталистической собственности и присвоения средств производства обществом. «Право на труд в буржуазном смысле (т. е. право на труд, мыслимое при сохранении капиталистической собственности, — Н. А.) есть

[1] Сталин, Беседа с г-ном Рой Говардом.
[2] Энгельс, Положение рабочего класса в Англии (Маркс и Энгельс, т. III, стр. 408).
[3] Маркс, Капитал, т. I, стр. 614.
[4] Л. С. Таль, Трудовой договор. Цивилистическое исследование, 1913, стр. 35.
[5] Маркс, Капитал, т. I, стр. 51.

[1] Ленин, т. II, стр. 46 (подчеркнуто В. И. Лениным).
[2] Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 259.
[3] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 494.
[4] Ленин, т. XI, стр. 473.
[5] Маркс, Классовая борьба во Франции.

бессмыслица, жалкое благочестивое пожелание...» [1].

Вот почему В. И. Ленин указывал, что «в праве на труд французского мещанина и крестьянина нет ничего, кроме ложной социалистической теории» [2].

Декламация же о праве на труд русских трудовиков смутно выражала действительные задачи русской буржуазной революции, которая по объективным условиям была возможна в России XX в. Право на труд русского крестьянина XX в. выражало пожелание обновить мелкое земледельческое производство на национализированной земле. Поэтому В. И. Ленин считал, что в «праве на труд» русского крестьянина XX в. есть, кроме ложной социалистической теории, реальное буржуазное содержание [3].

Однако, несмотря на реальное буржуазное содержание, требование русских трудовиков о праве на труд не переставало быть «декламацией». Даже осуществление отмены частной собственности на землю все равно не гарантировало бы в условиях капиталистической системы хозяйства русскому крестьянину права на труд, как не изменила бы капиталистического пути развития деревни, при котором для основных масс крестьянства неизбежны разорение и переход в ряды пролетариата.

II

Великая октябрьская социалистическая революция открыла возможности уничтожения безработицы на базе социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Обеспечение права на труд, как и все достижения социалистического строительства, не наступает стихийно, самотеком, после взятия власти рабочим классом в свои руки, а завоевывается в труднейшей, упорной, героической борьбе против внешних и внутренних сил контрреволюции, против наследия капиталистического прошлого в экономике и классовой структуре общества.

«Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную донельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиста» [4].

В первые годы своего существования советская республика с разрушенным хозяйством, окруженная кольцом белых армий и интервентов, была поставлена перед угрозой того, что «безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь все силы для беспощадно строгой экономии потребления, правильности распределения» [5]. Это был период, когда В. И. Ленин писал, что «безработица свирепствует все более грозно» [6].

Страна советов под руководством большевистской партии Ленина — Сталина победоносно вышла из трудностей гражданской войны и приступила к восстановлению народного хозяйства.

Уже в годы восстановления народного хозяйства была полностью ликвидирована безработица среди квалифицированных рабочих, но цифра безработных все же достигала миллиона за счет притока лиц неквалифицированного труда из деревни, где продолжало преобладать мелкотоварное хозяйство.

При переходе к социалистической реконструкции народного хозяйства, наряду с развертыванием строительства новых предприятий, большую роль в сокращении безработицы сыграл перевод предприятий на 7-часовой рабочий день (с 1927 г.) и повышение коэфициента сменности в промышленности.

Решающее значение в борьбе за право на труд и уничтожение безработицы имели уже первые годы первой сталинской пятилетки.

Если в процессе восстановления народного хозяйства не было уже безработицы среди квалифицированных кадров, то в период социалистической реконструкции промышленности спрос на эти кадры принял огромные размеры. С другой стороны, массовый поворот крестьян в сторону колхозов приостановил самотек рабочей силы из деревни.

Уже в своем докладе на XVI партсъезде (июнь 1930 г.) товарищ Сталин отмечал, что «биржи труда не удовлетворяют спроса наших предприятий на рабочую силу процентов на 80».

Остатки безработицы в первой половине 1930 г. объяснялись исключительно тем, что органы НКТ не сумели в необходимой мере развернуть подготовку квалифицированных рабочих для хотя бы частичного удовлетворения огромных потребностей растущей социалистической промышленности в кадрах.

«Ясно, во всяком случае, что эти безработные не составляют ни резервной, ни тем более постоянной армии нашей промышленности», — отмечал в 1930 г. в докладе на XVI партсъезде товарищ Сталин.

Знаменательной исторической вехой в борьбе за право на труд является постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г., констатировавшее что «огромный успех социалистической индустриализации страны и быстрый темп колхозного и совхозного строительства привели к полной ликвидации безработицы в Советском союзе и потребовали дополнительных сотен тысяч рабочих» [1].

Это же постановление крепко ударило по бюрократическим извращениям правых отщепенцев в органах НКТ в вопросах разрешения проблемы кадров и борьбы с фиктивной «безработицей», а также наметило целую систему мероприятий по обеспечению народного хозяйства рабочей силой (подготовка новых кадров, повышение квалификации и т. д.).

Исторические указания товарища Сталина об организованном наборе рабочей силы (речь на совещании хозяйственников в июне 1931 г.) уже исходят из факта осуществления в СССР права на труд.

«Раньше обычно рабочие сами шли на заводы, на фабрики, был, стало быть, некий

[1] Маркс, Классовая борьба во Франции.
[2] Ленин, т. XI, стр. 473.
[3] Там же.
[4] Ленин, т. XXIII, стр. 27.
[5] Там же, стр. 27—28.
[6] Там же, стр. 30.

[1] «Правда» 22 октября 1930 г.

самотек в этом деле. А самотек этот вытекал из того, что была безработица, было расслоение в деревне, была нищета, был страх голода, который гнал людей из деревни в город... Обстановка теперь изменилась в корне... Во-первых, мы ликвидировали безработицу, — стало быть, мы уничтожили ту силу, которая давила на «рынок труда». Во-вторых, мы подорвали в корне расслоение в деревне, — стало быть преодолели ту самую массовую нищету, которая гнала крестьянина из деревни в город... Значит, от «политики» самотека надо перейти к политике организованного набора рабочих для промышленности [1].

III

Завоеванное в результате развернутого социалистического наступления по всему фронту право на труд Сталинская Конституция закрепляет в качестве одного из основных устоев социалистического государства рабочих и крестьян. Равное с мужчиной право на труд Конституция закрепляет за женщинами.

При всем этом Конституция «не просто провозглашает право на труд, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта отсутствия кризисов в советском обществе, факта уничтожения безработицы» [2].

Конституция закрепляет право на труд для всех граждан СССР. «Советское общество состоит, как известно, из двух классов, из рабочих и крестьян». Хотя грани между этими классами стираются, поскольку рабочий класс СССР уже не пролетариат в прямом смысле слова, а крестьянство, в массе своей вошедшее в колхозы, уже не старое крестьянство, но остатки классовых различий еще сохраняются. Эти различия, связанные с особенностями двух форм социалистической собственности, не могут не проявляться и в формах осуществления права на труд.

Рабочий класс СССР и вошедшее в своей основной массе в колхозы крестьянство объединены социалистической системой хозяйства. «Но находясь в одной общей системе социалистического хозяйства, рабочий класс связан своим трудом с государственной социалистической собственностью (всенародным достоянием), а колхозное крестьянство — с кооперативно-колхозной собственностью, принадлежащей отдельным колхозам и колхозно-кооперативным объединениям» [3].

Конкретное отношение, содержанием которого является выполнение работником определенного рода работы в данном советском государственном предприятии с оплатой по количеству и качеству труда, устанавливается трудовым договором.

Социалистический трудовой договор служит той формой связи между конкретным рабочим и социалистическим государством (в лице администрации конкретных государственных предприятий), посредством которой устанавливаются и закрепляются определенное место, характер и объем участия работника в общем социалистическом труде и соответствующее этому участию вознаграждение.

Социалистический трудовой договор призван оформлять и закреплять индивидуально-конкретное осуществление права на труд на базе государственной формы социалистической собственности.

Участие работника в социалистическом труде, основанном на кооперативно-колхозной форме собственности, предполагает наличие колхозно-правового отношения, в силу которого данный гражданин вместе с другими членами данного колхоза (или кооперативного объединения) участвует в совместном осуществлении права колхозно-кооперативной собственности [1]. Такое колхозно-правовое отношение между конкретным колхозником и коллективом данного колхоза устанавливается, оформляется и закрепляется актом вступления в члены колхоза.

Из членства в колхозе вытекают конкретные права и обязанности крестьянина по участию в колхозном труде.

Для крестьян, труд которых в большинстве случаев связан с кооперативно-колхозной собственностью, формой осуществления права на труд является членство в колхозе.

С особенностями форм осуществления права на труд связаны различия в методах правового регулирования труда рабочих и правового регулирования колхозного труда.

Труд колхозного крестьянства регулируется самими колхозниками в порядке внутриколхозных актов (правила внутреннего распорядка, постановления общего собрания, постановления правления, указания бригадира, назначаемого правлением артели) на основе Устава сельхозартели.

Нахождение колхозов в общей системе социалистического хозяйства выражается и в том, что основные указания к внутриколхозному регулированию труда даются государством. Примерный устав сельхозартели является законом социалистического государства.

Однако государственное руководство колхозами отнюдь не подменяет внутриколхозного регулирования. Обратное положение противоречило бы природе колхозно-кооперативной социалистической собственности, закрепленной в Конституции. Колхозно-кооперативная собственность является собственностью отдельных колхозов и кооперативных объединений, следовательно, и труд, организуемый на базе этой собственности, должен регулироваться самими колхозами и кооперативными об'

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 449.

[2] Сталин, Доклад о проекте Конституции Союза ССР, стр. 21.

[3] Молотов, Конституция социализма, Партиздат, 1936, стр. 33—34, (подчеркнуто мною — Н. А).

[1] Только в строго ограниченных случаях для работ, не могущих быть выполненными в силу квалифицированных требований или непредвиденной срочности трудом членов колхоза, допускается привлечение к труду в колхозе нечленов данного колхоза, т. е. в порядке трудового договора (ср. § 12 утв. СНК СССР и ЦК ВКП(б) Примерного устава сельхозартели).

единениями на основе руководящих указаний социалистического государства рабочих и крестьян.

Труд рабочих и служащих регулируется Кодексом законов о труде и дополняющим его трудовым законодательством. В Кодексе законов о труде установлены «Основы рабочего законодательства» (Ленин), рабочего не только в смысле классовой природы (как и все законодательство государства диктатуры рабочего класса), но в смысле объекта регулирования — труд рабочих и служащих.

«Рабочее законодательство» социалистического государства вместе с постановлениями о труде в Сталинском уставе сельхозартели (и в Положении о промысловой кооперации) образуют органически единую систему советского социалистического трудового права[1].

Сталинская Конституция, закрепляя право всех граждан СССР на труд, устанавливает общую для всех обязанность трудиться и право на вознаграждение по труду.

Общие принципы социалистического правового регулирования труда находят различные преломления, смотря по тому, имеем ли мы дело с государственными предприятиями последовательно-социалистического типа, или с предприятиями кооперативно-колхозными. Единство принципов социалистической организации труда не устраняет различий, вытекающих из различий двух форм социалистической собственности: государственной и кооперативно-колхозной. Эти различия, в частности, выражены в диференциации единой системы советского социалистического трудового права на «рабочее законодательство» и внутриколхозное регулирование труда на основе Сталинского устава сельхозартели.

IV

«Новая Конституция не есть программа будущего. Это — завоевания, это — итоги многолетней борьбы. Отсюда из этих совершенно правильных предпосылок недальновидные люди могут сделать вывод, что в стиле и методах государственной работы ничего не изменилось. Это неправильный вывод. Дело заключается в том, чтобы каждый гражданин полностью использовал все права, которые ему предоставлены... чтобы повсеместно... было обеспечено, гарантировано, на деле осуществлялось все, что завоевано и записано в новой Конституции»[2].

Отсюда ясно, что как Сталинская Конституция в целом, так и, в частности, ст. 118 Конституции о праве на труд ставят новые задачи перед советским социалистическим правом.

Эти задачи состоят не только в охране общих условий реализации права на труд (господство социалистической собственности и т. д.), но и в организации осуществления права на труд в каждом конкретном случае.

В свете задач охраны права на труд для нашего колхозного права особо возрастает значение главы V Устава сельхозартели, где закреплены основные вопросы членства в колхозе.

Борьба с незаконными исключениями из колхоза, с незаконными отказами в приеме в колхоз должна занимать одно из главных мест в осуществлении социалистической законности в области земельно-колхозных отношений.

Особое значение приобретает трудовой договор как форма реализации права на труд. Это обязывает, наряду с надзором за выполнением трудовых договоров, особо усилить контроль над их заключением, над порядком приема на работу.

Необходима решительная борьба с бюрократическими извращениями в практике приема на работу, которые в какой-либо мере ограничивают трудящихся в осуществлении права на труд.

Характерным с этой точки зрения является постановление ЦИК Союза ССР от 5 октября 1936 г. об уголовной ответственности за отказ в приеме на работу женщин по мотивам беременности[1].

Против бюрократических извращений в приеме на работу направлено и утвержденное СНК СССР постановление III пленума Комиссии советского контроля о недопустимости отказов в приеме на работу по таким мотивам, как социальное происхождение, судимость в прошлом, осуждение родителей или родственников и т. п., поскольку это не предусмотрено специальными законами[2].

Осужденные Комиссией советского контроля случаи отказа в приеме на работу по формальным мотивам обычно являлись результатом подмены большевистской бдительности фальшивой самостраховкой.

Бюрократические посягательства на обеспечение трудящихся СССР правом на труд выражались в таких формах, как посылки «секретных» характеристик для перехода работника на другую работу. Упомянутое выше постановление Комиссии советского контроля запрещает посылку «секретных» характеристик и допускает лишь выдачу открытых характеристик.

Для борьбы с незаконными ограничениями в праве на труд имеет важное значение указание Комиссии советского контроля о том, что взыскания в виде лишения права занимать ответственные должности или запрещения работать в той или иной местности, могут налагаться только по решению высших правительственных органов, а запрещение на определенный срок работы в системе данного ведомства может применяться только по решению наркома в случаях, предусмотренных законом.

В связи с этими решениями Комиссии советского контроля вызывается необходимость уточнения постановления ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. (СЗ № 60) в части о злостных дезорганизаторах производства. Уже на современном этапе воспитания социалистической дисциплины труда необходимость в такой мере, как лишение права на полгода работы в промышленности и на транспорте, может иметь место в самых исключительных

---

[1] См. мою статью «Против антипартийных извращений в понимании категории советского трудового права» в журнале «Соц. законность» № 3 за 1937 г.

[2] Передовая «Правды» от 8 декабря 1936 г.

[1] СЗ 1936 г.

[2] СЗ 1936 г.

случаях. Круг лиц, подпадающих под категорию «злостных дезорганизаторов производства», должен быть еще более ограничен. Необходимо решительно усилить борьбу с нередко встречающимися на практике попытками приклеивания ярлыка «злостного дезорганизатора» к любому нарушившему дисциплину.

В свете задач охраны права на труд становятся особо недопустимыми факты незаконных увольнений работников. Колоссально возрастает роль ст. 47 КЗоТ РСФСР и соответствующих статей КЗоТ других республик, нарушения которых теперь не могут рассматриваться иначе, как посягательства на охраняемое Конституцией право на труд.

В решениях III пленума Комиссии советского контроля специально отмечена недопустимость увольнений по формальным мотивам, как из-за социального происхождения, наличия административно-судебных взысканий в прошлом и т. д.

Задачи усиления борьбы с бюрократическими посягательствами на право на труд требуют проведения на деле ответственности за неправильные увольнения. Не случайно в предложениях трудящихся при обсуждении проекта Сталинской Конституции фигурировало в дополнение к ст. 118 об усилении ответственности за незаконные увольнения. Надо отметить, что в судебной практике недопустимо редко применяются предусмотренные действующим законодательством о труде меры ответственности за противозаконные увольнения (возложение на виновных в неправильном увольнении лиц обязанности возместить предприятию суммы, выплачиваемые восстановившемуся работнику за вынужденный прогул, а в злостных случаях привлечение к ответственности по ст. 133 УК). Большей же частью решения по делам незаконных увольнений ограничиваются лишь восстановлением работника в должности и материальной компенсацией за вынужденный прогул.

В связи с задачами охраны права на труд следует усилить борьбу с противозаконными фактами выдачи увольняемым справок, дискредитирующих работника и затрудняющих его поступление на другую работу.

Неослабный контроль за исполнением советских законов о трудовых договорах, о порядке приема на работу, об увольнениях, а также за исполнением директив государства и Устава сельхозартели о колхозном членстве является одним из необходимых условий охраны права на труд.

Л. Н.

„Правосудие“ палачей и провокаторов

(К 25-летию ленского расстрела)

Двадцать пять лет назад свершилось одно из чудовищных злодеяний царизма — массовый расстрел рабочих на Ленских золотых приисках.

Ленский расстрел «явился точнейшим отражением в с е г о режима третьеиюньской монархии» (Л е н и н), того режима, который сложился в результате государственного переворота 3 июня 1907 г., восстановившего самодержавие царя в союзе с Думой черносотенных помещиков и торгово-промышленных тузов.

Жандармский офицер Трещенков, приказавший открыть огонь по безоружным рабочим, собравшимся для того, чтобы заявить властям о своих нуждах, был характерной фигурой для периода разгула черносотенной контрреволюции.

Звериная расправа с рабочими на Лене не могла не вызвать огромного возмущения всего рабочего класса и послужила «поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс» (Л е н и н). По всей стране поднялась волна стачек и демонстраций протеста.

Благодаря руководству большевистской партии борьба рабочих отдельных предприятий находила живую поддержку всего рабочего класса, частичные стачки превращались в массовые, экономическая борьба перерастала в политическую.

Эта политика большевиков встречала бешеное сопротивление заклятого врага народа, предателя Троцкого, пытавшегося всеми силами сорвать стачечную борьбу или в крайнем случае помешать стачечному движению перерасти в революционную борьбу.

Троцкий приложил все усилия к тому, чтобы извратить смысл ленских событий и свести все задачи борьбы рабочего класса лишь к лозунгу «свободы коалиций», то есть свободы собраний и союзов.

«Нет ничего более лживого, — писал в июне 1909 г. В. И. Ленин, — как либеральная выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким в венской «Правде», будто борьба за свободу коалиций является о с н о в о й как ленской трагедии, так и ее могучего отклика в стране».

В действительности «в ленском расстреле обнаружилось вовсе не отсутствие свободы именно коалиций, а отсутствие свободы... от провокации, от общего бесправия, от огульного произвола» (Л е н и н).

Ленские события ярко показали «полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во в с е х отношениях» (Л е н и н).

Характерно, что жандарм Трещенков встал на путь массовых расстрелов без всяких к тому политических поводов и вопреки элементарным требованиям даже царских законов.

Трещенков не только не сделал никакого предупреждения мирно шедшим рабочим перед тем как открыть по ним огонь, но прямо ввел их в заблуждение относительно своих действительных намерений.

Ленские события ярко вскрыли и классовую роль царских судебно-прокурорских властей, которые в борьбе с рабочими не связывали

себя даже рамками враждебных народу законов самого же царского правительства.

Характерен, например, следующий факт. В целях провокации столкновения забастовавших рабочих с вызванной для усмирения забастовщиков воинской командой администрация «Ленских приисков» предъявила к рабочим иск о выселении из рабочих казарм.

Эти иски были рассмотрены мировым судьей Хитуном с необычной для царского суда быстротой — в два дня.

В своих решениях от 16 и 17 марта 1912 г. мировой судья Хитун вопреки фактическим обстоятельствам дела констатировал, что «договор ленского товарищества с рабочими должен считаться нарушенным по вине последних, вследствие чего отпадает и обязанность ленского товарищества предоставлять жилище рабочим».

Иск администрации о выселении был таким образом удовлетворен, хотя одновременно с разбором этих дел у мирового судьи даже Иркутское горнозаводское присутствие признало, что «договор между управлением ленского товарищества и приисковыми рабочими нарушен по вине первой из борющихся сторон». Впоследствии и сенаторская ревизия Манухина была вынуждена при определении виновной стороны в нарушении договора встать на точку зрения Иркутского горнозаводского присутствия, а не мирового судьи.

Мировой судья не мог не знать, что удовлетворить иски администрации о выселении рабочих означало выгнать несколько тысяч рабочих с женами и детьми среди зимы на улицу, так как никаких других жилых помещений, кроме рабочих казарм, на приисках не было, а выехать с приисков в другую местность не было возможности до открытия навигации.

Вынося явно незаконные решения о выселении рабочих, мировой судья Хитун активно способствовал провокаторским замыслам администрации приисков. Провокационные решения суда не могли не вызвать жгучего озлобления рабочих и ускорили события, приведшие к расстрелу рабочих 4 (17) апреля.

Услужливость мирового судьи по отношению к администрации легко объяснима. Ленское золотопромышленное товарищество в Олекминско-Витимском округе вносило царской казне «пособие» на добавочное содержание мировых судей с представлением им помещений с отоплением и освещением. Добавочное содержание от администрации ленских приисков превышало в два-три раза казенный оклад мирового судьи. Ленское золотопромышленное товарищество не «забывало» мировых судей и тогда, когда последние за какие-либо преступления снимались с работы Иркутской судебной палатой. В этих случаях бывшему мировому судье было обеспечено в ленском товариществе выгодное место юрисконсульта.

Не меньшую провокаторскую роль сыграли в ленских событиях и органы царской прокуратуры на Ленских приисках.

Царский прокурор Преображенский отказался 31 марта 1912 г. принять выборных представителей от рабочих, потребовав, чтобы каждый рабочий подал ему лично письменное заявление о том, что выборные действительно являются передатчиками их пожеланий. Этим самым царский палач Преображенский оказал ценную услугу жандармскому ротмистру Трещенкову, так как вынудил рабочих коллективно отправиться с заявлениями в резиденцию прокурора — на Надеждинский прииск. Этим хождением в резиденцию прокурора воспользовался Трещенков для массового расстрела безоружных рабочих.

Коллективно отправиться к прокурору рабочих вынудило и еще одно важное обстоятельство, также провокационно созданное самой же прокуратурой.

Прокурор Иркутской судебной палаты 3 апреля дал санкцию иркутскому губернатору Бантышу на посылку ротмистру Трещенкову явно незаконного телеграфного распоряжения об аресте стачечного комитета.

Трещенков, по заданию прокуратуры, возбудил против стачечного комитета явно незаконное уголовное преследование по ст. 125 царского Уголовного уложения, которая устанавливала уголовную ответственность за «возбуждение рабочих к устройству и проведению стачки, статьей 367 предусмотренной».

Эти действия прокуратуры и жандармерии были также явно незаконны, так как ст. 367 Уголовного уложения имела в виду стачку в таком предприятии, прекращение деятельности которого могло неблагоприятно отразиться на интересах местного населения. На приисках же никакого местного населения кроме самих рабочих не было.

Произведенный незаконно в ночь с 3 на 4 апреля 1912 г. арест выборных заставил рабочих 4 апреля пойти на Надеждинский прииск и просить прокурора об освобождении незаконно арестованных.

Таким образом массовый расстрел рабочих 4 (17) апреля 1912 г. был подготовлен активными действиями царского суда и прокуратуры, в частности мировым судьей Хитуном и прокурором Преображенским.

Как рассказывает история забастовки, провокаторы Преображенский и Хитун присутствовали и во время расстрела рабочих на месте происшествия, поддерживая авторитетом царского суда и царской прокуратуры преступные действия палача Трещенкова.

«Ни одна капля рабочей крови бодайбинцев, — сказал товарищ Сталин, — не пропала даром, ибо враги пролетариата получили возмездие, а пролетариат добился своей победы над ними».

Свое возмездие получили и провокаторы из царского суда и царской прокуратуры.

Обмен опытом

Установление симуляции в преступлении

Симулянт весьма частый посетитель в камере следователя. Опытному глазу судебного работника контуры его портрета хорошо знакомы и выражаются довольно рельефными штрихами: фантазер, самоуверен, словоохотлив, настойчив, почти всегда развязен, рассказ логичен, последователен и в своем построении настолько трогателен, что создает впечатление невинной жертвы, ищущей сочувствия, сожаления и помощи. За немногим исключением, это почти трафарет. Рассказ подкупает своим умелым построением: тщательная распланировка действий, продуманная подтасовка фактов, почти правильная расстановка предметов, рисующая естественную связь между сопутствующими обстоятельствами. Все это может создать у неопытного следователя картину правдоподобного события.

Вот эта планово построенная ложь — одно из мощных орудий симулянта, способное направить по ложному пути следствие и отвлечь внимание следователя от краеугольных и существенных моментов, на которых оно должно быть сосредоточено. А отсюда и вывод, что там, где следователь встречается с комплексом признаков, указанных выше и характеризующих личность допрашиваемого, уместно в лице такого типа заподозрить преступника-симулянта.

Детали его рассказа и поведение в камере следует строго анализировать, подмечая последовательность изложения, логическую увязку фактов, выделять и отмечать то, что кажется притворным и симулятивным, и это уже первый шаг к расшифровке старательно нанизанной лжи.

Характерно, что в настроении симулянта всегда превалирует логика над переживанием и этой его особенностью должен пользоваться следователь, наблюдая за реакцией при ответах на отдельные наводящие на симуляцию вопросы.

Вот иллюстративный случай из нашей практики: допрашиваемый П. в пространном рассказе подробно описывает картину ограбления его квартиры. Со дна сундука, наполненного аккуратно сложенными домашними вещами и лисьей шубой, грабители извлекли хранившуюся у него крупную сумму казенных денег. Он слезно молит о помощи, в трагических красках изображает безнадежность своего положения, рисует всю неприглядную перспективу своего несчастья и бьет тревогу о немедленном и глубоком расследовании.

На наш вопрос о купюрах, после продолжительной паузы, следует ответ, что купюры были и мелкие и крупные на сумму 8327 руб.

На следующий вопрос, что похищено из вещей, выясняется, что вещи полностью уцелели и обнаружены им в сундуке в полном порядке. Принимая во внимание особенности его повествования и к тому же абсурдность последнего ответа, мы этот факт отметили как симулятивный. Симулянт не сообразил, что извлечение крупной суммы денег, к тому же еще при наличии мелких купюр, со дна сундука не может не повлечь за собой взрыхления содержимого сундука.

На поставленный симулянту вопрос, как могло случиться, что на вещах незаметно было следов беспорядка, последний нисколько не смутившись стал пояснять, что вещи, повидимому, сначала были из сундука извлечены и аккуратно в прежнем порядке уложены на место.

Кроме денег, по заявлению П., из квартиры его был похищен мешок муки, следы коей рассеяны по всей квартире. Несуразность приведенной версии укрепила нас в нашем подозрении по следующим соображениям:

1) польстившийся на такой громоздкий объект, как мешок муки, грабитель пренебрег более удобным и ценным предметом, в частности такой заманчивой вещью, как лисья шуба;

2) мелкие денежные купюры, извлеченные со дна сундука, должны были оставить картину беспорядка и разворошенных вещей, так как вор всегда «работает» второпях.

На последний вопрос, поставленный симулянту; «У кого находился ключ от сундука?», тот ответил, что ключ при нем и находился у него всегда.

Мы нашли уместным прервать его рассказ и наш допрос и рядом дополнительных действий укрепиться в нашем подозрении.

Осмотр места преступления и раздельный допрос жены П. окончательно укрепили нас в правильности возникшего подозрения: жена, не предвидевшая, повидимому, такого незначительного обстоятельства, а потому, очевидно, с мужем не сговорившаяся, — показала, что ключ, как правило, всегда находится у нее, что несколько дней назад (когда именно — не помнит) муж, укладывая деньги в сундук, взял у нее ключ и его не вернул.

Осмотр квартиры П. никаких существенных обстоятельств в дело не внес: от дверей к окну вели следы растоптанной муки, крышка сундука оказалась приподнятой, со взломанным замком, сундук доверху наполнен домашними вещами. Стало ясным, что ночью вор-домушник похитил мешок муки. П., воспользовавшись этим обстоятельством и имея на руках казенные деньги, решил использовать этот факт в корыстных целях.

Ввиду того, что симулятивность его показаний в данном случае является неоспоримо явной, мы поставили перед допрашиваемым следующие вопросы:

1) Почему в течение нескольких дней деньги не сдавались в банк?

2) Какое количество денег было в мелких и какое в крупных купюрах?

3) Чем подтверждается наличие на руках именно такой суммы денег?

4) Откуда П. стало известно, что деньги похищены когда, по его же словам, вещи

не тронуты ни ворами, ни им, а деньги хранились на дне сундука?

Конечно, на все эти вопросы членораздельного и правдивого ответа получить нельзя, да мы его и не получили. П. в показаниях запутался, потерял нить мыслей, сбился и, будучи арестован, на следующий день в симуляции ограбления сознался

На этом примере становится ясным, как важно, подметив характерные черты в личности симулянта, в его поведении, планомерности и фантастичности его рассказа, с особенной остротой следить за каждым новым нанизанным фактом.

Если в вышеописанном случае решающую роль в обнаружении симуляции сыграли индивидуальные особенности самого преступника, то не меньшее, а подчас и решающее значение имеют вещественные доказательства, предметы, их взаимосвязь, объекты преступления, орудие и место его, представляющие для симулянта те декоративные реквизиты, на которых строится его рассказ.

При осмотре места преступления, в случае, когда заподозрена симуляция, следователю необходимо заранее самому себе представить всю обстановку подлинного преступления, то есть естественный порядок действий, естественную расстановку предметов, короче говоря, весь план преступления необходимо следователю построить раньше у себя в голове.

Не следует ни на минуту забывать, что симулянт, излагая последовательность событий и действий, подтасовывая факты и обстоятельства, расставляя предметы и вещи, изощряется в придумывании правдоподобности. Конечно, ни один даже искушенный и опытный симулянт не в состоянии предвидеть всего многообразия фактов, какие по ходу правдивого события имеют место. Здесь чрезвычайно важно указание на то, что если в рассказах симулянта, особенно опытного, часто сквозит элемент правдоподобности, то почти никто из них не знает, какими уличающими моментами являются научные методы установления преступлений: исследование крови, дактилоскопия, определение характера ранений по орудиям преступления, картина вскрытий и пр., что поражает симулянта неожиданностью доказательств, наличия которых он не может знать и предвидеть. Мы иллюстрируем это следующим примером, характеризующим значение научного метода исследования и тщательного изучения обстановки преступления в деле установления симуляции.

Гр. Э., человек средних лет, с низким культурным уровнем, слабого развития, в прошлом никогда не судившийся, был доставлен в больницу с ранениями на ногах. Из его рассказа вырисовывается такая картина преступления.

Ночью Э. у себя на квартире услыхал шум, напоминающий раскопку земли. Э. заподозрил подкоп. Подойдя к окну, Э. заметил несколько человек, которые, тут же ворвавшись к нему через окно, нанесли ему несколько ножевых ран в область бедер. На его крики прибежала жена, но была оттеснена в кухню. Э. выскочил на улицу, истекая кровью. Посторонние люди, заметив его окровавленного, доставили в больницу. О судьбе своей жены он ничего не знает.

Тип пострадавшего, безобидность его рассказа, логическая последовательность, с первого взгляда правдоподобность, не только не внушала недоверия к его личности, но даже толкнула следствие на мысль, что в данном случае имеет место вооруженное нападение, заранее обдуманное и тщательно организованное (подкоп).

Из осмотра места преступления и следов нанесенных ранений, выяснились обстоятельства, толкнувшие следствие на мысль о симуляции.

1) Лопата, лежавшая у входного отверстия земляной пещеры, оказалась в крови. Если преступление, в данном случае убийство жены Э. топором и нанесение ему ножевых ран, по месту действия произошло в квартире, то наличие крови на лопате, лежавшей во дворе, было не только непонятным, но и весьма подозрительным.

2) На обнаруженной в комнате мужской рубахе, принадлежащей Э., на верхней части рукава замечены следы крови. Это обстоятельство явилось не менее подозрительным, так как раны были нанесены Э. в область бедер и из показаний пострадавшего не явствовало, что рубашка была с него преступниками сорвана.

3) Окровавленные кусок железа и топор, лежавшие возле трупа жены, с непреложностью свидетельствовали, что орудием преступления явились означенные предметы, а не лопата. Кровяные пятна на лопате наводили на мысль, что работа лопатой производилась убийцей после совершенного им преступления, с целью замаскировать преступный акт подкопом.

Эти моменты как обстоятельства симулятивного свойства заставляли пристально осмотреть во дворе все места, где могли бы оставаться следы ног и рук преступника, и действительно на наружной поверхности стекла, выходящего во двор, рельефно выделялись кровяные отпечатки пальцев. Не оставалось сомнения в том, что все маневренные действия во дворе производились после совершения убийства, с целью замаскировать и замести естественный ход преступного акта.

Последним подтверждающим обстоятельством явился результат осмотра ранений на ногах пострадавшего.

Раны на ногах Э. представляли собой полосы, шедшие почти правильными дугами слева вверх направо по часовой стрелке, причем ранения нанесены не глубоко и имеют вид скорее царапин, чем разрезов.

На поставленный Э. вопрос о наличии на его рубахе кровяных пятен Э. объяснил, что это результат кровоистечения из носа.

Оставалось через научно-судебную экспертизу выяснить такие вопросы:

1) Является ли кровь, обнаруженная на лопате, топоре, стекле и рубахе идентичной?

2) Принадлежит ли кровь убитой или другому лицу?

3) Обнаруженная на рубахе кровь представляет ли собой результат носовых истечений либо истечений другого органа (кровь от носовых истечений характерна присутствием в ней эпителиальных клеток слизистой полости носа, отличающейся от слизистой других органов: кишек, влагалища, полости рта, горла и пр.)?

4) Соответствуют ли пальцевые отпечатки на стекле дактилоскопическому снимку пальцев Э.?

Результаты экспертизы полностью подтвердили наше подозрение о симуляции преступления: кровь на всех объектах исследования оказалась принадлежащей убитой. Снимок с пальцев установил полное соответствие с пальцами Э.

Уличенный неоспоримыми доказательствами Э. сознался в убийстве жены на почве семейных распрей.

Если в вышеописанном случае мы не нашли ничего типичного, что охарактеризовано в первом примере личностью и поведением симулянта, где центр тяжести был сосредоточен на фантастическом сплетении планомерно построенных лживых показаний и подозрение подтвердилось после раздельного допроса обоих участников преступления, не сговорившихся на мелочах, то в данном случае ключом к раскрытию преступлений явились предметы и вещи, расстановка и увязка коих не могли быть в точности предусмотрены и не могли навести на мысль, что научные методы являются сильнейшими из средств, кои с непреложностью утверждают следователя в правильности подозрения и о чем преступник догадаться и знать не может.

Мы привели эти два примера как характерные случаи, часто встречающиеся в практике следователя. Конечно, дать универсальный рецепт на все случаи следственной работы невозможно, да мы этого и не собираемся делать.

Арсенал следственных возможностей неисчерпаем, а указанные методы ведения следствия при раскрытии симуляции представляются нам настолько типичными, что мы их сочли нужным здесь привести. Их нужно иметь всегда в запасе, о них не следует ни на минуту забывать, а в нужных случаях энергично мобилизовать.

В этом залог успешного завершения следственных действий.

С. Кривицкий.

ОТ РЕДАКЦИИ. Печатая статью т. Кривицкого, редакция считает ряд положений, выдвигаемых автором статьи, спорными и приглашает тт. следователей высказаться на страницах журнала по поднятым т. Кривицким вопросам.

Недостатки прокурорской и следственной работы по делам о нарушении правил техники безопасности

В номере 2 журнала «Социалистическая законность» за 1936 г. т. Житловский обращает внимание на серьезнейшие недостатки в работе органов юстиции УССР за 1935 г. по делам о нарушениях правил техники безопасности.

Многочисленные факты показывают, что и на протяжении 1936 г. вплоть до настоящего времени работа органов юстиции в этой области в ряде республик, краев, районов продолжает оставаться неудовлетворительной.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что в ряде нарушений правил техники безопасности, повлекшей за собою тяжкие последствия, прокуроры уведомляются крайне несвоевременно, в результате чего к расследованию некоторых дел приступают с большим опозданием. Так, например, в г. Сталинске (Кузбасс) несчастный случай с рабочим Васильевым произошел из-за несоблюдения правил техники безопасности 25 декабря 1936 г., а к расследованию этого дела приступлено было только 2 января 1937 г. Другой случай с рабочим, которому причинено было тяжелое увечье, произошел 22 декабря 1936 г., а к следствию было приступлено только 10 января 1937 г. В Прокопьевске прокурор извещения о случаях травматизма обычно получал через 5—10 дней.

Отдельные районные прокуроры (Западная Сибирь, Кузбасс) установили такую практику, что уголовное преследование возбуждалось лишь за такие нарушения правил техники безопасности, которые повлекли за собой особо тяжкие последствия. Нарушения же, повлекшие за собой менее тяжкие последствия, фактически оставались безнаказанными. Даже не производилось расследования. Такая практика является грубейшим нарушением закона и проявлением либеральных извращений в следственной и прокурорской практике по этим делам. В каждом отдельном случае, при разрешении вопроса о возбуждении уголовного преследования и привлечения к ответственности за нарушения правил техники безопасности, необходимо строго руководствоваться достаточно ясными и категорическими указаниями уголовных кодексов (ст. 133 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), не ограничивающих возможность, точнее — обязательность привлечения к уголовной ответственности за нарушения правил техники безопасности лишь случаями причинения смерти.

Руководя предварительным расследованием, прокуроры обязаны устранить ненормальное положение, которое имеет место со сроками расследования. Нельзя квалифицировать не как преступление такие факты, когда, например, в 1936 г. дело о нарушении правил техники безопасности, повлекшим за собою смерть двух рабочих, расследовались в г. Сталинске (Западная Сибирь) 150 дней, а другое дело — о причинении смерти забойщику Баяндину — 144 дня. По большинству дел о нарушении правил техники безопасности в угольной промышленности Кузбасса за 1936 г. (37,5%) промежуток времени между совершением преступления и вынесением приговора исчисляется в 3 месяца. В Москве из числа прошедших через народные суды дел, 38,7% были расследованы в сроки до 2 месяцев. Не только следователь, но и прокурор несет и должен нести ответственность за такие факты, когда, например, дело по обвинению Колгановой и Петрина по ч. 3, ст. 133 УК в производстве народного следователя Дзержинского района (Москва) находилось 9 месяцев, — дело, которое к тому же ничего сложного собой не представляло.

Если к тому же еще учесть, что и сроки прохождения дел в судах весьма длительны, то не трудно понять, что подобные «темпы» сводят к нулю эффективность следственной.

прокурорской и судебной работы по борьбе за обеспечение техники безопасности. Обеспечить быстрое прохождение этих дел в органах расследования, наблюдать за сроками прохождения этих же дел в судебных инстанциях, не оставлять без строгого воздействия ни один случай волокиты — элементарная и повседневная обязанность прокурора. Необходимо установить действительный повседневный контроль за прохождением этих дел в органах расследования со стороны вышестоящих прокуроров.

Но, само собой разумеется, контроль прокурора требуется не только за сроками, но и за существом, качеством расследования, за всеми стадиями расследования.

Качество расследования значительной части дел по технике безопасности явно неудовлетворительное. По ряду дел органы расследования привлекают лишь второстепенных виновников из низшего и среднего административно-технического персонала, а главные виновники из числа руководящих работников, несущих ответственность за технику безопасности, остаются безнаказанными. Почему? Потому, что следователи по ряду дел почти совершенно не уделяют внимания собиранию и исследованию доказательств в направлении полного выявления всех виновных. В некоторых же случаях тут оказывается подчинение местным влияниям, отсутствие независимости и самостоятельности, которая необходима прокурору в борьбе с нарушениями социалистической законности.

По некоторым делам поражает беззаботность следователя в вопросах выявления конкретных виновников и привлечения их к уголовной ответственности. Так, например, старший десятник 2 участка подземного транспорта шахты «Северная» (Кемерово) Морозов не следил за исправностью путей, уходя в отпуск, передал транспорт совершенно в неудовлетворительном состоянии другому десятнику Володько, который, со своей стороны, относился к своим обязанностям по соблюдению правил техники безопасности столь же преступно, как и Морозов. Между тем, следственные органы ограничились только привлечением к ответственности Морозова, и только по предложению краевой прокуратуры был привлечен и Володько. По другому делу к уголовной ответственности в результате расследования был привлечен плотник шахты, в то время как в деле были все данные для привлечения производителя работ и десятника. Наряду с этим мы имеем факты неосновательного предания суду. Так, например, рабочий Васильев (шахта имени т. Молотова, Прокопьевск) был все время плотником, работал на поверхности. Однажды ему предложили спуститься в шахту. Там у него нашли спички и табак. Курил ли он, никто не видел. Несмотря на это, его привлекли к уголовной ответственности, предали суду и приговорили к 2 годам лишения свободы. Приговор был отменен в порядке надзора.

Неполнота расследования отдельных дел по технике безопасности выражается не только в невыявлении действительных виновников, но и в неисследовании всех существенных вопросов, которые должны быть выяснены при расследовании этой категории дел. Сюда, например, относятся такие моменты, как установление последствий нарушений правил техники безопасности, установление обстоятельств, при которых произошел несчастный случай, точное установление того, в чем конкретно нарушения выразились, исследование причинной связи между допущенными нарушениями и несчастным случаем (в этом разрезе зачастую необходимо выяснить поведение на производстве и самого потерпевшего). Конечно, это лишь схематический перечень, который может и должен видоизменяться, в зависимости от конкретных особенностей и обстоятельств отдельных дел. Между тем, анализ ряда дел показывает, что часто ряд весьма существенных моментов совершенно не исследуется, и производящий расследование неясно себе представляет, какие именно вопросы он должен по данному делу выяснить для того, чтобы всесторонне и правильно раскрыть преступление.

Из основных следственных действий, обычно необходимых для расследования этой категории дел, одним из важнейших является своевременный выезд прокурора или следователя на место происшествия, своевременный осмотр. Это основное требование не выполняется по многим делам. Неблагополучно по ряду дел обстоит и с использованием экспертизы. В числе экспертов кое-где оказались вредители, которые сознательно выгораживали действительных виновников, или же, чтобы запутать дело, давали противоречивые заключения, в то же время установлено, что как органы расследования, так и суды к заключениям экспертизы относились некритически, слепо доверяя этим заключениям, не сопоставляя их с другими обстоятельствами дела, не проявляя должной классовой бдительности.

Прокуроры должны в большей мере, чем это делается сейчас, осуществлять контроль и за правильностью прекращения дел органами расследования, так как и здесь далеко не все обстоит благополучно. Выявлены, например, факты прекращения дел без всяких мотивов или по таким смехотворным мотивам, что-де обвиняемый выбыл из данной шахты, или по мотивам длительного нахождения дела в производстве.

Разоблаченная в прогремевших на весь мир процессах шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов гестапо, заклятых врагов народа, организовывавших аварии, взрывы, пожары, убийства рабочих, с особой силой подчеркивают необходимость удесятерения классовой бдительности в борьбе с авариями и травматизмом. Известно, что в СССР созданы все условия для того, чтобы везде на предприятиях была обеспечена полная безопасность рабочих. Изо дня в день растет армия стахановцев, великолепно освоивших технику дела. На технику безопасности Советское государство отпускает громадные средства.

«Мы знаем (писали в своем обращении рабочие завода «Серп и молот»), что агрегаты сами по себе не останавливаются, станки не ломаются, котлы сами по себе не взрываются. За каждым таким актом спрятана чья-то рука. Не рука ли это врага? Вот первый вопрос, который должен возникнуть у каждого в таких случаях».

Для того же, чтобы правильно в каждом конкретном случае этот вопрос разрешить и

разоблачить действительных вредителей, не создавая дел о вредительстве там, где его нет, правильно квалифицировать преступления, необходима повышенная классовая бдительность. Вне всякого сомнения, при большей классовой бдительности органы юстиции, на основании прошедших дел, могли бы сыграть громадную роль в деле своевременного разоблачения, скажем, троцкистских бандитов в Кемерове.

Решительного количественного и качественного улучшения требует судебный надзор прокуратуры по этим делам. Грубейшие ошибки отдельных судов остаются часто вне поля внимания прокуроров.

Кассационная коллегия Мосгорсуда прекратила дело об обвале лесов одного строительства из-за несоблюдения правил техники безопасности, в результате чего один рабочий получил тяжкое увечье. По мнению кассационной коллегии, дело это было недостаточно расследовано; и вместо направления дела к доследованию кассационная коллегия прекратила его. Снижение процента применения лишения свободы с 51,5 до 21,5, в результате рассмотрения дел по технике безопасности в угольной промышленности кассационной коллегией Западносибирского краевого суда, — разве не требует серьезного внимания прокурорского надзора? Между тем, количество принесенных прокурорских протестов на неправильные приговоры народных судов, на неправильные определения кассационных коллегий ничтожно. Недостаточно и участие прокуратуры и в подготовительных заседаниях судов по этим делам. Так, в Кузбассе прокурор участвовал только по 63,7%, в Прокопьевске—28,6%, в Анжерке—38,5% дел, прошедших через подготовительные заседания.

Не представляет исключения и заключительная стадия процесса по этим делам — исполнение приговоров. Что и здесь иногда не все благополучно, доказывают хотя бы такие выявленные недавно в Западной Сибири факты, когда некоторые администраторы для того, чтобы компенсировать нарушителям техники безопасности, осужденным к и.-т. работам по месту работы, делаемые с них вычеты из зарплаты, повышали им зарплату.

Борьба за обеспечение техники безопасности связана также с деятельностью прокуратуры по линии общего надзора, точнее—должна быть связана. На некоторых предприятиях не выполняют требования закона о выделении специальных ответственных за технику безопасности лиц. Неоднократные указания и требования органов технического надзора о принятии необходимых мер безопасности некоторыми горе-хозяйственниками игнорируются. Во многих таких случаях, когда нет данных для возбуждения уголовного преследования, имеется достаточно оснований для «вмешательства» прокурора по линии общего надзора. Это вмешательство может дать эффективные осязательные результаты профилактического порядка.

В борьбе с нарушениями правил техники безопасности, несомненно, большое значение имеет помощь прокуратуре со стороны общественного актива соответствующих предприятий, групп содействия прокуратуре и т. д. Но для того, чтобы обеспечить такое содействие, необходимо действительно работать с активом, руководить им. У нас же часто больше разговоров об этой работе, чем самой работы.

В Кемерове в I полугодии 1936 г. была проведена весьма значительная работа с активом—был проведен слет актива суда и прокуратуры, на котором участвовало 116 человек, было созвано совещание групп содействия прокуратуре, был организован доклад по радио о задачах прокурорского актива. Однако все эти мероприятия охватили актив города и не обеспечили действительной связи с активом отдельных шахт и предприятий. Исключение составляла работа с активом в г. Киселевске, где прокуратура провела специальную работу по вопросам борьбы с нарушениями правил техники безопасности с рабочими отдельных квалификаций,—отдельно с рабочими запальщиками, отдельно забойщиками и т. д. К сожалению, краевая прокуратура ничего не сделала для того, чтобы изучить и распространить на другие районы методы работы с активом, применявшиеся в Киселевске. Только в начале текущего года краевая прокуратура, учтя опыт работы Киселевской районной прокуратуры, предложила «коренным образом перестроить массовую работу, проводя ее в дальнейшем не по общим для всего актива города вопросам, а по конкретным, касающимся только того или иного актива вопросам. В этом направлении должна быть перестроена работа с активом и в других краях и областях, и тогда она даст более эффективные результаты в борьбе с преступными нарушениями правил техники безопасности.

Было бы неправильно отмеченные выше и другие имеющиеся недостатки прокурорской работы по борьбе за обеспечение техники безопасности отнести целиком и исключительно лишь за счет работы районных прокуроров. Здесь сказалось недостаточное руководство со стороны краевых и областных прокуроров, недостаточное обобщение материалов надзора по этим делам, недостаточное наблюдение за отдельными делами. Такие формы живого руководства и связи, как выезды на места, обследования, ревизии, не были использованы в должной мере для улучшения работы по борьбе с нарушениями правил техники безопасности. Количественно этих выездов было местами (хотя бы, например, Кузбасс, Западная Сибирь) немало, но все же существенных результатов в деле выявления и устранения отмеченных недостатков они не дали. Это ставит вопрос о необходимости улучшения качества обследования и ревизий. И, наконец, особо необходимо подчеркнуть недопустимость кампанейщины в данной работе, требующей повседневного внимания, повседневного контроля.

Н. Лаговиер

Сталинская Конституция и наследственное право

В № 10 «Социалистической законности» за 1936 г. в порядке обсуждения была помещена статья т. Равича о проекте Конституции и наследственном праве.

Развивая высказанное в статье т. Борисова («Социалистическая законность» № 7) о необходимости расширения предусмотренного ст. 418 ГК круга наследников, поскольку объектами наследования в настоящее время яв-

ляются предметы личной собственности, предметы потребления, т. Равич приходит к выводу о необходимости установления свободы завещаний и о включении в круг наследников по закону восходящих родственников, братьев и сестер.

Такое изменение нашего наследственного права в области установления порядка наследования по закону, по мнению т. Равича, соответствовало бы нормам нашего семейного права, предусматривающего в ст.ст. 54 и 55 Кодекса законов о браке, семье и опеке обязанность платежа в известных случаях алиментов братьям, сестрам, деду и бабке.

Необходимость соответствия норм нашего наследственного права нормам семейного права, установления органической связи между ними неоспорима. Если наше семейное право, если историческое постановление ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г. имеют своей целью укрепление семьи, то наше наследственное право должно служить той же цели — цели усиления связей внутри нашей семьи и ответственности одних ее членов перед другими.

Вполне разделяя поэтому точку зрения тов. Равича о необходимости приведения нашего наследственного права в соответствие с нашим семейным правом, мы полагаем, однако, что необходимо в круг наследников по закону, кроме перечисленных товарищем Равичем лиц, включить также отчима, мачеху, пасынка и падчерицу, а также и воспитателя, взявшего к себе ребенка на постоянное воспитание и иждивение. Ведь все эти лица живут одной семьей, одним хозяйством и их экономические взаимоотношения, а иногда и не только экономические ничем не отличаются от отношений между родителями и детьми. Установление в известных случаях права наследования по закону для означенной категории лиц усилит хозяйственную связь внутри семьи, будет содействовать уничтожению границ между родными и неродными детьми в семье и будет находиться в полном соответствии как со ст. 42^1 Кодекса законов о браке, семье и опеке, обязывающей отчима, мачеху, пасынка и падчерицу содержать в известных случаях друг друга, так и со ст. 42^3, обязывающей воспитателя содержать в известных случаях воспитанника.

Самое право наследования по закону, нам думается, не должно быть безусловным, а должно находиться в зависимости от исполнения наследником перед наследователем при его жизни обязанностей, возложенных на наследника нашим семейным правом.

Уделяя исключительное внимание заботе о детях, Советское государство одновременно проявляет большую заботу и об отцах, родителях. «Отец в Советской стране — это почетное звание. Отец, воспитатель строителей социализма, чувствует себя достойным гражданином своей родины» («Правда» от 9/VI 1936 г.).

Затрачивая в настоящее время огромные средства на дело социального обеспечения в старости, Советское государство, по Сталинской Конституции, предусматривает совершенно невиданный в этом деле масштаб в будущем. Той заботой о стариках, какой проникнута Конституция (ст. 120), должно быть проникнуто и наше наследственное право; оно должно быть проникнуто духом советского гуманизма, сталинской заботой о человеке.

Практика дает нам много случаев, когда лица, наследующие по закону, отказывали наследователю при его жизни материальной помощи, не проявляли по отношению к нему той заботы, какую требует от них наше семейное право... «Сын, забывающий своих престарелых родителей, заслуживает самого сурового порицания. У нас почему-то принято относиться равнодушно к таким типам. Пора понять, что это — антиобщественные элементы и поступают они как чуждые советскому строю люди» («Правда» от 26 июня 1935 г.).

Наш закон о наследовании должен быть направлен на охрану интересов слабого, немощного, и если тот, кто должен помочь, отказывает ему в этом, то он тем самым лишается права на наследование. Разве это справедливо, когда родственники наследуют имущество после лица, пользующегося государственным призрением именно потому, что эти же родственники отказывали ему в помощи? Нам думается, что имущество умершего в данном случае должно было бы перейти не к родственникам, а в распоряжение государства.

Наследование у нас, в отличие от буржуазного права, должно иметь место не только при наличии родства, но и в зависимости от того, как эти родственники выполняют свои родственные обязанности, свой долг перед родителями, братьями, сестрами.

Исходя из той же заботы о слабом, необходимо расширить круг наследников по закону — неродственников. Ст. 418 ГК предусматривает право наследования по закону за совершенно посторонними по крови лицами при условии, если эти лица фактически находились на полном иждивении умершего не менее одного года до его смерти. Мы полагаем, что для включения в число наследников требование закона о полном иждивении, в наших условиях устарело. Государство в настоящее время в той или иной форме оказывает своим гражданам материальную помощь, в особенности молодежи и старикам, путем выдачи стипендий, пенсий, единовременных пособий и пр. Такая помощь со стороны государства, однако, не исключает возможности пользования одновременно и иждивением родственника или другого близкого лица. Поэтому, лишение такого иждивенца наследственных прав только потому, что он не был на полном иждивении умершего, будет неправильно и вопрос о наследовании в данном случае нужно разрешать в зависимости от удельного веса получавшейся иждивенцем от умершего помощи в общем бюджете иждивенца. Таким образом для включения в число наследников иждивенца необходимо, чтобы иждивение являлось не единственным, а основным источником существования иждивенца.

Далее, в круг наследников по закону необходимо включить лиц, на фактическом иждивении которых умерший находился. Нередки случаи, когда лицо, не связанное с кем-либо кровным родством, а связанное узами дружбы, основанной на общности интересов, совместной работе и пр., проявляет о нем исключительную заботливость (обеспечивает ему уход во время болезни, а иногда и полностью). И нам думается, что на нынешнем этапе взаимоотношений между трудящимися в нашей стране нужно поощрять такого рода заботу о человеке и нет оснований ставить заботящегося

в положение худшее при распределении наследства, чем кровного родственника.

Что касается предлагаемой т. Равичем свободы завещаний, то, не возражая против таковой, мы, однако, полагаем, что во всех случаях завещания должны быть соблюдены принципы, изложенные в примечании 2 к ст. 422 ГК, причем принципы эти должны быть значительно расширены. Во всех случаях завещательного распоряжения завещателю должно быть запрещено лишать права законного наследования тех из наследников по закону, которым к моменту составления завещания завещатель, согласно Кодексу законов о браке, семье и опеке, обязан доставлять содержание и за каждым из них должна быть сохранена полная доля наследственного имущества, которую он получил бы при наследовании по закону. Такое ограничение права наследования по завещанию вытекает из обязанностей наследователя при его жизни.

Таким образом наше предложение об изменении действующего наследственного права сводится к следующему:

1. Включение в круг наследников по закону:

а) восходящих родственников, братьев и сестер (братьев и сестер только в том случае, если они к моменту смерти наследодателя находились на его иждивении);

б) падчериц и пасынков, находившихся к моменту смерти наследодателя на его иждивении или доставлявших ему содержание;

в) отчима и мачехи, если они воспитывали и содержали наследодателя до достижения им совершеннолетия;

г) воспитателей, воспитывавших и содержавших наследодателя до достижения им совершеннолетия;

д) лиц, посторонних по крови, которые находились в основном на иждивении умершего не менее одного года до его смерти;

е) лиц, посторонних по крови, на иждивении которых умерший находился не менее одного года до своей смерти.

2. Лишение права наследования тех из перечисленных выше лиц, которые, будучи по закону обязаны доставлять умершему содержание, отказывали ему в этом.

3. Ограничение свободы завещаний запрещением лишать права законного наследования в какой бы то ни было доле тех из наследников по закону, которым к моменту составления завещания завещатель обязан доставлять содержание.

М. Фишман

Иски о выселении из домов застройщиков

(По поводу одного принципиального судебного решения)

Судебная практика по искам о выселении из домов застройщиков в последнее время страдает большой неустойчивостью. Одни суды огульно отказывают в исках о выселении из домов застройщиков, полагая, очевидно, что самый институт застройки если не формально, то по существу отжил свой век. Другие стоят на диаметрально противоположной позиции, безоговорочно и безусловно применяя примечание 2 к ст. 156 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующих статей гражданских кодексов других союзных республик в делах по искам о выселении съемщиков жилых помещений.

Такое шатание судебной практики, по нашему мнению, имеет две причины.

Первая причина: недостаточно вдумчивое и критическое отношение отдельных судей к существу правоотношений, неумение диалектически подходить к анализу рассматриваемых ими исследуемых явлений.

Другая причина заключается в том, что сами законы, регулирующие правоотношения, возникающие из договора, застройки, устарели и нуждаются в коренных изменениях.

Однако необходимо помнить, что издание специальных льгот (примечание 1 к ст. 166 и примечание 2 к ст. 156 Гражданского кодекса, стимулирующих приток средств к делу застройки, нельзя было никогда понимать как бесконтрольное право застройщиков эксплоатировать возведенные ими по договору с государством жилища.

Суды во всех случаях применения норм гражданского права должны были учитывать ст. 1 Гражданского кодекса, согласно которой «гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они противоречат их социально-хозяйственному назначению».

Гигантский размах строительства в эпоху сталинских пятилеток обеспечили приток огромных государственных средств в жилищное строительство города и деревни.

Попутно со строительством жилищ за счет государственных средств, несомненно, будет происходить в дальнейшем интенсивный рост жилищного строительства и за счет привлечения средств трудящихся нашей страны (кооперативное и индивидуальное).

Основным стимулом для такого строительства будет сейчас желание жить лучше, удобнее и культурнее.

Едва ли есть смысл в этих условиях сейчас сохранять те чрезвычайные льготы, которые предоставлены застройщикам действующим законодательством.

Нам представляется, что то индивидуальное строительство, которое будет осуществляться сейчас наиболее зажиточными и передовыми людьми нашей страны, будет носить ярко выраженный характер строительства для удовлетворения личных потребностей застройщика и его семьи.

Поэтому тот тип застройщика, с которым нередко мы встречались до сих пор, застройщика-предпринимателя, использующего квадратный метр жилой площади в целях личной наживы, отходит в прошлое.

Однако в суде мы чаще всего имели дело и, очевидно, известное время еще будем иметь дело именно с таким застройщиком. Это они под всякими «законными» прикрытиями занимаются систематическими выселениями своих жильцов, чтобы трижды получить «въездные», повышать квартирную плату, переуплотнять жилье и таким путем содрать с нуждающихся в жилой площади изрядную сумму денег.

Поэтому правильное решение этих дел является одной из важнейших задач наших судов. На примере одного такого судебного дела можно показать, как нужно подходить к

разбору этих дел в свете ст. 1 Гражданского кодекса.

На окраине Москвы (в селе Богородском) у застройщика Попова в 1931 г. инженер Дорф снял две комнаты. При этом Попов получил въездные, и обусловлена была солидная квартплата.

В 1934 г. Попов предъявил иск о выселении Дорфа на том основании, что площадь эта нужна ему самому.

Дело о выселении Дорфа тянулось два года и во всех судебных инстанциях решено было Дорфа выселить.

Суд подошел к делу сугубо формально и, по буквальному смыслу примечания 2 к ст. 156 Гражданского кодекса, признал за застройщиком Поповым право выселить Дорфа.

Только благодаря вмешательству Прокуратуры СССР выселение Дорфа было приостановлено и Прокуратура Союза внесла протест в президиум Верховного суда РСФСР.

В своем протесте Прокуратура приоткрыла слегка завесу над всем этим делом и выявила его подлинную сущность.

До постройки домика в 51 квадратный метр Попов арендовал ряд лет двухэтажный каменный дом, сдавая в наем комнаты по «сходной цене». Построив домик, Попов эту небольшую территорию в 51 квадратный метр переуплотнил до крайности.

Чтобы увеличить свои нетрудовые доходы, он заселил сверх упомянутых 51 квадратного метра жилой площади и всю нежилую площадь. Сначала Попов сдал в наем кухню, лишив тем самым жильцов и самого себя кухни.

На 6 квадратных метрах, которые занимает кухня, он вселил семью в 6 человек, получая с них 80 руб. в месяц.

В суде, на вопрос прокурора о причинах сдачи в наем кухни, Попов заявил, что топить-де мол ему нечем, так как дрова дороги, а соседи, поселившись в кухне, будут отапливать помещение.

Вслед за кухней Попов заселил сарай, приспособив его за счет арендаторов под жилье. Всего таким образом Попов «увеличил» жилплощадь своего дома с 50 до 80 квадратных метров.

Но и этого Попову недостаточно; он еще сдает в наем углы своих комнат «коечникам».

Всю эту бессовестную эксплоатацию, замаскированную договором о праве застройки, проглядел ряд благодушных судей и прокуроров, которые признали совершенно нормальной безоговорочную охрану прав этого застройщика.

Президиум Верховного суда, удовлетворив протест Прокурора Союза ССР, поручил Гражданской коллегии Верховного суда РСФСР разобрать это дело окончательно с участием Прокуратуры СССР.

Здесь, в судебном заседании 27 января, удалось сбросить с Попова всю ту мишуру, которой он прикрывался, и показать его в подлинном неприглядном свете.

Здесь подтвердились все утверждения Прокуратуры СССР о предпринимательском характере застройщика Попова. Выяснилось, что Попов имел возможность расширить свою жилплощадь, но вместо этого бесконечно сдавал и пересдавал ее в наем.

Суд убедился и в том, что истинные намерения Попова при выселении Дорфа вовсе не те, о которых он говорит.

На основе всех этих данных Верховный суд РСФСР пришел к выводу, что Попов злоупотребляет правом застройки, используя жилищную нужду в целях обогащения, и что квартира Дорфа ему нужна не для членов своей семьи, а в целях дальнейшей сдачи по спекулятивным ценам и для получения «въездных».

На этом основании Верховный суд отказал Попову в иске о выселении Дорфа.

Мы остановились подробно на деле Попова и Дорфа потому, что в окончательном решении Верховного суда по этому делу и в линии, занятой Прокуратурой СССР, намечен тот правильный подход, который необходим сейчас в подобного рода делах.

Именно потому, что Попов использовал свое право застройки не для удовлетворения личных потребностей, а в целях наживы и получения нетрудовых доходов, Прокуратура СССР и Верховный суд не нашли возможным применить к нему примечание 2 к ст. 156 Гражданского кодекса.

В одном из следующих номеров нашего журнала мы покажем примеры того, как прокуратура и суд ограждают права добросовестных застройщиков, допуская и поддерживая их право выселения съемщиков жилищ на основе примечания 2 к ст. 156 Гражданского кодекса.

Д. Швейцер

Практика работы Московской областной прокуратуры по общему надзору

До последней реорганизации структуры Московской областной прокуратуры работа по общему надзору была сосредоточена в судебно-административном отделе.

В этом отделе вся работа по общему надзору была возложена на одного из помощников облпрокурора, у которого помимо этой работы было сосредоточено рассмотрение всех красноармейских жалоб.

Одно это уже говорит о том, что сколько-нибудь серьезная работа по общему надзору не проводилась.

В работе районных прокуроров до последнего времени общий надзор находил слишком слабое отражение, если не сказать о полном отсутствии этой работы у многих районных прокуроров.

С проведением в органах прокуратуры единой структуры согласно приказу Прокурора СССР от 13 ноября 1936 г. № 69 отдел общего надзора был создан и в Московской областной прокуратуре 20 декабря 1936 г.

В отдел общего надзора были выделены 4 прокурора — старший помощник облпрокурора — начальник отдела, 3 помощника облпрокурора и секретарь.

Отделу общего надзора подчинена также информационно-справочная часть.

Работа между прокурорами в отделе распределена по принципу объектов надзора. Начальник отдела помимо руководства отделом полностью ведет надзор за обязательны-

ми и протокольными постановлениями президиума облисполкома.

Одному из помощников облпрокурора поручены вопросы надзора за уставом сельскохозяйственной артели, всеми земельными органами, в том числе облзу, уполкомзаг СНК СССР по области и областные заготовительные органы.

Второму помощнику переданы вопросы надзора за обязательными протокольными постановлениями президиумов райисполкомов, горсоветов, административных комиссий, исполкомов и советов по наложению взысканий за нарушения обязательных постановлений и отделы облисполкома: народного образования, здравоохранения, коммунального хозяйства, дорожного строительства и др.

Третьему помощнику поручен надзор за всеми финансовыми органами, своевременная выплата зарплаты по всем отраслям народного хозяйства и рассмотрение жалоб по налоговым вопросам и обязательным поставкам.

В плане работы отдела в I квартале 1937 г. были поставлены следующие вопросы — проверка действующих обязательных постановлений облисполкома, обобщение работы районных прокуроров по проверке наложения административных взысканий на нарушения обязательных постановлений, наложение штрафов по обязательным поставкам, выполнение Устава сельскохозяйственной артели с постановкой вопросов перед директивными органами.

Помимо этого, в плане работы были поставлены вопросы обобщения протестов, внесенных в облисполком за I квартал 1937 г., обобщение работы по надзору за облзу. Проверка выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1935 г. в части ликвидации дебиторской задолженности колхозам в 10 районах области, проверки своевременной выплаты зарплаты школьным работникам, рабочим совхозов и проведение кустовых совещаний районных прокуроров об участии органов прокуратуры в подготовке к весеннему севу 1937 г.

С организацией отдела общего надзора в декабре 1936 г. районным прокурором была дана директива об усилении надзора за законностью.

В этой директиве районным прокурорам было предложено проверить действующие обязательные постановления президиумов райисполкомов, горсоветов, протокольные постановления исполкомов, постановления и распоряжения отделов исполкома, обязательные и протокольные постановления 2—3 сельсоветов и постановления правлений и общих собраний колхозов этих сельсоветов.

Кроме того, было предложено проверить наложение взысканий за нарушение обязательных постановлений административными комиссиями исполкомов и горсоветов за последний квартал 1936 г. с представлением копий актов проверки в облпрокуратуру.

Районным прокурорам предложено было также в дальнейшем производить регулярно проверку обязательных и протокольных постановлений исполкомов и советов, независимо от участия их на заседаниях президиумов исполкомов и советов, постановлений и распоряжений отделов исполкомов.

Проверку наложения взысканий за нарушение обязательных постановлений предложено производить не реже одного раза в квартал с обязательным составлением актов проверки. Проверку постановлений сельсоветов, правлений и общих собраний колхозов предложено производить при каждом выезде в район.

В результате проверки, произведенной районными прокурорами, были установлены грубейшие нарушения законности при наложении взысканий за нарушения обязательных постановлений. Административные комиссии райисполкомов и горсоветов во многих проверенных районах не работают.

За нарушение обязательных постановлений взыскания в виде штрафа и исправительно-трудовых работ налагались не административными комиссиями, а единолично начальниками райотделения милиции.

Большинство административных комиссий не имеют сборников действующих обязательных постановлений и в значительном количестве случаев штраф налагался совершенно произвольно.

Так, в Шелуховском районе были подвергнуты штрафу 3 колхозника по 25 руб. каждый за то, что они в 12 часов ночи около пожарного сарая играли на гармонии и пели песни и, как записано в протоколе, составленном лично начальником районного отделения милиции, выезжавшим в село, «они своей игрой отвлекали дежурного пожарника от прямых своих обязанностей».

В том же районе колхозники Краюшкин, Трушин, Панфилов, Шатов и Телков были подвергнуты начальником районного отделения милиции штрафу за игру в карты.

Административной комиссией были подвергнуты штрафу колхозники Монахов и Сучков за то, что они в своей деревне в простом крестьянском пруду ловили рыбу. В Тумском районе был оштрафован на 50 руб. гр. Малышкин за нанесение удара при ссоре с гр. Алешиным, причем при явке гр. Малышкина в районное отделение милиции по этому делу с жалобой он вновь был оштрафован на 100 руб.

В Спас-Клепиковском районе оштрафовали на 30 руб. гр. Журавлева за то, что его 11-летний сын подрался со школьником из-за пролитых чернил.

В Ермишинском районе подвергнули штрафу гр. Любкина Е. Е. за то, что он в январе 1936 г. лежал пьяным на улице. В постановлении о наложении штрафа на гр. Любкина «нарушение» его записано так: «Любкин Е. Е. валялся пьяным, мог бы замерзнуть и погибнуть, за что и подвергнуть его штрафу на 10 руб.».

В Волоколамском районе подвергнуты штрафу в 25 руб. и 50 руб. рабочие Гусев и Петров за то, что они на улице играли на гармонии и пели.

Проверкой установлено, что наложенный штраф за нарушение обязательных постановлений своевременно не взыскивается, и в силу этого работа по наложению штрафа проводится впустую, так как по истечении пятимесячного срока по наложении штраф взыскиваться не может.

В Спас-Клепиковском районе за 10 месяцев 1936 г. подвергнуто штрафу за нарушение обязательных постановлений 1 096 человек, на 41 856 руб. Взыскано же штрафов 26 187 руб.

В Тумском районе подвергнуто штрафу 844 человека на 19 192 руб. Взыскано штрафов 9 580 руб.

В Ленинском районе подвергнуты штрафу за 10 месяцев 1936 г. 1194 человека на 35 354 руб. Взыскано лишь 535 руб.

В Коломенском районе милицией за переход улиц в неуказанном месте, проезд по этим улицам на лошадях, за несоблюдение очереди при посадке в автобусы и за хождение по мостовой в IV квартале 1936 г. оштрафовано 60 человек, причем размер штрафа—от 10 до 25 руб.

За тот же период (октябрь—декабрь 1936 г.) всего подвергнуто штрафу адмкомиссией 452 человека на 9 079 руб., из них взыскано 2 064 руб., заменено исправительно-трудовыми работами 2 351 руб.

В Серпуховском районе с 1 января 1936 г. по 1 ноября 1936 г. адмкомиссией подвергнуто штрафу 2 775 человек на 108 835 руб.

Штраф налагался без учета материального положения и незаконно. Гр. Заворотищева — прачка больницы им. Семашко, получающая зарплату 85 руб. при 4 иждивенцах, за непрописку была оштрафована на 100 руб.

Пенсионер Пуняев за непрописку братьев в течение 3 дней был оштрафован на 100 руб.

В Воскресенском районе адмкомиссией подвергнут штрафу в 75 руб. рабочий Стенин за неподчинение распоряжению начальника вахтенной охраны.

В Лотошинском районе адмкомиссией подвергнуты штрафу пять человек по 75 руб. каждый за то, что не оказали содействие участковому инспектору Цветкову при изъятии психически больного гр. Самородова.

В Звенигородском районе адмкомиссией оштрафован на 100 руб. директор Голицынского кирпичного завода за халатное отношение к приему рабочих.

В г. Туле третьим отделением милиции за 3 месяца 1936 г. было подвергнуто адмвзысканиям 1026 человек. Гр. Уварова 4 отделение милиции г. Тулы оштрафовало на 20 руб. за то, что он требовал от заведующего магазином ответить на вопрос: «Почему в магазине имеется недостаточный ассортимент товаров?»

Гр. Анисимов был оштрафован на 15 руб. за то, что сын его ходил на улице после 8 часов вечера.

Гр. Афанасьева была оштрафована 1 отделением милиции за то, что посланный за картофелем ее сын ходил по базару.

Гр. Столяров был подвергнут штрафу в 100 руб. за то, что он катался на улице на лыжах.

Проверкой установлено, что в большинстве районов обязательные постановления исполкомов и советов не опубликовывались, между тем как на основании ст. 12 Положения об издании местными исполкомами обязательных постановлений, утвержденном постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 30 марта 1931 г. (СУ 1931 г. № 17, ст. 186), обязательные постановления имеют силу по истечении 15 дней после опубликования их в каждой местности, на которую распространяется его действие.

В связи с тем, что произведенной проверкой в январе 1937 г. органами прокуратуры Московской области действующих обязательных постановлений и правильности наложения административных взысканий за нарушения их установлены грубые нарушения соцзаконности, Мособлпрокуратурой этот вопрос был поставлен перед областными директивными органами.

Постановлением Московского областного комитета ВКП(б) от 25 января 1937 г. по докладу прокурора г. Москвы и Московской области т. Филиппова намечен ряд мероприятий, направленных на устранение допущенных нарушений соцзаконности в этой области.

Одновременно с проверкой правильности наложения взысканий за нарушения обязательных постановлений, органами прокуратуры Московской области были произведены также проверки выполнения Сталинского устава сельскохозяйственной артели, в результате чего установлены грубые нарушения Устава сельскохозяйственной артели.

Грубое нарушение демократии, незаконное вмешательство в работу колхозов других органов, огульное и массовое наложение штрафов на колхозников, как установлено проверкой, имеют место в ряде районов и колхозов Московской области.

Руководители районных организаций, и в первую очередь земельных органов, во многих районах не только не проверяли выполнение Устава сельскохозяйственной артели, но в ряде случаев сами допускали грубые нарушения Устава сельскохозяйственной артели.

Следующие факты грубого нарушения Устава сельскохозяйственной артели подтверждают это.

Пленум Караваевского сельсовета Калужского района 21 ноября 1936 г., в присутствии представителей райисполкома т. Винокурова, райзо т. Кузнецова, постановил распустить правление промколхоза и снять с работы председателя правления промколхоза Ростовцева.

Постановлением общего собрания колхоза им. Хрущева 24 сентября 1936 г. с нарушением п. 8 примерного Устава сельскохозяйственной артели, исключены из членов колхоза за самовольный уход на побочные заработки 12 членов колхоза.

На общем собрании присутствовало 180 человек из 430 членов колхоза. В этом же колхозе постановлением общего собрания от 21 января 1937 г. были исключены из членов колхоза Демидов Г. П. за отказ принять должность члена ревизионной комиссии, Ящик Ф. И. за отказ принять должность кладовщика колхоза. Демидов и Ящик в продолжении нескольких лет к работе в колхозе относились добросовестно, никогда не подвергались взысканиям На общем собрании колхоза из 245 членов за исключение голосовало 50 человек, однако это в протоколе записано не было.

Проверкой установлено также грубое нарушение пп. 12, 13 и 15 Устава сельскохозяйственной артели в части распределения доходов колхоза.

В колхозе им. Ленина постановлением общего собрания колхоза 31 декабря 1936 г. установлена оплата труда конюху, скотнице и свинарке деньгами 25 руб. в месяц и 16 кг муки.

В колхозе «Новый путь» постановлением правления колхоза работа 6 конюхов оплачивается деньгами по 50 руб. в месяц и 0,7 трудодня.

Скотницам, овчаркам и свинаркам в количестве 6 человек установлена оплата труда также деньгами по 50 руб. в месяц.

Проверкой установлено также значительное количество нарушений п. 17 Устава сельскохозяйственной артели в части наложения взысканий на членов колхоза.

Постановлением правления колхоза «Красный труженик» Калужского района члены колхоза Вохинский и Шленский за нарушение трудовой дисциплины оштрафованы деньгами на 250 руб.

Там же член колхоза Комаров за невыход на работу оштрафован на 100 руб.

В ряде случаев взыскание на членов колхоза налагается не правлением колхоза, как этого требует п. 17 Устава сельскохозяйственной артели, а единолично председателями правлений колхоза.

Председатель правления колхоза «Красный урожай» Волченков единолично оштрафовал 12 членов колхоза.

Председатель правления колхоза «им. Ильича» Дорошин единолично оштрафовал 21 члена колхоза.

В колхозе им. Ленина Рыбновского района в 1936 г. взыскания были наложены на 68 членов колхоза, что составляет 23% всех членов колхоза.

В колхозе «Красный сокол» Кимовского района в 1936 г. наложены были взыскания на 37 человек из 75 членов колхоза.

В Милославском районе по распоряжению председателя райисполкома Зайцева с некоторых колхозников производился сбор на ремонт школ по 20 руб. за каждого ученика.

В Путятинском районе председатель райисполкома обязал колхозы бесплатно доставлять строительный материал для постройки бани и коммунального дома в районном центре.

Вопрос о грубых нарушениях Устава сельскохозяйственной артели, выявленных органами прокуратуры Московской области в феврале 1937 г., был поставлен перед областными директивными органами.

В соответствии с приказом Прокурора Союза ССР от 2 января 1937 г. об усилении надзора за выполнением Сталинского устава сельскохозяйственной артели районным прокурорам было предложено как непосредственно самим, так и через актив на селе проверять выполнение Устава сельскохозяйственной артели и немедленно вносить протесты в президиум райисполкома о всех случаях нарушения устава.

На проведенных в феврале 1937 г. кустовых совещаниях районных прокуроров по вопросу об участии органов прокуратуры в подготовке и проведении весеннего сева Московской областной прокуратурой был поставлен также вопрос об усилении общего надзора, в том числе надзора за выполнением Сталинского устава сельскохозяйственной артели как основного государственного закона для каждого колхоза, без выполнения которого не может быть обеспечено успешное проведение весеннего сева.

Для того чтобы выполнить эту задачу, районный прокурор при каждом выезде по району обязан просматривать все протоколы постановлений сельсоветов, правлений и общих собраний колхозов, беседовать с членами колхоза и своим активом и не оставлять без внимания ни одно нарушение Устава сельскохозяйственной артели, привлекая к ответственности виновных в нарушении устава.

Результаты проверки работы районных прокуроров Московской областной прокуратурой в 1936 г. показали, что не все еще районные прокуроры уделяют необходимое внимание вопросам общего надзора за законностью.

Большинство районных прокуроров получают регулярно протокольные постановления президиумов райисполкомов и горсоветов, тщательно их не просматривают, не сверяют с законами, в результате ряд незаконных постановлений остается неопротестованным.

Огромным недостатком многих прокуроров является слабое знание действующего законодательства, без чего нельзя хорошо поставить работу по общему надзору.

Московской областной прокуратурой в 1937 г. был внесен ряд протестов на незаконные постановления президиумов райисполкомов и горсоветов, своевременно не опротестованных районными прокурорами.

Постановлением Скопинского райисполкома от 19 декабря 1934 г. была установлена в г. Скопине дополнительная оплата к телефонному тарифу за обслуживание справочной службой абонентов телефонов без их согласия.

Этим незаконным постановлением президиум райисполкома в г. Скопине фактически был установлен свой телефонный тариф, в то время как он устанавливается на основании ст. 2 Положения о Народном комиссариате связи (СЗ 1929 г. № 22, ст. 192) Народным комиссариатом связи.

Это постановление Скопинского райисполкома Московской областной прокуратурой было опротестовано.

Постановлением Кунцевского райисполкома от 9 сентября 1936 г. был расторгнут договор, заключенный между Кунцевским горкомхозом и жактом № 5 в мае 1935 г., причем этим постановлением было райжилсоюзу предложено распустить жакт № 5, обеспечив выселение лиц, получивших от жакта площадь в этом доме.

В своем постановлении президиум райисполкома, расторгнувший договор и предложивший ликвидировать жакт, указывает, что горкомхоз неправильно организовал жакт в этом доме, который ранее принадлежал райзо.

На это постановление Мособлпрокуратурой был внесен протест, мотивированный тем, что президиум райисполкома нарушил постановление СНК РСФСР от 8 марта 1932 г., согласно которому расторжение договоров, заключенных местными органами коммунального хозяйства с жактами, может производиться только через Госарбитраж.

С организацией отдела общего надзора в краевых, областных прокуратурах, несомненно, будет обеспечен лучший надзор органов прокуратуры не только за постановлениями местных исполкомов и советов, но и за постановлениями областных исполкомов и их отделов.

Мособлпрокуратурой за 2 месяца 1937 г. внесено 5 протестов на постановления президиума Мособлисполкома. Так, например, был внесен протест на постановление президиума Мособлисполкома от 8 октября 1936 г. «О выполнении плана развития животноводства и

о борьбе со сброской скота», которым по существу произвольно ограничивался убой скота. Это постановление находилось в противоречии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 мая 1932 г. и от 27 апреля 1935 г.

С протестом прокурора г. Москвы и Московской области президиум Мособлисполкома согласился и постановление свое от 8 сентября 1936 г. изменил.

Объединенным постановлением президиумов Мособлисполкома и Московского совета РК и КД от 11 апреля 1936 г. утверждено постановление Ленинского и Кунцевского райисполкомов об изъятии участков земли площадью 81 га из земель, закрепленных за колхозом «Чертиково» для Пролетарского аэроклуба, и 100 га из земель совхоза «Ленинец» под аэродром без утверждения этого СНК СССР.

Постановлением президиума Мособлисполкома от 9 декабря 1937 г. предложено кожуправлению облзу изъять племенных жеребцов во всех городских и районных учреждениях Московской области и продать их колхозам до 1 марта 1937 г. по цене от одной тысячи до пяти тысяч рублей.

Это постановление президиум Мособлисполкома вынес на основании постановления СНК СССР от 4 августа 1936 г., которым разрешено изъять в учреждениях и предприятиях гг. Москвы и Ленинграда племенных жеребцов и продать их колхозам.

Президиум же облисполкома произвольно распространил это постановление СНК СССР от 4 августа 1936 г. об изъятии племенных жеребцов в учреждениях и предприятиях для продажи колхозам на всю область.

На это постановление президиума облисполкома внесен также протест, который удовлетворен, и постановление президиума облисполкома отменено.

Московской областной прокуратурой внесены протесты также на ряд распоряжений и приказов областных отделов исполкома.

Так например, внесен протест на приказ Московского областного земельного управления от 3 марта 1937 г., которым специалисты подмосковного овощного управления Вервас и Васильев сняты с работы с запрещением работать в системе земельных органов Московской области.

Ответственная и почетная обязанность органов прокуратуры — осуществлять надзор за точным исполнением законов, записанная в Сталинской Конституции, будет выполнена, когда каждый прокурор осознает всю важность этой работы.

Если часть районных и городских прокуроров правильно поняла свои задачи в области общего надзора, то, к сожалению, еще многие прокуроры продолжают работать прежними методами.

Эти прокуроры не понимают еще необходимости самой решительной борьбы за укрепление социалистической законности.

С организацией отделов общего надзора борьба за укрепление социалистической законности органами прокуратуры, нет сомнения, будет улучшена.

Сделано в этой области пока еще мало. Не каждый еще прокурор ведет решительную борьбу со всякими нарушениями социалистической законности, которые тормозят успешное социалистическое строительство в нашей стране.

Лепельский судебный процесс над теми, кто попирал социалистическую законность, является серьезным сигналом каждому прокурорскому работнику, отвечающему за состояние социалистической законности в своем районе, округе, области.

Органы прокуратуры Московской орденоносной области могут и должны дать лучший пример работы по борьбе за укрепление социалистической законности.

Г. Крылатых.

Доследование одного дела

Ст. 112 УПК требует от следователя направления предварительного расследования «в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела». Немудрено, что нарушение следователем этого важного требования УПК неизбежно выдвигает перед судом необходимость направления дела на доследование.

Доследование дела, как известно практическим работникам следствия, в большинстве случаев бывает крайне затруднительным, ибо момент доследования обычно бывает отдален от времени совершения преступления. Время стирает в памяти людей события и факты, имеющие подчас решающее значение для дела. Документы, хранящие иногда в себе следы преступления или могущие способствовать раскрытию преступлений, лежат на пыльных полках архива и нахождение их не всегда возможно.

Тем ответственней и сложней задачи, выдвигаемые доследованием и могущие быть разрешенными только в результате вдумчивого и серьезного отношения к делу.

В связи с этим не безынтересно будет привести пример успешного доследования одного дела, поступившего ко мне в сентябре 1936 г. из Московского горсуда.

Дело заключается в следующем:

В декабре 1935 г. в единый диспансер Сталинского района г. Москвы явились гр-не Стабецкий и Школьников и заявили, что они могут помочь диспансеру отпечатать ряд бланков в типографии, представителями которой они и являются.

Директор диспансера Храмушин до того обрадовался этому предложению, что, даже, забыв удостовериться в полномочиях «представителей», охотно принял их предложение и условия об оплате за бумагу наличными деньгами.

Вскоре гр-н Стабецкий по доверенности типографии Наркомзема СССР, подписанной зам. директора типографии Вольфиным, получил в диспансере наличными деньгами 2500 руб., а Школьников по двум счетам типографии, подписанным тем же Вольфиным, получил 1315 руб. наличными деньгами.

К условленному сроку заказ выполнен не был, и бухгалтер диспансера для выяснения причин затяжки выполнения заказа явился в типографию, захватив с собой все документы.

Оказалось, что хотя в типографии и есть заместитель директора Вольфин, но подпись его на всех документах подложна, деньги в кассу типографии не поступили. К удивле-

нию присутствующих Вольфин взял на себя урегулирование этого недоразумения, обещав бухгалтеру диспансера явиться в диспансер совместно с гр-ном Стабецким.

Действительно на следующий день Вольфин и Стабецкий явились в диспансер и пытались уговорить директора диспансера вернуть им документы для замены их другими. Прибывшим агентом уголовного розыска они были задержаны и допрошены.

Стабецкий объяснил, что, будучи безработным, он решил заработать, выполняя поручение типографии Наркомзема в лице зам. директора Вольфина и бухгалтера Либермана. Последнему он и передал 2500 руб. наличными деньгами без всякой расписки. Вольфин показал, что в диспансер вместе со Стабецким он явился исключительно с целью «раскрыть» дело. Тут же Вольфин стал рассказывать, что в издательстве Наркомзема творятся преступления, причем он указал, в чем именно могут заключаться эти преступления. По словам Вольфина, бухгалтер Либерман является одним из главных преступников. В тот же день у Либермана был произведен обыск, в результате которого было найдено 9000 руб. наличными деньгами. Ни у Вольфина, ни у Стабецкого обыск произведен не был.

Либерман был арестован, а Вольфин и Стабецкий отпущены домой.

Расследование, произведенное по материалам, данным Вольфиным, действительно привело к раскрытию крупных злоупотреблений, творившихся в издательстве безнаказанно с 1933 г. и непохожих по методу на преступление, связанное с получением денег в сталинском диспансере.

Работник МУР, расследовавший дело, увлекся им и оставил совершенно не расследованным эпизод о мошенническом получении денег из кассы сталинского диспансера, механически включив его в обвинительное заключение на основании одного только оговора Стабецкого и Вольфина, которые по делу были выставлены как свидетели.

Между тем, Либерман отрицал свое участие в этом преступлении и показал, что никакого заказа от сталинского диспансера он не принимал и вообще прием заказов не входит в его функции. Он помнит, что в типографии печатается заказ фрунзенскому единому диспансеру и что заказ был принят Вольфиным. Последний ему однажды рассказывал, как он, Вольфин, «хорошо пожил», когда был директором типографии «Большевистский путь» при МБЖД.

Эти показания следователем не были приняты во внимание. Дело было направлено в суд по обвинению ряда лиц в совершении злоупотреблений по должности.

Московский городской суд не мог не направить дела на доследование, ибо слишком очевидны были ошибки, допущенные при производстве следствия.

Направив дело на доследование, городской суд потребовал производства графической экспертизы на предмет установления, кто из четырех подозреваемых (Стабецкий, Вольфин, Школьников, Либерман) составил подложные документы. Между прочим, Школьников даже не был допрошен.

Суд, однако, ограничил рамки следствия, так как проверка обстоятельств, связанных с принятием заказа фрунзенского диспансера, напрашивалась сама собой.

Заказ фрунзенского диспансера оказался тем концом нитки, ухватившись за который я размотал весь клубок афер и преступлений, творимых Стабецким, Школьниковым и Вольфиным без всякой связи с преступлениями, которые совершались в издательстве Наркомзема.

Следствием было установлено, что заказ фрунзенского диспансера был принят Вольфиным через Стабецкого и Школьникова, что Стабецкий и Школьников получили во фрунзенском диспансере для покупки якобы бумаги 3000 руб. наличными деньгами и деньги присвоили, что часть заказа выполнялась в типографии «Пушкинский полиграфист».

Указанные обстоятельства заставили меня прити к следующему выводу:

1. Стабецкий, Школьников и Вольфин знакомы давно и имеют между собой преступную связь.

2. Преступления, по всей вероятности, заключаются в том, что Стабецкий и Школьников отыскивают организации, нуждающиеся в отпечатании бланков и выражающие согласие на оплату за бумагу наличными деньгами.

3. Заказы печатаются фактически на бумаге типографии, а деньги присваиваются.

Этот мой вывод объективно подтверждался тем обстоятельством, что весь заказ фрунзенского диспансера был выполнен на бумаге типографии Наркомзема, между тем на покупку бумаги Стабецкий и Школьников получили 3000 руб.

Определив объем и рамки дальнейшего следствия и ограничившись 1935 г., я наметил следующие следственные действия:

1. Допросить работников типографии Наркомзема и «Пушкинский полиграфист» и выяснить, не сдавал ли им ранее Стабецкий какие-нибудь заказы.

2. В зависимости от их показаний проверить на выдержку некоторые заказы по книге заказов.

Допрос работников наркомземовской типографии никаких результатов не дал.

Зато в результате допроса работников пушкинской типографии было установлено, что Стабецкий и Школьников во второй половине 1935 г. сдали типографии крупный заказ от имени треста ресторанов и буфета при Курском вокзале. Заказ выполнен полностью, и расчет произведен путем перечисления. Весь заказ печатался на бумаге типографии.

Допросом работников треста ресторанов и буфета и проверкой кассовых расходных документов было установлено, что, начиная с 1935 г., Стабецкий и Школьников получили на руки против счетов 31 000 руб. Все счета были написаны тем же почерком, что и счета сталинского диспансера. Часть счетов была написана от имени типографии «Большевистский путь» при МБЖД и часть счетов от имени «Пушкинского полиграфиста».

К тому времени графическая экспертиза дала заключение, что все счета, выписанные сталинскому диспансеру, написаны рукой Стабецкого.

Такое обилие доказательств заставило обвиняемых Стабецкого, Школьникова и Вольфина сознаться в систематических подлогах и мошенничествах.

Московский городской суд осудил Стабецкого к 8 годам лишения свободы, Вольфина и Школьникова к 5 годам лишения свободы с поражением в правах. А ведь так недавно они были свидетелями по делу.

Из этого дела следует сделать следующий вывод: нельзя игнорировать показания обвиняемых, хотя бы эти обвиняемые уличались в совершении ряда преступлений. Объективное отношение к делу и стремление к всесторонности следствия должны обязательно повлечь за собой проверку этих показаний. Это давно установленная истина, что обязательным условием успешности расследования является проверка показаний как обвиняемых, так и свидетелей.

Сапожников.

История расследования одного дела

26 октября 1936 г. в 4 ч. 30 м. утра меня разбудил телефонный звонок. Дежурный по второму отделению сообщил мне, что в продуктовом магазине № 12 Мосбасстторга обнаружен труп сторожа магазина. Через 20 минут я был на месте. К этому же времени прибыла и карета скорой помощи.

Весь магазин и предметы, могущие сохранить на себе отпечатки пальцев преступников, были засыпаны нюхательным табаком. На полу в магазине была налита лужи водки, которая по своему расположению свидетельствовала, что убийца сторожа мыл водкой руки. Порожние бутылки от водки также были засыпаны нюхательным табаком.

На прилавке хлебного отдела около пустых бутылок из-под вина лежал большой хлебореэный нож. Он был залит кровью и также засыпан нюхательным табаком.

Единственные предметы, могущие служить вещественным доказательством, были: оставленный на месте преступления железный ломик «фомка» и след правого резинового сапога, сохранившийся в сырой почве возле входной двери в магазин. Между прочим, и этот след был засыпан табаком.

Прибывший в магазин сотрудник уголовного розыска со служебной собакой ничего положительного дать не мог. Из-за нюхательного табака собака потеряла обоняние.

В 8 час. утра я, пом. нач. РК милиции т. Пугачев, уполномоченные угрозыска тт. Астапов и Белов собрались на оперативное совещание в кабинете нач. 2-го отделения милиции. Нас больше всего смущала причина убийства сторожа. Нам казалось, что убийство произведено с целью скрыть растраты. Однако бухгалтерская проверка убедила нас в обратном, так как вся сумма недостачи продуктов исчислялась менее чем в 1 500 руб. Тогда мы решили включить в план проверку подозрительных лиц по месту жительства сторожа. Это было вызвано тем, что мы пришли к убеждению, что сторож Загрядский знал убийцу, пошел с ним в магазин без насилия и даже с убийцей пил вино. Наше предположение основывалось на том, что возле рук трупа сторожа валялся огрызок колбасы и кусок нелоеденной булки, а в правом кармане брюк, надетых на стороже, был найден кусок шоколада в обертке, взятый в магазине.

Комплекс этих версий, правда, весьма смутных, убеждал нас, что убийство сторожа совершено знакомым ему лицом. Нам удалось получить сведения, что в деревне Урванка, где проживал Загрядский, за последнее время участились пьянки на квартире Журавлева, к которому ходят его друг Белогубцев и неизвестный человек, причем последний носит резиновые сапоги.

Предварительное следствие подтверждало, что Белогубцев и Журавлев в ночь убийства сторожа дома не ночевали. 30 октября в доме Журавлева был произведен обыск. При обыске были обнаружены пустые банки из-под консервов и порожние бутылки из-под вина с сорванными ярлыками.

Что собой представляют и Журавлев и Белогубцев?

Первый из них в 1935 г. был приговорен к 10 годам тюремного заключения, но, пробыв в лагерях шесть месяцев, бежал и по поддельному паспорту поступил на работу в Сталиногорске. Белогубцев судился шесть раз за различные преступления и после отбытия срока наказания работал на строительстве в Сталиногорске вместе с Журавлевым. Оба они после обыска были задержаны и заключены под стражу.

На предварительном допросе они в убийстве не сознавались. Произведенным дополнительным обыском во дворе, где проживал Журавлев, были обнаружены в трех мешках продукты, похищенные при грабеже из магазина. Это заставило Журавлева и Белогубцева сознаться и выдать главаря банды Козакова. 1 ноября 1936 г. Козаков в Москве был арестован и доставлен в г. Сталиногорск, где на очных ставках и комплексом выдвинутых против него доказательств он вынужден был признаться в грабеже и убийстве сторожа Загрядского.

Выездной сессией Московского областного суда Козаков приговорен к расстрелу и в отношении его приговор приведен в исполнение. Журавлев и Белогубцев приговорены к 10 годам лишения свободы каждый.

Анализируя весь ход предварительного и судебного следствия, мне хочется сказать, как версии, казавшиеся на первый взгляд фантастическими, оказались правильными.

На предварительном и судебном следствии по этому делу было установлено, что Козаков, Белогубцев и Журавлев, выйдя из буфета станции Сталиногорск-1, направились по улице к магазину № 12 Мосбасстторга. Время было 2 часа ночи. Своей задачей грабители ставили ограбление магазина. Если же окажется на месте сторож, то его связать. Но когда Козаков завел сторожа в магазин, где горел свет, то он узнал, что сторожем является Загрядский. После того, как Козаков выпил в магазине вина и угостил сторожа, он решил, что сторож Загрядский может его выдать, и убил его.

В итоге этого дела лишний раз следует подчеркнуть, что внимательно продуманный план действий и энергичная работа по свежим следам гарантирует правильный и быстрый исход дела.

Кульчицкий.

(Следователь Сталиногорской прокуратуры).

Точно руководствоваться законом

Обоснованный законом приговор обязан выносить каждый народный судья. Это требование вытекает из ст. 112 Конституции СССР. Но как ни странно, и после утверждения Сталинской Конституции приходится говорить о таких вопросах.

Во многих случаях отдельные народные судьи до сих пор не уяснили важности точного соблюдения в советском правосудии сталинских пунктов Конституции.

Ст. 112 Конституции прямо требует, чтобы судья был независимым и подчинялся только закону. Это важнейшее требование основного закона нашего государства «подчиняться закону» в практике работы судов нарушается.

Чем же объяснить, что народные судьи до сих пор продолжают нарушать важнейшие требования основного закона?

Это нетерпимое поведение отдельных судей можно лишь объяснить пренебрежительным отношением к интересам государства и трудящихся, а также нежеланием уяснить, что правильное и точное соблюдение основного закона обеспечивает укрепление государственной мощи нашей страны и поднятие авторитета советского правосудия.

Для иллюстрации работы суда, когда последний пренебрегает интересами государства, можно привести отдельные из многих подобных примеров.

Приговором народного суда 5 участка Свердловского района г. Москвы гр. Широков А. С. по ч. 1 ст. 182 УК был осужден к одному году и.-т. работ на общих основаниях за то, что он незаконно хранил боевые патроны от револьвера системы «браунинг» в количестве 13 шт. Патроны у Широкова были обнаружены при доставлении его в пьяном виде в отрезвитель. И, как выяснилось впоследствии, Широков обнаруженные у него патроны должен был передать согласно его договоренности одному неизвестному лицу в пивной за вознаграждение. Кассационная коллегия Мосгорсуда, рассматривая указанное дело по кассационной жалобе Широкова, нашла, что приговор в отношении Широкова является суровым и снизила Широкову меру наказания до 6 месяцев и.-т. работ по месту работы.

Для кассационной коллегии Мосгорсуда, повидимому, передача боеприпасов неизвестному темному лицу является недостаточно серьезным преступлением, чтобы по отношению к преступнику не применить санкции, предусмотренной ст. 182 УК.

Законом запрещены продажа и хранение огнестрельных веществ, равно как и запрещена продажа огнестрельного оружия без надлежащего разрешения.

В свете того, что запрещено законом, и также того, что боевые патроны продавались неизвестному лицу, делается совершенно непонятным, чем руководствуется кассационная коллегия Мосгорсуда, когда она смягчает острие репрессий против подобных преступлений. При этом кассационная коллегия упускает из виду то обстоятельство, что именно таким путем огнестрельные вещества могут попасть в руки заклятых врагов нашего государства.

Народный суд, располагая таким определением кассационной коллегии городского суда, окончательно искривил уголовную политику при рассмотрении дел этой категории.

В ночь с 6 на 7 ноября 1936 г. был арестован гр. Мамедов за то, что, будучи в пивной на Каляевской ул. в г. Москве и учинив скандал, угрожал окружающим револьвером системы «наган».

Произведенным расследованием было установлено, что Мамедов хранил оружие, несмотря на многочисленные предупреждения руководства школы, где он состоял слушателем, о необходимости сдать оружие.

Народный суд 5 участка того же района 4 декабря, рассматривая дело по обвинению Мамедова по ст. 182 УК, приговорил его к 4 месяцам и.-т. работ. Естественно, что такой приговор не мог быть оставлен в силе, и по протесту прокуратуры он отменен.

Такое грубое искривление уголовной политики при рассмотрении дел по ст. 182 УК создает обстановку безнаказанности за столь серьезное государственное преступление.

Нарушения пунктов Конституции имеют место также при рассмотрении дел бытового характера, где зачастую отдельными бюрократами ущемляются интересы большого коллектива трудящихся при абсолютной безнаказанности виновных.

Недавно, еще в горячие дни обсуждения Сталинской Конституции, народный суд Свердловского района рассматривал дело по обвинению гр. Кост Е. А. по ст. 109 УК. Последняя была привлечена к ответственности за то, что, работая в качестве управляющего делами строительства РЖСКТ «Советский композитор» и будучи одновременно уполномоченной по переселению жильцов из домов, подлежащих сносу, систематически издевалась над ними путем применения угроз, вымогала у жильцов согласие на переезд в негодные для жилья квартиры, не считалась со здоровьем и временем жильцов. Были даже случаи, когда Кост вызывала по несколько раз в день некоторых жильцов к себе в контору и своим обращением доводила их до обморочного состояния. Кроме того, самое переселение Кост производила в отсутствие переселяемых. Все эти возмутительные факты получили полное подтверждение при рассмотрении этого дела в суде, однако суд считал возможным оправдать гр. Кост.

Настоящее дело было проштамповано кассационной коллегией Московского горсуда и лишь президиум Московского горсуда отменил безответственный приговор народного суда и механически вынесенное определение кассационной коллегии.

Не менее яркий случай бюрократического отношения к рассмотрению дела по обвинению Молчанова Г. Н. по ст. 141 УК произошел в народном суде того же 5 участка Свердловского района.

Молчанов Г. Н. был привлечен к уголовной ответственности за то, что он в 1934 г., распродав все имущество отца в деревне Бобры и взяв последнего на свое иждивение к себе в Москву, стал жестоко с ним обращаться, лишая его подчас пищи и крова, что в свою очередь вынудило 67-летнего старика Никиту Молчанова обратиться в народный суд с иском о взыскании с сына алиментов. Народный суд

своим решением удовлетворил иск в размере 30 руб. в месяц. В последний раз Молчанов выгнал отца из своей квартиры 12 мая 1935 г. и, несмотря на длительное отсутствие его, он никуда об этом не сообщил, а по истечении годичного срока отсутствия отца Молчанов возбудил перед нотариальной конторой вопрос о признании его отца безвести пропавшим с тем расчетом, чтобы он мог получить удержанные с него в пользу отца 120 руб. алиментов.

30 августа 1936 г. труп Никиты Молчанова был обнаружен висевшим на дереве в 8 километрах от дер. Тимшино Егорьевског района. Осмотром и вскрытием трупа Молчанова Никиты было установлено, что он покончил жизнь самоубийством, находясь в последнее время в состоянии почти полного истощения.

И в данном деле суд не нашел в действиях Молчанова Г. Н. признаков ст. 141 УК. Кассационная коллегия Московского горсуда, как в приведенном раньше примере, также проштамповала его. Дело о Молчанове в настоящее время находится на рассмотрении в президиуме Московского горсуда, где, надо надеяться, что помимо отмены приговора народного суда и определения кассационной коллегии последуют и организационные выводы.

Такой гнилой либерализм, проявленный со стороны суда к нарушениям интересов трудящихся, есть прямой результат непонимания Сталинской Конституции и в частности ее X главы.

Глава X, которая определяет права и обязанности граждан, требует, чтобы права их, как и обязанности, были охранены законом. Отсюда должно быть ясно каждому судебному работнику, что его святая обязанность заключается именно в том, чтобы со всей строгостью закона обрушиться на бюрократов, нарушающих эти права, но отнюдь не допускать проявления либерализма при рассмотрении дел, связанных с нарушением прав граждан СССР.

Бороться с бюрократизмом и с нарушением интересов отдельных трудящихся есть прямая обязанность суда. Об этом важнейшем условии в работе суда Владимир Ильич Ленин писал еще 3 сентября 1921 г.: «Добиться ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием». Это же требование предъявляется к суду с той же силой Сталинской Конституцией социализма.

Говоря о плохой работе суда, необходимо тут же добавить, что кассационная коллегия Московского горсуда еще не стала тем надлежащим звеном в системе суда, которая исправляла бы, направляла бы и конкретно корректировала работу народного суда. Это является чрезвычайно серьезным и опасным явлением, ибо каждое определение кассационной коллегии по тому или иному делу есть по существу руководящее начало при рассмотрении очередных аналогичных дел в народном суде. И если вынесенное определение кассационной коллегией не соответствует всем требованиям закона, то такой документ создает условия для рассмотрения дел в народном суде с нарушением закона.

В свете таких грубых нарушений основного закона нашего государства необходимо сейчас же проверить и выявить, кто из нынешнего состава народных судей достоин будет быть выбранным на очередных выборах народных судей в соответствии с требованием ст. 109 Сталинской Конституции.

Правильная и четкая подготовка к выполнению требований, поставленных ст. 109 УК Конституции, обеспечит правильную работу суда и тем самым больше поднимет авторитет его и даст ему возможность занять то почетное место, которое ему отведено в Сталинской Конституции социализма.

Приведенные выше примеры слабой работы суда ставят во главу угла вопрос перед органами прокуратуры о создании и осуществлении действенного прокурорского надзора за точным наблюдением закона судом. Этот надзор должен быть организован так, чтобы каждый незаконно вынесенный приговор был немедленно опротестован, тем самым будет своевременно исправлена допущенная судом ошибка по тому или иному делу, с одной стороны, а; с другой стороны, прокурор выполнит те прямые обязанности, которые возложены на прокуратуру ст. 113 Конституции СССР.

Любошиц.

Надо извлечь урок

В журнале «Крокодил» № 36 (декабрь 1936 г.) была помещена заметка «Сфинкс в Египте», в которой указывалось, что в прокуратуре Узбекской ССР по несколько месяцев лежат нерасследованными заметки, передаваемые в прокуратуру газетой «Правда Востока», и что на запросы редакции прокуратура отвечает бюрократическими отписками. Из объяснений прокурора Узбекской ССР т. Шейндлина по этой заметке в «Крокодиле» видно, что в прокуратуре Узбекской ССР дело с расследованием газетных заметок действительно не было налажено. Редакция «Правда Востока» передавала в прокуратуру Узбекской ССР множество заметок, а прокуратура Узбекской ССР их направляла к соответствующим районным прокурорам, те задерживали ответ и результата нельзя было получить в течение долгого времени. Прокурором Узбекской ССР приняты необходимые меры к установлению быстрой и тщательной проверки поступающих газетных заметок, достигнута договоренность с редакцией «Правда Востока» о порядке направления заметок в прокуратуру и т. д. Но из данного случая сделать выводы должны все прокуратуры республик, краев и областей. Речи быть не должно о задержке расследования газетных заметок как опубликованных, так и неопубликованных, пересылаемых редакциям газет в органы прокуратуры.

Прокуратура должна установить самый тесный контакт, самую точную договоренность с редакциями соответствующих газет с тем, чтобы газеты направляли в прокуратуру лишь те заметки, которые касаются вопросов, относящихся к функциям прокуратуры, а прокуратура немедленно и исчерпывающим образом эти заметки проверяла, ставя в известность о результатах редакции газет.

Такой контакт поможет прокуратуре выполнять ее функции по борьбе с нарушениями социалистической законности. Отсутствие такого контакта может явиться поводом для появления на страницах «Крокодила» или другого печатного органа любого из наших прокурорских работников.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Грубое нарушение основных правил советского уголовного процесса

Народный суд г. Киева по делам госторговли и кооперации 21 сентября 1936 г. осудил работников магазина № 400 Киевторга: Левицкого А. Ш., Абрамского Я. Б., Свидельского С. Ш., Махлина Л. И., Вольпова С. И., Сафриса С. Н., Трахтенберга С. Б., Игнатовского Л. К., Черкасского Ш. М. по ст.ст. 97, 20—127 и 135—4 УК УССР, квалифицировав их преступление как систематическую продажу мануфактуры спекулянтам, от которых они за это получали надбавку к существующим ценам. Время преступной деятельности суд определил с января 1935 г. по август 1936 г.

В приговоре указано: «Отдельных преступлений за отдельными подсудимыми нет; разбивать их деяния на отдельные эпизоды не приходится; попытки подсудимых доказать свою непричастность к делу ничего не дали; в деле имеются сознания подсудимых, которые составлены настолько беспристрастно (?) и имеют столько деталей, что заподозрить лиц, которые производили дознание в добросовестном отношении к подсудимым, никак нельзя».

Суд приговорил: Левицкого, Абрамского, Игнатовского и Черкасского к 10 годам лишения свободы. Свидельского, Махлина, Вольпова—к 8 годам лишения свободы. Сафриса и Трахтенберга—к 3 годам лишения свободы.

Гр. Мацик по этому же делу была осуждена как спекулянтка, постоянно покупавшая товары в магазине № 400, очевидно, по ст. 127 УК (в приговоре не указаны статьи обвинения в отношении Мацик)—к 8 годам лишения свободы.

Определением Киевского областного суда от 2 октября 1935 г., хотя и указано на нарушение ст. 308 УПК УССР, выразившееся в том, что суд не указал конкретно вины каждого из обвиняемых, однако приговор оставлен в силе, «как правильный по существу».

Прокуратура Союза ССР, считая, что это дело было проведено с грубейшими нарушениями основных правил советского уголовного процесса, не дающими возможности признать правильным вынесенный судом приговор, опротестовала его по следующим основаниям:

Самое расследование дела было произведено неправильно. Вместо выяснения конкретных фактов виновности каждого из заподозренных лиц путем допроса свидетелей и розыска тех спекулянтов, с которыми якобы были связаны служащие магазина № 400, органы расследования ограничились сознанием ряда обвиняемых.

Ни органы расследования, ни прокуратура не обратили внимания на резкие расхождения в этих «сознаниях». Расхождения же эти касаются и времени преступной деятельности и сумм, полученных каждым. Игнатовский говорит о 700 руб., Абрамовский—сначала о 2—3 тыс. руб., а потом о 10—12 тыс. руб., Левицкий о 15 тыс. руб. и т. д.

При возвращении дела на доследование в милицию ст. следователь Юффа от имени областной прокуратуры дал явно неправильное указание о выделении из дела материалов о гр. Левчуке, стороже магазина, которого обвиняемый Черкасский прямо обвинял в систематическом незаконном получении мануфактуры из магазина № 400 и последующей продаже по спекулятивным ценам.

Такое выделение в отдельное производство обвинения лица, которое являлось соучастником общих злоупотреблений работников магазина и могло своими показаниями осветить спорные вопросы дела, является грубым нарушением ст.ст. 110 и 114 УПК УССР.

Далее, в нарушение установленного указанием пленума Верховного суда СССР и циркуляром Прокурора СССР порядка обвиняемые по данному делу не были преданы суду законным порядком, то есть определением подготовительного заседания суда. Вместо этого обвиняемых предал суду тот же ст. следователь Киевской областной прокуратуры Юффа, разославший обвиняемым копии обвинительного заключения, не утвержденного судом, и направивший дело в народный суд для слушания.

Народный суд не принял никаких мер, чтобы проверить все доказательства для полного освещения всех обстоятельств дела, что было совершенно необходимо при отказе подсудимых от данного ими на расследовании сознания и заявлений их о незаконных методах, применявшихся к ним уполномоченным милиции.

Наоборот, целый ряд вполне обоснованных ходатайств защиты был отклонен судом (по заключению представителя прокуратуры), при этом в отдельных случаях формулировки отказа резко расходились с основными положениями советской теории доказательств. Таков отказ в допросе свидетеля Кашеровской по тому мотиву, что по делу уже допрошено 4 подменных кассирши, и гр. Левчука потому, что «он привлечен в качестве обвиняемого и дело о нем будет слушаться отдельно».

Столь же грубым нарушением УПК является определение суда от 19 сентября 1936 г. об отмене своего прежнего определения о вызове свидетелей Лакизы, Сироты, Стражевской, мотивированное тем, что свидетели эти не явились.

Несмотря на явную невозможность выяснения дела при том скудном материале, который был собран органами расследования и в значительной мере оказался опровергнутым в ходе судебного следствия, суд трижды отклонил ходатайство защиты о направлении дела на доследование, причем мотивировка суда в одном случае грубо нарушала правило об оценке всех обстоятельств дела по окончании судебного следствия в совещательной комнате, за-

ранее предопределяя вынесение обвинительного приговора: «полное сознание обвиняемых в своих преступлениях делает излишним и нецелесообразным проверку».

В другом случае суд совершенно голословно указал в своем определении, что цель ходатайства защиты—оттянуть рассмотрение дела на несколько месяцев, чтобы оно потеряло свою актуальность.

В приговоре особенно оттенен тот мотив, что суд боялся, как бы направление дела на доследование и связанная с этим отсрочка в несколько месяцев «не свела на-нет этот первый образец особого рода дел (!), которых еще не было в рассмотрении суда».

Кроме указанных нарушений, суд в самом приговоре допустил целый ряд искажений показаний свидетелей, подробно записанных в протоколе судебного заседания.

Наряду с этим суд почему-то совсем опустил очень важные показания свидетеля Савченко, благоприятные для подсудимых, и неизвестно для какой надобности привел подробно показания свидетельницы Овручской, о которых сам тут же написал, что «он не делает из них никаких выводов».

При предании суду всех работников магазина по ст. 135—4 УК за повышение цен на товары суд обязан был либо осудить их по этой статье, мотивировав это осуждение в описательной части, либо оправдать за недоказанностью обвинения.

Суд же ни одним словом не коснулся в обвинительной части приговора этого самостоятельного обвинения (материалами дела не подтвержденного), а в резолютивной части приговора признал всех подсудимых виновными наряду со ст.ст. 97 и 20—127 также и по ст. 135—4 УК.

Все эти нарушения основных правил процесса как в стадии расследования, так и в стадии судебного следствия и вынесения приговора делают последний голословным и подлежащим отмене.

Уголовная коллегия Верховного суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор народного суда и определение областного суда отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Неосновательное осуждение

Приговором народного суда г. Николаева, утвержденным УКК областного суда, были осуждены по ст.ст. 59 «а» и 180 УК к разным срокам лишения свободы от 2 до 5 лет бывшие торговцы-лишенцы в числе 7 человек: Кузнец Я., Майзенберг И., Ширяк Г., Меламуд А., Торчинский Г., Теплицкий Ш., Каплун Л и крестьянин-середняк Криминский Николай.

Суд признал их всех виновными в том, что под видом трудовой «группы грузчиков» они занимались частным подрядничеством по производству погрузо-разгрузочных работ в порту, эксплоатировали труд наемных рабочих, привлекаемых ими под видом подсобной работы, обсчитывали этих рабочих путем разных мошеннических махинаций и т. п. и скрывали свои нетрудовые доходы от налогового обложения.

Прокуратура Союза ССР, считая, что суд подошел к этому несколько необычному делу крайне формально, не разобрался в существе вопроса и в результате допустил серьезную политическую и судебную ошибку, опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям:

Суд должен был прежде всего поставить перед собой основной вопрос: хорошо ли и полезно ли для нашего социалистического строительства, если группа бывших торговцев, лишенных избирательных прав, вместо того, чтобы заниматься спекуляцией и подпольной торговлей, берется за тяжелый физический труд чернорабочего-грузчика и на протяжении ряда лет, по договоренности с госорганизациями, производит для них своими собственными силами и с привлечением неорганизованного труда домашних хозяек погрузо-разгрузочные работы в порту.

Стоит только поставить так этот вопрос, чтобы ответ на него сразу стал ясен.

Отсюда следует, что в отношении такого общественно-полезного начинания нельзя было подходить с той предубежденностью и с теми «ликвидаторскими» тенденциями, с какими подошли к ним в данном случае Николаевский горфинотдел, а за ним и следствие, и суд.

В результате такого неправильного понимания лозунга классовой бдительности местные органы, вместо того, чтобы пойти по пути правильного организационного оформления «дикой» артели или группы, обеспечения в ней советского кооперативного порядка и устранения нездоровых, чуждых этому порядку искажений, стали на путь полной ее ликвидации в порядке уголовного суда.

Суд признал, что обвиняемые под ширмой «группы грузчиков» на деле являлись подрядчиками и заключали с разными государственными организациями договоры подряда, а не личного трудового найма.

Признак подряда был усмотрен в том, что «группа» принимала на себя ответственность за простои транспорта, возникающие по ее вине, то есть как бы обязывалась неустойкой, несвойственной договору личного найма.

Сугубо-формальный подход к этому вопросу совершенно очевиден. Опрошенные на расследовании работники государственных организаций объяснили, что этот пункт «был внесен только для того, чтобы не было простоев и чтобы усилить работы, и действительно простоев не было». По отзыву всех без исключения представителей нанимавших их организаций обвиняемые работали очень хорошо, без простоев, являясь по первому вызову, в любую погоду, днем и ночью, без отказа. «С точки зрения интересов строительства,—говорит прораб Авиастроя Жилин,—эта группа грузчиков очень выгодна, ибо они работают в любое время дня и ночи, полностью обеспечивают погрузо-разгрузочные работы. Так, что если этой группе запрещено будет работать у нас, мы будем поставлены в тяжелые условия».

Суд усмотрел мошенническую махинацию со стороны обвиняемых в том, что они получали за работу от госорганизаций сдельно с разгруженной или погруженной тонны, а рассчитывались с привлекаемыми со стороны рабочими в порядке «почасовой» оплаты. Однако суд при этом забыл упомянуть, что они сами также получали за отработанные часы и по той же почасовой ставке, что и остальные. Из

имеющихся в деле многочисленных платежных ведомостей видно, что расчеты производились таким образом: полученная за работу сумма делилась на количество часов, проработанных всеми участниками данной операции разгрузки или погрузки, отсюда выводилась стоимость человекочаса и каждый получал из этого расчета за столько часов, сколько он проработал.

Далее, суд инкриминирует обвиняемым скрытую эксплоатацию привлеченных рабочих и присвоение доли их труда под видом приписок обвиняемым лишних часов. На первый взгляд раздаточные ведомости как будто подтверждают это обвинение, так как обвиняемые получали за большее число часов, чем остальные. Однако многочисленные свидетели как из числа якобы «эксплоатируемых» обвиняемыми рабочих, так и представителей госорганизаций подтвердили на судебном следствии, что обвиняемые получили за большее число часов потому, что они действительно дольше работали, ибо привлеченные рабочие в большинстве работали только по самой разгрузке и погрузке барж, а обвиняемые всегда, кроме того, производили своими силами подготовительные работы (установку сходней и т. п.), а после работы—уборку сходней и укладку камня в штабеля. Правильность этого объяснения находит себе объективное подтверждение в анализе раздаточных ведомостей, из которых можно усмотреть, что, с одной стороны, за лишние часы (по графе «приработок») получали не только обвиняемые, но и другие рабочие, а с другой стороны, не все обвиняемые во всех случаях получали за этот «приработок».

Наконец, суд приводит следующий случай, как яркое доказательство недобросовестного обсчета обвиняемыми других рабочих: при разгрузке двух одновременно прибывших и разгруженных в один день барж в составленных по этой работе двух раздаточных ведомостях фамилии обвиняемых фигурируют в обеих одновременно: по одной они получили за 12 часов работы каждый, по другой за 11 часов, в то время как совершенно очевидно, что они одновременно в двух местах работать не могли, а по показаниям свидетелей часть из них работала на разгрузке одной баржи, а другая часть на второй. Однако показаниями тех же свидетелей на суде установлено, что после окончания разгрузки и ухода рабочих камень бут оставался сваленным в кучу, и обвиняемые должны были его уложить в штабеля, что они и делали ночью и на другое утро. Таким образом этот факт двойной записи говорит не столько о незаконной приписке лишнего времени, сколько о неудовлетворительности учета. Но если даже признать установленным, что в данном случае табельщик допустил приписку нескольких лишних часов себе и своим товарищам по группе, то этот единичный факт (других, несмотря на самые кропотливые изыскания, ни работникам горфинплана, ни следователю обнаружить не удалось), давший возможность обвиняемым положить себе в карман по несколько лишних рублей, не дает еще оснований для тех обобщений о нетрудовом характере отношений, об эксплоатации случайных рабочих, систематическом присвоении обвиняемыми их труда, в которых приговор суда «уличает» обвиняемых.

Из всех многочисленных свидетелей, допрошенных по этому делу, как «обиженных» и «обманутых» рабочих и работниц, так и представителей госорганизаций-нанимателей, в том числе членов партии, не нашлось никого, кто бы хотя единым словом упрекнул в чем-нибудь этих людей, несмотря на то, что они бывшие торговцы-лишенцы. Это говорит за то, что общественная оценка настоящего дела со стороны самих трудящихся, наблюдавших работу обвиняемых, резко разошлась с официальной оценкой, данной горфинотделом и судом.

Внимательный анализ фактов, если к ним подходить без предупреждения, показывает, что не только самая идея трудового перевоспитания бывших торговцев-лишенцев, но и практическое воплощение ее в работе данной «группы грузчиков» себя не скомпрометировали, судить их было не за что и не нужно было.

Уголовно-кассационная коллегия Верховного суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор народного суда и определение УКК областного суда отменить и дело в уголовном порядке прекратить.

Неправильное осуждение

Морозкин Алексей Павлович, директор Битумзавода с июня по декабрь 1934 г., был осужден народным судом Канибадамского района УзбССР по ст.ст. 143 и 97 УК к 6 годам лишения свободы.

Салин Август Андреевич, бухгалтер Битумзавода, был осужден по ст. 152 УК УзбССР к полутора годам лишения свободы с понижением, в порядке ст. 52 УК, до одного года и.-т. работ.

Морозкин А. П. был осужден за то, что, будучи директором Битумзавода, вследствие своей халатности и пьянства, довел работу завода до развала, план работы завода выполнил на 13%, причинил заводу убыток в 125 тыс. рублей и задержал выплату зарплаты рабочим на 3—4 месяца.

Салин А. А.—за то, что, будучи бухгалтером завода и заменяя директора во время его отсутствия, учинил подлог в приказе директора об оставлении его заместителем в целях получения права распоряжаться кредитами и получил деньги из банка для уплаты рабочим и на другие цели.

На приговор народного суда прокуратурой республики был принесен протест. Президиум Верховного суда протест частично удовлетворил, снизив меру наказания Морозкину до 3 лет, в отношении Салина приговор был оставлен в силе.

Морозкин вступил в исполнение обязанностей директора 1 июня 1934 г., после снятия старого руководства завода за доведение состояния завода до полного развала в финансовом и хозяйственном отношениях.

Морозкин в период своей работы с 1 июня 1934 г. по декабрь 1934 г., несмотря на такое состояние принятого им завода, увеличил выпуск продукции по сравнению с первым полугодием.

Морозкин и Салин привели в порядок учет и отчетность за 1933 и 1934 гг.

Убыток, отмеченный в акте комиссии от декабря 1934 г. в сумме 125 тыс. руб., за 1934 г. целиком приписан Морозкину. Из акта не

видно, из каких данных складывается убыток и образовался ли он до вступления Морозкина в должность директора или при нем. Ни судом, ни следствием этот вопрос не был выяснен. О положении хозяйственного и финансового состояния завода Морозкин сигнализировал, но вышестоящие организации не оказывали ему помощи. По этим же причинам произошла и задержка в выплате зарплаты. Пьянство Морозкина материалами дела не установлено.

При наличии вышеприведенных обстоятельств к осуждению Морозкина не было достаточных данных.

Салин, замещая директора, по данным материала дела, учинил подлог в приказе без личных корыстных целей, а полученные им деньги в сумме 19 тыс. руб. израсходовал на оплату задолженности по зарплате рабочим. Эти действия подлежали квалификации не по ч. 1 ст. 152 УК, а по ч. 2 ст. 152 УК с санкцией по ч. 2 ст. 140 УК УзбССР (ч. 2 ст. 112 УК РСФСР).

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда и определение президиума Верховного суда в отношении Морозкина.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила дело Морозкина и Салина прекратить.

Признание недействительной сделки, заключенной по заблуждению

11 марта 1936 г. гр. Свирский обменял свою комнату в 20 кв. метров на комнату гр. Вайнермана в 18 кв. метров.

16 марта 1936 г. гр. Свирский предъявил иск о признании недействительным обмена жилплощади, так как Вайнерман обманул Свирского: дом, в котором проживал гр. Вайнерман до обмена, оказался зараженным жучком-точильщиком.

14 апреля 1936 г. народный суд в иске Свирскому отказал. Кассационная коллегия решение народного суда отменила и передала дело на новое рассмотрение.

16 июня 1936 г. народный суд признал обмен между Вайнерманом и Свирским недействительным и постановил переселить Вайнермана и Свирского в ранее занимаемые ими помещения.

9 июля 1936 г. кассационная коллегия решение оставила в силе.

Президиум Леноблсуда 10 сентября 1936 г. решение народного суда Смольнинского района от 16 июня 1936 г. и определение кассационной коллегии областного суда от 11 мая и 9 июля 1936 г. отменил, оставив в силе решение народного суда от 14 апреля 1936 г. Президиум Леноблсуда исходил из следующих соображений; «в основу данного дела должно быть положено заключение экспертизы, исходящее из следующих положений:

1) Жучок-точильщик не функционирует, 2) срочного капитального ремонта не требуется, никакой угрозы безопасности нет. Истец Свирский знал о пораженности пола квартиры жучком, так как следы последнего были видны, обмен площади совершен добровольно, без признаков наличия обмана».

Прокуратура СССР опротестовала определение президиума Леноблсуда по следующим основаниям:

Из того же акта экспертизы, на который ссылается президиум Леноблсуда, видно, что жучок-точильщик действительно в б. квартире Вайнермана обнаружен и не только следы его, но и живые жучки, что балки пола частично действительно были повреждены жучком. Выводы экспертизы о том, что при наличии живых жучков они не функционируют, вызывают сомнения.

Председатель жакта в суде показал, что в каждой квартире в доме имеются жучки и что все с ними борются и что жучки продолжают действовать, что они поражают и мебель. То же показала и свидетельница Ширяева. При таких условиях суд не мог основывать своего решения на утверждении экспертизы о том, что жучок-точильщик не функционирует и что комната для проживания пригодна.

Утверждение президиума Леноблсуда о том, что Свирский знал до обмена о наличии повреждений в комнате Вайнермана, не подтверждено материалами дела.

Свидетель Исайкин показал, что пол в комнате Вайнермана прикрыт был ковром, и при таких условиях, возможно, Свирский не заметил повреждений пола. Об этом свидетельствует и то, что Свирский предъявил иск через 5 дней после обмена.

Если даже в квартире и не требуется капитального ремонта, на что ссылается президиум Леноблсуда, то и тогда нельзя признать правильным обмен жилплощади, при котором одна сторона вследствие заблуждения получила худшую площадь, чем другая.

Коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила постановление президиума Ленинградского областного суда от 10 сентября 1936 г. по этому делу отменить и оставить в силе решение народного суда Смольнинского района от 16 июня 1936 г. и определение кассационной коллегии от 9 июля 1936 г.

Неправильное выселение

Народный суд 3 участка Красногвардейского района г. Москвы постановил выселить гр. Буздалову из коридора, в котором она проживала с 1925 г.

Кассационная коллегия Мосгорсуда решение оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда и определение кассационной коллегии по следующим основаниям.

Из материалов дела и произведенной Прокуратурой Союза проверкой на месте видно, что гр. Буздалова живет в коридоре квартиры 20, д. № 11 по Лялину пер. с 1925 г. До 1930 г. Буздалова работала в качестве домработницы у жильцов квартиры. С 1930 г. Буздалова работает на заводе и является ударницей.

При проверке на месте были опрошены жильцы квартиры (Шустров, Гордеенко, Чунов). Никто из жильцов квартиры не возражает против проживания Буздаловой в коридоре. Проживание ее в коридоре никому из жильцов не мешает.

Управляющий домом Стерлигов заявил, что им предъявлен иск о выселении Буздаловой якобы на том основании, что у него имелось предписание пожарной охраны. Однако ни в материалах дела, ни на руках у Стерлигова такого предписания не имеется и это заявление управляющего домом ничем не подтверждено.

По справке, имеющейся в доме, Буздалова прописана в доме постоянно.

Выселение Буздаловой при таких условиях, когда жильцы не возражают против проживания Буздаловой в месте общего пользования и проживание ее не препятствует пользованию коридором, является неправильным.

Решение народного суда и определение кассационной коллегии Мосгорсуда не соответствует обстоятельствам дела.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение народного суда и определение кассационной коллегии отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

Сдача в наем жилплощади в течение ряда лет лишает права на эту площадь

Гр-не Гельфгат поселились на площади гр. Васильевой в 1929 г., заняв одну из двух комнат в качестве временных жильцов. Гельфгат платили Васильевой сперва 80, а затем 100 р. в месяц за комнату в 13 кв. метров. После смерти гр. Гельфгат в 1935 г. гр. Васильева предъявила иск о выселении его жены, оставшейся проживать в комнате и отказавшейся платить высокую квартирную плату (100 руб.).

Гр. Васильева мотивировала иск тем, что ее старший сын женился и ей нужна вторая комната.

Кассационная коллегия Мосгорсуда 16 июня 1935 г. решение народного суда оставила в силе.

По протесту прокурора г. Москвы президиум Мосгорсуда 3 сентября 1935 г. решение народного суда и определение кассационной коллегии отменил и в иске Васильевой о выселении Гельфгат отказал.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР 27 октября 1936 г. отменила постановление президиума Мосгорсуда и оставила в силе решение народного суда, исходя из того, что на основании инструкции НККХ и НКЮ РСФСР № 37 от 27 января 1934 г. временные жильцы, независимо от срока своего проживания, не приобретают никакого права на фактически занимаемую ими жилую площадь.

Прокуратура Союза опротестовала определение гражданской коллегии Верховного суда РСФСР по следующим основаниям:

Из показания свидетеля Михляева видно, что старший сын Васильевой женился еще в 1934 г., выехал от гр. Васильевой и жил с женой в другом месте. Перед тем, как Васильева предъявила иск о выселении Гельфгат, сын Васильевой переехал к матери, но жена его осталась проживать на прежнем месте. Еще перед смертью гр. Гельфгат Васильева обращалась к свидетелю Михляеву с просьбой уговорить семью Гельфгат выехать, так как она опасалась, что тяжело больной Гельфгат умрет и его жена не будет тогда платить по 100 руб. в месяц за комнату.

Действительно, Васильева предъявила иск к Гельфгат о выселении тогда, когда Гельфгат после смерти мужа, будучи менее обеспеченной, отказалась платить Васильевой по 100 р. в месяц и стала переводить ей по почте меньшую квартирную плату (так как Васильева отказывалась принимать у Гельфгат квартплату по ставке).

Гр. Гельфгат на суде заявила, что до нее в спорной комнате в течение 4 лет также проживали временные жильцы. Народный суд этого обстоятельства не проверял; между тем, оно имеет большое значение, так как, если действительно гр. Васильева в течение 10 лет систематически сдает часть принадлежащей ей жилплощади в наем, то эта жилплощадь ею не используется по прямому назначению и служит ей лишь в качестве источника дохода.

Васильева с семьей занимает отдельную от гр. Гельфгат комнату 14 кв. метров, причем семья гр. Васильевой не увеличилась, а напротив, в 1934 г. уменьшилась, так как старший сын Васильевой, женившись, по показаниям свидетеля, выехал от матери и въехал лишь к моменту предъявления иска к Гельфгат (без жены) для того, чтобы создать основание для иска.

При таких условиях, когда Васильева в течение 10 лет не использует для себя принадлежащей ей части площади, сдавая ее в наем в целях извлечения дохода, нет оснований удовлетворять претензии на эту жилплощадь.

Гражданская коллегия Верховного суда формально подошла к рассмотрению дела, не выяснив фактических его обстоятельств и действительных взаимоотношений сторон.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил отменить решение народного суда и все последующие решения и передать дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе с привлечением домоуправления и с участием прокуратуры.

При призыве на военную переподготовку трудящийся сохраняет место работы и зарплату

Гр. Менцель И. И. работал инспектором-контролером киевской городской конторы Союзплодоовощи с 3 марта 1935 г.

7 июня 1935 г. он как командир запаса был призван на 45 дней на военную переподготовку, о чем поставил в известность управляющего конторой Союзплодоовощи.

Через два дня после призыва в РККА приказом от 9 июня 1935 г. гр. Менцель был уволен с работы.

По возвращении с лагерного сбора гр. Менцель И. И. возбудил иск о восстановлении его на работу и об уплате за 45 дней лагерного сбора, а также за все время вынужденного прогула.

Трудсессия 5 сентября 1935 г. присудила гр. Менцелю зарплату за три месяца вынужденного прогула, по день судебного решения, а в восстановлении его на работу отказала.

Кассационная коллегия областного суда 11 октября 1935 г. решение трудсессии измени-

ла, присудив Менцелю зарплату только за 45 дней лагерного сбора, в остальной части требования за прогул отказала, в части отказа в восстановлении на работу решение оставила в силе.

Пленум областного суда отменил решение кассационной коллегии в части оплаты за время лагерного сбора и передал дело на новое рассмотрение.

Трудсессия 5 января 1936 г. в иске Менцелю полностью отказала, считая, что истец был уволен 7 июня в связи с окончанием работы и имел в дальнейшем возможность поступить на другую работу.

Трудсессия решением от 19 марта 1936 г. постановила изменить приказ об увольнении истца, считать его уволенным с 14 июля 1935 г. и взыскать в его пользу зарплату в размере 116 руб.

По протесту Прокуратуры УССР гражданская коллегия Верховного суда УССР решением от 10 сентября 1936 г., хотя и признала увольнение Менцеля незаконным, но в иске о восстановлении его на работу отказала, присудив ему зарплату за один месяц прогула и два дня работы до его увольнения (с 7 июня по 9 июня 1935 г.).

Прокуратура СССР, находя все вышеупомянутые решения неправильными и подлежащими отмене, опротестовала их по следующим основаниям:

Определение гражданской коллегии Верховного суда в части признания увольнения гр. Менцеля И. И. незаконным является совершенно правильным. Материалами дела установлено, что Менцель уволен был после призыва его на лагерный сбор.

Увольнение его произведено с грубым нарушением ст. 46 Кодекса о льготах военнослужащим, тем более, что материалом дела установлен постоянный характер работы Менцеля и прием после увольнения Менцеля на такую же работу гр. Фрегер.

Отказ гражданской коллегии Верховного суда в восстановлении Менцеля на работу со ссылкой на ст. 87—2 КЗоТ неправилен. Ст. 87—2 КЗоТ, как видно из ее текста, в данном случае неприменима, так как к моменту разбора дела в суде Менцель нигде не работал.

Гр. Менцель представил суду ряд справок, подтверждающих факт длительных поисков им работы, и справку из домоуправления о безработице. Поэтому неверно утверждение ГК Верховного суда о том, что Менцель не доказал факта длительных безрезультатных поисков работы.

При этих условиях определения Верховного суда об оплате Менцелю лишь за 1 месяц прогула со ссылкой на отсутствие безработицы в СССР нарушает ст. 68 постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. и свидетельствует о формальном подходе к делу.

Президиум Верховного суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение трудсуда от 6 сентября 1935 г., определение кассационной коллегии областного суда от 11 октября 1935 г., решение трудсуда от 19 марта 1936 г. и определение гражданской коллегии Верховного суда УССР от 10 сентября 1936 г. отменить и дело направить на новое рассмотрение в гражданскую коллегию Верховного суда УССР как в суд первой инстанции с обязательным участием в процессе прокурора.

Предупреждение об увольнении лица, работающего в отдаленной местности, не освобождает учреждение от оплаты выходного пособия

Гр. Паушнер работал на Куровском меланжевом комбинате в течение 13 лет в качестве руководителя отдела экономики труда и был уволен 18 ноября 1935 г.

Паушнер предъявил иск о взыскании выходного пособия в размере полуторамесячного заработка, об оплате за провоз имущества и за 19 неиспользованных выходных дней.

8 января 1936 г. народный суд в иске гр. Паушнеру отказал на том основании, что гр. Паушнер был предупрежден за полтора месяца об увольнении.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда по следующим основаниям:

На основании п. 13 постановления ЦИК и СНК СССР от 12 августа 1930 г. об утверждении Положения о льготах для лиц, работающих в отдаленных местностях СССР и вне крупных городских поселений, и правил применения указанного постановления, утвержденных НКТ СССР 1 ноября 1930 г., работники 1-й группы, работающие в отдаленных местностях и вне крупных городских поселений, при увольнении вследствие ликвидации учреждения или сокращения штатов, имеют право на получение единовременного пособия в размере месячного заработка сверх нормального выходного пособия, и этим работникам возмещается стоимость проезда работника и его семьи, а также провоза имущества к прежнему месту жительства.

На гр. Паушнера распространяется указанное постановление, так как Куровский комбинат находится вне крупного городского поселения, а гр. Паушнер относится к числу работников 2 группы как заведующий отделом комбината (п. 4 раздела Б перечня должностей, дающих право на получение вышеуказанных льгот).

Гр. Паушнер был уволен вследствие сокращения его должности, что дает основание к применению п. 13 постановления ЦИК и СНК от 12 августа 1930 г.

Указание народного суда на то, что Паушнер был предупрежден об увольнении за полтора месяца, не имеет значения, так как указанное постановление предусматривает выплату полуторамесячного пособия независимо от предупреждения работника об увольнении.

Президиум Московского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение ГКК и решение народного суда отменить и дело передать в тот же суд для нового рассмотрения в ином составе.

Практика Прокуратуры Союза ССР по общему надзору

В прокуратуру г. Москвы поступили сведения о том, что на строительстве 11 хлебозавода имела место незаконная затрата оборотных средств в сумме 280 тыс. руб. на капитальное строительство.

В процессе проверки было установлено, что действия администрации строительства хлебозавода основывались на приказе замнаркома пищевой промышленности СССР т. Бадаева от 9 декабря 1936 г. за № 800.

Директору 1 московского треста Главхлеба этим приказом было предложено установить на строящемся хлебозаводе дополнительно 2 автоматические печи, израсходовав на это строительство 500 тыс. руб. за счет сверхплановых накоплений 1935 г. Сметы дополнительного строительства по приказу должен был утвердить главный инспектор Главхлеба. Этот приказ был издан в прямом противоречии с действующим законодательством прежде всего потому, что вложение средств из сверхплановых накоплений на капитальное строительство действующим законодательством не предусмотрено, так как постановление СТО от 1 апреля 1934 г., которым разрешалось расходование сверхплановых накоплений на капитальное строительство, отменено постановлением ЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1936 г. (см. пост. «О фонде директора предприятия» — СЗ СССР № 20, ст. 169).

Кроме того, самый объект строительства (хлебозавод) принадлежит к числу тех, титульные списки которых утверждаются СНК СССР (постановление СНК СССР от 23 октября 1934 г. № 2437), а технические проекты и сметы утверждаются соответствующими наркоматами (пост. СНК СССР от 3 сентября 1934 г. № 2050), следовательно, замнаркома пищевой промышленности т. Бадаев не имел права без разрешения СНК СССР изменять объем и стоимость строительства и поручать утверждение технического проекта и сметы главному инженеру Главхлеба.

Прокуратура Союза ССР по этим основаниям опротестовала приказ замнаркома пищевой промышленности т. Бадаева перед СНК Союза ССР. По предложению СНК Союза ССР 3 марта 1937 г. нарком пищевой промышленности т. Микоян этот приказ отменил.

**
*

23 ноября 1936 г. Наркомат связи Союза ССР издал приказ за № 624 о сокращении служебной телеграфной переписки и телефонных переговоров.

Пункт 2 этого приказа устанавливал за нецелесообразное использование телеграфа и телефона работниками органов связи, а также за создание причин, вызывающих непроизводительные служебные запросы, взыскание с виновных в этом работников связи тройной стоимости служебной телеграммы или телефонного переговора.

Эта мера по существу имеет характер своеобразного дисциплинарного взыскания, не предусмотренного действующим «Дисциплинарным уставом работников связи», была установлена в нарушение законного порядка.

В связи с протестом Прокуратуры Союза ССР, 19 марта 1937 г. Совет народных комиссаров СССР предложил наркому связи СССР отменить п. 2 названного приказа «О сокращении служебной телеграфной переписки и телефонных переговоров» в части взыскания с виновных в нарушение этого приказа тройной стоимости служебной телеграммы или телефонного переговора, так как подобного рода взыскание не предусмотрено законом и приказом по наркомату установлено быть не могло.

**
*

16 августа 1936 г. директор Орехово-Зуевского хлопчато-бумажного треста т. Венгерова издала приказ за № 135, запрещающий директорам фабрик, входящих в систему этого треста, принимать уволенных за прогул с одной фабрики треста на другую фабрику того же треста.

Этот свой приказ т. Венгерова основывала на том, что она считала все фабрики, входящие в трест, единым предприятием.

Между тем каждая из фабрик, входящая в систему треста, является самостоятельным хозяйственным предприятием, действующим на началах хозрасчета.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. обязывает руководителей предприятий и учреждений увольнять с работы рабочего или служащего в случае неявки на работу, хотя бы в течение одного дня.

В развитие указанного постановления ЦИК и СНК СССР Наркомтрудом СССР 26 ноября 1932 г. была издана инструкция, одобренная СНК СССР, согласно которой прием уволенных за прогул работников обратно в то же предприятие или учреждение не допускается в течение года. Поскольку фабрики, входящие в систему Орехово-Зуевского хлопчатобумажного треста, являются самостоятельными хозяйственными предприятиями, постольку прием этими фабриками на работу уволенных за прогул с других фабрик того же треста нельзя рассматривать как прием обратно в то же предприятие.

Применение названного приказа т. Венгеровой на практике должно было привести к тому, что рабочие фабрик Орехово-Зуевского текстильного треста в течение целого года не смогли бы поступить на работу по своей специальности без выезда за пределы своего района. Между тем большинство работающих на фабриках треста женщин связаны всеми условиями своего быта с Орехово-Зуевым.

На основании изложенного Прокуратура Союза ССР опротестовала приказ директора Орехово-Зуевского хлопчатобумажного треста т. Венгеровой перед Совнаркомом СССР.

20 марта 1937 г. Совет народных комиссаров Союза ССР предложил наркому легкой промышленности СССР т. Любимову отменить

как противоречащий утвержденной СНК СССР 20 декабря 1932 г. инструкции о применении постановления ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. об увольнении за прогулы без уважительных причин приказ директора Орехово-Зуевского треста т. Венгеровой от 16 августа 1936 г. за № 135 о запрещении принимать на работу уволенных за прогул на все фабрики треста.

**
*

10 января 1937 г. нарком социального обеспечения РСФСР т. Наговицын издал приказ за № 17, устанавливающий ограничения в приеме на пенсию лиц, имеющих по закону право на пенсию.

Приказ устанавливал такой порядок принятия на пенсию в 1937 г., при котором новый пенсионер мог быть принятым на пенсию лишь в случае освобождения пенсионных средств вследствие смерти либо снятия с пенсии кого-либо из старых пенсионеров.

Однако действующее законодательство о пенсиях по социальному обеспечению, утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 1 апреля 1934 г., не представляет органам Наркомсобеса права отказывать в принятии на пенсию лицам, имеющим это право по закону. Прокурор Союза ССР опротестовал этот приказ Наркомсобеса как явно незаконный, и по предложению СНК РСФСР т. Наговицын отменил как несоответствующую закону ту часть приказа, где устанавливались вышеназванные ограничения.

**
*

25 июня 1934 г. райфинотдел Московского района г. Ленинграда постановил принять от гр. Куршина Ю. Б. числящуюся за ним недоимку, возникшую в связи с обложением его налогами по торговле 1926—1927 гг., а пени за несвоевременную уплату налогов сложить.

Чтобы облегчить Куршину, который после прекращения торговли стал с 1927 г. работать по найму в государственных и кооперативных учреждениях, возможность уплаты недоимки, ему было разрешено реализовать частным образом описанное у него имущество.

Куршин требование райфинотдела выполнил и всю числящуюся за ним недоимку в сумме 5312 руб. в том же 1934 г. внес.

16 декабря 1935 г., то есть через полтора года после того, как Куршин закончил свои расчеты с райфинотделом, последний пересмотрел свое постановление от 25 июня 1934 г. и предложил Куршину внести пени за время с 1927 по 1935 г. в размере 126 тыс. руб.

Отмену своего первоначального постановления райфинотдел мотивировал тем обстоятельством, что Куршин якобы производил погашение недоимки в 1934 г. не путем реализации своего имущества, а за счет имевшихся у него накоплений от бывшей торговли.

Указанное постановление Московского райфо было утверждено вышестоящими финансовыми органами вплоть до сектора массовых платежей НКФ СССР.

Прокуратура Союза опротестовала это решение райфинотдела по следующим основаниям.

Предположение Московского райфо г. Ленинграда о наличии у гр. Куршина скрытых накоплений от б. торговли, из которых была уплачена им в 1934 г. недоимка, не находит подтверждения в материалах налогового дела, так как согласно описи имущества Куршина, произведенной в 1934 г. до данного ему разрешения реализовать это имущество частным образом, последнее оценивалось в 4 тыс. руб., а по описи, произведенной в ноябре 1935 г., у Куршина оказалось имущества только на 1100 руб., причем в эту опись неправильно включен был буфет его матери, исключенный из этой описи по решению народного суда г. Ленинграда от 28 декабря 1935 г.

Куршин как до 1925 г., так и после прекращения торговли в 1927 г., все время работал по найму в государственных и кооперативных торговых организациях и в избирательных правах восстановлен.

Взыскание пени в 126 тыс. руб. за налоговую недоимку в 5 тыс. руб., к тому же полностью погашенную, является нецелесообразным и нереальным, тем более, что описанное в обеспечение уплаты пени имущество гр. Куршина оценено в 700 руб.

Наркомфин Союза ССР согласился с протестом Прокуратуры Союза и отменил постановление райфинотдела о восстановлении пени гр. Куршину.

**
*

Макарищев И. И., завхоз Тульского металлообрабатывающего техникума, имеющий 38-летний непрерывный трудовой стаж, был в 1932 г. обложен Тульским горфинотделом подоходным налогом за 1928/29 г., 1929/30 г. по третьему расписанию.

Основанием к отнесению гр. Макарищева к третьей категории налогоплательщиков послужило якобы занятие им, помимо работы по найму, ростовщичеством.

Постановление Тульского горфо несколько раз пересматривалось вышестоящими финансовыми органами, которые выносили решения об его отмене, но в конечном результате было утверждено сектором массовых платежей Наркомфина СССР.

Прокуратура Союза, считая решение финансовых органов по налоговому делу Макарищева неправильным, опротестовала его по следующим основаниям.

Никаких материалов в налоговом деле, устанавливающих, что Макарищев занимался ростовщичеством, нет.

В деле имеются лишь свидетельские показания, указывающие, что жена Макарищева, а не он сам, давала нескольким лицам деньги взаймы под проценты.

Однако даже если бы и было доказано занятие Макарищева ростовщичеством, то за эту преступную деятельность, предусмотренную ст. 173 Уголовного кодекса, он подлежал бы привлечению к уголовной ответственности, а не обложению налогами.

Наркомфин СССР неоднократно давал своим органам совершенно правильные разъяснения о том, что нельзя облагать налогами доходы, полученные путем преступной деятельности, например, спекуляции, так как такого рода обложение до известной степени явилось бы легализацией преступных действий.

Наркомфин Союза по мотивам, изложенным в протесте Прокуратуры Союза, обложение гр. Макарищева по третьему расписанию отменил.

По союзным республикам

РСФСР

Темпы и качество работы Ленинградской областной прокуратуры

Первое основное требование, которое должно быть предъявлено к органам прокуратуры, ведающим делом разбора жалоб,—это быстрота прохождения жалобы по этапам (рассмотрение жалобы, истребование дела, просмотр его, постановление об удовлетворении или отклонении жалобы). Второе требование—вдумчивое рассмотрение материала. Третье—надлежащая постановка справочной работы.

Как поставлена работа с точки зрения этих трех основных требований в Ленинградской областной прокуратуре?

Людям, приносящим лично жалобу в облпрокуратуру, претендовать как будто не на что. Каждый день принимает всех посетителей дежурный помощник облпрокурора. По отдельным секторам имеются приемы у прокуроров, от которых зависит исход каждого данного дела. Казалось бы, все в порядке. Однако это совсем не так. С момента приема жалобы дежурным прокурором до момента наложения резолюции тем прокуроров, к ведению которого она относится, проходит 8—10 и более дней. Наконец, резолюция наложена. Требуется дело из районного суда. Оттуда не спешат с высылкой дела. Это мало кого тревожит. Когда является снова жалобщик и назойливо «пристает», делают запрос. При этом говорят: «Что вы хотите, всего только две недели прошло»...

Наконец дело поступает в облпрокуратуру. Но и с рассмотрением его здесь не очень спешат. Правда, несмотря на солидный штат прокурорских работников, жалуются тут иной раз на нехватку кадров. Так, например, зам. облпрокурора т. Максимов говорит: «У меня нет человека по делам о должностных преступлениях».

Поэтому он считает вполне нормальным, если дело по прошествии 10 дней с момента прибытия его из района еще не передано помощнику для просмотра.

Но вот и эта стадия пройдена. Попало, наконец, дело на просмотр к прокурору Панину. Он, рассмотрев материал, приходит к выводу о неосновательности жалобы. В это время является жалобщик. Он представляет дополнительные материалы и доказывает, что жалоба основательна. Панин колеблется и говорит: «Ладно, поговорю с т. Максимовым». Взять для разговора с Максимовым дополнительные документы он, однако, отказывается. А после его «доклада» Максимову жалобщик узнает, что «облпрокуратура соглашается с мотивами районного прокурора». Поговорить же жалобщику самому с т. Максимовым нелегко: т. Максимов говорит, что он очень занят и поэтому вынужден ограничиться докладами своих помощников.

Не лучше, а, пожалуй, хуже обстоит с получением справок.

В облпрокуратуре имеется справочное бюро. Открыто оно с 11 до 4 часов, то есть неполный рабочий день, и не с самого утра, так что многие посетители приходят слишком рано, либо опаздывают. Затем здесь дают справку только о том, в какой отдел передана жалоба и когда будет прием в канцелярии и у прокурора того отдела.

Надо прямо сказать, что такая справка — довольно куцая справка. Вместо того чтобы сразу узнать, что стало с жалобой, посетитель должен еще куда-то ходить узнавать. Это называется—от стола к столу. Но главное зло в том, что канцелярия каждого отдела принимает лишь несколько дней в месяц. Человек узнал, что дело находится в комнате № 14, но, чтобы там справиться, он должен ждать, когда там будет прием. При этом в 14 комнате установлены еще разные дни для жилищных и для других дел. Этот распорядок во всех канцеляриях облпрокуратуры строго соблюдается. Для защитников и юрисконсультов изъятия не делаются. По телефону справок им не дают. Приходится дожидаться того дня, когда совпадает свободный час с часом приема в канцелярии. Пишущий эти строки обратился по этому поводу с письмом к руководителю облпрокуратуры. Прошло 2 месяца, но он ответа не удостоился. А «распорядок» продолжает строго соблюдаться.

Надо ускорить темпы и улучшить качество работы Ленинградской облпрокуратуры.

А. Либерман

БССР

Богомльская „законность“

Пред нами небольшое дело бывшего председателя колхоза «Память Ильича» Витуничского сельсовета Богомльского района по обвинению Мальчик Ивана Лукича и бригадира того же колхоза Мальчик Ивана Демьяновича по ст. 196 УК БССР.

Преданы были они суду за преступно-халатное отношение к своим обязанностям, в результате чего сгнило 300 пудов колхозного картофеля, колхоз не выполнил плана вывозки торфа, и конское поголовье колхоза пришло в упадок.

Народный суд Богомльского района под председательством народного судьи т. Шмакова в судебном заседании 22 апреля 1936 г. признал их виновными и приговорил Мальчик Ивана Лукича к 4 годам лишения свободы и Мальчик Ивана Демьяновича—к 2 годам лишения свободы, заключив их тут же под стражу.

Суд настолько заинтересовался делами колхоза «Память Ильича», что вынес следующее частное определение, которое мы приводим текстуально:

«... Труддисциплина в колхозе отсутствует, существует обезличка, лошади к колхозникам не прикреплены, в результате чего никто ни

за что не отвечает, а потому для изжития всех изложенных недостатков народный суд предлагает: закрепить всех лошадей за конюхами и каждую лошадь закрепить за колхозниками. Каждую бригаду разбить на звенья, для лучшего оперативного руководства, довести до каждого члена план сева, прополки и т. д. Выдачу со склада продуктов, фуража производить только по личному письменному распоряжению председателя колхоза. О выполнении вышеизложенного сообщить суду к 1 мая 1936 г. Председатель Шмаков. Члены—нарзаседатель Гилько, Гришь».

Народный судья т. Шмаков либо почувствовал себя полностью справившимся с своими судебными делами, а может быть он взвесил, какое может иметь значение какое-то конкретное дело Мальчик в сравнении с интересами колхоза в целом, когда там благодаря этим «Мальчикам» так пошатнулись дела, и решил взять на себя контроль за исполнением своего определения и действовать решительно.

Для наведения порядка в колхозе много ли нужно? Стоит только суду предложить колхозу проделать всю организационную работу и в недельный срок, к первомайским торжествам, обязать колхоз отрапортовать суду, как выполнено его предписание.

Увы, народному судье т. Шмакову не повезло: ему не удалось 1 мая услышать рапорт колхоза «Память Ильича», так как окружной суд дело Мальчик вернул к доследованию прокурору Богомльского района.

Но у районного прокурора т. Жука УПК не в почете. Получив дело, он освободил из-под стражи обвиняемых под расписку о невыезде, не составив даже соответствующего постановления. По примеру районного прокурора не счел нужным выполнять какие-либо следственные действия и народный следователь; он не составил обвинительного заключения, не выполнил ст. 207 УПК и вместе с районным прокурором, не откладывая дела в долгий ящик, вынес постановление, выдержку из которого небесполезно привести:

«... Из материалов доследования и определения окрсуда видно, что выполнять ст.ст. 108 и 109 УПК нецелесообразно, а посему направить дело через прокурора нарсуду Богомльского района. Прокурор Жук. Следователь Гончаров».

Казалось бы, что дело близится к концу. Однако этим дело Мальчик не окончилось, так как ему, видимо, не повезло с самого начала. Дело Мальчик пролежало в народном суде Богомльского района до осени, а затем народный судья т. Шмаков переотправил его в соседний Плещеницкий районный народный суд. Плещеницкий народный суд отказался принять дело к своему рассмотрению без специального распоряжения председателя Верховного суда БССР.

Итак, дело после отмены первого приговора 15 мая 1936 г. лежало без движения и только 7 февраля 1937 г. после дополнительного доследования было поставлено на судебное рассмотрение. За грубейшее нарушение процессуальных норм и допущенную волокиту по делу Мальчик и. о. прокурора БССР объявил Богомльского районному прокурору т. Жук выговор. Народный следователь Богомльского района с работы снят.

БАССР

За повышение квалификации следователей

Прокуратура Башкирской АССР в 1937 г. вплотную подошла к повышению теоретического уровня народных следователей как в области их политических знаний, так и юридической квалификации.

При аттестации народных следователей были проведены беседы с каждым народным следователем. В результате этих бесед было установлено, что подавляющее большинство следователей почти не занимается повышением своей квалификации.

Очень немногие следователи читают центральные газеты и юридическую литературу, не говоря уже о художественной литературе, которую читают единицы. Значительное количество следователей не охвачено сетью партийного просвещения и не работает над поднятием своего идейно-политического уровня; те, кто хотя и состоят в кружках партийного просвещения, ограничиваются изучением по учебникам, не занимаясь глубоким изучением Маркса, Ленина и Сталина.

Все это и явилось следствием того, что значительная часть следователей плохо владеет марксистско-ленинской теорией.

В I квартале 1937 г. все народные следователи были пропущены через десятидневные курсы-конференции. На этих конференциях читались лекции по криминалистике, уголовному праву, уголовному процессу, судебно-бухгалтерской и судебно-медицинской экспертизе и истории ВКП(б) (послеоктябрьского периода).

На одной из конференций в составе более подготовленных следователей были заслушаны доклады и самих следователей на темы в области криминалистики. На заключительных лекциях конференций участники всесоюзной теоретической конференции делились своими впечатлениями по тем теоретическим вопросам, которые обсуждались всесоюзной теоретической конференцией следователей.

Во II и III кварталах 1937 г. намечается организация систематической работы следователей над повышением политического уровня с таким расчетом, чтобы ни один следователь не был вне сети партийного просвещения.

Наряду с этим в процессе аттестации и изучения работы следователей было выявлено, что имеют место такие недостатки, которые требуют немедленного устранения в целях обеспечения качества работы следователей. Все народные следователи просят снабдить их элементарными техническими средствами, необходимыми для применения научных методов расследования. Положение со средствами передвижения следователей таково, что или он вынужден по 2—3 дня выжидать попутчика для выезда на место происшествия или пойти пешком.

Все эти вопросы упираются в отсутствие средств, и Прокуратура СССР и местные органы прокуратуры должны принять меры к изысканию их.

Прокуратура СССР в 1936 г. делает хорошее дело, созывая систематически учебно-методические конференции следователей. Эту работу надо продолжать.

А. Тимашев

Третье заседание Центрального методического совета при Прокуроре СССР

19—20 марта состоялось очередное заседание Центрального методического совета при Прокуроре Союза ССР. Заседание было посвящено вопросам криминалистической экспертизы. На заседании были заслушаны доклады о работе Одесского института научно-судебной экспертизы, Белорусского института криминалистики и судебной экспертизы, Харьковского института научно-судебной экспертизы, лаборатории по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР и об организации учебной лаборатории криминалистики при Харьковской областной прокуратуре.

Это, по существу, первое заседание в истории существования этих институтов, когда союзные органы юстиции заинтересовались их работой. Несмотря на то, что эти институты проводят громадную и в высшей степени полезную работу, они были предоставлены самим себе, и судьбой их почти никто не интересовался по-настоящему. Это печальное положение не только не изменилось с организацией союзного Наркомата юстиции, в ведение которого переданы эти институты, но еще более ухудшилось. Союзный Наркомат юстиции совершенно не интересуется этими институтами. Тот факт, что совещание по работе институтов созвано Прокуратурой, а не Наркоматом юстиции, сам по себе очень характерен для отношения Наркомата юстиции к учреждениям экспертизы.

Такое беспечное отношение к вопросам криминалистической экспертизы имело место в прошлом и со стороны НКЮ РСФСР. В результате самая большая союзная республика—РСФСР—до сих пор не имеет института научно-судебной экспертизы. Производство криминалистических исследований зачастую поручается случайным людям. В Москве, например, производит исследования некто гр. Ладнов; почему он считается специалистом в этой области—никто не знает.

По инициативе отдельных лиц, в Москве были организованы две небольшие криминалистические лаборатории (в Институте уголовной политики и в Юридическом институте). Но эти лаборатории не разрешили вопроса криминалистической экспертизы, цели и задачи этих лабораторий совершенно иные.

Вот почему с величайшим интересом и вниманием криминалистические работники отнеслись к этому заседанию методического совета. Это заседание рассматривается как определенный сдвиг в отношении к криминалистической экспертизе.

Первым отчитывался в своей работе Белорусский институт. Институт организовался в 1929 г. в качестве кабинета научно-судебной экспертизы при НКЮ БССР.

Для работы по криминалистическим экспертизам институт располагает оборудованными хорошей аппаратурой лабораториями—химической, биологической, судебно-фотографической, кабинетом идентификации и рентгенокабинетом.

При институте имеется криминалистический музей, который в настоящее время имеет около 1 000 различных экспонатов—вещественные доказательства по наиболее известным и интересным делам, муляжи, фототаблицы и др.

Самая большая работа института — это его практическая работа в области криминалистических экспертиз. За семь последних лет работы исследовано 27 332 объекта. Наибольшее количество требований на экспертизы поступило от народных следователей; так, в 1935 г. по требованиям следователей исполнено 42,2% всех экспертиз.

Кроме экспертиз институт дает консультацию практическим работникам по отдельным вопросам криминалистики, а также выезжает на места совершения преступлений по требованию следственных и прокурорских органов.

Существенным недостатком в работе Белорусского института является отсутствие серьезной научно-исследовательской работы. В этой области институт вместо того, чтобы сконцентрировать внимание на актуальнейших вопросах криминалистики, разбрасывается по мелочам и часто занимается совершенно не своим делом. Так, институт почему-то решил заниматься разработкой вопросов уголовной политики и даже антирелигиозной работой. В погоне за популярностью институт написал работу на антирелигиозную тему. Цель в высшей степени похвальная, но, взявшись не за свое дело, директор института проф. Червяков в своей работе «Слуцкие мумии» допустил большие политические ошибки. Своим неразборчивым цитированием разного хламья автор превратил по существу свою книгу в хрестоматию погромной, черносотенной, антисемитской литературы.

Прокуратуре Белоруссии необходимо больше уделить внимания институту. Вместо поверхностного руководства институтом прокуратуре республики необходимо заняться действительной заботой о нем. Надо помочь институту улучшить его материальное положение, помочь ему выправить допущенные ошибки, и тогда институт будет работать с еще большей пользой.

Вторым отчитывался в своей работе Одесский институт научно-судебной экспертизы. Этот институт, пожалуй, самый старый в нашем Союзе. Он ведет свое начало с 1914 г. Институт имеет в своем распоряжении хорошее помещение (40 комнат) и оборудованные лаборатории. Институт состоит из 4 секций: 1) химических и физико-химических исследований; 2) биологических исследований; 3) фотографических исследований; 4) идентификации. При институте также имеется криминалистический музей. Институт имеет 27 сотрудников. При институте имеется аспирантура.

Институт обслуживает Одесскую область, Винницкую область, Молдавскую АССР, военную прокуратуру Черноморского бассейна.

За 1936 г. институт произвел исследования по 639 делам. По секциям эта цифра распределяется так: 1) секция идентификации — 16[illegible] дела; 2) секция фотографическая—236; 3) секция химическая — 146; 4) секция биологическая—75. Всего исследований в 1936 г. по всем делам произведено по 2 037 объектам. Главным

поставщиком заказов для института является прокуратура и следователи—43%.

Большим недостатком в работе института является его медлительность в работе. Так, в 1936 г. по 218 делам исследование велось больше месяца. Средняя продолжительность одного исследования 28 дней. В результате многие следователи отказываются обращаться в институт с требованием производства экспертизы, так как это затягивает следствие. Имея в виду существующие в институте штаты и пропускную способность его лабораторий, надо сказать, что институт работает не с полной нагрузкой. В этом отношении институт должен вкорне перестроиться. Заявление директора института т. Макаренко, что на работе института вредно отражается чрезмерная нагрузка оперативной работой, свидетельствует о неверном представлении руководства института о целях и задачах института. Институт в первую очередь должен заняться практическим обслуживанием органов юстиции. Научно-исследовательская работа должна строиться таким образом, чтобы она не тормозила практическую работу института по экспертизам, а наоборот, поднимала их качество и увеличивала пропускную способность института. Одесский институт болеет теми же болезнями, что и Минский институт. В погоне за ложной популярностью института руководство института потеряло всякую бдительность, качество которой так необходимо советскому работнику. Отдельные работники института свои работы печатали в фашистских журналах (Матвеев). Это недопустимое поведение для советского работника директор института пытался объяснить... невозможностью напечатать эту работу у нас, в Советском союзе. Это объяснение директора свидетельствует, что в политическом отношении в Одесском институте не все благополучно.

Третьим докладом стоял отчет Харьковского института научно-судебной экспертизы. Харьковский институт существует с 1923 г. Институт состоит из следующих секций и отделений: 1) секция судебно-химических исследований; 2) секция биологических исследований; 3) секция судебно-фотографических исследований; 4) секция идентификации; 5) сывороточное отделение; 6) отделение ботанических исследований; 7) криминалистический музей.

Харьковский институт обслуживает три области—Харьковскую, Донецкую и Днепропетровскую.

В 1936 г. Харьковский институт произвел 1 414 экспертиз. По этим экспертизам были 7 734 объекта исследования. Наибольшее количество дел поступает от органов расследования: 37% от следователей и 32% от милиции.

Большим недостатком в работе института, как и Одесского института, — это медлительность в работе. 68% всех экспертиз—срок исполнения до одного месяца, 33% больше одного месяца. По 140 делам экспертиза велась больше двух месяцев. Такое положение со сроками нормальным назвать нельзя. И правы следователи, когда они заявляют, что институт срывает их работу.

Затем был заслушан отчет лаборатории по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР. Лаборатория существует с 2 января 1937 г. За два месяца лаборатория кроме работ организационного порядка произвела исследования по требованию следственных органов по 88 уголовным делам. Из этих 88 дел по 7 выполнены поверочные исследования. В 6 случаях лаборатория не согласилась с результатом ранее произведенных исследований и дала более обоснованные новые заключения. Всего было по этим 88 уголовным делам 697 объектов исследования.

По существу лаборатория только приступила к своей работе. В ближайшее время лаборатория развертывает химическое отделение и кабинет по исследованию огнестрельного оружия.

Последним стоял доклад Харьковской прокуратуры об организации учебного кабинета по вопросам следствия при областной прокуратуре. Представленный прокуратурой план организации кабинета был признан неудовлетворительным. Для методической работы по вопросам следствия прокуратура должна иметь свой кабинет, но представленный план ставит своей целью создание криминалистической лаборатории, дублируя во многом существующий в Харькове Институт научно-судебной экспертизы. При наличии в Харькове специального криминалистического института нецелесообразно создавать еще одну криминалистическую лабораторию при прокуратуре, которая ясно и по оборудованию и по полноте освещения вопросов будет уступать институту. Прокуратура должна организовать методический кабинет по вопросам следствия, привлекая к этой работе квалифицированных работников Харьковского института.

Подводя итоги развернувшимся по докладам прениям, Прокурор Союза ССР т. Вышинский указал, что работа, которая проводится институтами по криминалистическим экспертизам,—большая и полезная работа. В работе этих институтов кровно заинтересована прокуратура, ибо они в основном обслуживают органы следствия и прокуратуры. Не решая вопроса, где должны находиться институты экспертизы—в ведении Наркомата юстиции Союза ССР или Прокуратуры Союза ССР, органы прокуратуры будут всегда поддерживать институты экспертизы как нужные и весьма полезные учреждения. Вместе с этим т. Вышинский указал, что в работе институтов имеются существенные изъяны. Прежде всего это относится к тому, что зачастую институты занимаются не своим делом, в погоне за популярностью забывают свое основное назначение как экспертных учреждений. Тов. Вышинский подробно остановился на печатной продукции Белорусского института научно-судебной экспертизы, указав, что, занявшись не своим делом, институт допустил грубейшие политические ошибки (работа о контрреволюционных преступлениях... работа профессора Червякова «Слуцкие мумии»).

Необходимо проявить больше заботы о материальном положении как самих институтов, так и их работников, чем это делалось до сих пор. И эту заботу должны проявить не только органы юстиции, но и органы Прокуратуры. Необходимо добиться в законодательном порядке увеличения заработной платы для работников института, приравняв их по служебному положению к судебным и прокурорским работникам.

В прокуратуре Союза ССР

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ КОЛХОЗОВ

Прокурор Западносибирского края т. Барков обратился в Прокуратуру Союза ССР с запросом, вправе ли рики и сельсоветы налагать дисциплинарные взыскания на председателей колхозов.

Тов. Барков ссылался при этом на то, что, согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1932 г., дисциплинарные взыскания могут налагаться не только теми органами, от которых зависит избрание или назначение данного лица, но и вышестоящими органами. Так как после ликвидации колхозных объединений все оперативно-производственное руководство колхозами перешло в ведение райземотделов соответствующих риков, то последние и являются по отношению к колхозам теми «вышестоящими органами», которым предоставлено право налагать дисциплинарные взыскания на работников колхозов.

Прокуратура Союза по этому вопросу дала следующее разъяснение.

Рики в отношении колхозов не являются «вышестоящими, в порядке подчиненности, органами», о которых говорит «Положение о дисциплинарной ответственности в порядке подчинения», и потому не могут налагать на председателей и членов правлений колхозов никаких дисциплинарных взысканий (в частности, не могут отстранять их от работы). За свои действия по должности председатели колхозов отвечают перед общим собранием колхозников, избравших их, а также несут уголовную и гражданскую ответственность в общем порядке, установленном для всех граждан и должностных лиц государственных, кооперативных и общественных организаций.

В связи с тем, что т. Барков в своем запросе ссылался на практику своего края, где дисциплинарные взыскания на председателей колхозов налагали рики, Прокуратура Союза предложила т. Баркову немедленно добиться изменения этой практики путем опротестования незаконных постановлений риков.

О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ЗА ПРОГУЛ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ ДЕЛА КОЛХОЗНИКА

В прокуратуру Казахской республики поступила жалоба двух колхозников: Мурзалиева и Досумбетова. Эти колхозники по подозрению в совершенном ими преступлении содержались некоторое время под стражей, а затем их дело было прокуратурой прекращено. Жалобщики просили привлечь к ответственности лиц, по вине которых они содержались под стражей, и взыскать с колхоза вознаграждение за время их ареста.

Прокуратура Казахской республики обратилась в Прокуратуру Союза ССР с вопросом, вправе ли потерпевшие в подобных случаях взыскивать вознаграждение за вынужденный прогул с колхоза.

По этому вопросу Прокуратура Союза ССР дала следующее разъяснение.

Если указанные граждане содержались под стражей незаконно или уголовное преследование против них было возбуждено заведомо и злонамеренно неправильно, или если при ведении следствия по халатности работников следственных органов было допущено нарушение установленных законом сроков следствия, виновные в этом должны быть привлечены к ответственности, причем с лиц, признанных виновными в незаконном содержании под стражей, колхозник вправе взыскивать в судебном порядке путем предъявления гражданского иска вознаграждение за вынужденный прогул, связанный с арестом. В таком случае прокуратура обязана оказывать пострадавшим свое содействие в удовлетворении их иска.

О НАДЗОРЕ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЮРИСКОНСУЛЬТОВ

Прокурор УССР поставил перед Прокуратурой Союза ССР вопрос о том, в каком порядке должен осуществляться надзор прокуратуры за юрисконсультами при учреждениях.

По этому вопросу Прокурор Союза ССР дал следующее разъяснение:

«Формы деятельности юрисконсультов при учреждениях, их правовое положение, объем их прав и обязанностей и т. д. будут тщательно разработаны в готовящемся проекте положения о юрисконсультах. Прокуратура не осуществляет в отношении юрисконсультов какого-то особого надзора, выходящего за рамки обычного общего надзора за деятельностью учреждений и должностных лиц и протекающего в каких-то особых организационных формах. Надо решительно отвергнуть мысль, что юрисконсульт является лицом, в какой-то мере непосредственно подконтрольным и подчиненным прокурору (как это имеет место, например, в отношениях между прокурором и следователем), что юрисконсульт должен обращаться к прокурору за получением указаний по своей работе, что прежде чем, например, визировать тот или иной ведомственный циркуляр или договор, он должен получить от прокурора санкцию и т. п. Такая форма взаимоотношений между прокуратурой и юрисконсультами не предусмотрена законами. Она могла бы привести к обезличению самих юрисконсультов и снижению их ответственности за правильность и законность даваемых ими заключений, договоров, составляемых при их участии, и т. д. С другой стороны, такая практика исказила бы существо прокурорского надзора, подменив надзор за деятельностью учреждений элементами администрирования в отношении этих учреждений.

Прокуратура должна осуществлять надзор за законностью действий юрисконсультов в той же мере и в таких же формах, в каких она осуществляет надзор за законностью действий всяких других должностных лиц. Организуемые же в некоторых краях и областях при прокурорах совещания юрисконсультов могут быть использованы лишь как один из источников информационного осведомления прокуратуры о случаях нарушения законности

в представляемых юрисконсультами учреждениях и организациях, но ни в коем случае не должны превращаться в органы руководства деятельностью юрисконсультов, снимающие или снижающие непосредственную ответственность юрисконсультов за их должностную работу и подменяющие собою руководство юрисконсультами их ведомственного начальства».

О ПРАВЕ ПРОКУРОРА, ДАВАВШЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЕ В КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ, ОТКАЗЫВАТЬ В ПЕРЕСМОТРЕ ДЕЛА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

И. о. прокурора РСФСР т. Нюрина поставила перед Прокурором Союза ССР вопрос о том, вправе ли прокурор принимать к своему рассмотрению жалобу осужденного, поданную в порядке надзора, если прокурор участвовал в деле в первой или кассационной инстанциях и давал в этом последнем случае заключение об оставлении кассационной жалобы без последствий.

По этому вопросу Прокуратура Союза дала следующее разъяснение:

Подаваемые осужденными жалобы на неправильные определения кассационных судебных инстанций, именуемые обычно жалобами, подаваемыми в порядке надзора, могут быть приняты и рассмотрены по существу также и прокурором, участвовавшим в рассмотрении данного дела в первой или кассационной инстанции, если эти жалобы не содержат в себе указаний на неправильные или незаконные действия этого прокурора.

Прокурор, уже дававший по этому делу в кассационной инстанции отрицательное для осужденного заключение, может удовлетворить просьбу осужденного, заявленную в порядке надзора, или отказать в зависимости от приведенных в жалобе мотивов или указанных в ней обстоятельств. Поэтому участие данного прокурора в рассмотрении дела в первой или кассационной инстанции не может само по себе служить основанием для передачи рассмотрения надзорной жалобы другому прокурору. Само собой разумеется, что все это не относится к тем случаям, когда в жалобе идет речь о каких-либо незаконных действиях самого прокурора, участвовавшего в первой инстанции или дававшего заключение в кассационной инстанции. Такого рода жалобы, естественно, должны рассматриваться только вышестоящим прокурором.

МОЖЕТ ЛИ РАЙОННЫЙ ПРОКУРОР БЫТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ РАЙСОВЕТА ОСОАВИАХИМА?

Центральный совет Осоавиахима запросил Прокуратуру Союза ССР, имеются ли какие-либо препятствия к тому, чтобы районный прокурор совмещал свою работу с председательствованием в районном совете Осоавиахима.

По этому вопросу Прокурор Союза ССР дал следующее разъяснение:

Имея в виду, что одновременное исполнение обязанностей председателя районного отделения Осоавиахима, как и председателей других общественных организаций, и обязанностей районного прокурора одного и того же района несовместимо с функциями прокурора по надзору за законностью действий различного рода учреждений и должностных лиц, совмещение этих должностей в соответствии с действующим по этому вопросу законодательством надо считать нецелесообразным и недопустимым.

Беседа с председателями ревкомиссий колхозов в Прокуратуре Союза

10 марта 1937 г. в Прокуратуре Союза состоялась беседа Прокурора Союза т. Вышинского А. Я. с колхозниками — председателями ревкомиссий колхозов.

Председатель ревизионной комиссии колхоза «Красный партизан» Азово-Черноморского края т. Бамбиндра, состоящий членом группы содействия прокуратуре, рассказал:

Я работаю в колхозе «Красный партизан» с самого начала. Являюсь организатором этого колхоза. Организовал я наш колхоз в 1928 г. Тогда этот колхоз насчитывал всего 8 человек. С 1930 г. я начал вести ответственную работу по ревкомиссии, а также работу селькора. С 1933 г. я работаю в группе содействия прокуратуре и через посредство газеты «За ревзаконность» немало мне пришлось провести в жизнь того, что я получил от нее. Первое мое выступление в газете было о Форштадском сельсовете,—развалилась работа избы-читальни и расхитили книги. Я написал в Армавирскую районную газету, подождал некоторое время, смотрю, ничего не получается. Написал в «Крестьянскую газету». Она мой материал передала в Наркомпрос т. Бубнову. Тов. Бубнов командировал из Москвы т. Легастаева, который на месте все проверил. Районо передало дело в суд, суд присудил снять с работы председателя сельсовета. После этого суда я получил от т. Бубнова почетную грамоту и 300 рублей премии. Это было мое первое выступление по оказании помощи селу. Дальше я связался с районной прокуратурой. Я за 1936 г. дал прокуратуре 260 сигналов. Ответ получил на все сигналы.

Тов. Вышинский: На все 260?

Тов. Бамбиндра: На все 260. Я знал, куда направлен тот или иной мой сигнал. По моему сигналу были преданы суду председатель сельсовета Савченко и секретарь сельсовета Машталеров за то, что они допустили продажу усадебной земли в колхозе.

Тов. Вышинский: Вам по одному вашему сигналу вот что ответил прокурор... «На сигнал о колосовых сообщено Армавирскому райзо для принятия мер». А меры были приняты?

Тов. Бамбиндра: Я после этой заметки обратился в райзо. Зав. райзо ответил прокурору, что все хорошо, все в порядке...

Тов. Вышинский: А на самом деле?

Тов. Бамбиндра: На самом деле было плохо.

Попутно с этим вскрылось, что армавирский прокурор получаемые им акты или другие сигналы от активистов о непорядках в колхозе бюрократически переотправляет их в райзо и извещает об этом активиста. Вместо

живой связи с членами группы содействия он недостаточно руководит работой с активистами и, в частности, разослал им инструкцию, ни разу за весь 1936 г. не созвав этих членов.

Тов. Бамбиндра привел такие факты, когда по его сигналам вскрывали серьезные преступления, за которые людей привлекали к ответственности и осуждали; в других случаях бюрократов снимали с работы.

У нас был такой случай, — заявил т. Бамбиндра,—завхоз собрал деньги за облигации. Деньги эти он прикарманил и облигаций не выдал.

Тов. Вышинский: На какую сумму?

Тов. Бамбиндра: На 181 рубль.

Тов. Вышинский: Что с ним сделали?

Тов. Бамбиндра: Дали год принудительных работ.

Тов. Вышинский: А с работы его сняли?

Тов. Бамбиндра: Сняли.

Тов. Вышинский: А деньги он уплатил?

Тов. Бамбиндра: Мы на эти деньги купили облигации и роздали их колхозникам.

В июле месяце я был вызван прокурором РСФСР в Москву и получил 7 книг законов, так в кое-каких я разбираюсь, чего я не понимаю, я обращаюсь за советом в прокуратуру. За мою работу краевая прокуратура премировала меня патефоном. Когда бывает собрание в колхозе, я прихожу со своим патефоном.

Другие участники беседы тоже рассказали о своей работе в ревизионных комиссиях и привели примеры скверной работы милиции по расследованию вскрываемых ими в колхозах злоупотреблений. Они жаловались на волокиту с колхозными жалобами и постановлениями ревизионных комиссий о привлечении к уголовной ответственности виновных со стороны милиции. За расследованием этих дел в милиции прокуроры слабо наблюдают, поэтому эти расследования часто затягиваются, а в некоторых случаях имеет место волокита по году и больше.

Тов. Торжинский из колхоза «Путь к социализму» Греческого района Азово-Черноморского края пожаловался, что их сельсовет замял вопрос о борьбе с потерями в колхозе и совсем не реагировал на специально присланные об этом акты. Ревкомиссия обратилась к прокурору и оттуда не получила никакого ответа. В январе 1936 г. в колхозе была совершена родственником председателя колхоза Грецким кража вина. Несмотря на настойчивые требования т. Торжинского отдать Грецкого под суд, созванное председателем колхоза «втихую» правление без участия т. Торжинского ограничилось тем, что вынесло ему выговор. В дело вмешались комсомольцы и передали дело прокурору. Но с тех пор и от прокурора ничего о деле не слышно.

Во время беседы вскрылось, что этот председатель колхоза «рекомендован» и прислан районными организациями. Общее собрание колхоза его приняло при молчаливом согласии колхозников «единогласно». Тов. Торжинский характеризовал этого председателя колхоза (т. Бевс) как зажимщика самокритики и самодура, который не терпит никакого контроля над собой.

Безобразные факты разложения и развала колхоза привел т. Тырнов. У них в колхозе председателем колхоза состоит присланный районными организациями некто Лепехин, пьяница, растратчик, трижды присваивавший и проматывавший колхозные деньги. Лепехин к тому же и подделывал документы в колхозе. Под таким руководством колхоз стал последним в районе. К весеннему севу колхоз совсем не готов, и, так как ревизионная комиссия дожидается годового отчета за 1936 г., а председатель колхоза беспечно продолжает пьянствовать, хранящиеся в незапертых амбарах семена находятся под угрозой.

Одного из ставленников этого председателя—бригадира, хотя и с опозданием, все же осудили к полутора годам лишения свободы за систематические избиения колхозниц, нарушение Устава с.-х. артели и большие потери зерна. Вследствие слабости и беспомощности ревкомиссия этого колхоза своих основных функций хорошо не знает. Местным органам власти все это известно, но пока мер никаких не принято.

Председатель ревкомиссии колхоза Ростовского района Ярославской области т. Баринов поделился волнующими колхозников его колхоза вопросами и просил у т. Вышинского помощи в разрешении их.

«У нас колхозники волнуются, — рассказал он,—что районные организации установили в некоторых колхозах гарантированный минимум оплаты труда председателям колхозов — 1 руб. деньгами и килограмм хлеба за трудодень. Колхозники говорят, что в Уставе с.-х. артели этого нет. Им идет полтора трудодня за день. Так определил район. В колхозе на трудодень колхозникам пришлось 66 коп., а председателю колхоза надо платить по рублю. Колхозники хотят выбрать Петрова или Иванова, который не возражает работать председателем колхоза, чтобы получать наравне со всеми, как говорит Устав с.-х. артели».

Тов. Некрасов из колхоза Пугачевского района Саратовской области рассказал, что районные организации у них также приравняли по оплате председателей колхозов к трактористам, то есть установили им по 2 р. 50 к. деньгами и 3 кг хлеба независимо от урожая, благодаря чему в некоторых маломощных колхозах пришлось полностью выполнить только одному председателю колхоза, а остальные колхозники получили всего по несколько грамм.

Заканчивая беседу, т. Вышинский разъяснил задачи ревизионных комиссий в колхозах и необходимость их тесной увязки в своей практической работе с печатью и органами прокуратуры на местах, обещая со своей стороны полную поддержку.

С. Б.

Право, процесс, судоустройство в капиталистических странах

Судоустройство и уголовное законодательство Чехословакии

Чехословакия является буржуазно-демократическим государством, возникшим в результате поражения и распада австро-венгерской монархии в мировой войне. Из всех образовавшихся на территории австро-венгерской монархии государств Чехословакия является самой богатой наследницей. 70% предприятий хорошо развитой промышленности распавшейся монархии, сравнительно высокое развитие сельского хозяйства в так называемых «исторических землях» (Богемия, Моравия и Силезия) преобладают над промышленной и сельскохозяйственной отсталостью двух других областей (Словакия и Закарпатская Украина). Эти различия в двух частях нового государства унаследованы от австро-венгерской монархии, где они в свое время предопределили различный характер судоустройства и уголовного законодательства. Специфические особенности классовой борьбы в обеих частях Чехословакии явились базой для того, чтобы новое буржуазно-демократическое государство — Чехословакия — сохранило законодательство австро-венгерской монархии с его различиями в так называемых «исторических землях» и в двух других областях.

Чехословакия со всех четырех сторон окружена фашистскими странами. Гитлеровская Германия ведет нескрываемую агрессивную политику против Чехословакии, стремясь при поддержке своей агентуры внутри Чехословакии уничтожить ее независимость и самостоятельность и обратить ее в германскую провинцию.

Большинство чехословацкой буржуазии поняло, какую опасность таит в себе гитлеровский фашизм для самого существования Чехословакии как независимого государства и взяло курс на поддержку политики мира, которую ведет Советский союз, единственный последовательно борющийся за укрепление мира. Изменение правительственной политики под давлением антифашистски настроенных широких трудящихся масс помогло Чехословакии установить нормальные взаимоотношения с СССР и заключить с Советским союзом договор о взаимной помощи. Проводимая правительством Чехословакии политика сегодняшнего дня позволяет отнести Чехословакию к тем странам, в которых «и все даже урезанные буржуазные свободы и даже ограниченные демократические права рабочие и другие трудящиеся слои научились использовывать в своих интересах для политического просвещения масс, для нужной подготовки сил к предстоящим боям» [1].

Судебная система Чехословакии

Следуя теории Монтескье о разделении властей, чехословацкая конституция фиксирует в ст. 1, что конституционная хартия определяет те органы, через посредство которых «суверенный народ издает для себя законы, исполняет их и творит суд». Этот же принцип выражен также и в ст. 96 «во всех инстанциях суд отделен от управления». «Судебная власть осуществляется только государственными судами, устройство которых, подсудность и правила судопроизводства определяются законами» (ст. 94). В ст. 98 указывается: «Судьи независимы при исполнении своих обязанностей; они связаны только законом».

Организация уголовного суда, помимо конституции 1920 г., определяется законом 1867 г. (для Богемии, Моравии и Силезии), законом 1877 г. (для Словакии и Закарпатской Украины) и рядом дополнительных законов Чехословацкой республики. Суды в Чехословакии делятся на общие, специальные и исключительные. Общими являются: суд участковый, суд краевой, суд с участием присяжных заседателей, суд высший и суд верховный. К специальным судам относятся военные суды, суды по делам о печати, суды по делам о несовершеннолетних. К исключительным судам относятся государственный суд и полевые суды. Судебная система организована по принципу иерархии. В административном отношении все суды подчинены министру юстиции, а каждый суд — своему председателю. Прямой надзор за нижестоящим судом осуществляет суд вышестоящий. Высший надзор за судами и судьями принадлежит министру юстиции, который осуществляет его непосредственно или через уполномоченных (инспекторов). Верховному суду тоже принадлежит право высшего надзора за судами и судьями, но верховный суд вправе только предоставить на усмотрение министра юстиции свои замечания и предложения по поводу отмеченного (ст. 13 положения о верховном суде).

О порядке назначения судей общие указания даны в конституции. В ст. 97 указывается, что условия, предъявляемые к кандидатам на судейские должности, устанавливаются законом. Этим законом явился закон бывшей австро-венгерской монархии от 27 октября 1896 г. об организации судов. К нему была издана инструкция чехословацким министерством юстиции 23 июля 1924 г. Судьи назначаются президентом республики — в Чехии, Моравии и Силезии, министром по делам Словакии — в Словакии и губернатором — в Закарпатской Украине. Кандидат на судейскую должность должен обладать: чехословацким подданством, несудимостью уголовной и политической, достижением 24-летнего возраста, знанием чехословацкого языка, законченным в Чехословакии юридическим образованием, наличием трехлетнего стажа работы в чехословацких судах и сдачей специальных испытаний. Судьями могут быть только мужчины. Должностные судьи назначаются пожизненно (ст. 99 конституции), они не могут без их на то согласия отрешаться от должно-

[1] В. М. Молотов, Речь на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

сти или увольняться в отставку за исключением случаев реорганизации судебного дела или по постановлению дисциплинарного суда.

Низшей судебной ячейкой является участковый суд, который организован в виде суда единоличного. Участковый суд рассматривает дела о нарушениях и производит дознания по этим же делам. Кроме того, на участковые суды может быть возложено производство дознания по делам о преступлениях и проступках.

Краевой суд организован в городах: Праге, Брно и Опаве в виде суда единоличного и суда коллегиального. В качестве суда единоличного краевой суд действует либо в порядке производства предварительного следствия, либо в том случае, когда прокуратура в обвинительном акте предлагает определить меру наказания в виде лишения свободы на срок не свыше 6 месяцев или денежный штраф (законы 1921, 1929 и 1931 гг.). Последнее может иметь место только при условии, если никто из обвиняемых или их защитников не представил возражений. В качестве суда коллегиального краевой суд выделяет из своего состава совещательную камеру в количестве трех судей (ст. 12 УПК), которая осуществляет контроль над призводством предварительного следствия и выполняет предание суду. В качестве суда первой инстанции краевой суд в специально выделенных присутствиях рассматривает дела о преступлениях и проступках, подсудные краевому суду. По правилу присутствие состоит из трех должностных судей. В виде исключения установлено законом 1920 г. присутствие из 6 судей по делам, подсудным суду присяжных, но переданным в изъятие из суда присяжных в краевой суд. Последующие законы 1925, 1929 и 1931 гг. сохранили по этим делам присутствие из 6 должностных судей. В качестве суда 2-й инстанции (апелляционной) краевой суд рассматривает в присутствии из 3 должностных судей дела по апелляционным жалобам на приговоры участковых судов.

Суды присяжных предусмотрены чехословацкой конституцией (ст. 95 п. 3), в которой указывается, что действия и правомочия суда присяжных определяются особым законом. Этими особыми законами являются ст. 11 австрийского основного закона 1867 г., ст. 6 вводного к УПК закона 1873 г., сохранившие силу в Чехословакии на основании республиканских законов 1918 и 1919 гг. К ним впоследствии был издан ряд изменений и дополнений (закон о защите республики 1923 г., о нарушениях правил о печати 1924 г.). Деятельность суда присяжных ограничена. В областях с преобладающим населением из национальностей (Словакия и Закарпатская Украина) деятельность суда присяжных из-за роста революционных выступлений сельского пролетариата и крестьянства была урезана специальными законами 8 января 1922 г. и 12 декабря 1923 г. по сравнению с теми пределами, в которых должна протекать деятельность суда присяжных в остальной части Чехословакии. Законом 15 марта 1920 г. была установлена возможность прекращать деятельность суда присяжных на срок до одного года в тех случаях, когда наступают обстоятельства, которые вызывают опасения, что присяжные заседатели не смогут выполнять свои обязанности «объективно и независимо». По истечении годичного срока приостановление может быть продолжено снова на один год, причем количество повторений законом не ограничено. На время приостановления деятельности суда присяжных подсудные последнему дела передаются в краевой суд.

По рецепированным Чехословацкой республикой законам бывшей австро-венгерской монархии 1867 и 1873 гг. суду присяжных подсудны дела о преступлениях и проступках, совершенных в печати, о так называемых «политических» преступлениях или проступках, о преступлениях, угрожающих тяжким наказанием. Однако последующее республиканское законодательство изъяло из подсудности суду присяжных дела о преступлениях и проступках, совершенных в нарушение закона 19 марта 1923 г., о посягательствах на честь, совершенных в печати. Дела о несовершеннолетних вовсе изъяты из подсудности суду присяжных. Суд присяжных организуется в городе, где находится краевой суд, и состоит из 3 должностных судей и 12 присяжных заседателей. Право быть присяжным заседателем определяется законом б. австро-венгерской монархии 1873 г., сохранившим силу в Чехословацкой республике, и дополнительным к нему законом 1919 г. На основании этих законов право быть присяжным заседателем предоставляется мужчинам и женщинам при наличии следующих условий: достижение 35-летнего возраста, умение читать и писать, чехословацкое подданство, проживание в течение одного года в данном округе. Не могут быть присяжными заседателями: душевнобольные или страдающие физическими недостатками, препятствующими исполнению обязанностей присяжных заседателей, лишенные гражданских прав, состоящие под следствием и судом или осужденные за преступления, совершенные по низменным и бесчестным побуждениям, живущие на чужие средства (получающие пособие). Не подлежат включению в списки присяжных заседателей лица, деятельность которых вызывает сомнения в их независимости (состоящие на государственной или военной службе, духовенство). Могут быть в данном году не включены в списки присяжных заседателей: лица, достигшие 60-летнего возраста, женщины, за исключением процентной нормы для данной местности, члены законодательных собраний, главы органов местного самоуправления, профессора, учителя, врачи в случае представления доказательств, что несение обязанностей присяжных заседателей препятствует выполнению ими своих профессиональных обязанностей, состоящие в списках уголовных защитников лица. В список присяжных заседателей на данный год может быть включено женщин не более одной трети общего числа заседателей. Приведенные данные позволяют сделать следующий вывод: всеобщего участия населения в суде присяжных в Чехословакии не существует.

Высший суд организован в Праге для Чехии, в Брно — для Моравии и Силезии, в Братиславе — для Словакии и в Кошице — для Закарпатской Украины и состоит из должностных судей, заседающих в специальных присутствиях из трех членов. Высший суд

рассматривает дела по возражениям на обвинительный акт (ст. 210 УПК), по жалобам на постановления совещательной камеры, по апелляционным жалобам на приговоры краевых судов и судов присяжных (ст.ст. 283 и 427 УПК). Он же осуществляет на территории своего округа общий надзор за правосудием и судебными местами (ст. 74 п. о с. и ст. 15 УПК).

Верховный суд является единым для всей Чехословакии и находится в Брно. Верховный суд выполняет функции кассационного суда и рассматривает дела в присутствиях, состоящих из 5 должностных судей. Ему подсудны дела по кассационным жалобам на приговоры краевых судов и судов присяжных, по жалобам на приговоры государственных судов (см. далее), по жалобам на отдельные нарушения законов (ст. 133 УПК), о возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Верховному суду принадлежит также общий надзор за осуществлением правосудия всеми судебными учреждениями.

Возможность организации военных судов предусмотрена конституцией (ст. 95 п. 1 и 4), в которой указывается на наличие судебной власти военно-уголовных судов, действующих по особому закону, с распространением юрисдикции военных судов на гражданское население только во время войны. Самая организация военных судов определялась б. австрийским законом и б. австрийским военным УПК от 5 июля 1912 г. В австро-венгерской монархии суды эти (ст.ст. 10—18 УПК) являлись одновременно как судами военными, в узком смысле этого слова, так и судами для защиты государства. Эта вторая функция военных судов была парализована законом Чехословацкой республики от 2 сентября 1918 г., а закон 1912 г. был заменен воинским законом республики от 19 марта 1920 г. с последующими изменениями 1927 г. Устанавливая две инстанции (суды дивизионные и корпусные в качестве первой инстанции и кассационный суд в лице главного военного суда), закон 19 марта 1920 г. ввел подсудность военным судам в соответствии со ст. 95 конституции. По этому закону военным судам подсудны дела призванных в армию или находящихся на действительной военной службе или в запасе армии по обвинению их в воинских преступлениях, дела лиц из гражданского населения по обвинению в воинской измене, в незаконной вербовке солдат, в соучастии и пособничестве в воинских преступлениях и в призывах к неповиновению или неисполнению приказов и предписаний воинского закона 1920 г. В отношении лиц из гражданского населения, помимо общих правил подсудности военным судам, требуется специальное распоряжение министра юстиции о передаче дела в военный суд.

Единые для всей Чехословакии суды по делам о несовершеннолетних организованы только в 1931 г. после издания закона 11 марта 1931 г. По этому закону на территории всей Чехословакии организованы суды по делам о несовершеннолетних при краевых судах и участковые суды по делам о несовершеннолетних. Суд по делам о несовершеннолетних при краевом суде состоит из трехчленного присутствия. Оно составляется из двух должностных судей и одного заседателя. Заседатели назначаются на 4 года из лиц, имеющих право быть присяжными заседателями и обладающих педагогически-воспитательными знаниями и опытом. При подсудности дел о несовершеннолетних по предметному признаку суду присяжных дела эти рассматривает вместо суда присяжных присутствие краевого суда из 4 членов (двое должностных судей и двое заседателей). Участковый суд выделяет одного из должностных судей в качестве судьи по делам о несовершеннолетних. В здании краевого и участкового суда должно быть выделено специальное изолированное помещение для суда по делам о несовершеннолетних.

Суды по делам о печати организуются при краевых судах и состоят из 5 лиц (три члена присутствия являются должностными судьями из числа членов краевого суда, а два являются шеффенами). В число шеффенов включаются лица с соблюдением закона 5 мая 1919 г. о присяжных заседателях и следующих исключений: шеффен должен достигнуть не 35, а 45-летнего возраста; срок его проживания в данной местности должен быть не один, а два года. Должностные судьи и шеффены составляют единое присутствие, разрешая вопросы совместно, причем шеффены голосуют ранее должностных судей.

Организация исключительных судов для уголовного судопроизводства предусмотрена п. 3 ст. 94 конституции. Исключительными судами в Чехословакии являются государственный суд и суды полевые. Государственный суд был учрежден 19 марта 1923 г. одновременно с изданием исключительного закона о защите республики и должен был явиться тем инструментом, при помощи которого будет осуществляться в исключительном порядке карательная политика защиты интересов чехословацкой буржуазии. Первоначально на территории всей Чехословацкой республики был организован единый государственный суд в месте пребывания верховного суда в Брно. Он состоял из 3 должностных судей и 3 заседателей. Подсудность государственному суду вытекает из ст. 36 закона о защите республики (посягательство на республику, измена, посягательство на жизнь и здоровье президента республики и лиц высшей администрации). Деятельность государственного суда в изложенной выше структуре вызвала большую дискуссию среди чехословацких правоведов. Трудящиеся массы и вся передовая общественность Чехословакии высказывали крайнее неудовлетворение деятельностью этого суда, ссылаясь на процесс 1933 г. по обвинению чехословацких фашистов, организовавших под руководством колчаковского подручного генерала Гайда военный путч в Брно. Приговор по этому делу был смехотворно мягким и удовлетворил только фашистские круги, одновременно вызвав возмущение всех честных граждан. Правительство вынуждено было искать пути к реорганизации государственного суда. Официальными мотивами этих поисков служили препятствия в деятельности государственного суда (трудность укомплектования необходимым составом заседателей и неупорядоченность обжалования приговора). В результате последовал закон 19 апреля 1935 г., который содержит в себе в основном следую-

щие изменения: вместо единого государственного суда учреждаются во всех 4 высших судах Чехословакии специальные присутствия на правах государственного суда. Судебное присутствие состоит из 5 должностных судей, причем никто из членов верховного суда не может состоять членом этого присутствия. Расширена подсудность. Приговоры названных судов обжалуются на общих с краевыми судами основаниях. Кассационной инстанцией является верховный суд. Таким образом в новом законе имеются: отказ от мысли учредить единый для всей Чехословакии государственный суд, отказ от привлечения к участию в государственном суде заседателей, отказ от укомплектования должностного состава государственного суда членами верховного суда, отказ от специальной подсудности и отказ от факультативного права обжалования. Попутно государственные суды должны заменить суды с участием присяжных заседателей, о чем в новом законе сказано в следующих выражениях: «там, где речь идет об особенно важных государственных интересах, у суда присяжных недостает исчерпывающего представления о защите интересов республики» [1].

Полевые суды организуются на основании закона 14 апреля 1920 г. об исключительных постановлениях и дополнительного к нему закона 23 мая 1922 г. Оба эти закона разрешают отменять провозглашенные ст. ст. 107, 112, 113 и 116 конституции гарантии свободы личности в случаях войны или когда «внутри государства возникнут обстоятельства, которые в повышенной мере угрожают независимости, конституционному единству, демократически-республиканской форме или безопасности Чехословацкой республики». Полевой суд состоит из присутствия в количестве 4 должностных судей, не входящих в постоянный состав краевого суда. Назначение производится по свободному усмотрению председателя краевого суда, который всегда может подобрать таких судей, в которых правительство и высшая судебная иерархия заранее видят услужливых исполнителей исключительных законов. Подсудность полевым судам весьма широка и содержит в себе не только так называемые «политические» преступления, но и бытовые. Срок действия законов о полевых судах был первоначально ограничен 31 декабря 1930 г., но дальнейшими постановлениями был продолжен до 1 марта 1937 г. Непрерывно на протяжении 15 лет чехословацкое правительство располагает орудием, фактически отменяющим конституционные гарантии. Для организации полевого суда необходимо распоряжение президента области по соглашению с председателем высшего суда и прокурором при высшем суде.

Организация прокуратуры. Общими для всей Чехословакии принципами организации прокуратуры являются: подчиненность, единство и заменимость. Во главе прокуратуры находится генеральный прокурор, который является заместителем министра юстиции. Министру юстиции принадлежит право служебного надзора за прокуратурой (ст. 74 п. о с.).

Предметная и территориальная подведомственность прокуратуры должна соответствовать предметной и территориальной подсудности судов, при которых прокуратура учреждена. На прокуратуре лежит обязанность поддерживать законность. Французский принцип, что прокурор является стражем закона, разделяется чехословацким законодательством частично. Это подтверждается следующим: прокурору надлежит наблюдать за тем, чтобы в процессе не были допущены неправильности и затяжки рассмотрения (ст. 34 УПК). Прокурору надлежит использовывать все средства к установлению материальной истины, прокурору предоставляется право обжалования в интересах обвиняемого. Положение генерального прокурора является особым. Генеральный прокурор не является ни жалобщиком от имени государства, ни стороной в процессе, он — страж закона, который вправе обжаловать любые постановления, решения и приговоры в интересах защиты закона (ст.ст. 33 и 292 УПК) и добиваться, чтобы верховный суд признал, что нарушение закона имело место. Порядок назначения и увольнения прокуроров тот же, что и судей.

Уголовное материальное законодательство

В Богемии, Моравии и Силезии действует австрийский уголовный кодекс 1852 г., а в Словакии и Закарпатской Украине — венгерский уголовный кодекс 1878 г. Оба эти кодекса законами 1918 и 1919 гг. рецепированы Чехословацкой республикой. Бывший австрийский УК 1852 г. состоит из двух книг, содержащих в себе 432 статьи. В первой книге изложены постановления о преступлениях, во второй — постановления о проступках и нарушениях. Бывший венгерский УК 1878 г. состоит из 3 книг, в которых содержится 501 статья. В первой книге изложены постановления общей части УК, во второй книге — постановления особенной части УК и в третьей книге — постановления о нарушениях. Особенностями обоих УК являются тщательное разграничение отдельных преступных деяний в диспозициях соответствующих статей УК, защита религии и частной собственности, в особенности земельной собственности. Оба УК разделяют принцип классической школы: «nullum crimen, nulla poena sine lege».

Все преступные деяния в обоих УК делятся на три категории: преступления, проступки и нарушения. От этого деления чехословацкое уголовное законодательство отступило только в законе 1931 г. о несовершеннолетних, преступные деяния которых носят термин «провинность». Деяние вменяется в вину при условии сознания противоправности и вины. УК 1852 г. не разграничивает этих понятий, а УК 1878 г. указывает, что ответственность наступает при наличии «способности определять свободу своей воли». Оба УК делят преступные деяния на умышленные и неосторожные. До 1931 г. недостигшие 10-летнего возраста не подлежали ответственности по УК 1852 г. и недостигшие 12-летнего возраста — по УК 1878 г. Только за тяжкие преступления несовершеннолетние от 10 до 14 лет подлежали уголовной ответственности. Закон 1931 г. внес существеннейшие изменения в вопрос об ответственности несовершеннолетних. В отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, совершивших деяние, за которое

[1] Schmied. Zeitschrift fuer STW № 56/1936, Heft 1, S. 99.

по закону назначается смертная казнь или пожизненное тюремное заключение, суд должен в каждом отдельном случае разрешить вопрос, мог ли несовершеннолетний «по своему поведению надлежаще рассудить, к каким последствиям ведет его деяние» (ст. 2 закона 1931 г.). Оба УК карают покушение как оконченное, так и добровольно оставленное, причем УК 1852 г. рассматривает покушение как акт, сопровождающий выполнение преступления, а УК 1878 г. рассматривает покушение как «начало исполнения».

Наказание построено по теории возмездия. Различаются наказания, поражающие жизнь, свободу, имущественные права и права гражданина. Делятся наказания на основные и дополнительные. Смертная казнь применялась к совершившим тягчайшее преступление (ст. 136 — убийство, ст. 167а — поджог, нарушение закона 1885 г. о хранении взрывчатых веществ и закона 1935 г. о защите против воздушных нападений). По закону 1934 г. смертная казнь во всех случаях подлежит замене лишением свободы; в основу этого закона был положен ранее действовавший только в Словакии и Закарпатской Украине закон, разрешавший суду при смягчающих вину обстоятельствах заменять смертную казнь тяжким тюремным заключением от 15 до 30 лет; в 1934 г. действие этого закона было распространено на всю Чехословакию. Однако в связи с фашистской агрессией в 1936 г. специальным законом восстановлено применение смертной казни по делам о посягательствах на оборону страны. Поражающими свободу наказаниями являются: тяжкое тюремное заключение, содержание в государственной тюрьме, заточение, арест, домашний арест. Тяжкое тюремное заключение может быть назначено от 1 года до 30 лет и отбывается в специальных тюрьмах (по УК 1878 г. от 2 до 15 лет). Тяжкое тюремное заключение сопровождается следующим: «пост», твердое ложе, одиночное заключение, содержание в темной камере. Содержание в государственной тюрьме может быть назначено на срок от 1 до 30 лет по УК 1852 г. и от 5 до 15 лет по УК 1878 г. Оно применяется только к политзаключенным и допускает содержание их в отдельных, не запирающихся днем камерах, пользование собственным платьем, работу по желанию, право питаться за свой собственный счет, пользоваться книгами и письменными принадлежностями, а также иметь регулярное свидание с родными. Заточение отбывается в специальных исправительных тюремных учреждениях на срок от 6 месяцев до 15 лет и сопровождается одиночным заключением и обязательной работой. Арест различается строгий и простой. Строгий арест ничем не отличается от тюремного заключения, за исключением того, что отбывающему арест предоставляется право выбрать себе тот или иной род работы. Срок простого ареста по УК 1852 г. от 24 часов до 6 месяцев. Строгий арест может быть установлен по УК 1852 г. на срок до 3 лет. По УК 1878 г. арест может быть назначен от 3 часов до 2 лет. К числу наказаний, ограничивающих свободу, надо отнести заключение в изоляторы нищих, бродяг и рецидивистов по постановлению полицейских властей 2-й инстанции сроком от 6 месяцев до 5 лет с направлением на штрафные работы. Может быть применена также высылка и ссылка сроком до 3 лет и охранный полицейский надзор на такой же срок. В качестве наказания, обращаемого на имущество, назначаются конфискация и штраф. Максимальным штрафом является штраф до 10.000 чешских крон. При несостоятельности штраф заменяется лишением свободы из расчета 1 день лишения свободы взамен штрафа от 10 до 100 чешских крон по усмотрению суда. Лишение прав может выражаться в лишении имущественных прав, избирательных прав, права состоять на государственной службе, заниматься своей профессией. Наказание избирается по свободному усмотрению суда в пределах карательных санкций, установленных УК. Смягчающими вину обстоятельствами признаются такие, из которых можно сделать вывод, что обвиняемый «подает надежду на исправление». Уменьшенная вменяемость рассматривается как смягчающее вину обстоятельство. Условное осуждение введено на всей территории Чехословацкой республики законом 1919 г., дополненным в 1924 г. Условное осуждение может иметь место при назначении наказания до 1 года лишения свободы. Испытательный срок назначается судом в пределах от 1 до 5 лет. Суд вправе на время испытательного срока поставить осужденного под охранный надзор. Не совершивший в течение испытательного срока нового преступного деяния признается не судившимся. В отношении несовершеннолетних может быть применено условное осуждение и в том случае, если несовершеннолетний уже однажды судился.

Из преступлений, которые наиболее ярко характеризуют социальное отношение в Чехословакии и их классовую природу, мы остановимся на краже. Простая кража карается тюремным заключением от 6 месяцев до 1 года, квалифицированная кража карается тюремным заключением от 1 года до 5 лет. К квалифицированным кражам относятся: похищение имущества свыше 2.000 чешских крон, похищение чужого имущества, совершенное в церкви, или из закрытого помещения, или ночью.

В дополнение или отступление от действующих УК 1852 и 1878 гг. Чехословацкая республика издала ряд отдельных законов. Следует отметить закон 28 июня 1933 г. о защите чести, который различает 4 вида посягательств на честь: оскорбление, сплетни, клевету и угрозу уголовным преследованием. Посягательства на честь признаются нарушениями, а если они совершены в печати, то проступками.

Закон 19 июня 1934 г. дополняет постановление о борьбе со взяточничеством. Новый закон имеет в виду борьбу с коррупцией во всех областях публично-правовой и хозяйственной жизни и карает не только подкуп государственных служащих, но и всех служащих предприятий публично-правового значения.

Особенного интереса заслуживает закон 9 апреля 1935 г. об экономическом шпионаже. Закон вводит новое понятие «хозяйственной тайны». Понятие это содержит в себе признаки, по которым можно различить хозяйственную тайну от иной тайны, и подчеркивает субъективный момент — желание хранящего

тайну разгласить таковую и объективный признак в виде интереса государства в сохранении этой тайны. В связи с этой установкой наказуется не только выдача чужой хозяйственной тайны, но и тайны своего же собственного предприятия. Закон содержит в себе 13 статей, заключенных в 6 разделах. В первом разделе приводятся признаки понятия хозяйственной тайны и перечисляются предприятия, деятельность и характер которых имеют государственное значение (ст. 1). Во втором разделе приводятся признаки экономического шпионажа, караемого по настоящему закону тюремным заключением от 1 г. до 5 лет. Помимо лишения свободы может быть назначено дополнительное наказание в виде денежного штрафа до 500 000 крон. Карается не только умышленная выдача хозяйственной тайны, но и небрежное хранение таковой. Наказанием за последнее является арест от одного месяца или штраф до 50 000 крон.

В связи с непосредственной опасностью военного нападения со стороны гитлеровского фашизма последовал закон 11 апреля 1935 г. о защите против воздушных нападений. Появление над чехословацкой территорией воздушных кораблей, невыполнение летчиками требований чехословацких властей карается по этому закону. Воздушное нападение, сопряженное с причинением смерти чехословацким подданным, карается смертной казнью. Надо отметить также, что в ст. 31 закона указывается на наказуемость не только воздушных нападений, но и попытки бактериологического заражения источников водоснабжения и иных мест общественного пользования.

Стремление унифицировать уголовное законодательство с учетом господствующих в Европе принципов уголовной политики повлекло разработку проекта единого для всей Чехословакии УК. В 1920 г. при министерстве юстиции была образована комиссия из 9 чехословацких ученых, в том числе профессоров Мижичка, Каллаб и Милота. Комиссия эта в 1926 г. представила выработанный ею проект единого УК в национальное собрание. В национальном собрании проект не получил одобрения и вновь возвращен в комиссию для переработки. В настоящее время переработка эта закончена, но точное содержание внесенных в проект единого УК изменений неизвестно, так как новый проект еще не опубликован.

Уголовный процесс

Уголовно-процессуальное законодательство Чехословакии также содержится в двух кодексах. Бывший австрийский УПК 1873 г. и бывший венгерский УПК 1896 г. были оставлены в силе законами 1918 и 1919 гг.

Бывший австрийский УПК содержит в себе 529 статей, изложенных в 27 главах, венгерский УПК содержит 592 статьи, изложенные в 32 главах. Общими для обоих действующих в Чехословакии УПК являются основные принципы уголовного процесса: 1) Принцип официальности, в соответствии с которым судебные органы являются государственными органами, уполномоченными на уголовное преследование в пределах закона. 2) Принцип обвинения, в соответствии с которым и в противовес инквизиционному процессу жалобщику принадлежит право инициативы принести жалобу; обвиняемый является стороной в процессе так же, как и жалобщик (равноправность сторон); принцип обвинения является конституционным принципом (п. 3 ст. 101 конституции). 3) Принцип установления материальной истины, в соответствии с которым нельзя признать обстоятельство доказанным только по той причине, что обвиняемый не смог его опровергнуть суд обязан проверить обстоятельства как обвиняющие, так и оправдывающие обвиняемого (ст. 3 УПК); сознание обвиняемого не освобождает суд от этой обязанности (ст. 206 УПК). 4) Принцип непосредственности и устности, который тоже является конституционным (п. 2 ст. 101 конституции). 5) Принцип свободной оценки доказательств, в соответствии с которым нет никаких предписаний в законе, какие обстоятельства следует считать доказанными: суд сам приходит к этому выводу на основе свободной оценки доказательств (ст.ст. 258 и 326 УПК); по содержанию ст. 258 УПК 1873 г. суд обязан оценивать доказательства в отношении их достоверности как в отдельности, так и во внутренней связи; заявление стороны о том, что какое-либо обстоятельство следует признать доказанным, суд разрешает не на основании специальных предписаний закона, а на основании своего свободного убеждения, вытекающего из тщательной оценки всех обстоятельств, приведенных за и против обвинения. По содержанию ст. 306 УПК 1896 г. суду в несколько иной редакции вменяется в обязанность основываться только на доказательствах, проверенных на судебном следствии после заботливой оценки их как в отдельности, так и в общей связи. Это право свободной оценки доказательств принадлежит не только должностным судьям, но и присяжным заседателям при вынесении ими вердикта. Чехословацкая судебная практика рядом разъяснений верховного суда поддерживает соблюдение этого принципа. Как неоднократно разъяснял верховный суд, исследование доказательств должно быть эмпирическим и проведенным так, чтобы правдоподобность была установлена на высшей ступени. В случаях сомнения оно должно быть истолковано в пользу обвиняемого (р. в. с. 921/1922). 6) Принцип публичности является конституционным (п. 2. ст. 101 конституции). При закрытых дверях могут рассматриваться лишь дела, публичное рассмотрение которых угрожает нравственным устоям или государственному порядку. Специальным законом 1935 г. верховному суду предоставлено право не допускать публичных прений по своему усмотрению. В участковых судах публичное рассмотрение может быть исключено по ходатайству обеих сторон. В кассационном суде рассмотрение происходит при закрытых дверях. Заседания полевых судов должны, как правило, в целях общей превенции происходить при открытых дверях (ст.ст. 440 и 456 УПК). По делам о несовершеннолетних судебное рассмотрение, как правило, должно происходить при закрытых дверях. Предварительное следствие должно происходить при закрытых дверях с правом стороны присутствовать при отдельных следственных действиях за исключением допроса свидетелей (ст. 98 УПК). 7) Принцип участия присяжных заседателей является конституционным (п. 3 ст. 95 конституции),

но с оговоркой, что специальный закон вправе ограничить деятельность суда присяжных.

Деятельность чехословацкого уголовного суда освещается следующей, составленной на основании официальных данных чехословацкой статистики, таблицей [1].

Число осужденных

Годы	В Богемии, Моравии и Силезии	В Словакии и Закарпатской Украине	Всего
1923	175 537	40 909	216 146
1924	170 951	44 148	215 099
1925	172 418	49 000	211 418
1926	179 151	48 387	227 538
1927	181 257	52 956	233 853
1928	181 410	55 021	235 431
1929	191 819	49 252	241 071
1930	192 854	60 253	253 707
1931	187 816	60 860	248 676

Таким образом из 15-миллионного населения Чехословакии проходят через суды ежегодно сотни тысяч людей. Количество осужденных неуклонно растет из года в год. Применение уголовной репрессии в так называемых «исторических землях» и в Словакии и в Закарпатской Украине количественно различно. Если сопоставить количество осужденных в 1923 и в 1931 гг., то в Словакии и Закарпатской Украине количество осужденных увеличилось за это время в 1,5 раза, а в так называемых «исторических землях» на 15%.

Право возбуждения уголовного преследования в интересах публичного обвинения принадлежит прокуратуре, следственному судье, участковому суду и охранной полиции, в интересах частного обвинения — всякому гражданину Чехословакии. Предварительное расследование бывает двух родов: дознание и предварительное следствие. Дознание может быть произведено охранной полицией и судом. Охранная полиция приступает к производству дознания по собственной инициативе или по предложению прокурора. В Словакии и Закарпатской Украине прокурор имеет право сам произвести отдельные действия в порядке дознания, в частности произвести допрос обвиняемого (ст. 83 УПК). Акты дознания, произведенного охранной полицией, должны быть проверены следственным судьей в отношении соблюдения формы и полноты собранных доказательств, после чего могут быть оглашены на судебном следствии. Хотя по закону названные акты дознания не имеют полной доказательной силы (п. 3 ст. 88 УПК), однако судебная практика допускает их в качестве доказательств. Производство предварительного следствия является обязательным, когда речь идет о преступном деянии, подсудном суду с участием присяжных заседателей, или государственному суду, или когда обвиняемый скрылся. Предварительное следствие производится следственным судьей. Прокуратура не вправе производить следственные действия (ст. 97 УПК), но вправе делать представление следственному судье.

Предание суду выполняется в Чехии, Моравии и Силезии совещательной камерой, а в Словакии и Закарпатской Украине — камерой предания суду. Обе эти камеры входят в состав краевого суда. Процесс предания суду начинается с того, что обвинитель (государственный или частный), представляет обвинительный акт (ст. 207 УПК). Копия утвержденного обвинительного акта вручается обвиняемому, которому в течение 8 дней с момента вручения обвинительного акта представляется право подать возражения. Если обвиняемый находится под стражей, то обвинительный акт должен быть ему вручен в течение 24 часов с момента утверждения обвинительного акта. В возражении может быть оспорена обоснованность обвинения. Под необоснованностью обвинения закон имеет в виду все соображения, по которым обвинение могло быть отвергнуто (ст.ст. 211—213 УПК 1873 г. и 257 УПК 1896 г.). Рассмотрение возражений происходит в высшем суде в закрытом судебном заседании. В Чехии, Моравии и Силезии рассмотрение возражений происходит без выслушания обвиняемого или его защитника, но с заслушанием заключения прокурора, а в Словакии и Закарпатской Украине — с выслушанием устных объяснений обвиняемого или его защитника (ст. 261 УПК 1896 г.).

Судебное следствие имеет две стадии: подготовительные действия и непосредственно судебное следствие. В порядке подготовительных действий обвиняемый может быть допрошен председателем суда с участием присяжных заседателей или членов краевого суда в целях выяснить, подтверждает ли обвиняемый свои показания на предварительном следствии или в чем-либо их изменяет (ст. 220 УПК). Допрос должен происходить при участии защитника обвиняемого. В участковых судах по делам о проступках можно приступить к судебному следствию без подготовительных действий при наличии согласия на то обвиняемого и в случаях, когда обвиняемый признал себя виновным и когда сторонами представлены все доказательства по делу. В Словакии и Закарпатской Украине применяется очень серьезное отступление от общего порядка выполнения подготовительных действий: по делам о преступных деяниях, по которым обвиняемому угрожает наказание до 5 лет лишения свободы, или по всем делам, по которым обвиняемый сознался, подготовительные действия могут не производиться по усмотрению суда (ст. ст. 281—284 УПК 1896 г.).

Судебное следствие в краевом суде сопровождается следующим: непосредственное руководство судебным следствием принадлежит председательствующему. Ему же принадлежит дисциплинарная власть против тех, кто недостойным поведением нарушит обязательное уважение к суду (предупреждение, удаление из зала судебного заседания и арест). Предметом судебного следствия является вменяемое по обвинительному акту в вину преступное деяние. Ведущийся протокол судебного заседания служит материалом для производства по жалобам и пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам. В протоколе должны быть зафиксированы все формальные моменты процесса, все ходатайства сторон и определения суда по ним, содержание показаний обвиняемого, свидетелей и экспертов со включением всего, что они высказывают впервые или в чем изменяют свои первона-

[1] Kriminalstatistik. Berlin. 1936. S. 67—68.

чальные показания. Может быть определено, что допросы и речи должны быть записаны стенографически, о чем могут просить и стороны, внеся нужные средства. О совещаниях и голосовании судей ведется особый протокол в совещательной комнате. Протоколы судебного следствия и совещания составляются секретарем и подписываются председательствующим (в полевом суде протокол судебного заседания и совещания подписывается всеми членами суда). Акты предварительного следствия могут быть оглашены на судебном следствии со следующими ограничениями: протоколы допроса сообвиняемых и свидетелей могут быть оглашены только в случаях невозможности допросить их на судебном следствии за смертью, болезнью или неизвестностью местопребывания; протоколы заключения экспертизы могут быть оглашены только в совершенно исключительных случаях и каждый раз только по особому определению суда; могут быть оглашены протоколы всех, кто изменяет или отказывается от своих прежних показаний, причем законный отказ от прежнего показания лишает возможности его оглашения; необходимо согласие обеих сторон на оглашение иных не перечисленных выше актов предварительного следствия. После окончания судебного следствия происходят прения сторон, которые временем не ограничены. Обвинитель обязан изложить свои выводы из проверки доказательств, ходатайство о признании обвиняемого виновным и свое заключение об уголовных последствиях в соответствии с законом, но о мере наказания обвинитель говорить не вправе (ст. 255 УПК).

В суде присяжные заседатели участвуют в проверке доказательств на одинаковых правах с должностными судьями. Между проверкой доказательств и прениями сторон имеет место постановка вопроса присяжным заседателям. Вопросы должны быть проредактированы так, чтобы на них можно было ответить, да или нет (ст. 123 УПК). По оформлении вопросов присяжным заседателям стороны дают свои объяснения. После объяснения сторон председатель делает свои разъяснения присяжным заседателям, которые состоят из двух частей: резюме (исторической части), обстоятельств дела, обзора материалов судебного следствия без высказывания своего личного мнения и юридического анализа. Резюме председательствующего не может быть приостановлено или прервано. Стороны имеют право просить о занесении в протокол тех или иных обстоятельств из разъяснения председателя, но поводом к обжалованию может служить только неправильность юридического анализа (ст. 344 УПК). В Чехии, Моравии и Силезии председатель судебного присутствия не имеет права принимать участия в совещании присяжных заседателей. В Словакии и Закарпатской Украине совещание присяжных заседателей происходит совместно с председателем судебного присутствия. По оглашении вердикта присяжных заседателей стороны дают объяснения о мере наказания и гражданских последствиях процесса.

В участковом суде судебное следствие происходит со следующими отступлениями: вместо оглашения обвинительного акта судья устно формулирует обвинение; присяга заменяется обещанием показывать правду; жалобщик в заключительной речи просит о применении соответствующего уголовного закона; вынесение приговора может быть отложено на следующий день только в исключительных случаях.

Приговоры краевых судов могут быть обжалованы в апелляционном и кассационном порядке. Апелляция на приговор краевых судов и судов с участием присяжных заседателей может быть принесена на приговор в части наказания, в части применения условного осуждения или неприменения последнего и в части гражданско-правовых последствий. Апелляционная жалоба рассматривается высшим судом в закрытом заседании при участии главного прокурора. Предметом рассмотрения служат приговор первой инстанции и жалоба. Если одновременно с апелляционной жалобой была подана жалоба кассационная, то рассмотрение в апелляционном порядке имеет место в верховном суде в закрытом заседании с участием генерального прокурора. В Богемии, Моравии и Силезии существуют только две инстанции (апелляционная и кассационная), а в Словакии и Закарпатской Украине — три инстанции, поскольку на определение апелляционного суда может быть подана отдельно кассационная жалоба. Кроме того, в Словакии и Закарпатской Украине имеется следующая особенность апелляционного рассмотрения: оно происходит в закрытом судебном заседании при участии сторон, но без предоставления им слова; при ссылке на новые доказательства апелляционное рассмотрение происходит в публичном заседании с предоставлением слова сторонам. Апелляционное обжалование приговоров участковых судов является единственным способом обжалования этих приговоров. В качестве оснований могут быть приведены кассационные нарушения, ссылки на неправильное разрешение вопроса о вине и наказании. Апелляционное обжалование приговоров участковых судов приостанавливает исполнение. Рассмотрение в апелляционном порядке происходит в открытом судебном заседании, но присутствие обвиняемого и частного обвинителя необязательно.

Кассационное обжалование приговоров краевых судов может иметь место вследствие нарушения процессуальных правил и уголовного материального законодательства. Процессуальными нарушениями УПК признает (ст. 81): ненадлежащий состав суда (на это жаловаться стороны могут только в том случае, если они узнали об этом только в судебном следствии); оглашение акта дознания и предварительного следствия, не имевшего доказательной силы вследствие оспаривания со стороны жалобщика; нарушение таких процессуальных правил, которые сам закон объявляет основаниями к отмене приговора; необсуждение ходатайства жалобщика по поводу нарушения процессуальных норм (здесь имеются в виду не общие нарушения, а релятивные, повлиявшие на приговор); дефекты приговора (неясность, неполнота, внутренние противоречия, неуказание или недостаточное указание мотивов, необсуждение возражений стороны по поводу отдельных актов судебного следствия, противоречия между имеющимися в деле документами и записями в протоколе);

безмотивное определение о неподсудности; сужение или расширение первоначально предъявленного обвинения. В интересах осужденного принести кассационную жалобу могут сам осужденный и его родные, опекун, государственный обвинитель и защитник. Родные и опекун могут принести кассационную жалобу без разрешения осужденного, но не против его воли. В отношении несовершеннолетних те же лица могут принести кассационную жалобу и против воли осужденного. Прокурор не имеет права принести кассационную жалобу не в интересах осужденного. (р в. с. 2902/1915 и 4090/1921). Защитник вправе подать кассационную жалобу без разрешения осужденного, но не против его воли. Кассационная жалоба может быть заявлена в устной или письменной форме кратко в течение трех дней с момента оглашения приговора, а в течение 8 дней со дня подачи этой краткой жалобы или устного заявления кассационная жалоба должна быть изложена с приведением точных формулировок, на которых основывается жалобщик. Кассационная жалоба должна быть обязательно подписана защитником даже в том случае, если она приносится от имени осужденного. Кассационное обжалование приостанавливает исполнение приговора.

4 апреля 1935 г. был издан закон, направленный в сторону упрощения кассационной процедуры в верховном суде. Согласно этому закону, неявка обеих сторон, извещенных о дне слушания дела в верховном суде, в том числе и по жалобам на приговоры судов с участием присяжных заседателей, считается отказом от кассационной жалобы. Кассационное обжалование и рассмотрение кассационных жалоб на приговоры суда с участием присяжных заседателей происходят с соблюдением тех же требований, которые предъявляются к обжалованию приговоров краевого суда. Дополнительными кассационными основаниями являются: отсутствие защиты в суде первой инстанции, неправильная постановка вопросов присяжным заседателям, неправильные юридические формулировки в разъяснении председателя присяжным заседателям.

Рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних регулируется законом 11 марта 1931 г. Закон различает следующие категории несовершеннолетних: не достигшие 14-летнего возраста, в отношении которых могут быть приняты воспитательные меры; достигшие 14 лет, но не достигшие 18 лет; достигшие 18 лет, но не достигшие 19 лет, совершившие проступок; несовершеннолетние старше 18 лет. Предварительное расследование производится специальным следственным судьей, который вправе председательствовать на судебном следствии, если обвиняемый не заявил ему отвода. Охранная полиция без разрешения суда имеет право принять только обеспечивающие доказательства меры. Для взятия под стражу в качестве меры пресечения надо установить, что других способов пресечения нет, в частности нет возможности отдать под надзор родителей или иных законных представителей. Участие защиты обязательно в судебном следствии, а если обвиняемый под стражей, то и в предварительном расследовании. Отсутствие защитника является основанием к отмене приговора. Все лица, допрос которых суд находит необходимым, должны быть выслушаны, но без приведения к присяге и без указания на возможность привлечения к ответственности за лжесвидетельство. К допросу обвиняемого могут быть привлечены по усмотрению суда все лица, от которых можно ожидать помощи в допросе. Прокурор может отказаться от уголовного преследования по нецелесообразности, и в этом случае потерпевший тоже утрачивает право на уголовное преследование. Публичное рассмотрение дела может быть исключено не только в общем порядке, но и в интересах обвиняемого при наличии согласия прокурора, защитника и законного представителя несовершеннолетнего. Суд может удалить несовершеннолетнего из зала судебного заседания, если это направлено в интересах выяснения истины. В качестве правила суд должен применять меры охраны (охранный надзор и воспитательный надзор). Применение охранных мер может быть обжаловано в 8-дневный срок в высший суд. Срок обжалования приговора для прокурора, защитника и законных представителей наступает с момента вручения им копии приговора.

Право помилования до принятия конституции регулировалось УПК. В Богемии, Моравии и Силезии (ст.ст. 2 и 411 УПК) право помилования принадлежало президенту республики непосредственно, а в Словакии и Закарпатской Украине (ст. 514 УПК) это право принадлежало президенту республики, но осуществлялось через суды и министерство юстиции. По ст. 103 конституции президент республики имеет право освобождать от наказания и от последствий судимости. За время существования Чехословацкой республики в ней последовало 9 амнистий. Первая амнистия последовала по постановлению национального собрания от 5 октября 1918 г., была очень широкой и ликвидировала последствия применения австровенгерской юрисдикции к населению Чехословакии. Последующие амнистии коснулись осужденных на незначительные сроки наказания. Амнистия 13 февраля 1922 г. коснулась осужденных за участие в коммунистическом движении. По этой амнистии осужденным на срок свыше 3 лет наказание было сокращено на одну треть, при пределе не свыше 5 лет оно сокращалось на половину, при наказании от 18 месяцев до 3 лет наказание сокращалось на две трети. Осужденные на срок менее 18 месяцев освобождались от наказания вовсе. Последующие три амнистии 1924, 1927 и 1928 гг. касались осужденных за мелкие проступки. Девятая амнистия последовала 9 июня 1934 г. в ознаменование 85-летия президента республики Масарика. 17 осужденных на срок свыше 1 месяца и до 1 года были вовсе освобождены от наказания. К 12 осужденным (5 коммунистам и 7 фашистам) амнистия применена не была, несмотря на осуждение на те же сроки. Кроме того, министерство юстиции представило ходатайство о помиловании 1 280 осужденных, из которых 115 было отказано. В числе этих 1 280 осужденных было 119 коммунистов, 40 комсомольцев и 515 фашистов [1].

[1] Tischler, Dosavodni vysledkyamnestie Z. 16, 1934. ZSTW, № 56/1936, S. 91.

Исключительное законодательство

Чехословацкая буржуазия создала одну из наиболее демократических конституций капиталистических стран Европы. Однако и она пошла по пути ограничения конституционных гарантий при помощи исключительного законодательства. Вначале было желание с помощью социал-демократов противопоставить буржуазную демократию пролетарской демократии, преградить рабочему классу путь к пролетарской революции. Оставив в силе законы бывшей австро-венгерской монархии (закон 28 октября 1918 г. и 23 июля 1919 г. о рецепировании Чехословацкой республики ранее действовавшего законодательства) и не приступая к унификации законодательства или к созданию национального уголовного законодательства в целом, чехословацкая буржуазия, базируясь на имеющихся в конституции оговорках, использовала юридические возможности ограничить применение конституционных гарантий путем исключительного законодательства. Исключительное законодательство явилось единым для всей Чехословакии, но несистематизированным и некодифицированным. По своему содержанию оно должно быть расчленено на две группы законов: изданные в 1920—1923 гг. в условиях начала всеобщего мирового кризиса капитализма и просуществовавшие без изменений до второй половины 1933 г., исключительные законы явились орудием для организованного натиска чехословацкой буржуазии на трудящиеся массы и для подавления революционного движения; со второй половины 1933 г. и по настоящее время исключительное законодательство было изменено и пополнено в силу растущих политических внутричехословацких и международных противоречий, которые угрожают господству чехословацкой буржуазии и самому существованию чехословацкого государства.

На первом этапе последовали: 1) исключительный закон 14 апреля 1920 г. об исключительных постановлениях; 2) исключительный закон 12 августа 1921 г. о защите свободы собраний и против насилий; 3) исключительный закон 19 марта 1923 г. о защите республики.

На втором этапе последовали: 1) изменения и дополнения закона 19 марта 1923 г. о защите республики, изданные 10 июля 1933 г. и 19 апреля 1936 г.; 2) исключительный закон 12 июля 1933 г. о наказуемости враждебной государству деятельности государственных должностных лиц и о перемещении судей без их согласия на другие должности; 3) исключительный закон 25 октября 1933 г. о приостановлении деятельности и роспуске политических партий; 4) изменение и дополнение исключительного закона об исключительных постановлениях от 10 июля 1933 г.; 5) исключительный закон 28 марта 1935 г. о пребывании иностранцев. Помимо этих законов, содержащих правила материального и процессуального уголовного права, надо отметить также и чисто процессуальные законы: 1) исключительный закон 19 марта 1923 г. о государственном суде; 2) рецепированные чехословацкими законами правила австрийского УПК (ст.ст. 437—446) о рассмотрении дел в полевых судах, существование которых было сначала продолжено до 6 декабря 1933 г., а в дальнейшем—до 1 марта 1937 г.

Как констатировал XIII пленум ИККИ, «напряженность положения в Германии чрезвычайно обостряет классовые отношения в соседних странах: в Чехословакии, Австрии и Прибалтике [1]. Это обострение классовых отношений в Чехословакии, связанное с агрессией германского фашизма, изменило проводимую правительственными кругами Чехословакии политику. VII конгресс Коминтерна отметил: «Авантюристские планы германских фашистов простираются весьма далеко и рассчитаны на военный реванш против Франции, на раздел Чехословакии» [2]. Более сильная часть чехословацкой буржуазии поняла грозящую опасность и вступила на путь поддержки мира, который сможет содействовать сохранению внутреннего и внешнего статус-кво. Изменения политики правящих кругов привели к дополнению и изменению исключительных законов, а также к изданию новых в направлении борьбы с агентурой гитлеровского империализма. Начиная со второй половины 1933 г. и по настоящее время, на втором своем этапе исключительное законодательство Чехословакии не только формально направлено против агентуры гитлеровского фашизма, но и фактически применяется против фашистских организаций и их агентов.

Закон 14 апреля 1920 г. об исключительных постановлениях в первоначальной редакции своей появился через полтора месяца после принятия конституционной хартии и по существу своему должен быть оценен как закон об осадном положении. Закон этот непосредственно ограничивает провозглашенные конституционной хартией чехословацкой республики гарантии свободы личности. Активизация деятельности гитлеровских агентов в Чехословакии вызвала к жизни изменение закона в его редакции 10 июля 1933 г. Закон этот содержит в себе 16 статей и разрешает 4 группы вопросов: а) вызывающие его применения обстоятельства и объект наказуемых посягательств; б) устанавливаемые законом мероприятия по борьбе с этими посягательствами; в) проводящие эти мероприятия в жизнь органы; г) срок действия и порядок проведения закона в жизнь.

Исключительный закон 12 августа 1921 г. о защите свободы собраний и против насилий был откровенно направлен против рабочего класса, поскольку в ст. 1 предоставляется право нанимателю не допускать к работе и увольнять рабочих по признакам национальной, религиозной и политической розни. Закон запрещает должностным лицам, учителям, духовенству и нанимателям производить давление на других лиц путем использования своего положения в целях незаконно вынудить этих лиц высказать не то, что хотели бы высказать эти лица. Упомянутые действия караются уголовным судом как проступок. Наказанием является арест от 8 дней до 3 месяцев, а если деяние было связано с применением оружия, то строгим арестом от 1 до 6 месяцев.

В 1922—1923 гг. в условиях обострившегося мирового кризиса в Чехословакии возросла активность рабочего класса. В первые годы своего существования чехословацкая буржуа-

[1] Стенографический отчет, стр. 591.

[2] Резолюции VII конгресса Коминтерна, стр. 32.

зия охраняла свои интересы по старым австро-венгерским образцам, но сила этого орудия оказалась недостаточной, и в 1923 г. появился чехословацкий исключительный закон о защите республики. Закон этот находится под большим влиянием сходного с ним германского закона 1922 г. До второй половины 1933 г. закон применялся на практике в отношении коммунистического движения и лишь в единичных случаях — в отношении фашистов. Захват власти в Германии гитлеровским фашизмом, распространение деятельности гитлеровского фашизма в Чехословакии, являющегося агентурой германского империализма, и обострение классовой борьбы привели к изменению и дополнению закона. Правящий в Чехословакии класс в обстановке военной опасности со второй половины 1933 г. стал применять исключительные методы борьбы в отношении действительных врагов демократии — фашистов. Закон 19 марта 1923 г. с большой тщательностью перечисляет всевозможные виды посягательств на республику и угрожает виновным всякими наказаниями. Закон этот состоит из 44 статей, изложенных в 4 главах.

Активизация агентов гитлеровского империализма в Чехословакии вызвала дополнение закона 10 июля 1934 г. Стало караться арестом от 8 дней до 3 месяцев преследование отдельных групп населения и отдельных лиц за то, что они являются приверженцами демократически-республиканской формы государственного устройства Чехословакии. 13 мая 1936 г. закон о защите республики был специально дополнен постановлением о наказуемости воинской измены. Предательство военных секретов карается тяжким тюремным заключением от 5 до 20 лет, а ранее оно каралось тяжким тюремным заключением от 3 до 5 лет. Если хранение военного секрета было на обязанности должностного лица, если был предан важный для государства секрет, если предательство носило длительный характер или если выполнялось опасным способом, то этот вид государственной измены карается смертной казнью.

Дела о нарушении закона о защите республики подсудны государственному суду, который рассматривает эти дела по общим правилам УПК 1873 г. с отступлениями, изложенными в специальном законе о государственном суде от 19 марта 1923 г. Предварительное расследование является обязательным и производится по общим правилам. Предание суду происходит в отступление от общих правил судопроизводства. Обвиняемый лишается права представить возражения на обвинительный акт. Судебное следствие производится по правилам УПК для коллегиальных судов первой инстанции. Приговор государственного суда может быть обжалован в верховный суд по тем основаниям, что был нарушен уголовный закон или что были допущены грубые нарушения основных правил уголовного судопроизводства. Последние основания могут быть указаны только в том случае, если эти нарушения повлияли на приговор о вине. Обжалование может иметь место только по этим двум основаниям.

Особенности рассмотрения дел в полевых судах заключаются в следующем: подготовительная стадия и стадия обжалования отсутствуют. Рассмотрение происходит в судебной коллегии и не может продолжаться более трех дней. Участие защиты обязательно. Обвинительный акт по делу не составляется и заменяется устным докладом прокурора об обстоятельствах, которые вменяются в вину обвиняемому. Может быть вынесен только оправдательный или обвинительный приговор. Оправдательный приговор может быть вынесен в том случае, если прокурор отказался от обвинения раньше чем полевой суд удалился на совещание. Обвинительный приговор, как правило, может быть только приговором к смертной казни. Если ранее вынесенным приговором к смертной казни уже было внесено устрашающее начало, которое повело к успокоению (ст. 441 УПК), то вместо смертной казни полевой суд может приговорить к тяжкому тюремному заключению от 5 до 20 лет. Предусмотренное законом наказание для суда обязательной силы не имеет. Никакого обжалования приговора полевого суда не существует. Просьба о помиловании не приостанавливает исполнения. Приговор подлежит исполнению через два часа после вынесения приговора. По словесной просьбе осужденного исполнение смертной казни может быть отсрочено на 1 час.

Исключительный закон 25 октября 1933 г. о приостановлении деятельности и роспуске политических партий занимает весьма серьезное место в исключительном законодательстве Чехословакии. Закон этот отменяет конституционные гарантии, изложенные в ст.ст. 107, 113, 116 и 117 конституции, относительно свободы печати, собраний, союзов и мнений и по существу своему является особого рода конституционной реформой. Непосредственная военная опасность со стороны гитлеровского империализма и крайнее обострение классовой борьбы послужили причиной появления этого закона. Закон этот в 1933 г. был применен к немецкой национал-социалистской партии, руководимой Генлейном. Генлейн является форейтером Гитлера в Чехословакии в буквальном смысле этого слова Генлейна в германской фашистской печати называют «лучшей лошадью в своей конюшне». По плану германского генерального штаба германское наступление должно при поддержке Венгрии и Польши начаться на германо-чехословацкой границе, вокруг которой расположены весьма значительные германские воинские силы. В немецкой Богемии по этому же плану гитлеровскую армию должны с восторгом встретить генлейновцы, чтобы помочь осуществить на практике известное изречение Бисмарка: «Кто имеет Богемию, тот имеет Европу». Проводимая гитлеровскими агентами диверсионная работа в Чехословакии должна на этот раз пойти по стопам Бисмарка. В задачи Генлейна входит также и стремление убедить население не только немецких областей Чехословакии, но и остальных областей в том, что бесполезно сопротивляться германскому наступлению. Надо отметить, что гитлеровский агент Генлейн проводит в жизнь ту же тенденцию, которую проводил в отношении СССР получивший жесточайшее поражение волею советского народа другой агент гестапо — Иудушка Троцкий, хотя последний является гнусней, отвратительней и опасней Генлейна. Кто такой Генлейн? Он происходит из мелкобуржуазной семьи, участвовал в империалистской войне в качестве

добровольца и, оставшись после войны не у дел, занялся политической деятельностью в физкультурных немецких обществах. Тесный контакт его с гитлеровцами начался еще в 1930 г., но настоящая его политическая карьера расцвела в 1933 г. после прихода Гитлера к власти в Германии. Генлейновский филиал гитлеровского предприятия получает финансовую и вооруженную поддержку со стороны гитлеровского фашизма. Внутри страны генлейновцы получают поддержку от реакционнейших элементов чехословацкой буржуазии. Партия эта не разоружилась и продолжает свою подрывную работу внутри Чехословакии, пользуясь помощью более слабого крыла чехословацкой буржуазии.

Закон состоит из 24 статей, изложенных в 4 разделах. 1-й раздел заключает в себе основные положения, 2-й—последствия приостановления деятельности партий, 3-й — последствия роспуска партий и 4-й—исключительные положения. В первом разделе указываются обстоятельства, при которых правительство может приостановить деятельность политической партии или распустить ее. Во втором разделе перечисляются последствия приостановления деятельности партии и указывается на право административных властей подвергнуть специальному надзору объединения, которые служили или продолжают служить целям партии. В третьем разделе перечисляются последствия роспуска партий, которые совпадают с последствиями приостановления партий. В разделе четвертом содержатся заслуживающие весьма серьезного внимания определения понятия политической партии. Под политической партией понимается не только правильно организованная политическая партия, но и любая политическая группировка или политическое движение. Нарушение закона независимо от преследования в судебном порядке карается окружной государственной полицией наказанием до 6 месяцев тюрьмы или штрафом до 50 000 крон.

Закон 12 июля 1933 г. о наказуемости враждебной государству деятельности лиц, состоящих на государственной службе, и некоторых других лиц и о недобровольном перемещении судей на другие государственные должности является дополнением закона 19 марта 1923 г. о защите республики в его новой редакции от 10 июля 1933 г. Подрывная деятельность гитлеровской агентуры в Чехословакии вызвала погребность в борьбе с ее проникновением в круг государственных должностных лиц. Закон этот состоит из 16 статей, изложенных в трех разделах. Несущими по этому закону ответственность лицами являются должностные лица государственных и общественных учреждений, фондовых, лечебных и просветительных, учителя и профессора государственных школ, профессора духовных учебных заведений, священнослужители, лица, получающие государственное обеспечение, военнослужащие запаса, унтер-офицеры действительной службы и запаса. Деятельность перечисленных выше лиц, направленная против государственного суверенитета, независимости государства, его демократически-республиканской формы путем использования своего служебного положения и участие перечисленных лиц в каком-либо объединении, которое о крыто или тайно развивает подобную де тельность, карается по настоящему закону. Н казаниями по настоящему закону являю увольнение от должности, перемещение н иную должность, лишение прав и преиму ществ, связанных с должностным положени или ученой степенью, лишение пенсии или с собия, лишение воинского звания или вои ского оклада.

После захвата власти фашистами в Герман спасавшиеся от гитлеровских канцлагерей средневековых пыток политэмигранты избр Чехословакию одной из стра в которых они могли бы получить осуществление своему пра ву убежища. Убийство политэмигранта из Г мании, инженера Формис, произведенное тр мя агентами гестапо на чехословацкой терри тории при содействии чехословацких фаш стов, ускорило рассмотрение проекта настоя шего закона, который имеет целью «защит Чехословакии от элементов, которые угрожа ее безопасности, и лучшее взятие всех ино странцев под надзор[1]. Весьма серьезным мо ментом в этом законе является то, что затра гивает интересы ряда иностранцев, которые течение долгих лет проживали на территори Чехословакии до издания настоящего закона Надо подчеркнуть, что отказ в разрешении н проживание в Чехословакии обжалованию н подлежит. Закон этот состоит из 17 статей, из ложенных в трех разделах. В 1 разделе со держатся общие правила выдачи разрешени на пребывание в Чехословакии, во 2 разделе— правила регистрации иностранцев, в 3 разде ле—заключительные постановления. Нарушени этого закона и на основе его изданных по становлений так же, как и предписания поли ции, если они не караются строже, наказуют ся налагаемым окружной полицией штрафо до 5 000 чешских крон или арестом до 14 дней В случае неуплаты штраф заменяется арестом но не более чем на 14 дней. Несвоевременн испросивший разрешение или не оставивши добровольно Чехословакию после отказа разрешении может быть помимо приведенног выше наказания выслан за пределы Чехосло вацкой республики. Настоящий закон отменяе все ранее существовавшие по вопросу о пре бывании иностранцев на территории Чехосло вакии законы и правительственные распоряже ния.

***

Непосредственная угроза раздела Чехосло вакии, осуществляемая гитлеровским фашиз мом извне и его агентурой внутри Чехослова кии, сплачивает широчайшие народные масс Чехословакии в едином антифашистском дви жении. Единый антифашистский фронт сов местной борьбы в защиту трудящегося народ от кровавой фашистской диктатуры настоя тельно требует от правительственных кругов Чехословакии использования уголовного зако нодательства в полной мере против агенто гестапо, диверсантов и поджигателей войны.

И. Я. Сапгир

---

[1] Heidrich. Osteuropalisches Recht, № 4, 193 S. 231.

Библиография

Т. И. ВОЛКОВ, «КЛАССОВАЯ ПРИРОДА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО».

Государственное издательство «Сов. законодательство», Москва, 1935, стр. 236, цена 3 р. 90 к.

Тема работы т. Волкова «Классовая природа преступлений и советское уголовное право» представляет особый интерес уже по одному тому, что освещаемый ею вопрос является центральным в теории уголовного права.

Рецензируемая работа дает характеристику классового содержания преступлений в эксплоататорском обществе, преступлений при диктатуре пролетариата, критику буржуазных теорий преступления и, наконец, характеристику советского законодательства по этому вопросу.

Подчеркивая обреченность на неудачи всяких попыток «дать «универсальное» определение преступления, которое включало бы в одну формулу все разнообразие конкретной и противоречивой исторической действительности» (стр. 9), автор поставил своей задачей показать, как меняется характер преступности в различных классовых социально-экономических формациях, подчеркивая то, что общим признаком преступлений всегда являлась классовая опасность для интересов господствующего класса.

При этом автор указывает, что «общее определение преступления как действия, опасного интересам господствующего класса», является «слишком абстрактным», ибо оно не показывает, «почему именно данный поступок опасен для интересов господствующего класса, то есть оно не связывает преступления с отношениями между классами» (стр. 23). Вот почему в последующей главе автор подробно останавливается уже на вопросе о том, «в какой связи находится преступление с классовой борьбой, в которой классовые противоречия находят свое полное выражение» (стр. 24).

Однако этот показ исторического развития понятия преступления в теории законодательства и судебной практике автором дан очень упрощенно в пределах по преимуществу социологического разреза.

В этом отношении автор стоит на позициях работ, вышедших за последние годы в области уголовного права. В этих работах конкретное содержание законодательства и судебной практики зачастую подменялось анализом социально-экономических формаций, к которому в качестве иллюстрации привешивался чрезвычайно скудный правовой материал для показа правильности политической характеристики данной системой права[1]. Указание ЦК партии и особенно товарищей Сталина, Жданова и Кирова об учебниках по истории целиком относится и к нашим работам по уголовному праву, также страдающим указанными в этих ценнейших документах недостатками.

В свете указаний ЦК и СНК об учебниках гражданской истории совершенно ясным становится недостаточное конкретно-историческое освещение автором различных систем права и неправильная периодизация истории классовой борьбы.

В первой главе автор дает характеристику классового содержания преступления

Правильно подчеркивая, что основной причиной всех преступлений являются «противоречия классового общества с его неравенством, эксплоатацией, основанной на частной собственности, с его классовой борьбой», автор указывает, что «нельзя в то же время стиснуть все разнообразие общественных отношений, составляющих преступления, в одну формулу, педантически разложить преступления по полочкам тех или иных форм классовой борьбы» (стр. 25).

Переходя к характеристике преступления в эксплоататорском обществе, автор прежде всего устанавливает «принципиальное различие между двумя категориями действий, формально объединяемых буржуазным уголовным правом в одну массу преступлений, — между так называемыми «политическими преступлениями и уголовными преступлениями» (стр. 27).

Положительной стороной этого раздела работы является то, что автор очень детально останавливается на характеристике так называемых политических преступлений, показывая ряд примеров, как буржуазия этим путем преследует акты классовой борьбы трудящихся, пытаясь уложить их в прокрустово ложе параграфов уголовных кодексов, применяя самые суровые меры наказания, которые она находит в своем арсенале репрессий против политических преступников.

Эти политические преступления являются не чем иным, как различными формами классовой борьбы трудящихся и в первую очередь пролетариата. Эти формы классовой борьбы носят самый разнообразный характер, и, поскольку господствующий класс пытается все формы классовой борьбы трудящихся объявить преступными, нельзя утверждать так категорически, как это делает автор, что эти «преступления и тогда, когда они являются формами классовой борьбы..., могут характеризовать только некоторые из ее форм, занимающие подчиненное[2] положение среди форм борьбы, выходящих далеко за пределы уголовно-политического исследования и лежащих вне его плоскости» (стр. 26).

[1] Я имею в виду при этом и свою работу, в которой эти недостатки сказались особенно сильно, — «Происхождение уголовного права», изд. «Сов. законодательство», 1934.

[2] Слово «подчиненное» подчеркнуто мною — А. Ш.

Такое утверждение автора односторонне и потому неправильно, ибо целый ряд форм классовой борьбы, преследуемых как преступления, — вооруженное восстание, баррикадные бои и т. п., отнюдь не являются подчиненными формами классовой борьбы.

Совершенно неверным, политически-ошибочным является вывод, находящийся впрочем вне связи с общими установками рецензируемой работы, к которому приходит автор в последнем абзаце 1 параграфа этой главы. Автор пишет: «В связи с этим нужно рассматривать и такие «политические преступления», которые, будучи формами борьбы против господствующих отношений, не являются формами классовой борьбы пролетариата, но в то же время не являются и «уголовщиной». Сюда относятся те выступления со стороны представителей крестьянства, которые вызваны его анархическим бунтарством,— акты индивидуального террора со стороны крестьян и интеллигентского террора эсеров, террора, по поводу которого Ленин в свое время в статье «А судьи кто?» говорил эсерам: «Ваш терроризм, господа, не есть следствие вашей революционности. Ваша революционность ограничивается терроризмом»[1]. Но не будучи формой классовой борьбы пролетариата, эти выступления являются формой политической борьбы масс крестьянства, следовательно, формой его классовой борьбы» (стр. 36—37). Речь идет таким образом об актах индивидуального террора, которые автором объявляются «формой политической борьбы масс крестьянства» (стр. 37). Это очень серьезная политическая ошибка. Никогда наша партия, ее учителя Ленин и Сталин не рассматривали индивидуальный террор, против применения которого как тактики они всегда выступали, как форму классовой борьбы крестьянских масс. Наоборот, везде и всюду Ленин подчеркивал, что индивидуальный террор является одной из форм борьбы против царизма группы интеллигентов, оторванных от масс, что применение индивидуального террора только уводит широкие массы трудящихся от подлинно-массовых революционных форм борьбы с самодержавием. И как раз наоборот, партия эсеров, с которой мы всегда вели борьбу как с партией, представляющей собой идеологию мелкобуржуазной реакции, утверждала, что индивидуальный террор является формой борьбы крестьянства против царизма. Политическая ошибочность этого утверждения особенно очевидна в свете последних лет, когда метод индивидуального террора стал излюбленным орудием фашизма и его агентов — троцкистских убийц и предателей.

Иной — в отличие от так называемых политических преступлений — характер общеуголовных преступлений в эксплоататорском обществе. Эти преступления, как подчеркивали, характеризуя их, Маркс и Энгельс, являются актами неорганизованного «изолированного» протеста эксплоатируемых против существующих отношений. Особую роль играют эти формы неорганизованного протеста в первые десятилетия развития капитализма, тогда, когда рабочий класс еще не превратился в класс для себя. Вырастая на почве классовой борьбы, классовых противоречий, уголовные преступления, как мы видим, не являются в то же время формами классовой борьбы трудящихся. Автор правильно указывает в связи с этим, что общеуголовные преступления нельзя отнести даже к зачаточным формам классовой борьбы; они дезорганизуют движение трудящихся и с этой точки зрения вызывают отрицательное к ним отношение и со стороны самих трудящихся.

Автор по-новому ставит вопрос о преступлениях, совершаемых представителями буржуазии. Подчеркивая то, что некоторые категории этих преступлений являются «формами классовой борьбы *против* эксплоатируемых классов» (стр. 51), автор показывает, как представители господствующего класса совершают многочисленные преступления против трудящихся наряду с использованием для подавления сопротивления трудящихся легальных методов насилия. Наряду с этим господствующий класс прибегает к использованию уголовных преступников «непосредственно для подавления революционного движения пролетариата. Особенно ярко это выступает в эпоху империализма и в наибольшей степени в послевоенные годы» (стр. 63). Происходит своеобразный процесс сращивания верхушки буржуазии и профессиональных преступников, который очень ярко протекает в США. Правильно связывает эти моменты автор с процессом разрушения буржуазией ее собственной законности, происходящим в период империализма и особенно в послевоенный период. «Перед лицом своей разлетающейся вдребезги законности, — пишет Волков, — буржуазия хватается за кинжал наемного убийцы через своих представителей и через люмпен-пролетариев и профессиональных преступников, прибегает к уголовным преступлениям как к форме подавления революционного движения пролетариата, как к методу защиты института капиталистической собственности в целом, как к форме классовой борьбы против пролетариата» (стр. 79).

Характеризуя природу преступлений в эксплоататорском обществе, автор дает содержательную критику буржуазной теории преступлений, вскрывая их методологические корни (раздел IV). Прежде всего автор начинает с критики формального нормативного понимания преступления, указывая, что оно характерно прежде всего для классической школы уголовного права. «Отрываясь от конкретных социальных отношений классового общества и его противоречий, порождающих преступления, классическая школа в определении преступления исходила из нормативизма в уголовном праве и рассматривала преступление исключительно как противоправный поступок, как нарушение нормы, нарушение права» (стр. 116). Автор дает правильную оценку происхождению нормативного определения преступления, когда пишет, что «в определениях преступления, даваемых классической школой, отразились характерные черты идеологии буржуазии во время ее борьбы за власть — перед и во время Великой французской революции и затем во время ее борьбы за укрепление власти, за укрепление политического своего господства и обеспечения эксплоатации пролетариата» (стр. 120).

В последующем, втором параграфе этой главы автор дает критику биологических те-

[1] Ленин, т. XII, стр. 121.

орий преступлений, объясняя появление этих теорий обострением классовой борьбы и ростом революционного движения пролетариата. Заострив «перед буржуазной уголовной политикой задачу усиления подавления революционного пролетарского движения» (стр. 121), определяя преступление как явление биологическое, объясняя закономерность преступлений особенностями человеческой природы, антропологическая школа оправдывала теоретически усиление расправы с преступниками. Однако это теоретическое направление оказалось неприемлемым целиком в своих выводах для буржуазии, несмотря на свой реакционный характер, ибо требования антропологической школы означали слишком откровенный отказ от буржуазно-демократической уголовно-правовой формы. Это политически было невыгодно для буржуазии, ибо расшифровывало классовую сущность уголовного права, превращая его в неприкрытый ничем метод классовой расправы. Вот почему создается школа социологическая, которая, проводя в жизнь в области своих теоретических установок две тактики буржуазии (тактику насилия и тактику уступок, маскирующих это насилие), оказалась более приспособленной для осуществления задач усиления расправы с преступниками.

Теория социологической школы служит лучшей иллюстрацией процесса разрушения буржуазией ее законности, характерной для общего поворота к реакции в политике буржуазии, начавшегося с подавления Парижской коммуны. Требование усиления жестокости репрессии, пронизавшее всю уголовно-политическую программу социологической школы, одновременно сопровождалось, отражая «либеральную» тактику буржуазии, такими требованиями, как введение условного осуждения, условно-досрочного освобождения и т. д., которые должны были маскировать ее реакционное содержание. Рассматривая преступление как социальное явление, социологическая школа, однако, не раскрывала классового содержания этого социального явления, а, наоборот, всюду и везде подчеркивала, что преступление представляет собой явление, опасное для интересов общества в целом. Однако при этом теоретики социологической школы отнюдь не отрицали биологического характера преступлений, более того, биологическая природа преступления ими везде подчеркивалась наряду с признанием социального характера преступления.

Этот теоретический эклектизм характерен для всех построений теоретиков социологической школы уголовного права. Неудивительно, что декларирование социального характера преступления не помешало тому, что при попытке дать его определение, а также определение науки уголовного права в целом, теоретики социологической школы, в частности Лист, скатились к чисто юридической формулировке как преступления, так и науки уголовного права.

Автор правильно подчеркивает, что особое значение для нас имеет критика позиции социологической школы в вопросе о причинах преступления. В качестве причин преступления теоретики социологической школы выдвинули три ряда так называемых факторов преступления: 1) факторы индивидуальные, 2) физические, 3) социальные.

Эклектически заимствуя положения антропологической школы в вопросе о причинах преступлений, социологи дополняли их так называемыми социальными факторами, которые, правда, можно найти и у ряда представителей антропологической школы (Ломброзо и др.). Однако в учениях социологической школы мы находим наиболее полную и детальную разработку теории факторов преступности. Реакционный характер так называемых индивидуальных и физических факторов преступности совершенно очевиден; недаром раса и национальность как физические факторы стали символом расовой теории наиболее мракобесовской части идеологов современной буржуазии — германских фашистов.

Но и в вопросе о социальных факторах, в том числе об экономических, социологическая школа занимала чисто реакционную позицию. Основной порок теории факторов в том, что она выдергивает отдельные явления из диалектического развития действительности, превращая их в самостоятельные движущие силы.

Отсюда преступления представляются некими абстрактными явлениями, связанными с совершенно самостоятельно существующими разнообразными социальными факторами (безработица, жилищные условия и т. д.). Этим самым основной источник преступлений — классовые противоречия и классовая борьба в современном обществе — затушевывался, отодвигался на задний план, и создавалась иллюзия возможности ликвидации преступлений в условиях капиталистического общества. Методология социологической школы уголовного права лженаучна и реакционна; теория факторов представляет отказ от признания классовой борьбы как основной движущей силы современного общества.

Отбрасывая теорию факторов преступности как реакционную и лженаучную, мы вместе с тем не отрицаем роли и значения опосредствующих звеньев в цепи причин, порождающих преступления. Исходя из классовых противоречий как основной причины преступности, мы должны суметь находить опосредствуемые этими противоречиями звенья, которые могут объяснить конкретную картину преступлений в определенной стране и в определенный отрезок времени.

Наряду с этим очень важное значение приобретает изучение личности преступника. Мы подвергли сокрушительной критике попытки возродить на советской почве ломброзинские идеи, однако при этом оказалось ликвидированным вообще какое-либо изучение личности преступника. Между тем изучение личности преступника, построенное на классовой основе, исходящее из социальных причин и мотивов деятельности преступника, как основы этого изучения, должно быть поставлено перед нами в качестве одной из важнейших задач. Рецензируемая работа не идет дальше методологической критики позиций буржуазных школ и ответов на эти поставленные выше вопросы не дает.

Гораздо хуже обстоит дело с той частью книги, в которой излагается классовая природа преступлений в переходный период, и особенно с главой V, где автор пытается дать характеристику советского законодательства

о преступлении. Прежде всего бросается в глаза диспропорция в характеристике классовой природы преступления в эксплоататорском обществе и в переходный период. В то время когда, казалось бы, характеристика преступлений в переходный период и советского законодательства о преступлении должна была бы занимать центральное место в работе т. Волкова, им уделена только одна треть книги. Это очень характерно, ибо отражает явную недооценку автором значения разработки проблем советского уголовного права. Однако это было бы с полбеды, если бы автор правильно поставил вопрос о преступлении в советском уголовном праве под углом зрения существа советского права как права социалистического. Особенности советского уголовного права как права социалистического и по содержанию и по форме — вот что должно было являться исходной позицией автора для изучения классовой природы преступления в переходный период и советского законодательства по этому вопросу.

Указывая на отличие советского уголовного права от буржуазного, автор в то же время нигде не подчеркивает социалистический характер советского уголовного права.

При этом, характеризуя отдельные институты советского уголовного права, т. Волков находит в них «элементы буржуазно-правовой формы».

Утверждение о наличии в советском праве элементов буржуазно-правовой формы было принято в решениях I съезда марксистов-государственников в 1931 г. Это утверждение являлось не чем иным, как протаскиванием в стыдливо-замаскированной форме вредной меньшевистской идейки Пашуканиса о буржуазном характере советского права.

Утверждение, что в советском праве имеются элементы буржуазно-правовой формы, означает предположение, что какие-то кусочки буржуазного права врастают в социалистическое право, механически в него переносятся. При этом упускается из виду, что право есть часть политики, что право является одной из политических форм существования общества. Последовательно рассуждая, мы должны, стоя на этой точке зрения, притти к выводу, что в политике пролетарского государства вкраплены какие-то частицы, кусочки, элементы буржуазной политики. Это утверждение есть не что иное, как протаскивание в завуалированной форме бухаринско-пашуканисовской вредительской «теории» врастания буржуазного права в социализм. Оно целиком смыкается с формулой выученика Пашуканиса — М. Доценко, писавшего еще не так давно, что «...принципиально меняют свою природу и становятся составной, органической частью новой системы советского социалистического права и всякого рода институты и категории буржуазного права» («Советское государство» № 3 за 1936 г., стр. 36).

Признание наличия в советском уголовном праве элементов буржуазно-правовой формы ничего общего не имеет с материалистической диалектикой, оно неизбежно ведет к признанию кусочков или элементов буржуазного права и в содержании советского права. В самом деле, материалистическая диалектика рассматривает форму и содержание как единство и взаимоотношение их, как проявление основного закона материалистической диалектики об единстве противоположностей. Уже в гегелевской логике мы находим сыгравшее очень большое значение при переработке гегелевской диалектики в диалектику материалистическую определение взаимозависимости содержания и формы. Гегель рассматривает форму не как нечто внешнее, чуждое сущности. Форма «есть лишь явление сущности в самой себе, собственная ей присущая рефлексия» (т. IV, гл. III, стр. 77).

Самое содержание Гегель рассматривает как единство материи и формы, ибо всякая материя в себе содержит свою развивающуюся форму. Гегель везде подчеркивает активную действенную роль формы, переход ее в содержание и обратно — содержания в форму.

«Таким образом, — пишет Гегель, — форма есть с о д е р ж а н и е, а в своей развитой определенности она есть з а к о н явлений» (соч., т. I, § 132, стр. 223—224). В ленинском конспекте книги Гегеля «Наука логики» мы находим следующее исключительно важное замечание Ленина по поводу приведенного выше высказывания Гегеля: «Форма существенна, сущность формирована так или иначе в зависимости и от сущности», («Философские тетради», стр. 142). Далее Ленин пишет: «Материя не суть о с н о в а н и е формы, а единство основания и обоснованного. Материя есть п а с с и в н о е, а форма а к т и в н о е» (там же). Таким образом мы приходим к основному выводу, что всякое содержание имеет свою форму, а всякая форма содержательна.

Утверждая, что в нашем праве имеются элементы буржуазно-правовой формы, будучи последовательным, автор должен признать и наличие соответствующих элементов и в самой сущности и, следовательно, в содержании советского права, т. е. притти к выводу, которого автор не делает, — о мозаичности советского права.

Поэтому утверждение о наличии в советском праве элементов буржуазно-правовой формы — политически-вредное утверждение, являющееся прямым отражением вредительской концепции Пашуканиса с ее троцкистско-реставраторским отрицанием социалистического характера советского права, в том числе и уголовного.

Отрицание социалистического характера советского уголовного права — явная недооценка роли юридической надстройки и попытка через нее перепрыгнуть характерна была для проекта УК ИССП Комакадемии, разработанного в 1930 г. Тов. Волков делает в своей работе попытку подвергнуть критике этот проект (стр. 198—201). «Проект этот, — пишет т. Волков, — содержит ряд серьезных недостатков и политических ошибок, не дающих возможности положить его в целом в основу стоящей перед нами реформы уголовного законодательства» (стр. 198).

Уже одно это «введение» в критику проекта показывает всю ее беззубость и половинчатость. Эта беззубость критики автора пронизывает собой и последующие несколько страниц, которые он посвящает критике проекта, пытаясь доказать правильность его основных позиций и наличие при этом только некоторых недостатков, главным образом механистического порядка.

На деле проект УК 1930 г. с его ориентировочным перечнем составов преступлений, отказом от дозировки, от деления на общую и особенную части, признанием преступления только как «симптома» опасности лица, отказом от категорий вины, умысла и неосторожности и других аналогичных им являлся типичным «левацким» документом, содержащим и право-реставраторские утверждения и уходящим своими корнями во вредительскую концепцию Пашуканиса, представлявшую переплетение контрреволюционных троцкистских и правореставраторских идеек.

Наряду с этим в значительной мере на проекте сказалось влияние идей буржуазной социологической школы уголовного права.

Этот проект УК ИССП оказал большое отрицательное влияние и на судебную практику своей беззастенчивой проповедью судейского усмотрения и отрицанием по существу принципа стабильности советского закона.

Эти позиции автора определили и бедность анализа отдельных институтов советского уголовного права, а также низкий теоретический уровень этой части работы. Это объясняет нам, почему автор, подчеркнувший впервые в нашей литературе значение противоправности преступления и, следовательно, правовой формы как таковой, не смог пойти дальше одной только постановки вопроса.

Недостатком этой части работы автора является также и то, что он совершенно не использовал законодательства союзных республик и судебной практики. Отсюда чрезвычайная сухость главы пятой.

Характеризуя классовую природу преступления в переходный период, автор правильно указывает на то, что преступность в переходный период является одной из форм проявления сопротивления буржуазной и мелкобуржуазной стихии, всех пережитков капитализма делу социалистического строительства.

Ключ к пониманию преступлений в переходный период дает нам ленинское положение о двоякой форме сопротивления буржуазной и мелкобуржуазной стихии. «Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкоре, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным «идеологическим» отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эсеров и меньшевиков; с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса» [1].

Автор прав, когда указывает, что нельзя при этом рассматривать абсолютно все преступления как формы классовой борьбы.

Характеристика всех преступлений в переходный период, как форм классовой борьбы является политически неверной, превращая различные формы сопротивления отсталых и неустойчивых элементов из среды трудящихся социалистической дисциплине в форму классовой борьбы с их стороны против пролетарской диктатуры. Однако при этом автор допускает ошибку, когда он пишет в своих выводах: «Классовая опасность преступления в том, что преступление является выражением сопротивления классового врага, его агентуры и элементов разложения, является особой формой классовой борьбы классово враждебных элементов, либо выражением такого влияния буржуазной и мелкобуржуазной стихии, влияния прошлого, которое не представляет собою прямой формы классовой борьбы» (стр. 226).

Получается, что есть какие-то прямые и непрямые формы классовой борьбы. Этим автор по существу возрождает правильно ранее раскритикованную им и отброшенную им точку зрения на все преступления в переходный период как формы классовой борьбы. Это объясняется тем, что автор подменяет анализ классовой природы преступности анализом отдельных преступлений.

Мы должны исходить из анализа преступлений как массового явления, ибо, рассматривая преступление как определенное общественное отношение, мы не можем брать его изолированно от аналогичных ему преступных фактов. Только беря данную категорию преступлений в целом, мы можем понять их социальную природу. Наиболее ярким примером может служить хулиганство. Отдельные будничные факты проявления хулиганства при поверхностном анализе не обнаруживают классовой природы хулиганства, но если взять эти факты в целом как массовое явление, то мы совершенно отчетливо увидим в хулиганстве проявление мелкобуржуазной стихии, а в ряде случаев — перерастание хулиганских действий в прямые контрреволюционные преступления.

При анализе классовой природы преступлений мы должны исходить из особенностей и своеобразия переходного периода, учитывая, что пролетарская революция ломает целиком старые имущественные отношения. В связи с этим классовая борьба в переходный период принимает крайне ожесточенный характер. Сама диктатура пролетариата, как указывал неоднократно Ленин, есть не что иное, как новые формы классовой борьбы; осуществляя строительство социализма, пролетариат сталкивается и с новыми формами классового сопротивления социально-чуждых элементов и их агентуры, пытающихся использовать всю силу традиций старого общества, всю силу частнособственнических навыков и привычек для борьбы с рождающимся коммунизмом. Вот почему все силы старого мира идут на любые преступления, чтобы остановить победоносное движение великой социалистической революции, чтобы сорвать дело социалистического строительства. Прошедшие процессы троцкистско-фашистских банд, самые подлые преступления, на которые идут агенты фашизма — троцкистские убийцы и поджигатели войны, рука об руку с правыми реставраторами капитализма, служат яркой иллюстрацией бешеного сопротивления сил старого мира социализму. Поэтому не только контрреволюционные преступления, в которых непосредственно выражается сопротивление классово враждебных элементов и их агентуры, но и иные формы преступлений, выражающие это сопротивление старого порядка, взятые в своей массе, являются также своеобразной формой классовой борьбы. Нужно понять, что даже тогда, когда субъектом преступления является рабочий, он как субъект преступления

[1] Ленин, т. XXII, стр. 459—460.

выступает в качестве представителя враждебных нам сил, чуждых нам классов, враждебной нам идеологии. Это, конечно, еще не превращает его во всех случаях совершения им преступлений в классового врага, — этих двух вещей не надо смешивать, но, совершая преступление, даже общеуголовное, трудящийся этим самым своими действиями становится на сторону враждебных нам сил старого порядка.

В заключение нам хотелось бы указать также и на неровный стиль и тяжеловесность ряда мест рецензируемой работы. Приводимое ниже в качестве примера одно из высказываний автора, к сожалению, не является по своей форме исключением.

«Установлением правильной диалектической причинной связи преступления с социальными отношениями, т. е. отношениями классовых противоречий и классовой борьбы, порождающими преступность, неизбежно требует дальнейшего раскрытия закономерности развития классового общества, признания его противоречий, влекущих через классовую борьбу это классовое общество к революции и крушению капитализма через высшую форму классовой борьбы—диктатуру пролетариата,—к ликвидации классов и причин, порождающих классовые различия, к построению пролетариатом бесклассового общества, при полном развитии которого в высшей фазе коммунизма только и отомрет преступность» (стр. 168).

Надо раз навсегда усвоить, что то, что мы пишем, предназначается для широкой аудитории, а не только для лиц, имеющих ученые степени.

Мы считаем, что книга т. Волкова «Классовая природа преступлений и советское уголовное право» должна быть коренным образом переработана, центром ее должна быть характеристика классовой природы преступления в советском уголовном праве, его противоправности под углом зрения существа советского уголовного права как социалистического и тех задач, которые перед нами поставлены величайшим документом нашей эпохи—новой Сталинской Конституцией.

А. Шляпочников

Проф. **А. ТРАЙНИН, «Защита мира и уголовный закон».** Под редакцией и с предисловием А. Я. Вышинского. Всесоюзный институт юридических наук. Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937.

В своем докладе на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. товарищ Сталин указал, что «необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязающих в «текущих вопросах» по линии того или другого ведомства,—в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера».

Книга, которую мы рецензируем, идет навстречу потребности ознакомления не только юристов, но и широкого круга других работников, желающих повысить свой политический уровень, с одним из таких больших вопросов международного характера. Тема рецензируемой книги относится к числу тех тем, достаточное овладение которыми обязательно для всех работников, стремящихся к тому, «чтобы они могли свободно ориентироваться в внутренней и международной обстановке» (Сталин).

Книга А. Трайнина удачно избрала предметом своего рассмотрения участок международной политики, образующий стык между двумя областями правовых отношений, а именно между международным и уголовным правом. Однако рецензируемая книга далеко выходит при этом за пределы так называемого международного уголовного права. Будучи посвящена узловому вопросу современной международной политики—борьбе за мир одних стран во главе с СССР и борьбе за развязывание войны и устранение всех, даже малейших, стоящих на пути к ней препятствий, — других во главе со странами фашистской диктатуры, — книга А. Трайнина охватывает значительно более широкий круг вопросов, чем чисто юридические вопросы той или иной отрасли права.

На фоне показа борьбы двух основных тенденций международной политики автор обрисовывает, как уголовный закон может быть использован в качестве инструмента мира и как в соответствии с этим значением уголовного закона последний, в свою очередь, становится одним из тех узловых пунктов борьбы за мир, который вызывает открытое или замаскированное противодействие элементов, стремящихся к покровительству агрессорам и интервентам.

Книга А. Трайнина уясняет, что в любом вопросе, связанном с борьбой за мир, неизбежно сталкиваются, действительно в мировом масштабе, прогрессивные и реакционные силы и что реакция и фашизм делают бешеные усилия для ослабления каждого фактора мира, прибегая для этого в большем или меньшем масштабе к обычным приемам фашистской политики, начиная от клеветы, пренебрежения законом и бесцеремонного нарушения договоров и кончая попытками обратить любой фактор мира против величайшей опоры мира — против СССР и против революционного движения во всех странах.

Работа А. Трайнина показывает вместе с тем чрезвычайно наглядно, как в борьбе за мир Советский союз готов всемерно поддержать каждый, казалось бы, даже второстепенный фактор мира, даже такой, как уголовный закон, значимость которого для дела мира может показаться, на первый взгляд, иллюзорной или во всяком случае не настолько серьезной, чтобы можно было тратить на него время и внимание.

Перед автором, избравшим такую тему, как «Защита мира и уголовный закон», стояли задачи различного, но одинаково важного по значению характера. Автору надо было прежде всего охватить огромный конкретный материал (документация Лиги наций, отчеты международных конгрессов уголовного права, уголовное законодательство всех стран, выступления советских дипломатов, зарубежная литература по международному праву и т. д.). Надо было на основе этого материала вскрыть лицемерие буржуазных теоретиков международного права в этом важнейшем вопросе и дать политический и юридический анализ их предложений. Надо было вскрыть и истинные движущие силы, стоящие за защитниками и врагами уголовного закона как орудия борьбы за мир, и показать, что в действительности законы, направленные в защиту мира, ре-

акционные и фашистские теоретики стремятся использовать не как орудие борьбы за мир, а орудие борьбы с революционным движением; надо было дать на основе неизменно мирной политики СССР и некую положительную систему юридических отношений, направленных на охрану мира и борьбы с попытками агрессий.

Посмотрим, как автор разрешает эти задачи.

Исходная точка автора—это убеждение в том, что, не говоря уже о реальной поддержке мирной политики при помощи уголовного правосудия (наказуемость терроризма, пропаганды агрессии и т. д.), самое движение вокруг уголовных законов о защите мира может стать мощным орудием в деле мобилизации народов на борьбу за мир.

Автор показывает, как буржуазные теоретики вместо действительного использования уголовного закона для защиты мира становятся на путь отклонения дела защиты мира на ложный путь при помощи политически вредных и теоретически несостоятельных попыток приписать принудительным мероприятиям, предусмотренным пактом Лиги наций (так называемым «санкциям») характер уголовных мероприятий.

Путем анализа правовой природы предусмотренных ст. 16 статута Лиги наций санкций автор показывает, что попытка придать санкциям уголовно-правовой характер глубочайшим образом противоречит и основным принципам уголовного правосудия и реальной действительности. Происходивший на наших глазах процесс применения санкций в конфликте Италия—Абиссиния или переговоры после демилитаризации Германией Рейнской зоны показали, что не уголовными мероприятиями, а сложной борьбой противоречивых интересов крупных империалистических стран определяется отношение Лиги наций к агрессорам и интервентам,—отношение, вряд ли способное внушить агрессорам и интервентам страх перед мифическим уголовно-правовым характером санкций.

Мало этого, попытка криминализации процесса применения санкций прямо направлена на ослабление самой системы санкций. Придание санкциям уголовно-правового характера неизбежно осложняет и удлиняет процесс разрешения вопроса об их применении (расследование, квалификация события и т. д.) и тем самым противоречит предложенному т. Литвиновым автоматизму применения санкций, обеспечивающему быстрый и энергичный отпор агрессору. Таким образом раскрывается истинный смысл теории об уголовно-правовом характере санкций. Эти теории направлены не на укрепление, а на ослабление борьбы в защиту мира, не на ограничение, а на попустительство агрессору.

Самая ст. 16 статута Лиги наций, формально дающая как будто в руки Лиги наций реальные возможности для борьбы с агрессорами, не была за 15 лет ни разу использована, несмотря на то что поводов для ее применения было за это время немало (конфликты Япония—Китай, Италия—Абиссиния и др.). К тому же ст. 16, несмотря на всю ее важность, не была за пятнадцать лет укреплена или развита какими-либо конвенциями, протоколами или постановлениями Лиги наций.

Так называемый «Женевский протокол» 1924 г., содержащий ценные, с точки зрения защиты мира, постановления и принятый 48 государствами, в силу не вступил из-за отказа его утверждения консервативным правительством Англии. Судьбы Локарнского договора, направленного на сохранение status quo, хорошо известны: фашистская Германия с легкостью разрушила эту постройку, оказавшуюся карточным домиком, и цинично надсмеялась над всеми обязательствами по Локарнскому договору. Что же касается так называемого пакта Бриана—Келлога, то он оказался лишенным всякой реальной силы, обеспечивающей его выполнение странами, давшими свои подписи под этим пактом.

Столь же мало содействовали защите мира многочисленные международные съезды и конференции по вопросам уголовного права. Ни на международных конгрессах уголовного права и пенитенциарии, ни на конгрессах Ассоциации международного права, ни на съездах Международного союза криминалистов и Международной ассоциации уголовного права не было сделано ничего, что хоть сколько-нибудь реально содействовало бы обеспечению защиты мира при помощи эффективных санкций. Зато Ассоциация не преминула попытаться направить все усилия на «свержение коммунизма». Что же касается слабой попытки Ассоциации в 1929 г. связать свою работу с деятельностью Лиги наций в целях установления международной уголовной юрисдикции, то эта попытка бесславно заглохла, и только в программе Афинского конгресса Ассоциации (весна 1936 г.) появляется вопрос «В какой форме национальное законодательство может притти на помощь защите международного мира».

Наконец, организованная в 1935 г. на Брюссельском конгрессе Международной ассоциации так называемая конференция по унификации уголовного права занималась больше такими вопросами, как торговля рабами и женщинами или борьба с сутенерством. Что же касается скупых постановлений конференции по вопросам борьбы с терроризмом, то эти постановления служили лишь прикрытием для организации в международном масштабе борьбы с революционным движением и коммунизмом.

Про эту часть рецензируемой книги совершенно правильно пишет в предисловии к книге А. Я. Вышинский, что она «совершенно своевременно разоблачает... попытку международных шуллеров права фальсифицировать борьбу за мир, подменив ее борьбой с революцией и коммунистическим движением».

Борьба между сторонниками мира и разжигателями войны разыгрывается и вокруг вопроса о соотношении между интернациональным и национальным правом. Вопрос ставится так: присоединяясь к пакту Лиги наций или подписывая международные договоры и конвенции, должно ли государство привести свое национальное законодательство (в том числе и уголовное) в соответствие с правовыми отношениями, установленными в статутах, конвенциях или договорах? Когда же речь идет специально о тех статьях пакта Лиги наций, о тех договорах и конвенциях, которые содержат в себе обязательства по защите мира, то должно ли данное государство ввести в свое законодательство, и на этот раз в том числе и в уголовное, нормы, обеспечивающие осуществление обязательств, принятых на себя всту-

плением в Лигу наций или подписанием договора о конвенции? Если Советский союз неизменно лойяльно исполняет все принятые на себя международные обязательства, если Сталинская Конституция предусматривает «необходимость выполнения международных договоров по взаимной обороне от агрессии» (п. «к» ст. 48), то фашистские юристы, в соответствии с политикой одностороннего нарушения международных договоров, принятой их правительствами, пытаются теоретически оправдать эту политику беззакония и произвола. А. Трайниным цитируются следующие слова фашистского профессора Симонса: «При нормальном соглашении государств (штатсфертраг), так как государства сами для себя путем добровольного соглашения приняли закон своего поведения, то они сами являются и последними судьями того, могут ли они на долгое время признавать этот закон или же находят нужным в силу изменившихся обстоятельств по-новому регулировать жизненные права народа, который они представляют».

Оказывается, сообщает далее А. Трайнин, что только Чехословакия специальным законом от 26 апреля 1923 г. уполномочила правительство принять меры для проведения в жизнь санкций, установленных в ст. 16 пакта Лиги наций.

Каковы были результаты такого отношения капиталистических стран к международным обязательствам? Яркий ответ дал на этот вопрос т. Литвинов, подводя итоги исполнения постановлений о санкциях против Италии: «Четыре члена Лиги с самого начала отказались применять какие бы то ни было санкции. Один член Лиги, граничащей с Италией, отказался применять наиболее действенную санкцию, а именно закрепление импорта из Италии. А из тех сторон, которые принципиальных возражений против санкций не высказывали, некоторые фактически не применяли всех санкций со ссылкой на конституционные препятствия, необходимость изучения и т. д. Таким образом даже эмбарго на оружие не применяли семь стран, финансовые меры—восемь стран, запрещение экспорта в Италию—десять стран, запрещение импорта из Италии — тринадцать стран—двадцать пять процентов общего числа членов! СССР выполнил, разумеется, и на этот раз все обязательства, вытекающие из пакта Лиги наций и постановлений Совета Лиги наций.

Для того чтобы ответить на вопрос, в какой мере капиталистические страны привели свое национальное законодательство в соответствие с пактом Лиги наций, т. Трайнин подвергает анализу два основных разветвления национальных законодательств: конституции и уголовные законы различных капиталистических стран.

Ряд конституций стран, присоединившихся к пакту Лиги наций и пакту Бриана—Келлога и изданных после присоединения, вовсе не содержат упоминаний об обязательствах, вытекающих из этих двух основных пактов, направленных на защиту мира. Конституции, которые так или иначе реагировали на международные обязательства по защите мира, А. Трайнин разделяет на две группы: конституции, содержащие конкретные постановления, направленные на защиту мира, и конституции, содержащие одни лишь декларации о мире.

Декларациями ограничивались конституции Германии и Польши (1921 г.). Как отнеслась на деле к вопросам войны и мира фашистская Германия, говорить не приходится. В новой польской конституции 1935 г. нет уже даже и деклараций о мире.

Некоторые конституции ограничиваются более или менее краткими упоминаниями о необходимости арбитража в случае конфликтов с другими странами. В Европе только испанская конституция 1931 г. отразила необходимость выполнения условий, установленных Лигой наций и международными конвенциями. Из внеевропейских стран только Бразилия и Сиам пошли по стопам Италии.

С полным правом мог А. Трайнин констатировать: «Итак, спустя семнадцать лет после заключения пакта Лиги наций и восемь лет после подписания пакта Бриана—Келлога, огромное большинство капиталистических стран в своих основных законах проходит мимо этих обязательных для них международных актов, направленных к защите мира».

Не лучше обстоит дело и с уголовным законодательством капиталистических стран — участников пакта Лиги наций и пакта Бриана—Келлога. А. Трайнин утверждает,—и это свое утверждение он подкрепляет тщательным анализом огромного конкретного законодательного материала,—что в капиталистических странах нет ни одного кодекса, в котором нашло бы реальную защиту дело мира. С полным основанием А. Трайнин видит в этом факте яркое доказательство классовой природы уголовного законодательства капиталистических стран, защищающих не дело мира, а «тыл и фронт воинствующего империализма».

Правда, — показывает далее автор, — нависшая над миром угроза новых войн, все большее укрепление единого фронта трудящихся против войны, рост революционного движения во всех странах и появление сторонников мира среди передовых слоев либеральной интеллигенции внесли некоторое оживление в направление защиты мира в проектах уголовных законов последнего времени. Это же оживление проявляется и в некоторых законах, изданных за последние годы. Таковы французский закон 13 июля 1927 г. о военной организации страны, американский закон о нейтралитете 1935 г. или бельгийский закон 1936 г. «О производстве, торговле и ношении оружия и торговле военным снаряжением».

Но одновременно с этими вынужденными уступками делу защиты мира появляются в разных странах законы, направленные к охране капиталистических армий от революционных настроений и на борьбу с проникновением в эти армии революционного движения. Германия издает в 1933 г. закон, восстанавливающий подсудность военнослужащих военным судам. В Англии в 1934 г. вступает в силу закон об ответственности за революционную пропаганду в армии и флоте. Аналогичный закон издается в 1935 г. в США.

Таким образом,—констатирует А. Трайнин,— уголовная кара обрушивается в капиталистических странах на тех, кто мешает подготовке войны, и «любой из задач, решаемых уголовным законом, — охране имущества, личности, порядка управления, — любой кодекс уделяет большее внимание, чем уголовной защите мира. Порой недозволенная охота за зайцами ка-

рается строже, чем организация военного истребления людей.

Таковое содержание первой части работы А. Трайнина. Политическое значение ее заключается в том, что она полно и ярко разоблачает отвратительное зрелище лицемерия, обмана, нарушения договоров, беспощадного торга жизнью и кровью миллионов трудящихся — жертв подготавливаемых войн, противодействия делу защиты мира, маскируемого пышными фразами, и фактического нескрываемого покровительства агрессорам и интервентам или пассивной политики, означающей на деле ту же безнаказанность агрессора.

Политическое и теоретическое значение эта часть книги имеет потому, что автор сумел нарисованное им широкое полотно развернуть вокруг одного из многих частных вопросов современной действительности—уголовной политики. Таким путем особенно наглядно демонстрируется стремление современных империалистических хищников и их пособников решительно все подчинить делу подготовки новых войн. Пушки не только вместо масла, но и вместо уголовного закона в защиту мира— вот один из тех выводов, которых нельзя не сделать после прочтения первой части книги А. Трайнина.

Вторая часть рецензируемой книги посвящена положительной задаче: созданию понятия и системы преступлений против мира.

А. Трайнин эту часть начинает с доказательства юридической несамостоятельности и политической беспринципности попыток буржуазных теоретиков свести интернациональные деликты к преступлениям, предусмотренным заключенными международными конвенциями, то есть к торговле женщинами, рабами и т. п. Такой же характеристики заслуживают и те «теоретики», которые к интернациональным преступникам относят «наших проституток, бродяг и цыган» (!).

На место этих лицемерных и смехотворных «теорий» А. Трайнин устанавливает основное, имеющее решающее политическое значение положение, что спецификой международного деликта является посягательство на «глубочайшую основу международного общения — на мир».

«Интернациональный деликт,—пишет А. Трайнин,—должен быть, таким образом, определен как посягательство на мирные отношения между государствами».

Это единственно правильное принципиально политическое и теоретическое положение дало А. Трайнину возможность предложить стройную систему международных деликтов.

Совершенно последовательно А. Трайнин доказывает, что «ответственность государства за совершенные правонарушения бесспорна, но эта ответственность является не уголовной, а особого типа международно-правовой ответственностью, регулируемой международными соглашениями. Ответственность по всей проводимой далее системе международных деликтов могут нести только физические люди; в первую очередь ответственность могут и будут нести члены правительства и «вожди» тех стран, которые систематически занимались нарушением международных обязательств и организацией агрессивной войны» (стр. 110).

Для разнообразных форм преступлений против мира, которые могут и должны быть предусмотрены национальным и уголовным кодексами и проектом всемирного уголовного кодекса, автор предлагает следующую схему: 1. Агрессивные действия. 2. Враждебные действия (пропаганда агрессии, терроризм, поддержка вооруженных банд, бойкот, нарушение международных договоров, заключенных в защиту мира). 3. Неприязненные действия (распространение фальшивых документов и заведомо ложных сведений, направленных против другого государства; оскорбительные в отношении другого государства действия).

Совершенно справедливо А. Я. Вышинский указывает в своем предисловии, что «тщательный анализ этих видов преступлений, содержащихся в книге проф. А. Трайнина, представляется одним из наиболее интересных мест книги» и что «несколько глав книги, посвященных этому вопросу, дают вполне достаточное представление о единственно правильной постановке проблемы борьбы с этими преступлениями при помощи уголовного закона. Особенно это надлежит сказать о главе, трактующей о терроризме».

Злодейское убийство С. М. Кирова, организация и руководство агентом гестапо Троцким террористических актов, направленных против членов советского правительства и вождей советского народа, гнуснейшее зрелище, которое представляли пойманные с поличным террористы-шпионы-диверсанты, сидевшие на скамье подсудимых в судебном процессе антисоветского троцкистского центра,—все это придает особую политическую и теоретическую значимость разработке юридического понятия терроризма. А. Трайниным в рецензируемой книге много сделано в этом отношении: он дал теоретическую основу для дальнейшей работы в этом направлении.

Однако, как ни интересен раздел о терроризме, точно так же, как и все остальные разделы, посвященные отдельным международным деликтам против мира, то, что дано по этим вопросам в книге А. Трайнина, — это только первое начало, только первая основа принципиально правильных решений.

Перед советскими юристами раскрывается после появления книги А. Трайнина чрезвычайно интересная и важная область положительной работы, — область, оставшаяся до сих пор «неподнятой целиной». А. Трайнин, сделав первую, бесспорно, удачную попытку поднять эту целину, положил тем самым основание для многих работ по важнейшим вопросам международного уголовного права.

Несколько слов о третьей и последней части книги, названной автором «Борьба с интернациональными преступлениями».

Первая глава этой части посвящена разработанному Комитетом Лиги наций проекту по международной конвенции, по борьбе с возглавляющими террористическую деятельность организациями и с преступлениями, совершенными в целях политического террора. А. Трайнин устанавливает недостаточность проекта и необходимость расширения проектируемой международной конвенции с тем, чтобы она регулировала преступления против мира на основе системы международных преступлений, предложенной автором.

Вторая глава последней части содержит историю проекта создания международного уголовного трибунала и подробно останавливает-

ся на проекте конвенции о международном уголовном суде, разработанном Комитетом Лиги наций.

Заключение автора дышит твердой уверенностью в том, что законопроекты в защиту мира «имеют все основания стать конкретным и мощным орудием по мобилизации масс по борьбе за мир» и что «реальность и конкретность использования уголовного закона в борьбе за мир» находит ценную опору в единственной международной политической организации—Лиге наций».

Эта уверенность автора находит подкрепление в речи т. Литвинова на Совете Лиги наций в 1934 г. при обсуждении вопроса об интернациональной борьбе с терроризмом. «Нужно экономическими и политическими мерами поставить защитников войны прямо-таки в осадное положение,—говорил т. Литвинов.— Нужно припереть их, чтобы у них руки оказались коротки для исполнения своих преступных замыслов. Нужно опаясать земной шар такой сетью организаций друзей мира, таким могучим движением интернациональной солидарности, такими действенными мероприятиями единой международной политики пролетариата в интересах сохранения мира, чтобы сковать злодейские руки защитников войны».

После всего сказанного общая положительная оценка книги А. Трайнина не вызывает, разумеется, никаких сомнений. Книга А. Трайнина имеет все основания рассчитывать на широкий круг читателей, на всех, кто интересуется вопросами международной политики, всех, кто заботится о повышении своего политического уровня.

В этом отношении книга имеет, кажется нам, и все основания быть переведенной на иностранные языки. Она раскроет за рубежом глаза многим, наивно верящим еще в красноречивые декларации о защите мира, исходящие от тех, кто в действительности готовит новые войны. Она вместе с тем будет содействовать тому, чтобы все действительные сторонники мира сплотились еще сильнее и поддерживали всякий фактор, который может стать орудием защиты мира, и в том числе уголовный закон.

Что касается советских юристов, то для них книга А. Трайнина будет иметь значение как первая в СССР работа, посвященная важнейшему политическому и теоретическому вопросу, удачно разрешившая этот вопрос и положившая начало для дальнейшей научно-исследовательской работы в области международного уголовного права.

Б. Утевский

Официальный отдел

О СТАТИСТИЧЕСКИХ ОТЧЕТАХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

В связи с изменением структуры органов прокуратуры форма статистического отчета, введенная циркуляром от 5 апреля 1936 г. за № 23/20, заменена с 1 января 1937 г. новыми формами, разосланными 26 января с. г. № 20/4.

Установленные формы отчетности построены применительно к новой структуре органов прокуратуры. В соответствии с этим предлагаю поступающий статистический материал тщательно проверять, изучать и использовывать цифровые данные для выводов о качестве работы на местах и о направлении оперативной работы отдельных прокуратур.

Представляемые в Прокуратуру Союза ССР сводные отчеты должны, как правило, включать тщательно выверенный цифровой материал по всем без исключения районным, областным, краевым и республиканским прокуратурам.

Сроки отправления отчетности в высшие органы прокуратуры, указанные в прилагаемой инструкции, являются предельными. За нарушение этих сроков, как и за представление недоброкачественных отчетов, виновные будут привлекаться к ответственности (постановление СНК СССР от 27 ноября 1933 г.).

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

20 февраля
1937 г.
№ 9/20

О ПЕРЕДАЧЕ ОРСОВ НАРКОМВНУТОРГУ СССР

В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров Союза ССР от 2 февраля с. г. «О повсеместной передаче орсов НКТП, НКПП и НКПС Наркомвнуторгу СССР» приказываю:

1) Расследование всех дел о преступлениях в розничной торговой сети и сети общественного питания орсов заводских предприятий НКПС (по прилагаемому списку), возникших с момента поступления настоящего приказа, возложить на соответствующих городских и районных прокуроров.

2) Прокурорам железных дорог обеспечить быстрейшее окончание следствия и передачу в соответствующие суды по подсудности дел о преступлениях в этих предприятиях, возникших до издания настоящего приказа.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

3 марта
1937 г.
№ 163

О ВОЛОКИТЕ В ПРОКУРАТУРЕ НИЖНЕВОЛЖСКОГО БАССЕЙНА

Прокуратурой Нижневолжского бассейна были присланы в Главную прокуратуру водного транспорта два уголовных дела (по обвинению Каменского по ст. 593 УК и по обвинению Смирнова по ст. 111 УК) с протестами на постановления подготовительного засе-

дания водно-транспортного суда, которым эти дела были возвращены для производства дополнительных следственных действий.

При рассмотрении в Главной прокуратуре этих дел установлено, что при их расследовании была допущена возмутительная волокита, а само следствие по этим несложным делам проведено недоброкачественно и неполно.

1. Дело по обвинению Смирнова А. А. Бухгалтерской проверкой, произведенной 31 июля 1936 г. у заведующего кладовой магазина орса Сталинградской пристани Смирнова, была обнаружена недостача товаров на сумму 3 025 руб.

На другой день, то есть 1 августа, следователь прокуратуры Нижневолжского бассейна Кравцов без вынесения постановления о начатии производства следствия приступил к расследованию, допросив в качестве свидетеля гр. Крылову, производившую бухгалтерскую проверку.

В дальнейшем следствие идет следующим порядком:

17 сентября, то есть через 1 месяц и 17 дней, допрошен свидетель Лисицкий, 7 октября допрошена свидетельница Котлярова, 19 октября Смирнову предъявлено обвинение, произведен его допрос, а также дополнительно допрошена Крылова.

3 декабря, то есть через 1 месяц и 14 дней, дополнительно допрошен свидетель Лисницкий, а 10 и 14 декабря—свидетели Гончарова и Хабаров.

И только 25 декабря 1936 г., то есть через полгода после того, как следователь приступил к следственным действиям, было составлено обвинительное заключение, тогда как следствие по делу без всяких затруднений могло быть закончено в 2—3 дня.

Следователем Кравцовым к делу приобщена накладная со следами подлога, учиненного обвиняемым Смирновым. Несмотря на то, что факт подлога в оправдательном документе данными дела установлен, следователь Кравцов вместо того чтобы направить следствие в сторону выявления возможных корыстных злоупотреблений Смирнова, формально относясь к своим обязанностям, привлекает его только по ст. 111 УК.

2. Дело по обвинению Каменского С. Я. по ч. 1 ст. 593в УК РСФСР.

10 октября 1936 г. в районе В. Головнинского перевала реки Волги произошло столкновение парохода «Воронеж» со стоявшей вне фарватера баржей № 0620. В результате столкновения баржа затонула. Общий убыток от этой аварии составил сумму в 29 702 руб.

До 18 октября 1936 г. инспектором судоходства было произведено обстоятельное расследование и по решению начальника пароходства от 22 октября 1936 г. материал о виновниках аварии ст. пом. капитана парохода «Воронеж» Каменском и лоцмане Ветохине был направлен прокурору Средневолжского бассейна для привлечения их к уголовной ответственности.

Материалы расследования, произведенного судоходной инспекцией, были рассмотрены исполняющим обязанности прокурора Средневолжского бассейна т. Звергздынь 3 ноября 1936 г., который постановил направить их прокурору Нижневолжского бассейна.

В прокуратуре Нижневолжского бассейна материалы были получены 9 ноября 1936 г. и по согласованию с начальником Нижневолжского пароходства были 27 ноября 1936 г. направлены ст. следователю прокуратуры Ярославцеву, который и принял их своим постановлением к производству 27 ноября 1936 г., то есть через 1 месяц и 17 дней после аварии.

3 декабря 1936 г. ст. следователь Ярославцев допросил подозреваемого Каменского.

11 декабря 1936 г. в камеру ст. следователя были вызваны эксперты, которые дали в тот же день свое заключение.

Через 24 дня, 4 января 1937 г., ст. следователь допросил свидетеля Зивкина, 10 января 1937 г. допросил свидетеля Сугоняева, а 19 января 1937 г. свидетеля Цыбина; 23 января 1937 г. вторично были вызваны в камеру ст. следователя эксперты, давшие вторично ответы на поставленные вопросы.

26 января 1937 г. было предъявлено обвинение ст. пом. капитана Каменскому и только 28 января составлено обвинительное заключение.

Таким образом для того, чтобы допросить 4 человек и произвести экспертизу (занявшую 2 дня) по актуальнейшему и вместе с тем чрезвычайно простому аварийному делу, ст. следователю вместо 3—5 дней понадобилось два месяца.

При рассмотрении дела в подготовительном заседании водно-транспортного суда постановлением последнего дело совершенно правильно было возвращено к доследованию для привлечения в качестве обвиняемого и лоцмана Ветохина, о виновности которого дважды дали свое заключение эксперты, нач. пароходства и которого ст. следователь Ярославцев даже не потрудился на протяжении двух месяцев допросить.

За халатное и недобросовестное отношение к своим обязанностям Ярославцев и Кравцов заслуживают привлечения к уголовной ответственности, но учитывая, что в прошлом они взысканиям не подвергались, считаю возможным ограничиться мерами воздействия в дисциплинарном порядке.

На основании изложенного п р и к а з ы в а ю:

1. Ст. следователю прокуратуры Нижневолжского бассейна т. Ярославцеву объявить выговор.

2. Следователю т. Кравцову объявить строгий выговор с предупреждением.

3. Прокурору Нижневолжского бассейна т. Бунову за неудовлетворительное осуществление судебно-следственного надзора и руководства расследованием поставить на вид.

4. Дела по обвинению Смирнова и Каменского возвратить прокуратуре Нижневолжского бассейна для немедленного выполнения постановления подготовительного заседания водно-транспортного суда.

Приказ в копии разослать всем прокурорам бассейнов для сведения и ознакомления следователей.

Зам. прокурора Союза ССР **ЛЕПЛЕВСКИЙ**

4 марта
1937 г.
№ 162

О СОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕВКОМИССИЯМ КОЛХОЗОВ

11 марта с. г. в Прокуратуре СССР проведено совещание с председателями ревизионных комиссий некоторых колхозов, созванными в Москву редакцией «Крестьянская газета».

Совещание показало, что органы прокуратуры на местах не имеют постоянной связи с членами ревизионных комиссий колхозов и поэтому не используют в должной степени материалы ревкомиссий для борьбы с различными злоупотреблениями и нарушениями революционной законности в колхозах. Установлено также, что дела, возбуждаемые ревкомиссиями колхозов, не всегда получают в органах прокуратуры правильное и быстрое разрешение.

Так, например, до сего времени не закончено расследованием дело о гибели силоса, возбужденное ревкомиссией колхоза «Красный пахарь» Армавирского района Орджоникидзенского края еще в декабре 1936 г.; не закончены дела об абортировании лошадей и недостаче в колхозных амбарах хлеба, возбужденные ревкомиссией колхоза имени Куйбышева Демьяновского района Западной области в 1936 г.; не дано движения материалам ревкомиссии колхоза «Селькор» Воронежской области о растрате председателем колхоза общественных средств и т. д.

На совещании было также установлено, что председатели ревкомиссий не всегда успешно выполняют свои функции по ревизии колхозных дел, выявлению злоупотреблений колхозным имуществом и т. д. потому, что не имеют правильного представления о своих правах и обязанностях, недостаточно хорошо знакомы с Уставом сельскохозяйственной артели, не знают, куда направлять материалы о выявленных злоупотреблениях, и т. д. Между тем, помощи по этим вопросам от органов прокуратуры на местах ревкомиссии зачастую не получают.

Считая такое положение совершенно нетерпимым, п р и к а з ы в а ю:

1. Всем органам прокуратуры оказывать ревкомиссиям колхозов всемерное содействие в осуществлении им прав, предусмотренных ст. 25 Устава сельхозартели.

2. Обеспечить личное наблюдение прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей за делами, передаваемыми ревкомиссиями в судебно-прокурорские органы, принимая меры к быстрому и всестороннему расследованию и рассмотрению этих дел в судах.

3. Районным прокурорам и их помощникам при выездах на село знакомиться с работой ревкомиссий путем просмотра протоколов их заседаний и актов ревизий, давая должное направление материалам о злоупотреблениях, выявленных в процессе ревизий.

4. Не допускать нарушений прав ревкомиссий или вмешательства в их ревизионную работу со стороны местных органов, немедленно опротестовывая постановления или действия подобного рода.

5. Районным прокурорам практиковать с согласия районных организаций и вышестоящего органа прокуратуры в каждом случае созыв совещаний с председателями ревкомиссий для инструктирования их по вопросам выявления в ревизионном порядке фактов злоупотреблений и нарушений Устава сельхозартели, а также для ознакомления с важнейшими директивами партии и правительства по вопросам работы колхозов.

Обращаю внимание работников прокуратуры на то, что в осуществление задач, возложенных на органы прокуратуры по борьбе с хищениями социалистической собственности и нарушениями Сталинского устава сельхозартели, деловая связь работников прокуратуры с ревкомиссиями колхозов должна сыграть большую положительную роль.

О мерах, которые будут приняты во исполнение этих указаний, сообщайте спецдонесениями.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

27 марта
1937 г.
№ 13/24

О ПОРЯДКЕ ОПЛАТЫ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

По сообщению Народного комиссариата внутренней торговли СССР, в практике ряда прокуратур продолжает применяться возложение на хозяйственные организации оплаты за судебно-бухгалтерские экспертизы, производимые по уголовным делам (о хищениях, растратах и др.) (циркуляр НКЮ СССР и Прокурора СССР от 14 августа 1936 г.).

Считая такое положение недопустимым и подтверждая ранее данные указания по этому вопросу, предлагаю всем работникам прокуратуры руководствоваться следующим:

1. При производстве расследования дел о хищениях, растратах и т. д., в случаях необходимости производства судебно-бухгалтерской экспертизы последнюю назначать в соответствии с циркуляром Прокурора СССР № 61/19 от 7 октября 1936 г., не допуская превращения экспертизы в ревизию. Оплату экспертизы производить за счет прокуратуры со включением выплаченных сумм в состав судебных издержек по делу в порядке ст.ст. 88, 89, 90 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик.

2. От хозяйственных организаций, сообщающих об имевших место в их системе недостачах ценностей, требовать представления полных ревизионных материалов, указанных в циркуляре Прокурора СССР и наркома внутренней торговли СССР № 73/15134 от 3 декабря 1936 г. В случаях представления хозорганизацией неполных материалов до возбуждения уголовного дела требовать представления дополнительных материалов и, в случае необходимости, производства детальной ревизии. Эти ревизии, производимые до возбуждения уголовного дела, производятся самой хозорганизацией, силами ее аппарата или через бюро судебно-бухгалтерской экспертизы (по усмотрению руководителя хозорганизации), и все расходы по производству ревизии несет сама хозорганизация.

3. В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 9 октября 1936 г. (С. З. 1936 г. № 55, ст. 433) не допускать возбуждения уголовных дел о мелких недостачах, получившихся вследствие неопытности работника, просчета и т. д., предлагая в этих случаях руководителям соответствующей хозорганизации применять меры дисциплинарного взыскания.

4. Все необходимые пополнения первичных материалов, поступающих в прокуратуру от хозорганизаций, производить непосредственно самим прокурором и передавать их следователям лишь тогда, когда эти материалы достаточны для возбуждения уголовного преследования.

5. Изменить ст. 17 «Временного положения об организации судебно-бухгалтерской экспертизы при Прокуратуре СССР» от 8 июля 1936 г., изложив ее в следующей редакции:

«Производство бухгалтерских экспертиз, назначаемых судебно-следственными органами, передается исключительно местным бюро судебно-бухгалтерской экспертизы. Оплата экспертиз производится из средств судебно-следственного органа, назначившего экспертизу, по таксе, утверждаемой Прокурором Союза ССР, и народным комиссаром юстиции Союза ССР.

Производство ревизий принимается местным бюро судебно-бухгалтерской экспертизы по поручениям государственных, кооперативных и общественных организаций. Оплата ревизий производится организацией, поручившей производство ревизии на основе соглашения этой организации с бюро судебно-бухгалтерской экспертизы».

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

1 апреля
1937 г.
№ 17/26

О РАБОТЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ОТДЕЛОВ

В целях уточнения ряда организационных и оперативных вопросов, возникающих в работе следственных отделов, разъясняю:

I

Одно из важнейших требований, предъявляемых к начальникам следственных отделов краевых (областных) прокуратур,—это хорошее знание личного состава всего руководимого каждым из них следственного аппарата. Вместе с тем начальник следственного отдела должен обладать высокой квалификацией в области следствия.

В силу этого назначения перемещение начальников следственных отделов краевых (областных) прокуратур может производиться лишь в исключительных случаях и только с ведома следственного отдела Прокуратуры Союза.

Для обеспечения надлежащей постановки всей этой работы в составе каждого следственного отдела должен быть выделен специальный помощник прокурора по методической части.

II

Некоторые прокуроры все еще допускают возложение на следователей обязанностей государственных обвинителей. Такая практика есть не что иное, как уклонение прокуроров от выполнения своей важнейшей обязанности по работе в суде.

На прокуроров, уклоняющихся таким образом от выполнения своих обязанностей, накладывать дисциплинарные взыскания, следователям таких поручений не принимать к исполнению.

III

В ряде мест прокуроры все еще не уделяют должного внимания надзору за соблюдением установленных законом правил о подследственности. В результате этого из всех законченных народными следователями в I полугодии 1936 г. дел только 65% относятся к делам, подследственным следователям.

Такое положение тем более недопустимо, что доля участия народных следователей в расследовании подследственных им дел все еще совершенно недостаточна, и значительное число таких дел расследуется органами милиции.

Всем краевым (областным) прокурорам, прокурорам автономных и союзных республик, не имеющим областного деления, предлагаю установить непосредственный контроль за выполнением районными прокурорами установленных законами и действующими циркулярами правил о подследственности.

Передача в органы милиции дел, подследственных следователю, может иметь место лишь в самых исключительных случаях (отсутствие следователя, необходимость срочных и сложных розыскных действий и т. п.).

При направлении в краевую (областную) прокуратуру ежемесячных статистических отчетов районные прокуроры должны представлять исчерпывающие объяснения о причинах передачи в каждом отдельном случае дела, подследственного следователю, в органы милиции.

IV

В целях упорядочения выдачи разрешения на продление срока предварительного расследования и содержания под стражей обвиняемых, предлагаю впредь строго соблюдать следующий порядок возбуждения и разрешения ходатайств и предоставления отсрочек.

1. Возбуждение ходатайств лежит на обязанности того следователя, в производстве которого находится дело, по которому ходатайство возбуждается. В тексте ходатайства должны быть изложены следующие данные:

а) сущность обвинения, предъявленного обвиняемому;

б) основные доказательства, на которых обвинение основывается;

в) положение расследования в момент возбуждения ходатайства и причины, вызвавшие затяжку расследования;

г) следственные действия, которые необходимо выполнить по данному делу;

д) срок, в который предполагается закончить дело.

Примечание. Ходатайство направляется в 2 экземплярах.

В случае возбуждения ходатайства о продлении срока содержания под стражей кроме того должны быть указаны те мотивы, по которым, по мнению следователя, избранная мера пресечения не может быть изменена.

2. Указанное в п. 1 ходатайство не позже как на 7 дней до истечения срока расследования представляется народными следователями и другими органами расследования в районе (городе) краевому (областному) прокурору через районного прокурора, который на тексте ходатайства делает надпись о своем согласии или несогласии с доводами, приведенными в ходатайстве. Старший следователь передает

ходатайство краевому (областному) прокурору непосредственно.

3. Ходатайства о продлении сроков следствия и содержания под стражей учитываются в следственных отделах и с заключением последних докладываются краевому (областному) прокурору с таким расчетом, чтобы разрешение последним ходатайства последовало в срок, не превышающий 24 часов с момента поступления ходатайства в краевую (областную) прокуратуру.

4. В случае признания краевым (областным) прокурором ходатайства об отсрочке обоснованным прокурор надписью на тексте ходатайства дает такую отсрочку на 1 месяц; подлинный текст ходатайства немедленно препровождается в органы расследования, возбудившему ходатайство, а копия остается в делах следственного отдела, и дело берется под особый контроль.

5. Если краевой (областной) прокурор находит ходатайство необоснованным, он немедленно предлагает органу расследования закончить дело или освободить обвиняемого из-под стражи, конкретно указав, каким путем может быть закончено дело и какая мера пресечения должна быть избрана обвиняемому.

6. Если же отсрочка испрашивается на срок свыше указанного в пункте 4, прокурор находит ходатайство обоснованным; он направляет его в Прокуратуру Республики вместе со своим письменным представлением об удовлетворении ходатайства.

7. Поступающие в Прокуратуру Республики ходатайства рассматриваются в порядке, указанном в пп. 3, 4 и 5 раздела IV настоящего циркуляра.

8. Ввиду того, что все еще имеют место случаи волокиты по следственным делам, прокуроры союзных республик во всех случаях обнаружения затяжки расследования на срок более 3 месяцев доносят об этом Прокурору СССР с указанием мер, принятых ими в отношении виновников волокиты.

V

Все еще недостаточно налажена информация Прокуратуры СССР о наиболее важных делах, возникающих в производстве старших и народных следователей.

С другой стороны, почти никогда не сообщается в Прокуратуру Союза о следователях, имеющих значительные достижения в своей работе, умело и талантливо раскрывающих сложные преступления и т. п.

Следственным отделам надлежит обеспечить своевременную и точную информацию Прокуратуры Союза, а в особо выдающихся случаях информировать немедленно по телефону или по телеграфу.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

2 апреля
1937 г.
№ 18/26

ГРУБОЕ НАРУШЕНИЕ ПРОКУРОРСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

25 января с. г. на станции Мичуринск Юго-Восточной ж. д. членом сектантской организации путевым обходчиком Белоглазовым, прибывшим с КВЖД, были убиты два активных пионера Лида и Коля Клименко—дети уборщицы дома грузчиков станции Мичуринск.

Прокурор Юго-Восточной ж. д. Можай об этом случае узнал лишь через месяц, несмотря на то, что оперативным пунктом НКВД ст. Грязи расследование велось.

Узнав, наконец, об убийстве пионеров, т. Можай, по его сообщению, командировал «для проверки дела» участкового прокурора т. Захарова. При этом т. Можай никакого сообщения об убийстве пионеров в Главную прокуратуру ж.-д. транспорта не сделал. Лишь 19 марта на запрос Главной прокуратуры ж.-д. транспорта, которой стало известно об убийстве пионеров от НКПС, т. Можай представил телеграфное донесение, из которого видно, что хотя Белоглазов и сознался в убийстве, однако подлинные мотивы убийства до сих пор не установлены.

Действия т. Можая в этом случае свидетельствуют:

1) об отрыве прокуратуры Юго-Восточной ж. д. от жизни дороги и об отсутствии надзора за следствием;

2) о грубой политической недооценке т. Можаем случая убийства двух активных пионеров;

3) о грубом нарушении т. Можаем служебной дисциплины.

П р и к а з ы в а ю:

1. Прокурору Юго-Восточной дороги т. Можаю объявить выговор.

2. Обязать т. Можая обеспечить окончание следствия по делу об убийстве пионеров в 10-дневный срок с тщательным выявлением мотивов убийства.

Ст. пом. прокурора Союза ССР, главный прокурор ж.-д. транспорта **Г. СЕГАЛ.**

25 марта
1937 г.
№ 208/т. 27

НЕЗАКОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ

16 июня 1936 г. Брянским оперативным пунктом НКВД было возбуждено дело по обвинению работников брянского орса гр-н Жук, Пашкевича, Курто и других, в общем количестве 6 человек.

Первоначальным документом, послужившим основанием к привлечению указанных лиц к уголовной ответственности, послужил акт проверки работы орса, произведенной Дортрансторгпитом.

В акте указывалось, что растраты по райтрансторгпиту за I половину 1936 г. составили 480 300 руб., безнадежная дебиторская задолженность 128 968 руб., а в общей сумме, как это указывает акт, преступной деятельностью обвиняемых причинен убыток в сумме 892 160 рублей.

На основании этого акта и показаний свидетелей, устанавливающих наличие неполадок в работе, прокурор Брянского участка Московско-Киевской дороги т. Исаев санкционировал привлечение указанных лиц к уголовной ответственности по закону от 7 августа 1932 г. и принятие в отношении их меры пресечения—содержание под стражей.

В процессе дальнейшего расследования к этому делу, вопреки ст. 117 УПК, были приобще-

мы материалы, не имеющие никакого отношения к обвинению указанных лиц и изобличающие работников торговой сети—зав. складами Масленникова и Колесникова и заготовителей—Ганцевича и Павликова в корыстных должностных преступлениях.

Таким образом вследствие неправильного объединения материалов возникло «большое дело по обвинению работников Трансторгпита по закону от 7 августа 1932 года, по которому начальник общественного питания орса Курто, бухгалтер Кудашев и другие содержались под стражей в течение 4 месяцев.

Впоследствии всем этим лицам обвинение было переквалифицировано с закона от 7 августа 1932 г. на ст. 109 УК.

В августе 1936 г. дело поступило с обвинительным заключением к врид прокурора Брянского участка Московско-Киевской дороги т. Козлову, который принял на веру акт проверки орса, дал указание о доследовании дела, лишь уточняющее отдельные моменты.

Вторично дело поступило в прокуратуру Брянского участка к прокурору т. Исаеву. 22 сентября было вынесено постановление о производстве экспертизы с направлением дела на доследование следователю Брянского участка.

Материалами экспертизы и собранными следователем данными установлено, что акт проверки Дортрансторгпита не соответствует действительности, и более того, основные показатели работы — планы реализации, наложений, валового накопления — оказались благоприятными. Изучение динамики роста растрат свидетельствует, что обвиняемыми проводилась борьба с растратами, в основном имевшими место до их работы.

На основании этих данных исполняющий обязанности прокурора Московско-Киевской дороги т. Куклев прекратил дело в отношении гр.гр. Жук, Пашкевича, Кудашева, Казакевича, Курто и Звягинцева.

Таким образом вследствие отсутствия надзора за следствием, проводимым оперативным пунктом НКВД, со стороны прокурора Брянского участка Московско-Киевской дороги т. Исаева, имел место безобразнейший случай неосновательного содержания под стражей 6 человек в течение 4 месяцев и необоснованное обвинение их в корыстных должностных преступлениях.

За отсутствием надзора за следствием т. Исаеву объявляю строгий выговор с предупреждением.

Учитывая, что т. Козлов только кратковременно замещал т. Исаева по Брянскому участку, объявляю ему замечание.

Ст. пом. прокурора Союза ССР, главный прокурор ж.-д. транспорта **СЕГАЛ.**

27 марта
1937 г.
№ 210/т—28.

О ПРОВЕРКЕ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

По сведениям НКЮ Союза ССР имеют место случаи, когда органы прокуратуры, получая из кассационных инстанций дела, по которым приговоры первых инстанций отменены с обращением дела к доследованию в соответствии с кассационными определениями, держат у себя эти дела без движения продолжительное время, а в дальнейшем вносят протесты в порядке надзора на кассационные определения о доследовании дела и добиваются их отмены.

В результате производство дела непроизводительно затягивается, а обвиняемые, содержащиеся под стражей, явно незаконно находятся лишнее время в предварительном заключении.

Требую немедленной и решительной ликвидации подобных явлений и обязываю органы прокуратуры:

а) проверять в порядке надзора поступающие из кассационных инстанций, возвращаемые в органы прокуратуры для доследования дела: о находящихся под стражей — не более как в трехдневный срок, остальные — не более как в декадный срок со дня поступления дела, и в те же сроки либо давать делу движение в соответствии с кассационным определением о доследовании, либо, при установлении проверкой дела серьезных оснований, вносить в установленном порядке протесты на кассационные определения в подлежащую надзорную инстанцию;

б) одновременно с дачей направления делу обсуждать и решать особым мотивированным постановлением вопрос об оставлении в силе содержания под стражей обвиняемого на период доследования дела или опротестования кассационного определения;

в) вышестоящим прокурорским инстанциям при последующей проверке дел, возвращавшихся кассинстанциями в органы прокуратуры для доследования, специально проверять в каждом отдельном случае точное соблюдение органом прокуратуры, в который поступило в свое время дело из кассационной инстанции, сроков и порядка, указанных в предыдущих пунктах настоящего циркуляра, неуклонно привлекая работников прокуратуры, первоначально виновных в несоблюдении этих сроков и порядка, к строгой ответственности вплоть до снятия с работы и предания суду.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

3 апреля
1937 г.
№ 19/1

О ПОРЯДКЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ОТДЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ

31 октября 1936 г. военной прокуратурой ЛВО было послано отдельное требование народному следователю г. Златоуста т. Забролоцкому о допросе свидетеля.

Получив собственноручно написанные свидетелем показания, т. Забродоцкий не проверил, на все ли вопросы, указанные в отдельном требовании, даны ответы, и отослал протокол, не подписав его.

3 декабря 1936 г. отдельное требование было возвращено прокурором г. Златоуста, и до сего времени оно не выполнено.

Той же военной прокуратурой было послано 3 ноября 1936 г. отдельное требование народному следователю г. Гомеля, 21 декабря послано напоминание прокурору г. Гомеля.

Как и в первом случае, отдельное требование не выполнено.

Эти случаи не единичны.

Многие следователи и прокуроры относятся к отдельным требованиям как к навязанной им чужой и неблагодарной работе. Они не ощущают того огромного вреда, который приносят несвоевременным и недоброкачественным выполнением отдельных требований других прокуроров и следователей.

Надо покончить с этим недопустимым явлением.

Приказываю:

1. Прокурорам — обеспечить своевременное и доброкачественное выполнение отдельных требований. При срочности этих требований выполнять их в первую очередь.

2. Златоустовскому и гомельскому горпрокурорам немедленно выполнить отдельные требования военной прокуратуры ЛВО и донести мне о причинах несвоевременного их исполнения.

3. За халатное отношение к своим обязанностям народному следователю Забродоцкому объявляю выговор.

Настоящий приказ проработать на оперативных и камерных совещаниях в прокуратурах союзных, автономных, республиканских, краевых, областных, военных железнодорожных, водных бассейнов и прокуроров лагерей.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ.

4 апреля
1937 г.
№ 226

СВОДКА ВАЖНЕЙШИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР

за февраль 1937 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Государственное устройство и управление

1. О структуре Главного управления Гидрометеорологической службы Союза ССР при СНК Союза ССР — пост. СНК СССР от 13/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 13, ст. 37).

2. О структуре Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 15/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 13, ст. 39).

3. О запрещении выезда и вербовки добровольцев в Испанию — пост. СНК СССР от 20/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 14, ст. 42).

2. Просвещение

4. Об утверждении в новой редакции ст.ст. 37 и 38 устава Академии наук Союза ССР в связи с учреждением должности третьего вице-президента Академии — пост. СНК СССР от 5/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 13, ст. 40).

5. Об ознаменовании 100-летней годовщины со дня смерти величайшего русского поэта А. С. Пушкина — пост. ЦИК СССР от 9/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 14, ст. 41).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Земля и сельское хозяйство

6. О государственном плане весеннего сева 1937 г. — пост. СНК СССР от 2/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 10, ст. 34).

III. ФИНАНСЫ

7. О фонде директора на железнодорожном и воздушном транспорте, в совхозах и машинно-тракторных станциях, коммунальных предприятиях, заготовительных и торговых организациях и организациях общественного питания — пост. СНК СССР от 7/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 11, ст. 35).

8. Об изменении свода таможенных тарифов Союза ССР — пост. СНК СССР от 8/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 11, ст. 36).

Ответственный редактор А. Я ВЫШИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР Технический редактор Л. Васильев

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 16/IV 1937 г. Сдано в производство 23/IV 1937 г.
Подписано к печати 17/V 1937 г. 8 п. л., 21 авт. лист. В одном бум. листе 216000 знаков

Формат. 71×105/16 10—4 п.; № 335

Уполном. Главлита Б—13935 Заказ № 605. Тираж 20250 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига» Москва, Мал. Дмитровка, 18.

СОДЕРЖАНИЕ № 5

Стр.

Передовая. Овладеть большевизмом, ликвидировать беспечность — 1

И. Сталин — О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников — 4

В. М. Молотов — Наши задачи в борьбе с троцкистскими и иными вредителями, диверсантами и шпионами — 18

А. Вышинский — К положению на фронте правовой теории — 36

Б. Маньковский — Против антимарксистских теорий в уголовном праве — 38

В. Меньшагин — Должностные преступления по проекту Уголовного кодекса — 44

М. Чельцов — О судебном языке — 51

С. Голунский — Методика расследования дел об убийствах — 57

Н. Александров — Право на труд и социалистическое правовое регулирование труда — 63

Л. Н. — „Правосудие" палачей и провокаторов — 68

Обмен опытом — 76

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза — 86

Практика Прокуратуры Союза ССР по общему надзору — 92

По союзным республикам — 94

Третье заседание Центрального методического совета при Прокуроре СССР — 96

В Прокуратуре Союза ССР — 98

Право, процесс, судоустройство в капиталистических странах — 101

Библиография — 113

Официальный отдел — 122

Цена 1 руб. 50 коп.

М3656

Народным Комиссариатом Финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г., № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 4338 (четыре тысячи триста тридцать восьмым)

МОСКОВСКИЙ МУКОМОЛЬНЫЙ КОМБИНАТ им. ЦЮРУПЫ

Адрес: 2-я Сокольническая, 24.

10

находящийся в ведении Главного управления мукомольно-крупяной промышленности при Комзаг Совнаркома СССР

21

Народным Комиссариатом Финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г., № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 4783 (четыре тысячи семьсот восемьдесят третьим)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ЗАГОТОВИТЕЛЬНО-СНАБЖЕНЧЕСКАЯ КОНТОРА „СОЮЗСНАБЛЕГПРОМ“,

находящаяся в ведении Народного Комиссариата Легкой Промышленности СССР

Адрес: ул. Кирова, 39

22

Московским областным финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г., № 12) зарегистрировано в государственном реестре юридических лиц под № 213 (двести тринадцатым)

УПРАВЛЕНИЕ ПО СНАБЖЕНИЮ И СБЫТУ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОЮЗА КООПЕРАЦИИ ИНВАЛИДОВ „МОСКООПИНСНАБСБЫТ“,

находящееся в ведении Мособлкоопинсоюза

Адрес: Домниковская, 30, р/счет № 105080 в МОК Госбанка

23

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

6

1937

Социалистическая законность

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ИЮНЬ 1937 г. 6

Редакция:
Москва, Пушкинская, д. 15а

Пятнадцать лет советской прокуратуры

16 июня 1937 г. исполняется 15 лет со дня опубликования постановления 3 сессии ВЦИК IX созыва об учреждении прокуратуры.

В первый период пролетарской революции, вплоть до конца периода военного коммунизма, в советском государстве не существовало прокуратуры как особого органа государственной власти, осуществляющего надзор за соблюдением революционной законности и борьбу со всякого рода преступлениями, направленными против советского государства и интересов трудящихся.

Учреждение прокуратуры было вызвано изменением всей общественно-политической обстановки, связанным с переходом к новой экономической политике и с новой постановкой всей проблемы революционной законности и ее роли в борьбе за интересы советского государства.

О задачах и характере революционной законности этого первого периода нэпа товарищ Сталин специально говорил в докладе на объединенном пленуме ЦКК и ЦК ВКП(б) 7 декабря 1933 г.:

«Революционная законность первого периода нэпа, — говорил товарищ Сталин в этом своем докладе, — обращалась своим острием главным образом против крайностей военного коммунизма, против «незаконных» конфискаций и поборов. Она гарантировала частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими советских законов. Совершенно иному обстоит дело с революционной законностью в наше время. Революционная законность нашего времени направлена своим острием против крайностей военного коммунизма, которого давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности»[1].

В этих словах товарища Сталина содержится исчерпывающая характеристика основного содержания революционной законности первого периода новой экономической политики, т. е. того периода, когда была учреждена советская прокуратура, призванная к борьбе за дальнейшее утверждение и укрепление, развитие и успехи советской социалистической революционной законности.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 509.

Грубым извращением истории является утверждение, будто революционная законность была порождена новой экономической политикой, будто лишь с переходом к новой экономической политике стал вопрос в советском государстве о твердом и точном соблюдении законов и, следовательно, об укреплении системы органов, призванных к охране и осуществлению революционной законности.

Революционная законность с самого начала пролетарской революции всегда являлась одной из важнейших функций пролетарской диктатуры.

Еще в 1918 г. в декрете «О точном соблюдении законов» рабоче-крестьянское правительство указывало, что точное соблюдение законов РСФСР «необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в советской России».

В этом декрете мы читаем призыв от имени советского правительства ко всем гражданам республики, всем органам и всем должностным лицам советской власти «к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений».

Как бы предвидя неизбежность временных отступлений от действующих законов, вызванных исключительностью обстановки гражданской войны и сложностью обстоятельств, этот декрет установил правила, обязывающие при всяком отступлении от действующих законов в силу «экстренных условий гражданской войны и борьбы с контрреволюцией» необходимость особого оформления этих отступлений с предоставлением гражданских прав обжалования действий должностных лиц.

В 1919 г. в своем письме по поводу побед над Колчаком Ленин, особо говоря о революционной законности, указывал, что соблюдение строжайшего революционного порядка является условием того, чтобы «до конца уничтожить Колчака и Деникина». Ленин писал о необходимости «соблюдать свято законы и предписания советской власти и следить за их исполнением всеми».

Ленин писал: «Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка—есть уже д ы р а, которую немедленно используют враги трудящихся, — есть з а ц е п к а для побед Колчака и Деникина»[1].

Таким образом задолго до перехода к новой экономической политике вопросы революцион-

ной законности со всей остротой были уже поставлены нашей партией и правительством и разрешены в полном соответствии с интересами пролетарской революции. Важно подчеркнуть, что, отмечая сложность и своеобразие борьбы с классовым врагом после победы пролетариата, Ленин указывал, что «помещики и капиталисты не уничтожены и не считают себя побежденными», что они «только разбиты и попрятались, попритаились, переродились очень часто в «советский», «защитный» цвет... На каждом шагу подкарауливают они ошибки советской власти, слабость ее, чтобы сбросить ее...» [2].

Вот почему уже тогда Ленин подчеркивал необходимость уметь ловить этих врагов советского народа и карать их беспощадно. Мы знаем, что это предупреждение нашей партии было впоследствии не раз повторено. Мы знаем, что это предупреждение не раз оправдывалось, о чем свидетельствуют десятки и сотни заговоров, восстаний, всевозможных преступлений, организованных буржуазной контрреволюцией и ее агентурой в лице меньшевиков, эсеров, троцкистов, правых и т. п. нечисти.

На майской Всероссийской конференции РКП(б) (1921 г.) Ленин еще раз говорил о необходимости бороться против пролезших в наши учреждения врагов, «которые теперь интересы своего класса видят в том, чтобы нам делать гадости, мешать нам работать, которые думают, что спасут культуру, подготовляя большевиков к падению, которые знают канцелярское дело в сто раз лучше, чем мы» [3].

Война с этим врагом трудна и сложна, с ним нужно воевать по всем правилам искусства, уметь находить виноватого, уметь во-время отдавать его под суд, уметь карать его беспощадно. Так ставил вопрос Ленин, так ставит вопрос Сталин, так ставит вопрос наша партия.

Переход к новой экономической политике, допущение в известных пределах свободы торговли, введение свободного оборота создавали ряд новых и сложных обстоятельств, без учета которых нельзя было дальше успешно вести борьбу. Переход к новой экономической политике вовсе не означал развязывания мелкобуржуазной стихии. Задача заключалась в том, чтобы на основе этой новой экономической политики подготовить условия к окончательному разгрому капиталистических элементов, к окончательной победе социализма.

Здесь, конечно, было немало опасностей.

«Получается, — говорил Ленин, — на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно, закрывать глаза на это смешно. Спрашивается, необходим ли этот вопрос, можно ли оправдать этот вопрос, не опасен ли этот вопрос». И Ленин отвечал: «Вопросов подобного рода задается много, и в большинстве случаев они обнаруживают наивность (выражаясь мягко) задающего такие вопросы» [4].

Да, опасности были немалые. Но этим опасностям Ленин и наша партия противопоставили всю силу нового пролетарского государства, против этих опасностей они мобилизовали и такие органы пролетарского государства как ВЧК (ОГПУ), суд и прокуратуру.

Переход к нэпу неизбежно должен был породить новые и разнообразные преступления, возродить чаяния и надежды эксплоататоров на восстановление «потерянного рая». Классовый враг неизбежно должен был использовать в своей борьбе за утерянные позиции, за отнятое у него экономическое и политическое господство все средства и способы, как бы грязны и подлы они ни были. И враг использует все средства борьбы и «всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса...» [2]

Учреждение прокуратуры было вызвано стремлением еще более усилить позиции советского государства в борьбе против капиталистических элементов, в борьбе против преступников, пускающих в ход спекуляцию, хищения, жульничество, всякие воровские махинации, чтобы расшатать и ослабить советскую власть и новую общественную дисциплину, чтобы попытаться разрушить новый советский строй и вернуться к старым условиям жизни, позволявшим безнаказано и в меру своих волчьих аппетитов эксплоатировать трудящихся.

Так ставился вопрос о прокуратуре как органе борьбы за советский правопорядок, за новые общественные отношения, за социализм.

Именно так стоял вопрос и на IX всероссийском съезде советов. На этом съезде Ленин говорил о том, как наши враги, — «господа капиталисты, российские и иностранные» — своими интригами и происками пытались нас удушить и как умело эти интриги и происки отражала ВЧК, когда враги «нас окружали нашествиями, когда строили внутренние заговоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу» [3].

Ленин говорил: «Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это—достоинство нашей ВЧК...» [4]

«Советское государство допускает к себе иностранных представителей под предлогом помощи, а эти представители помогают свергать советскую власть, чему примеры бывали. В положение такого государства мы не попадем благодаря тому, что мы будем ценить и использовывать такое учреждение как ВЧК. Это мы можем и всякому гарантировать. Но, вместе с тем, мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими» [5].

Таковы были предпосылки организации прокуратуры, предпосылки, подготовленные всем ходом и развитием пролетарской революции и всеми особенностями нового этапа, в который наша революция вступила в 1921—1922 гг. Декрет об учреждении прокуратуры был подписан 28 мая 1922 г., но уже 25 августа 1921 г. совет-

---

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 434.
[2] Там же.
[3] Ленин, т. XXVI, стр. 406.
[1] Ленин, т. XXVI, стр. 333.
[2] Ленин, т. XXII, стр. 460.
[3] Ленин, т. XXVII, стр. 139.
[4] Ленин, т. XXVII, стр. 139.
[5] Ленин, т. XXVII, стр. 140.

ское правительство в специальном докладе поставило перед всеми органами советской власти и должностными лицами задачу осуществлять свою деятельность в строгом соответствии с законами. В этом декрете (25 августа 1921 г.) указывалось на эту задачу с тем, чтобы «советскими органами и всем населением было ясно усвоено, что проведение в жизнь начала революционной законности является одной из самых насущных потребностей советской республики (СУ 1932, № 36, ст. 424).

Это обстоятельство свидетельствует о том, что учреждение прокуратуры явилось завершением целой системы мероприятий, проводившихся в течение ряда лет в интересах укрепления у нас революционной законности. Ответ на вопрос о причинах, вызвавших к жизни советскую прокуратуру дал Ленин на IX всероссийском съезде советов, сказав: «Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы мы тогда эту задачу себе поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, который правительство за отчетный год вынесло»[1].

Организация прокуратуры явилась крупнейшим событием общественно-политического значения. Вокруг вопроса об учреждении прокуратуры развернулись горячие споры, и в частности, на 3 сессии ВЦИК IX созыва. Многие члены ВЦИК высказывали сомнение в целесообразности учреждения прокуратуры, указывая, что проект об организации прокуратуры создает «нечто параллельное в виде второго юридического государства, параллельное с государством хозяйственным»[2].

В своем историческом письме на имя товарища Сталина для политбюро «О «двойном» подчинении и законности»[3] Ленин указывал на разногласия, вызванные вопросом о прокуратуре в самой комиссии ЦК партии, назначенной для руководства работами сессии ВЦИК. Как известно, сущность этих разногласий состояла в том, что большинство комиссии возражало против того, чтобы местные представители прокуратуры назначались только центром и были подчинены только центру.

«Большинство требует, — писал в этом письме т. Ленин, — так называемого «двойного» подчинения, которое установлено вообще для всех местных работников, т. е. подчинение их, с одной стороны, центру в лице соответствующего наркомата, с другой стороны — местному губисполкому»[1]. Вокруг этого вопроса и разгорелся основной спор, спор не утихавший, по существу, до самого последнего времени, т. е. до постановления об учреждении союзного Наркомата юстиции и выделения прокуратуры из наркоматов юстиции союзных республик с подчинением прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей только Прокурору Союза ССР.

Сторонники «двойного» подчинения изо всех сил выбивались, чтобы доказать правильность такого положения, чтобы убедить в необходимости поставить прокуратуру в организационную зависимость от местных органов власти. Одни говорили, что учреждение прокуратуры бьет в самое сердце принципу организации местной власти, что учреждение прокуратуры означает, «что функции власти у губисполкома отменяются и сосредоточиваются в руках центральной власти». Другие говорили о том, что учреждение прокуратуры — «это попытка в новой форме проводить главкизм. Это есть нагромождение препятствий к проявлению инициативы на местах». Третьи говорили, что само наименование нового органа прокуратурой вызывает возбужденные настроения. Четвертые доказывали, что проектом учреждения прокуратуры «над губисполкомами хотят поставить нянек», что «этот проект доказывает неверие в силы губисполкомов» и т. д.

Все эти смехотворные утверждения резко раскритиковал на 3 сессии ВЦИК М. И. Калинин, разоблачивший грубые ошибки сторонников «двойного» подчинения.

Возражая, в частности, тем, кто высказывался против самого названия прокуратуры, М. И Калинин говорил: «По-моему ничего страшного в названии прокурора нет. У нас слово «прокурор» связано с тем именно, что прежняя прокуратура служила старому царскому правительству, она не была самостоятельна. За это-то качество как раз и обвиняют проект... Он (проект, А. В.) именно призван для наблюдения за законностью». И дальше: «Мы, марксисты, великолепно понимаем и знаем, что юридические доктрины есть только надстройка. Когда мы сознательно творим свою жизнь, то позвольте сказать, что этой надстройкой мы стремимся двигать, толкать и развивать человечество, приближать его к коммунистическому строю. Эта надстройка по существу добивается той же цели, что и экономическое основание. Какой цели? Она стремится внедрить коммунистическую законность в сознание каждого гражданина советской республики, хотя бы этот гражданин был кочующий киргиз, находящийся на расстоянии десяти тысяч верст от Москвы, чтобы он был горд сознанием, что у него есть возможность отыскивать эти права. Он может итти до какой-то отдаленной Москвы, с которой он соединен федеративными узами. Не придавать значения развитию правового сознания у многомиллионного народа марксист ни в коем случае не может. Поэтому я думаю, что отказ от прокуратуры есть полное непонимание основных задач советской власти. Мы переживаем период, когда этот институт, в той или другой форме, должен быть введен»[2].

Спор по вопросу об учреждении прокуратуры носил действительно глубоко принципиальный характер. Дело шло, в сущности говоря, о том — быть ли у нас законности не «калужской» или «казанской», а единой всероссийской и даже единой для всей федерации советских республик (Ленин).

[1] Ленин, т. XXVII, стр. ~~140~~ 193
[2] Сессия ВЦИК IX созыва, бюллетень 1922, № 3.
[3] Ленин, т. XXVII, стр. 298.

~~Ленин, т. XXVII~~, стр. 298. См. выше.

Большинство комиссии встало на точку зрения так называемого «двойного» подчинения прокуратуры. Ленин и Сталин указывали на неправильность этого решения, на грубую ошибку этого решения, не учитывающего того, что «законность должна быть одна», что «основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности являются попустительство исконно-русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской» [2].

Большинство комиссий ЦИК не поняло, что единственная функция прокурора должна заключаться в том, чтобы следить за единообразным пониманием законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям, что его единственное право и единственная обязанность — бороться со всякого рода отклонениями от этого принципа, со всякого рода нарушениями и извращениями в этой области... Именно с этой точки зрения обязанность прокурора заключается в опротестовании всякого незаконного решения, в борьбе за то, чтобы «понимание законности установилось абсолютно одинаковое во всей республике».

Ленин и Сталин категорически возражали против «двойного» подчинения органов прокуратуры, настаивая на необходимости подчинения ее одному только центру. Вот почему Ленин предлагал «отвергнуть» «двойное» подчинение, установить подчинение местной прокурорской власти т о л ь к о центру в лице генерал-прокурора. В письме «О двойном подчинении законности» Ленин писал: «Поэтому я предлагаю ЦК отвергнуть в данном случае двойное подчинение. Установить подчинение местной прокурорской власти только центру и сохранить за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местной власти с точки зрения законности этих решений или постановлений, без права приостанавливать таковые, а с исключительным правом передавать дело на решение суда» [3].

Этот принцип в конечном итоге победил. Этот принцип лег в основание построения всей системы прокурорских органов. Этот принцип нашел свое окончательное завершение в постановлении об учреждении союзной прокуратуры (1933 г.) и в главе 9 новой союзной Конституции, подчеркнувшей в ст.ст. 113 и 117 независимость органов прокуратуры как органов социалистической законности от каких бы то ни было местных органов и подчинение их только Прокуратуре Союза ССР.

С момента учреждения прокуратуры прошло 15 лет. За эти 15 лет, несмотря на серьезные и все еще, к сожалению, не изжитые недостатки в своей работе, советская прокуратура превратилась в могучий и надежный орган пролетарской диктатуры. За эти 15 лет наша прокуратура прошла большой путь своего внутреннего развития, прошла громадную политическую школу. Она за это время сумела при поддержке партии и правительства превратиться в достаточно авторитетный и политически выдержанный орган борьбы с врагами советского государства, с врагами социализма.

При учреждении прокуратуры на нее возлагалось осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений. На прокуратуру возлагалась также обязанность непосредственного наблюдения за деятельностью следственных органов и органов государственного политического управления, поддержания обвинения на суде и наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей.

Функции так называемого общего надзора должны были сочетаться в деятельности прокуратуры с ее функциями по наблюдению за расследованием и непосредственным участием в суде. Здесь заключается одно из коренных отличий советской прокуратуры от прокуратуры дореволюционной царской России и от прокуратуры капиталистических стран. Там основная функция прокуратуры состоит в судебной деятельности. Судебная или обвинительная функция прокуратуры поглощает в капиталистических странах, как и у нас в дореволюционное время, по существу, всю работу прокурорских органов. Эту мысль выразил в свое время один из руководителей царской прокуратуры (Муравьев), говоривший о том, что сущность прокурорской деятельности сводится «к публичному уголовному преследованию», что «деятельность эта, носящая название обвинительной, состоит из собирания данных для обвинения и самого обвинения перед судом». Об этом же говорил в свое время и Спасович, утверждавший, что «прокурор должен быть только истцом, должность его обличительная, задача его — вчинение и производство уголовных исков». Спасович не только видел в судебной деятельности основную функцию прокуратуры, но он видел в ней единственную функцию, исключая обязанность прокуратуры по общему надзору, считая, что одно исключает другое.

«Должность прокурорская, — писал Спасович в своей работе «О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством», — там, где она существует, может иметь двоякое назначение: или этот прокурор есть страж закона, орган государственной инквизиции, глаз правительства, надзирающий за правильностью решения судов, или он истец по делам государства и общества». Подобная точка зрения чужда нашему советскому праву. По нашему праву, прокуратура одновременно и блюститель законности, орган, наблюдающий за тем, чтобы во всем нашем Союзе было единообразное понимание законности, была единая социалистическая законность и истец перед судом от имени интересов государства и трудящихся.

Так был поставлен вопрос о функциях прокуратуры и природе ее деятельности уже в положении о прокурорском надзоре 1922 г. Так этот вопрос был решен в положении о Прокуратуре Союза ССР (17 декабря 1933 г.). Так, наконец, этот вопрос решен и нашей великой Сталинской Конституцией.

[1] 3 сессия ВЦИК IX созыва, бюллетень 1922 г., № 3, стр. 17—18.

[2] Ленин, т. XXVII, стр. 299.

[3] Ленин, т. XXVII, стр. 301.

**
*

Окончательная и прочная победа общественной социалистической собственности в СССР, являющаяся основой всего советского строя, расцвет социализма в нашей стране, величайший подъем материального и культурного уровня широчайших народных масс, великие принципы новой Сталинской Конституции, — все это по-новому ставит вопрос о задачах советской прокуратуры, о методах и формах ее деятельности в новых условиях. Новая Конституция, записавшая ряд положений о принципах организации советского суда, записала и ряд принципиальных положений, определяющих обязанность в новых условиях и советской прокуратуры.

Конституция СССР подчеркнула, какое исключительно почетное место занимает наша прокуратура в системе советского государства и какая ответственная роль выпадает на ее долю в дальнейшей борьбе за социализм.

В Конституции записано, что прокуратура является органом надзора за законностью, за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, отдельными должностными лицами и гражданами (ст. 113). В этой статье зафиксирован опыт пятнадцатилетнего существования советской прокуратуры, учрежденной советским государством по указанию гениев революции — Ленина и Сталина для борьбы с «тьмой беззаконий», с «рязанской» и «калужской» «законностями», за единую, всеобщую, подлинно революционную социалистическую законность.

Товарищ Сталин в беседе с Г. Д. Уэллсом говорил: «Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком» [1].

В руках социалистического государства устойчивость закона является одним из мощных средств укрепления социализма и преобразования его в коммунистическое общество. Товарищ Сталин в своем историческом докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов указал: «А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было».

Роль советского закона как могущественного рычага в борьбе за социализм огромна. Конституция специально говорит об этом в статьях 113 и 117, подчеркивая независимость органов прокуратуры как органов революционной, социалистической законности от каких бы то ни было местных органов и подчинение их только Прокурору Союза ССР.

По Конституции органы прокуратуры снизу доверху строятся по принципу назначения, причем обеспечивается непосредственное подчинение всех прокурорских органов Прокурору Союза ССР, который осуществляет высший надзор за законностью действий всех наркоматов и подчиненных им органов и учреждений.

Конституция полностью отражает принципиальную линию нашей партии по вопросу о роли советской прокуратуры, о ее обязанностях и правах по отношению к другим органам советской государственной системы.

До учреждения союзной прокуратуры в 1933 г. этот принцип не был достаточно полно выражен в структуре прокурорских органов.

Учреждение Прокуратуры Союза ССР (20 июня 1933 г.) сделало в этом отношении громадный шаг вперед. Положение о Прокуратуре СССР предоставило ей следующие права в отношении прокурорских органов союзных республик:

1) наблюдение за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями союзной республики с правом истребования любого дела в любой стадии производства, опротестования приговоров и решений судов в вышестоящие судебные инстанции и приостановления их исполнения;

2) возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения во всех инстанциях на территории СССР;

3) надзор за законностью и правильностью действий органов НКВД, милиции, уголовного розыска и исправительно-трудовых учреждений;

4) общее руководство деятельностью прокуратур союзных республик.

Это был действительно большой и серьезный шаг по пути укрепления организационного единства прокуратуры и обеспечения ей необходимой оперативной боеспособности.

При осуществлении этого положения были некоторые препятствия. В частности, еще существовало своеобразное «двойное подчинение» прокуроров Прокурору Союза ССР и наркомам юстиции союзных республик.

При учреждении НКЮ СССР из состава НКЮ союзных республик были выделены прокуратуры союзных республик и целиком подчинены Прокурору Союза ССР.

Сталинская Конституция исчерпывающе и последовательно разрешила этот коренной вопрос организации советской прокуратуры.

Пять коротких статей Сталинской Конституции о прокуратуре являются историческими для советской прокуратуры.

Назначение прокуроров, по новой Конституции, от республиканского до районного сосредоточивается в руках Прокурора Союза ССР (ст.ст. 114, 117). Конституцией устраняется существующий ныне порядок назначения прокуроров союзных республик по согласованию с республиканскими законодательными органами. Это еще в большей степени укрепит оперативную самостоятельность и независимость органов прокуратуры. А эта самостоятельность и независимость прокурорских органов являются важнейшим условием правильного и действительного прокурорского надзора за исполнением законов.

Новая Конституция возлагает на Прокурора Союза ССР высший надзор за точным исполнением в СССР законов учреждениями, должностными лицами, всеми гражданами СССР.

Прокурор Союза ССР назначается Верховным советом СССР сроком на семь лет. А Прокурор Союза ССР назначает республиканских, краевых и областных прокуроров, а также прокуроров автономных республик и областей сроком на пять лет.

Эти длительные сроки исполнения прокурорских обязанностей также свидетельствуют о громадной ответственности прокуроров и о громадной важности в стране советов прокурорской работы.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 611.

Советская прокуратура — это прокуратура социалистического государства рабочих и крестьян, государства победившего социализма.

Она стоит на страже интересов труда и социализма. Она вооружена беспощадным мечом революционной законности, чтобы метко, неустанно и беспощадно разить врагов народа.

В борьбе с врагами социализма советской прокуратуре принадлежит одно из важнейших мест, так как на органы прокуратуры, как и на органы НКВД, возлагается обязанность раскрывать преступные махинации врагов народа, какой бы маской они ни прикрывались, разоблачать и преследовать их в установленном законом порядке.

В СССР социализм уже осуществлен.

Товарищ Сталин сказал:

«Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой и низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм» [1].

Но не ослабла борьба врагов с советским государством. Ведь социализм победил лишь на одной шестой земного шара. Мы находимся в капиталистическом окружении. Буржуазия всех стран, особенно фашистских, засылает к нам своих шпионов, вредителей, диверсантов и использует для этой гнусной работы все осколки и остатки разбитых внутри нашей страны классовых врагов. Троцкистско-зиновьевские негодяи, эти злейшие враги народа, и их союзники правые стали прямыми и штатными агентами японо-германского фашизма, бандой убийц и предателей. Оголтелые враги социализма пытаются ослабить мощь советского государства вредительством, диверсией, шпионажем, террористическими актами против руководителей партии и советской власти.

Вот почему беспощадная борьба против злейших врагов советского народа, борьба за разоблачение и окончательное уничтожение остатков разгромленной банды убийц и шпионов, агентов японо-германского фашизма — троцкистов, правых и других контрреволюционеров и врагов советского народа является одной из важнейших задач советской прокуратуры как могучего органа защиты советского государства.

Борьба за неуклонное проведение в жизнь закона от 7 августа 1932 г., всем острием своим направленного против расхитителей общественной собственности и против мелкобуржуазных, частнособственнических предрассудков, составляющих почву для безнаказанности посягателей на общественную социалистическую собственность советского народа, является одной из важнейших задач советской прокуратуры.

Статья 131 Конституции возлагает на каждого гражданина СССР обязанность

...«беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся».

Сталинская Конституция подчеркивает, что именно общественная социалистическая собственность, являющаяся основой советского строя, является источником богатства и могущества нашей родины, источником зажиточной и культурной жизни трудящихся. Вот почему процветание и укрепление общественной социалистической собственности является основой благосостояния и личного счастья каждого трудящегося СССР. Вот почему лица, покушающиеся на общественную социалистическую собственность, являются врагами народа, как говорит статья 131 новой Конституции, и подлежат самому суровому наказанию.

Борьба за общественную социалистическую собственность — это не только борьба с расхитителями и врагами народа, это борьба за советскую дисциплину, за экономию, за бережное и рачительное отношение к народному достоянию, против бесхозяйственности, расхлябанности, разгильдяйства, халатности, против всех старых привычек и пережитков старой психологии.

Величайшее отличие новой Конституции, как и Конституции предшествующего периода, от конституции самой демократической буржуазной страны заключается в реальности провозглашенных ею прав граждан. Глава 10 Сталинской Конституции поднимает права граждан в СССР на исключительную высоту. В каждом параграфе, в каждой строке Конституции отражается все величие эпохи победившего социализма.

Вся сила и мощь социалистической организации советского хозяйства и советский закон гарантируют незыблемость и неприкосновенность основных прав гражданина СССР. Закон требует также выполнения гражданином СССР его священных обязанностей перед родиной. Закон сурово карает за преступления перед родиной, беспощадно уничтожает изменников родине, предателей вражеских наемников.

Органы прокуратуры призваны зорко охранять права и интересы граждан СССР, направляя всю силу революционной законности против всякой попытки нарушить эти права и тем самым нарушить советскую Сталинскую Конституцию, которая представляет, как говорит товарищ Сталин,

«...исторический документ, трактующий просто и сжато, почти в протокольном стиле, о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР от капиталистического рабства, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии». «Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты» [1].

Судебные функции советской прокуратуры иные, чем любой буржуазной прокуратуры. В советском суде прокурор — представитель социалистического государства рабочих и крестьян.

Советский прокурор — это прежде всего политический деятель советского государства, изобличитель всех врагов социализма и всех

---

[1] Сталин, Доклад о проекте Конституции Союза ССР, стр. 15, Партиздат, 1936.

[1] Сталин, Доклад о проекте Конституции Союза ССР.

преступных козней и гнусных замыслов этих врагов против трудящихся. Он — выразитель великих принципов борьбы за социализм и социалистическое строительство. От лица миллионов народных масс, навсегда покончивших с угнетением и эксплоатацией, с неравенством и бесправием, с нуждой и горем, советский прокурор изобличает преступников и их преступления. На судебной трибуне он, как на фронте гражданской войны, — боец великой армии, борющейся под знаменем коммунизма, под знаменем партии Ленина — Сталина. Судебная деятельность советской прокуратуры — это общественная деятельность в самом широком и самом высоком смысле этого слова.

Новая Конституция отводит советскому суду и прокуратуре как органам охраны социалистической законности большое место. Сталинская Конституция возлагает на нашу прокуратуру еще более ответственные обязанности, чем это было до сих пор, предъявляя к нам еще более строгие требования по охране социалистической законности и всех интересов советского государства.

Великие обязанности возлагаются нашей Конституцией на прокуратуру. Вместе с тем, на прокуратуру возлагается и великая ответственность за выполнение этих обязанностей. Законно поэтому поставить вопрос — достаточно-ли сильна и крепка наша прокуратура для выполнения этих задач? Все ли сделано нами для того, чтобы обеспечить выполнение органами прокуратуры этого великого своего долга? К сожалению, на этот вопрос мы не можем дать полностью положительного ответа.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые прокуратурой за время своего существования, несмотря на то, что десятитысячная армия прокуроров и следователей честно и по-большевистски выполняет свой долг перед партией, перед революцией и перед родиной, мужественно и энергично борется с врагами социализма, верой и правдой служит своему народу и своей родной ленинско-сталинской партии, в работе органов прокуратуры есть еще много крупнейших недостатков, порождаемых неудовлетворительной подготовкой, слабой политической и юридической квалификацией, культурным отставанием ряда наших прокуроров и следователей. До сих пор еще среди нас имеются люди, допускающие сплошь и рядом грубейшие политические и юридические ошибки, не умеющие по-настоящему, по-большевистски, как учит нас партия Ленина — Сталина, бороться за социалистическую законность. Среди нас еще есть люди слабые и нерешительные, есть люди, не обладающие необходимой остротой политической бдительности, страдающие «идиотской болезнью беспечности». Но, что еще хуже и позорнее, в СССР находятся еще и прямые изменники и предатели, двурушники, троцкистские негодяи, агенты японо-германских разведок. Наш долг — усилить свою бдительность и политическую дальнозоркость, вскрыть и до конца разоблачить сидящих кое-где в советском аппарате и, в частности, в аппарате прокуратуры предателей и преступников, вырвать их из нашего аппарата с корнем, очиститься от всех негодяев и изменников быстро, решительно и до конца.

Наш долг — перестроить свои ряды, повысить качество нашей работы систематической и серьезной работой по политическому воспитанию своих кадров, по повышению их юридической и правовой квалификации. Наш долг повысить боеспособность нашей прокуратуры, сделать ее еще более могучей и сильной, еще более подготовленной к решению ответственнейших задач, к выполнению ответственнейших требований, предъявляемых нам партией и правительством.

15 лет существования и деятельности советской прокуратуры — большой срок. Каждый следующий год будет предъявлять к нам все новые и новые требования, и мы должны быть готовы с честью эти требования выполнить, оказаться на высоте наших великих обязанностей, нашей великой эпохи — эпохи победившего под знаменем партии Ленина—Сталина социализма.

Г. СЕГАЛ

Железнодорожная прокуратура в борьбе за социалистический транспорт

Железнодорожная прокуратура и железнодорожные линейные суды были организованы по постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 ноября 1930 г. «в целях усиления борьбы с преступлениями, угрожающими нормальной работе транспорта, приближения разбора дел об этих преступлениях к месту их совершения и ускорения производства этих дел, а также в целях привлечения к борьбе с преступлениями на транспорте внимания широкой пролетарской общественности».

Создание железнодорожных линейных судов и железнодорожной прокуратуры совершенно не случайно совпадает с периодом развертывания борьбы партии за коллективизацию сельского хозяйства. Железнодорожный транспорт только в представлении закоренелых бюрократов являлся «полосой отчуждения», отгороженной от процессов, происходящих в стране. Успешное проведение политики социалистической индустриализации страны, подготовленный этой политикой великий перелом в советской деревне, поворот основных масс крестьянства к новому социалистическому пути развития, к коллективизации — весь этот великий исторический процесс приводил к вытеснению остатков разбитых эксплоататорских классов в городе и к ликвидации последнего капиталистического класса — кулачества. Разворот первой социалистической пятилетки, предъявлявшей к транспорту усиленный спрос на перевозку, требовал увеличения кадров железнодорожников. Пользуясь этим спросом на кадры, разбросанностью предприятий железнодорожного транспорта на огромном протяжении нашей страны, а главным образом отсутствием революционной бдительности основных кадров транспорта и засоренностью

командного состава бюрократами и вредителями, «бывшие люди» и кулаки, вытесненные из промышленности и сельского хозяйства, «устраивались» на железных дорогах. С обострением классовой борьбы в стране активизировались саботажнические и вредительские элементы, гнездившиеся в «старых» кадрах транспорта и выполнявшие диверсионные и подрывные задания иностранных контрразведок. Усиление перевозок и густота движения на железнодорожном транспорте требовали укрепления дисциплины и четкости работы. Между тем, «деятельность» всех этих враждебных элементов, не встречавшая должного отпора на транспорте, приводила к разложению дисциплины и к росту крушений, дезорганизовывавших работу железных дорог.

Все это вызывало необходимость создания специального органа диктатуры пролетариата, наносящего решительные, быстрые и меткие удары по вредителям, саботажникам и нарушителям железной дисциплины на транспорте. Таким органом и должны были явиться вновь созданные железнодорожные суды и прокуратура.

К их подсудности были отнесены все преступления, нарушающие нормальную работу транспорта, независимо от того, совершены ли эти преступления работниками транспорта или прочими гражданами. Постановление ЦИК и СНК СССР требовало от железнодорожных судов устраивать судебные заседания возможно ближе к месту совершения преступления: в железнодорожных мастерских, депо, рабочих клубах и т. д., с привлечением на заседания суда широкой рабочей общественности. Оно требовало от железнодорожной прокуратуры и судов при расследовании преступлений, совершенных на транспорте, «не только устанавливать непосредственных совершителей преступлений, но также тщательно выявлять и лиц, ответственных за общую постановку дела на данном участке транспорта, в целях применения к ним суровой репрессии».

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 января 1931 г. Положение о государственных преступлениях было дополнено ст. 17—3, устанавливавшей суровую репрессию за нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины, если это нарушение повлекло или могло повлечь крушение, простои подвижного состава, нарушение планов перевозок.

Практика вскоре же показала целесообразность организации специальных железнодорожных прокуратуры и суда. Раньше борьба с преступлениями на железнодорожном транспорте являлась для общих территориальных органов суда и прокуратуры, выполнявших эту обязанность, второстепенной, побочной работой, дела тянулись долго, рассматривались большей частью без участия массы железнодорожников, причем судьи и прокуроры не разбирались в специальных вопросах работы железнодорожного транспорта и железнодорожной техники.

Создание специальных судов, разбиравших дела с участием заседателей-железнодорожников, и специальной прокуратуры привело к значительному усилению интереса широкой массы железнодорожников к судебным процессам, к заострению репрессии против врагов, разгильдяев и хулиганов, подрывавших работу транспорта. На судебных заседаниях вскрывались и разоблачались гнилые порядки на многих участках железнодорожного транспорта, годами никем не замечавшиеся и приводившие к крушениям и авариям, к расхищению грузов и т. п.

Однако работа железнодорожной прокуратуры и судов страдала (как и продолжает страдать) рядом крупных недостатков. Слабость этих органов в первый период их существования (до середины 1933 г.) характеризуется следующим:

1) В самой их структуре была организационная незавершенность. Хотя они и были построены по линейному принципу, соответствовавшему принципу построения железных дорог, организационно они входили в состав территориальных органов суда и прокуратуры, подчиняясь лишь в оперативном отношении Верховному суду и прокуратуре Верховного суда СССР, которым, в свою очередь не были подчинены территориальные органы суда и прокуратуры. Разрыв между организационным и оперативным руководством приводил к текучести состава, к внутренней борьбе, к слабости руководства и отсутствию дисциплины и, как следствие, к слабой боеспособности. Организационная расплывчатость особенно отражалась на прокуратуре, которая по самой своей природе требует срочной цивилизации прокуратуры дорог, организационно не подчиненные прокуратуре Верховного суда СССР, в свою очередь не имели подчиненной им периферии — на участках работали попрежнему районные территориальные прокуроры, получившие название «головных» прокуроров и занимавшиеся между прочим вопросами транспорта. Они входили в состав соответствующей областной или краевой прокуратуры, и дорожные прокуроры не имели почти никаких способов руководства ими.

2) Дорожные прокуроры, почти не имея следственного аппарата и связи с линией, ограничивали свою деятельность выступлениями в судебных заседаниях, подобно тому, как прокуратура Верховного суда СССР являлась исключительно судебной прокуратурой и занималась почти только дачей заключений по кассационным жалобам в Верховном суде.

3) Прокуроры и судьи только знакомились с железнодорожным хозяйством, имели крайне смутное представление о железнодорожной технике и на этой почве допускали в своей работе грубые ошибки в самых элементарных вопросах.

4) Работа прокуратуры и судов проходила оторванно от партийных и профессиональных организаций транспорта и крайне слабо ими популяризировалась.

Известные июльские решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1933 г. подвергли резкой критике работу железнодорожного транспорта. СНК и ЦК ВКП(б) сурово осудили «все еще неизжитый, окончательно обанкротившийся канцелярско-бюрократический метод руководства железными дорогами», плохую работу коммунистов и беспартийных активистов, как источник плохой работы железнодорожного транспорта, отсутствие самокритики и трусливое замазывание ошибок в работе, отсутствие классовой бдительности, политическую слепоту многих партийных организаций транспорта, не разоблачающих классовых врагов, пролезающих на железные дороги и пытающихся вести вреди-

тельскую и разлагающую работу. СНК и ЦК ВКП(б) отметили, что «против прогульщиков, летунов и прочих дезорганизаторов производства на железных дорогах не создано еще должной атмосферы всеобщего осуждения и позорного изгнания их из рядов железнодорожников».

Постановление ЦК ВКП(б) «О политотделах на железнодорожном транспорте» потребовало от них обеспечения сознательной железной дисциплины, развертывания борьбы с классово чуждыми и враждебными элементами, выявления, разоблачения и удаления их с железнодорожного транспорта, разоблачения и беспощадного изгнания из партийных и комсомольских организаций оппортунистических и социально чуждых элементов, ведущих подрывную работу под прикрытием партбилета.

В качестве одной из основных задач решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) поставили перед всеми организациями железнодорожного транспорта борьбу с крушениями и авариями и с хищениями социалистической собственности.

В июне 1933 г. ЦИК и СНК СССР утвердили «Устав о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта СССР», преследовавший цель укрепления железной дисциплины на транспорте и очищения его от чуждых и враждебных элементов.

С решениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) о железнодорожном транспорте совпадает создание Прокуратуры Союза ССР.

Все эти мероприятия партии и правительства определяют начало второго периода работы железнодорожной прокуратуры и судов.

Существовавшая прежде организационная расплывчатость была устранена. Железнодорожная прокуратура стала централизованным аппаратом, полностью подчиненным во всех отношениях Прокуратуре Союза ССР. На дорогах были созданы участковые прокуратуры со следственным аппаратом. В составе Прокуратуры Союза ССР была организована главная транспортная прокуратура, на которую было возложено непосредственное организационное и оперативное руководство дорожными прокуратурами.

Железнодорожная прокуратура, выполнявшая ранее почти исключительно судебные функции, стала развертывать все отрасли прокурорской работы. На нее был возложен надзор за следствием в транспортных органах б. ОГПУ, чем она раньше не занималась. Вступил в действие следственный аппарат самой железнодорожной прокуратуры. Стала развертываться общенадзорная работа, основным объектом которой являлся надзор за правильностью применения дисциплинарных взысканий в соответствии с Уставом о дисциплине.

Основная работа железнодорожной прокуратуры и судов заключалась в борьбе с крушениями и с хищениями социалистической собственности.

Хищения грузов к этому времени приобрели чрезвычайно распространенный характер. Товарищ Сталин в докладе на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. указал, что главное в «деятельности» последних остатков умирающих классов, вышибленных из колеи и расползшихся по фабрикам, заводам, железным дорогам, колхозам, совхозам заключалось в организации массового воровства и хищения государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности.

На железных дорогах орудовали крупные организованные шайки, занимавшиеся вскрытием вагонов, выбрасыванием грузов, ограблением железнодорожных пакгаузов. Эти шайки возглавлялись классовыми врагами, проникшими на транспорт, действовавшими совместно с кулацкими, деклассированными, преступными элементами окружающих районов и втягивавшими в свои воровские шайки неустойчивые элементы из среды железнодорожников. В ряде случаев воровские шайки возглавлялись лицами, посторонними транспорту и использовавшими преступные элементы из среды железнодорожников для разведки характере грузов, для выкрадывания документов и т. п. Крупные непорядки в организации охраны грузов, безнадзорность и неосвещенность товарных дворов и станций, расхлябанность дисциплины кондукторских бригад способствовали работе воровских шаек. Пользуясь всем этим, хищники нагло орудовали, занимаясь прямым вредительством, разрушая подвижной состав и путь для удобства хищений.

Руководствуясь указанием товарища Сталина о том, что «революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности», железнодорожные прокуратуры и суды проделали большую работу на основе постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. об охране общественной, социалистической собственности. Они разгромили большое количество организованных воровских шаек, осудили немалое число хозяйственников, своей беспечностью и непринятием мер к охране грузов способствовавших расхитителям социалистической собственности. Дорожные и участковые прокуроры в порядке прокурорского надзора проверяли состояние охраны грузов, добиваясь приведения в порядок товарных дворов, станций, пакгаузов и т. п. Под нажимом прокуратуры на дорогах был проведен ряд мероприятий, способствовавших улучшению охраны социалистической собственности. Эта работа, несомненно, принесла положительные результаты.

Кадры железнодорожной прокуратуры и суда овладевали техникой железнодорожного транспорта. Расследование дел о крушениях стало более грамотным. Организация политотделов создала условия для мобилизации массы железнодорожников вокруг проводимых процессов. Судебная борьба с крушениями стала более интенсивной. И тем не менее, она не принесла результатов в смысле сокращения крушений. Причина этого заключалась в том, что решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) о перестройке работы железнодорожного транспорта выполнялись неудовлетворительно. Канцелярско-бюрократические методы руководства не были выкорчеваны. Борьба за дисциплину проводилась формально. Практика дисциплинарных взысканий страдала грубейшими бюрократическими извращениями; массовые взыскания, налагавшиеся формально, для самостраховки администраторов, без разъяснительной работы, без мобилизации общественности приводили к притуплению у железнодорожников

чувства ответственности. Политотделы, одной из основных задач которых являлась борьба с канцелярско-бюрократическими методами, сами в значительной мере заразились ими; работа их, как и всего железнодорожного транспорта в целом, подверглась резкой критике на XVII съезде ВКП(б). Само собой разумеется, что бюрократический характер работы железнодорожных организаций отнюдь не содействовал усилению революционной бдительности железнодорожных кадров и выкорчевыванию классовых врагов. Они продолжали орудовать, разлагая дисциплину, насаждая местнические антигосударственные настроения, культивируя теорию неизбежности крушений, срывая выполнение государственных планов перевозок.

Грубыми бюрократическими извращениями страдала и работа органов прокуратуры и суда на железнодорожном транспорте, в особенности в области борьбы с крушениями. Она характеризовалась самотеком, массовой судимостью, неуменьем вскрыть основных виновников крушений и обрушить на них тяжесть судебной репрессии. Массовая судимость неизбежно влекла за собой низкий уровень репрессии, формальное проведение процессов, отсутствие мобилизации масс.

Перелом в методах работы произошел с приходом на железнодорожный транспорт т. Л. М. Кагановича.

В первом же своем приказе от 19 марта 1935 года «О борьбе с крушениями и авариями» т. Л. М. Каганович подверг беспощадной критике применявшиеся на транспорте методы борьбы с крушениями. Этот приказ впервые в истории железнодорожного транспорта с большевистской прямотой опубликовал для сведения широчайших масс статистику крушений, воочию показав, до каких размеров дошло это позорное явление. «К крушениям привыкли, — говорил приказ, — считают их обычным делом».

«Самыми «энергичными мерами», которые принимаются в результате ознакомления начальников дорог и эксплоатационных отделений с сообщениями о крушениях и авариях, является передача дел в суд. Прокуроры обвиняют, суды судят, а число крушений растет». «Судимость на железных дорогах начинают считать таким же привычным, «неизбежным» делом, как и крушения». Приказ т. Л. М. Кагановича со всей остротой поставил вопрос о том, что «в крушениях концентрируются все недостатки в работе железных дорог», потребовал коренной большевистской перестройки всего дела борьбы с крушениями, проведения организационно-хозяйственных мероприятий, анализа крушений и установления их причин, большевистского сочетания массовой разъяснительной работы с мерами принуждения.

Вопрос о борьбе с крушениями был специально обсужден на совещании работников железнодорожного транспорта с участием товарища Сталина, руководителей партии и правительства. На этом совещании был выработан ряд практических мероприятий по обеспечению безопасности движения. Наряду с этим было указано, что суд является последним средством. Это указание требовало коренной перестройки работы органов прокуратуры и суда на транспорте. Перед ними стала задача ликвидации самотека и массовой судимости, заострения репрессии против врагов и дезорганизаторов транспорта.

С первых же шагов своей работы на транспорте т. Л. М. Каганович разоблачил свившую себе прочное гнездо антисоветскую вредительскую «теорию предела», сковывавшую транспорт, препятствовавшую его движению вперед, превращавшую транспорт в узкое место народного хозяйства в препятствие победоносному росту социалистического строительства в нашей стране.

Большевистское руководство, разгромившее теорию предела, вскрывшее огромные резервы работы транспорта, искусственно зажимавшиеся под прикрытием этой вредительской теории, создавшее все условия для подъема масс, развития стахановско-кривоносовского движения, обеспечило бурный рост работы железнодорожного транспорта. Среднесуточная погрузка, равнявшаяся в 1934 г. 55 717 вагонов, поднялась в 1935 г. до 68 098 вагонов, в 1936 г. до 86 160 вагонов.

Изменилась и работа прокуратуры и судов на железнодорожном транспорте. Отказавшись от применения массовой репрессии, они обеспечили значительно более высокий уровень репрессии против дезорганизаторов транспорта и аварийщиков. Поднялось качество подготовки и проведения судебных процессов. Показательным в этом отношении был прошедший в октябре 1935 г. процесс о крушениях на станции Тихонова-Пустынь, привлекший к себе внимание буквально всей армии железнодорожников и способствовавший укреплению дисциплины на транспорте.

Новый период в работе прокуратуры и судов на железнодорожном транспорте характеризуется значительным укреплением связи с руководством НКПС и согласованности работы с ним. Усилилась оперативность прокуратуры и быстрота воздействия на нарушителей дисциплины, усилилось оперативное руководство главной прокуратуры железнодорожного транспорта.

Количество преданных суду по делам о крушениях в 1936 г., по сравнению с 1935 г., понизилось на 40%; количество осужденных по этим делам понизилось на 36,3%. Зато значительно усилилась жесткость применяемых репрессий: если в 1935 г. к мерам, не связанным с лишением свободы, было приговорено 55,2% осужденных за крушения, то в 1936 г. таким мерам было подвергнуто лишь 13,6% осужденных.

Это произошло в результате значительно более осторожного подхода прокуратуры к преданию суду и значительно более жесткого подхода судов к нарушителям железной дисциплины на транспорте.

Вместе с тем выросла быстрота воздействия на виновников крушений. Если раньше сроки следствия по делам о крушениях были чрезвычайно длительными, то в 1936 г. около 75% дел о крушениях расследовалось в 10-дневный срок. За последние месяцы 1936 г. темпы следствия по этим делам еще более усилились: 63% дел о крушениях было расследовано в срок до 5 дней и 82% — в срок до 10 дней.

Гигантский рост успехов социалистического строительства в нашей стране, рост культурности масс, улучшение их благосостояния привели к резкому сокращению преступности в

Советском союзе. Этот же процесс чрезвычайно интенсивно происходит и на железнодорожном транспорте. Чрезвычайно показательна в этом отношении динамика законченных следствием дел по кварталам 1935—1936 гг. Если принять количество законченных следствием дел в I квартале 1935 г. за 100, то во II кв. их было 76,8, в III кв. — 62,9, в IV кв. — 70,0, в I кв. 1936 г. — 65,9, во II кв. 48,9, в III кв. — 36,5 и в IV кв. — 52,5. (некоторый рост количества дел в IV квартале 1936 г. объясняется усилением борьбы с крушениями в этом квартале).

Всего в 1936 г. было закончено следствием дел на 34,4% меньше чем в 1935 г., привлечено лиц на 38,5% меньше.

Переходя к отдельным категориям дел, необходимо отметить, что в 1936 г. значительно сократилось количество дел: о хищениях на железнодорожном транспорте — на 36% (здесь необходимо, в частности, отметить проведенную прокуратурой и судами борьбу с хищениями и порчей автотормозного оборудования, приведшую к почти полной ликвидации этого явления); о должностных корыстных преступлениях — почти вдвое; о преступлениях в области рабочего снабжения на 34%; о хулиганстве на 26%.

Необходимо отметить увеличение роли транспортных следователей в расследовании дел о преступлениях на железнодорожном транспорте.

Если в 1935 г. транспортными следователями было расследовано 25,9% дел, то в 1936 г. этот процент увеличился до 29,7; при этом в 1936 г. отмечается непрерывный рост процента дел, расследованных следователями, дошедшего в IV квартале до 37,9.

Приходится вместе с тем констатировать высокий процент прекращения прокуратурой и направления ею к доследованию следственных дел, крайне незначительно снизившийся в 1936 году (в 1935 г. — 20,2%, в 1936 г. — 18,4%). Это объясняется тем, что:

1) прокуроры далеко еще не устранили практики неосновательного возбуждения дел. Не давая себе труда критически проанализировать поступивший материал, прокуроры направляют его для производства расследования. В результате — частое неосновательное дергание людей, отрыв их от работы, деморализация и т. п.;

2) крайне недостаточен надзор прокуратуры в процессе расследования. Это обстоятельство является одним из крупнейших пробелов в работе нашей прокуратуры.

Вместе с тем следует отметить значительное снижение процента прекращения и направления на доследование линейным судом дел, передаваемых прокуратурой. Этот процент, равнявшийся в 1935 г. 16,4, снизился в IV квартале 1936 г. до 8,8. Снизился как процент оправдания в линейных судах (за 1936 г. — 4,2%, отдельно за IV квартал — 3,5%), так и процент прекращения и направления на доследование рассмотренных линейными судами дел транспортной коллегией Верховного суда союза ССР с 13,3 в 1935 г. до 9,2 — в 1936 г.

Улучшение подготовки судебных процессов линейными судами и усиление мобилизации масс железнодорожников вокруг этих процессов выразились в росте участия представителей прокуратуры в судебных процессах. В 1935 г. представители прокуратуры поддерживали обвинение по 71,8% дел, рассмотренных линейными судами (не считая спецдел); в 1936 г. процент участия представителей прокуратуры вырос до 84,5. Однако здесь необходимо отметить недопустимо высокое количество случаев поддержания обвинения следователями: в 1935 г. следователи поддерживали обвинение по 16,9%, в 1936 г. по 14,2% дел, рассмотренных линейными судами. Это обстоятельство свидетельствует о явной недооценке прокурорами значения прокурорских выступлений на суде и вместе с тем приводит к отрыву следователей от их непосредственной работы по расследованию преступлений. Перед нами стоит задача ликвидации использования следователей в качестве обвинителей в судебных процессах.

Железнодорожная прокуратура завоевала прочное место в работе железнодорожного транспорта. Сила ее заключается в том, что она связана с производственным процессом железнодорожного конвейера и связана с людьми, работающими на транспорте.

В большей степени чем территориальная, транспортная прокуратура имеет все возможности к организации мощного актива из лучших работников транспорта — стахановцев, сигнализирующих ей о прорывах в работе и помогающих осуществлять надзор за законностью и разоблачать классовых врагов.

Однако, несмотря на улучшения в работе прокуратуры на железнодорожном транспорте, в ней до последнего времени имел место крупнейший политический пробел, который со всей остротой встал перед нами в свете решений пленума ЦК ВКП(б), в свете фактов, вскрытых процессов по делу антисоветского троцкистского центра. Этот пробел заключается в том, что следственные органы и прокуратура, а за ними и суды не вскрыли истинной политической сущности действий виновников ряда крупнейших крушений, не сумели из среды разгильдяев выделить сознательных врагов и диверсантов. Ряд крушений, как теперь установлено, сознательно организованных троцкистскими бандитами, был расследован и рассмотрен судами под углом зрения обычных нарушений дисциплины на железнодорожном транспорте. Диверсанты и вредители не были разоблачены и прошли перед судом в роли головотяпов и нарушителей железнодорожных правил.

Так было по делу о крушении воинского поезда на станции Шумиха Южно-Уральской железной дороги, организованном бандой диверсантов под руководством фашистского шпиона, троцкиста Князева. Хотя виновники этого крушения, за исключением самого Князева, и были приговорены к суровым мерам наказания, но они не были разоблачены как диверсанты, каковыми они в действительности являлись, и корни вредительской организации не были вскрыты.

Так было по делу о крупном крушении на станции Козырево Южно-Уральской железной дороги в мае 1936 г., по делу о взрыве топки паровоза «ФД» на перегоне Роза—Варгаши этой же дороги в январе 1936 г., по делу о крушении на перегоне Казьяк—Шамары же-

лезной дороги им. Кагановича в сентябре 1936 года и по целому ряду других дел.

Могут сказать, что во время расследования этих дел, не зная о нитях, связывающих организаторов крушений с антисоветским центром, органы расследования и прокуратура не могли вскрыть истинной природы крушений. Однако анализ ряда дел о крушениях, являющихся, как теперь полностью установлено, результатом диверсий, показывает, что уже непосредственно после крушений в распоряжении прокуратуры имелись факты, при тщательном анализе и сопоставлении которых можно и должно было выявить умышленность действий виновников крушений.

Так, например, по делу о крушении на станции Козырево в следственном материале имелись такого рода факты:

1) дежурный по станции Факеев, принимая на станцию поезд № 801, который должен был проходить станцию Козырево без остановки, сознательно задерживал отправление со станции поезда № 721 и отправил его лишь в момент подхода к станции поезда № 801, хотя оба эти поезда должны были проходить через одну и ту же стрелку;

2) встречая входивший на станцию поезд № 801, Факеев давал неясные сигналы, путавшие машиниста;

3) на следствии Факеев заявил, что сознательно нарушил правила технической эксплоатации и техническо-распорядительного акта станции, объяснял это тем, что «считал правила устаревшими и хотел это обстоятельство проверить на практике» (не указывает ли самый характер этой оговорки на умышленность крушений?);

4) при обыске у Факеева было обнаружено несколько чужих документов.

Разве недостаточно было этих фактов, чтобы с полным основанием уже тогда предъявить Факееву обвинение в сознательной организации крушения? Однако этого не было сделано. Факеев был осужден, но не как диверсант, а как нарушитель дисциплины.

Отсутствие необходимой зоркости у прокуратуры и органов расследования привело к тому, что враги и диверсанты не были своевременно разоблачены.

Столь серьезный политический пробел в работе прокуратуры можно объяснить лишь деляческим подходом к следствию и аполитицизмом.

Ограничиваясь выяснением внешних обстоятельств крушения, формальной его стороной, идя по следам выводов технического расследования (которое, как теперь оказалось, в ряде случаев производилось людьми, старавшимися сознательно навести следствие на ложный путь), прокуратура не делала необходимого политического анализа имевшихся в ее распоряжении фактов, не делала необходимых обобщений.

Увлеченные успехами железнодорожного транспорта, некоторыми достижениями в своей собственной работе (быстрота следствия, большая техническая его грамотность, заострение репрессии против нарушителей дисциплины) работники железнодорожной прокуратуры забыли о том, что «пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств» (Сталин). Работники прокуратуры не видели того, что «современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств» (Сталин).

Новые сложные задачи стоят перед железнодорожной прокуратурой в свете решений пленума ЦК ВКП(б). Методы расследования крушений коренным образом меняются. Ответственность за установление действительных причин крушения возлагается непосредственно на прокуратуру, которая должна выполнять эту задачу совместно с органами НКВД и вновь созданным институтом ревизоров по безопасности движения.

Эта задача требует от прокуроров и следователей железнодорожной прокуратуры высокого идейно-политического уровня, подлинного овладения большевизмом, умения расшифровывать махинации врагов, как бы хитроумно они ни были бы завуалированы. Она требует от работников железнодорожной прокуратуры высокой криминалистической грамотности и знания основ железнодорожной техники. Без этих условий невозможно справиться со всей сложностью задач, стоящих перед железнодорожной прокуратурой.

У нас есть уже теперь немало прокуроров и следователей, которые выросли на работе и с точки зрения политической и с точки зрения своей специальности не плохо знают технику железнодорожного дела. Однако мы обязаны добиться серьезного поднятия уровня всего коллектива работников железнодорожной прокуратуры. В наши ряды вольется в связи с новыми задачами ряд новых работников. Они должны будут на ходу, в процессе работы, накапливать опыт и усваивать знания, необходимые для железнодорожного прокурора и железнодорожного следователя.

В работу по установлению причин крушений вовлекается армия районных территориальных прокуроров, которые должны в случае отсутствия на месте участкового железнодорожного прокурора, выезжать на крушение и руководить первоначальным составлением акта о причине крушения. Это налагает на железнодорожных прокуроров обязанность установления тесной связи с районными прокурорами и их постоянного инструктажа.

Все это требует серьезной перестройки работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта. Она должна устранить из своей работы бюрократизм, неповоротливость и текучку, обеспечить подлинное, большевистское, конкретное руководство работой своей периферии, живую связь с ней и повседневную практическую помощь. Она должна воспитывать прокуроров и следователей в духе политической зоркости и большевистской непримиримости, она должна оказывать им твердую поддержку в их борьбе с вредительскими махинациями врагов и с нарушениями государственной дисциплины на транспорте, невзирая на лица.

В апреле этого года прошло Всесоюзное совещание прокуроров железных дорог. На этом совещании были подвергнуты в свете истори-

ческих решений пленума ЦК ВКП(б) жесткой критике благодушие и политическая слепота, проявленные работниками железнодорожной прокуратуры и самой главной прокуратуры железнодорожного транспорта по ряду дел о крушениях, недоброкачественном ремонте и т. п., которые, как теперь установлено, явились результатом подрывной деятельности троцкистских шпионов и диверсантов, бюрократизм и неповоротливость аппарата главной прокуратуры, слабая работа по изучению и воспитанию кадров, отсутствие должной проверки исполнения.

Это совещание, несомненно, дало серьезную зарядку работникам железнодорожной прокуратуры. Задача теперь заключается в том, чтобы в повседневной работе, в крупном и в мелочах обеспечить перестройку работы не на словах, а на деле и выдержать тот политический экзамен, который предстоит нам в деле выполнения решений пленума ЦК ВКП(б).

Мы не сомневаемся в том, что прокуроры и следователи железнодорожной прокуратуры, партийные и непартийные большевики, поставленные партией и правительством на острейшем участке борьбы с классовыми врагами на железнодорожном транспорте, вооруженные историческими решениями пленума ЦК ВКП(б) и указаниями товарища Сталина, сумеют на основе большевистской самокритики и упорной работы над повышением своего идейно политического и специального уровня, оправдать доверие партии и помогут железнодорожному транспорту нашей великой родины окончательно разгромить троцкистских и всяких иных двурушников, диверсантов и шпионов, пытающихся задержать победоносное движение вперед главного нерва экономической жизни страны социализма — железнодорожного транспорта.

С. МИРОНОВ

Прокуратура водного транспорта в борьбе за социалистическую законность

До начала 1934 г. борьба с преступлениями на водном транспорте возлагалась на органы территориальной прокуратуры. В конце 1933 г. в составе главной транспортной прокуратуры организовался водный сектор. К этому времени выросли и усложнились задачи водного транспорта.

Наркомвод действовал как союзный Наркомат. Речные и морские бассейны подчинялись непосредственно Наркомводу. Образование политических отделов во всех пароходствах еще больше создавало строгую централизованную систему управления водным транспортом. В этих условиях районные, краевые, областные и республиканские прокуроры были оторваны от хозяйственного руководства и политотделов. Водный бассейн одного пароходства находился на территории нескольких краев и областей. Это создавало крайне трудную обстановку в разрешении многих вопросов в организации борьбы с нарушениями революционной законности на водном транспорте.

Надо иметь в виду, что на водный транспорт проникали в большом количестве враждебные элементы и прямые враги народа. Кроме того разгильдяи, прогульщики, удаленные с других предприятий и железнодорожного транспорта, находили себе приют нередко на разных должностях в службе пути и даже поступали на суда. Все эти элементы занимались хищениями социалистической собственности, организовывали аварии и разлагали производственную дисциплину. Для борьбы со всеми этими преступлениями неоднократно выдвигался вопрос о создании централизованной прокуратуры и суда водного транспорта по примеру железнодорожной прокуратуры, так как территориальный суд и прокуратура не смогли справиться с большой работой, требующей знания техники водного дела и непрерывной связи с органами Наркомвода.

Прокуратура водного транспорта была организована согласно постановлению ЦИК СССР и СНК СССР от 7 июня 1934 г. для борьбы с нарушениями социалистической законности, охраны социалистической собственности и укрепления дисциплины на водном транспорте.

На основе этого постановления прокуратура была создана во всех морских и речных бассейнах. На важнейших производственных и эксплоатационных пунктах была образована участковая прокуратура в составе пом. прокурора бассейна, следователя и технического работника. До апреля 1936 г. в непосредственном подчинении Прокуратуры СССР находились прокуратуры следующих бассейнов: Черноморского, Каспийского, Верхневолжского, Средневолжского, Нижневолжского, Днепровского и Аму-Дарьинского. Прокуратура остальных 17 бассейнов состояла в ведении Прокуратуры РСФСР и только 7 апреля 1936 г. прокуратура этих бассейнов постановлением ЦИК и СНК СССР была также передана в непосредственное подчинение Прокуратуры Союза.

Ввиду отдаленности и разбросанности Печерского и Ленского бассейнов, специальная прокуратура при этих пароходствах в начале 1937 г. была ликвидирована и вся работа по обслуживанию передана прокуратуре Печерского округа и Якутской АССР. В настоящее время в непосредственном подчинении Прокуратуры Союза находится прокуратура 18 водных бассейнов.

В системе водной прокуратуры, кроме прокуроров бассейнов и их заместителей по штату состоит 51 пом. прокурора бассейна, 29 старших следователей и 44 участковых следователя. Если с подбором следователей дело обстоит сравнительно благополучно, то этого нельзя сказать в отношении прокуроров. До сих пор не заполнено 18 штатных прокурорских должностей. Прокуратура Союза непре-

рывно вела борьбу за улучшение и укрепление кадров. За 1936 г. снято с работы 16 прокуроров и следователей за различные проступки и по несоответствию. За 1935 г. по тем же причинам — 14 человек и в 1937 г. освобождено от работы 9 человек. С другой стороны, эти цифры говорят о недостаточно внимательном подборе работников со стороны главной прокуратуры водного транспорта и прокуроров бассейнов. С 1935 г. по май 1937 г. подготовлено и принято на работу 35 человек.

Создан большой актив водной прокуратуры. По заданию прокуроров работают в общественном порядке свыше 1000 человек рабочих и служащих для дела укрепления социалистической законности. Работает 105 соцсовместителей. По сигналам активистов прокуратуры немало было разоблачено и осуждено преступников.

1934 г. был годом формирования прокуратур бассейнов, подбирались работники, создавались формы и методы прокурорской работы на водном транспорте. Большая работа проведена по борьбе с хищениями и другими корыстными преступлениями.

В 1935 г. прокуратура допустила грубые ошибки, выразившиеся в неосновательном массовом привлечении к уголовной ответственности работников водного транспорта. Несмотря на указания Прокурора Союза, водная прокуратура в 1936 г. не добилась полностью ликвидации этих извращений. Случаи незаконного предания суду в 1936 г., хотя и в меньших размерах, продолжали иметь место.

Под руководством нашей партии и великого вождя народов товарища Сталина в нашей социалистической стране мы имеем громадный рост политической сознательности и повышение культурного и материального уровня трудящихся. В результате этого роста и на водном транспорте непрерывно уменьшается преступность, что подтверждается следующими данными: в 1936 г. поступило уголовных дел на 36,9% менее, чем в 1935 г.; привлечено лиц по оконченным делам в 1936 г. меньше на 47,4% против 1935 г.; предано суду в 1936 г. меньше на 39,9%; осуждено в 1935 г. 72,8%, а в 1936 г. 82,2% от общего количества лиц, преданных суду; улучшается качество работы. В 1935 г. прекращено 27% оконченных расследованием дел, а в 1936 г. прекращено 22,2%, а в I квартале 1937 г. прекращено 13,3%. Правда, это снижение далеко недостаточно. Все же оно характеризует непрерывное сокращение случаев неправильного, необоснованного привлечения к уголовной ответственности работников водного транспорта.

С момента организации прокуратура вела энергичную борьбу за охрану социалистической собственности на водном транспорте, неуклонно применяя закон от 7 августа 1932 г., что повлияло на сокращение хищений. По материалам военизированной охраны стоимость похищенного учтенного груза в 1936 г. уменьшилась в 4 раза по сравнению с 1934 г. Несмотря на это, борьба с хищениями и растратами находится в неудовлетворительном положении. По неполным сведениям Центроводторгпита растраты в органах орсов в 1935 г. составляли 0,72%, а в 1936 г. — 0,43% к общему обороту. Хуже всего с растратами дело обстоит в пароходствах: Уральском 2,13% к обороту, Селенгинском 3,40%, Куринском 2,78% и Аму-Дарьинском 1,76% к обороту. Некоторое сокращение растрат к обороту не говорит еще о благополучии на этом участке. До сих пор мы имеем большое число растрат и так называемых недостач, под которыми часто скрываются хищения социалистической собственности. Прокуроры бассейнов не выполнили решений январского совещания и не организовали учет хищений через управления пароходств, поэтому нельзя дать исчерпывающую динамику состояния преступности в области торговли.

Большие задачи закон возлагает на прокуратуру в борьбе с аварийностью флота. Мы имеем непрерывный рост аварий.

По речному транспорту в 1934 г. было 5556 аварий с убытком на 24 146 тысяч руб.; в 1935 г. — 7592 аварии с ущербом 26 486 тыс. руб. в 1936 г. — 10 835 аварий с материальным убытком на 35 042 тыс. руб.

По морскому транспорту материальный ущерб от гибели и повреждений судов в 1936 г. увеличился в два раза по сравнению с 1935 г.

Растут аварии в результате грубого нарушения трудовой дисциплины и игнорирования установленных правил плавания. Так, по этим причинам в 1935 г. произошло 3947 аварий, а в 1936 г. — 5668 аварий.

Первый месяц навигации 1937 г. также показывает дальнейший рост аварий. Наркомвод до сих пор не стал еще руководящим штабом по борьбе с аварийностью флота. Многие начальники пароходств и другие руководящие работники речных и морских бассейнов продолжают проявлять беспечность и ротозейство. На судебном процессе по делу о гибели ледокола «№ 7» было установлено, что начальник Черноморского пароходства Магон и начальник политотдела Степанов не выполняют приказ Наркомвода № 272 о борьбе с авариями, изданный в 1935 г. Они в течение 2 лет ни одного дела об аварии не разобрали с участием плавсостава и береговых работников. Поэтому водняцкие массы в Черном море не мобилизованы на борьбу с авариями. Старшины барж не знают правил сигнализации. Одесский порт выдумал не утвержденную никем временную сигнализацию, о которой в Черном море никто ничего не знает. Служебное расследование затягивается на несколько месяцев. К 1 мая 1937 г. в управлении Черноморского пароходства лежит без движения 76 аварийных актов. С недопустимым опозданием прокуратура черноморского бассейна приступила к расследованию и выявлению виновных всех этих преступных фактов, которые способствовали росту аварий.

В Каспийском пароходстве широко расцвела гнилая теория работы флота на износ. Положенный ремонт судам не проводился. Законные требования регистра нарушались. Выпускались в море суда с угрозой безопасности плавания. Танкер «Советская Армения» с грузом нефти затонул в 17 милях от Махач-Кала в результате грубейшего нарушения правил выпуска судов в море со стороны начальника Каспийского пароходства Меняйлова, который дал приказ отправить в рейс судно, несмотря на неисправность его корпуса. По этому делу прокуратура предает суду Меняйлова, началь-

ника-механика судовой службы Милова и начальника службы эксплоатации Гуллярова.

Прокуратура Каспийского бассейна обязана была значительно раньше ударить мерами судебной репрессии по виновникам преступной эксплоатации флота, тогда была бы вероятно предотвращена гибель «Советской Армении». Прокуратура, суд и политотделы плохо освещали судебные процессы в печати.

Враги народа — японо-немецко-троцкистские и бухаринские вредители, шпионы, диверсанты используют эти крупные недостатки и беспечность в органах водного транспорта для своей подрывной контрреволюционной работы, для организации аварий. Прокуроры бассейнов не ставили со всей политической остротой вопросы борьбы с авариями. Некоторые следователи и прокуроры проявляли делячество, аполитичность при расследовании дел об авариях, часто не выявляли злейших врагов народа — троцкистов-зиновьевцев и правых контрреволюционеров, которые подготовляли и организовывали диверсионные акты на водном транспорте.

В 1936 г. и особенно в начале навигации 1937 г. несколько улучшилась судебная политика по делам об авариях. Лишение свободы по этим делам в 1935 г. применено к 36,4% осужденных, а в 1936 г. к лишению свободы приговорено 63,3%.

Работа по общему надзору осуществлялась главным образом в области надзора за правильностью применения устава о дисциплине рабочих и служащих водного транспорта. Прокуратура вскрывала во всех пароходствах грубое нарушение дисциплинарного устава, что выражалось в массовом и очень часто неосновательном привлечении работников к ответственности и, наоборот, действительные разгильдяи и нарушители дисциплины оставались безнаказанными. Достаточно сказать, что в Черноморском пароходстве за 1936 г. подвергнуто дисциплинарным взысканиям свыше 30% всех капитанов судов. Все эти вопросы ставились перед начальниками пароходств и начальниками политотделов для принятия мер.

Прокуратура не ликвидировала волокиту в пароходствах и в Наркомводе по рассмотрению протестов и жалоб. Виновники канцелярско-бюрократических методов работы не получили решительного отпора со стороны прокуроров бассейнов. Надо признать, что за все годы существования водной прокуратуры недостаточно систематически осуществлялся надзор за законностью действий органов Наркомвода.

За 1936 г. просмотрено свыше 5000 постановлений и приказов органов Наркомвода, из них опротестовано 125 приказов. Кроме того проверено более 4000 приказов о наложении дисциплинарных взысканий, внесено по ним 377 протестов. Как правило, протесты прокуратуры на неправильное увольнение удовлетворялись хозяйственным руководством.

Работа по судебному надзору в 1936 г. улучшилась по сравнению с 1935 г. Увеличилось число выступлений в суде прокуроров. Больше опротестовывается неправильных приговоров и определений, но все же эта работа сильно отстает от поставленных задач Прокурором Союза. Нашей обязанностью является достигнуть в 1937 г. выступления прокуроров по всем делам, которые рассматриваются в судах водных бассейнов.

В 1936 г. приговорено к лишению свободы 66% общего числа осужденных против 49,3% в 1935 г. Но по многим делам, и, особенно, в отношении аварийщиков до сих пор применяются слабые меры наказания. Это происходит потому, что прокуроры бассейнов неправильно передоверяют поддержание обвинения в суде второстепенным работникам. Надо немедленно прекратить эту вредную практику.

За истекшие 2 года и 10 месяцев работы водной прокуратуры повысился уровень политической, юридической и технической подготовки прокуроров и следователей. Ежегодно проводились в Прокуратуре Союза конференции по повышению квалификации водных следователей. Многие пом. прокуроров бассейнов занимались в юридических кружках и готовились к сдаче юрминимума.

Эти мероприятия дают возможность повысить качество следственной работы в 1937 г. и, особенно, по делам об авариях. Следовательно, мы имеем все возможности для боевого выполнения указаний Прокурора Союза о коренной перестройке нашей работы по борьбе с авариями на водном транспорте.

Священной обязанностью прокуратуры водного транспорта является борьба за железную дисциплину среди водников, борьба за строжайшее соблюдение правил, ограждающих безопасность плавания, и суровая борьба с аварийщиками.

Наряду с этим необходимо обратить внимание всех прокуроров и следователей на правильное и вдумчивое отношение к вопросу о привлечении к уголовной ответственности лиц командного состава судов, а также инженерно-технических работников; не допускать огульного и необоснованного осуждения. Наряду с этим обратить сугубое внимание на выполнение закона 1932 г. о борьбе с прогулами.

Прокуратура водного транспорта должна со всей большевистской настойчивостью и решительностью проводить работу по ликвидации последствий вредительства. Разоблаченные враги народа, сидевшие на ответственных постах в Наркомводе, и уже в управлениях пароходств немало принесли ущерба своей подрывной вредительской работой: они посылали суда в плавание в аварийном, либо в явно неприспособленном для данных рейсов состоянии; преступно игнорировали технические и противопожарные правила; вредительски приказывали уничтожать большое количество деревянных судов, которые могли еще работать, затягивали и консервировали капитальное строительство; тормозили перевод судов на твердое топливо.

В работе прокуратуры водного транспорта главные недостатки и грубые ошибки заключаются в том, что своевременно не была вскрыта вредительская и подрывная деятельность этих заклятых врагов народа. Осознав эти ошибки, прокуроры бассейнов, участков и все следователи обязаны пронизать всю свою работу острой революционной бдительностью; вскрыть и уничтожить все остатки, все корешки подлых мерзавцев врагов народа, притаившихся на водном транспорте.

60% всех дел о преступлениях на водном транспорте расследуются следователями прокуратуры. Расследовано в срок до 10 дней за

первое полугодие 1935 г. 28,6%, за второе полугодие 1935 г. 30,4%. В среднем в 10-дневный срок расследовалось в 1936 г. 30,5% оконченных дел. Процент дел, расследование которых продолжалось свыше одного месяца, с 37,7 в 1935 г. снизился до 32,4 в 1936 г. Это снижение явно недостаточное.

Сроки расследования продолжают оставаться позорными. По сравнению с 1934 г. произошло ничтожное улучшение. Нет никаких объективных причин для оправдания такой волокиты в расследовании. Объяснить можно только безответственным отношением к делу следователей и слабым контролем со стороны прокуроров. По предварительным данным по делам об авариях в мае 1937 г. наступил перелом в сроках расследования. Прокуроры Балтийского, Московско-Окского бассейнов по многим делам заканчивают следствие не позднее 10-дневного срока и в то же время повысилось качество следственной работы. Эти первые успехи должны стать достоянием прокуратур всех бассейнов.

К 15-летию существования советской прокуратуры специальная прокуратура водного транспорта является более окрепшей и более подготовленной к борьбе за укрепление социалистической законности на водном транспорте на основе Сталинской Конституции. Созданы прокурорско-следственные кадры, работающие над собой не только в области повышения политической и юридической квалификации, но и усваивающие технику водного транспорта, без чего немыслимо культурно и правильно работать.

Мобилизуем все силы, все возможности на большевистское выполнение исторических решений февральского пленума ЦК ВКП(б) и указаний великого вождя народов товарища Сталина. Скорее овладеем большевизмом. Шире развернем критику и самокритику наших недостатков и ошибок. Поднимем работу водной прокуратуры на новую, более высокую ступень, достойную нашей замечательной эпохи великого социалистического строительства.

С. ГОЛУНСКИЙ

Пятнадцать лет борьбы за революционную законность

«Диктатура пролетариата», — пишет товарищ Сталин, — имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно. В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала или может отпасть в период строительства»[1].

Революционная законность есть форма политики пролетарской диктатуры и так же, как и сама диктатура пролетариата, «имеет свои периоды, свои особые формы». Оглядываясь в день 15-летия советской прокуратуры на пройденный ею путь и намечая ее дальнейшие перспективы, необходимо отчетливо уяснить себе, в чем конкретно заключались эти «периоды» и «особые формы» революционной законности, в чем заключается сущность революционной законности как законности социалистической в первый период коммунизма, в период социалистического общества.

Сделать это в настоящий момент особенно необходимо, во-первых, потому, что новая Сталинская Конституция поднимает на невиданную высоту значение советского закона как формы регулирования социалистических общественных отношений. Сделать это необходимо, во-вторых, и потому, что насаждавшиеся в течение ряда лет троцкистскими вредителями и двурушниками, вроде Пашуканиса, пренебрежительное отношение к советскому закону, отрицание принципиальной разницы между советским правом и правом буржуазным (а следовательно, и между нашей законностью и законностью буржуазии), как теперь всем ясно, являлось одной из форм классовой борьбы передового отряда международных контрреволюционных сил против победоносного строительства социализма. Это теперь ясно осознано всеми. Но мало осознать контрреволюционный характер этого культивирования пренебрежения к закону и законности, мало твердить, что наша социалистическая законность принципиально отлична от буржуазной «законности». Надо, кроме того, отчетливо уяснить, в чем это отличие заключается, какова была роль революционной законности раньше, какова эта роль на настоящем этапе.

«Ваше право, — писали, обращаясь к буржуазии Маркс и Энгельс в Коммунистическом манифесте, — есть лишь возведенная в закон воля вашего класса»[1].

А в чем должна была заключаться эта воля, угадать не трудно.

«Буржуазная революция, — пишет товарищ Сталин, — начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества, тогда как пролетарская революция начинается при отсутствии, или почти при от-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 113.

[1] «Манифест коммунистической партии», М., 1933 г. стр. 32.

сутствии готовых форм социалистического уклада»[1].

Отсюда товарищ Сталин выводит все основные различия между революцией буржуазной, задача которой заключается в том, чтобы, «захватив власть, привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой» и революцией пролетарской, задача которой заключается в том, чтобы «захватив власть, построить новую социалистическую экономику».

Из этих основных различий между революцией буржуазной и революцией пролетарской вытекает и основное различие между буржуазной законностью и революционной законностью пролетариата.

Задача буржуазного закона состоит в том, чтобы, выразив наличные общественные отношения буржуазного общества, заключающиеся в основанной на частной, буржуазной собственности эксплоатации капиталистом рабочего, увековечить эти отношения, охранить их от каких-либо изменений.

Роль буржуазного закона, когда он уже создан, преимущественно охранительная. Выражая и закрепляя в законе буржуазные общественные отношения, ради развития которых производилась революция, буржуазия хоронит революцию.

Недаром классические образы буржуазного законодательства во всех отраслях права были созданы могильщиком французской буржуазной революции — Наполеоном I.

Задача пролетарского закона, наоборот, состоит не в том, чтобы увековечивать существующие к моменту захвата пролетариатом власти буржуазные общественные отношения, а в том, содействовать революционному уничтожению этих общественных отношений и созданию вновь отношений социалистических, основанных на общественной, социалистической собственности и исключающих возможность эксплоатации человека человеком.

Роль пролетарского закона — революционная. Поэтому, создавая свои законы, пролетариат развивает, углубляет и расширяет эту революцию. Законодательство диктатуры пролетариата есть прямая функция пролетарской революции.

Законность пролетарской диктатуры, рожденная пролетарской революцией, является революционной до самого конца, до тех пор, пока самое понятие законности не превратится при развернутом коммунистическом строе в нечто качественно иное. Поэтому стабильное законодательство, в основе которого лежит Сталинская Конституция, не менее революционно, чем декреты первых дней после Октября. Социалистическая по содержанию, наша законность всегда была и останется революционной законностью.

Другое существенное отличие революционной законности пролетариата от буржуазной законности заключается в том, что первая охраняет интересы громадного большинства, вторая — ничтожного меньшинства населения. А это сказывается не только на содержании законов, но и на способах их осуществления.

«Руководство — писал товарищ Сталин — обеспечивается методом убеждения масс, как основным методом воздействия партии на массы. Но это не исключает, а предполагает принуждение, если это принуждение имеет своей базой доверие и поддержку партии со стороны большинства рабочего класса, если оно применяется к меньшинству после того, как сумели убедить большинство»[1].

Поэтому осуществление революционной законности пролетариата идет вместе с массами и через массы.

«Советские законы очень хороши, — говорил Ленин на II всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г., — потому что предоставляют всем возможность бороться с бюрократизмом и волокитой, возможность, которую ни в одном капиталистическом государстве не предоставляют рабочему и крестьянину. А что — пользуются этой возможностью? Почти никто!... Что мешает борьбе с этим явлением? Наши законы? Наша пропаганда? Напротив! Законов написано сколько угодно! Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя ее сделать одной пропагандой, а можно завершить, только если сама народная масса помогает»[2].

Буржуазная законность, направленная против масс, не может, естественно, осуществляться через эти массы. Метод убеждения для буржуазии неприемлем. В самом деле, возможно ли было убедить рабочих железной дороги или какого-либо казенного завода царской России в том, что «те из служащих в предприятиях, указанных в ст. 135—9[3] (железнодорожные органы, органы связи и т. п.), кои пользуются правами государственной службы, а также служащие, хотя бы и по вольному найму (следовательно), и рабочие — С. Г.) в правительственных установлениях, виновные в самовольном, по соглашению между собою, прекращении, приостановлении или невозобновлении отправления ими служебных своих обязанностей», наказываются заключением в тюрьме до 1 года и 4 месяцев (ст. 1359[5] Уложения о наказаниях)? Или — убедить «подмастерьев» в том, что за самовольную отлучку от своего мастера на срок более 7 дней они подлежат трехнедельному аресту (ст. 1373 того же Уложения)? и т. п.

Буржуазная законность может быть осуществлена только методом принуждения и обмана масс.

Буржуазия предпочитает обставить дело так, чтобы истинная сущность применяемого ею принуждения была по возможности скрыта. Отсюда и характерная особенность буржуазной законности, форма которой приспособлена к тому, чтобы скрывать ее содержание. Отсюда целый ряд формально-правовых декораций, которые сами по себе не нужны буржуазии, но применяются ею для того, чтобы прятать за ними основное средство осуществления буржуазной законности — подавление и принуждение. Когда же эти декорации перестают выполнять свое назначение, когда рабочему классу становится ясно, что за ними скрывается, эта декорация буржуазной законности отбрасывается вовсе, и крывшееся за ними классовое насилие выступает в голом виде, в виде озверелого фашизма.

Отсюда и третье существенное отличие рево-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 107.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 127.

[2] Ленин, т. XXVII, стр. 49.

люционной, социалистической законности пролетарской диктатуры от буржуазной законности.

Развитие буржуазного общества, обострение заложенных в нем противоречий неизбежно приводят к разложению буржуазной законности. Это разложение проявляется в одних местах в форме полного распада, например, в гитлеровской Германии, где произвол возведен в закон, где комиссар юстиции Франк в своем докладе на заседании уголовноправового комитета Академии германского права прямо говорит, что «Национал-социалистическим называется такое право, которое нужно Адольфу Гитлеру для его государства» («Deutsches Recht» за 10 марта 1934 г. № 5, стр. 115). В других странах, сохранивших еще буржуазно-демократические формы, это разрушение законности проявляется в более или менее скрытых формах.

Но всюду административный произвол вытесняет правовые гарантии. Почему это происходит даже в такой «демократической» стране, как Англия, поясняют сами буржуазные авторы. Вот что пишет по этому поводу главный клерк **полицейского суда** в Лондоне Альберт Лик, которого никак нельзя заподозрить в желании ниспровергнуть устои буржуазного общества:

«Повсеместно имеются доказательства определенной ставки, которую человечество вообще делает на усиление рук исполнительной власти для борьбы с действительными или воображаемыми социальными опасностями.

Политические идеи большой взрывчатой силы носятся от границ Польши до Китайского моря с быстротой и эффектом, на которые, действительно, страшно смотреть. Пошатнувшийся мир представляется настолько наполненным злонамеренностью, что люди готовы поставить любую преграду против этой опасности, хотя эта преграда может стать их собственной тюрьмой» («Sollicitor's Journal» за 1928 г. т. 72, стр. 803).

Наоборот, революционная законность социалистического общества, по мере его развития, растет и укрепляется. Переживаемый нами этап, когда мы уже вступили в период социализма, есть, вместе с тем, высший этап расцвета социалистического права, социалистической законности.

Непонимание этих существенных, принципиальных отличий революционной законности пролетариата от буржуазной законности привело к тому, что некоторые юристы (Архипов, Гойхбарг, Люблинский и др.) видели в поставленной Лениным при переходе к нэпу задаче усиления революционной законности просто на просто возврат к буржуазной законности, утверждая, что «Законность едина в революции и в реставрации», что советский закон, как и всякий закон, есть «основная идеологическая форма буржуазных экономических отношений» и т. п. Эти буржуазные юристы, хотевшие видеть в нэпе начало реставрации капитализма, говорили по существу то же самое, что говорили Пашуканис и его приспешники, отрицавшие возможность социалистического права и социалистической законности, двурушнически сдабривая свои реставраторские взгляды революционной фразеологией. Но они шли дальше, чем откровенно буржуазные профессора.

Из предпосылки об отмирании права при социализме они делали выводы, приводившие на практике к насаждению произвола. Люблинский и другие буржуазные профессора оставались, по крайней мере, на либеральных, буржуазно-демократических позициях. Троцкисты же, как им подобает, создавали предпосылки для таких выводов, которые нашли осуществление в странах оголтелого фашизма. Произвол, возведенный в закон,—вот тот окончательный вывод, к которому неизбежно должно было привести последовательное развитие взглядов Пашуканиса и К°.

Но революционная законность не стоит на месте, не представляет собой чего-то неподвижного, всегда одинакового. Иначе она не была бы революционной. Ее конкретное содержание меняется в различные периоды пролетарской диктатуры. Без уяснения этого развития революционной законности нельзя правильно понять и существа ее на настоящем этапе.

В первые дни и месяцы после Октябрьской революции революционный закон был средством разъяснить массам насущные очередные задачи революции, показать им путь к окончательной победе над угнетателями.

«У нас была полоса,—говорил Ленин на XI съезде партии,—когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов» (Ленин, т. XXVII, стр. 255).

Здесь подчеркнута Владимиром Ильичем характерная черта революционной законности — осуществление ее через массы. Таковы декреты о земле, о рабочем контроле и ряд других декретов этого периода. Но не следует думать, что Ленин смотрел на советский закон только как на своего рода рекомендацию, как на совет, который каждый волен исполнять или не исполнять.

17 января 1919 г. на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета и Всероссийского съезда профсоюзов Ленин внес от имени коммунистической фракции ВЦИК предложение по вопросу о продовольственной политике. В п. 4 этого предложения говорилось, что местные продовольственные органы «принуждаются» к содействию заготовляющим организациям.

По поводу этой формулировки Ленин дал следующее, глубоко принципиальное разъяснение значения советского закона:

«Товарищи, Вас может удивить это слово, с точки зрения старых привычек, старой государственности, «принуждаются» к исполнению декрета. Вы может быть скажете, разве так плохо дело в советской республике, что к исполнению воли ВЦИК надо принуждать. Приходится, товарищи, принуждать, и это лучше сказать прямо, чем прятать голову под крыло и воображать, что все обстоит благополучно»[1].

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 467.

Для нашей задачи — изучения существа революционной законности в этих словах великого вождя пролетариата особенно важны два обстоятельства:

1) закон — это «воля ВЦИК», т. е. воля советов, органов пролетарской диктатуры, воля пролетариата, воля рабочих и крестьян, непосредственное проявление диктатуры пролетариата, и

2) к исполнению законов надо **принуждать,** значит закон есть нечто обязательное, подлежащее безусловному исполнению, а отнюдь не пожелание, исполнение которого в каждом отдельном случае ставится в зависимость от усмотрения каждого отдельного исполнителя этого закона.

Такое понимание закона дал В. И. Ленин в разгар гражданской войны, когда было гораздо больше оснований ссылаться на чрезвычайные обстоятельства, вынуждающие отступать от прямых требований закона, чем в условиях мирного времени.

Ленин не отрицал возможности таких отступлений в этих условиях гражданской войны, при той исключительной обстановке, в которой приходилось действовать в то время органам советской власти. Но и эти отступления он лишал характера личного произвола, требовал самое отступление от закона ставить в рамки закона. В этом отношении, как и вообще для характеристики революционной законности периода гражданской войны, исключительное значение имеет постановление VI всероссийского съезда советов о революционной законности, принятое 8 ноября 1918 г. по инициативе Ленина:

«За год революционной борьбы, — говорилось в этом постановлении, — рабочий класс России выработал основы законов Российской социалистической федеративной советской республики, точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России.

С другой стороны, непрекращающиеся попытки контрреволюционных заговоров и война, навязанная империалистами рабочим и крестьянам России, делают в некоторых случаях неизбежным принятие экстренных мер, не предусмотренных в действующем законодательстве или отступающих от него.

Исходя из этого, Всероссийский чрезвычайный VI съезд постановил:

1) Призвать всех граждан республики, все органы и всех должностных лиц советской власти к строжайшему соблюдению законов Российской социалистической федеративной советской республики, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений.

2) Впредь установить, что меры, отступающие от законов Российской социалистической федеративной советской республики или выходящие за их пределы, допустимы лишь в том случае, если они вызваны экстренными условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией. В каждом данном случае применение подобной меры должно сопровождаться:

а) точным формальным установлением соответствующего советского учреждения или должностного лица наличности условий, требующих выхода за пределы закона;

б) немедленным сообщением соответствующего заявления в письменной форме в Совет народных комиссаров, с копией для местных и заинтересованных властей» (СУ РСФСР 1918 г. № 90).

Это постановление содержит богатейший материал для теоретической разработки вопроса о революционной законности пролетарской диктатуры. Основные положения, вытекающие из этого постановления, имеют и сейчас жизненный интерес, в особенности, если сравнить эти положения с разглагольствованиями троцкистско-бухаринских двурушников типа Пашуканиса об отмирании права при социализме и с практикой многих, потерявших голову левацких «упростителей» среди наших работников.

Точное соблюдение законов — правило, отступление от этих законов — исключение, допустимое лишь при наличии чрезвычайных обстоятельств.

Даже в условиях гражданской войны необходимо «точное, формальное установление» таких обстоятельств, т. е. недопустим бесформенный произвол, недопустимо превращение деятельности органов власти в неподдающееся контролю усмотрение.

Как далеко отстоят эти ленинские установки от выдвинутого десять лет спустя Наркомюстом РСФСР лозунга «поменьше формы — побольше классового существа».

Приведенными документами отнюдь не исчерпываются все указания Ленина по вопросу о революционной законности, данные им в период гражданской войны и еще до ее возникновения. В статье «Об очередных задачах советской власти» и в первоначальном наброске этой статьи, в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» и в ряде других мест Ленин снова и снова подчеркивает значение революционной законности как средства укрепления диктатуры пролетариата, как орудия классовой борьбы в руках пролетариата.

Богатейший материал, содержащийся в законодательстве и в судебной практике периода гражданской войны, еще ждет своего исследования. Только путем тщательного и всестороннего изучения этого материала можно было бы установить во всех подробностях конкретное содержание революционной законности этого периода. Но в основном можно определить это содержание краткой формулой: обеспечение победы над вооруженной контрреволюцией на фронтах гражданской войны и в тылу. Декреты о борьбе со взяточничеством и о борьбе со спекуляцией, о набатном звоне, о красном терроре, об органах ЧК и революционных трибуналах и т. п. в основном преследовали эту цель, но этим, содержание революционной законности этого периода отнюдь не исчерпывается. К этому периоду относятся такие законодательные акты, как первый кодекс законов о труде, как декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, как декрет об отмене наследования, не ограничившийся только одной этой мерой, но заложивший основы социалистического семейного права, и ряд других важнейших законодательных актов, создававших новые гарантии прав трудящихся, проводивших революцию быта и культуры.

Выше уже было указано, что утверждения буржуазных юристов о том, что революционная законность появилась у нас лишь с переходом к нэпу, что появление ее является

следствием возникновения в связи с нэпом буржуазных рыночных отношений, объясняются непониманием (или нежеланием понять), разницы между революционной законностью пролетарской диктатуры и буржуазной законностью.

Теперь можно добавить к этому, что подобные утверждения являлись также результатом незнания (или нежелания знать) конкретного исторического материала, относящегося к периоду 1918—1921 гг.

В момент своей организации, 28 мая 1922 г., советская прокуратура оказалась не перед пустым местом, на котором надо было создавать вновь какую-то неведомую до того законность, а перед лицом уже прочно укрепившейся, уже глубоко проникшей в сознание масс новой законности, созданной пролетарской революцией и пятью годами классовой борьбы победившего пролетариата.

Другое дело, что переход к нэпу влек за собой требование «большей революционной законности» (Ленин), что содержание революционной законности на этом этапе менялось в связи с изменением форм классовой борьбы, в связи с перенесением центра тяжести этой борьбы из области военной в область экономическую.

Определить, в чем это изменение конкретно заключалось, для нас особенно важно потому, что именно восстановительный период нэпа создал почву, на которой вырос целый ряд извращений в вопросах о революционной законности. Это были, с одной стороны, буржуазные теории сменовеховского типа о том, что законность, проводимая у нас, есть самая обыкновенная буржуазная законность и что развивать ее в дальнейшем надо именно по направлению к классическим буржуазным образцам.

С другой стороны, это были открыто клеветнические троцкистские выкрики о термидоре, о перерождении советской власти и двурушнические рассуждения Пашуканиса и К° о том, что наше право — буржуазное право, наша законность — буржуазная законность и существует у нас только постольку, поскольку нэп повел к созданию у нас капиталистических рыночных отношений. При этом умалчивалось о том, что сами товарные отношения, созданные нэпом, у нас были качественно иные, чем «чистые» капиталистические отношения буржуазного общества.

По существу оба эти вида извращений вели в конечном счете к одному и тому же — к реставрации этих «чистых» капиталистических отношений.

По вопросу о содержании революционной законности в первом периоде нэпа мы имеем классическое определение товарища Сталина, данное им на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г.

«Революционная законность первого периода нэпа обращалась своим острием главным образом против крайности военного коммунизма, против «незаконных» конфискаций и поборов. Она гарантировала частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими советских законов» [1].

[1] Сталин, Вопросы ленинизма изд. 10, стр. 509.

Эта формулировка непосредственно вытекает из самого определения нэпа, данного товарищем Сталиным на XIV съезде партии:

«нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики» [1].

Капиталистические отношения допускаются, и поэтому задача революционной законности обеспечить «частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества».

Но капиталистические отношения допускаются, во-первых, «при наличии командных высот в руках пролетарского государства», а, во-вторых, не ради сохранения и укрепления этих капиталистических отношений, а, наоборот, ради их преодоления и замены отношениями социалистическими. Поэтому задача революционной законности заключалась не в безусловной охране имущества «частного хозяина, единоличника, капиталиста», а лишь «при условии строжайшего соблюдения ими советских законов», т. е. до тех пор, пока использование этого имущества капиталистом соответствует той основной цели построения социализма, ради которой был введен нэп.

Таким образом, революционная законность и призванная проводить ее в жизнь советская прокуратура должна была, с одной стороны, охранять «частного хозяина, единоличника, капиталиста», от «незаконных» поборов, а с другой, — охранять командные высоты от капиталистических элементов, проводить политику ограничения и вытеснения этих элементов.

Эту вторую сторону вопроса упорно не замечают классовые враги пролетариата и их агентура в рядах партии и советского аппарата. Само собою разумеется, что эта вторая сторона революционной законности первого периода нэпа должна была проявляться тем ярче, чем больше были успехи в борьбе социалистических элементов с капиталистическими, чем дальше оттеснялись капиталистические элементы. С наибольшей яркостью эта вторая задача проявилась тогда, когда успехи социалистического строительства вплотную привели к переходу от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов к политике полной ликвидации эксплоататорских классов.

Именно тогда правые и ярче других Бухарин подняли крик о беззаконии, о ликвидации свободы торговли, недопустимости чрезвычайных мер и т. п., отражая этим недовольство гибнущих капиталистических элементов, в частности кулачества, неприятной для них политикой советской власти.

Допущенные в первой стадии нэпа капиталистические элементы выполнили свое назначение, охранять их имущество уже не было больше смысла, наоборот, такая охрана на этом этапе означала бы уже противодействие

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 211.

дальнейшему развертыванию строительства социализма.

В глазах капиталистических элементов и их агентуры это изменение задач революционной законности было равносильно полному уничтожению всякой законности, так как они привыкли видеть в законе не что иное, как форму охраны частной собственности, охраны интересов «буржуазной личности». Раз закон обращается против капиталиста вместо того, чтобы его охранять, какой же это закон?

В действительности же это изменение задач революционной законности в период развернутого социалистического наступления по всему фронту отнюдь не означало свертывания, ликвидации законности, а наоборот, означало поднятие революционной законности на новую, высшую ступень.

Борьба с террористическими посягательствами кулачества и его агентуры против сельского актива, с кулацким саботажем выполнения государственных заданий, с вредительским уничтожением скота и другого колхозного имущества, с одной стороны, и борьба с допускавшимися отдельными местными органами власти перегибами, с администрированием при проведении коллективизации, с незаконными конфискациями, обысками, арестами и т. д., с другой, — таковы были основные формы борьбы прокуратуры за революционную законность в период развернутого социалистического наступления.

Победоносное завершение этого наступления открыло новый этап в развитии социалистической законности.

Характерным для этого момента является ряд законодательных актов 1932 г., когда успех социалистического наступления как в городе, так и в деревне уже полностью определился, когда ленинский вопрос «кто кого»? был в основном уже решен внутри СССР.

6 мая 1932 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане хлебопоставок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» (СЗ СССР 1932 г. № 31, ст. 190).

10 мая — такое же постановление в отношении плана скотозаготовок и мясной торговли колхозников и единоличных трудящихся крестьян (СЗ СССР 1932 г. № 33, ст. 195).

20 мая — постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами» (СЗ СССР 1932 г. № 38, ст. 233).

Точно определяя незыблемость прав колхозов, колхозников и трудящихся единоличников на их сельскохозяйственную продукцию, оставшуюся после выполнения их обязательств перед государством, гарантируя им возможность свободно продавать эту продукцию на рынке, эти законы устанавливали охрану личной собственности трудящихся, закрепленную теперь новой Сталинской Конституцией. Но в то же время те же законы вполне определенно устраняли возможность использовать частную собственность в целях эксплоатации. Ст. 10 закона 20 мая 1932 г. предлагала: «Не допускать открытия магазинов и лавок частными торговцами и всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытающихся нажиться за счет рабочих и крестьян».

Этим устанавливались уже новые социалистические отношения, в революционную законность вливалось новое социалистическое содержание.

Дальнейшим шагом в сторону укрепления и развития социалистической законности явилось постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности» (СЗ СССР 1932 г. № 40, ст. 298), которое отчетливо выразило все значение революционной законности в условиях победоносного развертывания социалистического строительства.

«Отмечая десятилетие прокуратуры — говорилось в этом постановлении — и достигнутые за этот период в Союзе ССР успехи в деле укрепления революционной законности, являющейся одним из важнейших средств укрепления пролетарской диктатуры, защиты интересов рабочих и трудящихся крестьян и борьбы с классовыми врагами трудящихся (кулачеством, перекупщиками, спекулянтами, буржуазными вредителями) и их контрреволюционной политической агентурой, ЦИК и СНК Союза ССР особо указывают на наличие все еще значительного числа нарушений революционной законности со стороны должностных лиц и искривлений в практике ее проведения, особенно в деревне».

Со времени издания этого постановления прошло пять лет. За эти пять лет социалистическое строительство в Союзе ССР сделало новые, гигантские успехи. За эти пять лет неизмеримо возросла военная и хозяйственная мощь Советского союза, во много раз увеличилось благосостояние трудящихся масс, значительно вырос их культурный уровень. Но данное в этом постановлении определение содержания революционной законности доныне не утратило своего значения. Теперь так же, как и в 1932 г., мы можем сказать, что наша революционная социалистическая законность есть средство укрепления пролетарской диктатуры, средство защиты прав и интересов всех трудящихся, средство борьбы с их классовыми врагами, с фашистско-троцкистскими шпионами и диверсантами.

В целях дальнейшего укрепления революционной законности постановление 25 июня 1932 г. предлагает провести ряд мероприятий, направленных на борьбу с административным произволом, с незаконными обысками, арестами и конфискациями, с бюрократизмом и волокитой при рассмотрении жалоб трудящихся.

Само собою разумеется, что представители буржуазной юриспруденции и буржуазные публицисты не могли (или не хотели, а вернее — и не могли и не хотели) понять того, что это постановление является вполне закономерным продолжением всего предшествовавшего развития революционной законности пролетариата, что оно поднимает на новую, высшую ступень, выражает в новой, более развернутой форме те начала советской демократии, те принципы социализма, которые содержались уже в первых декретах советской власти, за которые партия, советская власть и орган этой власти — прокуратура — боролись в течение всего предшествовавшего периода.

Немецкая буржуазная газета «Neue Freie Presse» расценила это постановление, как «шаг назад» к правовому государству. «Газета Польска» приводила по поводу постановления 25

июня рассуждения, дословно повторяющие то, что буржуазные юристы говорили о революционной законности в первый период нэпа: «Декрет о свободной торговле, — писала она 30 июля 1932 г., имея ввиду упомянутый выше закон 20 мая 1932 г., — должен был повлечь за собой постановление о «революционной законности», которое обеспечивает эту свободу... Декрет о «революционной законности» имеет своей основной целью гарантирование свободы этой торговли» [1].

«Газета Польска» права в одном. Закон 20 мая о колхозной торговле и закон 25 июня о революционной законности несомненно проникнуты единым духом. Оба эти закона наполнены одним содержанием. И тот и другой — камни создающегося в СССР и неизвестного доселе человечеству здания социалистического права. Но буржуазный автор цитированной статьи в своей буржуазной ограниченности, не желая знать ничего, кроме милых его сердцу условий буржуазного общества, не доглядел «мелочи». Он не понял того, что торговля, о которой шла речь в законе 20 мая, совсем иного рода торговля, чем то узаконенное хищничество, которое называется торговлей при капитализме, что законность, о которой говорит закон 25 июня, совсем не та «законность», от которой стонут сотни миллионов эксплоатируемых в капиталистических странах.

Непосредственно вслед за законом 25 июня 1932 г. последовал целый ряд других законов, наполнявших наше социалистическое право все более и более богатым содержанием, принципиально отличающимся от того, чем наполнены многообразные своды законов буржуазных стран.

Среди этих законов на первом месте стоит закон 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укрепление общественной (социалистической) собственности» (СЗ СССР 1932 г. № 62, ст. 360), объявивший общественную собственность священной и неприкосновенной основой советского строя. Впервые, после того, как создалось государство и стали издаваться законы, этот закон объявил на весь мир, что не узкий, своекорыстный личный интерес представляет собой тот цемент, который скрепляет в несокрушимую твердыню подлинно свободное человеческое общество, а преданность каждого гражданина этого свободного общества общему делу, право каждого из граждан как члена единого великого коллектива на все богатства, принадлежащие этому коллективу, превращающиеся в подлинно народное достояние.

Именно поэтому товарищ Сталин сказал про закон от 7 августа, что этот закон — основа нашей революционной законности. Именно поэтому т. Каганович сказал, что это такой закон, который будет жить века.

И почти в это самое время, когда содержание социалистического права и социалистической законности раскрывалось в столь ярких формах, Пашуканис в книге «За марксо-ленинскую теорию государства и права», изданной в 1931 г., в книге, в которой он двурушнически отрекался от своих прежних ошибок, писал:

«Мы знаем, что эта буржуазная форма права является последней, что она отомрет вместе с исчезновением противопоставления индивида индивиду и индивида коллективу, вместе с исчезновением этого шейлоковского расчета, как бы не переработать больше, как бы не отдать больше энергии, чем другой член коллектива без соответствующего возмещения» (Указ. соч. стр. 25) [1].

К чему применял Пашуканис эти слова? Что называл он «шейлоковским расчетом»?

Он применял этот термин к нашему социалистическому строю, так как пропорциональность количества получаемых благ количеству отданной коллективу энергии, о которой говорит Пашуканис, есть не что иное, как осуществление принципа «от каждого по его способности, каждому — по его труду», принципа, который ст. 12 Сталинской Конституции объявила принципом социализма, лежащим в основе нашего общественного устройства. И к этому социалистическому принципу Пашуканис приклеивал имя классического ростовщика и кровопийцы.

На январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. товарищ Сталин определял революционную законность этого периода, отраженную в указанных выше постановлениях руководящих органов партии и советской власти, как существенно отличавшуюся от революционной законности первого периода нэпа.

«Революционная законность нашего времени, — говорил он, — направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Основная забота революционной законности в наше время состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом» [2].

Охрана общественной собственности, борьба с вредителями, ворами хулиганами — таково конкретное содержание революционной законности нашего времени по Сталину.

Защита «шейлоковских» инстинктов с помощью буржуазной формы права как последней формы права — таково содержание «законности» по Пашуканису.

Вредное влияние этой явно контрреволюционной гнили усиливалось нежеланием многих даже очень ответственных работников партийных и советских органов считаться с законом. Антимарксистское противопоставление

---

[1] Цит. по Вышинскому «Соц. строительство, соц. законность и задачи сов. юстиции» М. 1934 г., стр. 26.

[1] О расчете «с черствостью Шейлока», свойственной буржуазному праву, говорил, как известно, и Ленин (т. XXI стр. 436). Но Ленин, говоря о сохранении «буржуазного права» при социализме, брал слова «буржуазное право» в кавычки, показывая этим, что при социализме право сохраняется, но — это не буржуазное право без кавычек. Пашуканис же никаких кавычек не ставит и, таким образом, полностью приравнивает право эпохи социализма к самому настоящему буржуазному праву. Этим он придает совершенно другой смысл и упоминанию имени Шейлока.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 509.

формы и содержания закона приводило к удобному обоснованию беззакония. «Мы не формалисты! Зачем нам гнаться за исполнением буквы закона, лишь бы соблюсти его дух», так рассуждали многие наши товарищи, если точно соблюдать закон им почему-либо не хотелось. А каков «дух» закона, определялось при этом так, как в данном случае было удобнее. Нередко приходилось слышать и такого рода рассуждения, что отличие революционной законности от буржуазной законности в том и заключается, что по буржуазной законности закон нужно соблюдать всегда, а по революционной — не всегда, тогда как в действительности дело обстоит как раз наоборот. Про такую категорию людей товарищ Сталин говорил на XVII съезде партии:

«Это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают таким образом основы партийной и государственной дисциплины... Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом» [1].

Вступление Страны советов в период социализма неизмеримо подняло значение точного соблюдения советских законов. Не случайно, что именно в это время, в июне 1933 г., орган, специально призванный следить за точным соблюдением законов, — советская прокуратура была централизована в общесоюзном масштабе путем организации Прокуратуры Союза ССР. Не случайно, что именно тогда, когда мы осуществили в основном первую фазу коммунизма — социализм, когда основные принципы социалистического общества были отражены в опубликованном проекте Сталинской Конституции в июле 1936 г., эта централизация была окончательно завершена путем выделения прокуратуры из системы наркомюстов союзных республик в особую стройную, строго централизованную систему с Прокурором СССР во главе.

Только с изданием закона 20 июля 1936 г., осуществившего это выделение, были окончательно осуществлены указания Ленина, данные им еще в 1922 году в письме на имя Сталина о том, чтобы «отвергнуть... «двойное» подчинение, установить подчинение местной прокурорской власти только центру» и о том, что необходимо установить «единообразное применение законности во всей республике и во всей федерации» [2].

Сталинская Конституция представляет собой в настоящее время ту незыблемую основу, на которой зиждется социалистическая законность. Безусловно, безоговорочное, точное выполнение всех требований Конституции и изданных на основании ее законов — вот к чему сводится в настоящий момент сущность социалистической законности.

«Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся, есть зацепка для побед Колчака и Деникина. Преступно забывать, что колчаковщина началась с маленькой неосторожности по отношению к чехословакам, с маленького неповиновения отдельных полков». Так писал Ленин 24 августа 1919 г. (т. XXIV стр. 434).

Преступно забывать, можем мы сказать теперь, что целый ряд осуществленных троцкистами совместно с иностранными шпионами диверсионных актов имел в основе «маленькие» нарушения законодательства о технике безопасности.

Только путем величайшей бдительности при наблюдении за неуклонным соблюдением советских законов, только путем решительной борьбы не только со всеми случаями нарушения социалистической законности, но и со всяким примиренчеством к подобным нарушениям можно организовать действительный и несокрушимый отпор всяким попыткам врагов народа вредить и пакостить нашему социалистическому отечеству.

Только путем соблюдения величайшего уважения к гарантированным Конституцией правам советских граждан, путем решительной борьбы со всякими попытками нарушить эти права можно обеспечить действительное осуществление пролетарской демократии, способствовать быстрому культурному росту широких народных масс, а тем самым ускорению движения ко второй фазе коммунизма.

Только путем строжайшего соблюдения государственной дисциплины, путем беспощадной борьбы со всеми попытками дезорганизовать выполнение государственного народнохозяйственного плана можно обеспечить быстрое и победоносное выполнение третьего пятилетнего плана.

За пятнадцать лет своего существования советская прокуратура прошла долгий и славный путь борьбы с врагами рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, с нарушителями революционной законности.

Перед ней встает теперь еще большая, еще более славная задача осуществлять впервые в истории человечества социалистическую законность и содействовать этим построению коммунистического общества.

Для того чтобы выполнить эту великую задачу, советская прокуратура должна быть сильна. Буржуазные конституции, как говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов, ограничиваются «фиксированием формальных прав граждан, не заботясь об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления, о средствах их осуществления». В этом сущность буржуазной демократии: права и свободы граждан декларированы, пусть пользуется ими кто может. А может пользоваться ими только тот, кто имеет деньги.

Диктатура пролетариата не декларирует права и свободы граждан, но гарантирует их реальное осуществление для всех и каждого. А для того чтобы гарантировать права всех советских граждан от всяких посягательств со стороны террористов и диверсантов, со стороны бандитов, воров и хулиганов, со стороны отдельных любителей административного самодурства, — аппарат пролетарской диктатуры должен быть силен. Должен быть силен и та-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 592—593.

[2] Ленин, т. XXVII стр. 300—301.

кой важный рычаг этого аппарата, как прокуратура.

Чтобы выполнить лежащие на них задачи, работники советской прокуратуры должны овладеть большевизмом. Прокуратура — сугубо политический орган. Каждое действие прокуратуры всегда насыщено политическим содержанием. И если ряд старых опытных прокуроров не сумели разглядеть троцкистского вредительства, если они нередко прекращали уголовные дела о вредительстве, предавали суду по этим делам стрелочников, то только потому, что они не владели в должной мере большевизмом, что за «текущими вопросами своего ведомства они забывали о больших политических вопросах» (Сталин), что в материалах расследования дел об организованных троцкистскими вредителями крушениях, взрывах и т. п. они очень часто видели только «дело» в формальном, делопроизводственном смысле этого слова, а не отражение реальных проявлений классовой борьбы.

Чтобы выполнить лежащие на них задачи, работники советской прокуратуры должны быть культурны. Если еще в октябре 1921 г. Ленин выдвигал требование «научить бороться культурно (подчеркнуто Лениным) за законность, ничуть не забывая границ законности в революции» (т. XXVII стр. 35), то тем более такое требование должно быть выдвинуто теперь, когда советская страна не только ликвидировала вековую культурную отсталость царской России, но и приступила к строительству новой социалистической культуры во всех отраслях науки, искусства и быта.

С. БЕРЕЗОВСКАЯ

Прошлое и настоящее общего надзора

Общий надзор вступил сейчас на широкий путь, указанный ему Сталинской Конституцией СССР, и имеет исключительно благоприятные условия для дальнейшего своего развития.

За прошедшие 15 лет своего существования общий надзор прошел через большие испытания и пережил множество детских болезней. временами чрезвычайно его ослаблявших.

Общий надзор как основная, органическая. функция прокуратуры является кровным детищем Октябрьской революции и почти не имеет корней в прошлом.

Роль прокуратуры в капиталистических странах сводится, главным образом, к поддержанию обвинения на суде и надзору в той или иной степени за предварительным следствием. Общего надзора в той форме, как он существует у нас, капиталистическая прокуратура совершенно не знает.

Советская же прокуратура, созданная по непосредственной, личной инициативе т. Ленина, разработавшего все основные вопросы ее организации, с самого начала получила те функции, которые мы называем теперь общенадзорными. Характерно однако, что вопрос о наделении прокуратуры этими функциями встретил в свое время немалые возражения на 3 сессии ВЦИК IX созыва, обсуждавшей проект Владимира Ильича об организации прокуратуры; некоторые из членов ВЦИК (тт. Осинский, Полуян и др.), возражая против этого проекта вообще, особенно горячо оспаривали ту его часть, которая говорила об обязанностях прокурора опротестовать постановления местных органов власти, если эти постановления нарушают действующие законы. Они утверждали, что предоставление прокуратуре права протеста лишит местные советы присущей им самостоятельности, убьет их инициативу и самодеятельность, поссорит с центральной государственной властью и т. д.

Для того чтобы парализовать эти предполагаемые злоключения и беды местных органов власти, оппоненты Владимира Ильича настаивали на том, что если уж прокуратура должна быть создана и если она получит функции общего надзора, то пусть органы прокуратуры будут поставлены в такое положение по отношению к местным органам власти, при котором бы они оказались обязанными согласовывать с ним свои действия. Это требование нашло выражение в выдвинутом ими принципе «двойного подчинения» органов прокуратуры (местным исполкомам и центральной власти в лице Наркомата юстиции).

Принятие принципа «двойного подчинения» сделало бы прокуратуру бессильным, никчемным органом, лишенным возможности осуществить действительный надзор за законностью действий местных органов власти. А этого только и добивались противники проекта Владимира Ильича о создании прокуратуры, отстаивая свои анархические, мелкобуржуазные позиции.

Ввиду возникших разногласий по этому основному вопросу организации прокуратуры Владимир Ильич должен был перенести разрешение его на рассмотрение Политбюро. Все знают знаменитое письмо, посланное т. Лениным товарищу Сталину для рассмотрения вопроса о прокуратуре в Политбюро.

В этом письме Владимир Ильич с гениальной прозорливостью и четкостью сформулировал организационные принципы построения советской прокуратуры, получившие в настоящее время полное отражение в Сталинской Конституции СССР.

Он указал, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации советских республик». Определяя в соответствии с этим задачи органов прокуратуры, Владимир Ильич указал, что она должна «следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» (Ленин, т. XXVII, стр. 298—299) и далее «Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом и только с этой точки зрения прокурор обязан опроте-

стовать всякое незаконное решение» (Ленин, т. XXVII, стр. 299).

Победила, как мы знаем, точка зрения Владимира Ильича.

Прокуратура была создана в виде централизованной системы, управляемой из республиканского центра и осуществляющей надзор за законностью действий всех местных органов власти и учреждений.

Таким образом советская прокуратура заботами Владимира Ильича получила такие организационные формы, которые на том этапе обеспечивали возможность нормального развертывания основной ее работы, работы по общему надзору.

Однако в практической работе по общему надзору органам прокуратуры с первых же шагов пришлось столкнуться с большими трудностями. Те местнические тенденции, которые получили такое яркое теоретическое выражение в спорах вокруг вопроса о создании централизованной прокуратуры с единым, а не двойным подчинением, проявились в практической работе, когда органы прокуратуры были созданы.

Дело прошлое, и надо сказать прямо и открыто, что органы прокуратуры на местах не сумели сохранить предоставленную им законом независимость от местных органов в полном объеме, не сумели уберечься от их местных влияний, а органы прокуратуры республик не оказали им должной поддержки. Организационное выражение это нашло в том, что прокурорскими кадрами на местах, и особенно в районах, стали распоряжаться не наркомюсты и прокуроры республик, а местные исполкомы. Естественно, что при такой зависимости в вопросах назначения на работу, а также перемещения и увольнения с нее создалась зависимость и в самой прокурорской работе и притом, главным образом, в области общего надзора. Явление это получило столь явно выраженные формы, что ЦИК и СНК СССР в постановлении своем от 25 июня 1932 г. «О революционной законности» должны были в целях дальнейшего укрепления революционной законности, улучшения и поднятия значения судебно-прокурорских органов категорически запретить «снятие и перемещение районных прокуроров иначе, как решением краевого (областного) прокурора или вышестоящих органов прокуратуры и народных комиссариатов юстиции».

Нельзя, конечно, сказать, что попытки фактического вмешательства местных органов власти в работу прокуратуры парализовали ее работу по общему надзору, однако бесспорно, что они серьезно затрудняли эту работу. Районные прокуроры частенько уклонялись от опротестования незаконных постановлений риков и сельсоветов, так как эти протесты влекли за собой постановку риком вопроса о «несработанности» с прокурором, а затем перемещение последнего в другой район. Пусть скажут старые прокурорские работники, много ли было случаев, когда при рассмотрении в области вопроса о «несработанности» районный прокурор оставался на месте?

Бесспорно, что именно эти обстоятельства послужили причиной того, что многие органы прокуратуры на местах в практике своей общенадзорной работы отошли от тех ясных и четких задач, которые были поставлены перед прокуратурой при ее организации, и начали искать каких-то новых путей для этой работы.

В частности, широкое распространение получил взгляд, что основным содержанием работы прокурора по общему надзору должно являться его непосредственное «организационно-политическое» участие в проведении хозяйственных кампаний. На практике эта туманная установка зачастую вела к превращению прокурора в уполномоченного по посевной, уборочной, заготовительной и другим хозяйственным кампаниям.

Мы не думаем утверждать, что прокуратура не должна была принимать участия в проведении хозяйственно-политических кампаний и что ее привлечение к этому делу объяснялось организационными неполадками во взаимоотношениях с местными органами власти. Однако те перегибы и крайности, которыми сопровождалось привлечение прокуратуры к этой работе, несомненно объяснялось потерей правильной перспективы в области общего надзора, обусловливавшейся в свою очередь указанными организационными причинами.

Туманное, нечеткое определение задач общего надзора влекло за собой применение и неправильных методов работы. Считали, что при выполнении функций общего надзора прокуратура должна пользоваться какими-то особыми методами, представляющими смесь методов работы контрольных, педагогических, агитационных и административных органов.

Эти взгляды нашли свое отражение во многих циркулярах Прокуратуры РСФСР за 1931—1933 гг. по общему надзору, а также в практике работы прокуратуры Верховного суда СССР, пытавшейся играть роль некоего «комиссара от юстиции» при союзных наркоматах.

От этих неверных взглядов и установок о работе по общему надзору родилась, в частности, осужденная жизнью практика прокурорских «обследований» хозяйственных учреждений, разных «рейдов», «походов», «налетов» и т. д.

Отсюда же пошли такие, ставшие анекдотическими, циркуляры прокуратур некоторых наших союзных республик, как, например, циркуляр прокуратуры Узбекской ССР от 11 ноября 1933 г., который предлагал органам прокуратуры «установить жесткий контроль над работой совхозов, колхозов и МТС по развитию животноводства, устранить причины уменьшения поголовья скота с привлечением виновных к уголовной ответственности.

Эта неправильная практика работы, уводившая органы прокуратуры от ее прямого указанного еще т. Лениным пути и заставлявшая путаться между хозяйственными и контрольными органами, вносила в ряды работников общего надзора как в центре, так и на местах большую неудовлетворенность и разочарование.

Между тем, исключительные успехи социалистического строительства, сопровождавшиеся небывалым поднятием культурно-политического уровня масс, требовали всемерного усиления работы прокуратуры в области борьбы за укрепление законности.

Эта задача нашла свое организационное разрешение в учреждении Прокуратуры Союза ССР, последовавшем по постановлению ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 г. Акт о созда-

нии Прокуратуры СССР знаменует собой важнейший этап по пути развития советской прокуратуры. Учреждение Прокуратуры СССР завершило процесс централизации прокурорской системы во всесоюзном масштабе, нанесло решительный удар попыткам подчинения органов прокуратуры местным влияниям и тем самым открыло широкие перспективы для развертывания работы по общему надзору.

Путем систематических, твердых мероприятий Прокуратура СССР сумела поднять авторитет органов прокуратуры на местах и внести необходимое единство в практику всей прокурорской работы. Справедливость требует, однако, признать, что в области поднятия общего надзора в первые годы существования Прокуратуры СССР сделано было немного. Основное внимание в те годы было направлено на усиление судебной работы органов прокуратуры, что диктовалось настоятельной необходимостью улучшения работы судов, страдавшей крупнейшими недостатками.

Правда, начиная с 1935 г., Прокуратура СССР приняла ряд мер к выправлению недостатков общенадзорной работы и общего ее усиления (указания Прокуратуры СССР на места от 11 мая 1935 г., 13 июня 1935 г., 1 ноября 1935 г.). Однако меры эти не дали значительного эффекта, так как проведение их в жизнь затруднялось таким организационным моментом, как существовавшая в то время раздробленность работы по общему надзору между отделами прокуратуры, построенными применительно к отраслям народного хозяйства (а не отраслям прокурорской работы).

Настоящая весна в работе по общему надзору наступила с принятием Сталинской Конституции СССР.

Конституция СССР подняла вопросы социалистической законности на небывалую высоту. Ст. 113 Конституции, указывающая, что на Прокурора СССР возлагается высший надзор за точным исполнением законов всеми учреждениями, должностными лицами и гражданами СССР, полностью определила задачи органов прокуратуры по общему надзору и выдвинула эту работу на первый план.

Прокуратура СССР сделала из этого необходимые организационные выводы, произведя реорганизацию построения работы органов прокуратуры и воссоздав при этой реорганизации отделы общего надзора.

17 ноября 1936 г. т. Вышинский утвердил инструкцию о разграничении работы между отделами общего надзора, судебно-надзорным и следственным отделом, которая точно определила, какими вопросами должны заниматься эти отделы, не оставив места для кривотолков и шатаний.

Принятый ЦИК и СНК СССР 20 июля 1936 г. акт об образовании Наркомата юстиции СССР и выделении органов прокуратуры в самостоятельную, не входящую в Наркомюст систему, довершил процесс централизации руководства прокуратуры и положил конец той новой «двойственности подчинения» местных органов прокуратуры (с одной стороны, Прокурору СССР, а с другой, НКЮ союзной республики), которая существовала с момента образования Прокуратуры СССР в 1933 г.

То исчерпывающее определение основной задачи прокуратуры, как задачи по надзору за точным исполнением законов, которое дает Конституция СССР, и четкое определение организационных принципов ее построения, обеспечивающих возможность наилучшего выполнения этой задачи, говорит о том, какое огромное значение придают партия и правительство укреплению социалистической законности в нашей стране и какую исключительную ответственность это возлагает на органы прокуратуры.

Работа прокуратуры по общему надзору наполнилась новым качественно еще более высоким содержанием. За короткое время, прошедшее со дня утверждения Сталинской Конституции СССР Чрезвычайным VIII съездом советов СССР, правительство СССР приняло ряд важнейших законодательных актов, направленных к максимальному ограждению провозглашенных Конституцией личных и имущественных прав граждан от какого бы то ни было административного произвола.

11 апреля 1937 г. ЦИК и СНК СССР приняли закон «Об отмене административного порядка и установления судебного порядка, изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан».

Этим законом, который вкорне меняет все установившиеся представления о взаимоотношениях административных органов с гражданами по такому важному вопросу, как обращение взыскания на их имущество за невыполнение обязательств по госпоставкам и налогам, правительство СССР показало, как решительно и последовательно проводит оно линию дальнейшего обеспечения охраны имущественных интересов граждан.

Не менее важное значение для укрепления социалистической законности, хотя и с другой точки зрения, имеет принятое ЦИК и СНК СССР 21 марта 1937 г. постановление «Об освобождении сельсоветов от обязанностей по исчислению и взиманию денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок».

Это постановление чрезвычайно укрепляет позиции социалистической законности в деревне, так как обеспечивает сельсоветам возможность наилучшего выполнения лежащих на них коренных задач, в том числе «наблюдения на их территории за исполнением законов и распоряжений советской власти» (Положение о сельских советах). Кроме того, это постановление облегчает возможность выявления органами прокуратуры нарушений закона при исчислении и взимании налогов и борьбы с этими нарушениями.

Эти акты являются вехами того широкого светлого пути, по которому идет законодательство СССР в области укрепления социалистической законности.

Органы прокуратуры должны сделать из этого соответствующие выводы, направляя свою работу таким образом, чтобы не плестись в хвосте событий, а быть первыми и лучшими помощниками правительства в деле укрепления социалистической законности.

Можем ли мы сказать, что работа органов прокуратуры по общему надзору удовлетворяет тем высоким требованиям, которые к ней сейчас предъявляются? Этого сказать, к сожа-

лению, еще нельзя. Работа по общему надзору в связи с принятием Сталинской Конституции, поднявшей вопросы социалистической законности на небывалую высоту и последовавшей организационной перестройкой аппарата прокуратуры, хотя и значительно оживилась, но ни по своему размаху, ни тем более по качеству не может быть признана удовлетворительной.

Прокурор Союза т. Вышинский поставил перед отделами общего надзора органов прокуратуры на местах ближайшую задачу — добиться такого положения, при котором бы ни одно незаконное постановление или распоряжение местных органов не оставалось бы неопротестованным. Нечего и говорить, что от выполнения этой задачи отделы общего надзора очень еще далеки.

Правда, количество протестов, приносимых органами прокуратуры в порядке общего надзора, с каждым днем увеличивается. Но надо признать, что это во многом идет за счет ликвидации накопившихся старых грехов, выявляемых сейчас «в пожарном порядке». Систематическая же повседневная работа по надзору за законностью в том виде, как это предписывается инструкцией Прокурора СССР от 17 ноября 1936 г., еще не везде налажена.

В частности, отделы общего надзора недооценивают важности и необходимости повседневного ознакомления с постановлениями, принимаемыми местными органами власти, приказами других организаций для проверки их с точки зрения соответствия с законом. Поэтому нередки случаи, когда о незаконных постановлениях прокуроры на местах узнают только из жалоб граждан, права которых оказываются нарушенными, или даже из центральных газет. Это только один из недостатков работы органов прокуратуры по общему надзору в настоящее время, а можно было бы дать их целый длинный перечень.

Однако все эти недостатки можно исправить и они, конечно, будут исправлены, если только работники общего надзора проникнутся сознанием важности лежащей на них задачи и своей ответственностью перед партией и правительством за наилучшее выполнение этой задачи. А это, по всем данным, имеется, о чем достаточно говорит хорошо видимый уже перелом в работе по общему надзору.

М. СТРОГОВИЧ

Прокуратура как орган государственного обвинения

I

Поддержание на суде обвинения является важнейшей функцией прокуратуры и находится в теснейшей связи с другими отраслями прокурорской работы. Осуществление надзора за соблюдением революционной социалистической законности, составляющее основную задачу прокуратуры, связано с борьбой с нарушителями советских законов и с уголовным преследованием их и изобличением перед судом в тех случаях, когда нарушение закона составляет уголовное преступление. Отсюда — полномочия прокурора по возбуждению уголовных дел, по надзору за расследованием преступлений и по поддержанию на суде государственного обвинения. Именно в этой последней форме — в форме поддержания на суде государственного обвинения — достигает своей высшей точки конкретная деятельность прокурора в области борьбы за социалистическую законность. После того как возбуждено уголовное дело и тщательно проведенное под контролем прокурора расследование подтвердило основательность обвинения, прокурор с публичной трибуны государственного обвинителя в обстановке гласного судебного процесса перед широкой судебной аудиторией поддерживает обвинение на суде, разоблачает перед судом и общественностью преступника, врага народа или дезорганизатора социалистического общежития.

Ст. 113 Сталинской Конституции СССР возлагает на Прокурора СССР осуществление высшего надзора за точным соблюдением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР. Этот надзор осуществляется Прокурором СССР как непосредственно, так и через всю систему органов прокуратуры, которые независимы от каких бы то ни было органов власти и подчиняются только Прокурору СССР (ст. 117 Конституции СССР). Ст. 113 Конституции СССР определяет функции Прокурора СССР как осуществление высшего надзора. Это означает следующее: надзор за законностью осуществляет не только прокуратура; все органы советской власти в той или иной мере осуществляют надзор за соблюдением законов в пределах своей компетенции. Так, каждый народный комиссариат отвечает за законность действий подведомственных ему органов, руководитель каждого учреждения отвечает за законность действий подчиненных ему должностных лиц, советы депутатов трудящихся следят за тем, чтобы подведомственные им учреждения соблюдали законы, действовали на основе закона. Но этот надзор за законностью осуществляется каждым органом власти и учреждением в пределах своей специальной компетенции, наряду и в связи с осуществлением своих специальных функций и задач. Надзор за законностью входит в состав деятельности каждого советского учреждения, но не является его основной и специальной функцией. Но этот надзор является именно основной и специальной функцией прокуратуры, которая осуществляет надзор за законностью не в какой-либо специальной области и не по каким-либо особым поводам, а везде и всюду, будучи обязана реагировать на каждое нарушение закона, где бы и кем бы оно ни было допущено, и этот надзор является надзором от лица государства, является специальной функцией государственной власти, которая сосредоточена в руках специального органа власти — прокуратуры, глава которой подчинен непосредственно Верховному совету СССР и которому подчи-

нены все органы прокуратуры. Этот государственный надзор за законностью, надзор как особая функция государственной власти, надзор, охватывающий все учреждения и всех лиц, надзор, проникающий всюду, где может быть нарушен советский закон,—носит название высшего надзора.

Этот высший надзор за соблюдением законов — основная функция советской прокуратуры. Осуществляется он различными методами, к которым относится и общий надзор (т. е. надзор за законностью деятельности административных органов), и надзор за следствием по уголовным делам, и судебный надзор (т. е. надзор за законностью судебных приговоров и решений), и поддержание государственного обвинения на суде в отношении предания суду лиц (подсудимых). Все эти методы прокурорской работы неразрывно между собою связаны, взаимно друг друга обусловливают, а это дает определенное содержание и направление каждой отрасли, каждому участку прокурорской работы. Обвинительная деятельность прокурора, поддержание им обвинения на суде не есть какая-то изолированная функция прокуратуры, осуществляемая в отрыве от других функций прокуратуры. Наоборот, все функции прокуратуры находятся в неразрывной органической связи. Так, при наличии данных о том или ином факте нарушения закона прокурор, как правило, реагирует на этот факт в порядке общего надзора, т. е. выясняет это нарушение и опротестовывает незаконное действие или постановление в соответствующую инстанцию; если при этом устанавливается, что нарушение закона имеет признаки преступления, прокурор возбуждает уголовное дело и наблюдает за его расследованием; если расследованием обвинение подтверждено, прокурор передает дело в суд, настаивает на предании обвиняемых суду в распорядительном заседании суда, а затем поддерживает на суде обвинение, выступает в качестве государственного обвинителя; по вынесении приговора, прокурор может его опротестовать в кассационном порядке или в порядке судебного надзора. Эта органическая неразрывная связь всех функций, всех отраслей деятельности, всех методов работы является характерной чертой советской прокуратуры и придает ей облик действительного и стойкого борца за социалистическую законность, располагающего широкими полномочиями в области осуществления своих задач и несущего высокую ответственность за всю свою деятельность.

В этом отношении советская прокуратура по объему и характеру своих функций резко отличается от прокуратуры капиталистических государств. Прокуратура капиталистических государств, как правило, не осуществляет функций общего надзора, т. е. надзора за законностью действий и постановлений административных органов и различных учреждений и организаций. Основная функция буржуазной прокуратуры — обвинительная и в основном сводится к возбуждению уголовных преследований, наблюдению за следствием и поддержанию обвинения на суде. Лишь иногда и в очень незначительной мере прокуратура может вмешиваться в деятельность административных органов (например, участие прокуратуры в различных правительственных комитетах во Франции, в присутствиях по городским и земским делам в дореволюционной России). Соответственно этому буржуазная прокуратура и организована при судебных учреждениях. Это придает буржуазной прокуратуре односторонний обвинительный характер и отрывает ее обвинительную деятельность от общих задач охранения законности.

В дореволюционной России, непосредственно вслед за введением судебных уставов 1864 г., министерство юстиции в своем представлении от 25 ноября 1865 г. по вопросу о функциях прокуратуры писало: «Правильное течение и разрешение дел в присутственных местах и исполнение при этом установленных законом форм обеспечивается занятиями членов и вообще служащих каждого данного установления и сверх того наблюдением со стороны непосредственного начальства, а по делам, касающимся интересов частных лиц, — надзором со стороны сих последних и правом их обжаловать каждое отдельное постановление. Поэтому прокурорский надзор по этим делам оказывается не столь необходимым». По этим основаниям функции прокуратуры были ограничены ее обвинительною деятельностью и прокуратура была лишена функций общего надзора. Мысль министерства юстиции ясна: о законности действий административных органов должны заботиться сами эти административные органы и у них же должны искать защиты своих интересов частные граждане, права которых нарушены.

Совершенно ясно, что в основе этой аргументации лежит определенная мысль: не допускать какого-либо постороннего контроля, хотя бы и со стороны буржуазной прокуратуры, над деятельностью административных органов власти, предоставление им полной возможности свободной, бесконтрольной (а следовательно, и беззаконной) деятельности. Иначе обстоит дело с судом. В отношении суда буржуазная юридическая теория и законодательство прокламируют его независимость — независимость от государственной власти, от проводимой ею политики. Независимость суда в таком виде никогда не существовала в действительности, буржуазный суд всегда был «слепым и тонким орудием подавления и эксплоатации» (Ленин). Ленин замечательно верно отмечал, что буржуазный суд есть тонкое орудие. И действительно, суд, если только он заслуживает это название, всегда действует в определенных формах, его деятельность обставлена сложными правовыми условиями, она протекает в определенной обстановке гласности. Поэтому прямое, непосредственное командование судом, проведение через него правительственных указаний и директив по конкретным судебным делам неизбежно затруднено, так как буржуазный суд принужден соблюдать какой-то минимум приличия, культурности. Это, разумеется, не относится к фашистскому суду, в котором полностью отсутствует хотя бы какой-либо намек на приличие и культурность, который является прямым террористическим орудием расправы с трудящимися и к деятельности которого понятие правосудия вообще неприменимо даже в буржуазном значении этого слова.

Иначе с прокуратурой в капиталистических государствах, применяющих хотя бы в какой-то мере буржуазно-демократические методы

государственного управления; она и по существу и формально есть прямое, непосредственное и послушное орудие правительства, входит в состав министерства юстиции и является тем звеном, через которое правительство проводит свое влияние в судах, воздействует на них, подчиняет их своим указаниям. Таким образом по характеру своей организации, по своей идее, по смыслу своей деятельности буржуазная прокуратура является только органом обвинения и неизбежно имеет этот односторонний обвинительный характер. Совершенно не случайно, что такой видный представитель буржуазной науки права, как дореволюционный профессор И. Я. Фойницкий, сетовал на то, что царское законодательство пытается в какой-то мере обвинительную функцию прокуратуры сочетать с ее обязанностью охранять закон на предварительном следствии и на суде; Фойницкий писал: «Увлечение задачей ограждения закона подрывает главнейшую функцию прокуратуры — обвинительную» («Курс уголовного судопроизводства», т. I, 1912 г., стр. 543). Надо при этом иметь в виду, что в дореволюционной России при организации прокуратуры был в основном воспринят французский образец. Это положение прокуратуры капиталистических стран, этот принцип отрыва обвинительной функции прокуратуры от задач охраны законности (сколько бы буржуазные процессуалисты ни именовали прокуратуру органом охраны закона — положение не меняется) обращало на себя внимание лучших представителей буржуазной юстиции. Так, известный старый юрист А. Ф. Кони в своей интереснейшей статье «Приемы и задачи обвинения» («На жизненном пути», т. I, стр. 101 и 102) с сожалением вспоминает об упразднении судебными уставами «прекрасной должности губернского прокурора», являвшейся «наследием петровских времен и одним из лучших екатерининских учреждений». В действительности в дореформенных губернских прокурорах ничего прекрасного не было и это признает сам же А. Ф. Кони, который принужден признать нелишенными справедливости слова Чичикова — героя «Мертвых душ» Гоголя относительно умершего, губернского прокурора: «а ведь если разобрать хорошенько дело, то на поверку у тебя всего только и было, что густые брови». Очевидно Кони привлекали не те реальные черты, которыми характеризовался исторически сложившийся дореформенный институт губернских прокуроров а то, что в принципе, в идее на этих прокуроров возлагалась задача наблюдения за законностью действий местных административных органов. Хотя Кони не развивает этой мысли, для него очевидно было ясно, что обвинительная деятельность прокурора для успешного ее осуществления должна опираться на более широкую функцию надзора за соблюдением закона, и в этом, разумеется, Кони был прав.

II

Великая Октябрьская социалистическая революция сломала старый дореволюционный государственный аппарат, а вместе с ним старый судебный аппарат и связанные с ним прокуратуру и адвокатуру. Ст. 3 декрета о суде № 1 (24 ноября 1917 г.) гласила: «Упразднить существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры». Упраздняя старую прокуратуру, декрет о суде № 1 устанавливал, что в роли обвинителей и защитников в советском суде допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами. Эта общая формулировка еще не определила ни организационных форм, ни процессуального порядка обвинительной деятельности. Эти вопросы были конкретизированы в декрете о суде № 2 (20 июля 1918 г.). Этим декретом при советах рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов организовывались коллегии лиц, посвятивших себя правозаступничеству, как в форме общественного обвинения, так и в форме общественной защиты. Состав этих коллегий правозаступников избирался советами. Эти коллегии соединяли в себе функции и обвинения и защиты, из их состава суд мог приглашать для каждого дела общественного обвинителя. Ст. 28 декрета устанавливала, что кроме обвинителя и защитника из состава коллегии правозаступников, в судебных прениях могли принимать участие один обвинитель и один защитник из присутствующих на судебном заседании лиц. т. е. из публики.

По вопросу об обвинении на суде в декрете о суде № 2 существенным являются следующие положения:

1) обвинение есть общественная функция, на суде обвинение поддерживает не государственный обвинитель, а общественный обвинитель;

2) функции обвинения и защиты возложены на одну и ту же организацию, члены которой могут выступать и в качестве обвинителей и в качестве защитников;

3) наряду с этими обвинителями, объединенными в организации правозаступников, могут выступать на суде и добровольные обвинители из публики.

Несомненно, что в этом декрете проявилось стремление построить обвинение на широких демократических основаниях как народное обвинение, но в обстановке 1918 г. подобное положение создавало опасность использования свободы обвинения на суде классовым врагом, так как любое лицо могло почти бесконтрольно получить трибуну на суде и использовать ее для антисоветской контрреволюционной агитации. Здесь сказалось влияние лево-эсеровского руководства НКЮ, при котором был разработан этот декрет. После смены лево-эсеровского руководства НКЮ новый нарком юстиции т. П. И. Стучка издал инструкцию об организации и действии местных народных судов 23 июля 1918 г., которой ограничен круг лиц, выступающих на суде в качестве правозаступников, т. е. обвинителей и защитников, и устранено выступление из публики.

В последующих законодательных актах в основном продолжало сохраняться положение, при котором государственное обвинение не выделялось в самостоятельную функцию и вместе с функцией защиты сосредоточивалось в особых коллегиях при советах и исполкомах (Положение о народном суде РСФСР 30 ноября 1918 г.). Новое Положение о народном суде РСФСР 21 октября 1920 г. пытается организационно разграничить функции обвинения и защиты и придать обвинению характер государственного обвинения. Обвинители состоят при отделах юстиции губисполкомов, на-

значаются и отзываются губисполкомами, в качестве же защитников привлекаются граждане по особым спискам, составляемым районными, городскими и уездными исполкомами (ст.ст. 39—43). Дальнейший шаг в этом направлении делает инструкция наркома юстиции РСФСР Д. И. Курского от 23 ноября 1920 г., исходя из Положения о народном суде 1920 г.; она трактует о «советских обвинителях», устанавливая, что «в случае недостаточности советских обвинителей, а иногда и наряду с ними суд допускает в качестве обвинителя представителей, возбудивших уголовное преследование, советских учреждений и профессиональных организаций» (ст. 3). Здесь мы уже видим разграничение (хотя и недостаточно четкое) государственного и общественного обвинения.

В законодательстве о революционных трибуналах в самом же начале сделана попытка построить обвинение в трибуналах как публичное, государственное обвинение. Уже декретом СНК о ревтрибуналах 4 мая 1918 г. при каждом ревтрибунале была организована коллегия обвинителей, избираемых советами по представлению ревтрибунала или НКЮ, причем на эту коллегию обвинителей были возложены определенные, законом регламентированные функции (участие в следственной комиссии, дача ей заключений, формулировка обвинительных тезисов, публичное обвинение на суде). Здесь уже налицо все необходимые элементы государственного обвинения, наряду с которым допускалось и общественное обвинение и выступление обвинителей из публики на суде. Однако в дальнейшем эти коллегии обвинителей при ревтрибуналах отпали и их функции перешли к коллегиям обвинителей и защитников при советах, организуемых на основании Положения о народном суде .

Незадолго до декрета 4 мая 1918 г. была сделана попытка создать специальную централизованную организацию государственного обвинения. В апреле 1918 г. был создан народный комиссариат публичного обвинения, просуществовавший, правда, не больше полутора месяцев. Неудача создания этой организации не должна закрывать значения действительной и важной задачи, серьезность которой сознавалась в то время, — организовать государственное обвинение как особую функцию государственной власти, заключающуюся в поддержании на суде обвинения от лица государства. Задача эта ставилась все время, с первых же дней Октябрьской революции, но она не могла быть разрешена ввиду отсутствия той организации, которая сосредоточивала бы в своих руках функции государственного обвинения, представляя собой орган власти пролетарского государства, для которого поддержание обвинения было бы одним из методов его общей деятельности по борьбе с преступлениями и всеми нарушениями революционной законности. Такая организация была создана 28 мая 1922 г. в лице советской прокуратуры.

III

Положение о прокуратуре от 28 мая 1922 г. и в значительно более развернутом и уточненном виде Основы судоустройства СССР и союзных республик определяют систему функций и методов прокурорской работы, включая в них поддержание обвинения на суде и связывая эту функцию со всеми другими функциями прокуратуры в области борьбы за социалистическую законность[1]. Исходя из этого, и определяется роль и содержание обвинительной деятельности прокуратуры, в известном смысле как продолжение ее деятельности в области общего надзора, т. е. надзора за законностью действий органов власти, должностных и частных лиц. В силу этого обвинительная деятельность советской прокуратуры никогда не строится в том односторонем обвинительном разрезе, который характерен для прокуратур буржуазных стран. Обвинительной деятельности советской прокуратуры органически чужды те ультраобвинительные установки, которые характерны для прокуратуры буржуазно-демократических государств, в частности французской, послужившей образцом для организации прокуратур других буржуазных стран. А. И. Герцен дал поистине классическое изображение обвинительной деятельности французского прокурора, сохранявшее свое значение и поныне. Герцен писал: «Неумеренная любовь раскрывать истину, добираться до подробностей в делах уголовных, преследовать с ожесточением виноватых, сбивать их — все это чисто французские недостатки. Судопроизводство для них — кровожадная игра... Прокурор как ловкий торреодор, унижен и оскорблен, ежели травимый зверь уцелеет»[2]. Конечно, советский прокурор на суде — обвинитель и именно обвинитель, обязанный проявлять максимальную бдительность во всей своей работе, максимальную настойчивость в изобличении и обвинении врагов народа и дезорганизаторов социалистического строительства. Советский прокурор — орган борьбы со всякими посягательствами на мощь и крепость диктатуры пролетариата, социалистического государства рабочих и крестьян. Совершенно неприемлема была бы перелицовка советского прокурора как государственного обвинителя на какой-либо либеральный лад. Советская прокуратура — острое и действенное орудие пролетарской диктатуры и иной она быть не может. Но советский прокурор — прежде всего блюститель социалистической законности, и это определяет направление и содержание всех областей его деятельности. В этом отношении представляет большой интерес и является крайне характерной та формулировка задач обвинения, которая дана в разрабатываемом сейчас проекте Уголовно-процессуального кодекса СССР, ст. 7 которого гласит:

«Задачей обвинения в уголовном процессе является уголовное преследование и разоблачение перед судом и общественностью врагов народа и нарушителей государственной дисциплины и социалистического правопорядка. Задачей обвинения является также защита прав и законных интересов всех граждан, в частности прав и законных интересов обвиняемого.

В любой стадии процесса, если обнаружится необоснованность обвинения, уголовное преследование должно быть прекращено, а обвинитель обязан отказаться от обвинения».

[1] См. об этом А. Вышинский, Судоустройство СССР, изд. 3, 1936, стр. 209.

[2] «Былое и думы», ч. II, стр. 119.

На первый взгляд противоречащее специфическим задачам обвинения требование, чтобы обвинитель защищал права и законные интересы обвиняемого, является совершенно правильным, соответствующим самой природе советской прокуратуры. Процессуальное положение прокуратуры на суде отличается от ее положения в стадии предварительного следствия, а вся судебно-следственная деятельность прокуратуры отличается от ее деятельности в области общего надзора. Но прокуратура всегда равна самой себе и руководящие принципы ее деятельности одинаковы во всех областях прокурорской работы.

В сопоставлении с этими широкими и культурными задачами советского обвинения особо дикими и варварскими кажутся положения итальянского фашистского УПК 1931 г., который, конструируя прокуратуру в уголовном процессе как сторону обвинения, возлагает на нее заботу только об обвинении и запрещает ей предпринимать хоть какие бы то ни было шаги в направлении защиты интересов обвиняемого. Так, итальянский УПК 1931 г. запрещает прокурору протестовать против нарушения судом процессуальных норм, если эти нарушения не задевают интересов обвинения и лишает прокурора права требовать освобождения обвиняемого из-под стражи, хотя бы таковое содержание ничем не вызывалось. Автор УПК бывший министр юстиции А. Рокко в объяснительной записке к проекту УПК писал: «Право требовать предоставления предварительной свободы (т. е. освобождения обвиняемого из-под стражи до суда. — М. С.) не принадлежит более прокурору за отсутствием у него для этого надлежащего интереса». Действительно, какой может быть интерес у фашистского прокурора в том, чтобы освободить из тюрьмы заключенного, хотя бы и невиновного?

Что собой представляет буржуазная прокуратура хорошо понимали некоторые буржуазные юристы. Либеральный германский юрист проф. Гольдшмидт, автор проекта УПК 1919 г., представлявшего высшую точку либерально-индивидуалистических устремлений некоторой части буржуазных кругов, по поводу германской прокуратуры веймарского периода не без основания утверждал, что германской прокуратуре место не в ведомстве юстиции, а в ведомстве полиции, и требовал запрещения прокурорам когда-либо занимать судейские должности. Этот же Гольдшмидт предлагал освободить прокуратуру от обязанности изыскивать и проверять доказательства, оправдывающие обвиняемого, — все равно, по мнению Гольдшмидта, из этого ничего не выйдет (Dr. J. Goldschmidt. Zur Reform des Straf verfahrens. Tübingen, 1919).

А. Ф. Кони, на которого я уже ссылался, определял прокурора, поддерживающего обвинение, как «говорящего публично судью» (указ. соч., стр. 103—104). Кони с грустью должен был констатировать, что в действительности подобный тип государственного обвинителя встречался редко. Иначе и не могло быть в царском суде, но сама мысль Кони была глубоко верна. Кони говорил, что прокурор «не должен ни представлять дела в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значение доказательств и улик или важности преступления». Несомненно, прокурор, будучи государственным обвинителем, является участником и активным деятелем правосудия, в правильном осуществлении которого он заинтересован не менее чем суд. В этом отношении у него общие с судом задачи.

Буржуазные юристы могут иногда высказывать хорошие мысли, которые, однако, остаются висеть в воздухе, так как действительность капиталистического государства не является благоприятной почвой для их осуществления.

Активное, решительное, непреклонное изобличение преступника перед судом и в то же время строгая обоснованность и непредвзятость всех выводов и утверждений и чуткое отношение к правам и интересам всех лиц, участвующих в процессе, вытекающее из требований социалистического демократизма и гуманизма, таковы черты советского государственного обвинителя, и в этом смысле советский прокурор — действительно «говорящий публично судья».

Замечательные слова В. И. Ленина, сказанные им по поводу дела по обвинению ряда лиц в волоките с изготовлением плугов Фалулера, исчерпывающе определяют задачи прокурора как обвинителя в процессе. Ленин указывал, что обвинитель должен «перед всеми разнести вдрызг, осмеять и опозорить» самопреступление и лиц, не понимающих его значения, и вместе с тем «поставить обвинение разумно, правильно в меру».

В практической работе советской прокуратуры обвинительная ее деятельность, поддержание обвинения на суде всегда занимало существенное место. Но следует признать, что именно эта сторона деятельности советской прокуратуры часто недооценивалась. Это выражалось как в явно недостаточном числе прокурорских выступлений на суде, так и в далеко не всегда удовлетворительном качестве самих выступлений. Культура советского государственного обвинителя далеко еще не достигла необходимого высокого уровня, соответствующего задачам государственного обвинения в социалистическом государстве. Но совершенно очевидно, что значение обвинительной деятельности советской прокуратуры при правильном ее понимании приобретает все большее и большее значение как метод охраны социалистической законности и укрепления социалистического правосудия.

У нас есть превосходные образцы прокурорских выступлений на суде, отвечающие всем требованиям, предъявляемым к советскому государственному обвинителю, есть совершенно четкое и ясное понимание задач обвинения на суде, но нет еще достаточной культурности в общей постановке обвинения на суде равно как нет достаточной разработки процессуальных и методических вопросов, связанных с поддержанием обвинения на суде.

К пятнадцатилетию советской прокуратуры следует вспомнить о наших достижениях (а они есть) и недостатках (их тоже немало) в этой важнейшей области прокурорской работы и сосредоточить внимание на тех мерах, которые помогут поднять эту работу на должную высоту.

В. ТАДЕВОСЯН

О рассмотрении жалоб трудящихся в прокуратуре

Рассмотрение жалоб трудящихся является важнейшей функцией прокуратуры. Ни в одном государственном органе нет столько жалоб трудящихся, как в прокуратуре. И каких только нет жалоб и заявлений в органах прокуратуры! Самых разнообразных, самых неожиданных по форме и содержанию: тут и о жилищах и алиментах, тут и о самых серьезных уголовных преступлениях и в то же время об исключительно пустяковых явно сутяжных претензиях отдельных граждан; наряду с весьма грамотно, иной раз в художественных выражениях и даже стихах, составленными заявлениями еще немало и таких крайне скверно и неграмотным языком написанных жалоб, одно прочтение которых отнимает много сил, энергии и времени. Прокурор должен кропотливо, добросовестно и терпеливо разбираться в этих жалобах и давать им соответствующее направление, проверять сообщаемые в них факты, разъяснять жалобщикам законы и т. д.

Не так уж легко эту работу быстро и хорошо организовать. Особенно теперь, когда с принятием Сталинской Конституции авторитет прокуратуры сильно вырос, и число обращений в прокуратуру весьма увеличилось.

На протяжении 15 лет существования прокуратуры далеко не всегда отношение к жалобе и жалобщику было одинаковым в органах прокуратуры. Самый состав жалобщиков за этот период времени существенно изменился. Это в значительной мере повлияло и на отношении к жалобщику. Значительную часть жалобщиков в прежние годы составляли кулаки и нэпманы, которые неосновательно жаловались на то, что государственные органы СССР не оставляют безнаказанным нарушение ими законов нашей страны. Трудящиеся граждане СССР — вот кто теперь, главным образом, жалобщики в органах прокуратуры; они немедленно реагируют теперь на всякое нарушение закона и требуют восстановления нарушенного права, так как с ростом культуры масс выросло и социалистическое правосознание трудящихся, настойчиво и упорно добивающихся неуклонной охраны революционной законности.

Пренебрежительное, бюрократическое отношение к жалобщикам, имевшее место в отдельных местах и в отдельные периоды деятельности прокуратуры, отнюдь не всегда объяснялось классовым составом жалобщиков или непониманием задач прокуратуры в тех или иных местах.

Контрреволюционные вредительские «теории» Пашуканиса и других о буржуазной природе советского права, об отмирании государства, о выветривании права, а также связанные с этими «теориями» всякого рода упрощенства и так называемые «рационализации» во всех областях деятельности суда и прокуратуры, особенно широко распространившиеся в 1929—1931 гг., нашли свое отражение и в работе прокуратуры по разбору жалоб. Пренебрежительное отношение, например, к просьбе жалобщика, чтобы истребовали его дело и опротестовали приговор суда, который за халатность осудил жалобщика как за растрату, объяснялось тем, что вслед за широко пропагандируемой во всех местах указанной выше теорией в применении к уголовному праву практика также стала считать, что вина, умысел, неосторожность это — «юридическое барохло», которое не к лицу советскому уголовному праву, что квалификация преступления не имеет значения для правильного осуществления карательной политики и тому подобную чепуху.

Бюрократическое, пренебрежительное отношение к жалобе и жалобщику в этот период узаконялось многими упростителями тем, что процессуальные нарушения вообще считались несущественным делом. Под лозунгом «минимум формы, максимум классового существа» прокуроры в свою очередь небрежно отмахивались от назойливого жалобщика, который доказывал, что вследствие нарушения тех или иных процессуальных законов его неправильно осудили или с него неправильно взыскали и т. д.

Организационно работа прокуратуры по жалобам также не всегда была правильно поставлена. Отделы жалоб до ликвидации функционалки несколько раз безуспешно перестраивались, но, как правило, они оставались самостоятельными отделами, работа которых слабо была связана с функциональными отделами прокуратуры и представляла собой наиболее плохо организованную часть работы прокуратуры. Реорганизация прокуратуры дала возможность устранить значительную часть недостатков в работе по жалобам. Однако скоро выяснилось, что ликвидация отделов жалоб и распределение жалоб непосредственно между производственными отделами прокуратуры имеют и свои теневые стороны: отсутствует единый центр, ведущий наблюдение и контроль за приемом и прохождением жалоб по прокуратуре. Этот недостаток был устранен уже в 1936 г.

К настоящей организации «жалобного хозяйства» в органах прокуратуры приступлено было всего только год назад, когда было решено создать отделы жалоб прокуратуры и провести ряд мероприятий, направленных к улучшению приема и рассмотрения жалоб.

Первый приказ по этому вопросу был издан 21 марта 1936 г., а затем после постановления III пленума Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР от 22—26 мая 1936 г. по вопросу о рассмотрении жалоб трудящихся (СЗ 1936 г. № 31, ст. 276) Прокурором СССР был издан 3 июня 1936 г. новый циркуляр, который указывал на необходимость повсеместной перестройки работы прокуратуры по рассмотрению жалоб в соответствии с постановлением пленума КСК при СНК СССР. Одновременно было послано местам «примерное положение о бюро жалоб органов прокуратуры».

За год, прошедший после этого, была проделана большая работа по улучшению рассмотрения жалоб трудящихся, были созданы

отделы или бюро жалоб, которые упорядочили прохождение жалоб по аппарату, налажен, правда еще весьма недостаточно, контроль исполнения, организован прием посетителей, выдача справок и т. д. Конечно, далеко не везде еще это дело как следует организовано; кое-где и теперь можно встретить совершенно недопустимое отношение к жалобам и жалобщикам; например, в апреле 1937 г. в Прокуратуре РСФСР (в гражданском отделе) оказалось свыше тысячи нерассмотренных жалоб и писем с периферии, часть из которых лежала «без движения» по нескольку месяцев; или, например, в Прокуратуре УССР оказалось, что жалобщики не имеют свободного доступа даже в отдел жалоб; работники этого отдела бюрократически отгородились от посетителей «системой пропусков».

Тем не менее общее повсеместное улучшение работы по жалобам вызвало значительный рост обращений в прокуратуру. Граждане, которые раньше сплошь и рядом не получали ответа на поданные ими заявления и жалобы или получали с большим опозданием, теперь не могли не заметить быстрого реагирования прокуратуры на их заявления, дачи ответа по всем жалобам, внимательного приема их и разъяснения им законов и прав граждан. Поэтому если раньше многие не обращались в прокуратуру даже и тогда, когда это было им необходимо, так как обращение с жалобой стоило им много трудов и времени, то теперь при большей доступности и внимательности прокуратуры ко всем жалобщикам, при быстром реагировании прокуратуры на их заявления число последних растет, так как об этом качестве работы прокуратуры становится известным все более и более широким массам, несомненный рост правосознания и бдительности которых является залогом борьбы со всеми и всякими нарушениями социалистической законности.

Не следует, однако, думать, что вызванный внимательным и чутким отношением к жалобщикам поток заявлений в прокуратуру сам по себе обеспечивает правильную организацию борьбы за социалистическую законность, что достаточно, например, прокурору района хорошо организовать прием жалобщиков и внимательное рассмотрение поступающих к нему заявлений, чтобы быть спокойным за состояние революционной законности в районе. Из этих ли соображений или из соображений не быть обвиненными в бюрократическом отношении к жалобщикам в некоторых местах, как, например, в Горьковской области, установлен порядок, согласно которому районные прокуроры целый день обязаны принимать и принимают жалобщиков и посетителей. Прием в районной прокуратуре или в прокуратуре города не ограничен временем. Приказом от 7 февраля 1937 г. прокурор Горьковской области обязал всех районных прокуроров принимать жалобщиков в течение всего рабочего времени без установления определенных часов приема.

Конечно, в тех районах, где имеется два прокурора (вернее, помощник прокурора района), выполнение этого распоряжения особых трудностей не вызывает, хотя и там вряд ли целесообразно это правило — целый день принимать людей, с какими бы они заявлениями ни приходили. Но такой приказ особенно отражается на работе прокуратуры района, когда там имеется лишь один прокурор. Этот последний целый день занят тем, что ждет или принимает жалобщиков. Последние приходят очень часто в очень большом числе случаев с просьбой дать консультацию. Происходит это от того, что повсюду из рук вон плохо поставлены юридическая консультация и помощь, которые должны быть организованы профсоюзами, в первую очередь, и коллегиями защитников под руководством наркомюстов. Трудящиеся не получают необходимой юридической помощи, поэтому обращаются в прокуратуру и загружают ее несвойственной ей работой. Загружает прокуратуру не относящимися к ее компетенции заявлениями и жалобами также то обстоятельство, что во многих местных органах власти до сих пор еще плохо организованы прием и рассмотрение заявлений и жалоб трудящихся.

Проведенное нами наблюдение на месте показало, что приходят к прокурору и отрывают его от серьезной и важной работы с многочисленными заявлениями следующего характера: 1) приехал в город после лечения в больнице рабочий совхоза; документы забыл и оставил в больнице; денег у него нет и на работу без документов не принимают; просит прокурора прислать на работу; 2) женщина жалуется на то, что несвоевременно получает алименты от бывшего мужа; 3) приходят с жалобой на то, что райсовет не предоставляет комнаты; 4) крестьянин приехал из района в областной центр к прокурору со следующей жалобой (вместо того, чтобы там же в районе обратиться в народный суд с иском): он купил дом на снос, а продавец дома не выезжает из этого дома, чтобы покупатель мог сломать его; 5) уволенный с работы счетовод, которого народный суд восстановил в должности, явился к прокурору с просьбой «дать государственную защиту», так как администрация завода обжаловала решение народного суда в областной суд; 6) колхозники просят прокурора разъединить их колхоз, так как считают объединение двух колхозов в один, произведенное с их согласия в прошлом году, неправильным и повлекшим за собой бесхозяйственность в колхозе. Число этих примеров можно было бы значительно умножить. Но практические работники мест достаточно о них знают. Поэтому не приходится на этом подробно останавливаться, чтобы доказать, что прокуроры районов загружены значительным количеством такой работы, от которой они должны быть освобождены. Ибо вредная «текучка», отнимая у них много сил и энергии, делает их неспособными на серьезную и систематическую работу по борьбе за социалистическую законность в районе.

А контроль за прохождением и рассмотрением жалоб? Сколько в этой области имеется еще недостатков в нашей работе, которые очень часто не дисциплинируют, а мешают работе районных прокуроров, загружают их ненужной работой? Достаточно указать на следующее: принято думать, что если вышестоящий прокурор, посылая жалобу на проверку нижестоящему прокурору, не потребует от него ответа, то жалоба не будет как следует рассмотрена. И вот по этой причине очень часто, посылая жалобу на место, тре-

буется ответ в виде заключения, независимо от того, насколько существенна жалоба. В результате этого вышестоящий прокурор создает у себя громадное количество так называемых контрольных переписок и не справляется с ними, смазывая тем самым значение контроля исполнения не только по указанным выше малозначительным жалобам, но, что особенно важно, по остальным, более серьезным жалобам. С другой стороны, районные прокуроры, получая такие недифференцированные требования и обязанные писать и писать заключения по всем жалобам, под тяжестью этой писанины не вылезают из кабинета или же превращаются в «безнадежных должников» перед вышестоящими органами. В этой же связи надо сказать несколько слов о запросах различных ведомств по одним и тем же жалобам.

Работникам прокуратуры хорошо известна небольшая группа жалобщиков, которая тем не менее отнимает у прокуратуры гораздо больше времени, чем остальные жалобщики, числом в несколько раз превышающие эту небольшую группу. И не потому вовсе так много времени уходит на эту группу жалобщиков, что дела их очень сложны и запутаны, а они сами — пострадавшие от беззакония люди, которым надо помочь, защитить, устроить. Нет, вовсе это не потому. В большинстве случаев — это люди, явно злоупотребляющие принципами советской демократии, доступностью и чуткостью наших партийных и советских органов; это — сутяги, добивающиеся своего путем подачи десятков и сотен жалоб во все инстанции. Можно указать немало таких жалобщиков, которые написали уже сотни неосновательных жалоб в десятки учреждений, редакций газет и т. п. и продолжают еще писать, причем в то время как многие юридически неграмотные граждане, объективно гораздо больше нуждающиеся в помощи вышестоящих органов прокуратуры, не знают о том, что есть такие органы, куда они могут обратиться со своей жалобой, для указанных выше неугомонных жалобщиков и сутяг во многих республиканских, областных аппаратах прокуратуры оказывается к услугам по 3 или 4 инстанции: дежурный прокурор, зав. отделом жалоб, зав. соответствующим оперативным отделом, зам. прокурора республики (области, края), прокурор республики (области, края), а иногда и жалобная книга данной прокуратуры. Не слишком ли дорого стоящая и вредная «роскошь» в этом деле стала у нас практиковаться? Когда же жалобы этих лиц из различных ведомств разновременно поступают к районному или областному прокурору с требованием ответа, то не трудно представить себе положение этого прокурора, которому приходится тратить свое драгоценное время на дачу ответов во все органы и во все инстанции по одной и той же неосновательной жалобе.

Таковы, вкратце, теневые стороны достигнутых нами успехов в деле организации рассмотрения жалоб трудящихся. Нам необходимо провести теперь ряд мероприятий для того, чтобы улучшить рассмотрение жалоб, устранить злоупотребления созданной системой приема и рассмотрения жалоб трудящихся, сделать эту систему более подвижной, приблизить ее к производству и быту трудящихся, сделать ее более доступной тем гражданам, которые не научились еще настойчиво и по собственной инициативе защищать свои права от нарушений. Для этого необходимо освободить районного прокурора от подавляющей его «текучки», избавить его от излишней писанины, запретить посылку ему ненужных запросов по жалобам как со стороны вышестоящих органов прокуратуры, так и со стороны других ведомств, запросы которых необходимо сосредоточивать в одном месте (в областной или республиканской прокуратуре). Большим и серьезным тормозом в организации работы по жалобам является отсутствие единой системы делопроизводства, слабая постановка контроля исполнения, всякого рода кустарничание и местное творчество по этим вопросам. По части делопроизводства в прокурорских канцеляриях известно, что многие руководители этим делом не занимаются, до сих пор еще считая, что это такая техника, которая достойна лишь внимания секретаря прокуратуры. Известно также, что многочисленные «упростители» и рационализаторы работы судебно-прокурорских канцелярий в прошлом натворили столько различных экспериментов в этой области, что навести порядок в них теперь — дело не такое уж легкое. В прошлом году, например, когда стало известно, что имеют место случаи потери жалоб трудящихся в канцеляриях прокуратуры (и не только прокуратуры), Прокурор Союза ССР решил лично выяснить причины этого безобразного факта. Он с удивлением констатировал, что по воле рационализаторов уже давно введен порядок (санкционированный в свое время РКИ), согласно которому в приеме жалобы никто не расписывается, а следовательно, в случае ее утери никто не отвечает за это, не с кого требовать. Приказ Прокурора СССР об отмене этого «беспорядка» и введении расписки в получении жалобы был встречен с удивлением и недоумением. Жизнь показала, что новый порядок хотя и требовал дополнительных усилий для внедрения в практику, но оказался целесообразным и необходимым, усилил ответственность за работу и за сохранность передаваемых в аппарат прокуратуры жалоб и документов. Недоумения «старых канцеляристов» совсем исчезли, когда стало известно, что такой же порядок введен и в Комиссии советского контроля.

Этот маленький пример говорит о том, что нам нельзя относиться пассивно и примиренчески не только к большим политическим недочетам в нашей работе, но и к маленьким, канцелярским неполадкам, значение которых нельзя недооценивать.

Нельзя, нам кажется, согласиться с тем, что в разных республиках и областях по-разному построена работа отделов жалоб, по-разному ведется делопроизводство, контроль исполнения по жалобам. Это создает путаницу и неразбериху, отнюдь не содействует дальнейшему улучшению работы по рассмотрению жалоб трудящихся. Некоторые республиканские и областные прокуроры, например, до сих пор еще с упорством, достойным лучшего применения, продолжают насаждать свою систему организации работы отделов жалоб, которая существенно отличается от преподанной системы, изложенной в «Примерном положении о бюро жалоб органов прокуратуры»,

посланном местам Прокуратурой Союза ССР 3 июня 1936 г.

Это «Примерное положение» было составлено, исходя из необходимости создать гибкий и подвижный аппарат, способный наилучше организовать прием жалоб, обслуживание жалобщиков, отсеивать неотносящиеся к данному органу прокуратуры жалобы, направлять оперативным отделам на разрешение содержащие нарушение закона и требующие вмешательства оперативных отделов жалобы и заявления и систематически контролировать исполнение по жалобам. Этих функций уже вполне достаточно, и с ними далеко не справляются еще отделы жалоб. Эти же прокуратуры создали отделы жалоб, которые сверх указанных функций взяли на себя и ряд других, принадлежащих оперативным отделам прокуратуры, и потому не справляются как следует ни с теми, ни с другими функциями.

Громоздкость аппарата и путаница в делопроизводстве не дают возможности организовать контроль исполнения по жалобам ни в отношении периферии, ни в отношении отделов республиканской (областной) прокуратуры.

По вопросу контроля исполнения Прокурором СССР в апреле 1937 г. издан новый циркуляр, устанавливающий единые правила организации этой работы. Следовало бы поскорее издать также единые правила делопроизводства по жалобам, которые способствовали бы дальнейшему улучшению прохождения жалоб и обслуживания жалобщиков.

К числу слабых мест в работе отделов жалоб относится явно недостаточное участие соцсовместителей прокуратуры, рабочих шефствующих предприятий в работе по разрешению жалоб трудящихся. Нет более подходящего места для успешной борьбы с бюрократическими язвами в аппарате прокуратуры, чем в отделе жалоб. Здесь, осуществляя систематический контроль за прохождением и разрешением жалоб трудящихся, наблюдая за своевременным исполнением решений по жалобам, соцсовместители, рабочий актив шефствующего предприятия могли бы оказать большую помощь в улучшении этой важнейшей работы, способствовали бы скорейшему вытравливанию остатков бюрократизма в нашем аппарате.

К сожалению, надо сказать, что как со стороны профсоюзов, так и со стороны многих органов прокуратуры этому вопросу уделяется за последние годы мало внимания.

Это, конечно, неправильно; нашей обязанностью является в ближайшее же время шире вовлечь и поднять работу общественного актива прокуратуры в отделах жалоб.

И. КРАСТИН

Из воспоминаний старого прокурора

Кто в течение многих лет был в рядах прокуратуры, кто волей партии в качестве прокурора вел борьбу за социализм, для того дата 15-летия советской прокуратуры невольно становится днем подведения итогов, днем воспоминаний о пройденном пути.

Вот когда пытаешься подвести итоги пройденного, когда сводишь воедино все то, что проделано, когда в памяти воскресают боевые дни частью яркие, частью тусклые, то невольно оказываешься в плену того многообразия событий, которые тебе пришлось пережить. Тысячи дел, отражающих многообразные стороны социалистического строительства, правда может быть негативные стороны, тысячи дел, отражающих различные стороны человеческой жизни, тысячи дел, в которых запечатлелась агония классового врага, — все это становится многоликой галереей, поражающей своей сложностью, своим многообразием.

Но чем пристальнее вглядываешься в это, тем яснее и ярче вырисовывается то общее, что объединяет эти разнообразные и совершенно отдельные дела, становящиеся лишь звеньями единой цепи событий, тесно связанных, тесно переплетающихся между собой.

Пропуская через призму сознания эти события, хранящие на себе следы 15-летней деятельности прокуратуры, невольно приходишь к одному убеждению: 15 лет советской прокуратуры — это 15 лет напряженной политической работы, это 15 лет, проведенных в ожесточенных боях с классовым врагом.

Советская прокуратура была организована декретом ВЦИК от 28 мая 1922 г. в период перехода к новой экономической политике.

Классовый враг в своих преступных посягательствах против советской власти прибегал к заговорам, восстаниям, шпионажу и клевете, использовал «всякие элементы разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса»[1].

Невольно вспоминаются дела, отражающие эти формы выступлений классового врага и его агентуры. Дела, по которым проходили крупные группы шпионов, подосланных из соседних лимитрофов. Эти люди на процессе рассказывали о том, как их посылали, как они вели свою работу, и за их спиной чувствовалась рука иностранных разведок.

Вспоминаются одновременно крупнейшие дела о взяточничестве. Среди многих дел этого типа мне почему-то особенно запомнилось дело по обвинению инженера Пляцкого, нашумевшее в свое время в Ленинграде и проходившее под громким названием «Дело короля стали».

Этот пресловутый «король», получивший такое громкое название среди нэпманов, был одним из наиболее видных и активных агентов ленинградской буржуазии, пытавшейся поднять голову в первые годы нэпа. Будучи в течение долгого времени инженером крупных частных фирм, прекрасно владея своей специальностью, Пляцкий владел в совершен-

[1] Ленин, т. XXII, стр. 460.

стве способностью «на-глаз» определять качество стали. Пользуясь технической невооруженностью, незнанием дела и разложением отдельных работников и тем, что в новых социалистических предприятиях еще остались агенты буржуазии, Пляцкий организовал массовую спекуляцию металлом в Ленинграде и даже далеко за его пределами.

Появляясь на наиболее крупных заводах, осматривая находящиеся там запасы металла, Пляцкий скупал его как «хлам». Это не обходилось без крупных взяток, подпаиваний и т. д. Металл скупался за бесценок, форменным образом за гроши и на тысячи рублей, а затем купленная высококачественная сталь, нередко без вывоза ее из территории завода, продавалась тому же предприятию, «задыхающемуся от недостатка металла».

Многие видные и крупные хозяйственники долго не могли согласиться с тем, что Пляцкий — преступник, классовый враг, пытается использовать нэп для хищения социалистической собственности. Они смотрели на него просто как на «ловкого дельца».

Многих крупных и видных хозяйственников Пляцкий сумел вовлечь в свое темное дело.

Ведя борьбу с такого рода преступлениями, одновременно нужно было вести решительную борьбу и с крайностями военного коммунизма, ибо революционная законность этого периода «обращалась своим острием, главным образом, против крайностей военного коммунизма, против незаконных конфискаций и поборов» (Сталин).

«Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, — закрывать глаза на это смешно», — говорил Ленин и здесь же учил нас, как бороться с этой спекуляцией. «Как же быть? Объявить спекуляцию безнаказанной? Нет. Надо пересмотреть и переработать все законы о спекуляции, объявив наказуемыми (и преследуя фактически с тройной против прежнего строгостью) всякое хищение и всякое уклонение, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от государственного контроля, надзора, учета»[1].

В этот ответственный момент, когда решался вопрос «кто кого», прокуратура должна была принять боевое крещение и, борясь за революционную законность, о которой писал Ленин, с тройной строгостью преследовать всякие попытки укрытия от госконтроля, но в то же время бить их против крайностей военного коммунизма.

Невольно вспоминаются десятки дел первого периода нэпа, в которых перекликаются, с одной стороны, стремление классового врага избежать контроля и использовать нэп в своих спекулятивных целях, а с другой стороны, преступная деятельность того же классового врага, пытающегося дискредитировать новую экономическую политику, сорвать развитие товарного оборота путем организации незаконных поборов и конфискаций.

Дела о взятках крупнейших, крупных и мелких. Например, дело о большой группе торговцев, дававших взятки милиционерам и называвших себя «красными купцами», пытавшихся возродить «добрые старые» традиции в своих отношениях с милиционерами по типу отношений с городовыми.

Наряду с этим проходят дела, в которых ярко отражается растерянность некоторых работников в период нэпа, их неумение перестроиться, их попытки одним ударом покончить с нэпом.

Помню ряд дел о председателях сельсоветов, самочинно запрещающих всякую торговлю, проводящих реквизицию и в свое оправдание выставляющих то, что «от спекулянтов житья нет».

Вспоминаются дела иные — чисто бытового порядка: активные рабочие, революционеры выдвигались на крупные хозяйственные посты. Интеллектуально высоко развивались, но бывали случаи, что некоторые из них подпадали под влияние врага, разлагались. Например, дело крупного хозяйственника Хведзюка об убийстве жены. Хведзюк, рядовой рабочий малограмотный, дорос до весьма крупного хозяйственника. Его жена не сделала ни шагу вперед в своем развитии, сумела использовать лишь создавшееся «барское благополучие». Происходит семейный конфликт, на разрешение которого честным путем у Хведзюка нехватает силы. Он прибегает к наемным убийцам для устранения жены. Дело еще интересно в том отношении, что все оно шло на косвенных уликах, и только под влиянием этих улик, конденсированных в речи прокурора, после выступления прокурора Хведзюк сознается.

Муть нэпа выдвинула своего рода «героев-бандитов». Может быть, наиболее ярким представителем такого порядка бандитов являлся в Ленинграде некий Ленька Пантелеев, которого еще до сих пор ленинградцы прекрасно помнят. Молодой парень, бывший работник органов дознания, соскользнул на путь легкой наживы и с помощью небольшой группы, им организованной, совершал исключительно дерзкие бандитские налеты, вызывавшие в обывательской среде прямо-таки восхищение. Открыто днем нападал на кассиров, везших крупные суммы денег, но главным образом специализировался на нападениях на нэпманов.

Этот своеобразный «Дубровский» приобрел себе славу чуть ли не защитника бедняка. Во время процесса он сумел бежать из тюрьмы, уведя с собой еще 4 отъявленных бандитов, и только несколько месяцев спустя был пойман.

Шаг за шагом идя по пути, который проделала наша страна в борьбе за социализм, чувствуешь, как прокуратура принимала участие во всех серьезных мероприятиях, и это прежде всего потому, что ни одно серьезное мероприятие советской власти не проходило без сопротивления классового врага.

Здесь невольно вспоминаются слова товарища Сталина: «Именно потому, что они (капиталистические элементы) становятся слабее, что они чувствуют последние дни своего существования, они вынуждены сопротивляться всеми силами и всеми средствами».

Кто работал в прокуратуре, тот знает, как нарастало сопротивление классового врага, как ожесточался он в своих попытках напакостить, навредить советской власти.

На весь Советский союз нашумело «Чубаровское дело» в Ленинграде. Группа отъяв-

[1] Ленин, т. XXVI, стр. 344.

ленных классовых врагов под маской хулиганства проделывала жуткие дела, сумела втянуть в свои сети даже молодежь из рабочей среды. Когда эта банда частично была раскрыта в связи с групповым изнасилованием студентки в Чубаровском переулке и предстала перед судом, то оставшиеся на свободе пытались организовать угрозы по адресу прокурора, суда, встали на путь террора, сожгли завод б. Сан-Галли, пытались поджечь станцию Октябрьской железной дороги.

Параллельно вспоминается целый ряд дел о покушениях, терроре против селькоров и рабкоров. Например, весьма нашумевшее дело об убийстве селькора Новикова и целый ряд дел о кулацком терроре, жертвами которого бывали и сами прокуроры.

В Партизанском районе Восточной Сибири кулаки сожгли сельсовет и здание, в котором помещалось правление колхоза. На место выехал прокурор т. Овчинников. Вечером, сидя во вновь отведенном помещении сельсовета, Овчинников совместно с уполномоченным ОГПУ обсуждал план расследования этого дела. И вот, когда прокурор углубился в изучение материала, раздался резкий звон стекла, и предательская пуля, выпущенная из обреза, убила на месте т. Овчинникова. Теперь возникло новое дело об убийстве прокурора. Враг был пойман, но даже арестованным он сумел сопротивляться. Кулак Осипов, убивший Овчинникова, сохранившимся у него ножом поранил двух милиционеров, бежал и только через продолжительное время был пойман.

Но вот кулачество разгромлено, кулачество ликвидировано как класс, меняется форма, меняется методика кулацкого вредительства. Кулаки начинают работать «тихой сапой».

В 1931 г. в Иркутском районе организовался колхоз. Этот колхоз объединил 6 кулацких хозяйств. Чтобы замаскировать кулацкую сущность колхоза, в него принимаются несколько бедняцких и середняцких семей. Всего в колхозе одиннадцать семей, но колхоз имеет 25 человек наемных рабочих; все работы вплоть до починки упряжи выполняются наемной силой. Колхозу присвоено громкое название «Смерть капиталу». Но одного названия недостаточно для того, чтобы замаскировать кулацкую сущность. Кулаки решили получить «политическую вывеску», получить «политического руководителя», коммуниста-председателя. Такого им «уступает» бедняцкий колхоз. Председатель «выделен» и «избран». Как только новый председатель прибыл в колхоз, его «радушно» встретили и через некоторое время, увидав, что он и его семья чрезвычайно плохо одеты, выдали ему несколько кусков материи и несколько пар обуви. «Умиленный» вниманием к себе, председатель все это принимает. Когда же он вскоре обнаруживает, что попал в лжеколхоз, и пытается протестовать, ему заявили: «Ты сам воровал. Для того чтобы тебя одеть, был продан колхозный хлеб». Председатель сдался и молчал до самого суда.

Кулаки грамотны, кулаки понимают, что они делают.

Вот характерное показание на процессе кулака Низовцева, предколхоза: «Проработав решения XV съезда партии, я решил, что нужно итти в колхоз, что выхода нет. Вступая в колхоз, я думал работать добросовестно, но, вступив туда, подпал под влияние кулаков, меня затянуло, и я поплыл по течению. Сначала поплыл, а потом возглавил».

Чтобы иллюстрировать такое «плавание» и «возглавление», приведу одно из дел, имевших место в колхозе «Нерелом» Тулунского района. Колхоз занимал второе место по району, имел площадь посева 1391 га. Естественно, что такой колхоз был выбран в качестве объекта для организации хищений. В этот колхоз из соседних деревень прибывают кулаки Хайдуров, Шиверских и др. Они быстро сговариваются с местными кулаками, оставшимися в селе, и организуют массовое расхищение колхозного имущества. Расхищают все — деньги, хлеб, лошадей, скот, — все для того, чтобы подорвать колхоз. На станции железной дороги организуется специальный пункт сбыта, агент которого систематически выезжает в командировку в крупные города для сбыта похищенного. Отчетность и учет в колхозе в руках кулаков. Счетоводом они посадили «своего». Организуется «двойная итальянская бухгалтерия», одна официальная для колхоза, другая неофициальная — для расчета хищников между собой. Характер этой деятельности раскрывается из письма, адресованного одним кулаком к другому в г. Красноярск:

«Добрый день Кузьма Лексеич приехать к тебе пока не могу, но в Красноярск переберусь окончательно. Груня с Лексеем приедут туды вскоре, так, что ты квартиру держи и никому не давай, дела мы свои кончаем, колхоз приходит к концу, вообще все идет на ладу. Кончим свои дела и все разъедемся я как сказал так и твердо порешил в Красноярск насчет работы ты посмотри, нуждаемости в этом шибко не будет, но для видимости необходимо... Ну наше берет». (Орфография сохранена.)

«Наше» не взяло, кулаки были разоблачены и осуждены.

Недобитые кулацкие элементы хорошо понимали, что «основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу нужно расшатать, чтобы напакостить советской власти и они действительно стараются расшатать общественную собственность, путем массового воровства и хищений» (Сталин).

Вот еще одно подлинное письмо из судебного дела:

«16 декабря 1932 года.

Письмо от известного вашего зятя Егора и любящего вашего сына Николая.

Добрый день многоуважаемая мамаша Матрена и если находится моя супруга дома Наталья, шлем вам свой душевный и сердечный горячий воздушный поцелуй. Затем сообщаем вам мамаша, что мы сильно обижены, что послал вам Николка письмо, но ответа от вас не получил, почему не знаем... Николай ездит кучером по городу, я устроился (подчеркнуто мною. — И. К.) грузчиком по городу. Не знаю выберусь оттуда живой или нет, или придется сесть в тюрьму, здесь в два счета с минуты на минуту в тюрьму здесь не дай бог как воруют, что везут то и прут (подчеркнуто мною. — И. К.) в ничью попадешь. Николая я заставил кучерить, чтобы не попался, но мне старику не привыкать. Жена забыла про меня

ко мне не едет и даже письма писать не желает, видно делать мне нечего.

Ну начну и я тянуть почем зря... затем досвиданья, пожелаем быть здоровыми. Ваш любящий зять Егор и сын Николай».

Лучшей характеристики для состояния хищений на этом участке транспорта едва ли можно дать. Лучшего не придумаешь: «что везут, то и прут», «прут почем зря».

Те, кто работал в прокуратуре, особенно понимают и особенно ценят указание товарища Сталина, воплощенное в законе от 7 августа, о том, что основной задачей является борьба, направленная против расхитителей социалистической собственности. Это указание было сделано как нельзя своевременно, и прокурорам пришлось немало поработать, чтобы ударить по рукам обнаглевшего врага, организующего массовое расхищение социалистической собственности.

Жизнь шла вперед, и путь достижений и побед, который прошли большевики, знает много форм выступлений классового врага, эти выступления всегда были характерны тем, что они отражали наши слабости, усыпление бдительности на том или ином участке.

Последние дела о контрреволюционных бандах Зиновьева, Каменева, Пятакова, Радека и др. особенно ярко показывают, как классовый враг использует все наши слабости, малейшие отступления от закона, малейшее ослабление бдительности с тем, чтобы организовать свои вредительские дела.

Контрреволюционеры, троцкисты использовали то положение, что у «людей, мало искушенных в политике и не очень много видавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение плана за перевыполнением, — порождает настроение беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах» (Сталин).

Вредители нашего времени, пользуясь партийным билетом, которым им удалось завладеть, используя политическое доверие, пользуясь притуплением политической бдительности, совершили много мерзких и гнусных дел.

«И прокуроры из всего этого вынесли еще один новый урок борьбы с классовым врагом, и теперь, когда великая Сталинская Конституция подняла значение закона на небывалую еще до сих пор высоту, когда Прокуратуре отведено исключительное по своему значению и силе место, прокурор, вооруженный этим законом, становится большой силой».

Л. ШЕЙНИН

Гибель Надежды Спиридоновой

(Из записок следователя)

Мартовское солнце робко выглянуло из-за горизонта, окрашивая в розовый цвет поля, еще покрытые снегом, мохнатые крыши изб, сбившуюся в кучу деревню Загубниково, тропинку на спуске к реке. День начинался.

Мавра Тимофеева накинула на плечи полушубок, взяла ведра и пошла за водой. Деревня просыпалась, кое-где дымили трубы, сонно мычали коровы. Утро было тихое, морозное.

На реке Мавра остановилась у проруби и привычно опустила ведра. В воде ведро гулко плюхнуло и за что-то зацепилось. Мавра глянула вниз, и у нее потемнело в глазах: в неглубокой проруби торчали пятками вверх босые, синевато-желтые ноги, напоминавшие чем-то церковные свечи.

Бросив ведра, Мавра с криком побежала назад. Когда собрался народ, из проруби вытащили багром труп женщины, которую все хорошо знали. Это была Надежда Спиридонова — председатель Загубинского сельсовета. На трупе было верхнее платье. Ноги обуты не были. Глаза на посиневшем лице были открыты и смотрели на собравшихся пристально и как бы недоуменно.

Труп до приезда милиции положили у проруби. И долго еще не расходилась толпа. Вспоминали, охали, гадали.

У Надежды не было родных. Никто не бился и не плакал у закоченевшего ее трупа. Но вся деревня молча столпилась у проруби и долго стояла, притихшая, задумавшаяся. Потом толпа сдержанно загудела. Вспомнили свою председательшу, ее простые и всегда искренние слова, ее решительность, всю ее нехитрую, тяжелую, вдовью жизнь.

А солнце расходилось все смелее, и его лучи шустро играли в растрепанных русых волосах покойной и на ее вытянувшемся усталом сорокалетнем лице.

***

Вечером экстренно заседало бюро Славковского райкома. Секретарь райкома Федотов, старый путиловец, говорил коротко, с трудом сдерживая волнение:

— Спиридонова, товарищи, была из лучших наших активисток. Факт! Убийство ее не случайно. Она, ведь, здорово прижала кулаков, крепко следила за твердозаданцами, позиций не сдавала, не жаловалась, не сращивалась. Факт! И, ведь, росла на глазах. Помните, как выступила на районном съезде. И слова у нее нужные находились и не стеснялась, как это бывает с нашим женским активом. Факт! Ну, ладно, Спиридоновой нам не вернуть и не в этом дело. Убийц надо найти, безоговорочно найти. Распутать надо дело, показать надо, что самое хитрое преступление нас не проведет. Советскую власть не обманешь. Вот что надо. Коллективизацию начинаем — не шутка. Надо раскрыть все дело. А как наша районная милиция думает? А что наш прокурор нам скажет? Что следствие? Как оно идет?

Зуев, начальник районной милиции, снял для чего-то и снова одел очки в роговой оправе, странно выглядевшие на добродушном его курносом лице, и медленно заговорил:

— Собственно говоря, товарищи, еще мы на след не напали. Есть у нас, правда, ценный человек — некий Иванов. Парень толковый, надежный и сам помочь нам хочет. Он убитой вроде мужа приходится, собственно говоря... Ну, жил с ней. Так вот он говорит, что убийцы не из этой деревни, собственно говоря...

— Товарищ Зуев, — резко перебила его Авдеева, районный прокурор, — что ты тут на бюро семейную хронику разводишь? Скажи лучше прямо — никаких нитей у тебя нет, одни потемки. Кто убил — не знаешь. За что убил — не знаешь. Когда убил — и этого не знаешь. Еще и вскрытия-то не было, уж в других деревнях убийц ищешь... Не выходит это дело и все тут. Теперь о прокуратуре. Я, товарищи, скажу прямо. За следствие не поручусь. Сама я — человек в этом деле новый, второй только год как прокурорствую. Следователь тоже только институт кончил, зеленый еще. Можем ли мы поручиться, что раскроем это дело? Прямо скажу — не можем...

— Может, товарищ Авдеева Шерлок Холмса хочет, — язвительно вступил в разговор Зуев, — так он у нас проездом, собственно говоря, не остановился...

Зуева перебили и заговорили все сразу. Наконец, Федотов призвал к порядку.

— Спокойнее, товарищи! Авдеева права, признала честно, что не может поручиться за следствие. Факт! А ты, Зуев, зря ее лягнул. Шерлок Холмса мы не ищем, а вот хороший следователь нам нужен — и крепко нужен. Нужен, да нет. Предлагаю телеграфировать в Ленинград областному прокурору. Пусть вышлет следователя, да поскорее. Факт! Зазорного в этом ничего нет. Со временем и у нас следователи хорошие будут. А пока пусть область поможет. Голосую. Кто за? Все! Принято, товарищи! Авдеева, составляй телеграмму. Факт!

**
*

Ленинградский областной прокурор М. Н. Зернов, высокий человек с мягким, улыбающимся взглядом и тихим, спокойным голосом, тогда недавно еще переброшенный на прокурорскую работу, говорил мне на следующий день:

— Вот телеграмма Славковского райкома. Просят старшего следователя выслать. Убили у них председательшу сельсовета, дело запутанное. Надо им помочь. Выезжайте сегодня, постарайтесь скорей разобраться.

— Слушаю, Михаил Николаевич! Только учтите, тяжело вести следствие через несколько дней после обнаружения трупа. Ведь там же следы все спутаны.

— Ничего, ничего! Поезжайте. Уверен, что разберетесь и выясните. Да старайтесь поскорее, здесь, ведь, дел много. Желаю от души успеха.

В тот же вечер я выехал через Псков в Славковский район. Авдеева меня встретила радостно. Рассказала, что следствие идет пока туго. Арестованы по подозрению в убийстве три человека, все из соседней деревни. Их подозревает некий Иванов, с которым Спиридонова была близка. Прямых улик против них нет. Двое в ночь убийства не ночевали дома, но говорят, что ездили на базар в соседний район, за тридцать километров. Третий — хулиган, имеет две судимости. Мотивы пока неясны. Вообще дело темное.

Начальник районной милиции Зуев был растерян. Он доложил дело:

— Понимаете, улик мало. Но путаются они во времени. Один говорит, что выехал засветло, другой — что уж луна была. И потом, зачем они в чужой район на базар поехали? Районный наш центр ближе. Ну, а третий, собственно говоря, личность известная и отпетая. Без него в районе ни одна поножовщина не проходит. Связан с преступным элементом, собственно говоря, и сам два раза судился...

— А чем доказана связь двух первых с третьим?

— А пока трудно сказать. Но все из одной деревни.

— А мотивы убийства?

— У Спиридоновой пропали полушубок и валенки. Может быть, для грабежа.

— Что же, по-вашему, из-за полушубка и валенок едут убивать в другую деревню?

— Собственно говоря, пока трудно сказать, еще, ведь, только мы начали следствие. Да вот во времени путаются.

— Давайте, поговорим с задержанными.

Мы начали допрос. Два крестьянина, немолодые, испуганные люди, действительно давали путанные ответы. Они не могли толком объяснить, зачем поехали в другой район на базар, спорили о часе выезда из деревни. Но даже в этой путанице была своя, житейская правда. Люди редко дают вполне схожие показания, когда речь идет о времени или о зрительных впечатлениях. Поездка на базар тоже не могла служить решающей уликой.

«Известная и отпетая личность», наоборот, держалась спокойно. Молодой еще парень, но с лицом, уже опухшим от пьянства, довольно бойко отвечал на вопросы.

Парень говорил просто, не задумывался, отвечал сразу и даже с некоторой веселостью. Не чувствовалось в нем внутреннего напряжения, которое неизбежно бывает при допросе у человека, имеющего что скрыть и боящегося попасться.

**
*

Вечером мы собрались у секретаря райкома Федотова. Авдеева молча сидела в стороне, Зуев сосредоточенно пыхтел трубкой.

— Ну, каковы ваши первые впечатления?— спросил Федотов. — Говоря откровенно, не верю я, что убийство совершили те лица, которые задержаны. Да и зачем им было убивать Спиридонову? Улик против них почти нет, а те, которые имеются, явно незначительны, случайны. Мне кажется, что убийц надо искать в той деревне, где жила и работала Спиридонова. Но кто они — пока сказать нельзя. Завтра поедем на место, попробуем выяснить.

— Вам виднее, — произнес Федотов, — одно для меня ясно: убийство имеет политическую подкладку. Иначе быть не может. Спиридонова слишком активно работала, чтобы не нажить себе врагов среди кулачья.

Было решено, что утром выедем в Загубниково. Со мной взялся поехать Зуев. Авдееву решили оставить в районе. Попрощавшись с Федотовым, мы вышли из дома, в котором находился райком.

Была ясная, морозная мартовская ночь. На пустынной улице изредка встречались прохожие, снег поскрипывал под ногами, дышалось легко и привольно. Было тихо. Мы шли молча

и каждый думал про себя. Кольца дыма из зуевской трубки вились долго, принимали на морозе прихотливые формы, казалось, что их можно ощутить наощупь.

Вот убита Спиридонова,—думал я.—Нет никаких нитей пока для раскрытия дела. Даже нет определенной версии. Примерно только известно, когда и как она была убита. Но кто, зачем и почему это сделал? Спиридонова своей советской работой была ненавистна кулацкой прослойке Загубникова. Но кто из этих кулаков и как организовал убийство? Кулаки редко сами идут на это. Они предпочитают действовать через кого-то, умело направляя со стороны удар, используя личные мотивы, бытовые раздоры, низкий моральный уровень исполнителя, его зависимость и т. п.

Кого в данном случае могли использовать? Спиридонова была одинокой женщиной, но она была близка с Ивановым. Иванов старательно отводил следствие от своей деревни. Иванов почему-то высказал первый подозрение против задержанных, которые, видимо, невиновны...

Чем больше я обдумывал все детали этого дела, тем чаще выплывал Иванов. У меня смутно, но все более уверенно складывались подозрения о его причастности к убийству. И я решил тщательно проверить в деревне личность и роль этого человека.

***

Было уже совсем светло, когда мы подъехали к Загубникову. Деревня уже была на ногах. На наши сани смотрели с нескрываемым любопытством, видимо, догадываясь, кто мы и зачем приехали.

Избушка Спиридоновой стояла на откосе, недалеко от проруби. Когда мы осмотрели внутри избу, то не нашли ничего, указывающего на следы борьбы или крови. После осмотра приступили к допросам свидетелей.

Выяснилось, что отношения Спиридоновой и Иванова не были секретом для деревни. Иванов происходил из зажиточной середняцкой семьи. Молодой еще парень, 30 лет, он долго жил в городе и в прошлом году вернулся в Загубниково, где поселился в семье. Вскоре сошелся со Спиридоновой, но продолжал жить дома.

В этот день Иванова в деревне не было, он поехал в районный центр.

Мы направились к его избе. По дороге нам встретилась высокая краснощекая девушка с подойником, полным молока. Мы спросили ее, как пройти в избу Иванова.

— Вам, товарищи, Володьку нужно? Так его нет, он уехал. Я сестра его.

— Как вас зовут?

— Маруся. А вам зачем?

— Ну пойдем в избу, поговорим.

Мы пошли в избу. Никого, кроме Маруси, не было. Девушка нервно мяла в руках передник и не поднимала глаз.

— Маруся, чего вы так волнуетесь? — спросил я. — Мы здесь не кусаемся. Вы расскажите нам, где вещи лежат.

Девушка вздрогнула и испуганно спросила:

— Какие вещи?

Я умышленно свел на-нет острый, видимо, для нее вопрос.

— Да брата вашего вещи, полушубок его.

— Полушубок брата, — протянула Маруся и с облегчением вздохнула, — новый полушубок на нем одет, а старый вот в сенях висит.

Было ясно, что девушку испугал вопрос о вещах, но что этот испуг прошел, как только выяснилось, что спрашивают о вещах брата.

Все прояснилось. Мною овладело то особое, радостное и уверенное чувство, знакомое каждому следователю, когда он находит правильный след.

— А почему, Маруся, — продолжал я, — вы даже не спросите, зачем нам полушубок, кто мы, зачем мы приехали.

Маруся опять потупилась и медленно произнесла:

— Знаю. Вы, ведь, насчет Спиридоновой приехали. А полушубок, мало ли зачем, вот он, полушубок-то.

И она охотно пошла в сени за полушубком. Я остановил ее.

— Не надо, Маруся, нам полушубка. И вообще нам вещей вашего брата не надо. Другие вещи нам нужны, Спиридоновой вещи. Где они?

Девушка залилась краской, закусила нижнюю губу и, запинаясь, произнесла.

— Что вы меня в дело путаете?! Мне разве нужны вещи-то? Я тут не при чем. У меня свои вещи, не хуже... Я за брата не в ответе.

Она начала рыдать, выкрикивая отдельные, полусвязные фразы, смысл которых сводился к тому, что она неповинна в убийстве, но о вещах знает.

Мы стали ее успокаивать. Придя в себя, но все еще всхлипывая, Маруся рассказала, что накануне обнаружения трупа Спиридоновой она проснулась поздно ночью и слышала, как пришли с улицы брат и его приятель Сенька Трофимов. Они о чем-то шептались. Девушке стало интересно, и она прислушалась. Говорили о каких-то вещах, где их спрятать. Володька предложил в овине. Потом ушли, и через некоторое время вернулся Володька и лег спать.

— Утром, как нашли Надежду в проруби,— продолжала Маруся, — так я догадалась, чье это дело. Побежала на овин, а там надеждин полушубок и валенки спрятаны. Я вечером и говорю Володьке, а он как закричит, весь красный стал. Не твое, говорит, дура, это дело, молчи — и точка, а то я тебе дам путевку на тот свет...

Вместе с Марусей мы пошли в овин и нашли вещи. К вечеру приехали Иванов и Трофимов. Оба были навеселе. Увидев в избе Зуева, Иванов подошел и бойко заговорил:

— Здравствуйте, начальство. Мы к вам, а вы к нам. Так оно и получается. Я все насчет дела езжу. Так что сведения собираю. Прямо в помощники вам записался...

Высокий, плечистый парень, он прямо смотрел в глаза, широко улыбаясь губастым ртом. От смеха глаза сощурились и зрачки бегали, как мышата, юрко и беспокойно.

— Бросьте, Иванов, дурака валять! — перебил его я. — Все уже выяснено. Вы арестованы как убийца Спиридоновой. Извольте рассказывать, кто вас подослал, зачем вы это сделали.

— Меня, — зарычал Иванов, — меня подозреваете?! Я, как собака, все узнаю, помогаю и меня же за шкуру? Здорово живешь, до-

рогие товарищи! Не выходит это!

Мы молча показали ему вещи. Иванов сразу сник, отвернулся и тихо произнес:

— Признаюсь. Наше дело. Мы убили. По пьяной лавочке. Напоили, как дураков, и послали. Теперь все скажу.

**
*

Уже к утру закончился допрос Иванова и Трофимова. Оба признали, что убили Спиридонову. В эту ночь их пригласил к себе загубниковский кулак Заливанов. Немолодой уже, грузный человек, он долго угощал парней водкой и все соболезновал Иванову:

Выходит, Володенька, связался ты со старой бабой. Ни тебе погулять, ни жениться. Не даст тебе старая ведьма ходу. А ведь парень ты, прямо будем говорить, один на деревне. Любая девка пойдет, не нарадуется. Да и моя Фенька, хоть сейчас. А давка-то что груздочек...

Он долго еще говорил. И выходило, что вся жизнь Иванова потеряна и сломана из-за связи со Спиридоновой, которая действительно уже надоела Иванову. Иванов хмелел, впитывал злобные, обжигающие слова, и, когда Заливанов заговорил, что надо «убрать Надьку» и все «опчество спасибо скажет, хоть и не будет знать, кто убил», он поднялся и вместе с Сенькой пошел к Спиридоновой. Было уже темно. Ночь дышала тихо и размеренно. Деревня мирно спала. Снег поскрипывал под ногами и было морозно, но Иванову казалось, что ему жарко, пьяный пот каплями сползал под рубахой на спине, дышалось тяжело и хрипло.

Они долго стучали в дверь. Наконец, разбуженная Надежда подошла и спросила, кто там.

— Открывай, я это.

— Володя, — обрадованно воскликнула Надежда. — Отворю, сейчас отворю. Да ты, никак, опять пьян-то! Сбился ты, Володя, с пути...

Спиридонова любила Иванова. Она была почти полностью поглощена своей работой, и отношения с Ивановым были тем единственным, маленьким кусочком личной жизни, который она оставила для себя. У нее не было детей, и в отношениях Надежды к Иванову было что-то материнское, как это часто бывает у сорокалетних женщин. Надежда прощала Иванову его пьянство, нередкую грубость, лодырничество. Она понимала, что не пара Иванову, который был значительно моложе ее, и поэтому не настаивала на браке с ним, мирилась с раздельной жизнью.

Когда Надежда отворила дверь, Иванов и Трофимов вошли в избу. Володька сел на лавку и растерянно замолчал. Сенька выжидательно сопел.

— Володенька, опять-то ты не в себе. Все пьешь, не бросишь. Ведь сколько раз говорили...

— Да брось нудить, старая ведьма, — грубо перебил ее Володенька, — надоела ты мне...

И, чувствуя за спиной одобрительное сопение Сеньки, он резко встал, подошел к Надежде и, схватив ее за горло, бросил на лавку и стал душить. Надежда тихо вскрикнула, потом забулькала горлом, забилась в руках, но не могла вырваться. Сенька подбежал к ним и начал помогать Иванову. Они вдвоем навалились на нее, глаза Надежды все шире открывались, она уже хрипела, перестала биться, умолкла.

Навалившись коленом на ее сразу опавший живот, Володька еще долго не отрывал своих рук. Потом они встали. Сели в стороне на лавке. Рядом лежал труп женщины. В избе было тихо, за окном потрескивал разошедшийся мороз. И бледная луна робко осветила через запорошенное стекло безжизненно свисшую с лавки руку Надежды Спиридоновой.

Н—а

Женщина-прокурор

> «Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины» [1].

«Женщина имеет право всходить на эшафот, ей должно быть предоставлено право всходить и на трибуну», провозгласила перед казней Алимпия де Гуж [2]. До сих пор, однако, во всех буржуазных странах, в том числе и на родине Алимпии де Гуж — во Франции — женщины имеют абсолютно равное с мужчинами право... всходить только на эшафот. Во всех других областях общественной, политической и хозяйственной жизни нет ни одной страны в мире, где бы женщина была уравнена в правах с мужчинами.

В фашистских газетах была опубликована заметка: «Казнена Кончита Мало, опасная заговорщица, дочь расстрелянного в свое время коммуниста. Да будет участь ее устрашением для всех, кто мечтает о революции».

Десятки, сотни и тысячи замечательных женщин бесстрашно всходят на эшафот, мужественно переносят долгие годы фашистских застенков, борясь с рабочими коммунистами за диктатуру пролетариата, за тот счастливый социалистический строй, который обеспечивает женщине равноправное положение в обществе, который дает ей возможность сочетать творческий труд с радостным и счастливым материнством.

На опыте всех революций подтверждаются великие слова Ленина о той огромной роли, которую играет женщина в революционном освободительном движении.

Ленин приводит слова французского обозревателя коммуны, который с ужасом и негодованием говорил о французских коммунарках: «Если бы вся Франция состояла из одних женщин, — говорил этот буржуазный обозреватель, — какая бы это была ужасная нация».

[1] Ленин, т. XXIII, изд. 3, стр. 286.
[2] «Французская энциклопедия», т. 10.

Женщина Страны советов в величайших октябрьских битвах, в борьбе со всеми врагами партии, в огромной организаторской строительной работе по созданию и укреплению социалистического строя давно завоевала себе прочное признание. О замечательных женщинах нашего времени говорил с трибун съездов великий вождь, организатор социалистических побед — товарищ Сталин.

В революционных битвах с мятежниками в Испании по всему миру пролетел, заражая гордостью, энтузиазмом и величайшей гордостью призыв Долорресс Ибаррури, той замечательной героической женщины Испании, которая по праву вызывает величайшее уважение всех передовых людей эпохи. Эти слова Ибаррури повторяют тысячи и тысячи женщин, что «лучше быть вдовой героя, чем женой труса». Эти же слова повторяют десятки, сотни и тысячи девушек и женщин Испании, бесстрашно заряжая винтовки — «лучше погибать стоя, чем жить на коленях».

Единственная страна в мире, которая полностью и до конца уничтожила подлые и гнусные законы, ставившие женщину в неравноправное рабское, унизительное положение— это наша родина, это Страна советов, это СССР.

Нет того участка, той области государственного управления, где бы не занимала почетное место советская женщина, которой заботами нашей великой партии, нашего советского государства, великими заботами лично товарища Сталина обеспечена возможность выполнять любую государственную работу, не отказываясь от радостей и счастья материнства.

Не мало женщин работает плечо к плечу с мужчинами и в органах юстиции.

В 1909 г. на всю царскую Россию прогремел интересный случай, имевший место в тогдашнем Петербурге.

Некая Флейшиц, окончившая курс юридических наук, была зачислена Петербургским советом присяжных поверенных помощником присяжного поверенного. Во время ее первого выступления в качестве защитника по уголовному делу прокурор Ненароков заявил отвод против допущения ее к защите. На суде председательствовал «либеральный» судья Таганцев, который этот отвод отклонил. Тогда прокурор собрал свои бумаги и покинул заседание, сорвав таким образом возможность ведения дела.

Не говоря уже о том, что этот случай прошел для прокурора совершенно безнаказанно, он имел следующие последствия: перед сенатом был поставлен общий вопрос о возможности допущения женщин в адвокатуру. Сенат вынес следующее «мудрое» решение: Исходя из того, что закон говорит о помощниках присяжного поверенного, но не говорит о помощницах присяжного поверенного, сенат сделал вывод о том, что женщина не может заниматься авдвокатурой.

Сейчас это кажется малоправдоподобным анекдотом, но отнюдь не анекдотично это звучит и теперь в так называемых «передовых», «культурных», «цивилизованных» капиталистических странах.

В Стране советов у нас имеются не только женщины-адвокаты, но и женщины-судьи, прокуроры и следователи. Всего по РСФСР женщин-прокуроров имеется 196 и 153 женщин-следователей. Несомненно, что это очень и очень мало. Опыт работы женщин в органах юстиции говорит о том, что можно гораздо смелее выдвигать женщин на ответственную руководящую прокурорскую и следственную работу. Но все еще не изжиты, полностью не выкорчеваны пережитки старого проклятого капиталистического прошлого в сознании многих и многих работников, в том числе и работников юстиции. Не изжиты еще полностью предрассудки в отношении женщины, в особенности, когда речь идет о таком остром и важнейшем участке советской работы, как о работе прокуратуры. Прокуратура призвана организовать борьбу с врагами, контрреволюционерами, вредителями, троцкистами, с бандитами, диверсантами, со всеми теми, которые пытаются наносить вред нашей великой родине, которые пытаются мешать нашему победоносному продвижению вперед. И кое-кому кажется, что женщина здесь не справится. Для прокурорской работы требуется уменье вскрывать, разоблачать врага, беспощадно его разить. И женщина показала, что она это умеет делать не хуже мужчин. Одновременно для прокурорской работы также требуется высокая советская, социалистическая человечность, чуткость, уменье правильно подойти к своему человеку, к близкому. Прокурор является стражем социалистической законности: он охраняет, защищает советское государство, социалистическую собственность от покушений врагов и одновременно защищает и охраняет законные права каждого гражданина, каждой гражданки Советской страны. Советская женщина с честью может справиться и с такой исключительно ответственной государственной работой. В составе женщин-прокуроров и следователей имеется большое количество национальностей нашей великой Российской социалистической федеративной советской республики. Среди 349 женщин работников юстиции — 252 русских, 5 латышек, 59 евреек, одна армянка, одна бурятка, три татарки, две чувашки, две мордвинки, одна эстонка, две башкирки, две алтайки, две аварки, одна из области Коми и т. д.

В основном женщины-прокуроры работают в качестве рядовых прокуроров или народных следователей. В должности краевых (областных) прокуроров женщин вовсе не имеется. Заместителей краевых прокуроров имеются только три женщины. Даже старших помощников имеется всего только 6 женщин.

Не подлежит никакому сомнению, что из нынешнего состава женщин-прокуроров можно было бы смело продвинуть некоторых на более руководящую работу.

62 женщины работают помощниками областных прокуроров. Городских и районных прокуроров-женщин мы имеем 52. Женщин народных следователей имеется 153.

Вот биография некоторых из этих женщин.

Тов. Боришпольская Анна Никифоровна. Ей 35 лет. Она участвовала в Перекопских боях в качестве политкомиссара полка. В Красной армии она сражалась с 1919 по 1921 г. Тов. Боришпольская работает помощником прокурора Крыма с января 1935 г.

А вот т. Казагачева Елизавета Федотовна. Она алтайка. Ей 36 лет. Член партии, дочь крестьянина-бедняка. Работает помощником областного прокурора в Ойротии с января 1935 г.

А вот т. Гугишева, горянка, хорошо знающая местные условия, имеет очень хорошие отзывы по своей работе. Ей 27 лет. В органах юстиции она работает третий год. Теперь она помощник областного прокурора, училась на краевых юридических курсах.

Тов. Фатьма-Бакшиева, татарка, 33 лет, окончила одногодичную правовую школу, а сейчас учится на заочном юридическом институте, работает в органах юстиции с 1932 г., ныне работает прокурором Тумутукского района, пользуется авторитетом. Член райкома, рика, ведет пропагандистскую работу.

Этот список с замечательными биографиями можно было бы во много раз умножить. Имеются среди женщин-прокуроров и такие, которые к 15-летию прокуратуры насчитывают за собой более десятка лет безупречной прокурорской работы.

Величайшим почетом и уважением в Стране советов пользуются женщины-стахановки, работницы, колхозницы, агрономы, ученые, художники, скульпторы и среди них также женщины-прокуроры.

Великие задачи, возложенные Сталинской Конституцией на прокуратуру, помогут с честью выполнить сотни женщин-прокуроров и следователей.

Б. МАНЬКОВСКИЙ

Против антимарксистских теорий в уголовном праве

Узловой проблемой социалистического уголовного права является проблема наказания. В работах Ленина и Сталина мы имеем исчерпывающий ответ о задачах советского суда, о задачах применения наказания. Революционная роль, активная роль уголовной репрессии в социалистическом строительстве блестяще проанализирована в работах Ленина и Сталина. Диалектика сочетания подавления воспитания и наказания во всей конкретности показана Лениным в ряде его работ. В работах Ленина мы также находим исчерпывающий ответ по вопросу, вызвавшему у нас столько дискуссий, о так называемой дозировке наказания, индивидуализации уголовной репрессии.

Только благодаря политической беспечности на правовом фронте, крайне недостаточному изучению работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина были допущены крупнейшие политические и теоретические ошибки в освещении вопроса о задачах советской уголовной репрессии.

В работах Ленина с исключительной глубиной показана роль наказания в буржуазном государстве. Логика буржуазной законности в эпоху империализма дает нам основу для глубокой теоретической разработки буржуазной уголовно-правовой формы. Однако и здесь немало было допущено серьезных политических ошибок нашим правовым фронтом. Все эти «теории» о «разложении» уголовно-правовой формы не имеют ничего общего с ленинскими взглядами о ломке буржуазной законности в эпоху империализма.

Влияние вредительских теорий выразилось в извращении и фальсификации взглядов марксизма-ленинизма и при анализе формы наказания в советском уголовном праве, когда по форме наказание в советском праве отождествлялось с наказанием в буржуазном праве.

Конечно, было недопустимой политической ошибкой сводить всю теоретическую работу правового фронта к антиленинским, антипартийным теориям. Но тем не менее мы должны признать, что эти «теории» в работах по уголовному праву нашли значительное отражение. Поэтому перед нами стоит задача показать, в чем же выразилось влияние контрреволюционной, бухаринско-троцкистской «концепции» Пашуканиса в уголовном праве. Необходимо отметить актуальность этой задачи и потому, что эти теории настолько получили широкое распространение, что их сейчас выкорчевывать приходится с большим трудом. В особенности нужно учесть, как показала дискуссия в Институте юридических наук[1], что некоторые научные работники весьма туго уясняют всю глубину политического прорыва на уголовно-правовом фронте. Поэтому приходится довольно часто в данной статье подробно останавливаться на целом ряде работ по уголовному праву, чтобы конкретно показать, в чем же состоят наши ошибки на уголовно-правовом фронте.

Без преодоления и полного уяснения допущенных ошибок невозможно правильно теоретически разрабатывать проблемы социалистического уголовного права.

I

Корни извращений в теории советского уголовного права по вопросу об уголовно-правовой форме буржуазного общества сводятся к «концепции» Пашуканиса.

Наказание, как и все правовые институты, сводится врагом народа — Пашуканисом к меновым рыночным отношениям. «Преступление и наказание, — пишет Пашуканис, — становится таковым, т. е. приобретает свою юридическую природу на почве выкупной сделки. Поскольку сохраняется эта форма, постольку классовая борьба совершается как юрисдикция. И обратно, самый термин «уголовное право» теряет всякий смысл, поскольку из него испаряется это начало эквивалентного отношения».

Пашуканис при анализе наказания в буржуазном уголовном праве своими «теориями» затушевывает политическую сущность репрессии капиталистического общества. Методологически Пашуканис исходит из идеалистических кантианских установок, отрывая форму репрессии от ее содержания. Тем самым вы-

[1] Статья вторая. Первая статья напечатана в журнале «Социалистическая законность» № 5, 1937 г.

[1] См. мою статью в «Советской юстиции» № 9, 1937 г. «Против смазывания самокритики на уголовно-правовом фронте».

холащивается классовая сущность репрессии буржуазного общества. Квалифицируя эквивалентную уголовно-правовую форму как иррациональную, нецелесообразную форму репрессии вообще, Пашуканис тем самым прикрывает классовую сущность пропорциональной формы уголовной репрессии буржуазного общества как важнейшего метода индивидуализации уголовной репрессии. Эквивалентность репрессии буржуазного общества выполняет не «иррациональную», а весьма рациональную функцию по подавлению сопротивления эксплоатируемых. В трактовке пропорциональности правовой формы репрессии буржуазного общества как единственно правовой формы репрессии вообще Пашуканис методологически и политически стоит на позициях буржуазных «теорий» «правового» государства, и конкретно в области теории уголовного права исходит из установок буржуазной классической школы уголовного права. Пашуканис в оценке эквивалентности репрессии методологически стоит на позициях идеализма и по существу исходит здесь из положений философии права Канта и Гегеля. Как известно, Кант рассматривал пропорциональность наказания тяжести совершенного преступления как основной принцип абсолютной теории наказания. Гегель в своей «Философии права» выступает против количественной точки зрения на соответствие тяжести наказания — тяжести совершенного преступления, которую так подробно развивал Кант (вплоть до назначения кастрации за изнасилование), и дает более тонкое обоснование тому же основному принципу эквивалентности репрессии, из которого исходит Кант.

Гегель предлагает руководствоваться при назначении наказания не количественным, а качественным соответствием наказания тяжести совершенного преступления.

Принцип эквивалентности репрессии выступает в теории абсолютного наказания как иррациональный принцип прежде всего и является теоретическим обоснованием с позицией идеалистической философии необходимости индивидуализации репрессии. Классовая сущность эквивалентности репрессии в буржуазном обществе объективно затушевывалась в идеалистических системах наказания.

На этих же позициях идеализма стоит и Пашуканис, когда он, абстрагируясь от классового существа репрессии, квалифицирует правовую форму вообще, в том числе и форму советского права как иррациональную правовую форму. Эквивалентность репрессии Пашуканис рассматривает как принцип буржуазного права вообще. Индивидуализация репрессии в буржуазном праве полностью отождествляется Пашуканисом, с индивидуализацией репрессии в социалистическом уголовном праве. Так, исходя из идеалистической методологии, Пашуканис своими контрреволюционными, вредительскими «теориями» отрывает право от государства и принципиально отрицает отличие формы социалистического уголовного права от формы буржуазного уголовного права. Тем самым Пашуканис отрицает социалистический характер советского права, что ведет к отрицанию и социалистического характера Октябрьской революции.

В буржуазном уголовном праве эквивалентность уголовной репрессии является методом индивидуализации уголовной репрессии.

В судебной практике буржуазных государств общеизвестны весьма широкие коррективы эквивалентности уголовной репрессии, в особенности в эпоху империализма. В условиях обостренной классовой борьбы буржуазия для борьбы с революционным движением пролетариата ломает этот принцип эквивалентности как недостаточный для подавления сопротивления эксплоатируемых. Поэтому буржуазия «дополняет» принцип эквивалентности репрессии внесудебной расправой, в особенности в эпоху империализма.

В системе буржуазной карательной политики индивидуализация уголовной репрессии, играющая огромную роль в борьбе с элементами, опасными диктатуре господствующей буржуазии, прикрывается принципами фальшивой буржуазной демократии о формальном равенстве перед законом и т. д.

Ленин в своих работах блестяще разоблачил классовую сущность формальных принципов буржуазной демократии.

«Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы»[1].

Разоблачая лицемерие буржуазной демократии, Ленин показывает, что собой представляет принцип «равенства граждан перед законом», который лежит в основе эквивалентности буржуазной уголовной репрессии: «Возьмите основные законы, — пишет Ленин, — современных государств, возьмите управление ими, возьмите свободу собраний или печати, возьмите «равенство граждан перед законом», — и вы увидите на каждом шагу хорошо знакомое всякому честному и сознательному рабочему лицемерие буржуазной демократии. Нет ни одного, хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п. «в случае нарушения порядка», — на деле, в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски»[2].

«На каждом шагу в самом демократическом буржуазном государстве встречают угнетенные массы вопиющее противоречие между формальным равенством, которое «демократия» капиталистов провозглашает, и тысячами фактических ограничений и осложнений, делающих пролетариев наемными рабами»[3].

В действительности принципами наказания-возмездия буржуазия маскирует классовую расправу с революционным движением пролетариата. Формальным принципом эквивалент-

[1] Ленин, Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам, т. XXV, стр. 285—286.

[2] Ленин, т. XXIII, стр. 347.

[3] Ленин, т. XXIII, стр. 348—349.

ности в репрессии и коррективами к нему буржуазия осуществляет две тактики борьбы с эксплоатируемыми.

«На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех стран и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ...

Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.

Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения» [1].

Так буржуазия «либеральную» тактику в общей политике, и в уголовной политике в частности, совмещает «с самым утонченным в мирное время и зверски-жестоким во время бури подавлением революционного пролетариата» [2].

Пашуканис, затушевывая политическую сущность эквивалентности в буржуазном уголовном праве, исходит, как отмечалось выше, методологически из учения классической школы уголовного права. Но, однако, было бы большой ошибкой полагать, что «концепция» Пашуканиса в уголовном праве опирается только на теории буржуазной классической школы уголовного права. Эта вредительская «теория» весьма широко использует также реакционные выводы буржуазной социологической школы уголовного права. Весьма характерно, что Пашуканис эту реакционную школу уголовного права эпохи империализма рассматривает как «передовую» и прогрессивную.

«Ведь теоретически, — писал Пашуканис, — даже передовая криминалистика пришла к убеждению, что борьба с преступностью сама по себе может рассматриваться как медицинско-педагогическая задача, для разрешения которой юрист с его «составами преступления», кодексами, с его понятием «виновности», «полной или уменьшенной вменяемости», с его тонкими различиями между соучастием, пособничеством, подстрекательством и т. д. вовсе не нужен» [3].

Таким образом Пашуканис полностью разделяет взгляды «передовой» социологической школы на основные проблемы уголовного права.

Предлагаемые социологической школой меры социальной защиты Пашуканис рассматривает как единственно целесообразные меры в противовес наказанию как эквивалентной и «иррациональной» форме уголовной репрессии. Отсюда, так же как и социологическая школа, Пашуканис пренебрежительно относится к принципу индивидуализации репрессии в зависимости от тяжести совершенного преступления, к вине, к точным составам преступлений, к изучению институтов уголовного права. Эти «установки», как известно, Пашуканис всемерно пытался протащить в советское уголовное право, которые нашли столь яркое отражение в проекте УК Комакадемии 1930 г.

Следовательно, Пашуканис в теории уголовного права исходил из эклектического сочетания «установок» классической и социологической школ уголовного права.

II

На разработку проблемы наказания буржуазного уголовного права эти вредительские «теории» Пашуканиса оказали весьма значительное влияние. Так, например, в книге Волкова «Уголовное право эпохи промышленного капитализма» дается следующее объяснение эквивалентности уголовной репрессии: «Эта эквивалентность правовой формы, вытекающая из товарных отношений капиталистического общества, отображающая отношения обмена, была вскрыта Пашуканисом, показавшим как из отношений обмена, еще в начальный период развития уголовного права, вырастает пропорциональное возмездие — в форме талиона, системы композиции и т. д., и переходит в уголовное право буржуазии» [1]. Волков не согласен с Пашуканисом только в том отношении, что эта эквивалентная форма буржуазного права переносится на все периоды развития права вообще, в силу чего форма права отрывается от содержания правовых отношений и недооценивается классовое содержание уголовной репрессии.

Далее Волков показывает, что в судебной практике имеются «отступления» от эквивалентных принципов уголовной репрессии. Однако, несмотря на все оговорки, Волков полностью исходит из меновой «концепции» Пашуканиса при объяснении буржуазной эквивалентной уголовно-правовой формы репрессии.

Таким образом дается политически неправильное освещение Волковым эквивалентности буржуазной уголовно-правовой репрессии, не вскрывается роль дозировки в буржуазном уголовном праве как орудия индивидуализации репрессии и выражения принципов урезанной, фальшивой буржуазной демократии. Эта трактовка дозировки Волковым как формы репрессии, вытекающей из меновых отношений, связана с оценкой дозировки как иррациональной формы репрессии, где имеются постоянные противоречия между классово-политическими задачами репрессии и иррациональной ее формой.

Таким образом в оценке дозировки в уголовной репрессии буржуазного общества криминалисты довольно долго разделяли «установки» меновой «концепции» Пашуканиса, что не давало возможности политически правильно поставить вопрос о классовом существе дозировки в уголовной репрессии буржуазного общества, а также показать качественное отличие дозировки в системе карательной политики диктатуры рабочего класса.

«Концепция» Пашуканиса оказала также влияние и на анализ буржуазной уголовно-правовой формы эпохи империализма. В работах Ленина мы находим совершенно четкие указания о ломке буржуазной законности в эпоху империализма в связи с усилением

[1] Ленин, т. XV, стр. 7.
[2] Ленин, т. VIII, стр. 103.
[3] Ленин, т. VIII, стр. 103.

[1] Волков, Уголовная политика эпохи промышленного капитализма, 1932, стр. 64.

реакции по всей линии. К сожалению, многие криминалисты, руководствуясь «теорией» Пашуканиса, пишут о «разложении» уголовно-правовой эпохи империализма. До последнего времени некоторые криминалисты думали, что «теория» «разложения» уголовно-правовой формы эпохи империализма не связана с «концепцией» Пашуканиса и что здесь они исходят из ленинских указаний о ломке буржуазной законности. Поэтому якобы была допущена только та ошибка, что ленинский термин «ломка» был заменен весьма неудачным термином «разложение».

В действительности сводить значение этого вопроса только к неудачной терминологии, значит политически смазывать крупнейшие политические ошибки уголовно-правового фронта. Что «теория» «разложения» уголовно-правовой формы эпохи империализма связана с «концепцией» Пашуканиса, это видно из следующего: Пашуканис в своих статьях «Экономика и правовое регулирование», исходя из теории организованного капитализма, пишет, что в эпоху империализма происходит в регулировании хозяйственных отношений перевес технически-организационных моментов над моментами формально-правовыми. По сравнению с хозяйственной целесообразностью формально-правовые моменты отходят на десятый план.

Таким образом, по Пашуканису, в эпоху империализма право начинает отмирать, капиталистическое хозяйство все в большей мере пронизывается плановостью. Это ведет к резкому ограничению эквивалентности в экономике и, следовательно, к резкому свертыванию правовой формы, т. е. по существу к ее отмиранию в эпоху империализма.

Исходя из этих «теорий» Пашуканиса о свертывании, отмирании права в эпоху империализма, криминалисты делали вывод, что в эпоху империализма идет процесс «разложения» уголовно-правовой формы.

«Отступления, — писал Волков, — от эквивалентной формы, будучи налицо в самом развитии буржуазного уголовного права, росли с развитием противоречий капиталистического строя и с ростом классовых антагонизмов. Эти отступления проявились в наибольшем объеме в период монополистического капитализма, с характерным для последнего прецессом разложения уголовно-правовой формы» [1]. Ту же точку зрения развивал т. Волков и в 1935 г. в статье «Наказание в советском уголовном суде». Оценка мер социальной защиты как продукта разложения буржуазной уголовно-правовой формы в эпоху империализма подчеркивается также и т. Булатовым. «Понятие опасного состояния, выдвинутое для обоснования мер социальной защиты, также как и меры социальной защиты, демонстрирует разложение и распад правовой формы. В мерах социальной защиты резче всего выступает уничтожение правовых гарантий путем уничтожения пропорциональности наказания тяжести преступления [2].

Работы Ленина и Сталина дают исключительно глубокую методологическую базу для положительной разработки буржуазной уголовно-правовой формы эпохи империализма. Ленинское учение о загнивающем, монополистическом капитализме, о ломке буржуазной законности в эпоху империализма дает неисчерпаемый материал для вскрытия природы уголовной репрессии на этом этапе развития буржуазного общества. Вместо «теории» «разложения» буржуазной законности, как о каком-то пассивном процессе, не имеющем ничего общего с марксизмом, Ленин с гениальной глубиной показывает существо законности загнивающего капитализма. Ленин еще в июне 1901 г. в статье «Новое побоище» писал, что когда начинается прямая политическая борьба пролетариата с буржуазией, то «Правосудие» сбрасывает с себя маску беспристрастия и возвышенности и обращается в бегство, предоставляя поле действия полиции, жандармам и казакам... [1]. Развитие классовой борьбы эпохи империализма блестяще подтвердило эти прозорливые слова Ленина. Буржуазия все в большей мере рвет основы буржуазной законности и все в большей мере переходит к внесудебной расправе в классовой борьбе с пролетариатом. В 1910 г. Ленин в статье «Два мира» в особенности подчеркивает, что близится время нарушения и разрыва законности самой буржуазией. Буржуазная законность «неизбежно должна, — писал Ленин, — разлететься вдребезги, раз дело коснется основного и главного вопроса о сохранении буржуазной собственности» [2]. Своеобразие надвигающегося исторического этапа Ленин видел в широком вовлечении масс в революционное движение, что неизбежно толкает буржуазию к уничтожению законности, ею же созданной, но которая на новом историческом этапе становится «поперек дороги тем, кто ввел эту законность». «Ирония истории сделала то, что господствующие классы Германии, создавшие самое сильное во всей второй половине XIX века государство, укрепившее условия наиболее быстрого капиталистического прогресса и условия самой прочной конституционной законности, самым явственным образом подходят теперь к положению, когда эту законность, их законность приходится сломать, приходится—во имя сохранения господства буржуазии» [3].

«Теперь близится время, когда эта полувековая полоса германской истории должна, в силу объективных причин, должна смениться иной полосой. Эпоха использования созданной буржуазией законности сменяется эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя, а по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности!» [4]. Террористическая диктатура фашизма в особенности ярко иллюстрирует всю глубину ленинских указаний о неизбежности ломки буржуазной законности в эпоху империализма. В период всеобщего кризиса капитализма бур-

[1] Волков, Уголовная политика эпохи промышленного капитализма, 1932, стр. 75.

[2] Булатов, Уголовная политика эпохи империализма, 1933, стр. 78.

[1] Ленин, т. IV, стр. 116.

[2] Ленин, т. XIV, стр. 377.

[3] Ленин, т. XIV, стр. 380. Разрядка моя, кроме слов «их» и «приходится». — Б. М.

[4] Ленин, т. XIV, стр. 381.

жуазия в области карательной политики переходит в борьбе с революционным движением пролетариата к невиданным зверствам, в особенности в фашистских государствах. Этот поворот буржуазии к самым варварским методам репрессии средневековья гениально предвидел Ленин в 1913 г. в статье «Отсталая Европа и передовая Азия», где он писал: «В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестяще развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство...

В «передовой» Европе передовым классом является только пролетариат. А живая буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство»[1].

Так глубоко ставит Ленин вопрос о ломке буржуазной законности в эпоху империализма. Однако, засорение нашего правового фронта вредительскими «теориями» и лжеученостью весьма серьезно тормозило изучение богатейшего ленинского наследства, имеющего исключительно важное значение для изучения уголовной репрессии буржуазного общества.

III

При разработке проблемы наказания в социалистическом уголовном праве «концепция» Пашуканиса оказала также значительное влияние.

Пашуканис источником советского права рассматривал не социалистическую собственность и диктатуру пролетариата, а товарные отношения. Этот отрыв советского права от диктатуры пролетариата выхолащивал классовую сущность советской карательной политики и затушевывал ее революционную роль в социалистическом строительстве. Пашуканис далее противопоставлял пролетарскую демократию диктатуре пролетариата. Эта меньшевистская «теория» Пашуканиса приводила к отказу от разработки проблемы наказания в свете социалистического демократизма. Извращая взгляды марксизма на вопросы наказания, Пашуканис приходил к троцкистской постановке вопроса о подавлении. Голое насилие как единственный метод репрессии — вот по существу тот вывод, который можно сделать из «работ» Пашуканиса. В самом деле, что иное означают предложения Пашуканиса отказаться от вины, возведение в принцип объективной ответственности в советской карательной политике, отказ от точных составов преступлений, от умысла и неосторожности? Эти «установки» Пашуканиса полностью рвут с принципами пролетарской демократии. Трактовка внесудебной репрессии как единственно рациональной особенно подчеркивает троцкистско-реставраторскую сущность «теории» Пашуканиса о наказании.

Не случайно поэтому Пашуканис предлагает принять к руководству наиболее реакционные предложения социологической школы уголовного права: заменить вину теорией опасного состояния, наказания — мерами социальной защиты, точные составы преступлений — описанием симптомов социальной опасности личности преступника.

Бухаринско-троцкистские установки Пашуканиса нашли особенно яркое отражение в проекте УК Комакадемии 1930 г. В этом проекте имеется сочетание как «левацких», так и правооппортунистических установок в уголовной репрессии (в разработке которого я также принимал участие).

В проекте УК 1930 г. извращаются ленинские взгляды на репрессию: проект противопоставляет задачу подавления и воспитательного воздействия в наказании, что выражает на деле игнорирование огромной воспитательной роли судебной репрессии, отрицание революционной роли правовой формы репрессии. Подавление в проекте УК 1930 г. настолько оторвано от воспитания, что проект скатывается на путь голого насилия. Это особенно подчеркивается в большом расширении пределов объективной ответственности, в силу чего, например, преступления против порядка управления приравниваются к преступлениям, к преступлениям контрреволюционным. Умысел и неосторожность вообще устраняются из проекта УК (хотя полностью все же это не удалось осуществить) как институт буржуазного уголовного права (ведь советское право, это «выветривающееся» буржуазное право), чем особенно акцентрируется в проекте принцип объективной ответственности, и тем самым, принцип подавления как определяющий принцип уголовной репрессии. В проекте делается попытка устранить деление УК на Общую и Особенную часть. Перечень составов преступлений значительно «сжимается», и в проекте дается лишь ориентировочный их перечень. Отрицаются точные составы преступлений и необходимость указания санкции к каждому отдельному составу преступлений, чем открывается широкий простор для судейского произвола и для нарушения социалистической законности. Политически проект УК 1930 г. ориентировал на разрыв с принципами карательной политики диктатуры пролетариата. Недопустимо поэтому полагать, что в проекте УК 1930 г. имеются только отдельные «левацкие» ошибки, как это считает кое-кто из криминалистов.

Руководство секции уголовной политики в весьма ярко выраженной форме провозгласило «концепцию» Пашуканиса как единственно марксистскую теорию уголовного права. Большевик-революционер, несмотря на все его ошибки, П. И. Стучка ставится на одну доску с Пашуканисом. Крыленко, обвинявший Пашуканиса в хвостизме и меньшевизме, усиленно подталкивается к сближению с «теориями» Пашуканиса, что руководству секции уголовной политики в значительной степени и удается. Отсюда и вытекают основные теоретические ошибки Крыленко в разработке проблем социалистического уголовного права.

Исходя из «концепции» Пашуканиса, П. Кузьмин договорился даже до «разложения» советского уголовного права.

[1] Ленин, т. XVI, стр. 395. Разрядка, кроме слов «передовым» и «только», моя. — Б. М.

Проект УК 1930 г., разрабатываемый секцией уголовной политики, пытался отказаться от Общей и Особенной части УК, от дозировки, от умысла, неосторожности.

«Смешно думать, — писал Булатов, — что отказ от иррациональных эквивалентных форм репрессии, от истлевшего барахла формально-юридических разграничений: приготовления и покушения, умысла и неосторожности, реальной и идеальной совокупности и т. п., труднее провести, чем создание обобществленных фондов в колхозах.

Устранить чересполосицу составов и санкций в Особенной части Уголовного кодекса, тормозящую целесообразное применение уголовного принуждения, просто пустяк по сравнению с устранением чересполосицы крестьянских полей, тормозящей целесообразное развитие нашего хозяйства. По сравнению с тем гигантским «прыжком» в неизвестное, т. е. невиданное до сих пор, который делаем мы изо дня в день, строя районы, округа и области сплошной коллективизации, самая смелая реконструкция уголовного права — только спокойный, и, нечего греха таить, запоздалый шаг» [1].

Отождествление дозировки наказания в буржуазном и советском праве приводит по существу к скату на позиции идеализма, по позиции эклектической методологии социологической школы уголовного права.

«Но даже, — читаем мы в одной статье, — самый мудрый судья или законодатель, способный конкурировать с «царем Соломоном во всей славе его», не сможет объяснить вам с точки зрения задач социальной защиты, почему он дает за одно деяние или одному из участников 1½ года лишения свободы, а другому или за другое деяние 2 или 2½ года. Во всех этих случаях, сознательно или подсознательно, решающую роль играет именно отвешивание наказания в меру тяжести содеянного. И в этом случае, конечно, весы правосудия — только аллегория. Реально и воздающая справедливость отмеривается «на-глазок» и переводит поэтому машину репрессии с рельс рациональной уголовной политики в русло стихийности» [2].

Таким образом дозировка репрессии в советском уголовном праве рассматривается как стихийная, иррациональная и нецелесообразная форма репрессии. Рациональной формой уголовной репрессии, очевидно, являются только меры социальной защиты. Об этом прямо писали Пашуканис и Старосельский, которые в противовес стихийности дозировки в мерах социальной защиты видят плановость репрессии. Эти бухаринские установки «организованного» капитализма, от которых отправлялся Пашуканис, находили свое отражение и в «теоретических» обоснованиях проекта УК 1930 г.

Влияние установок социологической школы уголовного права выразилось также в отказе от точных составов преступлений, которые якобы полностью противоречат принципам уголовной политики диктатуры пролетариата. «Что касается буржуазного позитивного права, — писал Булатов, — то в нем понятие преступного неуловимо вне твердых составов Особенной части только в силу формального определения преступления. Если преступление определяется как деяние, за которое по закону полагается наказание, то, конечно, судья не может сказать, что преступно и что не преступно, раньше чем он не подведет данное социальное явление под определенную статью Особенной части. Для нас все эти трудности — уже пройденный этап. Материальное классовое определение преступного уже дано, и применение статей 6, 8, 16 действующего кодекса на практике показывает, что одна из задач не разрешимых для крупнейших буржуазных ученых, решается неискушенными в юридических тонкостях судьями из рабочих просто, как загадка колумбова яйца» [1].

Но отказ от точных составов преступлений, конструирование по принципу ориентировочного списка составов преступлений неизбежно ведут к нарушению централизованного руководства уголовной политикой. На деле такая структура УК широко открывала бы двери для извращений карательной политики и кое-кто весьма использовал бы такую организацию репрессии. Такая система проекта УК 1930 г. полностью противоречила принципам пролетарского демократизма.

Необходимо отметить, что отказ от Особенной части УК по компетентной справке т. Булатова впервые был предложен П. Кузьминым. На основе якобы борьбы с фетишизмом нормы закона и крайней революционности, формулируемой с большим апломбом, протаскиваются антипартийные принципы проекта УК 1930 г., как якобы единственно правильное выражение генеральной линии партии в уголовной политике. В действительности, проект УК 1930 г. отражает «установки» концепции Пашуканиса. Не случайно поэтому общая линия проекта УК 1930 г. направлена на разрыв задач подавления репрессии от воспитательного воздействия репрессии и в сведении в основном репрессии к задаче подавления.

Основные «установки» руководства уголовно-правовым фронтом нашли свое выражение и в работах Н. В. Крыленко. В работе Крыленко «Ленин о суде», которая редактировалась Волковым и Булатовым, в главе IV «Подавление как задача пролетарского государства и пролетарского суда» дается политически ошибочное освещение взглядов Ленина на задачи подавления в уголовной репрессии. Ленин в определенных конкретных исторических условиях гражданской войны не раз высказывался за применение самых суровых мер подавления в отношении различных категорий лиц. Но при неисторическом подходе к этим высказываниям Ленина может получиться политически совершенно неправильная оценка роли подавления в наказании. В работе Крыленко отсутствует исторический подход при анализе высказываний Ленина о задачах подавления, что облегчало допущение целого ряда крупнейших политических ошибок в духе проекта УК 1930 г.

---

[1] Булатов. Проблемы реконструкции уголовного права. «Советское государство и революция права» 1930, № 2, стр. 71.

[2] Булатов. Там же, стр. 77.

---

[1] Булатов. Проблемы реконструкции уголовного права. «Советское государство и революция права», 1930, № 2, стр. 78.

В книжке Крыленко «Ленин о суде» вопрос о задачах уголовной политики диктатуры пролетариата освещен таким образом, что подавление выступает как основная форма репрессии в отношении всех категорий преступников.

В отношении классово враждебных элементов Крыленко перед наказанием ставит только задачу подавления.

Но для того, чтобы правильно осветить высказывания Ленина о задачах наказания в отношении классово враждебных элементов, для этого недостаточно было указать только на задачи подавления, тем более, что Крыленко прекрасно известны высказывания Ленина о необходимости сочетать методы подавления с методами воспитательного воздействия в отношении исправимых богачей. К сожалению, здесь в работе т. Крыленко не освещается вся глубина диалектического анализа Лениным задач советской уголовной политики. Конечно, в отношении перечисленных выше т. Крыленко категорий преступников главной задачей наказания является подавление. Но все же этим задачи карательной политики не исчерпываются. Далее, когда речь идет о преступлениях, совершаемых трудящимися крестьянами, недопустимо ограничиться только оговорками о необходимости широкого применения мер воспитательного воздействия. Именно здесь необходимо было во всей широте показать диалектическое сочетание задач подавления и воспитания. Тем более, что в следующей главе книги «О деятельности суда как органа воспитания к дисциплине» все эти ленинские материалы приводятся. Механистическая растасовка единой проблемы репрессии диктатуры пролетариата в двух главах книги (II — подавление, V — воспитание) приводит к политическому искажению картины, когда в главе о подавлении как задаче репрессии читателю говорится, что расстрел и другие методы подавления должны как главный метод репрессии применяться к о в с е м категориям преступников.

Поэтому получается политически неправильное освещение вопроса, когда т. Крыленко в своей работе делает следующий вывод:

«Итак, капиталисты и помещики, торгово-промышленная буржуазия и кулачество и их политическая агентура — таковы в основном категории классов, с которыми приходится вести революции ожесточенную борьбу в эпоху диктатуры пролетариата и против которых, естественно, необходимо и неизбежно применение мер подавления вплоть до самых жестких форм.

Но кроме классов имеются еще отдельные категории лиц, групп и слоев, против которых приходится применять такие же меры.

Даже когда классы уничтожены, остаются живые люди, выходцы из этих враждебных революции классов, остается огромнейшая масса представителей мелкой буржуазии, живущих еще целиком в плену взглядов и воззрений старого капиталистического общества. Остаются, наконец, неустойчивые элементы из среды трудящихся, неспособные сразу воспринять, усвоить общественные формы нового быта, новых отношений.

В итоге из этих групп выделяется определенная прослойка деклассированных элементов, не нашедших еще себе места в новых отношениях. Часть из них и не хочет искать этого места и вступает на путь преступлений и уголовщины самого различного рода.

С э т и м и э л е м е н т а м и п р и х о д и т с я в е с т и б о р ь б у и б о р ь б у б е с п о щ а д н у ю, п о т о м у ч т о, к а к п р а в и л о, н и к а к и е м е р ы в о с п и т а т е л ь н о г о в о з д е й с т в и я з д е с ь н е д е й с т в у ю т»[1].

Влияние вредительской теории, несомненно, сказалось на освещении взглядов Ленина на задачи советской уголовной репрессии. Отрыв задач подавления от воспитания и сведение репрессии к подавлению вообще оказали свое влияние и на работу т. Крыленко «Ленин о суде», которая сейчас нуждается в коренной переработке. Развивая дальше свою точку зрения на роль подавления, т. Крыленко пишет, что к деклассированным элементам должен применяться расстрел на месте, а также беспощадные меры подавления должны применяться и к самодурам, насильникам, проникшим на государственную службу. Крыленко не дает анализа той исторической обстановки, когда Ленин предлагал так широко применять исключительные меры репрессии, когда расстрел предлагался как основная мера репрессии в борьбе с злоупотреблениями властью должностными лицами. Поэтому если механически все эти указания Ленина перенести в современные условия социалистического строительства, то получается картина, которая политически неправильно освещает задачи органов юстиции. Да и в тогдашних условиях Лениным не ставился вопрос о применении подавления ко всем классам населения, как это получается в книге т. Крыленко. И в этом корень ошибок Крыленко при изложении им взглядов Ленина. Там, где Ленин говорит об отдельных фактах, в книжке Крыленко дается слишком широкое обобщение, и это искажает политическую перспективу.

Поэтому подавление в качестве основного метода репрессии, по мнению т. Крыленко, должно весьма широко применяться, далее, не только к хулиганам, рвачам и т. д., но также и «в целях выкорчевывания старых взглядов»[2].

Подавление в уголовной репрессии играет огромную революционную роль в борьбе с врагами диктатуры пролетариата, в борьбе с дезорганизаторами социалистического строительства. Но переоценка роли подавления, возведения его в основной принцип репрессии по отношению ко всем слоям населения, как это получилось в книге т. Крыленко «Ленин о суде», ведет к искажению взглядов Ленина на задачи советского суда.

Выкорчевывая вредительские «теории» на фронте советского уголовного права, необходимо полностью вскрыть влияние этих «теорий» и на тех работах по советскому уголовному праву, которые считались у нас основными, чтобы покончить с идиотской болезнью политической беспечности на правовом фронте.

Сейчас по-новому нужно поставить также проблему действия угрозы наказания.

Пашуканис и Старосельский вообще отрицали значение для советского уголовного права проблемы угрозы наказания.

Влияние этих «теорий» на работы т Кры-

[1] К р ы л е н к о, Л е н и н о суде, стр. 123—124. Разрядка моя — Б. М.

[2] К р ы л е н к о. Л е н и н о суде, стр. 128.

ленко выразилось в явной недооценке угрозы наказания.

«Итак,—говорил Крыленко, — устрашающее значение репрессии не может и не должно признать. Причем не только в отношении третьих лиц, но и в отношении данного преступления. Однако и здесь мы должны внести ряд оговорок, как и в отношении теории исправления. Здесь должно быть установлено, что в отношении сознавшего себя классового врага голый страж репрессии едва ли много даст».

«Все это заставляет нас признать, что сдерживающее значение устрашения также весьма относительно, что эта идея, идея «чтоб другим неповадно было», как и идея исправительно-трудового воздействия, должна явиться не главным, а подсобным для нас мотивом для применения репрессии в нашей уголовной политике.

Основная задача, таким образом, должна быть только одна — классовая самозащита путем принятия специальных мер по отношению к данному доказавшему уже свою сознательную опасность отдельному преступнику» [1].

Отрицая значение общего предупреждения, т. Крыленко отрицал также наказание и целиком исходил из трактовки репрессии как самообороны.

Ленинские взгляды по этому вопросу также неправильно были освещены. Правильно указывая, что Ленин отрицает возмездие как цель советской уголовной политики, т. Крыленко делает всякие оговорки, что термин «наказание» в работах Ленина нужно понимать как только оборону от общественно-опасных действий, ибо наказание не отвечает принципам советского уголовного права. Исходя из этих позиций, т. Крыленко говорил: «Итак, наш вывод следующий: основная идея, основная задача нашей уголовной репрессии одна — это задача самозащиты, самообороны, и никаких других задач наша уголовная политика не ставит и ставить себе не может. Отсюда вывод: все то, что не будет отвечать этой основной задаче, все то, что не будет способствовать ее наиболее целесообразному разрешению, должно быть откинуто, отброшено нами и вообще не должно иметь места в системе практического построения нашей уголовной политики, не говоря уже о том, что, конечно, не может лежать в основе этой системы. Позвольте особенно отчетливо формулировать этот наш основной вывод» [2].

Как известно, эти «установки» нашли свое наиболее яркое выражение в проекте УК Комакадемии 1930 г., где проект отказался как от термина «наказание», так и от термина «меры социальной защиты». Вредительская «концепция» Пашуканиса выразилась здесь в отрицании наказания как важнейшей правовой проблемы о форме репрессии.

Известно, насколько большое значение Ленин придавал наказанию как правовой форме репрессии. Ленин придавал также огромное значение угрозе наказания на поведение лиц, готовящихся совершить общественно-опасные преступления.

В книге т. Крыленко «Ленин о суде» неправильно освещаются взгляды Ленина и на индивидуализацию наказания. «Дозировку» в советском уголовном законодательстве т. Крыленко отождествляет с дозировкой в буржуазном уголовном законодательстве. Больше того, дозировка в советском уголовном праве связывается т. Крыленко с возмездием. Эти политически ошибочные установки, выражающие влияние «теорий» Пашуканиса на советское уголовное право, т. Крыленко формулирует следующим образом:

«Проанализируем теперь этот самый принцип «до». Что он означает?

Классическая формула этого принципа следующая: за совершение такого-то деяния устанавливается такая-то мера репрессии, но не выше такого-то предела, или до такого-то предела. Почему? Увы. В историческом возникновении и практическом применении принципа «до» буржуазной юстиции в его существе лежал только один принцип: «справедливого воздания за вину — справедливого возмездия».

Человек совершил то-то. За это ему надлежит (?) дать (!) столько-то. Но не больше. Почему? Слишком много. Не заслужил. Вот обычный метод рассуждений буржуазного законодателя при построении репрессии по этому принципу. Здесь налицо именно теория эквивалентного («справедливого») возмездия. Но теория возмездия, хотя бы и «справедливого», не имеет ничего общего ни с теорией национальной охраны общества в целом, ни с теорией классовой борьбы, ни, наконец, с задачами исправления данного преступника. С подобной теорией марксизм вообще не может иметь ничего общего» [1].

Дозировка в советском уголовном праве рассматривается т. Крыленко как иррациональная, нецелесообразная форма уголовной репрессии. Для того чтобы объяснить частое применение дозировки Лениным в декретах советской власти уже в первый период пролетарской диктатуры, т. Крыленко пишет, что принцип «до» применялся в целях регулирования репрессии против ненужной, жестокой репрессии. Дело, конечно, не только в этом. Дозировка выполняла и выполняет огромную роль в централизованном руководстве карательной политикой. Дозировка является также важнейшим методом индивидуализации наказания.

IV

Выражением трактовки наказания в советском праве как буржуазной уголовно-правовой формы являются «теории» дефетишизации институтов советского права, «теории» о наличии элементов буржуазной уголовно-правовой формы в советском праве и «теории», трактующие институты советского уголовного права как институты, «похожие» на институты буржуазного уголовного права.

Пашуканис и Старосельский, рассматривая уголовно-правовые институты как институты буржуазного права, вообще выдвигали в качестве важнейшей задачи необходимость дефетишизировать правовые институты советского права.

Под дефетишизацией Старосельский понимает сведение институтов советского уголов-

[1] «Революция права», 1929, № 1, стр. 100.

[2] Крыленко. Реформа Уголовного кодекса, 1929, стр. 20.

[1] Крыленко. «Ленин о суде и уголовной политике», 1934, стр. 162—163.

ного права к товарным отношениям, к трактовке их как институтов буржуазного уголовного права, к разоблачению юридического формализма буржуазной юстиции маскирующей классовую сущность уголовной репрессии. Задача марксистской теории уголовного права, по мнению этого реставратора, состоит в том, чтобы по возможности «обезвредить» форму наказания в советском уголовном праве.

Форма советского уголовного права, следовательно, фетишизирует наказание, мешает рационально организовать уголовную репрессию. Отсюда задача состоит в том, чтобы как можно скорее преодолеть эту правовую форму, которая питается рыночными отношениями и на целесообразных, внеправовых основах построить карательную политику. Ясно, что дефетишизация, предлагаемая Старосельским, состоит в оценке советской правовой формы наказания как типично-буржуазной правовой формы, не могущей играть революционной роли в нашем социалистическом строительстве. Более того, эта правовая форма наказания мешает целесообразно организовать уголовную репрессию. Отсюда, чем скорее будет выброшено за борт это «юридическое барахло», тем быстрее мы рационально построим нашу карательную политику. Но здесь-то и получается заколдованный круг, ибо с исчезновением рыночных отношений должно исчезнуть и право. Во всяком случае ставка на «чистое насилие» здесь сказывается с предельной ясностью.

По вопросу о дефетишизации институтов в области уголовного права писали у нас многие криминалисты (Эстрин, Волков, Пионтковский и др.). Так, Пионтковский в своей брошюре «Марксизм и уголовное право», критикуя теорию Пашуканиса, хотя и крайне непоследовательно как хвостистскую, тем не менее в действительности отражал влияние социологической школы уголовного права, на базе которой основана и «концепция» Пашуканиса.

«Поэтому мы можем,— писал Пионтковский,— и должны говорить о советском уголовном праве как отличном от буржуазного уголовного права и по содержанию и по форме. Сказанное, конечно, не исключает необходимости и неизбежности наличия элементов («кусочков») буржуазной правовой формы в советском уголовном праве. Но эти элементы берутся здесь лишенными юридического фетишизма буржуазного права и в принципиально ином сочетании, чем в буржуазном уголовном законодательстве» [1].

Пионтковский, ставя вопрос о качественном отличии институтов советского уголовного права от буржуазного и по содержанию и по форме, однако на деле институты советского уголовного права рассматривает как буржуазные дефетишизированные институты.

Создание социалистического уголовного права представляется как перенесение буржуазных институтов в советское уголовное право, с которых только должна быть снята идеалистическая оболочка, маскирующая их действительную классовую сущность. Такая позиция, по существу, отрицает социалистическое уголовное право, и методологически исходит из бухаринских «идей» о дефетишизации в переходный период законов капиталистической экономики.

Совершенно очевидно, что все эти «теории» дефетишизации уголовного права своими корнями уходят в бухаринско-троцкистскую «концепцию» Пашуканиса. Пионтковский квалифицировал теорию Пашуканиса как хвостистскую и подчеркивает принципиальное отличие советского права по содержанию и по форме от буржуазного права. Однако своей «теорией» дефетишизации буржуазных институтов в советском уголовном праве Пионтковский отрицает, по существу, советское уголовное право как право социалистическое.

Далее, на основе «теорий» Бухарина и Пашуканиса была сделана попытка дефетишизировать институты советского уголовного права с позиций рефлексологии. Опираясь на «работы» троцкиста Старосельского, Волков взялся за «дефетишизацию» институтов социалистического уголовного права в книге «Рефлексология и уголовное право» (1927 г.). Защищая криминальную рефлексологию, Волков пишет:

«Мы в виде примера останавливались на вопросах о мотиве и, особенно, на неосторожности и пытались на этих вопросах показать неудовлетворительность их разрешения уголовным правом, опирающихся на субъективную психологию. Но с таким же успехом можно привести и ряд других проблем уголовного права, например, вопрос о соучастии, о необходимой обороне и крайней необходимости, о построении общей и специальной превенции, об умысле, об условном осуждении и условно-досрочном освобождении, о формуле так называемой «вменяемости» с ее психологическим и биологическим критериями, о физиологическом эффекте и т. д. и т. п. Перечень этих вопросов может почти исчерпать собою перечень вопросов общей и отчасти особенной части уголовного права материального.

Не останавливаясь здесь ни на одном из них, заметим, что в отношении некоторых из них частичное теоретическое разрешение дается анализом, приведенным выше в отношении мотива и неосторожности; в этом смысле некоторые из положений, указанных в результате этого анализа, после экспериментальной их проверки, могут сыграть роль элементов, входящих в разных частях и пропорциях в структуру того или иного института уголовного права» [1].

Таким образом Волков с позиций рефлексологии пытается ревизовать все институты социалистического уголовного права.

Наказание в советском уголовном праве рассматривалось, следовательно, многими криминалистами как дефетишизированное буржуазное наказание. Даже в тех случаях, когда признавалось советское право как право принципиальное, отличное и по форме от права буржуазного, тем не менее «теории» дефетишизации вели на путь рассмотрения институтов социалистического уголовного права как дефетишизированных институтов буржуазного права.

После 1 съезда марксистов-государственников наказание в советском праве начало рассматриваться как элемент буржуазной уголовно-правовой формы.

[1] Пионтковский. «Марксизм и уголовное право» 1929, стр. 48.

[1] Волков. «Уголовное право и рефлексология», стр. 120—121.

Дозировка в советском праве также рассматривается уже как элемент буржуазно-правовой формы. В этот период можно встретить признание «нового» качества советской уголовно-правовой формы, но тем не менее оказывается, что все же дозировка есть элемент буржуазно-правовой формы. Эстрин так и пишет в своей работе «Развитие советской уголовной политики»: «Хотя форма советского уголовного права, как таковая, является безусловно новой советской уголовно-правовой формой, тем не менее в ней налицо и такие пережитки, как некоторые проявления формализма, «отвешивания» репрессии и т. д.; последнее подтверждается всем материалом, изложенным нами в главах 18—21, причем этот же материал не только показывает, что перед нами стоит задача преодоления этих пережитков буржуазно-правовой формы, задача достижения все большего «перерождения» используемых нами частично элементов буржуазной правовой формы в процессе их использования, но показывает и то, что задача нами действительно осуществляется.

Утверждать, что у нас не осталось еще никаких пережитков буржуазной правовой формы в нашем уголовном праве, было бы неверно не только в условиях 1924—1927 гг., но даже сейчас, когда мы уже вступили в период социализма. И такое утверждение было бы вредно и потому, что оно, смазывая задачу борьбы за преодоление и изжитие указанных пережитков в нашем уголовном праве, тем самым демобилизовало бы в этом отношении работников советской юстиции; представители «внешнего фронта», представители буржуазного юридического мировоззрения могли бы лишь приветствовать такой результат»[1].

Даже в 1935 г. в статье Волкова «Наказание в советском уголовном праве» дозировка рассматривается как элемент буржуазно-правовой формы.

Эти «установки» в оценке наказания в советском праве связаны с извращением взглядов Ленина на право в эпоху социализма. Ведь Ленин проблему права не отрывал от проблемы государства. Ленин пишет, что в «полубуржуазном» государстве сохраняется при социализме «полубуржуазное» право. Ведь совершенно очевидно, что «полубуржуазное государство это и есть диктатура рабочего класса, а «полубуржуазное» право — советское социалистическое право. Извращение взглядов Маркса и Ленина выражалось в том, что то право, которое существует в первой фазе коммунистического общества в области распределения, и которое Маркс и Энгельс называли в условном смысле «буржуазным», многими правовиками под влиянием контрреволюционной теории Пашуканиса истолковывалось в том смысле, что это право является не чем иным, как пережитком буржуазно-правовой формы в советском праве. Так, полпред Пашуканиса в Ленинграде — враг народа Ундревич в статье «Буржуазное право социалистического общества» писал: «Это «буржуазное» право, о котором говорят Маркс и Ленин и роль которого подчеркнута была в работе XVI партконференции, представляет собою пережиток буржуазно-правовой формы в советском праве». Правда, здесь Ундревич поспешно делает оговорку, что советское право вкорне отлично от подлинного буржуазного права. Также и Берман, касаясь замечаний Ленина в XIV Ленинском сборнике о принуждении в первой фазе коммунистического общества дает им антипартийное истолкование. «В этом замечании Ленин особенно подчеркивает, что и применительно к первой фазе коммунистического общества речь может итти лишь о буржуазном праве («полубуржуазном», не превзойденном «узком буржуазном горизонте права»). Особо следует отметить и то, что этот вывод Ленин непосредственно связывает и с тем, что «не вполне еще исчезает и (полубуржуазное) государство», и тотчас же распространяет все замечание на «формы принуждения». Таким образом, связывая вопрос о праве в социалистическом обществе с вопросом о государстве («буржуазное государство — без буржуазии»), он, однако, упор делает на буржуазном характере права; об особом по своему качеству праве социалистического общества ни единым словом не упоминает. И, наоборот, всей своей постановкой вопроса такое особое, иное по качеству право отвергает»[1]. Таким образом, по Берману, советское право качественно не отличается от буржуазного права. Но это значит, что советское право есть буржуазное право как по содержанию, так и по форме.

Именно эти извращения ленинских взглядов на право первой фазы коммунистического общества лежат в основе трактовки наказания как элемента буржуазной уголовно-правовой формы. Поэтому Эстрин, говоря об элементах буржуазно-правовой формы в советском уголовном праве, опирается на антипартийное извращение ленинских взглядов о «буржуазном» праве при социализме[2].

Но вскрывая сущность таких установок в вопросе о форме советского права, было бы большой политической ошибкой полагать, что сегодня эти ошибки уже полностью на нашем правовом фронте преодолены и достаточно правовиками уяснены. Отрыжки этих «теорий» дают чувствовать и в настоящее время. Об этом в достаточной мере говорят последние выступления на страницах журнала «Советская юстиция» Н. В. Крыленко в связи с положением на правовом фронте. В № 6 (1937 г.) «Советской юстиции» т. Крыленко пишет: «Я считаю, что право наше было всегда, с самого начала, социалистическим по своей направленности, содержанию и по своим целям, но что мы никогда не отказывались от использования тех форм, которые буржуазия оставила нам в наследство, и эти формы используем, отчего наше право не переставало и не перестанет быть социалистическим...

Наше сегодняшнее социалистическое право, которое я считаю социалистическим по его содержанию, формам и целям, по мере утверждения социалистического порядка и социали-

[1] Эстрин. «Развитие советской уголовной политики», 1933, стр. 197.

[1] «Проблемы марксизма», 1933, № 4, стр. 59. Разрядка моя. — Б. М.

[2] Эстрин. «Развитие советской уголовной политики», 1933, стр. 197.

стических производственных отношений, создало такие нормы, которых никогда не знало капиталистическое общество. В этом смысле оно является абсолютно новым правом и по форме и но содержанию по сравнению с буржуазным правом. Это означает, однако, что только с ликвидацией эксплоататорских классов и частно-капиталистических отношений мы смогли устранить из нашего права и те «старые формы», необходимость использования которых вызывалась, говоря словами Ленина, необходимостью «приспособлять свою тактику» к отношениям, вызываемым «не нашим классом или не нашими усилиями» [1].

По существу, несмотря на большое количество оговорок, т. Крыленко стоит на той точке зрения, что советское право по своей форме стало социалистическим только с победой социализма, с ликвидацией многоукладности нашей экономики, «с ликвидацией эксплоататорских классов и частно-капиталистических отношений». На прежних этапах диктатуры пролетариата, следовательно, советское уголовное право по своей форме не было вполне социалистическим, и в нашем праве были использованы буржуазно-правовые формы, «которые буржуазия оставила нам в наследство».

Несостоятельность всех этих утверждений очевидна. Если в советском уголовном праве имеются элементы буржуазно-правовой формы, то это неизбежно приводит к выводу, что и по содержанию советское право не вполне социалистическое право, ибо форма советского права не может быть оторвана от содержания. Хорошо известно основное положение материалистической диалектики, что форма механически не оторвана от содержания, и что она есть содержательная форма. Ленин пишет в своем конспекте книги Гегеля «Наука логики»: «Форма существенная, сущность формирована так или иначе в зависимости и от сущности...» [2].

Поэтому признание в советском праве элементов буржуазно-правовой формы неизбежно приводит к ревизии классовой природы социалистического уголовного права.

Тов. Крыленко в особенности сейчас подчеркивает, что советское право «похоже» на буржуазное право. Этот аргумент ничуть не опровергает положения о том, что на всех этапах социалистического строительства все же советское право по форме принципиально, качественно отлично от буржуазного уголовного права. Конечно, было бы нелепостью полагать, что институты советского права ничем не похожи на институты буржуазного уголовного права. Но это еще не значит, что формы советского и буржуазного права тождественны. Гегель блестяще показал удвоение формы.

Он приводит пример с книгой и иллюстрирует глубокую мысль о различии внешней, равнодушной к содержанию форме (переплет книги), и формы, выражающей содержание произведения (поэтическая форма, в которой выражено содержание Илиады). Эта проблема удвоения формы имеет самое непосредственное отношение к нашим спорам по вопросу о форме советского уголовного права. Тов. Крыленко, говоря о том, что институты советского права «похожи» на институты буржуазного права, видит только внешнюю, равнодушную к содержанию форму. Если остановиться только на этой внешней «схожести» институтов буржуазного и советского права, то это значит еще далеко не подойти к существу проблемы формы советского права. Такой поверхностный анализ советского права неизбежно приведет к трактовке советского права как буржуазного права по своей форме. Для того, что бы научно показать действительное существо формы советского права, для этого нужно пойти дальше поверхностных, внешних аналогий, которые нас еще не двигают ни на шаг вперед и могут привести к серьезным политическим ошибкам. Только переходя к изучению формы, выражающей содержание социалистического уголовного права, можно правильно разрешить проблему формы советского права. С этой точки зрения содержательная форма не может быть оторвана от существа права. Поэтому признавая качественное отличие природы советского государства и права от буржуазного государства и права, мы приходим к единственно политически правильному выводу, что на всех этапах социалистического строительства советское право по своей форме коренным образом отлично от буржуазного права. Значит ли это, как думает т. Крыленко, что признание советского уголовного права социалистическим по своей форме на всех этапах диктатуры пролетариата обозначает отрицание развития формы советского права и игнорирование тех величайших изменений, которые вносит Сталинская Конституция в наше социалистическое право? Нет, конечно. Ведь на различных этапах диктатуры рабочего класса перед нашим социалистическим строительством ставятся новые задачи, и в связи с этим производятся весьма значительные изменения во всей нашей карательной политике. В связи с этим вносятся изменения и в наше законодательство и в уголовную политику. Конечно, смешно было думать, что этот процесс изменения уголовно-правовой формы происходит автоматически. Насколько сложен этот диалектический процесс взаимоотношения содержания и формы права, видно на противоречии между содержанием и формой права, в особенности на первых этапах развития реконструктивного периода. Сталинская Конституция, являющаяся кодексом социалистических достижений, вносит громадные изменения, еще нами недостаточно осознанные, в социалистическое право. Разработка союзного гражданского и уголовного законодательства есть одна из ярких иллюстраций гигантской роли Сталинской Конституции в отношении приведения в соответствие содержания и формы социалистического права.

Но Сталинская Конституция есть завершение социалистического демократизма, который в своих основах уже был сформулирован в Конституции и 1918 и 1924 гг. Поэтому ставить так вопрос, как это делает т. Крыленко, что до Сталинской Конституции в советском праве шло выкорчевывание «старых форм» права, а после утверждения Сталинской Конституции советское право по своей форме стало полностью социалистическим, это значит не понять марксовой диалектики о соотношении формы и содержания. Иначе трудно понять,

[1] «Советская юстиция», 1937, № 6, стр. 7. Разрядка моя. — Б. М.

[2] Ленин. «Философские тетради, 1933, стр. 142. Разрядка моя. — Б. М.

почему из-за такой невинной, никем не оспариваемой вещи, как внешняя «схожесть» институтов буржуазного и советского права, спешить расклеивать политические ярлыки тем, которые помогают ряду товарищей по правовому фронту понять, что советское право на всех этапах диктатуры пролетариата является правом социалистическим, и уяснить всю вредность «теории» об использовании в советском праве институтов буржуазного права.

Вскрывая сущность всех этих теорий, трактующих «дозировку» как элемент буржуазно-правовой формы, необходимо прежде всего тщательно изучить исключительно важные высказывания в работах Ленина и Сталина, дающие основу для уяснения принципиальной важности проблемы дозировки в свете социалистического демократизма. Политически и теоретически вскрыть действительное значение наказания в форме так называемой дозировки возможно только в связи с изучением природы диктатуры пролетариата, пролетарского демократизма. Советское государство как новый тип государства является источником нового по типу, по своему качеству, советского социалистического права. «Советская власть именно благодаря тому, что она открыто сказала, что диктатуре пролетариата подчиняются все, что она есть новый тип государственной организации, именно этим она завоевала себе сочувствие рабочих всего мира»[1]. ...«Советская власть является новой формой государственной организации, принципиально отличной от старой, буржуазно-демократической и парламентарной формы, новым типом государства, приноровленным не к задачам эксплоатации и угнетения трудящихся масс, а к задачам полного их освобождения от всякого гнета и эксплоатации, к задачам диктатуры пролетариата»[2], и поэтому «советы являются непосредственными организациями самих масс, то есть наиболее демократическими и, значит, наиболее авторитетными организациями масс...»[3]. Пролетарская диктатура «отбрасывает лицемерие формального равенства прочь»[4].

«Демократия при капитализме есть демократия капиталистическая, демократия эксплоататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплоатируемого большинства и направленная против этого большинства. Только при пролетарской диктатуре возможны действительные «свободы» для эксплоатируемых и действительное участие пролетариев и крестьян в управлении страной. Демократия при диктатуре пролетариата есть демократия пролетарская, демократия эксплоатируемого большинства, покоящаяся на ограничении прав эксплоататорского меньшинства и направленная против этого меньшинства»[5].

Особенность пролетарского демократизма состоит в материальных гарантиях прав трудящихся сформулированных в советской Конституции. Ленин в своем конспекте брошюры о диктатуре пролетариата, ставя вопрос о реальности «свобод» буржуазной демократии, отвечает на него следующим указанием: «Формальное равенство при сохранении буржуазного гнета, ига капитала, наемного рабства»[1]. В то же время Ленин подчеркивает реальность пролетарского демократизма. Именно в этом Ленин видит основную особенность диктатуры пролетариата.

«Перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального признания формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на практическую осуществимость пользования свободой (демократией) трудящейся и эксплоатируемой массой населения»[2].

Сталинская Конституция, являющаяся кодексом величайших завоеваний социализма, перед рабочим классом всего мира во всей конкретности показала действительность социалистического демократизма. Товарищ Сталин в своем докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов говорил, что «Буржуазные конституции обычно ограничиваются фиксированием формальных прав граждан, не заботясь об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления, о средствах их осуществления. Говорят о равенстве граждан, но забывают, что не может быть действительного равенства между хозяином и рабочим, между помещиком и крестьянином, если у первых имеется богатство и политический вес в обществе, а вторые лишены и того и другого, если первые являются эксплоататорами, а вторые эксплоатируемыми. Или еще: говорят о свободе слова, собраний и печати, но забывают, что все эти свободы могут превратиться для рабочего класса в звук пустой, если он лишен возможности иметь в своем распоряжении подходящие помещения для собраний, хорошие типографии, достаточное количество печатной бумаги и т. д.

Особенность проекта новой Конституции состоит в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав. Он не просто провозглашает равенство прав граждан, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта ликвидации режима эксплоатации, факта освобождения граждан от всякой эксплоатации. Он не просто провозглашает право на труд, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта отсутствия кризисов в советском обществе, факта уничтожения безработицы. Он не просто провозглашает демократические свободы, но и обеспечивает их в законодательном порядке известными материальными средствами. Понятно поэтому, что демократизм проекта новой Конституции является не «обычным» и «общепризнанным» демократизмом вообще, а демократизмом социалистическим»[3].

Принципы социалистического демократизма имеют огромное значение для правильного освещения коренных проблем социалистического уголовного права, и в частности, проблемы наказания и осуществление последнего в форме так называемой дозировки. К сожалению,

---

[1] Ленин. т. XXIV, стр. 307.

[2] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10, 1935, стр. 32.

[3] Там же, стр. 31.

[4] Ленин, т. XXIII, стр. 188.

[5] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10, 1935, стр. 29.

[1] Ленин, т. XXV, стр. 9—10.

[2] Ленин, т. XXII, стр. 372.

[3] И. В. Сталин. «О проекте Конституции Союза ССР», Партиздат, 1936, стр. 21—22.

до сих пор эта проблема криминалистами не только не освещена, но даже не поставлена. Насколько решающее значение принципы пролетарской демократии имеют для советского суда, это видно при разрешении проблем советского уголовного процесса.

«Вопреки болтовне об «отмирании» суда, об «упрощении» судебного процесса за счет свертывания основных демократических форм его деятельности, советский суд все шире и полнее осуществляет в своей работе принципы пролетарской диктатуры и советской демократии, обеспечивающей подлинное и активное участие рабочих и колхозников в отправлении правосудия, подлинную и активную охрану интересов советской власти и трудящегося населения.

Уже сейчас значительную часть обязанностей по охране интересов советской власти и трудящихся несет наш суд. Постановление ЦИК Союза ССР «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел» от 10 июля 1934 г. перенесло значительную долю работы, ранее проводившейся в порядке административных мероприятий, на судебную систему. И это вполне естественно, ибо, как сказал т. Молотов в беседе с редактором «газеты «Тан» г. Шастеэ, «вся наша внутренняя обстановка говорит за то, что теперь уже нередко нет необходимости в тех административных мерах, которые проводились прежде».

Роль советского суда еще более возрастает, так как на него в новых условиях ложится в громадной степени задача беспощадной борьбы против остатков враждебных классовых элементов, борьбы против пережитков капитализма в сознании людей, против разрушителей общественной собственности и их сообщников, против всех остатков буржуазной контрреволюции внутри страны, всех явных и тайных врагов народа [1].

«Ошибка противников развернутого процесса заключается именно в том, что они обычно решают эту проблему как раз с точки зрения гарантий обвиняемого, тогда как центр вопроса лежит совершенно в другом.

Центр вопроса лежит в том, насколько полезна эта форма с точки зрения интересов государства, с точки зрения, следовательно, защиты государственных интересов, являющихся, как известно, всегда интересами господствующего в данном обществе класса.

При правильной организации развернутой формы процесса она помогает пролетарскому государству и его органам в разрешении всех тех задач, которые связаны с охраной классового господства пролетариата и преодоления всякого рода явлений, угрожающих этим интересам.

Судебный процесс является одной из наиболее удобных форм организации общественного мнения; он, как правило, чрезвычайно удачно выполняет эту свою задачу, именно таким путем достигая лучше всего своей цели — воспитания масс к дисциплине в интересах укрепления государственного авторитета» [2].

Нет нужды подчеркивать, какую огромную роль сыграл гласный демократический, пролетарский процесс для разоблачения всей гнусной деятельности антисоветского троцкистского центра, поставлявшего японо-германских шпионов, диверсантов и террористов для борьбы с СССР.

В свете последовательного социалистического демократизма также совершенно по-новому должен быть поставлен вопрос о значении и дозировке как формы осуществления наказания. Пашуканис и Старосельский, издеваясь над огромной революционной деятельностью советского суда, писали о том, что суд «по прейскуранту» по принципу возмездия отвешивает репрессии по принципу возмездия, рассматривая наказание в советском праве как типично-буржуазное наказание. Приняв эти исходные установки Пашуканиса о дозировке, ряд криминалистов, руководствуясь благими намерениями, предложил полностью выбросить эту «буржуазную» дозировку из советского уголовного законодательства. Дозировку предложено было заменить твердыми сроками (проект УК 1930 г.).

Несмотря на всю эту «борьбу» за уничтожение «дозировки», наше законодательство широко использовала самые разнообразные формы и методы борьбы с действиями, опасными социалистическому строительству (в том числе и дозировку и твердые сроки, руководствуясь указаниями Ленина о необходимости советскому суду использовать самые разнообразные формы и методы для борьбы с действиями, опасными диктатуре пролетариата. Трактовка дозировки как буржуазной правовой формы была связана с меновой концепцией права Пашуканиса. В действительности регулирование в законе пределов наказания по тем или иным категориям преступлений и индивидуализации наказания являются важнейшим принципом репрессии диктатуры пролетариата. Проведение единой революционной законности требует четкого регулирования в законе пределов карательных санкций. Предоставление широких прав советскому суду при применении наказания вовсе не обозначает судебного произвола (на который и стал проект УК 1930 г.). Судья может применять репрессию лишь в рамках санкции данного состава преступления. В некоторых случаях наше законодательство даже знает абсолютно-определенные санкции, чем в особенности подчеркивается принцип централизованного руководства карательной политикой.

Пролетарский демократизм, отрицая принципы формальной демократии, формального равенства всех перед законом, требует, с одной стороны на основе точного применения закона беспощадной борьбы с преступными действиями врагов народа и их агентуры, а с другой стороны — самого тщательного подхода при применении репрессии в соответствии со степенью вины данного правонарушения.

В свете Сталинской Конституции, в свете последовательного социалистического демократизма особенно ясна антипартийность утверждений об отказе от так называемой дозировки, от точных составов преступлений, что подрывает всякую устойчивость в применении советского уголовного закона.

Проблема индивидуализации наказания имеет в социалистическом уголовном праве принци-

---

[1] А. Вышинский. «Советский суд и советская демократия», «Большевик», 1936, № 10, стр. 25.

[2] А. Я. Вышинский. К реформе уголовно-процессуального кодекса, «Проблемы уголовной политики», стр. 35.

пиальное, качественно отличное значение, в сравнении с индивидуализацией репрессии в буржуазном праве. С точки зрения социалистического демократизма вопрос об индивидуализации в советском уголовном праве имеет огромное принципиальное значение.

Полное оправдание дозировка находит также в принципе пролетарского гуманизма, который переносится на все советское уголовное законодательство, и в философских воззрениях марксизма—ленинизма на мотивы, определяющие человеческое поведение, и роль, какую в этом определении играет угроза наказанием. Целиком прав т. Вышинский, когда он говорил по этому поводу: «Пора уже признать полностью ошибочной борьбу против дробности наказаний в советском уголовном праве, сводящую вопрос о дозировке к буржуазной схоластике в духе теории возмездия. Это, конечно, ни в какой мере не умаляет значения борьбы с формальным подходом к дозировке, с попытками воскресить теорию возмездия в советском праве, что также имело место.

Нужно требовать от суда строгой индивидуализации наказания, помня, что разница в годах тюрьмы имеет для каждого трудящегося человека, для каждого осужденного немаловажное значение, и не только для осужденного, но и для пролетарского государства, умеющего ценить людей как самый ценный капитал.

В настоящее время мы больше чем когда бы то ни было должны требовать чтобы, выносимые нами наказания соответствовали индивидуальному вреду того или другого человека, индивидуально выраженному преступлению. Колебания в этой точке зрения должны быть отвергнуты решительным образом»[1].

Тов. Вышинский здесь с исчерпывающей ясностью подчеркнул значение индивидуализации наказания в социалистическом уголовном праве.

В следующей статье мной будет освещен вопрос о принципе индивидуальной ответственности в свете последовательного социалистического демократизма.

Б. БОРИСОВ

Положение на фронте теорий гражданского права*

Товарищи, мы сегодня приступаем к обсуждению положения, создавшегося на фронте теории гражданского права в связи с вредительской и контрреволюционной деятельностью врага народа Пашуканиса и возглавлявшейся им «школки». Этот прорыв на правовом фронте, на который нам неоднократно указывала в последнее время наша партийная печать (статьи Юдина, Леонтьева и Вышинского в газете «Правда», статья Ингулова в журнале «Большевик»), нами особенно остро ощущается в свете того огромного значения, которое приобретают на нынешнем этапе вопросы права и государства. В свете Сталинской Конституции — этого основного закона социалистического государства — стала особенно актуальной и политически важной задача укрепления социалистического права и всемерного использования его в качестве одного из могучих орудий диктатуры пролетариата в деле строительства социализма; по значению своему вопросы эти вышли за пределы чисто ведомственных и узко групповых интересов людей, связанных по своей теоретической и практической работе с правом. Они стали занимать всю нашу общественность и сделались предметом усиленного внимания нашей партийной печати.

В этом смысле необходимо отметить чрезвычайно плодотворное и интересное совещание, проведенное редакцией центрального органа нашей печати «Правда», по вопросу о состоянии правового фронта и мерах, необходимых для привлечения его в соответствие с требованиями нашей великой эпохи.

Мы, товарищи, должны себе отдать ясный отчет в том, что мы, правовые работники, вследствие своей исключительной политической близорукости и слепоты, в течение ряда лет не замечали, как наша теория советского права во всех ее ответвлениях засорялась лженаучными, вредительскими и контрреволюционными мыслями и установками. Нам, товарищи, со стороны указали на эти теоретические «авгиевы конюшни», разоблачив Пашуканиса и его «школку» как рассадник антимарксистских и контрреволюционных теорий.

«Школка» Пашуканиса развернула свою «деятельность» как в области общей теории права, так и в области отдельных конкретных правовых дисциплин. К этой «школке» примыкали прямые враги народа, разоблаченные впоследствии как контрреволюционеры (Аширафьян, Дзенис, Доценко и др.) Эта «школка», однако, получила свое отражение и в работах других правовиков, которые хотя и не фигурируют в качестве врагов народа, но которые трудами своими благодаря политической слепоте и потере классовой бдительности лили воду на мельницу врагов народа. Они не критически воспринимали, заимствовали и отражали в своих трудах основные положения, выдвигавшиеся сознательно с контрреволюционными целями врагами народа.

Не надо думать, что зараженной этими вредительскими «идеями» оказалась только область теории. Вредительские установки получили широкий отклик и среди практических работников. Именно на этой почве долгое время процветали такие явления, как противопоставление целесообразности революционной законности, нигилистическое отношение к процессу («минимум формы, максимум классового существа»), упрощенческие методы разбора

---

* Обработанная стенограмма доклада 9 апреля 1937 г. на заседании сектора гражданского права во Всесоюзном институте юридических наук.

[1] А. Я. Вышинский, Речь товарища Сталина 4 мая и задачи советской юстиции, стр. 54.

дел, ликвидация в судах гражданских коллегий и т. д.

Товарищи, эта «школка» могла в течение относительно долгого времени безнаказанно проводить свою вредительскую и контрреволюционную работу, и потому, что ей удалось создать в Институте совстроительства и права б. Комакадемии соответствующую обстановку.

Прошедший недавно пленум ЦК указал нам на те средства, которые используются классовым врагом для того, чтобы делать свое черное дело. К таким средствам относятся, в частности, зажим самокритики, подхалимство, угодничество и т. п. Эти средства применялись также в институте, возглавлявшемся Пашуканисом и его компанией. Там процветали зажим самокритики, взаимная амнистия, подхалимство в отношении «главного теоретика», «рапповщина» худшего вида. За пороги института, руководимого Пашуканисом, не пропускались практические работники суда и прокуратуры, не пропускались и беспартийные большевики. Остальные же работники подбирались по принципу «семейственности». Только в условиях такой затхлой и замкнутой обстановки, огражденной китайской стеной от живой практики социалистического строительства, могли процветать пышным цветом те «теории», разоблачением которых теперь занята вся наша общественность.

Совершенно ясно, что условием успешной работы над укреплением нашей системы социалистического права является беспощадное выкорчевывание остатков пашуканианства во всех его проявлениях. Справедливость требует сказать, что практические работники правового фронта первыми начали освобождаться от этого вредного влияния и принялись бороться за укрепление социалистического правосознания и всемерное соблюдение революционной законности. Поворот этот связан, главным образом с организацией Прокуратуры Союза. Достаточно вспомнить хотя бы работу I всесоюзного совещания работников юстиции в апреле 1934 г., где были поставлены во всей остроте актуальнейшие вопросы нашего правового фронта.

Разрешите сейчас перейти к характеристике того, что собой представляла вредительская теория Пашуканиса и какое она получила отражение в трудах по гражданскому праву. Я должен прежде всего отметить основной тезис Пашуканиса, являющийся краеугольным камнем всей его концепции, согласно которому всякое право, в том числе и советское, рассматривается как форма опосредствования рыночных отношений. «Теория» эта получила крылатое название «меновой концепции», исходя из такого определения права, при котором исключается его классовый характер и связь с государством, при котором специфическим и решающим признаком права является его связь со сферой товарооборота. Пашуканис последовательно пришел к отрицанию особого качества советского права, его социалистического характера. Советское право стало затем трактоваться как отмирающее буржуазное право. Отсюда логический вывод, до которого докатился Пашуканис, — невозможность построения самостоятельной системы советского права.

Нет никакого сомнения, что тезис о невозможности построения системы советского права, опосредствующего социалистическое строительство, перекликается с известной троцкистской теорией о невозможности построения социализма в одной стране. Обе эти теории неразрывно связаны между собой и дополняют друг друга.

Вопрос об отмирании советского права неоднократно поднимался за время революции в трудах различного рода «теоретиков». Тов. Вышинский в своей статье, опубликованной 9 апреля в газете «Правда», доказал, что на протяжении всех 20 лет революции шли бои с различного рода «уклонистами» в праве, он приводил соответствующие выдержки из трудов Гойхбарга, Рейснера и других, которые по существу подтверждали ту мысль, что вокруг вопроса о характере нашего права и вопроса об отмирании буржуазного права шли теоретические бои с начала революции до последнего времени.

Достаточно вспомнить хотя бы следующие высказывания Гойхбарга по этому поводу в «Основах частного имущественного права»: «в свое время эта идея (право) имела некоторый смысл, но в настоящее время в идеологии пролетариата она излишня и ее необходимо вытравить из пролетарских мозгов». Или в другом месте «право есть еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа» (сравнительно с религией).

Тов. Вышинский в своей статье одновременно доказал, что те, кто в течение ряда лет считали себя знаменоносцами в борьбе с носителями буржуазно-юридического мировоззрения, сами стояли обеими ногами на позиции буржуазной трактовки права.

Разрешите привести в подтверждение изложенного некоторые выдержки из работ Пашуканиса. В книге «Общая теория права и марксизм», которая явилась своеобразной «платформой» для последователей и сторонников Пашуканиса, дается следующее определение права:

«Правовой порядок именно тем и отличается от всякого иного социального порядка, что он рассчитан на частных обособленных субъектов», в другом месте той же книги утверждается, что «основной предпосылкой правового регулирования является, таким образом, противоположность частных интересов... Наоборот, единство цели составляет предпосылку технического регулирования». Значит правовой порядок может иметь место, очевидно, только там, где есть частная собственность. Следовательно, если мы попадаем в обстановку, где нет «частных обособленных субъектов» или, попросту говоря, частных собственников, то там оказывается нет и правового порядка, стало быть и права.

Надо сказать, что наиболее откровенно этот вывод сделал Пашуканис в своей статье «Экономика и правовое регулирование». Там даже поставлен принципиальный тезис, что «проблема отмирания права является пробным камнем, по которому мы испытываем степень близости к марксизму и ленинизму того или иного юриста».

Будучи верным своему старому тезису, что «единство цели составляет предпосылку технического регулирования», Пашуканис в этой же статье продолжает: «государственное регулирование характеризуется перевесом технически-

организационных моментов существа над моментами формальными... Эта перспектива развития организационно-технических актов и отношений за счет формально-юридических и есть перспектива отмирания права, теснейшим образом связанная с отмиранием государственного принуждения по мере перехода к бесклассовому обществу».

По адресу же тех, которые, паче чаяния, не согласятся на исчезновение права в сфере обобществленного хозяйства, бросается заранее обвинение в буржуазно-юридическом мировоззрении. «Тот, кто не допускает, — говорит далее Пашуканис, — что планово-организационное начало вытесняет начало формально-юридическое, тот, в сущности говоря, убежден, что отношения товарно-капиталистического хозяйства являются вечными и их ущербление в данный момент есть лишь некоторая ненормальность, которая в дальнейшем должна быть устранена.

Все эти глубокомысленные рассуждения заканчиваются, наконец, следующим торжественным аккордом: «Роль закона падает, а отсюда можно вывести общее правило, что регулирование становится тем более эффективным, чем слабее и незначительнее становится роль закона и юридическая надстройка в чистом ее виде».

Таким образом здесь проповедуется точка зрения несовместимости плана и права. Эта концепция целиком направлена на подрыв борьбы за социалистическую законность в сфере имущественных отношений социалистического общества, на подрыв договорной дисциплины и хозрасчета, на отрицание тезиса, что «договор является лучшей формой выполнения плана». О всех этих задачах говорится, в частности, в утвержденном еще в 1931 г. положении о Госарбитраже, перед которым была поставлена задача всемерной борьбы за соблюдение законности в отношениях между учреждениями и предприятиями обобществленного хозяйства. Концепция Пашуканиса ведет прямым путем к невыполнению плана, к развалу всех хозяйственных связей, к партизанщине и антигосударственным тенденциям. По вопросу о системе советского права Пашуканис исчерпывающе высказался в своем докладе «О положении на теоретическом правовом фронте» 10 ноября 1930 г. («Советское государство и революция права» № 11—12 за 1930 г.) «как же вы хотите, — спрашивает Пашуканис, — построить законченную систему права, исходя из таких общественных отношений, которые в себе заключают уже необходимость отмирания всякого права? Это же совершенно немыслимая задача». Настаивая на том, что в переходный период не может быть системы права, он говорит: «Но, скажут нам, — ведь имеется же господствующий, ведущий сектор. Верно, но ведь, когда этот господствующий сектор все поглотит, тогда как раз начнется исчезновение права». Таким образом к моменту уничтожения многоукладности в нашем хозяйстве приурочивается и начало отмирания права.

Наиболее ярко и откровенно в духе концепции Пашуканиса высказывался по вопросу о буржуазном характере советского права в своей статье «В доспехах вульгарного экономизма» («Советское государство и революция права» № 8—9 за 1930 г.) Берман, один из руководителей Института советского строительства и права б. Комакадемии. «Различие в положении, роли и месте права, с одной стороны, — в капиталистическом обществе и, с другой, — в период пролетарской диктатуры, — говорит Берман, — совсем не определяется различием источников права; источник права и тут и там один и тот же — товарные отношения».

Таковы, товарищи, взгляды «главного теоретика» Пашуканиса и его «школки».

Разрешите теперь показать, какое употребление сделали из этих «установок» некоторые наши цивилисты. Остановимся в первую очередь на группе юристов в лице Венедиктова, Мартынова и Шретера, правовые высказывания которых чрезвычайно близко подходят друг к другу.

Профессор Венедиктов, оказавшийся последовательным учеником Пашуканиса, в своей книге «Правовая природа государственных предприятий» делает все выводы из общего определения права, данного Пашуканисом для изучаемой им отрасли гражданского права.

В этой книге Венедиктов находит наличие «юридического момента» лишь в тех отношениях, которые связаны с товарооборотом. «Взаимоотношения между трестами и органами, планирующими их деятельность, — говорит Венедиктов, — суть отношения организационно-технические. Правовыми же являются те отношения, которые завязываются между трестами и другими хозяйственными органами в сфере товарооборота». И дальше декларируется, что «только механизм товарного хозяйства превращает орган государства в особый субъект права. Для внутренних отношений государственных органов вне товарного оборота в этом нет ни потребности, ни основания».

Надо сказать, что Пашуканис не замедлил похвалить Венедиктова за эти «успехи»; в вышеназванной статье «Экономика и правовое регулирование» Пашуканис пишет: «Интересные исследования профессора Венедиктова показывают нам, как переход от оборотно-меновых отношений к чисто плановым превращает хозяйственный орган из особого субъекта права, противостоящего другим таким же субъектам и связанного с ними договорными отношениями, просто в один из винтиков государственной машины».

Если вы вспомните книгу Мартынова и Аскиназия «Гражданское право и регулируемое хозяйство», то вы там найдете теорию двух регуляторов «наряду с планированием как регулятором хозяйственных отношений широкое применение получает и иной вид регулятора — товарный: такова ныне действующая хозяйственная система Советского союза».

В этом положении вы имеете откровенное противопоставление права плану и немудрено после этого, что гражданское право, как регулируемое «товарным» регулятором, рассматривается теми же авторами как чужое право, «в переживаемый нами переходный период, — продолжают эти авторы,—гражданское право необходимо остается правом той части экономики, которая соприкасается с предшествующей экономической формацией».

Таким образом Гражданский кодекс 1922 г., сыгравший положительную и революционную роль в деле охраны командных высот нашего

хозяйства и регулирования гражданско-правовых отношений в интересах государства и трудящихся, просто на просто объявляется буржуазным кодексом. И дальше, товарищи, кто не помнит крылатой фразы проф. Шретера: «там, где льется вода регулирования, там угасает огонь автономии». Где есть план, там, таким образом, отпадает гражданское право.

Тому же проф. Шретеру принадлежит патент и на другое «откровение», согласно которому институты права имеют значение лишь технического порядка. Он пишет: «По существу формы обязательственных отношений и сделок являются лишь организованным методом, не имеющим внутренней социальной установки, они в этом отношении являются безликим инструментарием»

Вы вероятно помните, как Пашуканис и иже с ним открыли жестокий огонь против троцкиста Либермана, выступившего в 1931 г. в ленинградском журнале со статьей о ликвидации гражданского права. Надо сказать, что «ярость» эта, очевидно, была вызвана тем, что Либерман в более откровенной форме выболтал то, что составляло основной постулат всей «школки» Пашуканиса. В самом деле, что сказал Либерман нового по вопросу о гражданском праве? С точки зрения Пашуканиса различие, вероятно, заключается лишь в том, что Пашуканис и его последователи неустанно твердили об отмирании права, а Либерман выскочил с лозунгом о ликвидации того же права. Однако, надо сказать, что Либерман, оставался в своих рассуждениях целиком на позиции Пашуканиса. В самом деле, по Пашуканису, право является лишь формой опосредствования рыночных отношений и целиком связано с товарооборотом. Именно исходя из этого, Венедиктов и другие квалифицировали отношения внутриобобществленного хозяйства не как правовые, а как организационно-технические.

Либерман же пошел дальше. Усмотрев, что ликвидация кулачества как класса сводит, по его мнению, на-нет рыночные отношения и товарооборот, Либерман, продолжая Венедиктова, не нашел элементов гражданского права и вне обобществленного хозяйства.

Надо сказать, что выступление Либермана представляло собой логическое и прямолинейное развитие концепции Пашуканиса о советском праве вообще. Либерман писал в «Проблемах марксизма»: «Гражданское право, которое играло значительную роль в течение первого этапа новой экономической политики, ныне доживает свои последние дни... Вы знаете, что базой гражданского права вообще, базой советского гражданского права являются отношения частнособственнические... Ликвидация частнособственнических отношений есть вместе с тем ликвидация гражданско-правовых отношений».

Вся борьба группы Пашуканиса против Либермана в 1930 г. представляла собой сплошную маскировку, сплошное двурушничество. Троцкист Либерман — прямой и наиболее последовательный ученик Пашуканиса. Среди работников правового фронта ходит легенда о том, что во время дискуссий 1930 г. Пашуканис сделал самокритический доклад, разоружился и отказался от своих антипартийных и контрреволюционных установок в праве; на деле, однако, этого не было. Достаточно для этого еще раз просмотреть доклад Пашуканиса «О положении на теоретическом правовом фронте» («Советское государство и революция права» № 11—12 за 1930 г.). «Так, товарищи, — говорит Пашуканис, — когда предлагается целиком разбить и отбросить мою работу как проявление буржуазно-правового индивидуализма, как меновую, субъективную и т. д..., то я на этот путь становиться не собираюсь. Я не согласен с тем, чтобы вместо дальнейшей разработки и исправления ошибок просто сдать мою концепцию на слом...» Таковы факты. О каком же разоружении и самокритике Пашуканиса можно при таких условиях говорить? Это только лишний раз подтверждает ту политическую слепоту, которую проявили в отношении теории Пашуканиса работавшие в Институте советского строительства и права сотрудники.

Вместе с тем необходимо отметить ту борьбу, которую вел, хотя и не всегда последовательно, покойный П. И. Стучка против теории Пашуканиса. У П. И. Стучка, старого большевика и революционера, имеется много заслуг в деле разработки советского права. Это он на протяжении всей революции неутомимо боролся против буржуазно-юридического мировоззрения, против недооценки и искажения роли советского права. В борьбе против Пашуканиса он отстаивал классовый характер, революционно активную роль и новое качество советского права. Однако, к сожалению, и Стучка отдал дань концепции права как форме опосредствования товарных отношений. К сожалению, и у т. Стучка имеется ряд грубых антимарксистских ошибок.

Вспомните его теорию двухсекторной системы права, согласно которой переход в наступление по всему фронту рассматривался как база дальнейшего свертывания гражданско-правовых отношений и расширения внутри социалистического сектора сферы административно-хозяйственного права. Стучка в своем докладе «О системе и пределах материальной или особой части Гражданского кодекса» («Революция права» № 5 за 1929 г.) говорит: «Гражданское право рушится с каждым днем, по частям исчезает, разваливается все больше и больше..., а вот хозяйственно-административное право — это другое дело: оно вырастает...» Эту же концепцию двухсекторного права горячо поддерживал и т. Амфитеатров.

В своей статье «Основные начала гражданского законодательства и борьба за марксистскую методологию» («Советское государство и революция права» № 4 за 1930 г.) т. Амфитеатров писал: «Гражданские права являются на данном этапе социалистического строительства необходимой п о к а формой опосредствования экономических отношений, поскольку существует товарное производство, а следовательно, правовая форма сохраняет е щ е свои основные элементы». И далее, в той же статье т. Амфитеатров продолжает: «Должны быть выделены в самостоятельную отрасль правовые отношения, регулируемые в порядке подчинения и плановости. Эти отношения составляют уже хозяйственно-административное право, отличное от гражданского права».

Тов. Братусь, рассуждая на тему о проблеме хозяйственно-административного права («Советское государство и революция права» за 1930 г.) и находя самое деление на две систе-

мы права правильным, приходит к следующим выводам: «Хозяйственно-административное право стоит на грани права и неправа, потому что та область отношений, которую мы отнесли к этой отрасли советского права, характеризуется отмиранием права субъективности, коммерческого расчета и рыночно-оперативной самостоятельности в хозяйственной деятельности государственных предприятий».

В другом месте той же статьи т. Братусь продолжает: «Расширение сферы хозяйственно-административного права означает все большее превращение его не в право, а в науку об организационной структуре социалистического хозяйства». Так, одним росчерком пера полностью снимается «юридический момент» в отношениях внутрисоциалистического хозяйства. Одновременно в этой же статье т. Братусь поет «отходную» гражданскому праву. «Укрепление и рост социалистических элементов нашего хозяйства,—пишет он,—все более сужают базу для применения Гражданского кодекса, правовая форма сворачивается, отмирает. Успехи социалистического строительства... все больше сокращают сферу применения вещного права, но вслед за отмиранием вещного права происходит и отмирание обязательственного права». Таким образом все указанные авторы (Стучка, Амфитеатров, Братусь) связывают гражданское право с частнособственническими отношениями, пророчествуя единодушно его неизбежное отмирание по мере успехов социалистического строительства.

Против указанной двухсекторной теории права выступил т. Гинцбург, предложивший новую систему «хозяйственного права».

Для того, чтобы получить представление, с каких позиций мог Гинцбург критиковать «двухсекторную» теорию Стучки, достаточно привести высказывание самого Гинцбурга о его отношении к концепции Пашуканиса. «В этих же докладах (Пашуканиса) 10 ноября 1930 г. и на съезде марксистов-государственников,— говорит Гинцбург, — были заложены основы новой постановки ряда важнейших вопросов теории права, а тем самым создана новая база для разработки конкретных проблем теории советского хозяйственного права».

С таким оружием Гинцбург и отправился в поход против искажений в теории советского гражданского права. Своим «хозяйственным правом» Гинцбург намеревался объединить то, что Стучка расщеплял на две части, и создать общую единую систему, охватывающую весь комплекс гражданско-правовых отношений.

Ниже мы покажем, какой характер приняла на деле эта «единая» система хозяйственного права по Гинцбургу. В своем введении к «Сборнику материалов по хозяйственно-административному праву» Гинцбург пишет: «Отношения специфические для социалистического строя выдвигаются на первое место. Они отныне задают тон всей стране. Частная собственность и собственно гражданский оборот отступают на второй план, соответственно уменьшению удельного веса частноимущественных отношений в экономике страны».

Таким образом и здесь гражданское право снова берется в разрезе исключительно частнособственнических отношений; гражданское право продолжает быть формой опосредствования рыночных отношений. По существу же Гинцбург, пообещав под фирмой единого хозяйственного права воздать должное и гражданскому праву, на самом деле продолжал говорить исключительно все о том же хозяйственно-административном праве. Стучка, неправильно противопоставляя гражданское право хозяйственно-административному, все же уделял фактически очень много внимания вопросам гражданского права. Достаточно хотя бы вспомнить его предсмертный трехтомник по гражданскому праву. Гинцбург же, ополчившись на неправильное противопоставление гражданского права хозяйственно-административному и обещав создать некое «единство», фактически полностью выбросил гражданско-правовые отношения за борт своей «науки». Достаточно для иллюстрации привести хотя бы одни названия статей, которые писались цивилистами «хозяйственниками». Так, писались статьи на темы «о хозяйственном расчете», «о хозяйственном расчете в советском магазине», «о хозяйственном расчете в металлургической промышленности», «о системе плановых договоров в промышленности» и т. д.

Гинцбург успел даже разработать схему хозяйственного кодекса СССР. На какие же отделы распадается это «оригинальное» творчество? Оказывается, что новый кодекс должен охватить лишь: 1) общие положения, 2) организационную структуру народного хозяйства, 3) организацию хозяйственных связей.

Основными устоями этого хозяйственного кодекса должны были явиться: общественная собственность, социалистическое планирование, хозяйственный расчет, единоначалие, договор. В этой системе, как видите, не оказывается места для характеристики и регламентации правового положения гражданина СССР.

По следам т. Гинцбурга пошли авторы двухтомного курса советского хозяйственного права, выпущенного под редакцией Гинцбурга и Пашуканиса, воспроизводящего в основном принципы, отстаивавшиеся Гинцбургом. В этом двухтомнике принимала участие бригада в составе: Гинцбурга, Амфитеатрова, Братуся, Костельцева, Раевича, Карасса и др. Как же определяется в этом двухтомнике понятие «хозяйственного права»? Хозяйственное право определяется как «особая форма политики пролетарского государства в области организации социалистического производства и социалистической торговли». В другом месте первого тома говорится, что «советское хозяйственное право представляет собой систему мероприятий, необходимых для решения важнейших организационных вопросов строительства социалистического хозяйства». Вот те документы, с которыми наши хозяйственники вступили в борьбу за правильную систему нашего права.

В двухтомнике и в других «творениях» этой бригады нашли место те же ошибки, которые мы обнаружили у других цивилистов, их предшественников. Основной порок этого двухтомника, делающий его, несомненно, политически вредным и антипартийным, заключается в том, что из него тщательно выброшено все, что могло бы иметь отношение к интересам живого человека — строителя социализма.

Надо уметь выпустить двухтомник, посвященный вопросам гражданского права, и ни словом не обмолвиться о правах и обязанностях живого человека, выбросив из сферы гражданского права 170-миллионный народ. Тем самым двухтомник создает впечатление, что в совет-

ских условиях человек не является субъектом самостоятельного гражданского права, а выполняет лишь функции придатка к механизму, фигурируя в форме объекта управления. Разве это не есть лучшая пропаганда против нас? Разве в таком виде этот двухтомник не является прямой находкой для заклятых врагов советской власти, клевещущих на великий советский народ?

Все успехи нашего социалистического строительства направлены на поднятие материального благосостояния трудящихся и всемерное расширение его личных и имущественных прав. Лучшим свидетельством в этом смысле является великая Сталинская Конституция, поднявшая на небывалую высоту гражданские права и обязанности живого человека — участника нашего социалистического строительства.

Объясняется же подобная «теория» наших цивилистов тем, что они, идя слепо по пути Пашуканиса, продолжали рассматривать гражданское право в разрезе капиталистических частнособственнических отношений. На деле авторы двухтомника целиком стояли на почве отмирания нашего гражданского права, ибо только при такой установке можно было выкинуть из курса хозяйственного права живого человека. Однако, и по части отношений внутрисоциалистического хозяйства в двухтомнике обстоит не лучше.

Формально авторы двухтомника как будто все свое внимание уделили обобществленному хозяйству; однако при просмотре двухтомника видно, что они и в этой области правом не занимались. Уделяя все свое внимание вопросам организации и управления советского хозяйства и организации хозяйственных связей, наши цивилисты полностью подменили право экономикой. Нет в двухтомнике «правовой атмосферы», не разработаны там основные юридические понятия.

К этому еще необходимо добавить, что поскольку о живом человеке и говорится кое-где намеками, то при этом имеется в виду горожанин; колхозники же и вопросы гражданского оборота в деревне полностью выпали из поля зрения наших цивилистов.

Таковы «достоинства» этого двухтомника.

Необходимо еще отметить следующий факт. В первом томе «Курса советского хозяйственного права» т. Амфитеатров «доработался» уже до понятия личной собственности, допустив при этом грубейшую политическую ошибку; по Амфитеатрову (стр. 203), «в условиях второй пятилетки частная собственность все больше превращается из частной собственности на средства производства в собственность на средства потребления и предметы хозяйственного обихода... Это значит, что частная собственность перестает быть частной собственностью, она становится личной собственностью сознательных и активных строителей бесклассового общества».

Таким образом личная собственность, по Амфитеатрову, появляется и расцветает не на базе общественной, социалистической собственности, а является результатом «перерастания» частной собственности. Куда политически ведет подобная «установка», ясно и без особых комментариев.

О т. Амфитеатрове надо еще сказать, что он, по существу, до самого последнего времени продолжал оставаться верным рыцарем «двухсекторной» теории права. Он это показал в своем выступлении на I всесоюзном совещании цивилистов в декабре 1936 г. (см. журнал «Соцзаконность» № 2 за 1937 г.). «Ошибочно было бы, — говорит т. Амфитеатров, — отождествлять всю систему имущественных отношений в социалистическом обществе только с гражданским правом. Гражданское право регулирует имущественные отношения трудящихся друг с другом и обществом; наряду с этим мы имеем систему хозяйственных отношений социалистических предприятий и организаций. В ней мы сталкиваемся с вопросом общественной социалистической собственности. Эта область, которую мы в теоретических работах называем областью хозяйственно-административного права, вместе с гражданским правом в целом называется хозяйственным правом».

Мы здесь имеем, по существу, то же противопоставление гражданского и хозяйственно-административного права по видам собственности, прикрытое единым ярлыком «хозяйственного права». Такова, товарищи, на сегодняшний день неприглядная картина положения в области теории гражданского права.

Разрешите несколько слов посвятить вопросам трудового и земельного права. Надо сказать, что они не составляют исключения и, по существу, заражены теми же антипартийными и вредными установками пашуканианского порядка, которые мы отметили и в области гражданского права.

Остановимся в первую очередь на трудовом праве. Обращаю ваше внимание на одно высказывание т. Войтинского, который по существу дела не проводит никакого качественного различия между наемно-капиталистическим трудом и трудом социалистическим, примыкая в этом отношении к т. Берману, для которого буржуазное и советское право имеют один и тот же источник.

Тов. Войтинский в своем курсе «Трудовое право СССР» пишет: «Предметом трудового права является правовая организация несамостоятельного труда», и дальше: «при наемно-капиталистическом труде и при труде социалистическом отдельный непосредственный производитель (трудящийся) является только рабочей силой, но не является ни владельцем средств производства, ни организатором производства: при наемно-капиталистическом труде средствами производства владеют и производство организуют капиталисты, а при социалистическом труде — общество трудящихся. В этом смысле как наемно-капиталистический, так и социалистический труд одинаково носят характер несамостоятельного труда».

Разве это не есть буржуазная трактовка нашего трудового права и превращение советского рабочего в такого же продавца рабочей силы, каким он является в буржуазном государстве?

По вопросу об отмирании права трудовики продолжают отражать те же установки, которые мы обнаружили у цивилистов. «Социалистическое соревнование и ударничество, — пишет Войтинский, — будучи в перспективе своего развития ориентированы на отмирании трудового права уже в настоящее время (т. е. в 1931 году), воздействуют постепенному выветриванию, свертыванию правовой формы трудовых отношений» (сборник «Советское трудовое право на новом этапе»). Эту же мысль мы

находим и у Гришина, который в тезисах своих «о новом трудовом кодексе» говорит о наличии «элементов отмирания государственно-правового регулирования труда»; в откровенной форме высказался по вопросу о буржуазном характере советского трудового права и его отмирании и Гликин в своей статье «К вопросу о природе советского трудового договора»; он утверждает, что «советский трудовой договор есть ущербленная форма буржуазного права, обреченная на постепенное вымирание по мере воплощения в нашей жизни всей совокупности характерных черт низшей фазы коммунизма». Таковым оказывается характер советского трудового договора по Гликину: во-первых, он буржуазен по своему характеру, во-вторых, он обречен на отмирание.

Как вы видите, наши трудовики не отстали от цивилистов ни по вопросу о трактовке характера советского права, ни по вопросу об его перспективах. И неудивительно, источник-то «премудрости» один и тот же — теория Пашуканиса. У некоторых трудовиков имеется еще одна навязчивая идея. Они считают трудовое право «настоящим» советским правом. Так, Троицкий говорит (статья «Трудовое право — советское право»), что «трудовое право есть советское право по преимуществу» и что «трудовое право идет к тому, чтобы стать советским правом вообще, правом дальнейшей ступени переходного к развернутому коммунизму периода».

Итак, трудовое право объявляется высшим типом права по сравнению, например, с гражданским правом. Вы, может быть, припишете это «ведомственному» патриотизму (мол, трудовик хвалит свою дисциплину). Нет. Это, по существу, обратная сторона медали знакомой нам «меновой концепции». Гражданское право как «право рынка» и, следовательно, буржуазное противопоставлено трудовому праву как советскому. Есть у трудовиков еще одна популярная «установка», сделавшаяся в последнее время предметом внимания центрального органа нашей партии газеты «Правда» (статья т. Юдина), причем эту «установку» разделяли все трудовики без исключения (хотя в статье т. Юдина упоминается лишь фамилия одного Александрова); существо ее сводится к тому, что трудовое право эпохи социализма распространяет свое действие исключительно на рабочих и служащих. Таким образом правом на труд у нас пользуется лишь та часть населения, которая организована в профсоюзы. Что касается десятков миллионов населения колхозной деревни, то к ним, оказывается, трудовое право никакого отношения не имеет.

Вы знаете, товарищи, что «Правда» квалифицировала эту точку зрения как «юридический кретинизм». Трудовики оправдываются тем, что они имели в виду «Кодекс законов о труде» и что в отношении колхозного крестьянства действует Сталинский устав сельскохозяйственной артели. В этом-то и заключается «юридический кретинизм», когда конкретный законодательный акт, регулирующий труд рабочих и служащих, объявляют трудовым правом всего социалистического общества, и об этом продолжали писать даже после опубликования проекта Сталинской Конституции, провозгласившей гарантированное право на труд советского гражданина.

В этих высказываниях трудовиков чувствуется старая «установка», объявлявшая предметом трудового права «правовую организацию несамостоятельного труда», когда под «несамостоятельный» труд подводился и труд советского рабочего и служащего.

Я уже указал, что по этому вопросу все трудовики наши были солидарны. Однако надо отметить, что всех перещеголял в этом отношении Гришин. Он принципиально отрицал единство принципов регулирования труда в городе и деревне, объявлял всех товарищей, пытавшихся ставить вопрос о распространении трудового права и на колхозников, троцкистами. Так именно обстояло дело на одном из прошлых заседаний секции трудового права нашего института, когда Гришин обвинил в троцкизме т. Финогенова, осмелившегося поставить вопрос о распространении трудового права и на колхозное крестьянство.

Товарищи, я не могу сейчас останавливаться на отдельных ошибках учебников по трудовому праву. Полагаю, что на этом остановятся, товарищи, трудовики. Напоминаю только, что в последнее время приходилось много заниматься учебником Гришина по трудовому праву. Там были обнаружены грубейшие ошибки политического порядка (искажение роли профсоюзов, замазывание роли троцкизма, правооппортунистические ошибки и т. д.).

Разрешите, товарищи, сказать несколько слов по поводу третьего ответвления системы гражданского права, по поводу так называемого земельно-колхозного права. Необходимо помнить, что вредительская работа Пашуканиса и его «школки» выражалась не только в том, что искажались природа и характер отдельных правовых дисциплин, она выражалась также и в том, что отдельные дисциплины вообще ликвидировались. Так, например, обстояло дело с административным и государственным правом. В таком, приблизительно, положении оказалось и земельно-колхозное право, которое уже года четыре назад было вообще изгнано из Института советского строительства и права. Это случилось как раз тогда, когда в связи со Сталинским уставом сельскохозяйственной артели вопросы колхозно-правовой жизни приобрели исключительную актуальность. Руководивший там этой секцией т. Павлов оказался за бортом института. В связи с этим мы имеем ничтожную продукцию по земельно-колхозному праву. Но и то немногое, что есть, изобилует теми же ошибками пашуканианского порядка, которые нашли себе приют в работах по гражданскому и трудовому праву. Достаточно в этом случае сослаться хотя бы на написанную т. Павловым в 1933 г. программу по земельно-колхозному праву. В ней можно обнаружить в сокращенном, тезисном изложении все те ошибки, которые в развернутом виде были изложены в разобранном нами двухтомнике по советскому хозяйственному праву. В ней можно найти и растворение права в экономике, и отсутствие разработки вопросов права, оттесненных на задний план вопросами аграрной политики и экономики сельского хозяйства, и игнорирование личных и имущественных прав колхозников, и, наконец, ту же развернутую установку на изучение вопросов организации и управления совхозно-колхозного строительства.

Надо сказать, что у т. Павлова имелись и отдельные выступления, в коих он тоже скатывался прямым путем к ошибкам пашуканиан-

ского порядка. Так, по докладу Венедиктова («Революция права» за № 5, 1928 г.) он высказал следующую мысль: «В разрез с тенденцией большинства так называемых советских юристов к юридизации нашего государственного планирования доклад т. Венедиктова в основу построения взаимосвязей между трестом и государством кладет категорию отношений просто неправовых. Методологический исходный пункт им выбран правильно. Надо приветствовать эту, несомненно, здоровую попытку некоторой «переоценки ценностей». В своей рецензии на книгу Евтихиева «Земельное право» («Революция права» № 1, за 1927 г.) т. Павлов проводит точку зрения, направленную по существу на отрицание активной роли советского закона. «Отказ, — говорит он, — от фетишизирования норм закона, признанием правильности и жизненности за ними лишь в случае их соответствия производственным отношениям — такую позицию следует всячески приветствовать».

Таким образом, вы видите, что не было ни одной отрасли из системы гражданского права, которая бы не отразила в себе, в той или иной степени, антипартийные, вредительские установки теории Пашуканиса и его «школки».

Заканчивая, я хочу сказать, что перед нами стоит задача не только расчистки и проверки всей нашей литературы по гражданскому праву от остатков и следов вредительской концепции Пашуканиса, но и разработка на расчищенной основе новой положительной системы гражданского права, которая бы соответствовала требованиям эпохи великой Сталинской Конституции.

Перед нами стоит сложный и трудный вопрос об установлении правильного соотношения между гражданским, трудовым земельным правом. Надо разрешить вопрос о рамках каждой из этих правовых дисциплин. Надо помнить, что методологически правильное разрешение этого теоретического вопроса должно помочь нам при составлении новых кодексов, предусмотренных Сталинской Конституцией, и при составлении учебных планов и программ преподавания в наших юридических вузах.

Разрешите выразить надежду, что в результате серьезной, глубокой и большевистской самокритики по всем перечисленным вопросам мы с энтузиазмом включимся в активную борьбу за социалистическую законность, за построение системы социалистического гражданского права.

В. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Общий надзор за законностью

В ноябре 1936 г. по представлению Прокурора Союза, Совнарком Союза утвердил новую структуру аппарата Прокуратуры Союза.

Работникам прокуратуры и следствия неправильно было бы рассматривать указанное изменение структуры Прокуратуры Союза как малозначущий технический факт.

Еще более было бы ошибочно считать, что данное структурное изменение прокуратуры не требует, от нас работников прокуратуры и следствия, коренной перестройки своей работы.

В период реконструкции промышленности, перевода мелкого раздробленного сельского хозяйства на рельсы крупного социалистического хозяйства, ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, развертывания колхозной торговли и товарооборота, организация прокуратуры по принципу так называемых «хозяйственных» отделов, (сельскохозяйственный, промышленный, торговли и кооперации) и обслуживание этими отделами указанных отраслей народного хозяйства была правильной и нельзя рассматривать это как ошибку.

Успешное выполнение пятилетки, огромные социально-экономические сдвиги, происшедшие в нашей стране победившего социализма и получившие полное и яркое отражение в Сталинской Конституции, утвержденной Чрезвычайным VIII всесоюзным съездом советов, подымают на новую высоту вопросы социалистической законности.

Все это требует от органов прокуратуры и следствия как органов, призванных партией и правительством непосредственно вести борьбу за укрепление социалистической законности в нашей стране, перестроить свою работу в соответствии с задачами, поставленными перед ними новой Конституцией СССР.

Если ранее огромная часть бюджета времени работников районной прокуратуры была поглощена участием в хозяйственно-политических компаниях (хлебопоставки, раскулачивание, посевная, уборочная, животноводство и т. д.), в результате чего такие участки работы прокуратуры, как надзор за законностью постановлений местных органов власти, надзор за предварительным следствием и надзор за судом, были далеко не в удовлетворительном состоянии, то сейчас именно эти участки должны быть поставлены во главу угла работы прокуратуры. Поэтому взамен так называемых «хозяйственных» отделов прокуратуры созданы отделы общего надзора, следственный и судебный.

Конечно, было бы ошибкой делать вывод, что участие прокуратуры по делам хозполитикампаний уже сошло на-нет. Предполагать, что уже сейчас все хозяйственно-политические кампании будут проходить без вредительства и саботажа со стороны остатков ликвидированных эксплоататорских классов и их агентов, без случаев бесхозяйственности и разгильдяйства со стороны работников совхозов и колхозов, без случаев антигосударственного отношения к порученному делу—нельзя, и бдительность органов прокуратуры должна быть на этом участке не снижена, а, наоборот, повышена.

Сталинская Конституция, поднявшая вопросы социалистической законности на особую высоту, в первую очередь требует от такого учреждения, как прокуратура, усвоить и перейти к борьбе за осуществление задач, поставленных перед органами прокуратуры Консти-

туцией, и быть первыми в рядах борющихся за осуществление каждого пункта Сталинской Конституции.

Взгляды В. И. Ленина, выраженные в его письме на имя товарища Сталина, о задачах прокуратуры и о том, как она должна быть построена, нашли полное свое организационно-законодательное оформление в Сталинской Конституции.

Достаточно привести две статьи Конституции:

«Ст. 113. Высший надзор за точным исполнением законом всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Прокурора СССР».

«Ст. 117. Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР».

Прокуратуре все дано для того, чтобы по-большевистски развернуть работу за выполнение требований Сталинской Конституции и дальнейшего укрепления социалистической законности. Конституция СССР, утвержденная Чрезвычайным VIII всесоюзным съездом советов, выдвигает на первое место значение устойчивого, незыблемого советского закона. Целый ряд статей Конституции, говорящих о неприкосновенности личности, жилища, охране тайны переписки, о гарантии права на труд, на отдых на образование и т. д., кончаются указаниями на то, что данные права обеспечиваются законом.

Докладывая на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов о проекте новой Конституции СССР, ставшем теперь уже действующим законом, товарищ Сталин подчеркнул, что наша Конституция «не просто провозглашает демократические свободы, но и обеспечивает их в законодательном порядке известными материальными средствами», что демократизм наш «является не «обычным» и «общепризнанным» демократизмом вообще, а демократизмом социалистическим».

Обеспечение записанных в Конституции прав и свобод всех граждан составляет одну из важнейших функций советского государственного аппарата и в первую очередь прокуратуры и суда как органов диктатуры пролетариата.

В свете этих требований Конституции произведенную реорганизацию структуры аппарата прокуратуры и соответственно прокуратур республик, краев и областей и создание отделов общего надзора, надзора за следствием и судебного надзора нельзя не признать своевременными и целесообразными.

Прошло уже несколько месяцев с момента организации отделов общего надзора, поступающие с мест материалы о их работе показывают, что работники этих отделов поняли всю политическую важность порученной им работы в системе прокуратуры. Уже поднят целый ряд вопросов о нарушениях революционной законности, затрагивающих огромные массы трудящихся; так, например, заместитель уполномоченного Комзаг СНК Союза по Татарской республике и СНК Татарской республики 27 марта 1936 г. дали указание всем председателям райисполкомов и райуполкомзаг СНК Татарской республики, что документы хозяйствам, желающим выехать из пределов Татарской республики, выдавать лишь только при полном выполнении этими хозяйствами обязательств по мясопоставкам, в противном случае документов не выдавать. По протесту прокурора Татарской республики это указание было отменено.

Примеров положительной и эффективной работы отделов общего надзора прокуратуры можно уже привести немало, но в настоящей статье нам хотелось сказать о недостатках в работе отделов общего надзора, которых также еще немало, и поставить ряд вопросов о формах и методах работы прокуратуры в области общего надзора.

Прокуратурой Союза в феврале с. г. была проверена работа прокуратуры Свердловской области по общему надзору.

Результат проверки и материалы, поступающие с мест, говорят, что для дальнейшего развертывания работы прокуратуры по вопросам общего надзора необходимо провести следующие мероприятия:

1. Прежде всего, нам кажется, было бы ошибочно воспринять практику пассивного, если можно так сказать, метода работы прокуратуры по общему надзору, когда прокурор реагирует на то или другое незаконное постановление или действие должностных лиц, которые попадают в камеру прокурора в порядке самотека, не принимая мер к тому, чтобы независимо от сигналов заинтересованных или пострадавших лиц или учреждений знать состояние законности по району или краю и области.

Если прокурор отвечает за состояние законности в районе или области и крае, то он не может не проявлять инициативу к тому, чтобы знать нарушения закона и вести с ними борьбу.

Только такой метод может обеспечить выполнение возложенных на прокуратуру Сталинской Конституцией задач.

Конечно, такой метод работы вызывает немало трудностей, но у прокуратуры есть все возможности именно так организовать свою работу в области общего надзора.

У прокуратуры есть такое могучее испытанное орудие в деле выявления случаев беззакония, как группы содействия прокуратуре, необходимо только умело подойти к их организации и налаживанию их работы, или такое орудие, как печать.

Прокуратура должна обеспечить получение в обязательном порядке и просмотр приказов тех союзных объединений и главков, которые по характеру своей работы наиболее связаны с широкими трудящимися массами например, Заготзерно, Заготмясо, Центросоюз и др. Прокурорам республик, краев, областей и районов необходимо, кроме приказов наркоматов, постановлений областных краевых исполкомов и райисполкомов, просмотр которых для соответствующих прокуроров обязателен, установить перечни тех организаций и учреждений, приказы и постановления которых затрагивают в данной республике, крае (области) в наибольшей мере широкие трудящиеся массы.

Нередко приходится слышать от райпрокуроров, что надзор за законностью выносимых райисполкомами постановлений они осуществляют участием на заседаниях райисполкомов. Едва ли можно считать надзор в такой форме достаточным. Прокурор, сидя на заседании, не

всегда так вооружен знанием законов, чтобы на память решать, насколько принимаемые постановления соответствуют закону; поэтому независимо от присутствия на заседаниях райисполкомов или облисполкомов он должен получать постановления последних и уже в камере прокуратуры окончательно решать их законность.

2. Проверка работы прокуратуры по общему надзору показала, что на местах все еще идет «раскачка» в деле развертывания работы прокуратуры по общему надзору. Так, например, в Свердловской областной прокуратуре вполне удовлетворительно развернута работа по общему надзору в самом отделе общего надзора (составлен план, проведено совещание с юрисконсультами учреждений, произведен просмотр всех обязательных постановлений райисполкомов области, из них 53 постановления опротестованы как изданные с нарушением закона, намечена планом работа по проверке принесенных райпрокурорами административных протестов и т. д.). Но в то же время прокуратура области до приезда представителя Прокуратуры Союза не приняла мер к развертыванию работы по общему надзору в райпрокуратурах. Проверка 3 райпрокуратур показала, что в этой области почти ничего не делается.

А между тем как раз в районах чаще всего имеют место нарушения революционной законности. Ярким примером этого является только что закончившийся судебный процесс в Лепельском районе, где был вскрыт целый ряд грубейших нарушений советских законов и Сталинской Конституции.

Само собой разумеется, что как бы хорошо ни была организована работа отделов общего надзора в краевых, областных и республиканских прокуратурах, но до тех пор, пока работа районных прокуроров не будет пересмотрена в сторону усиления надзора за законностью, прокуратура в целом не выполнит задач, возложенных на нее Сталинской Конституцией по борьбе за укрепление социалистической законности.

Поднятие работы райпрокуратур в области общего надзора до уровня задач, поставленных Конституцией, требует в первую очередь коренного изменения взглядов отдельных работников прокуратуры на общий надзор как второстепенную задачу прокуратуры.

Второе — райпрокурорам необходимо учесть, что надлежащее осуществление надзора за законностью требует от райпрокуроров систематического ознакомления с законами нашей страны.

Совершенно недопустимо и ненормально, когда камера прокурора не имеет основных законов нашей страны и когда прокурор решает вопросы не с точки зрения закона, а с точки зрения своего личного усмотрения и оценки того или другого постановления или действия местных органов власти.

При этих условиях вопрос о снабжении камер райпрокуратур и прокуратур областей и краев законодательным материалом приобретает особо важное значение; между тем со снабжением законодательным материалом райпрокуратур дело стоит не совсем благополучно. Так, например, в Свердловской областной прокуратуре лишь в январе 1937 г. приступлено было к упорядочению имеющегося законодательного материала. Сейчас, когда назначенный специальный работник — кодификатор — привел в порядок имеющийся законодательный материал, оказалось, что целый ряд комплектов «Собрания законов СССР» не полны, а «Собрания узаконений РСФСР» за 1934 г. совсем нет. В районах дело обстоит не лучше.

3. В числе организационных мероприятий для укрепления и развертывания работы по общему надзору необходимо, чтобы райпрокурор не менее 5 дней в месяц проводил на селе.

Необходимо, чтобы райпрокурор или его помощник выезды в село производили с точно определенной целью, оформляя каждую такую поездку справкой о проделанной работе. Необходимо, чтобы райпрокуроры при выездах на село знакомились, хотя бы на выдержку, с постановлениями сельсоветов и решениями правлений колхозов и общих собраний колхозников для проверки их законности. 11 марта у Прокурора Союза т. Вышинского был прием председателей ревизионных комиссий колхозов, созванных в Москву редакцией «Крестьянской газеты», на котором выяснилось, что целый ряд ревизионных комиссий колхозов не имеет никакой связи с райпрокурорами.

Личное знакомство и беседа райпрокурора при выезде на село с председателями ревизионной комиссии колхозов принесут немало пользы. Мы не ставим себе целью в данной статье исчерпывающе изложить, что райпрокурор должен делать на селе, но считаем, что каждый выезд должен происходить по заранее намеченному плану.

4. Одним из существенных моментов в деле развертывания работы по общему надзору, по нашему мнению, является необходимость коренного изменения метода рассмотрения жалоб трудящихся. Ни для кого не является секретом, что огромный наплыв жалоб трудящихся в центральные органы вызван отсутствием должного подхода к жалобам на местах. Жалоба должна быть рассмотрена с точки зрения закона, а не на основе личного разумения. Вновь возникает вопрос о знании закона, об умении им пользоваться. В Прокуратуру Союза поступила жалоба одного колхозника-пенсионера, имеющего в колхозе за 1936 г. всего 8 трудодней. Этого колхозника обложили мясопоставками, колхозник подает жалобу в райпрокуратуру, потом областную прокуратуру и, наконец, в Прокуратуру Республики, указывая, что, согласно закону, он как пенсионер, освобожден от выполнения обязательств по мясопоставкам, но всеми инстанциями прокуратуры его жалоба была оставлена без последствий. Почему — неизвестно. В феврале этого года представителем Прокуратуры Союза проверена работа по рассмотрению жалоб прокуратур Туринского и Ирбитского районов Свердловской области.

Рассмотрение жалоб в этих прокуратурах, особенно в Ирбитском районе, проходит явно неудовлетворительно: жалобы, поданные в райпрокуратуры, как правило, пересылались в соответствующие отделы райисполкома, а там, где принимались к рассмотрению, разрешение их велось не с точки зрения закона, а с точки зрения личного усмотрения райпрокурора. Так, например, в прокуратуру Ирбитского района поступила жалоба гр. Дунаевской на то, что

на рынке у нее были похищены деньги. Вор был задержан, деньги Дунаевской взял милиционер, но ей их не вернул. Жалоба Дунаевской была прокурором направлена в раймилицию на распоряжение, и как она разрешена в милиции райпрокурор не знает. Колхозник Мурин Платон Яковлевич 20 августа 1936 г. подал жалобу райпрокурору Ирбитского района о том, что за попытку уйти на заработки из колхоза его исключили из колхоза, сельсовет не дает ему документов для поступления на работу. Мурин указывает в жалобе, что он, инвалид гражданской войны, будучи исключен из колхоза не может никуда поступить на работу без документов и остался без всяких средств существования. Помощник райпрокурора 1 сентября запрашивает сельсовет, на каком основании Мурину не были выданы документы. 9 октября сельсовет ответил райпрокурору, что документы не выдаются потому, что Мурин не выполнил плана весеннего сева и не уплатил налога. На этом ответе сельсовета последовала резолюция помощника райпрокурора: «Сообщить жалобщику», и с этим жалоба сдана в наряд.

Само собой разумеется, что при таком рассмотрении жалоб дело борьбы за социалистическую законность не выиграет. Касаясь вопросов общего надзора, нельзя обойти вопроса о надзоре со стороны прокуратуры за проведением в жизнь Устава сельскохозяйственной артели.

Указания товарища Сталина, что «устав—это высший закон, основной закон построения нового общества в деревне», не всюду поняты; так, например, в Ирбитском и Туринском районах не оказалось ни одного протеста прокуратуры на нарушение Устава сельскохозяйственной артели, ни одного представления в районные организации, отсутствовала массово-разъяснительная работа по этому вопросу. Райпрокуроры не интересовались, как проходят жалобы колхозников на исключение из колхозов в райзо и райисполкомах. Просмотр в райзо Туринского и Ирбитского районов жалоб колхозников на неправильное исключение показал, что в райзо Туринского района оказалось 9 нерассмотренных жалоб, которые лежат без движения от 1 до 6 месяцев, а из 8 жалоб, рассмотренных райисполкомом, 4 жалобы были неправильно разрешены. В Ирбитском районе райзо в течение 6 часов не могло найти жалоб колхозников на исключение из колхоза; оказалось, что 14 жалоб лежат без рассмотрения по нескольку месяцев, а 6 жалоб пропало совсем.

Со стороны облзу не было должного контроля и инструктажа райзо по вопросам нарушения Устава сельскохозяйственной артели.

Дебиторская задолженность колхозам в Туринском районе достигла 85 тыс. руб.; в Ирбитском районе — 125 000 руб., а прокуратура ничего не сделала для ликвидации этой задолженности.

Кроме того, установлены были также случаи грубейшего нарушения параграфа 11 Устава сельскохозяйственной артели, выразившиеся в том, что колхозы продали в счет хлебозакупок свой семенной фонд. В Туринском районе был продан семенной фонд 29 колхозов и в Ирбитском районе — 28 колхозов. Причем, как выяснено в отдельных колхозах, уполномоченные по хлебозакупкам допускали явно незаконные методы работы. Своевременное вмешательство прокуратуры в это дело предупредило бы столь грубое нарушение Устава сельскохозяйственной артели.

5. И последнее — это массовая работа прокуратуры.

Успешность борьбы за проведение социалистической законности требует от органов прокуратуры не ограничивать свою работу узкими рамками своего ведомства; необходимо так организовать работу, чтобы каждый приносимый прокурором административный протест, каждое уголовное дело, возбужденное против нарушителей закона, послужили уроком другим. Что это именно требуется для работы органов прокуратуры, наглядно показано в постановлении Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР от 16 декабря 1936 г., в котором Комиссия советского контроля, отмечая недостатки органов Наркомзема и прокуратуры по борьбе с нарушением сельскохозяйственного Устава, указала, что прокуратура ограничилась в этой работе принятием лишь эпизодических административно-судебных мер, пренебрегая мерами воспитательного характера. И действительно, обращаясь к практике работы органов прокуратуры на таком серьезнейшем участке, как борьба за проведение в жизнь Сталинского устава сельскохозяйственной артели, мы видим, что указание Комиссии советского контроля при СНК Союза полностью подтверждается: отдельными прокурорами забыта такая важнейшая мера в борьбе за социалистическую законность, как воспитательная мера. Конкретно это значит, что прокуроры, как мы уже сказали, на основе приносимых протестов и возбуждаемых против нарушителей закона уголовных дел должны воспитывать как работников государственного аппарата, так и трудящиеся массы в духе государственной дисциплины, уважения к закону и порядку, закрепленному Сталинской Конституцией. В качестве практических мероприятий для этого трудно дать исчерпывающий рецепт, но, нам кажется, такие меры, как освещение в печати работы прокуратуры по борьбе за социалистическую законность, доклады на заседаниях исполкомов, общих собраний колхозов, совхозов и другие, особенно в районах, очень полезны. Следует обязать прокуроров восстановить то положение, какое было в первые годы организации прокуратуры, когда от каждого уездного и губернского прокурора при выездах на село требовались в обязательном порядке доклады на общих собраниях крестьян о революционной законности. Следует также уделить внимание вопросам правового просвещения масс и организации юридической помощи населению.

Все это сделает работу органов прокуратуры по борьбе за социалистическую законность более эффективной и даст возможность с честью выполнить возложенную на прокуратуру и суд Сталинской Конституцией почетную задачу укрепления законности в социалистическом государстве рабочих и крестьян.

Московская коллегия защитников

В прошлом году в печати много писалось о безобразиях в Московской коллегии защитников, возглавляемой в то время т. Гуськовым. Гуськовское руководство было обсуждено президиумом Верховного суда РСФСР, предложившим произвести перевыборы президиума.

В августе 1936 г., когда коллегия разделилась на областную и городскую, Гуськов и его приспешники пробраться в президиум Московской городской коллегии не смогли, но путем ряда искусных комбинаций пролезли в президиум областной коллегии.

Выборы в областную коллегию защитников происходили в ненормальной обстановке, когда большая часть ЧКЗ из области разъехалась по домам, отдельных кандидатов протаскивали в президиум так настойчиво, что их переголосовывали буквально до бесчувствия.

С такой энергией протаскивались Гуськов, бывший инструктор президиума Головкин и вся остальная компания.

Этот факт во всяком случае ярко говорит о том, насколько вся эта публика овладела техникой выборов и насколько эта техника созвучна моменту.

Недавно ревизионной комиссией МГКЗ и МОКЗ был выявлен ряд хозяйственных злоупотреблений Гуськова в бытность его председателем коллегии защитников и его верного бухгалтера Макарова.

Ревизионная комиссия пришла к выводу о необходимости передачи собранного материала следственным органам; однако направление дела о должностных преступлениях руководящих работников к следователю не в нравах и обычаях адвокатской организации.

Обычно ревизионная комиссия контролирует деятельность президиума, а не наоборот.

Здесь случилось иначе: президиумы МГКЗ и МОКЗ на совместном совещании раскритиковали действия ревизионной комиссии и решили проверить вопрос о том, корыстно или бескорыстно действовали те лица, материал о которых надо было направить следователю, причем в избрании такой комиссии активную роль играли Гуськов и К°. Нужно ли сомневаться в том, что такая комиссия более благоприятно, чем следователь, разрешит все вопросы в пользу Гуськова. В любой организации такого рода комбинации каждый назвал бы замазыванием прямых и явных злоупотреблений, в коллегии же защитников такие операции проводятся под флагом бережного отношения к людям.

В чем же заключаются те злоупотребления, которые выявлены ревизионной комиссией?

В течение июля и августа 1936 г. кассой президиума МОКЗ было выдано Гуськову 4650 руб. из сумм спецфонда. Всего, начиная с января 1936 г. за 8 месяцев Гуськову по спецфонду было выдано 15 650 руб. За 1935 г. по спецфонду выдано 13 950 руб.

Надлежит отметить, что спецфонд создали для неизвестных нужд, что же касается организации МОКЗ, то поскольку она является общественной организацией, то вообще напрашивается вопрос, может ли создаваться фонд из тех отчислений, которые делают члены ЧКЗ, и куда этот спецфонд разбазарен.

Ко времени обследования ревизионной комиссией никаких документов о проверке и утверждении отчетов соответствующими партийными или судебными органами по расходам т. Гуськова по спецфонду как за 1935, так и 1936 г., несмотря на неоднократные устные и письменные напоминания об этом бухгалтерии МГКЗ, не имелось.

Сметой за 1936 г. было предусмотрено отчисление в спецфонд 15 000 руб.

Таким образом за 8 месяцев 1936 г. перерасход по спецфонду составляет 635 руб. против утвержденной на весь год суммы.

Лишь в начале марта 1937 г. т. Гуськов, после неоднократных напоминаний ревизионной комиссии, представил справку о проверке председателем областного суда расходов по спецфонду за 1936 г.

На расходы по созыву общего собрания МОКЗ израсходовано 17 837 р. 22 к. Предусмотрено же сметой на этот расход 10 000 руб.

Таким образом был произведен перерасход против утвержденной сметы на 78% единоличным распоряжением т. Гуськова без предварительного и последующего рассмотрения этого вопроса на заседании президиума.

При этом обращает внимание расход на уплату обедов для участников съезда в ресторане «Аврора» и Дома крестьянина в сумме 7841 р. 40 к.

Если учесть, что обеды должны были предоставляться ЧКЗ, приехавшим из области, а также президиуму собрания — ежедневно могло обедать 120—140 человек, а за 4 дня съезда всего обедающих могло быть не свыше 500—600 человек. Считая стоимость обеда по 11 руб. весь расход по этой статье мог выразиться в 6000—6500 руб.

Таким образом оплата счетов в размере 7841 руб. является переплатой минимум 1500—2000 руб. (переплатой ли?) либо из-за бесконтрольного предоставления обедов лицам, коим это не полагалось, либо использования услуг ресторана не только для получения стандартных обедов.

Во второй половине июля 1936 г. произведена выплата инструктору президиума. Чубковой разницы в зарплате за время испытательного срока с октября 1935 г. по январь 1936 г. в сумме 307 р. 10 к. Между тем, оклад инструктора Чубковой в размере 750 руб. предусмотрен был лишь на 1936 г.

Благодаря бесхозяйственному отношению президиума к средствам культбытфонда остаются неиспользованными путевки в дома отдыха, несмотря на острую нужду в них ЧКЗ, которые при колоссальном своем желании получить путевку не могут такой раздобыть.

В 1936 г. списана недостача по Звенигородскому дому отдыха 2900 руб. и в настоящем 1937 г. списана недостача по тому же дому отдыха 1730 р. 97 к., а всего недостачи списано 7014 р. 12 к.

Кроме того, выявлено, что в Звенигородском доме отдыха норм расходов продуктов для отдыхающих нет, счетов на покупку продуктов нет, продукты закупаются у частников,

ежедневного табеля отдыхающих нет, инвентаризационно-материальной книги нет. В общем без руля и без ветрил.

Заведующая домом отдыха Полина не только не привлечена к ответственности за недостачу, но даже не снята с работы, и ей за ее столь «плодотворную» работу в настоящем году увеличили зарплату до 500 руб. в месяц на всем готовом: квартира, отопление, освещение, стол и командировочные по ежедневным поездкам в Москву и обратно.

В чем здесь дело? Почему не отдают под суд человека, повинного в недостаче 7000 руб., повинного в целом ряде недопустимых явлений, как закупки продуктов у частных лиц, отсутствие счетов, отсутствие кладовщика и т. д., кому ее надо защищать и кому какая выгода от того, что Полина будет заведующей домом отдыха?

Некоторые из членов президиума из среды бесспартийных подали в президиум заявление о сложении с себя ответственности за творимые безобразия, разбазаривание денег и т. п. Побудило их к этому явное замазывание всего происходящего и даже акта ревизионной комиссии, который теперь созданной президиумом комиссией из своих лиц для проверки акта ревизионной комиссии, сведен почти на нет.

Напрашивается вопрос, нормально ли такое положение и кто повинен во всем этом? Ни в одной организации недопустимо такое явление. Не пора ли настоящее дело и выявленные безобразия предать гласности? Не пора ли всем этим делом заняться следственным органам, не пора ли нести ответ тем, кто безнаказанно в организации законников творит беззакония в продолжение целого ряда лет?

Обмен опытом

Об участии прокуратуры в арбитражном процессе [1]

Активное и действенное участие органов прокуратуры в гражданских делах в настоящее время поставлено в порядок дня. Создание в центральном аппарате Прокуратуры Союза особого гражданско-судебного отдела, соответствующие изменения, внесенные в структуру прокуратур на местах, специальный приказ Прокурора Союза о работе прокуратуры по гражданским делам — все эти мероприятия последнего времени говорят за то, что на этот участок прокурорской работы обращено надлежащее внимание.

Участие прокуратуры в гражданских делах в тех формах, в которых оно существует у нас, есть одна из отличительных черт нашего советского гражданского процесса.

Интересы государства и их охрана, интересы и охрана интересов трудящихся масс — вот причины и поводы вмешательства в гражданский спор органов прокуратуры.

Формы подобного вмешательства, как известно, настолько разнообразны, что дают возможность прокуратуре осуществлять эти свои функции во всех стадиях движения гражданского дела и даже после его окончания.

Прокуратура, прежде всего, вправе сама начать дело, т. е. предъявить исковое требование по любому поводу, если по мнению прокуратуры, этого требуют интересы советского государства или трудящихся масс. Прокуратура, далее, в целях охраны тех же интересов может вступить в производящееся уже судебное дело в любой стадии процесса и пользуется в этих случаях всеми правами стороны. Прокуратура, наконец, во всех случаях обнаружения в решениях, вынесенных судами по гражданским делам, особенно существенного нарушения действующих законов, либо явного нарушения интересов государства или трудящихся масс, вправе принести протест в порядке надзора на подобное решение, даже после вступления его в законную силу.

Помимо участия прокуратуры в гражданском судебном деле по собственной инициативе, участие ее возможно и по инициативе суда. По конкретным обстоятельствам дела как при первоначальном ознакомлении с делом, так и впоследствии при его слушании, суд может признать необходимым участие в деле прокуратуры. Такое постановление суда для прокуратуры является обязательным и она должна принять участие в деле.

Итак, нашими гражданскими процессуальными законами органам прокуратуры обеспечена исчерпывающая возможность участия в гражданских делах.

Само собой понятно, что проведенные и проводимые Прокуратурой Союза мероприятия организационного и методологического порядка должны внести, а во многих случаях уже внесли, коренные изменения в отношения отдельных прокуроров и даже отдельных прокуратур к работе по гражданским делам. Не говоря уже о заметно усилившейся деятельности по принесению кассационных и надзорных протестов, наши прокуроры начали больше внимания уделять гражданским делам в период прохождения их в судах до вынесения решения по ним. И, несомненно, в самом недалеком будущем нам предстоит быть свидетелями того, как работа по гражданским делам в органах прокуратуры займет такое же, ей присущее, место, как и работа по делам уголовным.

Однако, как это ни странно, значительное количество дел из числа гражданских остается до сих пор вне внимания и деятельности прокуратуры. О них прокуратура не заботится, вопрос о работе по ним замалчивается и упоминания о них мы не встречаем даже в таком руководящем документе, как, циркуляр союзной прокуратуры от 7 апреля 1936 г. № 25/22.

Мы говорим здесь об имущественных спорах внутри обобществленного хозяйства.

[1] В порядке обсуждения.

И что особенно странно это то, что имущественные споры этой категории дел, подсудные органам суда, полностью подпадают под судебный контроль и надзор прокуратуры, которая по ним свои функции осуществляет в полной мере. Что же касается имущественных споров обобществленного хозяйства, разрешаемых органами государственного и ведомственного арбитража, то эта категория дел, с точки зрения работы прокуратуры по гражданским делам, является в полном смысле слова беспризорным, забытым участком. И получается, порой, что незначительный по сумме спор, разрешенный органами суда, привлекает внимание прокуратуры, которая проявляет по этому спору энергичную деятельность, а такой же спор, исчисляемый в сотнях тысячах руб. и больше, по разрешенный в органах арбитража, проходит мимо внимания прокуратуры, которая в этих случаях остается совершенно безучастной к конечной судьбе подобного спора.

Оправданием к такому отношению прокуратуры к арбитражным делам не может служить существующая якобы особенность ведения дел в органах арбитража. Пресловутое арбитрирование, о котором так много говорят работники арбитража и по поводу которого издаются распоряжения и циркуляры, в своем существовании и в возможности внедрения в судебную практику сейчас уже никого убедить не может. Не только причины, так сказать, внешнего порядка (неявка сторон) сводят в значительном большинстве случаев «на-нет» предусмотренное законом требование об арбитрировании спора, но и сами арбитры в большинстве случаев никаких мер к подобному арбитрированию не принимают и разрешают дела самостоятельно и единолично, полагая, что бесцельно применять метод арбитрирования там, где позиции сторон непримиримо противоположны и никакому соглашению не поддаются.

Но если бы оказалось, что в арбитражную практику метод арбитрирования внедрен, то в какой мере эта «особенность» арбитражного процесса может влиять на работу прокуратуры в области ее участия в арбитражных делах? Разве метод арбитрирования устраняет возможность разрешения спора с «существенным нарушением действующих законов» или с «явным нарушением интересов Рабоче-крестьянского государства» в целом? Наоборот, метод арбитрирования не только не устраняет этого обстоятельства, но, несомненно, осложняет его устранение. Соглашение сторон, достигнутое в результате разрешения спора по методу арбитрирования, преграждает путь дальнейшему движению дела, так как, само собой очевидно, что ни одна из согласившихся сторон жалобы на согласованное решение не принесет. И, таким образом, согласованное, но порочное с точки зрения, например, действующего закона, решение обречено на существование и исполнение, если хоть на минуту допустить мысль, что метод арбитрирования может лишить органы прокуратуры права вмешаться в подобный спор в порядке судебного надзора.

К числу «особенностей» органов арбитража некоторые относят присущие ему задачи по укреплению договорной и плановой дисциплины и хозрасчета. Действительно, постановление ЦИК и СНК от 3 мая 1931 г. указанную задачу возлагает на создававшийся этим постановлением Государственный арбитраж. Однако считать укрепление договорной и плановой дисциплины «особенностью» только органов арбитража, это значит сознательно закрывать глаза на обширную деятельность по обобществленному хозяйству наших общих судебных мест, разрешающих порой чрезвычайно сложные споры, изъятые из ведения органов арбитража.

Но допустим, что задачи по укреплению договорной и плановой дисциплины являются «особенностью» только органов арбитража. Так разве эта «особенность» в свою очередь может влиять на работу прокуратуры, повседневно и неуклонно во всех областях своей работы проводящей и охраняющей основные принципы социалистического хозяйства, а в том числе и задачи укрепления договорной и плановой дисциплины и хозрасчета? Конечно, нет! А если это так, то пребывание имущественных споров, разрешаемых органами арбитража, вне поля зрения и работы органов прокуратуры не может быть оправдано и этой «особенностью» арбитража.

Существует еще одна чрезвычайно вредная, давно уже разоблаченная, но все еще живучая теория, могущая служить препятствием к осуществлению прокуратурой своих функций по арбитражным спорам. Схематически эта теория выглядит так: о каком нарушении интересов государства может быть речь внутри обобществленного хозяйства, если каждая отдельная составная единица этого хозяйства принадлежит государству? В подобных условиях могут ли быть нарушены интересы государства даже при неправильном решении арбитражного спора, в результате которого материальные ценности попали хотя и в ненадлежащую составную часть обобществленного хозяйства, но все же за пределы его не ушли? И что реального может дать в этих случаях вмешательство прокуратуры, раз материальный интерес государства в конечном итоге не нарушен?

Эта «теория», неоднократно разоблаченная при постановке и разрешении иных вопросов, в частности вопросов о погашении претензий внутри обобществленного хозяйства за истечением сроков давности, не заслуживала бы особого внимания, если бы и сейчас не встречались попытки ею обосновать отсутствие внимания со стороны прокуратуры к арбитражным спорам.

Само собой очевидно, что государственный план и принципы хозрасчета опираются на твердое правило, заключающееся в том, что материальные ценности должны не только сохраняться внутри обобществленного хозяйства, но и оседать в надлежащих его хозрасчетных точках. Это основное правило обеспечивает строжайшую экономию государственных средств, за сохранение и расширение государственных фондов.

Итак, самое пристальное и всестороннее изучение организации и работы органов арбитража никаких оснований не дают прокуратуре устранить себя от участия и работы по имущественным спорам внутри обобществленного хозяйства; наоборот, этот участок работы требует к себе особого внимания.

Но каковы должны и могут быть формы и пределы участия прокуратуры в арбитражных делах?

Все ли формы участия прокуратуры в гра-

жданских делах должны быть перенесены и в дела арбитражные, или некоторые формы могут быть исключены? И какими причинами обусловливается сохранение в арбитражных делах всех форм участия прокуратуры по гражданским делам или исключение некоторых из них?

Постараемся ответить на эти вопросы.

Участие прокуратуры в форме проявления собственной инициативы по возбуждению арбитражного спора на первый взгляд может показаться излишним, а по условиям возбуждения подобных споров даже невозможным. Ведь имущественные споры в органах арбитража не возбуждаются столь просто, как иски по гражданским делам в общих судебных местах. Имущественный спор в органах арбитража возникает не раньше того, как спорящие стороны исчерпали все средства закончить и ликвидировать конфликт самостоятельно и добровольно. В каком же порядке и на основании каких данных может прокурор, считающий необходимым возбудить арбитражное дело, договариваться со спорящей или спорящими сторонами?

Приведенное препятствие является лишь кажущимся и основано на неправильном представлении положения прокурора в гражданском, а также в арбитражном процессе. Пользуясь всеми правами стороны, прокурор тем не менее стороной в буквальном смысле этого слова не является. Он в свою пользу или в пользу прокуратуры ничего не ищет и никакого материального интереса не преследует. Это своеобразное положение прокурора в процессе должно, естественно, освобождать его от некоторых специфических обязанностей, в том числе и от обязанности предварительного обсуждения возбуждаемого спора. Поэтому невозможность для прокурора, возбуждающего арбитражный спор, выполнить эту обязанность стороны препятствием к проявлению прокуратурой своей инициативы служить не может.

Существеннее вопрос иной. Вопрос о том, имеется ли вообще необходимость в проявлении прокуратурой своей инициативы по возбуждению арбитражных споров, поскольку возбуждение последних находится в таких надежных руках, как гос- и кооперативные и учреждения? Мы полагаем, что прокуратуре должно быть предоставлено такое же право, как и Госарбитражу. Последний вправе возбуждать по собственной инициативе арбитражные споры во всех тех случаях, когда, например, из материалов рассматриваемого дела обнаруживается нарушение договорной дисциплины, требующее возбуждения другого дела, сторонами не возбужденного. Следующий случай может служить иллюстрацией для разрешения в положительном смысле поставленного выше вопроса.

В 1935 г. в течение ряда месяцев в следственных органах производилось следствие по обвинению работников строительства одного завода в должностных преступлениях. Первоначально предъявленные обвинения по мере движения следствия одно за другим отпадали и в конечном результате дело было прекращено. Среди первоначально предъявленных обвинений было обвинение ряда работников в допущенных нарушениях кредитной реформы, выразившихся, между прочим, в том, что строительство завода выдало значительные авансы разным кирпичным заводам за закупленный по договорам кирпич. Это обвинение впоследствии также отпало, так как было установлено, что для кирпичных заводов в качестве временной меры в целях усиления их материальных ресурсов разрешена была выдача авансовых сумм под закупленный кирпич до его отгрузки. И хотя сроки отгрузки, предусмотренные договорами, уже прошли, но органы следствия и прокуратуры в выдаче авансов под кирпич состава преступления для работников завода не усмотрели, совершенно справедливо полагая, что в данном случае речь может итти лишь об имущественном споре.

Однако вместо того, чтобы одновременно с утверждением заключения следственных органов о прекращении уголовного дела, этот имущественный спор по собственной инициативе направить в подлежащий арбитраж, прокуратура возбуждение спора с кирпичными заводами оставила в руках строительства завода. В результате строительство завода спора этого не возбудило, ни кирпича, ни выданных авансовых сумм обратно не получило, и ныне, вероятно, в бухгалтерских записях строительства эти суммы, как списанные в убыток, уже не значатся.

Мы, конечно, далеки от того, чтобы приведенный случай считать обычным и типичным. Но мы все-таки полагаем, что если подобные случаи возможны, даже в единичном числе, то вопрос о том, имеется ли вообще необходимость в проявлении прокуратурой своей инициативы по возбуждению арбитражных споров, должен быть разрешен в положительном смысле.

Участию прокуратуры в арбитражных спорах в форме вступления в производящийся уже спор по собственной инициативе или по инициативе самого арбитража не может служить препятствием то обстоятельство, что в общем положении о Госарбитраже имеется ссылка на обязанность арбитража о выявленных преступных нарушениях договорной и плановой дисциплины и прочих недочетах сообщать прокуратуре. Из этого правила порой делается вывод о том, что существование подобного закона объясняется именно тем, что в арбитражных спорах прокуратура не участвует и участвовать не должна; что если бы прокуратура в спорах участвовала, то правило это не могло бы существовать в подобной редакции, а в законе было бы указано, что прокуратура в подобных случаях привлекается к участию в деле, как то имеет место в общих судах.

Приведенные соображения лишены какой бы то ни было убедительности.

В процессуальных законах, регулирующих деятельность общих судебных мест, действительно существуют правила о порядке и поводах вступления и привлечения судами органов прокурорского надзора в производящиеся дела. Но разве эти правила в какой бы то ни было мере стесняют суды в тех случаях, когда при рассмотрении гражданского дела обнаружен состав уголовно-наказуемого деяния, направлять такое дело в прокуратуру, без привлечения к производящемуся гражданскому делу прокурора? Конечно, нет! Значит сообщение прокурору о выявившихся при рассмотрении гражданского дела преступлениях ни в какой связи и зависимости не находится от правил вступления и привлечения его в произво-

дящиеся дела. А отсюда совершенно естественен обратный вывод, что упоминание в законе об арбитражном процессе о необходимости сообщения прокуратуре «в надлежащих случаях» о преступных всякого рода нарушениях сторон ни в малейшей степени не может служить препятствием к участию прокуратуры в арбитражном споре как в форме самостоятельного вступления в дело, так и в форме привлечения его самим арбитражем.

В самом деле:

По сведениям прокуратуры в производстве арбитража находится спор двух организаций о качестве изготовленной продукции. Поставщик, не отрицая низкого качества изготовленной продукции, требует тем не менее, отклонить претензию потребителя, так как продукция потребителю еще не сдавалась, будет перерабатываться и потому пока является внутризаводским браком. По указанным обстоятельствам дела для прокуратуры совершенно ясно, что для привлечения поставщика к уголовной ответственности по признакам ст. 128-а УК оснований нет. Но одновременно у прокуратуры возникает подозрение, не перерастает ли этот внутризаводский брак в нечто иное, граничащее с вредительством. Подозрение это может быть в первую очередь подтверждено или опровергнуто столкновением мнений и обменом объяснений сторон во время рассмотрения арбитражного спора. При подобных условиях разве не может прокурор по собственной инициативе вступить в производящийся арбитражный спор и тем самым сразу же и исчерпывающе выявить лицо и действия поставщика?

Или другой пример.

В органе арбитража возбужден спор об отгрузке продукции, купленной и полностью оплаченной потребителем накануне истечения хозяйственного года и оставленной потребителем на хранении поставщика впредь до ее отгрузки, которая должна быть произведена поставщиком в срок, скажем, трехмесячный. При ознакомлении с изложенным спором у арбитра возникает разумное сомнение, не перерастает ли этот, на первый взгляд, обычный и имущественный спор в преступление, выражающееся в том, что в момент заключения сделки у поставщика проданной и оплаченной продукции не было, обе стороны это знали, но в целях, с одной стороны, использования потребителем остающихся целевых средств, которые в случае их неиспользования до конца года будут от него изъяты, а с другой — усиления материальных ресурсов поставщика, стороны заключили и оформили приемо-сдаточным актом сделку на несуществующую продукцию и потребитель ее оплатил. При подобных условиях разве не может арбитраж признать необходимым участие в арбитражном споре прокурора и тем самым сразу же поставить невинный, на первый взгляд, имущественный спор на надлежащие рельсы?

Участие прокуратуры в арбитражных делах в обеих указанных выше формах становится очевидно необходимым, когда мы переходим к обсуждению функций органов прокуратуры в порядке надзора.

Надзорные функции прокуратуры по арбитражным делам сейчас ни в ком, как будто, сомнений не возбуждают. Правда, эти права и обязанности прокуратуры стремятся подвести под надзор общего порядка, а не специально судебного. Но не стоит спорить о словах там, где должно твориться большое дело и где слова и наименования существенных изменений внести не могут.

И вот тут при осуществлении прокуратурой надзорных функций по арбитражным делам особенно важным и необходимым становится непосредственное участие прокуратуры в разрешении арбитражных споров.

Для осуществления прокуратурой надзорных функций прежде всего необходимой является наиболее полная и всесторонняя осведомленность по тому предмету, по которому прокуратура функции эти осуществляет. По гражданским делам общих судебных мест основным источником необходимой осведомленности являются жалобы и заявления, подаваемые сторонами в прокуратуру. Ограниченные принесением лишь кассационных жалоб на решения судов первой инстанции и полностью лишенные права непосредственного принесения жалоб в порядке надзора, стороны по гражданским делам общих судебных мест обращаются со своими заявлениями и жалобами на неправильные решения судов всех инстанций в органы прокуратуры, которые по заявлениям и жалобам сторон знакомятся с делами и, в случае надобности, осуществляют свои надзорные функции и приносят соответствующие протесты.

По арбитражным делам практика установила совершенно иной порядок принесения жалоб в порядке надзора. Жалобы эти приносятся непосредственно самими сторонами и притом во все те места и всем тем лицам, куда и кому должны приноситься и прокурорские протесты. Таким образом, основной источник осведомленности органов прокуратуры по гражданским делам — по делам арбитражным отпадает. Отсюда только личное участие в арбитражных спорах и непосредственное обозрение арбитражных дел могут сделать надзорные функции прокуратуры в этой области действенными и существенными.

Итак, подводя итоги всему сказанному, необходимо притти к выводу, что такой важный участок, как разрешение имущественных споров внутри обобществленного хозяйства нашей страны, органами прокуратуры выключен из поля своего зрения без всяких к тому оснований. Между тем, этот участок ничем особенным не отличается от ряда других участков, и, в первую очередь, от участка судебного, что могло бы служить основанием к подобному отношению к нему органов прокуратуры. Поэтому чем скорее вспомнят органы прокуратуры об этом забытом участке, тем, несомненно, будет лучше.

С. Фиделев.

Исследование групп крови в судебной практике

В № 1 журнала «Социалистическая законность» появилась статья т. Бронниковой «О применении исследования групп и типов крови в делах спорных отцовств».

Статью т. Бронниковой следует приветствовать, так как в разрешении поднятых в статье вопросов давно назрела необходимость.

Официальные правила и разъяснения о порядке и практике таких судебно-медицинских исследований значительно устарели и требуют коренной переработки.

Тов. Бронникова, один из выдающихся наших специалистов по исследованиям групп крови, поставила вопрос о пересмотре всех постановлений с полной ясностью, но следует внести поправку о производстве этих исследований не только в Москве, но и в некоторых республиканских и областных центрах.

Не говоря уже о Харькове, где исследования групп крови делаются давно, у нас в Горьком эти исследования начаты с 1936 г., после нашей специальной подготовки в Москве в марте-июне 1936 г.

Курсы исследования вещественных доказательств окончило 15 работников и, вероятно, большинство из них, как и у нас в Горьком, приступили к практической работе.

Без указанной оговорки работники суда и прокуратуры на периферии будут введены в заблуждение и посылать материал в Москву, загружая Центральный институт судебной медицины и задерживая на значительный срок разрешение вопросов, которые с успехом и быстрее могут быть разрешены на месте. Мы в Горьком уже производим практически, на месте все исследования (кроме, конечно, подгрупп А1 и А2, вопрос о которых находится еще в периоде научной разработки) на группы как крови, так и пятен крови, как по гражданским, так и уголовным делам.

Ярким примером того, что дают подобного рода исследования, является следующая экспертиза в моей практике, редкая по характеру дела.

В близком к городу районе, на дороге, 17-летняя комсомолка К. подверглась нападению 2 лиц с целью изнасилования. Оба напавшие были замаскированы, во время нападения один из них выхватил нож, которым порезал руку. Нож напавшие держали над девушкой, которую они, по ее словам, поочередно изнасиловали.

На следующий день подозреваемые были задержаны. У обоих оказались испачканными в крови кальсоны и другая одежда. У К. юбка и рубашка оказались сильно окровавленцы. Вечером на второй день К. осмотрел местный врач, давший заключение, что у К. свежее нарушение целости девственной плевы.

Через 5 дней К. попала на освидетельствование к городскому эксперту, который не нашел у нее никакого нарушения целости плевы.

Вскоре ко мне поступило на исследование вышеуказанные вещественные доказательства по делу — пятна крови на кальсонах обоих подозреваемых, на верхней одежде владельца ножа, на рубашке и юбке потерпевшей К.

На 10—11 день была направлена ко мне на переосвидетельствование гр-ка К., в этот день бывшая в менструальном периоде (другими словами 10 дней назад менструаций у К. не должно было быть).

У К. не оказалось ни малейших повреждений девственной плевы.

Исследование вещественных доказательств я начал с установления групп крови К. и арестованного обвиняемого, у которого действительно была порезана рука. Комбинация групп их оказалась на редкость удачной: обвиняемый, порезавший руку, имел группу АВ, а потерпевшая К. — группу О, при исследовании крови в пятнах, оказалось, что на всех вышеперечисленных объектах кровь принадлежит к группе АВ (наиболее редкой между прочим).

Таким образом выяснилось совершенно ясно, что кровь на все объекты попала с подозреваемого, а комбинация этих объектов показывала, что во всяком случае было совершено покушение на изнасилование (на юбке К. найдено кроме того семенное пятно) К. обоими подозреваемыми.

А. Мюнтер.

Преступления, связанные с переписью населения

Всесоюзная перепись населения 1937 г., как дело громадного государственного значения привлекла к себе большое внимание и органов прокуратуры.

Возросшие культурность и политическая активность населения РСФСР обеспечили своевременное и успешное проведение переписи. Прокуратура и органы расследования быстро и решительно ликвидировали всякую попытку помешать переписи.

По поступившим на 1 марта 1937 г. в Прокуратуру РСФСР сведениям всего по РСФСР проведено 69 уголовных дел, связанных с переписью.

Большая часть дел, связанных с переписью, возникла на почве хулиганских выходок против работников по переписи или против переписываемых. Несколько характерных примеров такого рода дел. Народный суд Владимирского района Ивановской области осудил некоего Толстова по ст. 73 и ч. 2 ст. 74 УК за то, что тот напал на счетчика — учительницу Жукову, вырвал у нее учетные листки, изорвал их и разбросал по земле. Толстов уже ранее судился.

Хулиганы Дудкин и Большаков из колхоза «Красный пахарь» Калининской области приговорены народным судом: один к 3, другой к 1½ годам лишения свободы за избиение счетчика. Суд состоялся в присутствии свыше 300 рабочих стеклозавода и колхозников. Приговор был встречен одобрением всех присутствовавших.

В Куйбышевском крае сын раскулаченного и сосланного Панков избил переписчика и коменданта, которые пришли в квартиру, где случайно находился и Панков, чтобы заполнить переписные листки.

В с. Солонцах Лево-Россошанского района Воронежской области бригадир колхоза Кирьянов мешал счетчице Федоровой производить работу, ругался нецензурными словами. Когда Федорова перешла в другой дом, Кирьянов пришел и туда, опять ругался, вырвал у Федоровой папку с переписными листками и крикнул: «Мы расправимся с вами после».

В Ржевском районе Свердловской области предколхоза член ВКП(б) Дорохин при содействии колхозника Буркова и раскулаченного Язовских в пьяном виде избил до потери сознания счетчика Гладких, когда он пришел переписывать в дом Буркова. Свердловский областной суд приговорил по ст. 73[1] ч. 2 УК: Дорохина к 5 годам лишения свободы, Язовских к 3 годам лишения свободы и Буркова к 1 году и.-т. работ на общих основаниях.

В г. Ярославле счетчица-учительница Леонтьева пришла к некоему Брусиловскому, который только что был уволен за пьянство. Брусиловский, впустив Леонтьеву в свою комнату, запер дверь на ключ. Леонтьева, увидев это, а также заметив, что Брусиловский пьян, хотела уйти, но Брусиловский схватил ее за плечо и силой пытался оттащить от двери. Завязалась борьба, Леонтьева оттолкнула от себя хулигана и ударила его по лицу, после чего, схватив упавший на пол ключ, быстро отперла дверь и убежала. Немедленно она сообщила о происшедшем инструктору по переписи и заявила, что от дальнейшей работы по переписи отказывается. Когда инструктор вместе с комендантом и Леонтьевой пришли к Брусиловскому, то он заперся, в комнату их не пустил и разговаривать с ними не стал. Брусиловский привлечен по ч. 1 ст. 73 и ч. 2 ст. 74 УК.

Другая категория дел — воспрепятствование со стороны должностных лиц подчиненным им сотрудникам работать по переписи.

В Томаровском районе Курской области счетчиком был утвержден работник сельпо Банников. Накануне переписи он заявил, что работать не будет, так как его не освобождают, и явился на работу в сельпо. Банников и председатель сельпо Коломацкий, не принявшие мер к освобождению Банникова от работы для участия в переписи, приговорены народным судом к 1 мес. и.-т. работ каждый.

В Лежневском районе Ивановской области председатель сельсовета Большаков не обеспечил средствами передвижения инструктора по переписи и позволил себе оскорбления и насмешки по адресу работников по переписи. Дело передано в суд.

В Гороховецком районе Ивановской области зав. сберкассой Илинский не отпустил на перепись выделенных работников. Народный суд приговорил его к общественному порицанию.

Директор спиртозавода Акилин (Аркадинский район Свердловской области) запретил бухгалтеру Кошкину работать по переписи. Акилин также осужден к общественному порицанию.

В Альшенском районе Башкирской АССР счетчиком был утвержден пом. бухгалтера Мелькомбината Таушкин. Дирекция сообщила управляющему Башмельтреста Камельянову, что годовой отчет не будет своевременно составлен, поскольку пом. бухгалтера отзывается на работу по переписи. Камельянов распорядился Таушкина для работы по переписи не освобождать. Камельянов привлечен к ответственности по ст. 109 УК.

Зам. директора объединения лесозаводов г. Уфы Русаков, узнав, что бухгалтер Козлочкова по вечерам работает по подготовке переписи, вызвал ее к себе и предупредил, что она может за то «поплатиться по должности» и оскорбил ее. Русаков привлечен по ст. 109 УК.

Среди преступлений лиц, работавших на переписи, наиболее часто разглашение сведений о переписанных.

В Мошенском районе перепись проводил педагог Шабанов. Две работницы местного завода—комсомолки—при заполнении переписных листков на вопрос о религиозных убеждениях ответили: «верующие». Шабанов вступил с ними в пререкания, заявив, что об этом он напечатает в районной газете. Затем Шабанов розыскал комсорга и в присутствии других служащих сообщил ему, что в организации есть верующие комсомолки, и назвал их фамилии. Расследование установило, что инструктирование счетчиков было проведено и что Шабанов права и обязанности счетчика знал хорошо. Шабанов привлечен к ответственности.

В Ново-Буянском районе Куйбышевской области один из переписчиков разгласил внесенные в анкету данные о религиозных убеждениях одного колхозника. После этого один из ответственных работников района вызвал к себе этого колхозника и стал угрожать ему, в связи с его религиозными убеждениями. Колхозник пришел к переписчику и просил его внести изменения в анкету. И переписчик и ответственный работник привлечены к уголовной ответственности.

М. Андреев.

О судебной экспертизе документов

В значительном количестве судебных дел требуется экспертиза рукописных текстов документов для установления личности авторов этих документов.

Обычно объектами такого рода экспертизы являются документы двух типов: 1) «заподозренные» рукописи, то есть рукописи, авторы которых неизвестны, 2) несомненные образцы письма лиц, подозреваемых в исполнении первых, то есть «заподозренных» документов.

Вопрос об авторской принадлежности заподозренных документов решается сравнительным исследованием их текста и текста несомненных образцов письма подозреваемых.

Сравнительное исследование рукописных текстов является чрезвычайно сложной процедурой.

Сходство конфигурации (внешнего вида) букв двух рукописей само по себе еще не свидетельствует о том, что эти документы исполнены одним лицом, так же, как различие в конфигурации букв двух рукописей еще не является бесспорным доказательством того, что они исполнены разными лицами.

Существует много способов, пользуясь которыми преступники могут скопировать нужный им текст и подписи. К числу таких способов относятся, например, фотографирование, применение гектографической массы, срисовывание и т. п.

Поэтому собственно сравнительному исследованию рукописных текстов должно, как правило, предшествовать тщательнейшее исследование материала документа, т. е. бумаги, чернил и т. п., позволяющее выявить признаки технической подделки.

Такого рода исследование осуществляется посредством специальных видов судебной фотографии, микроскопа, ртутно-кварцевой лампы, химических методов.

Любой человек при небольшой тренировке может научиться изменять внешний вид своего почерка; судебный эксперт поэтому должен уметь обнаруживать в рукописном тексте такие индивидуально-определенные особенности, которые, будучи характерными для данного автора, проявились независимо от конфигурации букв и непроизвольно.

К этим особенностям относятся, например, общий («литературный») стиль письма, типичные обороты речи, объем представлений автора, выраженный содержанием письма, орфография, описки, привычки письма (в частности профессиональные), общий характер почерка, зависящий от состояния нервно-двигательных функций организма писавшего, признаки в письме рефлекторных, непроизвольных движений руки писавшего. Такие особенности почерка, как нажим, наклон, напряжение, разгон, соотношение отдельных элементов букв, конфигурация букв и т. п., если эти черты проявляются в тексте многократно, систематически, а не случайно, также имеют значение при сравнительном исследовании рукописей.

Все сказанное выше определяет характер тех требований, которые должны быть предъявлены и к экспертизе документов и к практическим работникам, обращающимся к ней за помощью.

Исследование документов может быть поручено только квалифицированным судебным экспертам, имеющим научную криминалистическую подготовку и располагающим оборудованными специальной аппаратурой криминалистическими лабораториями. Такую подготовку можно получить только в стенах школы института. В одиночку, в порядке самообразования, экспертом нельзя сделаться, подобно тому, как нельзя самостоятельно сделаться врачом. Подготовка к таким профессиям требует работы в учебно-вспомогательных учреждениях со сложным оборудованием.

Материал, направляемый на экспертизу, должен быть подвергнут лицом, его подбирающим, особой предварительной обработке.

Эти условия, без соблюдения которых немыслимо обеспечение правильности выводов судебной экспертизы документов, практическими работниками часто игнорируются.

Сплошь да рядом экспертиза рукописей поручается лицам, никакого специального, то есть криминалистического образования не имеющим и не располагающим соответствующими лабораториями

Так, например, в г. Грозном в качестве эксперта по исследованию рукописного текста документов подвизается бухгалтер Бунимович, в г. Балакове (Саратовского края) — директор педтехникума Мякеньков и директор средней школы — Букарин; в Москве для соответствующей «работы» привлекают некоего гр-на Ладнова. Почему собственно Ладнов считается специалистом по исследованию документов, никто не знает. Известно только, что этим делом он занимается давно. Особенно часто в роли такого рода «экспертов»-кустарей выступают почему-то учителя каллиграфии.

Следственные органы, вместо того чтобы привлекать к ответственности самозванцев и невежд, берущихся за ответственное дело судебной экспертизы, сами часто поощряют этих лиц.

В оправдание такой практики обычно приводится соображение о том, что и у каллиграфов бывают правильные, подтверждающиеся судом заключения. Это соображение, нам думается, скорее является доводом против использования каллиграфов в качестве экспертов, ибо если бы они во всех случаях давали ошибочные заключения, следователи и судьи могли бы этими заключениями спокойно пользоваться, понимая только их наоборот.

Разумеется, что оправданием при привлечении в качестве экспертов каллиграфов не может служить и отсутствие во многих местах научно-поставленной экспертизы документов, подобно тому, как не могло бы служить оправданием для культурного человека, обратившегося к знахарю, отсутствие врача.

Не всегда и в тех случаях, когда следственные органы обращаются к специалистам — судебным экспертам, последние могут дать определенное заключение: часто материалы, предназначенные для экспертизы, поступают в лабораторию уже испорченными различными посторонними надписями—резолюциями, пометками, протоколами и т. п.

Это сбивает, дезориентирует эксперта и может навести его на ложный путь. Кроме того, следственные органы, как правило, не сообщают экспертам целого ряда сведений и не подбирают дополнительных материалов, совершенно необходимых для исследования, например, опускают изложение всех обстоятельств дела, не прилагают свободно исполненных рукописей подозреваемых и т. п.

Исследование документов может быть поручено по важнейшим делам, находящимся в производстве органов прокуратуры, лаборатории научно-следственной работы Прокуратуры СССР, по другим делам органов прокуратуры и по всем делам судов и органов дознания — криминалистической лаборатории Московского юридического института.

В эти лаборатории следует обращаться в тех случаях, когда материал для экспертизы документов почему-либо не может быть направлен в научно-технические отделения милиции.

Необходимо, однако, иметь в виду, что лаборатории юридического института исследование документов проводят только при условии соблюдения всех приведенных ниже правил подготовки соответствующих объектов.

В тех случаях, когда требуется установить данным ли подозреваемым написан текст определенного документа, нужно изъять письмо или другой документ, содержащий текст (20—30 строчек и подпись), написанный подозреваемым свободно, то есть без мысли о том, что этот образец его письма будет объектом экспертизы, и предложить подозреваемому под диктовку написать 20—30 строчек текста произвольного содержания, но включающего несколько слов из текста того документа, из-за которого назначена экспертиза.

Таким образом подбираются три документа:

1) образец свободного письма подозреваемого;

2) образец письма подозреваемого, возникший в результате диктовки;

3) документ, из-за которого назначена экспертиза (заподозренный) [1].

Помимо этого, подробно излагаются все известные обстоятельства преступления — содержание показаний, относящихся к исследуемым документам, обстоятельства обнаружения «заподозренных» документов, условия, при ко-

[1] Весьма желательно, чтобы эти рукописные тексты были исполнены на односортной бумаге и одинаковыми письменными принадлежностями.

торых получены контрольные рукописи подозреваемых (время возникновения рукописи, каким пишущим приспособлением она исполнена, в каком положении находился подозреваемый во время процесса писания и т. п.). Если можно, прилагается самый материал следственного дела. Кроме того, заполняется сведениями о подозреваемом следующая анкета:

а) Фамилия, имя, отчество.
б) Возраст.
в) Национальность, родной язык, какими языками еще владеет.
г) Образование.
д) Профессия.
е) Какой рукой (правой или левой) обычно пишет.
ж) Состояние здоровья (если в деле есть справка врача).
з) Состояние зрения (носит ли очки).
и) Отношение к алкоголю (если соответствующие сведения имеются в материалах дела).
к) Прочие данные.

Каждый из упомянутых выше трех документов вкладывается в отдельный конверт. На последнем делается надпись о характере документа.

В препроводительном отношении точно указываются задачи, ставящиеся на заключение эксперта, и какие образцы письма подлежат сравнительному исследованию.

Для лучшего уяснения всего вышесказанного могут служить следующие образцы документов, подготовленных к экспертизе письма.

ДОКУМЕНТ, ИЗ-ЗА КОТОРОГО НАЗНАЧЕНА ЭКСПЕРТИЗА («ЗАПОДОЗРЕННЫЙ»)

«Расписка

Мною, коммерческим представителем Днепропетровской промысловой кооперативной артели N, Ивановым Петром Сидоровичем, проживающем в гостинице Метрополь, № 25 (г. Москва), получены от артели «Краситель» образцы продукции последней на сумму 1000 (тысячу) рублей, предназначенные для отправки в Днепропетровск.

« » мая 193.. г.

Иванов».

Образец письма подозреваемого возникший в результате диктовки.

«Моя фамилия Иванов. Зовут меня Петром Сидоровичем. Постоянно проживаю в Днепропетровске, а сейчас нахожусь в командировке в г. Москве. Живу здесь уже дней 20. Остановился в гостинице «Метрополь», в № 25. Расписка на 1000 (тысячу) рублей артели «Краситель» я не давал и никаких образцов продукции для отправки их в Днепропетровск не получал.

« » мая 193... г.

Иванов».

Образец свободного письма подозреваемого.

«Дорогая Маруся!

Вот уже десять дней, как я живу в Москве. Остановился в гостинице «Метрополь». Цены здесь очень высокие. Номер стоит 25 руб. в сутки. Если не удастся заработать на комбинации с бельем, не знаю, как и быть. Большие затруднения вызывает паспортизация. Боюсь, как бы не обратили внимания на штамп моей прописки. В остальном все благополучно. Скоро приеду.

Целую. Петр».

Препроводительное отношение заведующему криминалистической лабораторией Московского юридического института.

«Прошу произвести сравнительное исследование текста «заподозренного» документа, начинающегося словами:

«Расписка. Мною, коммерческим представителем Днепропетровской промысловой артели N, Ивановым Петром Сидоровичем» и т. д.

С образцами текста, написанного подозреваемым Ивановым Петром Сидоровичем,

а) свободно,

начинающегося словами:

«Дорогая Маруся! Вот уже десять дней я живу в Москве», и т. д.

б) под диктовку,

начинающегося словами:

«Моя фамилия Иванов. Зовут меня Петром Сидоровичем» и т. д.

Требуется установить одним ли лицом написаны все три документа.

В настоящее время по этому делу известно только следующее:

В Москве, в инвалидную артель X явился гражданин, назвавшийся представителем Днепропетровской промысловой кооперативной артели N Ивановым П. С.

Предъявив доверенность на получение образцов продукции артели X, гражданин, назвавшийся Ивановым, принял разных красок на сумму 1000 рублей и оставил соответствующую расписку.

В тот же день в артель X поступила из Днепропетровска телеграмма о том, что состоявший ранее на службе в артели агент по снабжению гр. Иванов « » мая 193... г. уволен и выданная ему доверенность недействительна.

Разысканный в Москве и допрошенный по настоящему делу Иванов П. С. показал, что из артели X он ничего не получил и никакой расписки не оставил. При обыске у Иванова ничего не обнаружено. Расписка в получении красок передана следователю председателем артели X « » мая 193... г.

Письмо, начинающееся словами «Дорогая Маруся», изъято с почты « » мая 193... г. в Днепропетровске, письмо, начинающееся словами: «Моя фамилия Иванов» и т. п. исполнено под диктовку в камере следователя « » мая 1933 г. пером «рондо», причем подозреваемый находился в сидячем положении.

Сведения о подозреваемом имеются следующие:

а) Фамилия, имя, отчество	— Иванов, Петр Сидорович
б) Возраст	— Родился в 1900 г.
в) Национальность, родной язык	— Русский. Других языков, кроме русского, не знает
г) Образование	— 3 класса гимназии
д) Профессия	— Определенной специальности не имеет. Работал агентом по снабжению.

е) Какой рукой (правой или левой) обычно пишет	— Правой
ж) Состояние здоровья	— Здоров
з) Состояние зрения	— Близорук, носит очки
и) Отношение к алкоголю	— Пьет изредка, умеренно
к) Прочие данные	— Обучался стенографии

Подпись должностного лица.

С объектами, направляемыми в экспертизу, следует обращаться весьма бережно.

Совершенно недопустимо делать на документах какие-либо надписи (например, ставить порядковые номера), прокалывать их, подшивать к делу, мять и т. п.

Е. Зицер.

Опыт работы по общему надзору

В этой статье я хочу поделиться опытом моей работы по осуществлению общего надзора за законностью в Ершичском и Духовщинском районах Западной области.

Ершичский район образовался частью из Рославльского, частью из Клетнянского районов. Рославльский район заслужил печальную известность как район с массовыми перегибами и администрированием при выполнении хозяйственно-политических кампаний. Это возлагало на меня как прокурора района особую ответственность за правильную постановку работы по общему надзору и обязывало жестко ставить перед руководящими органами и всей общественностью вопросы борьбы за нерушимость советских законов. Организовав помещение для работы (в крестьянской избе), я провел несколько оперативных совещаний с работниками милиции. Ознакомившись с территорией района и с жалобами, принятыми от Рославльского и Клетнянского районов и вновь поступившими, я составил оперативный план выездов в сельсоветы, охватив в первую очередь те, из которых поступали более тревожные сигналы. В результате выездов, проверки жалоб и просмотра протоколов президиумов и пленумов сельсоветов и правлений колхозов мною были обнаружены грубейшие нарушения законов. Наиболее характерные из них я считаю нелишним привести: председатель Сукромлянского сельсовета Семин допускал грубое администрирование в работе, применяя в массовом порядке штрафы; 38% всех хозяйств в сельсовете были подвергнуты штрафу на общую сумму 7000 руб. Около 50% случаев наложения штрафов были явно незаконными. Кроме того, Семин практиковал массовое изъятие имущества за невыполнение хозобязательств, неплатеж налогов и т. д. Около 80% этих изъятий оказались незаконными. Не брезговал Семин и получением взяток.

Такие же грубые нарушения допускались председателем Алексеевского сельсовета Бабиковым. Этот сельсовет вынес постановление, которым обязал колхозы и единоличников для ремонта помещения сельсовета и постройки школы затратить 2790 трудодней. Как этот, так и ряд других сельсоветов незаконно штрафовали председателей колхозов, бригадиров, счетоводов без обсуждения на общих собраниях колхозников, исключали из колхозов целые семейства колхозников, грубо нарушая демократию.

Эти методы работы сельсоветов механически переносились в колхозы, которые также применяли штрафы в массовом порядке с превышением предела, предусмотренного уставом, и притом в денежном исчислении.

При исправлении этих нарушений я стремился к предупреждению повторения их на будущее время.

Просмотр протоколов заседаний сельсоветов и правлений колхозов производился, как правило, в присутствии руководителя и технического работника сельсовета или правления колхоза, и тут же на месте я указывал им на нарушения и давал практические указания. Акты просмотра с соответствующими письменными указаниями направлялись обследованному сельсовету или колхозу, с предложением обсудить их на своих заседаниях. Акты с более характерными случаями нарушений одновременно направлялись в президиум рика, который практиковал вызовы председателей сельсоветов, заслушивал их доклады на заседании президиума, по которым выносил конкретные решения, направленные к исправлению допущенных нарушений, доводя свои решения и до остальных сельсоветов.

На незаконные решения мною приносились протесты в президиум рика, который рассматривал их с вызовом лиц, действия коих опротестовывались с извещением прокурора.

Решения об отмене наиболее типичных незаконных постановлений доводились до сведения остальных сельсоветов. За семь месяцев мною было принесено 12 протестов на решения сельсоветов и 16 протестов на решения колхозов. Все они были рассмотрены и удовлетворены. Немалое значение в деле борьбы за социалистическую законность сыграла и районная печать, в которой освещалась проводимая прокуратурой работа.

О нарушениях законности, которые имели массовое распространение и допускались самим риком и его отделами, я сигнализировал в бюро РК ВКП(б). Так я поставил на обсуждение бюро вопрос о том, что райзо и МТС руководят колхозами «вообще», не занимаясь подбором и изучением кадров, допускают массовую смену председателей колхозов, бригадиров и заведующих фермами.

В процессе работы мною обращалось много внимания на то, чтобы научить внимательному отношению к составлению и хранению протоколов общих собраний и заседаний правлений колхозов, неправильное редактирование которых извращало политическое значение обсуждаемых вопросов; допускались, например, грубые и вульгарные выражения. По данному вопросу мною также написана в районную газету большая статья.

В отдельных редких и крайних случаях я прибегал к мерам судебной репрессии в отношении злостных нарушителей законности.

В Духовщинском районе вопросам общего надзора и в частности борьбе с нарушениями Сталинского устава с.-х. артели внимания не уделялось, а в этом ощущалась острая нужда. Так, например, там имело место массовое нарушение принципа добровольности слияния колхозов, о чем писалось в ЦО «Правда». Обратное «разделение» уже имело место в раз-

гаре весеннего сева, что не могло не отразиться на организационно-хозяйственном положении колхозов и моральном состоянии колхозников. Ознакомление с рядом колхозов показало, что Устав с.-х. артели во многих из них нарушается. Часто это происходило потому, что колхозники не знали хорошо содержания устава. Когда я попросил у счетовода колхоза «Верный путь» Бурзинского сельсовета показать зарегистрированный устав колхоза, то получил ответ, что «устав лежит где-то подшитым в каком-то деле», и для того, чтобы найти этот, кстати сказать, неряшливо написанный устав, понадобилось полчаса времени.

В Афанасьинском и Бурзинском сельсоветах установлены случаи, когда на заседаниях пленума или президиумов сельсоветов отводились из состава члены сельсовета и доизбирались новые без решений собраний избирателей.

Председатель Бурзинского сельсовета т. Булохов для рассмотрения конкретного дела единолично назначил никем не избранных председателя сельского суда, двух заседателей и секретаря.

Духовщинским городским советом вынесены два обязательных постановления с санкцией до ста рублей штрафа или одного месяца и.-т. работ без соблюдения необходимых норм для издания обязательных постановлений и одно из них по вопросу, не входящему в компетенцию городского совета.

Только за два месяца работы я принес 12 протестов на незаконные постановления местных органов. Я связался также с районной газетой «Колхозная правда», через которую и освещаю работу по борьбе за ненарушимость советских законов.

Тименко.

К вопросу об организации юридической помощи[1]

Вопрос об организации советской адвокатуры есть лишь часть вопроса об организации юридической помощи как населению, так и государственным, кооперативным, колхозным и общественным организациям. В настоящее время оказание юридической помощи населению почти исключительно сосредоточено в коллегиях защитников, за исключением весьма немногочисленных консультаций, содержимых профсоюзами на свои средства в крупных центрах. Кстати сказать, как они работают— неизвестно. Что касается остальных консультаций (бесплатных или в порядке общественной нагрузки), то последние обслуживаются теми же защитниками.

Юридическая помощь организациям обобществленного сектора осуществляется через юрисконсультов этих организаций или служащими тех организаций, где по штату должности юрисконсульта не положено.

В то время как защитники до сего времени работают подконтрольно, работа юрисконсультов не контролируется; первые объединены в коллегии защитников, вторые разъединены. Попытки объединить деятельность юрисконсультов и тем поставить их работу под контроль путем создания бюро юрисконсультов при местных прокуратурах оказались бесплодными.

Вопрос о работе юрисконсультов и о контроле за их юридической деятельностью, понятно, не может не занимать внимания органов, регулирующих правовую жизнь страны. В общей печати и на страницах специальных журналов вопрос о юрисконсультах всякий раз выплывает, как только начинает обсуждаться вопрос об организации юридической помощи вообще и о советской адвокатуре в частности, в соображениях, высказываемых по этому вопросу, сквозит определенное желание как-то объединить деятельность защитников с работой юрисконсультов, поскольку, по сути дела, работа последних весьма схожа, если не совпадает с работой первых, отличаясь лишь с внешней стороны: одни работают главным образом в судах, другие — главным образом в арбитражных комиссиях. Но те и другие в своей деятельности руководствуются существующими законами.

Знание законов — обязательное условие для деятельности как защитников, так и юрисконсультов. К сожалению, на это качество «юристов» до сего времени мало обращали внимания. До сего времени и юристом может называться всякий, кто этого пожелает, не заботясь о том, есть ли у него необходимое для этого условие, т. е. знание советского законодательства. По моему мнению, пора юристов сделать специалистами и, так сказать, патентовать их на это звание, воспретив всякому, кто не имеет юридического патента, именовать себя юристом, юрисконсультом, правоведом и т. п. Это тем более своевременно, что с момента принятия великой Сталинской Конституции авторитет личности поднят на небывалую до сих пор высоту. Права личности должны защищаться знающими право лицами. Не в меньшей мере и степени должны быть обеспечены и права общественных и государственных организаций в единой схеме советского правового строя, так как личность и общество у нас неотделимы. Разнообразнейшие отношения, возникающие между гражданами, с одной стороны, между гражданами и организациями, с другой стороны, и отношения последних, с третьей стороны, в большей степени, чем в любой капиталистической стране, регулируются нормами права, и на всех их лежит печать правового регулирования, исключающая произвол, усмотрение, администрирование и пр.

Однако вопрос об объединении защитников и юрисконсультов не так прост практически. По мнению М. Дубровского («Соц. законность» №1), «юрисконсульты всех государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций также могут быть адвокатами, ведущими юридическую судебную работу под надзором совета адвокатуры». Но это говорит лишь о допустимости совмещения з в а н и я юрисконсульта с з в а н и е м защитника.

Такое совмещение не запрещалось законом и раньше. Практически же бывало то, что юрисконсульты, состоя членами коллегии защитников, носили звание защитника лишь номинально, фактически не участвуя в той работе, которую обычно выполняли защитники, как-то: выступление в показательных процессах, в консультациях и т. д. Их работой как юрисконсультов коллегии защитников не инте-

[1] В порядке обсуждения. — Р е д а к ц и я.

ресовались. При объединении защитников в коллективы последние вовсе не стали принимать в состав защитников юрисконсультов, поскольку последние не могли быть использованы на работе в коллективах защитников. С другой стороны, и защитники лишены были возможности быть юрисконсультами, оставаясь защитниками, вследствие прямого запрещения этого коллективами по тем же соображениям невозможности полного или частичного использования их на работе в коллективах.

Принципиальных возражений против того положения, что юрисконсульты могут быть защитниками, конечно, сделать нельзя. Но поскольку юрисконсульт, состоящий в штате служащих той или иной организации, тесно связан с местом своей службы, постольку в качестве защитника он будет носить это звание лишь номинально, а отсюда и коллегии защитников будут мало интересоваться его работой и таким образом не будет достигнута поставленная цель — осуществление контроля над деятельностью юрисконсульта. Поэтому, мне думается, было бы вернее сказать, что не юрисконсульты м о г у т б ы т ь защитниками, а наоборот, защитники имеют право совмещать должности юрисконсультов. На первый взгляд покажется, что это одно и то же. На самом деле это не одно и то же. Дело в том, что не всякий юрисконсульт м о ж е т б ы т ь защитником. Если полагают, что кадры защитников все еще засорены случайными людьми, то тем более нужно это сказать в отношении юрисконсультов, среди которых довольно большое число действительно случайных людей, не имеющих никакого отношения к юридической специальности, и юридических знаний которых никто и никогда не проверял.

Когда ставится вопрос об организации контроля над деятельностью юрисконсультов, необходимо сделать так, чтобы этот контроль был действительным. Действительный контроль может быть осуществлен над лицами, зависимыми от контролирующего органа, в данном случае от коллегии защитников. Защитник, командируемый на постоянную работу юрисконсульта на определенный или неопределенный срок, во все время своей работы связан со своей организацией, которая может его отозвать или перевести на другую работу и даже при неподчинении (если он будет послан на должность юрисконсульта коллегией) исключить из организации.

При этой системе и сам защитник-юрисконсульт будет чувствовать себя на работе более независимым, чем в настоящее время, каковое условие, как мне кажется, является основным условием нормальной деятельности для всякого юридического работника, где бы он ни работал. С другой стороны, правовые интересы организаций, где в качестве юрисконсульта будет работать защитник, окажутся в достаточной степени обеспеченными осуществлением контроля над деятельностью защитника со стороны коллегий защитников.

Правда, при этой системе юрисконсульты, не состоящие членами коллегий защитников, останутся вне контроля. Но ведь в данном случае речь идет о тех крупных организациях, где имеются штатные юрисконсульты. Последние, несомненно, учтут выгоды состоять одновременно и защитниками и добровольно вступят в коллегии. Вряд ли могут быть возражения против этого и со стороны организаций, обслуживаемых юрисконсультами. Что же касается тех организаций обобществленного сектора, которые не могут и не имеют права нанять юрисконсульта и которые ведут свои судебные дела через своих служащих, то понятно, что специального контроля над их правовой деятельностью установить нельзя, а общий надзор за ними и в настоящее время осуществляется прокуратурой.

Эти организации, однако, нуждаются в юридической помощи не менее, чем те, которые имеют юрисконсультов. При возможности для защитника быть одновременно и юрисконсультом последний, не отрываясь от своей основной работы в качестве защитника, может обслуживать их юридической помощью, принимая на себя ведение судебных и других дел или в ином виде. Обслуживание этих организаций юридической помощью возможно на договорных началах с отдельными защитниками или коллегией защитников.

Мне кажется, что намеченная цель — объединить юридическую помощь населению и организациям и поставить ее под надлежащий контроль — предлагаемой мной организацией этого дела будет достигнута.

М. Скрипель.

Советская защита на новом этапе[1]

Институт советской защиты после утверждения Чрезвычайным VIII съездом советов Союза ССР Сталинской Конституции вступил в новую фазу развития.

Ст. 111 Сталинской Конституции устанавливает гарантию защиты законных прав каждого гражданина в нашем советском суде.

Обеспечение этой защитой законных прав обвиняемых, несомненно, является главнейшей задачей института советской защиты.

Сталинская забота о человеке как высшей ценности социалистического общества — вот о чем говорят замечательные слова ст. 111 нашей Конституции.

И эта почетная и ответственная обязанность — не допустить ни одного случая неосновательного привлечения члена социалистического общества к уголовной ответственности — лежит в одинаковой мере как на советской прокуратуре и суде, так и на советской защите.

Советская защита есть третье звено в системе советского правосудия.

Всяким толкам о ненужности института защиты в советском государстве, всякому пренебрежительному отношению к защите, недооценке и неправильному пониманию работы защиты положен решительный конец.

Институт советской защиты будет существовать в нашем социалистическом государстве и не только существовать, но и развиваться. Советский защитник, выполняющий честно свои обязанности, нужный член социалистического общества, его работа нужна обществу и пренебрежительное отношение к нему не должно иметь места.

---

[1] В порядке обсуждения. — Р е д а к ц и я.

Расширение права советской защиты будет, несомненно, иметь место в новом положении о советской защите. Кадры советской защиты должны готовиться занять это место с честью и достоинством.

Новое положение о Народном комиссариате юстиции Союза ССР уже выводит институт советской защиты из положения распыленности и отсутствия единого руководящего центра.

В Наркомате юстиции СССР организован отдел судебной защиты, который будет осуществлять общее руководство и надзор за деятельностью коллегии защитников и организацию юридической помощи населению.

Место третьего звена в системе нашего социалистического правосудия институт советской защиты занять сможет, но, чтобы занять его с честью и достоинством, советские защитники должны сейчас же начать готовиться к этому повышением своих политических знаний и квалификации, улучшением своих кадров.

Поэтому, по нашему мнению, вполне своевременно поставить вопрос о первом союзном съезде советских защитников. Этот съезд должен выявить готовность советской защиты занять новое, почетное место третьего звена в системе нашего правосудия, выявить готовность принять на себя ответственность и с честью выполнять новый круг обязанностей в связи с расширением прав защиты в нашем уголовном и гражданском процессе.

К сожалению, на местах коллегии защитников еще не приступили к этой подготовке, и вопросы возможности расширения прав и обязанностей советской защиты в широких кругах судебных работников не обсуждаются.

Если Прокуратура Союза ССР ставит вопрос о возможности допущения защиты в стадии предварительного следствия, то в связи с этим возникает целый ряд вопросов, которые не нашли еще достаточно широкого обсуждения в нашей специальной литературе. С какого именно момента защитник может вступить в процесс предварительного следствия, в какой форме и в разрешении каких вопросов он может участвовать, какие вопросы может ставить для разрешения следственным органам, каким порядком лицо, ведущее следствие по конкретному делу, должно разрешать эти вопросы, — вот примерно круг вопросов, по которым каждый из нас хочет иметь представление.

Нам представляется, что отправной точкой при разрешении этих вопросов должны послужить права обвиняемого, которыми он обладает в стадии предварительного следствия в нашем уголовном процессе. Ведь по существу обвиняемый с момента предъявления ему обвинения пользуется у нас широкими правами представления всех видов доказательств полной или частичной его невиновности по предъявленному обвинению.

Следовательно, и вступление защиты в стадию следствия целесообразнее всего допустить с момента предъявления привлекаемому конкретного обвинения.

Отсюда необходимо предоставить защитнику право принимать дело, находящееся в стадии предварительного следствия, с момента предъявления обвинения привлекаемому к уголовной ответственности. Сейчас защита этим правом не пользуется. Наоборот, есть указания, запрещающие принимать дела, находящиеся в стадии предварительного следствия, и в связи с этим защитник лишается права даже давать какие-либо советы привлекаемому участвовать в собирании доказательств его полной или частичной невиновности. Такая помощь обвиняемому может расцениваться и часто на практике расценивается как нежелательное вмешательство защиты в процесс предварительного следствия, как помеха правильному ведению следствия. Во избежание подобных нареканий, по существу неправильных, но могущих иметь нежелательные последствия, защитник уклоняется от оказания возможно весьма необходимой и существенной помощи привлекаемому доказать свою невиновность. А ведь возможность оказывать такую помощь, пожалуй, не менее важна, чем защита в суде...

В действительности привлекаемый, имея широкое право собирания доказательств своей невиновности, часто по малограмотности, неумению защищаться или незнакомству с законами не может воспользоваться этим правом.

Вступление защиты в процесс предварительного следствия мыслится нами как передача этих прав обвиняемым своему защитнику. Вместе с тем, чтобы наиболее полно оказать действительную помощь обвиняемому, защитнику должно быть предоставлено право ознакомления с необходимыми материалами предварительного следствия в рамках предъявленного обвинения. Кроме этого, обвиняемому и его защитнику должен предоставляться известный срок для представления возражений и доказательств несостоятельности предъявленного обвинения, подобно тому как ст. 235 УПК дается обвиняемому трехдневный срок подготовки к судебному разбирательству дела после вручения ему копии обвинительного заключения. Из практики мы знаем, что предъявляется обвинение и объявляется об окончании следствия часто в один и тот же день, и малограмотный обвиняемый, растерявшись при предъявлении обвинения, часто заявляет, что он не может дополнить чем-либо следствие, а потом, оправившись от растерянности и обдумав обвинение, часто представляет в суд ряд документов, ходатайствует о вызове ряда свидетелей и т. д., что вызывает иногда возвращение дела на доследование.

Допущение защиты в стадии следствия и предоставление известных сроков для представления доказательств против обвинения сократят число обращений дел к доследованию, а следовательно, и число неосновательных преданий суду.

В связи с этим, разумеется, что защите должно быть предоставлено право ходатайствовать о допросе в стадии следствия свидетелей, право представления письменных доказательств, а для этого право осмотра и ознакомления с необходимыми делами в учреждениях и предприятиях, в связи с деятельностью в которых привлекается подзащитный, право получения справок и копий документов из этих учреждений и предприятий.

Последнее обстоятельство, по нашему мнению, имеет особенно большое значение, так как в настоящее время защита этим правом не обладает и может лишь в судебном следствии заявить соответствующее ходатайство, что во многих случаях также может вызвать отложение дела, если документы и суд находятся в разных районах, а тем более городах.

Обвиняемый как будто этим правом у нас обладает, но оно часто так же обращается в фикцию, так как после увольнения его из учреждения или предприятия и отдачи под суд на него смотрят уже как на преступника, ему не доверяют просмотра документов и отказывают в выдаче их копий или справок, необходимых для дела.

В гражданском процессе ст. 142 УПК предусматривает «возможность выдачи сторонам, а следовательно, и защите свидетельства на право получения документов, копий и всякого рода справок от государственных учреждений и частных лиц для представления в суд». Но эта возможность представляется в каждом отдельном случае по особому всякий раз ходатайству, что только осложняет вопрос. Необходимо расширить это право и предоставить его защите как общее право защиты по гражданским и уголовным делам на получение документов и ознакомление с делами учреждений и предприятий, в связи с деятельностью в которых привлекается подзащитный.

Наконец, защите должно быть предоставлено право ходатайствовать в стадии предварительного следствия о назначении по делу экспертизы, право постановки вопросов, на которые экспертиза должна дать ответы, если вопрос о ее производстве будет разрешен положительно.

Может ли осложнить или помешать делу предварительного следствия и делу борьбы с преступностью предоставление защите вышеперечисленных прав? Следует ли бояться, что защита будет злоупотреблять этими правами и ставить на разрешение следственных органов неосновательные вопросы? Нам думается, что нет. Ведь любое ходатайство защиты может быть отклонено лицом, производящим следствие, если оно будет признано неосновательным. Если же оно будет служить всестороннему расследованию дела, то это только сократит число неосновательных привлечений к суду членов нашего социалистического общества.

Вместе с тем, даже в случае отклонения того или иного ходатайства защиты в стадии предварительного следствия особым мотивированным постановлением следователя, в деле будут налицо все эти вопросы при рассмотрении дела в подготовительном заседании суда, что также будет способствовать всестороннему рассмотрению дела и в этой стадии досудебной проработки и подготовки дела.

Само собой разумеется, что защите должно быть предоставлено право возбуждения и в подготовительном заседании суда ходатайств, отклоненных в стадии предварительного следствия, подобно тому как ст. 272 УПК не ограничивает прав сторон о повторном заявлении ходатайств по ходу судебного следствия.

Постановка вопроса о расширении прав советской защиты логически влечет за собой и постановку вопроса о расширении обязанностей членов коллегий защитников.

До сих пор в этой части правовое положение членов коллегии защитников было весьма неопределенно.

Член коллегии защитников имел определенный круг обязанностей, занимал постоянную должность в организации коллектива. На эту организацию, а следовательно, и на ее членов возлагались определенные задачи Положением о судоустройстве. Но до сих пор член коллегии защитников за свои действия отвечал как частное лицо.

В настоящее время ст. 111 Сталинской Конституции на советскую защиту как особую общественную организацию возлагается общегосударственная задача — защита законных прав подсудимых, членов нашего социалистического общества.

Таким образом член коллегии защитников есть лицо, занимающее постоянную должность в общественной организации, на которую возложены определенные обязанности основным законом страны и которая, пользуясь определенными правами, осуществляет общегосударственную задачу. Следовательно, член коллегии защитников, по нашему мнению, вполне подпадает под понятие должностного лица, как его определяет примечание 1 к ст. 109 УК, и следовательно, член коллегии защитников за свои действия и бездействие должен нести ответственность не как частное, а как должностное лицо.

Возражение, что у нас могут быть защитниками и лица, не входящие в коллектив, нам кажется неосновательным потому, что эти лица также будут находиться под наблюдением отдела судебной защиты НКЮ и также будут осуществлять общегосударственную задачу, а следовательно, также будут вполне подпадать под понятие должностного лица.

Признание за советским защитником (или адвокатом, как предлагают изменить название защитника многие товарищи в нашей печати) прав и обязанностей должностного лица повысит его чувство ответственности за порученную и выполняемую им работу и будет содействовать повышению качества этой работы.

М. Тимонин.

Является ли защитник стороной в уголовном процессе?

В свете Конституции СССР колоссально вырастают роль и значение защиты в нашем уголовном процессе.

Ст. 111 Сталинской Конституции обеспечивает каждому обвиняемому право на защиту. Вполне естественно, что осуществление этого права даст сразу огромнейшее увеличение количества процессов с участием защитника.

В этих условиях становится крайне необходимым четкое понимание роли и задач защитника, его процессуального положения в уголовном процессе.

Одним из вопросов, представляющих большой теоретический и практический интерес, является вопрос о том, есть ли защитник сторона в уголовном процессе.

В нашей советской литературе вопрос о процессуальном положении защитника до сих пор разработан весьма слабо. Между тем правильный ответ на этот вопрос в значительной мере предопределяет круг обязанностей защиты в нашем процессе, ибо если защитник не является стороной в процессе, тогда его функции ограничены и заранее предопределяют положение его как представителя и выразителя только лишь интересов подсудимого.

Признание защитника стороной в процессе расширяет функции и роль защиты, превращает его не только в помощника подсудимого,

но и в одного из необходимых помощников суда в деле правильного осуществления правосудия при исследовании доказательств, оправдывающих или смягчающих судьбу подсудимого.

Вот почему совершенно правильно поступил наш законодатель, когда в ст. 23 УПК, перечисляя тех, кто является стороной в процессе, включает в этот перечень также и защитника. В п. 6 ст. 23 УПК сказано: «Под словом стороны разумеются: прокурор, поддерживающий в процессе обвинение, гражданский истец и представитель его интересов, обвиняемый, его законные представители и защитники, потерпевший в тех случаях, когда ему предоставлено право поддерживать обвинение, и представитель его интересов».

Текст ст. 23 УПК, давая довольно четкое определение обязанностей прокурора, не указывает функций защитника. Нет в нашем кодексе в отношении защиты статьи, подобной ст. 8 УПК, точно определяющей функции прокурора. Но одно несомненно ясно из текста ст. 23 УПК, что законодатель считает защитника стороной в процессе и в судебном заседании наделяет защитника теми же правами, что и прокурора, наделяет правами стороны, нигде не выделяя и не ограничивая защитника. Следовательно, дальнейший текст УПК нам также не дает никаких оснований предполагать, что законодатель не считает защитника стороной в процессе.

Однако дело вовсе не в том или, вернее, не столько в том, что отрицание за защитником прав стороны противоречит текстуальному содержанию соответствующих статей УПК. Вопрос заключается в том, что это отрицание невольно превращает защитника в выразителя мнения обвиняемого. Между тем защитник, защищая подсудимого, помогая ему использовать права стороны, не может рассматриваться как заместитель подсудимого, ибо подсудимый не переуступает ему своих прав, он выступает не вместо подсудимого, а наряду с подсудимым, и его обязанностью и долгом вовсе не является добиваться во всех случаях во что бы то ни стало оправдания подсудимого.

Защита должна быть обоснована фактическими обстоятельствами дела, а не голым стремлением «выгородить» подсудимого. При этом основной функцией защитника является исследование улик с точки зрения возможности оправдания или смягчения участи подсудимого. Только в этом смысле и в этих пределах он является помощником суда, помогает подсудимому осуществлять, использовать свои права стороны. Таким образом защита прав подсудимого и помощь суду составляют неразрывное целое в деятельности защитника. Мы не можем отделять и противопоставлять одну из этих функций другой. Они неразрывно связаны. И если не сводить роли защитника к роли заместителя подсудимого, то неизбежно признание за защитой прав стороны в процессе.

Вопрос этот приобретает особо актуальное и практическое значение в связи с необходимостью точного определения обязанностей сторон в процессе в подготовляющемся к утверждению союзном УПК.

Представление о защитнике как заместителе подсудимого на практике приводило к тому, что защитники неправильно понимали свое назначение, прибегали ко лжи, вымыслу, основывали свои выводы не на фактических обстоятельствах дела и вводили в заблуждение суд.

Подобная практика должна быть признана совершенно чуждой нашему советскому процессу.

Честность и правдивость — вот качества, необходимые советскому защитнику. Честное и правдивое исследование всех доказательств по делу и на их основе действительная защита прав обвиняемого — вот что превратит защитника в подлинного помощника социалистического правосудия.

Функции обвинения несовместимы с обязанностями защитника, поэтому защитник не может и не должен заниматься, как это иногда склонны предполагать некоторые наши практические работники, собиранием как оправдывающих, так и уличающих обстоятельств.

Перед законодательством в настоящее время стоит задача скорейшего приведения нашего УПК в соответствие с требованиями Сталинской Конституции.

Такого срочного изменения требует в настоящее время ст. 239 УПК, ставящая вопрос о допущении защиты в зависимости от единоличного решения судьи. В этой части ст. 239 находится в прямом противоречии с нашей Конституцией. Соответствующего изменения требуют также ст.ст. 381 и 382 УПК, регулирующие этот вопрос в областных и краевых судах.

Из текста ст. 111 Сталинской Конституции с несомненностью вытекает необходимость допущения защиты со стадии предварительного расследования, точнее с момента предъявления обвинения. Это положение выдвигает вопрос о правах и обязанностях защитника и в стадии предварительного расследования. Руководителем предварительного расследования является прокурор. Здесь нет сторон. До сих пор прокурор и следователь обязаны были собирать и уличающие и оправдывающие обстоятельства. Снимается ли с них (то есть с прокурора и следователя) с появлением защитника обязанность собирания оправдывающих улик? Разумеется, нет. В стадии предварительного расследования защитник не приобретает прав стороны и, разумеется, стороной не является. В обязанности защитника в этой стадии не входят собирание улик, допросы свидетелей, экспертов, собирание вещественных доказательств и т. п. Таким образом он не участвует в расследовании дела. Его роль сводится здесь к роли консультанта. Он дает обвиняемому те или иные советы о заявлении перед следователем и прокурором соответствующих ходатайств, способствующих смягчению участи обвиняемого или могущих его оправдать частично или целиком. Но все это отнюдь не превращает защитника в частного поверенного в делах обвиняемого и, конечно, не противоречит нашему утверждению о том, что защитник является и должен быть признан стороной в судебном заседании.

Ломброзо.

О правах юрисконсультов

Нам представляется совершенно непонятным, почему защитников наделяют бо́льшими правами, нежели юрисконсультов.

Как те, так и другие должны иметь специальные познания и практическую подготовку для осуществления защиты интересов отдельных граждан или социалистического сектора.

Вопросы обеспечения прав трудящихся и ограждения их интересов особо подчеркнуты в Конституции СССР, точно так же на фоне все возрастающей мощи экономической жизни СССР необходимо признать особо важным вопрос защиты законов, регулирующих работу наших предприятий социалистического характера.

Только правильное разрешение взаимоотношений различных организаций соцсекторов будет способствовать увеличению общественного богатства и подъему материального и культурного уровня трудящихся.

Если сравнить задачи, поставленные перед юрисконсультом и членом коллегии защитников, совершенно будет ясно, что как один, так и другой являются в своей работе проводниками законности.

Юрисконсульты сегодня обслуживают соцсектор, а при желании обслуживать население осуществление его встречает затруднения: юрисконсультам не разрешают работать в коллегии защитников, тогда как члены коллегии защитников без помех совмещают основную работу в коллегии с работой в соцсекторе по совместительству.

У хозяйственников сложилось представление, что юрисконсульты — это не столь важный обслуживающий персонал, и на этом основании ставки для юрисконсультов устанавливаются в 550 руб. в месяц.

Это ограничение часто вызывает переход юрисконсультов на другую работу не по специальности. В результате кадры проверенных работников юстиции уходят, а в это время НКЮ озабочению составляет планы подготовки новых кадров, которые должны притти на смену «ушедшим».

Надо повести решительную борьбу с взглядами, будто соцсектор не нуждается в защите своих интересов от посягательства на них со стороны другого соцсектора. Именно потому, что с каждым днем развивается мощь нашей экономики, наши отношения индивидуальные и социалистические требуют определенного направления.

Борьба за высокие показатели выполнения всего народнохозяйственного плана не мыслится в узком производственном понимании этого слова.

Там, где еще имеют место нарушения законов, расхлябанность и попустительство, никогда не может быть высоких показателей производственной или хозяйственной деятельности.

Именно поэтому и одновременно с пересмотром работы судебных органов необходимо обсудить меры укрепления законности в соцсекторах.

Необходимо создать организующий и направляющий центр для юрисконсультов, пересмотреть и расширить права и обязанности юрисконсультов. Этого решительно требует от нас сама жизнь.

Л. Дубко.

ОТ РЕДАКЦИИ. Редакция ждет сообщения НКЮ СССР, что предполагает сделать НКЮ в этой области.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

17 октября 1936 г. приговором линейного суда железной дороги имени Л. М. Кагановича были осуждены: по ч. 1 ст. 59[3в] Проскуряков Павел Матвеевич к 2 годам 6 месяцам лишения свободы, Кудымов Степан Прокопьевич к 5 годам лишения свободы с запрещением занимать должности, связанные с безопасностью движения поездов, на три года; по ч. 2 59[3в] УК Леонтьев Яков Иванович к 10 годам лишения свободы с запрещением работать на транспорте и Колмогоров Николай Андреевич к высшей мере наказания — расстрелу.

Транспортная коллегия 3 ноября 1936 г. приговор оставила в силе. Колмогорову же расстрел был заменен десятью годами лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

23 сентября 1936 г. на перегоне Козьял-Шарамы произошло крушение товарного поезда 1005, в результате которого были ранены 5 человек из поездной бригады, разбиты два паровоза, 34 вагона и причинен ущерб в 314 471 руб.

Судом было установлено, что поезд 1005 был отправлен со станции Шаля без действующих тормозов с перекрытыми концевыми кранами воздушной магистрали.

Основными виновниками крушения были судом в то время признаны машинист Колмогоров, который при отправлении поезда и в пути следования не опробовал действия тормозов, и поездной мастер Леонтьев, который не проверил наличия действующих тормозных осей и действия автотормозов и сообщил дежурному по станции о готовности поезда к отправлению.

Проскурякова суд признал виновным в том, что он, будучи начальником вагонного участка, не только не вел борьбы с авариями и крушениями, но в ряде случаев прикрывал дезорганизаторов трудовой дисциплины, в частности, допустил к работе поездного мастера Леонтьева, в прошлом злостного нарушителя дисциплины, без проверки его знаний и систематически давал в управление дороги ложные сведения об отцепке вагонов по горению букс.

Главный кондуктор Кудымов был осужден за то, что при отправлении поезда не потребовал постановки в поезд вагона, оборудованного стоп-краном.

По материалам судебного процесса по делу антисоветского троцкистского центра (показания осужденного Турок) установлено, что крушение поезда 1005 было совершено с целью диверсии Леонтьевым по заданию члена контрреволюционной троцкистской организации Проскурякова. Тормозный кран между тендером паровоза и головным вагоном был умышленно перекрыт Леонтьевым.

Учитывая вновь открывшиеся обстоятельства в отношении Проскурякова и Леонтьева и что вина Колмогорова заключается в грубом нарушении правил технической эксплоатации, приговор линейного суда от 17 октября 1936 г. и определение транспортной коллегии от 3 ноября 1936 г. в отношении Проскурякова П. М. и Леонтьева Я. И. подлежит отмене с передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия; в остальной части приговор следует оставить в силе, снизив наказание Колмогорову и Кудимову.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор и определение транспортной коллегии в отношении Проскурякова и Леонтьева и на основании ст.ст. 445—447 УПК отменить и дело о них передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, в остальном приговор оставить в силе, снизив меру наказания Колмогорову до 5 лет и Кудимову до 2 лет.

НЕОБОСНОВАННОЕ СНИЖЕНИЕ РЕПРЕССИИ

Главный суд Киргизской АССР 10 октября 1936 г. приговорил по ст. 109 УК к 3 годам лишения свободы бывшего директора племхоза «Аламедин» Мархашева Ефима Романовича.

Кассационная коллегия Верховного суда РСФСР переквалифицировала деяние Мархашева по ст. 111 УК и определила ему наказание в 1 год и.-т. работ.

Прокуратура Союза опротестовала определение кассационной коллегии по следующим основаниям:

Переквалификацию деяния Мархашева и назначение ему наказания кассационная коллегия мотивировала отсутствием тяжелых последствий и первой судимостью Мархашева. Действительно, по имеющимся в деле данным, Мархашев судился впервые, однако, что касается тяжелых последствий деяния Мархашева, то вывод кассационной коллегии об отсутствии их явно противоречит материалам дела.

Мархашев в 1935 г. был назначен директором племхоза «Аламедин», где выращивался высокопородный скот «швид». Несмотря на наличие кормовых и денежных ресурсов, работа его привела к тому, что к весне 1936 г. скот оказался сильно истощенным. Имея с осени 1935 г. грубые корма в количестве, вполне обеспечивающем скот до выпаса, Мархашев не обеспечил сохранность кормов.

Корма эти расходовались хищнически, охрана сена и соломы не была организована, рацион для скота не был установлен. Все это привело к тому, что задолго до выхода на пастбище скот содержался в полуголодном состоянии, а вместе с тем имели место появление хилого приплода и падеж молодняка.

В период принятия Мархашевым совхоза в нем имелось 180 голов бруцеллезного скота. Несмотря на соответствующие требования ветперсонала, Мархашев не только не принял никаких мер к сокращению этого заболевания, наоборот, его работа привела к тому, что к весне 1936 г. больных бруцеллезом оказалось 443 головы. Мархашев не принял никаких мер к изоляции больного скота. Больной скот общался со здоровым на выпасе и водопое. На бруцеллезных быках ездили по всем участкам совхоза, в том числе и по тем, где содержался здоровый скот. Рабочие, обслуживающие бруцеллезный скот, имели доступ к здоровому. Наконец, несмотря на категорические требования ветврача о пастеризации молока, молодняку давалось молоко больных коров без предварительной пастеризации. Не принял Мархашев необходимых мер борьбы и с другими эпизоотиями, в результате чего рогатый скот, а также лошади и свиньи переболели мытом и чумой.

Противоэпизоотические мероприятия ветперсонала Мархашев всячески тормозил. Как видно из показаний ветврача свидетеля Терехина, когда появилась чума у свиней, Махрашев дал распоряжение этих свиней не лечить, а убивать на мясо. Это распоряжение до конца доведено не было только в связи с вмешательством в это дело районного ветврача и районного отделения НКВД. Пастеризации молока и устройства перевалочных пунктов для скота Терехину удалось добиться только после вмешательства специальной комиссии Наркомзема. Строительство телятников шло крайне медленно и качество этого строительства было неудовлетворительно. Несмотря на постоянно имевшиеся в хозяйстве эпизоотии, всю зиму 1935—36 г. племхоз был лишен каких-либо дезинфицирующих средств. Не было даже специальной повозки для перевозки павшего скота, перевозился он общими перевозочными средствами, что привело к разнесению инфекции по всему племхозу.

Все эти обстоятельства опровергают утверждение кассационной коллегии об отсутствии тяжелых последствий преступных действий Мархашева. Кроме того, органы предварительного следствия и суд не уделили необходимого внимания выяснению мотивов, которыми руководствовался Мархашев в своей преступной деятельности.

Определение кассационной коллегии Верховного суда РСФСР и приговор главного суда Киргизии в отношении Мархашева надлежит отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор главного суда Киргизской ССР от 14 октября 1936 г. и определение Верховного суда РСФСР от 22 ноября 1936 г. в части, касающейся Мархашева, отменить и дело его передать в прокуратуру Киргизской ССР для проведения дополнительного расследования.

НЕОБОСНОВАННОЕ ПРЕДАНИЕ СУДУ

Подготовительным заседанием главного суда Крыма от 14 января 1937 г. Абрамов С. С., директор симферопольского консервного завода,

имени 1 мая и главный бухгалтер того же завода Кабаков А. Я. были преданы суду по ст. 109 УК. Указанным выше лицам инкриминировалось израсходование без ведома Госбанка 15 746 рублей. Кроме этого, Абрамову инкриминировалось израсходование неоплаченного сахара, принадлежащего конторе Сахаросбыта в количестве 612 тонн.

Считая постановление главного суда Крыма неправильным, Прокуратура Союза ССР опротестовала его по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что хотя Абрамов допустил грубое нарушение правил кредитной реформы, реализуя продукцию завода и расходуя помимо Госбанка получаемые в результате этой реализации деньги, однако, поскольку эти расходы были произведены исключительно в интересах производства и никаких личных или корыстных целей Абрамов и Кабаков не преследовали, не было необходимости в привлечении их за израсходование этих денег к уголовной ответственности.

Что касается обвинения Абрамова в израсходовании сахара, принадлежавшего конторе Сахаросбыта, без оплаты, то как видно из полученного Прокуратурой Союза письма народного комиссара пищевой промышленности т. Микояна, это было вызвано наличием на заводе около 2000 тонн яблочного теста, которое начало подвергаться порче, и оставление этого теста без срочной переработки грозило причинением государству ущерба в размере около 2 миллионов рублей. В этих условиях Абрамов вынужден был использовать сахар, принадлежавший Сахаросбыту.

По распоряжению т. Микояна вся сумма задолженности за израсходованный сахар была рассрочена на три месяца и уже погашена полностью.

Действия Абрамова и Кабакова не повлекли за собой ущерба государству. Под их руководством завод досрочно выполнил программу и в настоящее время работает хорошо, и в отношении Абрамова и Кабакова правильнее ограничиться дисциплинарным взысканием.

Уголовно-судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры СССР, определила постановление подготовительного заседания Крымского главного суда о предании Абрамова и Кабакова суду отменить и дело в отношении их на основании примечания к ст. 6 УК РСФСР в уголовном порядке производством прекратить.

НЕ ЗАКОН ОТ 7 АВГУСТА 1932 г., А СТ. 109 УК

Приговором народного суда Б. Муртинского района Елгин Мартемьян Николаевич был осужден по закону 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества по обвинению в том, что, как гласит приговор «...воспользовавшись слабостью правления ЗРК, пробрался заведующим магазином... и за период своей работы занимался систематической пьянкой, растранжириванием, хищением из магазина кооперативного имущества, товаров, продуктов, брал сверх нормы, не уплачивая денег, в результате при производстве ревизии магазина... получилась растрата в сумме 2750 р. 92 коп., при получении товаров со складов, а также и с перевалочных пунктов старался получить товары, не внося в фактуры, которые шли полностью в его личное пользование».

Кассационного определения в деле нет, но имеется надпись на приговоре за подписью члена докладчика и печатью краевого суда, согласно которой определением УКК приговор оставлен в силе, а жалоба — без последствий.

Прокуратура Союза ССР, считая, что обвинение Елгина по закону 7 августа 1932 г. не обосновано материалами дела, опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям:

Факт растраты Елгиным 2750 р. 92 к. не доказан; несмотря на своевременно заявленное Елгиным обоснованное ходатайство, бухгалтерской экспертизы по делу не было; заявление на суде свидетеля Узунова о том, что все документы тщательно проверены и что обнаруженная у Елгина растрата вполне установлена, голословно и было принято народным судом без проверки.

Между тем, послужившие поводом к возбуждению этого дела акты от 25 октября и 17 ноября 1933 г. не проверялись ревизионной комиссией, сами по себе представляют голые цифровые итоги в денежном выражении и ни в какой мере не выявляют ни фактического (товарного) состава недостачи, ни ее причин.

Участие самого Елгина в составлении этих актов само по себе не доказывает растраты, тем более, что Елгин, не отвергая выведенного в этих актах расхождения между наличным остатком товаров в магазине с остатком по документам бухгалтерии ЗРК, с самого начала дела заявлял о неправильности и неточности учета документов бухгалтерией ЗРК.

Показания продавца Щербакова об отпуске им Елгину 18 метров костюмного трико и заведующего магазином Латынцева об отпуске им Елгину куля сахару не заслуживают доверия.

У Латынцева оказалась недостача сахара на 500 руб. и вполне возможно, что Латынцев, заявляя об отпуске Елгину без фактуры сахара, использовал неблагоприятно сложившиеся для Елгина условия для того, чтобы оговором Елгина снять с себя ответственность за недостачу сахара.

Обвинение судом Елгина в том, что он якобы «старался получать товары, не внося в фактуры», не вытекает из обстоятельств дела, так как из показаний Щербакова и Латынцева не следует, что Елгин просил или добивался отпуска ему трико и сахара без выписки фактуры.

В то же время это обвинение противоречит частному определению народного суда, где последний сам констатирует, что отпуск товаров без фактур был «в системе ЗРК».

Объяснение Елгина, что обнаруженные и изъятые у него при обыске продукты, материалы и деньги принадлежали ему и его семье, не проверялось и не опровергнуто, причем стоимость обнаруженных продуктов и материалов ни в протоколе обыска, ни в документах о сдаче их в ЗРК не указана.

Обвинение Елгина в систематическом пьянстве ничем на суде не подтверждено, так как ни один из допрошенных на суде свидетелей (Щербаков, Латынцев и Узунов) никаких показаний по этому вопросу на суде не давал, а Латынцев даже заявил, что «за Елгиным ни-

чего особенного не замечал», показание же по этому вопросу на расследовании Замараева судом не проверялось, да и он говорил только о двух конкретных случаях пьянок, причем об одном — со слов другого лица.

Для обвинения Елгина в том, что он, «воспользовавшись слабостью правления ЗРК злоумышленно «пробрался заведующим магазином», в деле нет никаких данных, кроме одного лишь голого факта, что Елгин — спецпереселенец, высланный в трудпоселок в составе семьи отца-кулака. Между тем, этот факт Елгиным не скрывался и был известен и правлению ЗРК и местным органам, контролирующим и согласовывающим поступление спецпереселенцев на те или иные работы.

При всех указанных условиях доказанным по делу является лишь то, в чем Елгин с самого начала расследования признал себя виновным, т. е. то, что он брал из магазина разные продукты без оплаты в счет будущих очередных получек зарплаты в пределах до 100 руб.

Президиум Красноярского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил переквалифицировать преступление Елгина с закона 7 августа на ст. 109, в соответствии с чем снизить ему меру наказания до 3 лет лишения свободы и вследствие отбытия этого срока из-под стражи его немедленно освободить.

НЕБРЕЖНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ

16 октября 1935 г. народный суд г. Костромы приговорил: Степанова Андрея Васильевича, рабочего, столяра с 38-летним производственным стажем, работавшего десятником на постройке дома для фабрики им. Ленина, по ст. 111 УК к 1 году и.-т. работ; Егорова Николая Александровича, рабочего, каменщика, работавшего на постройке домов нормировщиком-тарификатором, по ст. 111 УК к 8 месяцам и.-т. работ и Матросова Анатолия Николаевича, рабочего, плотника, работавшего на постройке домов нормировщиком-тарификатором, по ст. 111 УК к 1 году и.-т. работ.

Кассационная коллегия Иваново-Промышленного областного суда 3 ноября 1935 г. приговор народного суда оставила в силе.

Проверявшая дело в порядке надзора Прокуратура ИПО 8 марта 1936 г. не нашла оснований для опротестования приговора и жалобу Степанова оставила без последствий.

Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда и определение УКК областного суда по следующим основаниям:

Осужденные были признаны виновными в том, что по вине нормировщиков-тарификаторов Матросова и Егорова были допущены неправильности в установлении расценок при выплате зарплаты рабочим строительства, десятник Степанов не следил за правильностью расценок, неаккуратно и небрежно, простым карандашом писал наряды по выполненным работам, не следил за правильным расходованием лесоматериалов, в результате чего получился перерасход по строительству на 34 808 руб. 24 коп.

Предварительное следствие и суд допустили исключительно поверхностный подход к этому делу.

Констатировав перерасход, предварительное следствие не позаботилось выяснить, кто должен нести за него ответственность. Этот грубый дефект следствия был отмечен постановлением прокурора г. Костромы, вернувшего дело для дополнительного расследования.

Это указание, однако, не было выполнено.

Когда при первом слушании дела, 10 августа 1935 г., народный суд, выслушав заявление эксперта Кузнецова о том, что уточнить расценки экспертиза не может, так как для этого мало времени, что цены установить вообще трудно, что давать исчерпывающее заключение без обвиняемых и проверки имеющихся у них документов нельзя, вынес определение о направлении дела к доследованию, то это определение было опротестовано прокуратурой г. Костромы и отменено кассационной коллегией облсуда ИПО.

Суд обвиняет Степанова в том, что он писал неграмотно и небрежно наряды на выполненные работы. При этом суд не устанавливает ни злоупотреблений, ни корысти. Остается, таким образом, только неграмотное писание нарядов. Но за неграмотность не предают уголовному суду.

Предварительное следствие и суд обязаны были выяснить, действительно ли на обязанности Степанова лежало наблюдение за правильностью расценок. В деле имеются указания, что эта обязанность лежала на непосредственном начальнике всех осужденных — инженере Козловском.

По обвинительному заключению перерасход в сумме 34 808 руб. 24 к. делится на перерасход по зарплате 26 598 руб., а остальная сумма в 8 210 руб. — на перерасход лесоматериалов. Между тем, эксперт Никитин, давший в судебном заседании заключение, устанавливает, что завышение расценок, имевшее место в отдельных случаях, не могло повлиять на значительное удорожание работ.

Наконец, у суда не мог не возникнуть вопрос, какова же роль в допущении перерасхода в такой значительной сумме руководителей постройки — инженеров Козловского и Никитина.

Суд не только не поставил перед собой и не разрешил этого основного вопроса, но считал вполне нормальным положение, когда человек, ответственный за постановку строительной работы, т. е. начальник осужденных, выступает экспертом по делу.

Только поверхностный подход к делу мог продиктовать приговор, по которому старые рабочие производственники, из коих Степанов имеет 38-летний производственный стаж, много раз премировавшийся, оказались осужденными, при абсолютной недоказанности обвинения.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор суда отменить и дело в отношении Степанова, Матросова и Егорова в уголовном порядке прекратить. Возникает законный вопрос: почему прокуратура ИПО прозевала такое дело?

ИСК О ВОЗМЕЩЕНИИ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЕННЫХ ПРЕСТУПНОЙ ХАЛАТНОСТЬЮ

Приговором народного суда 4 участка г. Ростова на Дону от 28 октября 1935 г. гр-ка Савенко Елена Ивановна была признана виновной в том, что, работая кассиром расходной кассы № 2 Ростовского городского отделения

Черноморской конторы Госбанка, выдала неизвестной женщине по подложному чеку, написанному от имени Свинкоопхоза № 1, 20 735 руб., не сличив по своей халатности подписей на чеке контролеров Госбанка с имевшимися у нее образцами.

Квалифицируя деяния Савенко по ст. 111 УК, народный суд приговорил ее к 1 году и.-т. работ условно с испытательным сроком в 2 года и взыскал с нее в возмещение причиненного ее действиями убытка в пользу Госбанка 4 000 руб.

Судебно-кассационная коллегия Азово-Черноморского краевого суда, рассмотрев 5 ноября 1935 г. кассационную жалобу Савенко, пришла к выводу, что осуждена она по ст. 111 УК правильно, и в этой части приговор народного суда утвердила. В части присуждения с гр-ки Савенко гражданского иска судебно-кассационная коллегия признала приговор неправильным и в иске Госбанку отказала на том основании, что руководство отделения Госбанка не уделяло должного внимания чековым операциям и не обеспечило надлежащего хранения чековых книжек, вследствие чего и явилась возможность получения денег по подложному чеку.

Одновременно частным определением судебно-кассационная коллегия Азово-Черноморского краевого суда возбудила дисциплинарное преследование против руководства отделения Госбанка, не обеспечившего хранение социалистической собственности.

Прокуратура Союза, считая определение судебно-кассационной коллегии Азово-Черноморского краевого суда в части отказа в гражданском иске Госбанка к гр-ке Савенко неправильным, опротестовала его по следующим основаниям:

Халатное отношение гр-ки Савенко к своим служебным обязанностям, в результате чего последовала выплата по подложному чеку 20 735 руб., вполне доказано и констатируется самой судебно-кассационной коллегией, утвердившей приговор в части признания гр-ки Савенко виновной по ст. 111 УК. То обстоятельство, что против руководства отделения Госбанка возбуждено дисциплинарное преследование за неправильную постановку работы по чекам и ненадлежащее их хранение, способствовавшее возможности получения денег по подложному чеку, не могло служить основанием к отказу Госбанку в предъявлении им к гр-ке Савенко иска о возмещении причиненных ее халатностью убытков и давало лишь основание к постановке вопроса, насколько правильно определен размер гражданской ответственности гр-ки Савенко, поскольку таковую должны нести и другие лица.

Президиум Азово-Черноморского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение кассационной коллегии краевого суда отменить и дело передать в другую кассационную коллегию на новое рассмотрение.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ НЕ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

Народный суд 3 участка Киевского района г. Москвы 1 октября 1936 г., рассмотрев дело по иску райжилотдела Киевского района, к гр-ке Михайловой об изъятии излишков жилплощади, решил: выселить гр. Меркулова из комнаты размером 29 кв. м (каковую комнату Михайлова сдавала Меркулову), в указанную комнату вселить Михайлову, а комнату в 12 кв. м изъять у Михайловой и передать ее райжилотделу.

Кассационная коллегия городского суда 1 ноября 1936 г. решение народного суда утвердила.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда и определение кассационной коллегии городского суда по следующим основаниям:

Комнаты, о которых идет речь, находятся в 6 этаже дома № 2/5 по Кармалинскому пер. (кв. № 23).

Верхний (6-й) этаж указанного дома представляет собой квартиры особого типа: они специально приспособлены для мастерских художников.

Как было установлено осмотром на месте, произведенным представителем Прокуратуры СССР, квартира 23 состоит из 2 комнат: комнаты в 29 кв. м с большим окном во всю стену и подсобной при ней комнаты в 12 кв. м. Целевое назначение этой квартиры — ателье для художника. Квартира эта в течение десятилетий была мастерской-студией.

До 1935 г. мастерскую с подсобной при ней комнатой занимал художник Михайлов. По выезде Михайлова его жена, продолжая занимать подсобную комнату, сдала мастерскую в пользование художнику Меркулову. Меркулов уже свыше 4 месяцев мастерскую не занимает и из Москвы выехал.

Постановив переселить гр-ку Михайлову из подсобной комнаты (12 кв. м) в мастерскую (29 кв. м), а подсобную комнату передать райжилотделу для заселения лицами, нуждающимися в площади, народный суд поступил неправильно.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 апреля 1935 г. (СУ 1935 г. № 12, ст. 123) действие постановления ВЦИК и СНК от 20 августа 1933 г. («О жилищных правах научных работников») распространено на художников и скульпторов, являющихся членами союзов художников и скульпторов, с предоставлением названным союзам тех же прав по распоряжению жилплощадью, какие предоставлены секциям научных работников.

По освобождении мастерской, занятой художником Михайловым, такова, согласно § 18 и 21 инструкции НККХ и НКЮ РСФСР и КСУ при СНК СССР от 21 октября 1933 г. (действие которой циркуляром НККХ и НКЮ РСФСР № 102/45 от 5 мая 1935 г. распространено на союзы художников и скульпторов) могла быть занята лишь по ордеру, выданному Московским областным союзом советских художников.

Народный суд, рассматривая вопрос о судьбе мастерской, не выяснил ее назначения, полагая, что имеет дело с жилой площадью обычного типа, и к рассмотрению дела не привлек Московский областной союз художников.

Постановив переселить в мастерскую гр-ку Михайлову с детьми, суд вынес решение, противоречащее специальному назначению мастерской.

Это решение, ведущее к изъятию специально построенной мастерской из числа немногих, имеющихся в Москве, помещений подобного типа не может быть оставлено в силе.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, — по-

становил решение народного суда от 1 октября 1936 г. изменить следующим образом: слова «вселить в комнату 29 кв. м Михайлову с семьей, комнату 12 кв. м, занимаемую Михайловой, как излишнюю и служившую предметом эксплоатации со стороны Михайловой, изъять у Михайловой, выселить из нее Михайлову и передать райжилотделу Киевского района» исключить из решения суда и заменить их словами: «Комнату в 29 кв. м передать в распоряжение Московского областного союза советских художников для использования согласно действующим правилам».

НЕЗАКОННЫЙ ОБМЕН ЖИЛОЙ ПЛОЩАДЬЮ

Проживавший в квартире 12, в доме № 22, по Порядковому переулку (г. Москва, жакт № 316) гр. Борисов Е. М. 26 февраля 1936 г. обменял свои две комнаты размером 16 кв. м на комнату (размером 11 кв. м) гр. Ямпольского М. М., проживавшего в частновладельческом доме в с. Ново-Коптево, Октябрьского района, Московской области по 3 Ново-Коптевскому проезду д. № 8/19. На своей площади Борисов проживал с женой и ребенком, а Ямпольский — с семьей в 4 человека. Свою комнату Ямпольский получил за 800 руб. в постоянное пользование по договору от 15 ноября 1932 г. от основного арендатора дома гр. Каменецкого С. Г.

В марте 1936 г. Борисов продал свою комнату за 2000 руб. гр. Срулову, а сам выехал неизвестно куда.

Считая обмен комнатами между Борисовым и Ямпольским фиктивным, гр-ка Фролова, проживающая в кв. № 13 дома № 22 по Порядковому пер. и занимавшая с ребенком и матерью комнату в 3,97 кв. м, предъявила иск о признании этого обмена недействительным и о выселении гр. Ямпольского из комнаты б. Борисова с предоставлением этой комнаты ей, Фроловой.

28 июня 1936 г. народный суд 2 участка Октябрьского района иск удовлетворил.

По этому решению народного суда гр. Срулов должен был освободить комнату б. Ямпольского, последний должен был освободить комнату Борисова и переселиться в свою прежнюю комнату (в доме № 8/19 по Ново-Коптевскому пер.), комнату же Борисова суд предоставил гр-ке Фроловой.

Гражданская кассационная коллегия Московского городского суда 10 июля 1936 г. это решение отменила и передала дело на новое рассмотрение.

При вторичном рассмотрении дела, 28 августа 1936 г., народный суд в иске Фроловой отказал.

Кассационная коллегия Московского городского суда 26 сентября 1936 г. это решение оставила в силе.

Прокуратура Союза, считая это решение народного суда и определение кассационной коллегии Московского городского суда неправильными, опротестовала их по следующим основаниям:

Никакого права собственности гр. Ямпольский на комнату в доме № 8/19 по 3 Ново-Коптевскому проезду не приобрел.

Еще договор от 15 ноября 1932 г. с гр. Каменецким вытекает из договора последнего с домовладельцем гр. Мухиным от 10 сентября 1932 г.

По этому договору Мухин сдал Каменецкому и Грудскому сарай в своем дворе под жилое помещение сроком на 2 года.

За произведенное переоборудование сарая под жилое помещение Каменецкий и Грудский освобождаются от уплаты арендной платы в течение 2 лет. Срок этот может быть (п. 4 договора) продлен с ежемесячной уплатой по 60 руб. По п. 5 договора арендаторы имеют право передать занимаемое помещение, или части его, другим лицам на тех же условиях. Поэтому договор Ямпольского с Каменецким от 15 ноября 1932 г. не есть договор купли-продажи комнаты, а есть лишь договор аренды.

При этих условиях продажа Борисовым Срулову за 2000 руб. приобретенной в порядке обмена с Ямпольским комнаты есть явная спекуляция.

Что обмен являлся фиктивным, знал и гр. Ямпольский. Это видно из объяснения доверенного Ямпольского, подтвердившего в судебном заседании 28 августа 1936 г., что Ямпольский узнал, что Борисов собирается уезжать только тогда, когда ему предложили подписать передаточную.

Фиктивность этого обмена подтверждается тем, что Борисов реально не использовал жилплощади, полученной в обмен (§ 11 инструкции НККХ и НКЮ № 150/105 от 19 июля 1934 г. «Об условиях и порядке обмена жилыми помещениями»).

Обмен этот является неправильным еще и потому, что совершен с нарушением § 8 п. «г» указанной выше инструкции НККХ и НКЮ № 150/105 от 19 июля 1934 г., согласно которому требуется, чтобы в результате обмена было не менее 5 кв. м на человека в жилищном помещении. По размеру жилплощади в комнатах Борисова и в комнате Ямпольского приходящаяся на человека жилплощадь меньше 5 кв. м.

При таких условиях гр. Ямпольский должен быть возвращен на прежнюю свою площадь, в дом № 8/19 по Ново-Коптевскому проезду, а комната, бывшая Борисова в д. 22 по Порядковому пер., должна быть передана жакту № 316 для распределения среди своих членов. Нужно еще принять во внимание, что жакт в судебном заседании 28 августа признал иск.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил решение народного суда и определение кассационной коллегии народного суда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе.

ИЗЪЯТИЕ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ ПО ФОРМАЛЬНЫМ ОСНОВАНИЯМ НЕПРАВИЛЬНО

Писатель Иванов-Грамен занимал 2 комнаты общей площадью 42 кв. м в д. № 16 по Малой Лубянке. В одной комнате площадью 18 кв. м жил сам Иванов-Грамен, а в другой площадью 24 кв. м — его брат, писатель Иванов-Павлов с женой. 24 сентября 1934 г. Иванов-Павлов выехал с женой на Сахалин по договору с газетой «Сахалинский рабочий».

Еще до истечения трехмесячного срока со дня отъезда гр. Иванова-Павлова комендатура дома и жильцы Массальский и Медведев предъявили иск об изъятии комнаты в 24 кв. м у гр. Иванова-Грамена.

Иск был основан на том, что Иванов-Павлов при отъезде не получил брони на занимаемую им жилищную площадь и что он не имеет права на сохранение жилищной площади, так как он не имел самостоятельного лицевого счета (лицевой счет открыт был на Иванова-Грамена).

13 ноября 1934 г. народный суд в иске комендатуре дома № 16 и гр. Массальскому отказал.

Кассационная коллегия 8 декабря 1934 г. решение народного суда отменила и передала дело на новое рассмотрение.

8 января 1935 г. народный суд решил изъять у гр. Иванова-Грамена комнату в 24 кв. м и передать эту комнату гр. Массальскому, а комнату, занимаемую гр. Массальским, передать гр. Калухчьянцу.

27 января 1935 г. кассационная коллегия решение оставила в силе. Президиум Московского городского суда 25 июня 1935 г., не подвергнув обсуждению основной вопрос иска о законности изъятия площади Иванова-Павлова, отменил решение народного суда, передав на новое рассмотрение вопрос о распределении изъятой комнаты между Массальским и Калухчьянцем. 4 января 1935 г. народный суд решил оставить спорную площадь за гр. Массальским. Решение это было приведено в исполнение.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда по следующим основаниям:

Утверждение суда о том, что Иванов-Павлов не имеет самостоятельного права на спорную жилищную площадь, необосновано. Иванов-Павлов проживал на спорной площади с 1925 г. до 1934 г. совместно с братом, ведя с ним общее хозяйство.

При таких условиях то обстоятельство, что жиро-приказы выписывались на имя одного из братьев, Иванова-Грамена, не имеет значения и не лишает члена семьи Иванова-Павлова самостоятельного права на жилищную площадь.

Не может служить основанием для занятия жилищной площади Иванова-Павлова и то обстоятельство, что он при отъезде на Сахалин не получил в установленном порядке брони от мосжилотдела.

На основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1932 г. за работниками, направляемыми на дальний Север, сохраняется жилищная площадь в месте прежнего проживания и она может быть занята лишь временно, до приезда работника, за которым сохраняется жилищная площадь. Право на сохранение жилищной площади за временно уезжающими на крайний север, создает упомянутый закон, а не броня. Броня является лишь оформлением права, предусмотренного законом. Принимая во внимание то, что Иванов-Павлов получил от Сахалинснаба ходатайство о выдаче брони 21 сентября 1934 г., а выехать Иванов-Павлов должен был 24 сентября 1934 г., есть основание доверять утверждению Иванова-Павлова о том, что он не успел оформить своего права на сохранение жилищной площади получением брони от жилищного отдела. Решение народного суда об изъятии жилищной площади Иванова-Павлова является неправильным и противоречит обстоятельствам дела и закону.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила на основании ст. 254 ГПК решение народного суда 3 участка Сокольнического района, постановление президиума Московского городского суда и все предыдущие решения и определения отменить и дело передать на новое рассмотрение в Московский городской суд по первой инстанции.

ОТКАЗ В ВЫПЛАТЕ ЗА ВЫНУЖДЕННЫЙ ПРОГУЛ

Гр. Толстолыткин работал в качестве управляющего Называевским райлесхозом.

15 апреля гр. Толстолыткин был снят с работы управляющего райлесхозом во время своего очередного отпуска.

3 октября РКК при Управлении лесами местного значения признала увольнение Толстолыткина неправильным и рекомендовала ему предъявить иск к Называевскому райлесхозу о взыскании за вынужденный прогул. Инспектор труда оргбюро ВЦСПС утвердил постановление РКК в части признания неправильности увольнения Толстолыткина и направил дело о взыскании денежных сумм в народный суд.

28 июня 1935 г. начальник областного управления лесами местного значения также признал увольнение Толстолыткина неправильным.

Народный суд, разбирая дело по иску Толстолыткина к Называевскому райлесхозу об оплате за вынужденный прогул с 15 апреля 1935 г. до 1 июля 1935 г., т. е. до момента поступления Толстолыткина на работу, решил 29 января 1936 г. взыскать в пользу Толстолыткина 876 руб. за вынужденный прогул.

Кассационная коллегия Омского областного суда 7 марта 1936 г. определила решение народного суда отменить и дело производством прекратить, исходя из тех соображений, что вопрос о неправильном увольнении Толстолыткина не мог рассматриваться РКК, так как Толстолыткин не обжаловал увольнения в установленном порядке и народный суд не имел законных оснований принимать дело к своему производству.

Прокуратура Союза опротестовала решение кассационной коллегии Омского областного суда по следующим основаниям:

С неправильностью увольнения Толстолыткина согласилась не только РКК, но и администрация вышестоящего учреждения. Утверждение кассационной коллегии о том, что Толстолыткин не обжаловал неправильности увольнения, неосновательно. В деле имеется справка о том, что областным управлением увольнение Толстолыткина было признано неправильным.

При наличии признания неправильности увольнения Толстолыткина вышестоящим учреждением и при наличии постановления РКК, утвержденного инспектором труда, Толстолыткин, имея прямые указания инспектора труда, имел все основания взыскивать за вынужденный прогул в судебном порядке.

Решение народного суда о взыскании в пользу Толстолыткина вполне законно и не противоречит трудовому законодательству и определение кассационной коллегии областного суда от 7 марта 1936 г. подлежит отмене, с оставлением в силе решения народного суда от 29 января 1936 г.

Президиум Омского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение ГКК областного суда отменить, оставив в деле решение народного суда.

Практика Прокуратуры Союза ССР по общему надзору

«ПРАВОТВОРЧЕСТВО» ПРОКУРАТУРЫ УССР

Целым рядом постановлений правительства Союза ССР установлено право некоторых учреждений выселять из принадлежащих им домов лиц, утративших связь с этими учреждениями, в административном порядке без предоставления этими учреждениями выселяемым другой жилой площади (постановления ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1931 г. «О выселении посторонних лиц из помещений, принадлежащих органам транспорта», от 17 августа 1931 г. «О выселении посторонних лиц из домов Наркомвоенмора», от 13 сентября 1931 г. «О выселении из помещений, находящихся на территории предприятий госпромышленности, имеющей оборонное значение», от 17 апреля 1932 г. «О выселении из школьных помещений» и др.).

В прямое нарушение указанных законов прокурор Украинской ССР циркуляром от 31 мая 1936 г. за № 1541 дал указание о том, что административное выселение трудящихся без предоставления им другой жилой площади, как правило, не должно допускаться.

Этот циркуляр, как не основанный на законе прокурором УССР, по предложению Прокуратуры СССР отменен.

ВЗЫСКАНИЕ ШТРАФА ЗА ПРОСТУЮ КОНТРАБАНДУ

Дзержинская райсберкасса № 1565 отказала Ленинградской таможне в обращении взыскания штрафа, наложенного за простую контрабанду на гр-ку Шульфатер, на вклад последней, хранящийся по книжке № 8524, ссылаясь на ст. 10 Положения о государственных трудовых сберегательных кассах.

Распоряжение это было опротестовано Прокуратурой СССР перед Главным управлением государственных трудовых сберегательных касс и госкредита НКФ СССР ввиду нарушения им разъяснения 33 пленума Верховного суда СССР от 11 мая 1933 г. «О порядке наложения арестов и обращения взысканий на вклады в сберегательных кассах по делам о простой контрабанде».

Согласно этому разъяснению, постановления таможен о наложении взысканий на вклады в сберкассах сообщаются соответствующему народному суду, который, установив соответствие постановления таможни указаниям таможенного устава, выносит постановление об обращении взыскания на вклады, находящиеся в гострудсберкассе.

В данном конкретном случае Ленинградская таможня обращалась в народный суд 47 участка Кировского района г. Ленинграда, который 21 декабря 1936 г. вынес решение об обращении взыскания на вклад гр-ки Шульфатер в сумме 17 000 руб., находящийся в сберкассе № 1565.

Главное управление государственных трудовых сберегательных касс и госкредита НКФ СССР предложило Дзержинской райсберкассе обратить, по постановлению Ленинградской таможни, взыскание на вклад гр-ки Шульфатер.

НАЛОЖЕНИЕ ШТРАФОВ НА ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ КОЛХОЗОВ ОБЩИМИ СОБРАНИЯМИ КОЛХОЗОВ НЕПРАВИЛЬНО

Заместитель народного комиссара земледелия СССР т. Демченко 25 февраля 1937 г. издал приказ «О протравливании семян от головни». В числе мер, направленных к своевременному и надлежащему протравливанию семян, этот приказ предлагал: «В соответствии с п. 17 устава сельхозартели рекомендовать колхозам, по решению общего собрания налагать штраф в размере 5 трудодней на председателей колхозов, не обеспечивших доброкачественного протравливания семян и подписавших акт о протравливании».

Прокуратура СССР опротестовала этот приказ, указав, что случаи недоброкачественного протравливания семян при условии подписания председателями колхозов акта о протравливании могут явиться результатом либо небрежности, либо преступного умысла. В обоих случаях такие действия подлежат расследованию органами прокуратуры и должны влечь за собой при подтверждении этих фактов привлечение председателей колхозов к судебной ответственности. При отсутствии же состава преступления в действиях этих председателей колхозов может итти речь лишь о несоответствии их своему назначению. Во всяком случае нельзя признать правильным наложение штрафов на председателей колхозов ни с точки зрения поддержания в колхозе трудовой дисциплины, ни с точки зрения укрепления авторитета председателей колхозов.

В связи с протестом Прокуратуры СССР т. Демченко свой приказ в части, устанавливающей наложение общими собраниями колхозов взысканий на председателей колхозов, отменил.

По союзным республикам

РСФСР

О нарушениях социалистической законности административными комиссиями при райисполкомах и горсоветах Ярославской области

Согласно постановлению ВЦИК и СНК от 30 марта 1931 г. при исполкомах и горсоветах действуют административные комиссии. Задачей их является борьба с нарушениями обязательных постановлений, издаваемых местными органами власти. Комиссиям предоставлено законом право применять к нарушителям такие меры взыскания, как предупреждение, штраф до 100 руб. и и.-т. работы до одного месяца. Закон устанавливает определенный порядок деятельности административных комиссий, безоговорочное соблюдение которого должно гарантировать от нарушений законности самими комиссиями и охранять граждан от незаконных посягательств на их имущественные права, неприкосновенность личности и тому подобное. Наряду с этим административные комиссии призваны бороться за исполнение гражданами законов и воспитывать уважение к правилам социалистического общежития.

В связи с введением новой Сталинской Конституции вопросы точного соблюдения закона об административных взысканиях, налагаемых на граждан, приобретают особенно актуальное значение. Вот почему в настоящее время на работу административных комиссий должно быть обращено самое серьезное внимание. Между тем, до сих пор деятельностью административных комиссий никто не интересуется. Исполкомы и горсоветы считают работу комиссий малозначительной, представляющей интерес лишь из фискальных соображений, а не с точки зрения укрепления социалистической законности. В результате работа административных комиссий по Ярославской области в целом характеризуется многочисленными нарушениями законности, сопровождающимися грубым ущемлением прав граждан и извращениями элементарных требований советской демократии.

Нарушения законности выражаются преимущественно в следующем:

Незаконный состав комиссий. Всякое постановление административной комиссии, принятое в незаконном ее составе, является незаконным со всеми вытекающими отсюда последствиями. Состав административных комиссий и срок их полномочий определяется решением президиума исполкома или горсовета. Этот порядок, как правило, не соблюдается ни в одном из районов области, за очень редким исключением. Так, например, в Кировском и Сталинском районах г. Ярославля комиссия рассматривает дела в составе двух человек. Комиссия при Буйском рике состоит из 5 человек, а на заседаниях участвуют только двое.

В Костроме на двух заседаниях комиссии в ноябре 1936 г. участвовал только один законный ее член, причем было рассмотрено 148 протоколов. В Галичском районе комиссия состоит из двух членов, при этом один из ее членов — начальник милиции составляет постановления, а второй член комиссии время от времени заходит в РОМ и подписывает эти постановления. Принцип коллегиальности, таким образом, грубо нарушается, что создает почву для нарушений законности.

Подмена комиссий начальниками отделений милиции. В ряде районов фактически и юридически комиссий вовсе не существует, а их права и обязанности при попустительстве исполкомов присвоены начальниками райотделов милиции, единолично решающими вопросы о наложении взысканий на граждан. В городах Рыбинске и Ярославле комиссии организованы не при горсоветах, а при отделениях милиции, что, по сути дела, при отсутствии постоянных и законно назначаемых членов комиссий означает присвоение прав комиссии начальниками милиции. Так, например, начальник Нейского РОМ самостоятельно наложил взыскание по 27 протоколам без ведома комиссии. Начальник 1-го отделения РОМ г. Рыбинска т. Филиппов единолично оштрафовал гражданина Маслова П. А. на 20 руб., гражданина Игнатовского на 50 руб., Белова на 100 руб., Чернова на 15 дней и.-т. работ, Потемкина на 25 руб. и так далее. Начальник горотдела РКМ г. Костромы единолично прекращает дела и заменяет меры взыскания также без ведома комиссии, вопреки требованиям закона. Такое явление наблюдается почти во всех районах.

Нарушения порядка составления протоколов и постановлений. В целях охраны прав граждан от злоупотреблений должностных лиц закон предусматривает определенную форму составления протоколов и постановлений об административных взысканиях. Подвергнутый взысканию должен быть осведомлен о том, в чем заключается существо допущенного им нарушения, какое действующее постановление он нарушил, порядок обжалования постановления административной комиссии и тому подобное. Практика работы административной комиссии изобилует грубыми нарушениями установленного законом порядка оформления административных взысканий. Зачастую гражданин совершенно не знает, почему его оштрафовали, имеет ли он право жаловаться на незаконные действия органов милиции или административной комиссии и кому именно. Так, например, 1-е отделение РКМ г. Рыбинска взыскало штраф в сумме 50 руб. с гражданина Попова, причем кроме никем не подписанной пометки на постановлении «штраф 50 рублей», никаких других документов, дающих законное основание для взыскания штрафа, в деле нет. В Пречистенском районе вовсе не выносились в 1936 г. постановления о наложении взысканий. Их заменяла резолюция начальника милиции на протоколе о нарушении.

Нарушение сроков возбуждения и рассмотрения дел. По закону

нарушение обязательного постановления, влекущее за собой административную санкцию, должно быть рассмотрено комиссией в месячный срок с момента самого нарушения. Постановление о наложении взыскания в 2-месячный срок со дня нарушения вручается нарушителю и в 5-месячный срок с момента вынесения приводится в исполнение. Несоблюдение указанных сроков во всех случаях влечет прекращение дела. На практике установленные законом сроки в ряде случаев нарушаются, что обесценивает работу комиссий и сводит на-нет их борьбу за исполнение гражданами законов. Так, например, в Рыбинске за 1936 г. более 50% постановлений не были своевременно исполнены, и из 363 тыс. руб. штрафов взыскано только 117 тыс. руб., в Ермаковском районе наложено штрафов на 4195 руб., а взыскано 993 руб., в Ростове взыскано лишь 20% штрафов. В Ростовском районе из 155 постановлений о наложении взысканий за лесонарушения исполнено только 5, а остальные подлежат прекращению за пропуском срока.

В Костромском районе подвергнуто взысканиям за 1936 г. 591 человек, а исполнены постановления только в отношении 128 человек.

Незаконное наложение взысканий. Административные комиссии имеют право налагать взыскания за нарушение лишь действующих обязательных постановлений, предусматривающих административную санкцию. Между тем, наблюдаются случаи наложения взысканий за такого рода действия, которые или вовсе не преследуются в административном порядке или влекут за собой иную ответственность. Кроме того, нередко административные комиссии привлекают к ответственности за крайне незначительные нарушения, применяют меры взыскания, не предусмотренные законом, и тому подобное. Так, например, в Ермаковском районе комиссия наложила штраф в 75 руб. за «извивание льноволокна на веревки». По протесту прокурора штраф снят. Комиссия при Чухломском рике оштрафовала гр. Маслова за нерегистрацию собаки. Между тем, обязательные постановления рика о регистрации собак нет. Штраф снят по протесту прокурора. В Буйском районе комиссия накладывала штрафы за лесонарушения до 200 руб. и выше.

Работник пожарной охраны гр. Баранов был оштрафован на 25 руб. «за халатное отношение к исполнению служебных обязанностей».

В Мологском районе комиссия оштрафовала рабочего Иванова на 50 руб. за то, что он зашел в сад с гр. Чивилихиным и нарвал крыжовника. Гр. Тюрина комиссия оштрафовала на 50 руб. «за халатное отношение к колхозной лошади». Гр. Демидов оштрафован на 50 руб. за то, что без разрешения качался на качелях в саду. С гр. Баранова и Кузнецова взыскано по 50 руб. штрафа неизвестно за что, так как постановления комиссии нет. Гр. Иванов был оштрафован на 50 руб. за то, что без билета прошел в общественный сад, а гр. Тютинову в то же время за хулиганский дебош в саду и сопротивление милиции дан штраф в 30 руб.

Перечисленные нарушения опротестованы прокурорами.

Массовое наложение штрафов. Грубейшим нарушением законности и основным недостатком в работе административных комиссий является массовое наложение штрафов и пренебрежение иными мерами воздействия. Так, например, по 19 районам (включая Рыбинск, Кострому и за II полугодие 1936 г. Ярославль) за 1936 г., по неполным данным, оштрафовано административными комиссиями 22 047 человек, или 90% всего количества привлеченных к административной ответственности, причем общая сумма штрафа только по 3 городам и 7 районам составляет 670955 руб., или в среднем по этим районам на одного человека штраф составлял 36 руб.

В Судайском, Ермаковском, Прафеньевском и Борисоглебском районах комиссии применяли к нарушителям только одну меру взыскания — штраф. Такая мера воздействия, как предупреждение, или вовсе не применяется (Рыбинск, Ярославль, Судай, Ермаки, Буй, Нея, Б. Село, Мышкино, Борисоглебск и другие районы), или назначается комиссиями в единичных случаях. Так, например, в Костроме из 4745 человек, подвергнутых административному взысканию, лишь 119 было сделано предупреждение (2%), в Любимском районе из 453 человек получили предупреждение только 9 человек, в Нерехтском из 787 человек только — 3 и т. д.

Столь же незначительно и применение и.-т. работ.

Таким образом в работе комиссий имеется резко выраженный уклон в сторону массового наложения штрафов на трудящихся за всякого рода, в том числе и малозначительные, нарушения.

Необходимо резко изменить практику наложения штрафов и основной упор сделать на общественно-массовую работу и соответствующие меры воздействия.

Несоблюдение порядка обжалования постановлений комиссий. Административные комиссии, как правило, не разъясняют подвергнутым взысканию их права на обжалование в 5-дневный срок постановления комиссии в соответствующий исполком. В результате из нескольких десятков тысяч постановлений обжаловано в исполкомы по всей области буквально несколько сотен, а в органы прокуратуры такого рода жалоб почти вовсе не поступает. В Буйском районе ни в одном из постановлений комиссии не указан порядок обжалования.

Отсутствие контроля и руководства работой административных комиссий со стороны исполкомов. Райисполкомы и горсоветы совершенно не занимаются вопросами деятельности административных комиссий и ограничиваются тем, что перелагают ответственность за эту работу целиком на органы милиции. Не случайно поэтому, что административные комиссии числятся, как правило, не при исполкомах и горсоветах, а при РОМ, причем оформление материалов, исполнение постановлений и тому подобное осуществляется техническим аппаратом милиции, а не исполкомов. В результате органы милиции загружаются несвойственными им обязанностями, что мешает их оперативной работе, а с другой стороны, и это особенно важно отметить, граждане считают административную комиссию подсобным подчиненным органом милиции, а не рай(гор)советов. Исполкомы не оформляют в законном порядке постоянного состава комиссий, не проверяют по существу их работы, не заслушивают отчетов комиссий, не привлекают к участию в их ра-

боте членов секций революционной законности допускают волокиту с рассмотрением жалоб и не борются с нарушениями законности. Значительная доля вины падает при этом на облисполком, до сих пор не выработавший положения о работе административных комиссий и совершенно не интересующийся их деятельностью.

Органы прокуратуры на местах до сих пор не осуществляли систематического надзора за работой административных комиссий, не придавали этой работе серьезного значения и лишь в редких случаях ограничивались общей проверкой работы комиссий 1—2 раза в год.

В конце 1936 г. и I квартале 1937 г. прокуратура проверила работу административных комиссий во всех районах и городах области. Дважды этот вопрос обсуждался с участием рай(гор)прокуроров на оперативных совещаниях. Рай(гор)прокурорам даны конкретные указания о порядке осуществления надзора за работой административных комиссий и устранения вскрытых нарушений.

Однако силами одной прокуратуры положение не может быть исправлено в полной мере. Необходимо заставить райисполкомы и горсоветы упорядочить работу комиссий и осуществлять повседневное руководство и контроль за их деятельностью.

Областная прокуратура вносит на обсуждение и утверждение президиума облисполкома проект специального постановления по этому вопросу.

П. Кудрявцев.

Калужская прокуратура в борьбе за выполнение Сталинского устава с.-х. артели

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 декабря 1935 г. об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках нечерноземной полосы указано, что «Советские и партийные организации сумеют в ближайшие сроки добиться организационно-хозяйственного укрепления колхозов только при условии, если Сталинский колхозный устав не формально, а на деле получит силу основного государственного закона в каждом колхозе».

Как установлено прокуратурой Калужского района, проверившей выполнение устава в январе 1937 г. в 29 колхозах и 8 сельсоветах района, это требование СНК СССР и ЦК ВКП(б) не везде выполняется.

Сельские советы зачастую еще подменяют свою организующую роль в борьбе за организацию труда, трудовую дисциплину и правильное использование рабочей силы в колхозе, правильное распределение доходов и урожая по трудодням и полное выполнение колхозами обязательств перед государством административным вмешательством в дела управления колхоза и его производственную деятельность.

Головнинский сельсовет 11 декабря 1936 г., рассматривая вопрос о состоянии трудовой дисциплины в колхозе им. Хрущева, снял с работы своим постановлением бригадира бригады № 7 Казыкина, а бригадиром утвердил Комарова А. Я., бригадиром бригады № 5 назначил Мельникова Г. П., а также назначил колхозными сторожами членов колхоза Климова Ф. С. и Мысина А. А. с оплатой труда каждому 0,75 трудодня, а 30 сентября за простой на работе колхозников подвергнул штрафу бригадира бригады № 3 Короткова И. Ф. на 5 трудодней. Этим же Головнинским сельсоветом за нарушение устава с.-х. артели и неокончание в срок с.-х. работ 2 раза были оштрафованы по 15 руб. каждый предколхоза им. Хрущева Зубарев и зам. предколхоза Дударев.

21 ноября 1936 г. пленум Караваевского сельсовета, рассматривая вопрос о работе предколхоза «Знамя коллективизации», постановил: распустить правление колхоза, снять с работы предколхоза Ростовцева и счетовода с.-х. секции Ермилова.

Васильевский сельсовет 23 октября за неполную сдачу картофеля государству колхозом им. Куйбышева подвергнул штрафу предколхоза Осипова, председателя ревизионной комиссии Горшкова по 50 руб. каждого, а членов этого колхоза — членов сельсовета Макарова и Паршину по 25 руб. каждого.

Эти постановления сельсоветов явно незаконно нарушают устав с.-х. артели.

Председатели и члены правлений колхозов за нарушение устава с.-х. артели, если в этом нарушении нет уголовно-наказуемых проступков, совершенных ими, несут свою ответственность только перед общим собранием колхоза как высшим органом, избравшим их.

Право назначения бригадиров принадлежит согласно п. 23 устава с.-х. артели только правлению колхоза. За нарушение трудовой дисциплины члены колхоза несут свою ответственность перед правлением колхоза в пределах взысканий, установленных п. 17 устава с.-х. артели.

В ряде колхозов председатели и правления в целом, не чувствуя руководящей роли райзу и сельсоветов в борьбе за выполнение устава с.-х. артели в колхозах, свою организующую роль в укреплении трудовой дисциплины также подменяют голым администрированием, наложением чрезмерных штрафов в массовом порядке без применения мер предупредительного порядка.

Постановлением правления колхоза «Красный труженик» Черносвитинского сельсовета 22 октября члены колхоза Волхонский Г. Г., Шленский Егор за проявленную ими халатность в охране поля капусты подвергнуты штрафу по 250 рублей каждый, Комаров Егор за невыход на работу оштрафован на 100 рублей, за отказ от работы члена колхоза Осипова М. С. решено отдать под суд.

Председатель правления колхоза «Красный урожай» Волченков штрафы налагает единолично; таким образом он оштрафовал 12 человек, членов колхоза.

Председатель колхоза им. Ильича Дорошин единолично оштрафовал 28 человек, членов колхоза.

В некоторых колхозах не выполняется требование п. 15 устава с.-х. артели о расценках колхозной работы в трудодних, о распределении доходов артели между членами исключительно по количеству выработанных каждым членом артели трудодней.

В колхозе им. Куйбышева в течение ряда лет, включая и 1936 г., широко проводилась практика денежной оплаты труда; оплачивались деньгами без начисления трудодней следую-

щие работники: председатель колхоза, счетовод, кладовщик, три конюха, свинарка, ночной сторож свинарника, ночной сторож скотного двора, скотницы, зав. МТФ, ночной сторож по колхозу, кузнец молотобоец и др.

В колхозе «Новый путь» постановлением правления колхоза от 9 ноября 1936 г., конюхам колхоза, скотницам, овчаркам и свинаркам—шести человекам установлена также денежная оплата.

В ряде колхозов при выборе правлений и ревизионных комиссий колхозов, исключении из членов колхоза и разрешении важнейших хозяйственных вопросов колхоза, относящихся к правам общего собрания колхоза, нарушается принцип колхозной демократии.

Исключение из членов колхоза, как установлено п. 8 устава с.-х. артели, может быть произведено только по решению общего собрания членов колхоза, на котором присутствует не меньше ⅔ членов артели.

Вопреки этим требованиям устава постановлением собрания колхоза «Красный труженик» при наличии собравшихся на собрание 50 человек из 120 членов колхоза исключена из членов колхоза Боброва А. А.

Постановлением собрания колхоза им. Хрущева 2 января 1937 г. исключены из колхоза Яшин и Демидов, в продолжение ряда лет добросовестно работавшие в колхозе и никогда не подвергавшиеся никаким взысканиям, за то, что ссылаясь на неопытность, отказались работать: Яшин кладовщиком, Демидов председателем ревизионной комиссии.

Из 430 действительных членов артели голосовало за это исключение только 50 человек, однако в протоколе записано об исключении Яшина и Демидова из колхоза большинством голосов, а количество членов колхоза, голосовавших за исключение, не указано.

Ревизионные комиссии колхоза, деятельность которых точно определена пунктом 25 устава с.-х. артели, в ряде колхозов еще не стали действительным органом общественного контроля в колхозе, а районный земельный отдел не только не руководит их работой, но не принимает мер к тому, чтобы в колхозах ревизионные комиссии действительно были выбраны.

В колхозе «Красный урожай» председатель ревизионной комиссии Юрченков 29 августа 1936 г. исключен из членов колхоза, новый же председатель ревизионной комиссии был не выбран, ревизионная комиссия проверила работу правления в 1936 г. только один раз в первом квартале, правление же колхоза, пользуясь бесконтрольностью в своей работе, произвольно расходовало деньги колхоза на административно-хозяйственные расходы и, вместо утвержденных по смете общим собранием колхоза 740 руб., израсходовало 2450 руб., или 11,7% денежных доходов колхоза за год.

В колхозе им. Хрущева ревизионная комиссия работала плохо, не контролировала работу правления колхоза в правильности распределения урожая и расходования средств колхоза.

Плохо организована работа ревизионных комиссий и в ряде других колхозов.

Необходимо отметить, что в большинстве своем устав с.-х. артели нарушается там, где его не знают.

Точное соблюдение устава артели зависит не только от различных должностных лиц колхозов и сельсоветов, но и от того, насколько усвоили устав сами колхозники и будут твердо требовать его безоговорочного выполнения и пресечения партийными и советскими органами каждого случая нарушения прав и интересов колхоза в целом или интересов отдельного колхозника; однако в районе изучение устава с.-х. артели каждым колхозником не организовано.

Все установленные случаи нарушения устава с.-х. артели опротестованы прокуратурой перед президиумом райисполкома; в январе 1937 г. на нарушения устава с.-х. артели сельсоветами и в колхозах принесено 74 протеста.

После проверки на сельсоветах и собраниях колхозников сделаны доклады о борьбе с нарушениями устава с.-х. артели с использованием в качестве материала случаев нарушения устава как сельсоветами, так и колхозами.

Работа прокуратуры в борьбе за выполнение устава освещается в районной газете.

Райисполкомом совместно с прокуратурой проводится районное радиосовещание по вопросу о выполнении устава с.-х. артели, на которое приглашены председатели и члены сельсоветов, правления и ревизионные комиссии колхозов, председатели и члены секций революционной законности и члены групп содействия прокуратуре.

В. Шелковников.

Соцсоревнование в Саратовской краевой прокуратуре

В первом номере журнала «Социалистическая законность» было опубликовано обязательство коллектива прокуратуры г. Саратова, принятое в связи с производственным походом имени VIII съезда советов СССР.

В соответствии с этим социалистическим соревнованием и отдельными обязательствами был охвачен весь коллектив прокуратуры и кроме того прокуратурой пригородной зоны вызваны на социалистическое соревнование коллективы работников Петровской и Татищевской прокуратур.

На общем собрании коллектива обсуждены итоги производственного похода.

По состоянию на 1 октября 1936 г. прокуратурой было организовано на предприятиях и в колхозах пригородной зоны 25 групп содействия прокуратуре с общим количеством членов групп содействия прокуратуре — 152 человека.

Однако работа с группами содействия не была достаточно налажена и чувствовался некоторый отрыв прокуратуры от отдельных групп, вследствие чего в прокуратуру поступило незначительное количество сигналов.

За время производственного похода деятельность действующих групп была активизирована и вновь организованы на предприятиях и в колхозах пригородной зоны 22 группы содействия прокуратуре с вовлечением в них 128 человек.

С группами содействия прокуратуре было проведено 62 совещания, а Фрунзенской прокуратурой было проведено районное совещание 8 групп содействия прокуратуре. Оживление работы с активом и повседневная связь прокуратур с ним дали положительные результаты в части получения от актива сигналов. Например,

если в течение августа и сентября было получено 25 сигналов, то за время производственного похода получено 107 сигналов.

Оживление работы с активом приходится особенно констатировать в пригородной зоне, где пом. прокурора т. Стрельцов и следователь т. Смирнов провели 3 кустовых совещания с активом и вовлекли отдельных членов группы содействия в работу прокуратуры по выступлению в судах в качестве общественных обвинителей по делам, которые рассматривались в колхозах.

Тов. Стрельцов также сделал 6 докладов на собраниях колхозников о проекте Сталинской Конституции. Следователь т. Смирнов на собрании колхозников сделал доклад о запрещении абортов и информацию о своей работе, бригадир группы содействия прокуратуре Гашко сделал доклад на общем собрании в Михайловском сельсовете о работе группы содействия прокуратуре Михайловского куста.

На предприятиях г. Саратова проведено 18 бесед с рабочими на различные правовые темы и было организовано рассмотрение жалоб непосредственно на предприятиях.

За время производственного похода значительно поднялась работа прокуратуры в суде.

Прокуратура приняла участие в 59 подготовительных заседаниях народных судов, где было рассмотрено 436 уголовных дел. Заметно увеличилось и количество выступлений представителей прокуратуры в судебных заседаниях в качестве обвинителей (96 за октябрь—ноябрь против 39 за август—сентябрь).

Усиление надзора со стороны прокуратуры за судом видно из роста протестов на приговоры и решения судов. Известный прогресс можно констатировать и в работе по следствию.

Необходимо проследить за тем, чтобы достигнутые частичные успехи по отдельным объектам работы Саратовской городской прокуратуры были закреплены, а соцсоревнование и ударничество стали обычными методами работы городской прокуратуры.

Заботливый судья

Дело происходит в двух десятках километров от Москвы (Ст. Пушкино Северной ж. д.).

Есть там народный судья Пушкинского района т. Абрамов, который энергично борется с бюрократизмом и волокитой, всемерно стремится к укреплению социалистической дисциплины и умеет заботиться о людях.

В частности, поэтому он предпочитает рассматривать дела не в самом Пушкине, а в крупных населенных пунктах своего района, чтобы не заставлять людей ездить в Пушкино и тратить время на разъезды.

Можно и нужно одобрить такое отношение судьи Абрамова к трудящимся своего района.

Однако, как на деле он осуществляет эту заботу, можно увидеть хотя бы из следующего.

На 4 апреля 1937 г. т. Абрамов решил вызвать по десятку дел около 40 человек свидетелей и тяжущихся в село Звягино в помещение клуба (ст. Клязьма).

Проделав двухкилометровое путешествие от вокзала по весенним лужам, вы являетесь по вызову в клуб. Но здесь вас ждет разочарование: дела все сняты с очереди, о чем в клубе вывешено краткое и маловыразительное объявление: «Дела откладываются, о дне слушания (22 апреля — зачеркнуто в подлиннике) будут повестки».

Говорить не с кем, так как никого нет, и, собственно, не о чем.

Все ясно. В сознании выполненного долга и разумно затраченного времени вы совершаете обратное путешествие на ст. Клязьма, наслаждаетесь природой и ждете поезда в Москву.

Взор ваш падает на фланирующую по перрону фигуру судьи Абрамова.

Естественное любопытство побуждает вас узнать у судьи Абрамова, что произошло, какие непреодолимые препятствия сорвали судебное заседание.

Сперва судья недоумевает, о чем его спрашивают, когда в объявлении все сказано, но потом разъясняет: «В сельсовете выходной день».

Какая причинная связь между выходным днем в сельсовете и срывом судебного заседания в помещении клуба, он объяснить не может и в смущении умолкает.

Кто-то со стороны высказывает предположение, что в клубе сегодня кино-передвижка. Тогда т. Абрамов нарушает молчание и неожиданно добавляет, что он сегодня занят хлопотами о комнате для своего секретаря, которой далеко ездить к месту службы.

Теперь вам все окончательно ясно, и вы можете уезжать.

Итак, «выходной день в сельсовете» и забота о секретаре, которой, несомненно, нужна комната и которой нужно помочь, но не за счет времени вызываемых в суд.

В числе других среди явившихся в суд был профессор Б., директор одной из московских университетских клиник, отменивший срочные медицинские консультации для того, чтобы приехать из Москвы в село Звягино и... прочесть объявление об отложении дел.

Пусть сам т. Абрамов как судья придет к выводу о том, что нужно сделать с советским работником, который, подобно ему, так своеобразно «заботится о людях».

И. С.

Собрание юрактива

В железнодорожном клубе Волховстроя в Ленинградской области состоялось районное совещание юрактива.

На совещании заслушан доклад прокурора т. Ходос о борьбе с хулиганством.

Об очередных задачах юрактива сделал доклад народный судья т. Тахо.

На совещании в прениях выступило 12 человек, которые рассказали присутствующим, как они работают и подвергли резкой критике работу суда и прокуратуры.

В частности, председатель общественного суда Воскресенского сельсовета т. Рыжков, работающий в судебных органах уже 5 лет, указал, что суд оказывает ему совершенно недостаточную практическую помощь, проверкой его работы занимается редко. За последние 2 года только один раз была проверена его работа; культурные очаги на селе работают плохо, не помогают судебному активу бороться с хулиганством.

Руководитель секции революционной законности при горсовете Волховстроя — т. Тетюхина поставила вопрос об усилении воспитательной работы среди малолетних для ликвидации хулиганства среди них. При этом т. Тетюхина указала, что городские организации г. Волховстроя плохо заботятся о детях.

Основное внимание т. Тетюхина уделяет проверке, как охраняется социалистическая собственность в депо, на пекарне; проверяет сторожевую охрану, организовала при помощи прокуратуры и суда кружок по сдаче юрминимума. Тов. Тетюхина взяла на себя обязательство, что все члены секции сдадут юрминимум.

Выступавшие в прениях товарищи указывали, что юрактив должен заняться широкой популяризацией в массах Сталинской Конституции как основного закона Советского союза, и вести повседневную борьбу за проведение ее в жизнь.

В приемной прокурора

Газета «Большевистская сталь» Сталинского района Западносибирского края посвятила большую статью приему жалобщиков в Сталинской районной прокуратуре.

Газета отмечает, что рост количества жалобщиков по линии прокуратуры объясняется не ухудшением работы местных учреждений, а ростом требований граждан к советским учреждениям, ростом авторитета прокуратуры, которая стоит на страже прав граждан «независимо от каких бы то ни было местных органов».

Если раньше к прокурору ходили, главным образом, по уголовным и гражданским делам, то теперь в приемной дожидается другой посетитель, который ждет от прокурора не только защиты, но и совета.

Между прочим, газета отмечает, что большое количество жалоб вызывается неповоротливостью профсоюзов и бюрократическим отношением к нуждам своих членов.

Положительно расценивая работу районного прокурора и аппарата райпрокуратуры по рассмотрению жалоб, газета отмечает, что из-за отсутствия скамеек жалобщикам приходится часами стоять в коридоре.

ТАТАРИЯ

В конце декабря 1936 г. в редакцию газеты «Красная Татария» поступило письмо управделами Бавлинского райкома комсомола т. Вахитова. Он писал о грубейшем зажиме самокритики в комсомольской организации, о нарушении внутрисоюзной и советской демократии о беззакониях, творимых секретарем райкомола Гилязовым.

Районный прокурор т. Валиуллин и следователь т. Арсланов быстро реагировали на факты грубого нарушения революционной законности, но они не нашли поддержки со стороны руководителей районных организаций. Дело дошло до того, что исполняющий обязанности секретаря райкома ВКП(б) Муратов и председатель рика Семенов грозили следователю Арсланову «оторвать голову», если он не прекратит следствия по нарушению революционной законности в сберегательной кассе.

Поскольку следователь Арсланов продолжал энергично вести следствие по делу о безобразиях в районе, Гилязов подобрал ничего незначащие и, по существу, необоснованные материалы против Арсланова и 9 декабря 1936 г. на пленуме райкомола добился исключения Арсланова из комсомола.

В этот же день бюро райкома ВКП(б) объявляет строгий выговор прокурору Валиуллину за нарушение решений бюро, за отсутствие контроля над следственным аппаратом. Этим же решением перед прокурором республики был поставлен вопрос о снятии т. Валиуллина с работы, об отстранении от работы следователя Арсланова с отдачей его под суд.

Существующие в районе среди руководства семейственность и круговая порука, нарушение партийной и советской демократии, зажим самокритики, естественно, привели к крайнему ослаблению партийной и советской работы, к притуплению бдительности в партийной организации.

Выехавшие на место уполномоченный комиссии партконтроля при ЦК ВКП(б) по Татарии и представитель партколлегии, рассмотрев все это дело, отменили решение бюро Бавлинского РК ВКП(б) от 9 декабря 1936 г. о наложении партвзыскания на районного прокурора Валиуллина и о предании суду следователя Арсланова, как нарушающее революционную законность и направленное на подавление критики проступков и преступлений отдельных работников района.

Секретарю РК ВКП(б) Узбекову за нерсагирование на факты нарушения советской демократии, революционной законности, а также за слабую партийно-массовую работу и за нарушение выборности парторганов объявлен выговор с занесением в партийное дело.

Зам. секретаря РК ВКП(б) Муратову за зажим критики и нарушение социалистической законности объявлен строгий выговор с предупреждением со снятием с работы и с занесением в партийное дело.

Строгий выговор с предупреждением также объявлен председателю рика Семенову. Пленуму рика предложено обсудить возможность оставления Семенова на посту председателя рика.

Бывший секретарь ВЛКСМ Гилязов за грубейшее нарушение социалистической законности, за подбор заведомо ложных материалов против следственных работников в целях дискредитации их, а также за подавление критики исключен из партии.

Помимо этого наложен целый ряд взысканий на других ответственных работников района.

Актив прокуратуры

С 15 по 19 марта 1937 г. в Прокуратуре Союза ССР происходило собрание актива работников Прокуратуры Союза ССР, РСФСР, г. Москвы и Московской области, а также Правовой академии и Института юридических наук.

На активе присутствовало 500 человек.

Доклад об итогах пленума ЦК ВКП(б) сделал Прокурор Союза ССР т. А. Я. Вышинский.

В прениях по докладу выступили 35 товарищей.

Все выступавшие подчеркивали историческое значение пленума ЦК ВКП(б) для подъема внутрипартийной демократии, развертывания самокритики, укрепления партийных организаций и полностью одобряли принятые пленумом ЦК ВКП(б) решения.

Помимо этого, выступавшие товарищи подвергли резкой критике работу прокуратуры и институтов.

Ниже мы приводим в сокращенном виде доклад т. Вышинского, содержание прений по докладу и заключительное слово т. Вышинского.

ДОКЛАД т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Тов. Вышинский начинает свой доклад с перечисления вопросов, которые были предметом обсуждения на пленуме ЦК ВКП(б), и с характеристики значения и важности, принятых этим пленумом решений.

— Не случайно, — говорит т. Вышинский, — что жесточайшее сопротивление наших врагов делу социализма, нашедшее свое выражение в дьявольских преступлениях, безумных и подлых замыслах со стороны троцкистского отребья, — этой японо-немецкой фашистской агентуры, совпало с моментом законодательного закрепления побед социализма, выявленных и осуществленных в нашей новой Конституции. Это совершенно естественное проявление закона механики сопротивления новому обществу со стороны отживающих классов, который несколько лет назад был так отчетливо сформулирован товарищем Сталиным, подчеркнувшим, что умирающий класс добровольно с исторической сцены не сходит, что сопротивление врага по мере нашего продвижения вперед будет проявляться во все более острых формах.

Все прошедшие за последнее время судебные процессы показывают, что борьба против советской власти ведется нашими врагами по определенной, строго продуманной системе, в которой такое решающее место занимает двурушничество. Проблеме двурушничества был поэтому на пленуме посвящен доклад товарища Сталина, вскрывший с исключительной глубиной причины проникновения в наши ряды двурушников, причины нашего неумения своевременно разглядеть их настоящее лицо, сорвать с них предательскую маску.

Далее т. Вышинский останавливается на преступлениях Бухарина и Рыкова, показывая, что они отнюдь не случайны, что они исторически обусловлены, ибо Бухарин всю свою жизнь посвятил извращению учения Ленина и Маркса в своих теоретических работах в борьбе против Ленина, против нашей партии, в своей практической деятельности.

Тов. Вышинский особенно подробно останавливается на основных вопросах, которые больше всего могут интересовать юристов, на извращениях Бухарина в области учения о государстве и праве.

Учение Маркса—Ленина о государстве было Бухариным извращено еще до революции. В 1916 г. в журнале «Интернационал молодежи» Бухарин поместил статью, в которой он противопоставлял свою точку зрения, выражавшую анархистские взгляды на государство, ленинской точке зрения на государство.

Товарищ Ленин указывал, что Бухарин защищал полуанархистские взгляды, что своими ошибками он помогал каутскианству, что тезисы Бухарина — верх нелепости. Так, Ленин оценивал взгляды Бухарина на государство. А между тем, еще в 1925 г. Бухарин напечатал статью в сборнике «Революция и право», которая является, по существу, вызовом Ленину и нашей партии в важнейшем вопросе пролетарской диктатуры и пролетарской революции, в вопросе о государстве. В этом же журнале «Революция и право» Бухарин напечатал статью «Теория империалистического государства», где он повторяет свои антимарксистские, антиленинские взгляды. Известно, что в этой статье он сделал следующее примечание: «Читатель легко увидит, что у меня не было ошибок, которые мне приписывались, ибо я отчетливо видел необходимость диктатуры пролетариата».

Эту статью, в которой Бухарин по существу утверждал, что в вопросе о государстве был прав он, а не т. Ленин, Бухарин напечатал в 1925 г., после смерти Ленина. При жизни Ленина он не осмеливался напечатать такую клевету.

В период VII—VIII съездов партии Бухарин выступал против Ленина по вопросу о программе партии, защищая мысль, что основные противоречия капиталистического строя — конкуренция, кризис снимаются в эпоху империализма в рамках отдельных капиталистических стран. Бухарин говорил: «Прежний раздробленный и неорганизованный капитализм заменяется капитализмом организованным». Эта архиправая теория организованного капитализма, из которой вытекает возможность уничтожения капиталистических противоречий без уничтожения капиталистического строя и капиталистического государства, по существу ведет к разоружению пролетариата.

В книге Бухарина «Экономика переходного периода» мы видим целый ряд антимарксистских, антиленинских утверждений, которые опять целиком и полностью укладываются в его схему организованного капитализма.

В частности Бухарин писал в этой работе, что «капиталистическое хозяйство превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию», что «товарное хозяйство здесь вовсе не исчезает окончательно, хотя внутри страны оно либо отмирает, либо значительно сокращается, заменяясь организованным распределением». Таким образом капиталистическая система в результате своего естественного развития без особой борьбы превращается у Бухарина в социалистическую систему.

В главе, которая носит очень заманчивое название «Мировой революционный процесс и мировая система коммунизма», Бухарин писал: «Так растет мало-помалу мировая диктатура пролетариата, по мере ее роста ослабевает сопротивление буржуазии», «оставшиеся буржуазные комплексы будут сдаваться со всеми своими организациями in corpore». Вот так рисовались Бухарину перспективы развития пролетарской мировой диктатуры. В переводе с квазиученого языка на простой язык это значит — бросай оружие, не воюй потому, что буржуазия сама перестанет тебе оказывать сопротивление, по мере того как будут расти твои успехи. Бухарин забыл при этом только ответить на вопрос, откуда появятся успехи диктатуры пролетариата и социализма, если пролетариат не будет громить противостоящую ему буржуазию.

В этой самой книге Бухарин дал свою законченную схему постепенного отмирания различных отраслей государственной организации, различных сторон государственной жизни. Бухарин писал: «Как только выяснится решающая мировая победа пролетариата, кривая роста пролетарского государства пойдет вниз, ибо главная и основная задача государственной власти, задача преодоления буржуазии будет закончена». И дальше: «Внутренняя же тенденция нормировки исчезнет, отомрет. Сперва отомрут армия и флот как органы наиболее острого внешнего принуждения, потом система карательных и репрессивных органов, далее отомрет принудительный характер труда и пр.» Относительно этой бухаринской схемы Владимир Ильич с присущей ему гениальной меткостью написал на полях: «не наоборот ли? Сначала «д а л е е», т. е. принудительный характер труда; ...затем — «п о т о м», т. е. система карательных и репрессивных органов, и наконец — «сперва», т. е. армия и флот».

Это замечание т. Ленина показывает диаметральную противоположность ленинизму бухаринской концепции отмирания государства, откуда между прочим вытекают и бухаринские утверждения о мирном врастании кулака в социализм.

При обсуждении программы на VIII съезде партии Бухарин выступал против т. Ленина по национальному вопросу.

В 1921 г. Бухарин выступает со своей особой точкой зрения по профсоюзному вопросу.

В 1928 г., когда апрельский пленум ЦК ВКП(б) разгромил правооппортунистическую группу, Бухарин выступил со статьей «Заметки экономиста», в которой провозгласил, вопреки учению Ленина—Сталина, что уничтожение классов может быть достигнуто путем потухания классовой борьбы.

Тов. Вышинский целым рядом фактов показал, что на протяжении многих лет, до и после Октябрьской революции, Бухарин вел борьбу с партией и Лениным по основным вопросам.

Далее т. Вышинский напомнил, что Бухарин сыграл роковую роль в истории ошибок и антиленинских извращений и на правовом фронте. Бухарину принадлежит теория трудовых затрат, на почве которой выросла общая теория права Пашуканиса, права как формы обычных — коммерческих отношений, права как буржуазной категории.

Исчерпывающе вскрывая корни антиленинской «теории» Пашуканиса, объявившего и наше право и наше государство буржуазными категориями, утверждавшего, что советская власть не в состоянии создать свое собственное право, т. Вышинский показал внутреннюю неразрывную связь взглядов Пашуканиса с правооппортунистической, механистической концепцией Бухарина, в частности, с законом трудовых затрат, которую он взял на прокат у Богданова, Рубина и ряда других теоретиков II интернационала.

— Между тем, — говорит докладчик, — у нас не закон трудовых затрат, а социалистический план является регулятором нашего хозяйства.

Анализируя, далее, путь Бухарина, т. Вышинский показывает закономерность его эволюции к программе капиталистической реставрации, к блоку с троцкистами на основе борьбы с советской властью, на основе борьбы с социалистической системой, во имя «нормализации» того исторического хода вещей, который был «нарушен Октябрьской революцией».

Переходя к докладу т. Жданова о подготовке партийных организаций к выборам в Верховный совет, т. Вышинский говорит о громадном принципиальном значении решений, принятых по этому вопросу.

— Совершенно естественно, — говорит т. Вышинский, — что к разрешению такой большой задачи, как организация выборов в Верховный совет и в советы депутатов трудящихся на местах на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, необходимо было подойти с перестройки коренным образом нашей партийной работы потому, что выборы будут представлять собою плацдарм классовой борьбы, который враждебные нам элементы, остатки старых разбитых и уничтоженных паразитических классов и их подголоски,—все эти троцкисты, меньшевики, эсеры попытаются использовать против нас в своих интересах, в своих целях. Характерный момент, который надо между прочим учитывать, — большое оживление в поповских кругах. Нет никаких сомнений, что попы сейчас разовьют большую организационную работу, недооценивать которую нельзя ни в коем случае.

Нельзя представлять себе положение вещей таким образом, что наша ведущая роль во всем социалистическом строительстве сама собой обеспечивает коммунистической партии ведущую роль в предстоящих выборах, что мы здесь сможем сохранить все свои позиции без борьбы. И одно из положений доклада т. Жданова заключалось именно в указании на необходимость мобилизовать внимание нашей партии на стоящих перед нею задачах сохранения за собой того руководящего положения, которое по праву принадлежит коммунистической партии, победившей в Октябрьской революции и побеждающей на всем протяжении нашей революции.

Доклад т. Жданова был направлен против самоуспокоенности, против этого «головокружения от успехов» в новых условиях, которые кое-кого могли бы соблазнить почить на лаврах в расчете на то, что раз победа в наших руках, то нам ничто уже не угрожает.

Тов. Жданов говорил, что изменения в избирательной системе означают усиление контроля масс в отношении советских органов и усиле-

ние ответственности советских органов перед массами, а для того чтобы встретить этот поворот во всеоружии, партия должна обеспечить себе руководящую роль в предстоящих выборах в верховные органы страны.

Наконец, мы не можем провести в жизнь наши новые выборы, опирающиеся на последовательный, до конца доведенный социалистический демократизм, без того, чтобы эти самые принципы не были осуществлены и утверждены в нашей партийной жизни. Если наша партия будет строиться на иных основах, чем строится государственная жизнь, то это будет означать разрыв, который лишит возможности нашу партию быть признанным руководителем социалистического строительства. Это требует перестройки и нашей партийной работы.

Величайшее значение постановления, принятого пленумом ЦК ВКП(б) по докладу т. Жданова, заключается в том, что оно содержит в себе конкретные мероприятия, обеспечивающие дальнейший подъем партийной работы, дальнейшее укрепление принципов демократического централизма, выражением которого является устав нашей партии.

Тов. Вышинский переходит к подробному изложению постановления пленума ЦК ВКП(б) по вопросу об уроках вредительства, диверсии и шпионажа троцкистских агентов.

Говоря об исключительной принципиальной выдержанности решений пленума ЦК ВКП(б), в частности, по этому вопросу, т. Вышинский отмечает глубокое обобщение с точки зрения марксистско-ленинско-сталинской методологии уроков сопротивления наших классовых врагов, рассеянных в разных отраслях нашей государственной системы. Тов. Вышинский показывает, что в этих решениях содержится ряд в высокой степени новых важных мыслей, имеющих, несмотря на весь кажущийся излишний техницизм и практицизм, громаднейшее принципиально-политическое значение между прочим и для советских юристов. Указание пленума, что троцкисты, ставшие наемным отрядом фашизма, восприняли приемы вредительства всех ранее раскрытых вредительских организаций в промышленности и на транспорте, что они аккумулировали весь опыт шпионской и вредительской деятельности, т. Вышинский иллюстрирует анализом приемов и особенностей вредительства, выявленных на ранее раскрытых процессах (Шахтинское дело, Промпартия, Метро-Виккерс и т. д.).

— Если посмотреть, — говорит т. Вышинский, — чем отличаются, скажем, шахтинские преступления от преступлений антисоветского троцкистского центра, то окажется, что это отличие между частным и общим, между слагаемым и суммой.

Шахтинский процесс показал нам своеобразную преступную деятельность вредителей и шпионов, первые, сравнительно робкие шаги преступников этого рода, забравшихся в наши хозяйственные организации. Шахтинские вредители характерны были различного рода саботажническими чертами. Шахтинские вредители-инженеры саботировали разработку пластов, они рассчитывали на скорый возврат хозяев, которые оценят их преданность. Само вредительство явилось итогом этих настроений в инженерно-технической, буржуазно-интеллигентской среде, где вредительство было в то время модой, как говорил товарищ Сталин.

Особенность этого вредительства заключалась в том, что вредители были технически грамотнее нас, технически более вооружены, чем мы. При этой верхушке инженерно-технической интеллигенции, зараженной болезнью вредительства, коммунисты выполняли роль плохих комиссаров, мало понимая в технике. Поэтому вредители-шахтинцы имели перед нами техническое преимущество, поэтому они могли вредить, водить нас за нос.

Нынешнее вредительство, на которое пошли Пятаков, Ратайчак и др., отличается от шахтинского вредительства тем, что вредители последнего периода нисколько не более грамотны, чем мы, преимущества технической грамотности у них уже нет. Это усиливает нашу ответственность, ибо, когда более грамотный обманывает менее грамотного, это более извинительно, а когда грамотный обманывает столь же грамотного, когда вредитель ничем не стоит выше тех, под носом у кого он осуществляет вредительство, это становится менее извинительным, это становится более социально опасным. Но здесь есть и другая сторона дела. У вредителей теперь в кармане партбилет, в активе Ратайчака, Князева, Пятакова, Шестова и тому подобных господ имелось наше доверие. В этом второе отличие нынешнего вредительства от прежнего.

То же самое надо сказать относительно Промпартии и относительно Метро-Виккерс. В этих процессах уже в большей степени чувствуется рука иностранной разведки.

В Промпартии мы чувствовали руку иностранных капиталистических, враждебных нашей стране правительственных кругов, но не таких специальных учреждений, какими являются полицейские охранки. В последних же процессах мы гораздо резче почувствовали руку полицейских охранок ряда капиталистических государств, пробравшихся в нашу среду, захвативших в плен некоторую, к счастью, незначительную часть наших инженерно-технических работников, использовавших их в своих преступных целях. И вот с этой точки зрения пленум ЦК ВКП(б) правильно устанавливает, что все методы вредительства и шпионажа, которые появились на нашей почве со времени шахтинского процесса, наши враги довели до высшей степени развития, используя при этом троцкистов как свою надежную, преданную, опытную и на все готовую агентуру.

С этой точки зрения резолюция пленума ЦК ВКП(б) об уроках вредительства и шпионажа приобретает исключительное значение, подготовляя нашу победу, а следовательно, и победу передовой демократии и мировой культуры в неизбежной предстоящей схватке с фашистским миром грабителей и разбойников.

Вот почему, когда было установлено, что японо-немецкие троцкистские агенты сосредоточили свой предательский удар именно на тех отраслях промышленности и железнодорожного транспорта, которые имеют решающее значение для обороны страны, — это сразу ввело нас в круг основных целей и установок троцкистских вредителей, диверсантов, направляющих свои усилия на то, чтобы наносить чувствительные удары по наиболее чувствительным местам.

Тов. Вышинский говорит о необходимости не только ликвидировать последствия вредительства во что бы то ни стало и в кратчайший срок, но и о необходимости также решить сейчас же и вторую задачу: организовать так руководство нашим хозяйством, чтобы прекратить доступ туда вредителям, диверсантам, шпионам, и найти средства разоблачать их еще до того, как они успели проникнуть на эти предприятия. Для этого нужно покончить с узким делячеством, замыканием в узко хозяйственных делах, аполитицизмом, отрывом от политической работы, которые порождают политическую слепоту, идиотскую болезнь беспечности.

Среди хозяйственников, и притом довольно ответственных, господствовала гнилая теория, что, кто хорошо работает, тот не может быть вредителем: фабрику он выстроил, завод освоил, план выполнил и перевыполнил, значит он не вредитель.

Товарищ Сталин жестоко высмеял на пленуме такую теорию. Он говорил, что такая работа — вовсе не доказательство преданности; таких вредителей, которые бы только занимались вредительством, не существует. Наоборот, вредитель потому-то и может быть вредителем, что он это свое вредительство сочетает по временам с хорошей работой, которой он умеет усыплять нашу бдительность до поры до времени. В том-то и хитрость вредителя, что он вредит в известной пропорции к тому, что он делает. И больше того, чем к более опасному преступлению он готовится, особенно на случай войны, тем больше он старается до наступления того момента, когда одним поворотом рубильника он взорвет какой-нибудь военный завод или крупный агрегат, делать все возможное, чтобы доказывать свою преданность советской власти, свое уменье и желание работать. Это совершенно естественно, ибо большая игра строится на серьезных методах.

Тов. Вышинский особенно подчеркивает недопустимость нарушения дисциплины, всяких правил, приказов, инструкций и т. д. Это очень большой вопрос, ибо не все сознают в достаточной степени отчетливо, что означает нарушение дисциплины, нарушение выработанных инструкций, скажем, по технике безопасности, особенно в таких учреждениях как железнодорожный транспорт, шахтное хозяйство. Ясно, что там, где эта дисциплина расхлябана, там, где техника безопасности находится в загоне, где на это работники не обращают никакого внимания, прикрывая подчас свое вредительство грошевыми расчетами, ссылками на рационализацию, на экономию, там открывается достаточно широкий простор для всякого рода вредительских и даже диверсионных преступлений. Вот почему не случайно Центральный комитет обращает внимание, что подрывная работа возможна была только в условиях расхлябанности, нарушения трудовой дисциплины.

Пленум также подчеркнул, что одним из важнейших факторов предупреждения возможности диверсионных актов на предприятиях является усиление охраны труда, безоговорочное соблюдение эксплоатационных инструкций, досконального знания обслуживающим персоналом агрегатов, правильная расстановка сил и надлежащая подготовка преданных квалифицированных кадров.

В свете этих решений пленума ЦК ВКП(б) т. Вышинский подвергает резкой критике недостатки работы Прокуратуры.

— Ясно, — говорит он, — что постановления пленума Центрального комитета выдвигают перед нами целый ряд в высокой степени важных и ответственных задач. Нужно сказать, что, к сожалению, в нашей работе очень много недостатков. Мне кажется, что о наших недостатках мы до сего времени были недостаточно осведомлены. Многие товарищи как будто самокритично настроены, но самокритику больше понимают как критику других, а не как критику самого себя, а когда начинают даже вскрывать свои недостатки, то делают это больше для приличия, потому что это стало хорошим тоном.

Прежде всего у нас не все в достаточной мере понимают, что люди — это ценнейший капитал, и посадить человека зря на 3 и... 5 лет—это тоже удар и по нашему капиталу, и по нашим производительным силам, по счастливой жизни его самого, его семьи, друзей, это большой урон и для государства и для общества. И если мы вручаем судьбу людей работникам, которые не подготовлены к этому делу, то чем это не вредительство, чем это отличается от диверсии? Поэтому, если партия обращает особое внимание на правильную расстановку сил, на усиление политического и технического надзора для того, чтобы можно было предупреждать сознательную преступную деятельность, то я должен сказать, не проводя здесь полной аналогии, что из этого мы должны извлечь известный урок для себя — урок о необходимости правильной расстановки сил, кадров, людей, политической и технической подготовки наших работников к исполнению тех обязанностей, которые на них возлагаются.

Тов. Вышинский подробно останавливается на работе основных отделов Прокуратуры Союза.

— Наш отдел по гражданским делам,—говорит т. Вышинский, — является очень серьезной частью нашего аппарата. Одно только то обстоятельство, что за прошлый год по всей стране прошло через суды свыше двух миллионов гражданских дел при гораздо меньшем количестве уголовных дел, указывает на то, что такая гипертрофия в нашей работе, когда мы думаем только об уголовных делах, совершенно неправильна.

Гражданский отдел Прокуратуры Союза до сего времени не поднял еще своей работы на уровень требований, предъявляемых нам Сталинской Конституцией. Наш гражданский отдел до самого последнего времени совершенно неправильно разрешал дела о застройках, опираясь на формальное толкование закона о застройке, не понимая того, что мы защищаем закон, право только тогда, когда оно само не противоречит принципам социалистического строительства. Наш гражданский отдел не понял того, что закон о застройке должен корректироваться этими основными принципами, и объективно оказывал содействие тем, кто умел быть более наглым, быть пауком, умело высасывающим кровь из попадавшейся в его руки жертвы. И в этом вопросе наш гражданский отдел во главе с т. Борисовым долгое время занимал позицию, сугубо формальную. Получалась чепуха, тем более обидная, что

когда я позвал к себе работников гражданского отдела и обратил их внимание на это, то мне пришлось с ними провести целую дискуссию, ибо работники гражданского отдела вместе с т. Борисовым пытались оспаривать мою точку зрения. Я их убедил. Я им предложил в точности выполнять мои указания.

Я заставил их подавать один протест, другой протест. Суды соглашались с ними. Правильная точка зрения восторжествовала против пауков и формалистов в худшем смысле этого слова.

Тов. Вышинский ставит вопрос о том, что, рассматривая гражданское дело, нужно уметь разглядеть действительные жизненные отношения, которые подчас скрываются за юридическими формулами, что укрепление советского закона отнюдь не означает фетишизацию юридической формы, что закон нужно укреплять не буквоедством, а правильным пониманием его смысла, ибо защищать мы должны только такое право, которое не противоречит принципам нашего социалистического строительства.

Тов. Вышинский напоминает при этом указание товарища Сталина, что бывают такие периоды, такие моменты в жизни общества, в частности, и в жизни нашей, когда законы оказываются устаревшими и когда их надо отложить в сторону.

— Это, — говорит т. Вышинский, — не должно быть понято, однако, как допущение пренебрежительного отношения к закону, игнорирования закона: это значит только, что каждый закон должен оцениваться с точки зрения его духа и смысла, с точки зрения его соответствия принципам нашего социалистического строительства и его задачам.

Я считаю, что гражданский отдел, в особенности перед лицом новой Конституции, которая требует от нас перестройки работы во всех решительно направлениях, должен свою работу коренным образом изменить для того, чтобы уметь правильно защищать интересы советского государства и интересы советских граждан. Ст. 9 Конституции прямо кричит, обращаясь к нашему гражданскому отделу, о необходимости, опираясь на нее, корректировать ряд положений, чтобы предотвратить возможность перерастания личного хозяйства, личной собственности в частную собственность, вступающую на путь конкуренции с нашей общественной социалистической собственностью.

Гражданский отдел работает у нас еще плохо. Гражданский отдел еще не поднял своей работы на уровень политических задач нашего времени и здесь для него открывается непочатый край очень ответственной, серьезной и почетной работы.

Я считаю необходимым в порядке самокритики и себя упрекнуть в том, что я как руководитель Прокуратуры не сделал всех тех выводов, которые надо было сделать для изменения направления работы гражданского отдела, недостаточно проявлял инициативы в деле постановки перед правительством целого ряда проектов законов, которые обеспечили бы торжество и полное выполнение требований нашей новой Сталинской Конституции.

И до новой Конституции совершенно понятна была важность общего надзора, осуществляемого Прокуратурой Союза, ибо это та исконная функция советской прокуратуры, которая была возложена на нее еще положением о Прокуратуре 1922 г. С организацией Прокуратуры Союза в 1933 г. эта функция в нашей работе должна была занять очень видное место. Нельзя сказать, чтобы в этой области нами ничего не было сделано. Целый ряд незаконных мероприятий, распоряжений, циркуляров и т. д. отдельных наркоматов нами опротестованы и были отменены либо наркомами, либо СНК.

Должен сказать, что за последнее время у нас стали живее, внимательнее и лучше работать, но все-таки это еще не то, что нужно. Нужна планомерная работа, а не рывки, нужна органическая работа, а не партизанщина, нужна система, а не кустарщина, причем система, организованность и планомерность нужны не только здесь, но и на периферии, а это наше самое больное и уязвимое место. Вот почему я недоволен и работой отдела общего надзора, считая, что и он также не на высоте еще наших требований.

Уголовно-судебный отдел не научился еще обобщать свою работу и ставить общие принципиальные вопросы, которые касаются организации и прокурорской и судебной работы. Судебно-уголовный отдел Прокуратуры Союза имеет одним из важнейших своих назначений наблюдение за правильностью работы судебных органов, но судебным органам можно помочь только тогда, когда систематически изучаешь, обобщаешь эту работу, когда делаешь определенные выводы из всей практики работы отдела. Этого уголовно-судебный отдел как раз не делает. Возьмем такой пример: наряду с УПК существуют всевозможные циркуляры, изданные в прошлом, по преимуществу, Наркомюстом, который занимался этим делом, и о суде, и о работе прокуратуры и т. д. Прокуратура обязана была наблюдать за тем, чтобы эти циркуляры были отменены, чтобы они не нарушали нормальную работу, чтобы не было извращений, чтобы не было каких-то камер, действующих от имени народного суда и т. д. Это должна была сделать та часть прокуратуры, которая наблюдает за судами. В этом отношении наш судебно-уголовный отдел не занял положения руководящего органа, наблюдающего за тем, чтобы все делалось у нас по закону, он еще не стал на ту высоту своей работы, которая бы обеспечила твердость наших законов, стабильность наших законов, которая, по словам товарища Сталина, нам сейчас нужна больше чем когда бы то ни было.

Наши железнодорожная, водная и военная прокуратуры страдают теми же недостатками, о которых я говорил применительно к гражданскому отделу, отделу общего надзора и уголовно-судебному отделу. Это низкая квалификация самих работников, недостаточно планомерное и систематическое руководство отдельными работниками, дергание и т. д., которые привели к очень чувствительным прорывам в нашей работе.

Надо также сказать, что мы недостаточно оперативно руководим работой наших периферийных органов. Между тем, в этом отношении положение в военной прокуратуре, главной железнодорожной, главной водной прокуратурах несколько отлично от положения других отделов, потому что главные прокуратуры представляют собой наиболее централизованный аппарат, потому что их периферия находится в непосредственном подчинении цен-

трального аппарата. Поэтому здесь особые условия работы, другие предъявляются требования. Надо сказать, что те недостатки, которые тут имеются, сказываются с еще большей остротой, чем на других участках нашей работы, ибо если мы что-нибудь не доделаем с точки зрения руководства территориальной прокуратурой, то если лучше нас работает Прокуратура Республики, она восполнит этот недостаток. Этого нельзя сказать ни про одну из трех специальных прокуратур, где никто их не поправит, кроме нас.

— До сего времени, — говорит далее т. Вышинский, — не выкорчеван старый недобрый порядок, при котором каждый местный прокурор считал себя маленьким удельным князьком. Скажем, в Западной Сибири сидит хан Барков, в Московской области — удельный князь Филиппов, в РСФСР — исполняющая обязанности герцогини Нюрина. Каждый чувствует себя самостоятельным, автократичным. Это означает, что наша прокуратура все еще не представляет собою стройной, систематически и планомерно работающей организации, подчиняющейся единому командованию и действующей по единому плану. Мы также забываем очень часто, что прокуратура должна заниматься не только непосредственной борьбой с контрреволюцией, троцкистами, всякого рода контрреволюционными вредительскими организациями, хотя это и составляет нашу важнейшую и первейшую обязанность, но надо, чтобы прокуратура сочетала эту борьбу с борьбой и на других участках нашего государственного строительства, потому что нарушение закона, нарушение прав граждан создают почву для того, чтобы троцкистские организации здесь орудовали и могли заработать свой преступный капитал.

Поэтому прокуратура должна понимать, что борьба за интересы нашего государства заключается не только в том, чтобы разоблачить и уничтожить гадов-вредителей, шпионов, диверсантов,—это наша первая, священная обязанность,—но и в том, чтобы уметь защитить права и интересы наших граждан, тем более целых групп граждан, потому что бюрократические извращения, нарушающие эти права, сплошь и рядом являются почвой, на которой пышным цветом растут такие враги, как троцкисты.

До сего времени водно-транспортная прокуратура не овладела периферийной сетью, до сего времени там имеет место привлечение к ответственности за всякого рода мелочи. С этим недостатком мы боремся два года, а сломить его не можем. Те ничтожные успехи, которые мы имеем в водно-транспортной прокуратуре, не могут нас удовлетворить.

Задача руководства в этом и заключается, чтобы уметь повернуть человека его сильной стороной, его достоинствами в работе, здесь громаднейшая ответственность падает на долю руководителя. У нас слишком примитивно подходят к работнику: не подходит — снимают, а не подумают, чтобы переместить его на другую работу, использовать как-нибудь иначе. Между тем, на периферии у нас положение очень неблагополучно, потому что у нас имеется очень много пустых, незамещенных вакансий.

Причины отмеченных недостатков заключаются в том, что мы имеем политически и культурно отсталые прокурорские кадры, что вместо живого руководства заместители Прокурора Союза и начальники отделов занимаются писанием резолюций «Пр. пр.», что значит «прошу переговорить». Целый ряд мероприятий, которые мы проводим по повышению квалификации, оказывается далеко недостаточным. Конференции дают некоторый результат, однако они представляют микроскопическую долю в системе тех мероприятий, которые должны охватить всю нашу периферию. Юрминимум тоже неправильно проводится. Правильно поставлен вопрос, чтобы вместо юрминимума была организована такая система занятий с нашим прокурорским аппаратом, чтобы каждый наш оперативный прокурор, примерно, за три года работы в прокуратуре, прошел не спеша развернутый полный курс юридических наук высшего учебного заведения. На время скупиться не надо. Лучше пусть три года проучится, систематически из года в год пройдет курс юридических наук и через три года станет настоящим юристом, образованным, культурным, всесторонне развитым человеком. Тогда ему легче будет преодолевать трудности в работе, легче будет руководить периферией.

Заключительную часть своего доклада т. Вышинский посвящает последнему докладу, заслушанному на пленуме — докладу товарища Сталина и принятой по докладу резолюции, которая создает целую эпоху в деле перестройки наших партийных рядов и партийных организаций.

Подробно излагая содержание доклада товарища Сталина и резолюции по докладу, т. Вышинский говорит:

— Эта резолюция в кратких исторических формулировках показывает, как действительно наша партия и руководящий орган ее — Центральный комитет — понимают самокритику.

Самокритика была развернута на пленуме чрезвычайно широко и, главное, справедливо. На пленуме приводился действительно целый ряд очень ярких примеров недостатков, разоблаченных товарищем Сталиным.

Товарищ Сталин особо подчеркивал, что нельзя в жизни отделять политику от хозяйства. Задача состоит в том, чтобы не подменять одно другим. Сразу освободиться от хозяйственных мелочей не удастся, для этого нужно некоторое время.

Товарищ Сталин специально остановился на вопросе о вредителях, троцкистах, агентах японо-германской разведки. Он еще раз подчеркнул, что троцкисты уже 7—8 лет не являются политическим течением в рабочем движении, что они являются просто бандой преступников, как это показывают минувшие судебные процессы.

Далее товарищ Сталин перешел к вопросу проверки исполнения. Он говорил, что нельзя оставлять человека без контроля, отдавать ему работу на откуп, что надо людей проверять на работе ежедневно. Есть две проверки: сверху вниз и снизу вверх. Нужно сочетать эти обе проверки, нужно поставить так работу, чтобы и верхи проверялись низами, чтобы партийный актив и беспартийный актив, чтобы вся масса могла проверять руководителя.

И в этом смысле товарищ Сталин говорил о выборах партийных органов как одном из способов этой проверки.

Далее товарищ Сталин говорил о том, что надо уметь воспитывать кадры и во-время

исправлять их ошибки. Своевременное вскрытие своих ошибок, честное осознание этих ошибок и их исправление — это значит воспитывать кадры. Товарищ Сталин между прочим напомнил о головокружении от успехов 1930 г., указывая, что если бы ЦК тогда не вскрыл ошибок, если бы ЦК побоялся пойти против течения, против господствовавшего тогда настроения, тогда дело было бы загублено. Товарищ Сталин указал, что апрельский пленум 1928 г. вскрыл ошибки партийных организаций в шахтинском деле. Только таким образом мы смогли понять источники, причины, корни шахтинских преступлений и ликвидировать их.

Товарищ Сталин сказал, что не только надо учить массы, но также надо учиться у масс, учиться всегда, не ослабляя связи с массами.

Товарищ Сталин напомнил греческий миф об Антее, одном из героев древнегреческого эпоса. Никто не мог победить Антея, потому что Антей, сын Посейдона и Геры — богини земли, страстно любил свою мать и, когда ему было трудно, он всегда обращался к матери, прикасался к земле и от соприкосновения с землей приобретал непобедимую силу. Но Геркулес перехитрил его, он оторвал его от земли и задушил в воздухе, прежде чем Антей успел прикоснуться к земле.

«Я думаю, — сказал товарищ Сталин, — что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью—с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми. В этом ключ непобедимости большевистского руководства».

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Тов. Сегал (главный транспортный прокурор) начинает с указания на величайшее историческое значение пленума ЦК ВКП(б), который дал большевистской партии оружие, как уберечь от капиталистического окружения единственную страну в мире, построившую у себя социализм, и как укрепить социализм дальше.

Далее т. Сегал останавливается специально на решениях пленума об уроках вредительства на железнодорожном транспорте.

— Неудивительно, — говорит т. Сегал, — что троцкистские шпионы и вредители сосредоточили свою подрывную деятельность наряду с тяжелой промышленностью и на железнодорожном транспорте, так как всякому понятно значение железнодорожного транспорта не только для народного хозяйства, но и для обороны страны.

Одним из главных методов троцкистского вредительства на транспорте являлась организация крушений. В этом пункте сказалась с особой яркостью аполитичность многих звеньев хозяйственного и политического аппарата транспорта, между прочим и органов прокуратуры, следствия и суда. При крушениях обычно констатировалось нарушение дисциплины и правил технической эксплоатации, наказывались непосредственно участники крушений, но действительная подоплека и подлинные организаторы оставались в тени. Троцкистские шпионы и вредители умело пользовались атмосферой расхлябанности во многих звеньях транспорта и прокуратуры и умело маскировали свою подлую диверсионную работу. В результате к целому ряду крушений, которые были организованы шпионами и диверсантами, прокуратура подходила под углом зрения лишь наличия грубых нарушений дисциплины.

Тов. Сегал иллюстрирует это положение целым рядом конкретных фактов и делает из этого вывод о необходимости коренной перестройки работы транспортной прокуратуры по борьбе с крушениями.

— Мы должны усвоить, что бдительность вовсе не сводится к словам и крикам о бдительности, она требует прежде всего огромной тщательности, добросовестности при анализе каждого дела, каждого, на первый взгляд даже мелкого, обстоятельства, причем анализа глубоко политического.

В настоящее время расследование крушений коренным образом перестраивается, причем решающая роль в этих делах возложена на железнодорожных прокуроров. Это выражение доверия партии к органам железнодорожной прокуратуры накладывает на нее громадную ответственность. Для выполнения этой задачи прокуратура должна коренным образом перестроить свою работу, добиваясь вскрытия корней каждого крушения, выяснения политической физиономии его участников, и на каждом деле учить прокуроров политической бдительности и большевистской непримиримости.

Далее т. Сегал переходит к критике руководства прокуратуры. Он говорит, что тт. Вышинский, Леплевский и Рогинский мало интересуются работой железнодорожного транспорта, недостаточно критикуют эту работу. Тов. Леплевский, как правило, не решает возникающих в процессе работы вопросов, перенося их на оперативное совещание или на совещание заместителей, которые приобрели деляческий характер: из-за большого количества дел многие из них не разрешаются месяцами, а главное — в этих конкретных казусах тонет действительное руководство.

В заключение т. Сегал выдвигает задачу выращивания кадров, выдвижения лучших периферийных работников в центральный аппарат, имея в виду, что среди прокурорских работников периферии имеется много талантливых, политически острых работников, которые, придя в аппарат Прокуратуры Союза, влили бы в работу союзной Прокуратуры новую, свежую струю.

Тов. Элькинд (зам. главного транспортного прокурора) говорит о плохой работе партийной группы главной транспортной прокуратуры, которая за последние 6 месяцев не провела ни одного партсобрания, что т. Элькинд объясняет потерей вкуса к партийной работе, отсутствием минимального контроля за работой партгруппы со стороны партийного комитета.

Недостатки в работе прокуратуры железнодорожного транспорта т. Элькинд также объясняет неудовлетворительным состоянием партийной работы, и, хотя т. Вышинский считает работу главной транспортной прокуратуры несколько лучшей, чем работу других отделов, т. Элькинд вынужден признать и эту работу неудовлетворительной.

Тов. Глузман (парторг спецотдела) говорит о том, что партработа в спецотделе и в Прокуратуре Союза в целом велась формально, лишь бы как-нибудь отчитаться. Причину такого положения вещей, по мнению т. Глузман, надо искать в том, что у нас созданы все условия для того, чтобы не заниматься партработой. Никто не знает случая, чтобы тот или иной работник забыл притти на службу, а забыть притти на партгруппу — это явление обычное. В этом виноваты все мы, говорит т. Глузман, и руководство Прокуратуры Союза, и бюро партийной организации, и каждый член партии в отдельности.

В заключение т. Глузман говорит, что в Прокуратуре Союза не созданы необходимые условия для повышения квалификации работников, и высказывает при этом пожелание, чтобы проект о трехгодичной учебе работников прокуратуры был проведен в жизнь.

Проф. Строгович (следственный отдел Прокуратуры Союза) посвящает свое выступление мероприятиям, направленным к повышению идейного, политического и правового уровня знаний наших прокурорских работников. Тов. Строгович говорит, что в этой области дело обстоит далеко неблагополучно, и выдвигает предложение об изменении стиля работы в том направлении, чтобы она строилась не в плоскости школьных занятий, а главным образом на глубоком и серьезном изучении нашими прокурорскими работниками основных юридических дисциплин. Но для этого необходимо создать соответствующие условия для тех работников, на которых эта работа будет возложена.

Тов. Сольц (ст. пом. Прокурора Союза ССР) начинает свое выступление с указания, что мы живем в необычайное время.

— Дело в том, — говорит т. Сольц, — что мы вступили в особый новый период нашей жизни и нашей борьбы. Мы начинаем жить в эпоху, когда в одной стране построен социализм. Принятая Чрезвычайным VIII съездом советов Конституция это подтверждает.

Анализируя путь большевистской партии за период, непосредственно предшествовавший 1917 г., и за годы революции, т. Сольц показывает, почему с определенного времени Зиновьев, Каменев, Бухарин и др. стали открытыми врагами народа, с которыми нужно решительно расправиться.

Далее т. Сольц говорит о необходимости сочетать чуткость к людям с максимальной бдительностью.

— Мы должны знать, — говорит т. Сольц, — что в связи со строительством социализма встречаем громадное сопротивление всего капиталистического мира. Поэтому мы должны готовить тыл, мы должны увеличивать количество наших друзей и безжалостно расправляться с врагами.

В заключение т. Сольц указал, что основным недостатком своей работы он считает слабое наблюдение за тем, как разбираются жалобы в других отделах прокуратуры, что он увлекается личным рассмотрением жалоб, чтобы сейчас же помочь человеку. Между тем, основная задача отдела жалоб Прокуратуры Союза заключается не в том, чтобы здесь больше жалоб было рассмотрено, а чтобы правильно и хорошо была поставлена работа по рассмотрению жалоб во всех отделах Прокуратуры Союза, причем в этой работе еще очень многое не сделано, очень многое предстоит сделать.

Тов. Томский (пом. Прокурора Союза ССР) посвящает свое выступление кадрам. Он говорит, что изучение кадров, которое мы проводим на основе аттестации, идет недопустимо медленно, что план аттестации не выполняется. В этом т. Томский усматривает первый недостаток отдела кадров.

Вторым недостатком является отсутствие плана укомплектования прокурорских кадров. Материалы свидетельствуют о том, что в одном крае большее количество работников, причем лучших, а в другом — меньшее количество и притом худших. Задача заключается в том, чтобы правильным докомплектованием кадров в районах создать более или менее равномерное насыщение кадрами. К выполнению этой задачи отдел кадров как следует еще не приступил.

Третьим недостатком работы отдела кадров т. Томский считает отсутствие списков на выдвижение, в результате чего прокуратура оказывается в крайне тяжелом положении, когда необходимо наметить какую-нибудь кандидатуру на прокурорскую работу.

Далее т. Томский говорит, что в республиках, краях и областях часто неправильно подходят к нашим работникам, неправильно их расценивают. Стоит какому-нибудь работнику выступить против руководства, как он сразу получает кличку «бузотер», «скандалист», «склочник». Совершенно естественно, что при таком отношении к работникам мы кадры будем терять.

Тов. Томский также отмечает неповоротливость, отсутствие плановости, недостаточную решительность отдела кадров при постановке целого ряда вопросов, а также отсутствие контроля за работой соцсовместителей. Руководство периферией проводится только от случая к случаю.

Первая, основная задача, которая стоит перед отделом кадров, по мнению т. Томского, заключается в том, чтобы закончить в кратчайший срок аттестацию, изучить кадры, составить план перемещения, наметить резерв. Помимо этого необходимо поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) о возвращении всех старых прокурорских работников и следователей на работу в органы прокуратуры и добиться решения ЦК ВКП(б) о выделении новых партийных кадров для замещения прокурорских вакансий.

В заключение т. Томский останавливается на недостатках работы руководства некоторых отделов. Тов. Томский считает, что в основном начальники отделов работают нерешительно, со страховкой. Начальники отделов имеют возможность решать вопросы самостоятельно, но этим правом пользуются крайне неохотно, стараясь уйти от ответственности за принятые решения.

Тов. Субоцкий (пом. Прокурора Союза ССР) говорит, что в аппарате военной прокуратуры еще до сего времени много трафарета, делячества, неразберихи и путаницы, что люди занимаются работой поверхностно, не видят порой внутреннего содержания тех явлений и фактов, которые перед ними проходят.

Плохое знание наших кадров и недостаточная информированность работников приводят к целому ряду ошибок.

Далее т. Субоцкий подвергает критике излишнюю централизацию работы военной прокуратуры и совершенно недостаточное вовлечение среднего звена в коллективное обсуждение основных вопросов работы военной прокуратуры.

В заключение т. Субоцкий отмечает, что партработа в Прокуратуре Союза носит формальный характер, не учитывает квалификации значительного большинства членов парторганизации и не ставит интересных действительно нужных важных вопросов по-настоящему, теоретически глубоко. Даже вопросы Конституции, говорит т. Субоцкий, прорабатывались на недостаточно высоком уровне, без всякой увязки с вопросами марксизма-ленинизма.

Тов. Липсон (прокурор) говорит о том, что в парторганизации в Прокуратуре Союза самокритика не в почете, и иллюстрирует это некоторыми примерами.

— И на настоящем собрании, — говорит т. Липсон, — действительной большевистской критике товарищи не подвергают ни свою работу, ни работу своих отделов, ни работу руководства, которому они подчинены.

В заключение т. Липсон подробно останавливается на работе гражданского отдела Прокуратуры Союза, показывая на ряде примеров, что к разрешению важнейших вопросов гражданский отдел подходит бездушно и формально-бюрократически.

Тов. Ширвиндт (ст. пом. Прокурора Союза ССР) говорит о том, что до настоящего времени организационные вопросы в Прокуратуре Союза полностью еще не разрешены. Особенно в тяжелом положении находятся вновь организованные отделы, которые влачат пока жалкое существование.

Тов. Горбулев (пом. главного транспортного прокурора) посвящает свое выступление освоению техники работниками транспортной прокуратуры, засорению аппарата прокуратуры вследствие недостаточно критического подхода к подбору кадров.

В заключение т. Горбулев останавливается на работе Института юридических наук, указывая, что там имеются признаки подхалимства и что парторганизация в институте не на высоте.

Тов. Вавилов (военная прокуратура ВО НКВД Московской области) говорит о том, что пленум ЦК ВКП(б) дал парторганизациям, каждому члену партии и каждому непартийному большевику в отдельности программу работы в новых условиях.

Пленум вскрыл недочеты отдельных партийных организаций, которые в основном сводятся к тому, что многие парторганизации потеряли вкус к партийно-политической работе, а это в свою очередь приводило к ослаблению политической бдительности. Далее т. Вавилов говорит о необходимости еще шире развернуть самокритику, повести решительную борьбу с подхалимством, угодничеством, ибо в условиях подхалимства и угодничества широко развивается чувство безответственности.

Тов. Вавилов рассказывает, что в транспортной прокуратуре и в военной прокуратуре до сего времени царит такое отношение к работникам: там, где прокурор не ладит с командованием, прокурора перебрасывают на другую работу, никогда не интересуясь, почему отношения сложились плохими и кто в этом виноват.

Тов. Вавилов жалуется, что работники периферии не чувствуют достаточного руководства со стороны главной военной прокуратуры, а те дела, которые поступают на периферию из главной военной прокуратуры, порой стыдно перед трибуналом защищать. Он приводит пример, когда из 12 дел 3 трибунал вынужден был вовсе прекратить, а 9 направить на доследование.

В заключение т. Вавилов говорит о необходимости чутко относиться к людям, обращающимся за помощью в Прокуратуру Союза.

Тов. Леплевский (зам. Прокурора Союза ССР) говорит, что он очень недоволен тем разворотом самокритики, который имеет место на настоящем активе. Раньше всего он недоволен как член партии тем, что все товарищи сосредоточили свое основное внимание на вопросах оперативной работы. Между тем, т. Вышинский выступал здесь не только как Прокурор Союза, а как член партии с докладом о пленуме ЦК ВКП(б).

— Я позволю себе, — говорит т. Леплевский, — прежде всего коснуться дела Бухарина, Рыкова. Поскольку т. Вышинский дал совершенно исчерпывающую картину морального и политического разложения лидера правых, Бухарина, я хотел бы добавить только пару слов о Бухарине, дать два штриха его политической биографии, а затем перейти к Рыкову. Тов. Леплевский напоминает, что в 1918 г. по вопросу о Брестском мире Бухарин предлагал отвергнуть условия Брестского мира и начать войну с германским империализмом, договорившись до того, что советская власть стала формальной. Это было сказано тогда, когда народ грудью отстаивал советскую власть, когда в стране шла ожесточенная классовая борьба, когда вся страна была окутана пороховым дымом Октябрьского восстания.

Начиная с 1925 г., Бухарин выступает в «Большевике» с рядом статей, в которых он проповедует гражданский мир в нашей стране. Это в то время, когда мы пошли по пути индустриализации страны и социалистической реконструкции сельского хозяйства, когда мы били кулака и развертывали социалистическое наступление на всех хозяйственных фронтах. В это время Бухарин позволил себе выступать с целым рядом статей о гражданском мире. Самые худшие идеи так называемого бернштейнианства, которые были идеями худших времен германской социал-демократии, воспринял Бухарин, и поэтому совершенно не случайно, что он стал теоретическим лидером правого уклона, правой оппозиции и по сути дела проводил с 1928 г. всю подготовку сопротивления социалистическому строительству на всех фронтах, проповедуя ослабление классового нажима на кулака, реставрацию капитализма.

— Надо ли поэтому удивляться, — говорит т. Леплевский, — что этот человек скатился в темную яму контрреволюции.

Далее т. Леплевский анализирует путь Рыкова, который с первых дней революции был в оппозиции к Ленину. В частности, т. Леп-

левский напоминает позицию Рыкова на апрельской конференции, когда Рыков отнесся не только отрицательно, но издевательски к тезисам Ленина по вопросу о превращении нашей страны в республику советов. Равным образом, когда товарищ Сталин, в полном согласии с предложением Ленина, выступил против вхождения в предпарламент, за бойкот его, вооружал массы на Октябрьское восстание, на революцию рабочих и крестьян, товарищ Сталин встретил резкую оппозицию со стороны Рыкова, который солидаризировался в этом отношении с Каменевым и Рязановым, которые были за вхождение в предпарламент, за парламентские пути борьбы, вместо прямого выступления на улицах Петрограда.

Октябрь 1917 г. Формируется правительство. Рыкову дается чрезвычайно важный пост — пост наркомвнудела. Он через 3—4 дня после образования правительства этот пост оставляет, оказавшись вместе со штрейкбрехерами — Каменевым и Зиновьевым, вышедшими из ЦК.

1920 г. IX съезд партии. Одним из основных вопросов был вопрос о единоначалии, которое сыграло громадную роль в деле укрепления советской власти. Рыков вместе с Томским борется против линии Ленина и Сталина на IX съезде партии.

В этом же году выдвигается знаменитый план электрификации нашей страны—ГОЭЛРО. Рыков самым решительным образом выступает в этом вопросе против Ленина. В том же 1920 г. обсуждается чрезвычайно тщательно вопрос об образовании Государственной плановой комиссии, имевшей и имеющей совершенно исключительное значение в нашей стране. Рыков выступает против планового начала в нашей стране.

В 1928 г. Рыков в качестве лидеров правой оппозиции саботирует чрезвычайные меры против кулачества.

Таков политический путь Рыкова на всем протяжении нашей революции, приведший этого человека к измене и предательству.

Далее т. Леплевский отмечает целый ряд недостатков в работе Прокуратуры Союза. Тов. Леплевский высмеивает тех товарищей, которые часто морщат нос по поводу самокритики, считая, что самокритика отрывает от дела. Таким товарищам он рекомендует вспомнить замечательные слова Владимира Ильича об умении большевиков сочетать митингование с управлением.

Тов. Леплевский призывает к усилению самокритики, которая нужна нам для улучшения работы, для вскрытия всех наших недостатков и ошибок. Но самокритика должна быть добросоветской, основанной на фактах, и диктоваться интересами дела, а не какими-то посторонними соображениями.

Тов. Леплевский полемизирует с т. Сегалом по вопросу о коллегиальном обсуждении. Леплевский выступает за коллегиальное обсуждение основных вопросов работы, имея в виду формулу товарища Ленина: сообща обсуждать, единолично решать. При этом т. Леплевский напоминает об указании товарища Сталина в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом, что единоличное решение, не проверенное коллективом, на 90% плохое решение.

Переходя к вопросам вредительства на правовом фронте, т. Леплевский вспоминает, что, когда он в 1930 г. был назначен СНК Союза председателем комиссии по пересмотру УК РСФСР и союзных республик, в эту комиссию входили в качестве членов и такие люди, как Пашуканис, Эстрин, Кузьмин и др.

— И случилось, к сожалению, так, — говорит т. Леплевский, — что даже такой квалифицированный большевик-криминалист, как т. Крыленко, оказался временно в плену у этих вредителей, отстаивая вместе с ними отказ от принципа дозировки репрессии и точного определения состава преступления, что в тех условиях по сути дела означало смягчение или ослабление борьбы с врагами пролетарского государства.

Тов. Леплевский бросает и себе упрек, что он борьбу с этими теориями ограничивал рамками официальных заседаний в комиссии, не вынося ее в специальную печать.

В заключение т. Леплевский говорит о необходимости максимального поднятия уровня наших прокуроров, имея в виду, что прокуроры, не обладающие знаниями, — прокуроры «митрофанушки» — несчастье для нашей страны.

Тов. Дрогов (районный прокурор Локнянского района, Калининской области) говорит, что доклад т. Вышинского помог ему еще больше подметить недостатки его собственной работы. Основным недостатком в работе прокуратуры т. Дрогов считает недостаточное знание людей, вследствие чего имеет место неправильная расстановка сил: более сильные районные прокуроры сидят в маленьких районах, а менее сильные как раз руководят большими ответственными районами.

В заключение т. Дрогов говорит о необходимости систематической учебы прокурорских кадров и более смелого выдвижения их на руководящую работу.

Тов. Розовский (главный военный прокурор) говорит о недочетах в работе главной военной прокуратуры. Основным недочетом в работе он считает беспланость, работу рывком, неорганизованность, что в значительной мере дергает наших работников и вносит в общий стиль работы излишний нервный душок.

Вторым недостатком в работе главной военной прокуратуры т. Розовский считает некоторый отрыв руководства от прокурорских масс Москвы и периферии. Целый ряд серьезнейших документов, циркуляров, содержащих директивные указания, выработаны кабинетным порядком, причем ни работники главной военной прокуратуры, ни работники г. Москвы, где имеется большая армия военных прокуроров, не привлекаются для выработки этих документов и для участия в обсуждении работы отделов главной военной прокуратуры. В главной военной прокуратуре часто не прислушиваются к хорошим предложениям местных работников и недостаточно ориентируют периферийных работников; между тем, отсутствие надлежащей ориентировки периферийных работников приводит к тяжким последствиям.

К недостаткам работы в главной военной прокуратуре т. Розовский относит пренебрежение к теории и редкие выезды на периферию работников центрального аппарата.

вследствие чего они не знают дела и работников, которыми руководят.

Далее т. Розовский говорит, что кадры военной прокуратуры оказались в значительной степени засоренными, причем только после убийства т. Кирова в главной военной прокуратуре стали заниматься проверкой личных дел работников.

Недостатками в работе главной военной прокуратуры является также боязнь выдвигать молодых работников и недостаточная дисциплинированность «особого порядка», которая заключается в том, что приказы, издаваемые в Прокуратуре Союза, выполняются только в первый период их составления, а в дальнейшем совершенно забываются.

В заключение т. Розовский подвергает критике работу т. Леплевского, который мало помощи оказывает работе главной военной прокуратуры, и постановку партработы, которая проводится вяло, партгруппы созываются крайне редко, теоретические вопросы не разрабатываются.

Тов. Терентьев (председатель месткома Прокуратуры Союза ССР) говорит о том, что критика и самокритика в Прокуратуре Союза не были в фаворе, а пожалуй даже в загоне, что критику и самокритику у нас не особенно долюбливают.

Тов. Терентьев приводит примеры из практики стенной газеты. Мало-мальски серьезную заметку авторы предпочитают подписывать псевдонимами: «свисток», «сосед», «свой», а подписывать своими именами боятся.

— Далее, — говорит т. Терентьев, — критикуют обычно мелкую сошку, избегая критиковать людей повыше. В частности он указывает на недостаточную самокритику среди работников транспортной прокуратуры, хотя всем известно, что т. Сегал по нескольку дней не принимает своих работников. Такое же положение у тт. Леплевского и Рогинского. Тов. Терентьев говорит, что народ в прокуратуре работает добросовестно, но эта работа не дает нужного эффекта, что объясняется недостаточной четкостью и продуманностью структуры и излишней перегрузкой многих. В частности т. Терентьев указывает, что в транспортной прокуратуре работники получают сразу по 50—60 дел, которые они обязаны в минимальный срок «провернуть». Естественно, что «провертывание» такого количества дел идет за счет тщательности их проверки.

В заключение т. Терентьев указывает, что с кадрами в прокуратуре плохо, что кадры не изучаются, их не знают, не выращивают, для кадров не создаются настоящие условия повышения уровня их знаний.

Тов. Шляпочников (Институт юридических наук) указывает на то, что среди работников правового фронта имеет место недооценка того исключительно отрицательного влияния, которое оказала на уголовно-правовой фронт вредительская «теория» Пашуканиса. Концепция Пашуканиса представляет переплет контрреволюционных реставраторских, троцкистских и правых идей, стержнем которых явилось троцкистское отрицание существования социалистического права и тезис об отмирании советского государственного права с начала революции. Только отсутствием большевистской бдительности, самоуспокоенностью, царившей среди работников правового фронта, можно объяснить то, что эта вредительская «теория» многими отстаивалась до последнего времени.

Эта «теория» оказала свое вредное влияние и на уголовно-правовой фронт.

— Тов. Леплевский правильно подчеркнул в прениях, — говорит т. Шляпочников, — отрицательную роль, которую сыграл проект УК Комакадемии, тем более, что этот проект был политической платформой секции уголовной политики Института советского строительства и права Комакадемии, на основе которой строилась в 1930—1931 гг. теоретическая и преподавательская работа.

Этот проект Уголовного кодекса ИССП Комакадемии, основная идея которого сводилась к тому, что уголовно-правовая надстройка в переходный период отмирает (выветривается), представляя, по существу, право-левацкий документ, уходящий своими корнями в вредительскую теорию Пашуканиса и отражавший влияние идей буржуазно-социологической школы.

Влияние вредной «теории» Пашуканиса видно хотя бы из того, что и в последующих работах секции уголовной политики ИССП Комакадемии, в том числе и в работе т. Крыленко «Ленин о суде», не подчеркивался социалистический характер нашего уголовного права. Не случайно поэтому, что на нашем уголовно-правовом фронте нет учебников по уголовному праву, нет монографий по основным институтам советского уголовного права, которые могли бы нас сколько-нибудь удовлетворить.

Тов. Шляпочников отмечает далее чизкий идеологический уровень научно-технической работы как в секции уголовной политики ИССП Комакадемии, так и в бывшем Институте уголовной политики, за что и он персонально должен нести свою ответственность.

— За последние пять лет, — говорит т. Шляпочников, — не было ни одной серьезной дискуссии на фронте уголовного права. В 1932 г. была попытка поставить доклад т. Волкова — руководителя секции уголовной политики «О проблеме уголовного права в связи с задачами второй пятилетки». Однако тезисы были забракованы как неудачные, был забракован и самый доклад, и этим дело кончилось. Больше секция не делала попыток поставить хотя бы одну серьезную дискуссию.

Говоря о семейственности, которая существовала в Институте юридических наук, т. Шляпочников приводит ряд фактов. Так во втором номере журнала «Проблемы уголовной политики», подготовленного Институтом советского строительства и права Комакадемии, очерки уголовной политики расценивались в рецензии как высшие достижения марксистско-ленинской науки. Когда т. Вышинский полемизировал с т. Крыленко о дозировке, об аналогии в уголовном праве, редакция журнала «Проблемы уголовной политики» ограничилась тем, что указала о своем несогласии с т. Крыленко, вместо того, чтобы выступить с резкой критикой выдвинутых им положений.

К сожалению, эти уроки до сего времени не усвоены и самокритика в Институте юридических наук развертывается очень медленно.

— Прошло два месяца после опубликования в газете «Правда» статьи т. Юдина «Против

путаницы, пошлости и ревизионизма», — говорит т. Шляпочников, а ее серьезное обсуждение до сего времени, по существу, не начато.

Всякие попытки сделать доклад встречают прямое противодействие и ссылку на некие рассматриваемые руководством института тезисы, что тормозит развертывание дискуссии.

В заключение т. Шляпочников говорит о необходимости коренным образом изменить методы научно-исследовательской и преподавательской работы в связи с решением пленума ЦК ВКП(б).

Тов. Красносельский (Прокуратура РСФСР) говорит, что руководители, которые зажимают самокритику, безусловно слабы, порочны и они стремятся свою слабость и свой порок скрыть.

Тов. Красносельский выражает уверенность, что по следам зажимщиков самокритики можно раскрывать большие преступления.

Поэтому т. Красносельский считает, что борьбу с зажимом самокритики надо поставить на такую же политическую высоту как с зажимом стахановского движения. Между тем, пока не видно таких дел, по которым привлекали бы к судебной ответственности за зажим самокритики.

В заключение т. Красносельский говорит, что прокурору в своей работе приходится очень часто сталкиваться с таким положением, когда из-за необходимости согласования санкций с руководителем хозяйственной организации дело тормозится несколько месяцев, в течение которых преступники продолжают вредить. Тов. Красносельский ставит вопрос о необходимости предоставить прокурорским работникам больше самостоятельности в тех случаях, когда они считают необходимым немедленно принимать меры против преступников, независимо от согласия или возражения руководителя хозоргана.

Тов. Хуторян (главная военная прокуратура) говорит, что без перестройки работы на основе решения пленума ЦК ВКП(б), без освоения техники работы с массами, без освоения большевизма, невозможно решить те большие задачи, которые стоят перед нашей партией, перед нашей страной.

Подвергая резкой критике работу аварийных комиссий, которые являются только регистраторами аварий, т. Хуторян отмечает что в решениях пленума ЦК ВКП(б) собраны все чаяния и настроения членов партии и что только коммунистическая партия может так обобщать материал, так выдвигать на первый план основные решающие звенья нашей работы.

Тов. Филиппов (прокурор г. Москвы и Московской области) посвящает свое выступление анализу ошибок Московской городской и областной прокуратур.

Тов. Филиппов критикует свое неумение организовать личную работу таким образом, чтобы за собой оставлять важнейшие участки, и вместо этого зачастую подменяет целый ряд работников. В результате районные прокуроры остаются без должного внимания, своевременно не получая ответов на поставленные вопросы.

Тов. Филиппов иллюстрирует это положение рядом примеров. В частности недавно прокуратура Московской области не реагировала на письмо прокурора Орехово-Зуевского района, в котором был поставлен серьезный вопрос о нарушениях Конституции в этом районе, и только после вмешательства Прокурора Союза вопрос был надлежаще разрешен.

Далее т. Филиппов подчеркивает свою серьезную ответственность за допущенные Моссоветом и Мособлисполкомом нарушения советской демократии, ибо он присутствовал на заседаниях президиумов Моссовета и Мособлисполкома, прекрасно знал, что там идет незаконная кооптация членов президиума, и не вел борьбы с этим.

Приводя еще целый ряд недочетов и ошибок в работе Московских городской и областной прокуратур, т. Филиппов говорит, что эти ошибки являются результатом политической близорукости.

Так очень часто прокуратура квалифицировала дела по ст. 111, и только после процессов антисоветского троцкистского центра т. Филиппов понял, что во многих случаях преступления надлежало квалифицировать как вредительство и что квалификация этих преступлений по ст. 111 является совершенно неправильной.

В заключение т. Филиппов подвергает критике работу Прокуратуры Республики, заявляя, что никакого руководства со стороны Прокуратуры Республики Московская городская и областная прокуратуры не получают и что Прокуратура Союза должна по-серьезному поставить вопрос об укреплении Прокуратуры Республики.

Тов. Андреев (пом. прокурора Дзержинской ж. д.) ставит вопрос о необходимости сокращения надзорных инстанций, так как это ведет к бюрократизму и излишней загрузке прокуратуры.

Тов. Миронов (и. о. главного прокурора водного транспорта) говорит, что пленум ЦК ВКП(б) исключительно глубоко и правильно вскрыл перед нашей партией и всей страной недостатки и ошибки, которые имеются в работе советского и партийного аппаратов.

— Мы обязаны, — говорит т. Миронов, — прежде всего признать, что причиной недостатков в работе прокуратуры по водному транспорту является наше слабое разоблачение врагов народа, которые широко распространили свою подрывную, вредительскую, диверсионную работу на водном транспорте.

Еще в 1935 и 1936 гг. имелись многочисленные конкретные факты, по которым можно было при правильном подходе нащупать и разоблачить многочисленных врагов народа, но потеря большевистской бдительности у ряда прокурорских работников водного транспорта, в том числе и в главной водной прокуратуре, помешала этому и дала возможность этим предателям продолжить свою подрывную работу.

Тов. Миронов иллюстрирует это положение рядом фактов. В частности он указывает, что в Прокуратуре РСФСР разбиралось очень много дел о преступной деятельности ряда руководящих работников Балтийского пароходства, в частности, начальника Бронштейна, который, как сейчас установлено, является матерым контрреволюционером, прямым шпионом, диверсантом. Тогда, в навигацию 1935 г., он целую партию судов вывел на продолжительное время из строя тем, что дал распоряжение в совершенно недопустимых ледовых

условиях проводить суда из Ревеля в Ленинград. По распоряжению т. Нюриной, Прокуратура республики поставила этот вопрос перед Наркомводом, и Бронштейн получил только 10 суток ареста. Между тем, у прокуратуры уже тогда была полная возможность разоблачить этого диверсанта.

Активный зиновьевец, начальник Северо-Западного речного пароходства, уже в 1935—1936 гг. осуществлял вредительскую деятельность в Северо-Западном речном пароходстве и за один только год устроил аварий на сумму около 5 млн. руб. Это дело также не было тогда расследовано до конца.

Наряду с этим водная прокуратура занималась неосновательным привлечением к судебной ответственности таких лиц, которых привлекать не следует, а действительные аварийщики и преступники на водном транспорте оставались в тени.

Переходя к критике системы работы в Прокуратуре Союза, т. Миронов предъявляет также претензию к тт. Леплевскому и Рогинскому, которые не проявляют достаточного интереса к условиям работы водной прокуратуры и ни разу к ним не заглянули.

Касаясь партийных собраний, т. Миронов подвергает критике практику избрания президиумов для ведения собраний в составе парткома, вместо того чтобы президиум был избран из состава собрания.

— Для ведения партсобрания надо выбирать отдельные кандидатуры, — говорит т. Миронов, — а не организацию.

В заключение т. Миронов говорит о необходимости объявления самой решительной борьбы делячеству и аполитичности, которые особенно большой вред нанесли работе водной прокуратуры.

Тов. Нюрина (Прокуратура РСФСР) усматривает основной и главный недочет в работе Прокуратуры РСФСР в том, что работа по выдвижению работников проводится в порядке кустарщины и партизанщины, что в Прокуратуре РСФСР нет плана выдвижения работников.

Следующим недочетом в работе т. Нюрина считает, что Прокуратура РСФСР не сумела овладеть работой по рассмотрению жалоб трудящихся и что в Прокуратуре Республики к жалобщикам относятся недостаточно чутко и внимательно.

Далее т. Нюрина говорит, что неумение растить кадры отражается на состоянии аппарата. Вместо прокурора часто сидит исполняющий обязанности, вместо заместителей — исполняющие обязанности и т. д. Т. Нюрина ставит вопрос о необходимости серьезно продумать структуру прокуратуры, надо работать над кадрами, иметь крепкий резерв, объявить борьбу самовлюбленности работников, которые считают, что им не надо учиться.

В заключение т. Нюрина говорит, что те огромные требования, которые предъявляет наша партия, те огромные задачи, которые ставит перед нами товарищ Сталин, диктуют необходимость, засучив рукава, не щадя себя, взяться за работу.

Тов. Орлов (ИТУ Прокуратуры Союза) подчеркивает плохое руководство периферией со стороны прокуратуры. Он указывает, что Прокуратура Союза совершенно не знает своих кадров, не учит их, как надо работать.

Далее т. Орлов приводит ряд фактов нарушения режима в местах заключения, с которыми прокуроры не борются как следует.

В заключение т. Орлов указывает на недовольство отдельных прокуроров, что им приходится выполнять много таких технических работ, которые могли бы выполнять работники, не имеющие прокурорской квалификации и специального образования.

Тов. Рахлин (главная военная прокуратура) говорит, что решения пленума ЦК ВКП(б) означают поворотный пункт в жизни нашей страны, в жизни каждого члена партии и беспартийного большевика, причем самым важным т. Рахлин считает, чтобы каждый понял громадное повышение личной ответственности за судьбу своего участка работы, за судьбу всего учреждения и, наконец, за судьбу нашей революции.

Самым серьезным недостатком нашей работы т. Рахлин считает самоудовлетворенность, самоуспокоенность, вред которых он иллюстрирует рядом примеров.

В заключение т. Рахлин критикует выступление т. Нюриной, которая занимается восхвалением руководства Прокуратуры Союза вместо того, чтобы поставить вопрос об изменении совершенно неудовлетворительных методов работы Прокуратуры РСФСР.

Тов. Куприянов (секретарь парткома Прокуратуры РСФСР) считает, что не все товарищи на активе самокритически подошли к оценке своей собственной работы, причем это он относит и к выступлению т. Нюриной. Т. Куприянов считает основным недостатком работы Прокуратуры РСФСР самотек в работе; не мы владеем работой, а работа владеет нами. Вместо тщательной проверки дел в Прокуратуре РСФСР занимаются их «провертыванием».

Далее т. Куприянов отмечает, что Прокуратура Республики руководит периферией пожарными методами, причем обычно едут тушить пожар, но не предупреждать его. Для примера он приводит Азово-Черноморский край, Курскую область, Ленинградскую область.

На ряде примеров из практики Ленинградской области т. Куприянов подвергает резкой критике работу по общему надзору и руководство повышением квалификации кадров. Т. Куприянов между прочим приводит факт, когда методбюро разослало всем следователям Ленинградской области задания, которые иначе как издевательством над методикой назвать нельзя.

Тов. Ога (главная транспортная прокуратура) считает, что главная транспортная прокуратура работает плохо и доказательством этого является вредительство на дорогах, которое транспортная прокуратура проглядела. Т. Ога объясняет это тем, что работники главной транспортной прокуратуры и прокуроры дорог оторваны от масс и не имеют своего актива, а там, где он был, его постепенно растеряли. Далее т. Ога останавливается на вопросе о согласовании привлечения к уголовной ответственности отдельных работников с управлением дорог или с наркоматом, указывая, что прокуроры на дорогах недостаточно твердо проводят свою политику в этом вопросе и часто идут на поводу у администрации железной дороги.

Недостатком в работе главной транспортной прокуратуры, по мнению т. Ога, также является излишняя перегруженность работников, которая не дает им возможности работать над собой.

В заключение т. Ога говорит о необходимости работникам главной транспортной прокуратуры пополнять свои технические знания особенно теперь, когда перед главной транспортной прокуратурой стоит такая большая работа, как борьба с авариями.

Тов. Терехов (следователь Окружной ж. д.) указывает на недостаточность самокритики в прокуратуре: как только дело касается руководства, сейчас же начинаются полупоклоны. Это свидетельствует об отсутствии у многих работников прокуратуры мужества довести свою критику до конца.

Отсутствие мужества у руководства прокуратуры Окружной дороги приводит к тому, что если начальник дороги возражает против суда над преступником, прокуратура не привлекает к ответственности даже тогда, когда привлечь нужно.

Далее т. Терехов указывает, что мы не воспитываем своих кадров в партийном духе. В подтверждение этого он указывает, что на Окружной дороге партийные собрания созываются чуть ли не один раз в год, в партгруппе прокурора не критикуют, прокурор от своей партийной организации зачастую оторван, не несет никакой партийной нагрузки.

В заключение т. Терехов, указывает, что главная транспортная прокуратура не проявляет никакого интереса к работе окружной прокуратуры Окружной дороги, в результате чего ни один работник главной транспортной прокуратуры не посетил прокуратур Окружной дороги.

Тов. Булатов (Институт юридических наук) говорит, что введение Сталинской Конституции в жизнь означает в жизни всей нашей страны громадный поворот, который особенно остро чувствует армия беспартийных большевиков, впервые как будто в истории партии вовлеченная в такую ответственную работу, как обсуждение решений пленума ЦК ВКП(б), что налагает на беспартийных большевиков определенные политические обязанности.

Переходя к положению на правовом фронте, т. Булатов указывает, что у товарищей, непосредственно не связанных с теоретической работой, от ряда выступлений может получиться такое представление, будто Пашуканис—это какой-то гигантский мыслитель-контрреволюционер. Между тем, знавшие его близко могут подтвердить, что это в достаточной степени мелкая фигура. Вредительская концепция Пашуканиса отождествляла советское право с буржуазным, объявляла правовую форму иррациональной. Эта концепция перекликается с троцкизмом, утверждающим невозможность построения социализма в одной стране, и с бухаринской теорией трудовых затрат, имевшей широкое хождение среди теоретиков права. Наряду с этим в концепции Пашуканиса много от классической школы уголовного права, от теории эквивалентного воздаяния. У Пашуканиса можно встретить, наконец, и взгляды, заимствованные из социологической школы, из антропологической школы, и т. д.

— В общем, — говорит т. Булатов, — вся «теория» Пашуканиса это эклектическая похлебка не только для нищих, но, к сожалению, приходится сказать и для дураков. Несмотря на это, Пашуканис и его «теория» до последнего времени не встретила надлежащей критики в наших рядах.

Анализируя причины появления ошибок на правовом фронте, т. Булатов говорит, что их не учили советскому праву, правильному применению советского закона, не учили ленинизму. Учеба ограничивалась прохождением буржуазных теорий права, не подвергая их критике с точки зрения марксизма-ленинизма.

Далее т. Булатов указывает на атмосферу семейственности, которая царила в окружении Пашуканиса, и приводит факты, что когда на съезде марксистов-государственников многие заколебались по наиболее сложным проблемам, свои люди собрались отдельно от съезда, высказали свои колебания, но тут же решили на съезде об этих колебаниях ни слова не сказать.

В заключение т. Булатов подвергает критике проект УК, разработанный в свое время при ближайшем участии т. Ширвиндта, указывая, что этот проект, созданный в годы «Промпартии», предусматривал снижение репрессии по контрреволюционным преступлениям.

Тов. Волков (директор Института юридических наук) останавливается на серьезных извращениях в области теории права, которые были выявлены и разоблачены не теоретическими работниками в области права, а силами партийных организаций. Т. Волков показывает, что вредительская концепция Пашуканиса, отрицающая социалистический характер нашего права, признающая право и государство формально буржуазными категориями, с одной стороны, уходит своими корнями в троцкистскую теорию невозможности построения социализма в нашей стране, а с другой стороны, в бухаринские теории отмирания государства.

Т. Волков говорит, что практически эти теории привели к замене государственного права правоучением о государстве, к замене гражданского права — хозяйственным правом.

Подробно т. Волков останавливается на анализе ошибок т. Крыленко, от которых он не отказался до настоящего времени, в частности, на неправильное изложение взглядов т. Ленина по вопросу об объективной вине субъективно невиновных людей, на пренебрежительном отношении со стороны т. Крыленко к таким вопросам, как умысел, небрежность и т. д.

Т. Волков также останавливается на ошибках Булатова, который считал, что нужно отказаться от «юридического барахла», на ошибках Шляпочникова и Маньковского, которые все преступления считают оптом формами классовой борьбы, что вульгаризирует вопрос о формах классовой борьбы, и на своих собственных теоретических ошибках.

В заключение т. Волков призывает взять под огонь самокритики все теоретические ошибки, тесно связать теоретических работников с практическими для разрешения стоящих перед наукой о праве вопросов.

Тов. Савицкий (главная военная прокуратура) указывает на особую опасность проникновения троцкистских германо-японских шпионов и диверсантов в Рабоче-крестьянскую

красную армию и призывает к исключительной бдительности и решительной борьбе с ними.

Особо т. Савицкий считает необходимым остановиться на хозяйственных преступлениях в РККА, ибо на ряде фактов можно убедиться, что там, где учет поставлен отвратительно, где государственное имущество расхищается, там очень часто прикладывает руку классовый враг.

Т. Савицкий считает недостаточно продуманной систему воспитания наших кадров, следствием чего является их слабая политическая грамотность и неумение самостоятельно работать.

В заключение т. Савицкий говорит, что вопрос о материальной оснащенности прокурорских кадров должен привлечь внимание руководства прокуратуры.

Тов. Шубияк (помощник главного военного прокурора) говорит о том, что выдвинутые пленумом ЦК ВКП(б) со всей большевистской прямотой недостатки в партийной жизни многих парторганизаций присущи и парторганизации прокуратуры. Основным недостатком партийной организации Прокуратуры Союза, по мнению т. Шубияк, является увлечение производственными вопросами в ущерб идейно-политической работе.

Переходя к недостаткам в работе отдельных партгрупп, т. Шубияк особо останавливается на партгруппе главной транспортной прокуратуры, указывая, что элементы делячества мешали т. Сегалу и всей партгруппе заниматься партийной работой.

Далее т. Шубияк указывает, что партком не возглавлял самокритику, что стенная газета «Соц. законность» признана нашим профсоюзом беззубой, так как она занималась мелочами, и если критиковала, то второстепенных работников.

Особо т. Шубияк останавливается на повышении квалификации работников прокуратуры, указывая, что в этом отношении сделано еще очень мало. на ФОН занимается сравнительно небольшой контингент работников и занятия часто срываются. Отсутствие достаточного внимания к кадрам и недостаточность самокритики привели к проникновению врагов в центральный и периферийный аппараты прокуратуры.

В заключение т. Шубияк говорит о том, что нам необходима настоящая большевистская самокритика, о безобразиях надо заявлять открыто с большевистской прямотой, а не шушукаться по сторонам.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Тов. Вышинский начинает свое заключительное слово с указания, что парторганизациям и, в частности, парторганизации Прокуратуры Союза ССР, не часто приходится обсуждать вопросы такой исключительной важности, какие были предметом обсуждения в течение нескольких истекших дней.

— Можно было, — говорит т. Вышинский,— еще резче, еще откровеннее, чем это сделали выступавшие, поставить целый ряд вопросов нашей партийной и прокурорской работы и глубже вскрыть наши недостатки. Тем не менее мне кажется, что в основном свой долг большевика партийного и беспартийного выступавшие выполнили в эти дни неплохо.

И хотя со многим из того, что говорили товарищи, я не согласен, тем не менее я для себя извлек чрезвычайно ценные уроки и увидел очень много и очень многое с другой стороны, чем видел до последнего времени. Я не только заявляю, что принимаю эту критику полностью, но докажу партколлективу, что я сумел эту критику понять и воплотить в живую практику. Я думаю, что вы мне в этом поможете, продолжая эту критику не только на ежемесячных активах, которые у нас будут, но и в промежутках, во время наших деловых встреч, в повседневной работе.

Тов. Вышинский выдвигает задачу укрепления авторитета Прокуратуры Союза среди советских органов как одну из важнейших задач. При этом он говорит, что этот авторитет не может быть создан одними обвинительными речами, он может быть создан только четкой работой всего аппарата прокуратуры, на базе подлинной большевистской самокритики.

Тов. Вышинский подвергает резкой критике работу отдельных звеньев прокуратуры и обещает организовать ряд оперативных совещаний при участии широкой аудитории, чтобы показать, с какими безграмотными документами ему приходиться иметь дело, как у многих работников прокуратуры отсутствует чувство ответственности.

Подробно останавливаясь на вопросе о неблагополучии с кадрами в прокуратуре, т. Вышинский доказывал целым рядом цифр и фактов слабость прокурорских кадров.

В заключение т. Вышинский выдвигает важнейшую задачу организации работы прокуратуры. До настоящего времени каждый прокурор предоставлен сам себе, начальники отделов не руководят работой прокуроров так, как должны руководить, давая поручения, не контролируют их выполнение.

Нашей партии и нам всем предстоят еще серьезные бои. Для этих боев, для победы над врагами мы должны ясно понимать наши задачи, мы должны выкорчевать все наши недостатки, мы должны обладать преданной и пламенной любовью к нашей партии и нашему великому вождю товарищу Сталину.

**
*

В принятой резолюции собрание полностью одобряет решения пленума ЦК ВКП(б), в частности, исключение из партии Бухарина и Рыкова за антипартийную работу.

Всесоюзное совещание прокуроров железнодорожного транспорта

10—14 апреля в Прокуратуре Союза ССР происходило Всесоюзное совещание прокуроров железнодорожного транспорта, на котором обсуждались вопросы перестройки работы транспортной прокуратуры в свете решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б).

Ниже мы приводим в сокращенном виде вступительное слово Прокурора Союза, доклад главного прокурора железнодорожного транспорта т. Сегала и прения.

Открывая совещание, Прокурор Союза ССР т. Вышинский сказал: совещание созвано в связи с недавно состоявшимся пленумом Центрального комитета партии. Вы все знакомы с постановлениями пленума, в частности, с постановлениями, которые имеют громаднейшее значение для организации дальнейшей работы органов прокуратуры на железнодорожном транспорте. Мы считаем что органы прокуратуры на железнодорожном транспорте недостаточно подготовлены к тому, чтобы выполнять требования, предъявляемые сейчас к нам партией, что они должны срочно перестроить работу в соответствии с задачами, указанными пленумом Центрального комитета ВКП(б).

Мы считаем, что стоящие перед нами задачи требуют раньше всего пересмотра методов нашей работы и установления тех организационных и технических средств, при помощи которых мы могли бы эти задачи разрешить.

Процесс антисоветского троцкистского центра приподнял в значительной степени завесу над тем, что приводило часто железнодорожный транспорт к тяжелым недугам. Несмотря на те громадные успехи, которые сделал транспорт под руководством Центрального комитета нашей партии и Л. М. Кагановича, несмотря на громаднейшие сдвиги, на исключительный подъем, который на нашем железнодорожном транспорте характеризует работу в этой области за последние годы,—мы имели на транспорте очень чувствительные удары. Пленум Центрального комитета отметил, что, несмотря на то, что нашим врагам — троцкистам, японо-немецким агентам не удалось сорвать успешного роста социалистического хозяйства, и в том числе железнодорожного транспорта, все же они, эти враги, своими вредительскими актами нанесли колоссальный вред промышленности и транспорту.

Это ко многому обязывает органы прокуратуры, я бы сказал, именно органы прокуратуры, потому что на прокуратуре, занимающей особое место в государственной системе лежит в первую очередь обязанность разоблачить врагов, преследовать преступников, расчищать путь развития нашего социалистического хозяйства. Вы знаете, что на железнодорожном транспорте враги проникли на ряд ответственных постов. Процесс антисоветского троцкистского центра показал как факт проникновения врагов на ответственные посты в нашем железнодорожном хозяйстве, так и те ошибки, которые мы допустили, не будучи в состоянии своевременно разоблачить Князевых, Лившицев, Туроков и т. д. Громадная доля вины в этом лежит на органах прокуратуры. Эти факты свидетельствуют о слабости наших органов, об их политической близорукости, о совершенно недопустимом благодушии, которое, очевидно, достаточно глубоко сидит в нас, и об очень часто наблюдающейся нашей технической беспомощности. Говоря о нашей технической беспомощности, я имею в виду вопросы и криминалистического и процессуального и вопросы материального уголовного права.

Конечно, наши прокурорские мероприятия в области железнодорожного транспорта, в области борьбы с преступлением на железнодорожном транспорте неразрывно связаны с техникой в собственном смысле этого слова. Безграмотность наша и в этой части мешала нам правильно распознавать различные преступные явления, правильно квалифицировать то или другое преступление так, как оно заслуживает этого по своей природе. Это приводило наши органы к грубейшим ошибкам, к неумению видеть руку врага там, где она в действительности была. Очень часто мы расследовали преступления на транспорте поверхностно, сводя часто все дело к простому должностному нарушению, не видя, что данное преступление является ширмой, за которой скрывалось гораздо более серьезное и опасное преступление в виде диверсии, в виде вредительства. В решениях пленума ЦК нашей партии сказано, что главной причиной того, что диверсанты, шпионы в течение ряда лет могли вести свою работу и не быть разоблаченными, является узкое делячество, отрыв от партийно-политических задач и, как следствие всего этого, политическая близорукость.

Можем ли мы это применить к нашей работе и к нашим работникам? Можем в полной мере. Отсутствие большевистской проверки работников и слабая работа над политическим воспитанием наших кадров налицо. Сплошь и рядом оказывались за этими преступлениями наши враги или друзья врагов, а мы не умели видеть их и разоблачать их. Как правило, их разоблачали помимо нас и независимо от нас.

Мы плохо работаем над воспитанием наших людей, не знаем их, из-за благодушия, желания жить спокойно, неумения (а порой и нежелания) пользоваться острым оружием — большевистской самокритикой; из-за подхалимства и идиотской болезни беспечности в наших рядах около нас могли безнаказанно действовать наши враги.

Нынешнее совещание должно подвергнуть суровой критике нашу работу под углом зрения решений пленума ЦК ВКП(б), по-большевистски, невзирая на лица, не оглядываясь по сторонам. Наше совещание имеет своей задачей на основе этой самокритики, на основе анализа наших недостатков в нашей работе наметить пути и средства к исправлению этих недостатков.

Мы глубоко уверены, что это совещание должно принести нам большую пользу, что оно поможет перестройке нашей работы таким образом, чтобы наши органы оказались в состоянии выполнить те в высокой степени ответственные обязанности, которые сейчас возлагаются на нашу прокуратуру и, в частности,

в важнейшей области борьбы с недостатками на железнодорожном транспорте в области борьбы с авариями и крушениями.

Нам необходимо хорошо продумать всю систему нашей дальнейшей работы на основе решений пленума ЦК ВКП(б) по железнодорожному транспорту.

Объявляю наше совещание открытым и слово для доклада предоставляю т. Сегалу.

ДОКЛАД ГЛАВНОГО ПРОКУРОРА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА т. СЕГАЛА Т. М.

Историческое значение решений последнего пленума ЦК нашей партии и доклада товарища Сталина на этом пленуме заключается в том, что они при огромных успехах нашей страны, увенчанных Сталинской Конституцией, когда в СССР в основном построено социалистическое общество, с большевистским бесстрашием, прямотой и откровенностью вскрывают недостатки нашей работы, которыми воспользовались агенты капиталистической охранки троцкистские диверсанты, шпионы и убийцы, действуя по прямым заданиям фашистских разведок. Наши враги один из основных и главных ударов направили на важнейший нерв экономической жизни страны — на железнодорожный транспорт. Троцкисты пользовались для этого самыми разнообразными методами. Они использовали теорию предела как знамя борьбы за срыв государственного плана перевозок. Они подрывали мероприятия по техническому перевооружению транспорта, сопротивлялись введению новых мощных паровозов «ФД», введению автоторможения, автосцепки, теплой промывки и т. д., т. е. оказывали жестокое сопротивление всем тем мероприятиям, при помощи которых наша партия и правительство перевооружали транспорт, давая ему более высокое техническое оснащение и делая его более способным к выполнению тех грандиозных задач, которые ставит перед транспортом социалистическое хозяйство.

Организация крушений с человеческими жертвами — один из самых подлых методов троцкистского вредительства на железнодорожном транспорте.

Подготовка диверсии к началу войны, зашивка важнейших узлов, выведение из строя важнейших сооружений транспорта, некомплектное и нестандартное снабжение материалами и запасными частями железнодорожного транспорта, противодействие стахановскому движению и мероприятиям по улучшению материально-бытовых условий работы враги использовали все это в своей подлой подрывной работе против социализма.

Один перечень этих методов шпионско-диверсионного вредительства троцкистов заставляет вспомнить, что со многими вопросами мы не один раз встречались в нашей практической работе. К сожалению, нередко мы смотрели на все эти явления аполитичными глазами, мы не видели политической сущности этих явлений. Мы считали, что это—проявление разгильдяйства, расхлябанности, недисциплинированности, что это—нарушение дисциплины и т. п. Мы не видели, что за всеми этими явлениями кроется враждебная рука шпионов, диверсантов, террористов — агентов международной охранки. Мы не видели этого, и в этом заключается главная наша политическая ошибка.

Товарищ Сталин в своем докладе на пленуме Центрального комитета сказал, что «если вредители шахтинского периода обманывали наших людей на технике, используя их техническую отсталость, то современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним, как к членам партии, используя политическую беспечность наших людей».

Вот, товарищи, ясный и исчерпывающий ответ на вопрос о том, почему и как могли вредить троцкисты, диверсанты и шпионы на нашем железнодорожном транспорте. Они обманывали наших людей, в том числе обманывали и нас с вами. Мы оказались близорукими, политически беспечными и не видели того, что на многих командных, высоко ответственных местах железнодорожного транспорта сидели непримиримые враги рабочего класса, враги социализма.

Наша задача заключается в том, что мы должны охранять железнодорожный транспорт от всяких посягательств классового врага. На нас ответственность за эту политическую безрукость, за это благодушие, за увлечение хозяйственными успехами ложится вдвое-втрое больше. Это мы должны понять и сделать из этого соответствующие выводы.

Прокуратура — боевой орган пролетарской диктатуры, значение которого со всей силой подчеркивает Сталинская Конституция. В чем заключается сила прокуратуры? Сила ее заключается в том, что прокуратура, будучи органом, независимым в своей оперативной работе от каких бы то ни было местных органов, имеет все возможности, чтобы с большевистской непримиримостью вскрывать и пресекать всякие нарушения социалистической законности и в первую очередь разоблачать врагов народа. Преимущество специальной железнодорожной прокуратуры заключается в том, что она больше, чем всякая другая прокуратура, связана с хозяйством, близко участвует в партийно-политической жизни транспорта, знает его кадры. Это громадное преимущество для того, чтобы иметь возможность во-время расшифровать махинации классовых врагов.

Сумели ли мы использовать эти свои преимущества? Оказались ли мы на высоте своих задач? Я думаю, что сказать этого никак нельзя. И цель нашего совещания, как правильно сказал т. Вышинский, заключается в том, чтобы в свете решений пленума Центрального комитета партии и исторического доклада товарища Сталина подвергнуть жесточайшей критике нашу работу сверху до-низу, не оставив невскрытой ни одной прорехи, и на основании этой самокритики разработать ряд политических мер, при помощи которых прокуратура сумеет разрешить задачи, поставленные пленумом Центрального комитета партии, наметить, как мы должны работать дальше и с чем мы должны бороться.

Я начну с анализа нашей работы в области борьбы с крушениями. Нельзя отрицать того, что железнодорожная прокуратура проделала большую работу в области борьбы с крушениями и авариями. Начиная со второй половины 1935 г., оперативность наших прокуроров и следователей значительно выросла. Стали быстрее расследовать дела, более по-боевому

мы стали работать. Карательная политика стала у нас гораздо более суровой.

Но мы собрались с вами сюда не для того, чтобы рассказывать друг другу о наших успехах, тем более что эти успехи все же не так уж значительны. Процесс антисоветского троцкистского центра и решения пленума ЦК с исчерпывающей ясностью показывают, насколько относительны были эти наши успехи.

Мы недавно разослали всем дорожным прокурорам письмо, в котором дали анализ некоторых дел, рассмотренных на Южно-Уральской дороге и на дороге им. Кагановича. Эти примеры убедительно показывают, насколько близоруко было проведено расследование ряда дел на этих дорогах. Мы взяли дела для анализа без какого бы то ни было дополнительного расследования, просто в таком виде, в каком они были закончены следствием и переданы в суд. В этих делах следствие, прокуратура и суд прошли мимо целого ряда таких моментов, при помощи которых можно было бы докопаться до политических корней крушений на железнодорожном транспорте. Эти моменты остались нерасследованными. Наши следователи, наши прокуроры, наши суды ограничивались тем, что констатировали нарушения технических правил, нарушения дисциплины и считали на этом свою работу законченной.

Главный недостаток нашей работы заключается в том, что мы вели нашу работу в области борьбы с крушениями без учета того, что троцкистские вредители маскируют свою подлую, подрывную работу, что в этих делах нарушение дисциплины служило маскировкой для троцкистских диверсантов.

Наша работа в области расследования крушений характеризуется еще слепым доверием к техническим актам. Дальше, когда я перейду к примерам, я приведу вам целый ряд случаев, когда наши прокуроры не вели расследования, ожидая, что скажут ученые мужи-эксперты.

Когда мы говорим о политической бдительности, это не просто фраза. Она требует не просто слов, а огромной тщательной работы. Нельзя проявлять большевистской бдительности при любом деле, если мы не будем анализировать всякие действия, если не использовать всех штрихов, которые на первый взгляд кажутся не имеющими серьезного значения, а потом оказываются решающими. Такое расследование содействует поверхностному отношению к выявлению действительных причин крушения. В результате такого расследования мы не сумеем вскрывать диверсантов, шпионов и вредителей на железнодорожном транспорте.

Мы провели недавно анализ дел по крупным катастрофам, рассмотренным линейными судами в 1936 г.

Этот анализ показал, что почти половина всех рассмотренных и расследованных нами дел чрезвычайно подозрительна по диверсии. В этих делах имеется целый ряд моментов, говорящих о том, что там орудовали классовые враги, которые сознательно и умышленно организовывали крушения. Но эти дела проходили как дела о простых нарушениях дисциплины.

Я думаю, что каждый из нас может привести немало примеров и образцов делячества при расследовании таких дел из своей собственной работы и из работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта, которая, к сожалению, исключения здесь не составляет. Но самое главное сейчас заключается в том, что и после решения пленума ЦК и после процесса антисоветского троцкистского центра мы имеем целый ряд случаев, когда прокуроры продолжают проявлять ту же политическую близорукость и продолжают также не видеть политических корней крушений. Это, товарищи, еще хуже. Кажется, решения пленума ЦК всколыхнули всю нашу страну, а вот есть такие прокуроры, которых эти решения не всколыхнули, которые не видят, как у них под носом орудует классовый враг. Разрешите привести несколько примеров. Вот одно дело по Орджоникидзенской железной дороге. Недавно мы разослали всем железнодорожным прокурорам специальное письмо, в котором сообщали о крушении на ст. Киян, которое было организовано троцкистскими диверсантами как ответ на процесс антисоветского троцкистского центра. Крушение это, как известно, произошло 27 января, а за день до этого — 26 января на ст. Аполонская дежурный по станции Корчагин дал отправление под красным сигналом при таком же зеленом разрешении резервного паровоза вслед за ранее отправленным поездом № 948. Машинист, несмотря на хорошую видимость, наехал на этот 948 поезд, в результате 12 вагонов было разбито. Правда, здесь последствия были не такие, как 27 января, но причины крушения те же.

1 февраля диверсионный характер крушения 27 января на ст. Киян был полностью установлен, было установлено, что выпуск поезда при зеленом разрешении под красный светофор был контрреволюционной диверсией. Несмотря на это, прокурор т. Козырев продолжал расследовать дело о крушении на ст. Аполонская, которое произошло решительно при тех же обстоятельствах, под углом зрения обыкновенного нарушения дисциплины. Мало того, он не только продолжал расследовать это дело под деляческим углом зрения, но он в таком виде передал это дело в суд. Только по нашему настоянию это дело было возвращено на доследование. В результате дополнительного расследования оказалось, что Корчагин был членом той же самой контрреволюционной троцкистской диверсионной организации, которая организовала крушение 27 января.

Я могу вам привести еще целый ряд примеров из практики расследования крушений уже после процесса антисоветского контрреволюционного троцкистского центра, уже после пленума Центрального комитета, которые покажут вам, что наши прокуроры еще не перестроились и по-прежнему занимаются деляческой констатацией и не видят политической природы крушений. Вот, например, на Белорусской железной дороге 4 марта на перегоне Орша—12-й километр произошло серьезное крушение поезда № 1108. При расследовании оказалось, что причиной крушения была неисправность бандажа. Выяснилось, что на Кричевском пункте осмотра, с которого вышел вагон, вызвавший аварию, орудовали бандиты, которые занимались тем, что выпускали явно неисправные вагоны, неисправные оси, делая при этом отметку, что ось отремонтирована, осмотрена и доброкачественна.

Что же наш прокурор сделал по этому делу? Он в обвинительном заключении написал, что крушение явилось результатом экономической контрреволюции, и квалифицировал это по соответствующим статьям о контрреволюционных преступлениях. Казалось бы, что все в порядке, людей предают суду и виновников осуждают. Однако это дело было проведено политически близоруко. Почему? Потому, что мало констатировать, что в данном случае мы имеем контрреволюционное вредительство. Надо было докопаться до корней этого вредительства, надо было ликвидировать полностью банду, которая занимается вредительством. В некоторых случаях мы думаем, что, применяя суровую репрессию, мы приносим очень большую пользу транспорту. Между тем, в некоторых случаях бывает так, что, даже крепко осудив виновного, но не вскрыв корней его преступления, мы можем не только не принести пользы, а наоборот, можем принести вред, потому что организация, к которой он принадлежит, будет нам только благодарна за то, что мы помогли ей спрятать концы в воду, не вытащив на свет белый всю организацию. Так было и в случае, который я вам привел. Уже после того, как был вынесен приговор, обнаружилось, что там орудовала контрреволюционная организация, а виновник этого крушения был лишь одним из членов этой организации. Теперь нам придется этот приговор отменить и направить дело к доследованию для привлечения к ответственности главных виновников. Настоящее проявление бдительности заключается в том, чтобы до конца вскрыть организацию, чтобы до конца вскрыть корни крушений.

Существует указание Прокурора Союза, которое мы неоднократно подтверждали и выполнения которого неоднократно требовали, о пересмотре старых дел о крушениях и авариях под углом зрения выявления троцкистских диверсий и вредительства. Я должен сказать, что это указание выполняется чрезвычайно плохо. Большинство прокуроров пока еще не раскачалось и этим пересмотром не занимается. А некоторые прокуроры, вместо подлинной большевистской бдительности, проявляют нечто другое — по существу самострахуются. Есть такие прокуроры, которые присылают нам дела с предложением отменить приговор а почему приговор нужно отменить — неизвестно, так как ничего не сделано, чтобы вскрыть руку врага в этих делах. Присылает прокурор дело и пишет: «Я думаю, что по этому делу орудовала вредительская шайка. Прошу вас отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение». А доказательств никаких не приводит, думая, очевидно, что он проявляет бдительность самым фактом просьбы о пересмотре. Но это не политическая бдительность, а просто гнилая перестраховка.

Нужно прямо сказать, что до сих пор улучшений или изменений в постановке дела расследования крушений мы не имеем. Если и можно говорить об изменениях, то они сводятся только к тому, что прокуроры трафаретно доносят, что произошло крушение, и дело расследуется «под углом диверсии». А в то же время страшно затягивают сроки расследования. Можно ли сказать, что такая практика есть признак перестройки нашей работы? Пока что это только проявление самострахования. Люди думают, что если они затянут расследование и напишут, что дело расследуется под углом зрения диверсии, то это и есть «перестройка работы». Сроки расследования должны быть короткими, чтобы все диверсионные махинации троцкистских вредителей раскрывались быстро, а не так, как теперь, пошлют дело в НКВД, никакого надзора за следствием не осуществляют и считают свою задачу оконченной.

Разрешите остановиться на целом ряде недостатков в области борьбы с крушениями, которые имеются и в работе наших дорожных прокуроров и в работе главной прокуратуры.

Мы проверили нашу практику предания суду. Что же оказалось? Оказалось, что ряд дорожных прокуратур ведут неправильную политику в области предания суду, которая прежде всего выражается в том, что количество дел о крушениях совершенно непропорционально количеству крушений на дороге.

Донецкая дорога по количеству крушений стоит на втором месте, а по количеству возбужденных дел — на восьмом месте.

Ленинская дорога по количеству крушений стоит на четвертом месте, а по количеству возбужденных дел — на 23 месте.

Турксиб по количеству крушений стоит на 12 месте, а по количеству дел — на первом месте.

Орджоникидзенская дорога по количеству крушений стоит на 14 месте, а по количеству дел — на 3 месте.

На Туркеибе имеется ряд перегибов, ряд случаев предания суду, когда не нужно было предавать суду и достаточно было ограничиться дисциплинарными мерами. Вот почему получается такая огромная судимость, а это ведь отражается на карательной политике. Карательная политика на этой железной дороге слишком мягкая по сравнению с другими дорогами. И это совершенно понятно, потому что здесь тянут в суд по мелочам.

Вот несколько примеров. 18 ноября 1936 г. поезд № 801 прошел выходную стрелку. Оказалось, что не все тормоза действовали, вместо 32 действовало только 22 тормоза. Это было установлено в момент проезда стрелки. Что же выявлено при расследовании этого дела и кто был привлечен по этому делу к ответственности? Привлечен был к ответственности автоматчик по тормозам Грищенко по обвинению в том, что он плохо просмотрел состав и выдал неправильную справку о количестве тормозов, в результате чего машинист не мог удержать поезда. Что же из этого дела видно? Прежде всего, что на предыдущей станции тормоза были просмотрены и было установлено, что действовало не 22, а 26 тормозов. Значит, обвинять автоматчика Грищенко в том, что он выпустил поезд с 22 тормозами, нельзя было. Мало того, самое главное заключается в том, что машинист проехал выходную стрелку потому, что он не собирался остановиться на этом переезде и шел со скоростью 25 км в час и, только поровнявшись со станционным зданием, по сигналу дежурного, стал тормозить поезд. Выходит, что Грищенко привлекли к суду неправильно.

Надо признать, что у нас нередко судят людей, во-первых, по мелочам, а, во-вторых, по сомнительным основаниям.

Работая таким образом, действительных диверсантов, действительных вредителей мы не раскроем. Если за всякое отступление от правил, за всякое нарушение дисциплины будем людей отдавать под суд, мы этим притупим острие наших репрессий, которое должно быть направлено на раскрытие действительных диверсантов и вредителей.

Прокурор Ленинской дороги т. Кондратьев оставляет без судебной репрессии целый ряд случаев, когда действительно надо было судить. Вот, например, 24 января на станции Тамбов был принят на занятый путь поезд № 901. Выяснилось, что виновником явился составитель Сусорев, который неправильно перевел стрелку и пустил на занятый путь маневровый состав. Крушения не произошло вследствие исключительной находчивости сигналиста, который перед самым поездом перевел стрелку и пустил его по свободному пути. Следствием было установлено, что Сусорев — чуждый элемент, кулак и, поступая на транспорт, скрыл это обстоятельство.

Это было в январе. В марте мы получаем сообщение с Ленинской дороги, что дело передано в суд, а 4 марта т. Кондратьев сообщил, что дело возвращено к доследованию и, по всей вероятности, будет прекращено. Почему «по всей вероятности будет прекращено» — неизвестно. Потом оказалось, что дело действительно было прекращено. В чем причина, почему Кондратьев не довел до суда это дело и целый ряд других дел? Он ссылается на решение дорожного оперативного совещания. Он, оказывается, это дело прекратил потому, что дорожное оперативное совещание вынесло решение о прекращении дела. У т. Кондратьева получилось, так: раз дорожное совещание решило ограничиться дисциплинарным взысканием, то ему, Кондратьеву, уже незачем думать — надо ли это дело направлять в суд или не надо, за него это решило дорожное совещание. Такая несамостоятельность т. Кондратьева привела к тому, что на этой дороге по целому ряду дел, по которым надо было людей судить за грубейшие нарушения дисциплины, их не судили. Здесь прямая вина прокуратуры, не проявившей в этих делах должной самостоятельности.

Несмотря на то, что у нас было очень много всяких указаний о необходимости срочного расследования дел, о необходимости оперативного вмешательства прокуратуры в каждое дело о крушении, мы до сих пор имеем в работе прокуратуры ряд вопиющих случаев отсутствия оперативности, волокиты, безрукости в области расследования крушений.

В первую очередь в этой связи надо упомянуть о Донецкой дороге. Донецкая дорога находится на одном из первых мест по количеству крушений. Обстановка для работы, условия для работы у прокурора Донецкой дороги лучшие, чем у какого-нибудь другого прокурора, не считая Окружной дороги, которая находится в Москве. Несмотря на то, что по своей величине и по количеству погрузки Донецкая дорога является одной из первых дорог, она расположена так, что почти в любой пункт Донецкой дороги можно быстро попасть на машине. Товарищи из аварийной группы главной прокуратуры железнодорожного транспорта могут продемонстрировать вам, какие у них разговоры бывают с Донецкой дорогой. Если в аппарате Донецкой прокуратуры случайно оказался следователь т. Бутович, они получают кое-какую информацию о делах по крушениям. Если же следователя Бутовича не оказалось в прокуратуре, тогда никакой информации вы не получите, потому что ни прокурор т. Любимов, ни его заместитель т. Гранкин, как правило, не знают и ничего не могут сказать по этим делам. В результате дела тянутся чрезвычайно, долго, к расследованию их приступают с большим запозданием, а когда мы начинаем нажимать, то просят продлить срок «в связи с углублением расследования».

В области сроков расследования дел о крушениях у нас за последнее время замечается очень большая затяжка. В особенности отличаются затягиванием сроков расследования такие дороги, как Ашхабадская, им. Куйбышева, Закавказская, Донецкая.

По Орджоникидзенской дороге за последний период 58,4%, по Юго-Западной 87% дел расследуется свыше 10 дней.

Прокуратура дороги им. Дзержинского еще недавно по оперативности была на одном из первых мест, а теперь стоит на последнем месте, 89,2% дел расследуется в сроки свыше 10 дней.

Нужно констатировать еще и то, что прокуроры выпустили из своих рук расследование крушений. Например, в марте процент дел, которые расследуются следователями, на Южно-Уральской дороге упал до 11, на Дзержинской дороге — до 25, на Октябрьской—до 38.

Есть и такие прокуратуры, которые попрежнему продолжают сами расследовать дела о крушениях, и, я бы не сказал, хуже других. Например, на Белорусской дороге почти 100% дел расследуется следователями, то же на Калининской, Западной. Значит, есть прокуроры дорог, которые не выпустили дела из своих рук, а большинство прокуроров выпустили, а теперь жалуются, что НКВД затягивает расследование дел.

Мы имеем ряд случаев, когда прокуроры дорог плохо знают свои дела о крушениях.

Тов. Козырев по делу о проезде поезда на ст. Кизляр сообщил нам 9 декабря 1936 г., что это дело передано в суд, а 11 декабря поступило другое сообщение, что он это дело прекратил. Как же он мог прекратить дело, которое уже было передано в суд?

Тов. Ашихмин, прокурор Турксиба, сообщает, что обвиняемый Михайлов приговорен к 3 годам лишения свободы с запрещением занимать такие-то должности. Когда же мы получили приговор по этому делу, то в этом приговоре было написано, что ему запрещается работать на железнодорожном транспорте, но никаких 3 лет лишения свободы нет. К сожалению, такие случаи не единичны, когда прокуроры сообщают неправильные сведения. Можно ли мириться с такого рода безответственными и ложными сообщениями и грубыми нарушениями дисциплины? Нельзя мириться, и мы мириться с этими недопустимыми фактами не будем!..

Есть случаи, когда прокуроры передают дело в суд, а потом приходят в распорядительное заседание и говорят: товарищи, нельзя ли это дело прекратить? Так, например, прокурор Закавказской дороги т. Каландадзе передал в суд дело, по которому проходят двое обви-

няемых, а потом сообщает нам: я считал, что их предавать суду не нужно, но так как они уже привлечены, то во избежание дальнейшей задержки дела я утвердил обвинительное заключение, имея в виду на подготовительном заседании возбудить вопрос о прекращении уголовного преследования. Так он и сделал. Действительно, на распорядительном заседании суд согласился с мнением прокурора и дело было прекращено. Дальше этого ехать уже некуда, большего головотяпства и большей беспринципности придумать нельзя.

Недавно я получил от председателя дорожного суда Сталинградской дороги кучу определений распорядительного заседания, в которых суд констатирует безобразное проведение следствия, невыявление целого ряда серьезных моментов и т. д., констатирует смазывание дел, привлечение второстепенных виновников и непредание суду основных виновников. На этом распорядительном заседании, как правило, докладчиком является прокурор т. Малов. И что же, т. Малов спокойно съедает пилюли, которые ему преподносят с такими определениями, хотя они его бьют смертным боем. Суд констатирует, что следствие проводится легкомысленно, что качество расследования безобразно, что предание суду неправильно и т. д. Все это записывается в протокол, а прокурор дороги проглатывает эту пилюлю и молчит. А раз молчит, значит согласен.

Так работать нельзя. Какой авторитет может иметь прокурор, который подходит к делам без всякой критической оценки, который передавая дело в суд, штампует то, что ему подсовывают, отдает людей под суд, а потом берет дела обратно! Это же вопиющая безответственность. Как будто предать человека суду — это пара пустяков. А где же Сталинская Конституция, где же ответственность за предание людей суду?

Нужно прямо сказать, что в области борьбы с крушениями в нашей работе имеют место случаи грубейшего проявления бюрократизма. Я вам проиллюстрирую вопиющий пример того, как прокурор вместо того, чтобы докопаться до корней крушения, стал заниматься пересылкой материала с одной дороги на другую без всякого к тому основания, без всякого оправдания. Речь идет о такого рода крушениях, как крушение вследствие излома осей. Вы знаете, что процент крушений по причине излома осей очень высок, что это наиболее трудные для расследования крушения, такие крушения требуют большей тщательности, большего терпения для того, чтобы докопаться до корней. А между тем, от этих изломов осей бывают серьезные крушения.

22 октября 1936 г. на перегоне [illegible]—Волоконка Московско-Донбасской дороги произошло за короткий период времени несколько крушений вследствие излома осей. Прокурор 2 участка Донбасской дороги получает от начальника дистанции пути материал и направляет его прокурору Западной дороги, так как по заключению комиссии виновен Витебский вагоно-ремонтный пункт Западной дороги, который производил ремонт этих вагонов 3 октября 1936 г. Заместитель прокурора Западной дороги т. Зегер, получив этот материал, направляет его прокурору Витебского участка с такой бумажкой: «Прошу заинтересоваться этим делом». Не то, чтоб расследовать дело и привлечь виновных, а «заинтересоваться». Ну, тот заинтересовался и просит в первую очередь «заинтересоваться» этим делом т. Дерябина, своего следователя. Следователь тоже «заинтересовался». А между тем, 13 января т. Ривкин получает сообщение от начальника своего участка, что хотя вагон выпущен из вагоно-ремонтного участка 3 октября 1936 г., но там полного освидетельствования осей не производилось, а только дефектоскопом осмотрели, а полное освидетельствование производилось на Калининском вагоно-ремонтном заводе в апреле 1935 г. Ну, а раз полное освидетельствование производилось в 1935 г. на Калининском вагоно-ремонтном заводе, надо дело направить прокурору Октябрьской дороги. Так и делают. Что же делает прокурор Октябрьской дороги? Ах, Калинин? Ну, хорошо, в Калинине есть вагоно-строительный завод, дай-ка я пошлю прокурору Калининской области. Посылает калининскому областному прокурору. Прокурор Калининской области присылает нам материал и спрашивает: зачем же мне прислали? Я запросил объяснения у директора Калининского завода, тот говорит, что никогда ремонтом осей на заводе не занимались, завод делает новые вагоны. Так эта волокита тянулась полгода. Целый ряд прокуроров, чтобы спихнуть с себя материал, пересылали его один другому, и, наконец, материал попал к нам. Разве эта переброска материала не есть самая махровая волокита и бюрократизм? Такого рода пересылка материалов чрезвычайно часто практикуется нашими прокурорами. Прокурор Куйбышевской дороги т. Курдов чрезвычайно любит заниматься подобными «делами». 2 января 1937 г. на заводе НКПС им. Куйбышева при открытии ворот кузнечного цеха упавшим козырьком был убит рабочий Рожков. Заметьте: 2 января 1937 года! Начинают расследовать. Оказывается, в 1934 г. при определении объема капитального ремонта кузнечного цеха комиссия указала, что необходимо закрепить козырек. Но этого не было сделано, а так как в 1934 г. там работал некий Пыжов, а сейчас этот Пыжов работает в Москве, то Курдов не находит ничего лучшего, как переслать нам это дело — пожалуйста, ищите этого Пыжова. В 1934 г. он не устроил козырек. Но ведь авария произошла в 1937 г., а за эти годы сколько там работников переработало после Пыжова! Можно ли так безответственно подходить к делу?

Вот, товарищи, те недостатки, которые я считаю необходимым указать в области расследования и без устранения которых мы не выполним решений пленума Центрального комитета и не обеспечим четкое большевистское расследование крушений .

Все эти недостатки прежде всего мы должны отнести на наш собственный счет — на счет главной прокуратуры железнодорожного транспорта. Разрешите остановиться на тех недостатках в нашей работе, которые способствовали такой бюрократической, деляческой практике на дорогах.

В конце 1935 г. мы дали указание о том, чтобы не передавать ни одного дела в суд без технического акта, утвержденного начальником дороги. Мы руководствовались стремлением обеспечить большую техническую грамотность расследования. Это была до извест-

ной степени гарантия. Технические акты утверждались таким квалифицированным руководителем, как начальник дороги, и мы этой цели добились. С технической стороны расследование стало более грамотным. Но надо сказать, что это указание было чисто деляческим и аполитичным. Мало того, чтобы сказать, что нужно требовать технический акт, утвержденный начальником дороги, надо было указать, что этот технический акт должен служить лишь ориентировкой, а не руководством. Такого упора мы не сделали и этим мы толкнули наших прокуроров на деляческое отношение к делу расследования крушений.

Эсаулов. Дорожный штаб — это вторая ошибка.

Сегал. Если вы так ставите вопрос, то вы не правы. Создание дорожных оперативных совещаний и центральных совещаний при НКПС, безусловно, было положительным явлением. Раньше ни начальники дороги, ни начальники служб, ни начальники управлений НКПС вопросами борьбы с крушениями не интересовались. Создание оперативного совещания при наркоме и на дорогах внесло оживление в эту работу, заставило начальников дорог отчитаться, интересоваться причинами крушений. Никто не говорит, что оперативные совещания это панацея от всех бед. Оперативные совещания сыграли положительную роль в смысле усиления оперативности в борьбе с крушениями, но эти оперативные совещания страдали серьезными бюрократическими извращениями, заключавшимися в том, что вместо настоящего анализа крушений, мобилизации внимания начальников служб и отделений на борьбу с авариями и крушениями они стали на путь механического штампования репрессий, не докапываясь до технических и политических корней крушения. Мы в этом в значительной степен виноваты. В большинстве случаев решающую роль в этих оперативных совещаниях играла прокуратура и ответственность за формальное штампование лежит на нас. Оперативные совещания — это временная мера, направленная к тому, чтобы активизировать борьбу с крушениями. Сейчас организован новый институт ревизоров по безопасности движения, который независим от местных органов и должен стать боевым органом борьбы за соблюдение правил технической эксплоатации, за безаварийную работу железных дорог.

Мы создали аварийную группу (следственную). Нельзя сказать, что она не внесла некоторой оперативности в работу. Но оперативность эта носит чисто внешний и формальный характер. Работа нашей аварийной группы еще носит канцелярско-бюрократический характер. Это нужно сказать прямо. Сводится эта работа к тому, что, получив сводку, что произошло крушение, наш работник аварийной группы садится к телефону и требует от прокурора дороги сведений: ведется ли расследование, фамилию, имя, отчество привлеченных; если прокурор все эти сведения получает, то он считает, что им все уже сделано.

Прокуроры группы вместо того, чтобы наталкивать на действительное дело, чтобы на конкретных примерах учить как нужно вскрывать виновников крушений, «выполняют» эту задачу одним телефонным звонком. Одним сообщением по телефону эту задачу выполнить нельзя. В отношении связи у нас имеются широкие возможности. Ни одна прокуратура не находится в таком благоприятном положении, как мы. Средства связи у нас идеальные. Но мы ими не умеем как нужно, пользоваться или для того, чтобы налаживать работу, для того чтобы по существу оперативно руководить расследованием.

***

Нужно указать еще один крупнейший пробел в области борьбы с крушениями в работе центрального аппарата — это то, что мы не давали совершенно методических указаний по борьбе с крушениями. Те отрывочные циркуляры и инструкции, которые мы давали, не исчерпывают вопросов методического руководства.

Вам передан проект инструкции по борьбе с крушениями. Это первая попытка дать методические указания. Может быть там имеются недостатки, я прошу их указать.

Мы должны методические указания ввести в практику, иначе наше расследование будет носить деляческий характер.

Смазывание политической остроты дел имело место не только по крушениям. Оно имело место и по другим серьезным категориям дел, в частности, по делам о контрреволюционных преступлениях.

На дороге им. Дзержинского, заместитель прокурора т. Корзюков прекратил дело начальника сборочного цеха завода НКПС на ст. Тула Шишляникова, который обвинялся по ст.ст. 58^{10} и 58^{14} УК. Шишляников был осужден к 5 годам лишения свободы, но приговор был отменен Верховным судом и дело направлено для доследования и вторичного рассмотрения дела в суде.

Что делает т. Корзюков? Он проходит мимо того, что Шишляникову было предъявлено обвинение по ст. 58^{10} УК и что в деле имеются материалы, свидетельствующие о контрреволюционной агитации. Он считает, что здесь не было саботажа, дело прекращает и выдает Шишляникову справку, что возбужденное против него по ст. 111 дело прекращено. Когда мы попросили у т. Корзюкова объяснение, на каком основании он выдал такую справку, оказывается, он вынес постановление, что в этом деле нет ст. 58^{10}, а есть ст. 111, и что за нецелесообразностью предания Шишлякикова суду он дело прекращает, а потом выдает справку Шишлякикову о том, что дело по обвинению его по ст. 111 прекращено. Во-первых, почему по ст. 111, когда он привлекался по 58, а во-вторых, куда девались факты контрреволюционного порядка? Главное то, что т. Корзюков не понял того, что он допустил грубейшее нарушение закона в этом деле.

У нас имеется целый ряд случаев грубейшего политического смазывания дел т. Козыревым. Недавно т. Козырева проработали в «Гудке» и, судя по стилю работы т. Козырева, эти факты действительно имели место так, как они описаны в газете.

Мы имеем случаи, когда в силу безответственности прокурора у нас люди сидят под стражей, а потом их дела прекращаются.

Перехожу к работе следственного аппарата железнодорожной прокуратуры. Я думаю, что мне незачем вам доказывать, что следственный аппарат в нашей работе имеет решающее значение и что наша первоочередная задача за-

ключается в том, чтобы следственный аппарат укрепить, сделать его боеспособным, поднять его на большую политическую высоту.

Нужно сказать, что то использование следственного аппарата, которое у нас сейчас имеет место, является совершенно недопустимым. У нас есть прекрасные следователи, которые дают образцы высокой следственной техники и умения раскрывать дела. Правда, как это ни странно, наши следователи показывают свое искусство, почему-то, главным образом, на раскрытии дел об убийствах. Я приведу вам примеры того, как в результате прекрасной техники могут раскрываться такие дела, как всем известное дело об убийстве председателя ЦК дороги Юга, которое было блестяще расследовано т. Анойченко. Совсем недавно старшим следователем Донецкой дороги т. Световым было блестяще раскрыто убийство сотрудницы управления дороги Журбенко. Отличительная особенность этого дела заключается в том, что не было известно об убийстве. Было известно, что сотрудница управления дороги Журбенко пропала и несколько дней не появлялась на службе. Не было ни трупа, ни достоверных сведений об убийстве, никаких следов преступления. В течение 10 дней следователь сумел установить факт убийства, сумел найти убийцу, найти труп, найти соучастников убийства. Это образцовая, блестящая работа т. Светова.

Для чего, товарищи, я все это вам рассказываю? Для того, чтобы на этих примерах показать, что у нас имеются хорошие следователи, которые умеют расследовать дело и показывают образцы работы. Почему же эти хорошие следователи, которые умеют так хорошо расследовать дела об убийствах, не научились раскрывать диверсии? Я постараюсь проанализировать причины того, почему это так происходит.

Чем у нас в основном завалены следователи? Следователи у нас в значительной степени завалены орсовскими делами. Я должен сказать, что и в области орсовских дел мы проявляем настоящую аполитичность. Мы имеем дела с большим количеством растрат. Как же мы расследуем эти дела?

Если следователь добрался до человека, у которого нехватает, скажем, 20—30 тыс. руб., и этот человек выпил две бутылки вина с кем-то, делается вывод, что все деньги пропиты. Может быть часть денег он и потратил на пьянство, а где гарантия, что часть денег, которые идут как растрата, не пошла на содержание контрреволюционной организации? Вы когда-нибудь по делу о растратах, даже крупных растратах, интересовались, куда деньги девались? Когда находится дело об убийстве, то следователи говорят: вот настоящее дело для расследования, а докопаться и вытащить за ниточку врага народа — разве это не важное дело? Мы заваливаем следственный аппарат хламом, а что это так позвольте продемонстрировать на ряде фактов.

Мы недавно обследовали положение дел у следователя Ярославского участка Ярославской дороги. Налицо оказалось 46 дел. Спрашивается, мог ли при таком количестве дел следователь проявить оперативность и быстроту? Конечно, мог. А какие дела находились у него в производстве? Дело о смерти работницы завода М. вследствие искусственного аборта, произведенного в каком-то подпольном абортарии в поселке Лосиноостровская. Почему это дело должен расследовать транспортный следователь? Неизвестно.

Дальше. Дело по обвинению заведующего лосиноостровской физкультурной базой Филиппова в том, что он выдал фиктивную справку гр. Хохловой, которая по этой фиктивной справке неправильно получила пенсию. Почему это дело попало к железнодорожному следователю?

Или, например, дело по обвинению главного бухгалтера одного завода в хаотическом состоянии отчетности. Дело по этим материалам было против него возбуждено, потом прекращено, его уже уволили со службы, прошло порядочное время; теперь по тем же материалам вновь возбуждают дело о плохом состоянии отчетности, привлекают этого человека к ответственности.

Дальше дело о незаконном занятии квартиры инженера Карпова в марте 1935 г. В марте 1935 г. кто-то занял незаконно квартиру у инженера Карпова, и вот теперь в 1937 г. транспортный следователь ведет следствие по этому делу. (С места. А следователи на действия прокуроров не жалуются). Верно, не жалуются. А знаете, почему не жалуются? Потому, что прокуроры дорог, несмотря на то, что у них только несколько следователей, не удосуживаются хотя бы раз в месяц проверить, что у следователей делается. Если бы они проверили, если бы они за работой следователя наблюдали, то будьте уверены, что следователь стал бы вам жаловаться на действия участкового прокурора, потому что он знал бы, что с него завтра спросят. А отсутствие проверки и создает для следователя такие условия в работе. Следователь — самостоятельный боевой орган прокуратуры; это политический орган, а мы его превратили в какого-то замухрышку, который тонет в бумажном море и не видит, что вокруг него делается. Если бы у прокурора дороги было 50—70 следователей, тогда, я понимаю, проверять их было бы трудно. Но ведь товарищи, всего-то у вас 4—5 следователей. Неужели прокурор дороги хотя бы один раз в месяц не может их проверить и дать соответствующие указания? Не делает он этого и мы этого не делаем. Мы следственный аппарат должны сделать работоспособным, оперативным, политизировать следственный аппарат и опираться в нашей работе на него как на основную оперативную силу. Следователи неправильно используются не только в том смысле, что заваливаются никчемной перепиской, но и в том смысле, что на следователей наваливают не свойственные им функции. На каком основании наши следователи используются в качестве обвинителей? Есть прямое указание Прокурора Союза, которое запрещает это и указывает на то, что судебная трибуна есть главное место деятельности прокурора, что прокурор, который вместо себя посылает кого-то другого, по существу уклоняется от выполнения самой важной своей государственной обязанности.

Между тем, из всех дел, прошедших через линейные суды в 1936 г., по 14½% обвинение в суде поддерживали следователи. С этим надо покончить.

На Казанской дороге был такой случай: недалеко от Казани, на ст. Канаш слушается де-

ло о крушении. Прокурор дороги сидит на месте. Заместитель прокурора сидит в прокуратуре. А обвинение по этому делу поддерживает участковый следователь.

Теперь разрешите остановиться на вопросе о судебной работе прокуратуры.

Мы в свое время установили порядок, по которому прокурор дороги или его заместитель должны сами проверять каждое дело, направляемое в суд, а на самом деле это не делается. У нас дела штампуются и от этого мы должны как можно скорее избавиться.

Выступая на суде, прокурор должен на конкретных примерах пропагандировать социалистическую законность. Речь прокурора на суде должна быть наполнена глубоким содержанием, должна быть политически заостренной и тогда она будет иметь положительные результаты. Я не могу сказать, чтобы все прокуроры так выступали на суде.

Позвольте вам прочитать выписку из речи одного из московских участковых прокуроров. Выступая по делу проводника Филина, который обвинялся в продаже постельного белья и присвоении денег от продажи, этот прокурор сказал: «Граждане судьи, есть в литературе одна мысль, вернее не мысль, а произведение, где одна женщина и кается и делает, и кается и делает. Вот Филин мне напоминает эту женщину» и т. д.

Это анекдотическое выступление, но я вам это продемонстрировал потому, что считаю, что это не просто анекдот. Если стенографировать выступления наших многих прокуроров участков и даже дорог, то таких анекдотов не оберешься. Почему? Потому, что люди легкомысленно относятся к своим выступлениям. Вы должны учесть, что аудитория, будь-то рабочие, колхозники, служащие — люди нашего Советского союза достаточно квалифицированы, они и газеты читают и радио слушают, слушают лучших наших ораторов и т. д. Какой же может иметь авторитет прокурор, который выступает с такими речами с важнейшей государственой трибуны?

Я спрашивал прокуроров дорог, присутствуют ли они на выступлениях своих участковых прокуроров? А ведь это важнейший пункт проверки работы участковых прокуроров, ведь участковые прокуроры выступают от имени нашей государственной трибуны?

Кстати, товарищи, я должен сказать, что даже тогда, когда прокуроры натыкаются на грубые ошибки, на извращения в работе участковых прокуроров и следователей, то часто вместо того, чтобы сделать из этого решительные выводы, они замазывают их. Так, поступил, например, в одном случае прокурор Юго-Восточной дороги т. Мазай.

И последнее замечание по вопросу о судебном надзоре заключается вот в чем: 28,5% дел мы направляем в народные суды. Что с этими делами там делают, мы, как правило, не знаем и эти дела из-под нашего надзора ускользают совершенно.

Разрешите теперь остановиться на вопросе о постановке общего надзора прокуратуры.

Этот вопрос имеет громадное значение. Что мы понимаем под общим надзором? Это есть прокурорский надзор за законностью. Только должная постановка общего надзора может нам обеспечить возможность вскрытия вредительства, диверсии, других махинаций врагов народа и может помочь нам поставить надлежащую борьбу за государственную дисциплину на железнодорожном транспорте. Между тем, постановка общего надзора у нас совершенно неудовлетворительна. Практически те преимущества железнодорожной прокуратуры, о которых я говорил (непосредственная ее связь с хозяйством, участие в партийно-массовой работе), эти преимущества в некоторых случаях превратились в свою противоположность и привели к потере бдительности у прокуроров, к сращиванию прокуроров с хозяйственным аппаратом — неправильному сращиванию, доходящему иной раз до прямых преступлений. Разрешите это вам продемонстрировать на нескольких примерах. Прежде всего у нас имеется немало случаев, когда прокуроры помогают хозяйственникам страховать себя от ответственности за невыполнение государственных планов перевозки, ремонта подвижного состава, пути и т. д. Вот, например, прокурор Турксиба т. Ашихмин дает телеграмму начальнику дороги: «Станционные пути станции Чикмент имеют недопустимо загрязненный балласт. Я требую от вас провести сплошную балластировку пути, для чего настоятельно требую разрешить кредит, открыть карьер Ленгер, выделив 20 платформ при одном паровозе для вывозки 14 000 куб. метров балласта». Должен ли прокурор заниматься вопросом о том, сколько надо предоставить подвижного состава, сколько балласта надо вывезти и т. д.? Разве это дело прокурора? Допустим, что начальник дороги не прислал бы этот подвижной состав, а потом возникло бы дело по обвинению начальника дистанции в отвратительном содержании пути; вы его привлекли бы к ответственности, а он бы вам справедливо возразил: «Вы сами посылали телеграмму начальнику дороги, начальник дороги вашу просьбу не выполнил, что же теперь с меня спрашиваете?»

Прокурор Окружной дороги т. Маршев вызывает начальника службы пути и говорит: «Пиши требование в НКПС, чтобы тебе деньги отпустили. Нельзя же в таком виде путь держать». Разве начальник пути сам не знает, куда ему надо обращаться за деньгами? А для него очень выгодно получить такую бумажку от прокурора: это для него паспорт, это для него индульгенция, которой он будет прикрываться, когда его привлекут к ответственности за плохое состояние пути.

Позвольте вам привести еще один чрезвычайно характерный пример по дороге им. Ворошилова. Прокурор этой дороги т. Перфильев присылает нам сюда письмо начальника паровозо-ремонтного завода на имя прокуратуры, причем т. Перфильев просит принять через НКПС соответствующие меры. На Ворошиловскую дорогу поступили пассажирские паровозы серии «Л» и завод якобы не может ремонтировать эти паровозы потому, что подъемные краны не имеют соответствующей мощности, не могут поднимать котел паровоза и технический инспектор запрещает на этих кранах поднимать паровоз. Начальник завода посылает т. Перфильеву письмо с просьбой поставить об этом вопрос в НКПС. На этом заводе в 1922—1923 гг., когда на той же дороге ходили паровозы серии «Л», краны были в состоянии поднимать, а теперь почему-то не могут. То ли краны похудели, то ли паровозы

потолстели. Я запросил т. Перфильева, нет ли здесь перестраховки со стороны начальника завода, указав на необходимость проверки, почему раньше эти паровозы можно было ремонтировать, а теперь нельзя. Что же делает т. Перфильев? Вместо того чтобы пойти на завод и лично проверить (а это дело серьезное, речь идет о ремонте паровозов), т. Перфильев посылает мне копию письма начальника завода, в котором он опять повторяет, что не может ремонтировать паровозы, так как краны слабы.

Я написал т. Перфильеву письмо, в котором прямо ему указал, что такая работа — результат потери прокурорского лица. Если бы я хотел запросить начальника завода, то я его адрес знаю. Зачем нам тогда прокурор? Выполняйте то, что я от вас требую. Проходит некоторое время, наконец, т. Перфильев одумался, до него не сразу, но все же дошло. Тов. Перфильев взялся за дело по-серьезному, взял специалиста, пошел на завод, назначил экспертизу и пришел к выводу, что начальник неправильно ставит вопрос о том, что он не может ремонтировать паровозы серии «Л», что никаких препятствий к ремонту этих паровозов нет.

Вот вам яркий пример того, как прокуратура легко может превратиться в бюрократический придаток дороги. Это резко сказано, но, по существу, в ряде случаев это так. Тогда прокуратура не только не может вскрывать беззакония, саботажа и нарушений государственной дисциплины, но, наоборот, по существу покрывает их.

Я хотел вам продемонстрировать, как прокуроры иногда просто издеваются над жалобщиками. Есть такие прокуроры, которые не только ни одного жалобщика не могут по-настоящему удовлетворить, а на которых, например, даже их собственные секретари обращаются с жалобой к председателю Совета народных комиссаров т. Молотову, что прокурор не платит им жалованья.

Жалобщики жалуются, что нет ответа, жалуются они и в КПК, и в КСК, и в секретариат товарища Сталина, что нельзя добиться от соответствующего прокурора никакого ответа, а после многомесячной волокиты оказывается, что жалоба была правильна. Разве это похоже на то, что требует от нас Сталинская Конституция? Прокуроры забыли, что за каждой жалобой стоит живой человек, гражданин Советского союза. Таких случаев беспримерной волокиты у нас очень много.

Я убежден, что один из серьезнейших корней наших недостатков и нашей аполитичности является отрыв прокуратуры от масс. Был когда-то у нас актив, теперь актива нет. Наши работники совершенно забыли о связи с массами. В результате мы растеряли актив.

Одна из первейших задач прокурора — это организация боеспособного большевистского актива на железной дороге, который не только бы сигнализировал прокуратуре о всех махинациях классовых врагов, но который бы и критиковал работу своей прокуратуры. Нельзя из-за того, что кто-то боится, чтобы в актив не попали жулики, ставить вопрос так, что вообще нет людей. Есть здоровая масса, преданная советской власти. Из этой массы мы должны брать людей, воспитывать и вербовать в свой актив. Если будут бояться вербовать актив, то провалятся на первых же шагах, когда приступят к выполнению решений пленума ЦК.

Я уже говорил вам, что один из основных недостатков нашей работы — это отсутствие систематической проверки наших работников, как со стороны дорожных прокуроров, так и со стороны главной прокуратуры железнодорожного транспорта.

Последний недостаток по порядку, но не последний по своей важности, — скверная организация работы нашей главной прокуратуры, прямая текучка, наш аппарат завален огромным количеством дел, и в этом огромном море теряется большое количество важных вопросов. Эта текучка ведет к тому, что мы не умеем во-время охватить все процессы, происходящие в работе, как на самом железнодорожном транспорте, так и в нашем аппарате.

Большим недостатком в нашей работе является отсутствие системы, отсутствие самокритики.

Если мы хотим по-настоящему руководить, мы должны вкорне перестроить работу нашего аппарата, сделать его действительно оперативным и боевым. Мы считаем необходимым перестроить структуру нашего аппарата. Вместо существующих территориальных отделений, которые занимаются и судебным, и общим, и и следственным надзором, мы хотим организовать самостоятельный судебный отдел, следственный отдел, отдел общего надзора, которые будут специализироваться на этих отраслях работы. Когда мы выделим следствие, мы сумеем наладить методическое руководство и тем самым обеспечить должное расследование крушений.

Какие же задачи перед нами стоят с точки зрения решений пленума ЦК нашей партии? Первой и основной задачей является то, что, мы должны вкорне изменить систему расследования дел о крушениях.

Пленум ЦК возлагает на железнодорожные прокуратуры чрезвычайно большую и почетную задачу. Решения пленума ЦК мы должны рассматривать как акт величайшего политического доверия нам.

Пленум ЦК считает, что основной задачей железнодорожного транспорта в 1937 г. является обеспечение безаварийной работы и ликвидации крушений. Выполнение этой основной задачи в значительной части возложено на транспортную прокуратуру. Из этого мы должны сделать для себя соответствующие выводы. Прежде всего, не нужно забывать, что точное выполнение правил технической эксплоатации лишает вредителя на 99% возможности устраивать крушения. Если правила выполняются безукоризненно, если дисциплина никем не нарушается, нет расхлябанности и разгильдяйства, то вредителю нечего делать, ибо он будет сразу разоблачен.

Для того чтобы лишить вредителей возможности вредить, первой нашей задачей является борьба за дисциплину, за правила технической эксплоатации, за соблюдение правил и инструкций НКПС.

Таким образом задача борьбы с разгильдяями и с нарушителями дисциплины не только не снимается, а наоборот, еще больше заостряется и приобретает политический характер. Задача борьбы с разгильдяйством приоб-

ретает характер борьбы с маскировкой троцкистского вредительства, борьбы за выкорчевывание почвы, на которой троцкистское вредительство может иметь место.

Самая трудная задача заключается в том, чтобы настолько поднять политический уровень наших работников, настолько поднять их культуру, их технический уровень, чтобы они умели из среды разгильдяев и нарушителей дисциплины выделять сознательных вредителей, замаскировавшихся врагов. Надо научиться анализировать не только факты, но и людей со всем их настоящим, со всем их прошлым, со всем их нутром.

Перед нами стоит задача перестроить общий надзор и сделать его целеустремленным.

Речь идет об общем надзоре прокуратуры за законностью. Его нельзя понимать узко — прочесть приказ и посмотреть, нет ли каких-либо нарушений статей закона. Общий надзор — это значит надзор за тем, как выполняют законы, не орудует ли классовый враг, нет ли щели, куда могут пролезть враги и свить свое гнездо.

Общий надзор надо перестроить, сделать его более самостоятельным.

Какие объекты должны быть в области общего надзора?

1) Вопрос о выполнении правил технической эксплоатации и приказов НКПС в области обеспечения безопасности движения.

2) Борьба с простоями подвижного состава. Сейчас это вопрос чрезвычайно остро стоит. Большинство дорожных прокуроров никакой активности в этом деле не проявляют, а если проявляют, то односторонне, т. е. клиентуру за простои наказывают, а железнодорожников нет. Разве это не своего рода угодничество — своих не трогать? Разве так должен прокурор работать? Борясь с простоями, надо бить виновных и клиентуру, и работников железнодорожного транспорта, а не превращаться в руках железнодорожной администрации в дубинку, бьющую только клиентуру.

3) Борьба с травматизмом. Вы знаете, что организация всякого рода несчастных случаев есть один из методов троцкистского вредительства.

4) Борьба с приемом на занятый путь и с проездом сигналов.

Последний вопрос — это, что нам нужно сделать для того, чтобы выполнить стоящие перед нами задачи и оправдать доверие, которое нам оказывает партия.

Первая задача — пересмотреть кадры железнодорожных прокуратур под углом зрения их политической надежности, выдержанности и работоспособности. Нам необходимо пополнить кадры новыми работниками. Мы должны довести количество прокурорских участков до количества отделений службы движения. На ряде участков мы считаем необходимым поставить вместо одного двух следователей, для этого нам нужны новые кадры. Я предупреждаю товарищей, что если вы будете думать, что вам всех людей пришлют из Москвы, то вам придется в этом разочароваться. Мы разослали письма прокурорам дорог, в которых просили посмотреть свой актив, нет ли там людей, которых можно выдвинуть. Некоторые прокуроры ответили, что у них нет таких людей, человек 7—8 ответили, что такие люди найдутся, а большая часть прокуроров ничего не ответила. Это говорит о плохой связи с массами, об отрыве от политической массовой работы.

Прокуроры в смысле пополнения кадров проявляют слабую активность и не видят, откуда можно найти людей, не знают своих партийных организаций, оторваны от этих организаций. Если бы этого не было, то найти несколько человек для каждой дороги не было бы так трудно.

Необходимо обеспечить систематически юридическую и политическую учебу кадров. Нам нужно забыть то время, когда прокуроры дорог не интересовались политическим уровнем своих работников. Нужно людей контролировать, своевременно вскрывать их недостатки и учить их. Мы должны организовать политическую учебу, это задача не только партийных организаций, это наша задача как руководителей. Если мы ее не выполним, то как мы будем вскрывать диверсии и разоблачать врагов?

Мы должны представлять собой боевой, сплоченный аппарат, крепко скованный снизу доверху, где не было бы ни одного пятнышка, где не было бы ни одного гнилого человека, чтобы наш аппарат, стоя на том месте, на которое его поставила партия, мог бы свою почетную задачу выполнить полностью. Мы должны положить все силы, чтобы оправдать доверие партии, крепко работать по-новому, доказать, что мы действительно перестроились по-настоящему, по-большевистски, что мы по-настоящему овладеваем большевизмом, что мы умеем по-настоящему вскрывать и разоблачать махинации врагов, доказать, что мы можем выполнить те решения, которые пленумом Центрального комитета вынесены и которые возлагают на нас ответственные и почетные обязанности.

Тов. Куклев (Московско-Казанская дорога) говорит, что постановлением пленума ЦК партии работникам транспортной прокуратуры оказано большое политическое доверие и на них возложена большая ответственная задача в деле борьбы с крушениями и авариями, которая должна стать стержнем работы транспортной прокуратуры.

Указание Прокурора Союза и главного прокурора железнодорожного транспорта о 3-дневном сроке проведения следствия по делам о крушениях, как правило, не выполняется. Трехдневные сроки расследования по крушениям являются исключением, а в среднем на каждое расследование уходит 7—10 дней, причем качество следственной работы заставляет желать много лучшего.

Основным недочетом в работе транспортной прокуратуры т. Куклев считает то, что корни вредительства редко вскрываются.

Тов. Крук (Оренбургская дорога), подвергает критике работу главной прокуратуры железнодорожного транспорта за отсутствие повседневной конкретной помощи местам и транспортную коллегию за слабую карательную политику по делам о крушениях и приговоры по таким делам, по которым этого делать нельзя. Тов. Крук иллюстрирует это рядом конкретных дел.

Далее т. Крук останавливается на неудовлетворительной работе Оренбургской дороги, считая это прямым следствием существования на дороге вредительской организации, которую

прокуратуры дороги не сумели своевременно разоблачить.

В заключение т. Крук останавливается на вопросе о кадрах на Оренбургской дороге, указывая на их неукомплектованность, засоренность, недостаточность технического аппарата прокуратуры дороги и на неповоротливость отдела кадров главной прокуратуры железнодорожного транспорта, который не реагирует на представления прокурора дороги.

Тов. Рубаненко (Ташкентская дорога) говорит, что следственная группа главной прокуратуры железнодорожного транспорта своей задачи не выполняет, что она превратилась в информационную группу, которая ограничивалась собиранием фактов, когда произошло крушение, и т. д.

Далее т. Рубаненко на примере крушения на ст. Ташкент-пассажирская показывает, что главная прокуратура железнодорожного транспорта, не отстаивает в транспортной коллегии утверждения приговоров в отношении лиц, привлечение которых было своевременно согласовано с главной транспортной прокуратурой, виновность которых полностью доказана.

Тов. Рубаненко критикует практику работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта, не отстаивает в транспортной коллегии жалобы по существу, предлагает прокурору, оставившему жалобу без последствий, вновь ее проверять, что никакого результата не дает.

Тов. Лапидус (Амурская дорога) говорит, что беспечность, несвоевременное вскрытие вредительства характерны и для работы Амурской дороги. Тов. Лапидус указывает, что прокуратура Амурской дороги имела ряд сигналов о неблагополучии с состоянием паровозного хозяйства и если бы эти сигналы были восприняты политически, а не делячески, классовый враг на дороге был бы значительно раньше раскрыт. Далее т. Лапидус говорит об острой нужде в кадрах на Дальнем Востоке, которая не дает возможности обеспечить нормальную работу прокуратуры. Тов. Лапидус на ряде примеров показывает, что главная военная прокуратура своевременно не реагирует на целый ряд представлений об изданных неправильных приказах. В области руководства т. Лапидус ставит вопрос об обмене опытом между прокуратурами соседних дорог, чтобы можно было позаимствовать хорошее из практики работы другой прокуратуры. Тов. Лапидус ставит вопрос о правильной ориентировке прокуроров дорог по основным вопросам, об оказании им методической помощи и помощи кадрами.

— Если руководство транспортного отдела главной военной прокуратуры, — говорит в заключение т. Лапидус, — будет таким же, как было до сего времени, мы стоящих перед нами больших задач не разрешим.

Тов. Подкаминский (участковый прокурор Московского участка Октябрьской дороги) ставит вопрос об освобождении железнодорожной прокуратуры от нетранспортных дел, которые могут быть переданы территориальным прокуратурам, с тем, чтобы транспортная прокуратура занялась более серьезными делами, связанными с обеспечением безаварийной работы транспорта. Тов. Подкаминский ставит также вопрос о привлечении к судебной ответственности за волокиту с жалобами трудящихся.

Тов. Коробко (главная прокуратура ж.-д. транспорта) указывает, что ряд прокуроров дорог, несмотря на постановления пленума ЦК ВКП(б), до сего времени не перестроили своей работы, плохо, поверхностно ведут расследование дел. Тов. Коробко в подтверждение этого ссылается на целый ряд фактов, когда при расследовании не выявляются вдохновители, стоящие за спиной технических исполнителей преступления. Переходя к недостаткам работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта, т. Коробко считает нарекания некоторых прокуроров совершенно правильными, начальники отделений не руководят по-настоящему работой, занимаются мелкой опекой прокуроров дорог, автоматически пересылают начальникам дорог для расследования массу жалоб, не контролируя выполнения. Далее т. Коробко указывает, что т. Вышинский правильно поставил вопрос, что согласование прокурорами дорог отдельных вопросов с главной прокуратурой железнодорожного транспорта должно носить официальный характер, и показывает на примере, к какому конфузу приводит согласование по телефону без оставления письменных следов. В заключение т. Коробко указывает на недостаточность указаний, которые даются из центра по отдельным конкретным делам.

Тов. Конов (старший следователь прокуратуры ж. д. им. Куйбышева) говорит, что работа транспортной прокуратуры является деляческой и что к вопросу о борьбе с авариями транспортные прокуроры подходят аполитично. Наряду с этим и технические причины аварий не выявляются достаточно. Переходя к недостаткам работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта, т. Конов говорит о том, что дела о крушениях не популяризируются, обмен опытом отсутствует, каждый следователь подходит по-разному, отдельных ошибок никто не критикует, следователи загружаются несвойственными им функциями, а главная прокуратура железнодорожного транспорта ограничивается присылкой общих циркуляров и писем. В заключение т. Конов говорит о необходимости подходить конкретно к каждому делу, анализировать отдельные ошибки и на основании этих выводов наметить пути, обеспечивающие выполнение указаний пленума ЦК ВКП(б).

Тов. Кондратьев (Ленинская дорога) говорит, что исторический пленум ЦК ВКП(б) заставил каждого работника критически пересмотреть всю свою работу, найти причины своих ошибок, дать им правильную политическую оценку и приступить к немедленному их исправлению.

Переходя к анализу своих ошибок, т. Кондратьев указывает, что на Ленинской дороге с 1931 г. орудовала шайка диверсантов и японских шпионов. Эта шайка умело втирала очки руководству дороги, в том числе и ему как прокурору дороги. Пользуясь политической слепотой и благодушием, пользуясь неограниченным доверием, основанным на подхалимстве по отношению к руководству дороги, участники этой банды изо дня в день готовили диверсии, формировали контрреволюционные организации для того, чтобы к началу войны или накануне ее вывести дорогу из строя. Десятки крушений были организованы этим диверсантом и завербованной им группой. В апреле

1936 г. т. Каганович обратил внимание начальника дороги и начальника политотдела на неблагополучие дороги и указывал, на каких дистанциях имеются аварийные гнезда, но руководство дороги и прокурор дороги оказались в плену благодушия, оказались зараженными политической близорукостью и не сумели своевременно разоблачить врага.

Тов. Кондратьев говорит об основательности обвинения его в потере связи с массами, ибо 2—3 года назад у него был неплохой актив, но он его плохо использовал. В настоящее время прокуратура Ленинской дороги опять решила вернуться к работе с активом, чтобы при его помощи проверить десятки пораженных диверсиями дистанций, и уже успела обнаружить сотни лопнувших рельс на перегонах.

— Если бы такую работу мы провели год назад, — говорит т. Кондратьев, — мы давно бы раскрыли глаза руководства дороги на то, что на дистанциях вредительство. Это не было сделано и это лишний раз подчеркивает, что нельзя забрасывать работу с активом и отрываться от масс.

Подробно останавливается т. Кондратьев на недопустимой работе линейного суда дороги, который вынес целый ряд неправильных оправдательных приговоров по делам о контрреволюционных преступлениях и ставит перед руководством прокуратуры вопрос о необходимости из этого сделать соответствующие политические выводы.

В заключение т. Кондратьев возражает против фиксации 3-дневного срока для расследования дел об авариях.

— Нельзя лишать права меня как прокурора дороги, — говорит т. Кондратьев, — решить вопрос о том, сколько дней требуется для расследования данного крушения, ибо я должен искать диверсантов и руку классового врага и потому вопрос о сроке должен быть решен самим прокурором дороги, но зато мы отдадим все для того, чтобы это дело раскрыть полностью.

Тов. Каландадзе (Закавказская дорога) говорит, что Закавказская дорога находится в числе аварийных дорог, потому, что долгое время руководство дорогой находилось в руках врага народа, диверсанта, троцкиста Розенцвейга, который вместо борьбы с крушениями вредил. Далее т. Каландадзе говорит, что проверка 4 прокурорских участков выявила плохое руководство следователями со стороны прокуроров.

Сплошь и рядом следователи перегружены мелкими, несвойственными им делами, а более важные, — производственные дела находятся в загоне. Вместе с тем т. Каландадзе обращает внимание на отказ территориальных судов и прокуратур от рассмотрения мелких дел, проходящих по транспорту. На ряде примеров т. Каландадзе показывает, что линейный суд хромает, что в деле репрессии проводится определенная либеральная политика, что протесты очень туго рассматриваются и удовлетворяются. Особо т. Каландадзе обращает внимание на вопрос конвоирования.

Тов. Каландадзе ставит важный вопрос о недооценке выступлений прокуроров в судебных процессах. Когда прокурор выступает слабо и наряду с ним выступает сильный защитник, то в аудитории создается впечатление, что осудили невиновного человека.

Тов. Каландадзе говорит о плохой работе с активом, об отсутствии надлежащей работы с соцсовместителями.

— Громадные задачи на нас возлагаются в связи с решениями пленума ЦК нашей партии, — говорит т. Каландадзе. — Я думаю, что с помощью местных партийных организаций, с помощью ЦК Азербайджана, Армении и Грузии, с помощью Прокуратуры Союза мы с этими задачами справимся и оправдаем то доверие, которое оказывают нам партия и советское правительство.

Тов. Элькинд (Зам. главного прокурора железнодорожного транспорта) начинает свое выступление с указания, что речи целого ряда товарищей его не удовлетворяют с точки зрения жесткой и беспощадной самокритики, которая нужна для усиления руководства, для того, чтобы выполнить указания товарища Сталина. Далее т. Элькинд указывает, что основное в большевистском руководстве — проверка людей и проверка исполнения отсутствовали в работе прокуратуры железнодорожного транспорта.

— Что значит назначить прокурора дороги?— говорит т. Элькинд. — Это не значит дать ему дорогу на откуп. Если мы хотим руководить по-настоящему, мы должны систематически его контролировать, систематически помогать ему в работе, систематически бывать у него на месте и проверять его работу. Между тем, мы годами не бываем на дорогах, мы годами не проверяем работу отдельных прокуроров дорог. Только безнадежные бюрократы, ничего в политике не понимающие, могут думать, что можно руководить работой прокуроров дорог, сидя здесь, читая пустозвонные бумаги, которые поступают в огромном количестве. Чтобы по-настоящему руководить работой дороги, нужно организовать проверку не гастролерскую, не кавалерийским наскоком, а нужно, чтобы руководство систематически бывало на дороге, копалось в делах, проверяло детально дела. Эту задачу надо перед собой поставить и во что бы то ни стало выполнить, а для этого надо перестроить работу центрального аппарата, надо освободиться от целого ряда ненужных дел, которыми мы здесь занимаемся, надо центр тяжести руководства перевести на проверку на местах.

Работу центрального аппарата нужно построить по определенным отраслям: создать судебный отдел, следственный отдел, отдел общего надзора, спецотдел, причем это дело надо максимально форсировать.

Далее т. Элькинд на ряде конкретных фактов подвергает резкой критике бюрократизм центрального аппарата прокуратуры железнодорожного транспорта. Крупным недостатком в работе центрального аппарата является недостаточное большевистское мужество, чтобы со всей остротой поставить тот или иной вопрос, что приводит к делячеству, к смазыванию целого ряда вопросов.

В подтверждение этого т. Элькинд приводит случай с прокурором Омской дороги Мазуром.

— Я, будучи на Омской дороге, — говорит т. Элькинд, — убедился в том, что Мазур находится в совершенно недопустимых для прокурора отношениях с начальником дороги. Я понимал, что это дело гиблое, я с Мазуром на эту тему говорил на месте, а приехав в Москву, рассказал об этом т. Сегалу, но я не

нашел в себе достаточной политической остроты, чтобы из этого факта сделать выводы, чтобы немедленно произвести ревизию, мы оказались недостаточно партийно-острыми людьми к ряду провалов в работе.

Недостатком в работе центрального аппарата является также отсутствие систематизации опыта работы, отсутствие надлежащей информации прокуроров по отдельным наиболее интересным делам. Т. Элькинд выдвигает задачу организации оперативной, в ряде случаев даже телеграфной информации, организации выпуска ежемесячного бюллетеня.

Переходя к критике работы прокуроров дороги, т. Элькинд указывает, что крупным недостатком их работы является плохая борьба с нарушениями трудовой дисциплины, которая приводит к крушениям. Т. Элькинд иллюстрирует это следующим примером. 23 декабря дежурный по станции разъезда Веселое Корчмин, напившись пьяным, совершил исключительный по своей наглости поступок. Корчмин подъехал на лошади пьяным к станции, отстранил дежурного от работы и начал обучать свою лошадь диспетчерскому командованию. Этот дежурный по станции был осужден только к одному году принудительных работ. Вторым недостатком работы дорожных прокуратур является возмутительная волокита с расследованием дел о крушениях. Наряду с этим т. Элькинд отмечает образцы работы по Западной дороге, где дела о крушениях заканчивались в 3—5 дней.

Для характеристики слабости работы по общему надзору т. Элькинд приводит ряд фактов. Начальник Южно-Уральской дороги Бадбиров издал приказ об отмене всех приказов и распоряжений, подписанных бывшим начальником дороги диверсантом, шпионом, вредителем Князевым, и ничего не дал взамен этих приказов, думая, очевидно, что он одним ударом ликвидировал вредительство, а прокурор дороги не опротестовал этого нелепого приказа.

На оперативном совещании той же Южно-Уральской дороги выносится решение, в связи с крушением построить на протяжении 3 км забор, чтобы никто не мог подойти к линии, а прокурор ничего не делает, чтобы отменить такое нелепое решение.

В заключение т. Элькинд говорит о необходимости коренным образом перестроить работу аппарата. Надо наладить систематический контроль и проверку того, что на дорогах делается. Надо развернуть самокритику в аппарате дорожных прокуратур. Надо отчитываться на рабочих собраниях.

— Если все это будет сделано, — говорит т. Элькинд, — тогда те большие задачи, которые на нас возложены пленумом Центрального комитета, будут с честью выполнены.

Тов. Романенко (дорога им. Л. М. Кагановича) говорит о том, что за вредительство и безобразия, которые имели место на дороге Л. М. Кагановича, он как прокурор дороги также должен нести политическую ответственность. Основными причинами того, что вредительство на дороге не было раскрыто, заключается в оторванности от масс, в деляческом подходе к оценке крушений, в неправильном определении причин крушений.

Тов. Романенко приводит ряд фактов безобразного расследования крушений. 26 апреля 1936 г. было крушение пассажирского поезда № 76 на станции Свердловск-Сортировочная в тот самый день, когда в Москве вручались ордена железнодорожникам.

— На это крушение я выезжал лично, — говорит т. Романенко, — вместе со мной выехали на крушение заместитель начальника дороги Наумов и заместитель начальника службы пути Алексин, впоследствии оказавшиеся вредителями. Они свели вопрос к тому, что давно не меняли шпал, что путь неспособен пропускать поезда на этом участке со скоростью 65 км и т. д. И вот мы не сумели в этом крушении нащупать руку врага-диверсанта, хотя за 4 дня до этого на том же самом участке, на том же самом околодке, у того же самого мастера было аналогичное крушение. Между тем, нам должно было показаться крайне подозрительным, что в тот именно день, когда наши лучшие железнодорожники получали ордена, было два крупнейших крушения. Уже этот один факт обязывал нас насторожиться, что могло бы нам помочь разоблачить это дело, но этого мы не сделали.

В октябре 1936 г. было крупнейшее крушение на перегоне Казьял—Шалмара. В этом крушении было побито около 30 вагонов. Крушение произошло потому, что оказались перекрытыми концевые краны между тендером паровоза и первым вагоном. Осудили машиниста, поездного мастера и главного кондуктора. Я был на следствии, выезжал сам на место, выступал в процессе и квалифицировал это дело как простое крушение по ст. 59[3] УК в отношении Колмоговора — машиниста, причем Колмогорову я требовал высшей меры наказания, мастеру Леонтьеву 10 лет лишения свободы, начальнику участка 3 года лишения свободы. Впоследствии оказалось, к моему стыду, что основными виновниками этого крушения были вредитель поездной мастер Леонтьев, которому дали 10 лет и для которого я не просил расстрела, затем начальник участка, которому дали 3 года. Машинист же, для которого я требовал высшей меры наказания, не был главным виновником.

Далее т. Романенко на примерах показывает, что прокуратура дороги недостаточно крепко боролась за осуществление своих прокурорских прав; польщенная тем, что дорога работает с хорошими показателями, прокуратура шла по течению, не делала так, как требует партия.

Тов. Романенко ставит вопрос о перестройке работы, выдвижении новых кадров из состава соцсовместителей, состава парторгов, но для этого им нужно создать необходимые условия для работы, чтобы приход на работу в прокуратуру не привел к ухудшению их бытовых условий.

В заключение т. Романенко ставит вопрос о переподготовке прокуроров дорог, о повышении их теоретических знаний.

Тов. Дикань (Минводский участок Орджоникидзенской дороги) говорит, что решения пленума Центрального комитета и доклад товарища Сталина со всей ясностью вскрывают глубину наших ошибок. Они также содержат целую программу действий по исправлению ошибок и недостатков, которые имеются еще и теперь.

Тов. Дикань на примере своей работы показывает, как на бывшей Северокавказской, ны-

не Орджоникидзенской дороге, целая серия, целый клубок вредителей, убийц, диверсантов и шпионов не был разоблачен, несмотря на то, что он сам выезжал на места крушений, принимал участие в расследовании тех или других крушений.

— Это свидетельствует о том, — говорит т. Дикань, — что мы недостаточно были чутки, недостаточно зорко всматривались в отдельные крушения, в отдельные действия, которые творились на железной дороге. Это также говорит о том, что он сам недостаточно был связан с массами, хотя с самого начала и получал сигналы от отдельных рабочих.

На опыте своей работы т. Дикань считает, что намечаемые сейчас сроки для расследования ни в коей мере себя не оправдывают, так как за 3—5 дней нельзя будет в достаточной степени глубоко расследовать и проанализировать дела, особенно по диверсиям.

Тов. Дикань обращает внимание на то, что мы взялись сейчас за верхушки, не оставили без внимания низы, между тем, верхи без низов не работают. И на опыте своей работы он показывает, что к вредительству на транспорте враги народа сумели привлечь стрелочников составителей, сигналистов и отдельных служащих.

Тов. Шарлот (транспортный отдел главной военной прокуратуры) посвящает свое выступление показу того, как мы не сумели разглядеть врага даже тогда, когда он был в наших руках. Когда от прокуратуры Томской дороги были получены данные о том, что на линии Эйхе-Сокур созданы совершенно невероятные условия для рабочих-строителей этой линии — тяжелые жилищные условия, несвоевременная выплата зарплаты, необеспечение элементарных человеческих материально-бытовых условий — к этому отнеслись, как к сигналу об отсутствии человеческого отношения к рабочим-строителям этой линии, и жалоба соответственно была разрешена, т. е. были приняты меры к своевременной выплате зарплаты, к улучшению жилищных условий и т. д. Только после показаний шпионов, вредителей, диверсантов, которыми и руководил троцкистский сибирский центр (Богуславский, Муралов и др.), стало ясно, что на линии Эйхе-Сокур, являющейся исключительно важным звеном Сибирской магистрали, орудовал враг, пытаясь сорвать обороноспособность страны.

Тов. Шарлот говорит о том, что диверсанты очень часто вредят в мелочах — недоделка ремонта паровозов, передача управления паровозом помощнику машиниста, не обладающему правом управления паровозом. Таким образом скрывается характер их преступной деятельности, а дело сводится к дисциплинарным нарушениям. Порой вредительство маскируется соображениями ускорения работы и внедрения рационализаторских мероприятий, которые на самом деле являются глубоко упрощенческими мероприятиями, которые приводят к недоделкам, авариям.

Приводя целый ряд фактов контрреволюционной диверсионной деятельности, т. Шарлот говорит, что одним из орудий вредительства на некоторых дорогах были поджоги, которые долгое время рассматривались как результаты случайного неосторожного обращения с огнем.

Тов. Шарлот призывает к обобщению опыта расследования методов вредительства на дорогах, чтобы больше не повторять ошибок и честно выполнить решения пленума ЦК ВКП(б).

Тов. Спиридонов (Горьковская дорога) говорит, что решения пленума Центрального комитета партии требуют от прокуроров в работе по борьбе с крушениями и авариями большей оперативности, большей ответственности, чем когда бы то ни было. Но этой оперативности можно добиться лишь тогда, когда прокуратуре будет возвращена присвоенная ей по закону самостоятельность и если будут отменены существующие ограничения в части согласования как арестов, так и привлечения к ответственности железнодорожников.

Переходя к критике работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта, т. Спиридонов говорит, что у каждого из прокуроров имеется много примеров, когда большие острые вопросы, поставленные в главной прокуратуре, месяцами не получают своего разрешения. В подтверждение этого т. Спиридонов приводит следующие два примера: 7 марта на Горьковской дороге было большое крушение с курьерским поездом № 1: спустили под откос 6 вагонов, 18 человек ранено, 6 вагонов было разбито. Основным виновником должен быть признан начальник дистанции пути Удальцов, причем только успели ликвидировать последствия этого крушения, как на следующий день поезд № 2 попал в такое же крушение, которое было предотвращено. Удальцов развалил дистанцию. Тов. Каганович дает распоряжение дать 40 рельс годных, а Удальцов направляет совершенно непригодные обрезки рельс, а от старшего мастера требует справку, что дал годные.

В последнее время получены сведения, что, по заданию Миронова, Удальцов совершил крушение в октябре 1936 г. Между тем, с начала марта нельзя добиться согласия на арест и привлечение к судебной ответственности этого Удальцова.

По Котласу был получен ряд сигналов о неблагополучии на этой станции. Проведенные на этой станции судебные процессы ничему не научили работников. Тогда был поставлен вопрос о замене начальника станции Лебедева. Начальник дороги не согласился и сказал, что это лучший работник и снимать его не нужно. На обращение в главную транспортную прокуратуру был получен ответ о необходимости дополнительного обследования положения на станции. Это обследование показало, что ст. Котлас действительно является аварийным очагом, на этой станции трудовая дисциплина расшатана, на дежурства являются в пьяном виде, стрелки находятся в безобразном состоянии, аварии скрываются (из 132 зарегистрировано 80 аварий) и т. д. Главная прокуратура железнодорожного транспорта три месяца не может согласовать вопроса о снятии с работы и привлечении к ответственности Лебедева.

Тов. Егиазаров (Северная дорога) говорит о том, что ноябрьская директива о методах борьбы с авариями и крушениями в самом начале дала неправильную ориентировку, делая акцент на борьбу за исполнение правил технической эксплоатации. Тов. Егиазаров говорит далее о невозможности любое дело по авариям и крушениям расследовать и закончить с коммерческой скоростью 100 км, потому что существуют разные категории дел, каждое дело требует особого метода расследования, особых

условий и различного времени. Особо т. Егиазаров останавливается на качестве следственного аппарата, говоря о необходимости отказаться от халтурной работы, от недостаточно грамотных обвинительных заключений, а нужно требовать от каждого из следователей квалифицированного следственного материала, квалифицированной работы. В действительности же даже «импортные» следователи, которых дороги получают из главной прокуратуры, часто окончившие высшие учебные заведения, катастрофически неграмотны. Тов. Егиазаров, иллюстрирует это положение рядом характерных примеров, когда следователи, имеющие дипломы, пишут: «Мертвый труп убитой женщины неопределенно молодого возраста» или: «Совершил хулиганство, который был в степени нетрезвого состояния».

В заключение т. Егиазаров говорит о неудовлетворительной связи, которая существует между прокуратурами дорог и главной прокуратурой железнодорожного транспорта, о редком посещении дороги руководящими работниками главной прокуратуры железнодорожного транспорта, о неаккуратных ответах на запросы мест.

Тов. Ога (прокурор главной прокуратуры ж.-д. транспорта) подвергает критике работу главной прокуратуры железнодорожного транспорта, показывая на ряде случаев, когда главная прокуратура железнодорожного транспорта бумажно относится к важнейшим вопросам, требующим согласования с НКПС, не умеет настойчиво требовать и добиваться результатов от НКПС, вследствие чего страдает авторитет главной прокуратуры железнодорожного транспорта. Далее т. Ога указывает, что прокуроры главной прокуратуры железнодорожного транспорта превратились в дополнительных докладчиков по делам в транспортной коллегии, часто зная лучше дела, чем члены транспортной коллегии. И потому транспортная коллегия охотно откладывает дело, если по каким-нибудь причинам прокурор не может участвовать в заседании транспортной коллегии. Надзора за транспортной коллегией главная прокуратура железнодорожного транспорта не осуществляет, тогда как от прокуроров дороги требуют, чтобы они отвечали за работу линейного суда.

— Мы ругаем, — говорит т. Ога, — прокуроров дороги за то, что они плохо наблюдают за прохождением жалоб, требуем, чтобы прокуроры дорог отвечали за соответствующее выполнение постановлений пленума КСК. А что мы делаем в отношении центрального бюро жалоб НКПС? Решительно ничего, хотя мы имеем немало сигналов, что несколько месяцев материалы лежат в ЦБЖ без разрешения. Касаясь связи с массами, т. Ога указывает, что жалобы трудящихся являются не только формой обслуживания трудящихся, но и методом нащупывания через живых людей слабых звеньев в работе дороги.

Тов. Малов (прокурор Сталинградской дороги) говорит о том, что деляческий подход привел к тому, что дорожные прокуроры не сумели расшифровать вредительские действия, которые бесспорно имеются на Сталинградской дороге, особенно по путевому и паровозному хозяйству. Далее т. Малов говорит о своих ошибках в области жалоб, когда у прокуратуры дороги нехватает решимости довести до конца дела по жалобам вследствие неуменья крепко ставить вопросы.

Тов. Скоморохов (Юго-Западная дорога) указывает, что на Юго-Западной дороге не осталось ни одного хозяйственного звена, которое не было бы поражено предательской, троцкистской, вредительской деятельностью, и прокуратура дороги в деле их разоблачения не явилась застрельщицей. Объясняется это тем, что прокуратура дороги переоценивала факты перевыполнения хозяйственными организациями на протяжении ряда месяцев и кварталов своих производственных планов. В одних случаях план застилал глаза, в других случаях — высокий чин, третьих — наличие партийного билета в кармане мешали объективно уяснить положение вещей. Тов. Скоморохов рассказывает, что в марте 1935 г., т. е. через полтора-два месяца после его назначения прокурором дороги, он обнаружил, что на дороге имеется целый ряд объектов строительства, по которым омертвлен капитал в сумме 15 млн. руб. Он поставил этот вопрос перед политическим и хозяйственным руководством дороги, перед ЦК КП(б)У, перед т. Сегалом, наконец, перед политуправлением и Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б). Ответа не получил. Между тем, этот факт должен был явиться серьезным сигналом, предупреждающим о наличии вредительства на дороге.

Далее т. Скоморохов указывает, что, когда он занялся изучением штрафной политики, ему сразу стало ясно, что штрафная политика на дороге проводится совершенно неправильно: за курение в очереди штрафуют инженера, получающего 500 руб., на 5 руб., а рабочего, получающего 100 руб., — на 25 руб. Несмотря на то, что о штрафной политике был поставлен остро вопрос и документ был весьма убедительным, никаких результатов не получилось.

Между тем, при правильном подходе к этим двум документам можно было нащупать вредительство, но главная прокуратура железнодорожного транспорта реальной помощи т. Скоморохову не оказала, недооценив их политического значения.

Тов. Скоморохов заявляет, что может привести значительное количество вопросов, которые не решаются в главной прокуратуре железнодорожного транспорта так, как это должно было бы быть, что рассмотрение вопросов тянется два и больше месяцев. Тов. Скоморохов объясняет это излишней перегрузкой работников при неумении выбирать принципиальные вопросы и решать их немедленно.

По вопросу о сроках расследования т. Скоморохов высказывается за дифференциацию предельных сроков ведения следствия по отдельным делам, имея в виду, что дело о простом крушении возможно закончить в 2—3 дня, а дела, где имеется диверсия и где требуется выяснение целого ряда вопросов, должны расследоваться в иные сроки.

В заключение т. Скоморохов ставит вопрос об увеличении кадров в связи с возложением на прокуратуру почетной обязанности по активному участию в расследовании аварий.

Тов. Перфильев (дорога им. Ворошилова) говорит, что просмотр дел о крушениях показал, что прокуратура дороги допустила целый ряд крупнейших политических ошибок. При этом т. Перфильев приводит целый ряд фактов, когда по ходатайству диверсанта Лившиц-

ца прокуратура ставила вопрос о снижении наказания ряду осужденных, которые, как установлено в настоящее время, являются завербованными вредителями, шпионами-диверсантами.

Далее т. Перфильев подвергает критике работу главной прокуратуры железнодорожного транспорта, указывая, что главная прокуратура в течение ряда месяцев не рассматривает протестов дороги по важным делам, что в своих обзорах и директивах не было политической линии, что методы работы были сугубо бюрократическими. Присылаемым прокуратурой дороги статистическим отчетам значения не придается, они не контролируются, огромный цифровой материал не анализируется, статистические обзоры опаздывают на 4—5 месяцев, в результате вся эта работа теряет смысл.

По вопросу о сроке и качестве расследования т. Перфильев высказывается за 5-дневный, считая, что этот срок будет реальным.

Тов. Пелих (прокурор Дальневосточной дороги) указывает, что работа прокуратуры на военизированных дорогах ни в какой степени не отличается в смысле недочетов и плохой работы от работы прокуратур невоенизированных дорог: та же политическая слепота, в результате которой крупные вопросы оказались вне поля зрения прокуратуры.

Основную причину плохой работы т. Пелих усматривает в том, что работники транспортной прокуратуры сути дела не знают, не знают производства, людей, что вследствие отсутствия актива у них отсутствует связь с массами.

Тов. Пелих ставит вопрос о пересмотре работы прокуратуры железнодорожного транспорта, об освобождении ее от некоторого числа дел, которые никакого отношения не имеют к движению поездов и, по сути дела, не являются решающими для работы транспорта.

— Нужно перестать заниматься воровством в буфетах и ресторанах на железнодорожном транспорте, — говорит т. Пелих, — и заняться делами, имеющими непосредственное отношение к транспорту.

Далее т. Пелих указывает, что, ведя в 1934 г. правильную линию по вопросу о борьбе с авариями и крушениями, прокуратура дороги в 1935 и 1936 гг. получала установки, что судить нужно поменьше, что вопрос о предании суду нужно согласовывать с начальником дороги и начальником политотдела, и в результате борьба с авариями была ослаблена в последние годы.

Наконец, т. Пелих ставит вопрос об отсутствии в ДВК достаточного количества членов коллегии защитников, и для того, чтобы прокурор мог выступить в суде для защиты подсудимого, привлекается работник профсоюза. Был даже такой случай, когда обвиняемый подал кассационную жалобу, в которой пишет, что его защищал не член коллегии защитников, а человек, юридически неподготовленный, тогда как прокурор был во всеоружии, и в результате его якобы незаконно засудили.

Тов. Сыщиков (прокурор Калининской дороги) указывает, что наличие волокиты по делам и по жалобам, наличие деляческого подхода при разрешении дел об авариях и крушениях, политическая слепота, отсутствие самокритики характерны и для работы прокуратуры Калининской дороги.

Касаясь инструкции, которая рекомендована для обсуждения, т. Сыщиков указывает, что она является технической инструкцией, что она должна быть дополнена вопросами политическими.

Далее т. Сыщиков ставит вопрос, что главная прокуратура железнодорожного транспорта должна сейчас, на основе всех вскрытых дел о вредительстве, дать дорогам такой анализ практики вредительства, тактики вредительства, который помог бы прокурорам дорог и в дальнейшей работе.

По вопросу о переподготовке кадров т. Сыщиков рекомендует брать пример с партийных кадров, т. е. взять несколько прокуроров дорог, освободить их на 2—3 месяца от работы и за эти 2—3 месяца как следует обучить. Тов. Сыщиков ставит вопрос, что в территориальных прокуратурах работают следователями и районными прокурорами бывшие железнодорожники, которых необходимо направить на работу в транспортную прокуратуру.

В заключение т. Сыщиков говорит о необходимости не забывать обязанность прокуратуры бороться с хищением грузов на транспорте.

Тов. Терехов (следователь Окружной дороги) вносит ряд дополнений к инструкции. Далее т. Терехов ставит вопрос о том, чтобы при главном ревизоре по безопасности в НКПС было создано нечто вроде бюро технической экспертизы, куда входили бы наиболее знающие и безусловно преданные лица, которым можно было бы доверить техническую экспертизу. И, наконец, чтобы прокуроров и следователей знакомить с методами работы диверсантов, с их тактикой, с применяемыми ими способами проникновения на транспорт и т. д. для того, чтобы уметь диверсантов скорее распознавать.

Тов. Терехов ставит вопрос, что у некоторых прокуроров наблюдается сращивание с начальниками дорог и потому решения дел проходят в семейном порядке. Со стороны отдельных следователей наблюдаются беспринципность и угодливость при решении целого ряда дел, причем хотя следователь и несогласен с мнением прокурора, но указание прокурора безоговорочно выполняет. Объясняется это тем, что следователи в большей части люди беспартийные, а главная прокуратура железнодорожного транспорта, к сожалению, не воспитывает ни прокуроров, ни следователей в духе большевистской непримиримости.

Тов. Петров (прокурор Белорусской дороги) указывает, что главная прокуратура железнодорожного транспорта руководит абсолютно неудовлетворительно, что она, по существу, превратилась в учетно-статистическое бюро, которое регистрирует и собирает отчетность, коекак ее оформляет и больше ничего.

РЕЧЬ ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

— Главное, что сейчас от нас требуется — это добросовестно понять, в чем заключаются недостатки и ошибки в нашей работе, ибо если мы этого не поймем как следует, то едва ли мы сможем эти недостатки исправить и избегнуть их в будущем. К сожалению, наше совещание как раз для ответа на этот вопрос дало пока очень мало материала.

Значит ли это, что у нас этих недостатков нет? Конечно, не значит. Раньше всего надо постараться вскрыть недостатки нашего руководства и сказать об этих недостатках, потому что качество руководства в значительной степени обусловливает собой качество работы тех органов, которыми руководят. Если посмотреть на нашу работу с точки зрения решений пленума ЦК ВКП(б) и требований, которые к нам предъявляются, то нужно сказать, что мы не имеем подлинно живого руководства, хотя и нельзя умолчать о некоторых безусловных успехах главной прокуратуры железнодорожного транспорта. Наоборот, можно сказать, что в целом ряде вопросов имеются сдвиги, и наша транспортная прокуратура помогает транспорту. Все же я подчеркиваю, что она мертво руководит.

В главной прокуратуре железнодорожного транспорта имеется 18 работников и, когда я спросил т. Сегала, сколько человек у него на периферии, то оказалось, что только 3 и больше на периферии не бывает. Это совершенно неправильно, и это основной порок работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта. Я считаю, что если у нас в центральном аппарате 18 оперативных прокуроров плюс 19 — зам. главного прокурора, плюс 20 — главный прокурор железнодорожного транспорта, то, как правило, на периферии должно находиться, по крайней мере, половина этих работников, ибо правильная организация работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта требует, чтобы органы, руководящие оперативной работой, сами были на колесах. При этом нужно учесть, что если толковые работники главной прокуратуры железнодорожного транспорта будут на местах, то меньше с мест будут писать сюда, ибо целый ряд вопросов, которые обычно остаются неразрешенными и создают необходимость вести переписку, будут оперативно разрешены на месте. Далее т. Вышинский предлагает установить такой порядок, чтобы дело, которое идет в коллегию Верховного суда в кассационном порядке, обязательно имело при себе протест или заключение прокурора дороги, причем если дело заслуживает внимания, то вызывать в Москву прокурора к моменту рассмотрения дела.

— И поверьте, — говорит т. Вышинский, — это будет экономнее и выгоднее, а главное это укрепит организационную увязку в работе, ибо каждый приезд прокурора сюда всегда окупится той связью, тем контактом и той пользой, которую даст ему общение с центральным аппаратом. Тов. Сегал рассматривает нашего дорожного прокурора как сторону по отношению к себе в процессе: дорожный прокурор — одна сторона, а главный прокурор железнодорожного транспорта — это другая сторона. Я смотрю на это дело так, что дорожные прокуроры — это наши представители, это наши помощники на местах, и подобно тому, как я могу поручить то или другое дело работнику главной прокуратуры железнодорожного транспорта, я могу поручить прокурору дороги поддержать тот или иной протест. Я думаю, что эту меру надо провести в жизнь. Это значит отказаться, как правило, от дачи кассационных заключений только силами аппарата главной прокуратуры железнодорожного транспорта, а перенести центр тяжести этой работы на самих дорожных прокуроров. Я считаю, что если дорожный прокурор подает кассационный протест, то он сумеет его защитить и этим облегчит работу центрального аппарата, если же он протеста не подает, то должен дать заключение по кассационной жалобе осужденного. Это заключение по жалобе будет показывать, способен ли этот прокурор понять, что пишет кассатор в своей жалобе, способен ли он опровергнуть доводы кассатора, способен ли он защитить свои позиции и, наконец, насколько он знает дело по существу. Это будет экзаменом для каждого прокурора. И когда главная прокуратура железнодорожного транспорта будет пропускать такое дело через свои руки, она изучит работу прокурора и получит возможность руководить этим прокурором по-настоящему на живых конкретных делах. Мне кажется, что это мероприятие должно дать свои результаты, но для этого нужно одно условие. Нужно, чтобы в самом центральном аппарате нашей прокуратуры были товарищи, которые понимают, что от них требуется, и которые умеют руководить такой армией, как наши дорожные прокуроры.

Те примеры, которые здесь приводили, показывают, что часто неплохие прокуроры главной прокуратуры железнодорожного транспорта не понимают, как нужно руководить, и в результате на места направляются такие письма, которые служат предметом иронического отношения или даже издевательства со стороны периферийных работников. Значит, необходимо поставить вопрос о повышении качества работы центрального аппарата.

Подвергая критике работу главной прокуратуры железнодорожного транспорта, где руководство тонет в мелочах, в текучке, т. Вышинский указывает, что ответы главной прокуратуры железнодорожного транспорта на конкретные вопросы, поставленные прокурорами дорог, должны даваться лично главным прокурором или его заместителями и никем другим.

— Если руководить по-настоящему, то нужно по каждому конкретному вопросу давать четкие практические указания, ставить необходимые принципиальные вопросы в порядке собственной инициативы.

Нельзя, товарищи, передоверять руководство своему аппарату. Непорядок, если звонят в главную прокуратуру и не могут говорить с главным прокурором. Связь у нас должна быть установлена тесная и оперативная. Вам легче, чем кому-либо другому иметь эту связь с Москвой. В вашем распоряжении все средства связи — и телефоны, и селекторы, и прочие вещи. Нужно только, чтобы у вас был специально дежурный прокурор на телефоне, который бы принимал ответственные задания, всякие разговоры и передавал бы их руководству со всей ответственностью и точностью.

Я считаю, что главный недостаток в нашем руководстве заключается, во-первых, в том, что наше руководство не централизовано в руках самого т. Сегала, что т. Сегал меньше руководит оперативной работой прокуроров дорог, чем занимается текучкой, так называемыми «текущими делами». Ему нужно больше самому выезжать на места. Если у вас в группе прокуроров имеется три человека, то два прокурора должны быть на местах, а один

прокурор может быть здесь. Если этого мы не сделаем, будут постоянные нарекания, будет постоянный разрыв между главной прокуратурой и периферией, будут постоянные недоразумения, противоречия, одним словом, будет то, что вы наблюдали на этом совещании.

Второе. Нужно изменить порядок продвижения дел в надзорном и кассационном производстве в направлении сокращения перечня тех преступлений, по которым обязательно участие нашей центральной транспортной прокуратуры в кассационном производстве. Я думаю, может быть, надлежит выделить нам здесь, в центральной прокуратуре, специально одного или двух прокуроров по кассационному наблюдению, по кассационному производству. Далее, надо создать судебный отдел, который бы сосредоточил в своих руках наблюдение за прохождением дел в судебных местах, т. е. в линейных судах и транспортной коллегии Верховного суда, который мог бы подытожить и обобщить нашу судебную политику и на основе этого обобщения давать единые указания местам, который концентрировал бы наблюдение за всеми судебными делами, и как прокуроры квалифицируют дела, и как ведется судебный процесс, и какая складывается судебная практика, кассационная практика и т. д. Если мы проведем такую реорганизацию, я убежден, у нас будет больше единства, согласованности, больше судебного опыта, больше порядка.

Рядом с судебным отделом мы должны организовать полнокровный стопроцентный следственный отдел, отдел общего надзора, потому что здесь сосредоточивается участие прокуратуры в борьбе за дисциплину на транспорте, причем, я думаю, не избежать того, чтобы по крайней мере на первое время начальником одного из отделов был сам т. Сегал, а начальником другого важнейшего отдела был т. Элькинд. И нечего бояться, что это может отразиться на качестве общего руководства.

Я считаю необходимым особо остановиться на необходимости организации следственного отдела потому, что в деле ведения следствия мы люди еще в высшей степени невинные, малограмотные. Ведь быть следователем — это означает, конечно, раньше всего иметь высокую политическую квалификацию.

— Если у нас так обстоит со следствием, как здесь говорил т. Терехов, то, ведь, это положение кошмарное, когда следователь дает своему прокурору на подпись обвинительное заключение, с которым он несогласен, прокурор подписывает, а Терехов стоит в стороне. И хуже всего то, что он не стесняется все это рассказывать, причем не в порядке самокритики, а в порядке простой констатации. Он говорит: я несогласен, но звездочки действуют на меня. Тов. Терехов, очевидно, не понимает своего положения, как следователь. Ведь следователь есть следственный судья, и мы об этом не раз твердили, следователь должен обладать необходимой оперативной самостоятельностью, и тот прокурор дорог, который в своем следователе не воспитал чувства следовательской самостоятельности,—это плохой прокурор. Каждый дорожный прокурор должен понимать, что следователь должен быть самостоятельным, независимым и таким следователем нужно дорожить, а следователь вроде складного аршина, следователь с психологией «чего изволите» ничего, кроме зла, не принесет следствию. Следователю должна быть обеспечена настоящая деловая, следовательская самостоятельность, если вы гонитесь не за фиктивными данными и результатами, а преследуете то, что требует наш процесс, т. е. установление материальной истины.

Поэтому перед нами сейчас стоит громаднейшая задача, в особенности в связи с теми решениями, которые вынес пленум ЦК нашей партии, — создать нового следователя, перевоспитать нашего следователя, воспитать в нем чувство политической ответственности, воспитать в нем деловую практическую творческую самостоятельность. Я целиком присоединяюсь к мнению одного из выступавших здесь товарищей, которые говорили о следствии как о творческой работе. Это творческая работа, требующая большой культуры, и здесь прокурор имеет право оперативно вмешиваться тогда, когда он не уступает своему следователю в следственной подготовке, не уступает своему следователю в культуре, не уступает своему следователю в политической грамотности, потому что следователь одновременно и политический боец, и специалист своего дела. И совершенно нетерпимо положение, когда дорожный прокурор говорит с видом победителя, что он умеет снимать следы преступления, не знает, что такое дактилоскопия. Мы должны это знать, мы должны уметь это делать. Тут товарищи говорили обо всем, о чем хотите — об автомобилях, о комнатах, о деньгах, все это нужно, нам необходимо иметь материальные условия, чтобы работать, но о самом главном, как разрешить задачи, поставленные перед нами во весь рост пленумом ЦК ВКП(б), как мы на основе этих решений должны переквалифицироваться, об этом никто не говорил. Нам нужно подумать о том, чтобы помочь прокурорам в деле технической переквалификации, нужно обратиться к помощи НКПС, инженеров, просить их дать популярную литературу, справочники, чтобы вы могли ориентироваться в технических вопросах.

В центре должна стоять следственная работа и методы следствия. У нас имеется методический совет, мы имели несколько заседаний методсовета, очень плодотворных, у нас в наборе 4 методических письма, они не касаются следствия по железнодорожным делам. Мы до этого еще не дошли, а методические письма по целому ряду вопросов нам нужны во что бы то ни стало. Между прочим, важно осуществить и такое мероприятие, как разбор определенного конкретного следственного дела по определенной категории преступлений, а рассылка результатов на места с анализом и выводами, дабы можно было на этом материале учиться и избегать аналогичных ошибок в будущем.

Все это должен будет сделать следственный отдел. Это колоссальная работа. Мы не можем обобщить все это сразу. Дорожные прокуроры в этой работе тоже могут во многом помочь, они могут давать типичные случаи, они должны установить тесную связь на почве взаимной информации с квалифицированными консультантами. Для этого нам нужно иметь специальное консультационное бюро, нужно договориться с НКПС о выделении нескольких инженеров для того, чтобы оказывать помощь, давать ответы и консультацию

нашим работникам. Если раньше познание вещей во время крушений было предоставлено начальнику дороги, а прокурор только присутствовал при сем, то теперь мы не можем мириться с таким положением вещей, ибо ответственность вы будете нести и техническая консультация вам будет нужна во что бы то ни стало.

— Я думаю, что т. Сегал правильно сделает, если примет сейчас меры к тому, чтобы иметь таких технических консультантов из квалифицированных инженеров.

Задачи, которые стоят сейчас перед следственными органами, не ограничиваются этими важнейшими вопросами. Следователь должен быть широко образованным, культурным человеком. Неправильно некоторые товарищи думают, что я говорю сейчас о культуре в обычном понимании этого слова. Товарищ Сталин говорит, что нашей задачей является в настоящее время овладение большевизмом. Это означает овладение той большевистской культурой, которая не исчерпывается только принадлежностью к партийной организации; это овладение определенной суммой идей, взглядов, привычек, традиций, методов борьбы, принципов. Это значит уметь ориентироваться в политике и общественной обстановке, уметь выбирать необходимые и достаточные средства для борьбы, уметь их применять, бороться за них и преодолевать препятствия. Если следователи останутся на низком культурном уровне, то вы встретитесь с трудными задачами, которые для многих окажутся неразрешимыми.

Далее т. Вышинский подвергает критике точку зрения противников согласования с руководителями хозяйственных организаций вопросов о привлечении к уголовной ответственности.

— Многие думают, — говорит т. Вышинский, — что согласовать — это значит слушать то, что тебе скажет начальник участка или начальник дороги. Многие думают, согласовать — это значит обязательно поступать так, как хочется начальнику дороги. Это есть извращение понятия согласования. Нет, согласовать — это означает изложить свою точку зрения и свои требования прокурора, обосновать их и добиться решения вопроса так, как ты этого хочешь. Разве согласовать — это значит обязательно плыть по чужому течению? Разве согласовать — это значит обязательно соглашаться? Нет, согласовать — это значит доказать свою правоту, доказать, что ваше предложение соответствует интересам советского государства, доказать, что преступление налицо, что есть основания, достаточно убедительные, считать преступление несомненным и ставить вопрос о тех мерах, которые прокурор считает необходимым принять. А если тот при всех этих доказательствах все-таки несогласен, то разве у большевиков нет средств сломить это сопротивление? Конечно, есть. В чем же дело? Дело в небольшом, но в самом трудном. Во-первых, дело в том, чтобы поймать действительного врага, во-вторых, обнаружить те факты, те данные, которые будут убедительны для того, с кем надо согласовать и таким образом его убедить. Согласование — это очень легкое дело, если вы имеете под своими ногами твердую почву. Если у прокурора в руках имеются твердые факты, если имеется достаточно данных, тогда согласовать не трудно. А если ничего этого нет, то как можно настаивать, чтобы руководитель хозяйственной организации обязательно согласился с прокурором?

Нельзя забывать, что работа всегда накладывает известный отпечаток на людей, и когда мы изо дня в день подписываем ордера на арест, когда изо дня в день выносим приговоры на 3—5—10 лет и дальше, то мы так к этому делу привыкаем, что у нас создается известная профессиональная притупленность ощущений. С этой точки зрения согласование бывает полезно.

Здесь была высказана точка зрения относительно необходимости во что бы то ни стало направить дело в суд, даже хотя бы тогда, когда подсудимому грозит «маленькое наказание». Я думаю, что эта позиция является неправильной. Это решительным образом расходится с основными установками нашей партии о карательной политике. Нельзя забывать, что если человеку объявить общественное порицание через суд, то к этому добавляется дополнительный ассортимент — вызов, допрос как обвиняемого, подписка о невыезде. Поэтому совершенно неправильная такая точка зрения, что хотя маленькое наказание, но обязательно это наказание нужно дать через суд.

19 декабря 1935 г. было специальное постановление ЦК и СНК, чтобы не привлекать колхозников по пустяковым основаниям. Остается ли в силе для нас это постановление или нет? Безусловно, остается. Тов. Каганович говорил, что суд это есть крайнее средство. Товарищ Сталин говорил об этом же и раньше и позже этого. А мы что делаем? Мы думаем, что хотя бы маленькое наказаньишко, но надо дать, потому что это, говорят, воспитывает. Почему не воспитать другим путем? Кстати, о товарищеских судах никто не вспомнил. Есть другие методы воздействия, кроме уголовного суда, кроме дисциплинарного взыскания. Можно этот вопрос поставить на общем собрании. Зачем обязательно уголовный суд?

В заключение т. Вышинский останавливается на вопросах о кадрах. Он указывает, что никто не будет давать готовеньких прокуроров, потому что прежде всего их нет. Кадры нужно самим выращивать и прежде за счет наших групп содействия и затем за счет решительного выдвижения молодежи, работающей у нас на дорогах; кое-кого выдвинуть и передвинуть из центрального аппарата на места и, наоборот, с мест взять сюда в центральный аппарат. И, наконец, необходимо организовать серьезные курсы по переподготовке наших руководящих кадров на дорогах.

— Все это вместе взятое, — говорит т. Вышинский, — обеспечит нам успех в нашей работе и позволит заверить ЦК, что требование, которое к нам предъявляется, мы выполним во что бы то ни стало.

Тов. Герштейн (Октябрьская дорога) для характеристики руководства главной прокуратуры железнодорожного транспорта приводит пример с отчетом на производственном совещании главной прокуратуры железнодорожного транспорта о работе прокуратуры Октябрьской дороги, который он делал в июле 1936 г. Постановка этого доклада носила характер самого неприкрытого бюрократизма.

Во-первых, предварительно до постановки доклада никто его работы не проверял на месте, не вскрыл серьезных недочетов, которых он сам мог не заметить, и потому обсуждение его доклада вращалось вокруг тех вопросов, которые выдвинул сам т. Герштейн. Свой отчетный доклад т. Герштейн делал накануне отпуска и потому он не сразу приступил к реализации замечаний, которые получил в главной прокуратуре железнодорожного транспорта, когда на поставленный 20 октября 1936 г. перед т. Сегал срочнейший вопрос о привлечении к уголовной ответственности ряда лиц он не получил ответа до настоящего времени.

Тов. Овсянников (Одесская дорога) подвергает резкой критике выпущенный документ к IV кварталу 1936 г., несмотря на то что в это время состоялся уже процесс троцкистско-зиновьевской банды, что было уже много данных относительно положения на железнодорожном транспорте. В этом документе можно найти что угодно, только не мобилизацию прокуроров дороги на борьбу с диверсантами, классовыми врагами и т. п. В документе говорится о борьбе с нарушениями трудовой дисциплины в различных районах, в различных отраслях: о том, что прокуроры дороги обязаны перестроить свою работу и работу участковых прокуроров и следователей так, чтобы ежедневно быть в курсе основных показателей своей дороги, правил технической эксплоатации, что на прокуроров возлагается задача осуществления надзора за законностью работы в области железнодорожных школ, и ни одной политической директивы по важнейшим вопросам работы этот документ не содержал.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. СЕГАЛА

— Товарищи, в тех прениях, которые развернулись на нашем совещании, в основном была развернута правильная и деловая критика всех серьезных недостатков и крупных прорывов и пробелов в работе, которые имеются и в нашем центральном аппарате и в аппарате дорожных прокуратур, пробелов и недостатков, которые мы должны изжить во что бы то ни стало для того, чтобы быть способными выполнить те огромные задачи, которые поставлены перед нами решением ЦК нашей партии.

Я думаю, что на нашем совещании с особенной яркостью вскрылось, какое огромное значение для организации всей работы нашей сети имеет наш центральный аппарат. Нужно прямо сказать, что иной раз недооценивали значение центрального аппарата. У меня лично был иной раз такой подход к делу подбора работников, что важнее посадить хорошего работника на дорогу или на участок, чем в центральный аппарат. Этот недостаток правильно со всей остротой был вскрыт участниками совещания, ибо от работы центрального аппарата зависит боеспособность и работоспособность наших дорожных прокуратур, зависит правильное направление и проверка работы людей.

Каковы недостатки, вскрытые на нашем совещании? Во-первых, основной порок руководства со стороны центрального аппарата заключается в его бюрократизме, в формальном разрешении вопросов. Допустим, поступает к нам какой-нибудь материал. Очень часто бывало так, что если этот материал недостаточен, мы, вместо того чтобы заинтересоваться этим материалом, чтобы добиться исследования и дополнения его необходимыми данными, просто отставляем его в сторону, считая, что незачем с ним возиться. Так обстояло дело с материалом о начальнике службы пути Московско-Киевской дороги Штикгольда, в отношении которого т. Куклин ставил вопрос о привлечении к ответственности. Если бы я продемонстрировал материал, представленный Куклиным, то вы увидели бы, что для постановки вопроса о привлечении Штикгольда к ответственности этот материал недостаточен. Но мы должны были этот недостаточно проработанный сигнал, поступивший от прокурора дороги, продумать и доследовать, а мы ограничились указанием т. Куклину, что по такому материалу ставить вопрос о привлечении к ответственности начальника службы пути мы не можем. Теперь оказывается, что на Московско-Киевской дороге орудовала вместе с Штикгольдом группа людей, которая разваливала дорогу, распыляла средства, основные участки оставляла неотремонтированными.

Нужно было выступить беспартийному начальнику дистанции т. Шабану и развернуть всю картину безобразной вредительской работы для того, чтобы эти сигналы были подхвачены наркомом, и для того, чтобы открылась необходимость привлечь к уголовной ответственности работников дороги во главе со Штикгольдом. Если бы мы не подходили бюрократически к сигналам т. Куклина, мы давно раскрыли бы это дело.

Просматривая целый ряд материалов, я установил, что часто, получая материал от прокурора дороги о том, что ведется следствие, наш аппарат пишет на материале: «К сведению», вместо того чтобы взять на активный контроль, чтобы ухватиться за ниточку, раскрыть все, что происходит на данном участке.

Второе, на что надо обратить внимание, — это текучка в нашем аппарате; мы тонем в огромной массе бумаг, и в результате у нас не остается времени для руководства, которое в значительной степени является случайным, распространяясь, главным образом, на отдельные факты и на отдельные конкретные дела без обобщения работы. То, что говорили товарищи, выступавшие в прениях по этому вопросу, является совершенно правильным. Возьмем работу в области борьбы с крушениями. Нельзя сказать, чтобы мы не давали указаний, но они носили, главным образом, характер текущей оперативной работы и говорили о необходимости установления таких-то и таких-то методов расследования (внешней организации расследования), о необходимости соблюдения таких-то сроков, проведения такой-то карательной политики и т. д. Давались указания на опыте отдельных прокуроров, отстающих в той или иной работе, были даны указания по части сигнализации прокурорам о тех делах, которые неправильно были расследованы и по которым не были вскрыты диверсии, но этого совершенно недостаточно для прокуроров. Мы упустили один из очень важных методов руководства — методическое руководство. Сейчас эту задачу мы должны

перед собой поставить и ее выполнить. Мы должны дать нашим дорожным прокурорам и следователям методическое руководство по расследованию отдельных наиболее серьезных видов крушений. Первый опыт в этом отношении нами уже сделан — это та инструкция, которую товарищи вместе с нами разбирали в комиссии. Это руководство по вопросу о том, как составлять первоначальный акт о крушении и т. д. Но этого недостаточно. Нам нужно широко развернуть методическое руководство по вопросу о расследовании различных видов крушений во всем объеме. Например, если мы имеем дело с проездом сигнала или с приемом на занятый путь, мы должны дать такие указания на основе богатейшего опыта, который у нас имеется: на какие моменты должно быть особо обращено внимание, чтобы дело было расследовано юридически грамотно, политически грамотно, технически грамотно и чтобы не уплыл ни один момент, за который можно вытащить контрреволюционную организацию или отдельных вредителей, которые устраивают крушения. Я бы не сказал, что это легко. Для того чтобы эту задачу выполнить, нам нужно прежде всего самим проработать громадное количество материалов, критически их осмыслить. Может быть, на первых порах будут ошибки в этом руководстве, может быть, это руководство будет не исчерпывающим. Но тогда будет критика с вашей стороны, и мы это дело в конце концов наладим.

Нам нужно освободиться от той громадной текучки, от всего этого завала мелкими вопросами, которые имеют место в нашем аппарате. Нам нужно реорганизовать систему нашей работы так, чтобы эта текучка не отвлекла нас от основных и важнейших вопросов.

Имеется в нашем аппарате очень серьезная волокита, которая заключается в том, что мы очень медленно и туго подчас реагируем на сигналы дорожных прокуроров, на протесты дорожных прокуроров. Иной раз они у нас залеживаются месяцами, иной раз месяцами задерживается разрешение в НКПС вопроса о привлечении тех или иных лиц к ответственности. Тут, конечно, может быть, виноват и НКПС, но наша вина заключается в том, что, обладая всеми способами для того, чтобы добраться до заместителя наркома или до самого наркома и этой волоките положить предел, мы часто ограничиваемся тем, что посылаем в наркомат соответствующее сообщение, а потом не следим, как на это сообщение реагируют. Отсюда справедливые жалобы наших товарищей на то, что им бывает очень трудно разрешить вопрос о привлечении к ответственности того или иного работника.

Для того, чтобы эти недостатки нам ликвидировать, для того, чтобы выполнить те задачи, которые перед нами стоят, мы должны работу нашего центрального аппарата перестроить. В значительной степени этот вопрос исчерпан выступлением т. Вышинского. Я думаю, что мы работу нашего центрального аппарата должны перестроить таким образом. Во-первых, мы его организуем иначе, чем он был организован до сих пор. Организация по территориальному делению, которая была до сих пор, которая на первый взгляд имеет преимущества в том смысле, что наблюдение за дорогами юга, востока, центра дает нам возможность охватывать весь комплекс вопросов, связанных с прокурорской работой этих дорог,—организация эта, на первый взгляд очень хорошая, на практике оказывается неправильной системой. Неправильной потому, что тут нет никакой специализации, все занимаются всем; каждый прокурор в нашем центральном аппарате занимается и судебным надзором, и следственным надзором, и общим надзором, а на деле нет ни того, ни другого, ни третьего, ни одним из этих надзоров прокурор не занимается как следует.

Нам нужно надлежаще организовать нашу судебную работу, а в судебной работе важнейшим являются дела о крушениях, дела по закону от 7 августа 1932 г., дела о ремонте паровозов, пути, дела, связанные с высшей мерой наказания, и дела о контрреволюционных преступлениях. Вот эти дела будут у нас стоять как главные в нашей кассационной работе, а остальные — в порядке последующего надзора.

Нам необходимо добиться такого положения, чтобы прокуроры дорог давали свои заключения по кассационным жалобам. Проведение в жизнь этого мероприятия облегчит работу центрального аппарата и сильно поможет прокурорам в работе по судебному надзору.

Наша железнодорожная прокуратура участвует в суде больше, чем другие прокуратуры, в 75% дел, проходящих через судебные инстанции, участвуют прокуроры, но кассационных протестов по железнодорожным делам очень мало, и это значит, что судебный надзор поставлен очень плохо.

Если мы заставим прокуроров заняться изучением кассационных жалоб, мы тем самым активизируем судебный надзор и увеличим процент кассационных протестов.

Судебный отдел главной прокуратуры железнодорожного транспорта должен будет заниматься не только кассационной и надзорной практикой, но и обобщением работы прокуроров в области судебного надзора.

Работа в распорядительных заседаниях, где решается вопрос о предании суду, поставлена плохо. Задача судебного отдела заключается в том, чтобы поднять качество и организовать по-настоящему работу прокуроров и в распорядительных заседаниях.

На следственный отдел должна быть возложена работа по руководству расследования крушений и не по такому руководству, какое осуществляет сейчас аварийная группа, т. е. не только получать сведения, а оперативно руководить работой. Если вчера произошло крушение, то сегодня мы должны уже знать, что же скрывается за этим крушением, какие люди, какие факты породили это крушение. Это тяжелая, трудная работа, но и самая боевая часть работы всего нашего аппарата.

Надзор за дисциплинарным уставом находится не на должной высоте, причем за последнее время этот надзор стал гораздо хуже осуществляться, чем раньше. Раньше прокурор интересовался состоянием дисциплины на участке, проверял дисциплинарные взыскания, ставил вопрос о выправлении. За последнее время, по нашей вине, наши прокуроры систематической работы по наблюдению за дисциплинарным уставом не ведут, в результате

получается, что мы занимаемся единственно жалобами и то занимаемся часто плохо, формально, бюрократически.

Надо работу по общему надзору поднять, ни в коем случае не отрывая ее от главной нашей задачи — борьбы с крушениями, ибо дисциплинарный устав создан для того, чтобы бороться с крушениями.

Особое внимание надо обратить на приказное творчество. В аппарате НКПС этот вопрос урегулирован, потому что, как только т. Каганович пришел в НКПС, он немедленно и в первую очередь поставил вопрос об упорядочении приказного творчества. На дорогах же приказное творчество идет еще неорганизованно, причем не проверяется, соответствует ли издаваемый приказ приказам НКПС, советским законам и т. д. Несмотря на все это, прокуроры дорог и участков не приносят протестов на неправильные приказы начальников дорог.

Эта работа имеет большое политическое значение для организации борьбы с крушениями. У нас был целый ряд случаев, когда начальники дорог издавали приказы, противоречащие правилам технической эксплоатации, причем в этих приказах была вредительская рука, а прокуроры этим делом не занимались. Нам нужно перестроить работу в этом отношении.

Роль спецотделения вам понятна: оно должно вести наблюдение за НКВД и осуществлять надзор за расследованием дел, которые ведутся в аппарате НКВД.

Так в общих чертах намечается структура нашего аппарата, которая должна помочь устранить те крупные недостатки, о которых говорили на настоящем совещании, и помочь нам выполнить серьезнейшие задачи, поставленные перед нами пленумом Центрального комитета ВКП(б).

Борьба с браком в работе должна быть у нас теснейшим образом увязана со степенью аварийности дороги. Если на дороге много крушений, то тогда мы должны более жесткий наносить удар и по браку в работе, потому что брак в работе есть то, что порождает крушения. Если на дороге крушения уменьшаются или эта дорога менее аварийная, чем другие дороги, то мы там должны иначе поставить борьбу с браком в работе — путем профилактики и т. д.

Касаясь вопроса о сроках следствия, т. Сегал говорит, что быстрота и решительность должны быть положены в основу расследования всех дел о крушениях, чтобы каждый знал, что если он осмелится принять поезд на занятый путь или пройти закрытый семафор, то он через самое короткое время предстанет перед пролетарским судом.

— Когда мы приступаем, — говорит т. Сегал, — к расследованию конкретного дела, в первоначальном составлении акта участвуют: прокуратура, НКВД, ревизор безопасности движения НКПС. Первое, к чему они должны приступить, это осмотр места крушения и производство необходимых измерений. Как только основные моменты зафиксированы, работа распределяется так, что следователь ведет следствие, органы НКВД должны немедленно употребить все усилия, чтобы расшифровать людей, ревизор по безопасности движения должен копаться в технике этого дела, должен достать технические распорядительные акты станции, историю крушений и аварий на станции. Это целая бригада, которая должна работать организованно и четко. При такой постановке работы вы на след диверсии в течение 2—3 суток, безусловно, натолкнетесь. Никто не требует того, чтобы вы сразу ее раскрыли, но признаки диверсии вы в течение 3 дней, безусловно, выявите, для того чтобы потом глубоко и тщательно расследовать дело. В противном случае надо быстро кончать дело, для того чтобы удар по аварийщикам и разгильдяям был громовым и сокрушительным, иначе мы не добьемся решения задач, о которых говорит пленум ЦК.

Наша прокурорская задача заключается в том, чтобы за каждым крушением, за каждой крупной аварией найти настоящего виновника. Будет трудно, но задача почетная и эту задачу мы должны выполнить во что бы то ни стало. Мы должны организовать работу так, чтобы как можно меньше делать этих ошибок. Мы договоримся с т. Постниковым, чтобы в НКПС была постоянно действующая техническая консультация.

Задача для нас ясна, перспектива ясна, и я думаю, товарищи, что выражаю единодушное мнение участников совещания, если скажу, что со всеми трудностями мы справимся и задачу, поставленную перед нами Центральным комитетом партии, с честью выполним и поможем нашему транспорту под руководством т. Л. М. Кагановича в 1937 г. добиться безаварийной работы.

***

Совещание прокуроров железнодорожного транспорта приняло проект инструкции о порядке установления причин крушений и аварий и первоначальном составлении актов, а также решения о штатах, об укомплектовании кадров, о систематической учебе работников прокуратуры железнодорожного транспорта, об участии районных прокуроров в первоначальном составлении актов о причинах крушений, о расследовании диверсий, о последственности дел о крушениях, о прокурорском надзоре по внутризаводскому транспорту, об осуществлении надзора за железнодорожными буфетами и об охране помещений железнодорожной прокуратуры.

Коренным образом улучшить работу с жалобами

В ночь на 10 апреля 1937 г. Прокуратурой Союза ССР было проведено совещание по радио с прокурорами некоторых союзных республик, областей и краев по вопросу о работе с жалобами в органах прокуратуры.

У микрофона, в студии радиоцентра, присутствовали руководящие работники Прокуратуры Союза ССР и Прокуратуры РСФСР.

Открывая радиосовещание, т. Вышинский сказал:

— Мы организовали совещание по чрезвычайно важному вопросу, по вопросу о том, как нам работать дальше с жалобами, как добиться перелома в этой работе, как обеспечить такое продвижение в наших органах всякого рода заявлений, содержащих в себе претензии или жалобы на то или другое нарушение интересов нашего государства и прав граждан, которое обеспечило бы максимальную быстроту и максимальный эффект рассмотрения этих заявлений и жалоб. До сих пор в этой области дело обстоит крайне неудовлетворительно. В местных органах прокуратуры, да и в центральных органах прокуратуры, сплошь и рядом к жалобам относятся самым безобразным образом: на жалобу смотрят как на что-то постороннее, чуждое работе прокуратуры, жалоба рассматривается часто как своеобразный принудительный ассортимент. Отсюда и соответствующее отношение к жалобе — ее стараются или не замечать, или спихнуть куда-нибудь в другое учреждение, лишь бы самим ею не заниматься. Между тем, требования нашей партии и правительства, нашедшие свое наиболее отточенное выражение в великой Сталинской Конституции, говорят о необходимости внимательного, чуткого, честного, сознательного отношения к жалобщику, к человеку, который обращается в прокуратуру со своей обидой, который рассчитывает и ждет от прокуратуры защиты и помощи.

Однако краевые и областные прокуроры, прокуроры союзных республик и автономных республик, районные прокуроры, стоящие ближе всего к массам населения, как будто бы до сих пор не понимают всего того значения, которое принадлежит этому участку работы, не понимают, что тысячи людей, обращающихся в органы прокуратуры за советом и помощью, за защитой против несправедливого и незаконного нарушения их прав, вправе ожидать внимательного и делового отношения к своим заявлениям.

Мы надеемся, что сегодняшнее совещание позволит нам, окинув взором нашу работу, отметив в ней недостатки и непорядки, подвергнув эту работу жестокой большевистской самокритике, поднять качество этой работы на достаточно высокую ступень и обеспечить этой работе те результаты, которые позволили бы нам, прокурорам советской страны, считать свою обязанность, свой долг перед родиной и многомиллионными массами рабочих и крестьян социалистического государства выполненными.

Нам нужно покончить с бюрократизмом, невниманием, волокитой, нам нужно научиться в жалобе находить не только ответ на отдельные частные вопросы, которые трогают и волнуют отдельного человека, нам нужно научиться в этих жалобах находить и материал для того, чтобы общими усилиями исправлять недостатки нашего государственного механизма и тем самым усиливать и укреплять мощь пролетарского государства и социалистического правопорядка.

Сегодняшнее совещание должно еще раз напомнить нашим прокурорским работникам об их громадной ответственности перед родиной за охрану советского закона, за охрану интересов каждого трудящегося, каждого гражданина нашей страны.

Пусть это совещание поможет нам исправить наши недостатки, устранить их, поднять работу с жалобами на ту высоту, на которой она должна стоять, отвечая требованиям нашей эпохи, эпохи великой Сталинской Конституции.

Сегодня в перекличке, имеющей задачей осветить положение этой прокурорской работы и выработать мероприятия по улучшению этой работы, мы пригласили принять участие 12 прокуратур союзных республик, областей и краев.

В процессе обсуждения вопросов, которые будут выдвинуты, мы постараемся наметить дальнейшие пути нашей работы и постараемся вскрыть недостатки и недочеты в нашей работе.

Затем слово получила прокуратура Свердловской области. Начальник следственного отдела областной прокуратуры т. Миролюбов сказал:

— Работа нашей прокуратуры по жалобам характеризуется за вторую половину 1936 г. следующими данными: за этот период к нам поступило 20 519 жалоб, причем жалобы эти по срокам прохождения распределяются следующим образом: разрешено до 10 дней — 581 жалоба, от 10 дней до 1 месяца — 680, свыше одного месяца 1143 жалобы.

В порядке самокритики мы должны признать, что значительный процент жалоб задерживается у нас свыше одного месяца, что, разумеется, является самым существенным недостатком в нашей работе.

Вышинский. Тов. Миролюбов, скажите, какие вы принимаете меры к тому, чтобы сроки рассмотрения жалоб свыше одного месяца сократить до пяти дней? Каковы причины такой медлительности?

Миролюбов. Причины этого ненормального явления сводятся к тому, что у нас не был укомплектован наш отдел жалоб. Наша задача сейчас заключается в том, чтобы этот отдел привести в надлежащее состояние. Полагаю, что нам эту задачу выполнить удастся в самое ближайшее время. Во всяком случае, областной прокурор, недавно вернувшийся из Москвы, т. Лейман...

Вышинский. Лейман занимается жалобами?

Миролюбов. Он стремится...

Вышинский. Он занимается жалобами или вы занимаетесь? Кто у вас начальник отдела жалоб?

Миролюбов. Ремизов.

Вышинский. Кто руководит, вы, или Лейман, или его заместитель Болдырев? Сколько жалоб проходит через Леймана или Болдырева?

Миролюбов. В среднем 15—20 жалоб.

Вышинский. Тов. Миролюбов, факты говорят, что, несмотря на ваши, как вы говорите, мероприятия, у вас с жалобами отчаянная волокита. Для примера приведу следующий факт: 15 декабря 1936 г. было вам направлено заявление Смирнова с предложением проверить и вернуть это заявление обратно. До сих пор от вас ничего нет, ни ответа, ни привета, несмотря на несколько напоминаний. Последнее напоминание было послано 17 марта. Прошу завтра же проверить и сообщить результаты рассмотрения жалобы Смирнова А. И.

5 октября 1936 г. в «Уральском рабочем» была статья «Своевременно отвечать на письма трудящихся». Райпрокурор Фомин прислал объяснения в прокуратуру по этому поводу. Очень обижен. Объяснения эти по существу никуда не годятся. Мы запросили по поводу Фомина облпрокурора. Это было 28 февраля, но до сих пор мы от вас ответа не имеем. По этому поводу также дайте мне объяснения.

Миролюбов. Завтра будет исполнено.

Вышинский. Передайте т. Лейману, что мы считаем положение с жалобами у вас неудовлетворительным и предлагаем по-настоящему перестроить эту работу. Примерно через месяц мы произведем ревизию и сделаем соответствующие выводы.

ЧУВАШСКАЯ ССР (прокурор республики т. Елифанов)

За вторую половину 1936 г. рассмотрено 16 798 жалоб, а за три месяца 1937 г. — 6635 жалоб, до 40% поступающих жалоб направляли в различные учреждения. Сроки рассмотрения жалоб: до 10 дней — 71%, свыше одного месяца 3,2%. Характер жалоб: нарушение устава с.-х. артели 150, трудовые 498, алиментные 595, красноармейские 112.

Вышинский. Как у вас организовано рассмотрение жалоб красноармейцев?

Елифанов. Они у нас на особом учете, берем их под особый контроль, следим за ними.

Вышинский. Сами следите?

Елифанов. К сожалению, сам этого не делаю полностью.

Вышинский. А как рассматриваются письменные жалобы у вас в аппарате?

Елифанов. Рассматривает отдел жалоб.

Вышинский. А вам докладывают результаты рассмотрения жалоб?

Елифанов. Обязательно.

Вышинский. По каждой жалобе?

Елифанов. Если я не успеваю, то заместитель Крелин это делает.

Вышинский. Значит за каждую волокиту с вас взыскивать надо?

Елифанов. Да, это я так понимаю. У нас много волокиты с делами, истребованными в порядке надзора. Я хочу сказать относительно районов. В 1936 г. в Янском районе из 652 жалоб удовлетворенными оказались только 13 жалоб, 241 жалобу рассмотрели по существу, остальные спихнули.

Вышинский. А у вас сколько «спихивают»?

Елифанов. В среднем 26%.

Вышинский. Это правильно или неправильно?

Елифанов. Мы требуем от каждого районного прокурора по основным жалобам, о безобразиях в колхозах или сельсоветах, чтобы они обязательно выезжали на место, большинство выполняет, но не все. Это основная задача, поставленная перед нами.

Вышинский. Как у вас в Ядринском районе? Улучшилось положение?

Елифанов. Сейчас, к сожалению, нет. Из рассмотренных 90 жалоб 58 отклонены.

Вышинский. Почему отклоняете, правильно ли?

Елифанов. К сожалению, отклонения неосновательны.

Вышинский. Красно-Читаевский район?

Елифанов. Этот район самый неважный.

Вышинский. А Канаевский район?

Елифанов. Завтра я туда выезжаю и тогда полностью специальным письмом доложу о состоянии района.

Вышинский. Вы, конечно, помните заметку в «Красной Чувашии» о грубом нарушении постановления о порядке рассмотрения жалоб и постановления III пленума КСК. Я прошу на это дело обратить серьезное внимание. Под этим углом зрения вы должны будете в течение апреля и начала мая проверить работу всех своих районов или работу наиболее отстающих районов и примерно 25 мая — 1 июня представить мне краткую справку о том, какое положение вещей в этом районе и какие меры вы реально приняли для того, чтобы работа с жалобами была поставлена правильно.

Елифанов. Я 25 районов не берусь обследовать, но районов 12—13 обследую.

Вышинский. Остальные обследуете в следующие месяцы. Добейтесь, чтобы у вас так же хорошо работали с жалобами, как хорошо работали с дорогами.

Елифанов. Примем все меры, весь коллектив здесь. Я хотел еще доложить, что у нас в рике и райзо 77 жалоб совершенно утеряно. 29 марта мы возбудили против виновных уголовное преследование, привлекаем к ответственности.

Вышинский. Нужно не только привлекать к ответственности, но и действовать воспитательными мерами, а главное—нужно в отношении самих себя принять меры, чтобы быть активным и постоянно действующим контролем и руководящим органом.

ЗАПАДНОСИБИРСКИЙ КРАЙ (крайпрокурор т. Барков)

После постановления КСК у нас все время работает в отделе жалоб 3 человека. На каждого работника приходится по 500—600 жалоб. За 1936 г. и I квартал 1937 г. мы обследовали 15 районов и горпрокуроров с точки зрения их работы с жалобами. Кроме этого, как правило, обследуемые нами райпрокуроры вызывались на оперативные совещания с докладами об их работе с жалобами. В марте 1936 г. на оперативных совещаниях мы заслушали 13 райпрокуроров о работе с жалобами, а в первом квартале 1937 г. мы заслушали 18 райпрокуроров и горпрокуроров.

За волокиту по жалобам и другие преступления был снят с работы и предан суду райпрокурор Иванов. За бюрократическое отношение к жалобам был снят с работы райпрокурор Ефремов, райпрокурорам Вихрову и Меньшикову объявлены строгие выговоры с предупреждением за волокиту по жалобам.

Руководство отделом жалоб возложено на моего первого заместителя т. Позднякова. Я принимаю по преимуществу людей, которых не удовлетворяет мой старший помощник — начальник отдела жалоб и мой заместитель т. Поздняков.

Вышинский. Мы вам послали список жалоб, по которым мы не имеем ответа.

Барков. Я получил этот список, я еще раз проверил. Я ответил. Имеются много случаев и со стороны Прокуратуры Союза и со стороны Прокуратуры республики, когда мы отвечаем по 3—4 раза.

Вышинский. Вы сообщите несколько таких случаев, чтобы я у себя тоже мог навести порядок.

Барков. Я хотел бы поставить следующий вопрос. Мы недавно проводили совещание. После объединенного совещания прокуратуры и суда по гражданским делам мы обратили внимание, что судебные исполнители стараются освободиться от алиментных дел. Утверждаю, что суды безответственно относятся к жалобщикам по алиментным делам. Я поставил в краевом исполкоме вопрос о недостатках в работе с жалобами.

Вышинский. Тов. Барков, у вас имеется не мало случаев крайней волокиты и недисциплинированности прокуроров. Поэтому мы должны проводить систематическую проверку того, как прокуроры обращаются с жалобами. Я вам рекомендую организовать кустовые совещания специально по жалобам. Тот громадный поток жалоб, который значительно увеличился по сравнению с тем, что мы имели месяца два назад, свидетельствует о том, что население имеет, к сожалению, на что жаловаться и что на прокуратуру смотрят как на учреждение, которое может помочь в таких случаях.

Барков. Прокуратура Союза и Прокуратура РСФСР часто не учитывают наших географических условий. Нам дают такие сроки расследования (10 дней), в которые мы уложиться не можем.

Вышинский. Беда в том, что вы не выполняете наших поручений и в месячный срок. Однако ваши предложения я учту.

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ (заместитель прокурора т. Любошевский)

— Я хочу сказать о положительных моментах.

Вышинский. Лучше об отрицательных. Какие меры принимаете, чтобы покончить с волокитой и безответственностью в прямом смысле слова, т. е. с оставлением жалоб без ответа?

Любошевский. У нас таких случаев сравнительно немного. По срокам, в областном масштабе, свыше 20 дней рассматривается 15—17 жалоб, если же взять отдельно областной аппарат, то здесь положение хуже, примерно до 40% жалоб разрешается с нарушением законных сроков, т. е. больше одного месяца.

Вышинский. А больше трех месяцев?

Любошевский. У меня учета таких случаев нет.

Вышинский. Почему вы так скромны в этом отношении?

Любошевский. Я подсчитал количество жалоб, задерживающихся свыше месяца, и цифра в 40% сама по себе является угрожающей.

Вышинский. До одного месяца сколько у вас процентов?

Любошевский. В областном аппарате до одного месяца рассматривается до 60% жалоб, причем эту цифру могу подразделить на дни: до 7 дней 25%, от 7 до 15—21%, от 16 до 20—5% и от 21 до 30—7%. За исключительную волокиту и бюрократическое отношение к делу мы кое-кого привлекли к ответственности: один райпрокурор переведен на должность следователя за бездушное отношение к жалобам. Это прокурор Карпенко.

Вышинский. А вы думаете, что следователем может быть человек, который бездушно относится к жалобам?

Любошевский. Нет, это для него является наказанием, которое может послужить к его исправлению.

Вышинский. Нельзя смотреть на работу следователя как на понижение, как на наказание. Это неправильно. Работа следователя не есть меньшая по своему значению работа, чем работа прокурора. Поэтому наказывать понижением прокурора по должности следователя это значит подрывать авторитет следователя, а нам нужно бороться за повышение авторитета следователя.

Любошевский. Может быть, мы ошиблись, но нам казалось, что этим путем можно содействовать его исправлению. Это было еще в последнем квартале 1936 года.

Вышинский. Я не думаю, чтобы у вас за два квартала изменилась точка зрения, в будущем обеспечьте руководство так, чтобы не назначали следователем в наказание.

Любошевский. Хорошо, я учту ваше указание. У нас большой остаток, около 2 000 нерассмотренных жалоб на каждое первое число каждого месяца.

Вышинский. Какой остаток жалоб в областном аппарате?

Любошевский. В среднем у нас проходит около 600 жалоб. Остаток на сегодняшний день в областном аппарате 370 жалоб. Причем, я должен отметить, что в числе жалоб самое большое место занимают жалобы на волокиту в разных организациях, затем идут жалобы по алиментным делам, трудовым делам, большое количество жалоб поступает по вопросам налоговым, многие из этих жалоб даже рассмотрению не подлежат. Это свидетельствует о том, что у нас недостаточно воспитаны люди в отношении порядка подачи жалоб и что порядок передачи жалоб недостаточно хорошо усвоен.

Вышинский. О порядке подачи жалоб нужно меньше думать потому, что это зависит не от нас — население подает и нам это регулировать трудно, а порядок рассмотрения зависит от нас целиком. У вас есть заявление гр-ки Артеменковой Феодосии об убийстве ее сына. Она жалуется, что виновные в этом убийстве до сих пор к ответственности не привлечены. Это заявление было направлено вам 20 января, 2 марта сделано напоминание, 11 марта мы получили ответ, что это дело прокуратура только что истребовала для проверки. Возникает вопрос, почему вы не могли это сделать за прошедшие почти два месяца? Вам незнакомо это дело?

Любошевский. Не помню такого дела.

Вышинский. Запишите. Заведите на будущее время такой порядок, чтобы из жалоб

выделялись наиболее яркие, наиболее важные или по характеру своему, или по обстоятельствам, требующим особого внимания, и берите эти жалобы под свой личный контроль, прокурора области или его заместителя. Это вы делаете или нет?

Любошевский. Это у нас делается.

Вышинский. Скажите, сколько за вчерашний день вами взято на контроль таких жалоб?

Любошевский. Я взял не больше трех жалоб.

Вышинский. Назовите их.

Любошевский. Я не помню.

Вышинский. Значит, вы их не взяли на контроль.

Любошевский. Я не подготовлен для этого ответа.

Вышинский. Для этого не надо готовиться. Если я сегодня из своей почты взял две жалобы на контроль, то я должен помнить содержание этих жалоб и вы должны помнить, а если вы не помните, то никакой жалобы вы на свой личный контроль не взяли.

Любошевский. К сожалению, я не помню...

БАШКИРИЯ (исполняющий обязанности прокурора республики т. Лизунов)

У нас отдел жалоб объединен с отделом общего надзора. У нас за 1936 г. поступило 23 919 жалоб. Из них рассмотрено до 10 дней—17 370 (73%), от 10 до 30 дней—4643 (10,9%) и свыше одного месяца — 7,5%. Удовлетворено из рассмотренных жалоб 77%, отклонено 33%. Волокита с жалобами, медленное рассмотрение этих жалоб — самое больное место, которое следует отметить в работе нашей прокуратуры. И второе. Прокурор республики Хазов не всегда принимает аккуратно жалобщиков. Часто бывают перебои. В то время когда нужно принимать жалобщиков, его вызывают или на заседание Совнаркома, или в ЦИК.

Вышинский. Значит, Совнарком виноват? Разве нет постоянных дней и часов приема?

Лизунов. Дни и часы установлены, но, к сожалению, бывают частые вызовы, что не может не отразиться на работе. Затем плохо обстоит дело с жалобами на местах. В основном это объясняется тем, что у нас в центральном аппарате прокуратуры значительный недокомплект работников. В 1936 г. мы проверили всего 15 райпрокуроров по жалобам. Следует признать, что это недостаточно, и наша задача заключается в том, чтобы в 1937 г. значительно усилить эту работу непосредственными выездами на места. Мы недостаточно внимания уделяем отделу жалоб на местах. Мы выяснили, что некоторые начальники отделов не принимают жалоб. Председатель рика в течение трех месяцев не принял ни одного человека.

В связи с выездом по посевной кампании я проверял движение жалоб у прокуроров района; следует заметить, что у них дело обстоит неблагополучно. Особенно возмутительная волокита была с жалобой Белякова. Следует отметить, что райпрокурор не выполнил предложения в части ответов. В этом отношении мы принимаем различные меры. Мы ставим перед собой задачу, главным образом, воспитательного воздействия на прокуроров. В крайних случаях прибегаем к дисциплинарному взысканию. В 1937 г. мы провели оперативное совещание со всеми райпрокурорами нашей республики по вопросу общего надзора и, главным образом, по жалобам. Таким образом в 1937 г. побывали у нас все райпрокуроры, причем вопрос о жалобах был поставлен довольно крепко.

Провели мы всего 16 обследований, причем во всех случаях мы непременно на местах устраивали оперативные совещания.

С техническим аппаратом плохо и в республиканской прокуратуре и особенно плохо на периферии. Это в значительной степени ослабляет работу с жалобами, потому что жалоба оперативно выполняется, а технически обрабатывается плохо.

Вышинский. Вам надо было бы провести курсы технических секретарей.

Лизунов. Мы предусмотрели в плане и хотим это провести, но этот вопрос упирается в денежные средства. Мы писали т. Нюриной, чтобы она нам отпустила 6000 руб. И представьте себе, денег не дали и даже не изволили ответить.

Вышинский. Тов. Лизунов, прошу вас обратить внимание на необходимость систематического контроля за жалобами. Факты, которыми мы располагаем, показывают, что как раз по наиболее простым заявлениям и жалобам ответов нет. Например, жалоба Тусова у вас волокитится с декабря 1936 г., человека не принимают на работу, почему, — неизвестно. Конституция провозглашает право на труд. Это право на труд у нас реально, а прокуратура не помогает в борьбе с бюрократами, которые извращают этот высокий принцип. Жалоба Синюшкина, жалоба Титова на прокурора Янаульского района. У вас эта жалоба волокитится с 8 декабря. 13 марта мы послали вам специальный запрос. Вы не ответили.

Лизунов. Завтра же дам ответ.

АССР НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ (прокурор республики т. Скудра)

У нас за вторую половину 1936 г. было рассмотрено 6431 жалоба, удовлетворено 3200 — 45%, отклонено 1200—18%, отправлено в другие организации 2015—35%; нерассмотренных 425 жалоб.

Сроки рассмотрения: до 10 дней — 37,6%, в один месяц — 18%, свыше одного месяца — 17%. Надо отметить, что в первом квартале 1937 г. по сравнению с последним кварталом 1936 г. количество жалоб значительно увеличилось. По центральному аппарату в последнем квартале 1936 г. поступило 600 жалоб, а в первом квартале 1937 г. — 802 жалобы.

Вышинский. Как организовано рассмотрение жалоб?

Скудра. Все жалобы, как правило, поступают непосредственно в отделы и каждый заведующий отделом рассматривает жалобу и решает, принять ли ее к своему производству, направить ли прокурору или передать другой организации. У нас специального отдела жалоб нет, потому что прокуратура небольшая. Контроль исполнения организован в каждом отделе, кроме того, в общей канцелярии имеется специальный секретарь, ведущий учет жалоб.

Вышинский. Все-таки было бы целесообразнее, если бы вы поручили кому-нибудь, работающему под вашим руководством, контроль исполнения за тем, как идут жалобы и как они перерабатываются.

Скудра. Я и мой заместитель занимаемся проверкой наиболее важных жалоб.

Вышинский. Объединенного контрольного центра у вас нет?

Скудра. Единого центра нет.

Вышинский. Сколько у вас помощников?

Скудра. Одиннадцать.

Вышинский. Я предлагаю вам на одного из помощников возложить контроль за движением жалоб и сообщить мне его фамилию. Пусть он проверяет, заботится о движении жалоб, докладывает вам о непорядках в работе с жалобами.

Скудра. До сих пор у нас эти функции исполнял секретарь прокуратуры.

Вышинский. Жалобы слишком ответственное дело для того, чтобы поручать их техническому работнику. Этим должен заниматься или ваш заместитель, или один из старших помощников. Продолжайте.

Скудра. В облпрофсовете в отделе пенсий мы имеем безобразные случаи волокиты: дела о пенсиях не разрешаются по 6—7 месяцав, дела теряются. Мы возбудили уголовное преследование против виновных.

Вышинский. Когда возбудили уголовное преследование?

Скудра. Месяц назад.

Вышинский. Когда дело будет в суде?

Скудра. Дело будет в суде дней через 10—15.

Вышинский. Почему такая волокита?

Скудра. В облпрофсовете в течение 1936 г. сменилось несколько заведующих; когда стали искать виновников, то не найдешь волокитчиков, но мы принимаем все меры к тому, чтобы виновных найти.

Вышинский. Следствие закончено?

Скудра. Следствие не закончено.

Вышинский. Когда закончите?

Скудра. Дней через 10—15.

Вышинский. Через 10—15 дней уже нужно, чтобы было решение суда.

Скудра. Хорошо, я обещаю принять все меры к тому, чтобы выполнить ваше предложение.

Вышинский. Буду ждать через 15 дней результаты.

Скудра. У нас слаба дисциплина как в центральном аппарате, так и на местах. Два ваших запроса остались без ответа по вине нашего аппарата.

Вышинский. Постарайтесь эти промахи исправить, дела у вас в прокуратуре не плохи, а с жалобами хуже, чем на других участках.

Скудра. Это правильно, я обещаю принять меры. Примерно до октября я жалобщиков лично не принимал, а когда стал принимать, то вскрыл ряд исключительно нехороших дел.

Вышинский. Нужно усилить прием.

Скудра. Я стараюсь сам лично принимать жалобщиков побольше, я слышал ваши указания другим о непосредственном приеме жалобщиков.

АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКИЙ КРАЙ (исполняющий обязанности крайпрокурора т. Зайцев)

Я хочу сообщить о том, какая работа была проделана во исполнение вашей директивы от 3 июня и решений КСК от 26 мая. Организационная работа была проведена немалая. Например, во второй половине 1936 г. и в этом году в краевую прокуратуру вызывались 71 районный и городской прокурор специально по жалобам. Кроме того, что давались указания всем прокурорам, на 39 райпрокуроров и следователей наложены взыскания.

Вышинский. А результаты проверили?

Зайцев. С июня по 8 апреля специально по жалобам проведено 11 оперативных совещаний. Проведено обследование специально по жалобам 38 районов тоже за этот же срок (во второй половине 1936 г. и начале 1937 г.), с 7 июня 1936 г. по вчерашний день проведено также 18 оперативных совещаний, на которых заслушаны сообщения 43 районов. Но все же дело у нас обстоит плохо. Жалоб поступает в прокуратуру очень много. Если в 1935 г. поступило 53 903 жалобы, то в 1936 г. поступило уже 82 179 жалоб. Примерно процентов на 34—35 увеличилось по районам.

Вышинский. А за три месяца 1937 г.?

Зайцев. За два месяца есть сведения. По районам поступило 10 244 жалобы, а всего по краевому аппарату получено 15 475 жалоб. Очень большое количество жалоб было за два месяца 1936 г. — 22 869. Какие категории жалоб дают такое громадное увеличение Жалуются главным образом лица, уже осужденные судами.

Вышинский. Следовательно, у вас громадное количество жалоб на судебные приговоры?

Зайцев. Не только на судебные приговоры, но и на неправильные действия.

Вышинский. Скажите, как у вас со сроками движения жалоб?

Зайцев. В 1936 г. по районам в сроки до 10 дней рассмотрено было 36 292 жалобы, т. е. 45%, от 10 дней до 1 месяца — 19%, свыше одного месяца — 9%. Это по районам, а по краевому аппарату до 10 дней было рассмотрено 1282 жалобы (23%).

Вышинский. Выходит так, что в районе у вас до 10 дней рассматривается большее количество жалоб, чем в аппарате?

Зайцев. Да.

Вышинский. Я должен вам посоветовать поменьше устраивать совещаний, нужно живое руководство, контроль, что даст немало пользы для правильной организации работы. Вы должны поставить своей очередной задачей: первое — это правильное разрешение жалоб по существу; второе—добиться быстрого рассмотрения жалоб, чтобы ни одна жалоба не оставалась нерассмотренной на следующий день; третье — контроль, добиться, чтобы обязательно сообщали о рассмотрении жалоб своевременно.

ИСПОЛНЯЮЩАЯ ОБЯЗАННОСТИ ПРОКУРОРА РСФСР т. НЮРИНА

Целый ряд товарищей говорит, что у них имеются большие достижения. Мы, однако, в Прокуратуре республики имеем факты обратного порядка. Нам пришлось вызывать т. Лей-

мана, прокурора Свердловской области, с 60 заволокиченными жалобами, затянувшимися на два и больше месяца. Выяснилось, что в большинстве случаев эти жалобы легко было разрешить. Самая дисциплинированная прокуратура — это прокуратура Западносибирского края, но и там имеется ряд жалоб, по которым посылаем бесконечное количество писем, телеграмм, напоминаний. Мне кажется, что самое важное, чего не сказали товарищи с мест, заключается в чисто формальном их подходе к рассмотрению жалоб. Считается, что конец рассмотрению жалобы наступает с момента затребования дела, но жалобщику не легко от того, что его затребованное дело лежит потом подолгу в разных отделах. Жалобщик ходит, обращается к ним, к нам, бывает в Прокуратуре Союза, мы пересылаем жалобы к вам, начинается переписка. Я получаю гораздо больше телеграмм и запросов по жалобам, чем по каким-либо другим вопросам. Товарищи отвечают, что жалоба разрешена, а на самом деле только затребовано дело или послано прокурору.

Жалоба может считаться разрешенной только тогда, когда по ней достигнуто разрешение вопроса по существу. Имеются случаи, когда жалоба идет из КСК или КПК и она стоит на контроле до того момента, пока не пересылается в другую прокуратуру, а там уже теряется всякий след.

Некоторых прокуроров мы вызывали сюда, у нас есть очередность вызовов. За март вызвали пять областных прокуроров. Товарищи приезжают со всем количеством залежей, мы тут же на месте их рассматриваем и принимаем те или другие меры. Надо установить такой порядок, чтобы покончить с этой работой на холостом ходу. У нас огромный отдел жалоб, масса народу сидит, минимум 50% работы на холостом ходу.

Мы нередко получаем нелепые ответы, из которых видно, что жалоба не прочитана и не проработана. Мы должны добиться, чтобы тот, кто должен жалобу разрешить, разрешал ее до конца, должны добиться контроля за жалобами.

ОРДЖОНИКИДЗЕНСКИЙ КРАЙ (крайпрокурор т. Гарин)

Первое, на что, с моей точки зрения, стоит обратить внимание, это на увеличивающийся рост поступления жалоб в райпрокуратуры. Если в 1935 г. в крайпрокуратуру поступило 8788 жалоб, то в 1936 г. поступило 11 718 жалоб. Такой же рост мы имеем по райпрокуратурам. В первом квартале 1937 г. поступило 4097 жалоб. Таким образом первый квартал 1937 г. показал дальнейший рост увеличения количества поступающих жалоб в крайпрокуратуру. В органы прокуратуры в 1935 г. поступило 24 427 жалоб, в 1936 г. 30 787 жалоб. Мы можем притти к выводу, что сравнительные данные свидетельствуют о неуклонном росте поступающих жалоб в органы прокуратуры. С нашей точки зрения, рост числа жалоб в Орджоникидзенском крае (особенно во второй половине 1936 г.) является результатом огромного политического роста народов нашего края и, кроме этого, более повышенных требований к государственному аппарату, большей заботы трудящихся об охране социалистической собственности и защите своих законных прав и интересов.

Вышинский. Эти общие ваши соображения совершенно справедливы, но интересно, как у вас со сроками движения жалоб?

Гарин. Со сроком движения жалоб у нас дело обстоит таким образом: в 1936 г. рассмотрено до 10 дней 44%, до одного месяца—40%, свыше одного месяца—16%. Следует обратить внимание на характер самих жалоб. Если за вторую половину 1935 г. жалоб о расхищении социалистической собственности поступило 664, то во второй половине 1936 г. — 309 жалоб. Во второй половине 1935 г. жалоб на нарушения при проведении хозполитКампаний — 1306, во второй половине 1936 г. — 306. Зато по алиментным делам во второй половине 1935 г. — 1303, во второй половине 1936 г. — 2062 жалобы. Значительное снижение жалоб мы имеем по уголовным делам: во второй половине 1935 г. — 3461 жалоба, во второй половине 1936 г. — 2216 жалоб.

Жалобы по алиментным делам увеличились на 58%.

Вышинский. Ведется ли у вас книга записей приема?

Гарин. У меня лично нет, она ведется в отделе жалоб.

Вышинский. Вы записывайте, кто к вам пришел, его адрес, фамилию, имя, отчество, содержание жалобы, вашу резолюцию и составляйте график для контроля, а затем ваша канцелярия на следующий день должна брать это дело на контроль и следить за исполнением. Периодически заглядывайте в свою книгу приема, проверяйте ту или иную жалобу или тот или другой вопрос, который требует вашего особого внимания.

У вас существует книга жалоб в прокуратуре?

Гарин. Такой книги жалоб нет, но думаю, что книгу жалоб в прокуратуре не следует иметь.

Вышинский. Я держусь другой точки зрения: что не должно быть жалоб в прокуратуре, но для того, чтобы не было жалоб, должна быть книга жалоб, чтобы можно было бороться с недостатками, имеющимися в прокуратуре. У нас в Прокуратуре СССР вывешены плакаты о том, что о всех замеченных непорядках и неправильных действиях работников прокуратуры можно заносить в жалобную книгу, хранящуюся у дежурного коменданта. Книга жалоб выдается безоговорочно по первому требованию. Я обязательно каждый день получаю эту книгу жалоб и просматриваю ее, делаю отметки и контролирую, каковы порядки в Прокуратуре Союза.

Вышинский. Скажите еще, сколько жалоб поступает каждый день?

Гарин. 4097 жалоб за три месяца, в среднем 57 жалоб в день.

Вышинский. Неужели 57 жалоб в день 3 человека не могут рассмотреть как следует?

Гарин. Нужно иметь в виду, что они не только рассматривают жалобы, но и принимают жалобщиков. На рассмотрение жалоб уходит гораздо меньше времени, чем на беседу с людьми. Я наблюдал, как работают мои товарищи в отделе жалоб. Конечно, они работают несовершенно. Я смотрел, как они разговаривают с людьми; в среднем на разговор с человеком уходит 12—15 минут, не менее 30

человек в день проходит, нужно не меньше 4 часов.

Вышинский. Я хочу с вами договориться о том, что вы примете меры к тому, чтобы, скажем, с 15 апреля в отделе жалоб ни одной нерассмотренной жалобы на следующий день не было.

Гарин. Этого можно добиться, и мы добьемся.

Вышинский. Можно внести в протокол: принять к сведению заявление т. Гарина, что с 25 числа он обеспечивает рассмотрение жалоб с тем, что ни одна жалоба на следующий день переходить не будет?

Гарин. Можно, согласен.

ОДЕССКАЯ ОБЛАСТЬ (исполняющий обязанности прокурора т. Макаренко)

В 1936 г. прошло 57 000 с лишним жалоб, в первом квартале 1937 г. — 13 000 жалоб. Устных жалоб мы не учитываем. Только в последнее время установлен порядок, по которому будем учитывать и устных жалобщиков. Сроки рассмотрения за 1936 г.: до 10 дней—8%, до 30 дней — 29%, больше одного месяца — 12,9%. Примерно такое же положение остается и в первом квартале 1937 г. Отдел жалоб состоит из двух работников. Мне установлено в отделе жалоб 3 человека. Я думаю, что на первое число отдел жалоб будет полностью укомплектован. Характер жалоб: первое место занимают жилищные жалобы, они нас буквально засыпают, потом алиментные, возвращение хозяйств и усадеб. Это — основной контингент. Что мы делаем, чтобы проявить оперативность при рассмотрении жалобы? 1) практикуем посылку на места представителей областной прокуратуры; 2) связь по телефону с районными прокурорами, посылаем телеграммы, вызываем в Одессу и 3) командируем ответственных представителей на места по линии ведомств. В последнее время было заслушано несколько докладов ответственных товарищей области для того, чтобы поднять ответственность по линии ведомств. Мы передали дело в суд о работниках облпрофсовета, виновных в волоките.

В нашем аппарате безобразно обстоит дело с Кировской прокуратурой. Я понимаю, что жалоба нуждается во внимательном рассмотрении со всех сторон, но дело в том, что нужно поднять ответственность ведомств к рассмотрению жалоб. Скажем, вопрос неправильного увольнения; здесь мы не имеем точных указаний о разграничении наших обязанностей по отношению к ведомственным отделам жалоб.

Вышинский. У нас было постановление всесоюзного совещания при т. Акулове о пределах полномочий районных прокуроров по рассмотрению жалоб. Я посоветую обратиться к этим материалам, там вы найдете интересующий вас ответ.

МОЛДАВСКАЯ АССР (пом. прокурора Молдавской республики т. Колодин)

У нас бюро жалоб не организовано. Жалобы принимает непосредственно прокурор республики или же его заместитель. Все жалобы, которые поступают в центральный аппарат прокуратуры и направляются орготделом, берутся на особый контроль. Карточки заполняются в двух экземплярах, одна остается в контрольном отделе, вторая заполненная карточка передается на исполнение одному из помощников прокурора.

В 1936 г. поступило в центральный аппарат прокуратуры 1267 жалоб; из них 377 удовлетворено, отказано по 580 жалобам, направлено другим организациям 310 жалоб. По областным и районным прокуратурам поступило 8969 жалоб, удовлетворено 3176, отказано по 5547 жалобам и направлено другим организациям 246 жалоб. Характер жалоб: алиментные дела — 2150, нарушение сельхозустава — 2700, красноармейские — 88. В первом квартале 1937 г. поступило в центральный аппарат всего 575 жалоб, по районам 2768. По сравнению с 1936 г. мы имеем в первом квартале увеличение поступления жалоб на 27%. Прохождение жалоб: за 1937 г. до 10 дней рассмотрено 79%, свыше 10 дней 10%, до одного месяца 17%, свыше одного месяца 13%. Жалобы, которые рассматриваются до одного и свыше одного месяца, относятся исключительно к алиментным делам. Это объясняется тем, что многие жалобы, в особенности о взыскании на содержание детей, связаны с розыском в других областях и с необходимостью переписки.

Прокуратура занималась проверкой прохождения и рассмотрения жалоб районными прокурорами, а также государственными учреждениями. Например, нами были проверены в Котовском районе сроки прохождения жалоб и правильность их разрешения.

Вышинский. Мы считаем, что в Молдавской прокуратуре в постановке учета и контроля дело обстоит лучше, чем в целом ряде других прокуратур. Дела по жалобам у вас ведутся, как правило, довольно прилично и в силу этого специальных замечаний у меня к вам нет. Нужно пожелать, чтобы Молдавская прокуратура проявляла большую настойчивость в доведении до конца борьбы с разного рода беззакониями, раскрываемыми в результате проверки прохождения жалоб. Вы должны иметь в виду, что возбуждение уголовного преследования и недоведение его до конца действуют отрицательным образом на самих работников прокуратуры. Или не привлекайте к ответственности или, если привлекаете, то доводите дело до конца. Если не умеете сами справиться, обращайтесь в Украинскую прокуратуру или в Прокуратуру Союза. На полдороге в борьбе не нужно останавливаться.

ССР ГРУЗИИ (зам. прокурора ССР Грузии т. Меликадзе)

Поступающие к нам жалобы мы распределяем по отделам. С исполнением у нас неблагополучно. Мы к организации контроля приступили немного поздно. Контроль у нас налажен неважно, потому что карточки завели недавно. Бываем на предприятиях, но очень мало.

Вышинский. Скажите, какое количество жалоб приходится на одного работника?

Меликадзе. У нас все жалобы разрешает один человек — начальник отдела жалоб. Дела в порядке надзора мы поручаем отделу общего надзора, так как в отделе жалоб прокурора нет. Начальником отдела жалоб состоит старший помощник прокурора республики,

он сам рассматривает жалобы и ему одному очень трудно.

Вышинский. Надо дать ему помощника.

Меликадзе. Дадим помощника обязательно.

Вышинский. Волокита большая?

Меликадзе. У нас волокита имеется. Мы приняли кое-какие меры, но недостаточные. Мы устраиваем совещание с представителями редакций.

Вышинский. Это очень хорошо.

Меликадзе. У нас имеется пять районов, в редакцию поступило из этих районов 19 жалоб, 13 мы разрешили. Мы привлекаем к этой работе местные организации, группы содействия.

Вышинский. Как у вас со сроками исполнения жалоб?

Меликадзе. Некоторые жалобы рассматриваем в 5—10 дней, иногда один месяц, а есть и по три месяца. Большинство жалоб рассматриваем по жилищным делам, эти жалобы идут в 10 дней.

Вышинский. Есть какие-нибудь вопросы?

Меликадзе. Я хочу, чтобы в ваш аппарат вызвали нашего сотрудника в отдел жалоб, я хочу прислать, чтобы он подучился.

Вышинский. Хорошо, вызовем. Привет.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРОКУРОРА СССР т. ВЫШИНСКОГО

Товарищи, можно подвести итоги нашего совещания. Мы охватили сегодняшним совещанием 14 прокуратур. Вы все слышали сообщения с мест и вы, конечно, обратили внимание на то, что по этим сообщениям выходит, будто бы дело с жалобами обстоит не так плохо. Выходит так, что громадное большинство жалоб рассматривается в срок до 1 месяца, выходит так, что особенно вопиющих случаев волокиты не наблюдается.

Вообще надо сказать, — если судить по сообщениям с мест, — что в отношении жалоб дело у нас обстоит более или менее благополучно. Но в действительности это, к сожалению, не так. Я уже называл отдельным товарищам ряд случаев, когда можно поражаться исключительно бездушным отношением к отдельным жалобам и возмутительной волокитой по рассмотрению этих жалоб, наблюдаемым в разных местах. Но я приводил 1—2 примера на область или край. В действительности можно было бы привести таких примеров гораздо больше, таких примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Первый вывод, который нужно сделать из сегодняшнего совещания, — что краевые и областные прокуроры представляют себе положение работы с жалобами гораздо лучше, чем есть в действительности, что они заражены оптимизмом, который никогда не бывает полезен в работе.

И первое, что нужно сделать, это познать действительное положение вещей и не прикрашивать эту действительность, помнить, что те сведения, которые в статистическом выражении говорят иногда об удовлетворительном положении дел, в действительности являются гораздо худшими, говорят иное, чем хочется тем, кто оперирует этими цифрами.

Нельзя отрицать трудностей в работе с жалобами, но если бы была правильно организована работа с жалобами, то с этими трудностями можно было бы справиться лучше, чем мы справляемся. Нельзя считать нормальным положение, когда при 4 работниках; при поступлении 180 жалоб в день, жалобы переходят на другой день. С таким положением вещей мириться нельзя. А между тем, такое положение вещей наблюдается не только в Азово-Черноморском крае, как говорил т. Зайцев, но и в целом ряде других краев и областей.

Выводы. Необходимо подумать о правильности организации разбора жалоб, об обязательном рассмотрении жалоб быстро и вдумчиво. Жалобы, своевременно не рассмотренные, теряют свой смысл. Поэтому наше основное требование так работать с жалобами, с такой быстротой, которая соответствовала бы своевременному рассмотрению жалоб. Эта быстрота в рассмотрении жалоб и выполнение соответствующих требований закона в рассмотрении жалоб по существу дела должны играть огромную роль.

В некоторых местах из-за незначительного состава штатных единиц нет возможности выделить самостоятельный отдел жалоб. В некоторых местах отдел жалоб соединяется с другим отделом, и рассмотрение жалоб тонет в работе другого отдела. С этим приходится мириться, но необходимо в качестве корректива создать одну должность помощника прокурора, специально организующего и контролирующего работу с жалобами по другим отделам. Пренебрежение к технике организации, пренебрежение к задаче контроля и общего руководства работой по жалобам повлечет за собой отставание в работе и отрицательные явления, которыми так богата, к сожалению, наша прокурорская практика.

Необходимо продумать и немедленно правильно организовать работу с жалобами. Я уже не говорю о том недопустимом положении, когда краевые прокуроры принимают жалобщиков как исключение. Ведь в некоторых местах только за последнее время краевые и областные прокуроры начинают принимать жалобщиков. Это ненормальное положение. Краевой прокурор должен быть в гуще жалобщиков, он должен следить за движением жалоб, он должен изучать жалобы. К сожалению, наши товарищи и до сих пор не понимают, какое громадное значение имеет работа с жалобами для организации всей работы прокуратуры в целом. Жалобы сплошь и рядом отражают очень большие вопросы, жалобы наталкивают на необходимость постановки громаднейших вопросов нашей оперативной и практической работы. Жалоба всегда даст громадный материал для правильного понимания и ориентировки не только в вопросах, непосредственно касающихся органов прокуратуры, но и в ряде вопросов, имеющих общеполитический или общегосударственный характер.

Жалоба часто ставит наряду с конкретным вопросом, затрагивающим интересы жалобщика, вопрос, имеющий общегосударственное значение. В этом смысле работа с жалобами обогащает нас громадным опытом, пренебрегать которым никак нельзя. Вот почему работа с жалобами должна занять должное место во всей работе прокуратуры.

Нужно покончить с отношением к жалобе, как к чему-то второстепенному. Жалоба неотделима от человека, а интересы человека

неотделимы в нашей стране от интересов социалистического государства.

Заканчивая совещание, я от имени Прокуратуры обращаюсь ко всем краевым, областным прокурорам, прокурорам союзных и автономных республик с категорическим требованием обратить внимание на положение с жалобами, принять самые энергичные меры к тому, чтобы работа с жалобами была поставлена на надлежащую высоту и заняла в общей работе прокуратуры то место, которое принадлежит ей по самому значению и характеру вопросов, постоянно затрагиваемых в многочисленных жалобах населения.

Надо двинуть это дело вперед в интересах нашего социалистического отечества, в интересах успешного развития нового социалистического общества.

Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах

Уголовное законодательство фашистской Италии

(Очерк второй)

1.

Ни введение в действие обоих итальянских кодексов уже чисто фашистского типа — уголовного и уголовно-процессуального — ни упразднение судов с присяжными заседателями и замена их судами с асессорами-заседателями, этими безличными и покорными проводниками требований правительства (вроде сословных представителей царских судебных палат), не привели к «нормализации» итальянской фашистской «юстиции», как мы пытались доказать в нашем предыдущем очерке, посвященном итальянскому фашистскому исключительному законодательству.

Попрежнему, несмотря на введение кодексов и создание судов с асессорами, сохранен для противников режима и в первую очередь для коммунистов чрезвычайный (особый) трибунал для охраны государства, срок действия которого недавно продлен на третье пятилетие. «Заслуги» этого трибунала, учрежденного «временно», но благодаря «продлениям» ставшего постоянным, настолько высоко ценятся фашистским правительством, что первым продуктом «цивилизации», который подвергся экспорту из Италии в Абиссинию, был именно указанный трибунал, сразу пожавший, как видно из газет, исключительно богатую жатву.

Никаким изменениям не подвергся после введения обоих кодексов — уголовного и уголовно-процессуального — и кодекс полиции безопасности, если не считать редакционных поправок, внесенных в него в порядке согласования с вновь изданным уголовным кодексом (напомним, что издание кодекса полиции безопасности опередило введение в действие уголовного кодекса почти на целых пять лет). Роль и состав полиции безопасности очерчены нами в предыдущем очерке; с введением уголовно-процессуального кодекса 1930 г. роль полиции безопасности еще значительно возросла, поскольку центральным моментом ведения уголовного дела, предрешающим его дальнейшую судьбу, стали «действия, предшествующие предварительному следствию» (ст.ст. 219—230, а также ст.ст. 231—234 фашистского уголовно-процессуального кодекса).

Уголовный кодекс фашистской Италии, на характеристике которого мы остановимся в настоящем очерке, вступивший в действие 1 июля 1931 г., не подвергся за это время существенным изменениям. Можно сказать даже больше: эти изменения носили самый незначительный, второстепенный характер. Из изменений, которым подвергся за это время уголовный кодекс, заслуживают быть названными только те, которые были внесены в него новым законом о суде для несовершеннолетних. Однако эти изменения касались хотя и важной, но специальной области. При этом интересно отметить, что новый закон и разгоревшаяся вокруг него полемика различных школ и течений буржуазного уголовного права еще глубже обнаружили внутреннюю несогласованность и принципиальную разнородность (эклектизм) уголовного кодекса, на чем мы еще остановимся в дальнейшем.

Чем объяснить, что итальянский фашизм считает возможным сохранить в неизменности уголовный кодекс, несмотря на то что вскоре после своего вступления в действие этот кодекс подвергся резким нападкам как вне, так и в самой Италии? Это объясняется максимальной суровостью кодекса, его доведенной до предела террористичностью. Это один момент. Другой заключается в том, что кодекс уделяет особое внимание разработке того раздела его особенной части, который посвящен политическим преступлениям (раздел 1-й «О преступлениях против личности государства», пять глав, ст.ст. 241—313). Этот раздел представляет подлинный «кодекс в кодексе» в миниатюре и вызывает восторги у германского фашистского правоведа Георга Дамма в его работе, посвященной сравнительной характеристике германского и итальянского фашистского уголовного законодательства. Точно так же правоверный итальянский фашистский юрист Корзо Бовио в своем труде «Преступления и преступники по новому уголовному кодексу» с пафосом восклицает, отмечая самую крупную с его точки зрения заслугу кодекса: «Раньше наиболее серьезными казались преступления против личности отдельного человека, Рокко и его кодекс сделали наиболее

серьезными преступлениями против личности государства». Каучуковые параграфы раздела первого книги второй «О преступлениях против личности государства» дают возможность расправиться с малейшими оттенками антифашистского мышления или антифашистской деятельности, и не удивительно, что фашистское правительство не находит необходимым издание каких бы то ни было новелл в области материального уголовного законодательства. Эта часть «кодекса в кодексе» учла также опыт мировой войны с точки зрения интересов фашизма и знает такие составы преступлений, как «политическое пораженчество» (ст. 265), как «антинациональная активность за границей» (ст. 269), получившие широкое применение во время абиссинской агрессии.

Жесткая репрессивность кодекса, с одной стороны, разработанность в нем отдела о политических преступлениях, с другой, в желательном для фашизма направлении привели к тому, что не появилось сколько-нибудь значительных законодательных новелл, изменяющих или дополняющих кодекс. Зато в эти пять — шесть лет выросла значительная юридическая литература, посвященная уголовному законодательству итальянского фашизма. Мы имеем в виду как итальянские, так и внеитальянские источники. Внутренняя несогласованность фашистского уголовного кодекса, его эклектизм и полная беспринципность (на чем мы остановимся дальше) выявились с такой отчетливостью, что даже фашистские правоведы не могут замолчать этих сторон кодекса и невольно дают весьма интересный материал для его критики.

Выросла за это время и значительная кассационная практика, причем решения кассационного суда систематически печатаются в целом ряде журналов.

Однако большим теоретическим авторитетом кассационный суд, повидимому, не пользуется: это можно заключить из того, что, не считая многотомного курса по уголовному праву В. Манцини, чрезвычайно редко можно найти не только в монографиях, но даже в комментированных изданиях кодексов ссылки на руководящие определения кассационного суда.

Кроме того, необходимо отметить два обстоятельства: 1) уходит от кассационных толкований весь раздел уголовного кодекса, говорящий о политических преступлениях (дела о политических преступлениях подсудны исключительному суду — чрезвычайному трибуналу для охраны государства и, кроме того, вообще не подлежат кассационному обжалованию, эти дела, отметим кстати, ускользают также от статистики), и 2) разъяснения по вопросу о мерах безопасности, даже применяемых в «судебном» порядке (мы видели, что ряд мер безопасности применяется полицией), как правило, даются не кассационным судом, а только делегированным советником этого суда единолично (хотя и публикуются наравне с определениями кассационного суда).

Однако анализ определений кассационного суда за истекшие пять—шесть лет с момента вступления в действие уголовного кодекса вывел бы нас далеко за рамки настоящего очерка. Если эти определения и представляют более широкий интерес, то скорее не сами по себе, а тем, что изложенные в них фактические обстоятельства дел позволяют составить себе некоторое представление о практике фашистских судов, включая кассационный суд, о характере проходящих через них дел, о выносимых наказаниях — почти единственный источник, из которого можно почерпнуть сведения о фашистской судебной хронике (за исключением, как мы видели, политических дел).

2.

На основании королевского декрета от 14 сентября 1919 г. Мортар (министр правительства Нитти) организовал медико-юридическую комиссию, на которую была возложена задача изыскать более «действительные и надежные» средства борьбы против «привычной преступности» и в этой части предложить реформу уголовного законодательства. Как отмечает В. Манцини, эта комиссия, в которой председательствовал Э. Ферри, превысила свои полномочия и занялась коренной реформой уголовного кодекса. Эта комиссия приняла в 1921 г., то есть за год до прихода фашизма к власти в Италии, составленный Э. Ферри проект, известный под именем «уголовного кодекса без вины и наказания».

Была составлена, впрочем, только общая часть проекта уголовного кодекса (особенная часть так и не увидела света), но силы закона не получила. Итальянский фашизм подверг кодекс Ферри резкой критике, хотя не подлежит сомнению, что идеи антропологической и позитивной школы и самый проект Ферри оказали сильнейшее влияние на фашистский уголовный кодекс. В. Манцини, представитель наиболее безыдейной из всех школ буржуазно-уголовного права, но именно той, которой принадлежит авторство уголовного кодекса 1930 г. («технико-юридической» школы, сводящей науку права целиком к голой догматике и отвергающей какую бы то ни было связь уголовного права с философией), называет проект Ферри эклектическим, бессмысленным, ставящим «на место традиционных институтов уголовного права абсурдную и безнравственную попытку уподобить активность нормальных людей активности умалишенных». Мы сейчас не можем заняться критикой проекта Ферри, но не подлежит сомнению, что установки своей школы Ферри проводил в проекте довольно последовательно.

Этот проект целиком строился на принципе «социальной опасности» и «легальной ответственности», решительно отходя от установок классической школы с ее понятием «моральной вины» и «наказания-возмездия».

Однако фашистский законодатель не мог отказаться от понятий «моральной вины» и «наказания-возмездия», так как эти понятия были теснейшим образом связаны с «религиозно-нравственными началами, которые входили неизбежной составной частью в идеологию фашизма и нужны были ему для обмана и эксплоатации масс.

Фашистская концепция «государства-лица» (особенно в том виде, как она развита у Д. Джентилле) насквозь проникнута этими «этико-религиозными началами». От элементов «морального осуждения» фашизму не позволила бы отказаться и католическая реакция, с которой фашизм заигрывал с самого своего прихода к власти и с которой в конце концов вступил в теснейший союз.

Однако не хотелось фашизму отказываться и от столь удобного по своей неопределенности понятия «опасного состояния» и от «мер социальной защиты», понятий, перебрасывающих мост между уголовным кодексом и кодексом полиции безопасности, позволяющих наиболее тесно координировать деятельность судебно-прокурорских и полицейских органов. Замечательно, что идеалистический актуализм Джентилле сходился с «позитивизмом» Э. Ферри в признании ответственными за свои поступки решительно всех, хотя и исходил из диаметрально противоположных предпосылок.

В силу указанных соображений итальянский фашизм в своем уголовном законодательстве, а в частности в уголовном кодексе вступил на путь эклектизма: он сохранил как принцип «моральной вины», так и принцип «социальной опасности».

Хотя комиссия Э. Ферри продолжала работать и после прихода фашизма к власти, хотя Ферри, переметнувшийся в лагерь фашистов, убеждал правительство в пригодности своего проекта для целей фашизма и в его достоинствах, но проекту Ферри по указанным выше основаниям не суждено было стать законом; Э. Ферри оставалось утешаться мыслью, что фашистский уголовный кодекс многое воспринял из его проекта и во всяком случае из взглядов и установок его школы.

Фашистский уголовный кодекс был издан в порядке особых полномочий, которые были предоставлены фашистскому правительству законодательными органами. Внося в законодательные палаты 13 января 1925 г. соответствующий закон, министр юстиции того времени Альфредо Рокко, ставший во главе работ по составлению новых кодексов (их стали впоследствии кратко называть «кодексами Рокко»), не представляя себе в то время в полном объеме характера предстоящей реформы, ибо испрашивал и получил в конце концов законом от 24 декабря 1925 г. право только на «изменение в уголовном кодексе положений, касающихся системы наказаний, последствий уголовного осуждения и приведения его в исполнение, обстоятельств, исключающих или уменьшающих ответственность, рецидива и уголовной давности, и положений, касающихся отдельных преступлений и наказаний за них, чтобы привести эти положения в соответствие с новыми требованиями экономической и социальной жизни, а также исправить статьи кодекса, которые возбуждают традиционные споры или по тем или другим основаниям представляются по форме несовершенными». Рокко во внесенном законопроекте старался, таким образом, прежде всего подчеркнуть, что он не собирается итти по стопам комиссии Мортара и проекта Ферри.

Проект фашистского кодекса в силу указанных, полученных фашистским правительством полномочий, не должен был больше проходить законодательные палаты для того, чтобы стать законом. Только специальная смешанная комиссия — палаты депутатов и сената — имела право дать свое заключение после соответствующего обсуждения.

Первоначальный проект уголовного кодекса был официально опубликован в августе 1927 г. Первоначальный проект был составлен специальным комитетом под председательством профессора Артуро Рокко, представителем «технико-юридической школы», братом министра юстиции Альфредо Рокко, который назначил как комитет, так и его председателя.

Проект был разослан на заключение судов и университетов (эти заключения напечатаны в томе III «Подготовительных работ по уголовному и уголовно-процессуальному кодексу») и передан на рассмотрение министерской комиссии под председательством сенатора Аппиани, которая составила к нему объяснительную записку [1]. Окончательный проект был опубликован в ноябре 1929 г. и снабжен обширной объяснительной запиской от имени Альфредо Рокко [2].

Окончательный проект был передан на рассмотрение парламентской комиссии (протоколы парламентской комиссии опубликованы в двух томах), подвергся ряду изменений, утвержден 19 октября 1930 г. одновременно с уголовно-процессуальным кодексом и вступил в действие с 1 июня 1931 г.

3.

Отвергнув проект Ферри 1921 г., фашистский уголовный кодекс стал, таким образом, на путь теоретического эклектизма, сохранив «моральную вину» классических буржуазных кодексов и вместе с тем введя принцип «опасного состояния».

Несмотря на то, что кодекс Рокко сохранил начало «моральной вины», мы увидим, как резко этот первый кодекс чисто фашистского типа отличается от кодексов, в основу которых положены взгляды классической школы, и в первую очередь от дофашистского итальянского уголовного кодекса 1889 г. (кодекс Цанарделли).

Беспринципность фашистского уголовного кодекса, его теоретическое убожество, его эклектизм настолько бросаются в глаза, что кодекс подвергается довольно резкой критике даже со стороны некоторых фашистских правоведов, не доводящих, конечно, этой критики до конца и во всяком случае замалчивающих, что целям фашистской террористической практики этот кодекс с его крайней, не знающей границ репрессивностью служит достаточно хорошо. Прежде всего, является ли фашистский уголовный кодекс таким же кодексом, какими были кодексы, построенные на идеях классической школы, пытавшиеся в согласии с либерально-демократическими воззрениями поднимающейся буржуазии создать «правовую определенность» и ограничить усмотрение судьи? На этот вопрос дает отрицательный ответ фашистский сенатор Мариано Амелио в своей статье «Сумерки кодексов». Амелио видит «сумерки кодексов» в том, что фашистский законодатель вводит понятие

[1] Объяснительная записка и протоколы комиссии составили содержание IV тома «подготовительных работ», который в свою очередь состоит из четырех полутомов; интересно отметить, что объяснительную записку к уголовно-процессуальному кодексу в его первоначальном проекте 1929 г. составил Альфредо Рокко единолично.

[2] Объяснительная записка и самый окончательный текст проекта уголовного кодекса напечатаны в V томе «Подготовительных работ», состоящем из трех полутомов.

«социальной опасности», а это понятие стирает значение твердых составов преступлений (а иногда и составов как таковых) и создает, кроме того, систему абсолютно неопределенных в своем максимальном размере санкций. Мариано Амелио пишет: «Из противостоящих издавна друг другу представителей двух правовых течений (имеется в виду классическая школа, с одной стороны, антрополого-социологическая, с другой. — А. Б.) чистые юристы выдвинули новый мотив для беспокойства, указывая, что победа антропологии и криминальной психологии означала бы конец уголовной юриспруденции». Подтачивается, по мнению Амелио, одна из колонн, поддерживающая строение уголовного права, а именно положение: «нет преступления, нет наказания без закона», и является опасение, что может пошатнуться все идеальное здание, воплощенное в кодексах. Здесь Амелио имеет в виду стремление германского фашизма широко допустить применение уголовных законов по аналогии.

Это одна сторона вопроса. Существует еще другая, которой Амелио не затрагивает: составы преступлений в фашистском уголовном кодексе так растяжимы (это особенно относится к разделу «О преступлениях против личности государства»), ряд основных положений общей части страдает такой неопределенностью, судейскому усмотрению предоставлены столь широкие рамки, что, несмотря на наличие в фашистском кодексе 734 статей (против 498 кодекса Цанарделли 1889 г.), несмотря на многословие и «страсть к регламентации», «сумерки кодексов» в отношении к фашистскому уголовному кодексу приобретают гораздо более зловещий характер, чем это показано у Амелио.

В сумерках, как известно, очертания предметов становятся неясными, и наряду с закатом кодекса возникает то «второе, невидимое уголовное право, построенное целиком на понятии опасности», о котором, как мы упоминали в первом очерке, говорит Гунар Дибвад, право полицейское. Другими словами, закат кодекса тесно связан с огромной ролью, которую фашистский законодатель уделил кодексу полиции безопасности и самой полиции безопасности. Объединяют оба кодекса понятие «социальной опасности», к анализу которого мы и перейдем.

4.

Так как кодекс не удовлетворяет ни представителей классической школы и сохранившихся ее разновидностей, ни представителей антрополого-позитивной школы различных оттенков, то не трудно у каждого из конкурирующих течений найти подчас весьма меткие аргументы для критики фашистского уголовного кодекса, для вскрытия его внутренней противоречивости.

Прежде всего остановимся на понятии «социальной опасности» и на мерах «социальной защиты», которые вводит кодекс. Амелио утверждает, что с введением этого понятия наступают «сумерки кодексов». В самом деле «меры безопасности» носят полицейский характер (что не отрицают, впрочем, сами составители фашистского уголовного кодекса): для применения мер безопасности либо вовсе не требуется, чтобы человек совершил преступление (таковы все меры безопасности, которые предусмотрены полицейским кодексом), либо не требуется, чтобы он совершил наказуемое деяние, либо совершенное преступление рассматривается только как «симптом опасности».

Видели или не видели представители антрополого-социологической школы, что практическое применение их взглядов ведет к «сумеркам кодексов», то есть, проще говоря, к полицейскому произволу, потому что именно полиция широко будет пользоваться своим правом признавать человека, не совершившего преступления, но ей неугодного, социально-опасным (как это прямо разрешает ей VI раздел фашистского кодекса полиции безопасности, озаглавленный: «Положения, касающиеся лиц, опасных для общества»)? Они не могли этого не видеть, но меры безопасности применяемые полицией, обходили стыдливым молчанием. В отношении мер безопасности, применяемых судами, они делали вид, что противопоставляют при установлении «социальной опасности» судейскому произволу два обстоятельства: 1) якобы «научную» классификацию преступников, позволяющую выбрать соответствующую «меру социальной защиты», и 2) медико-судебную экспертизу, которая бы в конкретном случае разрешала вопрос о принадлежности правонарушителя к той или иной категории и в порядке «индивидуализации санкции» высказывала бы свое заключение о необходимой «мере социальной защиты». Пошел ли по этому последнему пути фашистский уголовный кодекс? Не пошел.

Замена репрессии полицейской расправой, использование понятия «опасности» как предлога для борьбы с неугодными для фашизма лицами, смычка с полицией и кодексом полиции безопасности проведены в фашистском уголовном кодексе с гораздо большей откровенностью, чем в соответствующих работах Ломброзо, Горофалло и Ферри.

Прежде всего фашистский уголовно-процессуальный кодекс рассеял все иллюзии о роли «научной» экспертизы при определении «опасности», прямо запретив такую экспертизу. Затем фашистский уголовный кодекс подчинил установление «опасности» целой системе презумпций (то есть предположений, установленных в самом законе), как бы предостерегая от возможности вступления на скользкий путь изучения «личности» преступника.

Ряд несообразностей кодекса отмечают многие буржуазные криминалисты. Наказание, по воззрениям классической школы, в этой части воспринятым фашистским уголовным кодексом, неизбежно следует за преступлением. Сначала должно быть отбыто наказание, затем применяются меры социальной защиты.

Никакого взаимоотношения между наказанием и мерам безопасности, никакой координации между ними, никакого зачета между наказанием и мерами безопасности уголовный кодекс ни при каких условиях не допускает. В результате получается ряд вопиющих «несообразностей». Согласно ст. 109 фашистского уголовного кодекса объявление преступником привычным или профессиональным может последовать во всякое время, не только после вынесения приговора, но и после отбытия наказания. Если данное лицо признано преступником привычным или профессиональным, то к нему в обязательном порядке применяются

меры безопасности, связанные с лишением свободы. При этом ст. 109 уголовного кодекса содержит любопытную оговорку: если признание преступником привычным или профессиональным последовало после приговора, то не принимается в расчет последующее поведение осужденного. Таким образом человек может быть признан преступником привычным или профессиональным как раз в тот момент, когда своим поведением он докажет, пользуясь терминологией «позитивистов», отсутствие в нем «социальной опасности». Между тем, по ст. 133 того же уголовного кодекса, которая одинаково относится и к вопросу о выборе наказания и к вопросу о признании наличия или отсутствия «социальной опасности», в числе условий, которые суд должен принимать во внимание как при определении наказания, так наличия или отсутствия «социальной опасности», указано и «поведение преступника после совершения преступления».

Эта внутренняя несогласованность фашистского уголовного кодекса носит органический характер и вытекает из его эклектизма. Она может быть прослежена и на других примерах.

Возьмем лиц с «уменьшенной вменяемостью», которые по фашистскому уголовному кодексу подлежат и наказанию (пониженному) и мерам безопасности. И вот по ст. 148 этого кодекса, если такое лицо заболеет психически во время отбывания наказания, то оно помещается в лечебное учреждение (судебный маникомий, или дом охраны и лечения), но время, проведенное там, не засчитывается в срок наказания и данное лицо немедленно по выздоровлении попадает обратно в тюрьму. По этому поводу Ансельмо Кризафулли в своей работе «Карательная юстиция нового кодекса» пишет: «По отбытии наказания такое лицо снова будет помещено в дом охраны и лечения, чтобы отбыть меру безопасности. Это столкновение наказания и меры безопасности являются заколдованным кругом. Абсурдно создавать психически-неполноценному карусель из тюрьмы, где ухудшается его болезнь, и из психиатрической клиники или дома лечения и охраны, где он подвергается лечению, чтобы затем снова бросить его в тюрьму, где он утрачивает благоприятные последствия, приобретенные в доме лечения. Субъект или способен испытать наказание или нуждается в лечении, но наказание и лечение исключают одно другое, и трудно постигнуть возможность лечения после применения наказания, которое сделало более бесплодным и трудным задачу социального приспособления такого осужденного».

Еще пример. Сначала отбывается наказание, а затем мера безопасности. А если болезнь такова, что данное лицо не может быть помещено в тюрьму, что оно предварительно нуждается в лечении? Ст. 220 допускает в этом случае предварительное помещение «психически-неполноценного» в дом лечения и охраны, но как только он выздоровеет, он должен немедленно приступить к отбыванию наказания. Тот же Ансельмо Кризофулли замечает: «Сначала в доме лечения и охраны данному лицу отмеривают точные дозы целебного мышьяка, чтобы затем тюрьму превратить в чашу с цикутой» (цикута, как известно, яд, который заставили принять приговоренного к смерти Сократа).

Еще пример «несообразности». Признанный невменяемым в силу душевной болезни помещается в судебный маникомий (судебную психиатрическую больницу) на определенный твердый срок в зависимости от тяжести совершенного преступления (по наиболее тяжким преступлениям этот срок определяется в 10 лет). Если помещенный в судебный маникомий выздоровеет раньше этого срока, он продолжает оставаться в судебном маникомии, несмотря на свое выздоровление. Однако это не все. В той же статье говорится: «В случае, если лицо, помещенное в судебный маникомий, должно отбыть наказание, связанное с лишением свободы, отбывание этого наказания откладывается до того момента, пока продолжается необходимость пребывания в судебном маникомии». По этому поводу Э. Альтавилла пишет: «И подумать, что многие из этих душевнобольных имеют ясное понимание того, что они — заключенные и жестоко страдают от лишения свободы, часто по окончании болезни совершенно меняются, не сохраняя даже памяти о совершенном преступлении, вполне приспособленные к социальной жизни... Эти несчастные... для торжества юридической концепции должны отбывать удвоенный, утроенный срок заключения, могут умереть полные отчаяния в тюрьме, тогда как... могли бы вернуться к общественной жизни выздоровевшими и приспособленными».

Это — не случайные «несообразности» и противоречия, а такие, которые с полной неизбежностью вытекают из того, что кодекс не в состоянии связать исключающие друг друга принципы: «моральной вины», влекущей за собою наказание-возмездие, и «социальной опасности», влекущей за собою «меры социальной защиты».

5.

Другое противоречие, которое также бросается в глаза, сводится к тому, что объем кодекса обратно пропорционален создаваемой им «правовой определенности».

Кодекс, с одной стороны, как будто хочет все предусмотреть, кодекс входит в мельчайшие детали. Германский фашистский правовед Георг Дамм, который является сторонником «волевой теории» уголовного права и широкого применения аналогии, говорит о «законодательной страсти» итальянского фашизма и иллюстрирует эту «страсть» анализом отдельных положений фашистского уголовного кодекса. С другой стороны, создаются каучуковые параграфы, одно и то же деяние легко оказывается нарушающим несколько родственных статей кодекса, «один и тот же факт учитывается четыре или пять раз вытекающим отсюда постоянным удлинением лишения свободы», широкое усмотрение предоставляется судье при выборе наказания, меры же безопасности вообще могут стать совершенно неопределенными в их максимальном сроке.

По сравнению с дофашистским уголовным кодексом 1889 г., фашистский уголовный кодекс является по объему кодексом-гигантом: он содержит 734 статьи, из коих на общую часть приходится 240 статей, тогда как дофашистский уголовный кодекс содержал 498 статей, из коих 103 приходилось на общую часть.

Фашистский уголовный кодекс распадается на три книги: 1) общая часть, 2) о преступлениях и 3) о проступках.

Общая часть в свою очередь делится на 8 разделов: 1) об уголовном законе, 2) о наказании, 3) о преступлении, 4) о правонарушителе и лице, потерпевшем от преступления, 5) об изменении, определении и приведении в исполнение наказания, 6) о погашении преступления и наказания, 7) о гражданских санкциях и 8) об административных мерах безопасности.

Книга вторая и третья образуют особенную часть кодекса.

Книга вторая говорит о преступлениях (в отличие от проступков) и распадается на 12 разделов: 1) преступления против «личности государства», 2) против административной власти (преступления должностных лиц и преступления частных лиц против государственного аппарата), 3) против отправления правосудия, 4) против религиозного чувства и чувства почтительности к мертвым, 5) против общественного порядка, 6) против общественной безопасности, 7) против общественного доверия, 8) против народного хозяйства, промышленности и торговли, 9) против общественной нравственности и добрых нравов, 10) против целостности и здоровья рода, 11) против личности и 12) против имущества.

Книга третья состоит из двух разделов: 1) полицейские нарушения и 2) нарушения, касающиеся общественной деятельности административной власти.

6.

Пределы действия фашистского уголовного кодекса как во времени, так и в пространстве имеют свои неизбежные особенности. Меры безопасности — и это не отрицают многие фашистские правоведы — ничем не отличаются от наказания. А между тем, в отношении мер безопасности фашистский уголовный кодекс устанавливает следующее правило в ст. 200: «Меры безопасности регулируются законом, действующим во время приведения их в исполнение. Если закон того времени, когда должна была быть назначена мера безопасности, отличен от последнего, то применяется закон момента приведения меры безопасности в исполнение.

Меры безопасности применяются также к иностранцам, находящимся на территории государства. Тем не менее, применение мер безопасности к иностранцу не препятствует высылке его с территории государства, согласно кодексу полиции безопасности».

Таким образом закон, устанавливающий меры безопасности в случаях, когда они раньше не имели места, или устанавливающий меры безопасности более жесткого характера, имеет обратную силу в полном противоречии с тем, что говорится в ст.ст. 1 и 2 уголовного кодекса, где, по видимости, сохранен буржуазно-демократический принцип: «нет преступления, нет наказания без закона», и общепринятые в буржуазных кодексах правила об обратной силе уголовного закона — под предлогом, что якобы меры безопасности нужно отличать от наказания.

Что касается действия уголовного закона в пространстве, то фашистский законодатель чрезвычайно озабочен прежде всего широчайшим применением выдачи (как активной, так и пассивной) и, кроме того, регулированием вопроса о преступлениях, совершенных за границей.

Ст. 9 дофашистского уголовного кодекса 1889 г. безусловно воспрещала: 1) выдачу иностранца, если речь идет о политическом преступлении или о преступлении, с ним связанном, и 2) выдачу итальянского гражданина иностранному государству. Фашистский кодекс отменил оба эти правила.

В связи с этим разрослась та часть фашистского уголовно-процессуального кодекса, которая регулирует вопрос о выдаче, устанавливая формальную процедуру этой выдачи (нисколько, конечно, не гарантирующую прав и интересов выдаваемого — ср. ст.ст. 661 по 671 уголовно-процессуального кодекса 1930 г.).

Упразднив запрет выдачи по делам о политических преступлениях, установив правило, что «выдача может быть допущена или предложена также в случае совершения преступлений, не предусмотренных в международных конвенциях, если в них нет прямого запрета», фашистский уголовный кодекс устанавливает следующие правила для преступлений, совершенных за границей.

Наказывается по итальянским законам итальянский подданный или иностранец, который совершит за границей одно из следующих преступлений: 1) против «личности государства», 2) подделку государственной печати и пользование подделанной печатью, 3) подделку монет, имеющих законное хождение на территории итальянского государства, или гербовой бумаги, или кредитных билетов, 4) преступления должностных лиц, совершенные на службе итальянского государства путем злоупотребления власти или с нарушением возложенных на них по должности обязанностей, 5) любое другое преступление, в отношении которого специальные постановления закона или международные соглашения устанавливают применение итальянского уголовного закона (ст. 7 уголовного кодекса).

Для других «политических» преступлений, не указанных в ст. 7, устанавливается наказуемость по итальянским законам в случае требования министра юстиции и там, где необходимо, кроме того по частной жалобе потерпевшего. Причем политическое преступление понимается очень широко: «политическим» считается не только всякое преступление, которое нарушает политические интересы итальянского государства или граждан, но и всякое уголовное преступление, определяемое — целиком или в части — политическими мотивами (ст. 8).

Что касается общеуголовных преступлений, то итальянский гражданин, который совершит за границей преступление, за которое итальянский закон устанавливает смертную казнь, или пожизненную каторгу, или исправительный дом на срок не менее 3 лет, наказывается, по итальянским законам, всякий раз, когда он будет обнаружен на территории итальянского государства.

Иностранец который вне случаев, указанных в ст.ст. 7 и 8 уголовного кодекса (в этих статьях перечислены политические преступления), совершит за границей в ущерб итальянскому государству или его гражданину преступление, за которое, по итальянскому за-

кону, полагается смертная казнь, или пожизненная каторга, или исправительный дом на срок не ниже года, наказывается, по итальянским законам, всякий раз, когда будет обнаружен на территории итальянского государства и если последует требование министра юстиции или частная жалоба потерпевшего.

Иностранец, совершивший преступление в ущерб иностранному государству или иностранцу, карается, по итальянским законам, по требованию министра юстиции всякий раз, когда 1) находится на территории итальянского государства, 2) если речь идет о преступлении, за которое итальянский закон устанавливает смертную казнь, или пожизненную каторгу, или исправительный дом на срок не ниже трех лет и 3) если его выдача не была допущена или не была принята правительством того государства, в котором он совершил преступление, или того государства, которому он принадлежит (ст. 10).

Согласно ст. 11 в случае, если преступление совершено на территории итальянского государства, итальянский гражданин или иностранец, хотя бы они судились за это деяние за границей, подлежат суду в Италии.

В случаях, указанных в ст.ст. 7, 8, 9 и 10 уголовного кодекса и изложенных выше, итальянский гражданин или иностранец, хотя бы он за данное деяние судился за границей, подлежит вторичному суду в Италии, если этого потребует министр юстиции (ст. 11).

Иностранный приговор по уголовному делу может получить признание: 1) для установления рецидива или другого уголовного последствия осуждения, или для признания привычности преступления, или его профессиональности, или врожденной склонности к преступлению, 2) если осуждение, по итальянскому закону, повлекло бы за собою дополнительное наказание, 3) если бы, по итальянскому закону, данное лицо, которое находится на территории Италии, в случае его осуждения или оправдания, подлежало бы применению к нему мер безопасности, 4) в отношении ряда гражданско-правовых последствий уголовного приговора. К сказанному нужно добавить широкую возможность заочного слушания дел, которую предоставляют процессуальные законы фашистской Италии.

Таким образом итальянский фашизм пытается распространить свое уголовное законодательство и на преступления, совершенные за границей как итальянскими подданными, так и иностранцами, особо неумолимо преследуя в тех случаях, когда речь идет о политических делах, если итальянский фашизм получает возможность сделать это преследование реальным. Широкие полномочия при этом предоставляются министру юстиции. Совершенно естественна, кроме того, отмена права убежища и полная готовность выдавать политических обвиняемых.

7.

В основу двучленного деления на преступления и проступки положено различие установленных за те и другие наказаний.

За преступления фашистский уголовный кодекс устанавливает следующие основные наказания (в отличие от дополнительных): 1) смертную казнь, 2) пожизненную каторгу, 3) исправительный дом, 4) штраф (который в этом случае носит название «мульта»).

За проступки устанавливаются следующие основные наказания: 1) арест, 2) штраф (который в этом случае носит название «аммен-да»).

Дополнительными наказаниями являются: 1) поражение политических и общественных прав, 2) запрещение заниматься определенной профессией или ремеслом, 3) общее правопоражение в силу закона, 4) потеря способности завещать и ничтожность совершенного перед осуждением завещания, 5) потеря — постоянная или временная — отеческой или супружеской власти.

Меры безопасности, предусмотренные уголовным кодексом, делятся на личные и имущественные.

Личными мерами безопасности являются: 1) связанные с лишением свободы, 2) не связанные с лишением свободы.

Личными мерами безопасности, связанными с лишением свободы, являются: 1) помещение в сельскохозяйственную колонию или работный дом, 2) помещение в дом охраны и лечения, 3) помещение в судебный маникомий (психиатрическая больница), 4) помещение в судебный реформаторий.

Мерами безопасности, не связанными с лишением свободы, являются: 1) надзор, 2) запрещение проживать в одной или нескольких коммунах или в одной или нескольких провинциях, 3) запрещение посещать остерии и публичные места распития алкоголя, 4) высылка иностранцев за пределы итальянского государства.

Имущественными мерами безопасности являются: 1) залог хорошего поведения и 2) конфискация.

Меры безопасности, установленные не в уголовном кодексе, а в кодексе полиции безопасности, сводятся к следующим (и полезно их припомнить и сопоставить с карательной системой фашистского уголовного кодекса): 1) предупреждение, 2) выговор («л'аммониционе») с установлением политического надзора, 3) отправка на родину, 4) высылка иностранцев за границу, 5) ссылка с интернированием.

Корзо Бовио, тупоголовый фашистский правовед, пытающийся доказать «монолитность» нового уголовного кодекса, захлебываясь от восторга, утверждает, что «новый кодекс дает юридическую анатомию преступления и психологическую анатомию преступника». На «психологической анатомии преступника» мы отчасти уже останавливались и еще будем говорить ниже. Коснемся «юридической анатомии» преступления.

Разрыв кодекса с основными принципами буржуазной демократии, отражающий особенности фашизма и его идеологии, находит выражение в построении ряда институтов его общей части.

Характерны постановления кодекса о совокупности преступлений. Два обстоятельства представляют при этом интерес: 1) кодекс вводит принцип увеличения максимума санкций при совокупности преступлений и 2) так называемая идеальная совокупность преступлений приравнивается к реальной. Эти два обстоятельства открывают широкий простор для увеличения и без того, как мы увидим, драконовских наказаний.

При этом в случае совокупности двух преступлений, за которые закон устанавливает пожизненную каторгу, должна применяться смертная казнь. При совокупности преступлений, за одно из которых полагается пожизненная каторга, а за другие — срочное наказание, назначается пожизненная каторга, но с обязательным одиночным заключением на срок не ниже 6 месяцев и не более 4 лет.

8.

Сохраняя понятие «моральной вины» и вменяемости, кодекс различает лиц 1) вменяемых, 2) уменьшенно-вменяемых и 3) невменяемых.

Принцип моральной вины и вменяемости приводит к одному виду классификации преступников, начало «социальной опасности» — к другому виду классификации. Обе классификации между собою не согласованы.

Вменяемые и уменьшенно-вменяемые прежде всего подлежат наказанию по признаку моральной вины в различных ее формах, вменяемые, уменьшенно-вменяемые и невменяемые по признаку опасности могут подлежать также применению мер безопасности.

Вменяемым, по фашистскому кодексу, признается тот, кто обладает способностью «понимать и желать». Невменяемый не может подвергнуться наказанию, если только он не привел себя умышленно в состояние невменяемости с целью совершить преступление или подготовить себе извинение.

Невменяемость или «полное поражение душевных способностей» определяется в ст. 88 следующим образом: «Не является вменяемым, кто во время совершения действия находился вследствие болезни в таком душевном состоянии, что была исключена способность понимать и желать». Под уменьшенной вменяемостью кодекс понимает «частичное поражение душевных способностей», которые ст. 89 формулирует следующим образом: «Кто во время совершения действия находился вследствие болезни в таком душевном состоянии, что была значительно уменьшена, но не исключена способность понимать и желать, отвечает за совершенное преступное деяние, но наказание понижается». Ст. 90 устанавливает, что «состояния эмотивные или состояния страсти не исключают и не уменьшают вменяемости».

Это постановление приводит в восторг Корзо Бовио, который считает, что это постановление «выправит» введенную присяжными практику снисходительного отношения к преступлениям по страсти. Опьянение в такой степени, что оно исключает способность понимать и желать, если оно носит случайный характер или вызвано непредвиденными обстоятельствами (то же самое применимо к действию наркотиков), влечет за собою признание невменяемым. В противном случае оно не влияет на наказуемость, а если носило нарочитый характер с целью совершения преступления или подготовки извиняющего обстоятельства, то вызывает увеличение наказания (и это правило распространяется на действия наркотиков). Привычный пьяница, совершивший преступление в состоянии опьянения, подвергается увеличенному наказанию. Это же правило применимо и к наркоманам. Однако при хроническом отравлении алкоголем или наркотиками может быть признана и полная невменяемость и невменяемость уменьшенная. Невменяемым или уменьшенно-вменяемым может быть признан и глухонемой.

Невменяемыми признаются несовершеннолетние до 14 лет. К ним не может быть применено наказание и их нельзя судить. Однако к ним, как мы увидим ниже, могут применяться меры безопасности. В кодексе не указано, во-вторых, с какого же возраста к детям могут применяться меры безопасности: выходит, что они могут применяться чуть ли не с момента рождения (препятствия для этого могут быть во всяком случае только фактического, а не юридического порядка); во-вторых, так как никакого судебного разбирательства не происходит (независимо от этого установление «опасности» совершенно не носит характера, хотя бы отдаленно напоминающего судебную процедуру), то мера безопасности может быть применена к недостигшему 14 лет, против которого выдвинуто определенное обвинение, хотя бы он не был виноват (именно такой случай описывает Э. Альтавилла: родители, привлекавшиеся вместе с несовершеннолетним, были оправданы, а сам несовершеннолетний подвергся помещению в судебный реформаторий на три года).

Несовершеннолетние от 14 до 18 лет считаются уголовно-ответственными, если суд признает их «действовавшими с разумением», но мера наказания в отношении их подлежит уменьшению.

Таковы постановления кодекса о вменяемости, связанные с принципом «моральной ответственности».

Присмотримся теперь к другому принципу, положенному в основу кодекса, к понятию «социальной опасности». Мы видели уже, что «мораль Моисея» и «метод Галилея» оказались расположенными в кодексе без какой-либо возможности синтеза.

Остановимся на том, какую роль в кодексе играет то, что американский профессор Натаниель Кантор иронически называл «метод Галилея», то есть на начале социальной опасности. Название «метод Галилея» в применении к изучению «опасного состояния» звучит тем более иронически, что фашистский законодатель преградил все пути к реальному изучению «личности преступника» и его «социальной опасности», создав в этом направлении целую систему всевозможных презумпций и, кроме того, изъяв этот вопрос из того порядка рассмотрения, в котором исследуется вопрос о виновности.

Ст. 202 уголовного кодекса гласит: «Меры безопасности могут применяться только к лицам социально-опасным, которые совершили деяние, предусмотренное законом как преступное. Уголовный закон указывает случаи, когда к социально-опасным лицам могут быть применены меры безопасности за деяние, не предусмотренное законом как преступное». Статья эта, долженствующая разграничить применение мер безопасности, предусмотренных уголовным кодексом, от тех, которые предусмотрены кодексом полиции безопасности, провозглашает принцип, который, как мы видим, не выдержан до конца, да и не может быть до конца выдержан, ибо совершение преступления, являясь основанием для применения наказания, носит характер только симптома при разрешении вопроса об опасном состоянии.

Ст. 203 уголовного кодекса гласит: «С точки зрения уголовного закона является социально-опасным лицо, хотя бы невменяемое или не подлежащее наказанию, совершившее одно из деяний, указанных в предыдущей статье, если существует вероятность, что оно совершит новые деяния, предусмотренные законом как преступные. Характер социально-опасной личности выводится из обстоятельств, указанных в ст. 133». Вот первая и основная предпосылка «опасного состояния»: она сводится к требованию предвидеть будущее поведение правонарушителя. Это «предвидение» фашистский законодатель обставляет целой системой презумпций.

Однако прежде, чем остановиться на этой системе презумпций, посмотрим, что гласит ст. 133 уголовного кодекса, на которую сделана ссылка, и что эта ссылка означает.

Ст. 133 выполняет как бы двойную функцию и перебрасывает мост между наказанием и мерами безопасности — и вот почему. Прямое назначение ст. 133 уголовного кодекса — указать суду, какими обстоятельствами он должен руководствоваться, когда осуществляет свое дискреционное право определять наказание в пределах, предоставленных ему законом. В силу же ст. 203 того же кодекса эта же статья должна дать суду ключ к определению «опасного состояния». Таким образом одни и те же обстоятельства, как мы видели и как видим вновь, приобретают решающий характер по нескольку раз и всегда во вред обвиняемому.

Ст. 133 предписывает суду определять наказание в пределах нормальной санкции, руководствуясь 1) тяжестью преступного деяния и 2) способностью виновного совершать преступные деяния.

Тяжесть преступления выводится из характера, рода, средств, предмета, времени, места и других условий совершения преступления; из размеров вреда или опасности для потерпевшего; из напряженности умысла и степени неосторожности. Способность к совершению преступных деяний устанавливается на основании мотивов преступления и характера виновного; криминального и судебного прошлого и вообще предшествующего поведения и жизни виновного; поведения виновного во время и после совершения преступного деяния; условий личной, семейной и социальной жизни виновного.

Мы уже имели случай видеть, в каком бросающемся в глаза несоответствии друг с другом находится все учение о «моральной вине» и об «опасном состоянии», о наказании и о мерах безопасности, на сочетании которых построен фашистский кодекс. Ст. 133 не составляет исключения из этого правила. Она находится в резком противоречии со ст. 109, говорящей о последствиях провозглашения правонарушителя преступником привычным, профессиональным или по склонности.

Общей предпосылкой признания данного лица социально-опасным является предвидение «будущего поведения» правонарушителя, для какового предвидения будто бы у суда имеются какие-либо средства. По существу таких средств нет, и потому фашистский законодатель создает презумпции для установления опасного состояния. Презумпции эти то носят общий характер, то есть применимы ко всем правонарушителям, то носят специальный характер, касаясь только определенной их категории.

Фашистский законодатель и не скрывает, что он вовсе не желает предоставить суду — правильнее, единоличному судье по надзору или делегированному советнику апелляционного или кассационного суда—сомнительную задачу изучать «личность правонарушителя» для выяснения на основе растяжимой ст. 133 уголовного кодекса социальной опасности этого правонарушителя.

В ст. 204 он прямо говорит, что «в случаях прямо указанных, характер социальной опасности презумируется законом».

Э. Альтавилла различает четыре общих презумпции «социальной опасности»: 1) презумпцию существующей опасности (пример — оправдание душевнобольного — ст. 222 уголовного кодекса) — кодекс в самом деле требует чтобы совершивший тяжкое преступление в состоянии душевной болезни обязательно был помещен в судебный маникомий (психиатрическая лечебница) на срок в десять лет, совершивший менее тяжкое преступление—на соответственно меньший срок — помещение в судебный маникомий следует механически, в силу безусловной презумпции, не подлежащей оспариванию, независимо от того, опасен ли в действительности данный душевнобольной, а также может или не может он выздороветь, причем презумпция обнимает не только наличие социальной опасности, но и срок помещения в маникомий; 2) презумпция продолжающейся социальной опасности (например, когда осужденный отбыл ту часть наказания, которая давала бы возможность досрочного освобождения, но он не может быть освобожден, несмотря на хорошее поведение, если после отбытия наказания к нему должна быть применена мера безопасности, связанная с лишением свободы); нелепость этого правила бросается в глаза особенно тогда, когда осужденному приходится отбывать наказание в 15—20—25 лет (при совокупности преступлений исправительный дом может быть назначен на срок до 30 лет); 3) презумпция опасности несуществующей (например, в случае условного осуждения — ст. 163 уголовного кодекса), условное осуждение к взрослым применяется в чрезвычайно узких пределах, с длительным испытательным сроком, в отношении несовершеннолетних применение его несколько расширено новым декретом о суде для несовершеннолетних, изменившим в этой части ст. 163 уголовного кодекса; 4) презумпция опасности прекратившейся (например, окончание испытательного срока при условном осуждении — ст. 176 уголовного кодекса).

Это — презумпции общего характера. Презумпция специального характера действует в отношении лица в случае признания его преступником привычным.

Постановления кодекса о рецидиве служат как бы переходом к постановлениям о преступнике привычном и профессиональном. Для рецидива кодекс устанавливает увеличение наказания (в некоторых случаях оно может быть в полтора раза больше нормального, причем не следует забывать, что и «нормальное» наказание достаточно высоко).

Обратимся к неподлежащей оспариванию презумпции, устанавливающей наличие привычности в преступлении.

В силу ст. 102 «признается привычным преступником тот, кто, будучи осужден к исправительному дому в общей сложности свыше 5 лет за три преступления, не являющиеся неосторожными, одного и того же характера, совершенные в течение 10 лет и независимо одно от другого, подвергнется вновь осуждению за преступление, не являющееся неосторожным, одного и того же характера, совершенное в течение 10 лет следующих за последним из указанных преступлений».

Нужно прочесть в «Трактате по уголовному праву» В. Манцини (который наиболее откровенно выбалтывает «секреты» фашистской законодательной кухни) догматический анализ приведенной только что статьи с цитатами из многочисленных решений кассационного суда, чтобы понять, какой вакханалии произвольных толкований открывают двери эта и другие статьи фашистского уголовного кодекса.

В других случаях признание привычности может быть предоставлено усмотрению суда.

Следующая категория — это преступник профессиональный, для признания которым, кроме признаков, требуемых для привычного преступника, необходимо установить еще, что преступник привычно живет, хотя бы и в части, на средства, добываемые преступными деяниями.

И наконец, последней категорией в этой «классификации» социально-опасных является преступник по склонности (по тенденции, по врожденной склонности). Ст. 108 уголовного кодекса гласит: «Признается преступником по склонности тот, кто, хотя бы он не был рецидивистом, привычным или профессиональным преступником, совершит умышленное преступление против жизни или личной неприкосновенности... и кто сам по себе и с учетом обстоятельств, указанных в части 2 ст. 133 (опять ст. 133, см. выше — А. Б.), обнаружит специальную склонность к преступлению, причина которой заключается в особенно злостном характере виновного».

Раз существует такая статья — щедрая дань антропологической школе, — статья догматически неясная и фактически нереальная (ибо нет преступников по врожденной склонности), то должны быть лица, которых суд под эту статью пожелает подвести. Но часто даже кассационный суд не может скрыть своего затруднения при определении того, насколько «правильно» суд подвел данное лицо под понятие «преступника по врожденной склонности»; время от времени кассационный суд вынужден неохотно, но все же отменять приговоры в части признания данного лица преступником по склонности (ср., например, решение от 9 ноября 1934 г.)[1].

В ст. 109 далее указано, что «кроме увеличения наказания, установленного для рецидива, и специальных последствий, указанных в других постановлениях закона, признание преступником привычным или профессиональным или преступником по склонности влечет за собою применение мер безопасности».

В отношении мер безопасности, применяемых к любому правонарушителю, который будет признан «опасным», действует следующее правило: согласно ст. 205 уголовного кодекса меры безопасности могут быть назначены судом как в обвинительном, так и в оправдательном приговоре, но они могут быть назначены и впоследствии, а именно 1) в случае обвинительного приговора во время отбывания наказания или в период уклонения осужденного от отбывания наказания, 2) в случае оправдательного приговора, когда опасное состояние лица презумируется законом и не прошел период времени, отвечающий минимальной продолжительности соответствующей меры безопасности, и 3) во всякое время в случаях, указанных в законе.

В кого метят меры безопасности? На первый взгляд может показаться, что носителями опасного состояния являются только профессиональные преступники, дефективные и душевнобольные. Это не так. Что касается мер безопасности, которые устанавливает полицейский кодекс, то мы уже знаем из первого нашего очерка, что наиболее суровые меры безопасности — ссылка с интернированием на островах «смерти и безумия» — касаются почти исключительно политических. Меры безопасности, предусмотренные уголовным кодексом, метят прежде всего в широчайшие слои населения, борются с малейшим оттенком антифашистских настроений, и только во вторую очередь направлены против профессиональных преступников и душевнобольных.

Фашистское законодательство и в частности уголовный кодекс требуют внимательной расшифровки для того, чтобы открыть истинное намерение законодателя, так как последний — и в кодексе полиции безопасности, и в уголовном кодексе, и в уголовно-процессуальном, и в тюремном уставе — старается не проводить грани между преступниками политическими и уголовными.

Отметим еще некоторые особенности мер безопасности.

Меры безопасности, как правило, отбываются после отбытия наказания, причем наказание в этом случае должно быть отбыто целиком (презумпция продолжающейся опасности). Никакого зачета между наказанием и мерами безопасности не допускается, они считаются величинами несравнимыми, хотя трудно провести грань между мерами безопасности, связанными с лишением свободы, и наказанием. Для мер безопасности установлен определенный минимальный срок, но не установлено максимального, — последний зависит всецело от усмотрения судьи по надзору. Меры безопасности, не связанные с лишением свободы, легко перерастают в меры безопасности, связанные с лишением свободы, — стоит только выдвинуть обвинение в нарушении некоторых предписаний.

Устанавливая систему презумпций в целом ряде случаев при определении наличия или отсутствия социальной опасности, фашистский уголовный кодекс пытается, например, дать арифметическое выражение сравнительной степени социальной опасности преступника привычного, профессионального и по склонности: оказывается, что преступник по склонности

[1] Суд вывел «склонность к преступлению» из «неизменности мотивов преступления». К сожалению, журнал «Ривиста ди диритто пенитенциарио» № 6 1935 г. приводит решение кассационного суда в извлечении — мы не узнаем (как в других случаях) фактических обстоятельств дела, а между тем это представляло бы большой интерес.

вно в два раза опаснее преступника привычного, ибо для него минимальный срок заключения в работный дом или сельскохозяйственную колонию в два раза больше (посредине между ними стоит преступник профессиональный — опаснее преступника привычного, но менее опасный преступника по склонности, ср. ст. 217 уголовного кодекса). Вообще «цифровой» стороне фашистского уголовного кодекса можно было бы посвятить специальную статью, причем эти цифры были бы отнюдь не «немыми».

Система карательных учреждений итальянского фашизма — материал для самостоятельного исследования. Здесь мы должны ограничиться только некоторыми замечаниями.

Цитированный нами профессор Натаниель Кантор говорит: «Новая итальянская тюремная программа вызывает серьезные возражения с точки зрения отсутствия в ней ясности. Лежащие в основе ее принципы являются и психологически, и логически нездоровыми. Необходимо иметь в виду, что сначала отбывается наказание, а затем меры безопасности. Если не формально, то по существу правонарушитель отбывает двойное наказание: срок тюремного заключения и срок превентивного заключения. Сначала правонарушитель наказывается, подвергается моральному «очищению» и возмездию, получает номер вместо имени, должен искупить преступление, причем наказание одновременно выполняет и свою устрашающую функцию. Затем, после долгого срока заключения, который делает его социально-непригодным и который создает настроение мстительности и озлобления, правонарушитель переводится в превентивные учреждения, где он должен быть «социально-приспособлен» к жизни».

Беспринципность кодекса вызывает множественность карательных учреждений, произвол и случайность в применении карательных мер, в распределении заключенных между указанными учреждениями, полную неопределенность, тяготеющую над судьбой заключенного.

Признавая одновременно и «моральную вину» и «социальную опасность», кодекс приводит к тому, что перед судом ставятся как бы две задачи (Э. Альтавилла говорит о двойной активности суда) и разрешение этих задач идет часто совершенно различными путями.

Суд должен установить, во-первых, наличие «моральной вины» и выбрать наказание, пропорциональное этой вине, и, во-вторых, решить вопрос о «социальной опасности» и «о мерах социальной защиты».

Эти два вопроса отрываются один от другого даже в порядке процессуальной процедуры.

Как разрешает суд первую задачу, об этом картинно говорит Э. Ферри (а ему ли не знать работы буржуазного суда!): «В наше время подсудимый на суде является только живым манекеном, к которому судья прикрепляет номер статьи уголовного уложения...». Наказание постигает подсудимого «в тот быстротечный момент, когда он, скорее как тень, чем как живой человек, прошел перед волшебным фонарем так называемого уголовного правосудия».

Не лучше обстоит дело с установлением «опасного состояния». Это установление совершается в упрощенном порядке, чаще всего единоличным судьей по надзору, этим рупором полиции безопасности, причем ни о каком исследовании «личности» правонарушителя не может быть и речи.

9.

Присмотримся теперь к роли, которую играет в фашистском уголовном кодексе наказание — устрашение-возмездие.

Прежде всего кодекс вводит в систему нормальных наказаний смертную казнь, которая устанавливается в 26 статьях, в большинстве как абсолютно определенная санкция.

Дофашистский уголовный кодекс 1889 г. не знал вовсе смертной казни. Смертная казнь была отменена в Италии в течение 27 лет. 25 ноября 1926 г. исключительным законом об охране государства смертная казнь была введена фашистским правительством. Она была введена якобы временно, как якобы временно тем же исключительным законом был учрежден чрезвычайный трибунал для охраны государства. На время действия этого трибунала создавались подсудные ему составы преступления, причем в шести случаях санкцией являлась смертная казнь. Фашистский уголовный кодекс превратил смертную казнь уже не во временную меру, а в постоянную и установил ее не в 6, а в 26 статьях.

Из них 21 статья приходится на раздел I книги 2-й преступлений против «личности государства» (преступления, предусмотренные этим разделом, подсудны чрезвычайному трибуналу по охране государства, компетенция которого была, одновременно с продлением его полномочий, значительно расширена). 4 статьи приходятся на раздел VI преступлений против общественной безопасности. Наконец, из общеуголовных преступлений смертная казнь установлена в целом ряде случаев квалифицированного убийства.

Мы уже отмечали, что в случае совокупности преступлений, каждое из которых карается пожизненной каторгой, должна быть назначена смертная казнь.

Пожизненная каторга — «эргастоло» — предусматривается в 14 статьях фашистского уголовного кодекса (вместо 4 дофашистского). При совокупности преступлений, из которых каждое наказывается не менее 24 лет исправительного дома, назначается пожизненная каторга. При совокупности преступлений, из которых за одно полагается пожизненная каторга, а за другое — срочное лишение свободы, дополнительно назначается одиночное заключение на срок от 6 месяцев до 4 лет. Пожизненная каторга отбывается в тюрьмах Портолонгоне на острове Эльбе (для преступников привычных, профессиональных и по склонности) и Сан-Стефано, на небольшом острове близ Неаполя (для остальных).

Что собой представляют фактически эти тюрьмы, об этом мы скажем в следующем очерке.

Вторым видом лишения свободы, по новому кодексу, является исправительный дом («реклюзионе»). Режим в этих домах, как мы увидим в следующем очерке, приближается к каторжному.

Исправительный дом, согласно ст. 23 уголовного кодекса, назначается от 15 дней до 24 лет, с обязательным трудом и изоляцией на ночь. При совокупности преступлений исправительный дом может быть назначен до 30 лет.

Усиливая наказание по сравнению с дофашистским кодексом там, где речь идет об исправительном доме, фашистский уголовный кодекс, кроме того, устанавливает в большинстве случаев санкцию с указанием на обязательный — часто довольно высокий — минимум. Назначая в исправительный дом, суд, кроме того, имеет право в целом ряде случаев присоединять штраф, хотя бы статья особенной части такого штрафа не предусматривала. Однако статьи особенной части сплошь и рядом наряду с исправительным домом содержат и штраф.

Штраф при «преступлениях» может быть назначен от 50 лир до 50 тыс. лир. Судье в некоторых случаях предоставляется право увеличить этот максимум в три раза. При совокупности преступлений штраф может быть увеличен до 150 тыс. лир, а в случаях, где суду предоставлено переступать максимум, штраф может доходить до 400 тыс. лир. При невозможности уплаты штраф заменяется исправительным домом из расчета один день за 50 лир, но не свыше 3 лет за преступления.

За проступки лишение свободы назначается в виде ареста (от 5 дней до 3 лет, при совокупности до 6 лет). При проступках штраф назначается в размере от 20 до 10 тыс. лир (в некоторых случаях суд имеет право повысить высший предел втрое; при совокупности проступков штраф доходит до 30 и 80 тыс. лир).

При проступках невозможность уплаты штрафа влечет замену штрафа арестом из расчета один день за 50 лир.

К основным наказаниям присоединяются «дополнительные».

Присуждение к сколько-нибудь серьезному наказанию связано с обязательным правопоражением. Осуждение к каторге или к исправительному дому на срок свыше 5 лет соединяется с пожизненным правопоражением.

10.

Фашизм — явление позднего, разлагающегося капитализма, проявление неспособности последнего управлять старыми испытанными методами парламентаризма и демократии.

Фашизм — открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала.

Фашистский уголовный кодекс — яркий показатель кризиса и бессилия буржуазной правовой мысли, с одной стороны, свирепой, оголтелой террористической репрессивности, с другой.

Прав Д. Джерманетто, когда в брошюре, посвященной бойцам итальянской коммунистической партии — Грамши и Террачини, — он восклицает: «Почва горит под ногами итальянского фашизма!» Об этом кричат кровавые поля Испании, позорное поражение итальянских фашистов под Гвадалахаррой.

Даже в фашистской Италии почти никто больше не отзывается восторженно об уголовном кодексе, как это еще имело место при его появлении (если не считать таких новоявленных «правоведов» как Корзо Бовио). Никто больше не может замолчать глубокой беспринципности кодекса и его жестокости.

Политическое лицо кодекса раскрывается еще ярче при изучении его особенной части, которой будет посвящен следующий очерк.

Антикоммунистические законы в Греции[1]

Новая греческая конституция была обнародована 2 июня 1927 г. Хотя конституция 1927 г., как и надлежит буржуазно-демократической конституции, содержит в себе главу о «публичных правах эллинов», перечисляющую всевозможные гражданские свободы, и хотя у власти с 1928 г. стояло республиканско-демократическое правительство Венизелоса, однако ни то, ни другое нисколько не помешало изданию закона 24 июля 1929 г. «Об охране социального строя и защите свобод гражданина», закона, заставившего коммунистическую партию перейти в подполье и сопровождавшегося преследованием унитарных профсоюзов.

Ст. 1 закона предусматривала наказание тюремным заключением на срок не менее шести месяцев с последующей высылкой на срок до двух лет того, кто «распространяет идеи, явно преследующие цель низвержения силою существующего социального режима или отторжения части государственной территории, или агитирует в пользу проведения их в жизнь». Тем же наказаниям, согласно части 2 той же статьи, подвергается тот, кто, пользуясь забастовкой или локаутом, вызывает беспорядки или локауты.

Закон определяет чрезвычайно широкий круг лиц, ответственных за распространение идей, преследующих цель социальной революции, если эти идеи нашли себе выражение в произведении печати. Сюда, помимо автора и редактора, относятся и директор или издатель печатного органа и лица, сознательно взявшиеся за распространение произведения, и, наконец, типограф в случае неизвестности, кто был издателем. Все эти лица могут быть лишены права заниматься их профессией.

Между тем, что следует разуметь под произведением, содержащим в себе идеи, направленные на низвержение существующего социального режима?

Ясно, что под это растяжимое понятие легко могут быть подведены не только пропагандистские и агитационные сочинения, но и все сочинения, посвященные изложению и обоснованию идей научного социализма.

Преследуется не только пропаганда революционных идей. Наказанию, по ст. 3 закона,

[1] Материалом для настоящей статьи послужили бывшие в нашем распоряжении тексты трех греческих законов и докладных записок, опубликованных при двух из них. Для изложения и освещения тех политических условий, при которых были изданы законы, использованы статьи в «Коммунистическом интернационале»: А. Петков, Вооруженная борьба в лагере греческой буржуазии и компартии Греции (1935 г. № 15), Захариади и Никис, Борьба и успехи народного фронта в Греции (1936 г. № 5—6), Никис, Классовые бои в Греции (1936 г. № 11—12), вступительная статья О. Эбеля к конституции Греции в сборнике «Конституции буржуазных стран», т. II, 1936 г. и корреспонденции в газетах «Правда» и «Известия» для характеристики положения заключенных в концлагери — материалы МОПР.

подвергается и тот, кто сознательно явится на собрание, созванное для «применения» (очевидно, в форме изложения или обсуждения) таких идей.

Само собой разумеется, что всякого рода организации, в деятельности которых будет усмотрена цель ниспровержения существующего социального режима, подлежат закрытию.

Ст.ст. 5 и 6 содержат в себе специальные постановления о государственных служащих вообще, об учителях и военнослужащих. Лица последних двух категорий отрешаются от службы не только в случае осуждения за пропаганду коммунистических идей, но и в случае распространения принципов, задевающих идею отечества или национальные символы.

6 марта 1933 г. венизелисты потерпели поражение на выборах. Власть оказалась в руках народной партии Цалдариса, представлявшей интересы монархически настроенных кругов землевладельцев и домовладельцев, и национал-радикальной партии Кондилиса, за которым стояла греческая военщина. К этому блоку примкнула и часть представителей финансового и промышленного капитала.

К началу сентября 1934 г. стала вполне реальной и близкой опасность установления военно-фашистской диктатуры. Опасность эта угрожала с двух сторон — как со стороны монархистов, так и со стороны республиканцев-венизелистов. Не рассчитывая на возвращение к власти легальным путем, венизелисты не отказались от участия в попытке фашистского переворота, имевшей место 1 марта 1935 г.

Венизелисты выступили под лозунгами: защита республики от правительства, подготовляющего монархическую реставрацию, за политические свободы, попираемые правительством, против монархо-фашизма. Чтобы понять, почему эти лозунги не соблазнили широкие народные массы, надо иметь в виду, что настоящее политическое лицо венизелистов уже было выявлено опытом прошлого. Венизелисты и цалдаристы отличались друг от друга лишь тем, что первые представляли одну часть финансового капитала, вторые — другую часть того же финансового капитала и большинство помещичьих и монархических элементов. Если бы военный переворот, затеянный венизелистами, удался, то это означало бы немедленное установление открытой фашистской диктатуры. Правительство Цалдариса тоже стояло за фашистскую программу мероприятий, но предпочитало постепенное осуществление ее одновременно с подготовкой реставрации монархии. При этих условиях понятно, что единый фронт рабочих и крестьян ставил себе задачей борьбу с венизелистами так же, как и с правительством. Компартия и унитарные профсоюзы еще до путча венизелистов призывали массы к борьбе под лозунгами: против фашистских мероприятий правительства, против военно-фашистского переворота, подготовлявшегося Венизелосом и его кликой.

Путч не удался венизелистам. Правительство одержало победу. После победы оно оставило в силе военное положение, введенное на другой же день после восстания, и самовольно внесло изменения в конституцию. Были преданы военному суду революционные рабочие, запрещены революционные издания, в то время как венизелисты снова получили возможность выступать печатно. В этом сказалось то, что правительство питало гораздо большую вражду к рабочим массам и их революционным руководителям, чем к венизелистам, борьба с которыми лишь отражала противоречия внутри лагеря буржуазии.

Чтобы легализовать изменения конституции, правительство назначило выборы в учредительное собрание на 26 мая 1935 г.

Между тем, противоречия до крайности обострились и внутри самого правительства. Введенный в состав правительства во время борьбы с восстанием генерал Метаксас, имевший связи с германскими фашистскими деятелями, добивался установления диктатуры такой же, как в Германии. Когда его предложения не были приняты, он вышел в отставку, после чего стал развивать еще более энергичную деятельность в пользу установления диктатуры его и возглавляемых им «монархистов». Ему удалось вызвать раскол среди народной партии Цалдариса: тридцать депутатов этой партии выразили недоверие политике Цалдариса и примкнули к Метаксасу.

Однако Метаксаса опередил другой представитель греческого фашизма, упомянутый уже глава национал-радикальной партии Кондилис, державший во внешней политике курс на Италию. Совершив в октябре 1935 г. государственный переворот, он провозгласил восстановление монархии, себя объявил регентом и установил военно-фашистскую диктатуру. Восстановление монархии повлекло за собою и восстановление монархической конституции 1911 г.

Кондилис ошибся в расчете. Возвращенный в Грецию из Англии король Георг, обязанный своим призванием закулисным влияниям лондонского Сити и Форейн Оффиса (министерства иностранных дел), оказался сторонником ориентации на Англию. Эта ориентация заставила его устранить Кондилиса и искать примирения с венизелистами. В 1936 г. был издан акт об амнистии, которым были помилованы участники мартовского венизелистского путча. Амнистия не распространилась на заключенных в тюрьме и сосланных антифашистов. С той же целью примирения с венизелистами были проведены парламентские выборы, причем лица, судившиеся по антикоммунистическому закону, не могли принять в них участие как лишенные избирательных прав.

Выборы, дав большинство венизелистам, примирившимся теперь с монархией, не дали, однако, желательного для монархии примирения отдельных буржуазных партий, что создало чрезвычайные затруднения при образовании правительства. После полуторамесячного кризиса было сформировано в середине марта 1936 г. «чиновничье» правительство, в котором единственной политической фигурой был вновь вошедший в состав правительства генерал Метаксас, все более подчинявший короля своему влиянию.

Народному фронту, несмотря на обрушившийся на него террор, удалось провести в парламент 15 депутатов и собрать на 20% больше голосов, чем в 1933 г. Это было успехом, но успехом недостаточным, соответствовавшим недостаточной ширине антифашистского фронта. Преодолев некоторое сопротивление в своей среде, коммунистическая партия взяла курс на образование такого фронта всех антифашистских партий и группировок, который

действительно заслуживал бы название всенародного: в него должны были войти даже левые элементы венизелистской партии. Однако поставленная цель не была достигнута в полной мере, так как инициатива коммунистической партии не встретила поддержки со стороны вождей ряда тех организаций, которые должны были войти в народный фронт.

Еще до созыва парламента работа по расширению антифашистского фронта была возобновлена при энергичном участии только что выбранных депутатов.

С начала 1936 г. в Греции стало быстро разрастаться стачечное движение. Волна его особенно высоко поднялась в начале мая 1936 года. Стачки, возникшие 8 и 9 мая и сопутствовавшие им демонстрации, сопровождались столкновениями с полицией, при которых были убиты десятки и ранены сотни человек.

Оба профсоюзные объединения (унитарное и реформистское) назначили на 13 мая 24-часовую всеобщую забастовку протеста. Успех забастовки был полным. В ней приняли участие до полумиллиона человек. Она способствовала сближению унитарной и реформистской конфедераций, расширению и упрочению единого фронта, с которым теперь крепко связалось даже большинство либеральной партии.

С другой стороны, майские события привели к дальнейшему расколу буржуазно-помещечьего лагеря. Теперь в монархистском лагере стали все больше брать верх крайние элементы, связанные с фашистскими заговорщиками из военной лиги.

Подводя итоги майским событиям, ЦК греческой компартии констатировал: «Убийца Метаксас, — представитель самых террористических буржуазных кругов короля и фашистской военщины, — ускоряет проведение в жизнь своих мероприятий для подготовки военно-монархической фашистской диктатуры. Опасность серьезна и велика, ее угроза уже нависла над трудящимися».

Этот диагноз политического положения был как нельзя более верен. Когда кампания за освобождение из тюрем арестованных активистов народного фронта и против декрета Метаксаса о принудительном арбитраже при возникновении трудовых конфликтов привела к всеобщей забастовке греческих рабочих, объявленной в ночь на 5 августа, правительство Метаксаса с согласия короля объявило во всей стране военное положение и распустило парламент без назначения нового срока выборов. Парламентский режим уступил место режиму открытой фашистской террористической диктатуры, воплощенной в лице премьер-министра и военного министра Метаксаса.

Королевским декретом, подписанным уже 4 августа 1936 г., было объявлено о приостановлении действия ст.ст. 5, 6, 10, 11, 14, 20 и 95 конституции.

Изданию декрета сопутствовало опубликование докладной записки главы правительства Метаксаса, который относил предстоявшую забастовку целиком на счет «происков» коммунистов. «Коммунизм, — говорилось в объяснительной записке, — воспользовавшись политической анархией, плодом неисцелимого недуга споров между многочисленными неорганизованными политическими партиями, а также бешеной демагогической и разлагающей кампанией огромной части прессы, поверил, что настал момент свержения социального режима и разложения греческого общества».

Как всегда бывает в подобных случаях во всех капиталистических странах, введение исключительного положения и отмена политических гарантий для граждан мотивировались соображениями гуманности, желанием предупредить «большое кровопролитие».

Отмена ст.ст. 5, 6, 10, 11, 12, 14, 20 и 95 конституции 1911 г. означает что с 4 августа 1936 г. отменены: 1) запрет за исключением случаев захвата на месте преступления, ареста и заключения в тюрьбу без судебного мандата и требование судебной проверки в определенный срок основательности ареста на месте преступления; 2) ограничение срока заключения по делам о политических преступлениях тремя месяцами и допущение освобождения лица, арестованного по обвинению в политическом преступлении, по представлении им залога, размер которого определяется судом; 3) свобода собраний; 4) свобода союзов, для образования которых конституцией не требуется разрешения правительства и которые, по конституции, могут быть распускаемы только по судебному решению; 5) неприкосновенность жилища, исключающая производство обысков иначе, как в формах, установленных законом; 6) свобода печати и запрещение цензуры; требование судебного контроля конфискации произведений печати в тех случаях, когда она допускается; 7) гарантия тайны переписки; 8) подсудность политических преступлений и преступлений печати, поскольку они не затрагивают частной жизни, суду присяжных.

15 сентября был опубликован новый закон «о мерах по борьбе с коммунизмом и с его последствиями».

Закон этот, отменяющий закон 24 июля 1929 г., в основном повторяет его положения, давая тем самым подтверждение, что диктатура республиканцев-венизелистов уже подготовляла правовое оформление для диктаторского режима Метаксаса, заслоняющего собою фигуру короля, которого он превратил в проводника уже не английского, а германского влияния.

Если ст. 1 закона 1929 г. предусматривала распространение идей, преследующих цель низвержения существующего социального строя или отторжения части государственной территории, то ст. 1 нового закона присоединяет к этому еще и цель наделения автономией части греческой территории.

Если закон 1929 г. предусматривал коротко: «Подвергается тем же наказаниям (каким подвергаются распространители вышеуказанных идей) тот, кто, воспользовавшись забастовкой или локаутом, вызывает беспорядки или столкновения», то закон 15 сентября 1936 г., расширяя состав преступления, постановляет: «Наказываются тюремным заключением не менее 3 месяцев и высылкой от 6 месяцев до 2 лет в место, назначенное решением суда, все те, которые для достижения вышеуказанных целей вызывают объявления локаутов или подстрекают рабочих к объявлению забастовки и после этого объявления советуют прекратившим работу рабочим или кому-либо другому совершение нелегальных актов или толкают, или вызывают их на совершение таких актов».

Как и закон 1929 г., новый закон предусматривает ответственность, наряду с автором

печатного произведения, содержащего в себе состав преступления, также редактора, директора или издателя печатного органа, в котором произведение напечатано, распространителей его, а если издатель неизвестен, то и содержателя типографии. Но помимо этого новый закон содержит в себе следующее постановление: «Издатели и продавцы в книжных магазинах, владельцы книг и других печатных произведений, содержание которых явно противоречит целям настоящего закона, как относящееся к теориям, идеям и системам, о которых гласит ст. 1 настоящего закона, обязуются в 20-дневный срок со дня опубликования настоящего закона доставить и сдать эти печатные произведения полицейским властям, о чем на месте сдачи составляется протокол».

Другие статьи нового закона 1936 г. также развивают, дополняют, детализируют постановление закона 1929 г. Самое же существенное в новом законе заключается в том, что в то время, как закон 1929 г. говорил просто о высылке, новый закон добавляет: «Место концентрации высылаемых судебными решениями или комиссиями безопасности, как и способов их охраны и их использования, будут определены компетентным для этого министром общественной безопасности в специальном министерском распоряжении».

Другими словами, новым законом предусмотрено заключение административно-высланных в концентрационных лагерях. Фактически, впрочем, такие лагери существовали и раньше.

Немалый интерес представляет докладная записка, при которой проект закона был представлен королю на подпись. Характеризуя коммунизм, как некое чудище «озорно» и «обло», от которого все беды пошли и которое добивается «упразднения всех моральных, национальных и религиозных принципов, аннулирования личности, индивидуальной свободы человека и так далее», записка ссылается на пример «тех стран, где коммунистическая опасность была как следует оценена» и где «были приняты надлежащие законодательные меры для ожесточенной борьбы с коммунизмом».

Записка, называя распространение коммунизма «социальной эпидемией, которая заразила в гораздо большем масштабе другие общества», с сожалением констатирует, что коммунизм, «несмотря на вполне естественный отпор, который он должен был встретить в греческой психологии, все же оказал свое влияние и на греческое общество и в частности в некоторых районах и отраслях до такой степени, которую трудно даже себе представить».

Далее следует жалоба на «агентов иностранной пропаганды»: «Им удалось привлечь к себе большое число легкомысленных греков, среди коих много недоучившихся людей, подкупить совесть других путем находящихся в их распоряжении обильных иностранных материальных средств и местных денег и заразить коммунистическим микробом большую часть рабочего класса».

Особую угрозу морального и политического разложения общества записка видит в том, что участники коммунистических организаций высказываются за «автономию территорий, завоевание которых стоило больших национальных жертв».

Из всего этого вывод: «При таком положении вещей правительство решило предотвратить трагические последствия коммунистической наглости, чему примером служит испанская трагедия». Оказывается, не фашистские интервенты, а коммунисты виноваты в той действительно потрясающей трагедии, которая выпала на долю Испании. Само собою напрашивается из только что приведенной цитаты нужное слово для характеристики той смелости, с какою составители записки возводят клевету на коммунистическую партию, которая в Испании, как и в Греции, хочет сплочения своих сил с силами всех здоровых общественных организаций, готовых бороться против деспотизма, за основы демократии, против «варваризации» этих двух прекрасных стран по методу Гитлера, против превращения их в вассалов гитлеровской Германии.

Если террористические методы Метаксаса обрушились, главным образом, на коммунистов, то все же среди пострадавших от них есть много и некоммунистов, ибо всякий недовольный режимом Метаксаса уже навлекает на себя подозрение в сочувствии коммунистам. По сведениям, сообщенным корреспондентом английской газеты «Манчестер Гардиан» от 30 августа 1936 г., до 1 октября этого же года, на острова были сосланы и там подвергнуты заключению 670 человек и еще гораздо большее число лиц были оставлены в тюрьмах на материке. Среди сосланных — профессор государственного права и председатель лиги защиты прав человека Сволос вместе с его ассистентом, бывшие депутаты в парламенте от аграрной партии Софианопулос и Гавридилис, социал-демократический депутат Ласкарис, полковник Бакирдис, позволивший себе напечатать либеральную статью, и т. д.

Греческие фашисты в жестокости, которую они практикуют в борьбе со своими противниками, конкурируют со своими покровителями в Германии. Вот взятые из материалов МОПР почти без выбора два одновременных сообщения: «13 октября 1936 г. убит в охранке в Пирее после длительного мучения Химек Марукикис, требовали от него сведений о нелегальной типографии «Ризоспастис» (печатный орган коммунистической партии), труп его выбросили на улицу Пирея»; «профессора афинского университета Цацоса, антифашиста, напоили касторкой и в наручниках отправили в ссылку».

Мы не располагаем новейшими сведениями о положении сосланных на острова, но оно не может быть лучше, чем год назад. А вот то, что в феврале—марте прошлого года сообщали сосланные на острова об условиях своего заключения 122 человека, сосланные на остров Сикинос, в воззвании к соотечественникам в Греции и за границей, которое им удалось напечатать в иностранной прессе, сообщали, что они ведут на этом острове жалкое существование: живут в настоящих вертепах, которые даже летом остаются сырыми, им не во что одеваться, они ходят босиком; их пища состоит из полтарелки вареных овощей с водою и в лучшем случае с половиною селедки; многие страдают туберкулезом; между тем, на острове нет ни врачей, ни медикаментов и даже больные не пользуются усиленным питанием. Сосланные на остров Ай-Страти писали: «Мы голы, у нас нет обуви. Для на-

ших больных нет хины. Спасите нас!». В таком же положении сосланные на остров Анафи: «Из 83 лиц нашего коллектива, писали они, 20 больны чахоткой. В каждой камере, рассчитанной на 5 человек, помещается в среднем по 10. Наша одежда вконец износилась. Пища несъедобна. Государство ассигнует на пищу, включая хлеб, не более 8 драхм в сутки на человека. Между тем, 8 драхм стоит одно кило хлеба».

За свою энергичную расправу со всеми противниками его политики Метаксас вместе со всеми приспешниками удостоился похвалы со стороны германского министра пропаганды Геббельса. На приеме немецких и греческих журналистов в сентябре 1936 г. он говорил: «Люди, которые с корнем вырвали большевизм в Греции, заслуживают нашей благодарности и признания. Существует категория людей, в отношении которых нет другого средства заставить их слушаться, как дать им по морде» (перевод совершенно точный.—Н. П.)[1].

Правительство Метаксаса применило тот самый метод для борьбы с недовольством внутри страны, о котором говорил товарищ Литвинов в речи, произнесенной на Чрезвычайном VIII съезде советов 28 ноября 1936 г.: «Если нельзя устранить существующее недовольство и причины, порождающие его, то вполне легко устранить недовольных». Однако метод этот не всегда оказывается действительным. Несмотря на то что мерами, принятыми в силу изложенного декрета Метаксаса, пресса в Греции удушена, недовольство всех слоев населения в Греции режимом Метаксаса, по словам газеты «Морнинг-Пост», принимает такие формы, что оно заметно даже поверхностному наблюдателю.

Н. Полянский

[1] Цит. в «Einheit» 1937. № 3, стр. 21.

СОДЕРЖАНИЕ № 6

Передовая — Пятнадцать лет советской прокуратуры	1
Г. Сегал — Железнодорожная прокуратура в борьбе за социалистический транспорт	7
С. Миронов — Прокуратура водного транспорта в борьбе за социалистическую законность	13
С. Голунский — Пятнадцать лет борьбы за революционную законность	16
С. Березовская — Прошлое и настоящее общего надзора	24
М. Строгович — Прокуратура как орган государственного обвинения	27
В. Тадевосян — О рассмотрении жалоб трудящихся в прокуратуре	32
И. Кристин — Из воспоминаний старого прокурора	35
Л. Шейнин — Гибель Надежды Спиридоновой	38
Н-а — Женщина-прокурор	41
Б. Маньковский — Против антимарксистских теорий в уголовном праве	43
Б. Борисов — Положение на фронтах теории гражданского права	56
В. Лебединский — Общий надзор за законностью	63
Левон — Московская коллегия защитников	67
Обмен опытом	68
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	82
Практика Прокуратуры Союза по общему надзору	89
По союзным республикам	90
Актив прокуратуры	96
Всесоюзное совещание прокуроров ж.-д. транспорта	111
Коренным образом улучшить работу с жалобами	134
Право, процесс и судоустройство в капиталистических странах	142

Ответственный редактор **А. Я. ВЫШИНСКИЙ**

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР — Технический редактор **Н. Журавлев**

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 5/VI 1937 г. — Сдано в производство 9/VI 1937 г.
Подписано к печати 27/VI—1/VII 1937 г. 10 п. л., 25,78 авт. л. т. В одном бум. листе 216000 знаков

Формат 71×105/16 — Ю—4 п.; № 443

Уполном. Главлита Б—20240 — Заказ № 845 — Тираж 20250 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Мал. Дмитровка, 18.

Настоящее положение утверждено президиумом ... сковской городской коллегии защитников 26 марта 19...

Председатель Московской городской коллегии защитников **Александров**

ПОЛОЖЕНИЕ
О КОЛЛЕКТИВЕ АДВОКАТОВ ПРИ МОСКОВСКО ГОРОДСКОЙ КОЛЛЕГИИ ЗАЩИТНИКОВ „ИНЮРКОЛЛЕГИЯ"

1. Для продолжения деятельности ликвидируемого акционерного общества «Кредит-бюро» в Москве при Московской городской коллегии защитников образуется коллектив адвокатов под наименованием «Инюрколлегия».

Коллектив имеет целью:

а) Ведение за границей гражданских дел советских граждан и организаций, а равно проживающих в СССР иностранцев, в частности дел: наследственных, по реализации имуществ, по взысканию с иностранных банков, страховых обществ, транспортных и других организаций по запатентованию изобретений, по регистрации товарных знаков и др.

б) Ведение в СССР гражданских дел иностранных граждан и организаций.

в) Оказание юридической помощи путем наведения всякого рода справок, розыска документов, дачи консультаций и т. п. советским гражданам и организациям, а также проживающим в СССР иностранцам по гражданским делам за границей, а равно иностранным гражданам и организациям по их гражданским делам в СССР.

Примечание. На основе специального соглашения между бывшими акционерами «Кредит-бюро» и «Инюрколлегией» к коллективу адвокатов «Инюрколлегия» переходит весь актив и пассив ликвидируемого акционерного общества «Кредит-бюро» по балансу на 1 апреля 1937 г., а также весь портфель клиентских дел со всеми правами и обязанностями «Кредит-бюро» перед клиентами, иностранными корреспондентами и перед всеми третьими лицами.

2. Для осуществления указанных в п. 1 целей «Инюрколлегия» пользуется правами самостоятельного юридического лица. Она имеет право:

а) Заключать всякого рода сделки и договоры, вступать в заемные, вексельные и всякие другие обязательства, приобретать всякого рода имущество, в том числе недвижимое имущество за границей, управлять, заведывать и распоряжаться всякого рода имуществами, открывать на свое имя счета в банках в советской и иностранной валюте и получать с указанных счетов деньги, совершать всякого рода другие банковские операции, выдавать и получать на свое имя доверенности с правом дальнейшего передоверия.

б) Предъявлять как в СССР, так и за границей иски и отвечать по предъявленным к ней искам, равно как совершать всякие процессуальные действия, в том числе конч... дела миром, заявлять на суде признания и ... казы от прав, подавать кассационные и в... кие другие жалобы и т. п.

в) Принимать непосредственно на себя п... ва и обязанности администратора по насл... ственным имуществам как внутри СССР, ... и за границей, равно как давать поручите... ства и гарантии за администраторов по ... следственным имуществам.

г) Принимать и увольнять служащих, откр... вать в СССР и за границей конторы и пр... ставительства, иметь уполномоченных корр... пондентов и инкассаторов в пределах СС... и за границей.

д) Совершать как на территории СССР, ... и за границей всякие судебные и внесудебн... действия и операции, необходимые для ... ществления указанных в п. 1 целей.

«Инюрколлегия» имеет печать с изображе... ем своего наименования.

3. «Инюрколлегия» отвечает перед третьи... лицами всем принадлежащим ей имуществ...

Члены коллектива никакой личной отв... ственности по обязательствам «Инюрколлеги... перед третьими лицами не несут.

4. Членами коллектива могут быть тол... члены Московской городской коллегии защ... ников.

Члены Московской городской колегии ... щитников, желающие вступить в коллектив, ... дают об этом письменное заявление пред... дателю коллектива, который оформляет ... заявление в установленном порядке.

Каждый член коллектива имеет право вы... ти из состава его, подав об этом письменн... заявление председателю коллектива.

5. Для руководства делами «Инюрколлеги... образуется в установленном порядке бю... «Инюрколлегии» в составе председателя и ... местителя председателя.

На обязанности председателя лежит:

а) Утверждение приходо-расходных смет ... плана работ «Инюрколлегии».

б) Составление годичного отчета, баланса ... счета прибылей и убытков.

в) Распоряжение имуществом коллектива.

г) Прием новых членов коллектива.

д) Установление форм и размера вознагр... ждения членам коллектива.

е) Ведение всех текущих дел «Инюрколл... гии».

Председатель бюро полностью представляет коллектив «Инюрколлегии», без особой на то доверенности, перед всеми ведомствами, учреждениями и лицами и имеет право подписи на всех договорах, денежных документах, распоряжениях, чеках, доверенностях и передоверияx, судебно-состязательных бумагах, корреспонденции и вообще на всех исходящих от «Инюрколлегии» бумагах.

Количество подписей, необходимых для действительности тех или иных документов, устанавливается председателем.

6. Для проверки и утверждения годичного отчета, баланса и счета прибылей и убытков образуется в установленном порядке ревизионная комиссия в составе трех лиц.

7. Все вопросы, касающиеся организации «Инюрколлегии», порядка ее работы, прав и обязанностей членов коллектива и внутренних взаимоотношений в нем определяются утвержденным Наркомюстом СССР типовым уставом коллективов, поскольку иное не вытекает из настоящего положения.

Утверждено секретариатом ССП СССР 4 июня 1937 г в соответствии со ст. ст. 2, 4 и 5 раздела V Устава ССП СССР («Собрание законов СССР,» II отд. 1935 г., № 4 ст. 25).

ПОЛОЖЕНИЕ

ОБ УПРАВЛЕНИИ ПО ОХРАНЕ АВТОРСКИХ ПРАВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

I. Общие положения

1. Управление по охране авторских прав является организацией Союза советских писателей СССР, имеющей задачей обслуживание авторов художественно-литературных, драматических, музыкально-драматических, кино-драматических, эстрадных и иных произведений путем сбора в их пользу причитающегося им авторского гонорара как законом обусловленной зарплаты за публичное исполнение их произведений.

2. Для осуществления указанной в ст. 1 задачи Управление по охране авторских прав:

А) ведет систематический каталог всех публично исполняемых произведений, авторские права на которые охраняются действующим законодательством;

Б) ведет систематическую регистрацию авторов — клиентов Управления;

В) создает на территории Советского союза сеть уполномоченных, являющихся представителями Управления на местах;

Г) с утверждения Правления Союза советских писателей СССР открывает в союзных республиках и крупных театральных центрах республиканские, краевые и областные отделения, действующие на основе положений, утверждаемых Правлением Союза советских писателей СССР;

Д) взимает со всех зрелищных предприятий, культурно-просветительных и иных учреждений и организаций СССР установленные законодательством об авторском праве:

а) авторский гонорар за публичное исполнение произведений советских авторов драматических и музыкальных произведений в пользу авторов этих произведений или их наследников;

б) авторский гонорар за публичное исполнение национализированных произведений в доход государства;

в) установленные постановлением СНК СССР от 28 июля 1934 г. отчисления в литературный фонд СССР в пользу литературного фонда СССР.

Примечание. Взимание отчислений в литературный фонд СССР осуществляется на основании и в порядке заключаемых с правлением литературного фонда СССР договоров;

г) осуществляет руководство и контроль за организационной, оперативной и финансовой деятельностью своих отделений и уполномоченных;

д) открывает в Госбанке СССР и его местных конторах и агентствах текущие счета, простые и специальные;

е) публикует материалы оперативного, инструктивного и отчетного характера, относящиеся к деятельности Управления;

ж) оказывает юридическую помощь авторам по вопросам, вытекающим из публичного исполнения их произведений.

II. Органы управления

3. Высшим руководящим органом Управления по охране авторских прав является Правление Союза советских писателей СССР, выполняющее следующие задачи по руководству Управлением:

а) рассмотрение и утверждение годовых и квартальных планов и смет Управления, а также его годовых и квартальных отчетов;

б) рассмотрение и утверждение структуры и штатов Управления и его местных органов;

в) установление размеров отчислений в пользу Управления с сумм, взимаемых им в

порядке ст. 2 настоящего Положения, на содержание аппарата Управления, его отделений и уполномоченных;

г) рассмотрение и утверждение всех вопросов об организации отделений Управления на местах;

д) рассмотрение представлений Управления об изменении и дополнении законодательства об авторском праве и внесение их в правительственные органы;

е) рассмотрение жалоб на действия Управления.

4. Непосредственное руководство текущей организационной, административной, оперативной и финансовой деятельностью Управления осуществляется директором Управления, действующим на основании настоящего Положения, законоположений по авторскому праву, нотариально выданной Союзом советских писателей доверенности и указаний Правления Союза советских писателей СССР.

В частности, директор Управления выполняет следующие задачи:

а) принимает и увольняет служащих и рабочих Управления, а также управляющих отделениями и уполномоченных Управления на местах.

Примечание. Назначение главного бухгалтера и заместителя директора Управления производится директором Управления с предварительного утверждения выдвигаемых им кандидатур Правлением ССП СССР.

б) распоряжается, в пределах утвержденной приходно-расходной сметы, всеми кредитами и средствами Управления;

в) устанавливает размер вознаграждения уполномоченным Управления за осуществляемую ими работу;

г) рассматривает жалобы на действия отделений и уполномоченных Управления.

5. Директор Управления назначается Правлением Союза советских писателей СССР и подотчетен ему в своей деятельности.

6. Директор Управления несет единоличную ответственность за всю организационную, административную, оперативную и финансовую работу Управления и его отделений и уполномоченных на местах.

III. Ревизия деятельности Управлени

7. Всесторонняя ревизия деятельности Управления и его отделений, наблюдение за правильным хранением и расходованием средств осуществляется ревизионной комиссией Союза советских писателей СССР и НКФ СССР.

8. Ревизионная комиссия производит ревизию Управления не реже одного раза в го с представлением своих заключений Правлению Союза советских писателей СССР.

IV. Средства Управления

9. Средства Управления составляются из:

а) установленных отчислений с сумм, поступающих в Управление в порядке ст. 2 настоящего положения;

б) процентов по текущим счетам;

в) специальных ассигнований правительства и Союза советских писателей СССР.

V. Место нахождения Управления, печать

10. Управление по охране авторских прав ССП СССР находится в г. Москве и распространяет свою деятельность на всю территорию Союза ССР, подчиняя себе все местные республиканские, краевые и областные управления.

11. Управление по охране авторских прав имеет печать со следующей надписью: «Союз советских писателей СССР»—«Управление по охране авторских прав».

ших больных нет хины. Спасите нас!». В таком же положении сосланные на остров Анафи: «Из 83 лиц нашего коллектива, писали они, 20 больны чахоткой. В каждой камере, рассчитанной на 5 человек, помещается в среднем по 10. Наша одежда вконец износилась. Пища несъедобна. Государство ассигнует на пищу, включая хлеб, не более 8 драхм в сутки на человека. Между тем, 8 драхм стоит одно кило хлеба».

За свою энергичную расправу со всеми противниками его политики Метаксас вместе со всеми приспешниками удостоился похвалы со стороны германского министра пропаганды Геббельса. На приеме немецких и греческих журналистов в сентябре 1936 г. он говорил: «Люди, которые с корнем вырвали большевизм в Греции, заслуживают нашей благодарности и признания. Существует категория людей, в отношении которых нет другого средства заставить их слушаться, как дать им по морде» (перевод совершенно точный.—Н. П.)[1].

Правительство Метаксаса применило тот самый метод для борьбы с недовольством внутри страны, о котором говорил товарищ Литвинов в речи, произнесенной на Чрезвычайном VIII съезде советов 28 ноября 1936 г.: «Если нельзя устранить существующее недовольство и причины, порождающие его, то вполне легко устранить недовольных». Однако метод этот не всегда оказывается действительным. Несмотря на то что мерами, принятыми в силу изложенного декрета Метаксаса, пресса в Греции удушена, недовольство всех слоев населения в Греции режимом Метаксаса, по словам газеты «Морнинг-Пост», принимает такие формы, что оно заметно даже поверхностному наблюдателю.

Н. Полянский

[1] Цит. в «Einheit» 1937, № 3, стр. 21.

СОДЕРЖАНИЕ № 6

Передовая — Пятнадцать лет советской прокуратуры 1
Г. Сегал — Железнодорожная прокуратура в борьбе за социалистический транспорт 7
С. Миронов — Прокуратура водного транспорта в борьбе за социалистическую законность 13
С. Голунский — Пятнадцать лет борьбы за революционную законность . . 16
С. Березовская — Прошлое и настоящее общего надзора 24
М. Строгович — Прокуратура как орган государственного обвинения . . . 27
В. Тадевосян — О рассмотрении жалоб трудящихся в прокуратуре 32
И. Кристин — Из воспоминаний старого прокурора 35
Л. Шейнин — Гибель Надежды Спиридоновой 38
Н-а — Женщина-прокурор 41
Б. Маньковский — Против антимарксистских теорий в уголовном праве . . 43
Б. Борисов — Положение на фронтах теории гражданского права 56
В. Лебединский — Общий надзор за законностью 63
Левон — Московская коллегия защитников 67
Обмен опытом 68
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза 82
Практика Прокуратуры Союза по общему надзору 89
По союзным республикам 90
Актив прокуратуры 96
Всесоюзное совещание прокуроров ж.-д. транспорта 111
Коренным образом улучшить работу с жалобами 134
Право, процесс и судоустройство в капиталистических странах 142

Ответственный редактор **А. Я. ВЫШИНСКИЙ**

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР Технический редактор **Н. Журавлев**

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 5/VI 1937 г. Сдано в производство 9/VI 1937 г.
Подписано к печати 27/VI—1/VII 1937 г. 10 п. л., 25,78 авт. лист. В одном бум. листе 216000 знаков

Формат 71×105/16 Ю—4 п.; № 443

Уполном. Главлита Б—20210 Заказ № 845 Тираж 20250 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига»., Москва, Мал. Дмитровка, 18.

Настоящее положение утверждено президиумом Московской городской коллегии защитников 26 марта 1937 г.

Председатель Московской городской коллегии затитников **Александров**

ПОЛОЖЕНИЕ
О КОЛЛЕКТИВЕ АДВОКАТОВ ПРИ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ КОЛЛЕГИИ ЗАЩИТНИКОВ „ИНЮРКОЛЛЕГИЯ“

1. Для продолжения деятельности ликвидируемого акционерного общества «Кредит-бюро» в Москве при Московской городской коллегии защитников образуется коллектив адвокатов под наименованием «Инюрколлегия».

Коллектив имеет целью:

а) Ведение за границей гражданских дел советских граждан и организаций, а равно проживающих в СССР иностранцев, в частности дел: наследственных, по реализации имуществ, по взысканию с иностранных банков, страховых обществ, транспортных и других организаций по запатентованию изобретений, по регистрации товарных знаков и др.

б) Ведение в СССР гражданских дел иностранных граждан и организаций.

в) Оказание юридической помощи путем наведения всякого рода справок, розыска документов, дачи консультаций и т. п. советским гражданам и организациям, а также проживающим в СССР иностранцам по гражданским делам за границей, а равно иностранным гражданам и организациям по их гражданским делам в СССР.

Примечание. На основе специального соглашения между бывшими акционерами «Кредит-бюро» и «Инюрколлегией» к коллективу адвокатов «Инюрколлегия» переходит весь актив и пассив ликвидируемого акционерного общества «Кредит-бюро» по балансу на 1 апреля 1937 г., а также весь портфель клиентских дел со всеми правами и обязанностями «Кредит-бюро» перед клиентами, иностранными корреспондентами и перед всеми третьими лицами.

2. Для осуществления указанных в п. 1 целей «Инюрколлегия» пользуется правами самостоятельного юридического лица. Она имеет право:

а) Заключать всякого рода сделки и договоры, вступать в заемные, вексельные и всякие другие обязательства, приобретать всякого рода имущество, в том числе недвижимое имущество за границей, управлять, заведывать и распоряжаться всякого рода имуществами, открывать на свое имя счета в банках в советской и иностранной валюте и получать с указанных счетов деньги, совершать всякого рода другие банковские операции, выдавать и получать на свое имя доверенности с правом дальнейшего передоверия.

б) Предъявлять как в СССР, так и за границей иски и отвечать по предъявленным к ней искам, равно как совершать всякие процессуальные действия, в том числе кончать дела миром, заявлять на суде признания и отказы от прав, подавать кассационные и всякие другие жалобы и т. п.

в) Принимать непосредственно на себя права и обязанности администратора по наследственным имуществам как внутри СССР, так и за границей, равно как давать поручительства и гарантии за администраторов по наследственным имуществам.

г) Принимать и увольнять служащих, открывать в СССР и за границей конторы и представительства, иметь уполномоченных корреспондентов и инкассаторов в пределах СССР и за границей.

д) Совершать как на территории СССР, так и за границей всякие судебные и внесудебные действия и операции, необходимые для осуществления указанных в п. 1 целей.

«Инюрколлегия» имеет печать с изображением своего наименования.

3. «Инюрколлегия» отвечает перед третьими лицами всем принадлежащим ей имуществом.

Члены коллектива никакой личной ответственности по обязательствам «Инюрколлегии» перед третьими лицами не несут.

4. Членами коллектива могут быть только члены Московской городской коллегии защитников.

Члены Московской городской колегии защитников, желающие вступить в коллектив, подают об этом письменное заявление председателю коллектива, который оформляет это заявление в установленном порядке.

Каждый член коллектива имеет право выйти из состава его, подав об этом письменное заявление председателю коллектива.

5. Для руководства делами «Инюрколлегии» образуется в установленном порядке бюро «Инюрколлегии» в составе председателя и заместителя председателя.

На обязанности председателя лежит:

а) Утверждение приходо-расходных смет и плана работ «Инюрколлегии».

б) Составление годичного отчета, баланса и счета прибылей и убытков.

в) Распоряжение имуществом коллектива.

г) Прием новых членов коллектива.

д) Установление форм и размера вознаграждения членам коллектива.

е) Ведение всех текущих дел «Инюрколлегии».

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 463 (четыреста шестьдесят третьим)

ТОРГОВАЯ БАЗА МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ «СОЮЗПРОДМАГ»,

находящаяся в ведении Московского областного отдела Союзпродмага НКВТ СССР.

На том же основании Московским городским финансовым отделом зарегистрировано в государственном реестре юридических лиц под № 459 (четыреста пятьдесят девятым) **Московское областное отделение Союзпродмага НКВТ СССР,** находящееся в ведении Союзпродмага НКВТ СССР.

24

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрировано в государственном реестре юридических лиц 5 января 1937 г. под № 754 (семьсот пятьдесят четвертым)

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРЕСТА «СОЮЗВЗРЫВПРОМ» (ПЭУСВП),

находящееся в ведении Всесоюзн. государств. треста «Союзвзрывпром».

Адрес: Москва, Б. Черкасский пер., д. 4, тел. К 1-34-74 и К 4-36-14.

25

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 10 декабря 1936 г. под № 722 (семьсот двадцать вторым)

МОСКОВСКАЯ СБЫТОВАЯ КОНТОРА ГЛАВСТАНКОИНСТРУМЕНТА НКТП СССР,

находящаяся в ведении Главстанкоинструмента НКТП СССР.

Адрес: Москва, ул. Кирова, д. 24, тел. К 4-16-49, К 4-56-79.

26

М4729

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 7 января 1937 г. под № 756 (семьсот пятьдесят шестым)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БАЗА МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СНАБЖЕНИЯ ГЛАВМЯСО

Адрес: Москва, Б. Комсомольский пер., д. 6, тел. К 0-24-80, доб. 67, расчетн. счет № 55195 в горуправлении МОК Госбанка.

27

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 14 мая 1937 г. под № 996 (девятьсот девяносто шестым)

КОНТОРА ДОРОЖНЫХ РАБОТ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙОНА г. МОСКВЫ,

находящаяся в ведении президиума Железнодорожного райсовета.

Адрес: Москва, Верхне-Красносельская ул., д. 38/19, тел. Е 3-44-22.

28

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 14 мая 1937 г. под № 995 (девятьсот девяносто пятым)

РАЙОННАЯ РЕМОНТНАЯ КОНТОРА,

находящаяся в ведении жилуправления Ленинградского райсовета г. Москвы.

Адрес конторы: Москва, ул. Горького, д. 104, тел. Д 1-24-43. Таковая контора никаких претензий к бывшей Ремонтной конторе Белорусского подрайжилсоюза со дня сего опубликования на себя не принимает.

29

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

7

1937

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ
ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ИЮЛЬ 1937 г. 7

Редакция:
Москва, Пушкинская, д. 15а

Приговор народа

11 июня с. г. Специальным судебным присутствием Верховного суда Союза ССР было рассмотрено дело Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана, Фельдмана, Путны, Примакова, Корка — восьми пойманных с поличным агентов разведки одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику по отношению к СССР.

Специальное судебное присутствие в составе лучших представителей нашей любимой и доблестной Рабоче-крестьянской красной армии приговорило изменников и предателей к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор этот приведен в исполнение.

Изменники Рабоче-крестьянской красной армии, изменники родины, забывшие свой воинский долг, преступившие свою воинскую присягу, совершившие тягчайшие государственные преступления против социалистического государства рабочих и крестьян, понесли справедливую и заслуженную кару. Предателям и изменникам нет места на советской земле, им нет места в рядах трудящихся, честных строителей нового социалистического общества.

Великая Сталинская Конституция в ст. 133 провозгласила священную обязанность, священный долг каждого гражданина СССР — защищать свое отечество. В ст. 133 Конституции говорится: «Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж в пользу иностранного государства — карают[ся] по всей строгости закона, как самое тяжкое [пре]ступление». Восемь изменников нарушили и подло по[пра]ли требования нашей Конституции. Они изменили родине, продались на сто[рону] врага.

[Пер]ейдя на службу военной разведки одного из [ино]странных государств, ведущего недружелю[бную] политику в отношении СССР, они си[стем]атически доставляли военным кругам это[го] [го]сударства шпионские сведения, совершали [вре]дительские акты с целью подрыва мощи [Раб]оче-крестьянской красной армии, подготовл[яли] на случай войны нападение на СССР, по[ражение] Красной армии и имели своей целью [спо]собствовать расчленению Советского союза [и] восстановлению в СССР власти помещиков и [кап]италистов. Они совершили тяжкие преступления против нашей великой родины, отечества трудящихся, оплота и твердыни социализма, оплота борьбы за социализм во всем мире и подверглись заслуженной каре по всей строгости советского закона.

Подлые заговорщики строили планы восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов. Наемники иностранных разведок, они не останавливались в своей преступной деятельности ни перед какими средствами борьбы. Вредительство и диверсии, шпионаж и террор, помощь врагу при его вооруженном нападении на СССР, подготовка поражения СССР и ряд других изменнических действий — вот что осуществляли и замышляли против СССР, против трудящихся нашей страны, против советского правительства и руководства нашей партии эти подлые и заклятые враги народа, шпионы и разведчики иностранных полицейских охранок.

Враг просчитался и на этот раз. Беспощадный меч советского правосудия разгромил и уничтожил эту бандитскую шайку вместе с изменником Гамарником, покончившим жизнь самоубийством еще до суда, чтобы избежать советского суда.

Вражеские планы на подрыв мощи советского государства и его обороноспособности и на этот раз рухнули и распались, как карточный домик. Не первый раз капиталистические Мальбруки собираются в поход против СССР, не впервые во вторых отделах генеральных штабов капиталистических государств разрабатываются и вынашиваются планы военного нападения на СССР, планы вооруженной интервенции против нашего отечества. Ни один заговор контрреволюционных сил внутри нашей страны против СССР и дела социализма не обходится без активного участия, а порой без прямой инициативы иностранных штабов и иностранных разведок. Так было в условиях нашей революции не раз. Так было с шахтинцами, тоже рассчитывавшими на иностранную интервенцию и поражение СССР. Так было с промпартийцами, действовавшими в лице Рамзина и компании под непосредственным руководством генералов Лукомских и разных капиталистов вроде Детердинга, Дворжанчика, Буроза, Рябушинского и пр. и пр. Так было и в известном деле о вредительстве на наших электростанциях, организованном агентами одной из иностранных разведок, также строившей свои расчеты на вооруженное нападение

на СССР. Так, наконец, действовали презренные и подлые наймиты японо-германской разведки—троцкисты, зиновьевцы, их правые сообщники из лагеря Бухарина-Рыкова. Так действовали и военные заговорщики, осужденные Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня с. г.

Еще в 1921 г. Ленин писал: «Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и буржуазию»[1].

В 1929 г. в своей речи на пленуме ЦК ВКП(б) «О правом уклоне в ВКП(б)» товарищ Сталин, говоря о вредительстве буржуазной интеллигенции как об одной из самых опасных форм сопротивления развивающемуся социализму, подчеркивал, что «вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом»[2].

В докладе на XVI съезде партии, касаясь вопроса о трудностях роста, о борьбе классов и наступлении социализма по всему фронту и возвращаясь к вопросу о злостном вредительстве верхушки буржуазной интеллигенции, товарищ Сталин говорил, что «сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения»[3].

И дальше: «Капиталистическое окружение — это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально и материально, и путем финансовой блокады, и, при случае, путем военной интервенции. Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне. Империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира в СССР. Понятно, что это обстоятельство также не может служить в облегчение нашей реконструктивной работы»[4].

Вопросу о капиталистическом окружении товарищ Сталин посвятил специальный раздел в своем докладе на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г. В этом разделе товарищ Сталин обратил внимание партии на систематическую шпионско-диверсионную и вредительскую работу иностранных разведок в тылу своих соседей, подчеркивая, что в этом состоит закон взаимоотношений между иностранными государствами.

Если буржуазные государства засылают в тылы друг друга тучи шпионов, разведчиков, вредителей и диверсантов, то нельзя предполагать, как об этом говорил товарищ Сталин, что в наши тылы они будут засылать или засылают этих господ меньше, чем засылают в родственные им государства.

Товарищ Сталин говорил: «Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств».

Именно такими шпионами и разведчиками в нашем тылу некоего иностранного государства и оказались Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман, Примаков и Путна, имена которых покрыты теперь всеобщим позором, презрением и проклятием народов.

Эти фашистские разведчики, продавшиеся враги нашей родины направляют свои усилия на то, чтобы ослабить мощь нашей Рабоче-крестьянской красной армии, погубить свободу и счастье многомиллионных народов нашей страны, завоевавших и построивших новую радостную жизнь в свободной и великой стране победившего социализма. Они — эти подлые изменники — готовили восстановление в СССР капитализма, готовили возврат старого, трижды проклятого помещичье-капиталистического рабства, готовили ограбление, голод и нищету рабочих, крестьян и интеллигенции нашей советской страны.

Сорвалось! Зоркий и верный страж нашего отечества — НКВД во-время схватил и разоблачил преступников; своей могучей рукой он остановил уже занесенную над головой нашей родины презренную руку измены и предательства, беспощадным ударом он выбил из этой руки отравленное оружие измены, он передал изменников в руки советского суда, вынесшего свой справедливый суровый приговор.

Этот приговор — приговор всего советского народа, приговор всей нашей великой страны, готовой стать как один человек на защиту наших границ, наших фабрик, заводов и полей, наших очагов, всего нашего социалистического счастья. Об этом говорят многочисленные резолюции трудящихся, выражающих по поводу состоявшегося судебного приговора над восемью изменниками свое презрение и гневное проклятие преступникам.

Так колхозники лучшей в Азово-Черноморском крае бригады т. Кимлача из колхоза «12-я годовщина Октября» единодушно одобряя приговор Верховного суда, в своей резолюции заявили:

«Образцовой работой на наших колхозных полях, отличной подготовкой и проведением уборки сталинского урожая без потерь мы будем неустанно крепить обороноспособность нашего отечества, нашей любимой, непобедимой Красной армии. В ряды нашей кровно родной Красной армии мы будем посылать самых лучших, самых преданных сынов. Пусть знают все подлые изменники родине, что наши славные органы НКВД, руководимые верным сталинцем товарищем Ежовым, воздадут должное всем, кто вздумает покушаться на нашу родину, на нашу радостную жизнь».

«Только одна кара, — сказал мастер бронзового отделения кабельного цеха завода «Москабель» т. Ипатов, — могла быть для этих мерзавцев, предавших нашу родину и державших наготове нож, чтобы вонзить его в спину революции. В ответ на происки фашистских негодяев мы еще теснее сплотим свои ряды и уничтожим всех врагов».

---

[1] Ленин, т. XXVI, стр. 348.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 243.
[3] Там же, стр. 386.
[4] Там же.

«Мы будем, — говорят в своей резолюции рабочие шарикоподшипникового завода им. Л. М. Кагановича, — все больше укреплять оборону нашей страны стахановским трудом, святым соблюдением обязанностей граждан СССР, записанных в Сталинской Конституции. Вооруженная миллионами глаз патриотов социалистической родины, советская разведка вскроет любую попытку шпионажа и вредительства».

«Приговор суда есть приговор многомиллионного народа нашей страны,—говорят в своей резолюции рабочие, инженеры, техники и служащие завода имени Владимира Ильича,— советский суд поступил совершенно правильно. Он вынес приговор в полном соответствии с 133 статьей Сталинской Конституции. Иного решения и не могло быть».

Бойцы, командиры и политработники 80 стрелковой дивизии в своей резолюции говорят, что «раскрытие заговора шпионской восьмерки органами НКВД свидетельствует о великой мощи государства рабочего класса, о растущей силе великой Страны советов, о непобедимости Рабоче-крестьянской красной армии, воспитанной партией Ленина — Сталина».

Рабочие станции Петрозаводск считают, что «приговор суда над бандой изменников — наш приговор. Пусть трепещут шпионы, подлые наймиты фашизма, пусть знают их фашистские хозяева — советский народ непобедим».

Как реке не течь вспять, не бывать тому, о чем мечтают наши враги.

Социализм в СССР победил окончательно и бесповоротно. Окончательно и бесповоротно уничтожен в нашей стране капиталистический строй. Свергнута и уничтожена власть помещиков и фабрикантов, банкиров и биржевиков. Окончательно и бесповоротно уничтожены эксплоатация и нищета, голод, безработица и бесправие народных масс. На очищенном от капитализма месте построено новое советское социалистическое государство рабочих и крестьян. Нет сил в мире, которые могли бы поколебать прочность этого государства! Нет сил в мире, которые могли бы помешать победному движению вперед строящих новую жизнь миллионных масс трудящихся, борющихся за коммунизм под руководством своей великой, испытанной в классовых боях коммунистической партии большевиков.

Под руководством партии Ленина—Сталина мы победили в гражданской войне и разгромили войска белогвардейских генералов и иностранных интервентов, войска японских, германских и других разбойников, осмеливающихся сунуть в нашу страну свой нос, иностранных армий.

Под руководством партии Ленина—Сталина мы построили новое социалистическое хозяйство, новую социалистическую культуру, новое социалистическое общество. В то время когда капиталистический мир все больше и больше погружается в хаос и темноту наступившего заката капиталистической культуры, над советской землей все ярче и радостнее разгорается солнце социализма. Дьявольские ухищрения капиталистических разведок не в состоянии ничего изменить в ходе вещей, в процессе исторического развития человеческого общества. Победа социализма в нашей стране — на одной шестой части земного шара — начало победы социализма во всем мире. Залогом этого являются единство и сплоченность, любовь и преданность делу социализма, нашей великой партии, ее великому вождю Сталину десятков и сотен миллионов людей труда в СССР и во всем мире. Перед лицом проклятых заговорщиков изменников еще сильнее сплачиваются наши ряды, еще больше укрепляется наша любовь к великому делу борьбы за коммунизм. Нет сил в мире, способных ослабить эту любовь и решимость, и волю трудящихся к победе. Нет сил, способных устоять в борьбе против социализма, способных противостоять Союзу советских социалистических республик, идущему под руководством партии Ленина—Сталина уверенно и победоносно все вперед и вперед к окончательному торжеству коммунизма.

А. ВЫШИНСКИЙ

О некоторых методах деятельности иностранных разведывательных органов и их троцкистской, правой и иной агентуры

В своем докладе на пленуме ЦК нашей партии 3—5 марта 1937 г. товарищ Сталин, говоря о задачах в борьбе против недостатков нашей работы, о ликвидации этих недостатков, говоря о необходимых в этом направлении мероприятиях, подчеркнул важность разъяснения того, что никакие хозяйственные успехи, как бы они велики ни были, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Товарищ Сталин указал в этом же докладе на необходимость принять меры для того, чтобы наши товарищи «партийные и беспартийные большевики имели возможность ознакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительской, диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов».

Методы, способы, формы деятельности иностранных разведок и их агентуры — троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров и т. д. и т. п. — очень разнообразны. Об этом можно судить по уже известным фактам, освещенным в брошюре товарища Уранова «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок», из тех статей, которые были напечатаны в «Правде», и из тех материалов, которые мы имеем в связи с целым рядом судебных процессов, прошедших перед нашими глазами. Все помнят Кемеровское дело. Хорошо памятны три последних процесса, это процессы объединенного троцкистско-зи-

новьевского центра, антисоветского троцкистского центра и процесс по делу Тухачевского, Якира, Уборевича и др.

Эти статьи и материалы, опубликованные в газетах и в виде брошюр, могут служить достаточным материалом для ориентировки в данной теме. Задача настоящей статьи дать некоторые дополнительные материалы.

Нужно подчеркнуть одну особенность нашей, если можно так назвать, внутренней контрреволюции. Это то, что деятельность различных контрреволюционных групп внутри СССР органически связана с тем самым капиталистическим окружением, о котором еще раз напомнил нам на последнем пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин.

История буржуазной контрреволюции в нашей стране говорит об одной в высокой степени важной и решающей для характера этой контрреволюции особенности, заключающейся в том, что ни одна контрреволюционная, антисоветская группа в нашей стране, ни одно контрреволюционное антисоветское выступление против дела социализма, против советского правительства, против партии, против ее руководства на всем протяжении 20-летнего существования Советского союза никогда не было изолированным, не связанным с какими-либо центрами буржуазных, фашистских разведок.

Одна из особенностей буржуазной контрреволюции внутри СССР, следовательно, заключается в том, что она всеми своими нитями и каждым шагом своей практической деятельности связана с зарубежными контрреволюционными фашистскими центрами, со штабами контрреволюционных иностранных разведок того или иного капиталистического государства, со вторыми отделами генштабов капиталистических стран, фашистских в особенности.

Это не случайно. На это неоднократно обращали наше внимание в борьбе с буржуазной контрреволюцией Ленин и Сталин.

В 1921 г. Ленин говорил: «Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и буржуазию»[1].

Уже в 1921 г. Ленин вскрыл органическую связь между нашей внутренней контрреволюцией и международной контрреволюцией, подчеркивая тот факт, что окружающая нас буржуазия караулит, по его выражению, каждую минуту колебаний, чтобы вернуть утерянное господство, вернуть утерянный рай, в котором находились капиталисты, когда власть была у них в руках.

В 1922 г. на III конгрессе Коминтерна Ленин говорил о различных контрреволюционных движениях и выступлениях против Советского союза: «Эти люди делают всевозможные попытки, они ловко пользуются каждым случаем, чтобы в той или иной форме напасть на советскую Россию и раздробить ее»[2].

Так Ленин говорил о контрреволюционных белых эмигрантских кругах, так Ленин говорил об отдельных группах, которые находились в связи с этими белыми эмигрантскими кругами и поддерживали их..

И это остается основным правилом, основной чертой, основным признаком, характеризующим особенности той борьбы, которую ведут против нас контрреволюционные силы.

В 1929 г. в своей речи на пленуме ЦК партии о правом уклоне в ВКП(б) товарищ Сталин также подчеркнул именно эту особенность контрреволюционной борьбы против нас наших врагов.

Говоря о вредительстве как об одной из самых опасных форм сопротивления развивающемуся социализму, товарищ Сталин подчеркнул, что вредительство это тем более опасно, что оно связано с международным капиталом.

Напомню, что на XVI съезде партии, касаясь вопроса о трудностях роста, о борьбе классов и наступлении по всему фронту, товарищ Сталин прямо говорил, что сопротивление отживающих классов происходит не изолированно от внешнего мира, а находит поддержку в капиталистическом окружении, и объяснил, что такое капиталистическое окружение.

«Капиталистическое окружение — это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально, и материально, и путем финансовой блокады, и, при случае, путем военной интервенции. Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне. Империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира в СССР»[1].

Таковы основные элементы, которые связывают капиталистическое окружение с внутренней контрреволюцией, с внутренними антисоветскими силами; это — моральная связь, она нашла отчетливое выражение в программе восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов, и это окончательно стерло грани между правыми и троцкистами, превратило тех и других в контрреволюционное гниющее болото, в оголтелую банду убийц, в фашистских агентов. С другой стороны, это—материальная связь, с третьей стороны, это—планы нападения на СССР, стремление к финансовой блокаде и военной интервенции.

Товарищ Сталин говорил, что вредительская деятельность спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне.

Надо иметь в виду, что даже и тогда, когда существуют нормальные дипломатические отношения СССР с различными капиталистическими государствами, мы не застрахованы в нашей стране от всякого рода преступной деятельности агентуры разведывательных органов этих стран. Товарищ Сталин указал, что отношения между различными капиталистическими государствами определяются особым законом.

Этот закон действует и сейчас. Он заключается в том, что каждое из этих государств, несмотря на всякие внешние формы добрососедских или доброжелательных отношений, не

---

[1] Ленин, т. XXVII, стр. 348.

[2] Ленин, т. XXVI, стр. 454.

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 527.

забывает возможности военного столкновения в ту или другую историческую минуту и, следовательно, никогда не упускает из виду основной задачи — быть готовым к победоносной войне против своего соседа, против того государства, с которым находишься в определенных дипломатических отношениях.

Но в войне обычно выигрывает не только тот, кто лучше всех умеет драться на войне, в войне выигрывает тот, кто лучше всех, лучше своего противника умеет подготовиться к войне.

В деле же подготовки к войне играет решающую роль состояние тыла. Этим объясняется то, что даже при самых дружелюбных отношениях между отдельными буржуазными государствами, даже тогда, когда они соединены между собой различными «сердечными соглашениями», в основе отношений этих государств лежит волчий закон, который обязывает каждое из государств подстерегать другое, чтобы в благоприятный момент нанести губительный удар «сердечному» соседу.

Товарищ Сталин говорил, что таков закон взаимоотношений между капиталистическими странами.

Каждое государство заботится о том, чтобы иметь возможность в случае войны между этим государством и его соседом взорвать тыл своего противника, ослабить и подорвать мощь своего врага.

Нет поэтому оснований думать, что по отношению к нам иностранные государства, не только явно враждебно или недружелюбно настроенные по отношению к нам, но и те, которые внешне находятся в мире с нами, будут руководствоваться другим законом, чем волчий закон, обычный для капиталистических стран.

Капиталистические страны зиждятся на единой основе утверждения, увековечения эксплоатации, и если при этом взаимоотношения их друг к другу определяются волчьим законом борьбы и подкарауливания друг друга, то каким же должно быть их отношение к нашему государству, которое ведет последовательную борьбу за социализм, за окончательную победу над капитализмом, за окончательную победу социализма в нашей стране, за торжество подлинной демократии и культуры во всем мире. Какие основания думать, что по отношению к нам эти капиталистические государства будут руководствоваться иными правилами поведения, иными законами?

Разумеется, для этого нет никаких оснований.

И товарищ Сталин в силу этого предупреждал, что шпионов и диверсантов засылают и впредь будут засылать к нам капиталистические государства в большем количестве, чем они засылают их друг к другу. Это вполне естественно, это прямо вытекает из самого характера нашей борьбы за коммунизм, из того, что мы являемся твердыней и оплотом мирового социалистического движения, из того, что наша страна является твердыней и опорой всякого рода стремлений к лучшему, счастливому и культурному обществу.

Это естественно, потому что наша страна представляет собой не только страну, в которой победил социализм, но и страну, которая воодушевляет на борьбу за социализм миллионные массы угнетенных трудящихся решительно всех капиталистических стран.

В силу этого наша страна неизбежно является объектом всякого рода агрессивных вожделений наших врагов.

Вот почему товарищ Сталин поставил вопрос: «Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?»

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

И дальше товарищ Сталин говорит: «Обо всем этом забыли наши партийные товарищи, и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох.

Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охранки оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью».

Капиталистическое окружение означает, что вокруг СССР существуют враждебные СССР классовые силы, которые готовы поддержать наших классовых врагов внутри СССР, как говорил товарищ Сталин, и морально и материально, вплоть до военного на нас нападения, вплоть до военной интервенции.

Это указание товарища Сталина полностью опирается на неопровержимые исторические факты.

Вспомним, например, шахтинское дело, в котором нашли отражение характерные в тот период формы классового сопротивления наших врагов, избравших основным методом сопротивления причинение нашему хозяйству всякого рода ущерба, попытки развалить Донбасс, все наше угольное хозяйство и тем подорвать наше народное хозяйство.

В центре всей деятельности шахтинцев были попытки организовать, как они говорили в своих показаниях, всеобщий кризис, в расчете на который они строили всю свою подрывную деятельность по отношению к нашему народному хозяйству.

Однако вредительство у шахтинцев было только одним из методов этой борьбы. Настоящие корни борьбы лежали более глубоко и были более сложны, чем простое скрывание ценных пластов, отказ от разработки этих пластов, омертвление капиталов, перебрасывание их на менее ценные угольные пласты, затопление шахт, поломка инструмента, диверсионные акты и т. д. и т. п.

Подлинные интересы борьбы, которую вели шахтинцы под руководством кучки представителей старых инженерно-технических кадров, лежали гораздо глубже. Следует подчеркнуть, что в шахтинском заговоре решающая сила принадлежала ряду иностранных капиталистов, известных своей ненавистью к СССР и представлявших собой наиболее агрессивную по отношению к нашему Советскому союзу часть буржуазии. Они возглавляли и проповедывали неизбежность интервенции против СССР.

Таковы были Ремо, Бурас, Сансе, наконец, известный польский крупный делец и промышленник Дворжанчик. Ремо был директором акционерного общества Берестово-Богодуховского района. Он был непосредственно

связан с одним из главных организаторов этого заговора — инженером Шадлуном. Сансе был руководителем «Акционерного об-ва по разработке угля и соли на юге России». Дворжанчик играл очень крупную роль в организации шахтинского заговора. До Октябрьской революции он был директором-распорядителем Донецко-Грушевского акционерного об-ва, а потом — главным воротилой в зарубежном «Польском объединении бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе».

Все эти люди, представлявшие интересы крупной буржуазии Польши, Франции, Англии, как, например, знаменитый Детердинг, ставили вопрос не просто о том, чтобы повредить ту или другую шахту, чтобы задержать добычу угля, чтобы даже развалить угольное хозяйство Донбасса. Они смотрели на это вредительство как на подходящий для них способ взорвать тыл в случае военного нападения на СССР, в случае интервенции. И действительно, сквозь всю вредительскую работу шахтинцев красной нитью проходила подготовка намеченной на весну 1928 г. иностранной интервенции в СССР.

Дворжанчик был связан и вел шпионскую переписку с бывшим техническим директором Донугля инженером Бояршиновым, тем самым Бояршиновым, который, будучи осужден к 10 годам лишения свободы по шахтинскому делу, впоследствии раскаялся, разоружился, повел борьбу против троцкистов и сделался жертвой троцкистской банды. Эта банда под руководством Шестова убила Бояршинова за то, что он грозил разоблачением троцкистских преступлений в Западной Сибири.

Шахтинцы действовали в прямой связи с белогвардейскими зарубежными организациями, с зарубежным «Обществом кредиторов старой России», в связи с А. Е. g. (Allgemeine Electrische geselchaft — «Всеобщей кампанией электричества»), они были связаны и с кругами германской военщины. В самой А. Е. g. — коммерческой фирме — существовал отдел, который открыто назывался «русским отделом». Этим «русским отделом» руководил Башкин, брат того Башкина, который был организатором шахтинского заговора. Этот «русский отдел» А. Е. g. по существу был ничем иным, как шпионской агентурой соответствующего иностранного учреждения.

Весь успех шахтинского заговора был рассчитан на осуществление интервенции при участии не только всяких белоофицерских дружин, но и при прямой поддержке капиталистической военщины, т. е. при помощи открытой вооруженной интервенции некоторых иностранных государств.

Не иную картину можно видеть и несколько лет спустя в деле «Промпартии» (Рамзина, Ларичева и др.). Все эти Рамзины, Хренниковы, Черновские, Ларичевы и другие «герои» этого процесса были непосредственно связаны с Рябушинским и Лианозовым, крупнейшими капиталистами, бежавшими за границу; они были в непосредственной связи с наиболее враждебными к СССР группами иностранных капиталистов. Известно, что в это время наиболее реакционная часть французской буржуазии готовила интервенцию против СССР, мобилизуя для этого наиболее реакционные круги военщины.

Рамзин и Ларичев ездили в Лондон и неоднократно виделись там с полковником Лоуренсом, знаменитым шпионом, разведчиком и организатором интервенции. С этим Лоуренсом Рамзин и Ларичев были непосредственно связаны. Кроме того, они были связаны с некоторыми иностранными генералами, участвовавшими в 1918—1920 гг. в вооруженной интервенции в РСФСР в Архангельске. Промпартийцы основное внимание, как и шахтинцы, заостряли на организации вооруженной интервенции. План интервенции у них был связан с организацией вредительской, диверсионной и шпионской работы, которая должна была подорвать наш тыл и обеспечить успех контрреволюции.

Всем памятно дело о вредительстве на электростанциях в Москве, Орехове-Зуеве, Иваново, известное под именем дела «Метро-Виккерс». С внешней стороны все как будто упиралось исключительно в организацию вредительских действий на электростанциях в Москве и в других городах. На самом деле в этом деле были вскрыты происки английских разведывательных органов, Интеллиженс-Сервис, перебросившей к нам своих разведчиков в лице «инженеров» Торнтона, Макдональда, Монгауза и др.

Сам факт посылки в СССР офицеров английской разведки ясно свидетельствует о подлинной цели этого «предприятия», которое прикрывалось хозяйственными и коммерческими целями и даже обязательствами по оказанию нам «технической помощи».

Таким образом, можно утверждать, что деятельность различных вредительских, диверсионных и тому подобных антисоветских групп внутри нашей страны органически связана с иностранными разведками, агентурой которых всегда по сути дела и являются эти антисоветские группы.

Мудрено ли, что эта же связь имела и имеет место и во всех последующих заговорах против нас и что агентурой иностранных разведок стали именно троцкисты, зиновьевцы, правые, — все те группы, которые раньше являлись политическим течением внутри рабочего класса, а затем превратились в оголтелую банду вредителей, шпионов, диверсантов, террористов!

Дело объединенного троцкистско-зиновьевского центра, троцкистского антисоветского центра и недавний процесс по делу о военно-фашистском заговоре Тухачевского, Якира, Уборевича и др. вновь подчеркивают органическую связь заговорщиков с иностранными фашистскими центрами, с их генеральными штабами, с их разведывательными органами и полицейскими охранками.

При изучении практики техники иностранных разведок обращает на себя внимание не только то, как эти разведки формируют свои кадры, но и то, как они вообще ставят вопрос о кадрах. Здесь надо сказать, что одной из главнейших наших задач является разоблачение именно этих кадров, как, наоборот, самой ответственной задачей разведывательных органов является сохранение своих кадров неразоблаченными, невскрытыми и нерасшифрованными.

Когда знакомишься со следственными материалами по различным такого рода делам, не-

вольно обращаешь внимание на борьбу с пойманными и изобличенными разведчиками наших следственных органов, старающихся вытащить наружу, разоблачить вражеские кадры до конца. Сила и мощь советской разведки в этой борьбе всегда побеждают. Но сама борьба показывает, что даже те агенты иностранных разведок, которые делают вид раскаявшихся и разоружившихся, в действительности раскаиваются и разоружаются в большей части во всем, что уже известно органам советской власти и без них и что уже скрывать нельзя. И наоборот, о том, что еще нам мало известно или совсем неизвестно, они упорно стараются ничего не говорить и по возможности все скрыть.

На процессе антисоветского троцкистского центра каждый подсудимый говорил, что он раскаивается и говорит всю правду — и только правду. В действительности, в показаниях этих предателей не было правды и наполовину. Ведь каждый следующий процесс неизменно обнаруживает массу новых фактов, которые были умело замаскированы и спрятаны от нашего внимания той группой, которая ранее была посажена на скамью подсудимых.

Зиновьевцы в своих показаниях многого не сказали и многих не выдали. Это можно было предполагать с самого начала следствия и это целиком подтвердилось на суде и после суда, когда стал открываться целый ряд новых фактов, скрытых от следствия и суда этими «раскаявшимися» преступниками.

Надо прямо сказать, что эти господа до последней минуты своей собачьей жизни неизменно старались в максимальной степени сохранить втайне своих людей, своих сообщников, своих соучастников.

При вербовке кадров иностранная разведка и их троцкистская и правая агентура не брезгуют рядовыми работниками. В свою преступную, подлую деятельность они стараются вовлечь «маленьких» людей, не брезгуя никем. Если подвернется им под руку молодой комсомолец, они обрабатывают его, подвернется под руку человек, который любит в выходной день выпить, — и этот пригодится, подвернется молодняк, который собирается на танцульки, — и из этих людей они не прочь кое-кого подцепить и использовать для своих гнусных, преступных целей. Так действует иностранная разведка.

Надо прямо сказать, что агенты-вербовщики разведок не брезгуют никем. Поэтому не должно ни у кого быть такой мысли, что я, мол, маленький человек и не представляю никакой ценности для разведки. Неправильно такое рассуждение: я — маленький человек, работаю на заводе, в каком-нибудь учреждении машинисткой, переписчиком, делопроизводителем, какой интерес я могу представлять для иностранной разведки? Так рассуждать нельзя. Надо помнить, что разведка ловит людей широким неводом по принципу — забирай тех, кто попадается под руку, не брезгуя никем, всякий может пригодиться. Естественно, что иностранная разведка проявляет особый интерес к людям, которые непосредственно или через других людей имеют отношение к какой-нибудь ответственной государственной работе. Они громадный интерес проявляют, например, к номерным заводам. Здесь эти господа не жалеют средств для того, чтобы попытаться проникнуть в ту щель, которая образуется благодаря различного рода случайным обстоятельствам.

Чрезвычайно яркий пример того, как осуществляется вербовка, дал процесс антисоветского троцкистского центра и, в частности, допрос подсудимого Строилова. Связь с разведкой у Строилова началась на «нейтральной» почве — на почве технических интересов. Строилов, будучи в заграничной командировке, познакомился с инженером фон-Бергом, который оказывал ему кое-какую техническую помощь. У Строилова был интерес к техническим новинкам. Ухватившись за это, Берг стал его засасывать и обволакивать своими любезностями. Он познакомил его с более квалифицированным разведчиком, с неким Вюстером. Этот Вюстер предложил Строилову устроить ему поездку во Францию и Чехо-Словакию для ознакомления с новейшей техникой. Он обещал это устроить, но заявил, что так как Строилов не немец, то нужно иметь какой-либо документ, удостоверяющий, что Строилов не подведет. Строилов дал такой документ, в котором выражал желание остаться в Германии и не возвращаться в СССР. Документ подлый и позорный для советского человека. Что же произошло дальше? А дальше вот что произошло.

Получивши этот документ, Вюстер отказывает Строилову в выезде во Францию и в Чехо-Словакию и предлагает выехать в... СССР. Строилов опешил, недоумевает, пробует бороться — увы, бесполезно! В руках у Вюстера документ за подписью Строилова. Перед Строиловым выбор — или разоблачить свою преступную ошибку перед советской властью, или подчиниться требованиям Вюстера. Строилов малодушничает и окончательно попадает в лапы к Вюстеру, в лапы германской разведки. Если бы он обладал честностью, подлинным советским патриотизмом, то он сам явился бы в полпредство и разоблачил и себя и шпионов и тем самым вырвался бы из тисков иностранной разведки.

Вместо этого он принял условия Вюстера и поехал в СССР, а вслед за ним последовал третий разведчик, который стал его обрабатывать так, как это было в интересах этой разведки.

Вот какими методами действуют разведчики. Эти методы обнаружил и последний процесс.

Этот процесс показал, что преступники действовали с исключительной наглостью и вероломством. Трудно сохранять самообладание и сдерживать свое возмущение перед лицом установленных судом фактов их преступной деятельности. Но сами преступники сохраняли это самообладание полностью. Это свидетельствует об искусстве маскировки, перед которой бледнеют коварство и вероломство Радека, Каменева, Зиновьева, Пятакова и прочих негодяев.

О чем это говорит? Это говорит также о том, что иностранная разведка, подбирающая себе агентуру, действует с большим искусством. Это обязывает ко многому и нас. Это обязывает к величайшей бдительности, это ставит перед нами задачу овладеть искусством разоблачения иностранных разведчиков, действующих осторожно, исподтишка, исподволь. Нужно помнить, что в большинстве случаев иностранные разведчики сберегают свои силы

на крайний случай — на случай войны. Иностранные разведки знают, что означает для них провал их резидентов, провал их планов и подготовительных мероприятий. Поэтому они действуют строго расчетливо. Игра ведется большая, азартная, ставки ставятся ва-банк. Здесь нередко действует правило: или — или, или пан—или пропал. Вот почему иностранные разведки очень осмотрительно и осторожно вербуют для себя людей, тщательно изучают этих людей, изучают слабости их.

Иностранная разведка проявляет большое искусство в умении открыть в каждой своей «жертве» больные струны, которые она умеет затронуть. Нельзя к этому делу подходить так, что это дело пустяковое, несерьезное. Дело это серьезное и нужно уметь подходить к этому делу серьезно.

Позвольте привести один пример несерьезного отношения к делу, повлекшего за собой нехорошие последствия.

30 января 1937 г. в 4 часа утра некий советский гражданин К. возвращался после вечеринки домой. По дороге К. зашел в ресторан. За одним из столов он увидел иностранца и заподозрил в нем разведчика. Гражданин К.—хороший советский патриот. Он решил разоблачить иностранного разведчика. С этой благой целью он завязывает с иностранцем знакомство и в результате оказывается у иностранца на квартире. Ничего не добившись от этого иностранца, гр. К., однако, сам проболтал ему ряд фамилий и имен, сообщил некоторые подробности жизни и работы своих знакомых и пр. Иностранец, оказавшийся, действительно агентом одной иностранной разведки, использовал гр. К. довольно удачно. Гр. К. не только оказался в дураках, но оказался и прямым пособником этого разведчика. Гр. К. хотел услужить нам, а на деле причинил вред. Вот уже поистине услужливый дурак — опаснее врага!

Вот как иногда «доброе желание» обращается против простофиль и болтунов!..

В Москве один иностранный разведчик очень часто появлялся зимой на катке, на разных площадках в парке культуры и отдыха, в разных театрах и т. п. В 1935 г. в Центральном парке культуры и отдыха около театра масок этот разведчик завел разговор с одним советским гражданином, сыном научного работника, 20-летним комсомольцем. К концу знакомства этот разведчик предложил комсомольцу пойти вместе с ним в Большой театр. Тот согласился. Сходили в театр. Потом разведчик предложил комсомольцу пойти с ним в оперетту. Согласился, сходили в оперетту, посмеялись, весело провели время. Потом разведчик стал интересоваться личной жизнью комсомольца, его семьей, из кого она состоит, где кто работает, стал интересоваться, не нуждается ли он в чем-либо. Он стал рассказывать о себе, о своем достатке, о своей хорошей службе. Он наврал с три короба, явно рассчитывая на то, что новый его знакомый окажется простофилей. И вот по просьбе разведчика молодой человек, комсомолец, знакомит его с целым рядом своих товарищей. Среди этих товарищей оказался кое-кто, работающий на одном оборонном предприятии. А это-то разведчику и нужно было... Таким образом этот разведчик очень широко развернул круг своих знакомых. Ничего подозрительного в его поступках не было, никаких нетактичных и нескромных вопросов он не задавал, тем более он не делал никаких предложений о шпионской и осведомительской деятельности...

Но так было в начале знакомства, а потом... некоторые из его знакомых, тоже молодых людей оказались связанными с этим разведчиком уже по линии прямой шпионской деятельности. Конечно, все были выявлены, так же как и сам этот разведчик, все получили по заслугам. Но у нас нет гарантии, что разведчику кое что удалось узнать, что знать ему и ему подобным господам не полагается.

Был случай, когда один не молодой, но и не очень пожилой инженер, работавший на одном московском заводе, отправился в отпуск в Гагры. В отпуску, конечно, бывает отпускное настроение, но инженер этот был человек деловой, и поэтому он захватил с собой кое-какие материалы, думая поработать, рассчитывая соединить приятное с полезным. Он приехал в Гагры и там познакомился с одной дамой, «приятной во всех отношениях». Эта дама уделяла ему много внимания, познакомила его с другими дамами и тоже во всех отношениях приятными. Таким образом получилось очень приятное общество, и все шло по-хорошему. Вдруг появляется муж. Маленькое замешательство, но оно скоро проходит, и дело улаживается. Инженер знакомится с мужем, и дружба продолжается. Когда дама и ее муж узнали, что этот инженер занимается разработкой материалов, привезенных с собой, они спешат предложить ему свою скромную помощь, чисто дружескую помощь: она ехала на курорт и случайно, видите ли, захватила с собой пишущую машинку, поэтому она может его работу переписать на машинке.

Договорились, и дама стала писать на машинке под диктовку инженера очень интересный материал. А в результате, воспользовавшись ротозейством этого инженера, дама однажды оставила этот материал у себя, а, когда инженер пришел к ней на другой день для очередной переписки, дамы не оказалось, не оказалось и другой дамы, не оказалось и мужа... Все исчезли. А впоследствии оказалось, что эти две дамы и муж были агентами одной разведки, выкравшими у инженера нужный разведке материал.

Вот какие иногда бывают «приятные» знакомства на курортах!..

Другой случай. В Ленинграде проживает одна семья, назовем ее условно Сысоевы.

Сам Сысоев — китаец, жена его — русская.

У Сысоевых была дочь 16 лет. Эта дочь выдается замуж. Выходит она замуж за военнослужащего NN.

Мать и отец очень полюбили своего нового родственника, мужа дочери, постоянно принимали его у себя, словом жили с ним душа в душу. Через этого военнослужащего Сысоевы завязали знакомство еще и с другими военными людьми. Вообще квартира Сысоевых — интересная квартира. Здесь можно было найти очень гостеприимный прием. Стол всегда накрыт, патефон, милые хозяева и т. д. Сюда охотно заходили и другие военнослужащие, знакомые зятя Сысоевых. За чаепитием, иногда за выпивкой здесь непринужденно велись различные разговоры, иногда и разговоры,

касающиеся Красной армии, состава данной части, вооружения, снабжения и пр. и т. п.

А через некоторое время оказалось, что Сысоев — китаец — не только «тесть» военнослужащего, но одновременно по совместительству и шпион, агент одной иностранной разведки.

Таких фактов можно было бы привести немало.

Можно сделать вывод, что иностранная разведка вербует людей не каким-нибудь особенным способом, как и сами разведчики являются вовсе не какими-нибудь особенными людьми.

Вы помните, как товарищ Сталин, говоря о работе в деревне (1933 г.), указывал, что у некоторых наших товарищей совершенно неправильное представление о кулаке как о человеке с какой-то особенной внешностью, с отвратительным лицом, налитым кровью, и т. п. Товарищ Сталин предупреждал против такого неправильного представления о кулаке, напоминая, что кулак часто прикидывается совсем тихим, почти «святым» человеком.

Это надо сказать и о разведчиках. Нельзя представлять себе разведчиков какими-то особенными людьми, отличающимися какими-то особенными внешними качествами или признаками. Неправильно думать, что и вербуют они какими-то тоже особенными, необычайными способами. Нет, вербовку они осуществляют обычно самым простым способом в обыкновенной обывательской обстановке. Но особенность их метода заключается в том, что они используют слабые места людей. Один интересуется техникой, как Строилов, и попадается на этом деле, другой интересуется музыкой, третий интересуется флиртом—очень распространенная почва вербовки—и попадает на этом, и крепко попадает на удочку разведчиков.

Широко распространен у разведчиков такой способ: приглашают в гости, познакомят с «интересной женщиной», завязывается интимное знакомство, а вместе с тем начинается шантажирование попавшегося на «женском вопросе» ловеласа, боящегося огласки, семейных сцен, семейной драмы. Под угрозой разоблачения интимных связей ловеласа у него вымогают агенты иностранных разведок нужные им сведения и втягивают его в шпионскую работу. И выходит: коготок увяз—всей птичке пропасть...

Обычно иностранные разведчики действуют простыми средствами, простыми методами, простыми способами. Люди шныряют взад и вперед в трамваях, по театрам, кино, пивнушкам, заводят знакомства и с трезвыми, и с подвыпившими, и с серьезными, и с несерьезными людьми. С серьезными заводят знакомства посерьезнее, с несерьезными—несерьезные. Методы применяют они очень гибкие, сводящиеся в конце концов к одной цели.

Не трудно разоблачить эти методы и преступные махинации иностранных разведок, если уметь во-время и как следует разбираться в своих знакомствах, уметь правильно оценивать людей, с которыми встречаешься и заводишь дружбу. К сожалению, у нас иногда люди в этом отношении оказываются неразборчивыми, так что иной раз просто диву даешься...

Недавно мне пришлось распутывать одно дело. Старый партийный товарищ—он свой стаж исчисляет чуть ли не с 1905 г. или 1904 г.—среди своих знакомых имеет некоего художника, которого считает своим другом. Но когда пришел случай и стали выяснять у этого коммуниста, кто этот его хороший знакомый, его друг с дореволюционным стажем с 1907 г., когда начали разбирать по косточкам это дело, то оказалось, что наш коммунист «друга»-то своего знает очень плохо, хотя и оказывал «другу» содействие даже в получении заграничной командировки.

Нередко бывает, что иностранный разведчик ряд лет живет бок-о-бок с вами, тихо и смирно. Никаких диверсий не организует, никакого вредительства не совершает, живет как все. А в действительности это—резидент, это—шпион и разведчик, получивший специальные задания и выполняющий эти задания: он наблюдает за тем, что происходит вокруг него, посылает туда, куда нужно, сведения, а иногда и этого от него не требуют, и этим все дело ограничивается. Он сидит 5 лет, 10 лет, 15, 20 лет, пока не будет дан сигнал: «действуй», и тогда он начинает действовать, пуская в ход все те средства, какие за это время он сумел получить в свои руки.

Очень часто думают, что агент иностранной разведки должен себя чем-нибудь обязательно проявить. Надо иметь в виду, что бывают разные категории разведчиков с разными заданиями. Есть люди, которые не связаны в данное время никакими обязательствами проявлять какую-нибудь активность. Наоборот, они должны только завоевать себе «авторитет» там, где они работают, должны только втереться в доверие кому нужно.

Есть разведчики, которые не должны проявлять своей активности, правда, до поры до времени. Перед ними нередко ставится задача—подготовить благоприятные условия для удара в спину в случае войны, а до того—сидеть тихо, стараться доказывать свою «лойяльность» и «преданность» советской власти.

Не нужно обольщаться тем, что такой-то хорошо работает, что он служит добросовестно и что поэтому он не может оказаться врагом, не может быть агентом иностранной разведки. Такие рассуждения неправильны и нередко не оправдываются. Конечно, трудно дать или указать какое-нибудь универсальное средство для распознавания шпионов и диверсантов из иностранных разведок. Таких универсальных средств нет и быть не может. Нужно просто взять себе за правило—вести себя так с любым человеком, что если этот человек окажется врагом, он не мог бы извлечь из этого знакомства что-нибудь полезное для себя и вредное для советского государства. Надо помнить, что очень часто большие преступления начинаются с пустяков, с маленьких разговоров, с пустой болтовни. Иногда человек узнает какую-нибудь новость с булавочную головку и с этой булавочной головкой начинает носиться, поднимает шум и треск, стараясь всех удивить своей осведомленностью. Он из мухи делает не одного, а целую дюжину слонов и пускает этих слонов гулять по воле, а разведка из этой болтовни извлекает кое-какие уроки.

Если, например, работник какого-нибудь оборонного завода начинает болтать о каком-либо достижении или усовершенствовании, если он будет говорить даже только о какой-то

крупице, то и этой крупицы иной раз бывает достаточно для того, чтобы разведка поняла, в чем дело.

Необходимо прямо сказать: нужно держаться золотого правила—поменьше болтать, побольше думать над тем, что говоришь, крепче держать язык за зубами.

То, что знаешь,—не разбалтывать, чего не знаешь—не выдумывать, потому что каждая выдумка имеет реальную почву, из которой иностранная разведка может, как из золотоносной жилы, отобрав песок и шлак, взять то, что ей может быть полезно и нужно.

Конечно, вредительская работа последнего периода решительно отличается от тех форм вредительства, которые были в прошлом, не говоря уже о шахтинском периоде, о вредительстве периода «Промпартии». Там вредительство отличалось грубостью, примитивностью. Сейчас это дело делается нашими врагами более тонко.

На железнодорожном транспорте, основная задача вредителей и диверсантов—это организация железнодорожных крушений. Но напрасно думать, что эти крушения организовываются только на ж.-д. путях. Они подготовляются нередко исподволь, при помощи целой системы преступных мероприятий, направленных на организацию крушений. Зачастую эти крушения подготовляются не на самом полотне железной дороги, а, как правило, на подсобных предприятиях, отчасти и преимущественно в депо, в процессе так называемого текущего ремонта.

В какой-либо мастерской или в депо вредителям-троцкистам и иным антисоветским элементам удается организовать группу из 3—4 человек, то здесь распределяются роли так, что одни вредят, а другие пролезают на контроль и обеспечивают, таким образом, возможность выпуска паровозов из депо в таком состоянии, какое неминуемо должно вызвать крушение.

На одной железной дороге за два последних месяца 1936 г. было выпущено из маленького депо 18 паровозов со значительным браком. Здесь систематически выпускались паровозы с неправильной центровкой осей, т. е. с такими дефектами, которые должны были заведомо привести к авариям и крушениям. И выпущенные из этого депо паровозы действительно попадали в крушения и аварии.

Стали копаться в этом деле и оказалось, что и здесь засела группа старых троцкистов, матерых вредителей, которые умышленно вредительски «ремонтировали» паровозы.

Установлено в целом ряде случаев, что под паровозы подкатывали колесные пары с недопустимой толщиной так называемых реборд. Реборда—это выступ бандажа, обеспечивающий подвижной состав от схода с рельсов. Было так, что из депо выпускались паровозы с неправильным разбегом оси в буксе, с ненормальным разбегом так называемой кулисы, т. е. одной из важнейших частей парораспределительного механизма в паровозе. Все это проводится исподволь, незаметно, так, чтобы обеспечить возможность прикрыть, в случае чего, вредительский, диверсионный акт ссылками на технические неполадки, на случайность, на халатность, недосмотр и т. д. и т. п. и кстати подвести под уголовную ответственность второстепенных людей, даже невиновных людей. Это тоже один из приемов маскировки.

Так было при известном крушении на станции Шумиха в результате всяких преступных махинаций некоторых администраторов дороги, оказавшихся троцкистскими диверсантами, подсунувших следствию и суду ложные технические акты, давших заведомо и нарочито ложные объяснения; были осуждены второстепенные люди при крушении, а главные и настоящие виновники крушения остались в тени. При крушении на станции Шумиха погибло 29 красноармейцев, крушение было подготовлено Князевым, который был начальником Южно-Уральской дороги, а на суде все свалили на технические недочеты, на стрелочников, неповинных в диверсии. Потом истина восторжествовала. Князев и его сообщники были изобличены, но первоначально маскировка этих бандитов имела успех.

Несколько дней назад мы закончили расследованием дело группы работников одиннадцатой Красно-Уфимской дистанции пути Казанской ж. д. Оказалось, что там сидела троцкистско-шпионская вредительская группа, возглавлявшаяся начальником одиннадцатой дистанции пути Порошиным и пробравшимся в парторги—Бересневым.

На протяжении 1936 г. здесь систематически проводилась вредительская работа, направленная на развал путевого хозяйства. Оказалось, что в результате этой вредительской деятельности почти на всех околодках одиннадцатой дистанции состояние путей являлось угрожающим движению поездов. Имел место перекос шпал, в отдельных случаях доходивший до 30 см. После среднего ремонта заусеницы не очищались, дефектные рельсы не сменялись, болты не закреплялись. При ремонте путей шпалы подбивали не балластом, а просто досками и кольями, что вызывало излом рельс.

При проверке состояния пути одной этой одиннадцатой дистанции на 1 апреля 1937 г. обнаружено 2 175 дефектных рельс, 62 тыс. негодных шпал, 12 тыс. накладок, которые требуют немедленной замены. В результате—ряд крушений; 20 марта 1937 г. мы имели крушение, в котором было разбито 30 вагонов и повреждено 10 вагонов.

28 марта 1937 г. на другом перегоне произошло пассажирское крушение, к счастью без человеческих жертв.

5 апреля 1937 г. потерпел крушение еще один поезд—25 вагонов разбито и т. д. и т. п.

В начале это объяснялось неполадками, недисциплинированностью, разгильдяйством, распущенностью отдельных работников, а когда стали копать поглубже, то оказалось, что там засела троцкистская банда во главе с начальником дистанции, с участием парторга, — группа, в которую входил старший дорожный мастер, путевые обходчики, дорожные мастера, бригадиры.

Орудуют кое-где троцкистские диверсанты и вредители и на водном транспорте. Например, немало преступлений они совершили в Каспийском водном хозяйстве. Недавно в газетах сообщалось о том, что погиб пароход «Советская Армения». Это произошло при неслыханных обстоятельствах.

Вышел пароход с нефтегрузом с командой в 30 человек. Во время хода вода стала наполнять сначала трюм, затем машинную часть, и

в течение 2 часов танкер опустился на дно. Команде удалось спастись, но танкер и ценный груз погибли. Расследованием было установлено, что «Советской Армении» был запрещен выход в море без предварительного ремонта, так как состояние его корпуса было угрожающим. Имелось прямое запрещение регистра. Тем не менее руководство пароходства выпустило пароход из порта, прикрывшись якобы пользой дела, необходимостью выполнить план перевозок и тому подобными благовидными предлогами. В действительности, пароход погиб из-за явно преступной халатности или прямого вредительства. Не случайно в Каспийском пароходстве имела хождение вредительская теория о работе судов «на износ», о том, что в пароходе нужно беречь «сердце», т. е. машину, а все остальное—дело второстепенное. Известно, что во всяком организме сердце—это все; если сердце перестанет работать, то в каком бы футляре оно ни было, дело кончено. Поэтому, конечно, надо «беречь сердце», надо обеспечить, чтобы машина была в полном порядке. Это правильно. Машина должна быть в образцовом состоянии, но не за счет корпуса. Вредительская же теория состояла в том, что надо беречь сердце, не заботясь о корпусе. Эта теория приводила к тому, что на пароходах были прекрасные новые машины, а днища были худые и суда плавали под угрозой гибели. Вот пароход «Советская Армения» и погиб.

Здесь, конечно, не обошлось без вредительства.

В 1936 г. в Ленинграде произошел такой случай. Весной как только стала вскрываться Нева, по реке двинулся целый караван в составе дюжины наших пароходов. Несмотря на то что планом было предусмотрено начало навигации не ранее 5 апреля проводкой груженых судов, пароходство под руководством Бронштейна начало навигацию в середине марта.

Три первых судна, только что закупленных за границей, загруженные к тому же на 30—40% против нормы, были проведены с повреждениями и немедленно же стали в ремонт. Такая же судьба постигла и 9 других пароходов.

Хозяйственная операция была сорвана. Что же оказалось? Оказалось, что стоявший во главе Северного речного пароходства в Ленинграде Бронштейн—троцкист, который будучи разоблачен вместе с другими своими сообщниками, раскрыл подлинный план этого «ледового похода» своего каравана, рассчитанный на то, чтобы операцию по раннему лесосплаву сорвать.

По делу Якира, Тухачевского и других предателей был осужден и расстрелян, как известно, Эйдеман, бывший в свое время председателем центрального совета Осоавиахима и одновременно одним из главных виновников в этом деле государственной измены. Сейчас раскрылись крупные злоупотребления на строительстве центрального аэроклуба

Оказалось, что план строительства на 1937 г. имел 3 варианта. Уже это одно показывает, как хорошо велось строительство. При этом последний вариант был утвержден 13 марта 1937 г. Но из-за позднего утверждения финансирование первого квартала в банке не было оформлено, лес и цемент не были выкуплены, и строительные работы оказались сорванными.

По плану работ 1936 г. была предусмотрена постройка центральной насосной станции для откачки воды из дренажных колодезных установок. Проект утвержден в июне 1936 г., но только в сентябре 1936 г. оказалось, что рабочих чертежей не существует. Окончательные чертежи были готовы в марте 1937 г. В результате за строительство своевременно не взялись, дренажные трубы оказались забитыми песком, теперь придется все начинать сначала.

На строительстве пропал ряд проектов и смет, имеющих очень важное значение. Об этом Эйдеман молчал и ничего не говорил. Покаявшись в своих грехах, в действительности он целую гору своих преступлений скрыл.

В 1936 г. президиум центрального совета Осоавиахима произвел списание в расход 3 млн. руб. по Тушинскому аэродрому, как будто на капиталовложения в летное поле. Теперь оказалось, что эти капиталовложения никакими документами не подтверждены. Не исключено, что эти 3 млн. полностью или частично пошли на преступные цели бандитской шайки.

Так «работают» наши враги.

Вскрыт такой возмутительный факт. На некоторых зерноскладах под видом фосфорно-желатиновой приманки для отравления грызунов было обнаружено самовоспламеняющееся вещество. Пожары, возникшие в нескольких местах, были ликвидированы работниками склада. Оттуда изъяли фосфорно-желатиновую приманку. Как можно видеть, диверсанты не останавливаются ни перед чем.

Сказанное далеко не исчерпывает, конечно, всех форм и методов преступной и подлой деятельности врагов нашего народа.

Можно было бы привести ряд других фактов, которые говорят о том, как беспредельны подлость и коварство наших врагов, которые не стесняются в средствах, не гнушаются ничем, никакой мерзостью и циничной подлостью преступлений.

Наша задача—неуклонно разоблачать врага, неуклонно разоблачать его преступные махинации. Наша задача—мобилизовать общественную бдительность и создать ту неприступную, мощную стену общественного сознания, которая не позволит ни одному разведчику и вредителю проникнуть в наши ряды.

На III конгрессе Коммунистического интернационала Ленин говорил о наших врагах:

«Эти люди делают всевозможные попытки, они ловко пользуются каждым случаем, чтобы в той или иной форме напасть на Советскую Россию и раздробить ее. Было бы весьма поучительно,—и я думаю, что иностранные товарищи это сделают,—систематически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями этой русской контрреволюции. Она работает, главным образом, за границей, и иностранным товарищам будет не особенно трудно проследить за этим движением. В некоторых отношениях мы должны учиться у этого врага. Эти контрреволюционные эмигранты очень осведомлены, великолепно организованы, хорошие стратеги, и я думаю, что систематическое сравнение, систематическое изучение того, как они организуются и как пользуются тем или иным случаем, может оказать сильное воздействие на рабочий класс с точки зрения пропаганды. Это не общая тео-

рия, это—практическая политика, и здесь видно, чему враг научился. Русская буржуазия за последние годы потерпела страшное поражение. Существует старое крылатое слово о том, что разбитая армия многому научается. Разбитая реакционная армия многому научилась, прекрасно научилась. Она учится с величайшею жадностью, и она действительно добилась больших успехов. В то время, когда мы одним натиском взяли власть, русская буржуазия была неорганизована, политически неразвита. Теперь, я думаю, она стоит на высоте современного западно-европейского развития. Мы должны считаться с этим, должны улучшать наши собственные организации и методы, и мы будем добиваться этого всеми силами. Нам было сравнительно легко, и я думаю, что и для других революций будет также легко справиться с этими двумя эксплуататорскими классами»[1].

Эти указания Ленина вместе с указаниями товарища Сталина имеют для нас решающее значение. Они говорят о том, что мы должны внимательно изучать практику и технику борьбы врагов нашего отечества, нашего социалистического государства рабочих и крестьян. Мы должны изучать практику и технику борьбы разведывательных органов, начиная от вербовки агентуры, до организации их преступной деятельности, направленной против интересов нашего социалистического отечества, по линии вредительства, шпионажа, диверсии и террора. Мы должны уметь овладеть всей техникой борьбы наших врагов, чтобы своевременно и радикально распознавать все те методы и средства, при помощи которых они против нас ведут свою подрывную работу, чтобы беспощадно и безошибочно громить врага, истреблять врага, уничтожать вражеские махинации.

К сожалению, надо еще много сделать, чтобы сказать, что мы этой техникой овладели в полной мере. Мы сплошь и рядом проявляем непростительное ротозейство. Вот, например, в последнее время церковники развили контрреволюционную агитацию и пропаганду против советской власти, прикрываясь новой Конституцией.

В последнее время церковники оживили свою деятельность. В одном месте они «нашли» «святого Васю», в другом месте «преподобную Варвару», в большей части полуумных дегенератов, которых делают «святыми» и, таким образом, производят свои жульнические манипуляции, обманывая и эксплоатируя невежественных людей. Они играют на старых пережитках, на религиозных предрассудках наиболее отсталой части населения.

Мы этой преступной деятельности в достаточной мере не противопоставляем свою пропаганду. Враг умело пользуется нашей беспечностью.

Приведу один пример, который я почерпнул из специального донесения Куйбышевского областного прокурора.

30 июня 1936 г. в Куйбышеве на Троицком базаре был замечен нищий Струков Г. С., который значился глухонемым. Он сидел на базаре и скромно просил милостыню. На груди у него была дощечка с надписью: «Граждане, помогите глухонемому, раздели, разули, а теперь работать не дают». Мимо этого глухонемого прошла не одна сотня людей, которые не обратили внимания на эту явно антисоветскую агитацию. Один человек обратил на это внимание; привели «нищего» в милицию и оказалось, что он совсем не глухой и совсем не немой, он оказался раскулаченным кулаком, который избрал такой путь антисоветской агитации. У него в кармане нашли десяток таких же дощечек, с таким же текстом надписей. Когда его спросили, что он думал делать с этими дощечками, он ответил, что если бы кому-нибудь понадобилось, он бы и дал.

Вот вам форма контрреволюционной агитации и контрреволюционной прокламации.

Условия международной обстановки очень сложны. Противоречия между капиталистическими странами обостряются с каждым днем. Все больше возрастают противоречия между нашим социалистическим государством, олицетворяющим собой систему новых социалистических отношений, и между странами капиталистического мира и особенно наиболее реакционными, фашистскими и полуфашистскими странами. Эти противоречия растут из месяца в месяц, создают все большую и большую угрозу войны. В этих условиях нужны максимальная бдительность и максимальное искусство овладения большевизмом, под знаменем которого мы побеждали до сих пор и будем побеждать впредь.

Мы должны научиться по-большевистски относиться к окружающей обстановке и к людям а это значит постоянно проявлять вдумчивость, проницательность, бдительность, стойкость и выдержанность.

Всегда и всюду — на работе, в служебной обстановке, при исполнении служебных обязанностей, в быту — мы должны помнить о наших врагах, об их коварстве, вероломстве, способности и готовности пустить в ход против нас, как они это и делают сейчас, самые подлые средства борьбы. Это они делали и будут делать.

Мы должны это помнить и напоминать об этом другим. Мы преодолели все трудности благодаря мудрому и гениальному руководству нашей партии, идущей по пути, указанному нашими великими учителями и вождями — Лениным и Сталиным.

Под руководством нашего ЦК во главе с великим учителем и вождем товарищем Сталиным мы окончательно победим и разгромим наших врагов без остатка.

---

[1] Ленин, т. XXVI, стр. 454—455.

Б. МАНЬКОВСКИЙ

Против антимарксистских теорий в уголовном праве[1]

I

Основным вопросом социалистического уголовного права является вопрос о вине. В советском уголовном праве при совершении преступления ответственность основывается на личной, индивидуальной уголовной ответственности. Последовательный, социалистический демократизм не исключает при особо тяжких злодеяниях и объективной ответственности, но все же определяющим принципом является личная, индивидуальная ответственность.

Маркс-ленинская теория права не отрицает вины как предпосылки личной ответственности за совершенные преступления. Только марксизм и может дать действительно научное обоснование вины в уголовном праве, разоблачая идеалистические теории о вине.

Вредительская «теория» Пашуканиса всячески извращала принципы советского уголовного права также и в вопросе о вине.

Пашуканис отрицает вину как предпосылку уголовной ответственности в силу того, что она якобы всегда связана с принципами индетерминизма. Вина, по Пашуканису, всегда является иррациональной, мистифицирующей категорией, прикрывающей действительную сущность уголовной ответственности. По Пашуканису, действительная сущность уголовной ответственности выступает только в теории опасного состояния. Троцкист Старосельский так и пишет, что вина и невменяемость не являются непосредственно целесообразным институтом, а представляют рациональную цель репрессии извращенно. Старосельский «дефетишизирует» вину, видит в ней лишь кривое зеркало действительной опасности преступления, которая более точно выражается в теории опасного состояния социалистической школы уголовного права. Здесь вместо «индивидуальной ответственности», пишет Старосельский, критерием репрессии становится просто «социальная необходимость». Таким образом Пашуканис и его «школка» трактуют проблему уголовной ответственности вне всякой связи с развитием классовой борьбы. Задача марксизма, оказывается, состоит лишь в том, чтобы дефетишизировать категории, снять с них мистифицирующую оболочку вины, и тогда мы обнаружим реальное существо уголовной ответственности.

Бухаринско-троцкистская «концепция» Пашуканиса не вскрывает поэтому действительного развития проблемы уголовной ответственности в буржуазном обществе. В действительности вина, индивидуальная ответственность выполняет вовсе не мистифицирующую, а весьма рациональную роль в организации уголовной репрессии. Не случайно поэтому Гегель так отстаивает принцип индивидуальной ответственности при применении наказания[2]. По Гегелю ответственность может иметь место лишь в том случае, когда совершенное действие является виновным, умышленным действием. Воля лишь в том случае может нести ответственность, что ей ведомо как предпосылка ее цели лишь то, что содержалось в ее умысле. В этих требованиях Гегеля индивидуальной ответственности выражаются общие принципы формальной, урезанной буржуазной демократии. Принцип индивидуализации ответственности является по своему классовому существу важнейшим методом рациональной, эффективной организации репрессии буржуазного государства. Дифференциация ответственности в зависимости от степени напряжения «злой воли» преступника выражает различную степень классовой опасности преступника для господствующей буржуазии. Так что принцип индивидуализации это не иррациональная категория, а весьма рациональный принцип карательной политики буржуазного общества в борьбе с сопротивлением эксплоатируемых. Буржуазными теоретиками принцип индивидуальной ответственности прикрывается требованиями формальной, фальшивой буржуазной демократии, гарантий прав личности и т. д. Но буржуазный суд никогда не ограничивается принципом индивидуальной ответственности. В борьбе с эксплоатируемыми буржуазия прибегает также и к объективной и к коллективной уголовной ответственности. Особенно широко эти принципы уголовной ответственности господствующая буржуазия широко применяет в колониях, где подавление сопротивления эксплоатируемых протекает в наиболее обнаженных формах и не связывается с формальным соблюдением урезанных принципов буржуазной демократии. В периоды же наиболее обостренной революционной борьбы пролетариата с буржуазией последняя сбрасывает маску законности, суд отступает на задний план, и открывается широкое поле действия для террористической внесудебной расправы.

В эпоху империализма, в связи с усилением реакции по всей линии, особенно ясно выражается эта ломка принципа индивидуальной ответственности, его все большие ограничения при применении наказания.

Поэтому антропологическая школа уголовного права уже на рубеже эпохи империализма, выражая усиление реакции в уголовной политике, требует замены вины изучением социальной опасности преступника общества. Это требование защищает также реакционная школа эпохи империализма — социологическая школа уголовного права.

В целях усиления карательной политики в эпоху империализма социологическая школа уголовного права предложила заменить вину теорией опасного состояния, которая давала самые широкие возможности суду для беспощадной расправы с лицами, опасными господствующей буржуазии независимо от степени тяжести совершенного преступного действия. Эти реакционные установки буржуазной социологической школы уголовного права выдавались Пашуканисом и его «школкой» в качестве марксистской теории ответственности.

«Идея ответственности,—писал Пашуканис,—необходима, если наказание выступает как средство расплаты. Преступник отвечает своей

---

[1] Третья статья. Первая статья напечатана в № 5 «Социалистической законности», вторая статья — в № 6 «Социалистической законности».

[2] Гегель, Соч., т. VII, § 115—118.

свободой за преступление и отвечает таким куском свободы, который соразмерен тяжести им содеянного. Эта идея ответственности совершенно не нужна там, где наказание освобождено от характера эквивалентности. Но там, где от этого начала действительно не осталось и следа, там наказание перестает быть наказанием в юридическом смысле слова.

Юридическое понятие вины не научно, ибо оно прямым путем ведет к противоречиям индивидуализма. С точки зрения сцепления причин, вызвавших то или иное событие, нет ни малейшего основания отдавать предпочтение одному звену перед другим. Действия человека психически ненормального (невменяемого) точно также обусловлены рядом причин, т. е. наследственностью, условиями жизни, средой, и т. д., как и действия человека вполне нормального».

Механическая, антидиалектическая методология Пашуканиса приводит к выводу, что вина связана только с индетерминизмом. Пашуканис также отрицает принципиальное отличие мер воздействия в отношении вменяемых и невменяемых правонарушителей. Невменяемый признается также принципиально ответственным, как и вменяемые. Тем самым смазывается классовая сущность преступления и уголовной ответственности. Пашуканис здесь полностью стоит на позициях социологической школы уголовного права. Советское уголовное право, как пишет Пашуканис в одной рецензии, должно особое значение придать объективной ответственности.

Враг народа Пашуканис пытается сознательно ориентировать нашу судебную практику на разрыв с принципами социалистического демократизма, с принципом индивидуальной ответственности как определяющим принципом социалистического уголовного права.

Пашуканис исходит из установок реакционных буржуазных школ уголовного права. Так, Э. Ферри отрицая свободу воли, отрицает также вину[1] и предлагает руководствоваться при применении мер обороны против преступников исходя из изучения тех мотивов, в силу которых было совершено преступление, из изучения степени общественной опасности личности, т. е. опасности правонарушителя для господствующей буржуазии. Поэтому Ферри рассматривает умысел и неосторожность как институты, имеющие весьма второстепенное значение в вопросе об уголовной ответственности. Решающее значение имеет степень вообще опасности данной личности для правопорядка.

Для обоснования уголовной ответственности, по Ферри, достаточно одной физической, объективной, вменяемости. Ведь именно то же самое говорит и Пашуканис, отрицающий вину и определяющий значение в советском уголовном праве индивидуальной ответственности. С этой точки зрения Ферри, а за ним и Пашуканис, отрицают принципиальное отличие между действиями вменяемых и невменяемых правонарушителей. «Позитивная школа, наоборот, находит,—пишет Ферри,—что подобно тому как не существует свободной воли, не существует также ни ответственности, ни виновности и ни нравственной вменяемости, откуда, однако, не следует, что должна исчезнуть всякая политическая вменяемость, уголовная ответственность или наказуемость преступника. Она утверждает (в этом и заключается ее коренное нововведение), что для установления уголовной ответственности достаточно одной физической вменяемости, причем, разумеется, она устанавливает также и другие объективные и субъективные условия применения различных форм наказания, т. е. социальной обороны, к различным категориям преступников и преступлений»[1].

Но Пашуканис при разрешении проблемы уголовной ответственности повторяет не только «теории» реакционной буржуазной антропологической школы уголовного права, но также и утверждения социологической школы уголовного права. Лист давно предлагал, так же как и другие лидеры социологической школы, отказаться от вины в уголовном праве. «Правда, — писал он, — система детерминизма устраняет по отношению к человеку ответственному, так же как то сделала классическая школа по отношению к человеку безответственному, понятие вины..., а с тем и идею искупления, потому что понятие вины и искупления неотделимы от идеи свободы воли, которую по традиции передала нам классическая школа»[2].

Не случайно эти реакционнейшие теории об отказе от вины и замены ее теорией опасного состояния так широко сейчас использованы «теоретиками» германского фашизма, которые в своей» расовой» и «волевой» теории уголовного права требуют при применении наказания руководствоваться не тяжестью совершенного преступления, а степенью опасности вообще, воли, мировоззрения преступника для фашистской диктатуры.

Итак контрреволюционная, бухаринско-троцкистская «концепция» Пашуканиса смыкается с «теориями» оголтелого фашизма.

«Концепция» Пашуканиса ориентирует на объективную ответственность как на основной принцип карательной политики, что выражает троцкистские «установки» в оценке наказания как голого насилия.

II

Буржуазные «теории» Пашуканиса оказали весьма значительное влияние на разработку проблемы вины. Так, Волков рассматривает вину в капиталистическом обществе как иррациональную, мистифицирующую категорию. Волков не вскрывает действительного существа индивидуальной ответственности в буржуазном государстве. По Волкову, замена социологической школой вины теорией социальной опасности, выражает попытки преодоления эквивалентной формы уголовной репрессии и стремления на плановых началах организовать уголовную репрессию. Бухаринско-реставраторская «теория» организованного капитализма лежит в основе этих высказываний Волкова о вине[3].

---

[1] Э. Ферри, Уголовная социология, т. 1, стр. 216—218

[1] Э. Ферри, Уголовная социология, стр. 80.

[2] Franz Liszt, Уголовная политика.

[3] См. «Учебник уголовного права», Харьков, 1930; «Кризис социологической школы и фрейдизм в уголовном праве» («Революция права», 1929, № 6, стр. 89).

На основе «концепции» Пашуканиса дается освещение вопроса о вине в буржуазном государстве и Разумовским. Вина рассматривается Разумовским как юридическая ответственность, «выявляющаяся вследствие нарушения со стороны субъекта прав своего контрагента и потому выступающая в форме правового отношения, в коем отсутствует воля другой стороны»[1]. Здесь дается типично идеалистическое, в духе «концепции» Пашуканиса, определение понятия вины. Последняя выступает как результат правонарушения абстрактным товаровладельцем правовых отношений. Эта антиисторическая постановка вопроса Разумовским полностью выхолащивает классовую сущность вины, индивидуальной ответственности в буржуазном государстве.

Механистическая, абстрактно-схоластическая постановка вопроса о роли и значении вины в буржуазном государстве не дает возможности Разумовскому вскрыть действительную политическую сущность этого института. Вина Разумовским рассматривается как некая реальная категория вообще, которая однозначна и в буржуазном и в советском праве. Только в буржуазном праве она облечена в мистифицирующие одежды, а в советском праве она выступает, так сказать, в дефетишизированном виде — в виде социальной опасности преступника и преступления. Этот антиисторический подход не может вскрыть принципиальное отличие вины в буржуазном и советском праве. Вина, умысел и т. д. трактуются как реальные, объективные правоотношения вообще, причем эти институты в советском праве рассматриваются как отмирающие и выветривающиеся. С этих антимарксистских позиций Разумовский не мог вскрыть значение индивидуализации ответственности в философско-правовых построениях Канта и Гегеля. Разумовский все значение вины в философской системе Канта видит только в том, что вина носит субъективный характер, как и все категории, связанные с понятием свободы, ответственности, умысла и т. д. Совершенно очевидно, что подобный анализ нас не двигает ни на шаг вперед. При оценке гегелевской философской системы Разумовский становится на путь меньшевиствующего идеализма, утверждая, что «философия уголовного права Гегеля представляет собой в этом отношении высшую ступень в развитии так называемой «классической школы», ту ступень, на которой она «вплотную подходит» (Ленин) к материалистическому пониманию, отражая реальные формы существующих общественных отношений, характерных для буржуазного общества. Ее недостаток лишь в том, что он не может подняться над этими отношениями, подойти к ним не только с точки зрения а б с т р а к т н о г о права, но и с точки зрения человека, как целостного с о ц и а л ь н о г о с у щ е с т в а»[2].

Таким образом Гегель, по мнению Разумовского, вплотную подходит к материалистическому пониманию вины. Известно, что «Философия права» является наиболее реакционной частью учения Гегеля. Вместо того чтобы вскрыть политическую сущность на том этапе развития буржуазного общества значения требований Гегелем индивидуальной ответственности как важнейшего метода организации репрессии капиталистического общества, прикрываемого принципами формальной буржуазной демократии о гарантии прав личности и т. д., Разумовский ограничивается утверждением, что собственно в системе Гегеля дается почти материалистическое истолкование вины.

Буржуазные «теории» Пашуканиса о вине оказали весьма значительное влияние и на вопросы о вине в социалистическом уголовном праве. Так, Волков пишет, что «социологическая школа заменила вину понятием социальной опасности. В нашем праве то же самое понятие социальной опасности, но с другим содержанием, чем у «социологов», есть тот элемент, который криминализует преступное поведение[1]. Несмотря на все оговорки, Волков проводит знак равенства между социальной опасностью в буржуазном и в советском уголовном праве. Неудивительно после этого, что Волков, так же как и буржуазные криминалисты-социологи, отрицал принципиальное различие между действиями вменяемых и невменяемых правонарушителей: «Действительно, «невменяемости» в старом смысле слова как предела, за который не переходит деятельность слова, как предела, за который не переходит деятельность суда, наше право не знает. «Невменяемый» также является субъектом преступления, так же может быть носителем социальной опасности и подлежать воздействию суда в смысле применения мер социальной защиты, как и так называемый «вменяемый» субъект. Но бесспорно, с другой стороны, «что содержание мер социальной защиты — иное отношение к «невменяемому», чем к «вменяемому». А раз так, то «вменяемость» и «невменяемость» перестают, правда, быть границей судебного вмешательства, но получают другое значение — значение момента, определяющего категорию мер социальной защиты, применяемых в том или другом случае, и к тому же категорию резко и точно законом очерченную»[2]. В дальнейшем Волков отказался от этой точки зрения.

Вину, умысел, неосторожность предлагается Разумовским постепенно «элиминировать» из советского уголовного законодательства[3]. Касаясь так называемой дозировки наказания и индивидуализации ответственности, Разумовский приходит к выводу, что «лишь процесс социалистической перестройки наших общественных отношений делает окончательно ненужной эту форму ответственности»[4]. Производимая Разумовским «дефетишизация» вины, умысла, неосторожности в советском уголовном праве приводит его к заключению, что особенностью советского уголовного права является создание новой формы ответственно-

---

[1] И. П. Р а з у м о в с к и й, «Детерминизм и ответственность в уголовном праве» («Революция права», 1929, № 6, стр. 89).

[2] Р а з у м о в с к и й, Детерминизм и ответственность в уголовном праве, «Революция права», 1929, № 6, стр. 92.

[1] В о л к о в, Учебник уголовного права, Харьков, 1930 .

[2] Г. И. В о л к о в, О трех вопросах уголовного кодекса, «Вестник советской юстиции» № 6, 15 марта 1926, стр. 237.

[3] Р а з у м о в с к и й, Детерминизм и ответственность в уголовном праве, «Революция права, 1929, № 6, стр. 101.

[4] Там же, стр. 103—104.

сти — «формы коллективной ответственности, далеко не укладывающейся в привычные юридические формулировки»[1]. Принцип коллективной ответственности, который применялся в совершенно исключительных случаях в период гражданской войны, возводится Разумовским в основной принцип советской уголовной политики. Так извращаются, под влиянием «концепции» Пашуканиса, принципы советской карательной политки.

Эти антимарксистские утверждения подробно развиваются и в работах Эстрина, который пишет, что советское уголовное право основывается не на вине, а на «опасности преступника»[2].

Отсюда «значение понятия умысла или понятия неосторожности существенно уменьшается, поскольку, вообще говоря, эти два понятия уже охватываются понятием классовой опасности»[3]. Эстрин приходит даже к утверждению, что в УК 1922 г. без этих институтов «можно было бы обойтись», ибо они «безусловно затрудняют понимание УК массами и овладение ими судьями»[4].

Не случайно поэтому Эстрин объективную ответственность рассматривает как основу советской карательной политики»[5]. Эти установки рвут с принципом индивидуализации уголовной репрессии в советском уголовном праве, с принципами социалистического демократизма.

В книге тов. Крыленко «Ленин о суде» в освещении вопроса о вине также сказалось влияние буржуазных «теорий». Индивидуализацию ответственности тов. Крыленко, вопреки взглядам Ленина, не рассматривает как основной принцип советского суда. Вина, умысел, неосторожность отрицаются как необходимые условия применения наказания. Насколько неверно освещаются взгляды Ленина по этим вопросам, видно из следующего примера: тов. Крыленко делает вывод об отрицании вины советским уголовным правом, опираясь на высказывание Ленина о том, что «мы вовсе не виним того голодного, измученного человека, который в одиночку едет за хлебом и достает его какими угодно средствами, но мы говорим: мы существуем, как рабоче-крестьянское правительство, не для того, чтобы узаконять и поощрять распад и развал»[6]. На этом абзаце речи Ленина на IV конференции профессиональных союзов тов. Крыленко останавливается, в силу чего может действительно создаться впечатление об отрицании Лениным вины. В действительности, Ленин в этой же речи далее говорит, что однако «можно винить тех, кто является партийным человеком и, проповедуя хлебную монополию, недостаточно подчеркивает сознательность действий. Да, борьба с мешочниками, с отдельными провозами хлеба, «трудная борьба, потому что это есть борьба с темнотой, с бессознательностью, с неорганизованностью широких масс, но от этой борьбы мы никогда не откажемся»[1]. Следовательно, Ленин не отрицает виновности действий мешочников и в особенности подчеркивает вину тех партийных руководителей, которые не ведут надлежащей борьбы с дезорганизацией и спекуляцией в снабжении населения хлебом.

В другом случае Ленин в дополнение к декрету СНК «Социалистическое отечество в опасности» писал: «Все, имеющие оружие, должны получить новое разрешение: а) от местного своего домового комитета; б) от учреждений, указанных в § 2. Без двух разрешений иметь оружие запрещено; за нарушение этого правила кара — расстрел.

Та же кара за сокрытие продовольственных запасов»[2]. Ленин совершенно точно здесь говорит об индивидуальной ответственности только тех лиц, которые нарушают постановление СНК о порядке получения разрешений на оружие. Однако тов. Крыленко, анализируя это высказывание Ленина, делает вывод, что этот пример свидетельствует, до каких пределов доходило у Ленина пренебрежение старым критерием индивидуальной вины[3].

Насколько неверно освещены взгляды Ленина по вопросу о вине, видно из того, что там, где в ряде случаев речь идет о должностной халатности, там тов. Крыленко видит наличие объективной ответственности. Так, Ленин в своей речи на XI съезде РКП(б) говорил о бестолковщине, сутолоке в ряде советских учреждений, где трудно установить личную ответственность должностных лиц за порученное им дело, в силу чего трудно установить, кто ответственен за невыполнение того или иного распоряжения. Ленин требует точного установления обязанностей каждого должностного лица. «Нужен культурный подход, — пишет Ленин, — к простейшему государственному делу, нужно понимание, что это — дело государственное, торговое, если будут препятствия, надо уметь их устранить и тянуть к суду виновных за волокиту. Я думаю, пролетарский суд сумеет наказать, а чтобы наказать — нужно найти виновных, а я вам ручаюсь, что найти виновных нельзя, пусть каждый из вас посмотрит это дело — нет виновных, а есть сутолока, суматоха и ерунда...»[4].

Совершенно очевидно, что здесь Ленин подчеркивает необходимость не объективной, а индивидуальной ответственности, ибо, как пишет Ленин, для того, «чтобы наказать — надо найти виновных». Ленин предлагает за бездействие ответственных руководителей учреждений, которые не ведут борьбу за государственную дисциплину в госаппарате, за точное установление обязанностей каждого должностного лица, привлекать последних к строгой судебной ответственности как бюрократов и волокитчиков. Здесь, следовательно, у Ленина и речи нет об объективной ответственности. Тов. Крыленко, анализируя эти высказывания Ленина, делает политически ошибочный вывод: «При нахождении виновного, — пишет

---

[1] Там же, стр. 105.

[2] Эстрин, Развитие советской уголовной политики, стр. 158.

[3] Эстрин, Развитие советской уголовной политики, стр. 156.

[4] Там же, стр. 156.

[5] Эстрин, О вине и уголовной ответственности в советском праве. «Советское государство», 1935, № 1, стр. 115.

[6] Ленин, т. XXIII, стр. 98.

[1] Ленин, т. XXVII, стр. 250—251.

[2] Ленин, т. XXII, стр. 270.

[3] Крыленко, Ленин о суде, 1934, стр. 7.

[4] Ленин, т. XXVII, стр. 250—252. Разрядка моя. — Б. М.

Крыленко, — Владимир Ильич целиком отбрасывал в сторону вопрос о субъективной невиновности того или иного лица. Объективная вина в этом случае превалировала»[1].

Таким образом не только извращаются взгляды Ленина по данному конкретному случаю, но вообще делается вывод, что принцип индивидуальной вины — это «старый критерий», принцип буржуазного общества. Так, индивидуализация ответственности рассматривается как типично буржуазная правовая категория. По мнению тов. Крыленко, только буржуазные юристы классической школы при применении наказания исходят из вины преступника. «Другими словами, — пишет тов. Крыленко, — в основание применения репрессии мы кладем не вину, а нечто совершенно иное, именно нашу обязанность как органа государства не допускать распада и развала, которыми угрожают действия данного лица»[2]. Эти утверждения тов. Крыленко на деле обозначают признание правовых институтов только институтами буржуазного права. В действительности это отрицание вины, умысла, неосторожности обозначает не что иное как воспроизведение теоретических позиций буржуазной социологической школы уголовного права. Поэтому тов. Крыленко в книге «Ленин о суде» не было показано принципиальное, качественное отличие принципа индивидуальной ответственности в буржуазном и социалистическом уголовном праве. Эти установки тов. Крыленко приводят к серьезным политическим ошибкам: к особому подчеркиванию роли коллективной и объективной ответственности в советской уголовной политике. Не случайно, после этого, один из криминалистов договорился до таких «практических» предложений, как введение в качестве опыта коллективной уголовной ответственности в некоторых районах Московской области.

Проект УК Комакадемии 1930 г. наиболее последовательно отражает влияние «теорий» Пашуканиса в вопросе о вине. Объективная ответственность возводится в руководящий принцип карательной политики, в силу чего проект скатывается на путь голого насилия. Контрреволюционным преступлением, по проекту, рассматривается всякое действие, объективно способствующее свержению или ослаблению диктатуры пролетариата. Больше того, к преступлениям объективно контрреволюционного характера приравниваются особо опасные преступления против порядка управления. Умысел и неосторожность исключаются проектом УК, ибо «отжил и стал ненужным пролетариату целый ряд прежних юридических понятий, — говорит «Введение». — Проект последовательно проводит в жизнь идею отсечения этих понятий»[3].

В проекте УК Госинститута по изучению преступности и преступника 1930 г., который является по существу кулацким проектом, так же с позиций буржуазной социологической школы уголовного права решался вопрос об уголовной ответственности. Умысел и неосторожность среди так называемых «критериев» социальной опасности поставлены на последнее место. Так, в ст. 10 этого проекта УК говорится следующее: «10. Признаки социальной опасности лица. — При разрешении вопроса о социальной опасности лица суд должен учесть: а) его классовое положение и социальное прошлое, б) имущественное и семейное положение, в) культурный уровень, г) состояние здоровья и степень умственного развития, д) мотивы действия, е) совершено ли общественно-опасное действие случайно или профессиональным преступником, ж) действовало ли лицо умышленно или неосторожно»[1].

Не случайно поэтому одним из авторов этого проекта проф. Трайниным ставился вопрос о «дефетишизации» институтов советского уголовного права и вопрос о необходимости пересмотра этих институтов под углом выяснения, какие же из них уже являются «пережитком прошлого».

«На перевале, у начала второго десятилетия, — писал т. Трайнин, — советская общественность и научная мысль подвергают новой оценке положения прошлого и ближайшие задачи будущего. Это движение наблюдается во всех сферах советского строительства, оно коснулось, естественно, и уголовной политики».

Еще в 1926 г. Е. Пашуканис в своей, получившей заслуженную известность, работе писал: «Что представляет собой общая часть всякого уголовного кодекса (в том числе и нашего) с ее понятиями пособничества, соучастия, покушения, приготовления и т. д., как не способ более точного взвешивания виновности? Что представляет собой разграничение умысла и неосторожности, как не разграничение степеней виновности? Какой смысл имеет понятие виновности? Наконец, зачем нужна вся особенная часть кодекса, если дело идет о мерах социальной (классовой) защиты?» И уже в 1927 г. Н. Крыленко, как бы откликаясь на эти вопросы, пишет «о необходимости коренной переработки нашего уголовного кодекса, может быть вплоть до постановки вопроса о целесообразности вообще самого построения кодекса из статей, снабженных карательными санкциями. Сама жизнь в этой области уже сказала: «пора». И далее, «долой крючкотворство, долой фетишистское понимание буквы закона, долой нынешнюю сложность УПК». Это вновь нарождавшееся движение, эти лозунги, где принципиальное перемещано с техническим, и протест против крючкотворства сливается с отрицанием Особенной части, это движение заслуживает полного внимания. Для успешности предстоящих работ и их продуктивности необходимо отчетливо осознать, что в сфере уголовного законодательства действительно является автоматическим пережитком прошлого и что, напротив, должно быть признано неустранимым в настоящий, переходной к коммунистическому строю период времени[2].

---

[1] Крыленко, Ленин о суде, стр. 204—205.

[2] Крыленко, Ленин о суде, 1934, стр. 196.

[3] Вступительная статья Крыленко к проекту ... 1930 г. (Изд. 1937 г., стр. 22) «Уголовный кодекс без Особенной части и без дозировки».

[1] Государственный институт по изучению преступности и преступника. Проект основных начал уголовного законодательства Союза и союзных республик и уголовного кодекса РСФСР. Москва, 1930, стр. 9.

[2] А. Трайнин, Основы социальной опасности, «Основы и задачи советской уголовной политики», стр. 98.

Насколько сильно оказалось влияние антимарксистских теорий по вопросу о вине, умысле и неосторожности, видно из того, что даже в комментариях к уголовному кодексу до самого последнего времени субъективные признаки состава преступления отрицаются как необходимые условия уголовной ответственности.

«Ст. 10 УК, — говорится в этих комментариях, — устанавливает умысел и преступную неосторожность как необходимые условия для применения мер наказания. Но было бы неправильно толковать ст. 10 таким образом, что она выдвигает умысел и преступную неосторожность как необходимые условия применения всех вообще мер воздействия, устанавливаемых УК»[1].

«Наше определение преступления явно исключает то значение, которое придается буржуазной школой уголовного права при определении преступления, виновности и умысла. Степень вины отдельного участника преступления, понятно, должна играть роль при выборе по отношению к нему той или иной меры наказания. В этом смысле она должна играть роль обстоятельства, но не г л а в е н с т в у ю щ е г о. Основное в оценке преступления, во всяком случае, — социальная опасность данного действия. В таком отношении к этим обстоятельствам в наибольшей степени проявится оценка преступления как социального явления. Степень вины и умысла должна быть учтена при оценке опасности каждого участника преступного действия: человек, совершивший преступление с заранее обдуманным планом, всегда опаснее человека, совершившего преступление по неосторожности. Но такая индивидуальная оценка преступника н е д о л ж н а в л и я т ь на оценку самого преступного факта как явления, нарушающего основы установленных отношений.

В этом смысле советское уголовное право при оценке преступления отказывается от того исключительного значения критерия вины и умысла, который в буржуазном уголовном праве при его индивидуалистическом подходе к преступным действиям служит исходным положением»[2].

Что подобные теории о вине преподносятся нашим судебным работникам в комментарии, ответственны мы, прежде всего теоретические работники, ибо в течение ряда лет в юридических журналах эти утверждения преподносились как последние достижения марксистской мысли.

К сожалению, и в настоящий момент в ряде случаев мы не находим еще достаточного уяснения всей глубины прорыва, который мы имеем на фронте теории уголовного права[3]. Антипартийные позиции проекта УК 1930 г. по вопросу о вине, умысле, неосторожности и т. д. рассматриваются, например, т. Волковым как только «левацкие извращения задач уголовной политики»[1]. Тем самым смазываются правооппортунистические «установки» этого проекта.

Насколько медленно идет осознание на правовом фронте крупнейших политических ошибок проекта УК 1930 г., видно, например, из того, что в другом случае ошибки проекта сводятся к практической трудности его применения и к недооценке революционной роли советского закона. Так, в № 6 «Советской юстиции» (стр. 6—7) мы читаем: «В итоге получился известный проект кодекса 1930 г. «без дозировки и Особенной части», практически очень трудный для применения, а теоретически основанный на порочной предпосылке отрицания не только дозировки, но и явной недооценке роли революционного закона как могучего орудия нормирования и воспитания новых общественных отношений на базе твердой социалистической законности, выражающей твердое руководство пролетариата.

Ошибкой этого проекта было то, что в эпоху коренного перелома—это были 1929 — 1930 гг. — он прокламировал ориентировочный перечень преступлений, в то время когда, наоборот, надо было всячески бороться за твердый закон как орудие твердого революционного руководства при перестройке общественных отношений. «Правооппортунистические» и «левацкие» утверждения этого проекта с надлежащей политической четкостью здесь не вскрываются.

Мы не находим также надлежащей политической характеристики «установки» проекта УК 1930 г. в одном из самых последних документов, оценивающих положение на правовом фронте, — в тезисах к положению на теоретическом правовом фронте: «Так о проекте УК 1930 г. в 23 тезисе говорится следующее: «23... Основными положениями этого проекта были:

1) отказ от принципа дозировки, т. е. построение системы применения репрессии по принципу соответствия наказания тяжести преступления к индивидуальным особенностям преступника;

2) прокламирование ориентировочного, а не точного состава преступлений.

Теоретические корни отрицания дозировки целиком совпадали с основными положениями теории Пашуканиса о происхождении права из рыночных отношений, его иррациональности и пр.

Практически отказ от дозировки означал отказ от вполне рационального и целесообразного индивидуализирования судом ответственности в соответствии с общественной опасностью преступления, индивидуальными особенностями преступника и обстановкою преступления в целях как воздействия на самого преступника, так и общественно-воспитательного воздействия на других.

Этим все положительные стороны проекта: борьба его с формальным подходом к преступлению и преступнику, борьба с составляющими существо классической школы идеей возмездия и идеей свободы воли сводились на-нет.

Одновременно установки на ориентировочный перечень преступлений, а не на точные

---

[1] Г. Р о г и н с к и й и Д. К а р н и ц к и й, Уголовный кодекс РСФСР, стр. 42.

[2] Г. Р о г и н с к и й и Д. К а р н и ц к и й, Уголовный кодекс РСФСР, стр. 35—36.

[3] См. характеристику доклада Г. Волкова во Всесоюзном институте юридических наук о положении на уголовно-правовом фронте в моей статье «Против смазывания самокритики на фронте уголовного права» («Советская юстиция», 1937, № 9).

[1] Г. В о л к о в, О проекте нового Уголовного кодекса («Социалистическая законность», 1937, № 3, стр. 73).

составы, знаменовали со стороны авторов проекта явную недооценку революционного закона в условиях диктатуры пролетариата»[1].

В этих тезисах отмечается в отношении только дозировки, что отрицание ее было связано с теориями Пашуканиса, но нет четкого указания, что этот проект—целиком антипартийный документ, извращающий линию советской карательной политики и политически выражавший собою как правооппортунистические, так и левацкие установки. В отрицании вины, умысла, неосторожности, в подчеркивании объективной ответственности проект скатывается на путь голого насилия. Поэтому нет никаких оснований говорить о каких-то положительных сторонах проекта УК 1930 г., как это делается в упомянутых выше тезисах. Вовсе не заслугой и каким-то нововведением проекта УК 1930 г. является отрицание возмездия и формального подхода к преступлению, ибо эти принципы уже были сформулированы в «Руководящих началах по уголовному праву» 1919 г., в УК 1922 г. и 1936 г. РСФСР.

В тезисах совершенно обходится вопрос о крупнейших ошибках уголовно-правового фронта, с чем, в частности, связаны извращения в оценке так называемой дозировки в буржуазном и в социалистическом уголовном праве. Замалчиваются «теории» о «разложении» буржуазной и уголовно-правовой формы и сводятся к «путанице» крупнейшие политические ошибки уголовно-правового фронта. Так, в тезисе 25 «теория» элементов буржуазной уголовно-правовой формы в советском праве трактуется не как отражение нового маневра Пашуканиса после 1931 г. и все ошибки сводятся к путанице и, очевидно, к неудачной терминологии. Позиция никуда негодная. Это нам не помогает выкорчевывать все теорийки о вине, умысле и т. д. как об элементах буржуазной уголовно-правовой формы.

III

В работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина мы находим исчерпывающий ответ по вопросу о проблеме вины.

Известно, что враги марксизма много приложили стараний, чтобы «неопровержимо» доказать отрицание якобы марксизмом вообще проблемы ответственности, пытаясь квалифицировать марксизм как фаталистическую теорию.

Однако только марксизм дает единственно научное обоснование для разумного действия, для обоснования ответственности. Только марксизм дает единственно научное обоснование для уяснения действительной роли личности в ходе общественного развития соотношения практики человеческой деятельности и сознания и действительной сущности вины и уголовной ответственности.

Маркс в своих знаменитых тезисах о Фейербахе писал, что на практике человек должен доказать истинность своего мышления[2]. Впротивовес всяким фаталистическим теориям Маркс подчеркивал огромную активную роль сознания, говоря в 11 тезисе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»[1]. С исключительной глубиной вскрывается соотношение практики и сознания в замечаниях Ленина при конспектировании им книги Гегеля «Наука логики». Владимир Ильич отмечает, что человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность[2]. Все цели, которые ставит перед собой человек, определяются объективным миром. Ленин указывает, далее, что человеку только кажется независимость его целей от объективного мира[3]. Этими замечаниями Ленин тем самым показывает несостоятельность учения идеализма об абсолютной, ничем необоснованной свободе воли. В какой мере воля человека, его сознание определяются объективным миром, это видно из следующего указания Ленина: «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к познанию закономерностей объективной действительности. Истинность идей, понятий человека можно доказать только практикой»[4]. В какой мере сознание зависит от объективной действительности, видно из того, что, по мнению Ленина, только практика человека и человечества является критерием объективности познания[5]. Но сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его[6]. Товарищ Сталин в 1905 г. в статье «Ответ социал-демократу» дает глубокую постановку вопроса о соотношении бытия и сознания. Бытие определяет сознание. «Сообразно существованию двух классов и сознание вырабатывается двоякое: буржуазное и социалистическое»[7]. Эти указания Маркса, Ленина и Сталина имеют громадное значение для уяснения действительной сущности уголовной ответственности. Деятельность личности определяется объективной действительностью, но, однако, личность играет активную роль в изменении этого внешнего мира. Значение сознания, воли личности, так сказать субъективному фактору, марксизм-ленинизм придает весьма важное значение, ни в коей мере не отрицая ответственности личности за совершаемые действия.

Энгельс блестяще показал марксистское понимание соотношения свободы воли и необходимости, что имеет особо важное значение для разрешения вопроса об основании уголовной ответственности. Свобода воли есть познанная необходимость. Но отвергая буржуазные теории о ничем необусловленной свободе воли, Энгельс в то же время разоблачает и фаталистические теории, поскольку признание необходимости открывает широ-

[1] К положению на теоретическом уголовном фронте, «Советская юстиция», 1937, № 8, стр. 5.

[2] Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IV, стр. 589.

[1] Там же, стр. 591.

[2] В. И. Ленин, Философские, тетради, 1933, стр. 181.

[3] В. И. Ленин, Философские тетради, 1933, стр. 182.

[4] Там же, стр. 183—184.

[5] Там же, стр. 202.

[6] Там же, стр. 203.

[7] Цитирую по книжке Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», 1935, стр. 42.

кие перспективы для активной деятельности воли человека. «Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей... Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»[1].

Несомненно, что чем в большей мере лицо действует со знанием дела, тем в большей мере оно несет и ответственность за свои действия. Классовая, общественная опасность данного правонарушения и совершенного им преступного действия повышается, когда правонарушитель действует с полным пониманием всей степени опасности совершаемого преступления. Следовательно, понимание свободы воли как познанной необходимости ни в коей мере не исключает вины и ответственности. Больше того, действительно научное обоснование вины, как пишет Ленин, может быть дано только с позиций детерминизма. **«Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, ни мало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»**[2].

Вина в советском уголовном праве выражает классовую, общественную опасность преступника и совершенного им преступления для социалистического строительства. Выяснение степени виновности данного преступника имеет большое значение для индивидуализации уголовной ответственности.

Насколько большое значение Ленин придавал личной ответственности, видно из его неоднократных указаний о том, что «гвоздь» положения — в людях, в подборе людей»[3], и необходимости вести беспощадную войну с бестолковщиной и волокитой в учреждениях, при которых совершенно нельзя установить, кто же персонально несет ответственность за те или иные действия. Судьи при применении наказания должны тщательно изучить степень виновности данного правонарушителя.

«Судьи, — пишет Ленин, — у нас местные. Судьи выбираются местными советами. Поэтому та власть, которой прокурор передает решение возбужденного им дела о нарушении закона, является властью местной, которая обязана при определении меры наказания учитывать все местные обстоятельства, имеющая при этом право оказать, что хотя закон несомненно был нарушен в таком-то случае, но такие-то близко известные местным людям обстоятельства, выяснившиеся на местном суде, заставляют суд признать необходимым смягчить наказание по отношению к таким-то лицам, или даже признать таких-то лиц по суду оправданными»[1]. Ленин в письме к Н. П. Горбунову от 3 сентября 1921 г. с исключительной четкостью подчеркнул определяющее значение индивидуальной ответственности при применении наказания: «Затем, — писал Ленин, — поручаю Вам расследовать дело о простое шведского завода «Нитвес и Гольм» («Экономическая жизнь» № 194, стр. 4). «Медленно оформили» заказ на водные турбины! В коих у нас страшный недостаток! Это верх безобразия и «бесстыдства»!! Обязательно найдите виновных, чтобы мы этих мерзавцев могли сгноить в тюрьме.

Установить точную персональную ответственность за работу этого завода и заказы ему.

Вообще установление точной персональной ответственности — важнейшее дело управдела СНК и Совета Труда и Обороны. Этого я буду требовать строже всего. Если окажется надобность привлекать для этого НКЮст и Рабкрин или «эксперта» от них»[2].

В работах товарища Сталина с исключительной конкретностью и глубиной подчеркивается значение личной ответственности. В докладе XVII съезду партии товарищ Сталин говорил: «Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления; болтовня о «руководстве вообще» вместо живого и конкретного руководства; функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности; обезличка в работе и уравниловка в системе зарплаты; отсутствие систематической проверки исполнения; боязнь самокритики, — вот где источники наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности»[3]. Поэтому в качестве очередной важнейшей ответственности товарищ Сталин выдвигал в докладе требование необходимости усиления личной ответственности. Для теоретической разработки проблемы уголовной ответственности приведенные выше указания Ленина и Сталина имеют решающее значение.

Изучение работ Маркса, Ленина и Сталина имеет решающее значение для политически правильной разработки институтов социалистического уголовного права. Перед советским правовым фронтом стоят огромные задачи. Сталинская Конституция, являющаяся юридической основой всего нашего законодательства, открывает широчайшие горизонты перед советскими криминалистами для творческой положительной работы. И разработка проблемы вины, имеющей огромное теоретическое и политическое значение, должна быть поставлена как важнейшая задача в нашей теоретической работе.

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1931, стр. 103.

[2] Ленин, т. I, стр. 77. Разрядка моя. — Б. М.

[1] Там же, стр. 299.

[2] Ленин, т. XXIX, стр. 401.

[3] Ленин, т. XXVII, стр. 255.

[3] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 591.

Б. БОРИСОВ

Гражданский процесс и прокуратура

В свете Сталинской Конституции по-новому должны быть поставлены вопросы судоустройства и процесса. Будучи источником всей системы социалистического права, Сталинская Конституция дает исчерпывающие указания о путях, в направлении коих должен развиваться и строиться судебный процесс.

В частности перед наиболее отсталым до сих пор участком судебного процесса — гражданским процессом — открываются перспективы всемерного развертывания и расширения. Два фактора обусловливают положительные перспективы перед гражданским процессом: чрезвычайно выросший удельный вес суда как одного из наиболее авторитетных и могучих органов диктатуры пролетариата и огромный рост гражданских дел в судах, связанный с безраздельным господством в стране общественной, социалистической собственности — основы советского строя, расцветом на этой базе личной собственности трудящихся и укрепившимся социалистическим правосознанием последних. В предусмотренном Конституцией Гражданском процессуальном кодексе Союза ССР должны получить отражение такие установки в области судопроизводства, которые могли бы в наиболее совершенном виде обеспечить воспитательную роль суда в гражданском процессе и гарантировать правильное разрешение гражданско-правовых споров, связанных как с охраной интересов государства, так и с защитой личных и материально-правовых интересов трудящихся.

Надо сказать, что в течение последних 7—8 лет гражданский процесс как правовая дисциплина оставался на самом заднем плане правового фронта; им не занимались ни теоретически, ни практически. В этом отношении гражданский процесс испытал на себе даже в большей степени, чем другие дисциплины, результаты вредительской и контрреволюционной «теории» Пашуканиса и его «школки». По линии процесса открыто господствовала нигилистическая «теория», что при разборе судебных дел надо исходить из «минимума формы и максимума классового существа».

На положении гражданского процесса не могли также не отразиться и ликвидаторские «теории» в области гражданского права. Исходя из определения Пашуканиса («Общая теория права и марксизм»), что «основной предпосылкой правового регулирования является противоположность частных интересов», что «правовой порядок именно тем и отличается от всякого иного социального порядка, что он рассчитан на частных обособленных субъектов», некоторые наши цивилисты создали «теорию» отмирания гражданского права по мере исчезновения частнособственнических отношений. Дань этой теории отдал, к сожалению, и П. И. Стучка, имеющий огромные заслуги в деле разработки основ советского права. В своей статье «О системе и пределах материальной или особой части Гражданского кодекса» («Революция права» № 5 за 1929 г.) Стучка писал: «Гражданское право рушится с каждым днем, по частям исчезает, разваливается все больше и больше.., а вот хозяйственно-административное право — это другое дело, оно вырастает». Эта точка зрения получила свое дальнейшее развитие в трудах Амфитеатрова, Гинцбурга, Братуся и других участников бывшей секции хозяйственного права Комакадемии.

Совершенно естественно, что при таком взгляде на перспективы гражданского права не могла развиваться такая наука, содержание которой сводится к деятельности суда в области разрешения гражданско-правовых споров. Что касается «хозяйственно-административного права», которое «вырастало» за счет гражданского права, то оно не могло содействовать оживлению гражданского процесса, хотя бы по одному тому, что споры внутриобобществленного хозяйства рассматривались в основном Госарбитражем, принципиально отвергавшим возможность применения к его деятельности норм и принципов гражданского процесса. Картина станет еще более убедительной, если вспомнить, что в это же время, идя в ногу с «теорией» об отмирании гражданского права, суды ликвидировали в своей системе специальные гражданские коллегии.

Однако не надо думать, что на гражданском процессе отразилась вредительская «теория» Пашуканиса лишь косвенно, через гражданское право. Так называемая «меновая концепция», рассматривавшая право как форму опосредствования товарных отношений, нашла себе и прямое убежище в процессуальном праве. «Буржуазное правосудие», — говорит Пашуканис («Общая теория права и марксизм», гл. 7), — «прилагает все заботы, чтобы сделка с преступником состоялась по всем правилам искусства, то есть, чтобы каждый мог убедиться и проверить, что расплата назначена по справедливости (гласность судопроизводства), чтобы преступник мог свободно поторговаться (состязательность процесса), чтобы он при этом мог воспользоваться услугами опытного судебного дельца (допущение защиты) и т. д., словом, государство ставит свое отношение к преступнику в рамки добросовестного коммерческого оборота, в чем и состоят так называемые уголовно-процессуальные гарантии». Так как по «теории» Пашуканиса и его «школки» советское право по содержанию своему является буржуазным («источник права, говорит Берман, и там и тут один и тот же»), то очевидно, что процессуальные гарантии и в советском процессе отражают лишь «добросовестный коммерческий оборот». К сожалению, не критически воспринял эту «меновую концепцию» применительно к гражданскому процессу и т. Стучка. В своем первом томе курса советского гражданского права (стр. 85) Стучка пишет: «Конечно, и судебное право подпало под влияние товарооборота. Наиболее явственно это обнаружилось в гражданской тяжбе, представляющей настоящий торг сторон с участием посредника—властного судьи». Т. Прушицкий продолжает в том же духе. В своей статье «Судопроизводство гражданское» («Энциклопедия государства и права», т. III) т. Прушицкий утверждает, что «построение

гражданского процесса находится в тесной зависимости от гражданского оборота», что «темп судебного производства неизбежно должен быть приведен в соответствие с темпом гражданского оборота». Надо полагать, что принципы гражданского процесса определяются не «гражданским оборотом», а классовой структурой общества, интересами господствующего класса и общими принципами государственного управления в стране. Именно, исходя из этого, мы сейчас говорим, что на основе самой демократической в мире Сталинской Конституции должен быть построен самый демократический гражданский процесс. Отражение той же концепции мы можем найти и в «программе по гражданскому процессу», составленной т. Прушицким в 1930 г. (изд. Комакадемии). В главе II, посвященной «деятелям процесса», имеется тезис «о хозяйской инициативе товаровладельца и процессуальной инициативе стороны». Гражданский процесс, таким образом, обязательно «привязывается» к товарным отношениям, а в качестве стороны в этом процессе фигурирует обязательно все тот же «товаровладелец». Из этой же программы мы узнаем, что т. Прушицкий и по линии гражданского права стоял последовательно на так называемой двухсекторной теории, выдвигающейся т. Стучкой. В первом разделе программы, посвященном гражданскому праву, имеется утверждение о «перерастании гражданского права в административное»; это почти буквальное повторение ошибочных высказываний т. Стучки, что гражданское право рушится с каждым днем и разваливается, а на его месте вырастает хозяйственно-административное право. Не удивительно, что подобная установка неизбежно влекла за собой упрощенчество и процессуальный нигилизм. Раз гражданский процесс связан органически с товарными отношениями и рыночным оборотом, то по мере сворачивания этих отношений отпадает необходимость и в процессуальных гарантиях, опосредствующих «добросовестный коммерческий оборот». Вся судебная практика последних 8 лет подтверждает наличие этих упрощенческих тенденций в процессе.

Надо, однако, констатировать, что развитию советского гражданского процесса препятствовали, помимо вредительской «теории» Пашуканиса и его «школы», также и общая недооценка теоретического характера этой дисциплины и низведение ее до системы простых технических мероприятий. Достаточно напомнить, что первая книга по гражданскому процессу, вышедшая в 1924 г. после издания ГПК и принадлежавшая перу Г. Рындзюнского, была озаглавлена «Техника гражданского процесса». А т. Брандепбургский в предисловии к этой книге именно в этом факте и усматривает ее главное достоинство. Так, он пишет: «Второе, крупное, на наш взгляд, ее достоинство следует видеть в том, что она совершенно не ставит перед собою на разрешение так называемых теоретических вопросов гражданского процессуального права». Итак, чем меньше теории в области гражданского процесса, тем, оказывается, лучше. К сожалению, подобную же трактовку процесса мы находим и у тт. Стучка и Крыленко. Так, т. Стучка в первом томе своего «Курса советского гражданского права» пишет: «Может быть, меньше всего название «право» подходит к процессу. Процессуальные действия — это скорее всего техника». Таким образом по этой концепции процессуальные нормы играют роль лишь технических правил, значение коих, очевидно, одинаково ценно для любого процесса; мы здесь имеем повторение на базе процессуальной того же злополучного «безликого инструментария» профессора Шретера, о котором он говорил применительно к отдельным институтам гражданского права. Совершенно ясно, что трудно при таком взгляде на процесс разрабатывать теорию этой правовой дисциплины, подчеркивать ее классовое содержание и сугубо политический характер.

В настоящее время созданы все предпосылки для того, чтобы поднять вопросы гражданского процесса на должную высоту. Необходимо, однако, для этого выкорчевать остатки вредительской «меновой концепции» Пашуканиса и одновременно отказаться от неправильной трактовки гражданского процесса как совокупности технических норм.

Необходимо одновременно отметить, что, несмотря на 14 лет действия ГПК, некоторые его основные принципиальные положения сохранили свое значение и актуальность и на нынешнем этапе. Прежде чем перейти к вопросу о задачах, стоящих перед гражданским процессом, необходимо предварительно остановиться на характере действующего ГПК. В нем можно найти нормы, явно устаревшие на сегодняшний день и представляющие собой отражение пройденных этапов нашей революции. Имеются нормы, характерные для восстановительного периода нэпа, имеются и нормы, отражающие «упрощенческий» период в деятельности суда. Говоря о принципах ГПК, сохранивших свое значение на сегодняшний день, мы имеем в виду отношение ГПК 1923 г. к принципам диспозитивности и состязательности. В развернутой форме оба эти принципа буржуазного процесса теснейшим образом связаны с взглядом на гражданское право как на сугубо «частное право» заинтересованных лиц, не могущее быть предметом государственного вмешательства и контроля. Вот как характеризуют значение этих постулатов буржуазные процессуалисты. Проф. Гредескул в своей статье «К оценке теории состязательного начала в гражданском процессе» пишет: «Гражданские права, как частное достояние граждан, подлежат свободному распоряжению их субъектов, входят в сферу так называемой частной их автономии... Отсюда вывод, что активная роль в процессе должна всецело принадлежать сторонам, а суд должен быть только пассивным зрителем происходящей перед ним борьбы из-за предмета, до которого никому, кроме спорящих из-за чего, нет никакого дела». Проф. Малышев в «Курсе гражданского судопроизводства» пишет: «Состязательное начало есть принцип гражданского судопроизводства, по которому разные действия суда зависят от требования сторон, от их инициативы, и спорные отношения сторон обсуждаются по тем только фактам, которые сообщены суду тяжущимися». Проф. Гольмстен в своей статье «Состязательное начало гражданского процесса в теории и русском законодательстве» пишет: «Состязательное начало есть начало личной автономии тяжущихся в гражданском процессе...

Так что тяжущийся является полным господином процесса, судья же занимает объективное положение». Таким образом все указанные авторы сходятся на том, что в силу частного характера гражданских прав хозяином процесса является сторона, ей принадлежит активная роль в нем, судья же обречен на роль «пассивного зрителя». Мог ли наш ГПК 1923 г. воспринять подобные установки? Конечно, нет. Для советского государства, которое борется за социалистическую перестройку быта, за преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, которое заботится о поднятии материального благосостояния трудящихся, не может быть безразлично, как складываются гражданско-правовые отношения в нашем обороте и быту. Товарищ Ленин в записке на имя т. Курского Д. И. писал в феврале 1922 г.: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государства... Отсюда расширить применение государственного вмешательства в «частно-правовые» отношения, расширить право государства отменять «частные» договоры, применять не corpus juris romani к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание, показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как надо делать с умом и энергией».

В том же 1922 г. в связи с обсуждением проекта Гражданского кодекса Ленин писал т. Молотову «...главной задачей комиссии признать: полностью обеспечить интересы пролетарского государства с точки зрения возможности контролировать (последующий контроль) все без изъятия частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы...» В соответствии с этими высказываниями и построено отношение Гражданского процессуального кодекса 1923 г. к принципам диспозитивности и состязательности. Ст.ст. 2 и 5 ГПК предусматривают активную роль суда в гражданском процессе, направленную на всемерную охрану интересов государства и трудящихся. Весь строй процесса направлен на то, чтобы была отыскана материальная, а не формальная правда. Не может быть такого положения, чтобы сторона не добилась восстановления принадлежащего ей права вследствие ее юридической неосведомленности или малограмотности. Как распоряжение своим материальным правом (мировая сделка, отказ от иска и т. д.), так и собирание доказательств поставлено под действенный контроль суда, обязанный «оказывать обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов». Таким образом смысл активной роли суда сводится не к ущемлению процессуальных прав стороны, а к реальной помощи и укреплению ее положения в судебном процессе.

В нашей литературе обычно указывается, что советский гражданский процесс не знает принципов диспозитивности и состязательности. Так, например, в книге С. В. Александровского «Гражданский процесс РСФСР» говорится: «Нашим Гражданским процессуальным кодексом, введенным в действие с 1 сентября 1923 г., принципам диспозитивности и состязательности нанесен решительный удар». Тов. Бранденбургский в уже упомянутом предисловии пишет, что «Гражданский процессуальный кодекс РСФСР резко порвал с обоими принципами диспозитивности и состязательности». Подобные установки считались общепринятыми среди наших цивилистов-процессуалистов. Думается, что в это положение надо внести некоторое уточнение. Наш ГПК дает широкую возможность стороне проявлять свою инициативу и оперативность в процессе. Не говоря уже о том, что исковой процесс, как правило, возникает по почину заинтересованной стороны и что «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, как на основание своих требований и возражений» (ст. 118), наш ГПК дает такие широкие права стороне, каких не знает буржуазный процесс. Достаточно для этого вспомнить ст. 2 ГПК, в силу которой «сторона может во всяком положении дела изменить основание иска, увеличить или уменьшить свои исковые требования», или ст. 9 ГПК, обеспечивающую возможность судоговорения на языке любой национальности. Еще резче ставится вопрос о расширенных правах стороны в процессе в свете установок Сталинской Конституции, направленной на всемерное ограждение личных и имущественных прав трудящихся. Между тем тезис о нашем критическом отношении к принципу состязательности в гражданском процессе обычно понимают в том смысле, что стороны ограничены в своих процессуальных правах, находясь под постоянным контролем суда, являющегося «хозяином» процесса. Отсюда прямой шаг к произволу суда и упрощенчеству. Мы за состязательность в том смысле, что стороны в гражданском процессе совершенно свободно и без всяких стеснений отстаивают свои интересы и высказывают свои соображения. Мы, однако, против буржуазного толкования состязательности, согласно которой сторона становится «господином» процесса, а суд пребывает в роли «объективного» зрителя. В интересах трудящихся и государства ГПК дополняет инициативу сторон активным вмешательством и помощью со стороны суда. Активная роль суда направлена не на ущемление или ограничение прав сторон в процессе, а на оказание дополнительной помощи той из сторон, которая по фактическим обстоятельствам дела в этом нуждается. Только такая система гражданского процесса обеспечивает положение, при котором «юридическая неосведомленность и малограмотность» стороны не будет использована ей во вред. Мы полагаем, что это основное положение нашего процесса сохраняет все свое значение и актуальность также и на будущее время. В целом ряде, однако, других вопросов ГПК на сегодняшний день отстает от требований, предъявляемых Сталинской Конституцией. В этой связи необходимо остановиться на вопросах: 1) о дальнейшей демократизации гражданского процесса, 2) об обеспечении стабильности судебного решения, 3) о компетенции гражданского суда.

Самая демократическая в мире Сталинская Конституция вызывает необходимость дальнейшей демократизации суда и судебного процесса. Основные принципы суда и процесса даны уже в самой Конституции (всеобщие,

прямые, равные при тайном голосовании выборы народных судей, коллегиальный состав суда, право стороны на защиту, положение о том, что суд в своей деятельности руководствуется исключительно законом, язык судопроизводства, гласность суда). Нам необходимо пересмотреть отдельные стадии и институты гражданского процесса с точки зрения их соответствия основным установкам, данным в Сталинской Конституции. Действующий ГПК знает сейчас немало норм, идущих вразрез с требованием развернутой судебной демократии. Достаточно для этого хотя бы привести следующие примеры. Ст.ст. 235-а и 235-б ГПК перечисляют случаи, когда решения по трудовым и гражданским делам не подлежат кассационному обжалованию и вступают в законную силу немедленно. К ним, например, относятся иски на сумму в 100 руб. Несмотря на незначительность этой суммы, она, однако, в конкретных случаях может представлять серьезный материальный интерес для стороны.

Практика показывает, что стороны часто добиваются пересмотра в порядке надзора решений и по этой категории дел. Нет никаких оснований сохранять в гражданском процессе такой порядок, при котором судебные решения выносились бы бесконтрольно и стороны не вправе были бы приносить на них жалобы в обычном кассационном порядке.

Другой пример. В силу ст. 254-б протесты, приносимые в порядке надзора по отдельным гражданским делам, рассматриваются в определенных случаях президиумами краевых (областных) и верховных судов. Заседания президиумов по этим делам происходят закрыто, заинтересованные стороны туда не вызываются и не допускаются. Постановка дела в порядке надзора на президиум вызывается, как правило, жалобой одной лишь стороны, так что вторая сторона, в пользу которой было вынесено решение, вообще не знает о том, что кем-то и где-то производится проверка интересующего ее судебного дела. Президиум, находя протест прокуратуры или председателя суда подлежащим удовлетворению, вправе не только отменить решение с направлением дела на вторичное рассмотрение, но он может в зависимости от обстоятельств дела тут же на месте внести необходимые изменения в состоявшееся решение, вынести новое решение или прекратить вовсе дело производством. Таким образом сторона, активно участвовавшая в обеих судебных инстанциях и добившаяся определенного решения, неожиданно получает из рук закрытого президиума измененное или отмененное судебное решение. Одним росчерком пера сводятся в этих случаях на-нет все принципы судебной демократии, применяющиеся в первой и второй инстанциях (гласность, устность и т. д.). Что с того, что стороне была дана возможность участвовать и отстаивать свой интерес в гласном и устном судебном заседании, если после вступления решения в законную силу вынесенное решение снова обсуждается и пересматривается, но на этот раз уже без ее участия и в закрытом порядке. Необходимо установить такой порядок, который обеспечил бы гласное и устное рассмотрение дела в любой стадии процесса и на любом этапе движения дела.

Третий пример. Ст. 24-а ГПК РСФСР перечисляет ряд случаев, когда гражданские дела разрешаются не коллегиальным составом суда, как это предусмотрено Конституцией, а народным судьей единолично. Трудно привести какое-либо разумное основание в пользу этой новеллы 1934 г. Какие соображения могут быть приведены в пользу того, что надо отказаться по определенным категориям дел от народных заседателей? Нам думается, что ни ссылки на процессуальную экономию, ни ссылки на скорость процесса или отсутствие интереса к ним со стороны народных заседателей не могут оправдать необходимость сохранения единоличного порядка рассмотрения дел. На деле это приводит к упрощенчеству и безответственности судей. А это в свою очередь не может не отразиться на качестве судебных решений по этим делам и, следовательно, в конечном счете—на правах участвующих в деле лиц. Необходимо с этим порядком рассмотрения дел расстаться, сохранив коллегиальный состав суда для всех гражданских дел без исключения.

Четвертый пример. Согласно ст. 242 ГПК по делам, назначенным к слушанию в кассационном заседании Верховного суда, стороны не вызываются в судебное заседание. Вместо этого установлен такой порядок, при котором список дел, назначенных к слушанию, вывешивается в самом здании суда за 5 дней до заседания. Здесь, таким образом, устанавливается фикция «извещения сторон» по вывешенному в здании суда объявлению. Естественно, что стороны не знают, как правило, о предстоящем рассмотрении интересующего их дела. Кассационные заседания Верховного суда фактически превращаются в закрытые судебные заседания.

Надо отметить, что в области законодательства уже принимаются меры по дальнейшей демократизации судебного процесса. Достаточно для этого сослаться на постановление ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1937 г. (С. З. 1937 г. № 18, ст. 63) «Об изменении размеров единой государственной пошлины с исковых заявлений по делам, производящимся в судебных учреждениях». Вопрос о размере государственной пошлины и порядке ее взимания упирается в проблему доступности судебного процесса для широких слоев трудящихся. Указанным законом упразднено деление индивидуальных плательщиков единой государственной пошлины на две категории (трудящиеся и прочие лица) и значительно снижены ставки государственной пошлины. Так, по ранее действовавшему закону, с истцов-трудящихся пошлина взималась при цене иска свыше 200 руб. в размере 7% с цены иска; по принятому же 7 марта закону при цене иска от 500 до 5 000 руб. госпошлина взимается в размере 2% от цены иска.

Товарищ Сталин в своем докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов особо подчеркнул проблему стабильности законов. Из этой директивы необходимо сделать соответствующие выводы и по линии судебного процесса. Остро стоит вопрос об обеспечении стабильности судебного решения, вступившего в законную силу. Конечно, основным средством укрепления судебного решения является поднятие его качества. Чем лучше и квалифицированнее решение, тем меньше оснований для его отмены или внесения в него каких-либо изменений. Однако независимо от этого основного условия в действующем ГПК имеются

нормы, мешающие борьбе за устойчивость судебного решения. Достаточно для этого сослаться на существующий порядок надзора по гражданским делам. Судебный надзор мыслился как исключительный порядок проверки дела, когда этого требуют «особо существенное нарушение действующих законов или явное нарушение интересов рабоче-крестьянского государства или трудящихся масс». На деле же количество дел, истребуемых для проверки в порядке надзора, иногда даже превышает процент судебных дел, обжалуемых в кассационном порядке. Истребование судебных дел в этом порядке производится параллельно по линии прокуратуры и суда. Каждый случай истребования дела обычно сопряжен с приостановлением судебного решения. Подобных приостановлений бывает иногда такое количество, что решение, вступившее в законную силу, годами не может быть реализовано. Сохраняя и впредь порядок надзора как институт, дающий нам возможность в исключительных случаях исправить явно незаконное судебное решение, надо, однако, упорядочить его таким образом, чтобы не было параллелизма и множества инстанций, имеющих право требовать дела и приостанавливать решения.

В этой же связи необходимо привести и ст. 185 ГПК, дающую право суду «разъяснять и толковать свое решение» в течение неограниченного срока, за исключением случаев, когда истекла уже исковая давность или решение уже приведено в исполнение. Таким образом стороны никак не могут считать свои гражданско-правовые отношения, основанные на судебном решении, окончательно установленными, коль скоро это судебное решение еще может в течение неопределенного срока «истолковываться или разъясняться». Если судебное решение до того неясно или непонятно, что оно нуждается в специальном судебном истолковании, то правильнее было бы ставить вопрос о полной отмене этого решения с направлением дела на вторичное рассмотрение.

С вопросом об устойчивости судебного решения теснейшим образом связано и право суда предоставлять отсрочку или рассрочку исполнения судебного решения. В силу ст. 182 ГПК суд вправе в исключительных случаях предоставить отсрочку исполнения судебного решения и после вступления его в законную силу. На практике же суд этим правом пользуется до того широко, что неоднократными и последовательными отсрочками судебного решения последнее вообще часто сводится нанет. Наконец, для авторитета судебного решения необходимо обеспечить его исполнимость; надо устранить такое положение, когда тысячи исполнительных листов фактически не проводятся в жизнь.

Огромное значение суда по Сталинской Конституции объясняется, в частности, и тем, что он по принципам своего устройства и деятельности способен наиболее полно и всесторонне рассматривать споры, связанные с ограждением и защитой личных и имущественных прав трудящихся. Отсюда возникает проблема дальнейшего расширения компетенции гражданского суда за счет органов бесспорного и административного взыскания. Мы никогда не противопоставляли гражданский суд органам администрации в том смысле, что суд занимается исключительно разрешением споров о праве гражданском. ГПК знает, например, такое особое производство, как «освобождение от военной службы по религиозным убеждениям». В интересах государства и трудящихся можно передавать судам и так называемые «административные дела», если этим путем лучше обеспечивается правильное разрешение конфликтов, связанных с личными и имущественными правами граждан. Сейчас имеется, например, по «Положению о нотариате» большой перечень случаев, когда претензии удовлетворяются в бесспорном порядке путем выдачи нотариусом соответствующих исполнительных надписей. В ряде случаев это одностороннее разрешение споров приводит к явным ущемлениям интересов второй стороны. Необходимо пересмотреть весь этот перечень в направлении изъятия из нотариальной компетенции и передачи судам тех случаев, которые вернее всего могут быть рассмотрены и разрешены в публичном судебном заседании с участием обеих сторон и с проверкой всех доказательств. В последнее время мы имеем уже отдельные постановления правительства, идущие по линии расширения компетенции гражданского суда за счет административного порядка рассмотрения конфликтов. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 октября 1936 г. (С. З. 1936 г. № 55, ст. 434) разъяснено, что «взыскание с колхозов денежных штрафов за несдачу ими в срок натуроплаты за работу машинно-тракторных станций (ст. 15 примерного договора машинно-тракторной станции с колхозами—С. З. 1934 г. № 11, ст. 68) производится в судебном порядке по искам машинно-тракторных станций», постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта 1937 г. (С. З. 1937 г. № 21, ст. 78) установлено, что «за злостное невыполнение колхозом к установленному сроку обязательств по сдаче государству зерна прокурор области (края, республики), по представлению районного уполномоченного Комитета заготовок, привлекает правление колхоза к ответственности по суду для наложения денежного штрафа в размере несданной части зерна, исчисленной по государственным закупочным ценам, а также для взыскания натурой невыполненной части поставок зерна». Нет сомнений, что здесь идет речь о взыскании в гражданском порядке и что прокурор должен взыскивать через суд эти штрафы и невыполненную часть поставок, опираясь на ст. 2 ГПК РСФСР. Несомненно, что мы наблюдаем явную тенденцию, направленную на дальнейшее расширение компетенции гражданского суда. В этой связи можно привести и постановление правительства о передаче из системы Госарбитража в суд всех колхозных дел на сумму до 5000 руб.

В связи с анализом основных задач и вопросов, стоящих перед гражданским процессом, необходимо остановиться дальше на роли прокуратуры на этом процессе. Особенности, характерные для советского гражданского права и заключающиеся в том, что гражданско-правовые отношения не могут рассматриваться как «частное дело» отдельных лиц, определяют как общий строй нашего гражданского процесса, так и удельный вес, занимаемый в нем прокуратурой. Вышеприведенное

высказывание т. Ленина о том, что «мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично правовое, а не «частное», дает исчерпывающий ответ на вопрос о принципиальном отношении прокуратуры к гражданскому процессу. Надо отметить, что активная роль прокуратуры составляет исключительную особенность советского гражданского процесса и объясняется общими задачами, стоящими перед пролетарским государством в области борьбы за социалистическую перестройку экономики и быта, за поднятие материального благосостояния трудящегося, за всемерное ограждение интересов государства и трудящихся. Советской прокуратуре не может быть безразлично, как складываются гражданско-правовые отношения в стране и как они конкретно разрешаются судом. В буржуазных государствах роль прокуратуры исчерпывается в основном ее участием в уголовном процессе. Гражданско-правовые же отношения, покоящиеся на базе неприкосновенной частной собственности, считаются той сугубо «частичной сферой», в отношении которой буржуазное государство должно сохранять свой «строгий нейтралитет». Понятно, что подобное «невмешательство» прямым образом направлено на защиту интересов эксплоататорских элементов, черпающих силу именно в том факте, что государство не мешает им использовать во-всю преимущества, связанные с незыблемостью и неприкосновенностью принадлежащей им частнокапиталистической собственности. В силу изложенного прокуратура в буржуазном гражданском процессе никакой роли не играет и принципиально не допускается к вмешательству в гражданско-правовые отношения. По дореволюционному уставу гражданского судопроизводства участие прокурора в гражданском процессе в форме дачи заключения ограничивалось несколькими конкретными случаями, предусмотренными ст.ст. 179 и 343 (по делам казенного управления, по делам брачным и о законности рождения, по спорам о подлоге документов, по вопросам о подсудности и пререканиях и др.), причем, согласно разъяснению Сената (67—525), «прокуроры обязаны давать заключения только по делам, поименованным в соответствующих статьях устава гражданского судопроизводства»; в объяснительной записке по этому поводу говорилось: «Прокурорский надзор... должен распространяться на те только дела, в которых нужно особое правительственное попечение, потому что подчинить наблюдению прокурора все спорные гражданские дела было бы несогласно с правилами состязательного процесса». Профессор Гольмстен в своем «Учебнике русского гражданского судопроизводства» говорит, что «давая заключение, прокурор не вступает в состязание со сторонами, не является стороной». Такое же положение занимает прокуратура и в западноевропейских буржуазных процессах. Так, французский процессуалист проф. Кремье пишет по этому поводу следующее: «Гражданский процесс принципиально выдвигает на сцену одни только частные интересы... было бы очень опасно позволить прокурору дать движение иску, если стороны воздерживаются от его предъявления. Он в таком случае мог бы, под тем предлогом, что тут замешан общественный порядок, вмешиваться в частные дела и вызывать беспорядок и скандалы в семейных отношениях: можно ли, например, допустить, чтобы прокурор ввиду того интереса, какой может иметь общество в установлении действительного происхождения, начал бы иск об отыскании незаконного отца, в то время как сам внебрачный ребенок и не подумал о предъявлении подобного иска»[1].

Наш ГПК 1923 г. сразу же занял по вопросу о роли прокуратуры в гражданском процессе противоположную позицию, подчеркнув ее активное отношение и прямую заинтересованность в том, чтобы гражданско-правовые споры разрешались в интересах государства и трудящихся. Не все, однако, среди советских юристов поддерживали тогда подобную роль прокуратуры в гражданском процессе. Так, например, проф. Люблинский в статье «Восстановление прокуратуры», опубликованной в журнале «Право и жизнь» (июль 1922 г., стр. 75), указывал, что «административный надзор прокуратуры намечен слишком широко, распространяясь не только на деятельность официальных учреждений и должностных лиц, но и проникая в сферу общественных и частных организаций и частных лиц». Проф. Люблинский считал это неправильным, так как «в области, отведенной частной или общественной деятельности, частные оргнизации и частные лица не могут создавать чего-либо, затрагивающего публичный интерес; отстаивание же нарушаемых ими законных интересов граждан следует предоставить самим гражданам». Проф. Люблинский, таким образом, продолжал отстаивать буржуазный взгляд на характер гражданско-правовых споров и отношение к ним со стороны советской прокуратуры.

В действующем ГПК имеется ряд статей, посвященных участию прокуратуры в гражданском процессе на различных его стадиях и по различным поводам (ст.ст. 2, 12, 172, 244, 254); наиболее полно охарактеризована компетенция прокуратуры по гражданским делам в ст. 2 ГПК РСФСР, согласно которой «прокурор вправе как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс». Таким образом в отличие от дореволюционного устава гражданского судопроизводства прокурор по ст. 2 ГПК не ограничен какими-либо определенными случаями, а вправе принять участие в любом деле, если этого требуют интересы государства и трудящихся. Кроме того прокурор по этой статье ограничивается не только дачей заключений, но выступает в роли «стороны», имеющей право «начать дело». Прокурор, помимо участия в суде первой инстанции, вправе опротестовать любое решение суда как в кассационном, так и в надзорном порядке. В самом же процессе при рассмотрении дела по существу прокурор пользуется всеми процессуальными правами стороны; вмешательство прокурора в процессе трактуется по ГПК как его факультативное право, определяемое каждый раз совокупностью обстоятельств данного конкретного дела; имеются только два случая, когда про-

[1] Цит. по Курсу гражданского процесса А. Гойхбарга, стр. 103.

курор обязан принять участие в процессе: 1) при наличии определения суда о признании участия прокурора необходимым, 2) при рассмотрении особого производства «об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям».

Помимо участия в суде первой инстанции, прокурор согласно ст. 244 ГПК «при рассмотрении дела в кассационном порядке может дать по делу свое заключение как в письменной форме, так и словесно в судебном заседании» и наконец, в силу ст. 254 ГПК прокурору принадлежит право истребовать в порядке надзора любое дело, решение по которому вступило уже в законную силу. При истребовании такого дела прокурор вправе приостановить решение и принести протест в случае обнаружения в решении «особенно существенного нарушения законов или явного нарушения интересов рабоче-крестьянского государства или трудящихся масс». Таково содержание норм ГПК, регламентирующих деятельность прокуратуры в гражданском процессе.

Хотя принципиально вопрос об активном участии прокуратуры в гражданском процессе за все 14 лет действия ГПК никем не оспаривался и сомнений не вызывал, однако практически не на всех пройденных этапах социалистического строительства это участие было одинаково ощутительным. В восстановительные годы нэпа участие прокуратуры в гражданском процессе было особенно активным, будучи направлено на разрешение задач, стоявших в тот период перед советской властью. «Это был первый период нэпа, — говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов,—когда советская власть допустила некоторое оживление капитализма при всемерном развитии социализма, когда она рассчитывала на то, чтобы в ходе соревнования двух систем хозяйства, капиталистической и социалистической, организовать перевес социалистической системы над капиталистической. Задача состояла в том, чтобы в ходе этого соревнования укрепить позиции социализма, добиться ликвидации капиталистических элементов и завершить победу социалистической системы как основной системы народного хозяйства». Статистика тех лет показывает, как из полугодия в полугодие рос удельный вес прокуратуры в гражданских делах. Если принять количество истребованных в 1923 г. Прокуратурой по РСФСР гражданских дел за 100, то для первой половины 1924 г. мы получим 212%, для второй половины 1924 г. — 265%, для первой половины 1925 г. — 460%, для второй половины 1925 г. — 752%; такую же динамику роста мы можем отметить и в отношении количества выступлений прокуратуры в гражданском процессе: в 1923 г. — 100%, в первой половине 1924 г. — 175%, во второй половине 1924 г.— 226%, в первой половине 1925 г. — 308%, во второй половине 1925 г.—362%; прокурор в те годы обычно принимал участие в тех гражданских делах, где лицом к лицу сталкивались две системы хозяйства — капиталистическая и социалистическая — и где ему приходилось по линии судебного процесса содействовать тому, «чтобы в ходе этого соревнования укрепить позиции социализма» **(Сталин)**; так, мы встречаем прокурора в делах, связанных с участием в гражданском обороте частных комиссионеров, поставщиков, подрядчиков, концессионеров и всякого рода частнокапиталистических товариществ («полных», «на вере» и т. п.), равным образом прокурор появлялся в процессе, когда шел вопрос о разоблачении какой-либо кабальной сделки, навязанной кулаком более слабой стороне, или договора, заключенного в обход закона. Во всех этих делах прокуратура должна была проявлять сугубо классовую бдительность. Она как страж социалистической законности боролась, с одной стороны, против остатков и пережитков военного коммунизма, а с другой — с обходом советских законов и злоупотреблениями частнокапиталистических элементов. Своим участием в гражданских делах прокуратура тогда осуществляла присущими ей специфическими методами общую политику государства, направленную на ограничение и вытеснение частнокапиталистических элементов из нашего народного хозяйства.

Если мы имеем возможность констатировать активность прокуратуры в гражданском процессе в первый период нэпа, то мы не можем этого сказать про последующие годы. Начиная приблизительно с 1928—1929 гг., гражданская прокуратура разделила общую судьбу гражданско-правового фронта, находившегося в течение ряда лет под влиянием вредительских «теорий» о буржуазном характере советского права и неизбежном отмирании советского гражданского права по мере успехов социалистического строительства. Наряду с гражданскими коллегиями в судебной системе были тогда же ликвидированы и специальные гражданские отделы в системе прокуратуры. Поворот внимания к этому участку связан с организацией в 1933 г. Прокуратуры Союза ССР. На I всесоюзном совещании работников суда и прокуратуры в 1934 г. была принята по докладу т. Вышинского резолюция о том, что «суд является основным производственным участком для работы прокуратуры». Если процент рассматривавшихся в суде гражданских дел составлял 70—80 всех разбиравшихся там дел, то, естественно, что, объявивши суд своим основным производственным участком, прокуратура должна была вплотную заняться и гражданскими делами. Огромное политическое значение этой категории дел, связанное с всемирно-историческими успехами в деле социалистического строительства, подстегивало поворот внимания к гражданско-судебному участку работы (охрана общественной, социалистической собственности, защита личной собственности трудящихся, внимание к личным имущественным интересам трудящегося — строителя социализма). К сожалению, организационная структура, принятая в 1934 г. прокурорской системой (промышленный отдел, сельскохозяйственный отдел, отдел товарооборота, кооперации и финансов и др.), не смогла обеспечить действенный и эффективный надзор за прохождением гражданских дел в судах. На практике гражданский суд как объект надзора благодаря этой неудачной структуре исчез из поля зрения прокуратуры; от случая к случаю истребовались отдельные гражданские дела и приносились протесты. Не было наблюдения за общей судебной политикой по гражданским делам, равно как и не ставились какие-либо общие вопросы в области граждан-

ского права и процесса. С начала 1936 г. приказом Прокурора Союза ССР созданы в системе прокуратуры гражданско-судебные отделы. С этого момента начинается более активное участие прокуратуры в гражданском процессе. Значительный перелом в этом отношении внесло I всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры по гражданским делам. Насколько активизировалась работа гражданской прокуратуры, можно судить хотя бы по тому факту, что если в апреле 1936 г. удельный вес документооборота гражданского отдела Союзной прокуратуры составлял 6%, то в апреле 1937 г. этот удельный вес уже составляет 12% и далеко обогнал соответствующие цифры ряда других отделов (уголовно-судебного, следственного, общего надзора); перелом этот можно проиллюстрировать также и следующими цифрами, характеризующими работу прокуратуры на периферии. Так, по данным группы статистики и информации Прокуратуры Союза ССР за второе полугодие 1936 г. по всему СССР было:

а) возбуждено по инициативе прокуратуры 20 273 гражданских дела,

б) рассмотрено гражданских дел в судах с участием прокурора 9 104,

в) рассмотрено гражданских дел в порядке надзора 99 684,

г) принесено протестов по затребованным делам 21 544.

Согласно данным, присланным Западносибирской прокуратурой, большую активность по гражданским делам проявляют аймачные (районные) прокуроры Ойротской автономной области. Так, прокурор Онгудайского аймака в порядке ст. 2 ГПК направил за последнее время в суд 57 исков в пользу колхозов, благодаря этому задолженность колхозам сократилась с 50 682 руб. до 12 000 руб., по Шебалинскому аймаку прокурор в порядке ст. 2 ГПК направил в суд 36 гражданских исков на 39 897 руб.; подавляющее большинство этих исков судом удовлетворено; по Турочанскому аймаку прокурор предъявил в последнее время 18 исков на 17 222 руб.; такую же активность проявляла в 1936 г. и Молдавская прокуратура, предъявившая в интересах колхозов свыше 500 гражданских исков.

Приведенная выше статистика о положении гражданских дел во всей прокурорской системе показывает нам, однако, что не всем стадиям процесса прокуратура уделяет одинаковое внимание. Совершенно неудовлетворительно обстоит дело с личным участием прокурора в делах, рассматриваемых первой и второй судебными инстанциями; нельзя же признать нормальной цифру в 9 104 на почти 4 000 000 гражданских дел во всей гражданской системе. Из статистики видно, что в основном внимание прокуратуры сосредоточено на рассмотрении дел в порядке надзора (99 684 дела). Несомненный сдвиг имеет место в области самостоятельного возбуждения прокурорами гражданских дел (20 273). С точки зрения борьбы за стабильность судебного решения прокуратура должна активизировать свое участие в судах первой и второй инстанций. Усиление активности в этом направлении, несомненно, вызовет сокращение количества случаев, когда прокуратура вынуждена прибегать к истребованию дел и опротестованию в порядке надзора решений, вступивших уже в законную силу. Однако для активизации прокуратуры в этом направлении необходимо предварительно разрешить вопрос, по каким же категориям дел прокуратуре необходимо принимать участие. Из нескольких миллионов гражданских дел, рассматриваемых в судах, нужно отобрать те из них, на которых политически целесообразно и необходимо заострить внимание суда и прокуратуры. Действующая редакция ст. 2 ГПК РСФСР выдвигает один критерий: прокуратура участвует в тех делах, где этого требует охрана интересов государства и трудящихся. Критерий этот служил верным компасом в руках прокуратуры в первые годы нэпа, когда ей приходилось участвовать в делах, в целях охраны интересов государства и трудящихся против частнокапиталистических элементов. В нынешних условиях, когда в качестве сторон в гражданском процессе почти на все 100% участвуют трудящиеся и представители госучреждений и предприятий, этот критерий нуждается уже в дальнейшем уточнении. На декабрьском совещании цивилистов резолюция по докладу прокуратуры содержит в себе перечень тех принципов, исходя из которых прокуратура должна включаться в гражданский процесс. Перечень этот предусматривает:

1) Наличие в деле крупного материального интереса для государства.

2) Участие в деле стороны, нуждающейся в особой опеке со стороны государства.

3) Наличие в деле обстоятельств, могущих повлечь за собой возбуждение против какой-либо из сторон уголовного преследования.

4) Особое политическое значение данной категории дел.

5) Принципиальный характер данного дела с точки зрения правильного применения действующего законодательства или постановки вопроса о необходимости нового закона.

Из имеющейся статистики видно, что наибольшее внимание прокуратура сосредоточила на четырех категориях дел:

а) алиментные (21% всех истребованных и 18,8% всех возбужденных дел);

б) жилищные (17,3% всех истребованных и 4,4% всех возбужденных дел);

в) трудовые (14,7% всех истребованных и 16,4% всех возбужденных дел);

г) колхозные (8,1% всех истребованных и 30,1% всех возбужденных дел).

Перед нами стоит задача по составлению предусмотренного Конституцией союзного ГПК. Необходимо, чтобы в нем нашли отражение как основные принципы нашего гражданского процесса, оправдавшие себя и выдержавшие испытание истекших лет революции, так и основные установки, данные нам великой Сталинской Конституцией. В этом ГПК должен найти себе место и специальный раздел, посвященный роли прокуратуры в гражданском процессе. Мы должны обеспечить гражданскому процессу почетное место в развернутой системе социалистического права.

В. ГРОМОВ

Расследование дел об убийствах „без трупа“

Труп — это первый и наиболее достоверный «немой» свидетель в делах об убийствах. Раскрытие убийств обычно начинается с исследования обнаруженного с признаками насильственной смерти трупа.

Уже при начальном осмотре трупа и окружающей труп местности следователь получает почти всегда вполне точные и ясные ответы на целый ряд основных вопросов, устанавливающих состав преступления и указывающих на обстоятельства совершения данного преступления.

После осмотра и судебно-медицинского вскрытия трупа для органа расследования нередко представляется вполне ясной общая картина совершения убийства и обстановка, при которой это убийство произошло. Иногда с математической точностью устанавливается время совершения убийства: за сколько дней или часов до обнаружения трупа последовала смерть убитого. Бывает возможно установить и место совершения преступления: в том ли месте произошло убийство, где найден труп, или же убийство совершено в другом месте, но труп был перемещен сюда уже после совершения преступления. После исследования трупа обычно также совершенно очевидным представляется, при помощи каких средств или орудий лишен жизни убитый, а вместе с тем оказывается возможным ясно представить себе, сколько лиц фактически принимали участие в убийстве и происходила ли в момент совершения преступления борьба между убийцей и его жертвой. Наконец, вид и расположение трупа, нахождение на одежде его и в окружающей обстановке каких-либо особенных изменений, отсутствие при убитом имевшихся при нем ценностей и т. п. дают часто возможность органу расследования сделать те или другие определенные выводы о мотивах и целях, с которыми совершено в данном случае убийство. А последующие затем допросы лиц, близких к убитому, которые видели его незадолго до смерти, обычно настолько пополняют картину обнаруженного убийства, что следователь, комбинируя установленные таким образом доказательственные факты, может уже в начальный момент расследования принять ту или другую определенную версию о совершении данного преступления, т. е. с большей или меньшей вероятностью предположительно допустить, что убийство совершено в таком-то месте, в такое-то время, при участии таких-то подозреваемых лиц, с такою-то целью и при таких-то фактических обстоятельствах, а в соответствии с этим, в целях проверки этой версии, повести оперативно-розыскные и следственные действия планомерно и в определенном направлении.

Таким образом можно сказать, что типичной схемой, по которой должно развертываться расследование всякого убийства при наличии обнаруженного с признаками насильственной смерти трупа, является производство трех безусловно необходимых следственных действий: 1) осмотра трупа и окружающей его обстановки, 2) судебно-медицинского вскрытия трупа и 3) допроса свидетелей, близко знавших убитого.

Необходимость обязательного выполнения прежде всего этих следственных действий с самого начала расследования об убийстве является в настоящее время для всех органов расследования уже очевидной аксиомой. В таком плане начинается, как показывает следственная практика, расследование всякого дела об убийстве. Производство этих начальных следственных действий всегда и при всех условиях не только дает ценный материал, освещающий отдельные моменты исследуемого происшествия, но и предопределяет все моменты, из которых складывается полная картина обстановки преступления и которые должны подвергнуться проверке путем намеченных в дальнейшем следственных актов.

И в тех случаях, когда эти следственные акты производятся в условиях соблюдения выработанных наукой и практикой методических положений, тактических правил и технических приемов и способов исследования, следствию почти всегда удается установить объективную истину исследуемого «происшествия» — выяснить его основные моменты, напасть на след совершителей преступления, а часто и обеспечить в дальнейшем полное и всестороннее раскрытие данного конкретного факта — убийства.

По вопросам методики расследования дел об убийствах у нас имеется достаточно большая литература. Однако в литературе до сих пор не уделялось внимания вопросам методики расследования по таким делам об убийствах, по которым в момент начатия следствия труп убитого не был обнаружен. А между тем, в последнее время практика расследования дает нередкие примеры, когда расследование дела об убийстве начиналось без наличия трупа предполагавшегося убитым, безвестно исчезнувшего потерпевшего и только после целого ряда, иногда безрезультатных, следственных действий удавалось находить труп действительно убитого разыскиваемого человека.

Ясно, что расследование таких дел требует применения иных методов, соединенных с производством особых приемов оперативно-розыскного и следственного порядка. Мне и хотелось бы в настоящей статье сделать попытку на основе анализа нескольких конкретных дел следственной практики последних лет дать некоторые основные установки по методике расследования дел об убийствах «без трупа».

Предварительно необходимо сказать несколько слов об общей методической проблеме расследования этих дел, связанной с планированием следствия. Было бы ошибкой думать, что следователю, приступающему к расследованию конкретного дела об убийстве, перед составлением плана достаточно знать, что ему следует сделать, какие факты нужно установить, что выяснить и проверить и какие доказательства собрать. Это только одна

половина задачи в порядке построения плана. Иногда следователь, приступая к следствию, очень хорошо знает, что и в каком порядке следует ему установить, что проверить, доказать и раскрыть, и все-таки он блуждает в потемках, не зная, как это сделать, какими путями нужно итти к обнаружению истины, какие методы при этом использовать и при помощи каких именно оперативно-розыскных и процессуальных следственных действий можно и нужно устанавливать или проверить те или иные конкретные факты и обстоятельства исследуемого дела, чтобы успешно раскрыть данное преступление. А между тем, в этом вся суть и весь смысл работы по расследованию сложных и «загадочных» дел о преступлениях. Эффективные результаты качественно высокого расследования может дать лишь тот следователь, который не только сумеет использовать общую всем людям мощную способность к созерцанию и описанию наблюдаемых им фактов, но сумеет и анализировать эти факты, логически правильно оценить их с точки зрения их естественного жизненного правдоподобия и, наконец, сумеет применить при такой тщательной аналитической работе и имеющийся у него научно-технический опыт, свои криминалистические познания. Как и всякий ученый исследователь, следственный работник должен обладать прежде всего способностью уметь, по удачному выражению покойного академика Павлова, «лазить за кулисы фактов, а не только скользить по их поверхности». Разрешение основной проблемы искусства планомерного доказывания в уголовных делах и заключается именно в уменьи заглянуть за кулисы фактов, в уменьи понять диалектику наблюдаемых фактов в условиях данной конкретной обстановки преступления, часто перевернутой вверх дном действиями преступника, сочетав при этом свой житейский опыт с знанием научно-уголовной техники расследования. Без такого уменья, при отсутствии таких способностей невозможно и методически правильное планирование расследования, обеспечивающее успешные результаты раскрытия сложного, загадочного на первый взгляд преступления.

Первичным исходным фактом, который служит поводом к началу расследования по делам о загадочных убийствах, когда нет налицо объекта преступления — трупа, обычно является сообщение или заявление, сделанное милиции о том, что бесследно пропал человек, причем внезапное «загадочное» исчезновение его дает заявителю основание подозревать, что он убит. Такое подозрение со стороны заявителей иногда сопровождается рядом более или менее вероятных предположений с указаниями на подозреваемых виновников убийства, о мотивах, с которыми могло быть совершено это убийство, и т. п. Всякое подобное заявление, сделанное органу расследования, конечно, подлежит обязательному обсуждению с точки зрения его основательности. Прежде чем по этому заявлению начать расследование, необходимо на основе этого заявления убедиться в вероятности, в возможной правдоподобности самого факта, о котором сообщается в данном заявлении. Самая версия о том, что исчезнувший бесследно или пропавший неожиданно человек убит и что необходимо срочно приступить к расследованию дела об убийстве, должна быть органом расследования чем-то обоснована и логически оправдана. На практике в каждом отдельном конкретном случае получающий подобное заявление орган расследования всегда имеет возможность легко разобраться в степени основательности такой версии. Из приведенных ниже примеров видно будет, что в большинстве случаев уже сама бытовая обстановка и обстоятельства, при которых пропал разыскиваемый близкими людьми человек, указывают на вероятность версии, что он убит, и совершенно исключает возможность предположений, что этот человек куда-то добровольно скрылся и должен по истечении какого-то срока возвратиться домой.

В случаях, как это часто бывает, когда в заявлении указывается и подозреваемое в убийстве определенное лицо, это указание также не может не быть принято в соображение при принятии дела об убийстве к производству расследования, в особенности если подозрение это обосновывается указаниями на мотивы, которые могли руководить подозреваемым. Уяснение мотива является всегда также композиционно правильной линией при обсуждении вопроса о вероятности совершения убийства тем или другим подозреваемым. Поэтому в подобных случаях нельзя игнорировать и высказываемых потерпевшими и заявителями хотя бы предположительных соображений по вопросу о вероятных виновниках преступления. Хотя убеждающая ясность этих соображений, степень их вероятности и правдоподобия могут быть, конечно, различны, но при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела это также подлежит обязательному обсуждению со стороны органов расследования в связи со всеми другими конкретными фактами, о которых сообщено заинтересованными лицами (родственниками пропавшего и предполагаемого убитым человека, его знакомыми, товарищами по работе и т. п.).

Конечно, одно заявление хотя и заинтересованных лиц, содержащее сведения об исчезновении близкого им человека, еще не всегда может служить основанием для расследования по признакам ст. 136 УК. Обращение с подобного рода заявлениями в милицию иногда обязывают последнюю только оказать заявителю помощь в розыске пропавшего. Но в тех случаях, когда, как указано выше, в заявлении содержатся указания на конкретные факты, убеждающие в основательности возникшего у заявителя подозрения об убийстве пропавшего, такое заявление должно быть признано не только законным поводом, но и достаточным основанием для немедленного начала следствия. Допустить промедление в производстве расследования по такому заявлению, или ограничиться наведением справок, или производством негласного дознания, собиранием агентурных сведений, или публикациями о розыске пропавшего очень рисковано, так как может затруднить и усложнить в дальнейшем раскрытие преступления.

Поэтому вопрос о начатии следствия в каждом таком случае должен быть разрешен немедленно по получении заявления, если только обстоятельства исчезновения разыски-

ваемого лица в условиях данной конкретной бытовой обстановки исключают возможность предположений о естественной временной отлучке пропавшего и если, повторяю, подозрение заявителя об убийстве разыскиваемого представляется основательным в связи с какими-либо конкретными фактами и сведениями, о которых рассказывает заявитель.

Практика же показывает, что заинтересованные лица часто обращаются в органы расследования с заявлениями о розыске убитого уже только после того, как сами они некоторое время производили безрезультатные розыски пропавшего или получили какие-либо сведения, подкрепляющие их подозрение о том, что разыскиваемый убит.

Во всяком случае, как только органом расследования разрешен положительно вопрос о начатии следствия, необходимо немедленно приступить к следственным действиям, наметив первые вехи, по которым должно итти и развертываться в ближайшие же дни расследование в смысле одновременного сочетания оперативно-розыскных и следственных методов расследования.

Первым следственным действием должен быть возможно полный и исчерпывающий допрос лиц, сделавших заявление, и всех других близких к потерпевшему лиц, которые видели его в последние дни перед его исчезновением.

Методика допроса этих свидетелей должна быть направлена к выяснению и освещению следующих основных моментов: 1) когда, в какое время дня или ночи и куда отправился из места своего последнего жительства потерпевший, с какой целью, по каким делам и т. п. и когда, по его словам или по предположениям близких ему лиц, он должен был вернуться; 2) во что он был одет и какие при нем были вещи и ценности в момент ухода его; 3) кто и где видели или могли видеть его последний раз живым: по каким путям и в каком направлении велись его розыски до обращения заявителей в органы расследования и какие сведения или даже «слухи» они получили при этом, и, наконец, 4) какие имеются у них соображения или предположения, подтверждающие вероятность версии заявителей об убийстве бесследно пропавшего.

Но и этой общей наметки основных вопросов, подлежащих выяснению допросами указанных свидетелей, недостаточно для обеспечения успешности расследования. Необходимо помнить, что и в дальнейшем следствие должно прежде всего ориентироваться в направлении розыска трупа убитого и что без обнаружения и нахождения трупа никакие доказательственные материалы и никакие косвенные улики против заподозренных не могут дать полной картины преступления, не могут привести к раскрытию убийства. В то же время многообразная следственная практика дел об убийствах показывает, что не было случаев, чтобы подозреваемые в убийстве, если бы таковые и имелись в виду и привлекались к следствию в качестве обвиняемых на основании косвенных улик, открывали место нахождения скрытого ими трупа убитого. С другой стороны, мы знаем многочисленные случаи, когда после нахождения трупа предполагаемого убитым человека в связи с данными осмотра и вскрытия трупа против подозреваемого часто добывались новые изобличающие его улики, и бывали даже случаи, что обвиняемый, окруженный кольцом этих неопровержимых улик, сознавался в преступлении. Один из таких типичных казусов следственной практики будет изложен ниже.

Поэтому естественно, что важнейшей задачей расследования после выяснения обстоятельств, относящихся к последним моментам жизни предполагаемого убитого потерпевшего, является розыск трупа. А так как труп может быть иногда обнаружен только через значительный промежуток времени после смерти и, следовательно, физически изменившимся и притом, может быть, в изуродованном до неузнаваемости виде и без одежды, которая была на нем в момент убийства, то представляется обычно в подобных случаях необходимым при обнаружении трупа удостовериться в тождестве его с личностью убитого, а в сомнительных случаях и предъявить его лицам, знавшим убитого при жизни, для опознания.

Вот почему следует признать также методически правильным требование, чтобы органы расследования при первых же допросах указанной выше группы свидетелей выяснили подробно не только одежду, в которой ушел убитый, и вещи, которые были при нем (п. 2 приведенной выше методической схемы допроса свидетелей), но и все физические приметы потерпевшего. Родственникам и близким к убитому лицам следует предлагать вопросы о внешнем виде убитого — как о росте его, телосложении, длине и цвете волос и т. п., так и о том, не имелось ли на теле его каких-либо особых примет (бородавки, родинки, следы оспы, шрамы, рубцы и т. д.).

Это необходимо устанавливать при допросах не только в целях возможного при дальнейшем следствии опознания трупа убитого, но и в целях более точной и правильной ориентировки органов розыска при осмотре трупов «неизвестных» убитых, иногда обнаруживаемых в той же местности, где производятся розыски по данному делу.

В практике недавнего прошлого были случаи вполне добросовестного, но ошибочного опознания даже близкими лицами трупа найденного убитого за разыскивавшегося ими без вести пропавшего человека. Эта роковая ошибка как результат несоблюдения органами расследования указанного выше методического правила и небрежности, проявленной при осмотре найденного трупа, даже влекла за собой в отдельных случаях тяжелые последствия — ошибочные приговоры суда и осуждение невиновных лиц.

30 августа 1934 г. в станице Тимашевской Азово-Черноморского края пропала восьмилетняя девочка Александра Бастрыкина, проживавшая у своей мачехи Пчелинцевой. Свидетелями по делу высказывались подозрения, что девочка могла быть убита и где-либо скрыта самой Пчелинцевой. Против подозреваемой — «мачехи» пропавшей девочки расследованию легко было «натаскать» кое-какие улики, тем более, что, по словам допрошенных свидетелей, соседей и знакомых Пчелин-

цевой, последняя очень плохо обращалась с пропавшей девочкой, «ненавидела» ее, иногда била ее, девочка часто голодала и т. п. Следователь односторонне повел расследование и очень поверхностно отнесся к проверке и оценке фактов, которые удостоверили свидетели... Через 7½ месяцев после исчезновения Бастрыкиной, был найден в этом же районе полуразложившийся труп девочки, извлеченный из реки с признаками удушения. Наружный осмотр трупа и предъявление его знавшим пропавшую Бастрыкину свидетелям были произведены весьма небрежно, и результаты этого были приняты следователем без всякой критической проверки. Свидетели же опознали в трупе пропавшую девочку Бастрыкину, хотя в данных осмотра трупа имелся целый ряд указаний, заставлявших сомневаться в достоверности этого опознания и требовавших проверки.

Во-первых, труп неизвестной был найден одетым в розовое платье, в ватное пальто, окутан черным платком и на ногах были сандалии, тогда как девочка Бастрыкина в день исчезновения была босая и была одета только в белое платье и никакого платка и пальто на ней не было. Кроме того, вскрывавший труп судебно-медицинский эксперт высказал заключение, что труп, возраст которого был определен 9—10 лет, пролежал в воде не более 4—6 недель. Сама Пчелинцева при предъявлении ей трупа, хотя и признала труп похожим на пропавшую Бастрыкину, но объяснила, что «по опухшему трупу и вздутым векам глаз она точно признать в трупе девочку Бастрыкину не может».

Однако привлеченная к следствию в качестве обвиняемой Пчелинцева была предана суду по ст. 136 УК и на основе указанных недоброкачественных улик была осуждена судом и приговорена к 10 годам лишения свободы. Уже по вступлении приговора в законную силу, когда Пчелинцева успела отбыть несколько месяцев тюремного заключения, девочка Бастрыкина... вернулась домой живой и невредимой. Оказалось, что в день ее исчезновения она во время прогулки забрела на ж.-д. станцию, была принята ночью за беспризорную, посажена в вагон и направлена в один из детских домов г. Краснодара. Девочке так понравилось жить в детдоме, по сравнению с жизнью в доме мачехи, что она скрыла свое происхождение и только спустя долгое время случайно была опознана и отправлена на родину.

Говоря о методике допроса первых свидетелей и заявителей, по сообщению которых начато расследование дела, точно так же необходимо уточнить и последний пункт приведенной выше методической схемы допросов.

Допрос этих свидетелей должен вестись так, чтобы в результате его у органа расследования имелись указания на конкретные факты, предшествовавшие убийству или последовавшие за ним, которые доказывали бы или подтверждали бы в известной степени вероятность или достоверность подозрений, высказанных заявителем о том, что в данном случае имело место убийство. При этом, с одной стороны, все соображения и предположения, высказываемые свидетелями, хотя бы обоснованными на слухах, должны быть подробно изложены в протоколах допроса, а с другой, все конкретные факты, о которых рассказывают свидетели в подтверждение своих подозрений по данному делу, также должны быть со слов свидетелей записаны подробно и притом с указаниями, где, когда и при каких обстоятельствах имел место тот или другой факт, откуда, из каких источников сделалось известно свидетелю об этом факте и кто еще может удостоверить то или другое фактическое обстоятельство, тот или другой эпизод, подкрепляющий какие-либо подозрения допрашиваемых.

В соответствии с фактическими данными, которые могут быть получены из этих показаний свидетелей, в большинстве случаев может быть составлена и достаточно правдоподобная версия о месте совершения преступления и нахождения трупа, определяющая направление, по которому следует искать труп.

При этом органам расследования весьма важно усвоить следующее положение тактического свойства. В этот начальный момент следствия, когда все внимание должно быть направлено к цели нахождения трупа, никогда не следует сразу ставить в положение подозреваемых тех допрашиваемых, которые дают свои показания о последних моментах жизни потерпевшего, хотя бы по каким-либо соображениям у органа расследования и могло возникнуть подозрение о какой-то причастности кого-либо из них к убийству. Показания всех этих свидетелей, высказывающих свои утверждения о том, куда, в какую сторону, в какое место мог, по их предположениям, направиться потерпевший, где его видели последний раз и где, по их мнению, он мог находиться, не должны игнорироваться без всякого отношения к тому, представляются ли эти показания органу расследования подозрительными, неправдоподобными, явно неверными или ложными.

Дело в том, что нередки бывали случаи, когда допрашиваются в числе первых свидетелей и лица, которые, как оказывается потом, являются участниками убийства: поэтому, естественно, что они в своих показаниях извращают истину, пытаясь, с одной стороны, направить расследование по ложному пути, чтобы помешать нахождению трупа, а с другой, — устанавливая свое алиби, чтобы отвлечь от себя всякое подозрение. Но, естественно, что подобный маневр заинтересованного свидетеля не может сбить с пути опытного следователя, если он тщательно проверит показания таких «подозрительных» свидетелей и будет ориентироваться в то же время на других свидетелей, дающих показания в отношении одних и тех же моментов из жизни потерпевшего, если, конечно, эти показания представляются следователю более достоверными, соответствующими действительности и более убедительными. При таком взаимном сопоставлении показаний подозреваемого с показаниями добросовестных свидетелей легче бывает найти и верный путь к разрешению важнейших вопросов: где же и у кого нужно искать «следы» совершенного преступления, где искать труп, а вместе с тем и проверить своевременно «алиби» подозреваемых лиц.

В этом смысле, в самый начальный момент расследования, показания всех свидетелей, утверждающих те или другие факты в пределах вопросов, указанных выше в методической схеме, одинаково ценны. И все их следует обязательно использовать как материал, на основе которого можно скорее разрешить важнейший в данный момент вопрос, в каком направлении необходимо развернуть неотложные оперативно-розыскные действия в целях обнаружения трупа.

Попробуем проверить на конкретном примере правильность этих методических предпосылок, устанавливающих наиболее верные пути для следствия в целях обнаружения трупа и места совершения преступления.

21 февраля 1935 г. неизвестно куда бесследно исчезла проживавшая в Москве на Кропоткинской улице Сухорукова Татьяна Сергеевна, состоявшая на службе санитарным врачом в районном дезинфекционном бюро. Загадочное исчезновение Сухоруковой произошло при следующих обстоятельствах. Накануне, т. е. 20 февраля, к Сухоруковой приехал ее муж Миротворский, проживавший с 1932 г. в г. Горьком, куда он был командирован и где работал в качестве заведующего лабораторией при радио-телефонном заводе. Миротворский в этот приезд в Москву привез с собой из Горького некоторые вещи, предполагая 21 февраля вновь уехать в Горький на несколько дней, чтобы провести там в организованном им тире стрелковые соревнования, и затем вернуться в Москву уже на постоянное жительство, так как служба его в Горьком окончилась.

Розыски Сухоруковой начались с 24 февраля после того, как обеспокоенные ее отсутствием из дома родные ее и жильцы квартиры заявили об этом в отдел уголовного розыска.

21 февраля, как выяснилось из показаний свидетельниц-соседок, живших в одной квартире с Сухоруковой, она вышла из дома вместе с мужем Миротворским во втором часу пополудни и с того времени домой не возвращалась. При этом показаниями этих свидетельниц было установлено следующее. Утром 21 февраля Сухорукова варила на кухне картошку на примусе, и когда незадолго до ухода из дома выходила в кухню, то свидетельницы обратили внимание, что Сухорукова улыбалась, была весело настроена, и «в общем имела вид, в каком раньше наблюдать ее не приходилось». Одна из свидетельниц хотела было с ней заговорить, но заметила, что следом за ней в кухню вошел ее муж, и тут же они оба вернулись в свою комнату и более в кухне не показывались.

Показаниями близких к Сухоруковой лиц в первые же дни розыска и дознания было установлено также, что последние годы, пока Миротворский жил в Горьком, у него с женой были «холодно-враждебные» отношения. Фактически, как муж с женой, они не жили. Миротворский высылал лишь, и то не всегда аккуратно, жене из Горького алименты на малолетнего сына, который жил при Сухоруковой. А чтобы сохранить за собой комнату, в которой жила Сухорукова с сыном, Миротворский присылал деньги на имя своей старой няни Ксении П., жившей в том же доме, но в другой квартире. У этой няни Миротворский бывал во время своих приездов в Москву, чаще чем у жены, и даже у нее, а не у жены, обедал. Несмотря на такое отношение мужа, Сухорукова любила его и, по словам свидетелей, питала надежду, что муж переменится и будет опять с ней хорошо жить.

Выяснено было также, что Миротворский раньше пытался вселить в комнату к жене свою сестру, с которой он очень дружно жил, но Сухорукова настояла перед домоуправлением на выписке ее, причем Сухорукова, боявшаяся ранее потерять жилплощадь в случае возвращения Миротворского в Москву, в последнее время по совету знакомых решила не уступать мужу комнату, считая, что на нее имеют законные права только она с сыном. Сухорукова вела очень скромный образ жизни, знакомств не заводила, проводила день на службе, а вечера дома, одевалась плохо и часто нуждалась. Днем, перед тем как итти на службу, она отправляла сына в детский сад.

20 февраля вечером Сухорукова ходила с сестрой своей, жившей в другом районе, в кино, в связи с чем оставила сына ночевать в детском саду. А утром 21 февраля она ходила в детский сад, где просила пока оставить сына, сказав, что она зайдет за ним вечером. Но вечером она за ним не пришла, исчезнув бесследно после ухода из дома вместе со своим мужем, Миротворским.

24 февраля сестра Миротворского дала ему в г. Горький телеграмму, сообщив, что «Таня пропала». Миротворский приехал в Москву 25 февраля и при допросе его уполномоченным УРО объяснил, что 21 февраля около часу дня они с женой действительно вышли из дома вместе. По выходе из дома на улице они расстались: он сел в трамвай, направляясь к отъезду в Горький, а жена пошла по Кропоткинской улице, а куда именно, ему неизвестно. С шестичасовым поездом он уехал в Горький и после того жены не видел. Где и что с нею могло случиться, он не знает.

Казалось бы, что на основании этих первичных сведений, полученных отделом уголовного розыска, в связи с внезапным загадочным исчезновением Сухоруковой, у уполномоченного, производившего расследование, должно было возникнуть сомнение в правдивости объяснений Миротворского, удостоверявшего, что он расстался с женой тотчас же по выходе из дома и не знает будто бы куда она пошла, а сам он будто бы за 4 часа до отхода поезда «направился к отъезду в Горький». Во всяком случае необходимо было подробнейшим допросом Миротворского тотчас же установить, куда он поехал на трамвае, где провел время до отхода поезда, с кем виделся, в какой поезд и вагон сел, кто ехал с ним в этом вагоне и т. д., словом, проследить весь его путь до г. Горького и, далее, время его приезда в Горький и прибытие его к себе домой на квартиру, чтобы затем это показание своевременно проверить.

Между тем, уполномоченный УРО повел расследование в другом направлении, исходя из предположений, что Сухорукова могла стать жертвой какого-либо несчастного случая и притом только в Москве.

Миротворский же вел себя так, как будто он сам тоже принимает меры к розыску жены.

Родная сестра жены Миротворского Клавдия сообщила однажды ему, будто она узнала, что

Сухорукова арестована и находится в тюрьме. Миротворский охотно принял эту версию, хотя и знал Клавдию за лживую, корыстную и «вороватую» девушку. Он давал Клавдии денег, а последняя утверждала, что она была в тюрьме и даже добилась свидания с сестрой... Однако уполномоченным УРО была проверена эта версия, причем оказалось, что ни в одном из московских мест заключения арестованной Татьяны Сухоруковой не было. Отделом уголовного розыска собирались и сведения об обнаруженных и не опознанных трупах женщин, найденных в Москве и ее окрестностях. Делались запросы в психиатрические лечебницы о женщинах, поступавших в эти больницы за время с 21 февраля, но все розыски в этих направлениях оказались тщетными.

Только восемь месяцев спустя производивший расследование уполномоченный УРО догадался сделать в уголовный розыск г. Горького запрос о том, не было ли в г. Горьком после 21 февраля обнаружено трупа женщины, похожей по приметам на Сухорукову. На этот запрос из г. Горького в ноябре был получен ответ, что 22 февраля (т. е. на другой день после исчезновения Сухоруковой и отъезда из Москвы Миротворского) в г. Горьком в Мызинском районе был обнаружен труп неизвестной и никем не опознанной убитой женщины, все приметы наружности и одежды которой совпадают с описанием личности Сухоруковой. Дело об этом трупе вместе с фотокарточками и вещественными доказательствами было срочно затребовано в Москву, после чего и было установлено, что убитая в Горьком женщина — это Сухорукова. Труп ее был, как оказалось, обнаружен 22 февраля утром около 10 часов, т. е. спустя час с небольшим после прихода в Горький поезда из Москвы в местности на территории радио-телефонного завода, на котором служил Миротворский, в помещении теплушки выстроенного Миротворским стрелкового тира, в пустынной местности, в роще — в расстоянии 10 — 15 минут хода от квартиры Миротворского.

Дальнейшим тщательным расследованием того же уполномоченного в отношении Миротворского был собран ряд хотя и косвенных, но неопровержимых улик, не оставлявших сомнения в том, что убийцей Сухоруковой был не кто иной, как Миротворский. Преданный суду Миротворский был осужден и приговорен судом к лишению свободы на 10 лет, кассационной коллегией Верховного суда приговор этот был утвержден.

Этот уголовный казус достаточно убедительно доказывает правильность изложенных выше положений по вопросу о методике первых следственно-розыскных действий, которые должны быть принимаемы в целях нахождения трупа в начальной стадии расследования.

Приведем другой, еще более яркий убедительный случай обнаружения трупа по другому делу об убийстве.

25 декабря 1935 г. в милицию Колышлейского района Саратовского края поступило от проживающих в г. Саратове гражданок Щербаковой и Сергеевой заявление, в котором заявительницы сообщали о загадочном исчезновении их сестры Ксении Нарушевой, проживавшей в с. Колышлей с мужем своим, народным следователем Юрием Федоровичем Нарушевым и 11-летней девочкой Надей, дочерью одной из заявительниц, усыновленной Нарушевыми. В этом заявлении было изложено, что осенью, по словам упомянутой девочки Нади, ее мама Ксения Нарушева с папой собрались ехать в какое-то село за торном. Уехали они утром в 11 часов, а ночью после 12 часов домой вернулся только папа, т. е. Ю. Ф. Нарушев, и на вопрос ее, девочки, где же мама, сказал, что мать отправилась в Пензу в больницу лечиться: за несколько дней до этого Ксения Нарушева во время стирки белья обварила себе кипятком ноги. Сообщая милиции эти сведения, заявительницы высказывали подозрение, что Ксения Нарушева убита своим мужем и труп ее где-либо скрыт им, и просили произвести расследование.

Основанием к такому подозрению сестер пропавшей Нарушевой послужили следующие сообщенные ими в заявлении факты. После исчезновения жены Нарушев присылал к ним в Саратов несколько раз и вначале говорил, что отправил жену лечиться в г. Пензу, а затем стал говорить, что она отправилась из Пензы лечиться в Кисловодск, причем один раз в пьяном виде выразился, что он отправил жену «на вечный курорт». Будучи же последний раз в Саратове, Нарушев стал распродавать хранившееся в его прежней квартире в Саратове имущество, в том числе одежду и обувь его жены. Исчезнувшая Ксения раньше всегда писала своей сестре Сергеевой в Саратов письма, один-два раза в месяц, а после исчезновения ее, с октября от нее никаких писем и известий уже не получалось. Наконец, заявительницы сообщили, что они считают явно неправдоподобным объяснение Нарушева, будто его жена отправилась на курорт, так как она оставила дома все свои костюмы и не захватила с собой ничего, даже своих ридикюля и чемодана, и уехала из дома только в своем будничном костюме, имевшемся на ней при отъезде с мужем за торфом. А между тем, она «всегда любила наряжаться и на курорт не могла уехать без нарядов».

Указанное заявление сестер Нарушевой, содержавшее довольно убедительные соображения заявительниц по поводу внезапного бесследного исчезновения Нарушевой, было вполне правильно признано законным поводом и достаточным основанием к производству расследования. 25 декабря уполномоченный УРО Колышлейского района приступил к расследованию, а после допроса заявительниц и дочери Нарушевых Нади дело, по распоряжению прокуратуры, было передано 31 декабря для производства следствия старшему следователю Саратовской краевой прокуратуры.

Следователь вполне правильно прежде всего поставил перед собой задачу найти труп исчезнувшей Нарушевой. Тщательными, чрезвычайно подробными допросами самого Нарушева и всех близких к семье Нарушева лиц следователь попытался выяснить, когда и при каких обстоятельствах Ксения Нарушева выехала из села Колышлей и кто и где в последний раз мог ее видеть и где нужно искать труп убитой.

Девочка Надя Нарушева подтвердила свое показание о том, что утром в 11 часов, числа и месяца она не помнит, мама с папой уехали покупать торф и с тех пор мама не возвра-

щалась. Сам же Нарушев показал, что числа он точно не помнит, но около 10 октября, после обеда в 3—4 часа, он действительно поехал с женой на лошади в село Трескино за торном, но, доехав до поворота дороги на Трескино, километрах в трех от села Колышлей, он спросил жену, взяла ли она деньги на покупку торна и яблок; оказалось, что жена забыла взять деньги. Тогда он хотел вернуться домой, но жена стала настаивать, чтобы он довез ее до ближайшего ж.-д. разъезда Скрябино, так как она передумала ехать за торном и поедет со Скрябина в Пензу на перевязку обваренной кипятком ноги. Он отвез ее на Скрябино, но так как поезд на Пензу должен был пройти здесь только в 6 часов утра, а было еще около 9—10 часов вечера, то он советовал жене вернуться домой. Она не согласилась и послала его поговорить с кондуктором, надеясь уехать с товарным поездом, который в это время стоял у разъезда. Затем он уехал, а жена осталась ждать утреннего поезда. Через два дня, по словам Нарушева, он получил от нее письмо (которое, однако, «у него не сохранилось»), в котором она сообщала, что «Пенза ей ничего не дает, и она решила ехать в Москву посоветоваться о состоянии ее апендицита и легких». По мнению Нарушева, жена, очевидно, и уехала в Москву, тем более, что там, как ему известно, проживает ее знакомый по Самарканду, с которым она раньше была в связи. Знакомым же своим он, Нарушев, действительно говорил, будто жена уехала на курорт, так как ему стыдно было сознаться перед другими, что у него жена сбежала.

В то же время допросами других лиц, знакомых Нарушева, было точно установлено, что Нарушев последний раз уезжал с женой из с. Колышлей 10 октября. По словам свидетеля, секретаря районной прокуратуры, Нарушев в этот день отпросился у прокурора поехать с женой в больницу в с. Чеботаевское за марганцем, который требовался для жены, обварившей ногу, так как в колышлейской аптеке ей дали только ксероформенную желтую мазь, а марганца не было. Это обстоятельство запомнил свидетель и потому, что в этот день, 10 октября, районному прокурору звонили из с. Скрипицына из сельсовета, сообщая, что там случилось происшествие: шофер задавил мальчика. Прокурор по телефону же дал распоряжение в с. Скрипицыно поехать в с. Чеботаевское, в 3 км от Скрипицына, и вызвать оттуда следователя Нарушева. Однако Нарушева там не нашли. Между тем, на другой день Нарушев говорил секретарю районной прокуратуры, что он сидит в с. Чеботаевское и удивляется, как его не нашли там. Впоследствии, когда секретарь спрашивал Нарушева, где его жена, последний отвечал, что она в Сталинграде, что он послал ей деньги, а она ему почему-то ничего не пишет.

Таким образом, устанавливался ряд фактов, вызывавших основательное подозрение, что Нарушева убита своим мужем 10 октября и притом в пределах Колышлейского района. После этого следователю представлялось очевидным, что труп Нарушевой можно было найти, производя тщательные розыски во всех различных направлениях, указываемых как допрошенными свидетелями, так и самим Нарушевым.

В то же время следователь правильно учитывал, что в случае нахождения трупа убитой Нарушевой ее трудно будет опознать, ввиду значительности срока, истекшего со дня ее убийства.

Поэтому, допрашивая близких к Нарушевой свидетелей, следователь попутно подробнейшим образом выяснял все приметы пропавшей; при этом выяснилось, что на передней части шеи Нарушевой имеется шрам — след золотухи в детстве, и другой шрам на волосистой части головы — след удара револьвером, причиненного ей мужем за год до этого, что передние зубы у нее целы, только нет одного из двух коренных зубов, что на обеих щеках имеются характерные ямочки. А свидетельница, племянница потерпевшей, описывая цвет волос Нарушевой, объяснила, что волосы Нарушева за последнее время остригла, причем коса ее от этой стрижки осталась у нее, свидетельницы. Следователь потребовал эту косу, произвел осмотр ее и особым постановлением приобщил ее к делу в качестве вещественного доказательства (ст. 67 УПК), мотивируя это тем, что в случае нахождения разложившегося трупа волосы могут при сличении оказаться одним из «средств опознания».

Наконец, первыми же допросами близких к потерпевшей лиц следователь также вполне правильно попытался установить мотивы, которые могли руководить Нарушевым, против которого возникло основательное подозрение в убийстве жены. В этих целях следователь путем допроса свидетелей выяснил полную картину всей прошлой жизни супругов Нарушевых и их взаимоотношений за время совместной жизни их. При этом о прошлой жизни Нарушевых следствием были добыты следующие данные. Нарушев женился на Ксении в 1928 г. в г. Самарканде, разойдясь со своей первой женой, которую бросил с малолетними детьми, скрыв, однако, от Ксении свой первый брак. Нарушев работал в то время завхозом на кожевенном заводе. За злоупотребления по службе здесь он был арестован, а по освобождении в 1932 г. они с женой уехали в Саратов. Супружеская жизнь Ксении Нарушевой была тяжелая. Муж пьянствовал и в пьяном виде часто бил ее «до синяков». Один раз она уезжала от него обратно в Самарканд и жила там, работая машинисткой, а затем по настойчивой просьбе мужа вновь вернулась к нему. Путем подлога документов и подложных записей в своем трудовом списке Нарушеву удавалось, скрывая свое прошлое, устраиваться на ответственную работу в Сталинградском и Саратовском краях. В 1934 г. он работал в должности народного судьи Котельниковского района Сталинградского края, но после обследования его работы летом 1934 г. был уволен за злоупотребления по должности и предан суду, но сумел скрыться, переехав в Саратов, а затем осенью 1934 г. устроился пом. директора в совхозе Белогорском, где пробыл тоже недолго, и, возвратившись в Саратов, получил новое назначение — народным следователем Колышлейского района.

Свидетели, знавшие жизнь Нарушевых в последние годы, удостоверили, что у Ксении Нарушевой часто происходили ссоры с пьяным

мужем, после которых она неоднократно пыталась уехать от него, но он в таких случаях грозил ее убить и один раз даже выстрелил в нее из нагана. Так как Ксения Нарушева знала все случаи судимости мужа, уклонение его от следствия и суда и его подлоги в трудовом списке, которые тщательно скрывал Нарушев, то, очевидно, последний боялся, что жена, разойдясь с ним, может разоблачить его преступное прошлое...

Все эти данные, выясненные следствием, укрепили в следователе убеждение в том, что Нарушева убита мужем и что труп ее должен находиться где-либо в пределах района и именно на том пути, по которому Нарушев с женой направлялся из дома 10 октября, выехав из с. Колышлей днем и успев вернуться домой ночью, т. е. пробыв где-то в пути всего не более 12 часов.

Проверка следствием объяснений Нарушева о направлении дорог, по которым он ехал с женой из дома 10 октября, дала отрицательные результаты: выяснилось, что ни на ж.-д. станции Скрябино, ни в чеботаевской лечебнице Нарушевы 10 октября не были. По справкам в г. Пензе также оказалось, что в октябре ни в гостиницах, ни в доме колхозника проезжая с фамилией Нарушева не останавливалась и в лечебные заведения, диспансеры и в больницы не обращалась.

Одновременно следователем проверялась и версия о возможной поездке Нарушева с женой за покупкой торна, о чем показывала со слов уезжавших из дома Нарушевых вполне достоверная свидетельница—девочка Надя Нарушева. Продажа торна и других ягод и фруктов в Колышлейском районе производилась только в колхозе Хопер при селе Круча, а не в селе Трескино, куда будто бы Нарушев, по его объяснению, собирался ехать за торном, и притом в противоположной стороне от мест, по которым, по показанию Нарушева, проезжали они с женой. Однако следственным осмотром расходных ордеров этого колхоза, в которых записывались отпуск проданного торна и фамилии покупателей, а равно и допросами должностных лиц колхоза, отпускавших торн, было установлено, что 10 октября Нарушевы и в колхоз не приезжали и торна или других плодов и ягод не покупали.

Колхоз Хопер находится на границе Колышлейского района Саратовского края с соседним Телегинским районом Куйбышевского края, причем дороги к колхозу проходят густым лесом. Следователь вполне основательно попытался выяснить, не обнаруживались ли осенью в этой местности трупы убитых женщин. На запрос об этом от милиции Телегинского района были получены сведения, что в начале ноября в лесу, недалеко от границы Колышлейского района в 2 километрах от колхоза Хопер был обнаружен двумя охотниками полуразложившийся труп женщины с огнестрельной раной головы, который не был никем опознан, а потому и был погребен милицией, как труп неизвестной. По осмотре актов дознания по этому делу о найденном трупе совершенно нельзя было разрешить вопроса о сходстве или тождестве трупа с личностью Ксении Нарушевой, так как оказалось, что труп, лежавший в стороне от дороги в лесу, был найден голым, без всяких признаков одежды, а недалеко от трупа имелись следы костра, из чего можно было заключить, что убийца после совершения преступления раздел убитую и одежду ее сжег. Это обстоятельство, естественно, еще более подкрепляло подозрение следователя, что убитая была именно Нарушева: сокрытие трупа ее в Телегинском районе Куйбышевского края и притом уничтожение одежды убитой, конечно, значительно затрудняло как опознание трупа, в случае нахождения его, так и вообще установление личности жительницы другого района, оказавшейся на территории другого края. Эта «техническая» сторона расследования преступлений хорошо была известна Нарушеву, который сам был следователем и, совершая убийство жены, естественно, предусмотрел все это, желая скрыть всякого рода следы своего преступления.

В целях опознания трупа погребенной неизвестной женщины представлялось необходимым произвести новый судебно-медицинский осмотр трупа. Была произведена 16 января эксгумация трупа и осмотр его через врачей-экспертов. По осмотре и исследовании изъятого из земли трупа неизвестной было установлено, что труп по общим приметам вполне соответствует приметам Нарушевой, Однако в целях установления идентификации трупа при новом вскрытии следователем были предусмотрительно взяты с трупа две пряди волос с головы — одна состриженная, другая — выдернутая с корнями для последующего исследования их и сличения с волосами косы Нарушевой. Далее, так как на наружной поверхности левой голени трупа имелись остатки плотно приставшего вещества апельсинового цвета и маленький кусочек ваты, то и они были взяты для химическо-микроскопического исследования и разрешения вопроса, не является ли прилипшее вещество ксероформенной мазью, которой пользовалась Нарушева при лечении ожога ноги. Наконец, с головы трупа был изъят лоскут кожи у границы входного отверстия огнестрельной раны для исследования и разрешения вопроса об условиях и обстановке, при которых могла быть нанесена убитой рана в голову из огнестрельного оружия.

По заключению врачей-экспертов ранение в голову было произведено посторонней рукой из ручного огнестрельного оружия, причем выстрел был произведен сзади и слева с небольшим наклонением головы. Лабораторным же исследованием волос трупа и сличением их с волосами Нарушевой было установлено полное тождество их с волосами Нарушевой как по толщине, так по строению и цвету (одинаковая толщина, одинаковые желтоватый разлитой пигмент и черный прерывистый мозговой слой).

Изобличенный рядом этим добытых следствием улик Нарушев, передопрошенный 28 января в качестве обвиняемого, с о з н а л с я в убийстве жены, объяснив, однако, что он убил жену нечаянно, и при этом просил следователя квалифицировать его преступление по ст. 139 УК. По его словам, когда они ехали с женой в колхоз за торном, в лесу он увидел стаю фазанов, выстрелил в них несколько раз из нагана, но не попал. Подойдя к телеге, он захотел выбить из револьвера пустые гильзы. В это время жена слезла с телеги и села с

правой стороны у заднего колеса. Так как шомпол у нагана вытаскивался очень туго, то он зацепил концом шомпола за шину заднего колеса телеги, но когда он рванул за револьвер, то случайно нажал на курок: получился выстрел, которым и была убита жена. «Чтобы скрыть всю эту историю и не переживать позора, — закончил Нарушев, — я решил отвезти ее на территорию Телегинского района, где и бросил труп в яму, а одежду сжег».

По осмотре следователем телеги, на которой Нарушев ездил с женой, были обнаружены следы крови. При производстве же экспертизы револьвера «наган», найденного при обыске в доме Нарушева еще в начальный момент расследования, было установлено, что одна из барабанных камер имеет пороховую нагарь, что, по мнению эксперта по оружию, говорит о том, что после чистки из него был произведен только один выстрел. При производстве же с этим револьвером опыта вытаскивания шомпола, задетого за шину колеса, эксперт дал заключение, что из револьвера ни в каком случае не мог получиться выстрел, при котором пуля могла бы получить такое направление, какое имела сквозная рана головы на трупе Нарушевой.

На основании всех этих данных предварительного следствия Нарушев был предан суду и осужден по ст. 136 УПК.

Этот пример блестяще проведенного расследования, давшего в результате полное раскрытие преступления, подтверждает высказанные мной выше методические положения: старшим следователем Саратовской прокуратуры в данном случае был тщательно и детально разработан план расследования и прежде всего план проверки всех версий, которые логически вытекали из первичных материалов расследования; методически правильно по этим версиям он прежде всего нащупал пути, по которым можно и нужно было итти, чтобы обнаружить труп убитой, использовал все указывавшиеся обстановкой преступления тактические приемы расследования, а при установлении и проверке объективных по делу доказательств умело использовал и те криминалистические знания и научные методы и способы, которые дает нам современная уголовная техника в области экспертного исследования (осмотры вещественных доказательств, судебно-медицинская экспертиза, лабораторные исследования, техническая экспертиза оружия и т. п.).

***

Наконец, в виде отрицательного примера, подтверждающего изложенные выше методические положения, можно привести следующий интересный пример уже «дефектного» следственного дела.

9 октября 1934 г. из г. Сычевки Западной области выехал посланный Сычевским льнозаводом в срочную командировку разъездной инструктор-технолог Ржевского льнотреста т. Лучников. Ему было поручено произвести проверку хода льнозаготовок в колхозах Нащекинского и Холминского сельсоветов из которых ближайший — Нащекинский находится в 20 км от г. Сычевки.

В день отъезда Лучников нашел около завода трех колхозников из дер. Рябинки Нащекинского сельсовета, которые приезжали на завод сдавать лен и собирались возвращаться домой. Один из них Громов Илларион согласился довезти Лучникова до Нащекинского сельсовета на своей лошади. Приехав вечером 9 октября в Нащекинский район, Громов подвез Лучникова к своему дому, к хутору, находившемуся в 2 км от дер. Рябинки. Так как было уже очень поздно, Лучников спросил Громова, нельзя ли ему, переночевать у Громова, говоря, что он ему заплатит за ночлег. Громов согласился, и Лучников остался ночевать у Громова, семья которого состояла, кроме его самого, из жены его старухи Анастасии, дочери-колхозницы Марии, проживавшей здесь со своей трехлетней девочкой, сына Петра, школьника 14 лет, снохи Ирины, муж которой Никита находился в это время на заработках в г. Ленинграде, и четырехлетнего сына последней. Все они помещались в двух комнатах, причем Громовы положили Лучникова спать в большой комнате на одной кровати вместе с сыном Петром; здесь же спали также Ирина и Мария со своими детьми.

10 октября утром Лучников после чая ушел от Громовых, оставив у них свое пальто, так как был теплый день, и сказав, что отправляется в обход колхозов Нащекинского района, а на обратном пути опять зайдет к ним ночевать. Однако Лучников в этот день не пришел к Громовым, а вернулся лишь вечером на следующий день 11 октября. Громова Иллариона в этот день дома не было: он уходил со снохой Ириной в Сычевку, куда отводил сдавать двух своих телят. На вопрос Анастасии Громовой, где Лучников ночевал прошлую ночь, последний ответил ей, что ночевал у своей знакомой в дер. «Усьи» (вероятно Устье?).

Переночевав второй раз у Громовых, Лучников утром 12 октября вновь ушел от них сказав, что пойдет теперь в обход по колхозам Нащекинского сельсовета. При этом он опять оставил свое пальто у Громовых, сказав, что зайдет за ним на обратном пути уже перед отправлением в Сычевку, и тогда расплатится и за ночлег. Но после того Лучников к Громовым уже не возвращался.

Между тем, Громов Илларион, находясь 11 октября с Ириной в Сычевке, послал оттуда в Ленинград своему сыну Никите телеграмму с просьбой приехать домой, так как в это время в Нащекинском сельсовете возбуждалось против Громова Иллариона дело об исключении его из колхоза в связи с обвинением его в краже колхозного зерна, и он хотел, чтобы Никита помог ему в этом деле. Никита Громов приехал по вызову отца 14 октября в Сычевку, где Илларион Громов встретил сына на станции ж. д. и с ним возвратился домой вечером 14 октября, когда уже Лучникова у них не было.

Так как Лучников в Сычевку не вернулся а между тем командировка его кончилась 15 октября, дирекция Сычевского льнозавода обеспокоилась и послала в Нащекинский сельсовет другого своего сотрудника на розыски Лучникова. Сотрудник этот, узнав в сельсовете, что Лучников ночевал последний раз у Громовых в ночь на 12 октября и утром ушел от них, оставив свое пальто, а после того его никто будто бы из местных жителей не видал, возвратился в Сычевку.

21 октября дирекция льнозавода сообщила сычевской милиции об исчезновении Лучнико-

ва и, предполагая, что с ним случилось какое-либо несчастье, просила произвести расследование.

Уполномоченный сычевской милицией прибыл в Нащекинский район для производства дознания только 27 октября (?). Кратким опросом секретаря Нащекинского сельсовета Моргунова и колхозника дер. Шакирова Гусарова уполномоченный лишь установил, что Лучникова они видели только: первый 11 октября, когда Лучников приходил зарегистрироваться, как приехавший в командировку по службе, а второй — 10 октября, когда Лучников приходил в колхоз и говорил бригадиру, чтобы колхозники не трепали лен, а сдавали его «трестой» (т. е. сырьем).

На другой день, 28 октября, тот же уполномоченный в присутствии начальника РОМ и районного прокурора произвел у Громовых, как сказано кратко в протоколе, «изъятие принадлежащего Лучникову пальто». Допросив затем 29 октября только Громовых Иллариона, Анастасию и Марию, которые о пребывании у них Лучникова дали уполномоченному показания в том виде, как это изложено выше, уполномоченный ограничился этими следственными действиями и уехал обратно в Сычевку, не приняв никаких мер к розыску Лучникова и расследованию обстоятельств, связанных с пребыванием Лучникова в Нащекинском и Холминском сельсоветах. В дальнейшем органы расследования, повидимому, занялись негласным собиранием сведений о личности и прошлом Громова Иллариона и никаких следственных действий не производили до 28 декабря, т. е. в течение двух месяцев (!). А 28 декабря, по постановлению начальника сычевского РОМ, Громов Илларион, а также сын его Никита, приехавший к отцу вторично ввиду назначенного в народном суде дела его отца по обвинению в краже зерна, были арестованы, причем в постановлении было сказано, что им предъявляется обвинение в убийстве Лучникова «из классовой мести» (?). Постановление это мотивировалось буквально в следующих двух пунктах: «1) на квартире у Громова Иллариона было обнаружено пальто, принадлежащее Лучникову, и 2) исчезновение Лучникова совпало с приездом из Ленинграда сына его Никиты» (?).

Не останавливаясь на целом ряде несообразностей, недочетов и прямых нарушений закона со стороны органов, производивших расследование по этому делу, следует лишь отметить, что, как это видно из вышеизложенного, следствие сразу пошло по ложному пути и занялось проверкой нелепых и необоснованных фактическими данными предположений. Не принимая никаких мер к розыску трупа Лучникова, уполномоченный сычевской милиции на основании первичных изложенных выше данных создал версию, казавшуюся ему единственно правдоподобной, а именно, что Лучников убит Громовыми в их доме, так как у них оказалось в доме пальто Лучникова и так как с 12 октября после ночевки у них Лучникова его никто и нигде будто бы не видал, и к тому же «исчезновение Лучникова совпало с приездом из Ленинграда сына Громова Никиты»!

После этого в течение нескольких месяцев расследование занималось добыванием во что бы то ни стало доказательств в подтверждение одной этой версии, причем наряду с упомянутыми уже всеми членами семьи Громовых привлекались в качестве подозреваемых и арестовывались, содержась без допроса в течение 2 месяцев, и другие лица, чем-либо связанные с семьей Громовых и притом без всяких оснований, лишь по голым домыслам и нелепым предположениям лиц, производивших расследование.

В задачу настоящего очерка не входит анализ всего следственного производства по этому делу, которое, однако, завершилось редким и необычным в нашей судебной практике определением Верховного суда, прекратившего производство по этому делу и признавшего расследование произведенным односторонне, неумело и с нарушением основных правил процессуального закона, а приговор суда явно неправильным и не основанным на каких-либо конкретных фактических обстоятельствах дела[1].

На материалах следствия по этому делу также можно с очевидной ясностью доказать, что непринятие быстрых и своевременных оперативно-розыскных и следственных мероприятий к розыску трупа по делам об убийствах влечет всегда за собой непоправимые ошибки расследования, в результате которых следствие оказывается бессильным восстановить объективно-достоверную картину преступления, и преступление остается нераскрытым.

Первый вопрос о том, возможно ли было по первичным сведениям, полученным милицией по этому делу от дирекции льнозавода, принять это дело для производства расследования и немедленно приступить к следствию, должен быть разрешен безусловно в положительном смысле. Пропал бесследно отправившийся в районы ответственный работник-специалист. По сообщению заинтересованного производственного предприятия, его исчезновение ничем другим нельзя было объяснить иначе, как тем, что с ним случился какой-то «несчастный случай» и именно в пределах района, куда он прибыл на определенный короткий срок и откуда в намеченный им срок не возвратился. Семья Громовых, где он нашел ночлег, удостоверила вполне правдоподобные факты с указанием и точного времени, когда последний раз видели его в живых.

По принятии этого дела для производства расследования, прежде всего необходимо было подробнейшим образом допросить **всех** свидетелей, видевших Лучникова за время пребывания его в районе. Если даже в самый первый момент у производившего расследование могла возникнуть версия об убийстве Лучникова Громовыми, то тем более это обязывало производившего расследование раздельно допросить не только трех указанных выше, но и остальных членов семьи Громовых, по тем

[1]. Планом работ следственного отдела Прокуратуры СССР на 1937 г. предположено опубликовать и разослать прокуратурам краев и областей и автономных республик составленное методической частью следственного отдела специальное письмо, содержащее подробный анализ и критическую оценку всего следственного производства по этому чрезвычайно поучительному и исключительно «дефектному» делу.

именно вопросам, которые изложены выше в методической схеме допроса первых свидетелей. Наряду с ними должны были быть допрошены и другие свидетели, на которых имелись указания в деле, но которые не были допрошены, а именно соседи Громовых,—свидетели, которые также видели Лучникова в доме Громовых... Сопоставление всех показаний этих свидетелей, помимо освещения других моментов, относящихся к личности Лучникова, вместе с тем дало бы возможность проверить и степень достоверности показаний Громовых, которые подозревались в убийстве Лучникова.

Вместе с тем необходимо было допросить и проживающую в Сычевке невесту-сожительницу Лучникова, от которой можно было получить сведения, какие деньги и вещи имелись у Лучникова в день его отъезда, тем более, что точных сведений об одежде Лучникова, о надетом на нем белье и других вещах, бывших при нем, и о приметах этих вещей не могли дать другие свидетели, в том числе и Громовы, удостоверившие только, что Лучников был одет в новую кожаную тужурку и новые кожаные сапоги и имел при себе портфель и какой-то револьвер. Без подробного же описания примет одежды и других имевшихся при Лучникове вещей, при необнаружении трупа его, было бесцельным и бесполезным производить и розыски их, как это сделала сычевская милиция, послав своего уполномоченного искать у родственников Никиты Громова... в Ленинграде (!) неизвестно какую «кожаную тужурку» и неизвестно какой системы «револьвер».

Одновременно, конечно, необходимо было срочно принять меры к розыску трупа. Для составления более или менее правдоподобной версии о месте нахождения трупа, естественно, следовало произвести тщательное дознание и выяснить, где, в каких местах и колхозах был Лучников 10 октября, где вообще он провел этот день, что делал, где отдыхал и закусывал, видел ли кто-нибудь у него деньги, где он ночевал в ночь на 11 октября и в каком направлении он производил в эти дни обход колхозов Нащекинского сельсовета. Далее необходимо было установить, был ли он в Холминском сельсовете, куда хотел отправиться с утра 12 октября, заходил ли он перед этим в Холминский сельсовет «зарегистрироваться», как это требовалось. Холминский сельсовет от хутора Громовых находился всего в 8½ км. Бесспорно, что вскоре, в первые же дни после исчезновения Лучникова, все свидетели, которые должны были видеть его во время его обхода колхозов, дали бы об этом точные и подробные показания, так как они не могли забыть посещения недавно приезжавшего из Сычевки инструктора по льнозаготовкам,—хорошо одетого молодого человека в кожаной тужурке в сапогах и с портфелем в руках. Между тем, через 10 месяцев, уже в 1935 г., когда следствие пыталось выяснить эти сведения, оказалось невозможным установить, какие колхозы посетил Лучников и кто и где мог его видеть в деревнях указанных сельсоветов в октябре 1934 г.

Вместе с тем, по указанию свидетельницы Анастасии Громовой, которой Лучников, по ее словам, сказал, что он ночевал на 11 октября у какой-то знакомой в дер. Усье, обязательно необходимо было проверить это и узнать у кого именно ночевал в эту ночь Лучников. В деле даже не имеется сведений, есть ли в Нащекинском районе дер. Усье. Этого своевременно не было сделано, а между тем впоследствии, уже при доследовании дела с запозданием в несколько месяцев, было выяснено, что Лучников действительно ночевал в ночь на 11 октября в дер. Коробянке (может быть, эта деревня находится при устье какой-нибудь реки и по своему местоположению называется еще «Устьем»?) в семье колхозника Лукьянова, у которого будто бы он встретил неожиданно в это время отца своей невесты Анфисы Догадиной — плотника Догадина, который, как оказалось, с семьей своей, в том числе и дочерью Анфисой, уже 6 лет до этого порвал всякую связь и который, по имевшимся у милиции сведениям, «имел связь с преступными элементами», а сын его Догадин Сергей в то время где-то скрывался от преследования, как обвинявшийся в каком-то преступлении. Своевременное установление этого эпизода ночевки Лучникова у Лукьянова могло, несомненно, осветить какие-либо факты, связанные с последующим убийством Лучникова, и во всяком случае дало бы некоторые указания относительно направления, в котором производил свои обходы колхозов Лучников, где он был до этого, куда и когда отправился потом и т. п. Характерно отметить здесь, что этот факт посещения Лучниковым Лукьянова и ночевки у последнего не был при расследовании проверен даже и после того, как следователю сделался известным этот факт, уже спустя несколько месяцев после начатия следствия. Это обстоятельство установлено лишь допросом одного Лукьянова, показание которого не было проверено, так как остались недопрошенными как плотник Догадин, так и другие члены семьи — его мать, взрослая сестра и восьмилетний брат.

Далее, ни в каком случае нельзя было замедлять темпы начального расследования и тем более «засекречивать» дело розыска Лучникова, как это было сделано милицией. Ввиду важности дела и «загадочности» исчезновения Лучникова необходимо было, наоборот, привлечь к участию в расследовании общественность: нужно было мобилизовать силы местного колхозного актива, комсомольцев и ГСП, чтобы при такой массовой проверке получить точные сведения, кто, где и когда видел Лучникова в районе с 10 октября и до его исчезновения. В узких границах территории двух сельсоветов на протяжении всего каких-либо 15 км это было сделать легко.

При таких энергичных и своевременных розысках следствию, бесспорно, удалось бы, по крайней мере, установить, в каком месте и в каком направлении видели проходившим Лучникова в последний раз перед его исчезновением. А этим определилось бы точно и то место или тот небольшой участок района, в пределах которых нужно было искать пропавшего Лучникова, чтобы с большей вероятностью можно было надеяться найти здесь его труп.

Такой, примерно, план следственно-розыскных действий намечался уже существом тех первичных сведений, которые, как указано выше, были у органа расследования в начальный момент розысков и следствия.

Если даже допустить, что у уполномоченного РОМ, приступившего к расследованию, имелись

сведения, что действительно с утра 12 октября, т. е. после второй ночовки у Громовых, Лучникова никто и нигде не видел, и возникла бы версия, что он мог быть убит только в доме Громовых, и следовательно, труп Лучникова должен находиться где-то на хуторе или поблизости его, это не освобождало производившего расследование от обязанности принять меры к розыску пропавшего именно в пределах этой окружающей хутор Громова местности, тем более, что сейчас же около хутора Громова находится глухой лесной участок. Розыски в этом месте необходимо было сделать и в том случае, если бы уполномоченный принял за достоверное показание Анастасии Громовой о том, что Лучников исчез бесследно после того, как он ушел утром 12 октября в направлении к Холминскому сельсовету и она даже указала ему, где он должен пройти из дома, чтобы выйти на дорогу, ведущую к с. Холмец, т. е. через лес. Если после выхода из дома Громовых Лучников пошел в эту сторону к лесу, а после этого его никто и нигде не видел, ясно, что здесь прежде всего и следовало искать бесследно пропавшего при отсутствии других указаний.

Дело в том, что из протокола осмотра и плана местности, составленного следователем уже при окончании следствия, видно, что хутор Громовых находится в 1,2 км от дер. Рябинки; за хутором Громова лежит небольшой участок, поросший мелким кустарником и сплошным ельником. Чтобы итти из дома Громовых к проезжей дороге, находящейся от хутора на расстоянии несколько больше полкилометра (0,7 км), нужно пройти лесом, а дальше по ту сторону дороги расположены уже строения других колхозников дер. Рябинки — хутора Кывкина, Голубева и Тарабыкина. Если бы, наконец, было своевременно произведено тщательное расследование в отношении колхозов и мест, которые посетил 12 октября Лучников, и было бы установлено (что тоже очень вероятно), что кто-нибудь видел его к вечеру в этот день возвращавшимся по дороге из с. Холмец по направлению к дер. Рябинки или к хутору Громова, у органа расследования также было полное основание произвести розыски в пределах указанного небольшого лесного участка на этой территории, прилегающей к хутору. И розыски эти привели бы к желанному результату, так как труп Лучникова был 23 мая 1935 г., т. е. уже через 7½ месяцев после его исчезновения, обнаружен раздетым, в одном белье и с зияющей раной черепа... и м е н н о в э т о м л е с у, в яме «прикрытой мелкими старыми еловыми сучьями и листвой», глубиной в полметра, в расстоянии 147 шагов от дороги и в 73 шагах от опушки леса. Кстати, нахождение трупа в этом месте тогда же давало бы основание подвергнуть некоторому сомнению и указаную выше версию, принятую уполномоченным РОМ, об убийстве Лучникова Громовыми, так как труп находился от дома Громовых дальше, чем от дороги и чем от ближайшего другого жилья — от хутора Кывкина. Поэтому не исключалась и вероятность версии, что Лучников мог быть убит, когда шел лесом утром 12 октября с хутора Громовых, или в тот же день вечером, когда он возвращался лесом обратно с дороги после обхода холминских колхозов.

Между тем, уполномоченный РОМ в начальный момент расследования не только не произвел обыска на хуторе «заподозренных» Громовых в целях нахождения трупа и следов преступления, но и не обследовал прилежащего к хутору лесного участка в направлении, которое указывалось материалами дознания.

Возникает вопрос, как и каким порядком в данном случае должно было производиться обследование указанной местности — лесного участка в целях обнаружения разыскиваемого трупа?

Оперативная следственно-розыскная практика прошлого знает случаи, когда подобного рода обследования местности производились при участии общественности. Приглашались для розысков в качестве понятых 10—20 человек из состава местного населения, которые под руководством производившего расследование лица проходили цепью на расстоянии 2—3 шагов друг от друга весь лесной участок, на котором предполагалось вероятным найти труп. В 1925 г. в одной из отдаленных областей РСФСР при таком именно способе обследования лесной местности был найден труп убитой разыскивавшейся женщины через несколько дней после ее исчезновения. Можно быть уверенным, что при таком методе обследования «бригадой понятых» и притом «сквозной цепью» от внимания обследующих не ускользнет ни один клочок земли: «подозрительная» свеже взрыхленная почва, яма, прикрытая хворостом, овраг, канава, кустарник с обломанными ветками и какими-либо следами находившихся здесь людей и т. п. Обследование участка должно производиться днем, с утра и начинаться от какой-либо границы участка, намеченного для розысков трупа, и вестись в поперечном направлении этого участка, если он имеет удлиненную форму. В случае если однократным прохождением цепи не будет охвачен по поперечнику весь обследуемый участок, обратным прохождением цепи обследование продолжается в таком же порядке и по другой еще необследованной части и т. д., до тех пор, пока весь участок не будет пройден бригадой.

Иногда такие массовые розыски производятся неорганизованно, когда нескольким человекам просто поручается пройти по лесу в различных направлениях. Такой способ нельзя рекомендовать, так как он недостаточно гарантирует полноту обследования: кто-либо из беспорядочно проходящих и не контролируемых соседом понятых из состава бригады может легко обрйти и пропустить какой-либо «подозрительный» клочок обследуемой территории. Ясно, что, организуя такое обследование, производящий следствие должен составить бригаду из лиц, не участвующих в деле и стоящих вне всяких подозрений, и сам расставить цепь понятых в определенном порядке, чтобы исключить возможность со стороны кого-либо из этих «добровольцев» итти по выбранному им самим направлению. Здесь требуется также не только известная планомерность, но и своего рода тактика, предупреждающая всякого рода возможности помешать делу розыска со стороны кого-либо из необнаруженных в данный момент участников преступления, попавших в число понятых.

Не подлежит никакому сомнению, что при таком способе обследования небольшого (на протяжении полкилометра) лесного участка

близ хутора Громовых труп Лучникова тогда же, в первые дни следствия, был бы найден.

Изложенные выше методические указания, естественно, не обнимают собой всех разновидностей случаев расследования дел об убийствах, по которым труп до начала следствия не был обнаружен.

Но, принимая во внимание некоторую общность фактической обстановки, в условиях которой начинается всякое расследование дела об убийстве без наличия трупа, я имею основание утверждать, что предлагаемая мной методическая схема может быть принята как примерная, хотя может быть и требующая некоторых поправок, типовая схема расследования для целого ряда аналогичных дел об убийствах, которая, с одной стороны, может облегчить следователю работу планомерного ведения следствия по такого рода делам, а с другой, обезопасить его от всяких возможных промахов и ошибок, которые наблюдаются в практике.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что и при всех возможных вариантах фактической обстановки расследуемых убийств все-таки ведущей магистральной линией расследования должна быть ставка на максимальную быстроту производства первых розыскных и следственных действий. Только быстро организованные оперативные действия по розыску трупа и своевременное методически правильное установление и проверка всех подсказываемых вероятными версиями фактических обстоятельств дела могут гарантировать успешное раскрытие всякого, на первый взгляд, загадочного преступления. Наоборот, всякое промедление в этот начальный момент расследования может лишить следователя в дальнейшем возможности собрать полноценный доказательственный материал, оставив на его долю лишь запоздалые догадки, проверить которые за давностью времени бывает уже невозможно.

В. БРАНЕЦКИЙ

Вопросы судебно-бухгалтерской экспертизы

В учебнике уголовного процесса проф. М. С. Строговича дана следующая оценка судебно-бухгалтерской экспертизы: «наиболее достоверны экспертизы—медицинская, химическая, менее достоверна бухгалтерская экспертиза»[1]. В этом тезисе для бухгалтерской экспертизы хуже всего то, что он верен, верен по крайней мере сейчас,—на том уровне постановки и организации судебно-бухгалтерской экспертизы, который мы имеем.

Но нельзя понимать этот тезис так, что бухгалтерская экспертиза, по самой своей природе, по своей сущности менее достоверна, менее точна, чем, скажем, экспертиза медицинская. Наоборот, наши знания в области учета, наша практика учета, социалистического учета, построенного и выросшего за годы после Октябрьской революции, дают все основания для того, чтобы иметь уже сейчас вполне «достоверную», а может и более «точную», чем экспертиза медицинская, экспертизу бухгалтерскую. И если пока наша судебно-бухгалтерская экспертиза оказывается зачисленной в круг «менее достоверных» доказательств судебного процесса, то причина этого лежит не в ней самой. Нет и не может быть презумпции недостоверности бухгалтерской экспертизы, но есть пока еще плохая работа экспертов-бухгалтеров, а главное—есть лежащая в основе этой плохой работы стимулирующая ее индифферентность к вопросам бухгалтерской экспертизы и у юристов и у работников учета.

Нельзя сказать, что вопросами экспертизы у нас вообще не интересуются. Это было бы неверно. Но случилось так, что одни из видов судебной экспертизы, особенно медицинская, психиатрическая, оказались у нас в лучшем положении, сумели расти и развиваться. Авторы вышедшего в 1936 г. учебника судебной психиатрии могли с гордостью начать предисловие словами: «Интерес к судебной психиатрии среди следственных работников непрерывно растет»[1]. Преподавание судебной медицины и судебной психиатрии прочно вошло в программы наших юридических вузов. Следователь, не имеющий хотя бы минимальных познаний в области судебной медицины, уже считается у нас неполноценным работником.

И наряду с этим приходится констатировать, что вопросами бухгалтерской экспертизы наши следователи, как правило, не интересуются, книги, не говоря уже о вузовских учебниках, по бухгалтерской экспертизе не издаются, преподавать «судебную бухгалтерию» или просто основы счетоводства для юристов никто и нигде не собирается. Характерен факт, что в изданном в конце 1936 г. Институтом уголовной политики «Руководстве по ведению предварительного следствия» Л. М. Яхнича вопросы бухгалтерской экспертизы попросту выпали. В книге даны, например, два «образцовых» обвинительных заключения—по ст. 116 УК и по ст. 135 УК и в то время как по делу о растрате «образцовый» следователь т. Яхнич благополучно обходится без бухгалтерской экспертизы, по делу об убийстве он, разумеется, обосновывает обвинительное заключение выводами судебно-медицинской экспертизы[2].

В практике работы следователя на одно дело, требующее медицинской экспертизы, обычно приходится 5—10 дел, требующих бухгалтерской экспертизы. Да и то эта пропорция сложилась сравнительно недавно, когда стала уменьшаться прослойка должностных дел в связи с падением у нас числа должностных преступлений. Нам приходится говорить о делах, «требующих бухгалтерской экспертизы», что вовсе не совпадает с делами, по которым

---

[1] Проф. М. С. Строгович, Уголовный процесс, изд. 3, стр. 46.

[1] «Судебная психиатрия», учебник для юридических вузов, под ред. проф. В. А. Внукова и доц. Ц. М. Фейнберг. М., 1936.

[2] Л. М. Яхнич, Краткое руководство по ведению предварительного следствия, 1936, стр. 66—74.

эта экспертиза действительно производилась. Если в делах об убийствах, телесных повреждениях и т. п. никакому следователю и в голову не придет мысль о возможности расследовать их без участия эксперта, то по делам о растратах, недостачах в торговых точках и складах и т. д. тот же следователь очень часто считает возможным обойтись без вызова эксперта-бухгалтера даже тогда, когда по характеру дела, его сложности, наличию в деле бухгалтерских документов эта экспертиза явно необходима.

Ниже мы приводим цифры по отдельным краям и областям, свидетельствующие о том, что кое-где дела, требующие судебно-бухгалтерской экспертизы, как правило, расследуются и направляются в суды без этой экспертизы. Здесь же надо указать лишь на тот, пока еще обычный в практике расследования путь, который часто приводит следователя к выводу о том, что он как будто может обойтись без бухгалтерской экспертизы, расследуя, например, дела о растратах. Дело заключается в том, что в основе каждого почти дела о растрате или недостаче имущественных или денежных ценностей лежит р е в и з и о н н ы й а к т. Этот акт, являющийся продуктом ведомственной ревизии и указывающий, какая сумма числится за обвиняемым как недостающая, обычно воспринимается следователем как своеобразный суррогат экспертизы, а ведомственный ревизор, допрошенный в качестве свидетеля, заменяет эксперта. В результате акт ревизии превращается в основное доказательство по делу, без проверки его действительно настоящим, посторонним обвиняемому и гражданскому истцу (он же часто и ревизор) экспертом, а на суде получается ряд процессуальных нарушений, когда ревизор-свидетель по делу, превращенный в эксперта, начинает задавать вопросы сторонам и другим свидетелям. Правда, за последнее время мы имели случаи, когда уже в суде вскрывалось действительное процессуальное положение такого «эксперта». Так, например, в Харьковском областном суде, при слушании дела по обвинению гр. Адамковича, Луценко и др., защита возражала против выступления в качестве «эксперта» производившего ревизию по этому делу гр. Яромицкого. Все же надо признать, что подмена эксперта ведомственным ревизором еще остается у нас частым явлением, и процессуальная роль эксперта, особенно в стадии расследования, до сих пор еще недостаточно понята нашими следователями.

Конечно, было бы неправильно обобщать это явление как свойственное всему нашему следственному аппарату. После директивы Прокуратуры Союза ССР от 7 октября 1936 г. стало особенно понятным, что нельзя «брать на веру» акт любой ведомственной ревизии, что нельзя путать ревизора с экспертом, что это недопустимо и с точки зрения методики расследования, и с точки зрения требований процесса.

Подмена эксперта-бухгалтера ведомственным ревизором являлась не единственной причиной, вызывавшей недостаточное использование судебно-бухгалтерской экспертизы, именно как э к с п е р т и з ы со всеми ее процессуальными особенностями.

Известная «доля вины» падает здесь на организационные моменты, крайне неблагоприятно сложившиеся для судебно-бухгалтерской экспертизы. В то время как опять-таки та же судебно-медицинская экспертиза все время находилась в системе Наркомздрава, судебно-бухгалтерская экспертиза уже третий раз меняет свои организационные формы. Организованный в 1925 г. институт государственных бухгалтеров-экспертов при НКРКИ существовал до 1930 г., когда производство судебно-бухгалтерских экспертиз было передано Всесоюзному обществу социалистического учета (ВОСУ) при ВЦСПС. С ликвидацией ВОСУ в 1936 г. судебно-бухгалтерская экспертиза перешла к бюро СБЭ, входящее в систему Прокуратуры Союза ССР и действующее на основе временного положения от 8 июня 1936 г.

Помимо обычных организационных трудностей, возникающих при переходе в другую систему, ставящую перед бухгалтерами-экспертами несколько иные задачи (так, например, ВОСУ требовало от экспертов вести общественно-массовую работу со всеми вообще работниками учета), здесь сказалась оторванность от органов расследования и суда ИГБЭ РКИ и ВОСУ. Бухгалтеры-эксперты, работавшие в ИГБЭ и в ВОСУ, появлялись в камере следователя без знания даже элементарных положений УПК, без знания своих прав и обязанностей в процессе. Авторитет экспертов-бухгалтеров, судя по имеющейся информации краевых и областных прокуратур, был весьма не велик, их квалификация и методическая подготовка часто не удовлетворяли работников расследования. Следователь не видел в пришедшем к нему бухгалтере компетентного, вооруженного всеми знаниями, владеющего всеми нужными методами эксперта, способного действенно помочь ему расследовать иногда сложнейшее дело.

Переход секторов СБЭ ВОСУ в 1936 г. в систему Прокуратуры должен явиться поворотным этапом в деле развития, правильного использования и освоения судебно-бухгалтерской экспертизы. Прокуратура взяла это дело в свои руки с тем, чтобы действительно наладить его, поднять нашу судебно-бухгалтерскую экспертизу на высокий уровень как в отношении кадров экспертов, их подготовки и переподготовки, так и в отношении методики и техники экспертной бухгалтерской работы.

Сеть местных бюро к настоящему времени охватывает все союзные республики, края и области, кроме трех точек: Северного края, Калмыцкой и Якутской АССР. В Архангельске организация бюро СБЭ задерживается, главным образом, из-за трудности подыскания кандидатуры на должность зав. бюро СБЭ; в Элисте прокуратура АССР не пошла навстречу мероприятиям центрального бюро СБЭ и заявила, что у них вообще «нет судебно-бухгалтерских экспертиз» (!); с якутским ЦБ СБЭ не удалось наладить связи—местная прокуратура не ответила ни на одно из писем ЦБ СБЭ.

Надо признать, что и по ряду организованных в течение второй половины 1936 г. бюро СБЭ работа пока еще развернута недостаточно. Отдельные руководители местных бюро СБЭ, выдвинутые местными прокуратурами, не сумели справиться с организационными трудностями. Поэтому, наряду с значительным числом хорошо работающих бюро СБЭ, в отдельных точках предстоит еще много поработать над организацией судебно-бух-

галтерской экспертизы (Омская область, Черниговская область, АССР Коми, Марийская АССР), чтобы добиться там правильного и полного обслуживания СБЭ органов расследования и суда.

К началу 1937 г., когда сеть МБ СБЭ была уже почти полностью организована, мы смогли перейти к вопросам организации и упорядочения работы уже существующих межрайонных и районных отделений МБ СБЭ. Здесь организационная работа встретилась с целым рядом трудностей как в отношении подбора кадров экспертов, так и в отношении трудности проведения принципа хозрасчета. Работа по организации низовой сети СБЭ еще не закончена, но все же на 1 января 1937 г., по неполным данным, функционировали 134 межрайонных и 166 городских и районных отделений МБ СБЭ. По отдельным областям уже сейчас организация низовой сети органов СБЭ может считаться законченной (Ленинградская, Ивановская области, Северокавказский край, Крымская АССР), и местные органы расследования и народные суды полностью охвачены и обслужены СБЭ.

Работающие в системе органов прокуратуры местные бюро СБЭ и их отделения теперь уже не являются какой-то замкнутой организацией специалистов учета, оторванной от органов расследования. В значительном числе бюро СБЭ во главе их стоят работники прокурорского состава. Этим достигается не только разрешение задач обеспечения компетентного правового руководства работой экспертов, но и приближение всей местной организации СБЭ к работе прокуратуры, органическая связь ее с местной прокуратурой.

Достаточно указать на работу, например, днепропетровского бюро СБЭ, возглавляемого старшим помощником областного прокурора Ф. П. Поплавским. Здесь на всех собраниях экспертов, обсуждающих вопросы методики экспертиз, прорабатывающих экспертизы по оконченным делам, присутствуют прокуроры, судьи, следователи. Они не только «присутствуют», но и активно участвуют в работе, выступают, спорят, приводят примеры из своей практики применения СБЭ в процессе расследования. Здесь сразу видно, что дело бухгалтерской экспертизы стало для работников юстиции Днепропетровщины подлинно своим делом, в лучшей организации, в лучшей методике которого они кровно заинтересованы.

Пример днепропетровского бюро СБЭ не является единичным. Также неплохо работают возглавляемые прокурорскими работниками ленинградское бюро СБЭ (т. Альперин), киевское бюро СБЭ (т. Хелемский). В тех бюро СБЭ, где руководство возглавляется не работниками прокуратуры, а специалистами-бухгалтерами, работа идет хорошо лишь в условиях постоянного тесного контакта их и живой повседневной связи с прокуратурой—через следственные отделы прокуратуры.

Наоборот, там где местная прокуратура еще не сумела понять, что бюро СБЭ стало теперь составной частью его рабочего аппарата, составной частью общего комплекса организации расследования, там работа по СБЭ идет плохо, экспертизами не пользуются, да и не умеют пользоваться. Чего стоит, например, такое отношение к работе бюро СБЭ, как в Карельской АССР, где прокурор «выселил» бюро из помещения прокуратуры и поставил заведующего бюро в необходимость вести работу на квартире. Понятно, что Карелия и по числу экспертиз заняла одно из последних мест. Еще хуже обстоит дело в Омской и в Северной областях, где до сих пор прокуратура не нашла времени заняться вплотную делом организации СБЭ и предпочитает жить «по-старинке», пользуясь услугами «частных» бухгалтеров-экспертов. Ведь врача, не имеющего специальной судебно-медицинской подготовки, тот же прокурор не станет привлекать в качестве эксперта, а бухгалтеру без такой же специальной судебно-бухгалтерской подготовки почему-то, пока что, считается вполне возможным вверить экспертизу при следствии.

Надо признать, что все же постепенно мы начали проходить полосу безразличного отношения к работе бюро СБЭ со стороны работников прокуратуры и следствия. Уже никто не отрицает необходимости правильно организовать и освоить это дело. Организация следственных отделов прокуратуры много помогла делу укрепления и использования СБЭ. Это и понятно: следственный отдел, в первую очередь, заинтересован в улучшении качества следствия и тем самым—экспертизы. За последнее время развертывается и работа по переподготовке экспертов-бухгалтеров. Здесь максимум внимания пришлось уделить вопросам правовой подготовки экспертов, особенно хромавшей в период работы ВОСУ, ознакомлению их с основными понятиями советского права, особенно процессуального права. Занятия в форме кружков в 1936 г. были организованы для бухгалтеров-экспертов в 27 точках. И здесь без той органической связи с прокуратурой, о которой мы уже говорили, нельзя было бы ничего сделать. Только там, где местная прокуратура выделила из числа своих работников преподавателей по правовым разделам программы, кружки принесли реальную пользу. Эксперт-бухгалтер, после работы в кружке, уже знает свои права и свои обязанности, ему понятно значение экспертизы и его роль в процессе. На смену оторванному от нашей работы «специалисту учета», ничего не желавшему знать за пределами своей бухгалтерии, приходит бухгалтер-эксперт, связанный живой повседневной работой со следователем, компетентный и авторитетный не только в вопросах своей специальности, но и в деле применения этой специальности к задачам расследования, эксперт—каким он должен быть в советском процессе.

За период от приема секторов СБЭ б. ВОСУ до 1 января 1937 г. бюро СБЭ было окончено 6422 работы по судебно-бухгалтерским экспертизам и ревизиям, причем эти данные относятся к работе 40 МБ СБЭ и являются поэтому неполными.

Объем работы резко увеличился за последнее время. Так, например, было выполнено работ:

	В III квартале 1936 г.	В IV квартале 1936 г.
Ленинградская область	286	358
Воронежская »	46	89
Харьковская »	28 (вкл. июнь)	70
Кабардино-Балкарск. АССР	16	32
Мордовская АССР	9	23

Распределение выполненных работ по организациям, поручившим производство экспертиз и ревизий, дает следующие показатели:

Прокуратура и следователи	45,8%
Суды	11,2%
Милиция, уголовный розыск, НКВД	15,9%
Арбитраж	2,6%
Хозорганизации	24,5%
Итого:	100,0%

По сравнению с данными предыдущего периода, надо отметить рост числа поручений прокуратуры и следователей, арбитража и хозорганизаций вместе с относительным снижением числа поручений судов и органов НКВД. Последнее очевидно надо объяснить в отношении судов недостаточным использованием ими предложений циркуляра НКЮ Союза ССР № 1 от 14 августа 1936 г., а в отношении органов НКВД—переходом расследования части дел, требующих производства СБЭ, из органов уголовного розыска и милиции к следователям прокуратуры.

В органах прокуратуры наиболее широкое применение СБЭ при расследовании дел имело место (в скобках число поручений, выполненных в IV квартале 1936 г.), в прокуратуре Белорусской ССР (141), Ивановской области (109), Днепропетровской области (88), и Северокавказоком крае ((8).

Эти данные говорят о стремлении местной прокуратуры добиться действительно полного и компетентного расследования наиболее сложных дел о хищениях общественной собственности, растратах и т. п., назначая по ним судебно-бухгалтерскую экспертизу.

Сравнительно с объемом их работы отстают Московская (128) и особенно Ленинградская (63) прокуратуры.

Явно недостаточно используют СБЭ прокуратуры ССР Армении (4), Калининской области (4). Карелии (3), Кировской области (3), Саратовской области (5) и Бурят-Монгольской АССР (2), где дела о хищениях, растратах и недостачах общественной собственности, как правило, расследуются без производства СБЭ, применяемой лишь в единичных, редчайших случаях. Ни одной работы по поручениям прокуратуры и следователей не было выполнено в Киргизской ССР и Чувашской АССР.

Здесь ни руководство местной прокуратуры, ни следователи еще не поняли значения судебно-бухгалтерской экспертизы для правильного, полного и высококачественного расследования дел. Не поняли они и того, что теперь бюро СБЭ являются их собственной организацией, входящей в систему прокуратуры, и что неиспользование или недостаточное использование СБЭ является их собственной виной, крупнейшим пробелом, допущенным ими при организации расследования.

Директива Прокуратуры Союза ССР от 7 октября 1936 г., упорядочивая производство судебно-бухгалтерских экспертиз и ревизий в органах расследования в соответствии с требованиями УПК, внесла ясность в понятия СБЭ и бухгалтерской ревизии, указала правильный порядок взаимоотношений экспертов и следователей-экспертов и обвиняемых по делу. Однако по целому ряду краев и областей, вплоть до настоящего времени, требования этой директивы полностью не выполняются и в практике работы местных органов прокуратуры встречаются существенные отклонения от них.

Основным нарушением директивы 7 октября 1936 г. на местах надо признать продолжающуюся практику следователей перелагать на эксперта как свою работу по расследованию отдельных обстоятельств дела, по изъятию документов, счетов и т. п., так и поручать экспертам работу ревизионного порядка в хозорганизациях, потерпевших от преступления. На основе указаний директивы 7 октября 1936 г. бюро СБЭ теперь отказываются от производства ревизионных работ в хозорганизациях по одному лишь поручению следователя, настаивая на необходимости также и поручения руководства хозорганизации. В большинстве случаев вопрос решается путем предложения следователя хозорганизации произвести необходимую для дела ревизионную работу. Однако, например, в ССР Грузии, по сообщению зав. бюро СБЭ, по категорическому требованию судебных и прокурорских органов экспертам «приходится итти в хозорганы, разыскивать материалы обвинения в архивах и в счетоводстве» и производить настоящие ревизии. В Азербайджанской ССР следователи не только поощряют подмену себя экспертами, но даже «наблюдаются случаи, когда от эксперта требуют составления заключения в духе обвинительного заключения».

Приказ Прокурора Союза ССР от 7 октября 1936 г. установил резкую грань между судебно-бухгалтерской экспертизой, производимой по уголовному делу в порядке УПК, на основе имеющихся в деле материалов, по поручению следователя и между бухгалтерской ревизией, производящейся, хотя бы в связи с уголовным делом, но в хозорганизации, по материалам и по поручению этой хозорганизации (обычно потерпевшей от преступления). Это, несомненно, совершенно правильное разграничение требует дополнительных указаний в части порядка назначения бухгалтерских р е в и з и й в связи с уголовными делами. Дело заключается в том, что следователь не может обязать хозорганизацию обратиться для производства ревизии о б я з а т е л ь н о к б ю р о С Б Э, тогда как ведомственная ревизия силами работников самой хозорганизации часто нежелательна по ходу следствия. С одной стороны, иногда возникает опасение возможности ведомственных влияний на ведомственного же ревизора, в смысле стремления затушевать а, может быть, и скрыть материал, компрометирующий обвиняемых—его бывших, а иногда и настоящих сослуживцев. Эти опасения особенно серьезны в тех случаях, когда по ходу следствия можно предполагать, что и руководство хозорганизации в той или иной степени может быть связано с преступлением. А ведь именно к этому руководству следователю и приходится обращаться с просьбой назначить ревизию.

С другой стороны, возможны и противоположные указания на стремление ведомственных ревизоров «свалить» на обвиняемого вовсе не относящиеся к нему преступления или увеличить объем и размер его действительной ответственности. Здесь возможны случаи тенденциозности ревизора, являющегося, как правило, сотрудником хозоргана — гражданского истца—на почве неправильного понимания интересов гражданского истца и стремления обосновать преувеличенную сумму иска.

Эти соображения относятся не только к ревизиям, подлежащим производству после возбуждения уголовного дела, но и к ревизиям, предшествовавшим возбуждению дела и иногда лежащим в основе его возбуждения.

Во всех этих случаях следователь по смыслу директивы 7 октября 1936 г. не может поручить ревизионную работу местному бюро СБЭ именно потому, что это р е в и з и о н н а я, а не э к с п е р т н а я работа. Между тем, вопрос о необходимости обеспечить органам расследования возможность обращения в бюро СБЭ для получения объективного, свободного от подозрения каких бы то ни было «ведомственных» влияний ревизионного материала, является весьма серьезным. Надо отметить при этом, что этот вопрос возникает гораздо чаще, чем обычно полагают, так как, как правило, материалы следственного дела недостаточны для производства только на основе их судебно-бухгалтерской экспертизы и почти по каждому делу, требующему СБЭ, необходима иногда небольшая, а иногда и весьма сложная предварительная ревизионная работа, являющаяся базисом для выводов эксперта.

Помимо таких случаев, когда следователь сам стремится избежать производства ведомственной ревизии и вместе с тем не может поручить ревизионную работу и бюро СБЭ, часто встречается и иной вариант тех же по существу трудностей. При наличии в деле ревизионного акта хозорган считает свою работу выполненной. Между тем, ревизионный акт часто не может удовлетворить требованиям расследования ни по своему качеству, ни по своей полноте. В процессе расследования обычно выявляется ряд моментов, требующих дополнительной ревизионной работы, по материалам бухгалтерии потерпевшей организации. Очень часто обвиняемые возбуждают ходатайство о проверке той или иной части ревизионного акта, о выверке счетов в бухгалтерии предприятия на основе подлинных документов, являвшихся основой бухгалтерских проводок и выводов акта. Эти ходатайства обвиняемых в большинстве случаев должны быть удовлетворены в интересах правильности расследования дела.

В этих случаях, действуя в порядке указаний циркуляра 7 октября 1936 г., следователь должен обратиться к руководству хозорганизации с предложением произвести необходимую дополнительную ревизионную работу. Однако на практике мы имеем случаи, когда хозорганизации отказывались от производства такой работы, ссылаясь на то, что ревизия уже произведена, что ревизор уже сделал все, что мог, и что дальнейшая ревизия или невозможна или нецелесообразна. Поскольку работа необходима опять-таки явно ревизионного, а не экспертного характера, следователь не может поручать ее бюро СБЭ.

Разумеется, в обоих случаях, когда следователь сам не считает возможным поручить ревизионную работу хозорганизации и когда следователь не может добиться выполнения дополнительной ревизионной работы хозорганизацией, дело не может оставаться недоследованным.

Выходом из положения не может служить метод «осторожного» отношения на следствии к данным презумптивно неполного или дефектного ревизионного акта и проверки его самим следователем в отдельных частях путем допроса свидетелей и обвиняемых. В интересах полноты и объективности расследования, в интересах действительной гарантии прав обвиняемого следователь должен получить возможность поручать бюро СБЭ не только экспертную, но и необходимую по делу ревизионную работу, независимо от желания или нежелания хозорганизации произвести эту работу своим ведомственным аппаратом.

Последний вопрос, на котором придется остановиться,—это вопрос об оплате работ по экспертизам.

По сообщениям бюро СБЭ по ряду союзных республик (Грузия, Азербайджан, Армения) еще практикуется система оплаты труда экспертов или за счет обвиняемого или за счет потерпевшей хозорганизации, давно запрещенная НКЮ и Прокуратурой Союза ССР. Центральным бюро СБЭ сообщено об этом прокурорам Грузинской и Азербайджанской ССР и НКЮ ССР Грузии и Армении с просьбой предложить местным органам прокуратуры и судам точно придерживаться указаний объединенного циркуляра Прокуратуры Союза ССР и НКЮ Союза ССР № 53/84 от 14 августа 1936 г. об оплате экспертиз из кредитов суда или прокуратуры, назначивших экспертизу.

Эти грубейшие нарушения нашего процессуального права, превращающие расследование в платное для обвиняемых или для гражданского истца, выросли на почве недопустимой практики работы секторов СБЭ ликвидированного ВОСУ и должны быть ликвидированы немедленно.

Потребность в производстве СБЭ по делам, расследуемым следователями прокуратуры, вызвала по ряду других точек, очевидно не решившихся встать на путь оплаты СБЭ обвиняемыми, нарушения иногда порядка. Так в Куйбышевской области по сообщению бюро СБЭ было произведено для областной прокуратуры до 20 экспертиз бесплатно якобы «за отсутствием у последней средств» (!). Здесь, не говоря уже о нарушении ст. 65 УПК РСФСР, нарушается самый принцип существования бюро СБЭ на началах хозрасчета, причем, разумеется само по себе, утверждение об отсутствии у прокуратуры средств на экспертизы совершенно неверно.

Правда, по отдельным союзным республикам, в частности по УССР, размер имеющихся ассигнований недостаточен. Так в Киевской области на 102 прокурорских единицы ассигновано на расходы по СБЭ 12 000 руб. на весь год, то есть менее 10 руб. в месяц на каждую прокуратуру. Ясно, что такие ассигнования не удовлетворяют действительных потребностей и могут вызвать у отдельных работников органов расследования или отказ от необходимых по делу экспертиз, или уже отмеченные попытки переложить оплату экспертиз на потерпевшие хозорганы, на обвиняемых или на бюро СБЭ путем «бесплатных» работ.

Вопрос об увеличении ассигнований на экспертизу должен быть и, надо надеяться, будет поставлен в связи с ростом числа экспертиз, свидетельствующим о росте качества расследования дел и о том внимании, которое сейчас все больше и больше уделяется работниками наших органов расследования судебно-бухгалтерской экспертизе.

Б. ДУБИНОВСКИЙ

О некоторых вопросах авторского права[1]

В № 2 «Социалистической законности» опубликована статья А. Винавера «Об авторском праве», в которой автор предлагает внести ряд изменений в действующее авторское право. Первое место среди этих проблем, по мнению А. Винавера, занимает вопрос, который можно озаглавить — «Быть или не быть авторскому праву на переиздание». Вопрос этот возник в связи с тем, что переиздания произведений некоторых авторов повели к непомерному росту авторского гонорара, объясняемому не повышением затрат авторского труда, а гигантским культурным ростом советского народа, предъявляющего огромный спрос на литературные произведения. Совершенно естественно, что рост авторского дохода не стоит ни в какой зависимости от труда автора, а объясняется причинами, от него не зависящими, доход утрачивает свой трудовой характер и приобретает признаки ренты.

Для борьбы с этим явлением некоторые предложили отменить потиражную оплату авторского труда и приобретать произведения в полную собственность, производя при покупке произведения окончательный расчет с автором.

Справедливо возражая против этого способа разрешения вопроса, А. Винавер предлагает устранить рентообразный характер авторского гонорара за переиздания путем повышения норм тиражей. Эту меру А. Винавер предлагает распространить на все виды литературных произведений и даже на стабильные учебники, где «повышением тиражей можно было бы ввести в правильное русло и другой поток переизданий стабильных учебников, выпускаемых в миллионных тиражах».

Мы не можем согласиться с А. Винавером и полагаем, что такое механическое разрешение вопроса без учета всех сложных и многообразных конкретных особенностей авторских взаимоотношений не только не даст ожидаемых результатов, но даже окажет в некоторых случаях отрицательное влияние на рост авторских кадров: авторы, завоевавшие свое место под солнцем, для произведений которых обеспечены переиздания в миллионных тиражах, не перестанут быть «невыявленными рантье», но авторы молодые, только вступающие на путь борьбы за общественное признание, у которых авторский гонорар не только не превратился в ренту, но которые еще не имеют и перспектив на это, — эти авторы вместо материальной поддержки получают резкое уменьшение авторского гонорара.

Для того чтобы уяснить себе этот вопрос, необходимо исследовать, какие факторы участвуют в образовании авторского дохода.

Это следующие факторы:

а) полистная ставка авторского гонорара, устанавливаемая при заключении издательского договора;

б) норма тиража для одного издания;

в) шкала оплаты гонорара за повторные издания.

Особенное внимание необходимо обратить на шкалу оплаты гонорара за повторные издания.

Согласно постановлению СНК РСФСР от 20 ноября 1928 г. (с последующими изменениями) «О минимальных ставках гонорара за литературные произведения и о нормах тиража», оплата повторного издания производится в размере 60% договорных ставок за первое издание, а за издания массового распространения (стабильные учебники, буквари, учебники политграмоты и т. п.) установлена следующая шкала: второе и третье издания — 60% ставки за первое издание, четвертое — 50%, пятое — 40%, шестое — 30%, седьмое и последующее до тиража в 1 000 000 экземпляров — 20%, свыше 1 000 000 — 5% с каждого повторного издания договорных ставок за первое издание.

Оставляя пока в стороне вопрос о повышении тиражей стабильных учебников, посмотрим, к чему поведет повышение тиражей, например, для художественной литературы «с ныне существующей скромной цифры 5 тысяч экземпляров до 20—25 тысяч», как это предлагает А. Винавер.

Для авторов, уже завоевавших себе имя, произведения которых неизменно будут издаваться миллионными тиражами, повышение тиражей будет означать снижение валового дохода за данное издание, но снижение до такого размера, который не устранит рентного характера дохода. При этом необходимо иметь в виду, что издательства устанавливают различную полистную оплату в зависимости от значимости автора. Вышеуказанные авторы, конечно, получают бо́льшую полистную оплату, нежели авторы начинающие или авторы среднего масштаба. Однако уже это обстоятельство создает разную эффективность метода повышения тиражей в отношении авторов разной значимости и в меньшей степени будет ощущаться «многотиражными» авторами. К этому необходимо прибавить что издательства при установлении полистных ставок оплаты не могут особенно торговаться и диктовать свои условия авторам, завоевавшим себе общественное признание. В связи с этим, повышение тиража будет немедленно компенсировано требованием о повышении ставки полистной оплаты, на которое издательствам в отношении некоторых авторов (и как раз тех, которые создали себе ренту) придется соглашаться. В совершенно ином положении находятся авторы начинающие или авторы среднего масштаба. Прежде всего эти авторы не в состоянии диктовать издательству свои условия о размере полистной оплаты, а рады уже и тому, что издательства соглашаются их напечатать и дают им возможность начать свой авторский путь. К этому необходимо прибавить, что миллионных тиражей добиваются не все и даже не многие авторы, а только некоторая часть их. Для остальной же массы тираж их издания ограничивается несколькими десятками тысяч экземпляров. Следовательно, для этой массы авторов повышение тиража будет означать резкое снижение гонорара. Таким образом мера, которая имеет своей целью сократить гонорары, переродившиеся в ренту, на самом деле обрушится на гонорары, которые носят вполне трудовой характер. Не нужно доказывать, как эта мера будет отрицательно отра-

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

жаться на росте начинающих авторских кадров.

Совершенно неправильно повышать тиражи стабильных учебников, так как при существующей шкале оплаты за повторные издания у автора стабильного учебника никакой ренты не получается.

Убедиться в этом можно из следующего расчета.

Если взять средний объем стабильного учебника для начальной школы в 10 печатных листов и среднюю полистную оплату в 500 руб. за лист, то выходит, что за первое издание тиражом в 50 000 автор должен получить 5000 руб., за второе и третье издания — по 3000 руб., за четвертое — 2500 руб., за пятое — 2000 руб., за шестое — 1500 руб., за седьмое, восьмое, девятое и десятое — по 1000 руб., за каждое повторное издание, свыше 1 000 000 — по 250 руб. за издание. Таким образом за учебник, изданный в 1 000 000 экз. (20 изданий) автор получает 21 000 руб.

Если принять во внимание, какое огромное культурное и политическое значение имеет правильно с научной, литературной и педагогической точки зрения составленный учебник, по которому воспитываются миллионы советских детей и, следовательно, какого ответственного труда он требует, то можно ли гонорар в размере 21 000 руб. за 1 000 000 экз. учебника признать рентой и требовать ее уменьшения путем повышения нормы тиражей? Совершенно очевидно, что всякое ослабление материального поощрения автора стабильного учебника нанесет удар качеству одного из самых политически значимых видов литературы.

Поэтому нам думается, что повышение тиражей стабильных учебников будет совершенно нецелесообразным, а в некоторых случаях и прямо вредным.

Что же касается других видов литературы, то там с рентообразным распуханием авторского гонорара надо бороться не повышением тиражей, а установлением регрессивной шкалы оплаты за повторные издания по аналогии с такой же шкалой, установленной для стабильных учебников. Этот принцип как раз достигнет той цели, к которой стремится А Винавер своим предложением о повышении тиражей и в то же время устраняет вышеуказанные отрицательные последствия для начинающих авторов.

Начинающий автор не почувствует эффекта регрессивной шкалы. Когда же он дорастет до миллионных тиражей, регрессивная шкала уничтожит рентный характер его гонорара.

Конечно, не нужно буквально копировать ставки регрессивной шкалы, установленной для стабильных учебников. Проценты ставок для различных изданий могут быть иные, нежели проценты ставок для повторных изданий стабильных учебников, но принцип регрессивной шкалы должен быть распространен на все виды литературы.

Что же касается повышения норм тиражей, то ни в коем случае нельзя становиться на путь огульного повышения норм тиражей для всех видов литературы, а можно ограничиться просмотром и проверкой норм тиражей только по отдельным видам литературы, допуская такое повышение в отдельных случаях и в небольшой степени (а не в 5 раз, как предлагает А. Винавер), помня, что всякое резкое повышение норм тиражей в первую очередь ударит по начинающему автору.

«К числу острых вопросов авторского права,—продолжает А. Винавер,—надлежит отнести также проблему ответственности автора, по неосторожности причинившего убытки издательству, напечатавшему представленное им недоброкачественное произведение (невнимательное отношение к выбору и просмотру иллюстраций, приложенных автором к тексту, использование при составлении труда непроверенных материалов, устаревших статистических данных и т. п., вследствие чего получился производственный брак)... В соответствии с общим смыслом трудовых законов (ст. 83 и следующие Кодекса законов о труде) нужно было бы твердо установить принцип имущественной ответственности автора в указанных случаях, ограничив размер такой ответственности определенными пределами (20—25% с суммы гонорара по данному договору)». Мы не можем согласиться с этим предложением А. Винавера. По нашему мнению, мы здесь сталкиваемся не с острым вопросом авторского права, а с острым и больным вопросом ведения издательского хозяйства. Никакой аналогии со случаями ущерба, перечисленными в Кодексе законов о труде (ст.ст. 83, 83^1, 83^4), здесь не имеется. Указанные статьи Кодекса законов о труде возлагают на нанявшегося имущественную ответственность за ущерб, причиненный нанимателю. Но особенностью всех этих случаев является то обстоятельство, что наниматель не мог предотвратить этого ущерба, и ответственным за него целиком и полностью является только сам нанявшийся.

Совершенно иного характера случай, который приводит А. Винавер.

Как известно, согласно издательскому договору, издатель, получая от автора рукопись, располагает значительным сроком для ее просмотра и одобрения. Если издатель обнаружит в рукописи дефекты, он имеет право или отказаться от принятия рукописи по соображениям ее непригодности и расторгнуть договор, и в этом случае автор за недоброкачественную работу отвечает не 20—25% гонорара, как предлагает А Винавер, а теряет 75% гонорара, или издатель может потребовать от автора переделки рукописи (п. 7 типового издательского договора). И только после просмотра и одобрения рукописи издатель уплачивает автору 35% гонорара, после чего рукопись считается окончательно принятой к печати.

Следовательно, если недоброкачественность рукописи обнаружится уже в напечатанном произведении (а этот случай и имеет в виду А. Винавер), то это будет означать, что издательство грубо нарушило свою основную обязанность, заключающуюся в проверке качества представленной автором рукописи.

В связи с этим правильно ли будет возлагать на автора имущественную ответственность за небрежную работу редакционного аппарата издательства? От редакционного аппарата издательств требуется повышенное внимание и бдительность в отношении качества литературных произведений. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. «Об издательской работе» обратило внимание на этот участок издательской работы, указав, что «качество

книги также еще значительно отстает от предъявляемых к книге серьезных требований, что объясняется как недостаточным вниманием издательств к этому вопросу, так и плохим подбором редакторских кадров».

В связи с этим ЦК ВКП(б) указывает, что «большое внимание должны обратить издательства на лучший подбор и повышение квалификации редакторских кадров».

Улучшение редакторских кадров требует повышения сознания ответственности редакторских работников за качество выпускаемой ими продукции. Несомненно, что это сознание ответственности будет понижаться и ослабляться в случае установления имущественной ответственности авторов за недоброкачественность произведения, уже прошедшего редакторскую проработку.

И если практика издательской деятельности показала, что на рынок выпускаются книги, содержащие брак, причиненный автором, то это только показывает, что наши редакторские кадры еще отстают от уровня, продиктованного ЦК ВКП(б). А для устранения этого надо воспитывать и укреплять редакторские кадры, а не создавать дополнительную ответственность в лице авторов, что является только косвенным признанием бессилия издательств в деле борьбы за улучшение редакторских кадров.

Другой проблемой крупного принципиального значения, по мнению А. Винавера, является вопрос о пределах обязанностей издательств, заключивших с авторами издательский договор. Как известно, основной обязанностью издателя в силу ст. 17 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. является обязанность издать произведение и принять все зависящие от него меры к распространению этого произведения.

«В судебной практике не раз возникало недоумение,— пишет А. Винавер,— по поводу второй части приведенной статьи закона. Обязано ли издательство печатать работу или ему можно предоставить возможность воздержаться от печатания, ограничившись уплатой автору гонорара по договору. В большинстве случаев суды обязанности печатания на издательства не возлагают. Изредка, правда, попытки такие наблюдаются, но за отсутствием реальных возможностей приведения такого решения в исполнение эти попытки обращаются в простые декларации, лишенные реального юридического содержания. Очевидно, при пересмотре авторских законов придется от второй части ст. 17 откататься, изменив самое определение издательского договора».

Нам думается, что нельзя так легко раздаваться с этой основной обязанностью издателя, которая направлена к охране самой существенной части авторских интересов. Авторское право охраняет как имущественные, так и личные интересы автора. Если имущественный интерес автора направлен к получению авторского гонорара, то личный его интерес направлен к опубликованию его произведения, к распространению его произведения в обществе, к установлению живой связи с общественностью, без одобрения, критики и оценки которой автор не может ни существовать как автор, ни расти и развиваться. Выход на общественную арену обеспечивает автору получение совершенно необходимых для его личного авторского самосознания общественных оценок, направляющих дальнейшее развитие его творческой деятельности.

Вот почему законодатель, учитывая этот совершенно необходимый для творческого роста автора элемент, возложил на издателей обязанность издать произведение и «принять все зависящие от него меры к распространению этого произведения».

Предложение А. Винавера превращает автора в ремесленника, заинтересованного лишь в получении платы за выполненный заказ и совершенно не обеспокоенного тем, какое употребление сделает заказчик из его работы.

Конечно, нельзя отрицать того, что бывают случаи, когда издательство не может издать рукопись по обстоятельствам, от него не зависящим. Это случаи сокращения бумажных фондов, снятие тех или иных тем с тематического плана регулирующими организациями и т. п. Но не меньше случаев, когда невозможность издания рукописи объясняется виной самого издателя. Издательства не принимают достаточных мер к понуждению бумажных фабрик выполнять их договорные обязательства по сдаче бумаги в количествах и в сроки, установленные договорами, не проявляют достаточной активности в борьбе с типографским и редакторским браком, не умеют надлежащим образом организовать редакторский аппарат и воспитать его в духе соблюдения сроков и качества работы и т. п. К этому необходимо прибавить, что издательства, заключая с авторами в начале года договоры, не проявляют здесь достаточной осторожности, недостаточно учитывают свои хозяйственные и организационные ресурсы и несомненно перегружают свой издательский портфель. В результате некоторая часть отпущенных издательству бумажных ресурсов съедается этой бесхозяйственностью, равно как и значительно просрочиваются сроки издания рукописей, обусловленные издательскими договорами. И вот издательство, обнаружив такое положение и пользуясь тем, что судебная практика не принуждает его исполнять обязанность по изданию рукописи, становится на легкий и безответственный путь резкого сокращения издательского портфеля путем одностороннего расторжения издательских договоров.

Нам думается, что было бы совершенно неправильно освободить издательство в законодательном порядке от выполнения основной его обязанности по изданию рукописи. Эта санкционированная законом свобода от договорных обязательств окажет развращающее влияние на издательский хозрасчет.

Во всех случаях предъявления к издательству требований об издании рукописи суд должен ставить вопрос о причинах уклонения издательства от выполнения этой обязанности. Если это причины, не зависящие от издателя, суд должен освобождать его от ответственности. Во всех же остальных случаях суд должен принуждать издателя к выполнению его обязанности. Весь вопрос заключается только в том, какими мерами можно принудить издателя к этому. Нам думается, что для этих случаев закон должен установить эффективную штрафную неустойку за нарушение обязанности издателя, установленной ст. 17 поста-

новления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г.

Воспитательное значение этой неустойки скажется очень скоро. При заключении договоров издательства будут проявлять достаточную осмотрительность и осторожность, не будут заключать договоров «про запас» и, учитывая свои хозяйственные и организационные возможности, будут создавать реальный издательский портфель. Заключив же договоры, издательства будут вести борьбу за их реализацию, зная, что по окончании операционного года при рассмотрении вышестоящими органами их отчета уплаченные авторам неустойки явятся сигналами неумения и неспособности управлять издательским хозяйством.

Несомненно, что авторские законы требуют пересмотра и изменения.

По нашему мнению, при оценке действующего авторского права возникают следующие вопросы:

1. Ст. 21 типового издательского договора гласит так: «Если названный в ст. 1 настоящего договора труд не будет выпущен в свет в силу запрета со стороны органов Главлита, то издательство возвращает автору рукопись, и договор считается расторгнутым без права издательства на обратное получение выданных им автору сумм».

Этот порядок ликвидации договорных отношений вполне правилен для тех случаев, когда запрещение издания вызвано обстоятельствами, в которых неповинны ни автор, ни издатель.

Но эта статья механически применяется ко всем случаям запрета изданий и совершенно не ставит вопроса о распределении ответственности в зависимости от вины той или иной стороны.

Возможны следующие случаи на практике.

Согласно циркуляру Главлита № 9004 от 10 марта 1932 г. «Об обязанности уполномоченных Главлита следить за оформлением книги» предлагается не разрешать к печати все издания плохо оформленные (иллюстрации, обложки, корешок). Вина за это ложится на издательство полностью. Почему же в случае запрета Главлита терпеть ущерб наряду с издательством должен и автор?

Иногда книга запрещается потому, что издательство снабдило вполне лояльную книгу предисловием и комментариями идеологически вредного характера. Почему в этих случаях автор должен терпеть ущерб? Бывают случаи, когда в изъятии книги есть прямая вина автора, создавшего контрреволюционную книгу. Почему в этом случае оставлять у автора полученные им по договору суммы?

При этом необходимо обратить внимание, какой ущерб несет автор в случае запрещения книги. Размер этого ущерба определяется поразному в зависимости от случайных обстоятельств.

Как известно, по издательскому договору, автор получает гонорар в следующем порядке:

а) при подписании договора — аванс в 25%;

б) по одобрении рукописи — 35%;

в) по подписании автором последнего листа корректуры — 40%.

Если запрещение последовало во время просмотра рукописи до ее одобрения, автор теряет 75% гонорара, если запрещение последовало после одобрения, но до подписания последнего листа корректуры, автор теряет 40%.

Если автор не взял аванса при подписании договора (а такие случаи бывают), то автор в случае запрета до одобрения рукописи теряет 100% гонорара.

Если автор, рукопись которого получила одобрение, не успел получить 35% [illegible] по [illegible] причинам (болезнь автора, кассовые затруднения издательства), то он теряет эти 35% в случае запрета книги.

Если книга была запрещена после получения автором 100% гонорара, то он ничего не теряет, хотя бы он и был виновником запрета.

Совершенно очевидно, что такое положение не может быть признано справедливым, и нам думается, что вопрос этот следовало бы разрешить следующим образом.

а) Во всех случаях запрета издания со стороны органов Главлита договор расторгается, если дефекты таковы, что они не могут быть исправлены издательством (неправильное оформление).

б) Во всех случаях, если запрет вызван обстоятельствами от сторон не зависящими, издательство не вправе требовать от автора выданных ему сумм, но обязано уплатить ему те суммы, которые он должно было уплатить по договору до момента запрета.

в) Во всех случаях, если запрет вызван виной автора, издательство вправе потребовать от автора все уплаченные ему суммы.

г) Во всех случаях, когда запрет вызван виною издательства, автор вправе потребовать уплаты ему 100% предусмотренного договором гонорара.

Одновременно автор вправе поставить вопрос о возмещении ему убытков, причиненных ему запрещением издания. Так как размер этих убытков доказать в большинстве случаев невозможно, а наличие их несомненно, то правильно было бы обеспечивать это требование включением в договор условия об оценочной неустойке, минимальный размер которой должен быть установлен законом.

2. Согласно п. 15 типового издательского договора «автор обязуется в течение срока действия договора, считая с момента его заключения, ни сам, ни через другое лицо не выпускать в свет своего труда в целом или в части, хотя бы и под измененным названием, без письменного на то согласия со стороны издательства. В случае нарушения этого условия издательство имеет право расторгнуть договор и взыскать с автора понесенные от такого нарушения убытки, размер коих определяется судом». Нужно ли сохранить эту правовую норму в советском праве? Нам кажется, что нет.

Советский издатель стремится не к сокращению распространения с целью извлечения и увеличения прибыли, а наоборот, основной задачей советского издательства является максимальное удовлетворение потребности населения, а следовательно, и максимальное увеличение распространения. И если издательство и вынуждено ограничивать выпускаемые им тиражи, то это объясняется тем, что оно лимитируется в данном случае обстоятельствами, от него не зависящими (недостаток бумаги, узость полиграфбазы и т. п.), которые хотя и носят временный характер, но на данном этапе ставят преграды к полному удовлетворению запросов читателя. При этих условиях сохранять

в советском праве правовую норму, создающую монополию для отдельного издательства, значило бы вступить в противоречие с основными принципами советского хозяйства. У нас вполне возможны случаи, когда для увеличения тиражности издания могут быть использованы бумажные ресурсы 2—3 издательств.

Поэтому было бы целесообразно установить порядок, согласно которому любое советское издательство, если оно желает и имеет возможность издать книгу, выпущенную недостаточным тиражом другим издательством, вправе издать эту книгу без согласия первого издательства и обязано только согласовать с последним вопросы, игнорирование которых может создать затруднения при распространении издания, выпущенного первым издательством (например, вопрос о тираже второго издания и др.).

Такой порядок вполне приемлем для издательства с однородной тематикой. Например, Госфиниздат выпустил книгу А. О. Шварцмана «Законодательство о кредитовании и расчетах» тиражом 15 000 экз. Книга эта очень нужная, и тираж ее недостаточен для полного удовлетворения спроса. Почему нельзя разрешить выпустить ту же книгу Госюриздату? Вопрос об удовлетворении в этих случаях интересов автора не встречает никаких затруднений. Автор заинтересован в увеличении тиражности его книги и не станет возражать против издания его книги вторым издательством, которое, конечно, обязано уплатить автору следуемый ему гонорар.

М. ШИФМАН

Новое в законодательстве о сельскохозяйственных заготовках

По вопросам, связанным с заготовками сельскохозяйственных продуктов, правительством Союза ССР за последнее время издан целый ряд постановлений, имеющих большое принципиальное и практическое значение.

Остановимся на некоторых из этих постановлений.

Порядок привлечения колхозов к ответственности за невыполнение ими обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству был установлен постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами».

Это постановление предусматривало, что «колхозы, не выполнившие своих обязательств по сдаче хлеба государству в установленные... календарные сроки, подвергаются через сельсоветы денежному штрафу в размере рыночной стоимости недовыполненной части обязательства, и сверх этого к этим колхозам предъявляется требование о досрочном выполнении всего годового обязательства, подлежащего взысканию в бесспорном порядке».

Впоследствии этот порядок был распространен и на обязательные поставки других сельскохозяйственных продуктов (картофель, подсолнух, рис-сырец, шала, чалтык).

Таким образом при невыполнении колхозами своих обязательств по поставке государству зерна, подсолнуха, риса и картофеля, независимо от причин этого невыполнения, районные уполномоченные Комитета заготовок налагали на колхозы через сельсоветы штрафы в бесспорном порядке, исходя из рыночной стоимости недовыполненной части обязательств. Помимо этого, в бесспорном же порядке районные уполномоченные Комитета заготовок предъявляли к колхозам требование о досрочном выполнении натурой всего годового обязательства.

Большие успехи нашего социалистического земледелия, организационно-хозяйственное укрепление колхозов дали возможность партии и правительству по-новому разрешить вопрос об ответственности колхозов за невыполнение ими своих обязательств по поставкам сельскохозяйственных продуктов государству.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта 1937 г. «Об обязательных поставках зерна, риса, подсолнуха и картофеля государству в 1937 г. колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами и о ставках натуроплаты работ МТС», сохраняя по обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов государству на 1937 г. действовавшие в 1936 г. порядок, сроки и нормы сдачи зерна, подсолнуха, риса и картофеля государству колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами, запрещает применение денежных штрафов к колхозам, не выполнившим в установленные сроки своих обязательств по сдаче сельскохозяйственных продуктов государству.

При этом СНК СССР и ЦК ВКП(б) устанавливают, что за злостное невыполнение колхозом к установленному сроку своих обязательств по сдаче государству сельскохозяйственных продуктов «прокурор области (края, республики) по представлению районного уполномоченного Комитета заготовок привлекает правление колхоза к ответственности по суду для наложения денежного штрафа в размере стоимости несданной части зерна (равным образом это относится и к подсолнуху, рису, картофелю. — М. Ш.), исчисленной по государственным закупочным ценам, а также для взыскания натурой невыполненной части поставок» этих культур.

Таким образом постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) устанавливает, что привлечение колхозов к ответственности по суду за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов должно применяться в 1937 г. не ко всем колхозам, а только к тем из них, которые злостно не выполняют своих обязательств по поставкам зерна, риса, подсолнуха и картофеля государству. Затем наложение санкций на колхозы за злостное невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству будет

проводиться не в бесспорном порядке, а по суду. Наконец, денежный штраф, налагаемый на колхозы в размере стоимости несданной части продукции, должен исчисляться не по рыночным, а по государственным закупочным ценам.

Проверка выполнения обязательств колхозов по поставкам сельскохозяйственных продуктов государству должна производиться районными уполномоченными Комитета заготовок или их инспектурой.

Колхозу, не выполнившему в срок обязательства, районный уполномоченный Комитета заготовок обязан вручить предупреждение, что при невыполнении обязательства в 10-дневный срок дело будет передано прокурору.

В случае невыполнения колхозом своего обязательства и в этот 10-дневный срок районный уполномоченный Комитета заготовок должен лично произвести вторично проверку причин невыполнения колхозом своих обязательств для выявления и представления прокурору области (края, республики) тех из колхозов, у которых это невыполнение носит злостный характер.

Представленные районным уполномоченным Комитета заготовок материалы областному, краевому, республиканскому прокурору должны содержать: размер годового обязательства по поставке государству зерна, риса, подсолнуха и картофеля как в целом по всем зерновым, так и по отдельным культурам; размер этих поставок по отдельным месяцам; фактическое выполнение обязательных поставок за истекший период по отдельным культурам; общий размер недовыполненной части обязательных поставок как за истекший период времени, так и по всему годовому обязательству по отдельным культурам; действующие закупочные цены по отдельным культурам, утвержденные Комитетом заготовок для данной области; стоимость недовыполненной части зернопоставок за истекший календарный период в денежном выражении и, наконец, материалы, характеризующие злостность недовыполнения данным колхозом установленного для него размера поставок с.-х. продуктов государству.

Получив от районного уполномоченного Комитета заготовок указанные материалы, прокурор, в соответствии со ст. 2 ГПК РСФСР или соответствующими статьями ГПК других союзных республик, направляет в народный суд по месту нахождения колхоза дело о привлечении правления колхоза к ответственности для наложения штрафа, исходя из стоимости недосданной части с.-х. продуктов за истекший календарный период и взыскания натурой недосданной части годового обязательства, точно указав при этом как размер взыскания натурой части обязательства по отдельным культурам, так и размер денежного штрафа, подлежащего взысканию с колхоза.

Учитывая исключительную важность дела привлечения к ответственности по суду колхозов, злостно не выполняющих своих обязательств по госпоставкам, и краткость срока заготовительной кампании (3—4 месяца), прокурор области (края, республики) не имеет права передоверять это дело работникам своего аппарата или районным прокурорам, а должен сам заниматься этим делом, обеспечивая исключительно быстрое (в течение одних суток) рассмотрение поступающего материала в прокуратуру, своевременное рассмотрение этих дел в суде, а также безоговорочную и срочную реализацию через инспекторов по заготовкам постановлений судов по этим делам.

Такой порядок полностью устраняет всякую возможность административного произвола со стороны районных уполномоченных Комитета заготовок, руководителей риков и сельсоветов при наложении на колхозы взысканий за невыполнение обязательных поставок государству зерна и других сельскохозяйственных продуктов.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта сего года замечательно еще и тем, что оно предусматривает значительное уменьшение ставок натуроплаты, взимаемых МТС за работы, производимые машинно-тракторными станциями в колхозах под урожай 1937 г.

Снижение коснулось как ставок за отдельные виды работ МТС, так и за весь комплекс работ МТС по обслуживанию колхозов.

Этим самым создан новый стимул к дальнейшему расширению фронта обслуживания машинно-тракторными станциями посевов сельскохозяйственных продуктов, что в свою очередь должно повести к подъему урожайности нашего сельского хозяйства и реализации директивы товарища Сталина о производстве в ближайшие годы не меньше 7—8 миллиардов пудов зерна в год.

20 марта 1937 г. опубликовано также постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О снятии недоимок по зернопоставкам за 1936 г.».

В связи с крайне неблагоприятными метеорологическими условиями прошлого года в целом ряде районов мы имели пониженный урожай зерновых культур. Поэтому особое значение приобретает льгота, предоставленная партией и правительством колхозам и единоличным хозяйствам, которые по каким-либо причинам не смогли в 1936 г. полностью выполнить свои обязательства по поставкам зерна государству.

Снятие недоимок не только дает возможность всем колхозам и единоличным хозяйствам вступить в новую сельскохозяйственную кампанию 1937 г. без задолженности государству по зернопоставкам, но, главное, создает колхозам и единоличным хозяйствам все возможности для максимального расширения в 1937 г. посевных площадей зерновых, используя для этого в качестве семян и те зерновые ресурсы, которые при отсутствии этой льготы подлежали бы сдаче государству в покрытие задолженности колхозов и единоличных хозяйств по зернопоставкам 1936 г.

Из этого постановления для работников прокуратуры вытекает необходимость немедленного прекращения всех дел, связанных с обвинением отдельных граждан в связи с невыполнением ими зернопоставок урожая 1936 г. как находящихся в производстве прокуратуры, так и направленных уже в судебные инстанции с обвинительными заключениями.

Еще большая работа ждет работников прокуратуры в связи с поставленным НКЮ и Прокуратурой СССР перед правительством

вопросом о прекращении в порядке амнистии всех аналогичных дел, по которым уже вынесены обвинительные приговоры.

Проходящая красной нитью через все наше законодательство тенденция льготирования из года в год колхозов, колхозников и единоличников по обязательным поставкам может быть проиллюстрирована и на примере с обязательными поставками мяса государству в 1937 г.

До этого года инструкция Народного комиссариата пищевой промышленности СССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР о порядке проведения мясопоставок государству предусматривала возможность изымания единственной коровы или телки у колхозников и единоличников за недоимки по мясопоставкам.

В 1937 г. конфискация у колхозника и единоличника единственной коровы или телки за невыполнение обязательств по мясопоставкам категорически воспрещена, причем виновные в конфискации единственной коровы или телки подлежат судебной ответственности, а изъятое — обязательному возврату.

21 марта 1937 г. опубликовано постановление ЦИК и СНК Союза ССР «Об освобождении сельских советов от обязанностей по исчислению и взиманию денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок».

До последнего времени сельские советы были загружены всякого рода несвойственными им как выборным органам советской власти обязанностями, которые ставили их подчас в двойственное положение по отношению к населению. В частности по обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов государству вся тяжесть вручения обязательств единоличным хозяйствам приходилась на долю сельских советов, которые составляли списки этих хозяйств, подписывали обязательства, вели у себя учет выполнения, применяли репрессии к неаккуратным сдатчикам и т. д.

Сталинская Конституция, поставив перед сельскими советами серьезнейшие политические, хозяйственные и культурные задачи, продиктовала необходимость освобождения сельских советов от этой работы, которая с 1 июля 1937 г. переходит соответственно к органам Наркомфина или Комитета заготовок. Разгрузка сельских советов от этой работы даст им возможность перестроиться, чтобы вплотную и глубже заняться своими прямыми обязанностями.

Наконец, 11 апреля 1937 г. состоялось постановление ЦИК и СНК СССР, которым административный порядок изъятия имущества колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, по обязательным поставкам и штрафам заменен судебным порядком.

Только в отношении зернопоставок и мясопоставок допущено изъятие у единоличных хозяйств в бесспорном порядке недовыполненной ими части обязательств с тем, однако, чтобы по мясопоставкам последняя корова или телка не забиралась.

Одновременно с этим указанное выше постановление ЦИК и СНК СССР точно устанавливает, какое имущество не может быть изъято или продано по судебным решениям для покрытия недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным поставкам и штрафам.

Таково содержание последних постановлений партии и правительства об обязательных поставках.

Они проникнуты заботой о колхозах, колхозниках и единоличниках, они отражают стремление партии и правительства обеспечить дальнейший подъем нашего сельского хозяйства и рост зажиточности колхозников.

Органы прокуратуры со своей стороны должны проследить за точным проведением их в жизнь.

И. БАРКОВ

За незыблемое проведение в жизнь Сталинского устава сельхозартели

Известно, какое громадное значение имеет Сталинский устав сельхозартели для колхозной социалистической деревни. Вот почему Центральный комитет нашей партии и Совнарком Союза ССР еще 19 декабря 1935 г. в своем постановлении «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках нечерноземной полосы» с такой силой подчеркнули исключительную важность борьбы с нарушениями и извращениями Сталинского устава сельхозартели.

ЦК ВКП(б) и Совнарком Союза ССР указали партийным и советским организациям не только областей и краев нечерноземной полосы, но и других, «что они сумеют в ближайшие сроки добиться организационно-хозяйственного укрепления колхозов только при условии, если Сталинский колхозный устав не формально, а на деле получит силу основного государственного закона в каждом колхозе и виновные в нарушении устава будут строго наказываться».

Уже и тогда устав сельхозартели считался самым важным и авторитетным государственным законом в деревне.

С утверждением же Сталинской Конституции, законодательно закрепившей победы и завоевания социализма, борьба с нарушениями и извращениями колхозного устава поднята на еще большую политическую высоту. И это вполне естественно, ибо основные положения Сталинского устава сельхозартели о земле, о средствах производства, о подсобном хозяйстве колхозников и прочее записаны в самом тексте Сталинской Конституции.

Таким образом примерный устав колхозов стал законом конституционным. Поэтому по-

сле утверждения Конституции нарушения основных положений колхозного устава мы должны рассматривать не только как посягательство на интересы колхозов и колхозников, но и как на прямое нарушение конституционных основ социалистического государства рабочих и крестьян.

В Западносибирском крае нарушения Сталинского устава сельхозартели имеют немалое распространение, но мы, к сожалению, не всегда во-время замечали эти нарушения и недостаточно боролись с ними.

Особенно недостаточной должна быть признана борьба прокуратуры Западносибирского края с нарушениями устава сельхозартели, которые подрывают общественное социалистическое хозяйство колхозов, ослабляют заинтересованность колхозников в улучшении общего хозяйства колхозов и ведут в некоторых случаях к непомерному разбуханию необобществленного личного хозяйства колхозников.

Материалами конкретных уголовных дел и показаниями арестованных правых и троцкистских реставраторов капитализма установлено, что они пытались осуществить свою контрреволюционную программу роспуска колхозов именно путем нарушения устава сельхозартели, поощрения развития индивидуального хозяйства менее устойчивой части колхозников в ущерб социалистическому хозяйству, срывая мероприятия по организационному и хозяйственному укреплению колхозов и т. п.

Организуемые этими контрреволюционными элементами нарушения Сталинского устава сельхозартели шли по линии самых важных его положений — ст.ст. 2, 5, 6, 8, 11, 13 и других, т. е. по вопросам землепользования, колхозных средств, производства, сочетания личных интересов колхозников с их общественными интересами, организации животноводства, труддисциплины и т. п. и т. д.

В отдельных районах края еще в 1936 г. органы прокуратуры вскрывали факты грубого нарушения закона о национализации земли и ст. 2 колхозного устава. Например, в Туганском районе в колхозе «Большевик» широко практиковалась сдача в аренду сенокосных угодий колхоза. Председатель колхоза Солодин сдавал сенокосные угодья колхоза рабочим и служащим г. Томска за отработку своим трудом во время уборки хлеба в колхозе и за деньги.

В Горно-Шорском районе Калтанский сельсовет в 1936 г. из земель колхоза сдал в аренду несколько десятков га на сумму 5500 руб. Подобасский сельсовет того же района сдал в аренду 870 га земли на несколько тысяч рублей. Такие же факты имели место в Ирменском, Мариинском, Барнаульском и других районах нашего края.

В отдельных местах в результате кулацкой контрреволюционной политики отдельных руководителей власти создавалась обстановка полной безнаказанности нарушений незыблемого закона о национализации земли и ст. 2 Сталинского устава сельхозартели.

Этому немало помогли и некоторые политически неверные указания краевых органов — крайфу и крайзу. Крайфу, например, в 1936 г. издало брошюру о составлении сельских бюджетов, в которой пропагандировалась мысль о допустимости с разрешения сельских советов сдачи в аренду колхозных земель.

Не меньшую тревогу у работников прокуратуры должны вызывать факты непомерного разбухания за последнее время личного подсобного хозяйства отдельных колхозников, идущего в направлении: а) увеличения свыше норм устава приусадебных участков, б) незаконного засева их зерновыми и техническими культурами (вместо огородных культур), в) производства личных посевов колхозников в полях севооборота колхозов, г) содержания скота в личном пользовании сверх норм, установленных уставом, д) использования колхозных лугов для заготовки кормов для скота, находящегося в личном пользовании колхозников, и для продажи сена на базаре, е) использования колхозниками в своем индивидуальном хозяйстве наемной рабочей силы.

Эти факты нельзя объяснять случайностью. Тут мы должны искать и уже находим грязную руку врагов народа, правых реставраторов капитализма, которым удалось кое что сделать вследствие притупленности в некоторых районах нашего края революционной бдительности со стороны партийных, советских работников и работников прокуратуры.

В Здвинском районе в колхозе «Карл Маркс» отдельные колхозники имели у себя приусадебные участки в размерах свыше норм устава сельхозартели. Например, колхозник Скоробогатов Афанасий имел приусадебный участок 1,5 га, который засевал овощами; Скоробогатов Никита имел приусадебный участок 1,28 га, засевал его коноплей, из которой вырабатывал масло. Как выяснилось, Скоробогатовы Афанасий и Никита занимались спекуляцией продуктами, полученными ими с индивидуальных участков. В Беловском районе колхозники производили посевы технических культур не только на приусадебных участках личного пользования, но засевали и на полях колхозов. Только в одном колхозе имени Ворошилова 23 колхозника сеяли на полях колхоза. В Киселевском районе мы установили, что в 77 хозяйствах колхозников, где допускается по уставу иметь только по одной корове, было 162 головы крупного рогатого скота, а отдельные колхозники имели в своем пользовании по 5—6 и даже 7 голов крупного рогатого скота и до 20 старых овец.

В Коченевском районе в колхозе «Кзыл-Ту» 75% колхозников в прямое нарушение устава сельхозартели имели в личном пользовании, кроме коров, свиней и овец, по одной лошади. Как правило, наличие большого количества скота в личном пользовании отдельных колхозников толкало их на использование незаконным способом колхозных угодий.

Это подтверждается хотя бы таким фактом, что в Болотинском районе в горячее время уборки урожая отдельные колхозники уходили с колхозной работы и на колхозных лугах косили сено для своего скота. «Колхозник» Поляков таким образом накосил для себя 8 стогов сена и в период уборки возил это сено продавать на базар. Из-за таких «колхозников», как Поляков, в колхозе «Завет Ильча» план сенокошения был сорван, и обобществленный скот остался без кормов.

Борьба с этими кулацкими тенденциями, подогреваемыми правыми контрреволюционера-

ми, должна стоять в центре внимания работников прокуратуры, ибо отдельные колхозники, став на путь нарушения устава сельхозартели путем увеличения количества скота сверх нормы и посева технических и зерновых культур в полях колхозного севооборота, перестают быть колхозниками. Они увлекаются своим индивидуальным хозяйством, нарушают труддисциплину и этим самым дезорганизуют работу колхоза.

Вот с такими «колхозниками» прокуратура, по сути дела, никакой борьбы не вела, и в этом наша политическая ошибка.

Нами вскрыты факты найма рабочей силы в индивидуальных хозяйствах колхозников. Например, в Шегарском районе предколхоза «Колхозная деревня» Пололеев Григорий, имея в личном пользовании несколько коров, свиней и другой скот, нанимал себе рабочих для косьбы сена и ухода за скотом. Его примеру следовал и бригадир этого же колхоза Полтусов Андрей. В Томском районе в Колоровском сельсовете в колхозах «1 мая» и «8 марта» для обслуживания личного хозяйства те колхозники, которые имеют много скота, систематически прибегали к найму рабочей силы. В Кощ-Агачском аймаке Ойротской автономной области в колхозе «Кзыл-Ойрот» пастух Чалчышев сам не пас колхозный скот, а нанимал пасти других колхозников и главным образом единоличников. За эту «пастьбу» скота Чалчышев получал все, что полагается на трудодни, и из этой суммы по своему усмотрению рассчитывал им нанимаемых лиц.

Эти факты свидетельствуют о том, что нарушения устава сельхозартели по вопросам индивидуального хозяйства колхозников неизбежно ведут к превращению необобществленного хозяйства колхозников из подсобного в основное, а при дальнейшем развитии по тому же пути в единоличное хозяйство, лишь внешне прикрываемое колхозной формой, что подогревают и чем пользуются при отсутствии нашей бдительности контрреволюционные элементы, пытаясь в отдельных районах вбить клин между личными интересами колхозников и общественными интересами колхоза в целом, организуя в этом направлении прямое вредительство и подрыв социалистического колхозного хозяйства. Они саботировали развитие обобществленного животноводства в колхозах, срывали введение правильного севооборота в колхозах, направляли основные средства на нерентабельное и непосильное строительство, всячески поощряли развитие личного хозяйства отдельных колхозников в ущерб обобществленному, не останавливаясь перед прямым уничтожением колхозного хозяйства и расхищением общественной социалистической собственности — основы советского строя.

В Искитимском районе контрреволюционные элементы в некоторых колхозах добивались поголовной распродажи молочно-товарных ферм. В Ояшинском районе только в одном колхозе «Борец с капиталом» в течение 1936 г. последовательно были ликвидированы свиная и овцеводческая фермы и распродано большое количество рабочего скота.

Наиболее наглядно контрреволюционная политика правых реставраторов капитализма вскрывается на примере Болотнинского и Беловского районов. Бывший председатель Болотнинского райисполкома Добрыгин и окружавшая его шайка врагов народа (ныне арестованных) прямо ориентировали колхозников на раздувание своего индивидуального хозяйства и ослабление общественной труддисциплины в колхозе. Используя свое руководящее положение в советском аппарате, Добрыгин и его банда толкали отдельных колхозников на грубейшие нарушения устава сельхозартели, разжигали антиколхозные настроения, не облагали единоличников, вышедших и исключенных из колхозов, сельхозналогом и поставками по норме единоличников и т. п.

В свете этих фактов в контрреволюционной подрывной вредительской деятельности правых и троцкистских элементов в колхозах становится ясным недостаточность борьбы за укрепление революционной социалистической законности в деревне со стороны советов, земельных и прокурорских органов.

Политической беспечности, ротозейству со стороны работников прокуратуры в деле борьбы за осуществление Сталинского устава сельхозартели должен быть положен конец. Работники советского аппарата и прокуратуры должны научиться правильно оценивать отдельные факты нарушения устава сельхозартели, научиться видеть, что за этими фактами зачастую стоит злейший враг — правые и троцкистские реставраторы капитализма, — вредительствующий и разжигающий частнособственнические тенденции у менее устойчивой части колхозников.

Исторические решения последнего пленума ЦК нашей партии, доклад и заключительное слово на нем товарища Сталина, потребовавшие от всех партийных, советских, в том числе и прокурорских работников всемерного повышения большевистской бдительности на всех участках социалистического строительства, — эти решения обязывают каждого работника прокуратуры перестроить свою работу в деле борьбы за организационно-хозяйственное и политическое укрепление колхозов. Сталинский устав колхоза — незыблемый закон социалистического государства и крестьян — должен свято соблюдаться всеми в каждом колхозе и всяким нарушениям устава — идут ли они по линии ущемления законных прав и интересов отдельного колхозника или колхоза в целом — должна быть объявлена решительная борьба. И только тогда мы сможем осуществить лозунг нашей партии и вождя товарища Сталина — сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными.

Г. СВЕРДЛОВ

Вместо фельетона

Федор Иванов, которому двадцать лет, которого раньше, вообще говоря, ни в чем предосудительном не замечали, напился пьяным. Напился и повел себя беспокойно.

Возле пожарного сарая стояла бочка с водой. Федору Иванову бочка не понравилась. Не такая, видимо, была эта бочка, чтобы могла она в этот смутный момент угомонить его требовательную душу. Он подошел к сараю и перевернул бочку с водой.

Когда бочка с водой оказалась перевернутой, он посмотрел на нее в некотором раздумьи. И затем вышиб в бочке дно.

Рядом на стене висел свернувшись серой змеей с длинным медным клювом пожарный рукав. Иванов снял со стены пожарный рукав, повертел его раздумчиво в руках, а затем стал хлопотливо распускать его по земле на всю его многометровую длину. В какой-то мере это его больше устраивало, чем рукав в надлежаще свернутом виде...

Отойдя от сарая, Иванов отвернулся. Подумал о чем-то. А затем поднял камень с земли и бросил камень в сарай.

Хмурый и пьяный Иванов поплелся дальше. Поровнявшись с домом гр. Власовой, он остановился и тоскливыми глазами стал осматривать его. И, движимый совершенно непостижимым внутренним побуждением, стал взбираться на крышу.

Очутившись на крыше, он вдруг обнаружил какую-то дыру, через которую оказалось возможным спуститься в квартиру гр. Власовой. Тяжелым, мягким увальнем свалился Иванов в квартиру гражданки Власовой и своим внезапным появлением изрядно перепугал гражданку Власову и всех ее ребятишек...

Пусть специалисты-психологи разбираются в законах поведения человека, пребывающего во власти зловредного напитка. Пусть составляют они свои занимательные кривые фантастических выкрутасов, которые выкидывают граждане в подобном состоянии. Для нас, юристов, поведение Федора Иванова имеет совершенно точную и бесспорную квалификацию. Она обозначается краткой и выразительной формулой: «озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия». Она обозначается даже еще более коротким словом «хулиганство» и занесена под определенным номером в Уголовный кодекс. Семьдесят четвертая статья.

16 ноября 1936 г. Федор Иванов предстал перед народным судом Гаврилово-Посадского района Ивановской области. Было совершенно ясно, что Иванов действительно совершил скверный хулиганский поступок. Было ясно, что Иванов должен быть за это наказан.

Но вот вопрос — как наказать Иванова?

Мы не знаем, долго ли думал над этим народный судья Сидоров, прежде чем подписать приговор по делу Иванова, мы не знаем, долго ли он думал над своим приговором вообще. Но только нам известно, что подписал он следующее:

«За непочтительное обращение с вышеназванной бочкой, за выбитое дно, за неслыханный беспорядок с пожарным рукавом, за камень, брошенный в сарай, за крышу, за то, что напугал гражданку Власову и ее ребятишек, осудить двадцатилетнего Федора Иванова, ранее никогда не судившегося и ни в чем предосудительном не замеченного... к двум годам лишения свободы по второй части статьи 74 УК».

Два года! Двадцать четыре месяца лишения свободы!..

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!..

Хорошо было уважаемому автору эти темпераментные слова вкладывать в уста своего героя, широким взмахом своей руки убиравшего урожай на благо общества. Но воистину ужасно, когда с тем же самым воинственным кличем — «раззудись, плечо!» — выходит на работу судья, советский судья, перед которым не какая-нибудь там поэтическая «трава некошеная», а самые настоящие, живые люди...

Но не для того ли существует в городе Иванове кассационная коллегия областного суда, чтобы призывать к порядку добрых молодцов типа гаврилово-посадского народного судьи? Не для того ли в областном суде заседает т. Колпаков, чтобы отрезвлять забубенные головушки, ежели такие еще водятся среди народных судей?

Нет, оказывается не для того. «Раззудись плечо» — этот темпераментный лозунг в почете и здесь. Не обременяя себя излишним трудом размышлений, широко размахнувшись рукой, т. Колпаков подписывает определение:... без последствий... оставить в силе.

Об этом деле стало известно в Прокуратуре Союза. Но не только о нем. В порядке надзора старшим помощником Прокурора Союза ССР т. Сольцем были истребованы из нескольких судов различных районов Ивановской области дела о хулиганстве. И оказалось, что в целом ряде случаев эти дела решены грубо, ошибочно. Указание правительства, требование закона о том, чтобы повести решительную борьбу с хулиганством, кое-кем понято так, что судье позволительно подходить к обвиняемому по методу кольцовского косаря. Не различая, кто перед ними стоит, не вникая в особенности каждого случая, не отличая никаких степеней вины и ответственности, некоторые судьи стали причесывать все дела под одну гребенку и живое, бдительное, проникновенное судейское чутье подменили вреднейшим стандартом. Если речь идет о хулиганстве, то с точки зрения ивановских судей это обязательно часть вторая статьи 74. Если налицо эта вторая часть, так обязательно в сопровождении самого что ни на есть предельного наказания.

«Коль ругнуть — так сгоряча, коль рубнуть — так уже с плеча», говорится еще у одного старинного поэта. Но у него не плохо еще сказано и другое: «Коль карать, так уж за дело». А у ивановских судей получалось так, что и за дело и за самые различные дела — всюду одинаково действует принцип «рубнуть с плеча».

Тов. Сольц лично изучил дела ивановских судей. И обратился в президиум Ивановского областного суда с протестом по пяти делам.

Смысл его протестов был прост и убедителен. Образумьте горячие головы, сидящие в ряде народных судов вашей области. Пересмотрите их приговоры. Исправьте их ошибки. Посмотрите дело Иванова. Бочка, пожарный рукав, перепугавшиеся ребятишки... Все это верно. За это надо наказать. Но ведь человек никогда в жизни до этого ничего подобного не делал. Но ведь пока что и эта бочка, и этот рукав, и все прочее в жизненной линии этого двадцатилетнего парня, его жизненном поведении сугубо случайны. В каком же законе сказано, что можно в первый же раз расценивать такого рода поступок как самую тяжелую, самую квалифицированную форму хулиганства? Где же здесь «буйство», «бесчинство», «исключительный цинизм», о которых говорит часть вторая статьи 74? Как можно при таких условиях с места в карьер лишать гражданина свободы?

Посмотрите дело Николая Александрова, который осужден Александровским народным судом к пяти годам лишения свободы. Да, этот человек несомненно заслуживает достаточно серьезного наказания. Будучи пьяным, он нанес побои своему соседу по квартире — пенсионеру Солдатову. Он грубо оскорбил работниц-стахановок Штатнову и Купцову, толкнув их при этом ногой. Он должен быть серьезно наказан и, может быть, даже лишен свободы. Но при определении наказания почему все-таки не учли, что хулиганский поступок, в котором повинен Александров, произошел при совершенно случайных обстоятельствах, при внезапном столкновении в коридоре квартиры, что в действиях Александрова ничего предумышленного не было? Или для суда не обязательно считаться с такого рода обстоятельствами, рисующими существо совершенного преступления и личность подсудимого?..

Посмотрите дело Беляева, дело Тростина, дело Серова, осужденных народными судами трех других районов. Ведь нет в этих приговорах острого проникновения в жизненный смысл событий, нет той оправданной и убедительной суровости, которую только и может допустить советский судья...

Что сделал с этими делами президиум Ивановского областного суда? Нашлось ли здесь непобедимое уважение к социалистическому закону и к личности человека, чтобы передать его на периферию для отрезвления не в меру горячих голов?

Нет, не нашлось и здесь. Президиум областного суда счел возможным стать на путь ложно, вредно понятого поддержания «престижа ведомства» и все приговоры утвердил, все протесты отклонил — все пять, один за другим, с нарочитой подчеркнутостью, с демонстративной последовательностью.

Мотивы? Мотивы так же убедительны, как убедительны самые приговоры. Дело Иванова, например. Обвиняемый бочку опрокинул? Опрокинул. Дно вышиб? Вышиб. Рукав распустил? Распустил. Камень в сарай швырнул? Швырнул. Проник через крышу в квартиру гр. Власовой? Проник. В чем же дело? Об чем спор? Правильно, т. Сидоров из Гаврилово-Посада и все прочие, ему подобные. Правильно. Два года. Вторая часть. Не стесняйтесь. Действуйте в том же духе...

Нет, не выйдет все-таки, уважаемые товарищи из Ивановского облсуда. Не выйдет. Система советского суда обладает достаточными средствами, чтобы устранить всяческие попытки, в каком бы звене они ни проявлялись, принципиальность и высокую идейность социалистического правосудия подменять сомнительными упражнениями в отстаивании «чести мундира».

Система советского правосудия достаточно сильна и для того, чтобы призвать к порядку бездушных чиновников, не желающих и не умеющих ни слушать добрых советов, ни исправлять своих ошибок.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Постановления президиума областного суда Ивановской области по всем делам, упоминаемым в этой статье, опротестованы Прокуратурой Союза ССР перед Верховным судом РСФСР. По четырем делам из пяти протесты Прокуратуры Союза ССР уже рассмотрены и удовлетворены. Пятое дело будет рассмотрено в ближайшее время.

Обмен опытом

Против путаницы и ведомственности

Перед нами исправленная стенограмма доклада т. Крыленко Н. В. на 56 пленуме Верховного суда СССР 16 декабря 1936 г., опубликованная в «Советской юстиции» № 5 за 1937 г.

В разделе V этого доклада автор выставил несколько положений, которые вносят путаницу:

1. «... Верховные суды республики и Верховный суд СССР являются по Конституции органами судебного надзора и в этом заключаются их функции...» Так определяет функции верховных судов республик и Верховного суда СССР т. Крыленко. Верно ли такое определение? Мы думаем, что нет. И вот почему. В ст. 102 Конституции Союза ССР мы читаем: «Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, верховными судами союзных республик...» Правосудие — это не только судебный надзор. Разве верховные суды республик и Верховный суд Союза ССР не действуют как суды первой инстанции, как суды кассационные? По ст. 104 Конституции СССР «Верховный суд

СССР является высшим судебным органом. На Верховный суд СССР возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик». Совершенно непонятно, почему при наличии таких предельно ясных постановлений Конституции СССР т. Крыленко дает определение, противоречащее этим четким и ясным постановлениям.

2. На поставленный товарищем Крыленко вопрос: «Как должна быть построена работа Верховного суда? — Он же отвечает, между прочим: «... Верховный суд СССР должен исправлять решения и приговоры судов в порядке надзора по протесту прокуратуры, по жалобам осужденных, по тем или другим сигналам. В этом должен быть основной метод его работы, больше того, — вся его работа» (разрядка моя. — С. В.). Категоричнее трудно выразиться. Дело-то, однако, в том, что эта категоричность обратно пропорциональна правильности выдвинутого положения. Достаточно познакомиться с уже приведенными статьями Конституции СССР и с действующим Положением о Верховном суде Союза ССР, чтобы в этом убедиться.

3. Ни у кого никогда не могло возникнуть сомнения в том, что «на Верховный суд Союза ССР возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик» (подчеркнуто мною. — С. В.). Никому и в голову не может притти мысль о том, что для выполнения этой обязанности Верховным судом СССР требуется еще чье-то согласие или разрешение. А между тем, т. Крыленко держится, повидимому, другой точки зрения. Определив, что вся работа Верховного суда СССР заключается в исправлении решений и приговоров в порядке надзора (подчеркнуто мной. — С. В.) по инициативе извне, «по протесту прокуратуры, по жалобам осужденных, по тем или другим сигналам», т. Крыленко заявляет: «НКЮ согласен, однако, с большим. В целях предоставления надзорных прав Верховному суду в полном объеме (разрядка моя. — С. В.) НКЮ согласен с тем, что Верховный суд СССР и верховные суды союзных республик имеют право требовать от судов для проверки целые группы дел по отдельным категориям преступлений и исправлять неправильно разрешенные дела в порядке надзора».

Великодушен т. Крыленко бесспорно. Нужно ли его великодушие? Нет. Обязанности по надзору за судебной деятельностью судебных органов предполагают и планомерный, систематический просмотр дел определенных категорий по инициативе Верховного суда, а не только по протестам прокуратуры, жалобам осужденных и... сигналам. Никаких ограничений объема надзора Конституцией СССР ст. 104 не установлено, и поэтому является излишним и ненужным согласие НКЮ на предоставление надзорных прав Верховному суду в полном объеме... Нельзя в этой связи не сказать, что согласно положению НКЮ СССР, на который «возлагаются организация и руководство деятельностью судебных учреждений», не предоставлено права ограничивать или расширять объем обязанности по надзору за судебной деятельностью всех судебных органов — обязанности, возложенной на Верховный суд СССР ст. 104 Конституции СССР.

Верховный суд СССР обязан осуществлять надзор в полном объеме! Опять-таки непонятно, почему НКЮ считает себя вправе давать на это свое согласие. Разве законом НКЮ Союза предоставлено право устанавливать пределы обязанностей Верховного суда Союза ССР по надзору?

4. «Верховный суд Союза должен, — говорит т. Крыленко, — исправлять неправильно решенные дела». Это бесспорно, но дальше неверно: «дела же, — продолжает т. Крыленко, — затрагивающие спорные вопросы уголовного права, гражданского права, уголовного и гражданского процесса, он должен рассматривать на пленуме Верховного суда Союза ССР и выносить по этим делам мотивированные развернутые судебные решения. Эти решения должны быть приравниваемы по своему значению к закону и иметь, безусловно, обязательный характер для всех судов Союза и союзных республик». Как говорят англичане, факты—вещь упрямая. И факты говорят, что вопреки ст. 32 Конституции СССР, в силу которой «Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР», вопреки п. «б» ст. 49 той же Конституции, по которой «Президиум Верховного Совета СССР... дает толкование действующих законов СССР, издает указы», и, наконец, вопреки замечанию товарища Сталина, по поводу предложения предоставить президиуму Верховного совета право издавать временные законодательные акты, замечанию, в котором товарищ Сталин сказал: «Я думаю, что это дополнение неправильно и не должно быть принято Съездом. Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было. Законодательная власть в СССР должна осуществляться только одним органом, Верховным Советом СССР»[1].

Вопреки этим ясным постановлениям и замечанию т. Крыленко поучает, что «эти решения (развернутые и мотивированные. — С. В.) должны быть приравниваемы к закону и иметь, безусловно, обязательный характер для всех судов Союза и союзных республик». Для судов обязателен закон, так и сказано в ст. 112 Конституции: «Судьи независимы и подчиняются только закону». Только закону!

А в ст. 130 Конституции сказано: «Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы...». Как говорится, комментарии излишни...

5. «Если, — говорит т. Крыленко, — Верховный суд СССР на основании конкретного дела сочтет необходимым дать такое руководящее указание судебной периферии (термин-то каков!), то никто ему в этом мешать не будет. Мы, однако, против того, чтобы он давал такие указания вне связи с конкретным делом, а в порядке руководства периферией. Этого права закон ему не предоставляет.

---

[1] Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР, Партиздат, стр. 39.

Тов. Крыленко на твердой почве закона. Когда-то он признавал, что «Dura lex — sed lex!».

Позволительно спросить: А где в законе сказано, что вся работа Верховного суда СССР в исправлении решений и приговоров? Где в законе сказано, что для выполнения обязанности по надзору Верховным судом требуется согласие НКЮ? Где можно найти указание в законе на то, что «Эти решения (мотивированные и развернутые. — С. В.) должны быть приравниваемы по своему значению к закону и иметь, безусловно, обязательный характер для всех судов Союза и союзных республик?» Можно еще спросить: Где сказано, что НКЮ может делать Верховному суду предложения о просмотре дел в порядке надзора? Но, довольно...

В новизне т. Крыленко нам старина слышится. Еще в июне 1936 г. (см. «Известия» от 12 июня 1936 г.) в статье «О суде и праве в эпоху социализма» т. Крыленко писал: «Центральный орган, ведающий всей системой судебного управления в области подбора и подготовки кадров и руководства судебной политикой, в связи с этим должен быть реорганизован как союзный центр. Наркомат юстиции должен быть ограничен лишь в одном. Непосредственно отменять судебные решения он не должен иметь права, — это дело исключительно судебных органов. Но за наркоматом должно быть оставлено право делать соответственные предложения соответственным судам...». По какому поводу? Какие? В связи с чем?

Функции руководства судебной системой, надзора за судебной деятельностью судебных органов и высшего надзора за законностью точно и строго определены. Верховный суд Союза ССР, верховные суды союзных республик, НКЮ СССР и НКЮ союзных республик обладают достаточным объемом прав и обязанностей, чтобы жить действительно полнокровной жизнью и выполнять свои ответственные обязанности перед партией и правительством. Для этого не нужны «новеллы», которые предлагает т. Крыленко.

С. Войсман.

Научно-исследовательские учреждения и авторские права научных сотрудников[1]

Широкое культурное строительство, ведущееся в СССР, привело к созданию большого числа нучно-исследовательских институтов и других учреждений, разрабатывающих силами своих сотрудников научные проблемы в разных отраслях знания. Не подлежит никакому сомнению, что в период третьей пятилетки предстоит дальнейший рост и развитие этих организаций. Необходимо поэтому принять меры к тому, чтобы их деятельность протекала в условиях, во всех отношениях способствующих успешности работы. Среди прочих условий работы немалое значение имеет правовая сторона их деятельности. В частности, необходимо четко урегулировать взаимоотношения научно-исследовательских учреждений с их научными сотрудниками в плоскости авторского права на создаваемые последними научные произведения. Между тем, действующие узаконения специально этого вопроса не касаются и, как показал опыт целого ряда лет, на этой почве часто возникают нежелательные осложнения и недоразумения.

Рукопись всякого нового научного труда порождает новый объект авторского права, т. е. культурную и имущественную ценность, охраняемую законом. Согласно ст. 4 постановления ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. об основах авторского права «Авторское право распространяется на всякое произведение литературы, науки и искусства, каковы бы ни были способ и форма его воспроизведения, а равно его достоинство и значение, как-то: устные произведения (речи, лекции, доклады и т. п.), письменные произведения (книги, статьи, сборники и др.)». Под защиту закона, наравне с произведениями, уже напечатанными, подпадают и рукописи, о чем с исчерпывающей точностью говорит ст. 1 того же постановления. («Авторское право на произведение, как появившееся в свет на территории СССР, так и находящееся на территории СССР в виде рукописи, эскиза или в иной объективной форме, признается за автором и его правопреемниками независимо от их гражданства».)

Но работа, исполняемая в научно-исследовательских учреждениях их штатными или внештатными работниками, как общее правило, к моменту появления в свет рукописей, оказывается уже оплаченной в порядке трудового найма (зарплата сотрудников).

Таким образом урегулированию в законодательном порядке подлежит в первую очередь вопрос о дополнительном вознаграждении сотрудника в случае, если созданное им произведение научно-исследовательское учреждение опубликовывает в печати.

Во-вторых, учитывая специфические условия работы научно-исследовательских учреждений, следует предоставить им более льготные по сравнению с издательствами сроки выпуска в свет работ, исполненных научными работниками, и сроки, установленные для принятия к печати (одобрение рукописи).

Поставленные выше вопросы было бы правильно разрешить в таком смысле.

1. Авторское право на произведение, созданное научным сотрудником научно-исследовательского учреждения хотя бы в рабочее время, принадлежит этому сотруднику.

2. Научно-исследовательское учреждение имеет право использовать работу своего сотрудника без особого вознаграждения лишь для непосредственных надобностей учреждения, как-то: предоставление рукописи для ознакомления другим сотрудникам, работающим в той же области, напечатание работы в небольшом (примерно до 1000 экз.) тираже периодическим или отдельным изданием.

3. При превышении указанного предела экземпляры, выпущенные сверх этого тиража, оплачиваются по пониженной сравнительно со средними существующими ставками авторского гонорара расценке (примерно 30%).

Для проведения в жизнь указанных выше мероприятий было бы достаточно внести в действующие общесоюзные и республиканские

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

(РСФСР) узаконения нижеследующие дополнения.

1. Дополнить постановление ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. (Собрание законов, 1928, № 27, ст. 246) статьей 6^1, изложив ее, примерно, в нижеследующей редакции: «Сотруднику научно-исследовательского учреждения, разработавшему по заданию последнего определенную тему и придавшему своей работе научно-литературное оформление, принадлежит авторское право на это произведение, независимо от наличия между сотрудником и научно-исследовательским учреждением отношений, регулируемых трудовым законодательством».

2. Дополнить пункт «р» ст. 9 указанного выше постановления, изложив этот пункт в нижеследующей редакции: «Не считается нарушением авторского права снятие копий научно-исследовательскими учреждениями с произведений, исполненных по заданию этих учреждений их сотрудниками, в количестве, потребном для оперативной работы учреждения, а также использование указанных произведений для опубликования их в периодическом печатном органе при тираже не свыше 1000 экз. или отдельным изданием в пределах того же тиража.

3. Дополнить ст. 22 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. об авторском праве (Собрание узаконений, 1928, № 132, ст. 861) пунктом «г», изложив его в такой редакции: «для работ, выпускаемых научно-исследовательскими учреждениями, 1 год при объеме до 5 листов и 2 года при объеме, превышающем 5 листов».

4. Дополнить в § 7 примечание 1 типового издательского договора вторым абзацем, изложив его в такой редакции: «В отношении работ, исполненных по заказу научно-исследовательских учреждений, вопрос о принятии их к печати разрешается не позднее одного года со дня представления рукописи в окончательном виде.

5. Дополнить ст. 1 постановления СНК РСФСР от 20 ноября 1928 г. (Собрание узаконений, 1928, № 140, ст. 922) с последующими ее изменениями пунктом «ж», изложив этот пункт в такой редакции: «Научные произведения, публикуемые научно-исследовательскими учреждениями непосредственно или по договору с издательствами, в случае, если произведения эти уже оплачены в порядке трудового договора с автором и печатаются в количестве, превышающем 1000 экз. (независимо от того, печатаются ли они в периодическом органе или выпускаются отдельным изданием), оплачиваются из расчета 30% среднего гонорара, существующего для данного рода научных произведений, причем оплате подлежит лишь количество, превышающее указанный тираж в 1000 экземпляров.

А. Винавер.

Ревизионный порядок

В № 11 журнала «Социалистическая законность» за 1936 г. А. Я. Вышинский писал о том, что «в нашей среде редко вспыхивают споры по какому-либо юридическому вопросу», что необходимо широкое обсуждение спорных и актуальных вопросов права и процесса. Одним из таких вопросов, имеющих большое теоретическое и практическое значение для нашего уголовного процесса, является вопрос о ревизионном порядке (ст.ст. 411—412 УПК).

Характерным для буржуазных законодательств является французский тип так называемой «чистой» кассации, воспринятый и русским дореволюционным процессом. Он отличается исключительным формализмом. Стороны и кассационный суд связаны рамками кассационной жалобы (протеста). Кассационные поводы должны быть исчерпаны в кассационной жалобе (протесте), поданной до истечения кассационного срока. Подача после этого дополнительных кассационных жалоб указанием в заседании кассационного суда на новые поводы, отсутствующие в жалобе (протесте), не допускается. Кассационная жалоба (протест) — это жесткая рамка для сторон и для суда, определяющая пределы кассационного разбирательства.

Советский кассационный процесс чужд этого формализма. Стороны не связаны пределами поданных ими жалоб (протестов). Они могут подавать дополнительные жалобы (примечание к ст. 410 УПК). Они могут и в заседании суда выдвигать новые поводы.

Не связан пределами поданных кассационных жалоб (и протестов) и наш кассационный суд. Этим и определяется содержание ревизии, предусматриваемой ст.ст. 411 и 412 УПК.

Ревизионный порядок означает: 1) что кассационный суд в отношении подсудимых, подавших жалобы (или по адресу которых подан протест), не связан поводами, указанными кассаторами, но вправе и обязан учесть и такие кассационные нарушения, которые сторонами не указаны вовсе; 2) что кассационный суд может рассматривать дело даже в отношении подсудимых, не подавших кассационных жалоб и по адресу которых не подано кассационного протеста.

Надо признать, что на протяжении ряда лет, особенно последних лет, право ревизии в наших кассационных судах получило на практике исключительно широкий, ничем не ограниченный характер.

Со ссылкой на ст. 412 УПК кассационные инстанции, при отсутствии протеста прокурора, отменяли приговоры по мягкости, отменяли их в отношении оправданных подсудимых и т. д.

Первое серьезное ограничение ревизии последовало в 1936 г. Оно основано на ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик», в силу которой после отмены приговора кассационной инстанцией, при новом рассмотрении, повышение наказания, назначенного первым приговором, допускается лишь в том случае, если приговор был опротестован прокуратурой. Из этого принципа, естественно, вытекает положение, что при отсутствии прокурорского протеста кассационная коллегия не вправе отменять приговор по мягкости. Принцип этот был подтвержден постановлениями 20 и 24 пленумов Верховного суда СССР (от 8 мая 1928 г. и 3 июня 1929 г.), напечатанными в сборнике постановлений Верховного суда СССР 1932 г. (пп. 12 и 12-а). Но только в постановлении президиума Верховного суда

РСФСР от 25—27 февраля 1936 г. («Советская юстиция» 1936, № 15, стр. 22) выводы из ст. 26 «Основ» были сделаны четко и категорически, и с этого момента отмена приговора кассационной коллегией по мягкости, при отсутствии прокурорского протеста, уже не допускается.

Правда, постановление от 25—27 февраля 1936 г. предлагает кассационным коллегиям в исключительных случаях, при наличии политически неправильного приговора, направлять дело председателю суда для опротестования в порядке надзора. Правда, на практике это право используется кассационными коллегиями, например Ленинградского областного суда, очень широко, далеко не в одних лишь исключительных случаях политически ошибочных приговоров.

Необходимо отметить, что кассационные коллегии иногда понимают постановление президиума Верховного суда от 25—27 февраля 1936 г. весьма ограничительно, полагая, что нельзя (без протеста прокурора) отменять «по мягкости» (ст. 417 УПК), но можно отменять, например, по неправильной квалификации. И вот, например, кассационная коллегия Ленинградского областного суда по кассационной жалобе кассира, осужденного по ст. 111 УК за недостачу и просящего о смягчении приговора, отменяет приговор и передает дело на новое рассмотрение по ст. 116 УК.

Такая практика также нарушает ст. 26 «Основ», ибо она в форме переквалификации ведет к усилению репрессии. Постановление президиума Верховного суда от 25—27 февраля 1936 г. прямо говорит об отмене приговора «вследствие неправильной квалификации преступления и назначения меры наказания, явно не соответствующей по своей мягкости серьезной социальной опасности преступления».

По смыслу этого постановления и на основании ст. 26 «Основ» без протеста прокурора недопустимы по какому бы то ни было мотиву отмена или изменение приговора, связанные с усилением тяжести наказания.

Второе ограничение ревизии касается рассмотрения кассационной коллегией дел в отношении подсудимых, не принесших кассационной жалобы и по адресу которых не последовало протеста. Кассационная практика чрезвычайно широко пользуется этим правом до самого последнего времени. О том, что такая практика противоречит закону, напомнила «Социалистическая законность», опубликовав в № 10 за 1936 г. (стр. 65) протест Прокуратуры СССР по делу Осипова. По этому делу нарсуд Осипова оправдал, а других подсудимых осудил. По кассационной жалобе осужденных Московский городской суд отменил за недоследованностью весь приговор, в том числе и в отношении оправданного Осипова. При вторичном рассмотрении народный суд приговорил Осипова к 6 месяцам условно. Кассационная коллегия и президиум Московского городского суда оставили жалобу Осипова без последствий.

Опротестовывая определение кассационной коллегии в отношении Осипова, Прокуратура СССР напомнила крепко забытый практикой текст ст.ст. 411—412 УПК. В самом деле, ст. 411 УПК разрешает кассационному суду рассматривать дело лишь в отношении тех подсудимых, которые подали кассационные жалобы или по адресу которых подан кассационный протест, добавляя, что «изъятия из этого правила допускаются лишь в случаях, предусмотренных ст. 422».

Ст. 412 вновь напоминает кассационной инстанции о соблюдении ст. 422.

В ряде последних изданий УПК, исходящих от НКЮ (издания 1933 г., 1934 г., 1935 г.), в тексте ст. 422 УПК допущены две грубые опечатки, искажающие смысл закона: 1) ошибочно делается ссылка на ст.ст. 417 и 418 УПК вместо ст. 317 и 418; 2) фраза: «Суд отменяет приговор полностью в отношении всех осужденных подсудимых» искажена тем, что между словами, «осужденных» и «подсудимых» вставлено слово «и», которого в тексте не должно быть. В издании УПК 1936 г. исправлена вторая ошибка, но осталась первая (ссылка на ст. 417).

Правильный текст ст. 422 УПК гласит:

«В случае отмены приговора ввиду нарушений, указанных в п. 1 ст. 415, а также при отмене приговора по основаниям, указанным в ст.ст. 317 и 418, когда основание относится ко всем осужденным, «Краевой (областной) суд отменяет приговор полностью в отношении всех осужденных подсудимых, в том числе и тех, в отношении которых приговор не был обжалован или опротестован».

Таков текст этой ст. 422 УПК, опубликованный в Собрании узаконений № 20—21 за 1922 г. (где она значится под номером 368), в Собрании узаконений № 78 за 1923 г., в официальном издании УПК 1930 г.

Итак, отмена приговора в порядке ревизии (ст. 411) в отношении подсудимых, не подавших кассационных жалоб и по адресу которых нет кассационного протеста, допускается только в трех случаях:

1) неправильный состав суда (п. 1 ст. 415),

2) нарушение тайны совещательной комнаты (ст. 317),

3) отсутствие состава преступления и непрекращение дела по признакам ст. 4 УПК (ст. 418).

Но и в этих трех случаях допускается отмена приговора лишь в отношении осужденных подсудимых. В отношении оправданных даже в этих случаях отмена недопустима. Это вытекает из категорического текста ст. 422, дважды повторяющего: «Когда основание относится ко всем осужденным» и «в отношении всех осужденных подсудимых». Искажение текста ст. 422 вставкой слова «и» давало возможность понимать ее в том смысле, что она относится не только к «осужденным», но и к «подсудимым» (т. е. оправданным).

Итак, в отношении подсудимых, о которых нет ни кассационной жалобы, ни протеста, недопустима отмена в ревизионном порядке оправдательного приговора. Невозможна и отмена обвинительного приговора вне трех случаев, жестко перечисленных в ст. 422. Во всех остальных случаях возможно лишь доведение до сведения председателя суда с правом последнего принести протест в порядке надзора. К сожалению, на практике это пра-

вило ст. 422 еще далеко не всегда соблюдается, и до сих пор ст.ст. 411—412 УПК порою понимаются в кассационной инстанции как право неограниченной ревизии. С этой тенденцией необходимо бороться. Этого требуют интересы процессуальной законности, известной стабильности приговора, а также интересы личности подсудимого.

Оправданный подсудимый или осужденный, но удовлетворившийся приговором, имеет право на известное спокойствие. Он не должен бояться того, что в кассационной коллегии по жалобам других подсудимых в его отсутствие, не выслушав его и его защиты, вдруг его дело решат опять в худшую для него сторону. Это возможно лишь по кассационному протесту прокурора или в порядке надзора, но и последний должен быть организован так, чтобы и при нем подсудимый мог защищаться согласно ст. 111 Конституции.

М. Равич.

Борьба с нарушениями закона от 27 июня—один из важнейших участков прокурорской работы

Опубликованное после всенародного обсуждения постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, являясь новым проявлением неустанной заботы партии и правительства об интересах женщин и детей, имеет громадное значение в деле укрепления советской семьи.

Надзор за неуклонным исполнением закона от 27 июня, борьба со всеми его нарушителями — один из важнейших участков прокурорской работы.

За годичный почти период, истекший после издания закона, прокуратурой проделана значительная работа. По инициативе прокуроров имело место возбуждение уголовного преследования против нарушителей закона, опротестование неправильных решений и приговоров народных судов по делам, связанным с законом от 27 июня. Можно было бы привести примеры, когда в результате чуткого и внимательного отношения прокуроров к жалобам, в результате своевременного и энергичного прокурорского вмешательства удавалось разрубить не один гордиев узел волокиты и бюрократизма.

Однако далеко не все и всюду благополучно на данном участке прокурорской работы.

Мы имеем указания, например, на явно неудовлетворительное положение с темпами и с качеством предварительного расследования по многим делам о незаконных абортах. За время с июля 1936 г. по февраль 1937 г. через народные суды г. Москвы прошло значительное количество дел о незаконных абортах, из которых 81,9% были расследованы в сроки: до 20 дней, до одного месяца и свыше.

В большинстве районов следователи стоят в стороне от расследования этих дел. Расследование почти исключительно производится работниками милиции, несмотря на то что дела эти довольно сложны и требуют квалифицированного расследования.

Нередки и безграмотные и небрежные постановления по ряду дел.

Вот пример такого постановления:

> «Рассмотрев телефонограмму за № 4643 из института им. Склифасовского — перевозка больных. В указанный институт была доставлена гр-ка И. . . . . ,23 лет, в подозрении на новорожденного. В своей комнате вводила стекулярную трубку и выпила иода с хинным мылом».

Или другое в таком же «стиле» составленное постановление о привлечении в качестве обвиняемого:

> «Рассмотрев дело о самоаборте гр. И. ... в том, что, находясь в доме отдыха с 12 июня 1936 г., познакомилась с отдыхающим там гражданином, от которого взошла в положение. В то время, как муж находился в рядах Красной армии, боясь скорого приезда мужа, сделала самоаборт в тот момент, когда ребенку было 7 недель».

Это — не вымышленное, а, к сожалению, подлинные документы из расследовательской практики по этим делам 28 отделения милиции г. Москвы.

Одной из важнейших задач расследования по делам о незаконных абортах является разоблачение и привлечение к законной ответственности лиц, которые тем или иным способом принуждали женщин к производству аборта и которые, пожалуй, относятся к числу наиболее опасных нарушителей закона от 27 июня. Закон не случайно установил для этих лиц строгое наказание в виде лишения свободы до двух лет — наказание, более суровое нежели в отношении беременных женщин, прибегших к аборту. Между тем, судя по имеющимся материалам, при расследовании задача борьбы с этой категорией нарушителей закона от 27 июня фактически из поля зрения во многих случаях буквально выпадает. Полнейшее отсутствие во многих районах осужденных за понуждение женщин к аборту является показателем и результатом не того, что таких преступлений не имеется, а того, что раскрытию их не было уделено должного внимания органами предварительного расследования.

Приведенные факты показывают, что руководство предварительным расследованием о незаконных абортах со стороны прокуроров в процессе самого расследования или хотя бы контроль за качеством расследования при утверждении обвинительных заключений в ряде случаев явно неудовлетворительны. В этих условиях особенно важно было бы систематическое участие прокуроров в подготовительных заседаниях судов по этим делам для того, чтобы хотя в этой стадии процесса осуществить надзор за правильностью предания суду, за полнотой произведенного расследования.

Между тем, во многих районах (в том числе и в Москве) большая часть этих дел в подготовительных заседаниях рассматривается без участия прокуроров.

Недостаточен и надзор многих прокуроров за правильностью судебных приговоров. Наряду с упомянутой выше инициативой отдельных прокуро-

ров по опротестованию неправильных приговоров в некоторых местах прокурорами не принесен ни один протест, несмотря на большое число неправильных, противоречащих закону приговоров. В частности, мимо внимания прокуроров зачастую остаются такие явно нарушающие закон от 27 июня приговоры народных судов, которыми женщины, прибегшие к аборту, приговаривались к исправительно-трудовым работам, в то время как закон предусматривает наказание в виде общественного порицания или штрафа. Равным образом вне поля внимания прокуроров остались и такие приговоры и определения кассационных коллегий, которые без всяких оснований смягчали наказание ниже низшего указанного законом предела в отношении лиц, изобличенных в производстве незаконных абортов.

Возьмем другую категорию уголовных дел по закону от 27 июня.

Закон от 27 июня, как известно, установил более суровое наказание за уклонение от платежа присужденных алиментов и тем самым подчеркнул необходимость усиления борьбы с этими преступлениями. Между тем, во многих районах полностью отсутствуют дела о злостных неплательщиках алиментов не потому, что в этих районах так уже благополучно с платежом алиментов, а потому, что фактически борьба с этими преступлениями не ведется. Мимо внимания прокуроров зачастую проходят явно либеральные приговоры народных судов, смазывающие борьбу со злостными неплательщиками алиментов. А наряду с этим прокуроры зачастую совершенно не реагируют на такие факты, когда народные суды при применении лишения свободы в отношении уклоняющихся от платежа алиментов совершенно игнорируют необходимость озаботиться судьбой малолетних детей осужденных, не ставят вопроса о принятии мер к назначению опеки над ними или к помещению их в детские учреждения в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 мая 1935 г.

У части как судебных, так и прокурорских работников существует неправильное представление о так называемых гражданских алиментных делах, как делах, якобы абсолютно никакой сложности собой не представляющих. Это неправильное и вредное представление, вредное тем, что оно демобилизует и бдительность суда и активность прокурорского надзора по этим делам. Этим отчасти объясняется то, что многие прокуроры не принимают никакого участия в судах первой инстанции по алиментным делам.

В Казахской ССР из изученных Верховным судом РСФСР 112 дел ни по одному делу не выступал прокурор. Конечно, не может быть и речи о «сплошном» участии прокуроров по алиментным делам в судах первой инстанции. Это и невозможно и не нужно. Но полное отсутствие прокуроров в судах первой инстанции по алиментным делам также ни в каком случае нельзя признать терпимым. Нельзя забывать, что среди алиментных дел есть такие, как, например, споры об отцовстве, которые представляют собой исключительно большую сложность и по которым во многих случаях участие прокурора необходимо. Прокуратура Союза дала указания относительно обязательности участия прокуроров в судах первой инстанции и по таким категориям дел, как об истребовании детей одним из родителей. Правильное разрешение этого рода дел, имеющее исключительно большое значение для судьбы детей, требует всестороннего и тщательного учета всех материалов и конкретных обстоятельств отдельных дел. Однако указание Прокуратуры Союза, судя по данным судов, во многих районах прокурорами до сих пор не выполняется, и целый ряд дел по искам об истребовании детей рассматривается судами без участия прокуроров.

В Западной Сибири в III квартале 1936 г. 21% алиментных дел был рассмотрен в судах в сроки свыше месяца. За период с 15 июля до 1 ноября 1936 г., по данным кассационной коллегии, до 40% решений по этим делам составляли «брак». Между тем, роль прокуроров в опротестовании всей этой внушительной массы неправильных решений судов почти незаметна. Мы имеем значительное распространение таких нарушений в судебной практике, когда, например, алименты присуждаются судами не с момента предъявления иска или заявления о пересмотре состоявшегося решения, как это нужно делать, а за более продолжительный период в одних случаях и за меньший период в других; но мы не имеем почти ни одного факта, когда бы такого рода неправильности были выявлены и исправлены по инициативе прокуроров.

Нельзя отметить какой-либо серьезный сдвиг и на таком важнейшем участке, как исполнение решений по алиментным делам. Многочисленные жалобы, сообщения печати, факты, выявляемые при обследованиях и ревизиях, сигнализируют о том, что исполнение судебных решений по алиментным делам продолжает оставаться одним из наиболее неблагополучных участков. Вместо того чтобы сосредоточить свое внимание прежде всего на борьбе с злоупотреблениями, бюрократизмом, различными преступлениями, имеющими еще место при исполнении решений, вместо того, чтобы неправильные действия судебных исполнителей опротестовать в предусмотренном законом порядке, некоторые прокуроры продолжают вмешиваться в оперативную работу судебных исполнителей, командовать ими, подменять собой народных судей. От этого дело исполнения решений по алиментным делам не двигается вперед. Помощник прокурора Сычевского района Западной области т. Суриков недавно вызвал к себе судебного исполнителя со всеми имевшимися в его производстве делами по взысканию алиментов и без ведома народного судьи произвел полную ревизию работы судебного исполнителя. Мы считаем, что областной прокурор поступил правильно, наложив за такие действия взыскания на этого помощника прокурора.

В прокуратуру продолжает поступать большое число жалоб на волокиту, бюрократизм, преступное отношение к исполнению решений судов по алиментным делам. К сожалению, еще и в настоящее время нельзя сказать, что этим жалобам уже обеспечены та внимательность и чуткость, которые необходимы и обязательны. Факты бездушного формального отношения к жалобам по алиментным делам

еще имеют значительное распространение. Вот, например, несколько таких фактов, о которых сообщила газета «Северный рабочий» (г. Ярославль) 26 апреля 1937 г. в обзоре писем в редакцию. Обзор озаглавлен «Прокурор и алиментщики». Работнице одного из рыбинских предприятий Заводовой еще в 1929 г. присудили алименты. Просьба о привлечении злостного неплательщика к уголовной ответственности осталась безрезультатной. Газета спрашивает: «Почему прокурор не желает привлекать к ответственности злостного неплательщика алиментов; или права ему такого не дано? Адреса он, может быть, не знает? Нет. И адрес виновника и право тутаевский районный прокурор имеет». И обзор, на мой взгляд, совершенно правильно дает ответ на вопрос—почему это дело не двигается: «Потому, что тутаевские судьи и прокурор не разглядели за заявлением мать и ребенка, нуждающихся в помощи».

Нередки и такие случаи, когда за бумажкой не замечают живых людей!

Санитарка березовской больницы Галичского района (Ярославская область) пишет, что сколько она ни обращалась к районному прокурору с жалобой на неплатеж алиментов ее бывшим мужем Смирновым, никакой поддержки у прокурора она не нашла.

В течение семи месяцев у судоисполнителя Дзержинского народного суда т. Москалева лежал исполнительный лист рабочих Серенко, Олейко и Сайко.

Вот еще один пример того, как прокуроры иногда оказываются в нетях тогда, когда их вмешательство особенно необходимо.

Гр. Аракчиева три раза пешком ходила за 35 км в Бербуди (Касановский район Узбекской ССР) уже после того, как было отменено решение судьи 179 участка, который неправильно отказал в иске этой гражданке, незаконно уволенной с работы в связи с беременностью. Решение было отменено, но пришлось три раза ходить пешком за 35 км, трижды обращаться и к прокурору и к суду для того, чтобы дело двинуть вперед. Это ли не бюрократическое отношение к человеку?

В некоторых случаях качество реагирования отдельных прокуроров на поступающие к ним жалобы по алиментным делам таково, что влечет не ускорение, а длительную затяжку правильного разрешения вопросов. Так, например, 16 декабря 1936 г. народный суд Джаркентского района Алма-Атинской области вынес решение о взыскании средств на содержание детей с гр. Кожечникова в пользу гр. Душевиной. Народный суд исполнительный лист направил для взыскания по месту жительства ответчика в Риддерский район. Что же делает прокурор Риддерского района? Получив, повидимому, жалобу от ответчика, он просто напросто изъял исполнительный лист у судебного исполнителя, а затем 2 февраля с. г. направил его джаркентскому районному прокурору с просьбой приостановить и опротестовать решение. Джаркентский районный прокурор, очевидно не найдя никаких оснований для опротестования решения, но недостаточно внимательно ознакомившись с исполнительным листом, направил его не по месту взыскания, в Риддерский район, а судебному исполнителю Джаркентского района. В результате гр. Душевина в течение трех месяцев не могла получить присужденных ей алиментов.

Мы коснулись только некоторых недостатков прокурорской работы по судебным делам об абортах и алиментах. Как известно, закон от 27 июня предусматривает целую систему серьезнейших мероприятий организационного, финансового и хозяйственного порядка, имеющих исключительно большое значение для обеспечения интересов женщин и детей, а это значит, что обязанностью прокуроров является борьба и с нарушениями этой важнейшей части законов. Если часть этого рода нарушений по своему характеру не дает оснований для возбуждения уголовного преследования против нарушителей, то во всяком случае они, безусловно, дают поводы и основания для вмешательства прокуратуры в порядке общего надзора. Задача заключается в том, чтобы в борьбе с этими нарушениями и по этой линии уделить повседневное серьезное внимание. В частности, поскольку об этом можно судить по материалам судов, необходимо усилить внимание к борьбе с нарушениями ст.ст. 5, 6 и 7 постановления ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г., возлагающих обязанность выплачивать пособия на обзаведение необходимыми предметами ухода за новорожденным или на кормление ребенка незастрахованным матерям на кооперативные кассы взаимопомощи. Судя по имеющимся материалам, нарушение этих требований закона от 27 июня имеет место и не всегда встречает должного отпора.

Необходимо также вдохнуть новую энергию и в работу по популяризации закона от 27 июня. Эта работа за последние месяцы во многих районах упала. Между тем, и в настоящее время нужда в такой популяризации закона от 27 июня, в доведении его до сведения всех трудящихся еще не отпала. В деле популяризации закона от 27 июня, как и в повседневном надзоре за выполнением его, огромную помощь прокурорам может оказать общественный актив прокуратуры. Но для этого необходимо уделять большее внимание организации, инструктажу актива, действительной связи с ним, необходимо со всей чуткостью относиться к поступающим от актива сигналам и обеспечить максимальную действенность этих сигналов. Надо прямо сказать, и до настоящего времени в ряде мест больше разговора, болтовни, о связи прокуроров с активом, чем действительной связи и работы с активом.

Н. Лаговиер.

Осмотр места происшествия

В Московском юридическом институте третий год работает научный студенческий кружок криминалистики. Наряду с другими вопросами, кружок изучает тактику осмотра места происшествия.

Студенты—члены кружка—выезжали на места происшествий совместно с дежурными следователями городской прокуратуры. Мне как члену кружка тоже пришлось выезжать на места происшествий. В связи с проделанной работой у меня возник вопрос: почему такое важное

средство для расследования преступлений, как осмотр места происшествия, теоретически хорошо разработанное, в практике работы органов расследования г. Москвы используется весьма неудовлетворительно. Больше того, имеет место пренебрежительное отношение со стороны отдельных следователей г. Москвы к этой важной части работы следователя. В подтверждение этого можно привести следующие примеры.

1. Член кружка криминалистики т. Токарева выезжала с дежурным следователем городской прокуратуры на место происшествия — пожар на фабрике мягкой мебели. Приехав на место происшествия и увидев, что туда уже приехал уполномоченный НКВД, следователь решил этим воспользоваться, чтобы передать уполномоченному свои функции. К огорчению следователя, уполномоченный НКВД отказался от производства осмотра и заявил, что проведение этой операции—дело следователя. Тогда следователь сделал попытку передать дело осмотра пожарной инспекции, но и она отказалась.

Аналогичный случай имел место и при выезде следователя Смирнова на пожар на фабрике выделки искусственных кож. Увидев на месте представителя НКВД. Смирнов просто повернулся и уехал.

Ясно, что такое отношение к осмотру места происшествия никуда не годится. Ведь цель всякого осмотра места происшествия заключается в том, чтобы всесторонне изучить обстановку места происшествия для уяснения по обнаруженным предметам и следам происшедшего события обстоятельств, при которых оно произошло, и признаков, устанавливающих личность преступника. Приступать к осмотру места происшествия нужно немедленно, как только становится известно о происшествии. Это объясняется необходимостью застать обстановку преступления в неизменном виде.

Осмотр места происшествия должен производиться объективно, в том смысле, что следователь не может заранее определять, какие вещественные доказательства окажутся более важными и какие—менее. Нельзя подгонять тактику осмотра к заранее составленным следователем гипотезам по делу.

При выезде члена нашего кружка т. Куликова со следователем Рабинович на место обнаружения трупа гр. Дьякова это просто соблюдено не было. Следователь Рабинович, предварительно ознакомившись с обстановкой места происшествия и обстоятельствами обнаружения трупа, сразу пришла к выводу, что здесь произошло убийство при самообороне, и весь осмотр производился с определенным предвзятым мнением. Следователь Рабинович ограничилась осмотром трупа и места, где труп лежал, не осмотрев самым тщательным образом всю комнату.

Кроме того, при осмотре были допущены следующие ошибки: оружие у убийцы не было отобрано; пуля, изъятая из деревянного перекрестка рамы, была так изуродована, что послать ее на экспертизу невозможно было; стекло в коридоре, на котором четко была отпечатана рука, не было изъято.

Необходимо при осмотре места совершения преступления обращать внимание на все мелочи обстановки, какими бы незначительными они первоначально ни казались.

Как обстоит дело с организацией выездов на осмотр мест происшествий в Москве? В Москве при городской прокуратуре установлено круглосуточное дежурство следователей для выезда на места происшествий. Дежурный следователь выезжает на место происшествия по сообщению седьмого отделения МУР.

Имеют место случаи, когда седьмое отделение МУР сообщает дежурному следователю о том или ином происшествии; следователь выезжает, а там уже производится осмотр без него.

Бывают и такие случаи, когда до приезда следователя на место происшествия там уже побудут представители милиции, НКВД; походят, посмотрят, изменят положение трупа, не составляя протокола, и уезжают до приезда следователя. Такой случай имел место, когда следователь Пискарев выехал на самоубийство в комбинате «Правда» по сообщению седьмого отделения МУР. Когда следователь приехал на место происшествия, там уже был райуполномоченный НКВД, который, осматривая труп, изменил его первоначальное положение, обыскал и вывернул у него карманы, а также трогал винтовку, изменив ее первоначальное положение. Уполномоченный не составил никакого протокола о своих действиях и уехал.

Мало этого, после уполномоченного НКВД приехал участковый инспектор четырнадцатого отделения милиции, который также посмотрел, потрогал объекты осмотра и уехал. И лишь после этого прибыл дежурный следователь Пискарев, который, кстати сказать, тоже пробыл на месте осмотра всего лишь 27 минут, не составил протокола осмотра, а ограничился лишь донесением о случившемся прокурору.

Необходимо также отметить, что дежурные следователи г. Москвы при выезде на места происшествий никаких технических приспособлений при себе не имеют и сотрудников НТО обычно не привлекают к осмотру. Надо прямо сказать, что осмотр места происшествия в г. Москве носит кустарный характер. Это тем более непонятно, что в г. Москве имеется много научных криминалистических учреждений, привлечение которых к участию в осмотрах и техническому оснащению следователей принесло бы огромную пользу.

Нужно отметить и такое отрицательное явление: следователь, дежуря сутки, назавтра должен итти работать к себе в камеру. Никто не заботится об отдыхе следователя после дежурства, и следователи поэтому идут на дежурство без всякой охоты, а отсюда—и пренебрежительное отношение к проведению осмотра.

Во время осмотра места происшествия следователь не является ведущей фигурой. Участковый инспектор милиции или работник уголовного розыска проявляют подчас больше инициативы. Характерно и то, что судебно-медицинский эксперт при выездах на места происшествий считает своим долгом обращаться только к работникам милиции, но не к следователю.

Такой случай, очень наглядный, имел место, когда я выезжал со следователем Коган в Московский коммунальный музей, где был обнаружен труп. В течение всего осмотра врач ни разу не обратился ни по одному вопросу к

следователю, а всю работу проводил с участковым инспектором милиции, который и составлял протокол осмотра, начатый, кстати сказать, до приезда следователя.

Такого отношения к осмотру, какое наблюдается в Москве, нет в Киеве, где я был на практике три месяца и много раз выезжал с дежурными следователями на места происшествий. Там следователь является ведущей фигурой при осмотре мест происшествий, а работники милиции и уголовного розыска активно помогают ему в работе.

В практике Москвы имеет еще существенное значение то обстоятельство, что расследование дел об убийствах ведет уголовный розыск, а не следователи, в то время как согласно ст. 108 УПК расследование по этим делам должен вести следователь, а милиция и уголовный розыск должны вести только активный розыск и дознание.

Это обстоятельство создало определенную заинтересованность милиции и пассивное отношение со стороны следователей.

Был случай, когда дежурному следователю Рабинович сообщили, что на Ново-Басманной обнаружен труп мальчика 14 лет с признаками самоубийства; дежурный прокурор высказался в том смысле, что не стоило выезжать, но т. Рабинович проявила свою инициативу и выехала. На месте происшествия уже был уполномоченный уголовного розыска, который к приезду следователя все закончил и мальчика выносили на носилках. Т. Рабинович ничего не оставалось делать, как уехать обратно.

Тот же следователь выезжала с нашим студентом т. Власовым в Покровско-Стрешнево, где был обнаружен труп. До приезда следователя на место происшествия прибыл участковый инспектор филиала двенадцатого отделения милиции, сделал обыск в одежде трупа, обнаружил в кармане стакан, вынул его, понюхал и поставил возле трупа. Вместе со следователем приехало 8 человек, и каждый из них считал своим долгом подержать стакан в своих руках, а в заключение и сам следователь взял стакан в руки, чтобы посмотреть и понюхать его. Только в этот момент т. Рабинович вспомнила о возможных пальцевых отпечатках на нем, но, разумеется, было уже поздно пытаться обнаружить эти отпечатки.

Причиной всех недостатков в тактике осмотров, проводимых следователями Москвы, является то, что следователю в Москве не созданы все условия для того, чтобы он мог относиться со всей серьезностью к этому важнейшему процессуальному действию. Раз и навсегда должно быть установлено, что выезжать на место происшествия и производить осмотр без оповещения дежурного следователя никто не имеет права.

Нужно покончить с кустарщиной и приучить следователей пользоваться научно-техническими средствами при осмотре. Дежурный следователь должен иметь с собой чемодан со следующими предметами: бумаги, планшет, компас, линейка, карандаш, резинка, средства для окрашивания пальцевых следов и отливки слепков со следов ног, гипс, лупу, свечу и складной метр.

При осмотре трупов должно быть установлено, что вскрытие трупа (если оно производится) должно быть произведено в присутствии следователя, выезжавшего на место происшествия.

Необходимо также проводить работу среди следователей по повышению их теоретических и практических знаний в области осмотра места происшествия и составления протокола осмотра.

Киевская городская прокуратура, например, проводит со своими следователями один раз в шестидневку семинар в институте судебной экспертизы и анатомическом театре, где разбираются практические вопросы осмотра. Это несомненно повышает уровень знаний следователя и помогает ему в практической работе.

Сейчас, после перестройки структуры прокуратуры, когда следственный отдел имеет наибольшее значение, необходимо улучшить следственную работу и в области осмотра места происшествия.

Прокурор Союза ССР в беседе с сотрудником «Известий», опубликованной 17 ноября 1936 г., сказал: «Разрабатывая методику следствия, мы широко используем специальные кабинеты по технике расследования и криминалистике». Это указание должно быть реализовано и в Москве.

М. Якубович

ОТ РЕДАКЦИИ. По поводу статьи т. Якубовича редакция запросила прокурора г. Москвы, сообщившего, что МУР и милиции прокуратурой дано указание при обнаружении трупов не менять обстановки места происшествия и не менять положения трупа до приезда следователя.

Ошибочно утверждение автора, что следователь после круглосуточного дежурства не имеет выходного дня,—день отдыха предоставляется всем следователям.

Недочеты в работе следователей, указанные в статье т. Якубовича, будут обсуждены на ближайшем совещании следователей г. Москвы.

Об исполнении судебных решений[1]

В № 2 журнала «Социалистическая законность» за 1937 г. помещена статья т. Антикова под заглавием: «Договор и судебное решение». Автор статьи приводит случаи из судебной практики, когда нарсуд, удовлетворяя частное требование истца о взыскании неустойки за неисполнение договора, отказывает в другой части иска об обязании ответчика исполнить договор по тому основанию, что решение об исполнении договора не может быть приведено в исполнение принудительным порядком. Указывая, что по договорным спорам внутри обобществленного хозяйства народный судья должен приравнивать себя к арбитру, автор статьи рекомендует народным судам: а) помнить ст. 19 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. о порядке заключения договоров на 1934 г., в силу которой уплата санкций не освобождает от обязанности исполнения договора, и б) по примеру практики госарбитров, исполнение решения об исполнении договора обеспечить установлением штрафа за неисполнение решения в назначенный судом срок.

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

Вопрос, поднятый т. Антиковым, выходит за рамки оборота внутри обобществленного хозяйства и в связи с пересмотром ГК и ГПК требует более широкого освещения.

В отношении каждого судебного гражданского процесса, являются ли его субъектами юридические или физические лица, может возникнуть общий вопрос о том, допустимо ли вынесение таких судебных решений, которые не могут быть приводимы в реальное исполнение принудительными мерами.

На этот общий вопрос необходимо ответить утвердительно уже по одному тому, что бывают такие судебные решения, которые не требуют никакого особого исполнения со стороны ответчика. К таким решениям относятся решения по искам о признании договора, завещания или иной юридической сделки недействительными или иски о недопустимости со стороны ответчика и воспрещении ему определенных действий. К особой категории судебных решений, не требующих особого исполнения со стороны ответчика, относятся вообще все решения по превентивным искам о признании, т. е. по таким искам, при посредстве которых истец домогается судебного решения для предупреждения возможного и ожидаемого им нарушения его права со стороны ответчика. Таковы, например, иски об относимости платежа, произведенного истцом ответчику, к определенному обязательству истца перед ответчиком или о признании обязательства истца перед ответчиком погашенным путем зачета встречного однородного требования истца к ответчику. В обоих этих случаях истец имеет юридический интерес предупредить нарушение его права со стороны ответчика, который может и собирается предъявить к истцу требование по обязательству, ранее выданному истцом ответчику.

В русской юридической литературе дореволюционного времени существовали большие контроверзы по вопросу о допустимости превентивных исков о признании в связи с текстом ст. 1 Устава гражданского судопроизводства, гласившей: «Всякий спор о праве гражданском подлежит разрешению судебных установлений». Некоторые цивилисты, как, например, Исаченко, утверждали, что по означенной статье суд обязан принимать к разрешению только иски по спорам о восстановлении нарушенного права (Исаченко,—«Основы гражданского процесса», стр. 12—22). Другие, как, например, профессор Гордон, утверждали, что ст. 1 Устава гражданского судопроизводства не исключает вовсе возможности предъявления исков, имеющих целью предупредить нарушение права, и что цель исков может сводиться к подтверждению судом права истца, независимо от того, нарушено ли оно или не нарушено до предъявления иска. Нарушение права есть только один из наиболее частых поводов для предъявления иска и имеет значение лишь при решении вопроса, на кого из сторон должны быть возложены судебные издержки (Гордон, Иски о признании, стр. 1—47).

Ст. 2 ГК РСФСР ни в какой мере не препятствует предъявлению превентивных исков о признании. Покойный т. Малицкий в своем комментарии к ст. 2 ГПК РСФСР и УССР совершенно правильно указывает, что по смыслу ст. 2 ГПК вполне допустимы иски о признании определенного правоотношения между истцом и ответчиком, преследующие предупреждение возможного будущего нарушения права истца со стороны ответчика. «Для наличности юридического интереса и обусловливаемого им права на иск,—говорит Малицкий,—требуется одно из следующих условий: а) нарушение права или б) опасность будущего нарушения права». В практике наших советских судов неоднократно рассматривались превентивные иски о признании. Так, например, до пленума Верховного суда РСФСР в 1927 г. восходил исковой процесс о признании безвалютным векселя, выданного истцом ответчику в обеспечение другого обязательства истца. Иск имел явно превентивный характер: истец опасался возможного предъявления к нему денежного требования по векселю (см. протокол пленума Верховного суда РСФСР от 22 декабря 1927 г. № 21). В этом процессе вопрос о допустимости такого превентивного иска даже и не возбуждался. Сравнительно недавно в текущем 1937 г. народным судом и высшими судебными инстанциями рассматривался иск гражданки М. о признании ответчика П. ее отцом. В этом процессе уже прямо признано было, что для иска не требуется нарушение права истца, а достаточно наличия юридического интереса истца в подтверждении его права, в охране которого может встретиться необходимость в будущем при попытке нарушения этого права. Истица М. имела юридический интерес в признании ее кровного родства с гр. П. на случай его смерти и возможного спора о переходе его имущества к законным его наследникам (см. определение гражданской судебной коллегии Верховного суда РСФСР, опубликованное в «Советской юстиции» № 4 за 1937 г., стр. 58).

Итак, у нас вполне возможны иски о признании, а по всем таким искам никакого определенного действия от ответчика решениями суда не требуется, и такие судебные решения, очевидно, не нуждаются в принудительном их исполнении.

Можно, таким образом, сделать общий вывод о том, что невозможность исполнения судебного решения принудительными мерами не должна препятствовать суду принимать к своему рассмотрению иски о подтверждении принадлежащего истцу права и, в частности, о признании за истцом права требования исполнения договора и вместе с тем об обязании ответчика исполнить договор, хотя физически принудить ответчика реально исполнить договор не представляется возможным.

Положение это применимо не только к искам и договорам между организациями обобществленного хозяйства и не только в силу ст. 19 закона от 19 декабря 1933 г., но и к искам и договорам между физическими лицами по общим нормам гражданского кодекса. Из совокупного смысла ст.ст. 2, 106, 107, 189 и 190 ГК РСФСР и ст. 180 ГПК с очевидностью вытекает, что по всякому правомерному договору управомоченный контрагент может через суд требовать от обязанного контрагента исполнения договора в срок, назначенный судом.

Решение об исполнении договора, хотя и неисполнимое в принудительном порядке, имеет практическое значение даже тогда, когда неисполнение такого решения не обеспечено денежными штрафами: в силу ст. 117 ГК РСФСР

неисполнение договора в назначенный решением суда срок дает право на взыскание убытков, вызванных не только промедлением в исполнении договора к договорному сроку до предъявления иска об исполнении договора, но и дальнейшим промедлением в исполнении договора к новому назначенному судом сроку. Другими словами, не поддающееся принудительному исполнению решение об исполнении договора имеет преюдициальное значение для будущего решения о взыскании в пользу истца убытков, которое уже может быть приведено в исполнение в принудительном порядке.

Автор разбираемой статьи т. Антиков рекомендует усилить значение судебных решений об исполнении договора предоставлением нарсуду права назначать штраф за неисполнение в срок решения, подобно праву, которым в аналогичных случаях пользуются арбитры. Источник такого права госарбитров весьма спорен. Специальная ст. 21 закона от 19 декабря 1933 г., дающая госарбитрам право повышать штрафы за систематическое уклонение от исполнения договоров, имеет прямое отношение к повторным искам к одному и тому же ответчику по поводу повторных нарушений договорных обязательств к установленным договорным срокам. Лишь путем аналогии можно применять это право повышения штрафов и в первом процессе о нарушении договора в виде условного назначения штрафа на случай повторного неисполнения договора в новый срок, назначенный решением госарбитра.

Но при всех условиях рекомендуемая автором угроза штрафом за неисполнение решения не решает основного вопроса о реальном исполнении договора. Как договорная неустойка за неисполнение договора, так и назначаемая судом или арбитром неустойка (штраф) за неисполнение в срок решения об исполнении договора приводят в конечном итоге к замене реального исполнения договора денежными санкциями. Между тем, наше плановое хозяйство в нашем социалистическом государстве требует именно реального исполнения всякого договора без замены этого реального исполнения платежом денежных санкций. В этом именно заключается огромный политически-хозяйственный смысл ст. 19 закона от 19 декабря 1933 г. В настоящий момент, когда частный капиталистический сектор окончательно и полностью вытеснен из нашего народного хозяйства и когда конечною целью всего нашего гражданского оборота во всех его видах и формах является выполнение хозяйственного плана для удовлетворения потребностей государства и материальных и культурных нужд всего трудящегося населения, реальное исполнение всякого законного договора приобретает огромное хозяйственное значение.

Для обобществленного хозяйства соблюдение ст. 19 закона от 19 декабря 1933 г. об обязательном исполнении договоров, независимо от санкций, обеспечено ст. 11 Положения о Госарбитраже от 3 мая 1931 г., в силу которой должностные лица участвующих в деле организаций могут подлежать дисциплинарной или уголовной ответственности за неисполнение решений, вынесенных госарбитражем. Эта угроза вернее ведет к реальному исполнению договоров, чем угроза повышенными денежными штрафами, которые выплачиваются не виновными в волоките или бесхозяйственности представителями хозорганизацией, а самими организациями. К сожалению, ст. 11 Положения о Госарбитраже, насколько нам известно, весьма редко применяется на практике. Между тем, по нашему мнению, личная ответственность сторон за неисполнение таких судебных решений, которые по свойству своему не могут быть проводимы в жизнь принудительным порядком, должна быть предусмотрена законом как внутри, так и за пределами обобществленного хозяйства.

Каждое судебное решение, вошедшее в законную силу, имеет значение специального закона, установленного для участвующих в процессе сторон. Злостное уклонение от исполнения такого судебного решения равносильно злостному уклонению от исполнения закона. Заметим в скобках, что идея уголовного преследования за неисполнение судебных решений не чужда была нашему советскому праву и до учреждения Госарбитража, в чем легко убедиться из ст. 24 положения о несостоятельности кооперативных организаций от 6 февраля 1929 г. о расследовании прокурором причин несостоятельности кооперативных организаций, что могло влечь за собой уголовную ответственность за неплатеж кредиторам по судебным решениям (С. З. № 11, 1929, ст. 101).

В силу всех этих соображений мы на возбужденный т. Антиковым вопрос об исполнении судебных решений считали бы правильным дать такой ответ.

1) Как арбитраж, так и суд обязаны по законным требованиям истцов, независимо или сверх присуждения денежных санкций, выносить решения об обязании неисправных ответчиков исполнять договоры в назначенные судом сроки.

2) Злостное уклонение ответчиков от исполнения судебных или арбитражных решений может повлечь за собой по жалобам истцов или по инициативе госарбитров или суда дисциплинарную или уголовную ответственность виновных ответчиков или их представителей.

А. Штейнберг

Внес удебное признание отцовства

В последнее время в связи с проведением в жизнь закона от 27 июня 1936 г. внесудебное признание отцовства через органы ЗАГС получило очень широкое распространение на основании ст.ст. 28 — 29 Кодекса о браке, семье и опеке.

Это дает возможность женщине еще в период беременности зарегистрировать отца будущего ребенка без тяжелого для нее судебного процесса и с начала беременности обеспечить свое право на получение алиментов по ст. 31 Кодекса о браке, семье и опеке для себя и с момента рождения ребенка — и для него.

Из буржуазных государств установление отцовства путем одностороннего заявления матери знает лишь Норвегия.

В связи с этим небезынтересно познакомиться с законом «О внебрачном ребенке», изданном в 1915 г. в Норвегии.

В силу этого закона на будущую мать внебрачного ребенка еще в периоде беременности

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

возлагается обязанность дать сведения об отце ребенка фогту (местному административному чиновнику) с представлением доказательств, подтверждающих отцовство.

Эти сведения, заверенные матерью, с предупреждением ее об уголовной ответственности за ложные показания, фогт в срочном порядке пересылает районному административному чиновнику (амтсману), который на основании полученных материалов срочно же составляет определение об установлении отцовства и взыскании алиментов, дополняя его разъяснением юридических последствий определения, с указанием на право обжалования определения в 30-дневный срок в судебном порядке, с вызовом сторон.

Лица, не имеющие возражений, принимают к сведению определение, и по истечении 30-дневного срока мать осуществляет свое право на получение причитающихся ей алиментов.

В РСФСР эта внесудебная регистрация производится следующим образом.

С момента определения беременности будущая мать имеет право подать заявление в ЗАГС по своему местожительству и указать отца ребенка и его местожительство.

Согласно инструкциям от 20 марта 1933 г. и 9 февраля 1934 г. ЗАГС извещает лицо, указанное отцом, о поступившем заявлении и, вне зависимости от того, поступило ли от него подтверждение отцовства или возражение против, записывает его отцом будущего ребенка. Во всех случаях ЗАГС производит запись отца ребенка через месяц по подаче матерью заявления, а лицо, записанное отцом, получает право оспорить запись в течение года.

В результате у всех обратившихся в ЗАГС матерей на руках имеются записи об отцовстве, но этим права матери и ребенка еще не обеспечены, их дела еще не закончились, и им всем еще предстоят судебные дела о взыскании алиментов с признанных ЗАГС отцов.

По данным, приведенным в книге С. Е. Копелянской «Защита прав ребенка перед советским судом» (сноска на стр. 14), в Москве в 1935 г. было подано в ЗАГС 558 заявлений о внесудебном признании отцовства; из них 40 человек, или 7%, ответили признанием ребенка, 145 человек, или 26%, прислали возражения против отцовства, а остальные 67% вообще не реагировали.

Таким образом после большой работы, проделанной ЗАГС, лишь 7% женщин получили реальное удовлетворение, т. е. возможность обратиться в суд о взыскании алиментов без опасений каких-либо возражений против отцовства. Остальные 93% совершенно не обеспечены имеющейся у них на руках записью ЗАГС об отцовстве, и им всем, или большинству из них, предстоят еще процессы в суде о признании отцовства.

В итоге женщина, успокоенная признанием отцовства в ЗАГС, не может быть в сущности спокойна до окончания судебного процесса об алиментах.

Дородовое внесудебное признание отцовства для огромного большинства остается на бумаге и в конце концов устанавливается судом.

Ст.ст. 28, 29 Кодекса о браке, семье и опеке должны быть пересмотрены.

В целях защиты прав матери и ребенка ЗАГС предоставлено право установления отцовства, что в силу закона влечет за собой право на алименты. Почему не пойти дальше и не предоставить ЗАГС права выносить определения, имеющие силу судебного решения, и об отцовстве и об алиментах в соответствии с законом от 27 июня 1936 г., предоставив лицу, признанному отцом ребенка, право обжалования определения ЗАГС в судебном порядке в течение определенного срока.

При этом не следует опасаться «упрощенчества», так как при каждом возражении со стороны отца дело и об алиментах и об установлении отцовства будет рассматриваться в судебном порядке с вызовом сторон.

Определение с разъяснением его юридических последствий направляется по почте с обратной распиской лицу, признанному отцом, с соблюдением всех гарантий вручения его лично адресату.

Месячный срок со дня получения определения адресатом является вполне достаточным для собирания доказательств для обжалования определения в суд; существующий ныне годичный срок ведет к ничем не оправдываемой затяжке дела и противоречит смыслу и цели закона.

К чему приведет предлагаемое изменение статей 28, 29?

1) Будет уничтожено расщепление 2 процессов — признание отцовства и взыскание алиментов, — ведущее к волоките и излишней переписке ЗАГС с «отцами», к загромождению судов алиментными делами и излишним мытарствам женщин.

2) Инициатива по возбуждению судебных дел о признании отцовства перейдет к отцу ребенка, что заставит его более серьезно отнестись к полученному определению и выступить в суде лишь при наличии действительных данных против признания отцовства.

3) Суды будут разгружены от алиментных дел, так как процент обжалованных определений не должен быть велик; практика показывает, что огромное количество дел о признании отцовства оканчивается признанием его и практика же устанавливает очень небольшой процент «шантажных» заявлений со стороны женщин.

4) Матери будут избавлены от необходимости возбуждать тягостные для них иски об алиментах и будут во-время обеспечены алиментами для себя и для ребенка.

В. Вишняк.

Упрощенный подход[1]

В журнале «Социалистическая законность» № 2 за 1937 г. помещена статья т. А. Кобешавидзе «Защита при расхождении с позицией подзащитного». Хотя редакция уделила ей место в отделе «Обмен опытом», но значение трактуемого в ней вопроса крайне велико и с принципиальной, и с практической стороны.

В конце указанной статьи автор приходит к такому выводу: «... я считаю вполне допустимой защиту и таких дел, где защитник расходится с подзащитным в позициях». Такое решение вопроса представляется мне слишком

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

схематичным и упрощенным. Защитнику нельзя не считаться с интересами подзащитного. Между тем, если защитник и его подзащитный расходятся в позициях, надо сразу же подумать, не следует ли передать дело другому защитнику.

Случаи расхождения надо, прежде всего, разделить на две основных категории: расхождение в оценке фактов (главным образом виновности подзащитного в приписываемых ему действиях) и расхождение в квалификации. Если во втором случае защитник, которому даны «книги в руки» (и то только при отсутствии возражения со стороны подзащитного, разбирающегося в юридических вопросах), волен предлагать суду свое собственное мнение, то в первом никак нельзя согласиться с тем, что защитник вправе изобличать своего подзащитного и, вопреки его категорическому отрицанию, присоединяться к прокурору и доказывать его виновность.

В журнале «Социалистическая законность» № 11 за 1935 г., в статье «По поводу «открытого забрала», я привел случай, когда защитник, убежденный по материалу дела, что обвиняемый виновен, в процессе судебного следствия пришел к обратному выводу и очень сожалел о том, что до начала судебного заседания склонял его к признанию вины. Если происходит наоборот, защитник опять-таки не должен торопиться признать за обвиняемого его виновность. Поясню примерами.

Один адвокат защищал в суде заведующего магазином. Суд признал заведующего магазином виновным, приговорил к лишению свободы и присудил с него гражданский иск. Осужденный отрицал всякую вину. Защитник с ним не соглашался. Не желая, однако, вредить клиенту, он попросил своего товарища познакомиться с делом. Тот пришел к убеждению в полной невиновности осужденного. Обжаловал и приговор, сначала в кассационном, а затем в надзорном порядке. Осужденный, правда, из-за расхождения его первого защитника с ним в позициях, просидел, во исполнение приговора, несколько месяцев в тюрьме, но приговор, в конце концов, был отменен, а дело прекращено. Если бы первый защитник был менее податлив, судебная ошибка осталась бы неисправленной.

А вот пример обратного порядка. Защитница взялась защищать в кассационной инстанции рабочего, осужденного за спекуляцию. На суде обвиняемый заявлял (и это было занесено в протокол судебного заседания), что ему не были зачитаны на предварительном следствии протокол его допроса и протокол очной ставки. Защитнице, однако, показалось, что осужденный виновен. И она в этом духе составила кассационную жалобу и дала ему подписать. Повторилось, в сущности, то, что происходило, по словам осужденного, при допросе его до суда... Приговор утвердили. И защитнику, вступившему в дело в стадии надзора, приходится уже бороться и со своей предшественницей. Здесь его положение усугублено было тем, что первая защитница, расходясь с обвиняемым в позициях, навязала ему свое мнение.

Таким образом напрасно т. Кобе[illegible] мает, что в[illegible]опрос этот уже решен [illegible]но так упрощенно, как ему представляется. Он стоит того, чтобы быть еще раз серьезно обсужденным.

А. Либерман.

Еще раз о протоколах судебных заседаний

В своей статье о протоколах судебных заседаний в журнале «Социалистическая законность» № 3 1937 г. т. Лукьянович обрушился на Гринштейн и И. Т. за критику печатанных на машинке протоколов судебных заседаний военных трибуналов. Тов. Лукьянович прав лишь в одном — это в том, что в ст. 80 УПК нет прямых указаний, как должны писаться протоколы судебных заседаний: чернилами, карандашом или их можно печатать на машинке. Действительно, такие указания законом не предусмотрены, как и нет указаний о том, что протокол должен быть готов к концу судебного заседания. Формально это так, но в том и ценность протокола, что он готов к моменту ухода суда в совещательную комнату. Не знаю, как мыслит т. Лукьянович возможность суда обойтись без протокола в совещательной комнате при рассмотрении дела с несколькими десятками обвиняемых и свидетелей или хотя бы с несколькими обвиняемыми и свидетелями по сложному делу. То, что предлагает т. Лукьянович вместо протокола, т. е. сокращенные, а следовательно бессвязные записи секретаря, которые через несколько дней превратятся в протокол судебного заседания, напечатанный на машинке, никуда не годится. Такие «будущие протоколы» не имеют абсолютно никакой ценности, так как суд не может ими пользоваться в совещательной комнате.

Тов. Лукьянович в своих предположениях о протоколах судебных заседаний, встав на позицию непримиримого защитника «печатных протоколов», договорился до того, что «как бы ни был квалифицирован секретарь, он никогда не охватит всех основных вопросов на судебном заседании». Видимо, т. Лукьянович имеет смутное представление о судебных секретарях вообще и о квалифицированных секретарях военных трибуналов в частности. Тот секретарь, который не может написать протокола в самом судебном заседании, ни в коем случае не может называться квалифицированным секретарем и таких секретарей в военных трибуналах очень немного.

Я считаю, что протокол судебного заседания должен быть готов к моменту ухода суда в совещательную комнату, должен, следовательно, изготовляться от руки, иначе пропадает вся значимость протокола для суда. В целях удобства ознакомления с протоколом сторон, кассационной инстанции и т. п. можно ввести практику печатания протоколов, но только в виде копий, которые подшивать в дело вместе с оригиналом так же, как это делается с приговором в военном трибунале.

Сергеев.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ИЗ-ЗА ПЛОХО ПРОВЕДЕННОГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Приговором народного суда участка Ленинского района г. Москвы 2[illegible] октября 1936 г. по п. «г» ст. 162 УК был осужден Минеев Иван Сергеевич.

Минеев был признан виновным в том, что 2 июня 1936 г. совместно с ранее осужденными по этому делу Пономаревым, Шовыкиным, Абрамовым и Лозинцевым украл из конторы домоуправления д. № 17 по Сиротскому переулку пишущую машинку, арифмометр и настольные часы.

Приговор этот был основан на показаниях ранее осужденных по этому делу Пономарева, Шовыкина, Лозинцева и Абрамова.

Показания этих обвиняемых суд признал заслуживающими доверия, потому что, как указано в приговоре, Минеев человек без определенных занятий, от следствия и суда пытался скрыться.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор суда по следующим основаниям.

Судебное следствие проведено было неполно. Суд не допросил сообвиняемых по этому делу. Между тем, без допроса этих обвиняемых, без очной ставки между Минеевым и ранее осужденными по этому делу лицами у суда не было необходимых данных для решения вопроса о виновности или невиновности Минеева, категорически отрицающего свое участие в этом преступлении.

Допрос Шовыкина, Абрамова и других осужденных тем более был необходим, что в судебном заседании свидетель Лютов заявил, что в ночь, когда была совершена кража, Минеев из дома не отлучался.

Вывод суда, что Минеев является человеком без определенных занятий, прямо противоречит имеющимся в деле справкам о том, что Минеев работал киномехаником в г. Богородицке.

Также неправильно утверждение суда, что Минеев скрывался от следствия и суда. Никто от Минеева не отбирал подписки о невыезде. Следствию было известно, что Минеев официально командирован на работу в г. Богородицк. Адрес его также был известен.

При таком положении дела, а равно, учитывая, что лица, показывающие против Минеева, ранее уже судились, Минеев же никогда не судился, и имея также в виду поступившие о нем положительные характеристики, прокуратура считает, что приговор суда подлежит отмене, а дело — направлению на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор народного суда и определение кассационной коллегии Московского городского суда отменить и дело направить на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе со стадии судебного следствия.

ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С Ч. 2 СТ. 104 НА СТ. 99 УК УССР

Народный суд по делам госторговли и кооперации г. Харькова по делу работников ЗРК фабрики им. Кутузова в числе других лиц приговорил по ч. 2 ст. 104 УК УССР к 10 годам лишения свободы Нежевенко Ивана Абрамовича.

Приговор этот был утвержден кассационной коллегией областного суда.

Нежевенко был осужден за то, что, будучи заведующим торговым отделом ЗРК фабрики им. Кутузова и получив в горпотребсоюзе паевые марки на 30 тыс. руб., сдал из них в ЗРК марки на 10 тыс. руб., а на 20 тыс. руб. марки присвоил.

Суд признал, что обвинение Нежевенко в этом преступлении основано на следующих доказательствах.

Сдача Нежевенко паевых марок на 20 тыс. рублей ничем по делу не доказана, между тем, получение этих марок не отрицается самим Нежевенко; в бухгалтерии ЗРК отсутствует расходный ордер на выдачу Нежевенко денег для оплаты стоимости паевых марок.

Прокуратура Союза ССР, считая, что приведенные выше доказательства недостаточны для признания Нежевенко виновным в присвоении паевых марок на 20 тыс. руб., опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что получение паевых марок по существовавшему в ЗРК порядку производилось по доверенностям ЗРК. В данном случае точно не установлено, получил ли Нежевенко марки на 30 тыс. руб. по доверенности ЗРК или без нее. По утверждению Нежевенко он получил марки по доверенностям бухгалтера ЗРК Святенко и полностью все марки сдал ей. Святенко получение от Нежевенко марок на 20 тыс. руб. отрицала.

Марки на 30 тыс. руб. были получены Нежевенко в два приема—в феврале на 10 тыс. рублей и в июне на 20 тыс руб. Нежевенко был признан виновным в присвоении марок на 10 тыс. руб., полученных им в феврале, а также в присвоении марок на такую же сумму из числа полученных им в июне. Марки на 10 тыс. рублей, полученные Нежевенко в июне, значатся поступившими в ЗРК.

Приведенные выше обстоятельства расследованы недостаточно тщательно. В частности, по делу не установлено следующее: если марки на 10 тыс. руб., полученные Нежевенко в феврале, были им присвоены, каким образом этот факт оставался неизвестным бухгалтерии ЗРК в течение нескольких месяцев, и если Нежевенко получал марки в июне без доверенности ЗРК, то как он мог присвоить марок лишь на 10 тыс. руб., а на остальные 10 тыс. сдать марки ЗРК, которые и значатся оприходованными.

Возможность постановки этих вопросов свидетельствует о том, что приведенные в приго-

воре суда доказательства виновности Нежевенко в присвоении марок на 20 тыс. руб. недостаточны.

Вместе с тем, из материалов дела видно, что отсутствие расходного ордера на оплату стоимости паевых марок на 20 тыс. руб. также не может служить доказательством виновности Нежевенко в присвоении, так как в делах ЗРК нет расходного ордера и на оплату стоимости тех марок, которые были получены Нежевенко и числятся оприходованными в ЗРК.

Бухгалтер ЗРК Святенко, показания которой имели решающее значение при вынесении обвинительного приговора в отношении Нежевенко, осуждена по этому же делу за целый ряд подлогов и других злоупотреблений по службе, причем отдельные злоупотребления Святенко были связаны с заведующими магазинами ЗРК, т. е. как раз с теми лицами, которые непосредственно расходовали паевые марки. Это обстоятельство указывает на то, что Святенко имела возможность присвоить полученные ею от Нежевенко марки и реализовать их через заведующих магазинами, с которыми она находилась в преступной связи.

Приведенные выше соображения дают основания к тому, чтобы сделать вывод об отсутствии достаточных оснований для признания Нежевенко виновным в присвоении марок.

Нежевенко виновен в том, что, получая паевые марки на большие суммы денег, не обеспечил сдачу этих марок в надлежащем порядке, в результате чего при неустановленных обстоятельствах образовалась недостача марок на сумму 20 тыс. Эти действия Нежевенко предусмотрены ст. 99 УК УССР.

Пленум Харьковского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор народного суда и определение кассационной коллегии областного суда в отношении осужденного Нежевенко отменить, переквалифицировать его преступление по ст. 99 УК и определить ему наказание в 2 года лишения свободы.

ОШИБКИ СЛЕДСТВИЯ И СУДА ВВИДУ НЕПРАВИЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Саратовским краевым судом по делу группы работников аткарской межрайбазы Саратовского крайпотребсоюза в числе других лиц были осуждены директор базы Жучкин Н. И. по ст. 109 УК к 7 годам лишения свободы и заведующие складами базы Иванов И. П. и Крайник Н. А. по закону от 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы каждый.

Жучкина суд признал виновным в том, что он, будучи директором базы, отпускал товары со складов базы по запискам и тем самым разбазарил товаров на 58 402 руб.; для сокрытия этого преступления Жучкин оформлял незаконный отпуск путем выписки фиктивных накладных на имя различных сельпо и ЗРК; кроме того, он не контролировал работу складов базы, чем способствовал хищениям и растратам и допускал нарушения финансовой дисциплины.

Корыстной или личной заинтересованности в действиях Жучкина суд не установил.

Осужденных Иванова и Крайника суд признал виновными в расхищении доверенных им ценностей на 42 638 руб.

Кассационная коллегия Верховного суда приговор в отношении осужденных Иванова и Крайника отменила с передачей дела на новое рассмотрение со стадии расследования по тем основаниям, что Иванов и Крайник, несмотря на ряд их ходатайств, не были привлечены к работе ревизионной комиссией, установившей у них недостачу.

В отношении Жучкина кассационная коллегия приговор утвердила.

Произведенным дополнительным расследованием было установлено, что выводы первой ревизии, установившей у Иванова недостачу в 35 166 р., а у Крайника недостачу в 7 472 р., не соответствуют данным бухгалтерского учета базы и не подкреплены документами.

Произведенной повторной ревизией у Иванова была установлена недостача всего лишь 450 руб. и излишек на 14 580 руб., а у Крайника недостача 742 руб. и излишек на 2 994 р.

8—10 июля 1936 г. народный суд Аткарского района Саратовского края, рассмотрев дело Иванова и Крайника, вынес Крайнику оправдательный приговор, а Иванова приговорил по ст. 109 УК к 3 годам лишения свободы, признав его виновным в том, что он, будучи заведующим складом, систематически, по распоряжению директора базы Жучкина и его заместителя Мейера, незаконно отпускал товары со склада, оформляя отпуск товаров фиктивными накладными. В результате, из вверенного ему склада было разбазарено товаров на 13 294 руб.

Корыстной или личной заинтересованности в действиях Иванова суд не установил.

Суд вынес также частное определение о возбуждении уголовного преследования против участников первой ревизии межрайбазы, сделавших явно неправильные выводы в отношении состояния товаро-материальных ценностей на складах, которыми заведывали Иванов и Крайник.

Указанный приговор был утвержден кассационной коллегией краевого суда.

Таким образом дополнительно произведенным расследованием, а также судебным приговором по делу Иванова и Крайника было установлено, что основное обвинение, за которое бывший директор межрайбазы Жучкин был осужден по ст. 109 УК к 7 годам лишения свободы, а именно способствование растратам на складах базы, полностью отпадает, так как бывший заведующий складом Крайник судом оправдан, а бывший заведующий складом Иванов, хотя и был осужден, но этим приговором он был признан виновным не в растрате или хищениях, а в незаконном отпуске товаров по распоряжению руководителей базы.

Помимо того, при рассмотрении дела Иванова и Крайника выводы первоначальной ревизии, на основании которых и был вынесен обвинительный приговор в отношении Жучкина, суд признал не заслуживающими доверия. Это касается и вопроса о количестве товаров, незаконно отпущенных по распоряжениям Жучкина и его заместителя Мейера со складов базы. Ревизия установила, что через склад, которым заведывал Иванов, было незаконно отпущено товаров на 13 294 руб. Из материалов дела видно, что незаконный отпуск товаров с базы производился, главным образом, через склад, которым заведывал Иванов. Таким образом следует притти к выводу, что

количество незаконно отпущенных с базы товаров, установленное первоначальной ревизией (на 58 402 руб.), не соответствует действительности и что осуждение Жучкина за разбазаривание именно этого количества товаров является необоснованным.

Считая нецелесообразным производство дополнительного расследования по настоящему делу, Прокуратура Союза ССР вместе с тем опротестовала указанный приговор, считая необходимым внести изменения как в приговор суда в отношении осужденного Жучкина, так и в приговор суда в отношении осужденного Иванова.

Свой протест Прокуратура Союза ССР обосновала следующими соображениями.

Обвинение в способствовании хищениям и растратам на складах базы против Жучкина отпало, стоимость незаконно отпущенных с базы товаров составляет не 58 тыс. руб., как это установила первая ревизия, а 13 тыс. руб., как это установила вторая ревизия склада Иванова; в действиях Жучкина суд не установил корыстной или личной заинтересованности, что позволяет считать наказание в 7 лет лишения свободы, назначенное судом Жучкину, чрезмерно суровым.

Что касается осужденного Иванова, то надлежит считать установленным, что незаконный отпуск товаров со склада Иванов производил по распоряжениям дирекции базы; в его действиях суд не установил корыстной или личной заинтересованности.

Президиум Верховного суда РСФСР, соглашаясь с протестом Прокуратуры Союза ССР, постановил: во изменение ранее вынесенных по этому делу приговоров снизить подсудимому Жучкину наказание до 2 лет лишения свободы, а подсудимому Иванову — до одного года исправительно-трудовых работ на общих основаниях.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ИСК О ВЫСЕЛЕНИИ

Граждане Гаврилин и Груничев проживали совместно в одной комнате. Каждый из них имел самостоятельное право на площадь и на каждого из них был открыт отдельный лицевой счет.

29 марта 1935 г. гр. Груничев прописал на свою жилплощадь свою жену Груничеву Д. Н.

Гаврилин предъявил иск о выселении Груничевой на том основании, что Груничева была прописана без разрешения Гаврилина.

Народный суд постановил Груничеву выселить.

Кассационная коллегия оставила в силе решение народного суда. Президиум Московского городского суда отклонил протест прокурора.

Прокуратура Союза ССР опротестовала решение народного суда и постановление Московского городского суда по следующим основаниям:

Груничев, имеющий право на жилплощадь и оплачивающий ее самостоятельно, имеет право распоряжаться своей частью жилплощади по своему усмотрению в пределах закона, независимо от Гаврилина. Кроме того, выселение Груничевой с маленьким ребенком от мужа недопустимо, противоречит советской законности и задаче укрепления семьи, выраженной в законе от 27 июня 1936 г.

Московский городской суд, признав правильным выселение Груничевой с ребенком на том основании, что Груничева была прописана без согласия Гаврилина, стал на позицию формального разрешения данного спора, не учел обстоятельств дела и действительных взаимоотношений сторон.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила решение народного суда Ленинского района от 9 апреля 1935 г., определение кассационной коллегии и постановление президиума Московского городского суда отменить и в иске Гаврилину о выселении Груничевой отказать.

НЕЗАКОННЫЙ ОТКАЗ ОТВЕТСТВЕННОМУ СЪЕМЩИКУ КВАРТИРЫ В ВЫСЕЛЕНИИ ВРЕМЕННОГО ЖИЛЬЦА

Рабочий завода им. 5-летия Октября, ударник-стахановец Кудряшев М. С., получил ордер, в порядке обмена площади, на две комнаты в доме № 8 кв. 6 по Ростовскому переулку в г. Москве.

На площади Кудряшева 21 ноября 1933 г был временно прописан гр. Светлов М. А. Срок прописки временного жильца Светлова был первоначально установлен 1 декабря 1933 г.

В дальнейшем Светлов привел на площадь Кудряшева без его согласия свою жену, сына, а в настоящее время проживает на площади Кудряшева с семьей в 4 человека, так как у Светловой родился ребенок.

Семья Кудряшева состоит из 5 человек. Между Кудряшевым и Светловым возникли ссоры и недоразумения на почве совместного проживания.

В июне 1936 г. Кудряшев предъявил иск о выселении Светлова. 10 июля 1936 г. народный суд 3 участка Фрунзенского района г. Москвы нашел иск доказанным и решил выселить Светлова со всеми с ним проживающими, как временного жильца. Суд нашел установленным, что ответчик проживал у Кудряшева временно, что излишков жилплощади у истца нет и что между сторонами на почве совместного проживания происходили конфликты. По жалобе Светлова кассационная коллегия Московского городского суда 28 июля 1936 г. решение отменила и в иске Кудряшеву о выселении Светлова отказала.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение Московского городского суда по следующим основаниям.

Материалами дела установлено, что ответчик Светлов поселился на площади Кудряшева в качестве временного жильца, прописанного на 3 месяца. Самостоятельного права на площадь в квартире Кудряшева Светлов не имел. Поэтому решение народного суда от 10 июля 1936 г. соответствует фактическим обстоятельствам дела и основано на постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1927 г. и п. «б» ст. 156 ГК.

Требование Светлова о признании за ним права на спорную площадь отвергнуто вступившим в законную силу решением народного суда 6 участка Фрунзенского района от 14 апреля 1936 г. Этим решением Светлов был признан временным жильцом на площади Кудря-

шева, поэтому суд отказал Светлову в иске о разделе площади и открытии самостоятельного лицевого счета.

В определении кассационной коллегии Московского городского суда от 28 июля 1936 г. также признается, что Светлов является временным жильцом на площади Кудряшева и права на площадь не приобрел. Однако Московский городской суд не нашел достаточных оснований для выселения Светлова и в нарушение закона отказал в иске Кудряшеву только потому, что Светлов проживает с 1933 г. на спорной площади и что семейное положение истца не изменилось.

Отказ в иске Кудряшеву по материалам дела не вытекает из закона и установленных судом фактических данных.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил определение кассационной коллегии отменить и оставить в силе решение народного суда.

СУДЕБНОЕ ПРИЗНАНИЕ ЗА СЕСТРАМИ ДОЛИ В ПРАВЕ ЗАСТРОЙКИ, ПРИОБРЕТЕННОЙ БРАТОМ НА СРЕДСТВА, ОСТАВШИЕСЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ ОТЦА

Сестры Александра и Анастасия Носковы проживали в Пушкине Московской области в доме старшего брата Носкова П. И., возведенном им на правах застройки.

Александра и Анастасия Носковы претендовали на четвертую долю права застройки на том основании, что в детстве они проживали с матерью и старшим братом в доме покойного отца в Москве, что Носков П. И., будучи фактическим опекуном малолетних сестер, реализовал имущество, оставшееся детям после смерти отца, и построил дачу в Пушкине на праве застройки, которое он оформил на свое имя в ущерб интересам истиц—его сестер.

Носковы все время проживают в спорной даче совместно с братом. Судебный спор между сестрами и братом Носковыми начался с 1933 г.

8 февраля 1935 г. гражданская коллегия Верховного суда РСФСР отменила решение народного суда от 3 апреля 1934 г. и определение кассационной коллегии Московского областного суда от 20 апреля 1934 г., указав, что суд, отказав в иске, не принял во внимание, что истицы были малолетние, а брат их—ответчик Носков П. И., будучи фактически опекуном, пользуясь бесконтрольностью, реализовал имущество опекаемых, получил участок под застройку и построил дом на свое имя, нарушив тем самым ст. 86 Кодекса законов о браке, семье и опеке.

Решением от 19 мая 1935 г. народный суд 47 участка Пушкинского района присудил в пользу Носковых Александры и Анастасии 2 500 руб. и выделил в их пользование одну комнату с прилегающим коридором из той площади, которая осталась у Носкова в половине дачи после продажи половинной доли права застройки гр. Григорьевой. Эту продажу части застройки ответчик объяснил необходимостью рассчитаться с сестрами согласно судебному решению.

5 июня 1935 г. кассационная коллегия Московского областного суда это решение оставила в силе.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело по жалобе Носкова П. И. 29 декабря 1935 г., изменила решение, исключив из него предоставление Носковым Александре и Анастасии жилищной площади в половине дома, принадлежащей ответчику. В части присуждения 2500 руб. с судебными издержками решение было оставлено в силе.

Сестры Носковы обратились с жалобой в Прокуратуру Союза ССР, в которой указали, что вместе с братом они проживали в отцовском доме, проданном ответчиком после смерти отца.

С начала застройки в Пушкине они проживали и проживают в выстроенной братом на деньги от реализации наследства даче. Они вправе претендовать на долю права застройки. Жить им негде. Их интересует жилищная площадь. Обе они работают. Одна из сестер Носковых больна эпилепсией. 5 мая 1936 г. ответчик Носков и гр. Григорьева, купившая у него половину права застройки с включением той части дома, где проживают истицы, подали в Прокуратуру Союза ССР заявление о своем согласии предоставить сестрам Носковым занимаемую ими жилищную площадь с прилегающим коридором на правах участия в общем праве застройки. Дело было направлено в народный суд Пушкинского района для оформления мирового соглашения, однако стороны не пришли к соглашению.

Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание, что Верховный суд уже признал право сестер Носковых на часть имущества ответчика, что по конкретным обстоятельствам дела право истиц на долю в праве застройки может быть установлено судебным решением, что сам ответчик дал в свое время письменное согласие на предоставление сестрам доли в праве застройки, Прокуратура Союза ССР опротестовала определение гражданской коллегии Верховного суда РСФСР от 29 декабря 1935 г.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил: отменить определение гражданской коллегии Верховного суда от 29 декабря 1935 г. и дело передать в ту же коллегию иного состава для окончательного его разрешения с вызовом сторон и представителя Прокуратуры Союза ССР.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила отменить вынесенное по делу решение судебных органов и присудить сестрам Носковым Александре Ивановне и Анастасии Ивановне одну четвертую долю права застройки Носкова Петра Ивановича в Пушкине по Тургеневской улице, д. № 13, признав их совладельцами означенного владения, каждую в одной восьмой доле. Оставить в натуре в пользовании сестер Носковых ныне занимаемую комнату и рядом находящуюся кладовку с правом пользования и общим коридором, примыкающим к их комнате.

НЕДОПУСТИМОСТЬ ВЫСЕЛЕНИЯ ЛИЦ, ПОЛУЧИВШИХ ЖИЛПЛОЩАДЬ ПО ТРУДОВОМУ ДОГОВОРУ И ОСТАВИВШИХ СЛУЖБУ ВПОСЛЕДСТВИИ ПО СОКРАЩЕНИЮ ШТАТОВ

РЖСКТ «Фрунзенское объединение» предъявил иск к гр. Перцову М. В. о выселении на

том основании, что спорную площадь в доме № 6 по Оболенскому переулку получил сын Перцова С. М. в связи с работой в РЖСКТ. В настоящее время Перцов С. М. отбывает наказание и с РЖСКТ трудовую связь утерял. Перцов же М. В. никакой связи с РЖСКТ не имеет.

Народный суд 23 апреля 1936 г. решил Перцова М. В. со всеми проживающими выселить.

Кассационная коллегия Московского городского суда решение оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала решение народного суда по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что Перцов М. В., ответчик по делу, поселился на спорной площади в 1931 г., когда дом принадлежал не РЖСКТ «Фрунзенское объединение», а строительной организации, в которой Перцов М. В. работал и откуда он был уволен по сокращению штата. Впоследствии дом перешел в ведение РЖСКТ.

Указание РЖСКТ на то, что площадь получил сын Перцова М. В. — Перцов С. М. — неправильно.

Перцов М. В. получил жилищную площадь не в связи с трудовым договором с РЖСКТ, а в связи с трудовым договором с 10-й строительной конторой постройки № 312 МГЖС и оттуда был уволен по сокращению штата. Следовательно, суд должен был исходить не из взаимоотношений Перцова М. В. с РЖСКТ, а из взаимоотношений Перцова М. В. с конторой постройки МГЖС, правопреемником которой является РЖСКТ.

На основании закона от 20 августа 1928 г. и постановления пленума Верховного суда РСФСР от 11 августа 1936 г. лица, уволенные по сокращению штата, выселяются с предоставлением им жилищной площади.

Перцов М. В., уволенный по сокращению штатов из организации, от которой он получил жилищную площадь, может быть выселен лишь с предоставлением ему другой, годной для жилья жилищной площади.

Проверкой на месте Прокуратурой Союза ССР было установлено, что спорный дом не является бараком временного типа, построенным со специальной целью для строительных рабочих, а это каменный жилой дом постоянного типа, в котором проживают члены и служащие РЖСКТ.

Исходя из изложенного, Прокуратура Союза ССР считает выселение возможным лишь при условии предоставления Перцову другой, годной для жилья площади.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил решение народного суда и определение кассационной коллегии отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ ДАВНОСТНОГО СРОКА ПО ДЕЛАМ О ВОССТАНОВЛЕНИИ НА РАБОТЕ

Сергиенко работал в Харьковском госнарпите в должности кладовщика столовой № 166.

13 марта 1936 г. Сергиенко был уволен по собственному желанию.

Так как Сергиенко не получил справки об увольнении и не мог поступить на другую работу и кроме того оспаривал произведенный с ним расчет, он обратился в РКК.

20 апреля 1936 г. на заседании РКК стороны к соглашению не пришли. Вопрос рассматривался на РКК только в части требований Сергиенко о произведенных удержаниях из его зарплаты, об оплате выходных дней и сверхурочной работы.

9 июля 1936 г. РКК рассматривала вопрос о восстановлении Сергиенко на работе и оплате вынужденного прогула с 13 марта 1936 г. Стороны к соглашению не пришли.

Сергиенко обратился с иском в народный суд по трудовым делам г. Харькова.

Он повторил свои требования в части неправильного расчета, а также в части оплаты вынужденного прогула за 3 месяца.

Суд удовлетворил иск лишь в сумме 79 руб., т. е. в части требований, поддержанных рабочей частью РКК в заседании от 20 апреля 1936 г.

В остальной части суд отказал, ссылаясь на соглашение сторон в РКК (чего на самом деле не было).

ГКК Харьковского областного суда, признав, что часть требований Сергиенко была разрешена уже на РКК и что в отношении остальной части требований жалобщик пропустил установленный законом 14-дневный срок, решение суда отменила и в иске Сергиенко отказала.

Решение в части отказа в иске об оплате вынужденного прогула Прокуратура Союза ССР опротестовала по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что вопрос о восстановлении Сергиенко на работе и оплате вынужденного прогула рассматривался на РКК впервые 9 июля 1936 г. Стороны к соглашению не пришли.

Сергиенко обратился в суд с этим требованием 16 июля 1936 г., что видно из резолюции народного судьи на исковом заявлении Сергиенко. Следовательно, срок давности истец не пропустил.

Материалами дела подтверждается, что справка об увольнении действительно была выдана истцу через 3 месяца после увольнения, почему он не мог поступить на работу. Это видно из протокола заседания РКК от 9 июля 1936 г.

Ответчик на суде не представил никаких доказательств в опровержение этого факта. Он только неосновательно ссылался на якобы последовавшее соглашение сторон на заседании РКК. Из протокола РКК видно, что соглашение достигнуто не было.

Президиум Харьковского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил решение народного суда от 20 июля 1936 г. и определение кассационной коллегии областного суда от 17 августа 1936 г. отменить и дело направить на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе.

НАРУШЕНИЕ СТ. 5 ГПК

Вагоноремонтный завод «Памяти революции 1905 г.» предъявил иск к бывшему агенту материального отдела завода Наумову П. В. о взыскании 2 380 руб., полученных Наумовым в подотчет наличными деньгами и денежными документами.

В уголовном порядке дело, возбужденное в отношении Наумова, было прекращено.

Народный суд удовлетворил иск завода, решив взыскать с Наумова 2380 руб., исходя из того лишь формального соображения, что эти 2380 руб. числятся в подотчете Наумова и он не смог представить оправдательных документов.

Между тем, из материалов дела видно, что Наумов не получал в подотчет больших денежных сумм, что наличными деньгами Наумов получал по 20—30 руб., не больше, что основная часть суммы, которая числится за Наумовым, состоит из счетов, которые вручались Наумову для получения товаров и которые записывались ему в подотчет. Комиссия, проверявшая по поручению начальника завода причину недостачи, в выводах указала, что при существовавшей системе выдачи подотчетных сумм невозможно установить, в чем выражается сумма недостачи и что нельзя отнести всю недостачу у Наумова за счет оседания у него подотчетных сумм. Несмотря на наличие в распоряжении суда этих данных, говорящих о том, что отсутствие оправдательных документов Наумова может объясняться работой бухгалтерии, суд не назначил экспертизу по данному делу, не собрал достаточных доказательств, чем нарушил ст.ст. 5 и 118 ГПК. Судом не установлен основной факт — правильно ли бухгалтерия зачислила в подотчет Наумова 2380 руб.

По этим основаниям Прокуратура Союза ССР опротестовала решение народного суда и определение кассационной коллегии Московского городского суда, утвердившее это решение.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил решение народного суда и определение кассационной коллегии отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИНЯТИЕ СУДОМ К СВОЕМУ ПРОИЗВОДСТВУ ДЕЛА, ПОДВЕДОМСТВЕННОГО ГОСАРБИТРАЖУ

20 июля 1936 г. народный суд г. Кисловодска решил выселить по иску курортного управления санаторий ЦК железнодорожников из занимаемого помещения за истечением срока арендного договора.

Кассационная коллегия и президиум Северокавказского краевого суда решение народного суда оставили в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала это решение по следующему основанию.

Народный суд и краевой суд нарушили ст. 21 ГПК РСФСР, приняв данное дело к своему производству, в то время как споры между организациями обобществленного сектора, вытекающие из договоров найма (если цена иска превышает 1000 рублей), подведомственны Государственному арбитражу.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила решение народного суда и определение кассационной коллегии Северокавказского краевого суда отменить и дело в судебном порядке за неподсудностью прекратить.

По союзным республикам

РСФСР

Забота о кадрах

Каждый прокурорский работник, который добросовестно, настойчиво и твердо проводит в жизнь линию партии, каждый прокурорский работник, который умеет противостоять, когда это нужно, местному влиянию, который умеет по-большевистски драться за социалистическую законность, — каждый такой прокурорский работник должен знать, что если он за стойкое проведение прокурорской работы будет подвергаться притеснениям со стороны местных организаций, он найдет крепкую и надежную защиту в вышестоящей прокуратуре.

К сожалению, в ряде мест этого до сих пор еще нет. Районный прокурор зачастую остается одиноким в своей борьбе за социалистическую законность, подвергается в отдельных случаях самым серьезным притеснениям, а вышестоящая прокуратура молча выжидает или даже прямо предает своего прокурора, идя на поводу местных настроений. Такой случай недавно имел место в Удмуртской АССР. Прокурор Вавожского района т. Кунгуров был исключен из партии «как враг партии». Предъявили ему 18 пунктов обвинения. А все дело против т. Кунгурова возникло вследствие того, что он не согласился с местным партийным руководством и не прекратил совершенно правильно возбужденное им дело в отношении ряда местных работников, которые грубейшим образом извращали социалистическую законность, занимались возмутительным администрированием в отношении как единоличников, так и колхозников.

Тов. Кунгуров проявил совершенно правильную партийно-прокурорскую настойчивость, дело довел до конца, суд с ним согласился и вынес обвинительный приговор нарушителям социалистической законности. Его настойчивость не понравилась. Против него создали дело, исключили его из партии. Прокурор Удмуртской АССР т. Красильников вместо того, чтобы крепче взять т. Кунгурова под защиту, ибо необоснованность выдвинутых против т. Кунгурова обвинений была очевидной, вместо того, чтобы отстоять до конца правильно вынесенный приговор по делу, за которое правильно дрался районный прокурор, т. Красильников совершенно неправильно приостановил исполнение приговора по делу и т. Кун-

гурова предоставил самому себе. Он фактически палец о палец не ударил в защиту т. Кунгурова. В это дело вмешалась Прокуратура РСФСР, которая поставила этот вопрос перед Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б). Комиссия партийного контроля отнеслась с величайшей чуткостью к этому делу. Для проверки был выслан на место работник Комиссии партийного контроля. Вопрос слушался на бюро Комиссии партийного контроля. Тов. Кунгуров был восстановлен в партии и вернулся на работу в свой район. Секретарь райкома был с работы снят.

Аналогичный случай имел место в Саратовской области. В Бековском районе Саратовской области был исключен из партии районный прокурор т. Зернаков. Тов. Зернакову инкриминировался отрыв от партийной организации, недисциплинированность, смазывание политически важных уголовных дел и т. д. Бывший прокурор Саратовской области, который должен был хорошо знать работу т. Зернакова, который обязан был знать о той обстановке, которая создалась вокруг т. Зернакова, и обязан был немедленно вмешаться в это дело, однако прошел мимо этой вопиющей расправы.

Прокуратура РСФСР выслала на место своего представителя, который совместно с уполномоченным Комиссии партийного контроля и обкома партии выехали на место, проверили и пришли к единодушному выводу о том, что исключение из партии т. Зернакова было абсолютно необосновано, что оно явилось результатом сведения счетов с неугодным и непослушным прокурором.

Саратовский обком партии выправил ошибку, допущенную в отношении т. Зернакова, но, однако, обошелся чрезвычайно мягко с секретарем райкома и другими руководящими работниками района, которые организовали эту расправу.

Бюро Комиссии партийного контроля рассмотрело этот вопрос и вынесло постановление секретаря райкома с работы снять.

В практике работы Прокуратуры РСФСР имел место ряд подобных случаев. Краевые, областные прокуроры и прокуроры автономных республик не оказывают должной авторитетной помощи районному прокурору, когда он оказывается в затруднительном положении и подвергается иногда прямой расправе в результате своей правильной прокурорской работы.

Краевые, областные прокуроры не проявляют всей необходимой вдумчивости и тщательности при рассмотрении и разрешении вопросов о снятии прокурорского или следственного работника, совершившего тот или иной проступок.

Бесспорно, что в составе наших работников на месте, и об этом говорят материалы по проведенной проверке кадров, имеется много работников, не удовлетворяющих высоким требованиям, предъявляемым сейчас к прокурорским работникам. Есть много товарищей малоквалифицированных. Есть очень много опытных практиков, но совершенно неискушенных в теории. Есть много товарищей, которые настолько погрязли в повседневной текучке, что как бы оторвались от всей огромной, бьющей ключом теоретически идейной и культурной работы, идущей в стране. Многим работникам нужна серьезная и солидная помощь по подготовке и переподготовке. Кое-кого нужно перебросить на менее ответственную работу. Но, бесспорно, в каждом отдельном случае нужно подходить внимательно, чутко, бережно и индивидуально.

К нам поступает немало предложений от краевых, областных прокуроров санкционировать снятие того или иного работника с работы, причем данный краевой или областной прокурор даже не удосужился этого работника вызвать к себе, лично с ним побеседовать, посмотреть на него, хотя этот работник работает ряд лет в прокуратуре.

Недавно прокурор Ярославской области т. Юрчук просил санкционировать снятие с работы одного своего работника — помощника городского прокурора. Тов. Юрчук писал, что этот товарищ абсолютно безнадежный, так как он не осваивает и не в состоянии освоить нашу работу. Мы вызвали этого работника вместе с т. Юрчуком в прокуратуру РСФСР. Этот товарищ оказался старым членом партии, рабочим, работающим в органах прокуратуры очень небольшой отрезок времени. Этот товарищ рассказал, что за все время его прокурорской работы никто его работе не учил. Его посадили на определенный участок и велели работать, он и работает. Он не учился ни на каких юридических курсах и естественно, что он в данный момент не подготовлен для прокурорской работы. Мы приняли решение, с которым согласился и т. Юрчук, направить этого товарища на учебу.

При проверке аттестации приходится сталкиваться с такими явлениями, когда прокурорские работники имеют по 10 дисциплинарных взысканий, наложенных краевым (областным) прокурором. Это не метод воспитания кадров. Ошибки работников нельзя замазывать. Нужно беспощадно их вскрывать. Нужно на ошибках исправлять, обучать кадры, но надо это делать по-большевистски. Объявление одному и тому же работнику через каждые несколько месяцев выговора в приказе приучает данного работника несерьезно относиться к этим взысканиям. Такой метод воспитания и обучения кадров результатов не дает.

Забота о кадрах, воспитание людей, выращивание смены, обучение людей на ошибках, умелое выявление этих ошибок, защита кадров тогда, когда они ведут правильную линию, — важнейшая политическая задача всех работников прокуратуры. Материалы по аттестации должны быть всемерно использованы для того, чтобы имеющиеся кадры работников воспитать, подготовить для того, чтобы они с честью могли выполнять возложенные на них задачи.

Ф. Нюрина.

Готовим смену

20 апреля 1937 г. со второго пути Северного вокзала в Москве отправлялся поезд № 42 на Дальний Восток в Хабаровск.

Все пассажиры, провожающие смотрели, прислушивались к тому, что делалось возле вагона № 6. Там было очень молодо, весело и радостно. Масса цветов, молодые радост-

ные женские лица. По всему перрону неслись радостные звуки песни «Каждый молод сейчас в нашей чудной, прекрасной стране». 24 девушки. У каждой в руках цветы. Глаза горят, лица полны особого волнения. Много молодых ребят-комсомольцев провожает этих девушек. Взволнованные лица матерей. Одна втихомолку утирает непокорную слезу. Мальчик лет десяти в красном пионерском галстуке вцепился в сестру и настойчиво повторяет: «Главное, научись хорошо стрелять, ведь там граница, понимаешь».

Эти девушки едут на Дальний Восток по призыву Валентины Хитогоровой. Они едут для работы в органах юстиции. Они будут проходить трехмесячные курсы в Хабаровске, а потом приступят под руководством и при помощи опытных работников к практической следственной работе.

Кто они, эти девушки?

Комсорг группы т. Афонина. Она с Метростроя. «Трудностей, которые будут на Дальнем Востоке, — говорит т. Афонина, — мы не испугаемся, потому что мы к ним привыкли. Первое время и на метро было трудно». На метро т. Афонина и еще две ее подруги, которые тоже едут на Дальний Восток, работали 4 года. Они работали бетонщицами, проходчицами, изолировщиками. Две ее подруги овладели техникой летного дела — они пилоты запаса. У т. Афониной плохое зрение и поэтому она летному делу не могла учиться.

Старостой группы единодушно выбрана т. Лосенкова. Она немножко смущена большой ответственностью, возложенной на нее, но девушки ее слушают и она даже сразу как-то повзрослела, стала серьезнее. Прощаясь с родными, разговаривая с провожающими ее друзьями, она каждый раз обводит глазами, проверяет, все ли на месте, все ли в порядке.

Тов. Лосенкова 7 лет пошла в пионеры, 14 лет ее перевели в комсомол.

Тов. Корсакова тоже едет в Хабаровск. Она рассказывает о том, как она отнеслась к призыву Валентины Хитогоровой. «Я поняла этот призыв, — говорит т. Корсакова, — как призыв к работе на том участке, где нужны люди для пользы нашей страны и нашего социалистического строительства. Я подошла к этому очень серьезно. Я все продумала. Раз нужны девчата, то нужны крепкие люди. Наши девчата действительно с крепким упорством, с большим энтузиазмом. Меня тянет работа, где имеются большие трудности. Передо мной стоит первая и основная задача— оправдать то доверие, которое нам оказывает прокуратура».

Так же серьезно и деловито рассказывает т. Максакова о том, как возникло у нее желание поехать на Дальний Восток. Тов. Максакова работала на метро. На метро она пришла по собственной инициативе. «У нас не было спецодежды, — рассказывает т. Максакова, — и нам пришлось работать в лыжных костюмах. Работали зимой. Все время приходилось возиться в грязи, копать землю кирками и кувалдой. Окончилась первая линия, мы пошли на вторую. В шахте осталось 75 мужчин и три девушки. В 1935 г. я окончила планерную школу, но в 1936 г. мне не пришлось учиться, так как на метро приходилось работать по несколько суток не приходя домой; поспим где-нибудь в уголочке и опять за работу». Но все же т. Максакова кончила летную школу.

«Я думаю, — говорит т. Максакова, — что мы, 24 девушки, не только успешно окончим юридические курсы, но и будем хорошими ворошиловскими стрелками, чтобы бить врага не только хорошим следствием, но, если это будет нужно, хорошо прыгать с воздуха. Я думаю, что мы все там займемся спортом, стрельбой и будем укреплять Дальний Восток боевой подготовкой».

Дальневосточная краевая прокуратура совершенно правильно проявила необходимую смелость и взяла на себя обязательство обеспечить комсомолкам необходимую учебу, помощь, чтобы вырастить себе надежную смену.

Прокуратура Республики каждую снабдила документами, организовала им отъезд, обеспечила материально, с каждой говорила, людей узнала.

Народ поехал молодой, но уже прошедший порядочную и серьезную жизненную школу. Отнеслись к поездке серьезно, по-деловому. В Москве прошли десятимесячную юридическую «зарядку» при Прокуратуре Союза ССР.

Надо приложить все усилия к тому, чтобы горячий советский энтузиазм, настоящая преданность родине, желание работать были должным образом направлены, и тогда Дальневосточная краевая прокуратура получит хорошую смену.

Ф. Шарова.

Борьба со спекуляцией

Прокуратурой РСФСР в начале 1937 г. была проделана работа по изучению борьбы со спекуляцией органов расследования, прокуратуры и суда.

Результаты этого изучения дали достаточно интересный материал, дающий возможность сделать ряд выводов и обобщений.

Прежде всего необходимо отметить, что, начиная со второй половины 1936 г., органы расследования и прокуратуры решительно усилили борьбу со спекуляцией, что сказалось на резком повышении числа лиц, привлеченных за спекуляцию во втором полугодии 1936 г. в сравнении с 1935 г. и первым полугодием 1936 года. В последние месяцы 1936 г. число привлекаемых по ст.ст. 105 и 107 УК определенно снижается. Объяснить это снижение можно лишь как результат сильного карательного воздействия на спекулятивные элементы в августе — октябре 1936 г. и изъятия в этот период карательными органами значительного числа профессиональных спекулянтов.

Обращаясь к классовому составу лиц привлеченных за спекуляцию, отмечаем в связи с растущей коллективизацией деревни резкое уменьшение привлекаемых за спекуляцию единоличников. По сравнению с первым полугодием 1935 г. второе полугодие 1936 г. дает снижение почти вдвое. Процентное отношение привлекаемых за спекуляцию колхозников в 1935 и 1936 гг. остается почти без всяких изменений, составляя около 20% всех привлеченных.

Наибольший процент увеличения дает категория «прочих». Если в первом полугодии «прочие» составляли всего 2,6%, то во втором

полугодии их уже 27,2%. Чем объясняется столь быстрый рост «прочих», из кого они состоят? Этот рост объясняется, в первую очередь, недостаточным вниманием органов прокуратуры к составлению статистических сведений и неудовлетворительной работой органов расследования, которые, торопясь поскорее закончить дело, нередко недостаточно выясняют социальное лицо привлекаемого. В категорию «прочих» попадает большой процент домашних хозяек, для которых в статистических ведомостях нет специальной рубрики. По проходящим же через Прокуратуру Республики жалобам и делам, а также по докладным запискам местных прокуроров видно, что спекуляция — один из тех немногих видов преступления, по которым женщин привлекается не меньше, чем мужчин, если не больше. Значительная часть привлекаемых за спекуляцию женщин относится к категории домашних хозяек, часть профессиональные спекулянтки, в меньшем числе жены крестьян, рабочих, служащих, инвалидки, вдовы и т. п.

За второе полугодие 1936 г. были проведены обследования работы ряда прокуратур по делам о спекуляции. Материалы обследований и проверок подтверждают, что хотя во втором полугодии расследования по этим делам шли гораздо быстрее, быстрее эти дела проходили в судах, однако, до сих пор борьба органов юстиции со спекуляцией проходит неудовлетворительно.

Установленные сроки расследования не всегда соблюдаются частью не по вине органов расследования. Это бывает в тех случаях, когда задерживаются по подозрению в спекуляции лица, приехавшие из других мест, и когда неизбежна посылка отдельных требований по месту их постоянного жительства.

Плохо, как и раньше, обстояло дело во втором полугодии 1936 г. с качеством расследования по делам о спекуляции. Это буквально больное место. Качество расследования, как правило, обратно пропорционально сроку. Зачастую все расследование состоит из допроса одного-двух свидетелей. Наиболее характерно это для расследований, производимых милицией, которая производит расследование 94% всех дел этой категории. Неудовлетворительное качество расследования нередко приводит к неправильному привлечению к уголовной ответственности по ст.ст. 105 и 107 УК. При проверке дел в порядке надзора подчас поражаешься, каким образом остаются без выяснения такие существенные обстоятельства, необходимость расследовать которые прямо бросается в глаза.

Основной недостаток органов следствия, суда и прокуратуры в борьбе со спекуляцией заключается в том, что организаторы спекуляции, вожаки, руководители в большинстве случаев остаются нераскрытыми и безнаказанно продолжают орудовать после того, как отдельные спекулянты и перекупщики предаются суду. Комиссия советского контроля при СНК СССР обнаружила исключительно плохую работу органов юстиции по Куйбышевскому краю. В частности в Сергиевском районе Куйбышевской области народный суд систематически квалифицировал случаи значительной спекуляции по ст. 105 УК и приговаривал к мелким денежным штрафам или к коротким срокам исправительно-трудовых работ по месту службы. В меньшей степени, но подобную слабость проявили народные суды г. Куйбышева и Сызрани. Прокуратура не реагировала на вынесение подобных приговоров. Вот пример. Некто Демин с 4 судимостями и 6 приводами неоднократно задерживался за скупку-перепродажу часов. Народный суд 3 участка г. Пензы осудил Демина не по ст. 107, а по ст. 105... к одному году исправительно-трудовых работ. Приговор не был своевременно опротестован. Бывший торговец Комаров систематически скупал облигации госзаймов не выше 10% номинала, был привлечен к ответственности по ст. 107 УК Суд переквалифицировал на ст. 105 и приговорил к 200 руб. штрафа. Приговор был отменен по протесту прокуратуры; при новом рассмотрении дела Комаров был осужден к 5 годам лишения свободы. Таких случаев, однако, немного. В ряде случаев прокуратура не обращала достаточно внимания на неправильное прекращение дел. В г. Пензе Куйбышевской области было прекращено дело Киримова (без определенных занятий), получившего из Москвы посылкой 537 катушек ниток явно для спекуляции.

Наряду с этим имеет место ряд случаев явно необоснованного привлечения к уголовной ответственности по ст. 107 УК.

Несколько примеров по Москве. Пожарник Заитов был привлечен осенью 1936 г. за то, что он продал в 1935 г. одну пару ботинок; никаких данных, чтобы он раньше или позже занимался перепродажей, нет. Однако это дело дошло до суда: в подготовительном заседании оно было прекращено. Домашняя хозяйка Загожинская привлекалась по ст. 105 УК главным образом «ввиду покупки ею живых кур», дело прекращено в подготовительном заседании. Сборщик утиля Годлевский нашел на помойке старые грязные кальсоны; за попытку продать эти кальсоны без талона он был привлечен к суду; дело прекращено в подготовительном заседании суда.

В Горьковском крае была привлечена к ответственности по ст. 107 УК работница кожевенной фабрики Воронова за то, что она была задержана на рынке с 16 м. мануфактуры и двумя меховыми детскими воротниками. Скупки и перепродажи этих вещей не установлено. Раньше в спекуляции она не была замечена. Дело прекращено.

Несколько выводов. Проверенные в порядке надзора дела дают возможность установить ряд случаев явно необоснованного возбуждения дела. Органы расследования предъявляют ст. 107 УК при отсутствии фактов скупки и перепродажи. Органы расследования строят обвинение в спекуляции на основании одних только слухов и разговоров, в то время как конкретных фактов спекуляции не установлено. Обвинение нередко предъявляется лишь только потому, что во время обыска в квартире оказываются 40—70 м мануфактуры, в то время как конкретных фактов перепродажи мануфактуры по повышенной цене не установлено. Обвинение в спекуляции предъявляется и тогда, когда налицо лишь переуступка знакомым или родственникам 10—20 м мануфактуры по той же цене, за какую она куплена.

Участие прокуратуры в подготовительных заседаниях народных судов по делам о спекуляции все еще недостаточно. В первом полу-

годии 1936 г. оно составляло всего лишь 51,2%. За второе полугодие статистических сведений нет, но, судя по сообщениям местных прокуратур, участие прокуроров в подготовительных заседаниях значительно увеличилось, хотя далеко еще не достигло 100%.

Недостаточно и выступление прокуроров в качестве обвинителей по делам о спекуляции в судебных заседаниях народных судов.

Явный недостаток в работе прокуратуры — неиспользование права принесения кассационных протестов даже в тех случаях, когда прокурор выступает обвинителем в первой инстанции, и преобладание надзорных протестов. Таким образом нормальный порядок опротестования приговоров подменен исключительным. Пора прокурорам так построить свою работу, чтобы протесты приносить в кассационном порядке, а не в надзорном, зачастую даже через несколько месяцев после вынесения приговоров.

Судебная репрессия по делам о спекуляции характерна повышением удельного веса лишения свободы. Во втором квартале лишение свободы составляло 82,7%, в третьем квартале — 91,0% (в том числе лишение свободы на срок ниже 5 лет снизилось с 4,9% до 1,8%). К исправительно-трудовым работам в третьем квартале 1936 г. было приговорено 2% вместо 5% во втором квартале. Условное осуждение в третьем квартале снизилось с 10,4% до 5,9%.

Борьба со спекуляцией велась органами прокуратуры до сих под недостаточно удовлетворительно. Сейчас краевые и областные прокуратуры вплотную занялись этим делом, и надо полагать, что положение выправится.

М. А.

Марийские отцы просвещения

Руководители Марийского отдела народного образования Суворов и Садовин и инспектор Белянин разослали директорам средних школ и отделам народного образования «схему» квартальной отчетности о работе средних школ.

Читаешь эту «схему» и удивляешься безмерности головотяпства зарвавшихся бюрократов, попирающих советский закон, который строго запрещает вводить без разрешения органов народного хозяйственного учета всякую дополнительную отчетность. Свыше пятидесяти вопросов ставит эта «схема» перед директорами школ и требует на них в конце каждой четверти года «повествовательных» ответов.

Как бы желая доканать директоров школ неотступностью своих требований, Суворов, Садовин и услужливый инспектор Белянин в строгой «препроводительной» предупредили директоров, «что эта схема не упраздняет статистического ответа по четвертям» и что кроме того «непредставление отчета к указанному сроку повлечет за собой строгие меры взыскания...».

Познакомимся с продуктом «творческих» способностей марийских мудрецов.

Вот раздел первый; в нем, помимо отеческой заботливости о школьных помещениях, горячих завтраках, о животноводстве, о работе комсомола и т. п., заключено и предложение сообщать каждый квартал об урожае, собранном со школьного участка, и обязательно отдельно по каждой культуре, и о расходовании этого, в году четыре раза собираемого урожая. Какими такими агронеисповедимыми путями марийские отцы просвещения добились столь блистательных результатов на школьных участках, что могут собирать жатву четыре раза в год? Отсюда рукой подать и до требования сообщать каждую четверть о том, «как увязывалось преподавание химии, биологии, физики и математики с работой пришкольного участка и особенностями района...»

А дальше директору школы предлагается продумать (также четыре раза в году) такие вопросы:

«состояние работы педагогических совещаний»;

«состояние марксистско-ленинского воспитания»;

«как школа использовала данные медицинских осмотров»;

«физическое состояние детей»;

«какие методы по отдельным дисциплинам применялись»;

«в чем выражалась работа по антирелигиозному, интернациональному, художественному и физическому воспитанию детей»;

«роль стенной газеты в деле учебно-воспитательной работы»;

«работа добровольных обществ»;

«виды общественно-полезной работы (содержание и форма)».

Сидят бедные директоры школ и раздумывают, а не ответишь — взыскание грозит.

Прокуратура РСФСР поручила прокурору Марийской АССР опротестовать эту противозаконную «схему» отчетности.

Надеемся, что марийские мудрецы при помощи прокуратуры и Наркомпроса будут поставлены на свое место и на самих себе почувствуют всю горечь тех взысканий, которыми они грозили нарушителям изобретенной ими «схемы».

Бедняшов.

Об извращениях в работе Водно-транспортного суда Верхне-волжского бассейна

В практике суда Верхневолжского бассейна имеется целый ряд случаев, когда отдельные судьи плохо знакомятся с делами, дают неправильный анализ материалов, в результате чего выносятся ошибочные решения подготовительных заседаний суда.

По делу зав. магазином орс ВВРП Гагарина П. И., обвинявшегося в растрате 4 222 руб. 47 коп., несмотря на то что помощник Гагарина Баков — выдвиженец, проработавший с Гагариным немногим больше месяца, никакого отношения к растрате не имел, суд счел нужным привлечь Бакова к ответственности по делу как «соучастника» и с этой целью возвратил дело в прокуратуру. Последняя, передопросив еще раз Гагарина и некоторых свидетелей, лишний раз подтвердивших свои первоначальные показания, вынуждена была остаться на своей прежней точке зрения и дело в отношении Бакова в порядке п. 5 ст. 4 УПК прекратила. Дело было передано в суд в таком виде, в каком оно было представлено первоначально. Приговором суда Гагарин осуж-

ден к лишению свободы, и этот приговор Верховным судом утвержден.

Другой случай. По делу Смирнова, обвиняемого по п. «в» ст. 59-3 УК, суд счел нужным дополнительно привлечь к ответственности механика парохода Сидорова, в отношении которого прокуратура ограничивалась дисциплинарным взысканием. Определение суда прокуратура выполнила, не производя никаких следственных действий и ограничившись предъявлением обвинения Сидорову, его допросом и составлением нового обвинительного заключения. При рассмотрении дела в судебном заседании, при наличии тех же материалов суд вынужден был в отношении Сидорова вынести оправдательный приговор и осудить лишь одного Смирнова. Этот приговор также Верховным судом утвержден.

Если в этих случаях суд допустил неосновательное привлечение к уголовной ответственности, то в ряде других случаев он освободил от ответственности лиц, совершивших преступление.

Суд в подготовительном заседании под председательством председателя бассейного суда т. Генкина по докладу члена суда т. Евлашкина прекратил дело Кириллова, обвинявшегося по ст. 109 ч. I, ст. 116 УК. По протесту прокурора Верховный суд определение суда отменил, указав суду, что «в материалах дела усматривается, что в деяниях Кириллова имеются признаки преступления, предусмотренного ст. 109 УК; так свидетельница Горбачева утверждает, что она отпустила Кириллову 100 кг топленого масла, в подтверждение чего имеется расписка последнего в получении, хотя он отрицает фактическое получение масла. Суд, не допрашивая в судебном заседании ни подсудимого, ни свидетельницу, неосновательно признал, что получение масла Кирилловым не доказано».

Дело это бассейный суд под председательством т. Евлашкина рассмотрел в судебном заседании и, несмотря на то, что Горбачева подтвердила свои первоначальные показания, все же вынес оправдательный приговор по ст. 116 УК. Приговор этот опротестован прокуратурой.

5 декабря 1936 г. суд обратил к доследованию дело по обвинению Кашина в допущении недостачи продуктов только потому, что Кашин в суде, признав свою вину и правильность бухгалтерской экспертизы о сумме недостачи, усомнился в получении незначительного количества продуктов по одной из накладных. Верховный суд по протесту прокуратуры вынес следующее определение: «Учитывая, что собственное признание обвиняемого и его обязательство о возмещении на определенную сумму причиненных им убытков являются достаточными данными для определения степени его виновности, что сомнения подсудимого Кашина в правильности количества недостающих продуктов, указанных в акте ревизии его отчетности за время работы на пароходе «Якубов», суд мог разрешить в ту или другую сторону при наличии подписи в акте капитана, так как эти сомнения касаются незначительного количества продуктов; требование суда выяснить дополнительным предварительным следствием фамилию никому неизвестной официантки совершенно нецелесообразно, так как оно неосуществимо, по крайней мере в более или менее короткий срок, а показании этой официантки существенное изменение в дело внести не могут; в виду этого согласиться с протестом главного водного прокурора, отменить определение суда и дело возвратить для рассмотрения в судебное заседание по существу».

После этого суд разобрал это дело и осудил Кашина, а Верховный суд утвердил приговор, но факт волокиты и неосновательного возвращения дела к доследованию остается фактом.

В другом случае, по делу Костыревой, обвиняемой по ст. 116 ч. I УК, после двукратной бухгалтерской ревизии, проведенной в присутствии самой обвиняемой, она вынуждена была признать правильность сумм образовавшейся у нее недостачи на две трети недостающей суммы (1500 руб.) признала израсходованной на личные нужды, а об остальной сумме объяснений не дала, одновременно оговариваясь, что точность учета взятым из кассы лично для себя деньгам не вела и говорит о взятой сумме приблизительно. Казалось бы, что данных для судебного рассмотрения было достаточно. Однако суд по одному лишь голословному заявлению Костыревой, в котором она просила «продлить следствие», направил дело к доследованию для производства бухгалтерской экспертизы. Произведенное прокуратурой доследование никаких новых материалов не дало, и дело было направлено в суд, который принял его к своему производству. Кому нужна была заведенная судом волокита?

В практике суда Верхневолжского бассейна бывают такие случаи, когда дела в отношении ответственных работников сознательно ставятся келейно. Как-то неудобно, видите ли, судить такого работника на виду у общественности. Видимо, из этих соображений член суда т. Титов, написавший извещение председателю затонкома завода им. Постышева о предстоящем слушании дела по обвинению директора завода Эрлиха в грубом нарушении права техники безопасности, тщательно зачеркнул в нем слова «о предстоящем процессе оповестить общественность». Немудрено, что парторг завода, получив эту бумажку, выяснил вопрос в политотделе пароходства и в прокуратуре. К огорчению т. Титова, на процессе присутствовало около 600 рабочих, т. е. столько, сколько мог вместить зал клуба. Рабочие живо интересовались этим делом, так как в течение 2 лет мероприятия по технике безопасности директором Эрлихом игнорировались, и были случаи, когда рабочих в состоянии тяжелого угара вытаскивали из литейного цеха.

Верховный суд должен пристально присмотреться к работе суда Верхневолжского бассейна и сделать необходимые выводы.

М. Метелев.

Как я улучшил свою работу

Работая в должности народного следователя 11 лет (с 1926 г.), я долгое время выполнял возложенные на меня обязанности, не проявляя надлежащего интереса к исходу дел, над которыми я работал. Это можно было объяснить в первую очередь тем, что следовательской работой меньше всего интересовались и не руководили ею, что иногда приводило к тому, что следователь превращался в курьера или в сотрудника для личных поручений при

районной прокуратуре и использовывался для всякого рода проверок, обследований, ничего общего не имевших со следственной работой.

Мероприятия Прокуратуры Союза ССР, направленные к повышению качества следствия, начиная с 1935 г. внесли резкий поворот в работу следователей и, в частности, в мою работу, и я для обеспечения высокого качества следствия поставил себе целью овладеть техникой своего дела.

Вот несколько примеров из опыта моей работы:

1 декабря 1936 г. мне было сообщено по телефону, что в с. Ленинском в сенях своей квартиры был обнаружен труп 63-летнего колхозника Овдеенко М. К. Тщательным осмотром места происшествия я обратил внимание на следующие моменты: на крыльце, ведущем в сени, была обнаружена шапка, принадлежащая убитому Овдеенко, на которой посредине имелась прорубленная дыра. Труп лежал в сенях, пол которого был засыпан свежей желтой глиной, следов крови не было, несмотря на то что осмотром трупа было обнаружено на голове шесть колотых ран, нанесенных острым орудием, только одна лужа крови имелась на том месте, где лежала голова.

Осмотром трупа было установлено, что труп одет в чистое нательное белье. Следов кровяных пятен на трупе обнаружено не было. Ноги трупа были обуты в валенки. Осмотр их на подошвах отпечатков земли не обнаружил.

Осмотром комнаты, ведущей из сеней в квартиру убитого Овдеенко, было установлено, что земляной пол вымазан свежей желтой глиной.

При сравнении прорубленной дыры, обнаруженной на шапке убитого, с ранами, нанесенными на голове, дыра на шапке не сошлась ни с одной раной.

Все эти моменты дали возможность установить, что здесь имело место убийство не в сенях, а в самой квартире, и после убийства труп, переодетый в чистое белье, был перенесен в сени для инсценировки случайного убийства Овдеенко при выходе ночью на двор. Это целиком подтвердилось. Следствием было установлено, что убийство Овдеенко совершила его жена Овдеенко Настя, чтобы овладеть его деньгами.

В 1936 г., располагая материалами о злоупотреблениях в совхозе «Коноплевод», я приступил к производству следствия, коим были установлены явные злоупотребления со стороны дирекции совхоза. Я предъявил обвинение по ст.ст. 97—99 УК УССР и дело направил для санкции Черниговской областной прокуратуре, где дело, пролежав два месяца, было мне возвращено с постановлением бывшего областного прокурора т. Семенова о прекращении дела, что крайне меня поразило, а еще больше изумили выводы областного прокурора, на основании коих дело было прекращено. Тов. Семенов характеризовал обвиняемого директора совхоза Белькевича как одного из лучших директоров совхоза системы Наркомзема, а какой это директор, — стало известно в 1936 г., когда в связи с преступно-бесхозяйственным отношением его к выполнению возложенных на него обязанностей было сгноено урожая 1936 г. ржи 50 тонн, клеверных семян 250 га и допущен целый ряд крупных хищений, чем совхоз был доведен почти до развала и понес убытков до 300 тыс. руб. По моему ходатайству ранее прекращенное дело было возобновлено, и обвиняемые разоблачены и отданы под суд.

За 1936 г. из числа законченных следствием 63 дел 62 пошли с обвинительными заключениями и только одно было прекращено.

Из дел, переданных в суд, по 2 делам вынесены оправдательные приговоры.

В дальнейшем я принимаю все меры к тому, чтобы чрезвычайно ответственные требования, возложенные на следователя, в связи со Сталинской Конституцией выполнялись мною четко путем улучшения качества следствия.

А. Вайцер.

О нарушении прав советского гражданина работниками ярославской городской милиции

Работники первого отделения ярославской городской милиции Егоров, Борисов и Мартынов, грубо нарушив права советского гражданина, допустили беззаконные, вопиющие, хулиганские действия в отношении семьи рабочего ярославского паровозоремонтного завода т. Вавилова. Муж и жена Вавиловы были арестованы без достаточных на то оснований, а их дети самочинно были выселены из квартир.

Начальник первого отделения городской милиции Панов и прокурор Сталинского района Азолков, не разобравшись в деле Вавиловых, дали согласие на их арест. Обо всем этом рабочий-стахановец т. Вавилов написал заявление.

21 февраля бюро ярославского обкома рассматривало этот вопрос. Уполномоченный уголовного розыска первого отделения городской милиции Егоров за издевательство над семьей Вавилова исключен из рядов партии. Прокурору Сталинского района Азолкову Н. И. объявлен строгий выговор с предупреждением. Кроме того, он снят с работы.

Бюро обкома приняло к сведению сообщение начальника управления областной милиции т. Калабухова о том, что начальник первого отделения городской милиции Панов И. П., оперуполномоченный этого же отделения Мартынов Д. Н., уполномоченный отделения Егоров В. П. сняты с работы и предаются суду.

Ярославскому горкому предложено рассмотреть вопрос о партийности Панова И. П. и участкового инспектора Борисова Я. В.

Областному прокурору т. Юрчуку и начальнику областной милиции т. Калабухову бюро обкома указало на совершенно неудовлетворительный контроль за действиями подчиненных им органов. Тов. Юрчуку предложено расследовать факты формально-бюрократического отношения пом. прокурора т. Галицкого к жалобе Вавиловых.

Председателю областного суда т. Юрову предложено расследовать действия работников суда, разбиравших дело Вавиловых

Бюро обкома поручило секретарю ярославского горкома ВКП(б) т. Иванову разъяснить решение бюро обкома коммунистам, работающим в органах суда, милиции и прокуратуры.

Дело в отношении Панова, Мартынова и Егорова было рассмотрено ревтрибуналом, приговорившим Панова к 5 годам лишения свободы, Мартынова — к 4 годам и Егорова — к 3 годам лишения свободы.

В Московском городском суде нарушают Сталинскую Конституцию

Под боком у председателя Московского городского суда творятся вопиющие нарушения закона работниками кассационных коллегий. Нам, студентам юридического вуза, пришлось наблюдать печальную картину: члены гражданской кассационной коллегии (председатель судебного заседания Ляховецкий, члены Волдин и Бугрин) при разборе дела № 811 27 января 1937 г. не имели у себя дела на столе судебного заседания. Для вида председатель держал две каких-то бумажки. Кассатор, заметив это безобразное явление, заявил немедленно председателю городского суда, но вывода почему-то нет.

Как это могло случиться? Председатель гражданской кассационной коллегии невнимательно относится к разбору кассаций. Мы удивляемся, как можно допускать человека, наплевательски, по-чиновничьи относящегося к большому делу, к закону и к кассации. При всем внимании партии и правительства к суду встает законный вопрос — почему председатель городского суда т. Смирнов по-настоящему не интересуется работой кассационных коллегий? Мы хотели поговорить с председателем городского суда, но к нему секретарь никого не пускает, хотя у него никого в это время не было.

На жалобы и заявления в городском суде не обращают должного внимания. Формально выделили человека, но он не может разрешить ни одного вопроса, а только посылает обратно к т. Смирнову, хотя к последнему не пускают. Посетители теряют по нескольку часов в очередях и, не добившись результатов, уходят. Ко всему этому надо отметить неразбериху с учетом поступивших жалоб. Имеются факты утери жалоб в городском суде. Но об этих утерянных жалобах почему-то молчат работники канцелярии городского суда. Пора, давно пора навести порядок в соответствии со Сталинской Конституцией в аппарате городского суда.

Е. Сысоев.

УССР

Вопросы реорганизации адвокатуры на совещании при Наркомюсте Украины

Созванное НКЮ Украины совещание, в котором, кроме наркома и работников отдела защиты НКЮ, приняли участие председатели коллегий, практические работники с мест и представители прокуратуры и Верховного суда УССР, обсудило основные вопросы реорганизации адвокатуры и изменения методов оплаты труда защитников. Совещание коснулось всех основных и животрепещущих вопросов, волнующих адвокатскую массу. Ни один из участников совещания не признал существующее положение в адвокатуре удовлетворительным. Все выступавшие констатировали необходимость изменения организационных форм адвокатуры и организации добровольных коллективов. Эти добровольные коллективы, по мнению участников совещания, являются более совершенной формой организации по сравнению с ныне существующей сетью консультаций.

Наряду с добровольными коллективами должна быть допущена и частная практика, которая, как указал т. Радченко, не должна быть превалирующей формой оказания юридической помощи, занимая по сравнению с коллективами ограниченное место. Для того чтобы коллективы были господствующей формой оказания юридической помощи, т. Радченко предложил, чтобы минимальное количество членов добровольного коллектива было 3 человека, что значительно сузит круг лиц, которые пожелают перейти на частную практику. Возникает вопрос о том, как быть в районах, где работает меньше трех защитников. Совещание разделило соображение представителя Днепропетровской области о целесообразности организации межрайонных коллективов, как объединений непроизводственного характера. Но вместе с тем было бы безусловно ошибочно считать основной формой организации юридической помощи в районах занятие частной практикой. Массовый переход районных защитников на частную практику был бы искусственным явлением, не соответствующим желанию подавляющей массы районных защитников. Такой переход не способствовал бы ни повышению авторитета районной адвокатуры, ни установлению более нормальных отношений защитников с судом и прокуратурой, ни оздоровлению условий работы районных защитников.

Необходимо поэтому считать правильным предложение комиссии, выделенной совещанием для внесения необходимых изменений в проект НКЮ, признать основной организационной формой в районе, где меньше трех защитников, юридическую консультанцию, а в городе — добровольный коллектив в составе не менее трех защитников

Наиболее оживленные прения вызвал на совещании вопрос об оплате труда защитников. Пом. прокурора УССР т. Еминик и зам. председателя Верховного суда т. Прушицкий отметили, что существующая форма оплаты труда защитников вызывает деквалификацию даже наиболее квалифицированной части адвокатуры. Совершенно правильным было указание представителя Черниговской области т. Иванова, что надлежащая оплата труда защитника организует на достаточно высоком уровне самый процесс работы защитника.

Представленный совещанию проект оплаты труда, разработанный НКЮ, вкратце сводится к следующему: защитники по квалификации делятся на три группы. Оплата труда защитника зависит от количества проведенных им дел, составленных жалоб и заявлений и других оказанных им видов юридической помощи и от категории, к коей отнесен защитник. Количество проведенных за истекший месяц единиц юридической помощи умножается на среднюю стоимость каждого вида юридической помощи и как поправочный коэфициент учитывается категория, к коей отнесен защитник. Средняя стоимость единицы юридической помощи определяется путем деления всей суммы, поступившей в коллектив за данный вид

юридической помощи, на количество единиц этого вида помощи. Распределению между защитниками подлежит вся сумма поступлений коллектива, остающаяся после покрытия расходов на президиум, соцстрах, на содержание техаппарата, на помещение и т. д.

Проект этот, предварительно обсуждавшийся на общегородских собраниях защитников, встретил как со стороны актива ряда коллегий защитников, так и на самом совещании резкие возражения. Против проекта высказалось подавляющее большинство участников совещания, за исключением представителей Винницкой и Молдавской коллегий, которые в основном высказались за проект, но требовали увеличения количества групп защитников по квалификации до пяти, более точного определения единицы работы и указывали, что для консультаций с количеством защитников менее трех этот метод оплаты неприемлем.

Остальные участники совещания, соглашаясь, с бесспорным положением, выдвинутым т. Радченко, что оплата труда должна зависеть от количества и качества проделанной защитником работы, толковали этот принцип оплаты труда в своих выступлениях по-разному. Так, представители Киевской и Харьковской коллегий защитников доказывали, что после покрытия всех необходимых по коллективу расходов, о коих говорилось выше, и оплаты дел по назначению, остающаяся сумма должна делиться между членами коллектива пропорционально поступлениям за оказанную каждым защитником юридическую помощь. Против такого распределения сумм между защитниками решительно выступил т. Радченко, который указал, что такая форма оплаты труда есть не что иное как завуалированная частная практика под флагом коллектива.

Более осторожную позицию в этом вопросе занял т. Мирошниченко, который развил мысль, что распределение сумм в коллективе в соответствии с поступлениями за оказанную защитниками юридическую помощь было бы правильным, если бы таксу оплаты юридической помощи построить исключительно в зависимости от количества и качества труда, которое необходимо защитнику затратить на оказание юридической помощи. Такой перестройки таксы требовал ряд участников совещания.

Нет сомнения, что таксу оплаты юридической помощи действительно необходимо перестроить в большем соответствии с количеством времени и трудом, которые необходимо затратить на оказание того или иного вида юридической помощи. Однако полного соответствия тут никогда быть не может. Каким бы сложным ни было то или иное дело о взыскании возмещения за причиненное увечье и каким бы несложным было то или иное дело по обвинению в спекуляции, размер гонорара в том и другом случае будет зависеть не только от количества времени и труда, которые необходимо затратить на выступления по этим делам, но и от материального положения обратившихся за юридической помощью лиц. На каких бы принципах ни построить таксу, материальное положение лица, обращающегося за юридической помощью, всегда должно иметь в советской стране определенное значение.

Отвергая принцип оплаты труда в зависимости от денежных поступлений за оказанную защитником юридическую помощь, большинство участников совещания решительно критиковало и проект НКЮ. Оплата труда в зависимости от средней стоимости дела, заявления, кассационной жалобы, совета и даже с поправкой на коэфициент качества работы, определяемой принадлежностью защитника к той или иной категории, вызовет, как указал ряд выступавших, погоню за количественными показателями, за наиболее несложными делами, заявлениями и т. д. Самые квалифицированные защитники в погоне за максимальным заработком неохотно будут принимать ведение наиболее сложных дел, составление наиболее сложных бумаг, что неизбежно повлечет падение качества оказываемой юридической помощи. Указывалось и на большие трудности в деле учета работы. Разбор одного дела длится час, другого — целый день, между тем, и в том и в другом случае будет судодень. Единодушно отвергалось деление всех защитников по проекту на три группы. Представитель Донецкой коллегии требовал разбивки защитников на восемь разрядов, но не встретил поддержки на совещании, большинство членов коего высказалось за разбивку защитников на пять разрядов или категорий. Участники совещания единодушно отвергли необходимость тарификации для членов коллектива. Некоторые участники совещания высказались за какой-то гарантированный минимум зарплаты для членов коллективов, поскольку все члены коллектива имеют какой-то минимум обязанностей, должны аккуратно дежурить в консультациях, выступать по делам по назначению, выполнять общественную работу. Они предложили зарплату защитников делить на меньшую гарантированную часть и большую часть переменную, зависящую от всех показателей проделанной работы. Однако точка зрения гарантированного минимума поддержки на совещании не встретила.

Целый ряд участников совещания высказался в том смысле, что не нужно сковывать инициативу коллективов подробнейшей регламентацией распределения сумм между членами коллектива, а необходимо в этом вопросе известную свободу предоставить производственному совещанию.

Разработанный выделенной совещанием комиссией проект постановления об оплате труда членов коллективов признает необходимым разбить защитников по квалификации на 5 групп и предоставляет производственным совещаниям коллективов определение зарплаты защитника за истекший месяц в зависимости от количества и качества выполненной им работы с учетом и денежной доходности защитника.

На совещании был освещен ряд других весьма важных вопросов.

По вопросу о руководстве практикантами присутствовавший на совещании практикант т. Трегер указал, что практикантами в коллегии не руководят, что они предоставлены самим себе. Между тем, как указывалось на совещании, подготовка части практикантов даже с точки зрения простой грамотности совершенно недостаточная, и только при самой усиленной работе практикантов над собой и систематическом руководстве ими можно добиться положительных результатов в деле подготовки из практикантов будущих защитников.

Проект НКЮ, согласно коему практиканты оплачиваются за счет коллективов, к коим они прикреплены, вызвал ряд возражений. Существо этих возражений сводилось к тому, что оплата практикантов должна производиться не коллективами, а президиумом из фонда отчислений коллегии, что вся коллегия в целом, а не только отдельные коллективы, заинтересована в воспитании новых кадров; поэтому необходимые расходы по воспитанию новых кадров и должны лечь не на отдельные коллективы, а на всю коллегию в целом.

Комиссия, выделенная совещанием, не согласилась с этой точкой зрения и признала, что практиканты должны содержаться за счет коллективов, к коим они прикреплены.

Представитель Одесской коллегии затронул весьма важный вопрос о контроле коллектива над качеством работы членов коллектива. До сих пор этого контроля нет, а если он как исключение и есть, то весьма слабый и неудовлетворительный. Надо добиться перелома в этом вопросе. Крепкое руководство коллективом должно заключаться в первую очередь в контроле над качеством консультационной и судебной работы.

По вопросу о совместительстве было указано, что наличие совместительства снижает зачастую качество работы защитника.

Наконец, т. Радченко заострил внимание делегатов совещания на вопросе об укреплении работы президиумов коллегии, об усилении организующей роли президиумов в жизни коллегии. В целом совещание затронуло важнейшие вопросы, волнующие адвокатуру, и внесло ряд существенных изменений в проект НКЮ по основным вопросам организации адвокатуры и оплаты труда защитников.

Необходимо лишь, чтобы эти вопросы, как и ряд других, как, например, вопрос о совместительстве, о практикантах и т. д., нашли скорейшее разрешение в общесоюзном положении об адвокатуре.

Важность и срочность разрешения вопроса об организационных формах адвокатуры отметил в специальном пункте резолюции и актив работников суда и прокуратуры УССР, посвященный задачам органов юстиции в свете постановлений последнего пленума Центрального комитета партии.

Г. Лившиц.

ТАДЖИКСКАЯ ССР

Из опыта борьбы органов прокуратуры за нерушимость советского закона

Существо революционной законности, по мысли В. И. Ленина, состоит в единообразном осуществлении политики партии и правительства, в неуклонном и точном осуществлении советских законов на территории всего Советского государства.

В известном письме к товарищу Сталину товарищ Ленин писал, что «законность не может быть «калужской» или «рязанской».

Исходя из этого, В. И. Ленин указывал, что «прокурор обязан делать только одно: следить за действительно единообразным пониманием революционной законности».

Великая Сталинская Конституция, поднимая советский закон на небывалую высоту, обязывает органы прокуратуры удвоить, утроить и удесятерить свой надзор за строжайшим соблюдением советского правопорядка. Ст. 113 Конституции прямо указывает, что «высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР, возлагается на Прокурора СССР».

Эта статья Конституции, предоставляя органам прокуратуры громадную власть, вместе с тем возлагает на них колоссальную ответственность за важнейшее порученное им дело.

Надо прямо признать, что органы прокуратуры Таджикской республики до настоящего времени со своей работой по борьбе с нарушениями социалистической законности справлялись далеко не в полной мере. Причины этого кроются либо в недооценке работы по общему надзору со стороны некоторых районных прокуроров, либо в неумении бороться с нарушителями советских законов и, в частности, с зазнавшимися бюрократами и вельможами, считающими, как об этом говорил на XVII съезде партии товарищ Сталин, что закон писан не для них, а для других.

В Пролетарском районе РИК вынес постановление о строительстве районной электростанции и обязал колхозы Гуляхондзоабадского джамсовета внести на строительство этой электростанции 8000 руб.

Прокурор Пролетарского района т. Ширбабаев, отвечающий за революционную законность в районе, не опротестовал этого постановления РИК, и оно было отменено СНК Таджикской ССР не по его инициативе.

Канибадамский РИК роздал семенную ссуду, предназначенную для колхозов, отдельным колхозникам и постановлением от 17 января 1937 г. снял задолженность по семенной ссуде с колхозников.

Прокурор Канибадамского района т. Абдусатаров не опротестовал этого постановления РИК, и оно было отменено СНК Таджикской ССР по собственной инициативе.

РИК Файзабадского района издал обязательное постановление о приведении в порядок всеми организациями и колхозами весоизмерительных приборов и установил, что за невыполнение этого постановления виновные подлежат штрафу до 300 руб., тогда как, согласно положению об обязательных постановлениях РИК, они имеют право налагать штрафы за нарушение издаваемых ими обязательных постановлений в сумме, не превышающей 100 руб.

В обязательном постановлении «О мерах по борьбе с эпидемией малярии и желудочных заболеваний» Файзабадский РИК установил, что за невыполнение этого постановления организации подлежат штрафу до 300 руб.

Прокурор Файзабадского района т. Джураев не усмотрел в этих постановлениях нарушения закона и не опротестовал их.

Так же плохо обстоит дело с охраной социалистического правопорядка в Кзыл-Мазароком районе, где РИК вынес незаконное постановление о наложении штрафов на руководителей организаций, не имеющих штампа для отметки в паспортах о приеме и увольнении работников, и на этом основании

штрафовал и самого райпрокурора Гафурова, который на совещании у заместителя прокурора республики т. Крупина жаловался на то, что его обижают.

Прокурор Ворошиловабадского района т. Мавлютов своим распоряжением от 29 октября 1936 г. за № 17/9 отменил постановление райфо о принудительном списании со счета райпо недоимок по государственному налогу, что райфо имело право сделать согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 17 сентября 1932 г., т. е. сам поступил незаконно.

Причина беспомощности, которую проявляют некоторые районные прокуроры в деле борьбы с нарушением социалистической законности, кроется в том, что они мало работают над собой, низок их политический и юридический уровень.

Работа органов прокуратуры по общему надзору нелегка и требует от лиц, ее осуществляющих, высокой классовой бдительности и непрерывной работы над собой в части повышения политического развития и юридической квалификации. Тот, кто отстает от жизни хотя бы на один шаг, уже не может в должной мере справляться с этой работой.

Однако, несмотря на все свои недостатки в области работы по общему надзору, прокуратура Таджикской ССР за время организации отдела общего надзора — январь и февраль 1937 г. — проделала значительную работу в деле борьбы за незыблемость советского закона.

Прокурором республики было опротестовано постановление СНК Таджикской ССР от 20 января 1937 г. «Об установлении процентных отчислений с организаций на содержание аппарата Сбытконвенцбюро при Наркомвнуторге Таджикской ССР».

Этим постановлением СНК объем расходов на содержание аппарата Сбытконвенцбюро был установлен в сумме 235 444 руб., в связи с чем Наркомфином и Наркомвнуторгом Таджикской ССР был утвержден штат Сбытконвенцбюро в составе 13 человек.

Покрытие расходов на содержание аппарата Сбытконвенцбюро обеспечивалось по сути дела введением особого налога в размере 0,75 стоимости на изделия кустарно-промысловой, инвалидной кооперации, подсобных хозяйств государственных и общественных организаций.

Прокуратурой республики было опротестовано также постановление СНК Таджикской ССР от 9 января 1937 г. № 27 «О средствах на содержание штата Междуведомственного совещания по авто-гужевым перевозкам при СНК Таджикской ССР». Этим постановлением объем расходов на содержание штата Междуведомственного совещания был определен в сумме 13 535 руб. в год.

Покрыть эту сумму обязаны были, согласно постановлению, хозяйственные организации; так, например, Таджикматлубот (Республиканский союз потребкооперации) обязан был внести 1500 руб., Востлессбыт—1635 руб., Заготзерно — 1850 руб. и т. д.

В связи с тем, что это постановление СНК нарушило принцип хозрасчета, на котором работают хозяйственные организации, и постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 марта 1935 г., оно было опротестовано. СНК Таджикской ССР протест прокуратуры был удовлетворен, и опротестованное постановление было отменено.

Прокурор Комсомолабадского района т. Таджибаев опротестовал незаконные действия заместителя председателя РИК Шрамко, который распорядился разобрать временно пустовавшую чайхану колхоза им. Сталина и материалы употребить на постройку конюшни РИК без ведома и согласия колхоза и без оплаты стоимости чайханы.

Постановлением СНК Таджикской ССР от 29 января 1937 г. от земель 14 колхозов Ленинабадского района, получивших государственные акты на вечное пользование землей, были отведены значительные участки под сооружения Ходжабакурганстроя без предварительной санкции СНК СССР.

Это постановление было прокуратурой республики своевременно опротестовано, в связи с чем проведение его в жизнь было задержано до его утверждения СНК СССР.

РИК Пенджикентского района были незаконно отобраны помещения, принадлежащие райпо, общей стоимостью в 10 000 руб.

Незаконные действия Пенджикентского РИК были опротестованы прокуратурой.

СНК Таджикской ССР своим постановлением обязал целый ряд хозяйственных организаций внести крупные суммы на проведение детской оздоровительной кампании. Так, например, Промстрахкасса обязана была внести 20 000 руб., Наркомместпром — 20 000 руб. Матлубот — 50 000 руб., Таджикторг — 20 000 руб. и т. п.

По протесту прокуратуры республики это постановление было отменено.

Постановлением президиума Файзабадского РИК от 20 апреля 1936 г. отпущено на ремонт клуба Районо 4300 руб. за счет административно-хозяйственных расходов начальных школ.

В связи с этим на отопление школ в 1936/37 г. средств фактически не отпускалось, несмотря на то что по бюджету эти расходы были предусмотрены в размерах 150 руб. на одну школу в отопительный сезон.

Отопление школ обеспечивалось в Файзабадском районе введением «дровяного налога» с колхозников.

Отдельным колхозам джамсоветами дается «план» поставок дров на отопление школ. «Планы» эти председателями колхозов разверстываются по отдельным хозяйствам, входящим в колхоз. В том случае, если сам колхозник дров не имеет, он должен купить и сдать причитающиеся с него дрова, что фактически и практикуется. Завтраки школьникам во всех начальных школах готовятся отдельными колхозниками поочереди на всю школу из своих продуктов независимо от того, имеет этот колхозник учащихся детей или нет.

Ремонт школ (смазка стен, крыш, побелка) также фактически возложена на колхозников и производится ими бесплатно, несмотря на то что по бюджету для этих целей районо получает необходимые средства.

Некоторые колхозы обеспечивают бесплатно школы и керосином для освещения.

Учебная работа в начальных школах в Файзабадском районе была поставлена неправильно. В 45 школах преподаватели вели обу-

чение учащихся первых и вторых групп совместно, т. е. в одно и то же время, в одном и том же помещении, но по разным программам. За такое совместительство учитель получал 50% надбавки к получаемой им зарплате, хотя работал в день с обеими группами только 4 часа.

Такая постановка обучения фактически приводила к срыву прохождения в группах установленных для них программ, так как каждая группа вместо 4 часов фактически занималась в день только 2 часа — и то в ненормальной обстановке.

Однако НКФ Таджикской ССР в своем циркуляре от 13 января 1937 г. за № 210 о методах составления бюджета на 1937 г. дал указание о том, что смета расходов по зарплате учителям должна составляться исходя из того, что, в случае недокомплекта первой и второй групп в начальных школах, эти группы должны заниматься в одну смену.

План дорожных работ за счет трудового участия населения в Файзабадском районе был выполнен в 1936 г. на 468%. Перевыполнение плана произведено было за счет незаконного использования труда населения сверх установленной законом нормы в 6 трудодней в год.

Фактически, например, каждый трудоспособный член колхоза им. Райкома работал на дорогах 14 трудодней. Каждый ишак этого колхоза вместо 6 дней отработал в 1936 г. на дорогах 47 дней, каждая лошадь — 7 дней.

Каждый трудоспособный член колхоза им. Яковлева работал на дорогах 17 дней вместо 6 дней.

Такая же картина по большинству колхозов района.

Никаких документов колхозникам относительно отработанных ими трудодней райдоротделом не выдавалось.

В связи с этим возникает вопрос о разрешении порядка расчета за проведенную работу колхозниками и единоличниками сверх времени, установленного законом.

Все эти вопросы поставлены прокуратурой республики перед СНК Таджикской ССР для устранения беззаконий, имеющих место в Файзабадском районе.

Не лучше обстоит дело с соблюдением социалистической законности в Больджуанском районе.

В январе 1937 г. в Даран-Каламский джамсовет Больджуанского района для оказания помощи колхозам в составлении годовых отчетов были командированы бухгалтер райзо Имангулов, секретарь райзо Ниязов, инструктор райзо Бобаджанов и инструктор РИК Хамидов Исмат. Эти «помощники» начали свою многотрудную деятельность с того, что написали за подписью председателя джамсовета Шарипова и инструктора РИК Хамидова всем председателям колхозов предписание следующего содержания:

«С получением сего Вам предлагается не позже 21 января 1937 г. представить в кишлак Турьян следующие продукты: кур, рису, масла, дров, ячменя и муки. В случае непредставления этих продуктов в указанный срок, будете оштрафованы на 100 рублей».

Во исполнение этого требования председатели всех двенадцати колхозов срочно начали собирать с колхозников деньги и закупать для пропитания приехавших «помощников» продукты.

Так, например, председатель колхоза «Коминтерн» Расуль Курбанов представил следующие продукты: 2 кур, двух куропаток, килограмм коровьего масла, полкилограмма растительного масла, 20 килограмм муки, 20 килограмм ячменя, 200 грамм чая.

Председатель колхоза «Джамиат» Нигматов Ходжи за то, что он опоздал с представлением продуктов, был оштрафован на 65 руб.

Не ограничиваясь получением зарплаты и командировочных от районных организаций и бесплатным питанием, обеспеченным со стороны колхозников в порядке «натурального налога», каждый «помощник» получил с каждого колхоза за свою работу, о чем в колхозах остались документы.

Так, например, бухгалтер райзо Имангулов выдал председателю колхоза «Коминтерн», о котором мы уже упоминали, бумажку следующего содержания:

НАКЛАДНАЯ № 52

Колхозу «Коминтерн»

«Получено с председателя колхоза Расуль Курбанова за составление отчета 100 рублей».

Секретарь райзо Ниязов этому же колхозу выдал такую бумагу:

НАКЛАДНАЯ № 47

Колхозу «Коминтерн»

«За участие в составлении годового отчета получено с председателя колхоза Расуль Курбанова двадцать рублей».

Инструктор РИК Хамидов вместо «накладной» выдал колхозу «Коминтерн» «счет», из которого явствует, что он, Хамидов, «за амортизацию» своей лошади, на которой он приехал в колхоз для составления отчета, получил 10 руб.

Член колхоза им. Фрунзе Больджуанского района Роджабов Кори был оштрафован постановлением общего собрания колхоза с участием председателя джамсовета Шарипова на 25 трудодней за неаккуратное посещение школы ликбеза.

Этот же колхозник был оштрафован по личному распоряжению бывшего председателя джамсовета Мирзаева Навруза на 50 руб. за то, что он 5 лет живет в незарегистрированном браке.

Дехканин Шарипов Махмадулло был оштрафован Мирзаевым Наврузом на 300 руб. неизвестно за что. Такими незаконными штрафами Мирзаев Навруз собрал 1 600 руб., которые присвоил.

Все эти и другие нарушения советских законов, составляющие прямые уголовные преступления, были вскрыты помощником прокурора т. Али-Заде.

До приезда в район т. Али-Заде районный прокурор Больджуанского района Артыкбаев был глух и слеп и никаких беззаконий в районе не видел. Причины этого кроются в отсутствии у районного прокурора Артыкбаева связи с общественностью, без которой работа по общему надзору обречена на самотек и бесплодность.

Ясно, что подобного рода самочинные «дровяные» и «керосиновые» налоги, «трудовая повинность по ремонту школ», противо-

законное использование труда колхозников на дорожных работах свыше времени, установленного по общесоюзному закону, бесплатное отобрание у колхозов принадлежащего им имущества, необузданное администрирование и незаконные штрафные поборы создают благоприятную почву для антисоветских вылазок классовых врагов. Отсюда понятно, какое значение приобретает работа органов прокуратуры по общему надзору. Искажение одного советского закона нередко бывает во сто крат более вредным и опасным, чем многие уголовные преступления, так как оно задевает жизненные интересы широких трудящихся масс и облегчает подрывную контрреволюционную работу врагам народа.

«Малейшее беззаконие, — писал В. И. Ленин, — малейшее нарушение советского порядка, есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся».

Очень желательно было бы более широко чем это было до сих пор, обмениваться опытом работы по общему надзору на страницах печати.

Актив Прокуратуры Союза ССР

5 июня состоялось собрание актива Прокуратуры Союза ССР.

На собрании участвовало 300 человек.

С докладом о работе органов прокуратуры выступил Прокурор Союза ССР т. А. Я. Вышинский.

Тов. Вышинский начинает свой доклад с анализа некоторых отчетных данных, характеризующих работу территориальных органов прокуратуры за 1936 г.

— Раньше всего,—говорит т. Вышинский,— здесь надо констатировать, что до настоящего времени следственный аппарат прокуратуры занят незначительным количеством дел. В первой половине 1936 г. следственным аппаратом прокуратуры было разрешено только 24,0% всех уголовных дел (как прекращенных в стадии расследования, так и переданных в судебные органы), а расследование 76% дел приходится на другие следственные органы. Во второй половине 1936 г. процент дел, расследованных следственными органами прокуратуры, поднялся до 26,1, а 73,99% всех дел попрежнему приходится на другие органы расследования.

Должен сказать, что по некоторым союзным республикам удельный вес дел, расследованных нашими следователями, повышается. Так, например, по Таджикской республике на долю следователей приходится 52,8%, по Азербайджанской ССР — 54,3%, по Узбекской ССР— 57,1% и по Грузинской ССР — 59,1% всех дел, прошедших через органы расследования. Положение в указанных республиках более благоприятно с точки зрения, во-первых, выполнения требований УПК, точно устанавливающего компетенцию следствия прокуратуры, и, с другой стороны, более благоприятно для нас рисует картину с точки зрения загрузки следственного аппарата прокуратуры.

Тем не менее, надо признать, что количество дел, расследованных следователями, все еще является далеко недостаточным и что большой процент дел, которые по своему характеру должны быть подследственны органам прокуратуры, к сожалению, все еще расследуется органами милиции.

Одной из главных и важнейших задач следственного отдела Прокуратуры Союза ССР является ликвидация этого недостатка большой загрузки нашего следственного аппарата. Но здесь должна быть соблюдена постепенность, так как в таком деле поспешность и торопливость совершенно нетерпимы.

Следственная работа до сих пор стоит у нас еще, к сожалению, на довольно низком уровне. Одним из основных моментов, помогающих нам определить качество работы следственного аппарата, являются судебные итоги. По судебным итогам, правда, не всегда можно безошибочно судить о том, правильно или неправильно работает следственный аппарат, но с известными оговорками (когда суды неправильно прекращают дела или без достаточных оснований направляют на доследование) надо признать, что количество дел, прекращенных судами, количество дел, возвращенных судами на доследование, само по себе способно служить очень серьезным показателем качества работы нашего следственного аппарата.

С этой точки зрения стоит проанализировать некоторые цифровые показатели.

За второе полугодие 1936 г. органами прокуратуры было прекращено по СССР Армении 23%, по Украинской ССР — 23,2%, по Азербайджанской ССР — 27,9%, по Таджикской ССР — 27,9%, по Туркменской ССР — 29,3%, по Грузинской ССР — 30,9%, по Узбекской ССР — 35,5% дел, расследованных следователями.

Эти убийственные цифры говорят о серьезных недостатках нашей следственной работы.

По недосмотру нашего статистического отдела я, к сожалению, не могу вам привести сейчас данных по РСФСР, потому что они не подведены. Думаю, что присутствующие здесь работники РСФСР пополнят этот пробел, если у них соответствующие цифры имеются под руками. А priori же, судя по отдельным цифрам, которые нам известны, я могу сказать, что в РСФСР дело обстоит не на много лучше, чем в других союзных республиках. Хуже всего то, что процент прекращенных или возвращенных на доследование дел, расследованных нашим следственным аппаратом, обнаруживает тенденцию роста, особенно по Узбекистану (с 29,5% до 35,5%) и по Армении (с 21% до 23%). Это говорит о крупных недостатках руководства следственной работой со стороны краевых, областных, республиканских центров и, разумеется, со стороны прокуратуры Союза ССР. Несмотря на то что мы недавно только выделили следственную часть в самостоятельный отдел, мы должны признать в высшей степени медленными темпы перестройки следственной работы. Между тем, повышение качества расследования во всем следственном аппарате нашего Союза

ССР является важнейшей нашей задачей. В этом отношении мы делаем только первые шаги. Я отлично понимаю трудности этого дела, невозможность достижения быстрых результатов, ибо это связано с подготовкой кадров в области расследования, с повышением их квалификации в области ведения следственной работы и т. д. Задача трудная, а главное — ее разрешением мы до последнего времени занимались мало. Об этом свидетельствует такой факт, что, насколько мне известно, с 1933 по 1937 гг. не было выпущено в центре ни одного почти методического письма по вопросам следственного производства, а то, что выпускалось на местах, по качеству находится на крайне низком уровне.

Очень интересно отметить один момент, который до известной степени может показаться парадоксальным. Известно, что ст. 108 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик, исходя из предпосылки, что наши органы расследования более квалифицированы, чем органы расследования милиции, предъявляют требование, чтобы более сложные и серьезные дела передавались для расследования нашим следственным органам. Если же обратиться к цифрам, то при сопоставлении данных о возвращенных к доследованию делах, расследованных нашими следователями и другими органами, соотношение оказывается не в нашу пользу.

Так, по делам, расследованным следователями за второе полугодие 1936 г., мы имеем 7,5% всех возвращенных дел, а по делам, расследованным другими органами, — только 4,2%, т. е. если исходить из количественного измерителя как показателя качества, то придется сделать вывод, что наш следственный аппарат работает вдвое хуже, чем следственные органы других ведомств. Это обстоятельство требует весьма серьезного внимания с нашей стороны.

Судебная работа тоже является измерителем качества нашей работы и работы наших следственных органов в частности. Если мы обратимся к некоторым цифровым данным, то окажется, что у нас, к сожалению, достаточно высок процент отклоненных протестов как по гражданским, так и по уголовным делам.

За первое полугодие 1936 г. было отклонено 37,6% наших протестов по гражданским делам, а во втором полугодии несколько меньше — 27,3%. Такое же, примерно, положение мы имеем и по уголовным делам. Это объясняется тем, что дело внесения и защиты протестов в судах у нас не поставлено на надлежащую высоту. Протесты пишутся небрежно, неряшливо, очень часто непродуманно. Когда же протесты правильно составлены, они очень часто защищаются не теми людьми, которые знают дело, а людьми случайными, или же совершенно никем не защищаются, что приводит порой к провалу наших правильных по существу протестов.

Далее т. Вышинский дает оценку работе прокуратуры с жалобами.

— В 1936 г., — говорит т. Вышинский, — за первое полугодие было рассмотрено органами прокуратуры всех республик, не считая центральной прокуратуры, 1 299 000 с лишним жалоб, во втором полугодии — 1 456 000 жалоб. В первом полугодии на одну районную прокуратуру приходилось в среднем 432 жалобы, во втором полугодии — 476 жалоб, а за год — около 1000 жалоб. Эти цифры говорят о том, что наши низовые органы прокуратуры вовсе не завалены жалобами, ибо 1000 жалоб в год для районной прокуратуры — это ничтожное количество: это только 3 жалобы в день.

Отсюда нужно сделать вывод, что рассмотрение жалоб в районных прокуратурах мы можем без особого труда организовать как следует, а если у нас оказываются на местах возмутительнейшие случаи волокиты с рассмотрением жалоб, то это есть результат не переобремененности жалобами районных прокуратур, а результат их безрукости и невнимания к этому важнейшему делу. А что это действительно важнейшее дело, видно хотя бы из того, что дела, по которым прокуратурой были приняты меры к удовлетворению жалобщика, составляют за первое полугодие 1936 г. 76,8%, а за второе полугодие — 73,6%. Это говорит об основательности громадного большинства жалоб, которые прокуроры принимают к своему производству. Это свидетельствует, повторяю, о том, что рассмотрение жалоб — дело очень серьезное и что работу с жалобами надо поставить у нас на надлежащую высоту. Что касается районного аппарата, то тут, как я вам показал, для образцовой работы с жалобами имеются все возможности. Значительно сложнее обстоит дело с упорядочением с жалобами в вышестоящих звеньях, но и здесь организовать и улучшить эту работу безусловно возможно, и дело зависит только от нас самих.

Переходя к работе отдела общего надзора, т. Вышинский указывает, что эта работа хромает не только на местах, но даже в Прокуратуре Союза ССР. В республиканских прокуратурах отделы общего нарзора кое-как поспевают (или стараются поспевать) за издаваемыми наркоматами и теми или иными госорганами циркулярами и приказами, стараясь осуществить надзор за этим делом. Однако до постановки этой работы на настоящую высоту с точки зрения методики и с точки зрения оперативного руководства еще очень далеко.

Тем не менее надо сказать, что кое-какая работа за это время проделана. Процент отклоненных протестов, приносимых нами в порядке общего надзора, по Союзу ССР в целом не превышает 12%. Наряду с этим в Грузии процент отклоненных протестов по общему надзору за второе полугодие 1936 г. достигает огромной цифры — 35,7. Это свидетельствует о том, что, активизируя, согласно нашим требованиям, работу по общему надзору, наши товарищи на местах, что называется, бухают в колокола, не заглядывая в святцы. Им мерещатся нарушения законов там, где этих нарушений нет, и, как всегда в таких случаях, не замечают нарушений там, где они действительно имеют место. Это является одним из крупнейших дефектов работы по делам общего надзора и на местах и в наших центральных аппаратах, в первую очередь в работе Прокуратуры Союза ССР.

На прошлом активе было высказано немало глубоко справедливых критических замечаний по всем вопросам, связанным с нашей работой. К сожалению, до настоящего времени

этот материал полностью не обработан, из выступлений на активе не выбрано то, что носило характер определенных конкретных предложений по улучшению нашей работы или критики наших недостатков, чтобы можно было сделать практические выводы.

Излагая принятые прокуратурой мероприятия по ликвидации отдельных недочетов, отмеченных на предыдущем активе, т. Вышинский зачитывает приказ, регулирующий взаимоотношения между руководством прокуратуры и оперативными работниками, бьющий по волоките, по бюрократическим методам работы.

— Не в наших большевистских нравах, — говорит т. Вышинский, — верить в чудодейственную силу приказа, но организующую силу приказа мы прекрасно учитываем. От нас самих зависит, чтобы этот приказ не превратился в пустой звук.

Далее т. Вышинский говорит о технике работы прокуратуры, критикует руководителей отделов за отсутствие с их стороны внимания к работе канцелярии, останавливается на недостатках в работе машинного бюро, регистратуры, отмечает как положительный факт создание стенографического бюро и т. д., показывая их значение для правильной, рациональной и плодотворной работы всего аппарата.

Подробно т. Вышинский останавливается на усилении руководства периферией, отмечая недостатки этой работы.

— Надо сказать,—говорит т. Вышинский,— что за последнее время мы ближе подошли к прокуратуре РСФСР. Сейчас Прокуратура Союза ССР вместе с административно-политическим отделом ЦК партии всесторонне проверяют работу Прокуратуры РСФСР. Прямо надо сказать, с опозданием мы занялись этим делом, значительно раньше надо было это сделать. Мы провели там совещание с активом, мы вскрыли целый ряд крупнейших недостатков, проводим там некоторую реорганизацию, меняем кое-каких людей, и надеюсь, что в результате этого ряд недостатков, которые имеются в работе Прокуратуры РСФСР будет устранен. А недостатки там такие, за которые приходится краснеть.

В самом деле, в Прокуратуре РСФСР было обнаружено десять мешков с жалобами и заявлениями, даже, говорят, с делами.

У прокурора Товарковского района Московской области в диване было обнаружено 250 текущих дел, причем заместитель Московского областного прокурора Яковлев, получив в бытность свою в Товарковском районе сигнал об этом, не сумел, к сожалению, справиться с такой «серьезной» задачей, как заглянуть в диван и извлечь оттуда эти заволокиченные, замаринованные дела. Он ограничился тем, что спросил об этом прокурора Товарковского района и удовлетворился отрицанием районным прокурором этого факта.

После отъезда Яковлева из Товарковского района туда приехала КСК и нашла эти 250 дел в «архиве» — в диване.

Такие факты заставили нас в последнее время участить выезды наших работников на периферию. По моему предложению не менее 20% оперативного состава сидит на периферии, находится на колесах. Это я расцениваю как положительный факт в нашей работе.

В прошлый раз говорилось о недостатках нашей методической работы. За истекший период мы двинули вперед и методическую работу. Мы разработали и сдали в печать следующие работы: «Основные принципы методики расследования дел о растратах и хищениях общественной (социалистической) собственности», «Методика расследования дел о хищениях и растратах в органах связи», руководство по методике расследования дел о растратах и хищениях материальных ценностей на строительстве, руководство по методике расследования дел о растратах и хищениях в органах госторговли, руководство по методике расследования дел о растратах, совершаемых подотчетными лицами, руководство по методике расследования дел, связанных с нарушением правил техники безопасности и дел о вредительских и диверсионных актах, совершенных под видом нарушения правил техники безопасности.

В настоящее время методсоветом разрабатывается проект методического письма о технике и методике расследования дел об авариях и крушениях на железнодорожном транспорте, руководство по методике расследования дел о хищениях и растратах в предприятиях общественного питания, руководство по методике расследования дел о хищениях и растратах в колхозах, руководство по методике расследования дел о растратах в связи с кассовыми операциями, руководство по методике расследования дел о незаконных абортах, руководство по методике расследования дел об убийствах, методика установления судебно-медицинских доказательств и их использование в процессе расследования и т. д.; 13 методических пособий, которые мы выпускаем в ближайшие три месяца, к первому сентября, свидетельствуют о некотором сдвиге в нашей работе, о переломе в деле руководства нашей периферией в части ведения расследования, ибо руководить расследованием нужно не только через подбор соответствующих кадров, но и изданием таких методических пособий.

Конечно, критика скажет, насколько мы с этой задачей справились, но нам представляется, что три заседания методсовета в составе лучших методистов, которых мы могли собрать и в провинции и в Москве, нам в известной степени гарантируют качество работы. Во всяком случае это первый и чрезвычайно важный шаг по пути активного и конкретного руководства следственной работой через методику, через так называемые частную и общую методику.

В связи с тем что на прошлом активе говорилось относительно необходимости усилить учебу, я считаю необходимым сообщить, что с 22 мая в Прокуратуре Союза ССР работает группа Центрального заочного юридического ин-та, причем обучающимся мы предоставили один дополнительный свободный день в шестидневку. Несмотря на трату государственных денег, на приглашение профессоров, как посещаемость, так и освоение материала должны быть признаны неудовлетворительными, о чем я делаю предупреждение записавшимся на учебу товарищам.

На прошлом активе говорилось о характере оперативных совещаний. Я должен сказать, что после актива я чувствовал громаднейшее

удовлетворение: отношения стали свежее, люди стали подходить несколько проще, оперативные совещания подготавливаются лучше, хотя недостатки еще имеются.

На предыдущем активе также говорили о большой оперативной самостоятельности наших отделов и управлений. Мы предлагали и предлагаем начальникам отделов проявлять больше самостоятельности в решении оперативных вопросов, но, к сожалению, сами начальники наших отделов и управлений очень часто не проявляют должной оперативности, инициативы и самостоятельности.

Т. Вышинский иллюстрирует это рядом примеров из практики работы прокуратуры, в частности из практики работы главной прокуратуры ж.-д. транспорта.

В заключение т. Вышинский останавливается подробно на вопросе о кадрах.

На отдельных примерах т. Вышинский показывает отсутствие надлежащей бдительности у партийной организации и руководства прокуратуры в деле проверки кадров.

— Нам сейчас особенно важно, — говорит т. Вышинский, — быстро и как следует наладить свою работу по кадрам потому, что за последнее время мы, к счастью, освободились от ряда работников, разоблаченных как враги или как связанные с врагами. Мы очищаем свой аппарат от этих людей и в таком очищении есть доказательство силы и мощи нашей партии. Это обязывает нас удесятеренными усилиями всех честных и преданных людей, которых у нас подавляющее большинство, восполнить тот ущерб, который причиняет нам предательство, измена, затесавшиеся в наши ряды враги. Это также обязывает нас к максимальной бдительности, которая невозможна без широко развернутой самокритики недостатков, без создания большевистской атмосферы, при которой не могут процветать подхалимство, угодничество и прочие гадости, которые являются оружием наших врагов.

В резолюции февральского пленума ЦК ВКП(б) сказано: «Бюрократическое извращение принципа единоначалия, сводящееся к тому, что многие хозяйственные руководители считают себя на основании единоначалия совершенно свободными от контроля общественного мнения масс и рядовых хозяйственных работников, не прислушиваются к голосу хозяйственно-производственного актива, не считают нужным опереться на этот актив, отрываются от актива и тем самым лишают себя поддержки актива в деле выявления и ликвидации недостатков и прорех, используемых врагами для их диверсионной работы».

Под углом зрения этих замечательных принципов прокламированных февральским пленумом ЦК ВКП(б) нам необходимо перестроить всю свою работу и в центре и на местах.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Бесяков (начальник управления делами Прокуратуры Союза ССР) ставит вопрос о текучести технического аппарата. Т. Бесяков объясняет эту текучесть отставанием ставок для технических работников прокуратуры от ставок ряда других учреждений.

Далее т. Бесяков указывает на значительный рост за последнее время документооборота по прокуратуре при стабильности обслуживающего ее аппарата машинописного бюро, чем и объясняется частая задержка в печатании материалов.

Т. Бесяков также останавливается на необходимости строгого соблюдения финансово-бюджетной дисциплины.

В заключение т. Бесяков выдвигает вопрос о необходимости добиться согласия НКФина Союза ССР на увеличение штата технических работников за счет свободных штатных единиц оперативных работников.

Яковлев (зам. прокурора Московской области) совершенно невразумительно, ссылками на свою «щепетильность» и доверие к этому прокурору, пытается объяснить свою безрукость при проверке сигнала о том, что прокурор Товарковского района спрятал в диван большое число заволокиченных дел.

Элькинд (зам. главного прокурора ж.-д. транспорта) в основном посвящает свое выступление техническим вопросам, недостаточности кадров, большой напряженности и перегруженности работников прокуратуры ж.-д. транспорта, исключительной серьезности стоящих перед этой прокуратурой задач и просил помочь прокуратуре ж.-д. кадрами.

Чернов (прокурор для поручений) указывает, что вследствие недостаточной квалификации наших кадров мы не справляемся как надо с той работой, которая возложена на нас партией и правительством, которая возложена на нас Сталинской Конституцией.

В виде примера т. Чернов приводит работу Прокуратуры РСФСР, которая только что была проверена. Проверка эта показала, что там, как правило, истребование дела продолжается не меньше нескольких месяцев. Проверка уголовно-судебного отдела показала, что этот отдел не руководит работой местных прокуратур по наблюдению за судами, что в этом отделе понятия не имеют, что делается на местах, потому что работники этого отдела на местах не бывают и работу периферии не обобщают. В Прокуратуре РСФСР такая система, что обобщение работы возложено на специального работника, который делает это по материалам, поступающим к нему от оперативных работников, а сам подвижной жизни и работы, по существу, не видит.

Обязанность уголовно-судебного отдела Прокуратуры РСФСР — наблюдать за работой кассационной коллегии Верховного суда РСФСР также не выполняется, и выступления Прокуратуры РСФСР в кассационной коллегии носят теперь эпизодический характер.

Далее т. Чернов сообщает, что при проверке прокуратуры РСФСР там обнаружено 10 мешков с бумагами, делами, и целым рядом фактов опровергает реплику т. Нюриной, что в мешках якобы был архивный материал — в этих мешках были нерассмотренные жалобы и даже целые дела.

В заключение т. Чернов ставит вопрос о необходимости проверки работы местных органов прокуратуры и оказания им реальной помощи на месте.

Орлов Н. (зам. начальника отдела по наблюдению за ИТУ) говорит о специфических условиях работы прокуратуры, когда нельзя отграничить работу оперативного состава от работы технического. Поэтому он ставит вопрос о необходимости наладить работу канцелярии.

Т. Орлов также указывает на исключительное значение оперативных совещаний и просит т. Вышинского найти время для созыва этих оперативных совещаний в возможно более широком составе.

Шумовский (пом. прокурора Союза ССР) указывает на своевременность постановки вопроса о технике и культуре нашей работы и отмечает отсутствие единства канцелярской техники в прокуратурах отдельных республик. Далее т. Шумовский критикует недооценку работы с жалобами, которая приводит к тому, что в отделах жалоб работают малоквалифицированные люди, так называемые «штрафные роты».

Тов. Шумовский ставит вопрос о том, чтобы укрепить аппарат бюро жалоб квалифицированными работниками, в частности за счет свободных штатных единиц прокуратуры.

Карев (прокурор отдела кадров Прокуратуры Союза ССР) указывает, что в 1937 г. в Прокуратуре Союза ССР резко улучшилась методическая работа. Однако эта работа могла бы быть поставлена еще лучше, если бы весь состав центрального методического совета был привлечен к этой работе, тогда как теперь составление методических писем осуществляется узким кругом высококвалифицированных работников.

В заключение т. Карев отмечает недочет в работе отдела кадров, где нет отдельного выделенного работника, который занимался бы вопросом повышения квалификации прокурорских работников, в результате чего страдает эта работа.

Белов (прокурор информационной группы Прокуратуры Союза ССР) останавливается на недооценке работниками прокуратуры статистических материалов, которые дают очень много интересного для знакомства с работой периферии, для анализа работы прокуратуры.

Пренебрежительное отношение центрального аппарата к статистике заразило и периферию.

Нюрина (исполняющая обязанности прокурора РСФСР) начинает свое выступление с характеристики следственной работы Прокуратуры РСФСР.

— Из дел, подследственных следователям,— говорит т. Нюрина,—мы охватили по РСФСР 51,2%; из всей суммы дел нами охвачено 24%. К величайшему нашему стыду, мы в этой работе отстаем от Таджикистана, что для нас, при всех условиях, не лестно.

У нас в области руководства следствием имеется организационная неувязка. С переходом всей методической работы к Прокуратуре Союза ССР, с уходом от нас всей группы квалифицированных работников в области методического руководства следствием имеется прорыв в этой работе по РСФСР.

Далее т. Нюрина говорит о большой работе следственного отдела Прокуратуры РСФСР, которая проводится в очень тяжелых условиях вследствие недостаточности помещения, указывает на недостаточность приносимых протестов, а также на плохую защиту на местах протестов, вносимых прокурором РСФСР, вследствие чего правильные протесты порой не удовлетворяются.

Как положительное в работе Прокуратуры РСФСР т. Нюрина отмечает более частые выезды на места работников республиканской прокуратуры.

Обнаружение незаконченных дел и жалоб в мешках т. Нюрина объясняет требованием т. Крыленко немедленно переехать в новое помещение. Однако т. Нюрина сама вынуждена признать, что это — сигнал о неблагополучии, о безобразной работе гражданского отдела.

Сольц (старший помощник Прокурора Союза ССР) останавливается на недостатках в работе по рассмотрению жалоб. Основным недостатком т. Сольц считает недостаточную активность, слишком частую штамповку в Прокуратуре Союза ССР решений предыдущих инстанций. Далее т. Сольц говорит о том, что место отдела жалоб в системе Прокуратуры не совсем точно определено. Некоторые считают, что жалобы должны все просматриваться в отделах жалоб и только те, которые требуют особых специальных знаний и сведений, должны идти в соответствующие отделы. но при таком положении надо значительно уменьшить количество прокуроров, работающих в отделах, и значительно увеличить количество прокуроров, работающих в отделе жалоб. Только в этом случае отдел жалоб сумеет добросовестно рассматривать всякую жалобу.

Одним из недостатков работы отдела жалоб т. Сольц также считает то, что слишком много дел приходится направлять по отделам. Это происходит потому, что штат, которым располагает бюро жалоб, не дает возможности справиться с огромным потоком жалоб, который поступает в Прокуратуру Союза ССР.

Не отрицая наличия целого ряда недостатков в работе отдела жалоб, т. Сольц утверждает, что аппарат прокуратуры добросовестно работает над поступающими жалобами.

Хаевский (прокурор Дмитлага) критикует некоторых прокурорских работников, которые превращают его в передаточную инстанцию

— Ко мне приходит, — говорит т. Хаевский, — колоссальное количество ответов на жалобы, и я убедился, что жалобы—это футбольный мяч, циркулирующий от одной прокурорской организации к другой, — от прокуратуры республики к прокуратуре края, области, от прокуратуры края, области — к районному прокурору, а районный прокурор утвердил обвинительное заключение или сам выступал обвинителем в суде по этому делу, обычно оставляет жалобу без последствий, и вся переписка поступает ко мне для объявления жалобщику. Такая порочная система приводит к своеобразному бюрократическому стилю работы. Не случайно на одну жалобу заключенного я получил ответ от помощника прокурора Азово-Черноморского края: «Я не понимаю, почему вы послали эту жалобу мне, когда этому жалобщику было уже однажды отказано мною».

Далее т. Хаевский высказывает пожелание об издании для низовых прокурорских работников специального методического письма по работе с жалобами — как не нужно отделываться бюрократическими разговорами, как не нужно гонять жалобу из одной инстанции в другую, а как по существу реагировать на те запросы трудящихся, которые поступают в прокуратуру.

В заключение т. Хаевский говорит об отсутствии точной регламентации работы лагерного прокурора, вследствие чего лагерные прокуроры часто не знают точно своих прав.

Виноградов (старший помощник прокурора РСФСР) подвергает критике работу уголовно-судебного отдела Прокуратуры Союза ССР, который не оказал Прокуратуре РСФСР никакой помощи в период организации, не реагировал на посылку материалов с итогами работы уголовно-судебного отдела прокуратуры РСФСР за I и II кварталы 1937 г.

— Мы обращаемся к руководству Прокуратуры Союза ССР, — говорит т. Виноградов,— почему нет руководства периферией в процессе работы, почему на все наши сводки, на все наши звонки мы не получаем ответа, почему на-ходу не выправляются недостатки, которых у нас много, но которых могло бы быть гораздо меньше, если бы они выправлялись на-ходу. Я не раз говорил т. Ширвиндту: «Вы засыпали нас жалобами, которые нигде ни разу никем не разбирались на месте, и эти жалобы вы направляете нам с трафареткой о затребовании дела и высылке заключения к такому-то сроку». На это т. Ширвиндт ответил, что если бумага идет по трафаретке, мы не обязаны требовать дела. Я считаю такой ответ недопустимым.

Миронов (главный прокурор водного транспорта) отмечает, что после первого актива личными указаниями и проверкой отдельных прокуроров на местах удалось повысить активность, инициативность следователей и прокуроров, работающих в водной прокуратуре, добиться повышения их бдительности в деле разоблачения врагов народа и в деле более правильного и быстрого проведения дел о контрреволюционных преступлениях. Если в 1936 г. были только единичные случаи ведения вредительских дел следователями водной прокуратуры, то сейчас следователями водной прокуратуры, в том числе и следователями главной прокуратуры водного транспорта, ведутся непосредственно дела о вредительстве и подрывной деятельности врагов народа на водном транспорте, а те дела, которые ведутся НКВД. за последние два с половиной месяца находили гораздо более систематический контроль со стороны прокуроров бассейнов и участков. Как положительный факт в работе водной прокуратуры т. Миронов отмечает возбуждение уголовных дел по признаку ст. 58[7] УК РСФСР.

Т. Миронов ставит перед работниками главной прокуратуры водного транспорта задачу организовать систематический постоянный контроль и проверку работы каждого прокурора бассейна.

В заключение т Миронов указывает на необходимость повысить качество следственной работы, ибо брак в следственной работе еще очень и очень высок.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

В заключительном слове т. Вышинский подверг резкой критике выступления целого ряда товарищей.

— Выступления ряда товарищей, — говорит т. Вышинский, — показали, что до сознания многих наших работников не дошли еще решения пленума Центрального комитета партии, ими не усвоены те требования, которые сформулированы в этих решениях по отношению к нашим органам.

Возьмем выступление т. Элькинда. Я утверждаю, что выступление т. Элькинда свидетельствует, что он не продумал, не усвоил решений пленума Центрального комитета. Он все свое выступление свел, в конце концов, к техническим вопросам: в работе текучка, мало штата, надо расширить штат, дать еще одного секретаря, никто взамен этого «потерянного» секретаря не дает другого. Вот центр выступления заместителя главного прокурора ж.-д. транспорта, который должен был сказать, как главная ж.-д. прокуратура перестраивает свою работу в соответствии с решениями пленума Центрального комитета партии. Разве это выступление не говорит об очень низком политическом уровне, о недостаточном понимании задач, которые сейчас стоят перед нами и, в частности, перед прокуратурой ж.-д. транспорта. Т. Элькинд ничего не сказал о том, как мы выполняем решения и требования Центрального комитета нашей партии, направленные к очищению наших рядов от диверсантов, вредителей, троцкистов, какие мероприятия проведены с того момента, когда пленум сформулировал обращенные к нам требования. Элькинд ничего этого не сказал. В своем выступлении он проявил одно — беспомощность. Прошло достаточно времени для того, чтобы действительно показать, как реорганизована работа с точки зрения хотя бы выполнения того основного требования, которое предъявил нам ЦК ВКП(б) в деле борьбы с крушениями. Изменилось ли что-нибудь с тех пор, как первичные акты начали уже составляться прокурорами, как идет дело, как ведется борьба, каковы имеются сейчас препятствия, мешающие правильно решить поставленную перед нами задачу.

Разве это не главное, разве это не самое важное, или может быть, вам недостаточно людей, которые сидят у вас в аппарате? Я думаю, что вы слишком увлеклись штатными вопросами, да и то не продумали вопроса, как получить участковых прокуроров из периферийных прокуроров, из тех, кто работал на ж.-д. транспорте. А что вы сделали в этом направлении, разве они сами к вам явятся? Надо организовать эту работу. Вы не вникли в то, что вам нужно было организовать в первую же очередь пересмотр дел, поновому расследовать дела о крушениях. Вы этого не сделали за 3 или 4 месяца, которые прошли со дня окончания пленума ЦК ВКП(б).

Я говорил на железнодорожном совещании, что надо обратить внимание на организацию следственной методической части по транспорту, что нужно позаботиться об издании целой серии методических брошюр по технике расследования всяких происшествий на ж.-д. транспорте для повышения технической грамотности участковых прокуроров, чтобы они знали, что такое излом шпал, что такое излом оси и т. д., но, видя, что у вас ничего не выходит, я на последнем методсовете поставил вопрос об издании специальной брошюры по вопросу расследования аварий на ж.-д. транспорте.

Выступая тут и т. Карев с заявлением о неправильной организации методической работы, которая, по его словам, зиждется на трех методистах. Т. Карев предложил свои услуги написать методическое письмо. Никому, конечно, не запрещено проявлять инициативу, но не всякий, кто хотел бы написать методическое руководство, может быть приемлемым автором. Я думаю, что т Кареву нужно пока не писать учебники и методписьма, а самому учиться по хорошим учебникам, и поэтому такого ответственного дела, как разработка методических пособий, мы не можем поручать т. Кареву. Неправильно говорит т. Карев, что только 3 человека участвуют в разработке методических писем, — к разработке методических писем привлечены все, кто только может оказать нам помощь, мы для этого вызываем работников с мест — из Ленинграда, Украины, БССР, привлекали крупнейших работников центра и с исключительной тщательностью, придирчивостью проверяем, обрабатываем методписьма.

Далее т. Вышинский резко критикует выступление т. Нюриной, которая, вместо большевистского признания ошибок, занимается подтасовкой фактов, защитой чести своего «мундира», совершенно неосновательно полагая, что в Прокуратуре РСФСР все в порядке.

— Я знаю, что у нас в работе Прокуратуры Союза ССР имеются огромные недостатки, о которых мало говорят — раз в месяц на активе, но о которых надо говорить хотя и скромно, без крика, без шума, без рекламы, но с настойчивостью, преодолевая постепенно волокиту, бюрократизм, гнилье. А самовлюбленность т. Нюриной тем более опасна, что она ни на чем не основана, что работа прокуратуры все еще крайне неудовлетворительна.

Я считаю громадным недостатком работы нашей Прокуратуры Союза ССР, что она замкнулась в своих четырех стенах, и если она иногда имеет дело с периферией, то лишь с периферией, лежащей за пределами Москвы и Московской области. Мы забыли, что периферия наша начинается с Прокуратуры РСФСР, с прокуратуры г. Москвы и Московской области. Поэтому наша прокуратура не руководит работой соответствующих отделов Прокуратуры РСФСР, г. Москвы и Московской области. Это—громадный недостаток.

Я обязываю своих замов, помощников и сам постараюсь непосредственно участвовать на оперативных совещаниях прокуратуры республики, подбирать вопросы, имеющие принципиальное значение, на которых можно учить и воспитывать людей.

У нас очень плохо обстоит дело с прокуратурой водного транспорта. Т. Миронов в очень благодушном настроении, хотя должен был отдать себе отчет, что если мы провели много дел по водному транспорту, то это в значительной степени благодаря тому, что руководство подстегивало главную водную прокуратуру, а сама водная прокуратура недостаточно подвижна и оперативна.

— Я надеюсь, — говорит в заключение т. Вышинский, — что сегодняшний актив вооружит нас на преодоление наших недостатков, что мы эти недостатки в кратчайший срок действительно устраним и сделаем все, чтобы работу прокуратуры поднять на более высокую ступень.

***

После заключительного слова т. Вышинского собрание принимает решение поручить руководству Прокуратуры Союза ССР учесть все ценные предложения, сделанные на активе, и на их основе дать определенные оперативные указания управлениям, отделам Прокуратуры Союза ССР и всей периферии.

Активы судебно-прокурорских работников на местах[1]

Во всех республиканских, краевых и областных прокуратурах и судах прошли активы судебно-прокурорских работников, посвященные обсуждению решений последнего пленума ЦК ВКП(б). В некоторых местах по времени активы совпали с отчетно-выборными собраниями низовых партийных судебно-прокурорских органов, на которых вопросы производственного порядка также подверглись широкому обсуждению.

Польза этих собраний вряд ли может вызвать у кого-либо сомнение. Однако нельзя без сожаления сказать о целом ряде активов, прошедших не на должной высоте. Целый ряд товарищей не уяснили еще до сегодняшнего дня во всей полноте все значение самокритики, помогающей вскрывать наши больные места, и нередко недостаточную большевистскую бдительность на самых острых участках нашей работы.

На этих собраниях некоторыми товарищами самокритика была воспринята как право критиковать только своих соседей, указывая на их недостатки в работе, прорехи и прорывы, не замечая своих собственных, не менее серьезных ошибок. В тех же случаях, когда выступавшие на активе товарищи указывали на собственные грехи, эти товарищи и без того довольно робкую самокритику брали в штыки.

Примеров этого чрезвычайно много. Вот хотя бы происходивший в апреле в г. Красноярске актив краевых работников прокуратуры и суда (прокуроров, следователей, районных судей и членов краевого суда). Обсуждение задач краевого суда и прокуратуры в свете решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) началось с доклада председателя краевого суда т. Королева.

Весь свой доклад т. Королев построил на жарких призывах к бдительности, перестройке работы и подготовке к выборам судей. Тов. Королев обвинял районных судей в плохой работе. Он доказывал, что большинство районных народных судов не перестроилось еще в соответствии с требованиями Сталинской Конституции. Судьи не поняли всей сущности

[1] По материалам местной прессы.

этих требований: они не подвергли свою работу критике масс, не отчитываются перед избирателями, недостаточно связаны с общественностью; в судебной работе имеют место вопиющие искривления советских законов; бюрократизм и волокита свили прочное гнездо в дебрях судебной канцелярии.

Тов. Королев на цифрах проиллюстрировал эту волокиту: 40% всех судебных дел в крае рассматривается в установленные законом сроки, а остальные дела, особенно по растратам, хищениям и алиментные, маринуются в судах по 3—6 месяцев.

Давая оценку кадрам краевых судебных работников, т. Королев остановился на общей и специально юридической подготовке народных судей. И здесь он, призвав на помощь критику, обвинил судей в невежественности, нарушении принципов советской демократии, неосновательном осуждении граждан и прямом беззаконии.

Все эти дефекты т. Королев, не щадя своего красноречия, обрушил на головы народных судей, скромно отметив лишь в общих чертах об ответственности краевого суда, призванного помогать районным судам и во-время выправлять их ошибки. А когда дело коснулось этой помощи и, в частности, работы кассационной инстанции краевого суда, оказалось, что больших «рекордов» вряд ли еще сыщешь где-либо.

В уголовно-судебной коллегии не рассмотрены дела поступления... 1933 г.

О конкретных виновниках этого т. Королев скромно умолчал, хотя он обвинял эту коллегию в политической беспечности, зазнайстве, либерализме и притуплении классовой бдительности.

О президиуме краевого суда, который так же, как и сам председатель краевого суда, должен был как-то реагировать на все эти безобразия, т. Королев почему-то забыл сказать. Впрочем, ответственным за всю работу председателя краевого суда он сделал члена спецколлегии т. Колесниченко.

Столь же «самокритичной» оказалась и заместитель красноярского краевого прокурора т. Дорофеева, которая ознакомила собрание с работой краевой прокуратуры. Тов. Дорофеева пошла тем же путем, что и председатель краевого суда. Она обрушилась на районных прокуроров за проявленную ими политическую слепоту, беспечность, недооценку опасности капиталистического окружения. Районные прокуроры, по мнению т. Дорофеевой, зарылись в бумагах и не видят живой действительности, не овладевают большевизмом, невежественны и пр. В самом краевом аппарате то же оказалось кое-что неблагополучным. Некоторые работники краевой прокуратуры допустили гнилой либерализм в отношении контрреволюционеров, недооценили вылазки классовых врагов и их антисоветскую деятельность свели к простым должностным преступлениям.

В своем выступлении т. Дорофеева вывела на чистую воду и Красноярский городской совет, попиравший социалистическую законность. В мае прошлого года горсовет одним махом утвердил 60 обязательных постановлений, неведомых, но весьма ощутимых избирателями, так как последние в количестве свыше 2 тысяч были оштрафованы за нарушения этих самых постановлений до того, пока эти постановления официально стали известны населению.

О многих еще серьезных упущениях говорилось на этом собрании, но о том, что об этих нарушениях революционной законности было задолго до актива известно краевой прокуратуре и об отсутствии оперативного руководства и методической помощи районным прокурорам, волоките и плохой работе краевой прокуратуры и суда докладчики сказали очень скромно.

Причины всех этих бед вскрылись на активе. Нечеткость в работе краевого суда и прокуратуры, зажим самокритики, зазнайство, подхалимство, казенщина и пр. привели к такому положению. Даже на собрании актива народные судьи и районные прокуроры в своих выступлениях только жаловались на отсутствие помощи из края и, за исключением четырех самокритичных выступлений, остальные товарищи в работе краевого суда и прокуратуры истинной картины не вскрыли.

Такое же положение имело место и на активе работников суда и прокуратуры Кабардино-Балкарии.

В своем докладе о задачах суда и прокуратуры прокурор республики т. Кулин подверг резкой критике работу судебных органов; он специально остановился на волоките в районных судах, где сотни дел мариновались по нескольку месяцев.

Беспечность и небрежность хранения судебных дел и документов привели к частым случаям утери их.

Судебные приговоры т. Драчева — народного судьи Прималковского района — написаны, как правило, на папках дел, весьма лаконично, но вразумительно и заключаются в двух-трех словах: «Такого-то приговорить на столько-то лет».

В производстве этого народного судьи было 800 неразобранных дел, а по тем делам, где он на обложках написал коротко «судебный приговор — 2 года» или подобное этому, осужденные содержались под стражей на основании только таких данных, принимавшихся за судебные решения.

Выступавшие товарищи, рассказали, что эти дела у Драчева имеют хоть какое-то решение, но у Драчева имеются и другие разрешенные в судебных заседаниях дела, по которым он совсем решений не выносил. Так они лежат без движения.

Этот «человеколюбивый и мудрый» судья оказался не менее «великодушным» к жалобщикам. Он принял от посетителей 325 исковых заявлений, оплаченных судебными пошлинами и... оставил их без движения. Свой судейский стол он завалил нераспечатанной за полтора месяца почтой, весьма обширной перепиской, которая живым укором бездушью Драчева долго и безмолвно отлеживалась. Здесь были исполнительные листы по алиментным и другим делам и неоднократные, но тщетные напоминания и запросы отдельных граждан и государственных учреждений.

Увы, судья Драчев не одинок. Городской судья г. Нальчика т. Маремунов из 453 дел 100 дел не рассмотрел еще с 1936 г. Однако т. Маремунов в своем выступлении, отдав дань полезности критики и самокритики вообще и выступившим товарищам в частности, выразил недовольство, что так долго говорят о

его старых делах, о которых уже всем известно. Когда Маремунову с места стали напоминать о целом ряде допущенных им грубейших извращений закона, ему ничего не осталось как принести покаянную и заявить об утере бдительности.

Выступивший с критикой работы кассационной инстанции Верховного суда народный судья Урванского района т. Кумехов упрекал Верховный суд в неоказании народным судам помощи и, в частности, его районному суду, в котором в течение 6 месяцев не было судьи и скопилось 246 нерассмотренных дел. Но т. Кумехов оказался тоже не безупречным и о своем собственном безделии ничего не сказал. А между тем, на активе выявилось, что т. Кумехов вместо 80 установленных для месячной нормы дел разбирает только 15. Зато народный судья Нальчиковского района, разбиравший до проверки его работы Верховным судом по 15 дел в месяц, после этой проверки стал разбирать 38 дел за 2 дня. Это сообщение внушило присутствовавшим сомнение насчет качества судебных решений.

В своем докладе т. Кулин не обошел молчанием и волокиту в кассационной коллегии Верховного суда и даже не забыл о 5-месячном вылеживании на столе одного из членов суда Алмирова какого-то дела. Но о работе прокуратуры... т. Кулин самоутешительно заявил, что она (прокуратура) работает значительно лучше, чем суд. Между тем, выступавшие в прениях работники прокуратуры вскрыли немало безобразий и в своем аппарате.

Припертый к стене критикой низовых работников, т. Кулин вынужден был расписаться в собственной мягкотелости, семейственности и попустительстве беззакониям Маремунова.

Выступавшие по докладу прокурора Казахстана т. Ескараева на собрании актива прокуратуры Казахской ССР работники прокуратуры дополнили докладчика фактами плохой работы и допущенных прокуратурой серьезных политических ошибок.

Однако многие из выступавших товарищей несамокритично подошли к собственным ошибкам, т. е. просто предпочли обойти их молчанием. Так выступали работники Алма-Атинской городской прокуратуры тт. Ерембетов, Кладнева и Прыгов, справедливо критиковавшие республиканскую прокуратуру за недостатки ее работы, но ни единым словом они не обмолвились о собственных грубейших нарушениях революционной законности. А рассказать им было о чем. Взять хотя бы постановку судебного надзора в Алма-Атинской областной прокуратуре, она стоит на последнем месте в республике.

На этом активе отмечалось отсутствие борьбы за подбор и подготовку кадров, что привело к проникновению в аппарат разложившихся, чуждых и даже враждебных националистических элементов. Безобразная работа в отдельных случаях приводила к смазыванию политической сущности ряда дел.

В аппарате Южноказахстанской областной прокуратуры работали помощник областного прокурора Альмухамедов и Даурбаев, оказавшиеся враждебными националистическими элементами.

Бывший алма-атинский областной прокурор Овчинников прекратил дело и освободил из-под стражи кулака-террориста Андреева, который после своего освобождения совершил террористический акт.

Заместитель актюбинского областного прокурора Абросимов, помощники областного прокурора Вайсков и Орлов, народный следователь Шмыров и помощники Восточноказахстанского областного прокурора Маслов и Федоров в своем бытовом разложении докатились до связи с преступными элементами. Эта связь привела их к потере бдительности и к ослаблению государственной дисциплины.

На активе судебно-прокурорских работников Туркмении по докладу наркома юстиции т. Сопи Коканова шли оживленные прения. Выступивший и. о. прокурора республики т. Хайкин рассказал о работе прокуратуры. Останавливаясь на искривлениях революционной законности, т. Хайкин привел в пример дело Марыльского прокурора Аллакулова и на этом хотел было закончить, но репликами с мест его заставили поподробнее остановиться на недочетах работы республиканской прокуратуры. Тогда т. Хайкин рассказал еще о керкинском городском прокуроре Кононенко, выславшем в угоду одному из ответственных работников из Керков его б. жену на том лишь основании, что она «мозолила глаза и действовала на нервы этому ответственному работнику».

Тов. Хайкин раскритиковал районных работников и бюро жалоб республиканской прокуратуры и обошел совершенно молчанием случаи зажима самокритики и подхалимства, как будто бы их вовсе в прокуратуре не было.

По примеру своего руководителя остальные работники разоблачили лишь районных прокуроров. Больше всего они говорили о волоките в судах и очень робко критиковали свое республиканское начальство. Когда же кзил-арватский районный прокурор Маргушевич пожаловался на бюрократическое руководство республиканской прокуратуры, из президиума раздались недовольные возгласы т. Хайкина и старшего его помощника т. Черкасова: «Не верно это!». А заместитель прокурора ТуркССР т. Мельников тут же из президиума бросил реплику: «Мы ведь совещались с вами, т. Матушевич». После чего т. Матушевич так и не удалось договорить до конца, и он ушел с трибуны, не закончив своего выступления.

Кое-где на собраниях актива зашевелились работники и стали порезче рассказывать об имеющихся в аппарате и у руководства недочетах.

На партийном собрании в прокуратуре БССР были вскрыты серьезные недостатки в работе и. о. прокурора республики т. Глезерова. По утверждению т. Захаркина, у Глезерова не было случая, чтобы он в разговоре с кем-либо из сотрудников обходился без угроз. За малейшее и пустяковое упущение он угрожал отдать «виновного» под суд. Чиновнически-бюрократический «стиль» его работы дошел до того, что приезжавшие из районов работники часто по нескольку дней просиживали в его приемной, дожидаясь попасть к Глезерову. Выяснилось, что даже работники республиканской прокуратуры не всегда могут добиться приема у т. Глезерова.

Широко развитый в прокуратуре БССР зажим самокритики и подхалимства проиллюстрировал т. Гирко, выступивший с критикой заместителя прокурора республики, члена парткома т. Селиверстова. Тов. Гирко упрекал Селиверстова в грубости, самодурстве и прочих недостатках. Но самым интересным в выступлении т. Гирко оказалось его предупреждение, с которого он и начал свое выступление. Он отдал дань критике и самокритике, но, будучи от природы застенчивым и с начальством вежливым, прежде чем начать свое выступление, попросил у Селиверстова извинения за то, что ему приходится его покритиковать.

Зажим самокритики, угодливость и подхалимство в ряде прокуратур привели к полному притуплению классовой бдительности.

В Карельской прокуратуре на активе работники резко отмечали бюрократический подход прокурора республики т. Гетнер к подбору кадров в аппарат республиканской прокуратуры. Выступавшие товарищи уличали т. Гетнера в подборе людей по анкетным данным, а не по их работе; товарищи говорили, что, кто «ссориться» не любит и против Гетнера не выступает, того он на лучшем счету держит. Другим крупнейшим недостатком у Гетнера является оторванность от масс и нежелание прислушиваться к голосу даже своих помощников. Помощник прокурора республики т. Агеев привел пример, когда он долго пытался убедить т. Гетнера опротестовать судебный приговор о неправильном осуждении некоего Свиньина на 6 лет лишения свободы за убийство своего товарища. Тов. Агеев настаивал на невиновности Свиньина, а Гетнер не хотел приносить протеста; тогда т. Агеев, нарушая служебную дисциплину, послал за своей подписью в Москву протест, с которым Верховный суд согласился, приговор отменил и дело вернул к новому рассмотрению.

В аппарате Карельской прокуратуры безответственно хранились секретные документы; нередко они оставались в открытых столах и за этим также никто не следил.

В Карельской прокуратуре орудовали враги народа: троцкист, б. старший помощник прокурора республики Парфентьев и зиновьевец, помощник прокурора Аксеновский. Троцкистом оказался также председатель коллегии защитников Ниссон.

В своем выступлении т. Гетнер хотя и признал, что прокуратура недостаточно боролась с врагами народа, растратчиками и пр. и констатировал ряд существенных упущений по работе, но к выступлениям товарищей отнесся недостаточно самокритично.

Рекорд по зажиму самокритики побил тюменский старший судья Омской области т. Луковников. На собрании по проработке последнего пленума ЦК ВКП(б) выступила с разоблачительной против этого судьи речью секретарь суда т. Владимирцева, отметившая, что т. Луковников критики не переваривает. Со своими подчиненными он груб, особенно при посетителях. На собрании т. Владимирцева заявила прямо: «Я знаю, что завтра мне вынесут три выговора за мое сегодняшнее выступление. Я уже это испытала. Высказалась о Луковникове на собрании, а мне на другой день преподнесли выговор». Слова Владимирцевой подтвердили секретари других участков суда тт. Сорокина и Менина.

Не отстал от старшего судьи и районный прокурор Фофанов, который на том же собрании не дал говорить комсомолке — следователю Тювиковой. Во время ее выступления он оборвал ее и, наконец, запретил его критиковать, так как он, Фофанов, прежде всего прокурор, а она Тювикова его подчиненная. Здесь же он подчеркнул, что ему, пожалуй, с Тювиковой придется расстаться.

Выступившей в защиту Тювиковой народному судье т. Водяной Фофанов «приказал не вмешиваться в его функции». Он заявил: «Я — прокурор, коммунист, могу распоряжаться как хочу, не имеете права травить коммуниста среди беспартийных».

Собрание единодушно осудило безобразное отношение народного судьи и районного прокурора к жалобщикам, грубость, издевательство над ними и отсылку из одного кабинета в другой, волокиту, утерю дел и прочие пороки чиновничье-рутинного прошлого на этом судебном участке и в прокуратуре.

Только благодаря отсутствию самокритики, благодушию, идиотской беспечности и слепоте могли на глазах работников хакасской прокуратуры орудовать враги народа — троцкист, б. прокурор Жиров, скрывший свою связь с братьями-троцкистами и явно помогавший врагам народа творить свои грязные дела.

Жиров всячески затягивал следственные дела, незаконно прекращал производством вредительские дела, дела о расхищении социалистической собственности и о контрреволюционной деятельности.

Свою работу Жиров умышленно построил так, что фактически снял с себя ответственность и переложил ее на своих помощников. На партсобрании хакасской прокуратуры и суда, хотя и с запозданием, все же товарищи пытались предъявить счет Жирову и его ближайшему помощнику и соподвижнику Карагусову, который из боязни быть разоблаченным, предпочел совсем уйти с собрания. У Карагусова в памяти оставалось предшествовавшее этому собранию другое, где он в ответ на критику его недостатков сотрудницей Альфер нанес ей публичное оскорбление. За это Карагусов в партийном порядке получил выговор. Выступавших в прениях товарищей, указывавших на его недостатки, Карагусов сбивал репликами. Это безобразное поведение Карагусова все же не помешало собранию дать оценку его двурушнической деятельности. Ближайший помощник Жирова и Карагусова Вьюгов угодливо замазывал делишки своих друзей. Вызванный собранием к ответу, Вьюгов ни одним словом не помог вскрыть до конца «наследство» Жирова. Он ничего не сказал о засоренности аппарата прокуратуры классово враждебными людьми и умолчал о собственной попытке «угодить родному человечку» Карагусову, на грубость которого поступила к прокуратуру газетная заметка с просьбой воздействовать и призвать Карагусова к порядку.

Вместо соответствующего реагирования т. Вьюгов наложил мудрую резолюцию: «Доложите т. Карагусову и надо сообщить в краевую прокуратуру».

К сожалению, ни краевая прокуратура, ни местные партийные организации большого ин-

тереса к печальным делам хакасской прокуратуры не проявили. Представителей райкома партии при обсуждении таких необычных для хакасской прокуратуры вопросов на последних собраниях не было.

Не лучше дело обстоит в таджикских органах юстиции. Здесь прочно свили гнездо волокита и бюрократизм. В результате утери революционной бдительности докатились до уголовщины и попали на скамью подсудимых члены Верховного суда: Зотов, Иванов и Алиев, ныне осужденные.

Много говорилось также и о члене Верховного суда Крылове, рассматривавшем дело Таджиклеса. Здесь он взял на себя функции «ученого лесовода», и, вынося оправдательный приговор врагам народа Алпареву, Скрипко и др., обосновал его на «сугубо научных данных», вроде того, что «условия Таджикистана для проведения лесокультурных мероприятий научно (?) недостаточно исследованы». Этих высоко научных соображений для Крылова оказалось достаточно, чтобы оправдать матерых врагов. Делом Таджиклеса не исчерпывается деятельность Крылова. Уже в качестве кассационной инстанции Крылова, вкупе с членами суда Лещиным и Вальман, рассматривали дело главного инженера и члена научно-технического совета Таджикского комеса Полонского и др., обвинявшихся в преступно-халатном производстве изыскательных работ по проектировке и постройке ряда гидростанций в районах Таджикистана. Их преступная деятельность принесла государству 86 000 руб. убытка. Народным судом г. Сталинабада Полонский, Боровинский, Попов и др. были осуждены к разным срокам лишения свободы. Кассационная коллегия Верховного суда Таджикистана в составе тт. Крылова, Лещина и Вальман сочла возможным заменить Полонскому лишение свободы и.-т. работами по мотивам «безупречности» Полонского. «Безупречность» Полонского, очевидно, должна быть отнесена к его прежним судимостям за контрреволюционные преступления, за которые он был осужден ранее к 3 годам лишения свободы и к 3 годам высылки.

При наличии вопиющих нарушений революционной законности, отрыва от общественности, грубейших пробелов в работе судебно-прокурорские органы Таджикистана не извлекли должных уроков и достаточных мер к перестройке работы не приняли.

Так искусно маскируясь, проникают во все поры государственного аппарата враги, которые часто благодаря классовой слепоте и неумению работников распознавать врага вовремя не разоблачаются.

Несмотря на имеющиеся в таджикских органах юстиции сигналы, хотя бы о члене Верховного суда Крылове, смазывающем дела врагов народа, ни Наркомюст Таджикистана, ни партийная организация не заинтересовались работой и личностью т. Крылова.

Можно было бы привести еще больше примеров вскрывающихся на активах и других собраниях судебно-прокурорских работников беззаконий. Совершенно ясно и бесспорно то, что сейчас, когда на основе последних партийных решений и вступившей в действие Сталинской Конституции роль судебно-прокурорских органов как орудие классовой борьбы возросла еще больше, суд, прокуратура и следственные органы обязаны оперативно перестроиться, самокритичней оценивать свою работу, повышая требования к каждому работнику, правильно и четко расстанавливать людей, опираясь на общественность, рабочий актив, своевременно устранять имеющиеся прорывы.

Ряд краев и областей уже приступил к выборам народных судей. Широкое обсуждение общественностью судебной работы даст большую возможность судам перестроиться в соответствии с повышенными требованиями нашей великой Сталинской Конституции.

Довольно много прокуратур, особенно краевых и районных, имеют не плохой актив общественников, помогающих и вносящих живую струю в работу аппарата.

Нужно прямо сказать, что, несмотря на частое освещение в печати работы активистов, далеко не всеми еще полностью усвоено значение актива. Этим объясняется недостаточное внимание большинства прошедших партийно-производственных собраний к вопросам, связанным с работой активистов.

Новые формы классовой борьбы, коварные и утонченные методы маскировки наших врагов требуют от судебно-прокурорских работников еще большей четкости в работе и подлинной бдительности в распознании врагов.

Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах

Гражданское право Англии

Общеизвестная сложность английского права вообще, и гражданского в особенности, и трудность его понимания для неанглийских юристов обусловливается различными обстоятельствами. Прежде всего английское право развивалось самостоятельно, почти без всякого влияния римского права, оказавшего решающее влияние на гражданское право всех континентальных капиталистических стран. Далее, в Англии, как известно, нет гражданского кодекса. Более того, источником действующего гражданского права являются в Англии не только законы, и можно даже утверждать, — это делают многие исследователи английского гражданского права, — что закон является в Англии не главным источником права.

Источники английского гражданского права в основном складываются из так называемого статутного права (statut law) и так называемого общего права (Common law). Только статутное право, огромное по размерам, состоит из законодательных актов. Консервативность английского права нашла свое яркое проявление в той особенности статутного права, которая

заключается в сохранении до сих пор бесчисленного количества изданных много сот лет назад законов, которые по содержанию потеряли всякий смысл, но в которые путем казуистических толкований вкладывается совершенно новое содержание, соответствующее изменившимся условиям и потребностям.

Так называемое общее право состоит из необозримого числа так называемых прецедентов, то есть судебных решений, вынесенных в разное время английскими судами и содержащих в себе некие общие правила, якобы оформляющие существовавшие в обороте обычаи. Насколько велико количество прецедентов, можно судить по тому, что официальный их сборник состоит из 350 томов. Разобраться в этом море казуистики неспециалисты не в состоянии. Только каста специалистов—юристов в состоянии овладеть им. Обыватель, в особенности трудящийся, становится тем самым беспомощным в защите своих интересов, и только тот, кто в состоянии оплатить дорого стоящих адвокатов, может надеяться на выигрыш своего правого или неправого дела.

Маркс и Энгельс не раз останавливались на этих особенностях английского права: «Английский закон есть или о б ы ч н о е п р а в о, то есть не писанное право, как оно существовало к тому времени, с которого начали собирать статуты, и позже было составлено юридическими авторитетами (и это право, конечно, в главнейших своих статьях неопределенно и сомнительно) или с т а т у т н о е п р а в о..., которое состоит из бесконечного ряда отдельных парламентских актов, собиравшихся в течение 500 лет, которые взаимно себе противоречат и ставят на место «правового состояния» совершенно бесправное состояние. Адвокат здесь все: кто очень основательно потратил свое время на эту юридическую путаницу, на этот хаос противоречий, тот всемогущ в английском суде» [1].

Неудивительно, что влиятельная в Англии каста судей и адвокатов, всячески заинтересованная в сохранении существующего положения, резко противится всяким попыткам издания гражданского кодекса, и делавшиеся в этом направлении предложения неизменно терпели неудачу.

Кроме статутного и общего права в английском гражданском праве применяются до сих пор остатки так называемого права справедливости (equity). Хотя официально это право и не является более источником права, а существовавшие раньше специальные суды справедливости давно ликвидированы, тем не менее в литературе и в судебных решениях до сих пор отдельные правовые институты называются институтами права справедливости.

Область применения английского гражданского права территориально крайне велика. С некоторыми изменениями оно применяется, помимо Англии, Ирландии и Шотландии, в английских колониях и доминионах. Оно оказало значительное влияние на американское право.

Что касается содержания английского гражданского права, то при сохранении старых феодальных законов и прецедентов, составляющих значительную, если не большую его часть, оно «выражает экономические отношения капиталистического общества варварским феодальным языком, который так же мало соответствует выражаемой им вещи, как английская орфография английскому произношению» (Э н г е л ь с). После империалистической войны английская буржуазия настолько сумела свое архаическое право приспособить к условиям эпохи господства загнивающего финансового капитала, что во многих отношениях оно более отражает интересы господствующего класса, чем основанное на новых сравнительно гражданских кодексах гражданское право других капиталистических стран. Изданные же в последнее время в Англии отдельные законы, например, закон о наследовании, оказались более «прогрессивными», чем аналогичные законы других стран.

Надо, наконец, отметить, что английское гражданское право включает в себя и так называемое торговое право.

Классический курс английского права Эдуарда Дженкса делит систему существующего английского гражданского права на следующие разделы: семейное право, право собственности, доверительное управление (trust) и обязательственное право. Эта упрощенная схема не отражает всей сложности отношений, охватываемых гражданским правом Англии, и несколько искусственно объединяет такую самостоятельную группу прав, как, например, исключительные права, с правом собственности. Наследственное право по этой схеме рассматривается частью в семейном праве (наследование по закону), частью в разделе «право собственности» (наследование по завещанию). Договорное право оказывается частью в праве собственности. Но эта схема удобна для краткого обзора гражданского права Англии, так как она выделяет те именно разделы гражданского права, которые получили в Англии наиболее яркое развитие или представляют собой (как, например, институт доверительного управления) специфическую особенность английского права. Другие схемы, как, например, принятая Стифенсом, более сложны и не столь удобны для краткого изложения системы английского гражданского права.

Семейное право

Семейное право Англии представляет характерную для гражданского права Англии картину сочетания ярких анахронизмов с «передовыми» для капиталистической страны институтами.

Семья в легальном смысле — это, по английским законам, только семья, основанная на браке, заключенном согласно законам Англии. В последнем отношении различаются браки, заключаемые господствующей церковью (английской), и остальные браки. Заключение английских браков регулируется до сих пор древним «Законом о браке» 1753 г. Согласно этому закону, брак должен быть заключен в церкви или часовне, предназначенной для заключения браков, служителем церкви, в присутствии двух свидетелей и притом обязательно не раньше 8 часов утра и не позже 6 часов вечера. Брачущиеся должны за три месяца до венчания в церкви выполнить определенные формальности в виде одной из следующих четырех форм: а) оглашение во всех церквах

[1] Цит. по книге К. Маркс и Ф. Энгельс о праве, М. 1925, стр. 217.

прихода, в котором проживают жених и невеста; б) разрешение архиепископа или других, заменяющих его, служителей церкви; в) специальное разрешение епископа Кентерберийского; г) разрешение так называемого суперинтенданта.

Брачный возраст для мужчин установлен законом 1753 г. в 14 лет, для женщин в 12 лет. Несовершеннолетние, то есть недостигшие 21-летнего возраста, нуждаются для заключения брака в разрешении родителей или опекунов.

Неанглийские браки могут заключаться как в религиозном, так и в гражданском порядке.

Заключение брака влечет за собой сложные правоотношения супругов. Супруги обязаны проживать вместе. В английском праве все еще сохранилось право на иск о принудительном водворении супруга, оставившего общий дом. Однако эта архаическая форма сохранила значение только формальности, являющейся одной из предпосылок для развода или для оформления раздельного жительства супругов.

Закон знает обязанность супругов, живущих раздельно, помогать денежно друг другу. Однако, муж может быть присужден к платежу не более 2 фунтов (17 рублей) в месяц в пользу жены и детей при условии, если она подходит под требования «закона о бедных». Обязанность жены помогать мужу еще более ограниченная.

Местожительство супругов и образ их жизни устанавливаются мужем.

Английское право, признававшее прежде общность имущества супругов, за последнее полустолетие перешло на систему раздельного имущества. Супруги могут заключать между собою договоры и возбуждать в суде иски друг против друга, вытекающие из нарушения договоров, или взыскивать друг с друга убытки за вред, причиненный раздельному имуществу.

Расторжение брака в английском праве может производиться в двух формах: признания брака недействительным и развода действительного брака.

Основанием для признания брака недействительным являются: а) родство супругов; б) недостижение брачного возраста; в) отсутствие согласия; г) физическая импотентность; д) наличие другого действительного брака у одного (или обоих) из супругов.

Основанием для развода служит: для мужчины признание жены виновной в измене, совершенной после заключения брака; для женщины признание мужа виновным в измене (введено в 1923 г.), в изнасиловании или в «неестественном преступлении» против брака.

Признание брака недействительным и развод требуют двух решений суда. Первое решение выносится не окончательно, а условно. Через шесть месяцев после этого решения истец может потребовать второго и окончательного решения. В промежутке стороны продолжают оставаться супругами, а суд, установив какое-нибудь «препятствие» к разводу, может аннулировать свое первое решение. Специальный чиновник занят изысканием таких «препятствий», с нескрываемой целью уменьшить число разводов.

Решение суда о раздельном жительстве супругов может быть вынесено по просьбе мужа или жены, в случае доказанности измены, или жестокого обращения с истцом, или отказа повиноваться решению суда о возобновлении супружеской жизни, или совершения «неестественного преступления» другой стороной после заключения брака.

Английское право сохраняет до сих пор варварский закон о неравноправии детей, рожденных в браке и вне брака. Только дети, рожденные в законном браке, являются законными. Внебрачный ребенок считается не имеющим отца. Содержать его обязана мать, и только в случае, если мать подпадает под действие закона о бедных, отец внебрачного ребенка может быть присужден к уплате алиментов в сумме не более 10 шиллингов в неделю. Даже последующий брак родителей не может узаконить внебрачного ребенка.

При жизни отца ребенка отец один, а не оба родителя вместе, является законным опекуном. При жизни обоих родителей отец единолично решает все вопросы, относящиеся к образу жизни и воспитанию ребенка. В случае смерти отца мать становится опекуном ребенка одна или же совместно с другим лицом, намеченным умершим отцом ребенка или судом. Мать может также на случай своей смерти просить о назначении соопекуна отцу ребенка.

В случае развода родителей или судебного решения об их раздельном жительстве суд может объявить признанную виновной сторону «недостойной» надзирать и опекать детей.

Опекуны ребенка имеют все права отца ребенка во всем, что касается воспитания и устройства, включая право на дачу разрешения для вступления в брак (до достижения 21 года, когда опека кончается).

Порядок наследования по закону подвергся в Англии в 1925 г. решительным изменениям. Наследниками по закону являются теперь родственники не далее чем третьей степени. Все сыновья получают равные доли. Мужчины и женщины уравнены в правах наследования. Переживший супруг получает «личные вещи» умершего, до 100 фунтов стерлингов (если они имеются в наследстве) деньгами и пожизненную ренту из остатка наследственного имущества (в случае отсутствия прямых наследников) или с половины остатка (если прямые наследники имеются).

Право составления завещания принадлежит в Англии каждому достигшему 21-летнего возраста. Солдаты во время действительной службы и моряки в море могут составлять завещания, если им исполнилось 16 лет, без соблюдения при этом необходимых формальностей.

Формальности, предъявляемые к составлению завещания, заключаются в следующем: а) обязательная письменная форма; б) подпись под завещанием, сделанная лично завещателем или кем-либо другим в его присутствии и по его указанию; в) засвидетельствование завещания двумя свидетелями, каждый из которых подписывается в присутствии завещателя, но не обязательно в одно время друг с другом. Свидетели и их супруги не могут ничего получить по завещанию. Английское право не требует, чтобы завещание было обязательно написано самим завещателем.

В числе обстоятельств, ведущих за собою потерю силы законно составленным завещанием (составление нового завещания, уничто-

жение завещания и др.), английское право считает и вступление завещателя в брак после составления завещания, за исключением тех случаев, когда из завещания видно, что оно было сделано в предвидении вступления в этот брак, или когда имущество, которым завещатель распорядился, не перешло бы к его родственникам, если бы не было такого распоряжения завещателя (например, распоряжение таким имуществом, которое завещатель может завещать только определенному кругу лиц).

Одной из особенностей английского права является полная свобода завещания при выборе наследников. Завещать можно кому угодно. Другая особенность состоит в том, что после смерти завещателя все наследственное имущество поступает в распоряжение душеприказчика (если он указан в завещании) или назначенного судом лица (если душеприказчика нет). Эти лица приводят имущество в порядок, после чего передают наследникам в соответствии с завещанием остаток, получившийся после уплаты всех долгов завещателя.

Право собственности

Английское право проводит строгое различие между правом собственности на недвижимости и на движимые вещи.

Наиболее характерно для английского права на недвижимость разложение права собственности на землю на отдельные права: право на поверхность земли, право на недра и право на воздушное пространство и даже на отдельные его слои. Таким образом на одном и том же участке А может быть собственником поверхности земли, Б — недр земли, В — воздушного столба над участком до определенной высоты и Г — остального. Однако закон, пока не доказано противного, считает, что собственник земли имеет на нее право «usque ad centrum et usque ad coelum», то есть до центра земли и до неба. Поэтому, если полотнище флага, вывешенного владельцем земельного участка на своем участке, реет над участком соседа, то вывесивший флаг нарушил право собственности соседа. Развитие авиации было несовместимо с правом частных владельцев на воздушный столб «до неба» и вынудило специально предусмотреть в законе о воздухоплавании, что полет над землей на высоте, которая диктуется состоянием ветра и погоды и другими обстоятельствами, не является нарушением права собственности.

До издания закона 1925 г. в английском праве господствовала фикция, что вся земля принадлежит королю и что все права на землю других лиц — производные от права короля.

Точно так же только в 1925 г. Англия перешла к общепринятой в других капиталистических странах системе ипотеки.

Несмотря на то, что в 1925 г. был издан закон о собственности, многие архаические законы и положения общего права не были отменены, и право собственности на недвижимость сохраняет в Англии до сих пор ряд специфических особенностей, в значительной мере покоящихся на сильном влиянии земельного капитала и на консерватизме господствующих классов и подтверждающих лишний раз указания Энгельса на то, что «в Англии непрерывное существование дореволюционных и послереволюционных учреждений и компромисс между крупными землевладельцами и капиталистами нашли свое выражение в непрерывности судебных прецедентов, равно как и в почтительном сохранении феодальных законодательных норм».

Гораздо более соответствует новым капиталистическим отношениям право на движимое имущество. Здесь английское право проявляет большую гибкость и широко идет навстречу потребностям торгового оборота. Английское право проводит различие между физическими вещами и так называемыми things in action, то есть идеальными вещами или легальными ценностями, как, например, акции, облигации, авторские права и т. д., которые точно так же могут быть предметом различных сделок, как и физические вещи.

Физические вещи могут быть объектом собственности и объектом владения. Владение вещью может не совпадать с правом собственности, то есть находиться не у собственника. Английское право отличается особо широкой защитой прав владельца, в особенности по отношению к третьим лицам, и предоставляет владельцу право на большинство исков, принадлежащих собственнику.

Английская доктрина относит к движимому имуществу следующие идеальные ценности (things in action): а) обыкновенные долги, возникающие из любых договорных отношений и сделок и выражающиеся в определенной сумме денег; английское право как бы материализирует эти долги, понимая право кредитора как вещное право на следуемую сумму; б) векселя, чеки, долговые расписки, платежные обязательства на предъявителя и т. п.; и здесь права, возникшие из договора, приобретают свойство вещи; в) ренты и пенсии, обычно пожизненные, обременяющие недвижимость или другую собственность; г) акции, паи, фондовые бумаги и т. п.; д) авторское право на литературные, музыкальные, драматические и художественные произведения (сохраняется по английскому право пожизненно и на 50 лет после смерти автора за наследниками); е) право на изобретения (патенты) и проекты; ж) право на торговую марку и фирму и т. д.

Право отчуждения имущества неразрывно связано по действующему праву Англии с правом собственности. За небольшими исключениями никакие соглашения не могут лишить собственника права отчуждения его имущества. Общее правило об отчуждаемости собственности не относится к отдельным правам на имущество, например, к праву аренды. Такие права могут быть, согласно договору, неотчуждаемыми.

Это общее правило не мешает английскому праву предусматривать некоторые частичные ограничения отчуждения права собственника.

Наиболее распространенным способом отчуждения всех видов имущества является сделка купли-продажи. Договор купли-продажи движимого имущества (за исключением things in action) регулируется специальным законом 1893 г.

За исключением некоторых сделок (сделка с выплатой задатка, сделка с исполнением через год и больше) договор купли-продажи движимых вещей может быть заключен в любой форме, то есть письменной или устной.

Из особенностей договора купли-продажи по

английскому праву надо отметить следующие: если в договоре не оговорено иного, то передача проданной вещи продавцу происходит в предприятии (конторе) продавца или, если у него предприятия (конторы) нет, то в месте его пребывания; в случае обязанности продавца отослать проданную вещь покупателю, он считает выполнившим свои обязательства с момента сдачи вещи перевозчику или экспортеру; издержки, связанные с передачей вещи, несет, если не оговорено иного, продавец; добросовестный покупатель получает право собственности на купленную вещь, если продавец оказался несобственником, в следующих случаях: покупка на «открытом рынке» (за исключением покупки краденой вещи при наличии решения суда); покупка ценных бумаг на предъявителя; покупка у лица, уполномоченного собственником на продажу; риск за проданную вещь до перехода права собственности к покупателю несет продавец; он же несет риск за порчу товаров в пути.

Покупатель считается принявшим от продавца купленное имущество: а) если после передачи вещи покупателю, последний совершит по отношению к ней действия, исключающие право собственности продавца; б) в случае сообщения продавцу о принятии вещи и в) в случае несообщения покупателем продавцу о принятии вещи в течение продолжительного «разумного» времени.

Неуплата покупной суммы дает продавцу право требовать расторжения договора, лишь если это обусловлено в договоре; в противном случае продавец может требовать от покупателя только уплаты покупной цены. Но продавец вместе с тем имеет право задержать передачу вещи покупателю, не уплатившему покупной цены, хотя бы право собственности уже перешло к покупателю; в случае неплатежеспособности покупателя продавец может приостановить перевозку вещи и вернуть вещь себе.

Если проданная вещь скоропортящаяся или вообще потеряет ценность, если не будет тотчас же продана, а при иных вещах, если продавец сообщит не уплатившему покупной цены покупателю, что он собирается продать вещь и выждет определенный срок, — продавец может продать вещь другому лицу и требовать от первого покупателя возмещения убытков.

Другой способ отчуждения имущества — это дарение. Английское право особенно казуистично в этом вопросе и отличается крайней сложностью различных форм дарения, в особенности состоящих в предоставлении одаряемому прав на получение доходов с недвижимых имуществ.

Доверительное управление

Даже английские юристы называют этот своеобразный институт (trust) одним из наиболее специфических институтов английского права. Английские юристы определяют trust как добровольно взятое на себя обязательство владеть на праве собственности или управлять или же владеть и управлять каким-либо имуществом в интересах другого лица или других лиц, за которыми и сохраняется, таким образом, только право на удовлетворение их интересов в данном имуществе (например, на получение ренты или пенсии). При этой своеобразной форме доверенное лицо, не будучи собственником в прямом смысле этого слова, тем не менее владеет данным имуществом на праве собственности. Эта трудно понятная для неанглийских юристов форма является чрезвычайно распространенной в Англии.

Доверенным (trustee) может быть любое дееспособное лицо и даже учреждение, в том числе государственное. Для передачи доверительного управления недвижимостью по закону (так называемый Trustee Act 1925 г.) обязательна письменная форма. Никого нельзя обязать стать доверенным, но однажды согласившийся взять на себя эту обязанность не может произвольно от нее отказаться, когда ему вздумается. Для этого нужно соблюдение определенных условий, меняющихся в зависимости от того, имеется ли один или несколько доверителей и сколько доверителей останется в случае ухода одного из них.

Число пользователей (beneficiaries), то есть лиц, в пользу которых установлено доверительное управление, может быть неограниченным, но возможен и один только пользователь. В последнем случае говорится о «частном доверительном управлении» (privat trust); если же круг пользователей не ограничен, например, «глухонемые города Ливерпуля», то имеется «публичное доверительное управление» (public trust). За частным доверительным управлением наблюдают суды, а за публичным — специальный орган, так называемый The charity Commissioners.

Если пользователей несколько, то один из доверенных может быть в то же время и пользователем (например, из получивших по наследству право на определенную ренту из земельного участка один из таких, имеющих право на ренту, может быть в то же время и доверенным).

Пользователь может переуступить свое право на управляемое имущество третьим лицам (если это не запрещено условиями доверительного управления).

Имущество, переданное в доверительное управление, может быть движимым или недвижимым, физической или идеальной вещью.

Большое затруднение вызывает описание обязательства и прав, которые берут на себя доверители. По общему правилу, доверитель должен так относиться к управляемому имуществу и так действовать, как если бы это было его собственное имущество. Но вместе с тем он не имеет права так рисковать управляемым имуществом, как он рискнул бы своим собственным; в том случае, например, когда он часть своего имущества при аналогичных условиях пожертвовал бы на благотворительные цели, он не имеет права так поступить с управляемым им имуществом.

Договорное право

Английские юристы ограничиваются чисто юридическими формальными определениями договора, ни одним словом, конечно, не упоминая о тех экономических отношениях, которые составляют основу буржуазного общества и которые обусловливают волю сторон. Они до сих пор с наивным видом говорят о свободе договоров, всячески маскируя ту фактическую несвободу, которая скрывается за фор-

мальной свободой. Так, по Дженксу, договор — это подкрепляемое иском об убытках соглашение между, по крайней мере, двумя лицами, согласно которому одна или более сторон обещают в определенной форме или так, что из этого можно сделать тот же вывод, совершить или удержаться от совершения каких-либо действий по требованию или в интересах другой стороны.

Английское право требует при этом для действительности договора наличия так называемого valnable consideration, то есть заинтересованности выполнения обязательств другой стороной, причем выполнение или уже имело место или должно иметь место в будущем.

Соглашение предполагает предложение (оферту) и его принятие в определенный срок. Английское право склоняется к тому, чтобы моментом заключения договора считать выражение согласия принявшим предложение, а не тот момент, когда согласие дошло до другой стороны.

Очень развито в английском праве учение о дефектах соглашения, могущих сделать договор недействительным. К числу дефектов относятся: принуждение, обман, ошибка. Кроме того, договоры могут быть объявлены недействительными в силу их противозаконности, противоречия «нравственности» или публичному порядку. Недействителен договор, целью которого является устранение конкуренции.

Для английского права характерно деление условий договора на два вида, так называемые condition, или основные условия, и так называемые warrantg, или второстепенные условия. Нарушение первых дает другой стороне право требовать расторжения договора, а вторых — только право требовать возмещения убытков.

В английском гражданском праве формы договоров сохраняют еще немало анахронизмов. Так, например, до сих пор в практике сохраняется так называемый died, или contract under slal (договор с печатью). Это письменный договор, на котором стороны ставят или приклеивают свои печати, а за неимением их — отпечаток пальца. В некоторых случаях (договоры товарищества или передачи права собственности на недвижимость) такая форма обязательна, но она на практике применяется и в случаях, когда она законом не требуется. Договоры, заключенные в этой форме, пользуются рядом преимуществ (удлиненная исковая давность, трудность оспаривания и др.). Письменные договоры (без приложения печати), подписанные сторонами, обязательны при сделках, касающихся собственности (кроме сделок, при которых требуется договор с приложением печати), и др. Устная форма договора допускается при сделках на движимые (физические) вещи и, наоборот, никакое право на недвижимые не может быть создано или передано путем устной сделки.

Порядок исполнения договора определяется прежде всего соглашением сторон. При отсутствии соглашения обязательными для сторон являются обычаи. Решающую роль при спорах о содержании обычаев играют прецеденты.

При неисполнении договора одной из сторон суд может вынести решение о выполнении обязательства в натуре (например, передать проданную вещь), и в этих случаях ответчик не имеет права вместо выполнения в такой форме предложить денежную компенсацию. Однако даже выполнение в натуре не избавляет неисправную сторону от обязанности возместить убытки другой стороне. Английское право, кроме имущественных убытков, знает и возмещение убытков нематериальных, правда, только в условиях, указанных в законе.

Наряду с обязанностью стороны, нарушившей договор, уплатить неустойку, если она предусмотрена в договоре, английское право допускает возможность присуждения нарушителя договора к уплате штрафа (usage) за нарушение договора. Если, однако, суд приговорил неисправную сторону к уплате штрафа, то неустойка присуждается с него не полностью, а только в сумме убытков, действительно причиненных другой стороне невыполнением договора.

Возмещение убытка (вреда)

Особенно тщательно разработано в теории английского гражданского права и с исключительной казуистичностью предусматривается в статутном и общем праве обязанность возмещения причиненного ущерба. Эта обязанность настолько тщательно разработана в английском праве, что раздел о возмещении убытка обычно считают одной из двух частей обязательственного права.

Под ущербом (или вредом) в этом смысле понимается ущерб, причиненный не путем нарушения договора, а определенными действиями. Таким образом речь идет не об убытках, возмещение которых регулируется той частью гражданского права, которая относится к заключению договоров.

До 1934 г. в Англии действовало правило, по которому правоотношения, возникающие из факта причинения ущерба или вреда, прекращались со смертью причинившего ущерб или потерпевшего. По закону 1934 г. право требовать возмещения вреда хотя и ограничено сроком, но не прекращается со смертью сторон, и взыскание по иску о возмещении вреда может быть обращено на имущество, оставшееся от умершего, причинившего ущерб.

Исключительная казуистичность правил о возмещении ущерба видна хотя бы из того, что даже в кратких учебниках по гражданскому праву большое место отводится таким положениям, как, например, следующие: «каждый ответственен за вред, причиненный другому тем, что принадлежащий ему скот оказался на чужой земле», «каждый, кто содержит опасное животное (то есть опасное для людей), абсолютно ответственен, если это животное убежит и причинит вред другому лицу; то же самое относится к животному, которое заведомо для ответчика опасно в некоторых отношениях», «не является противозаконным для лица доставить на свой участок такие вещи, как вода, ядовитые растения или порох, — вещи, которые при их правильном использовании являются полезными; но если такие вещи уйдут или взорвутся и причинят вред земле соседа, или скоту, или посторонним, то владелец их несет ответственность, без того, чтобы истец был обязан доказать наличие небрежности, — за вред, который был этим причинен», и т. д.

Правила о возмещении ущерба распадаются на группы: ущерб личности, ущерб собственности, ущерб семейным и деловым отношениям, ущерб репутации.

В правилах об ущербе, причиненном собственности, фигурируют правила о последствиях незаконного вступления на чужую землю; о невыполнении ответчиком обязательств в отношении недвижимого или движимого имущества; о действии или бездействии, нарушающем чужое здоровье, комфорт или выгоды от использования земельного участка; об убытках, причиненных завладением чужой недвижимости или движимых вещей; об оплате убытков, причиненных нарушением прав третьих лиц на хождение по дороге, на рыбную ловлю и т. п.; об убытках, причиненных нарушением так называемых исключительных прав (патентах на изобретения, на торговую марку и т. п.); об убытках, причиненных другим тем, что кто-либо опубликовал в печати, распространял устно или письменно утверждения, рассчитанные на то, чтобы возбудить сомнения в праве другого лица на землю или вещи, которыми тот владеет, или сомнения в качестве принадлежащих ему товаров.

Право на возмещение убытков, причиненных семейным или деловым отношениям другого лица, дают: а) обольщение женщины; по неотмененному закону XIV в. сама обольщенная женщина не имеет никаких прав на иск с мотивом, что в данном случае речь идет не о насилии, а о добровольном согласии; но если в результате обольщения имело место рождение ребенка или серьезная болезнь, то родители женщины, если она живет у них, или наниматель, у которого она служит, имеют право на иск об убытках; это архаическое правило уже исчезло было из употребления; но, по авторитетному свидетельству Дженкса, оно «начало возрождаться»; б) переманивание прислуги; право на иск об убытках «от лишения услуг» возникает, если между истцом и прислугой существовал договор, и ответчик склонил прислугу нарушить этот договор, или если прислуга нарушила договор, а ответчик, зная об этом, тем не менее нанял ее; в) такое же переманивание служащего, который не может быть отнесен к прислуге; г) соглашение нескольких лиц о причинении вреда кому-либо в его торговле или профессиональной деятельности (например, при помощи бойкота и т. д.).

Право на возмещение убытков, причиненных репутации другого лица, дают: а) опубликование без оснований на то, в письменной форме, путем рисунка или в другой законченной форме, обесчещивающего утверждения относительно другого лица; б) утверждение на словах таких же обесчещивающих обстоятельств; в этом случае право на иск возникает только, как общее правило, при наличии реального убытка, причиненного этим утверждением; не требуется наличия такого убытка при утверждении, что истец совершил уголовное преступление, за которое полагается телесное наказание; что он дурно ведет себя на службе, в торговле или в своей профессиональной деятельности, или не способен к службе, или торговле, или профессии; что он (если речь идет о купце) неплатежеспособен, или, наконец, если истец был болен в то время, когда было сделано порочащее утверждение, заразительной болезнью. Точно так же женщина не обязана доказывать наличия убытка, если ответчик утверждал, что она нецеломудренна, и т. д.

Вексельное право

Векселем в Англии, согласно закону, является «такое безусловное предложение в письменной форме, которое дано одним лицом другому, и подписано лицом, выдавшим вексель, которым поручается лицу, получающему предложение, уплатить по требованию или в определенный срок, или же в срок, который может быть определен впоследствии, определенную сумму указанному лицу, или по его приказу, или предъявителю векселя».

Вексельное право Англии отличается рядом особенностей.

Предполагается, что так называемое valuable consideration, то есть наличие заинтересованности в ответных действиях векселепринимателя имеется, и доказывать его истец не обязан.

Принимать на себя вексельные обязательства могут совершеннолетние (то есть достигшие 21 года), в том числе женщины и юридические лица.

Упоминания в векселе слова вексель (bill of exchange) не требуется.

В векселе допустимо указание на сумму процентов, на курс валюты или способ исчисления этого курса.

Вексель может быть выдан на предъявителя, а также без указания срока, то есть с обязательством платежа «по предъявлению». Не обязательно и указание места выдачи векселя и места платежа. Не делается вексель недействительным, если он не оплачен вексельным сбором.

Как видно из этого перечня допустимых отступлений от требований, обычно предъявляемых к векселям в большинстве других стран, вексель в Англии делается чрезвычайно гибким и удобным способом расчета.

Передаются переводные векселя путем так называемого индоссамента (endorcement), в сочетании с фактической передачей векселя; надписи на векселе о приеме на себя поручительства за платеж по векселю английское право не знает; векселеприобретатель считается добросовестно приобревшим вексель; предъявить вексель к платежу можно как в указанном на векселе месте платежа, так и по месту жительства лица, обязанного к уплате; вексель должен быть предъявлен в срок (плюс так называемые грационные дни), после истечения которого векселедатели и надписатели от обязанности платежа по векселю освобождаются; протеста векселей, выданных в самой Англии, не требуется; вексельная давность составляет в Англии 6 лет.

Б. У.

***

Таково в самых общих чертах содержание действующего гражданского права современной Англии. Своеобразие его содержания, специфичность и оригинальность его институтов не означают, однако, что гражданское право Англии не разделяет общую особенность гражданского права капиталистических стран. «Если государство и государственное право определяются экономическими отношениями, — говорит Энгельс, — то само собою понятно, что то же приходится сказать и о гражданском праве, роль которого, в сущности, сводится к законодательному освещению

существующих, при данных обстоятельствах нормальных, экономических отношениях между отдельными лицами» [1].

Совершенно естественно, что и гражданское право Англии «освещает» экономические отношения, существующие в каждый данный момент в этой стране.

Но, продолжает Энгельс, «форма, в которой происходит это освещение, может быть очень различна» [2]. И именно в Англии форма эта отличается чрезвычайным своеобразием, конечно, не случайным. Не подлежит спору, что действующее английское гражданское право вполне удовлетворяет потребностям господствующих классов Англии эпохи империализма, — потребностям, в числе которых первейшее место занимает легализация закабаления и эксплоатации трудящихся масс и наступления на их жизненный уровень.

Может показаться непонятным, что в то же время важнейшие части гражданского права Англии, — как раз те, которые должны с максимальной четкостью и силой обеспечивать потребности современного загнивающего капитализма в сфере гражданского оборота, — регулируются архаическими законодательными памятниками, вплоть до изданных при феодализме.

В чем же разгадка этого видимого противоречия? Разгадка эта дана нам Энгельсом.

«Можно было, — говорит Энгельс, — удержать большую часть форм старого феодального права, вложив в них буржуазное содержание и даже прямо придав буржуазный смысл феодальному имени, как это случилось в Англии, сообразно со всем ходом ее национального развития» [3].

В другом месте Энгельс эту особенность английского гражданского права выразил в весьма ярком и картинном сравнении. «Английское право, — говорит он, — продолжает выражать экономические отношения капиталистического общества на варварском феодальном наречии, которое столько же соответствует выраженному предмету, сколько английская орфография — английскому чтению. («Вы пишете — Лондон, а читаете — Константинополь), сказал один француз» [4].

Эта особенность английского гражданского права Англии эпохи промышленного капитализма осталась характерной для него до настоящего времени. Современное английское гражданское право выражает потребности господствующих классов Англии законами, изданными частью при феодализме, частью в эпоху промышленного капитализма. Это не мешает господствующим классам Англии издавать, когда им это нужно, новые законы, говорящие на подлинном языке империализма. Но общая тенденция английского гражданского права, столь метко подмеченная Энгельсом, сохраняется до сих пор.

Энгельс развивает свое объяснение сохранения феодальных законов. Он пишет: «В Англии непрерывное существование дореволюционных и послереволюционных учреждений и компромисс между крупными землевладельцами и капиталистами нашли свое выражение в непрерывности судебных претендентов, равно как в почтительном сохранении феодальных законодательных форм» [1].

Отражение в гражданском праве Англии компромисса между помещиками и буржуазией характерно и для современной Англии, где «господствующие классы... и аристократия и буржуазия оказались наиболее умными, наиболее гибкими с точки зрения своих классовых интересов, с точки зрения сохранения своей власти» (Сталин) [2].

Одно из проявлений этой гибкости и можно найти в продолжении той политики компромисса по вопросу о гражданском праве, которая была вскрыта Энгельсом.

Сохранение архаических законов не мешает господствующим классам современной Англии сделать и гражданское право одним из эффективнейших орудий эксплоатации и закабаления трудящихся масс и наступления на рабочий класс и трудящиеся массы в самой Англии и в ее колониях.

Из английской судебной практики по воздушному праву

1. Ответственность за утрату на аэропорте вещей, принятых к воздушной перевозке

5 марта 1936 г. Вестминстер банк в Лондоне сдал воздушнотранспортному предприятию «Имперские воздушные пути» к отправке по воздуху в Париж в адрес отделения названного банка три золотых слитка. В ночь с 5 на 6 марта эти слитки были похищены из аэропорта. Банк предъявил иск в сумме стоимости золотых слитков, составляющей 9 133 фунт. стерл. Ответчик, воздушнотранспортное предприятие, иска не признал, ссылаясь на то, что в накладной, составленной при принятии золота к отправке, содержится следующее печатное предупреждение:

«Воздушная перевозка. Как к внутренней, так и к международной перевозке применяются общие условия перевозки грузов. В отношении международных перевозок эти общие условия базируются на Варшавской конвенции 12 октября 1929 г.».

Что касается Варшавской конвенции 1929 г., то она получила в Англии силу закона в виде особого акта 1932 г. о воздушной перевозке (Carriage by Air Act 1932). По ст. 22 (разд. 2) этого закона, ответственность воздушного возчика за принятые под расписку багаж и груз ограничиваются суммой 250 французских франков за килограмм, за исключением тех случаев, когда вещи сданы возчику по заранее объявленной ценности с особой за это оплатой. Кроме того, по ст. 20 закона о воздушной перевозке, ответственность с возчика снимается, если он докажет, что он и его служащие приняли все необходимые меры для предотвращения убытков или что принятие этих мер было невозможно.

---

[1]. Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии, Партиздат, 1936, стр. 52.

[2]. Ф. Энгельс, Там же, стр. 52.

[3] Ф. Энгельс, Там же, стр. 50.

[4] Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, 1931, стр. 25—26.

[1]. Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 25.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 611—612.

По этим соображениям ответчик просил освободить его от ответственности или же ограничить ее указанной суммой 250 французских франков за килограмм.

Истец — банк — в свою очередь утверждает, что ответчик (воздушный возчик) не вправе ссылаться на ограниченную ответственность, так как по закону он обязан был поместить в накладной особое предупреждение об ограничении ответственности. А именно, по ст. 8 литера «2» закона о воздушной перевозке (и Варшавской конвенции) накладная воздушной перевозки (air consigument note) должна в числе прочих реквизитов содержать указание на то, что «к перевозке применяются правила, относящиеся к ответственности, установленной по Варшавской конвенции». Вместо этого в накладной сделана ссылка на «общие условия, базирующиеся на Варшавской конвенции»; такая ссылка не соответствует, по мнению истца, требованию ст. 8 литера «2» закона.

Опровергая этот аргумент, ответчик (воздушный возчик) указывает на то, что текст накладной был составлен сведущими юристами, авторами Варшавской конвенции; что так называемые «общие условия» утверждены в 1931 г. международной ассоциацией воздушных сообщений; что они вывешены для сведения клиентов ответчика в помещении его конторы; что воздушная накладная как коммерческий документ не может быть толкуема ограничительно — буквально; что банк не может ссылаться на незнание им правил Варшавской конвенции об ограниченной ответственности; что, наконец, банк мог объявить заранее ценность груза за особую плату или же застраховать груз, чего, однако, он не сделал, предпочитая навязать воздушному возчику несвойственную ему роль страховщика.

Дело разбиралось в суде 1-й инстанции в Лондоне (суд королевской скамьи). Судья установил следующие положения.

1. Договор данной воздушной перевозки Лондон—Париж является договором международной перевозки, и в силу этого на него распространяется Варшавская конвенция 1929 г., получившая выражение в законе 1932 г. о воздушной перевозке.

2. Пропажа груза произошла в период, покрываемый ответственностью возчика, то есть, как выражается ст. 18 закона, в период нахождения багажа или груза в распоряжении возчика, будь то на аэродроме, или на борту самолета, или в другом месте в случае посадки вне аэродрома.

3. В виде общего правила, изложенного в той же ст. 18, воздушный возчик отвечает за целость принятого им под расписку багажа и груза, причем, однако, по ст. 20 возчик освобождается от ответственности, если он докажет, что им были приняты все необходимые меры для предотвращения убытков (принцип экскульпации), а по ст. 22 разд. 2 ответственность его ограничена суммой 250 французских франков за килограмм.

4. По закону ст. 22 разд. 2 требуется помещение в накладной предупреждения о том, что в отношении ответственности применяются правила, установленные конвенцией. Ссылка же на общие условия, базирующиеся на этой конвенции, недостаточна, тем более что «общие условия» содержат пункт, по которому в накладной должно содержаться указание на то, что к воздушной перевозке применяются правила об ответственности, изложенные в Варшавской конвенции от 12 октября 1929 г., на которых базируются общие условия. Таким образом решающий мотив суда заключается в том, что в накладной сделана ссылка на правила об ответственности, изложенные в общих условиях, которые базируются на Варшавской конвенции; следовало же, наоборот, сослаться на правила об ответственности, изложенные в Варшавской конвенции, на которой базируются общие условия.

Английский суд подошел к решению вопроса строго формально, признав выработанный международной ассоциацией формуляр накладной в данном спорном пункте редакционно неправильным. В результате иск банка был полностью удовлетворен. Попутно суд, по просьбе сторон, разрешил еще один вопрос, а именно:

5. Можно ли считать, что груз был сдан с заранее объявленной ценностью, если в накладной против графы «род груза» обозначено «золото в слитках» 9 тыс., причем та же цифра прописана в графе «оценка для таможни», но графа «стоимость, специально объявленная при сдаче к перевозке», не только не заполнена, но просто прочеркнута.

При этих обстоятельствах, по мнению суда, нельзя считать, что груз был сдан с заранее объявленной ценностью. Мало того, по делу выяснилось, что ответчик вообще не принимает грузов с объявленной ценностью. Однако на исход дела это не повлияло, так как воздушный возчик был признан несущим полную ответственность по другому основанию, а именно за ненадлежащее предупреждение в тексте накладной об ограничении ответственности.

2. Ответственность ангара за целость помещенного в нем аэроплана

8 февраля 1936 г. пилот Шусмит прилетел на чехо-словацком легком аэроплане «Гилльсон Прага» в Англию на остров Мэн и приземлился в Рональдевей, но так как там не оказалось места в ангаре, то он снесся по телефону с ангаром в Рамзее и по получении на то согласия прибыл в Рамзей. В том же ангаре помещался тяжелый аэроплан «Спартан», принадлежащий владельцу ангара Британской компании воздушных путей, впереди которого и был помещен легкий чехо-словацкий аэроплан. 9 февраля Шусмит явился в ангар, сделал кратковременный полет, после чего самолет был поставлен в ангаре на прежнее место. 10 февраля персонал ангара, имея задание вывести тяжелую машину «Спартан», вывел из ангара стоявшую впереди легкую машину «Прага». Когда этот последний самолет очутился вне ангара, он был опрокинут сильным порывом юго-восточного ветра силой в 35 миль в час, несмотря на то что его поддерживало три человека из персонала ангара. В результате самолет потерпел аварию, оцениваемую в 250 фунт. стерл. Об этом пилот узнал в тот же день позднее, когда он явился за своей машиной.

Исходя из того, что ответчик (ангар) отнесся с недостаточной заботливостью к вверенной его наблюдению машине, истец — фир-

ма «Гилль-сыновья», владелица самолета «Гилльсон-Прага» — предъявил иск в сумме 250 фунт. стерл.

Основной вопрос, вставший перед судом, заключается в следующем: произошел ли убыток в результате недостаточной заботливости ангара или по причине непреодолимой силы. Суд пришел к следующим выводам.

1. Между ангаром и владельцем спорного самолета возникли отношения по договору поклажи (хранения). Поклажа может быть либо за плату — и в таком случае к поклажепринимателю предъявляются повышенные требования заботливости, или же поклажа могла быть бесплатная — и в таком случае по старинной традиции права достаточно, если поклажепринимать проявляет заботливость не меньшую, чем к своим собственным вещам. Суд склонился к тому, что, поскольку разговор о плате за хранение не возникал между сторонами, следует считать, что ангар оказал «воздушную любезность». В таком случае от персонала ангара требовалась заботливость такая же, как к собственным вещам. Однако ангар не проявил и этой уменьшенной меры заботливости. Персонал ангара должен быть настолько опытным, чтобы соразмерить свои силы с силой ветра, прежде чем выводить машину наружу. Ссылаться же на непреодолимую силу ветра было бы неправильно, так как ветер возник не внезапно.

По этим соображениям иск был удовлетворен.

(Lloyds List Law Reports, 1936, August, November).

Официальный отдел

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 94/595 ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

О применении постановления ЦИК и СНК СССР от 5 октября 1936 г. «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности»

В целях правильного применения постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 5 октября 1936 г. «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности» (СЗ 1936 г. № 51, ст. 419) Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР п о с т а н о в л я ю т:

Разъяснить, что вышеуказанное постановление ЦИК и СНК Союза ССР не распространяется на случаи, когда беременная женщина непрерывно проработала в государственных предприятиях (учреждениях) менее одного года или последний перерыв в ее работе был свыше одного месяца.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР **М. Калинин.**

Председатель Совета народных комиссаров Союза ССР **В. Молотов.**

Секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР

Москва, Кремль.

9 а п р е л я 1937 г.

ОБ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Доклады и сообщения, поступающие в Прокуратуру СССР, свидетельствуют об ослаблении внимания к вопросам борьбы с преступностью среди несовершеннолетних.

Указанные в постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая и 3 сентября 1935 г. серьезные недостатки в работе школ, детских учреждений, комсомола, органов опеки и др. до сих пор еще имеют место; однако многие органы прокуратуры слабо борются с нарушениями этих постановлений.

Борьба с преступлениями несовершеннолетних и причинами, порождающими эти преступления, проводится органами прокуратуры без необходимой системы и настойчивости. Несмотря на указания Прокуратуры СССР в циркулярах от 31 марта и 21 июля 1935 г., в ряде краев, областей и республик до сих пор еще не выделены следователи и прокуроры, занимающиеся специально этими делами, а там, где выделены, происходит частая смена этих работников, весьма отрицательно отражающаяся на работе (в Ленинградской облпрокуратуре делами о несовершеннолетних занимаются четыре прокурора в разных отделах облпрокуратуры). Следствие только по 30—40% дел о несовершеннолетних ведется следователями; слабо выявляются подстрекатели, вовлекающие детей в преступления, число прекращенных производством дел доходит до 40%; прокуроры редко принимают участие в рассмотрении дел в суде; не наблюдают за правильным применением закона 7 апреля 1935 г., вследствие чего ошибки судов своевременно не исправляются, ослабляется карательная политика по этим делам: взрослых подстрекателей и пособников детских преступлений некоторые суды, вопреки ст. 2 закона 7 апреля 1935 г., осуждают к исправительно-трудовым работам и другим мягким мерам наказания. Обращает на себя внимание большое количество случаев неправильного применения условных приговоров по делам о несовершеннолетних в отношении таких преступлений, которые должны встречать гораздо более серьезные меры противодействия, которые требуют более реальных и строгих мер нака-

зания. Это стоит в прямой связи со все еще неправильным взглядом на задачи нашей советской судебной политики в борьбе с преступлениями несовершеннолетних. Борьба с побегами из детских учреждений, а также с преступлениями в этих учреждениях (хищения имущества детдомов, развращение детей, антисанитария и т. д.) ведется явно неудовлетворительно, вследствие чего не устраняются причины, порождающие новые преступления несовершеннолетних.

Все эти недостатки в работе прокуратуры должны быть в кратчайший срок ликвидированы. Предлагаю прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей:

1. В месячный срок тщательно проверить выполнение циркуляра Прокуратуры СССР от 21 июля 1935 г. о борьбе с преступностью среди несовершеннолетних («Соц. законность» № 9, 1935 г.; «Сборник циркуляров Прокуратуры СССР»), добившись ликвидации указанных выше недостатков в этой работе.

2. Систематически вести наблюдение за движением преступлений несовершеннолетних, ведя решительную борьбу с этими преступлениями и привлекая к уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая 1935 г.

Особое внимание обратить на правильное и последовательное применение ст. 2 закона 7 апреля 1935 г.

3. О выявленных при расследовании дел о несовершеннолетних в работе школ, детдомов, комсомола и других организаций недочетах и нарушениях постановления от 31 мая 1935 г., явившихся причиной преступлений детей, обязательно ставить в известность местные руководящие органы, сообщив об этом же в копии мне.

4. Сосредоточить в руках одного из помощников прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей руководство всем делом борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, проверку следственных производств и дачу заключений по делам, проходящим в порядке надзора.

5. Усилить борьбу с побегами из детских учреждений (особенно из трудколоний), привлекая виновных в допущении побегов и в сокрытии побегов к уголовной ответственности.

6. О проделанной в связи с настоящим письмом работе и результатах проверки исполнения циркуляра Прокуратуры СССР от 21 июля 1935 г. сообщить мне не позднее 1 июня с. г.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

5 апреля 1937 г.

№ 21/4.

О СВОДНЫХ ПИСЬМАХ ПО ВОПРОСАМ КАЧЕСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ

Прокуратурой Харьковской области (т. Брон) в целях повышения качества расследования был применен метод изучения и анализа дефектов расследования по конкретным делам, расследованным на периферии.

В этих целях прокуратурой были изучены все дела, прошедшие через спецколлегию и обращенные к доследованию или закончившиеся оправдательными приговорами.

На основе изучения этих дел прокуратурой было составлено сводное письмо, в котором подробно были проанализированы конкретные дела и были указаны недостатки расследования по ним, оказавшие влияние на неудовлетворительный исход дела.

Это письмо было разослано всем райпрокурорам с предложением проработать его на совместных совещаниях с соответствующими работниками.

Считая, что подобный опыт руководства и помощи органам расследования для улучшения их работы может дать значительный результат, предлагаю всем прокурорам применить его в своей работе, систематически разрабатывая и направляя на периферию такого рода письма.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

10 апреля 1937 г.

№ 22/26.

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ ПО БОРЬБЕ ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ ЗАКОНА 27 ИЮНЯ 1936 г.

Закон 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам и т. д.» имеет огромное государственное значение. Нарушение этого закона в любой его части должно строжайшим образом преследоваться. Однако имеющиеся в распоряжении прокуратуры СССР сведения говорят о том, что прокуроры на местах уделяют мало внимания борьбе с нарушением этого закона.

Из сообщений Прокуратуры РСФСР видно, что в Горьковской, Ивановской, Калининской и других областях имеет место большое количество неполных абортов; число же привлеченных к ответственности лиц явно незначительно. Во многих случаях вследствие неправильного проведения расследования дел о самоабортах действительные виновники производства аборта не выявляются и не наказываются; к ответственности в этих случаях привлекаются обычно лишь женщины, которые скрывают фамилии лиц, произведших им аборты, и заявляют о том, что они сами сделали себе аборт.

Недостаточно ведется борьба с незаконными увольнениями и другими нарушениями прав беременных женщин.

Почти полное отсутствие информации о возбужденных делах в отношении должностных лиц за срыв выполнения постановления правительства от 27 июня 1936 г. в части, касающейся строительства родильных домов, детских яслей и других детских учреждений, за преступно-халатное отношение к делу со стороны работников родильных домов свидетельствует о недооценке борьбы с этими преступлениями.

Циркуляр Прокуратуры СССР от 8 августа 1936 г. («Сборник циркуляров Прокуратуры СССР», стр. 136) о надзоре за выполнением постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. слабо выполняется на местах, особенно в части, касающейся борьбы с злостным неплатежом алиментов.

Сопротивление враждебных делу социализма элементов мероприятиям партии и правительства по охране прав и интересов детей, нежелание иметь детей и платить алименты, угрозы и издевательства над матерью со стороны отца ребенка, рожденного от случайной связи, ложный стыд малокультурных матерей и тому подобные обстоятельства, борьба с которыми велась до сих пор явно недостаточно, влекут за собой совершение матерями различных преступлений. С этими преступлениями также борьба ведется недостаточная, к судебной ответственности привлекаются обычно только физические исполнители этих преступлений; подстрекатели же, а также лица (отцы), которые своим поведением допустили или довели матерей до детоубийства, слабо выявляются расследованием, которое, как правило, ведется милицией.

Ввиду этого предлагаю прокурорам республик, краев и областей:

1. Устранить указанные выше недочеты в работе прокуратуры по борьбе за реализацию закона 27 июня 1936 г., для чего систематически проверять выполнение циркуляра Прокуратуры СССР от 8 августа 1936 г.

2. Обязать прокуроров районов вести тщательное расследование всех случаев незаконных абортов, производимых под видом самоабортов, не ограничиваясь привлечением к уголовной ответственности лишь женщин, произведших самоаборт, а привлекая к строгой ответственности действительных виновников этих преступлений.

3. Привлекать к ответственности должностных лиц, по вине которых срывается выполнение плана строительства родильных домов, яслей и т. д.

4. Тщательно расследовать каждый факт детоубийства в целях выявления причин его и лиц, виновных прямо или косвенно в этом преступлении.

5. Проверять и сообщать в Прокуратуру СССР все случаи жалоб на непосильность размеров присужденных алиментов.

6. В спецдонесениях, начиная с мая, подробно информировать меня о вскрытых преступлениях и проводимых мерах борьбы с нарушениями закона 27 июня 1936 г.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

14 апреля 1937 г.
№ 23/4.

О КНИГЕ ЖАЛОБ

В борьбе с недостатками в государственном аппарате — бюрократизмом, волокитой, нечутким отношением к посетителям имеет особо важное значение книга жалоб.

Однако, как показала проверка, некоторые периферийные органы прокуратуры как республиканские, так и областные и краевые не имеют книг жалоб.

Приказываю:

1. Во всех прокуратурах союзных и автономных республик, краев, областей и районов, военных округов, железных дорог, водных бассейнов и т. д. немедленно ввести книги жалоб для предоставления гражданам полной возможности занесения в эти книги жалоб на неправильные или незаконные действия работников прокуратуры (на невнимательность, волокиту, грубость, халатность и т. п.).

2. Книга жалоб должна быть пронумерована, прошнурована, заверена руководителем данной прокуратуры. Книга жалоб должна храниться у дежурного прокуратуры или дежурного коменданта и выдаваться жалобщикам безоговорочно по их первому требованию.

3. Ежедневно книга жалоб проверяется лично руководителем данной прокуратуры, которым и принимаются по занесенным в книгу жалоб жалобам необходимые решения, о чем отмечается в соответствующей графе книги жалоб и сообщается жалобщику.

4. Наблюдение за разрешением данной жалобы по существу возлагается лично на руководителей данной прокуратуры.

Данный приказ обсудить на камерных и оперативных совещаниях.

Об исполнении этого приказа сообщить мне не позже 15 мая.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

17 апреля 1937 г.
№ 256.

О ВЕДОМСТВЕННЫХ ИНСПЕКЦИЯХ

Произведенным Прокуратурой Союза ССР расследованием незаконных действий работников Мосгорвнуторга было выявлено, что ведомственные инспекции Мосгорвнуторга для разрешения поступавших к ним жалоб систематически практиковали вызовы граждан для допроса, посылая им специальные повестки с указанием в последних, что неявившиеся будут подвергнуты приводу, а также производили допрос граждан с предупреждением их об ответственности по ст. 95 УК за дачу ложных показаний и с оформлением этого протокола допроса.

Виновные в этих незаконных действиях, противоречащих Сталинской Конституции СССР, предаются суду.

По имеющимся в Прокуратуре Союза ССР сведениям подобные незаконные действия практикуются на местах и в других ведомственных инспекциях, которым ст. 97 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК союзных республик не предоставлено право ведения расследования.

Предлагаю срочно принять необходимые меры к прекращению этой незаконной практики, учитывая, что согласно ст. 97 УПК, постановления СНК СССР от 19 октября 1934 г. за № 2409 о государственной торговой инспекции при НКВТ СССР и постановления НКВТ от 4 июня 1935 г. за № 442 право ведения расследования предоставлено лишь налоговой, санитарной, технической и торговой инспекциям по делам, отнесенным к их ведению, причем торговой инспекцией является лишь Государственная торговая инспекция при НКВТ СССР и ее уполномоченные на местах.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

19 апреля 1937 г.
№ 26/26.

О ПРОВЕРКЕ ПРОХОЖДЕНИЯ ЖАЛОБ

Комиссией советского контроля при проверке прохождения жалоб неоднократно указывалось на плохую постановку контроля как в центральном аппарате Прокуратуры Союза, так и на периферии.

При даче поручений местам назначаются нереальные сроки без учета местных возможностей (дальность расстояния, наличность средств сообщения и пр.) и зачастую сроки исполнения вообще не указываются. Исполнение поручений не контролируется, а посылаемые периодические запросы-напоминания не дают должного эффекта, не дисциплинируют периферию, не воспитывают чувство ответственности за порученное дело.

Отсутствие контроля за исполнением приводит к волоките с рассмотрением жалоб граждан, обращающихся в органы прокуратуры, и нарушает установленные партией и правительством сроки рассмотрения жалоб трудящихся.

Приказываю:

1. Установить в органах прокуратуры единую систему контроля по жалобам и переписке, в движении которой органы прокуратуры отчитываются перед директивными организациями.

На контроль должны быть взяты вопросы, которые говорят о случаях грубого нарушения закона; наиболее типичные жалобы, затрагивающие интересы целого круга лиц; вопросы, которые могут явиться широко распространенными, могут вскрыть злоупотребления или преступления должностных лиц; случаи волокиты, которые ведут за собой ущемление прав гражданина; злостное укрывательство от уплаты алиментов, а также жалобы и дела, которые прокурор сочтет необходимым проследить до конца.

2. Из числа контролируемых жалоб и переписок выделить на особый контроль поручения ЦК ВКП(б), ЦИК, СНК, КПК, КСК, Прокурора Союза, прокуроров республик и красноармейские жалобы.

3. Особый контроль осуществляется непосредственно начальниками отделов и управлений территориальных прокуратур военных округов, железных дорог и водных бассейнов. В тех случаях, когда по поручению особого контроля дается задание на периферию, за выполнением его в срок следит начальник отдела-управления.

О всех невыполненных в срок поручениях особого контроля начальники управлений-отделов немедленно обязаны докладывать руководству.

Изменение сроков исполнения может быть произведено только с разрешения давшего поручение.

4. Контроль за исполнением оперативных поручений, даваемых периферии отделами, осуществляется прокурорами этих отделов.

5. Контроль за своевременным поступлением истребованных материалов, как-то: копии приговоров, справок и дел возложить на секретарей.

6. Контроль осуществлять при помощи заполнения специальных контрольных карточек (образец прилагается), размещаемых в картотеке-календаре по срокам исполнения.

7. Начальникам отделов о всех случаях злостной волокиты на местах и о систематическом оставлении запросов без ответов докладывать прокурору области, края, республики, а в центральном аппарате — Прокурору Союза для принятия соответствующих мер, как-то: посылки ревизии, вызова для объяснений и наложений дисциплинарных взысканий.

Сообщать о волоките в местную партийную организацию для воздействия в партийном порядке.

8. В журнале «Соц. законность» учредить отдел «Борьбы с бюрократизмом и волокитой в органах прокуратуры».

9. Ответственность за соблюдение настоящего приказа возлагаю на прокуроров республик, краев, областей, железных дорог, бассейнов и военных округов.

10. Отделу жалоб Прокуратуры Союза проверить выполнение настоящего приказа и о результатах доложить мне 1—15 июня с. г.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

22 апреля 1937 г.
№ 272.

О РАБОТЕ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

29 апреля 1937 г. опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о работе угольной промышленности Донбасса.

Это постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) имеет огромное руководящее значение не только для хозяйственников, инженерно-технических работников и рабочих угольной промышленности, но и для органов прокуратуры.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) показывает, что органы прокуратуры далеко недостаточно боролись за выполнение постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 апреля и 21 мая 1933 г. о повышении заработной платы и улучшении культурно-бытовых условий для подземных рабочих и инженерно-технических работников шахт угольной промышленности Донбасса и что органы прокуратуры также неудовлетворительно вели борьбу с прогулами (пост. ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г.), с прогульщиками и дезорганизаторами производства.

В то же время органы прокуратуры нарушали неоднократные указания Прокуратуры Союза ССР об осторожном и внимательном подходе к привлечению к ответственности специалистов и хозяйственников по делам, связанным с их работой на производстве, в частности, нарушали циркуляр Прокуратуры Союза ССР от 2 июня 1934 г. о порядке привлечения к ответственности хозяйственников и специалистов.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 апреля 1937 г. вновь осудило практику огульного обвинения хозяйственников, инженеров и техников, а также практику огульной отдачи под суд, подменяющую и извращающую действительную борьбу с недостатками в хозорганах.

В связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 апреля 1937 г. органы прокура-

туры обязаны решительно перестроить свою работу в направлении точного и безусловного выполнения этого постановления.

Приказываю:

1. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 апреля 1937 г. проработать на оперативных и камерных совещаниях работников прокуратуры.

2. Неуклонно наблюдать за выполнением хозяйственниками п. 1 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о немедленном и безусловном проведении в жизнь решения СНК и ЦК ВКП(б) от 8 апреля и 21 мая 1933 г. о повышении заработной платы и улучшении культурно-бытовых условий для подземных рабочих и инженерно-технических работников шахт угольной промышленности Донбасса.

3. Всемерно поддерживать борьбу руководителей хозяйственных организаций с прогульщиками и злостными дезорганизаторами производства. Неуклонно применять в соответствующих случаях постановление ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. о борьбе с прогулами. В случаях попустительства со стороны хозяйственников в отношении прогульщиков привлекать виновных к уголовной ответственности по ст. 111 УК РСФСР (соответствующие статьи УК союзных республик).

4. Строжайше соблюдать указания Прокуратуры Союза ССР о вдумчивом и осмотрительном отношении к вопросу о привлечении к уголовной ответственности инженерно-технических работников, не допуская никаких отступлений от ранее данных по этому вопросу указаний Прокуратуры Союза ССР.

О проделанной работе по выполнению этого циркуляра доносить мне ежемесячно, начиная с 15 мая с. г.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

3 мая 1937 г.
№ 28/1.

О ЛИШЕНИИ ГРАЖДАН ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

По моему представлению Президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР 27 марта с. г. послал ЦИК союзных республик циркулярное письмо следующего содержания:

Роевский сельский совет Арбажского района Кировской области в справках, выданных 31 января с. г. гражданам Шустовым, указал, что названные граждане в 1930 г. лишены избирательных прав. В прямом противоречии со ст. 135 Конституции СССР Роевский сельсовет считает граждан Шустовых лишенцами.

Этот факт свидетельствует, что далеко не все районные, а также и областные исполнительные комитеты разъяснили сельским советам, что с принятием новой Конституции СССР лишение избирательных прав граждан по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности не должно иметь места.

Президиум Центрального исполнительного комитета СССР предлагает ЦИК союзных республик дать указание городским и сельским советам, что с утверждением Чрезвычайным VIII всесоюзным съездом советов Конституции СССР все постановления административных органов о лишении граждан избирательных прав по каким-либо мотивам утратили свою силу.

Отметки в выдаваемых гражданам документах о лишении избирательных прав могут иметь место лишь в случаях лишения избирательных прав по приговору суда, причем обязательно указание срока, на который гражданин лишен избирательных прав.

Председатель Центрального исполнительного комитета СССР **Петровский**

Секретарь Центрального исполнительного комитета СССР

Об изложенном сообщаю для сведения и руководства.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

16 мая 1937 г.
№ 29/24.

ОБ ОТЧЕТАХ КОЛХОЗОВ

Для сведения направляю вам циркуляр Наркомфина Союза ССР от 23 апреля с. г. за № 129.

В случае выявления вами фактов установления местными финорганами форм отчетности для колхозов, не предусмотренных постановлением СНК Союза ССР от 20 декабря 1936 г. за № 2132, немедленно ставьте вопрос об их отмене, доводя одновременно об этом до моего сведения.

Приложение: упомянутое.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

20 мая 1937 г.
№ 31/1.

СССР — Народный комиссариат финансов — 23 апреля 1937 г. № 129

НАРКОМФИНАМ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Копия — прокурору СССР

Курский облфинотдел обязал колхозы одновременно с годовым отчетом представить в райфинотделы две вспомогательные таблицы по составленной облфинотделом форме. Наркомфин СССР отменил это требование Курского облфинотдела как незаконное.

В настоящее время Наркомфин получил сообщение от Прокурора Союза ССР т. Вышинского о том, что аналогичные таблицы введены в Воронежской, Одесской и других областях СССР.

В связи с этим Наркомфин СССР указывает вам, что формы отчетности для колхозов устанавливаются с разрешением правительства, и требование о представлении колхозами сведений по форме, установленной финорганами, является незаконным.

Если наркомфином либо местными финорганами такие формы установлены, то их необходимо отменить.

Зам. народного комиссара финансов Союза ССР **И. Мирошников**

ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАВКАХ ЗЕРНА, РИСА, ПОДСОЛНУХА И КАРТОФЕЛЯ ГОСУДАРСТВУ В 1937 г.

В связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта 1937 г. «Об обязательных поставках зерна, риса, подсолнуха и картофеля государству в 1937 г. колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами и о ставках натуроплаты работ МТС» предлагаем руководствоваться следующим.

1. Райуполкомзаги, руководствуясь указанным выше постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б), а также утвержденной СНК СССР 16 мая 1937 г. инструкцией Комитета заготовок при СНК СССР «О порядке проведения обязательных поставок зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1937 г.», представляют прокурору области (края, республики) материал для привлечения правлений колхозов, злостно не выполнивших обязательные поставки зерна (риса, подсолнуха и картофеля) государству, к ответственности по суду для наложения денежного штрафа, а также для взыскания натурой всей недовыполненной части годового задания по поставкам зерна (подсолнуха, риса и картофеля).

2. Представленные райуполкомзагами материалы областному (краевому, республиканскому) прокурору должны содержать следующее:

а) размер годового обязательства по поставкам зерна (риса, подсолнуха и картофеля) как в целом по всем зерновым, так и по отдельным культурам;

б) размер поставок зерна (подсолнуха, риса и картофеля) по отдельным календарным срокам сдачи (месяцам);

в) фактическое выполнение обязательных поставок зерна (подсолнуха, риса и картофеля) за истекший период как в целом по всем зерновым, так и по отдельным культурам;

г) общий размер недовыполненной части обязательных поставок зерна (подсолнуха, риса и картофеля) за истекший период времени в целом по всем зерновым культурам, а также недовыполнение обязательных поставок по всему годовому обязательству как в целом по зерновым культурам, так и по каждой культуре в отдельности (для определения количества, подлежащего взысканию натурой);

д) действующие закупочные цены по отдельным культурам, утвержденные Комзагом для данной области (края, республики);

е) стоимость недовыполненной части зернопоставок за истекший календарный период в денежном выражении, исходя из закупочной цены, исчисленной по остатку недовыполненной части отдельных культур за истекший период.

Стоимость недовыполненной части зернопоставок за истекший календарный период определяется следующим образом: недовыполненная часть обязательства по каждой культуре в отдельности умножается на закупочную цену данной культуры. При этом прочие культуры умножаются на закупочную цену превалирующей в числе «прочих» культур;

ж) материалы, характеризующие злостность недовыполнения данным колхозом установленного для него размера сдачи зерна, (подсолнуха, риса и картофеля) по обязательствам за истекший календарный период, в частности, копия письменного предупреждения колхозу и характеристика причин невыполнения колхозом обязательств по сдаче зерна, несмотря на предоставленный 10-дневный льготный срок сдачи. Копию указанных материалов райуполкомзаги представляют уполкомзагу по области (краю, республике).

3. При наличии злостного невыполнения колхозами поставок зерна (риса, подсолнуха, картофеля) государству, прокуроры областей (краев, республик) по представлении райуполкомзагов привлекают правления колхозов к ответственности по суду для наложения денежного штрафа, а также для взыскания натурой недовыполненной части поставок зерна (риса, подсолнуха и картофеля).

4. Представленные райуполкомзагами материалы о привлечении к ответственности по суду правлений колхозов за невыполнение обязательных поставок с.-х. продуктов государству должны рассматриваться лично прокурором области (края, республики). При отсутствии прокурора материалы райуполкомзага рассматривает его заместитель, причем решение должно быть вынесено в течение одних суток с момента поступления материалов в прокуратуру.

5. Постановление о привлечении правлений колхозов к ответственности по суду за злостное невыполнение обязательных поставок с.-х. продуктов государству прокурор области (края, республики) составляет в соответствии со ст. 2 ГПК РСФСР или по соответствующим статьям ГПК других союзных республик (с ссылкой на указанное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта 1937 г.) и направляет это постановление в народный суд по месту нахождения колхоза.

6. В постановлении о привлечении правления колхоза к ответственности по суду прокурор области (края, республики) обязательно должен указать размер денежного штрафа, подлежащего наложению на правление колхоза, исходя из стоимости недосданной части с.-х. продуктов за истекший календарный период времени, исчисленного по государственным закупочным ценам, а также точное количество с.-х. продуктов по каждой культуре в отдельности, недовыполненное по всему годовому заданию и подлежащее взысканию натурой.

7. Решение вопроса о привлечении к ответственности по суду правления колхоза не может быть передоверено прокурором области (края, республики) районному прокурору. Направив дело для рассмотрения в народный суд, прокурор области (края, республики) немедленно должен поставить об этом в известность соответствующего районного прокурора, поручив ему выступить в народном суде от имени прокурора области (края, республики).

8. Органы прокуратуры обязаны принимать все необходимые меры к внеочередному рассмотрению в судах дел, связанных с злостным невыполнением правлениями колхозов своих обязательств по поставкам с.-х. продуктов государству, а также добиваться безоговорочной и быстрой реализации постановлений судов по этим делам.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

Председатель Комитета заготовок **Клейнер**

20 мая 1937 г. № 32/230 2005.

О ЗАДЕРЖКЕ ВЗНОСОВ ПО КОЛЛЕКТИВНОЙ ПОДПИСКЕ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАЕМ

По сообщению Главного управления госструдсберкасс и госкредита за последнее время участились факты длительной задержки учреждениями и предприятиями в своем обороте сумм, удерживаемых с рабочих и служащих по коллективной подписке на государственные займы.

Конкретно это выражается тем, что отдельные учреждения и предприятия, в нарушение постановления СНК СССР от 25 мая 1931 г. «Об усилении практики безналичных расчетов по коллективной подписке на государственные займы» (СЗ СССР 1931 г. № 35, ст. 259), либо вовсе не представляют при получении в Госбанке сумм на зарплату чеков на перечисление в сберкассы удержанных взносов по займу, либо представляют такие чеки на меньшие суммы против фактически удержанных.

Постановление СНК СССР от 25 мая 1931 г. обязывает привлекать лиц, незаконно задержавших взносы по коллективной подписке на государственные займы, к уголовной ответственности.

Между тем, органы прокуратуры, получая от сберкасс материалы о фактах задержки учреждениями и предприятиями удержанных по подписке взносов, не возбуждают против виновных лиц уголовного преследования.

Так, например, прокурор Лысогорского района Воронежской области и прокурор г. Иркутска, получив списки предприятий, задерживающих взносы, никаких мер к привлечению виновных к ответственности не приняли.

В Днепропетровске администрация парка имени Хатаевича на протяжении 7½ месяцев не перечисляла в сберкассу удержанных с рабочих взносов по займу и израсходовала из них 6292 руб. не по назначению. Однако переданные сберкассой прокурору Кировского района г. Днепропетровска материалы об этом злоупотреблении месяц находятся у него без движения.

Прокурор г. Краснодара вернул обратно сберкассе материалы о систематическом представлении сберкассе неправильных сведений о сумме подписки на заем, не найдя оснований для привлечения виновных к ответственности.

Обращая внимание органов прокуратуры на недопустимость ослабления борьбы с конкретными фактами задержки учреждениями и предприятиями взносов по коллективной подписке рабочих и служащих на государственные займы, предлагаю:

1. Должностных лиц, виновных в сознательной задержке перечисления этих взносов в сберкассы, либо в израсходовании их не по назначению, неуклонно привлекать к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

2. По той же статье привлекать к уголовной ответственности за представление в контрольные финансовые органы умышленно искаженных сведений о коллективной подписке на заем и о размерах полученных взносов.

3. Расследование по этим делам заканчивать в 10-дневный срок со времени поступления соответствующих материалов.

4. О результатах дел сообщать финорганам, возбудившим дело.

5. Прокурорам Воронежской и Днепропетровской областей и прокурорам Восточносибирского и Азово-Черноморского краев немедленно проверить факты, указанные в настоящем циркуляре, и дать законное движение соответствующим материалам.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

О ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ РАЙПРОКУРОРОВ

Наряду с повсеместно проводимой работой по повышению квалификации следователей должна быть проведена такая же работа в отношении райпрокуроров. Необходимо, чтобы прокуратуры республик, краев и областей взялись самым серьезным образом за работу по повышению квалификации райпрокуроров. Одной из форм учебных занятий для райпрокуроров должны быть конференции райпрокуроров, созываемые 3—4 раза в году в каждой прокуратуре республики, края и области. Конференции должны созываться и проводиться тем же порядком, что и конференции следователей, но с особой тематикой занятий.

Примерный типовой план (программа) учебной конференции райпрокуроров следующий:

1) о теоретическом правовом фронте (лекция);

2) Сталинская Конституция и задачи органов прокуратуры (лекция);

3) методика прокурорской работы по общему надзору (лекция и практические занятия);

4) основные вопросы уголовного процесса (лекция и практические занятия);

5) методика надзора за следствием (лекция и практические занятия);

6) процессуальное значение экспертизы (лекция);

7) методика судебного следствия (лекция);

8) методика выступления в суде (обвинительная речь — принципы построения, формы составления речи и т. п.);

9) вопросы квалификации отдельных видов преступлений (лекция и практические занятия).

В зависимости от местных условий, наличия преподавательских сил эта тематика может видоизменяться как в сторону расширения, так и в сторону сужения включенных в план тем.

1-я тема — о положении на теоретическом правовом фронте может быть выполнена лишь при условии, если имеется подготовленный для этой темы лектор. В основу лекции должна быть положена статья т. Юдина в № 20 «Правды» за 21 января 1937 г., статья т. А. Вышинского в «Правде» от 9 апреля 1937 г «Против антиленинских теорий права», а также статьи, которые на эту тему будут помещены в ближайших номерах журналов «Социалистическая законность» и «Проблемы уголовной политики».

2-я тема — Сталинская Конституция и задачи органов прокуратуры должна быть пройдена в форме лекции-доклада прокурора республики, края и области.

В качестве пособий должны быть использованы материалы Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов, доклад товарища Ста-

лина, речь т. Молотова. По специальному вопросу о прокуратуре см. доклад т. А. Я. Вышинского в № 1 «Социалистической законности» за 1937 г. «Сталинская Конституция и задачи органов прокуратуры».

3-я тема — методика прокурорской работы по общему надзору проходится таким образом. Руководящий работник аппарата республиканской или краевой (областной) прокуратуры лекционным порядком излагает основные принципы общего надзора, основные установки прокурорской работы в этой области, а затем в порядке практических занятий прорабатываются отдельные вопросы, возникающие в практической работе, анализируются имевшие место ошибки и т. д.

Пособием может служить учебник т. Вышинского «Судоустройство в СССР» 1936 г., стр. 209—222. Также см. статью Березовской в № 7 «Социалистической законности» за 1936 г., «Проект Конституции и задачи прокуратуры в области общего надзора.

4-я тема — основные вопросы уголовного процесса, — дается 3—4 общих лекций по вопросам: 1) значение процессуальной формы в судебно-следственной работе, задачи уголовного процесса, обеспечение революционной бдительности в уголовном процессе, борьба с обвинительным уклоном и процессуальным упрощенчеством; 2) учение о доказательствах; 3) основные процессуальные формы предварительного расследования; 4) кассационное и надзорное производство. Затем в порядке практических занятий прорабатываются отдельные следственные и судебные дела, составляются основные процессуальные акты (постановление о привлечении к уголовной ответственности, протесты и т. д.).

В качестве пособия следует использовать учебник уголовного процесса Строговича (1936 г.) и доклад т. Вышинского о доказательствах в уголовном процессе в № 7 «Социалистической законности» за 1936 г.

5-я тема — методика надзора за следствием проходится в основном в том же порядке, как и тема 3-я.

Пособием может быть книга «Материалы учебной конференции следователей в Прокуратуре СССР» (выходит из печати), см. также пособие по теме 4-й.

6-я тема — об экспертизе — проходится в форме лекций по вопросам процессуального проведения и оформления экспертизы. К этому крайне целесообразно добавить практические занятия по отдельным видам экспертизы, прежде всего бухгалтерской, для чего могут быть привлечены работники и материалы из местного бюро судебно-бухгалтерской экспертизы.

Пособия — см. в предыдущих темах, также учебник криминалистики (Института уголовной политики), т. I, стр. 210—226, т. II, стр. 63—123.

7-я и 8-я темы представляют большую сложность для прохождения. Проводить их должен наиболее опытный в выступлениях на суде прокурор. В качестве материала должны быть привлечены опубликованные отчеты о процессах по делу троцкистского антисоветского центра, по делу Семенчука и Старцева (убийство доктора Вульфсона на острове Врангеля) и др.

9-я тема — вопросы квалификации отдельных видов преступлений. Лекционным порядком излагается общая характеристика отдельных видов преступлений (контрреволюционные, должностные, против личности) и в порядке практических занятий решаются казусы, разбираются конкретные уголовные дела.

Пособием должны служить материалы судебно-надзорной практики Прокуратуры СССР, публикуемые в «Социалистической законности», и судебной практики, публикуемые в «Советской юстиции».

По всем темам следует широко использовать журнал «Социалистическая законность», циркуляры и инструктивные методические письма Прокуратуры СССР.

К этой общей тематике следует добавить отдельные вопросы гражданского права и гражданского процесса, если есть подготовленные преподаватели.

Срок проведения каждой конференции — 10 дней, с числом участников — 10 райпрокуроров.

Прокуроры республик, краев и областей должны составить планы проведения учебных конференций на вторую половину 1937 г. и немедленно приступить к их подготовке.

Эти работы ни в коем случае не должны ослабить работу по проведению конференций следователей.

Об всех затруднениях при проведении конференции, а также по вопросам учебных пособий и методики занятий обращайтесь в отдел кадров Прокуратуры СССР.

О ваших мерах по осуществлению этого предложения прокуратуры союзных республик должны представить мне отчет к 10 июня 1937 г.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

21 мая 1937 г. № 33/6.

О ПОРЯДКЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Ряд прокуроров запрашивает, распространяется ли циркуляр Прокуратуры Союза ССР от 2 июня 1934 г. о порядке привлечения к ответственности инженерно-технических работников и хозяйственников на лиц, не имеющих специального инженерно-технического образования, но занимающих должности начальников цехов и состоящих членами инженерно-технических секций, и на заведующих отделами хозяйственных предприятий.

Разъясняю:

1) Циркуляр Прокурора Союза ССР от 2 июня 1934 г. за № 10/67 устанавливает порядок привлечения к ответственности инженерно-технических работников и руководящих хозяйственников по делам, связанным с их производственной деятельностью, причем циркуляр этот распространяется на всех хозяйственников и инженерно-технических работников, независимо от имеющегося у них образования.

2) Указанный циркуляр должен быть распространен на инженеров, начальников цехов, заместителей начальников цехов и на заведующих отделами хозяйственных предприя-

гий, независимо от полученного ими образования.

Настоящий циркуляр предлагаю принять к неуклонному выполнению.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

25 мая 1937 г. № 35/1.

О ПОРЯДКЕ ВЗЫСКАНИЯ ШТРАФОВ, НАЛАГАЕМЫХ ОРГАНАМИ НАРКОМВОДА

В связи с возникающими недоразумениями по вопросу о порядке принудительного взыскания штрафов, налагаемых органами Наркомвода за нарушение обязательного постановления Наркомвода «Об охране порядка и безопасности движения по внутренним водным путям СССР», разъясняю:

Ввиду того, что Наркомвод как и НКПС не имеет своего аппарата по взысканию штрафов с граждан по месту их жительства, циркуляр Прокуратуры Союза ССР от 15 июня 1935 г. не распространяется на штрафы, налагаемые органами Наркомвода.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

26 мая 1937 г. № 36/16.

О ПОРЯДКЕ ОБРАЩЕНИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СОЮЗНЫЕ НАРКОМАТЫ

Отмечаются случаи непосредственного обращения областных и даже районных прокуроров (прокурор Южно-Казахстанской области, прокурор г. Сулина и др.) в союзные наркоматы с постановкой вопроса о проведении различных обследований и ревизий в связи с конкретными следственными делами. Эти обращения зачастую недостаточно обосновываются, и Прокуратура Союза ССР иногда узнает об этом уже после того, когда тот или иной наркомат отклоняет предложение областного или районного прокурора.

Считая подобное положение совершенно недопустимым, приказываю:

1. Запретить непосредственное обращение в союзные наркоматы с предложением о производстве ревизий или обследований.

2. В случае необходимости такой постановки вопроса прокуроры союзных республик, областей и районов обязаны послать мотивированное представление в Прокуратуру Союза.

3. Аналогичные представления районные и областные прокуроры посылают прокурорам союзных республик в случае необходимости обращения в республиканские наркоматы.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

27 мая 1937 г. № 37/26.

О ПОРЯДКЕ РАЗБОРА ЖАЛОБ ТРУДЯЩИХСЯ

Всем прокурорам союзных республик, краев, областей, автономных республик, водных бассейнов, железных дорог и военных округов

При этом направляю я вам, согласно указанию Прокурора Союза ССР т. Вышинского, циркулярное разъяснение Президиума ЦИК Союза ССР в дополнение к постановлению ЦИК Союза ССР от 14 декабря 1935 года «О положении дел с разбором жалоб трудящихся» для руководства.

Пом. Прокурора Союза ССР Зам. нач. Отдела жалоб **Шумовский**

27 мая 1937 г. № 38/23.

Дело № 938/2.

ЦИРКУЛЯРНОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР

В дополнение к постановлению ЦИК СССР от 14 декабря 1935 г. «О положении дел с разбором жалоб трудящихся» (СЗ СССР 1936 г. № 31, ст. 274), Президиум ЦИК СССР разъясняет:

1. В соответствии со ст.ст. 113 и 117 Конституции СССР и ст. 4 Положения о Прокуратуре СССР ЦИК союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краев и областей, городские советы и районные исполкомы осуществляют проверку прохождения жалоб трудящихся в органах местной прокуратуры при обязательном участии представителей соответствующих[1] органов прокуратуры.

2. Все материалы и свои предложения, вытекающие из этой проверки, они представляют в части организационных вопросов в президиумы ЦИК союзных и автономных республик, краевых и областных исполнительных комитетов и вышестоящему прокурору; по вопросам оперативного характера — по принадлежности прокурорам союзной и автономной республики, краевому и областному на их распоряжение.

3. Прокуроры союзных и автономных республик, краевые и областные в декадный срок обязаны принять все необходимые меры, вытекающие из представленных в результате произведенной проверки предложений, и об исполнении сообщить как соответствующему исполкому, так и Прокурору СССР.

Председатель Центрального исполнительного комитета СССР **М. Калинин**

Секретарь Центрального исполнительного комитета СССР

Москва, Кремль, 7 мая 1937 г.

О ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Одним из наиболее серьезных затруднений в работе по повышению квалификации следователей до сих пор является отсутствие таких методических руководств по расследованию отдельных категорий дел, которые могли бы служить следователям не только пособием в изучении теоретических принципов методики расследования, но и способом преодоления на практике тех специфических трудностей, которые возникают в практической работе следователя.

Эти затруднения очень часто вызываются неумением следователей применить тактические и методические приемы расследования, соот-

[1] Вышестоящих.

ветствующие всем особенностям работы предприятия или учреждения, которого касается производимое расследование.

В целях представления следователям практических пособий, которые помогли бы им в преодолении этих затруднений, Прокуратура Союза ССР приступила к разработке методических руководств по расследованию отдельных видов преступлений.

Из намеченных планом руководств в ближайшее время выходят из печати:

1. Общие принципы методики расследования дел о растратах и хищениях общественной (социалистической) собственности.

2. Руководство по методике расследования дел о хищениях и растратах в органах связи.

3. Руководство по методике расследования дел о хищениях и растратах материальных ценностей в строительных организациях.

Издаваемые нами руководства, вследствие самой преследуемой ими цели, неизбежно должны быть насыщены значительными техническими сведениями. Это создает известные трудности при изучении этих руководств, особенно для малоквалифицированных работников.

Полагаться на самотек в изучении этих руководств нельзя, и ваша задача будет заключаться в том, чтобы организовать изучение следователями и прокурорами этих руководств и проверку их усвоения.

Для этого необходимо:

1. Без задержки распределять между следователями и прокурорами издаваемые Прокуратурой Союза ССР руководства.

2. При рассылке руководств устанавливать для каждого следователя и прокурора, с учетом теоретической подготовки и практического опыта каждого из них, сроки проверки усвоения ими этих руководств.

Обеспечить реальное проведение этих проверок и вместе с тем организовать необходимую консультацию для помощи в усвоении излагаемого в руководствах материала.

3. Включать в программу учебно-методических конференций, кустовых совещаний, занятий криминалистических кружков и т. п. изучение этих руководств.

4. Использовать положения, излагаемые в этих руководствах, при даче указаний следователям по отдельным делам как при обследовании следственных участков, так и при оценке полноты и качества расследования по оконченным следственным делам, поступающим в край(обл)прокуратуру.

Следственному отделу Прокуратуры Союза ССР поручено производить систематический контроль за выполнением изложенных указаний.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

3 июня 1937 г. № 40/26

О ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ

Из проходящих через Прокуратуру Союза ССР следственных дел усматривается ряд часто повторяющихся нарушений, которые должны быть немедленно устранены из следственной практики.

1. По делам о должностных и хозяйственных преступлениях в ряде случаев следователи и прокуроры в процессе расследования, усматривая неполноту материалов ревизий, по которым было возбуждено дело, выносят постановления о производстве повторной ревизии, а дела приостанавливают следствием, в результате чего получается, что окончание следствия по делу крайне затягивается, так как соответствующие хозяйственные организации не сразу производят ревизию (в силу отсутствия работников, которые могут быть в данное время выделены на ревизию, и по ряду других причин); привлеченные же к уголовной ответственности лица продолжают по этим приостановленным делам находиться в положении обвиняемых.

2. В некоторых случаях следственные дела прекращаются по мотивам малозначительности и нецелесообразности предания обвиняемых суду. При этом иногда в постановлениях о прекращении дела фиксируются различные факты злоупотреблений со стороны обвиняемых, а затем дальше обосновывается нецелесообразность рассмотрения дела на суде, и дело прекращается.

Такие постановления фактически вменяют лицам, привлеченным к ответственности (или подлежащим привлечению), различные преступления, но лишают их всякой возможности оспаривать эти обвинения перед судом.

Такое положение имело место, например, по делу, расследовавшемуся в прокуратуре Таджикской ССР по обвинению б. зав. кинотеатром гр. Герзон. В постановлении о прекращении дела было указано, что гр. Герзон производила злоупотребления при выплате денежных сумм, а в результате дело было прекращено за малозначительностью.

3. По ряду дел наблюдается, что следователи, а также другие работники расследования допрашивают различных лиц в качестве подозреваемых. Обычно в качестве подозреваемых допрашиваются лица, на которых содержатся указания в поступающих к прокурору и следователю материалах, но которых следователь не считает возможным привлечь к уголовной ответственности в качестве обвиняемых, ввиду того что имеющийся материал неполон и недостаточно проверен. Тем самым ряд граждан, которые к уголовной ответственности в качестве обвиняемых не привлечены и обвинение которым не предъявлено, попадают в совершенно неопределенное положение подозреваемых и находятся в этом положении иногда длительное время, будучи лишены тех прав, которые по закону предоставлены обвиняемым.

Считая подобные явления в нашей следственной практике недопустимыми, **приказываю:**

1. Приостановление расследования допускать только в случаях, прямо указанных в ст. 202 УПК РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик, но ни в коем случае не в связи с тем, что по делу назначается новая ревизия, проводимая по линии соответствующих хозяйственных организаций.

В соответствии с циркуляром Прокурора Союза ССР за № 17/26 от 1 апреля 1937 г., в случае неполноты представленных прокуратуре ревизионных материалов, требовать производства повторных ревизий до возбуждения уголовного дела. Если же неполнота ревизий будет вскрыта лишь в процессе следствия и

прокуратура признает необходимым требовать производства повторной ревизии, следствия не приостанавливать, а заканчивать в установленные законом сроки в пределах тех конкретных злоупотреблений, по поводу которых дело было возбуждено. Если же произведенной дополнительной ревизией будут установлены новые факты преступлений, по поводу их возбуждать самостоятельное дело.

2. Не допускать в постановлениях о прекращении дела указаний на какие-либо обстоятельства порочащего характера в отношении привлеченных или подлежащих привлечению лиц (факты различных злоупотреблений и т. д.).

При прекращении дела за малозначительностью тех или иных фактов, составляющих предмет расследуемого дела (примечание к ст. 6 УК РСФСР и соответствующим ст.ст. УК других союзных республик), не указывать в постановлении на доказанность тех или иных фактов, не предрешать того, что эти факты имели место в действительности и действительно были совершены данными лицами, а ограничиваться указанием на то, что самые факты, по поводу которых ведется расследование, не могут быть рассматриваемы как преступление в силу их малозначительности, а потому дело подлежит прекращению.

3. При допросе граждан, подозреваемых в «совершении преступления, не допускать наименования их «подозреваемыми» и вообще устранить из следственной практики фигурирование на следствии того или иного лица в положении «подозреваемого». Если в отношении того или иного лица имеются данные, указывающие на совершенные ими преступления, — привлекать это лицо к уголовной ответственности и допрашивать в качестве обвиняемого.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

5 июня 1937 г. № 41/26.

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ СТАЛИНГРАДСКОЙ Ж. Д.

Проверкой работы прокуратуры Сталинградской ж. д., в частности дел о крушениях и авариях, установлено, что прокурор Сталинградской ж. д. т. Малов до сих пор не перестроил работы в соответствии с директивами пленума ЦК ВКП(б) и указаниями Всесоюзного совещания прокуратур дорог.

Прокуратура Сталинградской ж. д. до сих пор продолжает работать старыми, негодными методами, в результате чего в ее работе имеется целый ряд серьезных недостатков, без немедленного устранения которых нельзя выполнить поставленные перед транспортной прокуратурой задачи.

Основными недостатками в работе прокуратуры Сталинградской ж. д. являются:

1. Оперативного живого руководства следствием прокуратура не осуществляет, в результате чего сроки следствия недопустимо длинные, а качество следствия неудовлетворительное. Следователи прокуратуры лишь в незначительной степени используются для расследования дел о крушениях.

2. Представленная главной прокуратуре ж.-д. транспорта информация по делам о крушениях совершенно неудовлетворительна и несвоевременна, а иногда заведомо неправильна.

Так, например, по делу о крушении трудового поезда № 113 на ст. Тракторная 6 мая с. г. прокурор дороги т. Малов телеграфно сообщил мне, что «на месте схода обнаружен болт, на головке которого имеются следы ударов. Техническая комиссия предполагает, что болт был подложен. Расследование производится по линии НКВД».

При проверке материалов этого дела 11 мая было установлено, что никакого следствия по этом делу не проводится; по заключению технической комиссии причиной схода паровоза поезда № 113 была неисправность пути, а найденный на пути болт никакого отношения к сходу паровоза не имеет.

По большинству дел о крушениях и авариях информация дается только после неоднократных напоминаний следственного отделения главной прокуратуры, и, как правило, информация эта сводится к констатированию факта крушения без указания мероприятий со стороны прокуратуры, конкретной вины привлеченных, их характеристик и указания, является ли этот участок аварийным.

3. Прокурор дороги т. Малов устранился от наблюдения за наиболее серьезными политическими делами о крушениях (диверсии) под тем предлогом, что наблюдение за этой категорией дел ведет военный прокурор.

В результате прокуратура дороги не знала о положении следствия по этим делам. Аналогичное положение по наблюдению за следствием по этой категории дел было и на участках (Сталинградский участок — дела о диверсиях в Морозовском оперпункте НКВД).

4. В результате отсутствия оперативного руководства следствием и систематической проверки следственных дел в оперпунктах НКВД прокуратура дороги прошла мимо серьезных политических дел, следствие по которым тянулось месяцами и проводилось формально, без учета политического значения дела и вскрытия действительных виновников.

Так, например, в начале апреля месяца с. г. в Морозовском отделении движения Сталинградской ж. д. был похищен архив, который был продан в магазин сельпо как оберточная бумага. В этом архиве были документы особо важного значения: планы расположения путей и зданий, схемы устройств путей и тупиков, технико-распорядительные акты станций и другие документы, не подлежащие оглашению.

26 апреля прокурор дороги т. Малов сообщил, что виновные в хищении архива Деркач, Борисенко и Соболев привлечены к уголовной ответственности по п. «д» ст.ст. 162 и 121 УК РСФСР.

При проверке этого дела 14 мая было установлено, что следствие по этому делу проводилось совершенно неудовлетворительно: за полтора месяца допрошено только несколько человек, не привлечен к ответственности основной виновник, начальник конторы Морозовского отделения движения Князев — кулак, систематически проводивший контрреволюционную агитацию и приказавший сторожихе Волковой выбросить архив отделения в угольную кладовую, а затем давший согласие кла-

довщику Деркач на хищение и продажу архива.

За полтора месяца не было произведено элементарных следственных действий (проверки архивов отделения и т. д.), в результате чего не было выяснено, что кроме указанного архива похищен также архив по крушениям и авариям за 1936 г. и также продан как оберточная бумага. Не был выяснен вопрос о роли руководителей Морозовского отделения движения, в то время как при проверке дела полностью подтвердилось преступное отношение к хранению архива со стороны начальника Морозовского отделения движения Власова.

Прокурор дороги т. Малов не придал этому делу политического значения и в течение полутора месяцев ни разу лично не проверил материалы дела.

5. Несмотря на то что за последние месяцы по Сталинградской ж. д. произошел целый ряд серьезных крушений по причине исключительно безобразного состояния пути, а также на то, что много дел о крушениях по этой причине прошло через линсуд, прокуратура дороги не сделала анализа причин этих крушений и не поставила вопроса о работе службы пути Сталинградской ж. д., хотя имела по этому вопросу ряд сигналов.

6. Следователи прокуратуры Сталинградской ж. д. загружены массой мелких дел (Сталинградский участок — следователь Хлевнок, 40—45 дел), в результате чего упускаются наиболее серьезные дела и не обеспечивается должного качества следствие.

Основными причинами неудовлетворительной работы и самотека в работе прокуратуры являются:

1. Отсутствие плановости и системы в работе прокуратуры.

2. Отсутствие учета работы, анализа контроля исполнения и систематического руководства со стороны прокурора дороги.

Указанные серьезные недостатки в работе прокуратуры Сталинградской ж. д. объясняются еще и тем, что прокуратура Сталинградской ж. д. оторвана от массы рабочих железнодорожников, не связана с лучшими производственниками-стахановцами, работает старыми негодными канцелярско-бюрократическими методами. Рабочего актива прокуратура не имеет, за исключением 2—3 человек на отдельных участках.

Приказываю:

1. Прокурору Сталинградской ж. д. т. Малову принять решительные меры к перестройке работы прокуратуры в соответствии с директивами пленума ЦК ВКП(б) и указаниями совещания прокуроров дорог, немедленно устранив все недочеты, отмеченные в настоящем приказе.

2. По делам о крушениях и авариях добиться действительного живого руководства следствием, ежемесячно подводя итоги работы и наладив своевременную и полную информацию главной прокуратуры ж.-д. транспорта.

3. Потребовать от своих помощников дачи письменных указаний по следственным делам и систематической проверки дел в оперпунктах, добиться решительного сокращения сроков следствия.

4. Пересмотреть списки актива, исключить неработающих. Вовлечь в группы содействия лучших ударников-стахановцев. Установить повседневную связь с активистами, систематически созывая совещания актива для инструктажа и обмена опытом. Организовать учет работы, сообщая каждому активисту о принятых мерах по его сигналам.

5. Предупредить прокурора дороги т. Малова, что в случае, если не будет перелома в работе в ближайшие 2 месяца, будет поставлен вопрос о снятии его с должности.

Ст. пом. прокурора Союза ССР Гл. прокурор ж.-д. транспорта **Сегал**

5 июня 1937 г. № 402/Т60.

НАРУШЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ В ЧУВАШСКОЙ АССР

При проверке, по моему поручению, работы прокуратуры Чувашской АССР прокурором отдела общего надзора Прокуратуры РСФСР тов. Ростовским и зам. прокурора Московской области т. Яковлевым установлено, что работниками суда и прокуратуры Чувашии из-за угодливости и подхалимства к ответственным работникам допущено грубое нарушение социалистической законности при рассмотрении ряда уголовных дел.

Так, постановлением президиума Чувашского главсуда 1 августа 1936 г. т. Юрьеву М. Ф., обвинявшемуся по ст.ст. 111, 110 ч. 2 и 158 УК, была снижена мера уголовного наказания с 2 лет лишения свободы до 6 месяцев и.-т. работ по месту работы, несмотря на то, что преступления Юрьева были вполне доказаны (избиение кино-механика Алексеева, избиение своего ребенка, пришедшего за получением алиментов, и др.).

Юрьев, начиная с 1923 г., привлекался по 17 уголовным делам, неизбежно оканчивавшимся смазыванием этих дел только потому, что Юрьев является братом члена бюро обкома ВКП(б) Чувашской АССР—Юрьева П. Ф.

В нарсуде Канашского района 21 сентября 1936 г. рассмотрено было дело по гражданскому иску Чувашкинотреста к тому же Юрьеву М. Ф. на сумму 5240 руб., в то время как по этому делу Юрьев подлежал привлечению к уголовной ответственности за растрату. Угодничая перед Юрьевым, нарсудья Иванов, по предложению ответчика Юрьева, это дело рассмотрел в кабинете Юрьева.

На эти безобразные факты быв. прокурор Чувашской АССР т. Назаров и зам. прокурора Чувашской АССР Хримли своевременно не реагировали.

Протест на неправильное смягчение наказания Юрьеву М. Ф. не был своевременно принесен быв. прокурором Чувашской АССР Назаровым и заместителем его Хримли. Последний был сделан с большим опозданием по письму секретаря обкома ВКП(б) Чувашской АССР т. Андреева, указавшего в этом письме прокурору Чувашской АССР на проявленное

угодничество по отношению к Юрьеву со стороны работников суда и прокуратуры.

2. Прокуратурой Алтарского района (прокурор Кормачев) 18 декабря 1936 г. было возбуждено уголовное дело в результате происшедшего инцидента между секретарем Алатырского райкома партии Захаровым и охотниками-профессионалами братьями Цыпляевыми по спору на охоте на медведя.

Так как при этом столкновении охотников задеты были интересы секретаря райкома партии, дело это было проведено как в процессе следствия, так и в народном суде с грубейшими нарушениями революционной законности и окончилось незаконным приговором ни в чем неповинных граждан братьев Цыпляевых к 5 годам лишения свободы и рабочего Кожаева к 3 годам лишения свободы с поражением их всех в правах.

В процессе следствия арестовывались свидетели Додонов, содержавшийся в заключении всю ночь с 18 на 19 декабря, и Аксенов, содержавшийся под стражей в течение 29 часов.

В подготовительном заседании нарсуда было отказано в просьбе обвиняемых Цыпляевых о передаче дела на рассмотрение в нарсуд другого района, несмотря на заявления, что они сомневаются в беспристрастности народного суда по делу потерпевших, в котором выступает секретарь райкома партии.

На самом судебном процессе грубейшим образом были нарушены процессуальные права обвиняемых, им было отказано в вызове свидетелей, которые могли осветить действительную роль обвиняемых по делу в случае с Захаровым. Один из обвиняемых, Цыпляев Иван, во время судебного заседания был постановлением суда удален из зала суда, как говорится в приговоре, «за неподчинение суду о прекращении выкриков, что Кожаев не виноват». По делу установлено, что Кожаев действительно никакого участия в инциденте между охотниками не принимал.

Эти вопиющие беззакония проходили при явном содействии прокурора Алатырского района Кормачева, наблюдавшего за следствием по этому делу и участвовавшего в суде в качестве государственного обвинителя по делу и требовавшего приговора к 5 годам лишения свободы обвиняемым, в то время когда эти лица не были даже виновны.

Зам. прокурора Чувашской АССР Хримли, также как и вновь назначенный прокурор Чувашской АССР Элифанов, ознакомившись с делом по обвинению Цыпляевых и Кожаева, проходившим в кассационном и надзорном порядке в верховном суде Чувашской АССР, прошли мимо грубейших нарушений и беззаконий, допущенных в отношении обвиняемых по делу, и не привлекли к ответственности за эти безобразия прокурора Алатырского района Кормачева и нарсудью г. Алатырь Виталина, председательствовавшего на этом суде.

3. Проверкой также установлено, что в течение 1936—1937 гг. в Чувашской АССР происходили массовые избиения колхозников и единоличников должностными лицами колхозов и сельсоветов, но должной борьбы с этим со стороны быв. прокурора Чувашской АССР Назарова (ныне наркома юстиции Чувашской АССР), а также зам. прокурора Чувашской АССР Хримли не проводилось. Энергичная борьба с этими преступлениями в прокуратуре Чувашской АССР началась лишь после предложения, сделанного бюро Комиссии партийного контроля от 29 октября 1936 г. и после мер, принятых Прокуратурой СССР и РСФСР.

Приказываю:

1. За неправильное предание суду братьев Цыпляевых и Кожаева, окончившееся вынесением неправосудного приговора в отношении этих лиц, предложить прокурору РСФСР немедленно привлечь к уголовной ответственности прокурора Алатырского района Кормачева и нарсудью г. Алатырь Виталина. Прокурора Алатырского района Кормачева с работы районного прокурора снять; в отношении нарсудьи Виталина поставить перед НКЮ РСФСР вопрос о снятии его с работы.

2. Зам. прокурора Чувашской АССР Хримли с работы снять и понизить в должности.

3. Прокурору Чувашской АССР Элифанову, назначенному на эту работу 28 января 1937 г., за несвоевременное принесение протеста по делу Цыпляевых, за непринятие мер в отношении работников суда и прокуратуры Алатырского района за допущенные ими беззакония объявить выговор.

4. О бездеятельности быв. прокурора Чувашской АССР Назарова по перечисленным фактам грубейших нарушений социалистической законности сообщить наркому юстиции РСФСР.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

7 июня 1936 г. № 409.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

ЗА МАРТ 1937 г.

I. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

1. О перечне продукции тяжелой промышленности, стандарты на которую утверждаются СНК Союза ССР и НКТП — пост. СНК СССР от 14 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 15, ст. 48).

2. Транспорт

2. О реорганизации управления путейским хозяйством на речном транспорте — пост. СНК СССР от 26 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 16, ст. 60).

3. Об улучшении учета и отчетности на водном транспорте — пост. СНК СССР от 4 марта 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 68).

4. О разделении Узбекско-Таджикского управления Гражданского воздушного флота — пост. СНК СССР от 8 марта 1737 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 71).

3. Связь

5. О порядке производства работ по переустройству и переносу сооружений связи, вызываемых новым строительством, реконструкцией городов и переустройством дорог — пост. СНК СССР от 4 апреля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 70).

II. ФИНАНСЫ

6. О взимании в 1937 г. особого арендного сбора в городах Сочи, Сухуми, Гаграх, Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках, Железноводске, Евпатории, Ялте и Алуште и в поселках Алупке, Симеизе, Мацесте и Хосте—пост. ЦИК и СНК СССР от 17 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 15, ст. 44).

7. О ставках налога с оборота на мясо, мясопродукты и животные жиры — пост. СНК СССР от 22 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 16, ст. 59).

8. О порядке обложения подоходным налогом некооперированных кустарей и ремесленников без наемных рабочих — пост. ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 64).

9. Об установлении процентных отчислений от налога с оборота в бюджеты союзных республик за 1937 г. — пост. СНК СССР от 8 марта 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 65).

10. Об отмене постановления СНК Союза ССР от 25 января 1932 г. «О порядке обложения специальным военным налогом граждан, зачисленных в тыловое ополчение» — пост. СНК СССР от 17 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 67).

11. О ставках налога с оборота на товары табачно-махорочной промышленности — пост. СНК СССР от 4 марта 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 69).

III. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

12. О плане лесозаготовок на 1937 г. и о мероприятиях по его осуществлению — пост. СНК СССР от 16 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 15, ст. 45).

13. О взаимоотношениях лесозаготовительных организаций с колхозами — пост. СНК СССР от 16 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 15, ст. 46).

14. Об обязательной поставке шерсти государству в 1937 г. — пост. СНК СССР от 16 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 15, ст. 47).

15. Об изменении «Общего таможенного тарифа по привозной торговле» — пост. СНК СССР от 27 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 17, ст. 61).

16. Об утверждении дополнения инструкции НКТП Союза ССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР «О порядке проведения обязательных поставок мяса государству в 1937 г.» — пост. СНК СССР от 22 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 17, ст. 62).

17. Об изменении инструкции «О порядке взыскания недоимок по мясопоставкам в 1937 г.» — пост. СНК СССР от 23 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 66).

IV. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

18. Об изменении размеров единой государственной пошлины с исковых заявлений по делам, производящимся в судебных учреждениях — пост. ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 63).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Приговор народа 1

А. Вышинский — О некоторых методах деятельности иностранных разведывательных органов и их троцкистской, правой и иной агентуры 3

Б. Маньковский — Против антимарксистских теорий в уголовном праве 13

Б. Борисов — Гражданский процесс и прокуратура 21

В. Громов — Расследование дел об убийствах без трупа 29

В. Бранецкий — Вопросы судебно-бухгалтерской экспертизы 41

Б. Дубиновский — О некоторых вопросах авторского права 46

М. Шифман — Новое в законодательстве о сельскохозяйственных заготовках 50

И. Барков — За незыблемое проведение в жизнь Сталинского устава сельхозартели 52

Г. Свердлов — Вместо фельетона 55

Обмен опытом 56

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза 70

По союзным республикам 75

Актив Прокуратуры Союза ССР 87

Активы судебно-прокурорских работников на местах 93

Право, процесс, судоустройство в капиталистических странах 97

Официальный отдел 106

Сводка важнейших постановлений Правительства Союза ССР 119

Ответственный редактор **А. Я. ВЫШИНСКИЙ**

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР Технический редактор **Н. Журавлев**

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 22/VI 1937 г. Сдано в производство 25/VI 1937 г.
Подписано к печати 14/VII 1937 г. 7,5 п. л. 19,5 авт. лист. В одном бум. листе 216000 зн.

Формат 72×108 Ю—4п.; № 422

Уполном. Главлита Б-20250. Заказ № 933. Тираж 20250 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига». Москва, Мал. Дмитровка, 18.

Всесоюзный заочный юридический институт НКЮ СССР (ВЮЗИ)

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ В ИНСТИТУТ И ЗАОЧНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ШКОЛУ

Обучение без отрыва от производства. Срок обучения в институте 4 года, а в юршколе 2 года:

Всесоюзный юридический заочный институт является высшим учебным заведением. Лица, окончившие заочный юридический институт, получают диплом и все права окончивших стационарные юридические институты и квалификацию юриста, могущего работать в органах суда, прокуратуры, следствия, нотариата, адвокатуры, арбитража и т. п.

Заочная юридическая школа готовит специалистов тех же категорий средней квалификации.

В институт принимаются все граждане Союза ССР в возрасте от 17 до 45 лет, окончившие полную среднюю школу, техникум или рабфак, а также имеющие аттестаты об окончании полной средней школы в порядке экстерната.

Поступающие в институт подвергаются приемным испытаниям согласно установленным правилам приема в вузы.

В заочную юридическую школу принимаются преимущественно практические работники органов юстиции, имеющие образование не ниже 6 классов средней школы.

Поступающие в юршколу подвергаются приемным испытаниям по русскому языку, математике и политграмоте.

Заявления о приеме подаются дирекции института (Москва, ул. Герцена, 11) или в консультационные пункты и филиалы института на местах.

К заявлению должны быть приложены следующие документы: аттестат об окончании среднего учебного заведения, две фотокарточки с собственноручной подписью, заверенной учреждением или профорганизацией, и автобиография.

Подробные правила приема и все необходимые справки можно получить в канцелярии института (Москва, ул. Герцена, 11, комн. 11), ежедневно от 10 час. утра до 3 час. дня и в консультационных пунктах и филиалах института.

Прием заявлений производится с 15 июня по 1 августа 1937 г. во всех республиканских, краевых и областных центрах, помещающихся в зданиях стационарных юридических институтов или край(обл)судов.

ДИРЕКЦИЯ.

УУЗ НКЮ СССР ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ АСПИРАНТОВ В МОСКОВСКИЙ И ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ПО СЛЕДУЮЩИМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

1. **Уголовное право,**
2. **Уголовный процесс,**
3. **Гражданское право,**
4. **Трудовое право,**
5. **Земельно-колхозное право,**
6. **Гражданский процесс,**
7. **Теория государства и права,**
8. **История государства и права,**
9. **Государственное право,**
10. **Криминалистика,**
11. **Международное право.**

В аспирантуру принимаются лица в возрасте не старше 35 лет, имеющие законченное высшее юридическое образование и не менее 2 лет практического стажа работы в органах юстиции.

Заявления о приеме в аспирантуру подаются непосредственно в юридические институты (Москва, ул. Герцена, 11; Ленинград, Университетская набережная, 7 2) и после рассмотрения их дирекцией института направляются вместе с заключением института в центральную отборочную комиссию НКЮ СССР.

После утверждения кандидатов в аспиранты центральной отборочной комиссией НКЮ СССР и после сдачи испытаний по философии, учению о государстве и праве, избранной специальности и по одному иностранному языку производится окончательное зачисление в аспирантуру.

Лица, зачисленные в аспирантуру, обеспечиваются стипендией и местом в общежитии (члены семьи общежитием не обеспечиваются).

К заявлению о приеме в аспирантуру должны быть приложены следующие документы: 1) диплом об окончании высшего юридического учебного заведения, 2) отзыв с места работы, 3) характеристика общественных организаций, 4) личный листок по учету кадров, 5) 2 фотокарточки.

Без вызова института выезжать на экзамены не следует.
Все справки по вопросам приема дают институты.

Цена 1 руб. 50 коп.

М5037

Московский юридический институт им. П. И. Стучка

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ

на 1937/38 учебный год

1. Институт готовит юристов для работы в органах суда, прокуратуры, следствия, нотариата, адвокатуры, арбитража и т. п. Срок обучения 4 года.

2. В институт принимаются граждане Союза ССР обоего пола в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие законченное среднее образование (десятилетка, рабфак, техникум) либо получившие аттестат об окончании средней школы в порядке экстерната.

3. Окончившие среднюю школу (десятилетку) и имеющие по основным предметам отметки «отлично», а по остальным предметам (рисование, черчение, пение, музыка, физкультура) отметку не ниже «хорошо», принимаются без приемных испытаний.

Это право распространяется и на окончивших отлично среднюю школу в порядке экстерната.

4. Лица с законченным высшим образованием могут быть приняты в высшее учебное заведение при наличии у них 3-летнего производственного стажа по специальности или разрешению наркомата или ведомства, в системе которого они работают, в случае отсутствия указанного стажа.

Указанные лица принимаются без приемных испытаний при наличии свободных вакансий. При отсутствии свободных вакансий они принимаются на общих основаниях.

5. Все поступающие, за исключением лиц, указанных в пп. 3 и 4, подвергаются приемным испытаниям по следующим предметам: а) русский язык (письменное сочинение, грамматика и литература), б) политграмота, в) математика, г) физика, д) химия, е) по одному из иностранных языков — английскому, немецкому или французскому, по выбору поступающего, ж) истории и з) географии.

6. Прием заявлений о зачислении производится с 20 июня до 1 августа.

Заявления могут подаваться независимо от местожительства подающего заявление. К заявлению должны быть приложены:

а) автобиография;

б) аттестат об окончании среднего учебного заведения (в подлиннике);

в) паспорт (предъявляется при личной явке);

г) три фотографические карточки (снимки без головных уборов, желательно размером 3 × 4 см) с собственноручной подписью поступающего на каждой из них, заверенные госучреждением;

д) справки об отношении к воинской повинности (для военнообязанных).

7. Приемные испытания производятся с 1 по 20 августа, а зачисление в число студентов — с 21 по 25 августа.

8. Студенты обеспечиваются стипендией.

9. Общежитием обеспечиваются только иногородние студенты.

10. Заявления направлять по адресу: Москва, ул. Герцена, 11. Справки там же в приемной комиссии.

ДИРЕКЦИЯ.

Московским финансовым отделом на основании Положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и Бюлл. фин. и хоз. законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 3 апреля 1937 г. под № 861 (восемьсот шестьдесят один)

КООПЕРАТИВНАЯ ПРОМЫСЛОВАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ АРТЕЛЬ ЭЛЕКТРОМОТОР „ХАЯДТА“

для развития электромоторного дела, находящаяся в ведении Мосгорметремсоюза

Адрес: Москва, ул. Кирова, 25, тел. 5-47-97

Социалистическая законность
ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

АВГУСТ
1937 г.

8

Редакция:
Москва, Пушкинская, д. 15а

Об утверждении „Положения о выборах в Верховный Совет СССР“

ПОСТАНОВЛЕНИЕ 4-й СЕССИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР VII СОЗЫВА

Центральный Исполнительный Комитет СССР **постановляет:**

Утвердить «Положение о выборах в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик».

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР

М. КАЛИНИН.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР

А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 9 июля 1937 г.

Положение о выборах в Верховный Совет СССР

ГЛАВА I

Избирательная система

Статья 1. На основании статьи 134 Конституции СССР выборы депутатов в Верховный Совет СССР производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Статья 2. На основании статьи 135 Конституции СССР выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными в Верховный Совет СССР, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

Статья 3. На основании статьи 136 Конституции СССР выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет один голос; все граждане участвуют в выборах на равных основаниях.

Статья 4. На основании статьи 137 Конституции СССР женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

Статья 5. На основании статьи 138 Конституции СССР граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

Статья 6. На основании статьи 141 Конституции СССР кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам.

ГЛАВА II

Списки избирателей

Статья 7. Списки избирателей составляются в городах городским Советом депутатов трудящихся, а в городах с районным делением — районным Советом; в сельских местностях — сельским (станицы, деревни, хутора, кишлака, аула) Советом депутатов трудящихся.

Статья 8. В списки избирателей включаются все граждане, имеющие избирательное право и проживающие (постоянно или временно) к моменту составления списков на территории данного Совета, достигшие ко дню выборов 18 лет.

Статья 9. Не вносятся в списки избирателей лица, лишенные избирательных прав по судебным приговорам в течение всего установленного в приговоре срока лишения избирательных прав, а также лица, признанные в установленном законом порядке умалишенными.

Статья 10. Списки избирателей составляются по каждому избирательному участку в алфавитном порядке с указанием фамилии, имени, отчества, возраста и места жительства избирателя и подписываются председателем и секретарем Совета депутатов трудящихся.

Статья 11. Никто из избирателей не может быть внесен более, чем в один избирательный список.

Статья 12. Списки избирателей, состоящих в воинских частях и войсковых соединениях, составляются командованием за подписями командира и военного комиссара. Все прочие военнослужащие вносятся в списки избирателей по месту жительства соответствующими Советами депутатов трудящихся.

Статья 13. За 30 дней до выборов Совет депутатов трудящихся вывешивает списки избирателей для всеобщего обозрения или обеспечивает избирателям возможность ознакомляться с этими списками в помещении Совета.

Статья 14. Подлинник списков избирателей хранится соответственно в Совете депутатов трудящихся и в воинской части или в войсковом соединении.

Статья 15. При перемене избирателем места своего пребывания в срок между опубликованием списка избирателей и днем выборов соответствующий Совет депутатов трудящихся выдает ему по форме, установленной Центральной избирательной комиссией, «удостоверение на право голосования» и отмечает в списке избирателей — «выбыл»; в пункте нового местожительства — постоянного или временного — избиратель вносится в список избирателей при предъявлении удостоверения личности, а также «удостоверения на право голосования».

Статья 16. Заявление о неправильности в списке избирателей (невключение в списки, исключение из списков, искажение фамилии, имени, отчества, неправильное включение в списки лиц, лишенных избирательных прав) подается в Совет депутатов трудящихся, опубликовавший списки.

Статья 17. Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся обязан рассмотреть каждое заявление о неправильности в списке избирателей в трехдневный срок.

Статья 18. По рассмотрении заявления о неправильности в списке избирателей, исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся обязан либо внести необходимые исправления в список избирателей, либо выдать заявителю письменную справку о мотивах отклонения его заявления; при несогласии с решением Совета депутатов трудящихся заявитель может подать жалобу в народный суд.

Статья 19. Народный суд в течение трех дней обязан в открытом судебном заседании с вызовом заявителя и представителя Совета рассмотреть жалобу на неправильность в списке и свое решение немедленно сообщить как заявителю, так и Совету. Решение народного суда окончательно.

ГЛАВА III

Избирательные округа по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей

Статья 20. На основании статьи 34 Конституции СССР Совет Союза избирается гражданами СССР по избирательным округам.

Статья 21. Избирательный округ по выборам в Совет Союза составляется по принципу: 300.000 населения — на округ. Каждый избирательный округ по выборам в Совет Союза посылает одного депутата.

Статья 22. На основании статьи 35 Конституции СССР Совет Национальностей избирается гражданами СССР по избирательным округам. Избирательный округ по выборам в Совет Национальностей составляется по принципу: 25 округов по каждой союзной республике, 11 округов по каждой автономной республике, 5 округов по каждой автономной области и 1 избирательный округ в каждом национальном округе. Каждый избирательный округ по выборам в Совет Национальностей посылает одного депутата.

Статья 23. Образование избирательных округов по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей производится Президиумом Верховного Совета СССР.

Статья 24. Список избирательных округов по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей опубликовывается Президиумом Верховного Совета СССР одновременно с назначением дня выборов.

ГЛАВА IV

Избирательные участки

Статья 25. Для приема избирательных бюллетеней и подсчета голосов территория городов и районов, входящих в избирательные округа, делится на избирательные участки, общие для выборов в Совет Союза и Совет Национальностей.

Статья 26. Образование избирательных участков производится в городах городскими Советами депутатов трудящихся, в городах с районным делением — районными Советами депутатов трудящихся; в сельских местностях — районными Советами депутатов трудящихся.

Статья 27. Образование избирательных участков производится не позднее, чем за 45 дней до выборов.

Статья 28. Территория сельсовета, насчитывающего не более двух тысяч жителей, составляет, как правило, один избирательный участок; в каждой станице, деревне, кишлаке, ауле, насчитывающем от 500, но не более 2 000 жителей, организуется отдельный избирательный участок.

Статья 29. В отдаленных северных и восточных районах, где преобладают мелкие поселения, допускается организация избирательных участков с количеством не менее 100 человек населения.

Статья 30. Города, промышленные пункты, а также села и территория сельсовета, насчитывающие более 2 000 жителей, делятся на избирательные участки из расчета один избирательный участок на 1 500—2 500 человек населения.

Статья 31. Воинские части и войсковые соединения составляют отдельные избирательные участки с количеством не менее 50 и не более 1 500 избирателей, которые входят в избирательный округ по месту нахождения части или войскового соединения.

Статья 32. Суда, с количеством избирателей не менее 50, находящиеся в плавании в дни выборов, могут составить отдельные избирательные участки, входящие в избирательные округа по месту приписки судна.

Статья 33. При больницах, родильных домах, санаториях, домах инвалидов с количеством избирателей не менее 50 создаются отдельные избирательные участки.

ГЛАВА V

Избирательные комиссии

Статья 34. Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР составляется из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждается Президиумом Верховного Совета СССР одновременно с опубликованием дня выборов.

Статья 35. Центральная избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 12 членов.

Статья 36. Центральная избирательная комиссия:

а) наблюдает на всей территории СССР за неуклонным исполнением в ходе выборов «Положения о выборах в Верховный Совет СССР»;

б) рассматривает жалобы на неправильные действия избирательных комиссий и выносит по жалобам окончательные решения;

в) устанавливает образцы избирательных ящиков, форму «удостоверения на право голосования», форму и цвет избирательных бюллетеней и конвертов для них, форму списка избирателей, форму протоколов по подсчету голосов, форму удостоверений об избрании;

г) регистрирует избранных депутатов в Верховный Совет СССР;

д) сдает мандатным комиссиям Совета Союза и Совета Национальностей делопроизводство по выборам.

Статья 37. В каждой союзной и автономной республике, автономной области и национальном округе создаются Избирательные комиссии союзной и автономной республики, автономной области и национального округа по выборам в Совет Национальностей.

Статья 38. Избирательные комиссии по выборам в Совет Национальностей составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются Президиумами Верховных Советов союзных и автономных республик, Советами депутатов трудящихся автономных областей и национальных округов не позднее, чем за 50 дней до выборов.

Статья 39. Избирательные комиссии союзной и автономной республик, автономной области и национального округа по выборам в Совет

Национальностей образуются в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 6—10 членов.

Статья 40. Избирательная комиссия союзной, автономной республики, автономной области и национального округа по выборам в Совет Национальностей:

а) наблюдает на территории республики, автономной области, национального округа за неуклонным исполнением в ходе выборов в Совет Национальностей «Положения о выборах в Верховный Совет СССР»;

б) рассматривает жалобы на неправильные действия по выборам в Совет Национальностей.

Статья 41. В каждом округе по выборам в Совет Союза создается Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия.

Статья 42. В республиках, имеющих краевое или областное деление, Окружные по выборам в Совет Союза избирательные комиссии составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются Советами депутатов трудящихся краев и областей, в республиках, не имеющих областного или краевого деления, — Президиумами Верховных Советов республик — не позднее, чем за 55 дней до выборов.

Статья 43. Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 8 членов.

Статья 44. Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия:

а) наблюдает за своевременной организацией избирательных участков соответствующими исполнительными комитетами Советов депутатов трудящихся;

б) наблюдает за своевременным составлением и доведением до всеобщего сведения списков избирателей;

в) регистрирует выставленных с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» кандидатов в депутаты в Совет Союза;

г) снабжает Участковые избирательные комиссии избирательными бюллетенями по выборам в Совет Союза и конвертами по установленной форме;

д) производит подсчет голосов и устанавливает результаты выборов по округу;

е) представляет в Центральную избирательную комиссию делопроизводство по выборам;

ж) выдает избранному депутату удостоверение об избрании.

Статья 45. В каждом округе по выборам в Совет Национальностей создается Окружная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия.

Статья 46. Окружные по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются Президиумами Верховных Советов союзных и автономных республик и Советами депутатов трудящихся автономных областей — не позднее, чем за 50 дней до выборов.

Статья 47. Окружная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 8 членов.

Статья 48. Окружная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия:

а) регистрирует выставленных с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» кандидатов в депутаты в Совет Национальностей;

б) снабжает Участковые избирательные комиссии избирательными бюллетенями по выборам в Совет Национальностей по установленной форме;

в) производит подсчет голосов и устанавливает результаты выборов по округу;

г) представляет делопроизводство по выборам в Центральную избирательную комиссию и соответственно в Республиканскую избирательную комиссию по выборам в Совет Национальностей или в Избирательную комиссию автономной области по выборам в Совет Национальностей;

д) выдает избранному депутату удостоверение об избрании.

Статья 49. Участковые избирательные комиссии составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются в городах городскими Советами депутатов трудящихся, а в городах с районным делением — районными Советами депутатов трудящихся; в сельских местностях — районными Советами депутатов трудящихся — не позднее, чем за 40 дней до выборов.

Статья 50. Участковая избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 4—8 членов.

Статья 51. Участковая избирательная комиссия:

а) производит по избирательному участку прием избирательных бюллетеней;

б) производит подсчет голосов по каждому кандидату в депутаты Совета Союза и Совета Национальностей;

в) передает делопроизводство по выборам соответственно в Окружную по выборам в Совет Союза и в Окружную по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии.

Статья 52. Заседания Центральной избирательной комиссии, Республиканской избирательной комиссии по выборам в Совет Национальностей, Избирательных комиссий автономных областей и национальных округов по выборам в Совет Национальностей, Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссии и Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии, а равно Участковых избирательных комиссий считаются действительными, если на них участвует больше половины общего состава комиссий.

Статья 53. Все вопросы в избирательных комиссиях решаются простым большинством голосов; при равенстве голосов — голос председателя дает перевес.

Статья 54. Расходы, связанные с производством выборов в Верховный Совет СССР, производятся за счет государства.

Статья 55. Центральная избирательная комиссия, Республиканские избирательные комиссии по выборам в Совет Национальностей, Избирательные комиссии автономной области, национального округа по выборам в Совет Национальностей, Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия, Окруж-

вая по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия и участковые избирательные комиссии имеют свою печать по образцу, установленному Центральной избирательной комиссией.

ГЛАВА VI

Порядок выставления кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР

Статья 56. Право выставления кандидатов в Верховный Совет СССР обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся — на основании статьи 141 Конституции СССР: за коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами и другими организациями, зарегистрированными в установленном законом порядке.

Статья 57. Право выставления кандидатов осуществляют как центральные органы общественных организаций и обществ трудящихся, так и их республиканские, краевые, областные и районные органы, равно как общие собрания рабочих и служащих по предприятиям, красноармейцев — по воинским частям, а также общие собрания крестьян по колхозам, рабочих и служащих совхозов — по совхозам.

Статья 58. Кандидаты в депутаты не могут состоять членами Окружных по выборам в Совет Союза и в Совет Национальностей избирательных комиссий, а также Участковых избирательных комиссий того округа, где они выставлены кандидатами в депутаты.

Статья 59. Не позднее, чем за 30 дней до выборов, все общественные организации или общества трудящихся, выдвигающие кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, обязаны зарегистрировать кандидатов в депутаты соответственно или в Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссии, или в Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии.

Статья 60. Окружные по выборам в Совет Союза и по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии обязаны зарегистрировать всех кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, выставленных общественными организациями и обществами трудящихся с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР».

Статья 61. Общественная организация или общество трудящихся, выдвигающие кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, обязаны представить в Окружную избирательную комиссию следующие документы:

а) протокол собрания или заседания, выдвинувшего кандидата в депутаты, подписанный членами Президиума, с указанием их возраста, местожительства, наименования организации, выдвинувшей кандидата, указания о месте, времени и количестве участников собрания или заседания, выдвинувшего кандидата в депутаты, причем в протоколе должны быть указаны фамилия, имя, отчество кандидата в депутаты, его возраст, местожительство, партийность, занятие;

б) заявление кандидата в депутаты об его согласии баллотироваться по данному избирательному округу от выставившей его организации.

Статья 62. Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР может голосоваться только в одном округе.

Статья 63. Отказ Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссии в регистрации кандидата в депутаты может быть обжалован в двухдневный срок в Центральную избирательную комиссию, решение которой является окончательным.

Статья 64. Отказ Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии в регистрации кандидата может быть обжалован в двухдневный срок в Избирательную комиссию союзной, автономной республики, автономной области, а решение последней — в Центральную избирательную комиссию, решение которой является окончательным.

Статья 65. Фамилия, имя, отчество, возраст, занятие, партийность каждого зарегистрированного кандидата в депутаты Верховного Совета СССР и наименование общественной организации, выдвинувшей кандидата, опубликовываются соответственно Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссией и Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссией не позже, чем за 25 дней до выборов.

Статья 66. Все зарегистрированные кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР подлежат обязательному включению в избирательный бюллетень.

Статья 67. Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия и Окружная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия обязаны не позднее, чем за 15 дней до выборов в Верховный Совет СССР, напечатать и разослать всем Участковым избирательным комиссиям избирательные бюллетени.

Статья 68. Избирательные бюллетени печатаются на языках населения соответствующего избирательного округа.

Статья 69. Избирательные бюллетени печатаются по форме, установленной Центральной избирательной комиссией, и в количестве, обеспечивающем снабжение всех избирателей избирательными бюллетенями.

Статья 70. Каждой организации, выставившей кандидата, зарегистрированного в Окружной избирательной комиссии, равно как каждому гражданину СССР, обеспечивается право беспрепятственной агитации за этого кандидата на собраниях, в печати и иными способами, согласно статьи 125 Конституции СССР.

ГЛАВА VII

Порядок голосования

Статья 71. Выборы в Верховный Совет СССР производятся в течение одного дня — общего для всего СССР.

Статья 72. День выборов в Верховный Совет СССР устанавливается Президиумом Верховного Совета СССР, согласно статьи 54 Конституции СССР не позднее, чем за 2 месяца до срока выборов. Выборы производятся в нерабочий день.

Статья 73. Ежедневно в течение последних 20 дней перед выборами Участковая избирательная комиссия опубликовывает или широко оповещает избирателей каким-либо иным способом о дне выборов и месте выборов.

Статья 74. Подача голосов избирателями производится в день выборов от 6 часов утра до 12 часов ночи.

Статья 75. В 6 часов утра в день выборов председатель Участковой избирательной комиссии в присутствии ее членов проверяет избирательные ящики и наличие составленного по установленной форме списка избирателей, после чего закрывает и опечатывает ящики печатью комиссии и приглашает избирателей приступить к подаче голосов.

Статья 76. Каждый избиратель голосует лично, являясь для этого в помещение для голосования, причем подача голосов избирателями производится путем опускания в избирательный ящик избирательных бюллетеней, запечатанных в конверте.

Статья 77. В помещении для выборов выделяется для заполнения бюллетеней особая комната, в которой во время голосования запрещается присутствие кого бы то ни было, в том числе и членов Участковой избирательной комиссии, кроме голосующих; при допуске в комнату для заполнения бюллетеней одновременно нескольких избирателей, она должна быть оборудована перегородками или ширмами по числу допускаемых одновременно избирателей.

Статья 78. Явившийся в избирательное помещение избиратель предъявляет секретарю Участковой избирательной комиссии либо паспорт, либо колхозную книжку, либо профсоюзный билет, либо иное удостоверение личности и после проверки по списку избирателей и отметки в списке избирателей получает избирательные бюллетени и конверт установленного образца.

Статья 79. На лиц, явившихся в помещение для выборов с «удостоверением на право голосования», согласно статьи 15 настоящего «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», Участковая избирательная комиссия ведет особый список, который прилагается к списку избирателей.

Статья 80. Избиратель в комнате, отведенной для заполнения избирательных бюллетеней, оставляет в каждом избирательном бюллетене фамилию того кандидата, за которого он голосует, вычеркивая остальных; заклеив бюллетени в конверт, избиратель переходит в комнату, где помещается Участковая избирательная комиссия, и опускает конверт с избирательными бюллетенями в избирательный ящик.

Статья 81. Избиратели, не имеющие возможности в силу неграмотности или какого-нибудь физического недостатка самостоятельно заполнить избирательные бюллетени, вправе пригласить в комнату, где заполняются избирательные бюллетени, любого другого избирателя для заполнения избирательных бюллетеней.

Статья 82. Выборная агитация в избирательном помещении во время подачи голосов не допускается.

Статья 83. Ответственность за порядок в избирательном помещении несет председатель комиссии, и его распоряжения для всех присутствующих обязательны.

Статья 84. В 12 часов ночи дня выборов председатель Участковой избирательной комиссии объявляет подачу голосов законченной, и комиссия приступает к вскрытию избирательных ящиков.

ГЛАВА VIII

Определение результатов выборов

Статья 85. В помещении, где Участковая избирательная комиссия производит подсчет голосов, при подсчете голосов имеют право присутствовать специально на то уполномоченные представители общественных организаций и обществ трудящихся, а также представители печати.

Статья 86. Участковая избирательная комиссия, вскрыв ящики, сверяет число поданных конвертов с числом лиц, участвовавших в голосовании, и результаты сверки заносит в протокол.

Статья 87. Председатель Участковой избирательной комиссии вскрывает конверты и оглашает в присутствии всех членов Участковой избирательной комиссии результаты голосования по каждому бюллетеню.

Статья 88. Запись результатов голосования ведется отдельно по выборам в Совет Союза и в Совет Национальностей.

Статья 89. На каждого кандидата в депутаты ведется счетный лист в 2-х экземплярах секретарем комиссии и уполномоченными на то членами Участковой избирательной комиссии.

Статья 90. Признаются недействительными бюллетени:

а) неустановленного образца и цвета;

б) поданные без конверта или в конверте неустановленного образца;

в) с количеством кандидатов, превышающим число избираемых депутатов.

Статья 91. При возникновении сомнений в действительности избирательного бюллетеня вопрос разрешается Участковой избирательной комиссией путем голосования, что отмечается в протоколе.

Статья 92. Участковая избирательная комиссия составляет по установленной форме протокол голосования в трех экземплярах, подписываемых всеми членами Участковой избирательной комиссии, в том числе обязательно председателем и секретарем.

Статья 93. В протоколе голосования Участковой избирательной комиссией должно быть указано:

а) время начала и окончания подачи голосов;

б) число избирателей, подавших голоса по списку избирателей;

в) число избирателей, подавших голоса по «удостоверениям на право голосования»;

г) число поданных конвертов;

д) краткое изложение заявлений и жалоб, поданных в Участковую избирательную комиссию, и принятые Участковой избирательной комиссией решения;

е) результаты подсчета голосов по каждому кандидату.

Статья 94. После окончания подсчета голосов и составления протокола, председатель комиссии оглашает результаты голосования в присутствии всех членов комиссии.

Статья 95. Один экземпляр протокола голосования, составленного Участковой избирательной комиссией, с обоими экземплярами счетных листов на кандидатов в депутаты Совета Союза направляется с нарочным в течение 24 часов в Окружную по выборам в Совет Союза избирательную комиссию; второй экземпляр протокола голосования, составленного Участковой избирательной комиссией, с обоими экземплярами счетных листов на кандидатов в депутаты Совета Национальностей направляется с нарочным в течение 24 часов в Окружную по выборам в Совет Национальностей избирательную комиссию.

Статья 96. Все избирательные бюллетени (отдельно действительные и отдельно признанные недействительными) отдельно по Совету Союза и отдельно по Совету Национальностей должны быть опечатаны печатью Участковой избирательной комиссии и вместе с третьим экземпляром протокола голосования и печатью сданы председателем Участковой избирательной комиссии на хранение: в городах — городским Советам депутатов трудящихся, а в городах с районным делением — районным Советам депутатов трудящихся; в сельских местностях — районным Советам депутатов трудящихся.

Статья 97. На Советы депутатов трудящихся возлагается обязанность хранить избирательные бюллетени впредь до утверждения мандатов депутатов от соответствующего округа Верховным Советом СССР.

Статья 98. Окружная избирательная комиссия производит подсчет голосов на основании протоколов, представленных Участковыми избирательными комиссиями.

Статья 99. В помещении, где Окружная избирательная комиссия производит подсчет голосов, имеют право присутствовать при подсчете голосов специально на то уполномоченные представители общественных организаций и обществ трудящихся, а также представители печати.

Статья 100. На каждого кандидата Окружной избирательной комиссией ведется в 2-х экземплярах счетный лист, в котором отмечается количество голосов, полученных каждым кандидатом в депутаты.

Статья 101. Окружная избирательная комиссия составляет протокол голосования в 2-х экземплярах, подписываемых всеми членами Окружной избирательной комиссии, в том числе обязательно председателем и секретарем.

Статья 102. В протоколе Окружной избирательной комиссии должно быть указано:

а) общее число избирателей по округу;

б) общее число избирателей, принявших участие в голосовании;

в) число голосов, поданных за каждого кандидата в депутаты;

г) краткое изложение заявлений и жалоб, поданных в Окружную избирательную комиссию, и принятые Окружной избирательной комиссией решения.

Статья 103. Не позднее 24 часов после окончания подсчета голосов председатель Окружной по выборам в Совет Союза, а также председатель Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии обязаны переслать первый экземпляр протокола с приложенными счетными листами в запечатанном виде через нарочного в Центральную избирательную комиссию, второй экземпляр протокола — в Избирательную по выборам в Совет Национальностей комиссию союзной республики, автономной республики, автономной области.

Статья 104. Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, получивший абсолютное большинство голосов, т. е. больше половины всех голосов, поданных по округу и признанных действительными, считается избранным.

Статья 105. После подписания протокола председатель Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссии оглашает результаты выборов и выдает избранному кандидату в депутаты Совета Союза удостоверение об избрании.

Статья 106. После подписания протокола председатель Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии оглашает результаты выборов и выдает избранному кандидату в депутаты Совета Национальностей удостоверение об избрании.

Статья 107. Если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, соответствующая Окружная избирательная комиссия отмечает об этом особо в протоколе и сообщает: в Центральную избирательную комиссию и Избирательную комиссию республики, автономной области или национального округа по выборам в Совет Национальностей и одновременно объявляет перебаллотировку двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов, а также назначает день перебаллотировки не позднее, чем в двухнедельный срок по истечении первого тура выборов.

Статья 108. Если поданное количество голосов по округу составляет меньше половины избирателей, имеющих право голосовать по этому округу, Окружная избирательная комиссия по выборам в Совет Союза или по выборам в Совет Национальностей отмечает об этом особо в протоколе и сообщает немедленно в Центральную избирательную комиссию и в Избирательную комиссию республики, автономной области по выборам в Совет Национальностей, причем в этом случае Центральная избирательная комиссия назначает новые выборы не позднее, чем в двухнедельный срок после первых выборов.

Статья 109. Перебаллотировка кандидатов в депутаты, равно как новые выборы взамен признанных недействительными, производятся по спискам избирателей, составленным для первых выборов, и в полном соответствии с настоящим «Положением о выборах в Верховный Совет СССР».

Статья 110. В случае выбытия депутата из состава Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР в 2-недельный срок назначает в соответствующем избирательном округе срок выборов нового депутата, но не позднее, чем в 2-месячный срок после выбытия депутата из состава Верховного Совета СССР.

Статья 111. Всякий, кто путем насилия, обмана, угроз или подкупа будет препятствовать гражданину СССР в осуществлении его права избирать и быть избранным в Верховный Совет СССР, — карается лишением свободы на срок до 2-х лет.

Статья 112. Должностное лицо Совета или член избирательной комиссии, совершившие подделку избирательных документов или заведомо неправильный подсчет голосов, — караются лишением свободы на срок до 3-х лет.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР **М. КАЛИНИН.**

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР **А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль.

9 июля 1937 г.

ЯКОВЛЕВ Я. А.

О проекте „Положения о выборах в Верховный Совет СССР"

Доклад на 4-й Сессии ЦИК СССР VII созыва 7 июля 1937 г.

I

Как обеспечивается всеобщее, равное и прямое избирательное право и тайное голосование

Чрезвычайный VIII Съезд Советов СССР поручил Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР на основе новой Конституции СССР разработать и утвердить Положение о выборах в Верховный Совет СССР.

Представляемый Президиумом Центрального Исполнительного Комитета СССР на рассмотрение и утверждение сессии Центрального Исполнительного Комитета проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» представляет собою по существу инструкцию к разделу Конституции СССР об избирательной системе. Проект Избирательного закона имеет задачей гарантировать неуклонное выполнение избирательной системы, установленной Сталинской Конституцией СССР.

Конституцией СССР установлено всеобщее избирательное право.

Соответственно Избирательный закон обеспечивает каждому гражданину, достигшему ко дню выборов 18 лет, включение его в списки лиц, которые имеют право избирать и быть избранными в Верховный Совет (статья 8). Разумеется, лица, лишенные избирательных прав по судебным приговорам, а также лица, признанные в установленном законом порядке умалишенными, в избирательные списки не включаются (статья 9).

Никакого ценза оседлости наш Избирательный закон не требует от избирателей, в то время как даже наиболее демократические страны из числа капиталистических государств лишают права участия в выборах граждан, живущих в данной местности меньше определенного срока (три месяца в Великобритании, 6 месяцев в Бельгии и Франции, от трех месяцев до двух лет — по-разному в разных штатах — в Соединенных Штатах Америки).

Гражданину, переменившему место своего пребывания, предоставляется возможность участвовать в выборах по «удостоверению на право голосования», выданному ему Советом депутатов трудящихся по прежнему месту его жительства (статьи 15 и 79).

Само собой разумеется, что проект Избирательного закона социалистической страны исключает всякое требование имущественного ценза, как это имеет место, например, по ряду штатов Соединенных Штатов Америки. По отдельным штатам США от избирателей требуется обладание определенной собственностью.

Избирательные законы ряда даже наиболее демократических буржуазных государств лишают возможности участвовать в выборах и быть избранными активную молодежь, состоящую в армии (Франция, Чехословакия). В отличие от таких порядков наш проект в соответствии с Конституцией СССР обеспечивает лицам, находящимся в Красной Армии, действительную возможность участвовать в выборах и быть избранными (статья 12). Не приходится мотивировать этого отличия: для буржуазных армий политическое просвещение равносильно разрушению воинской дисциплины; нашу же Рабоче-Крестьянскую Красную Армию политическое просвещение укрепляет, повышает в ней воинскую дисциплину.

Женщина в ряде буржуазно-демократических стран, даже таких, как Швейцария, Франция, Бельгия, лишена избирательных прав. У нас же женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

Наконец, наше «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» обеспечивает всеобщность избирательного права тем, что исключает в какой бы то ни было форме возможность отстранения кого бы то ни было от выборов по национальному признаку. И в этой части проект Избирательного закона не ограничивается одним провозглашением прав, он выясняет все лазейки, через которые могло бы пробиться ограничение избирательных прав для нерусской национальности, и закрывает эти лазейки. Вот почему в частности проект нашего Избирательного закона предусматри-

вает, что избирательные бюллетени печатаются на языке населения соответствующего избирательного округа (ст. 68). И в этих частностях наш проект отличается от законодательной практики, например, Соединенных Штатов Америки, где южные штаты с большим негритянским населением установили для избирателей требование грамотности в английском языке и на этом основании не менее 2 миллионов негров лишили избирательного права.

Наконец, проект Избирательного закона предусматривает ряд гарантий для избирателей:

список избирателей должен быть выставлен за 30 дней до выборов для всеобщего обозрения и проверки (ст. 13);

исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся обязан разрешать не более чем в 3-дневный срок любую жалобу граждан на неправильности в списках избирателей (статьи 16, 17 и 18);

последнее слово по жалобам на неправильности в списке избирателей проект предоставляет народному суду, который обязан в 3-дневный срок в открытом судебном заседании с вызовом заявителя и представителя Совета рассмотреть жалобу гражданина. Решение народного суда обязательно для соответствующего Совета (статьи 18 и 19).

Так дело обстоит с обеспечением принципа всеобщего избирательного права,—такого подлинно всеобщего избирательного права, которое обеспечивает наш Избирательный закон в соответствии со Сталинской Конституцией, не знает ни одно буржуазно-демократическое государство. **(Аплодисменты.)**

Перехожу к вопросу о том, как обеспечивается установленное Конституцией СССР **равное** избирательное право.

Проект Избирательного закона обеспечивает при выборах в Совет Союза и в Совет Национальностей равенство голоса рабочего и крестьянина. Избирательный округ по выборам в Совет Союза составляется по принципу: 300 000 населения на округ — одинаково для города и деревни, одинаково и для рабочих и для крестьян. Каждый избирательный округ по выборам в Совет Союза посылает одного депутата (ст. 21).

Такая организация избирательных округов исключает неравенство избирательных округов, которое имеется, например, во Франции, где 1-й участок буржуазного 6-го округа Парижа с 8 000 избирателей посылает одного депутата, — одного же депутата посылает 2-й участок округа Корбей с 50 000 избирателей, расположенный в пролетарском предместьи Парижа.

Так обеспечивается равенство всех граждан СССР при выборах в Совет Союза, где, как указал товарищ Сталин, представлены **общие** интересы всех трудящихся независимо от их национальности. Избирательный закон обеспечивает равенство всех союзных республик, равенство всех автономных республик, равенство всех автономных областей, равенство всех национальных округов при выборах в Совет Национальностей, который, как указал товарищ Сталин в своем докладе о Конституции СССР, имеет своей задачей отражать **особые** специфические интересы, связанные с национальными особенностями национальностей СССР.

Избирательный округ по выборам в Совет Национальностей составляется по принципу: 25 округов по каждой союзной республике, 11 округов по каждой автономной республике, 5 округов по каждой автономной области и 1 избирательный округ в каждом национальном округе. Каждый избирательный округ по выборам в Совет Национальностей также посылает одного депутата (ст. 22).

Наконец, в целях обеспечения равного избирательного права проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» запрещает внесение кого бы то ни было из избирателей более, чем в один избирательный список (ст. 11).

Конституцией установлено **прямое** избирательное право.

Соответственно Избирательный закон предусматривает, что все депутаты как в Совет Союза, так и в Совет Национальностей избираются путем прямых выборов. Каждый избиратель голосует непосредственно за того или иного кандидата как в Совет Союза, так и в Совет Национальностей.

И в этом отношении наш проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» отличается от избирательных порядков в ряде буржуазно-демократических стран, которые организуют обычно одну из палат не демократическим путем, или отказываясь от принципа прямого избирательного права (как, например, во Франции при выборах сената), или же формируя вторую палату не путем избрания, а путем назначения, как это имеет место в Англии в отношении палаты лордов.

Конституцией СССР, наконец установлено **тайное** голосование.

Соответственно Избирательный закон устанавливает такую технику голосования, которая обеспечивает тайну голосования: подача голосов избирателями производится путем опускания в избирательный ящик избирательных бюллетеней, запечатанных в конверты (ст. 76);

для заполнения бюллетеней выделяется особая комната, в которой во время голосования запрещается присутствие кого бы то ни было, в том числе и членов Участковой избирательной комиссии, кроме голосующих (ст. 77);

при допуске в комнату для заполнения бюллетеней одновременно нескольких избирателей комната должна быть оборудована перегородками или ширмами по числу допускаемых одновременно избирателей (ст. 77);

избиратель лично опускает конверт с бюллетенем в избирательный ящик (ст. 80);

бюллетени, поданные без конверта или в конверте неустановленного образца, признаются недействительными (ст. 90).

Так дело обстоит с обеспечением в Избирательном законе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В соответствии с текстом и духом Сталинской Конституции проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а каждой своей статьей проявляет заботу об осуществлении на деле этих прав граждан, которые всеобщим голосованием создают высший орган государственной власти СССР — Верховный Совет СССР. **(Аплодисменты.)**

II

Как обеспечивается право общественных организаций и обществ трудящихся на выставление своих кандидатов

Перехожу к вопросу о том, как проект Избирательного закона обеспечивает право общественных организаций и обществ трудящихся на выставление своих кандидатов.

Процитирую статью 56-ую Избирательного закона, основанную на статье 141 Конституции СССР:

«Право выставления кандидатов в Верховный Совет СССР обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся — на основании статьи 141 Конституции СССР: за коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами и другими организациями, зарегистрированными в установленном законом порядке».

Далее цитирую статью 57-ую:

«Право выставления кандидатов осуществляют как центральные органы общественных организаций и обществ трудящихся, так и их республиканские, краевые, областные и районные органы, равно как общие собрания рабочих и служащих по предприятиям, красноармейцев — по воинским частям, а также общие собрания крестьян по колхозам, рабочих и служащих совхозов—по совхозам».

Эти статьи имеют огромное значение — они внесены по предложению товарища Сталина; их цель—развить, расширить, гарантировать советскую демократию. Предоставляя право выставления кандидатов в депутаты общим собраниям рабочих и служащих по предприятиям, красноармейцев — по воинским частям, а также общим собраниям крестьян по колхозам, рабочих и служащих совхозов — по совхозам, эти статьи обеспечивают подлинный социалистический демократизм на выборах в Верховный Совет СССР.

Предлагаемый проектом Избирательного закона порядок регистрации кандидатов имеет целью облегчить и упростить общественным организациям и обществам трудящихся выставление своих кандидатов в депутаты в Верховный Совет СССР.

На Окружные избирательные комиссии возлагается обязанность зарегистрировать всех без исключения кандидатов в депутаты в Верховный Совет СССР, которые выставлены общественными организациями и обществами трудящихся с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» (ст. 60). Отказ Окружной избирательной комиссии в регистрации кандидата в Верховный Совет СССР может быть обжалован в двухдневный срок в вышестоящую Избирательную комиссию (статьи 63 и 64).

Все зарегистрированные кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР подлежат обязательному включению в избирательный бюллетень (ст. 66). Избирательные бюллетени с перечнем всех кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР Окружные избирательные комиссии обязаны переслать всем Участковым избирательным комиссиям не позднее чем за 15 дней до выборов (ст. 67).

Для выставления своих кандидатов от общественных организаций и обществ трудящихся требуется лишь представление протокола собрания или заседания, выдвинувшего кандидата по установленной в статье 61 форме.

К кандидатам в депутаты не предъявляется никаких особых требований, кроме указания в протоколе собрания или заседания, выдвинувшего кандидата, фамилии, имени и отчества кандидата, его возраста, места жительства, партийности, занятия, а также личного согласия кандидата в депутаты баллотироваться по данному избирательному округу от выставившей его организации (ст. 61).

В подавляющем большинстве буржуазных стран, даже афиширующих демократические начала, граждане делятся на активных и пассивных, активное и пассивное избирательные права не совпадают. Так, даже в Соединенных Штатах Америки не могут быть избраны в нижнюю палату лица моложе 25 лет, а в верхнюю — моложе 30 лет; во Франции не могут быть избраны в нижнюю палату лица моложе 25 лет, а в верхнюю — лица моложе 40 лет; в Чехословакии не могут быть избраны в нижнюю палату лица моложе 30 лет, а в верхнюю — моложе 45 лет, и в Норвегии не могут быть избраны как в нижнюю, так и в верхнюю палаты лица моложе 30 лет. В отличие от них проект нашего Избирательного закона не знает никаких ограничений по возрасту для кандидатов в депутаты. Лицам, которые не имеют неприятности уже перевалить за 40 лет, наш Избирательный закон предоставляет возможность быть избранными в Верховный Совет, если они заслужат этого личными способностями и полезным трудом для общества. В этом факте находит свое отражение иное отношение к молодежи в советской стране, чем в странах буржуазных. Советская страна дает своей молодежи равные права не только на производстве, но и в управлении государством, не только в праве избирать, но и в праве быть избранной.

Наш проект Избирательного закона не требует для кандидата в депутаты увеличенного ценза оседлости и тем паче исключает такие ограничения демократических принципов, которые применяются, например, в Англии, где требуется внесение залога в 150 фунтов стерлингов за каждого выставленного кандидата, или во Франции и Чехословакии, где на кандидата возлагаются, например, расходы по оплате стоимости избирательных бюллетеней.

Проект нашего «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» в отличие от таких буржуазно-демократических стран предусматривает оплату всех расходов, в том числе и по печатанию избирательных бюллетеней, за счет государства.

Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, не возраст, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют возможность избрания того или иного гражданина в Верховный Совет СССР, равно как в любой Совет депутатов трудящихся. **(Аплодисменты.)**

Каждой общественной организации и обществу трудящихся, выставившим кандидата, зарегистрированного в Окружной избирательной комиссии, равно как каждому гражданину СССР, проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» обеспечивает право и фактическую возможность агитации за этого кандидата на собраниях, в печати и иными способами, указанными в статье 125 Конституции СССР, которая гласит:

«В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

а) свобода слова,
б) свобода печати,
в) свобода собраний и митингов,
г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления».

Так дело обстоит с вопросом о порядке выставления кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР.

Из всего вышеприведенного видно, что проект Избирательного закона успешно разрешает задачу гарантировать общественным организациям и обществам трудящихся право выставления кандидатов.

Германский же фашистский официоз «Фелькишер беобахтер» в номере от 3 июля изображает дело так, что наш Избирательный закон будто бы предоставляет право выставления кандидатур только коммунистической партии и подчиненным ей организациям, при этом этот официоз фашистской германской партии ссылается даже на статью 56 проекта Избирательного закона.

Мы здесь ловим лжецов с поличным!

Сравните это утверждение со статьями 56 и 57 проекта Избирательного закона, мною уже процитированными, которые предоставляют право выставления кандидатов не только коммунистическим партийным организациям, но и профессиональным союзам, кооперативам, организациям молодежи, культурным обществам и другим организациям, зарегистрированным в установленном законом порядке, не только центральным органам этих общественных организаций и обществам трудящихся, но и общим собраниям рабочих и служащих по предприятиям, красноармейцев — по воинским частям, а также общим собраниям крестьян по колхозам, рабочих и служащих совхозов — по совхозам.

Почему же господа фашисты в своем официозе заявляют о том, будто бы статья 56-я запрещает кому бы то ни было, кроме коммунистической партии и подчиненных ей организаций, выставлять своих кандидатов? Ясно из этого одно: они боятся сообщить правду даже членам своей фашистской партии о нашем Избирательном законе. **(Аплодисменты.)** Они боятся правды, они боятся того, как бы рабочие и крестьяне и даже некоторые члены их фашистской партии не узнали бы о том, что на выборах высшего органа власти нашей страны любое предприятие, любой колхоз и совхоз, любая воинская часть могут выставить своих кандидатов, за них бороться и агитировать. Они боятся сравнения с Избирательным законом социалистической страны своих избирательных порядков, согласно которых всех кандидатов на выборах по всей стране выставляет один Гитлер за весь народ, или итальянских фашистских порядков, согласно которых весь список кандидатов в 400 человек выставляется «фашистским советом», то есть опять-таки Муссолини. На этот счет, однако, невредно вспомнить старую русскую пословицу: «Правда — что шило в мешке: не утаишь». **(Продолжительные аплодисменты.)** Впрочем: пусть попробуют господа фашисты, именующие себя национал-социалистами, а на деле певцы средневековья, мракобесия и иезуитского ордена, применить нашу избирательную систему! Пусть попробуют предоставить на выборах право выставления кандидатов даже своим фашистским профессиональным союзам! Пусть позволят выставить своих кандидатов коллективам рабочих, батраков помещичьих имений, рядовых служащих их учреждений! Что останется от фашизма?! И пуха не будет!! **(Продолжительные аплодисменты.)**

На примере того, как будут выставляться кандидаты в Верховный Совет СССР, со всей силой демонстрируется снова и снова тот факт, что советская демократия является демократией неизмеримо более высокой и более широкой, более передовой по сравнению с демократией буржуазной, что советская демократия в отличие от буржуазной не только не боится народа, не только не отделяет себя от народа, но обращается к массам трудящихся, предлагает трудящимся выставлять своих кандидатов на заводах, фабриках, в колхозах, совхозах. Дело здесь в том, что большевики, как указал товарищ Сталин —

«... сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми». **(Продолжительные аплодисменты.)**

III

Организация выборов

Самая организация выборов и подсчета голосов разработана в проекте «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» таким образом, чтобы гарантировать осуществление демократии на практике и оградить граждан СССР от всех попыток исказить результаты голосования.

Наш проект предусматривает опубликование списков избирательных округов одновременно с назначением дня выборов (статьи 23 и 24), что даст возможность построить избирательные округа в соответствии с тем, как сложится население страны к выборам.

Проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» в вопросе об организации избирательных участков руководствуется задачей облегчить каждому гражданину СССР осуществление его избирательного права. Города, промышленные пункты, крупные села и территории сельсоветов, насчитывающие более 2 000 жителей, делятся на избирательные уча-

стки из расчета один избирательный участок на 1 500—2 000 населения.

Территория сельсовета, насчитывающего не более 2 000 жителей, как правило, должна составлять один избирательный участок.

Однако в каждой станице, деревне, кишлаке, ауле, насчитывающем от 500, но не более 2 000 жителей, организуется отдельный избирательный участок.

Для отдаленных северных и восточных районов, где преобладают мелкие поселения, проект Избирательного закона предлагает допустить организацию избирательных участков, начиная со 100 человек населения. Это сделано по просьбе работников северных районов, которые заявили, что в противном случае гражданам, живущим в северных районах, пришлось бы для осуществления своего избирательного права приезжать за десятки километров, что не всегда доступно.

Для судов, находящихся в плавании в день выборов, для больниц, санаториев, родильных домов, домов инвалидов проект считает возможным организацию избирательных участков при наличии не менее 50 избирателей.

Для воинских частей и войсковых соединений проект предусматривает организацию избирательных участков с количеством не менее 50 и не более 1500 избирателей. Таким образом, будет дана возможность принять участие в выборах самым мелким воинским частям, стерегущим рубежи СССР. Лица, состоящие в армии, но не входящие в воинские части и войсковые соединения, как, например, работники Наркомата Обороны, согласно этого проекта, будут принимать участие в голосовании наравне с остальными гражданами СССР по месту своего жительства.

Выборы будут происходить в один из нерабочих дней с 6 часов утра до 12 часов ночи. По всей видимости придется выбрать одно из воскресений, как нерабочий день в деревне. Желательно при этом избрать то воскресенье, с которым совпадал бы выходной день в городе.

Для подсчета голосов, для регистрации кандидатов в депутаты, снабжения избирателей избирательными бюллетенями и в целях обеспечения неуклонного исполнения в ходе выборов Избирательного закона предлагается создать избирательные комиссии: Центральную, Избирательные комиссии союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов по выборам в Совет Национальностей, Окружные по выборам в Совет Союза, Окружные по выборам в Совет Национальностей и Участковые избирательные комиссии.

Чтобы обеспечить действительный народный контроль за проведением выборов и в особенности за подсчетом голосов и исключить всякую возможность злоупотреблений, проект предлагает составлять все избирательные комиссии, начиная от Центральной избирательной комиссии и кончая Участковыми, из представителей общественных организаций и обществ трудящихся с утверждения соответствующего Совета депутатов трудящихся. Таким образом, проект предлагает отказаться от избирательных комиссий, назначаемых Советами. Вместо принципа назначения проект предлагает ввести принцип представительства от общественных организаций и обществ трудящихся.

Функции избирательных комиссий, как видно из предыдущего, ограничены только задачами, вытекающими из необходимости обеспечить неуклонное выполнение Избирательного закона в ходе выборов: зарегистрировать кандидатов, разослать избирательные бюллетени, подсчитать голоса и следить за выполнением Избирательного закона. Никаких других функций на избирательные комиссии не возлагается и никаких других прав им не предоставляется.

И в этой части распоясавшиеся врали из официоза германской фашистской партии обманывают своих читателей. Они пишут в том же номере «Фелькишер беобахтер» от 3 июля, будто бы официальным избирательным комиссиям предоставлено право отклонять без особых трудностей избирательные предложения первичных организаций.

Я не буду затруднять вас опровержением этой лжи. Господа фашисты даже не указывают, из какой статьи вычитали они свое сообщение, — и это не случайно, ибо они изобрели несуществующую статью в Избирательном законе. К подобным методам прибегают люди не от хорошей жизни, видимо, ложь есть условие для их существования.

Не отстают от германских фашистов и их польские лакеи: газета «Илюстрованы курьер цодзенны» в сообщении от 4 июля из Москвы, а на деле, видимо, из Берлина, сообщает, что проект Избирательного закона будто бы дает правительственной избирательной комиссии «право изменять кандидатские списки организаций». Что ж — это нас не удивляет! Видимо, польское фашистское яблочко от германской яблони не далеко падает! **(Аплодисменты, смех.)**

Чтобы ни одна жалоба на те или иные неправильности не ускользнула от общественного контроля, наш проект Избирательного закона устанавливает твердый порядок рассмотрения разного рода жалоб.

От Участковой избирательной комиссии требуется включение в протокол голосования краткого изложения заявлений и жалоб, поданных в Участковую избирательную комиссию и принятых Участковой избирательной комиссией решений (ст. 93). Такое же требование предъявляется к Окружной избирательной комиссии (ст. 102).

На Центральную избирательную комиссию возлагается рассмотрение жалоб на неправильные действия Избирательных комиссий и вынесение по жалобам окончательных решений.

Некоторые формальности при определении результатов выборов, введенные главой VIII проекта Избирательного закона, могут показаться некоторым товарищам излишними и даже бюрократическими, но там, где вопрос идет о создании высшего государственного органа, необходима величайшая тщательность, здесь никакая формальность не будет излишней, если она создает добавочную гарантию точного соблюдения Конституции и Избирательного закона: избирательные бюллетени, включающие всех выставленных по данному округу общественными организациями и обществами

трудящихся кандидатов в депутаты, выдаются избирателям в помещении Участковой избирательной комиссии (ст. 78); на каждого кандидата в депутаты ведется счетный лист в 2-х экземплярах секретарем комиссии и уполномоченным на то членом Участковой избирательной комиссии (ст. 89); Участковая избирательная комиссия посылает в Окружную избирательную комиссию не только протокол голосования, но и оба экземпляра счетных листов на каждого кандидата (ст. 95); Совет депутатов трудящихся обязан хранить избирательные бюллетени вплоть до утверждения мандатов Верховным Советом СССР (ст. 97) и т. д.

Задачу обеспечить правильность подсчета голосов преследует предусматриваемая проектом публичность подсчета голосов. Эта публичность достигается уже самим составом избирательных комиссий, которые организуются не из лиц, назначенных органами власти, а из лиц, выдвинутых общественными организациями и обществами трудящихся. Проект Избирательного закона, однако, не ограничивается этим и предусматривает право присутствия при подсчете голосов в помещениях как Участковой избирательной комиссии, так и Окружной избирательной комиссии специально на то уполномоченных представителей общественных организаций и обществ трудящихся, а также представителей печати (статьи 85 и 99).

Цель — обеспечить точное волеизъявление трудящихся—преследует предлагаемое проектом Избирательного закона правило, согласно которого избранным считается только кандидат, получивший абсолютное большинство голосов, — если ни один из кандидатов на выборах не получил абсолютного большинства голосов, то обязательна (не позднее, чем в 2-недельный срок) перебаллотировка 2 кандидатов, получивших наибольшее количество голосов (ст. 107).

Ту же цель — обеспечить точное волеизъявление трудящихся — преследует правило, согласно которого в тех избирательных округах, где поданное количество голосов по избирательному округу составляет меньше половины избирателей, выборы объявляются недействительными и производятся новые выборы.

Наконец, проект предлагает установить строжайшее наказание для всех, кто попытается нарушить на выборах Конституцию СССР или «Положение о выборах в Верховный Совет СССР».

Я кончаю характеристику Избирательного закона. Я думаю, что вы согласитесь с тем, что основной особенностью проекта Избирательного закона, в полном соответствии с характером Сталинской Конституции, является «его последовательный и до конца выдержанный демократизм» (Сталин). (Аплодисменты.)

Советский Избирательный закон не только предоставляет избирательные права гражданам, но и создает все необходимые условия для того, чтобы они могли осуществить эти права на деле и активно участвовать в выборах.

Избирательный закон использует все лучшее, что создали в этой области буржуазно-демократические страны, и вместе с тем, превращая формальные права граждан в права действительные, в права гарантированные, делает огромный шаг вперед в соответствии с условиями социалистической демократии, сменяющей демократию буржуазную. (Аплодисменты.)

IV

О недостатках в работе Советов

Товарищи, наши Советы являются формой государственного управления несравненно более высокой и передовой, чем любая наиболее демократическая буржуазная форма управления. Народные массы любят и ценят Советы, как органы своей народной власти. Через Советы осуществляется рабоче-крестьянский союз, через Советы рабочий класс осуществляет руководство крестьянством, через Советы трудящиеся участвуют в управлении страной, в социалистическом строительстве. В Советах и через Советы осуществляется непрерывная, гибкая и прочная связь беспартийных с коммунистами. Советы под руководством коммунистической партии построили социалистическое общество, превратили отсталую Россию в могущественную державу, отстояли, вопреки происках империалистов всего мира и их троцкистско-бухаринских агентов и шпионов, независимость страны.

Однако из этого ни в какой мере не следует, что у нас нет учреждений, которые работают плохо, — у нас их немало; из этого не следует, что у нас нет Советов депутатов трудящихся, плохо выполняющих свои обязанности, — у нас их немало; из этого не следует, что у нас нет людей, плохо работающих, оторвавшихся от масс, забюрократившихся, — у нас их, к сожалению, также немало. Значит, — и это неуклонно внедряет в наше сознание товарищ Сталин, — ущерб был бы нанесен советской власти, если бы достижения Советов послужили основанием во время подготовки выборов для притупления бдительности и приглушения критики и самокритики недостатков в работе тех или иных руководителей Советов, тех или иных кандидатов в депутаты.

Начну с сельских Советов. Во многих сельских Советах работа по взиманию денежных и натуральных налогов превратилась в основную работу, а все остальные отрасли работы— хозяйственная, культурная и политическая — превратились во второстепенные. Органы Наркомфина и Комитета заготовок незаконно пытаются превратить такие Советы в свой бесплатный подсобный аппарат по взысканию налогов.

Факт, что роль Уполкомзага очень часто сводится к тому, что он снабжает сельсоветы бланками, ставит факсимиле и печать под заполненными сельсоветом обязательствами по поставкам и в случае неудовлетворительного хода заготовок требует через РИК или райком наказания виновного председателя сельсовета. В свою очередь многие РайФО очень удобно для себя свели свою работу к тому, что они напоминают сельсоветам о сроках внесения того или иного налога, вызывают к себе председателей сельсоветов для накачки, предлагают им усилить сбор денежных средств и опять-таки через райком или РИК требуют наказания того или иного председателя сельсовета.

Такая система тем более неправильна, что у налоговых организаций, а также у заготовительных организаций имеется немалый аппарат, оплачиваемый государством.

Неудивительно, что в некоторых сельских Советах потерялось представление о том, что имеются другие отрасли работы, столь же важные, как и налоговая. Факт, например, что из 73 постановлений и распоряжений Кормиловского сельсовета, Кормиловского района, Омской области, нет ни одного о школе, о фельдшере и т. д.

Это не значит, конечно, что Советам надо запретить заниматься налогами. Даже если Наркомфин и Комитет заготовок начнут работать через свой аппарат, как этого требует правительство, то это не снимет с Советов ответственности за своевременный сбор всех налогов. Речь идет о том, чтобы наряду с налоговой работой, — как не менее важной, а в иных случаях и более важной, — Советы вели работу по обслуживанию населения в области торговли, культуры, здравоохранения и т. д.

Практика же сосредоточения отдельных Советов только на налоговой работе вызывает неизбежно отрыв сельских Советов от населения, принижение их роли, как хозяйственных, политических и культурных руководителей.

Вот чем вызвано известное решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) об изъятии налоговой работы из Советов и возложении налоговой и заготовительной работы непосредственно на аппараты Комитета заготовок и Наркомфина.

Перехожу к недопустимой практике, имеющей место в ряде городов, практике, ведущей к превращению некоторых городских Советов в подсобные аппараты к районным исполкомам. Под предлогом сокращения штатов в ряде пунктов, где город совпадает с районным центром, городские Советы имеют обычно только коммунальный, а иногда и финансовый отделы, а больницы, школы, магазины изъяты из подчинения горсоветов и переданы в прямое подчинение соответствующих отделов районных исполнительных комитетов. Так, в Коломне, где имеется крупный машиностроительный завод и 70 000 населения, школы, больницы, учреждения социального обеспечения, магазины, пекарни, столовые подчинены непосредственно отделам РИКа и изъяты из подчинения горсовета. Горсовет имеет лишь коммунальный и финансовый отделы. В таком же положении находится Рязань, бывший губернский город, с населением в 70 000, в том числе 20 000 рабочих и служащих. Рязанский горсовет имеет лишь коммунальный и финансовый отделы, причем последний создан лишь недавно.

Нечего говорить, что подобная практика сужения прав горсоветов противоречит Конституции, которая предусматривает подчинение местных хозяйственных и культурно-политических учреждений соответствующим местным Советам и предусматривает, в частности, образование в городских Советах отделов финансового, коммунального хозяйства, внутренней торговли, здравоохранения, народного образования, социального обеспечения, общего, плановой комиссии, сектора кадров при председателе исполкома и, кроме того, в соответствии с особенностями города: отделов местной промышленности и земельного.

Подобная практика особенно вредна в настоящее время, когда города удвоили за одно десятилетие свое население и новые миллионы рабочих и служащих именно через Советы проходят школу государственного управления. Подобная практика особенно недопустима после того, как вопрос о необходимости поднять руководящую роль рабочего класса с такой силой был разъяснен товарищем Сталиным на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б).

Отсюда вывод о необходимости устранить имеющиеся недостатки в работе горсоветов, организовать в них отделы, предусмотренные Конституцией, подчинить им местные хозяйственные и культурно-политические учреждения, поднять их значение с тем, чтобы они были для Советов в сельских местностях образцом того, как надо ставить советскую работу, как надо организовывать народный контроль за работой исполнительных органов, как надо сплачивать народную массу вокруг Советов, как надо руководить культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории.

Мы имеем в Советах такой замечательный аппарат для вовлечения народных масс в управление, каким являются секции Советов. Миллионы депутатов числятся в секциях Советов. С огромной энергией и жаждой работать на пользу народа записываются, как правило, депутаты Советов в секции. Проверка, однако, показывает, что нередко члены секций, с воодушевлением приступившие к работе в секциях, быстро к ней охладевают, начинают избегать заседаний секций, — секции разваливаются, остаются на бумаге. Дело здесь в том, что заведующие отделами, руководители соответствующих отраслей хозяйства Советов зачастую превращают секции в свой подсобный аппарат, бессильный что-либо изменить в работе соответствующего отдела или управления. Дело в том также, что состав секций Советов Советами не избирается, — депутаты Советов расписываются обычно по секциям аппаратом орготделов Советов.

Мало того, в тех многочисленных случаях, когда секции Советов проявляют инициативу, вскрывают недостатки, требуют их исправления, критикуют заведующих, — заведующие нередко начинают их осаживать, игнорировать, перестают ходить на секции, посылают вместо себя на секции пятистепенных работников и тем самым постепенно сводят секции на-нет.

Я мог бы здесь привести многочисленные примеры превосходной работы секций по Москве, по Ленинграду, Днепропетровску, Ташкенту, но, к сожалению, по всем этим пунктам я вынужден был бы одновременно привести многочисленные факты игнорирования секций со стороны тех или иных бюрократов, мнящих себя стоящими выше ответственности перед Советами.

Вот почему следует обсудить вопрос о замене нынешних и никем не избранных секций в Советах комиссиями или же о сочетании секций с комиссиями, избранными Советами по основным вопросам хозяйственной, культурной и политической жизни, например: бюджетной, школьной, здравоохранения, жилищной, коммунальной, по торговле, сельскохозяй-

ственной и других с тем, чтобы комиссиям было предоставлено право контроля за всеми без исключения делами и бумагами соответствующего отдела или управления Совета, а заведующие были обязаны по запросам членов комиссии давать свои объяснения не более, чем в 2-дневный срок.

Встает также вопрос о предоставлении комиссиям Советов следующего права: во всех случаях, когда комиссия признает работу заведующего отделом неудовлетворительной, председатель Совета обязан в недельный срок созвать пленум Совета, который заслушивает доклад комиссии и объяснения заведующего и решает, какие меры необходимы для исправления положения или, в случае неисправимости соответствующего заведующего отделом, вопрос о смещении заведующего.

Некоторые заведующие отделами, мнящие себя незаменимыми монополистами и специалистами по здравоохранению ли, по финансам и по земледелию или по торговле, возможно, почувствуют себя обиженными таким предложением, которое усиливает контроль рядовых депутатов Совета и Совета в целом за их работой. Что ж — пусть себе обижаются!

Все наши работники должны понять, что нет людей, которые могли бы претендовать на бесконтрольность в работе, что подконтрольность любого работника вытекает из основ советской власти, что только с помощью контроля снизу, дополняющего контроль и руководство сверху, можно улучшать работу Советов. **(Аплодисменты.)**

Одним из крупных недостатков в работе Советов является нарушение установленного демократического порядка ведения дел. Бывают, например, такие Советы и их исполнительные комитеты, которые заседают и принимают решения без наличия кворума.

Факт, что все заседания президиума Одесского горсовета за 1936 и 1937 годы, две трети всех заседаний Днепропетровского облисполкома проходили при отсутствии кворума.

Важнейшие решения, касающиеся животрепещущих интересов трудящихся, принимаются нередко опросом. Факт, что больше двух третей всех вопросов, решенных Челябинским облисполкомом, больше 90% Орджоникидзевским крайисполкомом, больше 70% Свердловским облисполкомом и больше 80% Азово-Черноморским крайисполкомом были решены опросом.

С такой практикой решения советских дел президиумами и исполнительными комитетами обычно связывается подмена Советов их исполнительными комитетами, исполнительных комитетов — президиумами и использование пленумов Советов преимущественно для болтовни по тем или иным торжественным случаям.

Факт, что из 9 пленумов Днепропетровского горсовета в 1936 году 4 было «торжественных». Из 10 пленумов Омского горсовета в 1936 г. 5 было «торжественных», из 15 пленумов Запорожского горсовета—11 «торжественных».

Имеются также, правда, сравнительно немногочисленные случаи, когда пленумы Советов подменяются созывом так называемых «Советов с активом».

К чему приводят так называемые заседания с активом, видно на примере типичного для таких заседаний заседания Закобякинского сельсовета Ярославской области с активом: из 36 депутатов Совета в заседании участвуют 12, зато принимают участие в заседании и голосуют 60 так называемых «активистов».

Эти и подобные им нарушения демократического порядка ведения дел недопустимы, в особенности потому, что они создают почву для безответственности советских работников, затрудняют контроль за работой советских работников.

Несколько слов о порядке рассмотрения жалоб некоторыми руководителями Советов. Имеются руководители Советов и в особенности заведующие отделами исполкомов, которые месяцами не принимают рядовых граждан и даже не имеют установленных приемных часов. Жалобы рядовых граждан в некоторых исполкомах и отделах месяцами лежат без рассмотрения. Мало того, жалобы нередко пересылаются на усмотрение тех самых органов и лиц, на действия которых поступили жалобы.

Нечего говорить о том, что подобная практика пренебрежительного отношения и игнорирования жалоб рядовых граждан ничего общего не имеет с советской системой. Необходимо, видимо, ввести в обязательную практику установление ежедневных приемных часов (не менее двух часов в день) для приема жалоб, заявлений и требований рядовых граждан как у председателей исполкомов, так и у заведующих отделами с запрещением в эти часы проводить какие бы то ни было заседания, отлучаться или принимать работников аппарата.

Необходимость строжайшего соблюдения законов игнорируется некоторыми руководителями исполкомов Советов. Общегосударственная законность подменяется такими руководителями Советов своим собственным усмотрением.

Примером нарушения законов могут служить практика издания обязательных постановлений некоторыми местными Советами, а также практика издания инструкций во исполнение законов некоторыми наркоматами.

Факт также, что эту практику нарушения законов использовали наши враги во всех тех случаях, когда им удавалось пролезть на те или иные посты в Советах. Это и неудивительно, ведь советские законы, защищающие рабочих и крестьян, ненавистны господам реставраторам капитализма и агентам германо-японского фашизма, которым нужны законы фашистские, то есть направленные против рабочих и крестьян. Троцкистские бандиты, пролезшие обманным путем в руководство Магнитогорским горсоветом, оштрафовали, например, за один год более 5 500 человек, провоцируя этим путем недовольство населения против советской власти.

Осужденный ныне советским судом председатель Лепельского райисполкома под руководством троцкиста и бандита, пролезшего в руководство Лепельским райкомом, известный из опубликованного в печати отчета о судебном процессе над виновниками лепельских безобразий, сам налагал на крестьян беззаконные штрафы и сам же продавал с торгов имущество крестьян за невзнос наложенных им штрафов.

Само собой разумеется, что практика подмены законов усмотрением той или иной группы бюрократов является делом антисоветским, крестьянин, как и любой впрочем гражданин, ведь судит о власти не только по тому, каков закон, — будь закон великолепен, но если исполнитель извращает его в своей деятельности, — крестьянин будет судить о власти в первую очередь на основании действий исполнителя.

Напомню, в связи с этим, известные указания по этому поводу товарища Ленина и товарища Сталина:

Товарищ Ленин в письме на имя товарища Сталина для Политбюро по поводу прокуратуры писал:

«...законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей Федерации советских республик...

...законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности являются попустительство исконно-русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской» [1].

У всех в памяти бичующая оценка товарищем Сталиным на XVII съезде партии людей, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины.

Несомненно, что на выборах недостатки в работе Советов, тех или иных кандидатов, тех или иных учреждений будут подвергнуты суровой критике.

Задача состоит в том, чтобы понять недостатки в работе наших Советов, осознать их и поднять на выборах массы на их устранение.

Задача состоит в том, чтобы народ проверял кандидатов в депутаты, дабы в высший орган нашей власти — Верховный Совет СССР прошли только люди, преданные делу социализма, преданные делу партии Ленина—Сталина, чтобы в Советы не прошел ни один из замаскировавшихся врагов народа.

Поймать врагов рабочего класса и крестьянства нельзя, действуя только сверху, только одними глазами коммунистов, руководящих теми или иными органами, — врагов надо ловить и снизу и сверху, ибо коммунисты, руководящие теми или иными органами, всего увидеть не могут. Словить и раздавить врагов Советов, врагов рабочих и крестьян можно только развернув демократию во-всю, как этого требует партия, как этого требует товарищ Сталин, как этого требует Сталинская Конституция. **(Аплодисменты.)**

В связи с этим разрешите напомнить слова товарища Сталина в беседе с Рой Говардом:

«...избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, — главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».

Так сказал товарищ Сталин. Это значит, что выборы будут суровой проверкой, суровым экзаменом для советских работников — кто его не выдержит, полетит, — и по заслугам!

V

О выдвижении новых кадров

Перехожу к вопросу, имеющему особо существенное значение с точки зрения предстоящих выборов в Советы, — к вопросу о подборе кадров в Советах.

Советы являются организациями, через которые миллионы людей поднимаются к управлению. Несомненно, что в области выдвижения новых кадров через Советы можно, однако, сделать еще больше.

Нередко имеют место факты, достаточно хорошо известные, когда грубо нарушается важнейшее условие укрепления Советов, а именно: непрерывное пополнение Советов и их исполнительных органов новыми молодыми силами, вырастающими в рабочем классе и крестьянстве.

К сожалению, практика недостаточного выдвижения молодых растущих сил имеет место и в таких Советах, где во главе стоят превосходные работники. В таких случаях эта практика вызывается совершенно необоснованной боязнью новых людей. Многие из товарищей, недостаточно выдвигающих новые силы, оправдываются тем, что будто бы нет кадров, а на деле они просто зачастую боятся: как бы эти вновь выдвинутые люди не оказались лучшими работниками, чем они сами.

То, что говорил нам товарищ Сталин на Пленуме Центрального Комитета партии, — если бы мы занимались выдвижением людей, то был бы избыток кадров, — больше всего, я думаю, относится именно к Советам!

Среди работников фабрик, заводов, транспорта, совхозов, колхозов, МТС, наших советских учреждений имеются сотни и тысячи людей, которые давно переросли ту работу, которую они делают, — надо только подучить их и помочь им, и мы получим настоящих работников, необходимых Советам, людей, способных защитить интересы рабочего класса и крестьянства против любого врага трудящихся, людей деловых, умеющих и желающих работать, а не болтать, людей преданных делу социализма и интересам трудящихся, — как коммунистов, так и беспартийных.

Далее о беспартийных. В то время как миллионы беспартийных рабочих, крестьян, интеллигентов стали настоящими непартийными большевиками, о которых говорил товарищ Сталин, число беспартийных в составе исполкомов и особенно в составе руководителей отделов и их заместителей совершенно недостаточно. Имеются руководители Советов, которые гордятся, как «достижением» тем, что у них все руководители отделов и их заместители — члены партии. Следует ли доказывать, что пренебрежительное отношение к беспартийным и затирание беспартийных противоречит традициям и политике ленинско-сталинской большевистской партии. Следует ли доказывать, что во главе многих земельных

[1] Ленин, т. XXVII, стр. 289—299.

органов и органов народного образования, к примеру, лучше было бы иметь честных и опытных беспартийных, чем сидящих на этих постах людей, единственным достоинством которых нередко является только то, что у них имеется партийный билет.

Далее о женщинах. В то время, как миллионы женщин в СССР являют образцы преданности делу рабочего класса и колхозного крестьянства, образцы сознательности, личной честности и способности быть руководителями, роль женщины в Советах, и особенно в исполкомах, в результате бюрократических извращений в аппарате недостаточно растет. Конечно, женщин в наших Советах в сто крат больше, чем в буржуазных парламентах, — однако, этого недостаточно.

Характерно, между прочим, что в составе депутатов Советов четверть всего состава депутатов Советов составляют женщины, но в составе председателей ряиков женщин только 2%, в составе председателей горсоветов — 6%, в составе председателей сельсоветов — 6%; ни одной почти женщины не избрано в качестве председателя или заместителя председателя край(обл)исполкома. Нужно сказать, что и Москва здесь не служит особо хорошим примером. В составе Московского Совета 578 женщин, а среди руководителей отделов и президиума Совета только две женщины. В 23 районных Советах Москвы нет ни одной женщины председателя Советов и только одна — зам. пред. Совета.

Подобная практика недооценки женщины ничего общего не имеет с программой ленинско-сталинской партии, которая в освобожденной социализмом женщине видит огромный источник сил для укрепления и улучшения работы Советов. Стоит вспомнить любое из колхозных совещаний, проходивших здесь, в Кремле, в этом зале, чтобы не искать иных доказательств наличия огромных резервов, которые выростила наша страна в лице женщин. **(Аплодисменты.)**

Я не говорю уже о комсомольцах, среди которых сотни тысяч людей достигли немалого возраста, имеют немалый опыт организационной и политической работы. Сотни и тысячи комсомольцев могут поднять серьезную руководящую работу в Советах.

Необходимо смелее выдвигать беспартийных, комсомольцев и женщин на посты членов Советов, исполкомов Советов и руководителей отделами, памятуя неоднократные указания Ленина и Сталина о том, что не наличие партийного билета, а тем более не принадлежность к мужскому полу делает человека достойным занимать тот или иной пост, а только действительная преданность делу социализма и деловые качества.

Чтобы это дело вышло, чтобы не получилось быстрого разочарования, надо лишь одно — помочь этим людям учиться.

Нужно сказать, что с обучением советских кадров дело обстоит неважно. Имеется огромное количество курсов советских работников, но они учат не председателей сельсоветов и председателей РИКов, а людей, зачастую освобожденных с советской работы за негодностью, и, кроме того, они учат большей частью не тому, чему надо, лишь ничтожную часть времени посвящая изучению Конституции и организации советской работы.

Задача здесь состоит в том, чтобы учить именно руководителей Советов и помогать им расти.

**
*

Я заканчиваю. Представляемый на ваше рассмотрение проект Избирательного закона дает наиболее действительные гарантии осуществления всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

В этих гарантиях еще раз проявляется существо пролетарской демократии, которое, как указывал товарищ Сталин, состоит в том, что пролетарская демократия, в отличие от буржуазной, не ограничивается только фиксированием формальных прав граждан, а заботится «об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления, о средствах их осуществления».

То же самое всеобщее избирательное право, которое значительная часть буржуазно-демократических стран признает в своих конституциях и формально осуществляет при выборах, но которое на деле обкарнывается, урезается, отменяется десятками способов самим механизмом капиталистической демократии, исключающим и выталкивающим рабочих, бедняков-крестьян и рядовых интеллигентов из активного участия в демократии, — наш проект Избирательного закона превращает в орудие втягивания всей массы трудящихся в политику, в средство вовлечения всего народа в активное участие в демократии, во всеобъемлющее орудие народного контроля за своими избранниками.

Здесь наша партия, Советы руководствуются указанием товарища Сталина на III Всероссийском Съезде Советов девятнадцать лет назад:

> «Нам, представителям рабочих низов, нужно, чтобы народ был не только голосующим, но и правящим».

Дело выборов — дело очень серьезное, — к нему надо подготовиться всерьез. До выборов осталось лишь несколько месяцев, а подготовка выборов и самое проведение выборов потребуют величайшей организованности.

У нас еще встречаются такие чудаки, которые понимают демократию, как анархическую распущенность, как торжество безначалия. Нечего говорить о том, что это не наш, не большевистский, не ленинско-сталинский взгляд. Демократия не есть безначалие, наоборот, демократия означает наличие организованного государства, наличие правительства, наличие работоспособных центров общественных организаций. Демократия не есть отказ от организованности, наоборот, демократия есть высшая организованность, можно сказать, — завершение организованности. Наша пролетарская демократия означает и требует, в первую очередь, максимальной организованности от рабочего класса, который руководит рабоче-крестьянским союзом, от его авангарда — коммунистической партии.

Неуклонное осуществление Конституции СССР и вытекающего из Сталинской Конституции Избирательного закона несомненно обеспечит дальнейшее развертывание советской демократии, расширение базы пролетарской диктатуры. Неуклонное осуществление Сталинской Конституции и Избирательного закона несомненно обеспечит на основе критики не-

достатков работы Советов и выдвижения в Советы новых людей улучшение работы Советов сверху донизу. Силу народной поддержки Советов проверяли на своей шкуре наши враги не раз. Что весь народ стоит стеной за Советы — в этом лишний раз недавно убедились германо-японские фашисты в троцкистской или бухаринской личине, — наша рабоче-крестьянская страна раздавила их, как клопов. **(Аплодисменты.)**

Неуклонное осуществление новой Конституции СССР и вытекающего из Сталинской Конституции Избирательного закона обеспечит еще большее сплочение вокруг Советов народных масс и избрание такого Верховного Совета СССР и таких Советов депутатов трудящихся, которые под руководством коммунистической партии, под руководством товарища Сталина проведут в жизнь Сталинскую Конституцию и поведут народы СССР, сокрушая всех и всяческих врагов рабочего класса и крестьянства, к новым победам в деле строительства социализма. **(Продолжительные аплодисменты. Все встают.)**

ВЫШИНСКИЙ А. Я.

Новый избирательный закон и социалистическая законность

Речь на 4-й Сессии ЦИК СССР VII созыва

Доклад т. Яковлева с исчерпывающей полнотой осветил значение и роль избирательного закона и самый избирательный закон, представленный на утверждение 4-й сессии ЦИК СССР VII созыва, в деле нашего социалистического строительства.

Проект нового избирательного закона является актом громадного исторического значения, он является детищем великой Сталинской Конституции и вместе с новой Сталинской Конституцией закрепляет в законодательном порядке исторические завоевания пролетарской диктатуры, великие исторические победы социализма.

Одну из замечательнейших особенностей Сталинской Конституции, утвержденной Чрезвычайным VIII Всесоюзным Съездом Советов, составляет последовательный и до конца выдержанный социалистический демократизм, не ограничивающийся провозглашением или фиксированием формальных прав граждан, но, как сказал товарищ Сталин, обеспечивающий фактическое осуществление этих прав «законодательным закреплением факта ликвидации режима эксплоатации, факта освобождения граждан от всякой эксплоатации».

Новая Конституция явилась завершением величайшего этапа в развитии пролетарской социалистической революции, создавшей в результате почти 20-летней борьбы трудящихся нашей страны, во главе с коммунистической партией, ее ЦК и великим Сталиным, новое социалистическое общество рабочих и крестьян, новую социалистическую культуру, новое поколение сталинских людей — советских героев и богатырей, творящих чудесные и небывалые до сих пор на земле дела и подвиги.

Новая Конституция явилась блестящим свидетельством небывалого в истории человечества подъема творческих сил народа, небывалого расцвета его мощи, сметающей на своем пути всех сопротивляющихся его победоносному движению вперед. Такому народу, который создал великую Сталинскую Конституцию, не страшны никакие козни врагов, не страшны их попытки сопротивления, как бы чудовищны, коварны и злодейски ни были средства борьбы, которые пускают в ход против Советского Союза фашистские разведки и их троцкистско-бухаринская агентура.

Полгода тому назад народы СССР утвердили свою новую Конституцию, осуществив мечту лучших людей человечества, осуществив то, о чем мечтали и продолжают мечтать, как сказал товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов, миллионы честных людей в капиталистических странах.

Наша Конституция — торжествующий гимн победившего в СССР социализма. Наша Конституция — грозный обвинительный акт против фашизма, воскресившего средневековое варварство и надругивающегося над культурой и демократией, покрывшего и покрывающего себя позором зверских убийств беззащитного населения мирных городов и сел, тысяч детей, женщин и стариков.

Мы все помним слова великого Сталина, что «новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства». Вот почему так беснуются сейчас наши враги, используя все средства борьбы против СССР — клевету и инсинуацию, вредительство и диверсии, террор и шпионаж, засылая в наши тылы свою агентуру, вербуя и посылая против нас троцкистско-бухаринское фашистское отребье. Напрасно! Нет в мире силы, способной помешать расцвету нашей социалистической родины.

Социализм и демократия непобедимы.

Судебные процессы вредителей и изменников Зиновьева, Каменева, Пятакова, Тухачевского, Якира и других фашистских разведчиков, шпионов и диверсантов показали и доказали, что каждый шаг, каждое движение нашего врага против СССР, против дела социализма будут разоблачены и враги будут беспощадно раздавлены, как были раздавлены пойманные с поличным презренные фашистские заговорщики из троцкистско-бухаринского подполья.

Социализм и демократия непобедимы! Вот почему каждый месяц, каждый день нашего государственного и хозяйственного строительства несут нам новые успехи и новые победы, прибавляют все новые и новые сокровища к неисчерпаемым богатствам нашей родной земли.

Проект избирательного закона, как и сама Конституция, представляет собой документ

подлинной, до конца последовательной советской демократии. В отличие от буржуазного избирательного закона, обычно преследующего цель не закрепления и обеспечения конституционных прав, а, наоборот, — цель их ограничения и прямого отступления от них, советский избирательный закон ни на пяту не отступает от принципов нашей Конституции, не изменяет этим принципам и даже отдельным формулировкам нашей Конституции.

В одном из своих блестящих произведений — в «Восемнадцатом брюмера» К. Маркс вскрыл особенность буржуазных конституций и буржуазного избирательного закона, указав на цель их — развить содержащиеся в этих конституциях «оговорки» и так «регулировать» реализацию конституционных прав, что от этих прав остаются одни лишь рожки да ножки.

По этому поводу Маркс писал:

«Поэтому конституция всюду указывает на будущие органические законы, цель которых подробно развить эти оговорки и так урегулировать пользование всеми этими неограниченными свободами, чтобы они не сталкивались ни друг с другом, ни с общественной безопасностью. Впоследствии эти органические законы были созданы друзьями порядка, и все эти свободы были так урегулированы, что буржуазия может ими пользоваться, не встречая никакого препятствия в равных правах других классов. Там, где она по отношению к «этим другим» совершенно воспретила эти свободы или позволяла ими пользоваться под условиями, каждое из которых было полицейской ловушкой, это происходило всегда только в интересах «общественной безопасности», т. е. безопасности буржуазии, как то и предписывает конституция... Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке» (К. Маркс, Избранные произведения, т. II, стр 257, Партиздат, 1933 г.).

Таким образом, в буржуазных государствах, еще сохранивших остатки буржуазной демократии и демократических конституций, конституции и избирательные законы, посвященные одному и тому же вопросу, говорят далеко не одно и то же. Назначение избирательных законов в этих странах заключается не столько в том, чтобы обеспечить реализацию прав, провозглашенных в конституциях, сколько в том, чтобы всячески затруднить эту реализацию и пользование конституционными правами поставить в рамки, хотя и противоречащие конституции, но зато не противоречащие интересам правящих в этих государствах эксплоататорских клик.

Вот почему эти избирательные законы, в сущности, являются незаконными, так как они утверждают положения, сплошь и рядом противоречащие принципам своих конституций и самим этим конституциям.

О том, какой вопиющий характер приобретают эти противоречия между конституциями буржуазии и их избирательными законами, свидетельствует множество примеров. Итальянский закон от 17 мая 1928 г., изданный под названием «О реформе политического представительства», попросту ликвидировал конституцию и опирающийся на нее парламент. В этом законе имеется статья 6-я, которая буквально гласит следующее:

«Голосование по утверждению списков назначенных депутатов происходит в третье по опубликовании списка в «Gazetta officiale» воскресенье».

По фашистской конституции и фашистскому избирательному закону, производится голосование уже ранее назначенных депутатов. Вот так «голосование»!

Статья 7-я этого закона гласит:

«Голосование производится путем подачи бюллетеня со знаком ликторского пучка и подписью: «Утверждаете ли вы список депутатов, намеченных великим советом фашизма?»

Это явная комедия, ибо такой порядок исключает какие бы то ни было выборы, исключает всякую тень, всякий намек на демократию. Но это-то и называется демократией по-фашистски. «Великий совет», согласно закону 1928 г., в праве, оказывается, составить список не только из общего числа имеющихся кандидатов, но в праве включить в список любого человека по собственному усмотрению даже из числа лиц, как говорится в статье 5-й этого закона, не попавших в кандидаты.

Знаменитая германская Веймарская конституция 1919 г. недалеко ушла, в сущности говоря, от этого фашистского закона в смысле ограничения конституционных прав граждан. Говоря о равенстве немцев перед законом, Веймарская конституция прямо поясняет, что «мужчины и женщины имеют в принципе одинаковые гражданские права и несут одинаковые обязанности». На практике они не имеют не только одинаковых, но и никаких прав.

Ряд статей этой конституции (ст. 113, 114, 115, 116, 117 и 118) прямо предусматривает в самом тексте конституции различные исключения, составляющие прямые изъятия, находящиеся в прямом и вопиющем противоречии с самими принципами этой конституции, и притом по самым важным вопросам: о неприкосновенности личности, о тайне переписки, о свободе жилищ, о цензуре и т. д.

Известно, что фашизм даже от этой конституции не оставил камня на камне.

Статья 2-я гитлеровского закона 24 марта 1933 г. прямо заявляет, что «законы, принятые имперским правительством, могут уклоняться от имперской конституции», если они не имеют предметом устройство рейстага и рейхсрата, который, кстати сказать, спустя год (в 1934 г.) был ликвидирован специальным законом в порядке указанного выше «уклонения».

Даже в передовых странах буржуазной демократии избирательный закон, как правило, всегда находится в противоречии с конституцией. Во всяком случае, он всегда оказывается сильнее и действеннее этой конституции.

Французская конституция до сих пор не знает всеобщего избирательного права. Известно, что этого избирательного права во Франции лишены, например, женщины. Но избирательная система Франции — одной из передовых буржуазно-демократических стран — еще хуже избирательного закона. Здесь до сих пор в ходу деление на маленькие округа, которые там называются характерным именем «стоячие болота», где можно легко утопить кандидатов

коммунистической партии и оппозиционных буржуазных партий.

Механика подсчета голосов здесь такова, что коммунистические кандидаты, собравшие, например, в 1932 г. не больше, не меньше как целый миллион голосов, получили всего-на всего 10 мандатов, а социалисты, собравшие менее 2 млн. голосов, получили 100 мандатов.

Вот вам «равенство» избирательного права одной из наиболее передовых буржуазно-демократических капиталистических стран!

Английская избирательная система, известная в качестве одной из старых демократических избирательных систем, знает категорию избирателей, имеющих по два голоса: один голос по месту жительства, другой — по месту нахождения принадлежащего им предприятия или земельной собственности. Эта так называемая система «множественного вотума» дает возможность богатым земельным собственникам и капиталистам голосовать поочередно во всех тех пунктах, где у них имеются предприятия или земельная собственность.

В США по конституции царит «равенство». Каждый штат выбирает ровно столько, сколько любой другой, — по два депутата. А на деле что получается? Получается, что многомиллионный Нью-Йорк выбирает двух депутатов, штат с 100 тыс. жителей выбирает тоже двух депутатов. Удивительное равенство! А подкупы, а жульничество, мошенничество, совершающиеся среди белого дня, открыто, легально на глазах у всех, подкуп голосов избирателей, — разве все это не свидетельствует о том, что представляет собою этот избирательный закон и эта избирательная механика различных капиталистических государств, даже таких, которые считаются передовыми буржуазно-демократическими странами!

В буржуазных государствах это в порядке вещей. Это вытекает из самого существа буржуазных государств и буржуазной демократии, провозглашающих конституционные права де-юре, в законе, формально, абстрактно. Буржуазная демократия не заботится о правах граждан и не стремится к обеспечению гражданам фактического осуществления официально предоставленных им конституцией прав.

Буржуазная демократия провозглашает равенство всех перед законом. А что это означает на деле? На деле это означает — всяк за себя, а бог за всех, отчего выигрывают те, у кого за плечами кроме господа бога имеется солидный капитал.

«Возьмите основные законы современных государств, — писал Ленин, — возьмите управление ими, возьмите свободу собраний или печати, возьмите «равенство граждан перед законом», — и вы увидите на каждом шагу хорошо знакомое всякому честному и сознательному рабочему лицемерие буржуазной демократии. Нет ни одного, хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п., «в случае нарушения порядка», — на деле, в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски» (Ленин, т. XXIII, стр. 347).

«Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем самым в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей» (Ленин, т. XXV, стр. 285—286).

Вся механика буржуазной демократии и буржуазных демократических избирательных систем построена на жульнических махинациях, на всевозможных недобросовестных избирательных трюках и фокусах, имеющих своей единственной целью выталкивать, как говорил Ленин, «бедноту из политики, из активного участия в демократии» (Ленин, т. XXI, стр. 430).

Советские Конституции и механизм советской демократии принципиально иные. Реально, фактически защищены у нас права граждан.

Наша Конституция и наш избирательный закон обеспечивают на деле фактическое и исчерпывающее осуществление подлинно конституционных прав и подлинно демократических свобод.

Одна из самых замечательных глав новой Конституции — X глава, говорящая об основных правах и обязанностях граждан СССР, не только провозглашает право граждан СССР на труд, право на отдых, на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности, право на образование, равенство женщин с мужчинами, равенство граждан СССР, независимо от их расовой и национальной принадлежности, и ряд демократических свобод, в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя, но обеспечивает эти права всем строем советской социалистической системы, всей мощью и социалистической организацией советского народного хозяйства, всеми силами, ресурсами и средствами Страны советов.

В ряду гарантий этих прав новая Конституция называет также и наш советский закон, прямо указывая на ответственность по всей строгости советского социалистического закона на людей, пытающихся нарушить эти гарантированные Конституцией права.

Статья 123-я Конституции, говоряшая о равенстве граждан СССР, независимо от их национальности и расы, объявляет это непреложным законом, угрожая карой закона за какое бы то ни было нарушение этого важнейшего принципа Сталинской Конституции.

Конституция поставила советский закон на защиту и других прав граждан, охраняя неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища и тайну переписки.

Конституция прямо требует от всех граждан соблюдения Конституции, исполнения законов, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к общественному делу, уважения к правилам социалистического общежития.

Провозглашая всеобщую воинскую обязанность законом, обязывая каждого гражданина

Союза Советских Социалистических Республик беречь и укреплять общественную социалистическую собственность и быть готовым к исполнению своего священного долга по защите отечества, новая Конституция нарушение этих требований рассматривает как тяжкое злодеяние и нарушителей карает как врагов народа по всей строгости советского закона.

Все это достаточно ярко говорит о роли советского закона и нашей социалистической законности в деле дальнейшего развития и укрепления социалистического государства рабочих и крестьян. Советский закон — могучее орудие пролетарской диктатуры и советского государства в борьбе с врагами социализма, в борьбе за коммунизм. Этим объясняется и то исключительное положение, которое в системе советского государства занимают такие специальные органы охраны советского закона, как суд и прокуратура, органы охраны советской законности и советского правопорядка. Об этом говорит и внесенный на утверждение 4-й сессии ЦИК СССР проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», передающий на рассмотрение народного суда жалобы на неправильности в избирательных списках (ст. 19).

Проект специально предусматривает суровую ответственность должностных лиц, членов избирательной комиссии, за совершение подлогов в избирательных документах или заведомо неправильный подсчет голосов, как и ответственность всех других лиц, кто путем насилия, обмана, угрозы, подкупа будет препятствовать гражданам СССР в осуществлении ими своих избирательных прав (ст. 111 и 112 проекта).

В буржуазном законодательстве и даже в фашистском законодательстве мы можем встретить законы, направленные против злоупотреблений и преступлений во время выборов. В Уголовном кодексе этих стран можно прочесть грозные статьи, угрожающие разными наказаниями за эти преступления. В итальянском уголовном кодексе есть специальная статья — 294-я, предусматривающая строгое наказание тех, кто насилием, угрозой или обманом воспрепятствует гражданину осуществлять избирательное право. То же самое есть и в законодательстве Польши, Франции, Германии и других стран. Но реального значения — это самое главное — эти законы не имеют. Угрозы наказанием за всякие избирательные мошенничества — не для буржуазных клик, остающихся здесь безнаказанными.

Один иностранный автор по этому поводу писал: «Опыт последних 20 лет показывает, что все эти законы не достигают цели, не устраняют коррупции (разложения) и не ограничивают расходов по избирательным кампаниям».

«Законность» в ряде капиталистических стран и во всех фашистских странах превратилась в открытый произвол, в неприкрытое издевательство над трудящимися, над культурой и демократией.

Принципиально иначе обстоит дело у нас. В СССР, где победил социализм, где несокрушимо закреплена подлинная культура и демократия, законность является могучим орудием дальнейшего прогресса, дальнейшей борьбы за социализм.

На Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов товарищ Сталин сказал: «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было». «Положение о выборах» служит этой задаче стабилизации нашей законности, гарантирующей правильность выполнения такой важнейшей государственной функции, как избрание Верховного Совета СССР — высшего законодательного органа Союза Советских Социалистических Республик.

В беседе с английским писателем Уэллсом товарищ Сталин сказал:

«Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком.

Я стою не за всякий порядок. Я стою за такой порядок, который соответствует интересам рабочего класса».

Стабильность закона органически связана с борьбой за порядок, соответствующий интересам рабочего класса.

Каждый советский гражданин обязан всемерно содействовать укреплению этого порядка, — эта обязанность лежит на органах власти, в частности и в особенности на таких органах, как Советы депутатов трудящихся, на которые статья 97-я великой Сталинской Конституции возлагает прямую и почетную обязанность охраны государственного порядка, соблюдения законов и охраны прав граждан. Стабильность закона требует единообразия и единого понимания законности.

Противниками этой законности до сих пор продолжают оставаться «местные влияния», о которых Ленин писал, как об одном из величайших препятствий к установлению законности и культурности.

Надо признать, что в практике у нас до сих пор встречаются грубые нарушения советских законов. Тов. Яковлев вчера приводил примеры нарушения законов со стороны Советов, а я добавляю: при явном, очень часто, к сожалению, бездействии и попустительстве со стороны местных прокуроров.

Если обратиться к практике обязательных постановлений и практике наложения штрафов, то в этом отношении можно назвать целый ряд в высокой степени отрицательных примеров. Ряд горсоветов у нас вовсе не считается с законами и в своей практике далеко выходит за пределы своей компетенции. Мы имеем обязательные постановления ряда горсоветов, введенные в действие с утверждения лишь одного председателя или секретаря горсовета, даже не утвержденные президиумом этих горсоветов. Так, например, в Куйбышеве из 12 обязательных постановлений президиум горсовета утвердил только 5, а остальные утверждены председателем или секретарем горсовета единолично, без какого бы то ни было участия в этом деле самого горсовета в целом.

Имеется ряд обязательных постановлений вовсе не опубликованных, хотя от граждан требуют неуклонного исполнения их, а за неисполнение этих обязательных постановлений очень ретиво штрафуют.

Так обстоит дело в Калинине и ряде других городов, даже в Москве имеется ряд подобных случаев. В ряде горсоветов выносятся постановления о действии того или иного обязательного постановления, а при проверке оказывается, что это постановление уже 2 года

тому назад утратило свою законную силу. В Казани имеется несколько таких обязательных постановлений.

Имеются постановления и анекдотического характера. Например, Феодосийский горсовет в одном из обязательных постановлений (правда, это было полтора года тому назад) воспретил «свободное содержание животных и птиц во дворе и на улице». Правда, Феодосийский горсовет не разъяснил, в чем заключается «свободное» и в чем «не свободное» содержание птиц во дворах и на улице. Очевидно, имелось в виду запретить курице или петуху из подворотни выбегать на улицу.

К сожалению, прокуроры в целом ряде случаев проявляют возмутительное бездействие и прямое попустительство. В Ширяевском деле, о котором вчера говорил т. Яковлев в своем докладе, наряду с председателем и членами Совета, судившимися по этому делу, на скамье подсудимых был и прокурор, который носил фамилию, похожую на греческого громовержца Юпитера, — Юнитер, чуть-чуть не Юпитер; однако никаких громов он против нарушителей советских законов не метал и поэтому получил по постановлению суда три года лишения свободы.

Грубое нарушение законов допускается различными организациями, злоупотребляющими наложением штрафов. Проверка материалов показала, что по одному только Ленинграду в 1936 г. имелось, по крайней мере, не менее 18 организаций, налагавших штрафы. Среди них — «Скорая помощь» (оказывается, «Скорая помощь» проявляется и в наложении штрафов), радиодирекция, трамвайное управление, Ленинградский энергосбыт, я не говорю уже о милиции и санитарной инспекции.

Важно отметить, что некоторые организации штрафуют за нарушение обязательных постановлений, как я сказал, давно утративших силу. В Ленинграде этим особенно отличаются управления Октябрьской и Кировской железных дорог.

До сих пор в Ленинграде привлекают к ответственности за нарушение обязательных постановлений, изданных в 1931—1934 гг. и по закону уже утративших свою силу.

За что же штрафуют? За самые разнообразные дела. Начальником 14-го отделения милиции Ленинграда был оштрафован гр. Петрунин за то, что покатал на тачке трех ребятишек, чем нарушил постановление Ленинградского совета. (Смех.) Некий гражданин Федченко был оштрафован на 50 руб. за то, что, как говорится в постановлении, 22 апреля 1937 г. он, Федченко, вступил в пререкания с начальством. (Смех.) Таких примеров можно привести, к сожалению, не мало.

О чем это говорит? Это говорит о том, что у целого ряда наших товарищей все еще нет уважения к советскому закону, к советской законности. Подобного рода пренебрежительное отношение к советским законам различных «зазнавшихся вельмож» все еще наблюдается здесь и там, и это наносит серьезный ущерб авторитету советской власти и советского государства. Эти люди забыли слова товарища Ленина о том, что «законность должна быть одна» и что «если мы этого элементарнейшего условия для установления единой законности во всей федерации не будем проводить во что бы то ни стало, то ни о какой охране и ни о каком создании культурности не может быть и речи» (Ленин, т. XXVII, стр. 299). Эти люди, очевидно, забыли слова товарища Сталина, что «Стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было».

Новая Сталинская Конституция и новый избирательный закон, внесенный на ваше утверждение, требуют честного и большевистского отношения к советским законам, беспрекословного и последовательного проведения советских законов в жизнь, неуклонной и самоотверженной борьбы за советский социалистический закон и социалистические правопорядки. Новая Конституция — основной закон Союза Советских Социалистических Республик — возлагает на Советы трудящихся великие обязанности и великую ответственность в деле дальнейшего утверждения и укрепления незыблемости, непоколебимости и единства советских законов.

Два слова о нашей прокуратуре. 15 лет назад советская прокуратура была учреждена по мысли и инициативе товарищей Ленина и Сталина. За эти годы прокуратура сделала немало в борьбе с врагами нашей родной земли. Но в работе прокуратуры еще имеются крупнейшие недостатки, грубейшие ошибки, особенно нетерпимые в свете великой Сталинской Конституции.

Новый избирательный закон возлагает на наш суд и прокуратуру ответственнейшие обязанности. Советская прокуратура является представителем советского государства в борьбе за социалистическую законность. Ее задача — не оставлять безнаказанным, без преследования ни одного нарушения интересов государства и прав трудящихся, чутко и внимательно относиться к людям, по-сталински проявлять к ним заботливость и чуткость, особенную чуткость проявлять к справедливым жалобам граждан, требующих законной защиты своих прав.

Задача прокуратуры — беспощадно бороться со всякого рода нарушителями советских законов, со всеми и всяческими врагами социалистического государства и дела социализма. Советская прокуратура должна наносить беспощадные и меткие удары по всем врагам, подрывающим советские порядки и самую основу социалистического государства — общественную социалистическую собственность, по всем предателям, изменникам и агентам фашистских иностранных разведок, не прекращающих своей борьбы против СССР.

В этом священный долг всех честных людей нашей земли, в том числе и в первую очередь наших работников советской юстиции, советской прокуратуры, поставленных на стражу социалистического общества рабочих и крестьян, советских законов и советского социалистического правопорядка.

Значение и роль советской социалистической законности в борьбе с врагами народа огромны. Нарушением советских законов и советской дисциплины нередко умело пользуется враг для маскировки своей подлой, преступной, подрывной и предательской работы.

Ленин и Сталин учат нас, что «победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть, — войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли» (Ленин, т. XXV, стр. 173).

Ленин всегда подчеркивал, что «безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией» (Ленин, т. XXV, стр. 174), что одним из условий такой победы является победа над мелкобуржуазными привычками, над этими проклятыми пережитками и традициями капитализма.

Это тоже не легкая задача, ибо «сила привычки миллионов и десятков миллионов, — как говорил Владимир Ильич, — самая страшная сила» (Ленин, т. XXV, стр. 190).

Товарищ Сталин указал на опасность идиотской болезни — беспечности, на необходимость преодолеть эту болезнь, чтобы уметь распознать и победить врага.

Трудность и сложность задачи состоит в том, что мелкобуржуазная стихия пропитывает собой и развращает даже отдельных представителей пролетариата, которые не отделены китайской стеной от старого общества, и вызывает в этих представителях пролетариата «рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию» (Ленин, т. XXV, стр. 189).

Вот почему Ленин говорил о целой исторической эпохе, ставя задачу выработки новой дисциплины.

Пролетарская диктатура неизмеримо облегчает эту задачу. Пролетарская диктатура является той почвой, на которой лучше и быстрее всего может осуществиться этот процесс перевоспитания и пролетариев, и колхозников, и даже мелкобуржуазных элементов.

Но этот процесс не может осуществиться самотеком или «в два счета». «От своих собственных мелкобуржуазных предрассудков, — говорил Ленин, — (пролетарии. — А. В.) избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелко-буржуазными влияниями» (Ленин, т. XXV, стр. 247).

Борьба с этими влияниями, с пережитками капитализма в сознании людей — это тоже классовая борьба, ибо эти пережитки являются отражением интересов господствовавших раньше классов, претворивших в эти «привычки» свои классовые интересы и запечатлевших в них свое классовое господство, ибо этими пережитками сплошь и рядом пользуется классовый враг, пытающийся использовать отдельных трудящихся в качестве орудия своей преступной контрреволюционной борьбы с советским строем, с общественной социалистической собственностью — основой советского строя.

В своей борьбе классовый враг нередко ловко и искусно пользуется силой привычки, являющейся, действительно, страшной силой в борьбе контрреволюционных элементов против нашего нового общественного строя.

Сейчас контрреволюционная антисоветская агитация прибегает к самым разнообразным приемам и очень неплохо умеет замаскировать свои антисоветские выступления.

Так, например, недавно в Куйбышеве был задержан на базаре и доставлен в милицию один «глухонемой», у которого на груди красовалась небольшая дощечка с контрреволюционной надписью: «Помогите глухонемому, лишили работы, раздели и есть не дают». Этого «глухонемого» привели в милицию, и оказалось, что этот «глухой» вовсе не глухой, «немой» вовсе не немой, — он оказался совершенно здоровым человеком, раскулаченным кулаком, который в этой форме избрал определенный способ борьбы с советской властью, ведения антисоветской пропаганды. У этого «глухонемого» в кармане оказался десяток заготовленных таких дощечек с аналогичными надписями.

В ряде мест оживляются различные антисоветские происки враждебных элементов. В одном месте открывают «святого Власия», в другом месте открывают какую-то «преподобную Варвару». (Смех.)

Враги пользуются темнотой и невежеством людей для того, чтобы сгруппировать антисоветские силы около этих «святых» и «преподобных» для того, чтобы делать самое настоящее антисоветское дело.

В своем историческом докладе на XVII съезде партии товарищ Сталин показал, как живучи остатки идеологии разбитых «врагов партии, оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода», как живучи пережитки мелкобуржуазной психологии, как даже в партию проникают нередко извне нездоровые настроения. Товарищ Сталин подчеркнул, что «почва для таких настроений несомненно имеется в нашей стране, хотя бы потому, что у нас все еще существуют некоторые промежуточные слои населения как в городе, так и в деревне, представляющие питательную среду для таких настроений... что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР, и против которого мы, большевики — должны все время держать порох сухим» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 579—580). Преодоление этих пережитков невозможно без укрепления пролетарской дисциплинированности, без упрочения подлинно коммунистического отношения к труду, к социалистической собственности, к общественному благу, к советскому государству. Значение советской дисциплины, и государственной дисциплины в особенности, усиливается в условиях классовой борьбы, перед лицом остервеневшего врага, пускающегося на всяческие подлости и самые злодейские и зверские преступления против нашего отечества. Преступная деятельность троцкистских, правых и других агентов фашистских разведывательных органов дает не мало примеров того, как умеют эти подлые враги советского народа использовать в своих преступных целях расхлябанность, распущенность, недисциплинированность, гнилую атмосферу восхваления, подхалимства и зазнайства. Крепкая дисциплина, порядок и неуклонное выполнение предписаний советского закона, наоборот, мешают вредительской и иной враждебной работе троцкистско-бухаринской фашистской агентуры.

Вот почему борьба за советскую дисциплину, составляющую один из важнейших элементов социалистической законности, за социалистическую законность в целом, составляет, особенно в настоящее время, величайшую задачу социалистического строительства. Об этом говорил на XVII съезде партии товарищ Сталин, обрушиваясь на советских вельмож, «которые считают, что партийные и советские законы

писаны не для них, а для дураков». «Это, — говорил товарищ Сталин, — те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины...» Как быть с такими работниками? «Их надо, — сказал товарищ Сталин, — без колебаний снимать с руководящих постов, не взирая на их заслуги в прошлом» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 592—593).

Новая Конституция еще выше поднимает роль и значение в СССР нашей законности, всегда являвшейся и являющейся могучим орудием пролетарской диктатуры в борьбе за социализм. Троцкистские, правые и иные фашистские агенты, пробравшиеся и в ряды работников нашей юстиции, всячески старались и стараются подорвать авторитет и силу советской законности. В области права и юстиции изменники не мало потрудились над этой позорной задачей. Своими вредительскими «теориями» враги народа вроде Пашуканиса, Дзениса, Бермана и других представителей троцкистско-бухаринского отребья старались внушить мысль о мелкобуржуазной природе советского закона и советского права, об обреченности советской законности на отмирание, о никчемности, или, как они по-ученому пытались говорить, об иррациональности советских законов и советского права. Они пытались дискредитировать социалистический характер советского права, клеветнически ставя знак равенства между правом советским и правом буржуазным, договариваясь до таких чудовищных нелепостей, что в советском государстве роль закона падает, что в наших общественных отношениях регулирование становится тем более эффективным, чем слабее, чем незначительнее становится якобы роль закона.

Эти явно контрреволюционные, антисоветские, фашистско-троцкистские измышления, направленные на дискредитацию советской законности, контрабандным путем протаскивались еще недавно в наших юридических вузах, институтах, учебниках, в статьях, вдохновляя всякого рода фашистско-троцкистских агентов и просто «загибщиков», подвизавшихся в Лепеле, Ширяеве, и в других местах, прославившихся крупнейшими нарушениями законности, битых и разоблаченных нашей партией и советской властью.

Великая Сталинская Конституция и опирающийся на эту Сталинскую Конституцию, на ее незыблемые принципы новый избирательный закон обеспечивают полное торжество социалистической демократии, социалистической дисциплины и социалистической законности.

В руках советского народа социалистическая демократия и социалистическая законность являются могучим оружием борьбы и победы социализма. Великое знамя Ленина—Сталина—знамя этой борьбы. Под знаменем Ленина—Сталина, под руководством нашей партии во главе с товарищем Сталиным, под руководством нашего советского правительства во главе с тт. Молотовым и Калининым СССР непобедим. СССР готов встретить и разгромить любого врага нашей родины, врага нашего народа — народа, построившего новое, счастливое социалистическое государство рабочих и крестьян. **(Бурные аплодисменты.)**

О награждении товарища А. Я. Вышинского орденом Ленина

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР

Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет:

За успешную работу по укреплению революционной законности и органов прокуратуры наградить товарища **А. Я. Вышинского орденом Ленина.**

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР
М. Калинин

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР
А. Горкин

Москва, Кремль.
20 июля 1937 г.

ЦК ВКП(б) — товарищу СТАЛИНУ И. В.
СНК СССР — товарищу МОЛОТОВУ В. М.
ЦИК СССР — товарищу КАЛИНИНУ М. И.

Общее собрание работников Прокуратуры Союза ССР выражает свое глубокое удовлетворение по поводу награждения партией и правительством Прокурора Союза товарища Вышинского орденом Ленина за успешную работу по укреплению революционной законности и органов Прокуратуры.

Сталинская Конституция возлагает на всех прокурорских работников ответственнейшие обязанности по дальнейшему укреплению революционной законности и по выполнению боевых заданий партии и правительства в борьбе с троцкистско-бухаринскими предателями, шпионами — врагами народа.

Выражая радость по поводу той высокой оценки, которая дана партией и правительством нашему руководителю, товарищу Вышинскому, мы, работники Прокуратуры, заверяем Вас, наш любимый вождь и учитель, товарищ СТАЛИН, что мы удесятерим наши усилия и с неослабевающим энтузиазмом будем бороться под Вашим руководством за торжество социалистической законности и за окончательный разгром презренных предателей и врагов народа.

ПРЕЗИДИУМ СОБРАНИЯ

22 июля 1937 г.

Приветствия товарищу А. Я. Вышинскому

В связи с награждением т. А. Я. Вышинского орденом Ленина, на его имя поступил ряд телеграмм от различных советских учреждений, организаций, от работников суда и прокуратуры и частных лиц.

Во всех телеграммах выражается уверенность в дальнейших успехах органов прокуратуры в борьбе за укрепление революционной законности и окончательную ликвидацию троцкистско-зиновьевских и бухаринско-рыковских шпионов, диверсантов и вредителей. В телеграммах выражается пламенная любовь трудящихся к нашей родине и преданность великому делу Ленина—Сталина, уверенность, что под руководством мудрого учителя и друга народов СССР и трудящихся всего мира — товарища Сталина прокурорские и судебные работники с честью выполнят свой долг перед Советским государством и нашей партией.

Телеграммы поступили от следующих организаций и учреждений: от редакции журнала «Социалистическая законность»; работников прокуратуры Азербайджанской ССР; работников прокуратуры РСФСР; работников прокуратуры УССР, работников прокуратуры БССР, работников прокуратуры Туркменской ССР, работников прокуратуры НКЮ и суда Таджикской ССР, работников прокуратуры Северо-Казахстанской области, Вседагестанского совещания актива прокурорских работников, работников прокуратуры и суда Черкесской автономной области, Адыгейского областного суда, Всесоюзной правовой академии, Московского юридического института им. Стучка, работников Кировской областной прокуратуры, работников Киевской областной прокуратуры, работников прокуратуры Узбекской ССР, работников юстиции г. Херсона; работников прокуратуры Кабардино-Балкарской АССР, работников водной прокуратуры Средней Волги, работников суда и прокуратуры города Ленинакана, работников прокуратуры Армянской ССР, работников областной прокуратуры Донбасса, работников Башкирской прокуратуры, работников Ак-Булакской прокуратуры Оренбургской области; работников прокуратуры Северной области; работников прокуратуры Саратовской области, первой Горьковской областной конференции работников суда и прокуратуры; партийных и беспартийных большевиков органов прокуратуры Азово-Черноморского края; работников Кировабадской прокуратуры Азербайджана; работников прокуратуры Черноморского бассейна, Московской городской коллегии защитников, Московской областной коллегии защитников, Ленинградской областной коллегии защитников; Фрунзенского коллектива Московской городской коллегии защитников; коллектива работников Инжстроя г. Ереван; коллектива 2-го отделения службы движения Красноярской железной дороги; конференции союза Желдорстроя и Метрополитена, Сталинского стройпути, рабочих, специалистов и служащих иркутских предприятий Главрыбы; работников Ашхабадского трансторгпита, работников Курского пенькотреста, работников Казахстанской прокуратуры, работников НКЮ и Верхсуда Азербайджана; работников прокуратуры Киргизии; работников Сахалинской облпрокуратуры, работников НКЮ и Верхсуда Башкирии; второй городской конференции профсоюза работников госторговли г. Перми; работников прокуратуры Кара-Калпакской области, работников Красноярской прокуратуры; работников суда и прокуратуры Кировакана; Азово-Черноморской краевой коллегии защитников; Верхсуда Киргизской ССР; третьего областного делегатского съезда защитников Омской области; Харьковской адвокатуры; Куйбышевской областной конференции союза работников суда и прокуратуры, Института красной профессуры; Савирова; работников прокуратуры и следствия Хорезмского округа; работников прокуратуры Аздонкузбассейна; Президиума Верхсуда Армении; работников прокуратуры Балтийского морского и Северо-западного речного бассейнов; работников прокуратуры г. Туапсе; работников Орджоникидзевской прокуратуры; работников прокуратуры Прокскуровского округа, работников Вяземской прокуратуры; работников транспортной прокуратуры Южной ж. д.; коллектива московских защитников по обслуживанию работников ж.-д. транспорта; 31 коллектива Московской городской коллегии защитников; коллектива сотрудников ЦК Союза работников суда и прокуратуры; работников военной прокуратуры МВО, работников прокуратуры Красно-Пресненского района г. Москвы, работников прокуратуры Ростокинского района г. Москвы; работников прокуратуры и суда Восточного Казахстана; работников прокуратуры, суда и защиты Жарминского района Казахстана; Таганрогского коллектива защитников; работников прокуратуры и суда Чарджуйского участка; работников военной прокуратуры Армении; работников Алмаатинской прокуратуры; работников Новолеумковской прокуратуры Азово-Черноморского края; работников военной прокуратуры и военного трибунала Красноярской ж. д.; работников прокуратуры и суда Чарджуйского участка; работников суда и прокуратуры г. Сталино; коллектива работников Адыгейской облпрокуратуры; работников военной прокуратуры 12 корпуса; работников суда и прокуратуры Чернoостровского района Винницкой области; работников Алмаатинской городской прокуратуры; Брасовской прокуратуры; работников Ленинкузбасской прокуратуры Западно-Сибирского края; работников прокуратуры и трибунала Казачьего корпуса; работников прокуратуры Дальне-Восточного края, актива облпрокуратуры и облсуда Алмаатинской области; работников линсуда и прокуратуры Казанской ж. д.; членов союза работников суда и прокуратуры Анастасиевского района Азово-Черноморского края; работников суда, прокуратуры и защиты Зверевского района; работников военной прокуратуры и военного трибунала САВО; коллектива работников Кустанайской областной и районной прокуратуры; Данковской районной прокуратуры; работников прокуратуры Уральского бассейна; общего собрания работников суда, прокуратуры и защитников г. Таганрога; работников Воронежской облпрокуратуры и др.

Пять лет закона 7 августа об охране общественной социалистической собственности

7 августа 1932 г. Центральным исполнительным комитетом и Совнаркомом Союза ССР было издано постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

Это постановление вошло в советское законодательство в качестве закона громадного общественно-политического значения, в качестве закона, определившего собой все направление советской судебной политики, явившегося «основой революционной законности в настоящее время» (Сталин).

Закон об охране общественной, социалистической собственности говорит о громадной роли общественной, социалистической собственности в советском народном хозяйстве.

Товарищ Сталин говорил в своем историческом докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов о социалистической собственности, как об одном из основных устоев социализма.

«Главную основу проекта новой Конституции СССР, — говорил в этом докладе товарищ Сталин, — составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные: социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства...».

Великая Сталинская Конституция поэтому возлагает на каждого гражданина СССР обязанность «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся» (ст. 131 Конституции СССР 1936 г.).

В результате успешного выполнения планов первой и второй пятилеток СССР преобразился в корне, превратившись в страну индустриальную, опирающуюся на передовую высокую научную технику, обладающую гигантскими предприятиями, вполне современными, не только не уступающими, но в ряде случаев далеко превосходящими лучшие и наиболее мощные предприятия капиталистических стран.

За годы сталинских пятилеток создана целая сеть новых, крупнейших индустриальных центров, новых богатейших очагов социалистической промышленности, созданы многочисленные и совершенно новые отрасли народного индустриального хозяйства (станкостроение, турбиностроение, моторостроение, самолетостроение, комбайностроение, химическая промышленность, автомобильная промышленность и др., и т. п.).

В основе этой промышленности лежит социалистическая собственность, собственность социалистического государства рабочих и крестьян на средства и орудия производства.

«Как могли произойти эти колоссальные изменения в какие-либо 3—4 года на территории громадного государства с его отсталой техникой, с его отсталой культурой? Не чудо ли это?» спрашивал товарищ Сталин в своем докладе на XVII съезде ВКП(б) и отвечал: «Это было бы чудом, если бы развитие шло на базе капитализма и единоличного мелкого хозяйства. Но это не может быть названо чудом, если иметь в виду, что развитие шло у нас на основе развертывания социалистического строительства.

Понятно, что этот гигантский подъем мог развернуться лишь на базе успешного строительства социализма, на базе общественного труда десятков миллионов людей, на базе преимуществ социалистической системы хозяйства перед системой капиталистической и единолично-крестьянской» [1].

Это преимущество социалистической системы хозяйства заключается раньше всего в том, что она опирается на общественную, социалистическую собственность на средства и орудия производства, позволяющую организовывать и осуществлять народнохозяйственную деятельность, строить всю народнохозяйственную жизнь по определенному плану, в соответствии с определенными принципами и задачами, именно — с принципами и задачами социалистической организации общества.

Благодаря этому преимуществу социалистической системы хозяйства исчезла безработица и нищета масс и из года в год все более и более возрастает материальное и культурное благосостояние народных масс, исчезла нищета в городе и особенно в деревне, исчезли периодические, столь хорошо знакомые капиталистическому обществу и неизбежные при капитализме, при господстве частной собственности, кризисы, недороды, недоедание, голодовки, эпидемии.

Победа общественной, социалистической собственности в СССР была очень ярко показана товарищем Сталиным в отчетном докладе XVII съезду партии.

Товарищ Сталин показал, что уже к началу 1934 г. обобществленная промышленность давала 99,93% всей продукции крупной промышленности, при 92,76% продукции государственной промышленности.

Характеризуя состояние нашей промышленности в настоящее время, товарищ Сталин подчеркивал, что «капитализм изгнан вовсе из сферы нашей промышленности, а социалистическая форма производства является теперь безраздельно господствующей системой в области нашей промышленности» [2].

В деревне мы имеем аналогичное положение. В сельском хозяйстве господствует «всеобъемлющая система колхозов и совхозов».

316 тысяч тракторов мощностью в 5 млн. 700 тыс. лошадиных сил, которыми располагают колхозы, достаточно красноречиво говорят об удельном весе колхозной системы в сельском хозяйстве, в котором единоличнику принадлежит не более 2—3% всех посевных площадей.

Если же к колхозным тракторам присоединить совхозные трактора, то получится гигантская силища в 7,5 млн. лошадиных сил, то станет ясно, что советское крестьянство сейчас базирует свою работу и свое достояние, как показал это товарищ Сталин, не на единолич-

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, 554.
[2] Сталин, О проекте Конституции СССР.

ном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике, что «в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда» [1].

Победа общественной, социалистической собственности решила и задачу улучшения материального положения народных масс. Об этом убедительно говорит самый факт роста народного дохода, поднявшегося с 35 млрд. в 1930 г. до 50 млрд. в 1933 г. (к концу первой пятилетки) и до 84,9 млрд. в 1936 г.

Важно отметить, что в настоящее время почти весь народный доход распределяется между рабочими, трудящимися крестьянами, служащими, кооперацией и государством.

Но распределение народного дохода между отдельными группами населения само по себе еще не все говорит о материальном благополучии этих групп. Об этом благополучии надо судить по всем возможным показателям, способным характеризовать это дело.

В советских условиях к числу таких показателей, кроме фонда заработной платы—уровня ее и средне-годового ее размера, относится еще фонд социального страхования, различные виды государственной помощи населению и т. д., и т. п.

Если обратиться к рассмотрению этих показателей, то окажется, что фонд социального страхования рабочих и служащих в СССР с 1 млрд. 800 млн. руб. в 1930 г. возрос до 4 млрд. 610 млн. руб. в 1933 г. и 8 млрд. 380 млн. руб. в 1936 г., а помощь государства крестьянам, в виде семенной и продовольственной ссуды, в виде льгот по налогу и страхованию, в виде списания недоимок и пр. выражается ежегодно в сотнях миллионов, в миллиардах рублей.

Вот почему не подлежит никакому сомнению правильность утверждения новой Конституции, что общественная, социалистическая собственность является действительно источником богатства и могущества нашей родины, источником зажиточной и культурой жизни трудящихся!..

Совершенно естественно, что при таком положении, гигантском значении общественной, социалистической собственности, такой исключительной роли, которую она играет во всей народнохозяйственной жизни страны, классовый враг направил свои основные усилия именно против общественной, социалистической собственности.

Классовый враг, разгромленный в открытых боях в эпоху гражданской войны, вышибленный из старой колеи, озлобленный и потерявший уже надежду на восстановление утраченного экономического и политического господства, обрушился на новый социалистический строй и социалистическую собственность всей силой своей звериной ненависти.

По мере роста силы и могущества советского строя все более возрастала, как и сейчас продолжает возрастать, ненависть наших врагов и их решимость бороться против советского государства всеми силами и вс средствами.

В 1920 г. в статье «О диктатуре пролетар та» Ленин писал: «Подавление сопр тивления эксплуататоров. Об эт как задаче (и содержании) эпохи, вовсе бывают оппортунисты и «социалисты».

Отсюда:

(α α) особая (высшая) ожесточенность кла совой борьбы.

(β β) новые формы сопротивления, соотве ствующие капитализму и его высшей стади (заговоры + саботаж + воздействие на мелку буржуазию, etc. etc.), и в частности,

5. (2) (γ γ) Граждан. война» [1].

Именно эта «особая» (высшая) ожесточен ность классовой борьбы», о которой говори Ленин, в условиях 1932—33 гг. проявилась тысячах больших и маленьких актов вреди тельства, саботажа, прямых диверсий, пря мых террористических нападений кулаков, бе логвардейских и фашистских агентов на пред ставителей советской власти, партии, совет ской общественности. Эта «высшая ожесто ченность» классовой борьбы нашла свое про явление и в массовых посягательствах на госу дарственное и кооперативное имущество, на общественную, государственную и колхозную собственность.

Враги советов, все эти представители уми рающих классов, — «промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы», — о которых говорил товарищ Сталин, подводя итоги первой пятилетки [2], — все эти «бывшие люди» расползлись по колхозам и совхозам, по различным государственным, кооперативным и общественным учреждениям и организациям с затаенной злобой, ненавистью и решимостью всячески пакостить и вредить советской власти.

Это они саботируют мероприятия советской власти, разлагают нашу дисциплину, всячески стараются дезорганизовать наше хозяйственное строительство, особенно колхозное строительство, прибегая к самым гнусным средствам борьбы, пускаясь на самые варварские преступления.

Однако, главное в их преступной деятельности состоит в многочисленных посягательствах на основу советского строя — на общественную, социалистическую собственность, на государственное и общенародное достояние.

Об этом говорил товарищ Сталин еще в 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), когда характеризовал «главное» в преступной деятельности бывших людей.

«Главное в «деятельности» этих бывших людей состоит в том,—говорил товарищ Сталин,— что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности» [3].

Свою преступную деятельность против общественной, социалистической собственности вра

[1] Сталин, О проекте Конституции, Партиздат, 28.

[1] Ленин, XXV, 6.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, 507.

[3] Сталин, Вопросы ленинизма, 508.

ти советского народа осуществляют посредством прямого расхищения государственного и общественного имущества, путем воровства, растрат, присвоения общественных и государственных ценностей, — всякими, какие только возможны, способами, лишь бы они помогали расшатать и ослабить хозяйственную и политическую мощь советского строя.

Хитро и ловко используя политическую доверчивость наиболее отсталых слоев нашего населения, нередко умело играя на сохранившихся еще в их сознании мелкобуржуазных предрассудках, на частнособственнических навыках и пережитках трудящихся — рабочих и колхозников, классовый враг ведет свою преступную хищническую работу, организуя хищения общественного имущества, стараясь «поколебать основу советского строя — общественную собственность» (Сталин).

Именно потому, что общественная, социалистическая собственность является, действительно, основой советского строя, основой советского государства, против этой собственности и направляются разбойничьи удары и вылазки классового врага, с еще большим упорством и ожесточением продолжающего свою борьбу против нового социалистического общества.

Ответом на эти вылазки и явился закон об охране общественной, социалистической собственности, изданный 7 августа 1932 г.

Издавая этот закон, ЦИК и СНК СССР исходили из того обстоятельства, что «общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа» (вводная часть закона 7 августа).

Ставя перед всеми органами советской власти в качестве первейшей задачи решительную борьбу с расхитителями общественного имущества и идя в этом отношении навстречу требованиям рабочих и колхозников, ЦИК и СНК СССР принял постановление, вошедшее в железный инвентарь средств и орудий борьбы с врагами советского народа под именем закона 7 августа.

По поводу этого закона товарищ Сталин сказал, что «этот закон есть основа революционной законности в настоящий момент» и что «обязанность строжайшего его проведения в жизнь является первейшим долгом коммуниста, рабочего и колхозника» [1].

К сожалению, многие не понимают этого даже теперь, спустя пять лет после издания закона 7 августа. Они не понимают всей важности честного и неуклонного выполнения обязанности решительной борьбы с расхитителями и расхищением общественной, социалистической собственности. Недооценивая опасность этого дела, они, как сказал товарищ Сталин, склонны благодушно смотреть на подобные явления, не понимая смысла и значения фактов массового воровства и хищения. Это — опасное положение. Тем более оно опасно было пять лет тому назад, в момент издания закона, когда именно в форму хищения общественного и государственного имущества кулачье и иные контрреволюционные элементы облекали, как правило, это свое сопротивление.

Не видеть в то время всей опасности этого зла, всей серьезности этих преступлений могли только враги или люди преступно беспечные в политическом отношении или слепые. Каково было накануне издания закона 7 августа отношение ряда наших товарищей к воровству и хищениям общественной собственности? В этих фактах многие наши товарищи не видели «ничего особенного».

«Они — говорил про этих людей товарищ Сталин, — как слепые, проходили мимо этих фактов, полагая, что «тут нет ничего особенного».

«Но они, эти товарищи,—добавлял товарищ Сталин, — глубоко заблуждаются. Основой нашего строя является общественная собственность, так же как основой капитализма — собственность частная. Если капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, добившись в свое время укрепления капиталистического строя, то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли» [1].

Товарищ Сталин показал, таким образом, гигантское значение закона 7 августа, призванного охранять и укреплять нашу общественвсех областях производства и торговли» [1].

Общественная, социалистическая собственность — основа советского строя. Поэтому она — священна и неприкосновенна. Поэтому всякий, посягающий на нее, — враг народа.

Общественная, социалистическая собственность закрепляет, окончательно утверждает новые формы производства и торговли, новые социалистические формы общественных отношений. На основе общественной собственности выросло и окрепло новое отношение к труду — на этой основе выросло и могуче развернулось стахановское движение, немыслимое в капиталистических странах, опирающихся на частную собственность на средства и орудия производства.

На основе общественной собственности выросло новое отношение к государству и обществу, к государственным и общественным интересам, к государственному и общественному достоянию, к народному добру.

Новые социалистические формы труда, новые общественные социалистические отношения воспитали нового социалистического человека, для которого общественное стало родным и близким, как свое личное, для которых нет разницы между «своим», «собственным» и государственным, общественным.

В 1924 г. Ленин писал: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [2].

В 1924 г. это в значительной степени означало еще призыв, программу. Десять лет спустя это уже претворилось в жизнь, стало фактом, полным жизненного содержания и глубокого исторического значения.

Эта перемена во взглядах людей, далеко уже ушедших от мелкобуржуазной психологии, опи-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, 508.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, 508.
[2] Ленин, XXIX, 419.

рающейся на «мое», на «личное», на «собственное» в противоположность общественному, «ихнему», достигла теперь громадных успехов.

«Только слепые не видят, что в психологии масс и в их отношении к труду произошел громадный перелом, в корне изменивший облик наших завод и фабрик».

Вот что говорил товарищ Сталин на XVI съезде партии (1930 г.), т. е. уже семь лет тому назад.

Товарищ Сталин говорил о той перемене в психологии людей, которая произвела коренной переворот и во взглядах людей на труд, превратившийся «из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства».

Товарищ Сталин говорил: «Ничего подобного нет и не может быть в капиталистических странах. Там, у них, у капиталистов, самое желанное дело, заслуживающее общественного одобрения, — иметь ренту, жить на проценты, быть свободным от труда, считающегося презренным занятием. У нас, в СССР, наоборот, самым желанным делом, заслуживающим общественного одобрения, становится возможность быть героем труда, возможность быть героем ударничества, окруженным ореолом почета среди миллионов трудящихся.

Не менее замечательным в соревновании нужно считать тот факт, что оно начинает распространяться и в деревне, захватив уже наши совхозы и колхозы. Всем известны многочисленные факты настоящего трудового энтузиазма в миллионных массах совхозников и колхозников.

Кто мог мечтать года два назад о таких успехах соревнования и ударничества»? [1].

Эти успехи говорят о коренной переделке сознания людей, о победе новой социалистической культуры и новой социалистической психологии. Это явилось прямым результатом происшедших у нас изменений в общественных отношениях, опирающихся на мощный фундамент общественной, социалистической собственности.

Это явилось прямым следствием коренной перестройки отношений между людьми, укрепления нового общественного начала, лежащего в основе этих отношений.

Люди стали иначе смотреть на свои обязанности и по отношению к своему классу и своему государству.

Выросло новое чувство ответственности перед своей родиной, чувство великого советского патриотизма, зажигающее миллионы и десятки миллионов сердец рабочих, колхозников, советской интеллигенции беспредельной преданностью и любовью к своей партии, советскому правительству, и великому Сталину... Это один из величайших результатов победы социализма в нашей стране, торжества общественной, социалистической собственности...

***

Общественная, социалистическая собственность является основой советского строя, так же как основой капитализма является собственность частная.

Капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной и поставили на защиту этой собственности свои кровавые и жестокие законы.

История капиталистической частной собственности омыта потоками, реками и океанами человеческой крови, крови эксплоатируемых и уничтожаемых капиталом трудящихся масс. История капитализма есть история беспощадного, кровавого грабежа и подавления всех тех, кто противостоит ему.

«Расхищение церковных имуществ, грабеж общинных земель, совершенное с беспощадным терроризмом превращение феодальной собственности и собственности класса в современную частную собственность—таковы идиллические методы первоначального накопления...» [1].

«Прогресс XVIII столетия выражается в том, что закон сам становится орудием расхищения народной земли...» [2].

Грубое, открытое, не считающееся ни с чем насилие, прямой грабеж и мошенничества — вот средства, при помощи которых частная капиталистическая собственность пробила себе дорогу в жизнь, окрепла и стала господствовать в капиталистическом мире.

Овладев положением, капиталистическая частная собственность наложила свою тяжелую, звериную лапу на весь строй капиталистических общественных отношений, создала свою специфическую палочную дисциплину нужды и голода, свою грабительскую мораль и разбойничьи кодексы своего права.

Частная капиталистическая собственность подчинила себе миллионные массы экспроприированного населения, изгнанного со своих земельных участков и превращенного в бродяг грубым насилием — плетьми, клеймением, пытками, освященными «террористическими до уродливости» (Маркс) законами капитала.

Рождение капиталистической частной собственности К. Маркс характеризует следующим образом: «Открытие золотых и серебряных рудников в Америке, истребление, порабощение и погребение заживо туземного населения в этих рудниках, первые шаги по пути завоевания и ограбления Ост-Индии, превращение Африки в место выгодной охоты за чернокожими, все эти явления характеризуют капиталистическую эру на заре ее развития...» Таков этот «идиллический» процесс первоначального капиталистического накопления, обагренный кровью миллионов трудящихся. Это должно было привести и привело к тому, что, — говоря словами К. Маркса, — «общественное мнение Европы лишилось последнего остатка стыда и совести», что «нации цинично хвастались всякой подлостью, служившей средством накопления капитала...» [3].

К. Маркс писал о капитализме: «Если деньги, по выражению Augier, «появляются на свет с природными кровяными пятнами на одной щеке, то капитал рождается сочащимся кровью и грязью с головы до пят изо всех пор...» [4].

При капитализме, опирающемся на частную собственность на средства и орудия производ-

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, 393—394.

[1] К. Маркс, Капитал, т. 1, 620.
[2] Там же, 613.
[3] Капитал, т. 1, 642.
[4] Там же, 644.

ства и эксплоатацию, весь строй общественных отношений изуродован кровавыми пятнами насилия и угнетения.

Лучшие люди человечества негодовали и проклинали этот строй, придумывая тысячи самых фантастических средств избавления от ужасов и бедствий капитализма.

Еще Томас Мор в XVI веке в своей замечательной книжке «Утопия» говорил о том непримиримом противоречии, которое существует между обществом, опирающимся на частную собственность, и развитием физических и духовных свойств человеческой личности.

«Не надейтесь, — говорил Томас Мор устами своего героя Рафаила, — вернуть ему (т. е. обществу) силы и здоровье, пока каждый будет только и исключительно владеть своим достоянием. Вы удалите одну язву, а все другие разом начнут болеть еще сильнее, вы излечите больного и умертвите здорового, ибо то, что будете отнимать у одного, вы станете отдавать другому».

Вот как он ставил вопрос о значении человека и всего общества в целом, приходя к заключению, что «единственное средство... положить начало всеобщему благополучию заключается в том, чтобы уничтожить право собственности (т. е. частой собственности.—А. В.). Пока она будет служить фундаментом общественной постройки, самым могочисленным и производительным классам остается на долю только бедность, горе и отчаяние...».

Дальше Мор говорил: «... все измеряется на деньги, о справедливости и общественном благополучии не может быть и речи в таком государстве, где принцип «мое и твое» поддерживается организацией, механизм которой настолько же сложен, как и ошибочен».

Осюд Мор приходил к заключению, что в обществе, опирающемся на частную собственность, не может быть и речи о развитии человеческой личности и об удовлетворении его духовных, моральных и материальных потребностей.

Аналогичные страницы, посвященные жестокой критике частной собственности, мы находим и у ряда других, последовавших за Томасом Мором представителей так называемого утопического социализма.

Знаменитый Мабли писал: «Собственность— вот что создает столько пороков мира и заставляет законодателя быть варваром».

«Собственность — окрытая дверь для ста пороков и ста злоупотреблений».

В своем «Кодексе природы» Морелли [1] говорит о законодателях как о «неумелых машинистах», пишущих объемистые трактаты о морали и политике. Эти объемистые трактаты носят названия лекарств, но содержат в себе яд, на них можно было бы наклеить ярлык «Средства цивилизовать людей путем уставов и законов, наиболее способных сделать их свирепыми варварами».

В замечательном своем исследовании положения рабочего класса в Англии, Ф. Энгельс дал изумительную по яркости и убедительности картину физического и морального вырождения широких народных масс исключительно в результате господства частной собственности и опирающейся на нее эксплоатации, царящих в капиталистическом обществе.

Англия в этом отношении представляет собой типичную капиталистическую страну XIX века. В XX веке в капиталистических странах, особенно в фашистских и полуфашистских странах, положение еще более ухудшилось, настолько ухудшилось, что трагичность положения трудящихся в старой Англии бледнеет перед неподдающимся никакому описанию положением трудящихся в фашистских странах в настоящее время.

Вот что писал Ф. Энгельс почти сто лет тому назад о положении рабочих в Англии: «Итак, власть имущий класс оставляет без внимания рабочих не только в отношении физическом и интеллектуальном, но и в моральном... Единственный аргумент, к которому буржуазия прибегает против них, когда они ей слишком наступают на ногу, есть закон: как к неразумному скоту, к ним применяют только одно воспитательное средство — кнут, грубую, не убеждающую, но устрашающую силу. Что же удивительного, если рабочие, с которыми обращаются, как со скотом, или на самом деле становятся скотом, или же сохраняют сознание и чувство своего человеческого достоинства только при помощи самой пламенной ненависти, непрестанного внутреннего возмущения против власть имущей буржуазии. Они остаются людьми, лишь пока они исполнены гнева против господствующего класса; они становятся скотом, как только безропотно подставляют шею под ярмо и в условиях подъяремной жизни пытаются устроить свою жизнь, совершенно не думая о свержении самого ярма.

Вот все, что буржуазия сделала для просвещения рабочего класса. Если же принять во внимание целый ряд других условий, в которых он живет, мы не сможем поставить ему в вину ту ненависть, которую он питает к господствующему классу. Нравственное воспитание, которого рабочий не получает в школе, не прививается ему и прочими окружающими его условиями, — по крайней мере то нравственное воспитание, которое имеет некоторое значение в глазах буржуазии. Все его положение, вся окружающая его обстановка должны развить в нем сильнейшую наклонность к безнравственности. Он беден, жизнь не имеет для него прелести, все почти наслаждения ему недоступны, кары закона ему не страшны; к чему же ему стеснять себя в своих желаниях, зачем ему позволять богачу наслаждаться своими богатствами, вместо того, чтобы присвоить себе часть их? Какие основания у пролетария не красть? Очень красиво звучит и очень приятно для слуха буржуазии, когда говорят о «святости частной собственности». Но для того, кто не имеет никакой собственности, святость частной собственности исчезает сама собой. Деньги — вот современный бог. Буржуа отнимает у пролетария деньги и, лишив его этого бога, превращает его в практического атеиста. Что же удивительного, если пролетарий, оставаясь таким атеистом, не питает никакого почтения к святости и мощи этого земного бога! И когда бедность пролетария доходит до настоящего недостатка в самых необходимых средствах к жизни, до нищеты и голода, то склонность к пренебрежению всем

---

[1] Мабли и Морелли — мелко-буржуазные писатели XVIII в., критиковавшие общественный строй, опирающийся на частную собственность, и рисовавшие картины будущего коммунистического общества.

общественным порядком возрастает еще сильнее. Знает это в большинстве случаев и сама буржуазия» [1].

Положение трудящегося человека в капиталистическом обществе ужасно: трудящиеся обречены здесь на вырождение, на вымирание, на медленную гибель.

«Нищета предоставляет рабочему на выбор: медленно умереть с голоду, сразу покончить с собой, либо брать себе все, что нужно, где только возможно,—попросту говоря, красть» [2].

Мудрено ли, что трудящиеся массы, рабочие и крестьяне, проникнуты горячей ненавистью к этому социальному строю, к господствующему в этом обществе классу эксплоататоров, к господствующим здесь порядкам.

Эта ненависть находит свое выражение в росте преступлений в капиталистическом обществе против частной собственности. В описываемое Ф. Энгельсом время отношение преступлений против собственности к числу населения составляло в Голландии 1 к 7 140, во Франции — 1 к 1 804, в Англии — 1 к 799, в то время как число преступлений против личности относилось в тех же странах (соответственно) как 1 к 28 904, к 17 573, 13 395.

«Этих фактов, восклицает Ф. Энгельс, поистине более чем достаточно, чтобы заставить каждого, и даже буржуа, задуматься над последствиями такого положения дел. К чему же это может привести, если деморализация и преступность будут еще двадцать лет возрастать в той же пропорции?» [3].

И Ф. Энгельс добавлял: «В Англии социальная война находится в полном разгаре. Каждый защищает себя и борется за себя против всех остальных, и вопрос о том, причинит ли он вред всем тем, кого он считает своими врагами, решается им с одной только эгоистической точки зрения: что ему выгоднее. Никому и в голову не приходит вступить в мирные соглашения со своими ближними: все разногласия решаются угрозами, самочинной расправой или судом. Одним словом, каждый видит в другом или врага, которого он должен удалить со своего пути, или в лучшем случае средство, которое он может использовать для своих целей. И эта война, как показывают таблицы преступности, становится год от году все резче, ожесточеннее и непримиримее, враждующие стороны постепенно делятся на два больших лагеря, борющихся друг с другом: один лагерь образует буржуазия, а другой — пролетариат. Эта война всех против всех и пролетариата против буржуазии не должна нас удивлять, ибо она есть лишь последовательное осуществление принципа, заложенного уже в свободной конкуренции. Но нас должно удивлять другое, а именно то, как буржуазия, на которую изо дня в день все более и более надвигается страшная гроза, остается столь спокойной, как она может изо дня в день читать обо всех этих вещах в газетах, не почувствовав — не скажу: негодования на существующий социальный строй, — но хотя бы только страха перед его последствиями, страха перед общим взрывом всего того, что изо дня в день проявляется в отдельных преступлениях. Но на то она буржуазия и со своей точки зрения она не может понять даже фактов, не говоря уже о вытекающих из них выводах. Изумительно только то, что классовые предрассудки и предвзятые мнения могут ослепить целый класс в такой высокой — я бы сказал: безумно высокой — степени. Но развитие нации идет своим путем, понимает ли это буржуазия или нет, и в один прекрасный день поразит имущий класс такими неожиданностями, о которых и не снилось его мудрецам» [1].

Предсказания Ф. Энгельса сбылись.

«Социальная война» в настоящее время в капиталистическом обществе все более разгорается. Положение трудящихся, рабочих и крестьян в капиталистических странах все более ухудшается, дошло уже до прямой катастрофы. Безработица и нищета масс достигли ужасающих размеров.

В 1933 г. общее число безработных в капиталистических странах дошло до 35—40 миллионов человек. Остающиеся еще на работе рабочие несут громадные потери благодаря резкому и систематическому снижению заработной платы рабочих. «По подсчетам Американской федерации труда потери американских рабочих в результате снижения заработной платы в 1930/1931 гг. составили более 35 миллиардов долларов» [2].

Крестьянское население подвергается из года в год самому бессовестному ограблению и разорению. Фермерское хозяйство рушится и гибнет. Миллионы крестьян и фермеров идут по миру. Таковы последствия капитализма, таковы неизбежные последствия господства при капитализме частной собственности на средства и орудия производства, развращающей и растлевающей не только эксплоатируемых, но и самих эксплоататоров, ведущей все общество, всю нацию к вырождению и гибели.

Поэтому при господстве частной собственности на средства производства не может быть настоящей культуры, настоящей свободы человеческой личности, настоящего человеческого счастья.

Культура, свобода и счастье не совместимы с господством частной собственности на средства производства.

В подготовительных работах К. Маркса для «Святого семейства» мы находим интересное замечание о том, что частная собственность делает людей «тупыми и односторонними», что благодря частной собственности «на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств, чувство обладания».

«До такой вот абсолютной нищеты должна была быть доведена человеческая сущность, чтобы она могла породить из себя свое внутреннее богатство», восклицает К. Маркс и добавляет: «Поэтому уничтожение частной собственности представляет полное освобождение всех человеческих чувств и свойств, но оно является этим освобождением именно потому, что эти чувства и свойства стали ч

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. III, 406—407.

[2] Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, соч., т. III, 407.

[3] Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, соч., т. III, 422.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. III, 423.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, 503.

ловеческими как в субъективном, так и в объективном смысле»[3].

Освобождение человечества от господства частной собственности на средства производства делает человеческие чувства и свойства человеческими, делает человечными самих людей и общественные отношения. Лишь после низвержения господства частной собственности открывается путь к подлинной культуре и человечности, возможных лишь на основе общественной собственности.

Все развитие современного буржуазного общества свидетельствует о неизбежности крушения частной собственности, о неизбежности утверждения собственности общественной при помощи победоносной пролетарской революции и пролетарской диктатуры. Такова единственно возможная, обусловленная всем ходом развития буржуазного общества, историческая перспектива.

На этот счет не может быть двух мнений.

«Мирный выход из создавшегося положения уже невозможен: слишком поздно! Общественные классы все резче и резче обособляются друг от друга, дух протеста все более и более охватывает рабочих, ожесточение растет, отдельные партизанские стычки разрастаются в более крупные сражения и демонстрации, и скоро достаточно будет небольшого толчка для того, чтобы привести лавину в движение. Тогда действительно раздастся по всей стране боевой клич: «война дворцам, мир хижинам!» но тогда для богатых будет слишком поздно принимать меры предосторожности»[4].

Вся последующая история капиталистического общества полностью подтверждает это замечательное пророчество одного из великих основоположников марксизма...

***

Общественная, социалистическая собственность является основой новой культуры, нового отношения людей друг к другу, к обществу, к общественным своим обязанностям, к народному достоянию.

Победа общественной, социалистической собственности создает совершенно новые условия для дальнейшего развития социализма.

«Социализм,—говорит товарищ Сталин,—может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культурности»[5].

Именно победа общественной, социалистической собственности создает необходимые предпосылки для расцвета производительных сил страны, для зажиточной, культурной и счастливой жизни трудящихся. Торжество в СССР окончательно победившего в нашей стране социалистического уклада, единственно командующей и безраздельно господствующей во всем нашем народном хозяйстве силы обусловило величайший подъем культуры, величайший расцвет производительных сил, богатства и благосостояния масс.

Замечательнейшим выражением этой но социалистической культуры является стахан ское движение. Лишь в условиях окончател ного торжества социалистического уклада — высшего, чем капитализм, — лишь при наличии высшей организации труда стало возможным стахановское движение, требующее совершенно иного, чем это имеет место при капитализме подхода к труду, к своим обязанностям по отношению к своему классу, обществу, к государству.

Стахановское движение означает борьбу за высшие формы организации производственной деятельности, за рационализацию, за культурное решение производственных задач.

Стахановское движение — это новая социалистическая культура. Товарищ Сталин на I всесоюзном совещании стахановцев опроверг мнение людей, думающих, что «социализм можно укрепить путем некоторого материального поравнения людей на базе бедняцкой жизни. Это не верно. Это мелкобуржуазное представление о социализме. На самом деле социализм может победить только на базе высокой производительности труда, более высокой, чем при капитализме, на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества. Но для того, чтобы социализм мог добиться этой своей цели и сделать наше советское общество наиболее зажиточным, — необходимо иметь в стране такую производительность труда, которая перекрывает производительность труда передовых капиталистических стран. Без этого нечего и думать об изобилии продуктов и всякого рода предметов потребления»[1].

Высокая производительность труда — основное условие для превращения общества трудящихся в зажиточное. Но стахановское движение и помогает росту этой производительности труда. Социализм означает, однако, не только наиболее зажиточную жизнь, но и жизнь, наиболее культурную, т. е. жизнь при полном и всестороннем удовлетворении всех материальных и духовных потребностей человека.

«Значение стахановского движения,—пояснял в той же речи товарищ Сталин, — состоит в том, что оно является таким движением, которое ломает старые технические нормы как недостаточные, перекрывает в целом ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран и открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну»[2].

Товарищ Сталин, разоблачая антиленинские взгляды на социализм кое-каких гнилых людей, говорил на XVII съезде партии: «Было бы глупо думать, что социализм может быть построен на базе нищеты и лишений, на базе сокращения личных потребностей и снижения уровня жизни людей до уровня жизни бедноты, которая к тому же сама не хочет больше оставаться беднотой и прет вверх к зажиточной жизни. Кому нужен такой, с позволения сказать, социализм? Это был бы не социализм, а

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, 626.

[4] Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, соч., т. III, 573.

[5] Сталин, Вопросы ленинизма, 586.

[1] Сталин, Речь на I всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат, 1935, с. 7—8.

[2] Там же, с. 8.

карикатура на социализм. Социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культурности. Ибо социализм, марксистский социализм означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно-развитых трудящихся людей» [1].

Между социализмом и интересами личности не только нет никакого противоречия, но, наоборот, полное удовлетворение личных потребностей, полная личная свобода и благополучие только и возможны при социализме.

В «Немецкой идеологии» [2] мы находим интереснейшее указание Маркса и Энгельса на то, что «только в коллективе получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода. В существовавших до сих пор суррогатах коллективности—в государстве и т. д.— личная свобода существовала только для индивидов, принадлежащих к господствующему классу, и только постольку, поскольку они были индивидами этого класса. Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное, а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собою не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы. При действительной коллективности индивиды добиваются в своей ассоциации и с помощью этой ассоциации также и своей свободы».

Основоположники марксизма утверждали, что развитие индивида, связанное с получением настоящей и полной свободы, возможно только при победе принципа коллективизма, при победе социализма, когда будет создан новый общественный строй, опирающийся на коллективную собственность на средства производства.

Новая Сталинская Конституция дает яркие доказательства полного совпадения принципа социализма и принципа индивидуальности, полного совпадения интересов коллектива и индивидуальных интересов.

Новая Конституция утвердила господство общественной, социалистической собственности, как священной и незыблемой основы советского строя. Новая Конституция вместе с тем утвердила и величайшие права человека, права личности — право на труд, право на образование, на отдых, на обеспечение в старости и на случай болезни, неприкосновенность личности, жилища, переписки, свободу слова, печати, собраний, митингов, шествий, право на личную собственность, право наследования.

Новая Конституция в отличие от конституций буржуазных не ограничивается лишь провозглашением конституционных прав, а обеспечивает всеми средствами, всей мощью советского государства реальное, фактическое пользование гражданскими правами и свободами.

Новая Сталинская Конституция завершила почти двадцатилетний путь развития советского общества, как общества, не знающего противоречий между общественными и личными интересами.

Новая Конституция полностью отражает победы социализма, являясь в полном смысле слова Конституцией социалистического общества.

В нашей Конституции записано, что СССР — социалистическое государство рабочих и крестьян, что вся власть в нашей стране принадлежит трудящимся города и деревни в лице советов. Экономической основой СССР являются социалистическая система хозяйства и общественная, социалистическая собственность на орудия и средства производства. Блестящее выполнение сталинских пятилеток обеспечило полное торжество общественной, социалистической собственности и привело к уничтожению эксплоатации человека человеком.

Две формы социалистической собственности устанавливает наша Конституция: государственную собственность (всенародное достояние) и кооперативно-колхозную (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений).

Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т. п.), жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью.

Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, продукцией, которую производят колхозы и кооперативные организации, составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций. Хозяином этой собственности являются сами колхозы. Наоборот, подсобное хозяйство колхозника, его приусадебный участок земли, жилой дом, продуктивный скот, птица, мелкий сельскохозяйственный инвентарь являются его личной собственностью.

Наряду с социалистической системой хозяйства, которая является господствующей формой хозяйства в СССР, Конституцией допускается мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей в том случае, если оно основано на личном труде и в нем не эксплоатируется чужой труд.

10-я статья Конституции гласит: «Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом».

Вся хозяйственная жизнь страны определяется и направляется планом. Мы развиваем наше хозяйство по плану, «в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности».

Благодаря победе общественной, социалистической собственности, торжеству социалисти-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, 586.

[2] Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 65.

ческой системы хозяйства и плановому ведению нашего хозяйства мы смогли записать в нашей Конституции, что труд в СССР является обязанностью каждого способного к труду гражданина, что в СССР осуществлен принцип социализма: «От каждого по его способности, каждому — по его труду».

Основная задача пролетарской революции заключалась в том, чтобы дать народу настоящую свободу, которая заключается не в отвлеченных формулах закона, а в реальных условиях труда и жизни. Эта задача разрешена нами полностью.

Нет и не может быть никакой свободы там, где человек не уверен в завтрашнем дне, где миллионы трудящихся людей обречены на голод, преждевременную старость и смерть от недоедания и так называемых профессиональных болезней, где царит безработица, эксплоатация, нищета.

К. Маркс и Ф. Энгельс справедливо говорили о «свободе» в буржуазном обществе как о фикции, как об иллюзии.

«... Все буржуазное общество, читаем мы в «Святом семействе», есть война отделенных друг от друга исключительно своей индивидуальностью индивидуумов друг против друга и всеобщее необузданное движение освобожденных от оков привилегий стихийных жизненных сил. Противоречие демократического представительного государства и буржуазного общества есть законченная форма классического противоречия публичной общественности и рабства. В современном мире всякий одновременно — член рабского строя и человеческого общежития. Именно рабство буржуазного общества, по видимости своей, есть величайшая свобода, потому что она кажется законченной формой независимости индивидуума, который принимает необузданное, не связанное никакими общими узами и никаким другим человеком движение своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религии и пр., за свою собственную свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой его законченное рабство и человеческую отверженность» [1].

Это глубоко верно. В капиталистическом обществе при господстве эксплоатации, конкуренции, ожесточенной войны всех против всех, где отвечает «всяк за себя, а бог за всех», нет места свободе в собственном, священном смысле этого слова.

Только социалистическое общество обеспечивает человеку действительную свободу, первое условие которой заключается в материальной обеспеченности, в гарантии труда и средств существования.

В беседе с Г. Уэллсом товарищ Сталин объяснил, что при социализме «непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть». Товарищ Сталин сказал: «Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности» [1].

В СССР созданы уже все предпосылки окончательного разрешения проблемы личности. Здесь торжествует уже общественная собственность, на основе которой единственно возможно разностороннее удовлетворение потребностей человека, высокое культурное его развитие, превращение его в полноценного, высокоразвитого и глубоко одаренного нового человека — достойного представителя нового социалистического общества.

Торжество общественной, социалистической собственности означает торжество новой социалистической культуры.

На основе общественной собственности на средства производства только и возможно утверждение подлинной человеческой свободы и подлинного благополучия людей.

Об этом писали уже утописты-социалисты. Но то, что были не в состоянии свершить самые смелые умы отдельных представителей передового человечества, то свершил коллектив, свершили массы трудящихся под руководством своей коммунистической, большевистской партии во главе с Лениным и Сталиным.

Великая пролетарская революция экспроприировала частную собственность на средства и орудия производства. Она уничтожила классы эксплоататоров и самую возможность эксплоатации. Полная и окончательная победа социализма и социалистической демократии в СССР завершила героическую борьбу миллионов рабочих и крестьян под руководством коммунистической партии большевиков во главе с великим вождем и учителем трудящихся, великим Сталиным. Она привела трудящихся к счастливой, радостной жизни, позволила каждому честному человеку повторить замечательные слова товарища Сталина: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее»...

Вот что означает подлинную свободу трудящегося человека!..

Эта свобода оказалась возможной лишь благодаря победе общественной собственности, являющейся в подлинном смысле этого слова источником зажиточной и счастливой жизни каждого трудящегося в СССР.

Вполне поэтому понятно, что на наглые посягательства на общественную, социалистическую собственность подлого и коварного врага советское правительство и партия должны были ответить беспощадным ударом. Таким ударом и явился закон 7 августа 1932 г. В этом законе отражена вся сущность советской уголовной политики, направленной на защиту интересов социалистического государства рабочих и крестьян и на охрану прав и интересов трудящихся.

Закон 7 августа является логическим завершением нашей уголовной политики, представляет собою синтез нашей уголовной политики, итог наших мероприятий, при помощи которых на протяжении всего предшествовавшего изданию декрета 7 августа периода времени рабочий класс СССР, под руководством нашей великой коммунистической партии и товарища Сталина, осуществлял в нашей стра-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, 144.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 602.

не свою победоносную диктатуру, мужественно борясь против врагов строящегося социалистического общества.

Но в декрете 7 августа (это в высокой степени важно отметить) мы имеем две стороны. Одна сторона ставит задачу беспощадного разгрома наших врагов, врагов народа; другая сторона декрета говорит об обязанности, далеко выходящей за пределы непосредственного применения уголовной репрессии. В декрете 7 августа красной нитью проходит необходимость мобилизации общественных сил на борьбу за охрану общественной собственности. В декрете 7 августа подчеркивается неоднократно и в первом, и во втором разделах необходимость охраны общественной собственности путем ряда органических мероприятий, подчеркивается одновременно и ответственность всех тех, кто, непосредственно не участвуя в расхищении общественной собственности, в расхищении нашего достояния, однако в силу своей небрежности, бездеятельности, халатности, притупления бдительности и т. п. проявляет попустительство или такое отношение к работе, которое облегчает расхищение государственного и кооперативного имущества и достояния.

К сожалению, надо прямо сказать, особенно в первый период действия декрета 7 августа 1932 г., у наших работников на местах и даже иногда в центре с декретом 7 августа ассоциировалось представление только об одной задаче — о задаче разгрома врага, о беспощадном его подавлении, о репрессии, которая должна быть — и это совершенно правильно вытекает из всего содержания декрета 7 августа — беспощадно обрушена на головы врагов народа, преступников, покушающихся на нашу священную общественную, социалистическую собственность.

Но вторая сторона этого декрета — это его профилактическое, воспитательное воздействие, как результат правильной организации судебного процесса, это — мобилизация к вопросам охраны общественной, социалистической собственности всеобщего внимания, — эта вторая сторона декрета 7 августа нередко упускалась и упускается и в настоящее время из виду. Между тем, не менее важное значение декрета 7 августа заключается именно в том, чтобы при помощи этой мобилизации советской общественности заострить внимание всех трудящихся на опасности, которую представляют собою эти хищения, показать и научить, что успех борьбы с этой опасностью лежит гораздо глубже, чем в результате простого применения одних уголовных наказаний. Декрет 7 августа показывает, что здесь речь идет не только о механическом подавлении врага, но о такой органической работе, которая помогает разгромить старую психологию, старые буржуазные, мелкособственнические предрассудки, о которых неоднократно говорил и Ленин и вождь нашей партии товарищ Сталин, указывающий на то, как живучи остатки и пережитки старой психологии. Ведь именно в живучести этой мелкобуржуазной психологии находит свое объяснение факт в высокой степени безразличного, преступного отношения к интересам общественной собственности людей, строящих свою работу на принципе — «мне бы урвать кусок и удрать, а там хоть трава не расти»; «моя хата с краю»; «пусть каждый делает, как считает нужным, а я буду делать, как мне кажется выгодным», и т. п. Декрет 7 августа со всей решительностью бьет именно по этим пережиткам, и в этом состоит одна из наиболее важных особенностей этого исторического законодательного акта.

Две стороны вопроса решаются декретом 7 августа — это беспощадный разгром нашего классового врага и его агентуры, с одной стороны, с другой стороны — это мобилизация общественного мнения, это мобилизация нашей пролетарской общественности против этих, как говорил товарищ Сталин в своем докладе в Ленинграде 13 апреля, — «веселых и невеселых воров», — поход против таких настроений, которые не считают необходимым противопоставить всякому жульничеству, мошенническим махинациям, направленным против интересов общественной собственности, самый решительный отпор общества даже тогда, когда, может быть, каждого члена общества непосредственно не затрагивает данное преступление.

Это прямой результат выражения двуединства задач, составляющих содержание всей советской уголовной политики: с одной стороны — разгромить врага и его агентуру, с другой — исправлять трудящихся, которые случайно вступили на путь преступления, исправить и вернуть их на добрый путь, на путь честного труда и активного участия в социалистическом строительстве, и не только трудящихся, но и тех из богачей и тунеядцев, которых можно исправить и о которых говорил В. И. Ленин в «Основных задачах советской власти», упоминая об «исправлении исправимых»...

Декрет об охране общественной, социалистической собственности 7 августа 1932 г. представляет собой интерес еще с одной стороны. Декрет 7 августа об охране общественной, социалистической собственности служит исходным пунктом дальнейшего развития нашего советского социалистического правосознания, нашего социалистического права.

Советское социалистическое право, опирающееся на принципы коллективизма, на принципы общественной собственности, в декрете 7 августа 1932 г. впервые в такой исчерпывающей и такой решительной форме и силе нашло свое выражение, как право именно социалистического государства. В этом декрете мы находим в особо резко выраженном виде все особенности социалистического права, особенности, так принципиально отличающие советское право от права буржуазного.

Право буржуазное, помимо всех других своих отличий, характеризуется глубоким разрывом между общественными (публичными) и частными (гражданскими) интересами. В буржуазном государстве и при капиталистических отношениях право концентрирует свою силу на защите частной собственности и интересов частных собственников, охраняет их суверенную волю. Защищая классовые интересы частных собственников, буржуазное право, разумеется, преследует более широкие задачи, чем задача охраны интересов отдельного собственника. Но и здесь существует противоречие, накладывающее свой отпечаток на все важнейшие институты буржуазного права. Несмотря на то, что буржуазия выступает в ка-

честве представителя всего общества, общественные институты буржуазного права остаются все-таки лишь классовыми институтами буржуазии, противостоящей всему обществу в широком и подлинном смысле этого слова.

Социалистическое право не знает этого разрыва, этого контраста между общественными и личными интересами. Социалистическое право — это публичное право par ecxellence, в превосходной и чистейшей форме.

Этот синтез общественных, публичных интересов и интересов личных и характеризует особенности закона 7 августа, как величайшего памятника социалистического правосознания народных масс.

Закон 7 августа всем своим острием направлен на охрану общественной, социалистической собственности. Но декрет 7 августа имеет громадное значение и в области охраны прав личности.

На основе мощно окрепшей общественной социалистической общественности по-новому ставятся такие проблемы, как проблема защиты трудящегося человека, гражданина Союза советских социалистических республик.

Преступления против личности, против личных интересов, достоинства и всякого рода благ трудящегося человека в практике работы органов юстиции должны привлекать к себе иное внимание, должны трактоваться в ином аспекте, в условиях торжества общественной собственности, чем это было ранее.

Превращение наших колхозов в подлинно большевистские, а колхозников — в зажиточных по-новому ставит вопрос об охране так называемых «частных» интересов колхозника.

Это сейчас уже не ч а с т н ы е интересы в старом смысле этого слова, а интересы активных строителей социализма, отдающих свои силы и самую свою жизнь делу организации нового социалистического общества. Между этими интересами коллектива и интересами отдельных членов этого коллектива нет противоречия, здесь нельзя уже проводить такой грани, как это было в эпоху, предшествующую победам первой пятилетки.

Больше того, именно на основе побед первой пятилетки, на основе победы общественной, социалистической собственности и выросла задача наиболее последовательной защиты интересов личности советского гражданина. На этой основе такая защита явилась и единственно реально возможной.

Победа социализма разрешила неразрешимую в капиталистическом обществе проблему личности и общества, устранив это историческое противоречие между ними, созданное господством частной собственности на средства и орудия производства, господством эксплоатации и опирающейся на эксплоатацию капиталистической культуры.

Протекшие со времени издания закона 7 августа пять лет блестяще оправдали издание этого закона. Несмотря на все ошибки наших органов суда и прокуратуры, допущенные при применении этого закона, цель оказалась полностью достигнутой.

Закон 7 августа помог советской власти разгромить врага, подавить его бешеное сопротивление делу социализма посредством нападения на общественную собственность.

Закон 7 августа помог раздавить враждебные советскому строю элементы, пытавшиеся посягательствами на общественную, социалистическую собственность поколебать прочность самого советского строя...

В этом громадная заслуга закона 7 августа, его громадная историческая роль, не завершенная еще и сейчас.

Да, закон 7 августа еще действует в полной мере. Он будет действовать и впредь, пока будет жив хотя бы один враг, осмеливающийся посягнуть на общественную, социалистическую нашу собственность — священную и неприкосновенную основу нового социалистического общества, нового социалистического государства рабочих и крестьян.

Закон 7 августа, как указал на это товарищ Сталин, есть основа революционной законности в настоящее время.

«Основная забота революционной законности в наше время,—говорит товарищ Сталин,—состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом. Вот почему борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами советской власти, — является одной из основных задач партии».

Так стоит вопрос в настоящее время о законе 7 августа, этом одном из мощных средств укрепления пролетарской диктатуры.

Острота закона 7 августа в настоящее время ни в коей мере не притупилась, несмотря на то, что за эти пять лет сопротивление врагов делу социалистического строительства посредством хищений общественной собственности сломлено.

Протекшие со дня издания закона 7 августа годы были годами упорной и настойчивой борьбы советского государства не только за общественную собственность, но и за авторитет самого закона 7 августа.

Как это открылось теперь, троцкистско-бухаринские отщепенцы, эта подлейшая агентура фашистских разведок, эти гнусные изменники в первые годы действия закона 7 августа принимали все меры к дискредитации закона 7 августа. Через своих сподручных, пробравшихся в органы юстиции, они сознательно пытались применять закон 7 августа в массовом масштабе, нарочито направляя его острие не против кулаков и других врагов народа, а против рядовых членов общества, допустивших мелкие хищения и при том при случайных или тяжелых для себя жизненных обстоятельствах.

Признаниями некоторых из числа троцкистско-бухаринских изменников и имеющимися в распоряжении следственных органов неопровержимыми доказательствами установлено теперь, что пашуканисовские вредители умышленно извращали нашу судебную политику, умышленно неправильно применяли закон 7 августа, стараясь этими извращениями вызвать недовольство и озлобление против закона 7 августа, против правительства и партии.

Это они, изменники, отдавали под суд и выносили суровые приговоры по закону 7 августа за кражу с поля колосков, оставшихся после жатвы, за кражу многосемейной колхозницей двух килограммов овощей, за кражу одного пуда муки и т. д. и т. п.

Предательской «работе» изменников из среды судебных и прокурорских работников вроде Чудновского, Пальгова, Драгунского, Петренко, Гарина и др. содействовали имевшиеся и еще имеющиеся в работе судебных и следственных органов недостатки.

Эти недостатки в основном сводились к следующему: во-первых, неудовлетворительно было поставлено наше предварительное расследование, к которому в делах, квалифицируемых по закону 7 августа, предъявляются особенно высокие требования. Ведь в самом деле, что стоит один тот факт, что число осужденных по оперативной отчетности в 1932—1933 гг. давал цифру в два раза высшую, чем по приговорам, вступившим в законную силу? Это значит, что мы привлекали в 2 раза больше, чем суд признавал виновными. Этот разрыв свидетельствует о том, что у нас привлечение к суду в то время не всегда было достаточно обосновано.

Второй недостаток нашей работы заключался в том, что в большом количестве случаев наши первые инстанции действовали по такому принципу, что раз человека предали суду, то он должен быть осужден. Именно отсюда громадный процент отменяемых приговоров по делам, квалифицируемым по декрету 7 августа. В некоторых краях и областях мы имели до 60% отмененных в кассационном порядке приговоров. Это относилось не только к первому периоду действия декрета 7 августа.

Вот, например, дело некоей Долговой Анны, Перминова Ивана и Курочкина Михаила, осужденных по закону 7 августа к десяти годам лишения свободы. Каждый из них был признан виновным в хищении по одной буханке хлеба. Интересно то, что ни кассационная коллегия, ни президиум областного суда, рассматривавшие это дело, не исправили до конца грубейшего искажения революционной законности, которое было допущено этим приговором. И только по протесту Прокуратуры Союза 10 июля 1935 г. в этот приговор были внесены соответствующие исправления.

Если обратиться к самому делу, то окажется, что эта Долгова Анна — 18-летняя уборщица хлебопекарни № 1, была признана виновной в том, что «на работе сла хлеб без нормы» (!?). И вот за то, что она ела хлеб без нормы, ее присудили по закону 7 августа к десяти годам лишения свободы, осудили с превышением всех норм, и не только ее, но и еще четырех человек, и всех за то, что «ели хлеб без нормы». Да еще осудили по закону 7 августа заочно!

Одного этого примера достаточно, чтобы судить о крупных недостатках в работе коекаких органов юстиции. В стремлении внести коррективы в подобного рода практику суды, как известно, в первый период действия декрета 7 августа широко применяли ст. 51 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик. В свое время эта практика широкого применения ст. 51 УК была осуждена, потому что здесь сказывалось стремление действовать по линии наименьшего сопротивления. Не решаясь вовсе оправдать неправильно привлеченных к уголовной ответственности по декрету 7 августа, наши суды прибегали к ст. 51, чтобы и «капитал приобрести, и невинность соблюсти». Это нельзя признать правильным, это нездоровые явления в судебной работе.

С другой стороны, ст. 51 в некоторых случаях служила отдельным работникам юстиции средством прикрыть свое малодушие и нерешительность в применении суровых санкций этого закона там, где это было обязательно и необходимо по обстоятельствам дела, где иной приговор был бы вопиющей несправедливостью, грубым нарушением самых основ советской уголовной политики!

Эти недостатки обусловили ряд серьезных извращений в применении декрета 7 августа в период 1932—1933 гг.

Этими недостатками пользовались настоящие враги народа—троцкисты, правые, бухаринцы, рыковцы, меньшевики и эсеры для своей подрывной работы. Они сознательно запутывали судебные дела, сознательно и бессовестно используя свое положение судьи или следователя, они нагромождали один неправильный приговор на другой, действуя по правилу: «чем хуже, тем лучше»...

«Чем хуже судить», — чем несправедливее, следовательно, приговор, — тем для них, изменников и предателей, лучше, так как больше будет недовольства и обиды, а этого-то изменники и добивались.

Они действовали и здесь так, как их учили обер-бандиты Троцкий, Пятаков, Бухарин и др., организовавшие по указаниям японо-германских разведывательных органов убийства рабочих, жел.-дор. крушения с человеческими жертвами, отравление питательных пунктов.

Применяясь к своеобразным условиям и характеру работы органов юстиции, эти негодяи, если им только удавалось проникнуть в судебную систему, старались отравить сознание трудящихся несправедливыми и незаконными приговорами.

Они притворялись честными, советскими людьми, прикрывались партийными билетами и творили свое предательское дело, продавшись врагам народа, врагам нашей родины...

Извращая закон 7 августа, эти бандиты кощунственно издевались над законом 7 августа, ссылками на этот закон прикрывая свою преступную мошенническую работу.

Эта подлая работа была, однако, разоблачена. Были разоблачены подлые преступники. Преступления и преступные извращения были вскрыты и устранены, их последствия были исправлены.

Практика применения закона 7 августа была быстро и решительно очищена от вражеских искажений. Действие закона 7 августа было направлено против подлинных врагов, против подлинных преступников.

И это дало свои положительные результаты.

Уже первые три года нашей судебной практики по применению закона 7 августа показали громадные успехи в борьбе за охрану общественной, социалистической собственности.

Если взять первый квартал 1933 г. в отношении осужденных по закону 7 августа за 100, то мы увидим, что после того, как во втором квартале 1933 г. получился некоторый даже значительный рост — 181%, что объясняется отчасти той полосой увлечения в применении закона 7 августа по мелочам, от которых хотя и не без труда наши органы впоследствии освободились, — мы имеем в

квартале 1933 г. 77% осужденных по закону 7 августа, в IV квартале 1933 г. — 27%, в I квартале 1934 г. — 22% и, наконец, во II квартале 1934 г. — 16% осужденных по закону 7 августа.

В дальнейшем мы имеем все усиливающееся снижение числа осужденных по закону 7/VIII.

Так, в РСФСР в 1 полугодии 1934 г. было осуждено за хищение общественной собственности 27,5% осужденных в 1 полугодии 1933 г.; в 1 полугодии 1935 г. — 9,6%, во II полугодии 1935 г. — лишь 8% (по отношению к числу осужденных в I полугодии 1933 г.).

За время с первой половины 1935 г. по первую половину 1936 г. число осужденных на 7/VIII сократилось: в РСФСР — в 3 раза, в УССР — в 4 раза.

Интересно отметить, что вообще число осужденных за имущественные преступления за этот же срок сократилось в РСФСР на 17%, в УССР — на 43,5%, в БССР — на 43,1%.

Небезынтересно тут же привести некоторые сравнительные данные о движении преступности в целом у нас и в капиталистических странах.

Если число осужденных в первой половине 1933 г. принять за 100, то в РСФСР в первой половине 1936 г. число осужденных будет равняться лишь 51,8%, в БССР — 24,5%. Снижение числа осужденных мы имеем и в УССР, и в закавказских, и в средне-азиатских республиках. Значительное снижение показывает число осужденных по таким преступлениям как хищение общественной, социалистической собственности, имущественные преступления разных видов, преступления, связанные с сельскохозяйственными кампаниями, число которых сократилось очень резко, убийства и тяжелые телесные повреждения, хулиганства и др.

Если принять число зарегистрированных преступлений в первой половине 1934 г. за 100 (по Союзу), то в первой половине 1936 г. это число выразится лишь в 59,8%. За тот же период времени число невооруженных ограблений сократилось на 66,4%, вооруженных ограблений — на 69,8%, краж — на 35,2%. Кражи скота сократились почти в 5 раз, поджоги — почти в 4 раза.

Эти цифры говорят о громадном успехе, об одной из крупнейших побед социализма, это — прямой результат победы новой социалистической экономики, нового социалистического строя.

В то же время в капиталистических странах, будь то Италия или Латвия, Польша или Германия, Франция или США, количество преступлений все больше и больше растет и внушает серьезную тревогу правящим кругам капиталистического мира. Нью-йоркский губернатор в 1935 г. заявил: «Совершенно несомненно, что за последние годы произошло значительное увеличение организованных преступлений. Профессиональный преступник осмелел. Он относится к закону с пренебрежением. Его наглость и цинизм представляют поистине вызов по отношению не только к органам охраны закона, но и к основам нашего демократического строя». К этому нужно добавить, что такое положение объясняется особенностями капиталистического строя, опирающегося на частную собственность на средства производства и эксплоатацию человека человеком, порождающие преступления и исключающие возможность успешной борьбы с ними.

На страже интересов нашего нового социалистического общества стоят наши советские законы, советская социалистическая законность. Об наши законы разбились попытки гнусной банды троцкистско-зиновьевских террористов, диверсантов и вредителей, сомкнувшихся с агентами некоторых иностранных разведок, с фашистскими лазутчиками и шпионами, покушавшихся на руководителей нашей партии и нашего советского государства, посягающих на жизнь и здоровье рабочих, не останавливающихся перед самыми чудовищными злодеяниями. На все гнусные попытки и вылазки врага, посягающего на любимых руководителей советского государства и советского народа, советский суд отвечал и впредь будет отвечать беспощадным разгромом бандитских шаек, применяя к ним, к этим подлым преступникам, всю силу и полноту советского закона, всю силу и полноту нашего закона, карающего смертью палачей свободы и счастья трудящихся масс.

Конечно, количество осужденных еще не определяет количества преступлений.

Наша статистика осуждений еще не дает нам полного основания делать те или другие выводы в отношении самих преступлений, ибо статистика осуждений не есть статистика преступлений, но все же эти цифры в высшей степени характерны.

При всех условиях этих цифры говорят о громадных успехах борьбы за охрану общественной, социалистической собственности на основе декрета 7 августа. Они говорят о том, что этот закон полностью оправдал себя, что он действительно поднял на работу с врагами народа, расхищающими общественное достояние, гнев народа, энергию масс, мобилизовав их бдительность и внимание.

Громадное снижение числа осужденных по декрету 7 августа явилось результатом не только и не столько более тщательного расследования дел, более осторожного и осмотрительного привлечения к уголовной ответственности виновных, сколько действительного снижения самого числа преступлений. Это снижение явилось несомненно прямым следствием тех мероприятий по более тщательной охране общественного имущества, которые были приняты в связи и на основе декрета 7 августа.

Сотни тысяч и миллионы трудящихся на декрет 7 августа ответили удесятерением своих усилий по охране колхозного, кооперативного и советского имущества. Под влиянием этих усилий — проверки людей, контроля их работы, лучшего учета имущества, более последовательной борьбы с различного рода злоупотреблениями и т. д. — хищения стали падать и сокращаться в количественном и в качественном своем выражении.

Ряд судебных процессов, удачно проведенных при громадной мобилизации советской общественности, помог в свое время вскрыть различные рычаги и пружины, которыми пользовались и пользуются хищники в своих «воровских махинациях», направленных против общественной собственности.

Беспощадные удары, нанесенные подлинным врагам народа, расхищавшим советское или

колхозное добро, организовавшим свои хищнические вылазки против советского или колхозного хозяйства, у многих и многих отбили всякую охоту заниматься темными, хищническими делами.

По отношению к расхитителям народного достояния, безруким попустителям из числа советских бюрократов, к разгильдяям и болтунам, не умеющим беречь и охранять порученное им общественное добро, декрет 7 августа помог провести ряд мер, начиная от прямых уголовных наказаний и кончая мерами общественно-воспитательного и организационного характера, значительно улучшивших дело, покончивших с бюрократической беспечностью и безответственностью этих чиновников.

И результаты всей суммы этих мероприятий налицо.

Хищения общественной, социалистической собственности значительно сократились, а по отдельным секторам нашего народного хозяйства сократились в очень большой степени.

Если, например, обратиться к колхозному сектору, то здесь мы будем иметь такую картину.

В первом квартале 1933 г. на долю колхозного сектора приходилось 58,7% всех осужденных по декрету 7 августа. В первом же полугодии 1934 г. на долю этого сектора приходилось уже только 37% всех осужденных.

Эти цифры не случайны, они говорят о том, что при значительном улучшении постановки охраны колхозной собственности, при очистке колхозов от тех враждебных элементов, которые в них пробрались, при правильном решении задачи, о которой говорил товарищ Сталин, направленной к тому, чтобы окончательно вышибить кулаков из колхозов, которые проводятся работниками органов юстиции по выявлению и преданию суду преступников, при всей сумме всех этих мероприятий мы дошли до такого положения, — когда на долю колхозного сектора приходится сейчас не более трети всех хищений, тогда как раньше на колхозы падало более половины хищений.

Это несомненно значительное достижение. Но на этом мы останавливаться не можем. Мы должны добиться такого положения, когда хищения общественной собственности будут сведены к нулю. Конечно, это нелегкая задача, особенно, если иметь в виду неизбежность обострения на отдельных участках нашего социалистического строительства классового сопротивления остатков кулачества и вообще капиталистических элементов, классового сопротивления, одной из наиболее характерных форм которого и является расхищение, воровство общественной собственности. И тем не менее мы должны добиться окончательной ликвидации воровства колхозного имущества, окончательного искоренения воровских нападений наших врагов на колхозную собственность.

Значительное улучшение в борьбе с расхищением государственного имущества мы имеем и на железнодорожном транспорте. На этом участке мы можем констатировать падение числа хищений как в количественном выражении, так и в суммовом. Аналогичное положение мы имеем и в органах связи, где, как известно, особенно опасны эти преступления, где, как и на ж.-д. транспорте, особенно трудна и борьба с этими преступлениями.

Правильное и последовательное применение декрета 7 августа на ж.-д. транспорте и в органах связи также дало свои результаты.

Благодаря большой работе, которая была проведена и по мобилизации общественности, и по выработке и проведению в жизнь ряда профилактических мероприятий, благодаря умелой борьбе органов прокуратуры и суда мы имеем значительное улучшение дела с точки зрения уменьшения хищений посылок, почтовых отправлений, переводов и т. д.

Пятую годовщину закона 7 августа трудящиеся нашей страны, весь Советский союз встречают во всеоружии силы и мощи социалистического государства рабочих и крестьян.

В этот день мы подводим итоги великой борьбы за охрану и укрепление священной и неприкосновенной основы советского строя — общественной, социалистической экономики, новой социалистической культуры, нового социалистического общества.

Подводя эти итоги, мы можем констатировать всемирно-историческое значение закона 7 августа 1932 г. При помощи этого закона органы советского суда и прокуратуры разгромили бешеное сопротивление делу социализма со стороны последних остатков умирающих эксплоататорских классов. Этот закон помог нам предотвратить немало посягательств против интересов нашего народного хозяйства, подготовлявшихся нашими врагами.

Этот закон помог укрепить еще более прочно уважение к правилам социалистического общежития, опирающегося на общественную собственность и в ее неприкосновенности находящую твердую опору своего дальнейшего и всестороннего развития.

Неприступной крепостью закон 7 августа защищает народное достояние, блага и интересы советского государства и каждого честного советского гражданина.

На прочной основе общественной, социалистической собственности крепнет и расцветает советская страна, отечество трудящихся всего мира, оплот подлинной человеческой культуры, свободы и демократии.

За большевистский порядок в сельском хозяйстве

Советский союз из года в год гигантски растет.

Из страны отсталого, раздробленного, примитивного земледелия СССР превратился в страну самого крупного в мире сельского хозяйства.

На 1 января 1937 г. коллективизация охватила 92% крестьянских хозяйств и 99% всех крестьянских посевов, а к концу текущего года удельный вес обобществленного сектора должен подняться еще выше.

Техническая реконструкция сельского хозяйства находится на столь же высоком уровне.

Машинотракторные станции обслуживают 90% всех колхозов.

К концу текущего года тракторный парк в сельском хозяйстве составит 9 400 тыс. лошадиных сил, превысив план второй пятилетки на 1 200 тыс. лошадиных сил; парк комбайнов к этому же времени вырастет до 159 тыс. штук против 100 тыс., запланированных на вторую пятилетку.

Многовековую мечту русского крестьянства о земле советская власть претворила в реальность.

Государственными актами закреплено в бесплатное и бессрочное пользование, т. е. навечно, свыше 400 миллионов га земли, в том числе 150 миллионов га бывших помещичьих, монастырских и казенных земель.

Больше того, за один лишь последний год колхозам было прирезано от совхозов свыше 22 миллионов га земли.

Бич нашего дореволюционного земледелия — чересполосица и дальноземелье ликвидированы.

За последние годы выросли замечательные кадры стахановцев — трактористов, комбайнеров, звеньевых, бригадиров—подлинных энтузиастов социалистического земледелия, овладевших в совершенстве техникой.

Партия и правительство создали все условия для завоевания высоких и устойчивых урожаев, для всемерного роста богатства колхозов и зажиточности всех колхозников.

Дело только в том, чтобы улучшить семена зерновых культур, ввести правильные севообороты, поднять работу МТС на более высокую ступень, — одним словом, чтобы навести подлинно большевистский порядок в сельском хозяйстве и раз навсегда покончить с вредительством одних и беспечностью других в земельных органах.

Разрешением этих важнейших в области сельского хозяйства задач и был занят очередной (июньский) пленум ЦК ВКП(б).

В работе по семенам в последние годы приходилось сталкиваться не только с фактами плохой работы земельных органов, но с актами прямого вредительства.

На ряде примеров т. Яковлев показал на пленуме ЦК ВКП(б), как выводились у нас такие прекрасные сорта пшеницы, как кубанка и гарнаутка, которые завоевали в Америке сотни тысяч га посевов, как вытеснен целый ряд крестьянских сортов зерновых культур и как во многих районах культивировались и внедрялись у нас заведомо плохие или сомнительные сорта.

Наряду с этим хорошие сорта, выведенные за границей, скрывались и не испытывались у нас. Не случайно, что в текущем году по решению ЦК ВКП(б), без всякой инициативы со стороны Наркомзема или с.-х. специалистов, были ввезены в СССР из Америки и Швеции некоторые сорта пшеницы.

Для характеристики путаницы и неразберихи, существовавшей в семенном деле, следует указать также на неправильную, ненаучную организацию сортоиспытания, исключавшую возможность определения преимуществ одного сорта по сравнению с другим, на бюрократически-неряшливое (если не вредительское) снятие отдельных сортов с испытания, на чудовищно нерациональные переброски семян из района в район.

Наконец, явным вредительством следует признать отказ Наркомзема СССР от аппробации сортовых посевов, который привел к тому, что десятки миллионов пудов сортовых семян без сортовых свидетельств шли на элеватор и зерносклады, а оттуда — в перемол.

Приведенные факты достаточно характеризуют положение, существовавшее в семенном деле, которое в итоге обусловило срыв выполнения задачи доведения во второй пятилетке сортовых посевов до 75% всей площади зерновых культур.

Постановление СНК СССР «О мерах по улучшению семян зерновых культур», одобренное июньским пленумом ЦК ВКП(б), предусматривает развернутую программу действий по коренной перестройке семенного дела в максимально короткие сроки.

Вместо существовавших 130 государственных сортоучастков, из коих каждому в прошлом приходилось обслуживать по 20—30 районов, теперь будут функционировать 1055 сортоучастков, т. е. к каждому участку будут прикреплены только два-три района, а это даст сортоучасткам возможность лучше обслуживать свои районы.

Руководство работой государственных сортоучастков возлагается на авторитетную государственную комиссию по сортоиспытанию, которая утверждается СНК СССР, причем постановление этой комиссии о снятии с испытания о выводе в тираж или о введении в хозяйство тех или иных сортов вступает в силу лишь с утверждения СНК СССР. Этим кладется конец той безответственной и недопустимой легкомысленности, которые выявлены в работе по сортоиспытанию в прошлом.

Не менее актуально решение правительства об организации, как правило, селекционных станций в каждой республике, крае или области, что даст возможность лучше, глубже учесть специфику климатических, почвенных и других условий каждого района при внедрении или выводе отдельных сортов.

Наряду с осуждением прежней практики земельных органов и некоторых «теорий» о непригодности отдельных крестьянских сортов зерновых, правительством дается четкая дирек-

тива об отборе, сохранении и улучшении местных крестьянских сортов, а также о создании элитных семян этих сортов.

Новым и крайне важным является также решение правительства о введении государственного премирования селекционных станций и селекционеров. Система премирования, распространяемая к тому же на сорта, выведенные или улучшенные, начиная с 1918 года, а также введение в практику выдачи селекционерам и селекционным станциям «авторских свидетельств» и «свидетельств об улучшении сортов» создаст материальную заинтересованность работников селекции в повышении качества своей работы и, несомненно, явится дополнительным стимулом для борьбы за лучшие достижения в семенном деле. Этому же должно всемерно способствовать постановление правительства об оплате элитных семян, сдаваемых селекционным станциям, в пятикратном размере против цен на рядовое зерно.

Нелишне также заметить, что взятие на счет государства содержания государственных селекционных станций положит конец жалкому существованию, которое влачили многие из них, что, естественно, не могло не отразиться в ущерб их плодотворной деятельности.

Постановлением правительства вводится новый, более совершенный порядок сортосмены. Вместо бессистемного из года в год снабжения сортовыми семенами всей площади посевов небольшой части колхозов и совхозов при посеве основной массой колхозов и совхозов несортовыми семенами устанавливается регулярное снабжение «семенных участков (ежегодно не меньше четверти всех колхозов и совхозов СССР) отборными семенами от районных семеноводческих хозяйств».

Производство же сортовых семян для снабжения колхозов и совхозов сосредоточивается в районных семеноводческих хозяйствах (колхозах и совхозах), обслуживающих каждое 1—3 района с посевом не более 100 тысяч га зерновых. Этим самым устраняется негодная практика прошлого, когда производство сортовых семян было сконцентрировано преимущественно в семеноводческих совхозах, территориально отдаленных и оторванных от обслуживаемых ими районов, особенности которых почти не принимались во внимание.

Обеспечение правильной сортосмены, однако, этим не исчерпывается.

Постановлением правительства предусмотрен ряд льгот и материальных преимуществ для районных семеноводческих хозяйств, производящих сортовое зерно. Семеноводческие колхозы получают двойную цену против цен на рядовое зерно при сдаче ими сортового зерна в порядке зернопоставок, при обмене же сверх зернопоставок и натуроплаты сортового зерна на рядовое они получают за каждые 40 фунтов своего сортового зерна 55 фунтов рядового кондиционного зерна и т. д.

Предоставление семеноводческим колхозам огромнейших материальных преимуществ правительство обусловливает лишь обязательством колхозов размножать полученные элитные семена сперва на семенном участке, а затем в общих посевах своего хозяйства, производить сортовую полку посевов и полностью сдавать урожай семян в кондиционном виде на склады Главного сортового управления НКЗ СССР.

Особое значение имеет решение правительства о создании государственного страхового фонда сортовых семян зерновых культур. Этим имеется в виду накопить достаточные резервы сортовых семян на случай засухи, вымерзания или вымочки посевов с тем, чтобы подвергшиеся бедствию районы или отдельные колхозы и совхозы могли своевременно получить необходимую помощь хорошими сортовыми семенами.

Существеннейшее место в мероприятиях по улучшению семян зерновых культур должно быть отведено решению правительства о выделении в каждом совхозе и колхозе семенных участков по каждой зерновой культуре с точным планом посева на этих участках для каждой области и республики. Этим устанавливается твердый порядок расширения посева отборными сортовыми семенами, что даст возможность в короткий срок перейти от рядовых посевов к посевам отборными сортовыми семенами.

Наконец, принятые правительством решения по улучшению организационного руководства семенным делом (создание в Наркомземе СССР Сортового управления по зерновым культурам, мероприятия по подготовке кадров агрономов-семеноводов и селекционеров) наряду с утверждением целого ряда переходных мероприятий по использованию ресурсов сортовых семян в озимом посеве 1937 года и яровом посеве 1938 года должны резко улучшить качество семян зерновых культур в самое ближайшее время.

По вопросу о введении правильных севооборотов партия и правительство неоднократно давали земельным органам необходимые директивы.

Еще в конце 1932 года в своем решении о мероприятиях по повышению урожайности ЦК ВКП(б) и СНК СССР поручили НКЗ СССР «ввести во всех совхозах и колхозах севооборот как одно из лучших средств повышения урожайности».

Третья сессия ЦИК СССР, состоявшаяся в 1933 году, также приняла решение о введении севооборота в 1933 и 1934 гг.

Наконец на XVII съезде ВКП(б) товарищ Сталин говорил, что «одной из очередных задач сельского хозяйства является введение правильных севооборотов...».

Однако НКЗем СССР и его местные органы не только не обеспечили выполнения директив партии и правительства о севооборотах, но в ряде краев и областей устанавливали планы сева, не согласованные с севооборотом, культивировали вреднейшие теории о резком несоответствии между планами посева и севооборотом, чем толкали колхозы на игнорирование севооборота, вводили явно неправильные севообороты и т. п.

Такое положение с севооборотами нанесло нашему хозяйству огромный ущерб, тормозило наше движение по пути завоевания высоких урожаев.

Пленум ЦК ВКП(б) одобрил в основном внесенный комиссией Наркомзема СССР и Наркомсовхозов СССР проект введения правильных севооборотов с тем, чтобы после всестороннего обсуждения в печати он был вторично рассмотрен на следующем пленуме. Этот проект намечает переход от паропропашных севооборотов к правильным севооборотам с многолетними травами, которые дадут воз-

можность параллельно решить и задачу повышения урожайности зерновых и технических культур и задачу обеспечения нужд нашего растущего животноводства зелеными кормами.

Этот проект намечает также ликвидацию существующих бюрократических методов введения севооборотов в колхозах.

Вместо установления севооборота в канцеляриях наших земельных органов проект предусматривает установление севооборота общим собранием колхоза, действительным при наличии не менее двух третей членов сельхозартели, затем севооборот должен рассматриваться в районных организациях, и окончательно он утверждается народным комиссаром земледелия АССР, начальником краевого или областного земельного управления для каждого колхоза в отдельности.

Чтобы придать большее значение севообороту и сделать его стабильным, каждый колхоз получит «свидетельство о введении севооборота», которое должно храниться вместе с государственным актом на вечное пользование землей, причем изменение севооборота возможно лишь с разрешения народного комиссара земледелия Союза ССР.

Таково, в общем, содержание решений июньского пленума ЦК ВКП(б), имеющих огромное значение для судеб нашего сельского хозяйства, представляющих развернутую программу действий по ликвидации последствий вредительства в социалистическом земледелии и по перестройке работы земельных органов в соответствии с интересами нашего социалистического хозяйства.

Вполне понятно, что проведение этих решений не должно быть делом одних только органов Наркомзема или Наркомсовхозов, а делом всех партийных и советских органов.

Органы прокуратуры также должны принять участие в реализации этих решений самой энергичной выкорчевкой остатков вредительства в сельском хозяйстве, максимально быстрым и глубоким расследованием всех дел, связанных с невыполнением решений партии и правительства по сельскому хозяйству, неуклонным привлечением к строжайшей судебной ответственности виновных в использовании семян зерновых культур с семенных участков колхозов и совхозов на какие бы то ни было другие нужды, кроме посевных, а также лиц, допускающих смешение на элеваторах и зерноскладах различных сортов зерна.

Решения июньского пленума ЦК ВКП(б), намечающие дальнейший расцвет нашего сельского хозяйства, в котором кровно заинтересованы многомиллионные массы Советского союза, должны быть полностью реализованы.

В. ТАДЕВОСЯН

Закон 27 июня 1936 г. в действии

Уже больше года, как правительство Союза ССР приняло историческое постановление 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Этот закон, принятый правительством впервые в истории человечества, после всестороннего обсуждения его буквально всеми народами Союза ССР, оказался еще одним важнейшим доказательством подлинной сталинской заботы о человеке, и в особенности о женщине, в свободной и могучей стране социализма.

Подобно ленинским декретам первого периода нашей великой революции закон 27 июня не просто закон, он не только важнейший акт государственной власти, регулирующий определенные отношения, а вместе с тем и мощный агитационный лозунг, провозглашающий и закрепляющий новое социалистическое отношение к женщине и детям. Именно поэтому во вводной части закона 27 июня 1936 г. в сжатой и выразительной форме говорится о том, как резко изменила Октябрьская революция положение женщины в нашей стране, как существенно видоизменились теперь обстановка и условия жизни в стране социализма, вследствие чего стало возможным и необходимым запрещение абортов и принятие целого ряда государственных мер, перечисленных в этом постановлении правительства.

«Ни в одной стране в мире, — говорится в законе, — женщина не пользуется таким полным равноправием во всех областях политической, общественной жизни и в семейном быту, как в СССР. Ни в одной стране в мире женщина как мать и гражданка, на которой лежит большая и ответственная обязанность рождения и воспитания граждан, не пользуется таким уважением и защитой закона, как в СССР».

Эти завоевания Октябрьской революции были записаны в ст. 122 Сталинской Конституции СССР в следующих кратких, но замечательных словах: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов».

Перед лицом реальной и конкретной опасности возврата к средневековому фашистско-варварскому отношению к женщине в капита-

листических странах, при наличии сейчас во всех фашистских странах позорных и унизительных условий существования женщин, лишенных прав и лишь обязанных рожать детей и воспитывать из них солдат, нынешнее правовое и общественно-политическое положение женщин в СССР, ставшее у нас обычным явлением, представляется трудящимся всего мира отдаленной мечтой; оно воодушевляет их на борьбу с мировым капитализмом и в первую очередь с обнаглевшим фашизмом.

Закон 27 июня, запрещая аборты ввиду установленной вредности их, не ограничился этим, подобно лицемерному буржуазному законодателю, и наметил целую систему государственных мер, обеспечивающих защиту и охрану прав и интересов женщин и детей. Наряду с этим закон усилил наказание за злостный неплатеж алиментов и внес некоторые изменения в законодательство о разводах «в целях борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям».

О том, что легкомысленное отношение к женщине и семье не изжито еще у нас, что унаследованное от капиталистического прошлого собственническое отношение к женщине не выкорчевано еще из нашей среды, мы знаем из многих фактов нашей судебно-прокурорской практики.

Энгельс, анализируя существо брачно-семейных отношений в докапиталистическом и капиталистическом обществе, показал все отрицательные стороны этих отношений в буржуазном и добуржуазном обществе, основанном на господстве частной собственности. Покупка женщин за деньги или другие социальные блага, проституция, супружеская неверность, обман, ревность и тому подобные явления были и остаются неизбежными спутниками собственнического отношения к женщине. В новом, социалистическом, обществе отношения между женщиной и мужчиной коренным образом изменяются.

«Наши предвидения о формах половых отношений после устранения капиталистического производства, — писал Энгельс, — отличаются преимущественно отрицательным характером, ограничиваются в большинстве случаев тем, что отпадает. Но что появится нового? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не приходилось покупать женщину за деньги, или другие социальные преимущества, и поколение женщин, которым никогда не приходилось отдаваться мужчине из-за каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, или отказываться отдаться любимому мужчине из боязни экономических последствий. Когда появятся такие люди, им будет совершенно безразлично, чего ныне ожидают от них, они сами создадут себе свою собственную практику и соответствующее ей общественное мнение о поступках каждого в отдельности. На этом точка». Так писал Энгельс больше полувека тому назад[1] и он был абсолютно прав. У нас действительно появились новые люди, которые сами создают себе свою собственную практику в своих взаимоотношениях друг с другом и соответственно этому общественное мнение о поступках каждого в отдельности. Не случайно поэтому закон 27 июня 1936 г., намечая «пути, на которые нужно встать для разрешения этого большого, затрагивающего все население вопроса», указывает на то, что, разрешая вопрос, «Советское правительство идет навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин».

Новые люди, новая советская женщина требуют изгнания из своей среды людей, которые по-старому относятся к жене, семье, которые воскрешают традиции капиталистического общества, сопротивляются новому общественному и государственному правопорядку.

Закон 27 июня дал возможность быстрее и лучше выявлять и наказывать всех этих людей, в числе которых нередко, как это ни странно, оказываются и люди, совсем еще молодые, но зараженные уже болезнями прошлого, видящие в женщине не друга и товарища, а предмет обладания, частной собственности.

В этой связи следует остановиться на одном примере из практики работы Прокуратуры г. Горького.

2 августа 1936 г. в г. Горьком, в своей квартире покончила жизнь самоубийством 24-летняя комсомолка, инженер Нина Биневич.

Она только что возвратилась из дома отдыха на берегу Черного моря, куда муж отправил ее для лечения по своей путевке. Она всего только три дня до этого на вокзале веселая и жизнерадостная бросилась в объятия своего мужа, тоже инженера и кандидата партии, Саши Рябова, который пришел встречать ее и принес с собой на руках их маленькую дочь. Семья Биневич-Рябовых была счастлива. На протяжении 6 лет совместной жизни молодые супруги редко ссорились друг с другом; лишь изредка ревнивый муж позволял себе грубые выходки по адресу жены, неосновательно подозревая ее в неверности.

В конечном счете это собственническое и грубое некоммунистическое отношение к женщине и явилось причиной трагического конца.

Инженер Рябов в день приезда жены, т. е. через несколько часов после радостной встречи ее, узнал из анонимного письма на ее имя о том, что его жена за время пребывания в доме отдыха находилась в близких отношениях с неизвестным молодым человеком. Известие безусловно неприятное, независимо от того, что оно не проверено (и вряд ли могло быть проверено теперь). Известие это тяжело и мучительно подействовало на любящего мужа. И в этом нет еще абсолютно никакого греха с его стороны. Лицемерная болтовня некоторых встречающихся еще у нас обывателей, представляющих себе дело так, что при социализме легкомысленное отношение супругов друг к другу и к окружающим является признаком действительной свободы во взаимоотношениях мужчины и женщины, не имеет ничего общего с истинной любовью и брачными отношениями в советской семье. Об-

[1] Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 83, Партиздат, 1932.

ман супруга или измена в любви становятся при социализме просто немыслимыми или нелепыми, так как отпадают основные причины, заставляющие жить с нелюбимым человеком. Но это происходит не сразу. Поэтому пережитки прошлого дают себя знать. Обман, лицемерие, неискренность, измена в любви имеют еще место и у нас. С ними надо вести борьбу. Но как? Они причиняют боль и вызывают острую реакцию со стороны людей, честно и искренне относящихся к людям, безразлично мужчине или женщине. Но эта реакция, должна ли она сколько-нибудь уподобляться реакции, которую вызывала и вызывает ревность собственника-буржуа?

Нет, — говорили инженер Рябов и те, которые ему «помогали». Но говорили они это тогда уже, когда несчастье стряслось.

Как это случилось? Получив письмо, инженер Рябов, обезумев от ревности, немедленно предложил своей любимой жене уйти от него. Та ушла. И ночевала у своей сестры. На другой день инженер решил поговорить с женой и выяснить факт. Если верить его словам, он ожидал, что жена будет отрицать все, что сказано в анонимном письме. Но она не отрицала, а медленно и нехотя стала объясняться. Муж вновь разъярился и предложил ей оставить его и, если хочет, уйти от него вместе с их маленькой дочерью; при этом он заявил, что будет платить ей алименты. На следующий день инженеру сообщили из дома, что его жена повесилась.

В предсмертном письме жена написала мужу, что жизнь для нее без него невозможна, что она никогда его не обманывала и что, что написано в анонимке, — ложь.

Автор письма, как это установлено проведенным Горьковской прокуратурой тщательным расследованием, член партии Милютин Н. К., директор Миллеровского маслозавода № 14 в Азово-Черноморском крае. Он тоже по своему понял свою обязанность вести борьбу за новый быт, новые социалистические взаимоотношения женщины и мужчины. Директор отдыхал со своей женой в том же доме отдыха, где и инженер-комсомолка Биневич. Ему показалось, что поведение молодой женщины, которая постоянно гуляет с каким-то молодым человеком, непристойно, что она обманывает мужа. Он решил помочь неизвестному ему мужу этой женщины, раскрыть ему глаза на действительность. Что еще побудило директора итти на этот «благородный» поступок? На этот вопрос директор отвечает, что печальный личный опыт подсказал ему так действовать, что его первая жена изменяла ему и об этом он, несчастный, узнал только в 1934 году. Директор решил поэтому помочь неизвестному ему мужу выйти из состояния обманутого мужчины. Трусливый директор, однако, не имел гражданского мужества вести эту борьбу за своеобразный «принцип солидарности мужчин» открыто; он написал анонимку и, когда следственные органы добрались до него путем экспертизы почерков, он далеко не сразу признал себя автором этого письма. Не признал себя соучастником в этом поступке и другой член партии Гаракин, ответственный работник того же комбината, где работает инженер Рябов. Он отдыхал в том же доме отдыха. Он также считал, что надо сообщить мужу о поведении жены, и дал директору Маслозавода адрес инженера Рябова. «Благородные» борцы за честь и доброе имя «мужа» сейчас изобличены. Они, конечно, не предвидели и не могли предвидеть столь трагических последствий своего поступка. Да и самый факт самоубийства достоин категорического и всеобщего порицания, тем более, когда совершено оно членом комсомола.

Однако дело здесь не в том, чем кончилась семейная драма на почве ревности у инженеров Биневич-Рябовых. А дело в том, что низменные побуждения, собственнические пережитки в отношениях к женщине не выправились еще, далеко не выкорчеваны из сознания даже нашей молодежи. В ее среде можно и до сих пор встретить наряду с мелкобуржуазной распущенностью и легкомысленным отношением девушек и парней друг к другу, безрассудных рогоносцев и отъявленных хранителей дедовских традиций во взаимоотношениях женщины и мужчины.

Секретарь ЦК ВЛКСМ т. Васильева в своей статье (в «Комсомольской правде» от 29 июня 1937 г.) говорит о том, что «в ЦК ВЛКСМ поступают заявления женщин-матерей о хамском к ним отношении. Жалуются на то, что многие комсомольцы забывают простейшие свои отцовские обязанности». Далее т. Васильева приводит примеры такого отношения к комсомолкам.

«Комсомолка М. сообщает о систематических издевательствах над ней ее мужа. Этот, с позволения сказать, гражданин нагло обманул ее так же, как и пятерых других женщин, прикинувшись холостым. Когда М. забеременела, он уклонился от уплаты алиментов, оставил ее на произвол судьбы и перекочевал к другой жене...»

Как правильно пишет т. Васильева, «случай с М. — не исключительный, не единичный». Судебно-прокурорским работникам, которым пришлось особенно решительно развернуть борьбу с этими преступлениями после издания закона 27 июня, хорошо известны эти случаи.

С этим надо вести борьбу терпеливо и повседневно; надо воспитывать молодежь не только в их отношениях на производстве, на учебе, но и в быту, надо выкорчевать позорные пережитки прошлого, приучить молодежь к чуткому и честному отношению друг к другу.

В этой борьбе немалую роль должны сыграть органы суда и прокуратуры, через которые проходят все наиболее серьезные случаи легкомысленного отношения к семье и семейным обязанностям, преступного отношения к женщине и детям. Каждое дело должно быть проведено таким образом, чтобы мобилизовать внимание трудящихся на борьбу с пережитками старого, за укрепление советской семьи.

Важнейшие законы последних лет — закон 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, закон 27 июня 1936 г. о запрещении абортов и т. д. направлены к решительной и упорной борьбе с указанными пережитками и наследием прошлого, мешающими успешному ходу социалистическо-

го строительства в области быта и семейных отношений.

Намеченные законом 27 июня 1936 г. государственные мероприятия уже в первом году после издания закона сыграли огромную роль в интересах женщин и детей. По данным Наркомздрава пособия по многосемейности назначены свыше 300 тысяч матерей и для выплаты этих пособий отпущено 650 млн. руб. В 1937 г. бюджетные ассигнования на содержание родильных домов, яслей, консультаций, детских санаториев и на другие мероприятия этого типа превышают 2 млрд. руб. (против 1 млрд. 250 млн. в 1936 г.). На строительство родильных домов, детских яслей, молочных кухонь и т. п. правительством были отпущены огромные средства с тем, чтобы эти дома, ясли и т. д. были построены в точно указанные сроки, т. е. до 1 января 1937 г. Однако вследствие халатного, преступно-бюрократического отношения к делу со стороны органов здравоохранения постановление правительства не было выполнено в срок, и многие дома и ясли не достроены были до последнего времени. Тем не менее органы прокуратуры в большинстве случаев не вели борьбы с этими нарушениями закона 27 июня 1936 г. Поэтому в циркуляре прокурора Союза ССР от 14 апреля 1937 г. было предложено прокурорам на местах «привлечь к ответственности должностных лиц, по вине которых срывается выполнение плана строительства родильных домов».

Прошедшие несколько месяцев после издания указанного циркуляра Прокуратуры СССР показали, что борьба эта все еще ведется на местах явно недостаточно. Срыв строитель ства детских учреждений и родильных домов, в первую голову, угрожает серьезными последствиями для здоровья женщин и детей. А преступно относящиеся к выполнению закона 27 июня бюрократы из органов Наркомздрава нередко остаются безнаказанными вследствие бездействия прокуроров на местах.

Несмотря на многие серьезные недостатки при выполнении закона 27 июня 1936 г., первые очень существенные результаты его применения уже успели сказаться: из данных того же Наркомздрава видно, что во втором полугодии 1936 г. по сравнению с первым полугодием того же года количество абортов снизилось больше чем на 90%, рождаемость в 1937 г. сильно повысилась, в некоторых местах на 80—100% (см. статью заместителя Наркомздрава СССР Е. Кармановой в «Известиях ЦИК СССР» от 28 июня 1937 года).

С изданием закона 27 июня 1936 г. органы прокуратуры повели решительную борьбу с незаконными абортами. Правда, в первые месяцы и даже в течение первого полугодия после издания закона весьма слабо выявлялись виновники производства абортов; вследствие неправильного производства расследования аборты принимались за самоаборты, и к ответственности привлекались лишь женщины, которые, не желая выдавать врачей, «бабок» и других лиц, производивших им аборт, заявляли врачам в больницах, куда их привозили в тяжелом состоянии, а также органам расследования, что аборт себе они сделали сами. На это обстоятельство обратил внимание прокурор Союза ССР в том же письме от 14 апреля 1937 г. прокурорам республик, краев и областей.

Цифры за первый квартал 1937 года показывают, что за это время (по данным 8 союзных республик, т. е. без Азербайджанской, Таджикской и Казахской ССР) направлено в суд 2184 дела о незаконных абортах; по этим делам предано суду 2920 чел. Надо при этом указать, что расследование этих преступлений представляет немало трудностей и, несмотря на то, что количество дел, расследованных следователями, довольно высоко (56%), тем не менее число прекращенных производством дел остается значительным — 16% (а по УССР даже 22%, очевидно, потому, что число дел, расследованных милицией, составляет 57%).

По указанным выше 2 184 делам (т. е. фактам незаконных абортов) предано суду:

1. Врачей и других лиц, привлеченных за производство абортов . . . . 1 228 чел
2. Лиц, понуждавших женщин к совершению абортов . . . . . 250 »
3. Беременных женщин, производивших аборт в нарушение закона . . . . 1 442 »

Таким образом, хотя в 1937 г. органы расследования стали лучше выявлять основных виновников нарушения закона 27 июня (всяких медицинских работников и «бабок», производящих подпольный аборт, а также мужчин, понуждающих беременных женщин производить аборты), количество привлеченных к уголовной ответственности за первые 4 месяца 1937 г. растет из месяца в месяц, однако, все еще имеет место тенденция упрощать работу следствия и привлекать к ответственности одних женщин, которым был произведен неудачный аборт. Мы говорим неудачный аборт потому, что в случаях производства удачного аборта, как правило, виновные не выявляются, ибо сами женщины упорно скрывают факт незаконного аборта, а медицинские учреждения мало содействуют органам следствия в раскрытии этих преступлений.

В некоторых краях и областях, как, например, в Горьковской области, сумели установить необходимую связь с медицинскими учреждениями и при их помощи своевременно выявлять и наказывать виновников незаконных абортов. Поэтому там (в Горьковской области) количество привлеченных к уголовной ответственности систематически растет; так, например:

За второе полугодие 1936 г. было привлечено 25 чел.
» первый квартал 1937 г. » » 48 »
» апрель 1937 г. » » 28 »

Такие же цифры имеются и в ряде других краев и областей.

Будучи доставляемы в больницы в тяжелом состоянии, женщины редко называют фамилии произведших им аборт, причем имеются случаи отказа назвать эти фамилии даже перед смертью. И это несмотря на то, что такие аборты обычно производятся за большую плату. Ясно отсюда, в какой мере затруднена бывает работа следствия по этим делам. Так, например, по делу Минской городской прокуратуры по обвинению врача Мангейм следователю Минаевой после длительной, упорной и искусно проведенной работы удалось установить, что смерть гр-ки Кацнельсон наступила 24 апреля 1937 г. в результате неудачно произведенного ей 14 апреля аборта врачом Мангейм. Последняя, являвшаяся бывшей заведующей абортарием в Минской боль-

нице и имевшая в прошлом большую практику в этой области, категорически отрицала свою вину. Следователю удалось путем собирания косвенных улик, допроса ряда свидетелей притти к выводу, что аборт произвела Мангейм. Казалось бы, что производство ареста Мангейм до суда не вызывалось необходимостью, тем более, что она довольно убедительно говорила о своей непричастности к этому преступлению. Однако, Мангейм была арестована, и это содействовало раскрытию не только указанного факта незаконного аборта, в результате которого умерла Кацнельсон, но и другого случая производства также неудачного аборта за 250 руб., произведенного некоей Прохоровой. Мангейм в тюрьме вынуждена была постепенно сознаваться в этих своих преступлениях. Кроме Мангейм к уголовной ответственности привлечено лицо, с которым умершая имела связь (при наличии мужа) и по настоянию которого вынуждена была произвести аборт.

Прокуратура Горьковской области сообщает, что аборты делались преимущественно незамужним женщинам. Аборты производят во многих случаях «бабушки» и знахарки, кроме того санитарки, прачки и тому подобные работники медицинских учреждений. Многие женщины, которым они делают аборты, умирают в больницах. Так, например, прачка больницы Сталинского района (Горьковской области) Крючкова произвела аборт гр-ке Сахановой, которая от заражения крови умерла; ветеринарный фельдшер Марков (Залеский район) производил аборты путем впрыскивания иода. За период меньше года, по Горьковской области было семь абортов со смертельным исходом. По Куйбышевской области в г. Пензе санитарка психолечебницы Богданова устроила у себя на квартире абортарий и в течение года занималась производством абортов. В Мало-Кандагинском районе 74-летняя бабка Лазникова взялась сделать аборт одной девушке из соседнего района. Старуха начатый ею аборт до конца не довела и направила девушку к некоей Леонтьевой, которой и был сделан полный аборт, после чего девушка умерла. В Больше-Глушицком районе от аборта, произведенного бабкой Родионовой, умерла Курочкина и т. д. Примеров возмутительных преступлений, совершаемых в отношении беременных женщин медицинскими и другими работниками, можно привести много. С этими преступлениями борьба велась судами и прокурорами путем применения указанных в законе мер наказания. Но, конечно, далеко не все эти преступления своевременно вскрываются нашими органами. Задача наша сейчас заключается в том, чтобы при помощи медицинских органов, при помощи групп содействия прокуратуре и по сигналам трудящихся вскрывать и наказывать всех нарушителей закона.

Сообщения с мест показывают, что многие прокуроры не поняли важности борьбы с абортами, необходимости тщательным расследованием раскрывать эти преступления, выявлять подстрекателей путем организации публичных процессов над виновниками нарушения законов, мобилизовать внимание масс и создать обстановку, исключающую возможность нарушения закона 27 июня 1936 г. В некоторых местах бездеятельные прокуроры, когда даже к ним самотеком попадает дело о производстве аборта, они своим постановлением смазывают значение такого дела. Так, например, из доклада прокурора Куйбышевской области видно следующее: в Городищенском районе учительница начальной школы Турдак произвела самоаборт. Районный прокурор Ольхин дело в уголовном порядке прекратил, а учительницу привлек к ответственности... в дисциплинарном порядке. В Николо-Черемшанском районе комсомолке Репиной был произведен аборт одной бабкой. Районный прокурор Сафонов дело в уголовном порядке прекратил в отношении бабки по мотиву преклонности ее возраста, а в отношении комсомолки вопрос передал на рассмотрение комсомольской организации. Факты подобного рода имеют место не только в работе районных прокуроров, но и в работе народных судов, выносящих неосновательные оправдательные приговоры по таким делам.

В связи с законом 27 июня 1936 г. следует особое внимание обратить на борьбу с детоубийством, ибо это преступление наступает во многих случаях тогда, когда замысел произвести аборт осуществить не удается. Изучение дел о детоубийстве показывает, что основными причинами этих преступлений являются, как правильно указано в циркуляре прокурора СССР от 14 апреля 1937 г., «сопротивление враждебных делу социализма элементов мероприятиям партии и правительства по охране прав и интересов детей, нежелание иметь детей и платить алименты, угрозы и издевательства над матерью со стороны отца ребенка, рожденного от случайной связи, ложный стыд малокультурных матерей и тому подобные обстоятельства».

Запрещение абортов создает угрозу роста этих преступлений, поэтому борьбе с ними должно уделяться особенное внимание. Особенно важно и здесь выявление не физических убийц (это самое легкое дело; обычно это — матери, которые сами сознаются), а подстрекателей и пособников, мужчин, которые не желают нести ответственности за свои действия, бросая обманутых ими девушек.

Борьба со злостным неплатежом алиментов является самым слабым местом во всей работе органов милиции, прокуратуры и суда по реализации закона 27 июня 1936 г. Правда, с изданием закона, который существенно облегчил эту борьбу повышением уголовного наказания за неплатеж присужденных судом средств на содержание детей до 2 лет тюремного заключения с отнесением расходов по розыску уклоняющегося от платежа алиментов лица за его счет, значительно активизировалась и улучшилась работа указанных выше органов. Из месяца в месяц растет количество розысканных и привлеченных к ответственности злостных неплательщиков алиментов. Мы не имеем еще полных данных об этом по всему Союзу, но и те данные, которые имеются в нашем распоряжении, говорят о том, что громадная часть этих преступников, которые до издания закона 27 июня 1936 года разгуливали безнаказанно по городам и селам СССР, скрываясь от своих жен и детей, ныне понесли строгое наказание и платят уже алименты. По данным из тех же 8 союзных республик за I квартал 1937 г. на-

правлено в суд 8176 дел о злостных неплательщиках алиментов.

Из доклада прокурора Горьковской области видно, что с 27 июня 1936 г. по 1 апреля 1937 г. за неплатеж алиментов возбуждено 513 дел, в том числе:

за третий квартал	1936 г.	135 дел
» четвертый »	1936 »	175 »
» первый »	1937 »	223 »

Прокурор Куйбышевской области сообщил о том, что за второе полугодие 1935 г. предано было суду за уклонение от платежа алиментов 141 чел., за второе же полугодие 1936 г., т. е. после издания закона, — 271 чел., а за январь—апрель 1937 г. — 211 чел. Такие же данные имеются по другим областям и республикам.

Тем не менее тысячи злостных неплательщиков остаются еще не розысканными, и это создает тяжелые условия содержания и воспитания детей таких отцов, несмотря на то, что известную помощь оказывают им общественные и государственные органы. Причиной безнаказанности многих злостных неплательщиков алиментов попрежнему являются плохой розыск их органами милиции и, что особенно бросается в глаза, крайне скверная работа судебных исполнителей. Органы прокуратуры буквально заваливаются справедливыми жалобами тысяч алиментщиц на то, что судебные исполнители не высылают им взысканных денег, или неаккуратно (один раз в 3—6 месяцев) взыскивают и высылают деньги. Тупоумные и халатно относящиеся к своей работе судебные исполнители во многих местах не понимают того, что алименты нередко являются единственным источником существования детей, поэтому задержка высылки их (особенно из других городов) создает угрозу голодного существования детей, а народные судьи, в ведении которых состоят эти судебные исполнители, явно недостаточно руководят и контролируют их работу по столь важным взысканиям, как алиментные взыскания. В результате начинаются бесчисленные хождения алиментщиц по «разным инстанциям».

С этим явлением необходимо покончить. Надо заставить судебных исполнителей и органы милиции, розыскивающие злостных неплательщиков алиментов, точно и добросовестно выполнять закон 27 июня 1936 г. по всем без исключения делам.

Борьба за выполнение закона 27 июня 1936 г. является нашей повседневной обязанностью. Она будет борьбой длительной и упорной; она будет длиться до тех пор, пока не будут выкорчеваны пережитки капиталистического прошлого в нашем обществе.

Б. ШАВЕР

Методика расследования преступных абортов

Прошел год с того момента, когда постановлением ЦИК и СНК СССР[1] был принят одобренный народом Советского союза закон о запрещении абортов.

Реальное осуществление этого закона явилось ярким свидетельством великой сталинской заботы о людях, их здоровье, семье.

Значение этого закона, понятое советским народом уже в момент его обсуждения, еще больше выросло в глазах населения в процессе его реализации.

Подавляющее большинство населения не только соблюдает этот закон, но борется с его нарушителями. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что значительное число дел о преступных абортах начато по инициативе общественности.

По имеющимся у нас данным[2] дела возбуждены по инициативе:

Больниц и райздравотделов	42,3%
общественности	21,6%
органов расследования	19,4%
потерпевших	5,2%
прочих (родственников, домоуправлений и др.)	12,5%

Если сравнить эти данные с подобного же рода показателями по отдельным областям, то рост активности общественности в борьбе за закон от 27 июня 1936 г. становится еще более очевидным.

Из числа дел, прошедших через прокуратуру Ленинградской области за первое полугодие 1935 г., возбуждено по инициативе общественности 12,5% дел. За второе полугодие 1936 г. — 22,1%.

За второе полугодие 1935 г. по Саратовской области возбуждено по инициативе общественности 11,8% дел этой категории, за второе полугодие 1936 г. — 20,6%.

Но при всем этом было бы глубокой ошибкой полагать, что уже самый факт существования закона и его положительная прогрессивная роль, понятая громадным большинством населения нашей страны, могут сами по себе явиться факторами, исключающими производство незаконных, преступных абортов.

С появлением закона количество уголовных дел о преступных абортах значительно выросло. Это явилось следствием двух факторов: усилившейся борьбы с этого рода преступлениями и тем, что после того как производство абортов было запрещено (за исключением случаев, предусмотренных законом), часть абортов, ранее совершаемых легально, стали совершаться подпольно.

Аборт, после того как он был запрещен, когда производство его стало незаконным, превратился в дорого оплачиваемое преступление, и среди отбросов общества нашлись темные личности, пошедшие на эту «легкую наживу», нашлись люди, готовые нарушать советский закон и калечить советскую женщину ради личных выгод.

Чем строже, чем серьезнее закон, тем изощреннее, тем тоньше маскировка преступников, нарушающих этот закон.

Это ярко можно проследить по делам о преступных абортах.

---

[1] 27 июня 1936 г.

[2] В настоящей статье использованы материалы прокуратур Ленинградской области, Московской области, Чечено-Ингушской АССР, Узбекской ССР, прокуратур г. Витебска, Саратовской области.

Сопротивление закону вызвало к жизни новые «абортивные» средства, новые способы абортов и новые способы их маскировки.

Так, например, наряду с лицами, совершающими подпольные аборты, появилась «профессия», которой не знала прежняя практика, так называемых «инструкторов» по абортам. Эти люди сами не делают аборты, но за определенную плату они дают советы о том, как произвести аборт и к каким средствам прибегать, чтобы прервать беременность.

Появились люди, составляющие подложные истории болезни, составляющие подложные анализы исследований, производимых в целях определения необходимости производства аборта.

И нужно признать, что не везде и не всегда работники следствия оказывались достаточно вооруженными для борьбы с этого рода преступлениями.

Во многих случаях «квалификация» преступников повышалась значительно быстрее квалификации следователей, ведущих борьбу с этого рода преступлениями. Следователи не всегда оказывались способными разоблачить ухищренные методы маскировки «абортных дел мастеров».

Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что свыше 14% всех дел о тайном прерывании беременности, находящихся в производстве следственных органов, оказались не раскрытыми и были прекращены в процессе расследования за «необнаружением виновных».

Но и доведенные до конца дела в целом ряде случаев расследовались неудовлетворительно.

Все это требует того, чтобы серьезно заняться разработкой методики расследования преступных абортов.

По своему характеру все совершаемые в настоящий момент преступные аборты могут быть разбиты на следующие группы:

1. Производство незаконных абортов или производство таких действий, после которых наступает болезненное явление, неизбежно обусловливающее производство аборта (незаконченный аборт).

2. Совершение абортов в больничных условиях под видом оказания неотложной помощи или путем составления подложного диагноза.

3. Инструктирование, как прервать беременность.

4. Самоаборт.

В самостоятельную группу должно быть выделено преступление, заключающееся в понуждении к аборту, которое может и должно выявляться при расследовании каждого из указанных выше категорий дел.

Методика расследования каждой из этих категорий преступлений имеет много общего, но наряду с этим есть ряд особых методических и технических приемов расследования, которые могут применяться только при расследовании одной из этих групп преступлений.

Говоря об основных принципах расследования преступных абортов, необходимо иметь в виду следующее:

Успешное расследование дел этой категории, прежде всего, зависит от того, в какой степени точно следователю удастся установить время производства аборта и способы, которыми он был произведен.

Зная точно время производства аборта, следователю легче найти лиц, которые могут указать на виновников аборта. Зная способы производства аборта, предметы и средства, при помощи которых он произведен, следователь со значительно большим успехом будет действовать, отыскивая следы преступления, вещественные доказательства.

Одним из серьезнейших вопросов, которые приходится решать по большинству дел этого рода, является вопрос о том, имел ли место в данном случае аборт, или самоаборт; этот вопрос также может быть разрешен правильно только в том случае, если следователю будут точно известны время и способы производства аборта.

Решение этих основных вопросов происходит, как правило, при помощи судебно-медицинской экспертизы. Однако успех этой экспертизы, ее качество и эффективность в значительной степени зависят от того, в какой мере сам следователь вооружен необходимыми знаниями, позволяющими ему правильно ставить вопросы перед экспертом, контролировать полноту экспертизы, правильность и объективность ее.

Следователь должен знать, что преступное прерывание беременности может производиться двумя способами:

1) приемом различного рода внутренних средств;

2) механическим путем.

Совершение аборта механическим путем в большинстве случаев производится вставлением через маточный зев в полость матки «бужа», т. е. какого-нибудь тонкого твердого предмета.

Оставление на некоторое время такого рода предмета в матке приводит через несколько часов к схваткам, т. е. к стремлению матки освободиться от инородного предмета. Во время такого рода схваток плод обычно выделяется из полости матки.

Установив, что аборт произведен посредством «бужа», следователь должен принять меры к тому, чтобы найти предмет, служащий «бужом», и это будет одним из важнейших доказательств по делу о преступном аборте.

По характеру «бужа» зачастую можно определить, в какой степени лицо, производившее аборт, связано с медицинским миром или имеет медицинскую квалификацию.

Лица, не имеющие медицинской квалификации, в качестве «бужей» применяют палочки, проволоки, гвозди, стебли растений, гусиные перья, семена растений, укладываемых в специальный мешочек, и пр.

Лица, имеющие некоторые медицинские познания, как правило, применяют металлические «бужи», специально для этих целей приспособленные.

Следователю и врачу не всегда удается добиться признания лица, которому был сделан аборт, каким средством и каким способом он был совершен.

Следователь должен потребовать, чтобы путем изучения симптомов болезни, различного рода признаков заболевания был установлен способ производства аборта.

Приступая к допросу потерпевшей, следователь должен знать историю ее болезни, иметь представление о том, каким способом, при помощи каких средств был произведен аборт.

Наиболее трудно расследуемыми делами о преступных абортах являются такого рода дела, когда потерпевшая заявляет, что она аборт произвела сама, т. е. сделала самоаборт, когда она категорически отказывается указать на лицо, фактически производившее аборт.

При расследовании такого рода дел решающую роль играет то, в какой степени следователь может разобраться в том, могла ли потерпевшая совершить себе аборт тем способом, на который она ссылается, и соответствует ли этот способ тому характеру заболеваний, который имел место в данном случае.

Очень часто приходится встречаться с заявлением женщин о том, что искусственное прерывание беременности было достигнуто ими путем введения в полость матки «бужа», причем они заявляют, что «буж» вводился ими собственноручно.

Опытный следователь, элементарно знакомый с анатомией, с ходом процесса беременности, легко может разоблачить такого рода заявления, в большинстве случаев являющиеся ложными.

Лишь в исключительно редких случаях женщина собственноручно может ввести себе «буж». Это может иметь место только в том случае, когда женщина имеет в этом известный опыт и если она при этом неоднократно рожала.

Сопоставляя показания потерпевшей с фактической возможностью произвести данным способом аборт, умело допрашивая ее, следователь может добиться признания и указания лиц, действительно произведших аборт.

Так, например, по одному из дел, расследуемых в г. Москве, выслушав объяснение женщины, произведшей аборт, о том, что он был произведен ею собственноручно путем введения «бужа», следователь, убедительно доказав ей о невозможности таким способом (на какой она указывала) произвести эту операцию, добился признания и выявил лицо, которое производило аборт.

В другом случае следователь добился признания, доказав допрашиваемой, что описываемый ею способ аборта не соответствует тем признакам заболевания, которым она подверглась в результате его производства.

Гр-ка К. поступила в больницу г. Ленинграда с явными признаками отравления. По заключению врачей обильные кровотечения, имевшие место у гр-ки К., явились следствием выкидыша, вызванного принятием отравляющего вещества.

К. заверяла, что она сама произвела себе аборт путем введения «бужа». Сопоставив признаки заболевания с описанием аборта, даваемым К., следователь сумел ей доказать полную абсурдность ее версий, и она изменила свое показание, признав, что по указанию фельдшера больницы М. она приняла марганцевокислый калий.

Имея в виду, что следователь не всегда и в достаточной степени обладает необходимыми знаниями, для того чтобы судить о том, насколько правильны показания потерпевшей в части описания способов и средств производства аборта, насколько они соответствуют фактической картине болезненных явлений, наступающих в результате аборта, целесообразно, чтобы следователь всегда привлекал к участию в допросах эксперта-врача.

Нужно отказаться от вредной, ничем неоправдываемой практики, которая существует в настоящий момент в части пользования экспертизой в процессе расследования. Эта вредная практика заключается в том, что эксперт используется только для получения заключения, причем эксперт работает сам по себе, следователь сам по себе. Как этого требует наш закон [1], направленный на улучшение качества расследования, и как это вызывается практической необходимостью, — прибегать к экспертизе во всех стадиях расследования и именно тогда, когда для лучшего проведения того или иного следственного действия необходимы знания, которыми не обладает следователь.

В частности, необходимо широко прибегать к помощи эксперта при допросах по таким вопросам, которые требуют специальных знаний. Это чрезвычайно полезно при допросах лиц, искусственно прервавших беременность.

Участие в допросах специалиста может дать совершенно иное направление расследованию и поможет следователю вскрыть противоречия, неправильности в показаниях, добиться правильных ответов, способствующих раскрытию истины.

Следователь всегда должен стремиться к тому, чтобы по возможности точно выяснить средство, которым воспользовались для того, чтобы прервать беременность, и повреждения, которые явились следствием применения механических средств.

К механическим же средствам аборта нужно отнести различного рода ванны, выдавливание плода и пр.

Последний, казалось бы, совершенно дикий способ аборта находит себе применение до сих пор.

Из 12 дел, прошедших через Чечено-Ингушскую прокуратуру, по двум делам аборт был произведен путем выдавливания плода.

Из 43 дел Саратовской области по двум аборт также был произведен путем выдавливания плода.

При расследовании дел о преступных абортах должен тщательно производиться судебно-медицинский осмотр лица, искусственно прервавшего беременность, с тем, чтобы обнаружить следы повреждений, вызванных производством аборта.

Нужно отметить, что очень часто женщины, искусственно прервавшие беременность, ссылаются на то, что причиной этого явилась случайно полученная ими травма.

Такого рода заявления очень редко соответствуют действительности и должны быть проверены следователем.

Матка обычно прекрасно противостоит даже сильному внешнему воздействию. Практика знает много случаев, когда очень сильные ушибы и даже ранения, проникающие в матку, не вызывали выкидыша. Поэтому при судебно-медицинском осмотре лица, прервавшего беременность, нужно обращать внимание на характер повреждений и ставить вопрос перед специалистами о том, могло ли данное повреждение повлечь за собой прерывание беременности. Следователи зачастую поступают иначе, да и врачи нередко допускают ошибки в этом вопросе. Найдя внешние при-

[1] Ст. 63 УПК РСФСР.

наки повреждения и имея заявление осматриваемой о том, что аборт явился следствием полученной ею травмы, они зачастую безоговорочно верят ей, а признаки повреждения выдают за бесспорное доказательство того, что аборт явился именно следствием травматического повреждения. Между тем на практике встречаются и такие случаи, когда, для того чтобы замаскировать действительные причины аборта, наносятся травматические повреждения, оставляющие следы на теле женщины, прервавшей беременность.

Так, например, при расследовании дела гр-ки Н., проживающей в г. Балашове Саратовской области, удалось установить, что аборт произведен ей знахаркой Ивлевой, причем аборт произведен путем введения «бужа». Чтобы скрыть следы преступления и направить следствие по ложному пути, потерпевшей путем ударов деревянной ложкой по телу был нанесен ряд повреждений, которые оставили следы в виде синяков. Обратившись в больницу, гр-ка Н. заявила, что аборт явился следствием того, что она упала, и в качестве доказательства указала на имевшиеся на ее теле синяки.

Следователь должен требовать, чтобы судебно-медицинский осмотр потерпевшей от аборта не прекращался после того, как будет обнаружен один из признаков, объясняющий причины аборта, как бы ни казалось на первый взгляд очевидным, что именно этот признак дает исчерпывающее объяснение о действительных причинах аборта. Осмотр должен быть полным, несмотря на кажущуюся очевидность причин аборта. Нередко ошибки проистекают именно из того, что благодаря неполному осмотру, недостаточно тщательному исследованию причин аборта первая попавшаяся, наиболее бросающаяся в глаза причина выдается за действительную причину аборта.

Нередки такие случаи, когда после первой неудавшейся попытки аборта лицо, решившее прервать беременность, применяет другие новые средства. Для того чтобы успешно расследовать преступление, необходимо вскрыть все последствия и следы тех действий, которые проводились в целях прервать беременность.

Наряду с механическими средствами, как мы уже указывали выше, для производства аборта применяются так называемые внутренние средства.

В качестве внутренних средств, принимаемых для того чтобы прервать беременность, употребляются различного рода вещества, вызывающие отравление организма женщины, а вместе с тем и отравление плода, который затем как инородное тело выделяется из полости матки.

Существует ошибочное мнение о том, что есть какие-то специальные «абортивные средства». На самом деле таких средств нет. Любое вещество, способное отравить организм, а через него и плод, может быть использовано как средство для искусственного прерывания беременности. Нужно иметь в виду, что применение любого «внутреннего» абортного средства неизбежно сопровождается отравлением организма и поэтому при расследовании дел, по которым имеется подозрение об употребления этих средств, для следователя чрезвычайно важно установить и записать со слов свидетелей и потерпевшей картину болезненных явлений, предшествовавшую наступлению аборта и сопровождавшую его. Это может привести к установлению характера принятого вещества и к раскрытию истины.

Установив, какое «средство» принималось для того, чтобы прервать беременность, следователь должен стремиться найти это «средство» у заподозренных в преступлении, найти посуду, в которой оно могло храниться, и проч.

Практика знает много случаев, когда именно таким образом раскрывались преступления.

При расследовании дела о производстве аборта гр-ке З. следователь г. Витебска установил, что аборт произведен был посредством приема внутрь шпанских мушек.

Выявив через свидетелей, что гр-ка З. ходила в день производства аборта к гр-ке М., следователь, собрав о ней необходимые данные, заподозрил ее в том, что она занимается производством абортов, сделал у М. обыск и обнаружил значительное количество шпанских мушек. Подозреваемая созналась в том, что производила аборты.

За последнее время, как об этом свидетельствует практика расследования дел о преступных абортах, наиболее частыми являются такого рода случаи, когда лицо, занимавшееся производством абортов, не доводит дело до конца, а только принимает те меры, которые обусловливают производство аборта, т. е. производит так называемый **незаконченный аборт**.

Расследование этого рода преступлений осложняется тем, что в данном случае чрезвычайно трудно отличить случайную причину, могущую вызвать прерванье беременности, от умышленно проведенных в этих целях действий.

Женщина с обильными кровотечениями является в больницу и заявляет, что нуждается в неотложной помощи, так как она начала делать себе аборт, но, не зная как это сделать, не сумела его довести до конца, или больная заявляет, что заболевания начались помимо ее воли от травмы, и пр. Аборт заканчивается в больнице, виновники его зачастую остаются нераскрытыми.

Когда для врача совершенно ясно, что в данном случае имел место криминальный случай, он обычно сообщает об этом в прокуратуру. Однако расследование такого рода дел, как правило, заканчивается их прекращением. Одной из основных причин этого является то, что следователь не обеспечивает получение точного и тщательно выверенного анализа заболевания, не устанавливает действительных причин начала аборта. Это обстоятельство может быть установлено как путем судебно-медицинской экспертизы, так и путем допроса лиц, наблюдавших за потерпевшей, лиц с нею связанных. Допрос самой потерпевшей, производимый в соответствии с указанными выше принципами, здесь также имеет решающее значение.

Как мы уже указывали выше, за последнее время появился новый вид преступных абортов, совершаемых в больничных условиях под видом оказания помощи, или путем составления подложного диагноза.

Так, в одной из больниц систематически производились аборты лицам, которые по закону на это не имели права, причем делалось это путем выдачи им фиктивных справок о результатах анализа.

Основным организатором этого преступления являлась больничная сестра, на обязанности которой лежало получать от лиц, подвергающихся исследованию, необходимые для анализа вещества.

Зная лиц, которые действительно страдали болезнями, при наличии которых аборт является обязательным, эта сестра договорилась с ними о том, что они будут давать ей все необходимое для анализа вместо тех лиц, которые исследуются. За это она делила с ними плату, которую получала за добытый таким образом анализ.

В иных случаях имели место такие факты, когда врачи за взятки выдавали неверные справки о состоянии здоровья лица, просящего разрешить аборт.

В тех случаях, когда у следователя возникает мысль, что аборт произведен незаконно, что заключение о состоянии здоровья лица, которому был разрешен аборт, является неверным, он должен назначить экспертизу, которая должна установить фактическое состояние здоровья этого лица, и, в частности, провести повторные, если это необходимо, анализы.

Точно так же новым видом преступного совершения аборта является так называемое «инструктирование», как производить аборт.

Не решаясь производить аборт, боясь быть разоблаченным, преступник берет на себя лишь функции инструктора тех, кто решил прервать беременность, т. е. дает «советы». Сложность расследования этого преступления заключается в том, что оно не оставляет материальных следов, изобличающих такого рода «инструктора».

Однако наряду с применением обычных приемов расследования опытный инициативный следователь и при расследовании такого рода дел может, исходя из конкретных обстоятельств каждого такого дела, найти ряд способов для его раскрытия.

Так, например, один из следователей Саратовской области применил следующий способ, приведший к раскрытию такого «инструктора» по абортам.

В одну из больниц г. Саратова почти одновременно поступило шесть женщин с обильным кровотечением, вызванным введением металлического «бужа».

Все эти больные категорически отрицали факт производства им аборта посторонним лицом и утверждали, что аборт произведен ими собственноручно. Способ, которым ими вводился «буж», был совершенно одинаков, у трех из них «буж» был обнаружен на квартире. «Бужи» оказались не только одинаковыми, но и были купленными в одном и том же магазине, торгующем медицинскими инструментами. Это убедило следователя в том, что источник всех этих абортов один и тот же; вместе с тем следователь пришел к твердому убеждению, что аборт произведен потерпевшими собственноручно. Это позволило сделать следователю вывод о том, что все шесть женщин, прервавших аборт, были проинструктированы одним и тем же лицом, указавшим им, где приобрести предмет, могущий служить «бужом».

Установив адреса всех их, а также выявив всех их знакомых, следователь попытался установить те нити, которые связывают этих женщин, из которых только две были знакомы между собой. Найдя, наконец, общих знакомых всех этих женщин и установив таким образом цепочку, через которую они связывались друг с другом, следователь установил тех лиц, которые, по его мнению, могли рекомендовать «инструктора» по абортам. Путем допроса этих лиц следователь установил, что двое из них знакомы с врачом-гинекологом З.

Дальнейшим расследованием следователь установил, что именно З. являлся лицом, инструктировавшим их, как производить аборты.

Производство аборта сейчас дорого оплачивается. Это обстоятельство не может быть упущено следователем. Проследив движение сумм, находящихся в распоряжении лица, заподозренного в искусственном прерывании беременности, следователь нередко может этим путем раскрыть преступление.

Так, например, расследуя дело о преступном аборте, совершенном гр-кой Ф., следователь узнал, что на сберкнижке у последней хранилось 1200 руб. Он проверил, не получала ли она в день производства аборта денег из сберкассы. Проверив это обстоятельство, следователь выяснил, что как раз в день аборта гр-ка Ф. получила из сберкассы 1000 руб. Когда при допросе гр-ки Ф. следователь поставил перед ней вопрос о том, куда она израсходовала 1000 руб. и почему именно в день аборта эти деньги ею были получены, Ф. будучи не в состоянии объяснить, куда израсходованы деньги и почему это было сделано именно в день аборта, призналась, что она уплатила 1000 руб. за аборт врачу Н.

Анализ движения сумм у лиц, заподозренных в понуждении к аборту, также может помочь следователю уличить их в этом преступлении.

Узнав, что лицо, заподозренное в понуждении женщины к аборту, несколько дней перед абортом или в день аборта получило и передало значительную сумму денег, следователь может использовать это как одну из улик для разоблачения соучастия в организации абортов.

Сейчас совершенно очевидно, что серьезная ошибка, допускаемая при расследовании дел о незаконном производстве абортов, заключается в том, что при обысках ищут только предметы и средства, посредством которых производились аборты, но не ищут следов этих абортов.

При известных условиях аборт сопровождается обильным кровотечением и, найдя следы крови в помещении, где производился аборт, следователь может раскрыть преступление. Это значит, что нужно не только про-

изводить обыск, но и производить тщательный осмотр места предполагаемого аборта.

Наиболее серьезным вопросом, который приходится решать следователю при расследовании дел о незаконных абортах, является вопрос о том, не имело ли место в данном случае самопроизвольное прерывание беременности, т. е. прерывание беременности, происшедшее помимо воли беременной.

Очень часто лица, заподозренные в производстве аборта, ссылаются на то, что прерывание беременности у них произошло самопроизвольно. Решать вопрос о том, прервана ли беременность искусственно или прерывание беременности произошло самопроизвольно, следователь должен через судебно-медицинских экспертов.

Однако следователь должен знать, что хотя самопроизвольное прерывание беременности и имеет место, но вызывается оно определенными заболеваниями (уродство матки, различного рода опухоли, инфекционные заболевания, люэс и пр.). Следователь должен потребовать, чтобы точно были установлены те заболевания, которые привели к самопроизвольному аборту.

Согласно закону от 27 июня 1936 г. понуждение женщин к производству аборта является уголовно-наказуемым деянием и влечет в качестве наказания тюремное заключение до 2 лет.

Наиболее слабым местом в расследовании дел о преступных абортах является именно то обстоятельство, что следователи не выявляют фактов понуждения к производству абортов, а между тем установление этого момента по каждому из расследуемых дел является обязательным.

Нельзя забывать, что в нашей стране женщина находится в таком положении, когда у нее нет тех стимулов к совершению аборта, которые имеются у женщин в капиталистической стране. У нас женщина в редких случаях идет на аборт по собственному желанию, зачастую к аборту ее вынуждают лица, желающие освободиться от связи с нею или от забот о будущем ребенке.

Следователь должен выявить действительные причины, толкнувшие женщину на аборт, и, если имело место понуждение к аборту, выявить виновных в этом лиц.

Установление этих обстоятельств требует большого такта и умения подойти к людям.

Искусство допроса по делам о незаконных абортах имеет особое значение, и здесь ко всем требованиям, обычно предъявляемым при проведении допроса, необходимо прибавить еще требование особой чуткости и тактичности. Умение понять настроение допрашиваемой, умение не только допрашивать ее, но и объяснять ей, почему она должна сказать правду, является составным элементом искусства допроса в данном случае.

Грубой ошибкой при расследовании дел данной категории, допускаемой следователями, является то, что они не видят разницы между женщиной, произведшей аборт, допрос которой они производят, и между обычным свидетелем или обвиняемым.

Производя аборт, женщина получает не только физическую, но, зачастую, и нравственную травму, и правильно разговаривать с ней — это значит подойти к истине, найти пути к раскрытию ее.

Таковы основные, далеко не исчерпывающие методические принципы, которые необходимо соблюдать при расследовании дел о преступных абортах.

Овладеть методикой и техникой расследования этих дел — это значит овладеть оружием в борьбе за проведение одного из величайших законов нашей эпохи.

М. АВДЕЕВА

Детоубийство

Под детоубийством в тесном смысле понимается убийство матерью своего новорожденного ребенка. Оно выделяется из ряда других видов лишения жизни в силу особенных качеств субъекта и объекта.

В качестве субъекта детоубийства большинство законодательств знает только мать ребенка. Объектом детоубийства признается живой новорожденный ребенок, а некоторые законодательства требуют при этом, чтобы ребенок был внебрачным (бельгийский уголовный кодекс, германское уголовное уложение).

I. Детоубийство в капиталистических странах является результатом тяжелого материального положения женщины в классовом обществе, ее бесправности, результатом отношения этого общества к внебрачной беременности.

Детоубийство в СССР — исторически унаследованный пережиток капитализма, который изживается, но изживается не сразу, поскольку переделка сознания отстает от гигантских темпов перестройки экономики.

«Первое классовое противоречие, появляющееся в истории, совпадает с развитием антагонизма мужа и жены в индивидуальном браке, а первое классовое угнетение — с порабощением женского пола мужским», — говорит Энгельс[1]. Эти слова одного из основоположников марксизма являются путеводной нитью при анализе положения женщины в капиталистическом обществе.

В историю женщина вошла рабой мужчины. Сквозь всю историю культуры классового общества красной нитью проходит отношение к женщине как к существу низшего порядка, неспособному на равное с мужчиной интеллектуальное развитие.

---

[1] Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1932, стр. 65.

Это положение «научно» обосновалось, и умственное развитие женщины искусственно задерживалось. Бесправное, униженное положение женщины в капиталистическом обществе отягчено в эксплоатируемом классе тем, что она при растущей безработице является мужчине конкурентом, понижающим зарплату.

В обществе эксплоататоров даже в господствующих классах положение женщины тоже бесправное и униженное и если, с одной стороны, она все же располагает большими материальными возможностями, то с другой, — она унижена под видимостью фальшивого «уважения». «Современная индивидуальная семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины»... «Муж в настоящее время должен быть в большинстве случаев добытчиком, кормильцем семьи, по крайней мере, у имущих классов, и это дает ему господствующее положение, для которого излишни какие-либо юридические привилегии. Он в семье занимает место буржуа, а жена представляет пролетариат». Так рисует Энгельс положение женщин в капиталистическом обществе [1].

Перед женщиной в капиталистическом обществе все больше суживаются возможности получения образования и участия в общественном производственном труде. Все силы женщины эксплоатируемых классов уходят на борьбу за возможность заработать кусок хлеба, и ей часто не до ребенка. Силы женщины класса эксплоататоров уходят преимущественно в сторону сексуальную. Чтобы выполнить предназначенную ей роль «орудия наслаждения», она вынуждена специфически заботиться о своем теле, и ей тоже не до ребенка. Отсюда система одного-двух детей в «законных» семьях, предупредительные меры, аборты, уменьшение рождаемости. При рождении «внебрачного» ребенка женщины и эксплоатируемого класса и класса эксплоататоров имеют в своей судьбе нечто общее: рождение внебрачного ребенка подвергает мать общественному осуждению, позорно изолирует ее от других женщин, грозит изгнанием из семьи, потерей работы.

Женщины скованы по рукам и ногам насквозь фальшивым и безгранично жестоким отношением буржуазного общества к «внебрачному» ребенку, отсюда пресловутый мотив детоубийства — «сокрытие позора».

Для женщины эксплоатируемого класса вопрос с «позором» стоит менее остро, но перед ней встает другой мотив — нужда, так как наличие «внебрачного» ребенка именно ей ставит лишнюю преграду к возможности получить работу.

Выход: или подпольный аборт с непременной расплатой здоровьем, а иногда и жизнью, или детоубийство.

Женщина класса эксплоататоров гораздо реже прибегает к детоубийству: ей доступен аборт в гигиенических условиях, к ее услугам «убежища для секретных беременных», где, кстати, принимают новорожденных «на воспитание». Эти убежища, иначе «фабрики ангелов», являются по существу местом массовых детоубийств: так высока в них детская смертность. Но дела там обделываются тонко и до суда доходят редко (несколько сенсационных процессов по таким делам все же было и в Западной Европе и в дореволюционной России).

Мать, оставляющая ребенка в «секретном убежище», конечно, сознает легкость превращения ребенка в «ангела», т. е., по существу говоря, является соучастницей замаскированного детоубийства, но она в лучшем положении, чем явная детоубийца, и попадает под суд лишь в исключительных случаях.

В любой стране детоубийца в подавляющем большинстве случаев — это молодая женщина «вне брака», в тяжелом материальном положении, крестьянка или прислуга. В 95 случаях из 100 ребенок убивается «по нужде» и «из стыда». Однообразны и «способы» детоубийства: если этот способ **«бездействие»** — это значит отсутствие необходимых забот и ухода (неперевязанная пуповина, оставление без пищи, холодная температура и т. п.); если же это — «действие», то, главным образом, удушение, как наиболее удобоисполнимое и оставляющее мало внешних следов насилия, затем утопление, отравление и т. д. Иногда встречаются исключительно жестокие способы, например, закапывание живым в землю. Как правило, детоубийство совершается: матерью без соучастников, а другими лицами — в соучастии. Рецидив среди детоубийц ничтожен. Статистика обнаружения детских трупиков свидетельствует о том, что детоубийств фактически много больше, чем об этом можно судить по статистике осужденных за детоубийства. Дошедшие до суда детоубийства чрезвычайно устойчивы и имеют тенденцию к росту.

Манфред Шварц в своей работе «Wechselnde Beurteilung von Strafraten in Kultur und Recht» («Различные суждения о преступлениях в культуре и праве»), Kindestötung, изд. 1935 г. видит возможность сокращения числа детоубийств только в противозачаточных средствах и абортах.

Приводимые ниже официальные статистические данные не единообразны ни по форме, ни по содержанию, благодаря различию законодательств и методов собирания и обработки статистических материалов в разных странах. Нельзя поэтому говорить о методологически правильном сравнении движения детоубийств в разных странах; можно только выявить основные закономерности этого движения и его общую тенденцию. Эта тенденция и в настоящее время та же самая, о которой давно говорил проф. Таганцев [1] (См. табл. на след. странице).

Литература по вопросу о детоубийстве содержит богатый материал для глубокого изучения, но все выводы исследователей о «причинах» детоубийств скользят вокруг и около, не задевая самой **сути** дела. Отсюда и предлагаемые меры борьбы не больше как «паллиативы». Суть же дела в самой структуре классового общества, в раздирающих его противоречиях, в бесправном положении женщины при капиталистическом строе.

II. Как же капиталистическое общество борется с детоубийством? Детоубийство долгое

[1] Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1932 г., стр. 73—74.

[1] Таганцев. О детоубийстве, стр. 15.

Возрастание числа детоубийств

Германия	1919 г.	1925 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Число осужденных	100,0	174,5	117,3	102,0	107,1	108,2
Италия				1932 г.	1933 г.	1934 г.
Донесения о детоубийствах				100,0	107,3	103,0
Польша			1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Число дел о детоубийствах			100,0	99,4	115,3	107,8
Япония		1925 г.	1926 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Число осужденных в судах 1 инстанции		100,0	117,1	94,6	78,4	120,7
Англия		1924 г.	1925 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Число дел в производстве милиции		100,0	178,6	114,3	178,6	164,3
Число обвиняемых в судах присяжных, четвертных сессиях и судах упрощенного судопроизводства (по делам, требующим обвинительного акта)		100,0	218,2	136,4	181,8	145,5
Число осужденных судом присяжных и четвертными сессиями		100,0	200,0	111,1	133,3	133,3
Венгрия			1930 г.	1931 г.	1932г.	1933 г.
Число осужденных окружными судами			100,0	110,0	85,0	116,7
Финляндия		1928 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Число осужденных за детоубийство		100,0	130,4	107,1	96,4	139,3
Швеция		1926 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Число осужденных		100,0	152,6	178,9	178,9	189,5

время не вызывало ни нравственного, ни юридического осуждения. У многих древних народов детоубийство было обычно. Оно было естественным проявлением неограниченной родительской власти и совершалось, прежде всего, в силу экономических соображений: убивали детей уродливых и слабых, убивали детей женского пола. Некоторые кочевые племена убивали детей, родившихся в пути, чтобы не отягчать условий походной жизни. Египтяне убивали лишних детей; убивали близнецов, усматривая в рождении их неверность жены. В Померании до введения христианства отец обязан был убить лишнюю дочь, чтобы расходы на ее содержание не уменьшали наследства сыновей. В древнем Риме закон разрешал главе семьи продать ребенка, сделать своим невольником или умертвить. На место главы семьи становилась иногда сама государственная власть. В древней Спарте новорожденные подвергались осмотру выделенных лиц, и слабые дети сбрасывались с Фивейской скалы в море. У древних греков при Ликурге вопрос о жизни и смерти новорожденного решали старейшие члены трибы. Величайшие философские умы древней Греции Аристотель и Платон не только не считали детоубийство преступным, но в некоторых случаях считали его необходимым. Платон в своем идеальном государстве допускал убийство детей, зачатых вне закона или женщиной старше 40 лет. Аристотель считал необходимым убийство слабых и уродливых детей в целях сохранения равновесия между населением страны и количеством средств в ней для пропитания. Допускали детоубийство Цицерон, Сенека, Тацит, Плутарх и другие. Позже государство принимает меры к ограничению права родителя над жизнью ребенка. В Риме Ромул издал закон, вошедший потом в XII таблиц и разрешавший убийство ребенка только до 3 лет, причем 5 соседей должны были удостоверить, что ребенок слаб или уродлив. Недозволенное детоубийство каралось как простое до Константина Великого, который в 319 г. отнес убийство родителями их детей к квалифицированному убийству, караемому квалифицированной смертной казнью по Lex Pompeia de parricidiis посредством утопления в мешке вместе с петухом, кошкой, змеей и обезьяной. В 374 г. Валентиниан, Валент и Грациан подтвердили применение этого наказания к родителям за убийство их детей, придав запрету детоубийства характер безусловного.

В дальнейшем законодательные постановления о детоубийстве определяются отношением к нему церкви. По мере проникновения христианства в древне-римскую культуру в ребенке начинали видеть человека, обладающего душой. Убийство некрещенного ребенка лишало его не только жизни, но и «благодати крещения», т. е. навсегда отлучало его от общения с богом. Кроме того каноническое право выделяет умерщвление незаконнорожденного новорожденного ребенка его матерью как квалифицированное лишение жизни.

Взгляды канонического права быстро усвоились и светским законодательством. Христианские кодексы эпохи господства церкви (средние века и вплоть до конца XVIII века) относят детоубийство к самым тяжким преступлениям.

Так, в **Германии** бамбергское уголовное уложение 1507 г. допускало пытку при допросах по делам о детоубийстве. Оно назначает за детоубийство смертную казнь, допуская лишь замену более тяжкого способа казни менее тяжким. Обычаем было принято погребение детоубийц живыми и пробитие колом. Бамбергское же уложение, принимая во внимание «отчаяние, в которое повергает это наказание осужденных», допускает замену этого способа утоплением, если в месте суда имелось достаточное количество воды и если детоубийства не часты. В местах, где детоубийства совершались часто, в случае применения утопления ему должно было предшествовать предварительное рванье тела раскаленными щипцами, «чтобы внушить более страху этим злодейкам».

Постановления бамбергского уложения почти целиком заимствованы уголовным уложением Карла V 1532 г. (Carolina).

Во **Франции** эдикт Генриха II 1556 г., просуществовавший до издания уголовного кодекса 1791 г., имел в виду главным образом убийство **внебрачных** детей. «Всякая женщина,— гласит эдикт, — которая будет достаточно уличена в том, что скрыла как свою беременность, так и роды, не заявив ни о том, ни о другом, не запасшись достаточными свидетелями о том и другом, ни относительно смерти, ни относительно жизни ее ребенка в момент его выхода из ее живота, должна считаться его убийцей, если будет найдено, что ребенок был лишен как таинства крещения, так и публичного погребения» (Traité de la Justice criminelle de France par Jousse Ivt., 15 руб.).

Наказанием была смертная казнь способом, «который находился бы в соответствии с особенностями и тяжестью данного случая». Королевский указ 1708 г. предписывал священникам оглашать означенный эдикт в храмах раз в три месяца.

В древней **России** детоубийство считалось дозволенным. Карамзин в «Истории государства российского» [1] говорит, что «всякая мать имела у них (языческих славян) право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству».

Также и в России взгляды канонического права повлияли на светское законодательство. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. резко различает детоубийство, совершенное «законными» родителями и «внебрачной» матерью. Статья 3 главы XXII означенного уложения гласит: «А буде отец или мать сына или дочь убиет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходить им в церкви божии обоявлять свой грех людям вслух; а смертью отца и матери за сына и за дочь не казнить». Статья же 26 главы XXII того же уложения гласит следующее: «А буде которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама или иной кто по ее велению погубит, а сыщеца про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто по ее велению детей ее погубит, казнить смертию безо всякие пощады, чтоб на то смотря иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися». Способа смертной казни уложение не определяет.

Строгое отношение к детоубийству начинает подвергаться сильной критике в период буржуазных революций. Мыслители XVIII века в противовес соображениям о том, что детоубийца нарушила законы нравственности и лишила ребенка «благодати крещения», выдвинули на первый план мотивы детоубийства: детоубийца, — говорили они, — в большинстве жертва соблазна, а иногда и грубого насилия, стремящаяся своим преступлением избежать грозящего позора. Смертная казнь поэтому является жестокой несправедливостью. Надо прежде уничтожить причины детоубийства, а затем уже карать детоубийц. Достижения медицины XVIII—XIX вв. выдвигают еще одно новое обстоятельство в пользу снисходительного отношения к детоубийству: роды могут произвести в нервной системе роженицы потрясение, настолько сильное, что она может лишиться способности отдавать себе отчет в своих действиях, особенно если это первые роды и при неблагоприятных условиях. Против применения смертной казни к детоубийцам протестовали Беккария, Бентам, Бриссо-де Варвиль и другие.

Эти взгляды сказались на законодательствах: детоубийство начинает рассматриваться уже не как квалифицированный, а, наоборот, как привилегированный вид убийства. Но общественное мнение опережает законодательство, и в значительном большинстве случаев суд начинает оправдывать детоубийц, чтобы не посылать их на эшафот. Законодательства вначале смягчают лишь способы смертной казни. **Баварский** кодекс 1756 г. за убийство матерью новорожденного ребенка из страха или стыда назначает смертную казнь отсечением головы с предварительным рваньем тела раскаленными щипцами. По **Терезиане** 1768 г. убийство матерью внебрачного ребенка при его рождении влекло за собой наказания менее мучительные, чем за убийство родителями их законных детей. Если детоубийство совершалось «действием» (Thathandlung), мать наказывалась отсечением головы, а в сердце трупа вбивался кол. Если же это было упущение (blosse Unterlassung), то применялось только отсечение головы. Смертная казнь отягчалась, если убитый ребенок был не крещен или был убит с особой жестокостью или если осужденная и раньше совершала детоубийства. **Швеция** в 1778 г. первая отменила смертную казнь за детоубийство при решительном противодействии духовенства. В дальнейшем законодательства буржуазных стран по тем или иным основаниям квалифицируют детоубийство как преступление привилегированное.

В **Англии** статут Якова I приравнивал к убийству сокрытие матерью трупа незаконнорожденного ребенка. Проект английского уложения 1880 г. отнес детоубийство к привилегированным видам убийства, выдвигая как основание для уменьшения ответственности «частичную утрату свободы воли под влиянием физических и психических мук». Проект не получил силы закона.

Германские партикулярные кодексы XIX века признавали детоубийство привилегированным убийством, но одни из них (баденский, вюртембергский, гессенский, ольденбургский, прусский, саксонский, тюренгинский) допускают

[1] Том I, 1818 г., стр. 62.

смягчение ответственности лишь в случае убийства матерью **незаконнорожденного** ребенка, придавая главное значение мотивам стыда и страха, а другие (баварский, брауншвейгский) понижают ответственность за всякое детоубийство матерью **тотчас после родов.**

В **Италии** сардинское уложение назначало за детоубийство смертную казнь, но допускало смягчение наказания при убийстве матерью ее **внебрачного** ребенка. Закон 1861 г. внес в уложение два изменения: 1) смягчение наказания допускалось лишь при наличии мотива спасения чести при внебрачных родах и 2) это смягчение допускалось не только по отношению к матери, а и к другому лицу. Тосканский кодекс также предусматривал смягчение наказания при убийстве матерью ее внебрачного ребенка.

Французский кодекс 1791 г. отменил эдикт 1556 г., отнеся детоубийство к обычному убийству. Code pénal 1810 г. ввел специальную статью о детоубийстве, назначив за него смертную казнь, но, так как суд присяжных упорно предпочитал оправдывать обвиняемых, в 1824 г. был издан закон, дающий суду возможность заменять смертную казнь бессрочными каторжными работами, если субъектом преступления оказывалась заслуживающая снисхождения мать. Закон 1931 г. отнес детоубийство к числу привилегированных убийств.

В **России** Соборное уложение царя Алексея Михайловича действовало почти 200 лет. Уложение о наказаниях 1845 г. впервые отнесло к привилегированным видам убийства убийство матерью незаконнорожденного ребенка. Составители уложения «признали необходимым смягчить наказание в том случае, когда женщина убивает своего новорожденного ребенка при самом его рождении от страха или стыда. Положение виновной в том женщины есть необыкновенное, и часто она, терзаемая стыдом, страхом, угрызениями совести и, изнуренная телесными страданиями, почти лишается рассудка, следственно, покушается на ужасное преступление без ясного о нем пред собой сознания» (из проекта уложения). Сравнительно с наказанием за убийство законного ребенка наказание за детоубийство понижалось на 3 степени: виновная в предумышленном детоубийстве приговаривалась к каторжным работам на 12—15 лет (п. 2 ст. 1451), а в остальных случаях — к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к заключению в тюрьме от 5 до 6 лет или от 4 до 5 лет. Условием смягчения наказания было несовершение детоубийства в прошлом. Уголовное уложение 1903 г. предусматривает детоубийство в ст. 461, согласно которой «мать, виновная в убийстве прижитого ею вне брака ребенка при его рождении, наказывается заключением в исправительном доме от 1 г. 6 мес. до 6 лет».

Резюмируя изложенное, надо отметить, что и в Западной Европе и в дореволюционной России детоубийство прошло через одни и те же этапы: непреследование его законом, признание его квалифицированным преступлением или приравнение его к обыкновенному убийству и, наконец, признание его привилегированным преступлением по тем или другим основаниям. Безусловной смертной казни за детоубийство не знает ни одно современное законодательство, и еще со второй половины XIX века смертная казнь как наказание за детоубийство утратила свое практическое значение. Переход детоубийства из квалифицированного в привилегированное преступление сопровождался усиленной борьбой между собой теоретиков-юристов и энергичными протестами духовенства против смягчения наказаний за детоубийство. Сторонники признания детоубийства квалифицированным преступлением выдвигали следующие основания: лишение ребенка крещения, нарушение матерью заповеди, запрещающей внебрачную половую связь, близость кровного родства между матерью и ребенком, необходимость усиленной уголовной защиты «слабого существа», неизбежную предумышленность преступления (лишь немногие считали возможным совершение детоубийства и по внезапному умыслу), наконец, «беспричинную злобу к невинной жертве», свидетельствующую о «большей развращенности убийцы».

Нельзя не отметить буржуазную лживость и формализм этих оснований: 1) «внебрачность» половой связи, отягчающая положение детоубийцы, ни в какой мере не отражалась на мужчине; 2) поистине издевательством выглядит пресловутая «усиленная уголовная защита» «слабого существа» в виде усиления наказания детоубийце при полном отсутствии реальной «защиты» этого «слабого существа», т. е. материальной помощи ему и его матери со стороны государства; 3) «беспричинная злоба к невинной жертве» может быть объяснена логически лишь невменяемостью, а не «большей развращенностью»; 4) «близость кровного родства» может быть и смягчающим обстоятельством в зависимости от конкретных обстоятельств дела; 5) «предумышленность» должна быть установлена в каждом конкретном случае и не может быть расцениваема как само собой разумеющееся квалифицирующее обстоятельство в каждом случае детоубийства.

Сторонники привилегированности детоубийства базируются на свойствах **субъекта** преступления. Одни из них как основание для этого выдвигают ненормальность всякой роженицы.

Другие (их большинство) придают решающее значение ненормальности **внебрачной** роженицы или мотиву «спасения чести», причем одна часть допускает этот мотив лишь при внебрачных родах, другие, — и при «законных». Отдельные криминалисты исключали из числа внебрачных матерей проституток, как «не могущих знать ни стыда, ни «чести».

III. Переходим к **действующему** законодательству о детоубийстве в капиталистических странах.

Действующий австрийский уголовный кодекс 1852 г. содержит следующий параграф о детоубийстве:

«§ 139. Мать, умертвившая своего ребенка при родах или умышленно лишившая его необходимой при родах помощи, подлежит, если таким образом убит законный ребенок, пожизненному тяжкому заключению; если же ребенок был внебрачный, то в случае его убийства виновная приговаривается к тяжкому заключению на срок от 10 до 20 лет; если же смерть ребенка наступила вследствие умышленного неоказания необходимой помощи, то виновная подлежит тяжкому заточению на срок от 5 до 10 лет».

В Англии действует закон о детоубийстве 1922 г. § 1 этого закона предусматривает следующее: если женщина посредством умышленного действия или по упущению причинит смерть своему новорожденному ребенку при обстоятельствах, которые при отсутствии этого закона должны были бы считаться предумышленным убийством, но в результате родов состояние ее рассудка нарушено, она должна быть признана виновной в детоубийстве и подлежит наказанию за неумышленное убийство (Manslaughter); если при таких обстоятельствах она была судима за умышленное убийство (Murder), присяжные заседатели могут вынести вердикт о детоубийстве. Если она была судима за умышленное убийство, закон не мешает присяжным вынести вердикт о неумышленном убийстве или признать ее виновной, но действовавшей в состоянии умоисступления, или виновной в сокрытии родов.

Если женщина старше 16 лет была судима за детоубийство, она может быть осуждена за преступление, предусмотренное законом о детях 1908 г. в § 12.

Женщина, судимая за детоубийство, может быть осуждена также по закону 1929 г. за уничтожение еще не рожденного, но уже жизнеспособного ребенка.

Приведем перечень максимальных наказаний за детоубийство при всех перечисленных выше квалификациях его по закону 1922 г.: за умышленное убийство (Murder) — смертная казнь; за неумышленное убийство (Manslaughter) — штраф и пожизненная каторга; за детоубийство (Infanticide) — пожизненная каторга; за сокрытие родов (Concealment of birth) тюремное заключение на 2 года; за детоубийство, квалифицированное по... штраф (до 100 ф. стерл.) и § 12 закона о детях 1908 г. (Children Act) тюремное заключение до 2 лет; за детоубийство, квалифицированное по закону 1929 г. (Child destruction), — пожизненная каторга.

Диапазон наказаний таким образом — от двухлетнего тюремного заключения до пожизненной каторги и смертной казни, и из наказаний за детоубийство как привилегированное преступление исключается только смертная казнь, так что в конечном счете репрессия очень тяжелая.

В отношении закона 1929 г. (Child destruction) необходимы некоторые пояснения. Помимо истребления плода (аборт) закон 1929 г. о мерах охраны жизни ребенка предусматривает еще умерщвление нерожденного ребенка (Child destruction), т. е. еще не вышедшего или не вполне вышедшего из чрева матери. Согласно этому закону лицо, виновное в том, что с намерением лишить жизни ребенка, который мог бы родиться живым, умышленным действием умертвит ребенка раньше, чем он начнет существование самостоятельно от матери, подлежит наказанию каторжными работами без срока. Умерщвление еще не рожденного, а только рождающегося ребенка не является по английскому праву ни умышленным убийством (Murder), ни привилегированным детоубийством, и это создавало мотив к лишению жизни ребенка во время его рождения.

Закон 1929 г. и был издан для предупреждения преступлений этого рода.

По **действующему бельгийскому** уголовному кодексу 1867 г. детоубийство предусмотрено статьей 396: «Детоубийством считается убийство ребенка, совершенное во время или непосредственно после родов. Детоубийство наказывается, в зависимости от обстоятельств, как умышленное (Meurtre) или как предумышленное (Assassinat) убийство.

Во всяком случае мать, которая совершит это преступление в отношении своего внебрачного ребенка, наказывается каторжными работами на срок от 10 до 15 лет. Если она совершила это преступление с заранее обдуманным намерением, она наказывается каторжными работами на срок от 15 до 20 лет».

Ст. 217 **действующего общегерманского** уголовного уложения 1871 г. гласит:

I. «Мать, которая умышленно убьет своего внебрачного ребенка во время родов или непосредственно после родов, наказывается каторжной тюрьмой на срок не ниже 3 лет.

II. При наличии смягчающих обстоятельств наказанием является тюрьма на срок не ниже 2 лет». Таким образом, привилегированность детоубийства требует, чтобы субъектом преступления была **мать,** а объектом — ее **внебрачный ребенок.** Точно указано и время совершения деяния: «во время или непосредственно после родов».

В **действующем итальянском** уголовном кодексе 1931 г. выделено «детоубийство по мотивам чести» и «оставление без помощи новорожденного по мотивам чести». Приведем соответствующие статьи: ст. 578 «Кто причинит смерть новорожденному ребенку непосредственно после родов или смерть плода во время родов, чтобы спасти свою честь или ближайшего родственника, наказывается исправительным домом от 3 до 10 лет. Тому же наказанию подлежит тот, кто участвует в действии единственно с целью оказать помощь одному из вышеуказанных лиц.

Во всяком другом случае к участвующим в действии применяется исправительный дом не ниже 10 лет. Не применяются отягчающие обстоятельства, указанные в ст. 61».

Ст. 592. «Кто покинет новорожденного тотчас после рождения, чтобы спасти свою честь или ближайшего родственника, наказывается исправительным домом от 3 мес. до одного года.

Назначается исправительный дом от 6 мес. до 2 лет, если действие повлекло за собой телесное повреждение, и от 2 до 5 лет, если последовала смерть новорожденного.

Не применяются отягчающие обстоятельства, указанные в ст. 61».

В **Испании действует** уголовный кодекс 1870 г. К детоубийству относится ст. 416: «Мать, которая для сокрытия своего бесчестия убьет своего новорожденного ребенка, карается тюрьмой низшей и средней степени[1].

Тому же наказанию подвергаются родственники матери по восходящей степени, которые совершат это преступление «для сокрытия бесчестия матери».

Польский уголовный кодекс 1932 г. предусматривает детоубийство статьей 226: «Мать, которая убила новорожденного ребенка под влиянием родов, наказывается тюремным заключением на срок до 5 лет».

[1] Тюрьма низшей степени: на срок от 6 мес. и 1 дня до 2 лет 4 мес. Тюрьма средней степени: на срок от 2 лет 4 мес. до 4 лет 2 мес.

Детоубийство в **действующем французском** Code pénal определяется как «умышленное (Meurtre) или предумышленное (Assassinat) убийство новорожденного ребенка».

Часть 2 ст. 302 Code pénal (в редакции 1901 г.) гласит: «Во всяком случае мать, независимо от того, была ли она непосредственной исполнительницей или соучастницей предумышленного или умышленного убийства своего новорожденного ребенка, наказывается: в первом случае пожизненными каторжными работами, а во втором случае — каторжными работами на срок, но это постановление не применяется к лицам, которые совместно с нею совершили убийство или были ее соучастниками». (Во французском праве понятие соучастия охватывает только подстрекателей и пособников, но не охватывает лиц, совместно, непосредственно совершивших преступление).

Согласно приведенной статье детоубийство является привилегированным преступлением только в том случае, если субъектом преступления является **мать,** а объектом его — **новорожденный ребенок.** Все другие детоубийцы за предумышленное детоубийство наказываются смертной казнью, а за умышленное — пожизненными каторжными работами.

Ст. 274 уголовного кодекса **Китайской республики** 1935 г. гласит: «Мать, которая убьет своего ребенка во время или непосредственно после родов, наказывается тюремным заключением на срок не менее 6 мес. и не более 5 лет. Всякое покушение совершить вышеуказанное действие наказуемо».

В уголовном законе штата **Нью-Йорк** нет специального параграфа о детоубийстве.

Приведем содержание двух родственных параграфов:

§ 492. «Сокрытие рождения ребенка. Лицо, которое сделает попытку сокрыть рождение ребенка посредством сокрытия его трупа, независимо от того, умер ли ребенок до или после его рождения, виновно в проступке».

§ 2461. «Наказание женщины за сокрытие последствий родов. Женщина в случае осуждения ее за попытку скрыть рождение мертвого ребенка, который был бы внебрачным, если бы родился живым, или за сокрытие смерти внебрачного ребенка до того, как ему исполнилось два года, наказывается тюремным заключением в государственной тюрьме на срок от 2 до 5 лет».

Большинство **действующих** законодательств под именем детоубийства понимают убийство матерью ее внебрачного новорожденного ребенка при наличии указанных в законе мотивов деяния. При выделении детоубийства как преступления привилегированного приведенные выше действующие уголовные законы базируются на разных обстоятельствах. Так, бельгийский и германский законы требуют при этом двух условий:

1) чтобы субъектом преступления была **внебрачная** мать и

2) чтобы преступление было совершено **во время** или **непосредственно** после родов.

Следовательно, законодатель учитывает здесь, с одной стороны, тяжелое положение женщины, вытекающее из ее «внебрачного» материнства, а, с другой — психические и физические особенности связанного с родами состояния женщины.

Английское, французское, польское и китайское законодательства допускают и «законную» мать в качестве субъекта преступления при детоубийстве и основание для привилегированности усматривают лишь в уменьшенной вменяемости всякой роженицы безотносительно к мотиву преступления. Из тех же соображений исходит и австрийский УК, но допускает большее смягчение наказания для «внебрачной» матери.

Кодексы Италии и Испании в качестве субъекта детоубийства допускают не только мать («законную» и «внебрачную»), но и других лиц: испанский — родственников матери по восходящей степени, итальянский—всякое другое лицо.

Единственным основанием для привилегированности являются **мотивы** преступления: «для сокрытия бесчестия», «для спасения чести». Объектом детоубийства все приведенные кодексы считают живого, новорожденного ребенка (в Бельгии и Германии — внебрачного).

Обширная юридическая литература посвящена вопросу о том, как разрешать дело в отношении признания ребенка обладающим жизненностью (наличие дыхания, крик и т. д.), живым или только еще «плодом», хотя бы и вышедшим из утробы матери, но с неперерезанной еще пуповиной и т. д. (пределы времени, в течение которого убийство ребенка может квалифицироваться как детоубийство, колеблются от одного часа до нескольких дней). Большинство законодательств не применяет постановлений о рецидиве детоубийства. К покушению применяются общие постановления о покушении, но судебная практика почти не знает покушений на детоубийство. Норвежский кодекс допускает безнаказанность покушения, если оно не принесло вреда ребенку, имея в виду, может быть, создать мотив к отказу от детоубийства. Неосторожное детоубийство допускается лишь немногими законодательствами.

Любопытно отношение к детоубийству различных школ уголовного права. Именно, классическая школа выдвинула **мотив** как обоснование привилегированности детоубийства. Вождь криминалистов-классиков в России проф. Н. С. Таганцев, не исключая возможности применения к детоубийцам суровых наказаний вплоть до каторжной тюрьмы до 6 лет, считал в то же время возможным в некоторых случаях ограничиться выговором или внушением со стороны суда.

Основатель антропологической школы Цезарь Ломброзо провел антропологические, биологические и психологические исследования и в отношении детоубийц и на основании этих исследований пришел к убеждению, что детоубийца — преступница чаще случайная, чем прирожденная, что в большинстве случаев она — жертва соблазна и нищеты, преждевременно созревшая в половом отношении. Антропологическая школа считает возможным наказанием детоубийцы удаление ее из места совершения преступления.

Сторонник антропологической школы Сигеле (Sighele) считал, что убийство **внебрачного** ребенка—не особо опасное деяние; наборот детоубийства ведут к очищению расы и являются как бы предохранительным клапаном, спасающим будущее поколение от грозящих ему бед. Социологической школой уголовного

права вопрос о детоубийстве тщательно изучался в связи с влиянием разного рода «факторов»: семейного положения, профессии, возраста, места жительства, места совершения преступления и т. д.

Так называемый «календарь преступности», т. е. статистически установленный максимум совершения имущественных преступлений в холодные месяцы, а преступлений против личности — в теплые месяцы, антропологи объясняли влиянием температуры на организм человека, а сторонники социологической школы первый максимум объясняли большей трудностью «борьбы за существование», а второй «более интенсивным общением людей».

В применении к детоубийству «календарь» оказался неодинаков в разных странах или в одной стране за разные годы. Удалось констатировать лишь совпадение помесячного распределения детоубийств с распределением внебрачных рождений (внебрачные рождения не совпадают с брачными по месяцам).

Для нас неприемлемы «факторы» детоубийства, взятые изолированно от самого существа капиталистического общества, классовой борьбы и непримиримых противоречий капитализма. Этими противоречиями определяется положение женщины в капиталистическом обществе, а вопрос о детоубийстве находится в прямой связи с этим положением.

Капиталистическое общество борется с детоубийствами и уголовной репрессией и профилактическими мерами. Несмотря на то, что в приведенных выше уголовных законах 9 стран детоубийство квалифицируется как «привилегированное» убийство, меры уголовного наказания за детоубийство очень тяжелые.

Меры наказания за детоубийство в капиталистических странах по действующему законодательству.

Австрия — каторжная тюрьма от 5 лет до пожизненной;

Англия — от тюремного заключения на разные сроки до пожизненной каторги;

Бельгия — каторжные работы от 10 до 15 лет;

Германия — от 2 лет тюрьмы до каторжной тюрьмы на срок не ниже 3 лет;

Испания — тюрьма от 6 мес. 1 дня до 4 лет 2 мес.;

Италия — исправительный дом от 3 до 10 лет;

Польша — тюремное заключение до 5 лет;

Франция — от каторжных работ на срок до пожизненных;

Китай — тюремное заключение от 6 мес. до 5 лет.

Профилактические меры — это различные «приюты для незаконнорожденных», «воспитательные дома» и тому подобные учреждения и алименты.

Ни тяжелая уголовная репрессия, ни профилактика не могут уменьшить числа детоубийств в капиталистическом обществе, поскольку детоубийство является неизбежным следствием капиталистической эксплоатации.

Профилактика в виде «приютов для незаконнорожденных» ведет, как правило, к очень большой детской смертности. Об этом можно судить, например, по отчету «Московского воспитательного дома» за 1911 год: из 11 224 детей умерло в воспитательном доме 4 855 чел., цифра, во много раз превосходящая число дошедших до суда детоубийств.

Бывали случаи от 50 до 90% смертности! В России в грудном возрасте умирала почти одна треть родившихся. Это особенно относится к «внебрачным» детям. В 1904 г. умерло всего грудных детей 397 781, из них «внебрачных» — 344 792 ребенка. На 100 «законных» рождений приходится—18, а на 100 «внебрачных» — 31 смертный случай (цифры из работы д-ра Маркузе «Девушки-матери», стр. 65).

Что касается алиментов на содержание «незаконного» ребенка, то в условиях капиталистического строя они являются фикцией: алименты редко взыскиваются фактически, так как женщина чаще предпочитает отказаться от алиментов, нежели искать их судом. Кроме того незначителен и размер алиментов, так как он определяется экономическим положением матери.

IV. При исследовании вопроса о **детоубийстве в СССР** были использованы статистические материалы об осужденных, материалы газетных вырезок и, наконец, были изучены судебные дела по г. Москве и Московской области за 1935 и 1936 гг.

До 1931 г. в статистике НКЮ не выделялись сведения о детоубийстве и потому за период до 1931 г. имеются лишь случайные статистические данные по этому вопросу, полученные путем специальных разработок.

За 1924 и 1925 гг. в ЦСУ были обработаны листки на осужденных за детоубийство по 24 губерниям РСФСР. Полученные в результате обработки статистические данные несравнимы с данными 1931 г. и последующих лет в отношении динамики детоубийств, но отдельные показатели могут быть использованы для сравнения.

Начиная с 1931 г., мы располагаем сопоставимыми данными статистической отчетности НКЮ об осужденных за детоубийство по пунктам «д» и «е» ст. 136 УК РСФСР.

Движение осужденных за детоубийство в РСФСР (без автономных республик):

1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
100,0	96,9	60,0	59,4

С 1931 г. по 1934 г. число осужденных за детоубийство уменьшилось на 41%.

Процент осужденных, совершивших детоубийства в городе, меньше, чем в деревне. Все исследователи признают, что «детоубийство есть преступление преимущественно деревенское». И действительно, во всех капиталистических странах, в том числе и в России до пролетарской революции, соотношение между городом и деревней в отношении совершения детоубийств почти стабильно: из 100 детоубийств — 93,95 совершаются в деревне. Новое в Союзе ССР заключается в том, что процент детоубийств уменьшается и в деревне. Коллективизация совершенно изменила лицо деревни: люди стали жить зажиточно, люди живут все более культурно, меняется психология, меняются семейные отношения. Женщина стала независима экономически и, следовательно, становится независимой и во всех других отношениях. Основным причинам детоубийства — «нужде» и «стыду» нет места в коллективизированной деревне, и потому естественно, что процент осужденных за детоубийство в деревне снижается.

Интересно отметить те слои населения, среди которых чаще других наблюдаются случаи детоубийства.

Вот несколько иллюстраций.

1935 г., Москва. Гр-ка Г., крестьянка (отец и мать единоличники), незамужняя, 20 лет, уборщица, малограмотная, зарплата 111 руб., живет в общежитии при учреждении, где работает. Случайная связь в течение 10 дней с односельчанином Ч. Беременность скрывала от всех, и все-таки товарки «смеялись». Эти же товарки говорили, что «маленьких детей в ясли не принимают». Писала о своем положении отцу будущего ребенка по оставленному адресу, спрашивала, что делать. Ответа не было, не было по указанному адресу и адресата. Работала до родов. Родившегося в общежитии ребенка отравила каустиком через соску. «Не знала, что делать, все смеялись, из 14 женщин я одна с ребенком и без мужа».

1935 г., Москва. Гр-ка В., крестьянка, незамужняя, 20 лет, малограмотная, зарплата 130 руб., живет в общежитии. Сошлась с рабочим строительства П. На 4-м месяце беременности В. на работе упала и сломала себе бедро. П. перестал встречаться с В., а затем скрылся вовсе. Роды происходили ночью во дворе, без посторонней помощи. Ребенка так во дворе и оставила. Отлежавшись несколько часов, ночью же вернулась к мертвому уже ребенку, чтобы скрыть труп его, но в проходной будке В. задержали.

В отношении возрастного и полового состава осужденных за детоубийство в РСФСР надо отметить две вещи.

1. Процент осужденных в возрасте до 19 лет непрерывно уменьшался с 1931 по 1935 г., а в первом полугодии 1936 г. он сразу увеличился. Эта внезапность говорит не о реальном увеличении числа осужденных за детоубийство этого возраста, а об усилении борьбы с детоубийством органов прокуратуры.

2. Судебная практика все еще **недостаточно и не систематически** выясняет роль отца. Это подтверждается и материалами изученных дел.

До революции роль отца при детоубийстве не вскрывалась вовсе.

По делам о детоубийстве, прошедшим через Московский городской суд в 1926 и 1927 гг., отец фигурирует как «физический убийца», т. е. как непосредственный исполнитель уже в 11% случаев.

По данным, приведенным Маньковским (работа «Детоубийство»), за 1925—1927 гг. осуждены Московским губернским судом за детоубийство (в процентах):

	Женщин	Мужчин
Условно	58,6	11,7
К лишению свободы на срок до 2 лет . . .	39,2	17,6
К лишению свободы свыше 2 лет	2,2	70,7

До сих пор имеют место случаи разбора дел по детоубийству без какой-либо попытки выяснить роль отца, даже если мать ссылается на отца как на косвенного виновника. Обычно же сами женщины об отце на суде не вспоминают. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев эти «отцы» неуловимы, и постановление суда о розыске и привлечении к уголовной ответственности остается не реализованным. Мотив у «отцов» один: избавиться от алиментов. Являясь непосредственными исполнителями детоубийства, они изумительно предусмотрительны в противоположность матерям, которые обычно оставляют на трупе ребенка что-либо их уличающее.

Вот целая галлерея «отцов», привлеченных и не привлеченных по делам о детоубийстве с 1926 г.

1926 г., г. Москва. Сошлись Ваня Н. и Надя Г., ученик-сапожник и домработница. Когда Ваня узнал о беременности, потребовал аборта. Делать аборт оказалось поздно. Ваня обругал и избил: «нечего было волынить» — и стал гулять с другими, а у Нади родился ребенок, прожил 7 дней. «Выход» для себя и ребенка больная и без денег Надя нашла в уксусной эссенции. Ребенок умер. Надя осталась жива. Ее судили и Ваню тоже. Ваня «не знал, что уже родился ребенок». «Может быть даже к себе его взял бы». Приговор: Н. Г. осуждена условно, а В. Н. объявлено «предупреждение» за его действия, признанные судом «антиморальными», но не содержащими признаков уголовно-наказуемого действия. Приговор явно неправильный.

1928 г., г. Тифлис. Судится Като Х., убившая свою новорожденную дочь. Муж и родные считали Като «проклятой» за то, что у нее «родятся только девочки». Упреки и угрозы замучили Като. До родов она говорила вслух, что убьет ребенка, если это будет девочка. По предложению прокурора суд привлек к ответственности и мужа.

1928 г., г. Кзыл-Орда. Гр-н Б. сошелся с П. Когда настали роды, Б. уговорил не звать повивальную бабку: «что смогу, я сам помогу». И «помог»: убил и скрыл ребенка, когда П. спала. Получил за это 5 лет лишения свободы.

1929 г., г. Чита. Кулак Ф. П. сошелся со своей батрачкой Л. По окончании полевых работ рассчитал ее, зная, что она беременна. Л. родила зимой, во дворе при 40° мороза. Ребенок сразу умер на снегу. Суд дал ей принудительные работы. П. к суду по вине следственных органов не привлекался (!).

1935 г., г. Москва. Гр. Е., рабочий-молотобоец, 24 лет, с низшим образованием, зарплата 170 руб., судился в 1931 г. за продажу продовольственных карточек. С первой женой развелся, платил по суду алименты на ребенка. Вторая жена была беременна. У третьей уже родился ребенок. Е. по суду предстояло платить алименты. В отсутствие третьей жены

РСФСР. Осужденные за детоубийство по возрасту и полу.
(в %% ко всему числу осужденных за детоубийство)

	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1 пол. 1936 г.
В возрасте до 19 лет	13,9	10,5	8,8	7,9	3,7	6,7
Мужчин	22,3	32,1	26,6	30,6	24,2	22,3

(она работала) Е. пришел к ней, услал в лавку ходившую за ребенком девочку, а ребенка отравил уксусной эссенцией. Приговорен к 8 годам лишения свободы.

1936 г., г. Москва. Гр. Н., 30 лет, из крестьян Куйбышевского края, студент школы ВЦСПС, имеет на родине жену и 2 детей, 8 и 6 лет. В 1935 г. сошелся с домработницей С., скрыв от нее, что имеет семью. Дал на аборт 70 руб., но поздно. Родившегося ребенка хотела воспитывать в деревне приехавшая на время родов мать. С. Н. заявил, что за ребенка, как отец, отвечает он и отдает его на воспитание своему бездетному двоюродному брату. Удушив и бросив ребенка в Яузу, Н. целый месяц уверял С., что ребенок устроен хорошо, а навестить его нельзя, так как семья татарская, и если узнают, что ребенок русский, то вернут его. Позже сообщил, что ребенок «заболел» и «умер». Н. приговорен к 6 годам лишения свободы.

1936 г., деревня Усадьба, Московской области. Гр-ка С-ва, 23 лет, крестьянка, живет с матерью. На заработках в Москве сошлась с гр. С., который обещал жениться. Узнав о беременности, С. заявил, что он женат, а от алиментов скроется, так как «у меня вас три, чтож я вам всем трем должен платить?» С. действительно скрылся. С-ва уехала к матери. Народившегося ребенка оставила в лесу, потому что «не знала, как быть дальше, и обидно было на С». Суд приговорил к 3 годам лишения свободы. По жалобе С-вой кассационная коллегия Московского областного суда определила: приговор отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования в части привлечения С. через районного прокурора. В определении указывалось, что хотя «следственные органы выделили дело о С. с объявлением ему розыска, но по делу не видно, чтобы к розыску С. были приняты активные меры».

Райпрокурор опротестовал определение кассационной коллегии «так как отец ребенка С. никакого прямого отношения к убийству ребенка не имеет». Президиум Московского областного суда, согласясь с протестом, отменил определение кассационной коллегии, так как «С-ва полностью признала себя виновной, а на С. объявлен активный розыск и при обнаружении он и без определения кассационной коллегии будет привлечен к уголовной ответственности».

Кассационная коллегия в новом составе приговор народного суда оставила в силе, а «отец» оказался неуловимым.

Распределение осужденных за детоубийство по социальному составу отражает только сдвиги в социальной структуре общества: 1931 и 1932 гг. дают наибольший процент осужденных единоличников; 1933—1936 гг., когда число единоличников в населении уменьшается, а число колхозников увеличивается, наибольший процент осужденных дают колхозники. Процент осужденных рабочих от 18 до 29; процент служащих от 5 до 10.

Выяснить действительную распространенность совершения детоубийств среди отдельных социальных групп можно лишь путем сопоставления числа осужденных с населением соответствующих социальных групп, а такие цифры населения будут только в результате обработки данных переписи населения 1937 г. Все же в целях хотя бы общей ориентировки мы исчислили коэфициенты осужденных за детоубийства по социальным группам, воспользовавшись цифрами населения за 1934 г., приведенными т. Молотовым на VII съезде советов Союза ССР. При оценке коэфициентов надо учитывать, что численность населения дана по обоим полам вместе, осужденные же за детоубийство в большинстве своем женщины. Приводимые коэфициенты могут служить лишь для грубой ориентировки при сравнении распространенности детоубийств среди некоторых социальных групп.

На 100 000 кулаков в 1934 г. приходится 3,39 осужденных за детоубийство; на 100 000 единоличников — 0,22; на 100 000 колхозников — 0,26 и на 100 000 рабочих — 0,20.

Таким образом, больше всего детоубийства распространены среди кулаков, меньше всего среди рабочих. На долю колхозников приходится на 0,04% больше детоубийств, чем на долю единоличников. Поскольку коэфициенты грубо ориентировочны, трудно сказать, отражают ли эти 0,04% действительное положение вещей.

Наказания за детоубийство из года в год делаются строже, и особенное усиление репрессии происходит с 1935 г. в полном соответствии с директивой Верховного суда РСФСР (27 августа 1935 г.) об усилении репрессии за детоубийство.

Наказания за детоубийство в РСФСР в % % ко всему числу осужденных за детоубийство

Годы	Условное осуждение	Исправ.-труд. работы	Лишение свободы	Другие меры	Всего
1931	24,0	36,2	38,8	1,0	100
1932	18,7	34,2	39,8	7,2	100
1933	14,9	32,6	50,8	1,7	100
1934	17.1	31,8	50,3	0,8	100
1935	10,3	13,2	75,6	0,4	100
1 пол. 1936 г.	8,1	6,7	85,1	0,1	100
1924—25	57,8	—	39,1	3,1	100

Социальный состав осужденных за детоубийство в РСФСР.
(% % ко всему числу осужденных за детоубийство)

	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1 пол. 1936 г.
Кулаки и др. непруд. элементы	2,2	3,8	1,0	1,1	2,1	1,1
Трудящиеся единоличники	46,6	35,6	26,1	18,3	11,2	7,9
Колхозники	20,2	24,5	42.3	43,2	41,1	50,3
Рабочие	18.3	22.1	20,5	20,5	29,2	26,0
Служащие	5,9	6,1	5,4	9,0	10,4	10,2
Прочие	6.8	7,9	4 7	7.9	5,7	4 5
Всего	100	100	100	100	100	100

Если в 1931 г. четвертая часть осужденных за детоубийство приговаривалась условно, а другие три четверти почти поровну присуждались к лишению свободы и и.-т. работам, то в 1936 г. осуждается условно только 8%, к и.-т. работам — 6%; основной же мерой наказания является лишение свободы — 85%. В 1924—25 гг. основной мерой было условное осуждение—57,8% (по данным проф. Гернета). То же самое усиление репрессии мы видим и по срокам лишения свободы: уменьшается процент приговоренных к лишению свободы на срок до 2 лет и увеличивается — по более длительным срокам. Судя по изученным делам, излюбленной мерой является 3 года лишения свободы и лишь при особо квалифицированных обстоятельствах суды дают 4 года и больше. По отчетности 1935 г. срок до 2 лет не выделялся.

Лишение свободы за детоубийство в РСФСР в %% ко всему числу осужденных за детоубийство

Годы	Всего осуждено за детоубийство	В том числе лишение свободы на срок			
		До 2 лет	От 2 до 5 лет	От 5 до 10 лет	Всего
1931	100	12,6	19,7	6,5	38,8
1932	100	11,1	22,7	6,6	39,8
1933	100	6,1	27,4	17,3	50,8
1934	100	4,9	27,2	18,2	50,3
1 пол. 1936 г.	100	4,1	41,8	39,2	85,1

По статистическим материалам 1935 и 1936 гг. есть возможность проследить применение карательной политики за детоубийство по отдельным группам.

Надо отметить, что репрессия усиливается **по всем** социальным группам и становится более единообразной. Это же впечатление дают и изученные судебные дела. Тем не менее некоторые из этих дел показательны как примеры еще имеющего место разнобоя в уголовной репрессии. Вот отдельные примеры.

1935 г. Московская область. Гр-ка Б., 22 лет, колхозница, малограмотная, незамужняя. Работая 4 месяца в г. Касимове, сошлась с рабочим З. Узнав о беременности, З. скрылся. Б. вернулась в деревню. Беременность скрывала. Родившегося ребенка удушила, потому что «боялась родителей и нехорошей славы». Приговорена к 2 годам лишения свободы **условно.** Суд учел «болезненное состояние во время родов и ложный стыд», доказательством которого, по мнению суда, является то, что «Б. не воспользовалась даже декретным отпуском».

В ряде случаев неиспользование декретного отпуска суды считают, наоборот, обстоятельством, свидетельствующим о предумышленности детоубийства.

1935 г. Московская область. Гр-ка Р., 42 лет, колхозница, малограмотная, разведенная. Свою беременность от всех скрывала «из стыда». Родившегося ребенка положила в таз с кровью, в которой он и захлебнулся. Суд приговорил Р. к 5 годам лишения свободы, учитывая, что «обвиняемая в момент родов сознание не теряла и хорошо помнит, как положила ребенка в таз с кровью». Кассационная коллегия, «учитывая несознательность и некультурность», определила считать наказание **условным.**

1936 г., д. Высокое, Московской области. Гр-ка Р., 32 лет, работала в совхозе, живет у родителей-колхозников, малограмотная, незамужняя. Сошлась с рабочим совхоза К. Родившегося ребенка зарыла в сено «во избежание срама». В 1932 г. тоже судилась за детоубийство, была приговорена к 1 году и.-т. работ. По настоящему делу приговорена к 3 годам лишения свободы.

1936 г., с. Нахабино, Московской области. Гр-ка Н., 24 лет, работница фабрики «Мосчулок», проживает на квартире в с. Нахабино, малограмотная, незамужняя. От случайной связи родился ребенок, которого «из стыда» бросила в уборную. Приговорена к 5 годам лишения свободы.

Непонятно, почему рецидивистка Р. получила 3 года, а Н. 5 лет.

Также непонятны приговоры суда по следующим двум делам 1936 г.

1. Гр-ка Т., 21 года, колхозница, малограмотная, незамужняя, сошлась с С., который бросил ее, узнав о беременности, и незадолго до родов женился на другой. Родившегося ребенка Т. убила, ударив о перекладину кровати, так как «не знала, что делать, раз С. женился». По делу в качестве обвиняемого был привлечен и С. Суд приговорил Т. к 5, а С. — к 3 годам лишения свободы. Кассационная коллегия приговор в отношении Т. оставила в силе, **а дело о С. прекратила,** так как «нет никаких доказательств, что С. имел отношение к убийству или хотя бы косвенное отношение к понуждению к убийству, и Т. ничем не оговорила С.».

2. Гр-ка И., 23 лет, работница токарного цеха, малограмотная, незамужняя. Сошлась с О., который, узнав о беременности, бросил ее и говорил, что платить алиментов не будет и скроется. Родившегося ребенка И. поэтому удушила и бросила в уборную. О. был тоже привлечен в качестве обвиняемого. Суд приговорил И. к 3 годам, а О. — к 2 годам лишения свободы, и кассационная коллегия жалобу **О. оставила без последствий.**

А какая же по существу разница между С. и О.? И почему Т. 5 лет, а И. 3 года лишения свободы?

В отношении других союзных республик надо отметить, что статистические данные об осужденных за детоубийство могут быть использованы только по БССР. В УССР в отношении детоубийства имеется специальная статья УК, но в разработке она не выделена. Статистические данные других союзных республик не могут быть использованы по своей дефективности. Число осужденных за детоубийство в БССР имеется только с 1935 г. Как и в РСФСР, это число осужденных выросло с первого полугодия 1935 г. по первое полугодие 1936 г. при уменьшении как всего числа осужденных, так и числа осужденных за умышленное убийство (без детоубийства).

Материалы изученных дел по детоубийству дают возможность осветить до известной степени вопросы рецидива, способов и мотивов детоубийства. Рецидив — редкое явление в детоубийстве. Но когда все же он имеет место,

наша судебная практика применяет иногда недостаточные меры наказания.

Вот примеры.

1. **Москва.** Некто Н. привлечена к судебной ответственности за систематическое некормление ребенка, приведшее его к смерти. И несмотря на то, что у Н. таким образом умирал уже третий ребенок, суд приговорил ее к 1 году лишения свободы.

2. **Чита.** Гр-ка П. удушила ребенка и зарыла в канаве в конце села. Когда это открылось, П. удивилась: «Вот в третьем году тоже так же родить пришлось, так же задушила ребенка, зарыла и никто не узнал». Суд приговорил к лишению свободы на 2 года.

Наиболее распространенным способом детоубийства издавна является удушение как способ наиболее легкий и почти не оставляющий наружных следов, затем утопление, оставление без помощи, отравление. Но есть способы кошмарно жестокие, их трудно объяснить чем-либо, кроме патологического послеродового состояния.

По просмотренным делам г. Москвы и Московской области за 1935—1936 гг. в качестве мотивов детоубийства чаще всего фигурирует «стыд». Есть отдельные случаи, когда новая жена губит ребенка прежней жены, чтобы избавить мужа от алиментов; есть случаи, когда детоубийство совершается, чтобы скрыть от нового мужа прежнюю связь. Встречается и такой мотив «жить хочется, а с ребенком разве жизнь?».

Мотив «стыда», судя по изученным делам, приводится часто по трафарету как мотив для суда, так как о беременности обычно давно все знают и говорят в глаза, иногда ее и не скрывают и все-таки ссылаются на «стыд». Мотив «нужды» также не всегда соответствует действительности. В случаях, когда детоубийство совершается действительно из ложного стыда, значительная доля вины лежит на окружающей общественности, которая должна по крайней мере указать, куда и как обратиться за помощью, поскольку сама роженица часто ничего конкретно не знает. На случаях, когда ребенок «мешает жить», надо несколько остановиться. Обычно мать при этом материально обеспечена, сплетен не боится, родные встречают ребенка как нового члена семьи. Здесь имеет место нездоровая, чуждая нам психология, понимание жизни как удовольствия, без каких бы то ни было обязанностей. Такую психологию надо преодолеть. Примером такой психологии может служить следующее дело.

1936 г., д. Хваровка, Московской области. Гр-ка Д., 21 года, с неполным средним образованием, незамужняя, семенной лаборант. О беременности узнала на 5-м месяце. Ребенка не хотела и поэтому просила врача сделать аборт. В аборте отказали, так как было уже поздно. На 7-м месяце беременности Д. стала просить открыть ей преждевременные роды. Врач согласился только после того, как Д. заявила, что в случае отказа она покончит жизнь самоубийством. Врач предупреждал, что такие роды вредны для здоровья и что ребенок может остаться жив. Ребенок, действительно, остался жив. Из родильного дома Д. пошла к матери, и мать оставила ребенка у себя на воспитание. Сестра и брат Д., проживавшие в других городах, охотно согласились помогать воспитывать ребенка. Несмотря на все это, через некоторое время Д., не считаясь с протестами матери, взяла у нее ребенка якобы для того, чтобы передать его в дом грудного ребенка при МОНО. На деле же опустила ребенка в реку, подержала его там, пока он не умер, и спрятала труп в лесу. В последнем слове на судебном заседании Д. сказала, что «меру наказания свыше 5 лет она отбывать не будет». Приговорена к 4 годам лишения свободы. У Д. был дневник, содержание которого проливает некоторый свет на ее мировоззрение. В частности, вот что записано ею о связи с Х.: «Я жила в Уваровке с 6 марта с Грушей М. и к ней ходили разные кобели, и вот один и устроил мне это дело. Тут не было ни гулянья, ни любви, а так, чорт сам не разберет что, а вот из-за какой-то сволочи мне сейчас приходится переживать такие трудности»...

Обвиняемые в детоубийстве часто показывают, что совершили его в беспамятстве. В основном такие утверждения — просто средство самозащиты, но, несомненно, что в отдельных случаях детоубийство совершается в полусознательном, болезненном состоянии, связанном с родами. В частности, в одном из случаев, когда мать положила ребенка под поезд, она на вопрос о том, что побудило ее к этому, ответила: «Не знаю, почему это сделала»; и этому можно поверить, так как к совершению детоубийства не было ни материальных и никаких других предпосылок. Экспертизе обвиняемая не была подвергнута. В другом случае обвиняемая показала: «Убила сгоряча, была еще больна», и это показание также заслуживает внимания в связи с показанием ряда свидетелей. Самая обстановка родов способствует усилению болезненного состояния. В громадном большинстве случаев обстановка эта очень тяжелая: роженица одна, без всякой помощи, силящаяся не крикнуть, чтобы не обнаружить себя, таящая в глубине души горечь по отношению к виновнику события, притом где-нибудь в совершенно не подходящем месте: в хлеве, риге, поле, уборной. Иногда при этом — дождь, снег, мороз. Наконец, самые переживания роженицы иногда очень сложны в связи с разного рода обстоятельствами: например, она забеременила, отбывая лишение свободы, и вышла из тюремного заключения незадолго до родов, так что никак еще не устроилась. Наличие другого ребенка часто осложняет положение при отбытии наказания. Показательным в этом смысле является дело гр-ки Ф. в Москве, в 1935 г. Ф., 29 лет, студентка, получает 120 руб. стипендии, имеет на иждивении дочь 8 лет. Сошлась со студентом П. Узнав о беременности, П. дал денег на аборт, но Ф. аборт сделать опоздала. По выходе из родильного дома Ф. с ребенком на руках шла по парку культуры и отдыха. Села на скамейку и сидела, как было после установлено, не менее полутора часов. «Ребенок не плакал», показывает она, «возможно, я задушила его, пока сидела. А после закопала его в снег». Судебно-медицинской экспертизой установлено, что ребенок умер от замерзания и на теле не обнаружено никаких повреждений. Ф. объяснила, что квартирные и материальные условия у нее были сносны (жила в общежитии). Беременность не скрывала. Отец ребенка об убий-

стве не знал. Приговорена к 3 годам лишения свободы. В кассационной жалобе Ф. просила об уменьшении меры наказания. Жалоба написана ею самой. Она говорит в ней, что мысль об убийстве ребенка явилась «клянусь всем чем могу, только тогда, когда я шла домой мимо парка. У меня была раньше мысль отдать его в дом матери и ребенка, но почему-то вот я сделала это, а не то, о чем думала. Если бы этот поступок я ранее обдумала, то я не оставила бы номерка на руке ребенка со своей фамилией».

«Я прошу вас, — пишет она дальше, — уменьшить или изменить мне меру наказания вот в силу каких обстоятельств: по решению народного суда дочь моя должна быть в детском доме до конца отбытия наказания мною. Но так как мой ребенок очень впечатлителен, так сильно привязан ко мне, что я не могу себе представить данную разлуку. Приготавливая ее к этому моменту, я говорю ей, что она должна итти в детдом, она отвечает резонно: как бы меня ни запирали, я все равно убегу и буду беспризорная. Поскольку я знаю своего ребенка, то убеждена, что она свое решение выполнит, несмотря ни на какие хорошие условия, в которых она будет находиться». Ф. просит заменить ей лишение свободы высылкой «в самое отдаленное место», «на какой угодно срок, даже совсем. Я еще могу показать, что я не так уж социально опасный человек».

Возможно, что судебно-психиатрическая экспертиза над самой Ф. установила бы нецелесообразность применения к ней лишения свободы.

Бывают случаи, когда мать, убивая ребенка, одновременно убивает или пытается убить и себя. О том, что надлежащее отношение окружающих к беременности и родам могло бы предотвращать детоубийства или помешать им, свидетельствует, например, дело К. в Москве 1936 г. Гр-ка К., 21 года, малограмотная, незамужняя. До 1933 г. жила в деревне с отцом и матерью. В 1933 г. они умерли, и она, приехав в Москву, стала домработницей, а затем на фабрике — ученицей ткача. В клубе познакомилась, а затем сошлась с милиционером Пашей.

Побывав на 5-м месяце беременности в консультации, сказала о беременности Паше. Он пообещал найти комнату и жить вместе, но виделся после того лишь 2 раза, а затем скрылся. К. не брала декретного отпуска, чтобы полностью получать зарплату, да и «совестно было, что не замужем». Роды произошли для К. неожиданно, в квартире ее сестры, в уборной. Ребенок оказался внизу, в яме, а К. пошла к сестре в комнату и чувствовала «испуг». Соседка, увидев кровь в уборной и кровяные следы, идущие к комнате сестры К., очень быстро сообразила, в чем дело, и приняла экстренные меры для спасения ребенка: его достали, обмыли и в конечном счете он остался жив и был отдан К. к ее искренней в последующем радости. К. приговорена к 3 годам лишения свободы **условно.** Против «Паши» возбуждено уголовное дело, но он скрылся.

Весьма часто матери-детоубийцы пытаются доказать, что убили ребенка не умышленно, а по неосторожности, но следствие легко устанавливает ложность такого утверждения, так как обычно не трудно распознать подлинную неосторожность, когда мать «заспала» ребенка и т. п.

V. Перейдем теперь к советскому законодательству о детоубийстве.

До 1927 г. советское уголовное право не знало специального термина «детоубийство», как убийство матерью новорожденного ребенка. В 1927 г. УК УССР предусматривает детоубийство специальной статьей 142, гласящей: «убийство матерью своего новорожденного ребенка тотчас же после родов влечет за собой лишение свободы на срок до 3 лет». Ст. 142 указывает нам мать как единственно возможного субъекта преступления. Точно определен и объект преступления: «новорожденный ребенок тотчас же после родов». Субъективная сторона преступления (наличие неосторожности или умысла прямого или эвентуального) не влияет на санкцию (лишение свободы до 3 лет), определяющую наказание, меньшее, чем за обычное убийство.

Таким образом, УК УССР квалифицирует детоубийство как **привилегированное** преступление. Законодательства других союзных республик пошли в этом вопросе другим путем — они не предусматривали детоубийство как особый вид преступления.

Детоубийство подходило под пп. «д» и «е» ст. 142 УК РСФСР редакции 1922 г. Пункт «д» предусматривал умышленное убийство «лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом». Пункт «е» — «использование беспомощного положения убитого». Санкция: «лишение свободы на срок не ниже 8 лет со строгой изоляцией». Эти пункты вошли без изменений в пп. «д» и «е» ст. 136 УК РСФСР редакции 1926 г. Изменилась лишь санкция: вместо «не ниже 8 лет» стало «до 10 лет». Эти пункты восприняты буквально соответствующими статьями УК всех союзных республик (кроме УК УССР, где кроме соответствующей статьи имеется и специальная статья о детоубийстве, как указано выше).

Ст. 136 УК РСФСР предусматривает только умышленное, а не неосторожное убийство и не убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны. Кроме того, ст. 136 имеет в виду не все, а лишь квалифицированные виды умышленного убийства, т. е. те виды убийства, которые сопровождаются хотя бы одним из условий, указанных в пп. «а»—«е».

Объектом всякого убийства является живой человек, и для состава преступления не имеют значения возраст, состояние здоровья и степень жизнеспособности потерпевшего. Таким образом, объектом убийства может быть и только что родившийся ребенок. Установление наличия жизненности, т. е. самостоятельной внеутробной жизни новорожденного ребенка — дело факта, устанавливаемого судебно-медицинской экспертизой.

Умысел при совершении убийства может быть прямым и эвентуальным, т. е. убийство будет умышленным как в том случае, когда преступник желает достигнуть смерти потерпевшего, так и в том случае, когда преступник не желает прямо смерти потерпевшего, но знает, что от его действий возможно или неизбежно наступление этой смерти.

Убийство может быть совершено путем активных действий преступника — посред-

ством применения физического или даже психического воздействия на потерпевшего и путем бездействия, когда преступник не совершает того, что является необходимым для поддержания жизни потерпевшего; например, недача пищи грудному ребенку, неперевязывание пуповины новорожденному и т. п. Предметом нашего специального рассмотрения являются пп. «д» и «е» ст. 136, поскольку именно по этим пунктам квалифицируются у нас случаи детоубийства.

Пункт «д» указанной статьи предусматривает в качестве субъекта преступления лицо, на котором в силу закона, по семейным отношениям, по договору или по каким-либо иным основаниям лежит обязанность заботиться о потерпевшем. Сюда подойдут случаи умышленного убийства больного лечащим его врачом, убийства родителями их ребенка и т. п.

Пункт «е» ст. 136 не требует от субъекта преступления никаких специальных качеств, но ставит непременное условие, чтобы убийство было соединено с использованием беспомощного положения убитого.

Таким образом, под пп. «д» и «е» ст. 136 подходит как всякое детоубийство, так и детоубийство в специальном смысле как убийство новорожденного ребенка.

Субъектом детоубийства по пп. «д» и «е» ст. 136 может быть как мать или отец потерпевшего, так и другое лицо, но применительно к п. «д» это должно быть не всякое другое лицо, а такое, на обязанности которого лежит особая забота о новорожденном, например, кормилица.

Таким образом, кроме УССР, советское законодательство рассматривает детоубийство как квалифицированное преступление. Судебная практика с самого начала правильно учла один из основных тезисов советской уголовной политики — необходимость учитывать не только социальную опасность деяния, но и социальную опасность личности и широко применяла к детоубийцам-матерям условное осуждение и краткие сроки лишения свободы, т. е. фактически рассматривала детоубийство как убийство привилегированное. Получился разрыв между законодательством и судебной практикой. Этот разрыв широко обсуждался практическими работниками юстиции на страницах юридической печати. Были предложения выделить детоубийство специальной статьей УК. На запросы судебной практики УКК Верховного суда РСФСР ответила инструктивным письмом от 22 ноября 1926 г. № 2, и это письмо по существу санкционировало судебную практику. В этом письме «убийство матерью своего ребенка при рождении» указывается как «особый вид убийства», происходящего в огромном большинстве случаев вследствие трех непосредственных причин: «1) острой материальной нужды матери, обрекающей ее и ребенка на голодное существование; 2) остроты чувства стыда под давлением невежественной среды, создающей в будущем невозможную жизнь матери и ребенку; 3) болезненной психики, безусловно расшатанной как самими родами, так в особенности обычной в таких случаях обстановкой (роды без посторонней помощи, в одиночестве, часто в сарае или где-либо в этом роде и т. п.)».

Эти причины, как указывает УКК, «в весьма значительном числе случаев целиком подойдут под то «тяжелое стечение обстоятельств», которое указано как необходимое условие применения ст. 36 УК, а совершение этого преступления впервые вместе с отсутствием опасности осужденного для общежития в подавляющем большинстве случаев дополняет собою все остальные признаки, допускающие применение условного осуждения». УКК считает нужным назначение за детоубийство лишения свободы на минимальные сроки или условного осуждения. Однако УКК не считает возможным применение указанных мягких мер наказания, если детоубийство совершено «достаточно культурной матерью и притом при сравнительно благоприятных материальных условиях», или «совершено с проявлением особой жестокости или совершено повторно», или, наконец, если оно совершено не матерью, а «другим лицом». Подстрекательство и соучастие в детоубийстве УКК расценивает как «обычное убийство со всеми вытекающими из этого последствиями».

Таким образом УКК совершенно определенно указывает мать как единственно возможного субъекта при детоубийстве как преступлении привилегированном и «новорожденного» ребенка как объекта этого преступления.

Инструктивное письмо 1926 г. № 2 в Верховном суде РСФСР вызвало ряд печальных откликов со стороны практических работников (нужно, конечно, учесть обстоятельства того времени — первых лет нэпа, когда писалось это письмо). Некоторые из них высказывались за усиление репрессии за детоубийство, так как условное осуждение, например, расценивается деревней как оправдание и ведет к полной безответственности за детоубийство. При этом оспаривались мотивы «нужды» и «стыда» как смягчающие обстоятельства, поскольку материальное положение обвиняемых в детоубийстве не так уж плохо и не так уж нетерпимо относятся в деревне к рождению ребенка у незамужней.

Другие товарищи отстаивали указанные мотивы и высказывались за мягкость репрессии по отношению к матерям-детоубийцам. Один из них настаивает при этом на строгой репрессии по отношению к прямым и косвенным подстрекателям — родственникам (имея в виду с их стороны попреки, насмешки, угрозы, побои) и главным образом к отцу в связи с участившимися случаями прямого подстрекательства отца на почве нежелания платить алименты.

В 1928 г. УКК Верховного суда РСФСР разослала судам второе инструктивное письмо за № 1. В этом письме основное внимание уделено вопросу о выяснении личности и роли отцов в случаях детоубийства. УКК отмечает, что эта роль «часто не исследуется» или «исследуется недостаточно», «а между тем практика знает случаи, когда убийство ребенка матерью явилось результатом отказа отца оказать материальную поддержку находящейся в нужде матери, что по своему существу должно рассматриваться как явление социально опасное».

УКК предлагает поэтому при возникновении дела об убийстве матерью ребенка выяснять не было ли со стороны отца подстрекательства матери к убийству или пособничества

убийству, выяснять, знал ли отец о предстоящих родах и убийстве, не было ли со стороны отца отказа матери в помощи.

УКК указывает, что в случаях прямого соучастия отца в убийстве ребенка (подстрекательства или пособничества) к отцу «надлежит применять ст. 136 УК применительно к ст. 18», причем меры наказания должны быть «достаточно жесткие», так как в этих случаях «главная тяжесть социальной опасности» лежит в действиях отца.

Если же подстрекательство или пособничество отца не установлено, но установлено, что он знал о предстоящем рождении от него ребенка и о беспомощном материальном положении матери, что эта мать обращалась к нему за помощью, и он отказал в помощи, хотя по имущественному состоянию мог оказать ее, и результатом явилось убийство ребенка матерью, отца ребенка следует привлекать к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 158 УК.

В отношении матерей-детоубийц УКК считает правильной карательную политику «с учетом всех смягчающих обстоятельств», т. е. рассматривает убийство матерью своего новорожденного ребенка попрежнему как преступление привилегированное.

За 1929—1934 гг. вопрос специально о детоубийстве почти не затрагивался на страницах периодических юридических изданий, хотя уделялось достаточно внимания усилению работы судебных органов в области защиты детей, в области борьбы с подкидыванием детей. Это объясняется отчасти тем, что миновала острота положения в смысле неувязки законодательства и судебной практики.

В 1935 г. 27 августа появилось третье инструктивное письмо Верховного суда РСФСР за № 03/58 по вопросу о детоубийстве. В этом письме Верховный суд снова подчеркивает обязанность суда «проверить роль, личность и причастность к совершенному преступлению другого родителя (отца или матери), а также посторонних лиц (в случаях убийств по мотивам преследований и издевательства со стороны окружающих)». Письмо указывает, что отца ребенка следует привлекать к ответственности «по ст. 136 УК через ст. 17 УК» не только в случае прямого соучастия в убийстве (подстрекательства, пособничества), но и в случае причинной связи убийства с отказом отца от материальной помощи матери, за что по письму 1928 г. отца следовало привлекать к ответственности по ч. 2 ст. 158 УК. При этом письмо 1935 г. отмечает, правда, что к определению меры наказания в этом втором случае суд должен «подходить диференцированно, учитывая в соответствии со ст. 18 УК в каждом случае и другие возможные мотивы убийства, взаимоотношения, личность, роль в преступлении каждого из родителей». Кроме того письмо 1935 г. указывает, что в новых условиях быта, материальной обеспеченности и возросшей культурности всех трудящихся Советского союза нельзя признать правильным широкое применение за детоубийство «условного осуждения или иных мер наказания по мотивам материальной нужды, низкого культурного уровня, нападок и издевательства со стороны родных и окружающих и т. п.». И наконец, последнее новое указание в письме 1935 г.: о направлении карательной политики судебных органов по делам о детоубийстве «по линии общего усиления репрессии, т. е. применения безусловного лишения свободы (не исключая и матерей-детоубийц), сопровождаясь одновременно развернутой, на основе судебных процессов, широкой разъяснительной и профилактической работой». Таким образом в письме 1935 г. УКК уже не расценивает детоубийство как преступление привилегированное.

Социалистическое право играет активную организующую роль во всех областях народной жизни, отсюда гибкость нашей карательной политики. Усиление репрессии за детоубийство прямо вытекает из этой роли социалистического права. В настоящее время вопрос о ценности человеческой личности ставится в нашем социалистическом отечестве особенно высоко, забота о человеке становится основной задачей. Партией и правительством во всю ширь поставлены огромные политические задачи: охрана детей, воспитание во всех трудящихся лучших родительских чувств. Это связано с задачей воспитания нового поколения социалистического общества, и эта задача должна занять одно из первых мест в работе судебных органов.

Угроза наказанием и правильное применение наказания должны явиться сильным дополнительным орудием борьбы партии за изживание пережитков старого капиталистического общества, старой капиталистической семьи.

В проекте УК Союза ССР законодатель не дает статьи о детоубийстве. Ст. 113 проекта предусматривает просто «умышленное убийство», караемое лишением свободы «не ниже 5 лет». Ст. 36 проекта как на смягчающее обстоятельство указывает в п. «е» совершение преступления «женщиной в состоянии беременности».

Приведенными материалами исчерпываются материалы советского законодательства по вопросу о детоубийстве.

В СССР нет теперь почвы для двух основных мотивов детоубийства — нужды и стыда, и карательная политика по делам о детоубийстве на данный период — это общее усиление репрессии при направлении основной ее силы в сторону отцов-подстрекателей и пособников.

Констатируя правильность нашей карательной политики, необходимо отметить в то же время недостаточную четкость нашего законодательства по вопросу о детоубийстве.

Прежде всего непонятно отсутствие в УК специальной статьи о детоубийстве. Детоубийство как убийство матерью своего новорожденного ребенка есть преступление специфическое и в силу своей специфики преступление привилегированное.

Отсутствие в УК специальной статьи о детоубийстве создает ненужные затруднения для работы суда, и нам представляется целесообразным введение такой статьи в новый союзный УК.

Выделение детоубийства в УК как преступления привилегированного (т. е. с пониженной санкцией сравнительно с другими видами лишения жизни) ни в какой мере не меняет линии общего усиления репрессии по делам о детоубийстве, а только внесет необходимую четкость в наше законодательство.

Второй пробел нашего законодательства в отношении детоубийства — это недостаточно четкое решение вопроса об ответственности отцов в случае их прикосновенности к детоубийству. В отношении случаев прямого соучастия отца в детоубийстве (подстрекательства или пособничества) вопрос ясен: отец наказывается сильнее, чем мать, фактическая исполнительница преступления. Гораздо сложнее и несравненно более часты случаи, когда отец является не прямым, а косвенным участником детоубийства; например, бросая будущую мать своего ребенка без материальной помощи, без моральной поддержки и, наоборот, иногда даже допуская по отношению к ней издевательства: «разделывайся как знаешь сама», «мне нет до этого дела», «я уеду, у меня уж другая жена» и т. п.

Нет сомнения, что такое оставление без помощи или издевательство со стороны отца ребенка может явиться и является стимулом к убийству ребенка матерью, тем более, что психика ее часто ослаблена муками родов. К ответственности привлекается в таких случаях только мать ребенка. Должен привлекаться и отец.

Несомненно, что перечисленные выше условия не охватывают собою всех признаков прикосновенности отца к детоубийству. Несомненно также, что прикосновенность эта должна быть наказуема не по ст. 153 УК и не по ст. 136 УК, а по специальной статье УК, состав которой охватывал бы специальные признаки косвенного участия отца в детоубийстве.

Об отсутствии у судов ясности по вопросу об ответственности отцов в случаях прикосновенности их к детоубийству свидетельствуют и материалы кассационной практики: кассационная инстанция часто отменяет приговоры и прекращает дела в отношении отцов, осужденных первой инстанцией за соучастие в детоубийстве. В то же время Верховный суд РСФСР постоянно констатирует, что суды недостаточно привлекают к ответственности отцов при детоубийствах.

VI. К каким же выводам можно притти на основе изложенного материала?

Детоубийство у нас является пережитком капитализма. У нас есть еще отцы, не желающие платить алименты и из-за этого понуждающие жену к аборту, не останавливающиеся перед перспективой искалечить, а то и умертвить ее; силой, например, заставляя беременную вскочить на ходу в вагон, толкающие на детоубийство физическим или психическим насилием или даже убивающие ребенка сами. Есть еще у нас близкие и дальние «родные и знакомые», заявляющие, что «порядочная девушка, не зарегистрировавшись, с мужчинами не живет, что так поступают только проститутки», и натравливающие на детоубийство сплетнями и насмешками. Есть еще у нас и матери, «стыдящиеся» своего ребенка и убивающие его.

Против всего этого проклятого «наследия» прошлого все решительнее встает наше общественное мнение: таких людей осуждают в печати, клеймя презрением старую гниль капитализма, которую такие люди тащат украдкой в нашу новую светлую жизнь.

Конкретная действительность капиталистического и социалистического миров с очевидностью показывает, что капитализм не в состоянии побороть детоубийство, так как оно вытекает из неотъемлемых свойств капитализма, из абсолютного и относительного обнищания рабочего класса, из разорения мелкой буржуазии города и деревни, из лживой, демагогической «морали» буржуазного общества, достигшей особого бесстыдства при фашизме. Капиталистическая эксплоатация, доводя рабочий класс и трудящихся до крайнего обнищания, заставляет трудящуюся женщину все чаще отказываться от ее важнейшей и наиболее радостной функции — материнства. Не только боязнь усиления и без того тяжелой нужды, не только тяжелые условия труда и быта, но и нежелание обрекать будущего ребенка на страдания, нищету, безработицу заставляет трудящуюся женщину капиталистических стран прибегать к детоубийству или аборту. А буржуазное государство отвечает на это не материальной помощью, не моральной поддержкой, а суровыми наказаниями вплоть до пожизненной тюрьмы и каторги.

Положение женщины в СССР совершенно иное, чем в любом другом государстве. В своей работе «Великий почин» Владимир Ильич Ленин так говорил о положении женщины: «Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п.,—законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах, к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем чище очистили мы почву от хлама старых, буржуазных, законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка.

Женщина продолжает оставаться **домашней рабыней,** несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает **мелкое домашнее** хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею. Настоящее **освобождение женщины,** настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, **массовая перестройка** его в крупное социалистическое хозяйство»[1]. И дальше: «Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые на деле способны **освободить женщину,** на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни. Эти средства не новы,

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 343.

они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых,—что особенно важно—либо **торгашескими** предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо «акробатством буржуазной благотворительности», которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали» [1].

В этих словах Владимира Ильича с обычной для него гениальной простотой и ясностью не только исчерпывающе обрисовано самое существенное в положении женщины, но и дана отчетливая программа действий к изменению этого положения.

Много лет прошло с тех пор, как были написаны эти слова. Страна наша изменилась неузнаваемо, идя вперед гигантскими шагами под руководством партии и гениального, всеми трудящимися любимого вождя трудящихся всего мира товарища Сталина. На приеме колхозниц-ударниц свекловичных полей руководителями партии и правительства 10 ноября 1935 г. товарищ Сталин сказал слова, с непревзойденной ясностью характеризующие происшедшие в нашей стране великие, радостные перемены: «Товарищи, то, что мы сегодня видели здесь, это кусок новой жизни, той жизни, которая называется у нас колхозной, социалистической жизнью». «Мы слушали речи женщин не обычных, я бы сказал, женщин-героинь труда, потому что только героини труда могли добиться тех успехов, которых они добились. У нас не бывало раньше таких женщин». «Женщина в деревне была последней из трудящихся. Понятно, что в таких условиях героини труда среди женщин-крестьянок не могли появиться». «Трудоднями колхоз освободил женщину и сделал ее самостоятельной. Она теперь работает уже не на отца, пока она в девушках, не на мужа, когда она замужем, а прежде всего на себя работает. Вот это и значит, освобождение женщины-крестьянки, это и значит колхозный строй, который делает женщину трудовую равной всякому мужчине трудовому. Только на этой базе в этих условиях могли появиться такие великолепные женщины. Поэтому я сегодняшнюю встречу рассматриваю не просто, как обычную встречу передовых людей с членами правительства, а как торжественный день, когда демонстрируются успехи и способности освобожденного труда женщины» [2].

Социализм открыл перед женщиной радостную, широкую дорогу. Женщина в Советском союзе окружена заботой, любовью, настоящим товарищеским уважением.

В СССР воочию осуществляется гениальное предвидение одного из основоположников марксизма — Энгельса, который говорил:

«С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестает быть основной хозяйственной ячейкой общества. Частное домашнее хозяйство превращается в общественную промышленность. Уход за детьми и воспитание их становятся общественным делом; общество одинаково заботится о всех детях, брачных и внебрачных» [1].

Средства производства стали у нас «священной и неприкосновенной» общественной собственностью. Женщина «возвращена» у нас к общественному труду, она участвует в производстве «в крупном общественном масштабе», она работает и учится наравне с мужчиной, она со времени Великой октябрьской революции полноправна юридически и **фактически.**

Семья «является созданием общественного строя и будет отражать происходящие в нем изменения», — говорит Энгельс [2].

И наша советская семья — не семья буржуазная, не свободная, лицемерная, с ее денежно-коммерческим основанием и неизбежным дополнением в виде узаконенной и неузаконенной проституции. Наша семья — это та **высшая** форма семьи, о которой Маркс сказал: «Крупная промышленность, благодаря значительной роли, предоставляемой ею женщинам, подросткам и детям обоего пола в общественно-организованных процессах производства, вне домашнего обихода, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношений между собою обоих полов» [3].

Эта высшая форма семьи, эта коммунистическая семья, рождающаяся из единства и борьбы противоположностей на новой расширенной основе, вырастает не сразу, как не сразу исчезает «домашнее хозяйство». Но она **вырастает.**

У нас нет «небрачной» матери и «незаконного» ребенка. У нас просто «мать» и «ребенок», окруженные исключительной любовью, вниманием, заботой пролетарского государства. Советская женщина, советские дети — самые счастливые в мире! Советская женщина не знает зависимости от отца и мужа, не знает гнетущей заботы о завтрашнем дне, так как в СССР нет безработицы.

Женщина-мать в СССР смотрит в будущее уверенно. Она спокойна за себя и за своих детей. Помощь матери осуществляется целой сетью учреждений. На страже интересов ее и ее ребенка стоит целый ряд законов. Специальные детские учреждения дают женщине возможность воспитывать своих детей, оставаясь равноправным и равноценным членом общества. Средства на улучшение и увеличение числа учреждений, обслуживающих мать и ребенка, увеличиваются с каждым годом. Растет число яслей, детских садов, консультаций, родильных домов.

Советская женщина имеет дородовой и послеродовой отпуск с сохранением среднего заработка. Постепенно внедряется массовое обезболивание родов. Послеродовая смертность женщин составляет в Москве 1,8, в Ленинграде — 1,2 на тысячу рожениц. В Англии — 4,4, в Норвегии — 3,4 и по 25 штатам США — 5,5.

Социально-правовые кабинеты (в Москве их 40, в Ленинграде — 32, в Харькове — 18, в Одессе — 10 и т. д.) помогают матерям-одиночкам подыскать работу, найти квартиру,

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 344.
[2] «Известия» 11 ноября 1935 г. № 262 (5815).

[1] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 76.
[2] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 83.
[3] К. Маркс, Капитал, т. 1.

устроить ребенка в детское учреждение и т. п. и, наконец, они оказывают матери помощь в розыске скрывающегося отца, во взыскании алиментов, установлении отцовства, ибо в наследство от капитализма имеются еще у нас «отцы», которых надо «разыскивать».

Материнская доля в нашей стране стала радостной, и это результат сталинской заботы о трудящейся женщине, результат выполнения ленинского завета—втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из домашнего рабства.

Наряду со всеми мерами экономического и культурного порядка, мерами в государственном, общественном масштабе по улучшению материального положения матери и ребенка, по изжитию остатков гнилой, буржуазной морали социалистическое государство применяет и будет применять принуждение ко всем антиобщественным элементам, в том числе и к детоубийцам. В борьбе с нарушителями установленного правопорядка социалистическое государство опирается на поддержку всех трудящихся социалистического общества.

Борьба с детоубийствами должна итти и по линии профилактики и по линии уголовно-судебной. Обе стороны борьбы в главной своей части охвачены законом 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах».

По линии профилактической необходимо, следовательно, в первую очередь, чтобы наркомздравы союзных республик в установленный законом срок построили и ввели в эксплоатацию указанное количество родильных и ясельных коек и детских садов.

Финансовые органы должны своевременно обеспечить строительство.

За проведением означенных мероприятий должен быть систематический контроль исполнения. Кроме того должен быть проведен ряд мер по линии мобилизации общественности.

Прежде всего во всех учреждениях и колхозах нужно вести разъяснительную работу о значении матери в нашем обществе и о конкретных формах помощи ей со стороны государства.

Такую же работу надо вести среди домашних работниц. Стержнем этой работы должно быть воспитание в каждом гражданине СССР чувства моральной ответственности за каждое детоубийство, совершенное в непосредственно окружающей его среде: на работе, на квартире и т. д., чтобы каждый понял, что социалистическое общество осудит его за то, что вовремя он не помог советом или делом.

Нужно также принять конкретные меры для окончательного преодоления «стыда», из-за которого с нечеловеческими муками беременные женщины работают до последнего момента родов и родят в кошмарной обстановке, без посторонней помощи.

Социалистический строй обеспечивает непрерывное возрастание материального уровня трудящихся. У нас созданы все условия для того, чтобы обеспечить нужное стране количество родильных домов, детских яслей, консультаций и всех иных мер помощи матери и ребенку. Социалистический строй обеспечивает и то, что завтрашний день будет еще богаче, радостнее и счастливее для настоящих и будущих поколений, и тем актуальнее становится задача скорейшей ликвидации пережитков капитализма. Не должно быть детоубийств в Стране советов, в стране героинь, стахановок, как Евдокия и Мария Виноградовы, Одинцова, стрелочница Неудахина, Мария Демченко, Паша Ангелина, и сотни и тысячи других, в стране женщин, стойко борющихся за дальнейший подъем социалистического хозяйства, за несокрушимость социалистической обороны, за мир и честь Союза ССР.

С. БЕНЕНСОН и С. ЗИЛОВ

Привлечение к уголовной ответственности за неплатеж алиментов

Декрет 27 июня 1936 г. о запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам и т. п., имеющий исключительное значение в деле охраны материнства и младенчества, усилил наказание за неплатеж присужденных судом средств на содержание детей до 2 лет лишения свободы. Ряд руководящих статей печати центральных органов партии и правительства в период всенародного обсуждения декрета и в 1935 году — в период издания декрета 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности — призывал советские общественные организации «к беспощадной борьбе» с такими пережитками старого рабского прошлого, каким «является бесчеловечное отношение родителей к детям, злостное увиливание от платежа алиментов» (передовая «Правды» от 31 августа 1935 г.).

В эти годы, выполняя директивы партии и правительства, суды стали проводить более активную борьбу с лицами, преступно относящимися к своим родительским обязанностям, и со второй половины 1935 года значительно **увеличивается число алиментных дел по ст. 158 УК** в народных судах Московской области.

Если принять число осужденных по ст. 158 УК в первой половине 1934 г. за 100%, то в следующие полугодия получаем:

1934 г.		1935 г.		1936 г.	
1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.
100%	87,1%	93,3%	178,7%	225,1%	196,7%

Рост числа дел по ст. 158 УК свидетельствует отнюдь не об увеличении преступлений этого рода, а об активизации борьбы нарсудов со злостными неплательщиками алиментов.

Но этот рост наблюдается до второй половины 1936 года. После издания закона 27 июня 1936 г. число дел в нарсудах Московской области не только не увеличивается, но значительно уменьшается. То же по г. Москве, где снижение еще более резкое; резкое снижение и по отдельным районам Московской области: г. Туле, Дмитровскому району и другим.

Обращает также на себя внимание снижение числа алиментных гражданских дел по нарсудам Московской области за IV квартал 1936 г., что видно из нижеследующего:

Дела об алиментах в 1936 г.

I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал
100%	121%	175%	141%

Таким образом мы видим, что увеличение числа алиментных гражданских дел наблюдается вплоть до IV квартала 1936 г., когда число дел уменьшается.

Есть основание предполагать, что декрет 27 июня 1936 г., усиливший наказание за злостное уклонение от платежа алиментов до двух лет лишения свободы, оказал устрашающее влияние на отцов, укрывающихся от уплаты алиментов, и этот же декрет повлиял на сокращение числа тех, которые считали необходимым выполнять свои родительские обязанности по содержанию детей только на основании решений судов.

Это предположение подтверждают материалы, имеющиеся в распоряжении социально-правовых кабинетов охраны материнства и младенчества Москвы и Московской области. Немало отцов, систематически уклонявшихся от уплаты алиментов и разыскиваемых соцправовыми кабинетами, присылали в их адрес извещения о новом месте работы и жительства, а иногда и суммы задолженности по алиментам. Есть даже такой «трогательный случай», когда отец, ни копейки не плативший в течение 7 месяцев по исполнительному листу, прислал не только всю причитающуюся с него задолженность в сумме 700 руб., но еще 30 руб. «в подарок сынишке на елку» к новому году. (Исстрадавшаяся и озлобленная мать, несмотря на все уговоры юриста, отказалась эти деньги принять).

Остается пожалеть, что суд и прокуратура недостаточно мобилизуют общественное мнение вокруг алиментных дел: не практикуют выездных сессий по делам об алиментах на предприятиях и крупных учреждениях, не освещают этих дел в районной печати, не привлекают достаточного внимания массовых общественных организаций — профсоюзов и комсомола.

В целях выполнения основной задачи декрета 27 июня 1936 г. — оздоровления и укрепления советской семьи — необходимо, чтобы воспитательная работа нарсудов проводилась на показательных процессах по алиментным делам, особенно по делам злостного уклонения от платежа алиментов. Не менее ⅓ всех дел по ст. 158 УК должно слушаться на предприятиях. Этих дел не много (не более 200 в месяц в среднем по Московской области, около 100 — по всей Москве). Мы твердо уверены, что боязнь предстать перед своими товарищами по работе с обвинением в злостном неплатеже алиментов остановила бы очень многих трудящихся от невыполнения своих родительских обязанностей, особенно если приговоры или решения нарсудов будут появляться на страницах стенгазет предприятий или учреждений. Но для этого необходимо, чтобы нарсуды теснее связались как с фабзавместкомами, так и с органами охраны материнства и младенчества, которые должны активно участвовать в проведении показательных процессов.

При изучении дел по ст. 158 УК в нарсудах Московской области социально-правовое отделение Московского областного научно-исследовательского института оздоровления раннего детства фиксировало свое внимание **на изменении карательной политики судов в связи с декретом 27 июня 1936 г.** Одновременно изучались семейное и социальное положение обвиняемых и потерпевших, их заработок, прежняя судимость, длительность неплатежа алиментов, а также ряд процессуальных моментов: кем возбуждено дело, велось ли дознание и т. п.

Материал, которым мы располагаем, создался двояким путем: 1) выборкой данных по особой форме анкеты из дел Клинского и Серпуховского нарсудов за конец 1935 г. и самое начало 1936 г., предоставленных работникам социально-правового отделения Института ОРД московской областной прокуратурой; 2) выборкой по такой же анкете данных на местах за 1936 год в народных судах девяти районов Московской области, именно Дмитровского, Истринского, Ленинского (участок нарсуда в г. Люблино), Можайского, Раменского, Реутовского, г. Тулы, Ухтомского и Чернавского. Эти анкеты заполнялись работниками социально-правовых кабинетов перечисленных районов и, кроме того, бригадой социально-правового отделения института в г. Раменском.

Кроме того, по 10 районам мы получили от наших работников сводки о количестве дел по ст. 158 УК, прошедших в нарсудах за первое полугодие 1936 года (т. е. до изменения ст. 158 декретом 27 июня 1936 г.) и за III квартал 1936 г., т. е. после изменения.

К этому надо добавить статистические данные Мособлсуда.

На разработке всего этого материала и построен нами настоящий доклад.

Для углубленного изучения преступления, состоящего в злостном уклонении от платежа алиментов, преимущественное значение имеют анкеты, по которым выбраны подробные данные из подлинных дел.

Брачные отношения обвиняемых и потерпевших по ст. 158 УК представляют особый интерес, ибо при изучении дел невольно возникает вопрос, не объясняется ли злостное уклонение от платежа алиментов в значительной мере тем, что неплательщики алиментов отри-

цают отцовство, возникшее в результате случайных связей, или сомневаются в нем.

Статистические данные Мособлсуда не дают ответа на этот вопрос. Из 161 дела, изученного нами, в 141 есть указания на брачные отношения:

Брак зарегистрированный	67,4%
Брак фактический (незарегистр.) . . .	25,5%
Связь (брака не было)	7,1%
Итого . . .	100,0%

Мы видим, что около 70% отцов жило в зарегистрированном браке с матерью детей, только 7% — вне брака и 25% — в фактических брачных отношениях. Интересно сопоставить эти данные с полученными соцправовым отделением института в 1932 г. Из 5286 матерей, опрошенных в консультациях охраны материнства и младенчества г. Москвы, 81,5% жили зарегистрированным браком, 4,1% — вне брака и 14,4% — браком незарегистрированным. Как видим, в изученных нами делах (141) процент зарегистрированного брака несколько ниже.

Интересно привести еще данные проф. Люблинского по Ленинграду («Соц. законность» № 8 за 1936 г.): из 38 обвиняемых по ст. 158 УК 27 состояли в регистрированном браке, т. е. 77,1%, 5 — в фактическом браке, или 14,3%, и 3 стали отцами после кратковременной случайной связи — 8,6%.

Таким образом мы видим, что подавляющее число отцов, привлеченных к уголовной ответственности за неплатеж алиментов, жили в зарегистрированном браке с матерью детей.

Значительное число как обвиняемых, так и потерпевших — рабочие (60%) и работницы (66%). Служащих среди обвиняемых — 23%, среди потерпевших — 12%. Незначительно число колхозников (10%) и сравнительно больше колхозниц — потерпевших — 16%, принужденных просить о привлечении к уголовной ответственности мужей, ушедших на заработки на фабрики и заводы. Восемь обвиняемых совсем не работали во время суда.

Заработок родителей известен лишь в половине обследованных дел — 81; относительно матерей цифра еще ниже — 48.

	Отец	Мать
Не более 100 руб.	6%	33%
От 101 до 200 »	58%	65%
» 201 до 300 »	25%	2%
» 301 до 500 »	10%	—
Свыше 500 руб.	1%	—

Большинство отцов (73%) имеет ставку от 101 до 200 и от 201 до 300 руб. Действительный их заработок, несомненно, значительно выше. Довольно значительный процент — 10— имеет заработок свыше 300 руб. У матерей заработок почти не превышает 200 руб. — 98%.

Семейное положение обвиняемых по ст. 158. Неплательщики алиментов часто ссылаются на большое количество иждивенцев, которых они имеют сверх ребенка или детей, которым они должны платить алименты. Поэтому интересно выяснить, сколько иждивенцев было у обвиняемых. Эти данные имелись в 139 делах. Оказывается, что больше **трети** (34,5% — одиночки и не имеют **никого** на иждивении, 22,3% имеют на иждивении одного человека (жену, ребенка, мать и пр.), столько же — 22,3% имеют 2 иждивенцев, 15 обвиняемых имеют по 3 человека на иждивении, 9 — по 4 и 5 обвиняемых — по 5 и более иждивенцев. В этот подсчет иждивенцев не вошли те дети, которым обвиняемые не платили алиментов, за что они и были привлечены к ответственности по ст. 158 УК. Таким образом 34,5 + 22,3%, т. е. 56,8% **злостных неплательщиков алиментов — это те, у кого совсем нет иждивенцев или у кого не больше 1 иждивенца.**

Что же касается семей, которых обвиняемые оставили без поддержки, то сведения о них имеются в 155 делах: 68% имели по 1 ребенку, на которого они не платили алиментов, 23% не платили на 2 детей каждый, 5% обвиняемых не выполняли своих алиментных обязанностей в отношении 3 детей, 1% имел 4 детей и 2% по 5 детей, на которых они не платили. Всего у 152 алиментщиков было 218 детей. Трое были привлечены к ответственности за неуплату алиментов своим матерям, что противоречит закону [1].

Размер алиментов. Не во всех делах имеются точные указания на размер алиментов, которые должны были платить обвиняемые. По 6 делам видно, что ранее алименты не были присуждены. В делах, где размер алиментов указан суммарно на 2 или нескольких детей, мы вычислили, сколько приходится на одного ребенка. По выборкам из 145 дел составлена следующая таблица.

Размер алиментов	Число неплательщиков
Менее 10 рублей	5%
От 10 до 25 рублей	47%
» 26 » 50 »	30%
» 51 » 75 »	15%
» 75 » 100 »	3%
Свыше 100 »	—

Размер алиментов вычислен на одного ребенка. Как видим, алименты были присуждены в незначительных размерах: около 50% должны были платить на одного ребенка только от 10 до 25 руб. в месяц.

Сколько времени обвиняемый не платил алиментов? В 29 делах нет сведений, дающих ответ на этот вопрос. Остальные 132 неплательщика по времени, в течение которого они не платили алиментов, распределяются следующим образом.

Продолжительность неплатежа алиментов

Неплатеж	В процентах
До 3 месяцев	6
От 3 до 6 мес.	19
» 6 м. до 1 г.	29
» 1 г. до 2 лет	19
» 2 лет до 3 лет	9
» 3 лет	18

[1] Дело № 358 от 26 марта 1936 г. Серпуховского нарсуда по обвинению Хорева прекращено в УКК Мособлсуда. По двум другим кассационные жалобы не подавались.

Более трех лет не платила почти ⅙ часть обвиняемых. В эту графу включены те, кто не платил от 3 до 9 лет. Почти половина обвиняемых не платила больше одного года, три четверти — больше полугода.

Очевидно, мать долгое время не решается обратиться в суд с просьбой о принятии уголовных мер против отца детей, и это вполне понятно.

Предшествующая судимость. Данные Московского областного суда дают возможность судить о прежней судимости лиц, осужденных в 1935 и 1936 гг. по ст. 158 УК. К сожалению, эти данные не говорят отдельно о рецидиве по ст. 158 УК, а только выделяют лиц, судившихся за преступления против личности.

Среди лиц, осужденных по ст. 158 УК, процент судившихся ранее почти одинаков по кварталам года и составляет в 1935 г. — 22 и в 1936 г. — 25. Четвертая часть из них судилась раньше за преступления против личности.

Число лиц с предшествующей судимостью дает высокий процент по отдельным районам Московской области. Из 161 обвиняемого, дела которых мы изучили, судились ранее 40%, или 52 лица. В 29 делах нет данных о предшествующей судимости. Если даже предположить, что все 29 обвиняемых ранее не судились, то все же получим 32%, — как видим, процент очень высокий.

Из 52 человек 11 судились ранее за хулиганство, причем большинство из них хулиганили в семье, избивая жену на глазах у детей.

Рецидивистов (по ст. 158 УК) — 21, почти 16% обвиняемых, предшествующая судимость которых известна, или 13% по отношению ко всем судившимся, причем несколько обвиняемых (3) были привлечены по ст. 158 УК в третий раз.

Ниже мы проанализируем приговоры судов по делам о рецидивистах. Сейчас мы хотим отметить, что по брачному и семейному положению рецидивисты мало отличаются от других обвиняемых. Около 70% жили зарегистрированным браком с матерью детей, больше 50% — одинокие или имеющие на иждивении не более 1 человека; 60% обвиняемых не платили на содержание 1 ребенка.

Брачность

Брак зарегистрирован	14
» незарегистрирован	4
Случайная связь	3
Неизвестн.	1

Число иждивенцев

Одинокие или имеют жену	7
Имеют 1 ребенка	2
» 2 детей	4
» 3 »	5
Неизвестн.	3

На сколько детей не платили

На 1 ребенка	12
» 2 детей	7
» 3 »	1
» 5 »	1

Кем возбуждено дело по ст. 158 УК. 84,5% дел возбудились или матерью ребенка (80%) или другими родственниками, на попечении которых ребенок находился (4,5%), судебным исполнителем возбуждено 11% дел, народным судом — 0,5%; прокурором — 0,5%, прочими — 2,5%.

Приблизительно такую же картину рисуют сводки, составленные по карточкам и делам нарсудов. Только по карточкам нарсуда Раменского района числится 46 дел (из 94 за 11 месяцев 1936 г.), возбужденных нарсудом и судисполнителем. Необычные 50% объясняются тем, что в I квартале 1936 г. нарсудом была произведена проверка взыскания алиментов расчетной частью крупной фабрики «Красное знамя» Раменского района. В результате проверки 25 рабочих разысканы нарсудом, привлечены к уголовной ответственности и осуждены. Инициативу Раменского нарсуда в деле проверки взыскания алиментов и привлечения к уголовной ответственности злостных неплательщиков надо поддержать и другим судам.

Нельзя не отметить, что некоторые нарсуды проявляют достаточную инициативу в деле привлечения к уголовной ответственности по ст. 158 УК: так, например, нарсудом Можайского района Московской области возбуждено 8 из 13 дел и нарсудами г. Тулы — 15 из 56.

Однако же на основании материалов, полученных на местах, можно с неоспоримостью утверждать, что **инициатива** судебных исполнителей и нарсудей в некоторых районах Московской области равна нулю. Так, в Реутовском районе с большим женским рабочим населением из 24 дел по ст. 158 УК, изученных нами, нет ни одного дела, возбужденного по инициативе суда или судисполнителя.

Мы не склонны объяснять исключительно инициативой суда те случаи, в которых по анкетам или сводкам значится, что дело возбуждено судисполнителем (или нарсудом), так как большей частью инициатива все же принадлежит матери: она письменно или словесно обратилась с жалобой на неполучение присужденных ей алиментов, но все-таки в этих случаях судисполнитель или нарсудья проявили известную деятельность для того, чтобы дать делу надлежащий ход.

Дело, в котором проявлена инициатива в чистом виде по собственному почину, без жалобы взыскательницы (если не считать нарсуда Раменского района), у нас имеется только одно: нарсудья Клинского района, рассматривая 16 июля 1935 г. дело об увеличении размера алиментов, которые были присуждены в сумме 10 руб. в месяц на 1 ребенка от зарегистрированного брака колхознице Федоровой, усмотрел, что отец 4 года скрывался и накопил 438 руб. задолженности, вследствие чего и возбудил против него обвинение по ст. 158 УК, закончившееся 10 января 1936 г. присуждением

к 3 месяцам исправительно-трудовых работ условно со взысканием задолженности, которая к тому времени уменьшилась до 250 руб., несмотря на то, что алименты были увеличены вдвое.

Таким образом, можно притти к выводу, что дела по ст. 158 УК возбуждаются почти исключительно по жалобам матерей или других родственников, вследствие смерти матери проявляющих заботу о ребенке. Между тем дело должно было бы быть поставлено совершенно иначе. В ст.ст. 10 и 11 УПК, перечисляющих дела, которые возбуждаются в уголовном порядке исключительно по жалобам потерпевших (так называемые дела частного обвинения), ст. 158 УК не указана.

Отсюда следует, что судиспо,нители, нарсуды, прокуроры и т. д. должны возбуждать обвинение всякий раз, как они усмотрят задолженность по алиментам или нарушение требований, указанных в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июня 1928 г. «О мерах к реальному взысканию алиментов» (т. е. выезд из прежнего места жительства без указания взыскателю или учреждению, предприятию, либо судебному исполнителю нового места жительства, несообщение тем же лицам и органам о новом месте работы, об увеличении заработка, например, о работе по совместительству, что имеет особое значение в настоящее время, когда алименты присуждаются в долях полного заработка).

Суды, исполнители и прочие не только не возбуждают сами дел в перечисленных случаях по ст. 158 УК, но даже при наличии жалоб матерей, указывающих на злостное уклонение от платежа присужденных алиментов, иногда не направляют дела в уголовном порядке. Это тем более непонятно, что, как известно, матери очень неохотно начинают уголовные дела против неплательщиков, предпочитая переждать несколько месяцев, рассчитывая, что отец, уклоняющийся от платежа алиментов, как-нибудь обнаружится и сам возобновит уплату их, или станет возможным вновь производить удержание по исполнительному листу.

Для иллюстрации такого неправильного отношения к жалобам матерей можно привести дело № 502—656 того же Раменского нарсуда, который привлек 25 отцов при проверке взыскания алиментов: Гуричева 14 мая 1936 г. подает заявление по ст. 158 УК, указывая, что отец ее двух детей не платит на их содержание с 23 марта 1936 г., а до этого платил неаккуратно. Дело заводится как гражданское, и выдается исполнительный лист в порядке ст. 24 Кодекса законов о браке, семье и опеке. Дело три раза назначается к слушанию: 5 июля, 23 июля и 14 августа. Первые два раза никто не явился, а третий раз присуждается ¼ зарплаты. Почему обвиняемый не был привлечен по ст. 158 УК?

Дознание. По большинству дел (86%) велось расследование; по 14% дел расследования не велось. Начиная с III квартала 1936 г., по всем делам производится расследование согласно постановлению Верхсуда РСФСР от 8 августа 1936 г. (прот. 42, п. 15).

Не касаясь вопроса о качестве расследования, необходимо остановиться на двух моментах: 1) производство расследования не должно задерживать взыскания алиментов, если его можно возобновить; 2) действия органов расследования должны быть прежде всего направлены к тому, чтобы обнаружить место работы, источник доходов и имущество неплательщиков алиментов, на которые можно было бы обратить взыскание для погашения задолженности по алиментным делам; эти данные должны быть органами расследования немедленно сообщены взыскательнице. По этим соображениям не следует прилагать к дознаниям исполнительные листы на взыскание алиментов, а только указывать номер исполнительного листа, дату решения суда и размер присужденных алиментов. Органы милиции поступают неправильно, требуя приобщения исполнительного листа к актам дознания, которые в поисках обвиняемого путешествуют по всему Союзу ССР, вследствие чего мать в случаях возвращения должника в место ее жительства или обнаружения места его работы бывает лишена возможности возобновить взыскание алиментов.

Приговор. Данные Мособлсуда, которыми мы располагаем, не дают представления о количестве оправданных судами или о числе прекращенных судами дел. По данным сводок 11 районов:

Всего дел	321	100,0%
Из них:		
Прекращено дел	39	12,1%
Оправдано	34	10,6%
Итого . . .	73	22,7%

Итак, почти четверть всех дел по ст. 158 УК, поступивших на рассмотрение нарсудов Московской области, кончается ничем в полном смысле слова.

Целый ряд оправдательных приговоров должен быть признан неправильным. Если за отцом числится задолженность по алиментам и если установлено, что он мог своевременно платить на содержание своих детей, то не может быть никаких оснований для вынесения оправдательного приговора или постановления о прекращении дела. В лучшем для обвиняемого случае, если он, например, погасил всю задолженность ко дню разбора дела, может быть назначено общественное порицание или условно-исправительно-трудовые работы. Тем более нельзя выносить оправдания при наличии указанных моментов для рецидивистов. Между тем мы имеем 1 оправдание, 1 предупреждение и 1 прекращение для рецидивистов по ст. 158 (3 и 21 приговор). Раменским нарсудом оправдан (д. № 501—180 11 декабря 1936 г.) Кузнецов, рабочий совхоза «Гигант», отбывший по ст. 158 4 месяца испр.-труд. работ в 1935 году, и вновь не плативший в течение одного года 50 руб. алиментов на 2 детей от зарегистрированного брака; по отбытии наказания по ст. 158 Кузнецов скрывался, а когда бывшая жена нашла его в совхозе, уплатил в апреле 20 руб., в мае — 40 руб., в июне — 80 руб. Правильнее было бы не оправдать Кузнецова, а вынести условный приговор. Ведь после вынесения оправдательного приговора нет уверенности в том, что Кузнецов будет платить алименты, раз сокрытие места работы остается безнаказанным.

Реутовский нарсуд (д. № 401—86) выносит предупреждение рабочему Пискареву, судившемуся ранее по ст. 158 (мера неизвестна), вновь 4 месяца неплатящему алиментов (20 руб. в месяц) на 1 ребенка от зарегистрированного брака, причем в приговоре добавляется: «с обязательством погасить задолженность в 2 месяца». Между тем при ставке Пискарева в 160 руб. в месяц с него могла быть и без уголовного дела в один месяц удержана вся задолженность.

Можайским нарсудом (д. № 51 1936 г.) оправдан счетовод Тюрин на том основании, что «потерпевшая знала, где обвиняемый работал», «обвиняемый не уклонялся от уплаты алиментов, и задолженность значится за ним только а февраль 1935 г.». Между тем обстоятельства дела таковы: 5 июля 1936 г. с Тюрина присуждено 30 руб. на 1 ребенка. Он взял у истицы исполнительный лист для исполнения и его «потерял». Когда в сентябре истица передала дело прокурору, Тюрин уплатил ей 25 сентября в один день, по двум распискам, 31 и 50 руб. Последнюю цифру он переделывает на 150 руб. На дознании он сознался в подлоге. В январе он платит 90 руб., в феврале— 40 руб. Таким образом задолженность ко дню слушания дела действительно оказалась погашенной, **но злостность,** выразившаяся в уничтожении исполнительного листа и попытке обмануть посредством подделки расписки, должна была быть наказана, тем более, что крупные взносы после обращения в прокуратуру и когда обнаружился подлог, явно свидетельствуют о том, что Тюрин имел возможность регулярно платить алименты.

Реутовский нарсуд (д. № 401—154) оправдывает 2 марта 1936 г. Логина, с 1 октября 1936 г. не платившего бывшей жене, живущей в Мордовской АССР, 50 руб. алиментов на 1 ребенка. Основанием для оправдания приведено то, что обвиняемый заявил, что ребенок от первой жены живет теперь у него. Никаких доказательств этого в деле нет [1].

Недопустимо оправдание и прекращение дел, если злостность неплатежа алиментов доказана. Необходимо понять, что если лица, злостно уклоняющиеся от выполнения своих родительских обязанностей, могут надеяться на оправдание или даже на прекращение их дел в 20% случаев, — борьба с неплательщиками алиментов не может вестись успешно.

Не надо забывать, что с просьбой о привлечении к уголовной ответственности в огромном большинстве случаев мать обращается только тогда, когда иные мирные способы получения алиментов исчерпаны. И это вполне понятно, ибо привлечение к уголовной ответственности может повлечь за собой лишение свободы, а значит и окончательную потерю материальной поддержки на значительный период времени. Нет никакого сомнения, что число дел по ст. 158 УК не соответствует числу случаев действительного уклонения от платежа алиментов. В частности, те лица, которые после присуждения с них алиментов переменили место жительства или работы и не сообщат об этом взыскательнице, совершенно не привлекаются к ответственности, если только, спустя известное время, которое потрачено было матерью на розыски неплательщика или места его работы, удается снова взыскивать алименты.

Ни одного случая привлечения к уголовной ответственности за нарушение постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июня 1928 г. мы не нашли в делах нарсудов Московской области за 1936 г., как не нашли и ранее, при изучении дел по ст. 158 УК в нарсудах г. Москвы за 1932 г.

Очевидно, постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июня 1928 г., имеющее огромное значение в деле взыскания алиментов, забыто судами: оно не доводится до сведения лиц, обязанных к платежу алиментов.

Нам кажется совершенно необходимым при вынесении решения по **каждому алиментному делу разъяснять ответчику его обязанность** извещать мать ребенка о всякой перемене жительства и места работы, а также предупреждать его об ответственности за злостное уклонение от платежа алиментов.

Следует считать совершенно неправильным мнение некоторых нарсудей о том, что только длительный неплатеж алиментов свидетельствует о наличии злостности со стороны должника. Едва ли нам следует подражать в этом деле Франции, которая законом 10 февраля 1924 г. установила уголовное наказание за неплатеж алиментов лишь для тех, кто **«умышленно более трех месяцев** оставит без погашения срочные платежи алиментов».

Мы убеждены, что число скрывающихся от уплаты алиментов значительно сократится, если по ст. 158 УК будут привлекаться все те отцы, которые бросают место работы тотчас после поступления туда исполнительного листа на взыскание алиментов с явной целью затруднить возможность получения присужденных с них средств на содержание ребенка.

Изменение карательной политики нарсудов после издания закона 27 июня 1936 г. Число лиц, приговоренных к лишению свободы в I и II кварталах 1935 г., составляет всего 1,3% всех приговоренных к лишению свободы.

Начиная с III квартала 1935 г., число это значительно увеличивается до 14,1%, в III—IV кварталах 1935 г. и достигает 30,3% в IV квартале 1936 г. Здесь несомненное влияние декрета 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности, проекта закона об алиментах 1935 г. и проекта закона о запрещении абортов. Влияние закона 27 июня 1936 г. сказывается и в увеличении числа лиц, приговоренных в IV квартале 1936 г. к 2 годам лишения свободы, — 41% всех осужденных к этому виду наказания, в то время как в III квартале 1936 г. число осужденных к 2 годам лишения свободы достигало только 18,4%.

Соответственно увеличению числа лиц, приговоренных к лишению свободы, уменьшается процент осужденных к исправ.-труд. работам с 72,8 в начале 1935 г. до 42,7 в конце 1936 г. Против ожидания, сокращается количество приговоренных к исправ.-труд. работам на общих основаниях с 25,8% всех осужденных в I квартале 1936 г. до 20% в IV квартале этого года. Такие меры социальной защиты, как

[1] При изучении дел, затребованных Мособлпрокуратурой, в порядке надзора, по Серпуховскому и Клинскому районам, несколько оправдательных приговоров было опротестовано Мособлпрокуратурой на основании заключения работников Института.

штраф и общественное порицание, снизились с 4,7% в 1935 г.[1] до 0,5—1,5% во второй половине 1936 г. Условное осуждение применяется в одинаковой мере во второй половине 1935 г. и в конце 1936 г. — 25,5%.

Если мы от средних цифр по всей Московскои области обратимся к приговорам нарсудов отдельных районов области, то увидим, что закон 27 июня 1936 г. и всенародное его обсуждение мало отразились на практике нарсудов некоторых районов. Так, например, Можайский и Реутовский нарсуды почти не применяют лишения свободы. Реутовский нарсуд назначает исправ.-труд. работы с небольшим процентом удержания по месту работы даже при длительном неплатеже алиментов и большой сумме задолженности. В этом суде рабочий-слесарь со ставкой в 300 руб. в месяц, одинокий, не плативший в течение двух лет по 100 руб. в месяц на содержание двух детей, приговаривается к 6 месяцам исправ.-труд. работ с удержанием 10% и погашением задолженности в течение 6 месяцев (дело № 401—218 от 13 мая 1936 г.), или музыкант Золотухин (дело № 401—119), не имеющий никого на иждивении, не плативший в течение 3 лет по исполнительному листу (в размере 20 руб. в месяц), приговаривается судом к 6 месяцам исправ.-труд. работ по месту работы с удержанием 10%, хотя место работы обвиняемого не установлено.

Ряд судов злоупотребляет условными приговорами. Число условных приговоров по сводкам нарсудов восьми районов и по данным наших анкет достигает в среднем 41% (в то время как число лиц, приговоренных к лишению свободы, по сводкам восьми районов, в среднем почти соответствует данным Мособлсуда — 25,5% всех осужденных). По Раменскому району — с большим женским рабочим населением — число условных приговоров составляет 65,2% (45 из 69) всех осужденных, достигая 75% в III квартале 1936 г. По Истринскому району (с большой текстильной фабрикой) число условно приговоренных составляет 47% (13 из 28). Много условно приговоренных по Ухтомскому рабочему району, ближайшему к г. Москве.

Необходимо подробно остановиться на условных приговорах, выносимых Раменским и Ухтомским нарсудами. Раменский нарсуд 29 марта 1936 г. по делу № В—501—204 (и многим другим) выносит следующий приговор: «Обвиняемого Егорова подвергнуть по ст. 158 УК уголовному наказанию — лишению свободы сроком на 6 месяцев... считать приговор условным до 1 декабря 1936 г. К указанному сроку обязать Егорова погасить задолженность по исполнительному листу с мая по август в сумме 525 руб. В случае непогашения задолженности в указанный срок приговор привести в исполнение; по уплате судимость будет снята».

Ухтомский нарсуд по делу № 421—298 (и другим) от 28 июня 1936 г., приговаривая Ковыленко к 6 месяцам лишения свободы, постановляет отсрочить приговор до 1 сентября 1936 г. и в случае уплаты к этому сроку всей суммы задолженности в 1600 руб. и аккуратного платежа в дальнейшем поставить вопрос об аннулировании приговора в порядке ст. 461 УК, очевидно, с вызовом сторон в судебное заседание.

К сожалению, нам не удалось собрать полные данные о том, как приводятся в исполнение эти своеобразные условные приговоры нарсудов. Вполне понятно, что по этим делам судья должен особенно зорко следить за тем, погашается ли задолженность в назначенный судом срок. Но вот из 12 лиц, приговоренных Раменским нарсудом в III квартале к лишению свободы условно, 7 человек не уплатили к сроку задолженности,[1] и суд никаких мер по отношению к этим лицам не принял. Народные суды считают, что условные приговоры с обязательством погашения задолженности к назначенному сроку лучше обеспечивают мать, но к чему приводят эти приговоры, если суд не следит за их исполнением?

Уверенность в том, что задолженность будет непременно погашена, повидимому, так велика, что имеется даже приговор о лишении свободы без указания срока (дело № 329—192 Ухтомского нарсуда).

Необходимо отметить, что эти своеобразные условные приговоры не удовлетворяют требованиям Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов. Ст. 53 УК (ч. 2) устанавливает прежде всего, что «испытательный срок не может быть меньше одного года».

Между тем в условных приговорах, о которых мы говорили, нарсуды дают более краткие сроки для погашения задолженности и считают, что после ее погашения всякая судимость считается снятой. Далее, ст. 55 п. «б» УК признает не имеющими судимости «лиц, которые в течение назначенного судом испытательного срока не совершили нового, не менее тяжкого преступления». И этому требованию не удовлетворяет практика нарсудов, выносящих указанные выше условные приговоры по ст. 158, так как она узаконила снятие судимости при исполнении только одного условия, именно — уплаты задолженности по алиментам, реже — при исполнении двух условий: погашения задолженности и исправного платежа текущих платежей алиментов; совершение же какого-либо другого (не менее тяжкого) преступления не вызовет, судя по редакции приговора, применения ст. 54 УК и ст. 464 УПК, т. е. отмены условного осуждения.

Наконец, неправилен и порядок отмены условности вынесенного приговора. Если задолженность не будет погашена осужденным в указанный срок, или текущие платежи не будут своевременно вноситься осужденным, нельзя механически обращать к исполнению приговор, а в силу ст. 54 УК необходимы новое привлечение к ответственности по ст. 158 УК с соблюдением всех процессуальных правил и новое осуждение неплательщика алиментов.

Не возражая против применения условности в значительном числе дел по ст. 158 УК вообще, если это преступление совершено в первый раз и если обвиняемым не проявлено особой злостности, мы возражаем против того, чтобы эти условные приговоры сопровождались условием погашения задолженности по

[1] Штраф — 1,5%; общественное порицание — 3,2%.

[1] В делах нет никаких данных об уплате задолженности этими семью лицами.

алиментам к известному сроку, так как это не предусмотрено законом и так как мы должны требовать точного соблюдения требований УК и УПК относительно условных приговоров. Тем менее допустимо это «правотворчество» нарсудов в настоящее время, после принятия Сталинской Конституции и постановления 56 пленума Верхсуда Союза ССР («нарушение процессуальных норм со стороны органов суда является абсолютно недопустимым»).

Мы считаем необходимым особо остановиться **на приговорах** судов в отношении **рецидивистов.** Из 21 обвиняемого рецидивиста (13% от 161 изученного нами дела) только 9 приговорены к лишению свободы и 4 к исправ.-труд. работам на общих основаниях, т. е. 13 из 21, остальные — к исправ.-труд. работам по месту работы, к условному осуждению и даже к предупреждению, причем карательная санкция судов мало изменилась после декрета 27 июня 1936 г., что видно из нижеследующей таблицы:

	Приговорены рецидивисты	Из них после закона 27 июня 1936 г.
Лишение свободы . . .	7	2
Лишение свободы с поглощением приговоров по ст. 74 УК . .	1	—
И.-т. работы на общих основаниях . . .	4	—
И.-т. работы по месту работы	3	1
Условное осуждение	3	2
Оправдан — 1, прекращен — 1, предупр. 1.	3	1

Из двух рецидивистов, приговоренных после декрета 27 июня 1936 г. к лишению свободы, один был приговорен (нарсудом Раменского района) к 2 годам, но Мособлсуд снизил ему наказание до 6 месяцев лишения свободы. Предшествующие приговоры тех же обвиняемых были исправ.-труд. работы и только в одном случае — лишение свободы. Из 21 обвиняемого рецидивиста по ст. 158 УК 5 судилось еще и за другие преступления (из них 3 за хулиганство) и, как мы отметили выше, 3 судились по ст. 158 УК в третий раз.

Следует ли признать правильной карательную политику судов в отношении рецидивистов, злостно уклоняющихся от платежа алиментов? Мы убеждены, что по отношению к ним возможно только одно наказание: лишение свободы и притом на длительный срок. Излишне добавлять, что особенно желательно заслушивать дела о рецидивистах в выездных сессиях на фабриках и заводах.

Несколько слов о редакции приговора. Она оставляет желать лучшего. Мотивировка приговора почти никогда не объясняет, почему дано лишение свободы, или почему назначены исправ.-труд. работы, или применено условное осуждение. Особенно это бросается в глаза при больших сроках лишения свободы, и областной суд смягчает наказание, может быть, вследствие отсутствия такой мотивировки.

В приговорах желательно было бы всегда отражать семейное положение обвиняемого как в отношении той семьи, с которой он живет, так и в отношении той семьи, которую обвиняемый не поддерживает.

Желательно также всегда видеть из приговора, не только «судим по такой-то статье», но и какое наказание получил и отбыл ли его.

Это особенно важно в отношении рецидивистов по ст. 158. Заработок обвиняемого желательно было бы указывать не в размере ставки, а полный и за время, пока не платились алименты, так как это ярче обрисовывает злостность неплатежа или затруднительность для обвиняемого аккуратно вносить присужденные алименты.

Исполнение приговоров часто задерживается, однако же по отметкам в делах трудно бывает установить своевременность обращения к исполнению: отсутствует дата, иногда нет вовсе отметки в деле. Так, например, в Реутовском нарсуде из 12 приговоров, подлежащих исполнению, 2 обращены к исполнению своевременно, 4—с опозданием, по 3 делам неизвестно, когда сообщено об исполнении, в 3 делах нет отметок об исполнении. Едва ли правильно считать приговор приведенным в исполнение, если об этом сообщено бюро исправ.-труд. работ и пр.

Правильнее было бы по каждому делу иметь сообщение бюро исправ.-труд. работ о том, что выписка из приговора получена и что исправительные работы осуществляются, или места лишения свободы о том, что осужденный поступил в него.

Б. МАНЬКОВСКИЙ

Против троцкистской клеветы в теории государства и права

I.

Перед общей теорией социалистического права сейчас стоят огромные политические задачи. Как известно, враги народа особенно специализировались на извращении и фальсификации марксистской методологии права. Теоретическая разработка проблем общей теории права была монополизирована бухаринско-троцкистской «школкой» во главе с Пашуканисом. Благодаря политической беспечности правовиков, эта фашистская банда «теоретиков» хозяйничала на правовом фронте, что принесло огромный ущерб теоретической разработке социалистического права. Теоретические работники правового фронта, изучающие вопросы конкретных областей права, фактически самоустранились от участия в разработке общей теории права, что еще в большей мере закрепляло монополию за «школкой» Пашуканиса на разработку методологии права.

В «Правде» в статье Юдина еще в феврале была вскрыта вредительская сущность «теории» Пашуканиса. Казалось бы, специалисты по вопросам общей теории права должны были дать ряд выступлений в печати, чтобы полностью выкорчевать влияние вредительских теорий в советском праве. Однако до сих пор самокритика по общей теории права развертывается весьма медленно, хотя в ряде работ мы находим систему троцкистских и право-реставраторских взглядов по вопросу о государстве и праве. Ярким примером может служить книжка П. Н. Галанзы «Психологическая теория права и марксизм» [1].

До настоящего времени автор этой книжки упорно и всячески пытается замазать троцкистские «установки» своей работы. Так, например, в Минске в юридическом институте по докладу о положении на правовом фронте (14 июня 1937 г.) выступавший в прениях Галанза стал на путь сведения своих «ошибок» к неудачному стилю и терминологии. Галанза утверждал, что его работа стилистически неудачно изложена, в силу чего трудно установить, где излагаются взгляды Петрожицкого и где идет речь о заключениях самого автора. Это утверждение далеко не отвечает действительности: Галанза в своей книжке развивает систему троцкистских и право-реставраторских «теорий». Эта книжка ярко на себе выражает влияние контрреволюционных «теорий» врага народа Пашуканиса.

II.

Галанза, прежде всего, касается значения работ Маркса и Энгельса по вопросам теории права. «Что касается права и государства— пишет Галанза, — то... вопрос о природе права еще очень не ясен и в нашей марксистской литературе. Оставшиеся отрывочные замечания **Маркса** и **Энгельса** требуют еще приведения в систему их воззрений на этот предмет, а целый ряд этих замечаний при поверхностном к ним отношении как будто даже дают большой козырь в руки психологистов» (стр. 113). Разве подобные утверждения Галанзы не являются клеветой на марксизм?

Фальсификацию марксизма-ленинизма Галанза проводит самым беззастенчивым образом. Галанза делает «открытие»: при чтении Маркса и Энгельса по вопросам права якобы создается впечатление, что основоположники научного социализма стоят на точке зрения психологической теории права. Галанза в своей работе, очевидно, полагает, что эти отрывочные суждения Маркса и Энгельса он, наконец, привел в систему.

В достаточной мере известно, что в работах Маркса и Энгельса мы имеем глубокий анализ основных проблем права. С точки же зрения Галанзы, эти работы требуют еще «авторитетной» систематизации. Так с троцкистских позиций клевещет Галанза на работы основоположников научного социализма.

Для разоблачения всей реакционной сущности психологической школы права огромное значение имеют также работы Ленина и Сталина. В этих работах, как и в работах Маркса, Энгельса разоблачаются классовая природа буржуазного суда, роль и содержание институтов права и решаются основные вопросы права в эпоху социализма. Галанза, однако, эти работы замалчивает.

III.

По вопросу о государстве Галанза в своей работе развивает враждебные марксизму взгляды. По его мнению, «государство есть определенным образом организованная деятельность людей, подчиняющих свою волю воле господствующего класса» (стр. 170). Государство «представляет собой известный вид деятельности и взаимодействия людей, которые руководствуются известными нормами» (стр. 123).

Галанза замалчивает ленинскую постановку вопроса о государстве как дубинке в руках господствующего класса, о государстве как машине подавления и насилия. И читателю преподносится «теория» о том, что «государство есть определенным образом организованная деятельность людей». Галанза, вслед за Пашуканисом, выхолащивает классовую сущность государства и права. Под приведенным выше определением государства Галанзой подпишется любой фашистский «теоретик». Ведь теоретики корпоративного, тотального, авторитарного государства больше всего шумят о том, что государство — это высшая форма организованной деятельности людей. Социальная демагогия фашизма по вопросу о государстве в качестве важнейшего тезиса выдвигает

[1] П. Н. Галанза, «Психологическая теория права и марксизм» (Ученые записки Казанского государственного университета, 1929 год).

требование о преодолении в фашистском государстве классовой борьбы путем организации всей нации в единое целое, путем утверждения единой воли народа в государстве.

До сих пор Галанза не уяснил контрреволюционной сущности своих теорий, упорно отказывается от их разоблачения. Галанза ни словом не обмолвился о том, что государство — это машина угнетения и подавления. Он утверждает прямо противоположное, как приводилось выше, что в государстве определенным образом организованные люди **подчиняют свою волю воле господствующего класса.** Таким образом, речь идет не о подавлении эксплоатируемых, а о том, что последние подчиняют свою волю воле господствующего класса! Эти утверждения глубоко враждебны марксизму-ленинизму. Прямой вылазкой против ленинизма являются рассуждения Галанзы о вещественных придатках государства. Галанза пишет: «Но ведь никому не придет в голову отождествлять государство с чем-то вещественно осязаемым, вроде будки, шлагбаума, казармы, участка, ГПУ, так как это все — продукты деятельности людей, находящихся в известных отношениях» (стр. 117).

Конечно, государство не сводится к этим вещественным придаткам. Но весьма характерно для идеалистической теории Галанзы о государстве, что к этим вещественным придаткам государства он относится весьма пренебрежительно. Галанза абстрагируется от этих вещественных придатков государства и рассматривает государство не как орудие в классовой борьбе, а как форму организованной деятельности людей вообще. «Нельзя себе представить, — пишет Галанза, — ни права, ни государства в виде каких-то самостоятельных существ, воздействующих непосредственно на наши чувства. Если даже и приводятся всякого рода соображения относительно армии, полиции, тюрем и т. д., то это грубейший наивный реализм, модификация товарного фетишизма» (стр. 122). И эта «теория» преподносится читателю, как положение марксизма. Трактовка государства, как аппарата насилия оказывается, по мнению Галанзы, грубейшим наивным реализмом. Совершенно ясно, что автор полностью стоит на позициях реакционера Петражицкого (этот кадетствующий профессор, смертельный враг СССР, почему-то Галанзой рассматривается в качестве либерального буржуа!).

Ленин, освещая вопрос о сущности государства, пишет: «Энгельс развертывает понятие той «силы», которая называется государством, силы, происходящей из общества, но ставящей себя над ним, и все более и более отчуждающей себя от него. **В чем состоит, главным образом, эта сила? В особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и проч.»** [1].

Таким образом, Ленин суть государства, главную его силу видит в особых отрядах вооруженных людей. Эти истины марксизма, хорошо известные школьнику, ученый теоретик от юриспруденции квалифицирует как наивный реализм! Разве это не является ярчайшим примером юридического кретинизма, который пытается дать бой марксизму по центральной проблеме, по проблеме о государстве. Все эти «теории» Галанзы о государстве как об организованной деятельности людей, есть повторение органической теории Спенсера, которая, как писал Ленин, «кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы» [1].

Ярким примером пропаганды Галанзы в его книжке буржуазных теорий о государстве является рассуждение о «единой воле» государства. «И если даже, — пишет Галанза, — происходит революция, и один класс приходит на смену другому, это не колеблет правомочия притязаний этого субъекта права, так как единая воля **все-таки остается. Меняются только ее представители.** Другой класс только потому и приходит к власти, что первый перестал **выражать волю всего общества, — что его интересы разошлись с интересами всего общества»** (стр. 170). Следовательно, по мнению Галанзы, государство выражает волю всего общества. Другой класс приходит к власти только тогда, когда воля господствующего класса разошлась с волей всего общества. Это ведь типично идеалистические установки о государстве как выражении всеобщей воли. С этой точки зрения получается, что буржуазное государство выражает волю всего народа и оно только тогда будет уничтожено, когда его воля разойдется с волей всего народа. Стало быть, и фашистские государства выражают волю всего народа. Эти контрреволюционные выводы неизбежно вытекают из «теории» Галанзы, как бы он ни старался в невинном свете представить эти места своей брошюры. Насколько большое значение Галанза придает своей идеалистической теории о «единой воле», видно из того, что он ее кладет в основу своей «теории» о диктатуре пролетариата.

«При допущении фиктивности «общей воли» — пишет Галанза — ... подвергается опасности, и весьма серьезной теория диктатуры пролетариата, особенно в такой стране, где пролетариат представляет меньшинство» (стр. 161). Троцкистская сущность этих «теорий» очевидна. Эти «теории» весьма близки к тезисам троцкизма: пролетариат, будучи меньшинством в России, не устоит перед лицом консервативной Европы; отсюда отрицание возможности построения социализма в одной стране. Далее автор абстрагируется от классовой борьбы, и это неизбежно приводит к выводу, что диктатура пролетариата выражает также и волю классово враждебных элементов, ибо государство ведь выражает волю всего общества. Правда, Галанза чувствует, что его «теория» слишком обнажает свою идеалистическую сущность. Поэтому он спешит оговориться, что под «общей волей» здесь нужно понимать только волю трудящихся. Но все эти оговорки не спасают «теории» Галанзы, ибо они до конца враждебны марксизму-ленинизму. Марксообразной фразеологией Галанза всячески пытается маскировать антимарксистскую сущность своих «теорий».

Эклектизм всех этих «построений» Галанзы настолько значителен, что он, подобно ти-

[1] Ленин, Государство и революция, Партиздат ЦК ВКП(б), М. 1937 г., стр. 14. Разрядка моя. — Б. М.

[1] Там же, стр. 8.

пичному катедер-социалисту поднимает вопрос о **праве** пролетариата на революцию (стр. 161).

Своей теорией «единой воли» Галанза докатился до троцкистских утверждений о соотношении партии и государства. Отрицание «единой воли» государства, — пишет Галанза, — не дает возможности обосновать право на революцию. Галанза ставит на одну доску ВКП(б) с антисоветскими партиями. ВКП(б) наряду с другими партиями притязает на «монопольное» господство. Разве эти «теоретические изыскания» не являются формой дискредитации ВКП(б)? Разве эти «теории» не являются, по существу, отражением чаяний врагов диктатуры пролетариата о легализации антисоветских партий? Ведь здесь пропагандируется контрреволюционная оссовщина.

Троцкистские «теории» приводят автора к трактовке партии, как области насилия, приводят к выводу о диктатуре партии над пролетариатом, к отождествлению партийной и советской директивы. Галанза пишет, что «в нашем государстве все классы должны подчиняться директивам ВКП(б) не только за страх, но и за совесть». Таким образом, здесь утверждается о **подчинении ВКП(б)** всех классов, как будто ВКП(б) является аппаратом насилия, а не руководящей силой диктатуры пролетариата. К тому же, по мнению Галанзы, все классы должны ВКП(б) подчиняться не только за страх, но и за совесть. Следовательно, также и кулаки, другие классово враждебные элементы за «совесть» должны подчиняться ВКП(б). Так троцкистские утверждения Галанзы смыкаются с право-реставраторскими утверждениями о мирном врастании кулака в социализм, о затухающей кривой классовой борьбы.

В книжке Галанзы «Психологическая школа теории права и марксизм» вопрос о сущности государства, о диктатуре пролетариата, о партии освещается с позиций контрреволюционного троцкизма. Все эти «теории» являются клеветой на диктатуру пролетариата и большевистскую партию.

IV.

Как же решает Галанза вопрос о сущности права? Как строится им марксистская критика психологической теории права? Каковы классовые корни этой реакционной школы права?

На все эти вопросы Галанза дает ответ с бухаринско-троцкистской позиции бандита Пашуканиса. Пашуканис в «критике» психологической теории права ограничивается лишь положениями о реальности правовой формы. Пашуканис конечно не ставил вопроса о классовой сущности этой школы, являющейся выражением политической реакции в эпоху империализма. Пашуканис здесь целиком повторяет положения тех буржуазных теоретиков, которые отрицают трактовку права, как «фантазмы» и «проекцию». Пашуканис, опираясь на реставраторскую «теорию» Бухарина о «законе трудовых затрат», обосновывает положение о реальности правовой формы и дефетишизации правовых категорий. Известно, что Бухарин трактует закономерности развития экономики в эпоху диктатуры пролетариата, как закономерности буржуазного общества. Основным принципом экономики переходного периода является закон трудовых затрат, с которого в СССР сброшены мистифицирующие одежды закона стоимости. Эта антиисторическая, механистическая постановка Бухарина о законе трудовых затрат была проведена Пашуканисом и Старосельским также и в области права. Правовые категории советского права, это те же категории буржуазного права, только у нас они дефитишизированы. Реальность категорий права у нас полностью вскрывается путем сбрасывания мистифицирующих одежд, облекающих категорию права в буржуазном государстве. К этим установкам Пашуканиса, которые выхолащивают классовое содержание права, присоединился также враг народа Резунов в своей книжке «Марксизм и психологическая школа права». На этих же позициях целиком находится и Галанза, который пишет, что «моя работа посвящена одной проблеме — проблеме **реальности** права и государства и методологических приемов их изучения» (стр. 113). Галанза полагает, что марксистская критика психологической теории права ограничивается установлением реальности правовой формы. Под такой постановкой вопроса о реальности правовой формы вообще подпишется и фашист.

Марксист должен вскрыть политическую классовую сущность психологической теории права. А для этого необходимо проанализировать ту политическую обстановку, в которой возникла и развилась психологическая школа права. Работа Ленина «Империализм, как новейший этап капитализма» дает ключ для уяснения роли этой школы в буржуазном обществе, выражающей усиление политической реакции в эпоху империализма. Главную опасность психологической школы Галанза видит «в отрицании объективной реальности права и государства и превращения их в фантазмы сознания» (стр. 113). Так затушевывает Галанза политическую реакционность психологической школы права. Галанза старательно замалчивает работы Ленина, которые вскрывают усиление реакции в эпоху империализма по всей линии, что находит свое отражение и в теории права. Вопрос о политической сущности этой школы топится Галанзой в показной квази-учености.

Галанза в вопросе о праве стоит на позиции той же психологической теории права, причем, будучи эклектиком, он принимает к руководству гегелианские, кантиантские и махистские «установки» по вопросу о праве.

Подчеркивая реальность правовой формы, Галанза в то же время неоднократно указывает на неуловимость объективной реальности государства и права и что в силу этого создаются благоприятные предпосылки для развития психологической школы права. Но что это обозначает? Ведь если право объективно неуловимо, по мнению Галанзы, то не ясно ли, что оно является лишь «проекцией» и «фантазмой». Так зачем же было затевать сыр-бор и писать «марксистскую» критику психологической школы права? Здесь Галанза показывает, что сам-то он является подлинным психологистом и все его заклинания против психологической теории, — это только словесная трескотня, позволяющая под флагом якобы марксизма контрабандой протаскивать реакционнейшие теории права эпохи империализма.

Что Галанза в вопросе о существе права стоит на идеалистических, богдановских позициях, видно и из того, что, по его мнению, «Право... в основе своей — только совокупность известных регулятивных принципов, которыми люди руководятся в своих фактически возникающих отношениях» (стр. 123). Не случайно, поэтому, в основе правосознания в советском праве, по мнению Галанзы, лежат «коллективистические принципы» (стр. 127). Но какова же классовая природа права этих «коллективистических принципов»? На этот вопрос ответа не дается. Марксистско-ленинская теория права подменяется Галанзой махистской и богдановской тарабарщиной. Насколько махизм глубоко пронизывает всю работу Галанзы, видно из смешения им правовых явлений, как явлений социальных, с явлениями биологического порядка. Касаясь вопроса о различии «нормы» и «закона», Галанза пишет: «Нарушение норм, регулирующих свободный оборот во время «нэпа» (например, факты, имевшие место во время хлебозаготовок), вызывает такую же реакцию в общественной системе, как в организме голодовка, искусственное задержание важнейших отправлений, т. е. нарушение законов природы... И, если даже допустить, что «преступники» безнаказанно «нарушают» конституцию, уголовный и гражданский кодекс, а **власти бездействуют,** останется ли это без всякого следа и не вызовет ли это такой же бурной реакции, как отказ от сна, задержание мочи и т. д. (стр. 124). Так Галанза смешивает в одну кучу биологические и социальные явления, проводит кантиантские противопоставления «нормы» и «закона», т. е. признания закономерности только в природе и отрицание ее в обществе, где действуют нормы категорического императива. Отсюда становится понятным, почему Галанза такое огромное значение во всех своих «теориях» придает общечеловеческой значимости права. Кантовский категорический императив — основа этих построений Галанзы. Точно так же как для бытия диктатуры пролетариата нужно, по мнению Галанзы, наличие «общей воли», «права на революцию» и т. д., так и для бытия правовых и этических идеалов пролетариату прежде всего необходимо обоснование их общечеловеческой значимости. «Без этого невозможна, — пишет Галанза, — победоносная классовая борьба на идеологическом фронте» (стр. 116). Весьма характерно для правовых «теорий» Галанзы, что акцент им делается не на классовой природе права, а на его общечеловеческой значимости. Галанза не столько подчеркивает классовую сущность пролетарской морали, сколько общечеловеческую значимость норм морали вообще. Так, Галанза протаскивает кантиантские положения о морали, которым, как известно, придается большое значение в фашистской «философии» права.

После всего изложенного не приходится удивляться, когда Галанза клеветнически пишет, что «в нашем Уголовном и Гражданском кодексе имеются статьи, которые вполне естественно возмущают буржуазного юриста своей теоретической нечистоплотностью» (стр. 127). Тесная связь социалистического права и коммунистической морали расценивается Галанзой, как выражение теоретической нечистоплотности советского права. Надо поражаться, как до сих пор эта работа Галанзы не подвергалась сокрушительному разгрому. Групповщина и семейственность на правовом фронте, отсутствие большевистской самокритики здесь сказались исключительно ярко.

Галанза весьма подробно излагает теорию Петражицкого. Галанза особенно подчеркивает «заслуги» психологической школы в борьбе с нормативизмом (стр. 116), что является по существу апологетической оценкой этой школы. Примером партийной «заостренности» Галанзой критики теории Петражицкого, можно привести следующее место из его работы: «**Петражицкий,** разумеется, разделался с проблемой реальности права очень просто. Раз право не есть нечто такое, что может быть доступно восприятию внешних чувств, то сфера его пребывания может быть исключительно отыскана в психике. При этом тот путь, на который становится **Петражицкий,** является очень скользким не только для теории права, но и для наук, где мы даже имеем дело с непосредственным восприятием явлений при помощи внешних чувств» (стр. 128). Этого рода «критика» с реверансами похожа скорее на пропаганду реакционных теорий психологической школы. Путь Петражицкого оказывается «скользким», вот и вся политическая характеристика Галанзой этой «теории».

В книжке в таком же духе излагаются попытки Рейснера сочетать контрреволюционную теорию Петражицкого с марксизмом. Галанза замалчивает главное в теории Рейснера: его контрреволюционную теорию компромиссности советского права, выражения в советском праве интересов буржуазии, кулачества и т. д.

Книжка Галанзы является антипартийным, антимарксистским идеалистическим документом в самых своих основах. В своей работе Галанза развивает систему троцкистских, право-реставраторских, клеветнических утверждений о советском государстве и праве. На правовом фронте нужно до конца разоблачить влияние этих «теорий» на работы по советскому праву, ликвидируя политическую беспечность, развертывая подлинную большевистскую самокритику. Партийные и беспартийные большевики в теории права должны обеспечить разрешение тех громадных задач, которые ставит перед правовым фронтом Сталинская Конституция победившего социализма.

Н. ДУРМАНОВ

Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному законодательству

I

Вопрос о правильном применении положений советского уголовного закона о совокупности преступлений является частью более общей весьма важной проблемы о правильной и точной квалификации преступлений и строжайшей индивидуализации наказаний.

Советский уголовный закон, определяя понятие преступного, определяя наказания, которые должны быть положены за конкретные преступления, дает в Особенной части точно очерченные составы преступлений, различая их по роду и степени опасности и соответственно по характеру и тяжести наказания. Отсюда — правильная квалификация преступлений является существенным моментом в установлении судом от имени советского социалистического государства индивидуальной вины каждого совершившего преступления и соответственно в определении меры наказания.

Пренебрежительное отношение к вопросу о квалификации преступлений, рассуждения, что «все равно, по какой статье посадить, лишь бы применить правильно наказание» являются проявлением нигилистического отношения к советскому закону и зачастую вытекают из вредительских «концепций», в которых наше советское социалистическое право трактовалось как право буржуазное, как право отмирающее.

Значение правильной квалификации преступлений особенно выросло в последние годы.

Правильная квалификация преступлений — одно из важнейших условий правильного осуществления советской судебной политики.

Огромное значение правильная квалификация преступлений имеет для индивидуализации наказаний. Выбор судом статьи Уголовного кодекса, предусматривающей именно данное преступление, предопределяет вид и пределы наказания, которое может быть назначено судом.

Наконец, правовые последствия осуждения по различным статьям Уголовного кодекса далеко не одинаковы для осужденного.

Неправильное применение статьи закона означает и неправильное применение наказания. При изучении во Всесоюзном институте юридических наук дел о растратах и злоупотреблении властью или служебным положением было отмечено, что в ряде случаев суды не проводят достаточной грани между этими двумя преступлениями и допускают серьезные ошибки в квалификации. У некоторых судов замечается тенденция квалифицировать по статье о растрате только случаи присвоения или растраты должностным лицом вверенных ему денег или ценностей, не осложненные попытками тем или иным путем скрыть растрату. Наоборот, когда растратчик, совершая свое преступление, маскирует его путем, например, проведения по книгам фиктивных авансовых отчетов, путем замены ценностей, находящихся в его ведении, имитацией, путем списывания растраченных ценностей на распыл, усушку, утруску и т. д. и т. п., эти суды нередко квалифицируют преступление как злоупотребление служебным положением.

По существу же состав преступления здесь не изменяется, наоборот, растрата, осложненная указанными обстоятельствами, может рассматриваться как более злостная.

Между тем применение статьи 109 или 116 УК РСФСР имеет огромное значение при выборе меры наказания и влечет нередко различные правовые последствия для осужденного. В частности, по ст. 116 по общему правилу не могут применяться исправительно-трудовые работы; факт судимости по ст. 116 имеет гораздо большее значение, чем факт судимости по ст. 109 при разрешении вопросов о выдаче паспортов в определенных местностях, при приеме на работу, связанную с распоряжением или заведыванием деньгами или ценностями и т. п. Наконец, что особенно важно отметить, акты об амнистии, издаваемые законодательными органами СССР и союзных республик, неизменно изымают из амнистии растратчиков, как лиц посягающих на социалистическую собственность, им вверенную, тогда как на осужденных по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик эти акты об амнистии по общему правилу распространяются [1].

То же можно сказать и о взяточничестве. Несмотря на прямые указания партии и правительства и изданное в соответствии с ними указание Прокуратуры СССР от 16 декабря 1934 г. № 41-а о преследовании по ст.ст. 117 и 118 УК случаев замаскированного взяточничества, в частности, прикрывающегося названием «премирования», во многих случаях замаскированные формы взяточничества квалифицируются по ст. 109, что так же, как и в приведенном случае с неправильной квалификацией растраты, создает не соответствующее закону определение индивидуальной вины преступника, возможность неправильного применения наказания, отражается на правовых последствиях осуждения и в известной мере искажает картину динамики преступлений данного вида и применяемых мер наказания.

Вот почему практически важна правильная квалификация преступлений. В связи с этим большое значение имеет и вопрос о совокупности преступлений. Совокупность преступле-

[1] Так, постановление ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г. об амнистии в ознаменование десятилетия Октябрьской революции исключает из действия амнистии в частности злостных растратчиков и взяточников. Все 13 актов об амнистии в ознаменование пятнадцатилетия со дня образования отдельных союзных и автономных республик и автономных областей, изданные в 1933—1936 гг. законодательными органами РСФСР, Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР, полностью исключают из амнистии осужденных по статьям о растрате и взяточничестве.

ний означает, что виновным до вынесения приговора одновременно или в разное время осуществлено несколько преступных действий. Отсюда следует, что требование правильной квалификации преступлений и требование строжайшей индивидуализации наказания могут быть осуществлены лишь при учете в судебном приговоре всех совершенных данным лицом преступлений. Только в этом случае судебный приговор отразит точно, в соответствии с уголовным законом, род и степень опасности преступника и совершенных им преступлений.

Неоднократно, преимущественно представителями буржуазной социологической школы, высказывалось мнение о нецелесообразности изложения в уголовном законе и применения в судебной практике положений об уголовной ответственности при совокупности преступлений. Утверждалось, в частности, что суд должен определять наказание по наиболее тяжкому преступлению, игнорируя остальные.

Характерно, что это отрицание значения совокупности преступлений для уголовной ответственности, в частности, последовательно проводилось в проектах советского Уголовного кодекса, построенных на основе враждебных марксизму-ленинизму концепций.

Еще проект Уголовного кодекса, составленный в 1920 г. буржуазными юристами, в объяснительной записке указывает, что устраняется «необходимость формального учета количества совершенных преступлений ...понятия рецидива, совокупности уступают место другим критериям».

Проект Института советского права 1921 г., являющийся перепевом положений реакционной буржуазной социологической школы уголовного права, совершенно не упоминает о совокупности преступлений.

Точно так же умалчивает о совокупности преступлений проект Уголовного кодекса государственного института по изучению преступности 1930 г.

По проекту УК ИССП Комакадемии 1930 г., построенному на основе вредительской концепции Пашуканиса, в случае совершения одним лицом нескольких преступлений «суд рассматривает наиболее опасное из совершенных им преступлений, учитывая остальные только лишь как показатели повышенной опасности».

Следовательно, и здесь отвергается учет совокупности преступлений, поскольку рассмотрению суда подлежит лишь наиболее опасное преступление.

Чрезвычайно показательно, что это определение проекта УК ИССП 1930 г. почти буквально списано из реакционного итальянского проекта УК 1921 г., составленного Энрико Ферри, который правило о совокупности преступлений излагает (ст. 23) так: «К ответственному за несколько преступлений применяется санкция, установленная за наиболее тяжкое преступление, а остальные преступления рассматриваются как обстоятельства, увеличивающие опасность».

Совпадение в частном вопросе об ответственности при совокупности преступлений установок всех приведенных проектов Уголовного кодекса объясняется тем, что все они исходили из враждебных антимарксистских, антиленинских концепций.

Советское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство неизменно выделяло вопрос об ответственности при совокупности преступлений (как идеальной, так и реальной), требуя учета в судебном приговоре всех преступлений, совершенных виновным.

Статья 24 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» категорически устанавливает: «Приговоры должны содержать в себе точные указания того, что именно совершено осужденным».

Статья 335 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик содержат требование о том, чтобы в случае, когда подсудимому предъявлено несколько обвинений и они признаны доказанными, лишь в части их, в приговоре точно указывалось, по какому именно обвинению подсудимый оправдан и по какому осужден.

Подробно регламентируют вопрос об уголовной ответственности по совокупности преступлений уголовное законодательство СССР и УК союзных республик.

Изучение крупнейших процессов врагов народа показывает, что обвинительное заключение и приговор с величайшей точностью указывают все злодеяния, совершенные врагами народа, квалифицируя их по соответственным статьям Уголовного кодекса, и наказание определяется по всей совокупности совершенных каждым из них злодеяний.

В обвинительной речи на процессе антисоветского троцкистского центра государственный обвинитель Прокурор СССР т. А. Я. Вышинский, формулируя обвинение, говорит:

«Я обвиняю сидящих здесь перед нами людей в том, что в 1933 г. по указанию Троцкого был организован под названием «параллельный» центр в составе обвиняемых по настоящему делу Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова, в действительности представлявший собой действующий активный троцкистский центр, что этот центр по поручению Троцкого, через обвиняемых Сокольникова и Радека, вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы с Советским союзом, причем центр обязался, в случае прихода своего к власти, предоставить этим государствам ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок; что этот центр через своих членов и других членов преступной троцкистской организации занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки важнейшими, секретнейшими, имеющими огромное государственное значение материалами; что в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности нашей страны этот центр и его сообщники организовали и провели ряд диверсионных и вредительских актов, повлекших за собой человеческие жертвы, причинивших значительный ущерб нашему советскому государству.

В этом я обвиняю членов «параллельного» антисоветского троцкистского центра — Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова — то есть в преступлениях, предусмотренных статьями УК РСФСР: $58^{1а}$ — измена родине, 58^{8} — шпионаж, 58^{9} — террор, 58^{9} — диверсия, 58^{11} — образование тайных преступных организаций.

Я обвиняю всех остальных подсудимых:

Лившица, Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Князева, Ратайчака, Норкина, Шестова, Строилова, Турока, Граше, Пушина и Арнольда в том, что они повинны в тех же самых преступлениях, как члены этой организации, несущие полную и солидарную ответственность за эти преступления, вне зависимости от индивидуального отличия их преступной деятельности, которая характеризует преступления каждого из них, то есть в преступлениях, предусмотренных теми же статьями Уголовного кодекса».

Далее государственный обвинитель указывает, что основное обвинение, предъявленное на этом процессе, — это измена родине, которую Сталинская Конституция справедливо называет самым тяжким злодеянием и за которую закон возлагает на совершивших это тягчайшее государственное преступление тягчайшее наказание.

Однако обвинение в совершении этого тягчайшего из злодеяний отнюдь не поглощает обвинения в других злодеяниях, совершенных троцкистской бандой изменников, шпионов, диверсантов, вредителей, убийц.

«Я обвиняю преданных суду по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса в полном объеме» — говорит далее государственный обвинитель.

II

Совокупность преступлений означает совершение одним лицом двух или нескольких преступлений, по которым ранее не было вынесено судебного приговора.

В теории и судебной практике (разъяснение пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г.) принято деление совокупности на два вида: а) идеальную и б) реальную.

Идеальная совокупность означает, что в действиях преступника одновременно содержатся два или несколько составов преступлений, предусмотренных различными статьями Уголовного кодекса.

Так, при заражении женщины во время изнасилования венерической болезнью налицо состав ст.ст. 153 и 150 УК РСФСР. При неудавшемся покушении на умышленное убийство, когда вследствие отклонения удара убит случайный прохожий, можно говорить о совокупности покушения на умышленное убийство и неосторожного убийства.

Насильственное совершение изгнания плода путем умышленного причинения женщине тяжкого увечья подлежит преследованию по закону 27 июня 1936 г. и ст. 142 УК РСФСР (подобный случай имел место в Москве в 1935 г.).

При идеальной совокупности субъективная сторона преступлений, входящих в совокупность, может быть различной. Они могут быть умышленными, притом как с прямым, так и эвентуальным умыслом, наличие которого не отражается в принципе на роде или размере меры уголовного наказания. Так, в школьном примере поджигающий ночью жилой дом с целью получения страхового вознаграждения в случае смерти кого-либо из обитателей дома подлежит ответственности за умышленное истребление имущества, совершенное с прямым умыслом, и за убийство, совершенное с эвентуальным умыслом, так как он, производя поджог, предвидел и допускал наступление смерти кого-либо из обитателей дома.

Все преступления, охватываемые идеальной совокупностью, могут быть неосторожными.

Например, при неосторожном уголовно-наказуемом повреждении государственного или общественного имущества также неосторожно причинено уголовно-наказуемое тяжкое телесное повреждение другому человеку.

Наконец, одно из преступлений может быть умышленным, другие — неосторожными и наоборот.

От идеальной совокупности преступлений надо отличать сложные составы преступлений, которые охватывают собой несколько составов преступлений, предусмотренных другими статьями УК. Таковы, например, бандитизм, квалифицированные виды разбоя. Ограбления, совершаемые бандой, убийство людей, разрушение и повреждение личного имущества, совершенные бандой, охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 17 Положения о государственных преступлениях (ст. 59^3 УК РСФСР).

Поэтому при совершении бандой указанных деяний применение по совокупности статей УК, предусматривающих умышленное убийство, истребление имущества, грабеж, было бы неправильным. Разумеется, если основным объектом посягательства со стороны банды являлась социалистическая собственность, основное обвинение предъявляется по закону 7 августа 1932 г.

То же можно сказать и о квалифицированном виде разбоя. Поскольку ч. 2 ст. 167 УК РСФСР предусматривает разбой или нападение, повлекшее за собой смерть или тяжкое увечье потерпевшего, неправильно применение при наличии этих последствий по совокупности также ст. 136.

В ряде случаев контрреволюционные преступления, совершенные врагами народа, содержат и признаки преступлений, предусмотренных другими главами Уголовного кодекса. Таковы, например, получение, дача взяток за шпионские, диверсантские, вредительские акты. Нужно ли в этом случае, наряду со статьями Положения о государственных преступлениях, предусматривающих эти злодеяния, применять также и статью УК о взяточничестве?

Этот вопрос был специально подвергнут анализу в обвинительной речи государственного обвинителя на процессе по делу о вредительстве на электростанциях[1].

Указав, что дача и получение взяток за вредительские и шпионские акты неопровержимо доказаны судебным следствием, государственный обвинитель говорит далее, что в этом деле взятка «является лишь своеобразной формой проявления контрреволюционного преступления, потому что в этих условиях и при этих обстоятельствах взятка по самому существу своему является крупнейшим и опаснейшим государственным преступлением».

В данных условиях взятка уже не являлась обыкновенной взяткой, а должна рассматриваться как своеобразное «проявление контрреволюционного преступления, посредством которого оказывается то же самое классовое сопротивление делу социалистического строи-

[1] «Правда» и «Известия» ЦИК СССР и ВЦИК от 19 апреля 1933 г.

тельства, которое оказывается и при помощи заговора, и при помощи взрыва моста, и при помощи контрреволюционной агитации, и при помощи других, самых разнообразных средств в деле вредительства и сопротивления врагов нашей страны успехам социалистического строительства».

По этой причине, — продолжает государственный обвинитель, — не предъявляется обвинение по специальной статье Уголовного кодекса, говорящей о взяточничестве; состав преступления, предусмотренного этой статьей, включается «в общий состав преступлений, поглощаемых всеми теми статьями, которые перечислены в обвинительном заключении и которые направлены против обвиняемых всем острием статей о контрреволюционных преступлениях — 58[6], 58[7], 58[9] и 58[11] УК».

Наряду с неправильным применением принципа идеальной совокупности, когда имеется лишь одно преступление, в практике нередко приходится встречаться со случаями, когда правила об идеальной совокупности не применяются, несмотря на то, что наступление данного последствия составом преступления применяемой статьи не охватывается. Таково, например, применение одной лишь ч. 3 ст. 133 УК РСФСР в случаях, когда в результате нарушения правил об охране труда последовала смерть человека.

Часть 3 ст. 133 УК РСФСР предусматривает лишь поставление работника с нарушением правил об охране труда в такие условия работы, при которых он **утратил или мог утратить свою трудоспособность,** но не говорит о таком тяжком последствии как лишение жизни в результате нарушения правил об охране труда. Правильным было бы применение здесь по принципу идеальной совокупности ч. 3 ст.ст. 133 и 139 УК РСФСР.

Квалификацией по ст. 139 УК РСФСР, в частности, было бы подчеркнуто то обстоятельство, что объектом преступления здесь является жизнь человека.

Разумеется, если нарушение правил об охране труда само явилось результатом более тяжкого преступления, например, злоупотребления служебным положением, то должна применяться и статья УК, предусматривающая это преступление.

Начиная с издания уголовных кодексов 1922—23 гг., советское уголовное законодательство регламентирует ответственность при идеальной совокупности. В УК РСФСР и УССР 1922 г. ей целиком посвящается ст. 29. В «Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик» 1924 г. ст. 33 одинаково охватывает как случаи идеальной, так и реальной совокупности преступлений.

Из действующих уголовных кодексов союзных советских республик специально выделяют ответственность при идеальной совокупности УК БССР (ст. 53), Грузинской ССР (ч. 1 ст. 46), Азербайджанской ССР (ч. 1 ст. 54). В УК остальных союзных республик как и в союзных «Основных началах» основания ответственности при идеальной и реальной совокупности одинаковы.

Порядок применения мер наказания по обоим видам совокупности излагается ниже (§ 3).

Реальную совокупность преступлений «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик» определяют (не употребляя термина «совокупность») как совершение до вынесения приговора двух или более преступлений (ст. 33). В статье не говорится, что эти преступления должны быть предусмотрены различными статьями Особенной части УК. Последнее, однако, вытекает из требований той же статьи «Основных начал» о назначении наказания «по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру», и из ст. 49 УК РСФСР, требующей назначения наказания в конечном итоге «по статье, предусматривающей наиболее тяжкое из совершенных преступлений и наиболее тяжелую меру социальной защиты».

Из текста закона следует, что в статье, говорящей о совокупности, речь идет о двух или более преступлениях, предусмотренных различными статьями Особенной части УК. Этот вывод подтверждается и статьями 34, 35, 36 УПК РСФСР.

Статья 49 УК РСФСР, несколько изменяя в сравнении со ст. 33 «Основных начал» определение реальной совокупности, говорит о случаях «совершения обвиняемым нескольких преступлений, по которым не было вынесено приговора».

Разъяснение пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г. поясняет, что ст. 33 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» должна применяться только в тех случаях совокупности, когда ни по одному преступлению, входящему в совокупность, еще не было вынесено отдельного приговора и, следовательно, когда суд рассматривает дело по существу в отношении всех преступлений, входящих в совокупность.

Уголовные кодексы союзных республик, кроме УК УССР, определяя реальную совокупность преступлений, в основном воспроизводят формулировку ст. 33 «Основных начал». Исключением является УК УССР, который считает реальной совокупностью преступлений совершение виновным двух или нескольких преступлений, по которым приговор еще не состоялся или **не обращен к исполнению.** Указание на последнее обстоятельство, сужающее без достаточных оснований понятие реальной совокупности, находится в противоречии с общесоюзным законодательством.

Таким образом, в соответствии с приведенным разъяснением пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г. в отношении применения наказания следует различать два вида реальной совокупности (из которых второй может быть отнесен к совокупности лишь условно).

1. Когда ни по одному из совершенных преступлений не был вынесен приговор (по УК УССР не обращен к исполнению). Порядок ответственности регламентируется ст. 33 «Основных начал» и построенными на ее основе статьями УК союзных республик.

2. Когда по одному или нескольким преступлениям уже был вынесен приговор, причем все преступления совершены до вынесения приговора по какому-либо из них. Этого вида совокупности ни «Основные начала» уголовного законодательства СССР, ни УК союзных республик не регламентируют. Применение наказания в этих случаях производится на

основе норм УПК союзных республик (ст. 465 УПК РСФСР).

Случаи совершения нового преступления после вынесения приговора, но до отбытия меры наказания по прежнему преступлению, понятием совокупности преступлений во всяком случае не охватываются. Порядок применения наказания в этом последнем случае специально регламентируется в большинстве УК союзных республик (см. § 5 этой статьи).

В следующем параграфе излагаются основания применения наказания по совокупности преступлений в тесном смысле слова, т. е. когда ни по одному из совершенных преступлений ранее не было поставлено судебного приговора.

Поскольку, однако, и порядок определения наказания при наличии нескольких приговоров и в случае совершения преступлений после вынесения приговора, но до отбытия наказания за прежнее преступление, представляет значительный интерес, о нем говорится далее в §§ 4 и 5.

Преступления, составляющие реальную совокупность, в большинстве случаев разделены между собой известным промежутком времени, который может быть весьма значительным (в пределах сроков давности) и может приближаться к нулю, когда за совершением одного преступления непосредственно следует совершение другого, нередко вытекающего из первого, например, совершение убийства следом за кражей, грабежа за хулиганством и т. п.[1].

Однако реальная совокупность преступлений может состоять и из преступлений, совершаемых одновременно. Возьмем преступления: а) длящиеся, характеризуемые непрерывным осуществлением состава определенного преступного деяния (например, участие в банде, недонесение о достоверно готовящихся или совершенных контрреволюционных преступлениях и т. д.) и б) продолжаемые, т. е. такие, которые слагаются из ряда тождественных между собой актов, отделенных между собой известным промежутком времени (например, совершение ряда вредительских актов, растрата вверенных сумм, совершаемая частями и т. д.). В течение того промежутка времени, когда осуществляется длящееся или продолжаемое преступление, которое рассматривается как одно преступление, преступник может совершить одно или несколько других разнородных преступлений, которые, разумеется, входят в совокупность преступлений. Например, враг народа совершает и акты шпионажа и вредительские действия в течение одного и того же промежутка времени.

Далее возможно, что преступник одновременно совершает несколько преступлений, но стадии осуществления преступной деятельности в этих преступлениях различны. Например, подготовляя одно или несколько преступлений, преступник в то же время полностью осуществляет другое или третье. Поскольку в силу ст. 2 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» стадия осуществления преступной деятельности (приготовление, покушение, оконченное преступление) сама по себе не влияет на характер уголовной ответственности (покушение или приготовление на преступление квалифицируются по тем же статьям УК, что и оконченное преступление) и может учитываться судом при определении меры наказания, то преступления как оконченные, так и прерванные на стадии приготовления или покушения, входят в совокупность преступлений, причем в последнем случае суд обязан указать в приговоре статью УК, говорящую о покушении или приготовлении (ст. 19 УК РСФСР).

Реальная совокупность охватывает и случаи, когда преступник при совершении одного или нескольких преступлений являлся исполнителем, а при совершении других — подстрекателем, пособником или укрывателем.

При реальной, как и идеальной совокупности субъективная сторона отдельных совершенных преступлений может быть различна. Некоторые из них могут быть совершены с умыслом, прямым или эвентуальным, другие — по неосторожности.

Наконец, одно или несколько преступлений из числа входящих в реальную совокупность могут быть повторными. Лицо, совершившее 5 краж личного имущества (а ранее не осужденное за них) и хулиганство, подлежит ответственности по статьям о краже и хулиганстве как за два преступления. Факт многократности кражи является обстоятельством, изменяющим квалификацию внутри ст. 162 УК РСФСР (переход от одного пункта статьи к другому).

Лишь полный учет в судебном приговоре всех совершенных преступлений определит с точностью характер и степень опасности данного преступника и совершенных им преступлений.

Если, например, вооруженная банда, осуществив несколько нападений на отдельных лиц, совершила затем ограбление почтового отделения, то квалификация преступления только по закону 7 августа 1932 г. будет недостаточной. Основное обвинение будет предъявлено по закону 7 августа 1932 г., поскольку основным объектом посягательства явилась социалистическая собственность, священная и неприкосновенная основа советского строя, покушающиеся на которую являются врагами народа, но суд указанием в приговоре на ст. 59[3] УК РСФСР должен отметить и то обстоятельство, что преступники совершили другое тяжкое преступление — организацию и участие в вооруженной банде и производимых ею нападениях.

III

Определение меры наказания по совокупности преступлений представляет известные труд

[1] Так, например, из практики судебно-надзорной коллегии Верховного суда СССР можно привести случаи применения по совокупности статей, предусматривающих должностную халатность и служебный подлог, к лицу, совершившему подлог с целью скрыть вызванную его небрежностью недостачу, немедленно после обнаружения недостачи (СЮ 1937 № 8, стр. 53) и, с другой стороны, применения по совокупности статей 72, 169, 109, 116 ч. 2 УК РСФСР к Цивину-Фришману, непрерывно совершавшему в течение периода времени с 1918 г. по 1935 г. целую цепь различных преступлений, из которых ни одно до 1935 г. не было предметом судебного рассмотрения и ни одно, вместе с тем, не поглощено давностью (СЮ, 1937, № 1, стр. 50—51).

ности. Задача индивидуализации наказания требует при выборе наказания учета всех преступлений, совершенных данным человеком.

Тов. А. Я. Вышинский, указывая на значение строгой индивидуализации наказаний в советском праве, говорил: «В настоящее время мы больше чем когда бы то ни было должны требовать, чтобы наказания, которые мы выносим, соответствовали индивидуальному вреду того или другого человека, индивидуально выраженному преступлению. Колебания в этой точке зрения должны быть отвергнуты решительным образом» [1].

Система поглощения наказаний при совокупности преступлений, означающая, что суд выносит наказание только по более тяжкому из совершенных преступлений, игнорируя остальные, не отвечает принципу индивидуализации наказания в соответствии с индивидуально выраженным преступлением, так как вина другого преступника, совершившего лишь подобное же более тяжкое преступление, будет рассматриваться по системе поглощения как равная вине первого, у которого это же преступление являлось лишь звеном, правда, основным целой цепи преступлений.

Неприемлема и другая система — сложение отдельных наказаний за каждое преступление из их совокупности. При этой системе каждое преступление из числа совершенных данным лицом рассматривается изолированно вне связи с другими, а не как звено в цепи преступлений, совершенных одним и тем же человеком, за которые он несет ответ перед советским правосудием. Это единство субъекта, совершившего цепь преступлений, при системе сложения игнорируется.

Наконец, система усиления наказания, которая частично была принята и в УК 1922 г., сводится к определению наказания в основном лишь за тягчайшее преступление, остальные рассматриваются как основание для известного возвышения размера наказания, т. е. в качестве отягчающих обстоятельств.

Действующее общесоюзное советское уголовное законодательство не придерживается ни одной из этих систем применения наказания при совокупности преступлений.

Статья 33 союзных «Основных начал», не делая разницы при определении меры наказания между идеальной и реальной совокупностью, устанавливает, что «меры социальной защиты определяются по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру».

Формулировка ст. 33 слишком обща и недостаточно четка. Она может создать неправильное представление о том, что союзный уголовный закон осуществляет при совокупности преступлений систему поглощения наказаний. Такие утверждения были нередки в литературе. Так, повидимому, была в свое время попята ст. 33 «Основных начал» (как и ст. 49 действующего УК РСФСР) и Верховным судом РСФСР. Инструктивное письмо УКК Верховного суда от 8 февраля 1927 г. [2], давая указания о порядке применения мер наказания при совокупности преступлений, требует, чтобы суд, определив в соответствии со ст. 49 УК РСФСР меру наказания по каждой из статей, предусматривающих совершенные преступления, избирал в конечном итоге меру, назначенную за более тяжкое из совершенных преступлений. Инструктивное письмо подчеркивает, что окончательная мера наказания всегда должна быть равна наиболее тяжкой мере из назначенных судом за отдельные преступления.

Далее это поясняется примером: если виновный совершил квалифицированное умышленное убийство, изнасилование и вооруженный разбой, то суд, определив за первое 6 лет, за второе 3 года и за третье 7 лет лишения свободы, в конечном счете может определить только 7 лет лишения свободы.

Указанное инструктивное письмо не вошло затем в сборник действующих разъяснений Верховного суда РСФСР и таким образом потеряло силу.

На совершенно другой точке зрения стоит действующее и в настоящее время разъяснение 23 пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г., дающее развернутое толкование ст. 33 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» [1].

Основная мысль этого разъяснения та, что и при идеальной и реальной совокупности по прямому указанию ст. 33 «Основных начал» «Суд должен рассматривать всю совокупность совершенных обвиняемым преступных действий как одно целое, характеризующее собою повышенную опасность личности обвиняемого».

Поэтому при выборе окончательной меры наказания суд «обязан в конечном выводе приговора квалифицировать всю совокупность совершенных обвиняемым действий по статье, которая предусматривает в своей санкции наиболее тяжелую основную меру социальной защиты и, независимо от того, требует или не требует республиканский уголовный кодекс, предварительного определения мер социальной защиты по каждому отдельному преступлению, ставить на свое обсуждение вопрос, какая конкретная мера социальной защиты в пределах, указанных в статье, предусматривающей наиболее строгую меру, должна быть назначена осужденному по этой именно статье за всю совокупность совершенных им преступных действий. Избранная судом в этом порядке мера социальной защиты и будет окончательной мерой».

Система применения мер наказания при совокупности преступлений, принятая ст. 33 «Основных начал» в толковании ее, данном указанным разъяснением, действительно имеет мало общего с указанными системами сложения, поглощения или усиления.

Положим, обвиняемый совершил в разное время хулиганство, многократную кражу личного имущества и мошенничество, причинившее ущерб отдельным лицам. Пределы санкции статей УК РСФСР, предусматривающих эти преступления, — 5 лет (ст. 74), 1 год (п. «в» ст. 162) и 2 года (ч. 1 ст. 169) лишения свободы.

Допустим, что само по себе данное хулиганское действие, отдельно взятое, повлекло бы лишение свободы на срок в 2 года.

[1] А. Я. Вышинский, Речь товарища Сталина 1 мая и задачи органов юстиции, «Социалистическая законность», 1935, № 6, стр. 12.

[2] Еженедельник Советской юстиции, 1927, № 3.

[1] Сборник постановлений и разъяснений Верховного суда СССР, М., 1936 г.

К этому наказанию виновный был бы присужден в том случае, если бы его преступная деятельность ограничилась этим хулиганским действием.

Однако в приведенном случае его индивидуальная вина значительно больше и сложнее. Поскольку помимо хулиганства он виновен еще в совершении краж и мошенничестве, может ли суд в этом случае ограничиться той же мерой наказания, которую он назначил бы, если бы было совершено лишь одно хулиганство? Может ли он, определив за хулиганство 2 года лишения свободы, за кражу 1 год и за мошенничество 2 года лишения свободы, остановиться в конечном выводе на наиболее тяжкой из назначенных мер, т. е. определить 2 года лишения свободы? Очевидно, нет. Рассматривая в конечном итоге всю совокупность совершенных обвиняемым преступлений как одно целое и квалифицируя ее по тем статьям, которые предусматривают все совершенные преступления, суд индивидуализирует наказание в рамках тех статей, которыми охватывается совокупность совершенных преступлений, причем основную меру определяет, естественно, в пределах санкции статьи, предусматривающей наиболее строгую меру наказания, в данном случае в пределах ст. 74 УК, причем вправе определить наказание вплоть до высшего предела наказания, установленного в статье.

В то же время суд вправе применить дополнительные меры наказания, указанные как в статье, предусматривающей наиболее тяжкое преступление, так и статьях, по которым квалифицируются другие из совершенных обвиняемым преступлений. Если в нашем примере обвиняемый совершил помимо хулиганства и краж также мошенничество, причинившее ущерб не отдельным лицам, а государству (ч. 2 ст. 169), то в качестве дополнительной меры наказания может быть применена конфискация имущества, как предусмотренная одной из статей (ч. 2 ст. 169 УК РСФСР), охватывающих совокупность преступлений (см. разъяснение Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г.).

Таким образом, при применении наказания по совокупности преступлений суд в конечном счете рассматривает не одно какое-либо преступление и не за него лишь определяет наказание, а берет как целое все совершенные преступления и назначает основное наказание за это целое по статьям, предусматривающим совершенные преступления, не превышая санкций этих статей.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. по существу устанавливает такой же порядок применения наказания при совокупности преступлений, осложняя его требованием предварительного определения наказания за каждое из совершенных преступлений (о чем см. ниже).

Статья 49 УК РСФСР говорит, что суд окончательно определяет наказание «по статье, предусматривающей наиболее тяжкое из совершенных преступлений и наиболее тяжелую меру социальной защиты».

Таким образом, УК РСФСР отнюдь не говорит о том, что в конечном счете суд выносит то наказание, которое определено за наиболее тяжкое преступление, он требует при совокупности преступлений определения наказания **по статье,** которая предусматривает самое тяжкое из совершенных преступлений и самую тяжелую меру наказания, что, разумеется, относится к основному наказанию, так как дополнительные меры могут применяться и по другим статьям, по которым квалифицированы другие преступления из числа совершенных (см. приведенное разъяснение пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г.).

Следовательно, и по УК РСФСР суд в конечном итоге определяет наказание не за одно лишь самое тяжкое преступление, хотя, конечно, обязан учесть, что оно является основным в совокупности преступлений, а за все преступления как одно целое, причем не может лишь превысить пределов санкции статьи, предусматривающей наиболее тяжкое преступление и наиболее тяжелую меру наказания. Мера наказания, избранная судом в конечном итоге по всей совокупности преступлений, может быть более суровой, чем мера, определенная в отдельности за самое тяжкое из совершенных преступлений.

Действующие уголовные кодексы УССР 1927 г., Узбекской ССР 1926 г., Туркменской ССР 1927 г. воспроизводят с несущественными изменениями формулировку «Основных начал», требуя, чтобы мера наказания «была определена по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру социальной защиты» (ст. 45 УК УССР, ст. 51 УК Узбекской ССР, ст. 44 УК Туркменской ССР). Пленум Верховного суда УССР циркуляром от 2 ноября 1927 г. разъяснил, что при назначении меры наказания за наиболее тяжкое преступление суд обязан рассматривать остальные преступления в качестве отягчающих обстоятельств, что должно соответственно отразиться на мере наказания. Следовательно, пленум Верхсуда УССР истолковал тогда ч. 1 ст. 45 УК УССР в том смысле, что она допускает повышение наказания до предела санкции статьи, предусматривающей наиболее тяжкое преступление.

Выше уже указывалось, что слишком общая формулировка ст. 33 «Основных начал», воспроизведенная в этих УК, до разъяснения пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г. давала некоторое основание истолковывать статью, как вводящую систему поглощения.

Уголовные кодексы БССР 1928 г., Грузинской ССР 1928 г., Азербайджанской ССР 1927 г., Таджикской ССР 1935 г. довольно ясно устанавливают именно систему поглощения наказаний при совокупности преступлений.

Так, в ст. 53 УК БССР говорится, что (при реальной совокупности) наказания «назначаются за каждое преступление в отдельности, а остается более тяжкая мера социальной защиты». В ст. 46 УК Грузинской ССР и ст. 54 УК Азербайджанской ССР (также в отношении реальной совокупности) «суд определяет меру социальной защиты за каждое преступление отдельно и приговаривает его к тягчайшей из них». Согласно ст. 45 УК Таджикской ССР «мера уголовного наказания из назначенных судом за каждое отдельное преступление определяется по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру. Определение Таджикского УК весьма неточно, так как при совокупности более суровая мера может быть назначена не за то преступление, которое из данной совокупности влечет согласно

УК наиболее строгую меру. Например, виновный может быть приговорен за мошенничество к 5 годам лишения свободы, а за злоупотребление служебным положением, влекущее по УК лишение свободы до 10 лет, — к 2 годам.

Поскольку «Основные начала» являются действующим общесоюзным законом, их положения о применении наказания при совокупности преступлений должны применяться и в этих союзных республиках (ст. 20 Сталинской Конституции СССР).

Отметим, что подобно УК РСФСР 1922 г. (ст. 29), УК союзных республик БССР (ст. 53,) Грузинской ССР (ч. 1, ст. 46) и Азербайджанской (ч. 1, ст. 54) особо выделяют ответственность при идеальной совокупности преступлений, устанавливая, что в этих случаях наказание определяется только по статье, предусматривающей более строгую меру наказания (формулировка УК БССР), или по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру (УК Азербайджанской и Грузинской ССР). Действующее общесоюзное уголовное законодательство, как уже говорилось, требует применения наказания на одинаковых основаниях как при реальной, так и идеальной совокупности. Следует заметить, что разграничение в законе обоих видов совокупности в отношении определения наказания имеет известные основания.

Уголовные кодексы союзных республик, кроме УК УССР и Таджикской ССР, вменяют в обязанность суда, чтобы при совокупности преступлений как реальной, так и идеальной, суд предварительно определял наказание за каждое совершенное преступление, входящее в совокупность.

В некоторых союзных республиках об этом, кроме того, упоминают уголовно-процессуальные кодексы (БССР, Азербайджанская ССР).

Такое же требование содержалось и во всех уголовных кодексах союзных республик 1922—1923 гг. Неправильным и вредным было бы считать (как это не раз утверждалось в литературе), что это положение советского закона является пережитком буржуазной теории возмездия или «элементом буржуазной формы права».

Система предварительного определения наказания за каждое из совершенных преступлений имеет то положительное значение, что она позволяет определить степень виновности осужденного в каждом из совершенных им преступлений, учтя отягчающие и смягчающие обстоятельства, чего в полной мере одно лишь указание на соответствующую статью УК не всегда может дать.

Например, преступник может быть осужден за второстепенное пособничество в преступлении, которое в законе обложено наказанием в виде лишения свободы до 5 лет, и одновременно по совокупности за систематическое совершение преступления, которое обложено в законе наказанием в виде лишения свободы на срок до 3 лет; указание в приговоре на то, что по первому преступлению виновный осужден к 1 г. лишения свободы, а по второму — к 3 г. лишения свободы, покажет, какое преступление из числа совершенных в данном конкретном случае должно рассматриваться как основное, что может иметь значение при исполнении приговора, при применении амнистии и т. д.[1].

Однако система определения наказания предварительно за каждое преступление в отдельности страдает серьезными недостатками, так как при ней каждое отдельное преступление того же лица обычно рассматривается изолированно от других преступлений.

Положим, виновный совершил последовательно три или четыре преступления; спрашивается, обязан ли суд при определении наказания отдельно за каждое последующее преступление учитывать факт совершения виновным предыдущих преступлений или же должен брать изолированно каждое из преступлений, сознательно игнорируя тот факт, что оно является звеном в цепи других преступлений, совершенных тем же человеком. Очевидно, последнее невозможно, так как опасность преступника и совершенных им преступлений должны быть рассмотрены с учетом всей его преступной деятельности. Статья 31 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» требует учитывать в качестве отягчающего обстоятельства, влияющего на меру наказания, факт совершения этим лицом какого-либо преступления в прошлом.

Надо заметить, что в приговорах по наиболее опасным преступлениям предварительного определения наказания за каждое преступление в отдельности суды большей частью не производят. Практически, требуемое уголовными кодексами **предварительное** определение наказания по каждому преступлению в отдельности нередко становится **последующим**, так как во многих случаях суд сначала назначает, учитывая всю совокупность преступлений, окончательное наказание, а затем уже определяет меру наказания по каждому преступлению, назначая за самое тяжкое из совершенных преступлений ту меру, которая определена как окончательная мера по совокупности всех преступлений.

Можно поставить вопрос о нецелесообразности сохранения в будущем общесоюзном уголовном кодексе требования о назначении наказания за каждое преступление в отдельности. Однако в этом случае в УПК необходимо включить требование, чтобы суд в описательной части приговора указывал на степень виновности преступника в каждом преступлении, определяя, в частности, какое преступление из числа совершенных является наиболее тяжелым.

В отношении же случаев идеальной совокупности требование определения наказания по каждому из преступлений, состав которых содержится в действиях виновного, вообще с трудом выполнимо, поскольку разнородный

---

[1] Большое практическое значение система определения наказания предварительно по каждому преступлению имела, например, при введении новых уголовных кодексов, в частности УК РСФСР 1926 г., когда наказания по вступившим в законную силу приговорам надо было приводить в соответствие с новыми санкциями уголовного закона (см. разъяснение пленума Верховного суда РСФСР от 4 июля 1927 г., «Судебная практика» 1927 г. № 16, стр. 1).

с точки зрения УК преступный результат вызывается одним лишь действием преступника, расчленение которого, с определением в каждом отдельном случае особого наказания, едва ли возможно.

IV

До сих пор говорилось об определении наказания лицу, совершившему несколько предусмотренных различными статьями УК преступлений, из которых ни по одному не был вынесен приговор.

Уголовно-процессуальные кодексы большинства союзных республик предусматривают порядок применения наказания и в тех случаях, когда суду приходится выносить приговор о лице, в отношении которого поставлено несколько приговоров.

Закон прямо не говорит, что здесь имеются в виду только преступления, совершенные до вынесения хотя бы первого приговора. Однако, сопоставляя статьи большинства УПК со статьей УК, говорящей о совокупности преступлений, можно убедиться в том, что в случае совершения нового преступления после вынесения приговора, но до отбытия меры наказания, нормы УПК о поглощении приговоров в большинстве союзных республик не применяются, и наказание за новое преступление назначается самостоятельно и по большинству УК присоединяется к неотбытому наказанию, определенному прежним приговором (см. ниже § 5).

Следовательно, ст. 465 УПК РСФСР и соответствующие ей статьи УПК большинства других союзных республик регламентируют случаи, когда суд, рассматривая дело, имеет несколько приговоров по преступлениям, совершенным (как и то, которое суд рассматривает по существу) до вынесения хотя бы первого из этих приговоров.

Постараемся проиллюстрировать положения УПК по этому вопросу на примере.

Одно и то же лицо последовательно в разных местах совершает повторную кражу личного имущества, мошенничество, причинившее ущерб отдельным лицам, и наконец, квалифицированное хулиганство. Первым раскрывается хулиганство, и виновный приговаривается к 2 годам лишения свободы. Еще до приведения приговора в исполнение другим судом, независимо от первого, рассматривается дело о мошенничестве, причем суд, не зная о наличии первого приговора, приговаривает виновного к 1 году лишения свободы. Наконец, при рассмотрении дела о краже суд имеет в своем распоряжении вступившие в законную силу приговоры по первым двум преступлениям (которые однако совершены были после кражи). Вправе ли суд, рассматривающий по существу дело о краже, вынести приговор по общим правилам о совокупности, т. е., рассматривая все три преступления как одно целое. Очевидно, нет, так как это означало бы аннулирование вступивших в законную силу судебных приговоров и следовательно серьезное нарушение требований УПК.

Следовательно, суд выносит приговор только по делу, рассматриваемому по существу, в данном случае о краже и затем лишь объединяет все три приговора и, руководствуясь ст. 465 УПК РСФСР или соответствующими статьями УПК других союзных республик, определяет меру наказания, которую должен отбыть осужденный.

Положим, за кражу суд определяет по п. «в» ст. 162 УК лишение свободы сроком на 1 год.

Объединяя приговоры, суд согласно требованию ст. 465 УПК РСФСР оставляет лишь наиболее тяжкое наказание, определенное предыдущим приговором, т. е. 2 года лишения свободы, остальные два приговора тем самым погашаются.

Очевидно, тот же порядок поглощения более мягкой меры более суровою должен применяться и в тех случаях, когда **позднейший** приговор устанавливает более **суровую** меру наказания, чем предыдущие, хотя закон об этом прямо не говорит, предусмотрев лишь случаи, когда более суровое наказание применено **по предыдущему** приговору (как в примере, приведенном выше). Аналогично разрешают вопрос УПК БССР (ст. 465), Туркменской ССР (ст. 371), Грузинской ССР (ст. 461), Азербайджанской ССР (ст. 453).

УПК Таджикской ССР 1935 г. совершенно не регламентирует этого вопроса.

УПК Узбекской ССР 1929 г. (ст. 171) ограничивается указанием на то, что определение меры наказания по совокупности производится судом, вынесшим позднейший приговор, или судом, в районе которого приговор приводится в исполнение. Сопоставляя ст. 171 УПК и ст. УК, можно сделать вывод, что и здесь имеется в виду поглощение более суровым приговором более мягкого. УПК УССР ограничивается отсылкой к ст. 45 Уголовного кодекса, которая относится и к случаям совершения преступлений до вынесения приговора и к случаям совершения нового преступления до отбытия наказания по прежнему делу.

Остается не вполне ясным, применяется ли принцип погашения приговоров, изложенный в ст. 465 УПК РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик, и тогда, когда предыдущий приговор еще не вступил в законную силу.

Те из уголовно-процессуальных кодексов союзных республик, которые специально регламентируют этот вопрос, рассматривают систему определения наказания при наличии нескольких приговоров как вид совокупности, ссылаясь на статьи УК, предусматривающие совокупность преступлений. Это не совсем точно, так как ст. 33 «Основных начал» и соответствующие статьи уголовных кодексов говорят исключительно о тех случаях, когда ни по одному из преступлений, входящих в совокупность, не было вынесено приговора. Приводимые же случаи материальным уголовным законодательством не регламентируются. Возможно (и нередко бывает), что два или несколько приговоров выносятся по преступлению, предусмотренному одной и той же статьей Уголовного кодекса (как например, статьей о краже, о хулиганстве и т. п.). Здесь совокупности преступлений нет.

Таким образом, действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает, что когда об одном и том же лице постановлено несколько приговоров, суд, выносящий позднейший приговор (или по некоторым УПК также суд по месту исполнения приговора), независимо от того, вынесены ли эти приговоры в отношении однородных или разнородных преступлений, оставляет лишь наи-

более тяжкое наказание, все же наказания, вынесенные по другим приговорам, считаются погашенными.

Здесь надо сделать несколько пояснений:

1) Ст. 465 УПК РСФСР и указанные статьи УПК других союзных республик говорят о погашении не наказания, а приговора. Очевидно, однако, что и при погашении более мягкого наказания по одному приговору более суровым наказанием по другому приговору во всяком случае остается описательная часть первого приговора, остается квалификация совершенных виновным преступлений по соответствующим статьям уголовного кодекса и, по отбытии наказания, — судимость именно по этим преступлениям.

2) Нет оснований считать, что если более суровое наказание по одному приговору поглощает менее суровое наказание по другому, то погашаются и дополнительные меры наказания, назначенные судом по другому или другим приговорам (в частности, поражение прав, конфискация, штраф), поскольку они были назначены в соответствии с характером вины преступника, выраженной в совершении именно этого конкретного преступления; отказ от этих мер нарушал бы принцип индивидуализации судебного приговора.

В практике нередки случаи, когда несколькими судами вынесен приговор по одинаковым преступлениям, ошибочно рассматриваемым как первичные.

Например, вор-рецидивист, скрывший прежнюю судимость, в 3—4 местах осужден по п. «а», ст. 162, предусматривающей кражу, совершенную первый раз.

Правильным ли будет в этом случае применение принципа поглощения приговоров?

Тот факт, что виновный осужден за 3—4 кражи личного имущества по п. «а» ст. 162 УК РСФСР, означает, что в действительности им совершена **квалифицированная** кража личного имущества, основным признаком которой является многократность кражи, т. е. преступление, предусмотренное п. «в» ст. 162 УК РСФСР. Применение в отношении этих трех приговоров принципов поглощения приговоров означало бы, что преступник в конечном счете осужден за неквалифицированную (в частности, первичную) кражу (п. «а» ст. 162 УК), т. е. за более легкое преступление, чем то, которое он совершил.

Поскольку такие обстоятельства как многократность совершения преступления не были известны суду при рассмотрении дела по существу, можно ставить вопрос о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Сопоставляя положения уголовного и уголовно-процессуального кодексов по интересующему нас вопросу, необходимо отметить, что виновный может быть за совершение нескольких одинаковых преступлений приговорен к более мягкой или более суровой мере наказания в зависимости от того, рассматривались ли совершенные до вынесения приговора преступления одним судом одновременно или же по этим преступлениям постановлено несколько приговоров.

Если по двум или более преступлениям не было ранее вынесено приговора, суд, рассматривающий дело о них по существу, выносит наказание по всей совокупности преступлений, рассматривая ее как одно целое (ст. 33 «Основных начал» в понимании, данном ей Верховным судом СССР).

Если по этим же преступлениям в разное время было вынесено несколько приговоров, суд, объединяя эти приговоры, оставляет только наиболее тяжкое наказание, определенное судом за одно из совершенных преступлений, вследствие чего остальные преступления не влияют на меру наказания (если не считать дополнительных мер).

При создании общесоюзного уголовного и уголовно-процессуального кодексов следует установить одинаковый подход при определении в конечном итоге меры наказания лицу, совершившему несколько преступлений, до вынесения судом приговора, независимо от того, были ли постановлены ранее приговоры по одному или нескольким преступлениям, входящим в совокупность, или же суд рассматривает по существу дело по обвинению его во всех указанных преступлениях, так как характер и степень опасности преступника и совершенных преступлений, степень его вины в обоих случаях одинаковы.

V

По-иному следует подходить к определению меры наказания, когда новое преступление (безразлично предусмотренное той же или иной статьей УК) совершено после вынесения приговора, но до отбытия полностью меры наказания.

Обвинительный приговор, определив опасность преступления и преступника, определяет и соответствующее ему наказание. Совершение нового преступления после этого акта государственной власти не может уже рассматриваться по принципам совокупности преступлений. Новое преступление влечет соответствующую ему меру наказания, определяемую совершенно самостоятельно с учетом факта совершения преступления после вынесения судебного приговора в качестве отягчающего обстоятельства.

Таким образом, здесь речь идет лишь об **объединении наказаний** по двум приговорам с тем, чтобы определить, какое наказание и в каком размере должен отбыть осужденный после вынесения приговора по новому делу.

Общесоюзное уголовное законодательство этого вопроса не регламентирует.

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР также не дает прямого ответа на него.

Судебная практика РСФСР несколько раз изменялась. Так, циркуляром Верховного суда РСФСР от 7 декабря 1923 г. № 71[1], было предложено в случае совершения осужденным нового преступления до отбытия им меры наказания применять по аналогии статью 54 Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., которая устанавливала, что в случае совершения условно-осужденным нового преступления (тождественного или не менее тяжкого) в течение испытательного срока мера наказания по новому приговору соединяется с мерой, назначенной условно. Указание Верховного суда практически означало, что при совершении тождественного или не менее тяжкого ново-

[1] Советская юстиция, 1923, № 48.

го преступления после приговора, но до отбытия наказания за прежнее производится сложение наказаний.

Однако из разъяснения пленума Верховного суда РСФСР от 4 февраля 1929 г. можно сделать вывод, что и в этих случаях также подлежит применению ст. 465 УПК, т. е. проводится принцип поглощения наказания с тем исключением, что меры наказания имущественного характера, применяемые в качестве дополнительных мер, не подлежат поглощению.

Постановлением от 16 декабря 1933 г. президиум Верховного суда РСФСР вновь истолковал умолчание закона в том смысле, что новое преступление, совершенное лицом, в отношении которого имеется вступивший в законную силу, но еще не приведенный в исполнение приговор суда, влечет за собой самостоятельное наказание, которое в принципе приводится в исполнение независимо от наказания, назначенного приговором по ранее совершенному преступлению.

Тем самым президиум Верховного суда РСФСР дал ограничительное толкование ст. 465 УПК РСФСР, т. е. признал, что ст. 465 УПК применяется только к случаям, когда два или несколько приговоров вынесены по преступлениям, совершенным до вступления в законную силу хотя бы первого из этих приговоров.

Однако в отличие от порядка разрешения вопроса о совокупности наказания в большинстве других союзных республик президиум Верховного суда РСФСР установил этот принцип как факультативный, предоставив в указанных случаях суду право.

1. Присоединять полностью меру наказания по прежнему приговору к мере наказания, назначенной по новому делу.

2. Присоединять ее частично.

3. Применять только меру наказания, назначенную судом по новому делу с поглощением меры наказания, определенной прежним приговором.

Указанные принципы согласно разъяснению президиума Верховного суда РСФСР должны применяться и в тех случаях, когда новое преступление совершено в период отбывания меры наказания за прежнее преступление, причем в этих случаях может быть присоединена только неотбытая часть прежней меры наказания.

Следовательно, к осужденному, например, к 5 годам лишения свободы, в случае, если он по отбытии 2 лет наказания совершит новое преступление, за которое определено судом 4 года лишения свободы, может быть по совокупности показаний применено: 1) или лишение свободы сроком на 7 лет (при соединении неотбытой части наказания по прежнему приговору в полной мере); 2) или лишение свободы на срок 4½, 5, 5½, 6 и т. д. лет (присоединение части неотбытого наказания) или, наконец, 3) лишение свободы на срок 4 года (применение только меры наказаний по новому делу с поглощением прежней).

Во всех случаях при соединении мер наказания срок лишения свободы и исправительно-трудовых работ не должен превышать предела установленного для этих мер наказания общей частью УК, т. е. для лишения свободы — 10 лет и для исправительно-трудовых работ — одного года.

Постановление президиума Верховного суда РСФСР оставляет без разрешения целый ряд вопросов.

1. Может ли суд применять принцип поглощения, когда прежняя мера наказания была более тяжкой, чем мера наказания по новому преступлению? Например, если осужденный к исправительно-трудовым работам сроком на 1 год совершил новое преступление, которое влечет исправительно-трудовые работы на срок до 6 мес., то казалось бы, если применять поглощение, а не соединение наказаний, должна остаться мера наказания, назначенная по прежнему приговору, с поглощением меры наказания по новому делу. Между тем разъяснение допускает только поглощение **прежней** меры наказания наказанием по новому делу.

2. Может ли суд соединить разнородные меры наказания, в частности, лишение свободы и исправительно-трудовые работы, лишение свободы и штраф и т. д.?

3. Вправе ли суд переходить к лишению свободы (из расчета 1 день лишения свободы за 3 дня исправительно-трудовых работ) в тех случаях, когда по прежнему и новому приговорам определен предельный срок, установленный общей частью УК для исправительно-трудовых работ, т. е. 1 год, и соединение этих мер без перехода к лишению свободы является поэтому невозможным?

В большинстве других союзных республик вопрос о соединении наказаний в случае совершения нового преступления после вынесения приговора, но до отбытия наказания или в период его отбывания, разрешен в уголовных кодексах.

Так, по УК УССР, в случае, если новое преступление совершено после обращения приговора к исполнению (выше отмечалась эта особенность законодательства УССР в отношении совокупности), то мера наказания за новое преступление назначается самостоятельно. Это указание закона означает соединение мер наказания, так как в дальнейшем говорится, что неотбытая часть меры наказания по первому преступлению и мера наказания по новому не должны превышать предела, установленного УК для данного вида наказания.

Так же сформулирована ст. 55 УК БССР с той разницей, что в ней говорится о преступлениях, совершенных после осуждения, а не после обращения приговора к исполнению.

УК Грузинской ССР, устанавливая аналогичный же принцип (ст. 47), требует, чтобы при сложении однородной меры наказания общий срок не превышал высшего срока, установленного для этой меры в УК; в случае же сложения лишения свободы и исправительно-трудовых работ последняя мера присоединяется к лишению свободы из расчета 3 дня исправительно-трудовых работ за 1 день лишения свободы.

УК Туркменской ССР (ст. 45) говорит, что в случае совершения осужденным нового преступления после вынесения приговора, но до отбытия наказания, мера наказания по новому преступлению приводится в исполнение независимо от меры наказания, назначенной по первому приговору, с тем, чтобы срок лишения свободы не превышал 10 лет, а срок исправительно-трудовых работ не превышал 1 года.

УК Азербайджанской ССР (ст. 55) устанавливает, что в указанных случаях суд назначает меру наказания за новое преступление отдельно, но с расчетом, чтобы неотбытая часть меры наказания по первому преступлению и мера наказания по новому преступлению не превышала пределов, установленных общей частью для данного вида наказания.

Статья содержит специальное указание о том, что при разнородности мер наказания каждая из них приводится в исполнение в отдельности, независимо от другой меры наказания.

Таким образом в 5 союзных республиках соединение неотбытой части наказания с наказанием по новому делу в случае совершения осужденным до отбытия наказания нового преступления является для суда обязательным.

Уголовные кодексы употребляют различные термины для обозначения момента, начиная с которого совершение нового преступления влечет указанные последствия; так УК БССР говорит о совершении нового преступления **после осуждения;** УК Грузинской ССР, Туркменской ССР, Азербайджанской ССР — **после приговора.** УК УССР вводит процессуальный момент — «после обращения приговора к исполнению». Очевидно, во всех УК (кроме УССР) имеется в виду совершение нового преступления после вступления в законную силу приговора по прежнему делу (так определяет этот момент и разъяснение президиума Верховного суда РСФСР 16 декабря 1933 г.).

Уголовные кодексы Узбекской, Армянской и Таджикской ССР как и УК РСФСР, вопроса о применении наказания к лицам, совершившим новое преступление до отбытия наказания, специально не регулируют.

VI

Предварительный проект уголовного кодекса СССР предусматривает в двух различных статьях как совокупность преступлений, так и совокупность наказаний.

По последнему вопросу, т. е. о совокупности наказаний проект предоставляет суду в случаях, когда совершивший преступление уже был осужден за другое преступление, но не отбыл назначенного ему наказания полностью или частично, решить в зависимости от опасности обоих преступлений и самого преступника, поглощает ли новое наказание неотбытую по первому приговору часть наказания или же присоединяется к ней.

Проект таким образом допускает и соединение наказаний и поглощение более легкого наказания более тяжелым в зависимости от степени опасности обоих преступлений и лица, их совершившего, что по существу надо считать правильным.

Статья **о совокупности наказаний** нуждается в уточнении. Прежде всего неясно, сохраняется ли при соединении наказаний высший предел, установленный общей частью УК для данного вида меры наказания — десятилетний срок для лишения свободы.

Неясно далее, говорит ли статья о случаях совершения нового преступления после вынесения приговора по прежнему делу или же охватывает и те случаи, когда все преступления совершены до вынесения хотя бы первого приговора.

Последний вопрос должен регулироваться скорее уголовно-процессуальным, а не уголовным законодательством.

Статья говорит о возможности поглощения **новым** наказанием неотбытой части наказания по первому приговору, но ведь возможно, что наказание по новому делу будет значительно мягче, чем неотбытое наказание по ранее вынесенному приговору; следовательно, возможно и поглощение наказания по новому делу более тяжелым наказанием **по прежнему** приговору.

Статья говорит лишь о соединении наказаний или поглощении. Между тем возможно и в практике применяется (разъяснение президиума Верховного суда РСФСР 16 декабря 1933 г.) присоединение к более тяжелой мере по одному приговору меры наказания по другому приговору не полностью, а частью. То же можно сказать и о дополнительных мерах. Возможно поглощение основной меры, но оставление некоторых дополнительных мер по обоим приговорам.

При определении оснований, которыми суд руководствуется, применяя или соединение или поглощение наказаний, надо указать не только на опасность обоих преступлений и преступника, но и на характер преступлений и на род наказаний, определенных обоими приговорами.

Несколько замечаний чисто редакционного порядка. Если сказать, что положения о совокупности наказаний применяются, когда виновный в новом преступлении не отбыл назначенной ему меры наказания полностью или **частично,** это означает, что отбывший частично наказание уже не подпадает под действие статьи о совокупности наказаний, тогда как из текста статьи вытекает противоположное.

Поскольку слова «полностью» и «частично» в этом контексте взаимно исключают друг друга, надо оставить лишь первое.

Едва ли удачно употребление термина «новое наказание», очевидно надо говорить о наказании по новому приговору.

Будет неточным сказать, что присоединяется неотбытая по первому приговору **часть** наказания, так как возможно, что наказание еще полностью не отбыто.

Статья предварительного проекта УК о совокупности **преступлений** устанавливает одинаковые принципы применения наказания как при идеальной, так и реальной совокупности.

Последняя определяется как совершение нескольких преступлений, по которым не было вынесено приговора, т. е. так же, как в действующем УК РСФСР.

При определении меры наказания по совокупности преступлений проект отказывается от предварительного назначения наказания отдельно за каждое из совершенных преступлений.

Мера наказания определяется по статье, предусматривающей наиболее тяжелое преступление, остальные преступления учитываются судом как показатели повышенной опасности преступника.

Текст статьи проекта точнее, чем действующие «Основные начала», определяет, что наказание **при совокупности преступлений** назначается не за одно лишь наиболее тяжелое преступление, а за всю их совокупность в рам-

ках санкции статьи, предусматривающей наиболее тяжелое из совершенных преступлений.

Редакция статьи проекта требует уточнения. Прежде всего, в определении реальной совокупности не указано, что совершенные преступления должны быть предусмотрены различными статьями уголовного кодекса, вследствие чего возможно смешение совокупности преступлений с повторностью, которая или является отягчающим обстоятельством или же служит признаком квалифицированного вида данного состава преступления (см., например, ч. 1 и ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, пп. «а», «б», «в» ст. 162).

Указание на то, что наказание определяется по той статье Особенной части, которая предусматривает наиболее тяжелое **преступление,** не совсем точно. Надо указать также, что наказание назначается **по статье,** предусматривающей в санкции наиболее тяжелую меру наказания.

Проект правильно не говорит, что мера наказания назначается лишь за наиболее тяжкое преступление из числа совершенных, указывая, что она определяется по всей совокупности преступлений, однако далее не совсем последовательно сказано, что остальные преступления учитываются как показатели повышенной опасности преступника.

Если последнее может быть достаточным в отношении идеальной совокупности, когда суд имеет дело с одним действием преступника, содержащим признаки нескольких составов преступления, то в отношении реальной совокупности, охватывающей несколько различных преступлений, зачастую совершенных в разное время, при различных обстоятельствах, эта формулировка недостаточна, так как она не дает определения опасности всех совершенных преступлений. Наличие ряда других преступлений, кроме наиболее тяжелого, может отразиться не только в усилении основного наказания в пределах санкции статьи, предусматривающей наиболее тяжелое из совершенных преступлений, но и в назначении судом одной или нескольких дополнительных мер наказания соответственно характеру и степени опасности этих преступлений. Эти меры могут быть прямо указаны в качестве обязательных в статьях закона, предусматривающих другие преступления, кроме наиболее тяжелого, из числа совершенных виновным (например, конфискация имущества).

Проект о возможности применения дополнительных мер по другим статьям УК не упоминает. Уточняя текст статьи проекта, надо указать, в частности, что суд определяет основную меру наказания, учитывая как наиболее тяжелое преступление, совершенное виновным, так и остальные преступления, причем назначает основную меру наказания по статье УК, предусматривающей наиболее тяжелое из совершенных преступлений и наиболее тяжелую меру наказания, и при этом вправе определить дополнительные меры наказания, указанные законом в статьях, предусматривающих все преступления, совершенные виновным.

В статью проекта о совокупности преступлений следует внести и чисто редакционные поправки. В частности, следует говорить о преступлениях, совершенных не «обвиняемым», а «виновным», так как определение наказания по совокупности предполагает установление судом виновности.

При определении реальной совокупности вместо слов «совершение **нескольких** преступлений», лучше сказать «совершение **двух или более»,** так как по обычному словоупотреблению два преступления термином «несколько» не охватываются.

Е. ДОМБРОВСКИЙ

Неимущественный интерес в гражданском праве

I

Проблема неимущественного интереса в гражданском праве считается одной из спорных тем учения об обязательствах,—вернее, даже одним из спорных институтов гражданского права вообще, поскольку юриспруденция связывает проблему неимущественного интереса не только в отношении обязательственного права, но относит ее также и к вещно-правовым институтам.

Укажем для примера, что римские юристы в числе вещно-правовых институтов признавали **сервитут вида** (servitus prospectus), независимо от всякого имущественного интереса, а также **сервитут водопровода** (servitus aquaeductus) даже и в тех случаях, когда вода проводилась через участок соседа не для хозяйственных надобностей пользователя сервитута, а ради одного удовольствия — устройства фонтана, водопада и т. п.

Признавая правовую охрану неимущественного интереса в подобных случаях, римские юристы имели в виду институты вещного права, к числу которых относились и так называемые Jura in re aliena — вещные права на чужие вещи-сервитуты.

Римские юристы допускали также существование обязательств, не имеющих имущественного характера, как, например, обязательство воздвигнуть памятник наследователю, обязательство покупщика к хорошему обращению с рабом, купленным на этом условии, например, обязательство покупщика рабыни, купленной с условием—ne prostituatur и пр.

В римском праве мы находим иски, которые защищали личность против всевозможных физических и нравственных посягательств на ее права (actiones injuriarum, actiones arbitrariae и т. д.). У римских юристов мы встречаемся впервые с так называемыми популярными исками — actiones populares, которые могли предъявляться каждым гражданином и преследовать в гражданском порядке действия, затрагивающие массу неимущественных интересов.

В общей форме идея возмещения нравственного вреда была выражена в законе Аквилия,

хотя этот закон предусматривал возмещение ущерба, в том числе и морального, наряду с репрессией за правонарушение.

Таким образом неправильно утверждение ряда юристов (особенно в германской цивилистике), что римское право отвергает институт неимущественного интереса. Они оспаривают принцип неимущественного интереса в гражданском праве, исходя из того положения, что вещные и обязательственные отношения являются исключительно имущественными отношениями и что предметом гражданского права могут быть только такие интересы, которые могут быть сведены на деньги. Идея возмещения морального ущерба, по мнению этих авторов, лежит за пределами гражданского права. Получив господствующее значение в германской юриспруденции со времени Пухты и Савиньи, такой взгляд на предмет гражданского права стал определять собою практику немецких судов, исключающих, как правило, из гражданского права неимущественные интересы. Ст. 847 германского гражданского уложения допускает в очень узких пределах возмещение так называемого нравственного вреда, т. е. ущерба неимущественного порядка (Schaden, der nicht Vermögensschaden ist). Известно, что в старом германском праве существовал институт так называемый Schmerzengeld, т. е. вознаграждения за боль, за страдания тела. Впервые этот институт встречается в Германии в ст. 20 Уголовного закона Карла V, обязывавшей возместить неосновательно приговоренному ущерб за бесчестье, страдания и убытки («Seine Schmach, Schmerzen, Kosten und Schaden»).

В швейцарском гражданском уложении (ст.ст. 50, 53, 54) мы имеем признание законодателем принципа возмещения неимущественного вреда в довольно широких пределах, хотя это обязательство основано на принципе вины причинившего вред, т. е. относится к числу так называемых деликтных обязательств.

Впрочем, следует отметить, что почти вся западноевропейская законодательная и судебная практика в вопросах возмещения причиненного вреда как имущественного, так и неимущественного, основана на принципе вины. Так, например, проф. Синайский В. Й. в своем курсе «Русское гражданское право» (вып. II, Киев, 1918) на стр. 144 утверждает: «Законодательства Запада придерживаются по общему правилу принципа вины как основы правонарушения. Точно так же, и наш Сенат (74/34, 75/622 и др.). Принцип вины признан и проектом. Но как на Западе, в особенности в передовом праве, так и у нас, хотя в более слабой мере, принцип вины (деликтной ответственности) знает исключения в пользу принципа причинной связи. Считается достаточным обойтись в некоторых случаях одной **внешней** связью, без внутренней, субъективной связи (imputatio juris), признать ответственность и за случайно причиненный вред (деликтная ответственность не в точном смысле, **легальная ответственность**)» [1]. Таким образом для признания обязанности возмещения неимущественного, морального вреда требуется, как правило, наличие вины (умысла или неосторожности, во всех видах последней) со стороны причинившего вред. Ст. 50 швейцарского гражданского кодекса гласит: «Всякий, кто без правомочия причиняет вред другому, умышленно, по неосторожности или небрежности, обязан его возместить».

Из содержания ст.ст. 53 и 54 кодекса следует, что законодатель имеет в виду не только имущественный, но и нравственный вред (le préjudice moral).

Английское законодательство знает трояко-го рода обязательства возмещения причиненного вреда: а) возмещение ущерба, которого денежный эквивалент может быть с точностью установлен (ordinary damages); б) номинальный ущерб, означающий в английском праве возмещение **морального ущерба** (nominal damages); в) возмещение вреда в виде карательной санкции, штрафа в отношении причинившего вред (exemplary cf vindicative damages) [1].

Широкое применение принципа, заложенного в ст. 1382 французского «Code civil», дает основание судебной практике обязывать виновных в причинении вреда возмещать потерпевшему не только имущественный ущерб, но и так называемый моральный вред, le préjudice moral.

Доктор права André Mantelet в своей работе, посвященной специально проблеме возмещения морального ущерба (la réparation du préjudice moral), приводит ряд примеров из судебной практики Франции, относящихся к возмещению имущественного ущерба в гражданском праве.

Являясь горячим сторонником теории возмещения морального вреда, т. е. возмещения физических и нравственных страданий, причиненных потерпевшему неправомерной деятельностью правонарушителя, проф. Мантеле дает подробный анализ законодательства важнейших государств Европы и Южной Америки, судебной практики и юриспруденции по данному вопросу.

Он показывает в своей работе, что передовая наука гражданского права, законодательства и судебная практика, за редкими исключениями, признают ответственность причинившего вред за неимущественный, или так называемый нравственный ущерб.

Ст. 1902 испанского гражданского кодекса воспроизводит принцип ст. 1382 французского «Code civil» по этому вопросу, причем судебная практика под понятием ущерба имеет в виду и моральный ущерб.

Ст.ст. 1325 и 1326 австрийского гражданского кодекса также признают принцип возмещения морального ущерба.

На конкретных примерах из судебной практики в данной области проф. Мантеле показывает, в каких широких пределах судебная практика французской республики применяет возложение обязанности возместить причиненный моральный ущерб потерпевшему.

Этот моральный ущерб заключается в лишениях и страданиях, причиняемых неправомерной деятельностью или упущением правонарушителя. Эта деятельность чаще всего выражается в посягательствах на личные блага, отражающихся на моральной сфере потерпев-

[1] Проф. Синайский, Русское гражданское право, вып. II, Киев 1918, стр. 144.

[1] André Mantelet, la réparation du préjudice moral, Париж, 1907, стр. 83—85.

шего, но моральный вред может быть причинен и нарушением имущественных благ (например, уничтожением портрета, с которым связаны самые дорогие воспоминания потерпевшего).

Противники теории неимущественного интереса в гражданском праве (в русской литературе Мейер, Вл. Умов, Кавелин, Петражицкий и др.) обычно указывают, что гражданское право не располагает средствами для защиты неимущественных отношений вследствие непереводимости этих последних на денежный эквивалент, составляющий существо имущественных отношений. Однако некоторые германские цивилисты, вопреки господствующей в этой стране доктрине, отвергающей возмещение неимущественного интереса в гражданском праве, как, например, Рудольф Иеринг, Виндшейд, Унгер и многие другие, стоят по этому вопросу на точке зрения признания необходимости правовой защиты неимущественного интереса.

Судебная практика Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии и других стран давно держится противоположного взгляда, чем практика германских судов, и решительно включает неимущественные интересы в область гражданского права.

Известен пример, приводимый Иерингом, когда гражданин заказал себе номер по телефону в гостинице на время большого стечения народа на празднества в этот город. Хозяин гостиницы нарушил договор, сдав номер за бо́льшую плату другому лицу. Первоначальный наниматель приезжает в город, скитается всю ночь по улицам неизвестного города, переносит лишения и страдания с детьми, и если он не мог найти извозчика и к утру у него в кармане остались те же деньги, которые были к началу скитаний, то немецкий судья скажет ему, что он не потерпел никакого ущерба в имуществе, и не присудит ему с хозяина гостиницы никакого вознаграждения. Иеринг восклицает: «Я готов первый выкинуть за борт все правоведение, если такая нелепость должна быть признана за право!»

Наибольшие трудности в этом вопросе цивилисты усматривают в невозможности перевода на деньги нравственного вреда, в затруднениях суда при определении последствий причинения неимущественного ущерба. Они указывают, что нравственный вред, конечно, не может быть восстановлен, подобно имущественному ущербу, но невозможность такой реституции не исключает все же компенсации, хотя бы и денежной. Трудности определения этого размера они предлагают разрешить или путем определения в законе пределов денежного вознаграждения, или же путем предоставления свободному усмотрению судьи определения размера компенсации.

Некоторые цивилисты предлагают вообще установить штраф за нарушение моральных благ. Так, например, проф. Синайский говорит: «Может быть, было бы правильнее говорить даже не о возмещении нравственного ущерба, а о штрафе как мере наказания за нарушение нравственных благ по инициативе самого потерпевшего... При этом штрафы могли бы в одних случаях итти в пользу самого потерпевшего, в других — в пользу общества» [1].

Судебная практика буржуазных стран и заключается в присуждении потерпевшему известного денежного вознаграждения в возмещение неимущественного ущерба, причем сумма этого вознаграждения определяется судом (Франция), или заключается в штрафе в пользу потерпевшего, определяемом в размере самим законом (ст.ст. 667 и 678 части 1 тома X свода царских законов), или же штраф взыскивается в доход государства [2].

Проф. Гамбаров приводит возражение Иеринга о том, что гражданский суд для охраны неимущественных интересов не располагает ни мечом, ни тюрьмой, подобно уголовному суду. Но «пусть гражданский суд пользуется правильно приговором, выражаемым в деньгах, и он убедится, — говорит Иеринг, — что в большинстве случаев его будет вполне достаточно и для целей гражданского правосудия». «Дело в том, — говорит проф. Гамбаров, — что возможность пользоваться денежными приговорами вовсе не ограничивается той функцией денег, которую господствующее учение имеет исключительно в виду и которая заключается в непосредственном выражении ими ценности или денежного эквивалента каждого отдельного действия. Кроме этой функции — выражать эквивалент, — деньги способны исполнять еще две другие функции, которые можно называть карательной и возмездной».

Под первой Гамбаров понимает угрозу произвести денежное взыскание как средство оказать давление на ответчика в случае уклонения его от исполнения судебного решения. Под возмездной функцией денег он понимает присуждение ответчика к непосредственной уплате в пользу истца вознаграждения за нарушение его неимущественного интереса.

Указывая на судебную практику Англии, Франции и других стран, Гамбаров замечает, что «отсутствие постоянного мерила для правонарушений не препятствует судьям пользоваться карательной и возмездной функциями денег в столь широких размерах, что неимущественные интересы находят в этих условиях требуемую охрану и **добрая совесть** не остается в договорных отношениях пустым словом [3].

Анализируя конкретные случаи возмещения морального ущерба потерпевшим, проф. Мантеле в своем исследовании «la réparation du préjudice moral» приводит ряд судебных решений разных департаментов, начиная с возмещения морального ущерба человека, невинно осужденного и требующего по суду вознаграждения за его страдания и лишения

---

[1] Проф. Синайский, Русское гражданское право, 1918, вып. II, стр. 160.

[2] В ст. 667 и следующих речь идет о вознаграждении за бесчестье (обиду, оскорбление).

В издании т. X ч. 1 1842 г. прямо сказано: «Под бесчестьем следует понимать вознаграждение или удовлетворение пострадавшего за обиду, составляющую также вред, хотя и неимущественный, а **нравственный**» (цитировано по Синайскому).

[3] Ю. С. Гамбаров, Курс гражданского права, 1911, стр. 93.

(после установления судебной ошибки), и кончая возмещением морального ущерба изнасилованной девушке и присуждением вознаграждения благочестивому буржуа с содержателя дома терпимости, находящегося по соседству с квартирой истца, которому и семье которого причиняет моральный ущерб владелец этого буржуазного предприятия, угрожающего семейным устоям истца. Во всех этих случаях проф. Мантеле видит в деньгах возможность осуществить важнейшую роль воздействия на правонарушителя через посредство функции удовлетворения потерпевшего, заглаживания денежной суммой его моральных страданий.

В этих примерах явствует неприкрытый лицемерный взгляд буржуазной юриспруденции на тупую мещанскую справедливость в гражданском обороте общества, основанного на эксплоататорской частной капиталистической собственности, превращающего высшие блага человека и самого носителя этих благ — человека — в товар и расценивающего на деньги высшие моральные блага.

Лицемерие буржуазного правосудия в подобных делах бьет в глаза, когда благочестивый буржуа тайком перед членами своей семьи пользуется услугами соседнего maison de tolerance и здесь же предъявляет иск к владельцу дома терпимости о возмещении ему морального ущерба, причиняемого соседством этого заведения ему и его семье, воспитываемой в правилах «светского приличия».

Возражая Петражицкому, указывающему на антикультурность и антисоциальность возмещения нравственного вреда, проф. Синайский замечает: «Нет ничего аморального в том, что, например, изнасилованная получает сумму денег; если ее личность этически высока, она пожертвует эти деньги; если она оставит их себе, то все же она найдет нравственное удовлетворение в денежном наказании обидчика». «Нечего бояться и шантажа. Охраняет же суд от него граждан в других случаях».

Подобное понимание морального ущерба в гражданско-правовых отношениях совершенно чуждо социалистическому правосознанию.

Столь же неприемлемы для нас и буржуазные представления о возмещении морального ущерба за нарушение супружеской верности (la femme est responsable de ses fautes envers son mari), а также за нарушение требований ст.ст. 213 и 214 французского кодекса о послушании жены своему мужу и об обязанности жены жить со своим супругом и следовать за ним всюду.

Всеобщее преклонение перед теорией неимущественного интереса в новейшем гражданском праве в смысле возмещения так называемого морального ущерба, причиняемого в гражданском обороте действием или бездействием правонарушителя, объясняется в значительной мере влиянием концепции так называемых юридических социалистов — Антона Менгера, Леона Дюги, Гедемана и других, видящих в этом институте одно из проявлений врастания буржуазного общества в социализм через эволюцию права.

Под неимущественным буржуазная цивилистика понимает не только вред, причиненный нарушением обязательственных прав или посягательств на нравственное чувство (моральный вред), но всякого рода неприятные переживания, причиненные любым правонарушением (см. у проф. Ярославского университета Б. Лапицкого, Вознаграждение за неимущественный вред, Ярославль, 1919).

Отмечается, что в теории денежное вознаграждение за неимущественный вред не пользуется всеобщим признанием. Споры по этому вопросу ведутся с большой страстностью.

Проф. Боннского университета Ю. Барон в своей «Системе римского гражданского права» отмечает: «Обязательство без интереса для кредитора, т. е. для удовлетворения простой прихоти, ничтожно. Спорно, имеют ли значение свойства интереса, требуется ли, чтобы это был имущественный интерес, или это может быть нематериальный интерес, например, продавец рабыни ставит условие ne prostituatur; на чужом участке кто-либо срубает аллею деревьев, чем он причиняет не только имущественный ущерб собственнику участка, но и лишает изуфруктуария участка удобства прогулки; одно лицо выговаривает себе, чтобы другое лицо исполняло над его гробом известные религиозные обряды и т. п. По прежде господствовавшему мнению, нематериальный интерес может лишь тогда служить достаточным основанием для обязательства, когда вследствие особых обстоятельств к нему присоединяется и имущественный интерес, например, условлена неустойка. Но правильнее, по чисто римскому праву, различать в этом случае obligationes stricti juris и bonae fidei[1].

Для последних было достаточно нематериального интереса; если не была условлена неустойка, должник присуждался к уплате штрафа, размер которого определял по своему усмотрению судья (теперь такой штраф часто называют «возмещением нематериального вреда»)[2].

В законодательствах буржуазных стран, как правило, предусмотрено вознаграждение потерпевшей женщины, потерявшей красоту лица от нанесенного ей повреждения в несчастных случаях, по вине причинившего, причем обязательство такого вознаграждения понимается в качестве возмещения морального ущерба за причиненные потерпевшей нравственные страдания.

Такие выводы делает в широких пределах французская судебная практика, применяя ст.ст. 1382 и 1383 Code civil. Такое указание содержится прямо в тексте ст.ст. 1325 и 1326 австрийского гражданского кодекса и т. д.

Законодательство и практика буржуазных стран знают обязательства возмещения морального ущерба не только в правонарушениях, вытекающих из причиненного вреда, но и в случаях нарушения контрагентом договорных обязательств.

Так, например, Мантеле в цитированной выше работе приводит из судебной практики ряд случаев присуждения потерпевшему морального ущерба за неисполнение ответчиком договорных обязательств. Это особенно относится к случаям строго индивидуальных обязательств.

---

[1] Проф. Ю. Барон, «Обязательственное право», 1910 г., С.-Петербург, выпуск III, книга IV.

[2] Обязательства bonae fidei допускали в римском праве широкое применение свободного судейского усмотрения, в отличие от строгих обязательств stricti juris. — Е. Д.

Приводится, например, случай из судебной практики трибунала Сены в Париже: лорд Эден заказал известному художнику Уистлеру написать портрет леди Эден и заплатил художнику значительную сумму денег. Окончив портрет, художник отказал в передаче его заказчику и предложил вернуть ему уплаченные деньги. Лорд Эден предъявил иск об истребовании портрета, находя, что он купил портрет, стал его собственником и вправе его виндицировать.

Трибунал Сены иск удовлетворил, но апелляционный суд отменил решение и, признав, что заключенный сторонами договор не является договором купли-продажи, а представляет собой договор заказа, и что нарушение договора художником причинило лорду и леди Эден нравственный ущерб, присудил истцу в возмещение морального ущерба 1000 франков вознаграждения сверх обратной уплаты полученной художником суммы за выполнение заказа (см. работу проф. Mantelet, стр. 165). Мантеле находит, что в ряде случаев суд правильно присуждает ответчика к платежу вознаграждения за причинение морального ущерба неисполнением договора, основываясь на широком применении ст. 1382 Code civil.

В русской правовой литературе вопрос о возможности искать вознаграждение за нравственный вред, причиненный неисполнением договора, считался очень спорным. Неясным также представлялся вопрос, можно ли требовать вознаграждение за нравственный вред в виде неустойки, предусмотренной на этот случай договором.

Указывалось, что поскольку речь здесь идет о договорной, а не о правонарушительной ответственности за нравственный вред, то решение вопроса об юридической силе неустойки разрешается в зависимости от действительности обязательства, обеспеченного неустойкой. Если обязательство с нравственным интересом действительно, то законной признавалась и неустойка, предусмотренная в обеспечение такого обязательства. Проект Гражданского уложения в п. 2 ст. 130 прямо предусматривал обязательство возмещения нравственного вреда, причиненного неисполнением обязательства, при наличии умысла или грубой неосторожности. Как известно, проект не получил силы закона.

В русском дореволюционном законодательстве не было общих указаний о возмещении потерпевшему нравственного вреда. В некоторых случаях закон казуистически допускал такое возмещение. Так, например, ст.ст. 667 и след. ч. I т. X Свода законов предусматривали денежное вознаграждение за бесчестие, т. е. нанесение личной обиды потерпевшему, по просьбе обиженного в сумме 1—50 руб., причем иск о платеже бесчестия не мог быть соединен с требованием наказания виновного (ст.ст. 668, 669).

На практике подобные случаи приводили к явным издевательствам над личностью обиженного, когда нередко нанесший личную обиду компенсировал потерпевшего 3-рублевым штрафом в пользу последнего, а иногда прибавлял ему еще 3 руб. и рассчитывался с обиженным дополнительной оплеухой перед лицом торжествующего правосудия.

Ст.ст. 678 и 679 ч. I т. X Свода законов предусматривали уплату осужденному по неправильному приговору в случае его окончательной отмены и признания наличия судебной ошибки вознаграждения за невинное осуждение, сверх причиненных убытков, в размере 10—60 руб. или же 100—600 руб., в зависимости от того, понес ли невиновный наказание уголовное или исправительное.

В литературе, посвященной вопросам возмещения нравственного ущерба, указывалось, что иски о платеже бесчестья должны быть отменены, так как они противоречат «современному культурному правосознанию».

Нравственное же удовлетворение за невинное осуждение, как указывалось, должно быть допущено не иначе, как при наличии умысла или явной небрежности судей, ибо, в противном случае, судьи были бы поставлены в тяжелое положение при отправлении правосудия.

В таком именно смысле высказывался по конкретным делам Сенат (например, 91/8, 85/76); так разрешает вопрос о вознаграждении невинно-осужденного ст. 1214 проекта Гражданского Уложения 1903 г.

В ст. 1201 проекта не упоминается о денежном вознаграждении за оскорбление, так как в объяснительной записке к проекту (стр. 406) признается, что нанесший другому бесчестье должен подлежать только уголовному наказанию.

Цитированный нами выше доктор права проф. Мантеле находит следы вознаграждения за нравственный ущерб в ст. 662 ч. I т. X Свода законов, признававшей право незамужней женщины на получение от виновного приличного вознаграждения на ее содержание до брака, сверх расходов на лечение в случае обезображения лица потерпевшей. В этой статье проф. Мантеле видит отражение смешанной идеи штрафа и возмещения нравственного ущерба за причиненные моральные тяжелые переживания потерпевшей [1].

II

Советскому социалистическому гражданскому праву, основанному на общественной социалистической собственности на средства и орудия производства, являющемуся выражением политики социалистического государства рабочих и крестьян, принципиально отличному от гражданского права буржуазии и капиталистов, социалистическому по своей природе с первых дней диктатуры рабочего класса, но развивающемуся на разных этапах социалистического строительства, чуждо понятие «морального ущерба» в трактовке буржуазной юриспруденции.

В великом Союзе ССР, где после Октябрьской революции впервые в истории человечества заложены были прочные основы освобождения человека от эксплоатации, где с победой социализма основой советского строя стала общественная, социалистическая собственность на средства и орудия производства, где на основе этой общественной, социалистической собственности растет и множится личная собственность трудящихся, где признаны и гарантированы основные права граждан Союза ССР — право на труд, на отдых, на образо-

[1] Мантеле А., La réparation du préjudice moral, Paris, 1907, стр. 91—92.

вание, равные права женщины с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни (см. гл. I и X Великой Сталинской Конституции), — гражданская правоспособность трудящихся не может итти ни в какое сравнение с правоспособностью субъектов права буржуазных капиталистических стран.

Эта правоспособность по социалистическому гражданскому праву качественно отлична. Она по своей внутренней природе иная. Она не выражает собою права эксплоатации, буржуазного лицемерия, буржуазной «справедливости» и морали. Она богаче, содержательнее, многограннее. Она есть выражение зажиточной, культурной, счастливой жизни участников общественной социалистической собственности, тружеников социалистического государства рабочих и крестьян, государства, в котором впервые в мире осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способностям, каждому по его труду» (ст. 12 Сталинской Конституции).

Такое понимание гражданской правоспособности, принципиально отличной от правоспособности буржуазии и капиталистов, исключает возможность правомерности требования «морального ущерба» в возмещение нравственного вреда за бесчестие, за потерянную красоту женщины, за нарушение обязательства заключить брак, за супружескую измену, за нарушение обязательств супружеского послушания женщины, проживания совместно с мужем, вопреки воле женщины, обязанности следования повсюду за своим мужем и т. п.

Такое «право» на возмещение «морального ущерба», с точки зрения социалистической правоспособности и пролетарской морали, представляет собой издевательство над личностью и над элементарным представлением о праве. Социалистическое правосознание исключает подобное понимание права на возмещение «морального ущерба». Можно признать только клеветниками на социалистический правопорядок тех буржуазных цивилистов, которые видят в институте вознаграждения за неимущественный «моральный ущерб» буржуазного права самостоятельное «культурное благо», перерастающее рамки буржуазного общества. Перенося этот буржуазный по своей природе институт в правопонимание социалистического общества, они утверждают, что «правотворчество временами может подняться на такую высоту, что правовые формы, преодолевая исторический материал, в них отлитый, могут пережить не один переворот и не одну революцию. Так право из жалкой «надстройки» над экономикой вырастает в самостоятельное культурное благо» (проф. Лапицкий, Вознаграждение за неимущественный вред, Ярославль, 1919).

Контрреволюционная клеветническая сущность этой тирады говорит убедительно сама за себя. По существу это положение Лапицкого перекликается с контрреволюционным вредительским пашуканизмом, увековечивающим буржуазное гражданское право со всеми его институтами.

Наша судебная практика не знает случаев вознаграждения за причиненный нравственный ущерб.

Попытки в этом направлении, например, требования родителей, ищущих по суду вознаграждения за погибшего от несчастного случая ребенка, сверх причитающихся убытков за причиненный вред, согласно ст. 403 и следующих Гражданского кодекса РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик встречают в судебной практике решительный отпор, как не основанные на законе и не соответствующие духу советского права. Такие попытки присуждения вознаграждения за нравственные страдания потерпевшим от несчастного случая, сверх возмещения убытков за причиненный вред, особенно когда вред причинен источником повышенной опасности, где наш закон в должной мере и усугубленно охраняет права потерпевшего, также отклоняются судебной практикой. Законных оснований для присуждения вознаграждения за подобный неимущественный вред наши гражданские кодексы союзных республик не знают. Всей системой социалистического советского права личность ставится в такие условия, что возмещение «морального ущерба» в смысле денежного вознаграждения, «осушающего слезы» потерпевшего, в наших условиях неприменимо.

Харьковский народный суд отклонил иск гражданки И., требовавшей присуждения ей с городского трамвая 50 000 руб. в возмещение причиненных ей нравственных страданий, так как она в молодые годы лишилась ноги от несчастного случая; суд признал такой иск не основанным на законе и присудил ей сумму действительно причиненных убытков для возмещения реально причиненного вреда.

Совершенно недопустимо в нашем праве представление о возможности присуждения морального возмещения за бесчестие, за отказ от женитьбы, за измену супружеской верности, за отказ от сожительства с мужчиной, считающим себя мужем женщины вопреки ее воле, за изнасилование женщины.

«Просвещение, культура, цивилизация, свобода — все эти пышные слова соединяются во всех капиталистических, буржуазных республиках мира с неслыханно-подлыми, отвратительно грязными, зверски грубыми законами о неравенстве женщины, по законам о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным», о привилегиях для мужчин, об унижении и оскорблении женщины. **Иго капитала, гнет «священной частной собственности», деспотизм мещанской тупости, мелкохозяйственной корысти—вот что помешало самым демократическим республикам буржуазии посягнуть на эти грязные и подлые законы»** (Ленин, Советская власть и положение женщины, 1919 г.).

Это лучшая характеристика для указанного выше буржуазного института возмещения «морального ущерба».

«Из тех законов, которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской республике не осталось камня на камне» (Ленин, Речь на конференции московских работниц, изд. 1-е, т. XVI, стр. 357).

Камня на камне не осталось в социалистическом гражданском праве от институтов буржуазного гражданского права, основанного на «священной частной собственности» на орудия и средства производства, на эксплоатации человека человеком. Указанный нами институт разделяет судьбу и всех других институтов буржуазного гражданского права.

Однако, было бы неправильным утверждать, что в нашем социалистическом гражданском праве нет места для признания неимущественного интереса в правоотношениях трудящихся между собою, с государственными и общественными организациями, а также в правоотношениях последних между собою. Во многих гражданских правоотношениях социалистического общества мы, несомненно, имеем налицо все основания для признания неимущественного интереса в социалистическом гражданском праве и для его судебной защиты. Но здесь вопрос ставится совершенно по-иному.

Возьмем, к примеру, отношения, вытекающие из авторского права.

Согласно ст. 17 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. основной обязанностью издателя по издательскому договору является обязанность издать произведение автора и принять все зависящие от издательства меры к распространению этого произведения. В судебной практике нередко ставится вопрос, обязано ли издательство печатать работу автора, или же оно может воздержаться от издания и распространения труда автора, ограничившись уплатой автору причитающегося по договору гонорара. Неимущественный интерес автора как раз и заключается в том, чтобы издательство выполнило свое обязательство, предусмотренное ст. 17 закона. Этот интерес не может быть переведен на деньги. Он имеет громадное значение для социалистического строительства, для роста социалистической культуры, для связи автора с общественностью, для развития творческой деятельности автора.

Такой неимущественный интерес автора заслуживает всемерной охраны закона и судебной защиты. Конечно, при этом предполагается, что автор представил во исполнение договора вполне доброкачественный труд и что его издание и распространение тормозится или вовсе отменяется по вине издательства. Решая подобные дела в зависимости от конкретных обстоятельств, суд должен обязывать издателя к выполнению обязанности, предусмотренной ст. 17 закона от 8 октября 1928 г. За нарушение этой обязанности суд может применить ряд мер, обеспечивающих исполнение: штрафная неустойка, привлечение виновных к дисциплинарной ответственности, опубликование в печати, постановка вопроса перед вышестоящей организацией, сообщение о нарушении издателем обязанности издать произведение в Комиссию советского контроля и т. п. Штрафная неустойка на случай судебной защиты неимущественного интереса автора должна быть установлена законом. Она, конечно, не разрешает полностью вопроса, так как, уплатив ее, издательство все же может отказаться от издания работы автора. Однако, самая обязанность уплаты неустойки, значение ее уплаты в балансе хозяйственной деятельности издательства будет, несомненно, существенным образом способствовать правовой охране неимущественного, личного интереса автора.

Интересный пример из области правоотношений, касающихся неимущественного интереса в гражданском праве, мы имели недавно в надзорной практике Прокуратуры Союза.

Грузинский композитор Мегвинет Ухуцеси должен был на основании договора с Тбилисским театром государственной оперы и балета получить 25 000 руб. неустойки за отказ театра от постановки его оперы «Амирани», одобренной надлежащей экспертизой, признанной ценным вкладом в грузинское оперное искусство и включенной даже в репертуар театра. Композитор работал над оперой 10 лет. Добросовестно и в срок выполнил свои обязательства. Театр оперу не поставил. В договоре предусмотрена была неустойка в 25 000 руб. на случай отказа театра от постановки оперы.

В суде возникли споры о допустимости включения в подобный договор с композитором условия о неустойке. Ставился вопрос, каков характер этой неустойки — штрафной или оценочный.

Верховный суд Грузии в иске композитору отказал. Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР по протесту Прокуратуры Союза отменила это решение и признала за Мегвинет Ухуцеси право на неустойку.

Здесь мы имеем, несомненно, случай судебной защиты неимущественного интереса в социалистическом гражданском праве, наряду с возмещением композитору причиненных нарушением договора убытков (ст. 117 ГК).

Личный, неимущественный интерес композитора заключается именно в том, чтобы его опера была поставлена, чтобы он, таким образом, мог получить оценку своего творческого труда со стороны широкой общественности, чтобы его опера шла в репертуаре театра, чтобы он извлек от постановки оперы все необходимое композитору для дальнейшей творческой деятельности.

Судебная защита неимущественного интереса композитора необходима здесь в интересах социалистического строительства, социалистической культуры.

Данный случай в судебной практике настоятельно свидетельствует о необходимости правовой охраны неимущественных интересов автора, композитора в социалистическом гражданском праве.

Опору в действующем законе суд в аналогичных случаях может найти даже в ст. 142 ГК РСФСР и соответствующих статьях гражданских кодексов других союзных республик. Пункт 3 ст. 142 Гражданского кодекса говорит, что в случае определения размера подлежащей присуждению неустойки (когда должник возбуждает вопрос об ее уменьшении) **«суд должен принять во внимание не только имущественный, но и всякий иной, заслуживающий уважения, интерес кредитора».** Это указание Гражданского кодекса дает основание для судебной защиты неимущественного, личного интереса кредитора.

Мы сталкиваемся в нашей судебной и прокурорской практике с проблемой неимущественного интереса и в ряде других случаев, как в отношениях трудящихся с государственными и общественными организациями, так и в гражданских правоотношениях последних между собою. Проблема неимущественного интереса нередко возникает в так называемых установительных исках, когда суд своим решением удостоверяет наличие или отсутствие между сторонами правоотношения. Известны в нашей судебной практике случаи

установления отцовства, не связанные с присуждением алиментов (например, установление отцовства по иску совершеннолетней дочери, Мосгорсуд).

Эти вопросы возникают и в стадии исполнения судебных решений, когда правоотношение определяется вступившим в законную силу судебным решением, особенно по так называемым установительным искам (Feststellungs-Klagen).

Суд, например, выносит решение: признать за Ивановым право на площадь, выселить Петрова из спорной комнаты, обязать жилищный отдел городского совета предоставить Петрову площадь (так как жилотдел незаконно выдал Петрову ордер на спорную комнату).

Поскольку такое решение не снабжено принудительной санкцией, жилотдел не выполняет решение, Иванов месяцами ходит с судебным решением, признавшим за ним право на комнату, но вселиться в нее не может, так как жилищный отдел не предоставляет Петрову площади.

Неимущественный интерес Иванова, непереводимый на деньги, заключается в обеспечении силы судебного решения, в гарантировании его исполнения жилищным отделом. Решение вопроса здесь представляется в виде установления в законе штрафа за нарушение должником обязательства, в привлечении виновных в неисполнении судебного решения к дисциплинарной и судебной ответственности. Ясного ответа на этот вопрос в законе нет.

Из этой же области правоотношений, говорящих о необходимости правовой охраны неимущественного интереса в социалистическом гражданском праве, интересный пример дала недавно практика Киевского областного суда.

В споре между киевским Молочным комбинатом и киевским заводом «Маслоизготовитель» об освобождении арендованного последним помещения Молочного комбината за истечением срока договора встал во весь рост вопрос о судебной защите неимущественного интереса истца. Вкратце, спор сводился к тому, что срок договора аренды помещений Молочного комбината заводом «Маслоизготовитель» истек 1 января 1936 г. Арендатор в нарушение договора после этого срока не освободил помещений комбината, несмотря на ряд обращенных к нему требований. Договор предусматривал ничтожную неустойку на случай нарушения договора. Она истца не интересовала. Молочный комбинат не предъявлял также к ответчику требования об уплате убытков, вызванных просрочкой освобождения помещений истца; убытки его не интересовали, тем более, что и доказать эти убытки было бы чрезвычайно трудно: ни прямой ущерб, ни упущенная выгода из обстоятельств дела отчетливо не следуют.

Истец должен был по своей программе расширить производство. Ему нужно было оборудовать новые цеха. Интересы производства, промфинплана Молочного комбината требовали освобождения его помещений заводом «Маслоизготовитель». Неимущественный интерес истца, непереводимый на деньги, явствовал из обстоятельств дела. А «Маслоизготовитель», в свою очередь, расширял свою производственную программу. Он снабжает своими изделиями систему потребкооперации, производит оборудование, ранее ввозившееся из-за границы. Своего здания у «Маслоизготовителя» не было. Ясно, что выселить завод из помещений Молочного комбината суд не мог: решение об обязании ответчика освободить помещения комбината согласно договора парализовалось многократными отсрочками исполнения решения тем же судом. Какой вывод следует из приведенного случая, в свете рассматриваемого нами вопроса о неимущественном интересе в советском гражданском праве?

Необходимость установления по закону штрафа, который суд мог бы в подлежащих случаях налагать на ответчика, за неисполнение им обязательства, в точном исполнении которого заинтересована другая сторона. Штраф этот, взыскиваемый в пользу истца, или в пользу государства, в значительной мере подстегивал бы должника к исполнению обязательства. Практика Госарбитража в аналогичных случаях подтверждает положительные результаты этого мероприятия. Необходимо также уточнить в законе дисциплинарную и судебную ответственность за неисполнение судебного решения, предусмотренную нашим законодательством в отношениях между организациями социалистического хозяйства, но недостаточно четко сформулированную и находящую себе **очень** редкое применение в практике.

Мы коснулись только некоторых отношений нашего гражданского права, где проблема неимущественного интереса представляется актуальной в интересах социалистического строительства.

Затронутая тема как и многие другие проблемы советского социалистического гражданского права требует своей детальной разработки.

Теснейшим образом с нашей темой связана проблема личных прав граждан Союза ССР. В свете Великой Сталинской Конституции последняя тема настоятельно требует своей исчерпывающей научной разработки.

А. КУРДЮМОВ

Вопросы советской судебной медицины

Судебная медицина, это связующее звено между правосудием и медициной, в наших условиях получила все возможности к огромному творческому развитию.

В 1932 г. по постановлению правительства создан Центральный институт судебной медицины НКЗдравоохранения РСФСР, призванный объединить все достижения мировой и отечественной медицинской науки на помощь советскому правосудию.

Вполне естественно, что на повестке дня стоит вопрос об организации всесоюзного центра судебно-медицинской мысли. Это — прямая обязанность НКЗдравоохранения СССР.

Судебно-следственные работники, работая рука об руку с судебно-медицинским экспертом, вводя его во все стадии уголовного процесса, вполне естественно, вправе требовать от него высокого знания своего дела.

Однако, вопреки всем возможностям, предоставленным судебной медицине, она отстает, и положение ее в настоящее время нельзя признать стоящим на должном уровне. Причины этого следующие: 1) мы не можем похвалиться особенным вниманием со стороны НКЗдравоохранения к текущим нашим нуждам; 2) «кадры решают все», говорит товарищ Сталин, а в нашей области — это самый больной вопрос. Старые кадры значительно поредели, а новое пополнение далеко не успевает за ростом и требованиями жизни.

Статья 193 УПК, разрешающая следователю, кроме специалиста судебно-медицинского эксперта, привлекать к экспертизе любого врача, в большинстве случаев приносит вред делу расследования. Это зло становится иногда непоправимым, и судебно-медицинская экспертиза такого так называемого «случайного» эксперта иногда должна быть выброшена из цепи доказательств.

У нас сейчас едва ли насчитывается 500 врачей, специально занимающихся судебной медициной. Поэтому и существует правило статьи 193 УПК, в силу коего отправление судебно-медицинских функций зачастую поручается случайным медицинским экспертам, иногда поражающим всех своей исключительно малой компетенцией в судебной медицине, фантастичностью заключений, так что иной раз приходится задумываться, не лучше ли для дела совсем отказаться от такой помощи, толкающей само расследование в пучину случайностей.

Приведем несколько иллюстраций из заключений «случайных» экспертов:

1) Врач М. пишет: «В полостях правого желудочка 2 куска жира, которые закупорили отверстие сердца, отчего повидимому и произошла скоропостижная смерть». Здесь обычные агональные свертки крови принимаются за куски жира.

2) Врач Г. пишет: «Ввиду отсутствия надобности во вскрытии последнее не было произведено, на основании истечения кровянистой жидкости из ноздрей и рта заключаю, что смерть наступила от паралича сердца». Комментарии излишни!

3) Врач Ш. пишет: «Глаза трупа на свет не реагируют», а в заключении: «Так как труп извлечен из озера в мертвом виде и момент утопления никто не видел, делать окончательное заключение при каких обстоятельствах произошла смерть затруднительно».

4) Врач Ш. пишет: «На основании данных наружного осмотра и вскрытия можно определенно сказать, что смерть в данном случае не насильственная. Покойный с вечера или ночью повесился на заранее приготовленной веревке. Смерть произошла вследствие паралича дыхательного центра и кровоизлияния в центральный мозг».

Я хорошо представляю себе этих «экспертов», дающих такие заключения. Должно опасаться их и правосудие, так как в ряде случаев убийства остаются нераскрытыми, а иногда невиновные привлекаются к уголовной ответственности. Таковы последствия плохой первичной экспертизы. Вред таких экспертиз диктует самую беспощадную борьбу с этим злом.

За последние 2 года НКЗдравоохранения выделил на судебную медицину 150 чел. Если принять во внимание отсев 25 чел. и то, что в ближайшие 3 года для преподавания понадобится не менее 100 чел., то что же останется для практической судебной медицины? Интересы правосудия требуют, чтобы количество врачей на судебную медицину по крайней мере было утроено.

Положение с кадрами для кадров также нельзя назвать хорошим. Ряд кафедр судебной медицины пустует, и подготовка будущих специалистов по судебной медицине ведется представителями смежных специальностей, например, патолого-анатомами.

Еще резче надо подчеркнуть недостаточное количество часов, отводимых на судебную медицину в вузах, это количество напоминает кривую при лихорадке. Было и 126, было и 36, было 84, в последнее время 66, из которых 54 обязательных и 12 необязательных. В юридических вузах это количество часов приближается к последней цифре, и для меня не будет удивительным, что при дальнейшем снижении юрист будет разъяснять врачу основы, а может быть и детали судебной медицины.

Следующим актуальным вопросом, требующим пристального внимания, является вопрос о роли и значении патолого-анатомов в деле несения функций судебно-медицинских экспертов. Это — беда в нашей области, которую приходится терпеть вследствие острой нужды в кадрах. Вопрос об этом дебатируется и в европейской печати. К великому сожалению, у некоторой части патолого-анатомов существует полупрезрительное и вместе с тем слишком упрощенное понятие о судебной медицине — науке, имеющей 400-летнюю давность.

Примером такого упрощенства и вульгаризации судебной медицины является статья

проф. Давыдковского в т. V Большой медицинской энциклопедии под заглавием «Внезапная смерть», где автор путает естественную и насильственную смерти. Комментарии также излишни!

Если врач будет ориентироваться по этой статье, то нет ничего удивительного, что он даст заключение наподобие приведенных выше. Надо со всей прямотой сказать, что опыт работы патолого-анатомов в качестве судебно-медицинских экспертов на ряде примеров экспертиз, проходивших комиссии третьей инстанции, неудачен. Особенно неблагоприятным для дела правосудия является совмещение в одном лице, в одном и том же учреждении функций судебно-медицинского эксперта и патолого-анатома.

Положение с печатным органом по вопросам судебной медицины весьма тяжелое.

Все медицинские специальности, даже средний и низший медперсонал, имеют свой печатный орган, лишь для судебных медиков почему-то существует досадное исключение.

Кто виноват в том, что сотни работ лежат по нескольку лет, стареют, теряют свое значение, иногда печатаются в иностранных журналах, иногда — в наших по другим специальностям? Вполне естественно, что знакомство с такой работой даже для специалиста является случайной находкой. Периодический журнал нужен нам как воздух, нужен он и нашим товарищам-юристам.

С большим трудом Институту судебной медицины удалось создать коллективный учебник по судебной медицине взамен устаревшего учебника Косоротова. Существующие хорошие руководства Шибкова, Бокариуса и Нижегородцева стали редкостью.

Единство теории и практики — важнейший принцип и необходимое условие развития советской науки. Разве не иронией звучит то положение, что ведущий научно-исследовательский центр — Институт судебной медицины Наркомздрава СССР почти не имеет практической базы и почти не связан со всей массой как экспертов, так и работников расследования, а равно и с городской судебно-медицинской организацией, благодаря чему ценный количественно и качественно материал пропадает как для теории, так и для практики. Научный работник, оторванный от практики, обогащающей теорию, не есть научный работник.

В заключение несколько слов об идеологическом состоянии судебной медицины, нуждающейся в пересмотре ряда вопросов. Не секрет, что до последнего времени некоторые из экспертов питаются из источников Ломброзо, объясняя причину самоубийства дегенеративными изменениями в черепе. Единственная наша работа, подвергшая критике эту теорию и написанная в 1932 г., до сих пор еще не напечатана. Такова же судьба работы о кризисе судебной медицины проф. Сапожникова.

Этим не исчерпывается все, что волнует всякого вдумчивого судебно-медицинского эксперта. Не выражая никакого сомнения в чутком отношении к судебной медицине и действенной поддержке со стороны органов прокуратуры и суда, мы обязаны на основе беспощадной критики и самокритики пересмотреть и перестроить всю свою работу.

М. БРАГИНСКИЙ

Об обязательных постановлениях городских советов

В связи с принятием Сталинской Конституции СССР предстоит большая работа по пересмотру действующего законодательства и согласованию его с основными требованиями Конституции, с изменившимися условиями и обстановкой.

Подвергнутся просмотру, вероятно, также законы о правах местных советов и их исполкомов на издание обязательных постановлений и пределы этих прав.

Права городских советов на издание обязательных постановлений предусмотрены ст. 19 Основных положений об организации в Союзе городских советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (СЗ № 10, 1928, стр. 86). Закон прямо предоставляет городским советам «права по изданию обязательных постановлений и определению за нарушение их взысканий в административном порядке в объеме таковых прав, предоставленных соответствующим исполнительным комитетам».

Положение о городских советах РСФСР от 20 января 1933 г. (СЗ № 29, 1933, стр. 103) устанавливает, что городские советы «издают обязательные постановления и контролируют правильность наложения административных взысканий».

При пересмотре законодательства о городских советах, естественно, может и должен быть поставлен вопрос о том, использовали ли городские советы предоставленные им права в достаточной степени, в какой мере эти права оказались на практике необходимыми и полезными, не было ли при этом таких нарушений, которые бы ставили под сомнение самую необходимость такого рода прав.

Для разрешения этих вопросов необходимо обратиться к практике применения законодательства об обязательных постановлениях городских советов. В пределах РСФСР действует в настоящее время Положение ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. об издании местными исполнительными комитетами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушения взысканий в административном порядке (СУ № 17, 1931, стр. 186). Изданное в отмену ранее действовавших положений 1922 и 1926 гг. Положение 30 марта уже имеет значительный опыт своего применения на практике. Этот опыт

должен быть учтен при разработке новых по данному вопросу законодательных актов.

Обязательное постановление может быть определено как такое постановление, которое устанавливает обязанности общего характера либо для всего населения, либо для отдельных его групп или учреждений, предприятий и организаций и нарушение которого влечет за собой ответственность в административном или, в соответствующих случаях, в судебном порядке (ст. 1 закона от 30 марта).

Каковы же те обязанности общего характера, которые могут быть предусмотрены обязательными постановлениями городских советов? Перечень ст. 4 Положения 30 марта довольно обширен: городской совет своими обязательными постановлениями имеет право регулировать и охрану общественного порядка, и проведение противопожарных мер, и введение всеобщего обязательного начального обучения, и правила уличного движения, и расквартирование проходящих войск, и изъятие 10% жилой площади в домовладениях частных лиц и т. д. и т. п., — всего 19 вопросов. Этим, однако, пределы прав городских советов на издание обязательных постановлений не ограничиваются, так как ст. 5 того же закона расширяет права городских советов, выделенных в самостоятельные административно-хозяйственные единицы, предоставляя им право издавать обязательные постановления также по всем вопросам, специально предусмотренным для райисполкомов, например, борьбы со стихийными бедствиями, охраны лесов и лесных насаждений от хищений, истреблений и пожаров и т. п. Два же столичных городских совета — Московский и Ленинградский — по особому постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 1 апреля 1932 г. (СУ № 34, стр. 157) получили право издавать обязательные постановления по всем вопросам компетенции городских советов, определяемой Положением об этих органах.

При издании обязательных постановлений городские советы должны руководствоваться определенными перечнями, твердо установленными в законе. Кроме того, они имеют право издавать обязательные постановления лишь в тех случаях, когда это право предоставлено им особыми законами (ст. 7 Положения). Фактически перечни часто грубо нарушаются. Благодаря же тому что на основании незаконно изданных обязательных постановлений налагаются административные взыскания за мнимые нарушения, приходится часто встречать грубейшие извращения революционной законности.

Ростовский городской совет Азово-Черноморского края для борьбы со снежными заносами объявил трудгужповинность городского населения. Между тем, согласно общему закону о порядке проведения трудгужповинности, к последней могут привлекаться лишь жители сельских местностей и притом в определенном возрасте. В этом отношении Ростовский городской совет повторил лишь опыт Старо-крымского рика, мобилизовавшего на борьбу со снежными заносами все население, включая детей и стариков. Незнание законов, едва ли извинительное для работников Старо-крымского рика, совершенно недопустимо для работников городского совета краевого центра.

Феодосийский городской совет в одном из своих постановлений о санитарных мероприятиях буквально записал: «Воспретить свободное содержание животных и птиц во дворе и на улице». Таким образом граждане были лишены права содержать в своем дворе домашнюю птицу и животных. Тот же городской совет установил взимание трехкратного размера месячной стоимости электроэнергии за несвоевременное тушение или зажигание фонарей у ворот. Между тем самый срок горения фонарей не был точно установлен: «от сумерок до рассвета», в результате — неосновательные штрафы.

Саратовский городской совет вслед за Московским городским советом регулировал обязательным постановлением порядок обязательного взноса учреждениями и предприятиями денежных средств в учреждения Госбанка, между тем этот вопрос регулируется специальным правительственным законом и на основании ст. 9 Положения 30 марта не может быть предметом обязательного постановления.

Обязательное постановление Энгельского городского совета о борьбе с самовольной застройкой предусматривает немедленный слом в административном порядке самовольно возведенных построек, в то время как этот вопрос может быть разрешен лишь судом.

Ряд обязательных постановлений, изданных с нарушением установленных перечней, был обнаружен в прошлом году в Горьковском крае. Не только Горьковский городской совет издал, например, постановление о годовой статистической отчетности по коммунальным предприятиям, явно выходящее за пределы перечня, но и в других городах были аналогичные постановления. Городецкий городской совет, например, издавал постановления, регламентирующие в обязательном порядке мелочи повседневной жизни и обихода: о запрещении ходить по берегу реки, о часах слушания радио, о времени для сна лиц, проживающих в жактах.

Для вопроса о законности обязательных постановлений имеет большое значение и порядок их издания. Закон 30 марта предъявляет в этом отношении ряд требований. Проекты обязательных постановлений должны предварительно обсуждаться на заседаниях соответствующих секций советов и на рабочих собраниях. Само собой разумеется, что обязательное постановление должно быть утверждено на заседании городского совета или его президиума. Наконец, оно должно быть опубликовано во всеобщее сведение, причем инструкция по применению Положения 30 марта категорически требует, чтобы в тех местностях, в которых издаются периодические органы печати, обязательное постановление было непременно опубликовано в газете.

Фактически имеется ряд случаев нарушений всех приведенных требований. Если прокурор Воронежской области категорически утверждает, что случаев издания обязательных постановлений опросом, а не на заседаниях президиума городского совета не обнаружено, то прокурор Татарской АССР прямо установил, что в протоколах президиума Казанского городского совета данных о принятии и утверждении обязательных постановлений не

имеется вовсе. Даже в таком крупном центре, как город Куйбышев, из 12 обязательных постановлений президиум городского совета утвердил лишь 5, остальные же рассматривались и утверждались лишь председателем и секретарем городского совета. Весь же состав президиума городского совета не знакомился с соответствующими проектами и не принимал участия в их утверждении хотя бы путем опроса.

Недавно произведенным обследованием работы Миллеровского городского совета Азово-Черноморского края по изданию обязательных постановлений установлено, что два обязательных постановления по таким вопросам, как регулирование уличного движения и учет скота, посевов и садов по городу, были изданы и опубликованы без утверждения президиума городского совета. Между тем они были опубликованы во всеобщее сведение от имени президиума городского совета.

Куйбышевский городской совет издавал обязательные постановления без предварительного обсуждения проектов советской общественностью. Впрочем, это правило ст. 10 закона основательно забыто и другими советами. Лишь очень редко проекты ставятся на обсуждение секций и рабочих собраний.

Не меньшее значение, чем предварительное обсуждение проекта обязательного постановления, имеет опубликование последнего во всеобщее сведение. Само собой разумеется, что в отношении опубликования постановлений требования должны быть различны в зависимости от того, издаются ли в данной местности органы периодической печати. В тех местностях, где газет не имеется, обязательные постановления могут доводиться до сведения населения путем вывешивания на видных местах экземпляров этих постановлений. Однако и это не везде делается. Так, например, в г. Калинине, Миллерове и других обнаружен ряд обязательных постановлений, которые вовсе не были опубликованы, хотя они были рассмотрены и утверждены на заседаниях президиума городского совета. В некоторых случаях даже не обнаружено и проектов обязательных постановлений. Самый же факт рассмотрения и утверждения проекта можно установить лишь по протоколам городского совета.

Само собой разумеется, что на основании неопубликованного во всеобщее сведение обязательного постановления не следует налагать каких-либо взысканий за его нарушение. Задача прокуратуры — неуклонно опротестовывать все постановления об административных взысканиях, налагаемых по таким изданным с нарушением закона обязательным постановлениям.

Закон устанавливает определенный, не свыше двух лет, срок действия обязательных постановлений. По истечении этого срока обязательные постановления теряют силу. Инструкция по применению закона от 30 марта категорически воспрещает продление срока действия обязательных постановлений без их пересмотра и соответствующего переиздания в установленном порядке. Значение этого требования очевидно: в обязательных постановлениях, действие которых обращено на все население или, во всяком случае, на значительную его часть, не должно быть какой бы то ни было штамповки. Если истекает срок действия обязательного постановления, установленный либо законом, либо самим постановлением, оно должно быть вновь обсуждено с тем, чтобы внести определенные поправки, вызванные изменившимися условиями, необходимость которых выявлена при применении постановления. Фактически во многих местах, в особенности там, где успели издать сборники обязательных постановлений, предпочитают поступать по-иному. В Казани городской совет издал 27 июня 1936 г. обязательное постановление № 17. Постановлением этим продлено действие обязательных постановлений того же городского совета, опубликованных в сборнике издания 1934 г. При этом оказалось, что в числе продленных были постановления, которые ранее или были отменены самим горсоветом, или аннулированы по миновании надобности, или же отпали в связи с истечением срока их действия. Например, обязательное постановление о содержании в чистоте улиц было отменено еще 14 октября 1936 г. Обязательное постановление о правилах проезда по городским железным дорогам было издано 22 ноября 1932 г. Таким образом срок его действия истек еще в ноябре 1934 г., а городской совет считает возможным продлить его действие спустя 20 месяцев.

Аналогичное постановление было принято и президиумом Московского совета, и лишь по протесту прокурора г. Москвы в обязательные постановления были внесены соответствующие исправления и изменения. Между тем на основании этих формально потерявших силу постановлений на граждан налагались взыскания, отбиралось имущество и т. д.

Таковы факты игнорирования формальных требований закона. Эти требования отнюдь не случайны. Они неизбежно вытекают из предоставления городским советам права регулирования различных отраслей управления и хозяйства, а также поведения и поступков отдельных граждан. Это право должно быть введено в определенные законом установленные пределы.

После утверждения новой Сталинской Конституции нарушения правил обязательных постановлений особенно нетерпимы.

Перечисленные нарушения не приводят к выводу о необходимости лишения городских советов вообще права на издание обязательных постановлений. Будучи ограничено определенными, возможно, более жесткими пределами, это право должно быть сохранено.

Однако перечень вопросов, по которым могут издаваться обязательные постановления, требует безусловного уточнения, а частично и сокращения. Например, ремонт тротуаров и мостовых по постановлениям правительства от 19 марта и 20 мая 1936 г. должен производиться коммунальными органами: обязанностей на население и его объединения (жакты) закон не возлагает. Следовательно, соответствующее право городских советов утратило теперь свою силу. Неправильна в настоящее время и формулировка об изъятии «10% жилой площади», так как некоторым городским советам, в связи с образованием новых областных центров, предоставлялось право изъятия 20% жилой площади.

Следует ввести более четкие границы между нарушениями, преследуемыми в административном порядке, и влекущими за собой уголовное преследование.

Необходимо, впрочем, иметь в виду, что реальность требований закона в значительной мере зависит от реальности прокурорского надзора за законностью обязательных постановлений. Этого конкретного, повседневного и систематического надзора до настоящего времени не имеется. Местные прокуроры либо увлекаются так называемым «предварительным согласованием» проектов обязательных постановлений, либо узнают об этих постановлениях значительно позже указанного в законе двухдневного срока, либо вовсе не опротестовывают явно незаконных постановлений. Последние выявляются затем при обследованиях, ревизиях, из жалоб и т. п.

Перелом в результате директив Прокуратуры Союза ССР намечается лишь в самое последнее время. Задача прокуратуры — не оставлять без опротестования ни одного обязательного постановления, изданного с нарушением закона; протесты же приносить своевременно (в 5-дневный срок), а при их неудовлетворении переносить в вышестоящие органы прокуратуры.

Только при соблюдении этих условий возможен реальный надзор за законностью обязательных постановлений городских советов.

Л. ШЕЙНИН

Три самоубийства

(Из записок следователя)

Каждый раз, читая в газетах о росте количества самоубийств на Западе, я вспоминаю о нескольких случаях, в которых мне пришлось разбираться. В последние годы советскому следователю все реже приходится сталкиваться с фактами добровольного ухода людей из жизни. Самоубийств становится все меньше, они рассматриваются как случаи из ряда вон выходящие, они уходят из нашей жизни, как ушли многие отвратительные нарывы прошлого — проституция, снохачество, профессиональное нищенство и многое другое.

К самоубийству у нас иногда прибегают враги народа, очутившись перед неизбежностью разоблачения своей позорной деятельности, отчаявшись в осуществлении своих кошмарных замыслов. В этих случаях самоубийство, в сущности, является продолжением борьбы этих людей против нашего народа, ее своеобразным и презренным концом. Но не такого рода самоубийствам посвящены эти строки. Речь идет о так называемых бытовых самоубийствах. Их становится все меньше. Жизнь людей и их психология меняются на наших глазах. И, вероятно, недолго осталось до того времени, когда о самоубийстве и самоубийцах будут расспрашивать с удивлением и любопытством, как сегодня наши дети расспрашивают о городовых, которых они никогда не видали.

Говоря о самоубийствах, я не могу не вспомнить профессора судебной медицины П. И. Крюкова, человека, романтически влюбленного в невеселую свою профессию, вскрывшего на своем веку не одну тысячу трупов и помогшего раскрыть не одно преступление.

Но, вспоминая о профессоре Крюкове, я не могу не упомянуть служителя прозекторской Ивана Порфирьевича, человека, сорок лет помогавшего своему шефу спиливать черепные коробки и вскрывать животы. Иван Порфирьевич был малограмотен, но он сорок лет слушал объяснения профессора и разбирался в деле не хуже многих судебных врачей. Во всяком случае, он обычно бурчал себе под нос диагноз, который почти всегда совпадал с заключением профессора, и разбирался в странгуляционных бороздах и прижизненных повреждениях, как в десяти своих заскорузлых, но очень подвижных и ловких пальцах.

Так вот, П. И. Крюков был прекрасным экспертом и многоопытным судебным врачом, но, как почти всякому человеку и ученому, ему была присуща одна причуда, маленькая, необъяснимая странность: он верил в неизбежность самоубийств. Он считал, что все самоубийцы рождаются для того, чтобы покончить с собой, и что самоубийство есть что-то врожденное, предначертанное и потому неизбежное. Тщетно его друзья и товарищи по работе доказывали абсурдность этой теории. Тщетно приводились исторические примеры, ссылки на статистику, социальные исследования. Старик упрямо качал головой и обычно отвечал:

— Не спорьте, батенька, не спорьте. Сорок лет на этом деле сижу, из покойницкой не вылажу. Я — старый воробей. Все они, батенька, уже с первым своим криком были самоубийцы. У всех, поглядите, черепа-то просвечивают.

И он показывал собранную им за много лет коллекцию черепов самоубийц, уверяя, что все они имеют общие дефекты в строении черепных костей.

Сейчас Петр Иванович уже не работает — подвели глаза. Но он попрежнему уверен в своей правоте.

В декабре 1927 года в Ленинграде повесилась 15-летняя Шура Каллистратова, дочь торговца. Она повесилась в передней, на вешалке для платья, и труп этой худенькой, маленькой девочки утопал в пышных складках каких-то старых салопов и лисьих шуб. Пока мы снимали ее с петли, отец Шуры, грузный старик с благообразным лицом ханжи и скопидома, член церковной двадцатки, молча стоял в передней и светил нам керосиновой

лампой, так как электричество, из экономии, в переднюю проведено не было.

Он был вдов (мать Шуры умерла шесть лет тому назад) и потерял в дочери единственного близкого человека. Но он не плакал, его пухлое, красное лицо было лишено всякого выражения, и только когда мы осторожно перенесли труп девочки на диван, он начал истово креститься.

Вскрытие показало, что девочка была беременна. Соседи и подруги отзывались о ней как о тихом, немного забитом и скромном ребенке. И у меня родилось смутное подозрение, что набожный папаша причастен к этой беременности. Но прямых улик против него не было. Посмертной записки Шура не оставила.

Началось тщательное расследование. И выяснилось, что старик понудил к сожительству дочь, развратил ее, жил с нею чуть ли не с десяти лет. Забеременела она от него. И в отчаянии покончила с собой.

На следствии он долго и упорно запирался, призывал в свидетели бога и на замечание, что это — самый ненадежный свидетель, ответил, что других у него нет.

В конце концов он сознался и рассказал все. Потом его судили, публика в зале взволнованно разглядывала изверга, а он стоял, потупя взоры, тупо и неохотно отвечая на вопросы суда. Общественный обвинитель, рабочий с Выборгской стороны Ваня Козлов, теперь уже работающий в Ленинграде прокурором, в своей речи тогда сказал:

— Граждане судьи, меня вот учили, что прокурор должен быть сдержан и спокоен. Простите меня, не могу. Не могу сдержаться, не до спокойствия. Погибла Шура Каллистратова, и этот изверг повинен в ее смерти. Но он виновен еще и в другом. Он — вор, да, он самый гнусный вор, потому что он обворовал всех нас, нашу страну, наш город. Он украл не бочку гвоздей, не вагон сахара и не тюк мануфактуры. Он украл у нас человека, будущую работницу, счастливую жену и хорошую мать. Я прошу судить его не только за Шуру, но и за всех нас, за мужа, который мог у нее быть, за детей, которых она бы родила, за фабрику, на которой она бы работала, за счастливую жизнь, которую она бы строила вместе с нами...

Так говорил Ваня Козлов, и его сразу поняли и в зале и за судейским столом.

В том же 1927 году и в том же городе произошел другой странный случай.

Это было в морозную новогоднюю ночь, когда улицы дымились инеем, и снег скрипел под ногами прохожих. На проспекте 25 Октября, у ресторана «Кахетия», дежурил шофер автопроката Михайлов. Шел третий час ночи, постепенно спадала волна новогоднего веселья, шофер уже три пары доставил по домам и снова стал у ресторана. Старый «бенц», черный, неуклюжий лимузин, застыл у подъезда, и мотор его, незаглушенный из-за мороза, хрипел, как сердитый жирный мопс.

Вскоре из подъезда ресторана вышла пара — статная, красивая, модно одетая женщина и тонкий, бледный юноша. Они сели в машину, и юноша велел ехать на Знаменскую. Машина заурчала, глухо выстрелила и понеслась. Из-за треска старого мотора не было слышно, что происходит в пассажирской кабине, да шофер и не прислушивался. Он уже устал, промерз и мечтал о теплой комнате и горячем чае.

На Знаменской они остановились. Юноша помог даме выйти из машины, остановился с нею у подъезда и стал звонить. Потом он долго и нежно целовал ей руку, видимо о чем-то спрашивал, но она отрицательно кивала изящной головкой и смеялась самодовольно и весело. Затем дворник открыл дверь, она исчезла в подъезде, и юноша снова сел в машину. Он приказал отвезти его домой, к дому № 7 на Обводном канале. Шофер кивнул головой, они понеслись опять. Машина хрипло пела. Изредка мотор глухо ворчал, но привыкший к его капризам шофер не обращал на это внимания.

У дома № 7 на Обводном канале машина остановилась. Шофер оглянулся назад, — пассажир, не двигаясь и даже лениво развалясь, сидел на своем месте.

— Иш ты, заснул, чорт паршивый, — мысленно выругался шофер и, подойдя к дверце машины, открыл ее и дернул пассажира за рукав.

— Вставайте, гражданин, приехали.

Но неизвестный ничего не отвечал, и его рука безжизненно упала на сиденье. Удивленный шофер стал энергично его расталкивать и тут только обнаружил, что пассажир мертв. Осветив кабину, он увидел, что плюшевое сиденье испачкано кровью, вытекшей из раны на виске, а в ногах неизвестного валяется черный наган.

Страшно испугавшись и закричав, шофер бросился от машины, он начал неистово стучать в ворота дома, поднял шум, и вскоре появился заспанный дворник.

— Чего расстучался тут? — раздраженно спросил он, почесываясь и шумно сплевывая в сторону.

— Пассажир... из этого дома... приказал ехать... мертвый... — бессвязно ответил ему шофер.

С дворника мигом слетел сон, он подошел к машине, рассмотрел труп и сразу опознал его.

— Наш, действительно. Из третьего номера. Виктор Павлыч они будут. Тихий жилец. С старушкой матерью проживают. Погоди, сейчас мамашу его разбужу.

И через несколько минут, бросившись на колени перед машиной и припав к торчащим из кабины ногам, билась и плакала старушка, мать Виктора Павловича Киселевского. Рядом молча стояли шофер, дворник, какие-то люди, неизвестно откуда появившиеся...

Расследование началось прежде всего с выяснения обстоятельств самоубийства. Казалось странным, как мог не слышать шофер выстрела в кабине автомобиля. Но он упорно утверждал, что не слышал выстрела из-за шума старого мотора. При проверке его показания подтвердились: действительно, машина так шумела на ходу, что шофер мог и не придать значения короткому, сухому треску револьверного выстрела.

Тогда начали выяснять личность женщины, с которой самоубийца встречал в «Кахетии» новый год. Оказалось, что она замужняя жен-

щина, и с ней Киселевский был знаком уже три года. Ей было 26 лет, Киселевскому — 21. Она была женой какого-то нэпмана, Киселевский был бедный, нуждавшийся студент. Познакомившись с Валентиной Петровной, как звали эту женщину, Киселевский влюбился в нее с первого взгляда, влюбился, как влюбляются в 18 лет. Он начал часто приходить к ней, на последние деньги подносил ей цветы, водил ее в театры.

Валентина Петровна охотно принимала его ухаживания. Ей нравился этот стройный, бледный мальчик. Наконец ей было приятно такое чистое и сильное чувство с его стороны. В глубине души она уже решила стать его любовницей и, как это нередко бывает у женщин подобного толка, считала лишь необходимым выждать некоторое время.

Но когда Киселевский заявил, что просит ее стать его женой, что иначе он не представляет дальнейших отношений между ними, Валентина Петровна расхохоталась ему в лицо. Она смеялась искренно и весело, потому что заработка Киселевского ей едва ли хватило бы на чулки.

Как ни наивен был Киселевский, он понял, что эта женщина никогда не выйдет за него замуж. Он перенес бы это тривиальное горе, если бы имел круг друзей, поддержку товарищей, иные — общественные — интересы. Но он всегда был одинок, сторонился приятелей, ни с кем не сближался; он пуще всего любил тишину, печальные размышления, сладкую грусть. Он был мечтателен и сентиментален и совсем не походил на нашу молодежь, любящую жизнь и знающую, как надо ее строить и как за нее бороться.

Когда окончательно выяснилось, что Валентина Петровна не станет его женой, Киселевский решил покончить с собой. Но сентиментальному юноше хотелось уйти из жизни «красиво», совсем «как в романах», подчеркнув романтическую подкладку своего самоубийства. И он решил сделать это в новогоднюю ночь, встретить новый год вместе с нею, проститься и покончить с собой. Ему казалось, что все это необычайно трогательно и тонко, что это достойно его чувства к этой женщине.

С трудом раздобыв деньги, необходимые для встречи нового года в ресторане, он пригласил Валентину Петровну. Она сразу согласилась.

Когда Валентина Петровна была вызвана на допрос в связи с этим делом, она прежде всего испугалась за себя. Она решила, что муж может узнать о ее флирте с Киселевским.

— Это просто непорядочно с его стороны, — говорила она о Киселевском, — он был обязан считаться с тем, что я замужняя женщина. А то извольте радоваться — встречали вместе новый год, и сразу — застрелился. Теперь каждый дурак поймет, что он застрелился из-за меня. Очень мне это нужно. У нас был самый невинный флирт, он был мне забавен, но я не думала серьезно на это смотреть. Нет, согласитесь, это просто свинство с его стороны...

Применять к этой даме 141 статью Уголовного кодекса, говорящую о «доведении до самоубийства», было бессмысленно. И когда я доложил об этом деле областному прокурору т. Кондратьеву, он заявил:

— Из-за какой дряни, чудак, погиб. Слюнтяй и пустышка. А эту даму надо бы судить не за «доведение до самоубийства», а за «доведение до пошлости». Но за это, к сожалению, не судят. Сдайте дело в архив, для него там лучшее место.

Третье «самоубийство», в котором мне пришлось разбираться, интересно тем, что в результате тщательного расследования было выяснено, что оно является в действительности убийством.

Это происходило в Москве, в 1926 году, когда я работал следователем Московского губсуда. Однажды летом на прием к прокурору Краснопресненского района явился молодой человек, назвавшийся Сергиевским. Он жаловался на недостаточно энергичные действия работников МУР, которые, несмотря на поданное им заявление о загадочном исчезновении его жены, ничего якобы не сделали для ее розыска. Так, по крайней мере, казалось молодому человеку. Прокурор направил его ко мне.

— Поймите, товарищ следователь, мое положение, — говорил он, сидя перед моим столом и глядя мне в лицо большими, синими, широко раскрытыми глазами. — Я безумно люблю жену, мы были невероятно счастливы, всего полтора года как женились. И вот уже неделя, как она исчезла неизвестно куда... Ах, если бы вы знали, как она мне дорога. Какой это чудный, замечательный человек!..

По давно установившейся профессиональной привычке я внимательно разглядывал говорившего, следя за выражением его лица. И хотя все, что он мне говорил, было вполне естественно и оправдано при таком стечении обстоятельств, хотя в самом факте его недовольства на медлительность работников МУР не было ничего подозрительного, все же было в нем и в его манерах что-то почти неуловимое, заставлявшее насторожиться. Все в этом человеке — необычайно выутюженный костюм, выхоленное лицо, длинные, отточенные ногти, галстук, искусно повязанный с нарочитой «художественной» небрежностью, какие-то неестественные модуляции голоса, даже манера сидеть в кресле, слегка развалясь и забросив ногу на ногу, поигрывая отлично начищенным носком, — все это говорило о натуре лживой и эгоистичной, обличало в нем сибарита и пшюта.

А между тем он продолжал рассказывать, часто употребляя тривиальные выражения, которыми хотел подчеркнуть глубину своих переживаний. При этом он старался округлять фразы, подбирая слова и явно любуясь самим собой. Я начал расспрашивать его о подробностях и выяснил, что жена его Нина Алексеевна, 22 лет, неделю тому назад исчезла. Он женился на ней полтора года назад. Познакомился с ней случайно в Ленинграде. После этого они переписывались, она приехала в Москву и стала его женой.

В Москве они поселились в коммунальной квартире. Нина Алексеевна не работала, сам Сергиевский служил в казино в качестве

крупье. 17 июля он вернулся домой из казино на рассвете и лег спать. Утром Нина Алексеевна куда-то ушла и сказала ему, что скоро вернется. Но больше он ее не видел. Знакомых у нее в Москве почти не было.

— Скажите, Нина Алексеевна вас не ревновала?

— Я никогда не изменял ей, — слегка смутившись, начал меня уверять Сергиевский, — у нее не было повода. Но она... понимаете... она считала, что на моей работе легко поскользнуться, ей казалось, что у меня там много женщин, которым я нравлюсь, ей казалось, что у меня много связей... Она часто мне устраивала сцены, поверьте, совершенно без всяких оснований... Она ревновала меня, сам не знаю, почему... И вот в последний раз, когда я вернулся, она тоже устроила мне сцену, плакала. Потом я заснул, и она утром ушла, когда я еще спал.

— Вы раньше были женаты?

— Да, два раза. Неудачно.

На этом мы кончили наш первый разговор. Я обещал Сергиевскому активизировать розыски жены. Сразу после разговора с ним я поехал в МУР к инспектору 7-го отделения Н. Ф. Осипову, который занимался этим делом. Осипов мне сообщил, что пока никаких следов жены Сергиевского нет. Соседи их по квартире в тот день, когда она исчезла, отсутствовали. Сергиевские были одни. Вечером Сергиевский дома страшно волновался, говоря всем соседям, возвратившимся домой, что не знает, где жена, и очень обеспокоен ее отсутствием. На другой день он подал заявление в МУР и дважды беседовал с Осиповым.

— Понимаешь, — рассказывал Осипов, — типичный пижон и пшют. Кривлялся тут ужасно, говорил, что без жены жить не сможет, а вышел из МУР в переулок, приосанился, поправил шляпу, и пошел веселый, как ни в чем не бывало. Признаться, я нарочно за ним из окна кабинета следил. Темный человек. И дело темное. Но трупа пока нет. А без этого трудно что-либо сказать...

Тут я вспомнил, что, будучи у меня, Сергиевский жаловался на МУР и все время допытывался, не нашли ли труп жены и ищут ли его как следует.

Мы решили с Осиповым, что надо продолжать розыски трупа и сообщить родителям Нины Алексеевны в Ленинград об ее исчезновении.

Через пару дней приехал ее отец из Ленинграда и сразу явился ко мне. Старик работал мастером на одном из ленинградских заводов. Он был страшно взволнован и потрясен.

— Погибла Нинушка, — говорил он, — и знаете, нет у меня оснований, но что-то тут негладкое, сердце отцовское чует... Зятя я почти не знаю. Где-то они познакомились случайно, потом смотрим — раз-два и сошлись. Конечно, я со старухой не вмешивались, не наше дело, но и радоваться было нечему. Сами подумайте, — крупье, опять же человек несерьезный, Нина с ним не мало слез пролила...

— Почему вы так думаете...

— Я не думаю, а знаю. Она ведь в конце писать начала довольно откровенно. Жаловалась, не стеснялась.

И старик протянул мне несколько писем. Дочь писала в них своим старикам, что Сергиевский ведет странный образ жизни, что у него много женщин, что он груб с нею. Особенно интересно было последнее письмо, написанное в начале июля.

«Дорогие мои старички, — писала Нина Алексеевна, — опять пишу вам, хоть знаю, что письма мои мало радости вам дают. Но и мне ведь не с кем поделиться кроме вас. Мутно у меня на душе. Виктор все такой же, не меняется. Кажется мне, что совсем не любит, что уже ему надоела я. Вчера я стала с ним говорить, а он разозлился, закричал на меня и, стыдно признаться, ударил. Не знаю, как быть дальше, как жить. Хочу домой, но и его жалко. Без меня совсем пропадет. Я еще сдерживаю, а то ведь он далеко зайдет, не удержишь... Есть у него одно больное место — расскажу лично. Он случайно как-то сам рассказал, а теперь, по-моему, жалеет».

Это было последнее письмо, полученное стариками от дочери. После него никаких известий от нее не было.

Сергиевский не знал о переписке жены с родителями и, конечно, не мог этого предусмотреть. Поэтому когда я его вызвал и подробно начал допрашивать о взаимоотношениях с женой, он начал лгать и запутался. Он заявил, что они жили очень дружно, никогда не ссорились.

— Душа в душу жили, — говорил он, — обожали друг друга. Только вот Ниночка меня ревновала зря. Совершенно зря. Но так жили прекрасно...

— А вы ее никогда не били?

— Довольно странный вопрос, — обиженно ответил он, — я ведь культурный человек, я в ней души не чаял, а вы мне такие вопросы задаете. Это не чутко с вашей стороны. Это, наконец, просто оскорбительно. Странно. Я буду жаловаться...

— У меня есть основания задать вам такой вопрос.

— Сомневаюсь. Какие могут быть основания?

— Заявление вашей жены.

— Как же мертвая может заявлять?

— А почему вы уверены, что она мертвая?

Сергиевский понял, что проговорился. Он растерялся, но быстро нашелся и начал говорить, что предполагает, что жена уже покойница, так как иначе не может объяснить ее отсутствие.

Допрос продолжался. Сергиевский потерял свой обычный уверенный тон, сбился с роли. Постепенно он все больше запутывался. Наконец, я ему заявил прямо:

— Ну, довольно, все ясно. Скажите, почему вы убили Нину Алексеевну?

Бледный и жалкий, он начал бессвязно что-то говорить о своей невиновности, о том, что он жертва случая, что Нина Алексеевна покончила с собой.

— Откуда вы знаете, что она покончила с собой?

— Она утонула. Уверяю вас. Вернее, утопилась. Наверное утопилась. Она из ревности утопилась.

— А почему вы ее не спасли?

— Было поздно. Она сама выпала из лодки.

— А почему вы не кричали? Не бросились за нею?

— Я растерялся. Я не знал, что делать. Я боялся заявить правду, я считал, что меня арестуют. Я не виноват, поверьте, я не при чем, она сама утопилась. Она была ревнива, как сумасшедшая. Она утопилась...

Дрожа и плача, он продолжал бессвязно что-то выкрикивать, и постепенно выяснялась картина убийства. Я старался не перебивать его, задавая только наводящие вопросы.

Так продолжалось три часа. Это был напряженный допрос, но его нельзя было прервать ни на минуту. Сергиевскому нельзя было дать опомниться, притти в себя, надо было максимально использовать состояние растерянности, в которое он попал.

Постепенно выяснились обстоятельства убийства. Сергиевский пригласил жену поехать покататься на лодке в Останкино. Они поехали днем. Никого не было. Выехав на середину большого Останкинского пруда, Сергиевский, зная, что жена не умеет плавать, сильным коротким броском вышвырнул ее из лодки. Нина Алексеевна не успела даже крикнуть и сразу пошла ко дну. Убедившись в этом, он вернулся в Москву и начал разыгрывать роль любящего, взволнованного исчезновением жены мужа.

Через несколько дней Сергиевский окончательно сознался. Он признал, что убил жену потому, что ему надоело с ней жить, она устраивала ему сцены. Других объяснений он не дал, хотя мотивы убийства были видимо иные. В деле имелись косвенные указания на то, что Нина Алексеевна была осведомлена о каких-то темных сторонах жизни Сергиевского, и он боялся, что она может его разоблачить. Но эту тайну она унесла с собой, а Сергиевский ее не выдал.

Труп Нины Алексеевны извлекли из Останкинского пруда. Никаких признаков насильственной смерти на нем не было. П. И. Крюков, производивший вскрытие и не знавший еще обстоятельств дела, пришел к заключению, что в данном случае имело место самоубийство.

— Да, — сказал он, — черепок-то на свет просвечивает, швы тоже типичные. Наша коллекция все растет... Пусть опровергают, спорят... Я, батенька, старый воробей... Самоубийцами рождаются, а не становятся.

Старик был упрям. Когда я рассказал ему, что Нина Алексеевна была утоплена мужем, он ответил:

— Ну и что же. А если бы муж не утопил, она сама рано или поздно покончила бы с собой. Вы, батенька, посмотрите, череп-то какой. Типичный череп самоубийцы...

Так мне и не удалось его переубедить...

М. РОГИНСКИЙ

Уроки ширяевского процесса

Процесс бывших руководителей Ширяевского района Одесской области привлек внимание широкой советской общественности. И это вполне понятно, ибо речь шла о грубейших и массовых нарушениях советских законов, являющихся выражением воли широчайших народных масс страны победившего социализма.

Этот процесс заслуживает того, чтобы, помимо общеполитических выводов, сделать еще специальные выводы для нас, работников прокуратуры.

За последнее время за сравнительно короткий период мы имели несколько крупных процессов о нарушителях революционной законности: лепельский процесс, ширяевский процесс, чечельницкий процесс и т. п.

Всем достаточно хорошо известно, какое огромное значение придают наша партия и правительство строжайшему соблюдению законов советской власти, какое огромное значение придается революционной законности.

Сталинская Конституция с исключительной силой показала огромное революционное значение закона в социалистическом государстве.

Товарищ Сталин на VIII Съезде советов со всей остротой подчеркнул, что «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было». А это означает не только стабильность самих наших законов, но и неуклонное их исполнение.

О чем же свидетельствуют приведенные выше судебные процессы? Эти процессы, в первую очередь, свидетельствуют о том, что в ряде мест еще наблюдаются факты грубого нарушения советских законов, в ряде мест наши враги — троцкистско-правые и иные вредители — используют каждое нарушение закона (как и каждый беспорядок) для своих злодейских замыслов; эти процессы свидетельствуют о том, что на местах наши прокуроры сплошь и рядом недооценивают значение нарушений закона и с этими нарушениями не ведут серьезной и своевременной борьбы.

Приведем пример, который, хотя и не относится к указанным выше процессам, но весьма характерен для безрукости и неповоротливости нашей периферии.

Председатель колхоза «Урайдос» Павлоградского района (Омская область) Альжанов Садырь в 1936 году, во время уборочной, избил колхозника Джакамбаева. В том же году осенью Альжанов избил колхозника Казбаева, который из колхоза ушел и вынужден был кочевать. Осенью 1936 года Альжанов избил шофера Гурецкого за то, что тот был оштрафован милицией. Колхозника Сиринапаева Альжанов ударил лопатой по голове.

Кто такой Альжанов? Альжанов в прошлом кулак, до 1928 года имел в своем хозяйстве до 200 голов рогатого скота, имел батраков, в 1930 году был выслан.

Кажется, ясно. Несмотря на это, Альжанов до сих пор не осужден, и, как сообщил областной прокурор т. Рапопорт, «дело расследованием будет закончено 10 июля». Комментарии излишни.

Некоторые наши прокуроры, ведя борьбу с врагами, не обращают нужного внимания на нарушения советских законов, а между тем нередко за этими нарушениями скрывается лицо врага.

Товарищ Ленин еще в 1919 году, в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», говоря об уроках, несколько раз подчеркивал громадное значение советских законов и тот вред, который причиняется нарушением этих законов. Владимир Ильич писал: «...Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже *сыра*, которую немедленно используют враги трудящихся...», а несколько выше, указывая, какими качествами надо обладать, чтобы уметь ловить врагов трудящихся, Ленин нас учил: «А чтобы уметь ловить их, надо быть искусным, осторожным, сознательным, **надо внимательнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти»** (подчеркнуто мною. — **М. Р.**) [1].

Как наши враги пользовались нарушениями советских законов и советских порядков, исключительно наглядно показали недавние судебные процессы — дело антисоветского троцкистского центра, кемеровское дело и др. Эти процессы показали, как японо-германо-троцкистские агенты Дробнис, Шестов, Шубин, Носков и им подобные враги народа использовали нарушения законов об охране труда и техники безопасности, чтобы отравлять рабочих, провоцировать недовольство советской властью, взрывать и уничтожать шахты и заводы.

В этой статье мы не собираемся анализировать и обобщать все процессы, даже наиболее крупные, о нарушениях советских законов. Но, говоря о ширяевском процессе и уроках, которые нужно из этого процесса извлечь, нельзя обойти молчанием следующий факт.

Ширяевское дело было расследовано и доведено до конца Прокуратурой Союза; лепельское дело было расследовано Прокуратурой Союза; чечельницкое дело было доведено до конца только Прокуратурой УССР. Этот факт представляется нам важным при оценке роли районных, а в особенности Винницкой и Одесской областных прокуратур.

***

На наш взгляд, ширяевский процесс отличается от других аналогичных процессов следующими обстоятельствами:

а) грубейшие нарушения революционной законности имели место не в одном, а во многих сельсоветах района;

б) нарушения революционной законности носили характер прямого издевательства над колхозниками и единоличниками;

в) нарушения закона и неслыханные издевательства имели место на протяжении двух лет;

г) районные руководители, в том числе и районный прокурор, сами допускали грубейшие нарушения закона, покрывали виновных, а в ряде случаев толкали низовой советский аппарат на преступления.

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 434.

Поэтому на скамье подсудимых, наряду с непосредственными нарушителями — председателями сельских советов, заведующим райземотделом и председателем райисполкома — сидели заведующий райфинотделом, секретарь и заместитель секретаря райпарткома и районный прокурор.

Обвинительное заключение и приговор по ширяевскому делу констатируют, что в Ширяевском районе на протяжении 1935—1937 гг. систематически и грубо нарушалась революционная законность, имели место многочисленные факты издевательства над колхозниками и единоличниками, грубейшие нарушения принципов советской демократии и устава сельскохозяйственной артели.

Предварительное и судебное следствие установило, что издевательства над колхозниками и грубые нарушения революционной законности со стороны работников ряда сельских советов, в особенности Викторовского и Григорьевского, явились прямым результатом преступных методов руководства районных руководителей, и эти преступные методы заключались в грубом администрировании и командовании сельскими советами и колхозами.

Отрыв от масс, зажим критики и самокритики, круговая порука и семейственность, атмосфера бюрократической замкнутости—вот что давало возможность десятку преступников долгое время оставаться безнаказанными, вот что создавало «дыры», которые использовал враг.

И не случайно, когда колхозники заявляли б. председателю Викторовского сельсовета Пугачу, что они будут жаловаться в район, он цинично отвечал: «Можете жаловаться лампочке».

И это действительно так. В Ширяевском районе некому было жаловаться. В райземотделе жалобы, как правило, вообще терялись. В райисполком и райпартком жаловаться было бесполезно. Пробовала стахановка молочного завода Василина Немазенко жаловаться председателю райисполкома Гриненко на председателя сельсовета Карпова, который ее преследовал, толкая на преступления: заставлял бесплатно выдавать ему молочные продукты, довел своими преследованиями до того, что она покушалась на самоубийство, — но Карпова, в силу круговой поруки, царившей в районе, никто не тронул. А когда дальше скрывать безобразия Карпова нельзя было, Гриненко объявил ему выговор.

Пробовал колхозник Соловьев жаловаться на председателя колхоза Раева, который глумился над Соловьевым, насильно срезал ему волосы тупым хлебным ножом и изрезал при этом кожу на голове, но Раева по тем же причинам не тронули, ограничились выговором.

Жаловаться прокурору? Колхозники на суде в нескольких словах дали исключительно верную характеристику районному прокурору Юнитеру: «Наш прокурор — человек маленький». Этим все сказано. Не мог обиженный колхозник найти защиту в районе.

Пробовали жаловаться не только представителям районной власти.

Гр. Власенко подал жалобу на имя председателя ВУЦИК и ЦИК СССР т. Петровского. Об этом узнал предсельсовета Карпов и в отместку велел забрать все имущество Власенко.

Подручные преступника Карпова забрали за недоимку все имущество Власенко, буквально все, вплоть до ошейника с собаки.

Выше уже указывалось, что администрирование и командование составляли основные методы в руководстве районом.

Об этом говорили допрошенные свидетели, этого не могли отрицать сами обвиняемые.

«... Администрирование являлось стилем работы в Ширяевском районе... В отношениях с сельсоветами Талдыкин (секретарь райпарткома) употреблял исключительно методы угроз, запугивания и просто ругани» (т. IV, л. д. 119 об.)

«...руководство района, в том числе и я (Кривошей), подменили партийно-массовую работу командованием и администрированием, в нашей работе существовала семейственность» (т. IV, л. д. 114).

Устав сельскохозяйственной артели в районе игнорировался. Командование колхозами доходило до того, что районные работники распоряжались колхозным добром по своему усмотрению.

Бывший заместитель секретаря райпарткома Кривошей при хлебосдаче в 1936 году, вопреки протесту колхозников, распорядился вывозить из колхоза «Прогресс» хлеб без взвешивания, что привело к расхищению хлеба в пути и на элеваторе.

Заведующий райземотделом Атаманчук, как его квалифицировал суд в приговоре, «людина с сумнівним минулим та злочинным сучасним»[1], просто брал в колхозах все, что ему нравилось: продукты, зерно, фураж, поросенка и т. д. и т. п.

Статья 2-я Сталинского устава сельхозартели гласит:

«... земля, занимаемая артелью (как и всякая другая земля в СССР), есть общенародная государственная собственность. Она, согласно законам рабоче-крестьянского государства, закрепляется за артелью в бессрочное пользование, то есть навечно... (подчеркнуто мною. — **М. Р.**), а вот для ширяевских работников закон не писан. 6 апреля 1937 г. президиум райисполкома, по инициативе Атаманчука, одним росчерком пера постановил перераспределить землю между 23 колхозами.

Пойманный с поличным, преступник Гриненко, занимавший пост председателя райисполкома, на допросе признал:

«...Негодные методы нашей работы, отрыв от масс привели к тому, что в районе имели место массовые нарушения революционной законности, за которые я отвечаю и должен нести ответственность» (т. IV, л. д. 130 об.).

Именно Гриненко совместно с Кривошеем и Дьяком (зав. райфо) вызывали председателей сельсоветов и требовали нажимать на выполнение планов мобилизации денежных средств, и на этом основании преступники Карпов, Каравелков, Пугач и Фурман «нажимали».

Вот что по этому поводу показывали свидетели и сами обвиняемые:

«Описывать последнее имущество меня заставлял райисполком» (из показаний обвиняемого Каравелкова). «Применение метода административного нажима... Дьяком привело к массовым искривлениям революционной законности в ряде сельсоветов района. Это искривление заключалось в массовых изъятиях имущества, в создании так называемых ночных бригад по мобилизации средств, в излишних описях имущества у колхозников» (т. IV, л. д. 103).

**
*

Наибольшее количество фактов нарушения революционной законности и прямого издевательства над колхозниками было установлено по Григорьевскому и Викторовскому сельсоветам.

В конце 1936 года председатель Викторовского сельсовета Пугач организовал «ночную ударную бригаду» по сбору обязательных платежей и взносов по займу, которую возглавил зампредсельсовета Фурман.

Эта бригада только по одному хутору Одан в течение трех ночей подряд по нескольку раз (до десяти) вызвала 25 жителей этого хутора.

Заняв в виде штрафа за неуплату взносов по займу дом колхозницы Харченко, Фурман обосновал там свой «штаб», а Харченко заявил, что пока она не внесет 30 руб., бригада будет жить в доме. В течение пяти дней Харченко заставляли кормить бригаду, а на протесты Харченко Фурман заявил: «Мы тебе свернем шею, если ты не уплатишь по займу».

Колхозницу Казимиренко в течение одной ночи десять раз вызывали в «штаб» бригады.

Мать красноармейца, колхозницу Солоненко, за задолженность в 3 рубля вызывали три раза в течение одной ночи, и она избавилась от дальнейших вызовов только после того, как ушла из своего дома и остаток ночи провела у соседки.

Колхозника Логинова в течение одной ночи вызвали в бригаду пять раз, хотя он жил от бригады на расстоянии 3 километров. Логинов был должен всего 10 руб. по обязательным платежам, и деньги он хотел уплатить, но у него денег не взяли, а произвели опись поросенка, пшеницы, кукурузы. При этом Фурман нагло заявил Логинову: «Ты 10 руб. отдай нищему, а тебя я обмолочу, как белку».

Незаконная опись имущества, незаконное изъятие описанного имущества, штраф за неявку в бригаду, ругань и унижение человеческого достоинства, унижение достоинства советского гражданина — такова была преступная практика, таковы были преступные методы этой преступной бригады во главе с обер-преступниками Пугачом и Фурманом.

Верховный суд УССР, рассматривавший это дело, установил, что вызовы в бригаду носили характер садического издевательства (дадут колхознику дойти до своего дома и снова вызывают в бригаду), причем издевались над людьми беспомощными, пожилыми, в том числе и над семьями красноармейцев.

Особым цинизмом и наглостью отличался Фурман, который ранее судился за избиение колхозника, в конце 1935 года совместно с Карповым избил инвалида-колхозника Бойченко, искусственно создал против него обвинение в краже и добился выселения Бойченко за пределы района.

И этот «держиморда» при поддержке районных «держиморд» долгое время занимал

[1] «Человек с сомнительным прошлым и преступным настоящим».

пост заместителя председателя Викторовского сельсовета.

Аналогичная «система» практиковалась и председателем Григорьевского сельсовета Каравелковым. Те же методы запугивания, издевательства, незаконные описи и незаконное изъятие имущества. Та же «бригада». Для характеристики преступной деятельности «бригады» Каравелкова достаточно привести факт взыскания недоимки с колхозницы Еременко.

К Еременко в ноябре 1936 года явилась «бригада» и потребовала уплаты 7 руб. за якобы несданные два килограмма мяса по мясопоставкам. Еременко попросила подождать прихода мужа, так как у нее не было денег, но «бригада» ждать не стала и приступила к взлому сундука. Когда Еременко пыталась этому воспрепятствовать, ее, беременную женщину, толкнули, и когда она упала в обморок, не давали воды, чтобы она «скорее уплатила». На крики детей Еременко прибежали соседи, собрали 7 руб. и уплатили «бригаде», а потом выяснилось, что за Еременко вообще никакой задолженности не числилось.

Таких случаев здесь было не мало. Что должен был сделать прокурор — общеизвестно, но что сделал Юнитер?

Юнитер уговаривает Каравелкова вернуть машину, так как Бондаренко обещает деньги уплатить, а кроме того, так как «бригада» была пьяна, пишет Юнитер, «предлагаю представить объяснения». Каравелков машину не вернул, объяснений не представил и... сошло. Сошло потому, что это дело происходило в Ширяевском районе, сошло потому, что Юнитер не только не был прокурором, а, как его справедливо назвали свидетели-колхозники, был «маленький человек».

Из многочисленных преступлений Каравелкова мы считаем необходимым привести еще два факта.

Весной 1936 года, при выдаче колхозникам денежных авансов, Каравелков явился в колхозы «Большевик» и «Червоний заможник», где забирал деньги, подлежащие выдаче колхозникам, за их долги, а колхозников заставлял расписываться в ведомостях.

Таким путем Каравелков только в колхозе «Большевик» «взыскал» 5000 руб. из общей суммы в 6000 руб., подлежащей раздаче колхозникам.

По распоряжению Каравелкова была уволена уборщица Григорьевской школы, мать красноармейца Джаврова, с мотивировкой, что если она будет работать, то с нее ничего не получишь, а если будет работать другая колхозница, имеющая задолженность, то зарплату можно будет обратить на покрытие долгов. Уволив Джаврову, Каравелков направил в школу работать колхозницу Резниченко, а когда она «отработала» недоимку, пытался и ее уволить и послать новую недоимщицу.

Таким образом советская школа была превращена Каравелковым в своеобразное бюро принудительных работ.

О преступной практике взимания недоимок районные работники не только знали и не принимали никаких мер, но прямо потворствовали этим беззакониям.

И эти возмутительные факты не всколыхнули спокойствие ширяевских работников. Районный прокурор Юнитер ограничился привлечением Самохваленко лишь к дисциплинарной ответственности.

Административный произвол со стороны ряда руководящих работников района, издевательства над колхозниками были хорошо известны районному руководству, которое на эти факты не только не реагировало, но оставляло безнаказанными виновных и в ряде случаев покрывало их.

Такое положение в районе отнюдь не являлось случайным.

Ширяевский райисполком возглавлял Гриненко, в прошлом исключавшийся из партии за антигосударственные тенденции при хлебосдаче. Это Гриненко заставлял колхозников в порядке трудгужповинности проводить работу по телефонизации района, хотя на эти работы были ассигнованы суммы по местному бюджету. И самое главное, что было установлено следствием, Гриненко очень покровительственно относился к врагам народа — троцкистам.

Бывший секретарь райпарткома Талдыкин — «шляпа с партийным билетом» — молчаливо со всем соглашался, а когда иногда и проявлял инициативу, то его мероприятия отнюдь не шли на пользу советской власти.

Именно Талдыкин рекомендовал на должность завраземотдела уголовного преступника Атаманчука и настоял на прекращении возбужденного против Атаманчука уголовного дела, а при таком прокуроре, как Юнитер, сделать это было не очень трудно.

Заместитель секретаря райпарткома Кривошей в прошлом привлекался к строгой партийной ответственности за проявление правого уклона. Этого «руководителя» достаточно характеризуют методы, которые он применял при хлебозакупке.

Проводя хлебозакупку в октябре 1936 года в колхозе имени Шмидта, Кривошей запугивал колхозников, угрожал, ругал и на одном собрании колхозников выступил так, что потом на суде сам квалифицировал свое выступление как антисоветское.

Мы уже указывали, что жаловаться в район было бесполезно, что на жалобы трудящихся не обращалось внимания.

Наиболее возмутительным фактом издевательского отношения к жалобам трудящихся является случай с красноармейцем Дидогруком. В районе проживала двоюродная сестра красноармейца Дидогрука, комсомолка Панкеева, которая еще в детстве потеряла родителей и все время скиталась по чужим людям, не имея собственного пристанища. Панкеева, а также Дидогрук, который получил специальный отпуск из воинской части для устройства своей двоюродной сестры, неоднократно обращались к Кривошею, Гриненко и Юнитеру с просьбой о возврате Панкеевой дома, на который она имела полное право. Однако в течение долгого времени ни Панкеева, ни Дидогрук не могли добиться разрешения своей жалобы по существу, в особенности не могли добиться ответа у райпрокурора, который сам проживал в этом доме.

Такая обстановка в районе облегчала враждебным элементам вести контрреволюционную работу, и в районе имели место случаи даже открытой антисоветской агитации.

**
*

Элементарные основы советской демократии в Ширяевском районе попирались. Процветала система назначения и смещения председателей сельских советов. Бюрократы и преступники из ширяевских «руководителей» игнорировали волю и желание избирателей. В этом отношении очень показательны «выборы» Пугача и Фурмана.

Фурман в сельский совет никогда не избирался, но в течение двух с лишним лет являлся заместителем председателя сельсовета. Оказывается, по-ширяевски это делается очень просто. Захотел Карпов иметь своим заместителем Фурмана — и сделал. Для этого он вывел из состава сельсовета колхозника Яценко и назначил Фурмана. Избиратели возражали? До мнения избирателей Карпову дела нет, для него законы не писаны. Пугач работал председателем Ульяновского сельсовета. Плохо работал, преступно работал, и Гриненко решил его перебросить. Меньше всего Гриненко думал об избирателях. Решил перебросить, и все. Вызвал Пугача, чтобы «назначить» в Чуйковский сельсовет, но оказалось, что туда в тот день уже послали «председателя», и повез Гриненко Пугача в Викторовку.

Викторовский сельсовет насчитывает около 900 избирателей, но разве для Гриненко писан закон?

Собрал Гриненко 89 человек и «провел» Пугача председателем.

Говоря о своем «избрании», Пугач заявил на следствии: «...в сельсовете были против моего назначения председателем, а народ меня совершенно не знал».

Сейчас мы гарантированы от подобных «избраний». Залогом этому служит великая Сталинская Конституция.

Ширяевские «загибщики» причинили очень серьезный вред, но не по этим политическим банкротам и уголовным преступникам народ будет судить о представителях советской власти. Ширяевским преступникам не удалось, как и не удастся никому, подорвать доверие народа к своей народной власти, к своим народным законам. Народ любит свою власть, народ уважает свои законы. Разоблачая и наказывая нарушителей закона, мы только укрепляем значение социалистической законности.

Народные массы любят и ценят советы как органы своей власти.

Разоблачая и наказывая отдельных негодных работников советских органов, мы только поможем укреплению советов.

Народ изберет в советы только людей проверенных, честных, преданных делу социализма, преданных делу партии Ленина—Сталина.

В связи с этим напомним слова товарища Сталина в беседе с Рой-Говардом:

«... Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».

**
*

Выездная сессия Верховного суда Украины, разбиравшая дело ширяевских преступников на месте, в районе, вынесла свой приговор. Все виновники понесли заслуженное наказание. За грубое нарушение законов советской власти, за издевательство над советскими гражданами виновные приговорены к тюремному заключению на срок от трех до 10 лет, в том числе осужден к 3 годам тюрьмы бывший районный прокурор Юпитер. Ширяевский процесс закончен, но выводы из этого процесса предстоит еще сделать, и в первую очередь выводы из этого процесса должна сделать одесская областная прокуратура, которая в этом деле была не на должной высоте. Выводы должны сделать все прокурорские работники, и эти выводы должны быть значительными.

Надо помнить, что наша законность всегда являлась и является могучим орудием пролетарской диктатуры в борьбе за социализм.

Значение и роль социалистической законности в борьбе с врагами народа огромны.

На нас, работников прокуратуры, возложена ответственнейшая обязанность. Прокуратура обязана беспощадно бороться со всякого рода нарушителями советских законов, со всеми врагами дела социализма.

Нарушением советских законов нередко пользуется враг для маскировки своей подлой, предательской работы.

Это надо помнить, этого нельзя забыть ни на одну минуту.

Извлечь урок и для себя

Бюрократизм особенно вреден в нашей судебной прокурорской системе.

Сколько вреда причиняет бюрократ судья, прокурор или следователь, имеющий дело с живыми людьми. Сколько действительных преступников он оставит в покое и сколько невинных людей по его милости будут месяцами добиваться восстановления своих незаконно попранных прав и честного имени.

В качестве иллюстрации циничного издевательства над гражданином со стороны работников суда и прокуратуры приведем дело Алексея Ивановича Терещенко.

Началось с того, что житель села Ново-Михайловского Азово-Черноморского края А. И. Терещенко обратился к прокурору Союза ССР с заявлением, которое считаем нужным привести полностью:

«Настоящим сообщаю Вам, гражданин прокурор, что я, Терещенко Алексей Иванович, 18 сентября арестован по розыску Вологодского ИТУ. На мою фамилию, имя и отчество жил гражданин Осиченко Яков Игнатьевич, совершил кражу, его осудили на 10 лет, он сбежал, я был задержан до выяснения прокурором г. Вологды Северного края.

Расследованием обнаружено, что я задержан ошибочно и меня в 1936 г. прокурор Погудалов освободил. Я был направлен в тюрьму для освобождения. Мне дали документы и денег на билет по месту жительства — 49 рублей, когда стоимость билета 54 руб. У меня средств нехватило на билет. Я решился проехать пролет на пассажирском поезде бесплатно и меня контролер сдал начальнику по станции и на меня составили акт и потребовали штраф 42 руб. Я одинок, родственников нет, позаимствовать помощи не у кого, работаю на лубзаводе, но в зимнее время для меня очень трудно. Предъявили уплатить штраф 42 руб., я не в состоянии их погасить и мне приходится работать две недели принудработ. Я в очень обидном положении и отстал от молодежи через то, что я в заключении был за чужие преступления. Прошу Вашего ходатайства, гражданин прокурор, снять с меня штраф».

Комментарии, как говорится, излишни. Свободный советский гражданин, 20-летний молодой человек, по вине преступников попал ни за что, ни про что в тюрьму — «отстал от молодежи»! Вдумайтесь в эту фразу, сколько в ней горечи и обиды. Произошло это дело следующим образом:

Вблизи разъезда Тувак, Северной ж. д., были задержаны три человека с товаром, похищенным путем взлома из ларька.

Один из этих задержанных назвал себя Терещенко Алексеем Ивановичем, 20 лет, уроженцем села Ново-Михайловского, Кропоткинского района, Северокавказского края. Следователь, приняв на веру показания обвиняемых об их личности, через прокурора города Вологды предал их суду по закону от 7 августа 1932 г.

Народный суд г. Вологды принял это дело к своему производству, не обратив внимания на неустановленность личности обвиняемых, и осудил их к 10 годам лишения свободы.

От следователя и судьи не отстали и работники вологодской тюрьмы.

Осужденных приняли для содержания в тюрьме, не сфотографировав их, и без дактилоскопических отпечатков. Осужденный под фамилией Терещенко бежал из вологодской тюрьмы и скрылся. После этого побега вологодская тюрьма объявила розыск на бежавшего Терещенко Алексея Ивановича.

Через некоторое время в селе Ново-Михайловском (т. е. на родине) был задержан и арестован Терещенко Алексей Иванович.

При аресте Терещенко заявил, что он в Северном крае никогда не бывал и не судился. На это заявление однако внимания не обратили, и Терещенко направили в Дмитлаг отбывать наказание.

В Дмитлаге Терещенко первое время работал, не заявляя о неправильном задержании, а затем отказался от работы. Тогда прокурор южного района Дмитлага вызвал Терещенко и опросил его о причинах отказа от работы. Терещенко заявил, что содержится в заключении неправильно, преступлений не совершал и не был осужден. Казалось бы, что обязанность прокурора — немедленно проверить подобное заявление. Но этот, с позволения сказать, прокурор (впоследствии снят с работы за негодностью) переложил расследование заявления Терещенко на... самого Терещенко.

Терещенко, списавшись со своим знакомым, узнал, что в совхозе Бушуиха Северного края в течение двух лет работал его односельчанин Осиченко Яков Игнатьевич, ранее судившийся и бежавший из места заключения, и что этот Осиченко в совхозе Бушуиха жил, именуя себя Терещенко Алексеем Ивановичем.

На основании этих данных Терещенко требовал от прокурора южного района Дмитлага освободить его из-под стражи. При этом он подробно указывал в заявлениях, где он находился и работал по день ареста.

На основании этих заявлений завелась переписка между прокурором Дмитлага, прокурором г. Вологды и прокурором Кропоткинского района Азово-Черноморского края по установлению личности задержанного.

Бюрократы завели переписку, а живой человек ждал, когда же перестанут над ним издеваться.

Наконец прокурор г. Вологды т. Погудалов поставил перед Дмитлагом вопрос о направлении Терещенко в совхоз Бушуиха, где работал и жил фактически совершивший преступление.

Когда Терещенко был доставлен в совхоз, немедленно было установлено, что это не тот Терещенко, который разыскивался.

По предложению Прокуратуры Союза прокуратура Азово-Черноморского края расследовала это дело. Расследованием было установлено, что по розыску вологодской тюрьмы участковый инспектор милиции станицы Ново-Михайловской Абдуленко задержал Терещенко вместо бежавшего из-под стражи Осичен-

ко. Как Терещенко ни уверял, что он не совершал кражи и не судился, Абдуленко не только не проверил заявления Терещенко, но препроводил его в распоряжение милиции с припиской, что Терещенко «оперирует в Ново-Михайловском и подозревается в ограблении».

Начальник районного отделения милиции Кадников вынес постановление о заключении Терещенко под стражу, не проверив заявления Терещенко. Через пять дней районный прокурор Воробьев утвердил постановление об аресте Терещенко. 36 суток просидел Терещенко в кропоткинской тюрьме. Несколько раз его допрашивали, и на всех допросах он заявлял, что не виновен, просил проверить его заявления, и никто — ни работники милиции, ни прокурор — не потрудились заявления Терещенко проверить. А ведь не очень много усилий там, на месте, нужно было сделать, чтобы проверить правильность всего, что Терещенко говорит. Результат: милиция арестовала, прокурор через пять дней проштемпелевал «согласен», а Терещенко посадили в тюрьму.

Преступники, позволившие себе издеваться над гражданином нашей страны, понесут суровое наказание по приговору суда. Снят с Терещенко штраф. Но и нам из всей этой истории нужно сделать вывод и для себя.

Бороться хорошо с бюрократом и бюрократизмом мы будем только тогда, когда поймем, что за каждой, буквально за каждой бумажкой, попадающей к нам в руки, стоит живой человек. Мы об этом говорим, но в практической работе зачастую забываем. Гора бумаг и дел порождает желание побыстрее, любым «законным» путем направить эту бумагу, спихнуть ее, избавиться от нее. А люди, которые обратились к нам с жалобой, чувствуют на своей спине результаты подобной работы.

Товарищ Сталин в своем докладе на XVII партийном съезде говорил: «Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления; болтовня о «руководстве вообще» вместо живого и конкретного руководства; функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности; обезличка в работе и уравниловка в системе зарплаты; отсутствие систематической проверки исполнения; боязнь самокритики, — вот где источники наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности» [1].

Эти исчерпывающие по своему содержанию указания нашего вождя представляют собой программу работы всего нашего советского аппарата, имеют особое значение для органов прокуратуры, призванных бороться со всякими и всяческими нарушениями социалистической законности.

Сталинская Конституция обеспечивает неприкосновенность личности (ст. 127 Конституции), требует от органов прокуратуры максимального внимания к каждому человеку, к каждому делу, требует такой организации работы, чтобы удар — быстрый и меткий — бил по врагам народа, по действительным преступникам, — такой организации работы, чтобы личность и достоинство советского гражданина были максимально охраняемы.

В. КОБЛЕНЦ

Прокуратура и печать

Товарищ Сталин дал классическое определение роли нашей печати как самого острого и сильного орудия партии.

Наша печать является могучим орудием пропаганды и агитации, незаменимым средством воздействия на массы. Она играет роль могущественного организатора общественной активности и творчества самых широких масс.

Ленин в свое время писал: «Нашим первым и главным средством для повышения самодисциплины трудящихся и для перехода от старых, никуда негодных, приемов работы... главным средством должна являться пресса, вскрывающая недочеты хозяйственной жизни каждой трудовой коммуны, беспощадно клеймящая эти недочеты, открыто вскрывающая все язвы нашей хозяйственной жизни и, таким образом, апеллирующая к общественному мнению трудящихся для излечения этих язв» [1].

Газета является подлинной трибуной, с высоты которой раздаются замечания трудящихся масс по поводу тех или иных недочетов. Здесь же трудящиеся дают и указания, как эти недочеты устранить.

В этом — одно из проявлений советской, подлинной социалистической демократии, в этом — одна из форм практического участия масс в управлении. Это участие, как неоднократно указывали Ленин и Сталин, абсолютно необходимо для борьбы с бюрократизмом.

Велика роль нашей печати и в борьбе за социалистическую законность, за точное, безоговорочное и единообразное выполнение всех законов советской власти.

Тысячи писем и заметок пересылаются из редакций газет в органы прокуратуры.

В прокуратуру г. Москвы из редакций газет за 1936 г. и первые три месяца 1937 г. поступило 3452 писем и заметок, причем количество этих писем все время растет: за первое полугодие 1936 г. поступило 1237, за второе полугодие — 1417, а за три месяца 1937 г. до 800 писем и заметок. Этот рост вполне понятен. Растет активность рабочих масс, растет активность трудящихся, не желающих мириться с малейшим беззаконием и сигнализирующих о нарушениях советского порядка. Ведь «малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся...» [2]. И тысячи писем, печатающихся в

---

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, стр. 413.

[1] И. Сталин, Отчет. доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 591.

[2] Ленин, Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком, т. XXIV, стр. 434.

газетах или пересылаемых из газет, являются ярким показателем усиления политической активности масс.

Характерно, что из 2654 заметок, поступивших в прокуратуру г. Москвы за 1936 г., 1015 писем содержали в себе сигналы о нарушениях революционной законности, не затрагивавших личные интересы авторов, причем в 742 случаях (из 1015) потребовалось непосредственное вмешательство прокуратуры. Это значит, что советский гражданин чувствует себя активным строителем социалистического общества. Он не может пройти мимо безобразий, творящихся на том или ином участке, хотя его лично и не затрагивающих. Интересы государства близки трудящимся, интересы трудящихся неотделимы от интересов государства.

Ст. 130 Конституции Союза ССР, как и ст. 131 Конституции, определяют отдельные важнейшие обязанности советского гражданина: «Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития» (ст. 130). «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся» (ст. 131).

Приведенные выше данные о пересланных в прокуратуру г. Москвы из газет письмах трудящихся показывают, что записанное в Конституции уже является заповедью, которой следуют советские люди.

Вот, например, т. Князев А. М. пишет письмо в «Правду» о растратах и злоупотреблениях в группкоме № 11 союза шоферов Первомайского района. Тов. Князев, как он пишет, «считает своим долгом сообщить» об этом и просит «помочь раскрыть и привлечь к уголовной ответственности расхитителей средств общественных профсоюзных денег». Письмо т. Князева было переслано редакцией в прокуратуру г. Москвы, которая, произведя расследование, установила растрату восьми тысяч рублей профсоюзных денег председателем группкома Брычевым и казначеем Моисеевым, арестовала этих жуликов и предала их суду.

«Рабочая Москва» переслала в прокуратуру письмо рабочих о хулиганстве некоего Журавлева. Расследованием, произведенным по предложению прокуратуры, факты, изложенные в этом письме, целиком подтвердились, и Журавлев был осужден к полутора годам лишения свободы.

А вот письмо (неопубликованная заметка), пересланное «Рабочей Москвой» в прокуратуру, по поводу злоупотреблений в Спартаковском подрайжилсоюзе (Красногвардейский район). Факты, изложенные в заметке, при расследовании подтвердились, и виновники злоупотреблений осуждены: Мягков к двум годам лишения свободы и Кудряшев к одному году и.-т. работ.

В «Правде», в «Рабочей Москве» и в «Советской торговле» был опубликован ряд заметок о выпуске на рынок предметов широкого потребления с большим браком (фабрика «Венский стул», кроватная фабрика им. Калинина и др.). Расследование подтвердило эти факты, и бракоделы осуждены к разным срокам наказания.

Рабочий т. Орлов с возмущением сообщает «Правде» о том, что на хлебозаводе № 9 губят хлеб и что, в целях сокрытия большого количества брака, администрация хлебозавода распорядилась хлеб-брак сжечь. Произведенное прокуратурой по письму т. Орлова расследование подтвердило эти факты, и заместитель директора завода Митин и начальник экспедиции Петров были преданы суду.

Мы привели здесь только несколько примеров, но и эти немногие примеры являются показателем того, как советский гражданин активно борется с нарушением законности в разных областях, за благо всех трудящихся и государства в целом. Охрана общественной, социалистической собственности, внедрение правил социалистического общежития, соблюдение государственной дисциплины, исполнение законов — вот принципы социалистической законности, за которые трудящиеся нашей страны борются в своих выступлениях в печати. И можно уже твердо сказать, что в бой за неприкосновенность общественной социалистической собственности вступили миллионы.

Мы уже указывали, что в 742 случаях прокуратура г. Москвы принимала те или иные меры. Каковы эти меры?

По 251 письму было возбуждено уголовное преследование, по 56 письмам возбуждено дисциплинарное преследование, по 261 письму прокуратурой предложено было устранить незаконные действия.

Активность трудящихся масс даст свои плоды, и эта активность будет все время усиливаться. «Следствием введения всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании будет дальнейшее усиление политической активности масс, вовлечение новых слоев трудящихся в управление государством. Тем самым диктатура пролетариата становится более гибкой, а, стало быть, более мощной системой государственного руководства рабочего класса обществом, база диктатуры рабочего класса расширяется, ее основа становится более прочной» (из резолюции пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Жданова).

Другую категорию писем, идущих из редакций газет, составляют письма-жалобы трудящихся по поводу нарушения законности, ущемляющего их интересы. Таких писем-жалоб за 1936 г. поступило из редакций газет в прокуратуру г. Москвы 1639.

Вот отдельные мероприятия прокуратуры по этим жалобам: привлечены к уголовной ответственности за нарушение прав трудящихся в 205 случаях, привлечены к дисциплинарной ответственности в 30 случаях, принесено 49 протестов на незаконные приговоры и решения судов, приняты непосредственно меры в ограждение интересов трудящихся (отмена административных выселений, мероприятия по письмам о неуплате алиментов и т. д.) в 448 случаях.

Во всех этих случаях печать выступает за соблюдение социалистической законности, за выполнение советских законов.

Каковы сроки прохождения газетных материалов через прокуратуру г. Москвы?

В сроки до 10 дней разрешено 46% газетных заметок (1227 писем), в сроки от 10 дней

до одного месяца — 35% (914 писем) и в сроки свыше одного месяца — 19% (513 писем).

Таким образом, значительная часть газетных заметок проходит через звенья Московской прокуратуры с большим замедлением. Расследование отдельных газетных материалов принимает безобразно волокитный характер. Это значит, что отдельные прокурорские работники еще недоучитывают всей политической важности и значимости быстрого и четкого разрешения писем трудящихся.

Вот прокурор Куйбышевского района г. Москвы т. Вишняков. Четыре месяца занимался он «проверкой» письма т. Гвенитадзе в редакцию газеты «Вечерняя Москва» о безобразиях и злоупотреблениях руководства стройконторы Мосторга. Четыре месяца т. Вишняков «проверял» этот материал, не передавая следователю, и никакие напоминания газеты не помогли. Чтобы покончить с этой волокитой, пришлось материал у т. Вишнякова изъять.

Разве не ясно для каждого работника прокуратуры, что нужно с величайшим вниманием отнестись к каждой газетной заметке, к каждому письму? Каждому сигналу снизу должно быть придано самое серьезное значение, причем нужно научиться подымать содержащиеся в письмах частные небольшие вопросы на большую принципиальную высоту. В этом залог своевременного раскрытия всякого рода вредительских планов, своевременного разоблачения врагов народа.

Разве может быть терпима волокита с жалобами, с письмами трудящихся?

«Надо воспитывать в наших работниках чуткость и умение прислушиваться к этим сигналам, идущим снизу... Надо добиться того, чтобы руководитель относился к этим сигналам не по-чиновничьи бездушно, не по-сановному высокомерно» (Молотов, «Большевик» № 8).

Отсюда — все выводы, которые должны быть сделаны работниками прокуратуры.

М. КОЖЕВНИКОВ

Слова и дела

Под таким названием в № 4 журнала «Социалистическая законность» помещена статья под инициалами N. N. с критикой ошибок ревизора НКЮ СССР т. Цитовича, допущенных им при проведении ревизии Московской городской коллегии защитников (МГКЗ). Исходя из недостатков работы т. Цитовича, автор сделал обобщенный вывод о том, что «аппарат отделов судебной защиты НКЮ РСФСР и НКЮ СССР, видимо, заполнен большим количеством Цитовичей, людей в футлярах»...

Как известно, отдел судебной защиты НКЮ СССР начал функционировать лишь 20 ноября 1936 г. и, к сожалению, полностью не укомплектован еще и до настоящего времени. В состав ревизоров отдела был принят и т. Цитович, бывший судебно-прокурорский работник, в прошлом ничего плохого по работе не имевший. И нам казалось, что он с обследованием работы защиты, хотя эта работа для него была и новая, должен справиться.

Однако при ревизии МГКЗ Цитович допустил несколько серьезных ошибок.

Ошибки эти заключаются в следующем.

Вместо проверки работы на месте, в коллективах, проведения ее с участием общественности т. Цитович решил, вопреки прямому указанию отдела защиты, сделать ревизию без участия общественности, начать ревизию с проверки бумаг президиума, сбора данных, характеризующих работу президиума, путем получения различных анкет и сводок, т. е., вместо привлечения к участию в ревизии общественности, проверки в первую очередь первичных звеньев, беседы с членами коллектива, применил бумажно-бюрократический метод обследования. Кроме того, в одну из форм анкеты, цитируемой автором и переданной на заполнение президиуму, включил несколько безграмотных, совершенно непонятных вопросов.

Хотя основные выводы, записанные в акт ревизии т. Цитовичем, — отсутствие контроля исполнения за решениями президиума, невовлечение в состав членов коллегии защитников (ЧКЗ) новых молодых кадров, отсутствие со стороны президиума борьбы против замкнутости в коллективах, совершенно нетерпимая волокита с разбором заявлений ЧКЗ и разбором дисциплинарных дел, полное отсутствие проверки работы индивидуально практикующих защитников, бесплановость в работе и др., — нашли полное подтверждение при последующей проверке работы президиума МГКЗ, тем не менее НКЮ считал необходимым т. Цитовича, допустившего, вопреки прямым указаниям НКЮ, неправильные методы ревизии, от работы по обследованию МГКЗ освободить, и он еще 15 марта от ревизии МГКЗ был освобожден, а с 1 мая вообще освобожден от работы в отделе судебной защиты НКЮ СССР.

Таким образом указания в статье на ошибки т. Цитовича, во всяком случае на основные его ошибки, являются правильными. НКЮ, получив сообщение о неправильных методах ревизии со стороны т. Цитовича, немедленно на это сообщение реагировал освобождением т. Цитовича от ревизии и посылкой для продолжения таковой ст. ревизора т. Зосимова, с выводами которого президиум МГКЗ согласился.

Отдел защиты НКЮ к моменту ревизии т. Цитовича существовал немного больше 3 месяцев. Один из ревизоров допустил при ревизии ошибки. Это верно. Но верно ли то, что можно из этого делать общий вывод о том, что отделы судебной защиты НКЮ РСФСР и СССР, видимо, заполнены людьми в футлярах? Какие доказательства этому приводит сам неизвестный автор?

1. «Живое руководство и деловая связь» президиума ограничиваются пока лишь теле-

фонными звонками и предписаниями принять кого-нибудь в члены коллегии защитников, причем направляются в коллегию иногда люди совсем непригодные».

К моменту написания статьи автора N. N. мне известны лишь три случая моих звонков по вопросу о кадрах.

Тов. Томсинская по окончании Заочного юридического института была направлена для работы в МГКЗ. Проходив много времени к руководству президиума и не добившись приема, она обратилась в отдел судебной защиты НКЮ СССР с жалобой на волокиту со стороны президиума МГКЗ. Я звонил Александрову и предложил немедленно рассмотреть вопрос о приеме т. Томсинской на президиуме МГКЗ. К сожалению, возмутительное отношение со стороны руководства президиума МГКЗ к приему т. Томсинской не окончилось и по сей день. Руководство коллегии после моего предложения решило направить ее стажером в один из коллективов г. Москвы, но без оплаты.

Потребовалось специальное указание самого наркома на зачисление ее в соответствии с законом платным стажером. Однако и это решение со стороны президиума МГКЗ оказалось нереализованным в течение 3 месяцев. Только теперь, после новой жалобы т. Томсинской, т. Александров письменно сообщил, что заявление т. Томсинской будет рассмотрено на первом заседании президиума и не позднее 20 июня.

В отдел судебной защиты НКЮ СССР обратился с жалобой ЧКЗ Абарбанель, работавший в течение ряда лет при отделе жалоб НКЮ Прокуратуры РСФСР, на волокиту, бездушно-бюрократическое отношение президиума МГКЗ, благодаря которому он после освобождения от работы в отделе жалоб не может поступить для работы в коллектив. И по этому вопросу я звонил т. Александрову с предложением прекратить волокиту с рассмотрением на президиуме претензий т. Абарбанель. На хождение т. Абарбанель по приемной президиума МГКЗ потребовалось немало времени, во всяком случае это исчисляется месяцами, потребовалось, как мне сообщил т. Абарбанель, вмешательство бюро жалоб КСК при СНК СССР, чтобы прекратилась волокита по этому вопросу и было покончено с приемом его на работу.

Наконец мне известен еще один случай моих звонков, когда ко мне обратилось с жалобой несколько лиц по вопросу о том, что в течение ряда месяцев они ходят в президиум МГКЗ и не могут добиться рассмотрения их заявлений о приеме в ЧКЗ. Проверкой эти факты подтвердились. Установлено, что этим людям президиум в течение нескольких месяцев обещал поставить вопрос о их приеме на президиуме и каждый раз в назначенное время эти заявления не рассматривались.

Таким образом речь шла не о предложениях НКЮ о приеме в состав ЧКЗ тех или иных лиц, а было лишь одно требование — прекратить существующую в работе президиума МГКЗ волокиту с разбором заявлений живых людей, прекратить неправильный подход к молодым кадрам, ликвидировать замкнутость в коллективах. Закономерно ли это требование отдела? Считаю — закономерно и правильно. Вина моя может заключаться лишь в том, что я пока только звонил. Очевидно нужны были в борьбе с волокитой и другие, более решительные меры .

Вторым примером неправильного руководства отдела судебной защиты НКЮ СССР автор статьи приводит восстановление б. ЧКЗ Хворостухина, оценивая этот факт «как трогательную заботу НКЮ». Хворостухин действительно решением НКЮ РСФСР был восстановлен в состав ЧКЗ, но когда об этом стало известно НКЮ СССР, он буквально после этого через 2—3 дня, т. е. еще 15 марта, по представлению отдела судебной защиты НКЮ СССР наркомом юстиции Союза ССР был из состава ЧКЗ исключен и решение НКЮ РСФСР отменено. Непонятно, в чем проявил особую заботу отдел судебной защиты НКЮ по делу Хворостухина.

Наконец третьим примером неправильного руководства нашего отдела автор считает истребование нами от президиумов КЗ большого количества сведений.

Нами истребованы лишь следующие сведения: об учете кадров (форма № 13), личные листки на председателей и заместителей председателей КЗ (форма № 151), литературные отчеты за 1936 г., справки о ставках оплаты труда работникам президиумов, списки на остальных ЧКЗ, т. е. истребован самый необходимый минимум сведений.

Приказом наркома не требовалась вовсе дача характеристик президиумов КЗ самих на себя. Требование о даче характеристик на руководящих работников президиума было дано наркомам союзных республик.

Вот все конкретные примеры, которые привел автор для обоснования своего вывода и характеристики руководящих защитой отделов НКЮ.

Мне кажется, что наш отдел, только недавно начавший свою работу, конечно, имеет и ошибки в работе, тем более, что дело, которым нужно было руководить, — новое дело и находилось и, надо прямо сказать, пока еще находится в крайне запущенном состоянии. По существу КЗ до организации НКЮ Союза ССР никто вплотную не занимался. Но можно ли из отдельных ошибок, хотя бы из ошибок одного ревизора отдела, делать тот обобщенный вывод, который сделан автором статьи? Я считаю, что нельзя, так как это совершенно не вытекает из всей работы, проделанной отделом защиты. Это есть результат желания продолжать работу без необходимого контроля, это есть попытка использовать некоторые ошибки ревизора, сорвав, дискредитировав ревизию, замазать ошибки в работе своего президиума КЗ.

В самом деле, отделом за короткое время проделана огромная работа. Приведу несколько примеров. Лично я путем вызова председателей коллегии защитников ознакомился с работой 51 коллектива защитников Союза ССР, с их руководящим составом, за истекшие полгода мы провели ревизии коллегии защитников в семи союзных республиках, охватили ревизиями Киргизию, Казахстан, Азербайджан, Грузию, Армению, Украину, Дальний Восток, Ленинград, Москву, Московскую область, обследованием — Азово-Черноморье, Ивановскую, Ярославскую области. Такой огромный охват ревизиями коллегий защитников дал впервые возможность по-настоящему изучить

кадры КЗ и руководящий состав, работу КЗ по существу, разрешить или поставить на разрешение ряд коренных вопросов работы коллегий защитников. К числу поставленных на разрешение вопросов нужно отнести: разработку положения об адвокатуре, инструкции для индивидуально практикующих, типового устава коллективов адвокатов, положения о государственной адвокатуре. Все эти проекты законов, исключая положения о государственной адвокатуре, которое на-днях вносится на рассмотрение правительства, уже внесены на рассмотрение последнего.

К числу разрешенных вопросов нужно отнести: установление единообразной, в соответствии с количеством и качеством затрачиваемого труда, формы оплаты труда ЧКЗ, проведение неуклонной борьбы с разбазариванием некоторыми президиумами общественных средств, сокращение отчислений на содержание президиумов и коллективов защиты, ликвидация единых республиканских коллективов и создание вместо них на местах самостоятельно управляемых коллективов, ликвидированы в ряде коллективов допускаемые со стороны президиумов факты грубейшего нарушения советской демократии. На основе изучения руководящих кадров президиумов коллегий защитников нами поставлен вопрос и о мерах по укреплению этого важнейшего звена. В ряде мест это укрепление руководства уже проведено. Таким образом отдел судебной защиты НКЮ смог за время своей работы или разрешить или подготовить к разрешению ряд вопросов, способных улучшить работу нашей защиты, вывести ее, надо откровенно сказать, из состояния довольно тяжелого, иногда прямо нетерпимого.

Довести начатую работу до конца мы сможем при активной помощи работников коллегии защитников.

Конечно, отдел судебной защиты не добился еще необходимой связи с коллегиями защитников, однако он уже и сейчас твердо стоит на этом пути. Об этом говорят хотя бы такие данные, что мы к подготовке основных вопросов привлекали защитников, свои ревизии (кроме ревизии, проводимой Цитовичем) проводили с участием актива защитников, связались лично со всеми председателями коллективов, принимали личное участие на съездах защиты, привлекали их на активы НКЮ и т. д. Можно ли при этом условии говорить об отсутствии у отдела НКЮ СССР живой связи. Она недостаточна, это верно. Но что ее нет, — это, по меньшей мере, странное утверждение.

Нельзя сказать, чтобы выводы неизвестного автора об отделах защиты НКЮ СССР и НКЮ РСФСР могли способствовать скорейшему разрешению задач, которые лежат на этих отделах.

Наконец нельзя не остановиться на том состоянии, в котором оказалась работа Московской городской коллегии защитников по выводам, признанным правильными самим президиумом МГКЗ. Эти выводы, как уже выше сказано, говорят, что имела место бесплановость в работе, отсутствует контроль исполнения, самая безобразная волокита, нечуткое отношение к людям, отсутствие заботы, если не сказать большего, к вопросу о привлечении молодых кадров, замкнутость, кастовость в отдельных коллективах и т. д.

Эти факты говорят, что президиум МГКЗ имеет еще очень серьезные, больше того, нетерпимые в работе недостатки, и мне кажется, что и автору статьи нужно было бы, наряду со вскрытием ошибок, которые допустил наш бывший ревизор т. Цитович, с недостатками, которые имеются в отделах судебной защиты, подвергнуть резкой критике и работу президиума. Это могло бы поправить и нашу работу, скорее ликвидировать грубейшие недостатки в работе самого президиума КЗ.

Повторяю, об ошибках отдела судебной защиты нужно писать, нужно эти ошибки критиковать. Наши действия показывают, что в отношении допущенных т. Цитовичем ошибок мы чутко и быстро реагировали, ошибки исправили, но писание того, чего нет, писание для того, чтобы замазать свои грубые ошибки в работе, не может помочь нашей общей работе. Наша общая задача и отдела судебной защиты и коллегий защиты заключается в том, чтобы как можно скорее поставить работу нашей защиты на ту высоту, на которой она должна стать в нашу великую эпоху, эпоху Сталинской Конституции.

ОТ РЕДАКЦИИ

Печатая статью т. Кожевникова, редакция считает, что автор статьи ни в коей степени не опровергает тех обвинений, которые были выдвинуты в статье «Слова и дела», помещенной в № 4 нашего журнала.

Цитович был снят с работы в отделе защиты НКЮ СССР, а решение о восстановлении Хворостухина было отменено после того, как редакция направила народному комиссару юстиции СССР т. Крыленко в начале марта с. г. копию статьи «Слова и дела».

В своей статье т. Кожевников очень подробно пишет о ревизиях, проведенных отделом судебной защиты. Плохо, что т. Кожевников не понял и, очевидно, до сих пор не понимает основной порок своей работы, заключающийся в том, что он начал ее с «ревизий», особенно если учесть, что ревизорами являются Цитовичи.

Не управлять адвокатурой, а направлять ее работу, создать такие организационные формы, благодаря которым адвокатура могла бы занять место, отведенное ей Сталинской Конституцией, — вот задача отдела защиты.

Вместо этого — «ревизии», требование отчетов, которые никто потом читать не будет, и напрасное дерганье людей.

Тов. Кожевников прав — живое руководство и деловая связь осуществляются им не только телефонными разговорами, но и письменными резолюциями. Так, на путевке № 4, выданной Центральным правовым заочным институтом гр. Томсинской с направлением на работу в МГКЗ, куда гр. Томсинская обязана была прибыть 21 февраля 1937 г., имеется следующая резолюция, датированная 22 февраля: «Председателю гор. коллегии защитников. Предлагаю на первом заседании Президиума рассмотреть вопрос о приеме т. Томсинской в состав ЧКЗ и направить в один из коллективов на работу. Рассмотреть весь вопрос в течение 3—5 дней окончательно.

Начальник отд. суд. защиты НКЮ СССР **Кожевников».**

Кто дал право т. Кожевникову писать такие резолюции и чем была вызвана эта резолюция? Ларчик здесь открывается очень просто. Зная, очевидно, что теоретическая подготовка т. Томсинской очень низка и прием ее в коллегию может встретить возражения, т. Кожевников заранее решил прибегнуть к сильно действующему средству, каким, по его мнению, должна была явиться вышеприведенная резолюция.

Не менее «верно» т. Кожевников освещает и инцидент с ЧКЗ Абарбанель. Прежде всего, к сведению т. Кожевникова, т. Абарбанель никто из коллегии не исключал и никто ему не отказывал в направлении в коллектив, а речь шла о том, чтобы сохранить при отделе жалоб Прокуратуры РСФСР должность платного консультанта за счет средств МГКЗ вопреки воле общего собрания МГКЗ, постановившего ликвидировать все платные должности консультантов при различных органах суда и прокуратуры.

Эти два «телефонных» звонка достаточно ярко иллюстрируют руководство отдела судебной защиты НКЮ СССР, и это т. Кожевников называет требованием «прекратить существующую в работе президиума КЗ волокиту с разбором заявлений живых людей».

Тов. Кожевников записывает в актив отдела судебной защиты ликвидацию в ряде коллективов случаев грубейшего нарушения советской демократии. Очевидно, по мнению т. Кожевникова, его резолюция на путевке Томсинской не есть результат бюрократического руководства, не есть результат того, что отдел судебной защиты не понял своих задач, не понял того, что он призван не управлять коллегией защитников, а направлять их работу в целях максимального обеспечения населению правильно организованной юридической помощи.

До тех пор пока отдел судебной защиты не откажется от подобных методов управления, до тех пор пока руководство действительно не станет большевистским оперативным руководством, трудно поверить, чтобы отдел судебной защиты в нынешнем своем состоянии мог справиться с возложенными на него задачами.

Редакция уверена, что наркомюст СССР т. Крыленко в объяснения т. Кожевникова найдет необходимым внести кое-какие существенные поправки, гарантирующие невозможность повторения некоторых кожевниковских резолюций.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

НЕОБОСНОВАННОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА

Гр. Бутко Харитон Трофимович, счетовод колхоза им. Щорса, за несколько дней до суда избранный председателем колхоза, 5 сентября 1936 г. был осужден народным судом Нежинского района по ст. 127 УК УССР за спекуляцию мануфактурой к 5 годам лишения свободы.

Материалами дела и собственным сознанием Бутко было установлено, что в начале июля 1936 г., будучи в командировке в г. Ленинграде, он купил там разной мануфактуры на сумму около 1200 руб. и, вернувшись в с. Почепина-станция, продал ряду односельчан 27—30 метров мануфактуры по повышенным ценам (за метр шерстянки, стоившей 29 руб., брал 35 руб., за метр бумазеи, стоившей 2 р. 90 к., брал 5 р. 80 к., за метр полусукна вместо 5 руб. за метр брал 8 руб.). Суд определил сумму его прибыли в 70 руб.

При обыске у Бутко было обнаружено 80 метров разной мануфактуры в кусках от 2 до 12 метров.

Областной суд оставил приговор в силе. Верховный суд УССР, рассмотрев дело в порядке надзора, прекратил дело, сославшись на п. 1 ст. 302 УПК, говорящий об оправдании судом первой инстанции при недоказанности совершения преступления или при отсутствии состава преступления.

В своем определении Верховный суд стал на ту точку зрения, что Бутко продавал мануфактуру по повышенной цене без цели наживы, а лишь с целью частичного возврата своих путевых расходов.

В дальнейшей части определения Верховный суд становится на почву переоценки доказательств и устанавливает, что покупатели мануфактуры у Бутко заранее давали ему деньги на приобретение таковой в Ленинграде. Действительно, на суде ряд свидетелей дал такие показания, но они резко расходятся как с показаниями тех же свидетелей на предварительном следствии, так и с объяснениями самого Бутко и его жены о желании «оправдать дорогу», о продаже того, что «оказалось лишним», и пр.

При наличии положительных отзывов о Бутко нельзя отрицать бесспорного факта систематической продажи им мануфактуры по повышенным ценам не менее чем 9—10 человекам.

Прекращение этого дела является неправильным. Если судом была установлена однократность спекулятивной продажи и личность обвиняемого не дает оснований считать, что он вообще занимается спекуляцией, следовало перейти на ст. 105 УК, но не прекращать дела.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала определение УКК Верхсуда УССР.

Президиум Верхсуда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение уголовной коллегии Верхсуда УССР отменить и дело направить в ту же коллегию для рассмотрения в ином составе.

ОСУЖДЕНИЕ ПО ЯВНО НЕРАССЛЕДОВАННЫМ МАТЕРИАЛАМ

Гр. Блескачевский Иона Абрамович был осужден 11 июня 1936 г. народным судом Краснозаводского района г. Харькова по 1 ч. ст. 104 и 1 ч. ст. 108 УК УССР на 3 года лишения свободы.

Харьковский областной суд, рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного 29 июня 1936 г. нашел, что обвинение по 1 ч. ст. 108 не доказано, и в этой части дело прекратил, оставив в остальном приговор в силе.

Блескачевский, работавший агентом Южмонтажстроя, осужден за присвоение 4547 руб. путем включения в авансовый отчет счетов, оплаченных непосредственно Южмонтажстроем.

Первый обвинительный приговор народного суда по этому делу от 8 марта 1936 г., которым Блескачевский был осужден по тем же статьям на 2 года лишения свободы, был отменен Харьковским областным судом.

Областной суд признал в своем определении от 23 марта 1936 г., что жалоба осужденного на неосновательность приговора правильна, что народный суд должен был приобщить к делу ту книжку, в которой имелась расписка бухгалтерии на сумму 2747 р., вызывающая сомнения, и путем осмотра таковой установить, находится ли около этой суммы подпись бухгалтеров; кроме того, в деле не было письменного заключения эксперта, и нельзя было установить, какой вывод сделала экспертиза по материалам бухгалтерии.

В определении Харьковского областного суда от 29 июня 1936 г. об утверждении второго приговора областной суд сослался на акт экспертизы о представлении Блескачевским при отчете фактически им неоплаченного счета.

Между тем при рассмотрении дела устанавливается:

Экспертизу на предварительном следствии производил эксперт Яромицкий, работавший ранее на Харьковском паровозостроительном заводе (ХПЗ), то есть как раз в том учреждении, откуда Блескачевский получал материалы, в частности и по спорному счету № 980.

На судебном следствии 1 июня этот эксперт заявил, что он не выверял расчетов ЮМС с ХПЗ. Это отражено в акте экспертизы.

Второй эксперт Ширяев в том же заседании указал, что ввиду невыверки этих расчетов нельзя дать ясного ответа на вопрос, отражены ли по счету Блескачевского все суммы.

Тот же эксперт Ширяев указал, что игнорирование бухгалтерией Южмонтажстроя документальных данных по этому же счету № 980 привело к привлечению Блескачевского к уголовной ответственности.

Подлинный счет № 980 к делу приобщен не был, несмотря на многократные ходатайства Блескачевского. Утверждение же КК Харьковского областного суда, что приобщение к делу, вместо подлинника, копии счета не меняет положения, явно неправильно. При наличии показаний свидетелей Кучерявцева и Гороносова о том, что на подлинном счете была сделана надпись об оплате акцептованными счетами, необходимо было приобщить к делу подлинный счет. К тому же свидетель Гороносов заявил на суде (и это подтверждается выпиской из счета Блескачевского), что у последнего не было наличных денег на сумму, в присвоении которой он обвиняется.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда.

Пленум Харьковского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: приговор народного суда от 11 июня 1936 г. и определение областного суда от 29 июня 1936 г. отменить, дело возвратить в народный суд для нового рассмотрения в ином составе с обязательным производством новой экспертизы при помощи компетентного бухгалтера-эксперта, который должен будет проверить счет ЮМС в ХПЗ с обязательным приобщением к делу подлинника счета за № 980.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА ПО МОТИВУ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН

Определением от 9 апреля 1937 г. Водно-транспортный суд Нижнеиртышского бассейна, за примирением обвиняемого с потерпевшим, прекратил в судебном заседании дело по обвинению гр. Куля по ч. 1 ст. 146 УК.

Прокуратура Союза опротестовала определение суда о прекращении дела по следующим основаниям:

Куль Анатолий Павлович был предан суду прокуратурой Нижнеиртышского бассейна 29 марта 1937 г. по ч. 2 ст. 74 УК.

Подготовительное заседание ВТС 4 апреля 1937 г. с квалификацией преступления по ч. 2 ст. 74 УК согласилось и обвинительное заключение прокурора утвердило, назначив дело к слушанию с участием сторон.

При рассмотрении дела в судебном заседании с участием представителя прокуратуры, поддерживавшего обвинение, суд признал гр. Куля виновным не по ч. 2 ст. 74, а по ч. 1 ст. 146 УК. В пределах санкции этой статьи суд и должен был вынести обвинительный приговор гр. Кулю.

Прекращать же дело за примирением обвиняемого с потерпевшим, поскольку обвинение поддерживалось на суде прокуратурой, суд, на основании ч. 2 ст. 10 УПК, не мог.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Водно-транспортного суда отменить и дело передать в соответствующий народный суд для рассмотрения по существу.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ПО МЯГКОСТИ НАКАЗАНИЯ И ПО ПОВЕРХНОСТНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Приговором ВТ суда Днепровского и Днепро-Двинского бассейнов от 17—18 мая 1937 г. Идельчик Н. И. был осужден по ч. 1 ст. 196 УК БССР к лишению свободы сроком на 1 год 6 месяцев без поражения в правах.

Прокуратура Союза опротестовала приговор Водно-транспортного суда по следующим основаниям:

По делу установлено, что Идельчик умышленно задержал выплату 177 рабочим пристани Бобруйск 1882 руб., причитавшихся им как премиальные, тонно-километровые и пр., а затем эту сумму списал в доход управления пароходства под тем предлогом, что рабочие

в установленный срок не явились за получением денег.

Идельчик умышленно скрывал от рабочих выплатные листки и запрещал работникам бухгалтерии и кассы сообщать им о причитающихся суммах.

При этих условиях, учитывая, что преступные действия обвиняемого вызвали законное недовольство рабочих пристани и что Идельчик уже был судим в 1936 году за злоупотребления по должности, следует признать, что назначенное судом в отношении Идельчика наказание в 1 год 6 мес. лишения свободы, по своей мягкости, явно не соответствует содеянному им.

Сумма в 1882 руб. является незначительной для бюджета пароходства. Это обстоятельство, а также и то, что обвиняемый не преследовал корыстных целей (ибо у него не было стремления присвоить эти деньги), дает основание полагать, что преступные действия обвиняемого имели целью вызвать озлобление и недовольство большой группы рабочих в 177 человек.

Анализируя характер и причины этих преступных действий обвиняемого, нельзя не учесть, что он уже раз был осужден — в 1936 году — за должностные злоупотребления, выразившиеся в том, что, будучи старшим бухгалтером той же пристани Бобруйск, он в течение навигации 1936 года выплачивал рабочим зарплату денежными суррогатами, так называемыми «чеками», по которым рабочие вынуждены были покупать только в магазине орса пристани. Последствия этого преступления были аналогичны последствиям уголовного деяния, за которое он осужден, т. е. недовольство рабочих.

Когда Идельчик был осужден по первому делу к 2 годам лишения свободы, бывший начальник управления ДДРП Голованов, ныне разоблаченный как враг народа, обратился со специальным отношением к ВТ коллегии Верховного суда СССР, в котором он, давая особо положительную оценку обвиняемому, просил обсудить возможность замены ему лишения свободы исправительно-трудовыми работами.

Ввиду мягкости наказания, а также ввиду неполноты предварительного и судебного следствия, полностью не расследовавшего характера преступных действий обвиняемого, Прокуратура считала необходимым приговор ВТ суда по этому делу отменить, направив дело для дополнительного расследования.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: приговор отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

НЕОБЪЕКТИВНОСТЬ РАССЛЕДОВАНИЯ — НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПРИГОВОР

Приговором народного суда Любечского района Черниговской области от 26 октября 1936 г., утвержденным 10 ноября 1936 г. УКК облсуда, старший рабочий сепопрессовального пункта Заготзерно Можуга Семен Иванович был признан виновным в понуждении зависевших от него работниц пункта к половой связи и осужден по ст. 165 УК к полутора годам лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор по этому делу по следующим основаниям:

Как предварительное расследование, так и, в особенности, судебное следствие проведены были крайне неполно и односторонне. На суде были допрошены только потерпевшие, а вызванный в судебное заседание единственный свидетель, заведующий пунктом Власенко, не явившийся в суд по невыясненным причинам, несмотря на своевременное получение повестки, судом не был допрошен; ходатайство защиты об отложении дела было отклонено судом, а данное этим свидетелем на предварительном расследовании показание не было даже оглашено на суде.

Между тем самый характер предъявленного Можуге обвинения, когда уволенные за плохую работу спустя месяц после увольнения заявляют о якобы имевших место фактах понуждения, о которых они никому до того не рассказывали, требовал от органов расследования и суда особо осторожного подхода и тщательной проверки действительных взаимоотношений между обвиняемым и потерпевшими.

Следствие должно было путем опроса других рабочих и работниц сенопункта проверить, действительно ли Можуга, как утверждали заявительницы, приставал к работницам, допуская к работе только тех, кто соглашался вступить с ним в половую связь. Ведь если Можуга на самом деле не давал прохода ни одной женщине и уже на второй же день после приема на работу требовал сожительства под угрозой увольнения, то такое поведение не могло не быть известным окружающим.

Несмотря на категорическое заявление заведующего пунктом Власенко, что потерпевшие А. и Б. были уволены по его собственной инициативе, без всякого вмешательства Можуги, за плохую работу и лодырничество, следствие и суд не потрудились уточнить этот вопрос, а вопреки показаниям этого свидетеля приняли за доказанное голословное утверждение самих уволенных о том, что они уволены Можугой за отказ от вступления с ним в половую связь.

Суд игнорировал показание одной из «потерпевших» — А. О. о том, что инициаторша возбуждения этого дела, гр-ка А., после увольнения заявила ей о том, что она «за это Можугу подтянет».

Следствие и суд не сочли нужным, хотя бы путем опроса по этому поводу заведующего пунктом Власенко и других рабочих, проверить, кем и по каким причинам были переведены в другую бригаду «потерпевшие» гр-ка О. и гр-ка П.

В результате указанных пробелов и односторонности расследования и допущенного судом процессуального упрощенства приговор оказался построенным только на голословных показаниях «потерпевших», которые, возможно, сводили счеты с обвиняемым за увольнение и требование хорошей работы.

Пленум Черниговского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: приговор народного суда и определение КК отменить и дело направить на новое рассмотрение в тот же народный суд со стадии предварительного следствия.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПЛОЩАДИ ЗА ВРЕМЕННЫМ ЖИЛЬЦОМ

Гр. Романов с женой в 1932 г. впустили к себе на площадь размером в 15 м временного жильца Андрееву.

18 июня 1935 г. Романов предъявил иск о выселении Андреевой.

11 июля народный суд отказал ему в иске на том основании, что единственным мотивом к выселению является нежелание Андреевой платить повышенную квартплату.

13 июля 1936 г. Романов с согласия домоуправления обменялся площадью с членом того же жакта Абакумовым.

После этого временный жилец Андреева, оставшаяся на прежней площади, предъявила иск о признании обмена комнатами между Романовым и Абакумовым недействительным и о выселении Абакумова.

Народный суд 17 августа 1936 г. удовлетворил этот иск.

Прокуратура Союза ССР, считая первое и второе решение суда неправильными, опротестовала их по следующим основаниям:

Народный суд 11 июля 1935 г. не вправе был отказать Романову в выселении временного жильца Андреевой. Такое судебное решение противоречит постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О временных жильцах» и инструкции НКЮ и НККХ от 27 января 1934 г.

Хотя суд, отказывая в выселении Андреевой, и не признал за ней самостоятельного права на площадь, однако, это решение было истолковано самой Андреевой и жактом в том смысле, что после судебного решения она является уже постоянным жильцом. Только этим можно объяснить то, что Абакумов и жакт не предъявили иска о выселении временного жильца Андреевой, обязанной на основании инструкции НКЮ и НККХ от 27 января 1934 г. выехать после выезда основного съемщика Романова.

Вместо этого Андреева, не имеющая права на занимаемую площадь, предъявила иск о выселении Абакумова, обменявшегося с ведома жакта комнатами с Романовым (оба — жильцы одного дома).

Андреева права на иск не имеет, и суд должен был поэтому отказать ей в иске и дело производством прекратить.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: решение народного суда от 17 августа 1936 г. отменить и в иске Андреевой, за отсутствием права на иск, отказать.

ГРУБОЕ НАРУШЕНИЕ УСТАВА РЖСКТ

В 1927 году пайщик РЖСКТ «Новая Москва» Коробков В. С. получил, в соответствии с требованиями устава, квартиру № 6 в доме № 20 по Ленинградскому шоссе площадью в 49,90 кв. метров. Паенакопление Коробкова составляло к этому времени около 10.000 руб.

В отсутствие Коробкова жена его предоставила одну комнату площадью в 12 кв. м пайщику того же кооператива Капущевскому.

В 1936 г. Коробков узнал, что правление РЖСКТ в июне 1932 г. закрепило эту площадь за Капущевским с нарушением устава и прав Коробкова, не дававшего согласия на изъятие у него площади.

В марте 1936 года Коробков опротестовал перед правлением РЖСКТ изъятие у него площади без его согласия.

11 мая 1936 г. правление РЖСКТ предложило Капущевскому воздержаться от обмена спорной комнаты до разрешения дела в судебном порядке. Капущевский, очевидно, намерен был обменять занимаемую им комнату в квартире Коробкова.

В июле 1936 года Коробков предъявил в нарсуде Ленинградского района г. Москвы иск к Капущевскому и правлению РЖСКТ «Новая Москва» о восстановлении его права на спорную комнату и аннулировании закрепления ее за Капущевским.

Истец предъявил суду выписку из протокола заседания правления РЖСКТ «Новая Москва» от 2 июня 1932 г. о закреплении за Капущевским площади, занимаемой им в квартире № 6, принадлежащей Коробкову. Из этой выписки видно, что голоса членов правления поданы 3 за и 3 против предложения о закреплении площади за Капущевским. Решения общего собрания пайщиков или собрания уполномоченных по этому вопросу не было.

Народный суд заслушал дело 23 июля 1936 г. Истец поддерживал свой иск, ответчик Капущевский возражал против требования Коробкова, указав, что он является пайщиком того же кооператива с 1927 года, проживал в спорной комнате с женой и сыном с 1931 года, комната передана ему в 1932 году с согласия жены Коробкова.

Последняя на суде заявила, что она не имела полномочий от мужа на распоряжение площадью и паенакоплением.

Представитель РЖСКТ Виноградов объяснил суду, что Коробков из членов РЖСКТ не исключался, жена его, Коробкова, не член РЖСКТ и «не хозяйка этой площади», следовательно, распоряжаться ею не могла; протокол правления от 2 июня 1932 г. указывает, что закрепление площади за Капущевским является вопросом «спорного порядка».

Суд решением от 23 июля 1936 г. иск Коробкова удовлетворил и аннулировал закрепление площади за Капущевским.

Кассколлегия Мосгорсуда по жалобе ответчика 10 августа 1936 г. решение отменила и в иске Коробкову отказала на том основании, что он был в 1930 году осужден, следовательно, согласно § 16 устава РЖСКТ, он должен быть исключен из членов РЖСКТ; жена Коробкова переуступила одну из комнат члену РЖСКТ Капущевскому, а правление эту переуступку санкционировало; истец четыре года не оспаривал правильности передачи площади Капущевскому. Поэтому кассационная коллегия установила, что у суда не было оснований к удовлетворению иска.

Коробков обжаловал это определение в порядке надзора.

Прокуратура Союза опротестовала определение кассационной коллегии Мосгорсуда по следующим основаниям.

Никаких доказательств лишения Коробкова прав, приобретенных им по уставу РЖСКТ «Новая Москва» как пайщиком этого кооператива, в деле нет.

Представитель кооператива Виноградов на суде удостоверил, что Коробков из членов РЖСКТ не исключался.

Отсюда следует, что правление РЖСКТ не имело никакого права распоряжаться площадью своего пайщика. Поэтому постановление правления РЖСКТ от 2 июня 1932 г. является незаконным, грубо нарушающим устав РЖСКТ. К тому же это постановление ничтожно и по формальным основаниям, так как решение не получило большинства голосов.

Если бы даже Коробков был в порядке устава исключен из числа пайщиков, площадь была бы от него изъята и паенакопление возвращено, то и в этом случае право распоряжения изъятой площадью принадлежало бы РЖСКТ в лице общего собрания или собрания уполномоченных, а не правления РЖСКТ. Площадь в таком порядке у Коробкова не была изъята.

Кассационная коллегия Московского городского суда, отменяя решение народного суда и вынося по существу новое решение об отказе в иске Коробкову в признании за ним права, вытекающего из устава РЖСКТ, допустила существенное нарушение постановления 52 пленума Верховного суда СССР о строжайшем соблюдении норм гражданского процесса.

Поэтому решение кассационной коллегии не может быть оставлено в силе.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: определение кассационной коллегии Московского городского суда от 10 августа 1936 г. отменить, оставив в силе решение народного суда от 23 июня 1936 г.

По союзным республикам

РСФСР

Обсуждение в Ростове-на-Дону судебно-прокурорскими работниками положения на правовом фронте

Рост кадров органов юстиции на периферии выражается, в частности, в усилении интереса к теоретической разработке проблем социалистического права. Не случайно поэтому актив работников прокуратуры и суда Азово-Черноморского края вынес решение о необходимости постановки особого доклада о положении на правовом фронте.

Прокуратурой Союза такой доклад в Ростове был организован в последних числах мая. Доклад был сделан т. Маньковским на тему: «Положение на правовом фронте». Большой интерес вызывают прения по этому докладу.

Выступавший в прениях Астафьев (старший помощник краевого прокурора, преподаватель правовой школы) отметил огромный отрыв научно-исследовательских учреждений от периферии. Это отражается как на росте кадров органов юстиции, так и на теоретической работе. Для того чтобы сблизить теорию с практикой, необходим, в частности, более тесный контакт практических и теоретических работников. Тов. Астафьев отмечает, что актив судебно-прокурорских работников проявляет большой интерес к положительной разработке вопросов социалистического права и к ликвидации вредительских теорий на правовом фронте.

Самокритика на правовом фронте, — отмечает т. Астафьев, — развивается очень медленно. До сих пор в печати опубликовано очень мало материалов о положении на правовом фронте.

Наиболее остро чувствуется на местах отсутствие учебников. Многие судебно-прокурорские работники хотят повысить свою квалификацию, но здесь встречаются огромные трудности из-за отсутствия учебников. Подготовка учебников должна быть центральной задачей в работе научных институтов. Многие практические работники ведут преподавательскую работу в правовых школах, и отсутствие учебников сильно сказывается на уровне преподавания.

Тов. Астафьев, далее, обращает внимание на полное отсутствие учебных руководств по административному праву. Сейчас общий надзор является важнейшей задачей прокуратуры. В то же время теоретически эти вопросы не разрабатываются.

Тов. Астафьев в особенности обращает внимание теоретических работников на необходимость написания популярных учебников для правовых школ.

Тов. Малхазов (старший помощник краевого прокурора), ведущий преподавательскую работу в правовой школе, отмечает, что по настоящее время для многих судебных работников существует неясность по самым основным вопросам теории социалистического права. Поэтому сейчас необходимо сосредоточить усилия на положительной разработке основных проблем социалистического права. Необходимо основательно изучить отдельные институты социалистического права и конкретно показать на отдельных институтах, в чем же отличие формы советского права от буржуазного права.

И, прежде всего, необходимо дать четкий ответ на вопрос «Что такое право»? На работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина эту проблему необходимо осветить всесторонне. Разграничение между законом и правом также должно привлечь внимание теоретиков права. Сейчас большой интерес, — отмечает т. Малхазов,—приобретает вопрос о происхождении права. Разгром контрреволюционных, вредительских теорий должен сопровождаться положительной разработкой вопросов истории права. Нужно подробно осветить вопросы о предмете уголовного права, о вине, преступлении, соучастии и покушении.

Тов. Малхазов очень остро поставил вопрос о серьезных недочетах программ, в особенности программы для юридических школ.

Тов. Асриев (старший помощник краевого прокурора), являющийся также преподавателем юридических курсов, отмечает, что особенно неблагополучно с учебниками по государственному праву. Здесь антимарксистские, вредительские теории особенно широко культивировались. Прорыв на этом участке правового фронта должен быть ликвидирован в возможно более короткие сроки, ибо дальше невозможно терпеть создавшееся положение с учебниками по государственному праву.

Дальше т. Асриев отмечает, что решающей задачей органов юстиции является укрепление социалистической законности, укрепление стабильности законов. С этой точки зрения и руководству судебно-прокурорских органов необходимо тщательно следить, чтобы издаваемые директивы и циркуляры укрепляли стабильность законов. Иногда в практике, — говорит т. Асриев, — имеют место случаи, когда постановления и циркуляры противоречат закону. Так, например, постановлением Верховного суда РСФСР по ст. 111 УК было предложено привлекать к ответственности только лиц, несущих административные обязанности. Такая установка противоречит понятию должностного лица в УК. В практике эта директива создала большие затруднения. В настоящее время эта директива НКЮ СССР отменена.

Тов. Асриев считает необходимым провести переподготовку преподавательского состава правовых школ. Для того чтобы избегнуть протаскивания чуждых нам взглядов в преподавании, нужно организовать хотя бы двухмесячные курсы в Москве, на которых подробно осветить основные проблемы социалистического права.

Тов. Лислин (председатель коллектива защитников из молодежи, студент-заочник) отмечает, что до сих пор в Ростове не было обсуждения вопросов, связанных с положением на правовом фронте. На настоящем собрании, главным образом, присутствуют только прокуроры и судьи, членов же коллегии защитников очень мало.

Мы очень мало работаем над повышением теоретического уровня работников адвокатуры. Крайне недостаточно используются даже имеющиеся у нас библиотечные фонды. В Ростове у нас много практических работников интересуется теоретической разработкой социалистического права. Однако до сих пор у нас не создана какая-либо организация, которая организовала бы и в Ростове разработку вопросов социалистического права.

Выступавшие далее в прениях работники краевого суда особенно подчеркивали необходимость поставить подготовку учебников в центр внимания научно-исследовательских институтов.

Таким образом, прения, несомненно, показали сильную тягу актива практических работников к изучению вопросов социалистического права. Несомненно, что для более тесной связи научных институтов с периферией можно было выдвинуть из местных работников непрактических работников в аспирантуру на научную работу. В частности, этот вопрос, имеющий огромное значение для расширения наших научных кадров, следует особо обсудить и принять необходимые практические меры.

Решающее внимание, как показали и прения, необходимо сейчас сосредоточить на подготовке учебников, и делом чести научных юридических институтов является выполнение этой высоко ответственной задачи.

С. С.

В Чувашской АССР неблагополучно с революционной законностью

От крупной станции Казанской ж. д. Канаш до столицы Чувашии Чебоксары 80 километров. Машина быстро мчит нас по прекрасному шоссе (Чувашия славится своими дорогами). До революции шоссе не было, были пески, а осенью, в дождливое время — непролазная грязь. Сейчас по обеим сторонам шоссе фруктовые деревья, кустарники малины — в этом видна социалистическая забота о проезжающих и пешеходах по этому шоссе. Через полтора часа пути мы уже в Чебоксарах. За это время мы проехали по территории четырех районов Чувашии — Канашского, Шихизановского, Цивильского и Чебоксарского.

Эта географическая справка нужна для того, чтобы показать удобство расположения районов в Чувашии, что значительно облегчает руководство.

Только немногие районы далеко расположены от Чебоксар, а в большинстве они расположены в радиусе в среднем 40—50 км и расположены либо по шоссе, либо по Волге, либо по станциям железной дороги.

Если к этому прибавить, что всего районов в Чувашии 25, станет ясно, насколько облегчена возможность конкретного оперативного руководства периферией по сравнению с рядом краев и областей.

Однако Чувашская прокуратура и в этих крайне выгодных условиях не обеспечила руководства, не обеспечила оказания повседневной оперативной помощи районным прокурорам.

Руководством прокуратуры Чувашской АССР не была охвачена многогранная работа прокуратуры. Ни одна из обязательных функций прокурорской работы (общий надзор, судебный надзор, наблюдение за следствием, за делами, расследуемыми милицией, рассмотрение жалоб трудящихся и т. д.) не выполнялись сколько-нибудь удовлетворительно.

Введение Сталинской Конституции, поставившей вопрос о строжайшем соблюдении социалистической законности на исключительно большую принципиальную высоту, застало прокуратуру Чувашии не подготовленной к выполнению возложенных на нее задач.

Основное условие для успешной работы — это надежные кадры.

Судя по состоянию работы и кадров в районах, вопросу подготовки и воспитания этих кадров уделялось недостаточно внимания.

Положительным безусловно следует считать тот факт, что подавляющее большинство районных прокуроров, так же как и работников центрального аппарата, по национальности чуваши, могут вести работу на своем языке и хорошо знают местные условия. Некоторая часть работников окончила вузы, другие — заочники Московского и Казанского правовых институтов и др.

Ряд прокуроров Чувашии достаточно подготовлен для ответственной прокурорской работы.

Однако отсутствие умелого оперативного руководства привело к провалу работы ряда районных прокуроров, которые при ином руководстве могли бы справиться с работой.

Прокурор Канашского района т. Рыков из-за отсутствия руководства провалил работу районной прокуратуры на важнейших участках. В Канаше шло в течение 1936—1937 гг. исключительно дерзкое разворовывание социалистической собственности в торгующих организациях. Достаточно сказать, что за 1936 г. и первый квартал 1937 г. выявлено было 100 случаев растрат и недостач, на общую сумму 300 тыс. руб.; растратчики свободно продолжали расхищать социалистическую собственность, так как в большинстве случаев материалы о них в прокуратуру не передавались из-за явного попустительства руководства Канашторга и бухгалтеров этой системы, очевидно, действовавших за-одно.

На 15 апреля 1937 г. остались не переданными в следственные органы 44 материала на растратчиков, растраты которых были выявлены на 1 января 1937 г., а растратчики оставались в большинстве на работе.

Часть материалов, которая была передана в прокуратуру, мариновалась у следователей. Если бы было конкретное руководство Чувашской прокуратуры, не было бы такого положения.

В то же время нагрузка следователя в Канашском районе была крайне низка. Следователь Воскресенский в среднем расследовал в течение 1936 г. 2—3 дела в месяц. Наблюдения за делами, ведущимися следователями и милицией, не было. Судебный надзор отсутствовал. В суде не рассмотренными на 25 апреля находилось около 200 дел; из них много дел о взыскании алиментов лежит в суде, ожидая рассмотрения в течение нескольких месяцев; лежали уголовные дела, имевшие большое общественное значение. А прокуратура бездействовала.

Нарсудья Канашского района Иванов рассмотрел в гражданском порядке дело по иску Чувашкинотреста на сумму 5240 руб. к Юрьеву, в то время как здесь были все признаки растраты.

В чем же дело, в чем корень такой снисходительности, проявленной к Юрьеву нарсудьей Ивановым? Юрьев — ответчик по указанному делу — не впервые пользовался всякими поблажками в судах и прокуратуре Чувашской АССР.

Юрьев в Чувашии стал до некоторой степени знаменитостью. По количеству судимостей вряд ли кто его из уголовного мира перещеголял. Он к 1 января 1937 г. имел зарегистрированных 19 судимостей (в разных районах Чувашской АССР), но, несмотря на то что он злостный хулиган и растратчик, все дела о нем смазывались и заканчивались для него вполне благополучно. В чем же состоял секрет неуязвимости Юрьева? Юрьев — брат члена бюро обкома ВКП(б) Чувашии.

Рассмотрение «гражданского» дела Юрьева в нарсуде Канашского района окончилось полной дискредитацией нарсуда.

Само рассмотрение дела было по предложению Юрьева перенесено из зала суда в... кабинет ответчика (вернее, растратчика) Юрьева, так как у него в кабинете теплее, чем в зале суда.

Все эти безобразия происходили в Канашском районе при нынешнем райпрокуроре Рыкове и при его предшественнике Лермонтове.

Как же реагировала на это прокуратура Чувашской АССР? Прокуроры из Чебоксар заезжали в Канашскую райпрокуратуру только проездом, задерживаясь на час-другой в ожидании поезда и работой не интересовались.

Впрочем, в подхалимстве и угодничестве, имевшем место по делу рецидивиста Юрьева, повинны больше всего работники Верховного суда и прокуратуры Чувашской АССР, систематически замазывавшие уголовные дела Юрьева.

О каком же большевистском воспитании кадров суда и прокуратуры со стороны прокуратуры и Верховного суда Чувашской АССР могла быть речь при этих условиях?

На примере работы прокурора Шумерлинского района т. Алексеева можно также видеть крайнюю неудовлетворительность руководства прокуратуры Чувашской АССР своей периферией.

Прокурор Шумерлинского района т. Алексеев по своему культурному и политическому уровню и правовым знаниям вполне пригоден для своей работы, но в 1936 г. работа у него шла значительно хуже, чем в 1935 г., когда он был прокурором другого района (Батыревского). В 1935 г. т. Алексеев имел значительные достижения по работе с активом: группы содействия прокуратуре были организованы им во всех колхозах, и прокуратура получала от актива много сигналов, по которым велась оперативная работа. Тов. Алексеев неплохо боролся за охрану социалистической собственности, участвовал по большинству дел в подготовительном заседании суда и т. д.

Тов. Алексеев довел до конца уголовное дело о допускавшем незаконные обыски и аресты председателе сельсовета Ярзутове, вопреки сопротивлению сестры обвиняемого Ярзутова — секретаря РК партии Разумовой. Однако бывшее руководство прокуратуры Чувашской АССР (т. Назаров) не поддержало райпрокурора т. Алексеева, вопроса о поведении секретаря РК Разумовой не поставило перед обкомом партии, и она осталась безнаказанной. Не получив должной поддержки и оставаясь бесконтрольным, т. Алексеев в другом районе сам поддался нездоровым местным влияниям, смазав ряд важных уголовных дел.

Тов. Алексеев, как оказалось, последнее время болел, но прокуратура Чувашской АССР также не помогла ему, и все это повлияло на его работу.

При повседневном оперативном руководстве, внимании к своим кадрам т. Алексеев безусловно работал бы гораздо лучше.

Нарушения социалистической законности происходили во многих районах Чувашской АССР в течение 1936 и 1937 гг.

Контрреволюционные троцкистские и кулацкие элементы, пробравшиеся в правления колхозов и сельсоветов, допускали грубейшие нарушения социалистической законности с явной целью дискредитации советской власти. Председатель Тимерчевского сельсовета Ибресинского района Кузьмин, оказавшийся троцкистом, в июле 1935 г. избил в канцелярии сель-

совета гр-на Михайлова, а в феврале 1936 г. Абрамова Федора.

Кузьмин, будучи председателем сельсовета, вел среди граждан фашистскую контрреволюционную агитацию против колхозного строительства. Однако дело это было прекращено бывшим прокурором Чувашской АССС вследствие отсутствия большевистской бдительности и политической заостренности в борьбе с классовыми врагами. Дело это было возобновлено, и в настоящее время Кузьмин Специальной коллегией осужден по ч. 2 ст.ст. 58[10] и 110 УК.

Незаконные аресты, обыски, штрафы, изъятия имущества, незаконные исключения из колхозов и т. д. — такие факты имелись почти во всех районах, но борьба с этими безобразиями до вмешательства бюро КПК при ЦК ВКП(б), Прокуратуры Союза ССР и РСФСР была весьма слаба.

Ряд дел об избиениях граждан должностными лицами прекращался прокуратурой Чувашии и этим демобилизовывали районных прокуроров в их работе по борьбе с нарушителями революционной законности.

В некоторых районах, грубо администрируя, сельсоветы забирали у единоличников паспорта на лошадей с целью препятствовать продаже единоличниками своих лошадей.

Прокуратура Чувашии проходила мимо всех этих беззаконий.

Работники руководящих районных организаций в Чувашии в ряде случаев не вели никакой борьбы с нарушениями социалистической законности и нередко становились на путь прямой защиты нарушителей советских законов, не получая отпора от работников прокуратуры.

Исключительно грубые нарушения революционной законности производились в течение 1936 г. в Траковском районе рядом председателей сельсоветов и правлений колхозов. В Траковском районе был привлечен к уголовной ответственности и предан суду председатель Мартын-Кассинского сельсовета Степанов.

Степанов обвинялся в производстве незаконных обысков, незаконных арестов и в избиениях.

Районные организации должны были принять меры к самой широкой популяризации процесса для того, чтобы на этом примере показать, как советская власть поступает с нарушителями социалистической законности.

Председатель рика Липатов по-другому понял свои задачи: он выступил в этом судебном процессе в качестве... общественного защитника (!!). И народный суд Траковского района вынес очень мягкий приговор, впоследствии отмененный.

А что же дальше? Когда Липатов отзывался из района, как несправившийся с работой председателя рика, кандидатура этого же Липатова выдвигалась прокурором Чувашской АССР т. Эпифановым на должность... райпрокурора.

Живое руководство Чувашской прокуратуры своей периферией слабо.

В 1937 г. руководство прокуратуры Чувашской АССР своей периферией несколько оживилось, главным образом, в части выездов на места, в районы. Это безусловно факт весьма положительный, но и эту работу сумели за бюрократить. Достаточно сказать, что ни одно из больших проведенных обследований (Алатырский р., Козловский, Шилеевский и др.) не сопровождалось выездами в сельсоветы и колхозы. Приезжавшие товарищи ограничивали свою задачу собиранием материалов в районном центре. Насколько было бы полезнее, если бы они вместе с райпрокурором выехали в сельский совет и колхоз для приема жалоб непосредственно на месте, провели собрания в колхозе для разъяснения устава сельскохозяйственной артели и Сталинской Конституции, проверили протокольные постановления президиумов сельсоветов и правлений колхозов и тут же опротестовали незаконные.

Еще больший бюрократизм проявлялся в так называемом письменном руководстве.

В центральный аппарат прокуратуры из районов поступает много материалов в виде специальных сообщений и статистических отчетов. По этому материалу, содержащему богатую сигнализацию о работе прокуроров, о состоянии революционной законности в районах, можно было развернуть большую оперативную работу, но в аппарате Чувашской прокуратуры (в одной ли прокуратуре Чувашской АССР?) предпочитали иное: все статистические отчетности и специальные сообщения обрабатывались для соответствующей обязательной информации в центр, а затем в большинстве «подшивались к делу», а райпрокурорам, как правило, никаких ответов, никаких замечаний, никаких указаний по этим информациям не давалось. Прокурор республики и его заместитель, начальники отделов проходили мимо ценнейшей информации, получаемой с мест. В аппарате Чувашской прокуратуры все это дело передано «на откуп» заведующему информчастью, совершенно оторванному от оперативной работы.

Если бы руководство прокуратуры Чувашской АССР знакомилось с получаемой от райпрокуроров статистической отчетностью, то нельзя было бы пройти, например, мимо таких фактов, когда в Шихизановском районе, крайне неблагополучном по состоянию в нем революционной законности в 1936 г., в среднем в прокуратуру поступало только 42 жалобы в месяц, в Ишевском районе — 38 жалоб в месяц, в Аликовском районе — 55 жалоб, в Чебоксарском — 70 жалоб и т. д. Такое малое количество жалоб говорит о крайней непопулярности прокуратуры в этих районах. И в самом деле, может ли быть популярным, например, прокурор Чебоксарского района Ефремов, который прошел мимо такого факта, когда справедливо жаловавшаяся в президиум рика единоличница Александрова на превышение власти со стороны председателя сельсовета, сама вместо помощи подверглась оскорблению со стороны председателя рика Федорова, а райпрокурор Ефремов не посчитал нужным поставить вопрос о председателе рика Федорове и прошел мимо беззакония, допущенного в отношении Александровой.

Чебоксарский район — самый близкий к центру район, но руки прокурора Чувашской АССР оказываются еще более короткими.

Получаемая из районов статистическая отчетность могла бы напомнить руководству прокуратуры Чувашии о крайнем неблагополучии с суднадзорной работой.

В большинстве районов процент участия в подготовительных заседаниях суда низок, а выступления в суде первой инстанции насчитываются единицами.

Под предлогом недостатка работников и выездов в командировки полностью заброшена суднадзорная работа и в аппарате прокуратуры Чувашской АССР. При изучении 40 дел по ч. 2 ст. 110 УК, несмотря на всю их серьезность, установлено участие прокуратуры только по 10% этих дел.

Нежелание ставить надлежащим образом суднадзорную работу говорит о полном игнорировании неоднократных указаний Прокуратуры Союза и РСФСР.

Хотя подавляющее большинство районов имеет в Чувашии сельскохозяйственное значение, районные прокуроры не ориентируются руководством прокуратуры Чувашской АССР по вопросам, связанным с сельским хозяйством.

В специальном сообщении от 31 января 1937 г. прокурор Алатырского района Кормачев откровенно признался: «Какой-либо работы по проверке Сталинского устава сельхозартели не проводил и данными по этому вопросу не располагаю».

Руководство прокуратуры Чувашской АССР приняло это сообщение как должное и на него не реагировало, как и не реагировало вообще на все информации, поступающие с периферии.

В колхозе Мариосадского района исключены были 10 колхозниц, имевших по 200—300 трудодней, только потому, что мужья их рабочие железнодорожного транспорта и в колхозе не работают.

После разъяснения общему собранию колхоза эти колхозницы были единогласно приняты обратно в колхоз. А все это происходило в колхозе, отстоящем в трех км от районного центра.

В большинстве случаев отсутствует живая связь с сельским активом, а в некоторых случаях проявляется прямой бюрократизм во взаимоотношениях райпрокуроров со своим активом.

Вот пример. Член группы содействия прокуратуре при Стемасском сельсовете Тютькин дважды сообщал прокурору Алатырского района о безобразиях в колхозе, но письма его, которые должны были внушить большую тревогу, на прокурора Алатырского района т. Кормачева никакого впечатления не производили. Он их оставлял без ответа.

Член группы содействия прокуратуре т. Тютькин 9 февраля писал:

«Товарищ прокурор, я прошу быстрее расследовать дело нашей МТФ, скот продолжает падать, падеж происходит больше всего молодого скота от 1 г. до 2 лет, мясо продается колхозникам по 3 руб. кг. Никакого врачебного заключения на то, что мясо пригодно для пищи, не имеется, мясо продается не клейменным. По моему это — нарушение, поэтому и сообщаю Вам».

Второй раз, 1 марта 1937 г., он же пишет:

«Райпрокурору Алатырского района. Сводка. Настоящим сообщаю, что пред. колхоза «Путь Ильича» Плигускин занимается явно хулиганскими отношениями к членам колхоза, о чем я уже много сообщал начальнику РСМ, но мер к нему никто не принимает. Плигускин много колхозников выкидал за грудь из правления, обзывает всякими словами, но до сего времени не наказан. Я вам сообщал о вредительстве на нашей МТФ, я узнал еще о таких явлениях: наше правление купило большое количество центнеров свеклы и картофеля для колхозной МТФ, но разделило между собой, а колхозный скот продолжает падать; на 1 марта 1937 г. пало телят 14 штук, коров 12 штук. Падеж продолжает происходить».

Эти сигналы требовали немедленного выезда на место и принятия решительных мер, но прокурор Алатырского района до обследования никаких мер по этим сигналам не принял и ответа Тютькину не дал.

8 марта 1937 г. членом группы содействия прокуратуре при Айбесинском лесопункте Мадуровым было сообщено прокурору о злоупотреблениях лесника 53 обхода; также меры не приняты и сигнал остался без реагирования.

Такое отношение к сигналам актива глушит его инициативу и лишает прокурора надежнейших щупальцев для того, чтобы во-время быть осведомленным о творящихся нарушениях революционной законности.

Это привело к тому, что, например, в Ишлеевском районе за весь 1936 г. и 2 мес. 1937 г. от 18 групп содействия прокуратуре поступило только 27 сигналов.

Таковы серьезнейшие недочеты работы Чувашской прокуратуры. Эти недочеты имеются решительно во всех областях работы.

Работники Чувашской прокуратуры на своем оперативном совещании были единодушны в своем желании их исправить.

Мы ждем этого. Они должны их исправить, они должны добиться быстрого и радикального улучшения качества своей работы.

Ростовский.

Штрафные восторги в трех районах Оренбургской области

Устами великого Сталина провозглашено, что человек — самый ценный капитал.

«Человек — это звучит гордо», писал Максим Горький.

Партия и правительство требуют чуткого, внимательного отношения к жалобам трудящихся. Однако не везде выполнение этих требований, продиктованных величайшим документом нашей эпохи — Конституцией, поставлено в повседневную практику обслуживания рабочих и колхозников.

«Мы изучаем Конституцию», говорят, например, в Халилове, Кувандыке, Ново-Орске районные руководители.

Качество такого «изучения» достаточно исчерпывающе иллюстрируют нижеприведенные факты районной действительности.

10 ноября 1936 г. Халиловский РИК издал обязательное постановление «О введении местных налогов и сборов на 1937 г.», взятое им из аналогичного постановления облисполкома, причем на последней странице этого постановления (п. 4) записал: «Возложить на районного прокурора и райфо наблюдение за недопущением налоготворчества на местах». Превращая прокурора в отдел РИК, председатель РИК т. Малышев полагал, что принципы, изло-

женные в ст. 121 Конституции РСФСР, он не нарушает.

А вот другой образец понимания советской демократии. Президиум Халиловского РИК 27 января 1936 г. постановил (п. 5): «Указать председателям колхозов «Красный Флот» т. Смолинскому и «Заветы Ильича» т. Булякову, что если ими не будут приняты меры к удалению отходов из зернохранилища, то к ним будут приняты меры партийного взыскания».

А на этом президиуме присутствовали секретарь РК ВКП(б) т. Кауров и прокурор района т. Рулев.

Человек в Халилове вообще не всегда в почете.

Вот жалоба рабочего магнезитового завода (вставшего по вине горе-хозяйственников на консервацию при наличии невывезенного со ст. Халилово сырья) Игнатьева, которого (дело № 21 от 27 февраля 1937 г.) районное отделение милиции оштрафовало на 100 руб. за «порватый паспорт», как записано в постановлении начальника районного отделения милиции. В действительности же паспорт был без особых следов «порватости», выражаясь языком районного отделения милиции.

В Кувандыке кочегара кирпичного завода Сорокина районное отделение милиции оштрафовало на 50 руб. за то, что он был подобран пьяным, валяющимся в канаве. Сорокин ни разу не подвергался административным взысканиям, получает 150 руб. в месяц.

Гр. Замыга А. С. зарплаты получает 100 руб., колхозник, административным взысканиям не подвергался, был оштрафован Кувандыкским районным отделением милиции на 50 руб. «за систематическое пьянство».

Гр. Машкова Анна за продажу одной дамской шапочки ценою в 5 руб. была оштрафована той же милицией на 25 руб. При задержании она объяснила, что вышла продавать по нужде, так как у нее не было денег и дома больной ребенок.

В Ново-Орске милиция штрафует на 20 руб. (д. № 6 1936 г.) гр. Сиротинину из колхоза «Красная Пресня», родившуюся в 1920 г., за то, что она не получила паспорт.

Интересны цифры взысканных штрафов за 1936 г., которые не могут быть охарактеризованы иначе как штрафованием в худшем смысле слова.

В Кувандыкском районе с 500 нарушителей взыскано 32 495 руб. штрафа, или, примерно, 60 руб. на одного нарушителя в год; по Халиловскому району — 15 413 руб. с 300 нарушителей, наконец, по Ново-Орскому району с 370 нарушителей — 11 960 руб., или в среднем 32 руб. с каждого оштрафованного.

«Ну и что ж, ведь не кому-либо, а государству доход», так рассуждают ретивые представители районной власти.

А государство щедрой рукой снабжает семенами все районы нашей области, и все колхозники с великой радостью воспринимают эту заботу о людях и, гордые сознанием, с большевистской энергией борются за повышение урожайности для великой нашей родины.

Не будем приводить других фактов грубейшего произвола, нетерпимого администрирования по отношению председателей колхозов («обязать», «предложить», «предупредить», «объявить выговор» и т. п. — обычный стиль протоколов указанных РИК), нарушений советской демократии, чем особенно грешит и Ново-Орский РИК (председатель РИК т. Кузнецов), ибо и приведенные факты в достаточной мере говорят о том, что ленинский закон: «соблюдать свято законы и предписания советской власти и следить за исполнением их всеми» некоторыми районами еще не усвоен. Связь с избирателями со стороны работников РИК в большинстве районов недостаточна, а без этой связи нет и гарантий от классовых извращений.

Товарищи из указанных выше районов забывают, что «малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже *дыра*, которую немедленно используют враги трудящихся» (Ленин).

Н. Порай-Кошиц

Довольно ротозейства

Колхозы Оренбургской области имеют большую дебиторскую задолженность.

Органы прокуратуры должны оказывать колхозам содействие в ликвидации этой задолженности путем предъявления в порядке ст. 2 ГПК исков к должникам колхозов, наблюдения за своевременностью уплаты по исполнительным листам и, наконец, привлечения злостных неплательщиков к уголовной ответственности.

Усилиями Оренбургской облпрокуратуры в конце прошлого года дебиторская задолженность колхозам была снижена более чем на 50% (на 1 октября 1936 г. задолженность колхозам заготовительных организаций области исчислялась в 762 тыс. руб., на 21 декабря 1936 г. эта задолженность снизилась до 396 тыс. руб.).

Однако в дальнейшем задолженность опять выросла, что заставляет нас забить тревогу и поставить вопрос о решительном усилении работы по ликвидации дебиторской задолженности.

Для иллюстрации этого тревожного явления с ростом задолженности колхозам мы приводим следующие данные.

Районы	По состоянию на 1.X 1936 г.	На 1 января 1937 г.
Покровский	41 925	137 356
Краснохолмский . .	77 408	186 600
Кичкасский	63 649	92 187
Илекский	105 955	113 625
Белозерский	94 241	133 806
Каширинский . . .	95 162	161 000
Оренбургский . . .	159 315	251 000

Таким образом лишь по 8 районам задолженность выросла на ½ млн. руб.

О чем говорят эти цифры? Они свидетельствуют о полном бездействии райпрокуроров, которые, очевидно, совершенно упустили из своей повседневной практики эту работу.

С этим надо как можно скорее покончить. Неплатеж колхозам следуемых им сумм ведет к подрыву их финансового состояния, ослаблению их хозяйственной деятельности. Из

этого и должны исходить органы прокуратуры в работе по ликвидации задолженности колхозам.

Февральский процесс над работниками Александровского района — Лощининым, Войтович и Прокофьевым — должен послужить серьезным предупреждением всем тем «горе-руководителям», которые, оторвавшись от колхозных масс, распоряжались добром, как им вздумалось!

Колхозное добро нужно беречь как материальную основу жизни и быта колхозников!

Райпрокуроры должны сделать соответствующие оргвыводы и для себя.

Расхлябанности и ротозейству нужно положить конец!

Н.

Судебная работа райпрокурора Сталинградского края

По структуре нашего состязательного процесса громадное значение уделено прокурору как государственному обвинителю в судебном процессе. На основании ст. 319 УПК приговор суда должен опираться исключительно на доказательства, рассмотренные в судебном заседании, а материал, добытый при расследовании и не проверенный непосредственно в судебном заседании, остается мертвым, неиспользованным грузом. Это первостепенное значение прокурора как стороны в судебном процессе почти полностью забыто райпрокурорами Сталинградской области

Если сделать точный учет распределения рабочего времени райпрокуроров Сталинградской области, то получается, что большую часть своего рабочего времени райпрокуроры затрачивают на рассмотрение всевозможных жалоб и выслушивание жалобщиков; довольно много времени отнимает у райпрокурора разрешение текущих оперативных вопросов, связанных с расследованием дел и, наконец, на третьем месте — судебная работа.

Такое распределение рабочего времени вряд ли целесообразно, так как большинство жалоб поступает в связи с неправильными судебными приговорами и решениями, и активное участие райпрокурора в суде, подняв качество судебной работы, снизило бы количество жалоб. Следует учесть еще и то, что небольшая доля рабочего времени, уделяемая райпрокурорами судебной работе в целом ряде районов, снижается до совершенно незначительных размеров. В Сталинградской области райпрокуроры вовсе забыли о своей роли как государственных обвинителей в судебном процессе. В Городищенском районе райпрокурор ни разу не выступил в суде ни в IV квартале 1936 г., ни в I квартале 1937 г. В течение I квартала этого года райпрокуроры Кайсацкого, Калачевского, Ворошиловского, Красноярского, Молотовского, Ново-Николаевского и Харабалинского районов ни разу не выступали в качестве обвинителей.

Без особого труда можно найти в Сталинградской области райпрокурора, который годами ничего не делал по линии судебной работы как, например, прокурор Сиротинского района Зацепин, который весь 1936 г. только один раз выступил в суде, а за всю свою прокурорскую работу (продолжающуюся два года) только два раза выступал в суде государственным обвинителем.

Такое состояние судебной работы райпрокуроров, наряду с острым недостатком кадров Сталинградской области, объясняется и недооценкой работы по руководству райпрокуратурами со стороны областной прокуратуры.

За четыре месяца 1937 г. на производственном совещании областной прокуратуры стоял только один раз доклад райпрокурора. Это значит, что за текущий год перед областной прокуратурой в своей работе отчитывался только один раз один райпрокурор.

Выводы из этого напрашиваются сами собой.

Пименов.

ТУРКМЕНСКАЯ ССР

Гражданские дела в туркменских судах

Сталинская Конституция обеспечивает трудящимся Советского союза защиту и охрану их имущественных прав, зафиксированных в ст. 10 Конституции. «Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом».

Для последовательной защиты этих прав трудящихся необходимы четкая работа суда и прокуратуры, точное соблюдение ими социалистической законности и основного закона нашей страны — Сталинской Конституции.

Упрощенство в работе суда, игнорирование норм материального и процессуального права, осужденные 52 пленумом Верховного суда СССР и всесоюзным декабрьским совещанием цивилистов, сейчас особенно нетерпимы и требуют решительного искоренения из судебной практики.

К сожалению, надо признать, что работа судов по разбору гражданских дел страдает многими из перечисленных недостатков, мимо них часто проходят вышестоящие судебные и прокурорские органы, не придавая им должного значения. Это можно, в частности, проиллюстрировать на ряде примеров из практики туркменских народных судов и Верховного суда ТССР в области рассмотрения гражданских дел.

Основное требование процесса заключается в том, что без вызова сторон дело не может быть заслушано. Статьи 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК союзных республик посвящены порядку вызова в суд и вручения повесток.

Статьи 97, 98, 100 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК союзных республик

обязывают суд до начала судебного заседания проверять причину неявки вызванных в суд лиц, обсудить возможность слушания дела в отсутствие неявившейся стороны. Таким образом, действующие процессуальные нормы содержат достаточно гарантий, обеспечивающих сторонам разбор дела с предварительным их вызовом в судебное заседание. В практике же народных судов Туркмении эти нормы нередко нарушаются. По ряду дел установлено, что дела разбирались в отсутствие стороны, которой повестка не была вручена (д. № 720 горкомхоза с Вялкиной, дело Баркалай и Туркменаптекоуправления и др.). По многим делам нельзя вовсе установить, посылались ли и вручены ли повестки сторонам (дело завода «Красный металлист» с Сахаровой № 470; дело Милославского с Андриановым № 714; дело Главхлеба к Яблонскому и др. № 759).

Приведем ниже ряд примеров, показывающих работу судов Туркмении.

Дело по иску Тихоновой к Березовскому и по иску Березовского к Тихоновой (народный суд г. Ашхабада) разбиралось в 1935—1936 гг. 4 раза в народном суде, 1 раз в президиуме Верховного суда и 1 раз в пленуме Верхсуда Туркмении.

Содержание этого дела очень несложное, и больше одного-двух судебных заседаний не потребовалось бы, чтобы его окончательно разрешить. Тихонова приобрела дом у одного частного домовладельца. В этом доме проживал Березовский, которого Тихонова решила выжить. Начала она с того, что закрыла единственную дверь из комнаты, заставив Березовского лезть через окно. Дело по иску Березовского об открытии двери и дело Тихоновой к Березовскому о выселении рассматривались 4 раза в народном суде как отдельные самостоятельные иски. Первый раз, 2 сентября 1935 г., заслушаны были в один и тот же день и час в одном народном суде эти два дела как совершенно самостоятельные. Народный суд удовлетворил одновременно два взаимно исключающих друг друга иска. Народный суд по иску Березовского обязал Тихонову открыть дверь, а по иску Тихоновой решил выселить Березовского. Единственным мотивом для выселения Березовского послужило то, что Тихоновой необходима его комната. Ст. 169 Гражданского кодекса, гарантирующая Березовскому право продления своего договора с новым владельцем дома, была игнорирована не только народным судом, но и Верховным судом, разбиравшим это дело. Народный суд рассматривал этот спор по четырем самостоятельно и последовательно возбужденным делам, вместо того чтобы добиться выполнения своего первого решения. По протесту Прокуратуры СССР это дело рассмотрено было судебно-надзорной коллегией Верховного суда СССР, которая, отменив все судебные решения, указала Верховному суду Туркмении на «грубые нарушения норм материального и процессуального права», допущенные судом ТССР.

Не менее любопытно дело по иску Пурсиан Куре-оглы к Чолык Мелеханову и Сеюн Атаеву о возмещении убытков (нарсуд 15 уч. Каахкинского р-на).

У Пурсиан Куре-оглы в 1933 году за неуплату налога и штрафа было описано и изъято имущество, оцененное в 400 руб. Опись и изъятие имущества производил председатель сельсовета Сеюн Атаев совместно с Чолык Мелехановым по поручению райфинотдела.

Органы НКФ признали обложение Пурсиан Куре-оглы правильным.

Спустя три года он уплачивает налог и штраф и предъявляет к Сеюн Атаеву и Чолык Мелеханову иск о возврате имущества на том основании, что они часть имущества, изъятого у него за недоимку по налогам, присвоили себе. Несмотря на то что дело это не подлежало судебному рассмотрению и могло быть разрешено лишь по линии финансовых органов, судебные инстанции Туркмении вплоть до пленума Верховного суда рассматривали это дело и решили взыскать с указанных ответчиков в пользу Пурсиан Куре-оглы 2200 руб., причем пленум Верховного суда дважды подряд, не передавая на новое рассмотрение, разбирал это дело.

Особого внимания заслуживает деятельность гражданской коллегии Верховного суда Туркмении.

Гр-ка Варенова продала свой дом в Ашхабаде Сомову. Через несколько дней Сомов предъявил иск о расторжении договора купли-продажи на том основании, что Варенова его обманула, отказываясь предоставить комнату, обещанную при покупке дома.

Народный суд удовлетворил иск, расторгнул договор и обязал Варенову вернуть Сомову 5985 руб.

ГКК Верховного суда в определении об оставлении в силе решения народного суда указывает, что суммы, присужденные с Вареновой, могут быть взысканы также и с матери Вареновой, не привлеченной даже к этому делу.

После такого определения Верховного суда неудивительно, что народный суд вынес по этому делу в порядке ст. 181 ГПК дополнительное решение о том, что до взыскания с Вареновых 5985 руб. надлежит вселить Сомова к Вареновым.

Приведем еще пару примеров.

ГКК Верховного суда, отменяя решения народных судов и передавая дела на новое рассмотрение, либо вовсе не дает указаний народному суду, либо дает явно неправильные и даже незаконные указания, как например в делах гостеатра к Богдасарову или Горшкова с Вялкиной.

В деле гостеатра с Богдасаровым о выселении народный суд удовлетворил иск и решил выселить Богдасарова. Это решение было явно неправильным, потому что Богдасаров жил в доме частного владельца Морозовой и платил ей за квартиру по ставкам горсовета. Морозова не выселяла Богдасарова. Но театр, у которого раньше работал Богдасаров и который платил за него одно время Морозовой по 100 руб. в месяц, решил выселить его на том основании, что Богдасаров не работает больше в театре. ГКК Верховного суда правильно поступила, отменяя решение суда. Однако, мотивы, приведенные в определении, явно незаконны. Верховный суд указал, что при новом рассмотрении суду надлежит привлечь к делу домовладелицу Морозову, «которой не безразлично получение большей или меньшей квартплаты». Этим определением Верховный суд подсказывает Морозовой, что она может

получать с Богдасарова спекулятивную квартплату, и одновременно толкает суд на нарушение ст. 116 ГК.

Не менее любопытно определение ГКК Верховного суда по делу горкомхоза с Вялкиной о признании дома бесхозяйным. Народный суд рассмотрел это дело, не вручив даже ответчику повестки. ГКК, вместо того чтобы обратить внимание народного суда на это грубое процессуальное нарушение, дает суду единственное указание: «проверить социальное происхождение».

От гражданской коллегии не отстает и президиум Верховного суда. Там установился своеобразный «семейный» порядок внесения протестов в порядке надзора.

По ряду просмотренных прокуратурой в порядке надзора дел, внесенных председателем суда, отсутствуют протесты, что заставляет сделать вывод, что дела эти внесены в президиум без всякого протеста, либо на основе жалобы одной из сторон, либо по устному распоряжению председателя (дела: Хачатуровой с Туркменнефтью, Шулейко с Афанасьевым, управления ГВФ с Виноградовым, Ерошенко к Ветуправлению НКЗ, Винзавода № 1 к Вавинову).

Нередко президиум или пленум рассматривают одно и то же дело по два и три раза подряд, не передавая дела на новое рассмотрение и отменяя свои собственные решения.

Упрощенный порядок разбора дел в туркменских судах приводит к тому, что, например, в деле Лозового к Горшкову, после того как иск Лозового был удовлетворен народным судом и утвержден ГКК Верхсуда, по записке председателя ГКК Верхсуда народный судья вторично рассматривает это дело и выносит новое решение.

ГКК Верхсуда по делу Хачатуровой 14 декабря выносит одно определение, а через два дня, 16 декабря, сама себя исправляет и выносит новое, диаметрально противоположное решение.

Наряду с перечисленными нарушениями норм материального и процессуального права, в практике судов Туркмении отмечаются и другие процессуальные нарушения: неправильное и явно небрежное ведение протоколов судебных заседаний; допущение представителей сторон без проверки их полномочий и при отсутствии полномочий; отсутствие подписей народных заседателей на судебных решениях и т. п.

Для полноты картины необходимо добавить, что в судах Туркмении имеют место потери судебных дел (дело Данто, дело Хачатуровой, дело Красноводского горкомхоза с Измайловой), что свидетельствует о неналаженности и слабости работы канцелярии суда.

Приведенные нами примеры дают основание для того, чтобы сделать некоторые обобщения и выводы о работе туркменских судов по гражданским делам.

Совершенно очевидно, что, начиная с Верховного суда Туркмении и кончая некоторыми народными судами, решения 52 пленума Верховного суда СССР о строгом соблюдении процессуальных норм не проводятся в жизнь и нередко грубо нарушаются. Пренебрежительное отношение к нормам материального права, решение дел «на-глазок»—вот бесспорно второй коренной порок, который не изжит еще в туркменских судах.

Факты, изложенные нами, о которых специальным письмом Прокуратуры СССР доведено до сведения наркома юстиции СССР, очевидно послужат сигналом к тому, чтобы более глубоко проверить работу туркменских судов и тем самым помочь им улучшить качество своей работы.

Д. Швейцер

УЗБЕКСКАЯ ССР

Из практики работы прокуратуры Узбекской республики по общему надзору

Вопросам надзора за исполнением законов партия и правительство всегда придавали большое значение.

Но особое внимание вопросам общего надзора уделяется сейчас, в эпоху самой демократической в мире конституции — Сталинской Конституции.

Органы прокуратуры призваны вести решительную борьбу с нарушениями советских законов и охранять права граждан, провозглашенные Сталинской Конституцией.

Основная масса вскрытых прокуратурой республики нарушений приходится на долю постановлений и распоряжений местных советов и исполкомов.

Каракульский РИК в 1936 г. издал постановление об обязательном вычесывании и сдаче заготовителям шерсти молодых ишаков и крупного рогатого скота.

Чиназский РИК запретил артелям и другим организациям производить заготовку камыша на территории Чиназского района.

Кокандский РИК обязал владельцев лошадей стричь гривы и хвосты у лошадей для сдачи заготовителям.

Нередко встречаются случаи местного налотворчества. Так, например, президиум Каганского городского совета издал 19 февраля 1937 г. обязательное постановление, которым обязал всех домовладельцев установить фонари и домовые таблицы нового образца, предоставив отделу нумерации горкомхоза монопольное право на изготовление их. Домовладельцы обязываются внести в горкомхоз авансом их стоимость.

Насколько серьезные последствия для трудящихся может иметь данная форма нарушений, свидетельствует следующий случай.

Кировский РИК издал в конце 1936 г. обязательное постановление об организации специальных судов для наложения штрафа на родителей, дети которых пропускают школьные занятия.

Райисполкомом даже была установлена специальная шкала штрафа: за один пропущенный школьником день на родителей налагается штраф 10 руб., за два дня — 25 руб., за три дня — 50 руб. и за пять дней — 100 руб. За короткий срок эти новоявленные суды успели оштрафовать 940 граждан Кировского района (!). Каким законом райисполкомам предоставлено право организовывать какие-либо суды специального назначения? Кто предоставил Кировскому РИК право таким путем «бороться» с прогулами школьников?

Эти вопросы нисколько не беспокоили райпрокурора (т. Джурабаев), который не только не пресек это возмутительное беззаконие, но даже не удосужился своевременно сообщить о нем прокурору республики. (По получении сведений об этом факте прокуратура УзССР действие этого постановления немедленно телеграфно приостановила. По протесту прокурора республики президиум ЦИК УзССР это постановление отменил).

Хавастский РИК издал постановление об обязательной регистрации браков, указав, что виновные в нарушении этого обязательного постановления должны привлекаться к уголовной ответственности (!).

Сельсовету предложено «выявить случаи» незарегистрированных браков и «широко разъяснить» это постановление на собраниях колхозов.

Таким образом добровольность регистрации браков была отменена «мудрецами» из Хавастского РИК.

Кашка-Дарьинский ОкРИК в обязательном постановлении о борьбе с кожным оводом возложил на колхозы обязанность выделять всех колхозников на 3 часа в декаду для проведения борьбы с кожным оводом. Тем самым РИК незаконно, в противоречии с уставом сельхозартели, вмешался в хозяйственную деятельность и внутренний распорядок колхозов. Подобных случаев установлено немало.

Основная масса нарушений, вскрытых прокуратурой УзССР, приходится на так называемые «журнальные» постановления и распоряжения местных советов и исполкомов.

Ташкентский городской совет в журнальном постановлении об организации курсов для обучения неграмотных и малограмотных допризывников разрешил отрыв их от производства, тем самым грубо нарушив постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 марта 1931 г. о полном прекращении мобилизации рабочих от станка на нужды текущих кампаний.

Изъятие помещений у кооперации (Октябрьский райсовет, Калининский РИК), изъятие немуниципализированных домовладений с грубым нарушением Конституции СССР (Наманганский горсовет), переброска рабочей силы в неподведомственных местным советам отраслях промышленности (Андижанский горсовет), — таковы лишь некоторые вопросы, по которым допускаются нарушения законов в журнальных постановлениях местными советами.

Остановимся на некоторых, более серьезных нарушениях.

Хавастский РИК вынес журнальное постановление об оштрафовании председателей ряда колхозов за невыполнение постановления президиума РИК о стахановской декаде по дорожному строительству. Ряд председателей колхозов за невыполнение плана стахановской декады передается прокурору для привлечения к уголовной ответственности (!).

Журнальным постановлением от 3 апреля 1937 г. Андижанский горсовет предложил в 5-дневный срок составить план участия населения и колхозов в благоустройстве городов.

Тот же Андижанский горсовет распорядился об отводе для строительства рисоочистительного завода земельного участка колхоза, тем самым грубо нарушив Сталинский устав сельхозартели, которым земля закреплена в бессрочное пользование за колхозами.

Ферганский горсовет допустил грубое администрирование в отношении жилкооперации, выразившееся в возложении на нее обязанности предоставить жилплощадь кооперативного фонда государственным организациям.

Совершенно возмутительный случай имел место в г. Андижане в 1936 г., когда президиум горсовета распорядился «переселить всех лишенцев и инвалидов из занимаемых ими помещений в худшие и поручил прокурору дать санкцию на их административное выселение».

Перейдем теперь к рассмотрению другого важнейшего вопроса общего надзора — надзора за незаконными постановлениями и приказами наркоматов.

В этом отношении практика прокуратуры УзССР еще не настолько обширная, чтобы можно было делать какие-либо обобщения.

Но все же просмотр поступаемых в прокуратуру от наркоматов приказов и распоряжений дал уже некоторые результаты.

Наркомзем УзССР издал 22 февраля 1937 г. приказ № 43 о замене деревянных столбов земляными курганами при закреплении богарно-пастбищных земель за сельхозартелями.

Этот приказ был опротестован прокуратурой в СНК УзССР как противоречащий постановлению СНК СССР от 7 июля 1935 г., которым установлено, что внешние границы закрепленных навечно за колхозами земель должны иметь межевые знаки — деревянные столбы установленного союзным наркомземом образца.

Тот же наркомзем УзССР издал 23 февраля 1937 г. приказ о командировании на 6 месяцев 100 бригадных и ремонтных механиков из хлопковых в зерновые МТС, установив им вне зависимости от заработка суточные в размере 10 руб. Этот приказ также противоречит союзному закону, так как командировки в пределах Союза ССР не могут превышать более двух месяцев, а суточные должны выплачиваться в соответствии с заработком командируемых.

Наркомвнуторг УзССР, в противоречие с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 ноября 1933 г., в своем циркуляре от 31 января 1937 г. установил: «В случае непредставления ему окружными, городскими и районными внуторгами отчетов, последним дальнейшие фонды зерна и муки выделены не будут».

Наркомзем УзССР приказом от 14 марта 1937 г. разрешил директорам Тентяксайской и Кагановичской МТС израсходовать 50 000 руб. в счет фонда директоров не по назначению, вопреки общесоюзному закону от 19 апреля 1936 г. о фонде директора.

Характерным случаем незаконного постановления является постановление совещания Узсовпрофа от 4 марта 1937 г. о борьбе со спекуляцией.

В этом постановлении предложено «всем ЦП, упол. ЦК и ФЗМК провести на предприятиях и учреждениях специальные собрания по вопросу борьбы со спекуляцией, выявляя конкретных лиц, замеченных в этом, приняв решительные меры искоренения такого позорного факта с рассмотрением дел на товарищеских судах» (!).

Между тем дела о спекуляции, как известно, не только не подсудны товарищеским судам, но по смыслу закона от 22 августа 1932 г. требуют самой жесткой судебной репрессии— лишения свободы сроком не ниже 5 лет.

Рассмотренными вопросами, конечно, далеко не исчерпывается круг вопросов общего надзора прокуратуры. Сюда входит еще разрешение жалоб граждан на незаконные действия отдельных лиц и руководителей учреждений, рассмотрение налоговых дел, а также возбуждение уголовного преследования по делам, вытекающим из общего надзора.

В практике отдела общего надзора прокуратуры УзССР возник следующий вопрос.

Как быть в тех случаях, когда СНК союзной республики вынесено постановление в противоречие с действующим законом?

Ст. 113 Конституции СССР, как известно, не предоставляет прокуратуре права надзора за постановлениями правительства. Между тем имеют место случаи вынесения СНК союзных республик постановлений, не соответствующих законодательству СССР.

Так, например, в конце 1936 г. СНК УзССР было вынесено постановление, подтвержденное 22 февраля 1937 г., об увеличении штата районных отделов социального обеспечения на одного инструктора по кассам взаимопомощи колхозов за счет 5% отчислений этих касс.

Это постановление было вынесено в противоречие с положением и примерным уставом касс взаимопомощи колхозников и колхозниц, где установлено, что средства этих касс могут расходоваться только по строго определенному назначению, а именно: на оказание помощи колхозникам, на нужды самих касс и т. д. Никаким органам государственного управления, в том числе и СНК, законом не предоставлено права распоряжаться этими средствами.

Прокуратура УзССР практически разрешила этот вопрос следующим образом.

Прокурор УзССР т. Шейнделин вошел с представлением в СНК УзССР о пересмотре данного постановления (т. е. по существу в том же порядке общего надзора). Председатель СНК УзССР согласился с доводами прокурора УзССР и внес его предложение в СНК УзССР. Последний это свое постановление отменил.

Прокуратура УзССР спустила на места подробное инструктивное письмо на основе опыта 1936 г. по общему надзору. Дан ряд указаний и циркуляров. Но этого, разумеется, недостаточно. Необходима большая, длительная работа по руководству этим участком, с выездами на места, проведением совещаний и конференций по вопросам общего надзора.

Только при этих условиях работа прокуратуры УзССР по общему надзору сможет отвечать требованиям настоящего момента.

Воловац

Четвертое заседание Центрального методического совета при прокуроре СССР

15—16 мая с. г. происходило четвертое заседание Центрального методического совета при прокуроре СССР. На обсуждение совета были поставлены следующие вопросы: 1) проект руководства по расследованию преступлений, связанных с нарушением техники безопасности (докладчик т. Шавер); 2) проект руководства по расследованию хищений и растрат в предприятиях госторговли (докладчик т. Голунский); 3) проект руководства по расследованию хищений и растрат, совершаемых подотчетными лицами (докладчик т. Голунский); 4) о некоторых процессуальных вопросах, связанных с возбуждением производства по уголовному делу (докладчик т. Левентон); 5) сообщение т. Левентона о проведении местными прокурорами в первом квартале 1937 года методических конференций.

По первому вопросу т. Шавер представил довольно подробно разработанное руководство. Тов. Шавер правильно указал на исключительное значение борьбы с преступлениями, связанными с нарушением техники безопасности. Непременным условием организации труда в каждом социалистическом предприятии, на каждом участке социалистического хозяйства является обеспечение такого порядка, который бы вполне гарантировал сохранение здоровья трудящихся, самого ценного для нас капитала. Не оставлять без реагирования ни одного случая нарушения техники безопасности, своевременно вскрывать и умело расследовать преступления в этой области — такова важнейшая задача органов прокуратуры. Но нередки еще в практике случаи неудовлетворительного расследования, поверхностного отношения к делам, связанным с нарушением правил техники безопасности. В результате остаются иногда неразоблаченными троцкисты, контрреволюционеры и другие враги народа, которые используют нарушение правил техники безопасности для совершения и маскировки своих вредительских и диверсионных актов под видом так называемых несчастных случаев.

Тов. Шавер при разработке руководства привлек богатейший практический материал не только судебно-следственный, но и по линии охраны труда. Этим ценность работы намного повысилась.

Выступавшие в прениях товарищи, отмечая положительные моменты, указали и на ряд

существенных недостатков представленного проекта руководства.

Первый пробел — это недостаточная политическая заостренность. Не показано, как отсутствие бдительности, беспечность дают возможность вредить и маскироваться врагу. Исходное положение для автора этой работы должно быть то, что «Нарушение техники безопасности часто служит прикрытием для проведения вредительской деятельности» (Вышинский). Прокуратура и следствие должны мобилизовать в эту сторону свое вниманис.

Второй недостаток — это то, что автор совершенно не дал юридического анализа состава преступления — «нарушение техники безопасности. Автору предложено дать подробный юридический анализ данного состава преступления. Вопрос о правильной квалификации — самый трудный по данному роду преступлений, и поэтому обходить в руководстве этот вопрос нельзя.

Работа т. Шавера в основном одобрена, и вынесено было решение издать ее.

По второму вопросу повестки т. Голунским представлена большая работа. По докладу т. Голунского развернулись оживленные прения. Работа признана хорошей, автору предложено внести некоторые изменения и сдать работу в печать.

Тов. Голунский подробно разработал методику расследования дел о растратах и хищениях отдельно на базисных складах, в магазинах, палатках, лотках.

Следующий доклад был также т. Голунского. Представленный им проект методического руководства по расследованию дел о хищениях и растратах подотчетных сумм совещание одобрило. В руководство предложено внести ряд изменений, написать вводную часть и составить образцы основных следственных действий по этой категории дел. После внесения изменений и дополнений работу предложено сдать в печать.

По четвертому пункту повестки дня т. Левентон сделал сообщение о некоторых процессуальных вопросах, связанных с возбуждением производства по уголовному делу. По этому вопросу вынесено решение: «Поручить следственному отделу заготовить проект циркулярного распоряжения о запрещении прокурорам и следователям производить следственными методами всякого рода доследственные проверки. Дать развернутые указания о том, как и в каком порядке должны проверяться поступающие в органы прокуратуры или следствия сообщения о различных фактах преступлений».

По сообщению т. Строговича о процессуальном положении подозреваемого на предварительном следствии принято следующее решение:

1. Признать, что в советский уголовный процесс нет основания вводить, наряду с обвиняемым и свидетелем, также и подозреваемого. Допрос граждан в качестве подозреваемых признать недопустимым.

2. Признать, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс в ст. 145 также не дает никакого основания рассматривать то лицо, к которому применена мера пресечения, до предъявления обвинения, в качестве подозреваемого.

По этому вопросу т. Строговичу поручено написать в журнале «Социалистическая законность» статью.

По сообщению т. Левентона о проводимых местными прокурорами в I квартале 1937 г. методических конференциях для следователей постановили: «Заслушав сообщение т. Левентона о работе прокуратур союзных республик, краев и областей по проведению учебно-методических конференций для следователей, методический совет констатирует наличие следующих, наиболее существенных и чаще всего имеющих место недочетов в этой работе:

1. При организации конференций не обращается должного внимания на необходимость надлежащей подготовки следователей к конференциям. Программы занятий следователям предварительно не сообщаются, не указывается и литература, ознакомление с которой помогло бы следователям наиболее отчетливо усваивать излагаемые на конференциях темы и предметы.

2. При созыве учебно-методических конференций не всегда учитывается необходимость подбора приблизительно однородной по своей теоретической и практической подготовке аудитории.

В результате нередко бывает, что часть следователей изучает предметы им уже знакомые, а другая, наоборот, вследствие своей неподготовленности с трудом усваивает излагаемые темы.

3. В ряде мест наблюдается практика загромождения программ предметами, изучение которых не является первоочередной, насущной необходимостью, и, наоборот, не уделяется должного внимания предметам, имеющим первоочередное значение.

4. Последовательность расположения занятий по отдельным предметам часто имеет случайный характер. Организаторы конференций не продумывают, в какой последовательности целесообразнее всего расположить преподаваемые на конференциях темы и предметы для наилучшей успеваемости.

5. На конференциях, организуемых для наиболее подготовленных следователей, не уделяется должного внимания углубленному изучению частной методики расследования важнейших видов преступлений.

С другой стороны, занятия по частной методике вводятся в программу конференций, организуемых для начинающих следователей, еще не знакомых даже с основными тактическими приемами расследования.

6. Не обращается должного внимания и на необходимость проверки успеваемости следователей, в результате чего преподаватели и организаторы учебно-методических конференций не получают должного представления об эффективности проведенных занятий, а участвующие в занятиях следователи, зная, что их не будут проверять, не относятся иногда к занятиям с должным вниманием.

7. В ряде мест преподаватели, приглашаемые для проведения занятий на учебно-методических конференциях, проводят эти занятия бесконтрольно, а ответственные руководители учебно-методических конференций далеко не всегда проверяют качество преподавания и их тематику.

8. Одним из существенных недостатков в работе по проведению конференций в подав-

ляющем большинстве случаев является их оторванность от других мероприятий по повышению квалификации следователей (организация индивидуальной учебы следователей, инструктивные обследования, вызовы с докладами, кустовые совещания).

Для устранения отмеченных выше недостатков в работе по проведению учебно-методических конференций и для поднятия качества этой работы на высшую ступень, совет считает необходимым разработать проект инструктивного письма о методах организации и проведения учебно-методических конференций.

Кроме перечисленных вопросов совещание рассмотрело предложение т. Сегала о разработке методического письма «О технике и методике расследования дел об авариях и крушениях на железнодорожном транспорте».

Следственному отделу поручено в месячный срок разработать проект письма. Для этого письма т. Сегалу предложено лично принять участие в этой работе.

Библиография

ВЛ. ГРОМОВ. **Следственная практика в примерах,** пособие для следователей и слушателей юридических школ. Юридическое издательство, М. 1937, стр. 143, ц. 2 руб. 60 коп.

Повышение квалификации работников следственного аппарата прокуратуры является в настоящее время одной из основных задач в области улучшения качества расследования. Почти во всех краях, областях и республиках все шире и шире развертывается работа по организации индивидуальной учебы следователей, по проведению учебно-методических конференций. Поэтому появление каждого нового учебного пособия, которое можно использовать при проведении этой работы, надо приветствовать. Особенно важны такие пособия, в которых теория тесно увязывается с практикой, по которым следователь может не только усвоить себе те или иные теоретические положения из области уголовного права, уголовного процесса или криминалистики, но и наглядно увидеть, как эти теоретические положения применяются на практике.

Рецензируемая книга Громова вполне отвечает этому основному требованию. Книга состоит из вводной главы — «Доказательства и улики в процессе расследования преступлений» и из методического разбора шести конкретных дел об убийствах, поджогах, грабежах и разбоях.

Вводная глава представляет собой изложение ряда положений учения о доказательствах, более с процессуальной, чем с криминалистической точки зрения, иллюстрированное примерами из следственной практики. Основная же часть книги посвящена детальному разбору расследования отдельных дел. В этой части книги автор разбирает шаг за шагом действия органов расследования по описываемым в книге делам, детально оценивает каждое следственное действие и попутно приводит те правила уголовного процесса и криминалистики, которые относятся к данному следственному действию.

Так, например, описывая, как было проведено по разбираемому им делу о грабеже предъявление задержанных органами расследования лиц потерпевшим для личного опознания, автор подробно излагает все теоретические положения, относящиеся к этому следственному действию, и на примере анализируемого дела показывает, что получается в результате несоблюдения органами расследования тех или иных из этих теоретических положений. При таком положении несомненно повышается усвояемость излагаемого материала и увеличивается его убедительность для читателя.

Таким способом в книге разобран ряд важнейших следственных действий: осмотр места преступления, экспертиза, допрос свидетелей и обвиняемых, методы проверки их показаний, личное опознание, использование вещественных доказательств. Серьезное внимание уделено и вопросу о планировании расследования.

Вопросам уголовной техники автор уделяет гораздо меньше внимания. Указывая в целом ряде случаев на необходимость применения научно-технических методов расследования, ссылаясь на те или иные технические приемы, автор не дает описания самой техники выполнения этих приемов. Так, например, при разборе методов расследования дела об убийстве Федорова (стр. 76 и сл.) автор дважды указывает как на существенную ошибку органов расследования по этому делу на неприменение ими научно-технических методов закрепления исследования следов преступления и даже конкретно отмечает, что следовало снять слепки со следов ног на месте преступления (стр. 90). Это указание совершенно правильно, но оно значительно выиграло бы, если бы автор тут же изложил в доступной и для слабо подготовленного читателя форме, каким способом можно снять такие слепки.

Автор этого не делает, отсылая читателя к «руководствам по криминалистике» даже без точной ссылки на литературные источники, из которых можно было бы почерпнуть эти сведения.

Автор неоднократно возвращается к вопросу о съемке плана места преступления (стр. 54, 64, 88) и совершенно правильно подчеркивает исключительно важное значение приобщения такого плана к протоколу осмотра.

В книге приведены и образцы таких планов (стр. 63 и 89) и таблица примерных топографических обозначений, применяемых при съемке (стр. 55). Это, бесспорно, очень ценно. Но было бы значительно лучше, если бы автор изложил при этом и основные правила глазомерной съемки.

Недостаточность технических сведений является несомненно недостатком книги, как это и отмечено в предисловии к этой книге т. Левентоном.

Что касается существа излагаемых автором положений, то наибольшее количество замечаний вызывает первая, вводная глава, в которой автор, как уже было указано выше, делает попытку дать изложение ряда принципов учения о доказательствах, приспособленное к той практической цели, которую преследует рецензируемая книга. Понятно, что выполнить такую задачу чрезвычайно трудно. Все отдельные части учения о доказательствах настолько тесно связаны между собой, что совершенно невозможно говорить об одних сторонах этой проблемы, не касаясь других. Так, например, вопрос о принципах оценки доказательств несомненно является основным для всего учения о доказательствах. Автор этого вопроса как отдельной проблемы не касается, не дает критического разбора существующих по этому вопросу взглядов, не затрагивает прямо проблемы критерия оценки доказательств. Но уйти совсем от этой основной проблемы учения о доказательствах автор, конечно, не может. Ему приходится касаться этого вопроса мимоходом, в связи с разрешением того или иного частного вопроса. В результате такого неполного освещения сложнейших теоретических вопросов у автора получаются формулировки, с которыми никак нельзя согласиться и которые в некоторых случаях оказываются взаимно противоречащими.

На стр. 11 автор пишет: «Первое условие, которое ставит наука доказательственного права для добываемых и устанавливаемых в процессе расследования доказательств, это их достоверность, объективная истинность, соответствие их с действительностью.

В этом отношении различаются два вида доказательств: личные, или субъективные, и вещественные, или объективные».

К первым автор относит показания свидетелей и обвиняемых и заключения экспертов, ко вторым — осмотры мест преступления, вещественные доказательства, документы, объекты научно-технического или лабораторного исследования.

«Вполне естественно, — пишет далее автор, — что в науке доказательственного права до сих пор еще господствует мнение, что объективные доказательства имеют более достоверный характер, чем субъективные. Такое мнение обосновывается тем простым соображением, что личные высказывания того или другого лица могут быть или заведомо для высказывающего их ложными, или заключать в себе результат ошибочных впечатлений или мнений лиц, которые добросовестно заблуждаются в своих высказываниях...

Вещественные же предметы уже своим внешним видом обычно дают определенную, как бы объективно застывшую картину преступления: эти «немые свидетели» удостоверяют факт, в достоверности которого убеждается всякий при непосредственном осмотре их» (стр. 11). Автор излагает здесь не свои взгляды, но и не отмежевывается от них, хотя в этих формулировках смешаны разнородные, но одинаково неправильные теории из области доказательственного права, которых, как это видно из дальнейшего изложения, не разделяет и сам автор рецензируемой книги.

Самое деление доказательств на «объективные» и «субъективные», выводимое непосредственно из основного требования, чтобы доказательства отражали объективную истину, не может означать ничего другого, как то, что один из этих двух видов доказательств по самой своей природе более способен отражать объективную истину, чем другой. Это понимание вполне подтверждается приведенным выше пояснением, которое дает автор этому делению доказательств. Не трудно усмотреть родство этой точки зрения с точкой зрения проф. Строговича, утверждавшего, как известно, что именно объективное качество доказательств, им самим присущее, способность их отражать объективную истину должны являться основным критерием при оценке доказательств [1].

С другой стороны, указанные в приведенной выше цитате соображения о преимуществах «немых свидетелей» отражают те течения в буржуазной криминалистике конца XIX и начала XX века (Штерн, Г. Гросс и др.), которые провозглашали огульную недостоверность свидетельских показаний и фетишизацию «немых свидетелей».

Сам автор рецензируемой книги по этому поводу пишет: «Это (т. е. преимущество объективных доказательств. — С. Г.) послужило основанием к тому, что в конце прошлого века в области уголовного процесса стало отводиться большое внимание «материализованному сектору процесса», т. е. тем вещественным доказательствам, которые могут добываться при расследовании уголовных дел, и в особенности таким, которые могут быть расследованы и проверены методами научно-уголовной техники» (стр. 12).

Упоминая об этом, автор не подчеркивает, что речь идет о буржуазном уголовном процессе, ничего не говорит о связи фетишизации «материализованного сектора процесса» с реакционными нападками на принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению суда и на суд присяжных (Э. Ферри и др.). Против воли автора получается, таким образом, впечатление, что это течение в теории буржуазного уголовного процесса не есть одно из проявлений всеобщей реакции периода империализма, а что это — техническое достижение, вполне приемлемое и для советского уголовного процесса. Этих выводов не разделяет и проф. Строгович, который ре-

[1] «Уголовный процесс», изд. 3-е, М. 1936, стр. 35—36. «Основные вопросы оценки доказательств в уголовном процессе», «Советская юстиция», № 22, 1936. Критику этой точки зрения дал т. Вышинский в статье «Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе» — «Социалистическая законность», № 7, 1936.

шительно отмежевался от этого течения в теории буржуазного уголовного процесса [1].

Не дав никакой критики цитированных выше положений по существу, а, наоборот, изложив их в такой форме, что читатель легко может понять выражаемые ими взгляды за взгляды самого автора, т. Громов вслед за тем приводит ряд оговорок, вполне правильных по существу и вкорне противоречащих только что изложенным утверждениям.

На той же стр. 12 он утверждает, что «субъективные и объективные доказательства одинаково важны», что «вопрос сводится к выбору способов доказывания», а на стр. 13 идет еще дальше и совершенно правильно указывает, что использование каждого объективного доказательства неизбежно «сопровождается личной субъективной оценкой следователя и зависит, если можно так выразиться, от субъективного отношения последнего к этим объективным ведомственным доказательствам». «Так выразиться» не только можно, но и должно. Но если так, то падает самая основа деления доказательств на объективные и субъективные, субъективный элемент оказывается во всех доказательствах. Если свидетель может ошибиться в своих показаниях, то следователь может ошибиться в оценке значения вещественного доказательства. Результаты обеих этих ошибок для исхода процесса одни и те же.

Зачем же при таких условиях делить доказательства на объективные и субъективные?

Если рассматривать это деление как результат различного подхода к «выбору способов доказывания» (как говорит автор на стр. 12), а не как результат различной способности тех или иных доказательств отражать объективную истину (как это вытекает из того, что было сказано на стр. 11), то и в этом случае указанная классификация окажется неприемлемой. «Способы доказывания» различны для отдельных видов доказательств, которые автор называет «объективными» (например, для вещественных доказательств и для письменных доказательств); способы доказывания различны и для отдельных видов доказательств, которые автор называет «субъективными» (например, для показаний свидетелей и для экспертизы).

В ряде случаев подход к оценке двух доказательств, из которых одно «субъективное», а другое «объективное», может оказаться гораздо более сходным (например, при оценке свидетельского показания и содержания письменного документа), чем при оценке двух субъективных (например, показания обвиняемого и экспертизы) или двух объективных доказательств (например, результаты осмотра места преступления и письменный документ).

Если учесть, что книга предназначается для слушателей правовых школ, не имеющих никакой теоретической подготовки, то возникает вполне основательное опасение, что многие из них не сумеют разобраться в указанных противоречивых положениях и окажутся в большом затруднении при решении вопроса о том, руководствоваться ли им тем, что автор пишет на стр. 11, или тем, что он пишет на стр. 13, какое же из этих противоречащих одно другому положений является правильным.

Неизбежная по самому характеру этой вводной статьи краткость изложения приводит и в других случаях к ряду нечеткостей.

Например, правильно подчеркивая, что убедительность доказательства в значительной степени зависит от источника, из которого данное доказательство «черпает свою доказательственную силу», автор иллюстрирует это положение такими примерами, которые могут толкнуть следователя на формальный подход к оценке доказательств.

Например, автор пишет: «Показания свидетелей из числа классово чуждых элементов по делам о вредительстве, контрреволюционной агитации и тому подобном, в которых обвиняются люди той же прослойки... не могут быть расцениваемы как вполне достоверные, без сопоставления этих показаний с другими доказательствами» (стр. 14).

Если понимать эту формулировку буквально и последовательно делать все вытекающие из нее выводы, то получается, что показания свидетелей, формально не принадлежащих к числу классово враждебных элементов, по указанным автором делам, а равно и показания свидетелей, даже и принадлежащих к числу таких элементов, но данные ими по другим категориям дел, могут быть признаны «вполне достоверными» и без сопоставления их с другими доказательствами. Автор, конечно, не имел в виду таких выводов, но многие слушатели правовых школ и народные следователи, которые будут изучать эту книгу, особенно те из них, которые недостаточно диалектично будут подходить к этому вопросу, легко могут понять приведенную выше формулировку именно таким образом.

Давая определение прямого доказательства (стр. 14—15), автор излагает его таким образом и иллюстрирует таким примером, что получается совершенно неправильное впечатление, будто бы прямые доказательства всегда дают бесспорное основание для признания доказанным того факта, которого они касаются. Это ослабляет бдительность следователей при проверке и оценке таких доказательств, дает им основание сделать выводы, что при наличии прямых доказательств нет особой надобности в критическом отношении к этим доказательствам. Эти недостатки вводной главы обесценивают те ее части, в которых излагаются правильные положения и приводятся яркие и убедительные примеры. Поэтому рекомендовать эту вводную главу как пособие для самостоятельного теоретического изучения учения о доказательствах слушателями правовых школ и народными следователями нельзя.

Совершенно иной вывод в этом отношении следует сделать о второй методической части книги. Отдельные незначительные недостатки изложения (некоторая разбросанность материала, отдельные методически неоправданные повторения и т. п.) ни в какой степени не лишают эту часть книги значения хорошего учебного пособия для практикумов по уголовной тактике и методике и уголовному процессу не только в правовых школах, но и в вузах. Каждый отдельный очерк снабжен в

[1] Строгович и Брусиловский, Свидетельские показания в качестве судебных доказательств в сборнике «Методика и техника следственной работы», Киев, 1934, стр. 143 и сл.

конце «задачами для следственных упражнений», представляющими собой краткие методические указания для преподавателей о способах использования материала для практических занятий. Эти указания несомненно повышают педагогическую ценность книги, хотя они могли бы быть подробнее.

С внешней стороны книга издана хорошо и напечатана на хорошей бумаге; имеющиеся в книге чертежи воспроизведены вполне четко и ясно.

Крайне желательно, чтобы выпуск подобного рода пособий был продолжен с тем, чтобы такими пособиями были охвачены все важнейшие виды преступлений. Такие пособия послужат прекрасным дополнением к издаваемым Прокуратурой СССР руководствам по методике расследования отдельных видов преступлений. Такие практические пособия должны быть увязаны с этими методическими руководствами и по тематике и по содержанию.

Лучше всего было бы, если бы на каждое методическое руководство было издано специальное практическое пособие, в котором, путем детального методического разбора расследования отдельных типичных дел о преступлениях данного вида, было бы наглядно показано, как следует применять на практике те методы расследования, которые рекомендованы соответственным методическим руководством. Надо решительно отказаться от включения в эти практические пособия вводных теоретических статей, в которых важнейшие теоретические проблемы неизбежно затрагиваются лишь мимоходом. Значительная часть отмеченных выше недостатков вводной статьи рецензируемой книги является следствием именно такого характера этой статьи как вводной к основному практическому материалу книги. Весьма вероятно, что аналогичные недостатки повторялись бы и в других таких же статьях.

Вместо подобных теоретических введений, желательно давать введения методические, т. е. детально описывать методы проработки содержащегося в пособии материала при различных формах учебной работы: на практикумах в вузах и правовых школах, на учебно-методических конференциях, при самостоятельной работе учащегося-заочника и т. п.

С. Голунский.

«О расследовании и рассмотрении дел о несовершеннолетних», Юриздат. НКЮ СССР, 1937, 50 стр., цена 45 коп.

Всесоюзный институт юридических наук взял на себя авторство брошюры «О расследовании и рассмотрении дел о несовершеннолетних». Об этом по крайней мере свидетельствует обложка брошюры, на которой указано: Всесоюзный институт юридических наук— О расследовании и рассмотрении дел о несовершеннолетних. Лишь на стр. 3, в подстрочном примечании, скромно указывается, что брошюра составлена С. М. Потрановым и Б. С. Утевским. Это обстоятельство, совершенно естественно, ко многому обязывает авторов брошюры, обязывает тем более, что на той же странице 3 читаем: «Всесоюзный институт юридических наук на основе всестороннего теоретического и практического изучения вопросов борьбы с преступностью несовершеннолетних разработал указания о расследовании дел о несовершеннолетних».

Таким образом Всесоюзный институт юридических наук попытался выработать методическое письмо работникам следствия и суда о расследовании и рассмотрении дел о несовершеннолетних (Кстати, почему Всесоюзный институт юридических наук самостоятельно разрабатывает методические письма работникам следствия и суда?!).

Надо сказать, что эта первая попытка — попытка явно неудачная. Брошюра делится на две части.

В первой части (первые 19 страниц) даются так называемые «указания», во второй собраны постановления ЦИК и СНК СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б), циркуляры Верховного суда и Прокуратуры Союза ССР.

Одним из основных общих недостатков всей первой части так называемого методического письма является то, что оно почти полностью лишено методических указаний, которые могли бы быть отнесены к расследованию или рассмотрению дел именно несовершеннолетних, так как все они могут быть отнесены к расследованию и рассмотрению дел и не касающихся несовершеннолетних. Кроме того, отдельные главы этой же первой части содержат в себе целый ряд грубых ошибок.

Прежде всего, в брошюре грубо нарушен самый текст закона от 7 апреля 1935 г.

На стр. 4 говорится: «Таким образом несовершеннолетние этой возрастной группы подлежат суду за хищения социалистической собственности, кражи, насилия, телесные повреждения и другие преступления, связанные с насилием или причинением телесных повреждений, а также за убийство и попытки к убийству».

О других преступлениях, связанных с насилием, в тексте закона от 7 апреля 1935 г. не говорится.

Наоборот, причинение увечий, о которых говорит закон от 7 апреля 1935 г., при изложении в брошюре выпало вовсе.

Это нигилистическое отношение к закону— то его расширение, то сужение — никак недопустимо вообще, а тем более в брошюре, выпущенной от имени Всесоюзного института юридических наук.

Недопустимость этого обстоятельства была подчеркнута и циркуляром Верховного суда и Прокуратуры Союза ССР от 21 марта 1935 года, в котором указывалось на то, что в практике судебно-следственных работников наблюдается расширительное толкование постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г., выражавшееся в привлечении к уголовной ответственности детей, не достигших 12-летнего возраста, привлечении за преступления, совершенные до издания закона, а также за преступления, им не предусмотренные» (Сб. цирк. и разъясн. Прокуратуры Союза ССР, стр. 90).

Приводя этот циркуляр на стр. 34 брошюры, авторы предлагают на стр. 4 поступать как раз наоборот: и вопреки закону и вопреки, как это только что указывалось, циркулярному разъяснению.

Резкое возражение вызывает и такое утверждение авторов, что для участия в заседаниях по делам о несовершеннолетних «должны составляться специальные списки народных

заседателей, преимущественно из числа педагогов и врачей» (стр. 15).

Очевидно, будучи последовательными нигилистами в области права, авторы и в этом случае, ничтоже сумняшеся, прибегли к расширительному толкованию уже упомянутого выше циркуляра от 21 февраля 1935 г., в котором говорится лишь то, что суды «не ставят вопроса о вызове в судебные заседания медико-педагогической экспертизы». Может и должно ли это означать вредную рекомендацию преимущественного привлечения в члены суда педагогов и врачей, напоминающую вредные теории социологов и педологов, предлагавших в свое время назначать членами суда врачей и экспертов.

Ряд истин, открываемых авторами и рекомендуемых ими как «указания», специально относящиеся к следствию и судебному рассмотрению дел именно о несовершеннолетних, вызывает просто недоумение.

Можно ли принять всерьез, например, такое утверждение авторов на стр. 9, что «ни в коем случае нельзя прибегать при допросе, с целью получения желаемого ответа или признания, к запугиванию и угрозам, крикам, брани или обману, в частности, к ложным обещаниям (например, освободить в случае признания)».

Почему это «указание» авторы относят к допросам именно несовершеннолетних? Вероятно только потому, что и в данном случае, игнорируя закон, авторы забыли ст. 136 УПК РСФСР, которая четко и ясно говорит о невозможности применения при допросах (допросах вообще, а не только несовершеннолетних. — З. В.) насилия, угроз и др. подобных мер.

Почему только несовершеннолетнему, как это утверждают далее на той же 9-й странице авторы, «вопросы должны ставиться конкретно, в такой форме, на которую может последовать определенный ответ»?!

Не говоря уже о стиле этого выражения (ответ следует не на вопрос, как этого требует логика, а на форму, как это говорят авторы. — З. В.), совершенно непонятно то, что и это правило должно относиться именно и только к допросу несовершеннолетних!

Крайне неряшливо составлена вторая часть брошюры, содержащая, как уже указывалось, важнейшие законодательные акты и ведомственные постановления.

Так, например, циркуляр Прокуратуры СССР от 3 июля 1935 г. за № 65/1 «О привлечении к уголовной ответственности за преступно-небрежное хранение оружия», почему-то назван так: «О борьбе с небрежным хранением оружия» («с попаданием его в руки несовершеннолетних»).

Не точно по существу, безобразно — с точки зрения стилистической.

Даже ряд изложенных здесь замечаний вместе с общим замечанием о тяжелом языке методического письма заставляет поставить два вопроса: 1) сможет ли брошюра явиться пособием для практических работников прокуратуры и суда и 2) как выпуск такой брошюры могло допустить такое научное учреждение, как Всесоюзный институт юридических наук? Брошюра составлена явно неудовлетворительно, а потому—бесполезна, говоря мягко.

И.

В. СМУЛЕВИЧ. «Материнство при капитализме и социализме», Соцэкгиз, 1936, **цена 85 коп.**

Рецензируемая брошюра была сдана в набор через несколько месяцев после опубликования проекта Сталинской Конституции и после принятия одного из замечательнейших актов сталинского законодательства — постановления ЦИК и СНК Союза ССР о запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, помощи многосемейным и т. д.

Эти два документа, естественно, должны были лечь в основу работы, посвященной вопросу о материнстве при социализме. Они должны были явиться основным политическим и теоретическим материалом для разработки всех вопросов материнства в эпоху вступления в социализм.

Как это ни странно, автор рецензируемой книги ограничился тем, что привел в качестве эпиграфа одну из глав ст. 122 проекта Конституции, не посвятив ему в тексте книги буквально ни одного слова. Между тем закрепленный в ст. 122 Конституции принцип равноправия женщины с мужчиной «во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни» и принцип «государственной охраны интересов женщины и ребенка», а также положение ст. 137 Конституции — «женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами» представляют собою те классические формулировки величайших побед социализма в деле ликвидации неравноправия женщины и создания действительной охраны интересов женщины, вне которых не может быть и речи о политически выдержанном и теоретически основательном рассмотрении вопросов о материнстве при социализме.

Крайне недостаточно отразился на содержании книги и закон от 27 июня 1936 г. о запрещении абортов и т. д. Недостаточно было, как это сделал автор, ограничиться изложением отдельных статей этого закона и дать его полный текст в виде приложения к книге. Значение этого закона для разрешения вопроса о материнстве настолько велико, что автор обязан был дать подробный анализ закона как величайшего памятника сталинской заботы о матери и ребенке. Этого автор не сделал, и это составляет крупнейший политический дефект брошюры.

И действительно, довольно обильный фактический материал о положении женщины-матери в СССР и в капиталистических странах, собранный автором, остался не объединенным единой общей идеей, которую автор мог найти в Сталинской Конституции.

Таков основной дефект рецензируемой книги, в сравнении с которым остальные кажутся уже второстепенными. Но это не избавляет нас от обязанности остановиться и на них.

Работа носит черты спешки, недостаточной проработки темы, отсутствия тщательной работы над материалом. Когда просматриваем страницы, наполненные фактическим материалом, в особенности письмами работниц, невольно чувствуется, что ножницы и клей заменяли здесь внимательный отбор, продуманность, систематизацию. Порою рецензируемая книга напоми-

нает больше «материал для докладчиков», чем самостоятельное исследование. Между тем на титульном листе имеется марка «Академия Наук. Институт экономики», — марка, налагающая на автора определенные обязательства научного характера. К сожалению, если в книге и имеется некоторая «ученость», то научности в ней нет.

Спешка и небрежность при составлении книги захватили, повидимому, и редакторов издательства. В книге встречаются такие стилистические перлы, как, например, «подобные заявления, одна демагогия и лживость», или «Капитализм... действовал в сторону сокращения рождаемости».

В лучшем случае неряшливостью можно объяснить, что Жюль Гэд, которого Ленин причислял к социал-шовинистам, фигурирует в качестве «социалиста».

Книга, явно рассчитанная на массового читателя и на популярное изложение, местами прибегает к непонятным для неспециалиста терминам, как, например, «депопуляция».

Статистические сведения частью приводятся устарелые, например: на стр. 61 дается сравнительная таблица роста учреждений охраны материнства и младенчества на 1923 и 1928 гг. Автор мог бы привести данные если не за 1935 г., то хотя бы за 1934 г.

Положительной чертой рецензируемой книги является обильный материал, характеризующий положение женщины в СССР и в капиталистических странах и иллюстрирующий правильные положения о неразрешимости проблемы материнства при капитализме, о равноправии женщины в СССР, об охране матери и ребенка, как величайшем завоевании диктатуры пролетариата и о колхозной жизни, как основе подлинного равноправия и освобождения женщины-крестьянки.

Глубоко интересная тема — материнство при капитализме и социализме—еще ждет своего исследователя. Рецензируемая книга претендовать на достаточно удовлетворительную разработку этой темы не может.

Б.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

ЗА МАЙ 1937 Г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. Об изменениях в структуре центрального аппарата Комиссии советского контроля при СНК СССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 35, ст. 144).

2. Военное и морское дело

2. О создании Военных советов военных округов и установлении института Военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской красной армии — пост. ЦИК и СНК СССР от 10/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 126).

3. Об утверждении Положения о Военном совете округа (флота, армии) Рабоче-Крестьянской красной армии — пост. ЦИК и СНК СССР от 16/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 127).

3. Просвещение

4. О ведении преподавательской работы директорами и заведующими учебной частью неполных средних и средних школ — пост. СНК СССР от 7/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 130).

5. О детских садах — пост. СНК СССР от 3/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 131).

4. Здравоохранение

6. Об утверждении инструкции о порядке назначения и выплаты государственного пособия многодетным матерям — пост. СНК СССР от 22/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 35, ст. 145).

7. О санитарной охране водопроводов и источников водоснабжения — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 35, ст. 143).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

8. О нормах накладных расходов по строительным работам, монтажу металлических конструкций и монтажу оборудования — пост. СНК СССР от 29/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 29, ст. 119).

9. О реорганизации Главэнергопрома Народного комиссариата тяжелой промышленности — пост. СНК СССР от 11/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 34, ст. 139).

10. Об организации в системе Народного комиссариата тяжелой промышленности главного управления по производству строительных материалов — пост. СНК СССР от 11/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 34, ст. 140).

11. О разукрупнении главного управления хлопчатобумажной промышленности Московской и Ленинградской областей — пост. СНК

СССР от 21/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 34, ст. 141).

12. О перечне продукции лесной промышленности, стандарты на которую утверждаются Советом народных комиссаров Союза ССР и Народным комиссариатом лесной промышленности Союза ССР — пост. СНК СССР от 4/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 35, ст. 146).

2. Земля и сельское хозяйство

13. О мероприятиях по новым лубяным культурам — пост. СНК СССР от 3/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 133).

14. О лесах в запретной полосе водоохранной зоны, переданных колхозам в вечное пользование — пост. СНК СССР от 15/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 34, ст. 138).

3. Связь

15. Об изменении постановления СНК Союза ССР от 27 марта 1934 г. «О трансляционных радиоузлах, трансляционных радиоточках и радиоприемниках» — пост. СНК СССР от 29/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 36, ст. 148).

III. ФИНАНСЫ

16. Об отмене постановления ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1930 г. «О налоговой инспекции» — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 30, ст. 121).

17. Об утверждении Положения о налоговых инспекторах и налоговых ревизорах — пост. СНК СССР от 29/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 30, ст. 122).

18. Об утверждении инструкции Народного комиссариата финансов Союза ССР о работе налоговой инспекции районных финансовых отделов в сельских местностях — пост. СНК СССР от 29/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 30, ст. 123).

19. Об утверждении Положения о страховых инспекторах и страховых ревизорах — пост. СНК СССР от 29/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 30, ст. 124).

20. Об утверждении инструкции Народного комиссариата финансов Союза ССР о работе страховых инспекций районных финансовых отделов в сельских местностях — пост. СНК СССР от 29/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 30, ст. 125).

21. О запрещении расходовать государственные средства на содержание автомашин, принадлежащих отдельным гражданам — пост. СНК СССР от 11/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 132).

22. Об освобождении от уплаты денежных налогов и сборов с колхозников и единоличников нетрудоспособных ввиду преклонного возраста — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 32, ст. 135).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

23. Об изменении сети местных торгов системы Народного комиссариата внутренней торговли Союза ССР — пост. СНК СССР от 10/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 134).

24. О реорганизации управления предприятиями общественного питания системы Народного комиссариата внутренней торговли Союза ССР — пост. СНК СССР от 13/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 32, ст. 136).

25. Об утверждении инструкции Комитета заготовок при СНК СССР о порядке проведения обязательных поставок зерна государству — пост. СНК СССР от 16/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 33, ст. 137).

V. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

26. О тарифах на электроэнергию коммунальных станций и коммунальных электросетей — пост. СНК СССР от 14/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 36, ст. 147).

VI. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

27. О расценках при проведении прогрессивной сдельщины в строительстве — пост. СНК СССР от 13/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 129).

VII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

28. Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан — пост. ЦИК и СНК СССР от 11/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 30, ст. 120).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Об утверждении «Положения о выборах в Верховный совет СССР»	1
Положение о выборах в Верховный совет СССР	2
Яковлев Я. А. — О проекте «Положения о выборах в Верховный совет СССР»	8
Вышинский А. Я. — Новый избирательный закон и социалистическая законность	18
Приветствия товарищу А. Я. Вышинскому	26
Пять лет закона 7 августа 1932 г. об охране общественной, социалистической собственности	27
Шифман — За большевистский порядок в сельском хозяйстве	41
В. Тадевосян — Закон 27 июня 1936 г. в действии	43
Б. Шавер — Методика расследования преступных абортов	48
М. Авдеева — Детоубийство	53
С. Бененсон и С. Зилов — Привлечение к уголовной ответственности за неплатеж алиментов	70
Б. Маньковский — Против троцкистской клеветы в теории государства и права	78
Н. Дурманов — Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному законодательству	82
Е. Домбровский — Неимущественный интерес в гражданском праве	94
А. Курдюмов — Вопросы советской судебной медицины	102
М. Брагинский — Об обязательных постановлениях городских советов	103
Л. Шейнин — Три самоубийства	106
М. Рагинский — Уроки шаряевского процесса	110
Л. Чернов — Извлечь урок и для себя	115
В. Кобленц — Прокуратура и печать	116
М. Кожевников — Слова и дела	118
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	121
По союзным республикам РСФСР	125
Четвертое заседание Центрального методического совета при прокуроре СССР	135
Библиография	137
Сводка важнейших постановлений	142

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Технический редактор Н. Рушковский

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 19/VII 1937 г. Сдано в производство 25/VII 1937 г.
Подписано к печати 14/VIII 1937 г. 9 п. л. 22,92 авт. лист. В одном бум. листе 216000 зн.

Формат 72×108 Ю—4п.; № 480

Уполном. Главлита Б—23717 Зак. № 1059 Тираж 20500 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Мал. Дмитровка, 18.

58
27
2.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

9

1937

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

СЕНТЯБРЬ 1937 г. 9

Редакция:
Москва, Пушкинская, д. 15а

Советский народный суд

На протяжении всей нашей пролетарской революции перед советским судом и советской прокуратурой всегда стояли и продолжают стоять чрезвычайно важные и ответственные задачи утверждения новой советской революционной законности, охраны интересов пролетарского государства и интересов трудящихся. Еще более ответственны, еще более важны роль и значение суда и прокуратуры, в особенности, роль народного суда и районного прокурора в настоящее время.

Конституция 1924 года, первая конституция Союза советских социалистических республик, имела ряд статей, посвященных суду и прокуратуре и, в частности, Верховному суду и прокуратуре при Верховном суде Союза ССР. Но такой главы, как глава девятая нашей Сталинской Конституции, Конституция 1924 г. не знала.

Это не случайно, как не случайно и то, что IX глава великой Сталинской Конституции начинается знаменательным словом «правосудие», — словом, которое обозначает громаднейшей важности и высокой политической ответственности сумму вопросов, мер, задач, возлагаемых на наш советский суд и на его первого помощника — на нашу советскую прокуратуру.

Новая эпоха Сталинской Конституции ставит перед нами такие важные задачи, что роль советского права и социалистической законности, роль советского суда и прокуратуры приобретает в наши дни совершенно иное значение.

Наши враги немало потрудились над тем, чтобы отравить сознание вредительской теор[illegible] — отмирания права и государства.

[illegible]олезшие в органы советской юстиции, в [illegible] юридические школы и институты Пашу[illegible]ерман, Волков, Доценко, Шляпочников [illegible]не мало принесли вреда своей подрывработой, направленной против укрепления [illegible]ского права и советской социалистиче[illegible]законности, своими вредительскими «теоо буржуазном характере советского пратом, что только «буржуазно-капиталистие общество создает все необходимые усдля того, чтобы юридический момент в [illegible]ьных отношениях достиг полной опрености» и что, следовательно, социалистическое общество не создает никаких условий для развития и укрепления права.

Эти троцкистско-бухаринские подонки, эти агенты японо-германских фашистских разведок делали все, что могли, чтобы подорвать роль советской законности в борьбе за социализм, за утверждение нового социалистического строя.

Грубо извращая учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина о государстве и праве, эти буржуазные холопы фальсифицировали советское право, доказывая, что переход к новым формам права в условиях советской власти и пролетарской диктатуры возможен лишь как процесс отмирания юридических форм вообще и, следовательно, и советской юридической формы.

В своей вредительской работе, направленной против укрепления советского социалистического права, эти господа пытались доказывать, что «борьба с преступностью сама по себе может рассматриваться, как «медицински-педагогическая» задача, для разрешения которой юрист с его «составами преступлений», кодексами, с его понятием «виновности», «полной или уменьшенной вменяемости», с его тонкими различиями между соучастием, пособничеством, подстрекательством и т. д. вовсе не нужен».

Они, эти презренные враги нашего народа, нашего великого дела борьбы за социализм, пытались разоружить наши органы советской юстиции, внушая работникам суда и прокуратуры предательскую мысль о бесполезности и никчемности наших кодексов и самих наших юристов. Они хотели заменить беспощадную борьбу с врагами социализма «педагогически-медицинскими» мерами, выбив таким образом из рук государства пролетарской диктатуры такое могучее оружие борьбы и победы, как революционный закон и революционное правосудие!

Эти изменнические замыслы врагов народа вскрыты и разоблачены. Их гнусная подрывная работа ликвидирована. Уже сейчас проделана значительная работа по очищению рядов советской юстиции от предателей и изменников, по искоренению вредительски-подрывных «теорий» в области права и по дальнейшему укреплению этого важнейшего участка нашего общего фронта борьбы за окончательные победы коммунизма.

Советское право, социалистическая законность и социалистическое правосудие, освобож-

денные от предательских попыток изменников задержать дальнейшее развитие и расцвет их творческих усилий, поднимаются на новую ступень своего дальнейшего развития. Не проповедь вредительской «теории» об отмирании государства и буржуазной природе советского права, а безжалостное и беспощадное уничтожение лжепроповедников; не свертывание работы органов советского правосудия, проводников социалистической законности и глашатаев социалистического правосознания, а новое и еще более могучее развертывание работы советской юстиции — вот задачи, поставленные сейчас перед советским судом и прокуратурой нашей великой эпохой, эпохой окончательно победившего социализма.

Блестящим подтверждением громадного значения и роли революционной законности в борьбе за социализм, за укрепление нового социалистического правопорядка являются три опубликованных недавно акта — постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР о награждении орденами Союза ССР Прокурора Союза ССР товарища Вышинского А. Я., группы работников Прокуратуры Союза ССР — т.т. Леплевского, Рогинского, Розовского, Ульяновой, Глузмана, Шейнина, Баркова, Гродко и Рагинского и группы работников Военной коллегии Верховного суда СССР и военных трибуналов округов во главе с председателем Военной коллегии Верховного суда Союза ССР т. Ульрихом В. В.

Это награждение имеет исключительное значение как выражение не только громадного доверия пролетарского государства и партии к работе суда и прокуратуры, но и как признание всей государственной важности и всего громадного государственного значения дела укрепления революционной законности, укрепления органов суда и прокуратуры.

Этими постановлениями наша партия и правительство как бы говорят всей нашей стране и всему миру о роли советского права в борьбе за социализм, о роли и значении укрепления советской революционной законности.

Эти постановления как бы предупреждают против недооценки роли советской законности в той грандиозной созидательной работе, которая ведется в нашей стране под руководством нашей партии во главе с товарищем Сталиным, по перестройке на социалистических началах нашего общества.

«Стабильность наших законов нам нужна теперь б о л е е, чем когда бы то ни было», сказал товарищ Сталин в своем историческом докладе о проекте новой конституции на Чрезвычайном VIII съезде советов.

Стабильность законов требует настойчивых, боеспособных, крепких, полнокровных органов суда и прокуратуры, готовых и умеющих бороться за торжество закона, за торжество советского правосудия и социалистической справедливости.

Стабильность законов требует крепкой армии судебных и прокурорских работников, людей, готовых и способных отразить всякие попытки нанести ущерб советскому государству и интересам трудящихся, готовых и способных активно и мужественно бороться против всех вылазок и извращений, против всевозможных «калужских» и «казанских» законностей, за единую союзную социалистическую законность, стоящую на страже великого дела построения в нашей стране коммунизма.

В настоящее время суд и прокуратура поднимаются на еще большую высоту, чем это было до сих пор, ибо, в первую очередь, они призваны обеспечить стабильность советских законов, нерушимость и непреложность законов советской страны, выражающих волю миллионов и миллионов рабочих и крестьян, построивших новое социалистическое общество.

Не ясно ли, как грандиозны и велики лежащие на органах суда и прокуратуры государственные обязанности!

Не ясно ли, как велики и ответственны задачи социалистического суда и советской прокуратуры в настоящее время!

Эти задачи нельзя понять вне связи с нашей великой Сталинской Конституцией, вне связи со всей историей нашей советской юстиции со времени первого декрета о суде (24 ноября 1917 г.) до сегодняшнего дня, вне связи с тем историческим путем, который прошли в процессе своего развития наш народный суд, наше советское право.

Мы не можем говорить о задачах прокуратуры в настоящее время изолированно от всей пятнадцатилетней истории нашей советской прокуратуры, учрежденной гением Ленина и Сталина.

Замечательное письмо Ленина товарищу Сталину для Политбюро «О «двойном» подчинении и законности» явилось программой для всего последующего развития советской прокуратуры, для развития тех ее качеств, особенностей, черт, которые коренным, принципиальным образом отличают нашу советскую социалистическую прокуратуру от прокуратуры любой буржуазной страны.

Когда мы говорим о сегодняшних задачах нашей юстиции на основе уже накопленного нами грандиозного опыта нашей практической работы по борьбе с врагами социализма, с врагами нашей родины, на основе работы по разрешению той двуединой задачи нашей судебной политики, о которой говорил Ленин и которая утверждается изо дня в день великим Сталиным, мы не можем оторвать вопрос о наших задачах, напр., от закона 7 августа 1932 года. Товарищ Сталин по справедливости назвал этот закон основой революционной законности в настоящий момент потому, что закон 7 августа направлен на защиту нашей общественной, социалистической собственности, священной и неприкосновенной основы всего советского строя. Мы живем в эпоху могучего развития всех производительных сил нашей страны, расцвета совершенно нового государства, нового общества, опирающегося на совершенно новую экономику, создавшего новую культуру, воспитывающего, выращивающего не только новые общественные учреждения, но и новых людей. Мы не только переделываем общественные отношения на новых принципах, невиданных до победы Октябрьской революции. В процессе этой перестройки мы переделываем самих себя, переделываем людей, создаем новые поколения людей, новое сталинское человечество. Это величайшая задача. И тем почетнее и ответственнее роль советской прокуратуры и суда, на которые возложена первейшая помощь нашему государству и партии в этой перестрой-

ке, в борьбе с тем, что мешает этой перестройке.

Прокуратура и суд призваны решать важнейшую задачу борьбы с нашими врагами, борьбы со всякими попытками задержать наше победоносное движение вперед.

Роль суда и прокуратуры в этой области исключительно важна, потому что прокуратура вместе с судом выносит на суд общественного мнения, предает гласности, делает публичным в гораздо большей степени, чем какой бы то ни было другой орган пролетарской диктатуры, разоблачение подлейших происков и козней наших врагов. В этом, как неоднократно говорили и товарищ Ленин и товарищ Сталин, сила гласного судебного процесса. На февральском пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин дал блестящий анализ нашего современного положения, остроты нашей современной классовой политической борьбы. Он указал — какие меры мы должны принять для того, чтобы окончательно разгромить, добить фашистскую троцкистско-бухаринскую контрреволюционную гадину. В этом деле разгрома врага немалую роль играет наш суд, своей разоблачительной деятельностью выбивающий из-под ног врага всякую почву, беспощадно разящий врага. Надо ли говорить о том громадном значении, которое имеет в этом деле судебный процесс, т. е. гласное, публичное рассмотрение того или иного судебного дела при участии самих обвиняемых, с допущением на суде их защиты, с судебным состязанием, которое происходит перед глазами всех между обвинителем и подсудимым, где всегда торжествует истина нашего пролетарского правосудия. Величайшее значение судебного гласного процесса заключается в том, что он может довести до сознания самого отсталого человека эту настоящую, подлинную правду.

Решая дела бытовые, повседневные, затрагивающие мелкие, но кровные нужды и интересы громадных масс людей, народные суды делают не менее ответственное и не менее важное дело, чем суды, рассматривающие дела крупного политического масштаба. Народный суд стоит в гуще народных масс, имеет дело с десятками и сотнями тысяч людей, маленьких и больших, по делам маленьким и большим. Эти дела вырастают из самой жизни, которая организуется на новых социалистических началах, преодолевая постоянное сопротивление наших врагов, прямых и открытых контрреволюционеров, шпионов, вредителей, террористов и просто хищников, дезорганизаторов, хулиганов.

Вражеская дезорганизаторская работа выражается не только в заговорах контрреволюционного порядка, не только в виде вредительства, диверсий, которые квалифицируются по соответствующим статьям гл. 1 Уголовного кодекса. Наши враги пытаются вообще дезорганизовать нашу жизнь, стараясь, как признался в этом враг народа Пятаков, «нанести чувствительные удары в самые чувствительные места». Враг не гнушается при этом и возможностью нанести удар и в менее чувствительные места, прекрасно понимая, что множество мелких укусов и ударов играют не меньшую роль, чем один большой удар.

Мы знаем сейчас, что контрреволюционные троцкистско-бухаринские фашисты и вредители, пробравшиеся в наши органы, вроде Бермана, сидевшего в Верховном суде РСФСР, Чудновского (Урал), бывшего прокурора Пальгова (Ленинград), Петренко (Аз.-Чер. край) осуществляли свою контрреволюционную подрывную работу.

Эти прохвосты и, в частности, Чудновский, Пальгов и др. пытались применять закон 7 августа к мелким хищениям, сознательно извращая смысл этого закона. Понадобилось специальное постановление от 1 февраля 1933 г., чтобы приостановить этот поток извращений. В то время казалось, что эти извращения являются результатом усердия не по разуму, недостаточной политической выдержанности и т. п. Теперь установлено, что эти извращения были сознательными, что это был один из методов борьбы с советской властью, применявшийся пробравшимися в нашу среду врагами, изменниками. Эти предатели стремились применять закон 7 августа в массовом масштабе для того, чтобы, во-первых, смазать, отвлечь внимание от своих правых дел такой «левацкой» политикой, а, во-вторых, и это было главное, — чтобы вызвать недовольство масс против закона 7 августа, а значит — против нашей партии, против правительства, против нашего советского строя.

Надо ли говорить, какой вред способна была причинить такая практика неправильного применения закона, направленного против врагов народа, к рядовым трудящимся, к середняку в деревне, к людям, которые действовали по своему невежеству и недисциплинированности, по несознательности.

В борьбе с врагами на долю суда выпадает громаднейшая, исключительно острая политическая задача, независимо от того — разбирается большое дело или «маленькое». У нас не может быть «маленьких» дел, не может быть дел, к которым допустимо было бы подходить невнимательно, небрежно. Такое отношение было бы глубоко вредным, извращало бы действительный смысл судебного процесса.

В условиях острой политической борьбы, острого сопротивления классовых врагов нашему окончательному победоносному движению вперед, нельзя недооценивать роль суда, даже в делах о должностных, хозяйственных имущественных и т. п. преступлениях.

Это относится и к прокуратуре, потому что работа суда в значительной степени определяется работой прокуратуры и других следственных органов.

Но, с другой стороны, суд не только решает те или иные конкретные дела, суд еще контролирует работу следственных органов. Ведь суду предоставлено огромнейшее право возвратить дело на доследование, суду предоставлено огромное право вынести частное определение, касающееся работы любого органа советской власти, любых общественных организаций и т. д.

Суд не только орган, рассматривающий конкретное дело, гражданское или уголовное, он выполняет и функцию контроля. Вот почему так велика у нас роль суда. Суд является олицетворением совести народа, совести государства. Обязанности судьи очень почетны и ответственны. Прокурор может просить, может требовать от суда того или иного наказания, но решает этот вопрос суд. И он должен правильно разрешить эту государственную задачу,

ибо решение суда, касается ли оно комнаты, примуса, алиментного дела, — всегда государственное решение. В буржуазном государстве правосудие продает себя тем, кто временно стоит у власти. В советском же государстве у власти стоит народ, построивший новое социалистическое общество. Решать вопрос судьбы людей — очень большая и ответственная задача. Некоторые судьи считают, что когда они решают вопрос о Сидорове, Иванове и т. д., они решают только вопрос об Иванове и Сидорове. Это неправильно.

В каждом решении о конкретном деле и человеке заключается еще и решение общегосударственных задач. Судья и прокурор обязаны внимательно относиться к судьбе живого конкретного человека. Каждое конкретное дело, о каком бы мелком интересе не шла в нем речь, является делом, органически затрагивающим интересы общества, интересы государства. Судьба каждого живого человека должна быть разрешена по справедливости, т. е. в соответствии с интересами рабочего класса, нашего социалистического государства, с интересами нашей борьбы за социализм. Надо, чтобы ни один человек, кто может быть полезен в творческом труде нашей страны, не был поставлен за пределы этого творчества.

Важнейшая задача, неизмеримо поднимающая значение суда, заключается в воздействии, которое осуществляет наш суд на общество. Решая дело о примусе, о 25 рублях штрафа, суд выносит решение от имени Советской Социалистической Республики. Он решает дело не у себя в канцелярии, с глазу на глаз с подсудимым, а гласно, публично, где сидят люди, которые думают и мыслят. Тов. Хрущев говорил на одном из собраний Московского суда и прокуратуры, что когда мы судим какого-нибудь преступника, который сидит на скамье подсудимых и отвечает на наши вопросы, когда мы выносим ему приговор, он слушает, как мы судим его, и сам в душе нас судит. И это верно. Если мы судим с нарушением закона, если мы судим неправильно, то что могут думать о таких судьях?

Есть еще одно важное отличие нашего правосудия от правосудия буржуазных стран. Буржуазный суд — это мясорубка, калечащая и истребляющая людей. Буржуазный суд действует в интересах укрепления господства эксплоататоров, являясь «слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка» [1].

О том, что представляет собою буржуазный суд, как цинично и беспощадно он действует в интересах охраны господства эксплоататоров, можно судить по таким чудовищным делам, как дело о поджоге рейхстага, грубо и топорно состряпанное фашистскими палачами, как дело Сакко и Ванцетти, безвинно брошенных на многие годы в тюрьму, как тысячи и тысячи других дел, где роль судьи сведена к роли палача, где молчит закон и где свирепствует самая неприкрытая и беспримерная по своей жестокости расправа над невинными жертвами угнетателей.

Убийственную характеристику буржуазно-помещичьему суду дал в свое время Ленин, когда в своих исторических «Случайных заметках» (1901 г.) так писал о тогдашнем суде: «Как известно, эти сословные представители (речь идет о коронном суде с участием т. н. сословных представителей. А. В.), слитые в одну коллегию с судьями—чиновниками, представляют из себя безвластных статистов, играют жалкую роль понятых, рукоприкладствующих то, что угодно будет постановить чиновникам судебного ведомства» [1].

В этой статье Ленин дал уничтожающую характеристику царскому суду с сословными представителями, нарисовав яркую и верную картину этого суда.

Ленин писал: «Вот волостной старшина, — я имею в виду провинциальный суд, — конфузящийся своего деревенского костюма, не знающий, куда деть свои смазные сапоги и свои мужицкие руки, пугливо вскидывающий глаза на его превосходительство председателя палаты, сидящего за одним столом с ним. Вот городской голова, толстый купчина, тяжело дышащий в непривычном для него мундире, с цепью на шее, старающийся подражать своему соседу, предводителю дворянства, барину в дворянском мундире, с холеной наружностью, с аристократическими манерами. А рядом — судьи, прошедшие всю длинную школу чиновничьей лямки, настоящие дьяки в приказах поседелые, полные сознания важности выпавшей им задачи: судить представителей власти, которых недостоин судить суд улицы. Не отбила ли бы эта обстановка охоту говорить у самого красноречивого адвоката, не напомнила ли бы она ему старинное изречение: «не мечите бисера перед...»? [2].

Таков был российский дореволюционный суд, таковы суды современных капиталистических стран, олицетворяющие собою власть эксплоатации и угнетения.

На место старого царского суда Октябрьская социалистическая революция создала новый народный суд, суд советский, направляющий свои удары против эксплоататоров, дезорганизаторов советского строя, изменников и всех врагов социализма.

«Новый суд, — писал Ленин в 1918 г., — нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком протащить, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий. Но, кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая, еще более важная задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся» [3].

Советский суд является одним из методов борьбы за социализм. Каждый правильно обоснованный приговор, вскрывающий врага, бьет по всему вражескому делу. Каждый приговор, толково изображающий дело и клеймящий преступление словом осуждения от имени советского государства, воспитывает массы, народ, помогает сплочению вокруг советской власти в борьбе с преступлениями, в борьбе с врагами народа.

---

[1] Ленин, т. XXII, стр. 212.

[1] Ленин, т. IV, стр. 83.
[2] Ленин, т. IV, стр. 85.
[3] Ленин, т. XXII, стр. 424.

В пролетарской диктатуре насилие играет, как и во всякой диктатуре, важнейшую роль. Но насилие в пролетарской диктатуре не главное, хотя без насилия не может быть диктатуры.

Наше насилие освящено величием наших социалистических идей, величием задачи подавления эксплоататоров. Надо отличать насилие против эксплоататоров от насилия, применяемого эксплоататорами против эксплоатируемых. Когда применяют насилие эксплоататоры против эксплоатируемых, они совершают величайшую несправедливость, величайшее преступление. Наоборот, когда трудящиеся применяют насилие против эксплоататоров — они совершают величайший подвиг. Этот подвиг осуществляется волей борющегося и побеждающего рабочего класса. Но в пролетарской диктатуре репрессии не главное.

Советский суд не просто орган, который расправляется с врагами. Советский суд расправляется с врагом на основе применения советских законов, которые являются выражением воли победившего пролетариата в борьбе за социализм. И наш суд должен решать эту великую задачу так, как этого требуют интересы нашего советского государства.

Но и этим еще не ограничивается громадное значение нашего советского суда. До введения Сталинской Конституции наш суд, если можно так выразиться, был судом в узком смысле слова, разрешавшим те или иные судебные дела. Сейчас, после введения Сталинской Конституции пределы деятельности народного суда расширяются очень серьезно. Новое Положение о выборах в Верховный Совет предоставляет право всякому гражданину нашей страны, не внесенному в избирательный список, или вычеркнутому из избирательного списка, обжаловать это решение в народный суд.

Народный суд должен рассмотреть эту жалобу в гласном порядке, вызвав представителя совета, который, по мнению жалобщика, допустил ошибку, и самого жалобщика. Решение народного суда по таким делам окончательно.

Таким образом народный суд в этой области поднимается до уровня Верховного суда, решения которого окончательны и обжалованию не подлежат.

Это говорит о том, что наш народный суд выводится сейчас на широкую арену политической государственной деятельности и в конституционном смысле этого слова. Сейчас народному суду уже предоставлено решение дел о гражданских правах человека, т. е. о том — быть ему гражданином советской страны, пользующимся избирательным правом, участвующим в законодательном творчестве этой страны, или не быть.

Сталинская Конституция поднимает сейчас наш народный суд на еще большую высоту, совершенно недосягаемую ни для одного буржуазного суда. По новой Конституции народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании (ст. 109).

Ни один суд в мире не организуется таким демократическим образом. Советский народный суд не только выборный суд, но выборный на основе такого подлинно демократически широчайшего избирательного закона, который обеспечивает избрание достойных людей в советские судьи, призванные осуществлять социалистическое правосудие. Но не только народные суды организуются на основе выборного начала. Возглавляющий всю судебную систему Союза Верховный суд СССР, верховные суды союзных и автономных республик, краевые и областные суды, окружные суды, специальные суды СССР также избираются соответствующими Верховными Советами и советами депутатов трудящихся.

Величайший и последовательный демократизм проникает собою не только свою организацию советской судебной системы, не только структуру советского суда, но и все советское судопроизводство. Во всех судах разбирательство дел в СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения. В советских судах обвиняемому обеспечивается право на защиту. В советских судах рассмотрение дел (судопроизводство) ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области, а лицам, не владеющим этим языком, обеспечивается возможность полного ознакомления с материалами дела через переводчика, как и право выступать на суде на родном языке (ст. 110). Все это говорит о последовательном демократизме советской юстиции, советских судебных органов, осуществляющих в СССР правосудие, поставленных на охрану социалистического государства рабочих и крестьян и интересов всех граждан. Вся работа советского суда строится под знаком служения этой величайшей цели, освещающей путь борьбы советского суда за социалистическую законность и социалистический правопорядок.

Ответственнейшая обязанность, возложенная новой Сталинской Конституцией на советских судей, являющихся лучшими представителями советского общества, призванных к разрешению вопросов, затрагивающих самые сокровенные интересы и блага государства, народов, отдельных граждан, требует судей, высоко квалифицированных в политическом и гражданском отношении, таких, которые были бы способны выполнять основные требования великой Сталинской Конституции — независимость судей и подчинение их только закону.

Наш суд не суд шефенов, не суд присяжных. Суд шефенов и суд присяжных это, в конце концов, суд цензовиков, суд мелких лавочников, суд мелкой буржуазии, кулаков, суд собственников, суд эксплоататоров больших или маленьких, а наш народный суд — подлинно народный суд, ибо миллионы и десятки миллионов рабочих, колхозников, трудящейся интеллигенции — судьи и народные заседатели.

Наш народный суд выносит решения на основе своего социалистического правосознания, по всей справедливости. Советская демократия тем и отличается от буржуазной, что у нас народ имеет полную возможность не только выразить, но и осуществить свою волю!

Присяжные в буржуазных судах решают только вопрос о факте преступления: был ли такой факт или нет, и заслуживает ли преступник наказания. Право определения самого наказания буржуазная юстиция предоставила не суду присяжных, а коронному суду.

У нас, в советском суде, между народными заседателями и государственным судьей нет

различия. У нас судьи не только судьи факта, но и права. Они не только констатируют наличие тех или иных фактов, вменяемых в вину подсудимому, но и определяют самый размер наказания. Они решают вопрос уголовной политики, ибо важнейший вопрос уголовной политики заключается в наказании.

Некоторую попытку внести исправления в эту область в буржуазном процессе сделал так называемый суд шефенов. Некоторые наши юристы даже позволяют себе сравнивать наш суд с судом шефенов.

Но это неправильное сравнение. Суд шефенов (или «народных» представителей), это — суд цензовых элементов, мелкой буржуазии, имущих классов. Сам состав нашего суда не позволяет проводить параллель между нашим судом и немецким или австрийским судом, или судом шефенов. В фашистских странах судьей не может быть не-фашист. Беспартийных там в суде не бывает. У нас же судьи и нарзаседатели в подавляющей массе беспартийные.

Но основное в том, что наш суд строится на основе самодеятельности, активности, инициативы наших народных заседателей. Один немецкий процессуалист говорит, что суд шефенов состоит из коронного судьи и заседателей, «дремлющих» при судье.

Наш народный заседатель принимает участие в допросе, борется в совещательной комнате за свою точку зрения, а если он не согласен с решением суда, переносит свой протест в кассационную инстанцию.

В наших внешних условиях народный суд приобретает исключительное и особенное значение. Перед нашими судьями и прокурорами стоит задача овладеть большевизмом, в конкретной и специфической обстановке, в конкретных и специфических условиях работы суда и прокуратуры овладеть принципами большевизма. Максимальное укрепление суда и прокуратуры — наша основная политическая задача. Если задача укрепления материальной базы органов юстиции в значительной степени уже разрешена, то в области политической, идеологической, в области специфически юридического вооружения мы еще отстаем. Вредители из троцкистско-бухаринской шайки, ныне разоблаченные негодяи — Пашуканис, Берман, Аштрафьян, Волков, Шляпочников и другие в течение ряда лет отравляли наше сознание троцкистско-бухаринской контрреволюционной гнилью. Усердно прикрываясь именем Маркса, они отравляли наше сознание лжемарксистской теорией. В своих учебниках и выступлениях, в своей практической работе они осуществляли волю своих руководителей из германских фашистских разведывательных органов. Теперь они схвачены с поличным и разоблачены. Разоблачена и их подрывная «теоретическая» работа. Но и здесь перед нами стоят еще большие задачи.

В области общей теории права и государства, уголовного и гражданского права, нам надо окончательно выкорчевать остатки вредительских теорий Пашуканиса, Бермана и других. Под очень тонким, умело организованным прикрытием, Пашуканис и его группка стремились внушить мысль, что никакого социалистического права не существует. Они вредительски и лженаучно толковали соответствующие места «Критики Готской программы» Маркса. Они извращенно толковали «Государство и революция» Ленина, они всячески старались извратить ленинско-сталинскую постановку вопроса о роли права в пролетарской революции, о роли советского государства в борьбе за социализм.

Пашуканис прямо писал, что мораль, право и государство суть формы буржуазного общества и поэтому перед строителями социалистического государства и общества стоит задача разрушить эти буржуазные категории. Утверждая, что советское право есть не что иное, как форма такого же буржуазного права, он внушал недоверие к советскому праву, пытался дискредитировать наше советское право. Пашуканис утверждал, что советское право, как категория буржуазного общества, не может наполниться социалистическим содержанием. Следовательно, по Пашуканису, советское право не только по форме, но и по содержанию буржуазно.

Всячески маскируясь, эти господа пытались протащить контрреволюционную клеветническую мысль, что советское право есть буржуазное право, что никакого социалистического содержания в этом праве нет, следовательно нам незачем укреплять советское право, незачем бороться за торжество советского права.

Ведь враг не говорит: я — сторонник капитализма. Наоборот, он говорит, что он — сторонник социализма. Он клянется именем социализма. Он прикрывает таким образом свою предательскую работу. Пашуканис лицемерно писал: «Сейчас мы совершаем революционный переход от капитализма к социализму»...

Но дальше Пашуканис писал: «Имеется господствующий ведущий сектор... Но когда этот господствующий сектор все поглощает, тогда как раз начинается исчезновение права».

И выходит, что, признавая на словах победу социализма, обобществление мелкотоварного производства, превращение его в социалистическое, этот фашистский агент протаскивал контрреволюционную «теорию» о том, что как только социализм сделается господствующим сектором, то право сейчас же у нас исчезнет. Выходило, что незачем и нельзя построить систему советского права, что сама по себе эта задача внутренне противоречива. Пашуканис вредительски доказывал, что невозможно построить систему советского права, так как нет единого принципа, который можно было бы положить в основу этой системы. Это утверждение — клевета, ибо основой, определяющей содержание любой отрасли советского права, всеобщим принципом является диктатура рабочего класса, диктатура пролетариата.

На этой основе и необходимо построить систему советского права, как права социалистического государства рабочих и крестьян, победоносно осуществляющих диктатуру пролетариата. Эта основа — победа социализма в нашей стране, общественная, социалистическая собственность, которую мы призваны беречь больше своего ока, это — диктатура пролетариата, функцией которой является советское право. Советское право есть не что иное, как одна из форм проявления пролетарской диктатуры.

Вредительская «теория» Пашуканиса, эта, так называемая, «теория эквивалента», берет

свое начало от антимарксистского бухаринского «закона трудовых затрат». Бухарин, как и меньшевик Рубин, как и фашистский теоретик Вальтер, вопреки учению Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина утверждал, что закон стоимости — основной закон движения капиталистического общества — сохраняет свое действие и у нас, в социалистическом обществе, при коллективной собственности на орудия и средства производства.

Эта контрреволюционная дребедень была разоблачена, осуждена и разбита Лениным и Сталиным.

Основой нашей социалистической системы хозяйства является диктатура пролетариата. Диктатура пролетариата направляет и регулирует все народное хозяйство и его отдельные отрасли при посредстве одного из своих важнейших рычагов — социалистического плана. По Бухарину же наш план есть советская форма капиталистической стихии. А так как идеология не может быть оторвана от хозяйственных принципов, то естественно, что и право и мораль тоже не могут быть в этом государстве иными, чем те, которые определяются буржуазным принципом.

Теорийка Пашуканиса и всей его банды целиком отражала собой все установки правых реставраторов капитализма. Что, как не реставрацию капитализма, как не программу реставрации капитализма, представляло собой это, хотя бы, бухаринское разглагольствование о продолжающем действовать в нашем государстве «голеньком или в платьице» законе стоимости, законе трудовых затрат, законе, который является, якобы, регулятором и наших хозяйственных отношений? Это — контрреволюционная клевета на социализм, контрреволюционная клевета на государственный наш социалистический план, на наши великие сталинские пятилетки, победившие в нашей стране, проложившие дорогу победам социализма во всем мире.

Эти контрреволюционные «теории» оказали свое влияние и на теоретическую работу в области права. Они отравили сознание и ряда практических работников в области права своим ядом. Это возлагает на партийные, советские и судебные организации громадную ответственность, ставит перед ними задачу окончательного преодоления и выкорчевывания из нашего сознания вреднейших «теорий» этих презренных агентов японо-германского фашизма, этих реставраторов капитализма.

Овладеть большевизмом — для судебных работников—это значит вооружить себя марксистской, ленинско-сталинской научной теорией, умением применять ее к специфическим условиям судебно-правовой деятельности. Это значит уметь понять, увидеть, различить в конкретных фактах нашей действительности моменты борьбы между капитализмом и коммунизмом, составляющие основу современного общественного развития.

Ленин и Сталин неоднократно говорили, что чем ярче победа социализма, тем ожесточеннее становится сопротивление классовых врагов. Товарищи Ленин и Сталин учат, что с каждой новой победой социализма в сто крат усиливается ненависть и озлобление и бесноватость классовых врагов, которые будут все более и более стремиться переключить свою ненависть на еще более активные методы и формы борьбы против советской власти, на подтачивание самых основ нашего социалистического строительства.

А сейчас вопрос стал еще острее. Победы социализма в нашей стране превратили СССР в неприступную крепость и твердыню социализма, мощную опору в борьбе за коммунизм во всем мире.

Победа социализма в СССР — это не только наша новая могущественная социалистическая промышленность. Это и переделанная на социалистический лад старая единоличная, а теперь новая, счастливая, зажиточная колхозная деревня.

Победа социализма — это замечательные арктические перелеты сталинских богатырей, гордых соколов нашей страны, завоевавших Северный полюс, проложивших кратчайший путь между двумя материками. Победа социализма — это расцвет новой социалистической культуры, одним из носителей которой является и наш суд.

При всех недостатках наш суд неизмеримо выше любого буржуазного суда, потому что он проводит подлинную борьбу за интересы нашего социалистического государства, за интересы трудящихся, потому что это подлинно демократический суд.

Ленин писал, что нужно культурно бороться за законность, не забывая границ законности в революции.

Надо, однако, признать, что мы еще полностью этой задачи не разрешили, что культурно бороться за законность мы еще умеем недостаточно.

В отдельных случаях наши судьи, как и некоторые прокуроры, отстают от требований, предъявляемых к ним партией и правительством. Среди московских судей, в частности, имеются люди, в работе которых немало прорывов, изъянов, недостатков, которые сплошь и рядом в значительной степени уменьшают эффект работы судов, ослабляют их роль и подрывают авторитет нашего суда.

Пом. прокурора одного из районов г. Москвы, рассмотрев в порядке надзора жалобу гр-на Г. на решение о признании его отцом ребенка гр-ки Н., отказал в жалобе, увековечив свой отказ постановлением, поражающим своей неряшливостью и безграмотностью. В этом постановлении сказано буквально следующее:

«Доводы ответчика, что иск Никулиной не основанный считает утверждение ея голословным, не считая себя отцом ребенка «Чужой женщины». Эти доводы ответчика неосновательны потому, что исковые претензии истца не голословны, а от об близких (половых) взаимоотношений сторон родился ребенок, что истица работала у ответчика 5 лет и ничем предосудительном замечена не была, а являлась добросовестной преданной работницей. Утверждение же ответчика, что он не является отцом ребенка «чужой женщины» так же не основательны, ибо женщина не вещь, а равноправный гр-н по отношению к ответчику и собственности последний в ней не мог по закону, а потому не усматривая оснований к принесению протеста на решение Суда и определение ГКК, руководствуясь ст. 254 ГКК, постановил» и т. д.

Правда, такие «постановления» к счастью, представляют собой в нашей практике исключение, но все же даже в единичных случаях

они недопустимы и совершенно нетерпимы, особенно в Москве.

От прокуроров не отстают и судьи.

Нарсуд одного из участков Бауманского района г. Москвы в январе 1937 г. вынес по делу о взыскании алиментов решение, не уступающее указанному выше постановлению.

В этом решении народный суд записал: «Никаких данных о том, что он (ответчик гр. В-в.) с ней проводил время, за утверждением истицы, — нет. Истица не отрицает, что он даже спал на кровати, а она на полу с подругой и молодым человеком. Не установлено, что он до этого и после этого был с ней в близких отношениях. Свидетельница Чупчикова категорически утверждает, что истица жила с мужем, Истица же категорически отрицает и говорит, что не живет с 1930 г. и не знает где он».

Казалось бы, в иске при таких обстоятельствах надлежит отказать за недоказанностью иска. Но народный суд решил иначе: иск удовлетворить, ответчика В-ва признать отцом ребенка и обязать его выплачивать истице алименты...

Правда, этот народный судья освобожден от оказавшихся для него непосильными обязанностей по отправлению правосудия, но факт подобного решения остается фактом, нисколько не содействующим укреплению авторитета суда...

А вот еще одно решение, тоже московского народного суда, по делу о выселении.

Вот текстуально это решение:

«Выслушав стороны и ознакомившись с представленными документами, суд установил, что семья Цветковых, состоящая из мужа и жены по делу систематически создают условия невозможного проживания с ними соседей жильцов по квартире эти невозможности выражаются в том, что Цветков Н. Т. является инвалидом II гр., занимается исключительно сбором милостини (попрошанство) и на собранные деньги пьет водку до безчувствия, приходит в компату, а когда таковая бывает закрытой ложится и спит в коридоре или на кухне, делает испражнения мочи, создавая зловонья, приглашает к себе на кухню и в комнату ему подобных алкоголиков, устраивая выпивку, когда приходит его жена Цветкова Е. С. производит с ним скандал (шум и всякие версии). Все этого подтверждено показаниями и жильцами и свид. председ. правления жакта. Принимая во внимание вышеизложенное и что Цветков Н. Т. является неисправимый алкоголик, занимающийся нищенством, что этот вопрос имел место суждения в товарищеском суде, который предупреждал Цветковых, но это предупреждение не действует, суд на основании ст. 71 п. «д» и 174—175 решил: выселить Цветковых Н. Т. и Евд. Семеновну из занимаемой им комнаты по Машкову пер., 12 за невозможностью проживания».

Можно подумать, что народный судья, вынося это решение, задался специальной целью посмешить людей стилем, характером и логикой своего постановления? Можно ли мириться с подобным положением вещей, с подобным качеством судейской работы? Ясно, нельзя.

Приговор суда должен внушать уважение к суду, к его авторитету. Ведь решение суда, приговор публика выслушивает стоя. Было у нас время, когда леваки пытались ликвидировать все эти внешние атрибуты — разрешалось сидеть в зале суда в шапках, приговор суда выслушивать сидя, при выходе суда не вставать. Это было неправильно. Публика встречает выход суда стоя потому, что выходят представители государственной власти, готовые произнести сейчас от имени государства слова, которые решают судьбу человека.

Вставая при выходе суда, мы выражаем свое признание авторитета судебного приговора. Поэтому мы обязаны правильно, культурно, грамотно формулировать приговор, чтобы он вызывал чувство доверия, уважения со стороны граждан, выслушивающих его. Надо, и мы имеем для этого все данные, чтобы к нашему народному суду относились с уважением.

Мы знаем, что капиталистический суд является клоакой, но сила этого суда не только в методах насилия. Сила буржуазии в том, что она действует не только обухом и плетью: она действует еще и увещеванием, лицемерием, обманом. Кнут и пряник — вот ее методы работы.

Мы можем добиться уважения другими методами, достойными нас. Такими методами является не только справедливость и честность судьи, но и культура судьи.

Сейчас будут выборы судей и народных заседателей. По новой Конституции народный судья выбирается на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права и тайного голосования. В руках нашего населения выборы являются очень мощным средством проверки и отбора судей. И судьи, которые не сумели завоевать необходимое уважение, не могут рассчитывать ни на какой успех при выборах.

Всеобщее, равное, прямое и тайное голосование будет, как сказал товарищ Сталин, хлыстом в руках избирателей, которые этим хлыстом будут бить по бескультурью, бюрократизму, халатности, неуменью делать дело, порученное государственному служащему.

Оружие, которое дает в руки населению самый принцип формирования народных судов на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, требует от судьи еще большей политической, юридической и общей культуры.

Это требование совершенно естественно и обязательно. Сейчас никто не может оттовариваться тем, что он не успел научиться, не сумел подучиться. Сейчас мы имеем все возможности к тому, чтобы самый отсталый в культурном отношении человек в течение некоторого времени сделался самым передовым и культурным человеком. У нас есть ФОН, институты заочного образования, журналы и т. д. Но нужно работать над собой.

Выборы народных судей—это экзамен, крупнейший государственный экзамен, который призваны держать не только народные судьи, не только судьи вообще и не только Народный комиссариат юстиции Союза. Это экзамен, который будут держать перед нашей страной,

перед партией и государством все работники суда и прокуратуры.

Советская прокуратура, как и суд, несет на себе ответственнейшие задачи по укреплению революционной социалистической законности. Глава IX Сталинской Конституции посвящает специально несколько статей прокуратуре, подчеркивая ответственность и важность лежащих на ней обязанностей. На Прокурора Союза возложен Конституцией высший надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР (ст. 113).

Борьба за законность в советском государстве, борьба за единую всесоюзную социалистическую законность, утверждающую господство воли победившего и построившего свое новое, социалистическое общество рабочего класса — это почетная и глубоко ответственная обязанность. Эта борьба за законность органически связана с борьбой за укрепление пролетарской диктатуры, за укрепление нового советского правопорядка, за уважение к правилам социалистического общежития, за незыблемость советского строя и новой советской, социалистической культуры.

15 лет тому назад была учреждена советская прокуратура по инициативе Ленина и Сталина, гениально предвидевших ее важнейшую роль в деле социалистического строительства и борьбы со всеми врагами социализма. В историческом письме Ленина на имя товарища Сталина для Политбюро ЦК ВКП(б) в 1922 году «О «двойном подчинении и законности» Ленин писал, что «законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности являются попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской. Надо помнить, что в отличие от всякой административной власти прокурорский надзор никакой административной власти не имеет и никаким решающим голосом ни по одному административному вопросу не пользуется. Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» [1].

В этих словах с исчерпывающей полнотой указывается на всю ту роль, какая принадлежит органам прокуратуры в советском государстве.

[1] Ленин, т. XXVII, стр. 299.

Вопреки всем вредительским «теориям» троцкистско-бухаринских предателей, немало приложивших усилий к тому, чтобы дискредитировать роль и значение советского права и советской законности, чтобы засорить головы и сознание людей изменнической болтовней об отмирании государства и права, а, следовательно, и суда и прокуратуры, как первых проводников закона, победивший социализм в нашей стране, нашедший такое блестящее свое выражение в великой Сталинской Конституции, не только не ослабил, но еще в большей мере укрепил роль и значение советского закона и органов, призванных его охранять и защищать.

Вот почему в наше время так беспредельно возросла и роль советской прокуратуры, на которую великая Сталинская Конституция возложила специальный надзор за точным исполнением законов.

Предстоящие выборы марсудей являются генеральной проверкой политической зрелости и подготовленности к выполнению своих ответственных функций не только судей, но и прокуроров. И это вполне понятно, так как прокурор не может не отвечать за работу суда ввиду теснейшей связи, существующей между этими двумя плоскостями работы нашей юстиции.

Если прокурор дельный, грамотный, политически воспитанный, умеет работать с судом и в суде, занимается судебной работой, уделяет внимание суду, то не может быть некультурных приговоров и определений.

Кое-кто из прокуроров думает, что выборы судей их не касаются. Это неверно. Избиратель не может выбирать судью, не давая оценки работы суда. А оценивая работу суда, нельзя не дать оценки работы прокурора, ибо суд это тот участок, на котором протекает вся практическая творческая работа не только судьи, но и прокурора.

Вот почему выборы судей — это есть огромнейшей важности общественный, политический экзамен, который должны держать перед нашей страной, партией, государством, рабочим классом, перед историей наши судьи, и который будут держать вместе с судьями и наши прокуроры.

Партия и правительство уделяют исключительное внимание подготовке к выборам, к судебной и прокурорской работе. Это обязывает нас обеспечить новое, высокое, по-ленински социалистическое качество нашей прокурорской и судебной работы.

Г. ЛЕПЛЕВСКИЙ

Конституция СССР[1]

25 октября (7 ноября) 1917 г. рабочий класс при поддержке основных масс крестьянства, под прямым и непосредственным руководством партии Ленина—Сталина свергнул буржуазию и помещиков и взял власть в свои руки.

Была ли Конституция принята немедленно после взятия нами власти?

В конце 1918 г. Владимир Ильич писал: «Советы возникли без всякой конституции и б о л ь ш е г о д а (с весны 1917 до лета 1918) жили без всякой конституции».

В июне 1917 г. состоялся Первый всероссийский съезд советов. Это был еще съезд советов, на котором эсеры и меньшевики имели громадное, подавляющее большинство. На этом съезде большевики составляли незначительный сектор. И когда один из лидеров соглашательского лагеря вызывающе поставил с трибуны съезда вопрос о том, имеется ли в нашей стране такая партия, которая готова взять власть в свои руки, то к удивлению громадного большинства съезда раздался твердый и уверенный голос, что такая партия есть. Это был голос Владимира Ильича Ленина, и это был голос большевистской партии — авангарда революционного пролетариата.

С октября 1917 г., когда власть полностью перешла к советам, прошло 8 месяцев до того момента, когда Пятый всероссийский съезд советов (10 июля 1918 г.) принял Конституцию — (основной закон) Российской социалистической федеративной советской республики.

Только ли в нашей стране так было, только ли после пролетарской революции в России Конституция была принята с опозданием?

Если обратиться к истории освободительного движения, в частности, к истории великой буржуазной французской революции (1789 г.), то мы увидим, что и там не сразу после свержения феодально-дворянской знати была принята конституция. И не случайно то обстоятельство, что когда среди якобинцев шло обсуждение вопроса о своевременности принятия конституции, один из лидеров правого крыла монтаньяров, Дантон, защищая несвоевременность проведения конституции, заявил, что, когда интересы народа этого требуют, законы молчат.

Этим Дантон, которого Маркс назвал одним из величайших мастеров революционной стратегии, хотел сказать только то, что, когда класс стоит против класса в открытом бою, когда идут острые схватки с врагом, некогда думать о конституции. Но как только новая революционная власть укрепляется, распространяет свое влияние на большую часть территории или на все государство, то наступает время принятия конституции, вступление в силу которой является жизненной необходимостью победившего класса.

Итак, в июле 1918 г. заседал Пятый съезд советов, принявший первую нашу конституцию, Конституцию Российской социалистической федеративной советской республики.

При этом нельзя никак сказать об указанном периоде, что это был период затишья. Как известно, Пятый съезд советов совпал с авантюрой левых эсеров, стремившихся свергнуть советское правительство и передать власть буржуазии. Мелкая буржуазия, настроение которой тогда отражали левые эсеры, сама по себе никогда не бывает в состоянии удержать самостоятельно власть сколько-нибудь продолжительное время. Как известно из истории политического движения других народов, временное господство мелкой буржуазии всегда кончалось переходом власти к крупной буржуазии, как к настоящим хозяевам положения в буржуазных странах.

Первым разделом Конституции РСФСР 1918 г. является декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа. Эта декларация, составленная товарищами Лениным и Сталиным, была утверждена еще Третьим всероссийским съездом советов в январе 1918 г. В первом пункте этой декларации говорится:

«Россия объявляется республикой советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам».

Далее провозглашается, что основной задачей Советской республики является:

«Уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества, и победа социализма во всех странах». И далее, в этой же декларации говорится:

«Теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплоататорами, эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти».

В Конституции особо подчеркивается основная задача советской власти, а именно — установление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в целях «полного подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Для обеспечения трудящимся действительной свободы выражения своих мнений Конституция предусматривает передачу в руки рабочего класса и крестьянской бедноты органов печати и типографий; предоставление в распоряжение трудящихся пригодных для устройства народных собраний помещений и всяческое содействие рабочим и беднейшим крестьянам в деле их свободной организации; обеспечение им всестороннего бесплатного образования. Наконец, труд провозглашается Конституцией обязанностью всех граждан республики — «Не трудящийся — да не ест».

Вот краеугольные камни — основы нашей первой Конституции Российской социалистической федеративной советской республики.

[1] Обработ. стенограмма выступления на консультации в парткабинете в МК и МГК ВКП(б) 16 июля 1937 г.

Как случилось, что рабочий класс и основная масса крестьянства, руководимые большевистской партией, вышли победителями после октябрьского восстания? Ясный ответ на этот вопрос дан в одной из замечательнейших книг Владимира Ильича, в книге «Удержат ли большевики государственную власть». Этот труд написан накануне восстания, он дышит революционным пафосом и целиком проникнут дыханием октябрьских боев.

Владимир Ильич подчеркивает, что победа рабочего класса в нашей стране была бы немыслима, если бы народная фантазия не изобрела советов. В этом произведении Владимир Ильич вскрыл существо самой природы советов. Наряду с этим произведением Ленина существо и природа советов с исключительной глубиной и ясностью вскрыты в классической непревзойденной работе Сталина «Вопросы ленинизма».

Товарищ Сталин следующим образом формулирует сущность и силу советов.

«В чем состоит сила Советов в сравнении со старыми формами организации?

... В том, что Советы являются наиболее мощными органами революционной борьбы масс, политических выступлений масс, восстания масс, органами, способными сломить всесилие финансового капитала и его политических придатков.

В том, что советы являются непосредственными организациями самих масс, т. е. наиболее демократическими и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении им и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада, в борьбе за новый, пролетарский уклад».

Далее товарищ Сталин продолжает:

«Советская власть есть объединение и оформление местных советов в одну общую государственную организацию, в государственную организацию пролетариата, как авангарда угнетенных и эксплоатируемых масс и как господствующего класса,—объединение в республику советов.

... Республика советов является, таким образом, той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма.

Парижская коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением».

«Вот почему Советская власть является новой формой государственной организации, принципиально отличной от старой, буржуазно-демократической и парламентарной формы, новым типом государства, приноровленным не к задачам эксплоатации и угнетения трудящихся масс, а к задачам полного их освобождения от всякого гнета и эксплоатации, к задачам диктатуры пролетариата».

Как видите, товарищ Сталин дал исчерпывающее определение силы, сущности и самой природы советов. Без усвоения формулы товарища Сталина нельзя как следует разобраться в нашем государственном устройстве, и каждый, кто хочет глубоко усвоить структуру и характер нашего советского государства, должен почаще заглядывать в эти замечательные страницы.

Если разбить историю советского государства на периоды,[1] то можно было бы выделить несколько основных этапов. Эта периодизация, само собой разумеется, является условной.

Первый период — это период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции.

Второй период — это период гражданской войны.

Третий период — переход на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. Этот третий период есть период восстановления народного хозяйства, который начался немедленно с окончанием гражданской войны. Эта новая форма союза рабочего класса с крестьянством, с подавляющим его большинством, с бедняками и середняками, была осуществлена благодаря гениальному стратегическому плану, выработанному и проведенному в жизнь нашими вождями Лениным и Сталиным.

В своей книге «О продналоге» (1921 г.) Владимир Ильич указал на наличие пяти различных общественно-экономических укладов в нашей стране.

«1. Патриархальное, то есть в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2. Мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3. Частно-хозяйственный капитализм;

4. Государственный капитализм;

5. Социализм».

При этом Ленин подчеркнул, что Россия так велика и пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

Своеобразие именно в этом общественно-экономическом характере нашей страны периода 1921 г., когда все пять хозяйственных укладов в ней уживались вместе. И вот от этих пяти весьма пестрых хозяйственных укладов надо было итти к установлению единого планового хозяйства в нашей стране через стремительный период его восстановления.

Четвертый период — это борьба за социалистическую индустриализацию страны.

С того момента, когда восстановительный период подошел к концу, надо было наше хозяйство перевести на новую, более высокую ступень. Эта громадной важности историческая задача социалистической индустриализации страны, поставленная товарищем Сталиным в его докладе на XIV съезде партии, была Страной советов под управлением и непосредственным руководством коммунистической партии великолепно выполнена.

И, наконец, пятый период — период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства. Сельское хозяйство представляло собой тогда, как говорил товарищ Сталин на Восьмом всесоюзном съезде советов, океан мелких, раздробленных хозяйств, которые надо

[1] Применительно к схеме, указанной товарищем Сталиным в письме «Об учебнике истории ВКП(б)», «Большевик», № 9, 1937 г., стр. 10.

было перевести на социалистические рельсы, и эта задача партией большевиков была блестяще разрешена.

Переживаемый нами в настоящее время период характеризуется борьбой за завершение строительства социалистического общества и проведение в жизнь новой Сталинской Конституции.

На Втором съезде советов СССР (январь 1924 г.) была принята новая конституция, Конституция Союза советских социалистических республик. Хотя датой Конституции является январь 1924 г., однако, до этого момента вопрос об этой новой Конституции не только возникал, но и был уже предрешен. Вопрос о новой Конституции был предрешен на Первом съезде советов Союза ССР по докладу товарища Сталина. В этом докладе (30 декабря 1922 г.) товарищ Сталин сказал:

«... сегодняшний день является не только итоговым, он является вместе с тем днем торжества новой России над старой, над Россией — жандармом Европы, над Россией — палачом Азии. Сегодняшний день является днем торжества новой России, разбившей цепи национального угнетения, организовавшей победу над капиталом, создавшей диктатуру пролетариата, разбудившей народы Востока, вдохновляющей рабочих Запада, превратившей красный стяг из знамени партийного в знамя государственное и собравшей вокруг этого знамени народы советских республик для того, чтобы объединить их в одно государство, в Союз Советских Социалистических Республик, прообраз грядущей Мировой Советской Социалистической Республики».

По докладу товарища Сталина съезд постановил:

«1. Декларацию и союзный договор в основном утвердить.

2. Ввиду чрезвычайной важности принятой декларации и заключенного договора и желательности выслушать окончательные мнения всех входящих в Союз республик о тексте настоящего договора передать декларацию и договор на дополнительное рассмотрение циков союзных республик с тем, чтобы отзывы союзных республик были представлены ЦИК СССР к ближайшей очередной его сессии.

3. Поручить ближайшей очередной сессии ЦИК Союза ССР рассмотреть полученные отзывы, утвердить текст декларации и союзного договора и немедленно ввести его в действие.

4. Поручить ЦИК Союза ССР подготовить ко II съезду советов Союза окончательный текст декларации и союзного договора и представить его на окончательное утверждение II съезда».

Вот какое решение уже было вынесено до 1924 г., до Второго съезда советов Союза ССР. Но не только этот законодательный акт предрешил вопрос об образовании Союза советских социалистических республик. Еще в ноябре 1918 г. Всероссийский исполнительный комитет обратился к трудящимся Украины, Закавказья, Северного Кавказа, Крыма и др. с призывом объединить свои силы для отпора врагу.

В январе 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство советской Украины поставило вопрос об объединении УССР и РСФСР на федеративных началах. Таким образом, мысль руководителей советского государства и основоположников нашей партии все время работала над вопросом о том, чтобы объединить все усилия советской республики для отпора внутренней контрреволюции и международному империализму, который все время, всеми силами и средствами, прямой интервенцией, предпринятой в достаточно широком масштабе, экономической, золотой блокадой и другими путями давал о себе знать, стремился, если не уничтожить советскую власть, то хотя бы подорвать мощь нашей советской республики. Мечта о разгроме советской республики никогда не покидала империалистов.

В июне 1919 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет, исходя из предложений советских республик Украины, Белоруссии и др., издает постановление об объединении этих республик с РСФСР для борьбы против мирового империализма. К сожалению, объединение не было осуществлено, так как все республики, кроме РСФСР, находились тогда под гнетом внешней и внутренней контрреволюции. Это объединение советских республик удалось осуществить только в конце 1920 г., причем в постановлении, принятом по этому поводу Четвертым всеукраинским съездом советов 20 мая 1920 г., говорилось: «Всеукраинский съезд советов заявляет, что УССР, сохраняя свою самостоятельную государственную Конституцию, является членом Всероссийской Социалистической Федеративной Советской Республики».

По мере освобождения советской территории от белогвардейцев и интервентов воссоздаются республики в Средней Азии и Закавказье, которые вступают в договорные отношения с РСФСР.

В течение 1920—1922 гг. были созданы и вступили в договорные отношения с РСФСР Хорезмская и Бухарская народные советские республики, Азербайджанская, Грузинская и Армянская советские социалистические республики.

Таким образом, имеется целый ряд исторических дат, указывающих на то, как РСФСР последовательно делала решительные попытки к тому, чтобы силы всех других республик были объединены в такое государство, которое способно было бы разгромить внутреннюю и внешнюю контрреволюцию.

Конституция СССР, принятая в 1924 г., объединяла 4 союзных республики: Российскую, Украинскую, Белорусскую и Закавказскую.

Помимо этого в состав Закавказской федерации входили 3 республики: Грузия, Азербайджан и Армения. В Союз ССР они входили не так, как входят автономные республики в РСФСР, а на несколько иных основаниях, — они входили как республики договорные. И поэтому в тексте Конституции 1924 г. говорится не только о Закавказской федерации, но в скобках указано, какие именно республики входят в Закавказскую федерацию.

13 мая 1925 г. Третий всесоюзный съезд советов распространил договор об образовании Союза ССР на Туркменскую и Узбекскую ССР, а 17 марта 1931 г. Шестой съезд советов включил в Союз советских социалистических республик Таджикскую ССР.

По новой Сталинской Конституции от 5 декабря 1936 г. в Союз советских социалистических республик входят 11 республик: РСФСР, УССР, БССР, Азербайджанская ССР, Грузинская ССР, Армянская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР, Таджикская ССР, Казахская ССР и Киргизская ССР.

Закавказская федерация, как сделавшая свое историческое дело, упразднена, а входившие в ее состав Азербайджанская, Грузинская и Армянская республики, за последние 10 лет чрезвычайно окрепшие и выросшие в хозяйственном и культурном отношении, превращены в союзные республики.

Кроме того, новыми союзными республиками, как указано, являются Казахская и Киргизская республики, прошедшие своеобразный исторический путь и достигшие при советской власти расцвета своих материальных и духовных богатств.

Для того чтобы ясно представить себе характер нашего советского государства, получившего свое юридическое оформление в Конституции 1924 г., достаточно привести следующую цитату из доклада товарища Сталина по национальному вопросу на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 года.

Товарищ Сталин говорил: «Национальный вопрос, имеющий в своей основе задачи установления правильных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и между крестьянством инонациональным, в данный момент принимает особую форму установления сотрудничества и братского сожительства тех народов, которые раньше были разобщены и которые теперь объединяются в рамках единого государства. Вот суть национального вопроса в той форме, которую он в 1923 году принял. Конкретную форму этого государственного объединения представляет тот Союз республик, о котором мы говорили еще в конце прошлого года на съезде советов и который мы учинили тогда».

Эти слова товарища Сталина исчерпывающе объясняют национальный характер нашего советского государства, объединяющего 60 самостоятельных национальностей.

Характер нашего государства и тот последовательный социалистический интернационализм, который нашел свое яркое выражение в нашей Сталинской Конституции, своими корнями уходят в Конституцию 1924 г. Принципиальное значение Конституции 1924 г., как и Конституции 1918 г., заключается в том, что она была построена по принципу ленинско-сталинской национальной политики, политики, основанной на равноправии национальностей бывшей Российской империи, на полной добровольности вхождения союзных республик в Союз советских социалистических республик.

Конституции 1918 и 1924 гг. являлись выражением действительного братства народов, были государственными актами, выражавшими взаимное уважение и братскую солидарность различных национальностей, объединившихся на основе взаимного доверия и единства политических идеалов для борьбы за установление нового социалистического общества.

Переходя к последнему этапу, к Сталинской Конституции, уместно дать несколько основных цифр, характеризующих экономический рост нашей страны, тот гигантский рост, который обусловил возможность перехода к новой Конституции.

В 1913 г. удельный вес промышленности валовой продукции народного хозяйства (в ценах 1926—1927 гг.) не превышал 42,1%, тогда как удельный вес сельского хозяйства достигал 57,9%.

В настоящее время это соотношение изменилось в сторону чрезвычайно резкого повышения удельного веса промышленности в валовой продукции народного хозяйства.

К 1935 г. фонд социалистической промышленности, по сравнению с 1928 г., увеличился в 4,2 раза. Фонды транспорта и связи почти удвоились, а фонды социалистического сектора сельского хозяйства увеличились в 9 с лишним раз.

В итоге удельный вес социалистического сектора народного хозяйства в 1925 г. составлял 97,8%. Удельный вес социалистической промышленности в народном доходе за пять лет (1930—1935 гг.) поднялся с 24,2% до 52%. Колоссально вырос торговый оборот. Если взять текущий народнохозяйственный год, то торговый оборот его должен превысить 130 миллиардов рублей. Картину происшедших социальных сдвигов, изменений классовой структуры нашего государства со всей яркостью обрисовал глава нашего правительства товарищ В. М. Молотов в его отчетном докладе Седьмому съезду советов:

«Пролетарское население с 16% в 1913 г. увеличилось до 28,1% к началу 1934 г. Из крестьянской трудовой массы выделились крестьяне-колхозники, которые к началу 1934 г. составляли уже 45,9% всего населения страны, а теперь составляют свыше половины нашего населения. Крестьяне-единоличники к началу 1934 г. составляли только 22,5%, а теперь этот слой еще значительно сократился. Буржуазная часть страны, которая в 1913 г. составляла 15,9% населения, как известно, ликвидирована, а некоторые из этих господ просто выброшены за границу. Известная часть принадлежавших ранее к буржуазному слою людей успела понять происшедшие события и найти свое место в рядах трудящихся, строящих новую жизнь.

Но это не значит, что мало осталось выродков буржуазии, последышей всех этих дворян, купцов, фабрикантов и кулаков, которые не считают теперешнюю свою жизнь удобной. И об этом нам надо помнить.

Таким образом, если даже взять только две социальные группы — рабочих и колхозников, — то они уже к началу 1934 г. составляли 74% всего населения. К началу 1935 г. рабочие вместе с колхозниками составят свыше трех четвертей всего населения».

Еще более разительны успехи, достигнутые советским государством в последние годы.

Перед лицом таких побед на всех участках нашего народного хозяйства и нашего культурного строительства, надо ли удивляться тому, что мы приняли новую Конституцию, что мы приняли документ величайшего исторического значения, приковавший к себе внимание не только всех трудящихся нашей страны, но и всего мира.

Наша Конституция, принятая на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов по докладу Председателя Конституционной комис-

сии товарища Сталина и по праву названная Сталинской Конституцией, замечательна тем, что она вся пронизана духом социалистического демократизма.

Как раз в то время, когда буржуазия в фашистских странах сделала все возможное, чтобы вытравить последние остатки буржуазной демократии, советское государство восприняло все лучшее, что было в старой демократии, все передовое, прогрессивное и на основе победившего в нашей стране социализма расширило демократию и придало ей подлинно социалистический характер.

Сталинская Конституция является высшим выражением подлинной демократии, она обеспечивает всем гражданам нашего Союза прямое, равное и тайное голосование. В новой Сталинской Конституции, в отличие от Конституции 1924 г., проведена грань между законодательными функциями, с одной стороны, и исполнительными и распорядительными функциями государственных органов управления — с другой стороны.

По нашей новой Конституции единственным законодательным органом в Союзе ССР является Верховный совет СССР, состоящий из двух равноправных палат — Совет Союза и Совет национальностей.

Президиуму Верховного совета СССР в период между сессиями Верховного совета предоставлено право толкования законов. Законы будут издаваться только Верховным советом СССР. Президиум Верховного совета СССР вправе издавать указы. Распорядительным и исполнительным органом, т. е. высшим органом управления СССР, является Совет народных комиссаров СССР, которому предоставлено право издавать постановления и распоряжения на основании и во исполнение действующих законов.

Наркоматам СССР предоставлено право в пределах своей компетенции издавать приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета народных комиссаров СССР.

В соответствии с этим принципом действуют также высшие органы государственной власти в союзных республиках.

Приходится ли при этом говорить о том, что мы в какой бы то ни было степени проводим принцип разделения властей? Ни в какой степени. Советская власть у нас едина. Статья 2 Конституции СССР гласит: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата».

***

Наша Конституция — действительно Конституция самого свободного государства. Это — Конституция самого демократического в мире государства.

Наша страна имеет немало врагов. Эти враги не останавливаются ни перед какими преступлениями, чтобы удержать неумолимый ход истории человечества. Причины преступной работы врагов до конца вскрыты товарищем Сталиным в его докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б). Капиталистическое окружение — вот, что питает этих врагов. Капиталистические державы засылают к нам диверсантов, изменников, шпионов и прямых убийц в целях ослабления мощи нашего пролетарского государства.

Процесс троцкистско-зиновьевского центра (Зиновьева, Каменева и др.), процесс 17 фашистских наемников (Пятакова, Радека, Серебрякова и др.), недавний процесс 8 предателей, изменников, агентов японской и германской разведок (Тухачевского, Якира, Уборевича и др.), — все это наглядно показывает нам, как высоко нужно поднимать и укреплять революционную бдительность, как надо разоблачать изо дня в день преступные махинации последних остатков классового врага, как надо беспощадно бороться с троцкистскими, зиновьевскими, бухаринскими, рыковскими и другими фашистскими выродками, со всеми предателями и изменниками делу социализма.

Сила и мощь нашей страны неисчерпаемы. Разгром троцкистско-бухаринского отребья, ликвидация последствий диверсионно-подрывной работы врагов уже сказались на всех отраслях нашего народного хозяйства.

Огромные успехи железнодорожного транспорта, промышленности, изумительные подвиги наших летчиков, обильный урожай социалистических полей, спокойная мощь и сила нашей Красной армии, крепость рядов великой большевистской партии, руководимой таким титаном мысли и революционного действия, как товарищ Сталин, — вот надежные гарантии того, что новому социалистическому обществу обеспечен дальнейший расцвет. Вот почему наше социалистическое государство рабочих и крестьян прекрасно и непобедимо.

А. СОЛЬЦ

Пять лет

Пять лет прошло с тех пор, как советская власть поставила под особую охрану социалистическую собственность, имущество государственных предприятий, колхозов и кооперации.

Социалистическая собственность священна и неприкосновенна,—провозгласили ЦИК и Совнарком Союза, а потому покушающиеся на нее являются врагами народа, с которыми, как с врагами, и следует расправляться. За хищение железнодорожных грузов, урожая с полей, скота и запасов из складов и магазинов следует применять суровую санкцию закона с конфискацией имущества.

Это постановление знаменовало собой новую эпоху нашей жизни, нашего строительства, оно показало, что мы подошли к такому периоду нашего строительства, когда государственная и общественная, социалистическая собственность, ее рост, ее охрана становятся одной из основных наших задач. Собственность стала для нас священной и неприкосновенной, когда она является государственной, колхозной или кооперативной. Постановление 7 августа 1932 года и отмечает тот момент в нашей жизни, когда собственность на средства производства стала основой всего нашего строя. Собственность эта — наша, созданная нашим социалистическим трудом, энергией, творчеством и усилиями, и враг наш тот, кто на нее покушается.

Однако, этот закон, несмотря на своевременность его издания, целесообразность его и необходимость, не сразу был воспринят как следует прокурорскими и судебными органами. На него просто мало обратили внимания и в практике мало его применяли. В некоторых районах в первые месяцы после его издания не было возбуждено ни одного дела по закону 7 августа. Только после январского пленума ЦК и ЦКК в 1933 г. и доклада товарища Сталина на нем об охране социалистической собственности произошел перелом в работе органов юстиции и число дел значительно возросло, даже в гораздо большем количестве, чем это по существу требовалось. Хотя ясно было, что тяжесть судебной репрессии по закону 7 августа следует направлять не по отдельным случаям незначительных растрат и хищений, а по случаям крупных, злостных и организованных хищений и растрат, но на деле в весьма значительном количестве случаев этот закон применялся там, где для него не было места. Бывали случаи, когда по закону 7 августа судили за кражу двух яиц, кочана капусты, одного кило сахара и т. д. В одном из районов Уральской области к 10 годам присудили трех работниц за то, что они унесли с собой две порции обеда. Теперь вскрылось, что такие приговоры умышленно выносили пробравшиеся в ряды судебно-прокурорских работников враги народа, вроде бывшего председателя Ленинградского областного суда Чудновского, бывшего прокурора Пальгова и др.; по поручению правительства, для устранения всех этих незаконных действий, дела осужденных по закону 7 августа за 1933 и 1934 гг. были пересмотрены и ошибки исправлены.

В результате этой работы закон 7 августа стал применяться правильно. Количество дел по этому закону значительно понизилось и выносимые решения в основном соответствовали содеянному.

Если количество осужденных по этому закону в 1933 г. принять за 100%, то в 1934 г. оно снизилось до 33%, в 1935 г. — до 12%, а в 1936 г. — до 4%. В первую очередь, такое значительное понижение имело место в результате лучшей работы суда и прокуратуры и переквалификации значительного количества дел с закона 7 августа 1932 г. на ст. 162. Во вторую очередь, произошло это потому, что борьба с хищниками, решительная и беспощадная, отбила охоту заниматься столь «рискованным» делом. В третью очередь, на понижение количества этих дел повлияла лучшая работа органов, которым поручена охрана нашей социалистической собственности.

Самое издание закона, подчеркнутое внимание к нему правительства явились причиной резкого понижения этих преступлений. Если в количественном отношении первую роль играет переквалификация дел по другим статьям, то, по существу, в вопросе изживания этих преступлений огромное значение имеют наша бдительность и бережное отношение к социалистической собственности. Поэтому именно в эту сторону должно быть направлено прежде всего наше внимание, внимание не только непосредственных работников, которым доверена охрана социалистической собственности, но и прокуратуры и суда. Проверка ряда дел по закону 7 августа 1932 года показала, что подавляющее большинство хищений не превышает 20—30 тыс., что происходят хищения, главным образом, в заготовительных пунктах и, в первую очередь, потому, что охрана этой собственности недостаточно организована. В этих хищениях обыкновенно имеется большое количество участников. Но суд и прокуратура мало внимания обращают на тех, кто допустил эту растрату, и в отношении их ограничиваются общественным порицанием или незначительным сроком принудработ, а между тем последние то и являются главными, хотя и не непосредственными, виновниками этих хищений. По отношению к ним карательная санкция должна быть увеличена.

В Киргизской ССР шофер одного совхоза подъехал к конторе совхоза, вынес и погрузил кассу с 15 000 руб. и скрылся. Контора не охранялась, а директора даже и к суду не привлекли. В Казахстане экспедитор облпотребсоюза выдал извозчикам на 11 257 руб. товара, не поинтересовавшись даже, кто они такие. За присвоение этих товаров и продажу их извозчики получили по 10 лет по закону 7 августа, а экспедитор по ст. 111 УК один год исправительно-трудовых работ.

Борьба за охрану социалистической собственности только тогда даст значительные результаты, когда, наряду с беспощадной борь-

бой с хищниками нашей собственности, прокуратура потребует, а суд ударит крепко по тем, кто своей халатностью и бесхозяйственностью создает благоприятную обстановку для хищения.

В целом закон применяется правильно, но промахи и неправильности еще имеют место, а между тем, самая суровость закона 7 августа требует со стороны органов юстиции, и прежде всего от суда сугубо вдумчивого отношения при решении вопроса о целесообразности применения к виновнику закона 7 августа. Однако дела, прошедшие в порядке надзора через Прокуратуру Союза, не дают уверенности, что этот вдумчивый подход всегда имеет место. Так, например, нарсуд Бол. Сосновского района осудил по закону 7 августа на 10 лет 19-летнего Наверухина, служащего, за растрату 3249 руб. кооперативных денег. Применение закона 7 августа к несудившемуся юноше 19 лет явно нецелесообразно, и Прокуратура СССР предложила дело пересмотреть, переквалифицировав его преступление на ст. 116. За то, что ответственный исполнитель Трудов, несудимый, разбазарил 11 ц 96 кг зерна, присвоил 9 мешков на 225 руб. и не отчитался в 460 руб., он был присужден к 10 годам по закону 7 августа, с конфискацией всего имущества и удовлетворением гражданского иска в 1423 руб. Прокуратура СССР предложила это дело также пересмотреть и переквалифицировать преступление Трудова по ст. 109, с применением соответствующего этой статье наказания, удовлетворив гражданский иск.

При разрешении вопроса о применении закона 7 августа нельзя исходить исключительно из размеров растраты. Необходимо учитывать, что было расхищено и в какой мере выявляется зловредность похитителя. Когда в Прокуратуру Союза были поданы жалобы осужденных по закону 7 августа за хищение 6912 кг зерна и 10—15 т керосина, то Прокуратура Союза отказала в протесте, хотя ценность похищенного не так уж была крупна. Вредны и требуют расправы хищники продукции, которая является результатом труда огромного коллектива, продукции, столь необходимой социалистическому государству.

Мы должны лучше применять закон 7 августа, лучшие выводы делать для охраны социалистической собственности из практики его применения, из более внимательного изучения имеющих место преступлений для того, чтобы сделать более и более невозможными эти преступления. Преступлений по закону 7 августа 1932 г. наблюдается все меньше и меньше. За 1936 г. у нас количество осужденных по закону 7 августа понизилось в три раза по сравнению с 1935 г., но необходимо, чтобы, оставляя в полной сохранности этот закон, применяя его беспощадно к тем, кто заслуживает кару по этому закону, мы не применяли его там, где он не требуется. Для этого должна быть хорошо поставлена работа органов, в руках которых эта собственность находится. Хороша должна быть работа органов суда и прокуратуры. Беречь надо социалистическое добро, но надо беречь и самое ценное, по указанию товарища Сталина, наше социалистическое добро — человека. Хозяйственники должны внимательно подходить к подбору кадров, контролеры — бдительно следить за работой хозорганов, прокурор и суды — добросовестно в этих делах разбираться, тогда не будет необходимости применять закон 7 августа.

Вот, что мы должны сказать ко дню пятилетия этого закона.

И. САПГИР

Охрана прав личной собственности граждан

Лежащие в основе различных общественных систем формы собственности образуются в результате определенного соотношения классовых сил в стране.

Естественно, поэтому, что формы собственности должны быть зафиксированы в Конституции, в основных законах государства, которые по единственному научному определению сущности Конституции «выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе» (Ленин).

Поэтому всякая конституция является выражением принципа собственности, который господствует в данных общественных отношениях.

Сталинская Конституция, Конституция нашей великой социалистической родины, «представляет собой итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний», является «регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле»[1].

Выражая политическую и экономическую структуру социалистического общества, Сталинская Конституция основывается на том, что в нашей стране

«... нет уже больше антагонистических классов, что общество состоит из двух дружественных друг другу классов, из рабочих и крестьян, что у власти стоят эти именно трудящиеся классы, что государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу, как передовому классу общества, что конституция нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, угодные и выгодные трудящимся»[1].

Таким образом, в нашей стране уже осуществлен общественный порядок, который имеет одну только цель — удовлетворение интересов трудящихся.

Только в СССР

«... мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни»[1].

---

[1] Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

[1] Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

Господство социалистической экономики означает господство общественной, социалистической собственности, как действительно командующей силы. От роста и укрепления несокрушимой базы всей нашей экономики в лице общественно-социалистической собственности, являющейся единственным и неиссякаемым источником зажиточной жизни сотен миллионов трудящихся нашей страны, зависит и личное благополучие каждого гражданина Союза ССР в отдельности.

Наши враги нагло лгали в своих утверждениях, что социализм отрицает всякую собственность.

Еще на заре борьбы пролетариата за коммунизм Маркс и Энгельс писали:

«... Мы вовсе не желаем упразднить это личное присвоение продуктов труда, служащих для воспроизводства непосредственной жизни, присвоение, не оставляющее никакого чистого дохода, который мог бы создать власть над чужим трудом. Мы хотим только упразднить нищенский характер этого присвоения, при котором рабочий живет только для того, чтобы увеличивать капитал и живет лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующего класса» [1].

Всякому честному, сознательному человеку ясно, что речь шла не об отрицании собственности вообще, а об отрицании такой собственности, которая создает власть над чужим трудом и заставляет рабочего жить и работать в интересах буржуазии.

Отрицалась не всякая собственность, а отрицалось то, что производство мыслимо только на основе частной собственности.

Речь шла о разнице между частной собственностью и личной собственностью. Речь шла о частной собственности, служащей орудием порабощения человека, и о личной собственности, служащей одним из источников удовлетворения личного потребления трудящегося.

В главе 22 «Капитала» Маркс определяет буржуазную собственность так:

«Для капиталиста собственность есть право на присвоение чужого неоплаченного труда или продукта его. Для рабочего же собственность означает невозможность присвоить себе свой собственный продукт».

Марксо-ленинско-сталинское учение вскрыло связь и зависимость между формой владения орудиями и средствами производства и формой распоряжения предметами личного потребления.

«Всякое распределение средств потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Последнее же распределение составляет характерную черту самого способа производства», разъяснял Маркс [2].

В стране победившего социализма с уничтожением частной собственности на средства производства социалистическая индустрия, социалистическое земледелие стали всенародным достоянием; осуществлен принцип первой фазы коммунизма: «от каждого по его способностям, каждому — по его труду», полностью оправдавший на деле прозорливое высказывание Маркса о зависимости между способом производства продуктов личного потребления и способом их распределения и потребления.

В буржуазных конституциях оформляются опирающиеся на частную собственность общественные отношения. Господство принципа частной собственности находит свое выражение во всех без исключения буржуазных конституциях.

«Частная собственность обеспечивается» (ст. 87 югославской конституции). «Всякая форма собственности составляет одну из важнейших основ общественного строя и правопорядка» (ст. 81 польской конституции). «Собственность каждого японского подданного неприкосновенна» (ст. 27 японской конституции). «Собственность всякого рода гарантируется» (ст. 17 румынской конституции). «Права собственности неприкосновенны» (ст. 67 болгарской конституции). «Никто не может быть лишен своей собственности» (ст. 11 бельгийской конституции). «Собственность, капитал и труд выполняют социальную функцию на основе экономического сотрудничества и солидарности» (ст. 35 португальской конституции).

Сколько словесных вариаций вокруг одного и того же принципа частной собственности!

Господство частной собственности есть господство эксплоатации человека человеком, господство угнетателей над угнетаемыми. С тех пор, как общество раскололось на антагонистические классы, исторический процесс развития человеческих отношений показал со всей отчетливостью, что господствующие классы считают необходимым не только овладеть орудиями общественного производства, но и подчинить своей власти условия потребления угнетенных масс. На протяжении веков менялась только форма этого подчинения.

Рабство и крепостничество в докапиталистических обществах обращало в собственность владельца вместе с самим рабом и крепостным его жалкий скарб и недостаточные предметы потребления. Это было время, когда в Западной Европе, как писал Энгельс:

«Феодал получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда или в виде готового продукта; женщины пряли и ткали лен и шерсть и шили платья; мужчины обрабатывали поля, дети пасли скот господина, собирали для него грибы и ягоды, птичьи гнезда, подстилку для скота; кроме того, вся семья должна была доставлять еще зерно, овощи, яйца, масло, сыр, птицу, молодняк скота и многое другое» [1].

---

[1] Маркс и Энгельс. «Манифест коммунистической партии». См. Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 165, Партиздат, 1934 г.

[2] Маркс. «Критика Готской программы», Избранные произведения, т. II, стр. 443, Партиздат, 1934 г.

[1] Энгельс. «О разложении феодализма и развитии буржуазии» «Пролетарская революция» № 6, 1935 г., стр. 153—154.

Это было время, когда в России феодал продавал свои владения «вкупе со животы, людишки и домашней рухлядью»[1].

Не приходится много говорить о том, что рабовладельческий режим феодализма располагал всеми террористическими мерами к тому, чтобы реализовать свое право собственности над личностью и имуществом раба и чтобы охранить это свое право собственности кровавым террором.

Но следует упомянуть о том, что в правовых памятниках эпохи феодализма появляется понятие личной собственности феодала, подлежащей особо строгой защите. Под этой «личной собственностью» понималось обладание предметами, необходимыми для военной службы, и посягательства на них карались смертной казнью[2].

Пришедший на смену феодальному строю капиталистический строй нес с собой господство буржуазной собственности, «историческое развитие которой, — писал Энгельс, — могло состоять только в том, что она, как это и случилось, стала развиваться в чистую частную собственность[3].

При капиталистическом строе, при котором «человек человеку волк», при котором сильный подавляет слабого, развитие чистой частной собственности означает сосредоточение ее в руках кучки капиталистов, означает для большинства населения лишение всякой собственности вообще.

Личная собственность трудящихся при буржуазном строе ограничена минимальными потребностями, едва достаточными для поддержания нищенского существования.

В свое время Энгельс писал: «Пролетарий, не имеющий решительно ничего кроме своих рук, проедающий сегодня то, что он заработал вчера, зависящий от всевозможных случайностей, лишенный всякой гарантии, что он всегда будет в состоянии добыть средства для удовлетворения самых необходимых своих потребностей, — ибо всякий кризис, всякий каприз мастера может лишить его куска хлеба, — этот пролетарий находится в самом возмутительном, в самом бесчеловечном положении, которое только можно себе представить. Существование раба обеспечено личной выгодой его владельца; у крепостного есть по крайней мере кусок земли, которым он живет; оба они гарантированы, по меньшей мере от голодной смерти; пролетарий же предоставлен исключительно себе самому и в то же время не в состоянии найти такого приложения своим силам, чтобы на них можно было рассчитывать...

Копить ему незачем: самое большее, что он может, это — скопить на жизнь в течение нескольких недель, но когда он лишается заработка, дело сводится не к нескольким неделям. Приобрести себе собственность надолго он не в состоянии, а если бы ему это удалось, он перестал бы быть рабочим и другой стал бы на его место»[1].

При капиталистическом строе потребление рабочего приравнено к потреблению «угля паровой машиной, масла колесом или сена лошадью»[2].

В силу этого владение предметами личного потребления не выделено в буржуазном праве собственности в особую категорию.

Немало достойных лучшего применения усилий, бумаги и чернил затратили и затрачивают явные и замаскированные апологеты буржуазной частной собственности в лице ее лжеученых прислужников, чтобы всячески обойти вопрос об отношении частной собственности к личности трудящегося, о связи между частной собственностью и условиями существования трудящегося.

Эти же буржуазные лжеученые, замалчивая, что в капиталистическом обществе ничтожная кучка эксплоататоров угнетает большинство населения, утверждали и утверждают, что между собственностью кучки эксплоататоров и личной собственностью трудящихся нет никакой разницы.

Буржуазные конституции провозглашают все виды собственности равными перед законом, замалчивая о праве трудящихся на продукты личного потребления и прикрывая господствующий в капиталистическом обществе узаконенный грабеж.

Капиталистический строй содержит в себе постоянное и непримиримое противоречие между теоретическими принципами, провозглашаемыми буржуазными конституциями и практической действительностью. Капиталистический строй объявляет священной и неприкосновенной всякую частную собственность, а на деле охраняет только частную собственность буржуа. Этот разрыв между теорией и практикой в буржуазном обществе имеет место потому, что «капиталистическое присвоение предполагает в качестве условия противоположную форму — отсутствие собственности»[3] у трудящихся. Маркс-ленинско-сталинское учение всегда разоблачало непоследовательность и лицемерие буржуазных конституций и вскрывало под лживой формой так называемой демократии истинное существо тех общественных отношений, которые присущи капиталистическому строю.

Ленин писал:

«Какими бы формами ни прикрывалась республика, пусть то будет самая демократическая республика, но если она буржуазная, если в ней осталась частная собственность на землю, на заводы и фабрики, и частный капитал держит в наемном рабстве все общество, т. е. если в ней не выполняется то, о чем заявляет программа нашей партии и Советская конституция, то это государство — машина, чтобы угнетать одних другими. И эту машину мы возьмем в руки того класса, который должен свергнуть власть капитала. Мы отбросим все старые предрассудки о том, что государство есть всеобщее равенство, —

---

[1] Хмельницкая. Право личной собственности граждан СССР. «Большевик» № 11, 1937 г., стр. 58.

[2] F. Pollock and F. W. Maitland. The history of englisch law befor the time of Edward I. Vol. II, p. 159—169. 1898.

[3] Энгельс. «О разложении феодализма и развитии буржуазии». «Пролетарская революция» № 6, 1935 г., стр. 157.

[1] Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Маркс и Энгельс, т. III, стр. 408.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), стр. 61. Партиздат, 1933 г.

[3] Маркс. «К критике политической экономии», стр. 13, Партиздат, 1935 г.

это обман: пока есть эксплуатация — не может быт равенства. Помещик не может быть равен рабочему, голодный — сытому [1].

Товарищ Сталин учит нас:

«Разговоры Каутского и К° о всеобщем равенстве, о «чистой» демократии, о «совершенной» демократии и т. д. являются буржуазным прикрытием того несомненного факта, что равенство эксплоатируемых и эксплоататоров невозможно» [2].

Советские конституции не знают этого разрыва между теорией и действительностью. Советские конституции ставили и ставят реальные гарантии для трудящихся в осуществлении предоставляемых им прав.

Сталинская Конституция победившего социализма основана на священной и неприкосновенной общественной собственности.

Статья 131 Конституции СССР обязывает каждого гражданина СССР беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность «как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся».

Наряду с незыблемой основой нашего строя — общественной, социалистической собственностью — Сталинская Конституция берет под свою охрану личную собственность граждан Союза ССР, развитие которой вытекает из социалистического характера производственных отношений, господствующих в нашей стране, и зависит от растущего всенародного богатства.

Ст. 10 Сталинской Конституции гласит:

«Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом».

Эта замечательная сама по себе статья раскрывает содержание социалистического понимания личной собственности.

Охрана личных интересов граждан, в том числе и права личной собственности, является одним из основных принципов Конституции Союза ССР.

Союз ССР является единственной страной в мире, в которой впервые в истории человечества открыты безграничные возможности для расцвета человеческой личности. Весь общественный, экономический и политический строй нашей страны обеспечивает рост и развитие человеческих способностей во всех областях.

Наши враги, клевеща на социализм, кричали и кричат о том, что социализм якобы несет уничтожение индивидуальных свойств личности, творчества, соревнования. На деле капиталистический строй превращает жизнь миллионов людей в ад, обрекая их на физическое и моральное вырождение.

Наша действительность каждый день являет примеры роста в СССР человеческих способностей и их блестящего применения.

Наши герои: Чкалов, Байдуков, Беляков, Громов, Данилин, Юмашев, сотни тысяч стахановцев наших заводов и полей могли достигнуть своих успехов только при социалистическом строе, который обеспечил им, как и всем трудящимся массам Союза ССР, исключительные условия для развития и укрепления личных способностей и дарований человека.

«Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть, — говорит товарищ Сталин. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности» [1].

Охраняя интересы личности, социализм обеспечивает удовлетворение ее потребностей и открывает исключительные возможности для развития личной собственности на предметы потребления.

Эта личная собственность строителей социализма имеет своим единственным источником вознаграждение за труд.

«Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест» — гласит ст. 12 Сталинской Конституции.

Труд, являющийся делом чести, делом славы, доблести и геройства, его количество и качество — единственный измеритель общественных и материальных условий жизни каждого гражданина СССР.

Естественно поэтому, что развитие личной собственности связано с социалистическим принципом распределения по количеству и качеству труда.

Принцип «кто не работает, тот не ест», выраженный в Конституции СССР, означает уничтожение нетрудовой наживы, эксплоатации и тунеядства. Уничтожение эксплоататорских классов в нашей стране исключает возможность использования личной собственности в целях наживы, исключает возможность использования личной собственности в качестве источника обогащения за счет чужого труда, за счет порабощения человека человеком. «Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом сила и непобеди-

[1] Ленин. О государстве. Сочинения, т. XXIV, стр. 376—377.

[2] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 28—29, издание 10.

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 602, изд. 10.

мость нашей революции» — сказал товарищ Сталин [1].

Непрестанный подъем материального и культурного уровня всех трудящихся Союза ССР является одной из основных целей народнохозяйственного плана нашей страны. Исключена всякая возможность того, чтобы продукт общенародного труда попал в руки эксплоататоров. Всякий честный, сознательный человек понимает, что право на полный продукт труда ни при каком строе не может принадлежать отдельным трудящимся, так как известная доля продуктов труда должна пойти на цели расширения производства, на покрытие общественных нужд.

Рост общенародного достояния является одновременно и ростом достояния каждого трудящегося.

Впервые в истории человечества народный доход в нашей стране стал подлинным народным достоянием, в то время как в капиталистических странах в результате ограбления трудящихся масс почти весь народный доход остается в руках кучки капиталистов.

Выросший в 1936 г. по сравнению с 1928 г. на 332,4% народный доход сопровождается одновременно гигантским ростом той его части, которая поступила в личное пользование строителей социализма. Годовой фонд заработной платы в 1935 г. был в 14,6 раз больше, чем в 1924—1925 гг. [2]

Доход одного члена рабочей семьи в 1930 году составлял 37,5 руб. в месяц и 111,9 руб. в 1936 г. [3]

Увеличение выдач на трудодень в колхозах, рост стахановских заработков рабочих, повышение индивидуальных заработков, рост потребления предметов питания, рост производства продуктов потребления, улучшение их качества — являются неопровержимыми фактами нашей действительности, свидетельствующими о неуклонном повышении материального и культурного уровня широких масс строителей социализма. Право личной собственности граждан на трудовые доходы и сбережения охраняется законом, согласно ст. 10 Конституции Союза ССР. Сбережения эти растут изо дня в день: в сберегательных кассах СССР в 1936 г. хранилось 2.461 миллион рублей против 213 миллионов в 1928 г. 50 миллионов строителей социализма являются держателями займов социалистической родины, добровольно помогая при помощи своих сбережений социалистическому хозяйству. Конституция Союза ССР гарантирует неприкосновенность всех этих сбережений.

«Трудовой человек занимал главную силу»— сказал на одном из колхозных собраний колхозник Никулин [4]. Когда комбайнер стахановец Пономарев рассказывал на совещаниях комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК ВКП(б) и правительства о том, как он думает израсходовать свой высокий заработок, товарищ Сталин сказал: «Деньги ваши — ваше дело, как хотите, так и расходуйте» [1].

И вместо доступных трудящимся при капиталистическом строе нищенских продуктов потребления — в семью рабочего и колхозника поступают предметы зажиточной и культурной жизни от высококачественных одежд и обуви до усовершенствованных электроприборов и радиоприемников.

Ст. 10 Сталинской Конституции гарантирует каждому трудящемуся возможность свободно распоряжаться своими трудовыми доходами и предметами потребления, гарантирует право личной собственности на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство.

При капиталистическом строе крестьянин мог только мечтать об изобилии в своем хозяйстве. В целом ряде районов царской России от ⅓ до ½ трудовых крестьянских хозяйств были бескоровными. Сейчас близится ликвидация бескоровности во всех колхозах Союза ССР. Корову, огород, дом миллионы колхозников получили только благодаря колхозному строю. Благосостояние колхозов зависит от количества и качества работы колхозников. От этих же условий зависит и рост личного благосостояния колхозников. Охраняемое ст. 10 Сталинской Конституции подсобное хозяйство колхозников составляет его личную собственность и является результатом сочетания личного и общественного интереса, так как подсобное хозяйство колхозников — неотъемлемая часть социалистической формы производства сельскохозяйственной артели.

Кулацкая агентура — враги народа в лице троцкистско-бухаринских вредителей — призывали, в целях восстановления капитализма в нашей стране, к кулацкому обогащению, к мирному «врастанию» кулаков в социализм. Широчайшие колхозные массы под руководством коммунистической партии, сокрушившей контрреволюционный троцкизм и правый оппортунизм, ответили тем, что продолжали неуклонно итти по ленинско-сталинскому пути и воплотили в жизнь призыв товарища Сталина — «сделать колхозы большевистскими, а всех колхозников — зажиточными».

В результате мы имеем невиданный в истории рост всенародного достояния и личного потребления, неразрывно связанных между собой.

Сознательным пособничеством врагам народа является попытка противопоставить личную собственность колхозника собственности общественной, как это сделано в «Курсе советского хозяйственного права» под редакцией Пашуканиса и Гинзбурга в 1935 году (стр. 162).

Ст. 10 Конституции Союза ССР гарантирует не только право личной собственности, но и право наследования личной собственности. Право наследования в стране социализма ос-

---

[1] Сталин. Речь на 1 Всесоюзном совещании стахановцев.

[2] СССР — страна социализма. Статистический сборник ЦУНХУ, стр. 51, 1936 г.

[3] Там же, стр. 54.

[4] «Известия ЦИК СССР» № 177 от 29/VI 1937 г.

[1] Хмельницкая. Право личной собственности граждан СССР. «Большевик» № 11, 1936 г., стр. 66.

новано на совершенно иных принципах, чем в капиталистических странах.

Буржуазный институт наследования имеет своей целью постоянное воспроизводство эксплоататорских классов. Дающие право на получение прибавочной стоимости, предоставляющие возможность эксплоатировать неимущие классы, богатства переходят от собственников к их потомкам, оставаясь неизменно в руках кучки богачей. Этот буржуазный порядок выражен в законах всех без исключения капиталистических стран.

Гитлеровский фашизм, исходящий из утверждения незыблемости капитализма, не внося и не будучи в состоянии внести никаких принципиальных изменений в германское гражданское право, сохраняет относящиеся к праву наследования нормы германского гражданского уложения и не пытается заполнить эту область права своими обычными социально-демагогическими рассуждениями. Гитлеровский фашизм в некоторых случаях идет даже дальше германского гражданского уложения в сторону ограничения круга призываемых к наследованию лиц. Так, закон 29 сентября 1933 г. о наследственно-подворном имуществе ограничивает круг наследников потомками мужского пола и допускает при отсутствии наследника назначение последних в административном порядке.

Во Франции в 1933 г. 46,4% умерших не оставили никакого наследства. Но 1500 умерших в том же году оставили своим наследникам 4 203 206 тысяч франков, что составило более 30% всех перешедших по наследству сумм [1].

Содержащаяся в буржуазном институте наследования охрана частной собственности со свойственными ее владельцам тунеядством и властью над людьми вызвали то, что в «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс выдвинули требование об отмене права наследования в качестве меры «насильственного вторжения в право собственности и условия буржуазного производства».

В целях перевоспитания человека в сторону искоренения в его сознании собственнических инстинктов, советский декрет 28 апреля 1918 года уничтожил институт наследования частной собственности. Имущество умершего становилось в принципе собственностью государства, оставаясь во владении ближайших нетрудоспособных родственников в качестве источника потребления.

Гражданский кодекс 1922 г. расширил круг призываемых к наследованию лиц, а декрет ЦИК и СНК СССР от 29 января 1926 г. в связи с успехами вытеснения капиталистических элементов из нашего хозяйства отменил ограничения сумм, переходящих по наследству.

Последовательное развитие нашего наследственного права вполне соответствует политическому и экономическому росту благосостояния народов СССР. Однако, не обошлось без клеветы со стороны лжеученых пособников врагов народа в «Курсе советского хозяйственного права» о том, что социалистическим законодателем в этом вопросе руководили «собесовские» аргументы.

Цель этой клеветы совершенно очевидна и заключается в том, чтобы лишний раз при ее помощи протащить гнилую теорийку об отмирании личных и имущественных прав трудящихся Союза ССР. В действительности же сущность социалистического института наследования заключается в том, что победа социализма в СССР навсегда закрыла все пути к возникновению нетрудового владения и доходов, к воспроизводству эксплоататорских классов.

Вот, что записано в ст. 10 Сталинской Конституции, гарантирующей трудящимся право наследования личной собственности.

«Одной из особенностей капитализма является резко кричащее противоречие между теоретическими принципами, провозглашенными буржуазными конституциями и практической действительностью, между тем, что провозглашается законом и что являет собою практическую действительность» — говорит тов. Вышинский [1].

Безграничный произвол и административное усмотрение всех занимающих соответствующие должности в гитлеровской Германии — вот, например, сущность государственных мероприятий германского фашизма.

В странах буржуазной демократии «конституционные гарантии» сводятся к декларативным обещаниям личных и имущественных свобод. Все эти декларации остаются на бумаге и без всякого исполнения при малейшем соприкосновении с реальными интересами буржуазии.

Сталинская Конституция, так же как и конституции 1918 и 1924 гг., выражает р е а л ь н ы е г а р а н т и и свобод для трудящихся Союза ССР.

Силой советских законов, являющихся активной политической силой, охраняются эти гарантии Конституции Союза ССР, причем, «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было» (С т а л и н).

Созданные победой социализма новые общественные отношения охраняются социалистическими законами от всех и всяческих посягательств на них.

Право личной собственности, как основное благо советского гражданина, гарантировано великой хартией победившего социализма, стоит под охраной могучего и нерушимого советского закона, обеспечивается «всем строем советской социалистической системы, всей мощью и социалистической организацией советского народного хозяйства, всеми силами, ресурсами и средствами страны Советов» [2].

Поставлен предел всем «левакам» и правым оппортунистам, которые противопоставляли советский закон революционной целесообразности. Являющиеся выражением социалистического правосознания, советские законы содержат в себе и революционную социалистическую целесообразность.

---

[1] Х м е л ь н и ц к а я. «Право личной собственности граждан СССР», «Большевик» № 11, 1936 г., стр. 63.

[1] В ы ш и н с к и й. Новая Конституция СССР и органы юстиции. «Проблемы уголовной политики», кн. III, стр. 9, 1937 г.

[2] А. Я. В ы ш и н с к и й. Речь на IV сессии ЦИК СССР VII созыва.

Отсутствие в действующих уголовных кодексах союзных республик принципиального разграничения в классификации «имущественных преступлений» между посягательствами на социалистическую собственность и посягательствами на личную собственность, и вредительская теорийка Пашуканиса и его «школки» о том, что личная собственность граждан СССР есть производное от частной собственности на средства производства, о том, что «вопрос целесообразности должен господствовать над формой» — дали свое отражение на нашей судебной практике.

Посягательства на личную собственность граждан СССР на практике недооценивались. Многие работники юстиции стали рассматривать эти посягательства как явление, происходящее на «частном секторе», как явление, недостойное внимания советского суда. При этом упускался из виду политический смысл посягательств на отдельных трудящихся и на их блага, посягательств, вредящих в целом не только отдельной личности, но и всему делу социалистического строительства. Упускалось также из виду и то, кем и по каким мотивам совершается подавляющее число этих посягательств на отдельных трудящихся и их блага.

Между тем, статистические материалы неуклонно свидетельствовали о том, что образовавшиеся из «бывших людей» деклассированные элементы и отсталые элементы из среды трудящихся, еще пропитанные пережитками капиталистического строя и не осознавшие основ социалистического быта, являются теми, кто совершает посягательства на личную собственность трудящихся [1].

Недобитый классовый враг стал совершать посягательства на личную собственность трудящихся в целях подрыва материального благосостояния трудящихся [2].

При общем падении числа осужденных за посягательства на личную собственность граждан Союза ССР вырос процент осужденных классово враждебных и чуждых элементов.

В результате этой недооценки последовала недостаточность применения репрессий по делам о посягательствах на личную собственность граждан СССР.

Решение XVII партконференции, XVII партсъезда, историческая речь товарища Сталина 4 мая 1935 г. и Сталинская Конституция остро поставили перед работниками юстиции задачу усиления борьбы с преступлениями против личной собственности трудящихся.

В своем докладе «Речь товарища Сталина 4 мая и задачи органов юстиции» А. Я. Вышинский сказал: «Мы обязаны требовать, чтобы суды более жестко судили за хищения имущества трудящихся, не допуская почти поголовного наказания в виде исправительно-трудовых работ, не пренебрегая, таким образом, серьезностью этого рода преступлений» [3].

Своевременная острая постановка перед органами юстиции вопроса о посягательствах на личную собственность граждан СССР, как задачи обеспечения личных и имущественных интересов строителей социализма от посягательств со стороны антинародных элементов, создала решительный перелом в судебной практике.

Но этого было недостаточно, так как действующие уголовные кодексы союзных республик не усиливают с точки зрения наказания ответственности за эти посягательства.

Новый проект Уголовного кодекса Союза ССР в 1935—1937 гг. пошел дальше в направлении охраны прав личной собственности граждан СССР.

Исходя из Сталинской Конституции, являясь одним из орудий борьбы страны социализма за счастливую, культурную, зажиточную жизнь народов СССР, руководимых рабочим классом и его партией с великим Сталиным во главе, новый проект ставит и разрешает по-новому и вопрос об уголовно-правовой охране личной собственности граждан СССР.

Посягательства на личную собственность граждан находятся в III разделе Особенной части проекта. Весь этот раздел посвящен преступлениям против неприкосновенности личности и других гарантированных Конституцией СССР прав граждан.

Если в действующих уголовных кодексах союзных республик посягательства эти входят в главу об «имущественных преступлениях», то в проекте Уголовного кодекса Союза ССР 1935—1937 гг. им уделено иное, более острое внимание, как посягательствам на права, гарантированные Конституцией в свете сталинской заботы о человеке, являющемся самым ценным для нас капиталом.

Одно это уже само по себе свидетельствует о громадном значении, которое придается ответственности за нарушение конституционных гарантий.

Раздел этот по системе проекта следует непосредственно за разделом о посягательствах на оборону страны в отличие от того положения, когда посягательства эти в действующих уголовных кодексах союзных республик стоят на одном из последних планов кодекса.

Преступлениям против личной собственности граждан посвящена специальная VIII глава третьего раздела проекта.

Этим, в отличие от действующих уголовных кодексов союзных республик, устанавливается принципиальная грань между социалистической собственностью, посягательства на которую являются государственными преступлениями, и личной собственностью граждан.

В полном соответствии с тем, что посягательства на личную собственность граждан являются посягательствами на гарантированные Конституцией личные права граждан — проект Уголовного кодекса Союза ССР 1935—1937 гг. повышает карательные санкции за преступления против личной собственности граждан.

Так, одновременно с поднявшимся на высшую ступень социалистическим правосознанием подымается на высшую ступень и формула закона, получающая полную ясность и отчетливость.

Какая бездонная пропасть лежит между уголовно-правовой охраной частной собственности в буржуазных странах и уголовно-пра-

---

[1] См. подробно Красильников. Борьба с кражей личного имущества трудящихся. «Соц. зак.» № 3, 1936 г.

[2] Дурманов. Кража личного имущества трудящихся. «Соц. зак.» № 5, 1935 г.

[3] А. Я. Вышинский. «Речь товарища Сталина 4 мая и задачи органов юстиции». 1935 г., стр. 38.

вовой охраной личной собственности в социалистической стране.

В буржуазных странах частная собственность, как «естественное право человеческой личности», охраняется законом формально одинаково, кому бы она ни принадлежала. На деле охраняется только частная собственность буржуа. Миллионы трудовых сбережений при помощи хитросплетенной механики капиталистического грабежа безнаказанно перекочевывают в карманы магнатов капитала.

В буржуазных странах, как неоднократно разъясняли Маркс и Энгельс, посягательства на частную собственность являются стихийной формой протеста одиночки против отношений капиталистического общества.

В стране социализма посягательства на личную собственность трудящихся есть акт сопротивления, совершаемый остатками капитализма.

Охраняемое всем авторитетом и силой социалистического государства, как завоевание социализма в нашей стране, право личной собственности граждан впервые записано на страницах истории человечества.

Осуществленная в нашей стране первая фаза коммунизма ведет нас дальше по пути к высшей фазе коммунизма.

Каждый шаг вперед по этому пути будет сопровождаться еще большим удовлетворением потребностей широких масс, ростом количества и качества предметов потребления, находящихся в личной собственности граждан СССР, идущих к полному коммунизму, при котором осуществится принцип «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям».

С. ГОЛУНСКИЙ

Роль прокурора в подготовительном заседании по делам о нарушении закона 7 августа 1932 г.

«Этот закон, — сказал товарищ Сталин в своем докладе об итогах первой пятилетки, имея в виду закон 7 августа 1932 г., — есть основа революционной законности в настоящий момент. А обязанность строжайшего его проведения в жизнь является первейшим делом каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника» (Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 508).

Если проведение в жизнь этого закона является первейшим долгом каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника, каждого партийного и непартийного большевика, то, тем более, это является первейшим долгом каждого прокурора, специально призванного к борьбе со всеми преступными посягательствами на интересы социалистического государства рабочих и крестьян и на основу этого государства, на священную и неприкосновенную общественную (социалистическую) собственность. Недаром закон 20 июня 1933 г. об учреждении Прокуратуры СССР особо подчеркнул, что задачей Прокуратуры Союза ССР является «охрана общественной собственности от покушений со стороны противообщественных элементов на всей территории Союза ССР».

Закон 7 августа 1932 г. дает советской прокуратуре могущественное оружие для борьбы за охрану общественной собственности: этот закон устанавливает как основную меру наказания за посягательства на общественную собственность — расстрел, допуская лишь при смягчающих обстоятельствах замену этой меры лишением свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества и без применения амнистии. Этот закон — сильный, могущественный закон, такой же сильный и могущественный, как сильна и могущественна диктатура рабочего класса, волю которого он выражает.

И именно поэтому крайне важно, чтобы этот закон правильно применялся, чтобы это мощное оружие было направлено против действительных врагов народа, посягающих на основу социалистического государства—на общественную собственность. Недопустимо опошление этого закона путем подведения под него таких действий, которые по своему значению никак не могут рассматриваться, как подрыв основ социалистического государства рабочих и крестьян.

Разве не является очевидным опошлением закона 7 августа 1932 г., например, приговор водно-транспортного суда Балхаш-Илийского бассейна от 10 октября 1935 г., по которому заведующий бакалейным отделом орса Горев был осужден по закону 7 августа 1932 г. за растрату 2809 руб. без каких-либо особо отягчающих обстоятельств (см. «Советская юстиция» 1937 г. № 5, стр. 51), или — приговор народного суда по делам госторговли и кооперации Октябрьского района г. Москвы от 19 января 1934 г., по которому ряд продавцов хлебных магазинов был осужден по тому же закону за самоснабжение хлебом (см. «Социалистическая законность» 1936 г. № 9, стр. 76). Разве не является явным извращением и смысла и буквы закона 7 августа 1932 г. приговор нарсуда Невельского района Калининской области от 9 июля 1936 г., которым колхозник Быченков был осужден по закону 7 августа 1932 г. за то, что у него украли мешок, в котором находились доверенные ему 25 000 руб., принадлежавшие Невельскому лесокомбинату. Ни в обвинительном заключении, ни в приговоре суда по этому делу даже не ставился вопрос о какой-либо корыстной заинтересованности Быченкова (см. «Советская юстиция» 1937 г. № 4, стр. 53).

Не только осуждение в подобных случаях по закону 7 августа 1932 г., но и самая постановка на гласный судебный процесс подобных дел с квалификацией по закону 7 августа 1932 г. политически вредна. Ответственность за такие ошибки лежит в первую очередь на

прокурорах, участвовавших в предании обвиняемых суду по этим делам.

Меткость судебной репрессии вообще имеет исключительно важное значение по любому делу. Одна из особенностей уголовного правосудия заключается в том, что применение уголовного наказания никогда не может иметь нейтрального, безразличного характера. Или оно политически полезно, если это наказание применено правильно, или оно политически вредно, если удар попал мимо цели. Никакой середины здесь быть не может. Чем важнее преступление, чем серьезнее грозящее за него наказание, тем больше вредное влияние всякой ошибки, допущенной при применении этого наказания. Преступление, предусмотренное законом 7 августа 1932 г., — одно из тягчайших государственных преступлений и поэтому всякая ошибка при его применении влечет за собой крайне вредные последствия.

Не следует забывать, что массово-политический эффект всякого процесса в очень большой степени предопределяется тем, насколько правильно то направление, в котором развертывается исследование дела на суде. Если судебная аудитория видит, что суду представлено обвинение явно необоснованное, явно несоответствующее фактическим обстоятельствам дела, если в результате процесса получается впечатление, что «гора родила мышь», это никак не может содействовать укреплению авторитета прокуратуры среди широких масс. А если, как в приведенных выше примерах, суд повторяет ошибку прокуратуры и выносит приговор, явно не соответствующий фактическим обстоятельствам дела, то вредный эффект такого процесса еще во много раз усиливается.

Нечего и говорить о том, насколько болезненно подобные ошибки отражаются на обвиняемых в том случае, если впоследствии эти ошибки и исправляются кассационными или надзорными инстанциями.

Поэтому стадия предания суду по всем делам, по которым обвинение квалифицируется по закону 7 августа 1932 г., приобретает исключительно важное значение. По всем приведенным выше примерам неправильного применения закона 7 августа 1932 г. ошибка могла бы быть предотвращена в стадии предания суду.

Стадия предания суду в действующем советском процессе слагается, как известно, из двух процессуальных актов: из утверждения прокурором обвинительного заключения и из рассмотрения дела в подготовительном заседании суда по докладу того же прокурора. Одной из причин ошибок и неправильностей, допускаемых многими прокурорами в этой очень важной стадии процесса, является непонимание соотношения между двумя указанными процессуальными актами. Одни прокуроры рассуждают примерно так: «я проверил материалы предварительного расследования, признал их удовлетворительными и утвердил обвинительное заключение. В подготовительном заседании мне делать нечего, так как ничего, кроме тех же самых материалов, там рассматриваться не будет. Пусть судьи найдут недостатки в материалах предварительного расследования, если сумеют». В результате такого рассуждения получается полная пассивность прокурора в подготовительном заседании.

Другие прокуроры рассуждают иначе: «так как дело все равно будет рассматриваться в подготовительном заседании, зачем я буду тратить силы и время на глубокую проверку материалов предварительного расследования при утверждении обвинительного заключения. Лучше я, просто-напросто, наложу на него свою визу, а если в деле есть какие-нибудь упущения, они вскроются на подготовительном заседании».

Вследствие такого рассуждения прокурор дела не изучает и идет на подготовительное заседание неподготовленным. Судья, полагаясь на то, что докладчиком по делу будет прокурор, нередко тоже не изучает дела, ограничиваясь беглым ознакомлением с обвинительным заключением. В результате определение подготовительного заседания превращается в такой же штамп, как и резолюция прокурора об утверждении обвинительного заключения, и грубейшие ошибки предварительного расследования остаются незамеченными, а следовательно — и неисправленными.

Оба приведенные выше рассуждения о соотношении утверждения прокурором обвинительного заключения и рассмотрения дела в подготовительном заседании — в корне неправильны. Действительно, оба эти процессуальные акта решают в значительной части одни и те же вопросы, но из этого отнюдь не следует, что на один из них можно смотреть как на бесполезную формальность. Именно из такой неправильной точки зрения и исходил Наркомюст РСФСР, проводя реформу 1929 г., устранившую обязательное рассмотрение вопроса о предании суду в распорядительном заседании. Повторять эту ошибку теперь, когда для всех стало ясным, что это была ошибка, непростительно.

И прокурор, утверждающий обвинительное заключение, и подготовительное заседание суда решают одни и те же вопросы, но они решают их разными методами, в различной обстановке. Поэтому и решение этих вопросов может получиться разное.

Прокурор, утверждая обвинительное заключение, единолично окончательно формулирует вывод прокуратуры по материалам предварительного расследования. Он принимает на себя полную ответственность за правильность этого вывода и обязан его отстаивать.

С момента утверждения обвинительного заключения он становится уже стороной по делу, обвинителем, тогда как до этого момента он был руководителем органов расследования, обязанным, согласно 111 ст. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, заботиться в равной мере о выявлении обстоятельств как уличающих обвиняемого, так и оправдывающих его. Это изменение процессуального положения прокурора имеет отнюдь не одно только формальное значение. Для того, чтобы стать обвинителем прокурор должен быть убежден в виновности обвиняемого, по крайней мере, убежден настолько, насколько это возможно по материалам предварительного расследования до проверки их в условиях гласного состязательного процесса.

А для того, чтобы приобрести такое убеждение прокурор должен убедиться, что те материалы, на которых он основывается, полны и доброкачественны, что следствием собраны веские доказательства виновности обвиняемого,

что порядок собирания этих доказательств соответствует требованиям УПК и гарантирует их доброкачественность, что ни одно обстоятельство, которое могло бы опровергнуть эти доказательства, не осталось нерасследованным. Убедиться в этом можно только путем тщательного изучения материалов дела, путем строгой проверки соблюдения органами расследования норм УПК, путем выяснения полноты проверки объяснений обвиняемого и правильности разрешения заявленных им ходатайств.

Вся эта проверка проводится прокурором единолично в строгом соответствии с принципом единоначалия, положенным в основу всей организации прокуратуры. Прокурор, утверждая обвинительное заключение, ни с кем не делит ответственности за свое решение. В частности, для него ни в каком случае не может служить оправданием ссылка на то, что он был введен в заблуждение органом расследования.

На подготовительном заседании суда вопрос рассматривается коллегиально. В этом рассмотрении участвуют лица, которые до этого никакого отношения к расследованию данного дела не имели, и ни в какой степени не несут за него ответственности. Поэтому члены подготовительного заседания находятся в особо благоприятных условиях для критики всех недостатков произведенного расследования. Задача прокурора, как докладчика, убедить их в правильности выводов предварительного расследования, изложенных в обвинительном заключении.

Известно, что убедить других лиц в правильности того или иного положения совсем не то же самое, что убедиться в этом самому. Поэтому доклад прокурором дела в подготовительном заседании всегда заставляет его глубже, тщательнее обосновать обвинение, чем необходимость вынести единолично постановление (а тем более — наложить резолюцию) об утверждении обвинительного заключения.

Прокурор должен отстаивать в подготовительном заседании правильность обвинительного заключения, но лишь постольку, поскольку он сам убежден в этой правильности. В одинаковой степени недопустимо и вялое, безразличное отношение прокурора к неосновательным нападкам на обвинительное заключение со стороны членов подготовительного заседания и слепое «рассудку вопреки», исключительно ради «поддержания чести прокурорского мундира», отстаивание прокурором обвинительного заключения, неправильность или необоснованность которого станет ему ясна.

Таким образом, несмотря на сходство работы, проделываемой прокурором при утверждении обвинительного заключения и работы подготовительного заседания суда, эти два процессуальные этапа отнюдь не являются простым повторением одной и той же работы. Чем сложнее дело, тем важнее становится эта двукратная, производимая разными лицами и разными методами проверка полноты и доброкачественности материалов предварительного расследования и правильности основанного на них вывода о предании суду тех или иных лиц.

Дела по закону 7 августа 1932 г. в громадном большинстве случаев — сложные дела. Поэтому по этим делам в особенности важно правильно разрешить все вопросы, подлежащие разрешению в стадии предания суду. Каковы же эти вопросы?

Перечень этих вопросов точно определен для всех дел, подлежащих рассмотрению подготовительных заседаний, постановлением 54 пленума Верхсуда СССР от 29 марта 1936 г.

Постановление это, само собою разумеется, обязательно и для дел по закону 7 августа 1932 г.

Перечисленные в этом постановлении 11 вопросов можно разбить на две основных группы.

К первой группе относятся те вопросы, от разрешения которых зависит, предавать ли обвиняемого суду и по какому обвинению. Ко второй — вопросы, то или иное разрешение которых не влияет на существо и формулировку обвинения, но определяет условия проведения будущего судебного процесса.

К первой группе, которая имеет для нас, в связи с темой настоящей статьи, наибольшее значение, относятся следующие шесть вопросов:

а) о наличии в действиях обвиняемого состава преступления и о возможности прекращения в отношении его дела согласно ст. 238 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК других союзных республик;

б) о полноте предварительного следствия;

в) о достаточности и обоснованности предъявленного обвинения;

г) о правильности квалификации предъявленного обвинения;

д) о соблюдении при проведении предварительного расследования требований УПК, в особенности тех процессуальных норм, без соблюдения которых дело не может быть назначено к слушанию (предъявление обвинения, соблюдение 206 ст. УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик и т. д.);

е) о ходатайствах обвиняемых (представление документов, вызов дополнительных свидетелей, экспертов и т. д.).

Последний вопрос относится ко второй из указанных выше групп вопросов, однако обвиняемым могут быть заявлены и такие ходатайства, которые не могут быть удовлетворены без обращения дела к доследованию. В этом случае то или иное разрешение таких ходатайств является условием и для разрешения основного вопроса о предании суду.

Прокурор при утверждении обвинительного заключения по всякому делу обязан проверить материалы расследования по всем этим шести вопросам. Свой доклад в подготовительном заседании суда он должен строить так, чтобы в нем содержался обоснованный ответ на каждый из этих вопросов. По делам по закону 7 августа 1932 г. большинство этих вопросов разрешается так же, как и по всем остальным делам. В самом деле, вопросы о полноте расследования, об обоснованности обвинения достаточными и проверенными доказательствами, о соблюдении при производстве расследования процессуальных норм не содержат в себе никаких специфических особенностей, которые отличали бы способ разрешения этих вопросов по делам по закону 7 августа 1932 г. от способа их разрешения по всем другим уголовным делам.

Наибольшие специфические трудности по делам по закону 7 августа 1932 г. вызывает

вопрос о квалификации преступления. По большинству приведенных выше примеров ошибочного применения закона 7 августа 1932 г. ошибка была допущена именно при разрешении этого вопроса.

Среди буржуазных процессуалистов был довольно широко распространен взгляд, что в стадии предания суду при возможности квалификации обвинения по нескольким конкурирующим уголовным законам всегда нужно выбирать наиболее строгую квалификацию [1]. При этом речь шла не о так называемой идеальной совокупности преступлений, т. е. не о таких случаях, когда одно и то же деяние подходит одновременно под признаки двух или более уголовных законов. Речь шла о таких случаях, когда представляется возможность двух (или более) взаимно исключающих квалификаций (например, грабеж или разбой, убийство или причинение тяжких телесных повреждений, повлекших за собой смерть и т. п.). Сторонники этого взгляда мотивировали его тем, что суд в судебном заседании может перейти с более строгой квалификации на более мягкую, но не наоборот, и поэтому лучше при предании суду определять квалификацию обвинения «с запросом». Такое решение этого вопроса вполне соответствует природе буржуазного суда как органа угнетения: создать во всех случаях условия для применения наиболее строгого наказания из всех возможных— таков принцип, из которого вытекают все изложенные выше рассуждения буржуазных процессуалистов. К советскому процессу этот принцип ни в каком случае неприменим. В уголовном процессе социалистического государства этот принцип заменяется другим: создать во всех случаях условия для применения судом мер, наиболее целесообразных с точки зрения двуединой задачи советского суда — подавления врагов народа и воспитания к дисциплине неустойчивых элементов из числа трудящихся. С точки зрения советского уголовного процесса в равной мере недопустимо и— позволить врагу социалистического государства ускользнуть от заслуженной им беспощадной репрессии, и — направить меры, рассчитанные на врагов народа, на случайных правонарушителей из среды трудящихся, которые никогда не переходили «по ту сторону баррикад».

Между тем, на практике, некоторые наши прокуроры иногда разрешают вопрос о квалификации обвинения по тому или иному делу по закону 7 августа 1932 г. с точки зрения, не очень далеко отстоящей от изложенной выше точки зрения ряда буржуазных процессуалистов. «Поставлю-ка я закон 7 августа 1932 г.,— рассуждает такой прокурор, — по крайней мере никто меня не упрекнет в недостатке бдительности. А суд, если найдет нужным, пусть переходит на какую ему угодно статью УК, хоть на 2 ч. 112 ст.» [2]. При таком рассуждении упускают из виду, что недостаток бдительности очень часто как раз и выражается в том, что страдающие таким недостатком люди видят врага там, где его нет и, именно поэтому, — не видят его там, где он действительно есть.

Квалификация обвинения по закону 7 августа 1932 г. «с запросом», «на всякий случай», чтобы было с чего «скинуть» и по другим аналогичным мотивам — совершенно недопустима.

Квалифицируя в каждом отдельном случае обвинение по закону 7 августа 1932 г., прокурор должен отчетливо представлять себе — почему он применяет по данному делу именно такую квалификацию, и обосновать ее применение в своем докладе на подготовительном заседании суда.

Преступление, предусмотренное законом 7 августа 1932 г., есть государственное преступление, направленное на экономическую основу Союза ССР — социалистическую собственность. Поэтому для применения этого закона нужно в каждом отдельном случае доказать, что данное преступное деяние по степени его общественной опасности является государственным преступлением. Многие любители упрощенного, механистического разрешения сложных вопросов хотели бы, чтобы им указали определенную сумму похищенных или растраченных ценностей, с которой «начинается» применение закона 7 августа 1932 г. Бесспорно, что для лиц, которые не любят принимать на себя политической ответственности, не хотят разбираться в сложной обстановке конкретных преступлений, такая «контрольная цифра» представляла бы большое удобство: посмотрел на заключение бухгалтерской экспертизы, увидел, что по данному делу сумма ущерба на полтора рубля выше «контрольной цифры» — вали закон 7 августа 1932 г.

Но подобное механистическое разрешение большого политического вопроса о применении в том или ином случае закона 7 августа 1932 г. было бы безусловно неправильно.

Нет и не может быть никакого неподвижного критерия, который раз и навсегда, для всех случаев давал бы возможность решить вопрос о применимости закона 7 августа 1932 г. по какому-либо одному признаку.

Только совокупность всех обстоятельств каждого конкретного дела, определяющих степень его общественной опасности, может дать основание для правильного разрешения этого вопроса.

Размер хищения имеет очень важное значение для квалификации преступления, но, как уже было сказано, никакой предельной цифры, которая давала бы основание для применения закона 7 августа 1932 г., здесь дать нельзя. Для того, чтобы можно было применить этот закон, размеры хищения должны быть таковы, чтобы данное хищение перерастало в государственное преступление. Закон 7 августа 1932 г. должен быть применен в том случае, когда хищение явилось одной из причин недовыполнения хозяйственного плана того или иного предприятия или учреждения, заметно отразилось на результатах его работы.

Так, например, для того, чтобы создать себе возможность присвоения разницы цен на товары, группа расхитителей общественной собственности в областной конторе одного из торгов разослала по разным районам Союза ССР на несколько миллионов рублей товаров, предназначенных для снабжения одного из крупных промышленных центров области. В результате этих преступных махинаций план снабже-

[1] См. напр., Арсеньев «Предание суду» СПБ, 1870, стр. 98. Этот же взгляд проводил в дореволюционной России и Сенат в своей кассационной практике.

[2] Имеется в виду 2 ч. 112 ст. УК РСФСР.

ния промтоварами центра не был выполнен. Это дало полное основание квалифицировать предъявленное по этому делу обвинение по закону 7 августа 1932 г.

Решая вопрос о квалификации преступления, прокурор должен каждый раз взвесить значение последствий преступления не только для того учреждения или предприятия, в котором было совершено преступление, но и для данного участка народного хозяйства. Так, например, растрата 2—3 тысяч рублей может заметно повлиять на выполнение плана товарооборота какой-нибудь палатки или лавки сельпо. Но это не дает оснований квалифицировать такую растрату по закону 7 августа 1932 г., так как никаких заметных последствий для снабжения населения даже в масштабе района такая растрата иметь не будет. Прокурор должен быть настолько политически развит, должен уметь настолько учитывать хозяйственную и политическую обстановку, чтобы суметь правильно определить, когда то или иное хищение по степени своей общественной опасности превращается в государственное преступление.

Необходимо учитывать при этом и особенности объекта преступления. Так, например, если объектом хищения были такие предметы, которые имели особо важное значение для укрепления военной или хозяйственной мощи Союза ССР (предметы оборонного значения, ценное импортное оборудование и т. п.), то закон 7 августа 1932 г. должен быть применен и при таких размерах хищения, которые не давали бы оснований для применения этого закона при другом характере объекта преступления. Особо важное значение тех или иных объектов преступления может определяться конкретными условиями места и времени совершения преступления.

Таковы, например, случаи расхищения товаров, завезенных в специальные сельскохозяйственные районы (например, хлопководческие) для реализации в период заготовок сельскохозяйственной продукции данного района. Если расхищение этих товаров более или менее заметно отразилось на выполнении плана заготовок, такое преступление может быть квалифицировано по закону 7 августа 1932 г., хотя в другом месте, или в другое время такое же расхищение таких же товаров и не давало бы оснований для этой квалификации. Хищения золотого песка в золотоносных районах представляют собой особую общественную опасность. Поэтому в этих районах такая форма хищений может влечь за собой квалификацию обвинения по закону 7 августа 1932 г. и при относительно меньших размерах похищенного, чем в других условиях.

Большое значение при решении вопроса о возможности применения закона 7 августа 1932 г. по тому или иному конкретному делу имеют соображения, касающиеся субъекта преступления. Если хищение было организовано теми самыми лицами, на которых лежала обязанность бороться за сохранность общественной собственности на данном участке, это безусловно повышает общественную опасность преступления и в ряде случаев дает основание для применения при достаточно крупных размерах закона 7 августа 1932 г.

Так, например, на Всесоюзной оптово-розничной базе «Инвенторга» [1] систематические хищения совершались директором базы в соучастии с бухгалтером и с кассиром.

Само собою разумеется, что соучастие между этими тремя лицами, призванными бороться за охрану общественной собственности и взаимно контролировать друг друга, давало им такие возможности для совершения и сокрытия хищений, каких не могло бы быть ни при каких других условиях. Этот особый состав обвиняемых по делу явился в этом случае одним из оснований для применения закона 7 августа 1932 г.

Если хищения производились людьми, по своей социальной природе чуждыми великому коллективу строителей социализма, то и это должно быть принято во внимание при квалификации обвинения. Так, например, если хищения производились группой пробравшихся в торговые организации спекулянтов, лиц уже ранее судившихся за хищения и растраты, деклассированных элементов, то такие лица могут быть преданы суду по закону 7 августа 1932 г. и в таких случаях, когда этот закон, при другом составе обвиняемых, был бы неприменим.

Конечно, и этот признак, также как и все остальные, нельзя применять механически. Нельзя предавать кого-либо суду по закону 7 августа 1932 г. за хищение или растрату ценностей на несколько сотен рублей только потому, что обвиняемый имел ранее частную торговлю или судился ранее за растрату или хищения. Но, в совокупности с другими признаками и этот признак должен быть учтен прокурором при квалификации обвинения.

Советский суд при выборе мер борьбы с преступниками руководствуется двумя основными соображениями:

1) какова общественная опасность данного преступления и

2) какова общественная опасность личности данного обвиняемого. Эти соображения имеют значение не только при выборе меры наказания, но в целом ряде случаев и при квалификации обвинения. Поэтому вполне возможно, что, при определенных условиях, обвинение против одного из обвиняемых по делу, вследствие повышенной опасности его личности, будет квалифицировано по закону 7 августа 1932 г., а против другого обвиняемого по тому же делу, участвовавшего в совершении того же преступления, но не имеющего никаких личных особенностей, которые повышали бы его общественную опасность, — по другому, менее строгому уголовному закону (см. разъяснение президиума Верхсуда РСФСР от 22 февраля 1933 г., прот. № 11, «Сборник разъяснений Верхсуда РСФСР» М. 1935 г., стр. 246).

Наконец, решающее значение для применения закона 7 августа 1932 г. может иметь смысл способ совершения преступления, если применение такого способа повышает общественную опасность преступления. По закону 7 августа 1932 г. должны быть квалифицированы, по общему правилу, все формы разбойных и грабительских нападений на государственные и общественные учреждения или предприятия.

[1] Всесоюзная торговая организация Центросоюза, призванная снабжать инвентарем торгующие организации.

Конечно, и в этом случае прокурор должен уметь оценить степень общественной опасности данного конкретного преступления. Было бы, например, явно бессмысленно предавать суду по закону 7 августа 1932 г. мальчика, который на глазах у продавцов и покупателей государственного магазина схватит с прилавка пару башмаков и т. п. и попытается убежать. Но, если группа грабителей (хотя бы и не вооруженных) ворвется в государственный или кооперативный магазин, свяжет продавцов и похитит выручку из кассы или товары с полок магазина, такое преступление, по общему правилу, должно быть квалифицировано по закону 7 августа 1932 г.

В судебной практике были отмечены случаи, когда отдельные работники государственных или общественных организаций вступали в соучастие с профессионально-преступными, деклассированными элементами и помогали им похищать общественную собственность. Такая форма соучастия, естественно, повышает общественную опасность преступления. Например, на одной из станций железной дороги помощник начальника станции систематически информировал шайку воров о том, в каких вагонах находятся особо ценные и особенно удобные для похищения грузы. Когда он дежурил по станции, он принимал меры, чтобы такие вагоны были поставлены в места, где было бы удобнее незаметно совершить хищение. При крупном и систематическом характере совершенных таким способом краж квалификация такого преступления по закону 7 августа 1932 г. вполне правильна.

Похитители общественной собственности иногда, при расхлябанности контрольных и ревизионных органов, при притуплении бдительности руководителей вышестоящих организаций, образуют в каком-либо учреждении или предприятии стойкую шайку, которая подчиняет своим преступным целям деятельность всех своих членов. Например, в тресте буфетов и ресторанов одной из железных дорог образовалась такая группа из числа работников бухгалтерии, складов и оперативных отделов треста. Члены этой преступной шайки издевательски называли свою шайку «колхоз». Члены шайки подчинялись строгой воровской «дисциплине»; похищенные ценности распределялись между ними по определенным заранее установленным принципам. Всю свою официальную служебную деятельность в тресте члены шайки подчиняли своим преступным целям. Само собою разумеется, что при этих условиях аппарат треста работал в определенной части не на обслуживание пассажиров железной дороги, а на обслуживание этой шайки. Самый способ совершения преступления в этом случае значительно повышал его общественную опасность и давал основание для квалификации обвинения по закону 7 августа 1932 г.

Изложенные признаки, конечно, не исчерпывают всех оснований, которые в том или ином конкретном случае могут повести к применению закона 7 августа 1932 г. и, наоборот, возможно, что и при формальном наличии одного из этих признаков все же не будет оснований для применения этого закона.

Например, в одном из органов нарпита создалась стойкая, преступная организация, которая, путем различных преступных махинаций (подлогов и т. п.) обеспечивала своих членов за счет нарпита, в порядке самоснабжения, улучшенными завтраками в рабочие часы. Члены организации поедали завтраки, но никто из них сверх того ничего не брал. За несколько месяцев существования этой преступной организации члены ее съели продуктов нарпита примерно на 10 000 руб. Нормальная деятельность предприятия не была нарушена. Хотя признак стойкой преступной организации здесь и имеется, но ни размеры причиненного ущерба, ни самый характер преступления не давали в этом случае оснований для применения закона 7 августа 1932 г.

Решая вопрос о квалификации преступления, прокурор в каждом отдельном случае должен учитывать: как указанные выше (или — иные) признаки комбинируются между собой, какова общественная опасность данного преступления и личности обвиняемых, действительно ли степень этой опасности такова, что данное преступление можно рассматривать как преступление государственное, как посягательство на экономическую основу Союза ССР.

Некоторые осложнения при решении вопроса о квалификации преступления могут возникнуть в случае, так называемой, идеальной совокупности преступлений, т. е. в том случае, когда деяние, подходящее под признаки закона 7 августа 1932 г., в то же время подходит под признаки и какого-либо другого уголовного закона. Например, бандитский налет на государственное или общественное предприятие для похищения общественной собственности подходит одновременно и под признаки закона 7 августа 1932 г. и под признаки ст. 59[3] Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик. В большинстве случаев вопрос этот разрешается просто согласно ст. 33 «Основ уголовного права Союза ССР и союзных республик» (ст. 49 Уголовного кодекса РСФСР).

При наличии такой совокупности применяется тот уголовный закон, который предусматривает более тяжкое преступление и устанавливает наиболее тяжелую меру наказания. Так как закон 7 августа 1932 г. устанавливает более тяжелое наказание, чем все другие уголовные законы, которые могут с ним конкурировать, то, по общему правилу, в случаях такой совокупности должен применяться закон 7 августа 1932 г. В отношении случаев конкуренции между законом 7 августа 1932 г. и ст. 59[3] Уголовного кодекса РСФСР (бандитизм) именно такое решение вопроса прямо предусмотрено постановлением президиума Верховного суда РСФСР от 10 июля 1934 г. (протокол № 30).

Но из этого общего правила надо сделать одно исключение. Если расхищение общественной собственности производилось в контрреволюционных целях и было только средством для совершения или для подготовки к совершению другого контрреволюционного преступления (напр. хищения в целях финансирования диверсионной, шпионской или террористической организации), то такие случаи хищения должны быть квалифицированы не по закону 7 августа 1932 г., а по соответствующим статьям главы Уголовного кодекса о контрреволюционных преступлениях. Формально, исходя из текста упомянутой ст. 33 «Основ

уголовного права Союза ССР» 1924 г., следовало бы и в этом случае отдавать предпочтение закону 7 августа 1932 г., так как он предусматривает более тяжелое наказание, чем все другие статьи уголовных кодексов союзных республик о контрреволюционных преступлениях (за исключением измены родине); все эти статьи допускают снижение наказания при смягчающих обстоятельствах до 3 лет лишения свободы, а закон 7 августа 1932 г. — только до 10 лет. Но применение в этих случаях закона 7 августа 1932 г. исказило бы политическую сущность дела, перенесло бы центр тяжести с цели на средство к достижению этой цели. Получилось бы, что члена диверсионной организации, совершившего в интересах этой организации хищение социалистической собственности, мы судим не за то, что он готовил диверсионный акт против советского Союза, а за то, что он совершил хищение для этой цели.

В этих случаях, поскольку контрреволюционная цель преступления установлена, ни размер похищенного, ни какие-либо иные из указанных выше соображений уже не имеют никакого значения для квалификации данного преступления, как преступления контрреволюционного.

Утверждая обвинительное заключение, в котором обвинение квалифицировано по закону 7 августа 1932 г., прокурор должен отчетливо уяснить себе, какие именно обстоятельства, установленные по данному делу, дают основание для применения закона 7 августа 1932 г., и проверить, какими доказательствами установлено в данном деле существование этих обстоятельств.

Здесь вопрос о квалификации обвинения тесно смыкается с тремя первыми вопросами приведенного выше перечня вопросов, подлежащих рассмотрению подготовительного заседания: с вопросом о наличии в действиях обвиняемых состава преступления, с вопросом о полноте предварительного расследования и с вопросом о достаточной обоснованности обвинения. Ни один из указанных выше признаков, дающих основание для применения закона 7 августа 1932 г., не может предполагаться существующим. Наличие в данном деле того или иного из этих признаков должно быть доказано определенными доказательствами; доказательства эти должны быть проверены.

Кроме того, надо иметь в виду, что ни в каком случае недопустимо квалифицировать обвинение в обвинительном заключении по закону 7 августа 1932 г., если в постановлении о привлечении в качестве обвиняемых лиц, предаваемых суду, была дана другая квалификация обвинения. Такое изменение квалификации было бы грубым нарушением гарантированных советским уголовным процессом прав обвиняемого.

Обвиняемый, который при предъявлении ему обвинения, квалифицированного, например, по 116 ст. Уголовного кодекса РСФСР, признал себя виновным и не проявил особой активности в представлении оправдательных доказательств, может быть вел бы себя совершенно иначе, если бы предъявленное ему обвинение было квалифицировано по закону 7 августа 1932 г. Менять квалификацию на этот закон при составлении или при утверждении обвинительного заключения — значит лишить обвиняемого возможности использовать процессуальные права, принадлежащие ему в стадии предварительного расследования, для опровержения обвинения.

Поэтому в таких случаях прокурор должен вернуть дело к доследованию для предъявления обвиняемому вновь обвинения с квалификацией по закону 7 августа 1932 г., для нового допроса его по этому обвинению и для совершения всех следственных действий, которые будут вытекать из его объяснений (проверка новых объяснений обвиняемого, предъявление ему вновь дела по окончании дополнительного расследования и т. п.).

Таким образом, при утверждении обвинительного заключения, в котором обвинение квалифицировано по закону 7 августа 1932 г., прокурор должен разрешить следующие вопросы:

1) какие конкретные обстоятельства данного дела дают основание для применения закона 7 августа 1932 г. в отношении каждого из обвиняемых в отдельности;

2) какими доказательствами установлено существование этих обстоятельств, достаточны ли эти доказательства, не осталось ли существенных для дела доказательств, не выявленных при расследовании;

3) проверены ли должным образом эти доказательства;

4) правильно ли было предъявлено обвинение каждому из обвиняемых, получены ли от них достаточно полные объяснения по каждому пункту обвинения, проверены ли должным образом те из этих объяснений, которые нуждаются в такой проверке, и правильно ли разрешены ходатайства, заявленные обвиняемыми;

5) правильно ли были выполнены в отношении каждого из обвиняемых требования 206 ст. УПК РСФСР (и соответствующих статей УПК других союзных республик);

6) правильно ли и достаточно ли полно отражены в обвинительном заключении все существенные обстоятельства дела.

Кроме того, прокурор должен, конечно, проверить и все другие данные по делу, которые подлежат проверке по каждому следственному делу (правильность выполнения отдельных процессуальных актов, в особенности — наиболее сложных, например, экспертизы и т. п., правильность избрания мер пресечения, правильность технического оформления дела и т. п.).

Правильно разрешить все указанные выше вопросы можно только путем тщательного ознакомления со всеми материалами.

Прокурор вообще обязан ознакомиться со всеми материалами всякого дела, по которому он утверждает обвинительное заключение. По делам, по которым обвиняемые предаются суду по закону 7 августа 1932 г., такое ознакомление должно отличаться особой тщательностью.

Если прокурор достаточно внимательно подойдет к разрешению всех перечисленных вопросов, он неизбежно заметит каждый пробел, каждую ошибку предварительного расследования, если такие пробелы или ошибки имеются.

В этом случае он отнюдь не должен перелагать на подготовительное заседание суда обязанность принять меры к исправлению этих недостатков.

Он должен сам вернуть дело к доследованию с конкретными указаниями о том, что нужно по нему сделать.

Утверждать обвинительное заключение и направить дело в суд прокурор может только в том случае, если в результате всей описанной проверки он придет к твердому убеждению в правильности обвинительного заключения.

Если такая проверка была произведена прокурором при утверждении обвинительного заключения, то для него не составит трудности и сделать по делу обстоятельный доклад в подготовительном заседании суда. Построение этого доклада зависит от конкретных особенностей того или иного дела, но в основном схема первой, основной части этого доклада (только — схема) такова: «Мы предаем суду таких-то и таких-то лиц за такие-то и такие-то деяния. Деяния эти мы квалифицируем по закону 7 августа 1932 г. на основании таких-то и таких-то признаков. Наличие этих признаков в деле установлено такими-то и такими-то доказательствами. Доказательства эти были нами проверены такими-то способами и проверка эта дала такие-то результаты. Обвиняемые дали по предъявленному им обвинению такие-то объяснения и заявили такие-то ходатайства. Объяснения эти были нами проверены такими-то способами и были получены такие-то результаты. Из заявленных обвиняемыми ходатайств мы удовлетворили такие-то и такие-то, а такие-то ходатайства мы отклонили по таким-то соображениям».

Доклад этот должен быть по возможности краток и, в наибольшей степени, конкретен. Это — не обвинительная речь, которую прокурор произносит не только для суда, но и для судебной аудитории. Точные ссылки на установленные по делу факты и на конкретные доказательства должны составлять основное содержание доклада на подготовительном заседании. Прокурор должен быть при этом готов дать ответ на любой вопрос, на любое возражение и отстаивать выдвинутые им положения, вплоть до принесения протеста на определение подготовительного заседания, конечно, если для этого есть основания.

Но решением вопроса о предании суду тех или иных лиц и об окончательной формулировке предъявленного им обвинения задачи подготовительного заседания, а следовательно и участвующего в нем прокурора, не исчерпываются. Необходимо, кроме того, разрешить вторую группу вопросов, не влияющих на существо обвинения, но имеющих очень важное значение для правильной организации судебного процесса.

Постановление 54 пленума Верховного суда Союза ССР от 29 марта 1936 г. формулирует эти вопросы следующим образом:

ж) о допущении участия сторон;

з) о списке лиц, вызываемых в судебное заседание (свидетелей, экспертов и т. д.);

и) о правильности избранной меры пресечения, в особенности — содержания под стражей;

к) о времени и месте судебного заседания;

л) о порядке слушания дела (открытое или закрытое судебное заседание и т. д.).

Было бы ошибкой считать, что эта группа вопросов не имеет отношения к прокурору, что ему важно добиться утверждения обвинительного заключения, а там пусть суд сам, как знает, готовится к судебному процессу.

Прокурор не меньше, чем судьи, заинтересован в правильной организации судебного процесса, в надлежащей подготовке судебного заседания как для рассмотрения дела по существу, так и для обеспечения массово-политического эффекта процесса. Поэтому в своем докладе на подготовительном заседании прокурор должен высказать свое мнение по каждому из перечисленных вопросов и это мнение отстаивать.

В виду исключительной важности и сложности дел по закону 7 августа 1932 г. дела эти должны, по общему правилу, слушаться с участием сторон. Это необходимо и для того, чтобы обеспечить наиболее полное рассмотрение дела по существу и для того, чтобы добиться наибольшего общественно-политического эффекта процесса.

Прокурор должен возражать против всяких необоснованных попыток подготовительного заседания ограничить, сократить судебный процесс по этого рода делам. Это относится как к вопросу об участии сторон в процессе, так и к вопросу о списке лиц, вызываемых в судебное заседание. В одном из судов Дальне-Восточного края имел место случай, когда подготовительное заседание, рассматривая дело, по которому обвинение было квалифицировано по закону 7 августа 1932 г., вычеркнуло всех свидетелей, указанных в списке, приложенном к обвинительному заключению (в этом списке было указано 16 свидетелей), и постановило заслушать дело без вызова свидетелей. Само собой разумеется, что обвинительный приговор суда по этому делу был впоследствии отменен.

Прокурор, утвердивший обвинительное заключение и, следовательно, согласившийся с тем, что нужно вызвать в суд 16 свидетелей, не опротестовал явно неправильного определения подготовительного заседания, допустившего в корне неверное, противоречащее не только духу советского процессуального законодательства, но и основным принципам Конституции сжатие, урезывание судебного процесса.

Что касается вопроса о мере пресечения, то, по делам, по которым обвиняемые предаются суду по закону 7 августа 1932 г., вопрос этот рассматривается в подготовительном заседании с иной точки зрения, чем по большинству других дел. Если, обычно, задача подготовительного заседания заключается в том, чтобы проверить, были ли основания для избрания мерой пресечения содержание под стражей и есть ли основания для сохранения этой меры после предания суду, то по делам, по которым обвинение квалифицировано по закону 7 августа 1932 г., дело, обычно, обстоит иначе. Дела этой категории относятся к числу тех, по которым, согласно 3 ч. 158 ст. Уг.-проц. кодекса РСФСР (и соответствующим статьям уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик), «заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено по мотивам одной лишь социальной опасности данного преступления».

В отличие от процессуального законодательства большинства буржуазных стран советский процесс не знает обязательного предварительного ареста. Нет таких случаев, когда органы

расследования или суд были бы формально обязаны применить к обвиняемому меру пресечения в виде содержания под стражей. Но это отнюдь не означает, что законодатель предполагал предоставить врагам народа разгуливать на свободе до суда, тогда как им по приговору этого суда грозит расстрел, или, в лучшем для них случае,—10 лет лишения свободы. Советский закон полагается на политическую бдительность судей и прокуроров, которым надлежит разрешать этот вопрос на практике, и не связывает их заранее установленной, для всех случаев обязательной нормой.

В отношении обвиняемых, предаваемых суду по закону 7 августа 1932 г., содержание под стражей должно быть нормальной мерой пресечения. Отступления от этого могут быть допущены в каких-либо совершенно исключительных случаях, например, в случае тяжкой болезни обвиняемого, при которой его невозможно даже перевезти в тюремную больницу без опасности для его жизни, мерой пресечения может быть избран домашний арест с назначением стражи. Задача подготовительного заседания по этим делам по вопросу о мере пресечения заключается не столько в проверке обоснованности избрания мерой пресечения содержание под стражей, сколько в проверке обоснованности неприменения этой меры, если по отношению к тому или иному из обвиняемых была избрана другая мера пресечения.

В этом случае прокурор в своем докладе обязан изложить подготовительному заседанию суда те мотивы, по которым прокуратура допустила такое послабление по отношению к данному обвиняемому. В случае освобождения подготовительным заседанием из-под стражи кого-либо из обвиняемых, преданных суду по закону 7 августа 1932 г., прокурор обязан, по общему правилу, опротестовать такое определение, за исключением тех весьма редких случаев, когда для этого были какие-нибудь особые основания.

На практике этот вопрос чаще всего может возникнуть в случаях, когда подготовительное заседание обращает дело к доследованию и ставит под сомнение не обоснованность избрания в качестве меры пресечения содержание под стражей, а обоснованность самого обвинения. В этих случаях отношение прокурора к определению такого рода должно зависеть от оценки им тех мотивов, которые побудили суд вернуть дело к доследованию. Во всех случаях такого рода прокурор должен требовать, чтобы подготовительное заседание вполне конкретно указало в своем определении, что именно и каким путем оно считает необходимым доследовать. Только в том случае, если по этим мотивам можно с уверенностью сказать, что обвинение кого-либо из обвиняемых по закону 7 августа 1932 г. при доследовании должно будет отпасть, возможно освобождение такого обвиняемого из-под стражи. Чаще всего такое положение создается в случаях представления обвиняемым в подготовительное заседание новых документов, опровергающих предъявленное ему обвинение. Однако, и в этих случаях прокурор должен иметь в виду, что относиться к таким документам надо с величайшей осторожностью. Подготовительное заседание в советском процессе (в отличие, например, от французской обвинительной камеры) само доследование дела не производит. А без проверки документов путем следственных действий, в подавляющем большинстве случаев, нельзя судить о их правильности и делать по ним какие-либо выводы.

При нормальном положении вещей подготовительное заседание и при обращении дела к доследованию не должно самостоятельно изменять меры пресечения, предоставив разрешение этого вопроса прокуратуре, в зависимости от результатов дополнительного расследования. Обратное положение может иметь место только в случаях, когда на подготовительном заседании выясняется явная ошибка органов расследования. Во всяком случае, за неправильное освобождение обвиняемого по закону 7 августа 1932 г. определением подготовительного заседания, прокурор, не опротестовавший этого определения, несет такую же ответственность, как если бы он сам освободил этого обвиняемого.

Вопросы о месте, времени и порядке слушания дела также не являются безразличными для прокурора. Основное соображение, которое должно быть принято во внимание при разрешении этих вопросов, это соображение об обеспечении наибольшего общественно-политического эффекта процесса. Дела по закону 7 августа 1932 г. в большинстве случаев дают большие возможности для укрепления в сознании широких народных масс убеждения в неприкосновенности общественной (социалистической) собственности, — важнейшего элемента нового социалистического правосознания. Процессы по этим делам должны быть организованы так, чтобы эти возможности были использованы в наибольшей степени.

Стадия предания суду в советском уголовном процессе представляет собой диалектическое единство двух задач, которые большинство буржуазных процессуалистов всегда считало непримиримыми и взаимно противоречащими: задачи гарантии меткости и эффективности уголовной репрессии и задачи гарантии советского гражданина против неосновательного предания его суду и против неосновательного осуждения.

Интересы социалистического государства требуют, чтобы уголовная репрессия применялась только к лицам, совершившим преступления, и только за те преступления, которые были ими действительно совершены. Интересы каждого отдельного советского гражданина (мы говорим, конечно, о его законных, общественно признанных интересах) требуют, чтобы, во-первых, его не сажали на скамью подсудимых без серьезных оснований, а во-вторых, — чтобы судебный процесс, раз уже его предали суду, дал ему самые широкие возможности для всестороннего использования гарантированного ему Конституцией права на защиту. В условиях социалистического общества между общественными и частными интересами в этом вопросе нет никакого противоречия.

Работа подготовительного заседания суда, вообще, и работа прокурора в подготовительном заседании, в частности, и служит этим интересам.

Проверить, есть ли достаточные основания для предания суду именно данных лиц и именно по данному обвинению, и проверить, налицо ли все условия для полного и всесторон-

него исследования дела в судебном заседании, для правильного разрешения его по существу и для достижения наибольшего общественно-политического эффекта процесса, — таковы две неразрывно связанные между собою задачи органов суда и прокуратуры в стадии предания суду.

Правильное разрешение этих задач, в особенности по таким сложным делам, как дела по закону 7 августа 1932 г., является одним из условий для обеспечения правильности приговора суда по этим делам, а следовательно и всей судебной политики.

С. МИРОНОВ

Борьба с хищениями на водном транспорте

Борьба с хищениями составляла одну из важнейших задач прокуратуры водного транспорта. В законе 7 августа 1932 г. об охране общественной собственности сказано, что «общественная собственность (государственная, колхозная и кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть расматриваемы как враги народа».

Сталинская Конституция (ст. 131) возлагает на граждан СССР обязанность «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся».

К 1932 г. хищения грузов на водном транспорте достигли больших размеров. Остатки разгромленных, умирающих эксплоататорских классов, расползшихся по пароходствам, железным дорогам, совхозам и другим предприятиям, организовывали массовые хищения и воровство государственного, кооперативного имущества и колхозной собственности. Пользуясь беспечностью, ротозейством и халатным отношением некоторых должностных лиц к охране грузов, эти враги народа похищали грузы в портах, на пристанях и даже на пароходах и других судах. Они втягивали в свои воровские шайки неустойчивых работников водного транспорта, использовали преступные элементы, а также и агентов клиентуры, отправляющих и получающих грузы.

Крупные непорядки на водном транспорте в организации охраны грузов, невзвешивание груза при приеме и выдаче, свободный проход на пристани, в порты и на перевалочные пункты, расхлябанность трудовой дисциплины плавсостава и береговых рабочих и т. п. способствовали росту хищений. Воровские шайки, возглавляемые классовыми врагами, проникшими на транспорт, нагло орудовали. Как теперь установлено, разоблаченные троцкистские диверсанты, вредители, шпионы и правые контрреволюционеры — эти заклятые враги народа, реставраторы капитализма, сидевшие на руководящей работе до 1936—1937 гг. в Наркомводе и в пароходствах, всеми мерами помогали расхищать народное добро и подрывали работу водного транспорта.

Руководствуясь указаниями товарища Сталина о том, что «революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности», прокуратура и суды водного транспорта провели большую работу по охране общественной, социалистической собственности на основе неуклонного проведения постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. Уничтожено много воровских шаек. Немало осуждено хозяйственников за непринятие мер к охране грузов. По конкретным материалам судебных дел политотделы мобилизовали широкие массы водников на борьбу с хищениями и повышали революционную бдительность в деле разоблачения расхитителей — врагов народа.

Прокуроры бассейнов и участков систематически проверяли состояние охраны грузов и добивались принятия ряда мер к устранению причин, содействовавших хищениям грузов и ценностей. Хотя здесь мы и имеем положительные результаты, но надо прямо сказать, что прокуратура водного транспорта многие вопросы, поставленные перед хозяйственниками, не доводила до конца. Такая важная работа, как учет и расследование всех случаев хищений и недостач, до сих пор как следует не организована.

Достигнутые под руководством нашей партии и великого вождя народов товарища Сталина громадные успехи социализма в СССР дали трудящимся счастливую и радостную жизнь. В результате повышения политического и культурного уровня и непрерывного роста материального благосостояния советского народа, а также и решительной борьбы органов прокуратуры и суда, в настоящее время значительно уменьшились хищения и растраты на водном транспорте по сравнению с 1934 годом.

По данным центрального отдела военизированной охраны Наркомвода снижение хищений представляется в следующем виде: если взять стоимость похищенных грузов в 1934 г. за 100, то по сравнению с этим годом было похищено в 1935 г. 22,6%, в 1936 г. — 24,1%. По финансовому отчету Наркомвода эти же данные выражаются в следующих цифрах: в 1934 г. 100, 1935 г. — 15,4%, 1936 г. — 21,7%. Число крупных хищений резко сократилось, но мелкие кражи продолжают держаться на высоком уровне. В 1937 году ВОХР по вскрытым хищениям возвратил водному транспорту 80% похищенного груза. Очень часто под так называемыми недостачами грузов скрываются прямые хищения. Поэтому необходимо кратко остановиться на цифрах недостач грузов на водном транспорте.

Клиентура предъявляет претензии к Наркомводу ежегодно на десятки миллионов рублей

за недоставленный груз. По сведениям Наркомвода в 1935 г. было удовлетворено претензий на 15 306 тыс. руб., а в 1936 г. — на 2 530 тыс. руб. В 1936 г. к Наркомводу предъявлено претензий на 21% меньше той суммы, которая была предъявлена в 1934 г. По официальному отчету Наркомвода хищения хозяйственных материалов со складов в 1935 г. и в 1936 г. увеличилось почти в два раза по сравнению с 1934 годом. Это свидетельствует о том, что прокуроры бассейнов и участков не ведут надлежащей борьбы с хищениями разных строительных и эксплоатационных материалов, хранящихся в служебных кладовых.

Враги народа старались подорвать рабочее снабжение на водном транспорте. Путем массовых хищений и растрат разваливали работу магазинов, столовых, запутывали отчетность. Судебная репрессия и политико-воспитательные меры повлияли на сокращение растрат в торговой сети. Растраты и недостачи к обороту выражаются в следующих процентах: 1934 г. — 1,35, 1935 г. — 0,94, 1936 г. — 0,55 и I кв. 1937 г. — 0,40. Несмотря на это сокращение, абсолютная сумма растрат и недостач крайне велика. Каждый прокурор бассейна должен тщательно проанализировать материалы о растратах и принять необходимые меры к усилению борьбы в тех пунктах, где растраты и недостачи продолжают оставаться в больших размерах. Особо неблагополучно обстоит дело с хищениями и растратами в системе Центроводторгпита в бассейнах: Селенгинском (3,40% к обороту), Куринском (2,78%), Аму-Дарьинском (1,76%), Печорском (1,73%), Уральском (2,13%), Балхаш-Илийском (2,41%). Высокий процент хищений и растрат продолжает оставаться в Нижне-Волжском и Камском бассейнах. Прокуроры указанных бассейнов тт. Тагамлицкий, Семейкин, Садовский, Котов, Козо-Полянская, Бунов и Щукин не анализируют материалы по делам растрат и хищений. Дела расследуются недопустимо медленно. Можно было бы привести по прокуратурам всех бассейнов ряд дел, по которым расследование затягивается на несколько месяцев по вине следователей и прокуроров. Многие прокуроры не реагируют на волокиту в расследовании, допускаемую следователями, и оставляют эти факты безнаказанными. Исключительная безответственность создана среди следователей по вине прокуроров Нижне-Волжского бассейна Бунова, Темерова и Шапошникова. Эти прокуроры полностью отвечают за волокиту по делам о растратах в Водторгпите бассейна.

В июле 1937 г. зам. прокурора Нижне-Волжского бассейна т. Темеров прислал в главную прокуратуру телеграмму о том, что дело о растрате в Водторгпите лежит без движения около двух месяцев у следователя Жданетты и в заключение т. Темеров просит указаний от Прокуратуры Союза.

Этой телеграммой т. Темеров показал свою беспомощность в руководстве следователями.

Число лиц, преданных суду за хищения, непрерывно сокращается. В 1936 г. предано суду за хищения в 3 раза меньше, чем в 1935 г., а за первое полугодие 1937 г. — в 4 раза меньше против 1935 г.

Но было бы неправильно думать, что такое сокращение преданных суду объясняется только уменьшением хищений. Анализ материалов показывает, что прокуроры бассейнов и участков в 1936 и 1937 гг. ослабили борьбу с хищениями. Следователи прокуратуры расследовали за 1936 г. 45,5% всех дел о хищениях. Это крайне мало. Следователи могут и обязаны вести следствие почти по всем делам о хищениях. Надо заострить внимание работников прокуратуры водного транспорта на необходимости усиления борьбы с хищениями. На ближайшем оперативном совещании обсудить вопрос о работе каждого прокурора и следователя в этой области. Шире развернуть критику и самокритику наших недостатков. Мобилизовать актив и соцсовместителей прокуратуры на выявление всех случаев хищений и особенно на перевалочных пунктах, на судах и в материальных кладовых разных служб пароходства.

Привлекать к уголовной ответственности тех должностных лиц, которые своим халатным отношением к делу охраны грузов продолжают создавать условия, способствующие хищениям.

Борьба за охрану общественной, социалистической собственности есть не только борьба с расхитителями и врагами народа, но это также и борьба за советскую дисциплину, за экономию, за бережное отношение к народному достоянию.

Ни на минуту нельзя забывать, что японо-немецкие агенты, троцкистско-бухаринские шпионы, диверсанты, вредители в своей подрывной работе используют и метод организации хищений на водном транспорте.

Надо скорее разоблачить и разгромить до конца этих бандитов — заклятых врагов народа.

Будем со всей решительностью и непримиримостью продолжать борьбу со всякими покушениями на общественную собственность.

Еще больше усилим революционную бдительность. На основе неуклонного и твердого проведения закона от. 7 августа 1932 г. об охране общественной, социалистической собственности добьемся в кратчайший срок полной ликвидации хищений на водном транспорте.

В. МЕНЬШАГИН

Преступления против личности по проекту Уголовного кодекса СССР

В беседе с английским писателем Уэллсом товарищ Сталин подчеркнул, что у нас «непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности» [1].

Эти глубоко принципиальные и исторические указания товарища Сталина о роли и положении личности в социалистическом обществе нашли свое всестороннее и исчерпывающее отражение в великой Сталинской Конституции СССР. Глава X Конституции является подлинным свидетельством того, что забота о человеке, о его личности, о полном развитии его способностей составляет суть советской политики.

Приведенными выше указаниями товарища Сталина и величайшим законом — Конституцией СССР—и должно определяться отношение к охране личности со стороны советских органов юстиции и советского уголовного законодательства.

К сожалению, и в действующем уголовном законодательстве и в практической, повседневной работе органов юстиции охрана человеческой личности стоит еще не на должной высоте.

Достаточно обратиться к судебной практике в области наказания по преступлениям против личности, как станет ясным, что с охраной жизни, здоровья и достоинства человеческой личности в настоящее время дело обстоит весьма неблагополучно, и что в этом отношении требуются серьезные изменения.

Так, например, по РСФСР за 1-ю половину 1936 г. применение наказания за преступления против личности характеризуется следующими данными: [2] было приговорено к лишению свободы 28,8% (из всех осужденных за эти преступления), к исправительно-трудовым работам — 48,9%, к штрафу — 10,9%, к условному осуждению — 9,4% и к другим видам наказания — 2,0%. Как видим, около половины лиц, совершивших посягательство на личность, было приговорено к такому мягкому наказанию, каким являются и.-т. работы, и около четвертой части — к еще более мягким видам наказания, вроде штрафа, условного осуждения и т. д. Ничем не обоснованная мягкость наказания присуща и даже таким опаснейшим преступлениям против личности, как убийства, половые преступления и др. За тот же период по РСФСР к осужденным по статьям об убийстве были применены в 9,3% и.-т. работы, штраф и условное осуждение, в 31,2% — лишение свободы на срок от 1 года до 5 лет и лишь в 59,5% — лишение свободы на сроки свыше 5 лет. За половые преступления было осуждено 19,9% к и.-т. работам, штрафу и условному осуждению, 63,2% — к лишению свободы на сроки от 1 года до 5 лет и лишь 16,9% — к лишению свободы на сроки свыше 5 лет.

Прав т. Вышинский, когда он пишет [1], что «невнимательное отношение к людям характеризуется также и чрезвычайно мягкими наказаниями за преступления против жизни, здоровья человека и достоинства человеческой личности. Нередко здесь мы доходим до грани, за которой начинается почти полная безнаказанность».

Но приведенная и совершенно неудовлетворительная судебная практика в значительной мере определяется действующим уголовным законодательством и, в частности, Уголовным кодексом РСФСР. Основным недостатком этого в большей своей части устаревшего Уголовного кодекса и его главы о преступлениях против личности является недопустимая мягкость в санкциях и особенно по наиболее опасным преступлениям против личности. Характерным в этом отношении является тот факт, что действующий Уголовный кодекс РСФСР ни по одному из преступлений против личности, за исключением двух последних новелл (аборт и мужеложство), не содержит указаний на минимальные сроки наказания. Наоборот, наказание по преступлениям против личности в УК построено по принципу, устанавливающему лишь максимальные пределы наказания, т. е. по признаку «до» или «не свыше». Благодаря этому даже за убийство или за тяжкое телесное повреждение суды имеют возможность назначать лишение свободы начиная от одного года. Небезинтересно отметить, что действующий УК в смысле построения санкций по преступлениям против личности сделал значительный шаг назад по сравнению с первым советским УК 1922 г., который знал минимальные сроки по наиболее опасным преступлениям против личности. Например, за умышленное убийство по УК 1922 г. (ст. 142) наказание было предусмотрено в виде лишения свободы на срок не ниже (разрядка наша. — В. М.) 8 лет лишения свободы, за тяжкие телесные повреждения (ст. 149 УК) — лишение свободы на срок не ниже 3 лет и т. д.

Излишняя мягкость в наказании по преступлениям против личности в действующем УК проявляется и в том, что по отдельным довольно опасным преступлениям против лич-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, 1934, стр. 602.

[2] По данным Научно-исследовательского института юридических наук.

[1] А. Вышинский, Речь товарища Сталина 4 мая и задачи советской юстиции, Гос. изд. «Советское законодательство», стр. 38.

ности предусматривается наказание лишь в виде и.-т. работ или штрафа, что исключает вовсе применение по ним лишения свободы (например, телесные повреждения, причинившие расстройство здоровья, отказ от оказания медицинской помощи, оставление в опасном состоянии и т. д.).

Наконец, существеннейшим дефектом действующего УК является ненаказуемость ряда весьма опасных посягательств против жизни и здоровья личности. Достаточно указать хотя бы на ненаказуемость по УК содействия и подговора к самоубийству взрослого человека или на ненаказуемость оставления без помощи родителей. По ряду же опасных посягательств на личность действующий УК, хотя и знает наказуемость их, однако в очень узких рамках, причем эти ограничения наказуемости вряд ли можно обосновать какими-либо серьезными доводами. Например, оставление кого-либо без помощи в заведомо опасном положении наказуется лишь при условии, что на оставившем лежит специальная забота об оставленном (ст. 156 УК РСФСР), или доведение до самоубийства наказуется лишь при условии, если доведенный до самоубийства находился в какой-либо зависимости от субъекта преступления (ст. 141 ч. I УК РСФСР).

Итак, недопустимо мягкие наказания по преступлениям против личности, с одной стороны, и полная ненаказуемость ряда опасных посягательств на личность, с другой, характерные для действующего уголовного законодательства, со всей решительностью ставят вопрос о коренной переработке этого законодательства. Без такой переработки вряд ли выполнимы те задачи, которые стоят перед органами юстиции по линии охраны личности и которые определяются великой Сталинской Конституцией. С этой точки зрения особого внимания заслуживает глава о преступлениях против личности проекта нового Уголовного кодекса СССР, анализу которой и посвящена настоящая статья.

Но прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению отдельных составов, включенных проектом в главу о преступлениях против личности, необходимо сделать несколько предварительных замечаний по поводу места этой главы в проекте, объема ее и той системы преступлений против личности, которая устанавливается проектом. Как бы подчеркивая, что одной из важнейших задач, стоящих перед органами юстиции в настоящее время, является усиление охраны личности, проект УК СССР главе о преступлениях против личности отводит третье место, помещая ее сейчас же вслед за государственными преступлениями и преступлениями против обороны СССР. В действующем УК РСФСР, а также и в кодексах союзных республик глава о преступлениях против личности, как известно, следует за преступлениями против порядков управления, должностными и хозяйственными, занимая, таким образом, в Особенной части УК одно из последних мест.

Следуя УК РСФСР 1922 г., проект главу о преступлениях против личности разбивает на ряд разделов: первый — «Преступления против жизни», второй — «Телесные повреждения и насилия», третий — «Преступления против семьи и брака», четвертый — «Преступления в области половых отношений» и пятый — «Оставление в опасности». Новым по существу разделом в проекте является раздел преступлений против семьи и брака.

По количеству отдельных статей глава о преступлениях против личности в проекте значительно шире, чем аналогичная глава действующего УК. Если действующий УК РСФСР предусматривает 29 статей (136—161), то проект содержит 35 статей. Это увеличение получается, во-первых, за счет включения проектом в главу о преступлениях против личности части преступлений, предусмотренных в действующем УК в главе о преступлениях, составляющих пережитки родового быта (например, вымогательство калыма, принуждение женщины ко вступлению в брак), во-вторых, путем введения в главу о преступлениях против личности новых, неизвестных действующему законодательству составов (например, обманное использование регистрации брака, оставление без помощи родителей) и, в-третьих, путем установления большей диференциации отдельных видов преступлений против личности (убийств, тяжких телесных повреждений и т. п.).

Первый раздел «Преступления против жизни» предусматривает 5 отдельных статей: 1) «Умышленное убийство», 2) «Убийство в состоянии запальчивости и раздражения», 3) «Убийство вследствие превышения необходимой обороны», 4) «Неосторожное убийство» и 5) «Доведение до самоубийства». Если принять во внимание, что статья об умышленном убийстве включает два вида убийств — простое умышленное убийство (1-я часть статьи) и квалифицированный вид умышленного убийства (2-я часть статьи), то следует притти к выводу, что проект УК воспроизводит по существу ту же систему убийств, что и в действующем УК РСФСР. В самом деле, проект, так же как и УК РСФСР, делит убийства на умышленные и неосторожные и среди умышленных убийств предусматривает простой вид, квалифицированный вид и привилегированный (убийство в запальчивости и раздражении и убийство с превышением необходимой обороны). Отводя этим отдельным видам убийств самостоятельные статьи и подражая в этом отношении УК 1922 г., проект лишь придает этой системе более стройное оформление. Однако разграничение, даваемое проектом, между простым умышленным убийством и квалифицированным убийством совершенно иное, чем в действующем УК. И, что еще более важно, наказание, устанавливаемое за эти виды убийств, несравненно выше, чем в действующем уголовном законодательстве. Статья об умышленном убийстве в проекте сформулирована следующим образом:

Умышленное убийство

«1. Умышленное убийство карается заключением в тюрьму на срок не ниже 5 лет.

2. Если умышленное убийство совершено с особой жестокостью или неоднократно, наказание может быть повышено до расстрела».

Если принять во внимание, что по действующему уголовному законодательству расстрел за убийство может быть назначаем лишь только при одном условии, когда убийство при особо отягчающих обстоятельствах совершено военнослужащим (ч. 2 ст. 136 УК РСФСР),

т. е. в весьма редко встречающихся в практике случаях, то введение проектом расстрела в ч. 2 статьи об умышленном убийстве, предусматривающей несравненно более широкий круг убийств, следует признать новшеством. Благодаря этому нововведению проекта УК неизмеримо возрастает ответственность за убийство.

Исходя из того, что охрана личности и в первую очередь охрана жизни человека является одной из наиболее существеннейших задач советской уголовной политики, введение проектом в качестве наказания за убийство расстрела является безусловно правильным.

«Из всех ценных капиталов, — говорит товарищ Сталин, — имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры». Это величайшее указание товарища Сталина налагает на граждан СССР обязанность всемерно охранять и беречь жизнь человека. Всякое посягательство на жизнь должно влечь за собой суровые меры наказания вплоть до исключительной меры — расстрела. Следует указать при этом, что наша судебная практика в настоящее время по существу уже вступила на путь применения расстрела за умышленное убийство, хотя, правда, в исключительных случаях. Достаточно указать хотя бы на случаи, имевшие место в судебной практике, применения расстрела за убийство из хулиганских побуждений или за убийства, совершенные особо жестоким способом. Правда, такие случаи квалифицировались не по статьям об убийстве, как это следовало бы по УК, а по статье о бандитизме (ст. 59^3 УК РСФСР), но нужно прямо сказать, что эта квалификация в большинстве случаев была весьма искусственной. Характерно при этом, что квалификация убийств из хулиганских побуждений по статьям о бандитизме производилась не только по инициативе местных судебных органов, а санкционировалась высшими судебными органами союзных республик — верховными судами союзных республик. Прекрасно понимая необходимость назначения за отдельные виды убийств высшей меры наказания, Верховный суд РСФСР издал целый ряд директив, которые по существу разрешали по ряду убийств применение этой меры наказания. Так, в постановлении президиума Верховного суда РСФСР от 17 марта 1935 г. указывается, что «как бандиты должны караться те особо опасные хулиганы, которые совершают хотя бы о д и н о ч н ы е (разрядка наша. — В. М.) нападения, но связанные с убийством... с квалификацией этих преступлений по ст.ст. 16 и 59^3 УК». Следуя этому указанию, такие убийства, как, например, убийство финкой хулиганом проходившей мимо него женщины, квалифицировались как бандитизм с назначением расстрела. Если безусловно правильно второе, т. е. назначение расстрела, то вряд ли можно признать хотя бы сколько-нибудь правильным первое, т. е. квалификацию таких убийств как бандитизм по ст. 59^3 УК РСФСР.

13—14 февраля 1936 г. президиум Верховного суда РСФСР выносит другое постановление, также по существу разрешающее вынесение приговоров к расстрелу при посягательствах на личность. В этом постановлении указывается, что «грабеж, а тем более групповой, с применением н а с и л и я (разрядка наша. — В. М.) должен квалифицироваться по ст. 59^3 УК н е з а в и с и м о о т т о г о, б ы л и л и о б в и н я е м ы е в о о р у ж е н ы и л и н е т» (разрядка наша. — В. М.).

Понимая всю недостаточность санкций по грабежу с насилием над личностью, которое всегда может закончиться и лишением жизни человека (по этим видам грабежа ст. 167 УК РСФСР расстрел может назначаться лишь в случае вооруженного нападения), Верховный суд предлагал такие случаи грабежа квалифицировать по ст. 59^3 УК РСФСР и тем самым разрешал применение по ним высшей меры наказания.

Такие директивы приводили к слишком широкому применению ст. 59^3 о бандитизме, от основных признаков состава которого (наличие банды, вооруженность и т. п.) почти ничего не оставалось. Уголовная же статистика в силу этого неизменно давала показатели большого роста бандитизма, что на первый взгляд казалось совершенно непонятным в настоящих условиях явлением.

Нам кажется, что, вместо того чтобы прибегать к искусственной квалификации отдельных убийств по статьям о бандитизме и тем самым прямо нарушать уголовный закон, а также для того, чтобы не дезориентировать советские органы в области действительного положения у нас с бандитизмом, следует безусловно ввести за отдельные, особо тяжкие виды убийств в качестве наказания расстрел.

Наказание за умышленное убийство по проекту повышается не только за счет введения расстрела за квалифицированное убийство, но и путем введения более жестких сроков лишения свободы за простой вид умышленного убийства. Если по действующему УК за умышленное убийство может быть назначаемо лишение свободы на сроки, начиная от 1 года и до 8 лет или до 10 лет (ст.ст. 136 и 137 УК РСФСР), то по проекту даже простой вид умышленного убийства карается заключением в тюрьму на срок не ниже 5 лет[1]. В этой санкции следует отметить ряд существеннейших моментов. Во-первых, здесь устанавливается минимальный срок лишения свободы, ниже которого нельзя назначать за убийство. Во-вторых, этот minimum довольно высокий — 5 лет. И, наконец, в этой санкции указывается на заключение в тюрьму, что исключает назначение лишения свободы в и.-т. лагерях и в и.-т. колониях. Лишение свободы по проекту может быть назначено и за квалифицированный вид убийства, так как санкция ч. 2 статьи об умышленном убийстве редактирована так, что о н а р а з р е ш а е т применение расстрела за квалифицированный вид убийства, а не обязывает применять его во всех случаях. Установление проектом минимального срока лишения свободы за умышленное убийство положит конец назначению за умышленное убийство небольших сроков лишения свободы и других более мягких видов наказания, которые до сего времени наблюдаются в судебной практике.

---

[1] Интересно отметить, что УК РСФСР 1922 г. за умышленное убийство имел санкцию в виде лишения свободы не ниже 8 лет (ст. 142 УК) и не ниже 3 лет (ст. 143 УК).

Поскольку за квалифицированный вид умышленного убийства по проекту допускается применение высшей меры наказания, постольку вопрос о разграничении простого умышленного убийства от квалифицированного приобретает особенно большое значение.

В ч. 2 статьи об умышленном убийстве проект к квалифицирующим обстоятельствам относит лишь два признака: 1) совершение убийства с особой жестокостью и 2) неоднократность совершения убийства. Все остальные случаи умышленных убийств тем самым отнесены проектом к простым видам убийств. Такое ограниченное понятие квалифицированных видов убийств, а тем самым и сужение возможности применения расстрела по убийствам вызывают сомнения. Так, например, за убийство, совершенное из хулиганских побуждений, хотя бы и впервые и без особой жестокости, целесообразно в отдельных случаях назначение расстрела. Последнее, однако, станет невозможным, если оставить редакцию статьи проекта о квалифицированном виде убийства в том виде, в каком она дана в настоящее время. Необходимо поэтому пересмотреть вопрос о признаках квалифицированных убийств.

Проект, как уже указывалось выше, предусматривал три вида умышленных убийств — простой, квалифицированный и привилегированный. Нам кажется, однако, необходимым расширить эту систему умышленных убийств за счет выделения специального состава детоубийства, как это имеет место в настоящее время в УК УССР (ст. 142). Необходимость выделения детоубийства как особого состава вызывается следующими соображениями. Во-первых, детоубийство является своеобразным видом убийства (убийством sui generis), имеющим целый ряд своих специфических особенностей и в оперативной работе всегда выделяемым в особую группу посягательств на жизнь. Во-вторых, при той санкции, которая имеется в проекте за умышленное убийство (не ниже 5 лет), суды в отношении матерей-детоубийц будут лишены возможности назначения меньших сроков лишения свободы. А в ряде случаев, и особенно тогда, когда детоубийство совершается матерью в результате понуждения ее к преступлению отцом ребенка, желающим избавиться от уплаты алиментов или по каким-либо другим причинам, или же когда детоубийство совершается матерью в силу крайнего своего невежества, политической отсталости или под влиянием неизжитых еще старых буржуазных предрассудков, нам кажется возможным и целесообразным назначение лишения свободы на сроки и меньше, чем 5 лет. Этим мы вовсе не желаем предлагать общего снижения наказания за детоубийство. Санкция в статье о детоубийстве должна быть построена более гибко, с большими вариантами сроков лишения свободы, например, от 3 до 10 лет. Такое построение санкции по специальной статье о детоубийстве даст возможность назначения больших сроков лишения свободы отцам — подстрекателям к детоубийству, а также, как правило, и матерям, совершившим это преступление, а с другой стороны, даст возможность и назначения меньших, чем в 5 лет, сроков лишения свободы в отдельных, указанных выше случаях.

Статья проекта об убийстве, совершенном в состоянии запальчивости и раздражения (привилегированный вид умышленного убийства), почти ничем не отличается от аналогичной статьи действующего УК РСФСР (ст. 138 УК) Редакция этой статьи в проекте такова:

Убийство в состоянии запальчивости и раздражения

«Убийство, совершенное в состоянии запальчивости и раздражения, вызванном насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего, карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет».

Если не считать словесной замены выражения «сильного душевного волнения», имеющегося в ст. 138, выражением «запальчивости и раздражения» по проекту (кстати сказать, вряд ли эта замена более удачна), то следует указать лишь на исключение проектом из данного состава преступления признака «внезаконности» — возникшего сильного душевного волнения или запальчивости и раздражения. Практика показывает, что в огромном большинстве таких убийств состояние сильного душевного волнения возникает внезапно, вслед за нанесенным оскорблением или насилием, так что с этой точки зрения проект правильно делает, что исключает эту излишнюю оговорку о внезаконности. Также следует признать целесообразным и устранение проектом возможности назначения и.-т. работ за этот вид убийства.

Статья об убийстве, явившемся результатом превышения необходимой обороны, как это видно из нижеприводимого текста ее, воспроизводит по существу формулировку ст. 139 УК РСФСР.

Убийство вследствие превышения необходимой обороны

«Убийство, совершенное вследствие превышения необходимой обороны, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию до 2 лет или исправительными работами».

Непонятно, чем руководствовались авторы проекта, снижая за этот вид убийства наказание по сравнению с действующим УК. В то время как по УК РСФСР за убийство с превышением необходимой обороны наказание было возможно до 3 лет лишения свободы, проект снижает срок лишения свободы до 2 лет. Повидимому, и здесь сказалось влияние на проект УК 1922 г., который за этот вид убийства предусматривал наказание в виде лишения свободы до одного года. Этот дефект проекта, как нам кажется, необходимо также устранить при дальнейшей разработке проекта.

Статья проекта о неосторожном убийстве различает два вида неосторожных убийств, чего нет в действующем УК РСФСР.

Неосторожное убийство

«1. Убийство по неосторожности, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок до 2 лет или исправительными работами.

2. Убийство по неосторожности, совершенное вследствие сознательного и грубого нарушения правил предосторожности, — карается за-

ключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет».

Разграничение указанных видов неосторожных убийств следует проводить, повидимому, по субъективным признакам. В ч. 1 идет речь об убийстве в результате преступной небрежности, в ч. 2—в результате преступной самонадеянности.

По существу такую диференциацию неосторожных убийств, которая была известна и УК 1922 г., следует признать вполне уместной, так как в судебной практике все неосторожные убийства резко подразделяются именно на эти две группы. К первой группе, т. е. к убийствам, явившимся результатом преступной небрежности, отойдут, например, часто встречающиеся в практике убийства в результате небрежного обращения с оружием, с огнем и т. п. Ко второй группе должны будут отнесены все случаи убийств на транспорте, которые в большинстве своем являются следствием преступной самонадеянности водителей транспорта. Степень опасности второй группы убийств значительно бо́льшая, чем первой группы.

При совершении убийств второй группы субъект преступления предвидит последствия своих действий, т. е. предвидит возможность лишения жизни другого человека, но легкомысленно рассчитывает предотвратить их. Проект совершенно правильно делает, когда устанавливает и повышенное наказание за неосторожное убийство, совершенное вследствие грубого нарушения правил предосторожности. Судебная практика нередко прибегала к искусственной квалификации таких убийств на транспорте, исходя исключительно из нецелесообразности назначения довольно мягкого наказания, которое имелось в ст. 139 УК РСФСР. С введением проектом наказания за этот вид убийств в виде лишения свободы на срок до 5 лет надобности прибегать к другим статьям УК не будет.

Раздел о посягательствах на жизнь заканчивается в проекте статьей о доведении до самоубийства. Эта статья проекта содержит целый ряд принципиально новых положений по сравнению с аналогичной статьей действующего УК РСФСР (ст. 141 УК). Как и в ст. 141 УК РСФСР, статья проекта о доведении до самоубийства предусматривает по существу два отдельных состава: доведение до самоубийства и содействие и подговор к самоубийству. Однако, как это видно из нижеприводимого текста статьи, составы эти по проекту даны в ином виде, чем в действующем УК.

Доведение до самоубийства

«1. Доведение кого-либо жестоким обращением или преследованием до самоубийства или покушения на самоубийство, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет.

2. Содействие или подговор к самоубийству, если самоубийство или покушение на него последовало, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет или исправительными работами».

По ст. 141 УК РСФСР, а также и по УК других союзных республик доведение до самоубийства карается только в тех случаях, когда лицо, доведенное до самоубийства, находилось «в материальной или иной зависимости от другого лица». Без указанного признака доведение до самоубийства по действующему уголовному законодательству не давало состава преступления. Однако в практике встречалось немало случаев, когда самоубийство являлось результатом преследования (клеветы, травли, издевательства и т. д.) со стороны лица, от которого покончивший самоубийством не находился ни в материальной, ни в иной какой-либо зависимости (служебной, семейной и т. п.). Так, например, года два-три тому назад на одном из заводов г. Москвы врач этого завода, находившийся в близких отношениях с машинисткой этого же завода, а затем порвавший эти отношения, в течение весьма длительного времени преследовал эту женщину, пуская в ход грязную клевету о ней, публично осмеивая ее и т. д. В результате таких преследований женщина эта покончила самоубийством. Было установлено, что ни в какой зависимости — ни в материальной, ни в служебной — данная женщина от врача не находилась. Однако для всех должно быть ясным, что описанные выше действия врача являются безусловно опасными, преступными, ибо в них проявилось не только циничное, издевательское отношение к женщине, совершенно недопустимое в наших условиях, но и пренебрежительное, сугубо эгоистическое отношение к жизни одного из членов социалистического общества. В настоящее время, когда ставится задача крепче и тверже поставить вопрос об охране личности, следует всякое доведение до самоубийства другого лица жестоким обращением или преследованием признать безусловно наказуемым. С этой точки зрения проект правильно делает, когда из статьи о доведении до самоубийства исключает всякого рода ограничительные признаки. Вместе с тем данная статья проекта и уточняет редакцию ст. 141 УК РСФСР в той ее части, где говорится о способах доведения до самоубийства. В ст. 141 УК говорится о доведении до самоубийства «жестоким обращением... или иным подобным путем». Столь узкая трактовка способов доведения до самоубийства уже давно была отвергнута самой судебной практикой, которая осуждала и за такие способы доведения до самоубийства, как систематические преследования, травля, распространение ложных слухов и т. п.

Проект УК СССР, оставляя в статье о доведении до самоубийства «жестокое обращение», дополняет ее указанием и на «преследования» как на возможный способ доведения до самоубийства.

Еще более существенные изменения проектом УК вносятся в состав подговора и содействия самоубийству. Самоубийство не может рассматриваться советским уголовным законодательством как преступление и влечь за собой наказание. Это, конечно, ни в коей мере не означает, что мы можем когда-либо и при каких-либо условиях оправдывать акт самоубийства. Напротив, самоубийство всегда и при всех обстоятельствах заслуживает всяческого порицания как акт малодушия. Однако подговор и содействие, т. е. всякий вид спо-

собствования самоубийству, должны по советскому уголовному праву расцениваться как весьма опасные действия, как преступления. Ст. 130 великой Сталинской Конституции требует от каждого гражданина СССР честного отношения к общественному долгу, уважения правил социалистического общежития. С этой точки зрения всякий сознательный и честный гражданин СССР обязан принимать все возможные меры к предотвращению самоубийства другого лица. Забота о людях, обязанность беречь людей являются обязанностью каждого гражданина СССР. Совершенно неудовлетворительной поэтому нужно признать ч. 2 ст. 141 действующего УК РСФСР, где подговор и содействие самоубийству преследуются в уголовном порядке лишь в случаях, когда имеет место содействие или подговор к самоубийству «несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойство или значение им совершаемого или руководить своими поступками» (ст. 141 УК). Короче говоря, действующий УК наказует подговор и содействие самоубийству только несовершеннолетних или психически больных лиц. Проект УК СССР совершенно правильно расширяет круг наказуемых деяний по этой статье, исключая из статьи указания на несовершеннолетних и психически больных лиц. По проекту содействие и подговор к самоубийству всякого лица дают состав преступления. С санкцией же, устанавливаемой проектом за содействие самоубийству, согласиться нельзя. Непонятно, из каких соображений проект исходил, снижая санкцию за содействие самоубийству по сравнению с действующим УК. В самом деле, по ч. 2 ст. 141 УК санкция — лишение свободы до 3 лет, по проекту же — лишение свободы до 2 лет или же исправительные работы. Во всяком случае введение в качестве наказания за это опасное преступление исправительных работ ни в коей мере нельзя признать правильным. Точно так же нет оснований и снижать максимальный срок лишения свободы. Этот дефект статьи проекта безусловно должен быть устранен.

Второй раздел главы о преступлениях против личности посвящен в проекте телесным повреждениям и иным насилиям над личностью. Из 8 статей этого раздела 4 предусматривают тяжкие телесные повреждения. Если в действующем УК РСФСР выделяется только 3 вида тяжких телесных повреждений (умышленное простое — ч. 1 ст. 142 УК, умышленное квалифицированное — ч. 2 ст. 142 УК и неосторожное — ст. 145 УК), то проект вводит более дробное деление этих посягательств против личности. Проект УК разбивает тяжкие телесные повреждения на следующие 5 видов: 1) умышленное тяжкое телесное повреждение простое, 2) умышленное тяжкое телесное повреждение квалифицированное (оба вида предусмотрены в одной статье, в двух ее частях), 3) тяжкое телесное повреждение, нанесенное в состоянии запальчивости и раздражения (самостоятельная статья), 4) тяжкое телесное повреждение, явившееся следствием превышения необходимой обороны (также отдельная статья) и 5) неосторожное тяжкое телесное повреждение (отдельная статья). Проект в данном случае воспроизводит ту же систему, которую он вводит и в отношении убийств.

Предлагаемую проектом диференциацию тяжких телесных повреждений следует признать безусловно необходимой. Тяжкие телесные повреждения по степени своей опасности приближаются к убийствам, да и нередко приводят к лишению жизни человека. При существующей в УК системе тяжких телесных повреждений не выделяются вовсе такие привилегированные виды тяжких повреждений, как телесные повреждения, нанесенные в состоянии запальчивости и раздражения, и телесные повреждения, явившиеся результатом превышения необходимой обороны, довольно часто встречающиеся в практике. Вследствие отсутствия самостоятельных статей о таких тяжких повреждениях в действующем законодательстве отсутствовала и необходимая диференциация наказания по тяжким повреждениям. Учитывая этот дефект УК, президиум Верховного суда РСФСР вынес специальное постановление (от 7 марта 1927 г., протокол № 5), которым предлагалось по тяжким телесным повреждениям, нанесенным в состоянии сильного душевного волнения и квалифицируемым по ст. 142 УК, определять наказание в пределах санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 143 УК. Короче говоря, квалифицировать такие тяжкие телесные повреждения предлагалось по одной статье, а определять наказание — по другой. Совершенно ясно, какую путаницу вносило в судебную практику такое постановление. Путаница, однако, усугублялась последующим постановлением президиума Верховного суда (от 22 декабря 1932 г.), в котором указывалось, что приведенное постановление не относится к случаям, когда в результате нанесения тяжких телесных повреждений (под влиянием раздражения) наступила смерть, причем данное постановление не давало никаких указаний, по каким же статьям квалифицировать такие случаи тяжких телесных повреждений. Вопрос же о квалификации тяжких телесных повреждений, явившийся результатом превышения необходимой обороны, оставался вообще открытым, а судебные органы каждый по-своему разрешали этот вопрос.

Если даваемые Верховным судом РСФСР директивы, помимо содержавшейся в них путаницы, санкционировали явное нарушение революционной законности (предлагалось квалифицировать по одной статье, а избирать наказание по другой), то отсутствие каких-либо указаний по квалификации телесных повреждений, явившихся результатом превышения необходимой обороны, создавало широкое поле беззакония.

Вводя новую систему тяжких телесных повреждений, проект тем самым кладет конец нарушениям революционной законности. Правда, проект УК СССР в отношении системы тяжких телесных повреждений не оригинален, так как в нем по существу воспроизводится система, имевшаяся в УК 1922 г., однако положительная сторона введения проектом такой системы тяжких телесных повреждений этим ни в коей мере не умаляется.

Существенным изменениям в проекте подверглись и формулировки отдельных видов тяжких телесных повреждений по сравнению с действующим законодательством. Так, статья об умышленном тяжком телесном повреждении дана в проекте в следующей редакции:

Умышленное тяжкое телесное повреждение

«1. Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшее опасное для жизни расстройство здоровья, душевную болезнь, полное нарушение функций какого-нибудь органа, значительную потерю трудоспособности или неизгладимое обезображение, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 3 лет.

2. То же преступление, если вследствие причинения телесного повреждения последовала смерть потерпевшего или если телесное повреждение было причинено способом, особенно мучительным или носившим характер истязания, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 5 лет».

Прежде всего эта статья проекта уточняет само понятие тяжкого телесного повреждения, довольно неясно сформулированное в действующем уголовном законодательстве. В ст. 142 УК РСФСР указывается как на один из признаков тяжкого повреждения на «потерю зрения, слуха или какого-либо иного органа», причем остается неясным, идет ли речь о полной потере органа или частичной, о постоянной потере или временной. Проект, указывая на «полное нарушение функций какого-либо органа», в значительной мере разрешает возникающие при определении тяжких телесных повреждений вопросы. Из статьи проекта ясно, что к тяжким телесным повреждениям относятся лишь такие, которые привели к постоянной и полной потере зрения, слуха или какого-либо иного органа. Вместе с тем такая редакция статьи проекта прямо предусматривает и такие случаи, когда нет потери самого органа (например, руки, ноги и т. п.), а лишь приведение его в явную негодность, т. е. лишение возможности органом выполнять свои функции, что также не вытекало из формулировки ст. 142 УК РСФСР, где говорится лишь о «потере» органа.

Далее, по ст. 142 УК РСФСР требуется, чтобы при тяжком телесном повреждении было причинено обязательно такое расстройство здоровья, которое было бы соединено «со значительной потерей трудоспособности». По точному смыслу ст. 142 УК РСФСР получается, что телесные повреждения, опасные для жизни, но не повлекшие за собой значительной потери трудоспособности, например, нанесение огнестрельных, резаных и колотых ран, не подпадут под тяжкие телесные повреждения. Проект устраняет и этот дефект редакции ст. 142 УК, причисляя к тяжким телесным повреждениям всякое повреждение, «повлекшее опасное для жизни расстройство», независимо от того, наступила или не наступила в результате его потеря трудоспособности.

Непонятно лишь, почему авторы проекта, оставляя в тяжких телесных повреждениях признак «неизгладимого обезображения», не добавляют, как в ст. 142 УК, слова «лица». Вряд ли неизгладимое обезображение ноги или другой какой-либо, кроме лица, части тела нужно относить к тяжким телесным повреждениям.

Формулировку же ч. 2 статьи проекта об умышленном тяжком телесном повреждении нельзя признать удачной. Из статьи неясно, будут ли относимы к квалифицированным видам тяжких телесных повреждений случаи нанесения легких телесных, если в результате их наступила смерть, а также и случаи нанесения тех же легких телесных повреждений, причиненных способом особенно мучительным или носившим характер истязания. Эту ч. 2 статьи проекта об умышленном тяжком телесном повреждении необходимо уточнить.

В отношении наказания за умышленные тяжкие телесные повреждения проект, так же как и по статьям об убийстве, вводит целый ряд новшеств по сравнению с действующим уголовным законодательством.

По проекту устанавливаются как за простой вид умышленного тяжкого телесного повреждения, так и за квалифицированный минимальные сроки лишения свободы, ниже коих суды не могут назначать за эти опасные посягательства на здоровье человека. Эти минимальные сроки — в 3 года для простого вида умышленного тяжкого телесного повреждения и в 5 лет для квалифицированного — проект заимствовал из УК 1922 г. Помимо этого проект предопределяет по статье об умышленном тяжком телесном повреждении и характер (форму) лишения свободы, указывая в статье лишь на заключение в и.-т. лагерь, что исключает возможность назначения лишения свободы в и.-т. колониях. Эти две особенности в санкциях проекта по умышленным тяжким телесным повреждениям свидетельствуют о значительном усилении наказания за тяжкие телесные повреждения, что следует признать вполне целесообразным.

Вторая статья о тяжких телесных повреждениях в проекте предусматривает нанесение тяжкого телесного повреждения в состоянии запальчивости и раздражения, а третья — тяжкие телесные повреждения, явившиеся результатом превышения необходимой обороны. Ввиду того что составы преступлений, предусмотренные этими статьями, построены по проекту совершенно так же, как и аналогичные составы убийств, мы ограничимся лишь приведением текста этих статей проекта, чтобы ознакомить с наказанием по этим статьям.

Нанесение тяжкого телесного повреждения в состоянии запальчивости и раздражения

«Нанесение тяжкого телесного повреждения в состоянии запальчивости и раздражения, вызванном насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 3 лет».

По вполне понятным причинам наказание за этот привилегированный вид тяжкого телесного повреждения проект устанавливает значительно ниже, чем за обычное умышленное тяжкое телесное повреждение. Еще больше снижается наказание за тяжкое телесное повреждение, если оно явилось результатом превышения необходимой обороны.

Тяжелое телесное повреждение вследствие превышения необходимой обороны

«Причинение тяжелого телесного повреждения вследствие превышения пределов необходимой обороны, — карается заключением в

исправительно-трудовую колонию на срок до 1 года или исправительными работами».

Непонятно, повидимому из-за небрежности, общепринятое во всех предыдущих статьях название «тяжких» телесных повреждений в этой статье заменяется названием «тяжелых».

Тяжкие телесные повреждения по проекту заканчиваются статьей о неосторожных тяжких телесных повреждениях. Редакция этой статьи проекта такова:

Неосторожное тяжкое телесное повреждение

«1. Причинение тяжкого телесного повреждения по неосторожности, — карается исправительными работами.

2. Причинение тяжкого телесного повреждения по неосторожности вследствие сознательного и грубого нарушения правил предосторожности, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 3 лет».

Как видим, проект подразделяет неосторожные тяжкие телесные повреждения на те же виды, что и неосторожные убийства.

Особенно важным является при этом второй вид неосторожных тяжких телесных повреждений—вследствие сознательного и грубого нарушения правил предосторожности, к которому должно быть относимо большинство случаев телесных повреждений на транспорте, встречающихся так часто в судебной практике. Необходимо отметить, что проект исключает возможность применения штрафа за неосторожные тяжкие телесные повреждения, допускаемого действующим УК (ст. 145 УК). Наказание в виде денежного взыскания безусловно недопустимо, когда идет речь о причинении тяжких телесных повреждений, хотя и причиненных по неосторожности.

Если системе тяжких телесных повреждений проектом уделено достаточно внимания, то этого отнюдь нельзя сказать в отношении легких телесных повреждений. Здесь проект не только не пошел дальше по сравнению с действующим уголовным законодательством, но, как нам кажется, сделал значительный шаг назад. Дело, конечно, не в том, что легким телесным повреждениям проект отводит всего лишь две статьи, а в том, что проект объединяет легкие телесные повреждения (ст.ст. 143, 144 УК РСФСР) вместе с простыми побоями и ударами (ст. 146 УК РСФСР) в одну статью, стирая между этими различными посягательствами на личность существеннейшую разницу. Статья об умышленном легком телесном повреждении построена в проекте следующим образом.

Нанесение побоев и легких телесных повреждений

«1. Умышленное нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, — карается исправительными работами или арестом.

2. Те же действия, причинившие легкое телесное повреждение, — караются заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет или исправительными работами.

3. Те же действия, совершавшиеся систематически или если они носили характер истязания, — караются заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет».

Прежде всего непонятно, почему проект, придерживающийся системы расположения вначале более опасных преступлений, а затем менее опасных, на этот раз изменяет этой системе и от тяжких телесных повреждений делает сразу скачок к ударам и побоям, а затем (во второй части статьи) возвращается к легким телесным повреждениям. Но еще более непонятно, почему проект отказывается от той дифференциации легких телесных повреждений, которая имеется в действующем УК (ст. 143 УК) и которая предусматривает деление легких телесных повреждений на два вида: «умышленное легкое телесное повреждение, не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровья» (ч. 1, ст. 143 УК) и «умышленное легкое телесное повреждение, не причинившее расстройства здоровья» (ч. 2 ст. 143 УК). Если второй вид легких телесных повреждений очень близок к ударам и побоям, то из этого вовсе не следует отказываться от отграничения этого вида легких телесных повреждений от более серьезного первого вида. Проект же, отказываясь от подразделения легких телесных повреждений на указанные два вида, предусматривает вообще легкие телесные повреждения. И не случайно поэтому, что в проекте получается весьма резкий переход в наказании от тяжких телесных повреждений, где санкция не ниже 3 лет, к легким телесным повреждениям, где санкция — лишение свободы на срок до 2 лет или даже исправительные работы. Такой резкий переход вряд ли является целесообразным. Целый ряд случаев телесных повреждений, не подпадающих под признаки тяжких, но связанных с причинением расстройства здоровья, например, длительное ослабление зрения, слуха или частичная потеря зрения или слуха, по проекту могут быть наказуемы лишь на срок до 2 лет (ч. 2 статьи проекта), что нельзя считать достаточным. Не спасает положения и ч. 3 статьи проекта (где санкция — лишение свободы до 5 лет), так как в ней предусмотрены легкие телесные повреждения, совершавшиеся систематически или если они носили характер истязания. Приведенные нами примеры легких телесных повреждений могут быть причинены и без указанных в ч. 3 статьи проекта признаков, а следовательно, и не могут быть квалифицированы по ч. 3 статьи проекта.

Нам кажется необходимым при окончательном редактировании проекта, во-первых, выделить легкие телесные повреждения в самостоятельную статью (отдельно от ударов и побоев), во-вторых, оставить существующее в УК РСФСР деление легких телесных повреждений на виды: «легкое телесное повреждение, причинившее расстройство здоровья» и «легкое телесное повреждение, не причинившее расстройства здоровья», и в-третьих, ввести дифференцированное наказание по этим различным по своей опасности посягательствам на личность.

Следует также признать мало удачной и формулировку состава, предусматривающего нанесение побоев. В приведенной выше статье проекта говорится об умышленном нанесении побоев и совершении иных насильственных действий (разрядка наша,—

В действующем УК, в ст. 146 говорится о «насильственных действиях, сопряженных с причинением физической боли». Как видим, проект исключил указание на причинение при насильственных действиях физической боли и, как нам кажется, сделал это совершенно напрасно. Понятие «совершение иных насильственных действий» настолько широко, что сюда может быть отнесен и целый ряд таких действий, которые предусмотрены проектом в других статьях; например, и незаконное лишение свободы кого-либо и изнасилование— все это будет насильственными действиями, но совершенно ясно, что они не подпадут под анализируемую статью проекта. Оговорка же в отношении причинения физической боли, имеющаяся в ст. 146 УК, резко сужает круг тех действий, которые должны квалифицироваться по статье об ударах и побоях. С этой точки зрения проекта необходимо в статье о нанесении побоев и ударов вернуться к редакции ст. 146 УК РСФСР.

Статья о неосторожном легком телесном повреждении построена в проекте так же, как статья о неосторожном убийстве и статья о неосторожном тяжком телесном повреждении.

Неосторожное легкое телесное повреждение

«1. Причинение легкого телесного повреждения по неосторожности, — карается штрафом до 500 рублей или арестом.

2. Причинение легкого телесного повреждения по неосторожности вследствие сознательного и грубого нарушения правил предосторожности, — карается исправительными работами».

Раздел о телесных повреждениях в проекте заканчивается статьями о незаконном лишении свободы и о незаконном помещении в больницу для душевно-больных. В отношении указанных составов прежде всего возникает сомнение в правильности помещения их в разделе телесных повреждений. Незаконное лишение свободы и частный его вид — незаконное помещение в больницу для душевно-больных не связаны или во всяком случае могут быть и не связаны с нанесением телесных повреждений. Нанесение телесных повреждений и причинение расстройства здоровью при лишении свободы могут быть лишь в качестве отягчающих обстоятельств, но не являются необходимыми элементами состава этих преступлений. Объектом посягательств при анализируемых преступлениях является личная свобода человека. С этой точки зрения было бы наиболее целесообразным создание в главе о преступлениях против личности особого раздела о посягательствах на личную свободу, включив в него незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрическую больницу и другие преступления, связанные с посягательствами на личную свободу, за исключением, конечно, тех случаев, где посягательство на свободу дает состав специальных преступлений, например, превышение власти и др. Это особенно, как нам кажется, необходимо в связи с тем, что в великой Сталинской Конституции свобода личности гарантируется целым рядом статей, и выделение посягательств на свободу личности в особый раздел имеет большое принципиальное значение.

Статья проекта о незаконном лишении свободы предусматривает, так же как и действующий УК (ст. 147 УК), простой вид незаконного лишения свободы и квалифицированный.

Незаконное лишение свободы

«1. Насильственное незаконное лишение свободы при отсутствии признаков должностного преступления, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет или арестом.

2. Лишение свободы способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего или сопровождавшееся причинением физических страданий, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 2 лет».

В редакцию ч. 1 данной статьи проект вносит дополнение по сравнению с действующим УК (ст. 147 УК). Это дополнение состоит из указания на отсутствие при лишении свободы, предусмотренной данной статьей, признаков должностного преступления. Нам кажется, что вводимое проектом дополнение совершенно излишне, так как отсутствие признаков должностного преступления в статье о незаконном лишении само по себе подразумевается. Если же делать такую оговорку в данной статье, то нужно быть последовательным и сделать аналогичные же оговорки и в других статьях по преступлениям против личности, например, при убийстве, при телесных повреждениях, при ударах и побоях, так как и эти преступления, будучи совершенными должностными лицами в связи с их служебной деятельностью, должны рассматриваться не как преступления против личности, а как должностные преступления (например, превышение власти и др.). Введение в статью о незаконном лишении свободы указания на отсутствие признаков должностного преступления может лишь повести к путанице в судебной практике при квалификации должностных преступлений, связанных с другими насилиями над личностью.

Как по простому, так и по квалифицированному видам незаконного лишения свободы проект значительно усиливает наказание. Если по действующему УК простой вид незаконного лишения свободы карается и.-т. работами, а квалифицированный — лишением свободы до 2 лет, то в проекте за первый вид незаконного лишения свободы предусматривается лишение свободы до 2 лет или арест и за второй вид— заключение в и.-т. лагерь на срок не ниже (разрядка наша. — В. М.) 2 лет.

Также усиливается по проекту наказание и за помещение в больницу для душевно-больных.

Незаконное помещение в больницу для душевно-больных

«Помещение в больницу для душевно-больных заведомо здорового человека, — карается заключением в исправтрудколонию или исправтрудлагерь на срок до 5 лет».

Проект, как нам кажется, делает правильно, исключая из данной статьи признаки, имеющиеся в аналогичной статье действующего УК и заключающиеся в требовании наличия при

незаконном помещении в больницу корыстных или иных личных целей. Ясно, что и без этих условий незаконное помещение в психиатрическую больницу здорового человека является надругательством и издевательством над личной свободой человека и в силу этого дает состав опасного преступления.

Третий раздел главы о преступлениях против личности в проекте озаглавлен «Преступления против семьи и брака». Этот раздел является новым, неизвестным ни действующему УК РСФСР, ни Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. Проект в этот раздел попытался включить все те преступления, которые в той или иной степени посягают на семью, брак и детей. Одиннадцать составов этого раздела посвящены следующим преступлениям: 1) «Незаконный аборт», 2) «Принуждение к аборту», 3) «Неплатеж алиментов», 4) «Использование опеки в корыстных целях», 5) «Неисполнение обязанностей по воспитанию детей», 6) «Вовлечение несовершеннолетних в преступления», 7) «Похищение ребенка», 8) «Обманное использование регистрации брака», 9) «Принуждение к браку или разводу», 10) «Вымогательство калыма» и 11) «Оставление без помощи родителей».

Самый факт выделения проектом особого раздела о преступлениях против семьи, брака и детей имеет глубокое принципиальное значение.

Высшая форма семьи и брака впервые могла развиться только в СССР, где победила социалистическая революция. Советская семья строится на совершенно новых отношениях между полами, чем семья в буржуазном обществе. На основе фактического освобождения женщины, на основе совместной борьбы и радостного социалистического труда мужчин и женщин складывается новая, советская социалистическая семья. Однако в семейных отношениях влияние капиталистического прошлого держится особенно цепко. Веками укоренившееся представление о подчиненном положении женщины не без борьбы уступает место новому, социалистическому отношению к женщине и семье, в основе которого должно лежать сознание ответственности за последствия половых отношений, за семью, за детей. Очень часто сказываются еще в отношениях к семье такие капиталистические привычки, как пренебрежение к женщине, легкомысленное отношение к ребенку, беспечная ломка семьи, преступное уклонение от платежа алиментов, понуждение женщин к аборту и т. п. У нас встречаются и даже остатки феодального отношения к женщине, как умыкание (похищение) женщины, выплата за нее калыма (выкупа), понуждение женщины ко вступлению в нежелательный для нее брак и др. В борьбе со всеми этими пережитками проклятого прошлого принадлежит далеко не последнее место и советскому уголовному закону, устанавливающему уголовную ответственность за наиболее опасные посягательства на семью, брак и детей. Объединение этих посягательств, разбросанных в действующем УК по различным главам, в единый раздел преступлений против семьи и брака, как это делает проект УК СССР, лишний раз подчеркивает то огромное значение, которое придается советским уголовным законом в борьбе с опасными деяниями, направленными против новой, советской социалистической семьи, брака и детей. Новый раздел главы о преступлениях против личности в проекте начинается со статьи о незаконном аборте, предусматривающей три части.

Незаконный аборт

«1. Незаконный аборт, совершенный врачом, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет.

2. Аборт, совершенный в антисанитарной обстановке или лицом, не имеющим специального медицинского образования, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 3 лет.

3. Совершение беременной женщиной аборта при отсутствии требуемых законом показателей, — карается общественным порицанием, а при повторном совершении — штрафом до 300 рублей».

Принуждение к аборту

«Принуждение женщины к совершению аборта, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет».

По существу обе эти статьи воспроизводят без каких-либо принципиальных изменений закон от 27 июня 1936 г. Однако формулировки данных статей проекта нельзя признать удовлетворительными. Все три части первой статьи предусматривают производство незаконного аборта, так что указание на незаконность аборта лишь в ч. 1 статьи неверно. Помимо этого нельзя в уголовном законе, который должен быть предельно ясным и четким, ограничиваться лишь формальным указанием на «незаконность» аборта и не раскрыть в самой статье Уголовного кодекса понятия незаконного аборта. Тем более это недопустимо, так как в законе правительства о наказуемости аборта от 27 июня 1936 г. дается вполне конкретное и точное указание о том, какой аборт считается незаконным. В этом законе говорится: «Производство абортов допустить исключительно в тех случаях, когда продолжение беременности представляет угрозу жизни или грозит тяжелым ущербом здоровью беременной женщины, а равно при наличии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей и только в обстановке больниц и родильных домов». При отсутствии этих признаков всякий аборт считается незаконным. Нам кажется, что следовало бы в статье о незаконном аборте расшифровать само понятие незаконного аборта, исходя из текста закона от 27 июня 1936 г. Статью о незаконном аборте можно было бы сформулировать примерно таким образом.

1. Производство врачом аборта в случаях, когда продолжение беременности не представляло угрозы жизни или тяжелого ущерба здоровью беременной женщины, а также при отсутствии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей, а равно производство врачом всякого аборта вне больницы или родильного дома, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет.

2. Производство врачом аборта в антисанитарной обстановке, а также производство аборта лицом, не имеющим специального медицинского образования, — карается заключе-

нием в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 3 лет.

Ч. 3 статьи проекта о незаконном аборте, а также и статью о принуждении к аборту можно оставить без изменения, так как формулировки вполне удовлетворительны.

Вслед за статьей о незаконном аборте проект помещает статью о неплатеже алиментов. В связи с изданием закона от 27 июня 1936 г. в судебной практике резко увеличилось количество случаев обращения в суд с исками об алиментах. Вследствие этого статья УК о неплатеже алиментов (ст. 158 УК) приобретает особенно важное значение. Проект УК СССР уделил этой статье УК должное внимание. Сформулирована эта статья в проекте следующим образом:

Неплатеж алиментов

«Уклонение от платежа средств на содержание детей, присужденных судом или обусловленных при совершении в загсе акта о разводе,—карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет».

По сравнению с действующим УК РСФСР (ст. 158) в статье о неплатеже алиментов имеются существенные изменения. Прежде всего из статьи исключается указание на злостность при неуплате алиментов, имеющееся в ст. 158 УК РСФСР. Этот признак, кстати сказать, весьма неясный, вводил определенные ограничения при привлечении к уголовной ответственности за неуплату алиментов. Если под злостностью понимать, как это следует из текста ст. 158 УК, неуплату алиментов при наличии возможности платить, то этот признак совершенно излишен, так как ясно, что при отсутствии возможности платить алименты не может вообще быть поставлен вопрос об уголовной ответственности.

Весьма существенным добавлением в статье проекта о неплатеже алиментов является указание на неуплату средств на содержание детей, «о б у с л о в л е н н ы х п р и с о в е р ш е н и и в з а г с е а к т а о р а з в о д е» (разрядка наша.—В. М.).

До сего времени по действующему УК можно привлекать к уголовной ответственности за неплатеж алиментов лишь при условии предварительного разрешения судом в гражданском порядке вопроса об обязанности уплаты алиментов и при условии установления этим судом определенной суммы платежа. В практике такой порядок приводил к тому, что в случае уклонения от платежа алиментов, обусловленных лишь в загсе при разводе, уклоняющихся или вовсе нельзя было привлекать к уголовной ответственности, или же было необходимо сначала разрешить вопрос об алиментах в гражданском порядке, а уже затем в уголовном, что создавало невероятную волокиту и медленность. Этот дефект действующего УК устраняется проектом благодаря новой редакции статьи о неуплате алиментов.

Наказание за неплатеж алиментов проект устанавливает то же, что и закон от 27 июня 1936 г., т. е. лишение свободы до 2 лет.

Нарушениям имущественных интересов детей посвящена следующая статья проекта, предусматривающая использование опеки в корыстных целях. Указанная статья проекта воспроизводит текст ч. 1 ст. 158[1] УК РСФСР с той лишь разницей, что из нее исключается состав оставления опекаемых детей без надзора, который переносится в специальную и новую статью проекта о неисполнении обязанностей по воспитанию детей.

Поскольку человек является самым ценным капиталом в нашей стране, постольку драгоценнейшим достоянием нашего общественного строя являются дети.

В силу этого не только отказ и нежелание содержания своих детей или же нарушение имущественных интересов детей требуют вмешательства уголовного закона, но также и всякое беззаботное отношение к воспитанию детей. Неисполнение обязанностей по надзору за детьми со стороны лиц, на которых возложены законом эти обязанности, дает составы преступлений по советскому уголовному праву. Один из таких составов и предусмотрен проектом в статье о неисполнении обязанностей по воспитанию детей.

Неисполнение обязанностей по воспитанию детей

«1. Неисполнение родителями или опекунами обязанностей по воспитанию и содержанию детей, повлекшее безнадзорность детей или совершение ими каких-либо преступных действий, — карается штрафом до 200 рублей, исправительными работами или заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет.

2. За действия детей, причинившие кому-либо материальный ущерб, родители и опекун несут материальную ответственность».

Приведенная статья проекта составлена из отдельных частей ст.ст. 158 и 158[1] действующего УК РСФСР, предусматривающих неисполнение обязанностей по воспитанию детей. Проект лишь объединил — и, как нам кажется, правильно — в один состав все возможные случаи неисполнения обязанностей по воспитанию детей.

Проект вслед за данной статьей помещает статью о вовлечении несовершеннолетних в преступления. Эта статья проекта, которая воспроизводит текст ст. 73[3] УК РСФСР, введенной в УК РСФСР в связи с принятием закона от 7 апреля 1935 г. Перенесение проектом статьи о вовлечении несовершеннолетних в преступления из главы о преступлениях против порядка управления в главу о преступлениях против личности следует признать безусловно правильным, так как состав вовлечения несовершеннолетних в преступления относится к преступлениям против личности, поскольку объектом посягательства в данном составе является личность.

Статья о похищении ребенка, следующая за статьей о вовлечении несовершеннолетних в преступления, сформулирована проектом иначе, чем в действующем УК РСФСР (ст. 149).

Похищение ребенка

«Похищение, сокрытие или умышленная подмена ребенка при отсутствии признаков более тяжкого преступления, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 3 лет».

Проект исключает из данной статьи указание, которое имеется в ст. 149 УК РСФСР, на обязательность при похищении корыстных мотивов, мотивов мести или иных личных целей. Ясно, что похищение ребенка и при отсутствии этих условий является опасным деянием, влекущим уголовную ответственность. Непонятна лишь вводимая статьей проекта оговорка — «при отсутствии признаков более тяжкого преступления».

Ряд последующих статей проекта предусматривает преступления, связанные с посягательствами на брак. Из них в первую очередь необходимо отметить статью, посвященную обманному использованию регистрации брака. Статья эта является новшеством проекта, так как аналогичной статьи не знает действующий УК РСФСР (а также и УК союзных республик). Сформулирована данная статья в проекте так:

Обманное использование регистрации брака

«Обманное вовлечение женщин в половую связь путем использования с этой целью регистрации брака, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 3 лет».

В настоящее время случаи обманного вовлечения женщины в половую связь в судебной практике квалифицируются по ст. 153 УК как изнасилование. Такую практику санкционировало и специальное постановление пленума Верховного суда РСФСР от 16 февраля 1928 г. Однако вряд ли можно рассматривать такие случаи как изнасилование. Безусловно квалификация их по ст. 153 УК носит искусственный характер. Находя целесообразным поэтому введение проектом особой статьи о вовлечении в половую связь путем использования регистрации брака, мы, однако, считаем, что этот новый состав должен быть расширен. В наших условиях еще встречаются случаи, когда отдельные мужчины, переходящие от одной жены к другой и обманывающие и ту и другую, не задумываются и не останавливаются ни перед какими средствами для вовлечения женщин в половую связь. Так, например, для этой цели такие лица прибегают к фиктивному переезду в квартиру женщины на постоянное жительство, инсценируют ведение общего хозяйства и т. п., и т. д. Вряд ли целесообразно оставлять безнаказанным вовлечение женщин в половую связь описанными средствами и способами. Здесь, конечно, идет речь лишь о таких обманных действиях, которые создают у потерпевшей уверенность в подлинности намерений мужчины к брачному сожительству, так что не всякий обман сюда может подойти. Редакцию анализируемой статьи проекта, как нам кажется, нужно было бы изменить, дополнив состав преступления указанием и на другие способы и средства обманного вовлечения женщины в половую связь.

Установление за этот состав преступления наказания в виде лишения свободы до 3 лет соответствует опасности таких деяний. Следующие две статьи, трактующие также о посягательствах на брак, перенесены проектом из главы X УК РСФСР, предусматривающей преступления, связанные с пережитками родового быта (аналогичной главы, как известно, в проекте УК СССР не имеется). Статья о принуждении женщины к браку и разводу воспроизводит текст ст. 197 УК РСФСР с исключением из нее состава похищения женщины для вступления в брак. Однако наказание за принуждение женщины к браку или разводу проектом значительно усиливается.

Принуждение к браку или разводу

«Принуждение женщины к вступлению в брак, продолжению или расторжению брака, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет, а если эти действия были связаны с физическим насилием над женщиной, заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 10 лет».

Если принять во внимание, что за это же преступление по действующему УК РСФСР (ст. 197) предусматривается наказание в виде лишения свободы до 2 лет, то станет особенно наглядным, как значительно повышается наказание в проекте за это же преступление.

Статья о вымогательстве калыма несколько видоизменена по сравнению с аналогичной статьей УК РСФСР (ст. 196). Средактирована эта статья в проекте следующим образом.

Вымогательство калыма

«Вымогательство выкупа за невесту (калыма) деньгами, скотом или другим имуществом либо личным трудом, произведенное родителями, родичами или свойственниками,—карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 1 года или исправительными работами».

Если в действующем УК (ст. 196) имелась в виду наказуемость уплаты выкупа (ч. 1 ст. 196), а также принятия выкупа (ч. 2), то проект говорит лишь о в ы м о г а т е л ь с т в е (разрядка наша. — В. М.) выкупа, суживая таким образом этот состав преступления.

Раздел преступлений против брака и семьи заканчивается статьей об оставлении без помощи родителей. Указанная статья проекта является новеллой; аналогичного состава в действующем УК РСФСР (а также и в УК других союзных республик) не имеется.

Оставление без помощи родителей

«Оставление не имеющих средств к существованию родителей без помощи при наличии возможности оказать эту помощь, — карается исправительными работами, а при отягчающих обстоятельствах заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет».

В настоящих условиях нельзя считать оставление без помощи престарелых или больных и беспомощных родителей действием, безразличным с точки зрения уголовного закона. А такое оставление без помощи еще встречается и, к сожалению, нередко. Против такого бездушного и наплевательского отношения со стороны детей к своим родителям еще совсем недавно была поднята целая кампания в советской печати. Однако этой меры недостаточно. В отдельных случаях должна наступать безусловно и уголовная ответственность за неоказание помощи родителям. В действу-

ющем УК, как мы указали, не было статьи, которая давала бы возможность привлечения за эти опасные деяния к уголовной ответственности. Некоторые наши судебные органы, чувствуя необходимость наказуемости за оставление родителей без помощи, сделали попытку применять в таких случаях по аналогии ст. 158 УК (неплатеж алиментов). Однако в РСФСР президиум Верховного суда своим постановлением от 17 января 1927 г. категорически пресек эти попытки, указав на недопустимость применения ст. 158 УК, хотя бы и по аналогии, к «случаям уклонения от платежа алиментов на содержание каких-либо нетрудоспособных родственников».

Проект введением специальной статьи об оставлении без помощи родителей выполняет имеющийся и существенный пробел действующего законодательства. Вводимое проектом наказание за этот вид преступления — исправительные работы, а при отягчающих обстоятельствах и лишение свободы до 2 лет—вполне соответствует опасности данного преступления.

Четвертый раздел главы о преступлениях против личности в проекте отводится преступлениям в области половых отношений. В этот раздел проектом включены следующие составы: «Изнасилование», «Понуждение к половому сношению», «Мужеложство», «Способствование разврату», «Заражение венерической болезнью», «Растление недостигших половой зрелости» и «Развращение малолетних».

По сравнению с действующим УК РСФСР раздел преступлений в области половых отношений проектом пополняется составом о заражении венерической болезнью. Кроме того, расположение половых преступлений в проекте несколько иное, чем в УК РСФСР. В отношении первого следует указать, что хотя заражение венерической болезнью может быть совершено и иным, помимо половых отношений, путем, однако, в судебной практике случаи привлечения к уголовной ответственности за заражение венерической болезнью внеполовым путем совершенно не встречаются, а потому наиболее подходящим местом для анализируемого состава следует признать именно раздел преступлений в области половых отношений.

Что же касается порядка расположения преступлений в области половых отношений, то следует признать также правильным, что проект этот раздел начинает с преступлений, направленных на половую свободу взрослых лиц, а затем уже переходит к половым преступлениям в отношении несовершеннолетних. Первая группа половых преступлений встречается несравненно чаще, чем вторая.

Первая статья раздела о преступлениях в области половых отношений в проекте сформулирована следующим образом:

Изнасилование

«1. Изнасилование, т. е. половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 3 лет.

2. Изнасилование, совершенное несколькими лицами или имевшее последствием самоубийство потерпевшей, — карается заключением в тюрьму на срок не ниже 5 лет, а при отягчающих обстоятельствах наказание может быть повышено до расстрела».

Редакция ч. 1 этой статьи не имеет каких-либо существенных отличий от действующего УК РСФСР (ч. 1 ст. 153), если не считать исключения проектом из формулировки состава излишних повторений, какие имеются в ст. 153 УК РСФСР (вроде «угроз, запугивания»).

Ч. 2 статьи об изнасиловании в проекте исключает из перечня квалифицирующих изнасилование обстоятельств указание на лиц, не достигших половой зрелости. Изнасилование таких лиц проектом включено в статью о половом сношении с лицами, не достигшими половой зрелости, куда они, конечно, и относятся.

Однако изменения статьи об изнасиловании по проекту касаются, главным образом, вопросов наказания. Если по действующему УК РСФСР за простой вид изнасилования установлено наказание в виде лишения свободы до 5 лет, то по проекту за этот же вид простого изнасилования предполагается лишение свободы на сроки не ниже 3 лет. За квалифицированный же вид изнасилования, по которому действующий УК предусматривает лишение свободы до 8 лет, проект устанавливает заключение в тюрьму на срок не ниже 5 лет, а при отягчающих обстоятельствах высшую меру наказания — расстрел.

В установлении таких санкций за изнасилование сказалась общая тенденция проекта УК, о которой говорилось выше и которая направлена на усиление наказания по наиболее опасным преступлениям против личности. Что касается установления проектом возможности применения расстрела за квалифицированный вид изнасилования, то следует признать это нововведение проекта безусловно целесообразным. В судебной практике приходится прибегать к этой мере наказания (вспомним хотя бы чубаровское дело в Ленинграде), правда, обходным путем, квалифицируя в таких случаях изнасилование по ст. 59[3] УК РСФСР как бандитизм. Однако было бы более правильным (как это уже и сделал УК УССР) введение расстрела за изнасилование (конечно, в исключительных случаях), чем вставать на путь искусственной квалификации.

Наказание по проекту также усиливается и за понуждение к половому сношению. Статья эта сформулирована проектом следующим образом:

Понуждение к половому сношению

«Понуждение к половому сношению с использованием материальной, служебной или иной зависимости потерпевшей, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 8 лет».

Если по действующему УК (ст. 154) за понуждение женщины к половому сношению может быть назначено максимум 5 лет, то по проекту этот максимум поднимается до 8 лет.

Поскольку и при изнасиловании и при понуждении к половому сношению потерпевшим лицом является исключительно женщина, постольку повышение наказания по этим преступлениям по проекту означает усиление

охраны и защиты интересов женщины. Ст. 122 великой Сталинской Конституции специально подчеркивает равноправие женщин в СССР с мужчинами. А это требует создания твердых гарантий неприкосновенности женщины и усиленной охраны ее прав и интересов во всех областях.

Приведенный выше состав понуждения к половому сношению несколько расширен в проекте по сравнению с действующим УК (ст. 154 УК РСФСР). Если в ст. 154 УК РСФСР в качестве объекта преступления могла быть только женщина материально или по службе зависимая, то по проекту в качестве объекта может быть женщина, находящаяся и во всякой и н о й (разрядка наша. — В. М.) зависимости от субъекта преступления (например, семейная зависимость, зависимость учащейся от учащего и т. д.). Судебная практика давно уже встала на путь более широкого толкования понятия «зависимости», так что проект здесь по существу лишь санкционирует эту практику.

Статья проекта о мужеложстве воспроизводит полностью и без каких-либо изменений текст закона о наказуемости мужеложства и ст. 154-а УК РСФСР, так что на ней нет надобности останавливаться.

Точно также без каких-либо изменений сформулирован проектом и состав способствования разврату, в котором воспроизводится текст ст. 155 УК РСФСР. Однако в отношении наказания за это преступление проектом вносятся существеннейшие изменения.

Способствование разврату

«Содержание притонов разврата, сводничество, принуждение к занятию проституцией, а также вербовка для проституции, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 3 лет».

Как и по целому ряду других преступлений против личности, проект устанавливает и здесь минимальный срок наказания в 3 года лишения свободы и тем самым дает возможность осуждения за это преступление на сроки вплоть до 10 лет. Однако непонятным является исключение из санкции этой статьи конфискации, которая имеется в ст. 155 УК РСФСР. Содержание притонов разврата (а по данной статье привлекаются чаще всего за это преступление) нередко превращается в промысел, в профессию, дающие немалые материальные выгоды и доходы. В ряде случаев безусловно целесообразно изымать в пользу государства таким незаконным путем приобретенное имущество. С этой точки зрения мы считаем необходимым оставление в санкции данной статьи конфискации имущества.

Статья о заражении венерической болезнью, включенная в раздел половых преступлений, дается проектом в несколько иной, чем в действующем УК, формулировке.

Заражение венерической болезнью

«1. Заражение венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет.

2. Совершение больным венерической болезнью действий, заведомо создающих опасность заражения других лиц, — карается исправительными работами или штрафом».

Формулировку ч. 2 ст. 150 действующего УК РСФСР, где говорится о «поставлении другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью», следует признать более удачной, чем формулировку статьи в проекте, делающем упор на «совершение действий, создающих опасность заражения».

Наказание по ч. 1 статьи о заражении венерической болезнью проект усиливает до 5 лет (в действующем УК РСФСР — до 3 лет). Однако непонятно, почему проект по ч. 2 этой статьи находит возможным смягчение наказания. По УК РСФСР по ч. 2 ст. 150 штраф не может быть назначен, проект же вводит этот вид наказания. Вряд ли штраф за поставление в опасность заражения венерической болезнью является целесообразной и достаточной мерой наказания.

Раздел о половых преступлениях в проекте заканчивается статьями о растлении не достигших половой зрелости и о развращении несовершеннолетних. Первая из этих статей сформулирована в проекте так:

Растление не достигших половой зрелости

«1. Растление или изнасилование лиц, не достигших половой зрелости, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь или в тюрьму на срок не ниже 5 лет.

2. Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, совершенное без указанных отягчающих признаков, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет».

В отличие от ст. 151 УК РСФСР, проект в приведенной выше статье предусматривает по существу три различных состава преступления: 1) вступление в половую связь с лицом, не достигшим половой зрелости, совершенное без насилия, 2) насильственное вступление в половую связь с таким же лицом и 3) вступление (насильственное и без насилия) в половую связь с не достигшим половой зрелости, соединенное с растлением. Было бы, как нам кажется, более целесообразным всю статью о половом сношении с лицами, не достигшими половой зрелости, разбить на три части, включив в них указанные нами различные составы. Такое построение статьи придавало бы ей больше ясности, чем это имеется по проекту. Совершенно правильно оценивая опасность указанного преступления, проект вводит по ч. 1 этой статьи минимальный срок наказания, устанавливая его в 5 лет лишения свободы. По второй же части статьи проект повышает наказание с 3 лет лишения свободы, по действующему УК, до 5 лет.

Формулировку состава развращения малолетних, даваемую проектом, следует признать более удачной, чем в действующем УК (ст. 152 УК РСФСР).

Развращение несовершеннолетних

«Развращение не достигших половой зрелости путем развратных действий, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет».

В этой статье указывается на развращение лиц, не достигших половой зрелости, в статье же 152 УК РСФСР говорится о развращении «малолетних или несовершеннолетних». На практике формулировка ст. 152 УК РСФСР приводила к большой путанице. Нередко судебные органы привлекали к уголовной ответственности за развращение лиц, хотя и достигших половой зрелости, но не достигших совершеннолетия. Такую практику нельзя признать правильной, так как состав развращения имеет в виду посягательство на нормальное половое развитие человека, и с этой точки зрения решающим является не факт достижения совершеннолетия, а факт достижения половой зрелости. Проект благодаря новой редакции анализируемой статьи устраняет этот дефект действующего УК.

Необходимо, однако, изменить заголовок этой статьи проекта — «Развращение несовершеннолетних», так как он не соответствует составу и может опять вызвать кривотолки в практике.

Пятый раздел главы о преступлениях против личности, носящий название в проекте «Оставление в опасности», предусматривает два состава: «Оставление в опасности» и «Отказ в медицинской помощи».

По действующему УК РСФСР оставление в опасности (ст. 156 УК) преследуется лишь при наличии ряда условий, значительно ограничивающих применение наказания за это опасное деяние. Одним из таких условий, требуемых действующим УК, является наличие у лица, оставившего в опасном состоянии другое лицо, специальной обязанности иметь заботу об оставленном. Такая специальная обязанность предполагается в силу семейных отношений (например, обязанность родителей в отношении детей), в силу служебных обязанностей или в силу каких-либо иных, особых отношений между оставившим и оставленным. При отсутствии такой специальной обязанности лицо, оставившее другое лицо в заведомо опасном для жизни состоянии, не подлежало уголовной ответственности. Так, например, проходящий по берегу реки гражданин видит, как тонет чужой ребенок в реке, и, имея возможность спасти ребенка, не спасает его — не может быть привлечен к уголовной ответственности по УК РСФСР.

Такое значительное ограничение круга лиц, подлежащих уголовной ответственности за оставление в опасности, ни в коем случае нельзя признать целесообразным. В настоящее время, когда особенно заостряется задача охраны личности и заботы о человеке, мы можем и должны требовать от каждого гражданина СССР оказания помощи лицам, находящимся в опасном состоянии, независимо от того, лежит или не лежит на гражданине какая-либо особая и специальная обязанность об оставленном без помощи. Если в великой Сталинской Конституции говорится об обязанности каждого гражданина СССР честно относиться к общественному долгу, то всемерное оказание помощи лицам, находящимся в опасном для жизни состоянии, является одной из форм проявления этого общественного долга. Безусловно прав т. Вышинский, когда он говорит, что «когда идет речь о гибели наших братьев, никто не смеет уклоняться от исполнения своего долга, от обязанности притти находящемуся в опасности на помощь, хотя бы и подвергая опасности и самого себя»[1].

Небезынтересно отметить, что неоказание помощи всяким лицом независимо от каких-либо обязанностей преследовалось по УК 1922 г. (ст. 164 УК). Уголовный же кодекс 1926 г. по непонятным причинам отказался от позиции УК 1922 г. по этому вопросу и ввел в статью о неоказании помощи (ст. 156 УК) вышеуказанные ограничительные признаки. Более правильно сделал туркменский УК, в котором (постановлением СНК ТССР от 25 января 1930 г.) был полностью воспроизведен текст статьи о неоказании помощи, имевшийся в УК РСФСР 1922 г.

Проект УК СССР в статье об оставлении в опасности восполняет пробел действующего УК РСФСР и вводит наказуемость всякого лица, оставившего кого-либо без помощи. Статья об оставлении в опасности по проекту сформулирована следующим образом.

Оставление в опасности

«Оставление кого-либо без помощи в заведомо опасном положении, несмотря на возможность оказать помощь, — карается исправительными работами, а при отягчающих обстоятельствах заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет».

Встав на правильную точку зрения расширения состава оставления в опасности, проект, однако, как нам кажется, впадает в некоторую крайность. В статье проекта говорится об оставлении в «заведомо опасном положении» (разрядка наша. — В. М.), причем не расшифровывается понятие опасного положения. Что это за опасное положение, какими последствиями оно грозит оставленному без помощи? И в УК 1922 г. и в действующем УК РСФСР имеется на этот счет вполне определенное указание: «опасном для жизни (разрядка наша. — В. М.) состоянии». Правда, это указание недостаточно, нужно было бы добавить и «для здоровья». Полное же отсутствие в статье проекта указания на характер опасного состояния или положения может привести на практике к другой крайности, чем сейчас, т. е. к слишком широкому пониманию состава оставления в опасности, что вряд ли является желательным. Этот дефект статьи проекта об оставлении в опасности особенно чувствуется в силу того, что статья проекта исключает и тот примерный перечень, который имеется в ст. 156 УК РСФСР и который указывает на те возможные причины, которые могут вызвать опасное состояние, как-то: малолетство, дряхлость и болезнь.

Недостатком формулировки проектом состава оставления в опасности является и отсутствие в статье указания на поставление (разрядка наша. — В. М.) в опасное состояние. В практике встречаются нередко случаи, когда тяжкие последствия для здоровья и даже для жизни человека наступают в результате поставления в опасность. Такие случаи судами квалифицируются самым разнообразным образом и по статьям об убийстве,

[1] Вышинский, Против дезорганизаторов и трусов на водном транспорте, Госиздат, 1936, стр. 34.

и по статьям о телесных повреждениях, и по статье об оставлении в опасности. Необходимо внести полную ясность в судебную практику и по этому вопросу. Нам кажется, что статья об оставлении в опасности должна быть в УК СССР сформулирована примерно следующим образом: «Оставление кого-либо без помощи в заведомо опасном для жизни и здоровья состоянии, несмотря на возможность оказать помощь, а также поставление кого-либо в такое опасное состояние...» Что же касается санкции за оставление в опасности, то следует признать правильным усиление наказания за это преступление, которое имеется в проекте по сравнению с действующим УК (ст. 156). Вводимое проектом в качестве наказания лишение свободы за оставление в опасности особенно необходимо в случаях, когда в результате оставления в опасности наступила смерть оставленного.

В действующем УК РСФСР вслед за ст. 156 следует состав специального вида неоказания помощи: неоказание помощи капитаном судна людям, гибнущим на море (ст. 156[1] УК РСФСР). Проект этот состав переносит из главы о преступлениях против личности в главу о преступлениях против общественной безопасности. Не затрагивая вопроса о том, насколько правильно включение этого состава в раздел преступлений против общественной безопасности, следует указать, что исключение его из главы о преступлениях против личности безусловно правильно.

Второй состав, помещенный проектом в раздел оставления в опасности, предусматривает неоказание помощи больному. Состав этого преступления по проекту сформулирован следующим образом.

Отказ в медицинской помощи

«1. Отказ лица медицинского персонала без уважительных причин в необходимой больному медицинской помощи или неоказание помощи, — карается штрафом до 500 рублей.

2. Те же преступления, если они повлекли или заведомо могли повлечь смерть больного или другие тяжелые последствия, — караются заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет или исправительными работами».

Данная статья проекта объединяет в ч. 1 два состава: отказ лица медицинского персонала в необходимой больному помощи и неоказание этой помощи. По своей социальной опасности эти два состава различны, так что вряд ли можно признать правильным объединение их в единый состав, если принять к тому же во внимание довольно незначительную санкцию, предусмотренную проектом по этому составу. Даже по действующему УК отказ от оказания помощи преследуется и.-т. работами до одного года или штрафом до 1 000 руб. (ч. 2 ст. 157 УК РСФСР), так что совсем непонятно, почему проект за отказ в помощи больному врачами снимает наказание, исключая вовсе и.-т. работы и устанавливая штраф лишь до 500 руб. Нам кажется, было бы более целесообразным неоказание помощи больному и отказ в оказании помощи предусмотреть в двух различных статьях, установив по ним и различные по своей тяжести наказания.

Введение же проектом особо квалифицированных видов отказа от оказания помощи или неоказания таковой с довольно высоким наказанием (лишение свободы до 5 лет) следует признать весьма необходимым. Судебная практика последних лет знает немало случаев, когда в результате отказа врачей в помощи больным наступала смерть последних. Ясно, что ограничиваться в таких случаях наказанием в виде и.-т. работ нельзя, необходимо более серьезное наказание, хотя бы исходя из целей общепревентивного характера.

Раздел «Оставление в опасности» заканчивается двумя статьями: «Оскорбление» и «Клевета». С такой системой преступлений против личности уж никак согласиться нельзя. Какое отношение к оставлению в опасности имеют оскорбления и клевета? Нам думается, что абсолютно никакого. Включение оскорбления и клеветы в раздел оставления в опасности является, повидимому, чисто редакционным недосмотром.

Во всяком случае и оскорбление и клевету следует выделить в особый раздел главы о преступлениях против личности, назвав его посягательствами против достоинства личности, как это делал в свое время УК РСФСР 1922 г.

Состав оскорбления в проекте предусмотрен в одной статье (в УК РСФСР оскорблению отведены две статьи — 159 и 160), сформулированной следующим образом.

Оскорбление

«1. Оскорбление чести и достоинства гражданина, нанесенное словесно или письменно, — карается штрафом до 100 рублей или арестом до 1 месяца.

2. Оскорбление, нанесенное действием, а также оскорбление, нанесенное в печатном или иным образом распространенном произведении, — карается штрафом до 500 рублей, арестом на срок до 3 месяцев или исправительными работами на срок до 3 месяцев».

По сравнению с действующим УК РСФСР проект вводит более усиленное наказание за оскорбление. Так, за квалифицированные виды оскорбления (за оскорбление действием или в печати) по проекту назначается штраф не до 300 руб., как в ч. 2 ст. 159 и ст. 160 УК РСФСР, а до 500 руб. И при простом виде оскорбления и при квалифицированном проект кроме штрафа разрешает применение ареста. Если в отношении квалифицированного вида оскорбления и можно еще, пожалуй, согласиться с применением ареста, то очень сомнительна необходимость ареста за простой вид оскорбления хотя бы и до одного месяца. В самом деле, применение лишения свободы (а что бы там ни говорили, арест все же является одной из форм лишения свободы) за простое оскорбление может привести к весьма нежелательному и вредному массовому лишению свободы граждан, так как не нужно забывать при этом, что оскорбления, к сожалению, в нашем быту еще слишком частое явление.

Проект впадает в крайность также и выбрасывая вовсе из санкции по простому виду оскорбления общественное порицание. Если последняя мера наказания нецелесообразна по серьезным преступлениям против личности.

то почему ее нельзя использовать за незначительные преступления против личности, каковым является и простое оскорбление?

Статья проекта о клевете предусматривает три вида клеветы.

Клевета

«1. Клевета, то есть распространение заведомо ложных порочащих другое лицо сведений,—карается арестом, штрафом до 500 руб. или исправительными работами на срок до 6 месяцев.

2. Клевета в печатном или иным способом размноженном произведении, — карается арестом, штрафом до 1000 рублей или исправительными работами.

3. Клевета, повлекшая за собой тяжелые для потерпевшего последствия, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет».

Два первые вида клеветы воспроизводят ст. 161 УК РСФСР, третий вид клеветы, вводимый проектом, неизвестен действующему УК. Нам кажется, проект правильно делает, вводя этот новый вид клеветы. Практика знает ряд случаев, когда клевета приводила к весьма тяжелым последствиям (в виде заболевания, потери трудоспособности и т. д.). За этот наиболее опасный вид клеветы проект предусматривает и должное наказание — лишение свободы до 2 лет.

Заканчивая анализ главы о преступлениях против личности по проекту УК СССР, подведем некоторые итоги.

Учитывая, что глава о преступлениях против личности, как, впрочем, и весь УК СССР, является сугубо предварительным проектом, подлежащим всестороннему и детальному рассмотрению в ряде инстанций, все же можно про главу о преступлениях против личности в том ее виде, в каком она сейчас включена в проект, сказать, что она имеет целый ряд преимуществ по сравнению с аналогичной главой действующих в настоящее время уголовных кодексов союзных республик и, в частности, Уголовного кодекса РСФСР.

Исходя из того, что одной из важнейших задач, стоящих в настоящее время перед органами юстиции, является усиление охраны личности, проект УК СССР вводит более жесткие и повышенные меры наказания за посягательства на личность по сравнению с действующим УК.

1) Проектом устанавливается высшая мера наказания — расстрел за квалифицированные умышленные убийства и за особо опасные случаи изнасилования.

2) По целому ряду статей, предусматривающих наиболее опасные посягательства на личность (как-то: убийство, тяжкие телесные повреждения, половые преступления), проектом вводятся минимальные сроки лишения свободы, ниже которых суды не могут назначать за эти преступления.

3) Оставляя по другим преступлениям против личности максимальные сроки лишения свободы, проект значительно повышает их по сравнению с действующим УК (заражение венерической болезнью, понуждение женщины ко вступлению в половую связь, оставление в опасности и т. д.).

4) По отдельным преступлениям против личности проект в качестве наказания вводит лишение свободы, которое не может быть назначено за эти преступления по действующему УК (клевета и др.).

5) Из санкции некоторых преступлений против личности проект исключает штраф (неосторожные тяжкие телесные повреждения).

6) По особо опасным преступлениям против личности проект устанавливает заключение в тюрьме или в и.-т. лагере, чем исключается возможность назначения лишения свободы в и.-т. колониях (убийство, тяжкие телесные повреждения, изнасилование).

7) Проектом в тех же целях усиления охраны человеческой личности вводится в главу о преступлениях против личности ряд новых составов, в настоящее время неизвестных УК («оставление без помощи родителей», «обманное использование регистрации брака»).

8) Наряду с этим проект значительно расширяет ряд составов посягательств против личности (содействие и подговор к самоубийству, оставление в опасности, понуждение женщины к половому сношению, похищение ребенка и т. д.).

9) Проектом вводится более стройная и четкая система отдельных преступлений против личности, убийств и тяжких телесных повреждений с дифференцированным наказанием по ним.

10) Проектом вводится новый раздел «Преступления против семьи и брака», чем фиксируется особое внимание на этих преступлениях.

Наряду с приведенными положительными сторонами, присущими главе о преступлениях против личности, в последней имеется и целый ряд существенных недостатков, свидетельствующих о недоработанности проекта УК СССР и требующих своего устранения. Эти недостатки следующие.

1) Взятая в целом система преступлений против личности в проекте является неудовлетворительной. Ряд преступлений проектом помещен в такие разделы посягательств против личности, с которыми они или ничего или во всяком случае почти ничего общего не имеют (оскорбление и клевета в разделе «Оставление в опасности», незаконное лишение свободы в разделе «Телесные повреждения» и т. д.).

В главе о преступлениях против личности почему-то вовсе не выделены такие важные разделы, как «Преступления против достоинства личности» и «Посягательства на свободу личности».

2) Неудовлетворительно также разработаны в проекте и системы отдельных видов посягательств против личности. Так, система легких телесных повреждений оказалась вовсе неразработанной (отсутствие дифференциации легких телесных повреждений, объединение их с ударами и побоями). Недостаточно разработана система половых преступлений против несовершеннолетних.

3) При описании отдельных составов в проекте имеются нечеткие, расплывчатые формулировки, что может привести к злоупотреблениям на практике этими составами (статья об оставлении в опасности, статья о квалифицированных тяжких телесных повреждениях и т. д.).

4) В главе встречаются слишком формальные определения некоторых посягательств на личность, не раскрывающие сущности этих посягательств (статья об аборте, статья о легких телесных повреждениях).

5) Проект не обладает достаточно дифференцированными санкциями по отдельным преступлениям против личности (детоубийство, легкие телесные повреждения и др.).

6) По отдельным преступлениям против личности проект по непонятным причинам снижает наказание по сравнению с действующим УК (например, за содействие самоубийству, за поставление в опасность заражения венерической болезнью).

7) В конструировании санкций проектом проявляется тенденция замены и.-т. работ штрафом, что вряд ли можно признать целесообразным.

8) В санкциях по незначительным преступлениям против личности проектом вводится лишение свободы, например, за оскорбление и за простой вид клеветы вводится арест, что нельзя признать правильным.

9) В формулировках отдельных составов проектом допускается неряшливость и небрежность (например, в одной статье говорится о тяжких телесных повреждениях, в другой — о тяжелых и т. п.).

Необходимо, чтобы при окончательной разработке главы о преступлениях против личности все перечисленные дефекты проекта были учтены и устранены.

В. ПОКРОВСКИЙ

О недостатках, задачах и методах общего надзора

При обсуждении на 4 сессии ЦИК СССР V созыва Положения о выборах в Верховный Совет как в докладе т. Яковлева, так и в прениях по докладу чрезвычайно остро был поставлен вопрос о революционной законности, о необходимости искоренения «местных влияний», которые все еще наблюдаются в практике советов и исполкомов и являются огромным тормозом установлению законности и культурности.

Приводился ряд примеров незаконных обязательных постановлений советов и исполкомов, которые издавались и действовали при явном бездействии и попустительстве со стороны местных прокуроров.

Это свидетельствует о том, что до сих пор местные органы прокуратуры не перестроили еще своей работы по общему надзору в соответствии с неоднократными указаниями по этому вопросу Прокурора СССР, что до сих пор до их сознания еще не дошла вся важность и значимость общего надзора за законностью, что до сих пор они еще не освободились от местных влияний.

Указания товарища Ленина о том, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации советских республик», что «прокурор делает лишь только одно, наблюдает за тем, чтобы ни одно решение местной власти не расходилось с законом», видимо до сих пор не восприняты ими как основные принципы в их работе.

Яркой иллюстрацией непонимания роли и задач органов прокуратуры в осуществлении надзора за законом является изданное в самое последнее время распоряжение бывш. врид. прокурора Казахской ССР Дубровским, которым запрещено Отделу общего надзора принимать к своему рассмотрению и проверять те жалобы на нарушения соцзаконности, по которым имеется решение КазЦИКа. Тов. Дубровский, очевидно, не учел того, что если постановление КазЦИКа по делу жалобщика противоречит общесоюзному законодательству, то он как прокурор, непосредственно подчиненный Прокурору СССР и осуществляющий надзор за соблюдением не только законов своей республики, но и общесоюзного законодательства, обязан принять меры к восстановлению нарушенной соцзаконности или путем постановки перед КазЦИКом вопроса о пересмотре дела для приведения первого решения в соответствие с общесоюзным законом, или путем соответствующего сообщения Прокурору СССР для внесения вопроса на разрешение ЦИК СССР. Поэтому Прокуратура Союза отменила это распоряжение.

О неналаженности работы по общему надзору за законностью, об отсутствии оперативности в этой основной работе прокуратуры свидетельствует следующий факт.

Произведенной в самое последнее время Московской городской и Ленинградской областной прокуратурами проверкой порядка издания местными советами обязательных постановлений и практики наложения административных штрафов выявлены грубейшие нарушения, практиковавшиеся в течение ряда лет, действующего по этому вопросу законодательства.

Хотя, в соответствии с законом, изданные местными советами обязательные постановления могут действовать только в течение двух лет, после чего они считаются утратившими силу, в Москве и Ленинграде обнаружен целый ряд постановлений, изданных в 1931—1934 гг., которыми продолжают руководствоваться и за нарушение которых незаконно применяют санкции в виде наложения штрафа. Имеются обязательные постановления ряда горсоветов, введенные в действие лишь с утверждения одного председателя или секретаря горсовета, не утвержденные президиумами этих горсоветов.

Обнаружен ряд обязательных постановлений вовсе не опубликованных, хотя от граждан требуют неуклонного их исполнения и за неисполнение их штрафуют.

Грубое нарушение законов допускается в практике наложения штрафов. По одному только Ленинграду в 1936 году восемнадцатью организациями, которые пользуются правом наложения штрафа, как-то: «Скорой помощью», радиодирекцией, трамвайным управлением, Ленинградским энергосбытом и др.,

было подвергнуто штрафу 1 152 553 чел. на сумму 9 658 313 руб., т. е. каждый второй взрослый житель Ленинграда был оштрафован одной из этих организаций. Но это еще не все. В этот список не вошел целый ряд других учреждений и предприятий, также штрафовавших граждан, так как обязательным постановлением Ленинградского совета от 2 июня 1936 года право наложения штрафа и взыскание его за нарушение «правил охраны общественного порядка» было предоставлено в г. Ленинграде администрации всех учреждений и предприятий, с разрешением взыскивать штраф лицам, непосредственно наблюдающим за общественным порядком.

Особо недопустимые извращения в штрафной политике были обнаружены в органах милиции и в административных комиссиях. Начальники отделений милиции, с одной стороны, налагали мелкие штрафы за незначительные нарушения общественного порядка, на злостных хулиганов, допускавших насилия над личностью, нанесение телесных повреждений и пр., а с другой стороны, налагали более значительные штрафы за менее злостные нарушения или даже за действия, не содержащие в себе никакого нарушения.

Например, начальник 14 отделения милиции г. Ленинграда оштрафовал гр. Петрунина за то, что он катал в тачке ребятишек, а начальник 31 отделения милиции г. Ленинграда оштрафовал гр. Кузнецова на 15 рублей за то, что тот, перебегая мостовую и боясь быть задавленным машиной, поднял руку и остановил машину, в которой ехал председатель райсовета.

В то же время начальник 28 отделения милиции г. Ленинграда оштрафовал на 10 рублей хулигана, который во дворе ударил в живот подростка, схватил его за горло, бил по щекам и ударял его головой об стену. Начальник 31 отделения милиции г. Ленинграда оштрафовал в административном порядке гр. Володина за то, что он в пьяном виде выражался площадной бранью и приставал к гр. Н., чтобы она его поцеловала, а затем повалил ее на землю и, схватив за горло, стал душить. Только сбежавшаяся на крик гр. Н. публика освободила ее из рук хулигана. Административной комиссией Куйбышевского района г. Ленинграда был оштрафован на 15 рублей гр. Алексеев за систематические истязания своей жены, в результате чего последняя покушалась на самоубийство, выпив 4 флакона уксусной эссенции.

Постановления о наложении штрафов в ряде районов Москвы и Ленинграда в течение полугода и более не приводились в исполнение, вследствие чего по действующим правилам потеряли всякую законную силу.

Состав административных комиссий в большинстве районов Ленинграда и Москвы оказался при проверке незаконным. В ряде случаев председатели административных комиссий не были утверждены райсоветом, а утвержденные сами не участвовали в заседаниях комиссий, передоверяя эту работу другим лицам. Президиумы райсоветов работой административных комиссий не интересуются и совершенно незаконно передоверяют работу по рассмотрению жалоб на неправильные постановления административных комиссий искусственно создаваемым специальным тройкам в составе секретаря совета, секретаря административной комиссии и представителя милиции. В некоторых районах жалобы эти разрешаются даже единолично секретарем горсовета. Протоколы о наложении штрафа оформляются не в установленном законом порядке, не имеют подписей нарушителей, отметок об их предъявлении последним; сущность допущенного нарушения излагается в некоторых случаях настолько неясно, что нельзя установить, за что собственно административное взыскание налагается.

Все эти грубейшие нарушения порядка издания обязательных постановлений и извращения в штрафной политике ускользнули от внимания местных прокуроров, которые совершенно на них не реагировали.

Целый год действовало и проводилось в жизнь постановление Ленинградского совета, предоставлявшее право любому надзирающему за общественным порядком сотруднику любого учреждения и предприятия штрафовать жителей Ленинграда, прежде чем Ленинградская прокуратура так или иначе реагировала на это беззаконие. Половина взрослого населения Ленинграда была оштрафована различными организациями, прежде чем Ленинградская прокуратура удосужилась заняться вопросом о штрафной политике.

Такой постановке общего надзора, такой его оперативности — грош цена.

В чем же в основном выражаются недочеты в работе прокурорских органов по осуществлению общего надзора?

Прежде всего работа эта идет главным образом самотеком, бессистемно, без всякого плана.

Если отделы общего надзора в республиканских, краевых и областных прокуратурах с грехом пополам имеют кое-какие наметки для планирования своей работы, то районные прокуроры никакой такой наметки, никакого даже самого скромного плана своей работы по общему надзору не имеют. Работа эта проводится ими самотеком, от случая к случаю: получено поручение от краевой или республиканской прокуратуры проверить на месте то или иное конкретное дело, райпрокурор выезжает в сельсовет или колхоз, а попутно интересуется и состоянием в них революционной законности. Если нет такого поручения и состояние революционной законности остается в данной точке необследованным, хотя быть может по всем данным на эту именно точку должно быть устремлено внимание райпрокурора.

А кто в этом виноват?

В первую голову, конечно, отделы общего надзора краевых и областных прокуратур, которые до настоящего времени не установили надлежащего руководства работой райпрокуроров по общему надзору.

Во многих местах районные прокуроры не получили даже самых элементарных указаний. У них нет указаний, какие распоряжения и от каких районных учреждений и организаций они должны регулярно получать и контролировать. А между тем этот вопрос должен быть разрешен в зависимости от условий района, от состояния в нем революционной законности, так как особенно на первое время нельзя заставлять райпрокуроров контролиро-

вать распоряжения всех районных учреждений и организаций.

Копии вносимых районными прокурорами протестов по общему надзору, как правило, в республиканскую, краевую или областную прокуратуру не направляются, их никто не проверяет, судьбой их вышестоящие прокуроры не интересуются. Если протест райпрокурора отклонен, краевой (областной) прокурор или прокурор республики узнает только в том случае, если об этом ему найдет нужным сообщить районный прокурор. Не сообщит,— протест останется отклоненным, хотя быть может необходимо его направить в следующую административную инстанцию. Отсутствие контроля за приносимыми райпрокурорами протестами видно из сообщений прокуроров Белорусской и Туркменской республик. Отвечая на запрос Прокуратуры Союза о характере отклоненных протестов, принесенных райпрокурорами на действия административных органов, прокурор БССР признает, что ему неизвестен характер отклоненных протестов и даже относятся ли отклоненные протесты к общему или судебному надзору.

Прокурор Туркменской ССР сообщает, что у него нет точных сведений о том, «какое количество протестов, принесенных райпрокурорами, отклонено, по каким мотивам отклонены протесты и основательность отклонения».

А между тем именно в этой области работы по общему надзору районным прокурорам должна оказываться наибольшая помощь со стороны краевых (областных) прокуратур, так как зачастую принесенные ими протесты по общему надзору недостаточно обосновываются ссылками на закон.

Только систематическое наблюдение за приносимыми райпрокурорами протестами, внимательное изучение их и дача по ним руководящих указаний даст возможность правильно организовать в районных прокуратурах дело надзора за революционной законностью.

Не менее существенными дефектами в работе прокурорских органов является наблюдающаяся у некоторых прокуроров тенденция оперативно руководить хозяйственными органами, выйти из пределов своей компетенции как органа надзирающего, а не оперативно-руководящего, а также неумение их разграничить свою надзорную работу от работы контрольных органов, благодаря чему получается дублирование прокурорами работы последних.

Чтобы избежать этих двух недочетов в своей надзорной работе, прокуроры, осуществляющие общий надзор, должны установить самый тесный контакт с контрольными органами, организовать систематическое получение от них тех материалов, в которых имеется указание на наличие тех или иных преступных фактов, для дальнейшего их расследования и возбуждения против виновных уголовного преследования. Наконец, прокурорские органы должны решительно отказаться от практики производства общих обследований тех или иных учреждений, как это, например, имело место в прокуратуре Казахской ССР, где в план работы Отдела общего надзора было включено обследование двух наркоматов по вопросам законности установленных у них ставок заработной платы отдельным категориям работников.

Затем одним из существенных недостатков в работе отделов общего надзора является неналаженность их связи с отделами, осуществляющими надзор за следственными и судебными органами. Возбудив на основе материалов общего надзора уголовное преследование, отделы общего надзора ограничиваются в большинстве случаев передачей дела следственным органам, не интересуясь дальнейшим ходом этого дела. Такое положение должно быть признано совершенно ненормальным. Каждое начатое отделом общего надзора дело должно быть доведено им до конца. Для этого должен быть им установлен самый тесный контакт со следственным и судебным отделами, от которых отделом общего надзора должна получаться соответствующая информация о движении дела, о существе судебного приговора, а в тех случаях, когда судебный приговор не будет соответствовать опасности преступника и самого преступления, принимать через судебный отдел меры к опротестованию приговора.

Планы работ отделов судебного и общего надзора должны быть между собой увязаны. Например, если отдел общего надзора на данном отрезке времени проводит борьбу с браком в промышленности или с хищениями в торговом аппарате, то дела по этим преступлениям должны интересовать и судебный отдел, который должен сообщать отделу общего надзора не только результаты судебного рассмотрения возбужденных последним дел этой категории, но и о тех делах о бракоделах и хищениях в торговой сети, которые возникли без участия отдела общего надзора.

Только при такой постановке дела, только при такой увязке в работе общего надзора с работой судебного надзора прокурорские органы, осуществляющие надзор за революционной законностью, в состоянии будут знать более или менее точно состояние революционной законности в том или другом учреждении, в той или иной отрасли народного хозяйства, в определенной территориальной точке.

А между тем никто другой, как прокурор, осуществляющий общий надзор за законностью, должен знать состояние революционной законности, районный — во всем своем районе, краевой (областной) — во всем крае, области.

Для этого должен систематизироваться и обрабатываться весь тот богатый материал, который получается от осуществления общего надзора, в том числе и жалобы отдельных граждан на допущенные в отношении их нарушения революционной законности.

Наконец, к числу недостатков в работе общего надзора надо отнести пренебрежительное отношение его к так называемой «воспитательной» работе по предупреждению нарушений революционной законности.

Необходимо установить такой порядок, чтобы добытый в процессе осуществления общего надзора материал был использован также в целях предупреждения в дальнейшем возможных преступлений. Работа по общему надзору должна быть организована так, чтобы каждый вскрытый общим надзором факт нарушения соцзаконности послужил основанием

для дальнейшего улучшения хозяйственной работы. В этих целях на рабочих и колхозных собраниях должны ставиться прокурорские доклады о вскрытых прокурорскими органами на заводе, фабрике, в совхозе, колхозе нарушениях закона и о борьбе с этими нарушениями, должно практиковаться освещение работы прокуратуры по общему надзору в местной печати; необходимо, чтобы полученный в порядке осуществления общего надзора материал сообщался прокурорами в местные руководящие советские и партийные организации для использования его в работе этих организаций и т. п.

Обращаясь к анализу причин, породивших указанные недостатки в работе прокурорских органов, осуществляющих общий надзор, необходимо констатировать, что одной из этих причин, едва ли не самой главной, является непонимание задач и целей общего надзора за революционной законностью. Не все прокуроры дают себе ясный отчет о том, что такое представляет собой так называемый «общий надзор».

Необходимо поэтому прокурорским органам твердо усвоить, что задачей общего надзора является наблюдение за соблюдением закона советскими и хозяйственными учреждениями и организациями и отдельными гражданами, быстрое и решительное пресечение всяких и всяческих попыток в какой бы то ни было форме нарушить советский закон, и принятие мер как к ликвидации нарушений соцзаконности, так и к привлечению виновных в нарушении закона к ответственности.

Прокурорский надзор нельзя, однако, рассматривать только как формальный надзор за исполнением формальных требований закона. Наблюдая за соблюдением закона учреждениями, организациями и отдельными гражданами, прокурорские органы должны на основе этого надзора развернуть широкую сеть мероприятий, направленных, с одной стороны, к вскрытию таких явлений, которые мешают победоносному ходу социалистического строительства, приводят к срыву хозяйственно-политических кампаний, а с другой стороны — к выявлению и преодолению классового врага, мешающего успешному осуществлению той или иной хозяйственно-политической задачи.

Мероприятия эти, в соответствии с существом прав и обязанностей прокурорских органов, должны проводиться как путем обнаружения преступников и нанесения по ним удара уголовной репрессией, соответствующей опасности преступления и самих преступников, так и путем заострения на примере отдельных дел общественного внимания на необходимость борьбы с преступлением, на необходимость укрепления революционной законности.

Надо прокурорским работникам твердо усвоить, что все эти элементы общего надзора — наблюдение за соблюдением закона, восстановление нарушенной революционной законности, ликвидация последствий нарушения закона, привлечение виновных в нарушении советского закона к уголовной или дисциплинарной ответственности, мобилизация и укрепление масс в деле укрепления революционной законности — неразрывно друг с другом связаны и ими определяются содержание и методы работы прокурорских органов по общему надзору.

Отсутствие четкого и ясного понимания этих задач, направление надзорной работы преимущественно в одну из указанных сторон и игнорирование других сторон этой работы и приводят к тем ошибкам и недочетам, о которых говорилось выше.

Другой причиной недостатков в работе по общему надзору является недооценка значения этой работы. Общий надзор в системе прокурорских органов является своего рода пасынком. Отдел общего надзора, как правило, не укомплектован надлежащим количеством квалифицированных работников (например, в Сталинградской прокуратуре отдел общего надзора состоит из одного работника, а в прокуратуре Западной области — из двух работников). Работники отдела общего надзора систематически загружаются поручениями, не имеющими ничего общего с их непосредственными обязанностями по осуществлению надзора за законностью и т. п.

Как же конкретно должен строиться общий надзор прокуратуры в соответствии с указанными задачами?

В каждой из областей своей надзорной работы: в промышленности, сельском хозяйстве, кооперации и торговле, в налогово-финансовых вопросах, на фронте культурного строительства, в области штрафной политики и пр., необходимо выделить, в соответствии с общим планом хозяйственного строительства, те основные вопросы, по которым на данный отрезок времени органам прокуратуры надо сосредоточить свое внимание, под углом зрения разрешения которых необходимо построить в этой области работу по осуществлению надзорных прокурорских функций.

В настоящее время, например, в области сельского хозяйства необходимо добиться закрепления победы колхозного строя, дальнейшего подъема сельского хозяйства на основе достигнутых успехов. Сейчас в области сельского хозяйства стоят такие задачи, как введение правильных севооборотов, расширение чистых паров, улучшение семенного дела, подъем урожайности, поднятие на должную высоту животноводства. Все эти задачи могут быть успешно разрешены лишь путем проведения борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов.

Поэтому в области надзора за сельским хозяйством органы прокуратуры должны включить в план своей работы такие задачи, как окончательное уничтожение всяческих попыток сопротивления естественному развитию колхозного строя, борьбу за колхозную дисциплину, борьбу с администрированием, с нарушениями устава сельхозартели.

Исключительное значение в условиях Сталинской Конституции имеет вопрос о законности издаваемых советами и исполкомами обязательных постановлений и о штрафной политике. Как указано выше, в этих областях имеются грубейшие нарушения революционной законности, поэтому одной из дальнейших задач прокурорского надзора является вскрытие этих нарушений и своевременное опротестование незаконных обязательных постановлений, равно как и принятие мер к выпрямлению штрафной политики путем постановки на президиумах край(обл)исполкомов

соответствующих докладов и предложений о проведении реальных мероприятий, обеспечивающих проведение правильной штрафной политики (сокращение количества учреждений и лиц, которым предоставлено право наложения штрафа, устранение случаев наложения штрафов за деяния, подлежащие преследованию в уголовном порядке, а также за действия, не содержащие в себе какого-либо нарушения, соответствие размера штрафа характеру совершенного нарушения, сознательности нарушителя, его материальному положению и пр.).

Процессом врагов народа Пятакова и др. вскрыто вредительство в нашей тяжелой промышленности, в особенности в химической промышленности. Поэтому в план работы отделов общего надзора местных прокуратур должен быть включен как один из самых актуальных вопрос о ликвидации последствий этого вредительства, о выкорчевывании остатков этого вредительства на фабриках и заводах. Аварийность в промышленности, систематическое невыполнение плана, брак и плохое качество продукции, сопротивление развитию стахановского движения — вот те узловые вопросы промышленности, на которые должно быть направлено в первую очередь усиленное внимание прокурорских органов.

Не менее актуальным объектом прокурорского надзора должна быть и советская торговля, роль и значение которой подробно освещены в докладе товарища Сталина на XVII съезде партии. Прокуратура должна вести решительную борьбу со всеми преступлениями, со всеми мошенническими махинациями в торговом аппарате, при помощи которых классовый враг пытается разлагать советскую торговлю, со всеми «большими и малыми» спекулянтами.

Сталинская забота о человеке, нашедшая свое оформление в новой Конституции, давшей четкое и ясное определение прав и обязанностей граждан Союза, обязывает органы прокуратуры, ведущие работу по общему надзору, уделить особое внимание ограждению прав советского гражданина от каких бы то ни было посягательств, чутко и внимательно относиться к жалобам граждан на нарушение их прав, не оставлять без надлежащей проверки ни одного из такого рода заявлений и в тех случаях, когда нарушение прав граждан подтвердится, добиваться восстановления нарушенной соцзаконности, не допуская по мотивам целесообразности и местных влияний, как это иногда имеет место, оставления без опротестования незакономерных действий советских и хозяйственных органов.

Осуществление всех этих поставленных перед прокурорскими органами, ведущими надзорную работу, задач возможно лишь путем широкого использования в этой работе общественного актива, группирующегося вокруг прокуратуры и действующего под ее руководством. Общим надзором должна быть организована крепкая и повседневная связь с широкими масами рабочих, колхозников и передовой интеллигенции. Прокурорский актив — группы содействия прокуратуре, соцсовместители, сигнальные, контрольные прокурорские посты, прокурорские корреспонденты — должны быть использованы как оперативные помощники прокурора по общему надзору в борьбе за революционную законность.

Б. СПЕРАНСКИЙ

К вопросу о предмете советского административного права

Громадное значение теоретической разработки специальных дисциплин советского права на базе Сталинской Конституции для практических работников суда, прокуратуры и административных органов всем известно и не требует доказательств. Вредители на правовом фронте Пашуканис и компания одной из своих первых задач поставили дезорганизовать теоретическую работу в области права, дискредитировать и разрушить советскую правовую науку, вселить к ней нигилистическое отношение.

Исходных предпосылок «школы» Пашуканиса, как известно, было три: 1) всякое право есть не что иное, как буржуазная категория права,

2) всякое право есть форма общения эгоистически обособленных субъектов,

3) каких бы то ни было иных категорий права, кроме буржуазных, например, категорий права социалистического, — нет и быть не может.

На этих трех предпосылках и строилась ликвидаторская политика в области ряда правовых дисциплин, в том числе государственного права и административного права. С точки зрения этой «концепции» государственное право своим содержанием имеет исследование борющихся между собой в государстве сил: короля и парламента, верхней и нижней палаты, министерства и народного представительства и т. д. Если в республике советов этой борьбы нет, то, очевидно, и советского государственного права как права нет, и его должна заменить некая общая, чрезвычайно расплывчатая по своему содержанию наука, которой было дано название «общее учение о государстве диктатуры пролетариата». Одновременно сводилась на-нет и другая дисциплина, связанная с государственным правом, — советское административное право. В своей книжке «Общая теория права и марксизм», изд. 1927 г., на стр. 58 Пашуканис объявил, что юридическое содержание административного права сводится к гарантиям прав представителей бюрократической иерархии, с одной стороны, и населения — с другой. Вне этого административное право представляет собой пеструю смесь технических правил, политических рецептов и т. д.

Вредителям-ликвидаторам было конечно совершенно ясно, что наука административного права представляет собой коррелят учения об управлении, что управление есть та область государственной жизни, где социалистическое государство реализует свою волю на построение фундамента социалистической экономики. Ликвидаторы отлично знали, что «уменье управлять с неба не валится и святым духом не приходит»[1], что управлению нужно обучаться, что «ввести социализм, не учась у организаторов, нельзя» (В. И. Ленин — о «левом» ребячестве), что «нам нужно многому и многому учиться в деле управления» (В. И. Ленин — речь на III Всеросс. съезде работников водного транспорта). Все это прекрасно было известно вредителям-ликвидаторам.

Пашуканис дает задание. Дальнейшее обоснование ликвидации правовых дисциплин берет на себя редактировавшийся им журнал «Советское государство». В этом журнале появляются статьи и рецензионные заметки, посвященные ликвидации административного права.

Первой открывшей кампанию против дисциплины «административного права» была ст. Резунова и Иезуитова в № 3 журнала за 1930 г. Авторы статьи, начав с бесспорного положения Ф. Энгельса, что диалектика наук должна быть адэкватна диалектике явлений, в дальнейшем с большой развязностью заявляют, что у к о л ы б е л и государственного и административного права стоит буржуазная теория разделения властей, что поскольку последнее (разделение властей) отсутствует в советском праве, нет и не может быть советского административного права как особой дисциплины. Это положение, полностью и целиком заимствованное у Пашуканиса, безграмотно исторически. Разве рабовладельческое общество не имело своего права? Нам известны и административные Constitutiones византийского права, и jus honorarium, и эдикты магистратуры в римском праве. Все они не что иное, как институты административного права рабовладельческого общества. Точно также феодальное общество с его сложной системой организации имело свое административное право.

В средневековых городах публичное право четко выделялось из частного, единство власти и управления находило свое полное выражение, и вместе с тем достаточно ясно были сформулированы понятия государства и закона. Тем более мы можем говорить о системе административного права периода абсолютизма, системе так называемого «полицейского права». Ограничивая содержание буржуазного административного права лишь установлением гарантий личных субъективных прав гражданина, авторы намеренно или по невежеству искажают даже и то действительное буржуазное право, как оно сложилось в действительности. Они проходят мимо французской школы административного права, мимо Дюги и Ориу, Жеза и Бертелеми. Проскакивая непосредственно к производственно-индустриальному направлению в административной науке, они зачисляют туда венского профессора Адольфа Меркля, типичного неокантианца марбургской школы, последователя Кельзена с его формально-юридическим методом.

Все это делается, чтобы показать ненужность, никчемность советского учения о праве внутреннего управления и что советское административное право без остатка растворяется в государственном праве и вместе с последним в общем учении о государстве. Одновременно с этим проводится нивеллировка законодательных и административных актов, превращаемых авторами в «оперативные задания», и приветствуется появление особой науки — административно-хозяйственного права как показателя глубокого погружения государства в экономику.

Другой статьей того же журнала («Сов. государство» № 10, 1930), также навеянной «концепцией» Пашуканиса, является статья Берцинского «К вопросу о методологии советского управления». Дав в начале статьи совершенно правильные анализ и критику буржуазных извращений в науке советского административного права, автор в дальнейшем сам становится на чрезвычайно сомнительные позиции. Прежде всего ему может быть брошен упрек в том, что он делает попытку дискредитировать советское право, говоря, что административное советское законодательство не может служить опорой для советской науки права уже потому, что на нем сказалось влияние буржуазных юристов. Этот общий упрек административному законодательству делается без приведения конкретных примеров и потому производит исключительно неблагоприятное для автора впечатление. Далее автор повторяет вредительские положения Пашуканиса, что административное право — историческая форма господства буржуазии, что вместо правового регулирования мы в советском государстве имеем переход к техническому регулированию, что у нас теряет значение необходимость формального признания свобод и т. д. Одним словом, в конце концов получается тот же вывод, что и у Пашуканиса и у Резунова, а именно, что советское административное право как особая отрасль права и наука советского административного права не нужны.

Эта кампания против советского административного права дает и совершенно реальные результаты. Прежде всего ликвидируется советское административное право как наука и выпадает из всех учебных планов юридических вузов и факультетов; ликвидируются кафедры; упраздняются аспирантуры по административному праву в Ранионе и ИКП; исчезают журналы «Административный вестник» и «Вестник милиции», журналы «Советское государство» и «Советское строительство»; прекращают совершенно печатание статей по вопросам административного права; из проспектов специальных издательств выпадает литература по административному праву. Попробуйте за последнее десятилетие найти хотя одну работу по источникам административного права, по административным органам и функциям, по должностному праву, по отраслевому управлению, по административным актам и действиям, по административному контролю и т. п.!

[1] В. И. Ленин, доклад ЦК IX съезду РКП(б), т. XXV, стр. 104.

На всех этапах социалистического строительства организационный вопрос занимал крупнейшее место. Товарищи Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали, что после завоевания власти главная и самая трудная задача— это задача организации новых общественных отношений. В эпоху же социалистической реконструкции организационный вопрос приобрел наиболее глубокий и решающий характер. В тезисах XVII съезду партии прямо говорится, что «во весь рост встает задача поднятия организационной работы до уровня политического руководства».

Организационный вопрос, оставаясь подчиненным вопросам политики, приобретает для дальнейших успехов социалистического строительства исключительное значение. Все это совершенно игнорировала специальная правовая литература — журналы «Советское государство» и «Советское строительство»: она вела себя так, как будто вопросы правовой организации управления были сняты с порядка дня, как будто уже не были живы слова Ленина, сказанные им III съезду советов, что «главная основа прочности нового строя, — это те организационные меры, которые мы будем осуществлять во имя социализма», и слова товарища Сталина на XVII партсъезде о том, что «надо ликвидировать отставание нашей организационной работы от требований политической линии партии,... надо добиться того, чтобы наша организационная работа обеспечивала практическое проведение в жизнь политических лозунгов и решений партии». Вместо того чтобы строить дисциплину советского административного права на базе положения Маркса, что «администрация есть организующая деятельность государства» (Лит. насл., т. I, стр. 59), на базе высказываний товарищей Ленина и Сталина, вредители вкладывали в понятие административного права буржуазное содержание, рассматривая его как гарантию государством субъективных публичных прав.

Советское административное право как орудие рабочего класса по регулированию материального содержания деятельности советского государственного аппарата, как одно из средств организации общественной самодеятельности и, наконец, как правовая форма взаимоотношений между государством и гражданами по линии реализации прав граждан, гарантированных и закрепленных Сталинской Конституцией, не только остается в общей системе социалистического права, но и получает свое дальнейшее развитие в условиях социалистического строя. Оно представляет из себя необходимый инструмент оформления и закрепления правовых отношений: а) внутри государственного аппарата, б) между государственным аппаратом диктатуры пролетариата и общественными организациям, в) между государственным аппаратом и гражданами.

Советское административное право мы должны рассматривать как прямое продолжение государственного права. «С политической точки зрения государство и устройство общества — не две разные вещи» (Маркс, Литер. насл., т. I, стр. 59). Управление представляет собой область государственной жизни, в которой власть рабочего класса посредством деятельности органов осуществляет себя в жизненных элементах государства диктатуры пролетариата.

В советское административное право, в широком понимании этой дисциплины, мы должны были бы включить: организацию всего отраслевого управления, в том числе и хозяйственного, все функции по отраслевым управлениям, организацию общественной самодеятельности, содействующей управлению, все формы собственно административной деятельности, полномочия администрации, обеспечения закономерности ее работы и т. п.

Но огромность масштаба управления, круг задач, которые ставит себе социалистическое государство, глубина образовавшегося прорыва на фронте науки права и необходимость заполнения зияющих пробелов в нем и, в первую очередь, задача обеспечения практики по линии общего надзора прокуратуры и работы контрольных органов вынуждают к сокращению объема дисциплины советского административного права, ограничивая ее на первое время вопросами обеспечения революционной законности управления по линиям исполнения революционного закона и контроля за исполнением. Серьезный и тщательный анализ вопросов обеспечения революционной законности в управлении имеет громаднейшее значение для работы социалистического государства. В этот ограниченный по содержанию объем советского административного права должны быть включены вопросы организации управления, организация и рационализация советского госаппарата, проблема советского административного акта (понятие, характер, форма, классификация), обеспечение закономерности советского управления путем организации надзора и контроля, право жалобы, наблюдение и расследование жалоб, специальные виды надзора за закономерностью управления: надзор в области хозяйственного, общеадминистративного и культурного управления, административное воздействие, обеспечение основных прав и регулирование обязанностей граждан СССР, регулирование учета и передвижения граждан, чрезвычайные меры охраны революционного порядка. Этот круг вопросов, далеко не исчерпывающий содержания советского административного права, в то же время является кругом вопросов, требующих разработки в первую очередь на базе великой Сталинской Конституции.

При определении содержания советского административного права в широком смысле этого слова, встает вопрос о соотношении между административным правом и государственным правом, с одной стороны, советским административным правом и советским гражданским правом — с другой.

Выше уже говорилось о том, что административное право есть часть права государственного, его прямое продолжение. Советское государственное право представляет собой выраженную и закрепленную в основных законах Сталинской Конституции политическую организацию общества эпохи диктатуры пролетариата, организацию господствующего класса в государственную власть, принципы устройства и деятельности этой власти. Советское же административное право все свое внимание сосредоточивает на функциональной стороне тех же элементов. «Администрация

есть организующая деятельность государства» (Маркс). Внутреннее устройство административных учреждений, их компетенция, взаимная соподчиненность, то, из чего слагается самый порядок их работы и, наконец, правовые формы регулирования этой деятельности — вот специфика содержания советского административного права. Ошибочным было бы считать административное право особенной частью государственного права, ибо у административного права имеется свое содержание и своя общая часть — проблемы административной организации, формы административного акта и т. п. Вместе с тем неразрывное общение государственного и административного права нам представляется несомненным.

Что касается отношения советского административного права к гражданскому праву, то здесь положение значительно сложнее. Буржуазное административное право имеет две категории функций государства: а) обязательные или необходимые функции services essentiels и б) факультативные функции services facultatif de l'état. К первым оно относит деятельность государства по линии регулирования союзов, собраний, печати, свободы совести, публичных и частных домов и т. д. Ко вторым — деятельность в области промышленности, торговли, транспорта и т. д.

Такая классификация функций понятна, ибо «буржуазный государственный аппарат не управляет хозяйством. Буржуазный государственный аппарат играет по преимуществу роль полицейско-регулятивную, охраняя интересы капиталистов против революционных рабочих, а каждым предприятием управляет сам капиталист» (Л. М. Каганович). Государственные функции советского госаппарата строятся иначе; с точки зрения технического разделения труда мы должны здесь выделить функции: а) административные в специальном смысле— функции охраны порядка и безопасности, б) организационно-производственные, хозяйственные, т. е. функции по организации и управлению хозяйством, и в) социально-культурные (народное просвещение, народное здравоохранение и пр.).

Преобразование и построение социалистического хозяйства — одна из основных и важнейших функций социалистического государства, к тому же получающая все дальнейшее развитие и углубление. Естественно, конечно, что наша администрация должна быть приспособлена для осуществления хозяйственных задач. Несколько лет тому назад было высказано положение, что право, регулирующее хозяйственные функции советского государства, не может объединяться с чисто административным и социально-культурным в едином понятии административного права и должно составить особое содержание «хозяйственного права». «Хозяйственное право» по мысли его творцов А. Г. Гойхберга («Хоз. право», т. I, стр. 4—5) и М. А. Рейснера («Право») должно было обнимать и частноимущественные отношения, регулируемые гражданским кодексом, и отношения внутри социалистического сектора. Следом за этой точкой зрения появилась другая точка зрения П. И. Стучки, о разделении советского хозяйственного права на две принципиально-различные отрасли — хозяйственно-административное и гражданское право. Базой этой последней точки зрения была пресловутая троцкистская «теория двух регуляторов», причем система гражданского права рассматривалась как система регулирования «рыночных» договорных отношений, а система административно-хозяйственного права, как система отношений «в порядке плановости и подчинения».

Критика и осуждение и той и другой точек зрения в свое время были сделаны на страницах нашей специальной печати. Единое «хозяйственное право» показало всю недооценку значения права в области гражданских отношений, ограничение его исключительно рамками отношений внутри обобществленного советского хозяйства. Вместе с тем эта «новая отрасль права» охватила собой всю сумму отношений внутри обобществленного хозяйства, в том числе и вопросы организации и управления хозяйством. Самый термин «хозяйственное право» был заимствован из германской науки, вместе с «учением социальных функций», в трактовке Гедемана, Гольдшмидта и др. В германской науке возникновение этого термина и этого «права» имело свои основания, совершенно неприемлемые для нас. Не говоря уже о слабом теоретическом обосновании этого нововведения в социалистическое право, мы имели и имеем такие отрасли государственной хозяйственной деятельности, как, например, коммунальное дело, где государство выступает в качестве субъекта, регулирующего хозяйственную деятельность, но где это регулирование происходит на совершенно иных принципах, чем принципы «хозяйственного права»; кроме того в области так называемого публичного «вещного права» оставался эти годы открытым вопрос о порядке использования публичных улиц, дорог, судоходных рек, береговых участков и т. п. Возникающие здесь отношения также нельзя было уложить в рамки «хозяйственного права» без натяжки, ибо характер правового регулирования взаимоотношений, вытекающих из использования этих объектов, не имеет ничего общего с порядком гражданско-правового регулирования. Отсюда трансформация бывшей дисциплины «хозяйственное право» в социалистическое гражданское право есть не простая перемена названия, а глубокая внутренняя перестройка.

При новой классификации дисциплин нужно избегнуть искусственности в переходе от одной дисциплины к другой. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» на стр. 33 говорит, что «переходы (от науки к науке.—Авт.) должны совершаться сами собой, должны быть естественными. Подобно тому как одна форма движения развивается из другой, так и отражения этих форм, различные науки, должны с необходимостью вытекать одна из другой». Научная дисциплина должна быть построена, как наука о развитии данного круга явлений. Круг явлений административного права — отношения в области управления. Вопросы организации и управления—специфика административного права. Мы можем спокойно сказать, что оно имеет свой круг явлений. «В то же время специфика гражданского права — это имущественные и личные отношения в нашей стране. Возможны ли пересекающиеся линии и известный переплет в этих двух сферах — административного и гражданского права?» Да, возможен, и бояться этого нечего. Связы-

вающими узлами здесь являются: а) социалистическая собственность — основа советского строя, б) принципы планового руководства, в) охрана интересов граждан и др.

Но очевидно, что угол зрения, под которым подходят административист и цивилист к этим общим для них вопросам, различен. Основное у административиста — организационная сторона, правильное построение административного акта, обеспечение закономерности деятельности.

Возьмем простой пример из области регулирования советской торговли. Что здесь может интересовать административиста? Функции торговой инспекции, ее права в различных отраслях торговли, порядок надзора за соблюдением этикетных цен, наложение взысканий за несоблюдение их и т. п. Цивилиста эти вопросы, очевидно, интересуют мало. Административист подробно останавливается на организационном статусе, цивилист почти не задерживается на нем, его интересует другая сторона этих отношений — субъективные правомочия и обязанности и т. п.

Главное здесь в свойстве и характере правовых отношений. Как выше было сказано, основное в административном праве—«это организация и надзор». При отнесении того или иного акта к гражданско-правовой или административно-правовой сфере нужно исходить, во-первых, из цели акта, во-вторых, из методов его осуществления. Сам по себе государственный акт — это осуществление функции управления госорганом или должностным лицом в пределах их должностной компетенции. Это служебное действие — faute serviece, как говорят французы.

Гражданско-правовым он будет тогда, когда совершается оперативной, хозяйственной единицей для хозяйственно целесообразной цели — производства ценностей, обмена, заготовки, перевозки и т. п. Это — акт госоргана, хозрасчетной единицы, участника имущественного оборота.

Актом административным будет акт того же госоргана, но при осуществлении им уже регулирующей деятельности как проводником диктатуры пролетариата. Здесь цель — управление, организация, надзор. Круг вопросов, обнимаемых административным правом, достаточно ясен; пора перестать смотреть на эту дисциплину как на бедного родственника, ожидающего выделения из установившихся других правовых дисциплин тех или иных проблем и тем, пора отказаться от неверного положения о «переходном состоянии» советского административного права, допускающем его существование лишь до окончания дифференциации советских правовых наук. Ликвидация этой дисциплины — вредительский акт.

«Нужно уметь», как говорил Ленин (т. XXVI, стр. 3[illegible]), «признать зло безболезненно, чтобы тверже повести борьбу с ним».

Д. НЕМЗЕР

К пересмотру законодательства об авторском праве[1]

Устарелость нашего законодательства об авторском праве не вызывает никаких сомнений. В этом отношении сходятся самые разнообразные суждения, проскользнувшие за последнее время как в нашей общей печати (статьи тт. Лежнева и Сементовского в «Правде» от 15 декабря и 29 декабря 1936 г.), так и в юридической прессе («Советская юстиция» № 1, 1937 г., ст. А. Голубенского «Автор и периодическая печать»; «Социалистическая законность» № 2, 1937 г., ст. А. Винавера «Об авторском праве»).

Авторы этих статей указывают на отжившие или недостаточно четкие положения в законодательстве, предлагая частично изменить или дополнить действующие законы об авторском праве.

Мысль же о коренном пересмотре всего советского законодательства об авторском праве даже не возникает, и создается такое впечатление, будто бы в общем у нас с авторским правом все обстоит благополучно, дефекты имеются лишь в мелочах. Плохо, говорят, главным образом то, что некоторые авторы имеют «незаслуженную ренту», как будто бы в советских условиях можно иметь заслуженную ренту. Указывают на то, что авторы периодики не ограждены в достаточной степени действующим законом от посягательств на их авторские права со стороны издателей. Говорят о неполноте закона о наследовании авторского права, об изменении нормы тиражей и оплаты авторов, о чрезмерных гонорарах авторов сценических произведений. Короче, ставится ряд вопросов производных, основной же вопрос о юридической природе советского авторского права и правильности его конструкции не затрагивается.

За время, отделяющее нас от издания законов об авторском праве, колоссально возросла экономическая и политическая мощь СССР.

Этим общим изменениям в положении СССР соответствуют особые изменения, происшедшие в издательском деле на основе исторического постановления ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. об издательской работе. Все издательское дело еще в конце 1931 г. было окончательно обобществлено, частные издательства ликвидированы, а издания авторов прекратились. ОГИЗ из универсального государственного издательства преобразовался в систему типизированных по родам литературы издательств. Из его системы выделились: Партиздат, ОНТИ, Гослитиздат, Детиздат, «Молодая Гвардия», Юриздат, Трансжелдориздат и Снабтехиздат. Сообразно с этим право автора распорядиться своим произведением, если оно не издается определенным издательством, превратилось в право, лишенное в значительной степени своего конкретного значения.

На основе решения ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций автор, творивший в тиши своего кабинета, превратился в активного и

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

сознательного участника социалистического строительства.

Но если мы поставим перед собой вопрос о том, какое отражение нашли все эти перемены в нашем законодательстве об авторском праве, то на этот вопрос, к сожалению, придется дать отрицательный ответ.

В самом деле, по ст. 7 «Основ авторского права» автору принадлежит исключительное право под своим именем, под условным именем (псевдонимом) или анонимно выпустить в свет свое произведение и в течение установленного в законе срока всеми дозволенными законом способами воспроизводить и распространять его, а равно извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из названного исключительного права. Короче, авторское право — это совокупность личных и имущественных прав, присвоенных автору как творцу произведения.

Если совершенно бесспорны и не вызывают сомнений личные права автора, к числу которых относятся: право выставить свое имя на произведении, дать название произведению, право на неприкосновенность содержания произведения (запрет для издательств и зрелищных предприятий вносить в него какие бы то ни было изменения без согласия автора) и право иллюстрировать свое произведение, то относительно имущественных прав автора приходится сказать, что в ходе развития социализма они подверглись весьма существенным изменениям. Издания авторов, не получившие у нас развития, уже с 1931 г. фактически прекратились. Уважающие себя авторы не занимались у нас сбытом своих собственных произведений.

Таким образом право промыслового использования автором своего произведения фактически у нас не существует, и упоминание в законе о праве воспроизводить и распространять свое произведение уже устарело. В этой связи интересно остановиться еще на одном положении ст. 7 «Об основах авторского права», предоставляющем автору извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из своего исключительного права.

Какие это выгоды? Понятие выгод, которые могут быть законным способом использованы автором, определяется ст. 19 «Основ», по которой убытки, причиненные автору, взыскиваются на основе положений, указанных гражданским законодательством союзных республик.

Ст. 10 закона РСФСР об авторском праве говорит о том, что убытки, причиненные нарушением авторского права, взыскиваются на основании главы 13 Кодекса. «Однако, — добавляет эта статья, — автору предоставляется право взамен убытков потребовать возмещения авторского гонорара».

Анализ этой статьи показывает, что убытки — понятие более широкое, нежели авторский гонорар, иначе не зачем было бы говорить об убытках. Совершенно очевидно, что в данном случае убытки понимаются не только как положительный ущерб в имуществе автора, но и как ускользнувшая выгода в соответствии со ст. 117 Гражданского кодекса. Конкретно это означает, что автор вправе потребовать в случае нарушения его авторского права не только уплаты ему авторского гонорара, но и той издательской и книготорговой прибыли, которые он мог бы получить от использования своего исключительного права.

Если обратиться, однако, к текущей практике, то мы увидим, что ей совершенно неизвестны иски авторов об убытках. Практически, в случае нарушения авторского права автор предъявляет иски исключительно об авторском гонораре, а если бы и нашелся такой автор, который предъявил бы иск об убытках, то можно быть заранее уверенным в том, что советский суд размер этих убытков автора определит в пределах соответствующих ставок авторского гонорара, принятых в данном издательстве.

Есть у нас еще одно положение, содержащееся в ст. 6 типового издательского договора, предоставляющее автору право взыскивать с издательства до 50% неустойки от просроченной издательством платежом суммы авторского гонорара, но и это положение на практике сводится обычно к нулю, так как, очевидно, наши суды считают неустойку такой категорией, которая совершенно неуместна во взаимоотношениях, возникающих между издательством и автором.

Итак, мы можем сказать, что из всех имущественных выгод, присвоенных автору по закону об авторском праве, автору принадлежит только право на получение авторского гонорара. Но было бы неправильно отсюда делать вывод о том, что авторское право содержит в себе только элементы гражданских правовых отношений, регулируемых исключительно Гражданским кодексом. Если мы обратимся к вводному закону о введении в действие основ авторского права, то увидим, что на основании пп. «б» и «в» ст. 3 этого закона авторский гонорар при взыскании приравнивается к зарплате, а при обращении взыскания на авторский гонорар применяются те самые ограничения, которые установлены при наложении ареста на зарплату.

Далее по ст. 26 закона РСФСР об авторском праве признаются недействительными всякие условия, ухудшающие положение автора против типового издательского договора. В этих случаях взаимоотношения автора с издательством должны быть рассмотрены на основании типового издательского договора. Это положение представляет собой заимствование из нашего Кодекса законов о труде, признающего недействительными всякие условия, ухудшающие положение трудящихся против норм коллективного договора или законодательства о труде. Наряду с этим законом от 20 октября 1928 г. установлены минимальные ставки на произведения художественной литературы, что соответствует понятию государственного минимума зарплаты, содержащемуся в Кодексе законов о труде. Если также учесть, что иски об авторском гонораре освобождены от взыскания пошлин, а решения судов о взыскании авторского гонорара подлежат немедленному исполнению, то станет ясно, как сильно насыщено наше законодательство об авторском праве положениями, заимствованными из трудового законодательства. Наконец, необходимо указать на то, что постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 ноября 1930 г. введено в действие положение о социальном обеспечении писателей и работников изобразительных искусств, а в

1934 г. утверждено положение о литфонде. Тем самым признается, что авторы как активные участники социалистического строительства приравниваются в правах к трудящимся в случае утраты трудоспособности.

При таких условиях остается непонятным, каким образом наше авторское право трактуется как право исключительное. Ведь нельзя забывать того, что по ст. 20 «Основ авторского права» и ст. 13 закона РСФСР об авторском праве любое произведение науки, искусства и литературы может быть национализировано правительством Союза ССР или правительствами союзных республик. Ряд ограничений авторского права, указанных в ст. 9 «Основ» (в отношении свободы переводов, свободы публичного исполнения отпечатанных произведений и т. п.), право переиздания произведений, выпуск которых запрещен автором, с разрешения наркомпроса и, наконец, концентрация всего издательского дела в руках обобществленного сектора сводят исключительное право автора в конце-концов к предоставлению права на первую репродукцию, постановку или экспозицию произведения.

В итоге можно придти к тому выводу, что наше авторское право с точки зрения теоретической складывается из трех элементов: норм Гражданского кодекса, трудового законодательства и монополии — привилегии в виде исключительности авторского права. Подобный характер последнего не обеспечивает твердую и единообразную судебную практику. Правильность этой мысли легко продемонстрировать на обычных случаях судебной практики по вопросам о значении сроков, об авторском гонораре и неустойках, обусловливаемых издательским договором.

Если исходить из того, что нормы советского авторского права являются нормами Гражданского кодекса, то надо прямо сказать, что пропуск сроков дает основание считать нарушенным издательский договор со всеми вытекающими отсюда последствиями, и поэтому в том случае, если автор пропустил срок представления рукописи, договор расторгается, а издательство, бесспорно, вправе потребовать возврата аванса, выданного по издательскому договору. Точно так же, в случае пропуска издательством сроков, установленных на просмотр рукописи, рукопись считается издательством принятой (одобренной), причем издательство обязано уплатить автору полностью весь обусловленный договором гонорар. Но совершенно иное решение получают те же самые вопросы с точки зрения трудового законодательства. Если автор пропустил срок представления рукописи, сохраняющей свое актуальное значение и после срока, намеченного договором, то, несомненно, авторский гонорар будет автору присужден. Точно так же советский суд, невзирая на пропуск издательством сроков для одобрения рукописи, заинтересуется ее качеством. Само собой разумеется, что если рукопись будет признана авторитетной экспертизой неудовлетворительной, то в иске автору будет отказано.

Остановимся несколько на вопросе о неустойках. Неустойка является институтом Гражданского кодекса, но отнюдь не нормой трудового законодательства. Если считать, что наше авторское право является нормой Гражданского кодекса, то естественно, что на основании ст. 6 типового издательского договора в случае просрочки со стороны издательства в уплате обусловленного договором гонорара суды должны присуждать с издательства неустойку в пользу автора в пределах до 50% просроченного платежа. Иное решение должно быть принято в иске о неустойках, исходя из того, что понятие о неустойке чуждо советскому трудовому законодательству. На этих примерах с исчерпывающей ясностью устанавливается то бесспорное положение, что без твердого и ясного представления о природе авторского права не может быть единообразной судебной практики, не может быть и твердой, устойчивой практики и в издательском деле. Казалось бы, что при этих условиях вопросы теории советского авторского права должны были бы привлечь к себе внимание наших правовых работников. К сожалению, это до сих пор не наблюдается. В вышедшей недавно книге Рубинштейна «Советское хозяйственное право» авторское право трактуется по-прежнему как право исключительное. Та же ошибка повторяется и в книге Винавера об авторском праве на литературные произведения (1935 г.). Все это свидетельствует о том, что к вопросам теории авторского права наши правовые работники относятся до сих пор крайне пренебрежительно, а сама теория советского авторского права остается в загоне.

Задача законодательства об авторском праве состоит в стимулировании авторского творчества. Это стимулирование должно итти по двум направлениям: со стороны политической и экономической. Автор давно уже у нас стал активным участником социалистического строительства. Знаменитые наши писатели Максим Горький, Серафимович, Островский и другие награждены орденом Ленина. Многим авторам научных произведений присвоены почетные звания. Местные советы предоставляют авторам в пожизненное пользование дома и дачи, премируют авторов автомашинами. Наиболее популярные произведения распространяются массовыми тиражами.

Где и в какой другой стране созданы такие благоприятные условия для развития творчества, как в СССР? Где еще пользуется таким почетом и поощрением писатель, научный деятель, художник, композитор и архитектор?

Где и когда оказывались такая исключительная забота и внимание к писателю, какие проявлены были к автору незабываемого романа «Как закалялась сталь», безвременно погибшему Островскому? Можно ли забыть торжественное заседание Сочинского городского совета, посвященное награждению Островского орденом Ленина и транслировавшееся на дачу, где лежал прикованный к постели писатель?

Нужно ли доказывать, что у нас созданы наилучшие политические условия для стимулирования авторского творчества.

Именно поэтому основным стержнем при построении теории советского авторского права должно быть признание и охрана личных прав автора, объемлемых понятием авторства. И тут надо прямо сказать, что бесцеремонность издательств, редакторы которых зачастую забывают о неприкосновенности содержания произведения, должна быть пресечена

самым решительным образом. Личные права автора — право автора выставить свое имя на произведении, дать ему название или заголовок, право на неприкосновенность содержания произведения (т. е. запрет вносить какие бы то ни было изменения без согласия автора издательскими и зрелищными предприятиями) и право на иллюстрирование произведения — являются важнейшими правами автора. Редактор или издательство не вправе подменять своими мыслями мысль автора без его согласия. Именно потому, что содержание личных прав автора еще недостаточно широко известно, представляется необходимым, во-первых, изменить содержание ст. 2 закона РСФСР об авторском праве, защищающей неимущественные интересы авторов, и, во-вторых, ввести усиленную защиту личных прав автора со стороны уголовного закона. Ст. 11 закона РСФСР говорит о том, что автор вправе потребовать в случае нарушения его авторского права совершения определенных действий, причем перечень этих действий в законе не содержится. Этот пробел в законе является большим упущением. В ст. 11 закона РСФСР необходимо указать примерный перечень тех действий, которые вправе потребовать автор в случае нарушения его личных прав. Среди этих действий назовем: право автора потребовать разбора набора, прекращения печати, выпуска в свет или распространения такого нового произведения, на распространение и репродукцию которого автор своего согласия не давал; право автора потребовать от издательства исправлений в тех случаях, когда неправильно указано или искажено его имя, название произведения, содержание произведения или произведено иллюстрирование произведения без согласия автора. Само собой разумеется, что при сосредоточении издательского дела в руках обобществленного сектора требования автора о запрещении выпуска в свет издания могут иметь место лишь в отношении новых произведений, впервые выходящих в свет. В отношении же повторных изданий следует считать оставшимися в силе положения, указанные в § 6 типового издательского договора, т. е. в случае отказа автора дать разрешение на переиздание его произведения таковое может быть выпущено в свет с разрешения соответствующего наркомата. С этой точки зрения представляется правильным сказать, что контрафакция (самовольное переиздание) в наших условиях утрачивает свой криминальный характер, поскольку этой контрафакцией не нарушены личные права автора. В отношении плагиата, т. е. литературной кражи, следует считать необходимым применение более жестких репрессий, нежели те, какие имеются в ст. 177 Уголовного кодекса. Поэтому нам представлялось бы правильным декларировать в новом законе об авторском праве следующее положение: «Всякое новое произведение науки, искусства и литературы может быть впервые репродуцировано, поставлено или экспонировано не иначе, как с письменного согласия автора. За право первого, а равно и последующих изданий, репродукций, постановок и экспозиций соответствующие организации выплачивают автору вознаграждение, установленное законом или договором».

При таких условиях, когда личные права автора будут в достаточной степени признаны и охранены законом об авторском праве и Уголовным кодексом, можно будет считать основную задачу советского авторского права разрешенной.

Обращаясь к вопросу о защите авторских прав со стороны уголовного закона, надо признать, что ст. 177 в существующем виде является далеко недостаточной, ибо штраф до 1000 руб. или же принудработы до 3 месяцев далеко не обеспечивают надлежащей охраны авторских прав. Всякий нарушитель авторских прав должен знать, что труд автора почетен и что всякая хлестаковщина встретит самый суровый отпор со стороны закона; санкцию по ст. 177 УК следовало бы увеличить до 3 лет лишения свободы.

Вопросы материального положения автора и оплаты авторского труда приобретают огромное значение при пересмотре норм советского законодательства об авторском праве. Закон от 20 ноября 1928 г. о минимальных ставках авторского гонорара на литературные произведения и о предельных нормах тиражей нормировал оплату авторского труда лишь в отношении произведений художественной литературы, критики и библиографии, оставляя совершенно неразрешенным вопрос об оплате других произведений (например, научных). Этот пробел необходимо заполнить.

Кроме того, необходимо пересмотреть в сторону повышения ставки авторского гонорара, одновременно увеличив расчетные нормы тиражей.

Авторский гонорар должен стать оплатой за доброкачественный труд.

Важнейшим документом, определяющим взаимоотношения автора с издательством, является типовой издательский договор. Не говоря о крайне неудачной стилистической форме этого документа, он имеет еще ряд других недостатков, подлежащих устранению. Прежде всего нужно устранить объединение в одном договоре двух видов взаимоотношений издательств с авторами — договоров на готовую рукопись и договоров литературного заказа. Сообразно с этим следует типовой издательский договор расчленить на два совершенно самостоятельных договора — договор литературного заказа и договор издательский в собственном смысле этого слова, т. е. договор на готовое произведение. Представляется ненормальным существующий порядок расчетов между автором и издательством. Как известно, по ст. 4 типового издательского договора с автором совершается окончательный расчет после подписания им последних листов к печати или же, при отсутствии авторской корректуры, после того, как листы издания окончательно сверстаны. Но к этому времени обычно неизвестны ни точный объем издания, ни размеры и стоимость авторской правки. Поэтому, как правило, стоимость авторской правки устанавливается издательством уже после того, как с автором покончены все расчеты. При этих условиях право издательства произвести удержание с автора стоимости излишней авторской правки и убытков превращено в фикцию. Именно поэтому представляется необходимым отодвинуть момент окончательного расчета с автором до истече-

ния 10-дневного срока с момента разрешения органами Главлита выпуска в свет издания, т. к. к этому времени издательство имеет уже от типографии точные данные об объеме издания и стоимости авторской правки. Необходимо также устранить разрыв, существующий между типовым издательским договором и нормами Полиграфкомитета ВСНХ от 1 октября 1931 г. в отношении сроков держания авторской корректуры. Как известно, в типовом издательском договоре срок держания авторской корректуры установлен в один день на каждый лист, а для научных изданий—два дня на каждый лист, тогда как по графику ВСНХ сроки эти в 2 или 3 раза короче. А так как за простой авторских корректур издательство платит как за задержку металла усиленные санкции в размере 1% в день за первые пять дней и по 5% в день за вторые 10 дней от стоимости набора, то издательство, как правило, оплачивает набор благодаря простою не меньше чем в полуторакратном размере.

Из ст. 6 надлежит исключить указание о взыскании с издательств неустойки за просрочку в уплате авторского гонорара.

В целях стимулирования авторского творчества и улучшения качества рукописей представлялось бы желательным и необходимым дополнить издательский договор особой статьей о премировании.

Надо прямо признать ненормальным такое положение, когда лучшие произведения не находят лучшей оценки со стороны издательства, ограничивающего свои обязательства перед автором только уплатой обусловленного гонорара.

Пора, давно пора, чтобы издательства учредили премии имени выдающихся писателей, ученых и художников за лучшие произведения. Было бы рационально, чтобы Гослитиздат ежегодно премировал лучшие произведения премиями имени А. С. Пушкина, А. М. Горького и Ромэна Роллана, Изогиз — премией имени Репина, Химиздат — имени Менделеева, Сельхозгиз — имени акад. Тимирязева и т. д.

Наряду с премиями за лучшие произведения следовало бы установить премии и за другие показатели: срочность, краткость и ясность формулировок, наличие определенного количества положительных рецензий, сокращение объема рукописи против договорного при исчерпывающей разработке порученного автору задания.

Положения о премиях, учрежденных в издательствах, должны получить широкую огласку. На издательских договорах было бы желательно указывать, что рукопись будет участвовать в конкурсе на присуждение определенной премии.

Введение такой практики послужит добавочным стимулом к развитию у нас творчества в области науки, искусства и литературы.

Нам необходимо теорию советского авторского права пересмотреть заново исходя из Сталинской Конституции и практики социалистического строительства. Теория исключительности авторского права должна быть решительно отброшена.

Мы должны создать социалистическое авторское право, построенное на принципе трудовом, а отнюдь не на рентном основании.

М. А. АЛЬПЕРИН и А. Г. БУЛОХОВ

Бухгалтерская экспертиза и ревизия

До последнего времени ни судебно-следственные работники, ни бухгалтера-эксперты не проводили четкого разграничения между экспертизой и ревизией, причем и сейчас еще для многих этот вопрос остался неясным. В 1935 году Институт уголовной политики при Прокуратуре и Верховном суде СССР впервые поставил вопрос о разграничении экспертиз и ревизий. В изданной Институтом брошюре (методическом письме) «Организация и проведение судебно-бухгалтерской экспертизы» (изд. 1935 г.) сказано, что «судебно-бухгалтерская экспертиза требуется лишь в тех случаях, когда имеющийся по делу материал не может быть правильно оценен без участия специалиста-бухгалтера. На практике же очень часто к назначению экспертизы прибегают при недостаточности собранного материала не для оценки имеющихся данных, а для собирания новых данных. Получается, таким образом, смешение экспертизы и ревизии».

В другом месте авторы методического письма говорят следующее: «Правда, почти невозможно совершенно очистить экспертизу от ревизионных функций, так как при недостаточности переданного эксперту материала эксперт должен не только указать следователю, какого материала недостает, но и принять активное участие в собирании этого материала».

Таким образом, авторы названного письма, признавая необходимым участие эксперта в собирании недостающих материалов, относят прежде всего эту работу к обязанностям ревизора и в этом видят невозможность очистить экспертизу от ревизорских функций.

Мы не можем согласиться полностью с такой постановкой вопроса: по нашему мнению, нужно уточнить понятие «недостающие материалы». В качестве примера возьмем такой случай из области технической экспертизы.

В следственном деле имеется акт технической комиссии, составленный по случаю взрыва котла, повлекшего за собой человеческие жертвы. Причины взрыва в акте изложены неясно; следователь как не специалист оценить сам этот акт не может и передает его эксперту. Спрашивается, может ли эксперт дать оценку предъявленному акту на основании самого акта путем его исследования в камере следователя? Нет, конечно, не может. Он отправится на место аварии, займется исследованием и собиранием материалов, необходимых ему для выявления причин аварии. Никто не станет утверждать, что инженер, производящий обследование на месте и собирающий дополнительные материалы по данному делу, производит ревизию.

Бухгалтер-эксперт, которому предложено дать оценку баланса, не может ограничиться самим балансом. Он вынужден или затребовать дополнительные материалы, необходимые ему для оценки, или же отыскивать эти материалы на месте. Исследование и собирание материалов на месте в данном случае нельзя рассматривать как ревизионную функцию, не входящую в обязанности эксперта.

Для того чтобы правильно понять содержание экспертизы и ревизии, нужно четко определить цели и задачи каждого из этих видов исследования.

СНК СССР в своем постановлении от 15 апреля 1936 г. о внутриведомственном финансовом контроле и документальной ревизии определяет задачи последней следующим образом:

а) проверка законности операций и соблюдения финансовой и сметной дисциплины;

б) борьба с расхищением социалистической собственности, выявление случаев хищения и незаконного расходования средств и материалов;

в) проверка правильности постановки бухгалтерского учета, доброкачественности документов, оформляющих отдельные операции, и правильности бухгалтерских записей;

г) проверка правильности материального учета складского хозяйства.

Документальная ревизия, таким образом, ставит перед собой задачу выявления по документам и по данным учета совершенных злоупотреблений, хищений и нарушений сметной, финансовой и плановой дисциплины.

Ревизор начинает с неизвестного. Он по возможности должен вскрыть все нарушения и злоупотребления, если они имели место.

Иногда у ревизора имеются сведения о фактах тех или иных нарушений, хищений и растрат, но эти сведения неполны. Для проверки этих фактов и выявления новых назначается ревизия. Ревизор вскрывает и оценивает. Эксперт, как правило, оценивает и вскрывает попутные факты.

Возьмем несколько примеров из практики.

1-й пример. Назначается ревизия или переучет магазина; ревизор еще не знает, к каким результатам он придет, он должен проверить всю деятельность магазина и материально ответственных лиц;

2-й пример. Кладовщик попался на рынке с краденым материалом; факт хищения налицо, но размер хищения неизвестен, для установления какового назначается ревизия склада.

3-й пример. У подотчетного агента случайно обнаружен подложный счет; возникает сомнение и необходимость в проверке всех его отчетов; для этой цели назначается ревизия.

Бухгалтер-эксперт, как правило, не выявляет новых фактов, эти факты выявлены до него. Эксперт, как правило, не ищет сомнительные документы, — они ему даются на проверку и оценку. Проверку этих фактов и документов он ограничивает исследованиями данных учета и отчетности и дает им оценку с точки зрения бухгалтерского учета и на основании данных учета. Эксперт не проверяет ценностей в натуре, а руководствуется имеющимися документами.

Из приведенного вытекает, что ревизия и экспертиза отличаются друг от друга не тем, что ревизор собирает материалы, а эксперт их не должен собирать, а своими задачами.

Далее, нельзя смешивать событие преступления и бухгалтерские материалы, относящиеся к нему, в одну кучу. В данном случае под событием преступления мы понимаем недостачу, растрату, хищение, перерасход и т. д., под материалами в судебно-бухгалтерской экспертизе мы понимаем бухгалтерские документы, книги, карточки, отчеты, акты ревизоров и т. п.

Выявление события преступления, как правило, есть цель и задача ревизии, тогда как экспертиза, как правило, имеет дело с готовыми фактами и лишь дает им свою оценку.

Бухгалтерские материалы есть средство для ревизии, средство для выявления события преступления. Те же материалы служат эксперту средством — базой для его анализа и источником для его заключения.

Функцию бухгалтерской экспертизы нельзя сводить только к оценке собранных в деле документов как таковых: это — не конечная ее цель.

Уголовно-процессуальный кодекс не дает нам прямых указаний, как должны собираться и представляться эксперту материалы. Однако из текста ст. 64 УПК и из примечания к ст. 171 УПК РСФСР можно сделать вывод, что материал для эксперта собирается следователем, а не экспертом.

Ст. 64 УПК гласит: «Лицо, вызываемое в качестве эксперта, обязано явиться и участвовать в осмотрах и освидетельствованиях и давать заключения». В примечании же к ст. 171 УПК сказано: «Если эксперт находит, что представленные ему следователем материалы недостаточны для дачи заключения, он составляет акт о невозможности дать заключение».

Более четкие указания на этот счет имеются в циркуляре Прокурора Союза ССР от 7 октября 1936 г. № 61/19.

Там сказано:

что эксперты направляются для дачи заключения на основе имеющихся у следователей материалов;

что эксперт-бухгалтер, как и всякий эксперт, не обязан и не имеет права самостоятельно добывать новые, отсутствовавшие у следователя материалы;

что в отдельных случаях, когда работа, необходимая для восполнения имеющихся материалов, является несложной и незначительной по объему, эксперт может, не составляя акта, истребовать (через следователя) от хозорганизации нужный материал для приобщения к делу и дачи заключения;

что следователь обязан оказывать полное содействие эксперту в его работе путем истребования необходимых для дачи заключения документов, путем осмотров в присутствии эксперта и выемки по его указанию нужных материалов, путем вызова обвиняемых и свидетелей для дачи следователю показаний по предложенным экспертом вопросам.

Циркуляр Прокурора Союза ССР хотя вскользь и говорит об осмотре в присутствии эксперта, все же оставляет неясным вопрос о месте работы эксперта, о его активной роли в исследовании материала. По смыслу циркуляра эксперт должен давать заключение по

имеющемуся в деле материалу, который может быть дополнен путем истребования, осмотра и выемки и приобщен к делу.

Активная роль бухгалтера-эксперта ограничивается указанием следователю на недостающие материалы — и только.

Более определенно о месте производства экспертизы говорит Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. Согласно ст. 159 ГПК, «Экспертиза производится в суде или вне суда, если это необходимо по характеру исследования или в силу затруднительности доставить предмет исследования в суд».

Из практики мы знаем, что в большинстве случаев не только бухгалтерская экспертиза, но и другие экспертизы производятся вне суда, вне камеры следователя как по гражданским, так и по уголовным делам.

Например: на стройплощадке произошел обвал здания по причине плохого грунта и недостаточного углубления котлована. В деле до назначения экспертизы у следователя, кроме акта, удостоверяющего факт обвала, и ссылки на плохой грунт, ничего нет; сам он как неспециалист проверить этот факт не может, приглашает экспертов — инженера-гидролога или инженера-строителя.

Приглашенный эксперт не может дать заключение по акту путем его исследования, не может поставить перед следователем также вопроса о «приобщении» стройплощадки к делу. Произведя исследование на месте, эксперт добывает новые материалы, берет образцы, производит анализ грунта и уже на основании добытых им данных дает свое заключение.

Никто, конечно, не подумает возложить сбор подобного рода материалов на следователя.

В таком же положении находится и бухгалтерская экспертиза.

К следователю поступили акт ревизии и баланс, из которых усматриваются крупные убытки. Для оценки баланса и акта ревизии вызван бухгалтер-эксперт. Спрашивается, может ли бухгалтер-эксперт на основании этих двух документов дать правильную оценку этим же документам? Если он не захочет допустить ошибку, он, конечно, не рискнет дать своего заключения, не произведя исследования ряда других материалов. Для проверки реальности баланса иногда приходится заниматься исследованием ряда приложений, записей на карточках и в книгах, а иногда и первичных документов.

Может ли следователь знать, какие материалы в данном случае понадобятся? Конечно, нет. Иначе он, по всей вероятности, не нуждался бы в экспертизе.

Можно ли все эти материалы изъять и доставить в камеру следователя или суда? Фактически — да, но практически это не всегда целесообразно и возможно, так как это привело бы к срыву нормальной работы учреждения или предприятия.

Какой выход из этого положения? Такой же, как и в других экспертизах, т. е. осмотр и исследование материалов на месте.

Значит нельзя понимать примечание к ст. 171 УПК в том узком смысле, что раз в деле нет всех нужных эксперту материалов и что их нельзя истребовать и приобщить к делу,— эксперт может отказаться от дачи заключения. Это был бы сугубо формальный подход, ни в коей мере не отвечающий задачам судебно-следственных органов.

Авторы учебника «Криминалистика» правильно ставят вопрос, когда говорят, что «роль экспертов не ограничивается сообщением следователю или суду своих специальных знаний, а заключается в активном применении этих знаний к собиранию, обработке и оценке доказательственного материала» (разрядка наша. — Авторы).

Активность эксперта в собирании материалов мы представляем себе в том смысле, что он под контролем следователя самостоятельно должен заниматься собиранием доказательств. Эксперт призван освещать частные вопросы в деле, требующие специальных знаний; постановка этих вопросов и представление объекта для исследований эксперта остаются за следователем и судом.

Но эксперт не может и не должен ограничиться простым созерцанием и сообщением голых, ничем не подтвержденных мнений и выводов; он должен собрать и обработать материалы для подтверждения своих выводов. Собирание этих материалов эксперт производит под контролем следователя или суда путем осмотров и выемок. Выемки производятся следователем при участии эксперта. Только в этом понимании роль эксперта отличается от роли следователя и суда в части собирания материалов.

Как ревизия, так и экспертиза производят исследование и осмотр материалов на месте, но границы исследования и осмотра при ревизии значительно шире, чем при экспертизе.

Если ревизор не ограничивается в своих действиях уже выявленными фактами, а старается эти факты дополнить, выявить новые моменты злоупотреблений и хищений и т. п., то эксперт свое исследование, как правило, ограничивает выявленными до него фактами и направляет его по линии собирания материалов для более правильной оценки этих фактов.

При таком понимании задач экспертизы и ревизии нет оснований опасаться, что осмотр документов на месте превратится в ревизию.

Результаты осмотра и исследования документов на месте наши эксперты обычно излагают прямо в своем заключении, причем кроме эксперта никто заключения не подписывает.

Такая практика противоречит закону. Ст. 192 УПК РСФСР ясно говорит, что осмотр на месте производится следователем с участием эксперта и что о результатах осмотра составляется протокол.

В условиях работы бухгалтерской экспертизы практически трудно требовать от следователя постоянного присутствия при работе эксперта, но это вовсе не значит, что следователь не должен интересоваться работой эксперта; последний должен работать под контролем следователя, а результаты его осмотра и исследований на месте должны оформляться протоколом за подписью следователя и всех присутствовавших при осмотре лиц (обвиняемых, представителя потерпевшей организации, понятых). Ценность такого акта осмотра, подписанного рядом лиц, удостоверяющих фактическое положение, выявленное на

месте, будет безусловно выше акта, подписанного одним экспертом.

При соблюдении этих правил в значительной степени отпадает разговор о необходимости приобщения всех осмотренных экспертом материалов к делу. Приобщаться будут только такие материалы, которые являются уликами в преступлениях обвиняемых, например: подложные, сомнительные и тому подобные документы, карточки с искаженными записями, подложные отчетные ведомости и др.

Практика приводит нас к выводу, что в судебно-следственных делах следует различать два вида материалов для экспертизы:

1) материалы основные, свидетельствующие о выявленных фактах, требующих экспертной оценки, и

2) материалы дополнительные, необходимые для оценки первого материала.

Первые материалы безусловно должен собирать следователь или суд; вторые собирает эксперт при содействии следователя или суда.

Заканчивая рассмотрение вопроса о соотношении между судебно-бухгалтерской экспертизой и ревизией, считаем необходимым остановиться на определении задач бухгалтерской экспертизы, которое дает В. Л. Громов.

«При бухгалтерской экспертизе приглашенный эксперт-бухгалтер, или опытный счетовод, на основании изучения книг и документов хозяйственного предприятия или учреждения, проверки операций и цифровых данных, рассмотрения смет и балансов дает заключение и определяет порядок и степень правильности или неправильности ведения предприятием кассового дела, счетоводства и финансовой отчетности, выясняет правильность составленных приходо-расходных статей и балансов и делает выводы о прибыльности или убыточности предприятий, исчисляет суммы убытков причиненных теми или иными операциями, производя иногда проверку, учет и переучет по документам материальных ценностей хозоргана, учреждения или организации» [1].

Определение Громова интересно с точки зрения объема и характера бухгалтерской экспертизы. Он имеет в виду широкое использование экспертом книг и документов предприятия, проверку отдельных операций и всей хозяйственной деятельности в части финансовых результатов по данным плана, смет и отчета, оценку текущего учета и отчетности. Но наряду с этим Громов в своем определении дает неправильное направление в работе эксперта, когда он говорит об исчислении убытков «причиненных теми или другими операциями».

По делам должностных и хозяйственных преступлений в задачу следствия и суда входит выявление убытков, причиненных не операциями, а живыми людьми.

В этой части бухгалтерская экспертиза очень часто оказывается единственным средством к выявлению и распределению убытков и недостач по лицам.

Нечетко определяя задачи судебно-бухгалтерской экспертизы, Громов по существу не видит разницы между экспертизой и ревизией.

Необходимо также отметить, что в то время как одни авторы (Рудановский) выступают против всякой активности эксперта, сводя его роль к бесстрастной констатации уже установленных фактов, другие (Борьян, Ласкин, Рубинштейн) высказываются за расширение этой активности вплоть до ревизорских функций.

Резюмируя все вышеизложенное, мы можем определить судебно-бухгалтерскую экспертизу следующим образом.

1. Судебно-бухгалтерская экспертиза есть особый вид доказательства, представляющий результат исследования и разъяснение частного вопроса в судебном деле, требующего специальных знаний в области бухгалтерского учета.

2. Свое исследование и разъяснение судебно-бухгалтерская экспертиза ограничивает, с одной стороны, поставленными перед ней вопросами, с другой — данными бухгалтерского учета.

В этом определении мы имеем границы судебно-бухгалтерской экспертизы, которые определяются, с одной стороны, вопросами поставленными судом и следствием, с другой — материалами бухгалтерского учета.

Что понимать под данными бухгалтерского учета?

Не только книги, карточки, ведомости, отчеты и т. п., но и все материалы, которыми бухгалтерский учет оперирует, т. е. документы: денежные, материальные, сделки, договоры, сметы, планы и т. п.

Сюда не должны входить: 1) статистический учет и та материальная база, на которой он зиждется; 2) оперативный учет и те разрозненные материалы, на которых он строится; 3) все прочие документы, не имеющие никакого отношения к бухгалтерскому учету.

Если иногда бухгалтер-эксперт и пользуется для своего анализа данными статистики или оперативного учета, то эти данные во всяком случае не могут ложиться в основу бесспорных выводов его экспертизы.

3. Ограничивая, как правило, свое исследование материалами, собранными в деле, и поставленными вопросами, судебный бухгалтер-эксперт не должен формально подходить к своим обязанностям, он должен проявлять активность для достижения более правильной и объективной истины при решении вопроса.

Активность эксперта-бухгалтера должна выражаться:

а) в оказании помощи суду и следствию, в собирании недостающих по делу материалов путем истребования или осмотра таковых на месте;

б) в освещении новых обстоятельств и фактов дела, если таковые в процессе экспертизы попутно вскрываются;

в) в углубленном исследовании материалов и фактов, направленном на максимальное раскрытие истины, причин и условий, способствующих возникновению того или иного преступления.

[1] В. Л. Громов, Предварительное расследование в советском уголовном процессе, под ред. Крыленко, 1935 г., стр. 127.

Л. ЕВЗЕРИХИН

Судья не на месте

(Из записной книжки адвоката)

Да, это кажется невероятным.

Но — увы — это факт! И факт, о котором, мне кажется, есть смысл поведать широкому кругу читателей «Социалистической законности».

Так вот.

Руководящие органы советской юстиции — Прокуратура Союза, Верховный суд СССР — в своих директивных указаниях твердят о «строжайшем соблюдении уголовно-процессуальных норм», о недопустимости упрощенства в нашем советском судебном процессе, о серьезном учете важной роли защитника в процессе, о насаждении принципов объективного предварительного следствия.

115 статья Сталинской Конституции со свойственной ей выразительной лаконичностью требует «обеспечения обвиняемому права на защиту» в суде.

Сталинская Конституция, пролетарская демократия должны были найти и нашли свое отражение в советском судебном процессе.

А в это время...

В шестидесяти километрах от Москвы, в народном суде Павлово-Посадского района, под председательством самого старшего судьи района Гусева следующим образом разбирается дело девятнадцатилетней колхозницы Зориной...

Но раньше, чем попытаться воспроизвести на страницах журнала бледное описание того яркого художественно-процессуального оформления судебного разбирательства по делу Зориной под руководством заслуженного деятеля самодурства и беззакония Гусева, совершенно необходимо, — хотя это и может показаться «сухим» отступлением от темы, — привести краткое изложение сущности дела Зориной.

Зорина — «закоренелая рецидивистка» в возрасте 19 лет, никогда не судившаяся, колхозница, из семьи рабочего-колхозника. С января по сентябрь 1936 года она работала кассиршей в Рахмановском промколхозе Павлово-Посадского района.

У нее обнаружена недостача по кассе в сумме 4083 руб.

Будучи заключена следователем под стражу, она просидела «законный» для районных следственных властей месяц, просидела и второй месяц, уже противозаконно, т. е. без продления срока содержания ее под стражей Московской областной прокуратурой (об этом имеется суровый запрос областной прокуратуры, оставленный, однако, следователем Сергеевым, очевидно, по перегруженности работой, без всякого ответа!).

И в своих неоднократных показаниях на предварительном следствии, и в судебном заседании 2 марта 1937 г. Зорина давала одни и те же показания. 19-летняя колхозница-кассирша не отрицала арифметической правильности выведенной суммы недостачи.

Однако преступница столь же четко утверждала, что ни одного рубля она из этих колхозных денег не растрачивала.

Зорина уверяла, что причина недостачи по кассе кроется в систематическом изъятии денег из кассы председателем колхоза Сидоровым Андреем Федоровичем. Председатель колхоза, — объясняла Зорина, — частенько брал у нее деньги из кассы, без всякого оформления через бухгалтерию, иногда давал ей расписки, а частенько не давал расписок. Суммы брал немалые — от 1000 до 10 000 рублей. Брал у нее предъявительские чеки для получения по ним в Госбанке, причем предпочитал, чтобы в чековой книжке в получении этих чеков расписывался не он, председатель колхоза, а она, кассирша Зорина. Расчеты с ней растягивал на месяц—два, систематически запутывая их такими приемами. В результате — недостача 4083 руб.

Но, может быть, это обычное измышление, пусть даже неискушенного, но все же стремящегося уклониться от ответственности преступника?

Нет, не только показаниями Зориной, но и показаниями ряда свидетелей, допрошенных на предварительном следствии, устанавливается, что председатель колхоза Сидоров Андрей жил этот год не по средствам, покупал себе и многочисленной семье (будучи единственным работником в семье) дорогие вещи. Несколько свидетелей и среди них командир Красной армии Забалуев, гостивший в отпуску в родном колхозе, и председатель сельсовета Седов, устанавливают, что председатель колхоза Сидоров систематически пьянствует, а кстати, как вместе с ним, так и в изоляции от него, столь же упорно пьет и славится своими дебошами по всей деревне бухгалтер колхоза Козловский. А наряду со строжайшим контролем пьянствующего главбуха Козловского над успешно соревнующимся с ним председателем колхоза Сидоровым — не менее суровый и нелицеприятный контроль над финансовой деятельностью председателя колхоза Сидорова осуществляет... родной его брат (Сидоров Василий)...

В день проработки в колхозе на собрании Сталинской Конституции председатель колхоза также был пьян.

Зорина не голословна и по вопросу о деньгах. Факты незаконного изъятия председателем колхоза Сидоровым из кассы у Зориной различных сумм без ведома бухгалтерии и вопреки запрещениям ревизионной комиссии колхоза находят себе объективное подтверждение в акте ревизии кассы колхоза, в акте судебно-бухгалтерской экспертизы. Последний акт к тому же отмечает получение председателем колхоза крупных сумм по командировкам, ничем не подтвержденным. Есть в деле и до очевидности фиктивные счета, представленные тем же председателем колхоза, предусмотрительно «нарисованные» печатными буквами. На крайнюю подозрительность этих счетов обращает особое внимание следственных органов бухгалтерская экспертиза. Но следователь не догадывается сделать попытку установить реальность лиц, от имени которых

выданы расписки. Зато следователь направляет для производства каллиграфической экспертизы этот негодный для экспертирования материал (печатные буквы)...

Жалобы на беспробудное пьянство, на недопустимое администрирование председателя колхоза Сидорова доходили до президиума райкома, до секретаря райкома («В колхозе явная пьянка... люди каждый день ненормальны — пьяны».).

В райкоме ВКП(б) на жалобе командира Красной армии Забалуева появляется справедливая в своей суровости и недоумении резолюция: «Почему до сих пор не привлечен к ответственности Сидоров — председатель колхоза? Потребовать от прокурора срочного расследования всех этих дел».

Дана санкция и Мособлпрокуратурой на возбуждение уголовного дела против Сидорова.

Уголовное дело против Сидорова и главного бухгалтера Козловского (что в колхозе брат председателя колхоза Сидоров Василий работает бухгалтером — это у следователя не вызывает ни удивления, ни интереса), наконец, возбуждается... и без особой волокиты прекращается «по нецелесообразности», хотя в постановлении следователя Сергеева о прекращении весьма убедительно формулируются шесть пунктов обвинения в отношении председателя колхоза Сидорова и бухгалтера Козловского. Впрочем, в этом постановлении весьма дипломатично обходится молчанием вопрос о систематическом пьянстве Сидорова и Козловского, об их широком образе жизни, несовместимом с трудовым заработком. Зато в обвинительном заключении торжествующе подчеркивается, что виновность девятнадцатилетней Зориной в растрате 4083 рублей с абсолютнейшей бесспорностью устанавливается тем, что она ежедневно завтракала на работе, купила себе пальто за 200 рублей (ее оклад — 180 руб.) и два платья (компетентные свидетельницы определяют их стоимость по 40 рублей) и, наконец, мебели на 150 рублей.

Отец Зориной работает на фабрике, мать в том же году получила наследство — около 1000 рублей; эти соображения также проходят мимо следователя, — так четко выкристаллизовался для него образ злостной растратчицы Зориной!

Моя фактическая справка исчерпана.

Возвращаюсь к основной теме моей печальной повести — о том, как понимаются и реализуются принципы советской демократии в суде старшим нарсудьей Павлово-Посадского района Гусевым.

Торжественно, в переполненном колхозниками и другими трудящимися зале открывается судебное заседание.

Председательствующий Гусев с первой минуты процесса дает почувствовать свою, гусевскую, трактовку уголовно-процессуальных норм и 115 статьи Сталинской Конституции.

Когда защита после открытия судебного заседания скромно и корректно представляет суду ордер коллектива адвокатов и заявляет о том, что он — защитник Зориной, Гусев резко отодвигает ордер и с суровой нравоучительностью чеканит:

— Бумажку эту вы заберите, вас еще в деле нет. Суд еще не обсуждал вопроса о допущении защиты по делу Зориной!

Трудно допустить, чтобы старший народный судья района не знал о существовании 381 статьи УПК, не знал о том, что народный суд и до издания новой Конституции СССР не имел права не допускать участия защиты по любому делу.

Нет сомнения, что и в период до утверждения новой Конституции, и после утверждения ее старший народный судья Гусев неоднократно делал доклады на тему о новой Конституции, упоминал, вероятно, и о 115 статье Конституции.

Но сейчас, в судебном заседании, в зале, переполненном колхозниками и трудящимися, Гусеву важны не УПК и не Конституция СССР.

Гусеву важно продемонстрировать перед залом свою абсолютную власть над защитником.

И вот он столь же строго вопрошает обвиняемую Зорину:

— У вас ходатайство есть?

Девятнадцатилетняя «рецидивистка» растерянно смотрит то на суд, то на защитника — и молчит.

Гусев торжествующе «закрепляет» положение:

— Значит, вы не ходатайствуете перед судом о допущении защитника?

Зорина недоумевает. Она не понимает смысла этого пустого «процессуального» таинства. Еще три часа тому назад она сама видела, как тот же старший нарсудья Гусев говорил с ее защитником, может быть, даже слышала, как он щедро предложил тому же защитнику:

— На ознакомление с делом я даю в ваше распоряжение 8 минут!

Но после этого стал разбирать другое уголовное дело и разбирал его... около 4 часов.

Наконец, Зорина догадывается, что ей нужно «официально» заявить о том, что она хочет пользоваться помощью адвоката в процессе.

После этого председатель суда Гусев милостиво провозглашает:

— Суд определил ходатайство Зориной удовлетворить, защитника допустить.

После этого «допущения», лукаво и пышно инсценированного председателем суда, защитник Зориной наивно возомнил, что с этой исторической минуты он будет пользоваться всеми правами стороны в процессе.

Но в это же время председатель, зло и ехидно поблескивая через очки глазами в сторону защитника, думал, может быть, даже шептал сам себе:

— Погодите, гражданин защитник, вы еще почувствуете свои «права»!

Сознаюсь, защитник Зориной, несмотря на свое формальное бытие в процессе, действительно почувствовал то, о чем злорадно думал председатель.

Защитник почти не сомневался, что его бесспорное право и даже обязанность — проверять в судебном заседании те материалы, которые собраны на предварительном следствии.

Защитник считал себя вправе задавать обвиняемой Зориной вопросы, связанные с проверкой ее показаний о роли председателя колхоза Сидорова в той растрате, которая инкриминируется ей, кассирше Зориной.

Действительно ли пьянствует систематически председатель колхоза? Действительно ли не отстает от него бухгалтер колхоза Козловский? Является ли второй бухгалтер колхоза Василий Сидоров в самом деле родным братом предколхоза Андрея Сидорова?

Большая ли семья у председателя колхоза, и сколько в семье работоспособных, не один ли он, председатель колхоза Сидоров?

Не купил ли председатель колхоза за последний год двух коров и притом дорогих? Не приобретал ли других ценных вещей для себя и членов семьи?

Эти и другие еще вопросы в своей наивности защитник позволял себе задавать обвиняемой Зориной и допрашивавшимся после нее свидетельницам Бажановой и Бруснецовой. Но эти вопросы, — поверьте, — одна необоснованная дерзость, даже больше того...

Кто-нибудь из вас сомневается в этом? Усумнился, по совести говоря, и защитник Зориной, но председатель суда Гусев не замедлил ему сурово и угрожающе разъяснить:

— Вы хотите такими вопросами дискредитировать здесь председателя колхоза! Я этого не допущу. Вы должны знать как защитник, что уголовное дело в отношении председателя колхоза прокуратурой прекращено за отсутствием состава преступления. Задавайте другие вопросы или я вас лишу права допрашивать.

«Других» вопросов, т. е. вопросов, не вытекающих из материалов предварительного следствия, у защитника, признаться, не было.

Защитник пытался обратить внимание председателя на это обстоятельство. Защитник напомнил, что дело в отношении председателя колхоза Сидорова прекращено совсем не «за отсутствием состава преступления», а якобы «о нецелесообразности», хотя из формулировок о прекращении дела как раз вытекает целесообразность привлечения председателя колхоза.

Если бы не забота об охране авторитета советского суда, защитник мог бы еще заметить, что председатель суда Гусев, видимо, уделил ознакомлению с делом Зориной никак не больше тех «восьми минут», в течение которых он приказывал ознакомиться с этим делом защитнику (а в деле — акты ревизии, бухгалтерская экспертиза, около двух десятков протоколов допроса обвиняемых и свидетелей и т. д.). Но об этом защите пришлось молчать как и о многом другом, что могло бы справедливо прозвучать в устах защиты по адресу председателя суда Гусева.

Защита ограничилась скромным и уместным в рамках публичного процесса «ходатайством» — не лишать ее возможности проверять в судебном заседании материалы дела, т. е. делать то, что обязаны делать и стороны и сам суд на судебном следствии.

В ответ еще более грозно изрекает председатель суда:

— Суд знает, что делает. Не мешайте суду вести дело, гражданин защитник! Следующего свидетеля.

— Гражданин председатель, у меня еще есть вопрос к этому свидетелю... я еще не закончил...

— Садитесь, гражданин защитник, никаких больше вопросов я вам не позволю! Знаю я ваши вопросы...

— Гражданин председатель, я просил бы все-таки разрешить мне поставить следующие вопросы свидетелю, выслушайте, и если вы признаете их излишними, тогда устраните...

— Никаких больше вопросов, — я вам сказал! Секретарь, занесите в протокол, что защитник без конца задает вопросы, все одни и те же, чтобы дискредитировать председателя колхоза, и вообще защитник вступает в пререкания с судом...

Защитник делает еще одну попытку:

— Позвольте вас просить, гражданин председатель, хотя бы о следующем: разрешите мне перечислить, какие именно вопросы я хотел бы поставить свидетелю, изложить их содержание в протоколе судебного заседания и затем отметить в протоколе же факт их устранения вами, с чем я обязан считаться...

— Са-а-а-дитесь, гражданин защитник! Позовите свидетеля Сидорова.

— Позвольте мне перед допросом свидетеля Сидорова заявить ходатайство, связанное как раз с порядком допроса этого свидетеля (речь идет о председателе колхоза Сидорове).

— Никаких ходатайств! Еще раз предупреждаю вас: не вступайте с судом в пререкания! Са-а-а-дитесь!

— Вот как я его разделал — договаривали красноречиво злые огоньки в глазах всемогущего председателя, — договаривали то, что даже он не решался высказать в публичном судебном заседании.

А защитник?.. Он все еще не терял надежды, что, образумившись, нарсудья Гусев вспомнит об УПК, о новой Конституции, о советской демократии, уместной в советском суде.

Седой, но непростительно наивный, он снова обращается с ходатайством: если ему не разрешают заявить ходатайство, то не соблаговолит ли председатель суда хотя бы отметить в протоколе судебного заседания, что защитнику отказано в самом праве заявить ходатайство (об удовлетворении ходатайства защиты тут уже и мечтать нечего даже наивному защитнику)...

Старший нарсудья Гусев последователен. Конечно, отказ:

— Ничего не будет занесено. Можете писать, сколько хотите, замечания на протокол! Са-а-а-дитесь! Свидетель Сидоров, ваше имя, отчество...

Здесь совершается последний подвиг защитника:

— Гражданин председатель, вы меня лишили возможности допрашивать обвиняемую и свидетелей; вы запретили мне возбудить перед вами ходатайство; вы отказали мне в просьбе о занесении вашего отказа в протокол, вы лишили меня фактически прав стороны в процессе. Я вынужден поэтому просить вас отметить в протоколе судебного заседания, что я, в порядке 2-й части 257 статьи УПК «возражаю против действий председателя, стесняющих и нарушающих» мои права. При этом обращаю ваше внимание, что такое заявление «подлежит обязательному занесению в протокол судебного заседания» в силу той же статьи УПК.

Следует уже привычный грозный окрик:

— Над протоколом я хозяин! Са-а-а-дитесь!

Сомневается ли кто-нибудь из вас в том, что при допросе свидетеля Сидорова защит-

ник также был фактически лишен возможности нормально допрашивать его по обстоятельствам дела: ведь, обстоятельства дела «дискредитируют» Сидорова, а нарсудья Гусев считает недопустимым дискредитировать председателя-пьяницу, председателя-подлогоделателя и — скорее всего — прямого растратчика колхозных сумм.

И вот, не дав защитнику закончить допросы Сидорова, председательствующий применяет к защитнику «высшую меру», выкрикивая:

— Гражданин защитник, я вас устраняю из процесса! Са-а-а-дитесь!

Защитник «устранился».

Признаться, несмотря на всю назидательность павлово-посадских «процессуальных норм», защитник все же в душе был уверен, что устранив защитника из процесса, насытившись безмерной сладостью издевки над защитником и его «правами», нарсудья Гусев вспомнит по крайней мере о «праве на защиту» девятнадцатилетней колхозницы Зориной. Однако председатель продолжал полновластно допрашивать предколхоза Сидорова, благополучно и, конечно, без всякой «дискредитации» довел этот допрос до конца, затем вызвал и — опять-таки благополучно, без всяких помех защитника — допросил свидетельницу Никулину.

Тут защитник, видимо, закалившийся в этом беспримерном судебном «бою», позволил себе последнюю донкихотскую вылазку в защиту законности, в защиту «права на защиту», провозглашенного Сталинской Конституцией.

Защитник обратил внимание председателя суда на то, что, устранив данного защитника из процесса, суд не вправе, однако, лишить Зорину права пользоваться защитой в суде вообще. Отсюда — необходимость для суда отложить разбор дела с тем, чтобы дать возможность коллективу адвокатов командировать на защиту Зориной другого своего члена.

Справедливость требует отметить, что наш храбрый председатель суда не растерялся, а наоборот, нашел следующую процессуально-дипломатическую «формулу перехода»:

— Гражданин защитник, я сейчас прикажу милиции вывести вас из зала!

Веря в трагическую последовательность неукротимого ревнителя павлово-посадской законности, старшего нарсудьи Гусева, защитник, должен сознаться, больше «не подавал голоса»...

Ему, однако, казалось, что осталась последняя безопасная мера: положить на судейский стол листок бумаги с письменным протестом против заслушания дела девятнадцатилетней колхозницы Зориной, лишив ее «права на защиту». Тем более казалось, что письменное заявление суду по поводу неразрешения председателем защите заявить ходатайство, поданное ранее, председателем, правда, не было прочтено, но зато не было и совсем сброшено со стола, а лишь отодвинуто, разумеется, жестом, не лишенным глубочайшего пренебрежения, на самый край стола...

Храбрый защитник не ошибся: и это письменное заявление его председатель лишь резко отшвырнул на край стола и даже не повторил своего мягкого предупреждения насчет милиции и вывода из зала...

Но что случилось дальше со столь последовательным председателем нашим? Неужели он решился «сдаться», признать перед колхозной и рабочей аудиторией, что «какой-то защитник» прав в своих ссылках на советский закон, на Сталинскую Конституцию?! Увы, нарсудья Гусев, столь публично и громогласно торжествовавший окончательную победу над чудаком-защитником, добивавшимся наивно каких-то прав для себя и для своей подзащитной, — победитель вдруг сдался и объявил, что дело откладывается «в целях обеспечения защиты Зориной»...

После этого, гордый сознанием своих высоких подвигов в торжественный этот день на фронте защиты революционной законности, наш председатель суда поднялся из-за судейского стола, забрал дело и стал, сохраняя то же достоинство, уходить...

А на столе, на самом краешке, сиротливо остались лежать два листка — два письменных заявления защиты, упоминавшихся раньше.

Не утерпело правовое сердце наивного защитника: он решился (он все еще решался!) обратить внимание председателя суда, что любое заявление, подаваемое по данному делу, должно приобщаться к делу.

И тут защитник потерпел последнее крушение: вернувшись к столу, нарсудья Гусев могучим и гневным движением своей высокоправосудной руки схватил оба заявления, мужественно на-глазах у переполненного зала скомкал их, сжал в кулаке и сунул в карман...

Защитник и его пресловутые «права» были торжественно и окончательно повергнуты в прах.

А старший нарсудья Павлово-Посадского района Гусев, десятки раз — вы в этом не сомневаетесь — делавший в своем районе и перед рабочими, и перед колхозниками доклады о революционной законности, о завоеваниях страны социализма, — разве он не дал на этот раз трудящимся, заполнившим судебный зал, убедительнейшего предметного урока на тему:

— Слова и дела нарсудьи Гусева?!

Комментарии?

Разве можно придумать случай, при котором комментарии были бы боле излишни, чем в данном случае?..

Впрочем, может быть, следует привести те «простые слова», те ясные комментарии, которые тут же, в судебном зале, после закрытия заседания, были даны рядовыми колхозниками.

— Ясное дело, тут и слепому видно, что нарсудья Гусев прикрывает пьянку и растрату председателя колхоза Сидорова...

— Потому и защитника прогнал...

— А разве он может нарушить закон Сталинской Конституции? Какой он тогда для нас судья!..

Эти и подобные им реплики слышались в зале суда, реплики горячего возмущения «законностью» гусевской и горячей верой в незыблемость законности советской...

И позвольте сделать последнее признание автору этих строк.

Услышав эти реплики рядовых колхозников, я перестал чувствовать, что защитник — «потерпевший», оскорбленный, побежденный.

Мне стало ясно, что и советская законность также не должна считаться «потерпевшей» от рук судебного недоросля Гусева, что железный революционный закон стальной броней охраняют переросшие Гусевых колхозники, рабочие, трудящиеся Павлово-Посадского района. Те самые рядовые колхозники, которые при новых выборах нарсудей, на основе Сталинской Конституции, не подадут ни одного голоса за кандидатуру Гусева в народные судьи.

Колхозники, колхозницы, тут же, в зале суда, волнуясь, высказывались за посылку коллективного заявления Прокурору Союза с протестом по поводу издевательского отношения нарсудьи Гусева к советскому защитнику, к советскому закону, к Сталинской Конституции.

Обмен опытом

Установление симуляции в преступлении[1]

В журнале «Социалистическая законность» № 5, 1937 г. помещена статья т. Кривицкого на тему об установлении признаков симуляции в преступлении, по которой редакция просила высказать свое мнение работников мест.

Автор, безусловно, прав, что симуляция — весьма частый посетитель камеры следователя. С этой точки зрения попытка т. Кривицкого дать малоквалифицированному следователю отличительные признаки симулянта безусловно заслуживает внимания. Но само изложение этих признаков и доводы, приведенные т. Кривицким в их подтверждение, не серьезны и не убедительны. В самом деле, что положено т. Кривицким в основу этих отличительных признаков: фантазерство, самоуверенность, словоохотливость, настойчивость, развязность, логичность, последовательность и трогательность. Из этих признаков т. Кривицкий делает вывод, что в тех случаях, когда следователь в практике допроса встретится с комплексом признаков, указанных выше, уместно в таких случаях заподозрить в преступнике симулянта. В подтверждение изложенного т. Кривицкий приводит случай из своей практики, когда некто гражданин П., воспользовавшись похищением у него в ночное время вором-домушником мешка муки, имея на руках казенные деньги, решил использовать этот факт в корыстных целях. Деньги он присвоил, а в пространном рассказе картины его ограбления заявил, что деньги похищены со дна сундука, путем взлома замка, при полной сохранности домашних вещей в сундуке и что ключ от этого сундука находился всегда при нем. Мы не знаем, с какой самоуверенностью, настойчивостью, развязностью, логичностью и последовательной трогательностью рассказывал гражданин П. о своем ограблении (картина этого рассказа передана т. Кривицким очень скупо), но сам приведенный пример опровергает все признаки, положенные т. Кривицким в определении симуляции. В самом деле, если бы гражданин П. был логичен и последователен, то он, прежде чем сделать заявку о похищении денег после взлома сундука, привел бы все содержимое в нем в беспорядок, а наиболее ценные вещи возможно взял бы из сундука и скрыл, иначе говоря создал бы видимость — инсценировку ограбления, к чему обычно всегда и прибегают в таких случаях симулянты. Но именно благодаря своей нелогичности и непоследовательности, вызванной волнением и приподнятым состоянием в ожидании результата задуманной им симуляции, гр-н П. допустил ряд нелогичных и непоследовательных действий. Гражданин П., сломав замок в сундуке, упустил из виду, что настоящий вор, второпях отыскивая в сундуке нужную ему вещь, обязательно разворотит все содержимое в сундуке. Второй существенный промах, который допустил гражданин П., это то, что он не договорился предварительно с женой по вопросу о хранении ключа от сундука, и наконец совершенно нелогично, что вор-домушник, похитив крупную сумму денег, позарился бы на мешок муки. Таким образом на самом примере т. Кривицкого мы утверждаем обратное, т. е. не наличие, а отсутствие логичности и последовательности в действиях, поведении и показаниях симулянта. Берем на себя смелость утверждать, что гражданин П. не мог держать себя при допросе самоуверенно. Наоборот, благодаря изложенному, гр-н П. возможно и пытался держать себя самоуверенно, но эта самоуверенность была наигранная, неестественная, лживая и вполне понятно, что после некоторых перекрестных вопросов гр-н П. запутался, сбился и в конце концов сознался в симуляции ограбления.

Таким образом более правильно будет сказать, что отличительными признаками при допросе симулянта явятся отсутствие логичности, последовательности и самоуверенности, а не их наличие, как это утверждает т. Кривицкий. Если стать на точку зрения т. Кривицкого, то мы можем заподозрить в симуляции настоящих потерпевших — жертв ограбления. Ведь искренность, логичность, последовательность, несомненно более свойственны последним, чем первым. Настоящему потерпевшему нет надобности изощряться в подтасовке фактов и обстоятельств, опровергающих симуляцию, как бы не казалась его заявка или показание нам на первый раз фантастичной или словоохотливой, но все же она логична и последовательна и правдива. Исключение может быть только в том случае, если потерпевший страдает недостатком умственного развития (слабоумие) и душевными и нервными болезнями (истерия, тяжелая неврастения, эпилепсия), или еще не освободился от впечатлений пережитого ограбления.

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

Более близок к истине т. Кривицкий, когда говорит о фантазерстве и словоохотливости симулянта. Сам факт симуляции говорит о том, что симулянту пришлось пофантазировать в создании картины преступления. Эта фантазия часто у некоторых и вызывает деланную развязность, фантазерство и излишнюю словоохотливость. Но и к этим признакам необходимо подходить осторожно, обдуманно, тщательно взвесив все поведение допрашиваемого. Развязным и словоохотливым человек, как говорят, может быть от природы, а что касается фантазии, так нам известно, что иногда действительность превосходит всякую фантазию.

Точно такую же нелогичность, непоследовательность и необдуманность действий и поступков мы находим и во втором примере, приведенном т. Кривицким, где гр-н Э. на почве семейных распрей убил свою жену, а затем, опасаясь последствий совершенного им преступления, устроил неудачную инсценировку ночного нападения на его квартиру неизвестных людей. Также как и в первом случае преступник-симулянт допустил ряд промахов, наличие которых способствовало быстрейшему установлению истинной картины преступления. Но это отнюдь не говорит за то, что почти никто из симулянтов не знает, какими уличающими моментами являются научные методы раскрытия преступлений: исследование крови, дактилоскопия, определение характера ранений по орудиям преступления и т. д., как это утверждает т. Кривицкий. Утверждать это — значит убаюкивать следователя, смягчать остроту его творческой мысли и дать лишний козырь в руки преступника-симулянта. Заранее обдумавший свое преступление симулянт не может не знать, что пятна крови, оружие преступления и вообще любая ошибка, допущенная им в инсценировке преступления, наведет следствие на настоящие следы преступления, вот почему, прежде чем совершить преступление, он несколько раз обдумает весь ход инсценировки задуманного им преступления и так ловко постарается свести концы в воду, что дело может быть прекращено за неразыском виновных или за недостатком собранных по делу улик. Не найдется ни одного следователя, который мог бы сказать, что такого случая в его практике не было.

Настоящий преступник не только хорошо знает все уличающие его моменты в раскрытии преступления, но иногда так искусно строит свои показания, что сам следователь забывает о них и попадает в план хитро сплетенной лжи преступника.

Преступник-симулянт — наиболее опасный вид преступника, он не только совершает преступление, но и создает целый ряд увертов и уловок, чтобы навести органы следствия на ложный путь. Поэтому всегда правильно и верно будет, если за основу отличительных признаков преступника-симулянта положить обычное поведение обвиняемых. Но надо заметить, что допрос преступника-симулянта несравненно труднее допроса обычного обвиняемого, особенно если допрашивающий не обладает жизненным и профессиональным опытом.

Прежде всего надо спокойно и терпеливо отнестись к его показаниям, как бы лживы и противоречивы они ни были. Затем нужно перейти к вопросам, причем следует начинать с таких вопросов, которые уже выяснены или свидетельскими показаниями или произведенными следственными действиями (например, осмотром, экспертизой, обыском и т. п.). Вопросы следует задавать краткие и точные, на которые невозможно дать двусмысленный ответ, вроде — да, нет. В случае противоречий в рассказе и ответах надо указать на них заподозренному в симуляции, сопоставляя даже сказанные им фразы и слова и потребовать от него разъяснения этих противоречий, или выяснять их посредством повторных вопросов о том, что является предметом противоречия.

Под давлением собранных улик преступник-симулянт убеждается в невозможности и бесполезности дальнейшей защиты созданной им инсценировки картины преступления и, понимая, что сознание может принести ему лишь пользу, вынужден сознаться в совершенном им преступлении. Приведенные т. Кривицким примеры лишний раз подтверждают правильность этого вывода.

Вообще следует остерегаться делать поспешные выводы из показания и рассказа подозреваемого в симуляции. Оценку поведения преступника-симулянта следует давать только на основе выводов, полученных после изучения всех исследованных обстоятельств по делу.

Безусловно прав т. Кривицкий, отводя существенную роль в этой оценке осмотру места преступления. Ведь для каждого следственного работника вполне ясно, что решающую роль установления факта симуляции преступления в обоих приведенных т. Кривицким примерах сыграл осмотр места совершенного преступления.

В заключение следует отметить, что, конечно, не плохо на страницах печати поделиться опытом работников с мест по затронутому т. Кривицким вопросу, но было бы глубоко ошибочным создавать себе заранее по каким-то отличительным признакам образ симулянта. У т. Кривицкого на опыте его практики сложились одни мнения, выводы и понятия, у нас — как раз противоположные, у третьего совсем что-либо новое и т. д. Одно несомненно, что всякий симулянт прежде всего — преступник, поэтому его поведение во многом сходно с поведением обвиняемого.

Обстоятельства дела, практика и сознание ответственности, которую несет следователь за порученное ему дело, должны подсказать правильный метод и путь раскрытия преступления по каждому делу в отдельности.

Таковы наши замечания по существу поставленного т. Кривицким вопроса.

Немченко

Наказание как удовлетворение потерпевшего[1]

Наше уголовное законодательство рассматривает наказание как способ, во-первых, оказать на осужденного исправительное воздействие и, во-вторых, как способ воспитания и предупреждения преступлений подобного рода со стороны других лиц.

Но по некоторым категориям дел наказа-

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

ние неизбежно должно преследовать еще и третью цель: это некоторое удовлетворение потерпевшего (в данном случае мы имеем в виду не материальное, а моральное удовлетворение). К этим категориям дел относятся преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, т. е. предусмотренные главой VI ныне действующего Уголовного кодекса.

Для того чтобы пояснить, что нами имеется в виду в этом случае, мы воспроизведем разбиравшееся в суде гражданское дело.

Женщина, имеющая ребенка, предъявила иск к своему бывшему мужу о повышении размера алиментов. Женщина находится в таком состоянии, что сама не может защищать свои интересы, и у нее есть защитник. Почему она не может защищать свои интересы в таком элементарном деле? Она очень больна, причем болезнь у нее чрезвычайно странная: она вся трясется, и речь ее страдает крайней несвязностью и неясностью; это смесь заикания, шепелявости, нервных задержек. Истица производит чрезвычайно тяжелое впечатление.

При докладе дела обнаруживается, что ответчик, состоя мужем этой женщины, за предполагаемую измену изрубил ее топором. Он нанес ей несколько тяжелых ранений, после которых она выжила, но пришла в вышеописанное состояние. Согласно представленным документам, она не только на сто процентов лишена трудоспособности, но еще нуждается в постороннем уходе. Оказалось, что, действуя топором, муж не только искалечил ее, но и повредили у нее какие-то мозговые центры, и эти повреждения оказали влияние на ее речевые способности.

Что же сделали с мужем — ответчиком по делу? Он получил наказание в виде, кажется, четырех лет лишения свободы и был выслан для отбытия наказания. По профессии он был бухгалтером и, повидимому, хорошим и усердным бухгалтером, а так как бухгалтера очень нужны и в местах отбытия наказания, то убийца вскоре занялся работой по специальности, проявил много энергии для приведения в порядок запутанной бухгалтерии и менее чем через два года оказался на свободе в порядке условно-досрочного освобождения.

В момент разбора гражданского дела этот человек сравнительно недавно вернулся в Москву, поселился недалеко от своей бывшей жены и дочери, завел себе другую семью и теперь на суде просил не повышать размера уплачиваемых им алиментов (кажется, 80 руб. в месяц), так как у него на иждивении находятся его мать, новая жена, имеющая ребенка, и новый ребенок — уже его собственный.

Разумеется, все это гражданское дело не имеет никакого отношения к поднятому нами вопросу. Оно приведено как конкретный случай того, как преступник, совершивший тяжкое преступление против здоровья другого лица, довольно быстро возвращается обратно в место своего постоянного жительства и превращается снова в полноправного гражданина.

Если бы истица по настоящему делу могла полностью соображать (а, может быть, она и могла), то ей должно было бы быть очень обидно наблюдать изо дня в день спокойную, нормальную жизнь человека, превратившего ее в буквальном смысле в огарок. Надо полагать, что и соседи, и родственники, и вообще все люди, близко знавшие об этом деле, вряд ли могли спокойно относиться к тому факту, что человек, совершивший тяжелое преступление, в конце концов отделался сравнительно весьма небольшим наказанием, и тут же на месте постоянно напоминает своим присутствием о происшедшем несчастьи.

От этого конкретного случая перебросимся к другому.

Во дворе большого дома юноша растлил малолетнюю девочку. Его судили, он отбыл наказание и через два—три, допустим, четыре года возвращается снова в тот же двор, к своим родителям. Растленная им несколько лет тому назад девочка превратилась в подростка или девушку. Она живет в том же дворе. И вот она, ее родители, все, хорошо знающие и помнящие это дело, люди должны встречаться поневоле с вчерашним преступником и, может быть, голосовать с ним заодно на общем собрании в жакте.

Не менее неприятное положение для потерпевшего создается и тогда, когда преступление совершается, допустим, в небольшой деревне. Три-четыре-пять лет лишения свободы (обычное наказание для случайных преступников по делам указанных категорий) не являются тем длительным сроком, который мог бы изгладить из памяти потерпевшего и его близких тяжелое преступление и связанное с ним горе, болезнь и т. п.

Отец или брат изнасилованной девушки, муж изнасилованной женщины, родители убитого ребенка или дети убитого отца сплошь и рядом не могут за несколько лет позабыть свою утрату, сделаться к ней равнодушными и искренно «простить» преступника.

По тому делу, с которого мы начали нашу статью, в зале суда присутствовали некоторые соседи и мать изувеченной женщины. Пока суд совещался, настроение всех этих людей по отношению к бывшему мужу вылилось довольно рельефно, и даже посторонние лица не могли примириться с тем, что изувечивший свою жену человек так скоро оказался на свободе и на положении только ответчика, с которого его жертва должна по суду дополнительно взыскивать несколько десятков рублей в месяц.

Разумеется, наше уголовное законодательство в основном не может преследовать цели удовлетворения чувств потерпевшего: это могло бы завести слишком далеко. Но, с другой стороны, надо признать, что и полное игнорирование чувств и достоинства потерпевшего и его близких, даже более того—оскорбление этих чувств — не должно быть терпимо. Пренебрежительное отношение к моральному интересу потерпевшего подрывает авторитет и силу закона и снижает предупредительное значение уголовного наказания.

Мы знаем, что в уголовной репрессии основную роль играет не ее тяжесть, а ее неизбежность; мы знаем также, что бывают случайные преступники, которые не представляют никакой социальной опасности в смысле рецидива; мы знаем, что даже тяжелые преступники в условиях нашей карательной системы довольно быстро перерабатываются в искренних ударников и стахановцев производства, для которых труд является делом чести, доблести и геройства. Нам известны случаи награждения орденами даже профессиональных

преступников и полный, безоговорочный, бесповоротный уход этих людей от прежней жизни к новой — честной и трудовой.

Это все совершенно бесспорно, и в то же время вопрос, который поднят в настоящей статье, имеет самостоятельное значение. Может быть, насильник или убийца малого ребенка и не такой уж плохой человек, и в состоянии даже оказаться героем, но, все же, если его успех и его прославление будут происходить на глазах родителей этого ребенка, — им это будет неприятно. Для них он останется еще долго преступником, причинившим им тягчайшее зло и обиду.

Конечно, практически сам осужденный по такого рода делам по отбытии наказания старается не возвращаться на прежнее место своего жительства, чтобы не сталкиваться с потерпевшими. Но в силу объективных условий (жилищный вопрос) и в силу личных своих свойств далеко не каждый отбывший наказание по такого рода делам поступает так. Нам известен случай, когда, наоборот, семья потерпевшего вынуждена была выехать из небольшого города для того, чтобы не встречаться с возвратившимся после отбытия наказания изнасилователем.

Вопрос о дальнейших встречах преступника с его жертвой не должен зависеть от них самих. Его следует взять под государственный контроль и ослабить вероятность встречи преступника с его жертвой до самой ничтожной степени. Наша страна достаточно обширна для того, чтобы это мероприятие можно было провести в ней совершенно безболезненно. Политическая карта нашей страны также представляет в этом отношении множество возможностей. Нам, конечно, не придет в голову восстанавливать институт «поселения в Сибири» как последствие отбытия наказания, но почему не ввести институт воспрещения осужденному по отбытии наказания въезда в ту область, край или республику, где им было совершено преступление? Причем, здесь следует установить или очень длительные сроки или даже теоретически «навсегда», от которого осужденный может быть впоследствии освобожден лишь по особому постановлению суда, когда, очевидно, все следы содеянного преступления окончательно сотрутся или забудутся.

Мы считаем, что в приговоре по обвинению в умышленном убийстве, в причинении тяжелого увечья, в изнасиловании, в растлении, в заражении другого лица венерической болезнью, в некоторых случаях мужеложства (с насилием) обязательным дополнительным наказанием должно явиться и воспрещение по отбытии наказания проживания и даже въезда в те места, где находится потерпевший от преступления. В некоторых случаях эта стеснительная мера может принести пользу даже и осужденному, ибо встречаются и случаи мести совершившему преступление со стороны родных и близких потерпевшего. Это вызвано неудовлетворением той краткосрочной репрессией, которую применяет наш закон к случайным преступникам, особенно если они при отбывании наказания обнаруживают полное исправление.

Более того, нам кажется, что при разрешении дел подобного рода и в самом определении меры наказания вопрос о моральном удовлетворении потерпевшего или его близких должен играть большую роль, чем он играет в настоящее время. В отношении обеспечения материальных интересов потерпевшего закон проявляет очень большую заботливость, хотя практически слишком часто все гарантии в этом отношении не приносят пользы за отсутствием средств у осужденного. Но с моральными интересами и чувствами, которые сильно задеты происшедшим преступлением, — будь то сам потерпевший или его близкие люди, — наше законодательство считается слабо.

В будущем Уголовном кодексе СССР вопрос об удовлетворении потерпевшего, путем устранения возможности его встреч с обидчиком на длительный срок после совершения преступления, должен быть обеспечен. Потерпевший, у которого в большинстве случаев нет способа исправить или возместить причиненное ему зло, должен быть удовлетворен хотя бы тем, что преступник будет изъят навсегда или очень надолго из того коллектива, в котором он ранее находился. Таким образом, возможность напоминания о причиненной обиде (в особенности, если преступник после отбытия наказания начинает «процветать») сделается чрезвычайно маловероятной. Пусть себе исправившийся преступник «процветает» где-нибудь далеко, пусть он займет видное общественное положение, но пусть все это произойдет не там, где он совершил преступление, где живут люди, которых он изувечил или иным образом навсегда исковеркал им жизнь.

Охрана интересов личности требует сугубой внимательности к моральным интересам лиц, серьезно пострадавших от уголовного преступления.

А. Кирзнер.

Унификация гражданского судопроизводства

Ст. 14 Союзной Конституции (п. «ф») устанавливает, что законодательство о судоустройстве и судопроизводстве является предметом ведения союзных законодательных органов.

Отсюда следует, что судопроизводственные нормы должны быть общими для всего Союза, и что издание общесоюзного гражданского процессуального кодекса является задачей очередной.

Вполне своевременно остановиться на некоторых процессуальных вопросах, различно разрешаемых республиканскими кодексами.

Нисколько не претендуя в тесных рамках журнальной статьи разрешить эти вопросы сколько-нибудь исчерпывающим образом, остановимся на некоторых из них, особенно привлекающих внимание советского юриста в процессе его практической работы.

Ст. 4 Гражданско-процессуального кодекса УССР устанавливает, что дела, в коих истцом является государственная либо кооперативная организация, суд может прекращать во всяком их положении, если в процессе их рассмотрения выявится нецелесообразность дальнейшего ведения дела вследствие явной невозможности привести решение в исполнение, либо превышения размера судебных издержек спорной меж сторонами суммы.

Правило это ставит действия хозорганов по возбуждению явно нецелесообразных споров

под контроль суда и дает последнему право в любой стадии процесса пресечь дальнейшее по ним производство.

Соответствующего правила в Гражданско-процессуальном кодексе РСФСР нет (см. главу 1 ст. 1—11 Гражданско-процессуального кодекса РСФСР), хотя целесообразность его вряд ли может подлежать сомнению. Представим себе случай предъявления хозорганом иска при бесспорно выявленной судом несостоятельности ответчика, либо другой случай, когда по иску, примерно, в 20 руб. хозоргану приходится внести 50 руб. на экспертизу. Почему бы не предоставить в таких случаях суду, в интересах экономии государственных средств, а также и судейского времени, прекратить дальнейшее производство явно нецелесообразного процесса? В унифицированный кодекс Союза, думаем, такое правило нужно ввести.

Раздел IV гражданско-процессуальных кодексов РСФСР и УССР трактует о процессуальных сроках. В обоих кодексах предусматривается право сторон в процессе, в случае пропуска по уважительным причинам срока, просить о его восстановлении. При этом в кодексе РСФСР нет ограничения права стороны обжаловать отказ народного судьи в восстановлении срока, в кодексе же УССР такое ограничение есть: ст. 77 ГПК гласит, что такой отказ обжалованию не подлежит.

Для правильного разрешения вопроса о том, какой из указанных кодексов стоит на правильной точке зрения, необходимо прежде всего обратиться к общим правилам обжалования частных определений народных судов. Правила эти в кодексах украинском и РСФСР идентичны (ст. 249 ГПК РСФСР и ст. 282 ГПК УССР).

Обжалование частных определений отдельно от кассации устанавливается в двух случаях: 1) прямого указания на такую возможность в законе и 2) пресекательного характера (т. е. заканчивающего производство по делу) обжалуемого определения.

Есть ли какой-нибудь резон устанавливать из этого последнего правила (ибо определение об отказе восстановить срок на подачу кассации, несомненно, заканчивает производство по делу) исключение в отношении определений народных судей об отказе в восстановлении срока? Разве в этих случаях ошибки и неправильности со стороны народного судьи менее возможны, чем в других случаях, где частное обжалование допущено?

Если решение суда первой инстанции было по существу неправильно, приносится на такое решение кассационная жалоба с пропуском срока, причем в просьбе о восстановлении срока приводятся уважительные причины его пропуска (позднее изготовление решения, болезнь жалобщика и т. п.), однако народный судья по совершенно неправильным мотивам отказывает в восстановлении срока, — почему же в этом случае лишать сторону права обжаловать такой неправильный отказ? Думается, что в унифицированном кодексе должно быть соблюдено правило кодекса РСФСР, а не украинского (для аналогии не мешает отметить, что уголовный процессульный кодекс вообще не указывает никаких ограничений права обжалования стороной частных определений).

Порядок обжалования частных определений установлен в гражданско-процессуальных кодексах РСФСР и УССР различно.

По ст. 282 ГПК УССР порядок обжалования таких определений тождественен с кассационным обжалованием, т. е. частная жалоба подается в суд высшей инстанции (областной либо равнозначащий). По ст. 249 ГПК РСФСР порядок иной: если частное определение вынесено единолично судьей, то жалоба на такое определение подается в тот же народный суд, членом коего является вынесший определение судья, но в коллегиальном составе. Нужно признать, что украинский кодекс стоит в этом случае на более правильной позиции. Ведь выносит частное определение фактический глава данного народного суда, авторитет коего среди прочих членов того же народного суда должен быть, если не неоспорим, то, во всяком случае, очень веским, и вовсе нет таких оснований, по коим, вместо того, чтобы передать вопрос на разрешение высшей инстанции, нужно было бы колебать этот авторитет передачей рассмотрения жалоб на действия и определения судьи на рассмотрение того же суда, хотя бы в коллегиальном составе.

Думается, что нет оснований к перенесению порядка, установленного по этому вопросу в кодексе РСФСР, в унифицированный кодекс Союза.

Необходимо обратить внимание на некоторую неполноту правил, установленных разделом XV кодексов РСФСР и украинского в отношении последствий непредставления сторонами документов, которые требует от них суд.

Нередки в гражданских процессах случаи, когда сторона представляет суду точные доказательства нахождения у противной стороны документа, бесспорно разрешающего возникший между сторонами гражданский спор, но сторона, от которой затребован документ, злостно уклоняется от представления его суду, предвидя последствия его представления в виде разрешения спора в пользу другой стороны. В ст.ст. 160—171 кодекса УССР и 128—151 кодекса РСФСР устанавливается возможность наложения на такую недобросовестно уклоняющуюся от представления документа сторону штрафа, но последствий такого уклонения в смысле того или иного влияния на исход возникшего спора ни тот, ни другой кодекс не устанавливают. Между тем, было бы вполне целесообразным установить, что обстоятельство, в подтверждение коего одна из сторон в процессе сослалась на документ, находящийся у другой стороны, в случае уклонения последней от его представления, п р и з н а е т с я д о к а з а н н ы м.

Подразумеваться такое правило не должно, оно должно быть прямо выражено в законе, иначе у судов всегда могут возникать сомнения в отношении определения последствий такого уклонения. Само собой при этом разумеется, что доказательства нахождения у стороны документа должны быть совершенно бесспорными, например, признание такого нахождения у нее документа стороной в письме, заявлении и т. п.

В отношении исковых заявлений, не оплаченных пошлиной, в кодексах РСФСР и УССР устанавливается единообразное правило о предоставлении тяжущимся срока на оплату за-

явления пошлиной. В отношении кассационных жалоб такого единообразия нет. Украинский кодекс применяет к кассационным жалобам то же правило, что и в отношении исковых заявлений, кодекс РСФСР допускает предоставление тяжущемуся срока на оплату кассационной жалобы только в исключительных случаях, в интересах государства, кооперации и трудящихся (ст. 239 ГПК РСФСР и раздел 27 ГПК УССР).

Есть ли действительное основание к такому ограничению права последующей оплаты кассационных жалоб, — представляется вопросом весьма спорным. В судебной практике нередки случаи передачи судьей в канцелярию мотивированного решения за день—два до срока обжалования, и тяжущийся, еле успевающий в срок принести кассационную жалобу, может по вполне уважительным причинам не успеть своевременно оплатить ее (наличными деньгами пошлину не всегда принимают, — нужно купить в госбанке марки единой госпошлины). Думается, что правило процессуального кодекса УССР является вполне целесообразным, и следует ввести его в объединенный кодекс Союза.

В заключение нужно остановиться на одном вопросе, давно назревшем в практике гражданского процесса. Этот вопрос о предоставлении сторонам в гражданском деле права представлять кассационной инстанции новые документы, не бывшие предметом рассмотрения суда первой инстанции.

Наш процесс второй инстанции (как уголовный, так и гражданский) не носит характера узкого, до конца выдержанного кассационного производства. В некоторых законодательствах кассационная инстанция является узко формальной. Оценка доказательства по существу, а тем более прием и рассмотрение новых, стоит вне компетенции кассационной инстанции; самое существо дела кассационную инстанцию не интересует (по крайней мере, не должно интересовать, по смыслу закона); кассационная инстанция в этих законодательствах занимает положение Фемиды, действительно закрывшей глаза на существо правоотношений сторон, на фактическую сторону дела; правильно ли применен тот или иной (материальный) закон к такому-то фактическому отношению, не нарушена ли судом первой инстанции какая-либо процессуальная норма — вот круг тех вопросов, в коем вращается кассационная инстанция по этим законодательствам.

Не таков характер кассационного процесса в нашем суде. Советский суд не смог удержаться в сухих, формальных рамках строго кассационного производства. Появилось право изменять решения судов первой инстанции по существу, исправлять ошибки решения, когда исправление это вытекает из фактических обстоятельств, установленных судом первой инстанции, кассировать решения в случае противоречия их фактическим обстоятельствам и, в конечном выводе, выносить решения по существу дела.

Достаточно остановиться хотя бы на ст. 246 ГПК РСФСР, устанавливающей, между прочим, право кассационной инстанции изменить решение суда первой инстанции в случаях «несоответствия решения установленным на суде обстоятельствам дела» и на ст. 277 ГПК УССР, дающей кассационной инстанции право «изменять решение первой инстанции по существу», если решение противоречит фактическим обстоятельствам, установленным судом.

Таким образом, рассмотрение дела в суде второй инстанции приобретает несколько смешанный характер: апелляционно-кассационного. Тогда почему же не допустить представления в суде второй инстанции нового документа, если он способствует действительно правильному разрешению гражданского спора и не мог быть представлен в суде первой инстанции по тем или иным, зачастую независящим от стороны, причинам.

В уголовном процессе наш закон уже отказался от ограничения права сторон представлять в кассационные инстанции новые документы, не бывшие в рассмотрении суда первой инстанции. Так, ст. 344 УПК УССР прямо предусматривает такое право обвиняемого в уголовном процессе. В УПК РСФСР правило это, хотя прямо и не выражено, но оно вытекает из ст. 410 УПК РСФСР, где сделана ссылка на применение в кассационной инстанции судопроизводственных норм главы 22 УПК (о производстве дел в суде первой инстанции, где представление документов является неоспоримым правом стороны).

Есть ли какой резон оставлять в гражданском процессе ограничение права стороны представлять в кассационные инстанции новые документы, если ограничение это в уголовном процессе уже признано неправильным?

Устранение этого ограничения тем более необходимо, что представление документов по гражданским делам в суде первой инстанции поставлено нашим процессуальным кодексом в довольно тесные рамки — ст. 106 ГПК РСФСР и ст. 124 ГПК УССР, в силу коих все доказательства по делу представляются до первого судебного заседания, а на практике народных судов откладывание дела для представления доказательств, в том числе и письменных документов, допускается лишь в крайних, сравнительно редких, случаях. Благодаря такому ограничению права представления документов первым судебным заседанием, благодаря при этом иногда позднему вручению вызывных повесток сторонам, эти последние часто просто не успевают представить документы своевременно в народном суде, а между тем опоздание в представлении их может относиться к такому документу, который решает судьбу самого спорного дела (платежная расписка по долговому документу, документ, прерывающий давность и т. п.). Часты и такие случаи, когда тяжущийся подобный документ разыскал либо получил только ко времени слушания дела во второй инстанции или подачи кассационной жалобы и был лишен фактической возможности представить его ранее.

Суд второй инстанции, строго придерживаясь закона, не имеет права принять от стороны во время рассмотрения дела такой документ, а между тем судейское правопонимание, вопреки формальному моменту, заставляет его руководиться содержанием предъявленного стороной документа, хотя бы формально к делу и не приобщенного. И вот возникает нежелательная коллизия между судейской совестью, правосознанием судьи и его уважением к законной форме.

Необходимо, по нашему мнению, возможность таких коллизий в будущем устранить и ввести в унифицированный гражданский процесс правило, уже давно принятое в процессе уголовном, — о праве сторон представлять новые документы в кассационной инстанции.

Горнштейн.

Убийство или самоубийство

Этот коренной вопрос всегда возникает у следователя, когда по прибытии на место происшествия глазам его представляется лишь голый факт насильственной смерти, т. е. когда обстоятельства, предшествовавшие событию, еще не объясняют его во всей своей полноте и достоверности. Рассказы очевидцев, разговоры соседей, слухи в толпе, догадки, предположения и, иногда, первое впечатление, полученное от случайно попавшихся на глаза предметов и вещей, не только не могут служить исчерпывающим материалом, характеризующим правдивость той или иной версии, но нередко могут сбить следователя с правильного пути и дезориентировать его. Обольщаться «очевидностью», успокаиваться на формуле «иначе и не могло быть» — означает проявить в ответственной и важной работе раскрытия преступления легкомыслие, поспешность и небрежность.

Первым на место происшествия прибывают органы дознания, т. е. милиция, они являются первыми очевидцами цельной, не тронутой обстановки события. Там, где возникает малейшее подозрение в том, имеет ли место убийство или самоубийство, органы дознания обязаны немедленно вызывать на место происшествия следователя. До прибытия последнего должны быть приняты все меры к тому, чтобы сохранить, по возможности, в неприкосновенном виде всю обстановку места происшествия. Всякое неправильное распоряжение, часто незначительное изменение в обстановке, несвоевременное изъятие орудий преступления не только затрудняют действия следователя, но просто содействуют дезорганизации его работы.

Образец неряшливого, неумелого и необдуманного образа действий со стороны органов дознания, повлекшего за собою полное извращение факта преступления, мы имеем на следующем примере.

В марте 1936 г. дежурному коменданту Херсонской гормилиции врач станции «Скорая помощь» сообщил, что по ул. 1 Мая в Херсоне в квартире председателя месткома «Заготзерно» Самойленко обнаружен труп ее мужа Шарапова Григория, грузчика-стахановца станции Херсон. Дежурный комендант сам отправился на место происшествия. По прибытии он распорядился отправить труп в морг и «убрать квартиру»; при этом им были изъяты окровавленный канат и пальто. Им же был составлен акт о самоповешении Шарапова, в котором общими фразами было указано, что труп лежал «в черном виде», что на голове трупа обнаружены 4 раны и что лужа крови простиралась «аж до коридора».

По этому делу комендантом были допрошены жена Шарапова Самойленко, ее брат Иван и один свидетель, заявивший, что в вечер смерти Шарапова он видел в «Заготзерно» его жену в пьяном виде. По словам свидетеля, она вела себя в этот вечер непристойно. Судебный врач, производивший вскрытие трупа, выдал гр-ке Самойленко справку для предоставления в загс о смерти мужа, последовавшей в результате самоповешения. Этим были «исчерпаны» все действия, подменившие собой функции следствия и суда, и дело производством было прекращено.

Мотивы самоубийства, повидимому, представлялись Херсонской милиции обстоятельствами «несущественными», а потому остались по делу невыясненными.

Столь грубая работа органов дознания обратила на себя внимание прокуратуры, так как один поверхностный осмотр протокольных документов вызывал ряд вопросов, естественно возникающих у следователя, в практике которого встречались случаи самоубийства с невыясненными мотивами, а именно:

1. При наличии довольно сложной обстановки происшествия, а также вещественных доказательств как могло остаться вне поля зрения следственной работы тщательное изучение «немых свидетелей»?

2. Почему на место происшествия не вызывался следователь?

3. Почему в деле нет никаких признаков работы судебно-медицинской экспертизы?

4. Почему при отсутствии мотива самоубийства не опрошен круг лиц, знавших Шарапова, его семейную и служебную обстановку, и т. д.?

Тщательное изучение материала показало, что заключение основано на догадках и предположениях, что целый ряд необходимых следственных действий не произведен, что на многие, естественно возникавшие вопросы, материалы дела ответа не давали.

Наличие только окровавленного каната и допрос гр-ки Самойленко не могли, конечно, рассматриваться как исчерпывающий источник и бесспорное доказательство самоповешения, да и сам факт повешения не был установлен ни положением трупа, ни положением близлежащих к трупу предметов, ни состоянием одежды, ни осмотром ран и орудий, коими они были нанесены.

Несмотря на то, что со времени происшествия прошло 4 дня, что квартира распоряжением коменданта была убрана и, следовательно, многие следы происшествия как объекты изучения уже отпали, была намечена следующая схема, подлежавшая выяснению:

1) каково расположение ран на голове трупа, характер их и степень тяжести;

2) каким орудием нанесены ранения на голове Шарапова;

3) каков характер и направление странгуляционной борозды (ее непрерывность, соответствие ее контуров толщине найденного при трупе каната);

4) расположение самого трупа самоубийцы;

5) наносились ли ранения Шарапову в том же помещении, где был обнаружен труп его;

6) была ли возможность в ночное время проникнуть в помещение, где был обнаружен труп, посторонним лицам;

7) какова форма петли;

8) имеются ли признаки синюхи лица, ущемления языка между зубами, отхождение мочи, кала, спермы, наличие трупных пятен на ногах;

9) взаимоотношения Шарапова с его женой и шурином — свидетелями в деле.

Несмотря на то, что квартира была уже убрана, полы вымыты, стены выбелены, белье постирано, все же представлялось целесообразным произвести вторичный осмотр квартиры и тщательный обыск.

Полученными данными удалось вскрыть ряд новых обстоятельств, давших следствию совершенно иное освещение выводам Херсонской милиции и заключению судебного врача, а именно:

1. Судебной экспертизой было установлено, что ранения на голове Шарапова нанесены посторонней рукой, о чем говорит направление и расположение ран, а также орудие ранений — молоток. Все раны по характеру рубленые, числом 15, а не 4, как указано в акте милиции.

Одно из ранений повлекло за собой нарушение целости черепной кости. Раны эти, не будучи смертельными, все же должны были, по мнению экспертизы, привести Шарапова в тяжелое бессознательное состояние, при котором исключаются логические действия.

2. Странгуляционная борозда выражена очень слабо, направление ее горизонтальное и непрерывающееся вокруг всей шеи.

3. Смерть наступила от асфиксии (удушения).

4. Тщательный осмотр каната, сопоставление его с оставленным на шее следом, незатягивающаяся петля и тем не менее смерть от асфиксии приводили к определенному заключению, что орудием удушения явился не тот окровавленный канат, который был обнаружен при трупе, а более тонкая бичева, затянутая петлей-удавкой.

5. Кровь на канате оказалась принадлежащей Шарапову.

О самоубийстве или самоповешении при всех этих обстоятельствах не могло быть и речи. Вопрос упирался в выяснение виновников убийства, замаскировавших убийство версией о самоповешении.

Брызги крови на нижней трети стены, идущие снизу вверх, вразумительно говорили о том, что ранения наносились Шарапову в то время, когда он лежал на полу. При осмотре квартиры удалось обнаружить молоток, принадлежавший жене Шарапова, со следами отмытой крови. Это исключало версию об убийстве Шарапова посторонним лицом. Окна оказались наглухо заклеенными и следов недавнего вскрытия их не было, следовательно, проникновение убийц в квартиру могло произойти лишь через входную дверь. Последняя закрывалась замком и внутренним крючком.

Исследованием обстоятельств, предшествовавших событию, было установлено, что в квартире проживали совместно Шарапов, его жена Самойленко и ее брат Иван. Опросом лиц, близко знающих обитателей квартиры, выясняется, что Шарапов—тихий, спокойный по характеру, владеющий собою человек; его жена — прямая противоположность — вспыльчивая, эксцентричная особа.

8—10 марта в Международный женский день все втроем были на вечере в конторе «Заготзерно». Самойленко в этот день изрядно выпила. Первым ушел домой брат Самойленко Иван, взявший с собою ключ от квартиры. Шарапов и его жена после 12 часов ночи отправились на элеватор, где Самойленко продолжала пить.

Непристойное поведение жены побудило Шарапова склонить ее к уходу. Настояния мужа вызвали с ее стороны крайнее недовольство и ругань; все же Шарапову удалось ее увести. Допрошенные по делу свидетели показали, что ругань и спор продолжались по дороге домой. Дальше свидетели ничего объяснить не могли, так как они их оставили одних на дороге. Сама Самойленко заявляет, что муж ее по дороге оставил и пошел быстрыми шагами один по направлению к дому; она же медленно дотащилась до дому одна, постучалась, двери квартиры открыл ее брат Иван, и она увидела труп ее мужа.

Пространство от того места, где, по словам Самойленко, муж ее оставил, до их квартиры представляет собой, как показало измерение, расстояние всего в 300 шагов. Разница в скорости передвижения могла составить минуту, либо десятки секунд, т. е. срок, в который никакие действия ни самого Шарапова, ни над Шараповым не могли завершиться.

Лживость этих показаний настолько очевидна и понятна, что не требует никаких комментарий. Не менее лживыми оказались и показания ее брата Ивана; он, мол, вернувшись с вечеринки, уснул, ничего не слыхал, двери Шарапову не открывал и как Шарапов проник в квартиру не знает.

Со слов обоих труп висел на стенке кровати, привязанный за шею. Прибежавшие к месту происшествия свидетели видели труп лежащим на полу без каната.

Совокупность всех обстоятельств, предшествовавших событию, вся обстановка действий, наличие орудий убийства, характер ранения, неправдоподобность показаний Самойленко и ее брата, буйное поведение пьяной жены, показания соседей и наконец данные, добытые судебно-медицинской экспертизой, давали полное основание заключить, что:

1) налицо имеется убийство, а не самоубийство, 2) Самойленко, будучи пьяна, в пылу ссоры, многократными ударами молотка по голове довела мужа до потери сознания, 3) задушив потерявшего сознание мужа, она, совместно с братом инсценировала его самоубийство через повешение.

Приговором нарсуда Самойленко была осуждена к 9 годам лишения свободы, а ее брат — на 2 года. Облсуд приговор нарсуда утвердил.

Описанный случай учит, как в результате неумелых действий органов дознания и судебного врача из рук советского правосудия может ускользнуть враг народа, убийца, преступник.

Опыт расследовательской работы, многократные методические указания со стороны прокуратуры, многочисленные материалы, публикуемые в периодической печати и специальных журналах, и живой инструктаж твердо и вразумительно диктуют в расследовательской работе плановость, систему, инициативу, четкость, продуманность.

Такие действия как дезорганизация обстановки, невызов следователя и экспертов, скороспелые заключения, ставки на самотек доказательств, недостаточное изучение обстоятельств, предшествовавших событию, пренебрежение свидетельскими показаниями и т. п.

не могут и не должны иметь место в работе следственных органов. Качество расследования в основном, конечно, зависит от опыта и уменья следователя. Техника раскрытия преступления не допускает трафарета и схемы. Приемы и методы работы возникают в процессе самой работы, все же не одним опытом исчерпываются маневренность действий в работе. Необходимы знания и добросовестность, и наблюдательность, и тщательность в проверке правильности объяснений причастных к делу лиц.

Приведенный выше случай свидетельствует о том, что мы до сих пор недостаточно боремся с такими недостатками в работе как безграмотность, небрежность, поспешность, доверчивость. Наши действия так часто еще пропитаны той «кустарной стряпней», при которой забывается основная наша задача — держать упор на собирание тех достоверных материалов, которые «рентгеновскими» лучами проникли бы во все поры стоящего перед ними объекта и всесторонне осветили бы его для правильных выводов. Это единственный путь устранить загадочность происшествия и уверенно разрешить вопрос — убийство или самоубийство в тех случаях, где он может возникнуть. «Проглядеть дело» означает оставить в нашей среде активно действующего преступника. Каждый работник следственных органов должен проникнуться сознанием, что всякое нераскрытое им по причинам недостаточного и неглубокого исследования и изучения всех обстоятельств преступление, а также неиспользование всех практических и научных методов техники расследования представляют собой ничем не оправдываемый в нашей работе брак. Решительно покончить с ним — дело чести каждого следователя.

С. Кривицкий.

Методы судебно-бухгалтерской экспертизы

Неудовлетворительность судебно-бухгалтерской экспертизы, встречающаяся, к сожалению, достаточно часто в судебной практике, по материалам проводимой органами юстиции борьбы с хищениями общественной, социалистической собственности, имеет одной из основных причин то, что некоторые следователи и судьи не разграничивают судебно-бухгалтерские экспертизы и ревизии.

Этот вопрос в числе других организационных вопросов, связанных с проведением судебно-бухгалтерской экспертизы, освещает приказ Прокуратуры СССР от 7 октября 1936 г. № 61/19 о судебно-следственных экспертизах («Социалистическая законность» № 11, 1936, стр. 94).

Однако, имея в виду существенность затронутого вопроса, следует осветить его с необходимой полнотой.

При назначении бухгалтерской экспертизы некоторые следственные работники ошибочно полагают, что бухгалтер-эксперт должен собрать все доказательства, устанавливающие виновность обвиняемого, а дело следователя—по готовому обвинительному материалу составить обвинительное заключение. Они, таким образом, самоустранились от ведения следствия, перелагая его совершенно неправильно на бухгалтера-эксперта.

Бухгалтер-эксперт в этом случае выполняет функции не эксперта, а ревизора, и его работа представляет по существу не заключение экспертизы, а акт ревизии, показывающий результаты проведенной экспертом, обычно даже неполной, проверки счетных записей, документов и т. д.

Между тем подмена экспертизы актом ревизии совершенно недопустима, особенно когда акты ревизии расцениваются как бесспорное доказательство по делу.

Примечание к ст. 171 УПК прямо предусматривает, что если представленные бухгалтеру-эксперту следователем материалы недостаточны для дачи заключения, он составляет акт о невозможности дачи заключения, и если устанавливается необходимость производства ревизии, то эксперт ее не сам производит (так как иначе он может быть отведен из числа экспертов), а сообщает об этом следователю особой докладной запиской.

Следователь должен обязать хозорганизацию в указанный им срок произвести необходимую ревизию (приказ Прокуратуры СССР от 7 октября 1936 г. № 61/19 о судебно-следственной экспертизе).

Следует напомнить, что эта ревизия должна производиться за счет хозорганизации в отличие от судебно-следственной экспертизы.

Нужно иметь еще в виду и то, что бухгалтерская экспертиза производится экспертом, направленным по вызову следователя местным бюро СБЭ **на основе материалов, имеющихся у следователя,** а бухгалтерская ревизия производится хозорганизацией в ведомственном порядке (или по поручению хозорганизации местным бюро СБЭ) **на основе материалов хозорганизации.**

Таким образом акты ревизии должны являться материалом для последующей судебно-бухгалтерской экспертизы.

Экспертиза является способом проверки ревизии и необходима, главным образом, при серьезном оспаривании обвиняемым первоначальных выводов ревизии, при неполноте или тенденциозности ревизии.

При рассмотрении документов бухгалтер-эксперт должен внимательно изучать вопрос о своевременности счетной записи документов, имея в виду, что при наличии документов трудностей для хорошего бухгалтера в организации счетоводства заново не представится.

Счетным записям, предъявленным эксперту, всегда может быть искусственно придан вид желательный в каждом отдельном случае.

Бухгалтер-эксперт не должен забывать о том, что все его исследования, выводы и заключения должны быть основаны на счетоводстве и его данных. Отступление от этого будет означать извращение самого существа функций бухгалтера-эксперта и будет воспринято следствием и судом как переход границ экспертом той области знаний, в которой он является сведущим лицом, в связи с чем будет обречено на неудачу в целом заключение, представленное экспертизой.

Бухгалтер-эксперт, как и всякий эксперт, не должен быть ни заступником, ни обличителем обвиняемого.

Строгая объективность — главное условие экспертизы.

Поэтому, не поддаваясь никаким впечатлениям от обстоятельств дела («оговор обвиняемого» или «заведомая виновность»), он не должен быть тенденциозным, — пусть бескорыстно; он должен внимательно и глубоко изучить все обстоятельства дела, связанные с поставленными перед ним вопросами, после чего он может представить следствию и суду свое заключение.

Он должен уяснить практическое значение даваемого заключения, которое явится одним из доказательств в судебном процессе, где для защиты данного заключения понадобится не только способность быстро ориентироваться в задаваемых вопросах, но, самое главное, отчетливая осведомленность во всех обстоятельствах дела, связанных с представленным экспертом заключением.

Невнимательность в изучении дела, поспешность в суждениях и растерянность на судебном заседании могут поставить эксперта в весьма невыгодное для него положение.

При смешении в судебно-следственной практике методов бухгалтерской ревизии с методами судебно-бухгалтерской экспертизы бухгалтер-эксперт часто получал весьма неопределенное задание следователя: «Разобраться в учете и отчетности какой-либо организации и сообщить, есть ли там какие-нибудь преступления или нет», — в целях изобличения обвиняемого в преступлениях, еще не установленных следователем.

Он принимался за проверку всего счетоводства этой организации, изучая, чаще всего выборочным путем, отдельные счетные записи, документы, счета и т. д. (так как сплошной проверке все данные учета он подвергнуть, естественно, не мог).

Методы таких «экспертиз», в которых эксперт из сведующего лица превращался в представителя розыска, вне зависимости от их дефектности как методов экспертизы, все же могут быть использованы при выборе методов ревизии бухгалтером-ревизором.

Они имеют своим источником большую практику судебно-следственных органов по изучению способов совершения преступлений с использованием учета и отчетности для сокрытия следов этих преступлений.

Рассмотрим некоторые из этих методов.

При всякой ведомственной ревизии бухгалтер-ревизор в соответствии с постановлением СНК СССР от 15 апреля 1936 г. о документальной ревизии хозяйственных операций, должен произвести глубокую проверку документного хозяйства ревизуемой организации с одновременным изучением счетного и юридического оформления документов.

Бухгалтеру-ревизору, очевидно, можно рекомендовать и проверку обоснованности счетных записей документами, но нужно еще иметь в виду и то, что простая проверка арифметической правильности документов, подсчета итога оборотов по отдельным счетам и сальдо может привести к обнаружению злоупотреблений.

Можно привести относящийся к этому пример из судебной практики народного суда 2 участка г. Уральска, Западноказахстанской области.

Некто Нагорнов работал завхозом и счетоводом уральской городской поликлиники.

В течение всего времени своей работы (около года) он систематически подсчитывал и выставлял в составляемых им на выдачу зарплаты ведомостях неправильные арифметические итоги, произвольно их увеличивая.

Зарплату по этим ведомостям выдавал он же, отчитываясь впоследствии как оправданными документами этими ведомостями с заведомо преувеличенными арифметически неправильными итогами.

Всего им присвоено и растрачено было таким способом около 10 000 руб.

Характерно, что бухгалтер, контролировавший Нагорнова в течение почти года, ничего не обнаружил. Преступление было раскрыто совершенно случайно (дело № 472 1936 г.).

Нельзя предпринимать документальную ревизию в данной организации изолированно от других, соприкасавшихся с ней организаций. Сопоставление документов и записей этой организации с записями и документами встречных организаций тоже может привести к таким результатам.

Счетовод одной из саратовских организаций С., являвшийся одновременно инкассатором, выписывавший счета разным заказчикам этой организации и получавший по счетам деньги, выписывал неправильные, с указанием преувеличенной суммы к получению, подлинные экземпляры счетов, передаваемые им заказчикам. Копии этих же счетов, оставляемые у себя, он составлял правильно.

В результате этого С. переполучил с заказчиков и присвоил в течение длительной мошеннической деятельности 32 000 руб. (С. был осужден Саратовским крайсудом).

Является весьма существенным детальное изучение отчетов подотчетных лиц: особое внимание должно быть обращено на анализ произведенных зачетов излишков в счет имеющихся недостач по совершенно разнородным группам товаро-материальных ценностей, так как с помощью этого зачета часто маскируются имеющиеся в наличии хищения и различные злоупотребления.

Не менее важна проверка записей по счетам скрывшихся лиц. Поскольку эти лица никаких возражений против записи на их счета каких угодно сумм, даже без всякого к тому основания, не заявят, можно замести следы преступников, ничего общего со скрывшимися лицами не имеющих, воспользовавшись списыванием похищенного на них.

Точно также очень важно установление правильности корреспонденции счетов. Неправильная корреспонденция счетов, легко обнаруживаемая бухгалтером-ревизором, может явиться способом выявления злоупотреблений.

Эти, а равно и другие моменты должны быть учтены нашей следственной практикой и бухгалтерами-экспертами.

Любкин.

Военный следователь и специфика его работы

Вопрос о специфике работы военного следователя, поднятый т. Рахлиным в его статье «К вопросу о специфике работы военного следователя» («Социалистическая законность» № 1 за 1937 г.), очень актуален и, по нашему мнению, поставлен на разрешение своевременно.

В следственный аппарат военной прокуратуры РККА каждый год вливаются кадры молодых работников, посвящающих себя работе в органах военной прокуратуры. Часть военных следователей — это бывшие одногодичники, прошедшие небольшую школу освоения военного дела и почти не имеющие юридической практики. Некоторая часть военных следователей имеет достаточную, подчас хорошую военную подготовку, но слабую специальную — юридическую.

Как первым, так и вторым тяжело осваивать сложнейшую работу, возложенную на военного следователя. Объем работы военного следователя не ограничивается расследованием преступлений, предусмотренных соответствующим разделом в уголовном кодексе о воинских преступлениях.

В практике работы военного следователя встречается ряд других преступлений, предусмотренных УК, совершаемых военнослужащими или гражданскими лицами совместно с военнослужащими.

Каждое преступление, совершаемое в рядах РККА, требует от военного следователя, с одной стороны, быстрого, полного и тщательного расследования самого факта преступления и, с другой, установления причин или системы, породившей данное преступление.

Военные следователи, работающие на отдельных участках, кроме своей основной работы, обязаны проводить большую правовую работу, давая красноармейцам, командирам и их семьям квалифицированную юридическую консультацию по всем правовым вопросам. Кроме того, на военного следователя возложена обязанность руководить работой органов дознания, готовить из дознавателей лиц, способных расследовать тот или другой вид преступления с соблюдением соответствующих норм УПК.

Если еще учесть, что военный следователь не всегда имеет возможность пользоваться услугами уголовного розыска или чаще не может ими пользоваться из целого ряда соображений, вытекающих из специфики работы в РККА, а должен сам хорошо знать технику расследования преступлений, то станет ясно, насколько сложна и многогранна работа военного следователя.

Чем же должен руководствоваться молодой работник следственного аппарата военной прокуратуры в своей работе, чтобы овладеть столь сложной ответственной работой? Какие учебники, методические указания и технические средства мы имеем? Надо отметить со всей откровенностью, что в этом вопросе на сегодняшний день для пожеланий имеется огромное место. Прав т. Рахлин, когда он в своей статье говорит, что «вопрос об особенности следственной работы в РККА не нашел почти никакого отражения в юридической литературе». В самом деле, какие учебники и пособия мы имеем для руководства? Имеется у нас криминалистика и техника расследования преступлений. Эти две книжки безусловно ценны, но далеко несовершенны по своей полноте. В технике расследования совершенно отсутствуют разделы о расследовании преступлений при отравлениях, мало освещен вопрос о расследовании преступлений, связанных с огнестрельными ранениями и убийствами, расследовании хозяйственных преступлений, не говоря уже о том, что специфика расследований воинских преступлений совершенно не освещена.

В архивах военных прокуратур имеется несколько инструктивных писем главной военной прокуратуры РККА, которые представляют большую ценность для военного следователя в смысле ориентировки в работе, но они недостаточны, так как освещают только отдельные моменты работы военного следователя, а не систему его работы.

Прокуратурами округов практиковалась работа по организации следственных игр с военными следователями по решению дел различных категорий. На наш взгляд, такая практика ознакомления военного следователя со спецификой его работы не вполне себя оправдывает по двум причинам: с одной стороны, она немного схоластична, оторвана от жизни. Возьмем, например, такую стадию игры, как осмотр места происшествия. Что можно предусмотреть, не видя своими глазами места происшествия? Конечно, часть вопросов можно охватить, но большинство останется невыясненным. Такая практика решения упражнений может приучить военных следователей к схематизму и упрощенству при осмотре действительного места происшествия. То же самое можно сказать и о других этапах решения следственного упражнения.

Вторая отрицательная сторона данного дела — это ограничение следователя временем при решении упражнения, вследствие чего он лишен возможности просмотреть необходимую литературу, циркуляры, положения, уставы и другие руководящие материалы, действующие в РККА.

Материалы, которыми руководствуются военные следователи, — это не только УК и УПК, а еще целый ряд всевозможных приказов, циркуляров, уставов и положений.

Возьмем такой вид преступлений, как хозяйственные преступления в РККА. Ведь практически, ведя следствие по данному делу, не зная положений о войсковом хозяйстве РККА, изложенных в книгах 18, 20-й и др., совершенно нет возможности доброкачественно провести следствие. Разобраться в этих книгах, из общей массы материала выбрать нужные для военного следователя — не всегда легко и не каждому следователю под силу.

Возьмем другой пример — расследование преступления, имевшего место на полигоне, стрельбище, в тире (в большинстве своем так называемые несчастные случаи); не зная детально порядка организации работы на полигоне, стрельбище, в тире, военный следователь не может расследовать преступление данного рода.

Расследование преступлений, имеющих место во время выездов, учений, маневров и т. д., также требует, с одной стороны, полноты и

быстроты расследования, а с другой — больших знаний по организации учений, маневров, выходов и пр. Материалы же по этим вопросам разбросаны в десятках книг. Может ли военный следователь иметь под рукой нужные материалы или знать их наизусть? Конечно, нет. Консультироваться у лиц, которых допрашиваешь, — это значит быть у них на поводу; проконсультироваться у других командиров не всегда представляется возможным, особенно во время учебных сборов, выходов, маневров.

Не является секретом, что часть военных следователей не справляется с возложенной на них работой даже после практической работы, измеряемой годами. Некоторые из них уволены из органов военных прокуратур, некоторые стоят на грани этого. Чем объяснить такое положение? На наш взгляд, это объясняется двумя причинами: с одной стороны, рост технического вооружения Красной армии требует всесторонне технически подкованного военного следователя с большим культурным и политическим кругозором, а с другой стороны, некоторые военные следователи не поняли необходимости культурно-политического роста и овладения техникой своего дела, в результате чего они отстали и не могут справляться с возложенными на них обязанностями даже при наличии известного стажа юридической работы.

Давно назрела необходимость создать учебник-руководство для военных следователей. Разбросанный в десятках книг нужный военному следователю материал необходимо, по возможности, сконцентрировать в 2-3 книжках, которые должны быть написаны популярным, понятным языком. Кто должен заняться этим делом? Нам кажется, что этим вопросом, в первую очередь должен заняться военно-юридический факультет Правовой академии, который, как говорит в своей статье т. Рахлин, еще не подошел к обсуждению этой проблемы. Скажем от себя, что военно-юридический факультет должен не только обсудить эту проблему, но и в ближайшее время решить ее.

Почему бы к этой работе, наряду с научными кадрами академии, в частности военно-юридического факультета, не привлечь практических работников, прокуроров округов, корпусов и следователей, которые имеют соответствующую теоретическую подготовку и ценный опыт, добытый многолетней практикой?

В заключение необходимо отметить, что специфика работ военного следователя требует от него огромного запаса знаний как специальных, так и в целом ряде областей других наук, большой культуры и такта. Нам, военным следователям, этого в большей части недостает. Знания добываются учебой, работой над собой, повседневным повышением своей квалификации, политического и культурного уровня.

Те учебники, которые у нас имеются на сегодня, не обеспечивают должного роста военного следователя.

Военная прокуратура РККА должна заняться вопросом подготовки следственного аппарата, способного выполнить требования, которые к нам предъявляет Сталинская Конституция.

М. Маляров.

Пора покончить с оппортунистическим благодушием

Сталинская Конституция возложила на прокуратуру ответственнейшую обязанность высшего надзора за точным исполнением законов.

Для выполнения этой обязанности в отношении постановлений и распоряжений, издаваемых органами власти на местах, административными и хозяйственными организациями, в составе прокуратуры созданы отделы общего надзора.

В своей надзорной работе отделы общего надзора и районные прокуроры ограничиваются главным образом наблюдением за издаваемыми советами и исполкомами обязательными постановлениями. Надзора же за исполнением законов по организационным вопросам деятельности советов и исполкомов и за точным выполнением ими законов о выборности депутатов, порядке их отзыва и т. д. органы прокуратуры не осуществляют. Только оппортунистическим благодушием можно объяснить то, что, например, в отделах общего надзора Прокуратуры РСФСР и Московской области даже не имеется никаких материалов по этим вопросам, и они не знают, что на местах делается.

В апреле 1937 г. мне в качестве члена бригады КПК при ЦК ВКП(б) пришлось принять участие в проверке работы Мособлисполкома и Калужского городского совета. Проверка выявила ряд фактов грубейшего нарушения советской демократии и социалистической законности.

При проверке избирательных протоколов 1934 и 1936—1937 гг. Калужского городского совета установлено, что больше 20% депутатов избраны с нарушением действовавшего избирательного закона. Несмотря на это, они продолжают работать в качестве членов городского совета.

Эта незаконность выборов заключалась в том, что: 1) выборные собрания открывались при явке менее 50% всех избирателей данного участка; 2) признавались депутатами лица, получившие менее 50% голосов и 3) протоколы избирательных собраний не оформлялись в порядке, установленном избирательной инструкцией ВЦИК.

Мособлисполком из своего состава членов пленума для вновь образованной Калининской области выделил 16 членов и 25 кандидатов, среди которых были люди, которые не проживали и не работали в Калининской области. Из состава Мособлисполкома эти депутаты, «переведенные» в Калининский облисполком, были механически исключены.

Один из них (Воронцев М. П.) впоследствии опять был включен в состав членов пленума Мособлисполкома и участвовал на двух последних заседаниях пленума в 1937 г.

Президиумом Калужского городского совета систематически практиковалась кооптация в состав членов президиума данного заседания пленума недепутатов городского совета. Так, на VI, VIII, IX, XII и других пленумах по предложению председательствовавшего в состав президиума избирались по 5—7 разных должностных лиц, в том числе, например, начальник милиции Горячев, райпрокурор Шел-

ковников и другие, не состоящие депутатами городского совета.

В Калужском городском совете практиковалось лишение мандатских прав депутатов личным распоряжением председателя городского совета. Так была лишена мандата Карпова, выбранная в 1934 г. от неорганизованного населения. Бывший председатель городского совета Рахов лично не выдал ей мандата по тем мотивам, что Карпова до революции несколько месяцев была замужем за полковником. До 1934 г. эта Карпова систематически избиралась в члены городского совета.

Право отвода депутатов осуществлялось исключительно президиумом совета, а не избирателями и при этом с допущением нарушения закона.

Президиум Мособисполкома в феврале 1937 г. в опросном порядке провел отвод двух членов и одного кандидата, не поставив этого вопроса на пленуме.

Постановлением президиума Калужского городского совета от 15 апреля 1937 г. лишены мандатов 6 депутатов по мотивам незаконности их избрания в 1936 г. Об их отозвании вопрос перед избирателями не был поставлен.

В Калужском городском совете на 19 депутатов, числящихся по списку отозванных, и 57 депутатов, состоящих в списке выбывших, нет никаких протоколов об их отозвании или документов о выбытии.

При проверке явочных списков установлено, что в практике Мособлисполкома и Калужского городского совета часто допускалось открытие пленумов с явкой менее 50% членов пленума.

Так, например, двенадцать пленумов Калужского городского совета (из 15) состоялись при явке 35—45% членов городского совета.

V, VI, VII и VIII пленумы Мособлисполкома также состоялись при явке менее 50% всего состава членов. При отсутствии кворума на VII пленуме был решен вопрос о созыве чрезвычайного областного съезда советов.

Председателями Мособлисполкома и Калужского городского совета систематически практиковалось вынесение так называемых «опросных» постановлений по очень важным вопросам, затрагивающим интересы населения. Эти «опросные» постановления подписывались 3—4 членами президиума.

Из 6048 постановлений, принятых президиумом Мособлисполкома за 1936 г., в опросном порядке было принято 4849 постановлений, а за I квартал 1937 г. — 584 из 948.

Прокуратуру Московской области все эти нарушения закона, как видно, не интересовали, и она никому о них даже не сигнализировала, не говоря уже об опротестовании незаконных действий.

Нельзя не остановиться на случаях грубейшего нарушения социалистической законности и при вынесении обязательных постановлений.

В 1936 г. в течение пяти месяцев на улицах, в учреждениях и предприятиях г. Калуги на видных местах висело и действовало обязательное постановление городского совета об устройстве водопровода и канализации и пользовании ими. Этим постановлением все частные и государственные лица под страхом привлечения к уголовной ответственности обязывались экономить расходование воды из водопровода. При этом в постановлении было указано, что лица, виновные в нарушении правил, при пользовании водой из кранов для производственных целей «подвергаются на первый раз штрафу в размере 100 руб. и возмещению убытков в 10-кратном размере, при повторном нарушении привлекаются к уголовной ответственности, как за расхищение общественной собственности».

Это постановление лишь через пять месяцев было опротестовано районным прокурором и отменено городским прокурором, когда Водоканал по этому обязательному постановлению оштрафовал уже 459 разных лиц. Взысканные штрафы до сих пор не возвращены потерпевшим.

В делах этого же городского совета мы обнаружили никем не подписанное, но разосланное «Положение об уличных комитетах», где было сказано, что при уличных комитетах «организуются товарищеские суды, учреждаются ордена «мусорного ящика», «помойной ямы» и т. д.

Эти грубые нарушения закона остались незамеченными органами прокуратуры, что указывает на слабость работы по общему надзору.

Пора покончить с этой беспечностью и благодушием и заставить отделы общего надзора активизировать свою работу по наблюдению за точным выполнением законов во всей широте.

Р. Веселкин.

О замаскированной безмотивности судебно-прокурорских определений и постановлений

Время знаменитого «упрощенчества» в органах юстиции отошло уже давно в область преданий. Теперь никто уже не посмеет заикнуться, в частности, о том, что можно быть хорошим судьей и писать безмотивные приговоры или определения, что можно быть хорошим прокурором и писать безмотивные постановления по жалобам. Все — за обоснованность и подробную мотивировку приговоров, определений и постановлений. Но на деле мы нередко еще встречаемся с грубейшим игнорированием этой, признаваемой лишь на словах, «формальной» стороны крайне важной для правильного разрешения дел по существу. Правда, если говорить только о приговорах, то сейчас уже очень трудно найти совершенно безмотивные приговоры. Зато кассационные определения и прокурорские постановления все еще продолжают сплошь и рядом грешить этим крупным дефектом, лишающим дальнейшие инстанции возможности оценить работу тех лиц, которые выносили данные определения и постановления.

Но это зло явное. Здесь люди, не маскируясь, сами показывают всем и каждому, что им нечего предъявить в обоснование своих решений. С таких людей, собственно, и спрашивать нечего. Это так называемые штамповщики, им некогда или неохота вдуматься, вникнуть в дело и дать ясный, членораздельный ответ на поставленные перед ними вопросы. На нет, как говорится, и суда нет. Таких людей, если они не смогут перестроиться и научиться ра-

гать, очевидно, придется освободить от работы в органах советской юстиции, где требуется самая напряженная, вдумчивая работа, работа и с головой, и с душой.

Есть, к сожалению, еще одно зло, тайное. Это такие определения и постановления, которые по внешнему виду смахивают на мотивированные, но при ближайшем рассмотрении оказываются абсолютно безмотивными. В них не говорится по обычному шаблону: «За отсутствием оснований к отмене приговора (к протесту), кассжалобу (жалобу в порядке надзора) оставить без последствий». Нет, в них говорится, примерно, так: «Принимая во внимание, что осужденный Иванов злоупотребил своим служебным положением, что выразилось в..., что ущерб причинен его действиями в сумме..., а посему признать приговор постановленным правильно и меру наказания соответствующей содеянному...» А дальше уже по приведенному шаблону. Получается на первый взгляд, что и мотивировка есть, и дело тщательно рассмотрено. В действительности же нет часто ни того, ни другого. И главное, нет ответа ни на одно соображение, высказанное осужденным в его кассационной или в надзорной жалобе. Если сопоставить три документа— приговор, кассационную жалобу (или надзорную жалобу) и определение (или постановление), то нередко обнаружится, что, во-первых, жалоба против приговора что-то (правильно или неправильно) выдвигает, определение же или постановление против жалобы ничего не выдвигает; во-вторых, определение или постановление представляет пересказ приговора. Выходит, что жалобщик выступает где-то в безвоздушном пространстве и все, что он возражает, не доходит до глаз и ушей кассационных судей и надзорных работников, к которым он вопиет.

Этот стиль определений, если говорить о Ленинграде, можно найти не только в работе коллегий облсуда, но и в надзорной работе председателя облсуда. Что же касается прокурорского надзора, то на этом участке в Ленинграде можно указать одно «нововведение». Пом. облпрокурора т. Гришин (кстати, прекрасно обращающийся с жалобщиками) выносит длинное определение (на двух печатных страницах), в котором перечисляет, в цитатах, показания осужденного и некоторых свидетелей, приправив их выпиской из кассационной жалобы осужденного. Может быть т. Гришин думает, что вывод напрашивается сам собой. Но, во-первых, надо же ответить на сделанные в надзорной жалобе указания, во-вторых, нельзя же вместо постановления писать нечто вроде обвинительного заключения.

Пора уже бросить маскировку, а свои решения мотивировать так, чтобы жалобщику было ясно, почему его доводы отклонены.

А. Либерман.

Точное установление времени и суммы растраты обеспечивает полноту следствия

Основным дефектом следствия по делам о растратах, как показывает практика, является недостаточная конкретизация обвинений, выдвигаемых против лиц, которые привлекаются по этим делам.

Этот недостаток результат того, что следователи не умеют полностью использовать имеющийся бухгалтерский материал, проанализировать цифры, из которых строится недостача.

В каждом деле о растрате задача следователя — установить факты, удостоверяющие наличие присвоения со стороны подотчетного лица тех или иных ценностей. Это можно установить только в том случае, если следователю удастся доказать, что такой-то товар был продан на сторону, за такой-то день выручка была присвоена и т. п.

Нарследователю Смольнинской прокуратуры г. Ленинграда т. Забежанской удалось в своей работе найти прием, который чрезвычайно помогает ей обнаруживать факты, удостоверяющие присвоение со стороны подотчетников. Тов. Забежанская обратила внимание на то, что по каждому делу о растратах в магазинах обычно затрагивается несколько периодов образования недостачи, минимум два: на какое-то число производится очередное снятие натурных остатков, при этом снятии обнаруживается недостача, зав. магазином снимают с работы. В момент передачи магазина получается новая недостача за тот короткий период, который протекает между первым переучетом, послужившим основанием для снятия с работы зав. магазином, и вторым переучетом при сдаче магазина.

Так как товары в магазинах учитываются лишь в денежном выражении, то при исследовании дел о недостачах основная сложность заключается в том, чтобы выявить те товары, по которым эта недостача могла образоваться.

Так, у т. Забежанской было дело зав. магазином Смольнинского райпищеторга Безрукова, который обвинялся в растрате 11927 руб. Первоначально этот материал поступил в виде акта сверки оборота по магазину, заключения главного бухгалтера и объяснений самого Безрукова. Никаких конкретных моментов, которые говорили бы о причинах образования недостачи, здесь не было. Тов. Забежанская обратила внимание на то, что в деятельности зав. магазином было три периода: первый период около месяца, когда никаких недостач не было, затем период в пять недель, за который была выявлена недостача в сумме 6193 руб., и, наконец, третий период в 5 дней (т. е. тогда, когда уже был решен вопрос о его снятии), за который недостача составила 5028 руб. Так как из анализа сумм и размера самых периодов была видна какая-то нереальность образования недостачи за последние 5 дней, то т. Забежанская подвергла, прежде всего, анализу поступление товаров в магазин для того, чтобы проверить, не могло ли быть такого положения, что какая-нибудь партия товара не была завезена в магазин. Оказалось, что поступление товаров за эти 5 дней было очень незначительным. Тогда был проанализирован оборот по кассовой выручке, причем опять таки обращалось внимание — была ли какая-нибудь резкая разница между ежедневными выручками при сопоставлении этих трех периодов. Опять-таки расхождения оказались незначительными — 100—200 руб. в день, так что произвести присвоение 5000 руб. за 5 дней было невозможно.

Все это заставило думать, что, очевидно, в магазине была проделана какая-то комби-

нация с искажением натурных остатков на моменты предыдущих переучетов, и тогда т. Забежанская произвела проверку поступления товаров за 5 дней.

В чем выражалась эта проверка? Бухгалтерии предприятия было предложено составить сравнительную таблицу, где были бы сопоставлены цифры потоварных натурных остатков на момент обнаружения первой недостачи, поступления товаров за 5 дней и натурного остатка на день сдачи магазина.

Вот при таком сопоставлении, которое вполне выполнимо силами бухгалтерии предприятия, выяснилось, что по целому ряду товаров оказался такой большой расход за 5 дней, который реально не мог иметь места. Такими товарами оказались, прежде всего, масло, по которому разрыв составил 1984 руб., из которых топленого масла было на 719 руб., шоколад (при остатке в 37 пачек расход за 5 дней выразился в 26 пачек), красное вино и папиросы дорогих сортов.

Имея уже конкретно сорта товаров, следователь мог по поводу их вести допрос продавцов магазина. Такая конкретность в допросе дала сразу возможность установить, что топленое масло почти не шло и что в момент переучета в это топленое масло заведующим магазином была влита вода, которую после переучета вылили.

По поводу шоколада было установлено, что зав. магазином этот шоколад систематически раздаривал отдельным женщинам и сам им пользовался. Точно также обстояло дело с дорогими сортами вина, папирос и т. п.

В результате, уже на основе свидетельских показаний и данных сопоставления, зав. магазином должен был признать, что лично он действительно без оплаты пользовался продуктами, причем он сам вынужден уже был признать присвоение в пределах 2000 руб. Но кроме этого признания, таким же порядком выявилась картина систематических пьянок, угощений и т. п. Как оказывается, дело получило совершенно конкретный материал для обвинения зав. магазином в присвоении.

По другому делу тот же нарследователь т. Забежанская, пользуясь тем же методом детального анализа оборота по товарам за короткий промежуток, сумела доказать факт недозавоза товаров в магазин. Это—дело зав. отделом магазина Шамая, обвинявшегося в растрате 3819 руб. Тут точно также следователь обнаружил, что имеют место два периода образования недостачи — месяц с лишним, давший 6135 руб., и 6 дней (период, потребный на то, чтобы выявили результат переучета и поставили вопрос о снятии с работы), в течение которых недостача выразилась в 2878 руб.

Опять таки, проверяя оборот товаров за последние 6 дней, т. Забежанская доказала, что, например, такой товар, как рис, значится в продаже в количестве 240 кг, в то время как показаниями всех возможных свидетелей было доказано, что за 6 дней продажа риса при самом максимальном расчете не могла превысить в данном магазине 40—50 кг.

Помимо риса, в таком же положении оказался и ряд других товаров.

Этот материал дал основание подвергнуть более детальной проверке свидетельскими показаниями порядок завоза товаров в магазин. Было установлено, что для отдела товары получал лично Шамая. На склад за товарами ездил он очень часто, причем было доказано, что «уехав за товарами», он фактически ничего не привозил в магазин, хотя расписки на прием товара в кладовой все-таки оказались, и что кроме того у него есть связь с целым рядом зав. магазинами, которым он и спускал продукцию для продажи на сторону.

Особенно интересно применение метода проверки, который применяется т. Забежанской, в делах об обсчете покупателей. По делу зав. магазином Бажулина первоначально к следователю поступило заявление зав. ларьком, торговавшего от этого магазина, о том, что Бажулин обсчитывает потребителей. Конкретно факт обсчета, по словам заявителя, выражается в том, что Бажулин в течение сентября отпускал в ларек сельди по повышенной на 12% цене, т. е. отпускал сельди как 3-й сорт, в то время как они были ниже третьего сорта.

Это заявление зав. ларьком сделал лишь в ноябре, ссылаясь на то, что раньше он об этом обсчете не знал и это стало ему известно случайно при просмотре документов.

Когда первоначально бухгалтерии было предложено проанализировать оборот по магазину для того, чтобы сказать — действительно ли такой обсчет был, бухгалтерия дала заключение, что по документам ничего установить нельзя, так как в продаже в магазине были и третьи сорта сельдей и ниже качеством, причем общая масса товаров в магазине была такова, что восстановить весь оборот невозможно.

Это не остановило следователя. Тов. Забежанская предложила прежде всего проверить когда был последний переучет перед сентябрем и какой был остаток сельдей на этот момент. Оказалось, что переучет был произведен 28 августа и остаток сельдей выразился всего в 94 кг. Затем сельди 3-го сорта поступили лишь 26 сентября и в то же время 5—8 сентября в магазин поступили лишь сельди пониженного качества, которых за эти два дня было получено 2391 кг. После этого нужно было лишь просмотреть документы на отпуск сельдей в ларек и, конечно, оказалось, что ларек в течение сентября (до 26 числа) получил из магазина 1803 кг сельдей, которыми и торговал по ценам 3-го сорта, т. е. документально доказано, что зав. магазином Бажулин сельди пониженного качества обманно отпускал в ларек под видом сельдей 3-го сорта.

Приведенные примеры доказывают, что анализ оборота по товарам всегда дает следователю достаточный материал для того, чтобы на конкретных фактах показать, что недостача является результатом не какой-либо случайной ошибки в расчетах, а прямого присвоения или расхищения социалистической собственности. Поэтому необходимо требовать, чтобы в каждом деле следователь занимался таким анализом, причем эту работу можно вполне выполнить при помощи бухгалтерского аппарата.

Конечно, для того, чтобы пользоваться таким материалом, нужно, чтобы следователь, в свою очередь, знакомился с техникой бухгалтерского дела, не пугался бухгалтерских выкладок и ведомостей и имел хотя бы общее представление о том, как строился учет по каждому предприятию, по которому ему приходится вести дело.

Вяткин.

Еще о протоколах судебных заседаний[1]

В № 3 «Социалистической законности» за текущий год т. Лукьянович, касаясь вопроса изготовления протоколов судебных заседаний, доказывает, что поскольку в законе «не сказано, как должны писаться протоколы, и, одновременно, в УПК нет указания, что протокол должен быть готов к концу судебного заседания, — нет основания препятствовать изготовлению протоколов не от руки, а на пишущей машинке». С точкой зрения т. Лукьяновича согласиться нельзя.

Протоколы, согласно ст. 75[1] УПК (УССР), ведутся в судебных заседаниях, где, разумеется, не может быть речи об использовании секретарем машинки.

И в судебном же заседании, вопреки мнению т. Лукьяновича, протокол должен быть секретарем доведен до конца, иначе не было бы выполнено требование закона (ст. 78 УПК УССР), согласно которому в протоколе отмечается не только время открытия судебного заседания, но и его окончание, не только ход судебного следствия, но и предоставление подсудимому последнего слова и, больше того, разъяснение ему порядка обжалования приговора **после его вынесения.**

Ссылку же на ст. 81 УПК (РСФСР), говорящую, что протокол должен быть готов и подписан в течение трех дней после заслушания дела, следует признать неверной, ибо в данном случае речь идет о сообщении протоколу в названный срок **окончательной редакции** после просмотра его председательствовавшим в судебном заседании, внесения им (если встретилась надобность) соответствующих поправок и удостоверения своей подписью правильности протокола.

Тов. Лукьянович считает, что, как бы ни был квалифицирован секретарь, он никогда «полностью не схватит всех основных вопросов, которые проходят на судебном заседании».

Думаю, что это не так.

Именно квалификацией секретаря и определяется как полнота, так и качество изготовленного им судебного протокола, идеального же совершенства последнего от секретаря и не требуется.

Наоборот, предполагать, что после судебного заседания тот же секретарь сумеет лучше и обстоятельнее написать протокол, будет совершенно неверно, ибо это явилось бы ничем не оправдываемой ставкой на память секретаря, особенно если принять во внимание, что по условиям своей работы, вообще, секретарь не сможет приступить к такому составлению протокола непосредственно после судебного заседания, а сделает это спустя известный промежуток времени и часто после того, как просидит за составлением протоколов еще одного-двух (а то и больше) судебных заседаний.

Очень спорно, насколько полно сохранит в своей памяти секретарь для составления протокола все существенные моменты протоколируемого спустя некоторое время заседания.

И нужно ли сомневаться, что в этом последнем случае секретарь допустит куда больше ошибок.

Само собой разумеется, что при всех условиях может потребоваться председательствующему внести в протокол секретаря те или иные поправки, но если бы их оказалось и значительное количество, смею думать, что предпочтительно иметь не совсем культурный на вид такой протокол, чем изготовленный культурно (на машинке), но после судебного заседания,—поскольку содержанию протокола (в отношении его точности) все же надо отдать предпочтение перед формой.

Наконец, можно согласиться, чтобы там, где суд располагает соответствующими техническими средствами, к делу прилагался бы и протокол, переписанный на машинке, но с оригинала, изготовленного в самом судебном заседании, и непременно, наряду с этим последним, со всеми внесенными в него и оговоренными изменениями, дополнениями и пр.

И. Аптекарь.

[1] В порядке обсуждения.

Недостачи грузов по отправкам, производимым за весом отправителя

Значительное количество недостач, констатируемых хозорганами по прибывающим грузам, приходится на погрузки, производимые железной дорогой за весом отправителя. Предъявляя по обнаруженным недостачам претензии и иски, получатели наталкиваются на самое разнообразное понимание этих отправок судами и с большим трудом, да и то не всегда, добиваются успеха по своим искам. Причина столь трудного прохождения упомянутых исков заключается в том, что получатель груза, сданного к перевозке за весом отправителя, не всегда имеет возможность принять этот груз от железной дороги по весу и оформить недостачу коммерческим актом. Не располагая коммерческим актом, получатель груза лишен возможности со своей претензией обратиться к железной дороге, а обратившись к поставщику, получает, как правило, отказ, мотивируемый тем, что поставщик ответственности за целость и сохранность грузов в пути не несет. Не легче положение получателя и в тех, сравнительно редких случаях, когда, оформив недостачу коммерческим актом, он обращается со своей претензией к железной дороге. Не будучи в состоянии установить действительный вес принятого к перевозке груза, получатель оказывается вынужденным при исчислении объема недостачи исходить из предположения о том, что вес, указанный отправителем, является правильным.

Все эти трудности самым отрицательным образом отражаются на интересах хозорганов и безусловно заслуживают того, чтобы остановиться на них более подробно.

Рассмотрим сначала те случаи, когда недостача груза, сданного к перевозке за весом отправителя, не оформлена коммерческим актом.

Известно, что в силу ст. 45 Устава железных дорог и телеграммы заместителя начальника управления эксплоатации от 23 октября 1935 г. за № ЦДК—6013 железная дорога перевешивает только 10% суточного прибытия грузов,

сданных к перевозке за весом отправителя, при условии прибытия этих грузов на станцию назначения в исправных вагонах и за исправными пломбами станции отправления. Получив без перевески груз, получатель при проверке его собственными средствами обнаруживает недостачу, фиксируя ее внутренним актом. Претендовать в этих условиях к железной дороге у него нет никаких оснований и ему, волей-неволей, приходится предъявлять свой иск к поставщику, констатируя его как иск о недостаче против счета.

Какими же фактами и соображениями должны обосновываться эти иски?

Нам кажется, что факт прибытия груза, сданного к перевозке за весом отправителя, в исправном вагоне и за исправными пломбами, создает законное предположение о том, что груз этот не мог быть утрачен в пути, а был недогружен с места с выпиской поставщиком счета на большее количество товара, чем им фактически было отправлено. Это законное предположение устанавливается тем более прочно и незыблемо, что в делах этого рода отсутствуют какие бы то ни было объективные доказательства того, что данный груз был сдан железной дороге именно за тем весом, который указан отправителем в накладной. Ни железная дорога, ни другой какой-либо незаинтересованный орган этого веса не проверяли, а с другой стороны, товар не мог быть утрачен и в пути, поскольку наличие исправных вагонов и неповрежденных пломб говорит о том, что никакого доступа к товару посторонних лиц во время перевозки не было. Остается, стало быть, одно лишь предположение, которое и должен делать получатель, именно — что товар был недогружен с места.

Опираясь на это предположение, истец наталкивается обычно на возражения о том, что рекламируемый по количеству товар взвешен был истцом у себя на складе и что нет поэтому никаких гарантий в том, что товар этот не был расхищен или утрачен по пути со станции железной дороги на склад истца. Подобное заявление ответчику тем легче делать, что составленный на складе получателя внутренний акт действительно оставляет открытым вопрос о том, что делалось с грузом в промежуток времени от момента приемки его на станции назначения и до перевески его на складе получателя. И в самом деле, груз, полученный на станции назначения за надлежащим весом, вполне мог быть по дороге с вокзала на склад продан на сторону недобросовестными агентами получателя. Отсюда—контрвозражения истца о том, что у него на складе перевешено было именно то количество товара, которое было выдано ему железной дорогой, и что никакой утраты груза за время следования его с вокзала на склад не было.

Возникает вопрос, как доказать истцу тот факт, что ни хищения, ни утраты груза после выдачи его железной дорогой не было?

Мы думаем, что сделать свое утверждение доказанным истец может лишь при наличии одного из следующих:

а) если перевеска груза будет организована не на складе получателя, а на самой железнодорожной станции непосредственно после разгрузки вагона и притом с участием представителя третьей, незаинтересованной организации;

б) если привлекаемый к участию в составлении внутреннего акта на складе получателя представитель третьей, незаинтересованной организации присутствовать будет не только при перевеске груза на складе, но также и при получении груза из вагона и при сопровождении его с вокзала на склад.

Поскольку организовать перевеску груза средствами получателя на железнодорожной станции абсолютно невозможно, остается, как будто бы рекомендовать получателям количественную приемку грузов, идущих за весом отправителя, производить согласно второму варианту, т. е. с участием представителя третьей организации, незаинтересованной в сопровождении груза с вокзала на склад. Нетрудно, однако, видеть, что этот вариант в такой же мере неосуществим, как и первый, поскольку среди сотрудников «незаинтересованных третьих организаций» вряд ли найдутся охотники тратить время на сопровождение груза с вокзала на склад получателя.

Отсюда, стало быть, совершенно очевидна невозможность наладить в данных условиях сколько-нибудь доказательную актацию недостач по грузам, прибывающим за весом отправителя. Как следствие отсюда — неизбежные отказы получателям в исках о недостачах прибывающих за весом отправителя грузов.

Не приходится доказывать, что подобное положение является совершенно нетерпимым и что выход из него может и должен быть найден.

Этот выход мы усматриваем в создании специального института государственных инспекторов по количеству, которые:

а) либо удостоверяли бы правильность веса сдаваемого отправителем к перевозке груза;

б) либо, при отсутствии таких удостоверений, принимали бы участие в приемке на станции назначения, в сопровождении его на склад получателя и перевеске его средствами последнего на складе.

Наличие удостоверения госинспектора о правильности веса в первом случае — в условиях прибытия груза в исправном вагоне и за исправными пломбами — исключало бы всякую возможность предъявления исков о недостаче, а участие госинспекторов в приемке, сопровождении и перевеске груза во втором делало бы иск о недостаче абсолютно доказанным.

Переходим к случаям, когда груз, сданный к перевеске за весом отправителя, прибыл в неисправном вагоне или за поврежденными пломбами и поэтому подвергся перевеске или же, хотя и прибыл в исправном вагоне и за исправными пломбами, но взвешен был потому, что попал в счет того 10%-го суточного прибытия, о котором сказано выше.

Результаты перевески показывают, что груз прибыл с недостачей. Если при этом вагон и пломбы оказываются исправными, то иск в этих случаях конструируется, согласно вышесказанному, как иск о недостаче против счета и предъявляется к поставщику. Иначе конструируется претензия получателя в случаях, когда при перевеске груза обнаруживается неисправность вагона или пломб. В этих случаях при отсутствии оснований для освобождения железной дороги от ответственности по ст. 68 Устава железных дорог претензия предъявляется к железной дороге, которая соответ-

ственно и должна будет возместить получателю понесенный им ущерб. К такому выводу, помимо общих соображений об ответственности железной дороги, нас обязывает также и та несомненная истина, что с точки зрения ст. 68 Устава железных дорог отправка груза за весом отправителя не является сама по себе обстоятельством, освобождающим железную дорогу от ответственности.

Возникает, однако, вопрос: как доказать истцу действительный объем недостачи, если по характеру своему эта недостача является чисто весовой?

Острота этого вопроса определяется тем, что объективно проверенных данных о действительном весе сданного к перевозке груза в этих случаях, как мы видели, не бывает. Мы думаем поэтому, что истцу в этих случаях не обойтись без метода законных предположений, который подсказывает нам, что здесь необходимо допустить предположение о том, что груз был сдан железной дороге к перевозке за правильным весом отправителя. Допустимость такого предположения возражений вызывать не может и оправдывается тем, что от железной дороги зависело произвести, на основании ст. 32 Устава железных дорог, проверку веса, указанного отправителем, чего ею, однако, сделано не было.

А. Фрешкоп.

Судебное решение по гражданским делам, его вынесение и оформление[1]

(К пересмотру Гражданского процессуального кодекса)

Решения по гражданским делам, как известно, выносятся немедленно по заслушании дела и лишь в исключительных случаях—при особой сложности дела—изготовление мотивированного решения может быть отложено на срок не более трех дней (ст. 177 ГПК). Но даже и в этом последнем случае суд обязан по букве закона объявить сторонам резолютивную часть решения (т. е. наиболее существенную во всем решении) в том самом заседании, в котором дело закончено слушанием (там же). Таким образом, независимо от сложности дела, от количества фигурирующих в нем фактов и от трудности возникших у суда проблем правового характера, суд не имеет права достаточно обстоятельно обдумать выносимое им решение: ст. 177 ГПК требует прямого и немедленного ответа—**да** или **нет**. Что бы ни случилось, суд обязан зафиксировать бесповоротно свое суждение без возможности внести впоследствии какое бы то ни было изменение в объявленную уже им резолюцию.

Вряд ли такой порядок следует сохранить в нашем будущем ГПК.

Кто из судебных работников не испытал чувства досады, мук неудовлетворенности и недовольства самим собой, когда, допустив по недосмотру лишь одну единственную и притом простую и элементарную ошибку и объявив решение, потом, поразмыслив на досуге, еще разок перелистав дело или прочитав толковую кассационную жалобу на собственное решение, вдруг открывает Америку в том месте, где она всегда находилась и до настоящего дня пребывает.

Но печальнее всего не эти судейские переживания и покаяния наедине с самим собой, а та громадная затрата времени, человеческих сил и государственных материальных средств, с которой неизбежно связаны недодуманные до конца мысли, непроверенные факты, не принятые во-время во внимание узаконения,—одним словом все то, что породило неправильное, а иногда и нелепое решение.

Следует установить такой, примерно, порядок: по заслушании дела суд в совещательной комнате составляет (немедленно или, при сложности дела, не позднее трех дней) **проект** решения; проект этот судом вовсе не оглашается, но в течение двух дней лица, участвующие в деле, имеют право познакомиться с проектом и подать суду письменный отзыв, указывая в нем пункты, по их мнению нуждающиеся в поправках, дополнениях или вообще в изменениях, независимо от того, касаются ли они исторической части решения или резолютивной; суд, ознакомившись с отзывами (если они поданы), в двухдневный срок выносит окончательное решение и объявляет его публично.

При таком порядке вынесения решения кассационный срок можно было бы в целях ускорения темпов процесса сократить до пяти дней.

Предлагаемая реформа дала бы немалую экономию времени и средств. Конечно, она потребовала бы усиления деятельности и пропускной способности секретариата и канцелярии суда (предъявление тяжущимся или их поверенным проекта решений, принятие от них отзывов и т. д.). Она заставила бы нас пожертвовать внешней эффектностью судебного процесса по гражданским делам. Для присутствующей в зале публики он лишился бы наиболее занимательной части своего эпилога.

Но... мы, советские люди, умеем, когда нужно, внешнему блеску предпочесть серьезное и нужное мероприятие.

А. Винавер.

Об одном донесении одного районного прокурора

Прокурор одного из районов Курской области прислал Прокурору Союза донесение, насыщенное целым рядом интересных фактов.

Тайное хранение обрезов, взяточничество, нарушение устава сельхозартели, растраты, самоснабжение—все это, невзирая на лица, оказалось в поле внимания районного прокурора.

Такое донесение представляет исключительную ценность. Оно свидетельствует о том, что районный прокурор не оторван от жизни района во всех ее многообразных проявлениях, что он имеет актив, который сигнализирует ему о нарушениях революционной законности, где бы они ни происходили — в далеком колхозе, селе, потребительской лавке или в руководящем районном учреждении, что надзор за законностью осуществляется в районе «независимо от каких бы то ни было местных органов».

К сожалению, донесение написано с вопиющей безграмотностью, в совершенно недо-

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

пустимом тоне, которые в значительной мере обесценивают его бесспорные деловые качества.

Для иллюстрации приведем текстуально хотя бы несколько цитат из донесения.

«... базою этой антисоветской пошлости является прежде всего то, что руководители районных организаций на эту зловонь смотрят, как на тройной одеколон — «пахнет и ладно...»

«... живут они душа на распашку — масло всеми способами течет замурованными каналами и в результате превращается в простую формулу комбинация — масло — деньги — карман (К-М — Д-К)..»

«...который молитвами своего патрона Бакланова ревизовал почти три месяца... прямо (без малейшего стыда — при наличии полной наглости — карандашем, простым, напишут акт, который подписан одним бухом) несут в прокуратуру...»

«...эта кулачка сейчас руководит мужем, крупорушкой и сельскими руководителями, которые пьют в ее хате...»

«...больше того, до сего время свистит обвинительный уклон...»

«...этот вельможа высоко себя несет...»

«...антисоветская зараза, архифеодальная практика продолжает иметь место...»

«...правда сейчас я его остудил, но в прошлом году он позволял себе распускать слабость кулаков — рук своих...»

«...а эта штукенция имеется, я уверен».

Мы могли бы значительно увеличить количество цитат, в которых общая безграмотность, бессмысленный набор слов конкурируют со стилистическими перлами, заимствованными у героев Зощенко, но полагаем, что и приведенное в достаточной степени характеризует «литературный вкус» и культурный уровень автора донесения.

Общая грамотность автора на столь же низком уровне.

Районный прокурор пишет «приступление», «дошол», «своекорыстный характер», «помошник», «бомбандируют», «двое судьев» «шуткий». Совершенно не к месту ставит знаки препинания, которые калечат фразу и извращают смысл.

Если так пишутся донесения Прокурору Союза, где каждая фраза, каждое слово, вероятно, взвешивались, то можно себе представить, как выглядят документы, направляемые районным прокурором учреждениям и лицам рангом пониже.

Самое печальное заключается в том, что районный прокурор не сознает своей исключительной безграмотности и, когда Прокуратура Союза с максимальной мягкостью указала ему на безграмотность его донесения, он счел необходимым оспаривать это. При этом автор донесения объясняет, что ошибки получаются у него «не потому, что я в этой части круглый невежда, а потому, что в торопях всегда пишу. Послав вам донесение — не проверенный черновик».

Считая свои ошибки случайностью, районный прокурор позволяет себе даже выступать в роли обличителя чужой безграмотности.

«...следственные акты, — читаем мы в этом же донесении, — пишутся так неряшливо, безграмотно, что приходится с огромным трудом устанавливать смысл изложенного, содержания в протоколах, в обвинительных заключениях».

Вот в какое ложное положение ставят себя товарищи, у которых отсутствует критическое отношение к себе.

Мы считаем необходимым рекомендовать автору донесения задуматься над своим положением, самым серьезным образом заняться самообразованием, систематическим чтением классиков нашей литературы — Пушкина, Толстого, Горького, классиков марксизма — Ленина и Сталина, чтобы научиться у них великому искусству просто, сжато и ясно излагать свои мысли.

В противном случае найдутся охотники, которые, выражаясь языком донесения, «остудят» литературный пыл автора, укажут ему, что «базой его пошлости» и критики чужой неграмотности является отсутствие «малейшего стыда при наличии большой наглости»...

Ш.

О частных жалобах по уголовным делам[1]

О частных жалобах на определения народного суда в Уголовно-процессуальном кодексе говорится довольно мало. В ст. 346 указано, что подача жалобы на всякое частное определение суда (т. е. не на приговор) приостанавливает приведение в исполнение обжалуемого определения лишь в тех случаях, когда народным судом или народным судьей это будет признано необходимым по обстоятельствам дела. Не подлежат обжалованию определения о наложении взысканий за нарушения порядка в зале судебного заседания, определения о принятии мер пресечения, выносимые при неявке подсудимого в суд без уважительных причин, и определения по тому же вопросу, выносимые одновременно с обвинительным приговором.

Ст. 348 УПК присоединяет к числу определений, не подлежащих обжалованию, те, которые выносятся судом по ходатайствам об освобождении свидетелей, экспертов и переводчиков от взысканий за неявку в суд.

Таким образом, все остальные определения суда, не включенные в приговор, могут быть обжалованы в частном порядке.

Согласно ст. 431 УПК, частные жалобы рассматриваются в судебном заседании без вызова сторон, но стороны, если они явятся в заседание, должны быть допущены к даче объяснений.

В ст. 349 УПК буквально сказано следующее: «Жалобы на приговоры народного суда могут быть принесены каждой из заинтересованных сторон исключительно лишь по поводу формального нарушения прав и интересов данной стороны при производстве по делу или рассмотрении дела на суде, именуются кассационными жалобами и не могут касаться существа приговора. Все остальные жалобы, приносимые на определения народного суда и постановления народного судьи, именуются частными жалобами».

Из сопоставления этих двух частей ст. 349 УПК необходимо притти к выводу о противопоставлении кассационных и частных жалоб в

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

одном отношении: в то время как кассационная жалоба может быть принесена только стороной в процессе («стороной» в том смысле, как она понимается в п. 6 ст. 23 УПК), частная жалоба может быть принесена и не стороной, а всяким другим заинтересованным лицом, которого касается определение суда. В частности, такими лицами являются свидетели, эксперты и т. д.

Нам хотелось бы в настоящей статье коснуться права на подачу частной жалобы со стороны лица, которое не является стороной в смысле ст. 23 УПК и которое не подходит под понятие остальных лиц, в отношении которых, согласно УПК, суд может выносить свое определение. Это—лица, привлекаемые судом к уголовной ответственности особым определением, которые либо вовсе не имели никакого отношения к данному делу до вынесения судом определения, либо участвовали в этом деле в качестве свидетелей. Мы имеем в виду случаи, предусмотренные ст.ст. 315 и 316 УПК. Первая из этих двух статей предусматривает привлечение ранее не участвовавших в деле лиц к уголовной ответственности независимо от судьбы данного дела, а вторая из этих статей имеет в виду тот случай, когда дело направляется к доследованию, с привлечением к ответственности новых лиц.

Обращаем внимание на то, что, согласно ст. 315 УПК, суд, вынося мотивированное определение о привлечении того или иного лица к ответственности, направляет дело для расследования, предания суду и рассмотрения отдельно от данного дела в общем порядке, о чем объявляет привлеченному к ответственности лицу.

Итак, возможен случай, когда при рассмотрении дела суд, усмотрев наличие преступления со стороны лица, не находящегося в зале судебного заседания, одновременно с вынесением приговора по делу или до вынесения приговора по делу выносит определение о привлечении к ответственности этого отсутствующего лица. Это отсутствующее лицо узнает об этом, получив копию определения суда.

Второй случай. Лицо, участвовавшее в судебном заседании, — допустим, в качестве свидетеля — привлекается к ответственности одновременно с направлением дела к доследованию в отношении наличных обвиняемых, причем дело откладывается. Бывший свидетель тут же, при объявлении определения суда, узнает о том, что против него возбуждено уголовное дело.

Могут ли эти лица, относительно которых вынесено определение суда о привлечении их к уголовной ответственности, обжаловать это определение перед кассационной инстанцией путем частной жалобы в порядке ст. 349 УПК?

Вопрос этот имеет очень большое практическое значение. Если признать, что приносить частные жалобы могут только стороны, то совершенно очевидно, что лица, привлекаемые к ответственности определением суда, не могут приносить жалобы на это определение, а обязаны безропотно переносить на себе процедуру пребывания под следствием, хотя бы, допустим, в их действиях, за которые их суд привлек к ответственности, нет состава преступления или вообще по тем или иным причинам определение суда о привлечении их к ответственности было явно ошибочным. В таком случае они могут охранять свои права лишь в качестве подследственного, принося жалобу на действия следственного органа в установленном порядке.

С такой точкой зрения нам пришлось столкнуться на практике. Народный судья не пожелал принять частной жалобы от лица, привлеченного им к уголовной ответственности при направлении дела к доследованию и заявил:

«Да где же в УПК сказано, чтобы такое лицо могло приносить жалобу на определение суда? Ведь он же не сторона, а жалобу могут приносить только стороны».

Мы уже указывали, что в ст. 349 УПК как будто различаются стороны, которым присвоено право принесения кассационных жалоб, и жалобщики по прочим жалобам, которыми, очевидно, могут быть не только стороны. Однако эта разница в действующем УПК не проведена с достаточной полнотой и категоричностью. И действительно, на первый взгляд может показаться, что лицо, относительно которого вынесено определение суда о привлечении его к уголовной ответственности, не может приносить частной жалобы на это определение суда.

Такая точка зрения по существу должна быть признана неправильной: право подачи частной жалобы на всякое определение суда должно быть признано за каждым лицом, право которого нарушается или стесняется вынесенным определением, независимо от того, вынесено ли данное определение о привлечении к уголовной ответственности отдельно от данного дела или же оно вынесено в связи с данным делом при отложении его и направлении к доследованию.

Все права, которые принадлежат лицу, привлекаемому — по его мнению неправильно — к уголовной ответственности, в смысле обжалования действий соответствующих органов власти должны быть признаны и за лицами, которые привлекаются к ответственности судом первой инстанции в порядке особого определения. Из-за того, что это определение вынесено судом, нельзя считать урезанными права гражданина, желающего доказать, что данное определение основано на ошибке, на недоразумении (например, одно лицо перепутано с другим), на неправильном применении закона (скажем, при отсутствии состава преступления) и т. д.

Но здесь возникают вопросы процессуального порядка. Как мы уже упоминали, ст. 346 УПК предусматривает, что подача жалобы на определение народного суда или постановление народного судьи приостанавливает приведение в исполнение обжалуемого определения или постановления лишь в тех случаях, когда это признает необходимым по обстоятельствам дела тот самый суд, который вынес это определение. Таким образом, получается, что даже принятие частной жалобы на такое определение суда не приостанавливало бы направление дела к следственному органу, что является явным и неустранимым противоречием.

В силу изложенного нам представляется, что соответствующие положения УПК о допущении частных жалоб на определение народного суда по уголовным делам изложены недостаточно полно, недостаточно ясно и довольно противоречиво. Но УПК СССР должен содержать в себе совершенно определенное приз-

нание права каждого лица, интересы которого задеты определением народного суда по уголовным делам, приносить жалобу на это определение в установленный срок в высшую инстанцию с обязательным направлением туда всего производства по делу в самый короткий срок.

Для лица, узнающего о привлечении его к уголовной ответственности при получении им копии определения суда, срок на обжалование этого определения должен начинаться с момента получения им копии этого определения. Между тем в настоящее время такие лица узнают о привлечении их к ответственности только тогда когда они вызываются для допроса в соответствующий орган дознания или следствия.

А. Кирзнер.

Старая погудка на новый лад

(По поводу циркуляра НКЮ СССР № 31 от 31 марта 1937 г.)

В № 8 «Советской юстиции» за текущий год опубликован вышеназванный циркуляр. Из имеющихся в нем 11 пунктов нас интересуют только пп. 6 и 7, которые мы частично приводим вместе с вводной статьей.

«На основании ст.ст. 102 и 104 Сталинской Конституции и в соответствии с Положением о Народном комиссариате юстиции Союза ССР обязанностью судов является рассмотрение конкретных судебных дел, в связи с чем устанавливается, что в компетенцию председателя Верховного суда союзной и автономной республики входит:

«6. Истребование, по согласованию с Народным комиссариатом юстиции, группы дел, как уголовных, так и гражданских, в целях обобщения судебной практики и для надзора за судебной деятельностью судов...».

«7. Обследование судебной работы на местах и вызов судей в Верховный суд по поводу их судебной деятельности может иметь место только по согласованию с Народным комиссаром юстиции...».

На 56 пленуме Верховного суда Союза ССР т. Крыленко говорил: «Верховные суды союзных республик и Верховный суд СССР являются по конституции органами судебного надзора, и в этом заключаются их функции». Это, конечно, не совсем так. Но не в этом сейчас дело. На том же пленуме т. Крыленко декларировал: «НКЮ согласен с тем, что Верховный суд СССР и верховные суды союзных республик имеют право требовать от судов для проверки целые группы дел по отдельным категориям преступлений и исправлять неправильно решенные дела в порядке надзора...» («Советская юстиция», 1937 г., № 5, стр. 13). Получается нескладно.

Прежде всего один вопрос: почему признанное 16 декабря 1936 г. самим т. Крыленко за верховными судами Союза ССР и союзных республик неограниченное право затребования дел в порядке надзора с 27 марта 1937 г., т. е. через 3 мес. 11 дней, переводится в разряд «лицензионного»[1] права? Какие факты, обстоятельства объясняют такой резкий на 180° поворот?

На Верховный суд Союза ССР по ст. 104 Конституции Союза советских социалистических республик, на Верховный суд РСФСР по ст. 109 Конституции Российской советской федеративной социалистической республики соответственно «возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик» и «... РСФСР, автономных республик и областей».

Согласно циркуляру, о котором идет речь, выходит, что для выполнения верховными судами возложенных на них конституциями обязанностей они в каждом отдельном случае должны действовать «по согласованию с Народным комиссариатом юстиции».

Между тем ограничения, которые вводит своим циркуляром Наркомюст СССР, не находят себе опоры в законе. Действующее законодательство не предоставляет Наркомату юстиции права требовать того, чего требует его упомянутый циркуляр в пп. 6 и 7. Положение о Народном комиссариате юстиции Союза ССР (С. З. 1936 г., № 62, ст. 455) — вот предел его компетенции. И в этом положении о Наркомюсте СССР мы не находим ни прямых, ни косвенных указаний на то, что Наркомюст вправе ставить Верховному суду Союза ССР и верховным судам союзных республик какие бы то ни было условия при исполнении ими своих обязанностей в силу велений основного закона. Значит...

27 июля прошлого года в «Правде» т. Крыленко писал: «Верховный суд как судебный, а не управленческий орган, должен будет осуществлять лишь судебный надзор...». Тогда не было сказано, что осуществлять этот надзор придется «по согласованию с Народным комиссариатом юстиции». Правда, тогда же и там же т. Крыленко в отношении проведения через наркомюсты союзных республик управленческой работы писал, что «Наркомат юстиции СССР будет в этом отношении действовать в точном соответствии с законом...» (Sic!). Мы убеждены в том, что «Организация Союзно-республиканского Наркомата юстиции создает все необходимые предпосылки для еще большего повышения авторитета советского суда и укрепления социалистической законности» (К р ы л е н к о. «Правда», 27/VII 1936 г.). Но для этого необходимо, чтобы Народный комиссариат юстиции СССР действовал строго в пределах своей компетенции, «в точном соответствии с законом».

С. Вайсман.

Об адвокатуре и юрисконсультах

Вопрос об адвокатах и юрисконсультах в настоящее время остро волнует огромную армию юристов.

Проблема эта давно уж ждет своего разрешения.

Тысячные массы юристов жадно ловят каждое новое слово в этой области.

Не только юристам, но и гражданам нашей страны далеко не безразлично как будет строиться защита.

Казалось бы, юридическая пресса должна была развернуть широкую дискуссию. Между тем статьи, посвященные этому вопросу, во всех юридических журналах единичны, а по сути дела недостаточно принципиальны и злободневны.

[1] В порядке обсуждения. — Р е д а к ц и я.

Редакция журнала «Социалистическая законность» больше и серьезней других занимается проблемой адвокатуры.

Тов. В. Дубровский в № 1 журнала 1937 г. ставит капитальные вопросы и на наш взгляд в основном дает более или менее правильное их разрешение.

Конечно, термин «адвокат» более приемлемый и более правильный, нежели «защитник». Здесь спорить нечего.

Касаясь личного состава теперешней коллегии, автор констатирует наличие неграмотных и негодных защитников, но что делать с этими адвокатами — т. Дубровский не сказал.

Обойти этот вопрос молчанием невозможно.

Мы считаем, что если Сталинская Конституция право на защиту возвела в конституционное, то осуществлять защиту могут только грамотные. Отсюда необходимо сделать политический вывод: всех неграмотных из коллегии удалить.

Удалению должна предшествовать проверка личного состава. Всем, не имеющим диплома и подозрительным по части грамотности (общей и юридической), должна быть предоставлена возможность подучиться.

Однако необходимо предостеречь от таких попыток, как, например, поголовный экзамен всех членов коллегии. О таком экзамене серьезно говорят в Киеве.

Конечно, подвергать экзаменам всех, т. е. грамотных и людей мало и вовсе неграмотных, — несерьезно.

«Нельзя стричь всех под одну гребенку»,— сказал товарищ Сталин. Это нужно помнить и здесь.

Маленькую поправку необходимо внести в предложения т. Дубровского по вопросу о приеме в адвокатуру.

В основном мы присоединяемся к его выводам.

Однако, людей с законченным средним юридическим образованием, при условии сдачи ими соответствующих испытаний, необходимо принимать сперва в помощники адвоката.

Далее т. Дубровский считает возможным принимать лиц, хотя и не имеющих высшего юридического образования, но имеющих значительный опыт практической советской, судебной, прокурорской и следственной работы.

И здесь нужно внести поправочку.

Для указанных лиц необходимы такие условия: во-первых, стаж не менее 5 лет беспрерывной (и в последнее время) работы до вступления в коллегию, во-вторых, работа на должностях судьи, прокурора или следователя, и в-третьих, обязательная сдача испытаний.

Стаж для помощников адвоката необходимо установить для лиц, окончивших ВУЗы и практически еще не работавших.

Вопрос о методе работы — один из главнейших. Положения т. Дубровского возражений не встречают.

Возможна и частная практика. И добровольные коллективы и консультации при Президиуме (помимо добровольных коллективов).

Особняком стоит вопрос о юрисконсультах.

Поддерживая тезис т. Дубровского, что юрисконсульты обязательно должны состоять в адвокатуре, мы считаем необходимым указать, что это важно и для того, чтобы кадры юрисконсультов черпались бы из людей, юридически грамотных и имеющих право на юридическую работу.

Этим будет обеспечено более квалифицированное обслуживание юрпомощью соцсектора.

Юрисконсульты будут также иметь объединяющую их организацию, приобретут лицо, общественную физиономию.

Ведь сейчас, когда все или почти все квалифицированные профессии имеют свои организации, имеют возможность собираться и совершенствоваться (врачи, инженеры, артисты, архитекторы и т. д.), только юрисконсульты, не состоящие в адвокатуре, не имеют этой нужной и важной возможности.

С переходом в адвокатуру юрисконсульты эту возможность приобретут.

И, наконец, юрисконсульты получат более реальный надзор, если, конечно, дело надзора в советах адвокатуры будет правильно поставлено.

Здесь возникают два вопроса. 1-й — могут ли юрисконсульты, состоя в адвокатуре, заниматься частной практикой? Мы полагаем, что нет никаких оснований к запрещению. 2-й вопрос — обязательно ли юрисконсульт должен работать в коллективе?

На этот вопрос отвечаем отрицательно, однако очередные выступления по назначению (по определенным категориям) Президиума обязательны.

С. Цесис.

Обошли

Если всюду обсуждали историческое решение февральского пленума ЦК ВКП(б) и была развернута критика и самокритика, которая нужна нам как воздух, то это до сих пор не коснулось очень большого и ответственного участка нашей работы — Московской коллегии защитников.

Московские адвокаты недоуменно спрашивают, почему они лишены возможности обсудить в свете решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) работу своего президиума и кто виноват в том, что президиум не может созвать актив адвокатов?

Мало вероятным представляется такое положение в наши дни расцвета демократии и самокритики.

Не хотелось бы этому верить, но действительность в Московской коллегии защитников настоятельно требует немедленного исправления ошибки.

Согласно новому положению, московская адвокатура административно подчинена НКЮ.

К большому сожалению, некоторые работники НКЮ не руководят работой, а лишь «администрируют».

Эти «администраторы» относятся к адвокатуре так же, как относятся к ней обыватели.

Они забывают, что адвокатура выросла, что сейчас это ценный коллектив, в нем много молодых адвокатов, окончивших советский университет, а что касается старых адвокатов, — они в большинстве приобщены к большевистским условиям жизни и стилю работы.

У НКЮ нет оснований относиться к коллективу адвокатов так, как относились к лисцам у Иверских ворот.

При таком отношении можно забыть, что в коллегии есть здоровая парторганизация,

сильный актив преданных делу партии советских интеллигентов и что им поручена ответственная работа в суде и предоставлена общественно-политическая трибуна.

Если Салтыков-Щедрин показал Балалайкина, Достоевский — Фетюковича и Диккенс — Додсона и Фогга, не следует забывать, что и первый, и второй, и третий — это образ адвокатов капиталистического общества.

Советская адвокатура достаточно воспитана на новых принципах нашей страны, она проводит большую общественную работу на фабриках, заводах и в колхозах, она разъясняет роль и задачи советского закона и суда, и больше, чем странным, кажется, что НКЮ не разрешил созвать актив защитников для обсуждения решений февральского пленума ЦК ВКП(б).

В. Гришин.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

НЕОБОСНОВАННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

Линейный суд Ярославской ж. д. приговорил Романова Ивана Ивановича по ст. 59³ п. «в» УК к трем годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верхсуда СССР приговор линсуда отменила, возвратив дело на новое рассмотрение со стадии расследования.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии по следующим основаниям.

Материалами предварительного и судебного следствия по этому делу установлено, что 24 января 1937 г. на перегоне Хотьково-Софрино в 11 час. 15 мин., при следовании поезда № 851, у одного из задних вагонов сломалась ось. Поезд в таком положении проследовал 4 км, а затем сломались еще две оси у двух вагонов, поезд разорвался, хвостовая часть остановилась, а головная отошла от места обрыва 280 метров и также остановилась.

Путь поврежден на протяжении четырех километров. Перерыв движения продолжался 3 час. 05 мин. Убыток транспорту был причинен в сумме 13 681 руб.

Романов, старший кондуктор поезда № 851, находился на последнем вагоне поезда, не заметил излома оси, повреждения пути и не принял никаких мер к своевременной остановке поезда.

Путевой обходчик Володин на 51 км, т. е. за три километра от места остановки поезда, заметил излом оси и давал сигналы об остановке хвостовому кондуктору.

Романов за движением поезда не следил, сигналов Володина не заметил и на его сигналы ничем не отвечал.

Путевой рабочий Голубев за один километр до места остановки поезда заметил излом оси и показывал красный сигнал, но хвостовой кондуктор его не замечал. Лишь тогда, когда хвостовой вагон поравнялся с Голубевым, после его окрика Романов вышел из тормозной будки с красным флажком.

Указание в определении Транспортной коллегии на бездействие автотормозов материалами дела не подтверждается. Проезд головной части поезда после обрыва на расстояние 280 метров не свидетельствует о неисправности автотормозов. Объяснения по этому вопросу машиниста электровоза Синицына, что он почувствовал оттяжку и понижение давления воздуха в воздухопроводе и принял меры торможения не экстренного, а постепенного, с целью избегнуть столкновения с хвостовой частью поезда, ничем не опровергнуты.

Ввиду того, что показаниями свидетелей Голубева и Володина полностью устанавливается бездействие Романова, определение Транспортной коллегии по этому делу подлежит отмене.

Судебнонадзорная коллегия Верхсуда Союза ССР удовлетворила протест Прокуратуры СССР — постановила: определение Транспортной коллегии Верхсуда СССР от 15 марта 1937 г. отменить и оставить в силе приговор линсуда Ярославской ж. д. от 21 февраля 1937 г.

***

7 февраля 1937 г. линейный суд Сталинской ж. д. приговорил Котова Михаила Андреевича по ст. 59³ п. «в» УК РСФСР к шести годам лишения свободы.

Линсуд признал Котова виновным в том, что он, будучи младшим стрелочником станции Владиславки Сталинской ж. д., 28 января 1937 г. дважды нарушил правила технической эксплоатации: утром, во время маневров, не перевел стрелку № 23 на 2-й путь вследствие чего произошла задержка маневров, и в 17 часов, также во время маневров, самовольно перевел стрелку № 19 в направлении 10-го пути, занятого вагонами. Маневрирующий состав столкнулся с этими вагонами (убыток 1470 руб.).

3 марта 1937 г. Транспортная коллегия Верхсуда СССР приговор линсуда отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, предложив установить: 1) кто допустил Котова без испытания к исполнению обязанностей младшего стрелочника; 2) почему Котов не был снят с работы после первой допущенной им аварии (утром) и 3) что делали старший стрелочник и составитель поездов во время аварии.

Прокуратурой Союза указанное определение Транспортной коллегии Верхсуда Союза было опротестовано по следующим основаниям.

В деле имеется справка, свидетельствующая, что Котов при поступлении на работу проходил испытание и ПТЭ сдал удовлетворитель-

но. Поэтому вопрос о прохождении Котовым испытаний по ПТЭ ясен и не требует никакой дополнительной проверки.

Также неосновательно указание Транспортной коллегии на то, что суд не выяснил, кто допустил Котова к работе после первого нарушения им ПТЭ. В акте служебного расследования отмечено, что виновным в этом является начальник станции Иваненко и ему за это объявлен выговор.

Старшему стрелочнику Маерову за плохое наблюдение за сигналами и составителю поездов Верещаку за необеспечение безаварийезды объявлен выговор.

Таким образом, все требования Транспортной коллегии о доследовании дела находят исчерпывающие разъяснения в самих материалах дела.

Неопытность и молодость Котова (Котов 1917 г. р.) могли быть учтены Транспортной коллегией Верхсуда Союза ССР при рассмотрении настоящего дела.

Судебнонадзорная коллегия Верхсуда Союза ССР удовлетворила протест Прокуратуры Союза — постановила: определение Транспортной коллегии по делу Котова отменить и дело вернуть в Транспортную коллегию на новое рассмотрение.

НЕПРАВИЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИЕЙ ВЫХОЛАЩИВАЕТСЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

5 декабря 1936 г. линейный суд Северокавк. ж. д. приговорил по ст. 59^3 п. «в» УК Петрова Ивана Даниловича к 10 годам лишения свободы, Лактионова Ивана Климовича и Каткачева Петра Никаноровича—к 5 годам лишения свободы каждого и Женникова Кузьму Егоровича—к полутора годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верхсуда СССР определением от 21 декабря 1936 г. приговор оставила в силе.

22 ноября 1936 г. на ст. Дерби Северокавк. ж. д. поезд № 625 потерпел крушение. В результате крушения было разбито восемь груженых вагонов, повреждены 7 вагонов и 152 метра пути. Перерыв движения продолжался 5 час. 50 мин. Убыток транспорту был причинен в сумме 34 908 руб. 78 коп.

Крушение произошло при следующих обстоятельствах: дор. мастер Женников дал распоряжение бригадиру Петрову перешить переходную кривую стрелки № 6, а сам уехал на ст. Минеральные воды. За выполнением работы по перешивке кривой он не проследил и в книгу дежурного по станции перешивку кривой не записал.

Бригадир Петров, приступив к работе, не предупредил дсп (дежурный службы пути), расшил путь на девяти брусьях и место работы сигналами не оградил.

В 15 часов 22 ноября дсп Лактионов дал распоряжение стрелочнику 2-го поста Каткачеву приготовить маршрут для приема поезда № 625 на первый обгонный путь, т. е. через стрелку № 6, где путь был расшит девятью брусьями, в то время когда все остальные пути станции в это время были свободны.

Стрелочник Каткачев, зная, что путь на кривой стрелки № 6 расшит, все же приготовил эту стрелку для приема поезда и доложил Лактионову о готовности маршрута.

Бригадир Петров, находясь в непосредственной близости от стрелки № 6, видя, как Каткачев перевел стрелку для приема поезда, не предупредил его, что на разобранный путь поезд принимать нельзя. При подходе поезда к входному семафору Каткачев спросил Петрова «У тебя все готово»? Петров ответил: «Все готово».

На предварительном следствии по этому вопросу Петров показал: «Ко мне стрелочник обращался с этим вопросом, когда поезд подходил к стрелке, а я ему ответил, что все готово в том смысле, что уже поздно что-либо делать и что крушение поезда будет неизбежно, так как при всем желании переправить маршрут на второй путь было физически невозможно».

Это свое показание Петров повторил и на очной ставке с Каткачевым, и на судебном заседании.

Таким образом, поезд № 625 был пущен на расшитый путь и потерпел крушение. При осмотре места крушения в 16 час. 05 мин. 22 ноября оказалось, что переводная кривая стрелки № 6 расшита совершенно на 9 брусьях. Костыли лежат между путями, а внутренняя кривая — с ослабленными шурупами.

Материалами дела устанавливается, что стрелочник Каткачев и бригадир пути Петров сознательно пустили поезд на расшитый путь. Дсп Лактионов по мотивам, следствием не установленным, дал распоряжение принимать поезд на 1-й обгонный путь, в то время как все остальные станционные пути были свободны и зная о том, что производятся ремонтные работы на стрелке № 6. Кроме того, давая задание о приготовлении маршрута на 1-м обгонном пути, Лактионов не поинтересовался состоянием стрелки № 6 и ходом работ Петрова.

Характер самих действий Петрова, Каткачева и Лактионова, несомненно, свидетельствует о том, что они действовали сознательно.

При этих условиях квалификация преступных действий осужденных по ст. 59^3 п. «в» УК явно неправильна и таковые должны быть квалифицированы по ст. 58^9 УК.

Мера наказания осужденным Лактионову, Каткачеву и Женникову чрезмерно мягка и не соответствует тяжести совершенного ими преступления.

По указанным выше соображениям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение Транспортной коллегии по этому делу.

Судебнонадзорная коллегия Верхсуда Союза ССР удовлетворила протест Прокуратуры Союза — постановила: приговор линсуда и определение Транспортной коллегии отменить и дело вернуть на новое рассмотрение в тот же линсуд со стадии предварительного следствия.

НЕОБОСНОВАННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Определением Транспортной коллегии Верхсуда СССР от 5 апреля 1937 г. был отменен приговор линсуда Московско-Киевской ж. д. от 9 марта 1937 г., коим шофер автодрезины Деркач И. А. по ст. 59^3 п. «в» ч. 1 УК был

осужден к лишению свободы и итл (испр.-труд. лагерь) сроком на пять лет и дело направлено на доследование для проведения экспертизы.

Прокуратура СССР опротестовала это определение по следующим соображениям.

Шофер автодрезины Деркач преступно нарушил трудовую дисциплину. Следуя со скоростью 65 км в час, Деркач при скрещении с поездом на перегоне в кривой радиусом 1716 метров, на 0,010 уклона, не следил за состоянием пути и поэтому наехал на детей Василия и Нину Жилковых.

Предварительным и судебным следствием установлено, что переходы на пути были замечены гр. Деркач на расстоянии не менее 150 метров, а меры к остановке автодрезины он начал принимать тогда, когда дрезина находилась от переходов на расстоянии всего лишь 50 метров.

Экспертизой установлено отсутствие на колесных парах автодрезины ползунов и выбоин. Это свидетельствует о том, что шофер Деркач не принимал мер к экстренной остановке автодрезины.

Установлено также, что Деркач, следуя по перегону по уклону и на кривой, не давал необходимых сигналов (сиреной автодрезины).

Таким образом, шофер Деркач преступно нарушил трудовую дисциплину, что привело к гибели детей. Требование Транспортной коллегии Верхсуда СССР о производстве экспертизы для выяснения вопроса, на каком расстоянии можно было остановить автодрезину при допускаемой скорости по этому перегону, является несущественным потому, что с достаточной полнотой материалами дела устанавливается отсутствие бдительности, неподача сигналов сиреной, непринятие мер к экстренной остановке дрезины со стороны шофера Деркача, а также и его недисциплинированность в прошлом.

Судебнонадзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии Верхсуда СССР по делу Деркача отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

НЕПРАВИЛЬНАЯ ОЦЕНКА РОЛИ ОБВИНЯЕМОГО

4 апреля 1937 г. приговором линсуда Ленинской ж. д. осуждены по ст. 59[3] п. «в» ч. I УК РСФСР Мишин Афанасий Калинович и Белин Федор Петрович к 7 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верхсуда СССР 11 мая 1937 г. оставила приговор линсуда в силе, снизив наказание Мишину до двух лет итл.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии в части снижения наказания Мишину по следующим основаниям.

Материалами дела установлено, что Мишин, быв. нач. разъезда «Свет», 12 марта 1937 г. пришел на стрелочный пост для проверки состояния стрелок, а не случайно, как это указывает Транспортная коллегия. Это не отрицает и сам Мишин, который на суде показал: «12 марта я на стрелку пришел для проверки».

Мишин, находясь в стрелочной будке и приняв по телефону сообщение от дежурного по станции об отправлении на разъезд «Свет» пассажирского поезда № 10, ограничился лишь тем, что сообщение передал осужденному стрелочнику Белину. Между тем Мишин, зная, что принимается скорый поезд и что Белин с дсп не говорил и, находясь тут же на стрелочном посту, обязан был проверить правильность сделанной стрелки, а также прекратить преступные действия стрелочника Белина, открывшего семафор без разрешения.

В результате такого преступного нарушения Мишиным правил технической эксплоатации, пассажирский поезд № 10 был принят на занятый путь, в результате чего сошли с рельс паровоз и два вагона.

Таким образом, утверждение Транспортной коллегии, что в этом деле Мишин является второстепенным лицом и что он «к переводу стрелки никакого отношения не имеет», неправильно.

Судебнонадзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила: определение Транспортной коллегии Верхсуда СССР в части, касающейся Мишина, отменить и дело о нем передать на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегию в ином составе.

МАШИНИСТ ПОПОВ НЕВИНОВЕН

7 апреля 1937 г. линсуд железной дороги им. Дзержинского признал виновным машиниста Попова в том, что, вследствие преступной халатности и отсутствия бдительности, он задавил поездом семь рабочих на перегоне Сумароков-Лазарево.

За это преступление по ст 59[3] п. «в» УК линсуд приговорил Попова к пяти годам лишения свободы и заключил под стражу.

Транспортная коллегия Верхсуда 7 мая этот приговор оставила в силе, снизив Попову срок лишения свободы до двух лет.

Этот приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии неправильны и подлежат отмене потому, что линейный суд и Транспортная коллегия при вынесении приговора и определения под влиянием большого несчастья, повлекшего за собой смерть семи человек, не учли объективно всех материалов следствия и обстановки, в которой произошло несчастье с людьми.

Из первоначального протокола происшествия и извещения о несчастном случае видно, что 17 февраля около 9 час. утра на перегоне Сумароков-Лазарево во время отправления бригады рабочих на линию по очистке снега был чрезвычайно густой туман с очень плохой видимостью.

В момент прохода товарного поезда мимо рабочих от тумана и парения, по словам бригадира, изложенным в первоначальном протоколе, «...видимости никакой не было». По случаю дыма паровоза и тумана рабочие не заметили поезда, которым и были убиты.

В условиях такой погоды и плохой видимости скорый поезд № 10 с паровозом «ИС», под управлением машиниста Попова, со скоростью 55—60 км в час, шел навстречу рабочим и на протяжении первых 100 метров задавил сначала работницу, а затем через 100 метров еще 6 чел. рабочих, шедших по путям.

Таковы первые данные, собранные и запротоколированные непосредственно после несчастного случая.

Актом служебного расследования установлены следующие очень важные обстоятельства.

а) Видимость была не более 50 метров. Сильное парение паровоза «ФД» (прошедшего товарного поезда) уменьшило и без того плохую видимость до 25 метров.

б) Ввиду сильного тумана и расстилавшегося пара от паровоза поезда № 921 видимость была уменьшена и поезд № 10, шедший со скоростью 55—60 км, можно было заметить на расстоянии лишь 20—25 метров.

Отсюда можно сделать единственный вывод: если поезд можно было заметить только за 20—25 метров, то машинист скорого поезда мог заметить человека на пути на пропорционально более коротком расстоянии — почти под паровозом — или мог вовсе не заметить, как это имело место в данном случае, когда была задавлена первая работница. Во всяком случае, остановка поезда была невозможна.

По техническому акту первой причиной происшедшего несчастного случая с путевыми рабочими признано непринятие бригадиром Лобановым всех мер предосторожности к безопасному проходу рабочих на место работы. Бригадир пути Лобанов в условиях плохой видимости от тумана и пара от прошедшего поезда, при плохой слышимости от шума обгонявшего бригаду поезда № 921, не имея уверенности в безопасности дальнейшего следования рабочих, не отвел бригаду рабочих в сторону от пути, не выждал лучшей видимости и слышимости, чтобы избежать возможного и происшедшего несчастья с людьми.

Служебным расследованием машинист Попов признан виновным в нарушении § 74 инструкции по сигнализации, выразившемся в неподаче частых оповестительных сигналов, в отсутствии бдительности (не заметил, как задавил первую работницу) и в преступном отношении к людям (падение людей в кювет не послужило сигналом экстренного торможения, затормозил только тогда, когда полетели щепки от лопат).

Предварительное и судебное следствие, очевидно, руководствовалось данными первоначального технического акта, совершенно игнорируя остальные обстоятельства этого дела, как, например:

а) Из рабочих по бровке никто не шел, так как бровка была занесена снегом. Шли по концам шпал, а многие по середине пути. Таким образом, указание Транспортной коллегии на то, что Лобанов говорил рабочим, чтобы итти по бровке, не соответствует действительности. Лобанов на предварительном следствии признал себя виновным.

б) Суд и следствие совершенно обошли молчанием то обстоятельство, что Управление дороги и пути до этого случая должных мер по безопасности путевых работ не принимали. Только в связи с этим несчастным случаем был принят ряд мер, которые и свидетельствуют о прежнем бездействии Управления дороги и пути.

в) Виновным за бездействие Управления и бригадира Лобанова совершенно неправильно признан Попов, машинист, получивший в 1933 г. звание лучшего машиниста СССР, проработавший на транспорте с 1902 г. без аварий и неоднократно, премированный, член ВКП(б) (см. трудовой список).

§ 74 Инструкции по сигнализации Попов не нарушил, так как сигналы давал чаще, чем обычно, — это установлено свидетелями на суде. В условиях плохой слышимости и быстрого хода поезда несчастье могло произойти даже и в том случае, если бы сигналы подавались ежеминутно. Нельзя требовать сигналов через каждые 100 метров. Потерпевшие сигналов могли и не слышать из-за грохота удалявшегося поезда и приближающегося скорого. Об этом говорит технический опыт.

В отсутствии бдительности Попова нельзя обвинить, так как ему труднее было заметить одиночного пешехода, чем пешеходу идущий навстречу поезд.

Вот почему обвинение Попова в преступном отношении к людям необоснованно.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение Транспортной коллегии.

Судебнонадзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор линсуда и определение Транспортной коллегии в отношении Попова отменить и дело о нем передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

НЕ 109 СТ., А 111 СТ.

Приговором нарсуда Балыкчинского района от 30 декабря 1935 г. б. управляющий Балыкчинской к-ры «Киргизстрой» Пашкевич А. Е., 31 г., был признан виновным в том, что: а) получив для оплаты счет на 150000 руб., не оплатил его в установленный законом срок, в результате чего «Киргизстрой» заплатил пени 13000 руб.; в ноябре он не смог оплатить счет на сумму 700000 руб., вследствие чего товар этот пролежал на складе 1 месяц; в IV квартале Пашкевич должен был получить из хлопко-сбыта мануфактуру на 281000 руб., а получил только на 13000 руб., чем правел работу конторы в тяжелое состояние;

б) издал приказ о приеме на работу лиц, могущих гарантировать свою материальную ответственность ценным имуществом;

в) незаконно уволил продавца Секребаева, отобрав у него в зимнее время принадлежащие конторе валенки, уволил юрискон. ульта Селицкого и отобрал у него в зимнее время пальто, выданное во временное пользование;

г) получил у Секребаева 36 метров мануфактуры на сумму 144 руб., не уплатив денег, в результате чего за Секребаевым оказалась растрата.

Квалифицировав деяния Пашкевича по ст. 109 УК, суд приговорил его к 4 годам лишения свободы. Кассколлегия Главсуда приговор этот оставила без изменений.

Прокуратура СССР, считая осуждение Пашкевича неправильным по ст. 109 УК, опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям.

Из показаний допрошенных судом свидетелей Паршкова и других видно, что увольнение Секребаева и Селицкого было совершенно правильным, так как Селицкий систематически пьянствовал в служебное время, а Секребаев не подчинился распоряжению администратора о временном переходе на работу продавцом в магазин. Кроме этого, у Секребаева оказалась растрата в 500 руб. Естественно, что при увольнении этих лиц Пашкевич обязан был отобрать вещи, принадлежащие конторе, которыми они временно пользовались.

Приказ Пашкевича о приеме на работу лиц, могущих гарантировать материальную ответственность каким-либо ценным имуществом, незаконен, однако он не может повлечь за собой уголовного преследования.

Вывод суда о том, что по вине Пашкевича у Секребаева оказалась растрата, противоречит материалам дела. Из показаний свид. Игнашова видно, что Секребаев растратил 500 р., Пашкевич, по признанию суда, не оплатил Секребаеву товара на 144 руб. Таким образом, и в этом случае нельзя считать, что вся растрата Секребаева образовалась по вине Пашкевича.

Утверждение суда о том, что Пашкевич не оплатил взятый товар, основано на показаниях растратчика Секребаева и никакими иными объективными данными не подтверждается.

Вина Пашкевича заключается в том, что он не сумел справиться с работой конторы и недостаточно уделял внимания своевременному получению следуемых конторе товаров и борьбе с растратами.

Поскольку корыстные или иные личные мотивы в действиях Пашкевича материалами дела не подтверждаются, деяния Пашкевича должны быть квалифицированы по ст. 111 УК РСФСР.

Президиум Верхсуда Киргизской ССР, рассмотрев протест Прокуратуры СССР, постановил переквалифицировать преступление Пашкевича на ст. 111 УК и определить ему меру наказания в полтора года лишения свободы.

СУРОВЫЙ ПРИГОВОР ВСЛЕДСТВИЕ НЕПРАВИЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

3 августа 1935 г. физкультурник Юнусов при метании гранаты сломал кость правой руки. Несмотря на предложения инструктора обратиться к врачу, Юнусов категорически отказался и настоял на том, чтобы его отвели к осужденному по данному делу Икрарбаеву Артык Бею, занимавшемуся табибством.

Икрарбаев был найден в чайхане, где и наложил в совершенно антисанитарных условиях повязку на больную руку Юнусова. Через пару дней состояние руки Юнусова стало ухудшаться, но, несмотря на настояния инструктора, Юнусов и его мать категорически отказались от помощи врача. Икрарбаев, явившись по их приглашению 8 августа и увидев у Юнусова осложнения, предложил ему обратиться к русскому врачу (показания свидетеля Абдулаева). Однако Юнусов на это не согласился и был доставлен в больницу лишь 9 августа при полной потере сознания, где он вскоре умер от общего заражения крови.

Квалифицировав деяния Икрарбаева по ст.ст. 255 ч. 1 и 187 УК Узб.ССР, нарсуд 64 участка г. Намангана 23 августа 1935 г. приговорил его к 8 годам лишения свободы.

Кассколлегия Верхсуда исключила из приговора ст. 255, а в остальной части приговор оставила без изменений.

Прокуратура СССР опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям: квалификация действий Икрарбаева по ст. 187 УК неправильна, так как эта статья предусматривает умышленное, насильственное лишение жизни. Из материалов дела видно, что смерть Юнусова произошла не вследствие умышленного убийства Икрарбаевым, а вследствие того, что он пользовался лечением Икрарбаева, не имевшего специальных медицинских познаний.

Деяние Икрарбаева предусмотрено ст. 255 ч. 1, по которой он и должен был быть привлечен к уголовной ответственности.

Президиум Верхсуда Узбекской ССР, рассмотрев протест Прокуратуры СССР, постановил действия Икрарбаева квалифицировать по ст. 255 ч. 1 УК Узб. ССР и, поскольку он содержался под стражей с 10 августа 1935 г., ограничиться отбытым им сроком наказания и из-под стражи его немедленно освободить.

Практика Прокуратуры Союза ССР по общему надзору

НЕЗАКОННОЕ НАЛОЖЕНИЕ ШТРАФОВ ЗА ЗАДЕРЖКУ ВЫВОЗА ГАРНЦА

Комитет по заготовкам с.-х. продуктов при СНК СССР на запрос своего уполномоченного по Западной Сибири дал следующее разъяснение: «За задержку вывоза гарнца и скопление его на мельнице свыше количества, указанного в извещениях, на заведующих предприятиями должен накладываться денежный штраф. Размер штрафа устанавливается райуполкомзагом и утверждается РИКом».

Прокуратура СССР опротестовала это разъяснение как противоречащее законодательству СССР по следующим основаниям.

Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 сентября 1932 г. «О гарнцевом сборе», должностные лица государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, виновные в расходовании не по назначению гарнцевого сбора, несут ответственность в уголовном порядке, а за прочие нарушения — в уголовном или дисциплинарном порядке. Кроме того на те кооперативные или иные общественные организации, которым принадлежат предприятия, где были допущены нарушения, распоряжением Комитета заготовок СНК СССР может быть наложен штраф в натуральной форме в пределах недополученного государством гарнцевого сбора.

Таким образом, уполномоченный Комзаг СНК, обнаружив задержку вывоза гарнца и скопление его на государственной, кооперативной или колхозной мельнице, должен возбудить вопрос об уголовной или дисциплинарной ответственности заведующего предприятием. Налагать же на него штраф в административном порядке уполкомзаг не вправе. Не могут этого делать и райисполкомы, так как по постановлению ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. «Об ограничении штрафов, налагаемых в административном порядке» они не вправе издавать обязательные постановления с наложением за их нарушение штрафов по вопросам, урегулированным постановлениями вышестоящих органов (как это имеет место в данном случае).

Комитет заготовок при СНК СССР указанное выше разъяснение как противоречащее закону отменил.

НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА В НКФ СССР

Рассматривая налоговые дела в порядке надзора, Прокуратура СССР установила, что в некоторых из этих дел имеются постановления, подписанные «секретариатом Наркомфина СССР», об утверждении или отклонении решений, вынесенных Управлением налогами и сборами с населения НКФ СССР.

Такое постановление было обнаружено, например, в деле по обложению гр. Костанова. В данном случае секретариат Наркомфина СССР восстановил решение Пятигорского горфо об обложении Костанова, которое ранее было отменено как неправильное Управлением налогами и сборами с населения НКФ СССР. Между тем по положению о Наркомфине СССР, утвержденному пост. ЦИК и СНК СССР от 27 мая 1936 г., рассмотрение жалоб на неправильное обложение должно производиться Управлением налогами и сборами с населения. О праве секретариата выполнять эти функции и притом в качестве инстанции, стоящей над Управлением налогами и сборами, в положении о НКФ СССР ничего не говорится. Прокуратура СССР обратила внимание Народного комиссариата финансов Союза ССР на ненормальность установившейся практики рассмотрения в НКФ СССР налоговых дел, при которой решения оперативного управления отменяются секретариатом наркомата.

Народный комиссар финансов издал приказ, которым категорически запретил секретариату рассматривать жалобы на обложение налогами. При этом народный комиссар указал, что эту практику «избрал» сам начальник Управления налогами и сборами и зав. бюро жалоб НКФ СССР и что сделали они это «в поисках удобной для них формы безапелляционных ответов на жалобы».

Народный комиссар предложил, чтобы все жалобы, подаваемые на решения Управления налогами и сборами, представлялись на его (или заместителей наркома) разрешение.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПОРЯДОК НАЛОЖЕНИЯ ШТРАФОВ

Центральное управление мер и весов издало положение о временных отделениях Управлений уполномоченных ЦУМВ. В этом положении ЦУМВ допустил целый ряд нарушений закона. Так, например, «Положение» обязывает уполномоченных добиваться издания РИКами обязательных постановлений о проверке мер и весов с наложением на нарушителей этих постановлений штрафа в размере 300 рублей.

Между тем право наложения штрафов за нарушение правил о мерах и весах по постановлению ЦИК и СНК СССР от 15 января 1935 г. «О специальных поверителях измерительных приборов» предоставлено гос. поверителям, причем возможности передачи этого права РИКам для взыскания штрафов в порядке обязательных их постановлений не предусмотрено. Кроме того, исполкомы и горсоветы по действующему законодательству вообще не вправе налагать штрафов в размере, превышающем 100 рублей.

То же Управление мер и весов циркулярно предложило своим уполномоченным обращать взыскание наложенных ими штрафов на заработную плату. Между тем по действующему законодательству (пост. ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. «Об ограничении наложения штрафов в административном порядке») принудительное взыскание штрафа, наложенного в административном порядке на рабочих и служащих, не может быть обращено на причитающуюся им заработную плату (кроме случаев, предусмотренных специальными законами).

Прокуратура СССР опротестовала приведенные акты перед Наркомвнуделом СССР (в состав которого входит Управление мер и весов). В результате этого протеста Главное управление мер и весов НКВД СССР внесло в приведенные выше циркуляры изменения в соответствии со сделанными прокуратурой СССР указаниями, а именно:

1. Наложение административных взысканий за нарушение правил о мерах и весах должно осуществляться гос. поверителями в соответствии со ст. 21 пост. СНК СССР от 15 января 1935 г. (а не РИКами и горсоветами в порядке обязательных постановлений).

2. Взыскание наложенных штрафов за нарушение правил о мерах и весах должно производиться в соответствии с пост. ЦИК и СНК СССР от 4 января 1929 г. «Об ограничении наложения штрафов в административном порядке», т. е. без обращения взыскания на заработную плату.

По союзным республикам

РСФСР

Как работает Куйбышевская прокуратура

За 15 лет существования советской прокуратуры накопился богатейший опыт работы, выработались методы осуществления наблюдения за революционной законностью, определились формы борьбы с преступностью. Казалось бы, пройденный путь должен был облегчить в настоящее время организацию работы прокуратуры на местах, помочь выполнению огромных задач, поставленных перед нашими органами великой Сталинской Конституцией. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы о работе на местах говорят о том, что бюрократизм и волокита, упорный самотек, неуменье выделить основные звенья работы и, крепко ухватившись за них, планово и организованно построить всю работу, движение по течению господствуют в ряде органов нашей системы.

Характерные в этом отношении материалы дало обследование работы Куйбышевской облпрокуратуры, произведенное в мае 1937 г. Злодейское убийство бандитами в Мелекесе делегатки Чрезвычайного VIII съезда советов тов. М. В. Прониной, угрозы в Базарно-Сызганском районе делегатке Чрезвычайного XVII всероссийского съезда советов Михеевой, покушение на делегатку этого же съезда в Шенышейском районе, многочисленные случаи нарушений устава сельхозартели, имевшие место в 1936 г., казалось бы должны были заставить Куйбышевскую облпрокуратуру отточить свое оружие в борьбе за революционную законность, обратить особое внимание на организацию работы по общему надзору; на деле же самотек, оторванность от периферии характеризуют работу Куйбышевской облпрокуратуры в первую очередь по общему надзору.

Серьезным экзаменом для организованного сравнительно недавно отдела общего надзора была в 1937 г. работа, связанная с севом, и приходится констатировать, что отдел общего надзора Куйбышевской прокуратуры этот экзамен не выдержал.

Во вторую половину мая, когда сев должен был быть уже закончен, облпрокуратура не имела никаких сведений, как протекает работа райпрокуроров, по 27 районам и весьма отрывочные сведения по 24 районам, т. е. больше 50% периферии оказалось в этот ответственный момент вне поля зрения областного аппарата. В актах обследования райпрокуратур, произведенного в период подготовки к севу и во время самого сева, работа райпрокуроров в этой области почти не отразилась, им не было сделано никаких указаний; на материалы, полученные с мест о работе по севу, отдел общего надзора также не реагировал.

Характерны в этом отношении следующие факты.

Прокурор Похвистневского района в принятом плане работ в части, связанной с проведением весенне-посевной кампании, в п. 1 указывает: «Не реже одного раза в месяц проверять дела, находящиеся в производстве милиции». В другом месте этого же плана он пишет, что «дела, связанные с подготовкой к весенне-посевной кампании, расследовать в трехдневный срок с рассмотрением их нарсудом в пятидневный срок». На это явное несоответствие обоих пунктов плана облпрокуратура не реагировала, так же как и на другой пункт этого же плана «выступать в нарсудах не менее трех раз в месяц по делам, связанным с севом»; облпрокуратура не заинтересовалась также сообщением прокурора Кошкинского района, что им были в суд направлены 3 дела по севу, которые все были прекращены.

Совершенно непонятно, как могла не обратить внимания Куйбышевская прокуратура на имевшиеся в ее распоряжении на 10 апреля статистические сведения о судебной политике по делам о севе.

Было осуждено:

за кражу семссуды: к лишению свободы — 82 ч., к и.-т. работам — 34 ч.;

за кражу фуража: к лишению свободы — 53 ч., к и.-т. работам — 25 ч.;

по ч. 1 ст. 74—4 УК: к лишению свободы — 2 ч., к и.-т. работам — 10 ч.;

по ст.ст. 109—111 УК: к лишению свободы — 4 ч., к и.-т. работам — 3 ч.

Мягкая судебная политика в отношении расхитителей семссуды и фуража, когда свыше 40% осужденных за это приговорены к принудработам, казалось бы, должна была заставить прокуратуру обратить особое внимание на эти дела при прохождении их в кассационной инстанции и дать в оперативном порядке указания на периферию, но это сделано не было и только по 19 делам по севу имело место участие прокуратуры в кассационной инстанции.

По такому же типу, как и работа, связанная с севом, построена работа отдела общего надзора Куйбышевской прокуратуры и по другим вопросам общего надзора. Единственный объект надзора прокуратуры — это постановления президиума облисполкома и обязательные постановления, причем протесты прокуратуры в установленный законом срок не рассматриваются и на это она должным образом не реагирует. В 1937 г. не производился пересмотр изданных ранее обязательных постановлений, и не исключена возможность, что на местах продолжают действовать обязательные постановления, юридически утратившие свою силу. Куйбышевская городская прокуратура недавно обнаружила, что действующие обязательные постановления, на основе которых накладываются штрафы, нигде не были опубликованы и не доведены до сведения населения. Действие этих постановлений в настоящее время с некоторым опозданием опротестовано.

Отсутствие внимания к узловым вопросам работы сказалось и в отношении к борьбе с

нарушениями закона от 27 июня 1936 г. По поступающим с мест донесениям видно было, что закон этот в ряде случаев нарушается. Так, например, прокурор Ясинского района сообщил, что в районе за производство абортов осуждена единоличница Филохина на 1 год и.-т. работ, в Сызганском районе за незаконное производство аборта было привлечено 3 человека по п. «д» ст. 136 УК.

Отдел общего надзора на эти сообщения о противоречащих закону приговорах не реагировал, а начальник отдела под это молчание попытался подвести «идеологическое» обоснование, заявляя, что «это вопросы, которыми должен заниматься судебный отдел, а в судебный отдел эти спецдонесения не были переданы, так как последний должен знать судебную политику по работе в кассинстанции». Вот эта оторванность отделов друг от друга, полное отсутствие оперативных совещаний при прокуроре области, на которых происходил бы обмен опытом работы, являются серьезным отрицательным моментом в работе Куйбышевской прокуратуры. Следует отметить, что, очевидно, закон от 27 июня не был понят не только отдельными райпрокурорами, но и некоторыми работниками облаппарата, так как за подписью начальника отдела жалоб и одного из работающих там помощников прокурора на запрос председателя райсоюза медработников, должны ли привлекаться женщины, которым произведен аборт, был дан такой ответ: «пункт 4 в отношении беременных женщин, производящих аборты, в нарушение указанного запрещения устанавливает как наказание — общественное порицание, а при повторении нарушения закона о запрещении абортов — штраф до 300 руб.; следовательно, к уголовной ответственности гражданка привлечена быть не может».

Не лучше в Куйбышевской области обстоит и с делом борьбы с детской преступностью. Все проверенные дела о преступлениях несовершеннолетних по г. Куйбышеву свидетельствуют о том, что директива Прокуратуры Союза по этому вопросу совершенно забыта. Дела этой категории расследуются в сроки от 1 до 3 мес., причем в срок до 1 мес. было расследовано меньше 30% дел; в суде с момента получения дела до его рассмотрения проходит в среднем не меньше 15—17 дней. Задержка расследования по этим делам приводит к тому, что несовершеннолетние содержатся длительные сроки в тюрьме до суда (часто до 3 мес.), причем в последнее время они содержатся в одной камере со взрослыми преступниками; это недопустимое явление администрация тюрьмы объясняет тем, что она не может справиться с несовершеннолетними, если они сидят все вместе в одной камере, а прокуратура, зная об этом, молчала.

Все обвинительные заключения по делам о преступлениях несовершеннолетних санкционируются прокурором, с его участием проходят все эти дела в подготовительных заседаниях, но о формальном характере этой санкции и подготовительных заседаний свидетельствует ряд дел, направленных в суд без достаточных оснований и подлежащих прекращению в процессе предварительного следствия. Показательно следующее дело: Коршунов, 15 лет, ученик каллиграфической мастерской, не судился, живет у родителей, похитил из мастерской шрифт стоимостью в 3 рубля. Кража эта была обнаружена, когда отец мальчика спросил у директора мастерской, можно ли этот шрифт держать дома. Мальчика предали суду и суд приговорил его к общественному порицанию. Подобных примеров можно было бы привести множество.

О невыдержанности судебной политики по этой категории дел говорят следующие факты: 1. Усталков, 13 лет, занимается продолжительное время карманными кражами и кражами из квартир. Приводился в милицию 3 раза. В последний раз был задержан при совершении квартирной кражи со взломом. Приговорен судом к одному году лишения свободы условно. 2. 15-летний мальчик занимается систематически кражами в поездах. Приговорен к трем месяцам лишения свободы условно.

Подобная судебная политика не может явиться реальным средством борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. А прокуратура считает, что в этой области обстоит все совершенно благополучно.

С судебной политикой по делам о технике безопасности мы были лишены возможности ознакомиться, так как судом эти дела специально не учитываются, прокуратура ими не интересуется, и, затребовав из всех нарсудов г. Куйбышева дела по технике безопасности, мы получили явно абсурдную справку, что за 1937 г. прошло только одно дело.

Оторванность от судебной политики по области и г. Куйбышеву не дает возможности судебному отделу облпрокуратуры осуществлять руководство работой периферии по судебному надзору, несмотря на то что судебный отдел внимательно рассматривает дела с протестами райпрокуроров и при отклонении их делает это в достаточной степени мотивированно. Была даже сделана попытка подвести итоги работе в этой области: на места было послано письмо с анализом недостатков в протестах райпрокуроров (за 4 мес. 1937 г. было отклонено облпрокуратурой 33% протестов), но дать конкретные дифференцированные указания по каждому району или по отдельным категориям дел облпрокуратура не смогла, так как, как было указано выше, судебную политику она по области не изучает, а в кассационной коллегии принимает участие по чрезвычайно незначительному количеству дел. Только 4% заслушанных в кассационной коллегии в 1937 г. дел прошло с участием прокуратуры, да и по этим делам часто прокурора заменяло письменное заключение, весьма лаконично составленное. Значительно лучше, чем работа в кассационной коллегии, организована работа Куйбышевской прокуратуры в первой инстанции облсуда, где она принимала участие во всех подготовительных заседаниях и во всех процессах, которые требовали ее участия. В основном же работа уголовно-судебного отдела сводилась к рассмотрению надзорных дел.

Значительно лучше, чем в уголовно-судебном отделе и в отделе общего надзора, обстоит дело с руководством периферией в следственном отделе Куйбышевской прокуратуры, но и тут в результате того, что не выделены основные, имеющие для данного момента максимальное политическое значение вопросы, что опыт оперативной работы не используется для руководства организацией работы на местах,

имеют место серьезнейшие недочеты. Положительным моментом является то, что следственный отдел хорошо знает весь следственный аппарат области и систематически учитывает работу значительной части его.

Так, из 75% районов были присланы месячные отчеты за подписью райпрокурора и следователя, отражающие движение дел у следователя. Сведения эти ежемесячно суммируются. На каждого следователя в отделе имеется личное дело, в котором сконцентрированы акты обследований этого следователя, его доклады, отдельные документы, составленные им, но, к сожалению, эти документы подбираются не с точки зрения их наибольшей характерности, а по техническим соображениям (те документы, которые имеются в двух экземплярах, и т. д.); за 4 мес. 1937 г. были заслушаны доклады 24 следователей о их работе, была проведена 10-дневная конференция следователей 16 районов, на которую были приглашены следователи, ранее в конференциях не участвовавшие; было одно совещание с городскими следователями с участием 4 районных следователей, на этом совещании был сделан доклад об итогах 4-й учебно-методической конференции Прокуратуры Союза; на местах была обследована работа 22 нарследователей (эти обследования были сделаны с участием всего аппарата облпрокуратуры); был издан один бюллетень. Правда, обследования иногда были довольно поверхностные, а указания носили такой общий характер: «Предложить нарследователю т. Богданову наряду с его учебой в заочном институте систематически повышать свое политическое развитие и деловую квалификацию», но при некоторых обследованиях даны были деловые конкретные указания, которые должны были помочь райследователям наладить работу. Самым существенным недостатком следственного отдела является то, что он не использует свою оперативную работу для дачи на основе ее указаний периферии; поэтому, например, проглядели, во что превратилась «доследственная проверка» материалов в районах и особенно в г. Куйбышеве. Правда, проверку эту теперь проводят не следователи, а райпрокуроры, но последние извратили самый смысл этой проверки. В некоторых случаях она превратилась в розыск. Например, прокурор г. Куйбышева получил сведения, что гр-ка Х. умерла от неудачно сделанного ей какой-то уборщицей Глашей аборта. После затребования из больницы истории болезни этой гр-ки, по которой было установлено, что в больницу она была доставлена действительно после неудачного аборта, прокурор начинает розыски этой Глаши, допрашивая для этой цели свидетелей. Подобная проверка, превращаясь по существу в следствие, принимает невероятно волокитный характер, например, у прокурора г. Куйбышева она ведется от 1 до 3 мес. даже по делам о технике безопасности. Не обратил также следственный отдел внимания на организацию наблюдения за выполнением на местах ст. 127 Сталинской Конституции. Наблюдательные производства по делам, по которым подследственные содержатся под стражей, отсутствуют, учет их не установлен, так же как не установлен контроль за сроками следствия; циркуляр Прокуратуры Союза по этому вопросу не выполняется: заключенные находятся под стражей свыше установленного законом срока без соответствующего продления срока, а следственный отдел об этом не знает. Не обращено было также внимания на то, что дела облсудовской подсудности, направленные следственным отделом, оказываются недоброкачественно расследованными: возвращение дел с подготовительных заседаний облсуда достигает 20%, за 1937 год из 75 рассмотренных дел 10 было направлено на доследование и 5 прекращено.

Указанные серьезнейшие недочеты работы Куйбышевской прокуратуры на 3 основных участках — по общему надзору, по судебному надзору и руководству следствием—являются, с нашей точки зрения, результатом того, что в работе каждого отдела не выделяются основные, принципиальные, наиболее важные объекты работы, что самотек поглощает всю оперативную работу аппарата, что живая связь с периферией надлежащим образом не организована.

В настоящее время, когда перед органами прокуратуры Сталинской Конституцией поставлены новые задачи, когда авторитет ее поднят на еще большую высоту, особенно необходимо всегда руководствоваться словами Ленина: «недостаточно быть революционером и сторонником социализма, или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтоб удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену».

Р.

О работе судов Западной области

Подготовка к проведению на основе Сталинской Конституции всеобщих, прямых, равных и тайных выборов судей — наша неотложная задача.

Разрешение этой задачи должно заключаться прежде всего в ознакомлении всей советской общественности с работой судебных органов, развертывании самокритики и искоренении всех и всяческих недостатков.

Предстоящие выборы будут серьезнейшим политическим экзаменом для всех судебных работников.

В Западной области работа ряда судебных органов хромает, что называется, на обе ноги, в общей печати деятельность судов и отдельных судей не освещается, а областной суд вместо живого и оперативного руководства районными звеньями в свете подготовки к выборам занимается составлением мудрых документов, перещеголявших витиеватые писания гоголевских чиновников былых времен.

3 марта 1937 г. оперативное совещание при председателе облсуда обсудило карательную политику нарсудов области за IV квартал 1936 г. и приняло знаменательное во всех отношениях постановление.

В § 7 этого постановления написано: «поставить перед нарсудьями вопрос о том, чтобы оправдательные приговоры могли быть выносимы только в тех случаях, когда на судебные заседания поступают абсолютно новые материалы, не бывшие предметом обсуждения на подготовительном заседании».

Совершенно ясно, что подобные требования облсуда — грубейшая политическая ошибка, так как нельзя «запрещать» судам оправды-

вать людей, за исключением тех случаев, когда в суды поступают «совершенно новые материалы, не бывшие предметом обсуждения на подготовительном заседании».

Известно, что в ряде случаев судебное следствие разбивает выдвинутую в период предварительного следствия версию, и возникает необходимость вынесения оправдательного приговора. Областной суд в своем постановлении, по сути, предлагает «выискивать» во что бы то ни стало обвинительные доказательства и непременно выносить обвинительный приговор.

В таком указании, несомненно, есть тенденция низвести судебное заседание нарсуда до простой формальности.

Говоря о снижении преступности по одной из категорий дел в § 10 постановления, совещанием записано: «однако, процент снижения этого вида преступности чрезвычайно ничтожен, причем медленное сокращение преступности по этим категориям дел объясняется, в частности, тем, что карательная политика по этим категориям дел недостаточно жестка и не используются меры наказания предоставленные законом».

Сделать какой-либо деловой вывод для себя из этого общего и неконкретного указания суды, конечно, не могут.

В § 4 записано: «по ст. 74 при наличии сокращения судимости очень медленно выправляется карательная политика. Это видно из того, что лишение свободы применялось в III квартале на 74,5%...».

Подобные указания политически неправильны, так как ориентируют суды на применение в 100% случаев меры наказания — лишение свободы, невзирая на социальное лицо правонарушителя и тяжесть совершенного преступления.

Допущенная ошибка усугубляется тем, что облсуд повторяет это требование, неоднократно говоря и о других видах преступлений в §§ 6, 8 и 10 постановления.

Оперируя только статистическими показателями, постановление оперативного совещания упускает крупнейшие пробелы в работе судов, могущие быть замеченными в результате изучения конкретных дел, например, народный суд Мещевского района, рассмотрев дело по обвинению растратчика Ермакова, вынес такое определение:

«27 марта 1937 года народный суд Мещевского района Западной области Выездная Сессия в Кудрике. Под председательством нарсудьи Петраковой, нарзаседателей Борщова, Комчадалова, при секретаре Пономареве, рассмотрев уголовное дело по обвинению Ермакова Никиты Ильича в преступлении по ст. 116 ч. 1 УК и ст. 128 «в» УК. Суд принял во внимание, что в Кудринском СельПО систематическая происходит растрата и что ряд лиц были привлечены к уголовной ответственности работающими завмагами имеются сведения что правление сельПО имеет ряд лиц в счетной части, которые запутывают учет и отчетность и ряд лиц по причине запутанного учета со стороны счетной части подвергаются уголовному преследованию и ряд лиц уже осуждены не исключены случаи и в дальнейшем состав преступления не прекращается.

Для устранения творившегося недоразумения Мещевскому Райпотребсоюзу надлежит устранить лиц из правления и вновь переизбрать правление и поставить работников соответствующих своим обязанностям почему на основании вышеизложенного и в силу ст. 238 УПК,

Определил:

Предложить Мещевскому Райпотребсоюзу переизбрать полностью правление и выделить лиц во вновь избранное правление. Каковые бы могли вывезти из недоразумения творившегося до сего времени а также предложить устранить счетную часть в Кудринском сельпо, подобрав более честных и опытных работников, отвечающих за порученную работу».

Мы сохранили стиль и орфографию подлинника. С этой стороны приведенный нами документ настолько «своеобразен», что нет никакой необходимости подвергать его особой критике.

Но дело не в стиле и орфографии этого документа, все дело в том, что судья т. Петраков этим определением, как видно, стремился осуществить применение различных профилактических мероприятий, получилась же не профилактическая деятельность, а грубое нарушение демократии, огульное охаивание всего правления и всей счетной части сельпо без указания хотя бы одного конкретного факта в действиях того или иного должностного лица.

Это не один случайный казус в работе судебных органов Западной области.

В Рославльском районе некая Орлова украла в поезде у пассажира чемодан с вещами. Воровку отыскали и предали суду.

Получив повестку, обвиняемая в суд не явилась, и суд определил, что обвиняемая от суда уклоняется, поэтому вызывать ее нецелесообразно, и, прекратив дело, предложил потерпевшему подать иск к воровке в гражданском порядке.

Также по мотивам неявки Суземский суд прекратил дело в отношении обвиняемого Савченко, совершившего несколько краж домашних вещей.

Гр-н Роздомакин (Жуковский район) украл с постройки 55 досок. Часть похищенных у него была обнаружена и отобрана.

Преступник был предан суду, но суд прекратил дело по мотивам маловажности.

В общежитии пекарни города Духовщины систематически воровали вещи. Удалось поймать и изобличить Кузьмина, но суд прекратил дело по мотивам нецелесообразности предания его суду.

Все эти «ошибки» народных судов не случайны, а находятся в полном соответствии с системой руководства со стороны областного суда.

Мы цитируем § 11 «постановления оперативного совещания при председателе запоблсуда от 3 марта 1937 года».

«Охрана частной трудовой собственности по области производится удовлетворительно. Так, по ст. 162 п. «а», «б», «в» УК из 395 осужденных в III квартале в IV квартале осуждено 380 чел. из них: 156 чел., или 41% — к лишению свободы. Если учесть, что по социальным признакам по этой статье осуждено 2 чел. нетрудового элемента и 72 чел. деклассированных элементов и 58 прочих, то в сопоставлении этих цифр усматривается некоторый перегиб в сторону присуждения к коротким срокам лишения свободы трудящихся».

Во всем этом оперативность заключается только в названии совещания оперативным.

Нет в этом документе и логики, как получилось у авторов постановления, что из 395 осужденных в III квартале 380 осуждено в IV квартале. Ведь если понимать так, как написано, то выходит, что в III квартале осуждено только 15 человек, а это, конечно, не так.

Народные судьи, читая это постановление, поймут только одно, что охраняют «частную трудовую собственность» (странный термин) они удовлетворительно.

У работников облсуда, как видно, не нашлось времени ни на тщательную редакцию постановления, ни на изучение конкретных дел, так как совещание построило свои выводы лишь на общих итоговых цифрах в прямом противоречии с действительным положением вещей.

В деле охраны социалистической собственности у судов Западной области также не мало благодушия и прямых извращений.

Заведующий рыбным пунктом Велижского района Михайлов растратил 772 руб., но суд прекратил дело об этом растратчике ввиду малозначительности совершенного преступления. Пинчуков украл в кассе магазина 136 руб., по малозначительности и это дело прекратил суд Унечского района.

В § 7 оперативное совещание облсуда записало:

«Борьба с расхитителями социалистической собственности, сказавшаяся на увеличении количества дел (с 330 в III квартале до 483 дел в IV квартале), что объясняется в известной степени некоторым увеличением дел в период уборки и заготовок и кроме того крайне тяжелым положением с фуражным фондом в области.

Вместе с тем необходимо отметить чрезвычайно большой процент отсева в УКК по п. «в» и «д» ст. 162 УК в среде 28,1%. В то же время очень медленный рост усиления карательной политики: в III квартале осуждено к лишению свободы 50,4%, а в IV квартале — 60,1%, что не увязывается с ростом количества осужденных. Вместе с этим нарсуды допускают нетерпимое осуждение к исправтрудработам по месту работы 78 чел., или 11,7%, и после УКК—56 чел., или 11,2%, и даже ещё более мягкие меры наказания — 41 чел., или 6%, в нарсудах и после УКК — 31 чел., или 6,5%.

Эти цифры говорят о недооценке нарсудами необходимости жесткой охраны социалистической собственности».

Оперативное совещание области не ошиблось в своих выводах, но четкого, политически острого анализа допущенных судами ошибок и извращений с демонстрацией наиболее характерных из них конкретных примеров не дало.

Цифры, изложенные в этом параграфе постановления, крайне сомнительны и ничему не поучают, например, те, которые «характеризуют» применение исправтрудработ и «более мягких мер наказания».

Шофер Бучицкий, проезжая в окрестностях Смоленска, убил машиной колхозника-активиста. Нарсуд Смоленского района оправдал Бучицкого на том основании, что умысла не было, а была лишь неосторожность.

Этот же суд Смоленского района неоднократно прекращал дела в отношении хулиганов лишь потому, что преступления совершались в пьяном виде, а это, по мнению суда, смягчающее обстоятельство.

7 сентября 1936 г. в Рославльский суд поступило дело по обвинению Звонцова по ч. 2 ст. 74 УК. Это дело лежало в суде 2½ месяца и было прекращено судом 23 ноября ввиду призыва обвиняемого в армию.

Велижский народный суд оправдал Анухова, который на почве мести, будучи пьяным, железной палкой избил бригадира Уварова.

Все это свидетельствует о наличии крупнейших недостатков как в работе народных судов, так и в руководстве со стороны областного суда, а в свете Сталинской Конституции не может рассматриваться иначе, как скверная подготовка к предстоящим перевыборам судей.

В § 8 своего постановления облсуд указывает на слабое руководство следствием в области со стороны органов прокуратуры.

Вне всякого сомнения целый ряд недостатков в работе прокуратуры по надзору за следствием есть, но все конкретные примеры, указанные нами выше, свидетельствуют прежде всего об очень плохой работе самих судов.

Областной суд склонен объяснять, и в своем постановлении так и объясняет, большой процент прекращаемости дел в подготовительных заседаниях исключительно скверным качеством расследования, но факты свидетельствуют и об иных причинах; например, в Рославльском районе 3 дела: № 1655 о Паршине по ч. 1 ст. 85 УК, второе — № 1656 о Звонцове по ч. 1 ст. 143 УК, третье — № 1617 о Мамонтове по ч. 1 ст. 85 были возбуждены судом самостоятельно без проведения расследования и потом самостоятельно же прекращены в подготовительном заседании.

Мы цитируем интересное во многих отношениях определение подготовительного заседания суда Рославльского района от 21/III 1937 г. по делу № 1123/1937: «Нашел, что обвиняемый Бекусов является бригадиром колхоза предъявлять обвинение последнему по ст. 110 УК не было оснований, поскольку согласно последнего разъяснения Верхсуда бригадиры не являются должностными лицами. Из показаний свидетелей, опрошенных по делу, имеется полное противоречие — в показаниях необходимо эти обстоятельства уточнить. В деле нет справки о соц. положении обвиняемого, нет характеристики обвиняемого, которая необходима для дела, а поэтому, руководствуясь ст. ст. 236 и 238 УПК, определил уголовное дело по обвинению Бекусова Ивана Романовича возвратить через райпрокурора на доследование (подписи)».

Прежде всего мы не знаем такого «последнего» разъяснения Верхсуда, в котором бы указывалось, что бригадиры колхозов не являются должностными лицами, а во-вторых—это определение характерно «серьезностью» записанного в нем указания о порядке доследования и недостатков следствия, которые отметил суд.

В практике работы судов Западной области возвращение дел на доследование с подобными определениями — нередкое явление.

Необходимо с такой практикой работы покончить и твердо понять, что суды могут и должны помогать прокуратуре в деле корректирования работы следователей путем правильного и полного изложения всех недостат-

ков следствия, послуживших причиной обращения дела на доследование.

Борясь за повышение качества работы судов, следует отказаться от методов канцелярско-бюрократического руководства и оперирования лишь статистикой и развернуть подлинный смотр советской общественностью всей работы судов, а то под сенью различных объемистых постановлений имеет место то, чего не должно быть, например, в Руднянском нарсуде большая залежь дел.

В этом районе работают 3 народных судьи и в месяц поступает около 100 гражданских дел и 40 уголовных.

Чем же объясняется, что по области около 20% дел о растратах до рассмотрения их судами лежат в судейских шкафах свыше месяца?

Это объясняется тем, что судьи работают «не спеша»: судья Руднянского района Бояринова в январе 1937 г. рассмотрела 6 дел, в феврале — 9 дел, а за 20 дней марта — тоже 9 дел.

Нарсудья Руднянского района Тулякова, не будучи в отпуске и не болея, за I квартал 1937 г. не рассмотрела ни одного дела.

Знает ли о такой работе этих судей областной суд — по постановлению оперативного совещания от 3 марта судить нельзя.

Товарищеские суды во многих районах области не переизбираются годами, живого руководства их работой нет; именно так обстоит дело в городе Смоленске, т. е. под боком у областного суда.

Это говорит о том, что суды Западной области не только плохо работают вообще, но и мало уделяют внимания общественно-массовой работе, т. е. оторвались от масс.

Из данной нами краткой характеристики работы судов Западной области надлежит сделать необходимые политические выводы и перестроить работу на основе живого, подлинно оперативного руководства, развертывания большевистской самокритики и все это проводить в свете подготовки к предстоящим перевыборам судей.

Ершов, Мельников.

От редакции. Приводимые тт. Мельниковым и Ершовым факты из «руководства» областным судом Западной области говорят о серьезных недостатках этого руководства.

Это «руководство», учитывая примеры из деятельности ряда нарсудов области, приводимые авторами статьи, требует самого срочного вмешательства Народного комиссариата юстиции.

Редакция ждет сообщения т. Крыленко о мерах, принятых для немедленной ликвидации образовавшегося по существу в судебном аппарате Западной области прорыва.

По наведенным редакцией справкам, все неправосудные приговоры, приведенные авторами статьи, опротестованы Прокуратурой Союза.

Революционная законность в понимании беловского райпрокурора Харитоненко

Сталинская Конституция эпохи социализма, утвержденная советским народом, — ключ к пониманию задач, стоящих перед каждым прокурором, судьей и всеми работающими в органах суда и прокуратуры.

Беспощадная борьба с врагами народа, ворами, расхитителями социалистической собственности, контрреволюционным троцкистско-зиновьевским и бухаринско-рыковским отребьем, шпионами, диверсантами и прочей нечистью и вместе с тем чуткое и внимательное отношение к честным советским гражданам, защита прав и достоинства личности советского гражданина — таковы задачи работников суда и прокуратуры.

Нет сомнения, что подавляющее большинство работников советской юстиции это твердо усвоило и проводит в жизнь.

Но, как говорится, «в семье не без урода». Эту старую русскую пословицу подтвердила проверка работы беловского районного прокурора Харитоненко, не так давно проведенная прокуратурой Западной Сибири.

Эта проверка, в частности, установила, что в практике работы районного прокурора Харитоненко в широких размерах применялась та самая «калужская и казанская» законность, которую в свое время так бичевал В. И. Ленин.

Это красноречиво подтвердила практика райпрокурора Харитоненко в вопросах об арестах граждан и разрешении жалоб трудящихся, указывавших зачастую на нарушения революционной законности местными органами власти (сельсоветами, риком и т. д.).

Не говоря уже о том, что Харитоненко, будучи районным прокурором, исключительно примиренчески относился ко всяким беззакониям и беззаконникам, он, собственно говоря, и сам оказался матерым беззаконником, считавшим, что законы писаны «для дураков» и что законы иногда-де могут быть применимы по-разному в зависимости от местных условий.

Пользуясь этим «мировоззрением» прокурора Харитоненко и его такой позорной ролью в проведении революционной законности, некоторые из других «блюстителей» порядка пошли по такому же пути.

В частности, следует указать на тот факт, что в течение 1936 г. в камере предварительного заключения беловского районного отделения милиции содержалось без санкции прокурора 33 человека. В то же самое время, по данным районного прокурора, последний в течение года в КПЗ не обнаружил ни одного незаконного ареста (хотя следует указать, что этими вопросами прокурор Харитоненко не занимался).

Наоборот, проверкой обнаружены были случаи прямого произвола со стороны самого прокурора.

Арестовывались иногда люди, не совершившие никаких уголовных преступлений, а лишь по мотивам... «эффективности» и необходимости укрепления дисциплины (как выражается прокурор Харитоненко).

Например:

а) 14 октября 1936 г. лично райпрокурором Харитоненко был арестован колхозник сельхозартели «Страна советов» Каргин Петр Яковлевич. Арест Каргина прокурор в своем постановлении мотивировал следующим образом (дословно): «во время выборов его бригадиром он абсолютно не возражал, а на завтра 14 октября с. г. категорически принимать бригаду отказался и к тому же абсолютно не стал работать и колхозников бросил на произвол судьбы и получился срыв работы в этот день».

Как выяснилось, Каргин был примерный колхозник, несколько раз премированный, но по своей неграмотности просил правление, чтобы его бригадиром не ставили. И вот за то, что он отказался быть бригадиром, прокурор его арестовал и держал под стражей с 14 по 17 октября.

Освобождая Каргина из-под стражи, прокурор Харитоненко иронически спросил последнего: «ну как, нравится здесь сидеть?». И на этом все производство об аресте Каргина было исчерпано.

В тот же день и в этом же колхозе на общем колхозном собрании некоторые колхозницы покритиковали своего кладовщика Косарева Василия за то, что он от пекарок-колхозниц принимает недоброкачественно выпеченный хлеб для полевой бригады, часто отлучается из кладовой, и потребовали от кладовщика это устранить.

Прокурор Харитоненко, присутствовавший на этом собрании, выступив с речью, объявил Косарева врагом народа и арестовал его на колхозном собрании (для «эффективности», так сказать. — А. Х.).

Через 3 дня кладовщик Косарев также был прокурором освобожден из-под стражи без предъявления ему какого-либо обвинения за отсутствием к тому оснований.

б) 17 ноября 1936 г. с санкции прокурора Харитоненко были арестованы колхозники сельскохозяйственной артели «Индустрия» Гончаров Иван, Кобзев Алексей и Кобзев Дмитрий за... участие на свадьбе и невыход на работу.

Через два дня эти люди были освобождены из-под стражи со следующей мотивировкой (дословно): «рассмотрев дело по обвинению Кобзева Алексея, Кобзева Дмитрия и Гончарова Ивана по ст. 58 п. 14 УК и принимая во внимание, что произведенным расследованием (хотя никакого расследования не производилось и арестованные даже не допрашивались. — А. Х.) установлено, что виновность обвиняемых Кобзевых и Гончарова подтверждена не в достаточной степени, а посему, руководствуясь примечанием ст. 6 УК, постановил: принятую в отношении Кобзевых Алексея, Дмитрия и Гончарова Ивана меру пресечения содержание под стражей изменить на освобождение».

Не говоря уже о полном юридическом невежестве составителя названного выше постановления, сам по себе факт ареста этих трех колхозников — сплошное издевательство над людьми и над советскими законами.

в) 2 октября 1936 г. райпрокурором Харитоненко были арестованы рядовые колхозники Царев, Ксеньев и Коновалов по признакам... статьи 61 части 3 УК (как объяснил прокурор).

Такая квалификация, конечно, не нуждается в комментариях. Ее можно лишь отнести к чеховскому унтеру Пришибееву.

Но за что же все-таки арестованы были эти колхозники и содержались под стражей 9 суток?

В колхозе во время уборки была чрезвычайно слабая труддисциплина. Массово-политическая работа почти отсутствовала. Не было правильной организации труда. Колхоз оказался в прорыве и с уборкой, и с хлебопоставками.

Так вот прокурор Харитоненко решил одним своим заездом навести в колхозе порядок и укрепить труддисциплину. А для того чтобы навести порядок, он решил не в меру использовать свой прокурорский престиж и объявил на колхозном собрании колхозников Царева, Ксеньева и Коновалова арестованными.

Правда, по этому аресту на сей раз прокурор проводил расследование (поручив дело вести следователю), но кроме нарушения колхозной дисциплины со стороны колхозников Царева, Ксеньева и Коновалова ничего не установил.

г) 14 ноября 1936 г. по постановлению прокурора Харитоненко был арестован гражданин Баженов Тимофей. Мотивы ареста прокурором изложены следующим образом (дословно): «Поручено Баженову ремонт здания райпрокуратуры, который для близира к ремонту здания приступил, поломал печи, поднял полы и рабочих бросил на произвол судьбы, что последние несколько дней не работали. По его указанию печники склали печь, которая через два дня развалилась. Он на такое безобразие не обращал внимания. Забрал 6 бревен, принадлежащих прокуратуре, и употребил неизвестно куда».

Перечень подобных арестов, произведенных лично прокурором Харитоненко, еще не совсем исчерпан. Следует лишь указать еще на один весьма любопытный факт, свидетельствующий о самодурском и преступном отношении к арестам со стороны райпрокурора Харитоненко.

В ноябре 1936 г. Харитоненко по телефону сделал распоряжение следователю Александрову арестовать двух граждан из Коневского сельсовета, которые, как сообщил прокурор следователю, не оказали ему, прокурору, помощи — вытащить из грязи машину, на которой ехал он, прокурор.

Как видите, концепция прокурора Харитоненко относительно законности «беловской» самым бесцеремонным образом находила свое применение на практике.

А там, где требовалось действенное вмешательство прокурора и принятие действенных и законных репрессивных мер по отношению к хулиганствующим элементам, там у прокурора Харитоненко не оказалось ни времени, ни решительности. Начиная с мая 1936 г., председатель Бековского сельсовета Беловского района несколько раз обращался к прокурору и просил привлечь к ответственности хулиганов Бабакона Федора, Бабанакова Михаила и Нарышева Егора, терроризировавших своими хулиганскими действиями колхозников и занимавшихся воровством колхозного имущества.

Все эти сигналы сельского совета пролежали у прокурора под сукном и лишь только сейчас, после проверки, все эти лица преданы суду, а один из них (Бабакон Федор) привлечен к ответственности за террористический акт против парторга цинкового завода Круглова.

Отношение к жалобам трудящихся со стороны райпрокурора Харитоненко нельзя назвать просто легкомысленным, а вернее будет назвать прямо преступным.

Подавляющее большинство жалоб у райпрокурора Харитоненко не находило своего правильного разрешения.

Прежде всего практиковалась, как правило, отсылка жалоб в организации и лицам, на которых поступает жалоба. 57 процентов всех поступивших жалоб было отослано на рассмотрение другим организациям, по остальным делались запросы, направлялись для объяснения, но решение вопроса по жалобе зачастую не доводилось до своего логического конца.

Мотивированные постановления об отказе никогда не выносились.

Прием посетителей с устными жалобами организован так, что прокурор принимал людей как только «бог на душу положит». Захочет прокурор — принимает, не захочет — тут уж жалобщик не проси и не моли. А ведь в районе люди иногда приезжают и приходят за несколько десятков километров.

Отдельные жалобы, по которым требовалось активное и энергичное вмешательство прокурора, например, разрешались так: «Председателю Чекмаревского сельсовета копия гр-ке Выгузовой. В прокуратуру обратилась с жалобой гражданка Выгузова о том, что Вы в отсутствие хозяев сделали у нее один обыск в квартире. Сообщаю, что в случае повторения незаконных Вами действий против Вас будут приняты другие меры».

На этом производство по жалобе закончено. Между тем гр-ка Выгузова жаловалась на незаконный обыск и исчезновение вещей после этого обыска.

В августе 1936 г. гражданин Сидельников обратился к прокурору с жалобой об изъятии у него дома за невыполнение натурпоставок государству. 17 августа жалоба была направлена рику «на распоряжение». Жалобщик Сидельников в октябре лично явился к прокурору узнать о судьбе его жалобы. Он был прокурором принят, ему разъяснено о незакономерности действий сельсовета и обещано исправить это незаконное действие. Жалобщик, удовлетворенный разъяснением, вернулся в свое село и долгое время ждал возвращения ему незаконно изъятого дома. Но, увы.

1 октября рик сообщает прокурору: «На Ваш № 874 сообщаю, что жалоба Сидельникова не рассмотрена риком». Следует резолюция прокурора: «Сообщить жалобщику, что 17 августа его жалоба направлена рику для разбора, куда последний и может обратиться за результатами».

Как видите, напрасно Сидельников ходил к прокурору Харитоненко, его надежды на исправление допущенного беззакония к нему оказались тщетными.

По жалобе гр-на Аксенова о выселении его из квартиры вопрос прокурором был разрешен так: «Колхоз «Красное знамя» т. Полетаеву. По имеющимся у меня сведениям, что вы бывшего председателя т. Аксенова выселили из квартиры, над его женой издеваетесь. Учтите, что ваше беззаконие и грубое отношение будет мной учтено, а вам запрещаю беспокоить его и его семью, а также и выселять из квартиры, а если я услышу, я буду с вами разговаривать по-иному».

За сим следует подпись прокурора Харитоненко, дата, номер и все прочие формальности канцелярского порядка. И так далее, и тому подобное, и все в таком же духе.

Не знаем, как и о чем после этого столь грозного и вместе с тем далеко не умного изречения прокурор Харитоненко разговаривал с товарищем Полетаевым, но в тот день, когда проходила проверка работы по жалобам, прокурор, поглядев в окно своего кабинета, облегченно вздохнул и с выражением чувства удовлетворения произнес: «А как хорошо, когда снежный буран людей приучает сидеть дома и не ходить в прокуратуру».

Таков стиль и такова работа районного прокурора Харитоненко, ныне привлеченного за эту «работу» к уголовной ответственности.

А. Хитев.

От редакции.

Факты, приводимые в статье т. Хитева, при проверке их редакцией подтвердились. Харитоненко был предан суду и выездной сессией крайсуда приговорен к двум годам лишения свободы.

Гримасы Ростовской-на-Дону городской прокуратуры

В Ростове на Дону существует один из самых крупных в СССР молочных заводов. За последнее время было замечено, что на заводе производится хищение продуктов, причем хищение это производится шоферами при участии грузчиков и привратников. С завода вывозятся бидоны с молоком, ящики с молпродуктами и целые банки с мороженым. Совершенно очевидно, какой ущерб это причиняло заводу, но поймать воров было не так просто, тем более, что все это проделывалось организованно и при участии привратников.

Недавно поступило сообщение из одного киоска молзавода, торгующего мороженым, что определенные шоферы явились в киоск и предложили продавщице его купить у них мороженое в банках за полцены. Совершенно очевидно и для человека не особенно опытного в уголовных делах, что предлагать за полцены товар можно только краденый и что такое предложение может сделать или вор, или соучастник кражи. Нами было предложено продавщице изложить сообщенное ей на бумаге и при нашем заявлении мы отправили этот материал в Ростовскую на Дону горпрокуратуру в полной уверенности, что Горпрокуратура на основании нашей просьбы произведет расследование, вызовет продавщицу, шоферов, установит, откуда у них мороженое за полцены, как мороженое получается ими, и таким путем доберется до воров. Мы имели право так предполагать, зная, что в силу ст. 9 УПК прокуратура должна приступить к расследованию через подлежащие органы милиции и следственные и что, с другой стороны, иначе произвести расследование мы не можем, так как мы не имеем права ни вызывать подозреваемых, ни опрашивать их, ни совершать других действий для расследования и выявления преступлений. Мы особенно рассчитывали, что встретим эту поддержку в прокуратуре г. Ростова на Дону сейчас, когда борьбе с хищениями уделено сугубое внимание. Но мы ошиблись, и прокуратура, вместо того чтобы приступить к действиям, возложенным на нее законом, прислала нам отношение, которое заслуживает того, чтобы его поместить здесь, с сохранением всей орфографии и знаков препинания.

РОСТОВСКИЙ НА ДОНУ
ГОРОДСКОЙ ПРОКУРОР
13/VI—1937 г.
№ 20—1/75

Управляющему сбытконторой молкомбината.

При этом возвращается вам переписка, как бессодержательная, для привлечения к уголовной ответственности, прежде всего могут служить конкретные факты — количество похищенной продукции, ценность данной продукции, а не общие рассуждения и предположения, а поэтому вам необходимо серьезней работать над оформлением документов и давать конкретные материалы, которые могли являться стимулом для привлечения к уголовной ответственности.

Пом. Горпрокурора (Андронов) (подпись)

Если бы мы состояли с пом. горпрокурора г. Ростова н/Д. т. Андроновым в частной переписке, мы бы посоветовали ему, прежде чем давать нам советы, работать над оформлением документов, самому пройти техникум, а потом уже браться за работу прокурора, но если мы посылаем прокурору **вещественные доказательства** и материалы, изобличающие людей в совершении определенного преступления, то едва ли для нас может служить стимулом обращаться в горпрокуратуру с просьбой о расследовании, если прокурор, вместо того чтобы выполнить лежащую на нем по закону обязанность, будет отвечать, подобно изложенному, неграмотными отношениями.

Мы обратились с жалобами к Краевому Прокурору, но пока, возможно, с Ростовского на Дону Молкомбината вывозятся товары и продаются на стороне за полцены, причем происходит это потому, что в Ростовской на Дону Прокуратуре не знают своих обязанностей и сидят на работе юридически неграмотные.

Юрисконсульт Молкомбината **И. Олевский.**

Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах

Судоустройство и уголовное законодательство Бельгии

Бельгия является буржуазно-демократическим государством в форме конституционной монархии.

Конституция 1831 г. была отражением победы буржуазии и помещиков над пролетариатом больших городов, активно выступившим в августе — сентябре 1830 г. против правительства.

Эпоха I интернационала ознаменовалась ростом рабочего движения в Бельгии и напором трудящихся масс на буржуазно-помещичью олигархию, в результате чего были допущены некоторые уступки в сторону увеличения избирательных прав, зафиксированного в изменении конституции в 1893 г.

Результатом компромисса Бельгии с Англией, Францией и Германией явилась аннексия африканской колонии Конго в пользу Бельгии. Конго по своим природным богатствам (золото, серебро, медь, алмазы, лесные массивы, каучук, кокосовое масло) представляло собой очень лакомый кусок для бельгийской буржуазии, введшей там законом 1908 г. фактически рабовладельческий режим. После войны страх перед революцией побудил бельгийскую буржуазию в 1918 г. снизить возрастный ценз для избирателей от 25 лет до 21 года, с специальным изменением для этого ст. 47 конституции.

Избирательная форма была оформлена специальным законом 1919 г., и состоявшиеся 16 ноября 1919 г. на основе нового избирательного закона выборы в парламент дали первое место в палате депутатов социалистам, образовавшим коалиционное правительство из либералов и социалистов во главе с бельгийскими лидерами II интернационала.

Политика этого коалиционного правительства отличается ярко выраженным реакционно-соглашательским характером и обслуживает интересы крупной национальной буржуазии.

Гитлеровский фашизм, являющийся выразителем германского империализма, делает Бельгию объектом своих происков, ибо отношения между буржуазными странами «более чем далеки от добрососедских отношений» (Сталин).

Агентура гестапо в лице бельгийских фашистов — «рексистов»[1] с их руководителем Дегрелем ведет откровенную борьбу за уступки фашистской Германии в ее посягательствах на Бельгию.

---

[1] Гитлеровский форейтор в Бельгии Дегрель возглавил под названием «рексистов» (приверженцев короля) фашистскую группировку, добивающуюся изменения бельгийской конституции в сторону большего расширения полномочий короля, слишком ограниченных, по мнению рексистов, парламентом, добивающуюся введения в избирательный закон фашистского «корпоративного» принципа и требующую безоговорочного соглашения с гитлеровской Германией.

Содержание политики бельгийской буржуазии определяет и содержание ее правового режима, который основан на заимствованных у других буржуазных государств законодательных образцах, используемых с местными поправками и дополнениями в целях лучшего обеспечения эксплоатации буржуазией трудящихся масс Бельгии.

Следуя теории Монтескье о разделении властей, бельгийская конституция в ст. ст. 25 и 30 фиксирует разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную.

«Никакой суд, никакая разрешающая тяжбы власть не могут быть установлены иначе, как в силу закона. Ни под какими наименованиями не могут создаваться чрезвычайные комиссии или суды» (ст. 94).

Организация уголовного суда, помимо конституции 1831 г., определяется законом 1878 г. Суды в Бельгии делятся на общие и специальные. Общими являются: суд полицейский, суд исправительный, суд с участием присяжных заседателей, суд апелляционный и суд кассационный. К специальным судам относятся военные суды и суды по делам о несовершеннолетних.

В административном отношении все суды подчинены министру юстиции, а каждый суд — своему председателю. Прямой надзор за нижестоящим судом осуществляет суд вышестоящий, а высший надзор за судами и судьями принадлежит министру юстиции. Вся Бельгия делится на 26 судебных округов, в которых имеется 230 судебных участков (кантональных).

О порядке назначения судей общие указания даны в конституции. В ст. 99 указывается, что судьи назначаются непосредственно королем. Судьями могут быть только мужчины. Должностные судьи назначаются пожизненно (ст. 100) и не могут увольняться в отставку или временно отстраняться от должности иначе, как по приговору суда. Перемещение судьи с должности на должность может иметь место только при наличии нового назначения и с согласия судьи.

Низшей судебной ячейкой является полицейский суд, который организован в виде суда единоличного. Полицейский суд рассматривает дела о нарушениях, по которым предусмотрено наказание полицейского характера.

По официальным данным бельгийской статистики, наблюдается из года в год рост числа осужденных полицейскими судами в 1929 г. — 177 455 чел., в 1930 г. — 188 843 чел., в 1931 г.— 196 511 чел.). 99% осужденных полицейскими судами приговорены к штрафу, а из числа приговоренных к аресту одна треть приговорена условно [1].

Исправительный суд является судом первой инстанции, имеющим право налагать наказание исправительного характера, и апелляционным судом для полицейского суда.

Исправительный суд рассматривает дела в единоличном составе и в трехчленном составе. В единоличном составе рассматриваются дела по апелляционным жалобам на приговоры полицейских судов, дела, по которым обвиняемый застигнут с поличным, дела, по которым обвиняемый находится в предварительном заключении, и дела, по которым обвиняемый уже однажды был подвергнут исправительному наказанию. В трехчленном составе (ст. 7 УПК) исправительный суд рассматривает дела о преступных деяниях против семейных устоев и общественной морали.

По тем же данным бельгийской официальной статистики, в 1929 г. исправительными судами было осуждено 42 792 чел., в 1930 г. — 42 290 чел. и в 1931 г. — 42 336 чел., причем к лишению свободы за эти же годы приговаривалось от 35 до 36% осужденных (из них условно в 1929 г. 41%, в 1930 и 1931 гг. — 39%).

Суды присяжных предусмотрены бельгийской конституцией (ст. 98), в которой указывается, что суд присяжных установлен по всем делам о преступлениях уголовных, политических и в печати.

Суд присяжных имеет 4 сессии в год. Председательствует член апелляционного суда по назначению председателя последнего в составе двух должностных судей высшего ранга.

Число присяжных заседателей достигает 12 человек, включенных в список на данную сессию по усмотрению председательствующего. Списки составляются на год из избирателей в законодательные органы. Суд присяжных имеется в главном городе каждой из провинций (Антверпен, Брабант, Восточная Фландрия, Западная Фландрия, Гент, Льеж, Лимож, Люксембург и Намюр).

Обвиняемые и прокурор имеют право немотивированного отвода трех человек из состава присяжных заседателей на данную сессию. Судом с участием присяжных заседателей осуждено 112 чел. в 1929 г., 89 чел. — в 1930 г. и 94 чел. — в 1931 г., из них к смертной казни приговорено в 1929 г. — 8 чел., в 1930 г. — 6 чел. и в 1931 г. — 10 чел., к каторжным работам пожизненно и на долгие сроки—42 чел. в 1929 г., 40 чел. в 1930 г. и 41 чел. в 1931 г. [1].

Апелляционный суд состоит из председателя и двух советников, назначаемых на один год. Согласно ст. 104 конституции, в Бельгии имеется три апелляционных суда (Брюссель, Гент, Льеж). Апелляционный суд рассматривает дела по апелляционным жалобам на приговоры исправительных судов и судов с участием присяжных заседателей. По официальным данным, апелляционный суд рассмотрел в 1929 г. 4983, в 1930 г. — 4980, в 1931 г. — 4927 дел по апелляционным жалобам на приговоры исправительных судов [2].

85% приговоров судов первой инстанции были стабильно оставлены в силе апелляционными судами за эти же годы.

Кассационный суд является единым для всей Бельгии и находится в Брюсселе. Кассационный суд рассматривает дела только по жалобам на нарушение закона в присутствиях, состоящих из трех должностных судей.

Суды по делам о несовершеннолетних организованы на основании закона 15 мая 1912 г., являющегося частью закона о «защите детства». Суд по делам о несовершен-

[1] «Аннюэр статистик де ля Бельжик э дю Конго бельж» 1935, стр. 62.

[1] «Аннюэр статистик де ля Бельжик э дю Конго бельж» 1935, стр. 262.

[2] Там же.

нолетних — единоличный и выполняется специальным судьей из числа судей первой инстанции. Судья по делам о несовершеннолетних назначается на три года с правом продления его работы снова на три года. В апелляционной инстанции тоже имеется специальный судья для рассмотрения дел о несовершеннолетних. Суду по делам о несовершеннолетних подсудны: дела по обвинению несовершеннолетних до 18 лет в бродяжничестве, нищенстве и в беспорядочном поведении, дела о несовершеннолетних до 16 лет по всяким нарушениям закона.

Число дел о несовершеннолетних, рассмотренных в 1929, 1930 и 1931 гг., по официальным данным, требующим проверки, стабильно и достигает с незначительными колебаниями 10 000.

Возможность организации военных судов предусмотрена конституцией (ст. 105). Существуют окружные военные суды и верховный военный суд в лице военного совета. В 1929 г. военным судом осуждено 758 чел., в 1930 г. — 822 чел. и в 1931 г. — 919 чел., что свидетельствует об усилении уголовной репрессии в рядах армии.

Деятельность всех бельгийских судов в целом может быть охарактеризована следующими цифрами: в 1929 г. осуждено 219 572 чел., в 1930 г. — 230 761 чел. и в 1931 г. — 237 806 чел., из которых, по официальным данным, 78—79% являются неграмотными [1].

Помимо роста применения уголовной репрессии из года в год, надо отметить также и то, что при восьмимиллионном населении Бельгии через уголовные суды ежегодно проходит более 20 000 человек.

Организация прокуратуры предусмотрена ст. 101 конституции. Порядок назначения тот же, что и судей, но прокуроры не пользуются несменяемостью. Во главе прокуратуры находится генеральный прокурор, который является заместителем министра юстиции. В каждом судебном округе имеется прокуратура, возглавляемая королевским прокурором. Королевский прокурор наблюдает за всеми судами. При апелляционных судах имеется специальный прокурор. При низших судебных инстанциях функции прокуроров выполняют чиновники судебной полиции, назначаемые королем. К числу чиновников судебной полиции относятся комиссары полиции, бургомистры, мировые судьи, офицеры жандармерии, полевой охраны, лесной стражи и следственные судьи.

В Бельгии действует УК 1867 г. с отдельными дополнениями и изменениями 1868, 1874, 1891, 1912, 1914, 1919, 1930, 1934 гг.

Бельгийский УК находится под сильным влиянием французского УК 1810 г. с очень незначительными и редкими отклонениями. Общий его характер определяется принципами классической школы.

Бельгийский УК состоит из двух книг. В первой книге содержатся основные начала бельгийского уголовного права, а во второй перечисляются преступные деяния.

В бельгийском УК нужно отметить основные положения.

Действие УК распространяется как на бельгийцев, так и на иностранцев, за исключением короля и лиц, пользующихся правом депутатской неприкосновенности или экстерриториальности (ст. 3 УК, ст.ст. 63 и 44 конституции). Арест и выдача иностранца, осужденного иностранным судом, производится на основе специального закона 1868 г. (ст.ст. 6 и 14) с дополнениями 1874 и 1893 гг. О выдаче иностранца должно последовать постановление камеры предания суду при апелляционном суде, которое выполняется министерством юстиции.

Уголовный закон не имеет обратной силы за исключением случаев, смягчающих наказуемость (ст. 2 УК).

Преступные деяния делятся на три категории (преступления, проступки и нарушения) и бывают умышленные или неосторожные. Деление на три категории зависит от природы преступного деяния и тяжести наказания (подобно французскому УК).

Наказания делятся на уголовные (смертная казнь, каторжные работы, заточение и тюремное заключение); исправительно-полицейские (арест); уголовно-исправительные (лишение отдельных политических и гражданских прав, отдача под полицейский надзор); уголовно-исправительные и полицейские (штраф, специальная конфискация).

Судье предоставляется в соответствии с принципом классической школы свобода суждения об уголовной ответственности и оценки доказательств виновности. Помимо слабоумия, недостижения 16-летнего возраста и временного ослабления психической деятельности, исключающими вменение обстоятельствами являются также: состояние необходимой обороны (ст. 71 УК), исполнение законного приказа начальника (ст. 70 УК) и состояние опьянения, в которое совершитель преступного деяния был приведен недобровольно. Ошибка в праве не освобождает от ответственности, ошибка в факте освобождает от ответственности за умышленное преступное деяние, но не освобождает от ответственности за совершение деяния по неосторожности. Для установления состава преступного деяния необходима оценка не только намерения совершить деяние, но и оценка реализации этого намерения.

Под покушением понимается начало исполнения, которое было прервано или не имело последствий. Покушение наказуется и в том случае, когда оно не дало результатов по причинам, не зависящим от совершителя, или если специальным законом предусмотрена наказуемость покушения. Наказуемость покушения всегда отличается от наказуемости оконченного преступления при точной разграниченности в законе (ст.ст. 51—53 УК). Покушения на некоторые преступления рассматриваются всегда как оконченные преступления: покушение на убийство короля (ст. 110), членов королевской семьи, на независимость государства и государственный строй (ст.ст. 111 и 112 УК), на изготовление фальшивой монеты и на освобождение арестованных из-под стражи. Все эти покушения караются каторжными работами или смертной казнью.

---

[1] «Аннюэр стастистик де ля Бельжик э дю Конго бельж» 1935, стр. 263.

Признаки, по которым устанавливается наличие соучастия, следующие: совершение действий, которые по УК составляют элементы преступления или проступка (при наказуемости нарушения этого условия не требуется), единство намерения и сговор нескольких лиц, подстрекательство или пособничество. Как правило, соучастие карается так же, как и непосредственное совершение преступления, а подстрекательство к тяжким преступным деяниям карается суровее, чем совершение.

Наказуемость подстрекательства кроме того бывает специально указана в законе в отдельных случаях и при наличии злого умысла (подстрекательство к даче ложного показания — ст. 215 УК, к укрывательству лица, преследуемого в уголовном порядке, — ст. 339 УК, к содействию побегу заключенного — ст. 332 УК и к укрывательству орудий преступлений — ст. 337 УК).

УК отмечает также и обстоятельства, исключающие вменение в вину отдельных преступлений. К числу преступлений относятся: кражи, злоупотребления доверием и мошенничество при наличии родственных отношений между обвиняемыми и потерпевшим (ст.ст. 462, 492, 504 УК), выход из сообщества и выдача соучастников до начала совершения преступного деяния по делам о восстаниях, мятежах и заговоре против короля и его семьи (ст.ст. 134, 136, 192 и 326 УК).

Обстоятельствами, смягчающими вину, признаются: преступные деяния в результате тяжкого насилия со стороны потерпевшего, в результате супружеской измены, когда муж застиг свою жену и соперника (ст. 413 УК) «ин флагранте деликту».

При наличии смягчающих обстоятельств уголовное наказание заменяется наказанием исправительным и весьма смягченным (ст. 415 УК).

При наличии смягчающих обстоятельств суд переходит к штрафу до одного франка при нарушениях, к двум годам тюремного заключения вместо смертной казни или пожизненных каторжных работ, к одному месяцу тюремного заключения вместо каторжных работ от 10 до 20 лет и заточения.

При замене смертной казни за так называемые политические преступления при смягчающих обстоятельствах наказание не может быть определено менее чем в полгода тюремного заключения. При замене пожизненного тюремного заключения за так называемые политические преступления суд переходит к тюремному заключению от одного месяца до одного года.

Право суда при наличии смягчающих обстоятельств переходить к перечисленным выше наказаниям предусмотрено законом 23 августа 1918 г., принятым буржуазным правительством в страхе перед ростом революционного движения. Закон этот продолжает подвергаться ожесточенной критике со стороны ряда реакционных бельгийских криминалистов; в числе их генеральный прокурор Серве, один из авторов позднейшего закона 9 апреля 1930 г. о социальной защите. Серве находит, что общие указания УК об определении меры наказания предоставляют и без того достаточные возможности суду избрать то или иное наказание при наличии смягчающих вину обстоятельств [1].

Отягчающими обстоятельствами бельгийский УК признает рецидив и совокупность преступлений.

Кроме того в отдельных случаях в качестве отягчающего обстоятельства предусматриваются: наличие умысла при причинении смерти, проникновение в помещение или взлом запоров при краже. Под рецидивом понимается совершение однородного преступления в течение срока от одного года до пяти лет со дня отбытия наказания за предшествовавшее преступление. Преследование рецидивистов кроме того предусмотрено специальным законом 9 апреля 1930 г. о социальной защите, на котором мы остановимся ниже.

Совокупность преступлений наказуется по принципу избрания тягчайшего наказания (ст.ст. 58—65 УК).

Смертная казнь может применяться к лицам, достигшим 18 лет и не старше 50 лет (ст. 77 УК).

К числу наказаний с лишением свободы относятся: каторжные работы, тюремное заключение, заточение и арест.

Организация лишения свободы в Бельгии имеет свою историю. С 1835 г. городские тюрьмы были преобразованы в одиночные, с содержанием в одиночных камерах, обязательным для всех категорий заключенных. Основным принципом всех этих мероприятий являются изоляция днем и ночью, работа в камере и прогулка в специальном дворике при камере. Все эти мероприятия проводятся в жизнь под лозунгом «филантропии». Маркс в своей статье о тюремном конгрессе 1847 г. в Брюсселе отметил бельгийскую систему лишения свободы с ее особенностями одиночного заключения, принудительного молчания и поповских поучений, разоблачив истинную цель буржуазии, которая содержится в этих мероприятиях. Еще тогда Маркс писал: «С одной стороны, благопристойно, без усилий, в мире и покое наслаждающиеся жизнью филантропы и капиталисты; в их сердцах неисчерпаемый запас человеколюбия, с другой стороны, совершенно исправившиеся или имеющие в скором времени исправиться рабочие, почитающие за радость и честь работать за картофель и соль для денежного мешка этих господ» [2].

Целью всех этих мероприятий является не исправить заключенного, не приспособить его к трудовой жизни, а выпустить из тюрьмы в состоянии полной подавленности в качестве объекта буржуазной эксплоатации в дальнейшем. С тех пор ничего не изменилось.

В Бельгии имеются две центральные тюрьмы — в Лувене и Генте кроме того имеется 26 тюрем второй степени. В 1930 г. было помещено в тюрьмы 38 225 чел., в 1931 г. — 42 954 чел. Тюремное население было приговорено в 1930 г. к 1 493 837 неделям тюремного заключения, а в 1931 г. — к 1 555 058 неделям тюремного заключения. Режим был таков, что в 1930 г. покончило самоубийством в тюрьме 28 чел., а в 1931 г. — 30 чел, при

[1] «Ля ви жюридик де пейпль Бельжик» 1931, стр. 102.

[2] Маркс и Энгельс, т. V, стр. 179.

общем числе самоубийств в стране в 1930 г. 1356 чел. и в 1931 г. — 1446 человек[1].

Условное осуждение основывается на законах 1888, 1899, 1920, 1923 и 1926 гг. Испытательный срок не может превышать 5 лет, судимость считается погашенной, если осужденный не совершит нового преступления или проступка. Число осужденных условно достигает 11% общего числа всех осужденных в 1931 г., что свидетельствует о крайне незначительном применении условного осуждения.

Применение бельгийского УК на практике может быть освещено несколькими примерами, ярко характеризующими классовую политику бельгийской буржуазии, проводимую в жизнь бельгийскими судами.

Четыре бельгийских фашиста Данлой, Сприит, Барил и Кавен 15 мая 1934 г. нанесли оскорбление словами, жестами и угрозами председателю палаты депутатов Поншеле во время заседания. 12 июня 1934 г. исправительный суд в Брюсселе признал дело по обвинению фашистов себе неподсудным, находя в действиях обвиняемых политический характер. Апелляционный суд в Льеже 11 июля 1935 г. нашел, что в действиях фашистов имеется «мальчишество плохого тона», отверг наличие политического характера в этих действиях и не согласился на передачу этого дела по надлежащей подсудности. По протесту прокурора 7 сентября 1935 г. кассационный суд отменил определение апелляционного суда в Льеже и передал дело для рассмотрения в суд в Генте без всякой конкретизации в своих указаниях, что действия обвиняемых носят политический характер[2].

В то же время дела иного порядка встретили со стороны кассационного суда иное к себе отношение.

В 1934 г. Бетен и Жерер были осуждены по ст.ст. 479 и 464 УК за содержание незарегистрированных публичных домов. Кассационный суд 7 сентября 1935 г. по жалобам осужденных отменил приговоры по обоим делам, считая, что в действиях обвиняемых нет состава преступления, предусматривающего содействие проституции, так как осужденные не занимались притонодержательством в качестве профессии[3].

Из отдельных дополнений к бельгийскому УК заслуживают большого интереса постановления закона от 15 мая 1912 г. о защите детства, касающиеся мер, применяемых в качестве уголовной репрессии к несовершеннолетним, закон 9 апреля 1930 г. о социальной защите и закон 19 июля 1934 г. о шпионаже.

Закон 15 мая 1912 г. о защите детства устанавливает, что меры уголовной репрессии, применяемые к несовершеннолетним, не считаются «наказаниями». Детский судья вправе подвергнуть несовершеннолетнего следующим мерам уголовной репрессии: выговор, отдача другим лицам под ответственное наблюдение, помещение в правительственные и частные общественные учреждения для длительного воздействия и «отдача в распоряжение правительства для помещения в специальное заведение».

За более тяжкие преступления «отдача в распоряжение правительства» может продолжаться до возраста 25 лет, если преступление по общему уголовному закону не карается смертной казнью или каторжными работами, до 40 лет, если оно карается смертной казнью или каторжными работами. В иных случаях можно «отдать осужденного в распоряжение правительства» при установлении особой развращенности обвиняемого на срок не менее двух и не более десяти лет, если его преступное деяние не карается смертной казнью или каторжными работами, и на срок не менее двух и не более 20 лет, если деяние подлежит наказанию смертной казнью или каторжными работами. «Отдача в распоряжение правительства» может быть назначена и условно.

В 1933 г. обследование осужденных судом по делам несовершеннолетних, которые достигли к этому времени 26 лет, дало следующие результаты: из 1471 приговоренных к условной свободе 64,8% вторично не судились, из доверенных частным общественным учреждениям 84,6% допустили рецидив[1].

Закон 9 апреля 1930 г. о социальной защите был подготовлен под непосредственным руководством одного из лидеров II интернационала социалиста Вандервельде и при основном участии генерального прокурора Серве. Первоначальный проект был внесен 14 февраля 1923 г. в парламент, но был возвращен для переработки. Переработанный проект был принят 13 марта 1930 г. большинством — 100 голосов против трех (голоса членов коммунистической фракции).

Закон 9 апреля 1930 г. состоит из 7 глав и 33 статей. Первая глава содержит постановление о мерах к обследованию обвиняемых (ст.ст. 1—6). В отношении каждого из обвиняемых по этому закону должно быть вынесено мотивированное постановление об его обследовании, о котором извещаются обвиняемый и его защитник. Постановление это может быть обжаловано в апелляционный суд в соответствии с правилами, установленными ст.ст. 19 и 20 УПК.

Во второй главе содержится постановление об интернировании в особых заведениях слабоумных и находящихся в состоянии душевного расстройства, обвиняемых по делам о преступлениях и проступках неполитического характера, на срок от 5 до 15 лет (ст.ст. 7 и 12).

В третьей главе содержатся постановления об обязанностях комиссии по освидетельствованию обвиняемых при центральных тюрьмах (ст.ст. 13—18). Комиссия эта состоит из одного судьи и трех советников министерства юстиции при участии врача, прокурора и защитника обвиняемого. Если есть основание полагать, что обвиняемый продолжает быть социально-опасным, то по истечении срока ему может быть назначен новый срок (ст.ст. 13—18).

В четвертой главе содержится постановление о продолжительности интернирования, которое в качестве правила устанавливается в

[1] «Аннюэр статистик де ля Бельжик э дю Конго бельж» 1935, стр. 263.

[2] «Ревю де друа пеналь э криминоложи» 1935, № 11, стр. 1174.

[3] Там же 1935, № 12, стр. 1334.

[1] «Ревю де друа пеналь э де криминоложи» 1934, № 12, стр. 1123.

5 лет, но в виде исключения для приговоренных к каторжным работам и пожизненному тюремному заключению может быть повышено до 10 лет, а в отношении приговоренных к смертной казни — до 15 лет (ст.ст. 19—23).

В пятой главе содержится постановление о порядке применения закона к рецидивистам и профессиональным преступникам. Эти категории ранее судившихся могут подвергнуться действию закона от 9 апреля 1930 г. в течение 20 лет с момента отбытия последнего наказания. В результате применения закона 9 апреля 1930 г. рецидивисты и профессиональные преступники, не совершившие нового преступления, должны подвергнуться содержанию в тюрьме (ст.ст. 24—28).

В шестой главе содержится постановление о том, что правила полицейского надзора отменяются в отношении категорий лиц, подпадающих под действие закона 9 апреля 1930 г. (ст.ст. 29—32).

В седьмой главе содержится постановление о порядке введения в действие этого закона (ст. 33).

Закон этот, находящийся в полном противоречии со ст. 9 конституции и устанавливающий применение наказания к лицам, не совершившим никакого преступления, был встречен восторженными отзывами о нем со стороны реакционных юристов.

Так, бывший министр юстиции Картон де-Виар назвал этот закон «голосом прогресса, реализующим наиболее модные меры социальной защиты, вытекающие из того, что свобода человеческой воли должна жить на базе воздействия со стороны законодателя, когда он наказывает за деяния против государственной безопасности, семейных устоев, личности и собственности или когда он защищает от этих деяний в будущем» [1].

Глубоко реакционный закон, допускающий возможность наказуемости лиц, не совершивших никакого конкретного преступления, получает оценку «голоса прогресса».

Закон 9 апреля 1930 г. о социальной защите дал свой отзвук и в других странах: в 1931 г. в Югославии был принят закон о мерах охраны, однородный с бельгийским законом, и в 1933 г. — в Испании.

По официальным данным бельгийской статистики, в 1931 г. по закону 9 апреля 1930 г. было осуждено 2856 чел., а в 1932 г. — 2919 чел., в то время как в 1929 г. подпадающих под действие будущего закона лиц было зарегистрировано 1158 чел., что свидетельствует о весьма широком применении реакционного закона [2].

Закон 19 июня 1934 г. о шпионаже однороден с французским законом о шпионаже того же года.

Первоначально наказуемость шпионажа установилась ст. 114 УК 1867 г., которая карала всякого рода ухищрения или использование знаний в интересах иностранных государств или их агентов. Закон 4 августа 1914 г. в условиях империалистической войны несколько конкретизировал признаки деяний, подпадающих под действие закона о шпионаже. Новый закон 19 июля 1934 г. еще более конкретен, устанавливая наказуемость общей и частичной измены, непосредственной и посредственной, наказуемость заговора в целях воспрепятствования защите государства во время войны, воспрепятствования снабжению населения и армии продовольствием и боеприпасами.

В качестве наказания закон предусматривает смертную казнь по всем видам шпионажа за исключением частичной измены, которая карается от 5 до 10 лет тюремного заключения.

Уголовное процессуальное законодательство Бельгии состоит из УПК 1878 г. с отдельными дополнениями 1895 и 1931 гг.

Право возбуждения уголовного преследования в интересах публичного обвинения принадлежит прокуратуре. Предварительное расследование выполняется следственным судьей, которым является судья первой инстанции, назначаемый королем сроком на 3 года с правом возобновления мандата следственного судьи на тот же срок. Следственный судья подчинен совещательной камере, имеющейся в каждом судебном округе. Прокурор вправе делать следственному судье свои представления, с которыми следственный судья может не согласиться, после чего вопрос поступает на рассмотрение в совещательную камеру. Совещательная камера состоит из единоличного судьи. Помимо совещательной камеры имеется обвинительная камера (камера предания суду), которая состоит из трех должностных судей.

В обвинительной камере дело докладывается прокурором, состоящим при апелляционном суде. Кроме того обвинительная камера рассматривает жалобы на постановления следственного судьи и совещательной камеры. Жалобы обвиняемого на следственного судью рассматриваются в закрытом заседании. В остальных случаях обвинительная камера рассматривает подведомственные ей вопросы при закрытых дверях, но с выслушанием обвиняемого и его защитника.

Судебное следствие происходит в состязательном порядке устно и гласно, если гласное рассмотрение не содержит в себе опасности для морали. По делам политическим рассмотрение дел при закрытых дверях может последовать только по единогласному определению суда (ст. 96 конституции).

Несовершеннолетние, не достигшие 18 лет, не могут присутствовать в судебном заседании. Право вынесения заочных приговоров принадлежит только суду присяжных.

Суд с участием присяжных заседателей выслушивает предварительно вердикт присяжных заседателей, вынесенный ими после совещания и тайного голосования. При отрицательном ответе о виновности суд в должностном составе обязан вынести оправдательный приговор.

Обжалование приговоров может иметь место в апелляционном и кассационном порядке. Порядок обжалования и рассмотрения жалоб принят по французскому образцу.

Рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних регулируется законом 15 мая 1912 г. и имеет следующие особенности: предварительное расследование не производится след-

[1] «Ревю де друа пеналь э криминоложи» 1930, № 8, 9 и 10, стр. 847.

[2] «Аннюэр статистик де ля Бельжик э дю Конго бельж» 1935, стр. 263.

ственным судьей, расследование производится самими судьями по делам о несовершеннолетних.

Судебное следствие, как правило, происходит при закрытых дверях с обязательным участием защиты. Несовершеннолетний по усмотрению суда может быть удален из зала судебного заседания на время допроса свидетелей или других сообвиняемых. Приговоры судов по делам о несовершеннолетних могут быть обжалованы как в апелляционном, так и в кассационном порядке. Апелляционное рассмотрение производится членом апелляционного суда, специально выделенным на эту должность сроком на 3 года.

Бельгийские капиталисты владеют в Африке двумя колониями: с 1885 г. колонией Конго и с 1919 г. колонией Руанде-Урунди. Колонии эти являются для весьма серьезно обосновавшегося в них капитализма богатейшими источниками природных богатств и живой рабочей силы, количественно в три раза превосходящей количество рабочей силы в метрополии.

Как указывал VI конгресс Коминтерна в своей резолюции 1928 г. о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах, следует различать два типа колоний: равноправные колонии и колонии, «которые эксплоатируются империалистами в первую очередь в качестве рынков сбыта, источников сырья и сферы приложения капитала» [1].

Бельгийские колонии в Африке надо отнести ко второму типу колоний, а это определяет и существующий в них правовой режим. Ни в какой мере не содействуя развитию производительных сил страны, капитализм в колониях при помощи уголовного законодательства и уголовной политики осуществляет эксплоатацию туземного населения в интересах капитала, проявляя к трудящимся еще большую беспощадность, чем он это делает в метрополии.

Тщетно будет искать в официальных данных бельгийской статистики сведения об уголовной политике Бельгии в ее африканских колониях. Сведения эти можно почерпнуть только из двух случайных работ колониального прокурора Сойе, из журналов других государств и статей публицистов.

В бельгийских колониях в Африке имеются два апелляционных суда, 6 судов первой инстанции и 16 прокуроров [2].

Суда с участием присяжных заседателей в африканских колониях не существует.

В 1927 г. на конгрессе в Бельгии прокурор при апелляционном суде в Елизабетвилле (Конго) сделал доклад, который содержит в себе целый ряд ценных сведений об уголовном законодательстве и уголовной политике в бельгийских колониях в Африке.

Из этого доклада мы узнаем, что преступность в африканских колониях бывает «двоякого» порядка: преступность, распространенная среди белого населения, и «преступность специфическая», свойственная негритянскому населению.

В соответствии с этим и уголовная политика Бельгии в ее колониях носит различный характер в отношении белых и негров.

По мнению прокурора Сойе, «в качестве наказания применяется нормально лишение свободы, но местные условия, прецеденты эпохи оккупации, характер установок, духовный уровень туземцев заставляют отказаться от обычной терминологии бельгийского законодательства (арест, заточение, каторжные работы), чтобы заменить «понятием — уголовное рабство» [1].

Помещение, еда, сон — общие; заключенные работают вместе, закованные в основном вне тюрьмы, на работах местного значения (прокладка дорог, рубка леса). Дисциплинарными взысканиями являются удары бича из гиппопотамовой кожи. Женщины и «цивилизованные черные» (очевидно, из негритянской буржуазии) не заковываются в цепи и не могут подвергаться ударам бича.

Уже из этого описания видно, что «специфика» наказаний для местного населения — негров — говорит о подлинном рабстве угнетенных негров.

В 1931 г. в колониальных тюрьмах содержалось 14 014 чел., в 1932 г. — 15 023 чел., из которых умерло в 1932 г. 1105 чел. Вне тюрем в особых лагерях содержалось в 1931 г. 154 000 заключенных, в 1932 г. — 158 000 [2].

Германский журналист Росс в 1927—1928 гг. сам видел партии негров, закованных в цепи, проходящие через ошейники и запирающиеся в конце на замок. Партии эти были сопровождаемы надсмотрщиками с бичами из гиппопотамовой кожи [3].

Прокурор Сойе является апологетом этого бича из гиппопотамовой кожи. Он находит, что «лишение свободы менее приемлемо для темперамента негра; наказание бичом, быстрое и простое, соответствует умственному развитию туземца; бич является для него более гуманным, так как он не отрывает негра от его среды, не разлучает его с семьей и не разрушает его здоровья» [4].

Вряд ли стоит делать какие-либо критические замечания по поводу этой тирады, характерной для рабовладельческой позиции колонизаторских палачей.

**
*

«Судебный строй — плоть от плоти, кость от кости всего государственного строя, накладывающего свой отпечаток на работу судебных органов, на форму и характер их работы» [5].

Уголовное законодательство и судебная система Бельгии с особенностями в африканских колониях служат прекрасной иллюстрацией к этому положению.

И. Сапгир.

---

[1] Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. IV, стр. 6.

[2] «Аннюэр статистик де ля Бельжик э дю Конго бельж» 1935, стр. 296.

[1] «Ревю энтернасиональ де друа пеналь» 1927, № 12, стр. 179.

[2] «Аннюэр де докюментасион колониаль комаре» 1933.

[3] Росс, «Ди эрвахенде Сфинкс» 1928.

[4] «Ревю энтернасиональ де друа пеналь» 1927, № 12, стр. 181.

[5] А. Я. Вышинский, Речь на Чрезвычайном VIII съезде советов.

Заметки о современном положении буржуазной адвокатуры

Всеобщий кризис капитализма, перешедший в депрессию особого рода, в корне подорвал материальную базу и удельный вес буржуазной адвокатуры в капиталистическом обществе. В странах же фашизма, превративших юстицию в орудие беспощадной, ни с какими правовыми нормами не считающейся кровавой расправы с рабочим классом и со всеми передовыми и прогрессивными элементами, адвокат низведен до роли покорного пособника, а в лучшем случае — молчаливого свидетеля фашистского террора.

Вот некоторые данные, характеризующие современное положение адвокатуры в странах капитала.

Глядя со стороны на работу адвокатов в капиталистических странах и на адвокатские заработки, основанные частью на грабительских таксах, а частью на неписанном «обычном» праве «гонораров», можно предположить, что эти заработки немалы.

Однако подобное мнение в отношении подавляющей массы современных адвокатов было бы в корне ошибочно. И раньше большие гонорары были уделом ничтожной верхушки адвокатуры, тех, кому всякими правдами и неправдами удавалось, невзирая на бешеную конкуренцию, вскарабкаться на привилегированные позиции адвокатов «с практикой». Масса же адвокатов, в особенности молодежь из менее обеспеченных классов, всегда и всюду прозябала, являясь обычно объектом жесточайшей эксплоатации, в первую очередь со стороны «верхушки» адвокатуры.

В послевоенное время материальное положение основной массы адвокатуры в капиталистических странах катастрофически ухудшилось, о чем имеется целый ряд свидетельств, исходящих из буржуазных источников.

Так, например, в коллективном сборнике «Адвокатура», в разделе, посвященном венгерской адвокатуре (автор — председатель венгерского адвокатского союза), находим такие признания:

«Над нашими дверьми можно было бы надписать: «Оставьте всякие надежды». «...Как существуют почти 3500 будапештских адвокатов — это величайшая загадка для них самих». Тут же автор с тоской констатирует, что «с неудачным окончанием войны и крахом либерализма пришла к концу и руководящая роль адвокатуры» [1].

Эти строки были написаны 12 лет назад. Однако с того времени кризис «перепроизводства» адвокатов Венгрии не ослабел и не смягчился. Из заметки, недавно помещенной в «Пражском юридическом журнале», мы узнаем, что «количество адвокатов в Венгрии — около 6500, в том числе в Будапеште на 1 января 1935 г. не менее 3240. При сравнении числа адвокатов с количеством населения обнаруживается, что во всей Венгрии один адвокат приходится на 1318 жителей, а в Будапеште — на 310. В связи с этим разрабатываются мероприятия против переполнения адвокатуры» [1].

А вот страницы, рисующие тупик, в котором находится подавляющая масса австрийских адвокатов.

Чехословацкая «Юридическая газета» недавно опубликовала полную безнадежности статью австрийского адвоката, скрывшегося под инициалами «НН», «О положении австрийской адвокатуры» [2]. «И мы, — пишет автор, — втянуты в борьбу не на жизнь, а на смерть, которую ведет все хозяйство, и мы осуждены увидеть, что все наше знание, потеря времени, сил и энергии похоронены в братской могиле несбывшихся надежд».

Автор с глубоким неодобрением сообщает об уродливых формах «упрощения процесса», искусственно снижающих количество судебных дел. «Правительства, сменявшиеся одно за другим, не жалея сил, уничтожали по кускам великий труд Франца Клейна (автора нового австрийского гражданско-процессуального кодекса. — Е. К.). В результате этого мы имеем уже 7 новелл о разгрузке судов, причем все эти «улучшения» идут за счет качества судебной работы. Снятие опытных и заслуженных судей и замена их единоличными судьями, сокращение инстанций, — все это недопустимые мероприятия, ибо уменьшение количества работников юстиции находится в обратной пропорции к количеству и объему работы. В уголовных делах даже пришлось увеличить количество шеффенских отделов, потому что преступность находится в хорошо известном отношении к хозяйству, находящемуся в состоянии упадка».

Описав, в каких тяжелых условиях работают австрийские адвокаты, автор добавляет, что «все это относится лишь к тем адвокатам, которые имеют возможность, получая более или менее незначительный гонорар, подавать помощь имеющей заработки части населения. К сожалению, процент адвокатов, которые вовсе не зарабатывают, либо зарабатывают совсем мало, составляет большинство, чему способствуют деклассирование средних классов населения и непрерывно увеличивающееся налоговое обложение интеллектуальных работников.

Если принять во внимание, что адвокат с годовым заработком в 10 000 шиллингов уплачивает 10% с доходов как налог, вызванный кризисом, 4% как налог с оборота, затем платит отчисления (совет адвокатуры и пр.), то в целом он отчисляет 18—20% своего заработка.

Удивительно ли, что среди адвокатов всюду видим нужду. Ведь мы знаем, что среди клиентов сделался массовым явлением лозунг: «Никто не платит никому».

Проинформировав читателей в заключение своей статьи о некоторых мероприятиях в

---

[1] Die Rechtsanwaltschaft. Herausgegeben von J. Magnus, Berlin, 1925, S. 32—33.

[1] «Prager Juristen Zeitschrift», 1936, № 3, S. 89.

[2] Die Tage austerreichischen Rechtsanwaltschaft, «Juristen Zeitung» (Чехословакия), 1925, № 17, S. 136.

деле взаимопомощи австрийских адвокатов, автор с унынием заявляет, что эти мероприятия представляют собой «единый светлый луч на фоне сумрачной картины безнадежности и бремени нужды; иначе было бы основание для полного отчаяния».

В отчаянной борьбе за существование буржуазная адвокатура старается использовать любую, пусть самую незначительную, возможность для того, чтобы повысить свои скудные заработки. У советского читателя вызовет улыбку и изумление сделанное недавно буржуазными адвокатами «открытие» о том, что адвокатов нужно оградить от неправомерной конкуренции юридических консультаций, помещаемых в газетах и иных периодических изданиях. По этому поводу мы находим такие сведения в заметке, помещенной в чехословацком «Юридическом журнале» под заглавием «Правовые консультации в ежедневных газетах»:

«Во многих ежедневных газетах и журналах существует особая рубрика «Почтовый ящик», в которой читателю бесплатно либо за минимальное вознаграждение дают правовые советы. Адвокаты давно уже жаловались, что такими правовыми заключениями, помещаемыми в ежедневных газетах и пр., у них отнимают значительную часть консультационной практики. Один австрийский адвокат подсчитал, что лишь в одной Вене вред, причиняемый этим адвокатуре, составляет 1000 шиллингов (около 950 руб. — Е. К.) в неделю».

Отсюда вывод — бороться против распространения правовой информации, даваемой через газету!

Действительно, в той же заметке сообщается, что «в Германии 30 сентября 1936 г. достигнуто соглашение между отдельными юридическими органами и немецким союзом издателей газет и журналов, согласно которому в обязательном порядке урегулирован вопрос о даче правовых заключений в «почтовых ящиках» газет и в газетных консультациях. Организация правовых заключений в газетах, включая иллюстрированные и иные общие издания, включается в общую систему обеспечения правовой помощи, между тем как организация правовых консультаций в специальных журналах ограничена данной специальной областью и не должна даваться с целью получения вознаграждения в виде прибыли».

Этот факт поучителен вдвойне: он свидетельствует, во-первых, о крайне бедственном состоянии рядовых членов буржуазной адвокатуры, которые, подобно утопающему, хватаются буквально за соломинку, во-вторых, этот факт лишний раз говорит о том, что капиталистическая система является тормозом и препятствием и в таком деле, как распространение правовых сведений среди широких масс населения.

Не веселее положение рядовых адвокатов и в «Новом свете». Загнивание капитализма в США выталкивает в ряды «свободной адвокатуры» массы отчаявшейся найти себе место в жизни интеллигенции и создает исключительно уродливые формы конкуренции, вызывающие осуждение даже со стороны некоторых буржуазных органов печати.

О том, какой обостренный характер приобрела среди американских адвокатов борьба за существование и на какие приемы идут адвокаты, чтобы заполучить клиента, можно себе составить некоторое представление по статье, опубликованной в американском журнале «The American Mercury». В этой статье адвокат, работающий в сравнительно небольшом городе американского востока, повествует об адвокатуре, проживающей в этом городе. «Положение таковой, — пишет он, — не только не лучше, нежели во многих европейских государствах, но свидетельствует о полном упадке адвокатуры».

В городе, в котором живет автор, на каждые 200 жителей приходится один адвокат. «Среди адвокатов, которых в городе около 500, господствует поистине отчаянная конкуренция. Многие адвокаты отказались от своей профессии и работают в настоящее время в качестве страховых агентов, торговых представителей, торговцев фруктами и т. д. Этой деятельностью они частично занимаются одновременно с работой в качестве адвокатов. Способы, практикуемые адвокатами для добывания заработков, принимают порой прямо-таки анекдотические формы. После несчастных случаев, происшедших при уличном движении, адвокаты устремляются стаями к постели пострадавшего, чтобы получить от него поручение на ведение дела.

В газетах встречаются анонсы следующего содержания: «Я обнаружил трех свидетелей несчастного случая. От каждого из них я имею подтверждение. Ваша невиновность твердо установлена. Поручите мне это дело, и 20 000 долларов вам гарантированы».

Автор статьи усматривает основные причины упадка адвокатуры в неограниченном допуске к правовому образованию и в недостатках самого обучения. Число студентов-юристов за последние 10 лет увеличилось на 348%. Юридические испытания сплошь и рядом сдаются при помощи более или менее жульнических методов. Достаточно сказать, что основные вопросы, задаваемые экзаминаторами на экзаменах, обычно можно купить по цене около 50 долларов[1]. Однако все беды современной буржуазной адвокатуры меркнут по сравнению с тем, что представляет собой положение адвокатуры в нынешней гитлеровской Германии. Под фашистским сапогом раздавлено и втоптано в грязь все, что хоть в отдаленной степени могло бы поддерживать буржуазно-демократические принципы в суде и праве. В частности, над адвокатурой проделана хирургическая операция, долженствующая превратить адвокатуру в покорное и немое орудие национал-социалистической политики.

Германский закон об адвокатуре от 13 сентября 1935 г., опубликованный 21 февраля 1936 г., во вступительных строках указывает, что правительство считает своей серьезной заботой «сохранить адвокатуру в таком состоянии, чтобы она могла выполнить свою высокую задачу. Оно усматривает серьезную опасность для адвокатского сословия в превышающей всякую потребность тяге к адвокатуре. Для того чтобы предотвратить эту опасность и предостеречь молодое поколение от неизбежных разочарований, правительство издало новый закон об адвокатуре».

[1] Приведено в журнале «Prager Juristische Zeitschrift» 1936, № 11, стр. 371—374.

Главное в этой реформе — это предотвратить проникновение в адвокатуру «неблагонадежных элементов». Об этом достаточно прозрачно сказано в самом законе, устанавливающем твердый контингент адвокатуры для каждого суда (§ 15) и обусловливающем принятие в адвокатуру решением министра юстиции, выносимым им по согласованию с «руководителем союза национал-социалистических немецких юристов» (§ 16).

Таким образом пополнение адвокатуры новыми членами полностью изъято из ведения самой адвокатуры (президент общегерманского бюро адвокатов дает лишь свое заключение о кандидате) и превращено в чисто политический акт, смысл которого не вызывает никаких сомнений.

К закону об адвокатуре примыкает закон «О предотвращении злоупотреблений в области правовых консультаций» от 13 декабря 1935 г.[1]. Этот закон предоставляет право давать правовые консультации, а равно выполнять обязанности юрисконсультов в предприятиях, имеющих права юридических лиц, и в товариществах лишь лицам, получившим особое разрешение. А в § 5 сказано: «Евреям такое разрешение не выдается».

Этим постановлением гитлеровские антисемиты перещеголяли даже царских погромщиков, которые, затрудняя евреям доступ в адвокатуру, не лишали их тем не менее возможности работать в качестве служащих частных предприятий по своей правовой специальности.

Издавая этот закон, гитлеровское правительство явно стремилось закрыть всякую возможность заниматься своей работой лицам, не допущенным в ряды фашизированной адвокатуры [2].

Комментируя этот закон, фашистский юрист Рабке с циничесой откровенностью таким образом разъясняет цель издания такового. «При приеме новых адвокатов, — говорит он, — недостаточно требовать у них наличия знания: хорошая отметка — часто дело случая. Главное — это доказать свое национал-социалистическое мировоззрение и национал-социалистическое мышление, причем должны быть учтены особые заслуги в области национал-социалистического движения» [3].

Таким образом всем, кроме верных наемников фашистских бандитов, раз навсегда двери в гитлеровскую адвокатуру закрыты.

Но и числящиеся в рядах адвокатуры лица каждодневно должны чувствовать, что при малейшей попытке выступить против фашизма и, в частности, против национал-социалистических «концепций о праве» их ждет немедленное изгнание из адвокатуры. В особенности это относится к тем неарийцам, которые еще уцелели в рядах адвокатуры после всех ее чисток.

Цитированный выше Рабке посвящает этим адвокатам-неарийцам такие угрожающие строки: «Нужно исключать адвокатов, — говорит он, — нарушающих свое «высокое призвание». Это относится в особенности к тем остающимся еврейским адвокатам, которые благодаря великодушию вождя и впредь допускаются выступать перед немецкими судами, но от которых, как от лиц, принадлежащих к чужому народу (Gastvolk), представители которого никогда (!) в Германии не могут сделаться гражданами, надлежит в особенности требовать, чтобы они в своей судебной работе и внесудебных выступлениях всемерно уважали сущность немецкой народности, в среде которой им предоставляются работа и хлеб».

Разжигание человеконенавистничества и разнузданного шовинизма находит себе объяснение, в частности, в совершенно безотрадном материальном положении рядовых адвокатов в «Третьей империи».

Статс-секретарь Германии Фрейслер сообщил в своем докладе, прочитанном 13 декабря 1935 г. в Берлинском университете, что «в Германии 2500 адвокатов в настоящее время не имеют почти никаких доходов, а 4500 имеют заработки в среднем около 1500 марок в год. Само собою разумеется, что это положение долго длиться не может».

Эта «адвокатская нужда» и вызвала необходимость издания новеллы к немецкому положению об адвокатуре» [1].

Небезинтересно в связи с этим привести оценку общего положения немецкой адвокатуры, которую дает буржуазный юрист Фриц Кюбль [2]. Эта оценка свидетельствует о том, что даже в среде архибуржуазных юристов и адвокатов, не являющихся, однако, агентами немецкого фашизма, существует трезвое понимание того издевательства над адвокатурой, которое имеет место в современной Германии.

Изложив этапы развития законодательства фашистской Германии об адвокатуре, Кюбль приходит к такому выводу:

«Не подлежит никакому сомнению, что немецкие президиумы адвокатов сохраняют одно лишь название, а их существо в корне изменено. Они больше не являются органами самоуправления, ибо они должны выполнять указания стоящего над ними общегерманского президиума адвокатов, в то время как последний подчиняется указаниям министра юстиции. Таким образом немецкая адвокатура является в настоящее время совершенно бюрократической. Бюрократическим порядком проводится принятие в адвокатуру, причем решающим является политическая благонадежность. Правило, в силу которого министр юстиции может сокращать, либо совершенно освобождать от стажа, должно действовать как стимул в погоне за политиче-

---

[1] Оба закона напечатаны в издании «Die Zivilprozessordnung» Herausgegeben von H. Schultz, Berlin, 1936, S. 606—642.

[2] «Многие антисемитские исключительные законы, как, например, законы, направленные против адвокатов, врачей, нужно рассматривать в первую очередь как выражение зависти конкурентов, что является следствием переполненного рынка труда», — пишет либерально-буржуазный журналист К. Гейден, «История германского фашизма», пер. с нем., 1935, стр. 367.

[3] Rabke, Dienst im Recht, «Juristische Vochenschrift», 1936, № 1, S. 2.

[1] «Prager Juristische Zeitschrift», 1936, № 4, стр. 117.

[2] Fr. Kubl, Entwicklungstengenzen der deutschen Advokatur, «Juristische Blätter» (Wien), 1936, № 16, стр. 341—342.

скими протекциями. Принципиальность и чувство независимости, естественно, при подборе смены не будут требоваться».

Затем Кюбль приводит ряд данных о нынешнем положении немецкой адвокатуры.

«Таким образом, — продолжает Кюбль, — адвокатура более не является «свободной профессией», а представляет собой должность и притом должность, с которой связаны одни обязанности, а не права. В частности, немецкие адвокаты не имеют права на обеспечение по старости, каковое было отклонено вождем германских юристов как несовместимое со свободой корпорации».

Далее Кюбль сообщает сведения о «хозяйственной нужде» немецкой адвокатуры. «Из статистических данных, которые недавно опубликовал проф. Ноак в своей брошюре «Новое профессиональное право адвокатуры», делается известным, что число немецких адвокатов в течение периода с 1924 до 1933 г. выросло с 12 534 до 19 902. Таким образом средний прирост составляет 704 адвоката в год, что представляет собой огромное возрастание. В 1934 году произошло снижение на 776 адвокатов, что нужно отнести за счет исключения из адвокатуры евреев, социалистов и коммунистов. Но уже 1935 год принес прирост на 348 адвокатов. Отсюда видно, что так называемая «чистка» корпорации не привела к экономическому улучшению, о котором мечтали. Число устраненных конкурентов оказалось значительно меньше, чем думали, и во всяком случае не настолько велико, чтобы оставшимся адвокатам принести ощутительное экономическое облегчение.

К этому присоединяется то обстоятельство, что, согласно статистическим данным проф. Ноак, загруженность немецких адвокатов в 1933 году упала прямо-таки катастрофически. Из приведенной им таблицы о числе процессов видно, между прочим, что в 1933 году в ландсгерихтах было 5 530 процессов, основанных на документах и векселях (против наибольшего числа 125 108 процессов в 1926 году и 104 523 иных гражданских процессов, кроме брачных дел, против наибольшего числа 363 159 процессов в 1926 году). Лишь споры из брачных отношений несколько, хотя и незначительно, возросли. При таком положении вещей не является неожиданным, что в 1933 году 41,9% немецких адвокатов не могли добиться дохода хотя бы в размере 3 000 марок, в то время как 21,9% имели доход от 3 000 до 6 000 марок».

В заключение Кюбль указывает, что «тяжелое хозяйственное положение, в котором находится немецкая адвокатура, невзирая на все законодательные реформы, делает понятным, почему за последнее время предложено множество проектов об улучшении их материального положения, как, например, требование об увольнении неженатых и бездетных адвокатов, достигших 40 лет (!), об увольнении адвокатов с достаточным доходом и состоянием (учитывая и состояние их жен), об увольнении лиц, не участвовавших в мировой войне, и пр».

Факты, приведенные Кюблем, достаточно красноречиво говорят о том, в каком жалком материальном и моральном состоянии пребывает адвокатура под сенью гитлеровской «Третьей империи», что означают все лживые разговоры фашистских циников о «высоких задачах» нынешней германской адвокатуры.

Е. Кельман.

Вопросы о суде присяжных во французском парламенте

В декабре 1936 г. во французском парламенте, в палате депутатов, происходили любопытнейшие прения по проекту изменений в законе 1881 г. о свободе печати. Проект был внесен правительством народного фронта. С очень резкой критикой проекта выступил представитель оппозиции, которая в современном французском парламенте представлена его правым крылом. В лице Друо и Пьера Коломба правые резко протестовали против проекта, который — утверждали они — представляет собой попрание принципа свободы печати, основного принципа демократии. Проект поддерживали радикалы, социалисты и коммунисты, чрезвычайно своеобразное «changez vos places» («поменяйтесь местами»): правые—в роли поборников свободы печати, левые — в роли сторонников усиления ответственности за злоупотребления свободой печати. Те и другие изменили свои позиции, но это, разумеется, вовсе не значит, что они изменили себе. Напротив, те и другие остались верными самим себе. Изменилась политическая ситуация. Коммунисты, как и социалисты, разумеется, не перестали быть сторонниками свободы печати, но когда у власти оказалось правительство, выдвинутое силами народного фронта, силами прогресса, а не реакции, естественно, что партии, образовавшие народный фронт, поставили перед собой задачу вырвать у свободной буржуазной печати то оружие, которое она сразу же пустила в ход против правительства народного фронта, — оружие грязной клеветы и подлой инсинуации. Законопроект, о котором идет речь, в той своей части, которой он относится к уголовному и уголовно-процессуальному праву, есть проект об ответственности за сообщение в печати «ложных новостей» и за диффамацию. Ближайшим поводом для внесения законопроекта послужило самоубийство министра внутренних дел социалиста Салангро, павшего жертвой травли его реакционной печатью, не остановившейся перед клеветническим вымыслом, чтобы убрать с дороги одного из наиболее энергичных членов правительства народного фронта.

Как говорил в палате депутатов председатель парламентской комиссии, на заключение которой проект был передан, главнейшая

задача проекта заключалась в том, чтобы, сделав ответственность за диффамацию реальной, прояснить или, лучше сказать, очистить тяжелую атмосферу, в которой протекает жизнь страны с некоторого времени [1].

В числе мер, которые должны служить этой задаче, проектом было намечено изъятие дел о диффамации, по которым допускается ссылка на истинность сообщенных позорящих сведений (т. е. дел о диффамации в отношении лиц, выполняющих публичную функцию), из ведения суда с присяжными заседателями и передача их в ведение судов исправительной полиции, т. е. судов, которые рассматривают дела в составе только профессиональных судей.

Теперь консерваторы, из лагеря которых всегда исходили нападки на суд присяжных и стараниями которых в свое время, в силу законов 1893 и 1894 гг., суд присяжных был отстранен от рассмотрения дел о преступлениях печати, оказались убежденными апологетами суда присяжных. Мотив такого изменения позиции очень прост. Ораторы правого крыла парламента и не скрывали его. Выставляя себя стражами независимости суда, они указывали на возможность влияния на профессиональных судей со стороны правительства, которое их назначает, повышает и украшает орденами. Другими словами, они опасались, что профессиональные судьи, чувствуя свою зависимость от нового правительства, уже не будут так же послушно выполнять волю крупной буржуазии, как выполняет ее печать, находящаяся на содержании у крупных капиталистов и капиталистических компаний.

Аргументация против суда присяжных была выдвинута с той стороны, с которой раньше, при других условиях, следовало ожидать его защиты. В сущности, член палаты депутатов Франсуа Мартэн был совершенно прав, когда обратил внимание, что представленные докладчиком проекта доводы, почему дела о диффамации должны быть изъяты из ведения суда присяжных, били дальше цели: они могли быть использованы как аргументация против суда с присяжными заседателями вообще. Вот эти доводы: во-первых, юрисдикция присяжных есть юрисдикция чувства, юрисдикция страсти, во-вторых, система отводов присяжных заседателей открывает возможность подбора присяжных, желательных для стороны, в-третьих, порядок комплектования скамьи присяжных заседателей путем жребия лишает всякого основания взгляд на присяжных как на выразителей общественного мнения или общественной совести, и наконец, в-четвертых, отсутствие мотивов делает вердикт присяжных заседателей неубедительным, всегда оставляет сомнение в его основательности [2].

С своей стороны председатель парламентской комиссии, дававший заключение по проекту, Альберт Сэроль указал на следующие преимущества суда профессиональных судей: во-первых, для правильного решения дела часто бывает недостаточно житейского опыта, бывают нужны и юридические знания, которыми располагают профессиональные судьи; во-вторых, они, мотивируя приговор, тем самым ставят его на суд «разума» («мы, ведь,— заметил Сэроль, — живем в стране Декарта»); в-третьих, дела, подлежащие суду профессиональных судей, могут быть рассматриваемы дважды по существу [1]. К этим преимуществам один из сторонников проекта прибавил и четвертое: бо́льшую скорость прохождения дела.

Приведенные аргументы против суда присяжных заседателей и за суд профессиональных судей отнюдь не новы по существу, но звучат они, несомненно, по-новому, потому что идут со стороны, противоположной той, с какой их раньше приходилось слышать. Они были выставлены и поддержаны прогрессивными членами парламента — радикалами и социалистами (о самостоятельной позиции коммунистов сказано ниже). Из сопоставления этих аргументов можно сделать один, как нам кажется, не лишенный интереса вывод.

Представителями всех прогрессивных партий в буржуазном государстве суд присяжных, в особенности суд присяжных по делам о политических преступлениях и о преступлениях печати, до сих пор рассматривался как обязательный спутник буржуазной демократии, и это несмотря на то, что суд присяжных находится в заметном противоречии с идеей так называемого правового государства: так как присяжные своих вердиктов не мотивируют, то эти вердикты не дают никаких гарантий их соответствия закону. Можно было отвергать теорию «всемогущества присяжных заседателей», как это делали сторонники правового государства, но нельзя было преодолеть произвол в практике присяжных заседателей, раз присяжные заседатели имеют право безапелляционно сказать свое: «нет, невиновен», несмотря на наличность в деле ни в чем не противоречащего обстоятельствам признания вменяемым подсудимым совершения им преступления при отсутствии условий, исключающих или погашающих вину. Наиболее искренних и последовательных сторонников присяжных заседателей среди буржуазной демократии заставляло отстаивать неприкосновенность суда убеждение в его независимости от правительства (причем игнорировалась или считалась меньшим злом его классовая зависимость). Это достоинство, приписывающееся суду с присяжными заседателями, не без основания расценивалось так высоко, что заставляло сторонников суда с присяжными заседателями закрывать глаза на его недостатки (с точки зрения буржуазной идеи правового государства, которая ими же представлялась) или даже вовсе отрицать их. Но естественно, что так могло продолжаться до тех пор, пока политические партии, считающие себя призванными стоять на страже суда с присяжными заседателями как одного из основных устоев демократии, не оказались сами у власти. Ни одно правительство в мире не может считать недостатком суда такое направление его деятельности, при котором эта деятельность не расходится с волей и так называемыми «видами» правительства. Поэтому естественно, что когда у кормила государства оказывается, как это случилось во Франции, группа лиц различных политических направлений, но сплотившихся под знаменем демократии, опираю-

[1] Journal officiel, Парламентские дебаты 1936 г., № 95, стр. 243.

[2] Journal officiel 1936, № 95, стр. 3248.

[1] Там же, 1936, № 99, 3423—3424.

щихся на относительно широкую социальную базу, то они, еще вчера отстаивавшие суд присяжных во имя его независимости от посягательства на его компетенцию, перестают ценить в нем именно достоинство независимости и в то же время, поскольку дело идет о преступлениях с определенным политическим значением, чувствуют опасение перед ним как перед судом, который в его современной организации и при установившейся практике его комплектования подвержен преобладающему влиянию средней и крупной буржуазии. В глазах тех представителей народного фронта во Франции, которые хотят служить подлинной буржуазной демократии (которая, конечно, не есть еще подлинная демократия) и которые теперь говорят от имени власти, у суда присяжных в том виде, как он существует, есть, собственно, одно достоинство: это особая торжественность судебной процедуры.

Самостоятельную позицию в вопросе о предложенном правительством расширении компетенции суда исправительной полиции заняла коммунистическая партия. Выразителем ее взгляда в парламенте явился Вайан-Кутюрье. Эту позицию можно охарактеризовать как позицию нейтралитета, мотивированного тем, что если опыт приучил деятелей революционных партий не доверять суду исправительной полиции, то доверия не заслуживают и присяжные заседатели. «Все извращено,—говорил Вайан-Кутюрье,—разум присяжных, как и разум судей (профессиональных.—Н. П.) именно благодаря деятельности трестов, держащих в руках печать. Те, о ком Беррийэ сказал, что от них скорее требовалось оказание услуг, чем постановление приговоров, смогут и впредь до тех пор, пока республиканское веяние не пронесется широким потоком по рядам всей магистратуры, добросовестно оказывать известные услуги трестам, идеи которых, внушаемые им прессой, они разделяют, постановляя приговоры против демократии и ее печати, от которой их отделяют среда, семейные связи, интересы и предрассудки».

Прения по проекту изменений в статусе печати, поскольку в нем был затронут вопрос о суде, подсказывали вывод, что реформе закона о печати должна бы предшествовать реформа суда. Правительство народного фронта имеет в виду провести в будущем судебную реформу. На требование депутата Жана Кенетта: «Реформируйте вашу организацию юстиции, сделайте ее независимой по образцу магистратуры Англии, Швейцарии и Соединенных Штатов» последовал ответ министра юстиции Марка Рокара: «Я сделаю ее \такою» [1], ответ, свидетельствовавший, что правительство народного фронта несвободно от иллюзий относительно независимости суда в буржуазном государстве.

Никак нельзя отрицать, что кассационный суд во Франции пользуется и сейчас формальными гарантиями независимости, что, однако, нисколько не избавило его от зависимости по существу от исполнительной власти, поскольку последняя являлась «приказчиком буржуазии». В прениях по проекту о печати был приведен очень красноречивый пример, иллюстрирующий, как кассационный суд пользовался своей формальной независимостью для использования закона не по его точному смыслу, а в зависимости от того, что диктуется интересами того класса, ставленником которого он является. В 1894 г. был издан закон против анархистских «происков», под которые подходила и анархистская пропаганда. И текст законов, и заголовок второго из них говорили черным по белому, что они направлены против анархистов, но вот какое толкование дал закону уголовный департамент кассационного суда 9 февраля 1924 г. в деле Кенига и других подсудимых, вовсе не подозревавшихся ни в причастности к анархистской организации, ни в исповедании анархистских взглядов: «Если прекращение работы по общему соглашению (стачка) в частной промышленности может быть осуществлением права, то всеобщая забастовка, т. е. полный разрыв тех отношений, которые служат интересам общества, сделала бы последнее жертвою анархистских насилий. Всякая пропаганда в целях организации всеобщей стачки имеет анархистский характер» [1].

Немудрено, что такое свободное обращение с законами об «анархистских происках», известных под именем «злодейских законов» (lois scélérates), не раз приводило к применению их судами против коммунистов, т. е. заведомых противников анархистской доктрины и анархистской тактики.

Каков бы ни был проект реформы магистратуры, о которой возвестил министр юстиции, и как бы ни была она необходима, несомненно, что интересами демократии в капиталистических странах еще в большей мере диктуется такое преобразование суда присяжных или, говоря конкретно, установление такого порядка комплектования скамьи присяжных заседателей, при котором они действительно отражали бы совесть и правосознание широких народных масс. Только так преобразованный суд мог бы стать плотиной, преграждающей тот поток грязи, который течет со страниц печати, находящейся на службе у финансовой олигархии. Такое преобразование сохранило бы за судом присяжных значение необходимого атрибута демократии (мы говорим здесь везде только о буржуазной демократии) и сделало бы излишним намеченное в проекте сокращение его компетенции, несомненно опасное с точки зрения интересов партий и группировок, которыми поддерживается теперешнее правительство Франции, но для которых вовсе не исключена возможность при изменившейся политической конъюнктуре оказаться в оппозиции правительству. Другой вопрос, насколько указанное преобразование порядка комплектования суда присяжных фактически возможно при существующем соотношении классовых сил во Франции.

Н. Полянский.

[1] Journal officiel 1936, № 96, стр. 3261.

[1] Journal officiel 1936, № 96, стр. 3263.

Библиография

СУДЕБНАЯ ПСИХИАТРИЯ, учебник для юридических вузов, под общей редакцией проф. В. А. Внукова и доцента Ц. М. Фейнберг, 472 стр. М. 1936, Государственное издательство «Советское законодательство».

Уже несколько лет как во всех юридических вузах СССР введен как обязательный предмет судебная психиатрия. Между тем преподавание этого предмета крайне затруднено и особенно в настоящее время из-за отсутствия удовлетворительного учебника по этой дисциплине. Изданные несколько лет назад учебники и учебные пособия по судебной психиатрии (Бруханского, Гаккебуша и Залкинд, Краснушкина) далеко не полны и не освещают всех наиболее важных вопросов судебной психиатрии, да к тому же и в известной мере и устарели.

Потребность в удовлетворительном пособии по судебной психиатрии, однако, ощущается и практическими работниками суда, следствия и прокуратуры, которым в повседневной работе довольно часто приходится иметь дело с судебно-психиатрической экспертизой и которым в силу этого необходимо знакомство хотя бы с основами судебной психиатрии.

В силу указанных причин следует приветствовать издание нового учебника по судебной психиатрии.

Рецензируемый учебник написан коллективом научных работников и преподавателей Научно-исследовательского института судебной психиатрии им. проф. Сербского, занимающегося не только теоретической разработкой вопросов судебной психиатрии, но и ведущего большую практическую работу по судебно-психиатрической экспертизе.

Ввиду невозможности в одной рецензии дать всестороннюю и исчерпывающую оценку этого объемистого, в 472 страницы, труда мы остановимся лишь на наиболее, с нашей точки зрения, важных разделах учебника, отметив при этом главным образом отрицательные стороны этого нового учебного пособия для вузов.

Учебник начинается введением, где даются понятие судебной психиатрии, краткая история развития этой науки и характеристика фашистских теорий в области судебной психиатрии.

Вслед за введением следует первая глава «Законодательство и организационные формы советской судебно-психиатрической экспертизы». С педагогической точки зрения нам кажется правильным начинать учебник по судебной психиатрии именно с этих вопросов. Поскольку учебник этот предназначен прежде всего для будущих судебно-следственных работников (учащихся правовых вузов), постольку очень важно с самого же начала осветить юридическую природу судебно-психиатрической экспертизы в СССР. В каких случаях и с какой целью должны обращаться судебно-следственные органы к психиатрической экспертизе? Каковы права и возможности экспертов? Как организуется и проводится психиатрическая экспертиза? Наконец, какое значение имеет этот вид экспертизы для решения судебно-следственными органами вопросов уголовной ответственности обвиняемых?

Вот круг основных вопросов, на которые учащиеся должны получить ответы, чтобы в дальнейшем перейти к изучению существа судебной психиатрии как особой отрасли науки психиатрии.

Широко используя весь законодательный материал по вопросам судебно-психиатрической экспертизы, как-то: Уголовно-процессуальный кодекс, Уголовный кодекс, а также инструктивный и циркулярный материалы, автор этой главы учебника Фейнберг отнюдь, однако, не ограничивается комментариями этих материалов, как это практиковалось в ранее выходивших учебниках.

Автор путем подробного анализа законодательного материала показывает то особое положение, которое занимает судебно-психиатрическая экспертиза в СССР по сравнению с буржуазными государствами.

Прежде всего и правильно подчеркиваются те большие права и возможности, которые предоставлены советским законодательством как судебно-следственным органам, так и самому обвиняемому, его защитнику и даже родственникам обвиняемого в отношении возбуждения вопроса о психиатрической экспертизе. Эти широкие возможности, как справедливо отмечает автор (стр. 46), «являются гарантией от просмотра среди привлекаемых к уголовной ответственности психически больных лиц и от применения к ним мер наказания». Далее в главе обосновывается очень важное положение о том, что советское законодательство создает максимально благоприятные условия для дачи наиболее полноценных и научно обоснованных психиатрических заключений (возможность приглашения на экспертизу сразу нескольких специалистов-психиатров, комиссионный порядок производства экспертизы, широкие возможности проведения стационарной экспертизы, сопровождающейся углубленным исследованием подэкспертного и т. п.). Как на особые гарантии высокого качества экспертизы в СССР автор указывает и на возможность психиатра-эксперта знакомиться с судебно-следственными материалами, возможность присутствия в судебном заседании и т. п. Наконец, в главе подчеркнуто и то большое значение, которое придается судебно-психиатрической экспертизе как одному из видов доказательств советским уголовно-процессуальным законодательством.

Но наряду с положительными моментами этой первой главы учебника в ней имеется и целый ряд недостатков. К ним прежде всего следует отнести весьма неудачную попытку автора проанализировать понятие невменяемо-

сти, даваемое в ст. 11 УК РСФСР. Одно указание о том, что понятие невменяемости в ст. 11 УК «построено путем сочетания так называемого биологического критерия и так называемого психологического критерия» (стр. 16) (а этим указанием автор и ограничивает анализ ст. 11 УК), вряд ли хоть сколько-нибудь поможет учащемуся иметь правильное представление о понятии невменяемости по советскому уголовному праву. Да нужно ли было автору делать попытку определения невменяемости, поскольку в учебнике имеется специальная глава по этому вопросу (глава XXV)?

Далее в главе не дано достаточно четкого и ясного разграничения институтов «принудительного лечения» и «лечения на общих основаниях», институтов, имеющих большое практическое значение (стр. 42). Глава перегружена совершенно излишним материалом, как то: разделом о подготовке судебных психиатров, который вряд ли так необходимо вообще помещать в учебнике, а тем более в первой главе.

Глава вторая и последующие за ней главы вплоть до десятой включительно посвящены общим вопросам психиатрии: определению психического расстройства, причинам душевных заболеваний, симптомам и симптомам-комплексам психических заболеваний, формам течения и исходам психических заболеваний и, наконец, классификации психических заболеваний. Во всех этих главах (состоящих, правда, иногда из полуторы и двух страниц) даются элементарные сведения по психиатрии, овладение которыми необходимо для того, чтобы в дальнейшем учащиеся могли перейти к изучению собственно судебной психиатрии. Не вдаваясь в оценку сущности вопросов, затронутых в этих главах, мы все же считаем необходимым сделать ряд замечаний, относящихся к некоторым из них.

Так, глава, посвященная определению понятия психического расстройства, к сожалению, трактует главным образом об истории психиатрии как науки, и лишь последние 7 строчек посвящены понятию психического расстройства. Здесь автор пишет: «Поэтому рассматривая психические расстройства как заболевания всего организма с преимущественным поражением центральной нервной системы, являющейся непосредственным материальным субстратом психических проявлений, необходимо всегда иметь в виду личность в целом с учетом социальных закономерностей, оказывающих влияние на ее развитие» (стр. 59). Вряд ли такое «определение» создаст ясное представление у учащихся о психическом расстройстве. В главе «о причинах (этиологии) душевных заболеваний» обращает на себя внимание другой существеннейший недостаток. Так, автор этой главы (как и предыдущей) Дубинин, вскрывая причины психических заболеваний, совершенно не указывает (стр. 63) на то важное и принципиальное различие, которое существует в динамике психических заболеваний в капиталистических странах, с одной стороны, и в СССР — с другой. А автору должно быть известно, что еще Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» красочно показал, как неизбежно и неуклонно капитализм порождает невероятный рост психических заболеваний. В противовес этому в СССР созданы все условия для изживания психических заболеваний, и мы являемся свидетелями того, как число психических заболеваний в СССР неуклонно падает.

Написанные тем же автором главы «Классификация душевных расстройств» и «Отдельные симптомокомплексы психических расстройств» особенно выделяются своим тяжелым и малопонятным языком. Если принять во внимание особую сложность излагаемых в них вопросов, станет понятным, насколько трудно они будут воспринимаемы (если вообще будут воспринимаемы) учащимися.

Для иллюстрации приведем первую попавшуюся фразу: «Олигофрении и психопатии с точки зрения их нозологического понимания характеризуются врожденными патологическими проявлениями (первые со стороны интеллекта, вторые — со стороны характера) без того, чтобы можно было бы обнаружить прогредиентность, т. е. нарастание процесса» (стр. 111).

Правда, ряд глав этого же раздела, написанных другим автором, Халецким, и посвященных иллюзиям и галлюцинациям, бредовым идеям, расстройствам памяти, мышления, эмоциональной жизни, интеллекта и воли, написан более простым и ясным языком. Сравнительная легкость восприятия этих глав объясняется также и тем, что все эти главы снабжены хотя и краткими, но весьма убедительными и наглядными иллюстрациями.

Следующий раздел учебника, включающий 15 глав (с XI по XXV включительно), посвящен изложению отдельных форм психических заболеваний (шизофрения, эпилепсия, маниакально-депрессивный психоз, наркомании, психопатии и др.). Наряду с описанием этих форм душевных болезней здесь дается и судебно-психиатрическая оценка их, что имеет особенно важное значение для судебно-следственных работников. В самом деле, практика судебно-психиатрической экспертизы показывает (стр. 34), что в 99% всех случаев экспертиз судебно-следственные органы соглашаются с заключениями экспертов-психиатров как по вопросу невменяемости, так и вменяемости. Однако было бы ошибкой думать, что это объясняется безукоризненностью, бесспорностью и убедительностью даваемых психиатрических заключений. Причины здесь, конечно, иные. Они кроются в незнании судебно-следственными работниками (и особенно низовых органов) судебной психиатрии. Последнее и приводит к тому, что психиатрическая экспертиза, являющаяся лишь одним из видов доказательств, а следовательно, и подлежащая оценке со стороны суда, принимается последним чаще всего как бесспорное доказательство. Такое положение нельзя признать хоть сколько-нибудь нормальным. Учебник по судебной психиатрии должен научить судебно-следственных работников разбираться в вопросах оценки тех или иных форм душевного заболевания применительно к ст. 11 УК и критически относиться к психиатрическим заключениям. С этой точки зрения разбираемый нами раздел учебника требует максимальной ясности и определенности. К сожалению, этого отнюдь нельзя сказать про многие главы этого раздела. Остановимся подробнее на некоторых и наиболее важных из них в практическом отношении.

Глава о шизофрении является особенно важной, так как шизофрения наиболее часто, чем другие душевные заболевания, встречается в практике экспертизы. Помимо этого, в последние годы в буржуазной психиатрической науке имеется определенная тенденция слишком широкого понимания шизофрении и эта тенденция проявилась и в советской психиатрии. Вот почему практическим судебно-следственным работникам необходимо дать точный и определенный ответ, во всех ли случаях, а если не во всех, то в каких, заболевание шизофренией исключает уголовную ответственность. Правда, в главе дано более или менее ясное представление о сущности этого заболевания, об его формах, распознавании и прогнозе, однако судебно-психиатрическая оценка преподносится в весьма туманной форме. Так, например, на стр. 138 автором Аменицким дается следующее указание по этому вопросу: «Возможны, правда, случаи как при дефектных состояниях, так и при мягких формах шизофрении, когда правонарушение вызвано такими исключительными и сложными обстоятельствами, с которыми данная личность не могла справиться в силу своей неполноценности и растерянности. В таких случаях, естественно, является экспертное заключение в сторону невменяемости». Вряд ли такое «конкретное» указание может особенно помочь судебно-следственным работникам в судебно-психиатрической оценке шизофрении. Кстати сказать, при оценке шизофрении автор ссылается на психопатию (стр. 138), совершенно забывая, повидимому, что учащийся с сущностью психопатий познакомится лишь на стр. 227, т. е. через 90 страниц.

Не менее важной является и глава о наркоманиях. Судебно-психиатрическое значение наркоманий определяется главным образом той исключительно большой и важной ролью, которую играет при совершении преступлений алкоголь. И не случайно поэтому, что весьма частым объектом судебно-психиатрических экспертиз являются преступники-алкоголики. Автор этой весьма обстоятельной главы Введенский, анализируя всевозможные формы алкоголизма, специально останавливается на судебно-психиатрическом значении хронического алкоголизма, скоропроходящих расстройствах душевной деятельности алкогольного происхождения и на обычном опьянении.

Перечисленные случаи, как указывает автор главы, представляют особо большие затруднения при судебно-психиатрической экспертизе. Правильно оценивая простое опьянение как состояние, не исключающее уголовную ответственность, автор, к сожалению, не поясняет, почему советское уголовное законодательство не только не исключает при таких состояниях уголовной ответственности, но и не считает их моментом, смягчающим наказание. При судебно-психиатрической оценке патологического опьянения и хронического алкоголизма автор, так же как и автор главы о шизофрении, дает такие расплывчатые указания, что ими весьма трудно руководствоваться на практике. Например, на стр. 225 рекомендуется при решении вопроса о вменяемости руководствоваться следующим: «В случаях тяжелых решающую роль должны играть степень и характер структурных изменений личности. Там, где деградация личности настолько значительна, что может быть приравнена к душевной болезни, ответственность должна исключаться».

Правда, в отдельных главах этого раздела даются более конкретные указания на судебно-психиатрическое значение отдельных форм душевных расстройств, например, в главах «Эпилепсия» и «Исключительные состояния» (автор обеих глав Разумовская). Но и здесь имеются существеннейшие пробелы в смысле практических указаний. Так, в главе об эпилепсии нет определенных указаний, в каких случаях эпилептики, признанные невменяемыми, должны направляться в психиатрическую больницу на «принудительное лечение» и в каких — «на лечение на общих основаниях», а ведь характер лечения опять-таки определяют судебные органы и им это необходимо знать. Кстати сказать, такие указания отсутствуют также и в других главах этого раздела.

В главе «Психопатические личности» автор Халецкий в явном несоответствии с декларированной во введении к учебнику борьбой «с биологизаторскими концепциями криминальной психиатрии и стремлением к их критическому преодолению» воспроизводит эти биологизаторские концепции. Анализируя разновидности психопатов, автор в замаскированной форме проводит идею зависимости формы преступления от конституциональных особенностей личности. Так оказывается преступления эпилептоидов (этой особой группы психопатов) отличаются большой жестокостью и хладнокровием (стр. 236). Истерические личности — по преимуществу мошенники: «преступления их основаны на доверчивости других, которой иной раз поражаешься, когда знакомишься с обстоятельствами судебного дела» (стр. 245) и т. д., и т. д.

Не имея возможности остановиться на других главах раздела о различных формах психических расстройств, считаем необходимым отметить еще один существенный дефект этого раздела.

Ни в одной почти главе раздела, трактующего вопросы судебно-психиатрического значения различных форм душевных заболеваний, не затрагивается вопрос о том, а как же в буржуазной судебно-психиатрической практике в настоящее время расцениваются эти различные формы психических заболеваний, и имеется ли по этим оценкам принципиальная разница в практике в СССР и в практике капиталистических стран? А ведь в предисловии к учебнику указывается на «ряд заимствованных в свое время от буржуазной науки неверных теоретических положений и ныне советской психиатрией отвергнутых» (стр. 3). Отвергнуты ли эти установки? И если да, то почему же нет об этом каких-либо указаний в наиболее важном разделе учебника?

В следующем разделе учебника помещены главы «Вменяемость и задачи экспертизы» и «Психогигиена в местах лишения свободы». Что касается первой из этих глав, то прежде всего встает вопрос, почему эта глава помещена почти в самом конце учебника. Во всяком случае глава о вменяемости должна предшествовать разделу, трактующему о вме-

няемости при различных формах душевных заболеваний. Однако недоумения по этому вопросу рассеиваются, когда знакомишься с данной главой. Оказывается, в ней нет никакого анализа понятия о вменяемости и она меньше всего касается этого вопроса. Здесь говорится и о методах расспроса подэкспертного (испытуемого), и о методике собирания материалов при исследовании подэкспертного, и наконец, большая часть главы посвящена вопросам судебно-психиатрических оценок различных форм душевных заболеваний. При этом автор буквально повторяет все то, что говорилось уже ранее во всех тех главах учебника, которые посвящены отдельным формам душевных заболеваний. Достаточно сравнить изложенное автором на стр. 322—332 с изложенным на стр. 137—138, 169—170, 218—228 и т. д., и т. д., чтобы убедиться в этом. Да, впрочем, и сам автор сознается в этом: «При описании отдельных заболеваний даны основные принципы их судебно-психиатрической оценки. Однако нам представляется не лишним в этой главе суммировать их хотя бы в самых общих чертах» (стр. 322). Имея в виду, что учебник и без этой главы невероятно объемист, нам кажется такое суммирование совершенно излишне и перегружает учебник повторениями, которых и так немало в учебнике.

Особое место в учебнике уделено вопросам судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних. Выделение этих вопросов в самостоятельный раздел, кстати сказать не встречающийся в каких-либо других учебниках по судебной психиатрии, нужно признать безусловно правильным, так как судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних имеет целый ряд специфических особенностей. Эти особенности присущи как организации и проведению психиатрической экспертизы несовершеннолетних, так и судебно-психиатрической оценке различных форм психических заболеваний у несовершеннолетних. Первому из этих вопросов посвящена глава XXVIII «Судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних». Автор этой главы Юсевич в зависимости от того, в какой роли выступает несовершеннолетний в уголовном процессе — в качестве ли обвиняемого или свидетеля и потерпевшего, подразделяет психиатрическую экспертизу несовершеннолетних на два вида: экспертиза несовершеннолетних обвиняемых и экспертиза несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. «Если в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, — пишет Юсевич, — судебно-психиатрическая экспертиза должна ответить на вопросы: 1) является ли обвиняемый душевно-больным или здоровым и 2) является ли он ответственным за совершенное им преступление, то в отношении несовершеннолетних свидетелей и потерпевших экспертиза должна ответить на другие вопросы: 1) является ли испытуемый личностью психически полноценной и 2) можно ли доверять его показаниям» (стр. 388 и 396). Обратимся к первому из приводимых Юсевичем видов экспертиз — к экспертизе несовершеннолетних обвиняемых. Правильно подчеркивая ряд особенностей при проведении психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых, как то: необходимость более длительного, чем в отношении взрослого, наблюдения подэкспертного, обязательность, как правило, производства стационарной экспертизы, создание специальных экспертных клинических отделений для несовершеннолетних и т. п., автор переходит к указанию признаков, на основании которых судебно-следственные органы должны направлять несовершеннолетних на экспертизу. Однако попытку автора дать перечень таких признаков следует признать мало удачной.

В самом деле, приводимый перечень (стр. 390) настолько всеобъемлющ, что следовать ему трудно. Здесь, начиная от таких признаков, как явно неленое поведение, навязчивые движения, однообразные гримасы, многословная и бессвязная речь, автор переходит и к таким признакам, как негармоничное телосложение, малоподвижное лицо, бледная кожа лица, глуховатый голос, бестолковые ответы, неуравновешенность в поведении, лживость и т. д., и т. д.

Вряд ли такие показатели направления на экспертизу несовершеннолетних помогут следователям и суду.

Нам кажется, было бы куда более целесообразным вместо предлагаемого сомнительного перечня признаков направления на экспертизу рекомендовать судебно-следственным работникам более внимательное изучение последующей главы учебника, посвященной различным формам психических заболеваний подростков, где детально изложены симптомы этих заболеваний. Лишь такое изучение может правильно ориентировать судебно-следственных работников в вопросах посылки несовершеннолетних на экспертизу.

Переходя к экспертизе несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, Юсевич, как нам кажется, слишком расширяет, и незаконно, задачи, стоящие перед психиатрами в отношении этой экспертизы. От психиатра при экспертизе свидетеля или потерпевшего требуется прежде всего и главным образом ответ на вопрос: психически болен или психически здоров свидетель или потерпевший? К этому ответу психиатр может добавить и свое заключение о том, можно ли на основании психического состояния свидетеля или потерпевшего считать их показания достоверными или нельзя. С этой точки зрения непонятно, почему Юсевич предлагает психиатрам разрешать вопросы о достоверности свидетельских показаний и с точки зрения других показателей, как-то: возраст (стр. 397), внушаемость (независимо от психических аномалий) и т. п. Более того, Юсевич пытается анализировать вопрос о достоверности свидетельских показаний и с точки зрения порядка и условий производства опроса свидетелей несовершеннолетних (стр. 402—403). Здесь Юсевич явно переходит границы своих владений и уже берет на себя функции и психолога, и юриста, и других специалистов. И не случайно поэтому, что выводы, к которым приходит автор в этой неподсудной ему области общей оценки свидетельских показаний, лучше всего свидетельствуют о несостоятельности психиатра разрешать эти проблемы. Так, например, такие выводы, как «Показания несовершеннолетних неполны, неточны и чрезвычайно изменчивы; поэтому они должны всегда тщательно проверяться другими объективными данными» или «ведение следствия, в ко-

тором фигурируют несовершеннолетние, должно поручаться достаточно опытным и подготовленным работникам» (стр. 405), вряд ли основаны на психиатрических данных.

Более удовлетворяющей учебным целям является другая глава о несовершеннолетних: «Психопатология детского и юношеского возраста». Автор этой главы профессор Озерецкий просто и ясно излагает психические заболевания и аномалии в детском и юношеском возрастах (олигофрения, сифилис, воспаление головного мозга, шизофрения, эпилепсия и психопатия). Изложение сопровождается достаточно конкретными указаниями на судебно-психиатрическое значение каждой формы психического расстройства. Следует особенно отметить тот положительный факт, что, не в пример всем другим авторам учебника, проф. Озерецкий вводит в свою главу и элементы самокритики. Он останавливается на извращениях, указанных в специальном постановлении ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г., об извращениях в области педологии. Эти извращения, конечно, имели место и у специалистов в области детской психиатрии, когда, некритически перенося методы буржуазных ученых, эти специалисты на основании поверхностных исследований по тестам зачисляли подростков в категорию умственно отсталых и штамповали их как «дураков» на всю жизнь.

Предостережения против таких извращений в области судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних безусловно имеют большое практическое значение.

Следует особо остановиться на главе учебника, посвященной судебно-психиатрической экспертизе в капиталистических странах. Как правило, и этот раздел в ранее вышедших учебниках отсутствовал. Более того, ни в юридической, ни в психиатрической литературе положение судебно-психиатрической экспертизы на Западе почти совершенно не освещено.

Указанная глава учебника построена на новейших материалах, относящихся как к законодательству в области судебно-психиатрической экспертизы в буржуазных странах, так и к специальной литературе по судебной психиатрии. Эти материалы автор главы Фейнберг и пытается использовать для характеристики положения судебно-психиатрической экспертизы в буржуазных государствах. При этом в главе идет речь не о судебно-психиатрической экспертизе в капиталистических странах вообще, а об экспертизе в отдельных государствах, как то: в Англии, в Америке, во Франции, в Бельгии, в Италии и в Германии. Несмотря, однако, на наличие большого фактического материала и литературных данных, которые приведены в данной главе, последняя страдает целым рядом весьма существеннейших недостатков. Одним из них является преподнесение учащимся всего этого материала в совершенно сыром и непереработанном самим автором виде. Это сказывается прежде всего в отсутствии достаточно углубленного анализа проводимого материала, в некритическом его изложении и, наконец, в отсутствии каких-либо серьезных выводов. Так, например, в разделе о судебно-психиатрической экспертизе в Бельгии автор весьма пространно, но и весьма при этом спокойно и бесстрастно излагает на 6 страницах все детали судебно-психиатрической экспертизы в Бельгии, организация которой представляет, по словам автора, практический и теоретический интерес как для судебных психиатров, так и для судебно-следственных работников. Однако тщетно было бы искать здесь серьезной критики и оценки автором положения судебно-психиатрической экспертизы в Бельгии, если не считать такого общего замечания на стр. 374: «Даже при наличии формальных правовых гарантий в области экспертизы трудящиеся лишены возможности использовать их». То же, что и про раздел Бельгии, можно сказать и про другие разделы. Так, на нескольких страницах автором в весьма сухой и сугубо догматической форме излагается содержание всех статей итальянского УПК и УК, относящихся к вопросам судебно-психиатрической экспертизы, а также и к вопросам вменяемости и интернирования. А выводам, критике и оценке судебно-психиатрической экспертизы в фашистской Италии посвящены буквально 3 строчки: «Понятия «уменьшенная вменяемость» и «интернирование» в фашистской Италии использованы в целях усиления судебного террора» (стр. 378). Правда, в некоторых разделах этой главы, например в разделе о судебно-психиатрической экспертизе в Америке, встречаются и критика, и оценка, и даже выводы... но, к сожалению, все это делается не самим автором, а устами буржуазных ученых. Из приведенных в бесконечном количестве цитат в этом разделе учащийся может узнать мнение о судебно-психиатрической экспертизе в Америке и проф. психиатра Бостонского университета Оверхолсера, и доктора Бригса, и ученого Натаниэля Кантора, и проф. Глюка и т. д., и т. п., но, к сожалению, не узнает мнение самого автора Фейнберг.

При таком изложении учащимся самим придется, повидимому, давать и критику, и оценку судебно-психиатрической экспертизе в капиталистических странах, т. е. разрешать непосильную задачу. Для учебных целей эта глава, к сожалению, очень мало пригодна.

Резюмируя все вышеизложенное, следует притти к выводам, что выпущенный Научно-исследовательским институтом им. проф. Сербского учебник по судебной психиатрии обладает рядом положительных качеств и особенно по сравнению с ранее выпущенными и уже в значительной мере устаревшими учебниками по судебной психиатрии.

Из положительных сторон учебника следует отметить главным образом следующие:

1. В учебнике с исчерпывающей полнотой разработаны вопросы правового положения судебно-психиатрической экспертизы в СССР и ее организационных форм, знание которых особенно необходимо для учащихся правовых вузов.

2. В учебник введены новые, ранее вовсе не встречавшиеся в учебниках по судебной психиатрии разделы «Судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних» и «Судебно-психиатрическая экспертиза в капиталистических странах» (правда, последний в качестве лишь материалов). Для учебных целей эти разделы крайне важны.

3. Учебник написан на основе большого судебно-психиатрического опыта, накопленного

Научно-исследовательским институтом судебной психиатрии, научными сотрудниками которого являются авторы данного учебника. Это в значительной мере предупреждает от разрыва теории от практики.

Вместе с тем в учебнике имеется и целый ряд весьма существеннейших недостатков.

Наиболее важными из них являются следующие:

1. Несмотря на весьма пышное заявление во внедении в учебник о том, что «все развитие советской судебной психиатрии характеризуется борьбой с биологизаторскими концепциями криминальной психиатрии и стремлением к их практическому преодолению», в учебнике ни в одной из глав его эта борьба не отражена. Если же принять во внимание, что теория советской судебной психиатрии в свое время в основном базировалась на неоломброзианских теориях, что и приводило к грубейшим ошибкам в судебно-психиатрической практике, то становится совершенно непонятным, почему необходимые в таких случаях развернутая самокритика или хотя бы элементы самокритики отсутствуют вовсе у авторов учебника.

2. Несмотря на то, что учебник по судебной психиатрии должен в первую очередь научить судебно-следственных работников подходить критически к даваемым заключениям экспертами-психиатрами и главное выработать у них способность давать оценку этих заключений, основные разделы выпущенного учебника, посвященные судебно-психиатрическому значению различных форм душевных заболеваний, не дают ясных и четких указаний по этим вопросам.

Помимо этого в учебнике совершенно отсутствуют указания на те практические мероприятия в отношении невменяемых при различных формах душевных заболеваний, которые должны применяться судебно-следственными органами (как-то: посылка на «принудительное лечение», направление на «лечение на общих основаниях», отдача под наблюдение районного психиатра и т. п.).

3. Учебник, рассчитанный на студентов правовых вузов, где курсу судебной психиатрии отводится около 60 часов, несоразмерно с этим раздут до 472 страниц. Последнее объясняется в значительной мере тем, что, во-первых, в учебнике имеется ряд повторений и параллельных глав, во-вторых, учебник перегружен излишним материалом (подготовка кадров, психогигиеническая работа и т. д.), в-третьих, истории болезни, приводимые в учебнике, слишком растянуты и иногда даже на несколько страниц.

4. Учебник в ряде своих глав и особенно глав, написанных Дубининым, мало доступен для учащихся благодаря своему тяжелому и непонятному стилю.

Нам кажется, что при втором издании учебника (а такое безусловно понадобится, если принять во внимание полное отсутствие других каких-либо учебников по судебной психиатрии) авторам учебника необходимо устранить все перечисленные дефекты с тем, чтобы сделать учебник наиболее подходящим для учащихся правовых вузов и практических судебно-следственных работников.

В. Меньшагин.

Официальный отдел

О ПРЕКРАЩЕНИИ ПРАКТИКИ СОГЛАСОВАНИЯ ПРОКУРОРАМИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ С МЕСТНЫМИ СОВЕТАМИ

По имеющимся в Прокуратуре Союза ССР материалам, в ряде краев, областей и районов практикуется «согласование» с прокуратурами обязательных постановлений, издаваемых исполкомами. Это согласование выражается в редактировании прокурорами проектов обязательных постановлений и визировании их. В некоторых случаях районные прокуроры сами составляют проекты обязательных постановлений сельсоветов и риков (Пушкинский район Московской области и др.).

Между тем, практика предварительного согласования обязательных постановлений с органами прокуратуры не имеет под собой законных оснований и является нецелесообразной по существу, так как подменяет надзорные функции прокуратуры консультантскими функциями.

Ввиду этого предлагаю:

1. Прекратить практику согласования проектов обязательных постановлений с исполкомами и их отделами.

2. По проектам обязательных постановлений, присылаемых исполкомами в органы прокуратуры, прокуроры соответствующих краев, областей и районов должны давать лишь свои отзывы с последующим поддержанием их на заседаниях президиумов исполкомов.

3. Органы прокуратуры обязаны обеспечить присылку им копий обязательных постановлений, принятых президиумами исполкомов соответствующих краев, областей, районов и сельсоветов, в соответствии с действующим законодательством об обязательных постановлениях.

4. По обязательным постановлениям, содержащим нарушения законодательства СССР и союзных республик, соответствующие органы прокуратуры должны приносить протесты в сроки, установленные законодательством союзных республик, добиваясь рассмотрения этих протестов в кратчайший срок.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

23 июня 1937 г.

№ 47/24

О БОРЬБЕ СО СПЕКУЛЯЦИЕЙ

Государственной торговой инспекцией по Киевской области вскрыт особый способ спекуляции, прикрывающий спекуляцию частника видом легальной советской торговли.

Так, при проверке торговой инспекцией в Киеве двух ларьков системы Киевпромторга было обнаружено, что заведующими этих ларьков продавались в ларьках по спекулятивным ценам головные уборы личного частного производства этих заведующих под видом товаров ларька, с сокрытием производства и продажи этих головных уборов от финконтроля.

Предлагаю немедленно обратить внимание органов прокуратуры и следствия на необходимость зоркой и решительной борьбы с этими махинациями спекулянтов, извращающими и подрывающими в глазах трудящихся масс советскую торговлю, и обеспечить неуклонное применение к виновным жестких мер наказания.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

1 июля 1937 г.

№ 49/1

О БОРЬБЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С АНТИКОЛХОЗНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

17 июля 1937 г. состоялось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О колхозе «Новый быт» Даниловского района Ярославской области».

Из постановления усматривается, что в Даниловском районе Ярославской области имели место антиколхозные и антисоветские действия и грубейшие нарушения законов Союза ССР, выразившиеся в ликвидации колхоза «Новый быт», вопреки воле и желанию колхозников, в незаконном отобрании у колхоза земли, акта на вечное пользование землей и имущества.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязали Ярославский обком ВКП(б) и облисполком немедленно восстановить колхоз «Новый быт», передав колхозу землю, согласно акту на вечное пользование, а также принадлежащие колхозу скот и с.-х. инвентарь.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) указали Ярославскому обкому ВКП(б), облисполкому и областному прокурору на то, что, зная о ликвидации колхоза «Новый быт», они своим бездействием в течение двух месяцев фактически прикрывали антиколхозные и антисоветские деяния работников Даниловского района.

Прокуратурой в настоящее время привлечены к уголовной ответственности и арестованы: председатель Даниловского рика Горшков, секретарь РК ВКП(б) Поваров, заведующий райзо Лукьянов, зам. заведующего райзо Беляков, заведующий райфо Мишин и председатель Даниловского сельсовета Солодухин, причем виновные понесут заслуженное наказание.

Однако тот факт, что прокуратуры областная и районная могли пройти мимо этих вопиющих нарушений, свидетельствует о политической слепоте отдельных прокуроров, об отсутствии у них бдительности, об их неумении вести подлинно большевистскую борьбу за соблюдение советских законов и Сталинского устава с.-х. артели.

Предлагаю всем прокурорам немедленно проверить:

а) не имеют ли место в пределах территории их деятельности подобные антиколхозные и антисоветские действия и нарушения советских законов о колхозах, в частности, Сталинского устава с.-х. артели, и в случае выявления таких нарушений немедленно привлечь виновных к строжайшей судебной ответственности;

б) взять под особый контроль все постановления исполкомов, касающиеся колхозов, не допуская немедленным опротестованием проведения в жизнь тех или иных, которые противоречат советским законам и уставу с.-х. артели;

в) по каждой жалобе колхозов и колхозников на нарушение устава с.-х. артели производить в кратчайший срок самую тщательную проверку и принимать немедленно все меры для восстановления нарушений законности, вплоть до привлечения виновных, невзирая на лица, к уголовной ответственности.

Предупреждаю, что в случае выявления фактов нарушения советских законов или Сталинского устава с.-х. артели, по которым местной прокуратурой не были приняты законные меры, виновные прокуроры будут мною привлекаться к суровой ответственности, вплоть до снятия с работы и предания суду.

Об особо важных фактах нарушения интересов колхозов и колхозников информируйте меня спецдонесениями.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

25 июля 1937 г.

№ 51/1

О ПОРЯДКЕ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ И ОБВИНЯЕМЫХ

В практике следственных органов прокуратуры наблюдается совершенно неправильное применение следователями тех статей уголовно-процессуальных кодексов союзных республик, которые предоставляют допрашиваемым следователями лицам право собственноручно излагать свои показания в протоколах допросов (ч. 2 ст. 139 и ст. 169 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, ст. 137 и примечание к ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса УССР и т. п.).

Эти статьи уголовно-процессуальных кодексов союзных республик устанавливают отступление от нормального порядка фиксирования показаний допрашиваемых следователями лиц и применяются в тех случаях, когда допрашиваемые сами заявят желание воспользоваться этим правом.

Между тем, многие следователи, желая избавить себя от труда проводить допрос и протоколировать показания допрошенных, сами предлагают допрашиваемым изложить то, что им известно по делу, на переданном им следователем бланке протокола допроса. Допрашиваемый пишет свои показания без всякого контроля следователя, нередко даже вне камеры следователя.

В результате лица, недобросовестно относящиеся к даче своих показаний, получают полную возможность искажать эти показания

в желательном для них направлении, а добросовестные свидетели, не зная, какие обстоятельства существенны для дела, а какие — нет, заполняют свои показания множеством ненужных подробностей, упуская сплошь и рядом из виду самое существенное. Как правило, в подобных случаях в протоколах допросов совершенно не оказывается контрольных данных, необходимых для проверки и оценки показаний данного свидетеля (откуда свидетелю известно о сообщаемых им фактах, при каких обстоятельствах он их наблюдал, знает ли об этих фактах еще кто-нибудь и т. п.).

Приказываю:

1. Допускать собственноручное изложение показаний свидетелями и обвиняемыми лишь в том случае, когда они сами выразят желание воспользоваться предоставленным им законом правом собственноручно изложить их показания.

2. В случаях, когда допрашиваемые пожелают воспользоваться правом собственноручного написания своих показаний, допускать это лишь после обстоятельного устного допроса следователем этих лиц.

В этих случаях показание должно быть написано допрошенным в камере следователя, немедленно после допроса. Следователь обязан сразу же, не отпуская допрошенного, проверить правильность изложения им своих показаний и при наличии в них пробелов или неясностей путем допроса и уточнения показаний эти неясности и пробелы устранить.

3. Независимо от того, кто писал текст протокола, протокол допроса во всех случаях должен быть подписан допрошенным лицом и следователем, производившим допрос. В случае, если показания писались допрошенным собственноручно, об этом должна быть сделана оговорка в протоколе перед подписью допрошенного.

4. Прокурорам союзных и автономных республик, не имеющих областного деления, прокурорам краев и областей, военных округов, железных дорог и водных бассейнов довести настоящий приказ до сведения всех следователей, установить контроль за его исполнением и обеспечить точное его осуществление.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

25 июля 1937 г.

№ 50/26

О ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ ЗА ОБЯЗАТЕЛЬНЫМИ ПОСТАНОВЛЕНИЯМИ

Произведенной проверкой порядка издания местными советами в городах Москве и Ленинграде и других краях и областях обязательных постановлений и практики наложения по ним административных взысканий выявлены грубейшие нарушения действующего законодательства об обязательных постановлениях.

Так, например, в числе действующих обязательных постановлений в г. Ленинграде обнаружен целый ряд таких, которые были изданы в 1931—1934 гг., в то время как по законодательству РСФСР об издании обязательных постановлений срок действия их не может превышать 2 лет, после чего они считаются утратившими силу.

В Куйбышевской и других областях обнаружены обязательные постановления, изданные за подписью одного лишь председателя или даже секретаря исполкома без утверждения этих постановлений президиумом исполкома или совета, как это требуется соответствующим законодательством РСФСР.

Многие обязательные постановления введены в действие без оповещения об этом населения, хотя по закону об обязательных постановлениях требуется опубликование этих постановлений (через печать, путем расклейки и т. д.).

Обнаружен также ряд обязательных постановлений, изданных с нарушением компетенции местных советов как в отношении предмета постановления, так и устанавливаемой им санкции. В частности, имеются случаи издания обязательных постановлений по вопросам, урегулированным специальными постановлениями правительства СССР и союзных республик, предусматривающими за нарушение их ответственность в уголовном порядке (например, за нарушение правил кредитной реформы и финансовой дисциплины).

Ленинградский совет принял обязательное постановление, которым предоставил администрации всех учреждений и предприятий право наложения штрафов «за нарушение правил охраны общественного порядка», причем осуществление этого права администрация указанных учреждений и предприятий может, по тому же обязательному постановлению, возлагать на любого из своих сотрудников.

Недопустимые извращения обнаружены в штрафной политике, проводимой административными комиссиями и органами милиции. На злостных хулиганов, допускавших грубое насилие над личностью, сплошь и рядом налагались мелкие штрафы, тогда как этих хулиганов следовало привлекать к уголовной ответственности. Так, например, административная комиссия Куйбышевского района г. Ленинграда подвергла штрафу в 15 руб «за нарушение общественного порядка» гр. Алексеева, занимавшегося систематическим истязанием своей жены, которая в результате этих истязаний покушалась на самоубийство; в Бауманском, Сталинском, Железнодорожном и других районах г. Москвы налагались штрафы за злостное хулиганство на лиц, имевших уже неоднократные судимости за хулиганские действия. В то же время подвергались оштрафованию лица, действия которых не содержали никаких нарушений. Так, например, в том же Ленинграде был оштрафован гр. Петрунин за то, что он покатал в тачке трех ребят. В другом случае был оштрафован на 50 руб. гр. Федченко за то, что «в кабинете начальника отделения милиции вступил в пререкания с начальством».

Состав административных комиссий в большинстве районов городов Ленинграда и Москвы оказался при проверке незаконным. В ряде случаев председатели административных комиссий не были утверждены райсоветом, а утвержденные сами не участвовали на заседаниях комиссии, передоверяя эту работу другим лицам. Зачастую вся работа по наложению взысканий ведется единолично начальни-

ками отделений милиции. Президиумы райсоветов работой административных комиссий не интересуются и совершенно незаконно перекладывают работу по рассмотрению жалоб на постановления административных комиссий на специально созданные тройки. В некоторых районах жалобы эти разрешаются даже единолично секретарем совета.

Протоколы о наложении штрафов оформляются с нарушением установленного законом порядка, не имеют подписей нарушителей и т. д. Сущность допущенного нарушения излагается настолько неясно, что нельзя установить, за что, собственно, административное взыскание налагается (Железнодорожный, Кировский, Сталинский районы г. Москвы).

Постановления о наложении штрафов в ряде районов не приводятся в исполнение в течение полугода и больше, вследствие чего по закону они теряют всякую силу.

Все указанные грубые нарушения порядка издания обязательных постановлений и извращений в штрафной политике допускались в течение ряда лет, не замечались местными прокурорами и были выявлены лишь при специальной проверке, произведенной областными прокуратурами в 1937 году.

Обращая внимание органов прокуратуры на совершенную недопустимость подобного положения, свидетельствующего о невнимании к вопросам борьбы за социалистическую законность, — п р и к а з ы в а ю:

1. Краевым, областным, районным и городским прокурорам в месячный срок пересмотреть все действующие обязательные постановления сельсоветов, горсоветов и исполкомов, опротестовав те из них, которые были изданы с нарушениями законодательства об обязательных постановлениях или утеряли силу вследствие истечения установленного законом срока.

2. В этот же срок проверить практику по наложению штрафов административными комиссиями и органами милиции и результаты проверки представить на обсуждение краевых (областных) исполкомов, добившись проведения реальных мероприятий, обеспечивающих как установление правильной штрафной политики (устранение случаев наложения штрафов за действия, не содержащие нарушений, или подлежащих преследованию в уголовном порядке, соответствие размера штрафа характеру совершенного нарушения и имущественному положению нарушителя и т. п.), так и выполнение установленного законом порядка наложения штрафов и рассмотрения жалоб лиц, подвергнутых административным взысканиям.

3. О проделанной работе сообщить мне не позднее 15 сентября с. г. (для отдаленных местностей — 1 октября с. г.).

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

25 июля 1937 г.

№ 575

Ответственный редактор **А. Я. ВЫШИНСКИЙ**

Технический редактор **Н. Рушковский**

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 9/VIII 1937 г. Сдано в производство 22/VIII 1937 г.
Подписано к печати 11/IX 1937 г. 8 п. л. 21,6 авт. лист. В одном бум. листе 216 000 зн.

Формат 72×108 Ю—4п.; № 551

Уполном. Главлита Б—23979 Зак. № 1188 Тираж 20500 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Мал. Дмитровка, 18.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Передовая — Советский народный суд	1
Г. Леплевский — Конституция СССР	10
А. Сольц — Пять лет	15
И. Сапгир — Охрана прав личной собственности граждан	16
С. Голунский — Роль прокурора в подготовительном заседании по делам о нарушениях закона 7 августа 1932 г.	23
С. Миронов — Борьба с хищениями на водном транспорте	32
В. Меньшагин — Преступления против личности по проекту Уголовного кодекса СССР	34
В. Покровский — О недостатках, задачах и методах общего надзора	51
Б. Сперанский — К вопросу о предмете советского административного права	55
Д. Немзер — К пересмотру законодательства об авторском праве	59
М. Альперин и А. Булохов — Бухгалтерская экспертиза и ревизия	63
Л. Е. — Судья не на месте	67
Обмен опытом	71
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	93
Практика Прокуратуры Союза ССР по общему надзору	97
По союзным республикам	99
Право, процесс и судоустройство в капиталистических странах	107
Библиография	120
Официальный отдел	125

МК 288

Цена 1 руб. 50 коп.

24

Московским городским финансовым отделом на основании Положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 1054 (одна тысяча пятьдесят четыре)

Контора № 13 ЗАВОДСТРОЙ

М. Никитская, 24, тел. 5-42-88

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

10

1937

Социалистическая законность
ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ОКТЯБРЬ 1937 г. 10

Редакция:
Москва, Пушкинская, д. 15а

О награждении работников Прокуратуры СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР

Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет:

В связи с 15-летием Прокуратуры СССР наградить:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

Рогинского Г. К. — зам. Прокурора СССР.

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

1. Розовского Н. С. — Главного Военного Прокурора.
2. Гродко А. С. — пом. Главного Военного Прокурора.
3. Ульянову С. Я. — прокурора Главной Военной Прокуратуры.

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. Шейнина Л. Р. — следователя по важнейшим делам Прокуратуры СССР.
2. Рагинского М. Ю. — следователя по важнейшим делам Прокуратуры СССР.
3. Баркова И. И. — прокурора Западно-Сибирского края.
4. Глузман А. М. — прокурора Отдела по спецделам Прокуратуры СССР.
5. Леплевского Г. М. – зам. Прокурора СССР.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР

М. Калинин

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР

А. Горкин

Москва, Кремль. 29 августа 1937 г.

ЦК ВКП(б)—товарищу СТАЛИНУ И. В.
СНК СОЮЗА ССР—товарищу МОЛОТОВУ В. М.
ЦИК СОЮЗА ССР—товарищу КАЛИНИНУ М. И

Коллектив Прокуратуры Союза ССР и награжденные орденами Союз ССР в связи с 15-летием организации советской прокуратуры работники Про куратуры Союза—Леплевский, Рогинский, Розовский, Барков, Глузман, Гродк Рагинский, Ульянова, Шейнин выражают Вам свою признательность и горячу благодарность за оказанное Партией и Правительством доверие.

На Прокуратуру великая Партия Ленина—Сталина и Правительств Союза ССР возлагают ответственнейшие обязанности по борьбе за укрепл ние социалистической законности, по борьбе с троцкистско-бухаринскими ф шистскими наймитами и изменниками родине и делу социализма.

Коллектив работников Прокуратуры Союза ССР заверяет нашу велику Коммунистическую партию, наше Правительство, заверяет Вас, товарищ Стали наш дорогой вождь и учитель, что мы со всей энергией и большевистско непримиримостью будем й впредь, под Вашим испытанным и мудрым руково ством, беспощадно громить врагов свободного, счастливого советского народ непреклонно бороться за торжество принципов и идей, воплощенных в Ст линской Конституции, за полное торжество коммунизма.

По поручению собрания: **Вышинский,**
Леплевский,
Рогинский,
Розовский,
Горбулев.

А. ВЫШИНСКИЙ

Новый избирательный закон СССР

1. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН У НАС И У НИХ

Чрезвычайный VIII съезд советов СССР, утвердивший 5 декабря 1936 г. проект новой Конституции СССР, одновременно поручил ЦИК Союза ССР разработать и утвердить «Положение о выборах в Верховный Совет СССР». Во исполнение этого постановления 4-я сессия ЦИК СССР VII созыва 7—9 июля 1937 г. рассмотрела и утвердила новое «Положение о выборах в Верховный Совет СССР», представляющее собой практическое руководство к тому разделу Конституции СССР, который посвящен избирательной системе и, в частности, вопросу о порядке выборов в Верховный Совет СССР.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» (избирательный закон) является прямым продолжением Сталинской Конституции, ее родным детищем. В основе «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» лежат принципы, провозглашенные и утвержденные великой Сталинской Конституцией. Новый избирательный закон построен на основе последовательного социалистического демократизма, возможного только в стране победившего социализма, обеспечивающего действительное и реальное волеизъявление народа, его активное и фактическое участие в государственном управлении.

В отличие от буржуазных конституций и избирательных законов, даже самых «передовых» и самых «демократических», только советская Конституция и советский избирательный закон выражают подлинную волю народа, являющегося хозяином своей собственной судьбы.

В нашей Конституции и в нашем избирательном законе выражено подлинное единство воли миллионных народных масс Советской страны, победивших капиталистов и помещиков в октябре 1917 г., сломивших их сопротивление и окончательно утвердивших власть рабочих и крестьян на одной шестой части земного шара. Именно этим единством воли, направленной на одну цель — окончательно уничтожить эксплоатацию и угнетение трудящихся и завершить великую борьбу за новое коммунистическое общество,—и проникнуты советские конституции, величайшей из которых является Конституция СССР 1936 г.

О советской конституции Ленин говорил на III всероссийском съезде профсоюзов (1921 г.) как о самой демократической конституции в мире именно потому, что она выражает собою волю миллионных масс трудящихся:

«То, что дает советская конституция, ни одно государство за 200 лет не могло дать. Взять простое число съездов,—ни одно государство за сто лет демократизма столько не созывало, а именно таким путем мы вырабатываем об[щие] решения и выковываем общую волю.

На этой широчайшей базе понимается наша советская конституция, наша советская власть. Она дает то, что решения советской власти имеют невиданную в мире силу авторитета, силу рабочих и крестьян» [1].

[1] Ленин, т. XXV, стр. 144.

Советская власть сильна и крепка, как ни одна власть в мире, именно силой общей воли, объединяющей миллионы и миллионы людей, советских граждан, в единый, могучий коллектив. Советская власть как государственная форма диктатуры пролетариата характеризуется именно той особенностью, что советы являются, как об этом говорит товарищ Сталин, «наиболее всеобъемлющими массовыми организациями пролетариата, ибо они и только они охватывают всех без исключения рабочих»; что «советы являются единственными массовыми организациями, которые обнимают всех угнетенных и эксплоатируемых, рабочих и крестьян, солдат и матросов, и где политическое руководство борьбой масс со стороны авангарда масс, со стороны пролетариата, может быть осуществляемо ввиду этого наиболее легко и наиболее полно»; что «советы являются наиболее мощными органами революционной борьбы масс, политических выступлений масс, восстания масс, — органами, способными сломить всесилие финансового капитала и его политических придатков»; что «советы являются непосредственными организациями самих масс, то есть наиболее демократическими и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении им и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада, в борьбе за новый, пролетарский уклад» [1].

Именно в этих особенностях советской власти и заключается ее сила. В этих особенностях заключается и ее демократизм, несравненно более высокий, более передовой, чем демократизм любой, самой «передовой» буржуазной страны, так как именно эти особенности советской власти обеспечивают постоянное, непременное, решающее участие масс в управлении государством.

Новая Сталинская Конституция наиболее ярко и блестяще выражает советский социалистический демократизм, являя собой «итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний» [2] в борьбе за социализм, воплощенный в нашу действительность.

Вместе с Конституцией и на ее незыблемой основе новый избирательный закон закрепляет порядок и способы организации верховного законодательного органа СССР, определяет условия и процедуру выборов депутатов—членов Верховного Совета СССР, обеспечивает полное и исчерпывающее осуществление гражданами СССР их конституционных прав и такого важнейшего и решающего права, как право избирать и быть избранным представителем советского народа в великий советский парламент.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 31.

[2] Сталин, О проекте Конституции СССР, Партиздат, 1936 г., стр. 17.

Между Конституцией 5 декабря 1936 г. и избирательным законом 9 июля 1937 г. существует полнейшее единство в постановке и разрешении всех конституционных вопросов.

В то время как в буржуазных государствах, даже в самых передовых и наиболее демократических, конституция и избирательный закон находятся по отношению друг к другу в кричащем, вопиющем противоречии, между нашей Конституцией и нашим избирательным законом нет никаких противоречий, нет никаких расхождений.

Избирательные законы стран буржуазной демократии сплошь и рядом протаскивают всевозможные ограничения конституций, вносят в конституции «уточнения», «дополнения» и всякого рода оговорки, являющиеся нередко откровенным отступлением от провозглашенных данной конституцией принципов.

В буржуазном конституционном праве избирательный закон выполняет довольно недвусмысленную роль фальсификатора конституции, своеобразного комментатора, преследующего цель так переложить конституционную поэзию на язык избирательной прозы, чтобы от поэзии высоких конституционных принципов не осталось и следа.

Избирательный закон — далеко не дело одной только техники. Наоборот, в избирательном законе заключается, если можно так выразиться, квинтэссенция политики, потому что избирательный закон определяет практические условия и средства, при которых и при помощи которых делается настоящая избирательная политика.

Избирательный закон является практическим руководством к осуществлению конституции, руководством к действию в борьбе за реализацию провозглашенных конституцией прав и свобод.

История знает немало примеров того, как господствующие классы эксплоататорского общества, вынужденные итти на те или иные конституционные уступки в пользу трудящихся, умело и искусно аннулируют эти уступки при помощи избирательного закона, служащего обычно в их руках могучим орудием политики.

Одна из особенностей буржуазных конституций — их компромиссность, лицемерие и фальшь. На словах буржуазные конституции нередко обещают трудящимся своего государства всевозможные блага, на деле — они не дают ничего.

Это в порядке вещей при буржуазном демократизме, отличающемся формальным и абстрактным характером, ограничивающем гражданские права трудящихся, «выталкивающем из политики»,—как говорил Ленин, — трудящиеся массы.

Товарищ Сталин, характеризуя буржуазные конституции с точки зрения демократизма, указывал на две группы этих конституций:

«Одна группа конституций прямо отрицает или сводит фактически на нет равенство прав граждан и демократические свободы. Другая группа конституций охотно приемлет и даже афиширует демократические начала, но делает при этом такие оговорки и ограничения, что демократические права и свободы оказываются совершенно изуродованными. Они говорят о равных избирательных правах для всех граждан, но тут же ограничивают их оседлостью и образовательным и даже имущественным цензом. Они говорят о равных правах граждан, но тут же оговариваются, что это не касается женщин, или касается их частично. И т. д. и т. п.» [1].

Эту функцию «изуродования» конституций выполняют не только обычные здесь «примечания» к параграфам и статьям конституций, но, что бывает особенно часто и осуществляется особенно успешно, именно избирательные законы.

Французская конституция 1848 г., например, постановляла, что избирателями признаются, без всяких ограничений ценза, все французы, достигшие двадцати одного года и пользующиеся гражданскими и политическими правами» (ст. 25), но тут же добавляла, что «избирательный закон укажет те причины, которые могут лишить француза права участвовать в выборах и быть выбранным» (ст. 27). Такой закон и был издан 15 марта 1849 г., установив ряд случаев неправоспособности граждан и, кроме того, ценз шестимесячного пребывания в какой-нибудь общине [2].

Закон 15 марта 1849 г. прямо аннулировал постановление конституции 1848 г., которая специально подчеркивала недопустимость какого-либо ценза. Выходит, что при буржуазном демократизме конституция — одно, избирательный закон — другое. Впрочем, противоречия наблюдаются в буржуазном конституционном праве не только между конституциями и избирательными законами, но и в самих конституциях. Это дало К. Марксу основание в знаменитом «Восемнадцатом Брюмера» написать: «Поэтому конституция всюду указывает на будущие органические законы, цель которых — подробно развить эти оговорки и так урегулировать пользование всеми этими неограниченными свободами, чтобы они не сталкивались ни друг с другом, ни с общественной безопасностью. Впоследствии эти органические законы были созданы друзьями порядка, и все эти свободы были так урегулированы, что буржуазия может ими пользоваться, не встречая никакого препятствия в равных правах других классов. Там, где она по отношению к «этим другим» совершенно воспретила эти свободы или позволяла ими пользоваться под условиями, каждое из которых было полицейской ловушкой, это происходило всегда только в интересах «общественной безопасности», то есть безопасности буржуазии, как то и предписывает конституция... Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке» [3].

Ряд буржуазных конституций, — как было уже подчеркнуто выше, — являют собою образцы фальши и лицемерия. Говоря о всеобщем избирательном праве, буржуазные конституции в действительности ограничивают это

---

[1] Сталин, О проекте Конституции Союза ССР. Партиздат, 1936 г., стр. 20.

[2] Н. Эсмэн, Основные начала государственного права, 1898 г., стр. 192.

[3] К. Маркс, Избранные произведения, Партиздат, 1935 г., т. II, стр. 261.

право и лишают его характера всеобщности; говоря о тайном избирательном праве, они в действительности не обеспечивают этой тайны; говоря о равном избирательном праве, они в действительности издеваются над понятием равенства, подтверждая на десятках и сотнях примеров буржуазного конституционного права тот факт, что сытый не равен голодному, что равенства даже перед законом, то есть юридического равенства, при буржуазной демократии быть не может, что это равенство является фиктивным, словесным, формальным.

Вот почему явно фальшиво звучат торжественные декларации буржуазных конституций, провозглашающие свободу, равенство и стремление к общему благу граждан своих государств.

Конституция США 17 сентября 1787 г. торжественно заявляет: «Мы, народ Соединенных штатов, в целях образования более совершенного союза, установления правосудия, обеспечения внутреннего спокойствия, принятия мер по совместной обороне, поднятия общего благосостояния и обеспечения нам самим и нашему потомству благ свободы, издаем и устанавливаем эту конституцию для Соединенных штатов Америки».

В соответствии с этой декларацией конституция 1787 г. США устанавливает избрание палаты представителей «народом различных штатов». Причем дополнительный закон 1870 г. специально подчеркивал, что участие в выборах «не будет отрицаться или ограничиваться Соединенными штатами или отдельными штатами под предлогом расы, цвета кожи или прежнего рабского состояния». Таким образом, формально этот закон или, как его еще называют, «поправка XV», предоставляет избирательное право неграм. На практике же в южных штатах США участие негров в выборах крайне затруднено, главным образом, различными требованиями в области их грамотности на английском языке, благодаря чему за последние 50 лет лишь один раз негру удалось пройти в парламент [1].

О том, что представляют собой конституции отдельных штатов США, можно судить по тому, что в некоторых из этих штатов для получения избирательного права необходимо уплатить известный взнос, который так и называется избирательным налогом, в других штатах необходимо доказать, что избиратель ведет «добропорядочную жизнь», в третьих нужно обладать грамотностью на английском языке — ловкое мошенническое средство лишения избирательных прав бедноты и значительной части негритянского населения.

Нужно добавить, что избирательное право женщин в общегосударственном масштабе здесь было установлено лишь в 1920 г. (поправка XIX), но тем не менее женщины в США крайне слабо участвуют в политической жизни страны и, следовательно, в управлении государством. Английский журнал «Нью-Йорк Таймс Мэгазин» (1935 г.) по этому поводу писал: «Чем острее борьба за получение работы, тем труднее женщине найти себе место вне дома; ее теперь приобретенная свобода» не помогает, когда мужчина выдвигается вперед не как друг и товарищ, но как неумолимый конкурент» [1].

Таким образом, провозглашенные американской конституцией права фактически урезываются и всячески ограничиваются. Но недостатки буржуазной демократии этим не исчерпываются. Политическую жизнь буржуазных демократических стран разъедают такие пороки, как подкуп, взяточничество, всевозможные мошеннические избирательные проделки, избирательный обман и недобросовестная реклама. В капиталистическом обществе господствуют самые низкие страсти: лицемерие, фарисейство, эксплоатация демократических принципов в узких, антиобщественных, низменных интересах и т. п. Все это направлено к одной цели — обеспечению всякими средствами и способами политического господства эксплоататоров.

Не случайно автор «Американской республики» Джемс Брайс писал: «Существование лихоимства, бесспорно, служит укором для демократической системы правления, которая нуждается более всякой другой в высоком уровне гражданских доблестей». Джемс Брайс утверждает, что лихоимство не является исключительным свойством американской буржуазной демократии, что этот порок существует в английском парламенте, в английских избирательных коллегиях и в странах с другим образом правления, чем демократия.

«Лихоимство, — пишет Брайс, — существовавшее в английском парламенте во времена Роберта Вальполя, было характеристической особенностью той переходной эпохи, когда власть уже перешла в руки Палаты общин, а народ еще не успел вполне подчинить эту палату своему контролю, и когда, по разным нравственным причинам, нация стояла на довольно низком уровне развития. Подкуп избирателей в английских местечках возник вследствие того, что у богатых людей возникло желание занимать места членов в Палате общин, что избиратели, мало интересовавшиеся общественными делами, были готовы продавать свои голоса, а их число было так незначительно, что каждый из них мог продавать свой голос за высокую цену...» [1].

Едва ли следует указывать на искусственность этого объяснения пороков, разъедающих буржуазно-демократическую избирательную систему. Дело, разумеется, заключается вовсе не в нравственном уровне нации, не в том, что избиратели якобы готовы продавать свои голоса. Причина такого позорного явления лежит в нравственном облике, в морали и в понятиях о политической чести классов, господствующих в буржуазных странах.

В каждом обществе общественная мораль есть мораль господствующего в этом обществе класса. В каждом обществе руководящую роль играют политические взгляды и нравственные принципы того класса, господство которого определяет весь строй общественной жизни и весь строй культуры этого общества. Это отчасти понимает и Брайс, когда одно из средств уничтожения взяточничества и лихоимства, особенно на выборах в законодательные органы, он видит в более активном

[1] «Конституции буржуазных стран», ч. I, стр. 12.

[1] Джемс Брайс, Американская республика, ч. III, стр. 257.

участии народа в политической жизни, в государственном управлении.

Брайс прямо говорит: «Можно ожидать, что в Америке более деятельное вмешательство народа и реформа гражданской службы прекратят взяточничество, которым в настоящее время заражены законодательные собрания, между тем как более разумные законы касательно способа подачи голосов и касательно выборов прекратят то же зло в избирательных коллегиях» [1].

Брайсу невдомек лишь одно обстоятельство: возможно ли действительно «деятельное вмешательство народа» в избирательную борьбу и оздоровление избирательных нравов в странах, где господствует буржуазия и царит эксплоатация, в рамках этой эксплоатации и буржуазной демократии?

Практика избирательной борьбы в разных, самых передовых буржуазных странах, говорит о том, что народ при господстве буржуазии не в состоянии устранить пороков, свойственных буржуазной демократии и буржуазной избирательной системе. История классовой борьбы и общественного развития свидетельствует о невозможности для пролетариата и трудящихся крестьянских масс преодолеть ограниченность и извращения демократии при капитализме иначе, как путем низвержения господства капиталистов, иначе как путем захвата политической власти в свои руки и утверждения диктатуры пролетариата.

В фашистских странах демократия полностью уничтожена. Здесь уничтожена всякая видимость конституционности. Один из основных законов фашистской Германии, демагогически названный Гитлером «Законом в целях устранения бедствий народа и государства», от 24 марта 1933 г., прямо предусматривает возможность уклонения законов, принятых имперским правительством, от имперской конституции. Тем самым конституция становится необязательной. Ст. 2 этого закона гласит: «Законы, принятые имперским правительством, могут уклоняться от имперской конституции, если они не имеют предметом устройства рейхстага и рейхсрата...»

Оговорки, касающиеся лишь устройства рейхстага и рейхсрата, дела не меняют, даже, наоборот, еще больше подчеркивают зыбкость и неустойчивость имперской конституции, ее бессилие в смысле влияния на характер и содержание различных законов.

Однако, несмотря на утверждение, что законы, касающиеся рейхсрата, не могут уклоняться от имперской коституции, сам рейхсрат в 1924 г. оказался ликвидированным.

Очень характерным, с точки зрения ликвидации демократии в фашистской Германии, является закон 1934 г. об отмене гражданства германских областей и об упразднении народных представительств областей. Как и в законе 1935 г. об имперских наместниках и о германских общинах, в этом последнем законе содержатся такие перлы «демократии», как разграничение жителей и граждан, как установление понятия «германских государственных граждан», как приостановление прав гражданства солдат и т. п. В этих германских общинах нет и тени демократии. Управление общиной сосредоточено в руках бургомистра, являющегося руководителем общины по назначению фашистской партии. Бургомистр и уполномоченный имеют над общиной громадную власть, исключающую какие бы то ни были возможности проявления общественной инициативы и самодеятельности со стороны так называемых государственных граждан.

От германской фашистской «демократии» не отстает и итальянская фашистская «демократия». Итальянский фашизм последовательно и решительно ликвидировал парламентаризм с самого первого дня своего прихода к власти.

По закону о реформе политического представительства (17 мая 1928 г.) так называемый великий совет сам составляет списки кандидатов в члены законодательного корпуса. Включение в этот список означает по существу назначение депутата.

Ст. 5 этого закона говорит: «Великий совет составляет список назначенных депутатов, выбирая их по своему усмотрению из общего числа кандидатов, а также вне его, если это требуется необходимостью включить в список лиц, получивших известность в области науки, литературы, искусств, политики или военного дела, не попавших в число кандидатов». Список назначенных депутатов, снабженный знаком ликторского пучка, согласно установленному образцу государственной эмблемы, публикуется безвозмездно в «Газетта уфициаль» и развешивается во всех коммунах королевства по распоряжению министра внутренних дел» [1].

О том, что ни о каком голосовании здесь речи быть не может, что, следовательно, не может быть речи и о выборном начале, достаточно ясно говорит ст. 6 этого закона: «Голосование производится путем подачи бюллетеня со знаком ликторского пучка и надписью «Утверждаете ли вы список депутатов, намеченных великим советом фашизма?» Здесь выражается почти в неприкрытом виде прямое назначенчество «народных» представителей, назначенчество до такой степени ясное, что последующие законы, говоря о списках депутатов в законодательный корпус, нигде не говорят, как правило, о выборах этих депутатов, а говорят именно об их назначении.

Так, например, в законе «О строении и правомочиях великого совета фашизма» от 14 декабря 1928 г. прямо говорится, что так называемый великий совет обсуждает списки депутатов в соответствии с положениями закона 1928 г.

Уже процитированные законы в достаточной степени говорят о том, что собой представляет фашистская «демократия», являющаяся, по существу, самым циничным издевательством над демократией.

Японская конституция говорит о «демократических» «свободах» с такими оговорками, которые лишают эти статьи всякого смысла.

Например, глава II конституции Японской империи, говоря о правах и обязанностях подданных, касается предоставляемых японским подданным свобод в такой форме, которая заранее исключает эти свободы.

---

[1] Джемс Брайс, Цитированное сочинение.

[1] «Конституции буржуазных стран», ч. I, стр. 155.

Ст. 22 этой конституции прямо говорит, что японским подданным предоставляется свобода выбора и перемены местожительства — «в установленных законом пределах».

Ст. 27, провозглашая неприкосновенность собственности каждого японского подданного, тут же оговаривает, что изъятия, необходимые в интересах общественной пользы, определяются законом.

Ст. 29 предоставляет японским подданным пользование свободой слова, печати, собраний и союзов, добавляя — «в установленных законом пределах».

Еще более характерна в этом отношении ст. 30, которая предоставляет японским подданным право подачи петиций, однако, при условии «соблюдения форм почтительности и в согласии с относящимися к этому особыми правилами». Не трудно догадаться, что означают эти формы почтительности при помощи которых может быть сведено на нет — и в действительности сводится на нет — это так называемое петиционное право, а заодно и все конституционное право и всякое право вообще. В фашистских странах, как известно, с правом и конституциями обходятся сами господа начальники не особенно почтительно.

2. СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И НОВЫЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН

Советское государственное право характеризуется единством и согласованностью всех его частей. В нашем конституционном праве нет противоречий между отдельными его институтами, как нет противоречия или даже самого незначительного расхождения между провозглашаемыми им принципами и практическим их осуществлением. В противоположность буржуазному государственному праву, отличающемуся внутренней противоречивостью, разрывом между принципами основного закона и положениями законов избирательных, советское право характеризуется полным тождеством постановлений основного закона (Конституции) и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» (избирательный закон).

Это находит свое отражение не только в том, что все вопросы избирательной системы, порядка и условий производства выборов и тому подобные вопросы разрешаются «Положением о выборах» в точном соответствии с Конституцией, на основании которой построено «Положение о выборах», но и в том обстоятельстве, что наиболее важные и определяющие положения избирательного закона в точности, а в ряде случаев даже текстуально, воспроизводят формулы Конституции.

В этом отношении особенно характерна глава I «Положения о выборах», в своих шести статьях воспроизводящая важнейшие статьи Конституции, посвященные избирательной системе.

Не случайно ст.ст. 1—6 «Положения о выборах» начинаются словами: «На основании статьи такой-то Конституции СССР»... Такого рода формулировка как бы подчеркивает органическую связь, единство, полное соответствие «Положения о выборах» нашей Конституции, великие принципы которой освещают каждое правило и каждое мероприятие «Положения о выборах», утвержденного Центральным Исполнительным Комитетом СССР.

Это обстоятельство имеет значение еще и потому, что «Положение о выборах», представляя собою практическое руководство, инструкцию и комментарий к разделу Конституции СССР, посвященному избирательной системе, далеко не является документом технического порядка.

Избирательные законы капиталистических стран дают немало доказательств того, как нередко под видом невинного технического правила протаскивается достаточно острое политическое мероприятие. Например, дробность избирательных округов в некоторых «демократических» избирательных системах приводит к явно антидемократическим последствиям, извращая самые основные принципы избирательного демократизма — именно, принцип равного избирательного права. Вследствие такой избирательной «техники» во Франции голос одного буржуа в центре Парижа или одного крестьянина в далеком департаменте Верхних Альп имеет при выборах во Французскую палату такой же политический вес, как семь голосов рабочих предместий Парижа [1].

Избирательные законы определяют условия и порядок выборов в законодательные органы и, уже в силу одного этого, имеют столь же громадное политическое значение, что и самые конституции.

Такое же значение принадлежит и нашему избирательному закону — «Положению о выборах в Верховный Совет СССР».

Новая Сталинская Конституция строит избирательную систему на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Это — важнейший принцип нашей новой Конституции.

Ни одна капиталистическая страна, провозгласившая в своей конституции этот принцип, в действительности не реализовала этого принципа. Буржуазия, в силу самого своего общественного положения, в силу особенностей самого капиталистического строя, не в состоянии на деле осуществить этот величайший демократический принцип.

«Истинным идеалом современного конституционного государства, так сказать, пределом его развития из начал, положенных в основу, — говорит проф. Кареев, — является всеобщее политическое равенство, никогда еще и нигде не осуществлявшееся» [2].

Всеобщее политическое равенство, о котором как об истинном идеале современного, т. е. буржуазного, конституционного государства говорил проф. Н. Кареев, определяется раньше всего объемом и характером избирательного права. «Всеобщее политическое равенство» требует в первую очередь всеобщего избирательного права. Но обеспечить такое право буржуазия, даже самая «передовая» и «демократическая», не в состоянии.

Не потому ли буржуазные государствоведы вынуждены прибегать к теории условности самого выражения «всеобщее избирательное право», стараясь хоть как-нибудь объяснить глубокое и непримиримое противоречие, в ко-

---

[1] См. русский перевод книги Ж. Барте леми, Государственный строй Франции, предисловие И. Зарецкого.

[2] Кареев Н., Происхождение современного народно-правового государства, СПБ, 1908, стр. 3.

тором оказывается буржуазия, провозглашающая «всеобщее избирательное право» на словах и не дающая его на деле!..

К такой теории «условности» всеобщего избирательного права прибег, например, французский юрист проф. Бартелеми.

«На политическом языке,—читаем мы в книге проф. Бартелеми «Государственный строй Франции» — выражение «всеобщее избирательное право» имеет лишь условный смысл: оно указывает, что избирательное право не является прерогативой ограниченного круга лиц, привелигированных по своему рождению, состоянию или способностям. Однако не следует думать, что в выборах участвуют все. Избирательный корпус даже при системе так называемого всеобщего голосования представляет лишь некоторую отборную часть, хотя этот отбор и производится весьма широко»[1].

Это признание крупного буржуазного ученого очень характерно. Оно с головой выдает все лицемерие буржуазии, кричащей о «всеобщем избирательном праве», заведомо обманывая народ и своих избирателей.

Ученый юрист разоблачил одну из тайн буржуазии, показав, что означает на языке капитализма «всеобщее избирательное право». Оказывается, «всеобщее» означает, что в выборах участвуют не все граждане, а лишь некоторая «отборная часть». Впрочем, в некоторых капиталистических странах (например, в Японии) «всеобщее избирательное право» выступает прямо под именем «всеобщего» мужского избирательного права. Здесь буржуазия обходится без помощи юридических толкований!

3. СОВЕТСКОЕ ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО — ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВСЕОБЩЕЕ ПРАВО

Советское всеобщее избирательное право — действительно всеобщее. Оно не допускает никаких ограничений принципа всеобщности, за исключением тех, которые указаны в самой Конституции (ст. 135) и в «Положении о выборах в Верховный Совет СССР» (ст. 2). По нашей Сталинской Конституции все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными в Верховный Совет СССР, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

Никаких цензов — оседлости, имущественного, образовательного и т. п. — наша Конституция и, в соответствии с ней, наш избирательный закон не знают. Для получения избирательного права нет необходимости у нас уплачивать какой-либо взнос, как это имеет место, например, в некоторых штатах США, где существуют так называемые «избирательные налоги». У нас нет «морального» ценза, то есть ценза, определяемого образом «нравственного» поведения избирателя, подобно тому как это имеет место в тех же США, где каждый избиратель, чтобы принять участие в выборах, должен доказать, что он ведет «добропорядочную жизнь».

Ни одна капиталистическая страна, провозгласившая всеобщее избирательное право, в действительности не знает всеобщности выборов, а самое понятие всеобщего избирательного права употребляется в буржуазных конституциях, как мы видели выше, «условно».

Сталинская Конституция, говоря о всеобщих выборах депутатов трудящихся, говорит действительно о всех правоспособных гражданах СССР, об их праве участвовать в выборах в Верховный Совет СССР и в другие советы депутатов трудящихся и быть избранными в качестве народных представителей. В соответствии с этим принципом ст. 8 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» требует включения в списки избирателей всех граждан, имеющих избирательное право и проживающих постоянно или временно к моменту составления списков на территории данного совета, достигших ко дню выборов 18 лет. Не вносятся в списки избирателей, согласно ст. 9 «Положения о выборах», лишь лица, лишенные избирательных прав по судебным приговорам, в течение всего установленного в приговоре срока лишения избирательных прав, а также лица, признанные в установленном порядке умалишенными.

Ответственность за правильное составление списков избирателей лежит на местных советах, а именно: в городах — на городских советах депутатов трудящихся, в городах с районным делением — на районных советах, в сельских местностях — на сельских (станичных, деревенских, хуторских, кишлачных, аульных) советах депутатов трудящихся и, в частности, на представителях и секретарях советов, подписавших списки избирателей.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» точно устанавливает время, когда списки избирателей должны быть вывешены для всеобщего обозрения. Ст. 13 «Положения о выборах» определяет, что за 30 дней до выборов в Верховный Совет списки избирателей должны быть вывешены для всеобщего обозрения или же избирателям должна быть обеспечена возможность ознакомиться с этими списками в помещении Совета. Списки избирателей, состоящих в воинских частях и войсковых соединениях, составляются командованием за подписью командира и военного комиссара; все прочие военнослужащие вносятся в списки избирателей по месту жительства соответствующими советами депутатов трудящихся (ст. 12).

Едва ли нужно специально подчеркивать громадное значение правильного составления списков избирателей. Достаточно сказать, что фактическая возможность осуществления права участия в выборах непосредственно связана с наличием фамилии избирателя в списках избирателей.

Согласно ст. 78 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», избиратель, явившийся в избирательное помещение в день выборов, предъявляет секретарю участковой избирательной комиссии удостоверение личности (паспорт, колхозную книжку, профсоюзный билет или иное удостоверение личности)

[1] Ж. Бартелеми, Государственный строй Франции, стр. 51.

и получает избирательные бюллетени и конверт установленного образца после проверки по списку избирателей и соответствующей отметки в списке избирателей. Следовательно, невнесение данного избирателя в избирательный список помешает ему осуществить свое избирательное право. Вот почему каждый избиратель заинтересован в проверке списка избирателей. Каждый избиратель должен обязательно заранее удостовериться, внесен ли он в список избирателей и не допущено ли при этом какой-либо неправильности в списке, то есть не искажены ли его фамилия, имя, отчество и т. п.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» предоставляет каждому гражданину право о замеченных неправильностях в списках избирателей, касающихся как его самого, так и других лиц, подать в Совет депутатов трудящихся соответствующее заявление с просьбой внести в списки исправления. Это заявление подается в Совет депутатов трудящихся, опубликовавший списки (ст. 16).

Исполнительный комитет Совета обязан рассмотреть такое заявление в трехдневный срок и по рассмотрении этого заявления либо внести в избирательные списки необходимые исправления, либо выдать заявителю письменную справку о мотивах отклонения его заявления (ст.ст. 17 и 18). Важно отметить именно последнее обстоятельство: отклонение заявлений граждан о неправильностях в списках избирателей должно быть обязательно мотивировано. Это требование представляет собою одну из серьезных гарантий вдумчивого и ответственного отношения соответствующих советов к заявлениям граждан. Но еще более важно отметить, что решение Совета депутатов трудящихся по поводу указанных в заявлениях граждан неправильностей, имеющихся в избирательных списках, не является окончательным и решающим судьбу избирателя.

При несогласии с решением Совета депутатов трудящихся заявитель может это решение обжаловать в народный суд (ст. 18). Народный суд в трехдневный срок обязан рассмотреть жалобу на неправильность в списке избирателей и свое решение немедленно сообщить как заявителю, так и Совету. Решение народного суда по делам этого рода является окончательным и дальнейшему обжалованию уже не подлежит. Само рассмотрение жалобы на неправильность в списке народный суд осуществляет в открытом судебном заседании с вызовом как жалобщика, так и представителя Совета депутатов трудящихся (ст. 19). Таким образом, народному суду нашим избирательным законом предоставлены чрезвычайно серьезные полномочия.

Впервые советский народный суд выступает как орган конституционного надзора, как орган, призванный к охране гражданских прав населения. Уже одно это обстоятельство говорит о глубоком уважении к нашему народному суду, о громадной политической и общественной роли, которую народный суд призван выполнять в борьбе за утверждение новой, Сталинской Конституции.

Ни в одной капиталистической стране на мировые суды не возлагается столь почетная и ответственная политическая задача, как это имеет место в СССР. Заметим, кстати, что и этой судебной обязанности отчетливо выражается подлинная независимость нашего суда, поставленного на страже законности и подчиняющегося во всей своей деятельности только закону.

Советское всеобщее избирательное право — всеобщее не на словах, а на деле. «Положение о выборах», опираясь на провозглашенные нашей Конституцией принципы, избирательную систему строит таким образом, чтобы была обеспечена каждому избирателю максимальная возможность осуществить принадлежащее ему право выбирать и быть избранным в советы. Поэтому в «Положении о выборах» имеется специальная статья (15), регулирующая вопрос об участии в выборах при перемене избирателем места своего пребывания. Отвергая всякого рода цензы, и в том числе ценз оседлости, наша Конституция и «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» предусматривают возможность участия в выборах и тех избирателей, которые ко дню выборов окажутся выбывшими из места своего первоначального жительства. В капиталистических избирательных системах этому вопросу не уделяется никакого внимания. В советской избирательной системе правила, изложенные в ст.с 16—19 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», являются весьма характерными именно с точки зрения заботы о людях, с точки зрения стремления советской власти обеспечить гражданам своей страны наибольшие возможности реально выполнить свой гражданский долг перед государством. Эта задача стоит перед советской избирательной системой и в таком, на первый взгляд, казалось бы, техническом вопросе, как организация избирательных участков.

Избирательным участкам посвящена глава IV «Положения о выборах», состоящая всего лишь из девяти статей. В этих девяти статьях с исчерпывающей полнотой разрешена основная задача нашей избирательной системы — приближение избирательных пунктов (участков) к населению. По «Положению о выборах» для приема избирательных бюллетеней и подсчета голосов территория городов и районов, входящих в избирательные округа, — а выборы осуществляются по нашей Конституции по избирательным округам,—делится на избирательные участки, общие для выборов в Совет Союза и в Совет Национальностей (ст. 25). Чтобы приблизить в максимальной степени население к выборам и дать возможность каждому избирателю при всех условиях воспользоваться своим избирательным правом, наше «Положение о выборах» строит избирательные участки по масштабу населения, как правило, от 500 до 2 500 человек. В сельских местностях один избирательный участок, как правило, составляет территория сельского совета, насчитывающая не более 2 000 человек; однако в каждой станице, деревне, кишлаке, ауле, насчитывающем от 500, но не более 2 000 жителей, организуется отдельный избирательный участок (ст. 28). Постановлением ЦИК СССР от 3 октября 1937 г. разрешено образование отдельных избирательных участков, в селениях или группе селений менее 500 человек, но не ниже 300 человек, в тех случаях, когда расстояние таких селений до центра избира-

тельного участка превышает 10 километров. Но этот масштаб был бы весьма велик для отдаленных северных и восточных районов с преобладающими здесь мелкими поселениями. В соответствии с подлинным демократическим принципом нашей Конституции — обеспечить каждому избирателю реальные возможности участия в выборах и выявления таким путем своей воли — «Положение о выборах» допускает в этих районах организацию избирательных участков даже с количеством не менее 100 человек населения (ст. 29). Кроме того, для национальных округов севера, а также для горных и кочевых районов допускается с разрешения центральных исполнительных комитетов союзных республик организация избирательных участков с населением менее 100 человек, однако не ниже 50 человек (постановление ЦИК СССР от 3 октября 1937 г.).

В городах, промышленных пунктах, селах и на территории сельсовета, насчитывающих более 2 000 жителей, образуются избирательные участки из расчета один избирательный участок на 1 500—2 500 человек населения (ст. 30).

Особенного внимания заслуживают ст.ст. 31, 32 и 33 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР». Ст. 31 создает самые благоприятные условия для осуществления избирательных прав красноармейцами, командирами и комиссарами Рабоче-крестьянской красной армии. Согласно этой статье воинские части и войсковые соединения составляют отдельные избирательные участки с количеством не менее 50 и не более 1 500 избирателей. Эти участки входят в избирательный округ по месту нахождения воинской части или войскового соединения.

Ст. 32 «Положения о выборах» предусматривает для судов, находящихся в плавании в дни выборов, с количеством избирателей не менее 50 возможность составления отдельных избирательных участков.

Отдельные избирательные участки образуются также при больницах, родильных домах, санаториях, домах инвалидов с количеством избирателей не менее 50 (ст. 33).

Организация выборов и подсчета голосов разработаны в «Положении о выборах в Верховный Совет СССР» таким образом, чтобы гарантировать осуществление демократии на практике и оградить граждан СССР от всех попыток исказить результаты голосования.

Именно в этом направлении и идет организация избирательных участков. Правильная организация избирательных участков является одним из важнейших условий правильного построения всей избирательной системы.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» специально останавливается на организации и работе избирательных комиссий, посвящая этому вопросу всю главу V.

Во время предстоящих выборов в Верховный Совет СССР у нас будут действовать следующие избирательные комиссии:

1) Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР (председатель, заместитель председателя, секретарь и 12 членов).

2) Избирательные комиссии союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов по выборам в Совет Национальностей (каждая комиссия в составе: председателя, заместителя председателя, секретаря и 6—10 членов).

3) Окружные по выборам в Совет Союза избирательные комиссии (каждая комиссия в составе: председателя, заместителя председателя, секретаря и 8 членов).

4) Окружные по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии (каждая комиссия в составе: председателя, заместителя председателя, секретаря и 8 членов).

5) Участковые избирательные комиссии (каждая комиссия в составе: председателя, заместителя председателя, секретаря и 4—8 членов).

Центральная избирательная комиссия составляется из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждается Президиумом Верховного Совета СССР одновременно с опубликованием дня выборов (ст. 34). Остальные избирательные комиссии составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются соответственно Президиумами Верховных Советов союзных и автономных республик, советами депутатов трудящихся автономных областей и национальных округов. Утверждаются они не позднее, чем за 50 дней до выборов (для комиссий союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов по выборам в Совет Национальностей и для окружных по выборам в Совет Национальностей комиссий), не позднее чем за 55 дней до выборов (для окружных по выборам в Совет Союза комиссий) и не позднее чем за 40 дней до выборов (для участковых избирательных комиссий).

Центральная избирательная комиссия, избирательные комиссии союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов, окружные по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии наблюдают соответственно на территории СССР, союзной республики, автономной области и национального округа за неуклонным исполнением в ходе выборов в Совет Союза и в Совет Национальностей «Положения о выборах в Верховный Совет СССР». Центральная избирательная комиссия и избирательные комиссии союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов рассматривают также жалобы на неправильные действия соответствующих комиссий по выборам в Совет Союза или в Совет Национальностей по принадлежности. Кроме этого, на Центральную избирательную комиссию возлагается: регистрация избранных депутатов в Верховный Совет СССР, установление образцов избирательных ящиков, формы «удостоверения на право голосования», формы и цвета избирательных бюллетеней и конвертов для них, формы списков избирателей, формы протоколов по подсчету голосов и формы удостоверений об избрании. Центральная избирательная комиссия сдает мандатным комиссиям Совета Союза и Совета Национальностей делопроизводство по выборам.

Что касается окружных избирательных комиссий по выборам в Совет Союза и окружных избирательных комиссий по выборам в Совет Национальностей, то их функции более ограничены.

Согласно ст. 44 Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия:

а) наблюдает за своевременной организацией избирательных участков соответствующими исполнительными комитетами советов депутатов трудящихся;

б) наблюдает за своевременным составлением и доведением до всеобщего сведения списков избирателей;

в) регистрирует выставленных с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» кандидатов в депутаты в Совет Союза;

г) снабжает участковые избирательные комиссии избирательными бюллетенями по выборам в Совет Союза и конвертами по установленной форме;

д) производит подсчет голосов и устанавливает результаты выборов по округу;

е) представляет в Центральную избирательную комиссию делопроизводство по выборам;

ж) выдает избранному депутату удостоверение об избрании.

Согласно же ст. 48 на Окружную по выборам в Совет Национальностей избирательную комиссию возлагается:

а) регистрация выставленных с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» кандидатов в депутаты в Совет Национальностей;

б) снабжение участковых избирательных комиссий избирательными бюллетенями по выборам в Совет Национальностей по установленной форме;

в) производство подсчета голосов и установление результатов выборов по округу;

г) представление делопроизводства по выборам в Центральную избирательную комиссию и соответственно в республиканскую избирательную комиссию по выборам в Совет Национальностей или в избирательную комиссию автономной области по выборам в Совет Национальностей;

д) выдача избранному депутату удостоверения об избрании.

Весьма ответственная работа возлагается на участковые комиссии. Эти комиссии производят прием избирательных бюллетеней по своему избирательному участку, производят подсчет голосов по каждому кандидату в депутаты Совета Союза и Совета Национальностей и, наконец, передают делопроизводство по выборам соответственно в Окружную по выборам в Совет Союза и Окружную по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии (ст. 51).

4. СОВЕТСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО — ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРЯМОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ПРИ ТАЙНОМ ГОЛОСОВАНИИ

Сталинская Конституция установила прямые выборы для избрания решительно всех советов депутатов трудящихся — от Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик до сельских, аульных, кишлачных и тому подобных советов.

До Конституции 1936 г. у нас все советы, кроме городских и сельских советов, выбирались не прямыми, а многостепенными выборами — делегатами съездов советов.

Городские и сельские советы избирали делегатов на районные съезды советов. Районные съезды советов избирали районные исполнительные комитеты и делегатов на краевые (областные) съезды советов. Краевые (областные) съезды избирали делегатов на республиканские съезды и, кроме того, избирали краевые (областные) исполнительные комитеты.

Республиканские съезды советов избирали центральные исполнительные комитеты союзных и автономных республик, а Всесоюзный съезд советов избирал высший законодательный орган СССР — Центральный исполнительный комитет СССР.

Таким образом, советы избирались по многостепенной системе выборов. Это было исторически необходимо, и эта система выборов полностью себя в свое время оправдала.

В нынешних условиях многостепенные выборы представляли бы собой одно из препятствий для установления возможно более непосредственной и прямой связи депутатов с избирателями, с широкими массами населения.

В условиях окончательно победившего социализма, когда все эксплоататорские классы окончательно ликвидированы, когда остались лишь рабочий класс, класс крестьян и трудовая интеллигенция, многостепенные выборы теряют свое прежнее преимущество, ослабляют значение принципа ответственности депутата перед своими избирателями и, следовательно, ограничивают принцип советского демократизма.

Наоборот, прямые выборы означают наиболее полную связь избирателей с избранными ими депутатами, повышают чувство политической ответственности последних, обеспечивают значительно большую активность и инициативу масс в деле организации своих советов.

Прямые выборы в нынешних условиях, несомненно, являются выражением последовательного до конца советского социалистического демократизма.

В капиталистических странах прямые выборы не только систематически ограничиваются и подменяются, но и прямо фальсифицируются благодаря всякого рода избирательным комбинациям, трюкам и прямым мошенничествам.

В Англии, например, палата лордов, прозванная еще Энгельсом «инвалидным домом», формируется не только не прямыми выборами, но и вообще не выборным путем: члены палаты лордов назначаются королем из числа родовой и биржевой знати.

Во Франции верхняя палата (сенат) избирается двустепенными выборами: сначала население избирает выборщиков, а затем выборщики выбирают уже сенаторов.

В фашистских странах принцип выборности совершенно ликвидирован.

В Германии законом 30 января 1935 г. установлена такая организация общин, при которой вообще нет никаких выборов: бургомистры отправляют свои государственные и общественные обязанности не в силу избрания «гражданами» и «жителями», а по уполномочию, т. е. попросту говоря, по назначению фашистской партии.

Ликвидация выборного начала очень откровенно выражена в фашистском итальянском законодательстве и, в частности, в так называемом «Законе о реформе политического представительства» от 17 июня 1928 г., где, как мы указывали на это уже выше, прямо говорится о назначении депутатов так называемым великим советом фашистской партии. Только в одной стране выборное начало действует полно и последовательно—это в СССР.

В СССР обе палаты избираются на основе совершенно одинаковой избирательной системы: на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Глава VII «Положения о выборах», подробно излагающая порядок голосования, говорит о прямых выборах в Верховный Совет СССР.

Каждый избиратель, явившийся в помещение участковой избирательной комиссии, предъявляет секретарю участковой избирательной комиссии либо паспорт, либо колхозную книжку, либо профсоюзный билет, либо иное удостоверение личности и после проверки по списку избирателей и отметки в этом списке получает избирательные бюллетени и конверт установленного образца (ст. 78).

Затем избиратель направляется в комнату, отведенную для заполнения избирательных бюллетеней, и здесь оставляет в каждом избирательном бюллетене фамилию того кандидата, за которого он голосует, вычеркивая остальных. Заклеив бюллетени в конверт, избиратель переходит в комнату, где находится участковая избирательная комиссия, и опускает конверт с избирательными бюллетенями в избирательный ящик (ст. 80).

Голосует избиратель обязательно лично (ст. 76) и непосредственно («прямо») за того кандидата, которого он желает выбрать.

«Положение о выборах» обеспечивает полную независимость и самостоятельность волеизъявления избирателя. В избирательном помещении выборная агитация во время подачи голосов не допускается (ст. 82). Каждому избирателю гарантируется полная свобода выборов и абсолютная тайна голосования: в избирательном помещении выделяется для заполнения бюллетеней особая комната, где запрещается присутствие во время голосования кого бы то ни было, не исключая и членов участковой избирательной комиссии. В это время в комнате, отведенной для заполнения избирательных бюллетеней, может находиться только голосующий. Исключение делается только в одном случае. Это—когда избиратель не имеет возможности в силу неграмотности или какого-либо физического недостатка самостоятельно заполнить избирательные бюллетени. В таком случае избиратель вправе пригласить в комнату, где заполняются избирательные бюллетени, любого другого избирателя для заполнения избирательных бюллетеней (ст. 81).

Из правил, изложенных в ст.ст. 80 и 81 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», вытекает необходимость для избирательной комиссии не только отвести для заполнения избирательных бюллетеней особую комнату, но и оборудовать ее перегородками или ширмами таким образом, чтобы тайна голосования каждым избирателем была полностью обеспечена.

Таким образом, весь порядок голосования, установленный нашим «Положением о выборах в Верховный Совет СССР», исключает всякую возможность извращения принципа тайны голосования, являющегося одним из важнейших принципов советской избирательной системы.

Нечего и говорить, что в капиталистических странах, особенно в странах фашистских, тайна голосования абсолютно не обеспечивается и вовсе не существует. Известно, что, например, в Италии и Германии фальсификация выборов достигла большого совершенства, что при выборах здесь избирателям вручают конверты, сделанные из столь тонкой бумаги, что сохранение тайны голосования абсолютно исключается. Итальянский фашистский закон «О реформе политического представительства», определяющий порядок голосования при выборах депутатов, обходит вопрос о тайне голосования, ограничиваясь простым указанием на то, что голосование производится путем подачи бюллетеня и припиской внизу бюллетеня слов: «да» или «нет».

Но и в тех капиталистических странах, где тайное голосование провозглашается конституциями, в действительности тайна не гарантируется из-за бесконечного множества всякого рода избирательных уверток и махинаций, подкупа и взяточничества, исключающих какую бы то ни было возможность говорить о соблюдении тайны голосования и о правильном волеизъявлении народа. Тайна голосования обеспечивается только в СССР, где тайна голосования является одной из форм серьезной проверки связи органов советской власти с широкими массами трудящихся (Молотов).

До Конституции 1936 г. законодательные органы в СССР избирались путем открытых выборов, что было в условиях того времени совершенно неизбежно и необходимо. В новых условиях, наоборот, оказалось необходимым и целесообразным перейти от открытых выборов к закрытым.

По этому поводу товарищ Молотов говорил в своем докладе «Об изменениях в Советской Конституции» на VII съезде советов 6 февраля 1935 г.: «Самый факт перехода от открытых к закрытым выборам ярко подчеркивает рост пролетарского демократизма в Советском союзе и стремление советской власти поставить работу своих органов под усиленный контроль рабочих и крестьян». Закрытые выборы (тайное голосование) — не единственный способ контроля народных масс по отношению к своим органам, но несомненно один из важнейших способов такого контроля. «Замена открытых выборов закрытыми, — говорил товарищ Молотов в цитированном выше докладе, — будет одной из важнейших форм проверки прочности и серьезности этой связи советов с трудящимися. Этот метод выборов поможет быстрее вскрыть некоторые слабые участки в нашей работе».

Как известно, в капиталистических странах выборная система и права широчайших масс избирателей сейчас не в почете. Воля масс здесь подменяется безграничным господством кучки эксплоататоров, не заинтересованных в предоставлении народу возможности изъявлять свою волю и контролировать действия своего «представителя».

Товарищ Молотов в своем докладе говорил о непримиримой враждебности фашизма буржуазной демократии и буржуазному парламентаризму, о том, что фашизм отказывает народным массам в доверии, что правящие клики буржуазии и их фашистская агентура идут все дальше и дальше — «от буржуазной демократии и парламентаризма — к неприкрытой террористической власти капитала над трудящимися под фашистским флагом».

Советский союз идет по совершенно другому пути своего исторического развития, все больше и больше укрепляя принципы советской, единственно последовательной и подлинной демократии, все больше и больше воплощая в жизнь все то, что есть лучшего во всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве на основе советского строя (Молотов).

Вот почему в условиях окончательной и полной победы в нашей стране социализма так могуче развертывается советская демократия, опирающаяся на советский строй и диктатуру рабочего класса.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» обеспечивает полную реализацию провозглашенных великой Сталинской Конституцией принципов советской избирательной системы.

5. СОВЕТСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО — РАВНОЕ ПРАВО

Известно, что любая буржуазная конституция содержит в себе специальное указание на равенство граждан перед законом.

Так, польская конституция 1921 г. говорит: «Все граждане равны перед законом» (ст. 96). Польская конституция 1935 г. в ст. 32 провозглашает: «Сейм составляется из депутатов, избираемых всеобщим, тайным, равным и прямым голосованием». Аналогичное положение мы находим и в других буржуазных конституциях.

Однако бесчисленное множество фактов разоблачает лицемерие и фальшь подобного рода деклараций.

По поводу этих деклараций о равенстве буржуазных конституций Ленин писал: «Возьмите основные законы современных государств, возьмите управление ими, возьмите свободу собраний или печати, возьмите «равенство граждан перед законом», — и вы увидите на каждом шагу хорошо знакомое всякому честному и сознательному рабочему лицемерие буржуазной демократии. Нет ни одного, хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок к конституции, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п., «в случае нарушения порядка», — на деле, в случае, «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попытки вести себя не по-рабски» [1].

О равенстве эксплоатируемого с эксплоататором не может быть и речи. Равенство в буржуазных государствах — это, как писал Ленин, равенство товаровладельцев. Здесь — «все равны, не считая денег, капитала, земли» [2]... Здесь царит формальное равенство при господстве буржуазного гнета, ига капитала, наемного рабства, что исключает возможность говорить о действительном равенстве.

Ленин писал: «В чем выражалось господство буржуазии над феодалами? В конституции писалось о свободе, о равенстве. Это ложь. Пока есть трудящиеся, собственники способны и даже вынуждены, как собственники, спекулировать. Мы говорим, что равенства нет, сытый не равен голодному и спекулянт — трудящемуся...». «Это была свобода буржуазии. Это равенство давало господство в государстве капиталистическому классу...» [1].

Подлинное равенство возможно только при коммунизме, и путь к этому равенству лежит через социалистическое государство рабочих и крестьян, не только провозгласившее в своей Конституции, но и полностью обеспечивающее равенство прав граждан и, в частности, равенство прав в избирательной системе.

Статья 122 Сталинской Конституции подчеркивает предоставление в СССР женщине равных прав с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Статья 123 обеспечивает равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, карая по всей строгости закона всякие ограничения прав или установление прямых или косвенных преимуществ одних граждан перед другими, в зависимости от расовой и национальной принадлежности, равно как всякую проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения.

Глава XI Сталинской Конституции, посвященная избирательной системе, исходя из принципа равенства, специально оговаривает, что выборы депутатов в Верховный Совет СССР, как и во все советы депутатов трудящихся, являются равными, т. е., что каждый гражданин имеет один голос и все граждане участвуют в выборах на равных основаниях (ст. 136), что женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами (ст. 137) и что граждане, состоящие в рядах Красной армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами (ст. 138).

Принцип равенства гарантируется ст.ст. 3, 4 и 5 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» в соответствии с указанными выше статьями Конституции.

В силу этого принципа равенства от каждого избирательного округа избирается только один депутат (ст. 21), благодаря чему у нас не может быть такого положения, какое имеется в ряде капиталистических стран, где, как правило, удельный вес избирателя одного избирательного округа в десятки раз оказывается меньше, чем удельный вес избирателя другого избирательного округа.

Во Франции, например, Марсель с 500 000 жителей посылает в палату депутатов 24 депутатов, в то самое время как 17 мелких местечек этого департамента с 30 000 населения по-

---

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 347.
[2] Ленин, т. XXV, стр. 8.

[1] Ленин, т. XXV, стр. 104, 105.

сылает тоже 24 депутатов. Захолустный департамент в Савойе, насчитывающий всего 245 000 жителей, выбирает 3 сенаторов тогда, когда Сенский департамент с 4½ миллионами жителей выбирает 10 сенаторов.

Такая же «избирательная география» наблюдается и в других капиталистических странах.

В Польше Краковский округ посылает одного депутата от 48 тысяч избирателей, а Ключменецкий округ с преобладающим украинским населением посылает одного депутата от 96 тысяч избирателей.

Советская избирательная система, установленная «Положением о выборах в Верховный Совет СССР», обеспечивает действительное избирательное равенство, обеспечивает такой порядок, при котором советское избирательное право является действительно равным. Это выражается раньше всего в том, что все избирательные округа, по которым на основании ст. 34 Конституции СССР избирается Совет Союза, по количеству населения равны между собою: каждый избирательный округ составляется по норме 300 000 населения на округ, и каждый избирательный округ посылает в Совет Союза только одного депутата.

Избиратели пользуются также равными правами независимо от своего социального происхождения, имущественного положения и рода занятий. Рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция участвуют в выборах на равных основаниях.

Принцип равенства избирательного права находит свое выражение и в выборах Совета Национальностей.

В Совете Национальностей будут представлены на равных основаниях и равных правах все республики (союзные и автономные), автономные области и национальные округа независимо от величины их территории, от численности их населения, от экономического и культурного их уровня. В Совет Национальностей граждане на равных основаниях выбирают по 25 депутатов от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по 1 депутату от каждого национального округа.

В соответствии с этим каждая союзная республика независимо от своей величины и количества населения разбивается на 25 округов, каждая автономная республика — на 11 округов, каждая автономная область — на 5 округов, каждый национальный округ составляет один избирательный округ. Так как каждый избирательный округ по выборам в Совет Национальностей пошлет в Совет Национальностей одного депутата, то принцип равенства между союзными республиками, между автономными республиками, между автономными областями и между национальными округами полностью осуществлен.

При советской избирательной системе, предусмотренной «Положением о выборах в Верховный Совет СССР», не может быть неравенства, наблюдающегося в капиталистических странах, прикрывающих это неравенство фальшивыми словами о равенстве. Система выборов в Совет Национальностей, принятая нашим «Положением о выборах в Верховный Совет СССР», полностью отвечает великим принципам ленинско-сталинской национальной политики, обеспечивающей могучий экономический, политический и культурный рост всех многочисленных национальностей СССР, объединенных в единое братское многонациональное социалистическое государство рабочих и крестьян.

Ни одна республика — союзная или автономная, ни одна автономная область или национальный округ не будут иметь при выборах в Совет Национальностей никаких преимуществ друг перед другом.

В СССР одиннадцать союзных республик — каждая из них пошлет в Совет Национальностей по 25 депутатов. Каждая из двадцати двух автономных республик пошлет по 11 депутатов. Каждая из 9 автономных областей пошлет по 5 депутатов и, наконец, каждый из 12 национальных округов пошлет по 1 депутату. Здесь полное равенство. Всего в Совет Национальностей будет избрано, таким образом, 574 депутата.

Иногда спрашивают, сколько раз избиратель будет голосовать при выборах в Совет Союза и в Совет Национальностей.

При выборах в Совет Союза каждый избиратель, где бы он ни проживал, будет в каждую избирательную кампанию участвовать в выборах одного депутата по своему территориальному избирательному округу.

Что же касается выборов в Совет Национальностей, то нужно иметь в виду, что каждая союзная республика разделяется на 25 избирательных по выборам в Совет Национальностей округов и что каждый из этих округов будет охватывать часть территории данной республики с населением, равным всему населению данной республики, деленному на 25.

Каждый гражданин каждой союзной республики будет участвовать в выборах одного из 25 депутатов данной союзной республики по своему избирательному округу.

Кроме того, если он проживает в автономной республике, входящей в данную союзную республику, он будет участвовать в выборах одного из 11 депутатов от этой автономной республики. Так, в РСФСР избиратель, живущий в Башкирской АССР, будет еще выбирать одного из 11 депутатов в Совет Национальностей от Башкирской АССР, следовательно, будет участвовать в выборах в Совет Национальностей дважды: как гражданин РСФСР — от РСФСР в целом и как гражданин Башкирской автономной республики — от Башкирской АССР.

То же самое будет иметь место для каждой автономной республики—для Крымской АССР, Татарской АССР, Карельской АССР, Чувашской АССР и других автономных республик — в РСФСР; для Молдавской АССР — в УССР; для Абхазской АССР и Аджарской АССР — в Грузии; для Нахичеванской АССР — в Азербайджане.

Но у нас имеется ряд союзных республик, в которые входят не только автономные республики, но и автономные области и национальные округа.

Так, например, в Краснодарский край входит Адыгейская автономная область. Избиратель, живущий в Адыгее, будет участвовать в выборах одного из 5 депутатов в Совет Национальностей от данной автономной области. А

так как он будет участвовать в выборах в Совет Национальностей еще от РСФСР, то, следовательно, адыгеец будет участвовать в выборах в Совет Национальностей тоже дважды.

Также дважды будет участвовать в выборах в Совет Национальностей и избиратель, проживающий в Долгано-Ненецком округе (Таймырский национальный округ): один раз — от РСФСР при выборах одного из 25 депутатов и второй раз — от Таймырского национального округа при выборах одного депутата.

Так как у нас национальные округа, автономные области и автономные республики входят непосредственно в союзные республики, то каждый избиратель при выборах в Совет Национальностей может голосовать во всех случаях не более двух раз: один раз — от союзной республики, и второй раз — или от автономной республики (например, от Татарской АССР, Молдавской АССР и т. д.), или от автономной области (от Нагорно-Карабахской автономной области, Адыгейской области и т. д.), или от национального округа (Ненецкий национальный округ и т. д.).

Не нарушает ли такая избирательная система принцип равенства? Ведь выходит, что москвич голосует два раза (в Совет Союза по территориальному избирательному округу и в Совет Национальностей от РСФСР), а адыгеец — три раза (в Совет Союза и в Совет Национальностей от РСФСР и от Адыгейской автономной области). Нет, не нарушает. Не нарушает по той простой причине, что от каждого избирательного округа никто не участвует в выборах больше одного раза и что по каждому избирательному округу каждый избиратель имеет только один голос.

В приведенных выше случаях так и получается: избиратель — адыгеец имеет один голос по избирательному округу от Адыгейской автономной области как житель Адыгейской области. Но он одновременно является гражданином РСФСР и как гражданин РСФСР принимает участие в выборах в Совет Национальностей по другому избирательному округу — от РСФСР. В этом случае он имеет также только один голос, как и другие граждане РСФСР. Следовательно, он участвует в выборах на равных основаниях со всеми другими гражданами, как этого и требует ст. 136 Конституции СССР.

Принцип равного избирательного права в советской избирательной системе торжествует полностью.

Таковы важнейшие принципы советского избирательного права, являющегося подлинно всеобщим, равным и прямым при тайном голосовании.

Рассмотрим теперь ряд вопросов, относящихся непосредственно к организации и проведению самих выборов.

6. КАК БУДУТ СОСТАВЛЯТЬСЯ СПИСКИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР?

Едва ли нужно особо останавливаться на вопросе о значении правильного составления списков избирателей. Значение это само собой понятно. Достаточно только сказать, что само осуществление избирателями своего права избирать стоит в зависимости от того, внесен или нет данный избиратель в избирательный список.

Внесение граждан, имеющих избирательное право, в списки избирателей по нашему избирательному праву не представляет никаких трудностей, так как не обставлено никакими специальными условиями.

Воспользоваться своим правом быть внесенным в избирательные списки может у нас каждый гражданин. Наша избирательная система и в этом отношении представляет собой прямую противоположность буржуазным избирательным системам.

В капиталистических странах внесение фамилии избирателя в избирательные списки обставлено тысячами формальностей, выполнение которых трудящемуся не под силу.

О том, что собой представляют эти формальности, можно судить, например, по отчету о дебатах в Английской палате общин, посвященным этой процедуре.

В этом отчете говорится: «Эта система особенно тяжело ложится на избирателей, получающих плату понедельно, которым именно последний закон и хотел предоставить избирательные права. Для ремесленника или рабочего хлопоты и потеря времени, которым он должен подвергнуться, чтобы воспользоваться своим правом, равносильны тяжелому денежному штрафу; в конце концов он может получить отказ вследствие каких-нибудь формальных затруднений или случайных недосмотров, в которых он неповинен и которые могут происходить от небрежности или неопытности лиц, составляющих списки. Такое положение вещей не выдерживает критики в теории и оказывается вредным на практике. Так как доказано, что рабочие не могут брать на себя хлопот и издержек, необходимых для того, чтобы им воспользоваться своими правами, то политические партии образуют ассоциации для выполнения той функции, которая по закону должна бы выполняться общественной властью. Исправление ошибок в избирательных списках берут на себя конкурирующие партии». Предлагая проект реформы, Морлей говорит (ibid., XXIII, p. 370): «Мы начинаем осуществлять то, что входило в намерения парламента, а именно, чтобы каждый житель, имеющий собственное жилище (householder) в городах и деревнях, обладал правом голоса». Чемберлен заявил с своей стороны (ibid., XXIV, p. 379): «Я всегда утверждал, что наш закон об избирательных списках является скандалом и злоупотреблением» [1].

Избирательная система буржуазных стран, действительно, полна злоупотреблений.

Прямую противоположность этой избирательной системе представляет наша система, отличающаяся крайней простотой и последовательным демократизмом.

Согласно ст. 78 «Положения о выборах» избиратель, явившись в избирательное помещение, должен отметиться в списке избирате-

---

[1] Эсмэн, Основные начала государственного права, русский перевод, Москва, 1898 г., стр. 218.

лей, после чего уже получает избирательные бюллетени и конверт и приступает к голосованию. Вот почему «Положение о выборах» подробно регламентирует порядок составления списков избирателей, обеспечивая возможность общественного контроля или проверки правильности их составления и своевременного исправления ошибок, могущих быть допущенными при составлении этих списков.

«Положение о выборах» возлагает составление списков избирателей на местные советы депутатов трудящихся. В городах списки составляются городскими советами; в городах с районным делением — районными советами; в станицах, деревнях, хуторах, кишлаках и аулах — соответствующими советами депутатов трудящихся.

Советы обязаны внести в списки избирателей всех граждан, проживающих на территории данного Совета, достигших ко дню выборов 18 лет и имеющих избирательное право.

Продолжительность проживания в данной местности не имеет никакого значения: в списки должны быть внесены все — и постоянные, и временные жители, т. е. не только те, кто живет здесь «всегда», но и те, кто только что прибыл в данную местность, кто находится здесь проездом, кто проживает здесь непродолжительное время и кто, может быть, в ближайшее же время собирается уехать из данной местности. Наше «Положение о выборах», иначе говоря, не знает ценза оседлости, как, например, это мы видим в США, Франции и некоторых других капиталистических странах.

На случай отъезда избирателя из данного места жительства, где этот избиратель занесен в избирательные списки, в какое-либо другое место, «Положение о выборах» устанавливает обязанность совета выдать такому избирателю специальное «удостоверение на право голосования». Это удостоверение дает избирателю право внести свою фамилию в список избирателей своего нового места жительства — постоянного или временного, где избиратель окажется в день выборов. Это правило, изложенное в ст. 15 «Положения о выборах», лишний раз подчеркивает отсутствие в нашей избирательной системе ценза оседлости, что само по себе свидетельствует о последовательном и подлинном демократизме этой системы.

Может возникнуть вопрос: как советы будут определять возраст избирателей? Эта задача не представляет никаких трудностей, так как в списки должны быть занесены все граждане, достигшие ко дню выборов 18 лет. День выборов будет объявлен заранее, а списки избирателей будут вывешены для всеобщего обозрения за 30 дней до выборов.

Самые избирательные списки будут составлены по алфавиту с указанием фамилии, имени, отчества, возраста и места жительства избирателя. Для 18-летних возраст должен быть указан точно — год, месяц, день рождения. Иначе возможны ошибки, так как разница в месяцах и даже днях в пределах одного года может повлиять на определение избирательного возраста. Для лиц, старше 18 лет, это требование необязательно.

Кто не будет внесен в списки? На этот вопрос Конституция (ст. 135) и избирательный закон (ст. 9) дают вполне ясный и исчерпывающий ответ. Не будут внесены в списки только те, кто не имеет по Конституции избирательных прав: осужденные судебными приговорами с лишением избирательных прав в течение всего установленного в приговоре срока лишения избирательных прав и лица, признанные в установленном порядке умалишенными.

Иногда спрашивают: надо ли разуметь здесь какие-либо судебные приговоры специально о лишении избирательных прав или же судебные приговоры, присуждающие к какому-либо наказанию с лишением избирательного права за совершенное данным лицом преступление? Разумеется, ст. 9 нужно понимать только в этом последнем смысле. Лица, не совершившие никакого преступления, за которое они подлежали бы судебной ответственности, не осужденные за это преступление к какому-либо уголовному наказанию, не могут лишаться избирательных прав и, следовательно, не могут исключаться из списков или не быть занесенными в списки, если они не являются умалишенными.

Не может служить основанием к невключению в избирательные списки факт наложения на данного гражданина какого-либо административного взыскания или административной репрессии (ссылка, высылка). Единственным основанием для этого является осуждение судебным приговором к какому-либо уголовному наказанию с лишением избирательных прав.

Рассуждать иначе — значило бы извращать и нарушать Конституцию, точно и четко разрешающую этот вопрос, не допускающую никаких предвзятых и искусственных толкований исчерпывающей формулой своей статьи.

Таким образом, в избирательные списки не вносятся только те, кто подверглись репрессии по судебному приговору, определившему наказание не только в виде лишения свободы, но и в виде лишения избирательного права.

В связи с затронутым выше вопросом возникает и другой вопрос: как быть с теми, которые окажутся осужденными судами к лишению свободы, но без лишения избирательных прав? Будут ли эти лица допущены к участию в выборах, должны ли они быть внесены в избирательные списки? И этот вопрос не представляет больших трудностей. Если эти лица находятся в местах лишения свободы, то в избирательные списки они не заносятся, так как по своему положению — в лишенных свободы — они в выборах участия фактически принять не смогут. Это же надо сказать и о подследственных, находящихся под стражей: они также в выборах фактически участвовать не смогут, а следовательно, в списки избирателей их заносить и не следует. Что же касается голосования или участия в выборах, то это будет стоять в прямой зависимости от того, где и в каком физическом положении будут эти лица. Если они будут содержаться под стражей, то физически и фактически они, как это мы сказали выше, участия в выборах принять не смогут. Если же они будут к моменту выборов на свободе, то они, не будучи лишены избирательных прав, смогут принять участие в выборах, если пожелают.

Что же касается лиц умалишенных, то здесь имеются в виду лишь граждане, которые будут

признаны умалишенными в порядке, установленном для этого законом.

В настоящее время действует закон, по которому признать человека умалишенным может лишь специальная врачебная комиссия.

Совершенно ясно, что процедура признания гражданина умалишенным должна быть обставлена всеми необходимыми гарантиями. Здесь особенно нетерпимо всякое упрощенство, всякая небрежность. Ни отдельные врачи, ни отдельные лечебные учреждения не должны и не будут иметь права признавать того или иного гражданина умалишенным. Это право будет предоставлено официальным комиссиям, вполне авторитетным, заслуживающим полного общественного доверия и действующим под контролем государства.

Каждый избиратель вносится только в один список. Это прямо вытекает из ст. 11 «Положения о выборах», гласящей: «Никто из избирателей не может быть внесен более, чем в один избирательный список».

Этим самым исключается какая-либо возможность участвовать в голосовании более одного раза при каждых выборах, чем еще раз подчеркивается принцип равенства нашего избирательного права.

«Положение о выборах» устанавливает особый порядок составления избирательных списков для избирателей, состоящих в воинских частях и войсковых соединениях. Списки этих избирателей составляются командованием воинской части или войскового соединения за подписями командира и военного комиссара. Однако военнослужащие, не состоящие в воинских частях и войсковых соединениях, например, состоящие в штабах, в различных военных учреждениях, военно-учебных заведениях и т. п., вносятся в списки избирателей соответствующими советами депутатов трудящихся по месту своего жительства (ст. 12).

«Положение о выборах» специально предусматривает порядок исправления допущенных в списке избирателей неправильностей. Эти неправильности неизбежны в такой большой работе, как подготовка списков избирателей. Неизбежны случаи, когда отдельные избиратели или не будут включены в списки, или будут ошибочно из списков исключены, или будут включены с искаженной фамилией, именем или отчеством.

Могут быть случаи неправильного включения в списки лиц, лишенных по нашей Конституции избирательных прав.

В отношении всех такого рода неправильностей в списках избирателей любой гражданин и, в первую очередь, тот, кого это касается, может подать заявление в Совет депутатов трудящихся, опубликовавший избирательные списки, с требованием внести в список необходимые исправления (ст. 16).

Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся каждое такое заявление о неправильности в списке избирателей обязан рассмотреть в трехдневный срок (ст. 17) и либо внести в список соответствующие исправления, либо отклонить просьбу заявителя.

В последнем случае исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся обязан заявителю выдать письменную справку с указанием мотивов отклонения его заявления (ст. 18).

На этом дело не кончается. Ст. 18 «Положения о выборах» предоставляет право заявителю, несогласному с решением Совета депутатов трудящихся, подать жалобу в народный суд, который, согласно ст. 19 того же «Положения», обязан рассмотреть эту жалобу в открытом судебном заседании с вызовом заявителя и представителя Совета и вынести по этому делу решение, которое считается окончательным и уже никакому дальнейшему обжалованию, следовательно, не подлежит.

Установленный «Положением о выборах» порядок рассмотрения заявлений по поводу неправильностей в избирательных списках является величайшей гарантией беспристрастного и объективного разрешения избирательных конфликтов, могущих возникнуть в процессе составления списков избирателей. Передача на разрешение такого рода конфликтов именно народному суду в максимальной степени гарантирует быстроту и беспристрастность решения и обеспечивает полную авторитетность этого решения как решения народного суда, избираемого по новой Конституции также на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании.

7. КАК БУДУТ ОРГАНИЗОВАНЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ОКРУГА

Ст.ст. 34 и 35 Конституции СССР устанавливают избрание Совета Союза и Совета Национальностей по избирательным округам.

Совет Союза избирается гражданами СССР по избирательным округам по норме: один депутат на 300 000 населения.

Избирательные округа по выборам в Совет Национальностей не совпадают с избирательными округами по выборам в Совет Союза.

Совет Национальностей избирается гражданами СССР по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: по 25 депутатов от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа.

Таким образом для выборов в Совет Союза будет организовано столько избирательных округов, сколько получится от деления всего населения Советского союза на 300 000, составляющих норму одного избирательного округа, т. е. всего будет приблизительно 570 избирательных округов.

Для выборов в Совет Национальностей по всему СССР будет организовано следующее количество избирательных округов: 25 округов по каждой союзной республике (275 округов), 11 округов по каждой автономной республике (242 округа), 5 округов по каждой автономной области (45 округов) и 1 избирательный округ в каждом национальном округе (12 округов), т. е. всего 574 избирательных округа.

Как видим, число избирательных округов по выборам в Совет Союза и по выборам в Совет Национальностей почти одинаково.

Чем объясняется организация выборов по избирательным округам?

Как известно, по действовавшим ранее у нас избирательным законам, например, по инструкции «О выборах в советы» 1930 г., выборы членов советов происходили на избирательных

собраниях, устраиваемых по производственным единицам (предприятиям, учреждениям), профессиональным союзам, по красноармейским частям и крупным совхозам.

В крупных промышленных предприятиях выборы производились по отдельным цехам. В сельских местностях крупные селения для выборов в советы разбивались на избирательные участки. Колхозники, как правило, участвовали в выборах вместе с населением села. Граждане, не работавшие на предприятиях и не организованные в профессиональные союзы, как-то: кустари, домашние хозяйки, извозчики и т. п., — участвовали в выборах или совместно с остальными избирателями по профессиональным союзам, или по производственным собраниям, или по территориальным единицам (районам, участкам) и т. п.

Таким же образом происходили выборы и на VII съезд советов СССР и в другие советы в 1934—1935 гг.

Этот порядок выборов можно назвать выборами на основе производственного принципа, а в некоторых случаях — смешанными выборами.

Другое дело теперь. По Сталинской Конституции и «Положению о выборах в Верховный Совет СССР» выборы будут происходить, как это видно из сказанного выше, только по одному территориальному признаку.

Раньше выборы могли производиться по производственному принципу вследствие того, что в выборах участвовали только трудящиеся и, следовательно, связанные своей работой с различными предприятиями и учреждениями. Только для так называемого неорганизованного населения выборы производились по территориальному принципу — на районных, участковых и тому подобных собраниях.

При всеобщем избирательном праве подобного рода система выборов была бы нецелесообразна, так как такая система неизбежно приводила бы к искусственному разделению избирателей на различные категории и осложняла бы всю технику избирательной кампании. В условиях, когда избирательным правом обладали только трудящиеся, выборы по предприятиям и учреждениям представляли еще и то удобство, что облегчали контроль над самим составом избирателей, облегчали гарантию того, что в выборах не примут участия лица, не имеющие к данному предприятию или учреждению отношения или вообще нетрудящиеся. При действии всеобщего избирательного права это преимущество голосования по производственным предприятиям отпадает. Число лиц, лишенных избирательного права, будет столь незначительно, а составление избирательных списков по «Положению о выборах» обставлено таким максимумом контроля, что организация избирательных округов по территориальному принципу вполне себя оправдывает.

По советскому избирательному закону каждый избиратель равен другому; поэтому каждый избирательный округ с населением в 300 000 человек посылает в Совет Союза по одному депутату. Тот же принцип равенства нашел свое выражение и в системе выборов в Совет Национальностей. Выборы в Совет Национальностей построены по принципу равенства национальностей. У нас имеется много народов, живущих компактными массами, численность которых не достигает 300 000 человек. Таковы, например, карелы, коми, калмыки, якуты, абхазцы, адыгейцы и т. д. Если бы выборы в Совет Национальностей происходили также по территориальным избирательным округам с населением в 300 000 человек, то эти народы не могли бы быть представлены в Совете Национальностей. Тем самым был бы нарушено равенство народов. При установленной же Сталинской Конституцией системе выборов и самые малочисленные народы получают возможность иметь в Совете Национальностей своих представителей.

Образование избирательных округов как по выборам в Совет Союза, так и по выборам в Совет Национальностей, производится Президиумом Верховного Совета СССР (ст. 2[illegible] до образования Верховного Совета СССР Президиумом Центрального Исполнительного Комитета СССР.

Здесь же отметим, что во всех случаях упоминания в «Положении о выборах» о компетенции Верховного Совета надлежит иметь в виду, что до его образования функции Верховного Совета СССР в полном объеме надлежат Центральному Исполнительному Комитету СССР, а функции Президиума Верховного Совета СССР — Президиуму ЦИК СССР.

8. КАК БУДУТ ВЫСТАВЛЯТЬСЯ КАНДИДАТЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Порядок и условия выставления кандидатов в Верховный Совет СССР точно определены Конституцией и «Положением о выборах».

Ст. 141 Конституции и ст. 56 «Положения о выборах» обеспечивают право выставления кандидатов за общественными организациями и обществами трудящихся: за коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами, другими организациями, зарегистрированными в установленном законом порядке.

Согласно ст. 57 «Положения о выборах» выставлять кандидатов могут как центральные органы общественных организаций и обществ трудящихся, так и республиканские, краевые, областные и районные органы, равно как и общие собрания рабочих и служащих по предприятиям, красноармейцев — по войсковым частям, а также общие собрания крестьян по колхозам, рабочих и служащих совхозов и по совхозам.

Характерным отличием советской избирательной системы является право выставления кандидатов только общественными организациями и обществами трудящихся. Индивидуальное выставление кандидатов, т. е. выставление кандидатов отдельными гражданами, нашему закону не допускается.

Несмотря на то, что и Конституция и «Положение о выборах» точно определяют круг организаций, имеющих право выставлять кандидатов в Верховный Совет СССР, тем не менее уже возникает ряд вопросов, клонящихся к еще большему уточнению этого порядка. Так, например, спрашивают, что именно надлежит разуметь под общественной организацией, в каком именно порядке эта организация

жна быть зарегистрирована, можно ли отнести к общественным организациям, хотя бы и зарегистрированные в установленном законом порядке, религиозные объединения и т. п. На эти вопросы можно дать, исходя из нашего действующего законодательства, совершенно ясные и точные ответы.

Под общественными организациями или обществами трудящихся в нашем законодательстве понимаются всевозможные объединения трудящихся граждан СССР, преследующие цели партийного, профессионального или иного общения в интересах социалистического строительства, в интересах содействия делу социализма, закрепления и дальнейшего развития социалистических успехов и побед.

Под обществами или иными общественными организациями необходимо разуметь добровольные общества и их союзы, которые, как это сказано в «Положении о добровольных обществах и союзах», утвержденном ВЦИК и СНК РСФСР 10 июля 1932 г., «являясь организациями общественной самодеятельности трудящихся масс города и деревни, ставят своей задачей активное участие в социалистическом строительстве СССР, а также содействие укреплению обороны страны».

Не являются такими обществами и общественными организациями, например, так называемые церковные «двадцатки», которые регистрируются в особом порядке, установленном для них постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г., и которые, согласно этому постановлению, не имеют своего устава, не пользуются правом юридического лица, не имеют своих выборных представительных органов. В своей деятельности они должны ограничиваться исключительно теми целями, ради которых они образованы, т. е., как об этом сказано в самом постановлении от 8 апреля 1929 г., «удовлетворением своих религиозных потребностей».

Сталинская Конституция обеспечивает право объединения в общественные организации в соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самодеятельности и политической активности народных масс (ст. 126). Ясно, что всякого рода объединения, хотя бы и зарегистрированные, преследующие иные цели, чем те, какие указаны в ст. 126 Конституции СССР и в «Положении о добровольных обществах и союзах», не имеют никаких оснований претендовать на право выставления своих кандидатов при выборах депутатов в Верховный Совет СССР, и следовательно выставленные ими кандидаты не могут и не должны регистрироваться избирательными комиссиями.

Кандидаты, выставленные общественными организациями и обществами трудящихся с соблюдением всех установленных Конституцией и «Положением о выборах» требований, должны быть обязательно зарегистрированы и внесены в избирательные бюллетени.

Здесь нужно, однако, подчеркнуть, что общественные организации и общества трудящихся, выставляющие своих кандидатов, обязаны представить в соответственную окружную избирательную комиссию указанные в ст. 61 «Положения о выборах» документы.

Такими документами являются: а) протокол собрания или заседания, выдвинувшего кандидата, подписанный членами президиума с указанием их возраста, местожительства, наименования организации, выдвинувшей кандидата, указания о месте, времени и количестве участников собрания или заседания, выдвинувшего кандидата в депутаты, с указанием фамилии, имени, отчества кандидата в депутаты, его возраста, местожительства, партийности и занятия; б) заявление кандидата в депутаты о его согласии баллотироваться по данному избирательному округу от выставившей его организации.

Каждый кандидат в депутаты Верховного Совета СССР может голосоваться только в одном округе. Следовательно, и выставляться в кандидаты можно также только в одном округе.

Само собой разумеется, что в советской избирательной системе нет никакого ценза для кандидатов в депутаты, как нет деления избирательного права на «активное» и «пассивное»: право участвовать в выборах депутатов и быть избранным у нас безраздельно принадлежит каждому избирателю. Каждый избиратель может быть выставлен кандидатом в депутаты. При выставлении кандидатов не требуется выполнять никаких иных формальностей, кроме указанных в ст. 61.

В буржуазных странах, наоборот, к лицам, выставляемым кандидатами, предъявляются иные требования, чем к избирателям. Здесь нужен более взрослый возраст, в иных случаях (например, в Японии, в Англии) нужно внести установленный для кандидатов денежный залог (в Японии — 2000 иен = около 4000 рублей, в Англии — 150 фун. стерл. = 3057,6 рублей).

Важно отметить, что в случае провала кандидата на выборах залог этот обращается в доход государства, что нередко превращается в весьма выгодный для правительства источник дохода.

В капиталистических странах выставление буржуазными партиями кандидатов в палаты депутатов и другие законодательные органы является результатом весьма тонкой работы избирательного механизма сплошь и рядом совершенно незаконных, преступных средств — подкупа, угроз, шантажа и т. д.

По поводу американской избирательной системы и, в частности, процедуры выставления кандидатов Дж. Брайс прямо говорит, что «вся эта процедура есть не что иное, как пародия на народные выборы».

«В ней, — читаем мы в «Американской республике» Брайса, — только с виду соблюдается правило, что все должно зависеть от голосования избирателей, а на самом деле этим избирателям навязываются такие кандидаты, которых они вовсе не знают или которых они не выбрали бы, если бы знали. Несколько профессиональных политиканов и их приверженцев заменяют настоящих избирателей, подготовляют на искусно организованных митингах назначение выбранных ими самими кандидатов и выдают такие назначения за выражение верховной народной воли».

Если так «выставляются» кандидаты в передовых буржуазно-демократических странах, то что остается сказать о фашистских странах, где полностью восстановлено средневековое варварство и уничтожено всякое подобие де-

мократических принципов! В этих странах фальсификация воли избирателей достигается при помощи целой системы самых зверских методов подавления и угнетения трудящихся масс.

Подлинное выявление воли народа обеспечено лишь в стране социализма, в СССР.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» обеспечивает полностью действительно подлинное выявление народной воли, воли миллионов избирателей — свободных граждан Страны советов.

Мы сказали, что кандидаты, удовлетворяющие установленным требованиям, должны быть зарегистрированы окружной избирательной комиссией.

Но могут быть случаи, когда отказ окружной избирательной комиссии заинтересованные лица сочтут неправильным. В таком случае они могут этот отказ обжаловать в двухдневный срок в Центральную избирательную комиссию (если дело касается выборов в Совет Союза), решение которой является окончательным, или в избирательную комиссию союзной или автономной республики или автономной области (если дело идет о выборах в Совет Национальностей), а на решение этой комиссии — тоже в Центральную избирательную комиссию, решение которой также окончательно (ст.ст. 63 и 64).

Все зарегистрированные кандидаты подлежат обязательному включению в избирательный бюллетень (ст. 66). Форма бюллетеней устанавливается Центральной избирательной комиссией. Бюллетени печатаются на языках населения соответствующего избирательного округа и за 15 дней до выборов рассылаются всем участковым избирательным комиссиям в количестве, обеспечивающем снабжение всех избирателей избирательными бюллетенями. Напечатание и рассылка бюллетеней лежит на обязанности окружных по выборам в Совет Союза и окружных по выборам в Совет Национальностей избирательных комиссий.

9. О ПОРЯДКЕ ГОЛОСОВАНИЯ

Порядок голосования при выборах в законодательный орган нашей страны стоит в прямой зависимости от характера избирательной системы и принципов, на которые эта система опирается.

При ограниченности права голосования, при отсутствии прямого, равного и всеобщего избирательного права, при открытой системе голосования, порядок голосования будет отличаться такими свойствами и особенностями, которых нет и не может быть при избирательной системе, покоящейся на подлинно всеобщем, прямом и равном избирательном праве при тайном голосовании.

Так, избирательное право, имевшее место в дореволюционной России по выборам в Государственную думу, опиравшееся на цензовую и куриальную систему, обусловливало довольно сложную процедуру голосования сначала выборщиков, потом депутатов.

Советское избирательное право не знает ни двойных, ни множественных выборов.

Всеобщее, прямое и равное избирательное право при тайном голосовании, лежащее в основе советской избирательной системы, обусловливает и чрезвычайно простой порядок голосования, принятый нашим избирательным законом.

Глава VII «Положения о выборах» устанавливает такой порядок голосования, который обеспечивает чрезвычайную доступность, простоту и простоту этой процедуры, не угрожающей избирателям, как это имеет место в капиталистических странах, ни сложностью, ни запутанностью различных избирательных формальностей, ни потерей времени и прочими неудобствами.

«Положение о выборах» раньше всего обеспечивает избирателю своевременное и исчерпывающее ознакомление с выставленными на выборах кандидатами.

Окружные избирательные комиссии (как по выборам в Совет Союза, так и по выборам в Совет Национальностей) обязаны опубликовать за 25 дней до выборов фамилию, имя, отчество, возраст, занятие, партийность каждого зарегистрированного кандидата в депутаты Верховного Совета и наименование общественной организации, выдвинувшей этого кандидата (ст. 65).

Ежедневно в течение последних 20 дней перед выборами участковые избирательные комиссии опубликовывают или широко оповещают избирателей каким-либо иным способом о дне выборов и месте выборов (ст. 73).

Это правило имеет своей задачей обеспечить избирателям полную возможность выполнить свой гражданский долг. Несмотря на свой технический характер, это правило имеет громадное принципиальное значение, обеспечивая максимально явку избирателей к избирательным ящикам.

Эту же цель преследует и ст. 72 «Положения о выборах», определяющая производство выборов в Верховный Совет СССР в нерабочий день. Согласно этому требованию выборы в Верховный Совет будут происходить, очевидно, в один из выходных дней; возможно, день, совпадающий с воскресным.

Согласно ст. 72 «Положения о выборах» день выборов устанавливается Президиумом Верховного Совета СССР (а до образования Верховного Совета СССР — Президиумом ЦИК СССР) не позднее чем за 2 месяца до срока выборов.

Это требование ст. 72 находится в полном соответствии со ст. 54 Конституции, гласящей, что по истечении полномочий или в случае досрочного роспуска Верховного Совета СССР новые выборы назначаются в срок не позднее 2 месяцев со дня истечения полномочий или роспуска Верховного Совета СССР.

Допустим, что полномочия Верховного Совета СССР истекли 1 декабря 1941 г. Новые выборы должны быть произведены в течение не более двух месяцев после 1 декабря, то есть новые выборы должны произойти не позже 1 февраля 1942 г.

Так как согласно ст. 72 «Положения о выборах» день выборов должен быть объявлен за два месяца до срока выборов, то в нашем примере это объявление должно последовать в день окончания полномочий Верховного Совета СССР, то есть того же 1 декабря 1941 г.

Сама процедура голосования будет очень простой.

Основное требование — это голосовать лично. Ни заочное голосование, ни голосование

ние доверенности» нашим избирательным законом не допускается.

Избиратель должен явиться в избирательный участок лично; он должен лично отметиться по избирательному списку и лично получить избирательный бюллетень.

В отличие от избирательных систем некоторых капиталистических стран, избирательные бюллетени предварительно не будут рассылаться избирателям, а будут выдаваться в избирательном помещении (ст. 78).

Каждому избирателю, кроме избирателей, проживающих в автономных республиках, автономных областях и национальных округах, выдается по два бюллетеня — один для выборов депутата в Совет Союза и один для выборов в Совет Национальностей депутата от данной союзной республики. Каждому избирателю, проживающему в автономной республике, автономной области или национальном округе выдается дополнительно еще по одному (третьему) бюллетеню для выборов в Совет Национальностей депутата от данной автономной республики, автономной области или национального округа.

В избирательном бюллетене для выборов депутата в Совет Союза напечатаны имена, отчества и фамилии всех кандидатов в Совет Союза от данного избирательного округа, зарегистрированных окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссией, а в избирательном бюллетене для выборов в Совет Национальностей — имена, отчества и фамилии всех кандидатов в Совет Национальностей от данного избирательного округа, зарегистрированных окружной по выборам в Совет Национальностей комиссией.

То, что называется заполнением избирательных бюллетеней избирателем, заключается в том, что он вычеркивает в каждом из выданных ему избирательных бюллетеней фамилии всех кандидатов, кроме одной фамилии того депутата, за которого он намерен голосовать.

Получив после выполнения формальностей, указанных в ст. 78 «Положения о выборах», избирательные бюллетени, избиратель переходит в специальную комнату, отведенную для заполнения избирательных бюллетеней. В этой комнате не может быть никого, кроме голосующего. При допуске в комнату для заполнения бюллетеней одновременно нескольких избирателей эта комната должна быть оборудована перегородками или ширмами по числу допускаемых одновременно избирателей, чтобы была обеспечена тайна голосования.

Здесь избиратель и осуществляет голосование, заполняя выданные ему бюллетени. Заполненные бюллетени избиратель заклеивает после этого в конверт, получаемый им вместе с бюллетенями, переходит в комнату, где помещается участковая избирательная комиссия, и опускает конверт в избирательный ящик.

Неграмотные или имеющие какие-либо физические недостатки, не позволяющие избирателю самостоятельно заполнить бюллетени, могут пригласить в комнату для заполнения бюллетеней кого-либо по своему усмотрению для помощи.

Спрашивают: как будут голосовать больные, находящиеся в санаториях, путешествующие, находящиеся в командировках и т. д.?

Наш избирательный закон устанавливает такой порядок, при котором находящиеся в больницах, санаториях, родильных домах, в инвалидных домах, на кораблях, находящихся в день выборов в плавании, имеют полную возможность выполнить свой гражданский долг. Они могут принять участие в выборах во всех этих случаях, если в больницах, санаториях, на кораблях и так далее будет избирателей не менее 50 человек.

Во всех таких случаях в соответствующих местах создаются отдельные избирательные участки. Больные будут голосовать либо явившись в комнату, где имеется избирательный ящик, либо, если они прикованы к постели, — в своих палатах, — куда будут передвинуты избирательные ящики.

Находящиеся в день выборов в пути, в поезде, могут проголосовать на любой станции, где будет избирательный участок.

Для этого они должны только заранее запастись, согласно ст. 15 «Положения о выборах», «удостоверением на право голосования»: в пункте голосования — будет ли это новое место жительства или остановка в пути — избиратель должен будет предъявить это удостоверение и удостоверение личности, будет внесен в особый список, который ведется для этой категории избирателей согласно ст. 79 «Положения», получит избирательный бюллетень и сможет осуществить голосование.

Таким образом, закон предусматривает всевозможные случаи, неуклонно идя навстречу избирателю, устраняя всякие трудности в этой области и обеспечивая полную возможность принять участие в выборах каждому избирателю, каждому гражданину нашей страны.

Говоря о порядке голосования, нельзя не остановиться на вопросе о выборной агитации.

Сталинская Конституция обеспечивает всем гражданам право и фактическую возможность ведения агитации за кандидатов, выставленных теми или другими общественными организациями.

Ст. 125 Конституции предоставляет и гарантирует гражданам СССР в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя — свободу слова, свободу печати, свободу собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций.

Ст. 70 «Положения» обеспечивает каждой организации, выставившей кандидата, зарегистрированного в окружной избирательной комиссии, равно как каждому гражданину СССР, право беспрепятственной агитации за этого кандидата на собраниях, в печати и иными способами согласно ст. 125 Конституции СССР.

Это право — не иллюзорно, а реально. Оно обеспечивается предоставлением трудящимся типографий, бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для осуществления этого права.

При всем том «Положение о выборах» не допускает выборной агитации в избирательном помещении во время подачи голосов. И это совершенно правильно, так как иначе свобода голосования была бы поставлена под угрозу всякого рода давлений и влияний, под видом «агитации». Советский закон, обеспечивающий полную и подлинную свободу слова, печати, агитации, охраняет эти величайшие

права человека и гражданина от всякого рода злоупотреблений и извращений в этой области.

Выборная кампания должна быть поставлена под полную охрану закона. Всякие попытки воспрепятствовать избирателю осуществить принадлежащее ему по Конституции право свободного изъявления своей воли или «надавить» на избирателя, связать его свободное волеизъявление всякого рода преступными или просто недопустимыми с точки зрения советских принципов махинациями встретят со стороны Советского государства и соответствующих его органов решительный отпор.

«Положение о выборах» специально предостерегает против подобного рода махинаций.

Ст. 111 «Положения о выборах» угрожает лишением свободы до двух лет всякому, кто путем насилия, обмана, угроз или подкупа будет препятствовать гражданину СССР в осуществлении его права избирать или быть избранным в Верховный Совет СССР.

Ст. 112 «Положения о выборах» направляет аналогичную угрозу — лишение свободы до трех лет — против всякого должностного лица совета или члена избирательной комиссии, совершивших подделку избирательных документов или допустивших заведомо неправильный подсчет голосов.

Вот как реагирует советский закон на всякого рода избирательные мошенничества, трюкачество и тому подобные преступления.

Правда, в капиталистических странах имеется тоже немало законов, грозно предупреждающих относительно всяких избирательных фокусов и махинаций. В буржуазном и даже фашистском законодательстве мы встречаем законы, направленные против злоупотреблений и преступлений во время выборов.

В уголовных кодексах этих стран можно прочесть грозные статьи, угрожающие разными наказаниями за эти преступления. Так, ст. 249 Итальянского уголовного кодекса 1930 г. гласит: «Кто насилием, угрозой или обманом воспрепятствует гражданину полностью или в части осуществить какое-либо политическое право или воздействует, чтобы он осуществил это право в ином, чем гражданин желал, смысле, — наказывается исправительным домом на срок от одного года до пяти лет».

Ст. 109 Германского уголовного кодекса гласит: «Кто покупает или продает голос при публично-правовых выборах, наказывается заключением от одного года до двух лет». «Кто фальсифицирует результаты выборов, карается заключением на срок от одного месяца до трех лет» (ст. 108).

Французский «Code pénal» (закон 28 августа 1932 г., ст. 111) карает лишением прав всякого, кто, будучи избран для подсчета голосов, будет изобличен в фальсификации бюллетеней, их похищении, или в прибавлении бюллетеней, или вписывании новых имен.

Польский уголовный кодекс 1932 г. выделяет в особый раздел «преступления против голосования по публичным вопросам» (ст.ст. 118—124). Кодекс предусматривает неправильное изготовление списков, подлоги документов, относящихся к выборам (ст. 118, наказание — тюрьма до пяти лет), угрозы и насилия на предвыборных собраниях, при голосовании или подсчете голосов (ст. 119), подкуп (ст. 121, наказание — тюрьма до пяти лет) нару[ш]ение тайны голосования (ст. 124, наказание до одного года лишения свободы или штра[фа]

Но реального значения эти законы иметь могут и не имеют.

Угрозы наказанием за избирательные мош[ен]ничества — не для буржуазных клик, боль[ше] всего мошенничающих и остающихся без[на]казанными.

Буржуазная «законность» в ряде капита[ли]стических стран превратилась в открытый п[ро]извол и ничем уже не прикрытое насилие и [из]девательство над трудящимися, над культур[ой] и демократией. Насколько циничны избир[а]тельные нравы в фашистских странах, где п[ол]ностью уничтожены последние остатки б[ур]жуазной демократии, настолько хорошо изве[ст]но, что об этом можно не говорить.

Достаточно привести один лишь пример избирательной практики, чтобы вопрос [об] абсолютно ясен.

В интересной книге Квигли «Правительс[тво] и политическая жизнь Японии» приводи[тся] чрезвычайно характерное заявление чл[ена] японской нижней палаты Инукаи Ки, ярко [ха]рактеризующее избирательные нравы в этом фаши[ст]ском государстве:

«На выборах 1892 г. мне пришлось пер[е]нести тяжелые переживания. Правительство пр[и]няло все меры для того, чтобы вмешат[ь]ся в нормальное течение выборов. Мой дом, р[а]положенный на берегу реки, был окружен [по]лицейскими и так называемыми «соши» (б[а]диты), которые держали в руках обнаженн[ые] мечи: то были правительственные агенты, к[о]торые пытались помешать мне в моей избир[а]тельной кампании.

Но я не дал себя победить: я также на[нял] известного «соши», некоего Ичики Сайт[о], который располагал 30 сильными люд[ьми]. «Соши» дрались между собой в кулачном б[ою] и даже холодным оружием. Мой противн[ик], кандидат магоши — Кио Хей, председате[ль] японской пивоваренной компании, затратил [на] выборы 50 тысяч иен и получил лишь 1 т[ы]сячу голосов, тогда как я получил 6 тыс[яч] голосов, затратив всего лишь 1 тысячу ие[н]. Я был очень счастлив тем, что одержал та[кую] блестящую победу» [1].

Подобный порядок выборов неизбежен в к[а]питалистических странах, где господству[ют] эксплоатация и угнетение.

Даже в наиболее передовых буржуазно-д[е]мократических странах избирательные подл[оги], фальсификация при подсчете голосов, моше[н]ничества всякого рода, подкупы — заурядно[е] обычное, никого не удивляющее явление.

В известной книге Джемса Брайса «Амер[и]канская республика» приводится немало та[ких] избирательных махинаций и преступлени[й]. Брайс пишет о выборах и избирательном м[е]ханизме в некоторых штатах Америки:

«... Разные подлоги, как, например, внесе[ние] в список избирателей таких лиц, которые [не] имеют права участвовать в выборах, или [не]верный счет поданных голосов, считаю[тся] обычным явлением не только в городских в[ы]борах, но и при выборе должностных л[иц]

[1] Г. С. Квигли, «Правительство и полити[ка]ская жизнь Японии», стр. 250—251, Соцэк[ги]з, 1934.

штатов и федерального управления... Есть основание думать, что в некоторых штатах они (то есть подлоги **А. В.**) совершаются так часто, составляют одно из важных общественных зол»[1].

Брайс упоминает, что в Сан-Франциско ему рассказывали, что выборы стали производиться более правильно с тех пор, как были введены для баллотировки стеклянные ящики, которые нельзя было набивать избирательными записками еще до начала выборов.

Брайс рассказывает, что в густо населенных городах, где всех избирателей знать в лицо нельзя, нередко производится замена избирателей подставными лицами и практикуется неоднократная подача голосов одним и тем же лицом. Что касается взяток, то Брайс прямо называет это «спорадической болезнью». Там, где появляется, она нередко бывает очень сильна. Законы, устанавливающие способ баллотировки, редко избавляют от нее»[2].

Брайс, не стесняясь, констатирует, что при выборах совершаются настоящие мошенничества. Широко практикуется подкуп избирателей: в одном из избирательных округов, по свидетельству Брайса, на избрание только одного члена конгресса было истрачено 50 тысяч долларов.

«Этот нравственный недуг, — говорит Брайс о взятках и подкупах во время выборов, — распространен в Америке, по всему вероятию, столько же, сколько он был распространен в Англии до 1883 г. В сельских округах его почти вовсе незаметно: он проявляется там только в том, что фермер, отправляющийся в место баллотировки за шесть или за семь миль от своего места жительства, рассчитывает на «даровой обед»[3].

Но от характера взятки и ее размеров самый факт не меняется, не устраняется то зло, которое представляет собой взятка.

Подкуп избирателей совершается, как говорит Дж. Брайс, в самых разнообразных формах и прямо на глазах у всех.

«В Америке, — пишет Дж. Брайс, — обыкновенно выдают от 20 до 50 долларов (от 4 до 10 ф. ст.) какому-нибудь... местному «деятелю», который берется набрать от двадцати до тридцати голосов в пользу указанного ему кандидата. Он не обязан отдавать отчет в этих деньгах и, по всему вероятию, издерживает лишь небольшую их часть на настоящие взятки, а тратит их на угощение низшего разряда избирателей спиртными напитками»[4].

Брайс приводит ряд справок о систематическом подкупе в США «ненадежных» избирателей. Он сообщает о громадных суммах денег, расходуемых на эту цель. В одном штате, по словам Брайса, на избрание одного члена конгресса было израсходовано 50 000 долларов.

Взяточничество — этот родной брат подкупа — также обычное здесь явление. Приблизительно 5 % всего личного состава конгресса захвачено этим пороком[1].

Случайно ли, что Дж. Брайс, которого никто не заподозрит в слишком критическом отношении к избирательным нравам, традициям и обычаям капиталистических стран, вынужден закончить главу XVII своей книги, откровенно названную автором позорным словом «Подкуп», признанием низкого нравственного уровня законодательных собраний этих стран.

Книга Дж. Брайса, посвященная характеристике этих нравов, написана, правда, 50 лет тому назад. Но за эти 50 лет избирательные нравы в странах буржуазной демократии к лучшему не изменились. О фашистских же странах и говорить нечего — здесь действует белый террор, произвол, прямое насилие, превратившие эти страны в средневековую тюрьму со всем позором и диким варварством этого мрачного времени...

10. ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ

Дух подлинного, последовательного социалистического демократизма проникает собой все этапы избирательной системы СССР. Последний ее этап — определение результатов выборов.

Эта ответственная политическая задача обставлена всеми гарантиями пролетарской, социалистической демократии.

Подсчет голосов производится по избирательным участкам. При подсчете голосов участковыми избирательными комиссиями могут присутствовать специально на то уполномоченные представители общественных организаций и обществ трудящихся (ст. 85).

Но не только они, — здесь могут присутствовать также и представители печати. Это полностью обеспечивает общественный контроль и публичность столь важной и ответственной политической работы, как определение итогов выборов.

Самый порядок определения этих итогов точно регламентирован «Положением о выборах» и здесь устанавливается в исчерпывающей форме, как и что именно обязаны выполнить члены избирательной комиссии.

Раньше всего, участковая избирательная комиссия обязана, вскрыв избирательные ящики, сверить число поданных конвертов с числом лиц, участвовавших в голосовании (ст. 86). Напомним, что число лиц, участвовавших в голосовании, определяется по списку избирателей, явившихся в избирательное помещение, отмеченных комиссией и получивших бюллетени, как это регулируется ст. 78 «Положения о выборах». Результаты сверки должны быть занесены в протокол, который обязательно ведется в трех экземплярах по установленной форме (ст.ст. 92 и 93).

Конверты вскрывает председатель участковой избирательной комиссии, оглашая в присутствии всех ее членов результаты голосования по каждому бюллетеню (ст. 87).

Так как выборы в Совет Союза и Совет Национальностей происходят одновременно (в один и тот же день) и в одних и тех же избирательных участках (ст. 25), то избирательные комиссии должны вести запись резуль-

---

[1] Джемс Брайс, Американская республика, ч. 2, перевод Неведомского, М. 1890, стр. 412.

[2] Там же.

[3] Дж. Брайс, Американская республика, ч. 2, перев. Неведомского, М. 1890, стр. 438.

[4] Там же, стр. 437.

[1] Джемс Брайс, Американская республика, ч. 2, перевод Неведомского, М. 1890, стр. 438.

татов голосования отдельно по выборам в Совет Союза и в Совет Национальностей (ст. 88), причем на каждого кандидата в Совет Союза и в Совет Национальностей будет вестись отдельный счетный лист в двух экземплярах. Эти счетные листы будут вести секретарь избирательной комиссии и уполномоченные на то члены участковой избирательной комиссии (ст. 89).

При подсчете голосов по бюллетеням некоторые бюллетени могут оказаться с такими дефектами, которые не дают возможности определить волю избирателя. Такие бюллетени избирательная комиссия должна будет признать недействительными.

Однако определение признаков, по которым бюллетень должен быть признан недействительным, не может быть предоставлено усмотрению комиссии. Эти признаки или условия недействительности бюллетеней определены поэтому в самом законе, именно в ст. 90 «Положения о выборах».

По поводу ст. 90 «Положения» возникает вопрос, будут ли действительными бюллетени, в которых вместо обозначенных в них кандидатов избиратель впишет нового кандидата? В таком случае голос избирателя пропадет, и такие бюллетени окажутся по существу недействительными, так как голосоваться могут лишь кандидаты, зарегистрированные в соответственной окружной избирательной комиссии. Кандидат же, не обозначенный в бюллетене, очевидно, не был своевременно представлен в комиссию и, следовательно, не мог быть зарегистрирован, а поэтому вписывание новых кандидатов в избирательные бюллетени противоречит закону.

По окончании подсчета голосов один экземпляр протокола участковой избирательной комиссии с обоими экземплярами счетных листов на кандидатов в депутаты Совета Союза направляется с нарочными в течение 24 часов в окружную по выборам в Совет Союза комиссию; в тот же срок второй экземпляр протокола с приложением обоих экземпляров счетных листов на кандидатов в депутаты Совета Национальностей направляется в окружную по выборам в Совет Национальностей комиссию (ст. 95).

Окружные избирательные комиссии производят подсчет голосов на основании протоколов, представленных участковыми избирательными комиссиями, суммируют результаты голосования по всем избирательным участкам, причем на каждого кандидата окружной избирательной комиссией ведется в двух экземплярах счетный лист, в котором отмечается количество голосов, полученных каждым кандидатом в депутаты (ст.ст. 98 и 100).

Окружные избирательные комиссии ведут свою работу также в условиях гласности; при подсчете голосов присутствуют представители общественных организаций и обществ трудящихся, а также представители печати.

В протоколе голосования, который ведется окружными избирательными комиссиями в двух экземплярах и подписывается обязательно председателем и секретарем, а также всеми членами окружной избирательной комиссии, должно быть указано: общее число избирателей по округу, общее число избирателей, принявших участие в голосовании, число голосов, поданных за каждого кандидата депутаты, краткое изложение поданных в ок окружную избирательную комиссию заявлений жалоб и принятых комиссией решений.

Все эти данные, вносимые в протокол окруж ными комиссиями, являются исчерпывающим для определения вопросов о действительност или недействительности состоявшихся выбо ров, кто из голосовавшихся кандидатов до жен быть признан избранным и не предста вляется ли необходимым произвести переба лотировку или назначить в подлежащих слу чаях новые выборы.

Председатели как окружной по выборам Совет Союза комиссии, так и окружной п выборам в Совет Национальностей комисси обязаны не позднее 24 часов после окончани подсчета голосов направить один экземпля протокола с приложением счетных листов запечатанном виде с нарочным в Центральну избирательную комиссию, а второй экземпля в тот же срок и в том же порядке — в изби рательную по выборам в Совет Национально стей комиссию соответственно союзной респу лики, автономной республики или автоном ной области.

Председатели окружных по выборам в Сове Союза и в Совет Национальностей комисси после подписания протокола всеми членам комиссии оглашают результаты выборов и, случае признания выборов действительными не требующими перебаллотировки, выдаю избранным кандидатам удостоверения об из брании в депутаты соответственно Совет Союза или Совета Национальностей.

Как же будет определяться, кто из канди датов считается избранным?

На этот вопрос отвечает ст. 104 «Положе ния о выборах»: избранным считается канди дат, получивший абсолютное большинство г лосов, то есть больше половины всех голосо поданных по округу и признанных действи тельными.

Здесь нужно сделать одну оговорку: не п всяком числе поданных голосов будет сч таться избранным кандидат, получивший бол ше половины голосов. Можно допустить, чт по всему округу будет подано голосов меньш половины избирателей, имеющих право голо совать по этому округу. В таком случае вы боры считаются несостоявшимися, и Централь ная избирательная комиссия должна назна чить, не позднее двухнедельного срока посл первых выборов, — новые выборы.

Если на таких «несостоявшихся» выборах какой-нибудь кандидат получит больше поло вины голосов, он, естественно, не может сч таться избранным, так как самые выборы н считаются действительными.

Может случиться, что ни один кандидат н получит абсолютного большинства голосо Тогда неизбежна перебаллотировка, но тольк между двумя кандидатами, получившими наи большее число голосов (ст. 107).

Перебаллотировка должна состояться так не позднее чем в двухнедельный срок п истечении первого тура выборов и назначае ся окружной избирательной комиссией.

Эта система весьма проста и справедлива она обеспечивает правильное выражение вол избирателей и делает законодательный ор

соответствующим по своему составу воле абсолютного большинства народа.

В капиталистических странах действуют иные системы, не обеспечивающие указанного выше условия, а потому и несправедливые.

В Англии, например, избранным считается тот кандидат, который получил больше своего противника, хотя бы это количество голосов было и меньше половины голосующих. Следовательно, если всего голосуют 100 тысяч избирателей и голоса их распределяются между 5—6—10 кандидатами так, что первый получает 15 тысяч голосов, второй — 17 тысяч голосов, третий — 18 001 голос, четвертый — 24 999 голосов, пятый — 25 тысяч голосов, то избранным окажется пятый, как получивший относительное большинство, хотя и составляющее только ¼ всех избирателей. Это означает, что избранным оказался кандидат, против которого голосовали ¾ всех избирателей. Можно ли назвать такую систему голосования справедливой? Конечно, нет.

Еще хуже обстоит дело там, где пускается в ход своеобразная избирательная механика, построенная на прямом жульничестве. Благодаря этой «механике» коммунисты получают в 5—6 раз меньше мандатов при том же числе поданных за них голосов, чем буржуазные партии.

Такая система привела к тому, что, например, во Франции при выборах в 1932 г. коммунистическая партия получила всего 10 мандатов при 1 миллионе голосовавших за нее. Социалистическая же партия при 2 миллионах голосовавших получила 100 мандатов. «Коммунисты, получившие в Париже самое большое количество голосов — свыше 100 тысяч, смогли при этих условиях провести в муниципальный совет, состоящий из 80 человек, всего лишь одного своего кандидата» (К а ш е н).

Такие «фокусы» обеспечиваются искусственным образованием избирательных округов и такой системой выборов, при которой неизбежен второй тур голосования, когда все партии, враждебные коммунистической партии, объединяются и действуют заодно против коммунистов.

Пропорциональная система выборов более справедлива, чем описанная выше, но она неприменима в наших условиях, в условиях советского строя и пролетарской диктатуры.

В наших условиях единственно целесообразна, справедлива, разумна такая система выборов, которая принята нашим «Положением о выборах».

При этой системе обеспечены все условия для подлинного и полного осуществления истинного народоправства — подлинного и настоящего выражения народами Советского союза своей верховной воли.

Советский избирательный закон, опирающийся на великие принципы Сталинской Конституции, есть самый демократический избирательный закон, такой закон, который обеспечивает новый и громадный шаг вперед социалистического общества, новую и громадную победу социалистического демократизма.

И. САПГИР

Социалистическая собственность

Формы собственности, лежащей в основе различных общественных систем, образуются в результате соотношения классовых сил в стране.

В стране победившего социализма реорганизованы сами основы существования общества и перестроено народное хозяйство на социалистических началах.

Только в СССР

«... мы имеем теперь новую социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни» [1].

Господство социалистической экономики означает господство общественной, социалистической собственности, как единственно командующей силы. От роста и укрепления несокрушимой базы всей нашей экономики в лице общественной, социалистической собственности, являющейся единственным и неиссякаемым источником зажиточной жизни сотни миллионов трудящихся нашей страны, зависит и личное благополучие каждого гражданина Союза ССР в отдельности.

Всякая конституция является выражением принципа собственности, который господствует в данных общественных отношениях.

Формы собственности должны быть зафиксированы в конституции, основных законах государства, которые, по единственному научному определению сущности конституции, «выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе» (Л е н и н).

Сталинская Конституция, Конституция нашей великой социалистической родины, «представляет собою итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний», является «регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле» [1].

Результаты великих побед социалистической революции в нашей стране подытожены в Сталинской Конституции в следующих словах: «Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплоатации человека человеком» (ст. 4).

Таким образом, преобладающая масса орудий и средств производства в нашей стране является общественной, социалистической собственностью, принадлежащей либо государству, либо колхозам и кооперативным объединениям.

Социалистическая собственность на средства производства исключает возможность эксплоатации человека человеком и создает

[1] С т а л и н. Доклад о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

[1] С т а л и н. Доклад о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

все предпосылки для максимального развития производительных сил страны.

В стране победившего социализма никто не может приобрести средства производства или владеть ими с целью эксплоатации чужого труда и личного обогащения.

Все предпосылки для воспроизводства капиталистических классов в нашей стране уничтожены, так как единственным измерителем общественных и материальных условий каждого из граждан СССР является труд, — превращенный в «дело чести, дело славы, доблести и геройства».

Принцип «кто не работает, тот не ест», зафиксированный Конституцией СССР, означает уничтожение нетрудовой наживы, эксплоатации и тунеядства. Уничтожение эксплоататорских классов в нашей стране исключает возможность обогащения за счет чужого труда. «Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом — сила и непобедимость нашей революции», сказал товарищ Сталин.

Социалистическая собственность в нашей стране имеет две формы: государственную собственность (всенародное достояние) и кооперативно-колхозную (собственность отдельных колхозников, собственность кооперативных объединений).

Великая социалистическая революция в СССР экспроприировала эксплоататоров и превратила бывшую частную собственность на средства производства капиталистов и помещиков в собственность государства. Созданные трудом рабочего класса при капиталистическом строе богатства перешли в руки рабочего же класса, как класса господствующего, и усилиями героического труда на социалистической основе выросли в несокрушимое социалистическое хозяйство всей нашей страны.

Наша государственная промышленность в целом является результатом расширенного социалистического воспроизводства.

В капиталистических странах тоже можно встретить государственную собственность на орудия и средства производства (железные дороги, военные заводы, земельные участки и т. д.), но по своей классовой природе государственная собственность в капиталистических странах не имеет ничего общего с государственной собственностью в СССР.

Впервые в истории человечества государственная собственность в нашей стране является подлинным достоянием всего народа, всех трудящихся.

Государственные предприятия принадлежат всему социалистическому обществу в лице советского государства. Отношения между людьми на этих предприятиях организованы наиболее последовательно на социалистических началах. Рабочий в СССР не является продавцом товара — своей рабочей силы, а является членом социалистического общества, членом 170 миллионного коллектива, который владеет орудиями и средствами производства. Право на труд является гарантированным Сталинской Конституцией правом в обстановке давно и безвозвратно ликвидированной безработицы. Заработная плата выражает собою отношение между обществом в целом и отдельным работающим членом этого общества, труд которого общество в лице государства учитывает, контролирует и оплачивает в соответствии с его количеством и качеством.

Государственная собственность является основой социалистического планирования.

«Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественого богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности» — гласит ст. 11 Сталинской Конституции.

В сельском хозяйстве государственной собственностью является земля, большая часть которой передана колхозам в бессрочное (вечное) пользование.

Государственные сельскохозяйственные предприятия (совхозы и машинотракторные станции, роль которых очень велика, в особенности роль машинотракторных станций)) являются не только организационно-техническим центром, но и политическим.

Таким образом, социалистическое земледелие — одна из основ нашей экономики — представляет собой сочетание государственной и кооперативно-колхозной форм социалистической собственности.

Интересы широких крестьянских масс требуют союза с рабочим классом, свержения капитализма и построения социализма.

Чтобы расстроить этот союз, презренные враги народа — троцкисты предлагали насильственное экспроприирование мелких крестьянских трудовых хозяйств, а союзники троцкистов, столь же презренные бухаринцы, проповедывали мирное «врастание» кулака в социализм.

Эти посягательства врагов народа потерпели полнейшее поражение.

Окончательно победивший в нашей стране колхозный строй и есть тот «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства при классовой победе пролетариата над буржуазией», о котором писал Ленин [1]. Партия под руководством великого Сталина нашла, проверила на опыте и закрепила единственную правильную форму колхоза — сельскохозяйственную артель.

Основные принципы устава сельскохозяйственной артели закреплены в Сталинской Конституции.

Собственность артели—кооперативно-колхозная собственность — распространяется на все средства производства.

Земля является собственностью государства, но закрепляется навечно за колхозами для обеспечения устойчивости землепользования, обусловливающей правильное социалистическое использование земли.

Крупные сельскохозяйственные машины находятся в собственности государства, принадлежат государственным предприятиям — машинотракторным станциям, число которых беспрерывно растет (в 1930 г. — 158 МТС, в 1936 г. — 4900 МТС), и пользуются колхозами на договорных началах.

К концу второй пятилетки машинотракторные станции охватят все, без исключения,

---

[1] Ленин. О кооперации, т. XXVII, стр. 391.

колхозы и процесс сельскохозяйственного производства будет полностью механизирован.

Кооперативно-колхозной собственностью являются рабочий скот, хозяйственные постройки колхозов, обобществленный продуктовый скот, орудия конной тяги, транспортный инвентарь, частично — автотранспорт.

В ходе своего развития растут количественно и качественно и государственная и кооперативно-колхозная собственность, охраняемая советским законом.

5 лет назад, 7 августа 1932 г. вошел в историю нашей революции закон, защищающий основные устои социалистического государства.

Общественная собственность является основой советского строя, она священна и неприкосновенна — так провозгласил этот закон, записанный в скрижалях великой Октябрьской пролетарской революции. Позднее этот закон нашел свое закрепление в Сталинской Конституции.

«Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа (ст. 131 Сталинской Конституции).

Новое социалистическое самосознание граждан СССР горячо поддержало новый закон. Всему народу стало понятно, что речь идет о защите всенародного достояния, о защите кровных интересов всего народа.

Весь великий советский народ стал на стражу своих огромных богатств, чтобы всем коллективом отстоять социалистическую собственность.

Новое чувство социалистической собственности в нашей стране присуще не только взрослым, но и детям.

Писатель Корней Чуковский рассказывает нам о пятилетнем мальчике, который долго рассматривал в зоопарке слона и спросил у своей матери: «Чей это слон»? Мать ответила: «Государственный». «Значит и мой немножечко», произнес мальчик с большим удовольствием [1].

Посетивший СССР американский социолог доктор Колькотт в своей книге о советской юстиции отмечает: «Встречаешь детей, которые знают, почему было необходимо издание закона от 7 августа 1932 г., устанавливающего смертную казнь за хищение общественной собственности» [2].

Добытые кровью завоевания социалистической революции должны быть охранены и охраняются справедливым, не знающим пощады по отношению к классовому врагу законом от 7 августа 1932 года.

Остатки капиталистических классов в городе и деревне — вот те кадры, из которых рекрутируются посягатели на социалистическую собственность, враги народа, прямые союзники троцкистско-бухаринских изменников и иных агентов фашизма.

К социалистической собственности протягиваются презренные руки шпионов-диверсантов и других двурушников, ведущих борьбу против нашей великой социалистической родины.

Закон 7 августа 1932 года есть беспощадный закон классовой борьбы, расчищающий путь от врагов.

Закон 7 августа 1932 года есть основа нашего социалистического права.

«Основная забота революционной законности, говорит товарищ Сталин, в наше время состоит, следовательно, в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом».

Закон 7 августа 1932 года сочетает в себе два основных требования — беспощадный разгром классовых врагов и их агентуры и укрепление нового социалистического правосознания.

Понятно поэтому, что взбесившиеся враги из фашистского лагеря проявляют свою ненависть к историческому закону от 7 августа 1932 года.

Помимо прямых диверсантов, на социалистическую собственность посягают фашистские фельдфебели, пожалованные Гитлером в ученые.

Одним из таких фельдфебелей является белый эмигрант из прибалтийских помещиков Маурах, который пользуется полученным им образованием в царской России, чтобы слыть среди фашистов специалистом по вопросам советского права.

Лжеученый Маурах давно специализировался на клеветнических писаниях о социалистическом законодательстве.

До прихода к власти гитлеровских фашистских молодцов, укрывшийся в Германии Маурах действовал несколько сдержаннее, чем он это стал делать в угоду своим фашистским хозяевам впоследствии.

Маурах периодически пишет о советском законодательстве. Он останавливается на нашем уголовном законодательстве, на исправительно-трудовой политике, на борьбе с преступностью среди несовершеннолетних, пишет также о судебной практике, в особенности по делам о контрреволюционных преступлениях.

Писания Маураха неоднократно отмечались на страницах нашей правовой печати, как образцы невежества и наглой клеветы. Следует отметить три этапа в его «исследованиях». Первый этап выразился в «исследованиях», которые должны были доказать, что в СССР нет правового режима. Второй этап Маурах заполнил тем, что пытался доказать буржуазный характер нашего законодательства и судебной практики. На втором этапе Маурах был энергичным союзником вредительской школки Пашуканиса и др. На третьем этапе Маурах перешел к явному злопыхательству, пытаясь обосновать лженаучным юридическим анализом.

Маурах видит в законе от 7 августа 1932 г. два изъяна: 1) закон от 7 августа 1932 г. недостаточно ясен и оставляет неразрешенными много проблем; 2) закон от 7 августа 1932 г. находится в противоречии с первой главой особенной части УК 1926 г. [1] Маурах нагло и

---

[1] К. Чуковский. От двух до пяти. Детиздат, 1937 г., стр. 100.

[2] Колькотт. Русская юстиция. Изд. Макмиллиан и К°, Нью-Йорк, 1935 г., стр. 156.

[1] Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, Партиздат, 1937 г., стр. 29.

бессовестно лжет. Но Маурахов, специализировавшихся на антисоветской клевете, не мало. Поэтому о Маурахе забывать нельзя.

Классовая борьба таит в себе ряд опасностей, от пренебрежения которыми предостерегает нас товарищ Сталин 3 марта 1937 года на пленуме ЦК ВКП(б).

Товарищ Сталин сказал:

«Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки, они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно поэтому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки. Так учит нас история. Так учит нас ленинизм.

Необходимо помнить все это и быть начеку»[1].

Маурах один из этих наших врагов, который пытается лженаучными соображениями оклеветать наше социалистическое право, в частности не имеющий никаких изъянов и не содержащий в себе никаких неразрешенных проблем исторический закон от 7 августа 1932 г.

Наша уголовная статистика показывает значительное снижение числа осужденных по таким преступлениям, как хищение общественной, социалистической собственности (число осужденных по закону от 7 августа 1932 г. за время с первой половины 1935 г. по первую половину 1936 г. сократилось в РСФСР в три раза, в УССР в 4 раза). Это снижение является результатом крупнейших побед социализма, новой социалистической экономики, нового социалистического самосознания.

Общее снижение числа осужденных за хищения социалистической собственности не может снять вопроса о дальнейшей решительной борьбе с хищениями общественной собственности на основе закона 7 августа 1932 г. Наряду с прямыми хищениями общественно-социалистической собственности надо отметить и новые замаскированные формы хищения, к которым прибегают враги народа.

«Притаившийся классовый враг в своей злобе к советскому строю поджигает колхозные амбары, портит скот, ломает на заводе целые машины, калечит транспорт. И, наконец, вкупе и влюбе с ним — троцкистско-бухаринские агенты фашизма, злейшие враги советского народа. Там, где им удавалось пробраться на руководящие посты, ими неизменно поощрялись воровство, порча оборудования, расхищение социалистической собственности».

В новом проекте Уголовного кодекса СССР 1935/1937 гг. органически объединяются заключенные в важнейших общесоюзных актах уголовного законодательства последних лет основные мысли. Новый проект впитал закон от 7 августа 1932 года о борьбе за социалистическую собственность и практику судебных и прокурорских органов.

В первом разделе нового проекта УК СССР 1935/1937 гг. о государственных преступлениях содержатся статьи о хищениях общественной социалистической собственности. В этих статьях в основном воспроизводится закон от 7 августа 1932 года с учетом судебной практики. Наиболее опасные виды хищения общественной, социалистической собственности подпадают под суровую санкцию закона от 7 августа 1932 года. Менее опасные случаи входят в отдельную статью о похищении, растрате и мошенническом присвоении общественной социалистической собственности с менее суровой санкцией.

Таким образом, новый проект проводит выработавшуюся за пять лет в судебной практике диференциацию различных видов преступлений против социалистической собственности.

Перед великой социалистической страной стоят задачи полного разгрома последних остатков эксплоататорских классов и преодоления пережитков капитализма в сознании людей.

В этих целях должна особенно энергично продолжаться борьба с хищениями общественной, социалистической собственности с тем, чтобы «развеять впрах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации» (Сталин), чтобы окончательно лишить врагов всякой почвы в их борьбе против дела социализма.

С. ГОЛУНСКИЙ

Участие прокурора в судебном процессе

Роль прокурора в уголовном процессе эксплоататорских стран менялась в зависимости от особенностей той или иной исторической эпохи, от задач, которые ставились перед судом господствующим классом эксплоататоров, от структуры судебного аппарата. Так, например, при старом, феодальном режиме во Франции (Франция — родина прокуратуры) задача прокуратуры заключалась прежде всего в том, чтобы отстаивать финансовые интересы короны и наблюдать за поведением судей.

Ее процессуальная роль была, сравнительно, очень незначительна и ограничивалась возбуждением дел, в которых была заинтересована королевская власть, и дачей письменных заключений по отдельным делам перед принятием судом наиболее ответственных решений. При этом каждый судья мог выполнять прокурорские функции: «каждый судья — генеральный прокурор», гласила французская юридическая поговорка той эпохи. Феодальный суд был послушным орудием королевской власти, не только в отношении общего направления судебной политики, но и в отношении решения того или иного конкретного дела.

[1] Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Партиздат, 1937 г., стр. 29.

[1] Передовая «Известия ЦИК СССР» № 183 от 6/VIII 1937 г.

ный, письменный процесс, протекавший вне всякого контроля общественного мнения, давал королю и его приближенным полную возможность осуществлять свое влияние на суд путем прямых распоряжений судьям. Особой надобности в специальном аппарате, через который правительственная власть могла бы влиять на суд, не было. Поэтому и процессуальные функции прокуратуры в период розыскного процесса времен абсолютизма были невелики.

Точно так же и в России, до 60-х годов XIX в., когда были сделаны первые шаги по превращению России в буржуазную монархию, процессуальная роль прокуратуры была невелика. Петр I, создавая прокуратуру в России, видел ее главное назначение не в ее процессуальных функциях, а в наблюдении за точным исполнением его указов местными органами власти. Петр определял прокурора, как «око царево», и «стряпчего о делах государственных». Таким образом, он особо подчеркивал надзорные функции прокуратуры, а ее процессуальные функции ограничивал теми делами, в исходе которых государство было непосредственно заинтересовано, главным образом, с финансовой стороны. Непосредственная зависимость судей феодальной России от губернаторов, а через них — от центральной полицейской власти, делала излишним широкое развитие процессуальных функций прокуратуры.

Роль прокуратуры в судебном процессе изменилась, когда у власти стала буржуазия. В отличие от феодалов, не только не скрывавших, но даже подчеркивавших классовый характер своего господства (например, особая одежда для дворян, которую было запрещено носить лицам других сословий), буржуазия стремилась замаскировать классовый характер буржуазного государства и, в частности, буржуазного суда, выставить его в глазах масс как орган, отстаивающий не классовые интересы буржуазии, а общенародные интересы, как орган руководствующийся не возведенной в закон волей господствующего класса, а принципами вечной, надклассовой справедливости. Буржуазия хотела, чтобы ее суд был не только «слепым», но и «тонким» (Ленин) орудием подавления эксплоатируемых масс, чтобы не сразу было видно, чьи интересы этот суд отстаивает.

Добиться этого при прямой, неприкрытой зависимости судей от органов управления было, очевидно, невозможно.

Буржуазия была вынуждена создавать ряд демократических декораций, за которыми можно было бы скрыть подлинную сущность деятельности буржуазного суда: теорию независимости судей, суд присяжных, гласность, устность и состязательность процесса и т. д. Само собою разумеется, что при тщательном классовом подборе личного состава судей и присяжных заседателей общая классовая выдержанность судебной политики была обеспечена, несмотря на все эти демократические формы. Но, по отдельным делам, иногда и очень важным, при подобной организации суда могли получиться неприятные для господствующего класса результаты. Такие случаи и имели место, как, например, оправдание К. Маркса кельнскими присяжными, оправдание Веры Засулич присяжными заседателями в Петербурге и т. п.

Поэтому создалась необходимость в таком органе, который мог бы не только осуществлять повседневный надзор за судом и за судьями, но и мог бы оказать определенное влияние на разрешение судом отдельных конкретных дел в рамках демократических форм буржуазного процесса. Такой орган был найден в лице прокуратуры. Ее процессуальная роль колоссально возрастает. Сначала во Франции, а затем и в других европейских континентальных странах прокуратура превращается в один из основных рычагов уголовного процесса: прокурор возбуждает уголовное преследование, прокурор наблюдает за следствием, прокурор играет решающую роль в стадии предания суду, прокурор обязательно выступает в качестве обвинителя по всем наиболее важным делам, в частности — по всем делам, рассматриваемым в суде присяжных, за которым надо было особенно тщательно следить, прокурор опротестовывает приговоры судов, прокурор дает заключение в кассационной инстанции. Помимо всего этого, прокурор ведет, более или менее явно, надзор за судьями и дает правительству, в лице министра юстиции, характеристику судей.

Но как бы ни казалось радикальным это изменение функций прокуратуры по сравнению с функциями прокуратуры феодального периода, существо ее деятельности осталось неизменным. Как при феодализме, так и при капитализме прокуратура была верным слугой господствующего класса эксплоататоров и всей своей деятельностью содействовала защите его интересов. Во всех буржуазных странах установилась самая тесная связь между прокуратурой и полицией, вообще, и политической полицией — в частности. Прокуроры руководили работой низших агентов полиции, а высшие агенты полиции в свою очередь руководили прокуратурой. Достаточно прочесть «Разоблачения о кельнском процессе» Маркса (Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. VIII), чтобы наглядно увидеть, как полицейский агент Штибер являлся фактически душой этого процесса, как, по сравнению с ним, прокурор отступал на второй план. В России должность прокурора судебной палаты являлась обычно ступенью к занятию должности директора департамента полиции, т. е. — главного руководителя всех охранных отделений.

Выступая в суде, прокурор, по общему правилу, видел свою задачу в том, чтобы добиться обвинения во что бы то ни стало. Такой стиль работы в особенности ярко проявлялся у французских прокуроров. Лабуле, издеваясь над этой тенденцией к обвинению во что бы то ни стало, влагает в уста такого типичного прокурора следующий отрывок обвинительной речи:

«Я беру его (т. е. подсудимого. — С. Г.) со времени рождения: имея год от роду, он укусил свою кормилицу, двух лет он показал язык своей матери, трех лет украл два куска из сахарницы своего деда, четырех лет таскал яблоки из чужого сада и если негодяй в пять лет от роду не сделался отцеубийцей, то лишь потому, что имел счастье быть сиротой!» (Цит. по А. Ф. Кони «На жизненном пути». СПБ, 1912 г., т. I, стр. 94—95).

В законодательствах стран фашистской диктатуры эта односторонне обвинительная позиция возводится в непременную обязанность прокуратуры. Так, например, итальянский фашистский уголовно-процессуальный кодекс 1931 г. прямо запрещает прокурору предпринимать какие-либо действия в пользу обвиняемого: возбуждать вопрос о смягчении или отмене меры пресечения, опротестовывать приговор суда по жесткости и т. п. Наряду с этим, обвинительные полномочия прокуратуры в странах фашистской диктатуры возрастают: прокурор не только получает право бесконтрольно вести предварительное расследование, не только самостоятельно решает вопрос о предании суду, но и ставится в судебном процессе в такое положение, что он получает возможность командовать судом. В той системе террористической диктатуры верхушки финансового капитала, которой является фашизм, прокуратура представляет собой одно из важнейших звеньев.

Принципиально иной является роль советской прокуратуры в уголовном процессе социалистического государства рабочих и крестьян. Впервые за все время истории прокуратуры, ее обязанность заключается не в том, чтобы содействовать угнетению громадного большинства населения, а в том, чтобы бороться с угнетателями, защищать и отстаивать права громадного большинства населения. Эту принципиально иную задачу невозможно выполнить теми методами, которыми выполняла свою задачу прокуратура эксплоататорских стран. Поэтому положение советского прокурора в уголовном процессе отличается от положения прокурора в буржуазном уголовном процессе не только по направленности его деятельности, но и по методам его работы, не только по существу, но и по форме.

Задача советского прокурора в суде социалистического государства заключается в том, чтобы добиться по каждому конкретному делу выполнения в наибольшей степени тех задач, которые стоят перед судом. В настоящий момент «борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведение новой конституции» (Сталин) эти задачи могут быть в основном сведены к следующему:

1) беспощадный разгром всех врагов народа, шпионов и диверсантов, всей троцкистско-бухаринской агентуры фашистских разведок, всех посягающих на основы социалистического общества;

2) воспитание новой социалистической дисциплины и укрепление социалистического правосознания среди граждан Советского союза как путем применения принудительных воспитательных мер к отдельным нарушителям правил социалистического общежития, так и путем воспитательного воздействия судебных процессов на широкие массы;

3) охрана гарантированных конституцией прав советских граждан.

Прокуратура борется за выполнение этих задач во всех отраслях ее деятельности: и путем осуществления общего надзора за законностью действий административных органов и общественных организаций, и путем рассмотрения жалоб граждан на нарушение их прав, и путем руководства предварительным расследованием, и путем участия в работе суда, и путем надзора за местами лишения свободы. Все эти отрасли прокурорской работы находятся в неразрывной связи одна с другой, представляют собой одно нераздельное целое. В действительной работе прокурора все перечисленные функции переплетаются между собой, переходят одна в другую. Так, например, усмотрев при рассмотрении жалобы преступное нарушение закона, прокурор опротестовывает незаконные распоряжения и возбуждает уголовное дело о действиях нарушителей закона. При расследовании этого дела он выявляет ряд других преступлений и привлекает виновных к ответственности. При рассмотрении дела в суде он добивается осуждения преступников и вместе с тем разъясняет всем гражданам, присутствующим на суде, или так или иначе узнающим о ходе процесса, незыблемость советского закона, нерушимость гарантированных этим законом прав. Наблюдая за местом лишения свободы, в котором содержатся осужденные по этому делу, прокурор следит, чтобы применяемый к ним режим гарантировал надлежащее воспитательное воздействие и превращение этих лиц в дисциплинированных граждан социалистического государства. Вся эта деятельность прокурора представляет собой одну непрерывную цепь.

Каждое последующее звено обусловлено всеми предшествующими звеньями: неосновательное возбуждение дела уже предопределяет неудачу предварительного расследования, плохо проведенное предварительное расследование предопределяет неудачу судебного процесса и т. д.

Рассматривая в настоящей статье работу прокурора в суде, нельзя отрешиться от всего его предшествующей деятельности, нельзя забыть, что прокурор возбудил дело, что он же руководил предварительным расследованием. Соображение о том, что персонально все эти функции могли выполнять различные прокуроры, не меняет дела: прокуратура — едина и ни один прокурор не может отмежевываться от действий другого прокурора, как от чего-то чуждого и его не касающегося.

Работа прокурора в суде может быть разбита на четыре отдельных стадии: 1) участие в подготовительном заседании, 2) участие в судебном заседании, 3) участие в кассационном производстве и 4) участие в надзорном производстве. Настоящая статья посвящена только второй из этих стадий — участию прокурора в судебном заседании.

Прокурор в судебном заседании — обвинитель, представитель стороны по делу. С первого взгляда это утверждение может показаться противоречащим тому, что было сказано выше о недопустимости односторонне обвинительной позиции для советского прокурора. Но это противоречие исчезнет, как только мы будем рассматривать деятельность прокурора в суде не изолированно, а как продолжение всей его предшествующей деятельности. Раз прокурор возбудил дело, раз он руководил предварительным расследованием по этому делу, проверяя как обвинительные, так и оправдательные доказательства, раз он после этого утвердил обвинительное заключение и отстоял его в подготовительном заседании, значит он убежден в виновности подсудимого.

Иначе быть не может. Иначе он прекратил бы дело, не доводя его до суда.

А раз прокурор убежден в виновности подсудимых, он обязан обосновать это свое убеждение перед судом. Можно сказать, что на практике — это не так, что на практике прокурор, назначенный поддерживать обвинение на суде, впервые сталкивается с тем делом, по которому ему придется выступать. Но и в этом случае он может поддерживать обвинение только тогда, когда он убежден в виновности обвиняемых. Если он в этом не убежден, прокурор обязан поставить вопрос об опротестовании определения подготовительного заседания о предании суду. Но убеждение в виновности обвиняемых в этой стадии процесса может иметь только условный характер: постольку, поскольку эта виновность доказана материалами предварительного расследования и поскольку эти материалы не получат иного освещения на судебном следствии. Выступая обвинителем в суде, прокурор должен всегда допускать возможность такого изменения, иначе все судебное следствие превращается в ненужную обрядность, в пустую формальность, в судебную комедию, каковой оно и является в фашистском суде. Ничего подобного в советском суде быть не должно. Прокурор только тогда сумеет хорошо провести процесс, если он на судебном следствии будет действительно прилагать все силы к выяснению объективной истины, а не подводить базу под заранее составленное предвзятое мнение. Поясним это примером:

Свидетель на суде упоминает об обстоятельствах, о которых не упоминается в протоколе его допроса на предварительном следствии и которые колеблют предъявленное подсудимым обвинение.

При правильном, советском подходе к делу прокурор поведет допрос этого свидетеля таким образом, чтобы всесторонне выяснить новые обстоятельства, о которых говорит свидетель, тщательно проверить его показания, выяснить, почему он не упоминал об этих фактах на предварительном следствии, установить, нет ли других доказательств, подтверждающих или опровергающих эти новые обстоятельства и, в зависимости от результатов, построит дальнейшее обвинение, или вовсе откажется от него.

При односторонне-обвинительном подходе, свойственном буржуазной прокуратуре и официально провозглашенном фашистским законодательством, прокурор в таком случае постарается так повести допрос этого свидетеля, чтобы скрыть, замазать новые обстоятельства, могущие поколебать обвинение, чтобы поскорее увести свидетеля от «опасного места».

Только по окончании судебного следствия, после всесторонней проверки всего доказательственного материала по делу, отпадает условный характер убеждения прокурора в виновности подсудимых и складывается окончательное убеждение в их виновности или невиновности, которое прокурор и излагает в своей речи.

Вот почему нет противоречий между определением роли прокурора в суде как обвинителя, и утверждением, что односторонне-обвинительная позиция чужда советскому процессу. Прокурор на суде — обвинитель, но не только обвинитель. Он ни на мгновение не перестает быть представителем органа государственной власти, наблюдающего за законностью, за правильностью судебной политики. А осуждение невинного представляет собой столь же грубое нарушение социалистического правопорядка, как и оправдание виновного. Вот почему наш процессуальный закон, в противоположность итальянскому УПК, предоставляет прокурору право приносить протесты по поводу нарушения прав и интересов всех участвующих в процессе сторон, а проект УПК СССР прямо возлагает на государственного обвинителя обязанность наблюдать за точным соблюдением в процессе всех прав, предоставленных обвиняемому. Эта роль советского прокурора в суде более всего поражает буржуазных юристов, которым приходится наблюдать советский уголовный процесс.

Американский социолог д-р М. С. Колкотт в своей книге о советской юстиции (Russian Justice, New-Jork, 1935 г.), поясняя читателям разницу между положением советского прокурора в стадии предварительного расследования и на суде, где он становится обвинителем, пишет:

«Но и здесь он (т. е. прокурор. С. Г.) настолько стремится к достижению правосудного приговора, что он может прекратить обвинение, если он приходит к выводу, что при предварительном расследовании дела он был не прав. Он обязан поступить таким образом и убедить суд в правильности своего поступка...»

«Поневоле испытываешь чувство недоверчивости, когда слышишь об обвинителе, ходатайствующем о смягчении наказания или об оправдательном приговоре, но подобный случай описан в следующих главах» (У. С. стр 135). Автору приходится уверять своих читателей, что он собственными глазами видел и собственными ушами слышал то, что американскому читателю кажется совершенно невероятным.

Но было бы ошибкой и весьма грубой ошибкой удариться в противоположную крайность и представлять себе роль прокурора в процессе как роль «беспартийного» докладчика, который с полным равнодушием взирает на правых и виноватых и с олимпийским бесстрастием докладывает суду дело. Нечто подобное хотел сделать из прокурора Стельмахович, проводя в период так называемого «упрощенства» мысль об устранении состязательности из нашего процесса, о превращении прокурора в докладчика суда.

Прокурор должен сделать все возможное для полного выяснения дела, для всестороннего исследования всего доступного суду доказательственного материала. Но, раз это исследование привело его к выводу о виновности подсудимых, он проводит этот вывод со всей революционной страстностью, со всей большевистской непримиримостью. Достаточно прочесть речь т. Вышинского по делу антисоветского троцкистского центра, чтобы убедиться, что самая кипучая революционная страстность обвинителя может сочетаться с ледяной логикой, основанной на детальном анализе фактического материала.

Только правильно уяснив себе свое положение на суде как обвинителя, являющегося вме-

сте с тем органом надзора за законностью, за правильностью судебной политики, прокурор может правильно провести процесс.

Другим условием для этого является высокий уровень идейно-политической и юридической подготовки. На суде прокурору приходится сплошь и рядом совершенно неожиданно, без всякой подготовки, высказываться публично по поводу сложнейших политических и юридических вопросов.

Такая необходимость может возникнуть не только при произнесении обвинительной речи, но и в любой другой момент процесса: при допросе свидетеля или обвиняемого, при даче заключения по какому-либо ходатайству и т. п. Судебная аудитория, которая видит в прокуроре представителя государства, чутко прислушивается к каждому его слову и всякая ошибка с его стороны, даже если она будет исправлена судом и не повлияет на существо приговора, может иметь крайне вредные последствия для политического эффекта процесса.

Наконец, третьим необходимым условием для успешного выступления прокурора в суде является хорошее знание дела. Тщательно изучить все дело, прочесть его от первого листа до последнего, изучить все приложения к делу, сопоставить между собой отдельные доказательства — безусловно необходимо, чтобы иметь возможность правильно провести обвинение на суде. В какое неловкое положение может попасть прокурор, не соблюдающий этого правила, можно судить по следующему примеру:

Помощник краевого прокурора Х. поддерживал в краевом суде обвинение по делу бывшего народного следователя М., обвинявшегося в совершении ряда должностных преступлений. В числе других обвинений в деле фигурировало и обвинение в проведении с обвинительным уклоном дела некоего К., которого М., как утверждало обвинительное заключение, явно неосновательно привлек к ответственности вследствие личных счетов. При допросе М. об этом случае, Х. особо напирал на то, что невиновность К. била в глаза, что искусственный характер обвинения был очевиден с самого начала. Каково же было положение Х., когда, сразу же после этих его утверждений, суд по ходатайству защиты удостоверил, что на листе такого-то, такого-то тома приложений имеется постановление о заключении под стражу К., санкционированное никем другим, как самим Х., который в то время исполнял обязанности горпрокурора, а на другом листе тех же приложений имеется жалоба К. на неправильное привлечение его к ответственности, на которой Х. наложил в свое время резолюцию: «Оставить без последствий, как явно неосновательную»? Х., конечно, мог не помнить, когда и какие постановления он санкционировал и какие жалобы рассматривал, но, если бы он ознакомился с приложениями к делу, он, по всей вероятности, не принял бы на себя поддержания обвинения по делу М.

Не говоря о таких исключительных случаях, можно с уверенностью утверждать, что без тщательного изучения дела невозможно правильно провести допрос свидетеля или обвиняемого, нельзя дать обоснованное заключение по тому или иному ходатайству, вообще, нельзя сделать ни шагу.

К каждому выступлению в суде нужно тщательно готовиться. Эта подготовка не ограничивается одним только изучением дела и составлением выписок из него. Судебное следствие, точно так же как и предварительное, не может быть проведено без плана. Готовясь к выступлению в суде, прокурор должен, прежде всего, отчетливо уяснить себе, какое значение имеют для дела показания каждого из вызываемых в суд лиц, без кого из этих лиц можно обойтись на судебном следствии, без кого — нельзя. Заключение о возможности слушать дело в отсутствие неявившихся свидетелей прокурор должен давать не экспромтом, а на основе зрелого обсуждения этого вопроса. По большим делам, по которым вызывается в суд много свидетелей, лучше не полагаться на свою память, а составить себе список этих свидетелей с краткой характеристикой каждого свидетеля, его отношения к делу и сущности его показаний (например, свидетель Х. — инженер завода им. Орджоникидзе, член ВКП(б), сосед по квартире обвиняемого У., показывает о кутежах У., л. д. 121 и 211). Такой список может оказаться очень полезным в продолжение всего процесса.

Далее, прокурор должен тщательно обдумать вопрос о порядке ведения судебного следствия. Четкость процесса в очень большой степени зависит от того, правильно ли определена последовательность допроса вызванных в суд лиц. А определить это можно только путем сопоставления между собой показаний всех вызываемых лиц и путем оценки всего доказательственного материала, лежащего в основе обвинения.

Дать заранее на все случаи какие-либо общие правила о том, в какой последовательности лучше всего вести судебное следствие — невозможно. Этот вопрос нужно решать каждый раз применительно к особенностям данного конкретного дела. Обычно, в случае сознания подсудимого, судебное следствие лучше всего начинать с допроса самого подсудимого. Если же подсудимый отрицает предъявленное ему обвинение, в особенности если обвинение основано на косвенных уликах, лучше всего произвести допрос подсудимого в конце судебного следствия, а начать его с допроса потерпевших и других свидетелей. Примерами той и другой системы ведения судебного следствия могут служить, с одной стороны, дело антисоветского троцкистского центра, с другой, дело Семенчука и Старцева (дело об убийстве д-ра Вульфсона на о. Врангеля). В деле антисоветского троцкистского центра подсудимые признали себя виновными и судебное следствие было начато с допроса подсудимых. В деле Семенчука и Старцева, наоборот, оба они отрицали свою виновность, обвинение основывалось на косвенных уликах, и поэтому допрос подсудимых был произведен в конце судебного следствия, после рассмотрения всех других доказательств. По очень сложным делам, по которым обвинение слагается из нескольких самостоятельных эпизодов, бывает целесообразно вести судебное следствие по отдельным эпизодам.

Само собою разумеется, что эти правила не имеют абсолютного значения. Как видно по примеру того же дела антисоветского троцкистского центра, иногда бывает целесообразно отступить от принятой схемы и, например, вклинить допрос какого-либо свидетеля между допросами двух подсудимых.

Но, во всяком случае, к моменту открытия судебного заседания прокурор должен уже иметь готовый, вполне продуманный проект последовательности ведения судебного следствия, который он мог бы предложить суду.

Затем, прокурор должен заранее наметить себе план допроса подсудимых и важнейших свидетелей. Обойтись без особого, заранее составленного, плана можно только в отношении тех свидетелей, которые вызываются для удостоверения одного-двух несложных фактов.

Для допроса таких свидетелей достаточно упомянутого выше списка свидетелей с краткими пометками о сущности их показаний. Методика составления плана допроса на судебном, чем на предварительном следствии. Основное отличие заключается в том, что, планируя допрос на предварительном следствии, следователь еще не знает, какие показания дает допрашиваемый. Поэтому, составляя план допроса, он исходит из того, что это лицо может знать.

Составляя план допроса на судебном следствии, прокурор уже знает, какие показания данное лицо давало на предварительном следствии, и, планируя допрос, исходит из этих показаний.

Поэтому начинать составление плана допроса в этом случае надо с тщательного изучения показаний данного лица (обвиняемого или свидетеля) на предварительном следствии. Изучая эти показания, прокурор должен отметить, примерно, следующее: какие из этих показаний необходимо повторить на судебном следствии; какие пробелы и неточности были допущены в протоколе допроса, которые нужно пополнить или исправить на судебном следствии; нет ли противоречий между различными показаниями данного лица или между его показаниями и другими обстоятельствами дела, которые надо выяснить на судебном следствии. Если данный свидетель или обвиняемый допрашивался на предварительном следствии несколько раз, прокурор, составляя план допроса, должен прочесть подряд один за другим все протоколы его допросов, так как иначе он легко может не заметить очень существенных противоречий между различными показаниями того же лица.

Нередко постепенное изменение показаний в определенную сторону служит ключом к выявлению мотивов, заставивших данное лицо изменить свои показания. Изучая такие противоречия в показаниях, прокурор должен обращать внимание на дату, когда давалось то или иное показание, на положение следствия в те моменты, когда давались сопоставляемые между собой показания, и должен постараться выяснить, что могло случиться между этими двумя моментами, что могло быть причиной изменения анализируемых показаний.

Только путем такого всестороннего анализа показаний, данных на предварительном следствии, можно обеспечить правильное составление плана допроса на судебном следствии. Составляя этот план, прокурор должен иметь в виду, что судебное следствие ведется не только для суда, но и для судебной аудитории.

Поэтому в план допроса нужно включить все вопросы, которые имеют существенное значение для дела, независимо от того, оставляют ли материалы предварительного следствия какие-либо сомнения по данному поводу или не оставляют.

Нельзя обойти молчанием на судебном следствии какие-либо существенные обстоятельства на том основании, что они совершенно бесспорно установлены материалами предварительного следствия, которые хорошо известны и суду и сторонам. Судебная аудитория этих материалов не знает и легко может воспринять основанный на них приговор суда как необоснованный и недостаточно убедительный. От этого сильно пострадает массово-политический эффект процесса.

Составляя план допроса экспертов, прокурор должен убедиться, что ему понятны, хотя бы в основных чертах, научные доводы экспертизы. Если эти доводы ему совершенно непонятны, то необходимо ознакомиться с соответствующей литературой. Это не значит, конечно, что прокурор должен так изучить данную науку, чтобы знать ее не хуже эксперта. Но прокурор должен ознакомиться с этой наукой, с ее методом, с ее терминологией настолько, чтобы понимать экспертов и иметь возможность самому ставить экспертам точно и правильно сформулированные вопросы. Так, например, если по делу производилась экспертиза кровяных пятен, то прокурор должен знать такие термины как гемоглобины, эритроциты, кровяные пятна и т. п., должен иметь понятие об основных методах, применяемых для исследования кровянных пятен, и знать, какими возможностями в этом отношении располагает экспертиза.

Только зная эти методы и возможности, прокурор может, изучив заключение, данное экспертизой на предварительном следствии, наметить план допроса эксперта на суде.

Определенной, установившейся формы плана допроса на судебном следствии не существует. Каждый прокурор делает себе заметки так, как ему удобно. Но, в какой бы форме ни был составлен план допроса, в нем всегда должны быть отмечены все важнейшие обстоятельства, по поводу которых нужно допросить данное лицо на судебном следствии. Тут же должно быть вкратце указано, какие материалы имеются в деле по каждому пункту плана, на каких листах дела эти материалы находятся. В особенности важно отметить сущность показаний, данных на предварительном следствии тем лицом, план допроса которого составляется, и листы дела, на которых находятся протоколы его допроса. Это необходимо для того, чтобы иметь возможность при допросе этого лица на судебном следствии сразу же уловить каждое противоречие между его показаниями на судебном и на предварительном следствии и сразу же просить суд об оглашении соответствующего протокола его допроса с точной ссылкой на лист дела, где этот протокол находится.

Без описанной подготовки нельзя правильно провести обвинение в судебном процессе. Но, само собою разумеется, что как бы тщательно прокурор ни готовился к делу, он никогда не будет застрахован от разного рода неожиданностей. В любой момент судебного процесса могут выплыть новые обстоятельства, в корне изменяющие всю перспективу дела. Прокурору приходится в этом случае перестраиваться «на ходу» и намечать новые варианты плана ведения судебного следствия.

Поэтому никакая специальная подготовка к тому или иному конкретному делу не может заменить общей политической и юридической подготовленности прокурора, не может устранить требования высокого культурного уровня.

Человек, не овладевший учением Ленина Сталина, не знающий текущей политики, не знакомый с нашим законодательством и криминалистикой, не имеющий тех основных знаний общеобразовательного характера, которые обязательны для каждого культурного человека, не может быть хорошим обвинителем на суде.

М. САНИН

О некоторых фактах и методах подрывной деятельности на водном транспорте Средней Волги фашистских разведок и их троцкистской правой и иной агентуры

«Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительской диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов». (И. Сталин — Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г.).

В докладе на пленуме ЦК партии 3—5 марта 1937 года товарищ Сталин указал:

«Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе и троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты».

Исходя из этих указаний вождя народов товарища Сталина, нам хочется осветить некоторые факты и методы подрывной деятельности троцкистской, правой и иной агентуры международного фашизма, на водном транспорте Средней Волги.

На XVII съезде партии товарищ Сталин подчеркивал всю важность транспорта и его бесперебойной работы для нашей страны.

Помимо колоссального значения и роли транспорта в экономике нашего социалистического государства, велико его значение в деле обеспечения обороноспособности нашей великой родины.

Вот почему транспорт, в том числе и водный, а в частности бассейн Средней Волги, явился объектом преступных посягательств вредителей, диверсантов, шпионов, троцкистско-правых агентов фашизма и прочих контрреволюционных бандитов.

Практика нашей работы устанавливает, что контрреволюционные бандиты свили себе целый ряд гнезд на различных участках Средневолжского пароходства.

Путь является одним из важнейших участков речного транспорта. На этом участке, возглавлявшемся исключенным из партии, ставленником вредителя Бердина — Гвоздковым, свила свое осиное гнездо банда вредителей и диверсантов, действовавшая по прямым заданиям контрреволюционного вредительского центра троцкистско-правой агентуры фашизма в Наркомводе. Развив свои силы на различных местах и поставив своей задачей разрушение транзитного водного пути на Волге, эта банда осуществляла свою задачу следующими методами:

Разработка перекатов, лимитирующих судоходство, производилась явно неправильно, ходы прорезывались так, чтобы нарушить судоходство, вызвать аварии и простои. Так, в результате вредительской работы этой банды Вязовский, Подвальский, Бабановский, Щербаковский, Красновидовский, Ташовский и другие перекаты стали очагами аварий и простоев флота в 1935—36 гг.

В этих целях вредителями производилась:

а) задержка земляных снарядов на всех транзитных работах, в то время когда эти земляные снаряды должны были работать в транзите;

б) основные перекаты с начала землечерпания разрабатывались с поднятой рамой не на полную глубину, а мелкими слоями, земснаряды работали не на полную производительную мощность, земснаряды перебрасывались с одного переката на другой. Это вызывало

непроизводительную затрату времени на их разработку, буксировку, сборку и установку. Таким образом, разработка перекатов тормозилась и состояние их ухудшалось.

В целях сокрытия непроизводительного использования земснарядов производилось завышение выработки грунта земснарядами против фактической путем выписки фиктивных нарядов, что демобилизовывало команды земснарядов, уменьшало производительность земснарядов; кроме того, выплачивались денежные суммы за непроизведенную работу.

Очередность разработки перекатов была построена так, чтобы те перекаты, которые по своему гидрологическому состоянию являлись неустойчивыми и разработка их требовалась в первую очередь (как, например, Ташовский, Красновидовский перекаты), — разрабатывались в последнюю очередь, а в первую очередь разрабатывались более устойчивые перекаты. Это приводило к переформированию перекатов, затрудняло их разработку и нарушало нормальное судоходство.

Поднимались вывески на сигнальных мачтах перекатов, не соответствовавшие действительным глубинам на них. Это вызывало аварии. Примером может служить происшедшая 5 августа 1936 г. авария баржи «Красная Шапочка» на Красновидовском перекате.

Проведенными выше вредительскими действиями состояние транзитного пути было ухудшено до такой степени, что на ряде перекатов создавались пробки из большого количества судов и происходили аварии судов и плотокранов. Это причиняло колоссальный убыток государству и срывало выполнение графика и планов перевозок.

Совершенно неправильно производилось землечерпание на пароходах к ведущим причалам бассейна, в частности к Куйбышеву, у входа в реку Самарку и на подходах к Саратову. Установлено, что подходы разрабатывались так, что их заносило уже через несколько дней после работы.

Общие данные об аварийности на Средней Волге в известной мере отражают последствия вредительства. Так в навигацию 1936 г. было зарегистрировано свыше 400 случаев аварий, с общей суммой убытков около 2500 тысяч руб., из них технические убытки достигли миллиона руб.

Органы советской разведки, органы государственной безопасности, стоящие на страже интересов советского народа, возглавляемые одним из лучших соратников товарища Сталина — Николаем Ивановичем Ежовым, сумели вскрыть вредительство в службе пути и уничтожили осиное гнездо троцкистско-правой фашистской сволочи.

По делу об аварии дамбы на Н. Тарханко (у Саратова), причинившей государству убытков свыше 2,5 млн. руб., прокуратурой Средневолжского бассейна было установлено, что:

а) в процессе осуществления правительственного задания по постройке регуляционных сооружений, обеспечивающих приближение Волги к Саратову, было большое количество аварий, причинивших огромный материальный ущерб государству и тормозивших окончание комплекса гидротехнических работ у Саратова.

Вместо 3 лет, установленных для окончания этих работ, они были затянуты на 7 лет. Бывшие начальники Сарводстроя: Гвоздков и другой ставленник шпиона и диверсанта Чевердина — Войцехович скрыли эти аварии и их тяжелые последствия от Наркомвода путем подлогов в финансовых и информационных отчетах Наркомводу.

Не удовлетворяясь этим, Гвоздков за два месяца до окончания и сдачи в эксплоатацию сооружений законсервировал строительство. Эта попытка вредительства была ликвидирована вмешательством Наркома т. Пахомова. Тогда Войцехович, после сдачи строительства комиссии Наркомвода, снимает технический надзор и охрану с тех сооружений, которые должны были впервые в этом году выдержать высокий подпор воды. В результате благодаря целому ряду конструктивных недостатков, допущенных в проектировании и строительстве, 8 мая с. г. местными рыбаками был обнаружен прорыв дамбы водой. Враги действовали коварно с заранее обдуманным намерением: отсутствие охраны, ухода и надзора за дамбой предопределили большие масштабы аварии и колоссальные убытки;

б) установлено, что вредитель Войцехович, вместе с своими сообщниками, преднамеренно ослабляли конструкции сооружений путем уменьшения толщины тюфяков, уменьшения количества закладываемого камня и разворовывания камня с уже сданных в эксплоатацию гидротехнических сооружений и проч.

Таким образом, враги народа создавали, с одной стороны, видимость экономии и, с другой стороны, создавали денежные фонды, которые затем расхищались. Расхищено было ими около 240 тысяч руб.

На не менее важном участке Средневолжского пароходства — в механико-судовой службе также засела банда вредителей, поставившая своей задачей ослабление технической мощности, а отсюда провозоспособности флота и срыв выполнения плана перевозок. Они осуществляли свою контрреволюционную подрывную деятельность на этом участке следующими методами:

а) Преждевременный вывод из эксплоатации судов путем искусственного завышения количества судов, ставящихся в капитальный ремонт, тогда как эти суда могли бы еще находиться в эксплоатации и перевозить грузы.

б) Разассигнование отпускаемых правительством средств на ремонт «широким фронтом», т. е. так, чтобы вывести из эксплоатации возможно большее количество судов и произвести ремонт их в значительно меньшем объеме работ на тех судах, где капитальный ремонт был действительно необходим.

в) Ремонт планировался и дефектные ведомости на суда составлялись так, чтобы неизбежна была постановка уже бывших в ремонте судов в последующие годы. Так, на судах, требующих разборки палубы и надстройки, ремонтировали котлы и механизмы, а ремонт надстроек не делался (жилые помещения экипажа, каюты и службы для пассажиров и т. п.).

В последующие годы, наоборот, предусматривался ремонт палубы и надстроек, и суда эти снова выводились из эксплоатации (При-

меры: пароходы «Джон-Рид», «Средняя Волга», «Перевозный», «Владимир»). Так, на вновь строящихся экспрессных судах «Мечников» и «Гоголь» были поставлены котлы со стажем в 34 и 42 года, не обеспечивающие по площади нагрева и паросъему обслуживания на полную мощность механизмов. Надстройки на этих судах переделывались несколько раз под различными предлогами лучшего и архитектурного оформления и на это были истрачены сотни тысяч рублей. Между тем суда эти простояли в стройке 7 лет и вышли в эксплоатацию в таком состоянии, что налицо прямая угроза частых выходов их из строя.

Пароход «Волгострой» переоборудован полностью, а котел у него оставлен старый с ограниченным сроком работы на одну-две навигации. До сих пор судно не выпущено из ремонта.

В 1931 г. пароход «Свирстрой» получил капитальный ремонт, а в 1936 г. назначена его реконструкция, задержавшая пароход до 17 июля с. г. в затоне, причем и этот пароход был выпущен с рядом дефектов.

г) Суда ставились в ремонт при отсутствии проектов смет и даже денег на ремонт, подымались на клетки и разбирались. Уже после вывода судов из эксплоатации годами длилась переписка по поводу проектов. Ремонт шел без проектов, с переделками, и на него затрачивались оборотные средства заводов (пароходы «Ломоносов», «Волгострой», «Свирстрой», «11 лет Татарстана», «Герой СССР Водопьянов»). Из этих судов пароходы «Водопьянов», «11 лет Татарстана», «Свирстрой» могли вполне плавать и быть в эксплоатации.

Для того чтобы скрыть следы своего вредительства, враги народа сорвали паспортизацию судов, механизмов и заводов, а без паспортизации немыслим ни правильный технический надзор, ни уход за флотом, ни правильная его эксплоатация.

д) План расстановки судов для ремонта по затонам был построен так, чтобы неравномерно загрузить затоны: одни — сверх их производственных возможностей, другие — ниже их производственных возможностей. Так, на 1936—37 гг. по затону Аракчино по плану предусматривалась постановка 85 судов, фактически было поставлено 103; в затон им. Куйбышева вместо 3 судов поставлено 10; в Криушинский затон — вместо 82 поставлено 3.

е) В самых затонах на часть судов ставились заведомо негодные детали и имел место массовый брак, главным образом, внутризаводской и по литью.

По флоту, находящемуся в капитальном ремонте только в Балаковском затоне, действиями вредителей причинен государству ущерб на сумму свыше 9 млн. руб., не считая, конечно, того, что годами консервировавшийся в Балаковском затоне флот не перевозил грузов, необходимых государству.

Несмотря на то, что на судах и в затонах имели место случаи пожаров (всем известен из ряда вон выходящий случай пожара на пароходе «М. Лядов») — случаи эти не изучались, и дело ограничивалось в большинстве из них благодарностями пожарной охране за быструю ликвидацию пожаров. До сего времени не выкорчеваны последствия вредительства на участке энергетики.

Для обеспечения задач, поставленных партией и правительством перед транспортом, организованы политотделы пароходств. Широким развертыванием массовой, политической воспитательной работы, политотдел Средневолжского речного пароходства должен был обеспечить высокую боеспособность, дисциплину и чистоту кадров на Средней Волге.

Однако и этот участок работы стал объектом вредительской и разложенческой деятельности троцкистской агентуры фашизма. На должности пом. начальника политотдела по комсомольской работе подвизался разоблаченный троцкист Панков, насаждавший троцкистскую агентуру в самом политотделе и развративший на отдельных участках работу. Так в одном из ответственнейших участков политийной работы партком Управления Средневолжского пароходства пробрался ставленник Панкова Аносов.

На заводах и пристанях при содействии Панкова работала группа преступников.

В своей остервенелой ненависти к власти трудящихся и коммунистической партии эти бандиты до того обнаглели, что открыто вели контрреволюционную пропаганду.

Они пытались вербовать себе сторонников из разложившихся элементов, каторжников, пьяниц, создавая, таким образом, свою вредительскую агентуру.

Вредительская и разложенческая деятельность врагов народа, прикрывавшихся партийными и комсомольскими билетами и засевших в политотделе СВРП, могла иметь место только в результате полнейшего отсутствия большевистской бдительности, идиотской беспечности и в атмосфере зажима самокритики, созданной руководителями политотдела Смирновым и Костромитиным. Эти горе-руководители подбирали кадры по принципу семейственности, перетаскивали за собой «своих людей». Среди этих людей были заведомые троцкисты. Инструкторский аппарат политотдела был почти полностью засорен.

Только благодаря бдительности органов государственной безопасности была разоблачена гнусная подрывная и вредительская деятельность как их самих, так и их покровителей в политотделе.

Эти факты ярко говорят о том, что руководство политотдела совершенно забыло почерпывающие указания товарища Сталина. «Теперь узловым вопросом для нас является ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно заполучившим партийный билет» (Сталин).

Сталинское указание о том, что «кадры решают все», игнорировалось руководством пароходства и политотдела.

Во главе отдела кадров и в транзитной части были осужденные недавно судом Дружинин, Лепешкин, Хохлов, Набоков и др. преднамеренно засоряли кадры, судовые команды аварийщиками, дезорганизаторами дисциплины, воровскими элементами и пьяницами.

Из Куйбышевского райводторгпита, насчитывающего 195 человек служащих, уволено за текущую навигацию 85 человек, из них снято с работы, в связи с недостачами и хищениями, с передачей дел в суды и следственные органы 54 человека. Как там подбираются кадры можно судить хотя бы по тому, что из 10 директоров магазинов снято с работы по вышеуказанным причинам 4 человека. Из трех зав. столовыми снято 2. Из 9 зав. киосками снято 6. Из 40 продавцов снято 25. Общая текучесть там значительно большая.

Засоренность руководящих кадров способствовала нарушению революционной законности и охраняемых Сталинской Конституцией прав трудящихся. По далеко еще не полным данным 1 процент удовлетворенных прокуратурой жалоб трудящихся падает на жалобы по трудовым делам. Это говорит о влиянии вражеской деятельности и на этом участке, выражающемся в нарушении социалистической законности. До сих пор в управлении и службах СВРП процветает волокита в рассмотрении жалоб трудящихся, главным образом, потому, что руководители не проявляют Сталинской заботы о человеке.

Совершенно забытым участком в работе бассейнового комитета союза речников (председатель Баскомреча т. Мизютин) является работа профессиональных организаций по осуществлению ими функций низового контроля. Этой областью работы не руководили политотдел и первичные партийные организации.

Далеко еще не возглавлено профсоюзами стахановское движение. В практике работы руководства пароходства преобладают методы администрирования и почти отсутствует показ работы лучших людей транспорта — стахановцев и ударников социалистического производства. Стимулирование этих лучших людей проводится чрезвычайно слабо.

Безобразная работа в СВРП в области планирования (руководитель Глазков) приводит к тому, что планы часто меняются и в результате этого дезориентируются лучшие люди, борющиеся за выполнение и перевыполнение государственных планов перевозок.

В условиях капиталистического окружения, обостряющихся противоречий между капиталистическими странами, в условиях возрастающих противоречий между нашим социалистическим государством, представляющим собой систему новых социалистических отношений, и между капиталистическими и фашистскими странами, наконец, в условиях нарастающей угрозы новой мировой войны — нужна максимальная большевистская бдительность, нужно глубочайшее изучение марксистско-ленинско-сталинской теории, овладение большевизмом, под знаменем которого трудящиеся массы побеждают своих врагов.

На водном транспорте — этом решающем участке социалистического хозяйства, еще больше, чем где бы то ни было, нужна большевистская перестройка работы, глубочайшее изучение недостатков работы транспорта, величайшая бдительность.

Мы должны каждый день, каждый час помнить о подрывной работе иностранных разведок, их агентуры, троцкистско-правых и иных вредителей, диверсантов и шпионов и, в частности, на водном транспорте.

Мы должны помнить: «Что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома» [1].

Трудящиеся нашей страны преодолели все трудности и добились светлой, радостной и счастливой жизни под мудрым и гениальным руководством нашей ленинско-сталинской партии.

Под руководством Центрального комитета и великого учителя и вождя народов товарища Сталина мы разгромим наших врагов до конца и окончательно победим.

А. ТРАЙНИН

Борьба за мир и проект нового уголовного кодекса

Основной закон социалистической демократии — Сталинская Конституция служит неисчерпаемым источником политических идей и законодательных предположений. Уже началась и еще развернется огромная работа по законодательному внедрению во все сферы народной жизни великих начал Конституции. «Конституция, — сказал тов. Сталин в докладе чрезвычайному VIII съезду советов, — не исключает, а предполагает законодательную работу будущих законодательных органов. Конституция дает юридическую базу для будущей законодательной деятельности таких органов». Среди подготовляемых законов видное место занимает проект Уголовного кодекса. Перед авторами проекта встает серьезная задача: отразить в УК основные идеи Конституции — идеи социалистического демократизма и гармонического сочетания интересов личности и коллектива. Но этого еще недостаточно: чтобы органически и неразрывно связать будущий УК с его «базой», — Сталинской Конституцией, необходимо отразить в новом УК также и центральную внешнеполитическую идею Конституции, — идею мира. Как Конституция социалистического государства, так и его Уголовный кодекс, должны в борьбе за мир итти

[1] И. Сталин. «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистов и иных двурушников». Партиздат, 1937 г., стр. 21.

своим путем, путем единым и глубоко отличным от извилистой политики капиталистических стран.

Конституции капиталистических стран, как известно, широковещательны и многословны. Они охотно предусматривают ответственность власти перед богом (Польская конституция ст. 2), великодушно устанавливают, что «никто не может быть куплен или продан в качестве раба» (Греческая конституция ст. 13) и заботливо регулируют убой скота на бойнях (Швейцарская конституция ст. 25 бис). Неизменно вязнет язык в гортани бого- и скотолюбивых авторов конституции лишь тогда, когда речь идет об избежании всеобщей человеческой бойни, когда встает вопрос о конституционных гарантиях мира. И польская, и греческая, и множество других конституций неизменно пишутся так, словно никаких договоров, служащих делу мира (пакт лиги наций, пакт Бриана Келлога и др.), договоров, к которым эти государства примкнули, в природе не существовало и не существует.

Отражая общую политику империализма, послушно плетутся по стопам конституции уголовные кодексы капиталистических стран. Разумеется, роль уголовного закона в борьбе за мир не может быть очень значительной. Однако в системе мер, направленных к защите мира, уголовный закон может сыграть свою положительную роль, увеличивая тем самым «потенциал мира». Уголовные кодексы капиталистических стран этим вопросом не озабочены. Они более склонны карать недозволенную охоту за зайцами, чем организацию военного истребления людей. Такое положение тем менее обосновано, что даже с точки зрения буржуазных криминалистов существует тесная связь проблемы мира с проблемами уголовного правосудия.

«Главная задача уголовного права, — писал в 1930 г. в докладе Пражскому пенитенциарному конгрессу английский профессор Sayre,— не в том, чтобы регулировать индивидуальные права, а в том, чтобы оградить публичную безопасность в интересах общества».

Казалось бы, интересы «публичной безопасности» должны были побудить законодателя уделить в уголовных кодексах особое внимание охране мира: что могут, например, значить цифры убийств, прошедших перед уголовным судом, по сравнению с неисчислимым количеством убитых на войне. В действительности можно отметить обратное.

Во всех капиталистических странах действуют специальные военно-уголовные кодексы, ограждающие от посягательства и смуты оплот диктатуры капитала — армию. И несмотря на существование этих специальных военных кодексов, нет ни одного общегражданского уголовного кодекса, который в свою очередь также не содержал бы дополнительных постановлений о посягательствах против армии и военной мощи государств; и вместе с тем ни одного кодекса, в котором нашло бы реальную защиту дело мира.

Итальянский уголовный кодекс 1930 г. выделяет в особую главу «преступления против личности государства как члена международного общения». Эта глава — кодекс в миниатюре состоит из 35 статей (241—275), предусматривающих разнородные посягательств способные ослабить военную мощь Итали Итальянский УК вспомнил и о «мире». Вспо нил своеобразно и поучительно. Действител но, ст. 245 итальянского УК устанавливае «Кто вступит в сношения с иностранцем целью связать Италию обязательством об явить или сохранить нейтралитет или войну наказывается исправительным домом от 5 15 лет». Таким образом, итальянский УК розой одинакового наказания предостерега как от содействия в о й н е, так и от соде ствия н е й т р а л и т е т у, тем самым обнар живая, что для итальянского фашизма вой и нейтралитет — «блага» равноценные. Ита янская интервенция в Испании показала все миру, что действительно итальянский так зываемый «нейтралитет» ничем не отличае от войны.

Действующий германский уголовный коде в специальном разделе предусматривает р посягательств против иностранного государ ва и его главы (§ 102—104). Однако не о ком государстве печется закон: речь идет странах, с которыми Германия находится дружественных отношениях (Peindliche Ha lungen gegen befreundete Staaten). Некотор германские теоретики ранее, в догитлеровск годы, пытались, правда, разъяснить, что го дарство «дружественное» означает государ во, с которым Германия находится в мире. толкование, однако, находится в явном п тиворечии с указанием закона и всей прак кой фашизма, открыто и «принципиально» р личающего свою и чужие, враждебные ра

Нюренбергский съезд фашистской партии сентябре 1936 г., съезд, провозгласивший бо бу с Советским союзом, с которым Герма находится в мире, основной задачей фаш ма, в достаточной степени показывает, как цену придают официальному миру фашистск правители. По существу съезд явился сп ным «враждебным действием» против Стра советов.

В подготовляемом фашистскими юрист проекте германского уголовного кодекса щита военной мощи выдвигается в каче первоочередной задачи. Особенная часть е екта начинается с «охраны державного по жения государства во-вне». Сюда проект носит обширный ряд деликтов государствен и военной измены. О мире проект УК мол о мире в фашистском законодательстве го рить не принято.

По сравнению с этими кодексами евро ской «цивилизации» значительно более д грессивным является к и т а й с к и й уголов кодекс 1928 г. Действительно, в китайс уголовном кодексе специальная глава 11 священа «посягательствам, наносящим уще отношениям между Китаем и другими го дарствами». Глава эта состоит из семи ст Закон предусматривает в частности совер ние враждебных действий против иностра го государства, нарушение правил о нейтр тете, установленных китайским правительст оскорбление флага или эмблемы другого го сударства и др. Закон (ст. 124) карает и п готовительные к этим преступлениям д вия.

Непрекращающаяся японская агрессия, жертвой которой продолжает оставаться Китай, привела к тому, что глубокое миролюбие, отличающее китайский народ и нашедшее частичное отражение в приведенных постановлениях уголовного кодекса 1928 г., начинает принимать более настороженную форму. В новом уголовном кодексе редакции 1935 г., в третьей главе, предусматривающей «посягательства против отношений Китая с другими государствами», всего четыре статьи (116—119). Закон говорит о преступлениях против главы государства, дружественного Китаю, или представителя иностранного государства, аккредитированного при китайском правительстве, оскорбления иностранного флага. В обоих случаях возбуждение уголовного преследования возможно лишь по жалобе правительства заинтересованного иностранного государства. В новом уголовном кодексе также предусмотрены нарушения правил о нейтралитете.

Специальная глава о «преступлениях против интернационального общения» имеется и в японском уголовном кодексе (§§ 90—94).

Непосредственное отношение к проблеме войны имеют два последних параграфа кодекса — 93 и 94. § 94 угрожает тюрьмой на срок от одного до трех лет или штрафом до тысячи иен тому, кто во время войны между иностранными государствами нарушает предписания о нейтралитете. Особого внимания требует § 93: «Кто с целью повести войну против иностранного государства без санкции надлежащих органов делает к этому приготовления или вступает для этого в соглашение с другими лицами, наказывается тюрьмой на срок от трех месяцев до пяти лет».

Согласно прямому указанию § 93 самочинное вовлечение Японии в войну с иностранным государством может и не влечь за собой уголовной ответственности, если виновный заявил о своих действиях. При этом закон не содержит никаких ограничений в сроке этого права путем заявления избегнуть уголовной ответственности. Оно, очевидно, может быть сделано в любое время, следовательно, даже и тогда, когда в результате действий виновного последовали военные операции.

Как показал опыт войны против Китая, Япония выработала свою особую «методологию» агрессии: в первые моменты войны центральное правительство как бы в стороне. Это-де генералы-озорники сами начинают военные действия. Мировая пресса не раз отмечала обращение японской военщины к помощи этого метода. Приведенный выше § 93 японского уголовного кодекса непосредственно предусматривает подобные факты. Однако случаи применения § 93 неизвестны.

Таким образом, единственное постановление японского уголовного кодекса, как будто направленное к защите мира, на деле этой цели не служит.

Более того, нельзя не отметить следующего положения: ни один уголовный кодекс в мире не содержит постановления, тождественного приведенному выше § 93 японского кодекса о подготовке военных действий против иностранного государства без санкции надлежащих органов. И в то же время ни одна страна в такой мере не прибегает к методам как бы «самочинных» вылазок японской военщины: достаточно вспомнить «инциденты» 1936 г. на манчжуро-монгольских границах. Отсюда непосредственно встает вопрос о специальном назначении § 93 формальным запретом маскировать реально практикуемые методы. В этом понимании в качестве средства, прикрывающего провокацию военных конфликтов, а не в качестве орудия мира, § 93 японского уголовного кодекса действительно заслуживает внимания.

Для иллюстрации того, в какой мере законы капиталистических стран о войне и мире непосредственно зависят от их мирной или империалистической политики, поучительно ознакомление с законодательством Швейцарии.

Швейцария, как известно, является страной, стоявшей и стоящей вне сферы военных конфликтов. Швейцария не питает агрессивных планов. Швейцария в силу договоров и создавшейся международной ситуации не рассматривается и в качестве возможного объекта агрессии. Этот пацифизм, характеризующий положение Швейцарии среди других стран, нашел выражение в швейцарском уголовном законодательстве.

В Швейцарии действуют самостоятельные кантональные уголовные кодексы. Но помимо отдельных общесоюзных уголовных законов (например закон 30 марта 1906 г. против анархистов) действует поныне и общесоюзный уголовный кодекс несколько сокращенного типа: первый раздел — общая часть состоит из 34 статей и второй раздел — особенная часть из 32 статей.

Этот общесоюзный уголовный кодекс издан восемьдесят три года назад — 4 февраля 1853 г., но его мирные постановления могли бы воспринять многие уголовные кодексы новейшего западно-европейского образца. Действительно, вторая глава миниатюрного «общешвейцарского уголовного кодекса» имеет специальный заголовок: «Посягательства против иностранных государств». Она состоит из следующих трех статей:

«Кто посягает на чужую территорию или совершает иное нарушение международного права, карается заключением или штрафом» (ст. 41).

«Кто станет публично поносить другой народ или его суверена или правительство, карается штрафом до 2 000 франков, а в более серьезных случаях заключением на срок до шести месяцев» (ст. 42)

«Кто нанесет оскорбление полномочному представителю другого государства, карается заключением на срок до двух лет или штрафом до 2 000 франков» (ст. 43).

Вскоре после возникновения мировой войны федеральным советом Швейцарии был издан специальный закон, расширявший объем ст.ст. 41 и 42.

Действующий французский уголовный кодекс в первом же разделе первой главы предусматривает преступления против внешней безопасности государства и устанавливает ответственность за всякого рода способствование неприятелю и ослабление военной мощи Франции. Ценность мира находит признание в ст. 84 французского уголовного кодекса,

устанавливающей ответственность тех, «которые враждебными действиями, неапробированными правительством, создают опасность объявления войны». Кроме того, ст. 85 французского уголовного кодекса карает тех, кто незаконными действиями подвергнет французских граждан репрессиям.

Опубликованный недавно, в 1934 году, проект нового французского уголовного кодекса дает более широкую конструкцию преступлений против мира: в особом разделе § 3 «Преступления или в проступке против международных отношений» французский проект предусматривает более широкий круг «враждебных действий», способных создать опасность войны или внести расстройства в отношения Франции с другими государствами. Нормы, ограждающие военную безопасность, распространяются не только в защиту Франции, но и дружественных ей и союзных государств.

Дух воинственности и враждебности, который господствует в международных отношениях империалистических государств и находит отражение в уголовном законодательстве, порой сменяется духом солидарности и попечения. Вместо пороха начинает пахнуть фимиамом. Эта метаморфоза происходит тогда, когда встает вопрос о защите господствующей политической системы, ее престижа и ее «главы».

Так бельгийский закон 1 марта 1858 г., говоря о «преступлениях и проступках против международных отношений», в действительности карает тюрьмой от двух до пяти лет заговор или приготовительные действия, имеющие целью «разрушить или изменить форму правления иностранного государства или возбудить население иностранного государства вооружиться против главы правительства этого государства».

Той же идеей охраны политического порядка в чужой стране проникнут один из новейших уголовных кодексов — датский уголовный кодекс 1933 г., в ст. 107 предусматривающий посягательства на главу иностранного государства.

И другой уголовный кодекс, вступивший в силу в том же 1933 г., уголовный кодекс Латвии, в специальной главе «Преступления против иностранных государств» предусматривает также посягательства против государственного порядка чужой страны: «Кто в Латвии, — говорит ст. 117, — попытается насильственно изменить государственный порядок иностранного государства, находящегося в мирных отношениях с Латвией, или совершит приготовительные к такому преступлению действия, — наказывается, если существует взаимность или заключена конвенция, заключением».

Латвийский уголовный кодекс, таким образом, оставляя безнаказанными всякого рода посягательства на территорию или политическую независимость иностранного государства, в то же время даже приготовление к политическому перевороту рассматривает как серьезное преступление.

На такого рода «интернационализм» было способно даже царское правительство, карав-шее крепостью «виновного в учинении в пределах России покушения на насильственное низвержение правительства дружественного России государства или на насильственное изменение существующего в нем образа правления, или в учинении приготовительных для сих целей действий, или в участии в составившемся с теми же целями обществе, если относительно наказуемости таких деяний существует взаимность» (ст. 135 уголовного кодекса 1903 г.).

Самостоятельного внимания заслуживает постановление польского уголовного кодекса, ибо авторы его кичатся тем, что они сказали новое и сильное слово в защиту мира.

В польском уголовном кодексе имеется специальная норма — ст. 113, карающая заключением на срок до пяти лет всякого, «кто станет публично призывать к агрессивной войне».

В объяснительной записке к кодексу с гордостью отмечается, что норма эта «продукт творчества польской правовой мысли, стремившейся защитить идею мирного сожительства народов». Так гласит закон; так «глаголят» его авторы. А вот летом 1936 г. в органе польских помещичьих сынков «Бунт молодых» было напечатано заявление, содержащее в себе прямой призыв к разбою, прямой призыв к агрессии. Таково реальное значение ст. 113 Польского УК. Может быть, сей прославленный авторами «продукт творчества польской правовой мысли» протух в удушливой атмосфере германо-польской дружбы? Факты говорят о большем: ст. 113 с момента ее возникновения была заведомо обречена на бездействие.

Действительно, согласно § 2 той же ст. 113 польского УК, «преследование за пропаганду агрессии имеет место только на началах взаимности, т. е. только в том случае, если эта пропаганда признается наказуемой и по законам той страны, против которой призыв был направлен». Однако такой страны не существует. Единственные уголовные кодексы, помимо польского УК, предусматривающие пропаганду агрессии, — УК Румынии и Бразилии говорят исключительно о пропаганде агрессивной войны против этих стран. Таким образом, при наличии приведенного выше § постановление польского УК об уголовной ответственности за пропаганду агрессии на деле лишено всякого практического значения; «продукт польской правовой мысли» с первого дня его изготовления был, таким образом, продуктом фальсифицированным[1].

Таков убогий пацифистский актив законодательства капиталистических стран. В фашистских странах уголовные законы, как все заводы и фабрики, мобилизованы для одной цели — подготовки агрессии.

Сталинская Конституция — первая и единственная в мире, в которой международные мирные обязательства нашли полное и безусловное признание, первая и единственная Конституция, в которой проведена отчетливая и резкая грань между обороной и нападением.

Согласно ст. 49 Конституции «Президиум Верховного Совета СССР»... в период между сессиями Верховного Совета СССР объявляет

[1] Подробно об уголовном законодательстве капиталистических стран см. мою работу «Защита мира и уголовный закон».

«состояние войны в случае военного нападения на СССР или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии».

Таким образом, президиум Верховного Совета войны по своей инициативе не объявляет. Он лишь объявляет состояние войны, если на СССР совершено нападение или нападению подверглось государство, в отношении которого СССР связан международными обязательствами по взаимной обороне от агрессии. Здесь, следовательно, Сталинская Конституция в конкретных и точных постановлениях в соответствии со всей мирной политикой советов и мирными идеями пактов Лиги наций и Бриана-Келлога закрепляет отказ СССР от агрессивной войны.

Отражая общую политику мира, неуклонно проводимую Советским союзом, отражая гарантии мира, устанавливаемые в Сталинской Конституции, Уголовный кодекс СССР должен также ввести в отличие от всех кодексов капиталистических стран ряд конкретных постановлений в защиту мира.

В последние годы в связи с лихорадочной подготовкой фашистской агрессии получил широкое развитие терроризм особого рода, экспортный терроризм, направленный к подрыву мирного сожительства народов. «Особенностью этого рода новейшего терроризма, — сказал т. Литвинов в декабре 1934 г. на заседании совета Лиги наций, — является то, что он почти всегда подготовляется и осуществляется на чужой территории, финансируется из иностранных источников и сознательно или бессознательно становится орудием иностранной политики; эта особенность и заслуживает внимания совета, ибо мы имеем здесь дело с явлением, явно угрожающим миру. Ни одно государство не может мириться с тем, чтобы на территории других государств допускались подготовка и организация покушений на жизнь его представителей, в особенности когда имеются основания подозревать не только попустительство, но и сочувствие и пособничество со стороны центральных или хотя бы местных властей этих государств. На почве таких актов создаются трения, инциденты, конфликты между государствами, угрожающие иногда переходить в вооруженные столкновения».

Огромная опасность для мира, содержащаяся в новейшем терроризме, была, как известно, признана и Лигой наций: советом Лиги был создан комитет для разработки интернациональной конвенции по борьбе с терроризмом. В настоящее время имеются два проекта этой конвенции. В ноябре 1937 г. созывается интернациональная конференция по рассмотрению этих проектов.

Советский уголовный кодекс должен содержать специальную норму, направленную против экспортного терроризма, норму, предусматривающую призыв к совершению террористических актов или организацию террористических актов против деятелей других государств.

Терроризм новейшего типа есть один из методов подготовки агрессии. Наряду с этого рода посягательством против мира должна быть предусмотрена и пропаганда в устной или письменной форме против мирного сожительства народов, пропаганда, содержащая призыв к агрессии. Мир неделим. Любая агрессия является посягательством против всеобщего мира; поэтому в советском уголовном кодексе призыв к агрессии должен влечь за собой уголовную санкцию независимо от того, против какого государства призыв направлен, независимо от того, предусмотрена ли законодательством других стран наказуемость подобного призыва.

Ценной гарантией мира являются международные договоры, ограждающие мирное сожительство народов. В соответствии с этим всякого рода действия, направленные к срыву мирных договоров и созданию опасности военных конфликтов, должны также рассматриваться как преступления против мира.

Деликты против мирных отношений между государствами кажется целесообразным выделить в специальную главу «Преступления против мирного сожительства народов».

**
*

В странах «торжествующего» фашизма все ухудшающаяся хозяйственная конъюнктура, ненависть рабочих и разочарование мелкой буржуазии с каждым днем увеличивают опасность революционных взрывов. Фашизм, следуя примеру своих деспотий, пытается спастись от собственного народа путем провокации войны с другими народами.

С каждым днем наглость фашистских поджигателей войны растет и ширится. Пиратские действия фашистских бандитов в Средиземном море — потопление советских пароходов — являются беспримерными посягательствами против всеобщего мира. Трудящиеся всех стран, все передовое человечество, весь мир должен сплотить свои силы для сокрушительного отпора агрессорам. Трусы и предатели, действующие из-за угла, фашистские разбойники наглеют только в условиях попустительства со стороны капиталистических государств, на словах неоднократно провозглашающих свою преданность делу мира.

Одушевленная величайшими идеями и сплоченная единой волей, Страна советов всемерно занята мирным строительством. Уголь, металл, хлеб, школа — лучшие показатели ее достижений и лучшее орудие ее политики. Советский союз — наиболее последовательный и наиболее решительный борец за дело всего человечества, за мир. Оттого Сталинская Конституция — единственная конституция, отвергающая агрессию, оттого Советский УК должен быть первым УК, ведущим борьбу с преступлениями против мира.

Д. ШВЕЙЦЕР

Иски о восстановлении на работе

Одним из величайших завоеваний сталинской эпохи, закрепленным в Сталинской Конституции, является право на труд (ст. 118 Конституции).

В упорной и ожесточенной борьбе с величайшими трудностями добились трудящиеся нашей страны уверенности в завтрашнем дне, веры в то, что с каждым днем жизнь будет лучше.

В историческом докладе товарища Сталина на Чрезвычайном VIII съезде советов Союза ССР дана гениальная по своей простоте и ясности характеристика новой экономики, экономики эпохи социализма.

...«Мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной культурной жизни.

Это обеспечивает беспрерывный и бурный рост нашего народного хозяйства, максимальное использование производительных сил нашей великой родины. В этих условиях и речи быть не может о безработице, о лишних людях. Каждому трудящемуся, каждому добросовестному труженику есть где приложить свои силы и знания.

Таким образом, основная гарантия реальности записанного в Конституции права на труд — наша социалистическая экономика.

Твердое и неуклонное выполнение законов нашей страны и решительная борьба со всеми нарушителями социалистической законности дополняют эту гарантию и создают необходимую, в наше время, устойчивость общественных отношений эпохи социализма.

Борьба за укрепление социалистической законности в трудовых отношениях означает, в первую очередь, непримиримую борьбу со всеми явными и замаскированными врагами народа, разваливающими трудовую дисциплину, подрывающими устои социалистического производства в городе и деревне. Наряду с этим мы должны бороться с отсталыми настроениями отдельных рабочих, особенно среди новых кадров, недавно пришедших из деревни, недостаточно дисциплинированных, не переварившихся еще в рабочем котле.

Борьба за укрепление социалистической законности требует строгого надзора за соблюдением законов о труде как в вопросах регулирования рабочего времени, отдыха и техники безопасности, так и в части регулирования правил найма и увольнения с работы. Твердое и неуклонное проведение трудовых законов требует от нас чуткого и внимательного отношения к жалобам трудящихся, уменья отличить рвачей и шкурников от честных тружеников, преданных нашей родине, партии и правительству, незаслуженно, несправедливо обиженных бюрократами и чиновниками.

При этом совершенно нетерпим в судебно-прокурорской работе излишний либерализм, огульная защита в с е х жалующихся на неправильное увольнение, точно так же как нетерпима и другая крайность: отрицательное, барско-пренебрежительное отношение ко всем жа лобам на неправильное увольнение. К чем приводит излишний либерализм, какой вред о приносит и работнику и предприятию — мы покажем на 2—3 примерах.

Гр. Х. уволен был со склада крупной строи тельной организации в Москве, где он рабо тал кладовщиком по взрывчатым материалам Народный суд, куда обратился Х. с иском восстановил его на работе. Исполняя решени суда, администрация решила восстановить Х на работе, однако, учитывая имевшие мест неполадки в работе Х., администрация назна чила его кладовщиком на том же складе кладовой инертных материалов (гранит, мра мор и т. п.). Условия работы и оклад был сохранены Х. те же, что и на прежней ра боте. Но Х. к работе не приступил, и, при дравшись к тому, что его назначили в другую кладовую, отказался от работы, после чего администрация уволила его за отказ от рабо ты. Х. снова обратился в суд. Народный су решил восстановить его на работе; ГКК Мо сковского городского суда отменила это ре шение и в иске Х. отказала. Президиум Мо сковского городского суда отменил решени ГКК и оставил в силе решение народного суда, обязав администрацию оплатить прогул за все время конфликта, т. е. около 10 ме сяцев. В результате Х. получает несколько тысяч рублей за «вынужденный» прогул, н работает и продолжает настаивать либо н восстановлении на прежней работе, либо о оплате за время, когда он фактически ниче го не делает. Народный суд продолжает вы давать ему исполнительные листы. Только вмешательство Прокуратуры СССР, опротесто вавшей в Верховный суд РСФСР неправильно постановление президиума МГС, приостанови ло незаконное разбазаривание государствен ных средств и поощрение безобразного пове дения этого труженика.

Другой такой же пример. Рабочий типо графии Т. уволен был за подделку сведени о своей выработке. Администрация, по прось бе Т., выдала ему справку об увольнении по сокращению. После этого Т. предъявил иск о восстановлении на работе, доказывая в суд что сокращения в типографии не было. результате началось судебное дело, которо тянулось много месяцев. Одни решения бы в пользу Т., другие против него. В конечно итоге Т. было отказано в иске, так как су выявил истинную причину увольнения. Но не успокоился на этом и свыше года «ходи по профсоюзным, судебным и прокурорски инстанциям, настаивая на восстановлении е на работе и оплате за прогул за 1½ го Квалифицированный полиграфист Т., оказав шийся типичным сутяжником и тунеядцем, работал свыше года и занимался только тем что днями просиживал в приемных прокуратуры, суда и профсоюзных органов.

Нерешительная, либеральная политика от дельных звеньев судебно-прокурорских профсоюзных органов всселяла в него веру возможность легко получить полуторагодичную зарплату. После того как в Прокуратуре СССР

Т. было окончательно отказано в его жалобе, он увидел, что дальше тянуть так нельзя, и поступил на работу. Через неделю его встретили работники прокуратуры и не узнали. Т. был прилично одет, глядел бодро и весело и шутя благодарил за отказ в жалобе. А ведь в мытарствах Т. частично были виноваты те из либералов прокуроров, судей и профработников, которые своими колебаниями поддерживали в нем веру в легкий заработок.

Было бы ошибочно обобщать приведенные выше случаи. Стахановское движение охватило уже значительные слои рабочих промышленности, транспорта и совхозов. Стахановец — рабочий, сознательно борющийся за высокую производительность труда, перекрывающий во много раз нормы, увлекающий своим примером других рабочих — это тип рабочего наших героических дней. Но наряду с ними встречаются еще только что описанные Х. и Т.

По делам о неправильных увольнениях и связанных с ними исках об оплате вынужденного прогула мы прежде всего сталкиваемся с вопросом о круге лиц, иски которых подсудны суду.

Наше трудовое законодательство для отдельных категорий работников исключает возможность судебного разрешения споров по поводу увольнения, предоставляя им лишь право обжалования по административной линии. Сюда прежде всего относятся перечисленные в ст. 65 Постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. и в изданных на этом основании НКТ СССР списках (пост. НКТ СССР от 18 октября 1929 г.) лица, пользующиеся правом найма и увольнения, и другие ответственные руководители учреждений и предприятий, руководители отделов, начальники цехов и т. п. Не могут обращаться также в суд по поводу неправильного увольнения лица, уволенные в порядке уставов о дисциплине на транспорте, в органах связи и др. Распространительное толкование этих законов недопустимо. Это с несомненностью вытекает из духа нашей Сталинской Конституции и созданных ею максимальных гарантий права на труд и усиления роли судебной защиты наших прав. Однако мы имеем немало случаев, когда отдельные суды, прокуроры и даже профессиональные союзы пытаются расширить этот круг лиц.

Декабрьское (1936 г.) совещание судебно-прокурорских работников решительно высказалось против таких незаконных тенденций, направленных к сужению компетенции суда.

Однако практика говорит о живучести этих нездоровых тенденций.

Характерный в этом отношении случай произошел совсем недавно. В городе Егорьевске уволен был на одном из заводов заведующий планово-распределительным бюро слесарно-сборочного цеха К. «за срыв планирования», РКК рассмотрела этот конфликт и нашла увольнение К. правильным. Когда же К. обратился с жалобой на решение РКК в профсоюзные инстанции и к местному прокурору, то райпрокурор разъяснил ему, что он «может обжаловать на имя главка Станкостроения как инженерно-технический персонал», тем самым дав ему понять, что он не вправе обращаться по поводу неправильного увольнения ни в РКК, ни в суд. Центральный комитет союза разъяснил К., что он по занимаемой им должности заведующего ПРБ, на основании постановления НКТ СССР от 18 октября 1929 г., лишен права обращения в суд и РКК по поводу своего увольнения.

Что же касается до того, что РКК все же разобрала его конфликт и признала увольнение правильным, то, по мнению инспектора труда ЦК союза, это решение РКК считается не имеющим никакой юридической силы, так как РКК не могла заниматься вопросом об увольнении К.

На этом основании инспектор труда ЦК союза отказался даже рассматривать по существу жалобу К. на решение РКК.

В это дело вмешалась Прокуратура СССР, обратившая внимание ЦК союза на неправильное толкование закона инспектором труда ЦК союза, который произвольно расширил список № 1 НКТ СССР от 18 октября 1929 г. Прокуратура СССР указала также ЦК союза, что неправильное решение РКК, впредь до его отмены, сохраняет свою силу. В ответ на это секретарь ЦК союза выступил с абсолютно неправильной защитой незаконных действий инспектора труда. Он доказывал, что, хотя той должности, которую занимал на заводе К., и нет в списке НКТ № 1, но так как в этом списке имеются другие должности, например мастера, менее ответственные, чем заведующий ПРБ, и так как в 1929 г. такой должности как заведующий ПРБ в природе не было, то ЦК союза считает, что заведующий ПРБ цеха также не имеет права обращаться в РКК и суд по поводу увольнения, и, следовательно, действия инспектора труда правильны.

Мы подробно остановились на этом примере, потому что ошибочные соображения, высказанные Егорьевским райпрокурором, который всех инженерно-технических работников лишает права обращения в суд по поводу увольнения, а также распространительное толкование списка № 1, допущенное руководством одного из ЦК союзов, к сожалению, имеют последователей.

Верхсуд РСФСР, правда, неоднократно высказывался по этому поводу, правильно ориентируя судебные органы на борьбу с подобными вредными тенденциями. К сожалению, судьи других союзных республик и отдельные судебные звенья РСФСР держатся иных взглядов. Так на Украине, где практика по трудовым делам гражданской коллегии Верховного суда, а по ее примеру и облсудов и нарсудов, страдает рядом существенных недостатков, вытекающих из неправильного толкования наших законов, мы встречаемся нередко с такими решениями, которые приводят к сужению компетенции суда по делам об увольнении. В Гражданской кассационной коллегии одесского областного суда в конце прошлого года рассмотрено было дело по иску Я., заведующего вознесенским пунктом «Заготсено», о восстановлении на работе и оплате за вынужденный прогул. Народный суд решил дело в пользу Я., а ГКК облсуда решение суда отменила и дело производством прекратила за отсутствием у истца права на

иск как у лица, пользовавшегося правом найма и увольнения. Облсуд не обратил внимания на то, что Я. обжаловал свое увольнение по административной линии и директор Всесоюзной конторы «Заготсено» признал увольнение его неправильным.

Ввиду отказа областной конторы выполнить распоряжение вышестоящей организации он вправе был обратиться в суд с иском об оплате за вынужденный прогул. Нередко мы имеем дело с исками работников, включенных в список НКТ № 1 об оплате за вынужденный прогул, после того как возбужденное против них уголовное преследование прекращено, либо если вышестоящая администрация признала увольнение неправильным.

Президиум Верховного суда РСФСР в разъяснении от 1 ноября 1936 г. № 03/60 указал, что оплату за вынужденный прогул могут требовать в судебном порядке также те из работников, кто не может предъявлять в суд исков о восстановлении на работе.

Днепропетровские облсуд и прокуратура смотрят на это иначе. Гражданин П. — начальник ПВО одного из заводов — уволен был в связи с привлечением его к уголовной ответственности. После прекращения дела в уголовном порядке, П. предъявил иск о восстановлении его на работе и оплате за прогул, но суд прекратил дело на том основании, что П. пользовался правом найма и увольнения. После этого П. обратился в НКТП, где признали необходимым оплатить П. прогул, происшедший по вине дирекции завода. П. снова обратился в суд, представив решение НКТП. Но трудсуд вторично прекратил дело по тем же основаниям, что и в первый раз, а облсуд оставил это решение в силе.

Второй пример. Кассира Киевского нарпита З. уволили за недостачу абонементов на обеды, с одновременным возбуждением против него уголовного преследования. После оправдания З. в уголовном суде, он предъявил иск о восстановлении на работе и оплате за прогул.

Трудсуд ему в иске отказал. Кассационная коллегия областного суда оставила это решение в силе. Гражданская коллегия Верховного суда УССР признала увольнение З. правильным на том основании, что З. был кассиром и администрация нарпита могла на основании постановления НКТ СССР от 6 ноября 1930 г. уволить З. в связи с тем, что больше ему не доверяла.

Прокуратура СССР не согласилась с этим решением и внесла протест в президиум Верховного суда УССР, полагая, что Гражданская коллегия Верховного суда УССР допустила явно неправильное толкование постановления НКТ СССР от 6 ноября 1930 г. По мысли Гражданской коллегии Верховного суда УССР администрация вправе бесконтрольно уволить кассира, мотивируя это потерей доверия. В случае с кассиром З. суд в уголовном порядке признал, что З. невиновен в исчезновении абонементов. И хотя это было единственным основанием к его увольнению, все это не помешало судебным инстанциям отказаться от рассмотрения дела по существу и отказать З. в иске о восстановлении на работе по формальным и явно неправильным соображениям, так как президиум Верхсуда УССР не согласился с протестом, — прокуратура Союза опротестовала это решение в судебно-надзорную коллегию Верхсуда Союза ССР.

Такая тенденция к сужению компетенции суда, как мы уже отмечали выше, противоречит закону и не соответствует роли и задаче суда по Сталинской Конституции.

Перейдем к следующему, особенно спорному в нашей судебно-прокурорской практике, вопросу об оплате вынужденного прогула в связи с неправильным увольнением.

Прежде всего надо отметить устарелость редакции ст. 68 пост. ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г., которая говорит о том, что при восстановлении на работе суд присуждает за вынужденный прогул в пределах до 1 месяца во всех случаях, а сверх этого в том лишь случае, «если неправильно уволенный работник в течение одного месяца со дня увольнения зарегистрировался на бирже труда и не отказывался без уважительных причин от предлагаемой работы».

В условиях ликвидации безработицы и упразднения за ненадобностью бирж труда, буквальное толкование ст. 68 указанного закона лишило бы суды возможности присуждать в каких бы то ни было случаях за прогул за срок больше чем за месяц. Вместе с тем нередко требования работников об оплате за вынужденный прогул за срок больше чем за месяц являются справедливыми и вполне обоснованными.

Судебная практика по этим искам отличается значительной пестротой.

В ряде решений украинских судов, включая и ГК Верховного суда УССР, мы встречаемся с отказом в оплате за вынужденный прогул более чем за один месяц на том основании, что в СССР ликвидирована безработица, а потому истец мог при желании найти работу.

Так, например, в определении Гражданской коллегии Верховного суда УССР по делу М., хотя и признано было грубое нарушение администрацией законов о труде, выразившееся в увольнении командира запаса М. во время нахождения его на лагерных сборах, однако, на работе суд не восстановил его и отказал оплатить за прогул свыше месяца на том основании, что в СССР ликвидирована безработица и, очевидно, М. сам недостаточно энергично искал работы.

Прокуратура СССР опротестовала это судебное решение, и президиум Верховного суда отменил его.

Несомненно, что факт ликвидации безработицы в нашей стране надо учитывать при разрешении подобных исков. Страна, нуждающаяся в работниках всех специальностей, не может терпеть такого положения, когда здоровые люди сидят без дела. Наша Конституция, наряду с правом на труд, записала и обязанность каждого трудящегося участвовать в социалистическом производстве.

...«Труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: «Кто не работает, тот не ест» (доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII съезде

советов СССР). Это означает, что каждый работоспособный трудящийся нашей страны обязан не сидеть без дела, а искать работу, не дожидаясь, пока ее предложат.

Из этого и надо исходить при разборе претензий об оплате за вынужденный прогул. Если установлено судом, что в силу тех или иных причин работник, после незаконного увольнения, не мог найти себе некоторое время работы, он вправе требовать оплаты прогула за срок более длительный чем один месяц. В частности, по делу М. было установлено, что он ряд месяцев усиленно искал и не находил себе работу по своей специальности торгового агента. При этих условиях отказ в оплате М. за вынужденный прогул более чем за один месяц был незаконным.

Возьмем другой случай из судебной практики г. Москвы.

Р. был уволен с московского завода по сокращению. Это совпало с переходом Р. на инвалидность, и администрация выдала ему при увольнении путевку на курорт и выходное пособие. Пробыв месяц с лишним на курорте, а затем отдохнув еще два месяца, Р. обратился в РКК завода с заявлением по поводу неправильного его увольнения, а также с просьбой о предоставлении ему какой-либо более легкой работы, которую он по состоянию своего здоровья мог бы выполнять. РКК отказала ему ввиду отсутствия надлежащей работы. Инспекция труда отменила решение РКК и передала дело в суд. После неоднократных рассмотрений этого дела, суд решил восстановить Р. на работе с оплатой ему прогула за все время со дня увольнения, включая и время пребывания на курорте. При этом суд не выяснил даже, есть ли на заводе какая-либо работа для Р., искал ли он где-либо работу, так как администрация завода, уволив его по сокращению, ничем не препятствовала ему найти себе какую-либо работу на другом заводе.

В таком виде решение утверждено было президиумом Мосгорсуда. По протесту Прокуратуры СССР Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР отменила все решения суда по этому делу и передала его на новое рассмотрение для выяснения указанных нами моментов, без чего нельзя было решать вопроса ни о правильности увольнения, ни об оплате прогула.

Еще более показательным является дело инженера П., которое рассматривалось на Украине.

Инженер П., начальник силового отдела одного из наших крупнейших металлургических комбинатов, уволен был в июне 1936 г. как не справившийся с работой. С самого начала это дело приняло неправильное направление. Делом об увольнении начальника отдела комбината инженера П. занялась РКК несмотря на то, что дело это было ей не подсудно. Все же РКК по существу решила спор, признав увольнение П. правильным. Инспектор труда отменил решение РКК и предоставил П. право обращения в суд. Дело было рассмотрено в суде 21—25 ноября 1936 г., т. е. спустя 5 месяцев после увольнения. Народный суд решил восстановить П. на работе с оплатой за прогул по день восстановления. ГКК областного суда оставила это решение в силе, изменив лишь решение в части восстановления, признав это нецелесообразным, и обязала директора комбината выдать П. справку об увольнении по собственному желанию. 27 марта 1937 г. ГКК Верховного суда УССР восстановила решение народного суда об обратном приеме П. на работу и утвердила решение об оплате прогула по день решения трудсуда, т. е. по 25 ноября 1936 г.

Оставляя в стороне вопрос о подсудности суду иска о восстановлении на работе начальника отдела промышленного предприятия, а также и основательность решения суда о восстановлении П. на работе (Прокуратура СССР считает увольнение П. правильным), мы обращаем внимание на необоснованность решения суда об оплате за вынужденный прогул. Квалифицированный специалист по одной из тех специальностей, в которых наша страна особенно нуждается, в течение года занят только своей тяжбой, никуда не обращается за работой и с помощью суда получает с государства несколько тысяч рублей за абсолютное безделье. Вместе с тем П. безусловно имел возможность поступить на другую работу еще в июне 1936 г., так как дирекция не выдала ему таких документов о работе, которые мешали бы его поступлению на работу. С ноября же 1936 г., когда трудсуд полностью реабилитировал его, он уже во всяком случае мог начать работать. Но П. не работал до июля текущего года, настаивая на оплате за время до восстановления. В его безделье и незаконном получении им государственных денег в известной мере повинны суды, вынесшие неправильные решения. Прокуратура СССР опротестовала это решение Гражданской коллегии Верховного суда УССР в президиум Верховного суда УССР.

Наряду с подобного рода примерами, следует остановиться на примере справедливого требования оплаты вынужденного прогула за длительное время.

Экономист М. работал в Якутии около 3 лет и был уволен «за срыв работы по планированию с одновременным привлечением к уголовной ответственности». Около года М. находился под следствием. Выехать из Якутии он в связи с этим не мог. Поступить там на работу с той формулировкой причин увольнения, которая была записана в его трудовом списке, да к тому же еще будучи подследственным, он также не мог. Только через год суд разобрал его дело и осудил М. Главный суд Якутии смягчил наказание, а Верховный суд РСФСР вовсе отменил приговор и дело прекратил за отсутствием в действиях М. состава преступления. После этого М. предъявил иск об оплате за вынужденный прогул. И хотя разбиравшая это дело Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР признала грубое нарушение трудового законодательства со стороны администрации, уволившей М. и возбудившей против него уголовное дело без всяких оснований, однако, за прогул М. присудили лишь за 6 месяцев.

Прокуратура опротестовала это определение Гражданской коллегии Верховного суда, указав на необоснованность присуждения всего за 6 месяцев прогула. Прокуратура требовала

оплаты прогула за год, то есть за то время, когда М. находился в Якутии в таких условиях, когда лишен был возможности найти себе другую работу. Президиум Верховного суда согласился с протестом, отменил определение Гражданской коллегии Верховного суда, предложив ей снова обсудить вопрос о сроке, за который следует оплатить прогул.

Мы нередко встречаемся еще с такими явлениями, когда дирекция предприятия или руководитель учреждения, правильно увольняя работника, выдает ему справку о работе, в которой записаны явно недопустимые с точки зрения нашего законодательства формулировки причин увольнения. Вследствие этого работник не сразу может устроиться на работе, некоторое время вынужден оставаться без работы, обращаясь за помощью об изменении формулировки причин увольнения в КСК, к прокурору и в суд. Не говоря уже о таких грубо нарушающих закон формулировках, как например: «уволен за развал работы, уволен за связь с преступным элементом, уволен за срыв стахановского декадника» и т. п., мы встречаемся нередко с такими, казалось бы, невинными формулировками, как «уволен согласно приказу №... от ...». Это приводит к требованию приказа об увольнении, в котором записаны такие мотивы, которые заставляют воздержаться от приема на работу этого работника.

В связи с этим также возникают судебные дела об изменении формулировок увольнения и оплате за вынужденный прогул, либо только об оплате за прогул.

Такие иски суд обязан принимать к рассмотрению, независимо от того, кто бы ни был истец, хотя бы и работник, принадлежащий к кругу лиц, лишенных права обращения в суд с иском о восстановлении на работе.

Суды и прокуроры должны помнить, что на основании кодекса законов о труде, правил ведения трудовых списков, постановления III пленума КСК и циркуляра Прокурора РСФСР от 9 июля 1932 г. в трудовые списки, а следовательно и другие документы, выдаваемые при увольнении, запись причин увольнения должна производиться в соответствии с теми формулировками, которые приведены в ст.ст. 47, 48 и других статьях Кодекса законов о труде. Некоторые суды и прокуроры впадают в крайность, полагая, что в документе об увольнении вообще нельзя записывать какие-либо дискредитирующие работника сведения, а потому требуют либо исключать причину увольнения, либо указывать явно неправильные сведения, указывая во всех случаях «сокращение», «собственное желание», «болезнь», «переход на другую работу» и тому подобные невинные формулировки. Такие действия не основаны на законе. Если работник уволен за систематическое нарушение трудовой дисциплины (п. «г» ст. 47 КЗоТ РСФСР) или за прогул (ст. 41[1]), или в связи с осуждением его уголовным судом (п. «д» ст. 47) и т. п., то так и надо писать в трудовом списке, не допуская при этом отступлений от истины.

Если же суд, проверив все обстоятельства дела, найдет, что запись в трудовом списке или справка о работе выдана была с такой формулировкой увольнения, которая не соответствовала действительности, или хотя и близка была к истине, но в таких выражениях, которые отступают от требований закона, и что вследствие этого работник некоторое время не мог устроиться на работе, суд обязан предложить администрации выдать другой документ о работе, а если работник докажет, что он вследствие неправильно выданных документов о работе имел вынужденный прогул, то и присудить за прогул, независимо от правильности увольнения.

Резюмируя затронутые в этой статье вопросы, необходимо притти к следующим выводам:

а) В современных условиях борьбы за укрепление социалистической законности суды, прокуратуры и профсоюзные органы должны всячески ограждать трудящихся от незаконных посягательств на одно из основных конституционных прав — право на труд; а это обязывает к строжайшему соблюдению трудовых законов при разрешении дел о неправильных увольнениях.

б) Существующие ограничения права обращения в суд по поводу увольнения охватывают слишком широкий круг лиц и нуждаются в пересмотре в сторону значительного сокращения. Во всяком случае следует решительно осудить, как не соответствующие принципам Сталинской Конституции, попытки под тем или иным предлогом расширить списки этих лиц. С этими вредными тенденциями следует вести решительную борьбу.

в) При разрешении дел о восстановлении на работе и оплате за вынужденный прогул, либо только об оплате за вынужденный прогул, суды должны лишь в том случае присуждать за прогул свыше 1 месяца, когда судом установлено будет, что по вине администрации или по ряду объективных причин работник длительное время, пока у него длился конфликт с администрацией, не мог устроиться на работе, хотя и принимал все зависящие от него меры.

Настоящей статьей мы далеко не затронули всех спорных вопросов, связанных с рассмотрением дел о неправильном увольнении. В одном из ближайших номеров нашего журнала мы вернемся еще к этому вопросу.

А. ТАГЕР

Проблемы кассации в истории советского уголовного процесса

1. Советский кассационный процесс в том виде, как он существует в настоящее время, был создан не сразу. Он формировался и развивался постепенно. Многие элементы его наметились и привились в судебной практике еще до того, как нашли свое место в законодательных текстах. И в настоящий момент есть еще целый ряд весьма важных кассационных проблем, выдвинутых судебной практикой и ждущих своего законодательного разрешения.

Наряду с этим первоочередной задачей является выработка на почве огромного, накопленного за 20 лет опыта теории советской кассации. Это тем более необходимо, что в советском процессуальном праве несомненно создан совершенно новый тип кассационного процесса.

В досоветский период считалось, что механизм кассации может быть использован лишь по образцу французского процесса, что кассация французского типа является единственно возможным видом кассационного процесса и что этот процесс так называемой «чистой кассации» совпадает с родовым понятием кассации вообще.

После создания советского типа кассационного процесса такая точка зрения уже больше невозможна. Кроме созданного французской революцией кассационного процесса французского типа, существует созданный Октябрьской революцией советский тип кассационного процесса. Этот факт заставляет заново пересмотреть все теоретические проблемы кассации и в первую очередь дать новую и иную, чем давалась до сих пор, формулировку самому родовому понятию кассации.

2. Обращаясь к указанию основных проблем кассации в истории советского уголовного процесса, нельзя прежде всего не обратить внимания на то, что в советском уголовном процессе существование кассации не сопряжено с одновременным существованием апелляции. Совершенно естественно, что в процессуальной системе, не знающей апелляционного пересмотра дел, кассация должна выглядеть иначе, чем в процессуальных системах, пользующихся обоими институтами — и апелляцией и кассацией.

Советский уголовный процесс с самого начала отказался от апелляционного порядка пересмотра приговоров. Уже первый советский декрет о суде от 24 ноября 1917 г. устанавливал, что приговоры уголовного суда не подлежат обжалованию в апелляционном порядке и могут быть проверяемы вышестоящими судами лишь в кассационном порядке [1]. И декрет № 2 о суде от 28 февраля — 7 марта 1918 г. вновь повторял, что обжалование в апелляционном порядке отменяется и допускается только кассация решений [1]. При этом надо отметить, что текст декрета № 2 был проверен лично В. И. Лениным. Им собственноручно внесены в текст те исправления, которые он считал необходимыми. Отрицательное отношение к апелляции не вызвало с его стороны никаких замечаний и возражений [2]. И после этого все дальнейшие законодательные акты, касавшиеся организации суда, повторяли в различной редакции, но всегда решительно и категорически, мысль о недопустимости апелляционного пересмотра дел в советском уголовном процессе. Так продолжалось вплоть до кодификации судебного права в 1922 г. Ту же отрицательную точку зрения на порядок апелляционного пересмотра приговора усвоил и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, а вслед за ним и уголовно-процессуальные кодексы других союзных республик. На этой же точке зрения стоят изданные в 1924 г. «Основы судоустройства СССР и союзных республик» и «Основы уголовного судопроизводства СССР» [3].

Таким образом, апелляционный пересмотр приговоров уголовного суда отвергался и отвергается последовательно советским законодательством на протяжении всего двадцатилетнего существования советской юстиции. Можно, поэтому, утверждать, что это отрицание апелляции не случайно в советском уголовно-процессуальном законодательстве, а имеет принципиальный характер и принципиальное значение.

Не знает сторонников введения апелляции в советский уголовный процесс и советская процессуальная литература. Там, где советские процессуалисты высказывались об апелляции, отношение к ней было с их стороны обычно резко отрицательным [4].

Таким образом, в основу системы обжалования и проверки приговоров положен в советском уголовном процессе лишь один только принцип — принцип кассации.

Поскольку апелляционный принцип принципиально отвергнут советским уголовным процессом, постольку точное установление процессуальных признаков различия между кассацией и апелляцией имеет не только теоретическое значение, но и практическое. Установление этих признаков необходимо практически для того, чтобы советская кассация и в своем построении и в своем применении не превращалась в апелляцию, хотя бы и без употребления этого термина.

3. Система кассационных судов была создана в советском уголовном процессе не сразу. В первоначальных судоустройственных актах установлен был такой порядок, при котором

[1] С. У. РСФСР № 4 за 1917 г.

[1] С. У. РСФСР № 26 за 1918 г.

[2] XXI Ленинский сборник, стр. 216.

[3] С. З. СССР № 24 за 1924 г.

[4] См., например, А. Я. Вышинский, Курс уголовного процесса. 1927, стр. 187; Н. В. Крыленко, Судоустройство. 1924, стр. 56—57.

Народный комиссариат юстиции имел право входить в Центральный исполнительный комитет советов с предложением об отмене приговоров и назначении вторичного рассмотрения дела. Это еще не был порядок кассационного обжалования приговоров. Пользуясь позднейшей терминологией, можно было бы сказать, что это был своеобразный порядок надзора — через НКЮ и Президиум ВЦИК. Но это был тот судоустройственный росток, из которого затем выросла советская кассация. Когда для осуществления указанных выше полномочий Наркомюста в его составе был создан специальный орган, то он был назван кассационным отделением. Жалобы на приговоры революционных трибуналов должны были подаваться в это отделение, а оно от себя уже входило в Президиум ВЦИК [1].

В сфере общей юстиции декретом № 2 о суде в феврале 1918 г. были созданы областные народные суды в качестве судебных, кассационных инстанций [2].

Следующий шаг был сделан вновь в области трибунальной юстиции: декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г. создан Кассационный отдел при ВЦИК, куда должны были непосредственно, т. е. минуя Наркомюст, поступать кассационные жалобы на приговоры революционных трибуналов [3]. Другими словами, рассмотрение кассационных жалоб непосредственно этим Кассационным отделом при ВЦИК заменяло собой направление жалоб в президиум ВЦИК через Кассационное отделение НКЮ. Тем самым была создана нормальная судебная кассационная инстанция для руководства деятельностью революционных трибуналов.

Пока существовали раздельно система народных судов и система революционных трибуналов, до тех пор различно было и построение кассационных инстанций. Для трибунальной юстиции кассационная инстанция была централизована: сначала Кассационный отдел при ВЦИК, затем Кассационный трибунал при ВЦИК и, наконец, Верховный трибунал при ВЦИК.

Кассационные инстанции для народных судов были построены по признаку децентрализации. В центре единого кассационного суда для всей системы народных судов не было. Это положение сохранилось и в последующем. В связи с последовательными судоустройственными изменениями, кассационной инстанцией для народных судов был сначала совет народных судей, затем губернские суды, затем окружные суды, а в настоящий момент краевые или областные суды (или верховные суды в автономных республиках и в союзных республиках, не имеющих областного или краевого деления).

Для краевых или областных судов, кассационная инстанция централизована в лице Верховного суда республики.

Наконец, в особые системы выделены органы военной юстиции, транспортные суды и водно-транспортные суды. Кассационной инстанцией для них являются соответственно Военная коллегия Верховного суда СССР, Транспортная коллегия того же суда и Водно-транспортная коллегия того же суда.

Таким образом, единство кассации максимально обеспечено для военных трибуналов, транспортных и водно-транспортных судов. Меньше всего единство кассации обеспечено для системы народных судов. Тому причиной необъятные размеры Советского союза, благодаря которым нет возможности построить единую кассационную инстанцию для всей системы народных судов [1].

4. Согласно традиционному пониманию института кассации в буржуазно-демократическом процессе, самый механизм кассации пригоден лишь для разрешения в кассационном порядке правовых вопросов. Поэтому в кассационном процессе французского типа кассационное рассмотрение ограничивается вопросами о соблюдении процессуальных норм и правильности применения карательных законов. Вся работа суда первой инстанции в области существа дела считается принципиально недоступной для проверки кассационными методами. В связи с этим в традиционном понимании, почерпнутом из буржуазно-демократического процесса, кассация противопоставлялась апелляции как рассмотрение правовых вопросов — рассмотрению дела по существу. Такое именно построение кассационного процесса во французском революционном и послереволюционном законодательстве совершенно объяснимо исторически. Но, вместе с тем, нет никаких теоретических оснований считать такой тип кассационного процесса единственно возможным и отождествлять этот исторический вид кассационного процесса с родовым понятием кассации вообще.

С теоретической точки зрения правильно противопоставить институт апелляции институту кассации по одному единственному признаку: при апелляционном пересмотре дел, вышестоящий суд, рассматривая все дело так же, как его рассматривала первая инстанция, решает вновь дело по существу и ставит свое решение по существу дела на место обжалованного решения суда первой инстанции, хотя бы по содержанию своему оно и совпадало с этим последним.

При кассационном рассмотрении — вышестоящий суд никогда не должен ставить свое его решения по существу дела на место решения суда первой инстанции. Если решение первой инстанции неудовлетворительно с точки зрения кассационного суда, то он отменяет его

---

[1] С. У. РСФСР № 21 за 1918 г.
[2] С. У. РСФСР № 26 за 1918 г.
[3] С. У. № 45 за 1918 г.

[1] Вследствие ограниченности размеров журнальной статьи, мы не останавливаемся в нашем изложении на проблемах надзорного производства, структура которого имеет, конечно, самую тесную связь с кассационным процессом. В частности, построение надзорного производства в советском уголовном процессе имеет ближайшее отношение к проблеме обеспечения единства законности. Можно даже сказать, что наиболее полное выражение принцип обеспечения единства законности находит именно в надзорном процессе, благодаря тому что надзорные полномочия Прокуратуры Союза, с одной стороны, и Верховного суда Союза, с другой стороны, охватывают всю судебную систему в целом, в том числе и народные суды.

решение и направляет дело для нового рассмотрения в суд первой инстанции. Этот основной, конститутивный признак института процессуальной кассации приговоров удачно и правильно выражен самими терминами «casser», «cassation». Таким образом, единственным основным для родового понятия кассации является именно этот признак: кассационный суд не решает дела по существу, а ограничивается лишь отменой, кассацией, т. е. «сломкой», аннулированием неудовлетворительного по его мнению приговора, с направлением, в случае надобности, дела для повторного рассмотрения в суд первой инстанции. Именно этот признак необходим для признания того или иного процесса кассационным. Без этого признака нет института кассации. С другой стороны, этого признака достаточно для признания того или иного процесса процессом кассационным. Таким образом, по различному могут быть определены поводы кассационного обжалования и пределы кассационного рассмотрения, но если методом работы является принципиальный отказ от перерешения дела по существу и отмена неудовлетворительных приговоров с направлением дела для нового разрешения по существу в первую инстанцию, то мы имеем дело с процессом кассационным. В тех же случаях, когда на высшем суде, проверяющем приговор низшего суда, лежит обязанность решить дело по существу, т. е. вынести свой приговор и поставить его на место приговора суда первой инстанции, мы имеем дело с институтом процессуальной апелляции. Таким образом, терминологически правильно говорить об апелляционном порядке пересмотра приговоров и о кассационном порядке отмены приговоров. Советское процессуальное право создало новый тип кассации, резко отличающийся от кассации французского типа.

С политической точки зрения советский тип кассационного процесса отличается от французского типа тем же, чем отличается советская судебная система в целом от буржуазного суда: буржуазный суд охраняет интересы господствующего класса — буржуазии и борется с посягательствами на буржуазное государство. Советский суд стоит на страже строительства бесклассового, социалистического общества и борется с нарушителями социалистического права.

Главным и основным процессуальным нововведением советской кассации по сравнению с кассацией французского типа является организация кассационного надзора за работой судов первой инстанции по разрешению ими дела по существу. Именно это наиболее отличительная с принципиальной стороны процессуальная особенность кассации советского типа по сравнению с кассацией французского типа. Именно это нововведение дает право говорить о создании нового процессуального типа кассации, в котором кассационный механизм приспособлен для достижения гораздо более значительных целей и задач, чем те, которые могут быть достигнуты при помощи так называемой чистой кассации. Задачи, следовательно, состоят в том, чтобы строить институт советской кассации, не подменяя ее апелляцией. Это в свою очередь значило, что многие процессуальные задачи, которые до того решались лишь методами апелляционного производства, теперь следовало решать методами кассационными.

Еще в период времени до 1922 г. в законодательстве и в кассационной практике были уже совершенно отчетливо выработаны два вида кассационного контроля над работой судов первой инстанции по существу дела. Это — проверка справедливости репрессии, определенной в судебном приговоре, с одной стороны, и проверка правильности и полноты расследования, произведенного до вынесения приговора, с другой стороны [1].

5. Первым из этих двух видов развился в советском праве кассационный надзор за правильностью определения в конкретном судебном деле наказания, хотя бы и не выходящего за пределы максимума и минимума, установленных в законе. Именно в этой последней оговорке и заключается особенность этого кассационного полномочия. В кассационном процессе французского типа кассационный суд вправе проверить лишь вопрос о том, не выходит ли назначенное судом наказание за пределы, установленные в примененном карательном законе. Если назначенное наказание умещается в пределах законного минимума и максимума, то у кассационного суда, в процессе так называемой чистой кассации, по вопросу о репрессии более никаких задач нет.

Такая проверка формальной законности наказания возложена и на советский кассационный суд. Но на нем лежит еще и другая задача: не ограничиваясь проверкой формальной законности определенного наказания, проверить также еще и по существу конкретную его справедливость в данном именно случае. Это не значит, что имеется какая-то

[1] Иногда ошибочно считается, что рассмотрение дела кассационным судом в ревизионном порядке является рассмотрением его по существу, в противоположность кассационному рассмотрению. Эта точка зрения неверна. Ревизионный порядок нельзя в советском уголовном процессе противопоставлять кассационному порядку. Ревизионный порядок изучения и рассмотрения дела есть неотъемлемое свойство советского кассационного процесса. В кассационном процессе французского типа кассационный суд вправе рассматривать вопрос об отмене приговора лишь по тем поводам, которые указаны в принесенной кассационной жалобе. Если кассационный суд усмотрит сам хотя бы очень существенное нарушение прав и интересов жалобщика, то он не может положить его в основу отмены приговора, поскольку оно не указано в кассационной жалобе. Ревизионный характер советского кассационного процесса дает возможность кассационному суду положить в основу отмены приговора и удовлетворения кассационного протеста или кассационной жалобы также и такое нарушение прав и интересов кассатора, которое им самим осталось неуказанным. Так же в известных случаях может быть рассмотрен вопрос о кассации приговора и в отношении лиц, оставивших его без обжалования. Более подробно на проблеме ревизионного характера рассмотрения дел мы останавливаться, к сожалению, не имеем возможности.

противоположность между советской законностью и советской справедливостью, но, при большом размахе полномочий суда в выборе репрессии между законным минимумом и законным максимумом, конкретно назначенное наказание должно быть не только формально законным, но и справедливым по существу.

Что же касается процессуального порядка осуществления этого кассационного полномочия, то было выработано два различных пути. В области общей юстиции выработан был строго кассационный порядок: *другими словами*, констатировав несправедливость назначенного наказания, кассационный суд должен был отменить приговор и направить дело для нового рассмотрения. В области трибунальной юстиции законодательство стало на другую точку зрения, предоставив кассационному суду право понижать несправедливое наказание собственной властью, без передачи дела для нового рассмотрения в низшую инстанцию. Законодательством 1922 и 1924 гг. оба эти полномочия были слиты, и все виды кассационных судов получили право по своему усмотрению либо отменять приговор по несправедливости определенного наказания, с направлением дела для повторного рассмотрения в первую инстанцию, либо понижать репрессию собственной властью.

Это последнее право проверяющего суда на понижение репрессии без направления дела в первую инстанцию представляет собой единственный, но несомненный элемент апелляционного производства в нашем процессе. Планомерно проводимое использование кассационными судами своего права на отмену и исправление приговоров по причине неправильно определенной репрессии дало возможность советской кассационной системе поднять свой контроль за правильностью назначения репрессии в конкретных делах на высоту осуществления большой государственной задачи по *уголовно-политическому регулированию репрессии в стране*.

На почве осуществления этой задачи по инициативе Верховного суда РСФСР в советское законодательство было внесено очень интересное начинание, формулированное в примечании к ст. 6 и в ст. 8 УК. Введение этих статей в состав Уголовного кодекса видоизменило всю структуру последнего, при помощи удачного использования материального понятия преступления, вместо только формального. С другой стороны, это очень интересный пример влияния, оказанного кассационной практикой на законодательство.

Ныне на касационных судах, в свою очередь, лежит весьма важная задача по кассационной проверке правильности применения и неприменения судами первой инстанции указаний, содержащихся в примечании к ст. 6 и в ст. 8 Уголовного кодекса по отдельным судебным делам.

6. Вторым методом проникновения кассационного суда в существо дела является кассационная проверка правильности и полноты проведенного расследования, на основе которого вынесен приговор первой инстанции. Этот вид кассационного надзора развился полностью в области общей юстиции. Трибунальная юстиция этого вида кассационного надзора не знала вовсе.

К моменту кодификации процессуального права в 1922 г. этот вид кассационного надзора также уже был полностью создан законодательным и судебным творчеством первых пяти лет существования советской юстиции.

При кодификации процессуального права 1922 г. неполнота расследования включена была в кассационную систему как самостоятельное основание для кассационной отмены приговоров, независимо от всяких других кассационных поводов. С тех пор этот вид кассационной проверки занимает одно из основных мест во всей работе кассационных судов.

Структура кассационного процесса французского типа не допускает даже постановки вопроса о том, чтобы кассационная инстанция занялась проверкой степени полноты произведенного по существу расследования. Введение подобного полномочия в советский кассационный процесс дает совершенно иную постановку ряду проблем уголовного процесса и с теоретической стороны.

В первую очередь совершенно по иному ставится и разрешается проблема *о материальной истине* как цели уголовного процесса. О материальной истине говорят и буржуазные теоретики. Но, оставляя даже в стороне гносеологический вопрос о том противоречии, которое несомненно существует между рассуждениями о материальной истине в уголовном процессе, с одной стороны, и фидеософскими рассуждениями идеализма и агностицизма об ограниченности познания, с другой стороны, нельзя не отметить и чисто процессуального противоречия. Если процесс в целом имеет своею целью достижение материальной истины, и если в этом заключается одна из самых основных его задач, то все без исключения стадии процесса должны быть организованы так, чтобы они могли этой цели служить. Между тем совершенно несомненно, что устраняя из сферы своего рассмотрения вопрос о проверке полноты расследования и вопрос о проверке правильности установления фактических обстоятельств дела в приговоре (см. об этом ниже), кассационный суд в процессе французского типа устраняет тем самым из процесса вопрос о материальной истине в окончательной и решающей его стадии.

Совершенно иначе в советском процессе. Проверяя как вопрос о полноте расследования, так и вопрос о правильности установления фактических обстоятельств дела в приговоре, советский кассационный суд ставит перед собой вопрос о том, насколько удачно и убедительно разрешил суд первой инстанции вопрос о овладении материальной истиной по делу. Другими словами, кассационный суд как контрольный орган, в порядке осуществления своих контрольных полномочий, так же подчиняет своей деятельности принципу материальной истины, как и суд первой инстанции.

Далее, чрезвычайно большое значение в судебном деле имеет выработка критериев для *определения пределов судебного следования*. Кассационный процесс французского типа совершенно не приспособлен к этого. Кассационный суд в процессе французского типа, не входя в обсуждение вопроса о степение полноты расследования, и не может принять на себя руководства судами по выработке принципов, определяющих пред-

судебного исследования, вообще, и пределы этого исследования по отдельным родам преступления, в частности.

Все это доступно советскому кассационному суду в порядке осуществления своих полномочий по проверке полноты расследования. Следует пожелать, чтобы в дальнейшей своей работе кассационные суды более планомерно и более систематично осуществляли это задание.

Далее, полномочие кассационного суда на проверку правильности произведенного расследования ставит на очередь совершенно новую проблему о проверке в кассационном порядке применения криминалистических методов. Кассационная практика уже знает ряд случаев такой кассационной проверки. Их, к сожалению, еще очень немного. Между тем применение криминалистических методов в судебно-следственной практике далеко не всегда правильно. И в тех случаях, когда допущенные дефекты являются, с одной стороны, существенными, а с другой стороны, поправимыми, задачей кассационного суда является дать посредством кассации приговора возможность повторного, улучшенного расследования. В тех случаях, когда допущенные дефекты непоправимы, но существенны для дела, на обязанности кассационного суда лежит оценить значение этих дефектов для судьбы всего обвинения в целом.

Наконец, рассматриваемое кассационное полномочие вызвало и еще одну кассационную проблему: о возможности представления новых доказательств в кассационной инстанции. Судебная практика по этим вопросам необычайно пестра, некоторые кассационные суды не принимают никаких новых доказательств, другие принимают в неограниченном количестве любые документы; некоторые производят допрос свидетелей в кассационных заседаниях. За последнее время весьма распространился порядок организации экспертиз в кассационной стадии процесса.

Все эти вопросы нуждаются в законодательной регулировании. Нет оснований возражать против предоставления жалобщику права представить кассационному суду имеющиеся в его распоряжении доказательства. Фактом их представления он наиболее наглядным образом докажет существование этих доказательств, а значит и неполноту расследования. Но нет никакого основания предоставлять самому кассационному суду права затребования доказательств, производства допросов свидетелей, организации экспертиз и т. д. Ибо совершенно несомненно, что, вызывая того или иного свидетеля, требуя то или иное доказательство, создавая новую экспертизу, кассационный суд тем самым уже исходит из признания неполноты расследования. Такого признания, если неполнота существенна, достаточно для отмены приговора. Незачем кассационному суду принимать на себя хотя бы частично функции первой инстанции. Поэтому и рассмотрение новых доказательств, представленных кассатором, может иметь место лишь в целях разрешения вопроса об отмене, т. е. о кассации приговора, а отнюдь не с целью перерешения дела по существу властью самого кассационного суда.

7. Если указанные выше два вида кассационной проверки дел с точки зрения их существа — контроль над справедливостью репрессии и контроль над правильностью и полнотой расследования — были созданы законодательством и судебной практикой еще до кодификации судебного права в 1922 г., то третий вид кассационной проверки — существа дела — развился значительно позже. В законодательных текстах этот третий вид не регламентирован вовсе, и появление его обязано всецело судебной практике. Мы имеем в виду кассационную проверку работы суда первой инстанции по оценке судебных доказательств и установлению фактических обстоятельств дела.

И с теоретической точки зрения и со стороны практической, этот вид кассационного надзора является наиболее трудным и наиболее сложным. Именно при осуществлении этого вида кассационного надзора особенно велика опасность перехода с кассационных рельс на апелляционные.

Решение теоретической проблемы о формах, методах и пределах кассационной проверки приговора с точки зрения правильности установления фактических обстоятельств дела зависит от предварительного разрешения трех отдельных вопросов. На первом из них мы уже останавливались: это вопрос об отношении советского законодательства к принципу апелляционного пересмотра дел. Выше мы уже указали на принципиально отрицательное отношение советского уголовного процесса к институту апелляции. Это значит, что при проверке правильности установления фактических обстоятельств дела принципы апеляционного пересмотра не должны находить себе осуществления в работе кассационных судов — ни прямо, ни косвенно, ни открыто, ни скрыто, хотя бы и под иными наименованиями.

Далее, организация кассационного контроля над работой судов первой инстанции по оценке ими доказательств и установлению фактических обстоятельств дела должна непременно считаться с тем, какими правилами регламентирована в законе эта указанная выше работа суда первой инстанции. Это второй из трех вопросов.

В ст. 23 «Основных начал уголовного судопроизводства СССР», в ст. 319 УПК РСФСР и соответствующих ей статьях уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик установлено два процессуальных принципа, которые обязательны для суда при оценке судебных доказательств и установлении фактических обстоятельств дела. Это именно два принципа, а не один принцип. Каждый из них может быть подвергнут самостоятельному теоретическому анализу. Каждый из них может быть нарушен на практике. Но реальное свое правовое содержание каждый из них получает лишь в сочетании с другим принципом.

Один из этих принципов может быть формулирован как принцип объективного соответствия содержания приговора в его фактической части реальной действительности, отраженной в совокупности доказательственного материала. Это — то задание, которое дано суду законом.

Другой принцип касается метода оценки доказательственного материала судом и формулируется как метод оценки доказательств по внутреннему убеждению суда. Метод оценки нельзя, конечно, смешивать с заданием, которое нужно выполнить посредством применения этого метода. Таким образом, суд должен, руководствуясь своим внутренним убеждением, постановить приговор, в котором фактическая картина соответствовала бы доказательственному материалу.

Каждый из этих двух принципов имеет контрольное значение по отношению к другому принципу. При рассмотрении дела в первой инстанции, представленные суду доказательства должны пройти через контроль внутреннего убеждения суда и могут быть положены в основание приговора, лишь завоевав на свою сторону судейское убеждение. Таким образом, судебные доказательства должны быть, прежде всего, *убедительны для суда*. Именно с этой точки зрения приговор должен быть основан на судейском убеждении. Но, в свою очередь, и сам *приговор должен быть убедителен в своих выводах*. В том и заключается главное значение и главная ценность метода оценки доказательств по внутреннему убеждению, что именно он является наилучшим методом, наиболее пригодным и наиболее эффективным для того, чтобы обеспечить убедительность приговора. Субъективная убежденность судей и объективная убедительность приговора — вот те два элемента, к совпадению которых должен стремиться каждый процесс. Разрыв между убежденностью судей и убедительностью приговора свидетельствует о той или иной порочности судебного решения.

И если при рассмотрении дела в первой инстанции совокупность судебных доказательств должна пройти через контроль внутреннего убеждения, то при кассационной проверке, наоборот, самый приговор должен быть проверен с точки зрения своей убедительности, посредством сопоставления его с совокупностью доказательственного материала.

Проведенная в 1936 г. дискуссия по вопросу о значении метода внутреннего убеждения для советского уголовного процесса должна быть признана весьма своевременной и плодотворной по своим результатам[1]. Она способствовала тому, что были вскрыты ошибки, допущенные так называемой теорией «объективизации» оценки судебных доказательств, предложенной взамен принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению судей[2]. Намечены были те пути, по которым в соответственных вопросах должно итти дальнейшее научное исследование. В частности, сделана совершенно ясной невозможность получения четких теоретических решений в процессуальной области, без ясно и четко формулированной философской позиции. Несмотря на то, что дискуссия непосредственно касалась лишь работы суда первой инстанции и не затрагивала вовсе кассационных проблем, тем не менее итоги ее могут быть с большой пользой учтены и при анализе кассационных проблем.

Как мы выше уже указали, основной функцией и основным заданием внутреннего убеждения судьи является — дать убедительный судебный приговор. Но мало декларировать желательность или даже обязательность вынесения убедительных приговоров. Небходимо найти процессуальные способы, которые были бы приспособлены, с одной стороны, к обеспечению убедительности приговоров, а с другой стороны, к обеспечению возможности кассационной проверки приговора именно с точки зрения его убедительности.

Так появляется проблема *мотивировки* приговора. Это третий из намеченных нами вопросов.

Именно мотивировка приговора максимально повышает его убедительность, если эта мотивировка качественно высока и правильна. Именно мотивировка помогает при контроле констатировать отсутствие убедительности приговора, если мотивировка низка с качественной стороны и неправильна по своему содержанию. В нашей юридической литературе проблеме мотивировки приговоров не уделялось достаточного внимания. На ней иногда останавливались с точки зрения повышения качества работы суда первой инстанции. Иногда за ней отрицалось какое-либо значение. Иногда об ней говорилось с точки зрения удобства кассационных инстанций. Начиная со Всесоюзного совещания, состоявшегося в апреле 1934 г., можно отметить более значительное внимание к проблеме мотивировки. Во время упомянутой выше дискуссии о методе внутреннего убеждения было, наконец, подчеркнуто то, что мотивировка приговора качественно повышает его убедительность.

Первая редакция УПК РСФСР 1922 г. стояла на точке зрения *обязательности* мотивировки приговоров. Все последующее процессуальное законодательство, начиная с 1923 г., наоборот, относилось отрицательно к идее обязательности мотивировки приговоров. Проект УПК СССР вновь становится на точку зрения обязательности мотивировки приговоров. И эту точку зрения следует считать единственно правильной и, притом, не только с точки зрения организации работы суда первой инстанции, но также и с точки зрения кассационной.

Можно прямо утверждать, что при отсутствии мотивировки приговора вряд ли вообще можно организовать именно кассационный, а не апелляционный порядок проверки работы суда первой инстанции по оценке доказательств и установлению фактических обстоятельств дела. История советской кассационной практики этот вывод прекрасно подтверждает. Когда начал развиваться этот вид кас-

[1] Наиболее активное участие в дискуссии приняли А. Я. Вышинский, М. С. Строгович, С. А. Голунский. Статьи их помещены в «Социалистической законности» №№ 5 и 7 за 1936 г., в «Советской юстиции» №№ 15 и 22 за 1936 г. и в «Проблемах уголовной политики», кн. 4.

[2] Наибольшей разработки теория «объективизации» оценки судебных доказательств достигла в работах М. С. Строговича. Если сравнить его статьи и последовательные издания его учебника уголовного процесса, то можно констатировать постепенное смягчение первоначальных резкостей этой теории и отход от целого ряда прежних его утверждений.

ционной проверки, то кассационные суды имели перед собой сплошь немотивированные приговора и проверка этих приговоров с точки зрения правильности установления фактических обстоятельств дела пошла по явно апелляционному пути. Вряд ли это могло быть иначе, ибо проверить правильность работы по установлению фактических обстоятельств дела можно при немотивированном приговоре не иначе, как повторив вновь с начала и до конца оценку каждого из доказательств в отдельности, а затем всех доказательств в совокупности. Это и приводило проверяющий суд к постановке своего решения на место решения суда первой инстанции, т. е. давало явно апелляционный эффект.

При мотивированном приговоре кассационный суд может всесторонне проверить правильность работы суда первой инстанции по оценке доказательств и установлению фактических обстоятельств дела, не впадая в апелляционную процедуру, не ставя себя на место суда первой инстанции, не повторяя всей работы суда первой инстанции по оценке доказательств, а оставаясь лишь в пределах своих контрольно-кассационных функций и полномочий.

Таким образом, с кассационной точки зрения, вопрос о мотивировке приговоров суда первой инстанции — это не вопрос простого удобства или большей легкости кассационного рассмотрения. Это вопрос о самой возможности проверки, именно в кассационном порядке и при помощи кассационных методов, весьма важной части работы суда первой инстанции по установлению фактических обстоятельств дела. Проверка убедительности мотивов приговора будет проверкой убедительности его выводов, т. е. проверкой убедительности всего приговора в целом.

При немотивированном приговоре возможен один из двух выходов: или отказ от проверки правильности произведенной судом первой инстанции оценки доказательств, или пересмотр приговоров в апелляционном порядке.

Лишь при мотивированном приговоре может быть реализован кассационный надзор в рассматриваемом вопросе. Вопрос об обязательности мотивировки приговора приобретает, таким образом, первостепенное значение для организации кассационного процесса как с точки зрения его объема и пределов, так и с точки зрения его методов.

8. Особо надо остановиться на истории вопроса о кассационном значении процессуальных нарушений.

Принципиальным для советского кассационного процесса является признание серьезного кассационного значения процессуальных нарушений. Таким решением вопроса открывается история советского процессуального права. Такое же решение дано при первой кодификации советского судебного права в 1922 году. Под тем же углом зрения происходят работы по выработке проекта Уголовно-процессуального кодекса СССР. Иной и не может быть точка зрения процессуального законодательства, опирающегося на Сталинскую Конституцию и осуществляющего в судебной области ее принципы. И лишь период времени, примерно, от 1927 г. по 1930 г. отмечен колебаниями в этом вопросе.

Серьезное кассационное значение процессуальных нарушений было признано советским законодательством с первых шагов организации органов советской юстиции и при этом как в сфере общей юстиции, так и в области трибунальной юстиции. Все судоустройственные акты еще задолго до судебной кодификации 1922 г. всегда отводили нарушению процессуальных требований одно из основных мест в перечне тех оснований, по которым должны были кассироваться судебные приговоры. Различна была редакция этих судоустройственных актов, различные термины применялись для обозначения процессуальных нарушений, но эти различные термины всегда обозначали одно и то же: существенное нарушение процессуальных требований, установленных для деятельности суда, — всегда должно влечь за собой кассацию, т. е. отмену приговора [1].

За весь почти пятилетний промежуток времени, предшествовавший созданию и введению в действие первых советских кодексов, действительно не было ни одного законодательного акта, посвященного вопросам организации советской юстиции, который бы в той или иной редакции не говорил о необходимости соблюдения народными судами и революционными трибуналами установленных как для тех, так и для других процессуальных правил, и который бы прямо и точно не указывал, что существенное нарушение этих процессуальных правил должно являться одним из основных и, притом, самостоятельным поводом для кассационной отмены приговоров.

В наказе кассационным коллегиям Верховного трибунала от 10 декабря 1921 г. была уже подытожена значительная кассационная практика трибунальной юстиции в области процессуальных нарушений.

При кодификации судебного права в 1922 г. кассационное значение процессуальных нарушений также не подвергалось какому-либо серьезному сомнению. Значение существенных процессуальных нарушений для отмены приговоров совершенно точно и ясно подчеркнуто уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1922 г., повторено в редакции того же кодекса 1923 г. и вслед за ним всеми уголовно-процессуальными кодексами других союзных республик, а затем и «Основными началами уголовного судопроизводства СССР» от 1924 г.

В первые годы применения уголовно-процессуальных кодексов (1924, 1925, 1926) процессуальным нарушениям уделялось весьма боль-

[1] См. Инструкцию местным судам от 25 июня 1918 г. (С. У. № 53 за 1918 г.), Положение о народном суде от 30 ноября 1918 г. (С. У. № 85 за 1918 г.), Положение о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г. (С. У. № 13 за 1919 г.), Положение о полковых судах от 10 июля 1919 г. (С. У. № 31—32 за 1919 г.), Положение о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г. (С. У. № 22—23 за 1920 г.), Положение о народном суде от 21 октября 1920 г. (С. У. № 83 за 1920 г.), ст. 415 УПК РСФСР, изд. 1923 г. и соответствующие ей статьи уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик.

шое внимание в кассационной практике всех кассационных судов. Кассационная статистика указывала, что среди отмененных приговоров весьма значительное место занимают приговора, кассированные именно вследствие существенных процессуальных нарушений.

При этом необходимо указать, что самое понятие существенного процессуального нарушения, влекущего за собой отмену приговора, было определено в советском процессуальном праве совершенно иначе, чем, например, в буржуазно-демократических системах. И это различие также определяется различным отношением к вопросу о возможности рассмотрения в кассационной инстанции существа дела. Для кассационного процесса типа так называемой «чистой кассации» всякое рассмотрение существа дела запрещено. Это значит, что существенность того или иного нарушения не может определяться его значением для того или иного дела по существу. Поэтому существенность процессуального нарушения определяется абстрактным значением того процессуального закона, о нарушении которого идет речь. Иначе в советском процессе: в нем существенность того или иного процессуального нарушения определяется конкретным значением этого нарушения для содержания данного конкретного дела. Особо выделяется лишь группа так называемых абсолютных или безусловных кассационных поводов, т. е. таких процессуальных нарушений, которые с точки зрения закона всегда и во всех случаях могут оказать влияние на правильность решения дела по существу.

Таким образом, в буржуазно-демократическом процессе идет речь о нарушении существенных форм судопроизводства, в советском процессе — о существенном нарушении форм судопроизводства.

В 1927 г. в вопросе о кассационном значении процессуальных нарушений наступил перелом, который стоит в связи с распространением упрощенческих тенденций в судебной практике и с появлением псевдонаучных, антиленинских и вредительских теорий Пашуканиса и его последователей.

Отрицательное отношение к вопросу о возможности существования социалистического права, отрицательное отношение к правовому регулированию в социалистическом государстве, провозглашение всякого права явлением буржуазным привело в процессуальной области к отрицанию самой необходимости уголовно-процессуального законодательства и к предложению о замене развитого процессуального права — ведомственными техническими инструкциями.

Под революционной фразой эта теория, в сущности, боролась с демократическим содержанием уголовно-процессуального законодательства. Конечно, такое нигилистическое отношение к процессуальному законодательству вообще должно было логически привести к столь же нигилистическому, упрощенческому отношению и к процессуальным нарушениям, а значит к нуллификации их кассационного значения.

В этот период времени были выработаны проекты уголовно-процессуального кодекса (1927 и 1928 гг.), которые уделяли процессуальным нарушениям минимальное внимание. Не будучи осуществлены в законодательном порядке, проекты эти, в особенности проект 1928 г., оказали однако очень сильное влияние на судебную практику [1]. Для кассационной практики, относящейся к периоду, последующему за выработкой указанных проектов, весьма характерно постепенное и резкое падение процента приговоров, отмененных по процессуальным нарушениям. Если сравнить цифры 1929—1930 гг. с цифрами 1924—1926 гг., то можно будет констатировать, что процент приговоров, отмененных по процессуальным нарушениям, упал почти в сто раз (в круглых цифрах около 20% всех отмененных приговоров в 1925 г. и 0,2% в 1929 г.) [2].

К 1931 г. относится обратный перелом. В 1931 г. началось оздоровление на правовом теоретическом фронте. Тогда же в 1931 г. был выработан новый проект УПК, значительно уже отличавшийся от проекта 1928 г. Судебная практика постепенно возвращалась к признанию серьезного кассационного значения процессуальных нарушений. Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников в апреле 1934 г. протекало под знаком уже совершившегося перелома, который состоял в решительном отходе от упрощенческих позиций и в категорическом признании необходимости последовательно проведенной законности и в процессуальной области. Резолюции этого совещания и основанные на них директивные указания пленума Верховного суда СССР заключают в себе резкие и определенные распоряжения о строгом и неуклонном выполнении судами процессуальных требований. Тем самым поставлена на надлежащую высоту и оценка кассационного значения процессуальных нарушений. Упрощенческие опыты были, таким образом, осуждены и оставались уже позади. Впереди открывалась перспектива дальнейшей демократизации советского уголовного процесса, основанного на строжайшей процессуальной законности и признании тем самым серьезного и самостоятельного значения за существенными процессуальными нарушениями.

9. Общее значение института процессуальной кассации для советского государства стоит в связи с тем, насколько при его помощи можно выполнить в судебной области те общие задания, которые поставлены всем вообще руководящим государственным органам.

Задачей кассационного процесса в советской системе является не только обеспечение правильного решения по отдельному судебному делу, но также и организация руководства работой судебной системы в целом. Поэтому качество организации этого руководства имеет

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Узбекской ССР представляет собою не что иное, как не значительно видоизмененный текст проекта УПК РСФСР 1928 г. со всеми недостатками последнего. В частности, в вопросе о кассационном значении процессуальных нарушений этот УПК Узбекской ССР находится в резком противоречии со всеми остальными действующими на территории СССР уголовно-процессуальными кодексами.

[2] См. «Судебную практику» № 23 за 1927 г. стр. 7 и «Судебную практику» № 8 за 1930 г. стр. 11.

первостепенное значение для всей работы судебной системы.

Указание И. В. Сталина о необходимости поднять уровень организационного руководства до уровня политического руководства должно быть полностью осуществлено и в работе системы судебных органов.

Организация руководства конкретной, текущей судебной работой — это и есть организация кассационного процесса.

Конкретное руководство в судебной области, т. е. руководство низшими судами со стороны высших судов осуществляется при помощи рассмотрения и разрешения судебных дел в кассационном порядке. Именно кассационное определение по конкретному делу является основной формой конкретного судебного руководства в конкретной ежедневной работе суда. Организовать надлежащим образом кассационный процесс — это значит разрешить проблему конкретного руководства в области судебной работы. Качеством кассационного процесса будет определяться качество организованного судебного руководства.

Поднять в судебной области организационное руководство на уровень политического руководства — это значит в первую очередь поднять на надлежащую высоту институт кассации в советском процессе.

Идею и задачу организации руководства И. В. Сталин сочетал в своем докладе на XVII съезде с другой идеей, о которой и он сам говорил не раз, и которая в свое время была одной из любимых идей В. И. Ленина. Это — идея систематической организации проверки исполнения. Такая проверка исполнения, — как не раз подчеркивал В. И. Ленин, — должна происходить на регулярной, повседневной работе[1]. Она должна быть, по мысли Ленина и Сталина, не случайной, а планомерной, не чрезвычайной, а нормальной, не эпизодической, а систематической. «Нам нужна проверка пригодности людей, проверка фактического исполнения... Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом — только в этом теперь гвоздь всей политики. Это дело не нескольких месяцев, не одного года, а дело нескольких лет»[2].

«Подбирайте нужных людей и проверяйте практическое исполнение — и это народ оценит», — говорит Ленин в одном из последних своих выступлений[3].

«Правильная организация проверки исполнения,—говорил И. В. Сталин на XVII съезде, — имеет решающее значение в деле борьбы с бюрократизмом и канцелярщиной... Можно с уверенностью сказать, что девять десятых наших прорех и прорывов объясняется отсутствием правильно поставленной проверки исполнения»[4].

Естественно, что все эти указания полностью относятся и к работе органов суда.

Проверка высшими судами работы низших судов в кассационном порядке, есть не что иное, как организация проверки исполнения в судебной области. Надлежащая организация работы кассационных судов поэтому и есть надлежащая организация проверки исполнения в судебной области. При этом — это подлинная проверка на регулярной, конкретной, повседневной работе. Это проверка, осуществляемая квалификационным руководящим составом.

Качеством кассационного процесса и кассационной работы будет определяться поэтому качество проверки исполнения в судебной области.

Начиная с самого первого года существования советской системы высшие органы государства не раз обращались к вопросу о необходимости обеспечения во всех областях государственной жизни революционной законности. Начиная с Всероссийского съезда областных и губернских комиссаров юстиции в июле 1918 г., вопрос об обеспечении революционной законности, вообще, и, в частности, в судебной области всегда привлекал к себе большое внимание. Этим вопросом занимались Всероссийские съезды советов (VI — в 1918 г. и IX — в 1921 г.) и съезды советов СССР (III — в 1925 г. и Чрезвычайный VIII — в 1936 г.). Вопросом о революционной законности занималась XIV конференция ВКП(б) в 1925 г. Вопросу о революционной законности не раз посвящали свои выступления В. И. Ленин и И. В. Сталин. Судебным работникам хорошо известно знаменитое письмо В. И. Ленина И. В. Сталину о двойном подчинении и законности от 23 мая 1922 г., и если В. И. Ленин в особенности подчеркивал в нем идею единства законности для всего Союза, то И. В. Сталин, докладывая проект Конституции, особенно подчеркнул необходимость обеспечения стабильности законов.

Обеспечение стабильности законов и единства законности в судебной области есть прямая и непосредственная задача кассационной процедуры.

От надлежащей организации кассационных судов, от надлежащего построения кассационного процесса, от надлежащей работы кассационных инстанций зависит, поэтому, успешность обеспечения в судебной деятельности таких первостепенной важности государственных принципов, как стабильность советского закона и единство понимания и единство применения революционной, социалистической законности в работе судебных органов.

Так институт кассации ставится на службу основным принципам обеспечения диктатуры пролетариата и росту социалистической культуры.

Обеспечение революционной законности тесно связано с обеспечением гражданам широкой и организованной возможности принесения жалоб на действия органов государства и должностных лиц, нарушающие законы и законные права и интересы граждан. Без такой обеспеченной возможности обжалования и без хорошо организованного рассмотрения и разрешения принесенных жалоб господство революционной законности достаточно обеспечено быть не может.

---

[1] В. И. Ленин, т. XXII, стр. 50.
[2] В. И. Ленин, т. XXVII, стр. 179.
[3] В. И. Ленин, т. XXVII, стр. 258 и 256.
[4] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 401—402.

На эту именно точку зрения и стало с первых же своих шагов советское государство. Уже VI съезд советов в своем постановлении от 8 ноября 1918 г. вменил всем советским учреждениям и должностным лицам в обязанность оказывать всяческое содействие любому гражданину республики, желающему обжаловать их действия, волокиту или чинимые ему в его законных притязаниях затруднения.

Ленин еще в 1918 г. указывал, что совершенно необходимо «обязательно приучить население к тому, что дельные жалобы имеют серьезное значение и приводят к серьезным результатам» [1].

В мае 1919 г. И. В. Сталиным, тогда Народным комиссаром государственного контроля, была создана для обслуживания населения целая сеть и система бюро жалоб. Ряд постановлений правительства посвящен уже за последние годы вопросу об улучшении положения с рассмотрением и разрешением жалоб. В своем постановлении от 14/17 декабря 1935 г. «О положении дел с разбором жалоб трудящихся» Президиум ЦИК СССР предлагает всем должностным лицам обеспечить выполнение решений партии и правительства и личных указаний товарища Сталина о том, «чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим», в какой бы области они не работали».

22—26 мая 1936 г. состоялось утвержденное Советом народных комиссаров СССР постановление 3 пленума Комиссии советского контроля при Совете народных комиссаров СССР «О рассмотрении жалоб трудящихся». «Успехи социалистического строительства и рост общественной активности трудящихся, — говорится в этом постановлении, — ставят с особой остротой вопрос об усилении борьбы с недостатками и бюрократическими извращениями в советском аппарате, а также с фактами нарушения революционной законности. Это требует действительно внимательного и чуткого отношения со стороны всех советских и хозяйственных организаций к заявлениям и жалобам трудящихся, указывающим на эти недостатки и извращения, устранение которых поможет дальнейшему росту наших успехов».

Совершенно ясно и несомненно, что все эти указания полностью и целиком относятся и к кассационным судам, рассматривающим кассационные жалобы граждан.

Таким образом, судебная проверка высшим судом работы судов первой инстанции по кассационным жалобам на их приговора дает возможность осуществить в судебной области то двойное требование, которое советское государство предъявляет решительно во всех областях работы, а именно: с одной стороны, обеспечение гражданам широкой возможности обжалования неправильных и незаконных действий органов власти и должностных лиц, а с другой стороны, обеспечение при помощи специального, т. е. процессуально-регламентированного порядка рассмотрения высокого качества судебной работы при рассмотрении и разрешении жалоб.

Совершенно ясно, какое большое значение имеет, таким образом, надлежащее построение кассационного процесса с первых его моментов, начиная с подачи кассационной жалобы и кончая последним моментом, т. е. провозглашением кассационного определения.

10. Для того, чтобы задачи кассации в советском уголовном процессе были полностью выполнены, работа кассационных инстанций должна быть поставлена на надлежащую высоту. Это не значит, что достаточно ограничиться заявлением о необходимости высокого качества подготовленности работников кассационных судов и высокого качества самой кассационной работы. Необходимо обеспечение и целого ряда организационных мероприятий.

Поскольку кассационные суды призваны осуществлять руководство работой судов первой инстанции, а не только проверять правильность отдельных решений, постольку со всей категоричностью, и в первую же очередь, должен быть поставлен вопрос о необходимости для кассационных судов мотивировать свои решения как утверждающие приговор так и отменяющие приговор, так, наконец, и изменяющие его.

Нужно прямо сказать, что немотивированное кассационное решение никакого руководства осуществить не может. Немотивированное решение кассационного суда, даже правильно разрешающее отдельное судебное дело, для осуществления руководства пропадает целиком.

Этот принцип мотивирования кассационных определений был за последнее время не раз подчеркнут указаниями различных руководящих органов. Но этого мало. Необходимо организовать работу таким образом, чтобы кассационные определения, лишенные мотивировки, отменялись по этому одному признаку в надзорном порядке, с направлением дела для повторного рассмотрения в кассационную инстанцию. В связи с этим нельзя не обратить внимания и на то, что вынесение мотивированных кассационных определений значительно сэкономит труд надзорных инстанций, рассматривающих дело после кассационной инстанции, ибо кассационная мотивировка локализует спорные вопросы. А без такой мотивировки надзорные инстанции должны проделать заново всю ту работу, которая проделана уже кассационными инстанциями, так, как будто кассационная инстанция дела еще вовсе не рассматривала.

Если бы удалось осуществить систематическое вынесение мотивированных определений, то можно было бы поставить на очередь вопрос об издании сборников кассационных определений, вынесенных как центральными кассационными судами, так и местными. При немотивированных кассационных определениях издание подобных сборников не представляет никакого интереса.

Для того, чтобы работа кассационного суда могла осуществить функции руководства работой местных судов, весьма полезно организовать периодическую проработку в местных судах кассационных определений, вынесенных по делам этих судов. Но это возможно опять-таки лишь при наличности мотивированных

[1] 21 Ленинский сборник, стр. 227.

кассационных определений. Без мотивов — нечего прорабатывать.

Выше мы говорили о том, что мотивировка судебного решения повышает его убедительность. Это полностью относится и к решениям кассационных судов, которые так же, как и все судебные решения должны стремиться к тому, чтобы быть максимально убедительными. Мотивировка в этом случае будет способствовать не только повышению, но и созданию такой убедительности кассационного определения.

Далее, в настоящее время в кассационных судах не производится никакого более или менее систематического контроля за эффективностью вынесенных кассационных определений. После кассационного определения дело уходит в первую инстанцию и кассационный суд теряет дело из виду.

Если дело вновь не возвращается по кассационной жалобе на новый приговор, то кассационный суд не знает, что произошло в результате кассационной отмены, что дало новое рассмотрение, что дало доследование дела, насколько кассационное определение было на правильном пути и т. д. Кассационным судам можно было бы рекомендовать организацию у себя систематической проверки тех результатов, которые имеют место после отмены приговоров и направления дела для нового расследования и рассмотрения. Изучение подобных материалов служило бы делу самопроверки и самокритики в деятельности самих кассационных судов.

Наконец, нельзя не обратить внимания, что такой контроль имел бы и еще одно благотворное последствие. Наблюдения над практикой показывают, что при направлении дела для нового расследования весьма часты случаи, когда такое расследование затягивается на совершенно ненормальные сроки времени. Приходилось наблюдать, что, благодаря такой медлительности доследования, сроки предварительного заключения обвиняемых достигают десятков месяцев. Это, конечно, совершенно ненормально. И проверка кассационными судами судьбы дела после отмены приговора могла бы быть одним из способов устранения указанной ненормальности. Это прямо относится к реализации тех указаний, которые содержатся во всех постановлениях, касающихся положения дел с жалобами трудящихся.

Мы в нашей статье не могли, конечно, охватить всех тех проблем, которые возникают в ходе развития советского кассационного процесса. Мы могли сосредоточиться лишь на самых основных проблемах, которые являются характеризующими советский кассационный процесс, как новый тип кассационного процесса, рожденный советским социалистическим правом. Советская кассация ставит перед собой процессуальные задачи и более широкие и более глубокие, чем в состоянии осуществить кассация буржуазного суда, например, кассация французского типа. Историческое изучение советской кассации может весьма помочь выработке теории советской кассации. И то и другое вместе окажут значительную помощь при выработке законодательных текстов. Есть целый ряд кассационных проблем, выдвинутых судебной практикой, которые ждут прямого и точного законодательного разрешения.

С. БОГУСЛАВСКАЯ

Действенно бороться за закон 27 июня 1936 г.[1]

Партия и правительство проявляют огромную повседневную сталинскую заботу и помощь женщинам-матерям, все более укрепляя нашу семью и наш новый построенный на здоровых социалистических основах быт.

Помощь в деле реализации и практического внедрения этих принципов в жизнь возложена также и на судебно-прокурорские органы, призванные специальными законами, заниматься этими вопросами.

Однако, как это уже многократно освещалось в печати, в работе судей, прокуроров и судебных исполнителей до настоящего времени нередко проявляется бездушное и формальное отношение к людям, волокита, беспомощность, неумение, подчас и нежелание, вовремя принять необходимые меры, разыскать, помочь, а когда нужно — призвать к порядку и даже привлечь к уголовной ответственности зарвавшихся паглецов, попирающих наши законы и бравирующих своей безнаказанностью и уменьем «выходить сухими из воды».

Несмотря на громадную заботу о семье, детях, матерях и нетрудоспособных, несмотря на материальную помощь, оказываемую государством многосемейным, обслуживание большой сетью специальных детских и лечебных учреждений, и несмотря на общественно-воспитательную работу — остатки гнилого наследия мелкособственнической животно-эгоистической психологии еще до сих пор не изжиты не только в отсталых углах нашей родины, но и у людей, считающих себя культурными и достойными уважения.

Примером этого служит письмо в редакцию газеты «Ленинградская правда» женщины-инженера Людмилы Сноповой о своем бывшем муже Бахтине. Письмо это привожу полностью:

Я — молодой инженер. Недавно окончил Лесотехническую академию и сейчас работаю на одной из ленинградских фабрик.

В Лесотехнической академии я познакомилась с гражданином Бахтиным, ныне работающим в тресте «Авиалес» в качестве инженера. Двухлетнее знакомство закончилось браком

---

[1] Обзор, составленный по материалам местной прессы.

Трогательно-нежный, заботливый до женитьбы Бахтин быстро преобразился после того, как он стал мужем, и, в особенности, когда я забеременела. Он стал настаивать, чтобы я бросила академию, швырял мои книги, доказывал, что рожать детей и варить обед можно и без высшего образования.

Вскоре я узнала о некоторых моментах из биографии Бахтина, которые он от меня тщательно скрывал. Оказывается, он был раньше дважды женат. Я все же надеялась, что жизнь наша уладится и не порвала с ним, стремясь сохранить для ребенка отца. В последние месяцы беременности — в самое тяжелое время для каждой женщины, собирающейся стать матерью, — поведение Бахтина по отношению ко мне стало совершенно невозможным. Отправившись в очередную командировку в Лодейное Поле, но завел там себе новую жену, о чем во всеуслышание заявлял родным и знакомым. Меня же он всячески пытался спровадить на мою родину во Владивосток, откуда я несколько лет назад приехала молодой, жизнерадостной, полной энергии, желания работать, учиться.

Семь месяцев я вынуждена была жить в одной комнате с этим бездушным человеком, надругавшимся надо мной как женщиной и матерью. Но и после того, как мы разъехались, мои мучения не кончились. Бахтин затеял постыдную, позорную тяжбу из-за алиментов. Он исходил десятки организаций, торгуясь за каждый рубль. Тем временем я часто оставалась без всяких средств к существованию, так как на студенческую стипендию жить с ребенком было очень трудно.

Алиментная тяжба закончилась для Бахтина неудачно. Тогда Бахтин прибегает к новому маневру. Он разыгрывает сцену «покаяния», изображает из себя любящего отца и предлагает вновь начать совместную жизнь. С новой женой — заявил он мне — все покончено. Я поддалась его увещеваниям и вскоре горько в этом раскаялась. Уехав в командировку в Карелию, он заводит там себе новую — уже пятую жену. Так он несколько раз уходил и возвращался, давая «в последний раз» обещания быть «любящим отцом».

В конце концов я решила раз навсегда порвать с этим человеком, погрузилась в учебу, в работу, начала писать дипломный проект. Но Бахтин, искалечивший мою молодость, не считает даже нужным выполнять свои элементарные гражданские обязанности по отношению к ребенку. Он систематически уклоняется от уплаты алиментов. Его задолженность мне превышает тысячу рублей. Он таскает меня по судебным инстанциям, дает обязательства и не выполняет их. Как это ни странно, Петроградская районная прокуратура вместо того, чтобы призвать к порядку Бахтина, ограничивается новыми и новыми «напоминаниями» и «предписаниями». Чувствуя свою безнаказанность, Бахтин продолжает издеваться надо мной.

Неужели нельзя найти управу на этого человека, лишенного элементарной порядочности?

Людмила Снопова».

Или другой случай с преподавателем Пугачевской средней школы Иваном Ивановичем Чириковым, позволившим себе резко изменить свое отношение к уборщице школы Борисовой, когда последняя от него забеременела. Чириков после этого прибегает ко всяким уловкам, чтобы уклониться от отцовства и платежа алиментов. Вот что пишет об этом Борисова:

«В феврале месяце с. г. у меня родился ребенок от незарегистрированного брака. Отцом этого ребенка является Чириков Иван Иванович, с которым мы вместе работали в средней школе: я уборщицей, а он — преподавателем. До рождения ребенка он относился ко мне хорошо, а когда ребенок родился, он стал избегать меня. Я вынуждена была обратиться в народный суд. На суде он сказал, что отцом ребенка является не он, а другой и указал на человека, которого я мало знаю. По его заявлению суд отложил дело, и вот уже в течение четырех месяцев я хожу к судье Патрикееву с просьбой ускорить разбор моего дела. Судья посылал меня к прокурору. Помощник прокурора заявил мне: «подавай в край, там разберутся».

Я вторично пошла к Патрикееву, Патрикеев сказал мне, что дело передали в милицию для вызова гражданина Павлова для того, чтобы установить, кто из них является отцом: Чириков или Павлов. В милиции никаких дел не оказалось.

Живу я в тяжелом материальном положении с маленьким ребенком; работаю уборщицей, получаю 38 рублей, а ведь мне надо воспитывать ребенка!

Прошу помочь мне.

Борисова.

Не возвращает ли это нас к безвозвратно ушедшим временам барства, так широко описанным в старой литературе?

Как же наш советский суд разоблачает таких типов? Как воздействует на них? К сожалению, нередко суды, руководствуясь сугубо формальными соображениями, не только не воздействуют на подобных отцов, но помогают им уклоняться от своих обязанностей.

С этой точки зрения не безинтересно другое письмо гр-ки Деркачевой, живущей в Благодарненском сельсовете Отрадненского района Азово-Черноморского края.

Деркачева, дойдя до полного отчаяния и не добившись какой-либо поддержки у местных общественных организаций, обратилась с письмом в редакцию «Большевистская смена», в котором описала свои мытарства и издевательства, которым подвергалась она после рождения ребенка.

В октябре 1936 г. у Деркачевой родился от гр-на Гугучко ребенок. Узнав о том, что она зарегистрировала ребенка на его имя, Гугучко стал устраивать ей скандалы, отрицать отцовство и в результате подал заявление в суд. Назначенный на 27 ноября 1936 г. в суде разбор дела не состоялся. Начались бесконечные переносы судебного разбирательства, и после пятикратного откладывания дела суд установил, что отцом ребенка Деркачевой является Гугучко. Тогда ответчик Гугучко подал жалобу в Азово-Черноморский краевой суд.

Кассационная коллегия Азово-Черноморского краевого суда решение народного суда отменила и вернула дело к новому судебному рассмотрению. Этим мытарства Деркачевой не закончились. Первое заседание народного суда 1 участка Отрадненского района 28 февраля 1937 г. не состоялось. Дело откладывалось 6 раз и Деркачева каждый раз выезжала в район на судебные заседания. Получая неизменно стандартный ответ: «Придите завтра», «зайдите послезавтра», она терпеливо ждала. Ключ к таким ответам легко найти у председателя коммуны «Красное знамя», которого беззастенчиво запрашивали прокурорские работники, где жила, с кем проводила время и кто знает Деркачеву. А пока что 8 месяцев как на содержание ребенка Гугучко не заплатил ни копейки, и беспомощная женщина не может найти необходимой поддержки.

«Хождение по мукам» Деркачевой только началось, так как дело еще по существу не разобрано. У других алиментщиц стаж по розыскам присужденных алиментов значительно больший.

Работница сталиногорской центральной бани Б. С. Шауфлер уже два года как, заручившись обещанием Сталиногорского районного прокурора, разыскивает скрывающегося в Москве и зарабатывающего по 400 руб. в месяц отца ее ребенка.

Шауфлер уже надоело обивать пороги прокурорских кабинетов, в смутной надежде добиться все же выхода из тяжелого положения. Однако, «воз и ныне там».

16-летняя дочь директора десятилетки гор. Дмитрова — Гречихина Ф. пытается пристыдить своего отца, получающего 1000 руб. в месяц, что, мол, не совсем удобно, насаждая советскую культуру и воспитывая детей, от своего ребенка отмахиваться, как от назойливой мухи и не подчиняться законам. Однако, в течение трех лет этот «носитель культуры» не высылает своей дочери ни копейки, несмотря на судебное решение, заведомо зная, что дочь его живет у чужих людей. Казалось бы, на защиту Гречихиной должен был стать прокурор. Чем же помог ей дмитровский прокурор. Тщетно запрашивала Гречихина прокурора о положении дела. Он также упорно безмолвствовал.

Нередко встречаются случаи, когда подобные отцы не стесняются побоями и гнусным издевательством над ребятами и их матерями. Мать троих детей Компанейцева Евдокия Ивановна, преследуемая побоями своего бывшего мужа, чтобы спасти своих детей, должна была оставить двоих ребят при отце, а с третьим скрываться по соседям. Однажды, не выдержав побоев, Евдокия обратилась в суд, прося защитить от Компанейцева. В апреле этого года народный суд Кантского района под председательством народного судьи Мамырбаева разобрал дело о систематическом издевательстве над женщиной и детьми, и, установив безусловную виновность Компанейцева, осудил его и... 6 месяцев исправительно-трудовых работ. Кантский райпрокурор (Киргизия) опротестовал чрезмерно мягкий приговор в Киргизский верховный суд. Пока верховный суд разбирается в деле, Компанейцев остается на свободе, преследует бездомную, исстрадавшуюся, беззащитную женщину, угрожая убить ее и третьего ребенка.

Вот еще одна краткая, но достаточно говорящая сама за себя страничка из жизни гр-ки Корнильевой.

Жить с мужем Эрнстом Корнильевой становилось не под силу. Ежедневные побои до синяков, ругань и скандалы доводили женщину до болезненного состояния. Она не выдержала и развелась с мужем-истязателем. Однако, положение не улучшилось: хулиган Эрнст, проживая в одном доме с Корнильевой, продолжает над ней издеваться. Он почти ежедневно является на квартиру Корнильевой и устраивает там скандал. Бьет Корнильеву, ребенка, 76-летнюю старуху. Эрнст состоит в секте евангелистов. Считая женщину неравноправной, он расправляется с ней, как учит это делать их секта.

Корнильева пробовала обращаться с жалобой на Эрнста в милицию, народный суд, к районному и транспортному прокурору, но никто не помог забитой женщине. Узнав, что Корнильева жалуется на издевательства, Эрнст стал преследовать ее еще больше. Не проходит дня, чтобы он не избил старуху, ребенка и Корнильеву. Все это происходит на-глазах у всех, и никто, в том числе и лица, непосредственно призванные заниматься этими вопросами, не считают для себя необходимым положить конец всем безобразиям.

В ряде мест, особенно в национальных республиках, где еще, несмотря на бурный рост культуры, не изжиты остатки религиозного или националистического дурмана, положение беспомощной женщины еще тяжелее.

Доведенная до отчаяния бездушными бюрократами, к которым обращалась О. К. Ленкова за помощью, прося призвать к порядку проходимца Золотова, она обратилась к газете «Красная Чувашия», справедливо вставшей на ее защиту и требовавшей привлечения Золотова к уголовной ответственности.

Однако, прокурор Чебоксарского района Ефремов, которого зря тревожила общественность, и судебный исполнитель Толстов, у которого преспокойно вылеживается исполнительный лист Ленковой, предпочли не заглядывать в газету и тем самым не отравлять себе настроения. А между тем, равнодушие этих бездельников, не желающих реагировать на сигналы печати, привело к тому, что золотовская компания, воодушевленная безнаказанностью, начала открыто издеваться над Ольгой Ленковой и уже сделала попытки изуродовать ее.

Жена Золотова несколько раз пыталась свести счеты с Ольгой Ленковой, гоняясь за ней с топором, вилами и кольями. 13 июня опасность быть избитой была настолько реальной, что Ольга была вынуждена бросить находившегося у нее на руках ребенка и убежать, из опасения быть заколотой вилами.

Пока «блюстители закона и общественного порядка» собираются принять меры, беззащитная женщина находится каждую минуту под угрозой дикой расправы. Золотовы способны на всякую пакость.

Вложил свою лепту в издевательство над колхозницей и председатель колхоза Борисов. Он и не подумал выдать причитающиеся Ленковой трудодни за период беременности. Он

не думает оплатить ей 40 незаконно удержанных трудодней. Все это не тревожит ни прокурора, ни судебного исполнителя, ни председателя сельсовета Иванцова, на глазах которого, кстати сказать, травят ни в чем неповинную колхозницу.

Но травят не только Ольгу. Золотовы не дают покоя и ее родным. Сам Золотов пытался свести счеты с сестрой Ольги — Анной. Встретив ее поздним вечером около аэродрома, когда Анна возвращалась из Чебоксар, Золотов пригрозил:

— Теперь ты от меня не уйдешь!

Расправе помешал случайно догнавший Золотова односельчанин Алексей Черемухин.

Трудно не предвидеть печальной развязки всей этой истории, если ею по-настоящему не займутся представители местной власти. Увы, они не спешат!

***

В Байрам-Алийском районе Туркмении за этот год судебно-следственными органами зарегистрировано 18 случаев выдачи замуж и хищения малолетних в жены, калыма, задержания замужних по обычаю «кайтарми», избиений женщин и даже убийства.

Пытаясь уклониться от добровольного выполнения отцовских обязанностей и избежать ответственности, находятся беспечные люди, которые рассчитывают на полную безнаказанность своих действий, переезжая с места на место, как только вплотную перед ними ставится вопрос об уплате алиментов.

Так поступил Яковенко А. Д., проживший со своей женой три года, после чего он ее, больную, с грудным ребенком, бросил, имея прежний богатый опыт с первой женой. Оставив жену, Яковенко отправился... путешествовать по СССР. Сначала Яковенко появился в Москве, потом побывал в Одессе, наконец, обосновался в городе Куссары (Азербайджан), откуда он прислал жене письмо, в котором «извиняется», что не высылает денег, так как «путешествует по СССР».

Яковенко — член партии. Благодаря помощи партийного комитета два месяца жена Яковенко получала от него деньги, но потом Яковенко уехал в Баку. Снова возобновились страдания женщины и поиски Яковенко. Яковенко появился в Ташкенте, где он преспокойно зажил, упорно не выплачивая алиментов. Так Яковенко успешно уклоняется от уплаты алиментов, пользуясь бездействием и бездушием бюрократов.

Точно так же шофер Желтиков В. П. еще в 1933 г., не разведясь с первой женой, женился на второй. Первую жену он бросил с тремя малолетними детьми без всякой помощи.

По заявлению Желтиковой, народный суд на содержание и воспитание детей присудил с Желтикова 50% его заработка. Казалось, все в порядке: решение суда есть, Желтиков его не обжаловал, остается только ежемесячно производить удержание — и все.

Но эта простая операция для некоторых учреждений оказалась чрезвычайно сложной и невыполнимой. Каждый раз, когда исполнительный лист поступал в учреждение, где работал Желтиков, и дело приближалось к удержанию из его заработка необходимой суммы, он исчезал в неизвестном направлении.

Так он кочевал из одного учреждения в другое, живя с новой женой припеваючи.

Прошло около 4 лет. Желтиков всячески уклонялся от уплаты алиментов. Распоряжения прокуратуры о взыскании с Желтикова алиментов и розыски милиции никакого результата не дали. Наконец, Желтиков после 4-летнего «путешествия» приехал в Мичуринск и устроился на работу. Он попрежнему работал шофером, пьянствовал и открыто издевался над своей бывшей женой.

Так длилось до 25 апреля 1937 г., когда участковому инспектору милиции Просветову поступило заявление Желтиковой с просьбой привлечь к ответственности ее мужа.

Но мягкосердечный инспектор явно не спешил. Просветов продержал жалобу в портфеле ровно два месяца.

Достойный презрения и наказания отец трех брошенных детей до сих пор не привлечен к ответственности. Дело находится в прокуратуре. Тем временем ответчик, в совершенстве овладевший техникой внезапного исчезновения, приготовил новые планы уверток. Удастся ли ему их реализовать?

Техник дорожного строительства в Сухуми Владимир Кебурия поступил еще проще. Чтобы не платить алименты бывшей жене своей Фене Хартомаджиди, после того как он сошелся с другой женщиной, он похитил у Фени семилетнего сына Жору.

Кебурия за 9 лет совместной жизни всегда издевался над Феней, надолго бросал ее с двумя детьми без всяких средств к жизни. В мае прошлого года он скрылся вовсе, а вместе с ним исчез и ребенок. Случайно, после долгих поисков, Феня натолкнулась на след похитителя. Кебурия, скрываясь от жены, проживал в приморском санатории в Афоне. Увидев ребенка возле чужой женщины, Феня не выдержала, силы оставили ее, она упала в обморок, а Кебурия, воспользовавшись суматохой, скрылся, прихватив с собой и ребенка.

Вернувшись в Сухуми, Феня подала жалобу в народный суд первого участка с просьбой вернуть ей ребенка. Суд вынес решение в ее пользу и обязал Кебурия возвратить ребенка. Кроме того, по решению суда Кебурия должен был платить Фене алименты на содержание обоих детей.

Но одно дело — решение, другое — выполнение его. Прокуратура ничего не сделала, чтобы немедленно отобрать у беглого отца ребенка и передать сына Фене. Кебурия был в Сухуми и даже имел наглость обжаловать решение суда, и когда Верховный суд Абхазии решил дело опять-таки в пользу Фени, вторично скрылся.

Он таскает мальчика за собой как «багаж», бросает его одного в номерах гостиниц, «определяет» на несколько дней в какой-нибудь детский сад, как, например, в Очемчири. Но мать ребенка часто можно видеть в прокуратуре, милиции, и даже в опекунском совете горсовета Сухуми. Можно видеть ее и на вокзале, автостанции, на пристани, куда приходят теплоходы. Грустная, с заплаканными глазами она расспрашивает знакомых, не встретили ли они ее мужа и подростка — сына.

И все это известно местным властям, и никто не берет на себя труд положить ко-

издевательству над несчастной женщиной и ребенком и привлечь к ответственности зарвавшегося негодяя, нагло попирающего наши законы.

Впрочем, бессовестно попирают законы, направленные в защиту матери и детей, не только «алиментщики», уклоняющиеся от уплаты на содержание своих детей.

В нашей практике довольно значительны случаи глумления сыновей над вырастившими их матерями, потерявшими трудоспособность, вынужденными прибегать за отсутствием каких-либо иных источников к существованию, к поддержке своих детей. Вот несколько примеров.

Анна Ивановна Федорова — мать восьми детей. В тяжелых условиях и в упорном труде воспитывала она своих малолетних ребят. Дети выросли, приобрели специальности и один по одному покинули инвалидку-мать, оставив ее без всяких средств к существованию.

Федорова, оскорбленная и униженная, обращается за помощью к государству:

«Мне шестьдесят лет, я инвалидка и не имею сил заработать на свое существование. Своих детей мне приходилось воспитывать без мужа. Я работала день и ночь на местных кулаков, чтобы прокормить своих детей. Но когда они выросли, я осталась одна с исполнительным листом на руках, обязывающим моих сыновей Якова и Григория оказывать мне материальную помощь».

Так говорит Анна Ивановна.

К сожалению, такие сыновья, как Яков и Григорий, не единственные. Хуже того, некоторые «сыновья» доходят до прямого издевательства над своими матерями. Жертвой такого издевательства явилась Прасковья Анисимова — мать учителя Екатерининского района Сергея Анисимова.

Вместе со своей женой, учительницей Варварой Цигулевой, Сергей переманил мать к себе из Каширинского района и отобрал ее ничтожные пожитки. А когда вынянченные Прасковьей Анисимовой внучки подросли и она перестала быть им нужной, Цигулев выжил свою старуху-мать из дома. Ей пришлось искать приют у чужих. Когда старушка-мать попросила у сына отдать ей ее корову, жена сына избила старуху до полусмерти.

Мы знаем, что в нашей стране матери, которым не помогают изверги-сыновья, всегда найдут защиту у нашего государства. Право граждан на материальную помощь при старости и нетрудоспособности записано в Сталинской Конституции.

Органы суда и прокуратуры охраняют законы советского государства, защищают права матери. Однако, к великому удивлению, некоторые «блюстители законности» сами нарушают наши законы.

Мать прокурора Матвеевского района Антиясова Павла Ефимовича одиннадцатый год разыскивает своего сына. Одиннадцатый год прокурор Матвеевского района скрывается от своей родной матери!

«Я уже совершенно слепая, — пишет Варвара Антиясова, — мне 68 лет, родных, кроме сына, не имею. Связь с ним потеряла и думала, что его нет в живых. Потом случайно мне наши колхозники сказали, что мой сын работает прокурором в Матвеевском районе. Я писала сыну письма, посылала телеграммы с просьбой взять меня к себе, но на мои письма я не получила ответа...».

Такому «прокурору» не место в органах прокуратуры, откуда он должен быть немедленно изгнан с позором!

Исключительная забота о людях, стремление нашего правительства и партии оказать помощь выразились в последнем законе о помощи роженицам и беременным женщинам.

Однако, находятся такие люди, которые пытаются и этот закон обойти каким-нибудь способом.

Полгода назад, после рождения девятого ребенка, Елена Мешкова обратилась за содействием в получении пособия по многосемейности к председателю Украинского сельсовета Черепановского района Кубанову Н. А.

Она просила оформить документы, необходимые для получения пособия. Председатель сельсовета Кубанов вместо того, чтобы удовлетворить законную просьбу многосемейной матери, отнесся к ней, как бюрократ и чиновник.

Свой отказ в оформлении документов он объяснил, тем, что «два сына при ней не живут, хотя один из них служит в РККА, следовательно, права на получение пособия Мешкова не имеет».

Командование части, где служит сын гражданки Мешковой, пыталось разъяснить Кубанову его незаконный поступок, но бесполезно.

Прошло уже полгода, а ретивого бюрократа — председателя сельсовета — никто не призвал к порядку, и многосемейная мать до сих пор не получила законного государственного пособия.

Была подана жалоба районному прокурору, но и он ничем не помог.

Закон о повышении пособий по беременности предусматривает ряд мер, вплоть до привлечения к уголовной ответственности за отказ в принятии беременных женщин на работу

Тем не менее еще до сих пор находятся такие администраторы, которые всячески изощряются, чтобы избавиться от беременных сотрудниц.

В мае месяце этого года в правление туапсинского райтрансторгпита была принята на работу счетовода с испытательным сроком грка Филиппова. Работая до самых последних дней испытательного срока, она не имела буквально ни одного замечания и только в день, когда испытательный срок кончился, ей приподнесли приказ... об увольнения «как не соответствующей своему назначению».

В действительности дело обстояло иначе. В последние дни испытательного срока бухгалтер Симоненко узнал, что Филиппова беременна и должна скоро пойти в декретный отпуск. Это вызвало у Симоненко глубокое разочарование, вследствие чего появился хитроумный, наспех сочиненный приказ.

В это дело вмешался прокурор железной дороги т. Савченко. Он предложил принять Филиппову на работу. Тогда в защиту своего приказа выступил директор Овчинников.

— Как так принять, да не бывать этому,— заявил он, — что я — собес?

Пришлось в это дело вмешаться прокурору, который поставил вопрос перед трестом Трансторгпита о том, чтобы понудить туапсинских чиновников, как бессовестно попирающих советские законы, восстановить гр-ку Филиппову на работе.

Или другой случай.

Четыре года бессменно работала преподавателем-зоотехником в Уватской районной школе гр-ка Тальнишных Е. В апреле 1937 г. районная колхозная школа была ликвидирована. Тальнишных обратилась в райзо с предложением работать, не скрывая, что она беременна на шестом месяце. В райзо ей ответили: «Мы тебя переводим в распоряжение окрзу». Она обратилась к окрзу к т.т. Матвееву, Трушникову и Кузенкову, но получила тот же ответ.

Так безответственно бюрократически, перебрасывая, как мячик, беременную женщину, ни райзо, ни районная колхозная школа, ни окрзу ей денег за декретный отпуск не платят.

Как же судебно-прокурорские органы защищают беспомощных и нуждающихся в их помощи людей? К сожалению, нередко, очень плохо!

Наш советский суд и прокуратура делают немало, укрепляя социалистическую законность на местах.

Однако, до сих пор еще не изжиты глубокие язвы волокиты и бюрократизма, безучастно-безответственного, наплевательского отношения к чужому горю и нуждам людей, посетителям и жалобщикам.

Эти беззащитные люди месяцами обивают пороги судебных исполнителей, судей и прокуроров в поисках эффективной помощи.

Увы, до сих пор не всеми и далеко не всегда эта помощь своевременно и правильно оказывается.

Этот трудный участок нашей работы должен быть преодолен в самое ближайшее время, так, как этого требует наша великая эпоха.

От редакции. Редакция ждет срочных сообщений прокуроров о принятых ими действенных мерах для ликвидации безобразных фактов, приводимых в статье т. Богуславской. Редакция считает, что органам прокуратуры на местах большинство этих фактов известно. Они обязаны действовать в точном соответствии с законом 27 июня 1936 г.

Редакция надеется, что прокурор РСФСР т. Рычков сумеет заставить подчиненные ему органы по-большевистски выполнять советские законы и отобьет у некоторых, застрявших в прокурорских органах, бюрократов охоту покрывать такие гнусные безобразия своим бездействием.

А. СОЛЬЦ

О хулиганстве

Недалеко ушло то время, когда трудящиеся в нашей стране не были хозяевами жизни и за эту жизнь, за ее порядки, не отвечали.

Наступило радостное, счастливое, полное творчества время, когда мы, хозяева жизни, строим ее по определенному, заранее намеченному плану.

В такое время вопрос о хулиганстве приобретает серьезное значение.

Товарищ Сталин исключительно хорошо и своевременно подметил, что «человек сейчас ценен как никогда». Человек, творец и строитель жизни, должен осознать свое особое положение в нашей стране и вести себя согласно своему высокому званию. В частности, совершенно не к лицу этому новому человеку хулиганить.

Поэтому советская власть в лице ЦИК и СНК СССР 29 июля 1935 г. издали постановление, по которому за злостные хулиганские действия установлено наказание до 5 лет лишения свободы.

Чем люди ценнее, тем более мы к ним требовательны, и мы иначе поступить не можем.

Мы творим не только новую жизнь но и новых людей. Мы суровы по отношению, к тем, которые портят жизнь, но мы одновременно и создаем условия, при которых явления хулиганства не должны иметь места. И для этого мы в том же законе от 29 марта 1935 г. запретили изготовление, хранение, сбыт и ношение без разрешения холодного оружия.

Мы очень ценим работу коллектива и к этом основании крепко осуждаем, когда хулиганство носит групповой характер. Мы столь же сурово должны судить, когда хулиганство проявляется злостно, когда оно носит в себе элементы протеста против структуры новой жизни, нового быта, когда оно происходит в общественных местах, клубах, на собраниях и общественных вечеринках, когда оно имеет серьезные последствия и сопровождается применением холодного или огнестрельного оружия или, наконец, когда оно носит повторный характер (рецидив).

Поэтому Союзная прокуратура отказала в опротестовании приговора некоему Маслову, который учинил скандал в избе-читальне. Поэтому мы отказали в протесте по делу (Чуйково, Одесской области), когда выяснилось, что в этой деревне процветало групповое хулиганство, для ликвидации которого требовались суровые меры. Но такой политики не всегда, к сожалению, придерживаются товарищи судьи. Большинство судебных работников после постановления ЦИК и СНК СССР от 29 июля 1935 г., взяли себе за правило по всем делам о хулиганстве, независимо от обстоятельств, независимо от личности подсудимого, выносить суровые приговоры.

Статья 74 ч. 1 совершенно исчезла из практики суда, все хулиганские дела стали квали-

фицироваться по ст. 74 ч. 2 и по ней почти всем дают лишение свободы не меньше 2 лет, весьма часто 3—4 года и больше всего 5 лет, без всяких к тому оснований, только потому, что имеют формальное на сие право.

Суд и прокуратура подходят к делам о хулиганстве механически.

29 апреля 1935 г. советское правительство подчеркнуло необходимость усиленной борьбы с явлениями хулиганства, и они это выполняют, не затрудняя себя внимательным изучением дела и преступника.

Так, 29 мая 1936 г. народный суд г. Вольска приговорил к трем годам лишения свободы 3 человек. Все они до того не судились, все хорошо работали. Однако, получили по 3 года. Саратовский областной суд приговор утвердил и только по протесту Союзной прокуратуры Верховный суд 28 апреля 1937 г. снизил им наказание до пределов фактически отбытого срока.

Грузчик Талалаев, 37 лет, имеет трех малолетних детей, один раз был осужден на 1 год исправительно-трудовых работ по ст. 74 ч. 2 в 1935 г., в 1936 г. он напился пьяным, побил стекла на 50 рублей и сопротивлялся, когда его арестовывали. Суд за это дал ему пять лет. Крайсуд приговор утвердил и только по протесту Союзной прокуратуры Верховный суд снизил ему наказание до двух лет.

13 ноября 1936 г. в Спасском районе, Московской области, подралась группа крестьян. Драка была случайная, никем не организованная и не подготовленная. Однако, и народный и областной суды квалифицировали ее по ст. 74 ч. 2 — трем дали по 2 года, а четвертому 1 год исправительно-трудовых работ, применив здесь ст. 74 ч. 2 совершенно неправильно. Только по протесту Союзной прокуратуры действия осужденных были переквалифицированы Верховным судом РСФСР по ст. 74 ч. 1, и они получили по 3 месяца исправительно-трудовых работ.

Так действуют и работают почти все суды и прокуроры районные, областные, краевые и республиканские, когда сталкиваются с хулиганскими делами.

Подтверждается это огромным количеством дел, решения которых оставались неизменными до вмешательства Союзной прокуратуры. Тогда с ее указаниями соглашались. А это значит, что ошибочные решения эти легко можно изменить, уделив делам больше внимания и разобравшись в них по-настоящему.

Постановление советской власти о хулиганстве диктует необходимость крепко и сурово бороться с хулиганством. Но эта борьба не исключает обязанности вдумчивого подхода к конкретным делам, дифференциации дел, строгой индивидуализации вины и, наконец, применения и воспитательных мер, когда хулиганские проступки совершены случайно и нет нужды в изоляции провинившихся людей.

ХОЛОДНОВ
РУЗОВ
КУБИЦКИЙ

Следы на дереве

В начале августа 1936 г., в полдень, председатель колхоза и член сельсовета Г. пошел из своей деревни С. в соседнюю деревню А., что в расстоянии 4 километров, в сельсовет на заседание налоговой комиссии. Заседание это не состоялось, и Г., два часа спустя, направился обратно в свою деревню, но домой не возвратился и с этого момента исчез.

Г. был организатором и лучшим председателем колхоза в своем районе. Как активный член сельсовета он неуклонно проводил в жизнь мероприятия советской власти, почему имел врагов в лице антисоветски настроенных и деклассированных элементов.

Личная жизнь Г. не давала никаких предпосылок к объяснению его исчезновения.

Было заподозрено убийство.

Дорога, по которой возвращался Г. домой, пролегала по лесу. Организованные на следующий день после исчезновения Г. поиски безрезультатно продолжались 6 дней.

На седьмой день в нескольких шагах от дороги, по которой Г. должен был возвращаться домой, в молодом ельнике привлекли к себе внимание два торчавших в земле пенька от недавно срубленных под корень молодых елок. Благодаря их порубке образовалось свободное пространство, в котором, судя по примятости и разбросанности хвои, помещался человек. Вход в это место, которое по-видимому служило засадой для убийцы, сверху и со стороны дороги был замаскирован срубленными ветками. С противоположной стороны дороги шел след от волочения какого-то тяжелого предмета шириной в полметра. След этот углублялся в лес и на расстоянии 185 метров от дороги заканчивался в мелком кустарнике. Здесь было обнаружено место свежевскопанной земли, замаскированное воткнутыми в землю березовыми и ольховыми ветками с полуувядшими листьями.

У колхозника Б., бывшего красноармейца-пограничника, привлеченного к поискам Г., и первым обнаружившего это место, возникла мысль, не зарыт ли здесь труп Г.

На эту мысль его навели последовательно: место засады, след волочения, соответствовавший по размеру человеческому телу, и, наконец, полуувядшие листья на ветках.

И действительно, по удалении служивших для маскировки веток, на небольшой глубине был обнаружен труп Г. В карманах его одежды оказались в целости все принадлежащие ему личные вещи и документы.

Представитель следственных органов, производивший осмотр места происшествия, обра-

тил внимание, что плоскости порубки некоторых веток, служивших для маскировки места захоронения трупа Г., а также веток, маскировавших засаду у дороги, имели на себе следы в виде борозд, которые могли произойти от дефектов лезвия топора.

Концы этих веток (черенки) в количестве 21 шт. были сличены, пронумерованы, подробно описаны, с точным указанием места обнаружения их, и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Осмотром и судебно-медицинским вскрытием трупа Г. было установлено, что смерть его последовала от огнестрельного ранения в голову. Выстрел был произведен в затылок из охотничьего гладкоствольного ружья на расстоянии нескольких шагов. При вскрытии из головы трупа было извлечено 15 деформированных кусков саморубленного свинца. Направление канала ранения и его местонахождение указывали на то, что убийца стрелял стоя. Изъятый из головы трупа свинец был также приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

Результаты осмотра места происшествия и судебно-медицинского вскрытия трупа дали следствию основание воспроизвести обстоятельства совершенного убийства.

О том, что Г. должен был возвращаться домой по этой дороге в этот день и примерно в эти часы (днем) было известно его односельчанам.

Преступник заблаговременно устроил в лесу возле дороги засаду, и когда Г. миновал его, выстрелил ему в затылок. Допросом свидетелей было установлено, что в день исчезновения Г., примерно в то время, когда он шел домой, со стороны леса был слышен выстрел.

Г. — мужчина высокого роста, атлетического телосложения, весил 94 кг. Поднять и перенести труп его было не под силу одному человеку, а потому преступник волочил его по земле.

Личная жизнь Г., отсутствие каких бы то ни было признаков грабежа и картина заблаговременной подготовки к преступлению говорили за то, что убийство было совершено на почве общественных отношений.

Под изложенным углом зрения подозрение падало на нескольких человек, имевших против Г. злобу на почве классовой вражды.

Некоторые из них были охотниками, и при обыске у них оказались куски свинца, которые были изъяты для сопоставления с зарядом, служившим для убийства. Помимо этого, у всех подозреваемых были изъяты принадлежащие им топоры с целью сличения их со следами на срубленных ветках.

Исследование вещественных доказательств производилось в Государственном научно-исследовательском институте судебной медицины.

Химический анализ свинца не дал никаких результатов для направления следствия. Оказалось, что состав свинца, извлеченного из трупа, неоднороден с кусками свинца, изъятого у подозреваемых (наличие в исследуемых кусках иных примесей и в иных пропорциях).

Одновременно с химическими анализами свинца в криминалистической лаборатории института проводилось исследование черенков и топоров.

Методика идентификации в основном слага лась из нескольких этапов. Прежде всего бы ли исследованы лезвия топоров, причем вс они оказались с известными изъянами. Н фотографии № 1 представлена часть лезви

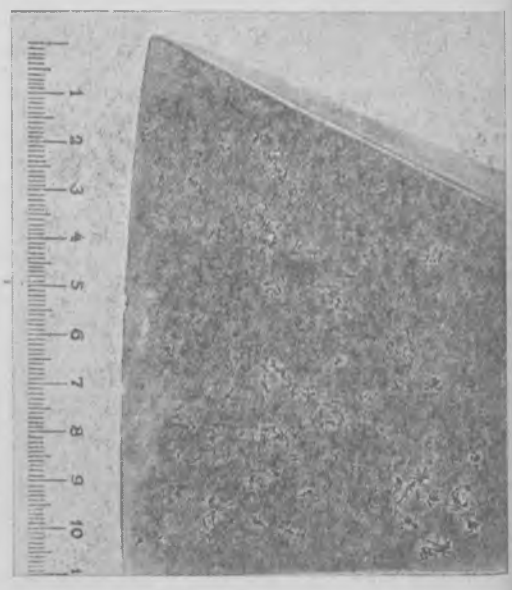

Фото 1

одного из пяти топоров. Это давало основа ние полагать, что при рубке топоры должны оставлять следы на соответствующем мате риале.

Из числа 21 черенка явственные следы были обнаружены только на 8 из них. На фото

Фото 2

графии № 2 представлены плоскости порубк 2 из этих черенков.

Стал вопрос о том, одним ли топором р били все эти черенки?

Для разрешения возникшего вопроса плоскости мест порубки 8 черенков были сфотографированы в натуральную величину.

Части фотографий каждого из 8 черенков совмещались — монтировались друг с другом. При этом оказалось, что представленные на фотографиях следы-борозды во всех подробностях совпадают друг с другом. На фотографии № 3 показан один из таких монтажей, где номерами помечены соответствующие номера черенков.

Фото 3

Таким образом, было с очевидностью установлено, что все исследуемые ветки рубились одним и тем же топором.

Следующим этапом являлось разрешение вопроса, не рубились ли ветки каким-либо из данных топоров. Для этого нужно было получить следы топоров на соответствующем пластическом материале, который не влиял бы на индивидуальность лезвий. После многократных экспериментов с топором, не имевшим отношения к данному делу, была найдена соответствующая для исследования поверхность. Лезвия топоров проводились под разными углами по равномерно застывшим тонким слоям воска на зеркальных стеклах. На фотографии № 4 показан полученный след одного из топоров.

Поверхности со следами сосокобов исследуемых топоров были сфотографированы в натуральную величину.

При совмещении-монтаже частей фотографий плоскостей порубки черенков с фотографиями следов, воспроизведенных по воску, оказалось, что борозды черенков во всех деталях совпадают со следами топора, изъятого у подозреваемого К. На фотографии № 5 предста-

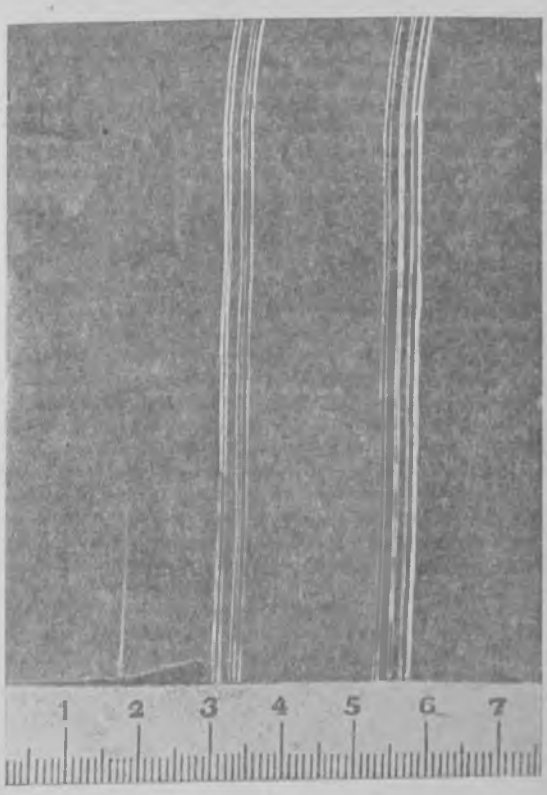

Фото 4

Фото 5

влено это совпадение. Это дало основание утверждать, что ветки, служившие для маски-

ровки места захоронения трупа, рубились топором К.

В своих показаниях как на следствии, так и на суде К. утверждал, что он никому своего топора не давал и сам этим топором в период убийства Г. не пользовался. По показанию его жены никому из посторонних они своего топора, вообще, не давали и он всегда хранился в доме в определенном месте.

Указанная экспертиза являлась единственной материальной уликой против К.

В судебном заседании она демонстрировалась на экране посредством проекции диапозитивов, иллюстрирующих ход и результаты идентификации.

Надо отметить, что этот способ, оказавшийся весьма наглядным и убедительным не только для суда, но и для многочисленной аудитории, был применен в нашем судебном процессе впервые.

К. был приговорен судом к высшей мере наказания. Кассационная инстанция не нашла никаких формальных поводов для отмены приговора, но сочла возможным заменить К. высшую меру 10 годами лишения свободы.

Какие практические выводы можно сделать из описанного дела?

Тщательно проведенный осмотр места со вершения преступления дал в руки следстви исходные нити по двум направлениям: во первых, при сопоставлении со свидетельским показаниями, точно определил круг подозре ваемых и, во-вторых, указал на способ изобли чения преступника.

Приобщение к делу для исследования заряда которым был убит Г., являлось элементарны следственным действием. Однако, этот заря при исследовании не дал уличающего мате риала.

Приобщение черенков, свидетельствующее о особой тщательности осмотра и вдумчивост лица, производившего расследование, логическ повлекло за собой изъятие топоров. В итог идентификация их с черенками дала блестящи результаты.

Это лишний раз подчеркивает, насколько внимательно, тщательно и продуманно должен производиться осмотр места происшествия.

Сам по себе этот редкий в криминалистической практике случай идентификации топоров со следами порубки на ветках говорит о тех многообразных возможностях, которы дает тщательный осмотр самых различны объектов на местах происшествий.

С. АБКИН

Из практики расследования дел о несчастных случаях на железнодорожном транспорте

Практика расследования дел о так называемых несчастных случаях на транспорте дает основание утверждать, что эта категория дел, не входящая по учету в число аварий, крушений или даже брака, является наиболее неблагополучной в смысле извлечения уроков, анализа причин и т. д.

Достаточно сказать, что несчастные случаи независимо от причин, характера и последствий проходят мимо руководства дороги и соответствующих выводов из них оно не делает. Материалы о несчастных случаях в управление дороги не посылаются. Там лишь регистрируют их без анализа причин и выявления виновных лиц.

Даже ревизорский аппарат отделения движения эти случаи не считает нужным расследовать. Вообще не ясно, какая служба и кто из должностных работников отвечает за расследование этой категории дел.

Обычно начальник станции ограничивается посылкой телеграммы. В лучшем случае он отбирает два-три ничего не дающих объяснения от причастных к этим случаям лиц и направляет их в паровозное отделение.

Если при расследовании аварий и крушений на место выезжают представители всех служб и начальник дороги, производится служебное (техническое) расследование, случай обсуждается на специальном оперативном совещании при начальнике дороги, то при несчастных случаях (когда поездом задавило кого-либо, причинило работнику тяжелое увечье) никто из работников дороги не выезжает, и по существу такие дела в служебном порядке не расследуются.

Получается довольно странная картина: ко да разобьют вагон, немедленно выезжают н место, устанавливают причины, обсуждают на оперативном совещании при начальнике доро ги. Когда же погибает человек, когда объе том аварии является не вагон, а самый це ный капитал в нашей стране — человек, т полное бездействие или только регистрац фактов.

Между тем, значительное количество уг ловных дел о несчастных случаях, расследо ванных прокуратурой, квалифицируется статье 59[3в] УК, т. е. как грубое нарушен трудовой дисциплины и правил техническ эксплоатации. Расследование этих дел дока зывает, что причиной несчастного случая я ляется нарушение правил движения, игнори рование инструкции о сигнализации, непра вильное производство маневров и т. д., с вом, грубое нарушение правил техническ эксплоатации.

Однако станции, и службы, и дорога в це лом фиксируют их лишь как несчастные сл чаи, без указания причин и, таким образ грубые нарушения правил технической экспл атации не учитываются и по ним не делае никаких выводов.

Вот несколько примеров из моей практи

2 февраля 1937 г. стрелочница станции Кн зевка Хлебнова, исполняя служебные обяз ности у стрелки № 6, была задавлена на смерть маневровым паровозом, в результ

того, что старший стрелочник Хохлин по приготовленному маршруту на отправление поезда самовольно пропустил маневровый состав. Хохлин не предупредил и не дал сигналов стрелочнице Хлебновой о заезде маневрового паровоза на главный путь, где она находилась за очисткой стрелки.

В действиях старшего стрелочника Хохлина установлено грубое нарушение §§ 98 и 465 правил технической эксплоатации, а также § 25 технического распорядительного акта станции, запрещающего заезд маневрового состава на главный путь. Линсуд приговорил Хохлина по ст. 59[3в] ч. 1 УК к трем годам лишения свободы и транспортная коллегия Верхсуда СССР приговор оставила в силе.

Между тем, заместитель начальника станции Князевка Мартыщенко (даже не начальник станции), отобрав объяснение от причастных лиц, в своем заключении ни слова не написал о виновности старшего стрелочника Хохлина. Инспектор труда Масленников, выезжавший на место, формально подойдя к расследованию дела, тоже не заметил грубейших нарушений правил технической эксплоатации и технического распорядительного акта станции со стороны старшего стрелочника Хохлина.

28 марта 1937 г. на 44 километре перегона Никольский-Татищево был задавлен насмерть паровозом-толкачом под управлением машиниста Иванова семилетний сын путевого обходчика Дмитриев, наблюдавший за коровой, которая паслась вблизи пути.

Машинист Иванов, следуя по перегону, вперед не смотрел, за путем не наблюдал. Несмотря на то, что прямая началась за 600 метров до места несчастного случая, Иванов, по собственному признанию, никого на путях не видел, оповестительных сигналов не давал и о том, что задавил мальчика, узнал лишь приехав на станцию Татищево, где ему об этом сказал начальник станции. Мальчик был задавлен именно этим паровозом на глазах свидетелей, которые кричали машинисту, но машинист утверждает, что он ничего не слыхал и не видел.

За такое грубое нарушение трудовой дисциплины, § 431 правил технической эксплоатации и § 74 инструкции о сигнализации, Иванов был привлечен к уголовной ответственности по статье 59[3в] ч. 1 УК и линейным судом приговорен к двум годам лишения свободы.

Начальник же паровозного отделения Ванин, ограничившись отбором одного объяснения у машиниста, который, естественно, показал, что знать ничего не знает и ведать не ведает, вынес заключение, что вины машиниста нет.

9 апреля 1937 г. у стрелки № 35 на ст. Саратов-Товарная стрелочник Редин при исполнении служебных обязанностей был сшиблен движущимися вагонами и получил тяжелые увечья. Произведенным расследованием по этому делу установлено, что машинист Иванов и его помощник Скитев без сигнала самовольно тронулись в путь по неготовому маршруту, не следили за путем, не смотрели за подаваемыми им сигналами остановки, в результате чего наехали на стрелочника Редина, занятого в это время своим маневровым составом.

За грубое нарушение правил технической эксплоатации §§ 427 и 428 Иванов и Скитев привлечены к уголовной ответственности по ст. 59[3в] ч. 1 УК. Дело это еще в суде не разбиралось.

Эти примеры из следственной практики взяты лишь по одному моему участку за последние три месяца, но они характерны и для остальных участков дороги.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы сигнализировать руководству дороги и НКПС о том, что:

Во-первых, за многими несчастными случаями, которые по существующему учету не подпадают под аварии, крушения и брак в работе, кроется грубое нарушение правил технической эксплоатации.

Во-вторых, эта категория дел требует такого же расследования, как аварии и крушения, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ю. ПОЗАН и Т. МОШКОВИЧ

Кризис капитализма и преступность несовершеннолетних

Капиталистический мир переживает крайние обострения межимпериалистических и внутренних противоречий.

Мировой экономический кризис, небывалый по своей продолжительности и опустошительной силе, протекающий в обстановке общего кризиса капитализма, «когда капитализм не имеет уже и не может иметь ни в основных государствах, ни в колониях и зависимых странах той силы и прочности, какие он имел до войны и Октябрьской революции, когда промышленность капиталистических стран получила в наследство от империалистической войны хроническую недогрузку предприятий и миллионные армии безработных, от которых она не в силах больше освободиться»[1], — потряс до основания всю капиталистическую систему.

Наблюдаемое за последние годы в ряде капиталистических стран некоторое увеличение объема промышленной продукции, достигнутое путем необычайного роста военных заказов, усиления эксплоатации, снижения до неслыханных размеров жизненного уровня трудящихся масс, ни в какой степени не является показателем нового подъема промышленности.

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 540.

Здесь, по блестящему определению товарища Сталина, «мы имеем дело с переходом от точки наибольшего упадка промышленности, от точки наибольшей глубины промышленного кризиса к депрессии, но к депрессии не обычной, а к депрессии особого рода, которая не ведет к новому подъему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка» [1].

Это означает, что мировой буржуазии не удалось, как не удастся и впредь, выйти из тупиков, или хотя бы задержать дальнейшее обострение противоречий, раздирающих капиталистическую систему.

В бесплодных поисках выхода из создавшегося, небывало обостренного экономического и политического положения буржуазия разжигает новую мировую бойню, готовя в первую очередь нападение на Советский союз, неистовствует в своем бешеном наступлении на жизненный уровень пролетариата и трудящегося крестьянства, подвергая их неслыханному политическому угнетению, путем все усиливающегося применения открыто террористических фашистских методов борьбы.

Но если буржуазия ищет выхода из тупика на путях войны и фашизма, то рабочий класс капиталистических стран, доведенный до отчаяния безработицей, нищетой и политическим гнетом, становится на путь революции.

«Это значит, что зреет и будет назревать революционный кризис. И революционный кризис будет нарастать тем скорее, чем больше будет запутываться буржуазия в своих военных комбинациях, чем чаще будет она прибегать к террористическим методам борьбы против рабочего класса и трудящихся крестьян» [2].

«Соотношение классовых сил в мировом масштабе все более изменяется в сторону роста сил революции» [3].

Рабочий класс всего мира прекрасно знает, что только пролетарская революция в капиталистических странах принесет трудящимся освобождение от мук голода, нищеты и политического бесправия.

Одним из проявлений разрушительного действия мирового экономического кризиса является массовая, хроническая безработица, достигшая огромных размеров, каких не знала история капитализма. Как известно, в 1933 г. число безработных в капиталистических странах составляло 50 миллионов человек, а вместе с членами семей — 150—200 миллионов.

Несмотря на то, что с начала экономического кризиса прошло уже 8 лет, контингент занятых рабочих, в преобладающем большинстве стран, значительно ниже, чем в 1929 г.— первом году мирового экономического кризиса.

Это видно из следующих данных: в США в 1936 году число занятых рабочих по сравнению с 1929 годом было меньше на 20%; во Франции — на 25%; в Польше — на 25%; в Чехословакии — на 13% [4].

В одних лишь Соединенных штатах Америки количество безработных достигло к началу 1937 года свыше 10 миллионов человек.

Экономическая политика фашистской Германии, разоряющая народное хозяйство страны, обрушивается всей тяжестью своего бремени на трудящиеся массы Германии.

Несмотря на все лживые заявления фашистских «вождей», фальсифицированные сообщения официальной фашистской статистики, направленные на явное преуменьшение данных о безработице, последняя в действительности чрезвычайно велика. Армия безработных в Германии насчитывает в своих рядах около 3 миллионов человек.

Аналогичная картина наблюдается и в Польше, заслуженно снискавшей себе печальную известность страны голода, нищеты и безработицы.

Проблема безработицы приняла настолько острый характер, что ее не в силах замалчивать даже буржуазная пресса.

Вот что пишет, отражая тревогу буржуазии, одна из польских газет, по поводу катастрофического положения с безработицей в стране:

«Это явление — безработица — приняло у нас такие размеры, что вышло далеко за пределы отдельных предприятий, отдельных отраслей производства или отдельных районов. Оно нависло над всей страной, над всей жизнью и чудовищными своими последствиями начинает подрывать самые устои нашего существования. Толпы безработного пролетариата выступают все сильнее и агрессивнее.

Предместья столицы изменили свой характер. В Польше существуют города, которые в буквальном смысле слова превратились в поселения людей без хлеба и без работы...».

В погоне за прибылью капитализм широко вовлекает в производство женщин и детей и нещадно эксплоатирует их труд, оплачивая его во много раз меньше, чем труд взрослых мужчин.

«Прогресс техники и науки означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот» [1].

Эти замечательные слова Ленина, характеризующие дикую эксплоатацию труда в капиталистических странах, полностью относятся к условиям и характеру труда женщин и детей.

В своей хищнической эксплоатации капитализм не щадит детей даже в самом раннем их возрасте.

Так, например, во Франции допускается детский труд с 13-летнего возраста, в Италии, Германии, Венгрии, Португалии с 12 лет, в Югославии с 10 лет, в Японии и Манчжурии зачастую встречаются дети-рабочие в возрасте 4—6 лет.

Для многих капиталистических стран является обычным такое положение, когда дети на свой скудный заработок содержат целые семьи, в то время как взрослые члены этих семей находятся в состоянии хронической безработицы.

Работающие в капиталистических предприятиях дети и подростки ставятся в невероятно тяжелые условия: оплата их труда, как правило, в 4—5 раз ниже оплаты труда взрос-

---

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 543.

[2] Там же, стр. 548.

[3] Резолюции VII всесоюзного конгресса Коммунистического интернационала, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 г., стр. 10.

[4] Там же.

[1] Ленин. т. XVI, стр. 340.

лых рабочих, продолжительность рабочего дня достигает 12—16 и даже более часов, отсутствует охрана труда, дети используются без всякого ограничения как в ночных сменах, так и на вредных производствах и т. д.

Как сообщает американская газета «Нейшен», в 1926 г. 85% детей, работающих на сборе сахарной свеклы в США, были заняты от 9 до 14 часов в сутки, 75% детей занимавшихся разделкой свеклы, работали от 9 до 13 часов. Такой рабочий день сохранился в большинстве районов и до настоящего времени.

При этом широким распространением пользуется применение ночного труда детей.

Говоря о тягчайших условиях труда американской рабочей молодежи, необходимо иметь в виду, что значительная ее часть обречена на безработицу.

По имеющимся данным, в 1935 г. в США насчитывалось 5 миллионов юношей и девушек, которые нигде не учились и не могли получить работу.

То же самое явление имеет место в Англии, где ряды безработных неуклонно пополняются тысячами и десятками тысяч безработной молодежи.

По сообщению английской печати, в 1934 году только в восточной части Южного Уэльса насчитывалось 5 000 безработных подростков в возрасте от 14 до 18 лет.

Наряду с этим печать приводит данные из отчета Шотландского национального совета о труде подростков, где говорится, что в Ланкашире из молодежи, оканчивающей школу в 1937 году, не найдут работы 13 тысяч человек, а в 1940 году по крайней мере 10 тысяч человек.

В Германии, Польше, Италии и других странах десятки тысяч молодых людей, ежегодно оканчивающих школы и высшие учебные заведения, точно так же систематически становятся перед фактом невозможности получения какой-либо работы.

Для иллюстрации сказанного достаточно привести данные, опубликованные в конце мая 1937 года в материалах германского управления по страхованию от безработицы. Согласно этим, несомненно весьма преуменьшенным данным, число лиц, окончивших школу и ищущих работу, только за апрель 1937 года увеличилось на 55 000, достигнув в общей сложности 611 000 человек [1].

Таков страшный бич безработицы, висящий над трудящейся молодежью капиталистических стран.

Прямым следствием экономического кризиса и депрессии особого рода, вызвавших колоссальное обнищание масс и обострившие до крайности все противоречия, раздирающие капиталистическую систему, является безудержный рост преступности.

Этот рост настолько очевиден, что его вынуждена констатировать даже буржуазная уголовная статистика, несмотря на ее всемерное стремление затушевать и явно преуменьшить цифры, характеризующие действительную динамику преступности.

Наглядным показателем этого роста могут служить следующие среднегодовые данные по Англии, характеризующие движение преступлений, ставших известными полиции [1].

1925—1929	1930 г.	1931 г.	1932 г.
127 640	147 031	159 279	208 175

Причем основную массу этих преступлений составляют преступления против собственности.

Не менее характерным является рост преступлений в США, этой стране наиболее высоко развитого капитализма и в то же время наиболее развитой «организованной» преступности.

По безусловно преуменьшенным данным, приводимым Ривом в его книге «Золотой век преступности», количество преступлений, совершенных в Америке, за период с 1920—1930 гг. увеличилось в полтора раза.

Говоря о состоянии преступности в фашистской Германии, необходимо иметь в виду, что здесь отнюдь нельзя исходить из данных официальной статистики, поскольку последняя явно тенденциозно искажает действительное положение вещей.

По этим данным, например, число осужденных за кражи, грабежи и вымогательства в 1933 году уменьшилось по сравнению с 1932 годом с 114 039 человек до 103 882 чел.[2]. А общее число осужденных в 1934 году понизилось по сравнению с 1932 годом с 690 000 до 460 000 чел.

Не говоря уже о том, что эти цифры являются плодом фальсификации фашистских криминалистов, они, кроме того, ни в коей мере не отражают подлинного состояния преступности, так как ими не охватывается применение внесудебной расправы, являющейся, как известно, основным методом борьбы с преступностью в Третьей империи.

Разоблачая махинации фашистской уголовной статистики, С. Ауфхейзер в журнале «Die neue weltbühne» совершенно правильно указывает:

«Статистика ограничивается судебными приговорами. Но в современной Германии уголовное преследование в административном порядке приняло гигантские размеры и стало на место судебных приговоров. Десятки тысяч бросаются за их убеждения в полицейские тюрьмы и концентрационные лагери...» и дальше:

«...Действительные преступления, оскорбления, насилия, угрозы, кражи, растраты, мошенничество, подлоги, нарушения неприкосновенности жилища, грабеж, вымогательства не доходят больше до суда, ибо сотни тысяч потерпевших от этих преступлений — коммунисты, социал-демократы, католики, евреи и другие нечлены национал-социалистической партии давно уже потеряли защиту их судом. Если их противник национал-социалист, то обращение к суду вызвало бы, кроме того, месть со стороны его друзей. Миллионы людей под-

---

[1] В. Воронов, Новое в германской безработице, «Известия» от 5 июня 1937 года.

[1] Бюллетень иностранной информации, 1935 г. № 2—3, стр. 3.

[2] Цифры заимствованы из статьи М. Авдеевой «Движение преступности в капиталистических странах», «Сов. юстиция», 1936 г., № 21, стр. 10.

судны военным судам. Совершенно изъята из статистики преступность национал-социалистов, заканчивающаяся «наказаниями», выносимыми фашистскими партийными органами. Не охватываемой статистикой подсудностью обладают и лагери трудовой повинности.

Таким образом, статистика преступности, подчиненная задачам пропаганды, не дает ни общей картины преступности в Германии, ни ее размеров, ни картины того бесправия, которое характеризует нацистскую юстицию»[1].

Совершенно очевидно, что за годы фашистской диктатуры в Германии преступность, вопреки всем утверждениям германской уголовной статистики, не только не уменьшилась, а напротив колоссально выросла, что целиком вытекает из факта обнищания трудящихся и беспрестанно возрастающей безработицы в стране.

Костлявая рука голода, дикая эксплоатация труда, колоссальная безработица, приводящие к экономическому подрыву семьи, вызывают наряду с сильным увеличением общеуголовной преступности катастрофический рост преступности несовершеннолетних.

Это обстоятельство, несмотря на все попытки правящих кругов замаскировать действительное положение и фальсифицировать данные о динамике детской преступности, вызывает у них огромную тревогу, вынуждая время от времени кричать через печать об огромном росте преступности несовершеннолетних.

Так, например, английский консервативный журнал «Спектейтор» сообщает:

«Полицейский инспектор полковник Аллан в своем донесении о состоянии западного полицейского района пишет, что в одном городе, где в 1933 году насчитывалось 3 100 человек, совершивших преступления, не меньше чем 31% преступников приходится на возраст моложе 16 лет. Из 473 человек, обвинявшихся во взломе, 45% принадлежало к возрасту моложе 16 лет. Это обстоятельство внушает тревогу. Почти половина преступлений совершается детьми; по мнению инспектора полиции, это объясняется недостатком родительского надзора, безработицей и плохой средой»[2].

И это беспокойство не лишено оснований.

В самом деле, из статистических данных о преступности в Англии за 1933 год явствует, что из общего числа осужденных 23% не достигли 16-летнего возраста и 20% были в возрасте от 16 до 21 года.

Почти половина всех случаев взлома помещений совершена лицами, не достигшими 16 лет.

Огромное увеличение детской преступности в Англии за последние годы подтверждается также и тем, что если в 1927 году в Борстальские учреждения было направлено 602 человека, то в 1932 году это число возросло до 1 058 человек.

Среднесуточный состав содержащихся в этих учреждениях равнялся в 1927 году 1 253 чел., в 1932 году 1 895 чел.

[1] Б. У., Уголовная статистика фашистской Германии.

[2] «Правда», 6 марта 1935 года.

В связи с все возрастающим количеством несовершеннолетних правонарушителей и пе реполнением мест заключения встал вопрос о необходимости открытия дополнительного ре форматория для мужской молодежи.

В Соединенных штатах Америки сотни тысяч подростков, обреченных на голодное существование, скитаются по стране в бесплодных поисках работы, становясь под влиянием ни щеты на путь совершения преступлений.

Каких огромных размеров достигает пре ступность молодежи США, можно судить по тому, что почти ¾ всех привлекаемых к суду за тяжкие преступления насильственного ха рактера, как это отмечает Рив, падает на лиц в возрасте от 17 до 20 лет.

Говоря о состоянии детской преступности США Люблинский пишет: «По умеренному исчислению американских специалистов в 1928 году для всей страны число несовершен нолетних правонарушителей, ежегодно прохо дящих через детские суды, должно быть ис числено в цифре, близкой к 200 000 человек. К настоящему времени, когда преступность несовершеннолетних заметно выросла, числ это определяется уже около 300 000 несовер шеннолетних в год»[1].

Наиболее распространенными являются пре ступления имущественные, составляющие свы ше ⅔ общего числа преступлений несовершен нолетних.

Ужасающая нищета и голод, переживаемы трудящимися массами Польши и в особенно сти польской деревни, являются источником порождающим интенсивный рост преступност не только взрослых, но и не в меньшей сте пени молодежи.

На VII конгрессе Коммунистического интер национала т. Димитров весьма ярко охаракте ризовал положение польского крестьянств приведя выдержки из реакционной польск газеты «Час», которая по этому вопросу пи шет:

«Польский крестьянин пользуется способам и средствами, применявшимися, пожалу только в эпоху средневековья, он охраня огонь в печи и одалживает его соседу, спи ку он делит на несколько частей, друг дру одалживает грязные обмылки, он вываривае бочки из-под селедок, чтобы получить сол ную воду. Это не басня, но действительно положение в деревне, в которой каждый мо жет убедиться»[2].

В свете этого совершенно понятно, почем в деревнях фашистской Польши «дети выгл дят маленькими покойниками. Они апатичны неподвижны. Те, в ком еще теплится иск жизненной энергии, ищут спасения от г лодной смерти в бегстве»[3].

Понятно также и то, что множество эт несчастных, голодных детей ради поддержан своего существования идет на совершение ра ного рода имущественных преступлений. Ро

[1] Сборник по детской преступности в ка талистических странах, изд. Института уг ловной политики, М. 1935 г., стр. 19.

[2] Г. Димитров, Наступление фашизма задачи Коммунистического интернационала борьбе за единство рабочего класса, 1935 г., стр. 14.

[3] «Правда», 1 июня 1935 г.

этих преступлений характеризуется тем, что за период с 1929 по 1931 гг., т. е. за 3 года экономического кризиса, одни только кражи возросли на 24%. Об этом же непрекращающемся росте детской преступности говорят цифры, относящиеся к несовершеннолетним преступникам, которые содержатся в общих тюрьмах со взрослыми: [1]

1929 г.	881 чел.
1930 „	899 „
1931 „	973 „
1932 „	1 126 „
1933 „	1 192 „

Как видно из этих данных, количество осужденных подростков возрастает из года в год.

В фашистской Германии с каждым годом удельный вес преступности молодежи все более и более возрастает и в настоящее время преступность молодежи в возрасте до 25 лет составляет уже ½ к общему числу осужденных.

А так как общее количество осужденных в 1932 г. выражалось в 564 000 чел., в последующие же годы оно еще более увеличилось, то из этого следует тот бесспорный вывод, что в уголовную преступность в фашистской Германии ежегодно вовлекаются многие десятки тысяч несовершеннолетних.

О стремительном росте преступности среди молодежи в гитлеровской Германии красноречиво говорят следующие данные, взятые из официальной германской статистики:

В 23 крупнейших городах Германии количество правонарушителей в возрасте от 14 до 18 лет возросло с 5 482 чел. в 1934 г. до 7 582 чел. в 1935 г., т. е. на 38%.

В средних городах с количеством жителей от 50 000 до 200 000 чел. за этот год преступность среди молодежи выросла на 75%.

Характерно, что возрастает преступность среди девушек. В 1932 году на их долю падало в крупнейших городах 12% и в среднем 12,6%, а в 1935 году процент соответственно составлял 16,7 и 23,1.

Сильно возросли кражи, которые составляют почти половину всех преступлений среди молодежи.

Количество преступлений на сексуальной почве возросло на 60% [2].

Таковы цифры и факты.

Да и может ли быть иначе, когда многомиллионная масса трудящихся города и деревни обречена на безработицу, голодное существование и нищету.

Общеизвестно, что в фашистской Германии далеко не редким исключением являются судебные процессы над доведенными до отчаяния родителями, которые под влиянием безработицы убивают своих детей, чтобы избавить их от мучений голода.

Не менее характерно и то, что даже по чрезвычайно скромным данным, приведенным в меморандуме Баварского правительства, опубликованным на страницах «Берлинер Тагеблат», 70 тысяч бездомных, безработных, обнищавших, просящих подаяния людей, бродили в 1934 г. по германским дорогам, несмотря на самые суровые полицейские меры.

«Что это, опустившиеся бродяги, не желающие работать?» — спрашивает меморандум. И отвечает: «Отнюдь нет, среди этих людей, странствующих по дорогам Германии, находится чрезвычайно много молодых людей, отбывших год трудовой повинности и не сумевших все же, несмотря на все усилия, получить работу» [1].

Процент безработных среди несовершеннолетних правонарушителей по отдельным городам Германии в 1933 году составлял [2]:

Берлин	41,8%
Кельн	58,8%
Гамбург	36,6%
Франкфурт на Майне . . .	40,7%
Дортмунд	43,5%
Эссен	35,0%
Бохум	33,3%

Выполняя социальный заказ буржуазии, ее теоретики тщательно скрывают подлинные классовые корни преступности и в том числе преступности несовершеннолетних. В этих целях они делают все для того, чтобы отвести внимание трудящихся масс от непримиримых противоречий капиталистического общества, объясняя преступность несовершеннолетних как неизбежное следствие их умственной отсталости, моральной дефективности, преступных наклонностей и т. п. Особенным цинизмом в этом отношении отличаются рассуждения фашистских «теоретиков». Чего стоит, например, следующее заявление, сделанное фашистом Ширах в Академии немецкого права: «Надо покончить с остатками марксистской идеологии, выражающейся в том, что молодой преступник рассматривается всегда как объект окружающей его среды. При этом забывается совершенно, что его сверстники выросли в такой же среде, но не сделались преступниками» [3].

Еще дальше идут многочисленные фашистские евгенисты, расовые гигиенисты и другие представители фашистской «науки», которые, отбрасывая всякую необходимость заботы о несовершеннолетних правонарушителях, открыто призывают к их физическому уничтожению.

Так, Л. Фейхтенбейнер, делая клеветническое утверждение об умственной отсталости и неполноценности пролетарских детей, с исключительной наглостью заявляет: «Но когда-нибудь должен иссякнуть этот могучий поток неполноценности, который здесь открывается, там течет открыто у всех на глазах. Там, где он возникает, порождается и растет, он должен быть схвачен и навсегда уничтожен» [4].

Но как бы ни изощрялись во лжи фашистские писаки, как бы ни клеветали они на пролетарскую молодежь, им не удастся обмануть

---

[1] Сборник по детской преступности в капиталистических странах, М. 1935 г., стр. 99.

[2] «Известия», 24 марта 1937 г.

[1] «Правда», 13 мая 1935 г.

[2] Сборник по детской преступности в капиталистических странах, изд. Института уголовной политики, М. 1935 г., стр. 10.

[3] С. Ю. 1935 г. № 3, стр. 20.

[4] Сборник «Расовая теория на службе фашизма», 1935 г. Госмедиздат, стр. 65—66.

трудящихся относительно настоящих корней детской преступности.

Трудящиеся массы хорошо знают, что детская преступность в буржуазных странах есть прямое порождение и неизбежный спутник непримиримых противоречий капиталистического общества. Они хорошо знают, что капитализм прокладывает свой кровавый путь, подвергая бешеной эксплоатации детский труд, беспощадно уродуя и калеча миллионы детских жизней.

Нечего и говорить, что в условиях капиталистического общества задача ликвидации детской преступности неосуществима, ибо сам капитализм является источником и питательной средой детской беспризорности, безнадзорности и преступности.

Трудящиеся капиталистического мира освободятся от этих тягчайших социальных бедствий лишь в результате пролетарской революции, блестящим доказательством и поддержанием чего является вся практика строительства социализма в Союзе ССР.

Только в нашей стране, где окончательно и навсегда ликвидированы нищета масс и безработица, где материальное благосостояние и непрерывный культурный рост трудящихся города и деревни обеспечены всем ходом социалистического строительства, устранены коренные причины детской беспризорности, безнадзорности и преступности.

В Союзе ССР, где человек является «самым ценным и самым решающим капиталом» (Сталин), всенародная забота о детях пронизывает все законодательство и является одной из важнейших задач, стоящих перед государственными учреждениями и общественными организациями.

Сталинская Конституция — величайший ито борьбы и побед трудящихся СССР на все фронтах социалистического строительства обеспечивает всем детям и юношам наше страны полную возможность получения обра зования, выбора квалификации, всестороннег применения своих сил и способностей.

В результате последовательного проведени в жизнь директив партии и правительства, от ражающих всемерную заботу о детях, в на шей стране в основном ликвидирована детска беспризорность, достигнуты значительны улучшения в работе детских воспитательны учреждений, резко сократились детская без надзорность и преступность. Снижение пре ступности несовершеннолетних может быть ил люстрировано следующими данными:

Если число осужденных по РСФСР в 193 году принять за 100 процентов, то было осу ждено в 1932 году — 81,8, в 1933 году — 82,4 в 1934 году — 60,2, в 1935 году — 42 и в 193 году — 17 (по неполным данным за этот год

Конечно, в области борьбы с детской пре ступностью, у нас до сих пор еще имеетс целый ряд недостатков как в отношении рас следования этой категории дел, так и в от ношении организации судебного рассмотрени и реализации мер воздействия, применяемых несовершеннолетним.

Однако, решительно вскрывая и устраня эти недостатки, мы твердо и уверенно идем по пути окончательной ликвидации детско преступности — этого печального и тяжелог наследия капитализма. И нет никакого сомне ния в том, что эта историческая задача, выполнении которой не может быть и реч в условиях капиталистических государств, бу дет в кратчайший срок успешно разрешена нашей великой, цветущей стране социализма

Постановление Центрального Исполнительного Комитета

О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик.

Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет:

Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по рассмотрению дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях:

1. По делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дел в суде.

2. Кассационного обжалования по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58^7 УК РСФСР (вредительство) и 58^9 УК РСФСР (диверсия) и соответствующими статьями УК других союзных республик — не допускать.

3. Приговоры о высшей мере наказания (расстреле) приводить в исполнение немедленно по отклонении ходатайств осужденных о помиловании.

Председатель ЦИК СССР **М. Калинин**

Секретарь ЦИК СССР **А. Горкин**

Москва, Кремль, 14 сентября 1937 г.

Обмен опытом

К вопросу экспертизы спорного отцовства[1]

Экспертиза по вопросу спорного отцовства в Ленинграде стала проводиться с 1925 года, когда нарсуд обратился за помощью в отделение судебно-медицинской экспертизы Ленгорздрава.

Бывший зав. отделением судебно-медицинской экспертизы д-р Н. И. Ижевский собрал комиссию в составе проф. Корниловича, Надеждина, Рыбальченко и д-ра Барского, поручив им заняться проведением экспертизы. Комиссия выработала схему исследования, состоящую из 120 вопросов, включающих отделы дактилоскопии, словесного портрета Рейсса и группового анализа крови.

Помимо комиссии при Ленгорздраве экспертизой отцовства занялся б. зав. кафедрой судебной медицины Ленгидува проф. Н. Л. Поляков, который тоже выработал схему из 125 признаков.

На каких научных данных должна базироваться экспертиза отцовства? Базой является генетика — данные о наследственной передаче сходственных признаков. Что было известно до 1925 года по линии наследственной передачи сходственных признаков? Очень немногое, ибо учение о наследственности вообще молодая наука, а генетика человека находится лишь в периоде новорожденности. Жизнь заставила судебных медиков нашего Союза заняться генетикой человека, и профессора Попов Н. В., Надеждин В. А., Поляков Н. Л. занялись этим вопросом в связи с экспертизой спорного отцовства. Проф. Попов Н. В. занялся изучением групповой реакции крови, а проф. Надеждин В. А. и Поляков Н. Л. — изучением морфологических признаков. Найдены ли какие-либо закономерности в передаче признаков по линии дактилоскопии, антропологии и группы крови? Да, найдены и изучаются. Было известно раньше (Гальтон, Фэрэ, Сэнэт и др.) и подтверждено теперь (Сальков, Семеновский, Волоцкий, Матвеев, Боннэви, Нюренберг и др.), что дактилоскопические узоры передаются по сходству от родителей детям, но до сих пор еще не установлены окончательно точные законы этой передачи. Много писалось о передаче по наследству цвета глаз, и этот вопрос имеет свое разрешение. Лишь за небольшим исключением могут быть отступления от общего правила в передаче цвета глаз, когда от голубоглазых родителей дети имеют карие глаза, а от кареглазых — голубые, но это бывает очень редко. Совершенно почти не была раньше изучена генетика уха, и лишь теперь наметилась возможность и в этом отделе признаков выявить некоторые интересные данные. Так, например, большой редкостью является такое положение, когда родители с отвислыми мочками имеют детей с приросшей мочкой; чтобы родители с выпуклым противокозелком имели детей с вогнутым противокозелком; чтобы родители с широким бордюром уха имели детей с узким или открытым бордюром. Но если наследственная передача морфологических признаков изучена еще слабо и изучение их находится сейчас только в стадии углубленного анализа и проверки, то этого нельзя сказать о генетике крови.

Изучением наследственных свойств крови занялось огромнейшее большинство исследователей, в том числе и судебные медики. В настоящее время имеется большая литература по вопросу применения группы крови в связи с экспертизой спорного отцовства. Наследственная передача группы крови (OxP, AP, Bx, ABO), подгруппы (A_1, A_2, A_1B и A_2B), типовых факторов M, N настолько хорошо и детально изучены, что у нас имеется теперь полное право делать в некоторых случаях категорическое отрицательное заключение при экспертизе спорного отцовства, что такой-то гражданин «не является отцом». Итак, теперь мы можем в некоторых случаях категорически отрицать отцовство, но вот категорически утверждать об отцовстве у нас нет еще точных научных данных, и старое изречение римлян, что Pater semper incertus (отец всегда неизвестен) остается в силе до сих пор.

Доцент М. А. Бронникова привела в своей статье, напечатанной в журнале «Социалистическая законность» № 1 за 1937 г., таблицы по наследственной передаче групп крови. Нам сейчас точно известно, какую группу крови может иметь ребенок, при той или другой комбинации групп крови у родителей, и какой группы крови ребенок не может иметь.

До ноября 1936 года мы по техническим условиям не применяли при групповом анализе крови исследования факторов M, N.

В период с 1927 г. по 1932 год мы из 930 экспертиз спорного отцовства в 220 случаях дали предположительный отрицательный ответ «не мог быть отцом», базируясь в 16% случаев, главным образом, на несовместимости группы крови детей с группами крови предполагаемых родителей.

С ноября 1936 г. мы начали делать исследование крови с применением сыворотки анти-M и N. За период с 1 ноября 1936 г. по 1 мая с. г. нами проведено 196 экспертиз с учетом типовых факторов M. Все сыворотки Ленгорздрав покупает в Ленинградском институте по переливанию крови.

Из 196 случаев экспертиз мы, на основании современных данных об учении наследственных свойств групп крови и типовых факторов M, N, дали в 31 случае категорический отрицательный ответ, что «гр-н X не является отцом ребенка». При этом в 18 случаях имела место несовместимость группы крови детей с комбинацией групп предполагаемых родителей по основным группам (OxP, AP, Bx, ABO), в 11

[1] В порядке обсуждения. Редакция.

случаях по типовым факторам крови M, N и в 2 случаях по обоим факторам.

В 128 случаях мы дали предположительный ответ, что «гр. X мог быть отцом» и в 37 случаях ответили, что «гр. X не мог быть отцом».

Таким образом, наш вывод бывает трех вариаций: одна категорическая — отрицательная и две условных, предположительных — «мог быть» или «не мог быть».

При этом, путем исследования только крови можно дать два ответа: «не является отцом» или «мог быть отцом». Известно, что работников юстиции удовлетворяет лишь категорический ответ, когда эксперт дает определенное заключение, и мало удовлетворяет, когда ответ дается не определенный — предположительный.

Проводя экспертизу спорного отцовства только путем анализа крови, суд относительно редко, в 16—20%, получает категорический отрицательный ответ, а чаще получает лишь предположительное мнение, «что гр. X мог быть отцом ребенка, но и всякий другой гражданин, имея такую же группу крови, может быть отцом данного ребенка». И такой ответ особенно затрудняет суд, когда на экспертизу является два—три или более предполагаемых отцов и когда случайно у них группа крови совпадает с группой крови ребенка, тогда вывод эксперта, что все экспертируемые мужчины могли быть отцами, конечно, является бесценным. Вот почему мы проводим эту экспертизу не только путем исследования крови, но учитываем и другие факторы. Мы проводим экспертизу комплексным методом. Этот метод включает: 1) кровь, 2) дактилоскопию, 3) ухо (бордюр, мочка, козелок, противокозелок, складка), 4) цвет глаз и верхнее веко, 5) нос, 6) губы, 7) подбородок, 8) форма лица, 9) дополнительные данные — сроки беременности, половая способность мужчин, уродства и пр. Правда, этот метод значительно сложнее в смысле технического производства экспертизы и не многие врачи им владеют, но при желании каждый судебный врач может быстро усвоить всю технику и особенности проведения экспертизы таким методом. Когда проводишь исследование таким способом, то вывод получается более достоверный, более приближающийся к истине, ибо здесь учитывается не один, а несколько признаков. Экспертиза спорного отцовства по существу является решением задачи с одним неизвестным. Мать и ребенок известны, а отец неизвестен. Когда вы решаете задачу по крови теми методами и способами, которые существуют в настоящее время, то совпадение сходства крови с предполагаемым отцом может быть случайным, ибо тут учитывается всего лишь один признак. Но когда вы решаете эту задачу с большим количеством признаков, когда вы получаете сходство в крови, в части дактилоскопии, ушах, глазах, подбородке и т. д., когда сроки беременности совпадают с половой связью, когда «папаша» сомневается в своем отцовстве и т. д., то, естественно, что совпадение сходства в целом ряде признаков наводит на весьма правдивое умозаключение, что такой-то гр-н «мог быть отцом» такого-то ребенка. Возможность случайного совпадения ряда признаков с предполагаемым отцом в каждой нашей экспертизе мы считать, как правило, не можем. Ведь мать, которая не отрицает принадлежность ей ребенка, точно также имеет сходство в ряде учитываемых нами признаков, а мать всегда известна. Было бы логическим абсурдом, ли такие признаки сходства матери с ребенком считать случайностью, совпадением. Так как признаки исследуются у всех троих лиц— мать, ребенок и «отец» и оценка признак делается одним и тем же способом для все троих лиц, то элемент случайности совпадени должен быть редкостью, а не правилом. Во почему мы, делая вывод о возможности от цовства при нашем исследовании комплекс ным методом, считаем, что мы значительн приближаемся к истине, нежели если бы м заявляли о возможности отцовства только н основании анализа крови. Но можем ли мы пользуясь комплексным методом, делать ка тегорические положительные выводы, что «гр X является отцом». Нет, не имеем права; нау ка пока еще не дала нам точных бесспорны данных в этом отношении. Когда мы делае вывод, что «гр. X не мог быть отцом»? В то случае, если исследование крови не позволя ет нам категорически отрицать; когда дакти лоскопия дает отрицательный результат; когд значительное большинство признаков не имее сходства. Такой результат обычно бывает пр экспертизе сразу двух «отцов», и комплексны методом более точно выявляется возможност положительного или отрицательного вывод когда один гражданин имеет в ряде призна ков сходства, а другой их не имеет.

Ввиду того, что наша экспертиза в боль шинстве случаев не имеет категорического от вета, то она вполне правильно не является обязательной для суда. Этим обстоятельство повидимому, нужно объяснить небольшое об ращение суда в экспертизу. Но был бы со вершенно ошибочным такой взгляд, что наш экспертиза совершенно не имеет значени для суда. Мне думается, что если эксперт да ет категорический отрицательный ответ на ба зе группового анализа крови, то суд тако вывод эксперта должен принять как основно момент при решении своего постановления. вполне согласен с заключением М. А. Бров никовой о том, что суд должен чаще обра щаться в судебно-медицинскую экспертизу п вопросу спорного отцовства. Что касается Ле нинградского суда, то я должен заявить, чт он использует нашу экспертизу на все 100% Но если Ленинград, Москва, Харьков, Киев Саратов и некоторые другие города мог проводить эту экспертизу по анализу крови другим признакам, то в относительно большо части нашего Союза эту экспертизу поручит каждому судебно-медицинскому эксперту по ка, пожалуй, нельзя.

В этом отношении нужно провести опред ленные организационно-научного характера ме роприятия. Нужно, во-первых, быть уверен ным, что врач, делающий этот анализ крови безусловно владеет методом исследования, зна ет хорошо его. Во-вторых, необходимо имет определенную базу, откуда бы доставлял предварительный безупречный материал д производства группового анализа крови, т. е сыворотки. Такой базой может быть Инст тут судебной медицины НКЗ в Москве.

Если десять лет назад судебно-медицинск эксперты нашего Союза были почти бессильн

в вопросах экспертизы спорного отцовства, то теперь мы имеем относительно большой материал, овладели техникой проведения экспертизы, уверенно, в некоторых случаях категорически отрицаем отцовство, также уверенно делаем вывод о возможности отцовства.

А. Леонтьев

Права сторон в надзорном производстве[1]

Надзорное производство по гражданским делам предусмотрено статьями 254-а, 254-б, 254-в, 254-г и 254-д ГПК. Ни в одной из этих статей нельзя усмотреть даже намека на то, чтобы заинтересованная сторона могла привести в надзорную инстанцию доводы, клонящиеся в ее пользу. Надзорное производство по гражданским делам может, разумеется, возникать вообще без инициативы той или другой стороны. Однако, практически обычно это бывает не так. Сторона, недовольная решением суда, приносит через прокуратуру жалобу в порядке надзора. Если доводы, приведенные в жалобе, кажутся органу прокурорского надзора убедительными, он истребует дело и, ознакомившись с ним, либо оставляет жалобу без последствий, либо приносит протест в вышестоящую судебную инстанцию в установленном порядке. Разумеется, орган надзора не связан доводами жалоб заинтересованной стороны, но нередко практически протест основывается на тех указаниях, которые сделаны в жалобе, поданной недовольной стороной.

Противная сторона, довольная решением суда, не знает ни о подаче жалобы в порядке надзора, ни о судьбе, постигшей эту жалобу, ни о содержании протеста прокурора, — она узнает только конечный результат, если решение суда опротестовывается и протест этот вышестоящей судебной инстанцией полностью или частично удовлетворяется.

Таким образом, кроме кассационного производства, в котором сторона все же может участвовать, существует надзорное производство, в котором обе стороны никакого участия не принимают. Однако, последствием этого надзорного производства может быть полное перерешение дела. В ст. 254-б ГПК указывается, что в результате надзорного производства решение по делу может быть отменено с передачей на новое рассмотрение; дело может быть производством прекращено; может быть оставлено в силе одно из нескольких противоречивых решений, имеющихся по делу; решение может быть изменено и, наконец, может быть вынесено совершенно новое решение.

Таким образом, надзорная инстанция, рассматривающая дело без участия сторон, имеет все права и первой и кассационной инстанций. Заинтересованные же стороны вообще никаких прав не имеют.

Такое положение вещей вряд ли можно признать нормальным с точки зрения охраны имущественных прав граждан и с точки зрения последовательного соблюдения процессуальных прав стороны в процессе.

Если мы обратимся к надзорному производству по уголовным делам, то мы здесь увидим совершенно аналогичную картину. Надзорное производство по уголовным делам предусмотрено статьями 427—430 УПК. Однако, здесь права судебной инстанции, рассматривающей дело в надзорном порядке, не столь широки; но во всяком случае заинтересованная сторона — т. е. осужденный или оправданный по суду — ничего не знает ни о протесте прокурора, ни о дальнейшей судьбе своего дела до тех пор, пока дело в надзорном порядке не будет закончено. Да и в том случае сплошь и рядом заинтересованная сторона узнает об этом тогда, когда получает извещение о вызове в суд для нового рассмотрения дела.

Это создает ряд неудобств, скажем, такого порядка: оправданный подсудимый, не зная, что по его делу подан протест, может уехать навсегда из места своего постоянного жительства, так как после оправдательного приговора суда всякая ранее принятая мера пресечения должна считаться отмененной. То же самое может сделать приговоренный, допустим, к штрафу, уплативший этот штраф.

Необходимо признать, что и в производстве по уголовным делам полная неосведомленность подсудимого о том, что его дело не закончено производством, и полная невозможность возражать против протеста, даже если случайно ему о таковом станет известно, вряд ли соответствуют тем принципам суда, судопроизводства и охраны интересов каждой отдельной личности, которые заложены в Сталинской Конституции.

В силу изложенного нам казалось бы, что в Гражданско-процессуальный кодекс и в Уголовно-процессуальный кодекс Союза ССР в порядок надзорного производства должны быть внесены некоторые изменения сравнительно с существующим порядком.

Рассмотрим сначала общие принципы надзорного производства для обоих процессов.

Первым из них следует признать следующий: с того момента, когда жалоба стороны по гражданскому или уголовному делу, поданная в прокуратуру в порядке надзора, увенчалась успехом, все заинтересованные в этом лица и учреждения должны быть об этом осведомлены и им должна быть сообщена копия протеста.

Второе. Каждой из заинтересованных в деле сторон должно быть предоставлено право представить в ту инстанцию, куда направлен протест, свои объяснения и возражения по поводу поданного протеста.

Нам представляется правильным, что с того момента, когда жалоба в порядке надзора повлекла за собой протест прокуратуры или этот протест принесен по собственной инициативе прокурорского надзора, заинтересованные лица должны об этом узнать. Совершенно недопустимо, чтобы за спиной у гражданина и совершенно неведомо для него созревала какая-то опасность его личной свободе или имущественным правам, а он об этом даже не подозревал бы.

С другой стороны, поскольку участие заинтересованных лиц в надзорном производстве исключено, нельзя лишить этих лиц возможности: во-первых, узнать, какая именно опасность им угрожает и на чем эта опасность

[1] В порядке обсуждения. Редакция.

базируется и, во-вторых, представить свои соображения, опровергающие или ослабляющие доводы протеста.

Совершенно непонятно, почему судьи, рассматривающие дело в надзорном порядке, могут, прочтя доводы только одной стороны, выносить свое постановление. В дальнейшем следовало бы урезать чересчур большие полномочия надзорной инстанции по гражданским делам, приравняв их, примерно, к полномочиям надзорных инстанций по делам уголовным.

В конечном счете это должно свестись к тому, что надзорной инстанции не должно быть предоставлено больше прав, чем имеет кассационная инстанция.

Совершенно нелогично предоставление надзорной инстанции права выносить новое решение исключительно на основании письменных материалов дела, так как в конце концов это есть посягательство на гласность и устность процесса.

Существует возражение против надзорного производства вообще, сводящееся к тому, что надзорное производство является по существу третьей инстанцией. В этом есть доля истины, но совершенно отказаться от надзорного производства, разумеется, невозможно. Пересмотр дел в порядке надзора должен быть практически ограничен теми случаями, которые имеют принципиальное или исключительно важное значение. Но сохранением этого порядка производства нельзя оставлять заинтересованные стороны в том бесправном положении, в котором они находятся сейчас, лишенные возможности как бы то ни было реагировать на недобросовестность со стороны подавшего жалобу в порядке надзора или на невнимательность прокурорского надзора, приносящего протест на основании недосмотра, ошибки или явно неправильного представления о существе дела.

А. Кирзнер

Установление симуляции преступления[1]

В № 5 «Социалистической законности» под вышеуказанным названием помещена статья т. Кривицкого. Бесспорно, что установление симуляции преступления составляет известную трудность и требует от органов расследования знания техники и тактики раскрытия преступлений.

Но совершенно неправильно подходить в данных случаях прежде всего с узко психологической точки зрения, как это делает т. Кривицкий. Общеизвестно, что каждый человек имеет свою особенность; некоторые, даже в довольно трудных условиях, при довольно веских уликах, сохраняют спокойствие и выдержку и логично стараются отвести от себя обвинение; другие, и не обвиняемые, путаются, допускают неточности и т. д. Здесь дело должно заключаться в оценке показаний с учетом объективных данных по делу.

Говоря об установлении симуляции преступления, надо прежде всего сказать, что здесь никакого иного рецепта, как кроме общих требований, предъявляемых при расследовании, «прописать» нельзя. Следователь обязан исследовать всесторонне обстоятельства по делу, проверить показания участвующих лиц, обстановку и т. д. и сделать заключение, действительно ли имело место преступление, или в данном случае — симуляция.

Правда, в отдельных случаях симуляции прямо из заявления «потерпевшего» возникают довольно реальные сомнения в действительности события, о котором идет речь, но это не значит, что «психологический момент» должен играть решающую роль.

Итак, первое требование, которое надо предъявить при установлении симуляции, это выполнение всех тех действий, которые вытекают из характера события (действительного или искусственно созданного, будет видно потом).

Проиллюстрируем примером. Часа в 3—4 утра, зимою в больницу был доставлен комсомолец с огнестрельным ранением икры левой ноги; ранение сквозное. Потерпевший показал, что он, возвращаясь часов в 12 ночи с собрания и идя лесом, подвергся нападению бандитов. Потерпевший указал, что возвращался он с двумя комсомольцами, от коих немного отстал, и в этот момент навстречу ему, из леса вышли двое неизвестных, вооруженных обрезами и револьверами. Один вышел прямо к нему, а второй остался стоять сбоку дороги; бандиты скомандовали ему «руки вверх», и одновременно последовал сбоку выстрел и он упал. Нападавшими ничего не было взято, о мотивах нападения потерпевший высказал предположение, что оно возможно за его комсомольскую работу. В районе оперировала банда, и нападение не исключалось. Потерпевший подробно обрисовал дорогу и места, где событие произошло.

Ночь была ясная, морозная. Снегопада не было. Естественно, вытекала необходимость немедленно выехать на место. Быстро было найдено место, где сходил с дороги потерпевший, но сколько ни искали, не могли найти других следов по обочинам дороги. Присутствие иных, кроме потерпевшего, лиц в этом месте исключалось.

Тут уже возникло сомнение в действительности события, т. е. возник вопрос о симуляции.

Допрошенные спутники комсомольца подтвердили только отставание его и выстрел, но ни крика, ни вообще голосов как в момент совместного движения, так и после не подтвердили; после выстрела криков о помощи тоже не было. Вернувшись в район, осмотрели валенок, который был на ноге, и с внутренней стороны по ходу нашли пороховое опаление вокруг входного отверстия. Экспертиза это подтвердила. Ясно, что был «самострел». Легко удалось установить и мотив: происходя из кулацкой семьи и желая заработать «авторитет», этот «комсомолец» сам в себя стрельнул, выбрав наиболее безопасное для здоровья и жизни место — икру ноги.

Что позволило установить симуляцию? Соблюдение требований о расследовании подобных преступлений, именно — немедленный выезд на место и тщательный осмотр его. Могут сказать: надо было сразу осмотреть обувь, но обувь-то не пропадет, а вот на месте проис-

[1] В порядке обсуждения.

шествия, если сразу туда не выехать, картина может измениться.

Прав, конечно, т. Кривицкий в том, что симулянт создает искусственно обстановку преступления, но на то и следователь, чтобы разоблачить эти преступные махинации. Бесспорно, что симулянт не может все предусмотреть и обязательно в цепи фактов события у него будет разрыв или противоречия.

Как мы выше указывали, установление симуляции — это правильное с точки зрения техники и тактики расследование.

Вот еще пример симуляции. Придя в 9 часов утра на работу, заведующий складом «Торгсина» К., открыв склад, обнаружил пропажу сахара, круп, муки и других продуктов, о чем и сделал заявление угрозыску. Осмотром места происшествия никаких следов взлома обнаружено не было: замки и пломбы были целы и исправны. К. выдвинул версию, что под замки были подобраны ключи, а к пломбам пломбир. Снятие натурных остатков установило недостачу около двух тонн сахара, затем несколько мешков муки, крупы и т. д.

Склад охранялся круглосуточно, сторожа были на месте и проверялись. Находился склад на оживленной, одной из центральных, улице города. Вывезти со склада три тонны груза и не быть никем не замеченным, даже сторожами, личности коих были проверены, вызывало большое сомнение. Но сомнение еще не улика. Заявление о краже последовало как раз накануне инвентаризации. Работники склада указали, что расположение товара (мешков) в утро заявления о краже оказалось измененным. Но количество похищенного также вызывало сомнение. Учет по складу сортовой. Если была симуляция, то она должна что-то преследовать. Нужно было это установить. Решили обратиться к движению товаров по первичным документам, так как по сумме расхождений с заявлением К. не было. Проделали большую работу, выводя результаты на каждый день, и установили мошеннические операции с переоценками муки, на чем К. «заработал» около 300 рублей золотом, которые и изъял сахаром. Но, боясь быть разоблаченным при сортовом учете, К. и сделал ложное заявление о краже сахара, так как суммарно наличие товара совпадало с книжным остатком.

Таким образом, по данному делу для установления симуляции пришлось проделать значительную ревизионную работу.

Перечисление фактов симуляции можно было бы продолжить, но можно ограничиться и приведенными и, как вывод, отметить: для установления симуляции преступления надо тщательно исследовать все обстоятельства по делу, основываясь исключительно на учении о технике и тактике расследования преступлений.

Мих. Виноградов

* * *

В статье т. Кривицкого имеется ряд неправильных положений как с точки зрения техники расследования, так и с точки зрения нашего уголовного процесса.

Прежде чем перейти к рассмотрению основных ошибок т. Кривицкого, необходимо, на мой взгляд, сделать ряд замечаний общего порядка. Тов. Кривицкий, приводя пример с гр. П., смешивает два совершенно различных по своей квалификации преступления: грабеж и кражу. Если это грабеж, как об этом говорил заявитель П., то, следовательно, он происходил на глазах у П. и его жены. Здесь поэтому должна быть намечена одна тактика допроса П. и его жены. Если же была кража, т. е. действия, совершенные тайно от гр. П., то здесь требуется уже другая, тактика допроса.

В статье т. Кривицкого указано: «Стало ясным, что ночью вор-домушник похитил мешок муки». А, затем: «П., будучи арестован, на следующий день в симуляции ограбления сознался». Следовательно, ясности, столь необходимой нам, в этих случаях нет.

Дальше т. Кривицкий не договаривает. Когда он говорит, что гр. П. сознался в симуляции, то не мешало бы указать в статье, выдал ли он следователю 8000 руб. и как дело прошло в суде, ибо мы знаем случаи, когда, видя отсутствие прямых доказательств обвинения, обвиняемые очень часто отказываются от своих показаний. Эти неясности в статье т. Кривицкого не дают возможности глубже подойти к анализу его ошибочных положений.

Тов. Кривицкий, на основе обобщения ряда индивидуальных особенностей преступников, независимо от того, совершают ли они одинаковые или разные по своему характеру преступления, пытается выделить таких преступников в особую группу «симулянтов», в отношении которых следователь должен заранее определить линию своего поведения.

Проследим, как т. Кривицкий разрешает этот вопрос. Установив, что существует особая группа симулянтов, т. Кривицкий определяет симулянтов по следующим «трафаретным» признакам: «Фантазер, самоуверен, словоохотлив, настойчив, почти всегда развязен, рассказ логичен, последователен. А отсюда вывод, — говорит т. Кривицкий, — что там, где следователь встречается с комплексом признаков, указанных выше и характеризующих личность допрашиваемого, уместно в лице такого типа заподозрить преступника-симулянта».

Во-первых, наша криминалистика не знает такого типа преступников, со свойственными им «индивидуальными особенностями». Такое определение типа преступников означает разновидность ломброзианства. Разница только заключается в том, что у сторонников антропологической школы преступники имеют определенные физические признаки (длинные уши, узкий лоб, выдающиеся челюсти), а у т. Кривицкого преступники обладают определенными «индивидуальными особенностями» психологического порядка.

Мы знаем, что симуляция преступления в нашей практике встречается, особенно по делам ограбления и убийства, но это почти закон, что преступник, симулируя преступление, действует непродуманно и неумело, если, конечно, этому преступнику противопоставить опытного следователя. Неумело преступник действует потому, что он не в состоянии придать обстановке ту естественность, которая придается ей в результате совершения преступления при естественном ходе событий. Например,

убийца, желая симулировать самоубийство, вкладывает в правую руку убитого револьвер (оставляя, между прочим, губительные для себя отпечатки пальцев на металлических частях оружия), тогда как в большинстве случаев или почти во всех случаях самоубийцы оружие роняют.

Поэтому, с точки зрения техники расследования, необходимо начинать не с впечатления, которое на вас производит заявитель, а с объективного осмотра места происшествия, трупа. Надо начинать с обыска там, где это требуется ходом осмотра, и т. д.

В самом деле, что получится если следователь, встретив в лице допрашиваемого такого типа (?) с «комплексом признаков», заподозрит его в симуляции преступления. Следователь может на основании ст. 145 УПК арестовать заподозренного. А какие к этому основания? Только внешнее впечатление? А не лучше ли сначала осмотреть место происшествия, произвести обыск и на основании объективных данных искать подозреваемого? Нам кажется, что так лучше.

Не случайно, что т. Кривицкий запутался и своего типа преступника-симулянта свел нанет.

«Рассказ подкупает своим умелым построением, — говорит Кривицкий о симулянте,—тщательная распланировка действий, продуманная, подтасовка фактов, почти правильная расстановка предметов, рисующая естественную связь между сопутствующими обстоятельствами».

Посмотрим, оказался ли гр. П. на высоте своего положения. То, что натворил П., это довольно нелогичная, довольно непродуманная и даже глупая симуляция. Какой преступник, обладающий такими качествами, как логичность, последовательность и т. д., станет рассказывать о краже у него 8000 руб. казенных денег при такой глупой обстановке, какая была создана П. Он даже не сообразил, что вор не станет любовно складывать вещи обратно в сундук, к тому же лисью шубу. Он даже не позаботился разбросать вещи! Как же можно после этого утверждать, что П. «умело построил свой рассказ, умело подтасовал факты и правильно расставил предметы?».

Но П. оказался вовсе не настойчивым, как об этом пишет т. Кривицкий при определении «типа симулянта». Он легко уступил и сознался в симуляции. Но тут, мне кажется, следователь допустил одну ошибку. То, что П. сознался, это хорошо. Но плохо будет, если он откажется в суде от своих показаний. Суд тогда должен будет строить свой приговор на основании шатких улик, вроде того, что «раз вор не взял лисьей шубы, а польстился на такой громоздкий объект, как мешок муки, то значит он в сундук и не заглядывал».

Следователь должен был произвести тщательный осмотр замка и, может быть, даже предъявить его специалисту. Затем произвести тщательный обыск для обнаружения орудия взлома и денег. Принять возможные меры к розыску вора, если кража муки действительно имела место. В общем сделать все необходимое, что должно объективно подтвердить обвинение.

Тов. Кривицкий неправильно считает, что «решающую роль в обнаружении симуляции сыграли индивидуальные особенности самого преступника». Объективные данные сыграли решающую роль в обнаружении симуляции: осмотр места происшествия и отсутствие логики в действиях обвиняемого.

Тов. Кривицкий ошибочно думает, что симулянта преступления следует искать в том впечатлении, какое он производит на следователя своим внешним поведением. Следователь должен быть бесстрастным, критичным, но не односторонним и не подходить к расследованию с предвзятостью, а т. Кривицкий, может быть сам этого не замечая, толкает начинающего следователя на путь необъективного отношения к делу. Что такая опасность необъективного отношения к делу вытекает из концепции т. Кривицкого и имеется в практике можно видеть из следующего дела о краже продуктов из магазина. 6 октября 1936 г. на рассвете, примерно в 4 часа, в дежурную часть II отделения милиции явился милиционер с мешком, набитым продуктами. Милиционер объяснил, что этот мешок бросил шедшему навстречу неизвестный в белом халате, а сам убежал. По дороге гр. этот сбросил халат и скрылся. Через некоторое время в милицию явился зав. магазином № 5 Краснопресненского райпищеторга С. и заявил, что ночью на 6 октября неизвестными лицами была совершена кража из магазина на крупную сумму. Предъявленные халат и продукты он признал как принадлежащие магазину.

Заявление заведующего С. вызвало сомнение у работников милиции. Было высказано подозрение, что С., зная о недостаче, симулировал кражу. Подозрение может быть, с точки зрения бдительности следователя, правильное. Но плохо, когда подозрение, основанное только на чутье, переходит в убеждение.

Командированный на место происшествия сотрудник милиции составил такой послепшный протокол (считаю важным привести его дословно с сохранением стиля):

«Осмотром обнаружено: магазин помещается на улице Красная Пресня дом 37/34. Окна выходящие на улицу Красная Пресня и Б. Трехгорный пер. двери магазина парадная и черный ход, замки не повреждены. От угла второй рамы с Б. Трехгорного пер. было разбито стекло и злоумышленник вошел в магазин до закрытия спрятался в магазине совершил кражу продуктов изнутри разбил рамы стекло и вылез в окно — с продуктами. Проходя по улице Заморенного злоумышленник заметил на дальнем расстоянии проходившего в это время постового милиционера 3-го Гордивизиона Гонцова, бросил мешок с продуктами, бросился бежать и скрылся. Мешок с продуктами был доставлен в II отд. милиции до прихода завмага, о чем составлен настоящий акт в присутствии понятых».

Осмотр, как это зафиксировано в протоколе, длился всего 30 минут. 30 минут достаточно только для того, чтобы создать такой безграмотный документ, заранее обрекающий на провал следствие.

Но корень такого пренебрежительного отношения работников милиции к осмотру кроется именно в том, что они пошли дальше подозрений, на основании (кто его знает) может быть, такого же «комплекса признаков», о котором говорит т. Кривицкий.

Все следствие пошло по неправильному пути. С. и заместители были привлечены к уголовной ответственности на том основании, что по показаниям свидетелей такого количества товаров, как на 7800 руб., не могли вытащить через окно (после снятия остатков было установлено, что недостает товаров на 7800 руб.). В обвинительном заключении сказано: «выходом на место работником II-го отд. милиции было установлено, что стекло было разбито из внутри магазина, т. к. большинство осколков стекла было на тротуаре». Суд, конечно, дело вернул на доследование.

Если бы работники милиции не находились под давлением этого подозрения, они бы:

1. Тщательно, в присутствии специалиста осмотрели окно, магазин, подсобные помещения, улицу и т. д. (Ведь это было на рассвете.). Осмотрели бы внимательно осколки стекла, постарались бы установить, нет ли на осколках отпечатка пальцев!

2. Выяснили бы, каких именно товаров недостает.

3. В зависимости от результатов сделали бы следственный эксперимент, например: можно ли через разбитое стекло протащить ящик с вином или мешок с сахаром, ящик с папиросами.

4. Проверили бы акт снятия остатков при последнем учете до кражи и движение товаров за этот период. (Может быть, остатки были искусственно увеличены, чтобы скрыть имеющуюся недостачу).

Результат возможно был бы совершенно иной. Такие факты отрицательного влияния на расследование предвзятости и необъективности нередко происходят в результате всякого рода психологических догадок, подобных догадкам т. Кривицкого.

Вот почему с «теорией» т. Кривицкого, мне кажется, согласиться нельзя.

Сапожников

О состоянии судебной экспертизы[1]

Вопросам, касающимся улучшения нашего следственного аппарата и повышения качества самого следствия, Прокуратура Союза ССР придала большое значение и предъявила жесткие требования о соблюдении материальных и процессуальных норм при проведении предварительного следствия по делам, находящимся в производстве нашего следственного аппарата.

Наряду с требованиями повышения качества предварительного следствия уместно поставить вопрос о повышении ответственности за качество работы подсобных органов, к помощи которых в своей повседневной работе прибегают следственные органы по делам, связанным с производством научных экспертиз. ибо повышение качества предварительного следствия по отдельным категориям дел (связанных с экспертизой) во многом зависит от качества работы эксперта, от четкости данного им заключения на поставленные следователем вопросы.

Само собой разумеется, что следователь при производстве предварительного следствия по делу не связан заключением эксперта. Он может взять под сомнение правильность данного ему заключения, не согласиться с таковым при наличии определенных к тому данных и назначить новую (повторную) экспертизу. Но для того, чтобы не согласиться с тем или иным заключением эксперта, следователь несомненно должен уметь разобраться в обоснованности этого заключения, для чего он сам должен иметь достаточные знания в области проводимой экспертизы, необходимые для правильного и четкого разрешения вопросов, вытекающих из представленного ему заключения, и дать критическую оценку.

Нечего скрывать то обстоятельство, что значительное количество наших следователей, по причине своей низкой квалификации, не могут разобраться не только в заключении эксперта, но даже не умеют изложить перед экспертами вопросы, на которые последние должны дать ответы. Обычно вопросы ставятся эксперту «по-семейному», т. е. следователь вызывает эксперта к себе в камеру, вручает ему дело и предлагает дать заключение по «интересующим» его, следователя, обстоятельствам. Причем, эти вопросы, как правило, письменно не излагаются.

Не имея достаточных (хотя бы элементарных) познаний в области экспертизы, наши следователи весьма часто всецело полагаются на заключение эксперта и дальнейшее следствие ведут исключительно в сторону собирания доказательств, устанавливающих, т. е. подтверждающих заключение эксперта, забывая иногда о необходимости объективного исследования всех обстоятельств дела как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого.

В результате односторонне проведенного по делу следствия, в разрезе подтверждения заключения эксперта, дело, если не получает неправильное направление, то в лучшем случае оно принимает волокитный характер, возвращается на доследование и пр. вследствие (иногда) явно нелепого заключения, данного по делу экспертом.

Предварительное следствие у нас все еще отстает, но не меньше отстает и работа институтов судебной экспертизы и, в частности, судебно-медицинской.

Мы уже указали, что иногда заключение эксперта имеет для дела не только существенное, но и решающее значение, поэтому вполне естественно, что это заключение должно быть ясным, четким, обоснованным не только на сведениях, имеющихся в деле, но оно должно быть и научно обосновано. Заключение эксперта, таким образом, не может быть двойственным или половинчатым, оставляющим за собой неясности или вызывающим сомнения в смысле категоричности утверждения результатов экспертизы.

Насколько плохо обстоит у нас дело в области судебных экспертиз, мы увидим из следующих примеров:

1) По делу о выяснении причин смерти врач, производивший осмотр трупа, дал следующее заключение:

«гр-н Ш. Д. повесился самолично вследствие неурожая на его земле».

Нет надобности комментировать всю нелепость этого заключения о причинах смерти, данного врачом «специалистом». Достаточно

[1] В порядке обсуждения. Редакция.

указать, что оно свидетельствует об абсолютной общей медицинской, а тем более политической безграмотности врача.

2) Врач Л. при осмотре трупа утонувшего дал заключение:

«На основании данных осмотра трупа гр-на К. прихожу к заключению, что смерть наступила вследствие длительного действия низкой температуры на поверхности всего тела, нарастающая сердечная слабость и наконец остановка сердечной деятельности».

Общеизвестно, что при наступлении смерти температура организма снижается, сердечная слабость нарастает и деятельность прекращается, но к сожалению, на главный вопрос, решающий дело по существу, т. е. была ли смерть насильственной или естественной — врач ответа не дал. Таким образом, эта экспертиза относится к дефектным не только из-за отсутствия указаний на причины смерти, но и из-за безграмотности изложения заключения.

3) При исследовании случая утопления врач А. дал следующее заключение:

«Принимая во внимание гусиную кожу, грязь под ногтями — считаю, что смерть наступила от утопления. Ввиду того, что признаков насилия на трупе не обнаружено, этот случай был как самоутопление».

Таким образом, получается, что при осмотре трупа достаточно установить наличие гусиной кожи и грязи под ногтями, чтобы утверждать о наличии утопления, а для определения самоутопления достаточно отсутствия на трупе признаков насилия.

Само собой разумеется, что подобное определение причин смерти не выдерживает никакой критики и противоречит здравой логике, т. к. грязь под ногтями может быть не только у утопленников, а отсутствие признаков насилия ни в какой степени не дает оснований утверждать о «самоутоплении».

4) Врач Т. при осмотре трупа дал следующее заключение:

«На основании наружного осмотра трупа, смерть наступила от внутренней причины».

5) Врач Н... при осмотре трупа гр-на Е. дал следующее заключение:

«Специальное вскрытие желудка показало: наполнение его содержимым, запах которого вполне соответствовал водочному запаху. Ввиду чего прихожу к такому заключению, что гр-н Е. умер от того, что перепился водкой, желудок его был весь изменен и неспособен к выполнению функций, а наряду с этим и другие органы быстро пришли в негодность из-за чего и наступила смерть».

Означенное заключение свидетельствует об общей медицинской безграмотности и отсутствии представления о порядке изложения заключений.

Приведенных фактов вполне достаточно для суждения о состоянии и качестве работы судебно-медицинской экспертизы.

Попутно с этим обратимся к вопросу о качестве работы наших институтов научно-судебной экспертизы, в частности Одесского.

Следует иметь в виду, что в этих институтах имеются все возможности для хорошей постановки работы.

Приведем отдельные факты, свидетельствующие о неудовлетворительности работы Одесского института:

1) По требованию нарследователя Ленинской райпрокуратуры была произведена графическая экспертиза (наст. реестр института № 7008). Заведующий секцией института Е. дал заключение следующего содержания:

«Есть определенные данные в пользу допущения того обстоятельства, что подписи «К» на подорожном листе № 268 выполнил гр-н Кучук. Более категорического заключения дать нельзя».

2) По другому делу (реестр № 7005) тот же эксперт дал заключение:

«... есть данные для предположения о том, что подписи получателя накладных выполнил не гр-н Ц..., а кто-то другой... более категорического заключения дать нельзя».

3) По делу о подделке рацпредложения (реестр 6996) сказано:

«Есть основания полагать, что подпись Я. на подлиннике рацпредложения также является подложной и выполнена тем же лицом, что и подпись на «копии», однако категорически утверждать это нельзя».

4) По делу об убийстве гр-на Г... (реестр № 6860) экспертиза дала следующее заключение:

«Не исключается возможность, что волосы, обнаруженные в руке убитого, принадлежат Б. или К., однако эта возможность мало вероятна».

5) По делу установления принадлежности подписей получателей счета (реестр № 6831) указано:

«... не исключается возможность подделки со стороны гр-на К.».

Приведенные факты характеризуют работу института научно-судебной экспертизы с отрицательной стороны, так как даваемые по произведенным экспертизам заключения страдают отсутствием категоричности утверждения результатов исследования, половинчатостью, неясностью и двусмысленностью, которые по существу не помогают следователю разобраться в делах, связанных с необходимостью производства научной экспертизы, а осложняют следствие и создают неясности.

Наконец, приведем весьма характерный факт, когда следователь пытался переложить на институт научно-судебной экспертизы свои собственные функции.

На одном из заводов г. Кирово 14 апреля с. г. был обнаружен повесившийся гр-н С. Произведенным наружным осмотром, а затем вскрытием трупа судебно-медицинским экспертом было установлено, что смерть последовала от асфиксии, обусловленной самоповешением.

Таким образом, из заключения врача со всей очевидностью явствовало, что в данном конкретном случае отсутствуют признаки насильственной смерти и что мы имеем дело с самоубийством (самоповешение).

Народный следователь, не имея оснований усомниться в правильности заключения врача о причинах смерти, совершенно правильно решил установить причины, толкнувшие гр-на С. на самоубийство, но... на основе ему одному (следователю) ведомых соображений пришел к выводу, что выяснение и установление причин, побудивших гр-на С. на самоубийство, не относятся к компетенции следователя, и направил все следственное произво-

ство в институт НСЭ с предложением установить причины самоубийства гр-на С. Совершенно очевидно, что этот факт свидетельствует об отсутствии у следователя представления о задачах и функциях института НСЭ, как равно о незнании функций, относящихся к компетенции следователя.

Приведенные выше данные свидетельствуют о явном неблагополучии в области экспертизы и требуют принятия срочных мер к улучшению этой работы.

Учитывая, что аналогичное положение является повсеместным, нам представляется совершенно необходимым:

1) Просить Прокурора Союза ССР поставить перед соответствующими органами вопрос о необходимости переподготовки наличных кадров судебно-медицинских экспертов и планомерной подготовки новых кадров путем создания при отдельных медицинских институтах специальных кафедр судебной медицины, направляя окончивших студентов в распоряжение главных (областных, краевых, республиканских) судебно-медицинских инспекторов для использования их по специальности, обеспечив тем самым качество работы области судебной медицины.

2) Обратить внимание соответствующих органов, в частности НКЮ СССР, на неудовлетворительную работу институтов научно-судебной экспертизы, дающих совершенно неудовлетворительные, а подчас неправильные заключения (неясность выводов, отсутствие категоричност результатов, половинчатое двусмысленное заключение и т. д.) по произведенным ими по предложению следственных органов экспертизам, обеспечив в будущем высокое качество исследовательской работы.

Имея в виду, что работа этих институтов производится без участия широких масс следственно-прокурорских и судебных работников, могущих в значительной степени оживить работу институтов (входящих в систему Прокуратуры Союза и НКЮ) и обогатить последние своей богатой практикой, необходимо разработать положение о вовлечении практических работников следствия, прокуратуры и суда в работу институтов.

3) Методическому совету Прокуратуры Союза ССР и следственному отделу при разработке учебных планов по проведению краткосрочных семинаров и учебных конференций по повышению квалификации следователей и прокуроров включить специальный раздел с расчетом глубокого ознакомления слушателей со всеми видами судебных экспертиз, разработав одновременно методическое письмо о порядке и технике назначения экспертиз по отдельным видам преступлений.

Кроме того, необходимо пересмотреть учебные программы наших правовых институтов и юридических школ в сторону более углубленного изучения дисциплин, связанных с производством различного рода экспертиз, а также вопросов, вытекающих из криминалистики, связанных с применением научных методов расследования преступлений, так как выпускники очень слабо (если не совсем) ориентируются в этих важных вопросах.

4) Следует признать целесообразным для контингента недостаточно квалифицированных следователей направление им копий постановления о назначении экспертизы в следственные отделы областных прокуратур, если не для предварительного согласования необходимости производства экспертизы и поставленных перед экспертом вопросов, то, во всяком случае, для изучения и дачи надлежащих указаний следователю об изменении, дополнении поставленных перед экспертом вопросов и т. д.

Кронит

О качестве работы судов и судебных исполнителей по делам обобществленного хозяйства

Воспитание к дисциплине — одна из основных задач, стоящих перед советским судом. Однако к выполнению этой задачи суд сможет приступить тогда, когда сам суд в глазах обращающихся к нему граждан и учреждений будет образцом дисциплинированности и порядка. К сожалению этого еще нельзя сказать в отношении многих судебных учреждений.

Взять хотя бы работу народных судов по делам обобществленного хозяйства. Правда, до сего времени к ведению народных судов (с соблюдением всех процессуальных форм) отнесены только мелкие иски госучреждений (до 1000 руб.), тогда как иски на большую сумму разрешаются органами Госарбитража. Возможно, что это и служит поводом для некоторого пренебрежительного отношения со стороны нарсудов к делам между организациями обобществленного хозяйства. Однако, является фактом и то, что госучреждения, вынужденные согласно установленной подсудности, обращаться с исками до 1000 руб. в народные суды, очень часто долго не могут добиться разрешения своих споров. Всякий юрисконсульт, которому приходится направлять исковые заявления в иногородние суды, знает, сколько нужно потратить сил, чернил и бумаги, чтобы добиться присылки копии решения, исполнительного листа или просто ответа о положении дела.

Весьма любопытно, что по большей части с внешней стороны дело обстоит таким образом, что обвинить суд в затяжке разрешения дела нельзя. Как правило, суды стараются уложиться в установленные для них сроки рассмотрения дел. Но дальнейшее их уже мало интересует. И вот госорган — истец, предъявивший иск, тщательно добивается от суда высылки копии решения, исполнительного листа или хотя бы уведомления о том, чем дело кончилось. Запросы остаются без ответа.

Автор настоящей заметки, юрисконсульт, получил в июле 1936 г. из бухгалтерии своего учреждения материалы по дебиторской задолженности для предъявления исков. В одно и то же время часть исковых заявлений была направлена в органы государственного и ведомственного арбитража и другая часть в иногородние народные суды. По истечении 2 месяцев все дела, направленные в арбитраж, были полностью закончены, т. е. вынесены и присланы решения, получены приказы и деньги. Совершенно другая картина с делами, направленными в народные суды. По некоторым

до сих пор нет повесток. По другим, хотя и были получены повестки, но этим дело не ограничилось: ни решений, ни ответов на запросы не было получено.

Вот на выдержку несколько примеров:

1) В мае отослано исковое заявление по делу с заводом Комсомолец (Казань) о взыскании 287 руб. По сообщению Главсуда Татарской АССР исковое заявление было передано для рассмотрения в народный суд Ленинского района г. Казани. На запросы народный суд молчит. Ни повестки, ни решения не прислано по декабрь включительно.

2) В июне отослано исковое заявление по делу с Хобатовским крахмальным заводом (с. Хобатово Воронежской области) о взыскании 792 руб. 34 коп. Имеется подтверждение почты о том, что пакет с исковым заявлением выдан по назначению под расписку секретаря суда. Имеется копия распоряжения зампредоблсуда на имя народного суда Хобатовского района ускорить рассмотрение дела и выслать решение. До сего времени из народного суда не прислано ни повестки, ни решения.

3) 19 июня 1936 г. отослано исковое заявление в народный суд г. Актюбинска по делу с Северо-Казахской стройконторой о 244 руб. 79 коп. До сего времени не получено ни повестки о назначении дела к слушанию, ни решения.

4) 17 августа 1935 г. отослано исковое заявление в народный суд г. Майкопа по делу с Майкопским мебельным комбинатом о 756 руб. Первый запрос сделан 19 декабря 1935 г. Ответа не получено. 26 марта 1936 г. сообщено Азово-черноморскому краевому суду. Ответа нет, 17 мая 1936 г. вторично — в краевой суд, копия — в народный суд. Ответа нет. И только после обращения к уполномоченному Комиссии советского контроля по Азово-Черноморскому краю получена 11 декабря 1936 г. копия постановления народного суда об отказе в иске. Решение по существу неправильно, однако, кассационная жалоба не принесена в виду явной нецелесообразности ставить вопрос о пересмотре решения по делу, касающемуся взыскания пени и неустойки по договору, спустя полтора года после возбуждения иска.

Волокита народных судов с ответами на запросы обращающихся к ним госорганов до сих пор носит массовый характер. Если какой-нибудь народный суд сразу отвечает, то это воспринимается всегда с некоторым удивлением и такие случаи запоминаются. Неплохо наладил работу, например, народный суд Московского района Ленинграда, практику которого можно было бы рекомендовать другим судам. Направленное исковое заявление, отосланное из Москвы 27 ноября, народный суд назначает к слушанию на 14 декабря. После того как решение вступило в законную силу народный суд сам, не дожидаясь особого заявления, направляет исполнительный лист непосредственно судебному исполнителю и одновременно посылает извещение об этом истцу, для чего выработаны особые бланки со следующим содержанием:

«Народный суд Московского района (Ленинград, Советский пер., 11) сообщает, что исполнительный лист за №... нами отослан судебному исполнителю.... района.... для взыскания с ответчика . . . Рб. и судебных издержек Рб. в Вашу пользу. Ссылайтесь на №... судебного исполнителя....».

Судебный исполнитель при народном суде Советского района г. Ленинграда также волокитит и взысканные деньги перечисляет через финансовую часть народного суда истцу.

Практика народного суда Советского района г. Ленинграда показывает, что достаточно провести несколько небольших организационных мероприятий, чтобы не было места для недовольства и жалоб со стороны клиентуры.

Выше мы касались по преимуществу работы народных судов по обслуживанию обобществленного хозяйства. Но еще больше недостатков в работе судебных исполнителей.

Совершенно пассивно ведут себя судебные исполнители по части взысканий с госорганов по исполнительным документам на сумму свыше 500 руб. на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 7 мая 1935 г. «О воспрещении обращать взыскания по исполнительным документам на сумму не свыше 500 руб. на банковские счета организаций обобществленного сектора».

В большинстве случаев участие судебного исполнителя выражается в механической пересылке исполнительного листа в банк. Таким образом, создается только лишняя передаточная инстанция и проволочка.

В течение ряда месяцев один государственный орган не мог получить деньги с другого по приказу Госарбитража по причине отсутствия средств на расчетном счете должника и в результате затребовал приказ из банка и передал судебному исполнителю для обращения взыскания на имущество. Что делает судебный исполнитель? Направляет приказ в банк, откуда приказ вернулся. Банк возвращает приказ с указанием, что на счете должника попрежнему средств нет. Судебный исполнитель выжидает несколько дней и опять направляет приказ в банк. В итоге дело не двигается, а судебный исполнитель только пишет препроводительные и отмечает по входящему и исходящему.

17 сентября 1935 г. Закавказской краевой конторой Госбанка была наложена исполнительная надпись на взыскание с Грузпищеторга 8685 руб. и исполнительная надпись передана судебному исполнителю района имени Орджоникидзе в г. Тбилиси. В течение года организация-кредитор безуспешно обращалась с запросами и жалобами к судебному исполнителю, в народный суд, в прокуратуру. Изыскивая еще какой-нибудь способ добиться получения сведений о положении дела, кредитор написал в ноябре письмо лично управляющему Закавказской краевой конторой Госбанка с просьбой оказать содействие в получении ответа от судебного исполнителя района имени Орджоникидзе г. Тбилиси. Через 10 дней пришел исчерпывающий ответ из Закавказской конторы Госбанка, которая затребовала письменные объяснения от судебного исполнителя. Таким образом, только путем обращения в Закавказскую контору Госбанка и нажима последней удалось добиться от судебного исполнителя сведений о причинах задержки взыскания. Автору настоящей заметки

приходилось и по другим делам несколько раз посылать запросы судебному исполнителю района имени Орджоникидзе в г. Тбилиси и ни разу непосредственно от судебного исполнителя ответа получить не удалось.

Если кредитор и должник — госорганы, плохая работа судебных исполнителей еще полбеды. Несравненно хуже, когда судебный исполнитель также механически и безинициативно работает по взысканию по исполнительным листам с должников — частных лиц — в пользу госорганов. Такие отношения к делу нельзя охарактеризовать иначе, как пособничество расхищению социалистической собственности и, конечно, ни в какой мере не может быть оправдано. Вот несколько примеров такого возмутительно спокойного отношения судебных исполнителей по приведению в исполнение разрешенных в пользу госорганов дел о взыскании с частных граждан:

1) 29 июля 1935 г. был сдан судебному исполнителю Октябрьского района г. Москвы исполнительный лист на взыскание с Кольцова И. И. 500 руб. 17 марта 1936 г. после ряда запросов судебный исполнитель 12 уч. Октябрьского района т. Шубина уведомляет о том, что: 1) ответчика заработок 600 руб., 2) что исполнительный лист отослан 8 декабря 1935 г. по месту работы ответчика, что описано имущество Кольцова на 110 руб. Проходит еще полгода и в связи с поданной жалобой на медленность взыскания в сентябре 1936 г. от судебного исполнителя за подписью той же Шубиной поступает объяснение о том, что исполнительного листа на взыскание с Кольцова в производстве нет, что «узнать, где находится исполнительный лист на гр-на Кольцова не представляется возможным, так как основной (?) судебный исполнитель был уволен, а поэтому, ввиду того что исполнительный лист нигде не значится, нужно обратиться в народный суд, запросить дубликат исполнительного листа, сдать в производство и в срочном порядке будет выполнено». 15 октября 1936 г. судебному исполнителю т. Шубиной был сдан дубликат исполнительного листа, а 19 декабря дубликат исполнительного листа получен обратно взыскателем с лаконической надписью: «Возвращаю без исполнения согласно справки домоуправления о непроживании ответчика. Имущество все увезено на Дальний Восток».

2) С 1934 г. не удается реализовать исполнительный лист на взыскание 720 руб. с гр-на Шеймана. Сперва исполнительный лист был послан в Тбилиси, но пока судебный исполнитель собирался приступить к взысканию (тоже и в этом случае пришлось посылать дубликат исполнительного листа), ответчик выехал в Москву. С 16 мая 1936 г. исполнительный лист находится в народном суде Ленинского района г. Москвы и переходит от одного судебного исполнителя к другому. В настоящее время лист находится у судебного исполнителя т. Второвой. За два с лишним года не взыскано ни одного рубля.

3) 4 апреля 1935 г. был сдан судебному исполнителю Ленинского района г. Москвы т. Архаровой исполнительный лист на взыскание с Жигунова 484 руб. Этот Жигунов работает управляющим дома № 20 по Варваркe. Судебный исполнитель т. Архарова отослала исполнительный лист по адресу «Варварка, 20», и в результате лист попал в руки самого должника. Повидимому у последнего нет желания с самого себя взыскивать, и вот в течение одного года и 8 месяцев дело это на мертвой точке. На запросы и жалобы один ответ: «Исполнительный лист передан по месту работы ответчика — домоуправлению дома № 20 по ул. Разина». Не помогло обращение к инструктору судебных исполнителей г. Москвы при Мосгорсуде.

4) С 11 декабря 1933 г. находится у того же судебного исполнителя Ленинского района г. Москвы т. Архаровой исполнительный лист на взыскание с Медведева И. И. 536 руб. После ряда обращений, личных и письменных, к самому судебному исполнителю, к старшему народному судье Ленинского района, в прокуратуру, удалось получить ответ от инструктора судебных исполнителей при Московском городском суде от 28 ноября 1936 г. № 816-с-ж о том, что исполнительный лист 25 сентября 1936 г. направлен по месту работы ответчика заводу Шарикоподшипник № 1. Однако уже прошло 3 месяца, но ни одного рубля пока не получено.

5) 7 апреля 1935 г. народным судом Краснопресненского района было присуждено с гр-на Федотова 2107 руб. в покрытие растраты, и 5 мая 1935 г. исполнительный лист сдан судебному исполнителю Архаровой. Несмотря на то, что у Федотова было описано имущество на всю сумму долга, в течение целого года судебный исполнитель не взыскал ни одного рубля, ссылаясь на всякие объективные причины: «Еще ничего не продано за отсутствием магазина» (14 октября 1935 г.), «имущество не вывезено ввиду болезни Федотовой» (20 ноября 1935 г.) и так далее и тому подобное. Тем временем гр-ка Федотова (жена осужденного за растрату) добилась исключения большинства вещей из описи и до настоящего времени, т. е. почти за 2 года, удалось получить только 500 руб. и то только путем невероятных усилий: несколько посещений судебного исполнителя, жалобы в народный суд, городской суд и проч.

6) В июне 1934 г. были отосланы два исполнительных листа судебному исполнителю первого электрозаводского участка Сталинского района на взыскание с гр-на Балабанова 1351 руб. 85 коп. За 2½ года судебному исполнителю удалось взыскать с ответчика только 327 руб. 55 коп. Письмом от 26 апреля 1935 г. за № 490 судебный исполнитель электрозаводского участка уведомил о том, что взыскание остатка задолженности 1024 руб. 03 коп. задерживается по той причине, что «ответчик пока без работы». Так с апреля 1935 г. это дело без движения, причем судебный исполнитель ни на запросы не отвечает, ни исполнительный лист не возвращает. Не помогло обращение к старшему народному судье Сталинского района (в июле 1936 г.) и в Мосгорсуд (в ноябре 1936 г.).

7) 14 мая 1935 г. народный суд Краснопресненского района присудил с гр-на Демьяненко 1120 руб. В момент суда гр-н Демьяненко проживал по Нижней ул., д. 7/9, кв. 29 и лично присутствовал при разборе его дела в суде. 27 мая 1935 г. исполнительный лист был сдан судебному исполнителю Краснопресненского

района т. Юдиной. Только в июле т. Юдина собралась проверить имущественное положение Демьяненко и со слов жильцов квартиры составила акт о том, что якобы Демьяненко без работы и имущества не имеет, после чего вернула исполнительный лист взимателю. Тем временем Демьяненко из дома № 7/9 выбыл, и все попытки выяснить его местопребывание до сего времени не дали положительных результатов.

Таких примеров отвратительной работы судебных исполнителей можно было бы привести сколько угодно. И в большинстве случаев все это сходит совершенно безнаказанно, так как к сожалению борьба с волокитой чаще проводится на бумаге, чем на деле. Кроме ущерба государственному карману, от этой плохой работы больше всего терпят юрисконсульты и главные бухгалтера (начальники финансовых частей) госучреждений, которые вынуждены терять много ценного времени на хождение и переписку с целью добиться какого-нибудь толку или хотя бы ответа о положении дела

Мои предложения сводятся к следующему:

1) Должно быть издано распоряжение НКЮ или Верхсуда Союза о том, что суды и судебные исполнители не имеют права оставлять без ответа ни одного обращенного к ним запроса и что недача ответа на запросы будет рассматриваться как серьезный поступок, влекущий наложение взыскания.

2) Издать распоряжение о том, что в исковых заявлениях по делам обобществленного сектора должны указываться, кроме адресов сторон, также местонахождение и номера их расчетных счетов.

Целесообразно обязать суды направлять исполнительные листы на сумму свыше 500 руб. непосредственно в банк, а до 500 руб. непосредственно судебному исполнителю с одновременной посылкой уведомления организации истцу. Это позволит избежать «встречные перевозки», когда исполнительный лист пересылается например с Дальнего Востока в Москву и сейчас же обратно, на Дальний Восток.

Нужно обязать суды, в случае отказа в иске полностью или в части, немедленно высылать организации-истцу копию решения.

3) Необходимо активизировать роль судебных исполнителей по делам о взысканиях в пользу госорганов, с тем чтобы в обязанности судебных исполнителей входило не только «исполнение» в узком смысле слова, т. е. обращение взыскания только на те объекты, которые ему указаны организацией-кредитором но и выяснение, по своей инициативе, всех возможных путей и способов взыскания, без особых указаний, требований и напоминаний.

Работа судебных исполнителей должна быть построена таким образом, чтобы исполнитель был непосредственно ответственен за доведение до конца взыскания по поступившему к нему исполнительному документу (исполнительный лист, приказ Госарбитража, исполнительная надпись и проч.).

Б. Сиптиц.

Об уголовной ответственности истцов и ответчиков за заведом ложные показания

Гр. Е. Кякшт (Ленинград) обратился к Пр курору Союза ССР тов. Вышинскому со с дующим письмом по вопросу об уголовн ответственности истцов и ответчиков за де ими заведомо ложных показаний по гражда ским делам в суде:

«Ожидая в суде разбирательства дела, которому я был вызван случайным свидет лем, я с негодованием убедился в том, ч истец и ответчик, воскрешая судейские нра описанные Диккенсом и Сухово-Кобылин могут безнаказанно давать суду ложные п казания. Если одному из них удается доб ментально, или свидетельскими показания доказать ложность заявления своего проти ника, то суд довольствуется установлением тины, но не привлекает солгавшего к уголо ной ответственности. На прямой вопрос, кот рый я после этого ставил четырем разны юристам в четырех разных юридических кон сультациях, — значит истец и ответчик имею право безнаказанно врать суду — я получ уклончивые ответы, что они мол «не должн искажать истину», но что «поскольку каждо тяжущийся заинтересован в выигрыше дела, е естественно может освещать вопрос с выго ной для него точки зрения».

В моем сознании не укладывается мысль, ч в советском суде может выиграть не то кто убежден в правоте своего дела и честн говорит суду правду, а тот, кто лучше с врет, или — как выразился один из крючк творов в консультации — «кто сможет пре ставить дело наиболее правдоподобно».

... Я хочу получить на мой прямой вопро прямой, большевистский ответ: Имеет кто-ли право безнаказанно давать советскому су ложные показания или нет?

... И не мне следовало ставить этот вопро а нашим судьям. Я случайно столкнулся с на и возмутился. Они же встречаются с ложью суде десятки раз на день и все-таки сп спокойно.

Отвечая мне здесь, Вы укажете и им, ч всякий солгавший Советскому суду, должн тут же привлекаться за это к уголовной ответ ственности и не его противником — может быть незнакомым с тонкостями судопроизво ства, не случайным посетителем суда, а самим судьею.

Конкретно, я предлагаю изложить ст. 95 Уго ловного кодекса в такой редакции: «Заведом ложный донос органу судебно-следственно власти или иным, имеющим право возбужда уголовное преследование должностным лице а равно заведомо ложные показания, даваемы свидетелем, экспертом, переводчиком, истцо ответчиком, обвиняемым, юристом и прочим лицами, опрашиваемыми при производстве доз нания, следствия или судебного разбиратель ства по делу, — лишение свободы или испра вительно-трудовые работы на срок до 3 х ме сяцев» и т. д.

Мера наказания за дачу ложных показаний определяется судьями, немедленно вслед установлением факта дачи ложного показания

Полагаю, что такая постановка вопроса, которую без сомнения поддержит каждый честный гражданин, раз навсегда отобьет у судящихся охоту дискредитировать советский суд разными изворотами и недостойными увертками.

Е. Кякшт».

Вопрос, поставленный в письме гр. Кякшт представляет безусловный интерес и должен получить ясный ответ.

Прежде всего, надо иметь в виду, что требование правдивости перед судом всех участвующих в нем лиц является требованием здоровым, законным и вытекающим из правосознания общества высшей культуры.

Перед судом, ставшим подлинно народным, стороны и другие участвующие в деле лица показывают правдиво не только, вернее не столько, потому, что боятся кары за ложь, нечестность, обман, сколько вследствие повышающейся все более и более сознательности и понимания своего долга, желания быть честным гражданином своей социалистической страны, помогающим вести борьбу с нарушениями революционной законности. Не случайно, ведь, именно сейчас самые «отъявленные» рецидивисты являются с повинной, не желают больше скрываться от государства, совершать преступления, хотят быть правдивыми перед своим государством, хотят жить честной трудовой жизнью. Не случайно также и то, что задача правдивых и честных показаний обвиняемых и сторон (по гражданским делам) в наших судах — явление обычное в то время как, например, в фашистской Германии, бесстыдно-демагогически провозгласившей и выдающей за свои многие основные принципы нашего гражданского процесса, пришлось прибегнуть к установлению уголовной ответственности за неправдивость или умолчание сторон в гражданском суде (см. об этом «Соц. законность» № 3 за 1937 г. стр. 97).

Наш уголовный кодекс не предусматривает уголовной ответственности за ложные показания истцов и ответчиков перед судом. И в этом нет никакой необходимости. Нельзя забывать, что истец и ответчик являются лицами, заинтересованными в исходе дела. Поэтому многие показания их, объективно представляющие из себя неправдоподобный и лживый доказательственный материал, субъективно самой стороне кажутся правдивыми, соответствующими истине. Нередко такая сторона со своими претензиями и показаниями доходит до высших органов правосудия, настойчиво доказывая одно и то же, будучи при этом убеждена, что ее показания абсолютно правильны. Очень часто бывает весьма трудно определить, когда сторона дает суду явно лживые показания и когда она сама заблуждается.

Известно, что и многие свидетели, давая показания, бессознательно лгут, искажают факты. Поэтому закон (ст. 95 УК) устанавливает уголовную ответственность их лишь при условии сознательной, заведомой ложности их показаний.

Следует ли из сказанного, что истцы и ответчики вольны безнаказанно лгать на суде. Нет, конечно! Такое мнение является довольно распространенным, и в практике судов редко можно встретить случай привлечения истца или ответчика к уголовной ответственности за заведомо лживое и преступно-нечестное поведение их в суде. С ростом правосознания масс борьба с этим явлением становится актуально необходимой; трудящиеся уже не терпят подобных поступков и требуют наказания за это; и они правы, тем более, что закон наш предусматривает в определенных случаях уголовную ответственность сторон за их преступное поведение в суде. И точно так же, как за последние годы увеличилось количество случаев требования привлечения к ответственности за клевету и другие преступления, порочащие имя и честь гражданина, встал также вопрос о том, что и в гражданском суде нельзя безнаказанно порочить гражданина.

Считая за мелочь дела частного обвинения, многие суды и прокуроры до сих пор еще оставляют безнаказанными даже лиц, которые в своих заявлениях возводят заведомо ложные обвинения в серьезных преступлениях на тех или иных граждан, а особенно на должностных лиц. По поводу заявлений таких людей, которых необходимо было бы привлекать к уголовной ответственности пост. 91 УК, ограничиваются обычно тем, что пишут: «факты, изложенные в заявлении такого то, не подтвердились», и на этом успокаиваются.

Вот против этого-то все чаще и чаще справедливо протестуют граждане, на которых возводились ложные обвинения в указанных заявлениях.

С недооценкой подобных преступлений, совершаемых в суде или вне суда, надо покончить. Вот в чем задача, а не в том, чтобы расширить круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за заведомо ложные показания, истцами и ответчиками по гражданским делам.

Ответственность истцов и ответчиков за заведомую ложь, клевету, обман с целью получить личную выгоду (мошенничество), подлог и т. п. определяется соответствующими статьями уголовных кодексов союзных республик на общем основании (напр. по ст.ст. 95, 120, 161, 187 и др. УК РСФСР).

Ответственность истцов и ответчиков (являющихся лицами, заинтересованными в исходе дела) за заведомо ложные показания на суде не может трактоваться так же, как и ответственность свидетелей, экспертов, переводчиков. Об этом уже сказано выше. Но отсюда не следует, что во всех указанных случаях стороны в гражданском процессе остаются безнаказанными.

Возьмем пример: гражданка А. в своем заявлении о взыскании алиментов указывает на то, что отец ребенка, гражданин В., в течение 5 лет злостно уклоняется от платежа алиментов и не признает себя отцом ребенка. Она просит суд взыскать с гр. В. алименты. Суд, проверив все доказательства по делу, приходит к выводу, что истица, заведомо зная, что отцом ребенка является другой, предъявила в корыстных целях указанный выше иск к гражданину Б. На этом основании суд в иске отказывает. Но ответчик справедливо возражает против действий суда. И он прав. Так как действия истицы представляли собой не только неосновательное возбуждение гражданского иска, но и заведомо ложный донос судебной власти о преступлении дру-

гого лица, да притом еще с корыстной целью. Это преступление истицы, предусмотренное частью II ст. 95 УК РСФСР, не могло и не должно было остаться безнаказанным.

Точно также безнаказанным не должна оставаться сторона в гражданском процессе, представляющая суду подложные документы. Ст. 151 Гражданско-процессуального кодекса РСФСР говорит об этом следующее: «в случае, если суд придет к убеждению в подложности документа, он устраняет его из числа доказательств и возбуждает дело в уголовном порядке».

Нередко в гражданском процессе бывает весьма трудно выявить преступные действия сторон, облекаемые ими в ту или иную легальную форму. Тщательное выявление действительных отношений сторон, являющееся основной задачей нашего суда согласно ст. 5 Гражданско-процессуального кодекса, дает возможность вскрывать преступления сторон, «безбоязненно» обращающихся со своими незаконными претензиями в гражданский суд.

Так, например, бывший директор Одесского сахарного завода Зозуля, по распоряжению Главсахара получивший от завода больше года назад 1400 рублей (дополнительную зарплату к основной, получаемой по новому месту работы в Киргизии), в 1936 г. предъявил в нарсуд г. Москвы иск к Главсахару на ту же самую сумму, воспользовавшись тем, что новое руководство Одесского завода выдало ему неправильную справку о том, что эта сумма им (бывшим директором завода) не получена.

Нарсуд, не разобравшись в деле как следует, удовлетворил иск, несмотря на возражения Главсахара. И только спустя полгода получивший уже эти деньги истец с санкции Прокуратуры СССР был привлечен к уголовной ответственности за мошенничество.

В другом деле истец Ремов, член РЖСКТ (в г. Москве), предъявивший в нарсуд иск о выселении из его комнаты гр-на Вдовенко, скрыл от суда суть дела и добился решения нарсуда в свою пользу. При проверке дела по поручению Прокуратуры СССР оказалось следующее: мать ответчика Вдовенко купила у истца Ремова его комнату, но стороны «оформили» эту сделку путем заключения фиктивного брака. Ремов долгое время отказывался перевести пай на имя своей «жены» Вдовенко, требуя от нее еще денег сверх тех трех с половиной тысяч, которые он получил уже, выдав расписку. На суде при рассмотрении иска Ремова к Вдовенко о выселении фигурировала эта расписка, тем не менее суд признал ответчицу женой Ремова и вынес решение выселить сына Вдовенко из комнаты (как постороннего супругу ее человека), а Ремова вселить к своей «жене».

Само собой понятно, что за подобную ложь перед судом и преступное злоупотребление своими гражданскими (материальными и процессуальными) правами стороны подлежат уголовной ответственности. Поэтому Прокуратурой г. Москвы по предложению Прокуратуры СССР было возбуждено против обоих сторон уголовное преследование.

Т.

О пробеле, требующем заполнения

Нельзя не согласиться с авторами одной из последних статей по вопросу о порядке актирования количественной недостачи товара (В. Ланда и К. Граве, «Больше бдительности к вопросам недостачи», «Арбитраж», 1936 г. № 18, стр. 8—10), заявляющими, что «в действующем законодательстве по вопросу о недостачах — зияющий пробел». Действительно, если вопрос о порядке актирования качества поступающего в адрес грузополучателя товара разрешен инструкцией Госарбитража при СНК СССР от 2 января 1935 г., то вопрос о порядке актирования количественной недостачи и порядке регламентации при недостаче остается до сих пор открытым.

Между тем этот вопрос сплошь и рядом является достаточно сложным: взять, например, порядок определения такого товара, как кожа, полуфабрикаты, обмер которых должен производиться с помощью специальных приборов (футомер, планометр) и сведущими лицами, целый ряд вопросов неизбежно возникает при определении состояния упаковки прибывшего товара, что необходимо для определения места хищения товара (склад поставщика, железная дорога и т. д.).

Необходимо признать, что отсутствие регламентации порядка актирования количественной недостачи товара безусловно затрудняет раскрытие ряда хищений: односторонний акт, оспоренный поставщиком товара, приводит к прекращению дела в целом, и при этом в большинстве случаев и к прекращению розыска виновных в хищении товара лиц. К тому же приводит и отсутствие указаний в актах о состоянии тары и упаковки, так как определить в таких случаях виновность конкретных работников отправителя или получателя, или работников транспортных организаций представляется зачастую затруднительным или просто невозможным.

С другой стороны, нельзя не отметить, что отсутствие регламентации порядка актирования недостачи неизбежно приводит к ненужным искам и спорам, к загромождению судебных и арбитражных органов многочисленными делами, которые при наличии твердых правил порядка актирования недостачи в целом ряде случаев вовсе не имели бы места, так как при соблюдении установленных законом правил акты в одних случаях являлись бы бесспорным доказательством недостачи и ее размера, и возмещение убытков происходило бы в добровольном порядке; при нарушении же основных правил эти акты, наоборот, не являлись бы основанием для предъявления претензии и передачи спора в суд или арбитраж. В настоящее время, при отсутствии регламентации этого вопроса и при разнобое в практике разрешения этих споров судебными и арбитражными органами, по сути трудно и винить стороны в обращении для разрешения спора в суд или арбитраж. Действительно, хозяйственник или юрист-хозяйственник, зная, что в ряде случаев односторонние акты судами признаются имеющими доказательную силу, ограничиваются такими актами, предъявляют по ним претензии и обращаются с исками в судебные органы.

Вызывает наибольшее количество споров вопрос о составе производящих проверку количества товара лиц. Является ли односторонним и вследствие этого недоказательным акт, составленный с участием представителя рабочего контроля, члена ФЗК, члена горсовета (из работников предприятия, получившего товар и обнаружившего его недостачу)?

Достаточно ли участие представителя «третьей, незаинтересованной организации» и нет ли оснований к точному определению, какой именно организации? Нет ли оснований требовать в более сложных случаях участия представителя госэкспертизы, а в случаях, явно указывающих на наличие хищения, и представителя следственных органов?

Необходимо издать такую инструкцию о порядке актирования недостачи товара, которая бы в основном решала все спорные вопросы, установила сроки и порядок предъявления рекламаций, обеспечила обязательность розыска виновных в хищениях лиц.

Окиншевич.

Еще о протоколах судебных заседаний

Тов. Лукьянович («Социалистическая законность» № 3 за 1937 г.) по вопросу о ведении протоколов судебных заседаний указывает, что как бы ни был квалифицирован секретарь, он не сможет в судебном заседании полностью оформить протокол, а ограничится только лишь кратким содержанием его, оправдывая этим самым практику перепечатывания протоколов на машинке.

Я считаю точку зрения т. Лукьяновича неверной, ибо в протоколе необязательно записывать дословно показания обвиняемого и свидетелей, — нужно уловить основную мысль, которую необходимо записать в протоколе. Перепечатывание протокола — это нерациональное использование рабочего времени секретаря; при этом порядке на одно дело затрачивается вдвое больше времени, что может быть проведено в жизнь в тех судах, где случается 4—5 дел в месяц и с немногочисленными свидетелями.

Оформляя протокол на 2—3 день при самой наилучшей памяти, не всегда все можно вспомнить, а одно забытое слово иногда меняет смысл целой фразы, и правильнее не полагаться на память, а точно записывать смысл фраз, высказываемых в судебном заседании.

Как правило, председательствующий в совещательной комнате должен иметь протокол судебного заседания, не надеясь на свою память, а из заметок секретаря для председательствующего не всегда все будет понятно.

На страницах нашего журнала уже не один раз обсуждался вопрос о том, чтобы в судебном заседании свидетели и эксперты подписывали свои показания, а если стать на путь оформления протокола через 2—3 дня, или перепечатания его, надо лишать возможности свидетелей и экспертов подписывать свои показания в судебном заседании.

Я работаю в органах юстиции свыше 5 лет, а секретарем около 4 лет, квалифицированным секретарем себя назвать не могу, так как я выдвиженка, но протоколы по уголовным делам заканчиваю всегда в судебном заседании и за мою работу имела два замечания на протокол и то потому, что неправильно выразила мысль дающего показания.

Вообще я работаю секретарем районного суда, и могут сказать, что у нас сложных дел нет, но я очень много раз секретарствовала на выездных заседаниях областного суда, на процессах в продолжении нескольких дней и протоколы оформляла в судебном заседании и считаю, что любой секретарь при желании это может сделать.

Я прошу, чтобы все секретари судебных заседаний районных и областных судов на страницах нашего журнала высказали свое мнение по этому поводу.

М. Седлецкая

Секретарь нарсуда с. Б—Биски, Одесск. обл.

За точное исполнение Конституции СССР

(к вопросу о выборе народных судов)

Сталинская Конституция Союза ССР, утвержденная Чрезвычайным VIII съездом советов, по-новому решает вопрос о выборе народных судов.

Ст. 109 Конституции Союза говорит: «Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании — сроком на три года».

«Народный суд» в общепринятом понимании означает состав народного суда: Народный судья и народные заседатели.

По ст. 23 Уголовно-процессуального кодекса под словом «судья» разумеются как народные судьи, так и народные заседатели... «Сопоставление всех статей Конституции, трактующих о судах, со статьей 112 Конституции ясно указывает на то, что «народные суды» нами понимаются правильно.

Если это так, а мы убеждены, что это именно так, — то следует признать, что выборы как постоянных народных судей, так и постоянно сменяемых народных заседателей для участия в заседаниях народного суда должны происходить по единому правилу, изложенному в цитированной уже 109 ст. Сталинской Конституции.

В подтверждение правильности нашей точки зрения мы в этом случае сошлемся на т. Крыленко. Он 3 мая текущего года в «Правде», говоря о том, что согласно ст. 103 Конституции «Рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей кроме и т. д.»., продолжает так: «Эти заседатели избираются тем же порядком, что и народные судьи, т. е. гражданами района на основе всеобщих, прямых и равных выборов при тайном голосовании. Так Сталинская Конституция утверждает принципы социалистической демократии в суде»...

В этом утверждении содержится одна неправильность. В порядке ст. 109 Конституции Союза ССР подлежит избранию, наряду с постоянными народными судьями, только тот контингент народных заседателей, который предназначен для участия в заседаниях народного суда. Что же касается народных заседа-

телей для всех остальных судов, то они подлежат избранию таким же порядком, как и суды, для участия в заседаниях которых они предназначаются.

Заканчивая статью в «Правде», т. Крыленко пишет: «... Наши народные заседатели являются представителями трудящихся масс и полноправно участвуют в разрешении судебных дел наравне с народными судьями.

Нам предстоит выбрать около 6 миллионов народных заседателей. Уже одна эта цифра говорит о значительности работы, которую придется проделать»...

Прочитав все, что касается избрания народных заседателей и оценку значения этого института т. Крыленко, можно было бы не сомневаться в том, что вопрос о порядке выборов нарзаседателей для народных судов не подвергнется ревизии со стороны... т. Крыленко.

Но несмотря на то, что дело касается основного закона нашей страны — т. Крыленко пытается внести в него некоторые «поправки». Они в части суда сводятся к проектированию установления различного порядка выборов.

Как и в «Правде» от 8 мая текущего года, так и на третьей странице «Советской юстиции» № 9 за 1937 г. говорится, что «Эти заседатели подлежат избранию тем же порядком, что и народные судьи и т. д.».

А вот, что мы читаем на пятой странице того же журнала: «При будущих выборах, как мы уже сказали, нам придется выбрать около 6 млн. народных заседателей. Как это должно быть проведено технически? Конечно, при выборе народных заседателей не может быть того же порядка, что при выборах народных судей.» Как так? Ведь «Эти заседатели подлежат избранию тем же порядком, что и народные судьи!»... А это совсем не то, что пишет т. Крыленко, говоря: «в отличие от выборов судей выборы народных заседателей будут по всей вероятности проводиться единым общим списком, причем каждому должно быть предоставлено право отвода любого из указанных в списке». Выходит, что выборы народных заседателей будут происходить не тем же, а совсем иным порядком. В чем же дело? Откуда такая путаница?!

Если давит количество подлежащих избранию 6 млн. нарзаседателей, что предполагает большую работу, — то это не аргумент, который бы можно было принять в расчет. Трудности надо преодолевать, а не возводить в закон, его не прейдеши. «Значит, надо работать, а не хныкать» (Сталин). Избирательная техника, якобы, сложна, тоже не довод, тем более, что избирательная мысль уже приходит на помощь в этом именно отношении.

Предложение т. Крыленко («то, что мы сказали, в огромной степени, однако, еще лишь проект». — Крыленко, «Советская юстиция» 1937 г.) сводится к ревизии 109 ст. Конституции Союза ССР. Полноправные судьи, народные заседатели должны избираться таким же порядком, как и постоянные судьи. Это мудрое требование Конституции настолько очевидно, что пояснять его излишне — оно должно быть неукоснительно выполняемо.

«Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общ ственному долгу, уважать правила социал стического общежития». Так повелевает ст. Конституции. Это требование обязательно только для граждан, но еще в большей ст пени и в первую очередь для руководящ должностных лиц и, в частности, для Нарко Юстиции Союза ССР.

По сути дела предложение т. Крыленко св дится к сужению судебной демократии, уст новленной Конституцией.

Ленин учил: «Демократия вообще не устр няет классовой борьбы, а делает ее лишь с знательной, свободной, открытой. Но это довод против демократии. Это довод за последовательное развитие до конца» (Лени т. XXX, стр. 195). Это еще один довод прот предложения т. Крыленко.

Граждан

Воспоминания о работе в органа прокуратуры

Вернувшись в 1920 г. из Красной армии, вступил в ленинский комсомол. Поскольку окончил только сельскую школу, мне пришло серьезно задуматься над повышением своег культурного уровня. В 1921 году я был ко мандирован в Первый воронежский коммуни стический университет, по окончании которог в начале 1922 г., я был выделен на Первые во ронежские 4-месячные юридические курсы.

При прохождении курса я был прикрепле на практику к народному суду 4 участка Воронежа.

Конец моей учебы совпал с периодом обс ждения подготовляемых к выпуску кодексо и организацией советской прокуратуры.

Вскоре после назначения первого губпроку рора я был послан им нарследователем 1 уч стка Калачевского уезда.

В то время в уезде следователь пользовал всеми правами прокурора и осуществлял над зор за органами дознания. Первая трудност которую я встретил, — это была моя обща малограмотность, неумение последовательно логично изложить показания свидетелей и об виняемых, неумение глубоко вникнуть в сут вопроса. Поэтому я подчас заканчивал след ствие поверхностно, с большими ошибками доходившими порой до курьезов. Сомнитель ные и недостаточно обоснованные доказатель ства принимал за чистую монету, загромождал себя маловажными делами в ущерб важны В течение 8 лет — вплоть до 1930 г. я работа нарследователем, много переживал за свою ма лограмотность, много получал колких и ядови тых бумажек и замечаний в связи с моим промахами.

Но это время я усиленно работал над собо и в конце концов преодолел свои недостатки работе. Особенно большую помощь оказал ме актив, с которым я проводил совещания, по стоянно держал живую связь и привлекал расследованию отдельных дел.

Именно активу я обязан тем, что мне уда лось раскрыть ряд важнейших дел (подгото ка убийства кулаками местных работников др.).

В 1930 г. во время ликвидации округов был назначен прокурором Петропавловско

района. Показав хорошие образцы работы, я был в 1931 г. переведен прокурором в более ответственный — Павловский район.

В 10-летний юбилей прокуратуры я поступил студентом заочного комвуза в г. Воронеже. В начале 1933 г. мне посчастливилось поступить заочником в Московский институт советского права имени П. И. Стучка. Выполняя ответственнейшую работу в аппарате областной прокуратуры по должности помощника областного прокурора и старшего помощника облпрокурора, я в то же время упорно продолжал свою заочную учебу по овладению техникой прокурорской работы. Я не могу без благодарности вспомнить инициативу работников Воронежского областного суда по организации общеобразовательного курса при областном суде, где по утрам за 1½—2 часа до начала занятий я имел возможность работать по повышению своих знаний по русскому языку, математике, географии и т. п.

Упорная работа по заочному образованию, особенно в последний год учебы (1936 г.) дала положительные результаты, и в конце 1936 г. я успешно закончил Институт советского права. Только тогда я почувствовал твердую почву под ногами.

Сейчас, в день, когда мы празднуем славный юбилей 15-летия советской прокуратуры, я с гордостью вспоминаю, что мне, малограмотному и малоопытному пастуху, ленинский комсомол и коммунистическая партия Ленина — Сталина дали высшее юридическое образование и поставили на ответственный пост советского прокурора, призванного бороться за революционную законность, бороться за соблюдение великой Сталинской Конституции.

Не успокаиваясь на достигнутом, я буду продолжать повседневно работать над собой, одновременно ведя непримиримую борьбу с врагами народа, опираясь на массы, ведя постоянную массовую работу с прокурорским активом.

К. Гученко

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЗАЩИТЫ[1]

К вопросу о методологии судебной защиты

Переживаемая эпоха предъявляет к судебному работнику, в той или иной форме соприкасающемуся с советской действительностью, все более сложные требования.

В уголовном суде перед всяким вдумчивым исследователем открывается обширный район для наблюдений, так как здесь — в суде — нередко отражено все многообразие советского быта.

Так или иначе, перед судом всегда стоит незнакомая ему до этого личность, которую он призван судить и, в то же время, ею дорожить, так как интеллектуальным ресурсом являются «люди — кадры».

Сейчас уже нет нужды распространяться о том, в какой мере в связи с действием союзной Конституции повышается ответственность в области ограждения прав личности перед каждым работником суда и, в частности, перед защитой, стоящей в СССР на высоте конституционной гарантии.

Именно в связи с этим поучительно вспомнить выступление Прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского на областном съезде московской адвокатуры (см. стенограмму речи в № 10 «Социалистической законности» 1936 г. «На новые рельсы»).

В этом выступлении Прокурор Союза отметил «младенческое состояние организации защиты с точки зрения тех общественных и политических задач, которые стоят перед нами, а главное, с точки зрения понимания тех методов борьбы за разрешение этих задач... и которые обязывают советских защитников защищать иными методами, чем те, которые были в недавнем прошлом».

Своевременность и принципиальность постановки вопроса о методике советской защиты — вне спора.

Методика защиты в советском суде — область совершенно неисследованная и, без того, трудная по существу. Методы защиты, ее приемы в значительной степени определяются духовным обликом адвоката, его интеллектуальными ресурсами, этикой, но, естественно, в основном, мировоззрением адвоката.

Несмотря на крайнее разнообразие судебных дел по своему жизненному содержанию, политико-правовой концепции, бытовым особенностям и пр. и пр., можно, однако, с точки зрения методов защиты, обобщить дела определенных категорий. Например, каково бы ни было содержание хулиганства в данном конкретном проявлении и как бы оно ни разнилось от проявлений хулиганства в другом конкретном деле, корни хулиганства, как политико-правового фактора и явления исторического быта, в принципе, остаются одни и те же. Другое дело, что этот анализ хулиганства приходится ставить в одном случае шире и глубже, а в ином — более скупо и схематично, что уже определяется специфическими чертами данного хулиганского «дела».

Таким образом, можно обобщить методы защиты по «хулиганским» делам. В равной степени можно обобщить приемы защиты несовершеннолетних преступников, как, равно, можно исследовать методы защиты в уликовых делах, которые представляют с этой стороны исключительный интерес. В данном случае, мы имеем в виду обобщенную идею защиты в процессе, которую обычно принято называть «общими соображениями».

[1] В порядке обсуждения.

Следует указать, что обобщенные идеи защиты в процессе, т. е. некий синтез, связанный с вскрытием так называемых «общих» и принципиальных вопросов дела, — чрезвычайно действенный элемент в защитительной речи адвоката, так как именно этой обобщенной идеей силен советский судебный оратор, и именно такая идея придает ему принципиальность и идейность, без чего немыслима подлинная защита в советском суде.

Естественно, исследование методов защиты не преследует цели создать усовершенствованный рецепт, годный для любого адвоката в любом деле. Так примитивно вопрос не стоит.

Особо следует коснуться вопроса об исследовании личности в процессе. Сейчас, по истечении двух десятилетий революции, мы встречаемся в суде либо с людьми, непосредственно революционной формации, т. е. воспитанных в условиях советского общества, либо с людьми, сложившимися еще в предреволюционную эпоху. Защита, которая наиболее тесно и интимно соприкасается с подсудимым и его душевным миром, нередко вооружается громадным и разносторонним жизненным материалом, который надо уметь донести до сознания суда с должным тактом и деликатностью, не ослабляя, однако, силы и значения этого, накопленного иной раз по крупице, материала.

Здесь защита, как действенный элемент в суде, стоит перед задачей, ею еще не вполне осуществленной. Умение «представить» подсудимого перед судом, т. е. правдиво и всесторонне изобразить человека во всей его реальной оригинальности, наряду с исследованием конкретной ситуации дела, — задача сама по себе достойная особого внимания. Надо сказать, что исследование личности как в стадии следствия, так и суда, до сих пор стоит на весьма недостаточном уровне. Перелистав незатейливую следственную биографию подсудимого, мы обычно узнаем лишь то, что ранее он «не судим» и лишь в виде сюрприза—счастливый день его появления на свет. Между тем, вдумчивое отношение к личности, охрана его прав и интересов требует того, чтобы человек был изучен углубленно, исследован всесторонне с тем, чтобы в судейском сознании подсудимый возник, как живой и настоящий человек, после чего лишь может быть уяснено и его общественное содержание и его значимость в социалистическом обществе. Конечно, мы отнюдь не имеем в виду чрезмерного психологизирования, так как ни один разумный человек не станет заниматься «достоевщиной» в советском суде.

Советский человек, гражданин нашего многонационального СССР, иной раз проходящий перед судом, порой обнаруживает противоречия, требующие сложного анализа. Этому человеку бывает свойственен, наряду с глубочайшей преданностью своей социалистической родине, и какой-либо предрассудок, толкнувший его на преступление. Естественно, что такой подсудимый и его побуждения требуют надлежащего истолкователя, который сумел бы без малодушного страха за себя подняться на должную идейно-политическую высоту. Таким истолкователем и должен стать тот, кому вверяется по Конституции его защита и представительство.

Естественно, что достоинство защиты, ее качества зависят от целого комплекса условий. Сейчас мы хотели коснуться одного из них, прежде всего, мировоззрения адвоката, как творческого фактора в его работе. Это особенно уместно сделать в настоящее время, когда на правовом участке вскрыта преступная вредительская «деятельность» Пашуканиса и его «школки», пытавшихся протащить в сознание работников советской юстиции враждебные марксизму-ленинизму взгляды, отравить наше мировоззрение ядом антимарксистского лжеучения.

Между тем, очевидно, что советская адвокатура только в том случае может полностью осуществить свою миссию в советском суде, как и вне его, если маркс-ленинско-сталинское мировоззрение станет ее собственным мировоззрением. Вполне очевидно, что от принципиальных взглядов защиты, от характера ее воззрений будет зависеть и внутреннее отношение защиты к тем многообразным жизненным явлениям, которые ежедневно проходят перед судом и которыми изобилует любое судебное дело, большое и малое.

Если советское правосудие в своей конкретной деятельности является передовым носителем идеи социалистической культуры, то защита, как органический элемент суда и апеллирующая к нему, должна быть строго вооружена тем же арсеналом социалистических идей, которые воодушевляют суд в его повседневной борьбе. Здесь не может быть речи о минутном приспособлении к данному процессу, а мы имеем в виду определенную систему идей и мышления, которое по своей внутренней направленности и политической целеустремленности является социалистическим.

Требование это нельзя понимать сколько-нибудь примитивно или ригористично в том смысле, что защита, вооруженная на суде социалистическим мировоззрением, будет лишь наивно повторять общие положения обвинения, связанные с конкретной сущностью дела. Наоборот, чем глубже и полнее защита будет исходить из основ революционного миропонимания, тем свободнее и смелее придет она к конечным выводам и обобщениям, тем шире очертит она и центральную тему процесса и соподчиненный ей служебный круг вопросов, продиктованные сущностью исследуемого дела. Таким образом, не приходится уже доказывать, что у советской адвокатуры, в отличие от дореволюционной, нет коллизии между интересами личности и интересами государства — их интересы солидарны.

Советский адвокат — прежде всего общественный деятель. Если же адвокат только близорукий и преданный слуга клиента и не более того, то такое адвокатское самосознание диктует определенные пути защиты. Такой защитник китайской стеной изолирует себя и клиента от возникающих в деле общих и принципиальных вопросов, определяющих содержание данного процесса и его общественные проблемы. Если же защита, представляя интересы подсудимого, в то же время сознает себя как носителя передовых социалистических идей эпохи, то такое адвокатское самосознание определит уже иные методы, радикально-отличные от приемов защитника, лишь верного клиентского слуги.

Наконец, уместно тут же коснуться вопроса о поведении защиты в случае возникновения у нее коллизии с поведением подсудимого на суде. Легко можно представить себе случай отрицания вины со стороны подсудимого на суде в то время, как защита в ходе процесса может притти к убеждению доказанности вины, и наоборот. Как быть тогда защите? Обязана ли она итти вслед за подсудимым, либо она вправе занять самостоятельную позицию? Думается, что защите должно быть предоставлено право свободного выбора позиции, независимо от поведения подсудимого. Этот выбор защитительных позиций не находится в непременной связи с поведением подсудимого в процессе. Иначе говоря, отрицание подсудимым вины, как и в других случаях признание им вины, не является для советской защиты обязательным в том смысле, что в этом случае защита обязана солидаризироваться с подсудимым.

Принятие противоположного взгляда превратило бы защиту в робкого подражателя подсудимого, если не в бессильного клиентского пленника, не могущего тогда уже вести достойной борьбы.

Естественно, что защита лишь обязана разъяснить подсудимому в случаях намечающихся коллизий с ним, что она свободна выбирать ту защитительную концепцию, которая определится естественным ходом судебного следствия. Такая точка зрения кажется нам и принципиально правильной, так как мы исходим из того, что советская адвокатура автономна в выборе средств и способов защиты, и такой свободный выбор является в конечном счете ее творческим правом и определяется он лишь профессиональным опытом, искусством и эрудицией советского адвоката.

Конечно, многое здесь будет зависеть от такта защиты, ее культуры и этики. И, особенно, от последнего.

Поэтому, в данном пункте мы, в сущности, смело можем присоединиться к мнению Квинтилиана: «невозможно быть оратором, не будучи добропорядочным человеком»

Президиум московской городской адвокатуры за последнее время много уделил внимания вопросу о поднятии уровня молодых кадров. Было бы желательно, если бы президиум организовал при себе некий методологический центр, который специально занялся бы вопросами методики советской защиты.

Мы сознаем, это большой труд, ждущий еще своего разрешения. Если Прокуратура Союза издает специальные письма, в которых рекомендует определенные методы расследования конкретных преступлений, то не может быть возражений к тому, чтобы методологический кабинет при президиуме московской адвокатуры занялся систематической разработкой методов и приемов защиты в советском суде. Такая работа, систематически проводимая президиумом, имела бы огромное значение по поднятию роста молодых адвокатских сил. Значение такой работы далеко выходит за пределы московской адвокатуры. Такая работа должна быть организована в общесоюзном масштабе.

М. Виноградский

Ответ советского защитника некоторым авторам, мнящим себя учителями

В этом году советская адвокатура празднует 15-летний юбилей своего существования. Оглядываясь назад, на пройденный путь, мы можем сказать, что она пережила три фазиса отрицания, поучения и «поднятия на высоту».

Первый фазис, по самому своему названию, характеризуется отрицательной и даже мрачной оценкой деятельности коллегий защитников. Все только тем и были заняты тогда, что бранили нас, адвокатов, подражая на этом завидном поприще своим многочисленным предшественникам.

На протяжении всей истории правосудия, начиная с того злосчастного дня, когда доисторический Нумитор, дед Ромула и Рема, выступил в защиту своей родной дочери, Реи Сильвии, матери близнецов, с тех пор на нас, словно из рога изобилия, сыпятся эпитеты, которые при самом снисходительном к ним отношении нельзя назвать слишком изящными.

Как только нас не называют!

И «клещами», и «подковыркиными», и «брехунцами», и «нанятой совестью», и «растлителями истины» и «прелюбодеями слова».

Готье де-Куанси еще в XIII веке лишает нас надежды войти в царство небесное. Жак де-Витри в одной из своих проповедей, относящихся к тому же веку, говоря о размножении адвокатов, сравнивает это бедствие с одной из египетских казней.

Если Робеспьер считал нас «опорой невинности, бичом преступления», то, наоборот, Фридрих Великий чернит нас «пьявками и пагубными пресмыкающимися», обещая «вздернуть на виселицу» адвоката за одну лишь подачу им прошения о помиловании от имени солдата, и при том вздернуть «без всякой милости и снисхождения и рядом с ним повесить пса».

Наполеон 1 мечтал «отрезать язык всякому адвокату, который употребил бы его против правительства», а Петр 1 называл нас «составщиками воров и душевредцев» и постукивал при этом своей тяжеловесной суковатой дубинкой о пол.

Досталось на орехи не только нам, еще больше доставалось нашей профессии, адвокатуре, которую Цицерон называл «благородным и даже царственным делом», а Робеспьер — «драгоценной для человечества, необходимой для духовного прогресса общества».

Столп же царского консерватизма, Катков, уверял, что «адвокатура по природе своей всегда вносит в храм правосудия торг совестью», Евгений Марков в либеральном «Голосе» в семидесятых годах провозгласил: «Адвокатура есть своего рода организованное пособничество неправде», и вопил: «Она вносит растление в мир нравственный», с чем был вполне согласен 15 лет тому назад Пружицкий, писавший в «Еженедельнике советской юстиции» в 1922 г., что адвокатура портит людей, но, видимо, сконфуженный соседством либерала, добавлял, смягчаясь: «Портить она портит, но не больше, чем наши тресты, Нижегородская ярмарка, заграничные поездки».

В наше время тоже имеются «адвокатуры».

Рекорд презрения к советскому адвокату побил В. О., стыдливо укрывшийся за двумя начальными буквами, очевидно, из уважения к своему высокому званию сотрудника Верховного суда республики.

Вот что писал он в статье «Нужны ли защитники в советском суде?», помещенной в начале марта 1928 г. в «Вечерней Москве»:

«По мнению судебных работников мест и народных заседателей, рабочих и крестьян, волокита в судебных органах на 70—80% происходит от коллегии защитников. И, действительно, члены коллегии защитников, не получающие от государства жалованья, являясь лицами свободной профессии, стремятся не только заработать прожиточный минимум, а подчас строят свое материальное благополучие на лицах, попавших на скамью подсудимых».

Затем автор, напомнив читателю, что наш суд классовый и «сам является беспристрастным защитником каждого трудящегося как в гражданском, так и в уголовном деле» — восклицает:

«А если это так (а это несомненно так) зачем, спрашивается, у нас существует специальный институт защитников и зачем нам нужна такая защита?... Если наша защита не нужна в губернском, окружном суде по характеру разбираемых там дел, т. е. там, куда больше всего защитник лезет, ибо там можно побольше подработать, то в народных судах города защитника можно видеть гораздо реже».

Но не будем далее вдаваться в область этих неприятных воспоминаний и перейдем ко второму фазису жизни коллегий защитников.

Фазис этот характеризуется поучениями советских адвокатов, вроде того, как добрый пастырь поучает своих заблудших овец с единственной целью вернуть их на стезю добродетели.

Открывается этот фазис статьей т. Цыпкина («Социалистическая законность» № 1 за 1937 г.).

Послав несколько легких упреков советской защите по привычке, еще приобретенной в первом фазисе, автор продолжает:

«Чтобы оказаться достойным того места, которое ей отводится, советская защита немало должна поработать».

Сердце защитника забилось от радости. «Поработать! Поработать!» — шепчет он с умилением, готовясь услышать от доброго пастыря поучение, как он сейчас должен работать.

Но, увы! как только доходит дело до программы наших доброхотных учителей типа т. Цыпкина, сейчас же обнаруживается ее полное отсутствие, и раздаются из их хладных уст лишь банальные звуки да прописная мораль:

«Слишком много недостатков и недочетов в работе советской адвокатуры, и за преодоление их защитники должны...».

Так и ждешь, что почтенный автор сейчас скажет: прослушать у меня парочку-другую лекций на тему о том, как надлежит вам, советским защитникам, сейчас, после издания Конституции, работать.

Взволнованный защитник, отогнав от себя всякую земную суету и грешные помыслы, уже настроился на возвышенный лад, уже, превратившись в слух и внимание, приготовился благоговейно внимать глаголу доброго пастыря, но сей последний, не догадываясь о состоянии души бедной заблудшей овцы, меланхолически провозглашает:

«... и за преодоление их защитники должны взяться сами».

— «Вот тебе и раз! — почесал у себя за ухом советский адвокат. — Ты чаешь откровения от пастыря, ждешь, что он тебя научит, как стать «достойным того места», а он тебе «взяться сами».

Ну, если мы должны «взяться сами» за преодоление «недостатков и недочетов», то к чему же вы, пастыри, пишете свои великолепные статьи и поучаете в них нас таким тоном, что заставляете т. Либермана в № 4 «Социалистической законности» за 1937 г. вам сделать замечание, которое каждый из нас, советских защитников, прочел с чувством глубокой благодарности автору:

«Прежде всего стоит остановиться на общем тоне статьи т. Цыпкина, — пишет т. Либерман. — Несмотря на то, что внешне он как будто почтительно и толерантно относится к адвокатуре, все же в его статье явно сквозит какое-то, я бы сказал, барское пренебрежение к адвокатам, и говорит он о них точно о каких-то «малых сих». Пора уже, выражаясь словами т. Цыпкина, и от этих болезней избавиться».

— Пора, пора! — обрадованный поддержкой, шепчет защитник и думает: — Нет, не отстану же я от вас, пастыри в белоснежных ризах, вырву я из вас секрет, как должен сейчас я работать. «Скажите же вы мне, наконец, в том ли призвание мое, чтобы часами просиживать за пустыми справками в канцеляриях, да, словно по мукам, годами ходить по одной и той же надзорной жалобе, или в чем-то другом, подлинно достойном советского адвоката, лежит мое назначение?».

Но так защитник и не услышал ответа от своих учителей, в чем его призвание и назначение в этот второй фазис истории нашей адвокатуры.

Третий фазис, или фазис «поднятия на высоту», открывается знаменательной статьей т. М. Кожевникова в № 8 «Советской юстиции» от 30 апреля 1937 г., озаглавленной «Очерки о защите». Автор обещает «как можно скорее поднять на высшую ступень советскую защиту».

«Прекрасно!» — восклицает благодарный зритель, но тотчас у него закрадывается роковая мысль — «Многие обещали «поднять» и тоже «как можно скорее», но... хватит ли сил? Есть ли еще порох в пороховницах?

И, точно предвидя этот роковой вопрос, автор сам себя спрашивает:

«Имеются ли у нас возможности в короткий отрезок времени сделать решительный поворот в работе нашей защиты?».

Зритель, затаив дыхание, ждет: а вдруг не имеются, что тогда? Погибла советская адвокатура!

О, счастье!

«Эти возможности имеются, — спокойно провозглашает автор, — и гордо добавляет: Они у нас в руках».

Восторг брызжет из глаз зрителя. «Прекрасно! Прекрасно!» Уже не шепчет, а гремит он и жадными глазами впивается в полотно, отыскивая эти «возможности», которые находятся уже «в руках» художника и «в короткий от-

резок времени» подымут «на высшую ступень советскую адвокатуру».

Но, увы, несмотря на все его жадные поиски, он не находит в картине ничего, кроме старого, давно знакомого сюжета первого фазиса, когда все художники только тем и были заняты, что рисовали советскую защиту самыми мрачными красками.

Автор справедливо говорит о засоренности рядов защиты, о том, что некоторые защитники по моральному и политическому облику своему не удовлетворяют нашим требованиям, предъявляемым к советской адвокатуре.

Автор говорит о «многих фактах», как «по защите в суде, так и по составлению юридических бумаг, доказывающих юридическую безграмотность некоторой части защитников»; он сообщает, что «случаи морального разложения защитников довольно часты», что «пьянство, дебош и присвоение полученного гонорара, к сожалению, пока еще явления далеко не редкие» среди защитников.

Против ряда положений и утверждений автора, к сожалению, спорить не приходится, но правильно ли делает автор, обобщая эти факты и пороча большинство членов советской адвокатуры? Думается, что неправильно. Ведь сам автор признает, что среди защитников целая треть с высшим дореволюционным образованием, а несколько больше 20% окончили советские вузы. Если принять во внимание, что среди народных судей, окончивших вузы всего 4,3%, а больше половины судебных работников не имеет никакой правовой подготовки (Сов. Юст. 1936 г., № 24), то, казалось бы, для пессимистических обобщений в этом вопросе нет достаточных оснований, но автор и тут остается верным себе и кладет еще один черный мазок на свое и без того мрачное полотно:

«Надо сказать, что все же большая часть членов коллегии защитников, включая и получивших юридическое образование «безусловно низкой квалификации».

Ну, если лица даже с высшим юридическим образованием, даже окончившие советские вузы кажутся нашему взыскательному автору с «безусловно низкой квалификацией», то, очевидно, его пессимизму нет пределов.

«Что следует из всего сказанного?» — спрашивает т. Кожевников в конце своей знаменательной статьи.

Следует только одно: очевидно, у почтенного автора титанические силы, если он надеется «в короткий отрезок времени» таких защитников, каких он нам намалевал своей черной кистью, «поднять на высшую ступень».

Поистине с жгучим нетерпением ждали мы, читая эту статью, когда же, наконец, мрачный автор откроет миру свой чудодейственный секрет превращения порочных Савлов в белоснежных Павлов, и где же, наконец, те сокровенные «возможности», которые уже «в руках» нашего реформатора.

Увы, тщетны надежды ожидания! Автор не открывает их миру, а держит в тайниках своей души и, подобно многочисленным своим предшественникам, дарит адвокатский мир шевыми сентенциями:

«Надо неустанно, изо дня в день, пополнять свои политические и юридические знания... Надо не забывать, что защита существует для обслуживания населения, а не население для защиты».

При таких «Америках» с математической вероятностью можно ожидать, что т. Кожевников, как и т. Цыпкин, труд поднятия нашей защиты на высоту, да еще «в короткий отрезок времени», возложит на наши слабые плечи.

Так именно наш автор любезно и поступает:

«Нет никакого сомнения, что в этом деле, — пишет он, т. е. в деле поднятия на высоту,— громадную помощь могут и должны оказать сами коллегии защитников, сама основная масса защитников, честных, преданных, со всем энтузиазмом выполняющих свои обязанности».

Вот, наконец-то, они, эти возможности, о которых гордо сказано: «Они — в наших руках»!

Но мы не воздали бы достойной дани уважения автору, если бы прошли молчанием одну «возможность», о которой он упоминает в своем плане «поднятия на высоту».

Тов. Кожевников говорит, что теперь «коллегии защитников выходят из непосредственного подчинения и руководства судов, и руководство ими возлагается на народные комиссариаты юстиции через специально созданные отделы судебной защиты».

Сообщив об этой новелле, автор убежденно заключает:

«Это одно уже подымает роль защиты и ее авторитет».

С этим убеждением автора можно согласиться, но при одном непременном условии: если отделы судебной защиты будут возглавляться людьми, далекими от мрачного пессимизма деятелей первого фазиса, о средневековых взглядах которых на советскую адвокатуру Прокурор Союза ССР сказал на прошлогоднем съезде московских защитников:

«Сейчас с этими взглядами откровенно никто не выступает, но под сурдинку еще эти взгляды пробуют протащить в нашу жизнь».

Пожелаем же нашим авторам, мнящим себя нашими учителями, в самый «короткий отрезок времени», отрешиться, наконец, от педагогических приемов первого фазиса истории нашей адвокатуры и, действительно, по-серьезному, по-деловому заняться организацией советской адвокатуры, ждущей и требующей к себе настоящего и квалифицированного внимания и руководства.

А. Вроблевский

Нужно упорядочить защиту

Тов. Кораблинов в своей статье, помещенной в порядке обсуждения в журнале «Социалистическая законность» № 2, за 1937 г., приводит факты ненормальной постановки защиты в линейных судах.

Ненормальность, как поясняет т. Кораблинов, заключается в том, что, во-первых, защитники, выступающие в линейных судах, не знают тонкостей железнодорожного дела, а во-вторых, они получают уведомления суда о слушании дела за такой короткий срок, как 4—5 дней до начала процесса. Поэтому они знакомятся с делом поверхностно и, будучи мало подготовленными по железнодорожным вопросам, не обеспечивают действительной помощи суду.

Для устранения указанной ненормальности т. Кораблинов рекомендует следующие способы:

1) защитникам должны посылаться одновременно с повесткой и копии обвинительных заключений;

2) необходимо организовать при всех специальных судах специальные коллективы защитников.

В отношении посылки копий обвинительных заключений можно сказать только одно, что этот способ не может гарантировать заблаговременно уведомление о слушании дела, так как вручение обвинительного заключения законом допускается за 3 дня до слушания дела.

Что же касается организации специальных коллективов защитников, то здесь уместно будет привести латинское изречение: —

«Est modus in rebus».

Если перейти на такой принцип, то сколько же должно быть «специализированных» коллективов, и что это за юристы будут в этих коллективах, если одни из них будут выступать только по военным, другие только по железнодорожным и т. д. делам.

Юрист должен иметь высокий уровень развития и широкий кругозор, чтобы в любой обстановке и при различных обстоятельствах, быстро ориентироваться и правильно реагировать на различные вопросы, независимо от их специальности. Он должен быть не узким и ограниченным специалистом, а широко образованным юристом.

Могут ли образоваться кадры тех юристов, о которых идет речь, если последовать теории т. Кораблинова и рассматривать их по узким специальностям? При такой постановке дела и хороший юрист станет плохим.

Таким образом, нужно признать рекомендуемые т. Кораблиновым два способа улучшения защиты нежизненными и даже вредными.

Вообще же т. Кораблинов прав, что благодаря извещению защитников не только линейными, но и другими судами, в лучшем случае за 4—5 дней до процесса защита подчас осуществляется поверхностно.

Какой же может быть радикальный способ поднятия качества защиты на должную высоту?

На этот вопрос дает исчерпывающий ответ резолюция Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников и 1-го всесоюзного прокурорского совещания по докладу т. Вышинского, которая предусматривает вызов обвиняемого в распорядительное заседание.

Участие обвиняемого в распорядительном заседании необходимо признать абсолютно обязательным, т. е. также, как и в судебном заседании; причем суд должен ставить в известность обвиняемого о дне распорядительного заседания заблаговременно, предоставляя ему право присутствовать в заседании совместно с своим защитником.

Если у обвиняемого защитника по соглашению не имеется, то тогда суд должен назначить ко дню распорядительного заседания защитника, поставив об этом в известность обвиняемого.

Участвуя в распорядительном заседании, и затем имея достаточное время до дня процесса, защитник сможет детально изучить дело и своего подзащитного и только при этих условиях он выполнит свою ответственную обязанность советского защитника, возложенную на него великой Сталинской Конституцией.

И. Литвинов

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

ПРАВО УЧРЕЖДЕНИЯ НА МАНЕВРЕННУЮ ПЛОЩАДЬ В ДОМЕ РЖСКТ

Бывший секретарь ЦК союза Рабпрос тов. Кучинский в 1931 году получил на площади маневренного фонда в РЖСКТ «Обрабпрос» квартиру из трех комнат, площадью в 32,98 кв. м по Тихвинскому пер., д. № 10/12, кв. 188.

Эта квартира входит в площадь маневренного фонда ЦК союза Рабпрос, на основании договоров ЦК с РЖСКТ «Обрабпрос» от 3 марта 1928 г., 6 июля 1929 г., 13 мая 1931 г., 28 октября 1931 г. и соглашения от 26 января 1934 г.

10 апреля 1933 г. Кучинский был освобожден от работы в аппарате ЦК союза Рабпрос, в связи с назначением его на должность начальника политотдела МТС.

В августе 1933 г. к Кучинскому на Украину уехала его семья.

Продолжительное время квартира по Тихвинскому переулку оставалась пустой. Затем Кучинский вселил в нее своего знакомого Витенберга, не имеющего никакого отношения к ЦК Рабпрос и занявшего квартиру без его согласия.

ЦК Рабпрос предъявил в народном суде Октябрьского района г. Москвы иск о выселении Кучинского, основываясь на постановлении 13 пленума Верхсуда СССР, законе от 27 июля 1931 г. и постановлении СНК СССР от 27 января 1933 г. № 96 о сроках сохранения жилищной площади за лицами, направленными на работу в политотделы МТС и совхозы.

Народный суд решением от 1 ноября 1934 г. в иске отказал.

По жалобе истца кассационная коллегия Мосгорсуда подробно мотивированным определением от 19 ноября 1934 г. решение народ-

ного суда отменила, передав дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

4 декабря 1934 г. народный суд вторично рассмотрел это дело с участием в процессе обеих сторон и третьих лиц — РЖСКТ «Обрабпрос» и ред. «Известий» — и вновь отказал в иске о выселении Кучинского.

По жалобе ЦК Рабпрос это решение вновь было отменено определением КК Мосгорсуда от 28 декабря 1934 г. и дело передано на новое рассмотрение.

Однако, по существу дело судом первой инстанции вновь не было рассмотрено, так как председатель Мосгорсуда внес дело в президиум горсуда в порядке надзора и 7 января 1935 г. определение кассационной коллегии Мосгорсуда от 28 января 1934 г. было отменено и оставлено в силе решение нарсуда от 10 сентября 1934 г. об отказе в выселении Кучинского.

Спорную квартиру в 32 кв. метра занимает сотрудник «Известий» Витенберг, никогда в ЦК союза Рабпрос не работавший Кучинский в Москву не вернулся.

Прокуратура Союза опротестовала постановление президиума Мосгорсуда по следующим основаниям:

Добивающийся восстановления своих нарушенных прав на спорную квартиру ЦК союза политпросветработников — правопреемник ЦК союза Рабпрос — доказал свою непосредственную заинтересованность в этом деле постановлением ликвидкома Цекпроса от 23 июля 1936 г. о распределении жилищного фонда Цекпроса — маневренной площади по договорам с «Обрабпросом». Согласно этому постановлению квартира № 188 по Тихвинскому пер., площадью в 32,98 кв. м, занимаемая Кучинским, передана ЦК политпросветработников, как правопреемнику ЦК союза Рабпрос.

На создание площади маневренного фонда в РЖСКТ «Обрабпрос» ЦК союза Рабпрос израсходовал 105 065 руб. Эта сумма ссуды, выданной РЖСКТ «Обрабпрос» в порядке закона от 27 июля 1931 г., распределена постановлением ликвидкома Цекпроса равными частями между четырьмя ЦК союза (п. 9 постановления), в том числе четвертая доля ссуды передана ЦК политпросветработников, который вправе добиваться восстановления своих нарушенных прав на площадь маневренного фонда в РЖСКТ «Обрабпрос».

В своих жалобах на постановление президиума Мосгорсуда по делу Кучинского, ЦК политпросветработников указывает на большую нуждаемость в жилплощади.

Нарсуд своими решениями от 1 ноября 1934 г. и от 4 декабря 1934 г. об отказе в иске о выселении Кучинского совершенно не исследовал действительных взаимоотношений сторон. Президиум Мосгорсуда, отменив совершенно правильное определение кассационной коллегии Мосгорсуда от 28 декабря 1934 г. и оставив в силе решение об отказе ЦК Рабпрос в иске о выселении Кучинского, санкционировал решение, грубо нарушающее законы, регулирующие взаимоотношения сторон по существу, и определяющие порядок судебного рассмотрения гражданских споров.

Из имеющихся в деле доказательств следует, что квартира, предоставленная ЦК союза Рабпрос Кучинскому, а фактически занимаемая неправомерно Витенбергом, является фондом маневренной площади ЦК Рабпрос, а ныне ЦК политпросветработников.

Это вытекает из договоров ЦК Рабпрос с РЖСКТ «Обрабпрос» 1922, 1929 и 1931 гг. о финансировании строительстве из средств ЦК Рабпрос и обобщившего эти договорные отношения соглашения от 25 января 1934 г., а также из справки РЖСКТ «Обрабпрос» от 20 ноября 1934 г. о том, что площадь спорной квартиры являлась и является маневренным фондом Цекпроса.

Кучинский как работник Цекпроса получил эту площадь из маневренного фонда, в связи с трудовыми отношениями с Цекпросом.

Из изложенного следует, что требование Цекпроса о выселении Кучинского, потерявшего трудовую связь с ЦК союза еще 10 апреля 1933 г. и уехавшего с семьей из Москвы, должно было разрешаться судом на точном основании ст. 4 постановления СНК СССР от 27 июля 1931 г. (СЗ 1931 г. № 46, ст. 314), постановления 48 пленума Верховного суда СССР от 17 сентября 1931 г., закона от 8 декабря 1936 г. и специального постановления СНК СССР от 27 января 1933 г. за № 96 «О сроках сохранения жилплощади за семьями работников, направляемых на работу в политотделы».

Решение судебных органов по настоящему делу грубо нарушает указанные выше законы.

Мотивы постановления президиума Мосгорсуда от 7 января 1935 г. со ссылкой на членство Кучинского в РЖСКТ «Обрабпрос» с 1931 г. не могут поколебать законности требования ЦК Рабпрос и его правопреемника — ЦК союза политпросветработников — так как взаимоотношения сторон в отношении пользования площадью маневренного фонда разрешаются на основании указанных выше законов, независимо от членства в РЖСКТ лица, проживающего на площади маневренного фонда. Его отношения с РЖСКТ регулируются уставом последнего на общих основаниях.

Этот мотив тем более неубедителен, что судом вовсе не исследованы права Кучинского, как члена РЖСКТ: Кучинский с 1933 г. в Москве не проживает, обязанностей пайщика не выполняет и не уплатил даже полностью довъездовского паенакопления.

Мотив постановления президиума об установлении права Цекпроса на маневренный фонд в РЖСКТ «Обрабпрос» только в 1936 г. противоречит имеющимся в деле доказательствам: содержанию пункта 1 соглашения от 25 января 1934 г. и справке РЖСКТ «Обрабпрос» от 20 ноября 1934 г.

В нарушение ст.ст. 5 и 148 ГПК суд не проанализировал с надлежащей полнотой взаимоотношений сторон, не вызвал в судебное заседание Витенберга, фактически проживающего неправомерно на спорной площади, никогда не имевшего отношений по работе к ЦК Рабпрос и нарушающего право ЦК политпросветработников на спорную площадь.

В результате президиум Мосгорсуда, по неправильным соображениям мнимой защиты жилищных прав Кучинского на спорную площадь, допустил незаконное проживание в спорной квартире Витенберга, в нарушение бесспорных прав ЦК политпросветработников на эту квартиру, являющуюся маневренным фондом истца.

Гражданская коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила передать дело на новое рассмотрение в Мосгорсуд, с привлечением гр-на Витенберга к участию в деле в качестве ответчика.

НЕОБОСНОВАННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРИМЕЧАНИЯ 2 К СТ. 156 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА

Гр-ка Сорокоумовская в ноябре 1936 г. предъявила иск о выселении гр-на Мирзояна, проживающего в Москве по Измайловскому проспекту, д. № 19, основывая этот иск на том, что в сентябре того же года, она приобрела у гр-на Юдина половинную долю права застройки на земельный участок, на котором построен дом № 19. Согласно договору, приобретенная Сорокоумовской доля права застройки реально выражена в двух комнатах №№ 3 и 4 указанного дома, в каковых, как видно из искового заявления, проживает гр-н Мирзоян. За приобретенную долю гр-ка Сорокоумовская уплатила гр-ну Юдину 12 000 рублей.

В исковом заявлении гр-ка Сорокоумовская объяснила, что сама она, совместно с мужем, проживает в доме застройщика, которому выдала обязательство об освобождении занимаемого помещения.

Гр-н Мирзоян, служащий конторы Союззаготскот, не признал иска, указав, что в спорных комнатах площадью в 16 кв. м он с семьей проживает с 1 февраля 1933 г. Соглашение о найме жилплощади было заключено им с женой застройщика Юдина, так как последний находился вне Москвы, и он, Мирзоян, уплачивал ей по 200 руб. в месяц, но получал расписки без указания уплаченной суммы. Возвратившись в Москву, Юдин потребовал уплаты за 8 месяцев вперед по 1 апреля 1934 г. и получил сразу 1 600 руб., а в мае 1934 г. потребовал уплаты 4 000 руб. с условием, что комнаты будут считаться сданными до 1940 г., с освобождением Мирзояна от платежей до 1 апреля 1935 г. и с платежом после этого срока по 60 руб. в месяц. Гр-н Мирзоян утверждал, что соглашение было оформлено в письменном виде, причем договор находится у гр-на Юдина, и что уплата 4 000 руб. была произведена в присутствии гр-ки Дмитриевской. Мирзоян оспаривал право Сорокоумовской на выселение его и утверждал, что Сорокоумовская может обращать свои требования лишь к Юдину.

Нарсуд 4 уч. Сталинского района г. Москвы привлек гр-на Юдина к участию в деле в качестве ответчика.

Юдин в судебном заседании отрицал заключение договора с Мирзояном и получение 4 000 руб. и утверждал, что Мирзоян сообщил как ему, так и Сорокоумовской о предстоящем освобождении комнат.

Свидетельница Дмитриевская в суд не явилась, так как находилась в больнице. Ходатайство ответчика об отложении дела для вызова свидетелей Дмитриевской и Елисеева было судом отклонено.

29 декабря 1936 г. нарсуд вынес решение о выселении Мирзояна, найдя, что из расписок Юдина, представленных суду Мирзояном, следует, что договор о найме жилплощади ист 1 июня 1936 г.

В кассационной жалобе Мирзоян, повторя свои утверждения об уплате Юдину 4 000 ру по заключенному договору, объяснил, что 4 года он уплатил Юдину 7 000 руб., что ква тиранты, проживавшие до Мирзояна, уплати Юдину за 2 года 4 000 руб. и что Сорокоумо ская теперь уплатила Юдину за те же комнат 12 000 руб. При этом Мирзоян отмечал, чт уплаченная Сорокоумовской сумма не може считаться ее трудовым доходом, так как он (согласно представленной ею же справке) п лучает 300 руб. зарплаты в месяц.

ГКК Мосгорсуда 14 января с. г. оставила ка сационную жалобу без последствий, найдя, чт утверждения Мирзояна об уплате Юдин 4 000 руб. за пользование комнатами до 1940 не доказаны, и указав, что договоры на сумм свыше 500 руб. подлежат заключению в пись менной форме.

Нарсуд 4 участка Сталинского района 23 ян варя с. г., рассмотрев ходатайство Мирзоян о предоставлении ему отсрочки выселени отсрочил таковое до 15 мая с. г.

Прокуратура СССР опротестовала решени нарсуда и определение ГКК МГС по следую щим основаниям:

Нарсуд, в обоснование решения о выселени гр-на Мирзояна, не нашел необходимым сос латься на какой-либо закон; ГКК МГС такж не привела каких-либо ссылок на закон, даю щий основание для удовлетворения иска гр-к Сорокоумовской, приведя лишь ссылки (в большей части, притом, неправильные) по воп росу о форме договоров найма.

Не обосновав своего решения так, как того требует закон (ст. 176 ГПК), нарсуд не под верг надлежащему анализу и обстоятельств де ла. Между тем из проверки материалов дела устанавливается, что Юдин приобрел право застройки 8 июня 1927 г. за 1 500 руб., причем к этому времени, как видно из договора его с продавцами права застройки Мочальскими постройка дома уже была закончена. Весь дом имеет 39 кв. м жилой площади. Нарсуд не нашел необходимым рассмотреть характер пользования Юдиным своими правами застройщика и сдачи им 16 кв. м жилплощади в наем за сумму, значительно превышающую все понесенные Юдиным затраты, а затем продажу им половинной доли своего права Сорокоумовской за 12 000 руб.

Между тем этот анализ был необходим уже потому, что право Сорокоумовской на выселение Мирзояна является производным от права Юдина.

Нарсуду и ГКК МГС следовало обсудить во прос, должно ли требование застройщика о выселении жильца в данном конкретном случае получить поддержку суда.

Нарсуд и ГКК МГС не учли того обстоятельства, что истица Сорокоумовская, требующая выселения, пользуется жилой площадью, и что решений о выселении ее не имеется. Не было учтено, с другой стороны, положение трудящегося Мирзояна, оказавшееся затем столь затруднительным, что нарсуд нашел необходимым предоставить ему длительную отсрочку выселения.

Нарсуд и ГКК МГС автоматически применили к данному делу примечание 2 к ст. 156 ГК

упустив из виду, что указанное примечание подчеркивает необходимость рассмотрения требований застройщиков о выселении нанимателей в судебном порядке. Последнее, между прочим, означает обязанность суда «всемерно стремиться к уяснению действительных взаимоотношений трудящихся» (ст. 5 ГПК), что было в настоящем случае упущено.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение нарсуда и определение ГКК Мосгорсуда отменить и дело передать в нарсуд на новое рассмотрение.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНОВ О ВЫСЕЛЕНИИ ПО МОТИВУ УТРАТЫ ТРУДОВОЙ СВЯЗИ С УЧРЕЖДЕНИЕМ

Управление делами ВЦСПС в июле 1936 г. предъявило иск к Хмаре А. А. о выселении на основании ст. 171-а Гражданского кодекса.

Как видно из материалов дела, гр-н Хмара, бывший муж ответчицы, с апреля 1922 г. проживал вместе со своей семьей в доме, принадлежащем ВЦСПС по Петровским линиям № 2, занимая 1 комнату в 30 метров. Гр-н Хмара до 1926 г. был председателем одного из ЦК союза, а с 1926 г. —в связи с реорганизацией прекратил работу в ВЦСПС. В 1933 г. Хмара выехал в Хабаровск, закрепив за собой жилую площадь до 1 января 1935 г.

Семья Хмары — жена и дочь — все время занимают спорную комнату, причем гр-ка Хмара развелась с прежним мужем и вышла замуж за другого.

Нарсуд 11 сентября иск о выселении Хмары удовлетворил, а ГКК МГС 28 октября 1936 г. отменила решение нарсуда.

26 ноября нарсуд вторично рассмотрел это дело и в иске отказал. 20 декабря 1936 г. ГКК МГС отменила это решение и иск удовлетворила, обязав ВЦСПС предоставить Хмаре жилплощадь в размере 16 кв. м.

Прокуратура СССР опротестовала определение ГКК МГС от 20 декабря 1936 г. по следующим основаниям:

Как видно из дела, гр-н Хмара вместе со своей семьей въехал в дом еще до закрепления его за ВЦСПС. Хмара въехал в дом в 1922 г., а за ВЦСПС этот дом был закреплен в ноябре 1923 г.

Ст. 171-а Гражданского кодекса и постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1928 г. также неприменимы к настоящему случаю, так как эти законы изданы в 1926—1928 гг., т. е. значительно позже того, как Хмара въехал в этот дом.

Эти законы не могут быть применены к данному спору между ВЦСПС и Хмарой еще и потому, что Хмара как выборный работник, с ВЦСПС не заключал, а в этих законах речь идет о предоставлении жилой площади в связи с заключением трудового договора.

Хмара прекратил работу в ВЦСПС еще в 1926 г., иск о выселении его семьи был предъявлен в 1936 г., т. е. спустя 10 лет. Поэтому необходимо признать, что если бы ВЦСПС и мог в свое время предъявлять подобный иск, то сейчас, за истечением срока исковой давности, по основаниям, указанным в ст. 171-а Гражданского кодекса и постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1928 г., ВЦСПС безусловно потерял право на подобный иск.

В настоящее время гр-ка Хмара может быть выселена лишь по признакам ст. 171 Гражданского кодекса.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, оставил в силе решение нарсуда об отказе ВЦСПС в иске о выселении Хмары.

ПРАВО ТРУДЯЩЕГОСЯ НА ЗАНЯТИЕ СВОЕЙ КВАРТИРЫ ПОСЛЕ РЕМОНТА — ПРЕДУСМОТРЕНО ЗАКОНОМ И НЕ МОЖЕТ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК САМОУПРАВСТВО

Гр-н Усачев с 1930 г. проживал в доме Госпроекта в Сталинабаде. Вместе с ним проживал и Куликов с семьей. Позднее этот дом перешел в ведение Мельтреста.

В апреле 1936 г. Мельтрест предъявил иск о выселении семьи Куликова, так как Усачев в то время отбывал наказание. Истец мотивировал свой иск отсутствием у Куликова трудовой связи с Мельтрестом и неплатежом квартплаты за 12 месяцев. Нарсуд 23 августа 1936 г. иск удовлетворил, а ГКК Верхсуда 11 октября 1936 г. отменил это решение на том основании, что по другому делу № 765 тот же суд уже однажды отказал в иске о выселении Усачевой. Кроме того ГКК указала, что нарсуд не обсудил вопроса о неплатеже квартплаты.

До нового рассмотрения дела в суде, председатель треста Парфенов, проживавший в этом же доме, переселил Усачевых из их комнаты под предлогом производства ремонта. По окончании ремонта Усачевы против воли треста заняли свои комнаты.

При новом рассмотрении дела нарсуд 16 ноября 1936 г. решил выселить Усачеву и Куликова на том основании, что они самоуправно заняли комнаты, создают невозможные условия к совместному проживанию и за 2 месяца не уплатили квартплату.

Это решение нарсуда было утверждено ГКК и президиумом Верхсуда Таджикской ССР.

Прокуратура Союза опротестовала решение нарсуда по следующим основаниям:

Как видно из первоначального искового заявления, выселение Усачевых и Куликовых мотивировалось ст.ст. 171-а и 171, п. «з» Гражданского кодекса.

Однако, как правильно указала ГКК Верхсуда, отменяя решение суда от 23 августа 1936 г., поскольку уже однажды суд отказал в выселении по ст. 171-а ГК, необходимо было рассмотреть дело в разрезе применения ст. 171, п. «з» ГК.

Нарсуд 16 ноября 1936 г. одним из оснований к выселению признал неплатеж квартплаты в течение 2 месяцев. Однако, вряд ли можно согласиться с решением суда о выселении за неплатеж квартплаты всего за 2 месяца.

Выселение Усачевых и Куликовых за самоуправное занятие по окончании ремонта своей квартиры является явным недоразумением, так как, согласно п. «и» ст. 171 Гражданского кодекса, действия Усачевых и Куликовых являются правильными.

Необосновано также решение суда и о выселении по п. «д» ст. 171 ГК (невозможность совместного проживания), так как единственный случай скандала с гостем Усачевых не дает оснований для выселения Усачевых и Куликовых.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила отменить все состоявшиеся судебные решения и передать дело на новое рассмотрение в Гражданскую коллегию Верхсуда ТССР в качестве суда первой инстанции.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЛЕНА АРТЕЛИ ЗА УБЫТКИ, ПОНЕСЕННЫЕ АРТЕЛЬЮ

В результате деятельности артели «Моспромснабсбыт» образовались убытки, выявленные по балансу в сумме 270 900 руб. 65 коп.

Промышленно-кооперативная артель «Мосгалобъединение», считая себя правопреемником артели «Моспромснабсбыт», на основании постановления общего собрания членов этой артели от 28 августа 1934 г., предъявила иск к гр-ну Вайнштейну о покрытии убытков в причитающейся с него доле, равной 127,7% к общей средней месячной доходности членов товарищества в 1934 г., и просила присудить с него 1181 руб. 70 коп.

В подтверждение иска, артель предъявила выписку из счета Вайнштейна с расчетом его задолженности, выписку из устава артели «Моспромснабсбыта» о порядке погашения убытков, копию протокола общего собрания членов артели «Мосгалобъединение» от 13 марта 1935 г. и протокол постановления правления этой артели от 27 апреля 1935 года о порядке и сроках покрытия убытков артели. Этим постановлением определена конкретная разверстка убытков артели между ее членами.

Нарсуд нашел иск обоснованным и присудил с Вайнштейна в пользу истца 1181 руб. 70 коп., с отнесением на ответчика судебных расходов 71 руб. Кассколлегия Мосгорсуда определением от 17 июня 1936 г. отклонила жалобу Вайнштейна и утвердила решение.

Прокурор Союза, считая решение нарсуда и определение кассационной коллегии Мосгорсуда неправильными, опротестовал его по следующим основаниям:

Нарсуд не выяснил с надлежащей полнотой действительных взаимоотношений сторон, допустив существенное нарушение ст.ст. 5 и 118 ГПК.

Имея доказательства о выявлении убыточности артели, в связи с неуплатой бюджетной наценки и налога с оборота по вине руководителей артели, не сумевших обеспечить своевременное выполнение закона о доведении наценок до потребителя продукции (пост. ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г. № 43—365-а), нарсуд не обсудил вопроса о том, должны ли за такие упущения правления артели и ревизионной комиссии нести ответственность рядовые члены артели.

Между тем, устав артели предусматривает, что «убытки, понесенные товариществом, взыскиваются с лиц, персонально ответственных за них» (ст. 38 устава).

Суд не проверил также законности постановления правления и общего собрания артели «Мосгалобъединение», положенных в основание иска. Конкретное распределение убытков артели между ее членами произведено вопреки уставу (п. 35) правлением, а не общим собранием членов артели.

Решение общего собрания пайщиков «Мосгалобъединение» от 13 марта 1935 г. не проверено судом с точки зрения правильности этого собрания, требовавшего наличия по уставу не менее половины членов артели (§ 39 устава).

Кроме того, из материалов дела не видно, что доказано правомочие артели «Мосгалобъединение» разрешать вопрос об убытках артели «Моспромснабсбыта». Суд, не проявив в этом деле надлежащей активности, существенно нарушил ст. 5 ГПК.

Суд не проверил также достаточно внимательно возражений ответчика о том, что основания требования с него убытков отклонены судебным решением от 25 июня 1935 г., присудившим с артели в пользу Вайнштейна 967 руб. 16 коп. Ответчик указывал на то, что истец в порядке возражений в том процессе 1935 года ссылался на те же документы об убытках артели, которые положены в основание настоящего иска. Суд не ознакомился с материалами по делу 1935 года для правильного решения вопроса.

Кроме того, суд не принял во внимание возражения ответчика о пропуске артелью срока исковой давности, установленного § 35 устава для взыскания убытков с членов артели.

В результате допущения судом указанных существенных нарушений закона, решение о присуждении с трудящегося Вайнштейна 1181 руб. 70 коп., сверх удержанных уже с него на покрытие убытков 1472 руб. 30 коп., оказалось совершенно необоснованным. Кассационная коллегия Мосгорсуда утвердила это решение без всяких мотивов, грубо нарушив постановление 52 пленума Верховного суда СССР «о строжайшем соблюдении норм гражданского процесса».

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, отменил состоявшееся по делу решение и в иске артели «Мосгалобъединение» к гр-ну Вайнштейну отказал.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛА ОБ ОБЯЗАННОСТИ ВЕРНУТЬ ПОДЪЕМНЫЕ, ЕСЛИ ТРУДЯЩИЙСЯ НЕ ПРИСТУПИЛ К РАБОТЕ

17 февраля 1932 г. гр-н Ершов был командирован «Цветметзолото» в распоряжение объединения «Востокзолото» в г. Иркутск для использования его в качестве техника.

Ершов получил подъемные в сумме 1100 руб., а приехав на завод получил аванс в сумме 800 руб., получив всего, таким образом, 1900 руб.

В июне 1932 г. Иркутский метзавод предъявил иск о взыскании с Ершова 1900 руб., по тем основаниям, что Ершов, не приступив к работе, самовольно выехал в Москву, не заявив дирекции завода о причинах отъезда. В исковом заявлении было также указано, что Ершов по приезде к месту работы не явился в отдел кадров и личный стол для оформления, и причина выезда Ершова для директора за-

вода неизвестна, а потому с Ершова следует полностью взыскать полученные им подъемные и аванс.

9 августа 1932 г. суд в отсутствие ответчика решил взыскать с Ершова в пользу завода 1900 руб.

Это решение было отменено Верховным судом РСФСР 10 апреля 1932 г.

При новом рассмотрении дела 25 августа 1934 г. нарсуд вновь решил взыскать с Ершова в пользу завода «Востокзолото» 1900 руб.

ГКК Мосгорсуда отклонила протест прокурора по тем основаниям, что Ершов, якобы, признал решение нарсуда правильным, ходатайствуя о рассрочке платежа.

Президиум МГС также оставил в силе решение суда.

Прокуратура Союза опротестовала решение нарсуда, определение ГКК и постановление президиума Мосгорсуда по следующим основаниям:

На основании п. 16 постановления ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1934 г., работник обязан вернуть полностью суммы, выплаченные ему в связи с переездом в том случае, если он не явился на работу или отказался приступить к работе без уважительной причины. Если же причина была уважительной, работник обязан вернуть выплаченные суммы, за вычетом понесенных уже путевых расходов.

Из самого искового заявления, в котором указано, что Ершов получил 800 руб. на заводе, видно, что Ершов к месту работы явился. Это подтверждается также и тем, что приказом по заводу от 4 марта 1932 г. Ершову была поручена работа по проведению паспортизации оборудования, а также и тем, что Ершов получил пропуск на завод. Ершов представил также и результаты паспортизации.

Из письма зам. управляющего «Востокзолото» директору завода от 23 февраля 1932 г. видно, что дирекция завода не оформляла Ершова на работе. Дирекции завода предложено было оформить Ершова и указано было на недопустимое отношение дирекции к командируемым специалистам.

Этими документами опровергается утверждение дирекции завода о том, что Ершов не являлся для оформления и самовольно оставил работу.

Несмотря на указание Верхсуда РСФСР, народный суд не выяснил, по чьей вине не был оформлен на работе Ершов и почему он уехал из Иркутска.

При таких условиях, когда есть основания предполагать, что Ершов не был оформлен на работе в Иркутске по вине завода и поэтому вынужден был уехать, взыскание с него полностью сумм, полученных им при отъезде в Иркутск, противоречит постановлению ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1934 г.

Ссылка кассационной коллегии Мосгорсуда на то, что Ершов, якобы, признал решение нарсуда правильным, не основательна, так как просьба к нарсуду о рассрочке платежа не является признанием иска.

Гражданская коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила решение нарсуда о взыскании с Ершова 1900 руб. отменить и передать дело на новое рассмотрение в нарсуд.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

Постановлением судебного заседания линсуда Южной ж. д. дело по обвинению Сотникова было возвращено на доследование на предмет привлечения дополнительно к уголовной ответственности кочегара Забрускова и ДСП станции Курчаниново — Косякова.

Прокуратура Союза опротестовала это постановление по следующим основаниям:

Согласно § 378 правил технической эксплоатации, разрешением для следования поезду служит жезл или путевая записка. Без наличия такого разрешения машинист обязан немедленно остановиться.

Привлеченный по этому делу в качестве обвиняемого машинист Сотников Архип Прокофьевич, въезжая на разъезд Курчаниново и увидя, что стрелки поезда № 723 сделаны по прямой, решил, что поезд будет следовать с ходу, и поэтому предложил кочегару принять от ДСП станции Курчаниново путевую записку на право занятия перегона. Сотников следовал по разъезду со скоростью 30—35 км в час и не обратил внимания, что ДСП Косяков вышел встречать поезд с красным сигналом, хотя он обязан был, въезжая в пределы станции, сосредоточить свое внимание на подаваемых сигналах.

Кочегар Забрусков, не заметив сигналов остановки, подаваемых ДСП, сообщил машинисту Сотникову, что путевой записки он на ходу поезда не поймал. Сотников, вместо того чтобы немедленно остановить поезд, так как разрешения на право занятия перегона не было, самовольно выехал на перегон Курчаниново—Судажа.

Вина Сотникова усугубляется также и тем, что он, зная требования правил технической эксплоатации о том, что обязанностью машиниста является лично проверить перед отправлением поезда правильность выданного ему разрешения, этого не сделал.

Согласиться с постановлением линсуда Южных ж. д. о привлечении к уголовной ответственности ДСП Косякова нельзя по следующим мотивам:

а) Согласно ПТЭ и инструкции по сигнализации, красный сигнал служит сигналом остановки.

ДСП Косяков, зная, что поезд № 723 должен иметь остановку на разъезде, встречал поезд с красным сигналом остановки, т. е. так, как то требуют ПТЭ.

б) Суд в своем постановлении указывает, что ДСП Косяков не принял всех мер к остановке, не указав конкретно, что же он должен был сделать. Суд не учел того, чтобы если бы даже ДСП встречал поезд с белым огнем и если бы перегон был свободен, то поскольку путевое разрешение не было вручено машинисту, последний обязан был немедленно остановиться.

ПТЭ и Инструкция паровозному машинисту обязывали Сотникова, прежде чем выезжать на перегон, получить от ДСП разрешение на право занятия перегона. После заявления Забрускова машинистку Сотникову о том, что он путевую записку не успел получить, последний немедленно должен был остановить поезд. Однако Сотников этого не сделал и прибыл

на станцию без разрешения ДСП. Таким образом, нет оснований к привлечению Забрускова к уголовной ответственности.

Помощник Сотникова Будников в своих показаниях на предварительном следствии заявил, что он был на левом крыле и следил за сигналами, видел какого-то агента с фонарем, у которого последний светил белым огнем, а затем Будников был занят топкой паровоза. Помощник машиниста Будников поставил машиниста Сотникова в известность об отсутствии путевой записки, но последний не обратил внимания на заявление Будникова.

Будников путеобходчика принял за ДСП, однако суд, не проверив этих данных, постановил привлечь его к уголовной ответственности.

Хотя Будников и несет в известной доле ответственность за проследование поезда № 723 на разъезд Курчаниново без путевого разрешения, однако, ввиду того, что он не является основным виновником допущенного нарушения ПТЭ, привлечение его к уголовной ответственности нецелесообразно.

Коллегия по транспортным делам Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: решение линсуда отменить и предложить линсуду дело Сотникова рассмотреть в срочном порядке.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА ПРИ НАЛИЧИИ УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМОГО ДЕЯНИЯ

Постановлением подготовительного заседания линейного суда Московско-Киевской ж. д. дело по обвинению б. зав. складом топлива 8 отделения паровозного хозяйства Дроздова И. Н., главного бухгалтера склада Щепко Н. С. и старшего бухгалтера Шушенко Ф. С. по ст.ст. 109 и 111 УК было в уголовном порядке производством прекращено по мотивам отсутствия в действиях обвиняемых корыстной цели или какой-нибудь иной заинтересованности.

Прокуратура Союза опротестовала это постановление подготовительного заседания линсуда по следующим основаниям:

Материалами дела установлено (чего не отрицает и суд), что: первичный учет поступающего на склад топлива отсутствовал; отпуск топлива со склада производился без надлежащего оформления; уголь, смазочные, обтирочные и др. материалы часто отпускались без требований — по запискам на клочках бумаги и по словесным распоряжениям зав. складом Дроздова; списание в расход топлива производилось спустя много времени после фактического отпуска, обычно перед наступлениеме отчетного периода (квартал, полугодие и год), причем списание производилось по документам не оформленным, не подписанным или написанным зав. складом Дроздовым по памяти и т. д.

Бухгалтера Щепко и Шушенко не осуществляли контроля за правильностью и своевременностью документов и все представляемые Дроздовым «документы» принимали безоговорочно и списывали по ним в расход топливо.

В результате образовалась недостача топлива и других материалов на сумму более 3000 руб.

Такая обстановка в области учета создавала полную возможность всякого хищения топлива.

Коллегия по транспортным делам Верхов ного суда Союза ССР, рассмотрев протес Прокуратуры Союза, постановила определени подготовительного заседания отменить и дел передать в суд для рассмотрения по суще ству.

***

Подготовительным заседанием линсуда Юж ной ж. д. от 1 февраля 1937 года дело по об винению Босенко Антона Елисеевича и Клочк Степана Филипповича по ст.ст. 56—30 п. «а УК УССР на основании 5 ст. УПК было пре кращено производством и передано для ра решения в административном порядке.

Прокуратура Союза опротестовала постано вление подготовительного заседания по следу ющим основаниям:

Старший стрелочник Босенко и составител Клочко при производстве маневров на ст. Хар ков-Сортировочная произвели осаживание со става на занятый путь, вследствие чего про изошло крушение.

Подготовительное заседание, рассмотре дело, согласилось с предъявленным обвине нием, но прекратило дело по нецелесообраз ности. Между тем убытки, причиненные сто новением, составляют 5414 руб.

Нарушения правил технической эксплоат ции стрелочником Босенко и составителе Клочко чрезвычайно серьезны и имели серь езные последствия.

Босенко и Клочко имеют в прошлом адми нистративные взыскания. Так, Босенко в июл 1934 г. был смещен в младшие стрелочник за прием поезда на занятый путь; в июн 1936 г. получил выговор за сход с рельс пр маневрах ледника и в декабре 1936 г. выго вор за порез стрелки при маневрах.

Клочко в мае 1936 г. получил выговор з сход с рельс вагона.

Таким образом, непонятно — чем руковод ствовался суд, мотивируя прекращение дел по обвинению Босенко и Клочко нецелесооб разностью привлечения их к уголовной ответ ственности.

Коллегия по транспортным делам Верховно суда Союза ССР, рассмотрев протест Проку ратуры Союза, определила решение подгото вительного заседания линсуда отменить и дел направить в суд для рассмотрения со стади судебного следствия.

НАРУШЕНИЕ СТ. 49 УК РСФСР

Приговором народного суда Маймаксанского района Северной области Сальников Н. А. бы осужден по ст. 116 ч. 2 УК к 2 годам лише ния свободы и по ст. 109 УК к 1 году лише ния свободы, а по совокупности к 3 годам лишения свободы.

Уголовно-кассационная коллегия крайсу переквалифицировала действия Сальникова п ст. 116 часть 1 Уголовного кодекса, опреде лив ему срок наказания 3 года лишения сво боды.

Сальников обвинялся в том, что, работая в Маймаксанском рабкоопе в качестве заведу ющего ларьком № 2, растратил 937 руб. Кроме этого, Сальников обвинялся в причинении убытка рабкоопу в сумме 450 руб. и в при

своении 240 руб., полученных им от продажи хлеба, который не был им заприходован. Сальников числящиеся за ним 937 руб. возместил еще до суда; на остальную же сумму к нему никто никаких претензий не предъявлял. Обвинение, предъявленное Сальникову относительно недостачи 937 руб., подтверждается материалом дела. В остальном предъявленные ему обвинения являются весьма спорными.

Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда и определение УКК крайсуда по следующим основаниям:

1) Нарсуд, определяя меру наказания Сальникову, применил принцип сложения, а не принцип поглощения, чем грубо нарушил ст. 49 УК.

2) Коллегия крайсуда, вместо того чтобы своим определением указать нарсуду на допущенную им грубейшую ошибку и ее исправить, сама допустила грубейшие нарушения.

Так, исключив из приговора ст. 109 и 2 часть ст. 116 УК, УКК оставила Сальникову меру наказания, определенную ему судом в результате указанного выше неправильного сложения и, кроме того, нарушила ст. 19 УПК, так как по ст. 116 ч. 2 мера наказания Сальникову была определена нарсудом — 2 года лишения свободы, а УКК переквалифицировала 2 часть ст. 116 УК на 1 часть и оставила меру наказания — 3 года лишения свободы.

3) Недостачу в 937 руб. Сальников покрыл полностью еще до суда. Таким образом, фактически ущерба Сальниковым нанесено не было.

Президиум Северного областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение УКК от 20 января 1936 г. отменить и дело передать в коллегию облсуда на новое рассмотрение в ином составе.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА

Приговором нарсуда 3 участка г. Кирова 19 февраля 1936 г. Чименев Н. М. был осужден по ст. 116 ч. 1 УК к 2 годам лишения свободы со взысканием с него в пользу «Комилеса» 2000 руб.

Обвинялся Чименев в том, что, уйдя в 1936 г. с работы в тресте «Комилес», не сдал числящиеся за ним деньги в сумме 2000 руб. Предъявленное ему обвинение Чименев хотя и не признал, но на предварительном следствии обязался возвратить тресту 2000 руб. в 10-месячный срок.

УКК крайсуда, признав предъявленное Чименеву обвинение недоказанным, приговор Нарсуда отменила и дело производством, на основании ст. 418 УПК, прекратила.

Прокуратура Союза опротестовала определение УКК по следующим основаниям:

Независимо от данных бухгалтерской экспертизы, предъявленное Чименеву обвинение можно считать доказанным, хотя бы уже по одному тому, что он через два года после оставления службы в тресте, при возбуждении против него уголовного дела, согласился уплатить тресту 2000 руб. Поэтому у коллегии не было достаточных оснований прекращать данное дело вовсе.

Президиум Кировского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение УКК краевого суда отменить и дело передать на новое рассмотрение в ту же УКК в ином составе.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕПОЛНОТОЙ ПРОВЕДЕННОГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО И СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

Приговором нарсуда Козловского района Чувашской АССР Макаров Я. Г. по закону от 7 августа 1932 г. был осужден к 10 годам лишения свободы с конфискацией амбара.

По этому же делу Ефимов Н. Т., привлекавшийся по ст. 111 УК, был оправдан.

Определением коллегии Главсуда Чувашской АССР приговор этот был отменен и дело передано на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе, с обязательным назначением новой судебно-бухгалтерской экспертизы.

Постановлением президиума Главсуда Чувашской АССР определение коллегии было отменено и дело передано на новое рассмотрение в кассационную коллегию Главсуда, с указанием, что для применения к Макарову закона от 7 августа 1932 г. оснований не имеется.

Определением коллегии Главсуда от 25 июля 1935 г. приговор нарсуда Козловского района от 9—10 мая 1935 г. был оставлен в силе; действия осужденного Макарова переквалифицированы по ст.ст. 109 и 116 ч. 2 УК и мера наказания снижена до 5 лет лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда, постановление и определение коллегии Главсуда по следующим основаниям:

Макаров был осужден за то, что, состоя завхозом и кассиром Шименевского колхоза «Новая жизнь», растратил 2062 руб. 70 коп. колхозных средств, и за то, что у него оказалась при ревизии недостача 3021 кг зернопродуктов.

Сумма растраты у Макарова слагается из 1669 руб. 50 коп. и 137 руб. 50 коп., уплаченных, по его словам, за овес, купленный на частном рынке через члена колхоза Соловьева, и выведенных в расход по ордеру.

По заключению экспертизы от 29 января 1935 г. овес этот был оприходован мелкими партиями, что и дало основание ревизионной комиссии считать его неоприходованным по продуктовой книге.

Вновь назначенная экспертиза в своем заключении от 26 апреля 1935 г. обошла этот вопрос молчанием. Свидетель Соловьев, который по заявлению Макарова покупал для колхоза овес на рынке, по этому вопросу не был допрошен.

Совершенно не уяснена также и причина недостачи у Макарова 3021 кг зернопродуктов. Утверждение в приговоре суда, что Макаров продавал рожь и пшеницу отдельным колхозам, не находит подтверждения в материалах дела.

Установлен только один случай продажи им 9 пудов ржи и 1 пуда пшеницы гр-ке Шпоровой, но при получении Макаровым за 684 трудодня из урожая 1934 г. 3041 кг зернопродуктов этот факт не может служить объяснением причин недостачи.

Макаров объясняет недостачу у него зерно-продуктов естественной убылью, каковая при ревизии и производстве экспертиз не была принята во внимание и не учтена по отношению ко всему количеству зерна за 1933 год, а за 1934 год были приняты преуменьшенные нормы.

Это обстоятельство также требовало проверки.

Уголовно-судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: приговор нарсуда и постановление президиума Верхсуда Чувашской АССР, определение КК этого же Верхсуда отменить, оставив в силе определение кассколлегии Верхсуда Чувашской АССР о передаче дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия с назначением судебно-бухгалтерской экспертизы.

НАЗНАЧЕНИЕ ОДИНАКОВОЙ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМЫМ БЕЗ УЧЕТА ТЯЖЕСТИ СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАЖДЫМ — НЕПРАВИЛЬНО

Приговором народного суда Кировского района г. Ленинграда 31 марта 1936 г. была осуждены Николаев К. Н. по ст.ст. 116 ч. 2 и 120 ч. 1, УК к 4 годам лишения свободы, Мочалов А. М. по ст.ст. 109 и 120 ч. 1 УК к 4 годам лишения свободы, со взысканием с них солидарно 8314 руб. 75 коп., Каминский М. Н по ст. 109 УК к 4 годам лишения свободы, Бузаков М. Н. по ст. 111 к 1 году исправ-трудработ.

Николаев, работая агентом жилищно-хозяйственного отдела Кировского завода в период апрель—ноябрь 1935 г., систематически составлял преувеличенные, а частью фиктивные счета на приобретаемые для завода товары. Как установлено судом, Николаев составил подобных счетов на 40 083 руб., в результате чего обратил в свою пользу 4097 руб. Кроме того Николаев растратил 4216 руб. подотчетных сумм. Мочалов, являясь начальником Николаева, зная о преступной деятельности Николаева, в частности, о факте составления фиктивных счетов, не только не привлек его к ответственности, но, в отдельных случаях, прямо помогал ему. Так, например, он составил акт о приобретении Николаевым обувных заготовок на рынке, что в действительности не имело места.

Каминский, работая продавцом в магазине Горстройснаба, сфабриковал для Николаева счетов на 5764 руб. За эти услуги Николаев неоднократно угощал Мочалова и Каминского в ресторанах и дал Мочалову наличными деньгами около 1000 руб.

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Мочалова и Каминского по следующим основаниям:

Суд подошел обезличенно к Николаеву, Мочалову и Каминскому, определив им одну и ту же меру наказания, между тем из обстоятельств дела видно, что роль их по делу не одинакова.

Николаев не только допустил злоупотребления при заготовке товаров, но также присвоил 4216 руб. из подотчетных сумм. Несмотря на то, что это обстоятельство вполне установлено материалами дела, в описательной части приговора об этом ничего не говорится, хотя суд учел это при удовлетворении гражданского иска и при квалификации действий Николаева. По делу не установлено также, что Мочалов принимал участие в растрате этих денег. Не признал его виновным в растрате этих денег и суд, так как квалифицировал деяния Мочалова только по ст. 109 УК. Однако, разрешая гражданский иск, суд возложил ответственность на Мочалова также и за эту сумму. При условии, что Мочалов явился соучастником Николаева только в злоупотреблениях со счетами, установление ему наказания наравне с Николаевым неправильно.

Каминский виновен лишь в том, что помогал Николаеву в составлении преувеличенных и фиктивных счетов на 5764 руб. из общей суммы счетов в 40 083 руб., составленных Николаевым, за что пользовался угощениями последнего. Роль Каминского в преступной деятельности Николаева имела второстепенный характер, почему и наказание ему не могло быть установлено одинаковое с Николаевым.

Президиум Ленинградского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: понизить Мочалову Александру Михайловичу и Каминскому Александру Петровичу наказание до двух (2) лет лишения свободы каждому с зачетом времени нахождения под стражей.

Установить ответственность Мочалову по гражданскому иску солидарно с Николаевым в сумме четырех тысяч девяносто семи (4097) руб.

В остальном приговор народного суда и определение УКК Областного суда оставить без изменения.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА ОТ 7 АВГУСТА 1932 Г.

Логанов Н., Журиков Г. и Козлов В. были осуждены кооперативной камерой суда г. Орла 15 декабря 1936 г. по закону от 7 августа 1932 г. за расхищение социалистической собственности к 10 годам лишения свободы каждый с конфискацией имущества Журикова и Козлова.

Рассматривая дело по жалобе обвиняемых, Курский областной суд оставил приговор в силе. В отношении Козлова приговор был опротестован Курской областной прокуратурой в Президиум областного суда, который признал протест неосновательным и отказал в пересквалификации действий Козлова по 2 ч. ст. 169 УК.

Журиков Г., совместно со скрывшимся от суда Княжевским, систематически в течение 1934 и 1935 гг. занимался расхищением государственных средств путем покупки по фиктивным доверенностям различных товаров по нормированным ценам и перепродажи их по повышенным ценам госучреждениям. Расхищено ими таким образом было до 10 тыс. рублей.

Логанов Н., работая председателем Герасимовского сельпо, в 1935 г. познакомился с Журиковым, который предложил ему рыбные товары. За купленные партии рыбы Логанов получал поддельные счета от Журикова, а для последних счета были написаны им самим со-

местно с Козловым: один — на 4001 руб. на фактически полученную партию рыбы и другой, фиктивный, на 4013 руб., деньги по которому были присвоены Логановым. Всего по сельпо недостача выразилась в сумме 7639 руб. Часть суммы была покрыта. За Логановым осталась недостача в сумме 6713 руб.

Козлов В., работавший в другом учреждении, познакомившись с Журиковым в 1935 г., по его просьбе заполнил 2 счета и еще 2 счета были заполнены по просьбе Логанова и по его указаниям на купленные партии рыбы.

По показаниям Логанова, Журикова и объяснениям самого Козлова видно, что никакого вознаграждения он от них не получал. В приговоре также указано, что судом не установлено, какие материальные выгоды извлечены Козловым из его действий.

Таким образом, в действиях Логанова имеется состав преступления, предусмотренный не законом 7 августа 1932 г., а ст.ст. 116 и 120 УК. В отношении же Козлова, при отсутствии доказательств получения им какой бы то ни было суммы денег, т. е. при отсутствии корыстных мотивов, могли быть применены только ст.ст. 17 и 120 УК.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Логанова и Козлова.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила действия Логанова Николая квалифицировать по ст.ст. 120 и 2 ч. ст. 116 УК с назначением ему меры наказания — 5 лет лишения свободы, без поражения в правах; действия Козлова квалифицировать по ст.ст. 17—116 УК, назначив ему меру наказания в полтора года лишения свободы, исключив из приговора конфискацию имущества. В остальном приговор суда и последующие решения по делу оставить в силе, Козлова из-под стражи освободить.

Приговором Особой камеры по водному транспорту при Московском областном суде Чечурин А. П. был осужден по закону от 7 августа 1932 г. к расстрелу за допущенную им растрату 3000 руб., полученных в октябре 1932 г. от месткома МОУРП на производство самозаготовок овощей, а Шигунов А. И., Шилов А. И. и Игнатьев Д. А. к 10 годам лишения свободы за соучастие в преступлении Чечурина.

Этот приговор в отношении Чечурина определением судебно-кассационной коллегии Верховного суда РСФСР был оставлен в силе с заменой Чечурину расстрела десятью годами лишения свободы, по мотивам чрезмерной суровости меры наказания, первой судимости Чечурина, его болезненного состояния, в результате ранения в гражданской войне, и прежних заслуг по борьбе с бандитизмом.

Президиум Верховного суда РСФСР, который признал квалификацию преступления обвиняемого Чечурина по закону от 7 августа 1932 г. правильной, преступные действия обвиняемых Шилова, Шигунова переквалифицировал на ст. 109 УК со снижением меры наказания Шилову до двух лет лишения свободы и Шигунову до 5 лет лишения свободы, а в отношении Игнатьева дело производством прекратил за недоказанностью его участия в преступлении.

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Чечурина по следующим основаниям.

Как усматривается из материалов дела, приговор в отношении Чечурина не только чрезмерно суров, но квалификация его преступления по закону от 7 августа 1932 г. неправильна. Преступление Чечурина по материалам дела и по приговору заключается в том, что он, получив деньги от месткома МОУРП, не истратил этих денег по назначению, а обратил их на пьянство со своими товарищами и сослуживцами — Шиловым и Шигуновым. Такие действия Чечурина по существу являются не чем иным, как простой растратой и должны быть квалифицированы по ст. 116 ч. 1 УК, а действия Шилова и Шигунова, как соучастников, должны быть квалифицированы по ст.ст. 117, ч. 1 и 1116 УК.

Чечурин был активным участником гражданской войны, имеет ранения и контузию. Судебно-медицинская экспертиза констатировала наличие у Чечурина травматического невроза, осложненного привычным стремлением к алкоголю.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила переквалифицировать действия Чечурина на ст. 116, ч. 1 УК РСФСР и определенную ему меру наказания снизить до 3 лет лишения свободы без поражения в правах, с соответствующим зачетом времени, проведенного под стражей.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР

Действующим уголовным законодательством СССР и союзных республик для борьбы со шпионажем, вредительством, с попытками организации взрывов, крушений, поджогов с человеческими жертвами и других диверсионных актов установлены в качестве мер уголовного наказания — лишение свободы на срок не свыше 10 лет, а для наиболее тяжких видов государственных преступлений — высшая мера наказания (расстрел).

В целях дальнейшей борьбы с такого рода преступлениями и предоставления суду возможности избирать по этим преступлениям не только высшую меру наказания (расстрел), но и лишение свободы на более длительные сроки, Центральный Исполнительный Комитет СССР п о с т а н о в л я е т:

1. Во изменение ст. 18 «Основных Начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» установить в качестве меры уголовного наказания лишение свободы на срок не свыше 25 лет.

2. Предложить Центральным Исполнительным Комитетам союзных республик привести свое законодательство в соответствие с настоящим постановлением.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР **М. Калинин.**

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР **А. Горкин.**

Москва, Кремль, 2 октября 1937 г.

По союзным республикам

РСФСР

Казанский юридический институт забыл о своих выпускниках

В статье т. Батанова (пом. директора Казанского юридического института) «Пять лет работы Казанского юридического института по заочному образованию» («Советская юстиция», 1937 г. № 6, стр. 33) сообщалось об успехах, достигнутых Казанским юридическим институтом за истекшее пятилетие. Эти успехи безусловно имеются. Гордостью первых успехов института является выпуск 1936 г. — 48 человек, окончивших юридический институт практических работников суда и прокуратуры. В числе 48 человек выпускников, преодолевших трудность заочного правового образования без отрыва от производства, нахожусь и я.

С тех пор как мы, являясь студентами юридического института, защитили дипломные работы, прошел уже целый год. Дирекция и профессорско-преподавательский состав института при выпуске обещали держать с нами, выпускниками, постоянную связь и даже обещали изредка созывать нас в институт для того, чтобы обменяться опытом работы и ознакомить нас с важнейшими вопросами теории права на современном этапе.

Но увы! Эти обещания так и остались обещаниями до сего времени: институт никакой связи с нами, студентами-выпускниками, не имеет. О созыве выпускников в институт и речи нет, тогда как этот созыв является крайне необходимым, так как после защиты нами дипломных работ на правовом фронте были серьезные изменения. Вскрыта была и разгромлена «школка» Пашуканиса и его контрреволюционной своры, занимавшейся вредительством на правовом теоретическом фронте, а мы в 1935 г. и в начале 1936 г. пользовались в институте их учебниками. Отсюда важность созыва студентов-выпускников на определенный период в институт ясна.

Этого требует новая обстановка. Ибо мы, практические работники суда и прокуратуры, призваны к беспощадной борьбе с врагами народа, к защите социалистической законности, к охране интересов нашего государства и всех граждан нашей великой социалистической родины.

П. Казанцев.

С заочной учебой прокуроров неблагополучно

Жизнь с каждым днем предъявляет все более и более повышенные требования к руководящим работникам и активу партийных, хозяйственных и советских организаций.

Советские прокуроры по характеру своей деятельности принадлежат к категории политических работников.

Чтобы соответствовать этому — каждому прокурорскому работнику необходимо овладеть большевизмом, вооружиться учением Маркса, Ленина, Сталина, высоко поднять свой общекультурный уровень и хорошо освоить теорию и практику своего дела, т. е. надо учиться, учиться и учиться.

А вот с учебой прокурорских работников дело обстоит весьма неблагополучно.

Возьмем для примера оперативных работников Западной областной прокуратуры. Из 32-х человек — 20 чел. с низшим образованием; 25 чел. не имеют никакой юридической подготовки, кроме практической работы. Состоят в заочном секторе Ленинградского юридического института только 14 чел., некоторые из них числятся студентами с 1933/1934 гг. и, несмотря на это, большинство еще до сих пор не сдали зачетов даже за первый семестр.

В чем кроется причина такого позорного положения с заочной учебой? Мне приходилось беседовать с рядом товарищей — почему они или совсем не учатся, или плохо учатся в заочном институте? Ответ на это я получил, примерно, такой: «За то, что я не учусь, мне ничего не будет, а если я по производству запущу работу, меня обязательно привлекут к ответственности».

Вот в этой безответственности, отсутствии контроля за учебой и заключается в основном причина такого наплевательского отношения к заочной учебе.

Правда, имеются циркуляры НКЮ, Прокурора Союза о необходимости заочной учебы, предложено в этих циркулярах обеспечить особые свободные от работы дни для заочной учебы и зачетных конференций. Все это как будто бы хорошо, условия для учебы как будто бы созданы, но, к сожалению, это пока остается только на бумаге. Никто этого дела по существу не контролирует, никто настоятельно, всерьез этим вопросом не интересуется, никто не требует ответственности за выполнение столь важного политического мероприятия. Получается впечатление, что руководители учреждения как будто бы даже довольны, что оперативные работники не отрываются от дела для заочной учебы. Отсюда и все качества заочной учебы.

Такое положение, очевидно, не только в одной Западной области.

Надо, наконец, сделать решительный поворот в деле улучшения постановки заочного обучения прокурорских работников. Надо обязать оперативных работников областного (краевого) аппарата, чтобы они все в течение ближайших лет получили среднее общее образование и высшую юридическую подготовку, а районные работники — среднее общее образование и юридическую подготовку в правовых техникумах.

Руководителей областных (краевых) прокуратур под их персональную ответственность надо обязать, чтобы они систематически следили за этим и требовали бы от каждого студента-заочника, наряду с производственной работой, и успешных показателей в их заочной учебе.

Б—в

Кустовая учебно-методическая конференция в г. Белозерске

С 13 по 18 июля в г. Белозерске Ленинградской области состоялась кустовая учебно-методическая конференция.

В работах конференции приняли участие прокуроры Череповецкого, Чарозерского, Вышегорского, Пришекснинского, Белозерского, Кирилловского, Андомского, Ковжинского, Важкинского, Шимского, Винницкого и Оштинского районов и, кроме того, народные следователи Петринеевского, Белозерского и Кирилловского районов — всего 17 человек.

Конференции предшествовало обследование состояния работы Вознесенского, Оштинского и Вышегорского районных прокуроров за время с 1 января по 1 июля с. г.

Обследованием были охвачены все участки работы райпрокуратуры — следствие, судебный надзор, общий надзор, производство по гражданским делам, работа с жалобами и т. п.

Начальник отдела общего надзора — старший помощник Леноблпрокурора т. Альбицкий провел в первый день конференции занятие на тему: «Методы работы по общему надзору». Этой темой, занявшей 6 часов, были охвачены важнейшие директивы по общему надзору, практика районного прокурора по общему надзору, характер информации по вопросам общего надзора и разбор постановления ВЦИК от 30 марта 1931 г.

Участниками конференции были разобраны наиболее характерные в практике райпрокуроров протесты по общему надзору и, кроме того, всем райпрокурорам были розданы 13 образцов протестов по различным вопросам общего надзора.

Второй день конференции был посвящен участию прокурора в суде. В прочитанной т. Альбицким лекции были затронуты следующие вопросы: значение судебного следствия в связи с проектом УПК; особенности допроса при уликах прямых и косвенных; разбор процессуальных норм, обусловливающих ведение судебного следствия; построение обвинительной речи по делам, основанным на косвенных уликах, и методика допроса, произведенного прокурором СССР т. Вышинским на процессе антисоветского центра.

Третий и четвертый дни конференции начальник следственного отдела Леноблпрокуратуры т. Альперин провел занятия на тему: «Важнейшие вопросы уголовного процесса и методика организации надзора и руководства предварительным следствием». Тов. Альперин особо остановился на процессуальном значении экспертизы в предварительном следствии и организации экспертизы.

Занятия на тему: «Основные вопросы гражданского и трудового права» были проведены пом. облпрокурора т. Берлиным. На этих занятиях подробно разбирались извращения на теоретическом фронте «школки» врага народа Пашуканиса в вопросах гражданского права.

Последний день конференции заняли отчетные доклады прокуроров Вышегорского и Оштинского районов и заключительный доклад прокурора Ленинградской области т. Позерна Б. П. на тему: «Задачи органов прокуратуры в свете Сталинской Конституции».

Конференция прошла при большой активности участников, отметивших положительное значение конференции как метода руководства и связи с районами.

К числу дефектов конференции следует отнести недостаточность использования материалов из практики райпрокуроров и неправильную организацию педагогического процесса, так как один лектор читал два дня подряд по 6 часов в день, что утомляло и лектора и слушателей. Эти пробелы нужно учесть при организации следующих конференций.

ТУРКМЕНСКАЯ ССР

Борьба прокуратуры Туркменской ССР с преступлениями против женщин

Сталинская Конституция, воплотившая в своих разделах и статьях всемирно-исторические победы, которых рабочий класс и колхозное крестьянство добились на одной шестой части мира построением бесклассового социалистического общества, закрепила невиданные ни в одной стране великие и неотъемлемые права советской женщины — равноправного и свободного строителя социализма.

В Конституции Туркменской ССР сказано: «Сопротивление фактическому раскрепощению женщин (выдача замуж малолетних, калым, организация сопротивления вовлечению женщин в учебу, сельскохозяйственное и промышленное производство, государственное управление и общественно-политическую жизнь) — карается законом».

В уголовном законодательстве Туркменской ССР имеется ряд статей, говорящих о преступлениях, связанных с раскрепощением женщин, феодально-байским отношением к женщине, карающих преступников, посягающих на личность и права женщин, длительным лишением свободы, а при убийствах женщин — активисток, общественниц, совершенных в целях препятствия их раскрепощению, культурной и общественно-политической работе, — высшей мерой наказания — расстрелом.

К сожалению борьба с этими важнейшими преступлениями в Туркменской республике проводится чрезвычайно слабо, хотя преступлений этой категории, связанных прямо с раскрепощением женщины, феодально-байским отношением к ней, здесь немало. По сравнению с 1935 г. в 1936 г. и за 4 месяца 1937 г. раскрыто этих преступлений больше примерно на 40%. Это объясняется политическим и культурным ростом колхозников и колхозниц, вскрывающих эти преступления, и некоторым, хотя и далеко не достаточным, улучшением, по сравнению с прошлым, работы органов следствия, прокуратуры и судов.

За последнее полугодие в целом ряде районов республики мы имеем ряд вскрытых преступлений, имеющих политическое значение, как-то: убийства активисток-общественниц в связи с их общественно-политической работой и учебой. Дела эти носили по мотивам совершенных преступлений ярко выраженный контрреволюционный характер. Вместе с этим, органами следствия и прокуратуры по этим

делам вскрыты политическая слепота и беспечность работников аулсоветов, колхозов, руководителей советских, комсомольских и партийных организаций.

Со стороны судебно-следственных и прокурорских работников борьба с преступлениями в области раскрепощения женщин в 1936 г. велась недостаточно. Целый ряд преступлений, имевших общественно-политическое значение, смазывался милицией, следователями и прокуратурой. Преступления квалифицировались как обычные уголовно-бытовые дела, и в результате народные суды и Верховный суд Туркменской ССР выносили преступникам приговоры с мягкими мерами наказания.

Эти политические ошибки в расследовании и рассмотрении дел в народных судах имеют место и в настоящее время.

Прокуратура республики за последнее время обратила особое внимание следственных органов и райпрокуроров на расследование преступлений, связанных с раскрепощением женщин, в частности, райпрокурорам даны специальные указания о том, что все преступления этой категории, как правило, должны расследоваться следователями и в кратчайший срок. По отдельным, наиболее важным преступлениям (убийство, самоубийство, продажа и изнасилование малолетних). Прокуратура республики для расследования командирует в районы своих старших следователей и соответствующих прокуроров. Все дела этой категории следственным отделом прокуратуры Туркменской ССР взяты на особый учет и контроль.

По неполным данным в 1936 г. по республике в целом было возбуждено и расследовано 433 дела, из которых непосредственно следственным аппаратом прокуратуры расследовано 212 дел. Свыше 50% дел были расследованы милицией и, таким образом, учитывая недостаточно квалифицированные кадры работников милиции, их слабую политическую грамотность, — целый ряд дел был расследован неглубоко, в результате — политическая значимость преступлений по ним смазывалась.

За 4 месяца 1937 г. районные и участковые прокуроры рассмотрели 98 дел, из них — по 67 делам расследование производилось следственным аппаратом прокуратуры.

В отдельных районах республики в процессе следствия было вскрыто, что райкомы партии, райкомы комсомола и райисполкомы находились в стороне от борьбы за действительное раскрепощение женщин, не делали соответствующих политических выводов по вскрытым органами следствия и прокуратуры преступлениям, имеющим большое политическое значение (Карабекаульский район, Чарджоу, Мары, Дарган-Ата, Бахарден и др. районы).

По ряду расследованных дел установлено также, что отдельные руководители районов, аулсоветов и колхозов не только не вели никакой борьбы за раскрепощение женщин, но сами потворствовали и допускали феодально-байское отношение к женщинам, проявляли полное бездействие по отношению к нарушителям советских законов, а в ряде случаев — содействовали этим нарушениям.

Приводим наиболее характерные, имеющие политическое значение дела, возникшие за последний период времени в Туркменской республике, связанные с раскрепощением женщ и феодально-байским отношением к ним.

В феврале 1937 г. в Марыйском районе ауле Меджеур-Баба-Сары, в третьей брига колхоза «Джемгует» покончила самоубийств путем самосожжения колхозница Айсулт оставив мужа и двоих малолетних детей. этом самоубийстве из аулсовета было сообщ но заместителю председателя райисполко Мергенову, который, получив сообщение, с лал распоряжение о высылке кареты ско помощи, не сообщив следственным властям

23 марта с. г. в этом же колхозе и в же третьей бригаде также путем самосожж ния покушалась на самоубийство колхозни Яз Баба, которая с полученными сильны ожогами была доставлена в больницу. Про веденным расследованием прокуратурой бы установлено, что Яз Баба покушалась на моубийство потому, что жила с гр. До Ильмурадом, который имел еще двух жен детей от них. Яз Баба, не желая в дальнейш жить с Дожи Ильмурадом, обратилась в а совет по поводу развода. Работники аулсо та в расторжении брака ей отказали и н меялись над ней, в результате Яз Баба стыда облила себя керосином и подожгла

Причины самоубийства колхозницы Ак С тан расследованием пока еще не установле так как из допроса близких родственник покойной Ак Султан и других лиц, устан ливается круговая порука — стремление говорить о причинах самоубийства, прич как установлено расследованием, в этом за вор руководящую роль играл муж покойн Ак Султан, в настояще время арестован прокуратурой.

В процессе расследования этих двух случа самоубийств установлено, что в том же ко хозе были еще два случая покушения на моубийство колхозниц тем же способом сам сожжения. Расследование по этим делам пр должается (его производят на месте пом. пр курора Туркменской ССР и Марийский учпр курор). Арестованы мужья трех колхозни покушавшихся на самоубийство, и муж кончившей с собой Ак Султан. Районные о ганизации выводов из этих фактов не сдел ли.

В феврале с. г. в Тедженском районе, в ц цеводсовхозе гр-ка Дур Набат, 20 лет, в цел самоубийства облила себя керосином и подо глась. От полученных сильных ожогов вскоре умерла.

Произведенным расследованием было ус новлено, что причиной самоубийства явило систематическое издевательство над Дур Н бат со стороны ее мужа Кич Кули — рабо го совхоза, который прокуратурой арестован предан суду.

В октябре 1936 г. в Байрам-Алийском ра не гр. Юсуп Сурабу убил гр-ку Реджеб К и ее дочь 4 лет, зарыв оба трупа на терр тории аулсовета «Захмет», недалеко от хоза «Ескира».

Расследованием установлено, что мотива к убийству Реджеб Куль и ее дочери посл жило то, что убитая Реджеб Куль в 1933 прибыла из Чарджуя в Байрам-Алийский ра он на постоянное жительство с двумя дет 11 и 4 лет. Свою 11-летнюю дочь Ред Куль продала в жены Юсупу Сурабу за

пудов пшеницы, а сама была вынуждена поселиться в кибитке Сурабу. Последний дважды продавал Реджеб Куль в жены разным лицам, но она от них уходила. По этой причине Юсуп Сурабу в соучастии с гр. Азим Кия решил ее убить и, провожая Реджеб Куль из Байрам-Али в г. Чарджуй, дорогой ее убил вместе с дочерью. Виновные преданы суду и осуждены к 10 годам лишения свободы.

8 апреля 1937 г. в местечке Чарак-Тепе, Кагановичского района, гр. Болса Джараевым зверским путем была убита его жена Фатьма Халмурадова. Причиной убийства явилось феодально-байское отношение Джараева к жене. Джараев ненавидел своих двух детей, вынуждал жену отправить их к родственникам, а сам на-глазах жены стал ухаживать за другой женщиной. Фатьма Халмурадова заявила Джараеву о том, что она без детей жить не может и неоднократно пыталась поехать за ними. В апреле 1937 г. Джараев, решив заранее убить свою жену, поехал ее проводить и дорогой нанес Халмурадовой ножом 17 резаных ран. Убийца Джараев арестован, следствие прокуратурой по делу закончено и направлено в суд.

9 мая с. г. Джараев судом осужден к 10 годам лишения свободы.

В марте с. г. в Байрам-Алийском районе убит член колхоза «им. Туркменской кавбригады» Сапарли Вердыли. Труп его был зарыт в арыке возле кибитки члена того же колхоза Чил Алла Назара. Расследованием установлено, что Сапарли Бердыли был убит за то, что, женившись на сестре убийцы, не уплатил полностью обусловленного калыма, вследствие чего его жена под давлением убийцы Чил Алла Назар и др. родственников от Сапарли Вердыли ушла. Последний неоднократно добивался лично и через аулсовет возвращения жены домой, однако, аулсовет мер никаких не принимал, и когда он сам явился за женой, он был убит Чил Алла Назаром и др. его родственниками. Убийца Чил Алла Назар и его соучастники прокуратурой арестованы, расследование по делу закончено и направлено в суд к рассмотрению.

Особенно неблагополучно с феодально-байским отношением к женщине в Бахарденском районе, в котором за последнее время было зарегистрировано и расследовано несколько случаев самоубийств женщин путем самосожжения.

Наиболее разителен следующий факт издевательства и феодально-байского отношения к женщине.

Учитель одной из школ Бахарденского района Буркас Чары Оглы в 1932 г. женился на учительнице той же школы Курбан Тач. Вскоре же после женитьбы Буркас Чары стал систематически издеваться над Курбан Тач, сам бросил учительствовать и насильно заставил бросить занятия в школе и жену. Позднее Буркас Чары стал пьянствовать, отказался от работы, а жену Курбан Тач заставил работать в ковровой мастерской. Несмотря на наличие у Курбан Тач двух малолетних детей, Буркас Чары работать отказывался и систематически предъявлял требования к жене Курбан Тач давать ему деньги на вино. В результате описанных выше фактов, Курбан Тач в январе 1937 г. облила себя керосином и подожглась. От полученных сильных ожогов она вскоре умерла. Муж ее Буркас Чары прокуратурой предан суду по ст. 137 УК ТССР (доведение до самоубийства) и 12 февраля с. г. народным судом осужден к 4 годам лишения свободы и лишению политических прав сроком на два года.

В апреле с. г. Прокуратурой республики закончено расследованием и направлено в суд несколько дел о многоженстве и о продаже малолетних девочек по Бахарденскому району.

Житель аула Ак-Тепе Бахарденского района Али Кор Ягды Оглы договорился с жителями ст. Келята Аман Гельди Джамамед о продаже по обычаю «кудалык» своей малолетней племянницы Дурд Жахан гр. Чары Кор Ягды, что и было сделано. Малолетняя Дурд Жахан была насильно привезена к Чары Кор Ягды. Прокуратурой республики виновные лица преданы суду по ст. 151 УК ТССР, дело направлено в суд в начале мая с. г. к рассмотрению. Девочка Дурд Жахан передана в детдом.

Бригадир колхоза «им. Пятилетия ТССР» Савдыр Хайды Байрам-Алийского р-на похитил 14-летнюю девочку и, против ее воли, вступил с ней в брак. Через некоторое время Савдыр Хайды, не расторгнув брака с этой девочкой, вступил в новый брак с гр-кой Яз Дурсун. Савдыр Хайды предан суду.

В Карабекаульском районе председатель колхоза им. Сталина Прилимбимского аулсовета Сапар Рахманов, злоупотребив своим служебным положением, в интересах кладовщика колхоза Бегли Сеид Мурад Оглы насильно заставил выйти замуж за Бегли Сеид Мурада гр-ку Яз Гуль Ораз Бердыеву, когда же последняя отказалась жить с Бегли Сеид Мурадом, пред. колхоза Рахман и Бегли Сеид Мурад отобрали у ее близких знакомых 3 верблюдов и нанесли побои Яз Гуль Ораз Бердыевой.

Сапар Рахманов и Бегли Сеид Мурад прокуратурой преданы суду по ст. 105 ч. 2 УК ТССР. В начале мая с. г. дело направлено в суд к рассмотрению.

В Иолотанском районе член колхоза аула «Маматан» Джума Аман Валиев, 31 года, обманным путем, против воли Курбан Гуль Худай Бердыевой 14 лет, женился на ней, вступив в половую связь с ней. Джума Аман Валиев в целях сокрытия своего преступления, обманным путем представил в аулсовет и загс полученную от врача фиктивную справку о том, что Бердыевой 16 лет.

В результате раннего замужества и половой жизни, Бердыева, будучи физически недоразвитой, тяжело заболела. Прокуратурой республики Джума Аман Валиев был предан суду по ст. 156 ч. 1 и 150 УК ТССР и в марте с. г. судом он осужден на 7 лет лишения свободы.

В марте, апреле и мае с. г. было совершено три контрреволюционных, террористических акта — убийства передовых активисток-общественниц: зав. школой, активной комсомолки, члена бюро райкомола Карабекаульского района Айпаши Чарыевой; курсантки Чарджоуских автотракторных курсов Базар Гуль Джумаевой и пред. ревизионной комиссии колхоза им. Атабаева Тагановой.

17 марта с. г. исключенный из рядов партии и из Туркменского сельскохозяйственного ком-

вуза за утерю партбилета и участие в контрреволюционных националистических группировках Чарыев Клыч из мести своей жене Айпаше за ее активную общественно-политическую работу несколькими ударами топора в голову убил ее. Классовый враг, сын бая Рахмедов Худай Кули, два брата которого осуждены, один к расстрелу за вредительство в колхозе, другой — к 10 годам лишения свободы за убийство жены. Третий брат — быв. служитель религиозного культа — мулла, — на почве феодально-байского отношения к жене Джумаевой, активной колхознице, систематически издевался над ней и избивал ее за то, что Джумаева поступила на автотракторные курсы учиться. Рахмедов неоднократно добивался от Джумаевой, чтобы она бросила учебу и вернулась в колхоз. Джумаева категорически отказалась бросить учебу и пыталась разоблачить Рахмедова как классового врага. Последний пробрался на автотракторные курсы в целях помешать Джумаевой учиться, а затем вскоре, убедившись в том, что Джумаева не хочет бросить учебу, 5 апреля 1937 года несколькими ударами топора по голове зверски убил ее.

Чарыев и Рахмедов заключены под стражу. Прокуратурой им предъявлено обвинение в совершении контрреволюционных, террористических актов, направленных непосредственно против политики партии и советской власти к раскрепощению женщин.

В Калининском районе Ташаузского округа членом контрреволюционной националистической группы «Туркмен Азалтык» Курбан Болибековым, на почве противодействия своей жене Огуль Тагановой выполнять общественную работу председателя ревизионной комиссии колхоза им. Атабаева, 21 мая с. г. убил ее топором. Расследование по делу заканчивается.

Убийца Болибеков арестован и ему предъявлено обвинение по ст. 54—8 УК ТССР (террористический акт).

Приведенные примеры показывают, что классовый враг и, в первую очередь, троцкисты и буржуазные националисты, свою контрреволюционную борьбу направляют на важнейшие мероприятия партии и правительства в области раскрепощения женщин. Поэтому в задачу прокуратуры и суда сейчас входит проявление максимальной революционной бдительности, энергии и искусства в расследовании этой категории дел с тем, чтобы в процессе следствия суметь вскрыть не только тех, кто совершил преступления, но и причины и корни, породившие данное конкретное преступление.

Органы прокуратуры ТССР в этой трудной работе нуждаются в конкретной помощи со стороны руководящих партийно-советских органов, особенно по проведению разъяснительной работы среди широких масс населения, без чего работа органов следствия и прокуратуры по борьбе с преступностью в области раскрепощения женщин может дать лишь ограниченные результаты.

Т. А. Мурадов, М. Медведев

АКТИВ ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА ССР

15 августа 1937 г. состоялось очередное собрание актива Прокуратуры Союза ССР.

На собрании участвовало около 300 человек.

С докладом о перестройке работы прокуратуры ж.-д. транспорта в соответствии с решениями февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) выступил Прокурор Союза ССР т. А. Я. Вышинский.

Тов. Вышинский начинает свой доклад с информации актива о тех мероприятиях, которые были проведены и проводятся Прокуратурой Союза в порядке реализации постановлений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в части, касающейся работы прокуратуры ж.-д. транспорта.

«Вы помните, — говорит т. Вышинский, — что пленум ЦК ВКП(б) установил необходимость «ликвидировать существующий неудовлетворительный порядок первоначального расследования причин крушения, при котором первоначальное расследование и составление актов о крушениях производится местными и дорожными комиссиями, состоящими из представителей служб, и установить, что первоначальное составление на месте актов причин крушения производится участковым железнодорожным прокурором или, в случае его отсутствия, районным прокурором близлежащего района, совместно с представителями НКВД и ревизором по безопасности движения, с тем, чтобы дальнейшее следствие велось в установленном судебным следствием порядке».

Это очень важное решение требует радикальной перестройки работы нашей железнодорожной прокуратуры, поднимает роль и значение работы по борьбе с крушениями на большую политическую высоту и возлагает на нас большую ответственность.

27 июля с. г. порядок расследования крушений, установленный ЦК ВКП(б), вошел в силу для 17 дорог первой очереди. К сожалению, надо сказать, что Главной прокуратурой железнодорожного транспорта не было принято должных мер к тому, чтобы прокуратуры этих дорог были надлежаще подготовлены к выполнению важнейшего постановления ЦК нашей партии. Это сказалось раньше всего на том, что самая инструкция о проведении первоначального расследования и составления на местах первоначальных актов о крушениях не была своевременно разослана периферии.

Несвоевременная рассылка инструкции о порядке расследования крушений и отсутствие надлежащего инструктажа районных прокуратур отрицательно сказались на темпах про-

ведения в жизнь постановления пленума ЦК ВКП(б).

Только на этих днях мы приняли ряд решений по обеспечению более правильного инструктирования районных прокуроров о тех обязанностях, которые на них возлагаются, в связи с новым порядком расследования крушений, только на этих днях мы с начальниками отделений нашей центральной прокуратуры железнодорожного транспорта выработали ряд мероприятий, долженствующих обеспечить районным прокурорам действительную возможность решить поставленные перед ними задачи по существу, а не формально. Между тем, это нужно было сделать гораздо раньше.

Подвергая резкой критике работу Главной прокуратуры железнодорожного транспорта, т. Вышинский, в частности, указывает, что до настоящего времени, несмотря на неоднократные директивы со стороны руководства Прокуратуры Союза, не подготовлено методическое письмо о порядке расследования крушений на железнодорожном транспорте, не введена плановость в работе прокуратуры железнодорожного транспорта, а самое важное — в Главной прокуратуре железнодорожного транспорта отсутствует ясное представление о том, что нужно делать. И поэтому работа ведется в Прокуратуре железнодорожного транспорта случайно и стихийно.

Далее т. Вышинский переходит к анализу работы отдельных звеньев Главной прокуратуры железнодорожного транспорта. Касаясь следственного отделения, которое достаточно хорошо сейчас укомплектовано, т. Вышинский показывает, что работа там налажена очень слабо, что следственное отделение до последнего времени не усвоило еще, что его главная задача заключается в том, чтобы, по возможности, находиться на местах, т. е. на самых железных дорогах и там непосредственно руководить оперативной работой по расследованию преступлений, совершаемых на Транспорте, в первую очередь по расследованию крушений.

— Мне кажется, — говорит т. Вышинский,— что при переходе на новый метод расследования центральный аппарат наш должен быть в гуще самой работы, он должен направить свои, по крайней мере, основные силы на наиболее важные участки, чтобы там непосредственно учить дорожных и участковых прокуроров, как осуществить этот переход на новые рельсы. А, в действительности, в этом отношении ничего сделано не было. Работники следственного отделения прикованы к своим столам и стульям, вместо того, чтобы быть на дорогах имени Кагановича, Южно-Уральской, Куйбышевской и др., где плохо обстоит дело. Поэтому я приказал следственному отделению прокуратуры железнодорожного транспорта из 6 работников в течение ближайших дней, по меньшей мере, 3 прокуроров отправить на места — одного на дорогу имени Кагановича, другого на Южно-Уральскую и третьего — на Куйбышевскую дорогу, чтобы они на этих отстающих дорогах приняли непосредственное участие в перестройке работы.

Переходя к оценке работы судебного отделения, т. Вышинский отмечает и там отсутствие порядка и организованности при наличии ряда неплохих работников.

— В судебном отделении, — говорит т. Вышинский, — имеется теперь 108 надзорных дел, которые мы условились в течение пяти дней ликвидировать. Это не очень трудно. В дальнейшем мы решили, что давать кассационные заключения по всем делам нет никакой необходимости. Однако, нельзя так решать вопрос, чтобы давать заключения только по кассационным делам с расстрелом, или по делам, предусматривающим меру наказания в виде лишения свободы сроком на 10 лет. Такое механическое решение вопроса было бы крайне вредно. Нужно прикрепить оперативных прокуроров к определенным кассационным коллегиям или их составу с тем, что прокурорский работник данного состава знакомится с делом и сам решает вопрос о кассационном опротестовании дела, независимо от размера наказания, ибо правосудие вовсе не измеряется тяжестью наказания. Если мы без всякого основания будем приговаривать людей, предположим, к одному году исправительно-трудовых работ — это будет прямая дискредитация нашего правосудия, хотя само по себе это — ничтожное наказание по сравнению с 10 годами лишения свободы. Но, само собой разумеется, что в тех случаях, когда приговор предусматривает такое наказание как расстрел, которое в дальнейшем нельзя исправить, наше вмешательство, тщательная проверка нами основательности этого приговора безусловно обязательны. Прикрепленные к коллегиям прокуроры должны сами знакомиться с делами, которые к ним поступают и, в случае обнаружения существенных ошибок, упущений или извращений, обязаны принести по этим делам протесты в кассационные инстанции. В первую очередь, это, конечно, относится к делам с наиболее серьезными наказаниями, но такая постановка вопроса не исключает нашего вмешательства и по небольшим делам, где нарушены принципы социалистического правосудия. Я спрашиваю, неужели нельзя было эту работу перестроить раньше, неужели оперативные прокуроры судебного отделения не могли додуматься до этого сами? Конечно, могли. Но в Главной прокуратуре железнодорожного транспорта было много трескотни, шумихи, слов, заклинаний и фраз относительно того, что там работают до 3 часов ночи, что там погрязли с головой в работу, а в действительности благодаря председателю Сегалу вся работа часто шла на холостом ходу.

Тов. Вышинский иллюстрирует это положение на ряде примеров работы отделения общего надзора Главной прокуратуры железнодорожного транспорта.

В частности т. Вышинский останавливается на работе с жалобами и показывает, что в отделение общего надзора Главной прокуратуры железнодорожного транспорта ежемесячно поступает в среднем до 600 жалоб, которые, при наличии по меньшей мере двух работников, вовсе не трудно рассмотреть без особого напряжения. Между тем работники отделения общего надзора по инерции продолжают кричать о том, что они задыхаются, сбились с ног и т. д.

Тов. Вышинский критикует отсутствие в работе железнодорожной прокуратуры по общему надзору дифференцированного подхода к

людям, к жалобам и указывает на наличие формализма в методах работы.

— Дело заключается в том, — говорит тов. Вышинский, — чтобы уметь выделить факт, который действительно требует прокурорского внимания, над которым следует поработать, от другого факта или многих фактов, которые не дают оснований для вмешательства, которые не дадут никаких результатов. И здесь задача работников общего надзора заключается в том, чтобы по возможности научиться безошибочно определять, за какое дело нужно браться и нужно драться.

Переходя к кадрам, т. Вышинский приводит ряд цифр, характеризующих положение в настоящий момент, и те мероприятия, которые проводятся руководством Прокуратуры Союза для замещения свободных вакансий в связи с проводимой тщательной проверкой работников Прокуратуры.

В частности т. Вышинский указывает, что вторые следователи переводятся туда, где нет ни одного следователя, что в прокуратуру железнодорожного транспорта перебрасываются работники, ранее работавшие на транспорте, которые по каким-либо причинам оказались в территориальной системе, а главное, что крайкомы и обкомы ВКП(б) по телеграмме секретаря ЦК ВКП(б) т. Жданова помогают прокуратуре в деле укомплектования прокурорских кадров на железных дорогах за счет местных ресурсов.

— Нужно твердо помнить, — говорит т. Вышинский, — что сейчас идет речь о подборе строго проверенных людей, настоящих большевиков; речь идет о том, чтобы в конце концов вырвать с корнем последышей всяких князевых, лившицев, всей этой ядовитой гнили, которая пролезла на железнодорожный транспорт и вела здесь подрывную, вредительскую, предательскую, изменническую работу.

Я думаю, что та настойчивая упорная работа, которая проведена Л. М. Кагановичем и его аппаратом по оздоровлению железнодорожного транспорта и которая в конечном итоге дала резкое снижение крушений, что работа, которую проводит НКВД во главе с Н. И. Ежовым по разгрому диверсантов, подрывников и прочих контрреволюционных групп, в значительной степени облегчает нашу работу. Но с другой стороны эти задачи разрешаются также нашим участием, а, следовательно, и от нас зависит снижение крушений, подъем дисциплины на железнодорожном транспорте и ликвидация всех вражеских элементов, окончательное разрушение всех подрывных фашистских гнезд, которые кое-где еще уцелели.

Те отдельные крушения, которые, к сожалению, имеют еще место в некоторых пунктах, свидетельствуют о том, что аварийные очаги не везде еще разгромлены, что остатки подрывной работы всех этих фуфрянских, розенцвейгов и прочих бандитов окончательно еще не выкорчеваны.

Поэтому мы никоим образом не должны успокоиться на том, что положение с крушениями на транспорте улучшилось, мы должны повышать качество своей работы, продолжать борьбу с упрощенством, верхоглядством, которые еще имеют место в нашей работе для того, чтобы ни одно крушение, ни одна авария на транспорте не прошли безнаказанно для действительных виновников.

— Мы дали, — говорит т. Вышинский, — распоряжение, чтобы при арестах обязательно производились обыски, а то принято было при крушениях виновных арестовывать, но обысков не производить. И оказалось, что это мероприятие полностью себя оправдало.

Отсюда видно, что когда стали не просто изолированно расследовать факты крушения, а когда стали по-большевистски, как следует, углубляться в каждое дело, то и следствие стало давать такие результаты, с которыми не могут итти в сравнение результаты, которые мы имели раньше, например, по ст. Шумиха, вследствие неправильной ориентации Главной прокуратурой железнодорожного транспорта дорожных прокуроров по вопросам расследования. Теперь становится ясно, какое огромное значение имеет в нашей работе правильное руководство следственным делом.

Если мы сумеем уяснить те задачи, которые перед нами стоят, и по-большевистски будем драться за их разрешение, мы сможем выполнить постановление февральского пленума ЦК нашей партии и помочь партии и правительству сделать железнодорожный транспорт безаварийным.

Прения по докладу товарища Вышинского

Тов. Загер (зам. прокурора Западной ж. д.) указывает, что после решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) периферия прокуратуры ж.-д. транспорта не получала от своего центра никаких указаний, как нужно реализовать решения Пленума ЦК ВКП(б) по железнодорожному транспорту. Больше того, неоднократные запросы, обращенные к главному транспортному прокурору по вопросам, связанным с перестройкой работы, оказывались безрезультатными. И только в последние дни начали поступать указания, директивы, весь тот материал, который необходим для введения нового порядка расследования.

Далее т. Загер останавливается на вопросе о том, как прокуроры наблюдают за работой Транспортной коллегии Верховного суда, показывая на ряде примеров исключительный бюрократизм и неповоротливость Транспортной коллегии, в результате которых на оформление определения о немедленном освобождении человека из-под стражи уходит 17—26 и больше дней.

В заключение т. Загер говорит о той работе, которая проделана на местах, в связи с новым порядком расследования крушений, о проведенных оперативных совещаниях под руководством территориального и железнодорожного прокурора, подчеркивая, что эти совещания оказались чрезвычайно полезными, особенно для районных прокуроров, которые до того не были в курсе нового порядка работы и специфических особенностей работы на железнодорожном транспорте.

— Мы думаем, — говорит т. Загер, — что если будет организовано правильное руководство следствием, мы безусловно целиком и полностью выполним важнейшие решения пленума ЦК ВКП(б), наладим борьбу с крушениями и сделаем транспорт безаварийным.

Тов. **Панкратьев** (прокурор ГВП) начинает с

азания, что анализ работы прокуратуры же-
знодорожного транспорта, данный т. Вышин-
им, может быть полностью применим и к
боте военных прокуратур, которые обслу-
ивают военизированные дороги.

Далее т. Панкратьев подвергает критике ак-
первоначального расследования, заявляя,
о они подчас составляются поверхностно.

Тов. Панкратьев считает, что надо нажимать
только на то, чтобы следствие заканчива-
сь в срок, но, главным образом, чтобы след-
вие было проведено правильно, без брака.

Особо т. Панкратьев подчеркивает опас-
ость такого положения, когда прокурор не
ает в достаточной степени правил техниче-
ой эксплоатации, вследствие чего он может
казаться на поводу людей, которые этой тех-
икой владеют.

В заключение т. Панкратьев указывает на
яд случаев, когда районные прокуроры ост-
ее проводили расследование дел о крушени-
х, нежели участковые железнодорожные про-
уроры, и делает отсюда вывод, что привлече-
ие райпрокуроров к расследованию ж.-д. дел
ает положительные результаты.

Тов. **Корзюков** (зам. прокурора ж.-д. имени
ержинского) указывает, что до последнего
ремени руководство прокуратуры ж.-д. транс-
орта совершенно неправильно ориентировало
естных работников, не фиксировало их вни-
ания на актуальных вопросах, на разоблаче-
ие аварийных очагов. Больше того, некото-
ые дела, связанные с особо опасными ви-
ами крушений, были прекращены по настоя-
ию бывшего главного прокурора железнодо-
ожного транспорта Сегала.

Тов. **Синат** (начальник судебного отделения
лавной прокуратуры ж.-д. транспорта) объ-
сняет недостатки в работе главной прокура-
уры ж.-д. транспорта тем, что вопрос о не-
отором увеличении штатов был решен только
едавно и что работа была организована не-
авильно и путано.

— Одной из основных и очень важных за-
ач наших прокуроров и следователей, —
оворит т. Синат, — является расследование
рушений, выявление врагов и т. д., но, мне
ажется, что, наряду с этим, мы должны пом-
ить указание Л. М. Кагановича о том, что
ороться с крушениями, бороться за здоровый
ранспорт — это значит, прежде всего, бо
отиться за здоровый путь, за здоровый под-
ижной состав.

Что, по моему мнению, мешает этой борьбе
окуратуры с крушениями и авариями, по
райней мере, на тех дорогах, на которых
не приходилось бывать, — это отсутствие у
окуроров дорог систематизированного уче-
а аварийных очагов основных ж.-д. станций
и дистанций пути, где на перегонах, обыч-
о, происходят крушения, отсутствие обобще-
ий материала по крупным крушениям и бра-
у в работе, для того, чтобы на основе этих
атериалов можно было конкретно подойти к
ценке каждого нового случая крушения.

По вопросу о ремонте пути и подвижного
остава имеется целый ряд приказов Нарко-
а путей сообщения. И вот борьба за вы-
олнение этих приказов прокурорами наших
орог плохо ведется, они плохо следят за
рганизованным выполнением этих приказов.
Между тем всю работу по борьбе с крушения-
ми прокурорский аппарат обязательно должен
увязывать с борьбой за выполнение приказов
т. Л. М. Кагановича, без этого мы не смо-
жем выполнить решения ЦК ВКП(б) об окон-
чательной ликвидации крушений на железных
дорогах.

В заключение т. Синат останавливается на
вопросе о дисциплине, указывая, что расхля-
банность на железных дорогах, несоблюдение
правил технической эксплоатации создают бла-
гоприятную обстановку для работы вредите
лей.

Тов. **Зорин** (прокурор по кадрам Главной
прокуратуры ж.-д. транспорта) начинает с
указания, что в связи с решением пленума
ЦК ВКП(б) необходимо было вновь организо-
вать 91 участковую прокуратуру, что потре-
бовало 259 новых работников, из коих 135
прокуроров.

— Решение пленума ЦК ВКП(б), — говорит
тов. Зорин, — состоялось в марте, а к во-
просу комплектования мы подошли только к
началу июля, т. е. за несколько дней до вве-
дения в жизнь постановления о новом поряд-
ке расследования аварий. До этого мы очень
мало делали для подготовки людей.

Тов. Зорин также останавливается на ог-
ромной помощи, которую оказал ЦК ВКП(б)
прокуратуре в деле комплектования прокурор-
ского состава, в частности, на дорогах имени
Ворошилова, имени Кагановича, Москва—Дон-
басс и др.

В заключение т. Зорин подчеркивает по-
мощь, которую оказывает т. Каганович про-
куратуре в деле технической учебы прокурор-
ских работников.

Тов. **Леплевский** (зам. прокурора Союза ССР)
дает анализ недостатков работы руководства
Главной прокуратуры железнодорожного транс-
порта и приходит к выводу, что эти недо-
статки являются следствием антипартийной,
двурушнической политики, которую проводил
бывший Главный прокурор железнодорожного
транспорта Сегал.

Тов. **Спиридонов** (прокурор Горьковской
ж. д.) останавливается на недостатках работы
Главной прокуратуры железнодорожного
транспорта в области судебного надзора.

— Каждый месяц, — говорит т. Спиридо-
нов, — я приношу 4—5 протестов, но мои
протесты маринуются по 2—3 месяца. Приез-
жая в Москву, я выяснял в судебном отделе-
нии Главной прокуратуры железнодорожного
транспорта причины этого явления. Меня «уте-
шали», что есть протесты, которые лежат по
6 месяцев. Если протесты будут рассматри-
ваться так медленно, то очень будет нецеле-
сообразно вторично ставить процесс.

В Транспортной коллегии кассационные жа-
лобы маринуются не меньше месяца. Полу-
чается, что мы, на основании директивы т. Вы-
шинского, напрягаем все силы для окончания
дел в максимально короткие сроки, а когда
дело поступает в Транспортную коллегию, то
там оно лежит по 1½—2 месяца и затем воз-
вращается на вторичное рассмотрение с по-
ручением проверить еще раз. Скажем, какой
был туман, когда поезд проезжал закрытый
семафор. В результате таких методов рабо-
ты многие дела оказываются смазанными.

Тов. Вышинский на совещании прокуроров
дорог говорит о том, что дорожных прокуро-

ров нужно вызывать в Москву для защиты своих протестов, но это указание т. Вышинского не проводится в жизнь.

Тов. Спиридонов приводит ряд фактов бюрократического руководства периферией со стороны Главной прокуратуры ж.-д. транспорта. Так на Горьковской дороге было очень много крушений и аварий, половина которых приходилась на одно отделение. Основным виновником такого положения т. Спиридонов считал начальника отделения Бурова, который не принимал никаких мер к ликвидации аварий. Поставив перед Главным транспортным прокурором вопрос о снятии Бурова и привлечении его к судебной ответственности, т. Спиридонов через 1½ месяца получил приказ т. Кагановича об отстранении Бурова от работы.

— Я думал, — рассказывает т. Спиридонов, — что это результат моей записки. Однако, по приезде в Москву я выяснил в Главной прокуратуре ж.-д. транспорта, что моя докладная записка даже не направлялась в НКПС, а приказ т. Кагановича был отдан отнюдь не по материалам прокуратуры.

В заключение т. Спиридонов подвергает критике практику келейного проведения судебных процессов по крушениям и авариям. Печать не освещает эти процессы, политотделы не организуют массы вокруг этих дел, в результате чего судебные процессы не дают должного эффекта.

Тов. **Воловникова** (прокурор судебного отделения Главной прокуратуры железнодорожного транспорта) подвергает критике работу следственного отделения Главной прокуратуры железнодорожного транспорта, которое фактически не руководит периферией, вследствие чего расследование некоторых крупнейших дел проведено поверхностно.

— Я смею утверждать, — говорит т. Воловникова, — что все дела, которые расследовались следователями прокурорского аппарата, не получили политической заостренности, а в силу этого мы не можем ставить вопроса об увеличении процента дел о крушениях, расследуемых нашим следственным аппаратом.

Тов. Воловникова также указывает, что большим недостатком судебного отдела является отсутствие указаний прокурорам на их промахи, обнаруживаемые в процессе рассмотрения дел.

Заключительное слово товарища Вышинского

В заключительном слове т. Вышинский на основе анализа количества дел, поступающих в прокуратуру ж.-д. транспорта, показал полную возможность наличным составом работников справляться с работой без особых трудностей, если только будет изменена система работ Главной прокуратуры железнодорожного тр спорта.

— Я считаю, — говорит далее т. Выш ский, — что т. Воловникова неправильно п ставила вопрос относительно того, поче следователи добиваются увеличения количе ва расследуемых ими дел. Она сказала, следователи у нас никуда не годятся, де рассматривать как следует не могут, бол шинство дел они не умеют политически с вить и поэтому хорошо, что у них толь 60% дел по крушениям. Это представлен будто у нас плохие следователи на транспо те — совершенно неправильно и противоре фактам. Я могу назвать таких следовател как Анощенко, Калиненко и др., которые д ли прекрасные образцы работы по очень з путанным делам. Нельзя говорить, что де расследуемые следователями, не имеют пол тической заостренности, что наши следоват ли не имеют закалки для борьбы с врагам Неправильно ставить вопрос — у нас 60 давайте будем драться за 80% дел. Пробл ма процентов — вовсе не прокурорская про лема. Наша задача добиваться высшего к чества расследования дел следственным апп ратом прокуратуры.

Здесь говорили относительно оперативны совещаний. Я думаю, что оперативные совещ ния как метод работы — не вечен, а зависит условий работы и тех задач, которые пер нами стоят на данном этапе. Чем меньше н достатков, тем меньше оперативных совещани Меняются условия, меняются формы работ В известный период нужны были оперативны совещания по транспорту, а в настоящее вре оперативные совещания, я думаю, могут в только вредить и это потому, что вы чре мерно разбалованы болтологией, а нам тепер нужно поменьше болтовни, побольше опер тивности в работе.

Мы будем практиковать созыв начальник отделений для инструктажа и решений т или других важнейших оперативных вопросо Каждому нашему транспортному прокурор нужно понять, поглубже взвесить все имею щиеся в нашей работе недостатки. Это буде в значительной степени означать процесс с моликвидации недостатков, которые имеют в нашей работе. Это будет практическим ос ществлением принципа самокритики.

В основном наш оперативный состав дост точно грамотный, достаточно подвижной дисциплинированный, то есть он имеет те к чества, которые необходимы для того, чтоб поставить работу на должную высоту. Я уве рен, что когда через месяц товарищи буду отчитываться в своей работе, мы сможем о метить подъем нашей работы на более высо кую ступень.

Право, процесс, судоустройство в капиталистических странах

Уголовные законы и уголовная политика австрийского фашизма

В развитии государственного устройства Австрии послевоенного периода следует различать три периода.

Первый период начинается с издания «Объединенной конституции Австрийского государства» в 1920 г., согласно которой все законодательство и весьма широко допускаемый контроль над действиями правительства был возложен на парламент — национальный совет (Nationalrot), избиравшийся всеобщим, равным и тайным голосованием всех граждан государства. Эта конституция является типичным образцом парламентарно-демократического документа.

Ко времени издания этой конституции в период окончания империалистической войны и буржуазия и руководство социал-демократической партии стояли перед задачей — воспрепятствовать переходу власти к органам пролетариата — советам, противодействовать революционному развитию масс и образованию коммунистической партии. Под давлением масс, добивавшихся участия в управлении страной и стремившихся к социализму, буржуазия была вынуждена предоставить парламенту, который выбирался путем всеобщего голосования, широкие права. Парламент и только парламент являлся единственным законодательным органом.

Однако, не может быть такой буржуазной конституции, которая не имела бы про запас «черного хода», через который она бы могла выбросить вон все права и гарантии, ею предоставляемые, и установить диктатуру.

Австрийская конституция 1920 г. оставила в силе все законы королевской диктатуры Австрии. В частности, остался в силе закон об исключительном положении 1867 г., дающий правительству право в случае войны или «внутренних беспорядков» открыто объявлять диктатуру. Далее, «постановление о военно-полевых судах», которые в соответствии с указанием австрийского уголовно-процессуального кодекса могли быть назначаемы в случаях мятежа, тоже были оставлены в силе. Право назначения военно-полевого производства было предоставлено, как «ландсшефам», так и в особо важных случаях, местным полицейским органам, но в обоих случаях с разрешения органов юстиции (§ 429 уголовно-процессуального кодекса).

В силе остался и важнейший закон диктатуры военного времени, озаглавленный «Закон от 24 июля 1917 г., дающий правительству право, в силу исключительных обстоятельств, вызванных состоянием войны, издавать чрезвычайные постановления в области хозяйственной жизни». Этот закон давал правительству возможность «издавать чрезвычайные постановления, служащие целям восстановления хозяйственной жизни и охраны от хозяйственного ущерба» без согласования с парламентом. Несмотря на то, что срок действия этого закона был совершенно ясно ограничен в самом его тексте временем «действия вызванных войной чрезвычайных обстоятельств» все же, правда, не в самой конституции, а в «переходном законе» к ней (§ 7, абз. 2) провозглашается, что вышеупомянутый военно-хозяйственный чрезвычайный закон 1917 г. остается в силе и предоставленная им диктатуре власть переходит к союзному правительству.

Первый период характеризуется следующей государственно-правовой ситуацией: конституция давала парламенту право весьма решительного ограничения исполнительной власти, находившейся, в основном, все же в руках реакции.

В первые годы республики буржуазия была вынуждена под давлением пролетарских масс, достигших после падения австро-венгерской монархии большого могущества, управлять «в соответствии с конституцией». Эта задача упрощалась для нее в силу того обстоятельства, что руководство социал-демократической партии работало с ней рука об руку.

В связи с кризисом капитализма в 1929 г., который вызвал новый подъем революционного движения, буржуазия открыто заговорила о конституционном кризисе, утверждая, что парламентарно-демократическая конституция сделалась «недееспособной». Боясь того, что большинство в парламенте перейдет к рабочим партиям, буржуазия стала изыскивать «легальные» средства разогнать парламент и установить диктатуру, обеспечив себе большинство в парламенте. Этого она могла достигнуть лишь в союзе с социал-демократической партией. В середине 1929 г. между христианско-социалистическим правительством и руководством социал-демократической партии был достигнут компромисс, в результате которого руководство социал-демократической партии дало свое согласие на изменение конституции 1920 г. и установление диктатуры правительства.

Эта «конституционная реформа», проведенная при участии социал-демократических депутатов парламента, состоялась 7 декабря 1929 г.

Основная суть этой реформы заключается в присвоении органами исполнительной власти чрезвычайных прав и в исключительном положении, в которое была поставлена полиция.

§ 18 пп. 3—5 конституционной новеллы предоставляет союзному президенту право в случаях, когда парламент не может быть сво-

временно созван, или когда какая-либо «непреодолимая сила» мешает его созыву, — издавать имеющие силу закона постановления в целях «предотвращения очевидного и непоправимого зла». Указанное здесь ограничение не может играть никакой роли хотя бы уже потому, что самое решение вопроса о наличии положения, препятствующего созыву парламента, зависит от президента, который издает чрезвычайное постановление. То же самое надо сказать о предписании § 18 п. 4, которое указывает, что если до созыва парламента было без его санкции издано какое-либо чрезвычайное постановление, то оно подлежит обязательному последующему утверждению парламентом, и что парламенту предоставлено право требовать его отмены. Но если учесть что, с одной стороны, эта же реформа дала союзному президенту право роспуска парламента (ст. 29, п. 1), а с другой стороны, что парламент не может оказывать никакого влияния на выборы президента, которые происходят путем всеобщего плебисцита, то станет очевидным, что если народное представительство не соглашается с постановлениями президента, оно может просто разогнать его.

Далее, ст. 102, пп. 6 и 7 конституции и § 4, п. 2 переходного закона передают функции управления полицейскими учреждениями и назначения должностных лиц полицейских учреждений из компетенции законодательных органов (центрального и местных парламентов) в руки центрального правительства, причем полиция наделяется полномочием объявлять «исключительное положение на местах».

Таким образом, право правительства издавать исключительные законы и править самовластно, помимо парламента, получило свое конституционное оформление.

Второй период характерен дальнейшим укреплением диктатуры пролетариата и быстрым процессом фашизации.

В центре уголовного законодательства второго периода стоит «закон в защиту свободы рабочих собраний»[1] от 5 апреля 1930 г., получивший в юридической литературе название «Antiterrorgesetz». Этот закон совершенно явно направлен против все возрастающего революционного движения и, в первую очередь, против опоры рабочего класса — профессиональных союзов. Профессиональному движению этим законом наносился решительный удар, свобода коалиций для рабочих резко ограничивалась. Все коллективные рабочие договора объявляются недействительными. Таким образом предприниматель получил возможность принимать на свое предприятие неорганизованных рабочих, в отношении которых он не связан устанавливаемыми коллективными договорами нормами заработной платы и условий труда и которым, он стало быть, имеет возможность платить пониженную заработную плату. В силу этого предприниматель получил возможность влиять на установленные профессиональными союзами тарифные ставки и заставить профсоюзы, снизив свои ставки, принять угодные ему нормы заработной платы и условия труда. Всякая агитация среди рабочих, призывающая не поддаваться этому давлению и бороться за заработную плату, влечет, согласно § 4 рассматриваемого нами закона, наказание в виде строгого ареста на срок от одной недели до шести месяцев. Помимо этого закон объявляет наказуемой всякую пропаганду среди штрейкбрехеров, а вербовка и пропаганда среди рабочих в пользу правительственных партий особо поощряются.

В ноябре 1933 г. произошли последние демократические выборы в парламент. Они принесли социал-демократической партии победу, которая дала правительству новое доказательство роста революционного движения масс. Ввиду этого правительство приняло твердое решение сделать решительные шаги в сторону фашизации государственного аппарата. Для обеспечения себе реальной базы среди населения буржуазия организовала в эти годы вооруженную организацию — хеймвер, по образу и подобию немецких штурмовых отрядов.

Произведя необходимые изменения в законодательстве о хранении оружия, правительство совершило ряд безрезультатных в то время попыток разоружить с помощью хеймвера военные и спортивные организации пролетариата — шуцбунды.

Третий период характеризуется тем, что австрийский фашизм проявляется уже совершенно открыто. Этому способствовали события в Германии, где немецкая буржуазия добилась окончательной ликвидации буржуазно-демократических свобод, и летом 1932 г. с приходом к власти рейхсканцлера Папена открыто вступила на путь фашистской диктатуры.

Осенью 1932 г. австрийский союзный канцлер Дольфус, используя закон от 24 июля 1917 г., издал первые диктаторские чрезвычайные законы, полностью обойдя при этом парламент и превысив предоставленные ему по конституции полномочия. Все протесты социал-демократической партии и пролетарских организаций были оставлены без внимания.

После прихода к власти в Германии национал-социалистов положение австро-фашистского клерикального правительства Дольфуса весьма усложнилось. Гитлеровское правительство провело в Австрии большую работу и организовало там особую национал-социалистическую партию, которая считала Гитлера своим фюрером и открыто выступила сторонницей присоединения Австрии к Германии. Это привело к глубокому расколу среди буржуазии.

Христианские социалисты устремились за поддержкой к Италии, которой не выгодна немецкая экспансия на юг, и поэтому она выступила сторонницей «самостоятельности» Австрии.

С другой стороны, революционное движение пролетариата все более возрастало и все мероприятия правительства, направленные к разоружению шуцбунда, оставались безрезультатными.

[1] См. Klapetz «Das Österreichische Strafgesetz». Вена, 1933, стр. 353—359.

При такой политической ситуации правительство Дольфуса отменило конституцию 1929 г. Конституционный суд Австрии выразил сомнение в формальной правомерности изданных правительством Дольфуса постановлений, нарушающих конституцию, и был распущен.

1933 год является началом фашизации государственного аппарата Австрии, и все уголовное законодательство как этого года, так и последующих лет имело единственный смысл и единственную цель — сломить путем судебного террора сопротивление масс. Изучение уголовных законов 1933/1934 гг. позволяет шаг за шагом проследить ликвидацию демократии.

Постановлением от 7 марта 1933 г. «О чрезвычайных мероприятиях, направленных к охране общественного спокойствия, порядка и безопасности от нарушений, связанных с вредом, наносимым хозяйственной жизни» была решительно ограничена свобода печати. В тех случаях, когда какая-либо газета была уже однажды запрещена за оскорбление «патриотических, религиозных или нравственных чувств», полиция получила право затребования газеты на цензуру за два часа до ее выхода в свет. При этом наложение ареста на типографию производилось упрощенным порядком, а всякое противодействие распоряжениям полиции влекло за собой штраф до 2 000 шиллингов или арест до трех месяцев. В этом же законе находит особую формулировку оскорбление в печати публичной власти, за что предусматриваются повышенные санкции. При этом право назначения наказания было возложено не на суд, а на полицию, а право обжалования постановлений полиции в нормальный суд было ограничено.

В том же месяце, 30 марта 1933 г., было издано постановление, запрещающее членам шуцбунда носить оружие. Это постановление не распространялось на прекрасно вооруженные фашистские хеймверы и национал-социалистические организации. Еще раньше (13 марта 1933 г.) было издано постановление о запрещении собраний союзов. Обязательный срок предупреждения о собрании был с трех дней увеличен до семи, а полиции было дано право запрещать не только те собрания, цель которых противоречит закону, но и такие, которые «угрожают общественной безопасности и общественному благу». Полиция и в этом случае могла сама в случаях сопротивления назначать наказание (арест и штраф), а право подвергнувшихся репрессии обжаловать действия полиции в нормальный суд было ограничено случаями, когда присужденный штраф превышает двести шиллингов, а арест четырнадцать дней.

«Постановление о стачках» 21 апреля 1933 г. запретило политические стачки, а также стачки на всех «производствах важнейшего значения». Разрешение вопроса о допустимости той или иной стачки было предоставлено на усмотрение особой правительственной комиссии.

Полиция была наделена широкими полномочиями в отношении мер борьбы с неразрешенными стачками. Каждый рабочий, принимающий участие в запрещенной стачке, агитирующий кого-либо примкнуть к стачке, работающий в стачечном комитете, или вообще совершающий какие-либо действия, «которые делают невозможным или затруднительным нормальное продолжение работы на данном предприятии», мог быть, кроме судебного наказания, подвергнут полицейскими органами дополнительному аресту до шести месяцев без права обжалования в нормальный суд. При этом на профессиональные союзы была возложена ответственность за убытки, причиненные стачкой.

В мае 1933 г. полиция получила новые правомочия по борьбе с политическими демонстрациями. Новый закон предоставил полиции право расценивать любое административное нарушение как «политическую демонстрацию» и назначать за него наказание—арест до шести месяцев или штраф до 2 000 шиллингов, без какого бы то ни было производства и при ограниченном праве обжалования в суд.

Постановлением об «общественном употреблении флагов, знамен, штандартов и пр.» (19 мая 1933 г.) было запрещено ношение красных флагов, флагов с изображением пятиугольной звезды или республиканских символов. Только австро-фашистской организации хеймвера было разрешено носить ее знамена и символы. Полиция и здесь наделена тем же правом назначать наказания, что и в предыдущих постановлениях.

Законом 26 мая 1933 г. была воспрещена всякая деятельность коммунистической партии. Этот закон, так же как и предыдущие, предоставляет органам полиции право «независимо от уголовного преследования» назначать от себя штрафы и аресты за всякую коммунистическую деятельность.

Еще дальше были расширены полномочия полиции постановлением от 7 июля 1933 г. об «охране от хозяйственного ущерба, наносимого путем террористических актов». Полиции дано было право, и опять независимо «от уголовного преследования, возбуждаемого во всяком случае», назначать аресты и штрафы за совершение или покушение на совершение так называемых «террористических актов, или иных действий, могущих принести правительству затруднения».

В сентябре 1933 г. было издано еще одно постановление, согласно которому органы правительства и полиции имеют право арестовывать и направлять в концентрационные лагери без приговора суда «лиц, в отношении которых имеются обоснованные подозрения в подготовке ими враждебных государству или иных, нарушающих общественную безопасность, действий». Были организованы скопированные с немецко-фашистских образцов концентрационные лагери. И здесь также самовластно господствовала внесудебная расправа полиции.

Австрийский фашизм построил свое «полицейское уголовное право», т. е. право исключительного производства по «мелким политическим делам», и применил его в таком широком объеме, как ни одно буржуазное госу-

дарство в мире. Приведем некоторые данные, характеризующие это полицейское право и полицейское производство.

Прежде всего, оно не имеет ничего общего с современным уголовным процессом. Это — одностороннее производство. Полиция возбуждает преследование, полиция устанавливает наказание, она является и обвинителем и судьей одновременно (как судья в инквизиционном процессе). Обвиняемый лишен права высказываться. Отсутствуют какие бы то ни было формальные нормы ведения судебного следствия, полиция не обязана выслушивать возражения обвиняемого, защита вообще не допускается. Полиция разрешает дело самолично, на основе донесений полицейских органов. Против приговоров и иных действий полиции, поскольку они были совершены в процессе полицейского производства, нет никакого пути в суд. Наконец, дело, по которому был вынесен приговор полицией, не является «res judicata», исключающим вторичное его рассмотрение в нормальном суде. Суд имеет право вторично заняться тем же делом и вновь вынести приговор лицу, уже осужденному полицией.

Так как все эти мероприятия естественно вызывали возмущение масс и рост среди них революционного движения, правительство начало серьезно опасаться вооруженных выступлений со стороны пролетариата. В ноябре 1933 г. правительство Дольфуса ввело военно-полевые суды. За предумышленное убийство, поджог, «публичное насилие путем злостного повреждения чужого имущества», подстрекательство к подобным действиям и соучастие в них предусматривалось наказание смертной казнью, и дела об этих преступлениях подлежали рассмотрению в военно-полевых судах при особом порядке производства по ним. Таким путем правительство боролось с выступлениями пролетариата, отстаивавшего свои права и свободы, завоеванные им в период буржуазной демократии. К этому же времени были изменены и процессуальные нормы военно-полевого производства. Местным полицейским органам было предоставлено право назначать военно-полевые суды по расширенному кругу преступлений. Организованному в Вене военно-полевому суду были даны самые широкие полномочия.

Согласно закону от 25 мая 1934 г. всякое нарушение законодательства о взрывчатых веществах подлежало рассмотрению в военно-полевых судах. По этим делам единственным наказанием являлась смертная казнь.

Но все же пролетариат был вооружен. Все попытки разоружить его ни к чему не приводили. Рабочий класс не соглашался добровольно распустить свои организации и сдать оружие. А без этого фашистская диктатура не могла укрепить свое положение. Когда в феврале 1934 г. была сделана попытка объединенными силами армии и полиции разоружить шуцбунд и разогнать профессиональные союзы, — рабочие взялись за оружие и пошли на баррикады. И только после многих дней упорной борьбы, в которой правительство пустило против рабочих в ход тяжелую артиллерию, ему удалось сломить сопротивление пролетариата и провести насильственное его разоружение. Таким путем правительство расчистило себе путь к окончательному завершению здания фашистской диктатуры. Оно пустило в ход против рабочих самый беззастенчивый и жесточайший террор. Все организации пролетариата были разрушены. Военно-полевые суды вступили в действие. Свыше тысячи рабочих было расстреляно правительственной артиллерией, свыше 4 000 ранено, свыше 10 000 захвачено в плен. Через несколько дней после восстания девять активнейших бойцов шуцбунда были военно-полевым судом приговорены к смертной казни и повешены. В июле того же года был повешен десятый. Многие рабочие были приговорены к пожизненному тюремному заключению, более чем тысяче рабочих были вынесены приговоры к более, чем на 1400 лет тюрьмы.

Немедленно после подавления февральского восстания была запрещена социал-демократическая партия, ее мандаты в парламент были аннулированы, ее имущество, а также имущество профессиональных союзов, шуцбунда, спортивных рабочих организаций, организаций рабочей молодежи и т. д. было постановлением 27 февраля 1934 г. конфисковано. Банкам и сберегательным кассам было вменено в обязанность сообщать полиции о вкладах и ином имуществе этих организаций.

Добившись разгрома организаций пролетариата и социал-демократической партии, их полного подавления и разоружения, правительство Австрии, основываясь на законе от 24 июля 1917 г., издало новую конституцию. Оно преследовало этим цель продемонстрировать фашистскую диктатуру и реорганизовать внутреннее устройство клерикально-фашистского государства. Естественно, эта «конституция» ничего общего не имеет с понятием конституции даже в буржуазно-демократическом смысле этого слова. Диктатура правительства не ограничивается избранным народом парламентом, ей неизвестны и всеобщие прямые выборы. Лишь некоторым мелкобуржуазным слоям, среди которых диктатура стремилась найти себе опору, предоставлялось право участия в обсуждении законов через свои «представительства», которые не избираются, а назначаются либо самим правительством, либо им фактически руководимыми организациями. При этом депутаты обладают лишь правом совещательного голоса, а вся полнота власти принадлежит союзному президенту, который избирается не всем народом, а бургомистрами местных объединений по предложению Союзного собрания (ст. 73). Поскольку правительство обладает полной возможностью влиять на назначение бургомистров, то от него и зависит состав тех, кто избирает президента. Со своей стороны президент назначает правительство (ст. 82).

Совершенно ясно, что все эти «конституционные институты» нисколько не ограничивают фашистскую диктатуру.

Согласно главе 10 конституции, союзное правительство и союзный президент имеют право без опроса и без согласия «сословного пред-

ставительства» издавать законы и чрезвычайные постановления, изменяющие самую конституцию, издавать постановления о роспуске сословных представителей или новом созыве их, путем обязательных постановлений придавать законную силу законопроектам, не получившим у сословного представительства утверждения и т. д. Правительство может «согласно конституции» отменить конституцию и управлять без нее.

Вскоре после издания конституции правительство произвело решительную реформу уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Еще до этого законом «О производстве в суде присяжных» были резко сокращены права присяжных заседателей и суда присяжных. Закон устанавливал, что заседания суда присяжных должны происходить под руководством председателя суда, что присяжные должны выносить мотивированные вердикты и т. д.

Закон от 10 февраля 1934 г. ввел упрощенное производство по всем делам, по которым прокурор требует наказания не свыше 1 года тюремного заключения или штрафа.

Правительство стремилось добиться максимального заострения репрессии по нормальным судам и возможно более приблизить их к военно-полевым судам, приобретавшим все большее и большее распространение.

Законом 19 июня 1934 г. было вновь введено применение смертной казни в производстве нормальных судов. Одновременно с этим была произведена коренная реорганизация судов, присяжных, в компетенции которых находилось рассмотрение дел по наиболее тяжким преступлениям.

Эта реформа предоставила право вынесения смертного приговора суду присяжных и уничтожала всякое влияние заседателей на исход дела.

Закон 19 июня 1934 г. вводит применение смертной казни за те деяния, по которым она была предусмотрена до ее отмены в 1919 г. Это — государственная измена (§ 58 StGB), умышленное убийство (§ 136 StGB), убийство с целью грабежа (§ 141 StGB), поджог (§ 167a StGB), нарушение закона о взрывчатых веществах от 27 мая 1885 г. (§ 4).

Согласно этому закону суд присяжных, подобно суду шефенов, должен в составе трех профессиональных судей и трех заседателей совместно заседать, обсуждать и решать дело. Таким образом обеспечивается решающее влияние судьи, а не заседателей, как это было в прежнем суде присяжных, на исход дела.

Последующие годы шли под знаком все большего и большего укрепления и обострения австро-фашистской диктатуры. В начале 1935 г. было изменено законодательство о прессе. Санкции за нарушение закона о прессе были повышены. Стремясь вооружиться уголовно-правовыми средствами в борьбе с распространением нелегальной литературы членами коммунистической и социал-демократической партий, которые несмотря на все запреты все же продолжали свою работу, правительство издало в январе 1935 г. «Союзный закон о борьбе с враждебными государству произведениями печати». Согласно этому закону дела о внешней и внутренней измене государству, поскольку эта измена совершается через печатные произведения, должны разбираться в упрощенном порядке. За распространение и хранение нелегальной литературы устанавливаются повышенные наказания. Полиции предоставляется в связи с этим право домашних и личных обысков и т. д. и т. п.

Изданный в мае 1935 г. союзный закон также преследовал цель борьбы с нелегальной пропагандой путем выпуска кинофильмов, граммофонных пластинок и пр.

«Закон об охране государства» (так называемый Statsschutzgesetz), изданный фашистской диктатурой, представляет собой террористический закон, направленный против революционного пролетариата. Он устанавливает 10 лет тюремного заключения за организацию или поддержку всяких «враждебных государству союзов», ставящих себе целью «подорвать установленные конституцией государственное устройство и форму правления или конституционные учреждения Австрии» (§ 4). То же наказание предусмотрено за нелегальную организацию «вооруженных или военизированных союзов», а также за всякое участие в них или их поддержку (§ 2). Стремясь помешать подготовке к революционным выступлениям, этот закон карает тюремным заключением от 5 до 10 лет даже за «приготовление к преступлению», выражающееся в хранении оружия или иных боевых средств.

Но предусмотрительно оставлена возможность предателю выйти сухим из воды. Закон указывает, что «если обвиняемый по собственному побуждению и прежде, чем это станет известным органам власти, сообщит им все, что ему известно о союзе и его намерениях», он освобождается от наказания (§§ 3, 6 и 9).

«Закон об охране государства» стремится поразить нелегальные организации пролетариата. Он нашел себе широкое применение против ушедших в подполье и продолжающих там свою героическую работу партий народного фронта, в первую очередь против коммунистической партии, которая все больше укрепляет свои ряды и держит в постоянном страхе фашистских властителей.

Г. Поляков

Библиография

В. Молотов. Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов, Партиздат ЦК ВКП(б) 1937 г. Цена 30 коп.

А. Вышинский. Некоторые методы вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г. Цена 20 коп.

Л. Заковский. О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г. Цена 20 коп.

С. Уранов. О некоторых приемах вербовочной работы иностранных разведок, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г. Цена 20 коп.

Ал. Хамадан. Японский шпионаж, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г. Цена 20 коп.

Подрывная работа японской разведки, Партиздат, 1937 г. Цена 10 коп.

Р. Роуэн. Разведка и контрразведка. Издательство ЦК ВКП(б) «Молодая гвардия», 1937 г. Цена 55 коп.

Шпионам и изменникам нет и не будет пощады. Сборник статей, Партиздат, 1937 г. Цена 30 коп.

В своем историческом докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин указал на необходимость «помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение, — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значение вредительства». Товарищ Сталин указал далее, что именно троцкисты «превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов». Один из выводов, которые товарищ Сталин сделал из этих положений, заключается в необходимости принять меры для того, «чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов».

Этой важнейшей задаче, приобретающей особое значение для работников юстиции, служит ряд брошюр, вышедших после доклада товарища Сталина и ставящих себе задачу ознакомления читателей с некоторыми методами шпионской, вредительской и диверсионной деятельности троцкистско-фашистских разведчиков.

Не только простое ознакомление, но внимательная и глубокая проработка этих брошюр является прямой обязанностью каждого работника юстиции, желающего вооружиться необходимыми знаниями для усиления большевистской бдительности в борьбе с троцкистско-фашистскими разведчиками и умения разоблачать шпионов и изменников, под какой бы маской они ни скрывали свое действительно позорное и преступное ремесло.

Серия вышедших брошюр, принадлежащих указанным выше авторам и служащих предметом рассмотрения настоящей рецензии, должна войти в настольную библиотеку работников юстиции. Она поможет им приобрести т. бдительность и политическую прозорливость, которые представляют наиболее верные средства для разоблачения двурушничества и маскировки троцкистско-шпионской агентуры не которых иностранных держав.

Рассмотрение этой серии брошюр надо начать с чрезвычайно интересной и важной брошюры В. М. Молотова «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов», воспроизводящую с небольшими изменениями доклад автора на пленуме ЦК ВКП(б) 28 февраля 1937 года. Брошюра делится на 2 части, первая из которых посвящена фактам вредительства и лицу вредителей, а вторая — «нашим задачам в борьбе с троцкистскими и иными вредителями, диверсантами и шпионами».

В первой части В. М. Молотов на конкретных примерах отдельных отраслей промышленности показывает, как вредители, диверсанты и шпионы из троцкистско-бухаринской банды и иностранной агентуры осуществляли свою преступную деятельность. В. М. Молотов приводит показания врагов народа и наймитов японо-германской разведки Пятакова, Дробниса, технического директора Горловского азотно-тукового комбината вредителя Асиновского, известного бандита Шестова, бывшего старшего инженера-конструктора треста Уралмедруда — вредителя Пучкова, вредителей Биткера, Норкина, Раввы, Воропаева, Язовских, Яковлева. Совокупность этих показателей дает яркое представление о методах, при помощи которых пробравшиеся на ответственные посты фашистско-троцкистские агенты делали свое гнусное дело. Эта часть брошюры В. М. Молотова является блестящей иллюстрацией к той части доклада товарища Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), которая посвящена вопросу о политической беспечности, о капиталистическом окружении, современном троцкизме, которая посвящена теневым сторонам наших хозяйственных успехов. В. М. Молотов, приводя многочисленные факты вредительства, резюмирует: «Мы указываем на все эти факты для того, чтобы сделать из них большевистские выводы. Наша задача не только в том, чтобы найти отдельных виновников этих преступлений и покарать их. Наша задача — сделать из этого правильные практические и политические выводы. Наша первейшая задача заключается в том, чтобы понять эти факты и развернуть борьбу с вредительством и вредителями действительно по-большевистски.

Говоря во второй части своей брошюры о воспитании кадров, В. М. Молотов дает вместе с тем чрезвычайно ценный для работников юстиции материал о методах разоблачения вредительства, вполне подтверждающий слова автора о том, что «разоблачение фактов вредительства — дело не простое». На примере конкретного случая с работой комиссии Наркомтяжпрома В. М. Молотов показывает, что «у нас нет должной бдительности к врагу, надо поднять дело большевистского воспитания кадров». Всецело применим к органам юстиции и другой вывод В. М. Молотова: «У нас много недостатков в подборе работников потому, что многие руководители пренебрегают этим делом, забывая о своей политической ответственности, забывая о том, что проверка, особенно политическая проверка и расстановка работников с учетом не только деловых, но и политических качеств — важнейшее дело каждого руководителя-большевика».

В последнем разделе своей брошюры «Метод руководства» В. М. Молотов опять-таки на конкретных примерах показывает недостатки канцелярско-бюрократического метода руководства, извращения принципа единоначалия, односторонней критики всего того, что облегчает вредительскую деятельность фашистско-троцкистских разведчиков.

Все сказанное убедительно свидетельствует о громадной ценности брошюры В. М. Молотова знакомящей со шпионской, вредительской и диверсантской деятельностью японо-троцкистских агентов и с теми мерами, настойчивое, энергичное и неуклонное проведение которых только и может помешать преступной деятельности этих врагов народа.

Чрезвычайный интерес, особенно возрастающий для работников юстиции, представляет брошюра А. Я. Вышинского «Некоторые методы вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков».

Особенностью брошюры А. Я. Вышинского является то, что она не ограничивается фактами из действительности последних дней, а строит свои выводы и на уроках шахтинского дела и дела промпартии, а также то, что она на примере этих дел показывает, что не случайно именно из рядов «старой, высоко оплачивавшейся капиталистами технической интеллигенции вышла и шахтинская организация, положившая начало новому периоду в развитии борьбы буржуазной контрреволюции против советской власти». Шахтинское дело исключительно наглядно иллюстрирует слова товарища Сталина о значении капиталистического окружения, забываемого некоторыми товарищами, и о том, что урок, «вытекающий из шахтинского дела, состоит в том, чтобы ускорить темп образования, создания новой технической интеллигенции из людей рабочего класса, преданных делу социализма и способных руководить технически нашей социалистической промышленностью» [1].

Ценным является также анализ огромного различия между вредительством периода шахтинского дела и промпартии и нынешним вредительством. А. Я. Вышинский доказывает, что это различие «делает нынешних вредителей еще более опасными, чем были шахтинцы и «промпартийцы». Это требует еще большей бдительности и уменья своевременно и полностью раскрыть и разоблачить все преступные методы, всю преступную практику и технику троцкистско-фашистских бандитов и их сообщников — правых отщепенцев».

Той части своей брошюры, в которой А. Я. Вышинский говорит непосредственно о методах вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков, он предпосылает указание, что методы, практика и техника преступной вредительско-диверсионной и шпионской деятельности чрезвычайно разнообразны и что очень трудно поэтому дать исчерпывающий перечень всех способов и видов этих преступлений, но что можно дать характеристику наиболее распространенных способов вредительско-диверсионной деятельности и вскрыть некоторые «основные установки» и общие «методические» правила этой преступной деятельности.

Анализ фактов дает А. Я. Вышинскому возможность раскрыть некоторые правила, которыми руководствуются при осуществлении своих преступных замыслов троцкистские вредители и диверсанты. Эти правила надо помнить каждому следователю и прокурору. Они состоят в следующем: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах», как это сформулировал в своих циничных показаниях враг народа Пятаков; «Тщательно подготовлять и всячески маскировать эти удары, используя в своих преступных целях различные организационные и технические неполадки в работе отдельных предприятий и учреждений; в качестве маскировки прибегать к показному усердию, давать время от времени положительные факты в своей работе; добиваться наиболее полных вредительских, диверсионных, шпионских результатов при минимуме риска провала и разоблачения». К этим правилам прибавляется «максимальная конспирация в организации и осуществлении своих преступных планов».

А. Я. Вышинский вскрывает методы двурушничества и маскировки вредителей и диверсантов и организованный характер совершаемых ими преступлений. «Нельзя преуменьшать, пишет он, уменье и «искусство» этих разведок решать свои задачи. Нельзя отрицать, что иностранная разведка действует с большим искусством и достаточно тонко расставляет свои сети и капканы. Она при этом тщательно изучает людей, изучает слабости этих людей, отыскивая или стараясь отыскать в каждой своей «жертве» больные струны, которые надо уметь затронуть, чтобы добиться успеха. Разведывательные органы иностранных государств в прямом смысле слова подкарауливают каждую «слабость», каждый неосторожный или неосмотрительный шаг своей «жертвы», чтобы запутать ее в своих коварных сетях или, во всяком случае, максимально использовать в своих интересах».

Это свое утверждение А. Я. Вышинский иллюстрирует рядом конкретных дел, вскрывающих коварные приемы разведок некоторых иностранных держав, приемы, при помощи ко-

[1] Сталин. Доклад на собрании актива Ленинградской парторганизации 13 июля 1928 г., «Правда» от 15 июля 1928 г. Цит. по рецензируемой брошюре А. Я. Вышинского.

торых разведчики завлекают в ловко подставленные сети «трезвых и подвыпивших, серьезных и несерьезных людей, бессовестных негодяев и «совестливых» людей».

А. Я. Вышинский опровергает распространенное представление, что «разведчик должен обязательно чем-нибудь проявить себя: либо антисоветскими разговорами, либо иными враждебными стремлениями что-нибудь выявить, что-нибудь сделать и т. д.». «Поэтому трудно, — указывает А. Я. Вышинский, — прописать какой-нибудь раз навсегда действующий рецепт по поводу того, как распознавать врага, к тому же еще так ловко маскирующегося. Нужно просто взять за правило вести себя с любым человеком так, что если этот любой человек окажется врагом, то все равно он не сможет ничего извлечь из знакомства с тобой для своей вредительской и шпионской деятельности против Советского государства».

А. Я. Вышинский говорит в заключение о вредительско-диверсионной деятельности врагов народа на железнодорожном транспорте и в частности в паровозном хозяйстве, приводя ряд конкретных примеров вредительства.

«Характернейшим отличием современных методов троцкистского вредительства, — резюмирует А. Я. Вышинский, — от методов вредительства периода шахтинского процесса и процесса «промпартии» является особая озверелость и ожесточенность вредительских приемов, сознательная установка троцкистских вредителей не только на порчу имущества, на торможение хозяйственных успехов, на подрыв хозяйственной мощи наших предприятий и отдельных отраслей промышленности, но и прямая установка на гибель людей, и притом в возможно большем количестве».

Нельзя безоговорочно и полностью не согласиться с заключительными словами брошюры А. Я. Вышинского: «Одним из средств решения великой задачи, указанной товарищем Сталиным, задачи искоренения троцкистских и иных двурушников является систематическое и последовательное разоблачение всех приемов и методов троцкистско-фашистских вредителей и диверсантов, всей их предательской, подлой практики и техники совершения гнуснейших преступлений. Это, в свою очередь, возможно на основе овладения большевизмом и укрепления большевистской самокритики, постоянной и подлинной большевистской связи с массами, на основе устранения без остатка политической беспечности, на основе укрепления политической дальновидности и подлинно большевистской бдительности».

Брошюра Л. Заковского «О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры» представляет собою переработанную стенограмму докладов Л. Заковского на Ленинградской областной партконференции и на совещании секретарей парткомов Ленинграда. Брошюра разделяется на три части: «Несколько примеров из истории», «Приемы засылки и вербовки шпионов, диверсантов в СССР и их коварная работа» и «Троцкисты и правая шпионско-диверсионная агентура фашизма». В первой части Л. Заковский приводит чрезвычайно яркие приемы разведывательной работы Германии во время войны между Францией и Германией в 1870—1871 гг., разведки японского генерального штаба во время русско-японской войны 1904—1905 гг. и разведывательной работы во время империалистической войны. Эти примеры, краткие и отрывочные, тем не менее показывают, что «разведка и в прошлом являлась чрезвычайно тонким инструментом, над совершенствованием которого постоянно работали генеральные штабы буржуазных государств для достижения коварных целей в отношении других однотипных капиталистических стран».

В дальнейшем изложении Л. Заковский описывает особенно изощренные коварные приемы иностранной разведки (так называемые вторые отделы генеральных штабов), применяемые в стране победившего социализма, которую капиталистические страны бешено ненавидят.

Чрезвычайно сильная сторона этой части брошюры, — да и всей брошюры в целом, — состоит в обильном конкретном материале из практики и методов иностранных разведчиков в СССР. Эти примеры блестяще иллюстрируют утверждение автора, что все иностранные разведки «изощряются в самых гнусных, самых мерзких приемах шпионской, диверсионной, вредительской работы в Советском союзе». Л. Заковский указывает и на примерах доказывает, что по отношению к СССР экономический шпионаж со стороны капиталистических и в особенности фашистских стран приобретает характер организации вредительства и диверсии, что иностранные разведки все силы направляют, чтобы ослабить экономическую мощь СССР.

Конкретные дела, сообщаемые Л. Заковским, показывают, какими коварными приемами иностранные разведки запутывают осторожных и устойчивых граждан в паутину разведки и ставят их в такое положение, что если у них нехватает гражданского мужества своевременно во всем сознаться, они затягиваются в омут разведки все дальше и прочнее и становятся предателями и изменниками родины.

«Если бы мы умели правильно анализировать факты, встречающиеся в повседневной жизни, — пишет Л. Заковский, — мы многое могли бы предотвратить, чтобы иностранные разведки и их верные псы, наемные агенты — троцкисты, зиновьевцы и бухаринцы, не могли вредить и проникать в разные щели и творить свою гнусную, диверсионно-шпионскую и террористическую работу с целью реставрации капитализма в СССР».

Особое значение имеет та часть брошюры Л. Заковского, которая посвящена иллюстрации указания товарища Сталина на то, что «современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств. Таков неоспоримый результат эволюции троцкизма за последние 7—8 лет».

Приводимые Л. Заковским случаи из практики доказывают, что двурушничество, подлая ложь, наглый обман, подхалимство используются троцкистами и правыми для того, чтобы пролезть во все щели, вредить и пакостить социалистическому государству. Двурушничество троцкистов и правых превращается у них в т. н. «двойничество» в разведке. Троцкист-

ско-бухаринские разведчики топят и убивают своих людей, если они попадаются, вынуждают их кончать жизнь самоубийством и применяют все вообще приемы заграничных разведчиков, и в особенности убийства, взрывы, отравления, клевету.

В брошюре Л. Заковского приведена целая галлерея двурушников, изменников, фашистских наймитов, вредителей, убийц, диверсантов — всей этой троцкистско-бухаринской и правой агентуры фашистских разведок, объединяемых общей ненавистью к рабочему классу, к делу социализма в СССР».

Даже краткое описание преступной деятельности этих троцкистских отребьев подтверждает правильность утверждения Л. Заковского, что какой-либо схемы или твердых правил и способов разведки не существует. «Одно и то же преступление, — пишет Л. Заковский, — можно раскрыть разными способами, но сумма взятых удачных способов решает дело. Надо изучать все обстоятельства дела, изучать людей, положительные и отрицательные стороны человека, в зависимости от страны, в которой он жил и живет, от условий, в которых он находится, не исключая даже семейных... Часто спрашивают, как распознавать врага. Если бы я сказал, что есть прием № 1 и прем № 2, как распознавать врага, то это было бы неправильно... В каждом конкретном случае необходимы особые способы и методы разоблачения».

Эти краткие извлечения из брошюры Л. Заковского не исчерпывают всего ее содержания. Приводимый в брошюре богатый конкретный материал и выводы автора из анализа этого материала должны быть знакомы каждому работнику юстиции.

Краткая брошюра С. Уранова «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок» (в брошюре всего 16 страниц) посвящена главным образом приемам иностранных разведчиков у них же на родине в отношении советских граждан, приезжающих и живущих за границей по делам службы. Однако, описанию этих приемов в брошюре предшествуют некоторые общие сведения о методах работы иностранных разведок, о специальной подготовке будущих шпионов-вербовщиков, о методах проникновения засылаемых в СССР разведчиков в советские учреждения и предприятия, о быстром объединении их для совместной разведывательной работы с троцкистами, зиновьевцами и правыми отщепенцами, о разных способах вербовки для шпионской работы неустойчивых людей.

Приводимые С. Урановым примеры показывают, насколько бдительными должны быть советские работники, едущие по делам за границу, к каким часто грубым приемам прибегают агенты разведки, чтобы затянуть бывших до того честными работников в шпионскую деятельность и как далеко по пути предательства и измены родине могут дойти недостаточно осторожные, небдительные и морально неустойчивые люди.

С. Уранов заканчивает свою богатую, несмотря на краткость содержания, брошюру словами: «для выполнения своих функций шпионаж располагает мощным аппаратом, использующим все легальные и нелегальные возможности проникновения в организм соседних государств. Опыт мировой войны, послевоенный и нынешний, предвоенный период, несмотря на завесу тайны, которой всегда прикрывается шпионская работа, дает большое количество фактов широкого размаха шпионской деятельности. Шпионаж протягивает свои щупальцы в государственные учреждения, крупные предприятия оборонного значения, на транспорт, имея целью проникнуть в государственную тайну, выведать оборонные секреты, раскрыть технические усовершенствования, насадить на важнейших постах своих людей и организовать вредительство, диверсию и предательство. Об этом говорят многочисленные судебные процессы при закрытых дверях, имеющие место за последнее время в Америке, Англии, Франции, Чехословакии, Румынии, Италии».

Брошюра Ал. Хамадана «Японский шпионаж» содержит довольно подробные сведения о системе японской разведки и о применяемых ею методах. Она специально останавливается на японском шпионаже в Британской империи, Соединенных штатах Америки и Китае. Она приводит далее некоторые факты японского шпионажа в СССР и сведения о троцкистской агентуре японского генерального штаба.

Брошюра дает значительный материал, подтверждающий грандиозные размеры шпионажа, организуемого разведывательными органами Японии в самой Японии и за ее пределами.

Ал. Хамадан сообщает, что руководство шпионажем и разведкой за рубежом сосредоточено во 2-м отделе генерального штаба армии. Функции этого отдела не ограничиваются военной разведкой. Он занимается, кроме того, политическим и экономическим шпионажем, организацией политических диверсий в различных странах и подготовкой кадров для разведывательной и т. п. деятельности. Помимо обширного военно-разведывательного аппарата японский генеральный штаб располагает широко разветвленной сетью подсобных разведывательных органов в лице всевозможных «гражданских», «патриотических» и т. п. организаций, выполняющих задания по разведке и диверсии за границей. Как сообщает Ал. Хамадан, эти организации, маскирующиеся шовинистическими и патриотическими лозунгами, являются по существу замаскированными органами разведки и выполняют «особо деликатные» поручения в тех случаях, когда военные разведки почему-либо не должны принимать участия в выполнении тех или иных разведывательных актов.

Ал. Хамадан сообщает сведения о деятельности в русско-японскую войну вспомогательной разведывательной и в то же время фашистской организации «Черный дракон», агентом которой, между прочим, долгие годы был эсеровский провокатор Азеф. Шпионажем в пользу Японии занимался и другой известный провокатор — поп Гапон. Шпионские услуги японской разведке оказывал в свое время Пилсудский, получая «наградные» от японского военного атташе в Стокгольме. Школу «Черного дракона» прошли многие нынешние политические и военные деятели Японии (бывший японский премьер Хирота, бывший министр иностранных дел Арита). С «Черным драконом» связаны многие японские дипломаты (например, нынешний посол в Германии Мусякодзи, бывший посол в Москве Ота).

Сравнительно краткие сведения Ал. Хамадан сообщает о японском шпионаже в Британской империи и США. Более подробные сведения автор дает о шпионаже в Китае. Интересный материал приводится в брошюре о генерале Доихара, которого автор называет «дальневосточным» Лоуренсом. Именно Доихара организует шпионско-диверсионную работу на Дальнем Востоке.

Далее даются сведения о процессе в г. Свободном 44 участников троцкистско-шпионско-террористической и диверсионной организации, действовавшей на железных дорогах ДВК под руководством японской разведки. Специально троцкистской агентуре японского генерального штаба посвящен последний раздел брошюры. Здесь дается материал процесса предателей из антисоветского троцкистского центра.

Специально японской разведке посвящена брошюра «Подрывная работа японской разведки», представляющая собой перепечатку статей в «Правде» от 9 и 10 июля 1937 г. Издание двух брошюр одним и тем же издательством (Партиздат) на тему о японском шпионаже безусловно оправдывается теми исключительными размерами, которые приняли в системе подготовки Японией войны шпионаж, диверсия, вредительство и убийства. Рецензируемая брошюра дает много новых сведений о подрывной работе Японии, не имеющихся в брошюре Ал. Хамадана. Она рисует систему японских органов разведки, дает характеристику ряда особенно выдающихся агентов японской разведки (в том числе Араки, Доихара и белобандита Семенова), устанавливает наиболее важные объекты подрывной деятельности японской разведки (СССР, Китай, Монгольская республика, Манчжурия и др.), рисует методы вербовки шпионов и насаждения шпионских гнезд, выясняет особенно активную роль в японской разведке троцкистско-бухаринских бандитов, как готовых и незаменимых агентов и лучших слуг фашистских разведок. В небольшой по размерам брошюре (в ней всего 20 страниц) читатель найдет ряд сведений специально о деятельности японской разведки на территории СССР, в частности о гнуснейшей японо-шпионо-диверсионной деятельности троцкистских предателей. Брошюра наглядно доказывает, что «по отношению к троцкистско-бухаринским бандитам японской разведки не требуется затрачивать никаких усилий для того, чтобы привлечь их к шпионско-диверсионной работе» и что «троцкисты сами являются ретивыми вербовщиками на службе у японской разведки, привлекая в шпионско-диверсионные группы политически и морально неустойчивых и разложившихся людей».

В заключение брошюра констатирует, что «японский империализм, первый начавший борьбу за передел мира, принадлежит к категории опаснейших провокаторов новой мировой войны. Предвкушая эту войну, готовясь к ней, японская разведка развивает сейчас особую активность. Японские полковники и генералы, мастера диверсии и провокации неустанно планируют разбойничьи нападения на границы Советского союза и дружественной ему Монгольской народной республики. Не будучи в состоянии надеяться на победный исход этого нападения, они всячески изощряются в выискивании средств и путей для ослабления могущества Советского союза, подрыва его оборонной и экономической мощи. Они подыскивают подлых продажных людишек, готовых по их приказу нанести предательский удар в спину рабочих и крестьян СССР».

Последние слова брошюры дышат глубоким и полностью обоснованным убеждением, которое вместе с автором разделяют все граждане СССР, что «шпионы, диверсанты, террористы троцкисты, бухаринцы — все без исключения наймиты иностранных разведок — будут выкорчеваны в СССР до конца».

Брошюра Роуэна «Разведка и контрразведка» представляет сокращенный перевод с английского языка одноименной книги американского писателя Р. Родана. После общих сведений о разведывательной деятельности в капиталистических странах до и после империалистической войны брошюра специально останавливается на разведке и контрразведке во время войны, на развитии современной системы разведки. на разведчике и его деятельности, на связи как самой опасной части работы разведчика, на контрразведке (т. е. организованном наблюдении за разведчиками), на достижениях контрразведочных органов в период мировой войны, на цензуре как средстве контрразведки, на деятельности тайной полиции и на пропаганде как средстве секретной службы.

Несмотря на небольшие размеры брошюры (63 страницы), в ней содержится обильный конкретный материал, обнаруживающий огромное знание автором своей темы.

Чрезвычайно трудно изложить содержание брошюры. Это своего рода маленькая энциклопедия сведений о разведке и контрразведке. Тот, кто хочет получить представление о разведке и контрразведке в капиталистических странах, должен познакомиться с брошюрой Роуэна.

Несомненный интерес представляет и сборник статей «Шпионам и изменникам родины нет и не будет пощады». Сборник, начинающийся приказом Народного комиссара обороны СССР т. К. Ворошилова по поводу процесса предательской, контрреволюционной, военной фашистской организации Тухачевского, Якира и других предателей, содержит статьи, посвященные этому процессу и появившиеся в центральной печати («Правде», «Известиях», «Красной звезде», «Большевике», «Партийном строительстве»). Сборник показывает, какую волну негодования и презрения к предателям вызвал этот процесс. Он лишний раз свидетельствует о том, что разоблачение банды изменников и суд над ней — это признак силы, могущества и несокрушимости советского строя и что «разгром последнего военно-шпионского ядра одного иностранного государства — большой удар по поджигателям войны и их планам подрыва мощи Красной армии и порабощения народов СССР» («Правда» 11/VI 1937 г.).

Таково содержание важнейшей литературы по вопросам вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

Она лишний раз подтверждает глубочайшую правильность указаний товарища Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б):

«Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и, наоборот, в Германии в свою

очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского союза меньше шпионов, вредителей диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства.

Не ясно ли, что, пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств».

Б.

***

Ленинградский государственный университет им. Бубнова, исторический факультет. Документы и материалы по истории народов СССР. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв. Составитель сборника И. И. Яковкин. Соцэкгиз. Ленинград, 1936 г. Стр. 165. Цена 2 р. 50 к.

На фронте исторической науки долго орудовали поощряемые проявлениями идиотской болезни — беспечности — со стороны руководителей этим участком науки троцкистско-зиновьевские бандиты вместе с правобухаринскими буржуазными реставраторами.

Рецензируемый сборник является одним из примеров того, как плохо работает исторический факультет Ленинградского государственного университета им. Бубнова. Вредное значение этой плохой работы усугубляется тем, что рецензируемая книга, как это видно из редакторской аннотации на титульном листе, предназначается в качестве учебного пособия для студентов не только историков, но и юристов, для аспирантов и для преподавателей истории.

Прежде всего следует отметить, что сборник, в полном противоречии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16/V 1934 г., не может «обеспечить необходимые для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории» (из пост. ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16/V 1934 г.).

Оставляя без всякого объяснения, почему исторический факультет остановил свое внимание именно на XV—XVI вв., и в частности — на документах, относящихся к великому княжеству Литовскому, т. Яковкин в предисловии к сборнику, без всяких обиняков, сразу разоблачает свое верхоглядство, которое им взято в качестве основного принципа для этого «научного труда». Он объясняет, что в задачу составителя входило только помочь учащемуся «усвоить, без особенного углубления в детали, основные черты феодального строя великого княжества Литовского» (стр. 3).

Стремясь дать материалы из истории народов СССР, т. Яковкин игнорирует замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по истории СССР о том, что «нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, — это во-вторых» (Партиздат, 1936 г., стр. 14). Тов. Яковкин оторвал историю Великороссии от истории других народов СССР весьма решительно.

Возникшее в XIII веке Литовское княжество было литовским в самой маленькой степени. Отчасти мирные, а больше всего военные комбинации влили в это княжество белорусский и украинский народы. «Литовское» в историческом разрезе звучало больше как белорусское: происходило размельчание литовского элемента в Литовско-Белорусском государстве, называвшемся великим княжеством Литовским, подобно тому, как такой же процесс имел место в Западной Европе в бывших римских провинциях, завоеванных германцами, когда побежденные крестьяне и горожане ассимилировали себе победителя, германского завоевателя». (Энгельс, «О разложении феодализма и развитии буржуазии». «Пролетарская революция» № 6, 1935 г., стр. 155).

Тов. Яковкин прошел мимо этого процесса, чем извратил историческую достоверность. Точно так же т. Яковкин ушел в отношении XV—XVI вв. от высказывания Энгельса, «что во всей этой всеобщей путанице королевская власть была прогрессивным элементом — это совершенно очевидно». (Там же, стр. 157).

Вообще т. Яковкин очень быстро и легко разрешил поставленную им перед собой задачу при помощи следующих четырех приемов: 1) анализ событий XV—XVI вв. он уложил на 10 страничках предисловия, напоминающего не исследование, а лихой кавалерийский рейд по приложенным к предисловию документам; 2) приложенные к предисловию документы т. Яковкин извлек из давно опубликованных и без т. Яковкина сборников (труды Владимирского-Буданова, Довнар-Запольского, Любавского, Лаппо, Московского общества истории и древностей российских); 3) марксистское обоснование учебного пособия т. Яковкин свел к одной цитате из Энгельса, выхваченной Яковкиным мимоходом из статьи «О разложении феодализма и развитии буржуазии», к цитате, кстати сказать, имеющей отношение к характеристике польского государства, а не специально великого княжества Литовского; 4) бросавшиеся т. Яковкину самому в глаза пробелы своей работы он пытался восполнить церемонными реверансами и поклонами, свойственными пепиньерке из института для благородных девиц, а не советскому историку, называя свое предисловие «кратким обзором» (стр. 9) «без углубления в детали» (стр. 1), «не расширяя столь далеко рамок данного учебного пособия» (стр. 6), и, что в особенности

любопытно, восполнил отсылкой читателя за фактическим материалом к трудам Любавского, Лаппо, Довнар-Запольского и других историков царской России, работы которых Яковкин вполне заслуженно охарактеризовал, как литературу «чуждую, даже открыто враждебную марксистско-ленинскому методу» (стр. 9).

Все эти приемы т. Яковкина заслуживают самого решительного осуждения.

Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова в качестве руководящих указаний, работа Энгельса «Крестьянская война в Германии» и ранее неопубликованная статья Энгельса «О разложении феодализма и развитии буржуазии» обеспечивали т. Яковкину полную возможность дать учащемуся марксистски обоснованный анализ общественных отношений в великом княжестве Литовском в XV—XVI вв. Совершенно недопустима отсылка читателя к Любавскому, Довнар-Запольскому, Лаппо и др. хотя бы и с приведением отрицательной характеристики работ этих «историков» царской России.

Махровый черносотенец-монархист, бывший ректор Московского университета, после его разгрома при Кассо, Любавский не только проводил черносотенные установки в своих работах (например, отрицание крестьянских общин в качестве одной из форм общественных отношений, «еврейское засилье». Очерк истории Литовско-Русского государства стр. 107, 119), но и подбирал такие документы, которые давали ему возможность «обосновывать» свои лженаучные выводы.

Сюсюкающий либерал из кадетов, киевский профессор Довнар-Запольский церемонно расшаркивался перед Любавским, считая, что «взгляды автора в некоторых случаях заслуживают пересмотра» (Довнар-Запольский, «Очерки по организации западно-русского крестьянства», стр. 3).

Юрьевский профессор Лаппо был форейтером Любавского в Прибалтике и проводил руссификаторскую политику в университете, в котором преобладали профессора и студенты из национальных меньшинств.

Все трое были приверженцами монархического строя, оценивали царей и их действия как главную движущую силу истории и тенденциозно подбирали фактический материал, который помог бы им обосновывать свои лженаучные выводы. Если т. Яковкин нашел необходимым вспомнить об этих «ученых», то он обязан дать надлежащее марксистское обоснование своей работы и разоблачить тех «историков» царской России, на которых т. Яковкин сослался. Не сделав этого, т. Яковкин поставил себя в ряды последователей этих зубров.

Работа т. Яковкина свелась к работе технического порядка — к извлечению из чуждых нам хрестоматий и трудов ряда документов, которые т. Яковкин нашел для себя подходящими, с перепечатанием их по правилам советского правописания.

Работа не слишком обременительная, но и не столь научная, сколь техническая и бесполезная.

Что мог ожидать от этой книги советский юрист?

В книге надлежало дать конкретный юридический анализ документов правового порядка, которые в ней приведены. Самый подбор документов и полнота изложения требовали того, чтобы составитель не забывал, что история литовского права является одновременно и историей русского права. Одной туманной фразой о «московских политических деятелях, которые несомненно интересовались и хорошо знали» литовские статуты (стр. 12), отделаться никак нельзя.

На фундаменте литовско-белорусского обычного права, истоки которого относятся еще к дохристианской эре, возникло новое право, питавшееся римским правом, каноническим правом и магдебургским правом. Право это, писал Энгельс, «по характеру своему было решительным образом антифеодальным и в известных отношениях буржуазным». (Энгельс, «О разложении феодализма и развитии буржуазии», «Пролетарская революция» № 6, 1935 г., стр. 157). «Римское право, — писал Энгельс там же, — настолько является классическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений. Но буржуазная собственность средних веков была еще сильно связана феодальными ограничениями, состояла, например, главным образом из привилегий».

Судебник Казимира Ягеллоновича и литовские статуты в трех редакциях содержали в себе государственное, уголовное и гражданское право, судоустройство и правила судопроизводства.

Статут 1522 г. был в 1529 г. в рукописном виде выпущен на белорусском языке, являвшемся в Литовском княжестве языком государственным (последнее обстоятельство нужно считать очень серьезным, так как оно свидетельствует о влиянии белорусской культуры и цивилизации), содержал в себе 244 статьи и воспринимал общие начала судебника Казимира Ягеллоновича 1468 года. Статут 1566 г. содержал в себе 364 статьи, а статут 1588 г. — 4о3 статей (последний просуществовал до 1840 г.).

Между тем все эти статуты в сборнике, составленном Яковкиным, даны в извлечениях, которые совершенно недостаточны для изучающих историю уголовного права.

Статуты эти были результатом работы не королей, как думает т. Яковкин, а образовавшегося сословия юристов, о котором пишет Энгельс: «Как короли, так и горожане нашли могущественную поддержку в сословии юристов, влияние которого возрастало. Одновременно с тем, когда снова открыли римское право, установилось разделение труда — между попами (юридическими консультантами феодальной эпохи) и учеными юристами, не принадлежавшими к духовному сословию. Эти новые юристы, разумеется, по самому существу своему принадлежали к городскому сословию» (Энгельс, «О разложении феодализма и развитии буржуазии», стр. 157).

Изучение статутов не в извлечениях, а в полном виде, дает возможность получить представление о принципе индивидуальной уголовной ответственности, который разделяли статуты, о возрасте, с которого можно было привлекать к уголовной ответственности (7 лет — по судебнику Казимира Ягеллоновича, 14 лет — по статуту 1522 г. и 16 лет — по статуту

1588 г.), о системе наказаний в частности — о той роли, которую играли в системе наказаний денежные взыскания в соответствии со значением денег как «великого политического уравнителя бюргерства» (Энгельс). Можно увидеть также, как внедрялось перенимавшееся из Восточной и Средней Европы применение смертной казни (в 20 случаях по статуту 1522 г. и в 100 случаях по статуту 1588 г.). Можно увидеть также следы поповского влияния на карательную систему статутов. Так, совращение христиан в иудейство и мусульманство каралось смертной казнью, наем евреем христианской кормилицы карался смертной казнью. В то же время убийство еврея и татарина, совершенное дворянином, каралось смертной казнью только в виде исключения, если дворянин был разорившимся или приверженным к пьянству.

Убийство дворянином крестьянина или горожанина, как правило, каралось имущественным взысканием.

В сборнике имеется объяснительный словарь, так как содержащиеся в сборнике акты составлены не на русском языке. Охват словарного материала является недостаточным, хотя и объяснительный словарь тоже позаимствован т. Яковкиным, в особенности у П. Горбачевского (словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского, Вильна, 1874 г.), о чем т. Яковкин сделал, правда, соответствующую ссылку. Но более внимательное использование т. Яковкиным словаря Горбачевского дало бы ему возможность не оставить без объяснений целого ряда весьма серьезных терминов. Так, оставлен без объяснения термин «поспольство», с которым король Казимир обсуждал проект своего судебника. Под этим термином историк Даниловичь понимает горожан, а Владимирский-Буданов оспаривает разъяснение Даниловича. Правильное разъяснение этого термина имеет очень серьезное значение. В том же судебнике приводится термин «колце», который понимается Даниловичем как кандалы, а Владимирский-Буданов находит, что речь идет о размере гражданского иска. По смыслу всей статьи надо признать, что прав Данилович, так как речь идет о задержании жен и детей преступников, а не об имущественном взыскании. Целый ряд терминов, как-то: «влостно», «личба», «твар» — оставлены без всяких объяснений в словаре, что несомненно затруднит правильное понимание документов.

Книга не является вкладом в советскую историческую науку и в качестве учебного пособия совершенно негодна.

И. Сапгир.

Официальный отдел

О РАССЛЕДОВАНИИ КРУШЕНИЙ

Согласно приказу НКПС и Прокурора СССР от 27 июня 1937 г. № 134/ц/468 с 27 июля 1937 г. на 20 дорогах, указанных в приказе, введен новый порядок расследования крушений.

Истекшая декада показала, что ряд прокуроров дорог и участков, прокуроров республик, краев, областей и районов не поняли всей политической важности неуклонного выполнения приказа № 134/ц/468, которым предусмотрен новый порядок расследования крушений и аварий на железнодорожном транспорте, и допустили в своей работе серьезные нарушения этого приказа.

Наиболее серьезными нарушениями приказа № 134/ц/468 являются:

1. Несвоевременный в ряде случаев выезд прокуроров железнодорожного транспорта на крушения. В ряде случаев прокуроры на крушения вовсе не выезжали (дороги Северо-Донецкая, Закавказская, Казанская, им. Дзержинского).

2. Прокуроры территориальных районов, как правило, на крушения не выезжают. Лишь отдельные территориальные прокуроры своевременно выехали на место крушения и участвовали в составлении первоначальных актов, что свидетельствует о правильном понимании ими задач в связи с приказом № 134/ц/468 (прокурор гор. Караганды т. Пронин, прокурор Фастовского района Киевской области и др.).

3. Прокуроры железнодорожного транспорта, республик, краев и областей не обеспечили проверку исполнения приказа № 134/ц/468 об обязательных выездах на крушения и аварии прокуроров территориальных районов и не приняли никаких мер к выяснению причин грубого нарушения приказа со стороны территориальных прокуроров. Ни один покурор района, не выехавший на крушение, за грубое нарушение дисциплины не был наказан.

В ряде случаев прокуроры территориальных районов не выезжали вследствие неполучения извещений. Прокуроры дорог вместо принятия реальных мер к обеспечению своевременного уведомления территориальных прокуроров ограничились сигналами о случаях нарушения приказа № 134/ц/468 начальниками станций — главному прокурору железнодорожного транспорта. Так поступил прокурор дороги им. Орджоникидзе т. Козырев. Установив, что несколькими начальниками станций территориальные прокуроры не были уведомлены о крушениях, — он не поставил со всей решительностью вопрос о примерном наказании виновных, а обратился в главную прокуратуру за помощью воздействовать на начальников станций, нарушивших дисциплину.

4. Отдельные участковые прокуроры и следователи не изучили инструкции о новом порядке расследования крушений и приказа № 134/ц/468 не усвоили, допуская в практиче-

ской работе ошибки и нарушения приказа (прокурор Ульяновского участка Корнев, прокурор Оренбургского участка Караваев).

Прокуроры этих дорог не обеспечили оперативное руководство работой участковых прокуроров и следователей и не выехали на место для инструктирования и исправления допущенных ошибок.

5. Ряд прокуроров не обеспечил представления с места крушения первоначальной информации не позднее 12 часов с момента крушения, а по истечении суточного срока не все прокуроры представляют исчерпывающую информацию о ходе расследования (Казанская, Донбасская, им. Дзержинского, Южно-Уральская).

6. Некоторые прокуроры дорог практикуют вызов участковых прокуроров в дорожную прокуратуру, не заботясь о том, чтобы на место вызванного участкового прокурора был временно командирован другой работник для его замещения. Эти вызовы в ряде случаев повлекли за собой срыв выездов на крушения (Казанская, им. Дзержинского, им. Орджоникидзе).

7. Прокуроры ряда дорог первой очереди бездействуют в вопросе комплектования кадров участковых прокуроров и следователей (Южная, им. Дзержинского, Сталинская). Прокуроры многих дорог, отнесенных ко второй очереди, проявляют недопустимую беспечность и не заботятся об укомплектовании участковых прокуратур, несмотря на то что 27 августа 1937 г. дороги второй очереди должны будут ввести новый порядок расследования дел о крушениях в соответствии с приказом № 134/ц/468 (Рязано-Уральская, Кировская, Октябрьская, Калининская, Ярославская и М. Киевская).

Перечисленные факты нарушения приказа № 134/ц/468 нетерпимы и свидетельствуют о том, что многие прокуроры не сумели организовать работу так, чтобы обеспечить точное и неуклонное выполнение приказа.

В целях немедленного устранения отмеченных выше нарушений **приказываю:**

1. Прокурорам дорог сообщать республиканским, краевым и областным прокурорам о всех случаях нарушений территориальными районными прокурорами приказа № 134/ц/468, а последним немедленно расследовать эти факты и привлекать виновных к ответственности. О всех случаях нарушений со стороны территориальных прокуроров приказа и о принятых мерах воздействия сообщать главному прокурору железнодорожного транспорта для доклада мне.

2. Прокурорам дорог не оставлять без расследования ни одного случая неизвещения агентами дороги территориальных прокуроров и прокуроров железнодорожного транспорта о крушениях и авариях, требуя строгого наказания виновных.

3. Запретить вызовы участковых прокуроров железнодорожного транспорта без обеспечения на время выезда временного заместителя, не допуская оголения участков даже на короткое время.

4. Всем прокурорам дорог или их заместителям немедленно выехать на места для проверки и инструктирования участковых прокуроров и следователей, а также прокуроров территориальных районов по вопросу точного и неуклонного исполнения ими приказа № 134/ц/468 и инструкции о новом порядке расследования дел о крушениях и авариях.

5. Прокурорам дорог первой очереди закончить укомплектование аппарата участковых прокуроров и следователей к 15 августа. Прокурорам дорог второй очереди укомплектование аппарата участковыми прокурорами и следователями провести к 20 августа.

За грубое нарушение приказа № 134/ц/468, выразившееся в необеспечении выездов участковых прокуроров на крушения, имевшие место 28 июля и 2 августа, прокурору Северо-Донецкой дороги Любимову объявляю выговор.

Напоминаю всем прокурорам дорог, прокурорам республик, краев и областей об огромной ответственности, возложенной на них за точное и неуклонное исполнение решений февральского пленума ЦК ВКП(б) и изданного во исполнение этих решений приказа № 134/ц/468.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

7 августа 1937 г.
№ 55/15.

ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ РАБОТЫ ПО СУДЕБНОМУ НАДЗОРУ

В практике работы органов прокуратуры наблюдаются случаи крайне запоздалого принесения протестов в порядке надзора на приговоры судов, в том числе на оправдательные, что приводит нередко к тому, что несмотря на обоснованность протестов, по существу, суды отклоняют их только по мотиву явной запоздалости. Если в некоторых случаях подобное запоздание объясняется неосведомленностью прокурора о том или ином деле, то в большинстве случаев оно является результатом неповоротливости, отсутствия инициативы, неустановления должного надзора за судебной практикой.

Районные и городские прокуроры, получая сигналы о том или ином неправильном приговоре, нередко направляют их в вышестоящие органы прокуратуры с большим запозданием.

Областные и краевые прокуроры, а также прокуроры союзных и автономных республик также не спешат с реализацией таких представлений своей периферии, задерживая их иногда по месяцу и больше. Вместе с тем, вследствие явно недостаточного участия в работе кассационной коллегии эти прокуроры не используют возможности своевременного направления приговоров еще в стадии кассационно-ревизионной проверки, а лишь впоследствии, с большим опозданием, по сигналам со стороны, вынуждены исправлять в надзорном порядке то, что могло бы быть своевременно устранено еще в кассационной коллегии.

Особенно нетерпимым такое запоздание протестов бывает в тех случаях, когда эти протесты приносятся на оправдательные приговоры суда или на определения кассационной коллегии о прекращении дела, а также тогда, когда ставится вопрос об отмене приговора за мягкостью наказания, подчас уже тогда, когда наказание отбыто.

Решительно осуждая подобного рода практику, Прокуратура Союза требует от всех прокуроров перестройки своей работы в направлении, обеспечивающем максимальную оперативность, своевременность и быстрое опротестование тех приговоров, решений и определений, которые по обстоятельствам дела должны быть опротестованы.

В этих целях обязываю:

1. Районных и городских прокуроров в случае установления обстоятельств, требующих опротестования в порядке надзора вступивших в законную силу приговоров и определений, направлять в трехдневный срок вышестоящему прокурору судебное дело с сообщением необходимых для протеста оснований и данных.

2. Прокуроров краев, областей и республик рассматривать такие представления прокуроров немедленно по их получении с тем, чтобы в случае признания обоснованности представляемых протестов не позднее 5—10 дней входить в соответствующие инстанции суда с мотивированными протестами.

3. Прокурорам областей, краев и республик, независимо от обязательного участия в заседаниях кассационной коллегии по делам особого значения (по закону 7 августа 1932 г. о хищениях социалистической собственности, по закону от 8 декабря 1933 г. о выпуске недоброкачественной продукции, по закону 7 апреля 1935 г. о преступлениях несовершеннолетних, по закону 27 июня 1936 г. о борьбе с абортами и т. п.) обеспечить систематическое наблюдение за прохождением в судах дел по тем категориям преступлений, которые чаще наблюдаются в данной области, крае или республике (например, по делам, возникающим из родовых пережитков в национальных республиках и областях, по делам о хулиганстве там, где преступность этого рода особенно распространена, и т. п.).

В этих целях установить либо участие представителей прокуратуры в заседаниях кассационной коллегии по этим делам, либо, где не представляется возможным осуществить это полностью, установить регулярное наблюдение за этими делами в порядке надзора, немедленно, в случае необходимости, принося протесты и по этим делам.

4. Неуклонно опротестовывать, добиваясь отмены неправильных приговоров и определений, особенно тех, которыми извращается политическое значение дела или искривляется карательная политика, в то же время не допускать опротестования приговоров по делам о незначительных преступлениях, утративших к моменту принесения протеста свое общественное значение и остроту, или не имеющих общественно-политического значения.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

4 августа 1937 г.
№ 54/23.

О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ИСКОВ ОБ ОПЛАТЕ ТРАКТОРИСТОВ

Для сведения и руководства направляю Вам постановление Совета народных комиссаров Союза ССР от 5 августа с. г. № 1307 «О порядке рассмотрения исков об оплате трактористов».

Приложение. Упомянутое.

11 августа 1937 г.
№ 57/1

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

Москва, Кремль, № 1307 5 августа 1937 г.

О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ИСКОВ ОБ ОПЛАТЕ ТРАКТОРИСТОВ

В дополнение постановления Совета Труда и Обороны от 21 сентября 1933 г. «Об организации использования тракторного парка» (СЗ СССР 1933 г. № 60, ст. 361) Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. При предъявлении трактористами исков к МТС о взыскании причитающейся им платы за произведенную работу МТС обязана, при получении повестки о вызове в суд, одновременно предъявить в том же суде иск к колхозу о взносе МТС натурой и деньгами для расчета с трактористами, согласно договору МТС с колхозом, если последний не выполнил этих обязательств.

2. В этих случаях суд обязан одновременно рассмотреть оба иска как трактористов к МТС, так и МТС к колхозу о внесении последним хлеба и денег для расчета с трактористами.

3. Непредъявление или несвоевременное предъявление МТС к колхозу иска не может служить основанием для приостановления рассмотрения иска трактористов к МТС.

Председатель СНК Союза ССР **В. Молотов.**

Управляющий делами СНК Союза ССР
Н. Петруничев.

О ВОЛОКИТЕ В ПРОКУРАТУРЕ УЗБЕКСКОЙ ССР

Приговором судебной коллегии Верхсуда Узбекской ССР от 28—29 марта 1933 года по делу о хищениях в строительстве Мечанстроя бывший кладовщик этого строительства Антюхин был осужден по закону 7 августа 1932 г. к лишению свободы на 10 лет с конфискацией имущества.

Конкретно Антюхину этим приговором приписывалось хищение со склада Мечанстроя 70 листов железа с последующей продажей его в июле 1932 г. за 1 400 руб. кустарю Дразнину.

По протесту прокуратуры Узбекской ССР, внесенному по предложению Прокуратуры Союза ССР, президиум Верхсуда Узбекской ССР постановлением от 2 марта 1935 г. отменил приговор с обращением дела к доследованию, причем, одновременно с опротестованием приговора, Антюхин, отбывший к этому времени по приговору около 2½ лет лишения свободы, в порядке приостановления исполнения приговора, был из-под стражи освобожден под подписку о невыезде.

При дополнительном расследовании было установлено, что нет оснований считать про-

данное Антюхиным Дразнину железо похищенным со склада.

Исходя из этих данных, дальнейшее производство дела в отношении Антюхина, ввиду отсутствия доказательств для предания Антюхина суду, было прекращено.

Реабилитированный Антюхин обратился в прокуратуру Узбекской ССР с заявлением о привлечении к ответственности лиц, по вине которых он понес значительный материальный ущерб.

Поскольку прокуратура Узбекской ССР не уделила должного внимания справедливым претензиям Антюхина, он обратился с тем же заявлением в Прокуратуру Союза ССР.

Прокуратурой Союза ССР было дано прокурору Узбекской ССР распоряжение расследовать причины возбуждения против Антюхина уголовного преследования и виновных в незаконном и неправильном возбуждении этого дела привлечь к уголовной или дисциплинарной ответственности.

Несмотря на то, что исполняющий обязанности прокурора Узбекской ССР Башевой в письме от 25 декабря 1935 г. сообщил, что «факт грубо-небрежного проведенного как предварительного, так и судебного следствия по делу Антюхина вполне очевиден с вытекающими отсюда последствиями», он не выполнил предложения Прокуратуры СССР, а постановлением от 16 июля 1936 г. отменил постановление следователя Ташкентской городской прокуратуры Капустянского от 1 апреля 1935 г. о прекращении уголовного преследования в отношении Антюхина и предложил следователю прокуратуры Узбекской ССР Долганову возобновить производство расследования по обвинению Антюхина в приписываемом ему похищении железа со склада Мечанстроя.

В результате ряда неправильных действий следователя Долганова, санкционированных исполняющим обязанности прокурора Узбекской ССР Башевым, дело в отношении гр. Антюхина было прекращено лишь в порядке примечания к ст. 6 и ст. 9[1] УК Узбекской ССР. Такое направление дела Антюхина не обосновано материалами дела и является явно неправильным. Несмотря на это старший помощник прокурора СССР т. Ширвиндт, заведывавший в то время отделом уголовно-судебного надзора, по заключению бывшего прокурора названного отдела Русанова о правильности действий прокуратуры Узбекской ССР, санкционировал действия этой последней и направил в бюро КСК при СНК СССР соответствующее уведомление.

Ознакомившись с материалами дела, Бюро жалоб КСК при СНК СССР сообщило мне свои выводы о явной неправильности действий и выводов прокуратуры Узбекской ССР, санкционированных старшим помощником прокурора СССР т. Ширвиндтом.

Проверкой заново всех материалов дела устанавливается следующее:

1. Предварительным расследованием не было добыто никаких материалов, которые объективно и документально устанавливали бы факт систематических хищений со склада Мечанстроя каких-либо материалов.

Мало того, органом расследования и прокуратурой без всякого внимания и оценки был оставлен документальный акт обследования Мечанстроя комиссией РКИ от 1 ноября 1932 г., который прямо противоречил указанной постановке обвинения.

2. В пределах тех двух конкретных фактов, которыми фактически занималось расследование (продажа Антюхиным 117 листов железа Дразнину и получение Пицыным с Мечанстроя части стройматериалов для постройки дома), предварительное расследование было произведено с грубейшим нарушением основных процессуальных форм и гарантий (Антюхину, как и Сабитову, при допросе в качестве обвиняемого никакого обвинения не предъявлялось — арестован и допрошен 27 октября 1932 г., а постановление о привлечении в качестве обвиняемого датировано только 26 декабря 1932 г., ни один следственный акт надлежаще оформлен не был; объяснения Пицына и документы, устанавливающие факт получения Пицыным материалов с разрешения начальника Мечанстроя из остатков и с оплатой полученного за наличный расчет, игнорировались и т. д.).

3. По окончании расследования материалы расследования ни Антюхину, ни Пицыну, ни Сабитову не предъявлялись и т. д.

Несмотря на указанные выше грубейшие дефекты предварительного расследования, уголовно-судебная коллегия Верхсуда Узбекской ССР, под председательством члена Верхсуда Узбекской ССР Ряховского, не только не обратила на них внимания и не вернула дела на доследование, но в дополнение к ним допустила при слушании дела новые грубейшие нарушения (совершенно неправильно отказала подсудимому и защите в ходатайстве о допросе ряда свидетелей и о затребовании от Мечанстроя справки о результатах проверки наличия склада Антюхина после его ареста, квалифицировала преступление Антюхина по закону 7 августа 1932 г., хотя продажа железа имела место до издания закона от 7 августа и т. д.).

Основная вина в неправильном привлечении и осуждении по данному делу гражданина Антюхина по закону 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы лежит на производившем первоначальное расследование по этому делу, бывшем Уполномоченном ПП ОГПУ по Средней Азии Некрасове, бывшем заместителе прокурора Узбекской ССР Рубанепко, который наблюдал за следствием и утвердил обвинительное заключение, и на члене Верхсуда Узбекской ССР Ряховском, который председательствовал в судебном заседании по данному делу.

В дальнейшем, в период проверки этого дела Прокуратурой Союза, бывший исполняющий обязанности прокурора Узбекской ССР Башевой допустил совершенно исключительное нарушение предложения Прокуратуры Союза, оставив без исполнения поручение Прокуратуры Союза о выяснении виновных в неправильном возбуждении, расследовании и разрешении данного дела и подменив его распоряжением старшему следователю прокуратуры Узбекской ССР возобновить и продолжить расследование в направлении обвинения Антюхина в краже железа со склада Мечанстроя.

Тем самым Башевой покрывал явно незаконные и неправильные действия прокурорско-следственных и судебных работников по воз-

буждению, расследованию и разрешению данного дела.

Приказываю:

1. Прокурору Узбекской ССР т. Шейндлину:

а) немедленно отменить постановление следователя Долганова от 29 сентября 1936 г. о прекращении дела в отношении Антюхина по примечанию к ст. 6 и ст. 9^1 УК Узбекской ССР, а также и постановление исполняющего обязанности прокурора Узбекской ССР Башевого от 16 июля 1936 г. об отмене постановления следователя Ташкентской городской прокуратуры Капустянского от 1 апреля 1935 г. и восстановить в силе прекращение дела в отношении Антюхина в порядке примечания к ст. 2 УПК Узбекской ССР за недостаточностью доказательств для предания Антюхина суду по обвинению в приписываемой ему краже со склада Мечанстроя;

б) о действиях бывшего уполномоченного ПП ОГПУ по Средней Азии Некрасова сообщить Народному комиссару внутренних дел Узбекской ССР, а о действиях члена Верхсуда Узбекской ССР Ряховского сообщить Народному комиссару юстиции Узбекской ССР на предмет привлечения их к ответственности;

в) бывшего исполняющего обязанности прокурора Узбекской ССР Башевого за неисполнение поручения Прокуратуры Союза и подмену его распоряжением, направленным к покрытию незаконных и неправильных действий прокурорско-следственных и судебных работников по данному делу, — предать суду;

г) старшему следователю прокуратуры Узбекской ССР Долганову за проявленную вобекскую ССР Долганову за проявленную волокиту и искусственное ведение дополнительного расследования по делу Антюхина объявить выговор с перемещением на должность народного следователя и указанием на то, что он заслуживает снятия с должности и предания его суду, но эти меры в данном случае к нему не применяются исключительно ввиду того, что он действовал по непосредственным распоряжениям и под давлением Башевого.

2. Бывшему заместителю прокурора Узбекской ССР, ныне транспортному прокурору Ташкентской ж. д. Рубаненко объявляю строгий выговор, ограничиваясь этим взысканием ввиду того, что за последнее время он показал себя исполнительным и добросовестным работником железнодорожной транспортной прокуратуры.

3. Прокурору Узбекской ССР т. Шейндлину за недостаточное наблюдение за аппаратом по выполнению поручения Прокуратуры Союза по данному делу и за неправильное, без тщательной проверки, санкционирование и защиту неправильного постановления следователя Долганова от 29 сентября 1936 г., явно извратившего в приводимых им мотивах фактические данные дела, объявляю выговор.

4. Старшему помощнику Прокурора Союза ССР т. Ширвиндту ставлю на вид санкционирование заключения по делу Антюхина бывшего прокурора отдела уголовно-судебного надзора Прокуратуры СССР Русанова, без надлежащей непосредственной проверки правильности этого заключения по материалам дела и без доклада заместителю Прокурора Союза ССР т. Леплевскому, по требованию которого поступили в Прокуратуру Союза дело Антюхина и объяснения прокурора Узбекской ССР т. Шейндлина.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

7 августа 1937 г.
№ 664

О РАБОТЕ ПО УЧЕТУ И ИНФОРМАЦИИ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ

Состоявшееся 16 июля с. г. совещание с руководителями групп учета и информации прокуратур союзных республик: РСФСР, Украинской и Белорусской ССР и имеющиеся в Прокуратуре Союза ССР материалы указывают, что в большинстве прокуратур союзных республик организация учетно-статистических работ неудовлетворительна.

Недооценивая важного значения в практической оперативной работе правильной организации учета и своевременного получения с мест статистических отчетных данных, прокуроры союзных и автономных республик, краев и областей все еще не уделяют должного внимания организации и контролю работы в группах учета и информации как в своем центральном аппарате, так и на периферии.

Особенно плохо обстоит дело в прокуратуре Казахской союзной республики, которая до настоящего времени не сумела даже организовать представления месячных статистических отчетов за текущий год.

В целях правильной организации учетно-статистических работ в соответствии с теми задачами, которые должны осуществлять учет и статистика в органах прокуратуры, предлагаю:

1. Проверить кадры работников учета и обеспечить группы учета и информации прокуратур областей, краев и республик отвечающими своему назначению руководителями и необходимыми техническими работниками с тем, чтобы группы учета действительно могли осуществлять организацию, инструктаж и контроль за работой периферии и своевременно составлять отчеты для представления в вышестоящие органы прокуратуры.

2. Обязать начальников оперативных отделов (следственного, уголовно-судебного, гражданско-судебного и т. д.) прокуратур областей, краев и республик в целях своевременного использования в оперативной работе статистических материалов, сигнализирующих часто о неудовлетворительном качестве работы низовых органов прокуратуры, обязательно просматривать все получаемые с мест ежемесячные статистические отчеты и немедленно принимать необходимые меры для повышения качества работы на местах.

3. Вменить в обязанность группам учета и информации прокуратур областей, краев и республик составлять на основании получаемых месячных статистических отчетов, не реже чем раз в квартал, краткие обзоры работы органов прокуратуры с анализом важнейших показателей, характеризующих качество и объем следственной работы, судебно-надзорной работы по уголовным делам, по гражданским делам, по общему надзору, по жалобам и по надзору за местами заключения. Выво-

ды, сделанные на основании отчетных данных упомянутых обзоров, доводить до сведения подведомственных прокуратур (районных, областных, краевых).

4. Поручать командируемым для обследования на места работникам прокуратур областей, краев и республик проверять организацию и состояние учетно-статистических работ и использование отчетных материалов в оперативной работе.

5. Отмечая прокуратуру Казахской ССР как не сумевшую справиться в текущем году с организацией учетно-статистической работы и не представившую отчетность, обязываю прокурора Казахской ССР не позже 25 августа с. г. представить все месячные отчеты за первое полугодие текущего года и впредь регулярно представлять их в установленный срок.

6. Всем прокурорам союзных республик предлагаю сообщить мне не позже 1 сентября с. г., что сделано ими для улучшения организации учетно-статистической работы и, в частности, какими мероприятиями обеспечили они на будущее время представление в Прокуратуру Союза ССР вполне доброкачественных, максимально полных статистических отчетов в установленные сроки.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

9 августа 1937 г.
№ 56/20

О НАПРАВЛЕНИИ В ГЛАВНУЮ ТРАНСПОРТНУЮ ПРОКУРАТУРУ КОПИЙ ВСЕХ ПРИГОВОРОВ ЛИНСУДОВ

Приказом Прокурора Союза ССР № 268 от 20 апреля 1937 г. на прокуроров дорог возложена обязанность представлять в Главную прокуратуру ж.-д. транспорта копии всех приговоров линейных судов и свои заключения по кассационным жалобам в случаях, когда в кассационных жалобах содержатся указания на допущенные прокуратурой или судом грубые процессуальные нарушения и недоследованность важных для дела обстоятельств.

Приказом Прокурора Союза прокуроры дорог должны представлять заключения по кассационным жалобам и копии приговоров одновременно с направлением линсудами дел в Транспортную коллегию Верхсуда Союза ССР.

По сообщению ряда прокуроров дорог, они лишены возможности выполнить приказ Прокурора Союза вследствие отказа председателей линейных судов выдавать им для ознакомления кассационные жалобы.

В целях улучшения качества кассационного рассмотрения дел и устранения допускаемых процессуальных нарушений предлагаем:

1. Председателям линсудов немедленно направлять прокурорам по их требованию кассационные жалобы и, в частности, те, в которых имеются указания на процессуальные нарушения или недоследованность.

Вместе с кассационными жалобами направлять дела.

2. Прокурорам дорог не позднее суточного срока знакомиться с кассационными жалобами и делами, возвращая немедленно после ознакомления дела вместе с жалобами в линейный суд.

Народный комиссар юстиции СССР
Н. Крыленко.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

15 августа 1937 г.
№ 58/80

О СПЕЦДОНЕСЕНИЯХ

Поступающие в Прокуратуру Союза ССР спецдонесения с мест явно неудовлетворительны. Их недостатки заключаются в следующем.

Спецдонесения в Прокуратуру Союза направляются часто с большим опозданием, а поэтому не могут быть использованы Прокуратурой Союза в качестве оперативного материала. Спецдонесения часто загромождаются мелкими фактами, собранными за большой промежуток времени, в то же время серьезнейшие нарушения революционной законности и крупнейшие преступления, возникшие в пределах района, области, края, республики, остаются в них неосвещенными.

Многие прокуроры возложили всю работу по спецдонесениям на второстепенных сотрудников, на так называемых информаторов, а сами непосредственного участия в этой работе не принимают и этой работой не руководят, что является совершенно неправильным и недопустимым.

Приказываю всем прокурорам союзных и автономных республик, краев, областей и районов перестроить свою работу по спецдонесениям в таком направлении, чтобы отмеченные выше недостатки были устранены.

Прокуратура Союза считает излишним и бесполезным предлагать Вам перечень вопросов, по которым Вы должны присылать спецдонесения, так как всякий перечень был бы безжизненным и формальным требованием. Вы, в соответствии со своим правильным пониманием политической обстановки, в каждом данном случае должны информировать нас о всех наиболее выдающихся фактах беззакония и преступности и немедленно после того, как они вскрываются.

Необходимо сообщать все факты о наиболее важных контрреволюционных группах, всякого рода кулацких и вражеских вылазках, особенно тех, которые проявляются в наиболее резкой форме (террор, диверсия, вредительство и т. д.), о фактах, обращающих на себя внимание своей исключительностью мотивов, методов и способов совершения преступления. Так, например, преступления, затрагивающие широкие круги трудящихся (случаи отравления в столовых общественного питания, в колхозах, на предприятиях и т. д.); из бытовых дел — дела, которые представляют особый интерес с точки зрения мотивов или способов совершения преступления.

Прокуратуре Союза ССР необходимо знать о наиболее грубых нарушениях социалистической законности, как-то: о незаконных обязательных постановлениях местных советов и исполкомов, о грубых нарушениях и извращениях устава сельскохозяйственной артели, о явно незаконных приказах и инструкциях, по-

становлениях и решениях местных исполкомов их отделов, профсоюзных и кооперативных организаций, о незаконных действиях должностных лиц этих учреждений и организаций, нарушающих: а) интересы советского государства; б) гарантированные Конституцией СССР права граждан; в) налоговое и страховое законодательство и законодательство об обязательных поставках; г) социалистическую демократию (выборность, порядок приема и исключения членов советских, кооперативных и профсоюзных организаций и т. п.), о грубых нарушениях положения о выборах в Верховный Совет Союза ССР.

Повторяем, исчерпывающий список вопросов для спецдонесений не предлагается, так как Ваша политическая подготовка, юридическая квалификация и прокурорский опыт должны Вам подсказать, какие вопросы представляют интерес с точки зрения надлежащего реагирования Прокуратуры Союза на подобного рода факты и правильной организации со стороны Прокуратуры Союза руководства Вашей работой по борьбе с нарушениями законов и различными преступлениями.

Спецдонесения по всем указанным выше и подобным им вопросам прокуроры республик, краев, областей и районов обязаны немедленно присылать непосредственно Прокурору Союза (с надписью на конверте «Особо важные спецдонесения»).

В особых случаях спецдонесения должны передаваться по телеграфу.

Посылка спецдонесений непосредственно Прокурору Союза не исключает обязанности прокуроров сообщать о всех подобного рода фактах одновременно и своему непосредственному руководству — вышестоящему прокурору, который независимо от того, как будет реагировать Прокуратура Союза, должен принять необходимые меры по этим фактам.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

16 августа 1937 г.
№ 59/24

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЩЕМУ НАДЗОРУ

I

Имеющиеся в распоряжении Прокуратуры Союза материалы о работе прокуратуры на местах по общему надзору показывают, что эта работа страдает крупными недостатками и что неоднократные указания Прокуратуры Союза по вопросу об организации и осуществлении общего надзора до настоящего времени в жизнь не проведены.

Больше того, ряд имеющихся в распоряжении Прокуратуры Союза фактов говорит о том, что до сих пор отдельные республики, края, области и тем более районные прокуроры не понимают всего политического значения общего надзора прокуратуры как одного из мощных средств борьбы за революционную законность. Только этим обстоятельством можно объяснить неудовлетворительное состояние в ряде мест отделов общего надзора и неудовлетворительный подбор работников этих отделов, невнимание руководителей и местных органов прокуратуры к работе по общему надзору, загрузка этих отделов совершенно несвойственными им обязанностями (например, приемом и рассмотрением жалоб, сосредоточение в отделе общего надзора дел, связанных с преступностью среди несовершеннолетних, с административным выселением и т. п.).

К числу наиболее серьезных и вместе с тем распространенных недостатков в работе органов прокуратуры на местах по общему надзору относятся:

1. Отсутствие инициативы в борьбе с различного рода нарушениями революционной законности и наличие в этом деле самотека: прокуроры, как правило, не наблюдают за постановлениями различных местных органов власти, систематически с ними не знакомятся, не обращают внимания на содержащиеся в этих постановлениях и распоряжениях нарушения революционной законности, а иногда и прямые извращения, и не ставят в соответствующих административных и советских органах по собственной инициативе вопросов об устранении этих нарушений.

Как правило, прокуроры опротестовывают незаконные постановления и распоряжения лишь в тех случаях, когда об этом им сообщают заинтересованные учреждения, или же отдельные лица, или же по материалам печати.

Требуя впредь абсолютного внимания и быстрого реагирования на всякого рода сигналы в печати, заявления учреждений и отдельных лиц, Прокуратура Союза в то же время требует проявления гораздо большей инициативы и оперативности в опротестовании незаконных распоряжений и постановлений различных советских органов, чем это имело место до настоящего времени.

2. Отсутствие должной решительности в борьбе с различными нарушениями советских законов, а также отсутствие необходимой настойчивости и последовательности в устранении этих нарушений. Нередко прокуроры бездействуют, несмотря на явные нарушения закона, предпочитают не замечать этих нарушений, а замечая и опротестовывая незаконные распоряжения и постановления, прокуроры считают свою задачу исчерпанной фактом предъявления протеста, не принимая никаких мер к скорейшему и правильному его разрешению, формально-бюрократически относясь, таким образом, к этой важнейшей своей задаче и не доводя дело до конца, с использованием всех предоставляемых им законом возможностей. В частности, прокуроры не заботятся о быстрейшем рассмотрении предъявленных ими протестов; при отклонении их протестов не переносят в вышестоящие инстанции; не сообщают своевременно в вышестоящие прокурорские органы, в частности, в Прокуратуру Союза и, таким образом, фактически не ведут надлежащей борьбы за укрепление революционной законности.

3. При опротестовании незаконных распоряжений или постановлений прокуроры нередко оставляют без внимания исследование основных причин того или другого нарушения, не стараются вскрыть корней этих нарушений, не обращают внимания на общие условия или систему работы данного учреждения, порождающие подобного рода нарушения закона.

Опротестовывая какое-либо незаконное по мнению прокуратуры распоряжение или поста-

новление различных органов, прокуроры не исследуют всего вопроса в целом, не исследуют того, при каких условиях возник данный вопрос, в чем лежат причины нарушения закона и т. д.

Между тем, нельзя оставлять без ответа вопрос о том, кто был инициатором того или другого незаконного постановления и чем объясняется, что лицо, на которое возложена была разработка данного вопроса, предложило такое решение этого вопроса, которое противоречит закону: объясняется ли это невежеством в области основного законодательства или, может быть, происками пробравшихся в наши учреждения врагов.

При обнаружении какого-либо незаконного постановления, особенно содержащего в себе грубейшие извращения революционной законности, прокурор обязан выяснить людей, которые это постановление подготовляли, заглянуть в их прошлое, поинтересоваться их политической и общественной физиономией. Проверить, наконец, не стоят ли подобного рода действия этих лиц в какой-либо связи с враждебными нашему делу вылазками. Прокурор должен заинтересоваться вопросом, явилось ли такое нарушение случайностью, явилось ли оно просто ошибкой или же результатом злостных и преступных намерений того или другого лица.

Прокуратура Союза на это последнее обстоятельство обращает особенное внимание местных работников прокуратуры. Прекрасно понимая всю трудность правильного разрешения этой задачи, Прокуратура Союза, однако, считает, что в эту сторону должны быть направлены усилия прокурорского аппарата по осуществлению надзора за законностью, так как именно при таком направлении своей работы только и можно в максимальной степени обеспечить укрепление революционной законности и разоблачение всяческих враждебных нам искривлений социалистической законности.

Имея в виду, что общий надзор за законностью может дать необходимые результаты лишь при выполнении указанных выше требований и приобрести таким образом необходимую политическую заостренность, Прокуратура Союза напоминает о недопустимости при осуществлении надзора за законностью ограничиваться наблюдением лишь за исполнением формальных требований закона.

В работе по общему надзору органы прокуратуры должны обратить особенное внимание на борьбу с какими бы то ни было нарушениями основного закона Союза ССР — Сталинской Конституции и, в первую очередь, с нарушениями принципов советской социалистической демократии.

Сталинская забота о человеке, нашедшая свое яркое выражение в Конституции СССР, давшей исчерпывающее определение прав и обязанностей граждан СССР, обязывает органы Прокуратуры уделять особое внимание ограждению этих прав от каких бы то ни было посягательств, чутко и внимательно относиться к жалобам граждан на нарушение их прав, не оставляя без тщательной проверки ни одной из таких жалоб, и при подтверждении их добиваться безусловного восстановления нарушенной законности.

Пристального внимания органов прокуратуры в работе по общему надзору требуют вопросы точного соблюдения Устава сельскохозяйственной артели, а также законодательства о госпоставках, налогах и др. обязательных платежах на селе, учитывая, что нарушения законности в этих вопросах крайне болезненно воспринимаются населением и вредно отражаются на организационно-хозяйственном укреплении колхозов.

Исключительное значение в настоящих условиях имеет вопрос о законности издаваемых местными органами власти обязательных постановлений и правильности применения устанавливаемых ими санкций. Поэтому органы прокуратуры на местах должны добиться такого положения, при котором ни одно обязательное постановление, изданное с нарушением закона, не оставалось бы в силе.

Особого внимания требуют вопросы борьбы с нарушениями законности в промышленности и, в первую очередь, с нарушениями законодательства о труде, зачастую являющими собой одну из форм вредительской деятельности врагов народа — троцкистско-правых агентов фашизма (нарушения правил техники безопасности, обсчеты рабочих, задержка в выдаче заработной платы, незаконные штрафы и т. д.).

II

Основными средствами, при помощи которых органы прокуратуры должны осуществлять свою работу по общему надзору, являются:

а) Ознакомление с постановлениями и приказами административных и хозяйственных организаций, действующими на территории, обслуживаемой соответствующими органами прокуратуры, для проверки соответствия их законодательству Союза и союзных республик.

б) Расследование поступающих жалоб и материалов печати на нарушения законов и сообщение результатов расследования в печати, заинтересованным лицам, соответствующим учреждениям и организациям.

в) Установление тесного контакта с контрольными органами (партийный и советский контроль) и ревизионными комиссиями колхозов для получения и использования имеющихся у них материалов о нарушениях законов.

г) Организация групп содействия на крупных предприятиях, в совхозах и колхозах для выявления через них нарушений законов и проведения профилактической работы; участие в секциях революционной законности исполкомов и советов; связь с рабкорами и селькорами и участие в их совещаниях.

д) Выезд на предприятия и в колхозы для ознакомления с состоянием законности, ликвидации нарушений законов и проведения работы по правовому просвещению масс.

е) Систематическое участие в заседаниях исполкомов и советов в целях осуществления надзора за законностью принимаемых ими постановлений.

Такие методы работы, как обследования хозяйственных и административных органов, различного рода «рейды» и «походы», связанные к тому же с вмешательством в оперативную работу этих органов, ни в коем случае не должны допускаться.

Вменяя в обязанность всем прокурорским органам при осуществлении ими функций общего надзора неуклонно руководствоваться приведенными выше указаниями, предлагаю прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей в течение ближайшего месяца проработать настоящий циркуляр на оперативных совещаниях с райпрокурорами и провести к 1 октября с. г. нижеследующие организационные мероприятия:

1. Укомплектовать отделы общего надзора прокуратур союзных и автономных республик, краев и областей работниками надлежащей квалификации и не допускать в дальнейшем их перемещения без крайней к тому нужды.

2. Обеспечить снабжение отделов общего надзора городских и районных прокуратур официальными изданиями законов СССР и союзных республик.

3. Наладить систематическое и регулярное получение отделами общего надзора прокуратур союзных и автономных республик важнейших приказов и инструкций республиканских наркоматов для проверки их с точки зрения соответствия законам Союза и союзных республик.

4. В тех же целях организовать получение отделами общего надзора краевых и областных прокуратур важнейших постановлений краевых и областных исполкомов, а также приказов и распоряжений тех их отделов и хозяйственных организаций, которые по характеру своей деятельности имеют наибольшее соприкосновение с широкими массами населения (земельные, финансовые, торговые, коммунальные отделы, заготовительные организации).

5. Одновременно наладить систематическое ознакомление работников отделов общего надзора с приказами (принципиального характера и касающихся значительных групп рабочих и служащих) ведущих промышленных предприятий каждого края и области, путем ли получения этих приказов и распоряжений или просмотра их на месте.

6. Краевым и областным прокурорам установить в зависимости от характера районов, какие ведомственные приказы райорганизаций должны регулярно проверяться райпрокурорами и какими методами.

7. Выезды в районы, сельсоветы и колхозы должны осуществляться по плану. Итоги при выездах должны оформляться специальной справкой о проделанной работе. Край(обл)прокуратуры должны осуществлять наблюдение и контроль за выполнением этого указания.

8. Обеспечить безусловное получение всеми районными прокурорами и отделами общего надзора краевых и областных прокуратур обязательных постановлений соответствующих органов власти на местах в сроки, установленные законодательством союзных республик.

9. Обязать все органы прокуратуры следить за прохождением приносимых ими протестов и лично поддерживать эти протесты при их рассмотрении.

10. Для усиления контроля за работой по общему надзору установить практику направления органами прокуратуры в вышестоящие прокуратуры копий наиболее важных протестов, а также систематическую проверку этими прокуратурами работы своих периферийных органов.

11. Обязать прокуроров при выездах на село практиковать организацию докладов, консультаций и бесед в колхозах и совхозах о революционной законности в свете Сталинской Конституции СССР.

12. Обязать отдел общего надзора Прокуратуры СССР установить наблюдение за исполнением настоящего приказа, представляя мне соответствующие справки о ходе работы по общему надзору ежеквартально.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

16 августа 1937 г.
№ 60/24

О ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ

В целях создания необходимых условий для успешной работы по повышению квалификации работников прокуратуры и следственных органов установить для всех работников прокуратуры и следственных органов, состоящих слушателями заочного юридического института и заочной юридической школы, следующие льготы:

1. Один свободный день в шестидневку, кроме выходного, специально для учебной работы с запрещением занимать этот день собраниями, заседаниями, совещаниями и т. д.

2. Освобождение заочников от служебных обязанностей на время учебных конференций и заочных сессий два раза в год по 12 дней с приравнением участия в этих конференциях и сессиях к служебным командировкам с оплатой проезда, суточных и квартирных.

3. Освобождение заочников от служебных обязанностей на время подготовки и сдачи выпускных экзаменов при окончании правовой школы на один месяц и на время подготовки и сдачи государственных экзаменов при окончании института на два месяца с оплатой проезда к месту производства экзаменов, квартирных и суточных за время пребывания на экзаменационной сессии.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

19 августа 1937 г.
№ 61/6

О ПОРЯДКЕ ПРИЕМКИ И СКЛАДИРОВАНИЯ СОРТОВОГО ЗЕРНА

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 июля с. г. отменен приказ Наркома земледелия СССР и председателя Комитета заготовок от 3 июля 1937 г. № 539/1472 «О порядке приемки сортового зерна в кампанию 1937/38 г. и порядке складирования сортового зерна на складах «Госсортфонда», в связи с тем, что в этом приказе повторена прошлая вредительская практика обезличивания и смешивания различных сортов семян под видом так называемого «товарно-сортового зерна».

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязали Наркомзем и Комзаг СНК СССР в деле заготовки

и хранения сортовых семян точно руководствоваться:

а) постановлением СНК СССР от 29 июня с. г. «О мерах по улучшению семян зерновых культур»;

б) постановлением СНК СССР от 29 июля 1937 г. «О ценах и кондициях на сортовое зерно из урожая 1937 г.» и

в) постановлением СНК СССР от 31 июля с. г. «О порядке организации приемки сортового зерна», приняв все необходимые меры, чтобы не допускать смешения на складах «Заготзерна» и «Госсортфонда» различных сортов зерна, снабженных сортовыми удостоверениями, а также смешения сортового зерна с несортовым.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) также обязали председателей СНК союзных республик, краевых и областных исполкомов, а также секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов проверить ход выполнения органами Комитета заготовок и Наркомзема перечисленных выше постановлений СНК СССР об улучшении семян зерновых культур, сообщив о результатах в СНК СССР и ЦК ВКП(б).

Наконец, указанное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 июля с. г. предусматривает привлечение виновных в смешении сортового зерна к уголовной ответственности с сообщением каждый раз об этом в СНК СССР.

Обращая Ваше внимание на исключительное значение постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 7 июля с. г. для дела улучшения семян зерновых культур, предлагаю обеспечить срочное расследование всех сигналов и сообщений о смешении зерна различных сортов на складах «Заготзерна» и «Госсортфонда». При расследовании этих дел Вы должны принимать все меры к тому, чтобы установить — не стоит ли за спиной преступника какая-либо вредительская контрреволюционная группировка, нет ли у преступника связей с враждебными нам элементами, для того чтобы разоблачить и предать суду не только исполнителей, но также организаторов, вдохновителей и подстрекателей этих преступлений.

О каждом выявленном Вами факте смешения сортового зерна немедленно информируйте меня спецдонесением.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

19 августа 1937 г.
№ 62/1

О СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ ИЗЪЯТИЯ ИМУЩЕСТВА В ПОКРЫТИЕ НЕДОИМОК ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ И МЕСТНЫМ НАЛОГАМ

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г. «Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан» СНК СССР 14 августа с. г. постановил отменить бесспорный порядок взыскания с колхозов несданной ими в срок натуроплаты работ МТС, установив, что эта натуроплата взыскивается через народный суд независимо от суммы иска.

Если при рассмотрении дела в народном суде обнаружатся данные, указывающие на злостный характер несдачи натуроплаты, суд, одновременно с решением о взыскании с колхоза натуроплаты, передает дело прокурору для расследования.

В случае передачи прокурором дела в суд для привлечения правления колхоза к ответственности за злостную несдачу натуроплаты, суд, установив наличие злостности, накладывает на колхоз денежный штраф в размере половины стоимости несданной натуроплаты по ценам, установленным для обязательных поставок государству.

Изложенное примите к точному руководству.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

20 августа 1937 г.
№ 64/1.

О ГАРНЦЕВОМ СБОРЕ

Имеющиеся материалы свидетельствуют о неблагополучии с гарнцевым сбором и о широком развитии тайного помола зерна в ряде республик, краев и областей.

В связи с этим обязываю Вас обеспечить систематический надзор органов прокуратуры за прохождением в органах расследования дел этой категории, добиваясь их окончания в декадный срок, а также произвести проверку в органах расследования и судах всех еще нерассмотренных дел по гарнцевому сбору, обеспечивая их внеочередное рассмотрение.

При этом предлагаю:

1. За производство тайного помола зерна трудящимися ручным способом для личных потребностей привлекать к ответственности по ст.ст. 16 и 105 ч. 1 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

В случае, если такой помол совершается хозяйствами, не выполнившими своих обязательств по поставке зерна государству, или когда он носит систематический характер или производится с целью уклонения от выполнения обязательств по зернопоставкам, виновных привлекать по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

2. Виновных в расхищении и безнарядном расходовании гарнцевого сбора привлекать по закону 7 августа 1932 г.

3. За расхищение гарнцевого сбора, в частности, за незаконное расходование его, директоров и заведующих мельничными, мукомольно-крупяными и маслобойными предприятиями привлекать по закону 7 августа 1932 г.

Об особо крупных фактах нарушения закона о гарнцевом сборе или хищений гарнца информируйте меня спецдонесением.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

20 августа 1937 г.
№ 65/1.

О НАРУШЕНИЯХ ДИСЦИПЛИНЫ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ

Из практики Прокуратуры Союза ССР видно, что дисциплина в органах прокуратуры стоит еще не на должной высоте.

Наблюдаются случаи, когда распоряжениями нижестоящих органов прокуратуры и подчиненных лиц изменяются и даже отменяются распоряжения вышестоящих органов прокуратуры, без ведома и предварительного согласия последних.

Такие случаи имеют место в особенности по жилищным делам. Так, например, заместитель прокурора г. Москвы т. Кобленц 16 октября 1936 г. нашел выселение гр. Добровольского в административном порядке законным и просил сообщить, кто тормозит выселение, а пом. прокурора Бауманского района г. Москвы т. Езерская в тот же день приостановила выселение Добровольского, отменив тем самым распоряжение городской прокуратуры.

20 октября 1936 г. пом. прокурора СССР т. Борисов приостановил выселение Добровольского на 10 дней, а 11 декабря 1936 г. б. исполняющая обязанности прокурора РСФСР т. Нюрина вовсе отменила выселение Добровольского.

Предупреждаю, что такой порядок работы абсолютно недопустим и в корне противоречит принципам прокурорской дисциплины и дискредитирует органы прокуратуры.

Предлагаю обеспечить безусловное устранение подобных случаев в работе подведомственных Вам органов прокуратуры, разъяснить, что нижестоящие прокуроры могут изменить распоряжение вышестоящей прокуратуры только с предварительного согласия последней.

О принятых мерах в этом отношении донести мне не позднее 20 сентября 1937 г.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

25 августа 1937 г.
№ 66/22.

О ПЕРЕДАЧЕ БЮРО БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СИСТЕМУ НКЮ СССР

Постановлением СНК СССР от 2 августа с. г. организовано Центральное бюро бухгалтерской экспертизы при НКЮ СССР и местные бюро бухгалтерской экспертизы при НКЮ союзных и автономных республик с их филиалами в краях и областях.

Существующие на местах в системе органов прокуратуры Бюро бухгалтерской экспертизы с их межрайонными и районными отделениями должны быть переданы местным органам НКЮ. Для передачи организовать на местах комиссии в составе представителей местной прокуратуры, НКЮ (суда) и зав. Бюро судебно-бухгалтерской экспертизы. Порядок передачи указан в прилагаемой инструкции.

После передачи местные Бюро бухгалтерской экспертизы и их отделения должны продолжать свою деятельность, руководствуясь впредь до утверждения Положения о Бюро бухгалтерской экспертизы при НКЮ СССР Временным положением об организации СБЭ от 8 июля 1936 г. с изменениями, внесенными циркуляром Прокурора СССР № 17/26 от 1 апреля 1937 г. и приказом Прокурора СССР № 517 от 18 июля 1937 г.

Вам надлежит обеспечить бесперебойность работы Бюро БЭ; в частности, в тех точках, где Бюро БЭ находятся в помещениях прокуратуры, им должна быть предоставлена возможность пользоваться этим помещением (с оплатой его по установленным правилам) впредь до предоставления им нового помещения НКЮ или край(обл)судом.

Вся имеющаяся задолженность органов расследования прокуратуры и судов за производство бухгалтерских экспертиз должна быть Вами немедленно оплачена.

Передача Бюро БЭ в органы НКЮ не снимает с органов прокуратуры функции надзора за деятельностью этих Бюро в системе НКЮ.

Со своей стороны местные органы НКЮ должны, после перехода к ним Бюро БЭ, обеспечить полное обслуживание органов расследования и прокуратуры бухгалтерской экспертизой, принимая меры к улучшению работы переданных им Бюро БЭ.

Народный комиссар юстиции Союза ССР
Крыленко

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

25 августа 1937 г.
№ 67/84.

ИНСТРУКЦИЯ О ПОРЯДКЕ ПЕРЕДАЧИ БЮРО СБЭ ПРИ ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА ССР В СИСТЕМУ НКЮ СССР

В соответствии с постановлением СНК СССР от 2 августа 1937 г. и с циркуляром Прокуратуры Союза ССР и НКЮ СССР за № 67/84 от 25 августа 1937 г. Центральное бюро судебно-бухгалтерской экспертизы, находящееся при Прокуратуре Союза ССР, и его местные органы (республиканские, краевые, областные Бюро СБЭ, а также районные и межрайонные отделения Бюро СБЭ) подлежат передаче в НКЮ СССР и его местным органам.

Передача производится по состоянию на 1 сентября 1937 г.

Для проведения передачи создается комиссия в составе трех человек:

В центре из: а) представителя Прокуратуры Союза ССР, б) представителя НКЮ СССР, в) начальника Центрального бюро СБЭ.

В республиках, краях и областях: а) представителя НКЮ — в республиках или представителя суда — в области или крае, б) заведующего Бюро СБЭ, в) представителя прокуратуры.

В районах: а) представителя нарсуда, б) представителя прокуратуры, в) заведующего отделением.

Передача Бюро СБЭ производится без прекращения деятельности (на ходу).

Передаче подлежат:

1. Штат Бюро СБЭ и его отделений.
2. Эксперты, состоящие на учете в Бюро и его отделениях.
3. Незаконченные работы по экспертизам.
4. Все текущие дела и архив.

5. Библиотека.

6. Имущество и хозинвентарь.

7. Остаток денежных средств, находящихся в кассе и на текущем счету, а также —

8. Весь актив и пассив Бюро и его отделений по балансу на 1 сентября 1937 г.

Расчетные счета баланса (дебиторы, кредиторы, взаимные расчеты и т. д.) к моменту передачи подлежат полной инвентаризации.

Дебиторская задолженность, которая на момент передачи является сомнительной, подлежит списанию на счет сомнительных долгов и в зависимости от степени сомнительности в балансе необходимо начислить резерв сомнительных долгов.

Передача Бюро оформляется соответствующим актом, один экземпляр которого представляется в Центральное бюро.

При акте необходимо представить следующие приложения:

1. Баланс Бюро на день передачи.

2. Инвентарную опись переданных материально-имущественных ценностей (имущество, хозинвентарь), с указанием процента годности.

Примечание. Инвентарь, пришедший в полную негодность, не передается, а подлежит списанию.

3. Ведомость дебиторской задолженности (по сч. 090, 100, 110, 120 и 130) с указанием наименования дебитора, за что образовалась задолженность, дата образования, причины неоплаты и какие меры приняты для взыскания.

4. Ведомость кредиторской задолженности (по сч. 130, 140, 150, 160, 170, 180, 190) с указанием наименования кредитора, даты возникновения, за что образовалась задолженность и причины непогашения.

5. Ведомость административно-управленческих расходов (счет 230) с начала года в сопоставлении со сметой, а также —

6. Полную расшифровку всех остальных счетов баланса, имеющих сальдо на день передачи.

7. Ведомость выполненных работ.

8. Список экспертиз, находящихся в производстве на момент передачи.

9. Список штатных сотрудников Бюро.

10. Список экспертов, состоящих на учете.

11. Опись дел, документов и архива Бюро.

12. На переданные материально-имущественные ценности в присылаемой ведомости должна быть расписка лица, принявшего на учет и ответственное хранение те или иные ценности.

Штампы и печать Бюро должны быть заменены штампом и печатью образца, прилагаемого к сему.

Текущий счет в Госбанке должен быть переименован в соответствии с переименованием Бюро СБЭ.

Впредь до особого распоряжения Центрального бюро — местные Бюро СБЭ продолжают свою работу на началах хозрасчета с сохранением существующего порядка оплаты экспертиз.

Все выданные ранее доверенности на право производства операций от имени Бюро СБЭ в системе прокуратуры подлежат возвращению в Центральное бюро, взамен которых будут выданы новые доверенности от имени Центрального бюро при НКЮ СССР.

Передача Бюро СБЭ ни в какой мере не должна ослабить работу Бюро.

Начальник Центрального бюро СБЭ
Бранецкий.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 106/1458 ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

Об изменении подсудности имущественных споров колхозов между собой и с государственными и кооперативными организациями.

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

1. Установить, что все споры колхозов между собой, а также с государственными и кооперативными организациями, возникающие из договоров и других имущественных правоотношений, подлежат рассмотрению в народных судах независимо от суммы иска по этим спорам.

Примечание. В отношении земельных споров колхозов сохраняется существующий порядок их рассмотрения, установленный законодательством Союза ССР и Союзных республик.

2. Отменить:

а) постановление ЦИК и СНК СССР от 19-го июня 1935 г. «О подсудности имущественных споров колхозов между собой и имущественных споров колхозов с государственными и кооперативными организациями». (С. З. СССР 1935 г. № 34, ст. 294);

б) постановление СНК СССР от 8 июня 1935 г. об утверждении Правил рассмотрения и разрешения органами государственного арбитража имущественных споров колхозов и сами правила (С. З. СССР 1935 г. № 38, ст. 323).

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР **М. Калинин.**

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР **В. Молотов.**

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР **А. Горкин**

Москва, Кремль. 27 августа 1937 г.

Ответственный редактор **А. Я. ВЫШИНСКИЙ**

Технический редактор **Н. Рушковский**

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 13/IX 1937 г. Подписано к печати 21/IX 1937 г.
Сдано в производство 21/IX 1937 г. 8½ п. л. 21,7 авт. листа. В одном бум. листе 216 000 зн.

Формат 72×108 Ю—4п.; № 639

Уполном. Главлита Б—30051. Зак. № 1327 Тираж 20500 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Мал. Дмитровка, 18.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
О награждении работников Прокуратуры Союза	1
А. Вышинский — Новый избирательный закон СССР	3
И. Сапгир — Социалистическая собственность	25
С. Голунский — Участие прокурора в судебном процессе	28
С. Санин — О некоторых фактах и методах подрывной деятельности на водном транспорте Средней Волги фашистских разведок и их троцкистской правой и иной агентуры	34
А. Трайнин — Борьба за мир и проект нового уголовного кодекса	37
Д. Швейцер — Иски о восстановлении на работе	42
А. Тагер — Проблемы кассации и истории советского уголовного процесса	47
С. Богуславская — Действенно бороться за закон 27 июня 1936 г.	57
А. Сольц — О хулиганстве	62
Холоднов, Рузов, Кубицкий — Следы на дереве	63
С. Абкин — Из практики расследования дел о несчастных случаях на ж.-д. транспорте	66
Ю. Позан и Мошкович — Кризис капитализма и преступность несовершеннолетних	67
Обмен опытом	73
Проблемы советской защиты	89
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	94
По союзным республикам	104
Актив Прокуратуры Союза ССР	108
Право, процесс и судоустройство в капиталистических странах	113
Библиография	118
Официальный отдел	125

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

XX

ЛЕТ

ВЕЛИКОЙ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

РЕВОЛЮЦИИ

О ДНЕ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР

НА ОСНОВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ И СТ. 72 „ПОЛОЖЕНИЯ О ВЫБОРАХ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР“ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ДНЯ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕМ ЗА ДВА МЕСЯЦА ДО СРОКА ВЫБОРОВ И В НЕРАБОЧИЙ ДЕНЬ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. НАЗНАЧИТЬ ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР НА 12 ДЕКАБРЯ 1937 ГОДА.

2. ОБЪЯВИТЬ НАЧАЛО ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР С 12 ОКТЯБРЯ 1937 ГОДА.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР **М. КАЛИНИН.**

За Секретаря Центрального Исполнительного Комитета СССР
Член Президиума ЦИК СССР **А. АНДРЕЕВ.**

Москва, Кремль. 11 октября 1937 г.

Об утверждении состава Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР

Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР

На основании ст.ст. 34 и 35 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет утвердить Центральную избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет СССР в составе следующих представителей общественных организаций и обществ трудящихся:

Председатель Центральной избирательной комиссии МОСКАТОВ Пстр Георгиевич — от Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов.

Заместитель председателя Центральной избирательной комиссии ШМИДТ Отто Юльевич — от Профессионального союза работников высшей школы и научных учреждений.

Секретарь Центральной избирательной комиссии МАЛЕНКОВ Георгий Максимилианович — от Профессионального союза работников политико-просветительных учреждений.

Члены Центральной избирательной комиссии:

ХРУЩЕВ Никита Сергеевич — от Московской коммунистической организации,

[redacted] от Ленинградской коммунистической организации,

МЕХЛИС Лев Захарович — от коллектива работников газеты «Правда»,

ШОЛОХОВ Михаил Александрович — от Союза советских писателей,

[redacted] — от Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи,

[redacted] от Центрального Совета общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР (Осоавиахим),

ШАПОВАЛОВА Татьяна Петровна — от колхозников колхоза «Большевик», Воронежской области,

КОЛЕСНИК Николай Филиппович — от рабочих, служащих и инженеров Харьковского тракторного завода,

СИМОНЖЕНКОВА Матрена Кузминична — от рабочих, служащих и инженеров фабрики им. «Октябрьской Революции»,

ШАПОВАЛОВ Евдоким Илларионович — от колхозников колхоза «Новый Мир», Краснодарского края,

ЕВТУШЕНКО Дмитрий Матвеевич — от Киевской коммунистической организации,

ЮСУПОВ Усман — от Узбекской коммунистической организации.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР
М. КАЛИНИН.

За Секретаря Центрального Исполнительного Комитета СССР
Член Президиума ЦИК СССР
А. АНДРЕЕВ.

Москва, Кремль. 11 октября 1937 г.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ
ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

НОЯБРЬ 1937 г. 11

Редакция:
Москва, Пушкинская, д. 15а

А. ВЫШИНСКИЙ

Двадцать лет советского государства

Наступают знаменательные дни двадцатилетней годовщины Великой пролетарской социалистической революции, утвердившей на одной шестой части земного шара власть труда, власть рабочих и крестьян, под руководством партии большевиков во главе с Лениным и Сталиным победивших помещиков и капиталистов и построивших новое социалистическое государство.

Впервые в истории человечества эксплоатируемые и угнетенные классы свергли навсегда власть эксплоататоров. Вся власть перешла в руки рабочего класса. В этот исторический день Ленин, выступая на пленуме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов сказал:

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат, и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма» [1].

В этих словах Ленина, гениального организатора и руководителя Великой пролетарской социалистической революции, величайшего из учителей коммунизма, продолжателя дела Маркса—Энгельса, заключалась целая программа революционной борьбы рабочего класса, вступившего в последний и решительный бой с капиталистическим миром за свое окончательное освобождение.

Все последующее развитие пролетарской революции состояло в осуществлении этой программы, ведущей к решению основной задачи — построению бесклассового социалистического общества, построению коммунизма.

В марте 1918 г. Ленин подвел итоги первых месяцев существования советской власти, указав, что она прошла победным, триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны, подняла к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся.

«Мы ввели и упрочили, — писал Ленин в своей статье «Главная задача наших дней», — Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран» [1].

Все двадцать лет великой нашей социалистической революции наполнены борьбой за дальнейшее упрочение Октябрьской победы.

Все двадцать лет этой исторической эпохи наполнены беспощадной борьбой пролетариата с врагами социализма всех и всевозможных мастей — от монархистов до меньшевиков, эсеров, троцкистов, правых, вредителей, диверсантов, шпионов иностранных разведок, хулиганов, бандитов, спекулянтов, дезорганизаторов нашего народного хозяйства, воров, расхитителей и т. п. элементов.

Эта борьба шла и продолжает итти еще и сейчас против всех и всяческих попыток помешать успехам революции, задержать ее победоносное наступление, расстроить ряды социалистической армии, помешать укреплению нового социалистического строя и социалисти-

[1] Ленин, т. XXII, стр. 4.

[1] Ленин, том XXII, стр. 375—376.

ческого правопорядка, нового общественного уклада, построенного на социалистических началах, на основе общественной, социалистической собственности.

Великая пролетарская революция с первых дней своего возникновения встретила против себя объединенный фронт врагов социализма, единый фронт лютой капиталистической ненависти, подлой измены пресмыкающихся перед империализмом меньшевистско-троцкистско-бухаринских предателей, белогвардейских террористов, наемников иностранного капитала и иностранных разведок.

Не раз враги наши, умело прикрывавшие свое безобразное лицо маской «друзей» социализма, готовили советской власти и молодому советскому государству коварный, предательский удар в спину, снюхиваясь с империалистами, балансируя между прямой изменой и подлым, непроходимо безмозглым политическим авантюризмом.

Мудрейшая, подлинно большевистская линия нашей родной коммунистической партии под испытанным руководством гениев пролетарской революции Ленина и Сталина неуклонно и неизменно торжествовала над нашими врагами.

Ленин и Сталин гениальным взором подлинных пролетарских вождей всегда и полностью вскрывали злые козни и подлые происки врагов советов, всегда и безошибочно разоблачали самые искусные и тонкие планы вражеского лагеря, беспощадно расстраивали вражеские замыслы, победоносно вели народные массы от одной победы к другой.

Великие, гигантские трудности стояли перед нашим народом на пути его героической борьбы за свое освобождение. Не раз эти трудности порождали в сердцах некоторых колебания и сомнения в правильности избранного нашей партией пути. Но и эти сомнения и колебания наши великие вожди — Ленин и Сталин безжалостно и сокрушительно разоблачали, клеймили пытиков и маловеров, беспощадно и гневно клеймили их как ренегатов, как штрейкбрехеров революции, как изменников. Ленин и Сталин, разоблачая этих штрейкбрехеров и изменников, поднимали сознание масс на новую высоту, мобилизуя их политическую бдительность, сплачивая их вокруг единственно правильной и единственно последовательной генеральной линии большевистской партии, выводя революцию из-под ударов предателей, укрепляя и закаляя силы пролетарской революции для новой борьбы и новых побед социализма.

Мы помним измену впоследствии открыто перешедших в стан врагов социализма и дела рабочего класса Зиновьева и Каменева, штрейкбрехерами выступивших в октябре 1917 г. против вооруженного восстания, против ленинско-сталинского плана свержения власти буржуазии.

По поводу этой измены Зиновьева и Каменева Ленин тогда же, в октябре 1917 г., писал: «По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое «видных большевиков» в непартийной печати и при том именно в такой газете, которая по данному вопросу идет об руку с буржуазией против рабочей партии, в такой газете нападают на неопубликованное решение центра партии! Да ведь это в тысячу раз подлее и в миллион раз вреднее всех тех выступлений, хотя бы Плеханова в непартийной печати в 1906—1907 гг., которые так резко осуждала партия! Ведь тогда шло дело только о выборах, а теперь идет дело о восстании для завоевания власти! И по такому вопросу, после принятия центром решения, оспаривать это неопубликованное решение перед Родзянками и Керенскими, в газете непартийной—можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?» [1].

В свете позднейших преступлений Зиновьева и Каменева, докатившихся до превращения в агентов фашистских разведок, до убийц товарища С. М. Кирова, до организаторов по указке гестапо и его обер-агента врага народа Л. Троцкого террористическо-диверсионного заговора против руководителей коммунистической партии и советского правительства, заговора против всего советского народа, — октябрьское штрейкбрехерство приобретает значение начала измены, на путь которой стали эти предатели уже двадцать лет тому назад, измены, которая определяла, как это теперь совершенно очевидно, целый ряд их позорных преступлений против рабочего класса, но которую они искусно маскировали своим двурушничеством, коварством и почти беспримерным в истории обманом. Изменники были разоблачены. Партия теснее сплотила свои ряды вокруг Ленина и Сталина, еще настойчивее готовясь к решительным битвам, несмотря на все трудности момента. Тогда, двадцать лет тому назад, перед нашей партией и молодой советской республикой стояло немало трудностей. Эти трудности усугублялись изменой и предательством каменевых и зиновьевых. Об этих трудностях Ленин писал:

«Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена». И Ленин добавлял: «И все же такая задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!» [2].

И пролетариат победил. Октябрьское восстание 1917 г. завершилось беспримерной в истории человечества победой рабочих и крестьян, победой, начавшей новую эру в жизни трудящихся и угнетенных народов всего мира!.. Эта победа имела всемирно-историческое значение, предопределившее весь дальнейший ход мировых событий. С первых дней своего существования Октябрьская социалистическая революция приобрела международное значение. Мировое значение Октябрьской революции, как об этом писал товарищ Сталин в 1924 г., состоит «...не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания» [3].

Перед пролетариатом, захватившим власть в свои руки, стояла величайшая историческая задача — уничтожить всякую эксплоатацию

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 350—351.

[2] Там же, стр. 352.

[3] Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 101.

насилие, уничтожить классы, создать новое общество, без классов и без государства. Но для этого прежде всего надо было защититься от попыток старого мира вернуть силой старый порядок, надо было быть готовым сломить сопротивление старого мира. Весь исторический опыт говорит о том, что отживающие классы не уходят добровольно.

История говорит, что даже разгромленные эксплоататорские классы отчаянно сопротивляются наступлению нового строя и новых общественных порядков.

Тысячи и тысячи усилий нужно употребить трудящимся, чтобы сломить это сопротивление, чтобы укрепить новый общественный строй.

Октябрьскую победу международный империализм встретил со скрежетом зубовным, со злобой и ненавистью к пролетариату, возросшими в тысячи крат. Все силы старого мира объединились для борьбы против Советов.

В конце февраля 1918 г. Ленин писал: «До сих пор перед нами стояли мизерные, презренно-жалкие (с точки зрения всемирного империализма) враги, какой-то идиот Романов, хвастунишка Керенский, банды юнкеров и буржуйчиков. Теперь против нас поднялся гигант культурного, технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма. С ним надо бороться. С ним надо уметь бороться»[1].

Вся последующая история гражданской войны показала и доказала, что советское государство полностью усвоило и осуществило это указание Ленина: «С ним надо бороться, с ним надо уметь бороться».

Советское государство под руководством коммунистической партии возглавило эту борьбу трудящихся масс, вооружило их правильной, победоносной тактикой, вооружило их современной техникой. Рабочие и крестьяне нашей страны доказали своими победами, что они умеют бороться, умеют побеждать в борьбе.

Они доказали, что никакие измены и никакое предательство не в состоянии помешать этим победам или в какой-либо мере ослабить значение этих побед.

Такова сила героизма, энтузиазма, доблести народных масс, таково искусство и мастерство руководства большевистской партии, закаленной в классовых боях, воспитанной и руководимой гениальными стратегами пролетарской революции — Лениным и Сталиным.

Советское государство крепло и мужало в непрестанной борьбе с классовыми врагами пролетариата, в борьбе со всеми антисоветскими силами, прибегавшими в этой борьбе к самым зверским и чудовищным средствам, методам и формам сопротивления.

Советское государство неуклонно развивало свои силы и свою мощь вопреки сопротивлению врагов, с одной стороны, и вопреки паники и истерическим предсказаниям якобы неизбежности гибели советской власти, с другой.

Двадцать лет тому назад пятаковы, бухарины и радеки, завершившие теперь круг своих предательств переходом на службу германо-японской разведки, в одну из тяжелых годин советской власти искали выхода из трудностей в чудовищном плане ликвидации советской власти.

Под прикрытием лживых фраз об интересах международной революции эти вахмистры фашистской полиции уже в феврале 1918 г. осмелились выступить с позорным тезисом о целесообразности «утраты советской власти». Свою измену эти господа пытались прикрыть клеветой на советскую власть, которая якобы стала «формальной», то есть якобы потеряла свое подлинное существо как власть рабочего класса, как государственная форма диктатуры пролетариата. Крича для прикрытия своей измены о беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России, эти господа подготовляли капитуляцию советской власти, не останавливаясь даже перед чудовищным планом ареста В. И. Ленина, захвата в свои руки Совета народных комиссаров и назначения презренного предателя, превратившегося в злейшего пса фашизма, Ю. Пятакова — председателем Совнаркома!..

Пятаковы, бухарины, радеки и К° отлично понимали, что советская власть — могучая опора коммунистического движения во всем мире, что утеря советской власти — страшнейший, роковой удар по всему международному пролетарскому коммунистическому движению, что «... большего удара для дела социализма теперь, чем крушение Советской власти в России, нет и не может быть»[1], и они шли на этот чудовищный предательский шаг.

Спустя почти 20 лет после своего позорного выступления с предложением об «утрате» советской власти, эти люди оказались разоблаченными как прямые изменники родине, — они оказались штатными агентами иностранных разведок, завербованными германским генеральным штабом, купленными на деньги германской полиции, не удовлетворяющейся, как известно, одной болтовней политических сутенеров, но требующей настоящего дела: убийств, взрывов, крушений поездов, поджогов фабрик и заводов, отравлений красноармейцев, рабочих и колхозников, организованного шпионажа, словом, реальной помощи в войне против СССР.

Судебные процессы антисоветского параллельного центра, троцкистского террористического центра, банды изменников—Тухачевского, Якира и др., ряд судебных, гласных процессов право-троцкистских групп в отдельных краях и областях СССР, прошедшие за последнее время, показали, что бухаринско-троцкистские отщепенцы являются бандой разбойников с большой дороги, готовых на любое, самое чудовищное преступление.

Эти процессы вместе с тем показали, что это превращение в банду разбойников людей, когда-то претендовавших на представительство каких-то политических взглядов, когда-то выступавших с какой-то политической программой и старавшихся изобразить из себя некое политическое течение в рабочем классе, является неизбежным завершением того пути, на который эти люди встали уже в самом начале пролетарской революции.

Эти господа на заре пролетарской революции начали с «сомнений и колебаний», с

[1] Ленин, т. XXII, стр. 292.

[1] Ленин, т. XXII, стр. 296.

штрейкбрехерства, с готовности пожертвовать советской властью во имя якобы «интересов международной революции», и кончили черной изменой, какой не знал еще мир, перед чудовищностью которой бледнеют имена Иуды Искариота и Азефа. Эти господа кончили так, как неизбежно должен кончить всякий, кто становится на путь борьбы против нашей партии, против дела рабочего класса, против социализма.

**
*

Двадцать лет советского государства — двадцать лет героической борьбы за социализм.

За эти годы немало тяжелых невзгод и серьезнейших испытаний выпало на долю молодого пролетарского государства.

Советское государство с честью вышло из этих испытаний. Оно справилось со всеми своими врагами. Оно отбило многолетние атаки озверелых империалистов, огнем и мечом пытавшихся задушить молодую советскую республику. Оно разгромило и полчища интервентов и полчища помещичье-генеральской, буржуазной «отечественной» контрреволюции.

Из огня гражданской войны республика советов вышла невредимой, возмужавшей и окрепшей, преисполненной гигантских творческих сил.

Быстро и без остатка она сумела залечить раны гражданской войны, восстановить народное хозяйство и семимильными шагами двинуться дальше, вперед, «догонять и перегонять» самые передовые в техническом и экономическом отношении капиталистические страны.

На основе великих Сталинских пятилеток рабочие и крестьяне великой страны одержали блестящие победы, в корне преобразившие весь облик СССР.

Об этом говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII съезде советов, характеризуя происшедшие за последние 12 лет изменения. Товарищ Сталин сказал: «Класс помещиков, как известно, был уже ликвидирован в результате победоносного окончания гражданской войны. Что касается других эксплоататорских классов, то они разделили судьбу класса помещиков. Не стало класса капиталистов в области промышленности. Не стало класса кулаков в области сельского хозяйства. Не стало купцов и спекулянтов в области товарооборота. Все эксплоататорские классы оказались, таким образом, ликвидированными.

Остался рабочий класс.

Остался класс крестьян.

Осталась интеллигенция» [1].

Но за двадцать лет диктатуры пролетариата и в особенности за годы Сталинских пятилеток эти два основных класса советского общества и наша интеллигенция претерпели огромные изменения. Положение рабочих и крестьян нашей страны ничего общего не имеет с положением рабочего класса и крестьянства в капиталистическом обществе, где они являются классами эксплоатируемыми, политически бесправными, обреченными на нужду, безработицу, полуголодное существование.

«Пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства, утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства производства и направляющий советское общество на путь коммунизма...

Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством... Наше крестьянство есть освобожденное от эксплоатации крестьянство... Наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство, т. е. оно базирует свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда» [1].

Товарищ Сталин в своем докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов указал, что и интеллигенция СССР изменилась как по своему составу, так и по характеру своей деятельности.

«Наша советская интеллигенция это — совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством» [2].

Теперь интеллигенция служит народу и вместе с рабочими и крестьянами строит новое, бесклассовое социалистическое общество.

Эти величайшие изменения в экономике и социальной структуре страны нашли свое яркое отражение в новой Сталинской Конституции, утвержденной историческим Чрезвычайным VIII всесоюзным съездом советов СССР.

Конституция СССР определяет формы общественного и государственного устройства СССР, основные права и обязанности граждан, самую демократическую и самую совершенную в мире избирательную систему советского государства, структуру и компетенцию важнейших государственных органов Союза ССР, союзных и автономных республик и всех местных органов власти.

Новая Конституция полностью отражает победы социализма, являясь в полном смысле слова Конституцией социалистического общества.

Такая конституция, как великая Сталинская Конституция, возможна только в стране победившего социализма.

Торжество пролетарской диктатуры нашло свое наиболее законченное выражение в торжестве советской социалистической демократии.

Сталинская Конституция и является высшим выражением этого торжества. Она закрепила в законодательном порядке победу социализма, окончательно и бесповоротно утвердившегося в нашей стране, открыв широкий путь к дальнейшему движению вперед, к коммунизму.

В своих исторических «Десяти тезисах о советской власти» Ленин писал о задаче укрепления и развития советской власти «...как формы,—опытом уже проверенной, массовым движением и революционной борьбой выдвинутой формы,—диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства (полупролетариев)» путем осу-

[1] Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, стр. 10, Партиздат, 1936 г.

[1] Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, стр. 12, Партиздат, 1936 г.

[2] Там же, стр. 13.

ществления ложащихся на новое государство различного рода заданий. Среди этих заданий мы находим и такие задания, как «... более тесная связь с массами всего аппарата государственной власти и государственного управления, чем прежние формы демократизма»; «... более полный демократизм, в силу меньшей формальности, большей легкости выбора и отзыва»; «... перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального признания формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на практическую осуществимость пользования свободой (демократией) трудящейся и эксплоатируемой массой населения».

Наконец, одно из заданий Ленин сформулировал в следующих весьма замечательных словах: «Дальнейшее развитие советской организации государства должно состоять в том, чтобы каждый член совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, наряду с участием в собраниях совета; — а затем в том, чтобы все население поголовно привлекалось постепенно как к участию в советской организации (при условии подчинения организациям трудящихся), так и к несению службы государственного управления» [1].

В этих тезисах мы хотим подчеркнуть постановку Лениным вопроса о пролетарской диктатуре и пролетарской демократии.

В этих тезисах не только нет никакого противопоставления одного понятия другому, но, наоборот, самое укрепление диктатуры пролетариата мыслится как осуществление ряда демократических принципов.

Развитие пролетарской диктатуры связано с развитием пролетарской демократии, как наиболее полной демократии, как высшей формы демократии.

Эта высшая форма демократии заключается в реальной, фактической возможности пользоваться благами демократии.

Она заключается в наиболее тесной связи аппарата управления с массами, в более реальном и эффективном контроле масс за работой их представителей («большая легкость выбора и отзыва»), в активном участии граждан в «советской организации», вплоть до поголовного участия в ней всего населения.

Ни одна самая передовая буржуазно-демократическая страна не дает и не может дать такой широкой демократии. Буржуазная демократия всегда остается демократией для ничтожного меньшинства, фальшивой, урезанной, убогой.

«Теория» «чистой» демократии есть теория верхушки рабочего класса, приученной и подкармливаемой империалистическими грабителями. Она вызвана к жизни для того, чтобы прикрыть язвы капитализма, подкрасить империализм и придать ему моральную силу в борьбе против эксплоатируемых масс. Демократия при капитализме есть демократия капиталистическая, демократия эксплоататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплоатируемого большинства и направленная против этого большинства» [2].

Наоборот, пролетарская демократия полностью обеспечивает действительные права и свободу масс. Диктатура пролетариата соединяет ограничение в правах буржуазии с предоставлением широчайших прав трудящимся.

«...Социализм, — писал Ленин в 1916 г., — не осуществим иначе как через диктатуру пролетариата, которая соединяет насилие против буржуазии, т. е. меньшинства населения, с полным развитием демократии, т. е. действительно равноправного и действительно всеобщего участия всей массы населения во всех государственных делах и во всех сложных вопросах ликвидации капитализма» [1].

Диктатура пролетариата, однако, не останавливается на той фазе своего развития, которая связана с ограничением в пользовании гражданскими правами тех или иных групп населения.

Диктатура пролетариата по самой природе своей демократична. Даже в условиях гражданской войны за социализм, — наиболее авторитарной формы общественных отношений, когда насилие достигает своего наиболее полного и резкого выражения, — пролетарский демократизм широчайшим образом проявляется в инициативе и самодеятельности масс, собственными руками выковывающих свое собственное счастье.

Гражданская война за социализм — это демократическая война.

«...Гражданская война против буржуазии является демократически организуемой и ведомой войной масс бедноты против меньшинства имущих [2].

Так писал Ленин о пролетарской демократии, неотделимой от пролетарской революции и пролетарской диктатуры.

«Гражданская война есть тоже война; следовательно, и она неминуемо должна ставить насилие на место права. Но насилие во имя интересов и прав большинства населения отличается иным характером: оно попирает «права» эксплоататоров, буржуазии, оно неосуществимо без демократической организации войска и «тыла» [3].

Ленин в цитируемой статье подчеркнул неразрывную связь гражданской войны за социализм, насилия, как одного из важнейших элементов пролетарской диктатуры, с демократизмом, без которого пролетариат не может вести победоносной борьбы со своими врагами.

Ленин разъяснил в этой статье, что экспроприация капиталистов невозможна без полного слияния армии, ведущей войну против буржуазии, с массой населения. А это и есть одно из величайших проявлений подлинной демократии.

«Целью гражданской войны является завоевание банков, фабрик, заводов и проч., уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, истребление ее войска. Но эта цель, — писал Ленин, — недостижима ни с чисто военной, ни с экономической, ни с политической стороны без одновременного, развивающегося в ходе такой войны, введения и

---

[1] Ленин, т. XXII, стр. 372.
Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 29.

[1] Ленин, т. XXX, стр. 260.
[2] Там же.
[3] Там же.

распространения демократии среди нашего войска и нашего «тыла» [1].

Гражданская война масс рабочих и крестьян против буржуазии означает непосредственное участие этих масс в государственном строительстве, ибо гражданская война есть не только разрушение и уничтожение старого, но одновременно и возникновение, созидание и укрепление нового.

Советы представляют собою новую форму организации пролетариата и вообще трудящихся. Советы представляют собой наиболее демократические учреждения.

«Советы, — говорит товарищ Сталин, — являются непосредственными организациями самих масс, то есть наиболее демократическими и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении им и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада в борьбе за новый, пролетарский уклад» [2].

Эти особенности советского строя, развязывающие «энергию, инициативу и творческие способности масс» (Сталин), и являются одним из важнейших, решающих условий победоносного развития пролетарской революции, завершившегося на данном этапе окончательным разгромом эксплоататорских классов и утверждением (окончательным и бесповоротным) нового, социалистического строя.

Говоря о победоносных итогах первой пятилетки, товарищ Сталин писал: «Где те основные силы, которые обеспечили нам эту историческую победу, несмотря ни на что?

Это, прежде всего, активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионных масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг.

Это, во-вторых, твердое руководство партии и правительства, звавших массы вперед и преодолевавших все и всякие трудности на пути к цели.

Это, наконец, особые достоинства и преимущества советской системы хозяйства, таящей в себе колоссальные возможности, необходимые для преодоления всех и всяких трудностей.

Таковы три основные силы, определившие историческую победу СССР» [3].

Эти «основные силы» есть силы пролетарской диктатуры и пролетарской демократии, сочетающих «твердое руководство» (диктатура) и «революционную энергию, инициативу, творческие способности масс» (демократия).

Пролетарская диктатура и пролетарская демократия — это друг друга определяющие и дополняющие явления, понятия, категории.

Советский строй есть выражение синтеза пролетарской диктатуры и пролетарской демократии.

«Советская власть,—писал Ленин в «Очередных задачах советской власти»,—есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплоатируемых, которые на своем опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надежнейшего вождя» [1].

Сталинская Конституция выражает именно этот процесс подъема к новому демократизму миллионных масс народа, на опыте убедившихся в гениальности руководства партии в борьбе с врагами социализма, партии, являющейся авангардом рабочего класса, осуществляющего свою, пролетарскую диктатуру.

Ст. 126 Конституции СССР подчеркивает этот принцип советского демократизма, когда говорит о праве граждан СССР на объединение в общественные организации в соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самодеятельности и политической активности народных масс, когда говорит об объединении наиболее активных и сознательных граждан из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

В «Вопросах ленинизма» товарищ Сталин разъяснил, какое место занимает партия в «системе диктатуры пролетариата» (Ленин).

Систему диктатуры пролетариата, по Ленину и Сталину, составляет совокупность «приводов», «рычагов» и «направляющей силы», при помощи которых и осуществляется вся деятельность пролетарской диктатуры.

«Рычаги или приводы — это те самые массовые организации пролетариата, — говорит товарищ Сталин, — без помощи которых невозможно осуществление диктатуры.

Направляющая сила — это передовой отряд пролетариата, это его авангард, являющийся основной руководящей силой диктатуры пролетариата» [2].

Направляющая, руководящая сила — это партия пролетариата, его авангард.

«Ее сила заключается в том, что она вбирает в себя всех лучших людей пролетариата из всех его массовых организаций. Ее назначение состоит в том, чтобы объединять работу всех без исключения массовых организаций пролетариата и направлять их действия к одной цели, к цели освобождения пролетариата. А объединять и направлять их по линии одной цели абсолютно необходимо, ибо без этого невозможно единство борьбы пролетариата, ибо без этого невозможно руководство пролетарскими массами в их борьбе за власть, в их борьбе за строительство социализма. Но объединять и направлять работу массовых организаций пролетариата способен лишь авангард пролетариата, его партия. Только партия пролетариата, только партия коммунистов способ-

[1] Ленин, т. XXX, стр. 261.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 31, 10 изд.

[3] Там же, стр. 511.

[1] Ленин, т. XXII, стр. 459.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 114.

на выполнить эту роль основного руководителя в системе диктатуры пролетариата»[1].

Диктатуру пролетариата нельзя отождествлять с руководящей ролью партии, нельзя первую подменять второй.

Диктатура пролетариата осуществляется партией, которая берет власть, которая организует власть, которая является основной, руководящей силой в аппарате государственной власти.

«Партия есть ядро власти» (Сталин). Партия руководит массами. Она осуществляет это путем убеждения масс, но это не исключает и принуждения меньшинства, не соглашающегося подчиниться воле большинства.

Ленин писал: «Мы тогда правильно и успешно применяли принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения»[2].

В своей речи о профессиональных союзах и т. д. (1920) Ленин ставит основной вопрос: «Подвели ли мы достаточно широкую солидную базу убеждения под все новые производственные задачи?»[3].

Ленин громил Троцкого и Бухарина за их тезисы и, в частности, за тезис о «перетряхивании», как «политически вредную вещь», как «сплошную бестактность», подчеркивая, какое значение в деле правильного руководства массами имеет дать массам — «поговорить, усвоить, обдумать», «приобрести новый опыт» и т. д.

Партия Ленина—Сталина всегда умела дать массам «поговорить, усвоить, обдумать». В процессе этого «усвоения» и «обдумывания» массами предлагаемых партией и проводимых в жизнь мероприятий крепла связь партии с массами, росло и углублялось политическое доверие масс к партии, как к своему учителю, вождю, руководителю.

Именно в этом уменьи нашей партии связаться с массами, слиться с массами и заключается причина наших побед, причина непобедимости советской власти, советского государства. Это в свою очередь объясняется тем, что наша партия — часть этих масс, что партия — плоть от плоти, кость от кости народа, миллионов и миллионов рабочих и крестьян.

Включая в себя понятие насилия, диктатура пролетариата строит свое отношение к массам не на насилии, а на доверии масс к партии, являющейся основной, направляющей силой в системе пролетарской диктатуры.

Ленин подчеркивал, что полная и беззаветная поддержка нашей партии со стороны масс рабочего класса является основой прочности советской власти.

«Без партии, — писал Ленин, — железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу (против сил и традиций старого общества, — А. В.) невозможно»[4].

Это доверие приобретается и завоевывается партией правильностью политического руководства, умелой тактикой борьбы, предохраняющей от поражений и несущей победы, тем, что партия правильно и безошибочно намечает пути движения масс, средства и способы победоносного преодоления трудностей, безошибочно определяет перспективы развития и условия, обеспечивающие торжество интересов трудящихся, рабочих и крестьян.

Ленин и Сталин не только гениально определили путь, двигаясь по которому пролетариат избег опасности поражения, но и уверенно повели пролетариат и крестьянство по этому пути вперед, к полной социалистической победе.

Не раз наши враги—меньшевики и эсеры, троцкисты и бухаринцы, шляпниковцы и сапроновцы и т. п. и т. п. пытались выступать перед рабочим классом, пытались противопоставить гениальному ленинско-сталинскому плану борьбы за социализм свои «планы», с презрением отвергнутые пролетариатом и разоблаченные как предательские планы, как предающие дело социализма в руки врагов.

Куда пришла бы наша страна, если бы она приняла эти планы, если бы стала на путь, уготованный ей этими презренными лакеями буржуазии? Наша страна пришла бы к ликвидации советского строя, к гибели СССР, к реставрации капитализма.

Троцкистская «сверхиндустриализация», рыковская «двухлетка», бухаринское «врастание кулака в социализм» — вот пути «развития» пролетарской революции, противопоставлявшиеся этими господами великому, гениальному ленинско-сталинскому плану социалистического преобразования СССР, завершившегося всемирно-исторической победой социализма.

Уже задолго до разоблачения подлейших преступлений этих людей, превратившихся в наемников японо-германского фашизма, они были дискредитированы и потеряли в глазах рабочих и крестьян всякое доверие.

Не веря в силы пролетарской революции, не веря в возможность построения социализма в нашей, отдельно взятой стране, и в силу этого неверия постоянно испытывая колебания в сторону капитализма, троцкистско-бухаринские отщепенцы каждым шагом своей политической деятельности саморазоблачались, как агенты капитализма. Каждым шагом своей деятельности, особенно в критические, переломные моменты пролетарской революции они открывали свое подлинное лицо изменников делу социализма. Если в тот или иной период своей истории они временно и становились на позиции пролетариата, то ненадолго и непрочно, быстро возвращаясь к своему, если можно так выразиться, нормальному положению — положению борьбы против пролетариата.

Наиболее яркие примеры таких «тушинских перелетов» показали, как известно, Троцкий и Бухарин, не раз притворно прятавшие свое оружие, отточенное ими против пролетариата, фарисейски и лицемерно надевавшие на себя маску солидарности с пролетарской борьбой и вслед за тем систематически изменявшие и предававшие интересы пролетариата, пока эта их «линия» не завершилась постыднейшей и позорнейшей, какую когда-либо видел мир, изменой пролетариату.

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 115.
[2] Ленин, т. XXVI, стр. 74.
[3] Там же.
[4] Ленин, т. XXV, стр. 191. (Разрядка наша. А. В.).

Весь ход пролетарской социалистической революции показал мощь и величие ленинско-сталинского руководства борьбой пролетариата. Итоги этой борьбы показали, что под руководством ленинско-сталинского Центрального комитета наша партия непобедима.

Итоги этой борьбы показали, что наша партия и руководимый ею рабочий класс знает, куда итти, знает, как бороться, не боится трудностей, знает, как эти трудности преодолевать, умеет их преодолевать.

Вот что создало нашей партии небывалый, колоссальный авторитет в глазах рабочего класса и крестьянства, в глазах всего советского народа, всех трудящихся, всех угнетенных народов всего мира!..

В «Государстве и революции» Ленин писал: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплоататоров и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства.

Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплоатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» [1].

Двадцать лет пролетарской диктатуры в СССР доказали, как блестяще эти замечательные слова великого Ленина наша партия и рабочий класс нашей страны под руководством Ленина и Сталина претворили в жизнь. Двадцать лет пролетарской диктатуры доказали что пролетариат СССР в союзе с основными крестьянскими массами, использовал и использует свою государственную власть, победоносно организуя разгром врагов, подавление и разгром эксплоататоров и всей их преступной агентуры, воспитывая народные массы, направляя их силы и энтузиазм на дело социалистического строительства, являясь подлинным «учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплоатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» (Ленин).

***

Двадцать лет советского государства — двадцать лет торжества пролетарской диктатуры, поднятой гением Ленина и Сталина в громаднейшей стране на недосягаемую высоту своей мощи и славы.

Этот факт сам по себе служит блестящим подтверждением правильности одного из важнейших положений марксистско-ленинской науки о роли государства в пролетарской революции, о необходимости для пролетариата использовать государство для своих освободительных целей, для целей социалистического строительства.

«Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию политического господства пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в господствующий класс, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства все трудящиеся и эксплоатируемые массы» [2].

Диктатура пролетариата обеспечивает пролетариату возможность подавить и раздавить всякую попытку буржуазии восстановить утраченное господство.

Диктатура пролетариата вместе с тем единственно реальная сила для организации нового общественного уклада.

Без диктатуры пролетариата не было бы возможности организовать новый общественный строй, каждая черта, каждая клетка которого вызывает органическое сопротивление выбитых из своего экономического и политического седла эксплоататорских классов.

Марксистско-ленинское учение о государстве обращает свое оружие и против анархизма, отвергающего всякое использование пролетариатом государственного механизма, государства, и против оппортунизма, игнорирующего остроту классовой борьбы и подменяющего эту борьбу попытками мирного соглашения и примирения классовых интересов.

Вся история нашей революции подтвердила на живой практике пролетарской борьбы, какую гигантскую роль играет в руках пролетариата государство, и именно, как особая организация насилия пролетариата над буржуазией, как особая форма организации масс и руководства их революционной борьбой.

Предатели социализма разных мастей и оттенков сходятся на общем отрицании революционной роли государства в руках пролетариата.

Они отрицают пролетарское государство как орган господства пролетариата, как особую форму организованного в господствующий класс пролетариата.

Некоторые «философы» договариваются в этом вопросе до таких, например, утверждений, что «рабочий класс никогда не желал и не желает господства над другими классами» [3], что «российский пролетариат даже в первом опьянении победой над вековечными своими угнетателями не провозглашает своей власти, своего господства и следовательно угнетения бывших угнетателей чем-то вечным» [3].

Конечно, кивок в сторону «вечного» здесь играет роль прикрытия подлинной мысли автора, отрицающего государство как форму господства и угнетения. Между тем именно в этом качестве государства, как особого аппарата, обеспечивающего господство одного класса над враждебными ему классами, и заключается самая существенная особенность государства.

Какая путаница царит на этот счет в головах кое-каких «юристов», видно из следующего

[1] Ленин, т. XXI, стр. 386.

[2] Проф. Гойхбарг, Пролетариат и право, стр. 24.

[3] Там же.

го глубокомысленного замечания одного профессора: «Пролетариат, — пишет этот профессор, — открыто признает, что он вынужден временно прибегнуть к угнетению незначительного меньшинства, дабы обеспечить исчезновение государственной власти, т. е. установить свободу для всех»[1].

Для профессоров типа нашего автора «свобода для всех» определяется исчезновением государственной власти, а государственная власть представляется как отрицание «свободы для всех».

С точки зрения такой «философии» наша Конституция должна была бы застыть на 1918—1919 гг., когда действительно ограничивался принцип «свободы для всех», когда государственная власть лишала известные слои населения политических прав и участия в политической деятельности.

Но между «свободой для всех» и диктатурой пролетариата нет противоречия. Наоборот, диктатура пролетариата предполагает на известном этапе своего развития такое расширение «свободы для всех», какое немыслимо ни в одной, самой демократической буржуазной стране, какое мыслимо только в стране пролетарской диктатуры.

Сталинская Конституция, обеспечивающая подлинные человеческие права и свободы «для всех», подлинное всеобщее и равное избирательное право — вот лучшее опровержение антимарксистского тезиса о несовместимости диктатуры пролетариата, как особой формы государственной власти, со свободой «для всех».

Проблема революционной роли пролетариата в истории неразрывно связана с проблемой пролетарской диктатуры.

Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин показали и доказали, что пролетариат не может победить буржуазию, не осуществив насильственной революции, не установив своей диктатуры и не подчинив всей своей революционной политики задаче всемерного укрепления и развертывания своей диктатуры.

«Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе итти не может, ибо сломить сопротивление эксплоататоров, капиталистов больше некому и иным путем нельзя»[2], писал в 1917 г. Ленин, подготовляя великий Октябрьский штурм капиталистического мира.

«Сильная и мощная диктатура пролетариата, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять впрах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации», говорил Сталин, подводя итоги первой пятилетки в 1933 г.

В этих классических изречениях наших великих учителей заключена вся мудрость исторического опыта рабочего класса, подытожен весь гигантский опыт борьбы трудящихся за свое освобождение.

Вопрос о диктатуре пролетариата — самый важный вопрос марксизма-ленинизма.

«Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура одного класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для пролетариата, свергнувшего буржуазию, но и для целого исторического периода, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата»[1].

В этом замечании Ленина дается ответ на ряд чрезвычайно важных вопросов. Это вопрос о сущности марксистского учения о государстве, заключающийся в тезисе о диктатуре одного класса. Это, далее, вопрос о роли диктатуры пролетариата в течение всего исторического периода, начавшегося свержением буржуазии и продолжающегося до построения коммунизма. Это, далее, вопрос о многообразии и обилии политических форм переходного периода с одной и неизменной сущностью: пролетарской диктатурой.

Вопрос о диктатуре пролетариата — решающий вопрос марксистской теории и практики революционного пролетарского движения.

«Марксист лишь тот, кто распространяет, — говорил Ленин, — признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма»[2].

Пророческие слова! На этом именно оселке не раз пролетарская революция испробовала ценность, историческую значимость различных политических направлений, безжалостно и беспощадно выбрасывая пачками в мусорный ящик истории все направления и течения, не выдерживавшие этого строгого и нелицеприятного испытания.

Таким разоблаченным до конца в своем банкротстве течением, выродившимся в последнее время в чистейший и неприкрытый бандитизм, явился, например, троцкизм, пытавшийся свести пролетарскую диктатуру к одному голому насилию, к цектрансовскому «перетряхиванию», к войне с крестьянством, к «размычке» рабочего класса с крестьянством.

Диктатура пролетариата как союз рабочих и крестьян есть могучая сила, преодолевающая все и всякие трудности. В статье «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» товарищ Сталин так характеризовал диктатуру пролетариата:

«Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, «умело отобранная» заботливой рукой «опытного стратега» и «разумно опирающаяся» на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии,

---

[1] Проф. Гойхбарг, Пролетариат и право, стр. 24.
[2] Ленин, т. XXI, стр. 430.

[1] Ленин, т. XXI, стр. 393.
[2] Там же, стр. 392.

что руководящей силой этого союза является пролетариат»[1].

Речь идет, таким образом, о том, что союз рабочих и трудящихся масс крестьянства есть самая основа диктатуры пролетариата, что этим союзом определяется природа пролетарского государства.

Основной порок троцкистских «теоретизирований», когда троцкизм представлял еще собой определенное течение в рабочем классе, по вопросу о диктатуре пролетариата лежал именно в этой плоскости. Троцкий, Радек и другие троцкистские «теоретики» допускали основное извращение марксизма-ленинизма именно в этом вопросе.

По Ленину — «диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся на союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства» для «полного свержения капитала», для «окончательного создания и упрочения социализма».

Известно, что троцкисты, наоборот, исходили из непримиримой враждебности пролетариату крестьянских масс, рассматривая крестьянские трудовые массы не как естественного союзника пролетариата, а как враждебную ему силу, нейтрализуемую лишь успехами мировой пролетарской революции.

Эта антимарксистская, антиленинская «теория» диктатуры пролетариата не как союза рабочих и крестьян, а как «перманентной» вражды и непримиримости интересов рабочих и крестьян, представляла собой сплошное издевательство над марксизмом. Эта «теория» по существу являлась отрицанием ленинской теории диктатуры пролетариата, являлась разновидностью меньшевизма, являлась попыткой теоретически обосновать меньшевистскую измену социализму.

Такой же разновидностью меньшевизма, по существу такой же троцкистской «теорией» является и бухаринская схема об отмирании государства.

Эта схема примечательна именно с точки зрения извращения Бухариным марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата и о советском государстве как особой форме этой диктатуры.

Известны теоретические упражнения Бухарина на счет «врастания кулака в социализм», на счет затухания классовой борьбы при диктатуре пролетариата и т. п. измышления, грубо извращавшие марксизм-ленинизм.

«Бухаринская теория врастания кулаков с социализм представляет, таким образом, отход от марксистско-ленинской теории классовой борьбы. Она есть приближение к теории катедер-социализма»[2].

Эту теорию, ставшую своего рода знаменем правого уклона, приведшую, как это показала дальнейшая история его развития, к защите капиталистической реставрации, товарищ Сталин призывал еще в 1929 г. «расколотить как теорию неправильную и вредную, для того, чтобы облегчить нашим партийным товарищам борьбу с правым уклоном»[3].

Последующие события показали, как глубоко прав был товарищ Сталин, вскрывший в свое время кулацко-капиталистический характер бухаринской «теории», превратившейся впоследствии в знамя подлинной капиталистической реставрации.

Уже в речи «О правом уклоне в ВКП(б)» товарищ Сталин говорил о бухаринской «теории», что «она усыпляет рабочий класс, подрывает мобилизационную готовность революционных сил нашей страны, демобилизует рабочий класс и облегчает наступление капиталистических элементов против советской власти».

От попыток усыпить и демобилизовать рабочий класс к прямой измене рабочему классу, к прямому предательству его интересов, к провокаторской работе в пользу иностранных капиталистов и их разведывательных органов — таков позорный путь бухаринцев, превратившихся в шпионов и разведчиков иностранных генштабов.

Бухарин и его школка грубо извратили учение Маркса-Ленина о диктатуре пролетариата и о советском государстве.

Эти извращения стоят в прямой связи с принципиальными установками Бухарина по ряду таких важнейших вопросов, как вопрос о классовой борьбе пролетариата, вопрос о государстве и т. п.

Известно, что еще в 1916 г. Бухарин защищал тезис о принципиальной враждебности пролетариата к государству. В 1925 г., спустя год после смерти Ленина, при жизни которого Бухарин 9 лет хранил по этому поводу молчание, клеветнически изображал дело так, что в споре с Лениным по этому вопросу прав был не Ленин, а он.

По этому поводу т. Сталин, разоблачая клеветнический выпад Бухарина против В. И. Ленина, писал: «Вот вам образчик гипертрофированной претенциозности недоучившегося теоретика».

Известно, что, охотно болтая по поводу отмирания государства, Бухарин этот процесс отмирания государства изобразил шиворот-навыворот. По Бухарину, сначала отмирают армия и флот, затем репрессии, суд и тюрьмы и, наконец, принудительный характер труда. Ленин зло и беспощадно высмеял Бухарина. Известны замечания Ленина на полях бухаринской «Экономики переходного периода»: «Не наоборот ли: Сначала «далее», затем «потом» и наконец «сперва»?[4].

Что означает перевернутая формула Бухарина? Она означает не что иное, как ликвидацию диктатуры пролетариата, ибо как может существовать пролетарская диктатура, если при наличии капиталистического окружения «отомрет» армия и флот? Как может существовать пролетарская диктатура, если «отомрут» суд и репрессии против врагов социализма при наличии этих врагов, при усилении жестокости и все возрастающего озверения их сопротивления?

Ясно, что «отмирание» в таких условиях государства пролетарской диктатуры означает ликвидацию диктатуры пролетариата.

Нетрудно понять, что такое представление о процессе отмирания пролетарского государства в сущности, ничем не отличается от более открытого признания никчемности для проле-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 78.

[2] Там же, стр. 254.

[3] Там же, стр. 255.

[4] XI Ленинский сборник стр. 400.

тариата государства, от прямого отрицания государства.

Несомненно, в этой связи надо ставить вопрос об отношении бухаринцев к вопросу о пролетарском государстве. Отношение этих людей к советскому государству определялось в полной мере их принципиальной позицией в этом вопросе — позицией, глубоко враждебной делу пролетариата и пролетарской революции.

Эта позиция должна быть охарактеризована, особенно в свете нынешних разоблачений предательского лица бухаринцев, как позиция подрывников советского государства.

Теоретические разглагольствования этих господ в этой области, очевидно, предназначены были лишь в качестве известной военной маскировки. По сути дела, позиция бухаринцев и стоявших на его точке зрения других правых отщепенцев была позицией принципиально враждебного отношения к государству переходного периода, к государству рабочих и крестьян.

Что же удивительного в том, что логика борьбы против партии и советского государства бухаринских молодцов во главе с самим Бухариным привела их к союзу с фашистами, к превращению в агентов фашистской разведки, направляющей все силы на организацию подрывной деятельности против советского государства!

Что же удивительного в том, что выученики Бухарина из числа подвизавшихся в области теории права, все эти Пашуканисы, Берманы, Доценки и т. п. специализировались на пропаганде дискредитации советского государства, представляя его как форму или категорию буржуазного общества!

Не случайно один из наиболее злобствующих бухаринцев вредитель Пашуканис писал в своей книжке «Общая теория права и марксизм», что «мораль, право и государство суть формы буржуазного общества» и что государство, как и право, неспособно «вместить» социалистическое содержание.

Пашуканис утверждал, что дальнейшее развитие государства и права в сторону их «наполнения», как он выражался, социалистическим содержанием невозможно.

«Они, — писал этот предатель, — неспособны вместить это содержание и должны будут отмирать по мере его реализации». Одновременно Пашуканис говорил о необходимости для пролетариата использовать государство и «исчерпать» его до конца. Но как может пролетариат «исчерпать до конца» государство, органически лишенное способности развиваться и наполняться социалистическим содержанием?

Единственный способ «исчерпать до конца» такое государство — отказаться от него, ликвидировать его. Другого выхода нет, если не считать за выход сохранение государства как государства буржуазного со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эти последствия можно формулировать двумя словами: реставрация капитализма.

Это и только это и остается от всех витиеватых разглагольствований бухаринских «юристов», искусно культивировавших в области теории государственного права и в области теории права реставраторские, архибуржуазные взгляды, хотя и прикрытые социалистической фразеологией.

Грубо извращая марксистско-ленинское учение о государстве, Пашуканис старательно запутывал вопрос о природе государства, как особого аппарата подавления, казуистически откапывая какие-то «неясности» в формулировках по этому вопросу Энгельса, якобы дающие основание думать, что государственная власть становится предметом узурпации после своего возникновения, а не возникает вместе с возникновением классов.

То самое место из «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, которое Ленин цитирует как место, где «с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства», Пашуканис пытался опорочить своими бессодержательными ламентациями. Смысл этих ламентаций сводился к попытке протащить право-троцкистскую мыслишку о том, что с решительной победой одного класса отпадает потребность в государстве и что, следовательно, советское государство после решительной победы социализма теряет свой raison d'être (право на существование).

***

Двадцатилетие советского государства совпадает с двадцатилетием выхода в свет замечательной работы Ленина «Государство и революция».

Эта работа Ленина составила целую эпоху в марксистской литературе и в пролетарском революционном движении. Эта книга вооружила пролетариат для победоносной борьбы за власть, подготовила и вдохновила его на штурм капитализма и обеспечила победу рабочих и крестьян в России в октябре 1917 г.

Книга Ленина «Государство и революция» очистила учение Маркса-Энгельса о государстве от вражеских извращений и искажений. Она восстановила это великое учение во всей его подлинности и чистоте. Она явилась величайшим программным документом, образцом непревзойденного искусства применения марксистской диалектики.

В «Государстве и революции» Ленин дал глубочайший анализ всей проблемы государства в пролетарской революции, разбив наголову анархистов, центристов, оппортунистов доказав и показав, как должен по-марксистски относиться к этой проблеме пролетариат, как пролетариат должен решать эту проблему на практике революционной борьбы с эксплоататорами, на практике социалистического строительства.

В этой книге, явившейся ценнейшим вкладом в сокровищницу марксистской научной литературы, Ленин подытожил весь исторический опыт борьбы пролетариата и народных масс за свое освобождение, развил и обогатил гениальными новыми выводами марксистское учение о государстве.

Товарищ Сталин исчерпывающим образом сформулировал то новое, что внес Ленин в марксизм.

Товарищ Сталин сказал: «Основную идею диктатуры пролетариата, как политического господства пролетариата и как метода свер-

жения власти капитала путем насилия, дали Маркс и Энгельс. Новое у Ленина состоит в этой области в том, что: а) он открыл советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, использовав для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции; б) он раскрыл скобки в формуле диктатуры пролетариата под углом зрения проблемы о союзниках пролетариата, определив диктатуру пролетариата, как особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с эксплоатируемыми массами непролетарских классов (крестьянства и пр.), являющимися руководимыми; в) он подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой пролетарской демократии, выражающей интересы большинства (эксплоатируемых), — в противовес демократии капиталистической, выражающей интересы меньшинства (эксплоататоров)».

Ленин и Сталин доказали, что победа социализма возможна и в одной, отдельно взятой стране, что в деле организации этой победы решающая роль принадлежит пролетарской диктатуре, что советская власть, как государственная форма диктатуры пролетариата, является могущественным оружием в руках пролетариата.

Ленин и Сталин доказали, что победа пролетариата может явиться результатом лишь непримиримой и беспощадной борьбы с эксплоататорами, с их агентурой, со всеми пережитками капитализма в быту и сознании людей.

Ленин и Сталин доказали, что диктатура пролетариата является высшей формой демократии, расцвет которой только и возможен в условиях пролетарской диктатуры.

Ленин и Сталин доказали, наконец, что только пустые болтуны и прямые враги рабочего класса могут заниматься разглагольствованиями о немедленном отмирании государства, о «начале конца» пролетарской государственности с первых дней возникновения пролетарского государства.

Разговорам об отмирании государства Ленин и Сталин противопоставили анализ развития общества, подчеркивая, что этот процесс длителен и что он зависит «... от быстроты развития высшей фазы коммунизма...»[1].

Ленин оставлял совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания государства, — «... ибо материала для решения таких вопросов нет»[2].

Ленин писал в «Государстве и революции», что «государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда настолько люди привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться «по способностям»[3].

Подчеркивая длительность этого процесса, Ленин сосредоточивал внимание поэтому не на проблеме отмирания государства, а на проблеме всемерного его укрепления.

«До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, — писал Ленин в «Государстве и революции», — социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих»[1].

«Государство вооруженных рабочих» — это совершенно новое государство, — «это высший тип государства» (Ленин), социалистическое государство.

Ленин прямо говорил, что государство, состоящее из вооруженных рабочих, уже не государство в собственном смысле этого слова[2].

В пролетарском государстве весь аппарат иной, новый, по сравнению с аппаратом буржуазного государства.

«Революция, — писал Ленин, — состоит в том, что пролетариат разрушает «аппарат управления» и весь государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих».

«Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи старой государственной машины, а в том, чтобы он разбил эту машину и командовал, управлял при помощи новой машины...»[3].

Октябрьская революция разбила, уничтожила старую, капиталистическо-дворянскую государственную машину.

Октябрьская революция уничтожила старое, буржуазное, государство и построила на его месте новое, пролетарское, советское государство.

Если Ленин говорил, что при коммунизме в течение известного времени остается буржуазное государство без буржуазии, то он вовсе не ставил знака равенства между буржуазным и пролетарским государством, вовсе не отождествлял первое со вторым.

Ленин говорил о «буржуазном государстве без буржуазии» при коммунизме лишь в смысле сохранения «остатков старого в новом», в смысле исторической связи, существующей между тем и другим, между старым и новым государством.

Троцкистско-бухаринская банда Пашуканиса и К°, извращая бесстыднейшим образом марксизм-ленинизм, пыталась доказать, что советское государство ничем не отличается от буржуазного государства и лишено социалистического содержания.

Эта контрреволюционная клевета Пашуканиса и его банды теперь разоблачена полностью. И слепому видно, что это гнусная клевета.

Советское государство — это организованный в господствующую и непобедимую силу пролетариат, это особая форма власти рабочих и крестьян, свергнувших эксплоататоров и построивших свое новое, социалистическое

[1] Ленин, т. XXI, стр. 436.
[2] Там же.
[3] Там же.

[1] Ленин, т. XXI, стр. 437.
[2] Там же, стр. 441.
[3] Там же, стр. 450.

общество, опирающееся на общественную, социалистическую собственность.

Советское государство — это мощный страж интересов и прав трудящихся, это — могучий оплот мира, это — новый мир, построенный руками рабочих и крестьян, освободившихся от гнета, эксплоатации и нужды.

Советское государство — это боевое оружие в руках трудящихся, окруженных врагами, готовящими против нас войну, мечтающими о нашем поражении.

Пока крепко и могуче советское государство, пролетариату, трудящимся нашей страны и всего мира не страшны никакие козни, никакие злые замыслы врагов социализма, врагов подлинной культуры и демократии.

Вот почему мы стоим за дальнейшее усиление и укрепление мощи нашего великого государства — оплота и твердыни социализма, победившего на одной шестой части земного шара.

Мы помним великие слова Сталина о том, что нам нужна сильная и могучая диктатура пролетариата, что мы «...стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей» [1].

Только враги социализма могут отрицать необходимость максимального усиления нашего советского государства, особенно перед лицом вооруженных до зубов империалистических хищников и их подлых агентов из числа троцкистско-бухаринских изменников.

Истекшее первое двадцатилетие советской власти завершается величайшей победой социализма. Родившаяся двадцать лет назад советская власть возмужала и превратилась в гигантскую силу, о которую разбились, разбивались и будут и впредь разбиваться все попытки помешать счастью и радости жизни трудящихся масс, отвоеванных у старого мира кровью и великими жертвами.

Великая Сталинская Конституция — Конституция победившего социализма, победившего социалистического общества рабочих и крестьян, — вот всемирно-исторический итог первого советского двадцатилетия.

Празднуя торжественно и гордо день великого двадцатилетия, мы с новыми силами, новым энтузиазмом, с полной верой в окончательную победу великих идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина во всем мире, идем вперед — всегда вперед, и только вперед, к коммунизму!

М. ШИФМАН

Октябрьская революция и крестьянство

Сельское хозяйство дореволюционной России было чрезвычайно отсталым.

Царская Россия не имела, по существу, собственной промышленности по производству сельскохозяйственных орудий и машин, а ввоз их из-за границы был совершенно ничтожен.

По статистической переписи 1910 года сохи, косули и деревянные плуги занимали 64% в общей стоимости пахотных орудий, одна сеялка приходилась на 70, одна молотилка на 129 хозяйств, причем улучшенные сельскохозяйственные орудия были сосредоточены только у помещиков и кулаков. Безлошадных крестьян в Европейской России в 1896—1900 гг. было 3¼ млн. дворов, однолошадных — 3½ млн. дворов.

Земельная нужда в России была настолько велика, что, по выражению Л. Н. Толстого, «крестьянину куренка некуда было выгнать».

В книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.» Ленин так характеризовал соотношение помещичьего и крестьянского землевладения в дореволюционной России: «У 10 миллионов крестьянских дворов 73 миллиона десятин земли. У 28 тысяч благородных и чумазых помещиков — 62 миллиона десятин. Таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю» [2]. К этому остается только добавить, что качество крестьянской земли, в результате аграрной политики царского правительства (система отрезков), было неизмеримо хуже помещичьей земли.

Чтобы понять особенность тогдашнего положения крестьянского населения России по сравнению с другими капиталистическими странами, необходимо учесть одно очень важное обстоятельство.

В то время, как в передовых буржуазных странах (Англия, Франция и др.) естественный прирост сельского населения поглощался городом, вследствие роста промышленности, в России почти весь прирост сельского населения (85—90%) оседал в деревне, и только 10—15% находили себе работу на промышленных предприятиях городов. Это приводило к систематическому росту перенаселенности деревни, что в свою очередь вело к ухудшению земельного обеспечения крестьянства и его обнищанию.

Если в момент так называемого «освобождения» крестьян на наличную мужскую душу населения приходилось 4,8 десятины земли, то в 1880 году — 3,5 десятины, в 1900 году — 2,6 десятины, а к моменту революции уже только 2 десятины земли.

Проблема, связанная с приростом сельского населения, могла быть хоть сколько-нибудь смягчена интенсификацией земледелия, подъемом его на высшую ступень. Однако трехполье оставалось господствующей системой земледелия, что уже само по себе предопределяло крайне низкий уровень урожайности.

И действительно, по урожайности пшеницы Россия отставала от Бельгии, Германии и Великобритании в 3—3,5 раза, а по ржи — в 2,5—

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, 1934, с. 427. (Разрядка наша — А. В.).

[2] Ленин, т. XI, стр. 337.

3 раза и т. д. Несмотря на такую низкую урожайность, Россия все же занимала первое место в мировом экспорте зернопродуктов, вывозя ежегодно около 10 млн. тонн зерна. Нетрудно догадаться, что этот экспорт шел за счет недоедания широких масс рабочих и крестьян.

Одна цифра с достаточной ясностью подтверждает этот факт.

Средняя годовая норма потребления зерна в России была равна 3,6 центнера на душу, что составляло 70% нормы потребления зерна в Венгрии, 55%—в Румынии и 40% — в США.

Даже по официальным дореволюционным данным недостаток в хлебе определялся по меньшей мере в 3,5 пуда хлеба на душу в год, причем полуголодная норма потребления зерна в России в 3,6 центнера являлась средней, а это значит, что фактическое потребление хлеба беднейшими слоями населения находилось на еще более низком уровне.

Правовое положение крестьянства было не лучше экономического.

Крестьянство как особое сословие было поставлено царскими законами в совершенно бесправное положение.

Выход из крестьянского сословия был крайне затруднен необходимостью получить согласие от своего общества и приписаться к какому-либо городскому обществу. Для крестьянства была установлена двойная подсудность: общая для всего населения и специальная — волостной суд, причем суд мог назначать крестьянину в качестве меры наказания телесное наказание, тогда как все другие сословия были от этого освобождены.

Для крестьян был установлен такой паспортный режим, что они все время числились «в отлучке по паспорту», и в любое время крестьянин мог быть отозван в село для отбывания повинности.

«Народное просвещение» так проводилось царским правительством, что неграмотность абсолютного большинства крестьянского населения сохранилась до самой пролетарской революции.

Наконец, налоговой пресс царского правительства и многомиллионные выкупные платежи за землю с особой тяжестью давили бедняцко-середняцкие слои крестьянства.

Боязнь революционных вспышек со стороны нищего, разоренного и бесправного крестьянства заставляла царское правительство искать поддержку в деревне «у крепких и сильных», вызвав у них «фанатизм собственности». Отражением этого стремления царского правительства является знаменитый столыпинский устав от 9 ноября 1906 г. и заменивший его впоследствии закон от 14 июня 1910 г., отдавший крестьянскую общину на разграбление богатеям-кулакам, на которых царизм и надеялся в дальнейшем опереться в борьбе против революции.

Однако устав 9 ноября только обострил классовую борьбу в деревне и вызвал яркие антиправительственные вспышки, которые подавлялись царским правительством массовыми расстрелами и виселицами.

Такой же крах постиг и переселенческую политику Столыпина, которая была призвана смягчить аграрный кризис и разрядить напряженную атмосферу в деревне.

Исключительно яркие цифры мы находим по этому вопросу в статье Ленина «Значение переселенческого дела».

Если в период с 1905 г. по 1908 г. число переселенцев в Сибирь выросло с 39 до 665 тыс., то в последующие годы мы сталкиваемся с фактом резкого спада переселенческой волны— с 619 в 1909 году до 316 в 1910 г. и 183 тыс. в 1911 г.

Наряду с этим массовый характер (60% в 1911 г.) приняло возвращенчество в «родные» места дотла разорившихся, отчаявшихся и обозленных переселенцев, которые увеличивали собой и без того громадную, «бродячую» армию мучительно-голодающего крестьянства.

«Правительство, — писал Ленин в 1913 г. по поводу переселенчества, — добилось только нового обострения и ухудшения положения крестьян и в России и в Сибири»[1].

Анализируя причины неудач столыпинских реформ, Ленин писал: «Никакое укрепление земли в личную собственность, никакие меры против чересполосицы, не могут сделать массу нищих крестьян, сидящих на плохой, выпаханной земле, обладающих лишь стародедовским, вконец изношенным, инвентарем, с голодным рабочим и рогатым скотом,—сколько-нибудь культурными, сколько-нибудь хозяевами.

Вокруг помещиков (типа Маркова или Пуришкевича) с 2 тыс. десятин земли, владельцы семи-десятинных крохотных участков останутся неизбежно закабаленными нищими, как бы их ни расселяли, как бы их ни освобождали от общины, как бы им ни «укрепляли» их нищенские участки в их личную собственность».

И несколько ниже Ленин пророчески указывал, что столыпинщина приведет «к нарастанию старого кризиса на иной, более высокой ступени капиталистического развития России»[2].

Империалистическая война углубила аграрный кризис и резко ухудшила положение крестьянства.

В период до февральской революции 1917 г. война поглотила около третьей части всего рабочего скота; взрослая мужская рабочая сила в деревне резко уменьшилась, а местами совершенно исчезла; производство сельскохозяйственных машин и удобрений, в связи с милитаризацией промышленности, снизилось до 15% ничтожного довоенного уровня, а ввоз их из-за границы совершенно прекратился. Это, естественно, повлекло за собой резкое сокращение посевных площадей, снижение урожайности и дальнейшее обнищание бедняцко-середняцких масс крестьянства.

В этот период обострение классовых противоречий в деревне, с одной стороны, между беднотой и кулачеством и, с другой стороны, между всем крестьянством и помещиками достигло своей кульминационной точки и предупредило активное выступление крестьянства под руководством рабочего класса против войны и против царского правительства.

---

[1] Ленин, т. XVI, стр. 451.
[2] Там же, стр. 89—90.

**
*

Февральская революция 1917 г. не внесла сколько-нибудь существенных изменений в экономическое положение крестьянства, ибо у власти попрежнему остались помещики и капиталисты. Это особенно рельефно сказалось на характере аграрной политики временного правительства.

Не только сиятельный князь Львов и будущий «герой» русской Вандеи генерал Корнилов запрещали, под угрозой исправительно-арестантских отделений, крестьянам «насильственно захватывать посевы или собранный хлеб», но и министры «социалисты» от них не отставали.

16 июля 1917 г. министр земледелия временного правительства, лидер партии с.-р. и ее главный теоретик по аграрному вопросу — Виктор Чернов разослал на места инструкцию земельным комитетам, в которой требовал, чтобы крестьяне вносили землевладельцам арендную плату за землю.

Министр внутренних дел временного правительства, один из лидеров меньшевиков Церетели, также выпустил циркуляр, в котором возмущенно писал: «Населением допускаются захваты запашек и засевы чужих полей, снятие рабочих и предъявление непосильных для сельского хозяйства экономических требований».

По директиве Церетели в деревне развернулось жестокое преследование крестьян, так называемых захватчиков, причем особую активность в этом деле проявили губернские комиссары, состоявшие в подавляющем большинстве своем из с.-р. и меньшевиков.

Понимая, что своими силами помещикам, вкупе с губернскими комиссарами, не удастся справиться с назревавшими эксцессами в деревне, помещики, с благословения временного правительства, сделали попытку создать себе массовую опору в деревне, энергично привлекая на свою сторону кулаков.

Эта ставка на «крепкого мужичка», которая, по существу, копировала столыпинскую политику, шла параллельно с вредительством помещиков. Помещики не засевали поля, травили посевы, уничтожали хлеба, массами вырезали скот, а попытки крестьян засевать помещичью землю подавлялись самыми жестокими репрессиями.

Временное правительство всемерно защищало помещиков и кулаков. 8 сентября 1917 г. Керенский издал приказ, в котором писал: «Безусловно воспрещаю насильственно захватывать посевы или собранный хлеб, отбирать насильственно или незаконным путем живой и мертвый инвентарь».

27 сентября временное правительство декларировало, что «непосредственное упорядочение поземельных отношений должно быть возложено на земельные комитеты..., но без нарушения существующих форм землевладения...»

В напряженной обстановке осени 1917 г., когда возмущение крестьян достигло своего апогея, министр земледелия временного правительства Маслов, сменивший окончательно дискредитированного Чернова, разработал свой проект закона о передаче земель земельным комитетам до учредительного собрания.

Согласно этому проекту крестьянам передавались в платную аренду лишь те земли которые ранее сдавались владельцами в аренду.

Этот закон был разоблачен товарищем Лениным с присущей ему беспощадностью.

«Это не конфискация помещичьего землевладения, — писал товарищ Ленин, — а укрепление его «республиканским» правительством... кадеты делают вид, что проект эсеров «необычайно революционный» и во всех буржуазных газетах поднят шум против проекта. Все это комедия, игра. На самом же деле проект С. Л. Маслова есть «помещичий» проект, писанный для соглашения с помещиками, для спасения их» [1].

Нечего говорить, что этот закон не мог удовлетворить крестьянство.

Этот закон еще раз показал, что временное правительство неспособно разрешить аграрный вопрос в интересах широких масс крестьянства. Именно аграрный вопрос, наряду с вопросом о мире, явился роковым камнем преткновения для временного правительства.

**
*

Революция 1905 г., период четырех дум и контрреволюционная политика временного правительства доказали крестьянству всю тщетность его надежд на либеральную буржуазию и ее партии, которые не помогут крестьянам получить землю и волю. Вот почему этот период прошел под знаком отхода крестьянства от кадетов, с.-р. и меньшевиков и поворота крестьянства в сторону пролетариата, в сторону партии большевиков.

Крестьянство убедилось, «что единственная сила, на помощь которой можно рассчитывать, — это городские рабочие, пролетариат» [2].

Маркс, Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали, какое огромное значение для судеб революции имеет привлечение крестьянства на сторону рабочего класса, на сторону революции.

Маркс писал, что только в случае правильного разрешения крестьянского вопроса «пролетарская революция получит хор, без которого ее соло во всех крестьянских нациях превратится в лебединую песнь».

В «Письмах издалека» товарищ Ленин указывал, что «В России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем лишь при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения» [3].

Товарищ Сталин писал, что буржуазные «революции 48 и 71 гг. во Франции погибли, главным образом, потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии» [4].

Такая высокая оценка роли крестьянства со стороны Маркса, Ленина и Сталина, со стороны всей большевистской партии, предопределила то положение, что аграрный и специально крестьянский вопрос фигурировал во всех про-

[1] Ленин, т. XXI, стр. 360.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 35.
[3] Ленин, т. XX, стр. 46.
[4] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 78.

граммных построениях большевистской партии, ибо он «является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата» (Сталин).

Роль крестьянства в пролетарской революции была следующим образом блестяще сформулирована товарищем Сталиным: «Вопрос стоит так: исчерпаны ли уже революционные возможности, таящиеся в недрах крестьянства, в силу известных условий его существования, или нет, и если не исчерпаны, есть ли надежда, основание использовать эти возможности для пролетарской революции, превратить крестьянство, его эксплоатируемое большинство, из резерва буржуазии, каким оно было во время буржуазных революций Запада и каким оно остается и теперь, — в резерв пролетариата, в его союзника?

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно, т. е. в духе признания в рядах большинства крестьянства революционных способностей и в духе возможности их использования в интересах пролетарской диктатуры»[1].

Эта оценка крестьянства диаметрально противоположна той оценке, которую давали крестьянству предатели троцкисты и представители второго интернационала. Они не только не считали возможным обеспечить союз рабочих и крестьян в условиях революционной борьбы, но либо проявляли к крестьянскому вопросу «ироническое отношение» и считали это отношение «признаком хорошего тона, признаком настоящего марксизма» (Сталин), либо, как Троцкий, грозили пролетариату враждебными столкновениями с крестьянством. И вполне естественно, что позицию Иуды Троцкого в аграрном вопросе товарищ Ленин расценивал, как предательство, как «нежелание поднимать крестьян на революцию»[2].

Последовательное проведение ленинско-сталинской политики в отношении крестьянства, которое рассматривается как союзник пролетариата, обеспечило сближение масс крестьянства с рабочими и в дальнейшем подтвердило прогноз большевистской партии о наличии в рядах большинства крестьянства «революционных способностей» (Сталин). К февральской революции большевистская партия пришла уже вместе со всем крестьянством.

В манифесте, изданном в марте 1917 г., большевистская партия наряду с требованиями демократической республики, 8-часового рабочего дня, конфискации хлебных запасов и немедленной подготовки мирных переговоров выдвинула лозунг конфискации дворянских землевладений в пользу крестьян.

Этот манифест, отражая самые сокровенные мечты и чаяния широких трудящихся масс крестьянства, показал, что единственным классом, который по-серьезному ставит себе задачу вывести страну из империалистической войны, обеспечить мир всему населению необъятной России и дать землю трудящемуся крестьянству, является только пролетариат и его партия большевиков.

Вот почему большинство крестьян горячо поддержало борьбу рабочих и обеспечило победу пролетарской революции в нашей стране.

Если против царизма вместе с пролетариатом шло все крестьянство, то после свержения царского правительства в среде крестьянства началась диференциация, и верхушечная часть крестьянства, вместе со всей мелкой буржуазией, переметнулась в лагерь крупной буржуазии, объединилась с ней против трудящихся масс города и деревни. В ответ на это большевистская партия выдвинула лозунг: «опора на беднейшее крестьянство при нейтрализации середняка».

«Ход революции, — говорит товарищ Ленин, — подтвердил правильность нашего рассуждения. Сначала вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом вместе со всеми эксплуатируемыми, против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов и постольку революция становится социалистической»[1].

Таким образом, переход от первого этапа революции ко второму сопровождался новой расстановкой классовых сил и требовал по-тому новой тактики.

Выдвигая лозунг о необходимости опереться на беднейшее крестьянство против буржуазии при нейтрализации середняка, партия большевиков отдавала себе отчет, что это приведет к ожесточенной классовой борьбе кулачества и зажиточной части крестьянства с бедняками и сельхозрабочими, но этот именно стратегический маневр обеспечил нашу победу в Октябрьских боях.

На вопрос о том, почему нам удалось свергнуть буржуазную власть и заменить ее властью пролетариата, товарищ Сталин отвечает: — «потому, что мы вели подготовку Октября под лозунгом диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, потому, что, исходя из этого лозунга, мы вели систематическую борьбу с соглашательством мелкобуржуазных партий, потому, что исходя из этого лозунга, мы вели систематическую борьбу с колебаниями среднего крестьянства в советах, потому что только при таком лозунге мы могли преодолеть колебания середняка, разбить соглашательство мелкобуржуазных партий и собрать такую политическую армию, которая способна повести борьбу за переход власти в руки пролетариата. Нужна ли нужно доказывать, что без этих предварительных условий, определивших судьбу Октябрьской революции, мы не могли бы добиться поддержки крестьянства в целом ни в Октябре, ни после Октября»[2].

Всемирно-историческая победа Октябрьской революции, в которой беднейшее крестьянство впервые выступило под руководством пролетариата, с одной стороны, доказала правоту взглядов большевиков в оценке крестьянства как союзника пролетариата и, с другой — доказала крестьянству.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 34—35.

[2] Ленин, т. XVIII, стр. 318.

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 391.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 167.

ольшевики проводят в жизнь свою программу, то у большевиков слово не расходится с делом.

На следующий день после Октябрьской революции, 26 октября (8 ноября) 1917 г., советская власть в лице II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов в обращении к рабочим, солдатам и крестьянам предложила всем народам немедленно заключить демократический мир и обеспечить безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель крестьянам.

Принятые вслед за этим декреты о мире и земле явились претворением в реальную действительность большевистской программы.

В декретах о мире и земле съезд советов заявил трудящимся всего мира о грабительском характере войн, которые ведут капиталисты и помещики всего мира, и предложил мир без аннексий и контрибуций, т. е. единственно справедливый и демократический мир.

В этом декрете, который Ленин называл декларацией, советская власть отразила надежды и мечты измученных и разоренных войной трудящихся масс всего мира и в первую очередь рабочих и беднейших крестьян России.

Этот декрет показал трудящимся всего мира, что только власть рабочих и беднейшего крестьянства способна покончить с преступной грабительской войной.

Следующий вопрос, который не решило и не могло решить буржуазно-помещичье временное правительство, был вопрос о земле.

Политика временного правительства сводилась к пустым обещаниям, к обману крестьян, к укреплению на деле помещичьего землевладения. В этом и состояла «хитрая механика» временного правительства, в этом и заключался «социальный заказ», который был дан временному правительству настоящими хозяевами положения — буржуазией города и деревни.

Проект декрета о земле, который Ленин докладывал на II Всероссийском съезде советов, предусматривал отмену без всякого выкупа помещичьей собственности на землю, переход в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов помещичьих имений, удельных, монастырских, церковных земель со всем живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями.

Таким образом, советская власть на второй день своего существования, когда воздух был еще насыщен порохом Октябрьских боев, уже приступила к выполнению своей аграрной программы и, как мы знаем, обеспечила полное проведение ее в жизнь. Этим был впервые в истории решен аграрный вопрос в пользу широчайших слоев трудящегося крестьянства.

Капиталисты всего мира объявили советской стране борьбу не на жизнь, а на смерть. На севере, юге, востоке и западе загорелась гражданская война, поддержанная интервенцией. Это потребовало напряжения всех сил молодой советской республики для того, чтобы, обеспечив Красную армию всем необходимым, и в первую очередь — продовольствием, отстоять завоевания революции.

Между тем, кулачество и зажиточная часть деревни развили бешеную спекуляцию хлебом, прятали его от государства, старались не давать хлеб Красной армии и тем сорвать ее победу на фронтах.

Мириться с таким положением нельзя было, необходимы были решительные меры для изъятия этого хлеба в интересах революции.

Этот острейший период — период «военного коммунизма» вновь подтвердил незыблемость союза пролетариата с беднейшим крестьянством, когда беднота выступила вместе с пролетариатом против кулаков и спекулянтов, прятавших хлеб.

«Образовывается, — писал товарищ Ленин, — новая форма борьбы против кулаков, форма союза бедноты, которой нужно помочь, которую нужно объединить» [1].

Необходимо иметь в виду, что советы в деревнях в это время только создавались, что зачастую в состав советов пробирались кулаки, которые спекулировали хлебом и саботировали хлебозаготовки. Все это потребовало самых решительных мер, в проведении которых активную роль принимала беднота и созданные к тому времени комитеты бедноты.

Роль комбедов была поистине огромной. Они за короткое время своего существования сделали чрезвычайно много в борьбе с кулачеством, для укрепления в деревне советской власти, для привлечения на ее сторону середняков; комбеды помогли также созданию в деревне активистов, которые по ликвидации комбедов заняли большое место в сельсоветах.

«Комбеды, — говорит товарищ Сталин, — были основаны в июле 1918 года. К концу октября 1918 года мы имели уже перевес наших сил в деревне против кулачества и поворот середняка в сторону советской власти. На базе этого поворота и возникло решение ЦК об уничтожении двоевластия между советами и комбедами о перевыборах волостных и сельских советов, о растворении комбедов во вновь избранных советах и, следовательно, о ликвидации комбедов» [2].

Таким образом, уже в этот период (в конце 1918 г.) имелся перевес наших сил против кулачества, и середняк повернул в сторону советской власти.

Середняк стал поворачиваться к нам, когда он стал убеждаться, что буржуазия свергнута «всерьез», что власть советов упрочивается, кулака одолевают, Красная армия начинает побеждать на гражданских фронтах. Именно после такого перелома стал возможен третий стратегический лозунг партии, данный Лениным на VIII съезде партии: «Опираясь на бедноту и устанавливая прочный союз с середняком — вперед за социалистическое строительство» [3].

Разгромив внутреннюю и внешнюю контрреволюцию и получив передышку, советская страна взялась за разрешение насущнейших задач восстановления разоренного, разрушенного сначала империалистической, а затем гражданской войной, хозяйства.

---

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 60.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 220.

[3] Там же, стр. 159.

Важность этих задач сознавалась партией и правительством с первого момента прихода к власти. Попытки приступить к их разрешению имели место тотчас же после заключения Брестского мира, т. е. когда появилась надежда на передышку. Резолюция ВЦИК от 29 апреля 1918 г. поставила во всю ширь вопросы хозяйственного строительства, но гражданская война и интервенция помешали тогда разрешить эти хозяйственные задачи.

Окончание гражданской войны поставило на очередь хозяйственные задачи, решение которых не терпит никаких отлагательств.

«Мы можем теперь с гораздо большей уверенностью и твердостью взяться за близкое нам, необходимое и привлекающее нас к себе давно уже дело хозяйственного строительства с уверенностью, что так легко сорвать эту работу, как прежде, капиталистическим хозяевам не удастся» [1].

Эти слова были сказаны товарищем Лениным на VIII Всероссийском съезде советов в 1920 г., когда гражданская война еще не была совсем завершена. Уже в это время партия большевиков устами Ленина заявила: «Хозяйственные задачи, хозяйственный фронт выдвигается перед нами теперь опять и опять, как самый главный и как основной» [2].

Таким образом окончание гражданской войны открыло возможность перейти от задач военных, когда вся партия, советская власть и огромное большинство населения все силы напрягли для обеспечения победы над внутренней и внешней контрреволюцией, к разрешению задач хозяйственных.

Новизна задачи требовала иных, новых методов их разрешения.

«Мы имели полный успех в военной области и теперь мы должны подготовить такой же успех для задач более трудных, требующих энтузиазма и самоотверженности от огромного большинства рабочих и крестьян» [3].

Задача, стало быть, сводилась к тому, чтобы союз с крестьянством, проверенный в боях на военных фронтах, укрепить еще больше, чтобы найти такие формы отношений с крестьянством, которые бы обеспечили участие большинства крестьян в разрешении хозяйственных задач.

Для этого союз военный и политический надо было укрепить союзом экономическим.

В этот период Ленин особенно подчеркивал необходимость «убедить беспартийных крестьян, именно беспартийных, потому, что они масса», в том, что нельзя дальше вести хозяйство так, как они его вели раньше, что «железное руководство пролетариата есть единственное средство, которое спасает крестьянина от эксплуатации и насилия» [4].

Эта вера крестьянства, что его спасение от нищеты, от разорения, от эксплоатации лишь в прочном союзе с пролетариатом, позволила поставить более сложные, более ответственные задачи, связанные с восстановлением хозяйства, провести которые можно было только убеждая крестьянство в необходимости этих мер в интересах революции и применяя одновременно с этим в соответствующих случаях меры принуждения.

В сравнении с задачами, стоявшими в время гражданской войны, эти задачи был гораздо труднее.

Для того чтобы эти задачи решить, был созданы по решению VIII Всероссийског съезда советов специальные комиссии, которы должны были по группам районов выработат круг обязательных мероприятий, долженствующих обеспечить быстрейшее восстановлени крестьянского хозяйства.

Анализ положения нашей страны после окон чания гражданской войны, в первую очеред анализ состояния сельского хозяйства и поло жения деревни, привел к необходимости пе ресмотра экономической политики период «военного коммунизма», к замене ее такой по литикой, которая обеспечила бы возможност на основе соглашения с основными крестья ними массами, максимального развития все производительных сил страны и укреплени союза рабочих и крестьян.

В чем состояла экономическая политика пар тии в деревне во время «военного коммуни ма»?

«Своеобразный «военный коммунизм» состоя в том, что мы фактически брали от крестья все излишки и даже иногда не излишки, часть необходимого для крестьянина прод вольствия, брали для покрытия расходов н армию и на содержание рабочих. Брали боль шей частью в долг, за бумажные деньги. Ин че победить помещиков и капиталистов в раз ренной мелко-крестьянской стране мы не мо ли» [1].

Изъятие всех излишков у крестьянина ли шало его уверенности в том, что он «столько то может употребить для местного оборота», тем самым не создавало стимула для развити его хозяйства.

Можно ли было и нужно ли было в усло виях перехода от военного времени к мирном строительству дальше продолжать эту полити ку изъятия всех излишков сельскохозяйстве ных продуктов у крестьянина? Соответствов ла ли такая политика интересам революции?

Ленин писал: «Взятие с крестьянских хо зяйств излишков означало такую меру, кот рая в силу военных обстоятельств была на навязана с абсолютной необходимостью, но к торая сколько-нибудь мирным условиям суще ствования крестьянского хозяйства не отвеч ла. Ему нужна уверенность, что он столько-т отдает, а столько-то может употребить дл своего местного оборота» [2].

Задача заключалась в том, чтобы построит взаимоотношения с крестьянством таким обр зом, чтобы у него создавался «стимул, толчо побудитель» (Ленин) для развития его хозя ства. Признание продразверстки политикой, к торая не соответствует новым условиям, пост вило на очередь задачу изменить эту полити ку. Самым правильным решением вопроса бы бы — дать мелкому производителю в обм на хлеб и сырье необходимые ему продукт промышленности. Однако этого разрушени промышленность обеспечить не могла, а кр

[1] Ленин, т. XXVI, стр. 25.
[2] Там же, стр. 31.
[3] Там же, стр. 34.
[4] Там же, стр. 32.

[1] Ленин, т. XXVI, стр. 332.
[2] Там же, стр. 217.

стьянское хозяйство надо было восстановить во что бы то ни стало.

Выход был найден партией во главе с Лениным и Сталиным в замене продразверстки продналогом, когда крестьянин твердо знал, что, сдав определенную часть хлеба государству, он остальным вправе распорядиться по своему усмотрению.

«Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной — к правильному социалистическому продуктообмену» [1].

Замена продразверстки, навязанной условиями войны и разрухи, продналогом, соответствовала периоду окончания гражданской войны и перехода к мирному строительству. Она была необходима для дальнейшего улучшения отношений рабочего класса и крестьянства, «борьба между которыми или отношения между которыми определяли судьбу нашей революции» (Ленин). Для этого надо было путем некоторых уступок среднему крестьянству создать предпосылки для подъема сельского хозяйства, что, в свою очередь, открывало возможность подъема промышленности.

Продналог и связанное с ним право крестьян реализовать излишки своей продукции на рынке порождали в известных пределах свободу торговли, хотя и регулируемой государством, а следовательно, и некоторое оживление капитализма.

В противовес этому партией и правительством были приняты меры к развитию всех видов кооперации, в которых постепенно должно было произойти объединение миллионов крестьянских хозяйств.

В исторической статье «О кооперации» Владимир Ильич рассматривает кооперацию как наиболее легкий, доступный, «простой» переход крестьянского хозяйства к крупному общественному хозяйству. При этом имея ввиду производственное кооперирование как цель кооперации, Ленин связывал при этом проблему кооперирования с процессом индустриализации страны, играющей решающую роль в социалистической переделке деревни.

«В сущности говоря, — писал Ленин, — кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса с проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» [2].

Различные формы кооперации (потребительская, сельскохозяйственная и др.) — явились теми формами объединения крестьян, которые приучали их вести сообща свои хозяйственные дела и внедряли в экономику и сознание трудящихся масс крестьянства дух коллективизации.

Осуществление кооперативного плана Ленина обеспечило направление крестьянского хозяйства по социалистическому пути, создав у него навыки совместного, общественного ведения дел и подготовляя переход к более высоким формам кооперации — в производстве.

Огромная государственная помощь кредитами по линии сельскохозяйственной кооперации, оставление в волостных, а затем районных бюджетах значительных средств для развития сельского хозяйства — все это способствовало подъему бедняцких и середняцких хозяйств и объединению их вокруг партии и советской власти. В решениях партии по вопросу о сельском хозяйстве мы часто находим указания на необходимость поощрения производственных объединений крестьян в форме товариществ по совместной обработке земли, товариществ по совместному использованию скота, не говоря уже об артелях и коммунах.

Огромная работа партии по разъяснению выгодности и правильности коллективных путей ведения хозяйств находила благоприятную почву в бедняцко-середняцких массах. Поощрение, оказываемое государством этим коллективам в области сельскохозяйственного кредита, снабжения сельскохозяйственными машинами, способствовало тому, что эти хозяйства-пионеры превратились в лучших агитаторов за колхозный строй, доказывая окрестному крестьянству выгодность коллективных форм ведения хозяйства.

Развитие промышленности, на основе Сталинского плана индустриализации нашей страны, сделало возможным широкое внедрение в сельское хозяйство сложных сельскохозяйственных машин, недоступных для единоличного хозяйства бедняка и середняка. Наличие же этих машин, резко увеличивающих производительность труда в коллективных хозяйствах, играло роль фактора, революционизировавшего крестьянские массы.

Большую роль играла и контрактация, при помощи которой государство оказывало воздействие на организацию сельского производства.

Наконец, огромное значение в деле осознания крестьянством выгодности коллективных форм хозяйства имели совхозы, которые, со своей передовой техникой, наглядно показывали преимущество крупного сельскохозяйственного предприятия по сравнению с мелким единоличным хозяйством.

Хлебозаготовки 1927/28 г., анализ которых дан товарищем Сталиным в мае 1928 г. в его беседе со студентами Института красной профессуры Комакадемии и Свердловского университета, лишний раз показали, что основной причиной хлебных затруднений является «мелкое и среднее крестьянское хозяйство, дающее минимум товарного хлеба» [1].

Это хозяйство лишено или почти лишено возможности применять сложные машины, удобрения, поднимать производительность труда и т. п., «ввиду чего и является хозяйством полупотребительским, малотоварным» (Сталин).

Выход из этого положения партия давно видела в повороте крестьянства на социалистический путь, на путь коллективизации, предусмотренный генеральной линией партии.

Эта линия партии была встречена в штыки как «правыми», так и «левыми» оппортунистами. Первые, не понимая того, что переживаемые трудности являются трудностями роста,

---

[1] Ленин, том XXVI, стр. 331—332.
[2] Ленин, т. XXVII, стр. 391—392.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 212.

выступали против мер, направленных к ограничению капиталистических элементов в деревне, выдвигая теорию о «мирном врастании кулака в социализм» и лозунг «обогащайтесь» Левые стремились «перепрыгнуть» через нэп, не замечая того, что крестьянство не подготовлено еще для массовой коллективизации. Партия и ее Сталинский ЦК, верные заветам Ленина, отвергли все эти контрреволюционные предложения и на основе генеральной линии партии постепенно подводили крестьянство к переходу от единоличного хозяйства к коллективным формам хозяйствования.

Партия, отлично сознавая, что совхозы и колхозы являются единственной формой, способной обеспечить развитие сельского хозяйства по социалистическому пути и удовлетворить возросшие потребности страны в хлебе и других сельскохозяйственных продуктах, стремилась создать все условия, необходимые для окончательного поворота его на социалистический путь.

Для массового развития колхозов был необходим целый ряд условий, к созданию которых были направлены мероприятия партии на протяжении всех этих лет.

Товарищ Сталин в речи на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 г., отвечая «левым» предателям, обвинявшим партию в том, что она запоздала с проведением массовой коллективизации, указывал те условия, которые необходимы для того, чтобы обеспечить успех массовой коллективизации, которые были уже созданы к этому моменту, но которых не было еще 2—3 года тому назад.

«Чтобы провести план массового движения за колхозы и совхозы, для этого необходимо прежде всего, чтобы партийную верхушку поддержала в этом деле прежде всего партия в своей массе. А партия у нас миллионная, как известно. Следовательно, нужно было убедить широкие партийные массы в правильности политики руководящей верхушки. Это — во-первых.

Для этого необходимо, далее, чтобы в недрах крестьянства создалось массовое движение за колхозы, чтобы крестьянство не боялось колхозов, а само шло в колхозы, убеждаясь на опыте в преимуществе колхозов перед индивидуальным хозяйством. А это — дело серьезное, требующее известного времени. Это — во-вторых.

Для этого необходимо, далее, чтобы были у государства материальные средства, необходимые для финансирования движения, для финансирования колхозов и совхозов. А на это дело нужно сотни и сотни миллионов, дорогие товарищи, это в-третьих.

Для этого необходимо, наконец, чтобы была развита индустрия в более или менее достаточной мере, необходимой для того, чтобы снабжать сельское хозяйство машинами, тракторами, удобрением и т. д. Это — в-четвертых» [1].

Для создания всех этих условий нужно было время, и только после того, как все они были созданы, в крестьянстве, вопреки «вещим» предсказаниям правых и «левых» предателей, вопреки их подрывной работе, произошел поворот от единоличного к колхозному хозяйству и были созданы предпосылки для массового движения крестьянства за колхозы.

«Для массового поворота крестьянства в сторону социализма недостаточно еще провозглашение лозунга. Для поворота требуется по крайней мере еще одно обстоятельство, а именно, чтобы сами крестьянские массы убедились в правильности провозглашенного лозунга и приняли его, как свой собственный лозунг. По этому поворот этот подготовлялся исподволь. Подготовлялся он всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии, прежде всего развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в их новых формах за 1928 и 1929 годы, ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-середняцких масс. Подготовлялся он развитием сельскохозяйственной кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготовлялся он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. Подготовлялся он, наконец, сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получил возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники. Было бы ошибочно видеть в наших совхозах только лишь источник хлебных ресурсов. На самом деле совхозы с их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации» [1].

В результате этого мощного поворота стал возможным переход от политики ограничения и вытеснения кулачества, которое еще в 1927 г. занимало 20% в товарной продукции хлеба, к политике ликвидации его как класса — на базе сплошной коллективизации.

Колхозное движение, все шире охватывавшее крестьянские массы, несмотря на ряд ошибок, допущенных на местах при проведении коллективизации, подвергнутых товарищем Сталиным резкой критике в его статье «Головокружение от успехов» и в «Ответе товарищам колхозникам», обеспечило громадный рост колхозов, которые уже в 1930 г. дали более половины всей товарной продукции зерна в стране.

Таким образом, партия во главе со Сталинским ЦК отстояла от наскоков правых и «левых» агентов и пособников классового врага генеральную линию партии, обеспечила «победное строительство социализма не только в городе, но и в деревне» (Сталин).

Эта всемирно-историческая победа генеральной линии партии окончательно решила не только в городе, но и в деревне поставленный Лениным вопрос «Кто кого».

**
*

20-ю годовщину Октября крестьянство нашего необъятного Союза встречает огромными победами.

250 тысяч колхозов объединили 18 с лишним миллионов крестьянских хозяйств; 250 тысяч колхозов получили на вечное пользова-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 269.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 37

от советского государства свыше 400 миллионов гектаров земли, в том числе 150 миллионов бывших помещичьих, казенных и монастырских земель.

Изменения, которые произошли в техническом вооружении нашего сельского хозяйства за годы революции, видны из следующих данных (в тыс. штук).

Машины и орудия	1910 г.	1937 г. (только в колхозах)
Орудия для пахоты		
Сохи	7 089,1	0
Косули	846,6	0
Плуги деревянные	2 356,6	0
Плуги железные конные	4 435,0	5 356.2
Плуги тракторные	0,3	320,34
Сеялки		
Тракторные	0	140,5
Конные	222,7	723,6
Машины для уборки зерновых		
Сноповязалки тракторные	0	12,7
Комбайны	0	98,6

Наше сельское хозяйство располагает в настоящее время мощным парком тракторов (450 тыс. штук) и комбайнами (121 тыс. шт.). Число МТС выросло в 37 году до 5 612, охватывая подавляющее большинство колхозных посевов.

Несмотря на подлое вредительство в сельском хозяйстве, социалистическое земледелие оставило далеко позади не только урожайность дореволюционной России, но и урожайность 1924—1928 гг., когда господствовали мелкие единоличные хозяйства.

С победой колхозного строя на основе сталинского устава с.-х. артели советская деревня не знает нищеты, неграмотности, не только элементарной, но и технической, агрономической и политической.

В своем докладе «О проекте Конституции Союза ССР» товарищ Сталин в следующих словах характеризовал положение советского крестьянства в настоящее время:

«В области сельского хозяйства вместо океана мелких единоличных крестьянских хозяйств с их слабой техникой и засилием кулака мы имеем теперь самое крупное в мире машинизированное, вооруженное новой техникой производство в виде всеобъемлющей системы колхозов и совхозов. Всем известно, что кулачество в сельском хозяйстве ликвидировано, а сектор мелких единоличных крестьянских хозяйств с его отсталой средневековой техникой занимает теперь незначительное место, причем удельный вес его в сельском хозяйстве в смысле размера посевных площадей составляет не более 2—3 процентов. Нельзя не отметить тот факт, что колхозы имеют сейчас в своем распоряжении 316 тысяч тракторов мощностью в 5 миллионов 700 тысяч лошадиных сил, а вместе с совхозами имеют свыше 400 тысяч тракторов мощностью в 7 миллионов 580 тысяч лошадиных сил». И далее: «Советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества».

Благосостояние трудового крестьянства значительно выросло. Коренным образом изменился социально-экономический и культурный облик нашей деревни. Отсталость техническая, некультурность и неграмотность безвозвратно исчезли. Новая социалистическая деревня, вместе со всей нашей страной, не знающей кризисов, безработицы, гигантскими шагами идет к культурной и зажиточной жизни.

Далеко позади остался тот период, когда Россию били «за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную» (Сталин).

Наша великая родина, где на одной шестой части света под знаменем самой демократической в мире Сталинской Конституции радостно трудятся многомиллионные и многонациональные народы Советского Союза, стала великим фактором прогресса, родиной свободного труда, отечеством всех трудящихся и одновременно грозной силой для черной рати реакции, мечтающей вновь повергнуть весь мир в кровавые ужасы войны.

Колхозное крестьянство вместе со всеми трудящимися нашего Союза радостно встречает праздник двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции.

В. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Что дала советская власть крестьянству за 20 лет революции

Широкие трудящиеся массы нашей социалистической страны и трудящиеся всего мира, нашедшие в Стране советов, рожденной Октябрьской революцией, свое отечество, — чувством величайшей радости и гордости подведут итоги борьбы и побед за 20 лет диктатуры пролетариата.

Товарищ Сталин, касаясь характерных черт пролетарской революции и отличий ее от революции буржуазной, — в числе моментов, характеризующих пролетарскую революцию, сказал: «Буржуазная революция з а в е р ш а е т с я обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь ее н а ч а л о м, причем власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой». Далее товарищ Сталин говорит: «Можно ли проделать такую коренную перестройку старых, буржуазных порядков без насильственной революции, без диктатуры пролетариата?

Ясно, что нельзя. Думать, что такую революцию можно проделать мирно, в рамках буржуазной демократии, приспособленной к господству буржуазии,—значит либо сойти с ума и растерять нормальные человеческие понятия, либо отречься грубо и открыто от пролетарской революции».

Это указание товарища Сталина еще раз подчеркивает, что победы и завоевания диктатуры пролетариата пришли не сами по себе, не в порядке самотека, а в результате жесточайшей классовой борьбы с врагами социализма как внутри страны, так и вне за переделку старой капиталистической экономики и создание новой социалистической экономики, нового социалистического общества.

Чтобы конкретно ощутить и осознать те огромные завоевания, которых добилось за 20 лет революции наше трудящееся крестьянство, небезынтересно остановиться на прошлом нашего крестьянства.

Ленин в своей исторической работе: «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» дал исчерпывающую картину общественно-экономических отношений в сельском хозяйстве России этого периода. Статистические данные, приводимые Лениным в этой работе, говорят о следующем: 30 тысяч помещичьих хозяйств владели в 1905 г. земельным фондом в 70 миллионов десятин, в то же время на долю 10½ миллионов крестьянских хозяйств деревенской бедноты приходилось почти столько же земли — 75 млн. десятин. 70-миллионным земельным фондом владели 1½ миллиона кулацких хозяйств.

При этом необходимо еще учесть, что во времена так называемой «крестьянской реформы» 1861 г. лучшие земли были переданы помещикам, а крестьянам были предоставлены худшие земли, «песочки», у крестьян были отрезаны при их «освобождении» для помещиков лучшие земли, какими они пользовались во время крепостного права; по ориентировочным данным в 28 губерниях таких земель у крестьян было отрезано около 4 миллионов десятин. Ленин, касаясь этого вопроса, писал: «Крестьяне «освобождены» в 1861 году от необходимых для их хозяйства водопоев, выгонов и т. п. Крестьянские земли вкроены клином между помещичьими, так чтобы господам помещикам был обеспечен чрезвычайно верный и чрезвычайно благородный доход от взысканий за потравы и пр. «Куренка некуда выпустить»... [1].

Тяжесть имущественного положения крестьянства усугублялась еще вековой отсталостью сельского хозяйства в России. По развитию техники в земледелии, по высоте урожаев царская Россия занимала одно из последних мест среди капиталистических стран. По статистической переписи 1910 г. сохи и косули составляли 48% общего количества пахотных орудий, деревянные плуги — 16%, усовершенствованные же орудия для подъема почвы — всего 3%. Одна сеялка приходилась на 70 хозяйств, одна жатка — на 25, одна сенокосилка—на 104, одна молотилка—на 129 хозяйств. Царская Россия почти не имела промышленности по производству сельскохозяйственных машин и орудий. Возьмем основные средства производства крестьянских хозяйств — тягло. Ленин писал по этому вопросу: «Безлошадных крестьян в Европейской России в 1896—1900 г. было 3½ млн. дворов. Можно себе представить, каково их земледельческое «хозяйство» при расходе восьми копеек в год на инвентарь живой и мертвый. Однолошадных крестьян 3½ млн. дворов. При пяти рублях годового расхода на пополнение инвентаря и скота они могут только вечно маяться в безысходной нужде. Даже у двулошадных крестьян (2½ млн. дворов) и трехлошадных (1 млн. дворов) расход на живой и мертвый инвентарь составляет всего 9—10 р. в год. Только в двух высших группах (по всей России таких крестьянских хозяйств 1 млн. из 11 млн. всех крестьянских хозяйств) расход на живой и мертвый инвентарь хоть сколько-нибудь приближается к подобию правильного земледельческого хозяйства» [2].

Безземельное крестьянство вынуждено было арендовать землю у помещиков на кабальных условиях, отдавая в виде арендной платы помещику и кулаку весь свой скудный доход от этой земли. Это вело к обнищанию крестьянства и к постоянным его голодовкам. Ленин в марте 1912 г. после неурожая 1911 г. ставил вопрос: «Почему в России и только в России

[1] Л е н и н, Избранные произведения, т. I, стр. 6.

[2] Там же, стр. 32.

сохранились еще эти средневековые голодовки рядом с новейшим прогрессом цивилизации?» И отвечал: «Потому, что новый вампир—капитал — надвигается на русских крестьян при таких условиях, когда крестьяне связаны по рукам и ногам крепостниками-помещиками, крепостническим помещичьим, царским самодержавием. Ограбленные помещиками, задавленные произволом чиновников, опутанные сетями полицейских запретов, придирок и насилий, связанные новейшей охраной стражников, попов, земских начальников, крестьяне так же беззащитны против стихийных бедствий и против капитала, как дикари Африки. Только в диких странах и можно встретить теперь такое повальное вымирание от голода, как в России XX века» [1].

Таково было экономическое положение крестьянства в царской России; не лучше было его и правовое положение. Произвол и беззакония столетиями свирепствовали в русской деревне. Крестьянство, как особое сословие, царскими законами было поставлено в обособленное неравноправное положение по сравнению с другими сословиями (дворяне, купцы, мещане). Добровольный выход из своего сословия был чрезвычайно затруднителен, для этого крестьянин должен был приписаться к какому-либо городскому обществу, получив предварительное увольнение из своего земельного общества. При этом он обязан был отказаться в пользу общества от своей земельной собственности, приобретенной в результате нечеловеческого труда в течение ряда лет. Без согласия общества выход из сословия был невозможен. Крестьянин не мог выехать из места своего постоянного жительства без соблюдения сложнейших паспортных формальностей, и сколько бы лет крестьянин ни жил вне своего села, он всю жизнь считался находящимся «в отлучке по паспорту» и в любое время мог быть вызван в село для отбывания повинности (десятским, старостой, караульным и т. д.). Телесное наказание по суду могло применяться только в отношении крестьян, другие сословия были освобождены от этого вида наказания. До 1906 г. крестьяне не вправе были продавать свой земельный надел, находящийся в общинном землепользовании. Царскими законами для крестьян была установлена двойная подсудность—общим для всех сословий судам и специальному сословному волостному суду. Волостной суд, яркий образец дореволюционного крестьянского бесправия и беззакония царизма, разбирал все (за небольшим исключением) гражданские иски не свыше 300 руб. и, без ограничения цены иска, все споры и тяжбы о недвижимом имуществе, входящем в состав крестьянского двора; из уголовных дел он разрешал дела об оскорблениях, мотовстве, пьянстве, влекущем расстройство хозяйства, кражах на сумму не свыше 50 руб. По всем этим делам суд мог подвергнуть виновного или аресту до 30 дней, или штрафу до 30 руб. При этом интересно отметить, что за один и тот же проступок, совершенный одним и тем же лицом, можно было дать разное наказание в зависимости от того, против кого направлено это преступление, например: за кражу имущества у крестьянина волостной суд мог применить максимальное наказание 30 суток ареста, а за кражу равноценного имущества других сословий дела рассматривались земскими начальниками, которые могли дать 6 месяцев тюремного заключения (ст. 169 устава о наказаниях). Царское правительство так «пеклось» о крестьянстве, что к уголовной компетенции волостных судов было отнесено мотовство и пьянство, тогда как другие сословия за это не могли быть привлечены к ответственности. Произвол и беззаконие, творимые волостными судами, были настолько очевидными, что даже отдельные представители дворянства и буржуазии не могли скрывать этого. Так, один буржуазный юрист этого времени В. М. Гессен, характеризуя волостной суд, писал: «Независимо от чрезмерной широты компетенции волостных судов, в связи с совершенным отсутствием правильного в них судопроизводства, недостатки крестьянской юстиции усугубляются крайне неудовлетворительным личным составом волостных судов. В огромном большинстве случаев волостные судьи—полуграмотные. Влияние на них иногда единственного твердо грамотного человека, волостного писаря, громадно, а что не всегда это влияние направлено к строго надлежащему правильному решению дела, доказывать тем, кто имел дело с волостными судами, не приходится. Далее, случаи подкупа, решения дел за водку встречаются сплошь и рядом. Между тем не следует забывать, что иногда волостные суды решают дела, по цене далеко превышающие не только компетенцию призванных наблюдать за ними земских начальников, но и уездного члена суда, притом дела очень сложные, особенно по наследованию».

Не менее тяжелым бременем для крестьянства являлся институт земских начальников, который, как писало царское правительство, был создан в целях содействия «правильному развитию благосостояния в среде сельских жителей». В действительности земские начальники, назначавшиеся исключительно из дворянского сословия, являлись основными проводниками административного нажима на крестьян в духе политики царизма. Крестьяне были буквально скованы и терроризованы произволом земских начальников. Опека земских начальников над крестьянством распространялась буквально на всю их бытовую и общественную жизнь. «Самоуправление» крестьянства было сведено на-нет. Вот что писала группа буржуазных юристов о «деятельности» земских начальников: «Наши сельские сходы в настоящее время лишены всякой самостоятельности, приговоры их парализуются усиленным контролем, подчас приговоры их диктуются, а те, которые для крестьян желательны, не получают утверждения...». В Курской губернии «как распространенное явление» наблюдается, что «избранные сходом на общественные должности лица не утверждаются, а на место их назначаются другие, не пользующиеся доверием общества. (Здесь буржуазные юристы немного не договаривают до настоящей правды — надо было сказать, что земские начальники утверждали в общественных должностях лишь в том случае, если «избранные» являлись из кулацких слоев населе-

[1] Ленин, т. XV, стр. 415—416.

ния и были угодны земским начальникам и царской охранке, а элементы революционного крестьянства земскими начальниками не утверждались. В. Л.). В Тульской губернии, например, земские начальники для осуществления надзора за деятельностью сельских волостных сходов не ограничиваются проверкою на местах приговоров по таким делам, по которым в силу самого закона требуется такая проверка или утверждение приговоров высшими инстанциями, но просматривают, а будет нужно — и проверяют на месте почти каждый приговор схода... В Уфимской губернии не только на сходах, но собравшись у завалинки, крестьяне часто прерывают свои разговоры и разбегаются при появлении тройки земских начальников» [1].

Эта «критика» и «самокритика» буржуазно-дворянских юристов, конечно, далеко не полная, произвол и самочинство земских начальников далеко превосходили то, что о них сказано.

Таково было экономическое и правовое положение крестьянства царской России; мы не касаемся более отдаленных времен крепостного права, когда крестьяне были «собственностью» помещиков, которую они продавали и обменивали, как и всякое другое имущество, когда помещики в газете «Московские ведомости» печатали такие объявления: «Продаются люди — девка 20 лет, мастерица кружева плесть, в тамбуре, в настилку и по филе шить, за 200 рублей, крестьянская девка за 100 рублей, малой крестьянской за 400 рублей». Учебник «Краткий курс истории СССР» так описывает времена крепостного права:

«Барщина дошла до того, что крестьяне почти все время должны были работать на помещика. Все делали крепостные помещику — они были и земледельцами, и кузнецами, и поварами, и лакеями, и охотниками, даже артистами. Крестьянину для работы на себя оставались только праздники и ночь. При Екатерине II оброк увеличился почти в пять раз.

Дворяне торговали крестьянами. За женщину платили 20—30 рублей, за грамотного или ремесленника 100—200 рублей. Маленького ребенка можно было купить за 10—20 копеек. Собак помещики ценили дороже. Помещики всячески издевались над крестьянами. Помещица Салтычиха сама до смерти избивала своих крепостных, обваривала их кипятком, огнем палила волосы. Она погубила более ста человек.

Это ужасное положение приводило крестьян к восстаниям» [2].

Много раз подымало крестьянство восстания против помещиков (Разин, Пугачев и др.), но, будучи разъединено, не имея союзников в городах, не имея руководителя, все эти восстания крестьян кончались поражением. Товарищ Сталин, касаясь вопроса о крестьянстве, писал: «Куда было ткнуться крестьянству при таких условиях? У кого искать поддержки против всевластия помещика, против произвола царя, против губительной войны, разорявшей его хозяйство? У либеральной буржуазии? Но она враг — об этом говорил долголетний опыт всех четырех Дум. У эс-эров? Эс-эры, конечно, «лучше» кадетов, их программа у них «подходячая», почти крестьянская, но что могут дать эс-эры, если они думают опереться на одних крестьян и если они слабы в городе, где прежде всего черпает свои силы противник? Где та новая сила, которая ни перед чем не остановится ни в деревне ни в городе, которая пойдет смело в первые ряды на борьбу с царем и помещиком, которая поможет крестьянству вырваться из кабалы, из безземелья, из гнета, из войны? Была ли вообще такая сила в России? Да, была. Это был русский пролетариат, показавший свою силу, свое уменье бороться до конца, свою смелость, свою революционность еще в 1905 году.

Во всяком случае, другой такой силы не было, и взять ее неоткуда было.

Вот почему крестьянство, отчалив от кадетов и причалив к эс-эрам, пришло вместе с тем к необходимости подчиниться руководству того мужественного вождя революции, какой русский пролетариат» [1]. Только пролетариат под руководством коммунистической партии вывел крестьянство на путь освобождения и побед в рамках диктатуры пролетариата. Ленин, Сталин и вся партия разбили реакционные позиции народников эс-эров, проповедовавших мелкобуржуазные иллюзии об устойчивости мелкого «трудового» производства в земледелии, об его преимуществах, о якобы коммунистических началах, заложенных в деревенской общине. Разбиты были иллюзии о том, что «трудовое крестьянство» и рабочие составляют не различные классы, а один «трудовой класс». При этом под «трудовым крестьянством» они разумели все крестьянство, совершенно замазывая и затушевывая классовую диференциацию деревни, классовую борьбу внутри крестьянства.

Партия разбила контрреволюционные «теории» фашиста Троцкого о контрреволюционности крестьянства, о «противоречиях» между рабочим классом и крестьянством и т. д. Партия разбила контрреволюционные «теории» правых врагов народа — Бухарина и др. о врастании кулака в социализм.

Ленин и Сталин предлагали «исчерпать» революционные способности крестьянства и использовать до дна его революционную энергию для полной ликвидации царизма, для перехода к пролетарской революции. Ленин и Сталин говорили о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством как основе диктатуры пролетариата.

И пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством, под руководством коммунистической партии, в октябре 1917 г. свергнул буржуазию и взял власть в свои руки. За 20 лет социалистической революции безземельное и малоземельное крестьянство в союзе с рабочим классом добилось огромных побед.

[1] Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. I, изд. 1904 г.

[2] Краткий курс истории СССР, стр. 68—69.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 37.

Товарищ Сталин в своем историческом докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов Союза, говоря о крестьянстве, сказал: «Обычно принято говорить, что крестьянство — это такой класс мелких производителей, члены которого атомизированы, разбросаны по лицу всей страны, копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплоатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п. И действительно, крестьянство в капиталистических странах, если иметь в виду его основную массу, является таким именно классом. Можно ли сказать, что наше современное крестьянство, советское крестьянство, в своей массе похоже на подобное крестьянство? Нет, нельзя этого сказать. Такого крестьянства у нас уже нет. Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством. У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплоатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплоатации крестьянство. Далее, наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство, т. е. они базируют свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда.

Как видите, советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества».

Ст. 8 Сталинской Конституции закрепила за колхозами навечно 400 миллионов гектаров земли, из них 150 миллионов принадлежавшей до Октябрьской революции помещикам и кулакам. Крестьянство в союзе с рабочим классом создало социалистическое государство рабочих и крестьян. Крестьянство совместно с рабочим классом и трудовой интеллигенцией имеет самую демократическую в мире конституцию. Сталинская Конституция закрепила как за крестьянами, так и за рабочим классом и трудовой интеллигенцией целый ряд прав, о которых веками мечтали лучшие люди человечества.

Советская власть на основе индустриализации страны и длительного и терпеливого разъяснения мелкому земледельцу-крестьянину о преимуществе крупного коллективного хозяйства создала миллионам трудящихся крестьян возможность избавиться от нищеты и разорения, отсталости, путем создания колхозов социалистического хозяйства.

Товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII съезде советов говорил: «В области сельского хозяйства вместо океана мелких единоличных крестьянских хозяйств с их слабой техникой и засилием кулака мы имеем теперь самое крупное в мире машинизированное, вооруженное новой техникой производство в виде всеобъемлющей системы колхозов и совхозов. Всем известно, что кулачество в сельском хозяйстве ликвидировано, а сектор мелких единоличных крестьянских хозяйств с его отсталой средневековой техникой занимает теперь незначительное место, причем удельный вес его в сельском хозяйстве в смысле размера посевных площадей составляет не более 2—3 процентов. Нельзя не отметить тот факт, что колхозы имеют сейчас в своем распоряжении 316 тысяч тракторов мощностью в 5 миллионов 700 тысяч лошадиных сил, а вместе с совхозами имеют свыше 400 тысяч тракторов мощностью в 7 миллионов 580 тысяч лошадиных сил».

Колхозы принесли трудящемуся крестьянству зажиточную, культурную жизнь. Сталинская Конституция, утвердившая право на образование, открыла широкий доступ крестьянству к образованию включительно до высшего. Печать, которая до Октябрьской революции была достоянием буржуазии и дворянства, в стране строящегося социализма является самым широким достоянием трудящихся масс; в то время как в царской России в 1913 г. издавалось 859 газет, в Советском Союзе в 1936 г. издавалось 9250 газет. Крестьянство принимает активное участие в деле управления государством нашей страны и во всем социалистическом строительстве.

Выросло материальное благосостояние трудового крестьянства, изменился социально-экономический облик нашей деревни — правовая обособленность крестьянства, его бесправие, отсталость техники в сельском хозяйстве, неграмотность и некультурность — неизбежные спутники деревенской жизни — безвозвратно исчезли. Новая, социалистическая деревня, ведущая свое хозяйство на основе социалистической экономики, семимильными шагами идет вперед. Колхозное хозяйство принесло крестьянству освобождение от непосильной физической работы, заменив ручную допотопную обработку полей, применяемую в единоличном хозяйстве, самыми сложными и усовершенствованными машинами, повышая из года в год доход крестьянства. 90% всех колхозов обслуживаются МТС.

В 1934 г. в колхозах объединено 92,4% крестьянских хозяйств, удельный вес колхозов в общей посевной площади составляет 99,2%. Колхозы обслуживаются 5612 машинотракторными станциями, 400 тыс. тракторов, 100 тыс. комбайнов, — все это обеспечивает рост урожайности в нашей стране. Если до революции средний урожай зерновых за десятилетие до империалистической войны составлял 7 центнеров с га, а в 1924—1928 гг., при господстве мелкоединоличных крестьянских хозяйств — 7½ центнеров с га, то за время второй пятилетки, на основе колхозного хозяйства, урожайность достигла 8½ центнеров с га, не говоря о рекордных урожаях отдельных колхозов.

Огромный урожай 1937 г. является прямым следствием политики партии и правительства по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов. Происшедшие социальные изменения нашей страны, говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII съезде советов, приводят к тому, что грани между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими классами и интеллигенцией — стираются, а старая классовая исключительность — исче-

зает. Это значит, что расстояние между этими социальными группами все более сокращается.

Наша социалистическая экономика, как говорил товарищ Сталин на этом съезде, не знающая кризисов и безработицы, не знающая нищеты и разорения, создала возможность всем гражданам, всем трудящимся, в том числе и крестьянству нашей социалистической страны, все возможности для зажиточной и культурной жизни.

Двадцатая годовщина Октябрьской революции вызывает огромный подъем энтузиазма рабочих и крестьян, вызывает особый прилив патриотических чувств в каждом честном гражданине нашей великой и дорогой родины. Эту свою любовь к родине, преданность партии Ленина—Сталина рабочие и крестьяне проявляют в борьбе за выполнение государственных планов, в борьбе за уборку прекрасного урожая и с таким же энтузиазмом проявят, если понадобится, и в деле защиты своей прекрасной родины.

М. СТРОГОВИЧ

Развитие пролетарского демократизма в советском правосудии

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. сломала, разбила вдребезги дореволюционный государственный аппарат и создала новое советское государство — государство пролетарской диктатуры. Вместе со всем дореволюционным государственным аппаратом было сломано и острейшее орудие буржуазно-помещичьего государства — суд.

Владимир Ильич Ленин писал: «... суд был в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетенья, аппаратом буржуазной эксплуатации. Поэтому безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения (этой задачей ограничивались кадеты и их подголоски — меньшевики и правые эсеры), — а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппараты.

Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила и выполнила успешно»[1].

Новый советский суд сразу же, в самый первый период советской власти был построен на тех началах, которые лежат в основе всей системы пролетарской диктатуры. Роль, задачи и методы деятельности этого суда были исчерпывающе разработаны В. И. Лениным, который особое внимание уделял суду и давал свои изумительно ясные и решающие указания по всем основным вопросам организации и деятельности советского суда. В ряде своих выступлений Ленин указывал, что новый суд преследовал прежде всего задачи подавления эксплоататоров, борьбы с их попытками отстаивать свои отмененные революцией привилегии. Но еще более важную задачу советского суда Ленин усматривал в строжайшем проведении дисциплины и самодисциплины трудящихся и указывал, что нам нужны теперь суды, которые обеспечивали бы эту задачу. «... мы должны добиться организации подобных судов в самом широком масштабе с распространением их деятельности на всю трудовую жизнь страны. Лишь подобные суды, при участии в них самых широких масс трудящегося и эксплуатируемого населения, сумеют в демократических формах сообразно с принципами советской власти добиться того, чтобы пожеланья дисциплины и самодисциплины не остались голыми пожеланиями»[1]. Эти замечательные слова были написаны Лениным в марте 1918 г., и в них в сжатом виде дана характеристика основных черт советского суда, как суда *демократического*, в смысле пролетарской демократии. Пролетарская диктатура есть в то же время пролетарская демократия. Это — одно из важнейших положений учения Ленина и Сталина о диктатуре пролетариата. Сталин говорил: «... диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой *пролетарской* демократии, выражающей интересы большинства (эксплоатируемых), в противовес демократии *капиталистической*, выражающей интересы меньшинства (эксплоататоров)»[2]. Это положение особо важно — *диктатура пролетариата и есть пролетарская демократия*. В корне было бы неверно их противопоставлять, противополагать друг другу, а суд — советский суд именно потому, что он есть орган пролетарской диктатуры, есть также орган пролетарской демократии. Советский суд — демократический суд, самый демократический суд в мире. Из приведенных выше положений, развитых В. И. Лениным, совершенно ясно определяются основные черты демократизма советского суда; этот демократизм (пролетарский) заключается: 1) в демократической *организации* суда и 2) в демократических *формах* его деятельности. И эти принципы нашли свое выражение и осуществление в первых же актах советской власти о суде, они развивались и укреплялись на всем протяжении истории советского суда, пока эти демократические черты с невиданным блеском не засверкали в величайшем документе нашей эпохи — Сталинской Конституции СССР.

Первый же декрет советской власти о суде — исторический «декрет о суде № 1» от 24 но

[1] Ленин, т. XXII, Первоначальный набросок статьи «Очередные задачи советской власти».

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 170.

ября 1917 г., упразднивший дореволюционную судебную систему, установил основные принципы организации советского суда в духе пролетарского демократизма. В отношении низового звена советской судебной системы—местного суда, позднее превратившегося в народный суд, ставший не только низовым, но и основным звеном в системе судоустройства, декрет о суде № 1 устанавливал следующее положение: «Местные судьи избираются впредь на основании прямых демократических выборов, а до назначения таковых выборов, временно — районными и волостными, а где таковых нет — уездными, городскими и губернскими советами рабочих и крестьянских депутатов». Следовательно, принципом организации суда декрет о суде № 1 установил принцип прямых демократических выборов судей населением и лишь временно допустил выборы судей советами. Одно время было в моде говорить и писать о пресловутых «ошибках декрета о суде № 1» и едва ли не в каждой работе, посвященной вопросам советского судоустройства, на разные лады аргументировалось положение о том, что декрет о суде № 1 находился в резком противоречии с принципами пролетарской диктатуры, что он был заражен либерально-буржуазными влияниями и что именно эти либерально-буржуазные свойства, которыми декрет наделил народный суд, были причиной слабости последнего в годы гражданской войны. В отношении такой «критики» декрета о суде № 1 особенно постарался институт советского строительства и права бывшей Комакадемии—тот самый возглавлявшийся Пашуканисом институт, который долгое время был рассадником лженаучных, антимарксистских и вредительских теорий в области права.

Совсем в ином виде предстоит перед нашими глазами этот декрет — Ленинский декрет. Установленный им принцип всеобщих и прямых выборов судей не удалось тогда осуществить в силу целого ряда причин: развернувшейся классовой борьбы, бешеного сопротивления эксплоататорских классов мероприятиям советской власти, кулацкого саботажа и террора. Казалось, что временная мера — выборы народных судей советами — стала постоянной. Но вот в новых условиях, при окончательной победе социализма и уничтожении эксплоататорских классов в нашей стране, через 19 лет после декрета № 1, великая Сталинская Конституция установила — и еще в более широком виде — именно тот принцип выборности народных судей, который в основном был сформулирован как демократический принцип в этом замечательном декрете о суде № 1 в первые же дни Великой социалистической революции. И сейчас, к двадцатилетию Октябрьской революции, очень уместно вспомнить этот замечательный далекий декрет, изданный на заре истории советского суда.

Демократические принципы советского суда находили свое развитие во всех последующих законах о суде — и в положении о народном суде, и в положениях о революционных трибуналах, и в действующих ныне «Основах судоустройства СССР и союзных республик» 1924 г., и в положениях о судоустройстве отдельных союзных республик. Если не был осуществлен и не мог быть осуществлен до сих пор принцип всеобщих, прямых выборов народных судей то в полной мере был осуществлен другой организационный принцип судоустройства — также демократический (в смысле пролетарского демократизма) и сохраненный в Сталинской Конституции СССР для всех вышестоящих (в отношении народного суда) звеньев советской судебной системы — выборность судей советами. Советы как организаторы суда— этот принцип всегда был руководящим принципом, краеугольным камнем системы советского судоустройства, он в полной мере остается в силе и сейчас, так как и при наличии всеобщих, прямых и равных выборов народных судей (и заседателей) при тайном голосовании, непосредственно организаторская роль остается за советами депутатов трудящихся. За прошлые годы мы знаем немало извращений и нарушений советской демократии — они отражались и в области суда (утверждение судей на президиумах советов и исполкомов, а не на пленумах, иногда превращающее выборность судей в их назначение). Борьба с этими извращениями велась и ведется решительно и неуклонно, и с ростом и укреплением советской демократии во всех областях государственной и общественной деятельности растет и укрепляется демократизм советского суда. И характерно отметить — почти нигде в капиталистических государствах не находит применения принцип выборности судей, но повсеместно господствует принцип назначенства. У нас — принцип выборности судей является принципом руководящим и его применение все больше и больше расширяется.

Прочным и неизменным элементом демократии советского суда являлась и является обязательность непосредственного участия в его работе трудящихся масс в лице народных заседателей. Этот порядок был введен в первых же актах советской власти о суде — устанавливалось участие народных заседателей даже в расширенном составе (6 человек, 12 человек). Сейчас прочно укоренился коллегиальный трехчленный состав во всех звеньях судебной системы союзных республик (народный суд, краевой суд, верховный суд республик); при рассмотрении дел в первой инстанции — постоянный судья и два народных заседателя. Отступления от этого положения имеются лишь в специальных судах (военные трибуналы, специальные коллегии краевых и верховных судов республик). И несомненно, что именно эта форма суда наиболее обеспечивает привлечение к участию в отправлении правосудия широчайших масс трудящихся. Положение народных заседателей в нашем суде всегда конструировалось как полноправных членов суда, с правом решающего голоса абсолютно по всем вопросам при рассмотрении дела и вынесении приговора или решения. По гражданским делам допускается единоличное рассмотрение дела народным судьей без участия народных заседателей только по очень узкому, ограниченному кругу дел, по уголовным же делам единоличное рассмотрение судьей дела фактически вовсе не применяется (хотя по закону допускается опять-таки в очень узких пределах). Не всегда и не всем была ясна действительная роль народных заседателей. Так, в 1921 г. на страницах юридической печати имели место выступления против участия на-

родных заседателей в советском суде по тем мотивам, что институт народных заседателей якобы «порожден либерализмом» и при диктатуре пролетариата не нужен (см. выступление Козловского в «Материалах НКЮ РСФСР», вып. 11—12 1921 г.). Но это были отдельные, случайные голоса. Участие народных заседателей как полноправных членов суда в советском судоустройстве является важнейшим и руководящим принципом, принципом советского демократизма. И этот принцип окончательно закреплен в Сталинской Конституции СССР, причем Конституция роль и положение народных заседателей значительно укрепляет и расширяет: народные заседатели избираются в таком же порядке (всеобщими, прямыми и равными выборами при тайном голосовании) и на тот же срок (3 года), как и народные судьи.

Советская судебная система — демократична снизу доверху. Но этот демократизм проявляется и в том, какое положение занимает в судебной системе низовое судебное звено — народный суд, наиболее близкий к населению, к трудящимся массам. В капиталистических судебных системах низовое судебное звено, так называемый «мировой суд», обычно является судом только по незначительным бытовым делам, о мелких гражданских спорах, о мелких правонарушениях. В первых декретах советской власти о суде компетенция местного (народного) суда была определена в достаточно узких границах — ему были подсудны гражданские иски ценою до 3 тыс. руб., уголовные преступления, влекущие наказание не свыше 2 лет лишения свободы (декрет о суде № 1). Но в дальнейшем имела место тенденция ко все большему и большему расширению компетенции народного суда, и в 1930 году, при реорганизации органов юстиции в связи с ликвидацией округов, компетенция народного суда была расширена настолько, что он в полной мере стал основным судом, рассматривающим всю основную массу уголовных и гражданских дел, кроме лишь отдельных их категорий, подсудных вышестоящим судебным органам. Разумеется, этот вопрос подсудности не имеет какого-либо исключительного, во всех случаях решающего значения: в зависимости от условий работы, от необходимости обеспечения особых гарантий для разрешения наиболее серьезных дел не исключена возможность ограничения законом в той или иной мере подсудности уголовных и гражданских дел народному суду, с соответственным расширением подсудности вышестоящим звеньям судебной системы. Но бесспорным и неизменным остается положение, что именно народный суд есть основной суд в советской судебной системе, что именно ему подсудна подавляющая масса серьезных уголовных дел и что никогда он не будет сведен на положение мирового суда — суда для мелочных, незначительных дел. Отсюда — задача укрепления в первую очередь народного суда, наиболее близкого массам и избираемого населением широкими демократическими выборами.

При всей важности организационных принципов построения судебной системы ими не исчерпываются вопросы, связанные с развитием пролетарского демократизма в советском правосудии. Ленин обращал внимание на демократические формы его деятельности, о чем было сказано выше. Эти демократические формы — процессуальные принципы деятельности суда, обеспечивающие гласность, устность и непосредственность при рассмотрении дел на суде, состязательность процесса, заключающаяся в обеспечении обвиняемому права на защиту, ряд процессуальных прав, при помощи которых он как сторона в процессе может защищаться от предъявленного ему обвинения, а в гражданском процессе — инициатива и права сторон в отстаивании на суде своих требований и интересов. Эти процессуальные принципы и формы в своих основных чертах являются способами осуществления пролетарской демократии в судебной деятельности, и они укрепляются и расширяются по мере укрепления социалистических отношений в нашей стране, они получают наиболее полное и последовательное осуществление в Конституции социалистического государства рабочих и крестьян, в Конституции окончательно победившего социализма. В зависимости от политической обстановки, от условий классовой борьбы всегда были возможны, возможны и сейчас, те или иные ограничения указанных выше процессуальных форм, например, в законах об организации и деятельности революционных трибуналов в период гражданской войны или в законе от 1 декабря 1934 г. о процессуальных изменениях при рассмотрении дел о террористических организациях и террористических актах. Процессуальная форма всегда была мощным орудием, обеспечивающим нанесение судом метких и сокрушительных ударов врагам народа, дезорганизаторам социалистического общества. Но именно в связи с укреплением пролетарской диктатуры, с победой социализма, с ликвидацией эксплоататорских классов в нашей стране укрепляются и расширяются демократические процессуальные формы советского суда. Так, в 1934 году постановлением ЦИК и СНК СССР, в связи с организацией НКВД СССР, была ликвидирована судебная коллегия ОГПУ, и уголовные дела, которые раньше могли разрешаться во внесудебном порядке, были отнесены к компетенции суда и, следовательно, судебно-процессуальная форма стала не только основной, но и единственной формой разрешения уголовных дел. Далее, в последнее время разрешение вопросов о принудительном взыскании недоимок по налогам и штрафов за них изъято из административного рассмотрения и отнесено также к компетенции суда. Наконец, положение о выборах в Верховный Совет СССР возлагает на суд рассмотрение и разрешение вопросов о неправильностях в составлении избирательных списков. Таким образом, судебно-процессуальная форма распространяется и на наиболее существенные и важные вопросы административного и конституционного порядка. Только враги народа, вредительствовавшие на правовом фронте и преследовавшие цели дезорганизации и ослабления социалистического правосудия, могли предрекать сверты-вание, ограничение, отмирание, «выветривание» демократических процессуальных форм деятельности советского суда.

Если говорить о советском социалистическом правосудии — нельзя ограничиться только

дом в собственном смысле слова. В этом деле громадная роль принадлежит активным участникам и помощникам правосудия, какими являются прокуратура и адвокатура. Прокуратура в буржуазных государствах не является демократическим органом (в смысле буржуазного демократизма), она есть орган б ю р о к р а т и ч е с к и й. Это орган центральной власти, правительства, проводник его влияний в буржуазном суде. Ее централизованный характер является именно средством отгорожения прокуратуры от общественности и обеспечения ее влияния на все организации буржуазно-демократического порядка — прежде всего на суд. Бюрократическая прокуратура является как бы необходимым коррективом к буржуазно-демократическим формам, внешним проявлением и показателем урезанного, ограниченного характера буржуазной демократии. Советская прокуратура — д е м о к р а т и ч е с к а я прокуратура (в смысле социалистического демократизма). Она централизована сверху донизу, она независима от местных органов власти, но она — орган Верховного Совета СССР, т. е. высшего законодательного органа, и ее задачей является осуществление надзора за соблюдением социалистической законности, борьба с нарушениями законов, защита законных прав и интересов граждан. Поэтому советская прокуратура есть мощное орудие охраны социалистической демократии, страж гарантированных Сталинской Конституцией демократических свобод. Этот демократический характер советская прокуратура имела с самого начала своего существования, когда она была создана по мысли Ленина, при непосредственном участии товарища Сталина. Но этот ее демократический характер был значительно усилен с созданием Прокуратуры СССР (в 1933 г.) и особенно с выделением прокуратуры союзных республик из состава наркомюстов союзных республик в систему Прокуратуры СССР. Завершение свое это положение находит в Сталинской Конституции СССР, согласно которой Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР, которому он и подчиняется, а ему (и только ему) подчиняются все нижестоящие звенья прокурорской системы.

Советская адвокатура — другой помощник социалистического правосудия — имеет также самое непосредственное отношение к демократизации советского суда. Ее роль особенно возрастает в связи с гарантированием Конституцией СССР права обвиняемых на защиту в суде. Но вопрос советской адвокатуры — вопрос большой и сложный и в настоящей статье рассмотрен быть не может.

Сейчас, спустя 20 лет после своего возникновения, советское правосудие в своем существе то же, каким оно было тогда, когда впервые был создан советский суд на подлинно демократических основах. Но на всем протяжении развития советского суда совершенствовались методы осуществления социалистического правосудия, оно укреплялось и развивалось, росла его роль, усложнялось и обогащалось его содержание. Советское социалистическое правосудие всегда было подлинно демократическим, каким никогда не было буржуазное правосудие, но т а к и м демократическим, каким оно делается сейчас, оно никогда не было раньше и в СССР. И именно таким оно встречает двадцатую годовщину создавшей его Великой пролетарской социалистической революции.

С. ГОЛУНСКИЙ

Прокуратура социалистического государства

«Вопрос о прокуратуре вызвал разногласия в цекистской комиссии, назначенной для руководства работами сессии ВЦИК, — писал Владимир Ильич товарищу Сталину в своем известном письме о «двойном» подчинении и законности, — если эти разногласия не вызывают автоматического перенесения вопроса в Политбюро, то я, со своей стороны, считаю вопрос настолько важным, что предлагаю перенести его на решение Политбюро» [1].

Ленин придавал таким образом вопросу о прокуратуре большое политическое значение, предвидя ту особую роль, которую придется играть прокуратуре в борьбе за социалистическое строительство.

В капиталистических государствах прокуратура всегда была ничем иным, как одним из звеньев полицейского аппарата, связывавшим этот аппарат с аппаратом судебным. Вот почему функции полиции и прокуратуры капиталистических стран переплетаются между собой самым причудливым образом не только в стадии предварительного расследования уголовных дел (это было бы еще понятно), но и в стадии судебного рассмотрения этих дел.

«Рядом с обыкновенным обвинителем правительство должно было поставить еще необычного, — писал Маркс по поводу Кельнского процесса коммунистов, — рядом с прокуратурой полицию, рядом с Зедтом и Зеккендорфом—Штибера с его Вермутом, с его Фогелем, Грейфом и Гольдгеймом. Вмешательство в суд третьей государственной власти стало неизбежным, чтобы чудодейственными силами полиции постоянно доставлять юридическому обвинению факты, за тенью которых оно тщетно гонялось. Суд так хорошо понял это положение, что председатель, судья и прокурор с похвальнейшей покорностью попеременно уступали свою роль полицей-советнику и свидетелю Штиберу и постоянно прятались за его спиной» [1].

---

[1] Л е н и н, т. XXVII, стр. 298.

[1] М а р к с и Э н г е л ь с, Собр. соч., т. VIII, стр. 505.

«Кто мог бы на этом суде заинтересоваться общественной стороной дела и постараться выставить ее со всей выпуклостью? — писал Ленин по поводу процесса об убийстве Воздухова в полицейском участке: — Прокурор? Чиновник, имеющий ближайшее отношение к полиции, — разделяющий ответственность за содержание арестантов и обращение с ними,— в некоторых случаях даже начальник полиции?» [2].

«Тащить и не пущать» — к этому, в конце концов, сводились задачи прокуратуры капиталистических стран, и в этой области она накопила колоссальный опыт.

Задачи советской прокуратуры, прокуратуры социалистического государства с самого начала не имели ничего общего с этими «пришибеевскими» функциями.

Советская прокуратура вместе с органами НКВД и с судебными органами, конечно, является острым оружием диктатуры рабочего класса в борьбе с врагами социализма.

Найти и разоблачить этих врагов, нанести им сокрушительный удар — важнейшая задача прокуратуры социалистического государства.

Но эти удары она наносит не лучшим, передовым представителям народных масс, как это делала и делает поныне прокуратура капиталистических стран, в особенности стран фашистской диктатуры, а злейшим врагам народа, фашистским шпионам и диверсантам и их агентуре из среды троцкистско-бухаринских банд, бандитам и хулиганам, ворам и зарвавшимся бюрократам. Поэтому при выполнении этих ответственнейших обязанностей советская прокуратура не только не противопоставляет себя всему советскому трудовому народу, а непосредственно опирается на народные массы, повседневно борется за насущные интересы трудящихся.

Это коренное отличие советской прокуратуры от прокуратуры любой капиталистической страны сказывается на всей ее деятельности, на ее конкретных задачах, на ее организационной структуре, на методах ее работы.

Во всяком классовом обществе закон есть выражение воли господствующего класса. Поэтому, отстаивая закон, прокуратура отстаивает тем самым и интересы этого класса. Но законы внутреннего развития капиталистического общества таковы, что на определенной ступени этого развития интересы господствующего класса приходят в противоречие с его собственным законодательством. Обострение классовой борьбы в недрах капиталистического общества создает такое положение, при котором буржуазия уже не в состоянии защищать свои позиции в этой борьбе в рамках своей же буржуазной законности. В статье «Два мира», написанной в ноябре 1910 г., Ленин писал: «Эпоха использования созданной буржуазией законности сменяется эпохой величайших революционных битв, при чем битвы эти по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя, а по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности» [1].

Для буржуазной прокуратуры это означало, что она из охранителя закона и законности (само собою разумеется, буржуазной законности) должна была превратиться (и превратилась) в орган ликвидации этой законности. В условиях фашистской диктатуры прокуратура превращается в орган неприкрытого произвола.

В социалистическом государстве закон впервые становится действительным выражением воли громадного большинства народа. Согласно Сталинской Конституции законом являются решения Верховного Совета Союза ССР или союзной республики, то есть органа, избранного на основе действительно всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании.

В условиях социалистического общества немыслимо, чтобы выраженная в законе воля большинства народа стала в противоречие с его действительными интересами. Поэтому у нас не может создаться такого положения, чтобы государственная власть оказалась вынужденной пытаться избавиться от ею же созданной законности. Законы, конечно, могут меняться и без сомнения будут меняться по мере нашего приближения ко второй фазе коммунизма, но такого положения, чтобы государственная власть стремилась обойти, нарушить ею же созданный закон, лицемерно сохраняя действие этого закона, быть не может.

Поэтому задачи прокуратуры как блюстителя закона в наших условиях никогда не могут оказаться в противоречии с задачами прокуратуры как органа обвинительной власти, как органа, призванного выявлять и разоблачать преступников.

Преступление в условиях социалистического общества всегда есть нарушение закона. И наоборот, лицо, соблюдающее законы советского социалистического государства, никогда не может быть поставлено в положение преступника. С первого взгляда это положение может показаться ничего не говорящим трюизмом, может показаться, что и в условиях капиталистического общества преступление всегда есть нарушение закона.

На самом деле, разве десятки буржуазных курсов уголовного права не определяют преступление как «деяние, запрещенное в момент его совершения законом под страхом наказания?» Но в том-то и дело, что на практике это далеко не так.

Ни для кого не было сомнений в том, что Дрейфус не нарушал закона о государственной тайне и не занимался шпионажем, ни для кого не было сомнений в том, что Бейлис не убивал Ющинского, что Маркс не был виновен в тех действиях, которые приписывали ему на Кельнском процессе, что Ленин в июле 1917 г. не был инициатором известных событий в Ленинграде, и т. д. Однако во всех этих случаях, хотя не было никакого нарушения

[2] Ленин, т. IV, стр. 84—85.

[1] Ленин, т. XIV, стр. 381.

закона, прокуратура возбудила уголовное преследование, инсценировала судебные процессы, поддерживала на них обвинение и в ряде случаев добивалась обвинительного приговора.

И все эти процессы слушались в обыкновенных судах с соблюдением всех процессуальных гарантий. Что же делалось в многочисленных чрезвычайных судах даже в эпоху расцвета буржуазной демократии, в судах, специально созданных для того, чтобы осуждать людей, которых обыкновенные (даже буржуазные) суды не осудили бы?

«Временное» осадное положение дает коменданту или генералу... — писали Маркс и Энгельс в 1849 г., — право временно отменять обыкновенные суды, временно вводить военные суды, которые тоже временно приговаривают к смертной казни и временно приводят в исполнение смертные приговоры в течение 24 часов. Но «правовая почва» все же спасена... и да здравствует правовая почва! Наше единственное скромное желание при этом заключается в том, чтобы над сторонниками правовой почвы прежде всего были испробованы временные казни именем бога и его христианско-германского вассального величества» [1].

Таким образом, даже в условиях буржуазной демократии «преступником» далеко не всегда является тот, кто нарушил действующий закон. О том, каково положение в этом отношении в условиях фашизма, всем достаточно хорошо известно.

Поэтому в капиталистических странах роль прокуратуры, как органа, наблюдающего за законностью, отступает на задний план перед ее полицейско-обвинительными функциями; сплошь и рядом, осуществляя эти функции, прокуратура сама нарушает закон.

Прокуратура социалистического государства в первую очередь — блюститель закона, охранитель выраженной в этом законе воли трудового народа Советского Союза.

«Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» [2].

Эта задача была поставлена перед советской прокуратурой с первого дня ее организации. Эта задача стоит перед ней и сейчас. С утверждением новой Сталинской Конституции значение прокуратуры как органа, осуществляющего надзор за соблюдением закона, еще более возросло. «Стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было», — сказал товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов 25 ноября 1936 г. А стабильность законов означает не только то, что недопустимо поспешное, легкомысленное изменение законов, не вызываемое изменениями в экономике и в уровне социального развития страны.

Требование стабильности законов означает также, что недопустимо нанизывать без необходимости на закон всякого рода ведомственные разъяснения и циркуляры, сплошь и рядом искажающие прямой смысл закона, недопустимо обволакивать закон всякого рода местными распоряжениями, изданными под предлогом «местных особенностей», недопустимо игнорировать закон, когда соблюдать его почему-либо не хочется. Борьба за стабильность закона в этом широком смысле — обязанность прокуратуры.

Эту почетную обязанность советская прокуратура осуществляет всеми доступными ей средствами. Вся деятельность прокуратуры представляет собой одно гармоническое целое и направлена к единой цели. Всякая попытка противопоставить задачи прокуратуры как органа обвинительной власти ее задачам как органа охраны законности, как органа защиты прав трудящихся явилась бы грубейшим извращением самой сущности советской прокуратуры.

Возбуждая, например, уголовное преследование против троцкиста-диверсанта, руководя расследованием по этому делу, выступая по нему обвинителем на суде, прокурор все время действует как блюститель социалистической законности, как охранитель прав трудящихся.

«Я обвиняю не один! — сказал т. Вышинский, заканчивая свою обвинительную речь по делу антисоветского троцкистского центра, — я обвиняю вместе со всем нашим народом» (Процесс антисоветского троцкистского центра. Юридическое изд-во, 1937 г. стр. 214). В этих словах, сказанных в завершение обвинительной речи по делу о важнейших государственных преступлениях, ярко подчеркнуто особое положение прокурора-обвинителя в социалистическом государстве, положение, которого никогда не занимал ни один прокурор ни в какой другой стране, положение представителя народа, защищающего его от злейших врагов.

Охраняя права трудящихся, разбирая их жалобы, опротестовывая незаконные действия зарвавшегося бюрократа, не желающего считаться с законом социалистического государства, прокурор продолжает ту же самую деятельность, разрушает ту почву, почву беззакония и произвола, на которой так удобно строить любые козни против государства победившего социализма. Недаром Ленин еще в 1919 г. в письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком говорил, что всякое нарушение советского закона есть уже дыра, которую используют враги рабочих и крестьян. Недаром враги всех мастей и оттенков, начиная с троцкиста Родена-Рубинштейна и кончая двурушником и вредителем Пашуканисом и его приспешниками, стремились дискредитировать социалистическую законность и создать вместо нее культ произвола.

Произвол выгоден врагам народа, так как он дезорганизует государственный аппарат, расшатывает основы советской демократии, вызывает недовольство со стороны тех, кто стал жертвами этого произвола, создает почву для любых антипартийных и антисоветских вылазок. Борьба с произволом всеми способами, предоставленными ей законом, — задача прокуратуры. Значение этой задачи не меняется

[1] Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VII, стр. 374.

[2] Ленин, т. XXVII, стр. 299.

от того, в какой форме выразился произвол, в какой форме произошло нарушение закона в том или ином отдельном случае. Поэтому нельзя делить функции прокуратуры на политически важные и политически неважные. Среди некоторых работников прокуратуры еще держится пренебрежительное отношение к таким обязанностям прокурора, как работа по жалобам, как надзор за законностью действий местных органов власти и т. п. Куда «эффектнее», рассуждают такие работники, поймать какого-нибудь диверсанта, выступить обвинителем по его делу, чем корпеть над жалобами о неправильном увольнении, о невыплате зарплаты, о незаконном выселении и т. п.

Рассуждающие таким образом работники не понимают того, что любая из этих «неважных» жалоб может привести их к раскрытию важнейших государственных преступлений, что подготовка диверсионных актов сплошь и рядом начинается с незаконных увольнений неудобных для диверсантов лиц и с замены их своими людьми. Расследуя жалобу на неправильное увольнение, прокурор, при должной бдительности с его стороны, нередко может предотвратить серьезнейшее преступление.

В том-то и заключается основное отличие прокуратуры социалистического государства от прокуратуры капиталистических стран, что она действует не против масс, а вместе с массами и опираясь на массы, что, борясь с нарушением прав отдельного гражданина, выполняет тем самым дело общегосударственного значения. Для прокурора капиталистического государства нарушение прав того или иного гражданина важно только в том случае, если это нарушение грозит интересам всего господствующего класса или отдельных представителей этого класса.

Если, например, бастующие рабочие нарушат «права» владельца предприятия, прокурор, конечно, найдет в этом серьезные основания для своего вмешательства. Но если владелец предприятия уволит рабочего, если домовладелец выбросит его на улицу или произойдет что-либо подобное, прокурор останется в стороне. Пусть пострадавший сам защищает свои права, как умеет.

Прокурор социалистического государства не может оставаться равнодушным ни к какому нарушению прав советского гражданина, так как всякое такое нарушение есть посягательство на социалистическую законность, охрана которой — его важнейшая обязанность.

Отсюда — широкие полномочия прокурора в области надзора за действиями административных органов власти и в области участия в гражданском процессе, полномочия, которыми не обладает прокуратура капиталистических государств.

Сразу же после Великой Октябрьской революции государство рабочих и крестьян назвало свою республику социалистической.

«Мы обязаны сказать, что наша Республика Советов есть социалистическая, — говорил Ленин на III всероссийском съезде советов в январе 1918 г.,—потому что мы на этот путь вступили, и слова эти не будут пустыми словами».

За 20 лет, протекшие с тех пор, как были сказаны эти слова, Республики советов, руководимые коммунистической партией во главе с Лениным и Сталиным, ни на шаг не свернули с этого пути. Вся напряженная классовая борьба, которую вел за эти 20 лет рабочий класс Союза ССР, была борьбой за социализм, как бы ни изменялись конкретные формы этой борьбы, и советская прокуратура с первых же дней своего возникновения была одним из орудий рабочего класса в этой борьбе, была прокуратурой социалистического государства.

Многочисленные извращения марксизма-ленинизма в области права, как сознательно протаскивавшиеся вредителями вроде Пашуканиса, так и ошибки со стороны многих наших товарищей не могли не отразиться и на оценке роли и значения советской прокуратуры. Раз советское право — буржуазное право, то и советская прокуратура — буржуазная прокуратура. Правда, прямо этого никто не сказал, но такой вывод должен был с неизбежностью вытекать из основного положения о буржуазном характере советского права и советской законности вообще, протаскивавшегося всеми большими и малыми вредителями на правовом фронте. Нелепость этого положения и его контрреволюционный характер теперь, когда уже снимаются леса со здания социализма, когда контуры этого здания предстают перед нами во всей своей красоте, очевидны для всех. Очевидно, что советская прокуратура эпохи Сталинской Конституции — прокуратура социалистического государства, отличающаяся как небо от земли, от прокуратуры любой капиталистической страны. Но для некоторых не столь очевидно, что и с первых дней своего возникновения советская прокуратура была социалистической и по своей структуре, и по своим задачам, и по методам своей работы.

По своей структуре советская прокуратура с первого же дня ее возникновения была теснейшим образом связана с руководящим центром государственного аппарата диктатуры рабочего класса, с Центральным исполнительным комитетом советов и с руководящими центрами передовой организации авангарда рабочего класса, коммунистической партии в лице ее ЦК и ЦКК.

«В центре же, — писал Ленин в уже цитированном выше письме Сталину, — мы должны найти около десяти человек, которые будут осуществлять центральную прокурорскую власть... Эти десять человек, находясь в центре, работают под самым близким наблюдением и в самом непосредственном контакте с тремя партийными учреждениями, которые представляют из себя максимальную гарантию против местных и личных влияний именно Оргбюро ЦК, Политбюро ЦК и ЦКК»[1].

Уже одна эта организационная структура прокуратуры являлась порукой ее социалистического характера. Сомневаться в этом, это значило бы сомневаться в том, что партия и ее ЦК вели страну к социализму.

Задачи прокуратуры в первый период после ее организации определил товарищ Сталин, дав в своем докладе об итогах первой пятилетки характеристику революционной законности первого периода нэпа: «Революционная законность первого периода нэпа обращала свой острием главным образом против кра-

[1] Ленин, т. XXVII, стр. 300.

ностей военного коммунизма, против «незаконных» конфискаций и поборов. Она гарантировала частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими советских законов» [1].

Проводить эту революционную законность, бороться всеми способами за ее осуществление было основной задачей вновь созданной прокуратуры. Трактовать эти задачи как не социалистические, а буржуазные, значит трактовать нэп вообще как простую капитуляцию перед капитализмом, то есть становиться на явно троцкистскую «термидорианскую» точку зрения. Поскольку же нэп был политикой диктатуры рабочего класса, направленной на построение фундамента социалистического общества, постольку и задачи советской прокуратуры в этот период, задачи — обеспечить условия для успешного проведения этой политики — были социалистическими по существу. Прокуратура в ту эпоху служила делу социализма и тогда, когда она предъявляла в порядке ст. 2 ГПК иск о расторжении кабальной сделки между кулаком и бедняком в деревне или привлекала к уголовной ответственности нэпмана за нарушение трудового законодательства, и тогда, когда она опротестовывала незаконную конфискацию у того же нэпмана его имущества местными органами власти. Делить задачи прокуратуры той эпохи на социалистические в одной части и буржуазные — в другой, столь же недопустимо, как рассматривать советское право этого периода, как это делали авторы «Курса советского хозяйственного права», как право буржуазное со вкрапленными в него отдельными советскими правовыми нормами.

Прокуратура советских республик была с самого начала социалистической и по методам своей работы, так как с первых же шагов она проводила эту работу, опираясь на массы и через массы. Прошло всего полгода с момента организации прокуратуры, как циркуляром Центральной прокуратуры РСФСР № 1 1923 г. был создан институт общественных обвинителей, первая организационная форма непосредственного участия широких трудящихся масс в деятельности прокуратуры, форма — неизвестная ни в одном капиталистическом государстве.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 509.

В 20-ю годовщину Великой Октябрьской революции, всего на несколько месяцев не совпадающую с 15-й годовщиной советской прокуратуры, работники прокуратуры имеют все основания с удовлетворением оглянуться на пройденный ими путь и сказать, что в великом здании социализма есть кирпичи, положенные и их руками. Но оглядываясь назад, нельзя забывать о том, что предстоит впереди.

Социализм осуществлен на деле, создано государство, в котором нет эксплоатации человека человеком, в котором нет хищничества ростовщиков и спекулянтов, в котором нет нищеты и безработицы. Но еще существует капиталистическое окружение, для которого социалистическое государство уже одним фактом своего существования представляет грозную опасность, тем более грозную, чем больше успехи социалистического строительства, чем разительнее разница между условиями жизни трудящихся при социализме и при капитализме.

Разбиты вдребезги эксплоататорские классы внутри СССР, но не все люди, входившие в состав этих классов, вымерли или перевоспитались. Еще есть отдельные немногочисленные представители бывших эксплоататоров, которые до сих пор не могут забыть своих прежних привилегий, до сих пор таят злобу против нового, социалистического строя. Их очень немного. Но, как сказал товарищ Сталин на февральском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., «чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется, может быть, несколько десятков человек, не больше».

Неизмеримо выросла политическая сознательность и культурный уровень народных масс. Но еще не вполне изжиты остатки частнособственнической психологии, рвачество и лодырничество, мелкобуржуазная распущенность и некультурность.

Все эти остатки старого умирающего мира ведут отчаянную борьбу с новым общественным и государственным строем растущего социалистического общества.

Борьба со всеми этими враждебными силами, устранение на основе Сталинской Конституции и широкой советской демократии всех препятствий с пути нашего социалистического общества ко второй фазе коммунизма является теперь основной задачей прокуратуры социалистического государства.

М. РАГИНСКИЙ и ТАРАСОВ РОДИОНОВ

Предварительное следствие за 20 лет

Наша страна, страна победившего социализма, подводит итоги двадцатилетнего существования диктатуры пролетариата, итоги побед и завоеваний первого в мире пролетарского государства.

Под руководством великой партии Ленина—Сталина рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством, свергнув власть капиталистов и помещиков, на протяжении двадцати лет, в ожесточенных боях с врагами героически отстаивал завоевания Великой пролетарской революции и успешно строил и строит новое, социалистическое общество, победоносно осуществляя на одной шестой части мира лучшие чаяния великих умов человечества.

Беспредельны победы и грандиозны завоевания трудящихся нашей страны! Они записаны в величайшем документе нашей эпохи, самой демократической во всем мире — великой Сталинской Конституции.

Нельзя забывать, что победы социализма в нашей стране не дались легко и что борьба не прекращается, а усиливается.

Надо помнить указания товарища Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) по вопросу о гнилой теории затухания классовой борьбы.

«Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с советской властью. Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплоататорских классов, тем скорее будут они итти на более острые формы борьбы, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных»[1].

В свете этого особо повышается роль и значение всех органов диктатуры пролетариата и, в частности, суда и прокуратуры.

Особенности классовой борьбы требуют большого умения, искусства найти и разоблачить классового врага, тщательно маскирующего свои преступления против пролетарского государства. Выполнение этих задач во многом зависит от работников следствия, от того, насколько они будут удовлетворять предъявляемым к ним требованиям, насколько они будут обладать необходимыми знаниями, насколько искусно они будут вести расследование.

Отсюда понятно огромное значение и роль предварительного следствия.

***

Прежде чем перейти к изложению этапов развития советского предварительного следствия, мы считаем необходимым предпослать краткий исторический обзор развития предварительного следствия в царской России.

Зарождение института следователей относится к далекому прошлому, когда обвинительный процесс уступил место инквизиционному (розыскному) процессу.

В царской же России до 1860 года все следствие было сосредоточено в руках полиции, причем закон прямо запрещал возлагать ведение следствия на работников судебных учреждений. Лишь 8 июня 1860 г. были учреждены должности судебных следователей, на которых было возложено ведение предварительного следствия, обособленного от полицейского дознания.

Организация института судебных следователей была полностью позаимствована из французского уголовного процесса, с тем, однако, различием, что работа судебных следователей царской России была организована на основе принципов инквизиционного, а не состязательного процесса.

По судебной реформе 1864 г. все судебные следователи были прикреплены к окружным судам и ограничены в своих действиях определенными следственными участками. Законом 1870 г. сначала в Петербурге и Москве, а потом и в ряде других городов (всего в 14 городах) были созданы еще должности судебных следователей по особо важным делам, которые, не будучи ограничены определенными участками, вели предварительное следствие по политическим делам и являлись правой рукой царских жандармов и прокуроров. Наряду с этим, при каждом окружном суде состоял один следователь по важнейшим делам, назначаемый министром юстиции.

Руководство деятельностью судебных следователей осуществлялось прокурорами, на обязанности которых лежало составление обвинительного заключения, однако, жалобы на действия следователей приносились окружному суду, хотя бы эти действия были произведены следователем по предложениям прокурора. Тем самым прокуратура ставилась по отношению к суду в подчиненное положение.

Судебные следователи были тесно связаны с полицией и жандармерией, которые обязаны были оказывать им всевозможное содействие, исполнять их поручения и предложения. Однако это уже в достаточной степени характеризует классовую природу предварительного следствия царской России.

Институт судебных следователей под покровом «судебной независимости» был и остался верным слугой царизма и ретиво защищал интересы буржуазии.

Февральская революция не внесла никаких изменений в систему предварительного следствия.

Организованная временным правительством комиссия «для восстановления основных положений судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве» ограничила свою «деятельность в части предварительного следствия лишь

[1] И. Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, Партиздат, 1937 г., стр. 23.

становкой вопроса о переименовании судебных следователей в следственных судей, сохранив институт судебных следователей по важнейшим делам — этих верных сатрапов царизма.

В таком положении находился следственный аппарат к моменту Октябрьского переворота.

***

Великая Октябрьская пролетарская революция уничтожила классовое господство буржуазии и утвердила пролетарскую диктатуру.

Задачей новой, советской власти была беспощадная борьба против эксплоататоров и против всего, порождающего капиталистическую эксплоатацию. Для проведения этой борьбы не могли, конечно, быть пригодны ни государственный аппарат буржуазии, ни ее законы.

«Диктатура пролетариата не может возникнуть как результат мирного развития буржуазного общества и буржуазной демократии, — она может возникнуть лишь в результате слома буржуазной государственной машины, буржуазной армии, буржуазного чиновничьего аппарата, буржуазной полиции» [1].

Поэтому одним из первых шагов победившего пролетариата было уничтожение, слом всего государственного аппарата буржуазной власти, в том числе и всего аппарата буржуазной юстиции, которая по характеристике Ленина была «слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка» [2].

Советская власть сломала аппарат старого буржуазного суда. Как указывал Владимир Ильич в своем докладе на III всероссийском съезде советов, «советская власть поступила так, как завещали поступать все пролетарские революции, — она отдала его сразу на слом. Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда...» [3].

Сломав весь аппарат буржуазной юстиции с ее законами, пролетарская революция приступила к созданию нового судебного аппарата пролетарской диктатуры и новых революционных законов.

Победившему пролетариату впервые приходилось строить свой суд. Многое приходилось пробовать, нащупывать, отбрасывая в процессе дальнейшего строительства немало форм и учреждений, оказавшихся неудовлетворительными или даже негодными для выполнения тех задач, которые перед своим судом ставила пролетарская диктатура. Менялись и организационные формы и методы предварительного следствия.

Еще до издания советским правительством первых законов о суде в ряде мест, начиная с первых чисел ноября 1917 г., были созданы временные революционные суды, судьями в которых были рабочие и солдаты.

Следствие в то время проводилось следственной комиссией районного совета (Ленинград) или судебно-следственной комиссией военно-революционного комитета (Москва).

Первый закон советской власти о суде — декрет о суде № 1, опубликованный 24 ноября 1917 г., осуществляя ломку старого института судебных следователей, уже намечает новые организационные формы и методы предварительного следствия.

Декрет о суде № 1 (Собр. узак. 1917 г. № 4, ст. 50), касаясь следственного аппарата и предварительного следствия, говорит: «Упразднить доныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора...

... Впредь до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам возлагается на местных судей единолично, причем постановления их о личном задержании и предании суду должны быть подтверждены постановлением всего местного суда».

Этим же декретом были образованы особые следственные комиссии для производства предварительного следствия по делам, подлежащим ведению революционных трибуналов.

«Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц, учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы, в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими советами р., с. и кр. депутатов.

Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же советах образуются особые следственные комиссии.

Все следственные комиссии, доныне существовавшие, отменяются, с передачей дел и производств во вновь организуемые при советах следственные комиссии».

Уже в марте 1918 г. декрет о суде № 2 (Собр. узак. 1918 г. № 26, ст. 347) устанавливает создание следственных комиссий из трех лиц, избираемых впредь до назначения прямых выборов советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. На эти следственные комиссии было возложено производство предварительного следствия по уголовным делам, превышающим подсудность местного народного суда. Иначе говоря, по делам, по которым наказание превышает два года лишения свободы.

Принцип гласности расследования, установленный декретом о суде № 1, оставался неизменным, с той только разницей, что участие защиты в стадии предварительного следствия могло быть ограничено по постановлению следственной комиссии, если того требовали интересы раскрытия истины, причем постановления следственной комиссии по этому вопросу могли быть обжалованы в окружной народный суд.

В дальнейшем функции следственных комиссий расширяются, и на следственные комиссии возлагается производство предварительного следствия по более сложным делам, подсудным местному народному суду. (Декрет о суде № 3, Собр. узак. 1917—1918 гг. № 52, ст. 589).

Положение «О народном суде Российской Социалистической Советской Республики»

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, 11 изд., стр. 29.

[2] Ленин, т. XXII, стр. 212.

[3] Ленин, там же.

(Собр. узак. 1918 г. № 85, ст. 889) уточняет функции следственной комиссии и определяет организационную структуру предварительного следствия (следственные участки, состав следственных комиссий и т. д.).

Таким образом, к концу 1918 г. предварительное следствие, за небольшим исключением, было организовано на коллегиальных началах и было сосредоточено в следственных комиссиях, разрешавших все вопросы следствия, вплоть до предания суду и заключения обвиняемого под стражу. Следственные комиссии действовали гласно, с вызовом обвиняемого и допущением сторон, с прениями сторон, иногда и с вызовом в заседание следственных комиссий и свидетелей.

Предварительное следствие по делам, подсудным революционным трибуналам, производилось следственной комиссией трибунала, причем ст. 7 декрета «О революционном трибунале» от 4 мая 1918 г. («Известия ВЦИК» № 97, от 17 мая 1918 г.) специально оговаривает, что следственная комиссия революционного трибунала разрешает все вопросы следствия в закрытых заседаниях.

Как известно, первоначальный проект декрета о революционных трибуналах, внесенный на утверждение СНК 30 марта 1918 г. наркомом юстиции П. И. Стучка, подвергся резкой критике со стороны Ленина.

В письме «членам коллегии Наркомюста» Ленин указывал: «Декрет о советских трибуналах, по моему мнению, совершенно неправилен и подлежит коренной переделке». Ленин предлагал «вместо обращения внимания на реформы учреждений, реформы мелкие или почти словесные («трибун»), надо обратить внимание на практические результаты работ коллегии Юстиции в деле создания действительно революционного, скорого и беспощадно строгого к контр-революционерам, хулиганам, подырям и дезорганизаторам суда» [1].

Переработанный на основе специальных указаний Ленина декрет о революционном трибунале, приведенный выше, ликвидировал вредные извращения, которые были внесены левыми эсерами.

Принцип коллегиальности предварительного следствия был сохранен до марта 1920 г. Однако уже в 1919 г. трибуналам было предоставлено право выносить приговоры по делам, расследованным органами ЧК, а «Положение о ревтрибуналах» от 27 марта 1920 г. («Известия ВЦИК» 1920 г., № 67) упразднило коллегиальное начало в расследовании дел подсудных революционным трибуналам. Вместо следственных комиссий и следователей производство расследования возлагалось по делам, подсудным трибуналам, на органы ЧК.

В состав трибуналов выделялись специальные следователи-докладчики для подготовки дел к судебному рассмотрению.

Состоявшийся в июне 1920 г. III съезд деятелей юстиции высказался за полное упразднение коллегиальности в расследовании, ликвидацию следственных комиссий и построение следовательского аппарата по принципу единоначалия.

Следственные комиссии было предложено заменить единоличными народными следователями: а) районными, которые избираются губисполкомами и состоят в ведении губсудов нарсудов, б) следователями по важнейшим делам при отделах юстиции, которые назначаются последними и утверждаются НКЮ, и в) следователями по важнейшим делам при НКЮ.

Положением Наркомюста «О местных органах юстиции» от 21 августа и постановлением ВЦИК от 21 октября 1920 г. (Собр. узак. 1920 г. № 831, ст. 407) окончательно устанавливается единоличный следователь, учреждается институт народных следователей, состоящий в ведении совета народных судей, особые следователи по важнейшим делам, состоящие при отделах юстиции, и следователи по важнейшим делам, состоящие при Народном комиссариате юстиции.

Необходимо отметить, что хотя следственный аппарат с самого начала учреждения института народных следователей и старших (особые следователи по важнейшим делам) следователей состоял при судах, однако, нам следователь никогда не занимал того положения, что следственный судья в буржуазном процессе.

Теория «следовательской независимости», та усердно пропагандируемая буржуазным правом, является не чем иным, как лицемерным прикрытием классово-буржуазного характера следственного аппарата в капиталистическом государстве.

Мы же, не нуждаясь ни в каких фикциях, открыто провозглашая классовый характер нашей юстиции, и в том числе своего следственного аппарата, решаем вопрос об его организационном построении исключительно с точки зрения создания наиболее целесообразных условий его работы и обеспечения максимальной оперативности этого аппарата.

Построение нашего следственного аппарата с момента организации в 1922 году советской прокуратуры исходило из принципа ответственности прокуратуры за качество предварительного расследования, а это требовало такой организации руководства работой следователей, которая могла бы обеспечить максимальную оперативность.

Совершенно неправильным, конечно, было сосредоточение в руках одного органа и производства предварительного расследования и решения вопроса о предании суду, т. е. проверки качества этого расследования. Такой порядок неизбежно влек бесконтрольность расследования, что самым отрицательным образом отражалось на интересах следствия, а следовательно, на интересах государства и самих трудящихся.

Этим и следует объяснить очень скоро обнаружившуюся тенденцию изъять следовательский аппарат из ведения судов и передать его в исключительное ведение прокуратуры. Уже на V съезде работников юстиции в 1924 году был поставлен вопрос об установлении между органами дознания, следователем и прокурором такой органической связи, как между звеньями одной и той же системы. Однако в то время это предложение встретило большое противление, в результате чего было принято а затем проведено в жизнь, компромиссное решение, оставившее следовательский аппарат в системе суда, но усилившее руководство

[1] XXI Ленинский сборник, стр. 219.

следствием со стороны прокуратуры. Эта нерешительность имела отрицательные последствия как в части повышения квалификации нашего следовательского аппарата, так и в части качества его работы, так как фактически при системе двойного подчинения следовательский аппарат еще некоторый период оставался без хозяина. Лишь 3 сентября 1928 года постановлением ВЦИК были внесены изменения в судоустройство, в силу которых следовательский аппарат был изъят из судебных органов и передан в прокуратуру.

В тот же период следовательский аппарат был передан прокуратуре и в других союзных республиках. Наконец, 24 апреля 1929 года постановлением ЦИК СССР были изъяты из ведения Верхсуда СССР бывшие при нем следователи по важнейшим делам, которые были переданы Прокуратуре Верхсуда СССР. Этим постановлением правительства было закреплено организационное построение следовательского аппарата в системе органов прокуратуры, а этим самым была создана независимость следователя от суда в административном отношении, что создало большие гарантии, с одной стороны, объективного расследования, с другой стороны — более объективного рассмотрения дела судом.

Таким образом к 1929 году, казалось, имелись все предпосылки к резкому улучшению предварительного следствия. Однако в ближайшие годы не только не было достигнуто повышения качества следствия, но последнее даже ухудшалось.

Оглядываясь назад и анализируя причины, приведшие в период 1929—1933 гг. к снижению качества следствия, надо притти к заключению, что одной из причин несомненно являлось обезличенное положение, в котором находились следователи, безнадзорность следствия, явно недостаточное внимание, которое уделялось прокурорами вопросам руководства следствием, этому важнейшему участку их работы. Но не это, конечно, являлось основной причиной упадка следствия и потери значительной части основных кадров наших следователей. Надо вспомнить, что этот период был знаменателен левацкими настроениями в области отношений к процессуальным требованиям советского закона, покоившимися на контрреволюционных, троцкистских извращениях в области теории советского права, что привело к так называемому «упрощенству», к сведению чуть ли не к нулю значения следствия, а также к превращению следователей в поручецев же к превращению следователей, «вьючных лошадок». Все это вместе взятое немилосердно привело к ухудшению следственных кадров и понижению качества следствия.

Многим прокурорско-следственным работникам хорошо памятен «знаменитый» циркуляр № 93 Наркомюста РСФСР от 5 июля 1929 г., которым предлагалось буквально следующее:

«Возбуждение уголовного преследования и принятие дела к своему производству должно оформляться в виде резолюции милиционера, или следователя, или прокурора на поступившей жалобе, заявлении или переписке: «возбудить уголовное преследование по такой-то статье УК», конечно, когда есть для этого основание».

Далее этим же циркуляром предлагалось сократить записи свидетельских показаний и итти по пути дальнейшего упрощения, выделять дела, по которым расследование вообще является излишним, причем к числу таких дел были отнесены и дела о бытовых убийствах. По этим делам предлагалось ограничиться составлением одного протокола, «оформляющего» событие преступления, с указанием в нем лиц, которые смогут быть свидетелями. Этот универсальный протокол, заменяющий предварительное следствие, предлагалось направлять непосредственно в суд.

После этого циркуляра НКЮ РСФСР на страницах журнала «Советская юстиция» появилось немало «рационализаторских» предложений, рекомендовавших, например, в целях экономии бумаги, вообще не писать отдельных постановлений и протоколов, в том числе и протокола объявления об окончании следствия, а объединять все это в одном документе, не составлять даже отдельных протоколов допроса свидетелей, а заменить это составляемым следователем «докладом» или «обзором», вообще упразднить составление протоколов обысков, предоставить органам расследования право по целому ряду преступлений «не заводить производства, если нет определенных указаний на совершившего преступление». Это последнее положение, возлагавшее на заявителя тяжесть установления виновных, предлагалось внести в УПК.

Были и иные подобные приведенным, нередко прямо абсурдные, по существу контрреволюционные «рационализаторские» предложения, которые печатались в официальном журнале работников юстиции, а на основе этого кое-где на местах ретивыми «рационализаторами» проводились в жизнь, не ожидая специальных директив, а лишь исходя из духа циркуляра № 93 и наплевательского отношения к советскому закону.

Любопытнее всего то, что эти «новеллы» преподносились под маркой стремления улучшить качество следствия, но приводили, конечно, к обратным результатам.

Естественно, что в результате всего этого встал логически вытекавший из всего происходившего вопрос о ликвидации следовательского аппарата, причем и этот вопрос вполне серьезно в течение длительного периода дискутировался на страницах журнала «Советская юстиция».

Все это привело к упадку следствия, к потере следователем своего места в общей системе судебно-прокурорских органов. Игнорируя требования процесса, вместе с тем следователи предали забвению и научные методы расследования, и все требования техники, тактики и методики расследования. В большинстве случаев в этот период следствие велось кустарно, самотеком.

Для характеристики состояния предварительного следствия в этот период можно указать, что следователи почти перестали заниматься предварительным расследованием, превратившись в буквальном смысле этого слова в поручецев прокурора. Предварительное же расследование почти полностью легло на плечи органов милиции, не обладавших достаточно подготовленными для этого кадрами.

Там же, где все таки и следователи вели предварительное следствие, качество последне-

го не на много отличалось от расследования, производимого милицией, что являлось следствием ликвидаторских настроений и связанного с этим назначения на должности следователей кого похуже, кто не годился на должности прокуроров. Это достаточно ярко иллюстрируется следующими данными о составом следовательских кадров по пяти крупнейшим областям и краям РСФСР: на 1 января 1932 г. без правового образования — 69%, со стажем работы до 1 года — около 30%.

Такое положение привело к чрезмерно высокому проценту прекращения дел не только в стадии предварительного расследования, но и в суде. Например, в Куйбышеве из 205 дел, внесенных за первые 4 месяца 1934 года на подготовительные заседания суда, 112 дел, или 55%, было судом прекращено. Процент дел, прекращенных в стадии следствия, достигал 30—35. Так же чрезмерно велик был и процент дел, возвращаемых судами на доследование.

Не мало можно было бы привести и прямо анекдотических следственных документов, относящихся к этому периоду. Подобные печальные примеры в достаточной степени приводились на I всесоюзном совещании работников суда и прокуратуры.

В своем докладе на всесоюзном совещании т. Вышинский, детально обрисовав неприглядное состояние следствия и причины, приведшие к этому, отметил:

«Мы безобразно относились к нашим следовательским кадрам, не хранили, не накопляли, не воспитывали их» — и дальше: — «в результате — следователь у нас потерял свое лицо. Надо сказать, что следователь у нас не политический работник, а это — «делопут», как его называют, который призван путать дела. Следователь у нас — это затычка на всякий несчастный прокурорский случай, — вот что собой представляет следователь. Следователь у нас—это не следователь, а третьестепенный канцелярский работник, канцелярская крыса, обреченная на то, чтобы грызть канцелярскую бумагу...»

Конечно, такая характеристика нашего следственного аппарата, лимитировавшего работу всех наших судебно-прокурорских органов, требовала каких-то особых и срочных мер для быстрейшей ликвидации всех последствий упрощенства и поднятия следствия на должное место.

Переломным моментом в отношении к значению следствия и к роли нашего советского следователя, несомненно, явилось I всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры, состоявшееся в апреле 1934 года. Однако и до этого уже были предприняты некоторые шаги в этом направлении. Сюда прежде всего надо отнести созыв по инициативе Прокуратуры РСФСР в первой половине 1933 года первой всероссийской конференции-курсов народных следователей.

На эту конференцию впервые были созваны народные следователи из различных уголков РСФСР. Здесь впервые было сказано о значении следствия и роли следователя как специалиста в области расследования. Способствуя оживлению мысли следователя, конференция-курсы в то же время заострила вопрос на повышении квалификации, на необходимости вооружения следователей знаниями из области уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Нельзя не отметить и определенную положительную роль изданных в этот же период Прокуратурой республики серий первых методических писем по расследованию отдельных категорий дел.

Также не малое значение должно было иметь постановление коллегии НКЮ РСФСР от 25 августа 1933 года, в котором был четко сформулирован и точно очерчен круг обязанностей следователя. Этим постановлением была объявлена решительная борьба с использованием следователя не по назначению, и во всю ширь был поставлен вопрос о необходимости решительного повышения качества следствия.

Однако это постановление, явившись известным толчком в деле улучшения следствия, не имело необходимых результатов вследствие отсутствия должного контроля исполнения и применения лишь методов «уговора» «строптивых» прокуроров, не желавших реализовать указания НКЮ.

В результате этого к моменту созыва I всесоюзного совещания работников суда и прокуратуры следствие все еще оставалось узким местом в работе судебно-прокурорских органов, и последствия упрощенства заставляли себя чувствовать.

Заострив внимание всех на вопросах состояния следствия и следовательских кадров, на вопросах необходимости срочного проведения большой работы по повышению квалификации следователей, всесоюзное совещание одновременно объявило решительную борьбу с упрощенством, крепко укоренившимся в следовательской работе, борьбу за высокое качество следствия.

Эти требования и директивы всесоюзного совещания были подхвачены и подняты на принципиальную высоту, что сыграло решающую роль в вопросах поднятия значения следствия, выкорчевывания остатков упрощенства и укрепления следовательского аппарата.

Однако последующие годы показали, что не так-то легко ликвидировать все последствия упрощенства, базировавшегося на извращениях в теории советского права, не так-то легко поднять следствие на должную высоту, и так-то легко вытащить нашего советского следователя на подобающее ему место.

В своих решениях всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры констатировало:

«Основными недостатками в работе судебных органов являются наличие политических извращений и ошибок при применении закона 7 августа, 8 декабря и т. д. (с одной стороны, смазывание политического значения этих важнейших законов, с другой стороны увлечение массовыми репрессиями), кампанейский характер, отставание и неповоротливость, низкое качество судебного расследования, упрощенство, игнорирование процессуальных требований, политическая небрежность составления приговоров, неправильная квалификация обвинения, еще не изжитая волокита и бюрократический порядок рассмотрения дел, пер-

шительность и неуменье отсеивать недоброка чественно подготовленные дела, отсутствие проверки эффективности судебной работы и т. д.

Указанные выше недостатки имеют место и в области расследования, являющегося самым узким местом нашей системы. Политическая значимость и роль расследования особенно возрастают в условиях требования меткой и политически подготовленной репрессии. Качественно полноценное проведение расследования является решающим условием правильности судебной политики и высокого качества работы суда».

Для изжития всех этих дефектов, для поднятия предварительного следствия на должную высоту требовалось и требуется напряжение всех сил, мобилизация всех форм и методов борьбы и упорная, длительная работа в этом направлении.

За прошедшие с момента I всесоюзного совещания работников суда и прокуратуры три с половиной года было затрачено немало энергии для поднятия следствия на надлежащую высоту, и эта работа не пропала даром.

Подводя итоги проделанной работе, мы можем отметить значительные успехи в деле укрепления следственного аппарата и поднятия качества его работы на уровень предъявляемых ему требований.

Ликвидация упрощенства, ликвидация так называемой «доследственной проверки», организация учебы следователей в виде регулярно созываемых курсов-конференций на местах и в центре, аттестация следователей, создание следственных отделов и методсовета при Прокуроре Союза — вот те рычаги, которые позволили поднять следствие. За это время значительно выросла техническая база нашего следственного аппарата. Создание при Прокуроре Союза Центральной лаборатории научной следственной работы, изготовление «следственных чемоданов», упорядочение дела судебно-бухгалтерской экспертизы — дают возможность советскому следователю применять приемы и методы научного раскрытия и расследования преступлений. Наш следователь перестает быть кустарем. Наконец, самое главное — это наши люди, наши советские следователи, овладевшие техникой своего дела. За двадцать лет мы создали свой следственный аппарат и вырастили своих людей, партийных и непартийных большевиков, беззаветно преданных делу партии Ленина—Сталина, самоотверженно борющихся на таком серьезном участке, как борьба с преступностью. Торжество ленинско-сталинской национальной политики сказалось и в росте наших национальных следовательских кадров. Мы имеем блестящих следователей узбеков, татар, армян, грузин, белоруссов, украинцев и других, составляющих братскую семью великого Советского союза. Из года в год растут наши следственные кадры. Растут политически, растут технически. Этот рост дал возможность раскрыть жуткие преступления Семенчука и его банды, творимые им на зимовке острова Врангеля, дал возможность использовать радио на службу советского следствия. Какой фантазией это бы казалось для господина судебного следователя царской России!

Этот рост дал возможность нашему следователю т. Анойченко раскрыть сложнейшее дело об убийстве, раскрыть так, что ему бы позавидовали любые Пинкертоны.

Этот рост дал возможность следователю т. Гольст раскрыть дело Афанасьева, преступление которого было раскрыто в результате очень умелого применения экспертизы, очень умелого применения научных методов расследования.

У нашего следователя есть то, чего нет и не может быть у самого талантливого буржуазного следователя. Советский следователь не одинок в своей работе. У советского следователя многочисленные помощники. На стороне советского следователя народ. Советская общественность, группы содействия, контрольные посты секции советов, актив помогают нашему следователю. Размеры этой статьи не позволяют останавливаться на примерах того, как сложнейшие преступления были раскрыты при помощи советской общественности и только благодаря этой помощи. Подобные многочисленные факты общеизвестны. Но именно потому, что наш следователь встречает большую помощь и поддержку, мы должны предъявить к нему более повышенные требования.

Повышение роли и значения работы следственного аппарата (а отсюда и более серьезные требования к этому аппарату) в настоящее время находится в прямой зависимости от более повышенных требований, предъявляемых сейчас к суду, и от более ответственной роли суда и вообще органов юстиции, поставленных перед такими задачами, как укрепление социалистического правосознания, как борьба с последними остатками капиталистических классов и их агентурой, как борьба с пережитками капитализма в сознании людей.

Отсюда задача следствия и всего следственного аппарата уметь изловить врага, поймать его, сорвать с него маску, какую бы личину он на себя ни надевал. Наши следователи должны помнить неоднократные предостережения великого Сталина об уловках врага, о необходимости максимальной бдительности, помнить о капиталистическом окружении. Одной лишь преданности и классового чутья сейчас мало. Для успешной борьбы с врагом надо еще быть крепко вооруженным знаниями; надо быть вооруженным большевизмом, надо быть вооруженным специальными техническими знаниями.

Ленин еще в 1919 году в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» учил нас, какими качествами надо обладать, чтобы уметь ловить врагов трудящихся.

«А чтобы уметь ловить их, надо быть искусным, осторожным, сознательным, надо внимательнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов советской власти»[1] (подчеркнуто нами).

Вторая задача, как указал т. Вышинский в своем докладе на объединенном собрании работников прокуратуры и милиции г. Москвы,— «еще более настойчиво, еще более углубленно» бороться за воспитание в массах населе-

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 434.

ния «чувства уважения к правилам социалистического общежития, чувства уважения к правилам социалистического труда, социалистической дисциплины».

Эта последняя задача тесно связана с требованием чуткого, внимательного отношения к человеку, от чего зависит судьба не только данного человека, но и его семьи, работы, которая ему поручена. Неуклонное выполнение всех процессуальных прав и гарантий обвиняемого — незыблемый закон для следователя.

Нашему следователю приходится иметь дело не только с преступником. Священная обязанность нашего следователя беспощадно разоблачить и изловить врага. Почетная обязанность. Но не менее почетна обязанность следователя реабилитировать невиновного человека. Советский следователь должен уметь деловым образом разобраться в конкретной обстановке, не упустить ни одной детали в процессе следствия.

Ленин, поручая председателю тверского губисполкома расследовать жалобу учительницы Ивановой, предлагал:

«Проверку начните осторожно, чтобы раньше времени огласки не было, чтобы вы могли накрыть и изобличить полностью» (XXI Ленинский сборник, стр. 227).

В этих мудрых словах изложено практическое пособие для нашей следственной работы.

Работать так, как учил нас Ленин, как учит нас Сталин, — и успех обеспечен.

Н. АЛЕКСАНДРОВ

Двадцать лет советского трудового права

Великая социалистическая Октябрьская революция разбила и уничтожила аппарат государственной власти капиталистов и помещиков, а вместе с ним и помещичье-буржуазное право эксплоатации труда пролетариата и основной массы крестьянства.

Государство диктатуры рабочего класса с первых же дней своего существования, приступая к решению задачи перестройки старой экономики и построения новой, социалистической экономики, создало, в частности, и свою систему правового регулирования труда—трудовое право социалистического государства рабочих и крестьян.

Выражая волю установившего свою диктатуру рабочего класса, советское трудовое право с момента своего возникновения и на всех предшествовавших победе социализма этапах не могло не быть социалистическим как по содержанию, так и по форме. Оно неизменно служило задачам борьбы за социалистическую организацию труда как в городе, так и в деревне и стояло на страже интересов рабочего класса, советского крестьянства и интеллигенции.

Социалистическое трудовое право нашло свое конкретное воплощение не только в отрасли советского законодательства о труде рабочих и служащих, но и в соответствующих разделах земельного и колхозного законодательства, промыслово-кооперативного и т. д.

Единство выраженного в различных конкретных отраслях советского законодательства советского социалистического трудового права на всех предшествовавших победе социализма этапах диктатуры рабочего класса определялось единством политики диктатуры рабочего класса в области организации труда, политики, направленной к уничтожению эксплоатации труда во всех ее формах, к неуклонному улучшению условий труда, к осуществлению принципа социализма — «от каждого по его способности, каждому — по его труду».

Тогда, когда советская власть была вынуждена допускать на известный период и на известных условиях существование частнокапиталистических элементов, перед советским социалистическим трудовым правом стояла и задача обуздания эксплоататорских тенденций кулака в деревне, нэпмана и концессионера в городе.

Правовое регулирование труда в существовавшем на уже пройденных этапах борьбы за социализм частном секторе служило одним из рычагов проведения политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов.

С переходом от политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов в деревни к новой политике ликвидации кулачества как класса утратил силу в районах сплошной коллективизации закон о найме труда в деревне. Начавшийся с Великой Октябрьской революции переход трудящихся крестьян на путь колхозов в год великого перелома, восемь лет тому назад, развернулся в массовое движение многомиллионных крестьянских масс (бедноты и середняков) в сторону колхозов потому, что «только к этому времени сказались во всей широте хозяйственные результаты Октябрьской революции, только к этому времени удалось двинуть вперед индустриализацию страны»[1]. Многомиллионные крестьянские массы были охвачены социалистической правовой организацией труда на основе Примерного устава сельскохозяйственной артели 1930 года. Принципы социалистической правовой организации труда в применении к колхозному труду нашли свое дальнейшее развитие в Сталинском уставе колхозной жизни, принятом в 1935 году.

С ростом социалистической индустрии и ее победами над капиталистическими элементами в промышленности мы имели все более и бо

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. стр. 527.

лее полный охват рабочего класса социалистической организацией труда. Если в первые годы нэпа почти ⅙ часть рабочего класса работала по найму в частных предприятиях, то уже в 1935 году, в год, предшествовавший принятию Сталинской Конституции, число наемных рабочих частных хозяйств составляло лишь 0,04% по отношению к общей численности рабочего класса.

Двадцатилетие Великой социалистической Октябрьской революции знаменательно победой социализма во всех отраслях народного хозяйства и дальнейшим победоносным движением советского общества вперед к высшей фазе коммунистического общества на основе Сталинской Конституции, закрепившей основы всей правовой надстройки социалистического общества, в частности и основы советского социалистического трудового права победившего социализма.

Для советского социалистического трудового права периода победившего социализма характерным является то, что принцип «от каждого по его способности, каждому—по его труду» в СССР уже осуществлен.

Закрепленные в Сталинской Конституции основные положения советского социалистического трудового права базируются на уже построенной в нашей стране социалистической экономике, исключающей эксплоатацию человека человеком, не знающей кризисов и безработицы, не знающей нищеты и разорения и обеспечивающей гражданам СССР все возможности для зажиточной и культурной жизни.

***

Сталинская Конституция, допуская наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, лишь мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплоатацию чужого труда, тем самым определяет и законные формы труда в СССР в условиях победившего социализма.

Наряду с социалистическим трудом, т. е. трудом, основанным на социалистической собственности на средства производства в ее двух формах — государственной собственности и собственности кооперативно-колхозной — в СССР допускается труд только единоличных крестьян и некооперированных кустарей без применения ими в своем частном хозяйстве чужого труда.

Труд советских рабочих и служащих, труд членов колхозов и промыслово-кооперативных объединений являются основными правовыми формами организации труда в советском социалистическом обществе.

Трудовое право социалистического общества призвано регулировать труд нового рабочего класса — рабочего класса СССР, уничтожившего до конца капиталистическую эксплоатацию, труд нового крестьянства — советского крестьянства, в своем подавляющем большинстве объединенного в колхозы, труд новой интеллигенции — советской интеллигенции, связанной всеми корнями с рабочим классом и крестьянством.

Правопорядок социалистического общества категорически исключает всякую возможность допускавшегося советским трудовым законодательством в годы первого периода нэпа применения наемного труда в частном хозяйстве. Социалистическому правопорядку не противоречит лишь применение наемного труда в домашнем потребительском хозяйстве, основанном на личной собственности граждан СССР на средства потребления.

В социалистическом обществе, не знающем эксплоатации человека человеком, труд для каждого способного к нему гражданина является не только обязанностью по принципу: «кто не работает, тот не ест», но и делом чести.

«Люди работают у нас не на эксплоататоров, не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы»[1].

Это новое отношение к труду в социалистическом государстве рабочих и крестьян находит свое яркое проявление в могучем движении стахановцев социалистической промышленности и сельского хозяйства, в массовом развитии социалистического соревнования в городе и в деревне.

Подлинная история советского социалистического трудового права не имеет ничего общего с утверждениями врагов социализма, из школки вредителя Пашуканиса о том, что якобы социалистическое соревнование и ударничество содействуют постепенному выветриванию и свертыванию правовой формы трудовых отношений.

Советское социалистическое трудовое право, организуя проведение в жизнь социалистических принципов труда, в действительности неизменно способствовало развитию социалистических форм труда, развитию социалистического соревнования, подъему его на высшую ступень — к стахановскому движению. Социалистическое трудовое право закрепляет достижение соревнующихся, подтягивает отстающих к уровню передовых.

Социалистическое соревнование неизменно расширяло базу общественного убеждения для правового закрепления труда.

Система трудового права социалистического общества нашла свое яркое выражение в закрепленных в Сталинской Конституции основных правах и обязанностях всех граждан СССР: труд как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле «кто не работает, тот не ест», право на труд с оплатой по его количеству и качеству, право на отдых, право на материальное обеспечение в старости и во всех случаях утраты способности к труду, обязанность блюсти дисциплину труда и т. д.

Закрепленные в Сталинской Конституции основные положения трудового права представляют собой блестящий итог всего предыдущего развития советского трудового права с первых дней существования социалистического государства рабочих и крестьян.

История советского трудового права за 20 лет его существования характеризуется упор-

[1] Сталин, Речь на 1-м всесоюзном совещании стахановцев.

мой борьбой диктатуры рабочего класса за уничтожение эксплоатации труда и все более и более полный охват всех трудящихся социалистической формой труда, за внедрение социалистического принципа оплаты по труду и неуклонное улучшение условий труда на основе роста его производительности, за укрепление социалистической дисциплины труда.

Сталинская Конституция увенчивает итоги этой борьбы и фиксирует основы развитой системы правовой организации труда в обществе победившего социализма.

***

Сталинская Конституция закрепила уже осуществленный в СССР основной принцип правового регулирования труда в социалистическом обществе — «от каждого по его способности, каждому — по его труду».

В соответствии с этим принципом Сталинская Конституция закрепила за каждым гражданином СССР право на труд с оплатой по его количеству и качеству (ст. 118). Равное с мужчиной право на труд Конституция закрепила за женщиной.

Право на труд с оплатой по его количеству и качеству является краеугольным камнем системы трудового права граждан социалистического общества.

Это право обеспечивается устраняющей хозяйственные кризисы социалистической организацией нашего народного хозяйства и неуклонным ростом производительных сил советского общества.

Обеспечение для всех граждан права на труд, как и все достижения социалистического строительства, не наступило стихийно, самотеком после взятия власти рабочим классом в свои руки, а завоевано в труднейшей, упорной героической борьбе против внешних и внутренних сил контрреволюции, против наследия капиталистического прошлого в экономике и классовой структуре общества.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла возможности уничтожения безработицы на базе социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

В первые годы своего существования советская республика, с разрушенным хозяйством, окруженная кольцом белых армий и интервентов, была поставлена перед угрозой того, что «безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь все силы для беспощадно строгой экономии потребления, правильности распределения»[1]. Это был период, когда В. И. Ленин писал, что «безработица свирепствует все более грозно»[2].

Страна Советов под руководством большевистской партии Ленина—Сталина победоносно вышла из трудностей гражданской войны и приступила к восстановлению народного хозяйства.

Уже в годы восстановления народного хозяйства была полностью ликвидирована безработица среди квалифицированных рабочих, но цифра безработных все же достигала миллиона за счет притока лиц неквалифицированного труда из деревни, где продолжало преобладать мелкотоварное хозяйство.

Решающее значение в борьбе за право на труд и уничтожение безработицы имели уже первые годы первой Сталинской пятилетки.

Если в процессе восстановления народного хозяйства не было уже безработицы среди квалифицированных кадров, то в период социалистической реконструкции промышленности спрос на эти кадры принял огромные размеры. С другой стороны, массовый поворот крестьян в сторону колхозов приостановил самотек рабочей силы из деревни.

Уже в своем докладе на XVI партсъезде (июнь 1930 г.) товарищ Сталин отмечал, что «биржи труда не удовлетворяют спроса наших предприятий на рабочую силу процентов на 80».

Остатки безработицы в первой половине 1930 года объяснялись исключительно тем, что органы НКТруда, к руководству которым в то время пробрались заклятые враги народа—правые реставраторы капитализма, не развернули подготовки квалифицированных рабочих для удовлетворения огромных потребностей растущей социалистической промышленности в кадрах.

«Ясно, во всяком случае, что эти безработные не составляют ни резервной, ни тем более постоянной армии нашей промышленности», — отмечал в 1930 году в докладе на XVI партсъезде товарищ Сталин.

Знаменательной исторической вехой в борьбе за право на труд является постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 года, констатирующее, что «огромный успех социалистической индустриализации страны и быстрый темп колхозного и совхозного строительства привели к полной ликвидации безработицы в Советском Союзе и потребовали дополнительных сотен тысяч рабочих»[1].

Исторические указания товарища Сталина об организованном наборе рабочей силы (речь на совещании хозяйственников в июне 1931 года) уже исходят из факта осуществления в СССР права на труд.

Сталинская Конституция «не просто провозглашает право на труд, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта отсутствия кризисов в советском обществе, факта уничтожения безработицы»[2].

Конституционные гарантии права на труд получают свое развитие и конкретизацию в системе социалистического трудового права применительно к различным конкретным юридическим формам осуществления права на труд.

Различия в юридических формах осуществления права на труд в основном связаны с остатками классовых различий внутри советского общества между рабочим классом и крестьянством.

Рабочий класс и вошедшее в своей основной массе в колхозы крестьянство объединены социалистической системой хозяйства.

«Но находясь в одной общей системе социалистического хозяйства, рабочий класс связан своим трудом с государст-

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 27—28.

[2] Там же, стр. 30.

[1] «Правда», 22 октября 1930 г.

[2] Сталин, Доклад о проекте Конституции Союза ССР, стр. 21.

венной социалистической собственностью (всенародным достоянием), а колхозное крестьянство — кооперативно-колхозной собственностью, принадлежащей отдельным колхозам и колхозно-кооперативным объединениям» (подчеркнуто мною. Н. А.)[1].

Юридической формой осуществления права на труд в качестве рабочего или служащего является трудовой договор. Юридической формой осуществления права на труд в качестве члена колхоза или члена промысловой артели служит членство в колхозе или промкооперации.

Нормы социалистического трудового права о заключении и расторжении трудовых договоров (прием на работу и увольнение), о приеме в члены и о порядке исключения из членов колхоза или промысловой кооперации представляют собой систему прочных гарантий права на труд в каждом отдельном конкретном случае. Задача состоит в том, чтобы неуклонно осуществлять социалистическую законность на этом важнейшем участке охраны прав граждан.

***

С уничтожением в СССР эксплоатации человека человеком труд стал единственным источником благосостояния и общественного положения людей. Социалистический принцип оплаты по труду уже безраздельно господствует в советском обществе. Этот принцип лежит в основе заработной платы рабочих и служащих и в основе оплаты по трудодням в колхозах.

Сталинская Конституция неразрывно связывает право на труд с правом на оплату по количеству и качеству затраченного труда.

Трудовое право социалистического общества призвано регулировать и охранять право каждого гражданина на оплату по труду.

Исторические указания товарища Сталина о борьбе с мелкобуржуазной уравниловкой были и остаются основной руководящей установкой для социалистического правового регулирования оплаты труда.

Устанавливая обязанность трудиться для каждого способного к труду гражданина и вознаграждая его по количеству и качеству затраченного труда, социалистическое общество материально обеспечивает всех своих членов в случаях утраты или временной потери трудоспособности.

В отношении рабочих и служащих закрепленное в ст. 120 Конституции право на материальное обеспечение во всех случаях утраты трудоспособности обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет предприятий.

В области кооперативно-колхозного труда право на материальное обеспечение гарантируется системой касс взаимопомощи, созданием в колхозах фондов помощи нетрудоспособным и т. д.

Наряду с этими видами материального обеспечения, связанными с определенными формами участия в общественном труде, мы имеем для всех граждан виды социального обеспечения. Так-то: трудовое устройство инвалидов, пенсии и дома инвалидов, персональные пенсии и т. д.

В первые же дни Великой социалистической революции советское правительство декретом от 29 октября 1917 г. установило 8-часовой рабочий день. На подземных и других вредных работах и для лиц, не достигших 18-летнего возраста, был установлен сокращенный (шестичасовой) рабочий день.

Историческое значение декрета 29 октября 1917 г. состоит в том, что этот декрет впервые закрепил такую важнейшую гарантию права на отдых, как 8-часовой рабочий день.

Последующее советское законодательство о рабочем времени надо рассматривать как выражение дальнейшего развития гарантий права на отдых на основе завоеваний социализма.

Широко охвативший вопросы рабочего времени декрет от 29 октября 1917 г. был вскоре дополнен постановлением 14 июня 1918 г. об отпусках.

Эти акты советской власти были затем развиты и закреплены в Кодексе законов о труде 1918 года.

В принятой VIII партийным съездом (март 1919 г.) программе нашей партии дана характеристика исторического значения КЗоТ 1918 года, при этом программа подробно останавливается на осуществленных законодательных мероприятиях, обеспечивающих отдых.

«С установлением диктатуры пролетариата,— говорится в программе,— создалась возможность осуществить полностью программу-минимум социалистических партий в области охраны труда.

Советская власть в законодательном порядке провела и в Кодексе законов о труде закрепила: 8-часовой рабочий день для всех трудящихся или максимальное рабочее время, причем для лиц, не достигших 18-летнего возраста, в особо вредных производствах, а также для горнорабочих, занятых под землей, рабочий день не должен превышать 6 часов; 42-часовой еженедельный непрерывный отдых для всех трудящихся; запрещение сверхурочных работ, как общее правило; освобождение женщин от работ в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка за все это время...»

Далее программа указывает на установление в том же КЗоТ ежегодных отпусков как на один из показателей того, что уже в те годы в своем законодательстве о труде «...советская власть в некоторых отношениях пошла далее программы-минимум».

Программой же партии была намечена перспектива дальнейшего сокращения рабочего дня «при общем увеличении производительности труда».

Осуществленная в первые годы советской власти и указанная в программе партии система законодательных мероприятий советского государства по обеспечению отдыха трудящихся при переходе к нэпу была закреплена в Кодексе законов о труде 1922 г. (главы X и XI), действующем до сих пор, конечно, с существенными изменениями, внесенными в годы социалистической реконструкции.

[1] Молотов, Конституция социализма, Партиздат, 1936 г., стр. 33—34.

Характеризуя историческое значение КЗоТ 1922 г., В. И. Ленин указывал на 8-часовой рабочий день как на яркий пример того, что мы прочно устанавливаем основы рабочего законодательства в то время, когда «все страны ополчаются на рабочий класс» [1].

Одним из важнейших этапов в развитии гарантий права на отдых в СССР является манифест юбилейной сессии ЦИК СССР 1927 г. Этот исторический манифест в ст. 1 обязывал Президиум ЦИК и СНК СССР приступить к постепенному переводу производственных фабрично-заводских рабочих от 8-часового к 7-часовому рабочему дню без уменьшения заработной платы.

В развитие ст. 1 манифеста юбилейной сессии ЦИК Союза ССР 1927 г. было издано специальное постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 2 января 1929 г. (С. З. № 4), которое определило порядок введения 7-часового рабочего дня и установило необходимые коррективы к общему режиму рабочего времени в предприятиях, переведенных на 7-часовой рабочий день.

«Введение 7-часового рабочего дня лишний раз подчеркивает коренное отличие экономики советского хозяйства и социалистический характер его рационализации, направленный к всемерному и неуклонному улучшению экономического положения и культурному росту рабочего класса, в отличие от капиталистической системы и ее методов рационализации» [2].

Уже ко времени XVI партийного съезда (июнь 1930 г.) на 7-часовой рабочий день было переведено 33,5% индустриальных рабочих. Об этом говорил в своем отчетном докладе товарищ Сталин, как об одном из моментов, создающих «такую обстановку работы и быта рабочего класса, которая дает нам возможность вырастить новое поколение рабочих, здоровых и жизнерадостных, способных поднять могущество Советской страны на должную высоту и защитить ее жизнью от покушений со стороны врагов» [3].

Перевод подавляющего большинства рабочих на 7-часовой рабочий день явился одним из блестящих итогов уже первой Сталинской пятилетки [4].

Семичасовой рабочий день, ежегодные отпуска и другие постановления советского социалистического рабочего законодательства о рабочем времени и времени отдыха являются одним из показателей превращения пролетариата СССР в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства и освобожденный от эксплоатации.

В капиталистических странах горькая нужда «заставляет среднего и мелкого крестьянина работать с утра до ночи» [5].

Мелкий и средний крестьянин не в силах выдержать конкуренции капиталистического земледелия, «не надрываясь работой сам и не заставляя вдвое тяжелее работать своих детей. Нужда заставляет крестьянина своим горбом наверстывать недостаток капитала и технических усовершенствований» [1].

С Великой Октябрьской социалистической революции начался и на основе победы социализма в СССР завершен коренной перелом в условиях труда и жизни многомиллионных крестьянских масс. Благодаря коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса, крестьянству обеспечена диктатурой рабочего класса возможность «работы в условиях, укрепляющих, а не изнуряющих его силы» [2].

Примерный устав сельскохозяйственной артели, выдвигая перед каждым колхозником обязанность личным трудом участвовать в хозяйстве своего колхоза, отражает то всемирно-историческое значения положение, что колхозный строй освобождает крестьянина от чрезмерного труда. На каждую работу, говорит Примерный устав сельскохозяйственной артели, устанавливаются нормы выработки, доступные добросовестно работающему колхознику с учетом состояния скота, машин и почвы.

Организация культурного отдыха колхозника путем внедрения газет, книг, радио, кино, создания клубов, библиотек, читален и т. п. является одной из основных обязанностей каждой сельскохозяйственной артели по Сталинскому уставу колхозной жизни (см. Примерный устав сельскохозяйственной артели ст. 6 п. «к»). Примерный устав сельскохозяйственной артели предусматривает выделение колхозом для своих культурных нужд специальных средств из получаемых артелью денежных доходов (ст. 12).

Сталинская Конституция поднимает право на отдых на высоту одного из основных конституционных прав граждан социалистического государства. Она обеспечивает это право сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

Эти гарантии права на отдых детализируются и дополняются социалистическим правовым нормированием труда. Право на отдых представляет собой, в частности, один из замечательнейших итогов развития социалистического нормирования труда, полярно противоположного капиталистическому нормированию, направленному к превращению всей жизни трудящихся масс в рабочее время.

**
*

С победой социалистической революции и установлением диктатуры рабочего класса происходит величайшая в истории смена подневольного труда трудом на себя.

Социалистические производственные отношения представляют собой необходимую осно-

[1] Ленин, т. XXVII, стр. 318.

[2] Резолюция ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) о первых итогах и дальнейшем проведении 7-часового рабочего дня.

[3] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 524.

[4] См. резолюцию январского пленума ЦК ВКП(б) 1933 г.

[5] Ленин, т. V, стр. 288.

[1] Ленин, т. XVI, стр. 479.

[2] Из резолюции VII конгресса Коминтерна о победе социализма в СССР и ее всемирно-историческом значении.

для величайшего исторического перехода «...от дисциплины, вынужденной эксплуататорами, к дисциплине сознательной и добровольной»[1].

Путь воспитания социалистической дисциплины труда — это путь классовой борьбы с пережитками капитализма в отношении к труду.

Основным методом воспитания дисциплины социалистического труда являлось и является повышение активности трудящихся масс, вовлечение их в социалистическое соревнование.

«Самое замечательное в соревновании состоит в том, — указывал товарищ Сталин в своем докладе на XVI партийном съезде, — что оно производит переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства».

Убеждение трудящихся в необходимости прочной дисциплины труда служило на всем протяжении развития советского социалистического трудового права базой для правового закрепления требований трудовой дисциплины, для правового воздействия по отношению к прогульщикам, лодырям и т. д.

С развитием социалистического отношения к труду, с повышением тех обязательств, которые в порядке социалистического соревнования принимают на себя широкие массы активистов социалистического труда, повышался и тот общеобязательный минимум требований в области трудовой дисциплины, который предъявлялся к каждому работнику советским трудовым правом.

Яркой иллюстрацией в этом отношении может служить хотя бы сравнение первоначальной редакции ст. 47 КЗоТ в части увольнения за прогул (увольнение «в случае неявки на работу более трех дней сряду или в общей сложности шести дней в месяц без уважительных причин») с ныне действующей ст. 47 КЗоТ категорически запрещающей всякие прогулы.

С превращением социалистической системы хозяйства и социалистической собственности на средства производства в экономическую основу СССР осуществляется ленинский план о распространении социалистической дисциплины труда на все общество[2].

Сталинский устав сельскохозяйственной артели закрепил обязанности по социалистической дисциплине труда для многомиллионных масс колхозного крестьянства.

«Обязанность блюсти дисциплину труда» закреплена Сталинской Конституцией в качестве одной из основных обязанностей всех граждан СССР.

***

Закрепленные в советском социалистическом трудовом праве победы социалистической организации труда имеют всемирное значение.

Они не могут не вызвать глубокого переворота в сознании трудящихся всех стран.

Трудовое право победившего социализма не может не внушать трудящимся капиталистических стран уверенности в необходимости и в практической возможности освобождения от капиталистического рабства с его ужасами безработицы, нищеты, непосильного труда.

Подлые троцкистско-бухаринские изменники — злобные и оголтелые враги советского народа хотели надеть ярмо капиталистического рабства на свободный советский народ. Они пытались вернуть безработицу, голод и нищету. Свободный труд рабочих и крестьян эти мерзавцы хотели заменить подневольным, каторжным трудом.

Подлые враги народа пытались и там, где их еще не успели разоблачить, будут пытаться срывать осуществление социалистической законности в области организации и охраны труда.

Социалистическое государство сумеет и впредь давать решительный отпор презренным агентам международного фашизма.

Новое десятилетие социалистического государства рабочих и крестьян будет ознаменовано победоносным движением социалистического общества к высшей фазе коммунизма.

На основе Сталинской Конституции победившего социализма будет дальше развиваться и крепнуть социалистическое трудовое право в борьбе за построение коммунистической организации труда, при которой полностью сотрутся грани между городом и деревней, грани между умственным и физическим трудом и станет возможным осуществление принципа высшей фазы коммунизма: «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям».

---

[1] Ленин, т. XXII, стр. 463.
[2] Ленин, т. XXI, стр. 440.

Н. ХАВИН

Советская исправительно-трудовая политика за 20 лет

Двадцатилетие Великой пролетарской революции наша страна встречает подведением итогов своих громадных достижений на всех путях строительства социалистического общества. Эти замечательные итоги служат основанием не только для заслуженной гордости, они являются также неоспоримым методом проверки правильности стратегии и тактики пролетарской диктатуры.

Годы 1917—1937 наполнены огромным историческим содержанием. От царства жесточайшей эксплоатации и полицейского террора к царству свободы и радостного труда, от дымящихся развалин разрушенного капиталистического строя к могущественной стране социализма, от страны, о которой даже буржуазный поэт не нашел иных слов, кроме: «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться, царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма», к стране счастливой и яркой, ежедневно рождающей подлинных героев.

Этот путь был проделан всего в двадцать лет, в такой исключительно короткий, с точки зрения исторических масштабов, срок только потому, что пролетариат в своей борьбе находился под руководством «новой партии, партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того, чтобы повести пролетариат на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки, и достаточно гибкой для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели»[1].

Эту партию выковали Ленин и Сталин. Под их гениальным руководством наш пролетариат шел от победы к победе, невзирая на бешеное сопротивление своих классовых врагов, несмотря на подлую террористическую, шпионско-диверсантскую разрушительную работу врагов народа—Троцкого и Зиновьева, Бухарина и Рыкова, Тухачевского и Пятакова и прочих предателей и врагов великого пролетарского дела.

Социализм победил потому, что вооруженная марксистско-ленинской теорией наша партия под мудрейшим руководством своего вождя и учителя товарища Сталина умела в каждый момент определить основные звенья, умела за них ухватиться, находить правильные пути и методы преодоления вставших перед пролетариатом трудностей.

Социализм победил и потому, что пролетариат в процессе построения бесклассового общества осуществлял правильную политику репрессий по отношению к своим классовым врагам. В своем письме к американским рабочим Ленин писал, что «пролетариат усваивает себе теперь среди ужасов империалистской войны, — вполне и наглядно, ту великую истину, которой учат все революции, истину, которую завещали рабочим их лучшие учителя, основатели современного социализма. Эта истина — та, что не может быть успешной революции без подавления сопротивления эксплоататоров. Наш долг был, когда мы, рабочие и трудящиеся крестьяне, овладели государственной властью, подавить сопротивление эксплоататоров. Мы гордимся тем, что делали и делаем это»[1].

Необходимость уголовной репрессии существовала на всех этапах нашего социалистического строительства. Не отпала она и на сегодня, ибо, по мере наших успехов, наш классовый враг не только не «врастает» в социализм, как старались нас убедить в том враги народа, а наоборот, усиливает свое бешеное сопротивление, что с особенной наглядностью вскрыто последними судебными процессами над троцкистско-зиновьевскими бандитами. Не отпала она и потому, что пережитки капитализма еще сидят в сознании отсталых слоев трудящихся, толкая их порою на преступления. «Убитый капитализм, — писал Ленин, — умирает и разлагается среди нас, заражая наш дух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого»[2].

Вот почему, подводя итоги двадцатилетнего существования советской власти, итоги борьбы за построение социалистического общества, мы должны подвести итоги и нашей политики уголовной репрессии в отношении тех, кто пытается тем или иным путем сорвать наше строительство.

Разрушив до основания всю систему царской юстиции с ее органами по подавлению всякого сопротивления со стороны эксплоататоров, с ее судами, тюрьмами и каторгой, пролетариат, всемерно укрепляя государство пролетарской диктатуры, создал свои органы подавления, но уже подавления не трудящихся, а врагов народа, врагов социалистической революции.

Эти задачи, стоящие перед советскими органами суда и прокуратуры, делают советскую социалистическую юстицию принципиально отличной от буржуазной юстиции. Если последняя ставит перед собою задачу охраны капиталистического строя и буржуазного правопорядка, то советская юстиция ставит перед собою прямо противоположную задачу охраны интересов социалистического строительства от каких бы то ни было покушений на реставрацию капитализма, от всяких проявлений пережитков капиталистической психологии.

Вполне понятно, что применяемая страной пролетарской диктатуры уголовная репрессия не является самоцелью, не является актом мести по отношению к классовым врагам, а носит подчиненный задачам социалистического строительства характер. И естественно, что в зависимости от конкретной обстановки в тот или иной данный период революции, она может

[1] Сталин, Об основах ленинизма.

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 186.
[2] Там же.

свои формы и содержание, меняла объекты своего воздействия и силу наносимого удара. Достаточно, например, указать на применение красного террора в 1918 г., на применение репрессивных мер в отношении кулачества в 1929—1930 гг., на издание закона от 7 августа 1932 г. по охране социалистической собственности, на закон от 22 августа того же года по борьбе со спекуляцией или на закон от 8 декабря 1933 г. по борьбе с выпуском недоброкачественной продукции и т. д., на закон 1 декабря 1934 г., закон 14 сентября 1937 г. и, наконец, закон 9 октября 1937 года, чтобы стала ясной служебная роль уголовного закона в деле борьбы за интересы социалистической революции.

Уже из анализа объектов этой репрессии вытекают две ее стороны: подавление сопротивления классового врага пролетариата, лишение его агентов возможности наносить вред нашему строительству и перевоспитание тех неустойчивых элементов из среды трудящихся, которые скатились на путь преступлений. Это не исключает, конечно, применения в ряде случаев методов воспитательного воздействия в отношении отдельных агентов классового врага, или, наоборот, методов подавления в отношении тех элементов из среды трудящихся, которые не поддаются исправительному воздействию. Эти две стороны переплетаются между собою, составляют единую систему уголовной репрессии, осуществляемую диктатурой пролетариата.

В этом принципиальное отличие советской судебной политики от капиталистической. Буржуазия знает только одно возмездие за совершенное преступление, — искупление вины страданием и «обращением к богу». И в соответствии с этим она строит свою систему карательной политики, свое уложение о наказаниях, в соответствии с этим же она строит и систему реализации судебных приговоров.

Исходя из «теорий» неполноценности» преступника, буржуазия считает, что радикальнейшим средством борьбы с преступностью является физическое истребление так называемых преступников. В этом по представлению буржуазных юристов вернейшая гарантия от рецидива. Вот почему она до сих пор сохраняет в своем арсенале смертную казнь, видоизменяя только в соответствии с требованием времени и развитием техники методы приведения ее в исполнение. Старые варварские способы четвертования, колесования, замуравливания или закапывания преступника живьем заменяются более «гуманными» способами умерщвления посредством виселицы в технически бедной царской России, топора в фашистской Германии, гильотины в «человеколюбивой» Франции и электрического стула в технически богатых Соединенных штатах Америки.

Стоя на позиции физического уничтожения преступников, буржуазия не всегда, однако, может выступать с открытым забралом. Она зачастую вынуждена вуалировать свои намерения, комбинировать оголенную форму смертной казни со «смертной казнью в рассрочку». Для этой цели ей служат вечная каторга и вечное заключение в обстановке, гарантирующей постепенное умерщвление наиболее опасных с ее точки зрения преступников.

Даже тогда, когда она идет на дальнейшие уступки и ограничивает применение вечного заключения, судам предоставляется право приговаривать к столь длительным срокам заключения, что по существу стирается какая-либо разница между срочным и бессрочным заключением. Заслуживает внимания, что законодательство некоторых стран знает даже приговоры к 75 и 99 годам заключения. Ведь 99 это не сто лет, следовательно, нет и вечного заключения и преступник не лишен, мол, надежды выйти по окончании срока на свободу.

Было бы тем не менее неверно утверждать, что буржуазная карательная политика сводится к одному только физическому уничтожению преступников. При все растущей преступности подобного рода прямолинейность, если можно так выразиться, даже невыгодна капиталистам, так как уменьшает резервы наемной рабочей силы. И, выполняя заказ буржуазии, на сцену выползают филантропы с идеей «перевоспитания» преступников. Нет необходимости умерщвлять всех нарушителей буржуазного правопорядка. Необходимо их «исправить», причем исправить так, чтобы они больше уже никакой опасности для существующего строя не представляли.

Эти новые методы «исправления» с исключительным, уничтожающим сарказмом вскрыты К. Марксом в его статье «Тюремный конгресс в Брюсселе». «Филантропы, или друзья человечества, — пишет Маркс, — это господа, которые или занимают доходные места, щедро оплачиваемые из народного кармана, или обладают приобретенным посредством наследования или спекуляции состоянием, которое приносит им 5—10—20 и больше тысяч талеров ежегодного дохода. Все эти господа без исключения принадлежат к тому классу, который не только честно кормится за счет чужого труда, но и живет в прекрасной обстановке, держит превосходную кухню, понимает толк в хороших винах, изысканно и роскошно одевается, ездит на курорты, устраивает охотничьи празднества, содержит в тихом деревенском уединении или в своем родном городе одну или несколько любовниц, помогает стряпать законы, изливает потоки елейных слов о нравственности, дисциплине и порядке и превыше всего любит мир и покой» [1].

Блаженство этих филантропов не имело бы границ, если бы они не дрожали от боязни, что не-филантропы, «карманы которых так же пусты, как и желудки», могут нанести ущерб их состоянию. Но в то же время эти филантропы «слишком культурны, образованы, слишком христиане, чтобы избавляться от преступников прежним наивно быстрым способом — посредством топора, колеса и виселицы».

Поэтому филантропы ставят вопрос по-иному: «Посредством одиночного заключения, принудительного молчания, поповских поучений, филантропических проповедей мы так доймем и, доняв, исправим заключенных, что навсегда парализуем их способность и волю вновь нарушать изданные нами и в наших интересах законы». При подобной системе донимающего исправления выпущенный из тюрьмы «с го-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 177—180.

лодным желудком, проходя через картофельное поле, не решится взять ни одного клубня».

Подчеркивая цинизм рекомендованного филантропами метода исправления, К. Маркс пишет: «Тот самый г. Дюкпесио, который теперь пропагандирует систему одиночного заключения, в то же время является любезным светским человеком, другом самых различных партий, как правых, так и левых, — веселым жуиром, знатоком вин, обладающим рентой в несколько десятков тысяч франков, любящим свои сигары, но строго запрещающим табак, это единственное удовольствие заключенных в находящихся под его надзором тюрьмах, этот самый г. Дюкпесио, который теперь письменно и устно отстаивает одиночное заключение, эту ужасающую, бесчеловечную, варварскую пытку, несколько лет тому назад, когда сам по политическим причинам был au secret на несколько дней арестован, — написал самые яркие протесты против одиночного заключения (au secret)!»[1]

Приняв этот филантропический рецепт, буржуазная юстиция ввела на каторге и в тюрьмах такой режим, который неизбежно должен разложить психику заключенного, раздавить его волю, сделать его по выходе из заключения неспособным к сопротивлению, покорным объектом капиталистической эксплоатации.

Голодный паек, изнурительная работа, содержание в темных, сырых помещениях, кишащих крысами и клопами, отказ в медицинской помощи, пытки, избиения, кандалы — все это должно подорвать физическую сопротивляемость организма заключенного.

Одиночное заключение с одиночными прогулками и даже одиночным из специальных клеток слушанием поповских проповедей, принудительное молчание, надевание на прогулках масок, т. е. полная изоляция заключенного от какого бы то ни было общения с другими людьми должны разложить психику заключенного, создать в нем чувство обреченности.

Замена фамилий номерами, однообразная полосатая одежда, бритье головы, к тому же еще для издевательства только половины ее, жесточайшие меры дисциплинарного воздействия на протестующих, запрещение курения, обязательное обращение на «ты» и тому подобные методы надругательства имеют целью убить в заключенном чувство собственного достоинства.

Таков арсенал мероприятий буржуазной пенитенциарной системы, таковы методы буржуазии по донимающему исправлению правонарушителей.

На принципиально иной основе зиждется советская исправительно-трудовая политика. Советской юстиции чужды ломброзианские идеи. Она не приемлет антропологической теории. Преступление есть продукт социальных условий и классовой борьбы, его порождают противоречия капиталистического строя, а не врожденная преступность того или иного индивидуума. Вот почему государство пролетарской диктатуры, осуществляя беспощадное подавление врагов советского народа, делает в то же время упор на трудовое перевоспитание отдельных правонарушителей, которых еще можно спасти для трудовой жизни, превратить их из вредителей социалистического строительства в активных и сознательных участников строительства бесклассового общества.

Статьи первая и вторая основных положений Исправительно-трудового кодекса РСФСР определяют, что «задачей уголовной политики пролетариата на переходный от капитализма к коммунизму период является защита диктатуры пролетариата и осуществляемого им социалистического строительства от посягательств со стороны классово враждебных элементов и нарушений со стороны как декларированных элементов, так и неустойчивых элементов из среды трудящихся. Соответственно этому исправительно-трудовая политика преследует цели: а) ставить осужденных в условия, преграждающие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству и б) перевоспитывать и приспособлять их к условиям трудового общежития путем направления их труда на общеполезные цели и организации этого труда на началах постепенного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе соцсоревнования и ударничества».

Эта задача «исправления исправимых» встала перед советской властью с первых же шагов по организации государства пролетарской диктатуры. Наказание не как «воздаяние по заслугам», а как метод принудительного исправления в интересах социалистического строительства. Наглядней шей иллюстрацией этих основных принципов советской уголовной политики являются такие санкции, как предостережение, денежный штраф, общественное порицание, исправительно-трудовые работы по месту службы или по указанию бюро исправтрудработ и, наконец, условное осуждение. Только за наиболее тяжкие преступления советский суд приговаривает к исправительному воздействию в условиях лишения свободы и к другим суровым мерам уголовной репрессии.

Статистика уже с первых лет показывает, что лишение свободы применялось в значительно меньших размерах, чем иные санкции. Так, в 1918 г. только 25% осужденных были приговорено к лишению свободы. Превалирование более мягких мер над лишением свободы сохранилось и по настоящее время. Статистика за 2-е полугодие 1935 г. показывает, что из общего числа осужденных первой судебной инстанцией приговорено:

к штрафу	5%
к условному осуждению . .	7,3%
к и.-т. работам	46,2%

и только 39,4% всех осужденных было приговорено к лишению свободы, из них:

до 1 года	1,4%
1—3 лет	20,5%
3—10 лет	15,7%
на 10 лет	1,8%

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения т. V, стр. 177—180.

т. е. больше половины осужденных к лишению свободы приговорены к кратким срокам заключения [1].

Фактически целый ряд особенностей нашего законодательства значительно сокращает номинальный (по приговору) срок лишения свободы. Продолжительность пребывания осужденного в месте лишения свободы всецело зависит от его трудовой деятельности и дисциплинированности. К значительному (до половины) сокращению срока приводит применение зачета рабочих дней, доходящего до зачета месяца работы за два месяца лишения свободы. В широких размерах применяются льготы в виде дополнительного зачета работающим ударными и стахановскими методами. Эти дополнительные и нормальные зачеты колеблются в пределах от нескольких месяцев до двух лет. Наконец, применение судами в порядке ст. 461 Уголовно-процессуального кодекса условного досрочного освобождения также значительно сокращает длительность пребывания осужденного под стражей. Не последнюю роль в этом смысле играет освобождение заключенных в порядке частной амнистии, осуществляемое ЦИК СССР и ЦИК союзных республик по ходатайствам как самих заключенных, так и администрации места заключения.

Таким образом, фактическое отбывание лишения свободы находится в полной зависимости от действительного исправления заключенного. В демагогических целях некоторые капиталистические государства также декларируют применение досрочного освобождения. Однако реальные результаты хорошо видны на примере Италии, где было досрочно освобождено в:

1925 г.	41	человек
1926 г.	39	»
1927 г.	30	»
1928 г.	28	»
1929 г.	20	»

Стоит эти цифры сравнить хотя бы с одним фактом советской действительности, чтобы стала ясной глубокая пропасть, лежащая между нашей и капиталистической пенитенциарной системой. В связи с окончанием в срок строительства канала Москва—Волга ЦИК и СНК СССР 14 июля 1937 г. постановили «досрочно освободить за ударную работу на строительстве канала Москва — Волга 55 000 заключенных». При этом необходимо учесть, что льготы в виде сокращения срока лишения свободы и условного досрочного освобождения получили не только непосредственные строители канала, но и заключенные тех мест лишения свободы, которые доставляли необходимые для канала материалы (камень, дерево и т. д.). Всего было досрочно освобождено и получило частичное сокращение срока в виде дополнительного зачета рабочих дней около 80% заключенных, непосредственно работавших на строительстве канала. Получили льготы и те из работавших раньше на канале заключенных, которые к моменту окончания строительства находились в других местах лишения свободы.

Такое же глубокое принципиальное различие заложено в основу применяемого в капиталистических и в советских местах лишения свободы режима заключенных. В то время как режим в капиталистических тюрьмах направлен на максимальное унижение заключенного и на причинение ему физических страданий с целью усиления устрашающего влияния тюрьмы, — ст. 9 Общих начал уголовной политики РСФСР прямо устанавливает, что «меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижения человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят».

Выпущенный из заключения должен иметь все возможности, чтобы стать полноценным участником социалистического строительства. Его физическое состояние не должно быть подорвано, его психика не должна быть подавлена, его человеческое достоинство не должно быть поругано. Вот почему советские места заключения, осуществляя задачу подавления и исправления, применяя дифференцированный режим в отношении различных категорий заключенных, в то же время сохраняют для всех без исключения заключенных определенный комплекс прав, строго охраняемых законом. Вот почему при всех лагерях имеются прокуроры, а другие места лишения свободы находятся под надзором прокуроров, наблюдающих за соблюдением законности в местах заключения.

Советские исправительно-трудовые учреждения не знают ни пыток, ни кандалов, ни сырых карцеров, ни телесных наказаний, они не знают воздействия на заключенных путем отказа в пище или в медицинской помощи, т. е. всего того ассортимента сильно действующих средств, которыми так охотно пользуется администрация буржуазных тюрем.

Выполняя заказ буржуазии на «донимающее исправление», тюремная администрация капиталистических стран превращает изоляцию заключенных в средство искоренения в них каких бы то ни было общественных привычек, а самую тюрьму—в своего рода лабораторию по изысканию наиболее действительных методов доставления физического страдания и морального унижения. И надо отдать справедливость, что она с успехом справляется со своими задачами.

Что может быть мучительней, чем одиночное заключение в крошечной полутемной сырой камере, где каждый шаг регламентирован, где имеется койка, на которую нельзя лечь, не услышав грубого окрика часового, где нельзя подойти к маленькой, изображающей окно решетке без риска получить пулю в лоб? Может ли доставить какое-либо удовольствие получасовая «прогулка» по тюремному двору, если надо итти размеренным шагом не ближе пяти шагов от впереди идущего, без права произнести хотя бы одно слово, без права остановиться, присесть или только нагнуться, т. е. маршировка под бесперерывные пинки и подзатыльники конвой-

[1] Эта цифра еще больше уменьшается, если учесть, что лишение свободы по приговору до одного года фактически заменяется исправительно-трудовыми работами без заключения под стражу и что в ряд приговоров кассинстанция внесла изменения в сторону смягчения их.

ных? Есть ли какая-либо радость в свиданиях, если даже они и даются после долгих и мучительных хлопот и притом только самым близким родственникам, когда эти свидания продолжаются всего пятнадцать минут, а между заключенными и его близкими два ряда железных решеток, в промежутке между которыми находится надзиратель, прислушивающийся к каждому слову? А «гуманное» право переписки не более одного раза в месяц по строго установленным адресам с таким ограничением содержания, что, по существу, кроме «здравствуй» и «прощай», ничего нельзя написать?

Постановка заключенного в положение полного бесправия приучает тюремную администрацию к тому, что любое изощренное издевательство над заключенными является вполне допустимым и законным. Беспричинные зверские избиения, выбитые зубы, проломленные черепа, сломанные ребра, не говоря уже об обращении «встать, сволочи», «шапку долой, мерзавцы» и тому подобном отборном лексиконе тюремщиков, являются обычным для буржуазной тюрьмы. Даже в буржуазной печати приводились примеры такого изощренного надругательства над личностью заключенного (вплоть до того, чтобы заставить заключенного вылизать использованный презерватив), что значительная цифра психически заболевших или покончивших самоубийством заключенных не вызывает особого удивления.

Стоит вспомнить описание фашистского лагеря в произведении известного писателя Л. Фейхтвангера «Семья Оппенгейм», стоит вспомнить, что рассказывал Макс Гельц, перечесть воспоминания царских политкаторжан, чтобы весь бесчеловеческий ужас буржуазной тюрьмы встал в его оголенном виде. Вот как описал в своих воспоминаниях «Колесуха» А. Соболь условия заключения в Бутырской тюрьме:

«Мы полуголые, в одном только нижнем белье, в халатах, уже в Бутырском карцере. Бреду наугад, руки протянув вперед, и сразу нащупываю стенку. Догадываюсь, что клетушка коротка и узка. Хочу сесть, а на полу воды с вершок, стены мокрые. Опять стучат затвором. Надзиратель сует мне кусок хлеба и какую-то посудину с водой. Ставлю ее на пол. Вскоре пить хочется — ищу посудину, нахожу, подношу ее к лицу — и отшатываюсь: вонь нестерпимая. Понимаю, в чем дело, и ищу другую. Нахожу и снова отбрасываю. Так все время нахожусь без воды. Да и без хлеба тоже: держать его негде, в арестантском халате кармана нет — положил в уголок, а когда немного погодя потянулся за ним — попал в живой клубок крысиных тел. Они окружали меня со всех сторон, пищали над самым ухом...».

Даже при подобных условиях содержания заключенные фактически лишены права жаловаться, поскольку тюремное законодательство ряда стран, хотя и декларирует право подачи жалоб, но тут же сводит это право на-нет, устанавливая дисциплинарные наказания за неосновательные жалобы. И, конечно, легче администрации доказать «неосновательность» жалобы, чем заключенному свою правоту. Единственный способ протеста, остающийся в распоряжении заключенного, — это самоубийство или голодовка.

Понятно, что эти методы мучительства вызывают у заключенных чувство глубочайшей ненависти к администрации, заключенные ожесточаются, звереют или превращаются в отупевших животных, неспособных уже ни на что реагировать, а последнее как раз и отвечает запросам буржуазии. Только ничтожная доля идейно насыщенных людей выходит из заключения с сохранившейся психикой и несломленной волей.

Как безмерно далек от всего этого режим советских исправительно-трудовых учреждений! Первое, что поражает всякого посетителя лагеря, это простые человеческие отношения между администрацией мест заключения и заключенными. Не говоря уже о том, что у нас запрещено обращаться к заключенному «на ты», вся внешняя форма отношений администрации и заключенных не должна никоим образом носить унизительного для последних характера. Преступник и в месте лишения свободы остается человеком, чье достоинство должно уважаться, чьи права, предоставленные ему законом, должны быть ограждены.

Права заключенного строго регламентированы специальными положениями, существующими для отдельных типов исправительно-трудовых учреждений. Отдельные категории заключенных пользуются более широкими правами в области частоты свиданий, переписки, передач, характера поручаемых работ и т. д., иные более суженными, но обеспечение всей суммы прав, предоставленных той или иной категории, является непреложной обязанностью администрации мест заключения.

К этим правам относится право свиданий, переписки, право хранения при себе ряда предметов обихода и продовольствия, право получения передач в виде денег, продуктов питания, одежды и других разрешенных к хранению у заключенного вещей, право свободного распоряжения определенной суммой денег, право неограниченного курения и ношения своей собственной одежды. (Даже тогда, когда одежда выдается заключенному администрацией, она должна быть нормального цвета и покроя.)

В большинстве мест лишения свободы имеются ларьки, в которых заключенные могут покупать продовольствие, предметы санитарии и гигиены, табак и спички, одежду и т. п. В свободное от работ время заключенные пользуются правом свободного передвижения по территории места заключения, правом свободного общения как с другими заключенными, так и с администрацией.

Не приходится, конечно, и говорить о том, что заключенные пользуются неограниченным правом подачи письменных и устных жалоб, причем жалобы, идущие в адрес высших правительственных органов или прокурору, могут подаваться в запечатанных конвертах и просмотру со стороны администрации не подлежат.

Осуществляемый для различных категорий заключенных диференцированный режим является обязательным, и всякое произвольное отступление от него как со стороны администрации мест заключения, так и со сторон

заключенных влечет за собою дисциплинарное или уголовное преследование. При этом необходимо иметь в виду, что применение дисциплинарных мер воздействия на заключенных также ограждено от произвола администрации и обставлено необходимыми гарантиями (специальные постановления, надзор прокурора, право обжалования и т. д.), а привлечение заключенных к уголовной ответственности за преступления, совершенные в месте заключения, может производиться не иначе, как с соблюдением всех норм Уголовно-процессуального кодекса, применяемых в отношении всех граждан Советского Союза.

Режим, существующий в советских исправительно-трудовых учреждениях, полностью увязан с возложенной на эти учреждения задачей «перековки» заключенных, превращения их по выходе из заключения в полноценных и честных граждан Советского Союза, строителей социалистического общества. Этой же задаче подчинена и работа администрации мест заключения по поднятию культурно-просветительного уровня заключенных.

Если буржуазная тюрьма не только не заинтересована в поднятии грамотности среди заключенных, а, наоборот, стремится сохранить их в состоянии невежества и отупения, если единственным развлечением для заключенных она допускает поповские проповеди, стремясь религиозным дурманом окончательно их обезволить, то советские исправительно-трудовые учреждения придают вопросу поднятия грамотности среди заключенных большое значение.

В одном только Дмитровском лагере в 1936 г. функционировали 204 школы для неграмотных, 127 школ для малограмотных, 156 кружков техминимума и 840 кружков текущей политики. Ликвидируется неграмотность на русском языке и на языках национальностей Советского Союза. Так, за 1936 г. в Дмитлаге было обучено 116 неграмотных на узбекском, казахском и татарском языках.

Какое значение имеет ликвидация безграмотности заключенных, какой перелом она в них производит, видно хотя бы из следующего бесхитростного письма заключенного в Дмитровском лагере Хабир Исмагилова:

«До лагеря я не умел читать и писать ни на русском, ни на родном татарском языке. В лагере я стал учиться грамоте татарской и русской. Учил меня преподаватель Кадыев. Теперь я умею читать и писать на своем родном языке и бегло читаю по-русски. Писать по-русски еще не умею, делаю много ошибок. Мне сорок два года, а я словно теперь родился. Недавно я читал в газете «Красный Татарстан» речь вождя товарища Сталина о новой Конституции. Я очень радовался, что все в ней мне понятно. Очень простая, но очень мудрая эта речь. Душа моя кричала вождю «селям!», когда я ее читал. Я очень счастлив, что научился в лагере грамоте. Я обещал Кадыеву быть за это ударником и держу свое слово, даю на работе больше 150 процентов».

Большое значение в деле поднятия культурного уровня заключенных имеют книги и газеты, не говоря уже о роли последних для заполнения досуга лишенных свободы. Если в царских тюрьмах отпускали для чтения, главным образом, божественные и патриотические книги, а газеты и журналы давали не раньше, чем по истечении года со дня выхода их в свет, если на содержание школ и библиотек по данным за 1913 г. было ассигновано всего 14 112 руб., причем на каждую библиотеку в среднем приходилось в год около 30 руб., то постановка этого дела в советских исправительно-трудовых учреждениях не идет с этим ни в какое сравнение. Газеты получаются заключенными как по собственной подписке, так и за счет администрации и находятся для прочтения в красных уголках общежитий заключенных, где регулярно проводятся громкие читки. В библиотеках имеются произведения как классической, так и современной литературы, наряду с книгами политического и технического характера. Нельзя сравнить и количественную насыщенность библиотек с царскими тюремными библиотеками. Так, по данным за 1932 г. в библиотеке Таганского дома заключения было 12 000 книг, Ленинградского — 8000 книг и т. д. По далеко не полным данным по местам заключения РСФСР в 1931 г. было выдано 1 646 856 книг. В местах заключения устраиваются витрины книжных новинок, громкие чтения, литературные диспуты и доклады.

В тюрьмах капиталистических стран не может и возникнуть вопроса о спектакле или концерте для заключенных. Ведь наслаждение, доставляемое спектаклем или музыкой, встанет в резкое противоречие со всем режимом «мертвого дома». Если же в демагогических целях где-нибудь и устраивается такой спектакль, это служит основанием для захлебывающихся излияний о «гуманности» режима тюрем буржуазно-демократических стран.

Между тем в советских местах лишения свободы спектакль, киносеанс, концерт, доклад стали таким обычным, само собой разумеющимся явлением, что отчеты о них выливаются только в сухие статистические цифры с отметкой динамики развития этих культурно-массовых предприятий за истекший год.

Уже в 1922 г. в местах лишения свободы РСФСР было устроено за 10 месяцев 8764 доклада и поставлено 3650 спектаклей и концертов. По отчету за 1923 г. в местах заключения функционировали 87 драматических кружков, 34 хоровых, 26 музыкальных и т. д. В 1931 г. таких кружков функционировало уже свыше тысячи, был дан 15 321 киносеанс, поставлено 7763 спектакля и устроено 3034 концерта, вечеров и т. п. развлечений. В 1932 г. функционировало 75 стационарных киноаппаратов, 116 кинопередвижек и 3014 громкоговорителей.

Последние годы дают дальнейшее значительное развитие агитмассовой работы в местах заключения. Так, за 1935 г. было устроено 27 064 спектаклей и концертов и 26 204 вечера самодеятельности, а за 1936 г. уже 32 559 спектаклей и концертов и 32 909 вечеров самодеятельности.

В театральном репертуаре наряду с классиками драматургии (Островский, Горький, Гоголь) используются и современные пьесы, идущие на подмостках столичных театров, а также произведения самих заключенных, построенные на местном бытовом и производственном материале. Нередко эти спектакли и кон-

церты ставятся профессионалами, но в основном артистами являются сами заключенные. Спектакли ставятся не только на русском языке, но и на языках различных национальностей Союза.

Автору этой статьи в прошлом году удалось присутствовать на концерте джаза заключенных в ныне упраздненном Ветлужском лагере. Надо было видеть, с какой искренней жизнерадостностью и в то же время на значительной художественной высоте исполняли профессиональные воры и грабители различные пьесы своего репертуара. Этот джаз-оркестр, пожалуй, с успехом мог бы конкурировать со своими соперниками из столичных театров. Недаром этот оркестр часто получал командировки в условиях свободного передвижения в другие места лишения свободы. Артисты-заключенные настолько полюбили свое искусство, что, когда было вынесено постановление об освобождении из заключения руководителя этого оркестра (крупного растратчика), он не захотел уезжать и остался на своей работе в лагере в качестве вольнонаемного.

В противоположность режиму капиталистических тюрем, направленному на максимальное разобщение заключенных, советские исправительно-трудовые учреждения всемерно стремятся к привитию заключенным общественных навыков, развитию их самодеятельности и инициативы. Разве мыслима в буржуазных тюрьмах организация из среды заключенных культурно-просветительных или санитарно-бытовых комиссий? Разве могла бы допустить буржуазия существование в тюремных стенах газет с сопутствующей им самокритикой, товарищеских судов, юридических бюро и т. д. Разве, наконец, не величайшей нелепостью с точки зрения буржуазной тюрьмы и ее режима явилось бы самоохарауливание заключенных или даже только поручение им каких-либо административных функций? А между тем все эти моменты имеют широкое распространение в советских исправительно-трудовых учреждениях, преследуя основные задачи перековки заключенных.

Было бы, однако, неверно считать, что двух рычагов — режим и культурно-воспитательная работа — достаточно для перевоспитания заключенных. Основную роль во всей системе советских исправительных мероприятий играет труд. «В советских исправительно-трудовых учреждениях торжествует подлинный человеческий труд во всем многообразии его творчества. Этот труд в сочетании с особенностями советской власти и социалистического строительства и является тем чародеем, который из небытия и ничтожества превращает людей в героев» [1].

Буржуазная тюрьма также знает институт труда для заключенных. Но какая огромная разница лежит в характере этого труда. Работа, выполняемая заключенными в буржуазных тюрьмах и на каторге, имеет единственной задачей добавить к бесчеловечному режиму еще дополнительные страдания. Именно с этой точки зрения понятным становится, когда в век расцвета техники заставляют заключенных работать на галерах или на ступательных мельницах, а в ряде тюрем—бесцельно перетаскивать тяжести с места на место или строить, выделывать и тут же разрушать созданное, чтобы снова приступить к той же работе.

И, конечно, такой труд не может ничего, кроме отвращения, вызвать в заключенных, не может в ничтожной степени содействовать перевоспитанию преступника.

«Мы строили дорогу, — вспоминает Андрей Соболь, — ненавидя ее; мы работали из-под палки, мы знали, что дорога точно нарочно придумана для издевательства над нами, мы чувствовали, от первого до последнего, всю ее бессмысленность, мы знали, что ни один обоз никогда не пройдет по ней».

Наоборот, в стране, где труд является не мучением, а «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» — даже в местах заключения труд может быть только производительным, целеустремленным, направленным на выполнение тех задач, которые стоят перед всей страной социализма.

Труд в советских исправительно-трудовых учреждениях является принудительным, но принудителен он лишь на первых порах приобщения заключенного к труду. В дальнейшем отпадает необходимость принуждения: заключенный убеждается в продуктивности своего труда, он участвует в выполнении грандиозных по размаху и значению работ, реально ощущает связь своей работы с работой всех честных граждан Советского Союза. Ведь в таких объектах, как строительство промышленных комбинатов, путей сообщения, не говоря уже о величайших стройках, как Беломорско-Балтийский канал и канал Москва—Волга, принимала участие вся страна, и наряду с каналоармейцами ударно выполняли заказы строительства миллионы рабочих фабрик и заводов, разбросанных по всему Союзу.

Выполнение заключенными важнейших работ заполняет их гордостью, чувством собственной значимости, сознанием приносимой ими пользы. Паразитическое существование, «легкая нажива» теряют свое былое обаяние. «Мы должны сделать для себя вывод, что паразитическое бездельное существование человека в нашей стране бессмысленно и позорно. Мы должны научиться в лагерях работать, и работать по-стахановски, по-советски», — говорит заключенный каналоармеец Байков.

И вчерашний откатчик сегодня становится энтузиастом строительства. Он уже не удовлетворяется формальным выполнением своей производственной нормы, он уже не считается с рабочим временем, он болеет за свою работу наравне со всеми остальными рабочими Советского Союза.

Данные за 1936 г. показывают, что в местах заключения было немало бригад, работавших ударными и стахановскими методами. Не редки случаи, когда отдельные заключенные выполняют по 200—300% положенной нормы.

Этот творческий труд заставляет заключенных менять свои взгляды на труд вообще, порвать со всеми старыми преступными традициями, со старой спаянностью преступного мира. Известны случаи, когда «измена»

[1] А. Вышинский, сборник «От тюрем к воспитательным учреждениям», стр. 10.

стороны члена какой-либо воровской шайки «воровскому товариществу» и переход его в категорию работников-ударников вызывал острые столкновения с его прежними товарищами, оставшимися на прежних «позициях». Иногда эти столкновения приводили к убийствам ударников и стахановцев, но тем не менее количество последних все растет, показывая жизненность исправительно-трудовой политики. Можно привести случаи, когда осужденный по ст. 73[1] УК РСФСР за противодействие стахановскому движению в лагере сам становится стахановцем, намного перевыполняющим нормы.

Разве мыслимо было бы где-нибудь в капиталистической стране, чтобы освобождаемые из мест лишения свободы заключенные добровольно оставались на работах, организованных администрацией этих же мест заключения? Между тем значительное количество освобожденных из заключения строителей обоих каналов закрепилось на вольнонаемной работе по этим строительствам.

Может ли администрация капиталистических тюрем продемонстрировать хотя бы одно благодарственное письмо, полученное от бывшего заключенного? Между тем освобожденный из советских исправительно-трудовых учреждений нередко сохраняет свою связь с администрацией мест заключения.

«Мы строим бумажный комбинат, — пишут Широкий и Нагуманов, — здесь есть много ребятишек из Дмитлага, которые уже дают рекорды. Данное нами чекистам слово будет исполнено с честью. Не знаем, как и благодарить вас за руководство и воспитание нас, тридцатипятников. Мы стали счастливыми людьми. Кончаем на этом письмо и шлем вам, начальнику лагеря, наше пролетарское спасибо».

Задача советских исправительно-трудовых учреждений не ограничивается только целью приохотить заключенных к труду. Они ставят себе попутную задачу—дать заключенным специальность, которую они смогут использовать по выходе на свободу. И в первый же день прибытия заключенного в место лишения свободы выясняется, имеется ли у него специальность и какая, с тем чтобы он мог быть наилучше использован.

Поставив перед собой задачу труда не бессмысленного, а продуктивного, советские места заключения учитывают все индивидуальные способности заключенных. Широкий размах строительных работ и огромная работа по перевоспитанию преступников позволяют использовать по специальности землекопа и учителя математики, бетонщика и скульптора, шофера и журналиста, повара и инженера по высоковольтным токам. Экономисты, поэты, парикмахеры и музыканты — все находят применение для своей специальности. А когда у заключенного специальности нет, — работа в месте лишения свободы ему эту специальность создает.

«Сперва мне было трудно, — пишет заключенная Дмитровского лагеря Карташева, — но я добилась своего, окончила «ликбез» на отлично. В школе для малограмотных заниматься стало совсем легко. Потом я окончила курсы медицинских сестер и несколько месяцев работала по этой специальности. Но меня больше тянуло на производство. Я все просилась и просилась на канал. Тогда послали меня на курсы мотористов. Я их кончила успешно. Теперь имею настоящую квалификацию. Но это еще не все. Я думаю учиться и дальше, когда уеду из лагеря... Оглядываюсь я на свое прошлое: какая я была дура! Через свою темноту сделала преступление и попала в лагерь. Думала: так и пройдет моя жизнь по тюрьмам и лагерям. Но два года прошли в лагере не даром. Я здесь научилась многому хорошему и теперь даже других научу. Я очень довольна, что здесь людей исправляют и ставят на правильную дорогу. Спасибо вам, гражданин начальник, от перекованной ударницы Карташевой».

Только за второе полугодие 1936 г. по одному только Дмитровскому лагерю 22 000 заключенных сдали испытания по техническому минимуму. За прошлый год в местах заключения получили специальность:

Машиниста-экскаваторщика	393	чел.
машиниста-гидромеханика	211	»
арматурщика	2077	»
десятника по земляным работам	550	»
десятника по гражданскому строительству	499	»
электромонтажника	826	»
электромонтера	956	»
слесаря-монтажника	496	»
электросварщика	1125	»
шофера	5215	»
моториста	831	»
агротехника	590	»
звеньевого по сбору хлопка	1131	»
бригадира полеводческих бригад	588	»
слесаря	2215	»

и т. д. и т. д.

Но советские исправительно-трудовые учреждения не ограничивают свою задачу поднятием культурного уровня заключенных, приобщением их к труду, снабжением их трудовой квалификацией. Надо помочь освобожденному из места лишения свободы найти себе место для честной трудовой жизни.

В то время как заключенные по выходе из буржуазных тюрем без денег, только с узелком тряпья, с которым они попали в тюрьму, беспомощно озираются и силою обстоятельств вынуждены искать какую-либо близлежащую трущобу и тем самым вновь вернуться к преступной жизни, администрация советских мест заключения дает освобожденному возможность осмотреться и включиться в трудовую жизнь.

С этой целью освобожденные снабжаются железнодорожным «литером» на бесплатный проезд к избранному самим заключенным месту жительства, им выдаются даже «суточные» на время проезда. Несмотря на то, что у заключенных по выходе из заключения всегда имеется накопленная ими сумма денег (та часть вознаграждения за труд, которая не выдается на руки), администрация исправительно-трудовых учреждений выдает еще освобожденным в довольно широких размерах денежное пособие. Так, за 1936 г. было выдано из фонда помощи бывшим заключенным

2 128 932 руб., а при освобождении в 1937 г. 55 000 бывших заключенных строителей канала Москва — Волга, каждому освобожденному было выдано денежное пособие, доходившее до 500 руб.

Администрация мест заключения принимает все меры к трудоустройству освобождаемых из мест лишения свободы путем заключения соответствующих договоров с хозяйственными организациями. И организация, получившая такую рабочую силу, не имеет основания жаловаться. Председатель, например, завода-строя в Ярославле, т. Шалашев пишет: «В большинстве каналоармейцы приходили на строительство квалифицированными рабочими и закреплялись на длительный период на строительстве площадки. Чувствуется, что с этими людьми проведена громадная политико-воспитательная работа».

За 1936 г. было трудоустроено 63 368 человек бывших заключенных. Не ограничиваясь трудоустройством в организованном порядке, советская власть осуществляет заботу о трудоустройстве тех одиночек, которые не пожелали пойти на работу по договорам администрации мест заключения с хозяйственными организациями.

Каковы же плоды советских методов исправления преступников с точки зрения динамики преступности? Достигают ли они своей цели? Можно сослаться, как это было сделано выше, на ряд примеров, когда бывшие заключенные не только порвали с преступной деятельностью и включились в трудовую жизнь, но и стали у руководства ответственнейших объектов социалистического строительства. Однако эти случаи не обобщены и могут поэтому служить только иллюстративным материалом.

Реальным доказательством правильности методов советской исправительно-трудовой политики является изучение явлений рецидива преступлений.

По данным за 1933 г. количество осужденных в капиталистических странах рецидивистов по отношению ко всему количеству осужденных в этом году выразилось: [1]

в Латвии	36,4%
в США	37,3%
в Данциге	40,9%
в Германии	43,7%
в Ирландии	63,2%
в Англии	72% и т. д.

Необходимо учесть, что и эти огромные цифры далеко не полны, ибо раскрываемость преступлений, совершенных рецидивистами, весьма незначительна. Так, в Германии, по данным Гейндля, из 100 совершенных преступлений раскрывается только одно [2].

Стоит с этими цифрами сравнить цифры советской судебной статистики, чтобы вся разница методов советской исправительно-трудовой системы и буржуазной карательной политики встала со всей наглядностью. Так, по статистике за 1935 г. рецидивистов по отношению ко всем осужденным было:

за однородные преступления	4,6%
за разнородные преступления	9,3%

[1] Данные проф. Хекера, «Сов. юстиция», 1937 г., № 2.

[2] Там же.

Наиболее показательны цифры рецидива по таким преступлениям, искоренение которых представляет особо трудную задачу:

по спекуляции	3,1%
имущественным преступлениям	5,9%
хулиганству	7,1%

В этих цифрах сказывается реальность советской исправительно-трудовой политики не как системы возмездия, а как суммы мероприятий, направленных к возвращению к честной трудовой жизни тех из социально-близких нам групп заключенных, которые скатились на путь преступлений. В наших исправительно-трудовых учреждениях еще много недостатков. Особенно остро ощущается недостаток квалифицированных кадров. Достаточно указать хотя бы на такой факт, что в местах заключения значительный процент административных должностей заполнен бывшими заключенными, добровольно оставшимися на работе в местах лишения свободы. Хотя эти лица и честно встали на путь трудовой жизни, хотя они на практике в период своего заключения и усвоили основные начала советской исправительно-трудовой политики, все же они не обладают необходимой квалификацией для такой ответственной и трудной работы, как перековка бывших заключенных.

Заканчивая этот беглый обзор советской исправительно-трудовой системы, столь отличной от буржуазной карательной политики, необходимо указать, что было бы глубоко неверно представлять себе советские места заключения как дом отдыха и развлечений. Ни на минуту не следует упускать из виду, что назначением лишения свободы является не только перевоспитание заключенных, но и охрана завоеваний революции и социалистического строительства от всяких покушений агентов классового врага. Задача подавления классовых врагов продолжает стоять во весь рост перед страной пролетарской диктатуры. Строгая изоляция, суровый, требовательный трудовой режим, строжайшая дисциплина являются необходимейшими средствами принудительного перевоспитания. И это перевоспитание далеко не легко дается как администрации мест заключения, так и самим заключенным. Мы имеем еще в местах лишения свободы необходимость в дисциплинарных мерах воздействия, в штрафных изоляторах, в усилении строгостей режима. В лагерях функционирует лагерный суд, задачей которого является не только применение условного досрочного освобождения, но и усиление уголовных репрессий в отношении не поддающихся исправительному воздействию и продолжающих итти по пути преступлений. Надо помнить слова покойного Максима Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают». Советская тюрьма не дом отдыха, даже не педагогическое учреждение типа школ для трудно-воспитуемых. Советские места заключения — это эффективный орган пролетарского государства по подавлению своих классовых врагов. «Сильная и мощная диктатура пролетариата — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации» (Сталин). И советские исправительно-трудовые учреждения обязаны выполнить стоящие перед ними ответственные задачи.

Н. ПОЛЯНСКИЙ

Общественное обвинение в советском законодательстве

I

Общегражданское и общественное обвинение в римском и в буржуазном праве

Общественному обвинению противополагается обвинение должностное и обвинение потерпевшим по делам, преследуемым в так называемом частном порядке (несомненно неудачный термин). Хотя только чисто внешним образом, общественное обвинение может быть сопоставляемо с общегражданским обвинением[1], — с тем типом обвинения, которое принято обозначать термином, заимствованным из римского права: «actio popularis» («популярный», или народный иск, иск, который может быть предъявлен каждым из народа).

Общегражданское обвинение действительно существовало в римском уголовном праве, хотя оно и не называлось «actio popularis». Институт, который носил название «популярного иска», породил при его историческом исследовании немало контраверз, но одно бесспорно, что «популярный иск» как иск, предъявлявшийся к лицу, причинившему ущерб интересам общежития, с целью взыскания с него денежного штрафа, осуществлялся в порядке гражданского процесса. Поэтому составители проекта германского устава уголовного судопроизводства 1879 г. допускали неточность, когда предложение ввести общегражданское обвинение они квалифицировали как предложение вернуться к «популярным искам» римского права[2]. Действительно существовавшее в римском уголовном праве «общегражданское» обвинение не называлось «actio popularis».

Институт общегражданского обвинения можно проследить на протяжении всей истории древнего Рима — даже в тот поздний период, который характеризуется торжеством самодержавия и уничтожением всех институтов, напоминавших о былом народовластии. Когда были упразднены при Августе народные комиции (собрания), в компетенцию которых входило и отправление правосудия, а позднее и «постоянные комиссии» (имевшие сходство с судом присяжных), и правосудие полностью сосредоточилось в руках императорских чиновников, общегражданское обвинение все-таки сохранилось по так называемым «crimina publica». Последний термин получил двоякое значение: это и преступления, по которым обвинение может быть предъявлено «каждым из народа», и самые предъявляемые по поводу их обвинения. Так как, несмотря на все исключения, огромное большинство преступлений могло служить поводом для предъявления уголовного обвинения любым гражданином, то, в сущности, выражение «crimina publica» стало применяться почти ко всем преступлениям и противополагаться «гражданским правонарушениям», а в смысле «публичного обвинения» противополагаться гражданскому иску.

Выходит, таким образом, что термин «популярный иск» не только не покрывал собою общегражданского обвинения, а противополагался ему[1].

Общегражданское право публичного обвинения в период, когда Рим был республикой, включало в себя и право публичного обвинения чиновников. Макиавелли в своих знаменитых «Рассуждениях» придавал большое значение этому праву, которое, как он думал, давало выход возникающему недовольству против правительства и тем самым полагало предел распространению клеветнических слухов. «Людей обвиняют в судах, перед народом, перед советом; клевещут же на них на улицах, на площадях» — эту цитату из «Рассуждений» Макиавелли выписал и занес в свою тетрадь молодой Маркс[2].

В настоящее время общегражданское обвинение представляет собою специфический институт англо-американского права. В Англии до сих пор признается, что за некоторыми исключениями уголовное преследование есть функция, выполняемая членами общества, как таковыми, независимо от занимаемого ими положения. Правда, фактически в Англии должностные лица играют преобладающую роль в уголовном обвинении, так как органами, возбуждающими обвинение, в Англии являются по преимуществу чины полиции, но в принципе (который так часто бывает не похож на действительность) признается, что и полицейские учреждения предъявляют обвинение на том же основании, на каком это мог бы сделать каждый гражданин. В Англии нет прокуратуры. Сфера действия дирекции публичного обвинения, представляющей собою суррогат прокуратуры, как известно, очень ограничена.

Существующая в Англии система обвинения прославляется поклонниками английского права как система, обеспечивающая «великое конституционное право английского гражданина привести уголовный иск в движение». На деле эта система приводит к тому, что состоятельные лица, потерпевшие от преступления, могут, возбуждая уголовное преследование, обеспечить себя такою юридическою помощью, которая совершенно недоступна беднякам; с другой стороны, если обвиняемый располагает средствами, которых нет у обвинителя, обвинение и защита уже в силу одного этого обстоятельства часто оказываются поставленными в неравные условия при собирании дока-

---

[1] Сопоставлять не значит проводить аналогию — тем более не значит отождествлять. С самого начала подчеркнем: общегражданское обвинение не есть общественное обвинение. Подробнее об этом ниже.

[2] Gneist, Vier Fragen Zur Deutschen Strafprozessordnung, 1874, стр. 46.

[1] Geib, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1 B., стр. 78, 79.

[2] К. Маркс, Выписки из сочинений Макиавелли — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 4, 1929, стр. 347.

зательств и обеспеченными неравными средствами судебного состязания. Как правило, несостоятельные обвиняемые вообще не берут на себя уголовного обвинения, удовлетворяясь теми мерами, которые будут приняты полицейскими органами. Отсюда то характерное распределение преступлений по преследующим их органам или лицам, которое отмечено американским наблюдателем английских судебных порядков: преступления, совершенные с насильственными действиями, чаще всего расследуются полицией; преследование (а следовательно и расследование) преступлений, сопутствующих торговому обороту (мошенничества и т. п.), обычно берут на себя потерпевшие [1].

В ст. 7 английского закона о дирекции публичного обвинения имеется оговорка, что в законе не содержится ничего, «что стесняло бы принадлежащее каждому лицу право возбуждать, предпринимать или поддерживать какое бы то ни было уголовное преследование», а ст. 9 прибавляет: «термин «лицо», употребленный в законе, обнимает и всякое соединение лиц, все равно, возведенное или не возведенное на степень корпорации». В соответствии с этой оговоркой в Англии, наравне с отдельными лицами, преследование преступлений берут на себя и общества (корпорации) — общества, которые ставят себе целью или одною из целей преследование определенного рода преступлений, или стоят на страже частной собственности, или ставят перед собою задачи филантропии, которая, как известно, в капиталистическом обществе служит для того, чтобы те, кто пользуется благосостоянием за счет чужой нужды и чужого труда, могли носить личину добродетели. Существует специальное общество банкиров, преследующее мошенничества и подлоги при банковых операциях, имеющее для этой цели у себя на службе хорошо оплачиваемых адвокатов, общество собственников лошадей для преследования конокрадства, общество торговцев съестными припасами для преследования преступлений, причиняющих ущерб этой отрасли торговли, и т. п. Для уголовного преследования посягательств на детей было учреждено Национальное общество защиты детей от жестокого обращения [2].

Общегражданское право обвинения в Англии принадлежит к числу институтов буржуазной демократии. Подобно другим буржуазно-демократическим институтам «народное обвинение» не лишено известной ценности и для рабочего класса и его организаций, которые могут использовать его для разоблачения тех или иных злоупотреблений власти. Но, как правило, и этот институт под формою равного для всех права (право публичного обвинения — право каждого английского гражданина) не только скрывает, но поддерживает и усугубляет классовое неравенство.

Государство старейшей демократии на континенте Европы, Франция, не знает общегражданского обвинения. Французскому законодательству известно в очень ограниченном объеме общественное обвинение, но в таком виде, в каком оно нисколько не похоже на общественное обвинение советского права, а именно, профессиональные организации в случае совершения преступления, нарушающего их имущественные интересы, могут, хотя бы имущественный ущерб от преступления был лишь косвенным и не поддающимся исчислению в денежной сумме, все же предъявить гражданский иск и тем самым вступить в дело с уголовным обвинением. Другими словами, наделение профессиональных организаций правом уголовного преследования поставлено в связь с искусственным расширением условий гражданского иска. В основу этого права кладется не публичный интерес, а частный, имущественный интерес, и, хотя бы только косвенный и отдаленный, ущерб [1]. В законах, в силу которых профессиональные организации могут привести уголовный иск в движение (1884, 1920 гг.), жив дух гражданского кодекса Наполеона.

Вопрос об общегражданском обвинении в Германии был одно время весьма популярным среди юристов-теоретиков, главным образом, благодаря тому широкому освещению, которое он получил в известных «Vier Fragen» («Четыре вопроса») Рудольфа Гнейста. Гнейст выдвинул в институте общегражданского, или народного обвинения на первый план его политическую сторону. Он видел в народном обвинении средство защиты конституции от искажений и нарушений ее противозаконными мерами, принимаемыми в порядке управления и не навлекающими на их виновников уголовного преследования со стороны органов должностного обвинения; он характеризовал народное обвинение как оплот против министерской кабинетной юстиции и против кабинетного партийного управления. Право предъявления уголовного обвинения любым гражданином им отстаивалось в качестве субсидиарного, т. е. на случай бездействия обвинительной власти, связанной партийными директивами или предубеждениями. Народное обвинение в глазах Гнейста имело значение контроля за соблюдением начала легальности в обвинительной деятельности прокуратуры. В этом качестве народному обвинению Гнейст придавал значение конституционного начала. Мысли и предложение Гнейста не нашли осуществления в Германии ни при действии довоенной монархической конституции, ни при веймарской республиканской конституции. Само собою разумеется, что они оказались не ко двору в современной фашистской Германии. Известный выразитель фашистской идеологии в юриспруденции Дам пишет: «народное обвинение, которое пропагандировалось со ссылкою на существо демократического, народного государства сначала Гнейстом, а потом Гольдшмидтом и Мангеймом, помимо всех других соображений, принципиально не соответствует духу национал-социалистического государства» [2].

[1] P. Howard, Criminal Justice in England, 1931, стр. 15.

[2] Мимоходом отметим тот любопытный факт из истории филантропии, что общества для защиты животных возникли раньше общества для защиты детей от жестокого обращения.

[1] Vidal, Cours de droit criminel, 8 изд. 1935, стр. 745, 750 и сл.

[2] Dahm, Bemerkungen zur Reform des Strafverfahrens—«Zeitschr. für die ges. Strafrechtsw.» 1934, B. 54, H. 4, стр. 408—409.

В начале 70-х годов прошлого столетия, когда Гнейст излагал свою доктрину об общегражданском обвинении как о конституционной гарантии, он никак не мог предвидеть, что несколько десятилетий спустя она будет иметь отголосок в такой тогда отсталой стране, как Бухара. Когда в 1920 г. в Бухаре был низвергнут эмир, в ней, как известно, была установлена народная республика. Конституция Бухарской народной республики, пересмотренная и утвержденная третьим Всебухарским курултаем, предоставляла всем гражданам право единоличного и коллективного предъявления обвинения ко всем должностным лицам.

II

Общегражданское и общественное обвинение в РСФСР до УПК

Обращаемся к истории общегражданского и общественного обвинения у нас.

Едва пролетариатом была одержана октябрьская победа, в новорожденной республике советов революционное творчество местных советов опередило законодателя в деле построения нового правосудия. Раньше чем был издан первый декрет о суде (24 ноября 1917 г.), в Ленинграде в Выборгском районе стал работать суд, состоявший из пяти членов — по одному от районного совета депутатов, районного совета профсоюзов, районного совета фабрично-заводских комитетов, районной думы и совета домовых комитетов. Для него не было даже установлено точно определенного наименования: он назывался то народным, то революционным, то народно-революционным судом.

Первым разбиралось дело о солдате-милиционере Беляеве. В официальном органе «Известия Центрального Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» был помещен отчет об этом деле. В нем читаем: «Обвинение кратко: «в нетрезвом виде стрелял из винтовки». Кратко, просто и объяснение подсудимого: «Товарищи, был очень пьян; может быть, и стрелял, не знаю. Даю слово, что этого не будет». Председатель предлагает высказаться желающим обвинителям. Продолжительная пауза... Наконец, выступают двое из публики. Один за другим высказываются они за вред, какой могло бы принести подобное поведение в столь тревожное время, и находят, что подсудимый подлежит наказанию»[1].

Таким образом, с самого начала общегражданское право обвинения было принято, как не вызывающее сомнений. Наряду с «народным», любительским, если можно так выразиться, обвинением не было еще организовано никакой другой формы обвинения.

В тех же «Известиях» в номере от 9 ноября 1917 г. рассказывается об установившихся уже в новом суде порядках, причем публика в суде именуется «гостями»: «Все дела решаются публично при активном участии гостей. Гости после прочтения протокола следственной комиссии могут задавать вопросы, выясняющие суть дела и степень виновности подсудимых, и выступать как обвинители или защитники подсудимых».

Эту практику общегражданского обвинения санкционировал и первый декрет о суде от 24 ноября 1917 г. в постановлениях о местных судах. Право общегражданского обвинения декрет ограничил только требованием, чтобы обвинители были неопороченными гражданами (ст. 3, ч. 3). Право общегражданского обвинения декрет распространял и на стадию предварительного следствия[1].

Так как никаких справок о судимости новые суды в своем распоряжении не имели, то ясно, что суд о неопороченности гражданина почти всегда мог судить только на основании его собственного заявления, не подлежащего проверке.

Попрежнему и после декрета от 24 ноября 1917 г. продолжали выступать в качестве обвинителей на суде все желающие. После названного декрета в «Известиях ЦИК и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» в номере от 30 ноября впервые появляется отчет о судебном деле. Судились участники вечеринки, устроенной тремя братьями Комлевыми в день именин одного из них. Хозяева и гости перепились, вышли со скандалом на улицу, произвели стрельбу, от которой, правда, никто не пострадал, при аресте оказали сопротивление и оскорбляли красногвардейцев. Первым рассматривалось дело одного из братьев Комлевых, у которого при задержании были найдены 4000 руб. Дело это интересно, во-первых, тем, что в нем наряду с обвинителем из публики выступали в качестве обвинителей (не касаясь нанесенного им лично оскорбления) те самые красногвардейцы, которые арестовали подсудимого, и, во-вторых, тем, что по нему можно судить, как обвинители, простые рабочие, не имевшие опыта судебных выступлений, призванные давать первые образцы построения советского обвинения на суде, совсем не плохо справлялись со своею задачею и умели поднять обвинение по второстепенному бытовому делу на надлежащий политический уровень.

Огласив свидетельские показания, из которых следовало, что подсудимый до 1916 г. был рабочим, потом стал заниматься торговлею, причем спекулировал и денатуратом, председатель обратился к публике: «Прошу кого-нибудь из граждан, неопороченных судом, взять на себя защиту и обвинение подсудимого».

Обвинение взял на себя рабочий Демидов. Он говорил: «Нам предстоит сейчас обвинить или оправдать человека. Мы должны всесторонне посмотреть на все обстоятельства дела и судить судом народным, судом справедливым. Мы живем в революционное время, со всех сторон окружены врагами. Враги следят за каждым нашим шагом и за проступок одного клеймят позором всех. На это мы должны показать им, что мы умеем с честью но-

[1] В № 219 от 8 ноября 1917 г. заметка: «В народно-революционном суде».

[1] Декрет говорил: «В роли же обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам — поверенными допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами».

сить имя свободного гражданина и имеем право вражеские обвинения назвать ложью. И вот такие, как Комлев, мешают и всячески вредят нам в этом деле. В дни великих событий он пьянствует и скандалит на улице. Во время разрухи он торгует по недозволенным ценам мясом... торгует денатуратом и политурою. За все эти преступления он был бы судим и при самодержавном строе и при временном правительстве. Но теперь к его вине прибавилось еще то, что своим поступком он мешает нам строить нашу новую жизнь».

После защитника, полагавшего, что нельзя осудить Комлева за поступок, в который вкладывается вина, по крайней мере, еще десяти лиц, так как без их участия он не мог бы заниматься спекуляциею, попросил слово красногвардеец, рабочий, который резонно ответил, что, если нельзя переловить всех спекулянтов, то отсюда не следует, что надо с миром отпустить пойманного, и что наказание подсудимого может послужить уроком для других. Говорил и другой красногвардеец, заявивший, что он не сторонник наказания, но требовавший в интересах революции осуждения подсудимого, что и должно для него послужить наказанием [1]. Нельзя не признать, что такая постановка вопроса, если принять во внимание, что обвинитель был потерпевшим от оскорбления со стороны подсудимого, придавала вес обвинению.

Время, когда был издан декрет о суде № 1, было временем, когда власть на местах склонна была трактовать законы, исходившие от центральной власти, не как обязательные для себя нормы, а как директивы, сообщавшиеся только к руководству. «О подчинении центру не было речи. Несмотря на принцип пролетарской диктатуры, получалась самая широкая децентрализация» [2]. К руководству, но не к исполнению был принят на местах и декрет о суде № 1. Декрет постановлял об упразднении окружных судов, а Совет народных комиссаров Ставропольской губернии «Правилами о введении местных судов» сохранил окружной суд в Ставропольской губернии, только введя в него депутатов от местного исполкома. Декрет, далее, упразднял институт судебных следователей, а Ставропольский совет народных комиссаров постановлял: «предварительное следствие по уголовным делам возлагается на судебных следователей». Однако норма об общегражданском праве обвинения нашла, повидимому, общее признание. О сохранении прокуратуры не решился постановить и Ставропольский совет народных комиссаров, а другой организации обвинения не было; поэтому и в ставропольских «правилах» содержалось постановление: «Защитниками, обвинителями и поверенными по делам могут быть все полноправные неопороченные по суду граждане без различия пола [3].

Конец 1917 г. и первые месяцы 1918 г. были временем, когда представители советской власти думали, что в деле организации, а затем и осуществления правосудия им трудно будет обойтись без помощи старых опытных юристов-практиков, но старые юристы бастовали и саботировали.

На институте общественного обвинения это отразилось тем, что вместо недавно существовавшего общегражданского права обвинения должна была быть введена повинность обвинения. Так, в «Известиях Петросовета» от 23/X 1918 г. было помещено следующее сообщение: «Ввиду упорного нежелания наших интеллигентных практиков по судебной части добровольно вступить в ряды работников по своей специальности Совет Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны поручает Комиссару Юстиции выработать проект привлечения в случае отсутствия достаточного количества кандидатов, добровольно заявивших свои кандидатуры интеллигентных работников, свободных от производительной работы, к отбытию судейских обязанностей в качестве председателей следственных комиссий, членов окружного и обязательного третейского суда, обвинителей и защитников» (стр. 2). Можно себе представить, какими могли быть обвинители, как и судьи, привлеченные из числа заведомо враждебно относившихся к новому государственному строю и не желавших нести никакого производительного труда в условиях революции.

На первой стадии развития советского законодательства о суде задача организации обвинения отодвигалась на задний план. С точки зрения исторической это, как нельзя более понятно.

С одной стороны, в первые месяцы после октябрьского переворота еще не была изжита революционная романтика, в которой больше всего были повинны левые эсеры.

С другой стороны, общегражданское обвинение предпочиталось должностному потому, что должностное обвинение ассоциировалось с тем одиозным представлением о прокуратуре, которое было порождено и крепко утверждено в сознании трудящихся масс деятельностью царской прокуратуры. П. И. Стучка, верно отражая это представление, писал в статье «Старый и новый суд»: «Отвергаем мы и прежнюю монополию государства на роль обвинителя и предоставляем эту роль любому гражданину, который волен преследовать на суде всякое как частное, так и должностное лицо, в чем либо провинившееся. Прежде государство как орудие угнетения было заинтересовано исключительно в обвинении. Новому строю чужда подобная тенденция, его более интересует защита, чем обвинение (курсив наш). И если и новое государство обратится к содействию обвинителя, то оно будет искать его в тех же рядах, как и защитника» [1].

Этот взгляд на обвинение как на функцию второстепенного значения в суде находил себе отражение и на местах. Например, принятый 20 декабря 1917 г. Изюмским мировым съездом проект организации революционного трибунала, предусматривая, что «защитником обвиняемого может быть всякий неопороченный

[1] «Известия ЦИК и Петроградского Совета», № 240.

[2] С. К. «Взаимоотношения центральных и местных органов» — «Материалы НКЮ», вып. 10, стр. 3.

[3] «Материалы НКЮ», вып. 2, стр. 100.

[1] П. И. Стучка, Старый и новый суд в «Материалах Народного комиссариата юстиции», 1918, вып. 2, стр. 14.

гражданин», повидимому, совсем не предполагал поддержания обвинения на суде: ст. 15 проекта предусматривала только, что «обвинение формулируется представителем мирового съезда»[1].

Впервые термин «общественный обвинитель», но не в том смысле, какой придается этому термину теперь, был употреблен в инструкции революционному трибуналу от 19 декабря 1917 г. Учреждение революционных трибуналов «для борьбы против контрреволюционных сил» было предусмотрено уже декретом о суде № 1. Порядок производства в революционных трибуналах был регламентирован названною инструкциею. Она была опубликована как единоличное распоряжение народного комиссара юстиции Штейнберга. Для «общественного обвинения», как и для «общественной защиты», по инструкции, при революционном трибунале должна была быть учреждена коллегия правозаступников; эта коллегия образовывалась «путем свободной записи лиц, желающих оказать помощь революционному правосудию и представивших рекомендации Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». Из состава этой коллегии, не дававшей никаких гарантий нужной квалификации входящих в нее лиц, революционный трибунал и мог пригласить для каждого дела общественного обвинителя Но, наряду с этим, инструкция сохраняла и право общегражданского обвинения, предусматривая, что «могут принять участие в судебных прениях один обвинитель и один защитник из числа присутствующих в заседании».

Инструкции 19 декабря 1917 г. вторил регламент Самаркандского революционного трибунала, не знавший, правда, еще коллегий правозаступников, но предусматривавший, что кроме обвинителей и защитников, назначаемых судом в распорядительном заседании, могут быть назначаемы «по одному добровольцу из публики» в самом судебном заседании[2].

На 1 всероссийском съезде областных и губернских комиссаров, состоявшемся в апреле 1918 г., комиссар юстиции Западно-Сибирской области в своем докладе сообщал, что в революционных трибуналах, которые были организованы в Омске и в Тобольске, «как защитники, так и обвинители из публики выступают довольно часто»[3].

«Обвинители из публики» в революционных трибуналах—это, как правило, были представители рабочего класса. Председатель Саратовского революционного трибунала жаловался: «Тяжело приходилось работать трибуналу при недостаточности компетентных лиц для ведения дел по обвинению и защите, и нам, рабочим, трудно было первое время справляться с этой задачей при явном и тайном саботаже интеллигенции, которая не шла к нам работать, но, прибавлял он, нашим партийным и идейным работникам все-таки теперь удалось эти трудности побороть и поставить на высоту губернский революционный трибунал»[4].

Термин «общественный обвинитель» был усвоен и декретом о суде № 2, но в ином смысле, отличном от того, в каком он был употреблен в инструкции революционным трибуналам. Постановив, что при советах рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов учреждается коллегия правозаступников, декрет в ст. 26 предусматривал: «Из коллегий правозаступников суд может пригласить для каждого дела общественного обвинителя». Инструкция революционным трибуналам тоже говорила об обвинителях из коллегии правозаступников, но так как коллегия правозаступников, согласно инструкции, образовывалась путем свободной записи всех желающих, то обвинение со стороны члена этой коллегии было не чем иным, как видом общественной помощи правосудию. Между тем предусмотренные декретом о суде № 2 правозаступники были должностными лицами[1]. Коллегии правозаступников по декрету о суде № 2 А. Я. Вышинский характеризует, как «специальную организационную форму государственного обвинения»[2].

Наряду с «общественным обвинением» приглашенным судом членом коллегии правозаступников декрет предусматривал, что принимать участие в судебных прениях могут один обвинитель и один защитник из присутствующих на судебном заседании лиц (ст. 28). Позднее Народный комиссар юстиции Д. И. Курский называл эту норму «остатком еще не изжитых иллюзий»[3].

Двоякий тип обвинения, установленный декретом о суде № 2, — «общественное обвинение», представленное правозаступником, и обвинение лицом из публики — был установлен, хотя в законе это не было сказано прямо, не только для окружных судов, но и для ранее учрежденных местных судов. В соответствии с этим временная инструкция по организации и действию местных народных судов, выработанная Московским советом местных народных судей, предусматривала в ст.ст. 37 и 38 те же две формы обвинения[4].

Напротив, все же отражая взгляд, по меньшей мере не дооценивавший значения обвинения на суде, изданный в апреле 1918 г. декрет об учреждении Петроградского окружного суда не содержал в себе ни слова об обвинении, предусматривая в то же время в ст. 9: «Для защиты по уголовным делам председателю окружного народного суда предоставляется назначать на началах платной

---

[1] «Материалы НКЮ», вып. 2, 1918, стр. 38.
[2] «Материалы НКЮ», вып. 2, 1918, стр. 38.
[3] «Материалы НКЮ», вып. 1, 1918, стр. 21.
[4] «Материалы НКЮ», вып. 5, 1918, стр. 4.

[1] Из «Материалов НКЮ» видно, что, напр., в Вятской губ. избранные во исполнение декрета о суде № 2 правозаступники должны были, по постановлению общегубернского съезда советов р. с. и кр. депутатов, получать из средств народного казначейства по 500 р. в месяц. — «Материалы НКЮ», вып. 5, 1918 г., стр. 33. Такое же положение и такое же вознаграждение были установлены для правозаступников в Тверской губ. Там же, стр. 57.

[2] А. Я. Вышинский, Судоустройство в СССР, 1936, стр. 187.

[3] Д. И. Курский, Новое положение о народном суде, «Материалы НКЮ», вып. 7, 1920, стр. 3.

[4] «Материалы НКЮ», вып. 2, 1918 г., стр. 87, 88.

трудовой повинности лиц, не занятых производительным трудом, имеющих подготовку»[1].

В отличие от декрета № 1, декрет о суде № 2 совсем не касался революционных трибуналов. В них продолжали действовать нормы инструкции от 19 декабря 1917 г. Последовавший 28 января 1918 г. декрет о революционном трибунале печати странным образом не говорил ни об общественном, ни об общегражданском обвинении. Он предусматривал лишь обвинение по началу представительства стороны в деле. По ст. 6 декрета, «в качестве обвинителей и защитников, имеющих право участвовать в деле, допускаются по выбору сторон все пользующиеся политическими правами граждане обоего пола».

Вопрос об организации обвинения получил новое, коренным образом отличавшееся от прежнего, решение в декрете о революционных трибуналах от 4 мая 1918 г. По ст. 5 этого декрета при каждом революционном трибунале учреждалась коллегия обвинителей в составе не менее трех лиц, избираемых местными советами рабочих и крестьянских депутатов. Так впервые было создано должностное обвинение и заложена основа для будущей прокуратуры. Штейнберговская инструкция революционному трибуналу была отменена постановлением Народного комиссара юстиции от 16(3) июня 1918 г. Майский декрет о революционных трибуналах ничего не говорил об общегражданском праве обвинения, но и не отменил его. Оно вновь нашло себе признание, но на этот раз уже наряду с должностным обвинением в руководящих началах, которые от имени кассационного отдела Всероссийского центрального исполнительного комитета советов[2] были сообщены президиумам революционных трибуналов. В циркуляре кассационного отдела[3] говорилось: «Как защитники, так и обвинители из публики могут быть допущены к участию в деле только в стадии судебных прений, но до последнего слова обвиняемого, причем отказ суда в допущении должен быть мотивирован». Это требование циркуляра несколько изменяла инструкция революционным трибуналам, выработанная на 1 всероссийском съезде представителей руководящих коллегий революционных трибуналов. Ею исключалась возможность допущения обвинителя из публики уже после того, как должностной обвинитель и защитник обменялись речами; только перед открытием судебных прений (следовательно, не раньше, но и не позже этого момента) председатель, по инструкции, мог допустить к защите и обвинению еще одного защитника и одного обвинителя из числа присутствующих на заседании из публики. Об обязательной мотивировке отказа в допущении в инструкции не упоминалось.

[1] «Известия Петроградского Совета» от 25(12) апр., 1918, № 32.

[2] Кассационный отдел Всероссийского центрального исполнительного комитета советов был учрежден декретом 11 июня 1918 г. «для рассмотрения кассационных жалоб и протестов на приговоры революционных трибуналов».

[3] Опубл. в «Известиях ЦИК советов» от 6 октября 1918 г.

Институт общегражданского обвинения, в дущий свое начало от судебной практи первых дней революции и от декрета о су № 1, был отвергнут изданной комиссаро юстиции П. Стучка инструкцией об организ ции и действии местных народных судов 23 июля 1918 г., которая предварила собо Положение о народном суде РСФСР. По и струкции, кроме правозаступников, допускали к выступлению в процессе по особым дов ренностям или уполномочиям только точ определенные категории лиц (прим. к ст. 2

Положение о народном суде, опубликова ное 30 ноября 1918 г., заменив прежние ко легии правозаступников коллегиями защитн ков, обвинителей и представителей сторон гражданском процессе, предусматривало, ч «обвинители персонально назначаются судом числа прикомандированных к суду членов ко легии». Ни о каких других обвинителях в П ложении о народных судах не было речи.

В этом отношении новое Положение о н родном суде от 21 октября 1920 г. внесло щественное новшество. Подобно тому как области чрезвычайной юстиции (революцио ных трибуналов) впервые декретом 4 м 1918 г. были предусмотрены штаты должно ных обвинителей, так в области общей юст ции такие должностные обвинители вперв были созданы ст. 39 Положения о народн суде 1920 г., согласно которой «при отдел юстиции состоят обвинители в количест установленном означенными отделами». Но, н ряду с этим, ст. 42 предусматривала, что «пр во выступать в народном суде в качестве о винителей принадлежит также возбудивш дело советским учреждениям и профессиона ным организациям в лице особых предста телей».

В Положении о народном суде не поясне в каких случаях профессиональные органи ции могли возбудить дело, но надо полага что за ними признавалось право возбуди дело не только тогда, когда они являлись терпевшими от преступления, но и тог когда преступлением затрагивались те об ственные интересы, на страже которых призв ны состоять профессиональные организации. этих случаях обвинение представителем пр фессиональной организации было обществ ным обвинением в том смысле, какой и перь вкладывается в это понятие.

Итак, в первый период советской юстиции до издания Уголовно-процессуального кодек 1922 года — сначала единственной организац онной формой обвинения было общегражда ское обвинение; потом (по инструкции ре люционному трибуналу 19 декабря 1917 г по декрету о суде № 2) общегражданское в винение стало дополнительным к «обществе ному обвинению», под которым разумело обвинение членом коллегии правозаступни (с отмеченным выше различием в смысле щественного обвинения в революционных т буналах и в народных судах); затем (в ци куляре кассотдела ВЦИК) общегражданско обвинение получило значение дополнительно к обвинению должностному и притом осуще вляемому членами специально для обвинен установленной корпорации (коллегии); нак нец, сначала инструкцией о народных суда 23 июля 1918 г., а затем и Положением о н

родных судах 30 ноября 1918 г. общегражданское обвинение было отвергнуто вовсе. Вместе с тем не было предусмотрено и общественное обвинение. Впервые в недостаточно ясной форме общественное обвинение в его современном значении было установлено Положением о народном суде 1920 г.

III

Общественное обвинение по УПК РСФСР

В 1922 г. был издан Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Ст. 54 Кодекса (теперь 50), действующею без изменения до настоящего времени, было предусмотрено, что в качестве обвинителя, помимо членов прокуратуры, потерпевшего и представителей рабоче-крестьянской, технической, продовольственной, санитарной и иной инспекции по делам их ведения, могут выступать уполномоченные профессиональных союзов.

Уполномоченные профессиональных союзов, поскольку им предоставлялось выступать по делам, в коих профессиональный союз непосредственно не был «потерпевшим», и были общественными обвинителями в собственном смысле слова[1]. Они имели право выступать на суде без уполномочия от прокуратуры. Но уже инструкция губпрокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора, от 29 июля 1922 г. ввела другую категорию общественных обвинителей. Инструкция обязывала прокурора «привлекать к участию в судебных процессах в качестве уполномоченных им общественных обвинителей членов РКП и профсоюзов, руководя и направляя их выступления в суде». Позднее циркуляром НКЮ от 3 января 1923 г. для общественных обвинителей этой второй категории, созданной не законом, а циркуляром, был установлен особый регламент. Они были поставлены в привилегированное положение по сравнению с общественными обвинителями по праву представительства от организаций, а именно, было установлено, что «общественный обвинитель, выступающий по ордеру прокуратуры, может допускаться тем самым к участию в деле с момента распорядительного заседания суда при утверждении обвинительного заключения и защищать свои предложения уже в этот момент в распорядительном заседании». В этом же циркуляре был разрешен и вопрос о возможности разногласий между прокурором и общественным обвинителем, и притом разрешен был в общей форме, применительно к общественным обвинителям обеих категорий (по ордеру и по праву представительства).

Как теоретически должен быть решен этот вопрос? Вправе ли общественные обвинители в своих заявлениях перед судом расходиться с прокурором в оценке доказательственного материала в квалификации преступления, в вопросе о мере предлагаемого наказания? Если выступление в процессе общественного обвинителя есть так же, как участие в процессе народных заседателей, форма участия представителей широких трудящихся масс в деле отправления правосудия, то не следует ли отсюда, что подобно тому как народные заседатели могут не соглашаться с оценкою доказательственного материала профессиональным судьею, так и общественному обвинителю должно принадлежать право заявить, что он придерживается иного мнения по делу, чем прокурор?

Теоретическим основанием для решения этого вопроса должны служить следующие соображения.

Взаимоотношение профессионального судьи и народного заседателя коренным образом отличается от взаимоотношения прокурора и общественного обвинителя. Можно сказать, как говорит т. Крастин, что в лице народных заседателей суд пользуется «непосредственной фактической помощью трудящихся масс»[1], но сказать о народных заседателях, что они только помощники председательствующего судьи было бы неправильно: народные заседатели — сами самостоятельные судьи; голос каждого из них равнозначущ голосу судьи: мнение двух народных заседателей, не согласных с народным судьею, заставляет последнего вынести приговор, противоречащий его мнению. Иное положение общественного обвинителя: он действительно приносит с собою от общества трудящихся только помощь обвинителю. Иначе и не может быть; если бы было иначе, участие общественного обвинителя вносило бы дезорганизацию в дело отправления правосудия. Народный заседатель высказывает свое суждение по делу в совещательной комнате. Если мнение одного или мнение обоих народных заседателей расходится с мнением судьи, это не нарушает единства приговора: оглашается приговор суда, а не мнение судей. Наоборот, если бы общественный обвинитель заявил о своем согласии с защитою, когда прокурор остался не убежденным ею, или предлагал иную квалификацию деяния, чем та, на которой настаивает прокурор, то ясно, что в таком случае его выступление было бы не помощью, а помехою государственному обвинителю, а с трибуны обвинителя вместо единого голоса раздавалась бы разноголосица обвинения. Такая разноголосица была бы допустима, если бы общество противополагалось государству, но в советском государстве, где такое противоположение исключено, обвинение по делам о преступлениях, расследуемых в публичном порядке, никаким другим, как только государственным (вместе с тем общественным, а не и общественным и не **или** общественным) быть не может, и по тому самому может быть только единым, как только единым может быть судебный приговор.

Приведенными соображениями с самого начала устраняется и вопрос, почему защитники могут расходиться друг с другом в высказываемых ими мнениях (хотя и это, как правило, нежелательно), а прокурор и общественный обвинитель не могут: если обвиняемых несколько, то защитники уже потому могут рас-

[1] Циркуляр НКЮ от 3/I 1923 г. к общественным обвинителям причислял и представителей Рабкрина и других ведомственных инспекций. В действительности они относятся, конечно, к числу представителей должностного государственного в собственном смысле, а не общественного обвинения.

[1] Крастин, Общественные обвинители и народные заседатели в уголовном суде 1926, стр. 4.

ходиться между собою, что интересы их подзащитных могут расходиться; если же обвиняемый один, то и тогда защитники могут выбрать неодинаковый метод защиты, ибо, хотя защитники и служат интересам правосудия, но представляют интересы частного лица, а говорят перед судом не от имени государства и даже не от имени подсудимого, а от своего собственного имени, тогда как обвинители служат интересам государства и говорят или от имени государства или от имени той общественной организации, которая считает, что в данном случае на ней лежит обязанность поддержать государственное обвинение.

В полном согласии с этими теоретическими соображениями уже циркуляр НКЮ от 3 января 1923 г. разъяснил, что в случае, если общественный обвинитель выступает совместно с лицом прокурорского надзора, руководство ведением процесса принадлежит официальному представителю прокуратуры: он представляет соображения о квалификации преступления и предлагает меры наказания. «Разногласие в этих случаях, категорически говорил циркуляр, между общественным обвинителем и лицом прокурорского надзора недопустимо, и все спорные вопросы окончательно разрешает прокурор, не допуская ни в какой мере проявления этих разногласий на суде».

Много позднее, в 1935 г., на встречающиеся в практике расхождения в выступлениях прокурора и общественного обвинителя было обращено внимание Союзной Прокуратурой [1]. Ввиду этого «для избежания в дальнейшем подобного разнобоя, дезориентирующего суды», Прокурором республики (в РСФСР) было предложено краевым прокурорам и прокурорам автономных областей установить учет кадров местных общественных обвинителей и проводить с ними систематические занятия, при совместных выступлениях прокурора и общественного обвинителя совместно прорабатывать дело и составлять план обвинения [2].

Положением общественного обвинителя в процессе как сотрудника прокурора, выступающего под его руководством, предрешается и вопрос о разделении труда между ними как вопрос не принципиального, а технического порядка. Проф. Строгович совершенно правильно считает несостоятельным то мнение, согласно которому на общественном обвинителе лежит освещение общественного значения дела, а на государственном обвинителе — фактическое обоснование обвинения и связанные с ним правовые вопросы. «Такая формальная и механическая концепция не имеет никаких оснований — прокурор всегда обязан освещать на суде не только фактическую и юридическую сторону дела, но и его общественное и политическое значение, а с другой стороны, общественный обвинитель не в меньшей мере, чем прокурор, должен исходить из фактической стороны дела, участвовать в проверке доказательств и делать из обстоятельств дел соответствующие юридические выводы» [1].

IV

Общественное обвинение по законодательств СССР и союзных республик

Общегражданское право обвинения в УП не предусматривалось. Его не знают и «Осно вы уголовного судопроизводства Союза СС и союзных республик» 31 октября 1924 г. П ст. 18 «Основ», «обвинение на суде поддержи вается прокуратурой и другими указанны в законе должностными лицами, а так уполномоченными на то предст вителями общественных организ ций, рабочих и трудового крест янства» (С. З. 1924 г. № 24, ст. 206). Таки образом, «Основы» ограничили круг обще венных обвинителей представителями общест венных рабочих и трудового крестьянств Ближайшую регламентацию обвинения, в то числе и общественного обвинения, «Основы предоставили законодательствам союзных ре публик, как об этом говорит вторая част первого абзаца ст. 18.

Вопрос об общегражданском обвинении во ник в 1926 г. попутно при обсуждении проект изменений в основах уголовного законодател ства на второй сессии Центрального испо нительного комитета 3 созыва. В связи с пре положением признать за каждым право нео ходимой обороны против посягательства н советскую власть т. Ветошкин высказал, чт ему было бы понятно внесение в законода тельство правила, аналогичного тому, как существовало в древнем Риме, и согласно ко торому «всякий гражданин, если он заметил с стороны других лиц или другого лица деяни направленное в ущерб государству, имел пра во выступить с обвинением против этого ли ца перед судом и доказывать, что такое-т лицо учинило или намеревалось учинить дея ние, направленное во вред обществу, во вре государству» [2]. Это замечание было неправил но понято т. Винокуровым, который, отвеча на него, говорил, что соответствующая стать имеется во всех советских уголовных кодек сах, причем сослался на п. 1 ст. 91 УП РСФСР, которою к числу поводов возбужде ния уголовного дела отнесено и заявлени частных лиц [3]. Тов. Винокуров упустил ра личие между поводом к уголовному пре следованию и самим уголовным преследов нием (уголовным иском). И в старом, дор волюционном уставе Уголовного судопроизво ства ст. 297 говорила об объявлении частны лиц как о законном поводе к начатию пре варительного следствия по делу, но никому приходило, конечно, в голову утверждать, дореволюционное право знало общегражда ское право обвинения или, что то же, уго ловного иска. Необходимым элементом пон тия права уголовного иска является пра поддержания иска лицом, которым он заявле

[1] Циркуляр 2 июля 1935 г. № 63/11 «Сборник циркуляров и разъяснений Прокуратуры СССР», 1936, стр. 124.

[2] Циркуляр Прокурора республики № 91 от 14/VIII 1935 г., в «Сов. юст.», 1935 г. № 27, стр. 24.

[1] Строгович, Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде 1934, стр. 36.

[2] Стеногр. отчет, стр. 603.

[3] Там же, стр. 637.

или его представителем; между тем роль заявителя, по ст. 91 УПК, его заявлением о преступлении исчерпывается. Его заявление может послужить только поводом для уголовного иска, который будет предъявлен и будет поддерживаться официальным органом.

Ст. 54 украинского УПК в редакции 1922 г. и ст. 48 того же украинского УПК в более поздней редакции 1927 г., ст. 48 УПК Узбекской республики в редакции 1926 г., ст. 47 УПК Азербайджанской республики (изд. 1929 г.) в числе лиц, которые могут выступать обвинителями, называют уполномоченных профессиональных союзов. Ст. 86 УПК Узбекской республики 1929 г. закрепляет в законе деление общественных обвинителей на две категории, установленное в РСФСР не законом, а циркулярной практикой, а именно, по ст. 86 УПК Узбекской республики 1929 г., «обвинение на суде поддерживается: ...общественным обвинителем по уполномочию прокуратуры или следователя, уполномоченными профессиональных союзов»...

В УПК Белорусской республики изд. 1927 г. и республики Грузии, также 1927 г., в число общественных обвинителей уже включаются и крестьянские представители. По ст. 51 белорусского УПК, «в качестве обвинителей могут участвовать в деле ... уполномоченные профессиональных союзов и их объединений, представители крестьянских обществ взаимопомощи и других общественных организаций пролетариата и трудового крестьянства по делам их членов». Этот перечень общественных обвинителей сохранился в белорусском УПК изд. 1935 г. По ст. 49 УПК ССР Грузии, «в качестве обвинителя могут участвовать... представители общественных организаций рабочих и трудового крестьянства». Ст. 46 УПК Туркменской республики 1928 г. также учтя изменения в условиях организации крестьянского труда, и в соответствии с «Основами уголовного судопроизводства СССР», говорит об общественных обвинителях, уполномоченных общественными организациями рабочих и трудового дехканства (крестьянства).

УПК Таджикской республики 1935 г. имеет в виду только общественных обвинителей по назначению. По ст. 76 таджикского УПК, «обвинителем в суде участвует прокурор и назначенный им общественный обвинитель».

Проект УПК Союза ССР, опубликованный в 1934 г., знает только одну категорию общественных обвинителей — по уполномочию прокуроров (ст. 8). Это не значит, конечно, что, по проекту, общественные организации (профсоюзы, колхозы, кооперативы, партийные организации) не должны выдвигать своих общественных обвинителей. Постановление проекта, очевидно, имеет тот смысл, что, так как задача общественного обвинения — помощь прокуратуре, то для того, чтобы выступать, общественный обвинитель должен иметь полномочие от прокуратуры, без чего общественное обвинение иной раз может оказаться не только не прошенной, но и вредной услугой правосудию, а в качестве общественного обвинителя может выступить такой друг — союзник обвинения, который «опаснее врага». Ст. 8 проекта редактирована таким образом: «Обвинение на суде поддерживается прокуратурой, а также уполномоченными ею общественными обвинителями».

Примеру проекта УПК Союза ССР, очевидно, последовал таджикский УПК в приведенной выше ст. 76, изменив, однако (едва ли к лучшему), редакцию постановления проекта Союзного кодекса.

V

Общественное обвинение как институт социалистического уголовного процесса

В заключение остается рассмотреть, чем общественное обвинение по советскому праву отличается от общегражданского обвинения и от общественного обвинения в том виде, в каком эти две формы обвинения существуют в буржуазном праве или отстаиваются в буржуазной литературе.

Сближать общественное обвинение с общегражданским позволяют не положительные, а только отрицательные признаки: общественное обвинение, как и общегражданское, не есть должностное обвинение и осуществляется не потерпевшим. Однако общегражданское обвинение не есть общественное обвинение. Общегражданское право обвинения составляет право личности, оно есть индивидуальное право, которое, впрочем, подобно другим правам личности, может все же иметь серьезное общественное значение. В такой стране как Англия, в классической стране общегражданского права обвинения (в принципе), этому праву, как и «гражданским свободам», неизбежно сопутствуют пороки классового права буржуазных государств: оно порождает неравные условия для состоятельных и несостоятельных обвинителей, с одной стороны, для состоятельных обвинителей и для обвиняемых, не имеющих средств для обеспечения надлежащей защиты, с другой стороны. В странах, где, в отличие от Англии, существует прокуратура, общегражданскому обвинению придается по преимуществу значение средства общественного контроля над деятельностью официальных органов обвинения. Коротко, соображения в пользу общегражданского обвинения в этом именно значении сводятся к следующему: несмотря на принятие законодательством принципа «легальности обвинения», в деятельности прокуратуры могут оказаться «пробелы», т. е. не оправдываемые законом случаи воздержания от преследования преступления — потому ли, что преступник пользуется пристрастным благоволением прокурора, или потому, что прокурор сам сочувствует преступлению (например, преступлению, совершенному в интересах той партии, к которой принадлежит прокурор), или просто вследствие недостатка у прокурора нужной энергии или даже достаточных сил. В этих случаях, средством против упущений прокуратуры, не привлекающей к ответственности виновных, часто может быть только право всех граждан на уголовный иск. Одного права потерпевшего на уголовный иск недостаточно, так как упущения прокуратуры как раз имеют наибольшее значение именно там, где нет отдельных потерпевших лиц в юридическом смысле этого слова.

Эти соображения у нас теряют всю свою силу. Общегражданское обвинение у нас не

могло бы быть сохранено в качестве средства контроля над должностным обвинением, однако, не в силу того бесспорного, конечно, факта, что в Советском союзе общество не противостоит государству. Если верно, что в нашем Союзе общество и государство не составляют противоборствующих сил, то верно также и то, что этим не исключается контроль советской общественности за деятельностью органов советской власти. Мы знаем меры, принимаемые к укреплению и развитию контроля за деятельностью агентов власти со стороны советской общественности, представленной партией и профсоюзными организациями. Такой контроль рассматривается как наиболее надежное средство борьбы с бюрократизмом.

Против усвоения советским правом общегражданского обвинения, как метода контроля за государственным обвинением, говорит следующее.

Обвинение, предъявляемое любым гражданином, уже по форме вовсе не равнозначуще тому организованному общественному контролю, который только и может быть по настоящему действенным. По существу же включение общегражданского обвинения в число средств контроля над осуществлением прокуратурою государственного обвинения означало бы бессилие советской общественности понудить государственного обвинителя выполнить свою обязанность предъявления и поддержания уголовного иска, когда общественные интересы этого требуют. Ведь, если гражданин (не потерпевший от преступления), возмущенный тем, что прокуратура закрывает глаза на преступление, не имеет иного средства «привести уголовный иск в движение», как только самому взять его в руки, так, ведь, в сущности, это означает, что общественность бессильна преодолеть пассивность или злонамеренную инертность прокуратуры. Такое положение вещей у нас допущено быть не может: общественность, представленная партией, профессиональными и др. организациями, располагает достаточно сильными средствами, чтобы сломить пассивность или сопротивление прокурора, воздерживающегося от преследования преступления по каким-то ему одному известным соображениям.

Не будучи общегражданским обвинением, общественное обвинение советского права решительно отличается и от общественного обвинения (т. е. обвинения от имени общественных организаций) буржуазного права. Отличие общественного обвинения советского права от общественного обвинения в смысле буржуазного права и буржуазной юридической литературы по содержанию этих институтов, по классовой направленности совершенно очевидно. Социалистическое своеобразие советского института общественного обвинения по форме заключается в том, что, не будучи государственным обвинением, оно, в то же время, представляется обвинением, организованным при содействии государства и поставленным под контроль органов государственного обвинения. Организуемое в помощь государственному обвинению, оно, в то же время, опирается на тот или иной не государственный, общественный коллектив. Общественное обвинение, представленное отдельным лицом, исходит, однако, от коллектива и опирается на поддержку коллектива и притом социалистического коллектива, т. е. служащего и подчиненного целям и задачам всего социалистического общества. Институт общественного обвинения по своей природе, по источнику, по основанию, по организации — есть институт коллективистический, всецело и всесторонне социалистический.

Тов. Лаговиер в своей брошюре об общественных обвинителях констатирует «ослабление внимания к общественным обвинителям за последние годы»[1]. Тов. Лаговиер объясняет это явление переключением внимания прокуратуры и суда на иные виды общественного актива, выросшего вокруг прокуратуры и суда. Надо полагать, что другим фактором, снижающим роль общественного обвинения, является усиление в составе аппарата правосудия удельного веса прокуратуры и повышение качества ее работы: по мере того, как крепнет организация государственного обвинения, представляемого прокуратурою, по мере того, как ее работа освобождается (далеко не освободилась) от бюрократических приемов и навыков, по мере того, как накопляется ее опыт и расширяется кругозор, естественно становится менее ощутимой потребность в помощи общественного обвинения. Работа прокуратуры над самою собою неизбежно заставляет ее меньше уделять внимания институту общественного обвинения, который, естественно, для своего развития требует активной поддержки прокуратуры (не только благожелательного отношения с ее стороны): в отношениях между прокуратурою и общественными обвинителями есть или по крайней мере должен быть элемент активной взаимопомощи. Условия времени, характеризующегося обострением классовой борьбы, требуют укрепления и усиления прокуратуры как боевой организации обвинения, и, по тому самому, в известной мере отвлекают внимание от института общественного обвинения, но так как общественное обвинение, как и советская прокуратура, представляет собою институт, в котором очень выпукло выявляется социалистическая природа советского права, он имеет данные рассчитывать на развитие и укрепление его в будущем на основе союзного УПК. Как известно, проект союзного УПК возводит на степень одного из важнейших «общих положений» требование привлечения трудящихся к широкому участию в процессуальной деятельности. Как отмечает председатель подкомиссии по уголовно-процессуальному законодательству А. Вышинский, это сделано в соответствии с принципами пролетарской демократии, определяющими основной характер проекта[2].

[1] Н. Лаговиер, Общественный обвинитель в советском уголовном процессе, 1935, стр.

[2] А. Я. Вышинский, К реформе уголовно-процессуального кодекса, «Проблемы уголовной политики», 1935, кн. 1, стр. 37.

А. С. ТАГЕР

Советская адвокатура за 20 лет

I

В самый канун Октябрьской революции в августе 1917 г. В. И. Ленин заканчивал свою блестящую работу «Государство и революция», посвященную разработке учения марксизма о государстве и задачам пролетариата в революции. «Вопрос о государстве,—писал Ленин,—приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом и в практически-политическом отношениях... Явно нарастает международная пролетарская революция. Вопрос об отношении ее к государству приобретает практическое значение...» [1].

Один из основных своих выводов в этом исследовании В. И. Ленин формулировал в том смысле, что революционная задача пролетариата состоит, прежде всего, в том, чтобы не просто захватить старую государственную машину, но ее разбить и сломать. «Разбить эту машину, сломать ее — таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза не прочна демократия и невозможно социалистическое преобразование» [2].

Октябрьская революция осуществила на практике это теоретическое требование. Старая государственная машина была не только захвачена: она была разбита и сломана и на ее месте началось строительство нового аппарата молодого советского государства.

Судебные элементы государственной машины дооктябрьского капиталистического государства не могли, конечно, не разделить участи всей государственной машины в целом. Старый дореволюционный суд был уничтожен и на его месте были созданы новые органы.

Вместе со всей судебной машиной была упразднена и дореволюционная адвокатура. Упразднение ее имело, конечно, более глубокие принципиальные причины, чем те, на которые указал, например, в одной из своих речей Н. В. Крыленко. Он обращал внимание на то, что значительная часть дореволюционной адвокатуры была враждебна Октябрьской революции, что это вызывало естественное недоверие у представителей только что организовавшейся советской власти и что поэтому «мы начали нашу революцию с уничтожения старого адвокатского сословия» [3].

Наличие в старой дореволюционной адвокатуре элементов, враждебно относившихся к Октябрьской революции, не подлежит никакому сомнению. Но совершенно несомненно, что если бы это явление, подчеркнутое Н. В. Крыленко, и не было так ясно выражено, все же старая адвокатура, как определенная форма организации юридической помощи, была бы упразднена, ибо не было принципиальных оснований сохранять организационные формы адвокатуры при сломке всего без исключения государственного аппарата и его судебных частей, в особенности. И этому принципиальному процессу упразднения адвокатуры как организации, составлявшей часть старой государственной машины, не могло, конечно, помешать и то обстоятельство, что в адвокатуре, несомненно, были широкие круги, полностью, прямо и искренно принявшие Октябрьскую революцию.

Строя новый суд, советское государство приступило заново к разрешению всех вопросов, связанных с организацией юридической помощи населению. Советская адвокатура в том виде, как она существует в настоящий момент, была создана не сразу. История создания ныне существующей советской адвокатуры может быть разделена на ряд достаточно ясно распознаваемых периодов, в пределах которых ставились и разрешались те или иные принципиальные проблемы организации защиты и адвокатуры.

Первым таким периодом надо считать промежуток времени от момента Октябрьской революции 1917 г. и вплоть до первой кодификации советского судебного права в 1922 г. Никаких готовых проектов новой организации адвокатуры в момент Октябрьской революции еще не существовало. И весь первый период, поэтому, отмечен рядом весьма серьезных колебаний в разрешении самых основных вопросов, связанных с организацией защиты в суде и юридической помощи населению. Это был период переходов от одной формы к другой, от одного метода организации к другому, иногда прямо противоположному. В пределах этого периода можно поэтому, в свою очередь, наметить отдельные этапы, связанные с различными формами организации.

Второй крупный период в истории советской адвокатуры правильно начинать с 1922 г., на который падает первая кодификация советского судебного права. Этот второй период завершается концом 1929 г. и отмечен созданием устойчивой формы организации юридической помощи населению в виде самоуправляющихся адвокатских организаций. Основной формой адвокатского труда являлась за этот период индивидуальная практика адвокатов. На этот же период падает осуществление весьма серьезной государственной задачи—создание широко разветвленной сети юридических консультаций.

Начало третьего периода следует отнести к 1930 г., когда было проведено новое организационное начинание внутри советской адвокатуры, видоизменившее внутреннюю структуру форм адвокатской работы и перенесшее центр тяжести с частной, индивидуальной адвокатской практики на работу адвокатских коллективов.

На основе Сталинской Конституции предстоит новая кодификация всего судебного

---

[1] В. И. Ленин, Государство и революция. Партиздат. 1936 г., стр. 3, 4.

[2] В. И. Ленин, там же, стр. 28, 30 и сл.

[3] Речь Н. В. Крыленко на общем собрании Московской коллегии защитников 9/VIII 1936 г. «Советская юстиция» № 27 за 1936 г., стр. 3.

права Советского союза, охватывающая как материальное право, так и судоустройство и процессуальное право. Естественно, что на очереди также реорганизация и советской адвокатуры. Эта реорганизация кладет начало четвертому периоду в ее истории. Основными предпосылками этой реорганизации является расширение функций защиты в процессе и забота о поднятии значения и авторитета адвокатуры, в связи с превращением права обвиняемого на защиту из процессуального принципа в принцип конституционный.

Поскольку под адвокатурой всегда понимается организация, призванная оказывать юридическую помощь населению, и поскольку основным видом такой юридической помощи является судебная защита прав и интересов граждан в судебном процессе, постольку нельзя изучать историю адвокатуры, отрывая организационные вопросы от задач по оказанию юридической помощи населению. Поэтому изучение истории советской адвокатуры за истекшее двадцатилетие должно учитывать следующие три момента: 1) организационные формы адвокатуры; 2) процессуальное положение адвокатуры; 3) формы оказания юридической помощи населению.

II

Дореволюционная адвокатура была упразднена первым же декретом советского правительства о суде от 24 ноября 1917 г.[1].

Законодательство отказалось в этот момент от какой бы то ни было формальной и регламентированной организации обвинения и защиты в судебном процессе. А поскольку основной функцией прокуратуры и адвокатуры является именно обвинение и защита в процессе, постольку отказ от организации обвинения и защиты сделал логически ненужным и организацию прокуратуры и адвокатуры как специальных институтов. По тому же декрету № 1 о суде «в роли обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам поверенных, допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами». Отказ от организации институтов прокуратуры и адвокатуры имел своим последствием невозможность организации и какого бы то ни было общественного и государственного контроля над отправлением функций обвинения и защиты на суде.

Неудобство такого порядка очень быстро сказалось, и уже через 3 месяца декрет № 2 о суде создал при местных советах специальные коллегии лиц, посвящающих себя правозаступничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты[2]. Членам этой коллегии предоставлено было монопольное право профессионального выступления в судах в качестве защитников. Создан был, таким образом, вновь институт профессиональных защитников. Но, одновременно с этим, было сохранено ничем не ограниченное право непрофессионального выступления в качестве защитников и всех других неопороченных граждан, хотя бы и не принадлежавших к коллегии правозаступников[1].

Постановления декрета № 2 о суде в части организации как защиты, так и обвинения были совершенно схематичны и потому сами по себе недостаточны для того, чтобы надлежащим образом организовать и поставить на ноги оба института — обвинителей и защитников. Это быстро отразилось на дальнейших законодательных актах.

2 всероссийский съезд областных и губернских комиссаров юстиции, состоявшийся в Москве в июле 1918 г., вплотную занялся этим вопросом и в итоге своих работ принял проект типового положения о коллегиях правозаступников, выработанный на основе указаний декрета № 2 о суде[2].

На почве этого проекта, принятого съездом, на местах затем были изданы положения о коллегиях правозаступников, правда, с различными отступлениями от того проекта, который был принят съездом. Этими постановлениями были восполнены недостаточные сами по себе указания декрета № 2 о суде. Для примера можно указать на постановление президиума Московского совета «О коллегии правозаступников» от 3 сентября 1918 г.[3].

Право комплектования личного состава коллегии, т. е. право принятия и отзыва членов коллегии принадлежало совету рабочих депутатов. Коллегии предоставлено было право внутреннего самоуправления: выбор совета коллегии, выработка правил и инструкций, нормирующих деятельность членов коллегии, наблюдение за моральным уровнем последних и за исполнением ими своих профессиональных обязанностей, наложение на них дисциплинарных взысканий, выработка таксы, распределение судебных выступлений в качестве защитников и обвинителей. Правозаступникам предоставлено было право принимать дела как по избранию тяжущихся и обвиняемых, так и по назначению. Вознаграждение должно было вноситься в кассу коллегии, а затем распределяться между членами последней.

Вторая половина 1918 г. была периодом организации коллегий правозаступников. Организация эта весьма затянулась, и едва успел закончиться формирование коллегий правозаступников на местах, как они были уничтоже-

---

[1] Газета Временного рабочего и крестьянского правительства № 17 от 24/IX 1917 г., С. У. № 4 за 1917 г.

[2] С. У. № 26 за 1918 г.

[1] В свое время проф. Васьковский определял самое понятие адвокатуры через понятие правозаступничества: «адвокатура есть правозаступничество, т. е. оказание гражданам юридической помощи» (см. его исследование «Организация адвокатуры». 1893 г., ч. I, стр. 5 ч. 2, стр. 2).

[2] Журналы заседаний этого съезда помещены в выпуске 3 «Материалов Народного комиссариата юстиции»: О коллегиях правозаступников, стр. 17—20. В том же выпуске помещены проекты построения коллегии, принятые на съездах деятелей юстиции Сибири, Урала и Туркестана—стр. 40, 45, 50, 59, 60, Курской губ. — стр. 78, 81, 82; Тверской губ. стр. 96 и Тамбовской — стр. 106.

[3] «Известия ВЦИК» № 189 от 3/III 1918 г. перепечатано в Собрании постановлений и распоряжений Московского совета рабочих и крестьянских депутатов № 2, стр. 20.

ны изданным в декабре 1918 г. Положением о народном суде [1].

Вместо коллегий правозаступников были созданы коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Таким образом, вместо того, чтобы создать две самостоятельные организации — одну для обвинителей, другую для защитников — вновь была организована единая коллегия, из которой на одинаковых основаниях надлежало черпать и обвинителей и защитников. В этом сказалась несомненная тенденция законодательства того периода (вплоть до 1920 г.) — к постепенному превращению адвокатов в должностных лиц, состоящих на государственной службе. Если Положение о коллегии правозаступников в первой половине 1918 г. еще не давало в этом отношении достаточно четких правовых нормировок, то Положение о народном суде во второй половине 1918 г. уже прямо провозглашало, что члены коллегий защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе избираются исполнительными комитетами советов рабочих и крестьянских депутатов на общих со всеми должностными лицами советской республики основаниях из состава лиц, удовлетворяющих требованиям Конституции, причем «члены коллегии, как должностные лица советской республики, получают содержание в размере оклада, устанавливаемого для народных судей по смете Народного комиссариата юстиции». Таким образом, были созданы защитники, состоящие на государственной службе. Так продолжалось до 3 съезда деятелей юстиции, созванного в июне 1920 г. [2].

Опыт построения защиты и обвинения на почве образования единой коллегии должностных лиц, обнимавшей в своем составе и обвинителей и защитников, признан был на этом съезде не удавшимся. Это не возбуждало почти никаких сомнений. Идея организации защитников как государственных служащих также себя не оправдала. Поэтому съезд постановил упразднить единую коллегию защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Пути организации обвинения и защиты разошлись.

Для выполнения функций обвинения должны были быть созданы специальные кадры обвинителей при отделах юстиции. Что же касается организации защиты, то перед съездом стояла трудная задача: организация адвокатуры по образцу дооктябрьской адвокатуры была отвергнута декретом № 1 о суде; идея свободного допущения к защите всех желающих незапятнанных граждан, испытанная на практике в первой половине 1918 г., была отвергнута декретом № 2 о суде; создание профессиональных защитников в виде должностных лиц, состоящих на государственной службе, было испытано в течение почти двух лет (1918—1920 гг.) и осуждено самим же съездом.

Резолюция 3 съезда наметила совершенно новое решение вопроса: отныне в качестве защитников должны привлекаться судебными органами в порядке обязательной трудовой повинности все граждане, способные исполнять эту обязанность, для чего соответственные исполкомы составляют особые списки, подобно спискам народных заседателей.

В октябре 1920 г. на почве постановления 3 съезда деятелей юстиции было издано новое Положение о народном суде [1], согласно которому в качестве защитников привлекаются судебными органами по специальным спискам граждане, способные выполнять обязанности защитника на суде. При недостатке защитников из числа этих лиц, в качестве защитников должны привлекаться консультанты, состоящие при отделах юстиции. В развитие этого положения Народным комиссариатом юстиции была издана специальная инструкция об организации обвинения и защиты на суде, провозглашавшая, что «защита по уголовным делам является общественной повинностью для всех тех граждан, которые по своей профессии, образовательному, партийному или служебному стажу подготовлены для исполнения обязанностей защитника на суде» [2].

Практически трудовая повинность ничего не дала для систематического и организованного обслуживания судебных защит, и в подавляющем большинстве случаев обязанности защитников выполнялись консультантами отделов юстиции, т. е. фактически действовала та же система «должностной адвокатуры», которая была осуждена 3 съездом деятелей юстиции еще летом 1920 г.

Можно поэтому констатировать, что если резолюции 3 съезда от лета 1920 г. и Положение о народном суде от октября 1920 г. и имели в виду заново и по-иному организовать дело оказания юридической помощи в процессе, то фактически сохранился и продолжал действовать тот же организационный принцип, который существовал до 3 съезда и характеризовался идеей организации защиты на основе государственной службы. Так продолжалось до 1922 г., когда в истории советской адвокатуры наступил резкий перелом.

III

К 1922 г. относится первая кодификация советского судебного права. Дано было развернутое материально-правовое и процессуальное законодательство. В его составе были подробные постановления об обвинении и защите, о прокуратуре и адвокатуре. Все формы организации этих двух институтов, предшествовавшие законодательству 1922 г., являются в исторической перспективе суррогатными по сравнению с советской прокуратурой и советской адвокатурой, созданными в 1922 г.

Второй период в истории советской адвокатуры открывается 4 съездом деятелей советской юстиции в январе 1922 г., на котором проблема прокуратуры и адвокатуры была поставлена в совершенно развернутом виде. Очередные задачи судебной реформы во всех областях определялись к этому моменту необходимостью во что бы то ни стало обеспечить господство революционной законности. Суще-

[1] С. У. № 85 за 1918 г.

[2] Протоколы III всерос. съезда деятелей советской юстиции с приложением резолюций съезда напечатаны в выпуске 11—12 «Материалов Народного комиссариата юстиции» (см. стр. 5 и приложения, стр. 1—2).

[1] С. У. № 83 за 1920 г.

[2] С. У. № 100 за 1920 г.

ствует мнение, что лишь введение нэпа, т. е. новой экономической политики, в 1921/1922 гг. впервые вызвало к жизни в советском законодательстве и советском государственном обиходе идею революционной законности. Так например, делая в апреле 1925 г. доклад о революционной законности на XIV партийной конференции, А. А. Сольц начал его с утверждения, что «первый раз мы почувствовали потребность говорить о революционной законности в 1921 г., когда началась новая экономическая политика»[1].

Это утверждение явно неверно, ибо для него нет никаких исторических оснований. Правильным будет совсем обратное утверждение, ибо идея революционной законности имеет для всей системы советского государства совершенно принципиальное значение с первых же лет его существования. Достаточно указать на то, что с хозяйственной стороны вся деятельность советского государства подчинена идее плана. Советское народное хозяйство есть принципиально плановое хозяйство. Но вряд ли можно сомневаться в том, что без неуклонного проведения принципа законности ни о каком осуществлении плана говорить нельзя. С этой точки зрения революционная, социалистическая законность представляет собою правовое выражение советского народнохозяйственного принципа — планового регулирования народного хозяйства. В. И. Ленин коротко, но категорически формулировал свою мысль о том, что принципиальной задачей является повышение законности, для чего надо «научить бороться культурно за законность, ничуть не забывая границы законности в революции». Так проблема советской законности связана неразрывными узами с проблемой культуры. Эту мысль В. И. Ленин затем подробно развил в своем известном письме И. В. Сталину о двойном подчинении и законности[2].

Уже в июле 1918 г. на 2 всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции П. И. Стучка говорил о необходимости обеспечить революционную законность, а судебных работников именовал блюстителями революционной законности[3].

Затем 8 ноября 1918 г. VI всероссийский съезд советов принял известное постановление о законности, которое тогда же было охарактеризовано председателем съезда Я. М. Свердловым как чрезвычайно важный государственный акт[4].

IX всероссийский съезд советов вынес в 1921 г. специальное постановление о революционной законности по докладу Ленина[5], а 4 съезд работников юстиции в 1922 г. ставил перед собой уже задачу практического законодательства, осуществляющего принципы революционной законности[1].

Таким образом, не новая экономическая политика обусловила впервые необходимость обеспечения законности в советском государстве, а вновь обретенная после победоносного окончания гражданской войны возможность мирного социалистического строительства была причиной того, что мысль снова обратилась к идее укрепления и обеспечения революционной законности. Именно этот момент и был в свое время ясно и отчетливо подчеркнут товарищем Сталиным: «Диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры, но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно. В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д.»[2].

Здесь подчеркнут и еще один существенный признак революционной законности: революционная законность как форма и метод работы диктатуры пролетариата. Поэтому совершенно прав был А. Я. Вышинский, когда он, выступая в 1933 г. перед Московской коллегией защитников с докладом о «Революционной законности и задачах советской защиты», говорил о том, что «переход к новой экономической политике не порождал вопроса о революционной законности, а вызывал лишь необходимость в ее укреплении» и что «нужно решительно отклонить такое понимание революционной законности, которое самый ее источник видит в новой экономической политике, а не в диктатуре пролетариата, являющейся единственной и подлинной основой и революционной законности и революционного правосознания. Революционная законность возникла в первые же дни Октябрьской революции, вместе с ней она развивалась, крепла и росла. Революционная законность на всем протяжении пролетарской диктатуры неизбежно являлась и является активной и творческой силой социалистического строительства»[3].

И адвокатура также была реорганизована в 1922 г. не по причине только введения новой

---

[1] Стенографический отчет XIV конференции Российской коммунистической партии. 1925 г., стр. 246.

[2] Ленин, т. XXVII, стр. 298.

[3] «Материалы Народного комиссариата юстиции», вып. III, 1918 г., стр. 23.

[4] Стенографический отчет VI всероссийского чрезвычайного съезда советов. 1918 г., стр. 70—71: «Съезды советов в постановлениях и резолюциях». 1935 г., стр. 103.

[5] «Съезды советов в постановлениях и резолюциях». 1935 г., стр. 189.

[1] Затем вопрос о революционной законности ставился неоднократно в целом ряде официальных актов и документов (см. «Положение о Верховном суде СССР»: «Съезды советов в постановлениях и резолюциях», стр. 269; Конституция СССР 1923 г., стр. 43; постановления III съезда советов СССР: С. З. № 35 за 1925; постановление Президиума ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г.: С. З. СССР № 50 за 1932 г.; доклад И. В. Сталина о проекте Конституции на Чрезвычайном VIII съезде советов.

[2] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 113.

[3] А. Я. Вышинский, Революционная законность и задачи советской защиты. 1933 г., стр. 22—23 (см. также ст. А. Я. Вышинского «Революция и законность»: «Советская юстиция» № 5 за 1933 г., стр. 4.

экономической политики, а в более глубоких и принципиальных целях — укрепления революционной законности.

Под режимом революционной законности Н. В. Крыленко предложил на 4 съезде деятелей юстиции понимать «такой установившийся порядок, при коем каждому будет обеспечена полная безнаказанность действовать, если он совершает то, что законом не воспрещено, во-первых, и наказуемость для всякого кто бы он ни был — при совершении деяния, воспрещенного законом, во-вторых» [1].

Это определение должно быть признано для того момента достаточно ясным и четким.

Поэтому, прежде всего, нужно было создать развитое материально-правовое законодательство в качестве необходимой предпосылки революционной законности. «Если мы будем говорить о революционной законности,—указывал народный комиссар юстиции Д. И. Курский на съезде,— а законов не будет, то это будет весьма эффектное слово и больше ничего». Во-вторых, должно было быть создано развитое процессуальное законодательство, без которого также немыслимо обеспечить господство революционной законности, и, в-третьих, должны были быть созданы специальные организации, призванные к непосредственному осуществлению двуединой задачи революционной законности. Этими организациями и явились государственная прокуратура, с одной стороны, и коллегии защитников, с другой стороны. Именно для осуществления прямо и непосредственно этих задач революционной законности и созданы были эти две организации. В этом смысл их существования и исторически и логически. Совершенно ясно, какие серьезные задачи были поставлены перед прокуратурой и перед адвокатурой, если речь шла, с одной стороны, об обеспечении наказуемости для всякого, кто бы он ни был, за совершение деяния, воспрещенного законом, с другой стороны, об обеспечении каждому полной безнаказанности действовать, если он совершает то, что законом не воспрещено.

Перед лицом этих задач Д. И. Курский характеризовал положение, существовавшее в вопросе об адвокатуре к 1922 г., в следующих словах: «До очевидности ясно, что оставаться при системе списков защитников, который мы вели до настоящего времени, сейчас анахронизм [2].

Если до 1922 г. при разрешении адвокатских проблем имелась в виду лишь задача организации защиты в судебном процессе, то теперь самые задачи адвокатуры понимались гораздо более широко и были поставлены на большую высоту. Речь шла уже не только о защите в судебных заседаниях, а о том, чтобы создать адвокатские организации, призванные, вообще, к оказанию населению культурной и доброкачественной юридической помощи во всех областях права, в целях обеспечения населению революционной законности. Этими адвокатскими организациями и явились коллегии защитников, созданные Положением об адвокатуре в мае 1922 г.

Эти коллегии защитников являлись самоуправляющимися организациями, созданными при губернских судах [1]. Членами коллегии защитников могли являться граждане, пользовавшиеся избирательными правами, если они имели не менее двухлетнего стажа работы в органах советской юстиции на должностях не ниже следователя, или при условии сдачи соответственного испытания. Коллегии избирали свой президиум, задачей которого было руководить всей деятельностью коллегии и выполнять обязанности дисциплинарного суда по нарушениям, допускаемым членами коллегии в связи со своим званием и профессиональной деятельностью. Контроль за личным составом членов коллегии, в форме отвода вновь принимаемых членов и отзыва лиц, уже состоящих в коллегии, принадлежал президиуму соответствующего исполкома (сначала губернского, затем окружного, а затем краевого или областного). Президиум исполкома являлся также по законодательству 1922 г. второй инстанцией, рассматривавшей жалобы на дисциплинарные решения президиумов коллегий защитников.

В 1924 г. это последнее правило было изменено, и апелляционной инстанцией по дисциплинарным делам вместо исполкома был сделан суд [2]. Таким образом, с этого момента коллегии, по существу, стали целиком подконтрольны судам, при которых они состояли.

Основной формой адвокатской работы при оказании юридической помощи населению являлась по законодательству 1922 г. индивидуальная практика адвокатов, в основе которой лежало прямое обращение клиента к адвокату и непосредственное между ними соглашение об оказании юридической помощи.

В процессуальной области лишь за членами коллегии защитников по законодательству 1922 г. признано было право профессиональной защиты в судебных процессах. Для целого ряда случаев процессуальное законодательство стало на точку зрения необходимой защиты, которая должна быть организована по требованию суда адвокатскими организациями, если сам обвиняемый не озаботился приглашением защитника и прямо от защиты не отказался. По законодательству РСФСР защита является необходимой, если в заседании участвует обвинитель, или если обвиняемый нем, глух и, вообще, лишен в силу физических недостатков способности правильно воспринимать те или другие явления. Законодательство УССР еще более широко раздвигает рамки обязательной защиты, требуя ее в тех случаях, когда подсудимому грозит высшая мера уголовной репрессии — расстрел.

Уже в самый момент создания законодательства об адвокатуре в 1922 г. было совер-

[1] Стенографический отчет IV съезда деятелей советской юстиции: «Материалы Народного комиссариата юстиции», вып. 16—17, стр. 61, а также «Еженедельник советской юстиции» № 5 за 1922 г., стр. 11.

[2] Стенографический отчет VI всероссийского съезда деятелей советской юстиции, стр. 9 и 13.

[1] Затем, в связи с изменением административного деления, коллегии защитников стали сначала окружными, а затем краевыми или областными и состояли, соответственно, при окружных, а затем при краевых или областных судах.

[2] С. У. № 48 за 1923 г. и № 78 за 1924 г.

шенно ясно, что оказание юридической помощи только в порядке индивидуальной адвокатской практики не может полностью и целиком гарантировать разрешение основной поставленной адвокатуре задачи: обеспечить всему без исключения населению и, в первую очередь, всей массе трудящихся доброкачественную юридическую помощь в целях укрепления революционной законности. Поэтому, в дополнение к предоставленному адвокатам праву индивидуальной практики, на адвокатуру была возложена большой важности государственная задача — организовать для оказания юридической помощи сеть юридических консультаций, в работе которых должны в общественном порядке принимать участие все без исключения члены адвокатуры.

Мысль о создании юридических консультаций существовала и до революции. Более того, эта мысль была одной из любимых идей той части адвокатуры, которая рассматривала адвокатскую профессию не как ремесло, а как общественное служение, во имя этого служения организовала специальные кружки для судебной защиты революционеров, которых судили в царских судах, и во имя этой же идеи общественного служения сделала ряд попыток организовать также юридические консультации для обслуживания широких масс населения. Все эти попытки были грубо и решительно пресечены Щегловитовым, руководившим царским министерством юстиции в самую мрачную пору между двумя революциями (1905—1917 гг.)[1].

И лишь построение адвокатуры в 1922 г. дало впервые возможность раскинуть широкую сеть юридических консультаций, проникающих в самую толщу населения и дающих возможность получить юридический совет там, где ранее его найти никогда нельзя было. Коллективно организуемая правовая помощь населению перестала, таким образом, быть случайностью, зависящей от инициативы отдельных лиц или групп, она стала для адвокатуры публичной обязанностью, основанной на законе и законом гарантированной. Это возложило на адвокатуру большую и ответственную задачу построить и раскинуть общественные и юридические консультации по всей стране — в городе и в деревне, сделать их абсолютно доступными и в губернском центре и на периферии, в самой гуще населения. Чем ближе к населению спускалась первая инстанция суда, тем ближе к нему должна была стать и правовая помощь. Поэтому всякий, кто шел для работы в советскую адвокатуру, должен был дать себе совершенно ясный отчет в том, какие серьезные обязательства общественного характера он на себя принимает.

Поставленную перед ней законом задачу советская адвокатура, созданная законодательством 1922 г., в основном выполнила: по всей стране раскинута небывало широкая сеть юридических консультаций. Консультации эти как со стороны личного состава, так и со стороны материальной базы их существования являются целиком и полностью детищем самой адвокатуры. Консультации эти находятся в состоянии беспрерывного роста и совершенствования. В 1930 г. они претерпели изменение своей внутренней структуры (об этом ниже). Создание этой широко развитой сети юридических консультаций для оказания юридической помощи населению является одним из главных достижений советской адвокатуры как по сравнению с дореволюционной адвокатурой, так и по сравнению с адвокатурой любой из капиталистических стран. Советские юридические консультации действительно широко раскинуты, как в городе, так и в деревне и действительно проникают в самую гущу населения. Этого не имеет ни одна страна, кроме Советского союза.

Но для необъятных размеров Советского союза того количества консультаций, которые имеются еще и на сей день, совершенно недостаточно. Задача советской адвокатуры на будущее время состоит в том, чтобы, совершенствуя работу юридических консультаций с точки зрения непрерывного повышения качества их работы, позаботиться также и о дальнейшем росте количества консультаций, в особенности, на периферии и, в особенности, в деревне. Должно быть создано действительно такое положение, при котором бы никто, нигде и никогда не мог встретиться с какими-либо затруднениями в получении доброкачественной и культурной юридической помощи.

IV

За первое же пятилетие своего существования и прокуратура и адвокатура прочно вросли в жизнь. Вряд ли уже тогда можно было серьезно ставить вопрос о нужности или ненужности защиты в советском процессе и адвокатуры как организации, призванной к профессиональному выполнению обязанностей судебной защиты. Этот вопрос серьезно не возникал в первые годы после Октябрьской революции[1] и считался совершенно бесспорным и при кодификации советского судебного права в 1922 г. Но к концу рассматриваемого периода на адвокатском горизонте появились тучи. Это стояло в несомненной связи с положением, создавшимся в тот момент на правовом теоретическом фронте и с упрощенческими тенденциями, проявившими себя в судебной практике. Испытанное советской юстицией влияние правового упрощенства не могло, разумеется, не отразиться и на вопросах, связанных с адвокатурой и с защитой. В теоретической области основным выразителем ложных и вредительских теоретических построений, которые должны были служить квазн-научным обоснованием нигилистических, упрощенческих тенденций в области права, вообще, и в области уголовного процесса, в частности, являлся Пашуканис. Отсутствие к тому периоду углубленных, стоящих на ленинских позициях, теоретических работ в области права и, в част-

[1] История русской адвокатуры, т. 1, И. Б. Гессен, Адвокатура, общество и государство. 1914 г., стр. 452—454.

[1] В 1918 г. такая точка зрения была высказана А. А. Молочковым на страницах журнала «Пролетарская революция и право» № 7 за 1918 г., стр. 21 и сл. Никакого внимания эта статья к себе не привлекла и никаких последователей себе точка зрения автора не нашла.

вости, в области уголовного процесса, облегчили распространение этих воззрений — упрощенно-вульгарных, антиленинских и лженаучных.

Такое отношение к праву не могло, естественно, не отразиться, в частности, и на отношении к процессуальному праву. И процессуальное право было провозглашено подлежащим отмиранию по мере роста социалистического строительства, ибо «уголовный процесс как правовая форма» объявлялся лишь одной из форм специфически буржуазной сделки.

Пашуканис взял в общую скобку все буржуазное право, безотносительно к тому или иному этапу его развития. Буржуазно-демократическое право и фашистское право в его глазах не имеют отличия между собой. Стоя на такой позиции, он для своих насмешек избрал наиболее прогрессивный момент из истории развития буржуазно-демократического права, отвергаемый и сведенный на-нет фашизмом. Свои «процессуальные» воззрения он изложил на примере принципа процессуальной состязательности, который был введен в буржуазно-демократический процесс в тот период истории, когда буржуазия в борьбе с феодальным режимом являлась в исторической перспективе прогрессивным классом. Этот принцип состязательности является одним из культурных достижений уголовно-процессуального права и именно его избрал Пашуканис как «момент иррациональный, мистифицирующий, нелепый» и потому «специфически правовой» [1].

В действительности, под внешне революционной фразой, это не что иное, как борьба с демократическими элементами уголовно-процессуальной организации.

Действительное осуществление принципа процессуальной состязательности немыслимо, разумеется, без прочно организованной профессиональной защиты. Борьба с принципом состязательности была тем самым и борьбой с защитой в процессе. Высмеивание принципа состязательности вело тем самым к компрометированию положения защиты и адвокатуры.

Это отрицательное отношение к правовому регулированию, пренебрежение к правовой форме и правовым гарантиям, к сожалению, не осталось только на страницах выпущенных книг: и на практике был проведен ряд ошибочных и неудачных мероприятий, осуществлявших такое отрицательное отношение к процессуальному праву. При неизменности законодательных постановлений о защите — это отразилось на фактическом ее положении.

Составленные в 1927 и 1928 гг. проекты уголовно-процессуальных кодексов полностью отражали эти нигилистические тенденции в отношении защиты. Защита должна была по проекту 1928 г. [1] допускаться, по общему правилу, лишь по усмотрению суда. Суд не мог отказать в допущении защиты лишь в ограниченном количестве случаев: если обвиняемый являлся несовершеннолетним или был одержим физическими недостатками, лишающими его возможности правильно воспринимать окружающие явления, или если о допущении защиты специально ходатайствуют общественные или профессиональные организации. Наконец, в первой инстанции защита не могла быть устранена при участии в заседании прокурора. В кассационном же заседании защита могла быть устранена даже при участии прокурора. В тех случаях, когда участие защиты допущено в процессе, по усмотрению суда могут быть устранены прения сторон. Наконец, проект 1928 г. обязывает самого защитника отказаться в судебном заседании от защиты, если для защиты нет оснований.

К тому же кругу явлений относится публичное выступление одного из судебных работников, о котором нельзя не упомянуть. Речь идет о публичном докладе, с которым счел возможным выступить в 1929 г. бывший председатель Московского губернского суда и член коллегии Народного комиссариата юстиции Стельмахович. На публично организованном диспуте он выступил с докладом, в котором поставил ребром вопрос о том, нужна ли в советском процессе, вообще, защита, и решал этот вопрос в том смысле, что советский процесс тем и должен отличаться от буржуазного процесса, что в нем никакой защиты не требуется. Правда, в этом своем выступлении Стельмахович оказался совершенно одиноким и не был поддержан никем из участников этого диспута: ни судьи, ни прокуроры, ни адвокаты не только не стали на эту точку зрения, но ответили на это выступление дружной и резкой отповедью. Но совершенно несомненно, что это выступление лишь довело до абсурда ту точку зрения, которая проявлялась и на целом ряде других упрощенческих проектов. Известно, что проект УПК 1928 г., хотя и не получивший силы закона, оказал, тем не менее, сильное влияние на судебную практику, в частности, период времени 1929, 1930 и 1931 гг. отмечен максимальным за все время существования советской юстиции использованием возможности слушания дел без защиты как в первой инстанции, так и в кассационной инстанции.

В законодательной области попытки упрощенства получили лишь очень незначительное отражение в постановлении от августа 1929 г. об организации опытных судебных округов, в которых предполагалось произвести в виде опыта упрощение процесса. В состав этих упрощающих мероприятий входило, в частности, и полное устранение защиты от участия в кассационных заседаниях судов. Опыт этот очень быстро был признан неудавшимся и соответственные узаконения были признаны утратившими силу [2].

Эти вредные для советской юстиции и упрощенческие тенденции по вопросу о защите

---

[1] Прав был поэтому П. Юдин, когда указал, что на теоретическом правовом фронте именно Пашуканис является «основоположником» вульгаризации и искажений в области права» (см. ст. П. Юдина «Против путаницы, пошлости и ревизионизма» в «Правде» № 20 от 20/I 1927 г.).

[1] «Еженедельник советской юстиции» № 46—47 за 1928 г.

[2] С. У. № 67 за 1929 г. и № 37 за 1932 г.

нашли себе отражение и в области публицистики. Тогдашнее руководство издательства «Советское законодательство» нашло возможным выпустить пошлейший памфлет «Волчья стая», представляющий из себя грубый и грязный пасквиль на советскую адвокатуру [1]. Различные случаи нарушения и опошления отдельными адвокатами своих обязанностей, неизменно вызывавшие по отношению к себе дисциплинарную репрессию со стороны самой адвокатуры, изображены были в этом памфлете в качестве типовых особенностей, неминуемо и неразрывно связанных с самой профессией адвоката. Это был грубый и пошлый, доведенный до крайнего абсурда вывод из «теоретических» построений Пашуканиса о состязательности в процессе и упрощенческих тенденций некоторых судебных работников, попавшихся на удочку антиправовой пропаганды Пашуканиса и его последователей.

Нужны были какие-то решительные меры к тому, чтобы поднять значение защиты в процессе. Проведение этих мероприятий составляет содержание следующего, третьего периода истории советской адвокатуры.

V

Начало третьего периода относится к 1930 году, когда были проведены значительные изменения в порядке работы советской адвокатуры. Эти изменения имели для судеб адвокатуры настолько большое значение, что весь период, начиная с проведения этих мероприятий, правильно рассматривать особо от предыдущего периода в качестве самостоятельного. Мы имеем в виду организацию коллективов защитников.

Организация коллективов защитников была произведена внутри коллегий защитников. Поэтому это нововведение не затронуло внешнего правового положения коллегий защитников, как самоуправляющихся, публично-правовых организаций, состоящих при судах. Это положение коллегий защитников было полностью сохранено, и самая организация коллективов защитников была возложена на президиумы коллегий защитников.

Организация коллективов защитников формально не затронула также указанного в процессуальном законодательстве процессуального положения защитников, ибо законодательство это осталось неизменным. Что же касается фактического положения защиты в суде, значительно ухудшившегося к концу предшествующего периода под влиянием лженаучных «теорий» и упрощенческих тенденций, о которых мы говорили выше, то организация коллективов защитников именно в этом вопросе оказала весьма благотворное влияние. Организация коллективов защитников сводилась к следующему.

Мы уже выше указывали, что предыдущий период в истории советской адвокатуры, начатый законодательством 1922 г., характеризовался тем, что наряду с индивидуальной практикой адвокатов, как основной формой оказания юридической помощи населению, была создана широкая сеть юридических консультаций. Но в течение всего предшествующего периода эти консультации продолжали иметь лишь дополнительное значение по отношению к индивидуальной адвокатской практике.

Теперь поставлена была задача — изменить взаимное соотношение удельного веса этих двух форм адвокатской работы и сделать оказание юридической помощи через юридические консультации основной формой адвокатской работы вообще. Каждому из адвокатов предложено было на выбор: оказывать юридическую помощь или в форме индивидуальной практики или в форме работы юридической консультации. При этом лица, занимающиеся индивидуальной практикой, лишались права работы в юридических консультациях, хотя бы в порядке выполнения своих общественных обязанностей, а лица, работающие в консультациях, лишались права заниматься индивидуальной практикой.

Таким путем юридические консультации были превращены в коллективы защитников, как постоянно действующие учреждения. Клиент обращался в коллектив, а коллектив поручал оказание того или иного вида помощи одному из своих членов. Денежные расчеты за оказываемую помощь клиент должен производить непосредственно с коллективом. Труд членов коллективов оплачивается последними помесячным вознаграждением [1].

Поскольку лицам, занимающимся индивидуальной практикой, запрещена была какая-либо работа в организованных на общественных началах консультациях, постольку это, естественно, сказывалось до известной степени и на общественной оценке обоих видов адвокатской работы: индивидуально-практикующих адвокатов стали иногда рассматривать с общественной точки зрения как адвокатов второго ранга по сравнению с теми, кто работал в консультациях.

В начале 1930 г. коллегии защитников повсеместно перешли на новые рельсы. Преобладающее значение получили коллективы защитников. Индивидуальная практика сошла в этот момент почти на-нет.

При создании коллективов защитников было допущено на местах не мало ошибок и перегибов, которые относились, главным образом, к организации коллективов в порядке администрирования, вместо того, чтобы обеспечить и организовать создание их в порядке добровольного объединения адвокатов между собой для совместной работы, как это следовало сделать на основании изданного Народным комиссариатом юстиции типового Положения о коллективах [2].

---

[1] Вл. Валерин, Волчья стая, изд. «Советского законодательства», 1931 г.

[1] В различных коллективах и в различное время формы месячной оплаты были различны: твердые ставки, так наз. «марочная» система, сдельная оплата и т. д.

[2] Наличие этих ошибок, допущенных при организации коллективов в виде «принудительного распределения наличных кадров защитников по коллективам», была признана и народным комиссаром юстиции Н. В. Крыленко в его речи на общем собрании Московской коллегии защитников 9/VIII 1936 г., «Советская юстиция» № 27 за 1936 г., стр. 8.

Но две существенных ошибки были допущены и самим первоначальным Положением о коллективах защитников. Переоценив значение возражений и нападок против самого принципа соглашения между адвокатом и клиентом, в котором усматривалось создание зависимости адвоката от клиента, первоначальное постановление Народного комиссариата юстиции о коллективах защитников от 11 января 1930 г запрещало клиенту при обращении его за юридической помощью в коллектив избирать того или иного конкретного защитника, которому он желал бы доверить свои интересы, а обязывало его обращаться безлично в коллектив защитников, от которого уже зависело поручить дело тому или иному из своих членов[1].

От этого ограничения пришлось очень быстро отказаться, и постановлением Народного комиссариата юстиции от 21 марта 1930 г. каждому клиенту, обращающемуся в коллектив, предоставлено было право избирать того именно из членов коллектива, которому он доверяет[2].

Другая ошибка самого Положения о коллективах состояла в том, что индивидуально практикующим адвокатам была вовсе запрещена какая бы то ни было работа в консультациях, хотя бы в порядке выполнения своих общественных обязанностей. Такое решение вопроса не может считаться правильным, между тем это положение сохраняется и по сие время. Такой резкий отрыв индивидуально практикующих адвокатов от консультаций не может быть рекомендован. Соответствующие изменения должны быть произведены.

Не мало ошибок было также допущено и в работе президиумов коллегий защитников по организации коллективов, и самими коллективами, при организации своих работ, и судами, при осуществлении надзора за коллегиями защитников.

О недостатках в работе коллективов защитников и ряде мероприятий, необходимых для повышения качества их работ, нам приходилось уже высказываться на страницах «Социалистической законности». Поэтому мы позволяем себе не повторять в настоящей статье всех этих указаний.

Но, оценивая создание коллективов защитников в исторической перспективе, надо признать, что, несмотря на все указанные ошибки, это мероприятие имело, несомненно, и для советского уголовного процесса и для советской адвокатуры положительное значение в смысле укрепления самой идеи о необходимости защиты в процессе. Если под влиянием упрощенческих тенденций выросло, отрицательное отношение к защите и к адвокатским организациям, существование которых в тот момент было построено в основе на идее частной адвокатской практики, то создание коллективов защитников в значительной мере смягчило именно эти нападки на защиту и доказало невозможность обойтись без защиты на суде. У тех критиков адвокатуры, которые, исходя из преобладавшей в то время организационной формы оказания юридической помощи в виде частной практики, делали вывод о порочности самой функции защиты, организация коллективов защитников выбивала основной аргумент: критиковать процессуальную функцию защиты, исходя из неудовлетворявшей формы организации оказания юридической помощи, стало невозможно.

Коллективы защитников существуют с начала 1930 г., т. е. заканчивают восьмой год своего существования. Население к ним привыкло и совершенно несомненно, что они себе завоевали право на дальнейшее существование. Это не значит, конечно, что коллективы защитников не нуждаются ни в каких изменениях и улучшениях, программа которых должна быть тщательно продумана и разработана адвокатскими организациями на почве того Положения об адвокатуре, которое должно быть в ближайшем будущем издано.

Взаимоотношение удельного веса юридических консультаций и индивидуальной адвокатской практики в настоящий момент обратно пропорционально тому взаимоотношению, какое имелось в период времени с 1922 г. по 1930 г. Тогда основной формой оказания юридической помощи населению была частная практика и дополнением ее являлись юридические консультации.

Теперь основной формой является юридическая консультация, параллельно с которой и дополнительно к которой существует также возможность оказания юридической помощи в форме индивидуальной практики отдельных адвокатов. Это положение аналогично тому, которое имеется, например, и в системе здравоохранения. Амбулатория и поликлиника вместе с государственной больницей являются основными формами оказания медицинской помощи населению. Индивидуальная медицинская практика количественно занимает незначительное место по отношению к государственной медицинской помощи.

Оказание юридической помощи в адвокатских консультациях и оказание ее в форме индивидуальной практики является с точки зрения закона двумя равноправными формами адвокатского труда. Закон уважает одинаково обе эти формы труда, если только оказание юридической помощи производится субъективно, добросовестно и если оказываемая юридическая помощь объективно стоит на большой качественной высоте с правовой и политической точки зрения.

Перед советской адвокатурой на дальнейший период времени стоит большая и почетная задача дальнейшего развертывания сети юридических консультаций и обеспечение их высококвалифицированным личным составом.

VI

Организация коллективов защитников, несомненно, как мы указали уже выше, значительно укрепила процессуальное положение защиты на суде и ликвидировала самый вопрос о том — нужна или не нужна защита в советском суде. Этот вопрос перестал быть в какой бы то ни было степени дискуссионным. Но атмосфера вокруг защиты и тем самым вокруг адвокатуры, зараженная стараниями авторов лженаучных и реакционных «тео-

[1] «Еженедельник советской юстиции» № 4 за 1930 г., стр. 26.

[2] «Еженедельник советской юстиции» № 11 за 1930 г., стр. 26.

рий» типа Пашуканиса, еще не была тем самым полностью оздоровлена. Не мало энергии и внимания вопросу о необходимости оздоровления такой обстановки, созданной вокруг защиты, отдал Прокурор Союза А. Я. Вышинский. Его выступления на эту тему имели, несомненно, весьма большое практическое влияние, и при анализе этого периода в истории советской адвокатуры указанным выступлениям должно быть отведено заметное место.

Еще в 1933 г., выступая на собрании Московской коллегии защитников с докладом о революционной законности и задачах советской защиты, А. Я. Вышинский констатировал, что «к сожалению, в настоящее время в некоторых кругах работников наших органов юстиции оживают взгляды, которым надо дать решительный отпор, взгляды, которые, как раз, определяются недооценкой роли, места и значения на данном этапе нашего социалистического строительства органов советской защиты... Многие, или во всяком случае некоторые (правда, их становится за последнее время меньше, но кое-кто еще остается), думают, что отрицание защиты, отрицание необходимости работы защитника в советском суде является своего рода последним словом революционной теории процесса. Увы, в этой новизне старина слышится... Задачи советской защиты, добавлял к этому А. Я. Вышинский, нужно рассматривать не столько с точки зрения института, как одного из звеньев в системе учреждений, осуществляющих работу судебного порядка, сколько в качестве еще одного из культурных рычагов, и я прямо скажу: когда мы сейчас еще встречаемся с недооценкой роли защиты на фронте революционной, социалистической законности, то недооценка эта является не чем иным, как результатом некультурности [1].

К тому же вопросу об отношении к защите А. Я. Вышинский вернулся вновь на 1 всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников в апреле 1934 г., на котором он являлся основным докладчиком по программным вопросам работы суда и прокуратуры. «Положение защиты у нас таково, говорил он на совещании, что защиту у нас, в сущности говоря, только едва терпят, причем стараются всячески продемонстрировать свое пренебрежение к защите, думая, что они таким отношением к защите доказывают свою высшую «революционность». Такое отношение к защитникам и к защите — это своеобразное проявление пережитков капитализма в нашем сознании, это результат определенной некультурности. Некоторые думают, что таким отношением к защите они выражают нечто новое в процессе, делают самый советский процесс особенным, отличающимся именно этим от буржуазного процесса. В действительности же в этой «новизне старина слышится», ибо такое отношение в процессе к защите характеризует не пролетарский суд и даже не буржуазный суд, а крепостнический, дореформенный суд [1]. Сейчас роль защиты в советском суде, продолжал А. Я. Вышинский, особенно важна, так как через наши суды проходят в подавляющем большинстве трудящиеся, требующие высококачественной юридической помощи. Думать так, как думают некоторые, что в советском суде специального органа такой помощи не нужно потому, что сам суд защищит обвиняемого — тоже ошибочно, думать так — значит впадать в схему, рассуждать абстрактно, совершенно неизжненно» [2].

В следующем своем выступлении на совещании судебных работников УССР в Киеве в 1935 г. А. Я. Вышинский вновь остановился на вопросе о защите, связав его на этот раз с самыми основными положениями советского уголовного процесса. Если нигилистическое отношение к защите в упрощенческой теории и практике исходило из отрицательного реакционного отношения к демократическому принципу процессуальной состязательности, то именно необходимостью развития демократизма и состязательности аргументировал А. Я. Вышинский и необходимость укрепления защиты в советском процессе.

«В советском суде должны быть реализованы в полной мере принципы советской демократии, обеспечивающей всестороннее, объективное и исчерпывающее рассмотрение дел, дающей равные права и возлагающей равные обязанности на участвующие в процессе стороны, создающей крепкую гарантию справедливого и правильного решения дел, равно охраняющей интересы пролетарского государства и каждого трудящегося человека великой Страны советов. Сказанным определяется и ответ на вопрос о перспективах развития советского уголовного процесса. Развитие это идет вглубь и вширь. Не свертывание, а развертывание гласности, публичности, состязательности, равноправия сторон... Развитие нашего процесса должно идти по линии большего укрепления состязательности... Этим определяется и решение вопроса о защите в советском судебном процессе. Нужно окончательно отбросить попытки представить судебное дело так, будто бы объективный и справедливый судья не успехом может обойтись и без прокурора и без защитника. Как бы судья ни был объективен и подготовлен к выполнению своих трудных обязанностей — без помощи таких органов, как прокуратура, поддерживающая обвинение, и защита, представляющая соображения в пользу обвиняемых, ему не обойтись. Утверждать противное — значит просто не видеть и не знать жизни, фактически, объективно тянуть процесс назад, к системе розыскного, инквизиционного процесса, тоже пытавшегося обходиться без участия прокуратуры и защиты» [3].

Наконец, в августе 1936 г. А. Я. Вышинский остановился на том же вопросе, выступая на общем собрании Московской коллегии защитников. «Мне представляется одной из очень больших опасностей в нашей работе, — го-

---

[1] А. Я. Вышинский, Революционная законность и задачи советской защиты, 1933 г., стр. 28—30.

[1] «Социалистическая законность», № 5 1934 г., стр. 30.

[2] Там же, стр. 30—31.

[3] «Социалистическая законность», № 39 1935 г., стр. 15, 16.

рил он на этот раз, — то, что до сих пор имеется еще, несмотря на кое-где произнесенные слова, наличие очень глубокой недооценки роли и значения советской защиты в Советском союзе. Конечно, время сейчас не такое, чтобы можно было выйти на трибуну и сказать, что советская защита — это старая буржуазная защита и что с этой защитой нам не по дороге. Не такое сейчас время, чтобы сказать, что можно обойтись и без защиты. Было время, когда эти взгляды проповедывались достаточно откровенно. Сейчас с этими взглядами откровенно никто не выступает, но, под сурдинку, еще эти взгляды пробуют протащить в нашу жизнь и не столько в декларациях или выступлениях, сколько в практической работе, а это самое важное»[1].

Приведенными четырьмя своими выступлениями в 1933, 1934, 1935 и 1936 гг. А. Я. Вышинский сделал несомненно очень много для прояснения нездоровой атмосферы, сложившейся вокруг вопросов о защите. Эти выступления являются сами по себе фактором, повлиявшим на разрешение вопросов о защите в этот период времени, потому мы и позволили себе привести выше достаточно подробные выдержки из этих речей и докладов.

Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников, собравшееся в Москве в апреле 1934 г., происходило под знаком развернутой критики упрощенческих мероприятий, вообще, и, в частности, под знаком решительного осуждения распространенного к тому моменту отрицательного отношения к защите в процессе и организациям адвокатуры. В частности, по докладу А. Я. Вышинского Всесоюзным совещанием была принята резолюция следующего содержания: «Учитывая особую роль в данных условиях правильной организации защиты, считать необходимым принять меры как организационного, так и процессуального порядка, обеспечивающие соответствующую роль и авторитет советской защиты в уголовном и гражданском процессах»[2].

Эта резолюция знаменовала собой происшедший перелом в отношении к защите. В последующие годы перелом этот стал более отчетливым и ощутимым. Результатом этого перелома является вступление советской адвокатуры в четвертый, исторический период своего существования.

VII

Положение адвоката в уголовном процессе как защитника подсудимого неминуемо определяется процессуально-правовым положением самого подсудимого. Этот вопрос о процессуально-правовом положении подсудимого иногда формулируется так: является ли подсудимый в процессе объектом или субъектом. Самая постановка вопроса в такой форме представляется нам неправильной. В самом деле, трудно себе представить такое построение уголовного процесса, в котором подсудимый был бы только субъектом, не будучи в то же время объектом процессуального исследования. Поскольку в уголовном процессе подвергаются принудительному исследованию действия подсудимого, поскольку принудительно для него исследуется самая его личность, постольку несомненно, что подсудимый всегда является и не может не являться объектом судебного исследования, т. е. процессуальным объектом, и вопрос заключается не в том, является ли он в процессе объектом или субъектом, а в том является ли он только объектом или является также и процессуальным субъектом, наделенным определенными процессуальными правами. Фашистский процесс, например, решает этот вопрос в том смысле, что следует отбросить все демократические бредни о том, что подсудимый может иметь положение субъекта в уголовном процессе. Это не соответствует идеологии фашизма по собственному признанию его представителей. Можно, например, указать на одну из последних работ, посвященных вопросу о защите в фашистском процессе, принадлежащую Гюнтеру Гонделю и вышедшую в 1936 г.[1]. В ней прямо утверждается, что, с точки зрения идеологии национал-социализма, предоставление подсудимому прав процессуального субъекта не может быть терпимо и что, с точки зрения фашизма, подсудимый является и должен являться в процессе лишь объектом и более никем и ничем. Поэтому в фашистском процессе подсудимый не является и стороной в процессе. Это совпадает с общим отношением фашизма ко всем проявлениям хотя бы буржуазного демократизма. Поскольку предоставление подсудимому прав процессуального субъекта было в истории суда результатом проникновения демократических начал в буржуазный суд, постольку отрицание и пренебрежение ко всему демократическому должно было привести к отрицанию в фашистском процессе и этого демократического элемента. Подсудимый в фашистском процессе лишен и того положения процессуально-правового субъекта, которое он, в известных пределах, имел в буржуазно-демократическом процессе.

Пути развития советского процесса совсем иные. Его развитие за истекшие 20 лет представляется последовательным расширением его демократических основ и позиций. Советский процесс становится все более и более демократичным и состязательным. Подсудимый в советском уголовном процессе никогда не являлся только объектом процессуального исследования, но всегда занимал определенно выраженное положение процессуального субъекта, стороны в процессе, процессуально-равноправной прокурору, поддерживающему обвинение. Одним из основных прав подсудимого, как процессуального субъекта в состязательном процессе, является право иметь защитника, который бы пользовался всей полнотой прав стороны в процессе, равноправной обвиняющему прокурору, и являлся бы одинаково с последним авторитетным и подготовленным с правовой и общественной стороны.

---

[1] «Социалистическая законность», № 10 за 1935 г., стр. 9.

[2] «Социалистическая законность», № 5, за 1934 г., стр. 37.

[1] Günther Gonellung, Die Stellung des Verteidigers im modernen Strafprozess. 1936 г.

Это право подсудимого получило в настоящий момент квалифицированную правовую гарантию в постановлениях Сталинской Конституции, проект которой опубликован летом 1936 г. и которая стала основным законом страны 5 декабря 1936 г.

Статья 111 Конституции союза и соответствующие ей статьи республиканских конституций провозглашают принцип обеспечения подсудимому права на защиту. Этот процессуальный принцип поднят на высоту конституционного принципа. Лишение обвиняемого права на защиту перестает, таким образом, быть только процессуальным нарушением: оно становится нарушением конституционным [1].

В связи с этим сейчас рождаются тенденции дальнейшего развития защиты в процессе, диаметрально противоположные тем, которые были характерны для периода упрощенческих опытов. Если в упрощенческой практике предшествующего периода сказалась тенденция к сжатию и сокращению участия защиты в процессе, то теперь, наоборот, на очередь поставлен вопрос о расширении функций защиты.

«Сейчас мы находимся на перевале, сейчас мы стоим на пороге новой страницы в развитии жизни советской защиты и советской адвокатуры», говорил Прокурор Союза А. Я. Вышинский на общем собрании Московской коллегии защитников в августе 1936 г.

О том же говорил на этом же собрании и народный комиссар юстиции Союза Н. В. Крыленко, подчеркивая, что судебные реформы, вытекающие из Сталинской Конституции, должны, естественно, охватить и проблемы, связанные с адвокатурой и защитой.

Наиболее серьезным предложением, которое за последнее время сделано в связи с тенденцией к расширению процессуальных функций, защиты, является предложение о введении защиты на предварительном следствии. Об этом говорил А. Я. Вышинский на собрании московских адвокатов, об этом писал в юридической печати М. С. Строгович. Эта тема послужила предметом специального доклада, сделанного Московской коллегии защитников М. А. Чельцовым-Бебутовым. Предложение о введении защиты на предварительном следствии включено в проект общесоюзного уголовно-процессуального кодекса [2].

Этот вопрос требует очень подробного обсуждения как с теоретической, так и с практической точек зрения. В настоящей статье нет возможности уделить этому достаточно внимания. Самый же факт постановки этого вопроса свидетельствует о больших сдвигах, происшедших как в воззрениях на защиту, так и в требованиях, к ней предъявляемых.

«Думать, что можно построить правильно судебную работу без участия в ней защиты — абсолютно невозможно... говорил и писал А. Я. Вышинский... Мы находимся в таком периоде, на таком этапе нашего социалистического строительства, который требует еще гораздо большего расширения возможности защиты участвовать на суде, чем это было до сих пор... При правильной организации защиты, при высоком качестве, морально-политическом качестве, а это требование мы уже не только можем предъявлять, но и реализовать, — участие защиты, и только участие защиты поможет действительному и реальному снижению неправильно привлеченных к суду и следствию, поможет действительному осуществлению советского правосудия» [1].

Само собой понятно, какие новые задачи встают перед советской адвокатурой в случае допущения защиты на предварительном следствии, или, хотя бы, при окончании предварительного следствия, и в стадии предания суду. Совершенно естественно, что адвокатские организации должны подготовиться к такой возможности, а не быть ею застигнуты врасплох. Это еще раз ставит на очередь вопрос о кадрах адвокатуры, с одной стороны, и руководстве адвокатурой, с другой стороны.

VIII

На очереди — осуществление идей Сталинской Конституции во всех областях государственной жизни. В судебной области предстоит пересмотр и новая кодификация всего советского права — как материального, так и процессуального, охватывающего, в свою очередь, и судоустройство и судопроизводство. Естественно, поставлен вопрос и о выработке нового Положения об адвокатуре, которое должно определить организационные формы и условия работы адвокатуры на новый, открывающийся перед ней период. Перспективы предстоящей работы адвокатуры определяются итогами пройденного уже пути и должны считаться весьма благоприятными.

Вопрос о том, нужна или не нужна защита в советском суде, потерял уже какое бы то ни было значение, ибо необходимость защиты для советского уголовного процесса является к настоящему моменту уже процессуальной аксиомой. Так же вошло уже в судебный обиход признание за качественно высоко поставленной защитой значения одного из необходимых условий, обеспечивающих высокое качество работы суда в целом. Укрепились, таким образом, процессуальные позиции защиты. Вместе с тем поднялся и авторитет адвокатуры, на которую Сталинской Конституцией возложено выполнение большой государственной важности судебных задач, которые никогда не ставились перед адвокатурой ни в одной капиталистической стране.

Естественно, что перед лицом всех этих задач возникает вопрос о том, как при пер-

---

[1] См. об этом в моей ст. «О советской адвокатуре», «Социалистическая законность» № 10 за 1936 г. О том же писал недавно и М. С. Строгович в ст. «Некоторые процессуальные вопросы защиты в суде» «Социалистическая законность». № 4 за 1937 г.

[2] См. выступление А. Я. Вышинского на общем собрании Московской коллегии защитников, «Социалистическая законность», № 10 за 1936 г. М. С. Строгович, Некоторые процессуальные вопросы защиты в суде, «Социалистическая законность», № 7 за 1936 г., стр. 43—44. Доклад М. А. Чельцова-Бебутова еще не напечатан.

[1] «Социалистическая законность», № 10 за 1936 г. стр. 9—10.

смотре законодательства об адвокатуре решать основные, организационные вопросы.

Вопрос о новых организационных формах адвокатуры был впервые вынесен на публичное обсуждение народным комиссаром юстиции СССР Н. В. Крыленко в его выступлении на общем собрании членов Московской коллегии защитников 9 августа 1936 г. Нужно было дать ответ на два основных вопроса: во-первых, должен ли быть попрежнему положен в основу организации адвокатуры принцип самоуправления и, во-вторых, следует ли по прежнему строить организацию адвокатуры при судах, с подчинением их контролю и надзору именно со стороны суда. На первый из этих вопросов народный комиссар юстиции дал положительный ответ, на второй вопрос — отрицательный. Другими словами, адвокатура должна быть построена как самоуправляющаяся организация и, притом, независимая от органов суда [1].

Давая такое решение вопроса, Н. В. Крыленко исходил из необходимости обеспечить адвокатуре достаточно независимое положение наряду с судом и прокуратурой. «В организацию защиты, — говорил Н. В. Крыленко на указанном собрании московских адвокатов, — должен быть положен тот же принцип, который обеспечивал бы и защите определенную долю ее независимости при отправлении своих публично-правовых функций в суде, «которая, в свою очередь, гарантировала бы такое положение защиты, при котором она могла бы реально «помогать суду творить его великое дело борьбы со всем тем, что мешает социалистическому строительству, охраняя в то же время законные права и интересы каждого гражданина СССР... Судебный процесс, — продолжал Н. В. Крыленко, — всегда есть спор о факте, спор об оценке, спор о мероприятиях, вытекающих из факта и оценки. Спор же есть всегда столкновение взглядов и точек зрения, а столкновение различных точек зрения требует всегда обеспечения спорящим возможности свободно защищать свою точку зрения. Вот в каком смысле необходимо построить защиту так, чтобы обеспечить ей возможность осуществлять свои публично-правовые функции на основе глубокого убеждения, четкого знания закона и знания общей политики правительства и партии... Почему же необходимо для этого построить защиту на началах определенной независимости? Потому, что только при этом условии каждый защитник сможет защищать подсудимого, согласно своему политическому разуму и совести, вступая в спор за право и материальную истину с прокурором, а если нужно — и с самим судом. А этого не может быть при зависимости защиты от суда». Поэтому «эти коллегии защитников должны представлять собою определенные самоуправляющиеся единицы». Другими словами, защита должна быть организована «по принципу, который мы считаем из всех опытов, которые мы проводили до сих пор, наиболее себя оправдавшим, — по принципу самоуправляющихся коллегий защитников... В этом я вижу,— так заканчивал Н. В. Крыленко, — гарантию той независимости в судебной работе, которая должна быть обеспечена защите, как обеспечивает это проект Конституции судьям и прокуратуре» [1].

Эта точка зрения принята и в выработанном проекте нового Положения об адвокатуре.

Поскольку отпал вопрос о подконтрольности адвокатских организаций судам и поскольку новое решение вопроса сводилось к тому, что адвокатские организации должны быть построены так же независимо от суда, как и прокуратура, постольку, естественно, должен был во весь рост встать вопрос о новом порядке организации руководства адвокатскими организациями. «Необходимы одновременно определенный политический контроль и определенное руководство защитой со стороны органов правительства, — говорил Н. В. Крыленко в той же своей речи на Общем собрании Московской коллегии защитников, — ибо защита наша должна быть защитой советской, должна защищать права и интересы обвиняемых в соответствии с советскими законами, а не вопреки или в целях противодействия советским законам».

Из всех советских организаций адвокатура была до самого последнего времени единственной, не имевшей никакого центрального руководящего ею органа. Поэтому новую организацию руководства делом юридической помощи населению надо было, конечно, начинать с организации центрального руководства. Еще в апреле 1934 г., выступая на Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников по докладу А. Я. Вышинского, автор настоящей статьи выдвинул предложение о создании в составе центральных органов юстиции специального отдела или управления по организации защиты и, вообще, юридической помощи населению [2]. Мысль эта тогда не нашла себе ни реального осуществления, ни заметной поддержки и была поставлена вновь на очередь лишь в 1936 г., при создании Народного комиссариата юстиции СССР. Выступая на общем собрании Московской коллегии защитников в августе 1936 г., Н. В. Крыленко сообщил, что при выработке положения о только что созданном Народном комиссариате юстиции СССР решено в составе последнего создать специальное управление по организации защиты и юридической помощи населению. Для того же, чтобы это управление не было бюрократическим учреждением, предположено, как сообщил Н. В. Крыленко, привлекать к работам этого

---

[1] «Советская юстиция» № 27 за 1936 г., стр. 2—4. Эту точку зрения о необходимости построения адвокатуры вне зависимости от органов суда — автор настоящей статьи высказал на страницах «Социалистической законности» № 10 за 1936 г., стр. 13. Возражения против такой точки зрения см. в ст. Е. М. Львова также в «Социалистической законности» № 12 за 1936 г., стр. 58.

[1] «Советская юстиция» № 27 за 1936 г., стр. 2.

[2] «Стенографический отчет 1-го всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников» «Социалистическая законность» № 6 за 1936 г., стр. 57, а также ст. «О советской адвокатуре» в № 10 «Социалистической законности» за 1936 г.

управления адвокатскую общественность в лице представителей крупнейших адвокатских организаций[1]. И действительно, в составе НКЮ СССР создан специальный «Отдел судебной защиты и юридической помощи населению», на который возложено общее руководство и надзор за деятельностью адвокатских организаций, организация государственной защиты там, где нет этих адвокатских организаций, и общее руководство деятельностью всех юридических консультаций как организуемых адвокатурой, так и состоящих при профсоюзах и иных организациях[2].

Созданием этого отдела в составе НКЮ формально разрешена проблема организации центрального руководства адвокатурой. Тем самым Народный комиссариат юстиции становится для адвокатов и второй дисциплинарной инстанцией вместо судов на местах. Дисциплинарная подчиненность адвокатов судам, существовавшая вплоть до последнего времени, приводила на местах к большому количеству конфликтов как между судами и отдельными адвокатами, так и между судами и президиумами коллегий защитников. Это создавало на местах явно ненормальные взаимоотношения между судом и адвокатурой, при котором в действительности никакое эффективное руководство со стороны судов и не могло быть обеспечено. Перенесение второй инстанции дисциплинарного надзора в центр является совершенно правильным разрешением вопроса и, несомненно, будет способствовать и эффективности дисциплинарного контроля, с одной стороны, и укреплению авторитета адвокатуры на местах, с другой стороны.

Но организацией центрального руководства еще не исчерпывается проблема руководства адвокатскими организациями вообще. Остается еще весьма важный вопрос об организации руководства внутри каждой из адвокатских организаций на местах.

Проблема надлежащей организации руководства на местах сводится в основном к вопросу о выделении для этого надлежаще подготовленных для этого людей. Неоднократно указывалось на неудовлетворительное положение в этом вопросе и на недостаточное внимание к этому вопросу со стороны руководящих на местах партийных организаций. Одно время среди членов партии распространено было мнение о том, что им не подходит выступать в качестве защитника в процессе. Эта точка зрения должна быть решительно оставлена. Лишь тогда, когда и члены партии примут участие в активной адвокатской работе, вопрос о руководстве адвокатурой на местах сможет быть удовлетворительно разрешен. На это, в частности, обращал внимание в своем выступлении в Киеве и А. Я. Вышинский. «Нам нужно, — подчеркивал он, — добиться такого положения, когда бы коммунисты умели защищать и не считали бы для себя зазорным участие в нашей судебной работе в качестве защитников и этого нужно добиться во что бы то ни стало в силу именно того значения, которое принадлежит защите в уголовном процессе»[1].

В самом деле, нам уже приходилось указывать, что вряд ли можно представить себе такого председателя суда, который бы находил возможным руководить судом, но для себя лично считал бы зазорным председательствовать в судебных заседаниях. Вряд ли можно себе представить такого прокурора, который, руководя прокурорской работой, считал бы для себя невозможным выступить в качестве обвинителя или составить обвинительное заключение. А между тем во многих коллегиях защитников положение еще таково. Многие руководители президиумов коллегий сочли бы за насмешку над собой предложение выступить в качестве защитников в процессе. Настолько они далеки от мысли, что нужно самим участвовать в той работе, которой они руководят!

Во главе адвокатуры на местах должны стоять люди, которые сами бы принимали участие в профессионально-судебной работе адвокатуры и не считали бы, что они призваны только для администрирования и что занятие живой адвокатской работой для них самих предосудительно. Лишь при осуществлении этого условия руководство адвокатурой на местах может быть поднято на надлежащую высоту. Организация надлежащего руководства адвокатурой на местах имеет в настоящий момент тем большее значение, что надзор за адвокатурой, в целях придания ей большего авторитета, перенесен с периферии непосредственно в центр. Поэтому вслед за первым шагом — организацией органа центрального руководства в составе народных комиссариатов юстиции — должен быть сделан и следующий шаг: выделение надлежаще подготовленных и авторитетных лиц, которые бы могли с успехом организовать руководство адвокатурой на местах.

IX

«Кадры решают все»[2]. Одним из самых важных вопросов как истории советской адвокатуры, так и успешности ее дальнейших работ является вопрос об адвокатских кадрах.

При создании коллегий защитников в 1922 г. они были укомплектованы, главным образом, лицами, состоявшими до революции в составе присяжной адвокатуры — бывшими присяжными поверенными и бывшими помощниками присяжных поверенных. К этим старым дореволюционным адвокатским кадрам у работников советского суда было естественное и понятное недоверие. Этому способствовало, в частности, и враждебное отношение отдельных адвокатских групп к Октябрьской революции и ряд политических ошибок, допущенных отдельными адвокатами в своей профессиональной работе. В своем докладе на Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников в апреле 1934 г. А. Я. Вышинский остановился на том, что именно из состава дореволюцион-

[1] «Советская юстиция» № 27 за 1936 г., стр. 4.

[2] С. З. СССР № 62 за 1936 г.

[1] «Социалистическая законность» № 5 за 1935 г., стр. 17.

[2] Речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г. Партиздат. 1935 г.

ной адвокатуры укомплектованы были коллегии защитников в 1922 г. Коснувшись в связи с этим политического лица дореволюционной адвокатуры и наличия в ней контрреволюционных элементов, А. Я. Вышинский констатировал, что «здесь нужно искать одну из важнейших причин недоверия советского суда к советской защите». «В результате создалось то предубеждение по отношению к защитникам, которое нередко принимает открыто враждебную форму. Нечего греха таить, говорил А. Я. Вышинский, сами защитники во многом здесь виноваты. Засоренность кадров советской защиты, невысокая политическая квалификация отдельных защитников, стремление кое-каких враждебно настроенных к советскому государству защитников использовать суд как трибуну для пропаганды своих настроений, а иногда для прямой антисоветской работы, — все это не мало способствовало отрицательному отношению, и справедливо, судебных работников к нашей защите [1].

Многие судебные работники до последнего времени еще не разглядели изменений внутри адвокатуры: ни появления молодежи, кончившей советские высшие учебные заведения и никогда не состоявшей в дореволюционной адвокатуре, ни решительного изменения тех частей старых кадров, которые раньше могли вызывать сомнение по отношению к себе. Этим все проглядевшим судебным работникам дал превосходную отповедь Прокурор Союза А. Я. Вышинский на Всесоюзном совещании в апреле 1934 г.

«Ошибка таких товарищей, — говорил он, — очевидна: вместо борьбы с засоренностью кадров защитников, они начинали борьбу против защиты как института, третируя защитника как защитника. Они забывали при этом, что за 17 лет революции в коллегии защитников влились уже новые кадры, что за это время многие старые защитники «перевооружились», что многие из них честно и по-советски работают, что суд поэтому должен усвоить элементарное уважение к этой трудной и необходимой форме судебной работы.

В действительности, нередко суд действует по отношению к защите иначе — будто за 17 лет ничего не изменилось, будто перед судом не помощник суда, допущенный самим законом к исполнению высоких обязанностей советского защитника, а еще не пойманный и не разоблаченный классовый враг.

Вот почему кое-кто в нашей среде думает. «Проживем без защиты, защита не нужна и даже вредна...» Нужно позаботиться, чтобы среди защитников были хорошо отобранные люди, чтобы среди них не было людей, которым нельзя доверять защиту обвиняемых в советском суде, в суде пролетарской диктатуры. Но если гражданин допущен к работе защитника, то он должен быть поставлен в условия равноправного члена нашего общества, должен пользоваться таким же уважением, каким пользуются сам судья и сам прокурор» [2].

[1] «Социалистическая законность» № 5 за 1934 г., стр. 30, 31.
[2] Там же.

В другом своем выступлении — через год после приведенного выше — А. Я. Вышинский правильно подчеркивал другую сторону вопроса: «Раньше всего необходимо, чтобы защита была на должной высоте. К сожалению, в настоящее время защита наша и по своему составу и по качеству своей работы от этой высоты очень далека. Нам нужно обеспечить улучшение состава наших коллегий защитников, нам нужно влить в ряды советской защиты новых людей, улучшить социальный состав этих коллегий, усилить их комсомольскую и коммунистическую прослойку» [1].

И это наиболее срочная и наиболее важная задача, которая одинаково стоит сейчас как перед самой адвокатурой, так и перед органами государства, призванными к организации адвокатуры и к руководству ею: мы имеем в виду вопрос о кадрах адвокатуры. В связи с упразднением правовых факультетов несколько лет тому назад и созданием вместо них специальных институтов, готовивших лишь будущих работников суда и прокуратуры, адвокатура не имела нормального пополнения своего личного состава. Поэтому по сравнению со всеми другими организациями в адвокатуре, к величайшему сожалению, чрезвычайно невелик процент молодежи. И на Народном комиссариате юстиции СССР, в первую очередь, лежит сейчас задача дать в ближайшее же время адвокатуре достаточное количество молодежи, кончившей юридические институты. В особенности в этом нуждаются периферийные организации адвокатуры и, в первую очередь, адвокатура национальных республик. Для повышения квалификации работников адвокатуры было бы правильно, чтобы и часть выпусков Правовой академии также была направлена для работы в адвокатуру.

Второй большой вопрос, касающийся кадров, — это вопрос о надлежащей организации стажа для вступающей в адвокатуру молодежи. Должен быть поставлен и разрешен вопрос о создании из молодежи помощников адвокатов, которые бы проходили свой стаж под руководством квалифицированных руководителей. Вся тяжесть организационных забот падает в этом отношении на адвокатские организации, на их президиумы, на консультации и коллективы защитников и на старшее поколение адвокатов, для которых передача своего опыта и знаний молодежи должна явиться делом чести.

Но надо прямо сказать, что надлежащая организация стажа для молодежи недоступна для адвокатских организаций без материальной помощи государства. Для того, чтобы стажер мог действительно готовиться и совершенствоваться, он должен быть обеспечен некоторым минимумом в виде твердой ставки месячного вознаграждения. Обеспечить это месячное вознаграждение более или менее значительному количеству стажеров адвокатура сможет, лишь получив для этого дотацию от государства. Таким образом, организация стажа для адвокатской молодежи требует соединенных забот — народных комиссариатов юстиции и самих адвокатских организаций.

[1] «Социалистическая законность» № 5 за 1935 г., стр. 17.

Наряду с организацией стажа для молодежи, перед адвокатскими организациями стоит большая задача по поднятию квалификации всего, вообще, состава адвокатов. В этом отношении должно быть обращено большее чем до сих пор внимание на культивирование научно-юридической работы внутри адвокатских организаций, на создание курсов по усовершенствованию, на создание специального журнала и т. д. Конечно, такие мероприятия как курсы по усовершенствованию, журнал не могут быть реализованы в каждой краевой или областной адвокатской организации в отдельности, а, естественно, должны составить предмет специальных забот более крупных адвокатур, как Московская, Ленинградская, Киевская, Харьковская, Тбилисская и т. д.

Нельзя также не обратить внимания на необходимость изжития одного чрезвычайно неприятного и вредного явления, распространенного среди адвокатов. Это — угодничество перед органами суда и прокуратуры. Выступая на общем собрании Московской коллегии защитников в августе 1936 г., Прокурор Союза А. Я. Вышинский в очень энергичных выражениях сигнализировал об этой опасности: «Советскому государству, говорил он, советской власти и нашей партии не нужны защитники услужающие, не нужны защитники лотакающие, не нужны защитники ползущие и примыкающиеся. Нам нужны защитники, способные на героические подвиги, потому что наша работа — это работа, требующая сплошь и рядом геройских усилий и выдающегося мужества, выдающейся настойчивости, решительности и политической дальнозоркости. И только при наличии этих качеств мы и вы, и прокуратура и защита, действительно окажемся добрыми помощниками суда, не теми язагерами (jasager), которые поддакивают всякому выступлению прокурора или всякому решению суда, но которые могут бесстрашно, анализируя данное дело и заняв в этом деле свою позицию, суметь с достоинством и с честью отстаивать эту позицию до конца, подчиняясь только закону и собственной совести и никаким другим, очень вредным и опасным, так называемым, местным влияниям»[1].

К этому сигналу, исходящему от Прокурора Союза, адвокатура должна очень и очень прислушаться. Президиумы адвокатур должны принять действенные меры к тому, чтобы этого явления больше среди адвокатов не было.

Защитника нельзя в нашу эпоху рассматривать упрощенно, как «специалиста», не обязанного быть политическим работником. Такое противопоставление советского специалиста, с одной стороны, и политического работника, с другой стороны, имело хождение в самые первые годы после Октябрьской революции. В наше время это противопоставление является вредным анахронизмом. В настоящее время всякий член советской адвокатуры в такой же степени политический работник, как судья и прокурор. Это должны знать и помнить все те, кто работает в организациях советской адвокатуры, и все те, кто имеет в виду посвятить себя адвокатской деятельности.

Поэтому надлежащая политическая подготовка и надлежащая политическая квалификация так же нужны советскому адвокату, как и научная подготовка и профессиональная подготовка.

Возлагаемую на советскую адвокатуру Сталинской Конституцией почетную обязанность советская адвокатура должна с честью выполнить. Доверие, оказанное ей самой демократической из всех конституций мира, советская адвокатура обязана оправдать.

---

[1] «Социалистическая законность» № 10 за 1936 г., стр. 11.

Это явление «угодничества» или «подхалимства» обращает на себя внимание и внутри самой адвокатуры. В частности, и автор настоящей статьи счел себя обязанным обратить внимание на всю серьезность этого явления на I всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников в апреле 1934 г. (см. «Социалистическую законность» № 6 за 1936 г., стр. 57).

Г. ЛЕПЛЕВСКИЙ

О состоянии преступности в СССР

Наступает 20-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. К ознаменованию этой замечательной исторической даты готовится все население нашей страны. Каждый рабочий, колхозник, каждый работник умственного труда, каждый сознательный и честный гражданин Союза ССР может с ясной совестью и гордо поднятой головой оглянуться на пройденный путь.

Нищая, разоренная страна, влачившая жалкое существование под гнетом векового господства царей, капиталистов, помещиков и кулаков-мироедов, страна, в которой наряду с отдельными островками концентрированного капитализма еще господствовали полуфеодальные, а подчас и полупатриархальные порядки, вышла, в результате Октябрьской революции, на широкую дорогу своего исторического развития.

Рабочий класс при поддержке основной массы крестьянства, под руководством великой Коммунистической партии, под знаменем Ленина — Сталина свергнул помещиков и капиталистов и взял власть в свои руки.

За 20 лет своего победоносного шествия пролетариат бывшей Российской империи, в теснейшем союзе с бедняцко-середняцкой массой, сломал старую государственную машину, служившую целиком интересам эксплоататорских классов, разгромил внутреннюю и внешнюю контрреволюцию и построил новый тип государства, прообразом которого являлась Парижская коммуна.

Восстановив по окончании ожесточеннейшей гражданской войны разрушенное хозяйство, осуществив гениальный стратегический маневр Ленина—Сталина, авангард рабочего класса, партия большевиков блестяще разрешила задачу стремительного и бурного восстановления хозяйства в нашей стране. Социалистическая индустриализация нашей страны и проведенная твердой и уверенной рукой, несмотря на решеное сопротивление социалистическому наступлению деревенского кулачества и остатков городской буржуазии, коллективизация сельского хозяйства, самого отсталого участка народного хозяйства, преобразовали и в корне изменили весь облик нашей советской земли. Вместо двух с лишним миллионов раздельных (мелких и мельчайших) крестьянских хозяйств наше сельское хозяйство вышло на дорогу коллективного земледелия с применением на наших социалистических полях сотни тысяч тракторов, десятков тысяч комбайнов, сложных и сложнейших сельскохозяйственных машин, минеральных и химических удобрений и всех тех механических и технических средств, которые могут быть присущи только передовому социалистическому земледелию.

Пройденный рабочим классом и крестьянством путь хозяйственного и культурного развития в республике советов поистине замечателен.

Огромные успехи одержаны не только на хозяйственном фронте: на всех участках нашего культурного строительства, в науке, в искусстве одержаны крупные успехи. Многие происходящие в СССР конгрессы ученых, на которые съезжаются лучшие люди науки всего мира, наши выставки, ведущее положение нашего театра — служат этому достаточно ярким свидетельством.

Изумившие недавно весь цивилизованный мир геройские подвиги Чкалова, Громова и других наших летчиков стали возможными не только благодаря высокому развитию нашей авиационной промышленности, но и благодаря замечательным успехам советской науки.

К празднованию 20-й годовщины наш трудовой народ идет с замечательнейшим документом нашей эпохи — с великой Сталинской Конституцией, насквозь проникнутой духом последовательного социалистического демократизма. Этот документ отразил одержанные за 20 лет рабочими, колхозниками и советской интеллигенцией победы всемирно-исторического значения как на хозяйственном, так и на культурном фронтах.

Все это, естественно, не могло не отразиться на изменении состояния преступности в СССР и на самом характере совершаемых преступлений.

Преступность в СССР из года в год систематически снижается. Если число осужденных в первой половине 1933 г. принять за 100%, то к первой половине 1936 г. по РСФСР, например, оно равнялось уже только 51,8%, а по Белорусской ССР — 24.5%. Такое же снижение наблюдается и в Украинской ССР, и в Закавказье, и в Среднеазиатских республиках.

Общее количество зарегистрированных преступлений в СССР в 1936 г. составило всего лишь 59,85% по отношению к количеству зарегистрированных преступлений в 1934 г.

Характерно, что наиболее значительное снижение дают имущественные преступления, разных видов убийства и тяжелые телесные повреждения. Так, например, за тот же приведенный выше период число невооруженных ограблений сократилось на 66,4%, вооруженных — на 69,8%, краж — 5,2%. Скотокрадство снизилось почти в 5 раз, поджоги — в 4 раза.

Еще более интересны данные, относящиеся к закону от 7 августа 1932 г., об охране общественной (социалистической) собственности. Если принять число осужденных в 1933 г. по закону от 7 августа 1932 г. за 100%, то в 1935 г. по РСФСР было осуждено лишь 8% от этого количества. За время с первой половины 1935 г. по 1936 г. число осужденных по той же РСФСР сократилось в 3 раза. По УССР — в 4 раза.

Громадное снижение числа осужденных по закону от 7 августа 1932 г. явилось результатом не столько более тщательного расследования дел, более осторожного и осмотрительного отношения к возбуждению уголовного преследования по этому закону, сколько следствием действительного снижения самого числа преступлений. Миллионы тружеников

совхозов, колхозов, фабрик и заводов ответили на закон от 7 августа удесятерением своих усилий по охране государственного и общественного имущества. Эти усилия не пропали даром. Хищения социалистической собственности, являющейся основой социалистического строя, непрерывно сокращаются.

Ряд судебных процессов, удачно проведенных, при широкой мобилизации советской общественности, помог в свое время вскрыть различные рычаги и пружины, которыми пользовались и пользуются хищники в своих преступлениях. Беспощадный удар, нанесенный советским судом врагам народа, расхищавшим советское добро, отбил у многих из них охоту заниматься этим делом.

Необходимо сказать, что статистика преступности СССР знает ряд преступлений, неизвестных законодательству капиталистических стран. Так, например, в последние годы во всех судебных отчетах и статистических сведениях появилась графа «дела, связанные со стахановским движением». Товарищ Сталин в своей исторической речи на первом Всесоюзном совещании стахановцев с исключительной глубиной показал историческое значение стахановского движения для победы коммунизма. Классовый враг оказывает решительное сопротивление развертыванию стахановского движения, используя мелкобуржуазные пережитки в сознании неустойчивых элементов из среды трудящихся. Это сопротивление проявляется в самых разнообразных формах, начиная с оскорбления стахановцев, создания для них нездоровых условий в быту и работе и кончая террористическими актами против них.

23 ноября 1935 г. была зверски убита стахановка-комсомолка Зоя Пупыкина, электросварщица вагоно-ремонтного пункта станции Ерш во. Убийство Пупыкиной было совершено Беловым и Крылатовым, которые имели уже судимость за уголовные преступления, бежали из-под стражи и скрывались от следственных органов. Отец и двое братьев Белова были в свое время осуждены за контрреволюционные преступления. Убийцы сознались, что убийство стахановки Зои Пупыкиной было ими совершено с целью мести советской власти.

Известен также следующий факт исключительно зверской расправы кулаков со стахановцем хлопковых полей Саматом Бекмуратовым.

Бекмуратов был одним из пионеров перенесения стахановских методов на хлопковые поля. Он добился высокой урожайности и значительного перевыполнения плана сбора хлопка на участке своей бригады. Борьба Бекмуратова за применение стахановских методов была неразрывно связана с борьбой за высокую трудовую дисциплину и встретила ожесточенное сопротивление группы классово чуждых элементов, пробравшихся в колхоз. Трое из числа бригады, отъявленные лентяи, не желавшие честно работать на полях колхоза, напали на спавшего в своей кибитке Бекмуратова и зверски его убили.

Сопротивление стахановскому движению классово враждебных и бюрократических элементов должно было встретить и встретило жестокий отпор со стороны всех органов пролетарской диктатуры.

Особо следует остановиться на совершаем в СССР преступлениях государственных и пр тив порядка управления.

Разбитые в открытом бою классовые враги капиталисты, помещики и преданные их инт ресам служилые элементы из интеллигенц после Октябрьской революции не примирили с победой рабочего класса. Бывшие царск чиновники и доверенные лица финансовых промышленных воротил объявили советско государству саботаж и думали этим пут ослабить или подорвать молодое советск государство. Эта карта была бита. Годы зат нувшейся гражданской войны окончились по ным провалом и поражением внутренн контрреволюции, поддержанной интервенци армий капиталистических стран.

Классовый враг не сложил оружия и окончании гражданской войны. Шахтинск дело, процесс промпартии показали нов формы и методы борьбы остатков эксплоат торских классов с советской властью.

Сомкнувшиеся с остатками разбитых эк плоататорских классов и белогвардейщин троцкистско-бухаринские предатели и измен ки предприняли новую атаку против советско государства, не остановившись перед сговор с разведками и штабами иностранных фаши ских государств в целях восстановления в ш шей стране капитализма.

Совершенно естественно, что социалистич ское государство рабочих и крестьян обр шило на эту подлую предательско-изменни скую работу всю силу и мощь пролетарск диктатуры.

Весь трудовой советский народ показ полную преданность партии и правительств и решимость во что бы то ни стало под з менем Ленина—Сталина утвердить и зак пить завоевания социализма.

Социалистическое общество вправе прот отдельных лиц, групп и группочек, мечта щих о восстановлении старых капиталистич ских порядков, ответить сокрушительным у ром.

Так обстоит дело с состоянием преступн сти в СССР, в стране победившего социализ создающей и уже создавшей новую культу новых людей, новые взаимоотношения э людей, их новое отношение к труду, к соц листическому обществу.

В то же время в капиталистических стра количество преступлений все более растет внушает серьезную тревогу правящим круг капиталистического мира. Особенно приста ного внимания заслуживает положение с пр ступностью среди молодежи в капиталисти ских странах. За годы империалистическ войны и последовавшего за нею экономи ского развала преступность детей по офи альным данным Германии и Австрии выр на 100%.

В Англии число осужденных несовершен летних с 1914 г. до 1918 г. также выросло 18%. Увеличилась детская преступность США и в нейтральных странах. Таким об зом, за войну, которую вели империалисты имя увеличения своих барышей, больше все расплачиваются дети пролетариата. При эт надо отметить, что официальная статисти этих стран в малой степени отражает дейст тельное положение вещей.

Преступность среди населения капиталистического мира является прямым следствием самой системы экономических отношений товарного производства, характеризующегося анархией, постоянно сменяющими друг друга экономическим оживлением и наступающей вслед за ним жесткой депрессией, а иной раз и длительным, хроническим, затяжным кризисом, огромной армией безработных, нищенствующих элементов и т. п. Все это не может не вызывать непрестанно растущего количества преступлений, совершаемых на почве недоедания, нищеты, голода, разорения и всех тех болячек и язв, которые постоянно сопутствуют буржуазному способу хозяйства. Целый ряд преступлений в буржуазных странах имеет постоянный характер. Ни одна столица самого передового буржуазного государства Европы и Соединенных штатов Америки не свободна и никогда не будет свободна от грабежа, разбоя, убийств и самых разнузданных преступлений. Особенно бурно возрастает количество преступлений в странах, где господствует террор кровожадной фашистской диктатуры.

Хорошо знакомые нашему дооктябрьскому обществу отвратительные социальные явления, как проституция, сохачество, профессиональное нищенство, почти совершенно исчезли с лица нашей земли.

Преступления всех видов в СССР явно снижаются. Все это говорит о победах, одержанных нами и на этом фронте — на фронте борьбы с преступностью, о победах, которые являются результатом утверждения в нашей стране социалистической экономики.

Нет никакого сомнения в том, что дальнейший расцвет социалистического хозяйства и неразрывно связанный с ним расцвет социалистической культуры будет способствовать все большему и большему снижению преступности и, наряду с преодолением пережитков капитализма в экономике и в сознании людей, приведет к полному исчезновению преступности.

Не может быть и не будет места преступности в коммунистическом обществе, в обществе будущего, к которому уверенным шагом идет наша великая родина.

А. ГЕРЦЕНЗОН

Двадцать лет социалистического уголовного законодательства

Разработка теории социалистического уголовного права предполагает глубокое, всестороннее изучение истории социалистического уголовного законодательства. Между тем — как бы это ни казалось парадоксальным — в нашей уголовноправовой литературе можно найти целый ряд хороших работ по истории буржуазного уголовного права и законодательства, и нет ни одной работы по истории советского уголовного права, которая бы стояла на действительно высоком теоретическом уровне.

Этот факт, конечно, не является случайным. Отрицание специфики советского, социалистического права, низведение его до роли какого-то «буржуазного по форме права», признание нашего Уголовного кодекса «типично буржуазным по форме кодексом», провозглашение важнейших институтов уголовного права «юридическим барахлом», лозунги скорейшего «выстривания советского права, — эти и иные «идеи» вредительской школки врага народа Пашуканиса явились той «теоретической» основой, которая влекла за собой отрицание необходимости изучения истории первого в мире социалистического уголовного законодательства. Пренебрежение к вопросам истории социалистического уголовного законодательства сочеталось у ряда криминалистов с глубоким невежеством в области законодательства.

Одним из важнейших условий изучения истории уголовного законодательства является составление его хронологии. Законодательство РСФСР за двадцать лет и законодательство СССР за пятнадцать лет насчитывает около 750 документов, посвященных полностью уголовному праву (уголовное право материальное и процессуальное, судоустройство).

Если же учесть уголовное законодательство других союзных республик [1], то число законодательных уголовноправовых документов, изданных за двадцать лет существования социалистического государства, будет еще более значительным.

Составление хронологии истории уголовного законодательства только тогда получает твердую научную базу, когда сама хронология исходит из теоретически верной периодизации развития законодательства. Было бы ошибочным, составляя хронологию истории социалистического уголовного законодательства, давать периодизацию его развития, оторванную от общей периодизации истории социалистического государства. Поэтому в основу нашей работы мы положили схему периодизации, которую дал товарищ Сталин в своем письме составителям учебника истории ВКП(б) «Об учебнике истории ВКП(б)».

[1] Эта работа нами в настоящее время ведется, но еще не закончена.

В этом письме товарищ Сталин указал: «Я думаю, что наши учебники по истории ВКП(б) неудовлетворительны по трем главным причинам. Неудовлетворительны либо потому, что они излагают историю ВКП(б) вне связи с историей страны; либо потому, что ограничиваются рассказом, простым описанием событий и фактов борьбы течений, не давая необходимого марксистского объяснения; либо же потому, что страдают неправильностью конструкции, неправильностью периодизации событий» [1].

В соответствии с данной товарищем Сталиным периодизацией истории нашей страны, мы разбили историю уголовного законодательства на следующие шесть периодов:

1. Период проведения Октябрьской социалистической революции (1917—1918).
2. Период гражданской войны (1918—1920).
3. Период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925).
4. Период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929).
5. Период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934).
6. Период борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведение новой конституции (1935—1937).

При составлении предлагаемой вниманию читателей хронологии истории советского уголовного законодательства мы считали необходимым дать только те законы, которые специально посвящены уголовному праву, уголовному процессу и судоустройству. В настоящей работе, таким образом, остаются незатронутыми те декреты и постановления, которые посвящены различным вопросам социалистического строительства и содержат вместе с тем отдельные указания на наказуемость тех или иных деяний. Таких декретов и постановлений мы насчитали около 500, и они подлежат специальному исследованию и систематизации.

Перечень уголовного законодательства дан применительно к принятой нами периодизации; в период 1917—1922 гг. приводится законодательство РСФСР, для последующих лет дается разбивка законодательства на А. — Союзное и Б. — Республиканское (РСФСР) [2].

По каждому приводимому в хронологии закону или постановлению дается точное его название, наименование органа, издающего его, дата принятия закона, год издания и номер «Собрания узаконений» или «Собрания законов», в котором опубликован закон.

Законодательный материал приводится в хронологическом порядке его опубликования в «СУ» или «СЗ»; в некоторых случаях хронологичность помещения законов нарушается самим «СУ» и «СЗ». Однако мы не нашли возможным нарушать установленную нумерацию «СУ» и «СЗ».

Приводимые в тексте сокращения являются общепринятыми. Везде, где указывается СНК, следует иметь в виду СНК РСФСР; указание СНКС означает СНК Союза, указание ЦИКС—ЦИК Союза и т. д.

---

[1] «Пропагандист» № 10, стр. 1.

[2] Законодательство разработано по май 1937 г.

Предлагаемая вниманию читателей хронология истории уголовного законодательства СССР и РСФСР как первый опыт работы подобного рода не может претендовать на исчерпывающую полноту.

Несомненно, потребуется дальнейшая работа над изучением хронологии истории социалистического уголовного законодательства. Однако мы полагаем, что и в настоящем ее виде она окажется полезной для изучения основных этапов развития социалистического уголовного законодательства, создавшегося и развивающегося по гениальным указаниям Ленина—Сталина.

ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИИ УГОЛОВНОПРАВОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СССР И РСФСР ЗА 20 ЛЕТ

(Уголовное право. Уголовный процесс. Судоустройство)

I период — период проведения Октябрьской социалистической революции (1917—1918 гг.)

Законодательство РСФСР

1917 год

1. Об отмене смертной казни
(Декрет 2 Всероссийского съезда советов, СУ, 1917, № 1).
2. О рабочей милиции
(Пост. НКВД от 28/X, СУ, № 1).
3. О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира
(Обращение СНК, СУ, 1917, № 3).
4. О борьбе с саботажем высших почтово-телеграфных чиновников
(Обращение Наркома почт и телеграфа 9/XI, СУ, 1917, № 3).
5. О борьбе с спекуляцией
(Обращение СНК, 1917, № 3).
6. О суде
(Декрет СНК от 22/XI, СУ, № 4).
7. О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым Центральной радой
(Обращение СНК, СУ, 1917, № 4).
8. О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией
(Обращение СНК, СУ, 1917, № 4).
9. Об аресте вождей гражданской войны против революции
(Декрет СНК от 28/XI, СУ, 1917, № 5).
10. Об организации гласных товарищеских судов во всех воинских частях Петроградского военного округа
(Приказ Полевого штаба Главнокомандующего от 3/XII, СУ, 1917, № 5).
11. О саботаже чиновников Министерства продовольствия
(Обращение Наркома по продовольствию, СУ, 1917, № 5).
12. О признании СНК Народной украинской республики и о предъявленном Центральной раде ультиматуме ввиду ее контрреволюционной деятельности
(Обращение СНК от 4/XII, СУ, 1917, № 6).

13. О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений

(Пост. Наркома юстиции от 16/XII, СУ, 1917, № 9).

14. О мерах заключения задержанных и об учреждении при тюрьмах следственных комиссий, проверяющих правильность и законность ареста

(Пост. Наркома юстиции от 15/XII, СУ, № 9).

15. О Революционном трибунале печати

(Пост. Наркома юстиции от 18/XII, СУ, 1917, № 10).

16. Об избрании советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов комиссаров юстиции впредь до создания постоянных судебных установлений и об обязанностях избранных комиссаров

(Пост. НКЮ от 19/XII, СУ, 1917, № 11).

17. О Революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний

(Инструкция НКЮ Революционному трибуналу от 19/XII, СУ, 1917, № 12).

1918 год

18. О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоения себе функций государственной власти

(Пост. ВЦИК, СУ, 1918, № 14).

19. О направлении неоконченных дел упраздненных судебных установлений

(Декрет ВЦИК от 29/XII, 1917, СУ, 1918, № 15).

20. О комиссиях для несовершеннолетних

(Декрет СНК, СУ, 1918, № 16).

21. О тюремных рабочих командах

(Пост. НКЮ, СУ, 1918, № 19).

22. О кассационном отделении НКЮ

(Пост. НКЮ от 25/I, СУ, 1918, № 21).

23. О суде (декрет № 2)

(Декрет ВЦИК, СУ, 1918, № 26).

24. О Революционном трибунале печати

(Декрет СНК, от 28/I [1], СУ, 1918, № 28).

25. О третейском суде

(Декрет ВЦИК от 16/II, СУ, 1918, № 28).

26. О взяточничестве

(Декрет СНК от 8/V, СУ, 1918, № 35).

27. О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими

(Декрет ВЦИК от 9/V, СУ, 1918, № 35, п. 3 декрета).

28. О революционных трибуналах

(Декрет СНК от 4/V, СУ, 1918, № 35).

29. Об освидетельствовании душевно-больных (инструкция)

(Пост. НКЮ, СУ, 1918, № 40).

30. О праве убежища

(Декрет ВЦИК от 28/III, СУ, 1918, № 41).

31. О Революционном трибунале при ВЦИК

(Декрет ВЦИК и СНК от 29/V, СУ, 1918, № 41).

32. Об отмене всех доныне изданных циркуляров о революционных трибуналах

(Пост. НКЮ, СУ, 1918, № 44).

33. Об учреждении Кассационного отдела при ВЦИК и порядке кассации приговоров революционных трибуналов

(Декрет ВЦИК от 11/VI, СУ, 1918, № 45).

34. О суде (декрет № 3)

(Декрет СНК, СУ, 1918, № 52).

35. Об организации и действии местных народных судов (инструкция)

(Пост. НКЮ от 23/VII, СУ, 1918, № 53).

36. О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (временная инструкция)

(Пост. НКЮ от 23/VII, СУ, 1918, № 53).

37. О спекуляции

(Декрет СНК от 22/VII, СУ, 1918, № 54).

38. О фронтовых полковых (отрядных) местных судах (положение)

(Приказ НК по военным делам 23/VII, СУ, 1918, № 55).

39. О ротных товарищеских судах (положение)

(Приказ НК по военным делам от 23/VII, СУ, № 55).

40. О набатном звоне.

(Пост. СНК от 30/VII, СУ, 1918, № 57).

II период — период гражданской войны (1918—1920)

Законодательство РСФСР

1918 год

41. О красном терроре

(Пост. СНК от 5/IX, СУ, 1918, № 65).

42. О губернских и уездных чрезвычайных комиссиях по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (положение)

(Пост. ВЧК, СУ, 1918, № 66).

43. Об усилении уголовной репрессии за перевозку помимо почтового ведомства писем, денег и маловесных посылок

(Пост. СНК от 19/IX, СУ, 1918, № 70).

44. О принятии Народными комиссариатами продовольствия, путей сообщения и по военным делам мер борьбы со спекуляцией и незаконным провозом муки и зерна и других продовольственных продуктов

(Пост. СНК от 28/IX, СУ, 1918, № 71, п. 4 постановления).

45. Об организации советской рабоче-крестьянской милиции (инструкция)

(Пост. НКЮ и НКВД, СУ, 1918, № 75).

46. О Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (положение)

(Декрет ВЦИК, СУ, 1918, № 80).

47. О народном суде РСФСР (положение)

(Декрет ВЦИК от 30/XI, СУ, 1918, № 85).

48. О досрочном освобождении

(Пост. НКЮ от 25/XI, СУ, 1918, № 85).

49. О точном соблюдении законов

(Пост. VI Всероссийского чрезвычайного съезда советов от 8/XI, СУ, 1918, № 90).

50. О точном и быстром исполнении распоряжений центральной власти и устранении канцелярской волокиты

(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 8/XII, СУ, 1918, № 93).

[1] Здесь и далее — даты по новому стилю.

51. О производимых ВЧК арестах ответственных служащих и специалистов
(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны, СУ, 1918, № 94).
52. О дезертирстве
(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 25/XII, СУ, 1918, № 99).
53. Об освобождении некоторых категорий заключенных
(Пост. VI Всероссийского съезда советов от 6/XI, СУ, 1918, № 100)[1].

1919 год

54. Об упразднении уездных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности
(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 1).
55. Об отделах юстиции губернских исполнительных комитетов (положение)
(Пост. НКЮ, СУ, 1919, № 2).
56. О подотделах медицинской экспертизы медико-санитарных отделов Советов депутатов (положение)
(Пост. НКЗдрава от 1/II, СУ, 1919, № 3).
57. О кабинетах для освидетельствования при отделах медицинской экспертизы
(Пост. НКЗдрава от 1/II, СУ, 1919, № 3).
58. О правах и обязанностях государственных медицинских экспертов
(Пост. НКЗдрава от 28/I, СУ, 1919, № 3).
59. Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны
(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 5).
60. О Рабоче-крестьянской железнодорожной милиции (положение)
(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 5).
61. Об особых отделах при ВЧК (положение)
(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 6).
62. О мерах борьбы с дезертирством
(Декрет Совета рабоче-крестьянской обороны от 3/III, СУ, 1919, № 9).
63. Об отделах юстиции в Москве и Петрограде (инструкция)
(Пост. НКЮ от 10/III, СУ, 1919, № 10—11).
64. О начальнике охраны и обороны всех железных дорог республики и о начальниках внешней охраны железных дорог на фронте (положение)
(Приказ РВСР от 25/II, 1919, № 10—11).
65. О лагерях принудительных работ
(Декрет ВЦИК, СУ, 1919, № 12).
66. О Всероссийской чрезвычайной комиссии
(Пост. ВЦИК от 17/II, СУ. 1919, № 12).
67. О революционных военных трибуналах (положение)
(Пост. РВСР от 4/II, СУ, 1919, № 13).
68. О революционных трибуналах (положение)
(Декрет ВЦИК, СУ, 1919, № 13).
69. О Советской рабоче-крестьянской милиции
(Декрет СНК от 3/IV, СУ, 1919, № 13).
70. Об освобождении от заключения некоторых категорий арестованных и осужденных
(Пост. ВЦИК от 25/IV, СУ, 1919, № 14).

71. О порядке применения частичной амнистии (инструкция)
(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 14).
72. О Речной советской рабоче-крестьянской милиции (положение)
(Декрет ВЦИК от 23/IV, СУ, 1919, № 18).
73. О лагерях принудительных работ
(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 20).
74. Об организации особых отделов при ВЧК
(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 13/V, СУ, 1919, № 20).
75. О мерах к искоренению дезертирства
(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 3/VI, СУ, 1919, № 25).
76. Об учреждении распределительных комиссий при карательных отделах губернских и областных отделов юстиции
(Декрет СНК от 18/VI, СУ, 1919, № 27).
77. Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении
(Декрет ВЦИК от 20/VI, СУ, 1919, № 27).
78. Об изменении § 4 ч. II и § 4 ч. III «Положения о революционных военных трибуналах»
(Приказ РВСР от 4/VI, СУ. 1919, № 30).
79. Об утверждении и введении в действие положения о полковых судах
(Декрет СНК от 10/VII, СУ, 1919, № 31—32).
80. Об ограничении права на вознаграждение лиц, привлеченных к следствию или суду
(Декрет СНК от 30/VII, СУ, 1919, № 38).
81. О центральном карательном отделе
(Пост. НКЮ от 9/IX, СУ, 1919, № 48).
82. Об ответственности за злоумышленное разрушение железнодорожных сооружений
(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 10/X, СУ, 1919, № 50).
83. О судебном мораториуме для лиц, принадлежащих к составу действующих Красной армии и флота
(Декрет СНК от 21/X, СУ, 1919, № 51).
84. О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах
(Декрет СНК от 21/X, СУ, 1919, № 53).
85. Правила для продовольственных агентов по борьбе с мешечничеством
(Пост. НКПрода, СУ, 1919, № 54).
86. Об амнистии ко 2 годовщине Октябрьской революции
(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 55).
87. Об амнистии всех членов тех политических партий и групп, которые объявили мобилизацию своих членов на защиту Советской республики
(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 55).
88. О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (положение)
(Декрет СНК от 14/XI, СУ, 1919, № 56).
89. О применении амнистии, объявленной ко 2 годовщине Октябрьской революции (инструкция)
(Пост. СУ, 1919, № 56).
90. Положение о революционных военных трибуналах
(Декрет ВЦИК от 20/XI, СУ, 1919, № 58).
91. О порядке привлечения к уголовной ответственности за неуплату единого чрезвычайного революционного налога
(Пост. НКЮ, СУ, 1919, № 62).

[1] 6/XI 1918 г. был опубликован циркуляр Кассационного отдела ВЦИК, не помещенный в СУ, но содержащий ряд определений особоопасных преступлений.

92. О предоставлении губернским комиссиям по борьбе с дезертирством прав революционных трибуналов в отношении вынесения приговоров по делам дезертиров
(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 13/XII, СУ, 1919, № 62).
93. Об отделах революционных военных трибуналов
(Приказ РВСР от 16/XII, СУ, 1919, № 63).
94. О введении в действие «Положения о полковых судах в частях Красной армии, входящих в состав округов Всероссийского Главного штаба и о возложении функций полковых судов на революционные военные трибуналы на фронтах и в округах, подчиненных революционным военным советам
(Пост. СНК от 23/XII, СУ, 1919, № 65).
95. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР
(Пост. НКЮ от 12/XII, СУ, 1919, № 66).
96. О предоставлении уездным комиссарам по борьбе с дезертирством права наложения наказания на укрывателей дезертиров
(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 13/XII, СУ, 1919, № 67).

1920 год

97. О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ
(Пост. СНК от 19/XII, 1919, СУ, 1920, № 1—2).
98.[1] Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)
(Пост. СНК от 17/I, СУ, 1920, № 4—5).
99. О предоставлении полевым комиссиям по борьбе с дезертирством права наложения взыскания на укрывателей дезертиров
(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 7/II, СУ, 1920, № 9).
100. О подтверждении декрета СНК об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)
(Декрет ВЦИК от 4/II, СУ, 1920, № 9).
101. О передаче лиц, обвиняемых в бандитизме, суду военно-революционного трибунала
(Декрет СНК от 19/II, СУ, 1920, № 11).
102. О введении дисциплинарной ответственности служащих карательных учреждений за маловажные нарушения служебных обязанностей
(Декрет СНК от 13/II, СУ, 1920, № 11).
103. О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях
(Декрет СНК от 4/III, СУ, 1920, № 13).
104. Об изменении п. 13 «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР»
(Пост. НКЮ от 19/III, СУ, 1920, № 16).
105. О революционных военных железнодорожных трибуналах (положение)
(Декрет ВЦИК от 20/III, СУ, 1920, № 21).
106. О революционных трибуналах (положение)
(Декрет ВЦИК от 18/III, СУ, 1920, № 22—23).
107. О комиссиях по борьбе с дезертирством
(Декрет ВЦИК от 8/IV, СУ, 1920, № 26).
108. О реквизициях и конфискациях
(Декрет СНК от 16/IV, СУ, 1920, № 29).
109. О мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний
(Декрет ВЦИК и СНК от 26/IV, СУ, 1920, № 32).
110. Амнистия к 1 мая 1920 г.
(Декрет ВЦИК от 1/V, СУ, 1920, № 34).
111. О трудовом дезертирстве и органах борьбы с ним
(Декрет СНК от 4/V, СУ, 1920, № 35).
112. О применении амнистии к 1 мая 1920 г.
(Пост. НКЮ от 2/V, СУ, 1920, № 35).
113. О борьбе со спекуляцией предметами военного обмундирования
(Пост. СТО от 14/V, СУ, 1920, № 39).
114. О мерах борьбы с польским наступлением
(Декрет ВЦИК от 11/V, СУ, 1920, № 43).
115. Об установлении 7-дневного льготного срока для добровольной явки дезертиров
(Пост. СТО от 12/V, СУ, 1920, № 43).
116. О борьбе с контрабандной торговлей
(Пост. СТО от 11/V, СУ, 1920, № 43).
117. О дополнении к декрету «О мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний»
(Декрет ВЦИК от 15/V, СУ, 1920, № 44).
118. О порядке приведения в исполнение губернскими революционными трибуналами приговоров к высшей мере наказания в местностях, объявленных на военном положении, а также в местностях, на кои распространяется власть революционных военных советов фронтов
(Декрет ВЦИК, СУ, 1920, № 48).
119. О введении в действие «Положения о революционных военных трибуналах»
(Приказ РВСР от 4/V, СУ, 1920, № 54).
120. О лишении ордена «Красного знамени»
(Декрет ВЦИК от 10/VI, СУ, 1920, № 57).
121. О передаче НКПросу культурно-просветительной работы в местах лишения свободы
(Декрет СНК от 30/VI, СУ, 1920, № 65).
122. Инструкция Комиссии по делам о несовершеннолетних
(Пост. НКПрос, НКЗдрав, НКЮст, СУ, 1920, № 68).
123. Об изменении инструкции о досрочном освобождении
(Пост. НКЮ от 7/VIII, СУ, 1920, № 70).
124. Об уклонении от воинской повинности по так называемым религиозным убеждениям
(Пост. НКЮ от 4/VIII, СУ, 1920, № 73).
125. Об образовании коллегии по проведению военного положения и о предоставлении ВЧК и некоторым ее органам прав реввоентрибуналов в отношении преступлений, направленных против военной безопасности Республики
(Декрет ВЦИК и СТО от 28/V, СУ, 1920, № 78).
126. О рабоче-крестьянской милиции (положение)
(Декрет ВЦИК и СНК от 10/VI, СУ, 1920, № 79).
127. Об объявлении недели добровольной явки трудовых дезертиров транспортного

[1] 28/I 1920 г. ВЦИКом было принято постановление о предоставлении губревтрибуналам и губчека, действующим в районе фронта, прав реввоентрибуналов (не вошло в СУ), см. Н. Крыленко, Судоустройство РСФСР, стр. 350

фронта и об освобождении от наказания провинившихся в нарушении трудовой дисциплины
(Пост. СТО от 25/IX, СУ, 1920, № 81).
128. Положение о народном суде РСФСР
(Декрет ВЦИК от 21/X, СУ, 1920, № 83).
129. Об амнистии к 3 годовщине Октябрьской революции
(Декрет ВЦИК от 6/XI, СУ, 1920, № 88).
130. О порядке применения амнистии, объявленной к 3 годовщине Октябрьской революции (инструкция)
(Пост. НКЮ от 6/XI, СУ, 1920, № 88).
131. Об отделах НКЮ (положение)
(Пост. НКЮ от 26/XI, СУ, 1920, № 90).
132. Об охране здоровья женщин
(Пост. НКЗдрава и НКЮ от 18/XI, СУ, 1920, № 90).
133. Об особых сессиях народного суда и дежурных камерах
(Пост. НКЮ от 16/IX, СУ, 1920, № 100).
134. Инструкция о порядке составления списков народных заседателей
(Пост. НКЮ от 6/XI, СУ, 1920, № 100).
135. Об организации обвинения и защиты на суде
(Пост. НКЮ от 23/XI, СУ, 1920, № 100).

III период — период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.)

А. Законодательство РСФСР

1921 год

136. О реквизициях и конфискациях
(Декрет СНК от 3/I, СУ, 1921, № 5).
137. О борьбе с дезертирством
(Декрет СНК, утв. ВЦИК, от 2/II, СУ, 1921, № 9).
138. О воспрещении заключения под стражу осужденных за трудовое дезертирство и прочие проступки против трудовой дисциплины женщин беременных или имеющих при себе детей до 3-летнего возраста
(Пост. НКЮ, НКТруда и ВЧК от 29/I, СУ, 1921, № 14).
139. Об образовании временной комиссии при СТО по борьбе с топливным кризисом и о возложении на ВЧК и ее местные органы обязательства содействия топливным органам
(Пост. СТО от 11/II, СУ, 1921, № 14, п. 2 постановления).
140. Положение о высшем судебном контроле
(Декрет ВЦИК и СНК от 10/III, СУ, 1921, № 15).
141. О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени
(Декрет СНК от 19/II, СУ, 1921, № 18).
142. Об усилении ответственности должностных лиц за преступления, совершенные при продовольственной работе
(Пост. НКЮ от 26/II, СУ, 1921, № 20).
143. О конфискациях и реквизициях имущества частных лиц в местностях, освобожденных от неприятеля
(Декрет СНК от 28/III, СУ, 1921, № 21).
144. О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных
(Декрет СНК от 21/III, СУ, 1921, № 22).
145. Положение об общих местах заключения РСФСР
(Пост. НКЮ от 15/II, СУ, 1921, № 23—24).
146. Положение о дисциплинарных товарищеских судах
(Декрет СНК от 5/IV, СУ, 1921, № 23—24)
147. Об усилении наказания за проезд на паровозах и тормозных площадках лиц, не имеющих на то права, а равно в отношении должностных лиц, проявляющих бездействие в борьбе с этими опасными для железнодорожного движения нарушениями революционного порядка
(Пост. СТО от 15/IV, СУ, 1921, № 34).
148. Об ограничении прав по судебным приговорам
(Декрет СНК от 5/V, СУ, 1921, № 39).
149. О внесении изменений в постановления о реквизициях и конфискациях
(Декрет СНК от 24/V, СУ, 1921, № 40).
150. О трудовом дезертирстве
(Декрет СНК от 9/V, СУ, 1921, № 46).
151. О мерах взыскания, налагаемых судебными органами за нарушение провоза пассажирами в качестве багажа и ручной клади при себе легко воспламеняющихся и взрывчатых веществ
(Декрет СНК от 16/V, СУ, 1921, № 47).
152. О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям
(Декрет ВЦИК и СНК от 1/VI, СУ, 1921, № 49).
153. Об объединении всех революционных трибуналов республики
(Декрет ВЦИК от 23/VI, СУ, 1921, № 51).
154. О консульских представителях иностранных государств при рабоче-крестьянском правительстве РСФСР (положение)
(Декрет СНК от 30/VI, СУ, 1921, № 52, п. 3 декрета).
155. О дипломатических представителях иностранных государств, аккредитированных при рабоче-крестьянском правительстве (положение)
(Декрет СНК от 30/VI, СУ, 1921, № 52).
156. Инструкция правлениям и фабрично-заводским комитетам государственных предприятий о предупредительных мерах борьбы с хищениями
(Декрет СНК от 4/VII, СУ, 1921, № 53).
157. О прекращении дел о нарушении разверстки и неплатеже чрезвычайного налога
(Пост. НКЮ от 29/IV, СУ, 1921, № 55).
158. Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об обмене
(Декрет СНК от 15/VII, СУ, 1921, № 55).
159. О борьбе со взяточничеством
(Декрет СНК от 16/VIII, СУ, 1921, № 60).
160. О полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом на Западном фронте
(Декрет ВЦИК от 22/VIII, СУ, 1921, № 61).
161. Об организации высших судебных центров для исключительных судов (революционных трибуналов) в независимых советских республиках, независимых договорных советских республиках, автономных республиках и автономных областях
(Декрет ВЦИК от 25/VIII, СУ, 1921, № 62).

162. О воспрещении премирования солью и о наказаниях, налагаемых за преступления против соляной монополии
(Декрет ВЦИК и СТО от 29/VIII, СУ, 1921, № 62, п.п. 4 и 5 декрета).
163. Об установлении усиленной ответственности для лиц, виновных в хищении грузов во время перевозки их
(Декрет ВЦИК и СНК от 1/IX, СУ, 1921, № 62).
164. О порядке высылки иностранцев из пределов РСФСР
(Декрет СНК от 29/VIII, СУ, 1921, № 62).
165. Об усилении деятельности местных органов юстиции
(Декрет ВЦИК от 25/VIII, СУ, 1921, № 63).
166. О преступлениях и проступках, совершенных на судах, плавающих под Российским флагом
(Декрет СНК от 5/IX, СУ, 1921, № 64).
167. О пересмотре дел о лицах, осужденных за уклонение от воинской повинности по религиозным убеждениям
(Декрет ВЦИК от 16/IX, СУ, 1921, № 64).
168. О распространении действия амнистии, объявленной V Всероссийским съездом советов, на осужденных украинскими судебными и административными учреждениями, отбывающих наказание в пределах РССФР
(Декрет ВЦИК от 20/IX, СУ, 1921, № 65).
169. О детской социальной инспекции (положение)
(Декрет СНК от 23/IX, СУ, 1921, № 66).
170. Об ответственности за нарушения декрета о продаже виноградных, плодовоягодных и изюмных вин
(Декрет СНК от 7/X, СУ, 1921, № 68).
171. Инструкция по применению постановления СНК от 15/VII 1921 г. «Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об обмене и о порядке возбуждения и направления дел об этих нарушениях»
(Декрет СНК от 3/X, СУ, 1921, № 70).
172. О сессиях революционных трибуналов по разбору дел о преступлениях, связанных с нарушением закона о натуральном налоге
(Циркуляр Верховного трибунала ВЦИК и НКПрода от 12/VII, СУ, 1921, № 70).
173. О выездных сессиях революционных трибуналов
Декрет ВЦИК от 15/VIII, СУ, 1921, № 70).
174. О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ
(Декрет СНК от 17/X, СУ, 1921, № 70).
175. О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей
(Декрет СНК от 28/X, СУ, 1921, № 72).
176. Амнистия лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских военных организациях
(Декрет ВЦИК от 3/XI, СУ, 1921, № 74).
177. Об амнистии
(Декрет ВЦИК от 4/XI, СУ, 1921, № 75).
178. О судебно-медицинских экспертизах (положение)
(Пост. НКЗдрава и НКЮ от 24/X, СУ, 1921, № 75).
179. Правила хранения и уничтожения объектов судебно-химического и микроскопического исследования
(Пост. НКЗдрава и НКЮ от 10/VII, СУ, 1921, № 76).
180. Инструкция о порядке применения амнистии к 4 годовщине Октябрьской революции
(Пост. НКЮ, СУ, 1921, № 76).
181. О наказании за ложные доносы
(Декрет СНК от 24/XI, СУ, 1921, № 77).
182. Об использовании труда заключенных в местах лишения свободы РСФСР и отбывающих принудительные работы без лишения свободы
(Декрет СНК от 28/XI, СУ, 1921, № 77).
183. Об образовании трибуналов в автономных советских республиках и областях
(Декрет ВЦИК от 1/XII, СУ, 1921, № 78).
184. О борьбе с контрабандой
(Декрет СНК от 8/XII, СУ, 1921, № 79).
185. Об охране складов, пакгаузов и кладовых, а равно сооружений на железнодорожных и водных путях сообщения
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/XII, СУ, 1921, № 79).

1922 год

186. О расформировании комиссии по борьбе с трудовым дезертирством
(Декрет СНК от 14/XII 1921, СУ, 1922, № 1).
187. Об ответственности заведующих государственными, кооперативными и частными предприятиями за уклонение от дачи в установленные сроки сведений, требуемых центральными и местными учреждениями
(Декрет СНК от 14/XII 1921, СУ, 1922, № 1).
188. О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей
(Декрет ВЦИК и СНК от 15/XII 1921, СУ, 1922, № 1).
189. О Всероссийской чрезвычайной комиссии
(Резолюция ВЦИК, СУ, № 4).
190. Об ответственности за невыполнение трудгужналога
(Декрет СНК от 28/XII 1921, СУ, 1922, № 5).
191. Об ответственности должностных лиц за нарушение возложенных на них обязанностей по заготовке, хранению, доставке и использованию семенного материала
(Декрет СНК от 2/I, СУ, 1922, № 5).
192. О правах ЦИК автономных советских республик в отношении местных революционных трибуналов
(Пост. ВЦИК от 16/I, СУ, 1922, № 11).
193. О воспрещении непропуска кассационных жалоб или ходатайств о помиловании
(Декрет ВЦИК от 18/I, СУ, 1922, № 11).
194. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР, с приложением текста Уголовного кодекса РСФСР
(Пост. ВЦИК, СУ, 1922, № 15).
195. Об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов
(Декрет ВЦИК от 6/II, СУ, 1922, № 16).
196. Об ответственности за уничтожение и порчу геодезических знаков
(Декрет СНК от 9/II, СУ, 1922, № 16).
197. О распространении амнистии на неплательщиков продналога губерний, выполнивших 100% продналога

(Декрет ВЦИК от 27/II, СУ, 1922, № 19).

198. О дополнении декрета «О распространении амнистии на неплательщиков продналога губерний, выполнивших 100% продналога»
(Декрет ВЦИК от 2/III, СУ, 1922, № 19).

199. Об уголовно-процессуальном кодексе
(Пост. ВЦИК от 25/V, СУ, 1922, № 20—21).

200. О борьбе с незаконным использованием транспорта
(Декрет ВЦИК от 20/III, СУ, 1922, № 25).

201. О мерах борьбы со злоупотреблениями и с хищениями при заготовке, вывозке, сплаве и транспорте дров и лесоматериалов
(Пост. СТО от 21/III, СУ, 1922, № 25).

202. О передаче в ведение НКЮ руководства культурно-просветительной деятельностью в местах лишения свободы
(Декрет СНК от 3/IV, СУ, 1922, № 28).

203. Правила применения амнистии к неплательщикам продналога
(Декрет ВЦИК от 13/IV, СУ, 1922, № 29).

204. О сохранении зарплаты за лицами, неявившимися на работу в виду участия их в народном суде в качестве заседателей или вследствие вызова их в качестве свидетеля или эксперта
(Пост. СНК от 19/IV, СУ, 1922, № 29).

205. О наказаниях за нарушение постановлений об охране труда
(Декрет СНК от 27/IV, СУ, 1922, № 30).

206. Положение о Народном комиссариате внутренних дел
(Пост. ВЦИК и СНК, СУ, 1922, № 33).

207. Положение о прокурорском надзоре
(Пост. III сессии ВЦИК 9 созыва от 28/V, СУ, 1922, № 36).

208. Положение об адвокатуре
(Пост. III сессии ВЦИК 9 созыва от 26/V, СУ, 1922, № 36).

209. Об амнистии недоимщикам по трудгужповинности за 1921 г. и предшествующие годы
(Декрет ВЦИК от 8/VI, СУ, 1922, № 40).

210. Об отсрочке до 1 августа введения института прокуратуры и Уголовно-процессуального кодекса
(Декрет ВЦИК от 8/VII, СУ, 1922, № 44).

211. Об ответственности за нарушения декрета о едином натуральном налоге и о порядке возбуждения, направления и рассмотрения дел об этом налоге
(Декрет СНК от 21/VII, СУ, 1922, № 46).

212. О дополнении ст. 33 общей части УК
(Декрет ВЦИК от 27/VII, СУ, 1922, № 47).

213. Об организации судебного аппарата в Туркестанской республике
(Декрет ВЦИК от 27/VII, СУ, 1922, № 47).

214. Об административной высылке
(Декрет ВЦИК от 10/VIII, СУ, 1922, № 51).

215. О неприменении высшей меры наказания (расстрела) к беременным женщинам
(Декрет ВЦИК от 7/IX, СУ, 1922, № 58).

216. О таможенной охране
(Декрет СНК от 1/IX, СУ, 1922, № 58).

217. Об изменении текста статьи 114 УК
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/X, СУ, 1922, № 63).

218. О порядке включения уголовных санкций в проекты узаконений
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/X, СУ, 1922, № 63).

219. Об амнистии к 5 годовщине Октябрьской революции
(Декрет ВЦИК от 2/XI, СУ, 1922, № 64).

220. Об амнистии рядовым участникам кронштадтского мятежа
(Декрет ВЦИК от 2/XI, СУ, 1922, № 64).

221. Инструкция по применению амнистии к 5 годовщине Октябрьской революции
(Пост. НКЮ от 4/XI, СУ, 1922, № 64).

222. О дополнении к постановлениям о Государственном политическом управлении и об административной высылке
(Декрет ВЦИК от 16/X, СУ, 1922, № 65).

223. О придании обратной силы статьям 114 и 114-а УК
(Декрет ВЦИК от 19/X, СУ, 1922, № 65).

224. Положение о судоустройстве РСФСР
(Пост. ВЦИК от 11/XI, СУ, 1922, № 69).

225. Об изменениях и дополнениях УК РСФСР
(Пост. 4 сессии ВЦИК 9 созыва от 11/XI, СУ, 1922, № 72—73).

226. О порядке ареста прокуроров, их помощников, председателей и членов революционных трибуналов и советов народных судей, народных судей и следователей
(Декрет ВЦИК и СНК от 16/XI, СУ, 1922, № 77).

227. Об обязательном публиковании в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства» уставов учреждений, обществ и товариществ, имеющих всероссийское значение
(Декрет СНК от 21/XI, СУ, 1922, № 78, п. 4 декрета).

1923 год

228. Об освобождении от уголовной ответственности граждан, уклонившихся от учета военнообязанных, но явившихся на общий перучет в 1923 году
(Декрет СНК от 12/I, СУ, 1923, № 3).

229. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР с приложением текста УПК
(Пост. ВЦИК от 15/II, СУ, 1923, № 7).

230. Инструкция по применению постановления ВЦИК об административной высылке
(Пост. НКВД от 3/I, СУ, 1923, № 8).

231. Положение о Народном комиссариате юстиции
(Декрет ВЦИК от 1/II, СУ, 1923, № 10).

232. Об изменении и дополнении Положения о судоустройстве
(Декрет ВЦИК и СНК от 1/II, СУ, 1923, № 10).

233. О мерах борьбы с несвоевременным получением из таможенных учреждений грузов, принадлежащих государственным организациям и не подлежащих продаже с публичных торгов
(Декрет СНК от 1/II, СУ, 1923, № 10).

234. Об изменении ст. 33 УК РСФСР
(Декрет ВЦИК от 15/II, СУ, 1923, № 15).

235. О принудительных работах без содержания под стражей
(Пост. НКЮ и НКВД от 20/II, СУ, 1923, № 16).

236. О военнослужащих и военно-морских служащих, привлеченных к следствию и суду
(Приказ РВСР и НКЮ от 21/II, СУ, 1923, № 16).

237. О времени вступления в силу декретов и постановлений
(Пост. НКЮ от 3/II, СУ, 1923, № 17).

238. Об условно-досрочном освобождении заключенных женщин ко дню празднования интернационального дня работницы
(Декрет ВЦИК от 5/III, СУ, 1923, № 18).

239. Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка, с приложением списка декретов и постановлений, отменяемых с изданием Положения
(Декрет ВЦИК и СНК от 8/III, СУ, 1923, № 21).

240. Об учреждении Главного суда Дагестанской социалистической советской республики
(Декрет ВЦИК от 22/III, СУ, 1923, № 24).

241. О применении амнистии, объявленной к 5 годовщине Октябрьской революции
(Декрет ВЦИК от 28/III, СУ, 1923, № 25).

242. Положение о Киргизском отделении Верховного суда РСФСР
(Декрет ВЦИК от 11/IV, СУ, 1923, № 31).

243. Положение о Туркестанском отделении Верховного суда РСФСР
(Декрет ВЦИК от 11/IV, СУ, 1923, № 31).

244. Об амнистии карельским беженцам
(Декрет ВЦИК от 30/IV, СУ, 1923, № 39).

245. Об амнистии неплательщикам единого натурального налога
(Декрет ВЦИК от 30/IV, СУ, 1923, № 39).

246. Об изменениях и дополнениях УК РСФСР
(Пост. II сессии ВЦИК X созыва от 10/VII, СУ, 1923, № 48).

247. Об изменениях и дополнениях УПК
(Пост. II сессии ВЦИК X созыва от 10/VII, СУ, 1923, № 48).

248. Об изменениях и дополнениях Положения о судоустройстве РСФСР
(Пост. ВЦИК от 7/VII, СУ, 1923, № 48).

249. Положение о дисциплинарных судах
(Пост. ВЦИК от 7/VII, СУ, 1923, № 54).

250. Поправки к постановлению об изменениях и дополнениях УК, помещенному в № 48, СУ за 1923 г.
(СУ, 1923, № 62).

251. Инструкция о порядке привлечения к ответственности за нарушение декрета об едином сельскохозяйственном налоге и порядке возбуждения, направления и рассмотрения дел об этих нарушениях
(Декрет ВЦИК и СНК от 11/VII, СУ, 1923, № 67).

252. О применении условно-досрочного освобождения к осужденным за преступления, предусмотренные статьями 140 и 140-а Уголовного кодекса
(Декрет ВЦИК от 18/VII, СУ, 1923, № 68).

253. О порядке содержания под стражей военнослужащих, состоящих под следствием и судом
(Пост. РВСР и НКЮ от 21/VII, СУ, 1923, № 68).

254. Инструкция по применению постановления о досрочном освобождении осужденных за преступления, предусмотренные ст. 140 и 140-а УК
(Пост. НКЮ от 28/VII, СУ, 1923, № 70).

255. Инструкция о вознаграждении свидетелей, экспертов, переводчиков и понятых по уголовным и гражданским делам
(Пост. НКЮ от 31/VII, СУ, 1923, № 71).

256. Об освобождении из-под стражи лиц, задержанных за бесписьменность
(Пост. НКЮ и НКВД от 2/VII, СУ, 1923, № 72).

257. О порядке призыва народных заседателей к исполнению судейских обязанностей в судебных заседаниях Верховного суда
(Декрет ВЦИК от 28/IX, СУ, 1923, № 79).

258. Об определении понятия «нанимателя» как лица, ответственного за исполнение законов о применении наемного труда в порядке ст.ст. 132, 133, 134 и 156 УК
(Пост. НКЮ и НКТруда от 29/X, СУ, 1923, № 80).

259. Об облегчении участи крестьян, совершивших преступления, караемые ст. 99 УК, до издания Лесного кодекса
(Декрет ВЦИК от 19/XI, СУ, 1923, № 89).

1924 год

260. Об изменении ст. 135 УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/I, СУ, 1924, № 8).

261. Об изменении ст.ст. 140, 140-а и 140-б УК
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/I, СУ, 1924, № 8).

262. Акцизные правила, нарушение коих карается ст. 140 УК РСФСР
(Пост. НКЮ от 8/XI 1923, СУ, 1924, № 12).

263. Положение об Уральском областном суде
(Декрет ВЦИК и СНК от 11/I, СУ, 1924, № 18).

264. О дополнении постановления об амнистии карельским беженцам
(Декрет ВЦИК от 20/II, СУ, 1924, № 20).

265. Инструкция по применению амнистии к международному дню работниц
(Пост. НКЮ и НКВД от 5/III, СУ, 1924, № 24).

266. О сельских исполнителях
(Декрет ВЦИК и СНК от 27/III, СУ, 1924, № 28).

267. О порядке отмены поражения прав лиц, освобожденных по амнистии от главного наказания
(Декрет ВЦИК и СНК от 5/V, СУ, 1924, № 41).

268. Об утверждении амнистии по Якутской АССР, с приложением текста амнистии
(Декрет ВЦИК от 2/VI, СУ, 1924, № 52).

269. О распространении амнистии, объявленной 3/XI 1921 г., на всех находящихся на Дальнем Востоке, в Монголии и Западном Китае рядовых солдат белых армий
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/VI, СУ, 1924, № 52).

270. О служащих в местах заключения
(Декрет ВЦИК и СНК от 12/VI, СУ, 1924, № 56).

271. Положение о судебных переводчиках
(Декрет СНК от 20/VI, СУ, 1924, № 56).

272. О дополнении «Положения о дисциплинарных судах»
(Декрет ВЦИК от 23/VI, 1924, № 57).
273. О судоустройстве в Якутской АССР
(Декрет ВЦИК и СНК от 28/VII, СУ, 1924, № 68).
274. Об изменении статей 36, 40, 46, 48 УК РСФСР и о включении в УК новых ст.ст. 25-а, 49-а, 55-а
(Декрет ВЦИК и СНК от 11/VIII, СУ, 1924, № 70).
275. О переименовании ст.ст. 104-а и 104-б УК в статьи 104-б и 104-в и о дополнении УК ст. 104-а
(Декрет ВЦИК и СНК от 25/VIII, СУ, 1924, № 73).
276. О дополнениях и изменениях Положения о судоустройстве РСФСР
(Пост. 2 сессии ВЦИК XI созыва от 16/X, СУ, 1924, № 78).
277. О дополнениях и изменениях УПК РСФСР.
(Пост. 2 сессии ВЦИК XI созыва от 16/X, СУ, 1924, № 78).
278. О дополнениях и изменениях УК РСФСР
(Пост. 2 сессии ВЦИК XI созыва от 16/X, СУ, 1924, № 79).
279. О дополнениях УК РСФСР для автономных республик и областей
(Пост. 2 сессии ВЦИК XI созыва от 16/X, СУ, 1924, № 79).
280. О дополнении Положения о дисциплинарных судах
(Пост. 2 сессии ВЦИК XI созыва от 16/X СУ, 1924, № 79).
281. Об утверждении списка народных заседателей Верховного суда РСФСР
(Декрет ВЦИК от 3/XI, СУ, 1924, № 84).
282. Исправительно-трудовой кодекс
(Пост. 2 сессии ВЦИК XI созыва от 16/X, СУ, 1924, № 86).

1925 год

283. Об изменении ст. 139-а УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 15/XII 1924 г., СУ, 1925, № 5).
284. О дополнении УК ст.ст. 97-а, 141-а
(Декрет ВЦИК и СНК от 15/XII 1924, СУ, 1925, № 5).
285. О дополнении УК ст. 140-д
(Декрет ВЦИК и СНК от 22/XII 1924, СУ, 1925, № 5).
286. Об изменении ст. 79-а УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 12/I, СУ, 1925, № 7).
287. Положение об отделении Главного дисциплинарного суда при Киргизском ЦИК
(Декрет ВЦИК и СНК от 2/II, СУ, 1925, № 8).
288. О дополнении ст. 37 УК
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/II, СУ, 1925, № 9).
289. О дополнении УПК ст.ст. 4-а, 203-а, 222-а
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/II, СУ, 1925, № 9).
290. Об учреждении Комиссии для надзора за постановлениями губернских (областных) распределительных комиссий в области применения ими досрочного освобождения и сокращения срока отбываемого наказания
(Декрет ВЦИК и СНК от 16/II, СУ, 1925 № 12).
291. О составлении и опубликовании ведомости справок о судимости
(Декрет СНК от 17/II, СУ, 1925, № 13).
292. Об изменении ст. 158 УПК
(Декрет ВЦИК и СНК от 23/II, СУ, 1925, № 13).
293. О введении в действие Устава службы по местам заключения, с приложением текста Устава
(Декрет ВЦИК и СНК от 23/III, СУ, 1925, № 16).
294. Об амнистии и некоторых льготах трудящимся Северо-Кавказского края в связи с созывом I краевого съезда советов
(Декрет ВЦИК от 26/I, СУ, 1925, № 17).
295. О предоставлении ЦИК Карельской АССР права персональной амнистии карельским беженцам, не успевшим зарегистрироваться до 1/V 1924 г.
(Декрет ВЦИК от 16/III, СУ, 1925, № 19).
296. Об отмене и согласовании с ИТК РСФСР декретов и постановлений, касающихся исправительно-трудовых учреждений
(Декрет ВЦИК и СНК от 13/IV, СУ, 1925, № 24).
297. О предоставлении отпусков из мест заключения на полевые работы заключенным крестьянам
(Декрет ВЦИК от 21/IV, СУ, 1925, № 25).
298. О дополнениях и изменениях УК РСФСР
(Декрет 3 сессии ВЦИК XI созыва от 5/V, СУ, 1925, № 29).
299. О дополнении УК РСФСР для Бурят-Монгольской АССР
(Декрет 3 сессии ВЦИК XI созыва от 5/V, СУ, 1925, № 29).
300. О дополнениях и изменениях УПК РСФСР
(Декрет 3 сессии ВЦИК XI созыва от 5/V, СУ, 1925, № 29).
301. Об актах амнистии, изданных правительством Дальне-Восточной республики и существовавшими на ее территории народными революционными комитетами
(Декрет ВЦИК от 21/IV, СУ, 1925, № 35).
302. Об утверждении Положения о центральной комиссии по делам о несовершеннолетних, с приложением текста Положения
(Декрет СНК от 22/V, СУ, 1925, № 38).
303. Об изменении редакции ст. 158 УПК
(Декрет ВЦИК и СНК от 6/VII, СУ, 1925, № 49).
304. Об изменении ст. 108 УПК
(Декрет ВЦИК и СНК от 27/VII, СУ, 1925, № 55).
305. О дополнении УК РСФСР статьей 92-а и об изменении редакции ст. 196 УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 24/VIII, СУ, 1925, № 58).
306. О введении в действие Положения о службе в Рабоче-крестьянской милиции, с приложением текста Положения.
(Декрет ВЦИК и СНК от 28/IX, СУ, № 68).
307. О дополнении главы IX УК РСФСР о бытовых преступлениях, наказуемых на территории Казахской АССР.
(Декрет ВЦИК и СНК от 24/VIII, СУ, 1925, № 70).
308. О дополнении УК РСФСР ст. 99-а

(Декрет ВЦИК и СНК от 5/X, СУ, 1925, № 71).

309. О времени вступления в силу декретов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР и распоряжений ведомств РСФСР

(Декрет ВЦИК и СНК от 12/X, СУ, 1925, № 72).

310. О порядке рассмотрения губернскими исполнительными комитетами протестов, вносимых прокуратурой

(Декрет ВЦИК от 12/X, СУ, 1925, № 73).

311. Об утверждении Положения о судоустройстве Северо-Кавказского края

(Декрет ВЦИК и СНК от 2/XI, СУ, 1925, № 77).

312. Об утверждении Положения о судоустройстве Сибирского края

(Декрет ВЦИК и СНК от 23/XI, СУ, 1925, № 82).

313. Об отмене ст. 5 устава службы по местам заключения

(Декрет ВЦИК и СНК от 23/XI, СУ, 1925, № 84).

314. О дополнении изменений УПК РСФСР (Пост. ВЦИК от 24/X, СУ, 1925, № 88).

Б. Законодательство СССР

1923 год

315. О Верховном суде СССР

(Пост. 2 сессии ЦИКС I созыва от 6/VII, СУ, 1923, № 81).

316. Амнистия по случаю 3 годовщины освобождения Минска

(Декрет ЦИКС от 11/VII, СУ, 1923, № 82).

317. О распространении на территорию СССР тех декретов и постановлений ВЦИК РСФСР и его Президиума, которые имели действие на территории РСФСР, союзных и договорных республик

(Декрет ЦИКС от 13/VII, 1923, № 82).

318. Об амнистии в ознаменование образования СССР

(Декрет ЦИКС от 17/VIII, СУ, 1923, № 95).

319. О положении о Верховном суде СССР

(Пост. 3 сессии ЦИКС СССР I созыва от 12/XI, СУ, 1923, № 113).

1924 год

320. Положение об объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах

(Декрет ЦИКС от 15/XI 1923, СУ, 1924, № 12).

321. Об упразднении военно-транспортных трибуналов

(Декрет ЦИКС от 23/XI 1923, СУ, 1924, № 13).

322. Положение о Верховном суде СССР

(Декрет ЦИКС от 23/XI 1923 г., СУ, 1924, № 29—30).

323. Об условно-досрочном освобождении заключенных женщин ко дню празднования дня работниц

(Декрет ЦИКС от 22/II, СУ, 1924, № 34).

324. Наказ Верховному суду СССР

(Пост. ЦИКС от 14/VII, СУ, 1924, № 2).

325. О дополнении к ст.ст. 6, 7 Положения о Верховном суде СССР

(Пост. ЦИКС от 14/VII, СЗ, 1924, № 2).

326. О порядке опубликования законов и распоряжений Правительства СССР

(Пост. ЦИКС от 22/VIII, СЗ, 1924, № 7).

327. Об амнистии лицам, совершившим побег из РККА и Флота

(Пост. ЦИКС от 14/XI, СЗ, 1924, № 18).

328. Основы судоустройства СССР и союзных республик

(Пост. ЦИКС от 29/X, СЗ, 1924, № 23).

329. Об утверждении проектов 1) Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, 2) Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик и 3) Положение о воинских преступлениях, с приложением текста постановлений

(Пост. ЦИКС от 31/X, СЗ, 1924, № 24).

330. О дополнении ст. 32 наказа Верхсуду СССР

(Пост. ЦИКС от 5/XII, СЗ, 1924, № 28).

1925 год

331. О времени вступления в силу законов и распоряжений Правительства СССР, а равно распоряжений ведомств СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 6/II, СЗ, 1925 № 8).

332. Об амнистии

(Пост. ЦИКС от 7/III, СЗ, 1925, № 17).

333. О введении в действие Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка

(Пост. ЦИКС от 3/IV, СЗ, 1925, № 25).

334. О прекращении содержания в Соловецком концентрационном лагере особого назначения осужденных за политические преступления членов антисоветских партий

(Пост. СНК от 10/VI, СЗ, 1925, № 38).

335. О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению

(Пост. ЦИКС от 14/VIII, СЗ, 1925, № 52).

336. О лишении гражданства СССР находящихся за границей и пропустивших сроки регистрации бывших военнопленных и интернированных военнослужащих царской и Красной армий, а также амнистированных лиц, служивших в белых армиях, и участников контрреволюционных восстаний

(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/XI, СЗ, 1925, № 77).

IV период — период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.).

А. Законодательство СССР

1926 год

337. О дополнении ст. 13 Положения о Верховном суде СССР

(Пост. ЦИКС от 24/XII 1925, СЗ, 1926, № 6).

338. О дополнении наказа Верховному суду СССР ст. 40[1]

(Пост. ЦИКС от 8/I, СЗ, 1926, № 8).

339. О дополнении ст. 1 Положения о воинских преступлениях

(Пост. ЦИКС от 19/II, СЗ, 1926, № 9).

340. Об изменении ст. 60 наказа Верховному суду СССР

(Пост. ЦИКС от 8/I, СЗ, 1926, № 9).

341. О дополнении и изменении ст.ст. 18 и 19 Основных начал уголовного законодатель-

ства СССР и союзных республик и ст.ст. 4, 6, 11 Положения о воинских преступлениях
(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/III, СЗ, 1926, № 15).

342. О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьями, вытекающими из признания имеющими силу для СССР Брюссельских конвенций от 23/IX 1910 г. о столкновении судов и оказании помощи и спасения на море и Парижской конвенции от 14/III 1884 г. об охране подводных телеграфных кабелей
(Пост. ЦИКС от 5/III, СЗ, 1926, № 22).

343. О внесенных на рассмотрение ЦИК СССР проектах постановлений об изменении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик и положений о контрреволюционных преступлениях и преступлениях против порядка управления
(Пост. ЦИКС от 25/IV СЗ, 1926, № 30).

344. Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной
(Пост. СНКС от 27/IV, СЗ, 1926, № 32).

345. Об изменении ст.ст. 10 и 20 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик
(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/VIII, СЗ, 1926, № 55).

346. О введении в действие Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре, с приложением текста Положения
(Пост. ЦИКС и СНКС от 20/VIII, СЗ, 1926, № 57).

347. Об изменении редакции ст. 56 Наказа Верховному суду СССР
(Пост. ЦИКС от 3/IX, СЗ, 1926, № 57).

348. О дополнении положения о Верховном суде СССР
(Пост. ЦИКС от 24/VII, СЗ, 1926, № 68).

349. Об утверждении положения о временных членах военных трибуналов
(Пост. СНКС от 9/XI, СЗ, 1926, № 74).

1927 год

350. Об изменении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик
(Пост. ЦИКС от 25/II, СЗ, 1927, № 12).

351. Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)
(Пост. ЦИКС от 25/II, СЗ, 1927, № 12).

352. Об упразднении Военно-транспортной коллегии Верхсуда СССР
(Пост. ЦИКС от 3/III, СЗ, 1927, № 20).

353. О порядке дисциплинарной ответственности работников военных трибуналов и военной прокуратуры
(Пост. ЦИКС и СНКС от 25/V, СЗ, 1926, № 31).

354. Об изменении п. «а» ст. 16 Положения о Верхсуде СССР
(Пост. ЦИКС от 7/I, СЗ, 1927, № 40).

355. Об изменении ст. 52 наказа Верхсуду СССР
(Пост. ЦИКС от 7/I, СЗ, 1927, № 40).

356. Об изменении редакции ст. 38 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик
(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/VII, СЗ, 1927, № 44).

357. О ростовщичестве
(Пост. ЦИКС и СНКС от 17/VIII, СЗ, 1927, № 48).

358. О введении в действие Положения о воинских преступлениях, с приложением текста Положения
(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/VII, СЗ, 1927, № 50).

359. Манифест ко всем рабочим, трудящимся крестьянам, красноармейцам СССР. К пролетариям всех стран и угнетенным народам мира
(Пост. ЦИКС от 15/X, СЗ, 1927, № 61, п.п. 9, 10).

360. Об амнистии
(Пост. ЦИКС от 2/XI, СЗ, 1927, № 61).

1928 год

361. О мерах к усилению борьбы с самогоноварением
(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/XII 1927, СЗ, 1928, № 2).

362. Об изменении ст. 1 Положения о воинских преступлениях
(Пост. ЦИКС и СНКС от 28/XII 1927, СЗ, 1928, № 3).

363. Об ограничении наложения штрафов в административном порядке
(Пост. ЦИКС и СНКС от 4/I, СЗ, 1928, № 5).

364. О дополнении Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре
(Пост. ЦИКС и СНКС от 21/III, СЗ, 1928, № 19).

365. Об изменении ст. 13 Основ судоустройства СССР и союзных республик
(Пост. ЦИКС и СНК от 25/IV, СЗ, 1928, № 25).

366. Об изменении ст. 21 Основ судоустройства СССР и союзных республик, о дополнении ст. 8 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре и изменении ст. 25 означенного Положения
(Пост. ЦИКС и СНКС от 23/V, СЗ, 1928, № 33).

367. О дополнении и изменении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик и Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре
(Пост. ЦИКС и СНКС от 23/V, СЗ, 1928, № 34).

368. О порядке дисциплинарной ответственности работников военных трибуналов и военной прокуратуры
(Пост. ЦИКС и СНКС от 17/VIII, СЗ, 1928, № 52).

369. Об утверждении постановлений, принятых в период между 3 и 4 сессиями ЦИК 4 созыва и подлежащих, на основании ст. 1 Конституции СССР, утверждению 4 сессии ЦИКС 4 созыва
(Пост. 4 сессии ЦИКС 4 созыва от 15/XII, СЗ, 1928, № 69, п.п. 42, 43 постановления).

1929 год

370. О мерах борьбы с лжекооперативами
(Пост. СНКС от 28/XII 1928, СЗ, 1929, № 3).

371. Об усилении уголовной ответственности за хищение оружия и огнестрельных припасов
(Пост. ЦИКС и СНКС от 6/II, СЗ, 1929, № 10).

372. Об изменении и дополнении Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре (Пост. ЦИКС и СНКС от 30/I, СЗ, 1929, № 13).

373. О дополнении Положения о Верхсуде СССР
(Пост. ЦИКС от 1/II, СЗ, 1929, № 13).

374. О мероприятиях по усилению борьбы с транспортными преступлениями.
(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/III, СЗ, 1929, № 21).

375. Об изменении ст.ст. 7 и 8 Положения о воинских преступлениях
(Пост. ЦИКС и СНКС от 24/IV, СЗ, 1929, № 29).

376. Об изменении п. «б» ст. 8 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре
(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/VI, СЗ, 1929, № 39).

377. О наложении дисциплинарных взысканий на работников железнодорожного транспорта за нарушения установленных для них технических правил, вызвавшие происшествия, связанные с железнодорожным движением.
(Пост. ЦИКС и СНКС от 19/VII, СЗ, 1929, № 44).

378. Об утверждении Положения о Верхсуде СССР и Прокуратуре Верхсуда СССР, с приложением текста Положения
(Пост. ЦИКС и СНКС от 24/VII, СЗ, 1929, № 50).

379. О разрешении ВЦИК и СНК РСФСР установить отступление от предусмотренной ст. 2 Основ судоустройства СССР и союзных республик системы судебных исполнителей.
(Пост. ЦИКС и СНКС от 11/IX, СЗ, 1929, № 60).

380. О дополнении Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик
(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/X, СЗ, 1929, № 67).

381. Об изменении и дополнении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик
(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/X, СЗ, 1929, № 67).

382. Об изменении и дополнении Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре
(Пост. ЦИКС и СНКС от 26/X, СЗ, 1929, № 70).

383. Об основах дисциплинарного законодательства СССР и союзных республик
(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/X, СЗ, 1929, № 71).

384. Об изменении ст.ст. 13, 18, 22 и 38 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик
(Пост. ЦИКС и СНКС от 6/XI, СЗ, 1929, № 72).

385. Об изменении ст. 22 Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)
(Пост. ЦИКС и СНКС от 18/XI, СЗ, 1929, № 72).

386. Об утверждении постановлений, принятых в период между сессиями ЦИК СССР и подлежащих, на основании ст. 18 Конституции СССР, утверждению 2 сессии ЦИК СССР 5 созыва
(Пост. 2 сессии ЦИКС 5 созыва от 8/XII, СЗ, 1929, № 75).

387. Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьян и отказавшихся вернуться в СССР
(Пост. ЦИКС от 21/XI, СЗ, 1929, № 76).

Б. Законодательство РСФСР

1926 год

388. Об утверждении и введении в действие Положения о Казахском отделении Верхсуда РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 18/I, СУ, 1926, № 6)

389. Об изменении ст. 97 УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 1/III, 1926, № 12).

390. Об освобождении от отбывания принудительных работ без содержания под стражей лиц, присужденных к таковому до 1/I 1925 г.
(Декрет ВЦИК от 1/III, СЗ, 1926, № 13).

391. Об изменении ст. 139-а УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 15/III, СУ, 1925, № 16).

392. Об утверждении Положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР, с приложением текста Положения
(Декрет ВЦИК и СНК от 8/III, СУ, 1926, № 19).

393. О местных комиссиях по делам о несовершеннолетних
(Декрет СНК от 16/III, СУ, 1926, № 19).

394. Об изменении ст. 79 УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 5/IV, СУ, 1926, № 20).

395. О чрезвычайных мерах охраны революционного порядка, с приложением текста Положения
(Декрет ВЦИК и СНК от 10/V, СУ, 1926, № 29).

396. О дополнении ИТК РСФСР статей 18-а
(Декрет ВЦИК и СНК от 10/V, СУ, 1926, № 31).

397. О дополнении ст. 34 и об изменении примечания к ст. 35 УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 7/VI, СУ, 1926, № 33).

398. Об изменении ст. 176 УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 7/VI, СУ, 1926 № 33).

399. О дополнении ст. 99-а УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 7/VI, СУ, 1926, № 33).

400. О дополнении УК РСФСР ст. 221-а
(Декрет ВЦИК и СНК от 7/VI, СУ, 1926, № 34).

401. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 196-а, 196-б и 218-а
(Декрет ВЦИК и СНК от 14/VI, СУ, 1926, № 36).

402. Об утверждении Положения о дисциплинарных судах, с приложением текста Положения
(Декрет ВЦИК и СНК от 14/VI, СУ, 1926, № 36).

403. Об изменении ст. 139-а УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 2/VIII, СУ, 1926, № 49).

404. О дополнении УК РСФСР ст. 135-а
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/VIII, СУ, 1926, № 51).

405. Об изменении ст. 99 УК
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/VIII, СУ, 1926, № 51).

406. О дополнении примечания 2 к ст. 52 Положения о судоустройстве
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/VIII, СУ, 1926, № 52).
407. Об изменении ст. 80 УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 28/VIII, СУ, 1926, № 54).
408. О дополнении УПК РСФСР ст. 90-а
(Декрет ВЦИК и СНК от 13/IX, СУ, 1926, № 59).
409. Об организации принудительных работ без содержания под стражей
(Декрет ВЦИК и СНК от 6/IX, СУ, 1926, № 60).
410. О мероприятиях по борьбе с хулиганством.
(Декрет СНК от 29/X, СУ, 1926, № 77).
411. О введении в действие УК РСФСР редакции 1926 г., с приложением текста УК
(Пост. ВЦИК от 22/XI, СУ, 1926, № 80).
412. О некоторых изменениях и дополнениях УПК
(Декрет ВЦИК и СНК от 22/XI, СУ, 1926, № 84).
413. Положение о судоустройстве РСФСР
(Пост. ВЦИК от 19/XI, СУ, 1926, № 85).
414. Об оказании гражданами содействия милиции при задержании пьяных и хулиганов
(Декрет СНК от 8/XII, СУ, 1926, № 88).
415. Об утверждении дополнений и изменений кодексов РСФСР, принятых президиумом ВЦИК в период между 2 и 3 сессиями ВЦИК
(Пост. 3 сессии ВЦИК XII созыва от 18/XI, СУ, 1926, № 91).

1927 год

416. О распространении амнистии на рядовых солдат белой армии Миллера, действовавшей в пределах Архангельской губернии
(Пост. ВЦИК от 20/XII 1926, СУ, 1927, № 2).
417. О мерах борьбы с венерическими болезнями
(Пост. ВЦИК и СНК от 24/I, СУ, 1927, № 13).
418. Об изменении ст.ст. 26 и 31 и дополнении ст. 26-а УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 7/III, СУ, 1927, № 26).
419. Постановление по отчетному докладу НКЮ РСФСР о борьбе с растратами и преступной бесхозяйственностью должностных лиц
(Пост. СНК от 16/III, СУ, 1927, № 28).
420. Об учете национальных особенностей при производстве расследований и при рассмотрении уголовных дел по обвинению против граждан, принадлежащих к какой-либо из горских национальностей, проживающих в автономных областях, входящих в Северо-Кавказский край
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/III, СУ, 1927, № 35).
421. Об усилении уголовной и гражданской ответственности домоуправлений за бесхозяйственное управление домами
(Пост. ВЦИК и СНК от 4/IV, СУ, 1927, № 36).
422. Об утверждении сводного закона о реквизиции и конфискации имущества
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/III, СУ, 1927, № 38).
423. Об изменении ст. 13 ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 16/V, СУ, 1927, № 46).
424. Об утверждении Положения о НКВД
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/III, СУ, 1927, № 47).
425. Об изменении УК РСФСР редакции 1926 г.
(Пост. ВЦИК и СНК от 6/VI, СУ, 1927, № 49).
426. Об изменении ст. 178 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 23/V, СУ, 1927, № 50).
427. Об изменении УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 6/V, СУ, 1927, № 50).
428. О дополнении примечанием ст. 85 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 14/VI, СУ, 1927, № 56).
429. О прекращении дел по нарушениям обязательных постановлений и статей УК, предусматривающих ответственность в административном порядке
(Пост. ВЦИК и СНК от 6/VI, СУ, 1927, № 59).
430. О внешкольных мероприятиях по борьбе с хулиганством
(Пост. СНК от 25/VI, СУ, 1927, № 61).
431. О плане борьбы с детской беспризорностью
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VI, СУ, 1927, № 65).
432. Об изменении ст.ст. 33 и 79 ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 21/VI, СУ, 1927, № 69).
433. Об утверждении Положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности
(Пост. ВЦИК и СНК от 4/VII, СУ, 1927, № 72).
434. Об изменениях УК РСФСР во исполнение Манифеста 2 сессии ЦИК СССР 4 созыва
(Пост. ВЦИК и СНК от 31/X, СУ, 1927, № 110).
435. О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 14/X, СУ, 1927, № 111).
436. О проведении в жизнь на территории РСФСР амнистии к десятой годовщине Октябрьской революции
(Пост. ВЦИК и СНК от 5/XI, СУ, 1927, № 111).

1928 год

437. Об изменении п. 7 ст. 23 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/XII 1927, СУ, 1928, № 4).
438. Об изменении ст. 25 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/XII 1927, СУ, 1928, № 4).
439. О предоставлении сельским советам права производства обысков и выемок
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/XII 1927, СУ, 1928, № 5).
440. О мерах усиления борьбы с самогоноварением
(Пост. ВЦИК и СНК от 2/I, СУ, 1928, № 7).
441. Об улучшении постановки судебно-медицинской экспертизы в сельских местностях
(Пост. СНК от 15/I, СУ, 1928, № 7).
442. Об изменении ст. 85 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 26/IX 1927, СУ, 1928, № 8).

443. Об изменении ст.ст. 27 и 108 УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 9/I, СУ, 1928, № 9).

444. Об изменении ст. 10 Постановления СНК РСФСР от 25/VI 1927 г. о внешкольных мероприятиях по борьбе с хулиганством

(Пост. СНК от 30/XII, 1927, СУ, 1928, № 9).

445. Об изменении ст.ст. 102 и 103 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 16/I, СУ, 1928, № 10).

446. О дополнении примечанием ст. 105 УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 16/I, СУ, 1928, № 10).

447. Об изменении гл. девятой, дополнении ст. 28 и изменении прим. к ст. 58[6] УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 9/I, СУ, 1928, № 12).

448. Об изменении ст. 36 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 9/I, СУ, 1928, № 12).

449. О дополнении и изменении Пост. ВЦИК и СНК РСФСР о мерах усиления борьбы с самогоноварением

(Пост. ВЦИК и СНК от 21/I, СУ, 1928, № 19).

450. Об изменении ст. 193[1] УК РСФСР.

(Пост. ВЦИК и СНК от 18/III, СУ, 1928, № 33).

451. О дополнении УК РСФСР ст. 87-а

(Пост. ВЦИК и СНК от 28/III[1], СУ, 1928, № 36).

452. О дополнении УК РСФСР ст. 166-а и об изменении ст. 173 того же кодекса

(Пост. ВЦИК и СНК от 26/III, СУ, 1928, № 38).

453. Об изменении примечания 2 к ст. 26 и дополнении ст. 99 УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 29/III, СУ, 1928, № 38).

454. Об изменении ст.ст. 102 и 103 УК РСФСР

(Пост ВЦИК и СНК от 16/I, СУ, 1928, № 39).

455. О предоставлении НКТруда РСФСР права устанавливать в отношении патронируемых лиц, работающих в предприятиях и коллективах патронируемых, состоящих в ведении Всероссийского комитета помощи содержащимся в местах заключения и освобожденных из них, изъятий из Кодексов законов о труде РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 29/III, СУ, 1928, № 40).

456. О порядке руководства судебными органами РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 30/I, СУ, 1923, № 46).

457. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 1/X 1926 г. по 1/III 1928 г. постановлений об изменении и дополнении кодексов РСФСР

(Пост. 2 сессии ВЦИК от 6/IV, СУ, 1928 № 47).

458. О дополнении УК РСФСР главой X «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта» и примечанием 3 к ст. 26 УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК от 6/IV, СУ, 1928, № 47).

459. Об изменении ст.ст. 30 и 101 Положения о судоустройстве РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 14/V, СУ, 1928 № 53).

460. Об изменении главы IV отдела 1 ИТК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 21/V, СУ, 1928, № 57).

461. Об отмене Положения о дисциплинарных судах

(Пост. ВЦИК и СНК от 28/V, СУ, 1928, № 82).

462. О мероприятиях по борьбе с хулиганством

(Пост. СНК от 3/VII, СУ, 1928, № 84).

463. Об амнистии в ознаменование пятой годовщины существования Бурято-Монгольской АССР

(Пост. ВЦИК от 6/VII, СУ, 1928, № 87).

464. Об изменении примечания к ст. 91 Положения о судоустройстве РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 9/VII, СУ, 1928, № 88).

465. Об изменении ст. 166 и исключении ст. 166-а УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 7/VIII, СУ, 1928, № 102).

466. О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях

(Пост. ВЦИК и СНК от 27/VIII, СУ, 1928, № 114).

467. Об изменении ст. 27 УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 27/VIII, СУ, 1928, № 114).

468. Об изменении ст. 60 Положения о судоустройстве РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VIII, СУ, 1928, № 114).

469. Об установлении начального срока для связанной со статистикой преступности отчетности органов милиции, уголовного розыска следствия, суда, прокуратуры и мест лишения свободы

(Пост. СНК от 20/VIII, СУ, 1928, № 115).

470. Об изменении положения о судоустройстве

(Пост. ВЦИК и СНК от 3/IX, СУ, 1928, № 117).

471. Об изменении ст. 2 пост. СНК РСФСР от 3/VII 1928 г. о мероприятиях по борьбе с хулиганством на биржах труда и об улучшении работы бирж труда

(Пост. СНК от 8/IX, СУ, 1928, № 118).

472. О дополнении ст. 86 УК РСФСР абзацем третьим

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IX, СУ, 1928, № 121).

473. Об изменении примечаний к ст.ст. 28 и 30 УК РСФСР и об отмене примечания к ст. 58[5] того же кодекса

(Пост. ВЦИК и СНК от 1/X, СУ, 1923, № 127).

474. Об изменении ст.ст. 26 и 260 УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 5/XI, СУ, 1928, № 134).

475. Об изменении Положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности

(Пост. ВЦИК и СНК от 28/V, СУ, 1928, № 139).

[1] 26/III 1928 г. издано пост. ВЦИК и СНК «О карательной и исправительно-трудовой политике», не вошедшее в СУ (см. «Еженедельник сов. юстиции» за 1928 г. № 14).

476. Об изменении ст.ст. 112, 113, 120, 121 и 128 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/V, СУ, 1928, № 139).
477. Об изменении ст. 347 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 7/VI, СУ, 1928, № 139).

1929 год

478. Об изменении и дополнении статей Положения о судоустройстве
(Пост. ВЦИК и СНК от 17/XII 1928, СУ, 1929, № 3).
479. Об изменении ст. 85 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XII 1928, СУ, 1929, № 7).
480. Об обязательных постановлениях местных исполкомов об охране лесов и насаждений от хищений и истреблений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XII 1928, СУ 1929, № 7).
481. О дополнении УК РСФСР ст. 91[1]
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/I, СУ, 1929, № 15).
482. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК постановлений об изменении и дополнении кодексов РСФСР
(Пост. сессии ВЦИК от 29/XI 1928, СУ, 1929, № 22).
483. Об изменении ст.ст. 176, 177 и 179 Положения о судоустройстве РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 7/III, СУ, 1929, № 24).
484. О дополнении УК РСФСР ст. 73[1]
(Пост. ВЦИК и СНК от 25/III, СУ, 1929, № 28).
485. О мерах борьбы с лжекооперативами
(Пост. СНК от 27/III, СУ, 1929, № 29).
486. О мерах борьбы с шинкарством
(Пост. СНК от 8/IV, СУ, 1929, № 30).
487. Об утверждении Положения о НКЮ РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 3/VI, СУ, 1929, № 41).
488. Об изменении ст. 62 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VI, СУ, 1929, № 46).
489. О дополнении ст. 29 ИТК РСФСР примечанием 3
(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VI, СУ, 1929, № 46).
490. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 108-а, 108-б, 108-в и 108-г для Казахской АССР.
(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VI, СУ, 1929, № 46).
491. Об изменении ст. 193[1] УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VI, СУ, 1929, № 46).
492. Об изменении примечания к ст. 97 УПК РСФСР и дополнении ст. 99 того же кодекса примечанием 3
(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VI, СУ, 1929, № 46).
493. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 59[3а], 164-а и 166-а
(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VI, СУ, 1929, № 50).
494. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 59[3б], 75[1], 75[2] и 156[1] и об изменении ст. 176 того же кодекса
(Пост. ВЦИК и СНК от 25/VI, СУ, 1929, № 50).
495. О предоставлении Комиссии по делам о несовершеннолетних права помещать правонарушителей в возрасте от 14 до 16 лет в трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей НКВД РСФСР
(Пост. СНК от 17/VII, СУ, 1929, № 58).
496. О дополнении УК РСФСР ст. 60[1]
(Пост. ВЦИК и СНК от 29/VII, СУ, 1929, № 59).
497. Об изменении ст. 61 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 18/VI, СУ, 1929, № 60).
498. О дополнении ст. 182 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 5/VIII, СУ, 1929, № 60).
499. О дополнении ст. 144-а Положения о судоустройстве РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 29/VII, СУ, 1929, № 60).
500. О мерах борьбы с проституцией
(Пост. ВЦИК и СНК от 29/VII, СУ, 1929, № 60).
501. Об изменении ст.ст. 193[7] и 193[8] УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 12/VIII, СУ, 1929, № 64).
502. Об изменении ст. 167 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 26/VIII, СУ, 1929, № 65).
503. О борьбе с мелкими преступлениями в предприятиях и учреждениях
(Пост. ВЦИК и СНК от 26/VIII, СУ, 1929, № 65).
504. О проведении опыта по расширению прав и обязанностей низовых органов юстиции в опытно-показательных округах
(Пост. ВЦИК и СНК от 26/VIII, СУ, 1929, № 67).
505. Об изменении ст. 79 ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 2/IX, СУ, 1929, № 68).
506. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 111-а и 129-а
(Пост. ВЦИК и СНК от 2/IX, СУ, 1929, № 72).
507. Об изменениях УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/IX, СУ, 1929, № 78).
508. О дополнении Постановления СНК РСФСР о местных комиссиях по делам несовершеннолетних
(Пост. СНК от 21/X, СУ, 1929, № 78).
509. Об изменении Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/X, СУ, 1929, № 80).
510. Об упразднении распределительных комиссий при инспекциях мест заключения, об исключении главы второй отдела первого ст. 187 ИТК РСФСР, об изменении главы третьей того же отдела и ст.ст. 47, 52, 146, 16[1], примечания к ст. 174 и ст.ст. 177, 178, 213, и 214 того же кодекса
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/X, СУ, 1929, № 81).
511. Об изменении ст.ст. 12 и 53 УК и ст. 47 и 174 ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/X, СУ, 1929, № 82).
512. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 1/X 1928 г. по 20/

1929 г. постановлений об изменении и дополнении кодексов
(Пост. 2 сессии ВЦИК 14 созыва от 25/XI, СУ, 1929, № 87—88).

513. Об изменении ст. 34 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 6/XII, СУ, 1929, № 87—88).

V период — период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.)

А. Законодательство СССР

1930 год

514. Об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение стандартов
(Пост. ЦИКС и СНКС от 23/XI 1929 г., СУ 1930, № 2).

515. Об изменении ст. 1 Положения о воинских преступлениях
(Пост. ЦИКС и СНКС от 16/II, СЗ, 1930, № 15).

516. Положение об исправительно-трудовых лагерях
(Пост. СНКС от 7/IV, СЗ, 1930, № 22).

517. Об изменении ст. 19[1] и 19[2] Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик
(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/V, СЗ, 1930, № 27).

518. Об организации наблюдательных комиссий в военно-исправительных частях РККА
(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/V, СЗ, 1930, № 27).

519. Об изменении ст. 11 Постановления ЦИКС и СНКС от 19/VII 1929 г. о наложении дисциплинарных взысканий на работников железнодорожного транспорта за нарушения установленных для них технических правил, вызвавшие происшествия, связанные с жел.-дор. движением
(Пост. ЦИКС и СНКС от 12/V, СЗ, 1930, № 27).

520. О государственных преступлениях, за которые суд может лишать права на пенсии и пособия
(Пост. СНКС от 31/V, СЗ, 1930, № 31).

521. О введении в действие закона об обязательной военной службе в новой редакции
(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/VIII, СЗ, № 46, пп. 8—9 постановления).

522. О воинских преступлениях, за которые суд может лишать права на пенсии и пособия
(Пост. ЦИКС и СНКС от 2/IX, СЗ, 1930, № 43).

523. О дополнении Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре ст. 28[1]
(Пост. ЦИКС и СНКС от 3/IX, СЗ, 1930, № 47).

524. О дополнении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик прим. 2 к ст. 25[1]
(Пост. ЦИКС и СНКС от 12/IX, СЗ, 1930, № 47).

525. О передаче в подсудность военных трибуналов всех дел о похищении огнестрельного оружия, частей к нему и огневых припасов из складов и хранилищ РККА и военизированных охран и мест расположения воинских частей и частей военизированных охран
(Пост. ЦИКС и СНКС от 18/IX, СЗ, 1930, № 49).

526. Об изменении п. «в» ст. 15 Положения о воинских преступлениях
(Пост. ЦИКС и СНКС от 1/X, СЗ, 1930, № 51).

527. Об организации сельских судов
(Пост. ЦИКС от 29/IX, СЗ, 1930, № 51).

528. О мерах против хищнического убоя скота
(Пост. ЦИКС и СНКС от 11/XI, СЗ, 1930, № 57).

529. О железнодорожных линейных судах
(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/XI, СЗ, 1930, № 57).

530. Об изменении постановления СНК СССР о мерах борьбы с лжекооперативами.
(Пост. СНКС от 23/XI, СЗ, 1930, № 57).

531. Об изменении Основ судоустройства СССР и союзных республик ввиду ликвидации округов
(Пост. ЦИКС и СНКС от 3/XII, СЗ, 1930, № 59).

532. О ликвидации НКВД союзных и автономных республик
(Пост. ЦИКС и СНКС от 15/XII, СЗ, 1930, № 60).

1931 год

533. Об изменении законодательства СССР в связи с изданием Положения о дисциплинарных взысканиях на транспорте от 3/XI 1930 г.
(Пост. СНКС от 28/XII 1930, СЗ, 1931, № 2).

534. Об изменении ст. 2 Постановления ЦИК и СНК СССР от 27/XI 1930 г. о железнодорожных судах
(Пост. ЦИКС и СНКС от 3/I СЗ, 1931, № 4).

535. Об ответственности за преступления, дезорганизующие работу транспорта
(Пост. ЦИКС и СНКС от 23/I, СЗ, 1931, № 4).

536. Об утверждении постановлений, принятых в период между сессиями ЦИК СССР, и подлежащих на основании ст. 18 Конституции СССР утверждению 3 сессии ЦИК СССР 5 созыва
(Пост. 3 сессии ЦИКС 5 созыва от 10/I, СЗ, 1931, № 5).

537. Об ответственности за поломку и порчу тракторов и сел.-хоз. машин
(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/II, СЗ, 1931, № 9).

538. Положение о Рабоче-крестьянской милиции
(Пост. СНКС от 25/V, СЗ, 1931, № 33).

539. О включении в состав временных членов военных трибуналов представителей Рабоче-крестьянской милиции
(Пост. СНКС от 17/VIII, СЗ, 1931, № 53).

1932 год

540. О распространении Положения о дисциплинарных взысканиях на транспорте на работников НК водного транспорта
(Пост. ЦИКС и СНКС от 11/I, СЗ, 1932, № 2).

541. Об усилении борьбы с хищением и пропажей почтовых отправлений
(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/II, СЗ, 1932, № 9).

542. Об изменении Положения о Рабоче-крестьянской милиции
(Пост. СНКС от 17/II, СЗ, 1932, № 12).

543. О лишении гражданства СССР с запрещением въезда в СССР ряда лиц, проживающих за границей в качестве эмигрантов и сохранивших еще советские паспорта
(Пост. ЦИКС от 20/II. СЗ, 1932, № 13).

544. О разрешении ВЦИК установить за незаконный убой и умышленное изувечение лошадей меры социальной защиты, соответствующие законодательству РСФСР
(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/III, СЗ, 1932 № 19).

545. О сельских общественных судах
(Пост. ЦИКС от 17/IV, СЗ, 1932, № 29).

546. Об изменении Положения о воинских преступлениях
(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/VI, СЗ, 1932, № 44).

547. О революционной законности
(Пост. ЦИКС и СНКС от 25/VI, СЗ, 1932, № 50).

548. Об ответственности работников учреждений и управленческого аппарата хозяйственных органов за нарушение правил общей и противопожарной охраны служебных зданий и помещений и правил хранения служебных документов
(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/VII, СЗ, 1932, № 53).

549. Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности
(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/VIII, СЗ, 1932, № 62).

550. О борьбе со спекуляцией
(Пост. ЦИКС и СНКС от 22/VIII, СЗ, 1932, № 65).

551. Об изменении Постановления Президиума ЦИК СССР от 17/IV 1932 г. о сельских общественных судах
(Пост. ЦИКС от 7/XII, СЗ, 1932, № 82).

552. Об образовании Главного управления Рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР
(Пост. ЦИКС и СНКС СССР от 27/XII, СЗ, 1932, № 84).

553. Положение о Главном управлении Рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР
(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/XII, СЗ, 1932, № 84).

1933 год

554. Об ответственности за нарушение правил учета военнообязанных и военнослужащих
(Пост. ЦИКС и СНКС от 9/I, СЗ, 1933, № 4).

555. Об утверждении постановлений, принятых в период между сессиями ЦИК СССР и подлежащих, на основании ст. 18 Конституции СССР, утверждению сессии ЦИК СССР
(Пост. 3 сессии ЦИКС 6 созыва от 30/I, СЗ, 1933, № 6).

556. О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях
(Пост. СНК СССР от 16/II, СЗ, 1933, № 13).

557. О дополнении Постановления ЦИК и СНК СССР от 9/I 1933 г. об ответственности за нарушение правил учета военнообязанных и военнослужащих
(Пост. ЦИКС и СНКС от 23/II, СЗ, № 14).

558. Об ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты
(Пост. ЦИКС от 14/III, СЗ, 1933, № 19).

559. Об утверждении Устава о дисциплине рабочих и служащих на жел.-дор. транспорте СССР, с приложением текста Устава
(Пост. ЦИКС и СНКС от 4/VI, СЗ, 1933, № 35, разд. III постановления).

560. Об учреждении Прокуратуры СССР
(Пост. ЦИКС и СНКС от 20/VII, СЗ, 1933, № 40).

561. О предоставлении льгот участникам строительства Беломорско-Балтийского канала имени товарища Сталина
(Пост. ЦИКС от 4/VIII, СЗ, 1933, № 50).

562. О передаче железнодорожных линейных судов и транспортной прокуратуры железных дорог из системы НКЮ союзных республик в систему Верхсуда СССР и Прокуратуры СССР
(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/VIII, СЗ, 1933, № 55).

563. Об ответственности за представление неправильных учетных сведений и отчетных данных, а также за нарушение форм и сроков представления учетно-отчетных материалов
(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/XI, СЗ, 1933, № 70).

564. Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции
(Пост. ЦИКС и СНКС от 8/XII, СЗ, 1933, № 73).

1934 год

565. Об утверждении Положения о Прокуратуре СССР с приложением текста Положения
(Пост. ЦИКС и СНКС от 17/XII 1933, СЗ, 1934, № 1).

566. Об уголовной ответственности за мужеложство
(Пост. ЦИКС от 17/XII 1933, СЗ, 1934, № 1).

567. Об изменении ст. 1 Положения о воинских преступлениях, ст. 8 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре, ст.ст. 17 и 19 Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка управления)
(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/II, СЗ, 1934, № 12).

568. Об изменении ст. 40 Положения о Рабоче-крестьянской милиции
(Пост. СНКС от 7/II, СЗ, 1934, № 12).

569. Об уголовной ответственности за мужеложство
(Пост. ЦИКС от 7/III, СЗ, 1934, № 15).

570. Об установлении подсудности военным трибуналам должностных преступлений начальствующего состава гражданского воздушного флота

(Пост. ЦИКС и СНКС от 11/IV, СЗ, 1934, № 20).

571. О привлечении к ответственности за безнарядное расходование хлеба
(Пост. СНКС от 4/V, СЗ, 1934, № 27).

572. Об изменении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик и отмене Постановления ЦИК и СНК СССР от 5/V 1930 г. об организации наблюдательных комиссий в военно-исправительных частях РККА
(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/V, СЗ, 1934, № 29).

573. Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры
(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/VI, СЗ, 1934, № 33).

574. О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине
(Пост. ЦИКС от 8/VI, СЗ, 1934, № 33).

575. О подсудности военным трибуналам дел об убийствах частных граждан военнослужащими
(Пост. ЦИКС от 7/VII, СЗ, 1934, № 37).

576. Об образовании общесоюзного НКВД
(Пост. ЦИКС от 10/VII, СЗ, 1934, № 36).

577. О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых НКВД СССР и его местными органами
(Пост. ЦИКС от 10/VII, СЗ, 1934, № 36).

578. О мероприятиях по укреплению судебных, следственных органов и органов прокуратуры
(Пост. СНКС от 17/VII, СЗ, 1934, № 37).

579. О борьбе с расхищением денежных фондов на жел.-дор. транспорте
(Пост. СНКС от 11/VII, СЗ, 1934, № 40).

580. О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьей об ответственности за обворовывание потребителя и обман советского государства
(Пост. ЦИКС и СНКС от 25/VII, СЗ, 1934, № 41).

581. Об изменении ст.ст. 2 и 12 Положения о воинских преступлениях
(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/VIII, СЗ, 1934, № 43).

582. О передаче испр.-труд. учреждений народными комиссариатами юстиции союзных республик в ведение НКВД СССР
(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/X, СЗ, 1934, № 56).

583. О внесении изменений в действующие УПК союзных республик
(Пост ЦИКС и СНКС от 1/XII, СЗ, 1934, № 14).

Б. Законодательство РСФСР

1930 год

584. Об изменении ст.ст. 35 и 36 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/I, СУ, 1930, № 3).

585. О дополнении УК РСФСР ст. 79^1.
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/I, СУ, 1930, № 3).

586. Об изменении ст. 38 УПК
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/I, СУ, 1930, № 3).

587. О дополнении Положения о судоустройстве РСФСР ст. 130-а и о дополнении ст. 144 того же Положения
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/I, СУ, 1930, № 3).

588. О товарищеских судах на фабрично заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/XII 1929, СУ, 1930, № 4).

589. О дополнении УК РСФСР ст. 99^1
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/II, СУ, 1930, № 7).

590. Об изменении ст. 59^8 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/II, СУ, 1930, № 8).

591. О дополнении УК РСФСР ст. 169-а
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/II, СУ, 1930, № 11).

592. Об изменении примечания 3 к ст. 29 ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/II, СУ, 1930, № 11).

593. Об изменении ст.ст. 458 и 463 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/II, СУ, 1930, № 11).

594. Об изменении ст. 176 ИТК
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/II, СУ, 1930, № 13).

595. Об изменении ст. 60 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/III, СУ, 1930, № 16).

596. Постановление по докладу НКВД РСФСР о состоянии производственной и культурно-воспитательной работы в местах заключения и об организации принудительных работ без содержания под стражей
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1930, № 16).

597. О дополнении и изменении ст.ст. 41, 47, 51, 52, и 54 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/V, СУ, 1930, № 19).

598. Об изменении ст.ст. 7, 46, 47, 67 об исключении ст.ст. 156—164 и 165—173 ИТК РСФСР и дополнении этого кодекса ст. 59^1
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/V, СУ, 1930, № 24).

599. Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска
(Пост. СНК от 25/V, СУ, 1930, № 25).

600. Об изменении ст.ст. 20, 28, 35 и 56 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/V, СУ, 1930, № 26).

601. Об изменении ст. 193^1 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/V, СУ, 1930 № 26).

602. Об изменении ст. 31 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/VI, СУ, 1930, № 30).

603. Постановление по докладу НКВД РСФСР о состоянии и работе Рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска
(Пост. СНК от 9/VII, СУ, 1930, № 31).

604. Об изменении постановления ВЦИК и СНК о товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях
(Пост. ВЦИК и СНК от 14/VII, СУ, 1930, № 34).

605. Об изменении ст.ст. 33 и 183 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VIII, СУ, 1930, № 42).

606. Об изменении ст. 36 ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 25/IX, СУ, 1930, № 47).

607. О реорганизации местных органов юстиции в связи с ликвидацией округов
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/X, СУ, 1930, № 51).

608. Об установлении типовой структуры аппаратов краевой (областной) прокуратуры и суда
(Пост. ВЦИК от 10/X, СУ, 1930, № 51).

609. О сельских общественных судах
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/X, СУ, 1930, № 51).

610. Об изменении ст. 57 ГПК и ст. 85 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/X, СУ, 1930, № 56).

611. Постановление по докладу Деткомиссии при ВЦИК и НКПроса РСФСР о ходе работы по борьбе с детской беспризорностью
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/XI, СУ, 1930, № 59).

612. Об изменении ст.ст. 28 и 30 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/XI, СУ, 1930, № 61).

613. Об изменении ст.ст. 31 и 40 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/XI, СУ, 1930, № 62).

1931 год

614. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 20/X 1929 по 1/XII 1930 гг. постановлений об изменении и дополнении кодексов
(Пост. 3 сессии ВЦИК 14 созыва от 30/XII 1930, СУ, 1931, № 3).

615. Об изменении ст.ст. 59^{4}, 59^{5}, 193^{10} и о дополнении ст.ст. 69 и 193^{10} УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/I, СУ, 1931, № 5).

616. Об изменении ст. 193^{15} УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/I, СУ, 1931, № 5).

617. Об изменении постановления СНК РСФСР о мерах борьбы с лжекооперативами
(Пост. СНК от 2/II, СУ, 1931, № 7).

618. Об изменении ст.ст. 36 и 61 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/II, СУ, 1931, № 9).

619. О дополнении УК РСФСР ст. $59^{3в}$
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/II, СУ, 1931, № 9).

620. О дополнении УК РСФСР ст. 75^{3}
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/II, СУ, 1931, № 9).

621. Об узаконениях, изданных до 1/I 1930 г., утративших силу, но не отмененных особыми постановлениями
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/II, СУ, 1931, № 13).

622. О производственно-товарищеских судах на фабриках, заводах, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/II, СУ, 1931, № 14).

623. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 128-а и 128-б
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1931, № 15).

624. О дополнении УК РСФСР ст. $79^{г}$.
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1931, № 15).

625. Об утверждении Положения об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/III, СУ, 1931, № 17).

626. Об изменении ст. 36 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/V, СУ, 1931, № 27).

627. Об изменении ст. 82 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/VI, СУ, 1931, № 30).

628. Об ответственности за несоблюдение правил государственной регистрации
(Пост. СНК от 24/VI, СУ, 1931, № 33).

629. Об организации товарищеских судов при жилищных и жилищно-арендных кооперативных товариществах и при домовых трестах и о ликвидации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным делам
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/VI, СУ, 1931, № 36).

630. Об утверждении Положения о комиссиях по делам о несовершеннолетних
(Пост. СНК от 11/VII, СУ, 1931, № 38).

631. Об изменении ст. 193^{1} УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/VII, СУ, 1931, № 44).

632. Об изменении ст. 70 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/VIII, СУ, 1931, № 51).

633. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 84-а и 84-б и об изменении ст. 177 того же кодекса
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/VIII, СУ, 1931, № 59).

634. О производственно-товарищеских судах на предприятиях и в общих мастерских промысловой кооперации и кооперации инвалидов
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/X, СУ, 1931, № 68).

1932 год

635. Об изменении УПК и ГПК РСФСР и Положения о судоустройстве в связи с изданием Положения о Рабоче-крестьянской милиции
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/I, СУ, 1932, № 6).

636. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период между сессиями с 1/XII 1930 г. по 10/XII 1931 г. постановлений об изменении и дополнении кодексов
(Пост. 2 сессии ВЦИК 15 созыва от 21/XII 1931, СУ, 1932, № 7, разд. IV и V постановления).

637. Об изменении законодательства РСФСР в связи с введением в действие Положения об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/I, СУ, 1932, № 9).

638. О дополнении ст. 73^{1} УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/II, СУ, 1932, № 21).

639. О дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1932, № 32).

640. Об изменении ст. 182 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IV, СУ, 1932, № 35).

641. О дополнении ст. 86^1 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/V, СУ, 1932, № 41).

642. Об изменении ст. 440 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/V, СУ, 1932, № 47).

643. Об изменении п. «б» ст. 193^7 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/V, СУ, 1932, № 49).

644. Об утверждении Устава службы в испр.-труд. учреждениях РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IX 1931, СУ, 1932, № 53).

645. Об изменении ст. 193^1 и об исключении ст. 71 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/VII, СУ, 1932, № 59).

646. Об изменении ст. 33 ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/VIII, СУ, 1932, № 65).

647. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 79^3 и 79^4 и изменении пункта «а» ст. 83 КЗоТ
(Пост. ВЦИК и СНК от 29/IV, СУ, 1932, № 68).

648. Об изменении ст. 61 Положения о судоустройстве РСФСР и исключении примечания к этой статье
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/IX, СУ, 1932, № 71).

649. Об амнистии в ознаменование десятилетия существования советской власти на Дальнем Востоке
(Пост. ВЦИК от 1/XI, СУ, 1932, № 84).

650. Об амнистии в ознаменование 10-летия Адыгейской автономной области
(Пост. ВЦИК от 1/XI, СУ, 1932, № 85).

651. Об изменении ст. 107 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XI, СУ, 1932, № 87).

1933 год

652. Об изменении ст. 25 Положения об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/XII 1932, СУ, 1933, № 2).

653. О преступлениях, за совершение которых лица среднего, старшего и высшего начальствующего состава, лица младшего начальствующего состава и рядового состава сверхсрочной службы и курсанты школ военно-воздушных сил РККА, а также семьи этих лиц лишаются права на государственное обеспечение
(Пост. СНК от 16/I, СУ, 1933, № 5).

654. О внесении изменений в Положение о Главном управлении Рабоче-крестьянской милиции при СНК РСФСР, утвержденное 4/X 1931 г., в связи с образованием Главного управления Рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР
(Пост. СНК от 19/I, СУ, 1933, № 6).

655. О мерах борьбы с детской беспризорностью и ликвидации уличной беспризорности детей
(Пост. СНК от 29/I, СУ, 1933, № 7).

656. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 10/XII 1931 г. по 15/I 1933 г. постановлений об изменении и дополнении кодексов
(Пост. 3 сессии ВЦИК 15 созыва от 20/I, СУ, 1933, № 12).

657. Об изменении ст. 64 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1933, № 20).

658. Об изменении ст. 182 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1933, № 20).

659. Об органах юстиции в национальных округах и районах северных окраин РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/III, СУ, 1933, № 20).

660. Об изменении примечания к ст. 40 УК РСФСР и ст. 271 ГПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 11/IV, СУ, 1933, № 23).

661. Об организации Московского городского суда и Московской городской прокуратуры
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1933, № 23).

662. Об изменении ст.ст. 346 и 370 УПК РСФСР и об отмене раздела 1 главы 26 того же кодекса
(Пост. ВЦИК и СНК от 4/V, СУ, 1933, № 31).

663. Об изменении ст. 7 Постановления ВЦИК и СНК от 20/XI 1930 г. по докладу Деткомиссии при ВЦИК и НКПроса РСФСР о ходе работы по борьбе с детской беспризорностью
(Пост. ВЦИК и СНК от 4/V, СУ, 1933, № 31)

664. Об изменении ст.ст. 27 и 28 Устава службы в испр.-труд. учреждениях РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/V, СУ, 1933, № 31).

665. Об изменении ст.ст. 204 и 326 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/VI, СУ, 1933, № 37).

666. О расширении права обжалования приговоров народного суда
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VI, СУ, 1933, № 42).

667. Об утверждении Положения о дисциплинарной ответственности работников юстиции
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/VIII, СУ, 1933, № 46).

668. Об утверждении Положения об органах юстиции Дальневосточного края
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/IX, СУ, 1933, № 48).

669. Об утверждении ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/VIII, СУ, 1933, № 48).

670. О сроках производства удержаний из зарплаты отбывающих испр.-труд. работы и перечисления этих удержаний
(Пост. СНК от 7/X, СУ, 1933, № 53).

671. Об утверждении Положения о кочевых общественных судах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 16/X, СУ, 1933, № 54).

672. Об амнистии в ознаменование 15-летия со дня выделения немцев Поволжья в автономную административно-территориальную единицу
(Пост. ВЦИК от 10/X, СУ, 1933, № 54).

673. Об изменении законодательства РСФСР в связи с утверждением Положения о кочевых общественных судах
(Пост. СНК от 20/XI, СУ, 1933, № 58).

1934 год

674. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 15/I по 15/XII постановлений об утверждении ИТК и об изменении и дополнении кодексов
(Пост. 4 сессии ВЦИК XV созыва от 25/XII 1933, СУ, 1934, № 2).
675. Об изменении ст. 128-а УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/II, СУ, 1934, № 9).
676. Об изменении ст. 9 ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/III, СУ, 1934, № 11).
677. Об амнистии в ознаменование 15-летия со дня образования Башкирской АССР
(Пост. ВЦИК от 15/III, СУ, 1934, № 12).
678. О дополнении УК РСФСР ст. 154-а
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/IV, СУ, 1934, № 15).
679. Об изменении ст.ст. $59^{3а}$, 59^{5} и 193^{1} УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/IV, СУ, 1934, № 17).
680. О дополнении УК РСФСР ст. 192-а
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/VII, СУ, 1934, № 27).
681. О дополнении УК РСФСР ст.ст. $58^{1а}$, $58^{1б}$, $58^{1в}$-$58^{1г}$.
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VII, СУ, 1934, № 30).
682. Об изменении ст. 28 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 5/VII, СУ, 1934, № 30).
683. Об органах юстиции в областях, входящих в состав краевых объединений
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VII, СУ, 1934, № 30).
684. Об амнистии в ознаменование десятилетия со дня образования Северо-Осетинской автономной области
(Пост. ВЦИК от 5/VII, СУ, 1934, № 32).
685. О дополнении ст. 136 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/IX, СУ, 1934, № 34).
686. О дополнении УК РСФСР ст. 128-в
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IX, СУ, 1934, № 35).
687. О мерах укрепления советов, органов суда и прокуратуры в кочевых районах Севера
(Пост. ВЦИК от 10/IX, СУ, 1934, № 35).
688. О водных транспортных судах и водной транспортной прокуратуре РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/X, СУ, 1934, № 36).
689. Об изменении ст.ст. 193^{2} и 193^{12} УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/X, СУ, 1934, № 39).
690. Об изменении ст. 46 ИТК РСФСР.
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XI, СУ, 1934, № 40).
691. О передаче испр.-труд. учреждений НКЮ РСФСР в ведение НКВД СССР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XI, СУ, 1934, № 40).
692. О порядке устройства детей лиц, находящихся под стражей или отбывающих испр.-труд. работы
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XI, СУ, 1934, № 40).
693. О дополнении УК РСФСР ст. 179-а
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/XII, СУ, 1934, № 42).
694. О дополнении ст. 40 УК РСФСР примечанием вторым
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/XII, СУ, 1934, № 43).

VI период — Период борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведение новой Конституции (1935—1937 гг.)

А. Законодательство СССР

1935 год

695. Об особом совещании при НКВД СССР
(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/XI 1934, СЗ, 1935, № 11).
696. О мерах борьбы с хулиганством
(Пост. ЦИКС и СНКС от 29/III, СЗ, 1935, № 18).
697. О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних
(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/IV, СЗ, 1935, № 19).
698. О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьей, карающей переплавку государственной разменной монеты и использование этой монеты для производственных целей
(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/IV, СЗ, 1935, № 19).
699. О предоставлении органам Главного управления пожарной охраны НКВД СССР права производства расследования по делам о пожарах и нарушениях противопожарных правил
(Пост. ЦИКС и СНКС от 17/V, СЗ, 1935, № 28).
700. Об уголовной ответственности за незаконный выпуск ценных бумаг и денежных суррогатов
(Пост. ЦИКС и СНКС от 31/V, СЗ, 1935, № 30).
701. О дополнении ст. 19 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик
(Пост. ЦИКС и СНКС от 28/V, СЗ, 1935, № 30).
702. О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности
(Пост. СНКС и ЦК ВКП(б) от 31/V, СЗ, 1935, № 32).
703. Об ответственности за нарушение производственно-технической дисциплины и условий работы во взрывоопасных производствах
(Пост. ЦИКС и СНКС от 17/VII, СЗ, 1935, № 38).
704. О снятии судимости с колхозников
(Пост. ЦИКС и СНКС от 29/VII, СЗ, 1935, № 40).
705. О дополнении уголовных и гражданских кодексов союзных республик
(Пост. ЦИКС и СНКС от 29/VII, СЗ, 1935, № 41).
706. Об освобождении от дальнейшего отбывания наказания, снятии судимости и всех правоограничений, связанных с осуждением ряда должностных лиц, осужденных в свое

время в связи с саботажем хлебозаготовок и выпуском трудовых займов, бон и прочих денежных суррогатов

(Пост. ЦИКС от 11/VIII, СЗ, 1935, № 44).

707. Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изданий, изображений и иных предметов и за торговлю ими

(Пост. ЦИКС и СНКС от 14/X, СЗ, 1935, № 56).

1936 год

708. Об амнистии Рамзина Л. К. и др. лиц

(Пост. ЦИКС от 4/II, СЗ, 1936, № 11).

709. О передаче всех водных транспортных судов и всей водной транспортной прокуратуры в непосредственное подчинение Верхсуда СССР и Прокуратуры СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/IV, СЗ, 1936, № 18).

710. Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими

(СЗ, 1936, № 21).

711. Соглашение относительно пресечения обращения порнографических изданий

(от 4/V, 1910, СЗ, 1936, № 21).

712. О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах

(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/VI, СЗ, 1936, № 34).

713. Об образовании НКЮ СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 20/VII, СЗ, 1936, № 40).

714. О дополнении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик

(Пост. ЦИКС и СНКС от 8/VIII, СЗ, 1936, № 44).

715. Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им зарплаты по мотивам беременности

(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/X, СУ, 1936, № 51).

716. О наказании за выезд за границу или въезд в СССР без установленного паспорта или разрешения

(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/X, СУ, 1936, № 52).

717. О порядке выдачи пособий многодетным матерям

(Пост. ЦИКС и СНКС от 14/XI, СЗ, 1936 № 59).

718. О структуре Прокуратуры СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/XI, СЗ, 1936, № 59).

719. Положение о НКЮ СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 8/XII, СЗ, 1936, № 62).

720. Об изменении ст. 1 Постановления ЦИКС и СНКС от 7/VI 1934 г. «Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры»

(Пост. ЦИКС и СНКС от 8/XII, СЗ, 1936, № 62).

1937 год

721. Об утверждении постановлений, принятых в период между сессиями ЦИК СССР и подлежащих утверждению 3 сессии ЦИК СССР 7 созыва

(Пост. 3 сессии ЦИКС от 13/I, СЗ, 1937, № 7).

722. О применении пост. ЦИК и СНК СССР от 5/X 1936 г. «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности»

(Пост. ЦИКС и СНКС от 9/IV, СЗ, 1937, № 25).

723. Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан

(Пост. ЦИКС и СНКС от 11/IV, СЗ, 1937, № 30).

724. О запрещении расходовать государственные средства на содержание автомашин, принадлежащих отдельным гражданам

(Пост. СНКС от 11/V, СЗ, 1937, № 31).

Б. Законодательство РСФСР

1935 год

725. Об изменении ст. 193[1] УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/I, СУ, 1935, № 2)

726. О дополнении УПК РСФСР главой 33

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XII 1934, СУ, 1935, № 2).

727. Об изменении ст. 74 и дополнении ст. 182 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/V, СУ, 1935, № 14).

728. О дополнении УК РСФСР ст. 106-а

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/VI, СУ, 1935, № 17).

729. О дополнении УК РСФСР ст. 128-г

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VI, СУ, 1935, № 17).

730. Об амнистии в ознаменование 15-летия Татарской АССР

(Пост. ВЦИК от 10/VI, СУ, 1935, № 17).

731. Об амнистии в ознаменование 15-летия Дагестанской АССР

(Пост. ВЦИК от 10/VI, СУ, 1935, № 18).

732. Об амнистии в ознаменование 15-летия Карельской АССР

(Пост. ВЦИК от 20/VI, СУ, 1935, № 18).

733. Об изменении ст. 97 УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VII, СУ, 1935, № 20).

734. О дополнении ст. 30 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VII, СУ, 1935, № 20).

735. О местностях РСФСР, в которых применяется примечание к ст. 182 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IX, СУ, 1935, № 20).

736. О дополнении УК РСФСР ст. 108[1]

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/X, СУ, 1935, № 21).

737. О дополнении УК РСФСР ст. 182[1]
(Пост. ВЦИК и СНК от 25/XI, СУ, 1935, № 22).

738. Об амнистии в ознаменование 15-летия Калмыцкой автономной области и о преобразовании ее в АССР
(Пост. ВЦИК от 28/X, СУ, 1935, № 22).

1936 год

739. Об изменении действующего законодательства РСФСР и мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью
(Пост. ВЦИК и СНК от 25/XI 1935, СУ, 1936, № 1).

740. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 59[3г] 59[3д] и 75[4] и об изменении ст. 193[1] того же кодекса
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/XII 1935 г., СУ 1936, № 1).

741. Об амнистии в ознаменование 15-летия Удмуртии
(Пост. ВЦИК от 31/XII, 1935, СУ, 1936, № 3).

742. О сельских исполнителях
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1936, № 7).

743. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 15/XII 1933 г. по 1/I 1936 г. постановлений об изменении и дополнении кодексов
(Пост. 2 сессии ВЦИК XVI созыва от 9/II, СУ, 1936, № 10).

744. О судебных органах и округах
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IV, СУ, 1936, № 11).

745. Об изменении ст. 179 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/VI, СУ, 1936, № 13).

746. О дополнении УПК РСФСР ст.ст. 28 и 28-а и отмене пост. ВЦИК и СНК РСФСР о водных транспортных судах и водной транспортной прокуратуре
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/V, СУ, 1936, № 13).

747. Об амнистии в ознаменование 15-летия Марийской автономной области
(Пост. ВЦИК от 1/VI, СУ, 1936, № 16).

748. О введении в состав пленумов областных судов автономных областей запасных членов областного суда
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VII, СУ, 1936, № 17).

749. Об амнистии в ознаменование 15-летия автономной области Коми (зырян)
(Пост. ВЦИК от 1/IX, СУ, 1936, № 19).

750. О дополнении ст. 20 УК РСФСР и ст.ст. 28 и 79 ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/IX, СУ, 1936, № 20).

751. Об амнистии в ознаменование 15-летия Кабардино-Балкарской автономной области
(Пост. ВЦИК и СНК от 11/XI, СУ, 1936, № 21).

752. Об изменении ст. 85 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/X, СУ, 1936, № 22).

753. Об изменении ст. 84 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XI, СУ, 1936, № 22).

1937 год

754. О подсудности дел о преступлениях, совершенных на водном транспорте в Якутской АССР и в Печерском округе АССР Коми
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/III, СУ, 1937, № 3).

755. Об изменении действующего законодательства РСФСР в связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27/VI 1936 г.
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/V 1937, № 6, п. 4 постановления).

А. БРУСИЛОВСКИЙ

Принцип гласности в уголовном процессе

1

Живая летопись побед и успехов социализма—Сталинская Конституция является в полном смысле слова конституцией социалистического общества.

В беседе с Рой Говардом товарищ Сталин сказал: «Наше советское общество является социалистическим, потому что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной. Та общественная организация, которую мы создали, может быть названа организацией советской, социалистической, еще не вполне достроенной, но в корне своем социалистической организацией общества. Основой этого общества является общественная собственность: государственная, т. е. всенародная, а также кооперативно-колхозная собственность».

И дальше в той же беседе товарищ Сталин сказал: «Да, Вы правы, мы еще не построили коммунистического общества. Построить такое общество не так-то легко. Разница между обществом социалистическим и коммунистическим Вам наверное известна. В социалистическом обществе еще имеется некоторое имущественное неравенство. Но в социалистическом обществе уже нет безработицы, уже нет эксплоатации, уже нет угнетения национальностей. В социалистическом обществе каждый обязан трудиться, хотя и получает за свой труд еще не сообразно своим потребностям а сообразно количеству и качеству вложенного труда. Поэтому еще существует заработная плата, притом неравная, дифференцированная. Только тогда, когда удастся создать такой порядок, при котором люди получают от общества за свой труд не по количеству и качеству труда, а сообразно их потребностям можно будет сказать, что мы построили коммунистическое общество».

Таким образом, наше общество является социалистическим обществом.

Советский суд, советский процесс, советское право являются судом, процессом и правом социалистического общества.

«Наше право является социалистическим по своим задачам, задачам охраны интересов социалистического государства, интересов социалистического хозяйства, интересов общественной, социалистической собственности. Социалистическое право является грозной, могучей, организующей силой, громадным фактором не только регулирования, но и организации общественных отношений»[1].

Советскому суду, советской прокуратуре, советскому процессу Сталинская Конституция уделяет огромное место и посвящает специальную главу IX, состоящую из 16 статей (из 146 статей, именно ст.ст. 102—117).

В числе принципов процесса социалистического общества провозглашается в качестве конституционного принцип гласности (публичности) при разборе дел.

Ст. 111 Конституции гласит: «Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту». Отличительной чертой права, суда и процесса социалистического общества является их до конца идущий демократизм. Новая Конституция представляет собою новый шаг вперед по пути осуществления принципов пролетарской демократии вообще, судебной демократии в частности.

Что же такое пролетарская демократия вообще и судебная демократия в частности? Чем отличается пролетарская демократия от буржуазной?

Какая связь существует между принципом гласности в процессе и судебной демократией?

Товарищ Сталин в своем докладе о проекте Конституции сказал: «Говорят о демократии. Но что такое демократия? Демократия в капиталистических странах, где имеются антагонистические классы, есть в последнем счете демократия для сильных, демократия для имущего меньшинства. Демократия в СССР, наоборот, есть демократия для трудящихся, т. е. демократия для всех». И дальше: «...Конституция СССР является единственной в мире до конца демократической конституцией». И в другом месте: «...Особенность проекта новой Конституции составляет его последовательный и до конца выдержанный демократизм».

Таким образом, буржуазная демократия — это демократия для сильных, для имущего большинства, и только пролетарская демократия является демократией для всех.

Буржуазная демократия — демократия урезанная, убогая, однобокая. Являясь, как подчеркивал В. И. Ленин, огромным прогрессивным шагом по сравнению со средневековьем, буржуазная демократия однако разъедается той совокупностью привилегий, которые имущим дает власть капитала, дает частная собственность. Неимущий лишен возможности осуществить принадлежащие ему права, обращающиеся в «голое право» по терминологии римских юристов. Равенство вырождается в формальное равенство перед законом, маскирующее фактическое неравенство. Так, например, свобода договоров обращается в хищническое навязывание эксплоататором своих условий эксплоатируемому, так, например, принцип состязательности буржуазного суда обращается в поединок, в котором у неимущего выбито из рук оружие. Как вынужден признать один буржуазный ученый, плоды с дерева буржуазной свободы и демократии, выросшего на развалинах низвергнутого абсолютизма, зацвели только для тех, кто владеет собственностью, и только в меру этого владения.

За спиной буржуазной конституции и демократии виден «оскал мертвенного лица ка-

[1] А. Я. Вышинский, Государственное устройство СССР, Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937 г., стр. 40.

питалистической частной собственности, которая, как спрут, обвивает своими щупальцами все живое, обволакивает, калечит и душит»[1].

Тем не менее, как указывал В. И. Ленин, для пролетариата совсем не безразлична форма, в которую облекается диктатура буржуазии в определенных исторических условиях, так как даже буржуазная демократия «имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение».

Такова буржуазная демократия. Наоборот, пролетарская демократия — это демократия для трудящихся, т. е. в условиях социалистического общества для всех, это — последовательный и до конца выдержанный демократизм. Вместе с тем победа пролетарского демократизма является одновременно победой пролетарской диктатуры, потому что пролетарская диктатура является высшей формой пролетарской демократии.

«Диктатура пролетариата неизбежно должна принести с собою не только изменение форм и учреждений демократий, говоря вообще, но именно такое их изменение, которое дает невиданное еще в мире расширение фактического использования демократизма со стороны угнетенных капитализмом, со стороны трудящихся классов» (В. И. Ленин).

Новая Конституция знаменует собою торжество до конца развернутого демократизма и вместе с тем «расширение базы диктатуры рабочего класса, превращение диктатуры в более гибкую, стало быть, — более мощную систему государственного руководства обществом»[2].

Из пролетарского общего демократизма вытекает демократизм судебный. Сталинская Конституция является основным законом самого демократического государства в мире; вместе с тем Сталинская Конституция строит самый демократический суд и процесс в этом самом демократическом государстве.

Гласность (публичность), как мы увидим, является неотъемлемым звеном в системе судебно-демократических принципов построения процесса — и не случайно Конституция говорит о гласности в неотрывной связи с обеспечением обвиняемому права на защиту, т. е. с последовательно проведенным принципом пролетарской состязательности.

Пролетарский судебный демократизм — это судебный демократизм для всех, это обеспечение каждому трудящемуся возможности использовать всю полноту своих демократических судебных прав.

Буржуазный судебный демократизм — это демократизм для сильных, для имущего меньшинства. Процессуальные гарантии вступают в конфликт с судебной техникой, т. е. с возможностью реально использовать предоставленные законом права. Больше того, процессуальные гарантии могут обратиться против того, кто из-за отсутствия средств, из-за своей процессуальной слабости не может ими воспользоваться. Буржуазная состязательность носит черты отошедших в историю «судебных поединков» и при неравенстве оружия обеспечивает победу только более сильному. Еще А. Франс высмеивал идею формального равенства, когда он писал: «Смешно, как это делает наш закон, с одинаковой неумолимостью требовать от богатых и от бедных, чтобы они не стояли на перекрестках с протянутой рукой для подаяния и не воровали хлеба для утоления голода».

К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли истинный лик буржуазной судебной демократии в самой передовой капиталистической стране с наилучшей для буржуазных стран организацией суда — в Англии.

Эта демократия обернулась как равенство неравных, как тактическая привилегия для одних и фактическое бесправие для других, и это в стране, которую буржуазные юристы называли «классической страной гражданской свободы».

Ф. Энгельс в «Положении рабочего класса» писал: «Все законодательство имеет своею целью защиту имущих от неимущих. Законы нужны только потому, что существуют неимущие. Это ясно выражено хотя бы только в некоторых законах, как, например, в законах против бродяг... Неприязнь к пролетариату лежит вообще в основе закона и судьи, в особенности мировые судьи, с которыми пролетариату чаще всего приходится иметь дело, легко находят этот смысл закона... Подобным же образом действует и полиция... полиция с буржуа обращается вежливо, не выходя из пределов закона; для пролетариата не существует охранительной формы закона, полиция без всяких околичностей врывается в его дом, арестует его, бьет его... На практике принимается во внимание при обращении с бедняком дух закона, а не его буква»[1].

Однако этого мало: английские законы требуют для своего толкования касты дорого оплачиваемых юристов, без помощи которых нельзя воспользоваться даже благоприятным законом и тем более нельзя охранить свои процессуальные права.

Ф. Энгельс в своей «Английской конституции» пишет про английский суд и английское право: «Адвокат здесь все; кто очень основательно потратил свое время на эту юридическую путаницу, на этот хаос противоречий, тот всемогущ в английском суде».

При отношении судей к неимущим в этом же произведении Ф. Энгельс пишет: «Третирование бедняков и покровительство богачам представляет такое всеобщее явление, практикуется так открыто, так бесстыдно, описывается в газетах так цинично, что редко можно читать газету без внутреннего возмущения... Мировые судьи, как и присяжные заседатели (разрядка наша — А. Б.), сами богаты, сами рекрутируются из среднего класса и поэтому пристрастны к себе подобным и прирожденные враги бедным (разрядка наша — А. Б.). А если принять еще во внимание социальное влияние собственности, ...то никто, право, не станет удивляться такому варварскому положению вещей».

---

[1] А. Я. Вышинский, Новая Конституция СССР и органы юстиции, «Проблемы уголовной политики», кн. III.

[2] Сталин, Доклад о проекте Конституции СССР, стр. 29.

[1] Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, стр. 222, 228.

Высокий имущественный ценз для присяжных заседателей обусловливает то, что в число последних могут попасть только представители имущего меньшинства. Один из буржуазных юристов в припадке откровенности назвал английский суд присяжных — судом лавочников».

Однако над этими лавочниками стоит реакционный государственный чиновник, судья-председатель, не подверженный колебаниям, которые в те или другие переломные моменты могут охватить мелкобуржуазную часть скамьи присяжных, судья, облеченный огромной властью и влиянием — и этот судья-председатель, по меткому выражению Ф. Энгельса, в нужный момент «подсовывает» присяжным заседателям тот вердикт, который максимально отвечает «видам правительства».

Тем не менее, наиболее серьезные политические дела слушаются в особых составах суда (так, например, нашумевшее дело Кезмента о государственной измене разбирал в 1916 году суд королевской скамьи, состоящий из трех судей и специального жюри).

Мы не можем остановиться на анализе характера и пределов действия хваленого «Габеас корпус акта» (Habeas Corpus Act) и на условиях и случаях его приостановления. Отметим только, что совсем недавно — в 1926 году — «Габеас корпус акт» был ограничен в своем действии путем парламентского постановления в связи со знаменитой английской забастовкой углекопов.

«Свобода слова», «свобода печати» (так тесно связанные с принципом гласности) являются в Англии, по выражению известного буржуазного юриста Дайси, не более, как правом говорить (и печатать) только то, что «какие-нибудь двенадцать лавочников сочтут удобным»[1].

Имущие судятся судом равных, «бедные же», — говорит Ф. Энгельс, — «не судятся себе равными, но во всех случаях своими прирожденными врагами».

Приведенные выдержки дают яркую характеристику того, насколько ограничен, условен, односторонен был судебный демократизм даже в одной из передовых капиталистических стран — и притом в период расцвета капитализма.

Тем не менее, буржуазный судебный демократизм был прогрессивным началом не только по сравнению с антидемократизмом старого инквизиционного процесса, но также по сравнению с той судебной и процессуальной «системой», которую создали фашистские мракобесы, перейдя к методам открытого террора и прямого подавления в отношении трудящихся.

Наиболее полным, наиболее последовательным и всесторонним является пролетарский судебный демократизм, охраняющий права и интересы трудящихся, т. е. всех.

Начало гласности нужно изучать в неотрывной связи со всей системой процессуально-демократических принципов.

Начало гласности и исторически и логически является неотъемлемой составной частью судебного демократизма. Историческая связь видна из того, что именно демократические эпохи осуществляют начало гласности в суде; наоборот, в эпохи антидемократические суд, пользуясь старинным выражением, уходит с «торга» в «судебницу», отгораживается от публики, от массы, от общества.

Не менее ясна и логическая связь; гласность и демократия неотделимы друг от друга, и их связь тем теснее, чем шире становится социальная база той или другой исторической формы демократии.

Наоборот, феодализм и абсолютизм нуждались в тайне как в неизбежной принадлежности государственного и судебного управления. «Чудо, тайна, авторитет» — вот символ веры великого инквизитора в «Братьях Карамазовых» Достоевского.

Исторически началу публичности, гласности с наибольшей яркостью в инквизиционном процессе противостоит начало н е г л а с н о с т и, т а й н ы, тайны канцелярской, «кабинетная юстиция».

Принцип гласности нужно прежде всего изучить в его историческом разрезе. Нужно показать значение антипода гласности — т а й н ы в феодальных судах, в инквизиционном процессе.

Только на этом историческом фоне можно понять роль и значение гласности в последующие эпохи, наказы депутатам Генеральных штатов, прения в законодательных собраниях великой буржуазной французской революции.

Ненавистью буржуазии к пыточным застенкам феодальных судов с их тайной вызвана знаменитая фраза Мирабо, сказанная им в законодательном собрании: «Дайте мне какого хотите судью — пристрастного, корыстолюбивого, даже моего врага, — но п у с т ь о н м е н я с у д и т п у б л и ч н о».

Мирабо, правда, не испытывал на себе всего ужаса негласного, тайного производства инквизиционных судилищ. Он испытал, однако, нечто не менее отвратительное: произвол королевских тайных приказов, знаменитых lettres de cachet.

В силу этого тайного приказа Мирабо был ввергнут в узилище и провел в различных «государевых тюрьмах» немалый срок — с 7 июня 1777 года по 17 декабря 1780 г. Самой ненавистной из этих тюрем, как известно, была знаменитая Бастилия. Недаром взятие Бастилии явилось началом революции. Ничтожный, подписанный королем, клочок бумаги на долгие годы, а иногда на всю жизнь определял судьбу человека, фамилия которого оказывалась вписанной в этот приказ на имя тюремщика. В глубокой тайне творилась эта юстиция в ковычках, «удержанная за собою королем» согласно техническому выражению того времени.

Тайной было вписание фамилии злополучной жертвы в трафаретный текст приказа, тайной было и «обвинение», вернее, событие, послужившее поводом для этого вписания.

[1] Ср. А. Я. Вышинский, Сталинская Конституция и задачи органов юстиции. Журнал «Социалистическая законность» за 1936 г., № 8. В. Ф. Дерюжинский, Из истории политической свободы в Англии и Франции. Статьи: «Свобода печати и суд присяжных в Англии», «Печать во Франции при Наполеоне I». Петербург, 1906 г.

Как сообщает Мирабо, кардинал Флери, приближенный и министр Людовика XV, хвастал тем, что он изготовил 40 000 тайных королевских приказов об аресте.

Из всех недостатков дореформенного суда Мирабо выделяет, как его основной, — т а й н у производства. Принципу гласности он придает первенствующее значение.

Захватив власть и начав обороняться от натиска эксплоатируемых классов, буржуазия подвергла принцип гласности целому ряду серьезных ограничений, хотя формально придала ему конституционный характер.

Больше того, клонясь к своему закату, в период обострившейся и продолжающей обостряться классовой борьбы, уже в эпоху империализма буржуазия устами первых идеологов надвигающейся реакции в области уголовного права и процесса (Ломброзо, Ферри, Гарофало) стала на точку зрения яростного отрицания принципа гласности.

Принцип гласности отрицался не только на предварительном, но и на судебном следствии.

Пресловутый барон Гарофало, прославившийся впоследствии своими клеветническими выпадами против коммунизма на Брюссельском конгрессе «Международной ассоциации уголовного права», представитель антропологосоциологической школы, говорил о предварительном следствии, что лишь путем с т р о ж а й ш е й тайны может быть обеспечена достоверность следствия, что показать обвиняемому или его защитнику тонкую нить, руководящую следственным судьей в процессе, основанном на косвенных уликах, в с е р а в н о ч т о п о р в а т ь э т у н и т ь; даже в менее запутанных случаях небезопасно, по его мнению, дозволять обвиняемому узнавать с самого начала имена свидетелей, указанных потерпевшим.

Про гласность в суде тот же Гарофало еще на заре своей деятельности восклицал: «Н е н а д о б о л е е г л а с н о г о п р о и з в о д с т в а, не надо комедий и фарсов, доставляемых д а р о в ы м т е а т р о м, в к о т о р о м д а ю т с я с у д е б н ы е п р е д с т а в л е н и я».

Гласность является свойством, изначала присущим советскому суду как суду трудящихся, подлинно и единственно народному суду, органу привлечения трудящихся к государственному управлению. «Суд, — писал Ленин, — есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления)...» И в другом месте: «Суд есть орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства, суд есть о р у д и е в о с п и т а н и я к д и с ц и п л и н е». Для советского суда негласность может носить только вынужденный характер. У советского суда не может быть тайн от трудящихся, а только от нетрудящихся, в интересах трудящихся и государства трудящихся.

Сталинская Конституция провозглашает принцип гласности не только как конституционный, но и как абсолютный, отсылая за ограничениями к текущему законодательству, тем самым подчеркивая вынужденный, временный постепенно исчезающий характер этих ограничений.

Анализ значения особой, исключительно важной роли гласности в советском суде, анализ того нового в построении суда и процесса, что принесла с собой Сталинская Конституция, создавшая до конца доведенный судебный демократизм, будет не полным, если не предпослать краткого экскурса в область истории принципа гласности, если не остановиться на инквизиционном процессе с его бумажностью и канцелярской тайной, если не сказать несколько слов о царском суде и о буржуазном суде.

3

В. Случевский в своем «Учебнике русского уголовного процесса» (С. Петербург, изд. 1910 г.) дает такое определение гласности: «В теории под понятием гласности разумеют обыкновенно двоякого рода гласность: гласность перед сторонами (Parteienöffentlichkeit) и гласность перед обществом. Первая находит место тогда, когда процессуальные действия на суде развиваются перед сторонами; вторая—когда двери залы заседания открыты для всех и когда органы печати могут свободно во всеобщее сведение распространять обо всем, происходящем перед судом и его органами».

Оригинальное и характерное определение принципа гласности дает И. Я. Фойницкий в своем «Курсе уголовного производства»: «Право п о с т о р о н н и х с у д у л и ц (разрядка наша.—А. Б.) присутствовать при производстве дела сообщает процессу качество г л а с н о с т и, при отсутствии такого права он становится н е г л а с н ы м, тайным».

Таким образом, И. Я. Фойницкий рассматривает публику, широкие слои общества как п о с т о р о н н и х с у д у л и ц, что типично для реакционного царского профессора и для царского суда. Это придает публичности характер вынужденный, навязанный, ибо посторонние суду лица могут только мешать ему в его деятельности. Типично также противопоставление суда и публики: царский суд был чужд населению, его широким кругам, ненавистен трудящимся — для него публика была «посторонней» и в еще большей степени этот суд был «посторонним» публике.

Таким образом различают общую гласность (публичность) и гласность перед сторонами.

Двум видам гласности отвечали в инквизиционном процессе два вида тайны: 1) тайна от общества, тайна от всякого, не причастного к аппарату суда, разбирающего данное конкретное дело и 2) тайна от подсудимого (и его защитника, когда защита появилась уже в гораздо более позднее время с ограниченными полномочиями при сохранении принципа: «обстоятельства дела знает обвиняемый, а не адвокат»).

Общая гласность бывает непосредственной и посредственной, полной и ограниченной (по лицам или по объему процессуальных действий).

Давая определение общей гласности, И. Я. Фойницкий (в противоположность В. Случевскому) забывает указать на право свободно печатать обо всем, что происходит перед судом и его органами.

Ни буржуазный, ни тем более царский суд никогда не знали ни непосредственной глас-

ности (т. е. права каждого присутствовать на суде), ни полной гласности. Не существовало и нестесненного права печатать отчеты о судебных делах.

Буржуазный суд знает только избирательную гласность (когда она допущена); он держит вдали от суда широкие слои трудящихся и эти слои не попадают в суд в качестве его аудитории. Точно также буржуазная пресса обманывает трудящихся относительно истинного характера буржуазной «юстиции». Рабочая же пресса всегда находится под дамокловым мечом всевозможных преследований.

Гласности противостоит тайна, канцелярская тайна.

Инквизиционный процесс феодального общества и затем абсолютной монархии был образцом «кабинетной юстиции», образцом тайного, негласного, письменного, бумажного, канцелярского производства.

Реформированный континентальный процесс, вышедший из буржуазной французской революции, почти совершенно негласный в стадии предварительного следствия, допускает серьезные ограничения даже при разборе дела в суде.

Георг Зиммель, буржуазный социолог и психолог, в своем обширном исследовании по социальной психологии, совершенно неточно озаглавленном: «Социология», посвящает особую главу проблеме тайны («Тайна и тайное общество»).

Как ни узок «социологический» горизонт буржуазного ученого, самая постановка вопроса о роли тайны в государственной и общественной жизни должна быть поставлена Георгу Зиммелю в заслугу.

В этой главе между прочим Зиммель пишет (интересно отметить, что в этой же главе он касается проблемы письменности и устности): «К реквизитам аристократического правления всегда принадлежала тайна. Это правление использует прежде всего тот психологический факт, что неизвестное как таковое кажется ужасающим, могущественным и угрожающим. Вместе с тем тайна имеет еще одно назначение: скрыть численную ничтожность правящего класса. В Спарте количество воинов по возможности скрывалось, и той же цели пытались достигнуть в Венеции, предписывая знати носить простую черную одежду: бросающаяся в глаза пышная одежда не должна была делать для народа очевидным незначительное количество власть имущих. В той же Венеции тайна приобретала еще большее значение, когда речь шла об узком круге высших правителей: имен трех государственных инквизиторов не знал никто, кроме совета десяти, который их выбирал... В противоположность этому в число демократических принципов входит гласность и в силу этого тенденция к общим и основным законам. Демократия ставит ставку на неограниченное количество людей, ее учреждения по самому существу своему должны быть проникнуты гласностью. Наоборот, аристократия опирается на исключительные законы, и пользование тайной связано с кастовой замкнутостью».

Отрывок этот интересен, несмотря на то, что Зиммель говорит о «демократии вообще» и об «аристократии вообще», между тем как существуют конкретные демократии, различающиеся своей социальной базой (демократии рабовладельческого общества, буржуазная демократия, пролетарская демократия).

Феодально-абсолютистско-теократический режим, построенный на правительственном и церковном терроре, на насилии и принуждении, боялся народных масс, боялся гласности, создавал тайные советы, камарильи, «звездные палаты», окружал свои действия покровом непроницаемой тайны.

Правительство как бы уходило в подполье, вело себя наподобие заговорщиков. У некоторых деятелей того времени тайна принимала фантастические размеры.

Ярким примером может служить мрачный изувер и бюрократ Филипп II испанский, духовный отец нынешних фашистских мракобесов-интервентов, который отгородился непроницаемой стеной тайны и молчания даже от своих приближенных. Он никому или почти никому не показывался, он заперся в Эскуриале, он избегал встреч и аудиенций, он дело управления государством обратил в грандиозное бумажно-бюрократическое действие.

Посвятив несколько энергичных страниц испанской инквизиции («но самой ужасной язвой средневековой Испании, раковой опухолью, которая подрывала ее силы и ее пожирала, была инквизиция»... «инквизиция экспортировала Христа в Мексику, но оттуда взамен привезла кровожадного мексиканского божка Вицли-Пуцли»), один выдающийся буржуазный историк (Поль Сен-Виктор) пишет: «Филипп II создал испанский двор по образу и подобию своему: суровый, как монастырь, охраняемый, как гарем... Эскуриал, построенный в мрачном месте, по плану орудия пытки, являлся скорее склепом, чем дворцом... Филипп стал монахом в этом политическом монастыре... Тут он проводит дни и ночи, читая, царапая и марая свитки, наводя справки, аннотируя письма и депеши, которые к нему стекаются тысячами из четырех концов света. Переступая порог Эскуриала, он как бы дал обет молчания. Его политика насквозь письменная, насквозь бумажная; он не разговаривает даже со своим секретарем, который сидит в конце его стола: малейшие приказания он отдает при помощи записок... «Во всеобщем молчании писем, — говорит один историк V века, — я слышу только шелест моего пера, скрипящего по пергаменту». Точно так же в молчании Испании, устрашенной и уничтоженной, не слышно ничего, кроме пера Филиппа II, кричащего на бумаге».

Приведенный отрывок показывает также неразрывную связь тайны и бумажного производства.

Тайна и бумажность производства наиболее ярко сказались в инквизиционном процессе, в котором бумага окончательно заслонила человека.

Тайна — неизбежный спутник бюрократически-бумажной инквизиционной системы уголовного процесса. Кровавая «юстиция» церкви, феодализма, эпохи первоначального накопления, полицейско-бюрократический характер абсолютизма требовали тайны как метода государственного и судебного управления.

Канцелярская тайна составляла самую сущность инквизиционного процесса (Ансельм Фейербах[1] писал: «На инквизиционном процессе лежала густая вуаль мрачной, вызывающей недоверие тайны»), в котором, по выражению Ваха, «жизнь задыхалась в потоке чернил».

Недостаток места не позволяет нам дать истории инквизиционного процесса, хотя эта история входит логическим звеном в нашу тему.

Поэтому остановимся только на некоторых особенностях инквизиционного процесса, именно на его тайне и бумажности.

Историк Вульфиус говорит: «Но ни пытка, ни казни не представляют собою самой темной стороны деятельности инквизиции с точки зрения средневековых людей... Гораздо болезненнее переживали они другие стороны деятельности инквизиции: 1) ее необычайную подозрительность, жертвой которой делались неоднократно совершенно ни в чем невиновные люди, 2) систему шпионства и доносов, от которых никто не мог считать себя в безопасности, 3) произвол судопроизводства, скрывавший от обвиняемого имена его обвинителей и доносчиков и лишавший его возможности пользоваться свидетелями, благоприятными для него, и 4) алчность инквизиции, конфисковывавшей имущество обвиняемых, причем часть конфискованного уступалась светской власти за ее поддержку и услуги».

Вульфиус говорит о церковной инквизиции, но церковная инквизиция довела только до «логического конца» черты, присущие всякой инквизиционной системе процесса.

Дело «задыхалось в потоке чернил», но этот поток не выходил на поверхность, он зловеще струился под почвой, неся с собой мучения и гибель для подсудимого, ибо всякий заподозренный был уже виноват. Он достигал поверхности только для того, чтобы инквизиционный процесс мог произвести свое устрашающее действие, т. е. для производства публичных казней (тут публичность неожиданно вступала в свои права), для исполнения позорящих и калечащих наказаний.

Комнаты пыток также плохо согласовывались с присутствием «посторонних».

Безгласность приводила к письменности, письменность приводила к тому, что человека заслоняла бумага, бумага становилась самоцелью, бумага получала самостоятельное бытие, движение и оформление. Тайна производства вызывала его бумажность, бумажность укрепляла тайну производства.

Инквизиционный процесс не столько ставит проблему психологии обвиняемого, как думает Липманн («Психология допроса обвиняемого в уголовном процессе»), сколько проблему психологии протокола.

Умело составленный протокол вкладывал в уста свидетелю все то, чего хотел инквизитор. Инквизиция выработала весьма утонченные и эффективные с точки зрения поставленной цели методы допроса свидетелей. Свидетель иногда не знал, для чего его вызывают: вызывают ли его вообще в качестве только свидетеля или уже обвиняемого. Страх доделывал то, что, может быть, и так было бы достигнуто доведенным до виртуозности искусством допроса.

Протокол допроса во всяком случае выглядел безукоризненно, хотя все здание, им построенное, могло обратиться в прах от одного вопроса, заданного живому свидетелю в обстановке, где этот свидетель не побоялся бы прямо и правдиво дать на такой вопрос ответ.

В безгласности и тайне бумага накоплялась и дело росло, как снежный ком, и по мере того, как росло дело, положение обвиняемого становилось хуже и хуже: бумага съедала его, как раковая опухоль, бумага обязывала, бумага давила на судей, на судьбу дела. Даже уже накануне французской революции Вольтеру удалось добиться реабилитации невинно осужденного Каласа только после того, как он был четвертован. Суд оказал Вольтеру бешеное сопротивление. Один из членов парижского парламента сказал адвокату, который по поручению Вольтера вел дело Каласа: «Вы не победите, потому что во Франции парламентов (судов) больше, чем Каласов».

«Тайна отравляла юстицию в ее истоке», а протокол прикрывал эту тайну.

Протокол, документ, бумага — это фетиши инквизиционного процесса («что написано пером, того не вырубишь и топором»). Недаром существовало правило: чего нет в актах, того не существует для мира, т. е. для суда, ибо другой «мир» в дело не заглядывал. «Мертвые документы» — это звучало не как порицание, а как похвала: их «мертвенность» должна была служить гарантией судейского «беспристрастия», не смущенного видом подсудимого и вызванными им симпатиями или антипатиями. Бумага заменяла живого человека, бумага отодвигала его все дальше и дальше: «Судьи отыскивали решение не на основании собственной проделанной работы, они судили в своих удобных креслах о том, что им докладывало другое лицо — докладчик, они голосовали выводы из тех данных, которые добыты третьим лицом — следственным судьей» (Липманн).

Письменные акты должны были заключать в себе все. Для этого был призван на помощь «принцип медленности», истощавший силы обвиняемого и отнюдь не улучшавший его положения, «допрос по пунктам» и «протокол поведения».

Ошибается Липманн, когда он о «протоколе поведения» говорит как о «задуманном с благим намерением, но совершенно бесполезном и опасном способе зафиксировать в письменном акте то личное впечатление, которое обвиняемый или свидетель произвели на следственного судью при даче показаний» — этот протокол вовсе не был задуман с указанным «благим намерением», а имел назначение дать лишнее орудие для изобличения следователю-инквизитору, впечатления которого от обвиняемого не отличались «разнообразием». Наконец, к чему собственно был нужен «протокол поведения», когда оценка доказательств была устранена и заменена их счетом. Впрочем, едва ли это был «мертвый счет» (Липманн), если принять во внимание резко вы

[1] P. I. A. Feuerbach, Betrachtungen über das Geschworen-gericht, Landshut, 1813.

раженный классовый характер формальной теории доказательств и порядок собирания и «оформления» самих доказательств.

Трудно в формальной теории доказательств видеть недоверие к судьям, как хотят одни исследователи, или дань средневековому схоластическому мышлению, как хотят другие. Формальная теория доказательств, думается нам, не столько связывала судью, сколько давала ему прекрасную возможность маневрировать, опираясь на форму, когда он хотел обвинить невиновное, но неугодное лицо.

4

Не будем однако забывать, что тайна в общественной и государственной жизни иногда необходима, что она может играть положительную роль, что она может даже становиться конституционным принципом (тайное голосование, неприкосновенность жилища, тайна переписки).

Не об этой тайне у нас идет сейчас речь.

Тайна производства, спутник полнейшего судейского произвола, в еще большей степени, чем другие стороны инквизиционного процесса, послужила мишенью для нападения со стороны философов-просветителей и в первую очередь Вольтера.

Суд с его тайной производства был особенно ненавистен нарождавшейся буржуазии, потому что он ставил под постоянную угрозу потребности торгового оборота и буржуазного хозяйства — и не только потому, что буржуазия хотела своего суда, а не суда, построенного на началах охраны привилегий дворянства и духовенства, но и потому, что это был суд громоздкий, формальный, зараженный чудовищной волокитой, суд, зависевший не только от общей политики королевского абсолютизма, но и от прихоти того или другого влиятельного лица.

Буржуазия шла к власти с лозунгами формального равенства, неотъемлемых прав личности, неприкосновенности частной собственности, идеей народоправства — и на этих началах в частности требовала реформы суда.

Как говорит Маркс, «буржуа нуждается для процессов, в которых дело идет о собственности, по крайней мере в гарантии публичности (разрядка наша. — А. Б.); для уголовных процессов, кроме того, еще в присяжных, в постоянном контроле юстиции представителями буржуа»[1]. Наиболее энергичное нападение на суд королевского абсолютизма принадлежит Вольтеру, который выступил на защиту Каласа, обвинявшегося в убийстве по религиозным мотивам своего сына (в действительности сын покончил жизнь самоубийством).

Свою борьбу за реабилитацию Каласа Вольтер поднял на большую теоретическую и принципиальную высоту. Это была одновременно борьба за Каласа и борьба против режима абсолютизма, против религиозного фанатизма.

9 марта 1765 г. — через три года после казни Каласа — усилиями Вольтера Калас был реабилитирован (для бумажности производства характерно, что в заседании по делу было оглашено 269 протоколов). Это было огромной победой Вольтера и огромным поражением старого режима. Язва дореформенного бессудия становилась всем видной, — и надежное прикрытие этого бессудия — тайна.

Еще революция далеко, но работа Вольтера по реабилитации Каласа — одна из ее зарниц. Процесс Каласа даст ростки. Имена Каласа и его защитника Вольтера будут звучать и в конституанте, и в национальном собрании, и в конвенте. Вольтера и дело Каласа вспомнят, когда другой писатель — Эмиль Золя — выступит на защиту невинно-осужденного капитана Дрейфуса. И снова будет фигурировать тайна, тайный документ, проникший в совещательную комнату.

Мы у самого преддверия великой буржуазной французской революции. В качестве одного из основных своих требований буржуазия выставляет радикальную реформу феодальной юстиции, и этими требованиями полны наказы, которые получают представители Генеральных штатов.

Как ни интересны эти наказы, а также развернувшиеся затем по вопросу о гласности и по другим процессуальным вопросам прения в законодательных собраниях — мы этого в нашем схематическом историческом экскурсе касаться не можем.

Вопрос о гласности (публичности) становится предметом обсуждения национального собрания 17 августа 1789 г. в докладе депутата Бергасса.

Гласность выдвигается как «контроль народа». В своем докладе «Об организации судебной власти» Бергасс, между прочим, сказал: «Если необходимо лиц, отправляющих определенную должность, подвергать контролю общественного мнения при выполнении ими их обязанностей, то это требование не в меньшей степени, чем к остальным должностным лицам, относится к судьям; чем сильнее их могущество, тем больше — и притом непрестанно — должны чувствовать судьи присутствие той главной среди всех властей власть, не поддающуюся подкупу, грозную власть общественного мнения. Однако судьи не будут чувствовать этой власти, пока разбирательство дел будет происходить тайно. Этот последний порядок вещей, заслуживающий полного осуждения, открывает широкое поле для предрассудков, для личных симпатий и антипатий, для предвзятости, для интриг злонамеренных людей, для протекционизма, для тайных влияний и низменных страстей, развитию которых благоприятствует безгласность и которые, будучи обнаружены, тотчас же перестают быть опасными. Судей нужно поставить перед глазами народа и, так как только совершенно погибшие люди могут творить зло, несмотря на то, что они со всех сторон открыты наблюдению, то можно быть уверенным, — особенно если народ свободен и может энергично выражать свое мнение, — что не будет ничего более редкого, чем судья, нарушающий свои обязанности, потому что редко можно встретить человека, который смело пойдет навстречу позору и хладнокровно подвергнется бесчестию».

[1] Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. V, стр. 582.

Во время прений по докладу Бергасса один из депутатов, Тронше, сказал: «Гласность (публичность) разбирательства имеет своим последствием то, что народ принимает в этом разбирательстве участие через посредство общественного мнения; эта сила общественного мнения является наилучшей уздой против равнодушия, небрежности и нарушения обязанностей со стороны должностного лица при отправлении им свой деятельности».

Не будем больше останавливаться на дебатах национального собрания по докладу Бергасса. Отметим только, что одновременно с введением принципа гласности депутаты высказались за участие в делах защиты, равноправной с обвинением.

Однако принцип гласности вошел в реформированный континентальный уголовный процесс в сильно урезанном и искаженном виде. Начать с того, что все предварительное следствие было негласным, тайным. Закон 1897 г. также допустил только «куцую» гласность для сторон на предварительном следствии. Несмотря на то, что принцип публичности был сделан конституционным, он терпит многочисленные изъятия.

Как только буржуазия завоевала власть, она стала ощущать в некоторых случаях начало гласности как помеху. Прежде всего, при разборе политических дел судьям было предоставлено широкое право закрывать двери заседаний. Ограничено и право опубликования отчетов в прессе. По существу освещать дела могут только те органы печати, которые находятся в руках крупных концернов: они отвлекают внимание широких масс от политических процессов, они с этой целью создают также нездоровую сенсацию вокруг некоторых общеуголовных дел.

При фашизме публичность окончательно рассматривается как помеха и всячески изгоняется из судов. Возврат к средневековью — в том числе к инквизиционному процессу — идет по всей линии.

5

Царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплоатация целых районов — Турции, Ирана, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват. «Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат»[1].

Судебные уставы, суд присяжных были вынужденными уступками со стороны царско-помещичьей крепостнической бюрократии потребностям растущего буржуазного оборота. Суд присяжных немедленно стал предметом ожесточенных нападок со стороны реакционных кругов. Политические дела вскоре (после оправдания Веры Засулич, стрелявшей в Трепова) были изъяты из ведения суда присяжных и переданы в судебные палаты с участием сословных представителей. Однако борьба с революционным движением шла, главным образом, через военные и военно-полевые суды.

Суд царской России был «присутственным местом», в котором приказные люди применяли соответственные статьи Уложения о наказаниях, был насквозь проникнут духом канцелярского формализма — и потому плохо уживался с началом гласности[1].

Для борьбы с началом гласности царским правительством была изобретена целая сложная система ограничений гласности в судах, ограничений дискреционных и легальных, обязательных и факультативных. Право оглашения происходящего на суде в печати также подвергалось драконовским ограничениям.

Мы не будем останавливаться на судебном закрытии дверей, обязательном и факультативном. Скажем несколько слов о несудебном закрытии дверей. У дверей царского суда стоял жандарм — и от его усмотрения зависело, слушать ли дело при открытых или закрытых дверях.

Несудебное закрытие дверей заседания заключалось в том, что двери заседания могли быть закрыты не судом, а или министром юстиции, или в местностях, объявленных на положении охраны, властью генерал-губернатора, а при отсутствии его — властью министра внутренних дел.

Министр юстиции, генерал-губернатор или министр внутренних дел отдавали распоряжение о закрытии дверей заседания. Оценка оснований, по которым они находили необходимым закрыть двери заседания, принадлежала всецело их личному усмотрению. Их распоряжения сообщались председателю соответствующего суда и должны были выполняться беспрекословно. Никакие суждения по этим распоряжениям сторон не могли иметь места и обжалованию они не подлежали.

Право министра юстиции на закрытие дверей установлено законом 1887 г.

Мотивы этого полномочия так изложены в докладной записке министра юстиции государственному совету: «...В тех исключительных случаях, в коих публичное рассмотрение дела представляется неудобным не с точки зрения благоприличия, не ради охранения заседания от неприличного любопытства толпы к деяниям безнравственным или кощунственным, а также не ради одного охранения беспристрастия судебного приговора, но в интересах общественного порядка, равно и в тех случаях, когда закрытие дверей заседания оказывается необходимым для ограждения достоинства государственной власти, принятие подобной меры нельзя было бы предоставить суду. Не подлежит сомнению, что наличность условий, вызывающих применение указанной меры в приведенных случаях, должна быть точно установлена компетентною правительственною властью. Указание в законе определительных признаков, коими мог бы руководиться суд

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 4.

[1] В. И. Ленин, т. IV, стр. 83 и сл.

при закрытии дверей заседания по таким основаниям, представлялось бы невозможным, так как в подобных случаях необходимость ограничить доступ публики в судебное заседание не всегда находится в исключительной зависимости от обстоятельств данного дела (?!). Непубличность судебного разбирательства вызывается при этом причинами, находящимися нередко вне самого дела (?!), рассматриваемого судом, и обусловленными особым характером не подлежащих публичному обсуждению данных, с которыми дело оказалось в случайной связи (?!)...» Докладная записка длинна, но мы поставим на этом точку. Она представляет характерный образец творчества царского помпадура, а по стилю и логике напоминает донесение чеховского околодочного об усмиренном им, не имевшем места в действительности бунте: «виновные за о т с у т с т в и е м у л и к пока находятся под стражей...».

Такова была гласность в царском суде.

6

Сталинская Конституция провозглашает начало гласности в суде как органическое звено в целой системе судебного демократизма. Формы и принципы этого судебного демократизма вытекают из духа Конституции в целом и из целого ряда отдельных ее постановлений.

Проблемам суда, — судопроизводства и судоустройства, — проблемам социалистической юстиции, осуществления правосудия в нашей стране, Сталинская Конституция уделяет огромное внимание, поднимает эти проблемы на громаднейшую принципиальную высоту, формулирует ряд основных начал и гарантий в устройстве нашего суда и процесса как конституционные принципы.

Принцип гласности Сталинская Конституция выдвигает как безусловный принцип, отсылая за ограничениями — временными, но иногда неизбежными — к текущему законодательству.

А. Я. Вышинский говорит: «Не может не быть, конечно, исключения из этого основного правила, имеющего принципиальное значение. Существуют дела, самая особенность и характер которых не допускают разглашения связанных с этими делами обстоятельств, имеющих значение общественной, политической или дипломатической тайны. Именно это имеет в виду ст. 111 новой Конституции, говоряцая о возможных, предусмотренных законом исключениях из принципа открытого разбирательства дел во всех судах СССР»[1].

И в другом месте той же статьи, характеризуя основные принципы построения нашего уголовного процесса, А. Я. Вышинский говорит: «Наш уголовный процесс должен быть построен на основе социалистического демократизма. Он должен быть, как правило, процессом гласным, обеспечивающим максимальную возможность установления материальной истины. Он должен обеспечить возможность быстрого и решительного разоблачения и подавления врага и преступника, с одной стороны, и воспитания в правилах социалистического общежития и дисциплины тех, кто способен перевоспитаться, с другой. Он должен быть построен на принципе признания обвиняемого не объектом, а субъектом права, а следовательно на принципе состязательности и равенства сторон».

Принцип гласности в этом последнем отрывке А. Я. Вышинский правильно рассматривает как неотрывное звено в целой системе судебного социалистического демократизма.

Новая Конституция обеспечивает выборность судей, их независимость, подчинение их только закону. Новая Конституция обеспечивает ведение судопроизводства гласно, охраняя права обвиняемого в процессе, обеспечивая ему защиту и право пользоваться родным языком.

Не случайно принцип гласности провозглашается одновременно с принципом состязательности, с обеспечением обвиняемому права на защиту. Гласность находится в теснейшей органической связи с принципом выборности судей, так как осуществить действенный контроль над судьями — а таковым являются выборы — можно только в условиях гласного суда. Гласность предполагает понимание того, что происходит на суде, — и конечно максимальная гласность достигается, когда само судебное производство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

В государстве пролетарской диктатуры суд впервые в истории становится подлинно народным судом. Это суд трудящихся, в интересах трудящихся, построенный на общении с самыми широкими массами трудящихся, орган привлечения всех трудящихся к государственному управлению. Суд — орудие социалистического воспитания, и для пролетарского суда публика, широкие круги трудящегося населения никогда не являются «посторонними суду лицами». Связь с широчайшими массами является сущностью пролетарского суда, воздухом, которым он дышит, как и все советское государство, — а публичность, как одно из проявлений этой связи, — изначала присущим ему свойством. Суд вынужден закрывать свои двери по некоторым делам и в некоторых случаях не от трудящихся, которые сами входят в состав этого суда, а от враждебных капиталистических элементов — внутренних и внешних, — которые могли бы использовать сведения, полученные благодаря публичному рассмотрению дел в судах, во вред советскому государству.

Буржуазный суд и особенно царский суд считали гласность принципом по существу посторонним деятельности суда, вынужденной уступкой «общественному мнению», — и отсюда «посторонние суду лица» у Фойницкого. Буржуазия выдвигала начало публичности в своей борьбе с феодальной кабинетской юстицией, но, достигнув власти и имея против себя широкие массы эксплоатируемых, стала ощущать начало гласности как помеху в работе своих судов. Отсюда — многочислен-

[1] А. Я. Вышинский, Роль процессуального закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян, журнал «Социалистическая законность» № 3 за 1937 г.

ность случаев, когда двери суда могут или должны быть закрыты. Отсюда же тот широкий круг лиц, которые разрешали в царском суде вопрос о закрытии дверей, — и многочисленные поводы и случаи, когда такое закрытие дверей допускалось и применялось. Гласность в царском суде, как впоследствии в фашистских судах, обращалась чаще всего в свою противоположность. Это была декларативная формула, изъятия из которой отменяли самое правило.

С первых же шагов своей деятельности советский суд был судом гласным и именно таким и мыслился. В противоположность буржуазному и царскому суду, в советском суде именно отступления от принципа публичности являлись вынужденными — в условиях бешеного сопротивления эксплоататорских классов, в моменты крайнего обострения классовой борьбы, причем речь шла о негласности не от трудящихся, а от нетрудящихся,— в порядке необходимости охранить государственную, военную, экономическую или дипломатическую тайну.

Однако даже в годы военного коммунизма, в годы гражданской войны, в годы вооруженной интервенции иностранных капиталистов наиболее серьезные политические и хозяйственные дела рассматривались в порядке развернутого и притом публичного процесса.

Суд пришедшей к власти буржуазии тяготится гласностью и пытается, где только возможно и как только возможно, от нее избавиться.

Суд победившего пролетариата, наоборот, тяготится негласностью и при малейшей возможности пытается от нее избавиться. Негласность для пролетарского суда по самой природе его всегда помеха и тормоз. И живая летопись побед и успехов социалистического строительства — Сталинская Конституция — провозглашает гласность (публичность) как конституционный принцип.

Гласность в советском суде отличается от гласности в буржуазном суде еще следующими чертами:

Советский суд одной из главных своих задач ставит себе воспитание и перевоспитание. Правильно поставленный и проведенный процесс в условиях полной гласности имеет огромное воспитательное значение. В живом общении с трудящимися массами во время публичного разбора дела советский суд воспитывает и перевоспитывает, выполняет одну из основных своих функций.

В капиталистических странах аудитория в массе своей враждебно настроена к суду и суд ее боится,—а отсюда стремление к негласности, к неполной, избирательной, ограниченной гласности. Советский суд черпает свои силы из соприкосновения с самой широкой аудиторией трудящихся,—и отсюда его стремление к гласности, полной и ничем не ограниченной.

Миллионами нитей связан советский суд со своей аудиторией, начало гласности неотъемлемо ему присуще, отступления от начала гласности для него вынуждены, — и не даром начало гласности отныне провозглашено конституционным принципом.

Точно также только в советском суде аудитория, широкие массы трудящихся осуществляют по-настоящему функции контроля, тогда как в буржуазном суде эти массы, которые могли бы осуществить функции контроля, в суд не допускаются. В капиталистических странах трудящиеся не могут подвергать суд критике в прессе; точно также они не избирают судей, то есть не могут осуществить и этой чрезвычайно действенной формы контроля. У нас трудящимся доступны обе формы контроля, и не случайно Сталинская Конституция провозгласила выборность народных судей и заседателей на началах всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании, то есть на началах последовательной, до конца доведенной демократии.

Гласность играет в советском суде неизмеримо более широкую роль, чем в самом демократическом буржуазном суде. Ее роль в советском суде к тому же особенная, свойственная только этому суду. Гласность является здесь одной из тех форм, в которых наиболее полно развертывается революционная законность пролетарского правосудия. Она усиливает действие всех особенностей советского суда, налагаемых советским судом наказаний и выносимых советским судом оправдательных приговоров. Присутствие в суде всем своим существом связанной с этим судом советской общественности усиливает и воспитательное воздействие суда на обвиняемого и на всех трудящихся, и тяжесть наказания, усугубляемого солидарностью присутствующих на суде трудящихся с приговором суда. Момент общественного осуждения, глубоко чувствительного для обвиняемого — трудящегося, усиливает, таким образом, в советском суде благодаря гласности и воспитательное, и карательное действие приговора. Гласность становится в советском суде важнейшей формой осуществления революционной законности и потому еще, что она служит гарантией правильного разрешения дела. В этом смысле можно говорить также о праве подсудимого на гласный разбор его дела.

Неудивительно поэтому, что Ленин придавал огромное значение началу гласности. О борьбе с волокитой в государственных учреждениях Ленин писал: «...с точки зрения принципа необходимо такие дела не оставлять в пределах бюрократических учреждений, а выносить на публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть достаточен будет выговор), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»[1].

Не случайно поэтому и то, что советский суд с первых дней революции стремился наиболее серьезные политические и хозяйственные дела проводить в порядке развернутого и притом публичного процесса.

В другом месте цитированной выше статьи т. А. Я. Вышинский говорит: «Суд есть суд. Советский суд не только наказывает, не только громит, подавляет, уничтожает, советский суд также еще воспитывает и перевоспитывает. Воспитательная сила советского суда — это важнейшая особенность, отличающая его от судов капиталистических государств

[1] В. И. Ленин, т. XXIX, стр. 412.

в которых царит одно лишь голое, хотя и искусно прикрытое различными юридическими формулами и сентенциями насилие.

Эта воспитательная роль советского суда нисколько, ни в какой мере не находится в противоречии с задачами беспощадной расправы, беспощадного подавления врагов революции, врагов социализма».

Сталинская Конституция поднимает проблемы судоустройства и судопроизводства социалистического государства на огромную теоретическую и принципиальную высоту. Сталинская Конституция дает юридическую базу для текущего законодательства, для имеющих быть изданными всесоюзных Положения о судоустройстве и Уголовно-процессуального кодекса. Сталинская Конституция дает могучий толчок во всех областях научного творчества, в интересующей нас области уголовного процесса в частности. Сталинская Конституция ряд основных положений уголовного процесса в социалистическом обществе делает конституционным, — и в их числе на первом месте — открытое разбирательство дел в судах, гласность (публичность) судебного производства.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

РОДИТЕЛИ НЕ ОСВОБОЖДАЮТСЯ ОТ УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ ДО ИХ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ, ХОТЯ БЫ ДЕТИ И ИМЕЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЗАРАБОТОК

22 октября 1930 г. состоялось решение народного суда о взыскании с гражданина Шмакова в пользу Тихомировой алиментов на содержание сына Бориса, родившегося 22 февраля 1921 г.

В октябре 1932 г. гражданка Тихомирова обратилась в Верховный суд с иском об увеличении алиментов.

Решением народного суда Володарского района г. Ленинграда от 22 октября 1932 г. было постановлено увеличить размер присужденных народным судом в 1930 г. с Шмакова алиментов до 35 руб. в месяц.

В октябре 1937 г. в народный суд того же района поступило новое заявление гр-ки Тихомировой об увеличении размера алиментов в соответствии с законом от 27 июня 1936 года до ¼ заработка Шмакова.

В судебном заседании Шмаков объяснил, что работает на заводе им. Ленина в г. Ленинграде мастером и его средний заработок составляет 379 руб. в месяц. Семья его состоит из 4 человек. Сын Борис, на содержание которого взыскиваются алименты, в настоящее время работает и получает зарплату. Борису 16 лет.

Народный суд 4 октября 1936 г. определил размер алиментов в ¼ заработной платы Шмакова.

По кассационной жалобе Шмакова Кассационная коллегия Ленинградского областного суда 27 ноября 1936 г. отменила решение народного суда и в иске гр-ке Тихомировой об увеличении алиментов с 35 руб. в месяц до ¼ заработной платы Шмакова отказала на том основании, что несовершеннолетний Борис работает и получает зарплату 150 руб. в месяц.

Шмаков зарабатывает 379 руб. в месяц, на его иждивении 2 детей, кроме Бориса.

Определение Кассационной коллегии Ленинградского областного суда было опротестовано в Президиум того же суда.

19 февраля 1937 г. Президиум отклонил протест прокурора, оставив в силе определение Кассационной коллегии облсуда.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение Кассационной коллегии и постановление Президиума Ленинградского областного суда по следующим основаниям:

Ст. 42 Кодекса о браке, семье и опеке обязывает родителей доставлять содержание несовершеннолетним детям, и нет закона, освобождающего родителей от этой обязанности в том случае, когда несовершеннолетний работает и получает зарплату.

Закон от 27 июня 1936 г. устанавливает размер содержания как минимум и не предусматривает права суда уменьшать этот размер или полностью освобождать родителей от содержания детей, не достигших совершеннолетия.

Хотя пленум Верховного суда РСФСР 2 июля 1928 г. разъяснил, что факт поступления несовершеннолетнего на работу по найму может служить основанием к обсуждению вопроса об уменьшении или полном сложении алиментов, однако означенное постановление с изданием нового закона от 27 июня 1936 г. утратило значение, так как в настоящее время судам не предоставлено права назначать размер алиментов по своему усмотрению.

Кроме того, родители обязаны участвовать не только в материальном содержании детей, но и в их воспитании. Следовательно, если бы Шмаков выполнял эту свою обязанность — сын его Борис учился бы в школе, а не вынужден был бы работать. Кроме того, и материальное участие Шмакова в содержании сына является результатом судебного вмешательства. Надо полагать, что это обстоятельство и вынудило гр-ку Тихомирову определить несовершеннолетнего сына на работу.

Таким образом, нет оснований к освобождению Шмакова от выполнения закона от 27 июня 1936 г., тем более, что несовершеннолетний Борис может, но не обязан работать, так как его должны содержать родители.

Если допустить иное, то в ряде случаев может оказаться, что родители откажутся от содержания своих детей — учеников школ с целью заставить их работать, а затем в суде

по иску об алиментах защищаться тем, что дети работают и получают зарплату. По настоящему делу получилось так, что ввиду тяжелого материального положения гр-ки Тихомировой — несовершеннолетний сын ее Борис фактически содержит себя и ее.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила отменить определение Кассационной коллегии Ленинградского областного суда от 27 ноября 1936 г. и постановление Президиума того же суда от 10 февраля 1937 г. и оставить в силе решение народного суда 59 участка Володарского района г. Ленинграда от 4 ноября 1936 г.

НЕПРАВИЛЬНАЯ ОТМЕНА КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИЕЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДНОГО СУДА О ВОССТАНОВЛЕНИИ ДАВНОСТНОГО СРОКА

Решением народного суда 2 участка Москворецкого района г. Москвы от 20 сентября 1936 г. постановлено взыскать с Похоронного треста Ленсовета в пользу гр. Ивлева А. А. зарплату за время с 1 февраля по 9 октября 1935 г. за неиспользованный отпуск и выходное пособие 2496 руб.

По жалобе ответчика Кассационная коллегия Московского городского суда определением от 14 октября 1936 г. уменьшила присужденную сумму до 1344 руб. на том основании, что по остальной сумме истец пропустил срок исковой давности.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение Кассационной коллегии по следующим основаниям:

1. Кассационная коллегия не нашла, что требования истца Ивлева не обоснованы, и не указала в своем определении, что решение суда 1-й инстанции неправильно.

Возникает вопрос, вправе ли Кассационная коллегия отменить решение суда 1-й инстанции о восстановлении давностного срока. Прокуратура полагает, что Кассационная коллегия не вправе этого делать, так как согласно ст. 33[б] КЗоТ нарсуды могут принимать к своему рассмотрению заявления, поданные с пропуском срока, в тех случаях, когда срок пропущен по причинам, признанным судом удовлетворительными.

Следовательно, поскольку суду 1-й инстанции предоставлено право восстанавливать давностные сроки по трудовым спорам и поскольку в законе нет указания на то, что постановление суда 1-й инстанции о восстановлении давностного срока подлежит обжалованию, надо признать, что Кассационная коллегия Московского городского суда неправильно изменила решение народного суда и неправильно уменьшила размер присужденной гр. Ивлеву зарплаты.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, признал, что Кассационная коллегия неправильно вошла в обсуждение срока подачи заявления, восстановленного судом 1-й инстанции, и определение Кассационной коллегии городского суда от 14 октября 1936 г. отменил, оставив в силе решение народного суда от 20 сентября 1936 г.

РАЗДЕЛ ИМУЩЕСТВА МЕЖДУ СУПРУГАМИ

Состоя в браке с 1925 г., супруги Морской и Фалькович приобрели имущество, в том числе: квартиру из 2 комнат (размер 10 и 20 кв. м) в РЖСКТ «Кремлевский работник» и дачу, из 3-х комнат, в поселке Красково ДСКТ «Красная заря».

Пайщиком квартиры официально числилась гр. Фалькович, на ее же имя вначале была записана и дача. Но, согласно поданному в начале 1935 г. заявлению Фалькович в правление ДСКТ «Красная заря», последнее дачу переписало на гр. Морского.

В сентябре 1935 г. супруги Морской и Фалькович разошлись. После развода они 20 октября 1935 г. составили и подписали между собой соглашение, по которому: 1) ребенок 7 лет остается у матери и на его содержание отец, Морской, уплачивает алименты по 200 руб. в месяц; 2) квартира в Москве остается за Фалькович; 3) дача принадлежит Морскому; 4) ежегодно в течение летнего сезона ребенок (Владимир Морской) вместе с домработницей проживает на принадлежащей С. К. Морскому даче в ДСКТ, при условии отсутствия на указанной даче новой семьи С. К. Морского и 5) Морской обязуется погасить Фалькович причитающуюся с него половину задолженности не позднее 1 мая 1936 г.

Из квартиры и из Москвы гр. Морской выехал в октябре 1935 г.

В декабре 1936 г. гр. Морской предъявил иск в нарсуд о присуждении ему одной комнаты в их бывшей с Фалькович квартире и комнаты на даче, так как последнюю правление ДСКТ «Красная заря» вновь переписало на имя Фалькович.

Нарсуд 4 уч. Советского района решил 2 февраля 1937 г. закрепить за гр. Морским одну комнату (около 10 кв. м) в квартире Фалькович и комнату в даче гр. Фалькович. Кроме того нарсуд разделил между Морским и Фалькович уплаченный ими совместно жилпай в сумме 2651 руб.

Гражданская кассационная коллегия Мосгорсуда 22 февраля 1937 г. это решение оставила в силе.

Прокуратура СССР опротестовала решение нарсуда и определение Гражданской кассационной коллегии по следующим основаниям:

Нарсуд мотивировал свое решение тем, что истец Морской, приехав вновь в Москву, не имеет здесь места жительства и что дача — летнего типа. Между тем эта мотивировка не подкреплена материалами дела. Народный суд, вопреки ст. 5 ГПК, не проверил оба эти факта. В судебном заседании ответчица Фалькович указывала, что у Морского имеются жена и сестра, где он и может проживать. Вопрос о пригодности дачи вообще для жилья в зимний период — остался совершенно неисследованным. Самое же главное — нарсуд, а за ним и ГКК Мосгорсуда совершенно игнорировали заключенное между Морским и Фалькович соглашение о разделе имущества, в то время как последнее должно быть взято как основание для решения суда.

Из материалов дела видно, что деньги в счет пая вносила как до развода, так и после 1 сентября 1935 г., главным образом гр. Фалькович. До 1 сентября, т. е. до развода супругов, —

она внесла довъездовского паенакопления за квартиру в Москве — 1936 руб. и после 1 сентября 1935 г. — 601 руб., по даче Фалькович внесла до 1 сентября 1935 г. — 715 руб. и после 1 сентября 1935 г. — 599 руб.

Эти цифры истец не оспаривал. При таких условиях народный суд обязан был разрешить вопрос о разделе всего внесенного по квартире и даче паенакопления в целом (3965 руб.), он же разрешил вопрос лишь в части внесенных супругами денег по 1 сентября 1935 г. (2651 руб.).

Нарсуд не обсудил и весьма существенное заявление ответчицы Фалькович — о невозможности, при создавшихся условиях, совместного проживания ее с истцом, Морским, и о том, что Морской имеет новую семью.

В данном случае было бы правильным произвести раздел имущества между бывшими супругами Морским и Фалькович в соответствии с заключенным ими добровольным соглашением от 20 октября 1935 г.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: решение народного суда и определение Кассационной коллегии Московского городского суда отменить и вернуть дело в народный суд для нового рассмотрения в ином составе, с участием прокурора.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДАВНОСТНОГО СРОКА ПО ТРУДОВОМУ ДЕЛУ

Гр. Погорелов, преподаватель школы в Очемчирском районе (Абхазия), не получил отпуска за 1932/33 учебный год и предъявил в суде иск о выплате ему соответствующей по закону компенсации.

В 1934 г. дело это было рассмотрено в народном суде, затем было по кассационной жалобе Погорелова направлено в Высший суд и по дороге оттуда исчезло.

Затем дело было восстановлено после того, как Погорелов в июле 1935 г. обратился в Прокуратуру, последняя направила его жалобу в суд с просьбой о розыске или возобновлении дела.

Народный суд, после неоднократных откладываний, рассмотрел его в апреле 1936 г. и удовлетворил иск, так как в деле имелись бесспорные доказательства того, что Погорелов действительно не использовал отпуска по вине администрации.

Это решение суда было отменено в порядке надзора Высшим судом Абхазии 17 ноября 1936 г. и дело производством было прекращено только на том основании, что Погорелов пропустил срок исковой давности.

Прокуратура СССР опротестовала решение Высшего суда Абхазии по следующим основаниям:

Дело Погорелова рассматривалось в апреле 1936 г. вторично, после того как первое дело было в суде утеряно.

По делу Погорелова судебными органами Абхазии была допущена безобразная волокита, само дело утеряно и ответственным за все это, по мнению Высшего суда, должен быть Погорелов.

Такое положение совершенно недопустимо. Неправильно постановление Высшего суда еще и потому, что пропуск срока исковой давности вовсе не означает полной потери истцом права на иск.

Суд, на основании ст. 52 постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г., вправе, при наличии уважительных причин, восстановить пропущенный срок. Вряд ли можно найти другой случай, когда восстановление срока исковой давности было бы более обосновано, чем в деле Погорелова.

Народный суд, несомненно, учел это, когда после двухлетней волокиты разобрал и удовлетворил иск Погорелова.

Президиум Верховного суда ССР Грузии, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: решение Высшего суда Абхазии от 17 ноября 1936 г. отменить и дело направить в Высший суд Абхазии на новое рассмотрение.

СПОР ГОСУЧРЕЖДЕНИЙ О ДОГОВОРЕ АРЕНДЫ СТРОЕНИЯ ПОДЛЕЖИТ РАССМОТРЕНИЮ ОРГАНОВ ГОСАРБИТРАЖА, А НЕ СУДА

В сентябре 1931 г. горкоммунотделом г. Калуги был заключен договор аренды с дирекцией Западной железной дороги на занимавшееся ранее второй городской пожарной станцией здание, сроком на 7 лет.

По пункту 6 арендатору было предоставлено право использования всего помещения по своему усмотрению, но по прямому назначению, а именно — для общежитий, дежурных помещений, классных комнат, размещения пожарного обоза и вообще для нужд данного учреждения; по пункту же 18 арендатор принял на себя обязательство кадрами курсов обслуживать в пожарном отношении район, ранее обслуживаемый 2-й городской станцией с точным соблюдением порядка выезда пожарных команд и последующими планами выезда, согласованными между договаривающимися сторонами. Во всяком случае по сигналу № 1 с курсов должно выезжать не менее одной автомашины и 6 чел. пожарной команды при одном брандмейстере и одном шофере, по № 2 и № 3 не менее 2 автомашин и 16—20 чел. команды, в том числе шоферы и комсостав.

По договору ответчик до 1935 г. использовал арендуемое здание пожарной части под пожарную школу, рассчитанную на 100 чел. со сроком обучения 6 месяцев.

В 1935 г. с мая вместо пожарной школы, переведенной в г. Харьков, ответчик занял здание бывшей пожарной станции под курсы партактива, оставив группу курсов повышения квалификации пожарных работников на 25 чел.; в связи с чем горкоммунотдел предъявил в народном суде иск о расторжении договора аренды помещения с дирекцией Западной ж. д.

Народный суд Калужского района постановил договор, заключенный горкомхозом с дирекцией Западной ж. д. на аренду здания 2-й пожарной команды расторгнуть с выселением из здания всех организаций и лиц, зависящих от ответчика.

Определением Кассационной коллегии Московского областного суда решение нарсуда было оставлено в силе.

Решения эти были опротестованы московским областным прокурором в Президиум Московского областного суда. Президиум областного суда отклонил протест прокурора.

Основанием к вынесению указанного решения явилось утверждение истца о недостаточном обслуживании в пожарном отношении города Калуги курсами пожарных работников в связи с ликвидацией 7-месячных курсов, вследствие чего часть города остается необслуженной, о чем мол свидетельствуют акты несвоевременного выезда команды к месту пожара; что помещение арендатор использует не по прямому назначению, ибо договором предусмотрена организация курсов пожарных работников, а не партактива.

Считая, что указанное решение народного суда, определение Кассационной коллегии Московского областного суда и постановление Президиума находятся в противоречии с фактическими материалами дела, Прокуратура Союза опротестовала эти решения по следующим основаниям.

Ни одним пунктом договора аренды не было оговорено право арендатора использовать помещение исключительно и только для открытия пожарных курсов, наоборот, в пункте 6 договора дороге предоставлено право использовать помещение по своему усмотрению, но по прямому назначению, и вообще для нужд данного учреждения, в силу чего организация курсов политотдела дороги в помещении пожарной станции, наряду с курсами пожарной охраны, не может считаться нарушением пункта 6 договора.

Материалами дела установлено также, что обязательства по пожарной охране города дорогой выполнялись в точном соответствии с договором, а именно: в гараже имеются две пожарные машины; в здании размещены пожарные курсы на 20 курсантов, 3 человек постоянного комсостава и 3 постоянных шоферов; выезды на пожары обслуживаются двумя пожарными автомашинами при военизированной команде и с необходимым количеством оборудования, в виде насосов и др., о чем свидетельствуют документы, приложенные к делу: о прохождении 2-й учебной команды по специальному курсу цикла пожарно-технических дисциплин, 2) о штатной ведомости пожарной учебной команды, 3) об учете выездов на пожары и другие стихийные бедствия той же команды, коих было в 1935 г. 119 (а за первые три месяца 1936 г. — 40), о проделанной профилактической работе той же командой по городу.

Односторонний акт истца от 4 августа 1936 года и перечисленные в особом мнении начальника 1-й городской пожарной команды дефекты в работе пожарной команды не могут служить доказательством того, что район, обслуживаемый этой пожарной командой, поставлен под угрозу в противопожарном отношении, а могут служит лишь поводом к постановке перед управлением железных дорог вопроса об улучшении работы команды, но никак не являются поводом к расторжению договора. Кроме того ответчик, арендующий помещение, затратил на капитальный и текущий ремонт в соответствии с пунктом 3 договора за период 1934 — 1936 г.г. 57 378 руб.

В силу вышеизложенного, не усматривая нарушений арендатором договора, влекущих за собой расторжение его в соответствии со ст.ст. 160 и 171 Гражданского кодекса, и принимая во внимание, что обеими сторонами являются госучреждения, что данный спор не вытекает из договоров железнодорожных перевозок, — на основании ст. 21 Гражданского процессуального кодекса решение нарсуда от 4 сентября 1936 г., определение МГ Московского областного суда от 29 сентября 1936 г. и постановление Президиума Московского областного суда от 19 декабря 1936 г. подлежат отмене, а дело направлению для рассмотрения по существу, по подсудности в Госарбитраж.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест прокуратуры Союза, определила отменить все состоявшиеся по настоящему делу судебные решения и дело для рассмотрения по существу направить по подсудности в Госарбитраж при Мособлисполкоме.

ГРУБЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Работница фабрики «Коммунарка» в г. Минске Работникова, в декабре 1936 г. предъявила в нарсуде иск к профессору Каминскому о праве на занятие в его квартире (из 3 комнат размером 60 кв. м) жилплощади.

Свое право Работникова обосновывала тем, что она около 6 лет жила в квартире ответчика как член семьи, а ныне ее выселили в коридор.

Народный суд по жилищным делам города Минска 17—19 января 1937 г. в иске Работниковой отказал, мотивируя свое решение тем, что она не жила у ответчика, а лишь в отдельных случаях последний разрешал ей ночевать у него.

Гражданская кассационная коллегия Верховного суда БССР 21 февраля 1937 г. решение народного суда оставила в силе.

Принесенный Прокурором БССР протест на решение народного суда и определение Гражданской кассационной коллегии Верхсуда — Президиум Верховного суда БССР 20 апреля 1937 г. отклонил.

Прокуратура СССР опротестовала решение народного суда и определение Верховного суда БССР по следующим основаниям:

1) Народный суд вынес свое решение с грубым нарушением ст.ст. 118, 122 и 177 Гражданского процессуального кодекса БССР.

В судебном заседании 17 января народный суд, считая собранный материал недостаточным для разрешения настоящего спора, вынес определение о дополнительном сборе материалов, для чего отложил вынесение решения по делу на 3 дня.

Собирание этих дополнительных материалов народный суд поручил одному из народных заседателей гр. Когану, который 19 января и представил весьма краткую записку, утверждающую, что истица в квартире ответчика не проживала.

Вместо того чтобы в присутствии сторон проверить в судебном заседании новые обстоятельства, добытые народным заседателем, и установить, была ли последним соблюдена

ст. 122 Гражданского процессуального кодекса, т. е. были ли своевременно уведомлены стороны о проверке доказательств, — народный суд того же 19 января вынес решение по существу иска, положив в основу ничем не подкрепленную записку народного заседателя Когана.

Этим самым народный суд исказил смысл и значение ст. 177 Гражданского процессуального кодекса и лишил стороны права оспаривать выдвинутые доказательства. Согласно ст. 177 Гражданского процессуального кодекса вынесение решения может быть в исключительных случаях отложено до трех дней, но при условии, что резолютивная часть решения должна быть объявлена сторонам в том же судебном заседании.

Эти три дня даются суду для мотивировки решения, а не для дополнительного собирания материалов. Нельзя здесь не отметить и то нарушение Гражданского процессуального кодекса, что местный осмотр производил не председательствующий, как этого требует Гражданский процессуальный кодекс, а народный заседатель.

Народный суд нарушил гражданский процессуальный кодекс тем, что не вполне исследовал действительные взаимоотношения сторон. Истица в исковом заявлении и в кассационной жалобе утверждала, что она жила у ответчика около 6 лет, с перерывом в 1933 г. на 7 месяцев, что ответчик Каминский пригласил истицу, по ее словам, к себе как родственницу и что на этих правах она помогала ответчику в домашнем хозяйстве и обслуживала его больную жену до ее смерти. Ночевала она, истица, в кабинете Каминского или в столовой, но последний почему-то не прописывал истицу на свою площадь.

Нарсуд не исследовал эти обстоятельства. В судебном заседании 7 января свидетельница Бориспольская подтвердила, что истица около 3 лет ночевала в кабинете Каминского.

Свидетельница Нестерович, домработница ответчика, также показала, что Работникова иногда ночевала в кабинете профессора Каминского. Свидетельница Мазо показала, что были случаи, когда истица заходила к Каминскому кушать.

Осталось совершенно невыясненным, на каких основаниях Работниковой все это предоставлялось, где она жила до перехода к Каминскому и почему она здесь так долго не была прописана.

При этих условиях судебное решение по делу нельзя признать обоснованным и по существу.

Кассационная инстанция оставила жалобу Работниковой без последствий, ссылаясь и на представленный ей к обозрению паспорт истицы, из коего видно, что она не была прописана по месту жительства ответчика Каминского. Этим допущено еще одно грубое процессуальное нарушение, поскольку в суде 1-й инстанции это доказательство совершенно не фигурировало и стороны его касаться поэтому не могли.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила отменить все состоявшиеся по настоящему делу судебные решения и передать дело на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе.

КАССИНСТАНЦИЯ ВЫШЛА ЗА ПРЕДЕЛЫ СВОЕЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Койфман Семен Григорьевич, б. главный бухгалтер завода «Красный профинтерн», был предан суду в сентябре 1935 г. по обвинению в том, что, получая от гр. Зельдиса взятки, давал ему заказы на типографские работы, а также выдавал последнему открытые валютированные чеки, нарушая правила об этих чеках, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 97 и 105 Уголовного кодекса УССР.

Народный суд 1 участка г. Одессы 2 октября 1935 г. отверг обвинение Койфмана по ст. 105 и оправдал его в этой части; по ст. 97 же — за нарушение правил кредитной реформы приговорил его к 4 годам лишения свободы.

Кассационная коллегия Одесского областного суда, рассмотрев 15 декабря 1935 г. это дело по протесту прокурора в порядке надзора, нашла, что «суд при назначении мягкой меры наказания Койфману не учел, что он произвел нарушение (выдачу валютированных чеков Зельдису), как видно из материалов дела (предварительное следствие), не из особой симпатии к осужденному Зельдису, а с корыстной целью»... «Так же неосновательно мягок приговор и в отношении других осужденных» Поэтому облсуд отменил весь приговор за мягкостью и направил дело в суд для нового рассмотрения по существу.

7 февраля 1936 г. народный суд 1 участка г. Одессы, рассмотрев это дело вторично, подробно мотивированным приговором оправдал Койфмана установив, что выдавал он валютированные чеки Зельдису, считая его представителем типографии, и по прямому постановлению совещания при директоре завода Зельдис был приговорен к 2 годам лишения свободы.

На этот приговор были принесены кассационные жалобы осужденными по этому же делу к исправительно-трудовым работам Брандом и Пятецким, работниками типографии горпотребсоюза.

Кассационная коллегия, рассмотрев дело 21 февраля 1936 г., оставила кассационные жалобы без последствий, но на основании ст. 345 Уголовного процессуального кодекса УССР отменила в ревизионном порядке весь приговор в целом, признав: а) что Зельдису вынесена слишком мягкая мера наказания и б) что «суд совсем неосновательно оправдал Койфмана, вместо того чтобы выполнить указание облсуда и учесть ему опасность деяния».

Народный суд 1 участка г. Одессы, рассмотрев дело третий раз 4 сентября 1936 г. и сославшись на «Положение об организации учета в системе потребкооперации 1932 г.», дающее право получения валютированных чеков, прекратил дело в отношении Койфмана по ст. 4 Уголовного процессуального кодекса УССР за отсутствием в его действиях состава преступления. В отношении других осужденных — Зельдиса, Бранда и Пятецкого суд прекратил дело по ст. 4 Уголовного процессуального кодекса УССР за нецелесообразностью дальнейшего его ведения.

20 ноября 1936 г. помощник областного прокурора принес на это определение протест в порядке надзора с указанием на невыпол-

нение народным судом указаний кассационной коллегии областного суда об усилении наказания Зельдису и об осуждении Койфмана.

3 января 1937 г. кассационная коллегия областного суда, согласившись с доводами протеста, отменила в порядке надзора определение народного суда и направила дело для нового рассмотрения.

После этого дело трижды назначалось к слушанию в нарсуде (28 января, 27 февраля, 23 марта), и в последний раз народный суд постановил: объявить розыск скрывшегося от суда Зельдиса, приостановив дело до его задержания.

Прокуратура СССР, рассмотрев это дело в порядке надзора, признала, что определение кассационной коллегии Одесского областного суда от 3 января 1937 г. в части, относящейся к Койфману, является неправильным и подлежит отмене. Народный суд разрешает дело, исходя из всех его материалов. Так как представленное ему официальное ведомственное распоряжение о праве получения валютированных чеков учреждениями потребкооперации доказывало правильность действия Койфмана, народный суд и прекратил о нем дело на основании пункта «д» ст. 4 Уголовного процессуального кодекса.

Поэтому Одесский областной суд неправ, добиваясь, чтобы народный суд выполнил его определение, относящееся к первому оправдательному приговору.

Основное обвинение Койфмана в корыстных злоупотреблениях отпало, нарушения, о которых идет речь, имеют более чем трехлетнюю давность, и суд первой инстанции, три раза рассматривая это дело, не находил оснований к применению к Койфману реальных мер наказания; в деле имеется большое число блестящих отзывов о его долголетней бухгалтерской работе.

По этим основаниям Прокуратура СССР опротестовала определение Одесского областного суда от 3 января 1937 г. в части, касающейся Койфмана.

Верховный суд УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение Одесского областного суда отменить и оставить в силе приговор народного суда от 4 сентября 1936 г., коим дело в отношении Койфмана прекращено.

ПРИГОВОР ДОЛЖЕН БЫТЬ УБЕДИТЕЛЬНЫМ

Приговором народного суда г. Кутаиси 23—26 января 1937 г. Калатозишвили Пармен Иванович и Беридзе Георгий Макарович были признаны виновными в том, что в ночь на 11 марта 1936 г. убили лесного сторожа Кира Медзмаришвили, предварительно нанеся ему тяжелые побои.

Суд, квалифицировав преступление Калатозишвили по ст. 145 УК Грузинской ССР, приговорил его к 6 годам лишения свободы, а Беридзе — по ст. 17—145 Уголовного кодекса Грузинской ССР к 4 годам лишения свободы.

По делу был предан суду и Чхиквадзе Владимир Давидович, б. старший охранник Сагорийской лесной дачи, которому было предъявлено обвинение в том, что он, будучи во враждебных отношениях с убитым, разоблачившим целый ряд злоупотреблений, совершенных Чхиквадзе во время работы в Сагорийской даче, организовал убийство Медзмаришвили, подговорив для приведения в исполнение своего замысла своего родственника Беридзе и Калатозишвили.

Народный суд оправдал Чхиквадзе, обосновав свой оправдательный приговор следующими соображениями:

а) Чхиквадзе с момента увольнения его с работы не был в трактире, которым заведывал Беридзе, и никаких данных, свидетельствующих о встрече Чхиквадзе с Беридзе в этот период в другом месте, по делу не имеется,

б) Чхиквадзе в день убийства с утра находился в г. Кутаиси, вечером в этот же день направился в деревню на свадьбу своего племянника, где пробыл до следующего дня.

Суд считает, что установленное алиби Чхиквадзе является решающим для вынесения в отношении его оправдательного приговора.

Кроме этого, так как на следующий день после совершения убийства Чхиквадзе не посетил места происшествия, то суд считает, что если бы он действительно являлся организатором преступления, то, несомненно, в тот же день он должен был бы поинтересоваться результатами действий Беридзе и Калатозишвили.

По всем указанным выше соображениям суд и отверг предъявленное Чхиквадзе обвинение в организации убийства Медзмаришвили.

Кассационная коллегия Верховного суда Грузии 23 февраля 1937 г. приговор суда оставила без изменений.

Прокуратура Союза, считая оправдание Чхиквадзе недостаточно обоснованным, опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям.

Из имеющихся в деле материалов видно, что Чхиквадзе, состоя старшим охранником лесной дачи, в течение целого ряда лет систематически злоупотреблял своим служебным положением: продавал лесной материал и дрова, деньги присваивал, сдавал в аренду крестьянам лесные участки и арендную плату обращал в личное пользование. Медзмаришвили, поступив на работу в эту же лесную дачу, обнаружил все злоупотребления Чхиквадзе, выяснил — кому именно, когда и сколько земли сдано было Чхиквадзе в аренду и сообщил вышестоящим организациям о преступлениях Чхиквадзе. В результате этих действий Чхиквадзе был снят с работы.

Еще задолго до снятия с работы Чхиквадзе стало известно о разоблачениях Медзмаришвили, вследствие чего Чхиквадзе стал питать нескрываемую неприязнь к Медзмаришвили и даже угрожал ему: «ты есть и не будет тебя». Это подтвердил свидетель Георгадзе. На предварительном следствии Чхиквадзе признал на очной ставке со свидетелем Георгадзе угрозы и враждебное отношение к убитому О своем враждебном отношении к Медзмаришвили Чхиквадзе неоднократно говорил и с осужденным по данному делу Беридзе, это обстоятельство Чхиквадзе также признал и на очной ставке с Беридзе в процессе предварительного расследования.

Прокуратура Союза считала, что при этих обстоятельствах доводы, приведенные судом в обоснование оправдательного приговора в отношении Чхиквадзе, недостаточно вески и не опровергают обвинений, предъявленных Чхиквадзе органами следствия.

Установленное по делу алиби Чхиквадзе не может служить еще достаточным основанием для его оправдания, поскольку Чхиквадзе не привлекался к ответственности за физическое совершение убийства Медзмаришвили, а предъявлялось лишь обвинение в организации самого убийства. Что же касается ссылки суда на то, что если бы Чхиквадзе являлся организатором убийства, то он обязательно должен был бы проверить на другой же день, приведен ли в исполнение его замысел, то и это указание не является основанием для оправдания Чхиквадзе. Суд, отвергнув организаторскую роль Чхиквадзе в совершении убийства, тем самым поколебал обоснованность обвинений, предъявленных Беридзе и Калатозишвили.

Беридзе и Калатозишвили были привлечены к уголовной ответственности за то, что, по заданию Чхиквадзе, совершили убийство Медзмаришвили.

Оправдывая Чхиквадзе, суд не поинтересовался мотивами убийства Медзмаришвили, совершенного осужденными Беридзе и Калатозишвили.

При условии, что убийство Медзмаришвили было совершено Беридзе и Калатозишвили умышленно, с заранее обдуманным намерением, как это признал сам суд, надлежало суду выяснить, что же послужило поводом для убийства Медзмаришвили. Однако суд этот важнейший вопрос в процессе судебного следствия не исследовал.

Президиум Верховного суда ССР Грузии, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда отменить и дело направить в Прокуратуру Грузинской республики на доследование.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА О СПЕКУЛЯНТЕ

На Дубининском рынке г. Москвы за скупку облигаций массовых госзаймов по пониженным ценам был задержан Правдолюбов Е. А., у которого было изъято облигаций на 25 265 рублей.

Расследованием было установлено, что Правдолюбов с целью наживы систематически закупал по пониженным ценам у разных лиц на Дубининском рынке облигации массовых госзаймов. Эти операции дали Правдолюбову возможность за период с сентября 1934 г. по сентябрь 1935 г. приобрести облигаций на вышеуказанную сумму.

На следствии Правдолюбов признал, что он купил облигаций на 15 000 руб., уплатив за них 3 000 руб.

Народным судом 1 уч. Ростокинского района г. Москвы 14 сентября 1936 г. Правдолюбов был осужден по ст. 17—107 УК на 2 года лишения свободы с конфискацией отобранных у него облигаций.

Определением кассационной коллегии МГС от 23 сентября 1936 г. приговор народного суда был оставлен в силе, но действия Правдолюбова были переквалифицированы по с 16—107 УК.

Постановлением президиума Московско городского суда от 26 октября 1936 г. приг вор народного суда также был оставлен силе, но действия Правдолюбова были пер квалифицированы по ст. 169 ч. 1 УК.

Определением судебной коллегии Верховно суда РСФСР от 22 ноября 1936 г. наказани Правдолюбову было снижено до 1 года испр вительно-трудовых работ.

Президиум Верховного суда РСФСР пост новлением от 25 февраля 1937 г. дело Правдо любова прекратил, мотивируя это тем, что о скупал облигации не в виде промысла и не особо крупных размерах, ссылаясь при это на разъяснение 52 пленума Верховного су СССР.

Прокуратура Союза опротестовала постан вление президиума Верховного суда РСФС по следующим основаниям.

Материалами по этому делу установлено, чт скупка облигаций по пониженным ценам про изводилась Правдолюбовым систематически.

Скупка облигаций на 15 тыс. руб. за 3 тыс руб. дала Правдолюбову прибыль в 12 тыс руб.

При этих условиях незаконные действия Правдолюбова суд должен был квалифицировать как скупку облигаций по пониженным ценам в виде промысла и с целью спекуляции, так как эти операции совершались Правдолюбовым в крупных размерах.

Таким образом определение президиума Верховного суда РСФСР по делу Правдолюбова подлежало отмене с направлением дела на новое рассмотрение с квалификацией преступных действий Правдолюбова по ст. 17—107 УК.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор народного суда I участка Ростокинского района г. Москвы от 14 сентября 1936 г. и все последующие определения Московского городского суда и Верховного суда РСФСР отменить и дело вернуть в тот же народный суд на новое рассмотрение со стадии судебного следствия в ином составе.

ФОРМАЛЬНЫЙ ПОДХОД СУДА К РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛА

Макаев Курбай, гуртоправ Главмясо, при перегоне гуртов скота из г. Каракол в г. Фрунзе без разрешения Главмясо произвел в пути обмен двух стельных коров на две яловые.

Квалифицировав деяние Макаева по ст. 109 УК, народный суд приговорил его к 6 месяцам исправительно-трудовых работ на общих основаниях.

Кассационная коллегия главного суда приговор этот оставила без изменения.

Прокуратура СССР опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям.

Из показаний свидетеля Иманулова видно, что обмен коров был произведен в связи с тем, что эти коровы ввиду истощения дальше итти не могли. Обмен этот был необходим для того, чтобы избежать падежа коров в пути.

Макаев действовал вполне целесообразно, о храняя интересы Главмясо, не преследуя корыстных или иных личных целей, и не причинил

своими действиями никакого ущерба. При этих условиях самый факт обмена без надлежащего разрешения не может служить основанием для привлечения Макаева к уголовной ответственности. Народный суд, осудив Макаева за этот обмен, подошел к делу формально-бюрократически.

Президиум Верховного суда Киргизской ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил дело Макаева в уголовном порядке за отсутствием в его действиях состава преступления производством прекратить.

НЕДОСТАТОЧНАЯ ПРОВЕРКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СЛЕДСТВИЕМ И СУДОМ

Приговором народного суда Дзержинского района г. Баку от 22 мая 1936 г. Мелкумов Ованес Апресович был признан виновным в том, что изнасиловал и убил свою падчерицу, 12-летнюю Соню Мусаэлян. Квалифицировав деяние Мелкумова по ст. 171 п. «в» и по ст. 193 ч. 1 УК Азербайджанской ССР, суд приговорил его к лишению свободы сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет.

Кассационная коллегия Бакинского городского суда приговор оставила в силе.

Прокуратура СССР опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям.

В основу осуждения Мелкумова легли показания матери убитой Сони Мусаэлян, Гоарик, которая утверждала, что убил девочку Мелкумов, мстя ей за то, что она добилась решения суда о выселении Мелкумова из совместной квартиры. Кроме этого в обоснование своего приговора суд положил заключение судебно-медицинского эксперта о том, что 3 волоса, найденные на теле убитой, тождественны волосам Мелкумова.

Указанные выше доводы недостаточны для осуждения Мелкумова.

Произведенная по данному делу судебно-медицинская экспертиза страдает целым рядом весьма существенных недостатков, в частности — нет точного описания найденных волос, не изучена форма поперечных срезов этих волос, правильность промера волос также вызывает сомнение. Как видно из заключения консультанта по судебной медицине при Московской государственной судебной экспертизе д-ра Семеновского, толщина волос, найденных на теле Сони, явно не соответствует средней толщине человеческих волос. Невнимательность эксперта Татиева подтверждается еще тем фактом, что в акте экспертизы Татиев указал, что на теле Сони найдено 3 человеческих волоса — 2 темных и 1 светлый, в судебном же заседании он заявил, что все 3 волоса темного цвета.

Учитывая, что 3 волос при самом тщательном исследовании недостаточно для установления того или иного сходства с волосами обвиняемого, заключение д-ра Татиева должно быть исключено из числа доказательств по делу.

Вторым доказательством виновности Мелкумова являются показания матери убитой, все время настаивавшей, что именно Мелкумов убил Соню. Показания эти опровергаются целым рядом свидетельских показаний и документов.

Убийство Сони произошло 16 января после 5 часов вечера, между тем целый ряд допрошенных свидетелей, — Папасьян, Шакарова, Цатураев и даже Мусаэлян на предварительном следствии показали, что Мелкумов работал в этот день во второй смене с 2 часов до 11 часов и вернулся с работы около 12 часов ночи. Это же обстоятельство подтверждает официальный табель больницы, где Мелкумов работал кочегаром, а также наблюдавший за кочегаркой свидетель — техник Багдасаров. Как видно из показаний этих свидетелей, род работы Мелкумова был таков, что отлучиться с работы незаметно он не мог. Соня была найдена в 2 км от города. Для того чтобы увести ее туда или отнести ее труп на такое расстояние, необходимо было значительное время.

Несмотря на все это, суд отверг все доказательства, удостоверяющие алиби Мелкумова, и сославшись на неаккуратное ведение табеля в больнице, признал, что во время пропажи Сони Мелкумов на работе не был.

За исключением Мусаэлян, ни один из свидетелей не подтвердил недружелюбного отношения Мелкумова к Соне. Все свидетели характеризуют Мелкумова как положительного, скромного, хорошо относившегося к Соне человека. Свидетельница Мусаэлян не являлась очевидицей преступления Мелкумова. Ее показания покоятся лишь на предположении, что Мелкумов из мести убил Соню.

Необходимо отметить, что следствие по делу произведено было небрежно и односторонне. Достаточно было работникам угрозыска установить подозрения Мусаэлян в отношении Мелкумова, чтобы они все свое внимание фиксировали в этом направлении, игнорировав другие данные, которые могли повести следствие по правильному пути. Так, например, собака, пущенная на обыск местности, где был найден труп Сони, обнаружила мужские вещи — пиджак, брюки и нижнюю рубашку. Эти вещи остались вне поля зрения как органов расследования, так и суда, хотя, несомненно, установление принадлежности этих вещей могло способствовать обнаружению виновника убийства.

Президиум Верховного суда Азербайджанской ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда г. Баку и определение кассационной коллегии Бакинского городского суда отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Современные капиталистические тюрьмы в цифрах

Говардская Лига уголовных реформ (Англия) опубликовала работу под названием «Тюремное население в мире». Эта работа представляет собой попытку учесть тюремное население большинства буржуазных государств: в докладе приводятся сведения о тюрьмах 57 государств. Эти данные отражают действительность лишь в очень отдаленной степени: официальные источники, из которых были почерпнуты цифры, естественно, предоставили в распоряжение составителей доклада лишь те сведения, которые государственные органы находили нужным сообщить. Так, например, фашистская Германия в докладе фигурирует без сведений о заключенных в концентрационных лагерях. По ряду стран не учтены следственные заключенные. Наконец, сама система учета заключенных в буржуазных государствах настолько различна, что исключает возможность достаточно точных сопоставлений.

Тем не менее приводимые в докладе цифры — при правильном их освещении — могут оказаться небесполезными для характеристики уголовной политики буржуазных государств в настоящее время.

Общее число заключенных в 57 государствах (среднее) составляет свыше 930 тыс. человек. Если даже исходить из этих официальных данных, то следует констатировать, что ежегодно через тюрьмы буржуазных государств проходит 5-6 млн. человек. Опыт изучения материалов тюремной статистики показывает, что отношение числа среднего состава заключенных к общему числу поступающих за год в тюрьмы в последние годы выражается как 1 : 6 или 1 : 7. Так, например, в Пруссии в 1929/30 г. к началу года было 30 817 заключенных, за год поступило 232 605 человек и выбыло 232 156 (отношение 1 : 7,5); в Британской Индии это соотношение определяется как 1 : 6. Таким образом, 5-6 млн. заключенных, ежегодно поступает в капиталистические тюрьмы; несмотря на астрономичность этой цифры она если и нуждается в коррективах, то лишь в сторону ее повышения.

Если общее число заключенных в 57 странах по приводимым в докладе официальным данным составляет свыше 930 тыс. человек, то на долю Германии, Польши, Италии и Японии приходится около 25% этого числа. Количество заключенных в этих странах — даже по официальным данным — резко выделяется своим исключительно высоким уровнем по сравнению с другими странами. Если оставить в стороне государства, не обладающие большим населением, и сосредоточить свое внимание на важнейших европейских государствах, то получится следующая достаточно недвусмысленная картина.

Число заключенных (на 100 000 населения).

Германия (без заключенных в конц. лагерях) 157, Польша 151, Италия 126, Великобритания 30, Франция 56.

Исходя из этих официальных данных, мы должны констатировать, что уровень тюремного населения в Германии почти в 3 раза выше, чем во Франции и более, чем в 5 раз выше, чем в Великобритании. Однако это соотношение становится еще более показательным, если учесть заключенных в концентрационных лагерях фашистской Германии. Мы располагаем некоторыми, к сожалению неполными данными МОПР о числе пролетарских политических заключенных в странах капитала в 1934 году. В 62 буржуазных государствах было заточено 437 917 пролетарских революционеров; из этого числа 145 000 человек приходится на Германию. Сопоставление этих данных (145 000 человек) с данными, официально опубликованными в фашистской Германии, показывает, насколько преуменьшены эти официальные данные: общее число всех заключенных якобы составляет 102 349 человек. Лживость этих сведений видна из того, что в Германии одних лишь политических пролетарских заключенных насчитывается 145 тыс. человек.

Таким образом, на общем фоне миллионного населения тюрем капиталистических стран выделяется фашистская Германия, обладающая громадной армией заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

А. Г.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

За апрель 1937 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Государственное устройство и управление

1. О государственном гербе Союза советских социалистических республик — пост. ЦИК СССР от 17/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 20, ст. 74).

2. О прекращении производством дел о лишении избирательных прав граждан СССР по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности и о ликвидации центральной избирательной комиссии ЦИК СССР — пост. ЦИК СССР от 14/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 20, ст. 75).

2. Просвещение

3. Об ученых степенях и званиях — пост. СНК СССР от 20/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 83).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. Планирование и учет

4. О народнохозяйственном плане Союза ССР на 1937 г. — пост. ЦИК и СНК СССР от 29/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 24, ст. 98).

5. О третьем пятилетнем плане народного хозяйства — пост. СНК СССР от 28/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 28, ст. 115).

2. Промышленность

6. О ходе заключения хозяйственных договоров — пост. СНК СССР от 17/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 20, ст. 76).

7. О распространении постановления ЦИК и СНК СССР от 15 июля 1936 г. «О хозрасчетных правах главных управлений промышленных народных комиссариатов» на главное управление государственной съемки и Картографии НКВД — пост. СНК СССР от 15/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 20, ст. 77).

8. О Всесоюзном геологическом фонде — пост. СНК СССР от 27/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 84).

9. О перечне продукции пищевой промышленности, стандарты на которую утверждаются СНК СССР и НКПП СССР — пост. СНК СССР от 17/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 91).

10. О порядке утверждения стандартов на продукцию легкой промышленности — пост. СНК СССР от 13/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 25, ст. 105).

11. О надзоре за паровыми котлами, сосудами под давлением, баллонами и подъемными сооружениями — пост. СНК СССР от 22/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 26, ст. 108).

12. О нормах выработки по общестроительным работам на 1937 г. — пост. СНК СССР от 17/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 26, ст. 110).

13. О работе угольной промышленности Донбасса — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 28, ст. 114).

14. О предоставлении хозрасчетных прав главным управлениям промышленных народных комиссариатов РСФСР, УССР и БССР — пост. СНК СССР от 19/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 28, ст. 117).

3. Земля и сельское хозяйство

15. О ликвидации государственной комиссии по определению урожайности и размеров валового сбора зерновых культур при СНК Союза ССР — пост. СНК СССР от 25/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 90).

16. О введении натуроплаты за тракторные работы МТС по конопле — пост. СНК СССР от 21/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 23, ст. 92).

17. О мероприятиях по проведению лесосплава в 1937 г. — пост. СНК СССР от 31/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 23, ст. 96).

18. О плане тракторных работ МТС в колхозах на 1937 г. — пост. СНК СССР от 16/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 26, ст. 109).

19. Об отмене некоторых постановлений в связи с ликвидацией государственной комиссии по определению урожайности при СНК СССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 86).

III. ФИНАНСЫ

20. Об изменении ст. 18 постановления ЦИК и СНК СССР от 23 января 1934 г. «О сборе на нужды жилищного и культурно-бытового строительства в городах и сельских местностях» и ст. 5 «Положения о подоходном налоге с частных лиц» — пост. ЦИК и СНК СССР от 14/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 19, ст. 92).

21. Об освобождении сельских советов от обязанностей по исчислению и взиманию денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок — пост. ЦИК и СНК СССР от 21/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 85).

22. О реорганизации аппаратов Народного комиссариата финансов СССР и Комитета заготовок при СНК СССР в связи с освобождением сельских советов от обязанностей по исчислению и взиманию денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок — пост. СНК СССР от 21/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 89).

23. О ставках налога с оборота на хлопчатобумажные товары, вырабатываемые государственной промышленностью — пост. СНК СССР от 23/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 27 ст. 112).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

24. Об утверждении перечня стандартов, разрабатываемых Комитетом по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР — пост. СНК СССР от 11/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 19, ст. 73).

25. Об обязательных поставках зерна, риса, подсолнуха и картофеля государству в 1937 г. колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами и о ставках натуроплаты работ МТС — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 78).

26. О снятии недоимок по зернопоставкам за 1936 г. — пост. СНК СССР и ЦК БКП(б) от 20/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 79).

27. О контрактации хлопко-сырца урожая 1937 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 80).

28. О контрактации сахарной свеклы урожая 1937 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 22/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 81).

29. О контрактации льна и конопли урожая 1937 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 82).

30. О плане контрактации масличных культур на 1937 г. — пост. СНК СССР от 27/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 23, ст. 95).

31. О контрактации табаков и махорки урожая 1937 г. — пост. СНК СССР от 11/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 25, ст. 104).

32. О нормах продажи растительного масла сдатчикам хлопка-сырца урожая 1937 г. — пост. СНК СССР от 29/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 25, ст. 106).

33. О снижении розничных цен на промышленные товары широкого потребления — пост. СНК СССР от 28/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 28, ст. 116).

34. О порядке исчисления в 1937 г. обязательных поставок зерна и подсолнуха государству с приусадебных посевов членов колхозов — пост. СНК СССР от 25/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 28, ст. 118).

V. КООПЕРАЦИЯ

35. О внеплановых капиталовложениях промысловых артелей и артелей кооперации инвалидов за счет сверхплановых прибылей — пост. СНК СССР от 15/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 27, ст. 113).

VI. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

36. О тарифе взносов по социальному страхованию — пост. ЦИК СССР от 23/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 87).

37. О снятии некоторых расходов с бюджета государственного социального страхования и изменении тарифа страховых взносов — пост. СНК СССР от 23/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 88).

38. Об отмене постановления ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О порядке найма и распределения рабочей силы и о борьбе с текучестью рабочей силы» — пост. ЦИК и СНК СССР от 31/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 23, ст. 93).

39. Об отмене постановления ЦИК и СНК СССР от 13 мая 1930 г. «О мерах привлечения на производство инженерно-технического персонала» — пост. ЦИК и СНК СССР от 31/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 23, ст. 94).

40. Об отмене периодических прибавок к заработной плате за продолжительность непрерывной работы в торговых предприятиях — пост. СНК СССР от 22/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 26, ст. 107).

VII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

41. О применении постановления ЦИК и СНК СССР от 5 октября 1936 года «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности» — пост. ЦИК и СНК СССР от 9/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 25, ст. 99).

I. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Земля и сельское хозяйство

1. О воспрещении сдачи в аренду земель сельскохозяйственного значения — пост. ЦИК и СНК СССР от 4/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 37, ст. 150).

2. О Всесоюзной сельскохозяйственной выставке — пост. СНК и ЦК ВКП(б) от 14/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 38, ст. 153).

3. О натуроплате работ МТС в колхозах по люцерне и клеверу — пост. СНК СССР от 27/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 40, ст. 169).

4. О мерах по улучшению семян зерновых культур — пост. СНК СССР от 29/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 40, ст. 168).

2. Транспорт

5. О дополнении Воздушного кодекса Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 37, ст. 151).

II. ФИНАНСЫ

6. О распространении на хозорганы общественных организаций «Положения о подоходном налоге с предприятий обобществленного сектора» — пост. СНК СССР от 28/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 37, ст. 152).

7. Об улучшении порядка кредитования сельских потребительских обществ и сельских магазинов — пост. СНК СССР от 11/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 38, ст. 154).

8. О нормах накладных расходов по строительству для Наркомзема Наркомсовхозов и Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК Союза ССР — пост. СНК

СССР от 3/VII 1937 г. (СЗ 1937 г. № 38, ст. 156).

9. Об организации приема налогов и страховых платежей от сельского населения — пост. СНК СССР от 19/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 39, ст. 159).

10. О расходах на отправку детей в пионерские лагери — пост. СНК СССР от 15/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 39, ст. 164).

11. О выпуске «Займа укрепления обороны Союза ССР» — пост. ЦИК и СНК СССР от 1/VII 1937 г. (СЗ 1937 г. № 40, ст. 165).

12. Условия выпуска Государственного внутреннего займа укрепления обороны Союза ССР — утв. пост. СНК СССР от 1/VII 1937 г. (СЗ 1937 г. № 40, ст. 166).

13. Об отчислениях в государственные бюджеты союзных республик и в местные бюджеты от сумм, поступивших по Займу укрепления обороны Союза ССР — пост. СНК СССР от 1/VII 1937 г. (СЗ 1937 г. № 40, ст. 147).

III. ТРУД и СОЦСТРАХОВАНИЕ

14. О натуральном премировании машинистов молотилок и весовщиков — пост. СНК СССР от 14/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 38, ст. 155).

IV. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

15. Об упорядочении засвидетельствования копии с документа, касающегося личных прав и интересов гражданина — пост. ЦИК и СНК СССР от 3/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 37, ст. 149).

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Государственное устройство и управление

1. Об утверждении «Положения о выборах в Верховный совет СССР» — пост. ЦИК СССР от 9 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 43, ст. 182).

2. Просвещение

2. Об изменении Устава Академии наук СССР — пост. СНК СССР от 2 августа 1937 г. (СЗ 1937 г. № 49, ст. 206).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

3. О порядке внесения в Совет народных комиссаров Союза ССР квартальных планов — пост. СНК СССР от 4 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 176).

4. О Главном управлении шарикоподшипниковой промышленности Наркомтяжпрома — пост. СНК СССР от 7 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 177).

2. Земля и сельское хозяйство

5. Об установлении размеров служебных наделов работникам лесной охраны — пост. СНК СССР от 1 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 175).

6. Положение о работе районных комиссий по отнесению колхозов к той или иной группе по размерам урожайности зерновых культур, риса, подсолнуха и клещевины — пост. СНК СССР от 4 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 42, ст. 180).

7. Об утверждении положений о Государственной комиссии по сортоиспытанию зерновых культур, ее инспекторах и государственных сортоиспытательных участках — пост. СНК СССР от 17 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 45, ст. 186).

8. Об утверждении Положения о Всесоюзной государственной ветеринарной инспекции — пост. СНК СССР от 20 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 46, ст. 188).

9. О государственном плане озимого сева на 1937 г. — пост. СНК СССР от 28 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 48, ст. 197).

3. Транспорт

10. Об окончании строительства канала Москва—Волга — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 4 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 42, ст. 179).

III. ФИНАНСЫ

11. Об изменении сроков уплаты сельскохозяйственного налога в 1937 г. — пост. ЦИК и СНК СССР от 29 июня 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 170).

12. О бюджете государственного социального страхования на 1937 г. — пост. СНК СССР от 15 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 44, ст. 183).

13. Об изменении Положения о налоге с оборота предприятий обобществленного сектора — пост. ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 47, ст. 192).

14. Об изменении Положения о взыскании налогов и неналоговых платежей — пост. ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 47, ст. 193).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

15. О порядке проведения обязательных поставок мяса, молока, масла и шерсти — пост. СНК СССР от 5 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 171).

16. Об утверждении инструкции Комитета заготовок при СНК Союза ССР «О порядке проведения обязательных поставок картофеля государству колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами из урожая 1937 г.» — пост. СНК СССР от 1 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 172).

17. Об обязательных поставках картофеля с приусадебных участков колхозников в ряде

областей и АССР — пост. СНК СССР от 8 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 173).

18. О порядке заготовок и продаже древесных семян — пост. СНК СССР от 15 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 44, ст. 185).

19. Об обязательных поставках картофеля с приусадебных участков колхозников в ряде краев, областей и республик — пост. СНК СССР от 27 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 48, ст. 198).

20. О гарнцевом сборе — пост. ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 47, ст. 190).

V. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

21. О тарифе взносов по социальному страхованию работников, занятых у частных нанимателей, в том числе в концессионных предприятиях, — пост. СНК СССР от 13 июня 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 174).

22. Об отмене выдачи бесплатного питания и дотаций на питание работникам домов отдыха, санаторий и домов туриста — пост. СНК СССР от 14 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 44, ст. 184).

23. Об утверждении постановления ВЦСПС об улучшении государственного социального страхования для служащих — пост. СНК СССР от 31 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 49, ст. 203).

24. Об утверждении постановления ВЦСПС о порядке исчисления пособий по временной нетрудоспособности — пост. СНК СССР от 31 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 49, ст. 204).

25. Об отмене ограничений в пенсионном обеспечении для лиц, ранее лишавшихся избирательных прав, — пост. СНК СССР от 31 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 49, ст. 205).

VI. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

26. О сокращении срока исковой давности по спорам между колхозами и колхозниками по трудодням — пост. ЦИК и СНК СССР от 26 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 47, ст. 191).

27. О ликвидации специальных судебных камер народных судов по разбору дел о хищениях и растратах в потребительской кооперации и государственной торговле — пост. СНК СССР от 28 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 48, ст. 199).

28. Об организации Бюро бухгалтерской экспертизы — пост. СНК СССР от 2 августа 1937 г. (СЗ 1937 г. № 49, ст. 207).

Ответственный редактор **А. Я. ВЫШИНСКИЙ**

Технический редактор **Н. Рушковский**

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК СССР, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 27/IX 1937 г. Подписано к печати 2/X 1937 г.
Сдано в производство 2/X 1937 г. 8¼ п. л. 21 авт. лист. В одном бум. листе 216 000 зн.

Формат 72×108 Ю—4п.; № 745

Уполном. Главлита Б—30058. Зак. № 1327 Тираж 20500 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Мал. Дмитровка, 18.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. Вышинский — Двадцать лет советского государства	3
М. Шифман — Октябрьская революция и крестьянство	15
В. Лебединский — Что дала советская власть крестьянству за 20 лет революции	24
М. Строгович — Развитие пролетарского демократизма в советском правосудии	28
С. Голунский — Прокуратура социалистического государства	31
М. Рагинский и Тарасов-Родионов — Предварительное следствие за 20 лет	36
Н. Александров — Двадцать лет советского трудового права	42
Н. Хавин — Советская исправительно-трудовая политика за 20 лет	48
Н. Полянский — Общественное обвинение в советском законодательстве	57
А. Тагер — Советская адвокатура за 20 лет	73
Г. Леплевский — О состоянии преступности в СССР	83
А. Герцензон — Двадцать лет социалистического уголовного законодательства	85
А. Брусиловский — Принцип гласности в Уголовном процессе	109
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	119
А. Г. — Современные капиталистические тюрьмы в цифрах	127
Сводка важнейших постановлений правительства	128

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

1937 12

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ДЕКАБРЬ 1937 г. 12

Редакция:

Москва, Пушкинская, д. 15а

12 декабря

12 декабря 1937 года — день выборов в Верховный Совет СССР — войдет в историю как один из самых замечательных дней в борьбе трудящихся за социализм.

12 декабря 1937 года—это день, когда великий советский народ выразит свою державную волю, выбрав свой новый верховный законодательный орган, Верховный Совет Союза ССР.

Необычайный подъем, сверкающий огнем советского патриотизма и социалистического энтузиазма, охватил многомиллионные массы нашего народа, выдвигающего в депутаты Верховного Совета СССР лучших людей страны во главе с великим вождем и организатором наших социалистических побед, гениальным продолжателем великого дела Маркса — Энгельса — Ленина, величайшим из учителей трудящегося человечества Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Избирательная кампания по выборам в Верховный Совет СССР вступает в свою решающую стадию. Все более и более крепнет моральное и политическое единство рабочих, крестьян и интеллигенции нашей страны, слившихся в одном, невиданном еще порыве любви и преданности своей родине, к своей партии, своему подлинно народному правительству, своему великому учителю товарищу Сталину.

Двадцать лет Октябрьской социалистической революции превратили нашу страну в самую могучую и передовую социалистическую державу. За эти годы выросла гигантская социалистическая индустрия, выросла новая, колхозная деревня, выросла новая, советская культура и новые замечательные люди великой Сталинской эпохи, изменился весь облик нашей страны.

Об этом лучше и красноречивее всего говорит состав кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, выдвинутых нашим народом, блещущихся цветом нового, советского социалистического общества. В этом нашла свое отражение черта, отличающая страну Советов от всех стран мира, новую Сталинскую Конституцию от всех конституций других стран, выборы в Верховный Совет СССР от выборов в самый «передовой» и «демократический» парламент мира.

В августе 1918 года в «Письме к американским рабочим» Ленин писал: «... Новый мир, мир социализма, — вот что встает перед нами в своем очертании, как Советская Республика. И неудивительно, что этот мир не рождается готовым, не выходит сразу, как Минерва из головы Юпитера»[1].

Двадцать лет советской власти — это великое двадцатилетие борьбы и героических трудов, создавших новый мир, мир социализма, новое общество самого последовательного демократизма.

Двадцать лет назад рабочие и крестьяне свергли власть помещиков и капиталистов в стране, изнемогавшей под игом эксплоататоров, истекавшей кровью в войне, навязанной ей хищниками империализма.

Первые слова нового рабоче-крестьянского правительства были — о мире, о земле, о социализме.

«Отныне наступает, — говорил Ленин в исторический день 7 ноября 1917 года на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, — новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма...»[2].

С тех пор прошло двадцать лет — срок ничтожный в масштабах истории человечества. Но этот срок оказался достаточным, чтобы смести до основания старое, буржуазно-помещичье государство дворян, купцов и фабрикантов и на его месте построить новое, социалистическое государство рабочих и крестьян.

Двадцатилетний путь Великой социалистической революции трудящиеся массы нашей страны прошли под руководством партии большевиков в жестоких и упорных боях со своими классовыми врагами.

Все силы старого мира ополчились против молодой советской республики. Капиталисты и помещики, банкиры и биржевики, генералы и юнкера, попы и монахи, меньшевики и эсеры, анархисты и обыкновенные бандиты — все, кто пылал лютой ненавистью к социализму, объединились в непримиримой борьбе против советской власти, сбросившей иго эксплоататоров. На сторону врага то и дело перебегали изменники, подлые трусы и предатели, штрейкбрехеры социалистической революции.

Рабочий класс и трудящееся крестьянство

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 187—188.

[2] Ленин, т. XXII, стр. 4.

нашей страны с презрением выбросили на мусорную свалку истории отжившие, разгромленные и пущенные ко дну эксплоататорские классы со всей их подлой челядью, со всем их охвостьем из эсеров, меньшевиков, троцкистов, бухаринцев и т. д.

Несмотря на все трудности, которые нагромоздила история на пути нашей социалистической революции, советская власть победила. В огне и буре гражданской войны рабочие и крестьяне обучались искусству бороться и побеждать своих врагов. Чем ожесточеннее сопротивлялись Великой социалистической революции эксплоататорские классы, тем беспощаднее, тем более метко обрушивал рабочий класс на их головы свои удары.

Ленин с первых же шагов революции предвидел не только неизбежность жестокого и при том все возрастающего сопротивления делу социализма со стороны эксплоататорских классов, но и указал рабочему классу, как и какими методами научиться побеждать врага.

Полный глубокой и непоколебимой веры в торжество социалистической революции Ленин говорил: «Победа будет на стороне эксплуатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья», рабочих и крестьян. За ними победа»[1].

Вещие, пророческие слова! Победа осталась за нами. Победа социализма, закрепленная навечно в великой Сталинской Конституции.

В своем историческом докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов о проекте новой Конституции товарищ Сталин говорил: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм (продолжительные аплодисменты). Основным принципом этой фазы коммунизма является, как известно, формула: «от каждого по его способностям, каждому по его труду». Должна ли наша Конституция отразить этот факт, факт завоевания социализма? Должна ли она базироваться на этом завоевании? Безусловно должна. Должна, так как социализм для СССР есть то, что уже добыто и завоевано»[2].

Сталинская Конституция — первая в мире Конституция победившего социализма. В этом ее гигантское всемирно-историческое значение. Просто и сжато, почти в протокольном стиле записаны в ней величайшие победы социализма, ставшие незыблемыми основами жизни нашего общества.

В нашей стране на долю общественной, социалистической собственности приходится 98,7% всех производственных фондов в СССР. Всенародная (государственная) собственность охватывает 90% этих фондов. Личная собственность колхозников, исключающая эксплоатацию чужого труда и являющаяся подсобным элементом к социалистической колхозной собственности, — 1,1%; мелкая частная собственность единоличника-крестьянина и кустаря, основанная на личном труде и являющаяся основным источником его существования, — 0,2%.

Удельный вес социалистического хозяйства во всем народном доходе составляет 99,1%, в валовой продукции промышленности — 99,8%, а в валовой продукции сельского хозяйства — 97,7%, в розничном обороте торговые предприятия социалистической системы охватывают все 100%.

Эта краткая справка может служить убедительнейшей иллюстрацией к словам, сказанным товарищем Сталиным в докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов: «Главную основу проекта новой Конституции СССР составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные; социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; ликвидация эксплоатации и эксплоататорских классов; ликвидация нищеты большинства и роскоши меньшинства; ликвидация безработицы; труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: «кто не работает, тот не ест»; право на труд, то есть право каждого гражданина на получение гарантированной работы; право на отдых; право на образование; и т. д. и т. п. Проект новой Конституции опирается на эти и подобные им устои социализма. Он их отражает, он их закрепляет в законодательном порядке»[1].

В этих словах товарища Сталина выражена основная особенность новой Конституции СССР — конституции окончательно и бесповоротно победившего социализма. Новая Конституция исходит из отсутствия в СССР антагонистических классов, из факта наличия в советском обществе только двух дружественных друг другу классов — рабочих и крестьян, из того факта, что вся власть в СССР принадлежит именно этим классам, что «государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу, как передовому классу общества»[2].

Сталинская Конституция закрепляет общественные порядки, угодные и выгодные трудящимся. В этом заключается одна из величайших исторических особенностей нашей Конституции, принципиальное отличие нашей Конституции от конституций капиталистических стран, закрепляющих порядки, выгодные и угодные буржуазии.

Первая Конституция РСФСР 1918 г. и первая Конституция СССР 1924 г. закрепили в законодательном порядке участие трудящихся в управлении государством. Уже в этих конституциях нашел свое воплощение великий принцип ленинизма — союз рабочих и крестьян, великий принцип ленинско-сталинской национальной политики — братский союз всех национальностей СССР в борьбе за социализм. Уже первые наши конституции обеспечили расцвет неиссякаемой творческой энергии трудящихся масс. Они заложили основу для исторических сталинских пятилеток, обеспечивших окончательную победу социализма в нашей стране.

---

[1] Ленин, том XXII, стр. 157.

[2] Сталин, О проекте Конституции Союза ССР.

[1] Сталин, О проекте Конституции СССР.

[2] Там же.

В основу Конституции 1918 года легла созданная Лениным и Сталиным «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа». Эта «Декларация» подтверждала переход всей власти в центре и на местах к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и говорила о Советской Российской республике как о союзе свободных наций, как о федерации советских республик. Другим важнейшим источником первой Конституции является постановление III всероссийского съезда советов «О федеральных учреждениях Российской республики», принятое по докладу товарища Сталина о федеративном устройстве республики.

В этой связи необходимо особо отметить ту исключительную роль, какую сыграл в создании первой советской Конституции творец Конституции 1936 года — товарищ Сталин. С именем товарища Сталина связана не только нынешняя наша Конституция, но и ее славные предшественницы. Именно товарищ Сталин дал исторические тезисы «О типе федерации Российской социалистической республики» (12 апреля 1918 года). Именно товарищ Сталин предложил восемнадцать лет назад свой проект «Общих положений Конституции Российской социалистической федеративной республики» (19 апреля 1919 г.), изложив здесь основную характеристику задач и принципов советского государства. Этот сталинский проект «Общих положений» целиком вошел во второй раздел Конституции РСФСР 1918 года.

На I съезде советов СССР 30 декабря 1922 г. товарищ Сталин огласил проект «Декларации об образовании Союза советских социалистических республик» и «Договор об образовании Союза советских социалистических республик».

Декларация об образовании Союза советских социалистических республик подчеркивала невозможность восстановления народного хозяйства республик при их раздельном существовании, ибо «разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточным отдельные усилия отдельных республик по хозяйственному строительству». Декларация указывала на настоятельную необходимость создания прочного Союза советских республик перед лицом капиталистического окружения.

День образования Союза ССР товарищ Сталин в своем докладе назвал «днем торжества новой России над старой, над Россией — жандармом Европы, над Россией — палачом Азии».

**
*

В Сталинской Конституции проведен со всей ...ключительной последовательностью и до кон... принцип советского, социалистического де...ратизма. Буржуазные филистеры из всех ... выбиваются, чтобы доказать несовмести...ть пролетарской диктатуры и пролетарской ...кратии. Они всячески замалчивали ту ис..., что подлинная демократия только и воз...жна в условиях победы рабочего класса, в ...ультате установления диктатуры рабочего ...са.

1918 году в статье «О «демократии» и ...татуре» Ленин писал: «Только диктатура ...летариата в состоянии освободить челове...ство от гнета капитала, от лжи, фальши, лицемерия буржуазной демократии, этой демократии для б о г а т ы х, в состоянии установить демократию д л я б е д н ы х, т. е. сделать блага демократии доступными фактически для рабочих и беднейших крестьян, тогда как теперь (даже и при самой демократической — буржуазной — республике) эти блага демократии фактически недоступны громадному большинству трудящихся»[1].

Только советская власть создает условия для демократии, которая служит массам, решающим свою собственную судьбу. Только при советском строе возможно такое гигантское расширение демократии, которое превращает ее в демократию для всех честных тружеников.

Основное отличие социалистической демократии от «демократии угнетательской» (Ленин), т. е. буржуазной состоит именно в том, что социалистическая демократия обеспечивает подлинное участие самых широких народных масс во всех сферах государственного управления.

Сталинская Конституция небывалым расцветом социалистического демократизма гигантски расширила базу диктатуры рабочего класса, умножила ее мощь и силу, ее авторитет среди самых широких масс трудящихся.

Товарищ Сталин в своем докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов подчеркнул, что демократия в СССР — «есть демократия для трудящихся, т. е. демократия для всех».

Такой исключительный расцвет советского, т. е. подлинного демократизма оказался возможным лишь на основе блестящих социалистических побед, окончательно и бесповоротно закрепивших в нашей стране победу социалистического общества.

**
*

Празднично и торжественно готовится наш народ ко дню 12 декабря 1937 года.

Каждый гражданин СССР ждет этого великого дня, как великого праздника.

В этот день одна мысль, одно желание объединит всех подлинных патриотов нашего отечества, всех честных людей нашей страны, партийных и беспартийных большевиков, это — мысль, это — желание отдать свои голоса за вдохновителя и организатора, основоположника и творца самой демократической в мире Конституции, за великого Сталина.

Пусть имя товарища Сталина значится в бюллетенях только одного избирательного округа, счастливейшего из всех избирательных округов — Сталинского избирательного округа, — каждый избиратель, каждый гражданин СССР, голосуя в своих избирательных округах за верных сподвижников, соратников великого Сталина, за лучших людей нашей страны, одновременно голосует за великого Сталина, воспитавшего новых строителей социалистического общества, вдохновляющего миллионы и миллионы трудящихся на борьбу, ведущего наш народ от одной победы к другой.

Вместе со всем народом в этот незабываемый торжественный день мы восклицаем: «Да здравствует Великая Сталинская Конституция, да здравствует великий вдохновитель Новой Конституции, наш любимый вождь и учитель товарищ Сталин!».

---

[1] Л е н и н, т. XXIII, стр. 442.

К 20-летию Октябрьской революции

Доклад В. М. Молотова на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 г.

I. ЗНАЧЕНИЕ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Товарищи!

Сегодня трудящиеся Советского Союза с сознанием великой гордости празднуют двадцатилетие Октябрьской революции. (Бурные аплодисменты.)

Те из нас, кто начал свою сознательную жизнь до 1917 года, представляют по собственному опыту вызванные Октябрьской революцией коренные изменения в нашей жизни. Поколение, выросшее в последние двадцать лет, участвовало в окончательном разгроме сил старой, буржуазно-помещичьей России и в создании нового, социалистического строя. В эти дни во всех наших городах и деревнях, в каждом живом уголке страны, мысли трудящихся прикованы к событиям великого двадцатилетия социалистической революции, к ее славным завоеваниям и к раскрывшемуся перед нами светлому будущему.

Не только рабочие и крестьяне Советского Союза, но также трудящиеся капиталистических стран и колоний переживают в эти дни радостное чувство по случаю победы Октябрьской революции. (Бурные аплодисменты.) В неуклонном росте сил Советского Союза, в происходящем на их глазах расцвете этих сил, они видят, чего могут достигнуть трудящиеся, овладев государственной властью. Что бы ни делали наши враги, враги Октябрьской революции, что бы они ни выдумывали для умаления ее значения, правда о нашей революции, — безыскусная, неприкрашенная правда о Советском Союзе, — проникает всюду, проникает далеко за пределы СССР и завоевывает на свою сторону все сознательное, все способное к борьбе против капитализма (Бурные аплодисменты.)

Великая сила и международное значение Октябрьской революции заключаются в том, что она осуществила сокровенные мечты трудящихся об освобождении от гнета эксплоататоров и от рабского труда у капиталистов и помещиков. Она осуществила то, о чем мечтали лучшие люди человечества на протяжении многих, многих веков.

Прошло не одно тысячелетие до так называемой «новой эры». Прошло еще свыше 1900 лет «новой эры», когда, наконец, нашлась сила, нашлась революционная организация, которая повела трудящихся в бой против капитала, против власти буржуазии и помещиков. В 1917 году рабочие вместе с крестьянами разгромили своих угнетателей, захватив власть в свои руки, установив диктатуру пролетариата в нашей стране.

Ускорила социалистическую революцию первая всемирная империалистическая война. Она довела до отчаяния рабочих и народные массы не только России. Однако наиболее слабым звеном мирового капитализма оказалась в это время старая, царская, буржуазно-помещичья Россия. С другой стороны, наиболее революционным классом во всем мире оказался рабочий класс нашей страны, создавший большевистскую партию под руководством великого Ленина. (Аплодисменты.)

Затянувшаяся империалистическая война сначала привела к гибели царизма. Она настолько истощила силы России, что государству стал угрожать полный крах, развал. Весь народ требовал мира, передышки. Стоявшие же у власти кадеты, эсеры и меньшевики, которых поддерживали российская буржуазия и англо-французские империалисты, вопили о продолжении войны «во что бы то ни стало». Эта власть хотела сохранить капитализм и господствующее положение буржуазных классов. Она не считалась с тем, что многомиллионная масса крестьянства свергала царизм для того, чтобы обеспечить переход помещичьей земли в свои руки. Вместо передачи земли крестьянам кадетско-эсеровско-меньшевистская власть кормила их пустыми обещаниями. Положение рабочих и других трудовых слоев города ухудшалось с каждым днем, а правительство Керенского все больше обнаруживало свою полную неспособность изменить положение. Вопрос о свержении буржуазной власти встал ребром. Тогда большевистская партия обратилась к рабочим и крестьянской бедноте с призывом встать на путь революции, которая, по выражению Ленина,

> «даст победу над эксплуататорами, даст землю крестьянам, даст мир народам, откроет верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата».

Так определял Ленин цели революции перед Октябрьским восстанием. Эти цели делали нашу революцию непохожей на другие революции.

В силу всей внутренней и внешней обстановки Октябрьская революция приобрела особый характер, отличный от других революций. Подводя первые итоги Октябрьской революции на Всероссийском съезде Советов в январе 1918 года, Ленин говорил:

> «Все великие революции стремились всегда смести до основания старый капиталистический строй, стремились не только завоевать политические права, но и вырвать самое управление государством из рук господствовавших классов, всяких эксплуататоров и угнетателей трудящихся, чтобы раз-на-всегда положить предел всякой эксплуатации и всякому угнетению. Великие революции именно и стремились сломить этот старый эксплуататорский государственный аппарат, но до сих пор это не удавалось завершить до конца. И вот Россия, в силу особенностей своего хозяйственного и политического положения, теперь первая достигла этого перехода государственного правления в руки самих трудящихся. Теперь мы, на расчищенном от исторического хлама пути, будем строить мощное, светлое здание социалистического общества, создается новый, невиданный в истории, тип государственной

власти, волей революции призванной очистить землю от всякой эксплуатации, насилия и рабства». (Взрыв аплодисментов.)

В этих словах Лениным указано решающее отличие нашей революции от всех других революций.

Все другие революции, даже в лучшем случае, дальше некоторого расширения политических прав и временного облегчения положения трудящихся не шли, если исключить Парижскую Коммуну с ее кратковременным успехом, когда власть находилась в руках трудящихся. Все эти революции оставляли власть в руках эксплоататоров и угнетателей трудящихся. Одних эксплоататоров сменяли у власти другие, но привилегированные классы не лишались своего господствующего положения. При всех этих революциях буржуазии удавалось сохранять свою, буржуазную, диктатуру, свою власть.

Все это не могло не привести к известному разочарованию трудящихся, участвовавших в буржуазных революциях. Трудящиеся участвовали в этих революциях со своими целями, со своими стремлениями и надеждами освободиться, наконец, от гнета власть имущих классов. Но все буржуазные революции приводили к тому, что эти стремления и надежды разбивались о сопротивление эксплоататорских классов, сохранявших власть за собой. Все эти революции кончались тем, что народ чувствовал себя неудовлетворенным, не достигнувшим цели. Это порождало в массах разочарование в революции, недоверие трудящихся к своим силам, что было на-руку угнетательским классам.

В октябре 1917 года произошел всемирно-исторический поворот от прежних революций, от революций буржуазного типа к революции нового, социалистического, типа. Впервые в истории власть эксплоататоров была свергнута, победила диктатура рабочего класса, государственное управление перешло в руки трудящихся. Из рабов, из угнетенных, из эксплоатируемых трудящиеся превратились в свободных людей и в полных хозяев своей судьбы. Рабочие и трудящиеся крестьяне, став у власти, впервые получили возможность устроить жизнь так, как они сами хотят. Решив коренной вопрос, вопрос о власти, рабочий класс вместе с крестьянством начал новую жизнь, приступил к строительству «светлого здания социалистического общества».

С победой Октябрьской революции сбылись мечты трудящихся и всех лучших представителей человечества. С этого времени началось соревнование двух миров, основанных на противоположных принципах, соревнование нового общества со старым, соревнование социализма с капитализмом. К этому соревнованию приковано внимание во всех странах.

Основой старого общества была частная собственность, когда все средства производства принадлежали капиталистам, богачам. На этом держалась власть капиталистов, на могуществе капитала. Советская власть ликвидировала капиталистическую систему хозяйства и отменила частную собственность на орудия и средства производства, установив социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность. Средства и орудия производства стали принадлежать либо социалистическому государству, либо нашим, социалистическим колхозам и кооперации. В том и другом случае они стали служить не интересам наживы отдельных лиц за счет других, а интересам народа, интересам трудящихся. Это не маленькое изменение, а коренное переустройство общества, коренная переделка его экономической основы.

Отмена частной собственности на землю, отмена частной собственности на фабрики и заводы, отмена частной собственности на железные дороги и жилые дома в городах и другие меры такого рода привели к полной ликвидации капиталистических классов и всех паразитических, нетрудовых элементов в нашей стране. У нас не стало ни капиталистов, ни помещиков, ни кулаков, ни купцов, ни других захребетников народа. Наши законы не стали допускать их существования и нового появления каких-либо паразитов. Наш общественный строй основан на дружественных отношениях рабочих и крестьян, которые через советы трудящихся управляют страной и строят свою новую жизнь.

Не в этом ли и заключались основные цели Октябрьской революции? Безусловно, в этом. Значит, рабочий класс вместе с трудящимися крестьянами, взяв власть в свои руки, действительно воспользовался ею, чтобы осуществить основные цели Октябрьской революции. С какими громадными успехами осуществлялись эти цели, что уже нами завоевано, а теперь уже и записано в нашем основном законе,—обо всем этом простыми, но огненно-яркими словами говорит принятая Советским Союзом Сталинская Конституция. (Аплодисменты.) Сталинская Конституция говорит о победоносном успехе Октябрьской революции, о том, что наша революция на деле добилась основной своей цели и расчистила себе путь к новым великим завоеваниям.

Отсюда рост международного значения Октябрьской революции и созданного ею нового строя.

Основой нового строя является участие трудящихся масс в государственном управлении. Без этого ни о каких успехах советской власти не могло бы быть и речи. Только благодаря тому, что в нашей стране победила диктатура пролетариата и осуществлен демократизм высшего типа, демократизм социалистический, открывающий неограниченные возможности для участия всех трудящихся в государственном управлении, только благодаря этому существует и неуклонно крепнет советское государство. (Аплодисменты.)

Этот демократизм не похож на демократизм буржуазных государств. Кто этого не понял, тот — не социалист, не пролетарский революционер, тот не может быть сознательным сторонником освобождения трудящихся от гнета капитала.

В буржуазных государствах демократического типа провозглашают формальное равенство прав граждан, но одни из них как были, так и остаются эксплоатируемыми и угнетенными, а другие—эксплоататорами и угнетателями своего народа! Даже в самой демократической буржуазной стране демократия для трудящихся ограничена узкими рамками и

терпится лишь постольку, поскольку это не нарушает господствующего положения эксплоататорских классов. В буржуазных странах демократизм используется господами положения в своих интересах, а всякое расширение политических прав трудящихся натыкается на упорное сопротивление.

Наш строй основан на другом. Наш строй становится тем крепче, чем активнее и всестороннее трудящиеся участвуют в государственном управлении.

Сталинская Конституция дала новое доказательство тому, что мы стоим на почве всестороннего развития демократизма трудящихся, что мы идем по пути всемерного усиления участия трудящихся в делах государства и во всей нашей общественной жизни. Демократизм нашего строя характеризуется не только устранением всяких ограничений в избирательных правах для всех граждан Советского Союза, не только полным равноправием женщины с мужчиной, не только полным равноправием всех народов СССР и усиленной государственной помощью отсталым национальностям. Демократизм нашего строя характеризуется, кроме того, тем, что наша Конституция говорит о таких правах трудящихся, как право на труд, право на отдых, право на бесплатное образование, вплоть до высшего для всех трудящихся. (Аплодисменты.) Ни о чем подобном не знают конституции буржуазных государств, включая и самые демократические из них. О таких правах трудящихся говорит только Сталинская Конституция, Конституция победившего социализма, Конституция социалистического демократизма. (Аплодисменты.)

Посмотрите не только на Конституцию. Возьмите простые факты. Возьмите такой факт, как общественное отношение к простым людям труда, хотя бы к тем, кого мы называем стахановцами фабрик, заводов, колхозов. В нашей стране простые рабочие и работницы, простые колхозники и колхозницы, давшие хорошие образцы работы на производстве, получают всеобщую известность и почет. В какой стране возможно, чтобы вчера еще никому не известные стахановцы из простых рабочих и крестьян, только потому, что они дали хорошие образцы труда на фабрике или в другом, общественном хозяйстве, становятся известнейшими именами и любимцами народа? (Аплодисменты.) Разве что-нибудь подобное возможно в буржуазных странах, где самим трудом рабочего собственно никто не интересуется, а хозяин, на которого работает рабочий, интересуется только одним — прибылью, получаемой от этого труда.

Ни в одной буржуазной стране невозможно представить такого положения, чтобы простые люди труда, за свою хорошую работу, стали известны всему народу. А у нас это вошло в обыкновение. Всем нам известно, что это происходит не в ущерб людям науки и искусства, не в ущерб строителям хозяйства и культуры. Выдающиеся представители всех отраслей нашего строительства и всех видов творческой деятельности, вся наша трудовая интеллигенция, окружены вниманием общества и активной поддержкой государства! Работая для народа, честно руководя той или иной отраслью дела, наши руководители «имеют все основания пользоваться доверием и любовью народа», как указал на это товарищ Сталин. (Аплодисменты.) Такой строй, где трудящиеся стоят у власти и где человеку труда принадлежит почетное место в обществе, не может не привлекать сочувствия трудящихся всех стран. Международное значение нового советского строя растет на наших глазах.

Дальше. Известна также роль советского государства в международных отношениях. Основанный на великой дружбе народов СССР занимает особое положение среди других государств в крупнейших международных событиях.

Достаточно сказать о позиции Советского Союза по отношению к борющемуся за свои демократические права и свободу испанскому народу. Советский Союз не только не прятал своего сочувственного отношения к республиканской Испании, но открыто заявил, что считает дело Испанской демократической республики близким себе делом, делом всего прогрессивного человечества. (Аплодисменты. Возглас: «Виват камрад Сталин!» Бурные аплодисменты. Возгласы: «Да здравствует республиканская Испания! Ура!») Насколько же далеки от этой честной позиции поддержки испанской демократии правительства тех государств, которые, однако, не прочь выдавать себя за демократические страны.

Или возьмите события в Китае. Свое сочувствие китайскому народу и отношение к японской агрессии Советский Союз выразил уже заключением советско-китайского пакта о ненападении. (Аплодисменты.) Но еще не известно ни одного шага, который бы сделали другие государства для противодействия неслыханной агрессии против китайского народа. И здесь Советский Союз выделяется из хора держав своей особой позицией, своим честным отношением и искренними симпатиями к народу, подвергшемуся иностранной агрессии. (Аплодисменты.)

Международная политика Советского Союза была неизменной за все эти годы. Более верного и последовательного сторонника мира никто не укажет. Будет правильно, если сказать, что в последовательном проведении политики мира и в стремлении к укреплению мирных международных отношений находит свое выражение уверенность нашей страны в своих силах. (Аплодисменты.) У нас идет неуклонный рост народного хозяйства, неуклонный подъем культурного строительства и у нас нет никакой нужды во внешних авантюрах. Пусть этим занимаются другие, если уж у них так горит под ногами. (Смех, аплодисменты.) Но не скрою, мы заботимся о Красной Армии и ее мощи (бурные аплодисменты) и не забываем о возможности авантюр, особенно со стороны фашистов.

Но самое важное, в чем сказывается сейчас международное значение СССР, это особое политическое влияние Советского Союза на умы и настроения трудящихся других стран.

Если прежние революции порождали у трудящихся разочарование в революционной борьбе, порождали неверие в свои силы, то наша революция и ее славное двадцатилетие имеют другое, прямо обратное влияние. Теперь уже не нужно доказывать, что трудящиеся

могут обойтись без капиталистов и помещиков, что власть трудящихся самая великая сила в наше время. (Аплодисменты.) Сомневавшиеся в этом могут теперь своими руками пощупать новый строй и его завоевания под властью советов. Найдена жизненная форма власти трудящихся, раскрыто и ее социалистическое содержание. Много сделали буржуазные революции для того, чтобы подорвать доверие в свои силы у трудящихся. Но, спросим мы, разве мало сделала Октябрьская революция и наш советский строй для того, чтобы разбить это недоверие и поднять дух трудящихся во всем мире?

Могло иногда казаться, что у трудящихся мало сил, что этих сил нехватит для того, чтобы вырваться из плена капитализма. Буржуазия все сделала для того, чтобы привить такого рода предрассудки, чтобы привить это неверие в свои силы и для этого набрала себе в услужение всякого рода «социалистов» с фальшиво-социалистическим билетом в кармане. Между тем дело, конечно, не в недостатке сил у трудящихся. Дело только в недостатке организованности масс, а главное — в недостатке классовой сознательности.

Советский Союз с его великими социалистическими завоеваниями бьет по всем этим предрассудкам, внушая веру в свои силы рабочим и крестьянским массам. Не будем заниматься пророчествами, а напомним лишь один факт. Много ли было людей в нашей стране, уверенных в победе Октября, хотя бы всего за несколько месяцев до октябрьского восстания? Не так уж много. Положение с тех пор сильно изменилось. Нечего и говорить о том, что победа социализма в СССР подрывает корни неверия в свои силы среди трудящихся всего мира. Она во многих отношениях облегчает положение трудящихся, мечтающих об освобождении от капиталистического гнета. Нельзя сомневаться, что эта мысль быстро зреет среди трудящихся многих стран. Недоверие трудящихся к своим силам будет теперь исчезать все быстрее и быстрее. Вспомним же, как Ленин учил нас еще в предоктябрьские дни, что «самое главное внушить угнетенным и трудящимся доверие в свои силы».

На опыте двух десятилетий Октябрьской революции миллионы рабочих и крестьян научились многому новому, начали по-другому относиться к своим силам, стали расставаться с предрассудками недоверия в возможность своей победы — в этом главное, и действительно международное, значение нашей победы.

II. СОРЕВНОВАНИЕ С КАПИТАЛИЗМОМ

Чтобы понять успехи социализма в нашей стране, надо сравнить Советский Союз наших дней с дореволюционной Россией. Чем была наша страна и чем она стала?

В дореволюционной России у власти стояли капиталисты и помещики во главе с царем, которого в народе звали «первым помещиком России». Россия была отсталой страной, по преимуществу земледельческой. Промышленность была развита слабо и во многом отставала от промышленности других государств. Ленин сказал о тогдашней России, что она была «невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки». Особенно отставала тяжелая промышленность, которая дает такую нужную продукцию, как уголь, нефть, руду, железо, машины, химические продукты. Богатейшие недра земли разрабатывались плохо. И при всем этом в крупнейших отраслях промышленности главными хозяевами были не русские, а иностранные капиталисты. Оборудование для своих фабрик и заводов в большинстве случаев закупалось за границей. Во всем сказывалась промышленная отсталость страны.

В деревне полностью господствовали помещики и кулаки, урядники и земские начальники. Говоря словами Ленина, мы имели следующее:

> «Около 70 миллионов десятин земли у 30.000 крупнейших помещиков и приблизительно столько же у 10 миллионов крестьянских дворов — таков основной фон картины».

Несколько миллионов крестьян оставалось вовсе без земли и без посева. Большинство крестьян страдало от малоземелья. Две трети деревни состояли из голодной бедноты. Подавляющая масса бедноты и середняков обрабатывала клочки своей и арендованной у помещика земли стародедовскими способами при помощи сохи. Во многих местах в деревне была распространена барщинная система, т. е. обработка помещичьей земли крестьянами их же скудным инвентарем.

Октябрьская революция произошла на четвертый год империалистической войны, которая разорила народное хозяйство и довела тягость положения народных масс до крайности. К этому вскоре добавились новые бедствия, так как помещики и капиталисты, при поддержке иностранных интервентов, навязали нам длительную гражданскую войну, которая тоже отняла три с лишним года. Гражданская война потребовала от нас громадных жертв. К концу гражданской войны упадок промышленности, железных дорог и сельского хозяйства дошел до последнего предела. Сельское хозяйство давало каких-нибудь две трети довоенной продукции. Промышленность упала еще ниже и давала в 1920 году меньше одной шестой от довоенной продукции.

При такой разрухе советская власть приступила к восстановлению народного хозяйства, к подъему сельского хозяйства и промышленности, транспорта и торговли. Казалось, нужны будут долгие годы. Враги большевиков злорадствовали. А что в конце концов вышло? Вышло так, что трудящиеся нашей страны победоносно справились с этой задачей в короткий срок.

Если продукция всей крупной промышленности (в ценах 1926/27 г.) составляла в 1913 г. 11 миллиардов рублей, а в 1920 году скатилась до 1,7 миллиарда рублей, то в текущем 1937 году она достигнет свыше 90 миллиардов рублей. Это значит, что против довоенного уровня промышленная продукция увеличилась уже больше чем в 8 раз. Добавьте к этому еще одно — указанного довоенного уровня промышленной продукции мы достигли только

в 1926 году. Таким образом, увеличение промышленной продукции больше чем в восемь раз против довоенного уровня произошло лишь за последние 11 лет. Во всех отраслях промышленности теперь развернута работа полным ходом. Во многих отраслях проведена коренная реконструкция на основе современной передовой техники. Ряд крупнейших промышленных отраслей создан заново: по машиностроению, химии, металлургии и т. д. Промышленность дореволюционной России стояла на пятом месте среди других стран, на четвертом — в Европе. Теперь только Соединенные Штаты Америки по валовой продукции промышленности стоят впереди СССР. Промышленность Советского Союза вышла на первое место в Европе. (Аплодисменты.)

В бытовых условиях рабочих произошла крутая перемена. Еще 10 лет тому назад мы насчитывали полтора миллиона безработных. Но вот уже несколько лет, как у нас нет безработицы, нет безработных. И это в то время, когда в Соединенных Штатах Америки 9—10 миллионов безработных, в Германии больше 3 миллионов безработных, в Англии — 2 миллиона безработных. К десятилетию Октябрьской революции советская власть провозгласила переход промышленных рабочих на семичасовой рабочий день, и это решение было проведено в жизнь, не говоря уже о том, что на подземных и некоторых других трудных работах у нас всегда был шестичасовой рабочий день. Ни в одной стране рабочие не могут при капитализме мечтать о таком коротком рабочем дне. Число занятых в промышленности рабочих и их заработная плата в нашей стране неуклонно растут. Еще в 1928 г. общий фонд заработной платы составлял немного больше 8 миллиардов рублей, а в текущем 1937 г. он составит свыше 80 миллиардов рублей, т. е. увеличился примерно в 10 раз. (Аплодисменты.)

Вы знаете о том, что в связи с двадцатой годовщиной Октябрьской революции опубликован декрет правительства о повышении заработной платы низкооплачиваемых рабочих, для чего специально ассигновано 100 миллионов рублей на последние 2 месяца этого года и 600 миллионов рублей на 1938 год. (Аплодисменты.) Между тем, во всех странах капитализма: и в Германии, и в Италии, и в Японии, и в Соединенных Штатах, и в Англии за последние годы произошло не увеличение, а снижение заработной платы рабочих.

Все это красноречиво говорит о том, что успехи роста промышленности Советского Союза, как и другие успехи социализма, ведут к коренному улучшению положения рабочих масс.

В нашем сельском хозяйстве произошла настоящая революция в технике и в организации дела. За последние несколько лет сельское хозяйство перестроилось, как крупное социалистическое хозяйство, на основе колхозов и совхозов. Окончательно победил колхозный строй. Машинотракторные станции обслуживают своими машинами все колхозы, за малым исключением. Количество тракторов в колхозном и совхозном хозяйстве достигло 450 тысяч, а мощность их составляет теперь больше 8 миллионов лошадиных сил. Комбайнов на полях уже свыше 120 тысяч. Кроме того, до 120 тысяч грузовых автомобилей работает в колхозах и совхозах.

Сверх тех земель, которые раньше находились в руках крестьян, советская власть передала крестьянам больше 150 миллионов гектар бывших помещичьих, казенных и монастырских земель. Растет урожайность колхозных и совхозных полей. В этом году мы собрали около 7 миллиардов пудов зерна (аплодисменты), чего еще наша страна никогда не знала. Значительно поднялась урожайность хлопка и свеклы. По всему сельскохозяйственному фронту идет борьба за повышение урожайности, за увеличение производительности сельскохозяйственного труда.

В дореволюционной России большинство крестьянства состояло из голодной бедноты. Еще 10 лет тому назад мы считали, что не меньше одной трети деревни составляет бедноту. Теперь у нас уже нет больше бедноты в деревне. Бедняки вместе со всей трудящейся деревней строят в колхозах новую, действительно зажиточную и действительно культурную, жизнь. (Аплодисменты.)

Забота советской власти о колхозном крестьянстве в этом году выразилась в ряде новых специальных мер. Не говоря уже о недавно опубликованных льготах для колхозников по сдаче молока государству, в этом году сильно понижены нормы сдачи государству по зернопоставкам и по натуроплате работы МТС. Это снижение норм достигает свыше 20 проц. против прошлого года. Списаны также ссуды по хлебу, оказанные государством колхозам в прошлые годы. Все эти льготы по зерну в одном только этом году составляют около 600 миллионов пудов, которые остались теперь у самих колхозов и колхозников. Что-то мы не слыхали, чтобы в капиталистических странах проявлялась такая же забота о благополучии крестьянства.

Пусть же крестьяне и рабочие сравнивают, на чьей стороне правда в соревновании, идущем между социализмом и капитализмом. Пусть рабочие и крестьяне делают из этого свои выводы. Должно быть, эти выводы будут не в пользу капитализма, но зато в пользу нашего строя. (Аплодисменты.)

Общее выражение хозяйственного роста Советского Союза мы видим в росте народного дохода страны. Известно, что в царской России девять десятых населения состояло из малоимущей и неимущей массы, в руки которой поступала примерно одна четверть народного дохода. Иначе говоря, десятая часть населения, состоящая из богатых людей, загребала в свои карманы остальные три четверти народного дохода. С тех пор положение круто изменилось. Теперь весь народный доход поступает в руки трудящихся, причем 99 процентов народного дохода поступает в руки рабочих, служащих и крестьян, занятых в социалистическом хозяйстве, и только одна сотая доходов приходится на долю трудящихся из единоличников и некооперированных кустарей. По сравнению с довоенным временем общий размер народного дохода увеличился в этом году в пять раз. Таковы факты, о которых нужно знать.

Несколько слов о культурном росте нашей страны.

Вот наиболее важные цифры. Общее число учащихся во всех учебных заведениях с 8 миллионов в 1914 году возросло до 38 миллионов в прошлом году. Увеличение, таким образом, в 4,7 раза. В таких республиках, как Узбекская, Таджикская, Туркменская, Киргизская, количество учащихся возросло в десятки раз. Начальной школой теперь охвачены все дети. Количество учащихся в средних школах возросло в 18 раз по сравнению с дореволюционным временем. Количество учащихся в высших учебных заведениях возросло почти в пять раз. Теперь в наших вузах обучается 540 тысяч студентов. Широко развернулись общеобразовательные школы взрослых, где учится около 9 миллионов человек. Сверх указанных 38 миллионов учащихся на различных специальных курсах для рабочих и колхозников обучалось 6,3 миллиона человек и в дошкольных учреждениях проходило подготовительное обучение 4,3 миллиона детей.

Количество газет, выпуск книг и их тиражи возросли во много раз. Особенно быстро растет тираж газет и издание книг на национальных языках. При советской власти начался настоящий расцвет национальных культур, находившихся раньше в тяжелом, забитом положении. О громадном подъеме культурного строительства говорит рост наших расходов на просвещение. За последние 10 лет расходы на просвещение, взятые в целом, увеличились в 33 раза. (Аплодисменты.) Они достигают в текущем 1937 году свыше 18 миллиардов рублей.

Пусть потягаются с этими фактами буржуазные страны. (Аплодисменты.) Ни одна из этих стран не может противопоставить этим цифрам сколько-нибудь заметного улучшения дела в области культуры, зато найдется немало таких, которые за последние 10—20 лет пошли не вперед, а назад в своем культурном строительстве.

На чем основаны эти успехи советского строя?

На том же, на чем основаны и все другие успехи Октябрьской революции. Они основаны, прежде всего, на правильной политике партии большевиков (аплодисменты), руководящей всем социалистическим строительством. Во всех успехах социализма, во всех наших победах мы видим всепобеждающую силу ленинизма. (Аплодисменты.) Мы победили верностью ленинизму! (Аплодисменты.) Этому учил и учит нас товарищ Сталин. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Партия Ленина—Сталина вела нас от победы к победе: в дни октябрьского восстания; в период, когда нужно было вырваться из огня империалистической бойни; в героические годы гражданской войны и вооруженного отпора интервентам; при переходе к нэпу, когда мы переходили, так сказать, на новые рельсы; при развертывании социалистической индустриализации страны; при переходе крестьянства на путь коллективизации; в годы окончательной победы социализма в нашей стране. Мы прошли через большие трудности и перенесли немало лишений. Мы должны были отбивать позицию за позицией, рассчитывая только на свои собственные силы. Путеводной звездой во всей нашей политике была ленинская идея укрепления пролетарской диктатуры на основе союза с крестьянством. Мы всегда помнили великий завет Ленина в 1921 году.

«10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора».

Мы потому с таким успехом проводили в жизнь эти ленинские заветы, что всем нашим делом, всей нашей работой руководил достойный продолжатель дела Ленина, которому принадлежит заслуга развития ленинских идей о социалистической революции, — наш Сталин (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин». «Ура!».)

Успехи нашего дела мы отвоевывали в боях с врагами революции, с врагами ленинизма.

Пробравшиеся в партию чужаки и всякие буржуазные перерожденцы, провокаторы и шпионы, вроде Троцкого, Рыкова, Бухарина вели ожесточенные атаки для того, чтобы сбить нас с правильной линии, чтобы привести партию к капитуляции перед трудностями первой пролетарской революции. Таковы были не только троцкисты, но и все эти правые, левацки, зиновьевцы, бухаринцы и другие антиленинские группки.

Прежде чем изгнать их метлой из большевистских рядов, нам пришлось в течение ряда лет вести громадную разъяснительную работу в партии и в рабочем классе, принимать не мало мер для охраны партийного единства и очистки наших рядов от всех этих агентов буржуазии. Революция показала, что в партию залезло не мало таких чужаков, а кое-кто из них был и прямо заслан в наши организации еще царской охранкой, а также иностранными разведками.

Перед нами стояла такая главная задача: сохранить союз рабочего класса с крестьянством, обеспечив при этом такие темпы подъема социалистической индустрии, являющейся ведущей силой всего социалистического строительства, чтобы в кратчайший срок вывести страну из глубокой отсталости, из отсталости экономической, из отсталости технической, из отсталости культурной и военной. Это прямо диктовала нам внутренняя и в особенности международная обстановка. Сегодня, в двадцатую годовщину Октябрьской революции, мы можем твердо, без хвастовства, сказать: в основном эту задачу мы успешно решили. (Аплодисменты.) В противном случае мы не имели бы теперь возможности сказать, что мы уже справились с установленным в свое время планом технической реконструкции в решающих отраслях народного хозяйства. У нас не было бы и победы колхозного строя, представляющей собою самое крупное завоевание второго десятилетия нашей революции.

Это не значит, однако, что вопрос о соревновании с капитализмом для нас уже решен. Этот вопрос не только не решен, — его и нельзя полностью решить без победы социализма в других странах.

Марксизм учит нас тому, что после свержения эксплоататоров классовая борьба не только не ослабляется, а, наоборот, при-

обретает гораздо более острые формы. Тем более это относится к первому государству, строящему социализм во враждебном капиталистическом окружении. Кажется, не трудно понять, что враждебные социализму силы в этом случае питаются всем этим внешним окружением и каждой капиталистической страной в отдельности.

Не только мы сравниваем свое развитие с положением в странах капитализма. Это делают и наши враги из лагеря империализма. Из этого сравнения мы делаем свои практические выводы, а они делают другие выводы, противоположные. Одно ясно: капитализм сам не сложит оружия перед успехами социализма в нашей стране. Эти успехи вызывают в лагере буржуазии бешеную злобу, переходящую в злобу отчаяния. Мы должны с этим считаться, как с фактом.

Теряя все новые и новые позиции в открытом, так сказать, в мирном соревновании с победоносным социализмом, буржуазия, и особенно ее фашистские громилы, пускаются на все и всякие подкопы, на все и всякие подлости из-за угла. Это наглядно видно на примере троцкизма, превратившегося уже давно в шпионо-троцкизм, в ораву шпионов, вредителей, провокаторов и террористов. Товарищ Сталин блестяще раскрыл сущность теперешнего троцкизма. Это не политическое течение, которое должно иметь свою программу и не прятать своего лица перед массами. Шпионо-троцкизм — это банда разведчиков, убийц и вредителей, с которой надо поступать так, как поступают со злейшими врагами народа. (Аплодисменты.) Всей этой дряни, сколько бы ее ни нанимали на службу иностранные разведки, мы, конечно, прижмем хвост...

В этом мы видим одно из условий, от которых зависит спокойная работа и успех нашего соревнования с капитализмом на главных фронтах.

Сегодня главное соревнование с капитализмом идет в хозяйственной области и потому главным критерием (мерилом) в этом соревновании является производительность труда. Мы и здесь помним ленинское указание, что «производительность труда — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя».

Мы не можем еще сказать, что в этом деле мы имеем достаточные успехи, хотя у нас есть заводы и фабрики, образцово справляющиеся со своим делом. В целом ряде важных отраслей промышленности мы еще отстаем от передовых по технике капиталистических стран, особенно от Америки. Мы еще во многом не сумели использовать опыта стахановцев для того, чтобы по-большевистски поднять на ноги заводы и фабрики, целые отрасли промышленности.

Но нельзя пройти мимо первых существенных успехов в этой области, особенно, когда мы сравниваем Советский Союз с другими странами. Вот уже 7—8 лет крупнейшие капиталистические страны, такие, как Америка, Германия, Англия, топчутся почти на одном месте по размерам годовой выработки на одного рабочего. Между тем за этот же период, т. е. с 1929 года, производительность труда рабочего в нашей промышленности увеличилась больше чем в два раза.

За один лишь 1936 год — первый год после начала стахановского движения — производительность труда в нашей крупной промышленности увеличилась на 21 процент. В нашей стране, где отсутствуют кризисы, нет препятствий к постоянному росту производительности труда. Напротив, только теперь мы можем сказать, что кадры рабочих на заводах, выстроенных в последние годы, уже прошли известный срок технической учебы и теперь могут дать настоящий подъем производительности труда. Эти ожидания вполне оправдаются, если наши хозяйственные, инженерно-технические и профсоюзные кадры по-настоящему поймут свои задачи, сломают тормозящие дело бюрократические препоны и возьмутся всерьез за организацию труда стахановцев.

Велики возможности и нашего сельского хозяйства. Теперь в колхозах не мало людей, хорошо освоивших не только трактор, но и комбайн. Достаточно сказать, что еще четыре года тому назад средне-годовая выработка комбайна в МТС была всего 70 гектар, тогда как уже в прошлом году она достигла 350 гектар, т. е. за 3 года увеличилась в пять раз.

Сделаем из всего этого практические выводы и, прежде всего, признаем, что у нас по-социалистически работает только тот завод, который дает хорошей продукции не меньше, а больше, чем такой же завод за пределами СССР. Наши кадры уже сделали большие успехи в овладении техникой. Эти успехи надо воплотить на фабриках и заводах в высокую производительность труда, достойную социалистического общества. Тогда будет решен исход борьбы на главном фронте соревнования с капитализмом.

По-большевистски развернуть борьбу за высокую производительность труда в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве — такова решающая задача.

III. О ПЕРСПЕКТИВАХ

С самого начала Октябрьской революции не только враги, но и многочисленные фальшивые «друзья» пророчили ей близкую гибель. Особенно часто пускался в ход такой довод, что пролетарская революция в России несвоевременна, что социализм не может победить в одной стране. Этому жалкому буржуазному предрассудку Ленин противопоставил научный, марксистский взгляд на социалистическую революцию, с учетом особенностей империализма. Еще в 1916 году Ленин, в статье «Военная программа пролетарской революции», писал:

> «Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными».

Это научно доказанное Лениным теоретическое положение полностью подтверждено и практически, подтверждено миллионами славных строителей социализма в нашей стране.

Мы живем в эпоху общего кризиса капитализма, когда противоречия в капиталистическом лагере уже достигли крайней остроты. Обострением этих противоречий была вызвана первая всемирная империалистическая война. Октябрьская революция знаменовала собой начало разрушения мирового капитализма, иначе говоря, начало международной пролетарской революции.

Итак, мировая революция уже началась. Но она началась не путем крушения сразу всей цепи, а путем распада отдельных звеньев капитализма. Первым таким звеном оказалась буржуазно-помещичья Россия, на смену которой пришло социалистическое государство.

С этих пор пролетарская революция, как самое передовое явление нашего времени, стала опорой всех действительно прогрессивных движений народных масс, хотя бы и не чисто коммунистических. В ней находят теперь опору и борьба за демократические права трудящихся против фашистов и борьба за национальную независимость слабых стран против империалистических агрессоров. Среди капиталистических стран уже нет таких, которые являлись бы надежной опорой прогресса. Прогрессивное делается все более чуждым одряхлевшему капитализму. Виднейшее место в защите интересов всего прогрессивного, в защите интересов культуры и национальной свободы принадлежит теперь первой социалистической революции. (Бурные аплодисменты.) Все прогрессивное, все честно-демократическое тянется в эту сторону, окончательно теряя надежды на капитализм. Так, ходом исторического развития капитализм идет к своему концу, уступая место нарастающей социалистической революции. (Бурные аплодисменты.)

В нашей стране социализм победил полностью в политической области еще в октябрьские дни 1917 года. Об окончательной победе социализма в экономике страны мы можем говорить со времени поворота крестьянских масс на путь колхозов, т. е. уже 7—8 лет. Об окончательной победе социализма в области культуры говорить еще рано. С этим связан тот факт, что у нас еще так много работы по изживанию пережитков капитализма в сознании людей. Их можно успешно изживать только широким подъемом социалистической культуры. Но зато каждый шаг по пути действительно социалистической культуры не только дает свои немедленные результаты, но и создает предпосылки перерастания социализма в коммунизм.

Разбирая значение стахановского движения, товарищ Сталин говорил о том, что «оно подготовляет условия для перехода от социализма к коммунизму». Товарищ Сталин так развивал эту мысль в той же речи:

«Разве не ясно, что стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим?».

Поэтому задача «подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда», вместе с подъемом культурности всей массы трудящихся, — та основная задача, от решения которой зависят главные наши успехи.

Коммунизм начал проникать в нашу жизнь со времени победы советской власти. С тех пор прошло 20 лет социалистической переделки страны. К чему же мы пришли? Каков общий итог?

Мы создали социалистическое общество, в котором нет места эксплоататорам, нет места эксплоатации. Создано общество нового, высшего типа. В отношениях между двумя классами нашего общества, между рабочими и крестьянами-колхозниками не только нет вражды и непримиримых противоречий, но, наоборот, происходит процесс сближения по условиям жизни, по культурному развитию, по их стремлению к коммунизму.

Наш народ живет по-новому, так как социализм проник во все поры нашего строя. Эта новая жизнь окрыляет трудящихся, рождает в них новые и новые силы. Из молодежи, из наших детей растет то поколение, которое с успехом справится с гигантскими и все растущими задачами социалистического общества.

Мы не можем сказать, что все народное уже стало социалистическим. Но на наших глазах действительно социалистическое становится народным, близким народным массам. С другой стороны, каждый может видеть, что трудящиеся массы нашей страны воспринимают как антинародное, как чуждое народу, все антикоммунистическое, будь то в практических делах или в научно-творческой области. У нас стало привычным, что врагов коммунистической партии и советской власти считают врагами народа. Начавшаяся же недавно политическая кампания по выборам в Верховный Совет превратилась в дело нового мощного сплочения трудящихся вокруг коммунистической партии и советской власти. (Аплодисменты.)

Что все это означает? Это означает, что в нашей стране создалось невиданное раньше внутреннее моральное и политическое единство народа. Моральное и политическое единство социалистического общества. (Аплодисменты.)

Такого единства народа не знала и не знает ни одна капиталистическая страна. Капиталистическое общество раздирается внутренними противоречиями. Там господствующее меньшинство, эксплоататорская верхушка всегда отделена и противостоит народу, противостоит эксплоатируемым массам. Буржуазия обыкновенно широко использовывает внешнюю опасность для скрепления своего строя. Но и этот кафтан трещит у нее в наше время по всем швам. У всех на глазах капитализм катится в пропасть.

Счастье нашей страны в том, что, не испугавшись трудностей, она вырвалась из капиталистического, гниющего общества. И вот двадцать лет, как мы идем своею новою дорогою, идем к коммунизму, сознавая, что на нашу долю выпало счастье проложить верный путь к светлой жизни всего человечества. Это подни-

мает сознание масс нашей страны и сплачивает трудящихся.

Моральное и политическое единство народных масс Советского Союза выковано в испытаниях героической борьбы с буржуазно-помещичьими классами и иностранными интервентами. Оно окрепло на основе союза рабочих и крестьян в деле подъема народного хозяйства. Но только после создания социалистического общества, в котором закрыты все двери для эксплоататоров и для всякой эксплоатации человека человеком, стало сказываться то новое морально-политическое единство народа, которое представляет величайшую силу. Такое моральное и политическое единство, проникнутое глубоким интернационализмом, окончательно сплотит в одно целое народы и народности Советского Союза. В нем будут видеть прообраз своего будущего и народы других стран.

Морально-политическое единство народа в нашей стране имеет и свое живое воплощение. У нас есть имя, которое стало символом побед социализма. Это имя вместе с тем символ морального и политического единства советского народа. Вы знаете, что это имя — Сталин! (Аплодисменты. Все встают. Возгласы: «Ура товарищу Сталину!».)

Говоря о наших перспективах, мы имеем в виду, прежде всего, мирное развитие нашей страны. Ну, а если мир будет нарушен, если собака сорвется с цепи и бросится на нас, на наш дом, что мы скажем на это? Мы ответим: пусть враг попробует испытать моральное и политическое единство социалистического общества! (Аплодисменты.)

В эти дни наши чувства и мысли лучше всего выразить простыми, понятными трудящимся всех стран словами:

Да здравствует Октябрьская революция!

Выше знамя Маркса — Энгельса — Ленина Сталина!

(Все встают. Бурные аплодисменты. Возгласы: «Ура товарищу Сталину!».).

Открытое письмо окружным избирательным комиссиям

Мы, нижеподписавшиеся, каждый в отдельности, получили телеграммы от различных заводов, колхозов и предвыборных совещаний избирателей различных областей и округов о выдвижении нас в качестве кандидатов в депутаты в Верховный Совет СССР по целому ряду избирательных округов.

Мы приносим свою глубокую благодарность за доверие всем товарищам-избирателям, выставившим наши кандидатуры.

Считаем, однако, нужным заявить, что так как по закону каждый из нас может баллотироваться только в одном из избирательных округов, то мы, как коммунисты и члены ЦК ВКП(б), обратились в ЦК ВКП(б) за указаниями. ЦК ВКП(б) дал нам указание снять свои кандидатуры с других округов и баллотироваться в следующих избирательных округах:

АНДРЕЕВ А. А. — в Совет Союза, Ашхабадский избирательный округ, Туркменская ССР.

БЛЮХЕР В. К. — в Совет Союза, Ворошиловский избирательный округ, Дальне-Восточный край.

БУЛГАНИН Н. А. — в Совет Национальностей, Московский городской избирательный округ, гор. Москва.

БУДЕННЫЙ С. М. — в Совет Союза, Шепетовский избирательный округ, Украинская ССР.

ВОРОШИЛОВ К. Е. — в Совет Союза, Минский городской избирательный округ, Белоруссия.

ЕЖОВ Н. И. — в Совет Союза, Горьковский — Ленинский избирательный округ, гор. Горький.

ЖДАНОВ А. А. — в Совет Союза, Володарский избирательный округ, гор. Ленинград.

КАГАНОВИЧ Л. М. — в Совет Союза, Ташкентский — Ленинский избирательный округ, Узбекская ССР.

КАЛИНИН М. И. — в Совет Национальностей, Ленинградский городской избирательный округ, гор. Ленинград.

КОСИОР С. В. — в Совет Союза, Ленинский избирательный округ, гор. Киев.

КОСАРЕВ А. В. — в Совет Союза, Орджоникидзевский избирательный округ, Украинская ССР.

КРУПСКАЯ Н. К. — в Совет Союза, Серпуховский избирательный округ, Московская область.

ЛИТВИНОВ М. М. — в Совет Союза, Петроградский избирательный округ, гор. Ленинград.

МОЛОТОВ В. М. — в Совет Союза, Молотовский избирательный округ, гор. Москва.

МИКОЯН А. И. — в Совет Национальностей, Ереванский — Сталинский избирательный округ, Армянская ССР.

МАНУИЛЬСКИЙ Д. З. — в Совет Союза, Акмолинский избирательный округ, Казахская ССР.

МЕХЛИС Л. З. — в Совет Союза, Кунцевский избирательный округ, Московская область.

ПЕТРОВСКИЙ Г. И. — в Совет Национальностей, Днепропетровский избирательный округ, Украинская ССР.

СТАЛИН И. В. — в Совет Союза, Сталинский избирательный округ, гор. Москва.

ХРУЩЕВ Н. С. — в Совет Союза, Краснопресненский избирательный округ, гор. Москва.

ЧУБАРЬ В. Я. — в Совет Союза, Харьковский сельский избирательный округ, Украинская ССР.

ШВЕРНИК Н. М. — в Совет Национальностей, Свердловский избирательный округ, Свердловская область.

ЭЙХЕ Р. И. — в Совет Союза, Новосибирский избирательный округ, гор. Новосибирск.

Само собою разумеется, что мы приняли к исполнению эти указания ЦК ВКП(б).

Просим соответствующие избирательные комиссии принять к сведению настоящее наше заявление и рассматривать его как документ при регистрации кандидатов в депутаты.

АНДРЕЕВ А. А.
БЛЮХЕР В. К.
БУЛГАНИН Н. А.
БУДЕННЫЙ С. М.
ВОРОШИЛОВ К. Е.
ЕЖОВ Н. И.
ЖДАНОВ А. А.
КАГАНОВИЧ Л. М.
КАЛИНИН М. И.
КОСИОР С. В.
КОСАРЕВ А. В.
КРУПСКАЯ Н. К.
ЛИТВИНОВ М. М.
МОЛОТОВ В. М.
МИКОЯН А. И.
МАНУИЛЬСКИЙ Д. З.
МЕХЛИС Л. З.
ПЕТРОВСКИЙ Г. И.
СТАЛИН И. В.
ХРУЩЕВ Н. С.
ЧУБАРЬ В. Я.
ШВЕРНИК Н. М.
ЭЙХЕ Р. И.

И. КРАСТИН

Избирательное право гражданина

Полнота избирательных прав всегда являлась лучшим показателем степени демократичности данного государственного строя.

По мере того как сменялось господство одного класса другим, менялись и формы демократии и ее характер.

«Формы демократии неизбежно сменялись в течение тысячелетий, начиная с зачатков ее в древности, по мере смены одного господствующего класса другим. В древних республиках Греции, в городах средневековья, в передовых капиталистических странах демократия имеет различные формы и различную степень применения»[1].

Само понятие избирательного права и народного представительства в современном смысле этого слова появилось в эпоху первых буржуазных революций.

В античной древности, насколько об этом можно судить по дошедшим до нас историческим памятникам, не существовало выборных законодательных палат, и сама идея народного представительства была чужда духу того времени.

Законы в республиках того времени издавались сходами граждан. Право участия в этих сходах, право подачи голосов в них, право участия в выборах тех или иных должностных лиц на этих собраниях — вот, в чем выражалось «избирательное право» республик античной древности.

Тогдашнее jus suffragii — право голосования в древности, по крайней мере, в Афинах и Риме, было связано с занесением в списки граждан с достижением ими определенного возраста, с несением военной службы.

Это право было классовым, ибо оно принадлежало только свободным лицам, причем далеко не всем: его были лишены, например, женщины, вольноотпущенники.

Известно, что в Карфагене и Риме «обладание избирательным правом» было связано с имущественным цензом. В Римской республике эти привилегии долгое время распространялись только на членов знатных богатых родов — патрициев. Полноправное гражданство, составным элементом которого являлось право подачи голоса, принадлежало далеко не всем гражданам, а меньшинству. Согласно римским законам имелись две категории ограничений прав гражданства: естественные (пол, возраст, некоторые психические болезни) и имущественные (отсутствие имущественного ценза, арест за долги и т. д.).

Потребовались сотни лет упорных классовых боев, восстаний, чтобы в 89 году до нашей эры некоторые политические права получили покоренные племена, сохранившие самостоятельное политическое управление. Однако и после этого они практически не могли участвовать в римских выборах и плебисцитах, так как последние производились только в самом Риме, куда большинство из них не могло приезжать.

История борьбы за своеобразное избирательное право античного государства — это история кровавых столкновений, интриг и борьбы. В античном государстве «избирательные права» неизменно оставались привилегией знатных и богатых. Идею отстранения от государственного управления представителей «низших» сословий классически выразил в своей «Политике» Аристотель: «В Карфагене считают,—писал Аристотель,—что магистраты (чиновники) должны быть избираемы на должность не только на основании их благородного происхождения, но также и по их имущественному цензу, так как невозможно необес-

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 12.

неученому человеку управлять хорошо делами и иметь для этого достаточно досуга»[1].

Нужно сказать, что буржуазия, когда ей понадобилось мотивировать лишение избирательных прав громадного большинства трудящихся, воспользовалась почти той же формулировкой.

Так, Сийэс — один из членов французского Национального собрания 1790 года — писал: «Во всех странах закон устанавливает известные признаки, без которых нельзя быть ни избирателем, ни избираемым. Слуга и всякий, кто находится в зависимости от какого-нибудь хозяина, — можно ли допустить, чтобы он фигурировал среди представителей нации?»[2].

При этом Сийэс с исключительным цинизмом ставил вопрос о бесправии трудящихся.

Избирательный закон, являясь неотъемлемой частью основных законов государства, там, где он существовал, носил такой же классовый характер, как и само государство и все его законодательство.

«Происходившие во Франции в эпоху феодализма выборы в Генеральные штаты дают нам классический образец того, как избирательное право, в том виде, в каком оно существовало тогда, было господствовавшим классом использовано в своих интересах.

На первых Генеральных штатах высшее дворянство и духовенство являлось по личному праву. Что касается третьего сословия, то представители туда выбирались. «Нужно признаться, что явиться к королю и заседать с высшим дворянством не перевешивало трудности пути, неизбежных опасностей, долгого отсутствия и риска возвратиться лишь навлекая на себя раздражение избирателей, узнающих о новых налогах, которые они должны были платить. Повидимому в ряде случаев избрание представлялось скорее повинностью, а не правом».

Так характеризует один из крупнейших историков французского средневековья Пикэ «избирательное право» третьего сословия французского феодализма.

Ненависть к избранным, приносящим вести о новых тяготах, о новых формах эксплоатации, — вот что было неизбежным спутником тех немногих представителей третьего сословия, которые оказывались избранными. И тем не менее идея избирательного права прочно вошла в арсенал политических требований, которые выдвигались в эпоху буржуазных революций.

Требование всеобщего избирательного права было одним из главнейших политических лозунгов буржуазной демократии, которое еще в XVII веке выдвигалось в Англии, во Франции в XVIII веке, особенно резко это требование ставилось в революциях 1848 г. во Франции, в Германии, в Австрии и т. д.

Однако как только буржуазия овладевала государственной машиной, она стремилась ограничивать пределы избирательного права, стремилась сосредоточивать это право в руках имущих классов, пользуясь для этого имущественным цензом и другими «законными» основаниями.

Если Руссо считал, что всякая власть должна избираться народом, нацией, каждый член которой должен иметь право участвовать в выборах, то уже его современник Монтескье, признавая идею народного суверенитета, считает, что народ в целом законодательствовать не способен и что он должен быть заменен специальным, ограниченным представительством.

Руссо писал: «Для того, чтобы воля была общей, не всегда необходимо, чтобы она составилась из единого решения. Необходимо, чтобы все голоса принимались в расчет (разрядка моя.—И. К.). Всякое формальное отношение нарушает общность»[1]. И далее: «Право подавать голос при каждом акте верховной власти — право, которого никто не может лишить граждан»[2].

В то же время Монтескье писал: «Великое преимущество представителей и избираемых состоит в том, что они способны обсуждать дела. Народ для этого совсем не пригоден, что и составляет одну из слабейших сторон демократии»[3].

Однако Монтескье считал, что «право подавать голос в своем округе для выборов представителей должны иметь все граждане, исключая тех, положение которых так низко, что на них смотрят, как на людей, неспособных иметь свою собственную власть»[4]. И вот по мере того как буржуазия забирала в свои руки власть, она все больше и больше расширяла круг тех, кто с ее точки зрения «стоит так низко, что не имеет права на свою собственную власть».

В целях ограничения избирателей, в целях лишения громадного большинства народа избирательных прав, в целях сосредоточивания власти в руках буржуазии, деятель французской революции Сийэс выдвинул идею разделения граждан на активных и пассивных, т. е. имеющих и не имеющих избирательного права.

Это разделение было с точностью формулировано законом 22 декабря 1789 года, который находится в резком противоречии с «Декларацией прав человека и гражданина», принятой 22 августа 1789 года.

В число граждан, лишенных избирательных прав, попали, во-первых, женщины, во-вторых—лица, не имеющие оседлости, в-третьих—лица, не располагающие определенным имущественным цензом. Сюда относились все лица, не имеющие «независимого» положения.

Таким образом избирательное право стало монополией буржуазии и народное представительство было подменено представительством имущих классов.

Выступая против деления на активных и пассивных граждан, Робеспьер в своей речи в Национальном собрании 25 октября 1790 года говорил: «Чем станет ваша декларация, если

---

[1] Аристотель, «Политика», стр. 86.

[2] Сийэс, Что такое третье сословие, стр. 37—38, франц. изд.

[1] Общественный договор, кн. 2, гл. II, стр. 44.

[2] Там же, кн. 4, гл. II, стр. 160.

[3] Монтескье, О духе законов, кн. 11, гл. VI, стр. 159.

[4] Там же.

эти декреты (14 и 22 декабря 1789 г.) останутся в силе? Пустой формулой. Чем станет нация? Рабыней. Чем станет наше общественное устройство? Аристократией... И какой аристократией? Самой невыносимой из всех, аристократией богатых».

Это утверждение Робеспьера нашло свое полное подтверждение в истории развития буржуазного избирательного права. Все декреты и декларации прав о всеобщем избирательном праве, об избирательном праве гражданина, стали пустой формулой.

«Капиталистическая демократия эксплоататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении права эксплоатируемого большинства и направленная против этого большинства» [1], — вот что означает всеобщее избирательное право в условиях капитализма.

Эта же мысль была выражена и Лениным: «Всеобщее избирательное право, пока сохраняется собственность капиталистов, есть одно из орудий буржуазного государства» [2].

В период, когда обострение противоречий между отдельными группами буржуазии и между буржуазией отдельных стран вынуждало буржуазию на отдельные уступки в вопросе об избирательных правах, эти уступки были обманом, иллюзией, фикцией. Так было во Франции в 1851 году при перевороте Луи Бонапарта, так было в 1869 году в Северо-Германском союзе, было в 1907 году в Австрии, в 1905 году в России и т. д.

Во Франции в эпоху реставрации при 30-миллионном населении было меньше 100 000 избирателей; в Бельгии в 30-х годах XIX века при населении в 4 миллиона было около 45 000 избирателей.

И в настоящее время из 42 миллионов населения Франции только 11½ миллионов имеют избирательные права. Совершенно лишены избирательных прав 60 миллионов населения колоний.

Помимо этого избирательных прав лишены женщины, солдаты, матросы, часть взрослых мужчин по признакам оседлости и проч.

Еще сейчас восемь европейских государств не признают избирательного права за женщинами.

Из 22 государств Америки признают избирательное право за женщинами только 6 (Канада, США, Мексика, Бразилия, Эквадор, Уругвай).

Имущественный ценз, формально отмененный, искусственно заменяется цензом грамотности почти во всей Южной Америке и значительной части США цензом оседлости (от 6 месяцев до 2 лет). Во Франции и в Польше ценз оседлости отменен только для домовладельцев и налогоплательщиков.

Равенство избирательного права нарушается предоставлением добавочных голосов лицам, имеющим оседлость и место занятий в различных округах, имеющим университетский диплом (Англия).

В Англии, в которой, по выражению Ленина, действует формально «почти всеобщее» избирательное право, искусственными махинациями при организации выборов от участия в выборах отстраняется громадное большинство населения.

Мошеннический характер избирательных кампаний буржуазных стран не скрывается даже буржуазной печатью. Широко известный писатель Франк Фокс, характеризуя избирательную систему Англии, пишет, что исход ее решается «вопросами денег, организации и шарлатанства» [1].

Орган английских либералов «Манчестер Гардиан», характеризуя избирательную кампанию в 1931 году, называет ее «самой короткой, самой острой и самой мошеннической избирательной кампанией нашего времени».

В самом деле чем, как не мошенничеством можно объяснить то положение, что при 11 миллионах фабричного населения Англии на 45 миллионов всего населения в английском парламенте на 615 депутатов приходится: 5 рабочих, 86 представителей интеллигенции, 525 представителей буржуазии, среди них 301 капиталист и помещик. Одна четверть английского населения, имеющего право голосовать, представлена в правительстве 0,8 процента своих представителей.

До настоящего времени абсолютно верным является блестящее положение Энгельса, высказанное им в 40-х годах прошлого века, что Англией «правит собственность» [2].

Реальность избирательного права определяется не только количеством участвующих в выборах граждан, — реальность избирательного права определяется и итогами выборов. и там, где в результате выборов избранным оказывается правительство, на избрание которого не было воли народа, там нет реального избирательного права.

Ни в одной из буржуазных стран в результате выборов не было избрано правительство, выражающее интересы всего народа.

Это положение нетрудно подтвердить, если привести данные о составе политических деятелей — членов палат различных буржуазных стран.

Даже во Франции, где состав французской палаты 1936 г. выражает победу партий народного фронта, которым принадлежит 380 депутатов из 626, даже там мы имеем состав палаты, который не оставляет сомнения в том что соотношение партий в парламенте не отражает соотношения классовых сил в стране.

Социальный состав французской палаты в 1936 году характеризуется следующими данными: [3]

Адвокатов	119
Рабочих и служащих	63
Журналистов	56
Коммерсантов и судовладельцев	45
Профессоров	43
Землевладельцев	42
Сельских хозяев (крестьян, фермеров)	42
Фабрикантов	35
Врачей	33
Чиновников	30
Народных учителей	22

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, X изд., стр. 29.

[2] Ленин, т. XXIII, стр. 497.

[1] E. Fox, Puliamentary Colrumentu failure. p. 32.

[2] Английская конституция, Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. II.

[3] Списки сообщены по запросу Всесоюзной правовой академии Марселем Каценом.

Издателей и типографов	17
Инженеров	14
Ремесленников	7
Механиков	7
Профсоюзных секретарей	6
Нотариусов	5
Стряпчих (авуэ)	5
Ветеринаров	4
Аптекарей	3
Страховых агентов	3
Офицеров отставных	3
Духовных лиц	3
Дантистов	3
Страховщиков	1
Управл. торг. товариществом	1
Арбитр-экспертов	1
Часовщиков	1
Подрядчиков по транспорту	1
Послов	1
Директоров кооперации	1
Архитекторов	1
Летчиков	1
Художников	1
Рантье	1
Без профессии	6

Состав английской палаты общин по выборам 14 ноября 1935 г. характеризуется следующими данными:

Капиталистов, помещиков и других представителей буржуазии	505
Интеллигенции	85
Рабочих	5

Так обстоит дело с составом парламентов наиболее демократических буржуазных стран.

Нечего говорить, что состав парламентов в других странах еще более показателен, а в фашистских и фашизирующихся странах представители народа совсем не допускаются к управлению.

Ленин писал, что «сведения о личном составе выдающихся политических деятелей, членов палат, высших должностных лиц и т. д. обнаруживают неразрывную связь господства экономического с господством политическим»[1].

Там, где экономически господствует буржуазия, там она господствует и политически, а следовательно там и не может быть реально осуществимого избирательного права гражданина.

После того как для большинства рабочих, для большинства трудящихся капиталистических стран становится очевидной фиктивность формально провозглашенного института всеобщего избирательного права и после того как ими понята механика этого избирательного права, все чаще и чаще даже в буржуазно-демократических странах раздаются возгласы представителей буржуазии о том, что институт избирательного права становится вредным институтом, могущим привести к неблагоприятным для буржуазии последствиям.

Буржуазия открыто выступает против тех даже формальных возможностей участвовать в избрании правительства, которые законом предоставлены трудящимся.

В свое время еще Бенжамен Констан, выражая чаяния буржуазии, направленные к лишению избирательных прав трудящихся, писал: «Постоянная цель людей, не имеющих собственности, заключается в том, чтобы приобрести эту собственность. Все средства, которые вы предоставляете им, они будут употреблять с этой целью.

Если к свободе имущественной и промышленной, которую вы обязаны им дать, вы присоединяете еще необязательные с вашей стороны права политические, в руках большинства права эти поведут неизбежно к захвату собственности. Большинство будет следовать по этому неправильному пути, вместо того чтобы держаться пути естественного, который заключается в труде. Для него будет это источником порчи, а для государства источником беспорядка»[1].

Здесь особенно ярко и совершенно открыто выражена мысль собственника, опасающегося, что избирательное право может привести к беспорядкам, может явиться причиной нарушения священного принципа частной собственности.

В своей работе «Демократия и финансовая олигархия во Франции» Делези пишет: «Финансовая буржуазия управляет Францией... Суверенитет народов — фикция, демократия — ложь, а завоевание власти путем избирательного бюллетеня — ловушка для простаков»[2].

Характеризуя отношение рабочих к выборам, Делези пишет: «Однако последние годы г-н Дюран[3] обнаруживает некоторое беспокойство. В нем уже нет прежней уверенности в своем могуществе. Он уже не задается больше вопросом, за кого голосовать, но вопросом — следует ли вообще голосовать?» И Делези несомненно прав, ибо в фашистских странах, в тех случаях, когда выборы не отменены, они настолько нагло свидетельствуют о господстве буржуазии, они настолько грубо исключают возможность проявить волю голосующего в отношении состава правительства, что рабочие отказываются от участия в голосовании. Так это имело место на последних выборах в Польше, где народные массы выдвинули лозунг бойкота выборов.

«Рабочие волнуются... рабочие начинают понимать, что над ними издеваются», восклицает Делези[4].

Это обстоятельство начинает пугать буржуазию. Она открыто начинает обсуждать вопрос о том, в чем состоит вред избирательного права. Она открыто ведет борьбу с избирательным правом, упорно работает над созданием всякого рода теорий, оправдывающих народное бесправие.

Эти настроения буржуазии особенно ярко выражены в одном из выступлений французского министра труда и общественных работ Вивиани, имевшем место в палате в 1934 году. Вивиани сказал: «Истина в том, что всеобщее избирательное право создало затруднения, на которые я должен обратить ваше внимание. Тот день, когда избирательный бюлле-

[1] Ленин, т. XVI, стр. 504.

[1] Констан, Введение в курс конституционной политики, стр. 55.

[2] Делези, Демократия и финансовая олигархия во Франции, русск. перев. Маркельс, 1924 г., стр. 124.

[3] Нарицательная фамилия во Франции, вроде русской «Иванов».

[4] Там же, стр. 135.

тень был предоставлен всем гражданам, даже совершенно неимущим, возник устрашающий контраст между человеком вотирующим и человеком рабочим. Перед урной рабочий — суверен. На фабрике он — раб. Он невольно сравнивает свой политический суверенитет со своей экономической зависимостью, и это сравнение вызывает все смуты и все вспышки». В этом выступлении Вивиани не только выражает испуг буржуазии перед разоблачением механики избирательного права, но в нем ярко показано, что́ является причиной того, что в условиях капиталистического общества не может существовать реального избирательного права. Его не может быть там, где существует разрыв между человеком голосующим и человеком рабочим. Там, где голосующий гражданин провозглашен сувереном, в то время как он на фабрике остается рабом,— не может быть подлинного избирательного права. Экономическая зависимость несовместима с политическим суверенитетом. И до тех пор, пока не будет преодолен этот разрыв, не может быть действительного избирательного права.

О значении этих саморазоблачений в свое время писал Ленин.

«Английская рабочая печать продолжает свои разоблачения о связи финансовых «операций» с высшей политикой. Эти разоблачения заслуживают внимания рабочих всех стран, ибо вскрывается здесь самая основа управления государством в капиталистическом обществе. Слова К. Маркса, что правительство есть комиссия управляющих делами капиталистов, находят себе самое полное подтверждение» [1].

Сейчас уже совершенно ясно, что «не бывает и не может быть при капитализме действительного участия эксплоатируемых масс в управлении страной, хотя бы потому, что при самых демократических порядках в условиях капитализма правительства ставятся не народом, а Ротшильдами, Стиннесами, Рокфеллерами и Морганами. Демократия при капитализме есть демократия капиталистическая, демократия эксплоататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплоатируемого большинства и направленная против этого большинства» [2].

Однако несмотря на то, что институт избирательного права в буржуазных государствах не является фактически реальным средством установления народоправства, несмотря на то, что всеобщее, равное избирательное право в буржуазных странах носит формальный характер, оно все же является прогрессивным фактором, революционизирующее значение которого на определенных этапах недооценивать нельзя. Здесь надо всегда помнить указания Ленина о том, что «демократическая республика и всеобщее избирательное право, по сравнению с крепостническим строем, были громадным прогрессом: они дали возможность пролетариату достигнуть того объединения, того сплочения, которое он имеет» [3]...

Мы прекрасно понимаем, что даже в самых демократических республиках различного рода ограничениями трудящиеся фактически отстраняются от политики. Они фактически лишены избирательного права, при помощи которого можно было бы реально воздействовать на политику.

Но мы не можем игнорировать и то положительное прогрессивное, что имеется в буржуазном избирательном праве, которое может быть использовано для облегчения борьбы пролетариата против буржуазии.

Наличие избирательного права означает сплочение пролетариата, оно является средством для «срывания маски с буржуазии» [1]. Оно позволяет рабочим выразить свое отношение к правительству путем голосования против неугодных кандидатов, проведением хотя бы части своих собственных представителей.

Вот почему фашистские бандиты, попирающие всякие права человека и провозглашающие произвол ведущим и единственным принципом фашистской диктатуры, ликвидируют избирательное право как проявление демократизма.

В Германии формально избирательное право остается прежним, но с 1934 года «неарийцы» лишены политических прав, следовательно и избирательных прав (декреты о гражданстве). На практике фашисты все чаще заменяют выборы назначением. Так, на освободившиеся в рейхстаге места по приказу Гитлера или его заместителя назначаются угодные им бандиты. Таким образом назначено 18 депутатов от Саара и т. д.

В Италии по закону 17 мая 1928 года Большой фашистский совет, назначаемый Муссолини, отбирает 400 кандидатов в парламент из 1000 рекомендуемых различными ученими учреждениями и 22 «корпорациями». Отобранные 400 кандидатов ставятся на одобрение избирателей, иначе говоря, весь институт избрания сводится к тому, чтобы под давлением фашистов «народ» одобрил эти кандидатуры фашистов.

В Польше применяется процедура отсеивания кандидатов. Согласно конституции 1935 года, принятой накануне смерти Пилсудского, выдвижение кандидатов производится исключительно выборными коллегиями, которыми заранее гарантируется большинство представителям буржуазии, помещиков и фашистским агентам.

Эти коллегии составляются из представителей фашизированных самоуправлений, торговых и промышленных палат, кулацко-помещичьих организаций и лишь для вида в них оставлено ничтожное место представителям рабочих организаций.

Но даже и эти коллегии ограничены в выборах кандидатов, в конечном счете утверждающихся назначенным сверху комиссаром, который может отвести выставленных кандидатов.

Вся сущность «избирательного права» в Польше сводится к тому, что имеющим право голоса предоставляется вотировать за двух из четырех фашистов, выделенных кандидатами в каждом округе.

Понятно, что народные массы Польши на последних выборах отказались от участия в

---

[1] Ленин, том XVI, стр. 503.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. X, стр 29.

[3] Ленин, том XXIV, стр. 375.

[1] Маркс, 18 брюмера Луи Бонапарта.

голосовании. В обстановке насилия, обмана и террора, сопровождавших выборы, голосовало только 30% избирателей, причем в таких промышленных округах, как Лодзь, голосовало 14% избирателей, и тем не менее выборы признали состоявшимися.

Чтобы оправдать такое отношение к выборам и лишить трудящихся каких-либо претензий в отношении осуществления действительных избирательных прав, буржуазные ученые создали теорию о том, что никаких вообще избирательных прав не существует, что существует не избирательное право гражданина, а лишь его функция, его обязанность.

В этом отношении сходятся и французская и германская теории, объясняющие юридическую природу избирательного права. Уже после французской революции, когда буржуазия захотела оправдать лишение избирательных прав значительного числа трудящегося населения, ее идеологи пропагандировали, что избиратель не имеет никаких прав, что он исполняет лишь публичную функцию.

Так, в заседании 11 августа 1791 года Бернав, один из деятелей французской революции, заявил: «Качество избирателя есть только публичная функция, на которую никто не имеет права и общество располагает ею так, как ему предписывает интерес; функции избирателя не являются правом» [1].

Как известно, позже французский юрист Дюги, фразеологию которого во многом заимствовали фашистские деятели, более подробно развил эту теорию, заявив, что избирательное право есть лишь объективное легальное положение человека, есть его обязанность, но не есть его право.

Фашисты охотно ухватились за эту теорию, так как она позволяет им оправдывать лишение избирательных прав, отмену избирательного права, ибо если никто не имеет избирательного права, то никто и не имеет права на него претендовать. Если избирательное право есть лишь обязанность гражданина, то естественно, что легко понуждать к голосованию отказывающихся от этого. Нужно сказать, что в некоторых странах, как например, в Швейцарии, Чехословакии, Бельгии, в законодательном порядке осуществляются принципы этой теории, так как в этих странах установлена обязанность являться на выборы и подавать голос.

Эти законы замечательны тем, что они показывают, каких пределов падения достигло избирательное буржуазное право, если к осуществлению его нужно понуждать законом и если даже в условиях этого вынужденного голосования в выборах принимает участие лишь незначительная часть населения.

Буржуазия уже неоднократно признавалась, что «избранные» депутаты не представляют народ и что избиратели этих депутатов не имеют никаких прав по отношению к своим избранникам.

Так, например, Лабанд, говоря о политике германской империи, очень ясно изложил то положение, что между членами рейхстага и народом нет никакой правовой связи. «Название народных представителей, даваемое членам рейхстага, не имеет положительного юридического значения; в юридическом смысле члены рейхстага никого не представляют; их полномочия не исходят ни от какого другого субъекта права, а прямо покоятся на конституции империи» [1].

Понятно, что если нет никакой связи между парламентом и нацией, то власть не принадлежит народу. Если народ не имеет права на избрание и он в правовом смысле не имеет связи со своими избранниками, то понятно, что нет никакого избирательного права и подобного рода теории есть только «теоретическое» признание фактического бесправия гражданина в условиях господства буржуазии.

Реальное избирательное право народа существует лишь в одной стране мира — в СССР. Советское избирательное право, избирательное право социалистического государства рабочих и крестьян выступает как реальная сила, как новая высшая ступень демократии, которую не знали и не могли знать буржуазные государства.

Реальность советского избирательного права покоится на победе социалистического уклада в нашем хозяйстве, на ликвидации эксплоататорских классов, на том, что у нас упразднена эксплоатация человека человеком, упразднено различие между экономическим и политическим положением человека. Свободный от эксплоатации гражданин нашей родины вместе с тем является полноправным политически. У нас не может быть такого положения, когда порабощенный экономически человек обладал бы или стремился бы к обладанию политическими свободами, ибо у нас нет экономически порабощенных, эксплоатируемых, и политическое право каждого является его неотъемлемым правом, вытекающим из нашего социального строя.

Это положение блестяще выражено товарищем Сталиным, сказавшим: «Буржуазные конституции обычно ограничиваются фиксированием формальных прав граждан, не заботятся об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления. Говорят о равенстве граждан, но забывают, что не может быть действительного равенства между хозяином и рабочим, между помещиком и крестьянином, если у первых имеются богатство и политический вес в обществе, а вторые лишены и того, и другого, если первые являются эксплоататорами, а вторые эксплоатируемыми» [2].

Естественно, что там, где одни эксплоатируются, другие эксплоатируют, где большинство угнетено меньшинством, не может быть равенства, не может быть равного избирательного права, не может быть реально осуществимого избирательного права вообще. «Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду и «в мелких», якобы мелких подробностях избирательного права (цензы оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических препонах праву собраний (общ

[1] Traité de droit constitutionel, tome II, Paris, 1923 г., p. 444.

[1] Лабанд, Государственное право, французское изд., 1900 г., стр. 443.

[2] Сталин, Доклад на Чрезвычайном V съезде советов, стр. 21.

ственные здания не для «нищих»), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее, и так далее, мы увидим ограничения, да ограничения демократизма...

В сумме взятые, эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии» [1].

Только там, где сама беднота, где сами трудящиеся не только голосуют, но и руководят голосованием, организуют это голосование, наделяют правом голосования, — только там существует действительное избирательное право гражданина.

И даже тогда, когда правом выбора в советы пользовалось у нас «все взрослое население СССР, начиная с 18-летнего возраста, без различия пола и национальности, минус буржуазные элементы, эксплоатирующие чужой труд и лишенные избирательных прав» [2], даже тогда наше избирательное право было во много крат более всеобщим, чем в любой демократической, в буржуазном смысле слова, стране, так как у нас и тогда в голосовании принимало участие громадное большинство населения нашей страны, и тогда в результате наших выборов создавалось правительство, угодное всем трудящимся нашей страны, выражающее их волю и интересы.

Из года в год в нашей стране росло количество лиц, участвующих в избрании своего правительства, из года в год повышался процент избирателей, принимавших участие в голосовании.

В 1925—1926 годах в городах принимало участие в голосовании 52% избирателей, в деревнях — 48,9% избирателей.

В 1934—1935 годах принимало участие в голосовании: в городах 91% избирателей, в деревнях — 83,3% избирателей.

Именно ростом сознательности, осознанием того, что участие в выборах есть осуществление одного из величайших прав, предоставленных гражданину социалистического государства революцией, объясняется такой рост активности избирателей, принимающих участие в голосовании.

Избирательное право для нас есть право, принадлежащее каждому гражданину СССР, за исключением малолетних, сумасшедших, а равно осужденных судом с лишением избирательных прав. Никаких других изъятий советское законодательство не знает. Наше избирательное право обеспечивает действительный суверенитет трудового народа.

У нас все граждане равны в своих правах: «Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а... личный труд каждого гражданина определяет его положение в обществе» [1].

Избирательное право каждого гражданина — это право, а не обязанность. Это одно из величайших прав, завоеванных конституцией, и то обстоятельство, что это есть право, а не обязанность, у нас выражается еще и в том, что советский гражданин имеет право не только избирать своих депутатов, но и отзывать их. Это есть проявление подлинного демократизма. В свое время Ленин особенно подчеркивал это положение. Он писал:

«Демократическое правительство существует и признано везде, где есть парламентский строй, но это право представительства ограничено тем, что народ имеет право раз в два года голосовать, но часто оказывается, что его голосами прошли те, кто помогает его же подавлять, а демократического права сместить, принять действенные меры пресечения — не имеет.

В странах же, где уцелели старые традиции революционного времени, когда они образовались, — как, например, в некоторых кантонах Швейцарии и в некоторых штатах Америки — уцелело и демократическое право отзыва» [2].

Формально сохранившееся лишь в отдельных кантонах Швейцарии и в некоторых штатах Америки право отзыва, однако в капиталистических странах фактически неосуществимо. Только в нашей стране, где существует реальное право выбора, осуществляется столь же реальное право отзыва.

Реальность нашего избирательного права лучше всего подтверждается тем, что в результате его осуществления мы всегда имеем правительство, действительно представляющее советский народ. Достаточно просмотреть социальный состав избираемых в нашей стране представителей, чтобы убедиться, что это действительно избранники народа, представляющие этот народ.

Острие избирательного права гражданина социалистического государства направляется не на то, чтобы вытолкнуть трудящегося из политики, а на то, чтобы избранными оказались лучшие представители народа.

Различные формы привлечения поголовного большинства нашего населения к отправлению государственных функций гарантируют то, что у нас избирательное право, право на участие в политике своих избранников осуществляется не только в день выборов, а повседневно.

Аристотель писал: «Гражданин тот, кто может быть судьею и должностным лицом». У нас это право принадлежит всем, наделенным избирательным правом. У нас впервые появляется полноценная фигура гражданина, носителя социалистических прав и обязанностей.

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 430.

[2] Сталин, Беседа с 1-ой американской делегацией, 1927.

[1] Сталин, Доклад на Чрезвычайном VIII съезде советов, стр. 20—21.

[2] Ленин, т. XXII, стр. 96—97.

МЕНЬШАГИН

Преступные посягательства на избирательную систему социалистического государства

Одной из замечательнейших особенностей Сталинской Конституции, вводящей впервые в истории человечества действительное всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании, является последовательный и до конца выдержанный социалистический демократизм, не ограничивающийся провозглашением формальных прав граждан СССР, но, как сказал товарищ Сталин, обеспечивающий фактическое осуществление этих прав «законодательным закреплением факта ликвидации режима эксплоатации, факта освобождения граждан от всякой эксплоатации» [1].

Новый советский избирательный закон — Положение о выборах в Верховный Совет СССР, выработанный на основе Сталинской Конституции и утвержденный 4-й сессией ЦИК СССР VII созыва 9 июля 1937 года, представляет собой, как и сама Конституция, документ подлинной, до конца последовательной демократии. В отличие от буржуазных избирательных законов, обычно преследующих цель не закрепления и обеспечения конституционных прав, а наоборот, цель ограничения и прямого отступления от них, советский избирательный закон ни на иоту не отступает от принципов Конституции СССР и не изменяет этим принципам. В весьма четких и предельно ясных статьях Положения о выборах в Верховный Совет СССР обеспечены и действительно гарантированы свобода выборов, действительное участие в этих выборах всего советского народа. Правильность и неприкосновенность установленного Конституцией СССР и советским избирательным законом порядка выборов обеспечивается прежде всего политической сознательностью и политической дисциплиной самих советских избирателей. Выборы вызовут новый прилив творческой активности масс и развитие стахановского движения, выборы будут содействовать всемерному укреплению диктатуры рабочего класса.

Вместе с тем выборы вызовут и новый прилив звериной ненависти и злобы врагов социалистического государства рабочих и крестьян. Враги народа, как правильно указывает тов. Вышинский, «не преминут воспользоваться предстоящей избирательной кампанией, чтобы продолжать борьбу против пролетарской диктатуры, против СССР» [2]. Все враждебно настроенные против советской власти элементы: троцкистско-бухаринские фашистские бандиты, осколки уничтоженных эксплоататорских классов, всякие церковники и сектанты без сомнения попытаются использовать выборы в своих контрреволюционных целях. Все эти лица будут пытаться мобилизовать на выборах самые отсталые элементы нашего населения против кандидатов, выставляемых общественными организациями, попробуют срывать в той или иной форме выборы, будут противодействовать участию граждан в выборах, будут стараться всеми способами проникать в избирательные комиссии и пытаться выставлять своих кандидатов и т. п. В нашей печати [1] уже появились сообщения об этих попытках классовых врагов. Так в Челябинской области в участковую комиссию пролезла некая Смольникова, выдвинутая якобы профсоюзом школьных работников, кандидатура которой на самом деле никем не обсуждалась. Смольникова же оказалась дочерью кулака. Отец ее служил добровольцем в белой армии, брат ее — убийца колхозника — отбывает в настоящее время за это преступление наказание в тюрьме. В Васильковском районе на Киевщине в члены избирательной комиссии проник некий Прокоп Скрипка — бывший активный петлюровец. В Ярославской области в отдельных участковых избирательных комиссиях оказались бывшие белогвардейские офицеры. В Старобельском районе Донецкой области среди кандидатов в председатели участковой избирательной комиссии оказался человек, только что отбывший пятилетнее тюремное заключение за хищение колхозного имущества. В этом же районе был намечен кандидатом в участковую избирательную комиссию субъект, осужденный судом на 10 лет тюремного заключения и бежавший из места лишения свободы [2].

Вражеские элементы постарались приложить свою руку и к такому делу, как изготовление избирательных ящиков. Так в Марийской АССР избирательные ящики пытались окрасить в черный, траурный цвет.

Не без влияния классово враждебных сил в Харцызском горсовете Донецкой области в списки лишенных избирательных прав были включены все глухие, немые и глухонемые, а в Васильевском сельсовете Артемовского района лишили избирательных прав всех инвалидов [3].

Можно с уверенностью сказать, что классово враждебные элементы, а также и всякие иные противообщественные и хулиганствующие элементы будут пытаться совершать не малое количество всяких преступлений, направленных на советскую избирательную систему.

Вот почему для обеспечения правильности и неприкосновенности установленного Конституцией СССР и советским избирательным законом порядка выборов призван и советский уголовный закон. Советский уголовный закон устанавливает строгое наказание для всякого,

---

[1] Сталин, О проекте Конституции СССР, доклад на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

[2] Вышинский, Самый демократический избирательный закон, Соцэкгиз, 1937 г., стр. 42.

[1] «Известия ЦИК СССР» от 27 октября 1937 г.

[2] «Правда» от 28 октября 1937 г.

[3] «Известия ЦИК СССР» от 27 октября 1937 г.

кто посягает в той или иной форме на существующую на основе Конституции СССР избирательную систему социалистического государства.

В самом новом избирательном законе — в Положении о выборах в Верховный Совет СССР — предусмотрены два вида посягательств на советскую избирательную систему, караемые жесткими наказаниями: 1) воспрепятствование осуществлению гражданами СССР прав по выборам в Верховный Совет СССР (ст. 111 Положения о выборах) и 2) подделка должностными лицами совета или членами избирательной комиссии избирательных документов и производство заведомо неправильного подсчета голосов (ст. 112 Положения о выборах). К этим видам посягательств на советскую избирательную систему следует присоединить и еще один вид, предусмотренный непосредственно уголовными кодексами союзных республик, — это незаконное участие в выборах. Данный состав преступления, включенный в ст. 91 УК РСФСР и в соответствующие статьи УК других союзных республик, в настоящее время, в связи с принятием Сталинской Конституции и избирательного закона, не только не потерял своего значения, а наоборот, должен играть весьма существенную роль, как средство охраны правильности и неприкосновенности порядка выборов, установленного Положением о выборах в Верховный Совет СССР [1]. В целом все посягательства на советскую избирательную систему, предусмотренные действующим советским законодательством, представляются в следующем виде:

1) незаконное участие в выборах в советы депутатов трудящихся (ст. 91 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик),

2) воспрепятствование осуществлению гражданами СССР прав по выборам в Верховный Совет СССР (ст. 111 Положения о выборах) и

3) подделка должностными лицами совета или членами избирательной комиссии избирательных документов и производство заведомо неправильного подсчета голосов (ст. 112 Положения о выборах).

Поскольку указанные преступления в настоящее время, в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР, приобретают особенно важное значение, а также исходя из того, что в советской юридической литературе вопрос о новых составах посягательств на советскую избирательную систему, предусмотренных Положением о выборах, не освещен вовсе, мы считаем целесообразным дать краткий юридический анализ преступлений, непосредственно направленных против избирательной системы социалистического государства.

---

[1] Преступление, предусмотренное ст. 91[1] УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик и заключающееся в воспрепятствовании со стороны нанимателя в сельских местностях осуществлению лицами наемного труда принадлежащих им избирательных прав, в настоящее время фактически поглощается составом воспрепятствования осуществлению гражданами СССР их избирательных прав, включенным в статью 111 Положения о выборах в Верховный Совет СССР.

НЕЗАКОННОЕ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ В СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Одним из видов посягательств на советскую избирательную систему является незаконное участие в выборах в советы депутатов трудящихся. Выборы во все советы депутатов трудящихся производятся на основании и в соответствии с главой IX Конституции СССР. Выборы в Верховный Совет СССР кроме того регулируются специальным избирательным законом — Положением о выборах в Верховный Совет СССР. Всякое незаконное участие в выборах, т. е. участие в выборах с нарушением правил, предусмотренных Конституцией и избирательным законом, является посягательством на самый процесс образования органов советской власти. Незаконное участие в выборах вносит серьезную дезорганизацию в дело создания советов депутатов трудящихся, являющихся политической основой СССР. В силу этого незаконное участие в выборах в советы депутатов трудящихся и в частности в выборах в Верховный Совет СССР должно рассматриваться как преступление, преследуемое по ст. 91 УК РСФСР, ст. 85 УК УССР, ст. 132 УК БССР, ст. 75 УК Туркменской ССР, ст. 114 УК Таджикской ССР, ст. 117 УК Узбекской ССР, ст. 92 УК Грузинской ССР, ст. 126 УК Азербайджанской ССР и ст. 116 УК Армянской ССР.

К советам депутатов трудящихся Конституция СССР относит: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, краевые и областные советы депутатов трудящихся, Верховные Советы автономных республик, советы депутатов трудящихся автономных областей, окружные, районные, городские и сельские (станицы, деревни, хутора, кишлака, аула) советы депутатов трудящихся. Незаконное участие в выборах в любой из перечисленных советов депутатов трудящихся и дает состав рассматриваемого преступления. Правда, существующий в настоящее время текст ст. 91 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик предусматривает незаконное участие в выборах «в советы и их съезды». Однако в связи с принятием и введением Сталинской Конституции существующий текст этих статей должен быть подвергнут изменению: вместо слов «в советы и их съезды», должно быть поставлено «в советы депутатов трудящихся». Совершенно ясно, конечно, что и до изменения текста этих статей незаконное участие в выборах в советы депутатов трудящихся, а в том числе и в Верховный Совет СССР, должно преследоваться по ст. 91 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Объективные свойства рассматриваемого преступления заключаются в незаконном участии в выборах в советы депутатов трудящихся. Незаконное участие в выборах может выражаться в самых разнообразных формах. Прежде всего незаконное участие в выборах состоит в участии в выборах лиц, лишенных избирательных прав. В этом отношении особенно четкая формулировка состава рассматриваемого преступления содержится в УК БССР, где в ст. 132 говорится об участии в выборах лиц, лишенных прав выбирать в советы.

Согласно ст. 135 Конституции СССР не имеют права участвовать в выборах и быть избранными лица умалишенные и лица, осужденные судом с лишением избирательных прав, а ст. 9 Положения о выборах специально указывается, что эти две категории лиц не вносятся в списки избирателей.

В отношении умалишенных следует иметь в виду, что согласно ст. 9 Положения о выборах отнесение психически больных к лицам, не имеющим избирательных прав, может быть произведено лишь в установленном законом порядке. Порядок этот предусмотрен специальным постановлением ЦИК СССР от 23 октября 1937 г. «О порядке невнесения в списки избирателей лиц, признанных умалишенными».

Осужденные судом лишаются избирательных прав лишь в тех случаях, когда суд в приговоре специально оговаривает лишение избирательных прав на определенный срок. Лишь в течение этого срока, как указывает ст. 9 Положения о выборах, осужденные не имеют права участвовать в выборах и быть избранными.

На основании постановления ЦИК СССР от 16 октября 1937 года в избирательные списки не вносятся, а тем самым и не имеют права участвовать в выборах, также лица, отбывающие наказание по суду, хотя и без поражения в избирательных правах, но находящиеся в местах заключения, а также лица, находящиеся под следствием и содержащиеся под стражей.

Участие в выборах в советы депутатов трудящихся всех перечисленных лиц и образует состав рассматриваемого преступления.

Было бы однако совершенно неправильным ограничивать состав рассматриваемого преступления лишь участием в выборах лиц, лишенных избирательных прав.

Незаконным участием в выборах может быть и участие в выборах лиц, пользующихся избирательными правами. Сюда прежде всего подойдут случаи нарушения каким-либо лицом ст. 136 Конституции СССР и ст. 3 Положения о выборах, предоставляющих каждому гражданину при выборах лишь один голос. Участие в выборах лица, уже осуществившего свое избирательное право (голосование второй раз и большее количество раз) дает также состав рассматриваемого преступления.

Как незаконное участие в выборах должно расцениваться и нарушение ст. 76 Положения о выборах, устанавливающей личное голосование. Голосование одного лица вместо другого безусловно также дает состав рассматриваемого преступления.

Незаконное участие в выборах в советы депутатов трудящихся может сопровождаться учинением подлога (например, незаконное участие в выборах путем использования чужого паспорта или чужой профсоюзной книжки, или путем подделки избирательного бюллетеня), а также совершением хулиганских действий (например, учинение ругательных надписей на избирательных бюллетенях и т. п.). В таких случаях должна наступать уголовная ответственность по совокупности преступлений: за незаконное участие в выборах (ст. 91 УК РСФСР) и за подлог (ст. 72 УК РСФСР) или хулиганство (ст. 74 УК РСФСР).

Субъектом рассматриваемого преступления могут быть как лица, лишенные избирательных прав, так и лица, не лишенные избирательных прав.

С субъективной стороны незаконное участие в выборах предполагает деятельность исключительно умышленную. Это особенно выпукло подчеркивается в Украинском УК и в Узбекском УК, где говорится об участии в выборах в советы лица, заведомо для него не имеющего на то права. Содержанием умысла является: 1) сознание лица, что оно незаконно, т. е. с нарушением установленных Конституцией СССР правил, участвует в выборах в советы депутатов трудящихся и 2) желание, несмотря на это, участвовать в выборах.

Карается незаконное участие в выборах УК РСФСР, УК УССР, УК Таджикской ССР, УК Туркменской ССР и УК Грузинской ССР исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев или штрафом до 500 рублей.

По Белорусскому УК незаконное участие в выборах наказуется только штрафом до 500 рублей. По Узбекскому УК за незаконное участие предусмотрены исправительно-трудовые работы и штраф до 1000 рублей. Необходимо, как нам кажется, установление единого наказания за незаконное участие в выборах по всем союзным республикам.

ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ГРАЖДАНАМИ СССР ПРАВ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Другим, еще более опасным, чем рассмотренное выше, посягательством на советскую избирательную систему, является воспрепятствование осуществлению гражданами СССР прав по выборам в Верховный Совет СССР.

Указанное преступление специально предусмотрено ст. 111 Положения о выборах в Верховный Совет СССР. (Этот новый состав посягательства на советскую избирательную систему пока еще не включен в уголовные кодексы союзных республик). Ст. 111 Положения о выборах так формулирует состав воспрепятствования осуществлению гражданами СССР прав по выборам:

«Всякий, кто путем насилия, обмана или подкупа будет препятствовать гражданину СССР в осуществлении его права избирать и быть избранным в Верховный Совет СССР, — карается лишением свободы на срок до 2 лет».

Приведенная статья Положения о выборах является одной из многочисленных гарантий, обеспечивающих действительную свободу выборов, действительное участие в этих выборах всего советского народа. Вместе с этим статья эта грозит обрушиться тяжестью своего наказания на всякого, кто в той или иной форме посягнет на правильность и неприкосновенность установленного Конституцией и Положением о выборах порядка выборов.

Опасность рассматриваемого преступления определяется прежде всего тем, что воспрепятствование осуществлению гражданами СССР избирательных прав является грубейшим посягательством на гарантированные Конституцией СССР основные права и, в частности, избирательные права граждан СССР, зафиксированные главой IX Сталинской Конституции.

Вместе с тем воспрепятствование осуществлению гражданами СССР их избирательных прав посягает также и на самый процесс образования высшего органа государственной власти СССР — Верховного Совета СССР.

В ст. 111 Положения о выборах говорится о воспрепятствовании осуществлению гражданами СССР их избирательных прав по выборам в Верховный Совет СССР. Однако, как нам кажется, воспрепятствование осуществлению гражданами СССР их избирательных прав по выборам и в другие советы депутатов трудящихся (например, в Верховный Совет союзной республики, или в краевой и областной или в районный советы депутатов трудящихся) должно также влечь уголовную ответственность (хотя бы и по аналогии) по ст. 111 Положения о выборах. Это вытекает из самой Сталинской Конституции, гарантирующей и обеспечивающей в одинаковой мере как порядок выборов в Верховный Совет СССР, так и порядок выборов во всякие иные советы депутатов трудящихся.

Объективные свойства рассматриваемого преступления заключаются в воспрепятствовании гражданину СССР в осуществлении его права избирать и быть избранным в Верховный Совет СССР. Для состава преступления необходимо, чтобы имело место воспрепятствование законному осуществлению гражданином его избирательного права. Законным осуществлением избирательного права следует считать осуществление избирательного права в строгом соответствии с Конституцией СССР и Положением о выборах.

Воспрепятствование незаконному осуществлению гражданами избирательного права (например, воспрепятствование голосованию лица, лишенного избирательного права, или воспрепятствование вторичному голосованию одного и того же лица и т. д.) не может, конечно, дать состава преступления. Такое воспрепятствование не только не является опасным, а наоборот, социально-полезным, поскольку им предупреждаются нарушения советского избирательного закона.

Воспрепятствование осуществлению гражданином его избирательного права может относиться к любым его действиям, в той или иной мере связанным с выборами. Состав воспрепятствования поэтому будет не только там, где учиняется препятствие явке избирателя в помещение для голосования, но и там, где, например, оказывается препятствие свободному, т. е. по личному усмотрению, голосованию или где чинится препятствие тайному голосованию и т. д.

Воспрепятствование гражданину в осуществлении им своего избирательного права может касаться как права избирать, так и права быть избранным. Например, воспрепятствование кандидату дать согласие баллотироваться — также дает состав рассматриваемого преступления.

Ст. 111 Положения о выборах предусматривает воспрепятствование как путем физического, так и путем психического насилия.

Под физическим насилием здесь следует понимать всякое физическое воздействие на гражданина, которое может воспрепятствовать ему осуществить свое избирательное право. Например, насильственное отобрание паспорта или профсоюзного билета или удостоверения на право голосования с целью лишить кого-либо из избирателей возможности участия в голосовании и т. п.

Воспрепятствование может быть связано и с посягательством на жизнь, здоровье и свободу гражданина. Например, нанесение телесных повреждений, чтобы воспрепятствовать избирателю явиться в назначенный для выборов день в помещение для голосования. Или незаконное лишение свободы лица, чтобы воспрепятствовать таким образом участию в голосовании. В таких случаях налицо будет совокупность преступлений: воспрепятствование гражданину в осуществлении его избирательного права и преступление против личности (в приведенных примерах нанесение телесных повреждений, незаконное лишение свободы).

Под психическим насилием, применяемым в целях воспрепятствования гражданину осуществить его избирательное право, следует понимать угрозу и обман, на которые прямо указывается в ст. 111 Положения о выборах.

Например, угроза избирателю избиением с целью заставить его отказаться от голосования, или с целью заставить его голосовать за определенного кандидата вопреки желанию избирателя. Угроза в таких случаях должна быть действительной, т. е. такой, которая способна была бы оказать достаточно мотивирующее воздействие на лицо в смысле воспрепятствования ему осуществить избирательное право. К такого рода угрозам следует отнести 1) угрозу учинения насилия над личностью, 2) угрозу истребления имущества и 3) угрозу оглашения позорящих сведений.

Воспрепятствование осуществлению гражданином его избирательного права путем обмана будет иметь место в тех случаях, когда путем введения кем-либо в заблуждение избирателя, последний фактически лишается возможности осуществить свое избирательное право или возможности осуществить его по своему личному усмотрению. Например, путем введения в заблуждение избирателя относительно порядка заполнения избирательного бюллетеня избиратель фактически лишается участия в голосовании. Или, например, пользуясь неграмотностью избирателя, какое-либо лицо заполняет бюллетень за неграмотного избирателя не в соответствии с желанием последнего.

Воспрепятствование, наконец, может быть совершено и путем подкупа. На этот способ воспрепятствования также указывает ст. 111 Положения о выборах. Например, за определенное материальное вознаграждение какое-либо лицо склоняет избирателя отказаться от участия в выборах, или склоняет голосовать за определенного кандидата, или склоняет снять свою кандидатуру.

Для состава рассматриваемого преступления требуется самый факт учинения препятствий осуществлению гражданином его избирательного права. Вопрос о том, лишился ли фактически в результате воспрепятствования гражданин своего избирательного права или не лишился, не имеет значения для состава преступления. Результаты воспрепятствования могут влиять лишь на определение наказания за рассматриваемое преступление.

Субъектом рассматриваемого преступления может быть всякое физическое лицо. В тех случаях, когда субъектом воспрепятствования в осуществлении гражданином его избирательного права является должностное лицо совета или член избирательной комиссии, уголовная ответственность должна наступать за должностное преступление.

С субъективной стороны воспрепятствование предполагает деятельность исключительно умышленную. В содержание умысла входит: 1) сознание лица, что им учиняется препятствование в осуществлении гражданином его законного избирательного права и 2) желание учинить такое препятствие.

Мотивы, по которым учиняется препятствие, не имеют значения для состава преступления.

Неосторожное воспрепятствование гражданину в осуществлении им избирательного права не может дать состава рассматриваемого преступления.

Согласно ст. 111 Положения о выборах воспрепятствование осуществлению гражданином его избирательных прав карается лишением свободы на срок до 2 лет.

ПОДДЕЛКА ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ СОВЕТА ИЛИ ЧЛЕНАМИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ПРОИЗВОДСТВО ЗАВЕДОМО НЕПРАВИЛЬНОГО ПОДСЧЕТА ГОЛОСОВ.

Если незаконное участие в выборах, а также воспрепятствование гражданину СССР в осуществлении его избирательного права вносят серьезную дезорганизацию в процесс создания советов депутатов трудящихся и в частности в процесс создания Верховного Совета СССР, то еще больший ущерб этому может быть нанесен незаконными действиями должностными лицами совета или членами избирательной комиссии. Незаконно используя при производстве выборов свои огромные права и полномочия, предоставленные Положением о выборах, должностные лица совета или члены избирательной комиссии могут причинить значительный вред всей избирательной кампании. Вот почему Положение о выборах в Верховный Совет СССР выделяет специальный состав о злоупотреблениях должностными лицами совета или членами избирательной комиссии предоставленными им правами при выборах, устанавливая за этот вид посягательства на советскую избирательную систему жесткое наказание.

Ст. 112 Положения о выборах в Верховный Совет СССР гласит: «Должностное лицо совета или член избирательной комиссии, совершившие подделку избирательных документов или заведомо неправильный подсчет голосов, караются лишением свободы на срок до 3 лет».

С объективной стороны состав рассматриваемого преступления заключается в совершении подделки избирательных документов или неправильном подсчете голосов.

Под избирательными документами, о подделке которых говорится в ст. 112 Положения о выборах, следует понимать документы, перечисленные в п. «в» ст. 36 Положения о выборах. Эти документы следующие: 1) удостоверения на право голосования, выдаваемые согласно ст. 15 Положения о выборах избирателям при перемене ими места своего пребывания; 2) избирательные бюллетени и конверты, получаемые избирателями в день выборов и опускаемые ими при голосовании в избирательные ящики; 3) списки избирателей, составляемые советами депутатов трудящихся и вывешиваемые для всеобщего обозрения; 4) протоколы по подсчету голосов, составляемые избирательными комиссиями в соответствии со ст.ст. 92, 93, 100 и 101 Положения о выборах и 5) удостоверения об избрании, выдаваемые избранным в депутаты Совета Союза или в депутаты Совета Национальностей на основании ст.ст. 105 и 106 Положения о выборах. Формы всех перечисленных документов устанавливаются единые для всего Советского Союза Центральной избирательной комиссией по выборам в Верховный Совет СССР. К избирательным документам следует также отнести и счетные листы, составляемые согласно ст. 89 Положения о выборах избирательными комиссиями на каждого кандидата в Совет Союза и Совет Национальностей. Подделка любого из указанных документов и будет давать состав рассматриваемого преступления.

Подделка избирательных документов может заключаться в полном изготовлении фальшивого избирательного документа, сходного с соответствующим законным избирательным документом. Сюда подойдут, например, случаи изготовления подложных удостоверений на право голосования, изготовление подложных избирательных бюллетеней и конвертов, изготовление подложных удостоверений об избрании и т. д.

Подделка избирательных документов может состоять также и в фальсификации избирательных документов, т. е. во внесении в законный избирательный документ заведомо лживых сведений или в изменении содержания и характера избирательного документа путем подчистки, подделки или всякими иными способами. Сюда, например, подойдут случаи вписания в удостоверение на право голосования фамилии лица, лишенного избирательного права. Или случаи вписания фамилии лишенного избирательного права или лица, забаллотированного при голосовании, в удостоверение об избрании. Сюда же подойдут и случаи внесения путем подлога в избирательные списки лиц, лишенных избирательных прав, или внесение одного и того же избирателя в два или большее количество избирательных списков. Сюда же, наконец, подойдут и все случаи фальсификации протоколов голосования: внесение ложных сведений о числе избирателей, подавших голоса, о результатах подсчета голосов по каждому кандидату и т. п.

Нами указывается, конечно, лишь примерный перечень возможных случаев подделки избирательных документов, предусмотренный ст. 112 Положения о выборах.

Советский закон считает подделку избирательных документов настолько опасным деянием, что для полного и оконченного состава рассматриваемого преступления достаточно одного лишь факта подделки избирательных документов, независимо от тех последствий, которые наступили или которые могли насту-

пить. Поэтому для состава преступления является безразличным, например, вопрос о том, успело ли должностное лицо совета выдать кому-либо подделанный им избирательный документ или не успело, или воспользовалось ли лицо полученным подделанным документом или нет. Вопрос о последствиях подделки избирательных документов может иметь лишь значение при определении наказания за рассматриваемое преступление.

Неправильным подсчетом голосов, о котором также говорится в ст. 112 Положения о выборах, следует считать подсчет голосов не в соответствии с фактическим количеством поданных голосов. Неправильность подсчета голосов может состоять как в преуменьшении при счете количества фактически поданных голосов, так и в преувеличении этого количества. Неправильный подсчет голосов может относиться как к количеству голосов, поданных за каждого кандидата, так и к общему количеству голосов, поданных по избирательному участку или округу. Для состава преступления не имеет значения, был ли учинен неправильный подсчет голосов по выборам в Совет Союза или же по выборам в Совет Национальностей.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление предполагает деятельность исключительно умышленную. Последнее в одинаковой степени относится как к подделке избирательных документов, так и к неправильному подсчету голосов. В ст. 112 Положения о выборах специально указывается на з а в е д о м о (разрядка наша. — **В. М.**) неправильный подсчет голосов, т. е. предполагается наличие сознания у должностного лица или члена избирательной комиссии, что ими производится неправильный подсчет голосов. Поэтому ошибочно произведенный неправильный подсчет голосов не может дать состава рассматриваемого преступления. Точно так же и при подделке избирательных документов предполагается наличие сознания у должностного лица, что им изготовляется подложный избирательный документ, или фальсифицируется законный избирательный документ.

В ст. 112 Положения о выборах нет указаний на цели, преследуемые подделкой избирательных документов или неправильным подсчетом голосов. Поэтому для состава преступления не имеют значения мотивы, по которым должностное лицо или член избирательной комиссии подделывал избирательный документ или производил неправильный подсчет голосов. Мотивы подделки или неправильного подсчета голосов должны иметь лишь значение при определении наказания за рассматриваемое преступление.

Субъектом преступления являются должностные лица совета и члены избирательной комиссии. На эти две категории субъектов преступления прямо указывается в ст. 112 Положения о выборах. Под должностными лицами совета следует понимать, применительно к рассматриваемому преступлению, не только председателей и членов совета, но и всех лиц, занимающих то или иное служебное положение в совете, связанное с наличием определенных прав и полномочий.

К членам избирательной комиссии, о которых говорится в ст. 112 Положения о выборах, относятся члены любой из перечисленных в главе V Положения о выборах избирательных комиссий (Центральной, республиканской, окружной, участковой и т. д.).

Частные лица, оказывающие то или иное содействие должностным лицам совета или членам избирательной комиссии в совершении последними подделки избирательных документов или же подстрекающие к совершению преступлений, предусмотренных ст. 112 Положения о выборах, должны привлекаться как соучастники рассматриваемого преступления.

Карается подделка должностными лицами совета или членами избирательной комиссии избирательных документов так же, как и заведомо неправильный подсчет голосов, довольно суровым наказанием — лишением свободы на срок до 3 лет.

Анализируя состав преступления, предусмотренный ст. 112 Положения о выборах, следует иметь в виду, что уголовная ответственность должностных лиц совета или членов избирательной комиссии за возможные при выборах с их стороны преступные злоупотребления отнюдь не исчерпывается только что рассмотренным составом преступления. Ст. 112 Положения о выборах говорит лишь о частных и специальных случаях злоупотребления должностными лицами совета и членами избирательной комиссии предоставленными им при выборах полномочиями. Это, однако, ни в коей мере не исключает, а наоборот, предполагает возможность конструирования уголовной ответственности должностных лиц совета и членов избирательной комиссии и по статьям о должностных преступлениях уголовных кодексов союзных республик в случае совершения этими лицами каких-либо должностных преступлений, связанных с выборами и не охватываемых ст. 112 Положения о выборах. Так, например, такие действия, как невключение председателем совета в избирательные списки всех глухих, немых и инвалидов или назначение особых «уполномоченных» по подбору кандидатов, которые, минуя советские общественные организации, сами «выбирают» кандидатов в Верховный Совет СССР[1], и т. п., должны квалифицироваться по ст. 109 или ст. 110 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, как типичные и весьма при этом опасные должностные преступления.

Таково действующее советское уголовное законодательство по охране правильности и неприкосновенности установленного Конституцией СССР и советским избирательным законом порядка выборов.

Органы суда и прокуратуры, памятуя исторические слова тов. Сталина о том, что «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было», должны твердо, точно и неуклонно применять законы, направленные против всех тех, кто в той или иной форме осмелится посягать на избирательную систему социалистического государства.

[1] «Известия ЦИК СССР» от 27 октября 1937 г.

С. А.

Социалистическая демократия и советы

Сталинской Конституцией победившего социализма и новым избирательным законом социалистического государства перед всеми организациями трудящихся как государственными, так и общественными, поставлены в высшей степени ответственные задачи. Новая эпоха советской социалистической демократии означает, что диктатура пролетариата стала более мощной и более гибкой системой государственного руководства обществом со стороны рабочего класса. База пролетарской диктатуры расширяется, ее основа становится более прочной, СССР стал неприступной крепостью социализма, великой государственной, политической, экономической и культурной силой, усиливается политическая активность масс, в управление государством вовлекаются все новые и новые силы трудящихся, повысился авторитет коммунистической партии, усилилась ее руководящая роль.

* * *

Советская государственность в широком смысле — это система массовых общественных организаций, приводимых в движение и направляемых единой руководящей силой — великой партией Ленина—Сталина.

Товарищ Сталин пишет: «Теперь нам нужно поговорить о диктатуре пролетариата с точки зрения ее строения, с точки зрения ее «механизма», с точки зрения роли и значения тех «приводов», «рычагов» и «направляющей силы», совокупность которых составляет «систему диктатуры пролетариата» (Ленин) и при помощи которых осуществляется повседневная работа диктатуры пролетариата» [1].

Систему или механизм диктатуры пролетариата товарищ Сталин рисует в следующем виде: «Итак, — говорит он, — профсоюзы, как массовая организация пролетариата, связывающая партию с классом, прежде всего по линии производственной; советы, как массовая организация трудящихся, связывающая партию с этими последними, прежде всего по линии государственной; кооперация, как массовая организация, главным образом, крестьянства, связывающая партию с крестьянскими массами, прежде всего, по линии хозяйственной, по линии вовлечения крестьянства в социалистическое строительство; союз молодежи, как массовая организация рабочей и крестьянской молодежи, призванная облегчить авангарду пролетариата социалистическое воспитание нового поколения и выработку молодых резервов; и, наконец, партия, как основная направляющая сила в системе диктатуры пролетариата, призванная руководить всеми этими массовыми организациями, — такова, в общем, картина «механизма» диктатуры, картина «системы диктатуры пролетариата» [2].

Партия в системе диктатуры пролетариата является направляющей силой, партия приводит в движение весь механизм диктатуры пролетариата, охватывает все приводы, все рычаги и направляет движение масс по необходимому пути. Без партии Ленина-Сталина как основной руководящей силы была бы немыслима победа трудящихся и торжество социализма в нашей стране. Отъявленные враги народа, злейшие враги советской власти и социализма выступали не раз против руководящей роли коммунистической партии. Так было в дни кронштадтского мятежа в 1921 г., когда вокруг лозунга «Советы без коммунистов» собиралась контрреволюционная нечисть старого мира, выброшенная пролетарской революцией за порог советского государства. Подлейшие враги народа контрреволюционеры троцкисты и их правооппортунистические сообщники, реставраторы капитализма, шпионы и вредители пытались с разных сторон разъедать направляющую силу коммунистической партии и подорвать этим диктатуру пролетариата и, действуя самыми подлыми методами двурушничества, шпионажа и вредительства, по прямым указаниям фашистской агентуры и белогвардейщины пытаются ослабить руководящую роль нашей партии. Великая партия Ленина—Сталина несокрушима. Руководимое ею советское государство способно на-смерть сразить врагов народа.

В Сталинской Конституции СССР направляющая и руководящая роль коммунистической партии выражена в статье 126.

О руководящей, направляющей роли нашей партии Ленин еще в 1905 г. писал: «Новоискровцы могут сносно описывать и объяснять процесс происходящей у них на глазах борьбы, но совершенно не могут дать правильного лозунга в этой борьбе. Усердно маршируя, но плохо руководя, они принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действенной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов» [1].

Наша партия — это ум, честь и совесть всей эпохи. Все лучшее, что имеется в советском обществе, концентрируется в партии Ленина — Сталина. Наша партия, опирающаяся на самые широкие слои трудящихся масс, пользуется безграничным авторитетом и неиссякаемой любовью всего народа. Еще более тесное объединение трудящихся мас вокруг любимейшего вождя нашей партии — гения современного человечества, творца новой Конституции, великого Сталина, — результат наших всемирно-исторических побед, безграничного авторитета нашей партии и ее сталинского Центрального комитета, неиссякаемой любви и заботы о людях. Широкий размах энтузиазма, героизм и творчество многомиллионных трудящихся масс, высокий подъем уровня социалистического сознания, расцвет социалистического гуманизма и беспредельной любви к своей родине, глубокое чувство советского

[1] Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. X, стр. 113—114.

[2] Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 116.

[1] Ленин, т. VIII, стр. 52.

патриотизма, говорят о великой революционной творческой, направляющей и руководящей роли коммунистической партии.

Партия умело руководит всеми органами рабочего класса и трудящихся масс. Она определяет линию работы всех организаций трудящихся, всей системы диктатуры рабочего класса.

В связи с принятием Сталинской Конституции и поворотом в политической жизни нашей страны пленум ЦК ВКП(б) (февраль—март 1937 г.) указал конкретные пути и методы перестройки партийно-политической работы. «Что требуется от партии для того, чтобы она могла стать во главе этого поворота, во главе новых, до конца демократических выборов? Для этого требуется, чтобы партия сама проводила последовательно демократическую практику, чтобы она проводила до конца во внутрипартийной жизни основы демократического централизма, как этого требует устав партии, чтобы она сама имела необходимые условия, в силу которых все органы партии являлись бы выборными, чтобы критика и самокритика развивались в полной мере, чтобы ответственность партийных органов перед партийной массой была полная и чтобы сама партийная масса была полностью активизирована»[1].

Существенно должна перестроиться работа всех рычагов и приводов в системе диктатуры рабочего класса.

* * *

Советы — государственная форма диктатуры пролетариата. Советы — это непосредственные органы диктатуры пролетариата и в то же время самые широкие массовые организации трудящихся. Советы депутатов трудящихся — политическая основа СССР. Советы как социалистическая форма политической организации рабочего класса являются самой широкой массовой организацией. В работе советов могут принимать участие все трудящиеся. А это означает самую широкую, небывалую в истории демократию, при которой весь народ поголовно может принимать участие в управлении государством.

Особенностью нашего государственного аппарата является то, что между советским государственным аппаратом и трудящейся массой нет противоположности, нет непреодолимого барьера. Советский государственный аппарат теснейшим образом связан с массой, и эта связь выражается в таком положении советов, когда они и непосредственные органы государственной власти и в то же время самые широкие массовые организации трудящихся.

Ленин так определил характерные особенности советов как нового типа государственного аппарата: «Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ни-чем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение»[1].

Ленинское учение о советах конкретизировано, обогащено и развито товарищем Сталиным.

«Советы, — говорит товарищ Сталин, — есть массовая организация всех трудящихся города и деревни. Это есть организация не партийная... Через советы проходят все и всякие мероприятия по укреплению диктатуры и строительству социализма. Через советы осуществляется государственное руководство крестьянством со стороны пролетариата. Советы соединяют миллионные массы трудящихся с авангардом пролетариата»[2].

Возникает вопрос, все ли указания Ленина и Сталина нами осуществляются в конкретной работе советов, все ли решения партии по вопросам развития и укрепления работы советами проводятся в жизнь?

Необходимо отметить, что многое из прекрасных указаний Ленина и Сталина и замечательных решений нашей партии и правительства не выполняется, искажается, предается забвению, заслоняется преступным благодушием отдельных работников советского государственного аппарата.

Часто в практической жизни великие принципы советского социалистического демократизма нарушаются.

Важнейшим условием советского демократизма является привлечение широких масс трудящихся к управлению государством. На деле, несмотря на все возрастающую активность трудящихся масс во время избирательных кампаний, мы все еще далеки от полного осуществления этой великой задачи. Не все трудящиеся еще принимают участие в управ-

[1] Резолюция пленума ЦК ВКП(б) по докладу тов. Жданова.

[1] Ленин, т. XXI, стр. 258.

[2] Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 114—115.

лении государством. Для осуществления этой задачи необходимы конкретные условия и большая активная воспитательная работа. Делу управления государством необходимо учиться и учить других.

Ленин писал:

«Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту»[1].

Ведь не напрасно Ленин с исключительной настойчивостью требовал учиться, учиться и еще раз учиться. А это у нас часто забывают, полагая, что трудящиеся сами по себе, стихийно, самотеком, без всякого руководства могут стать активными и сознательными строителями социализма, активными деятелями социалистического государства.

Советская Конституция всегда предусматривала и предусматривает тесную связь между избирателями и депутатами. Но не всегда избиратели интересуются работой избранных ими депутатов, а депутаты не всегда считают своей обязанностью отчитываться перед избирателями. Самокритика в этом отношении не всегда имеет место и не всегда достаточно развернута. Отчеты депутатов во многих случаях носят формальный характер. Избиратели не всегда самокритику доводят до конца и лишь в редких случаях применяют право отзыва депутатов. Формализм и отсутствие широко развернутой самокритики приводят к отрыву депутата от избирателей, казенному благодушию и притуплению классовой бдительности.

Советский государственный аппарат, построенный на основе широкого участия трудящихся в управлении, выборности и сменяемости депутатов и большевистской самокритики, не может быть бюрократическим. Тем не менее, на практике мы часто встречаемся с бюрократическими извращениями. Борьба с пережитками бюрократизма является одной из серьезнейших и неотложных задач.

«Задача, — говорил Сталин, — состоит в том, чтобы разбить бюрократизм в наших учреждениях и организациях, ликвидировать бюрократические «нравы» и «обычаи» и расчистить дорогу для использования резервов нашего строя, для развертывания творческой инициативы и самодеятельности масс».

«Задача эта, — предупреждал Сталин, — нелегкая. Ее не разрешить «в два счета». Но ее нужно разрешить во что бы то ни стало..

В борьбе с бюрократизмом работа партии идет по четырем линиям: по линии развертывания самокритики, по линии организации дела проверки исполнения, по линии чистки аппарата, и, наконец, по линии выдвижения снизу в аппарат преданных работников из людей рабочего класса»[2].

В высшей степени ответственные задачи возложены на советских служащих, работников советского государственного аппарата. Советский государственный работник за годы существования советской власти многому научился. Кадры советских работников пополнились молодыми людьми нового поколения сталинской эпохи. Советские люди почувствовали себя творцами новой жизни, ее хозяевами. Сломав тяжелые преграды, разбив рутину и пережитки «чиновничьих» отношений, они существенно перестроили и укрепили наш государственный строй, воплощенный в Сталинской Конституции победившего социализма. Советское учреждение — их любимое рабочее место для инициативы, творчества и беспредельного проявления своих сил и способностей. Интересы государства для них превыше всего.

Но несмотря на все это, в советских учреждениях часто можно встретить серьезные неполадки и извращения. А дело ведь в людях. Политическая отсталость, зазнайство, беспечность и благодушие, невнимание к подчиненным, пренебрежение к посетителям, грубость и «казенщина» в обращении — вот черты, характеризующие кое-кого из работников наших учреждений. Понятно, что подобные «работники» широко используются классово враждебными элементами, шпионами и диверсантами для осуществления за их спиной, при их попустительстве и халатности контрреволюционной деятельности против партии и советской власти.

Вот почему важнейшей задачей, лозунгом дня, звеном, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь, служит овладение большевизмом, воспитание политической бдительности, умение раскрыть притаившегося врага.

Товарищ Сталин нас учит:

«Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили этой глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем».

«Ошибка, — говорит он, — некоторых наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили, не поняли всей этой разницы между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и троцкистами и, не заметив этого, не сумели во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с новыми вредителями по-новому»[1].

Задача советского работника заключается в том, чтобы, воспитывая других, учиться самому у масс. Прекрасным примером в этом отношении, величайшим достижением сталинской эпохи и новой формой советской демократии являются многочисленные беседы и совещания руководителей партии и правительства, во главе с товарищем Сталиным, с представителями национальных республик и областей, самых разнообразных отраслей социалистического строительства и советской общественности.

Эта форма демократии, поднимая на небывалые высоты политического значения инициативу и лучшие достижения передовых людей нашей страны, героев труда, бесстрашных патриотов социалистической родины, строителей и организаторов социалистического общества, дает им стимул к дальнейшей работе и указывает ясные перспективы дальнейшей борьбы за новые всемирно-исторические победы.

Руководители же партии и правительства, непосредственно общаясь с лучшими людьми своей родины, сами многому учатся.

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 266.

[2] Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 402.

[1] Сталин, Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г., Партиздат 1937 г., стр. 14 и 16.

Эта взаимная учеба в классической форме выражена словами великого Сталина на I всесоюзном совещании стахановцев.

«Стало быть, — говорил он, — мы, руководители партии и правительства, должны не только учить рабочих, но и учиться у них. Что вы, члены настоящего совещания, кое-чему поучились здесь, на совещании, у руководителей нашего правительства, — этого я не стану отрицать. Но нельзя отрицать и того, что и мы, руководители правительства, многому поучились у вас, у стахановцев, у членов настоящего совещания. Так вот, спасибо вам, товарищи, за учебу, большое спасибо!» [1].

Только у нас, в нашем государстве существуют неиссякаемая любовь, взаимное доверие и взаимная учеба между руководителями партии и правительства и представителями народа.

Этот сталинский принцип взаимной учебы должен служить непреложным залогом во взаимоотношениях между советскими работниками и массой трудящихся, между старшими и младшими, высшими и низшими работниками советского государственного аппарата.

Ленин и Сталин учили и неоднократно подчеркивали необходимость соблюдения и осуществления твердой социалистической законности. Права и обязанности граждан советского государства закреплены в Великой Сталинской Конституции. Сталинской Конституцией СССР закреплена более высокая ступень проведения революционной законности во всей системе построения и деятельности органов советской власти. На новую, более высокую ступень своего развития поднята революционная законность. В своей беседе с Уэлсом товарищ Сталин, характеризуя отличительные черты пролетарской революции, указывал, что «новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком» [2].

Ленин обращал особое внимание на осуществление революционной законности, требуя принятия самых решительных мер по отношению к нарушителям нового, социалистического правопорядка. Ленин считал, что «основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности являются попустительство исконно-русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской» [3], между тем как законность должна быть одна.

Острие революционной законности направлено на борьбу с расхитителями социалистической собственности, нерушимой основы советского государства. Одновременно с этим необходимо вести решительную борьбу против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Необходимо со всей строгостью революционной законности беспощадно поражать подлых предателей и врагов народа, белобандитские охвостья троцкистско-зиновьевских вредителей — контрреволюционеров и их правооппортунистических приспешников, заклятых врагов завоеваний Великой социалистической революции и советского строя, гнуснейших агентов фашизма, реставраторов капитализма, шпионов и диверсантов, карая измену социалистической родине по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.

Революционная законность, охраняя права личной собственности трудящихся, их культурную и зажиточную жизнь, неприкосновенность личности и жилища, героический труд и отдых, служит одним из средств перевоспитания, преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей.

Необходимо помнить слова Ленина, что «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества» [1].

Нарушения революционной законности, искажения принципов советской демократии приводят к самым возмутительным последствиям в практической работе советов.

Наиболее часто в советской работе встречаются следующие ненормальности, искажения советской демократии и нарушения социалистической законности.

1. Формально-бюрократическое понимание единоначалия в управлении, отрицающее живую связь с массой трудящихся, превращающее советского работника в бюрократа — вельможу.

2. Недостаточная активность секций советов и исполкомов, недостаточное развитие самокритики.

3. Подмена коллегиальности решений системой опроса.

4. Подмена демократических выборов практикой кооптации.

5. Формально-бюрократическое отношение к посетителям, недостаточная борьба за ликвидацию очередей.

6. Передоверие своих функций подчиненным, помощникам, секретарям и т. д. и переложение на них ответственности.

7. Недостаточное внимание вопросам учета, контроля и проверки исполнения.

8. Бездушно-формальное отношение к жалобам и отдельным замечаниям, сигнализирующим часто о неблагополучии, ошибках и т. д.

9. Превращение циркуляров, директив и законов в формальные бумажки для подшивки «к делу» или бюрократической отписки.

10. Отсутствие или недостаточность учета, изучения и воспитания кадров, индивидуального подхода к отдельным работникам.

11. Семейственность, подбор «своих людей», групповщина, взаимное покрывательство и замазывание ошибок вместо здоровой больше-

[1] Сталин, Речь на I всесоюзном совещании стахановцев, стр. 29—30.

[2] Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 611. Ленин, т. XXVII, стр. 299.

[1] Ленин, т. XXV, стр. 190.

вистской самокритики, разоблачения ошибок и воспитания кадров на живых примерах.

12. Необоснованные частые смещения, перемещения и переводы советских работников с места на место.

Вот в кратких чертах наиболее часто встречающиеся недостатки во многих наших советских учреждениях

Задача заключается в том, чтобы на основе Великой Сталинской Конституции СССР и нового социалистического избирательного закона, руководствуясь мудрыми указаниями товарища Сталина и решениями нашей партии, имеющиеся в советской работе недочеты изжить.

Б. БОРИСОВ

Гражданский процесс за 20 лет революции

Вопросы гражданского процесса подняты в свете Сталинской Конституции на огромную высоту.

Перестройка гражданского процесса настоятельно диктуется задачами, стоящими перед нами в области борьбы за неприкосновенность общественной, социалистической собственности, за укрепление социалистической системы хозяйства, за охрану и защиту гарантированных Конституцией прав граждан СССР в области имущественных и бытовых отношений.

На очереди перед нами стоит задача подготовки социалистического гражданско-процессуального кодекса Союза ССР. Чрезвычайно интересно поэтому проследить вкратце путь, пройденный советским гражданским процессом за годы революции, посмотреть, как на нем отражались особенности и специфические черты, характерные для отдельных этапов социалистического строительства.

Великая Октябрьская революция сдала на слом всю старую буржуазную государственную машину.

Задачи пролетарской революции по отношению к буржуазному государственному аппарату определялись т. Лениным следующим образом: «Овладеть» «государственным аппаратом» и «привести его в движение» пролетариат не может, но он может разбить все, что есть угнетательского, рутинного, неисправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место свой новый аппарат» [1].

В дореволюционном аппарате государственной власти одна из главных ролей несомненно принадлежала судебной системе — одному из основных орудий классового господства буржуазии. Совершенно естественно, что пролетарская революция не могла остановиться перед буржуазным судом. Она сдала его на слом так же, как и все буржуазные законы, которыми суд руководствовался в своей деятельности.

24 ноября 1917 года был опубликован исторический декрет о суде № 1.

Вот как П. И. Стучка его характеризует: «Развенчана Фемида. Низложена и объявлена вне пролетарского закона эта продажная богиня буржуазного правосудия. Из ее рук пролетариатом вырван жестокий меч, и ее фальшивые весы сданы в музей революции. А на костре горят ее законы и сенатские разъяснения. Таково было краткое содержание коротенького декрета № 1» [1]. Этим декретом были уничтожены все общие суды, прокуратура, адвокатура и приостановлена деятельность мирового суда; последний заменялся местным судом в составе постоянного судьи и двух очередных заседателей.

В этом же декрете мы имеем уже первые процессуальные нормы; апелляционная инстанция уничтожена. Необходимо отметить, что эта принципиальная установка не подвергалась ревизии на протяжении всех последующих лет революции. И на сегодняшний день советский процесс отстаивает целесообразность существования лишь одной инстанции, рассматривающей дело по существу. Декрет установил подсудность местному суду гражданских дел до 3 тысяч рублей. Что касается законов, которыми суд должен был руководствоваться, то декрет устанавливал, что законами свергнутых правительств можно руководствоваться лишь постольку, поскольку таковые «не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». До 1923 года, т. е. до первых лет новой экономической политики, гражданско-процессуальные нормы не были самостоятельно документированы. Судоустройственные и процессуальные нормы (как уголовные, так и гражданские) фиксировались в единых законодательных актах. Для периода военного коммунизма такими документами служили «Положения о народном суде» 1918—1920 г.г. (если не считать специальных законов, регламентировавших деятельность трибунальной юстиции).

Если по линии уголовных дел имели место дополнительные инструкции и разъяснения, то в отношении гражданских дел действовало исключительно «Положение о народном суде» с его немногочисленным нормативным материалом.

Совершенно естественно, что в период военного коммунизма, когда все силы страны были мобилизованы на борьбу с капиталистической интервенцией и внутренней контрреволюцией, когда с оружием в руках приходилось отстаивать самое существование первого в мире советского государства, — центром

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 257.

[1] Стучка, Годовщина 1 декрета о суде. «Правда» 1918 г., № 266.

внимания в суде были уголовные, а не гражданские дела.

Удельный вес гражданских дел в этот период объяснительная записка к проекту ГПК, направленная в 1923 г. НКЮ РСФСР в президиум ВЦИК, характеризует следующим образом: «Если жизнь такой громадной страны, как наша, с первого же момента революции не позволяла приостанавливать уголовной репрессии и аппарат уголовного судопроизводства не остановил вследствие этого своей работы ни на один день, то того же нельзя сказать о деятельности советского суда в области гражданских дел на протяжении первых трех лет нашей власти, когда в обстановке, так называемого, военного коммунизма имущественный оборот почти отсутствовал и для гражданских споров оставался незначительный простор. Они сводились или к незначительным по размерам и простым по своей обстановке претензиям между отдельными гражданами по спорам об уплате содержания нетрудоспособным членам семьи, по разделу семейного имущества, по уплате вознаграждения за мелкую ремесленную работу и т. п. искам, не выходящим из круга домашнего обихода».

В другом месте этой же записки говорится, что «Положение о народном суде» было рассчитано «на простоту имущественных отношений». В этой связи необходимо напомнить, что троцкистской клеветой является утверждение, будто период военного коммунизма вообще не знал гражданского права. Для этого достаточно вспомнить хотя бы те ответственнейшие законодательные акты, которые были посвящены вопросам гражданского права. Вспомним первый кодекс законов о труде, кодекс об актах гражданского состояния, декрет об отмене наследования, земельные законы и др. Да и народные суды были завалены гражданскими делами.

Таким образом, речь идет не о том, — существовало или нет гражданское право в период военного коммунизма; речь идет лишь об относительном удельном весе и характере этой категории правоотношений в те годы.

Несмотря на лаконический характер «Положения о народном суде», оно уже в себе содержало ряд принципиальных процессуальных положений, выдержавших «испытание» всех дальнейших лет революции. Эти положения несколькими годами позже были положены в основу ГПК (1923 г.). В первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что, как и декрет о суде № 1, «Положение о народном суде» 1920 г. устанавливало коллегиальный состав суда для разбора гражданских дел, кроме дел так называемого «бесспорного производства».

Так, согласно ст. 8 «народный суд в составе постоянного народного судьи и двух очередных народных заседателей рассматривает все остальные уголовные и гражданские дела»; «Положение» объявляет источником решения «социалистическое правосознание».

В ст. 22 говорится: «При решении дел народный суд применяет декреты рабоче-крестьянского правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового, — руководствуется социалистическим правосознанием».

Этот критерий, впервые выдвинутый декретом о суде № 1 и повторенный в «Положении», продолжает быть по существу одним из основных источников судебного решения и по сей день. На смену буржуазно-юридическому мировоззрению пришло социалистическое правосознание, способное обеспечить правильное толкование закона, верную оценку судебных доказательств и успешную борьбу за социалистическую законность в стране.

Из общих начал судопроизводства, зафиксированных в «Положении», отметим те из них, которые уже тогда прокламировали активную роль суда в гражданском процессе, скорость последнего и необходимость последовательной борьбы с формализмом.

В силу ст. 24 «народный суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для коих такое требование обязательно»; согласно ст. 25 «не допускаются формальные отводы по гражданским делам о смешении и дроблении исков», в силу ст. 26 «тяжущимся разрешается во все время производства дел как изменять основания иска (главного и встречного), так и расширять иски новыми требованиями и привлекать к делу на сторону истца или ответчика новых лиц»; согласно ст. 59 «неявка сторон, обвиняемого или свидетелей без уважительных причин, не останавливает разбор дела, если явка их в суд не будет признана судом обязательной»; и, наконец, ст. 61 устанавливает, что «заочные приговоры и решения могут быть обжалованы лишь в кассационном порядке на общем основании».

Содержание всех перечисленных статей почти полностью было перенесено в будущий ГПК.

Это — знакомые нам ст.ст. 2, 98 и 118—129 ГПК.

Ст. 61 «Положения» установила отрицательное отношение к институту отзывов на заочные решения, воспринятое впоследствии и ГПК. И по линии института обжалования «Положение» выставило такие принципы, которые вошли в «железный инвентарь» советского гражданского процесса.

Так, в «Положении» подтверждается уничтожение апелляционной инстанции.

Согласно ст. 76 «приговоры и решения народного суда являются окончательными и могут быть обжалованы в кассационном порядке в совет народного суда заинтересованными в деле лицами и учреждениями».

Согласно ст. 92 «совет народных судей при рассмотрении дела не связан пределами кассационной жалобы и поводами, в ней указанными».

Согласно ст. 94 «указания, сделанные советом народных судов, в мотивах к отмене приговора или решения обязательны для суда, пересматривающего дело». Отметим еще две статьи, правильно разрешавшие вопрос о национальном языке судоговорения и борьбе с недобросовестностью стороны в процессе.

Согласно ст. 21 «в Российской социалистической федеративной советской республике допускается судоговорение на всех местных языках».

В силу ст. 96 «народный суд имеет право подвергать стороны за недобросовестный иск и спор штрафу в доход республики». Рамки единого процессуального документа, регламентировавшего деятельность суда одновременно по уголовным и гражданским делам, не могли не повлиять на «специфику» гражданского процесса. Термины и принципы, применимые к уголовному процессу, оказались искусственно «навязанными» и гражданскому процессу. Так, согласно ст. 73 «по выслушании последнего слова» суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора (по уголовному делу) или решения (по гражданскому делу).

Надо ли доказывать, что объяснения ответчика ничего общего не имеют по содержанию своему и характеру с «последним словом обвиняемого»?

«Положение о народном суде» действовало до января 1923 г., т. е. до опубликования Наркомюстом инструкции «об основных нормах гражданского процесса».

В первые годы нэпа гражданский оборот в стране значительно вырос; удельный вес гражданских дел в судах стал расти и занимать все большее место. Чрезвычайно осложнилась и стала политически более ответственной работа суда по разбору гражданскоправовых конфликтов.

«Это был первый период нэпа, — говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов, — когда советская власть допустила некоторое оживление капитализма при всемерном развитии социализма, когда она рассчитывала на то, чтобы в ходе соревнования двух систем хозяйства, капиталистической и социалистической, организовать перевес социалистической системы над капиталистической. Задача состояла в том, чтобы в ходе этого соревнования укрепить позиции социализма, добиться ликвидации капиталистических элементов и завершить победу социалистической системы, как основной системы народного хозяйства» [1].

В 1922 г. была проведена реформа судоустройства, приведшая, в частности, к созданию гражданских коллегий в губернских и Верховном судах; в том же году был принят и ряд кодексов (уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный). НКЮ не успел подготовить проект ГПК и издал временную инструкцию «Об основных нормах гражданского процесса». По поводу этой инструкции необходимо отметить, что это была первая попытка построения самостоятельной системы советского гражданского процесса.

На протяжении всех прошлых лет судопроизводственные нормы излагались в общих и единых документах; здесь впервые дается определение характера дел, подсудных гражданскому суду. «Все дела», — говорится в инструкции, — «для разрешения которых должно быть установлено право истца и по коим могут последовать возражения с чьей-либо стороны, должны непременно разбираться в исковом порядке с вызовом сторон». Специфика гражданского процесса видна также и из п.п. 6 и 7 инструкции, устанавливающих, что «распорядительные заседания по гражданским делам не устраиваются» и «что прекращение дел вследствие неявки истца не допускается».

Пункт 12 дает уже понятие о повороте судебного решения. К сожалению, содержание этого пункта не вошло впоследствии в ГПК из-за тенденции составителей к «экономии» в количестве статей. Весь 1923 г. проходит в НКЮ под знаком подготовки ГПК РСФСР.

Остановимся ниже на некоторых вопросах, связанных как с подготовкой и прохождением проекта ГПК, так и с принципиальными установками, нашедшими свое отражение в действующем ГПК.

В связи с нынешней подготовкой союзного ГПК не безынтересно будет ознакомиться с некоторыми предложениями, выдвигавшимися первоначальным проектом ГПК 1923 г. и не вошедшими в окончательный вариант. Некоторые из этих предложений имели бы сейчас несомненно актуальное значение. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в проекте фигурировал ряд дефиниций отдельных процессуальных понятий, которые потом в ГПК уже не оказались.

Так, ст. 131 определяла, что «доказательствами по делу признаются те факты и обстоятельства, которые судом могут быть положены в основание решения дела; ст. 222 проводит следующее различие между понятиями «решение» и «определение»; «суд разрешает исковые требования решениями; по частным вопросам, возникающим во время производства дел, требующим разрешения, суд выносит определения».

В последнее время в Институте юридических наук происходила дискуссия о критериях оценки доказательств со стороны советского суда; в действующем ГПК нет прямого ответа на вопрос, чем руководствуется суд при оценке доказательств. Первоначальный же проект ГПК дал совершенно точный ответ на этот вопрос: так, согласно ст. 135 «доказательства оцениваются судом по свободному внутреннему убеждению»; ст. 196 устанавливает, что «заключение экспертов подлежит свободной оценке суда в связи со всеми обстоятельствами дела».

Приведем ниже некоторые предложения, над которыми стоит задуматься и сейчас. Судебная практика сигнализирует нам, что постановления суда об обеспечении исков не всегда правильно исполняются; ст. 56 проекта предусматривала такие случаи; она устанавливала, что «за недобросовестное исполнение постановлений суда о воспрещении в порядке обеспечения иска или доказательств совершить какое-либо действие, сторона подвергается штрафу в размере от 100 до 1 000 руб. или принудительным работам на срок до шести месяцев»; самые формы обеспечения иска были там более широкими, чем в действующем ГПК; так, согласно ст. 95 «обеспечение иска состоит в наложении ареста на принадлежащее ответчику, находящееся у него или у третьих лиц имущество, в отобрании подписки о невыезде из места, где к ответчику может быть предъявлен иск, в воспрещении распоряжения строением или в воспрещении совершить определенные действия». Действующий же ГПК знает только одну форму обеспечения иска — наложение ареста на имущество.

[1] Сталин, О проекте Конституции, стр. 7.

Интересно был также поставлен вопрос об уголовной санкции за неплатеж алиментов. В настоящее время при злостном уклонении ответчика от алиментных платежей возбуждается уголовное дело. Иначе решала вопрос ст. 228 первоначального проекта: «Постановляя решение, — говорится в этой статье, — по делам о зарплате и алиментах, суд может постановить об аресте на срок не свыше трех месяцев на случай неисполнения решения добровольно».

Остановимся ниже на некоторых моментах, связанных с обсуждением проекта ГПК на 2 сессии ВЦИК X созыва.

Знакомясь с материалами того периода, приходишь к заключению, что составители прежде всего стремились к тому, чтобы ГПК был краток и содержал в себе возможно меньше статей. Эта погоня за малым количеством статей не могла не отразиться и на содержании кодекса. Докладчик на сессии т. Бранденбургский считал нужным даже подчеркнуть, что «наш проект содержит 317 статей, т. е. в пять раз меньше, чем старый Устав дореволюционного судопроизводства».

Эта краткость привела к тому, что целый ряд вопросов и институтов не получил вовсе отражения в кодексе или же получил в нем недостаточное отражение.

Для иллюстрации можно привести хотя бы то, что встречному иску посвящено всего лишь одно примечание к ст. 81 ГПК, что не говорится вовсе о таких институтах, как «установительный иск», «договорная подсудность», «отзыв на заочное решение», «поворот решения», «особое мнение», «мировые сделки» и др.

В кодексе нет регламентации судебного заседания, ничего не говорится о совещательной комнате, не сказано ничего о способах оценки доказательств и случаях прекращения дел.

В объяснительной записке НКЮ поэтому говорится, что ГПК «стремится наметить только основные вехи прохождения дел в суде», «что практика судов в области гражданского судопроизводства... наметит дальнейшие пути развития процесса, отбросив те нормы, которые будут признаны лишними, и широко развернув те принципы, которые окажутся необходимыми для правильной работы суда».

Тов. Прушицкий в тезисах своего доклада о ГПК, прочитанного в Институте советского права (журнал «Советская юстиция» № 46—47, 1922 г.), писал: «ГПК не является собранием правил, регулирующих каждое действие судьи в процессе, а руководящими началами, указателями общего характера..., отдавая предпочтение формуле «суд может» и предоставляя судейскому усмотрению главную роль».

В результате президиуму Верховного суда приходилось впоследствии вносить разъяснение за разъяснением; на практике приходилось прибегать «для консультации» и к УПК. Из материалов дальше видно, что НКЮ занимал неправильную позицию по вопросу так называемой диспозитивности.

Ленин в записке на имя т. Курского Д. И. писал в феврале 1922 г.: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государства. Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в «частно-правовые» отношения, расширить право государства отменять «частные договоры», применять не corpus juris romani к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание, показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как надо делать с умом и энергией» [1].

Объяснительная же записка НКЮ стояла на другой точке зрения: «Особенности гражданских правоотношений,—говорится в ней,—отличающие область гражданского судопроизводства от уголовного, повелительно требуют, чтобы даже в тех случаях, когда на одной стороне в гражданском споре стоит госучреждение, спор в судебных инстанциях поднимался, тем не менее, не иначе как по инициативе заинтересованного учреждения. Это условие необходимо для прочности и устойчивости гражданского оборота, в котором только непосредственно заинтересованное лицо или учреждение может определить, какой путь лучше избрать для охраны своих прав и интересов».

Еще ярче эту же мысль высказал т. Бранденбургский в своей статье «Роль суда в гражданском процессе» («С. Ю.», № 11, 1923 г.). «Все это вместе взятое, — говорится там, — составляет основное отличие гражданского дела от процесса уголовного, в правильном разрешении которого государство как таковое непосредственно заинтересовано, тогда как в процессе гражданском государство, если это спор о праве между частными лицами, заинтересовано лишь в том, чтобы вопрос был разрешен согласно действительным взаимоотношениям тяжущихся сторон. Нельзя, ведь, в самом деле, сравнивать, в какой мере для государства важно, чтобы в стране не происходило убийств и грабежей, и в какой мере оно заинтересовано в том, чтобы Иванов во-время и в срок уплатил квартирную плату Петрову. Отсюда непосредственный и прямой вывод: государство не навязывает защиты частных прав Петрову, когда он сам этого не просит, не ищет».

Интересно отметить, что точка зрения работников НКЮ на гражданское право, как на право «частного порядка», получила оригинальное преломление в ГПК по вопросу о том, чьим именем провозглашать судебные решения.

Принимавший близкое участие в составлении ГПК 1923 г. т. Прушицкий вспоминает в своем докладе «Гражданский и уголовный процесс» (журнал «Революция права», № 3, 1928 г.) этот эпизод: «Я возьму для иллюстрации, — говорит т. Прушицкий, — один пример ст. 338 УПК. Она говорит о том, что приговоры провозглашаются именем РСФСР. Соответствующей статьи в ГПК не имеется. Когда ГПК был опубликован, пошли толки: почему такое расхождение между ГПК и УПК? Одни были склонны усматривать просто пропуск, случайность, другие говорили, что не может

[1] В. И. Ленин, т. XXIX, стр. 412.

быть, чтобы только что опубликованный кодекс содержал такой пропуск, указывали, что это, очевидно, не спроста. В уголовном деле, имеющем публичный характер, надо действовать именем РСФСР, а гражданские дела — дела частного порядка, там не нужно оглашать именем РСФСР. А, между тем, я, как лично принимавший близкое участие в разработке ГПК, могу подтвердить, что в комиссии этот вопрос стоял, были споры, обсуждали и решили, что незачем провозглашать судебные решения именем РСФСР».

Однако тот же т. Бранденбургский уже другим языком заговорил в своем докладе на сессии ВЦИК, после того как СНК раскритиковал позицию НКЮ в этом вопросе. «Считаясь, однако, с той обстановкой, — докладывал он, — в которой мы сейчас живем, СНК внес поправку, которую НКЮ принял всецело. В нашей обстановке легко может случиться, что заинтересованная сторона, имеющая право требовать, по соображениям зависимости или иным, не будет предъявлять своего требования. Если, однако, охрана интересов трудящихся или охрана интересов рабоче-крестьянского правительства диктует это, то в этом случае не только частное лицо может возбудить иск, но дело может быть поставлено прокурором как представителем государственной власти точно так же, как закон разрешает ему вступать в дело в любой его стадии».

Таким образом под непосредственным воздействием СНК и вопреки НКЮ родилась знаменитая ст. 2 ГПК, определившая в основном весь строй и характер советского гражданского процесса.

Необходимо также остановиться и на вопросе о принципиальном отношении к закону со стороны НКЮ и отдельных его работников, поскольку это выявилось при обсуждении ГПК. В первую очередь отметим путаную установку в этом вопросе объяснительной записки НКЮ. В ней говорится: «Необходимо добавить, что наши кодексы, построенные на принципе революционной законности, ни в малейшей степени не исключают применения революционной целесообразности».

Вот где можно найти корни расцветшего впоследствии «правового нигилизма». Развернутое выступление по вопросу об относительном значении советского закона, которому противопоставлялся принцип революционной целесообразности, было сделано на сессии ВЦИК троцкистом Преображенским. Он даже предложил перередактировать ст. 4 ГПК следующим образом: «За недостатком узаконений и распоряжений для решения какого-либо рода дел и, когда формально законное решение может оказаться в противоречии с основными задачами советского суда, как органа рабоче-крестьянского большинства Союза, суд решает, руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой рабоче-крестьянского правительства и интересами трудящегося большинства Союза».

Сессия отвергла эту вылазку, направленную на подрыв и расшатывание революционной законности, и не согласилась оставлять на усмотрение суда вопрос о выполнении или невыполнении в каждом отдельном случае советского закона.

Это, однако, не помешало Гойхбаргу, выступавшему докладчиком на V всероссийском съезде деятелей советской юстиции (март 1924 года), отстаивать отвергнутую ВЦИК точку зрения Преображенского, продолжая ее произвольно вкладывать в содержание действующей редакции ст. 4 ГПК, которая, однако, не дает никаких оснований для отступления от закона в тех случаях, когда таковой имеется.

Трактуя искаженно и анархически содержание ст. 4 ГПК, Гойхбарг говорит: «4-я статья есть нечто новое, отличающее наш закон от всех остальных, она должна стать «советской» статьей или, как говорят за границей, королевской статьей, которая чаще всего на практике применяется. Эта статья должна быть основной, в каждом решении суд должен к ней обращаться».

Надо сказать, что эта установка Гойхбарга, представляя собой продолжение его теории «о праве как опиуме для народа» и будучи по существу антиправовой пропагандой, не встретила возражений со стороны присутствовавших на съезде работников юстиции. Немало вреда, конечно, принесла эта проповедь делу борьбы за революционную законность.

Отбросив неправильные и политически вредные установки, 2-я сессия ВЦИК X созыва приняла в окончательной редакции ныне действующий ГПК.

Остановимся ниже вкратце на его основных принципах и тех изменениях, которые в него вносились на различных этапах социалистического строительства.

Из принципиальных положений ГПК, сохранивших свое значение и на сегодняшний день, необходимо отметить следующие:

1) активная роль суда,

2) восполнение принципа диспозитивности правом вмешательства со стороны государства,

3) публичность,

4) устный характер процесса,

5) скорость,

6) доступность процесса,

7) недопущение злоупотреблений процессуальными правами,

8) ленинско-сталинское разрешение вопроса о национальном языке судоговорения.

1. Тезис об активной роли суда в гражданском процессе нашел свое отражение в ряде статей ГПК (5, 16, 84, 103, 118 и др.). Смысл этого положения сводится к тому, что суд не может оставаться пассивным зрителем происходящей перед ним борьбы сторон, а «обязан всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся..., оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред» (из ст. 5 ГПК).

Это, однако, не значит, что стороны в какой бы ни было степени стеснены в своих процессуальных правах. Наоборот, кодекс предоставляет им огромный простор для отстаивания своих интересов. В этом смысле наш процесс признает форму состязательности. Мы, однако, против буржуазного толкования последней, согласно которому сторона становится «господином» процесса, а суд пребывает в роли «объективного» зрителя.

2. Отправляясь от ленинского тезиса, что «для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное», ГПК восполняет принцип диспозитивности активным вмешательством государства в лице прокуратуры. Мы не могли согласиться с точкой зрения дореволюционного процессуалиста Гредескула, который в своей статье «К оценке теории состязательного начала в гражданском процессе» писал: «Гражданские права, как частное достояние граждан, подлежат свободному распоряжению их субъектов, входят в сферу так называемой частной их автономии, отсюда вывод, что активная роль в процессе должна всецело принадлежать сторонам, а суд должен быть только пассивным зрителем происходящей перед ним борьбы из-за предмета, до которого никому, кроме спорящих из-за него, нет никакого дела».

Принцип активного вмешательства государства в сферу гражданско-правовых отношении нашел свое отражение в ст.ст. 2 и 179 ГПК. В силу ст. 2 «прокурор вправе как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если по его мнению этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс».

Согласно ст. 179 «суд, вынося решение по делу в зависимости от выяснившихся на суде обстоятельств, может выйти за пределы заявленных истцом требований».

3. Публичность процесса предусмотрена ст.ст. 94 и 96 ГПК. Публичность, повышая ответственность суда за проделываемую им работу и допуская критику его действий в печати и на собраниях, одновременно служит могучим средством правовой пропаганды и укрепления социалистического правосознания.

4. Устный характер процесса предумотрен ст. 94 ГПК. Он обеспечивает живую состязательную форму процесса, дает возможность суду получить непосредственное впечатление от участвующих в деле сторон и одновременно облегчает воспитательное воздействие суда на присутствующую в судебном зале аудиторию.

5. Скорость гражданского процесса является в наших условиях одним из наиболее категорических требований трудящихся. Нарушенные имущественные и личные права их должны быть быстрейшим образом восстановлены.

В ГПК принцип скорости обеспечивается рядом статей. В этой связи необходимо отметить: отсутствие апелляционной инстанции, существование коротких сроков для подачи кассационных и частных жалоб, отсутствие института отзывов на заочные решения, недопущение пререканий о подсудности, представление материалов к первому судебному заседанию, право суда в ряде случаев давать немедленное исполнение решения.

6. Доступность процесса для трудящихся является одним из решающих элементов судебной демократии. Доступность по ГПК обеспечивается: правом стороны подавать в народный суд устное исковое заявление, правом стороны выступать в суде лично или через своего представителя, правом истцов по ряду категорий дел (алиментным, увечным) предъявлять иски по своему местожительству, а не по месту нахождения ответчика, правом истцов в ряде случаев на освобождение, отсрочку или рассрочку государственной пошлины, правом стороны изъясняться на своем родном языке.

7. ГПК, допускающий широкое и свободное использование сторонами процессуальных прав, вместе с тем предусматривает ряд мероприятий, направленных на устранение злоупотреблений этими правами. Так, согласно ст. 6 ГПК, «стороны обязаны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Всякие злоупотребления и заявления, имеющие целью затянуть или затемнить процесс, немедленно пресекаются судом».

Согласно примечанию 2 к ст. 46 ГПК «на сторону, недобросовестно заявившую неосновательный иск или спор против иска, или противодействовавшую скорому и правильному разрешению дела, суд может возложить уплату в пользу другой стороны вознаграждения за фактическую потерю рабочего времени».

8. Ленинско-сталинское разрешение вопроса о языке процесса получило свое отражение в ст. 9 ГПК, согласно которой «производство ведется на языке большинства населения данной местности. Когда стороны, свидетели или эксперты не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу, суд обязан пригласить переводчиков и ставить заинтересованных лиц в известность о каждом производимом судом действии через переводчика».

Таковы основные принципы ГПК, которые полностью оправдали себя на практике и от которых нет оснований отказываться и при составлении проекта союзного ГПК. Потребности судебной практики и особенности отдельных этапов социалистического строительства вызывали отдельные изменения и дополнения ГПК.

Для восстановительного периода характерны такие изменения, которые по содержанию своему направлены были на уточнение компетенции суда и более детальную регламентацию отдельных стадий гражданского процесса.

Для этого периода необходимо подчеркнуть следующие 4 пункта.

1. Введение предварительной подготовки гражданских дел. Этому вопросу посвящены статьи 80, 80-а, 80-б, 80-в.

До введения в кодекс этого порядка подготовка гражданского дела начиналась, как правило, в первом судебном заседании, что неизбежно влекло за собой бесконечное откладывание дел.

Для борьбы с волокитой и обеспечения первого судебного заседания разработанным материалом по делу ст. 80 ГПК обязывает судью единолично, по принятии искового заявления, принимать целый ряд подготовительных мер (разрешать вопрос о вызове свидетелей, произвести местный осмотр и экспертизу, истребовать от ответчика либо от третьих лиц документы или справки и т. д.).

2. Изъятие из компетенции суда ряда особых производств и передача их соответствующим органам (например, депозит и судебный приказ нотариату, расторжение брака—загсу). Этим самым суд становился исключительно органом для разрешения спора о праве гражданском.

3. Значительное расширение подсудности народного суда. В 1923 г. народному суду подсудны были дела только до 500 рублей. В настоящее время положение таково, что основная масса гражданских дел проходит через народный суд.

Отмечая положительный характер этой «передвижки» подсудности, необходимо, однако, высказаться против допущенных крайностей и добиваться расширения подсудности средних звеньев судебной системы за счет отнесения к их компетенции наиболее сложных по характеру своему гражданских споров.

4. Значительное расширение порядка надзора. В 1923 г. исключительно Верховный суд мог отменить в порядке надзора решение по гражданскому делу. Впоследствии это право было предоставлено также пленумам и президиумам краевых (областных) судов.

В реконструктивный период и в последующие годы ГПК обогатился рядом норм, направленных на рационализацию, упрощение и ускорение процесса.

Для иллюстрации характера изменений ГПК этого периода приведем следующие пункты.

1) недопущение кассационного обжалования по некоторым категориям дел;

2) установление порядка, при котором свидетель обязательно допрашивается в первом судебном заседании, независимо от рассмотрения дела по существу, причем вторичный вызов тех же свидетелей при отложении дела к слушанию допускается лишь в особо исключительных случаях;

3) право суда вынести решение и без назначения экспертов, если в составе суда имеются лица, обладающие достаточными познаниями для разъяснения специального вопроса;

4) установление порядка единоличного (вместо коллегиального) рассмотрения некоторых гражданских дел.

В этот период среди многих практических работников советской юстиции был популярен лозунг «о минимуме формы и максимуме классового существа». Для этого периода чрезвычайно характерно выступление т. Лисицына в правовой секции Комакадемии по докладу т. Пушникого «Гражданский и уголовный процесс» (журнал «Революция права», № 3, 1928 г.). Лисицын договорился до утверждения, что «если откровенно говорить, для народного судьи процессуальный кодекс — это путаница. Вместо того чтобы помочь судье лучше разобраться, научить его, как ему быть профессионалом в этой области, процесс судью запутывает».

К сожалению, подобного рода «точка зрения» была в те времена довольно распространенной.

Перед нами стоит задача переработки ГПК на основе Сталинской Конституции.

Необходимо использовать все те нормы действующего ГПК, которые выдержали испытание истекших лет революции, придав нашему процессу характер гибкого и четкого орудия суда в деле раскрытия материальной истины и защиты законных гражданско-правовых интересов государства и трудящихся.

В целом ряде, однако, других вопросов ГПК на сегодняшний день отстает от требований, предъявляемых Сталинской Конституцией. В этой связи нужно отметить необходимость: 1) дальнейшей демократизации гражданского процесса, 2) создания условий для обеспечения максимальной стабильности судебного решения, 3) значительного расширения компетенции гражданского суда (главным образом, за счет административных органов).

1. Действующий ГПК знает сейчас немало норм, идущих вразрез с требованиями развернутой судебной демократии. Можно привести для иллюстрации этого положения хотя бы следующие статьи: 235-а и 235-б (перечень случаев, когда решения по трудовым и гражданским делам не подлежат кассационному обжалованию и вступают в законную силу немедленно), 254-б (порядок рассмотрения протестов, приносимых в порядке надзора президиумами краевых (областных) и верховных судов, то есть в закрытых судебных заседаниях), 24-а (перечисление случаев, когда гражданские дела разрешаются не коллегиальным составом суда, а народным судьей единолично), 242 (порядок, при котором стороны не извещаются о дне рассмотрения дела в кассационной коллегии Верхсуда РСФСР).

2. Товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов дважды высказался по вопросу о необходимости стабильности наших законов.

Возражая против предоставления Президиуму Верховного Совета права на издание временных законодательных актов, товарищ Сталин говорит: «Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было»[1]. В другом месте, возражая против предложения об изъятии из Конституции перечисления административно-территориального деления союзных республик на края и области, товарищ Сталин говорит: «В СССР имеются люди, которые готовы с большой охотой и безустали перекраивать края и области, внося этим путаницу и неуверенность в работе. Проект Конституции создает для этих

[1] Сталин, О проекте Конституции, стр. 41.

людей узду. И это очень хорошо, потому что здесь, как и во многом другом, требуется у нас атмосфера уверенности, требуется стабильность, ясность»[1].

Из этих директив товарища Сталина необходимо сделать соответствующие выводы и по линии судебного процесса. Остро стоит вопрос об обеспечении стабильности судебного решения, вступившего в законную силу. Между тем, в действующем ГПК имеются отдельные нормы, препятствующие борьбе за устойчивость судебного решения. Достаточно для этого вспомнить существующий раздел о порядке надзора по гражданским делам (ст. 254), вместо того чтобы оставаться порядком, применяемым в исключительных случаях, когда этого требует особо существенное нарушение закона или явное нарушение интересов государства, трудящихся. Институт [illegible] действующую третью судебную инстанцию.

На деле количество дел, истребуемых для проверки в порядке надзора, иногда даже превышает процент судебных дел, обжалуемых в кассационном порядке. К этому еще необходимо добавить параллельное использование этого института судом и прокуратурой и множественность звеньев, имеющих право истребовать дела с приостановлением исполнения вынесенных по ним судебных решений.

В этой же связи надо отметить и ст. 185, дающую право суду заниматься истолкованием судебного решения в течение срока исковой давности, и ст. 182, предоставляющую суду право давать без ограничений отсрочки исполнения судебных решений даже тогда, когда таковые вступили уже в законную силу.

3. Советский суд по принципам своего устройства и деятельности способен наиболее полно и всесторонне рассматривать споры, связанные с ограждением и защитой личных и имущественных прав трудящихся. Отсюда возникает необходимость дальнейшего расширения компетенции суда за счет органов бесспорного и административного взыскания. В течение последнего года был опубликован ряд правительственных постановлений, направленных на подобное расширение компетенции суда. В этой связи необходимо отметить: постановление правительства от 27 августа 1937 г. о передаче судам всех споров между колхозами и учреждениями и предприятиями обобществленного хозяйства независимо от цены иска, постановление ЦИК и СНК СССР от 19 октября 1936 г. о передаче судам всех дел по взысканию с колхозов денежных штрафов за несдачу ими в срок натуроплаты за работу машинно-тракторных станций. Будущий ГПК Союза должен отразить в себе все требования, предъявляемые к судебному процессу Сталинской Конституцией (подробнее по этому вопросу см. статью «Гражданский процесс и прокуратура», «Соцзаконность» № 7, 1937 г.).

Одновременно, в порядке текущей работы, не ожидая нового кодекса, нужно ставить вопрос об изменении тех разделов ГПК, несоответствие коих Сталинской Конституции не вызовет никаких сомнений.

В течение последнего года уже были вынесены правительством два таких постановления. 7 марта 1937 г. опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР «Об изменении размера единой государственной пошлины с исковых заявлений по делам, производящимся в судебных учреждениях». Этим законом упразднено деление индивидуальных плательщиков единой государственной пошлины на 2 категории (трудящиеся и прочие лица) и значительно снижены ставки государственной пошлины, что делает гражданский процесс более доступным для трудящихся. Второе постановление (принято Президиумом ЦИК в октябре с. г.) касается упразднения статей ГПК и УПК, запрещающих обжалование решений и приговоров по некоторым категориям уголовных и гражданских дел.

Однако главные наши усилия необходимо направить на подготовку такого социалистического гражданского процессуального кодекса Союза ССР, который был бы достойным детищем Великой Сталинской Конституции.

Е. ДОМБРОВСКИЙ

Право застройки

I

В числе институтов вещного права римскому праву было известно и право застройки под названием superficies. Понятие superficies определялось как вещное, полное, наследственное и отчуждаемое право пользования и извлечения доходов на здание, принадлежащее навсегда или на условленное продолжительное время тому, кто возвел это здание на чужом участке с согласия собственника.

Superficies устанавливался, как правило, путем договора суперфициария с собственником земельного участка. Суперфициарий обязан был нести повинности и платить налоги за здание, а также вносить собственнику земельного участка обусловленную договором наемную плату, solarium, pensio (плата за наем участка). Зато суперфициарий получал отчуждаемое и наследственное право пользования зданием и земельным участком и право извлечения плодов.

Superficies (застройка) мог возникнуть также путем легата, т. е. отказа, назначенного собственником участка в распоряжении на случай смерти (mortis causa), а также путем судебного установления. Спорным являлся вопрос, может ли superficies возникнуть по давности владения. Заметим, что развитому рим-

[1] Сталин, О проекте конституции, стр. 39.

скому праву не чуждо было установление права застройки путем судебного решения.

Суперфициарию принадлежали все средства защиты собственника, в частности он мог защищать свое право застройки путем rei vindic-catio actio negatoria, confessoria, publiciana in rem actio (разновидности исков собственника о защите права собственности и владения). Ему также принадлежало право защиты путем специального интердикта о защите застройки (interdictum de superficiebus).

Этим интердиктом владелец superficies защищался против всякого нарушителя его права. Это был interdictum retinendae possessionis и защитить право застройки этим интердиктом было значительно легче, чем посредством интердикта, направленного на установление права — interdictum recuperandae possessionis.

В историческом введении к главе 4 выпуска II «Системы римского гражданского права», посвященной superficies, профессор Ю. Барон так объясняет возникновение этого института: «Нуждающемуся в жилище предоставляются два пути: или нанять чужой дом (или часть его), или же нанять чужую площадь, выговорив себе вместе с тем право построить на площади на свои средства дом; последнее выгодно только в том случае, если договор найма заключен навсегда или на весьма продолжительное время.

Этот второй путь был нередко избираем в Риме по отношению к тем строительным площадям, которые находились в собственности государства; этому способствовало еще то обстоятельство, что римское государство соглашалось на полное отчуждение (продажу) принадлежащего ему участка только по особым причинам, но охотно отдавало участки за наемную плату.

Городские общины и частные лица следовали примеру государства, а преторский эдикт регулировал новое правоотношение и защищал строителя дома — суперфициария — владельческим интердиктом — interdictum de superficiebus (интердикт о защите права застройки) и вещным иском»[1].

Проф. Барон указывает, что в Германии суперфиций не особенно распространен, — он очень распространен в Англии. О праве застройки в Англии подробнее речь будет впереди.

Спорным в науке права является вопрос о праве собственности на дом, возведенный застройщиком — суперфициарием. Одни полагают, что право собственности принадлежит застройщику, другие — собственнику земельного участка.

Поскольку superficies является ограниченным правом, относящимся к категории вещных прав на чужие вещи, Jura in re aliena, и заключается, согласно указанному выше определению, в наследственном и отчуждаемом праве пользования зданием, возведенным на чужом участке, римское право последовательно решает вопрос о собственности в пользу собственника земельного участка: «superficiarias aedes appellamus, quae in conducto solo positae sunt, quarum proprietas et civili et naturali jure ejus est, cujus et solum.» (застройкой — superficies — называем такие здания, которые построены на арендованной земле и право собственности на которые по гражданскому и естественному праву принадлежит тому, кому принадлежит земля). Иначе римские юристы это положение определяли краткой формулой — superficies solo cedit — т. е. застройка разделяет судьбу земли. Ясно, что право владельца земельного участка, застроенного суперфициарием, и право последнего на выстроенный дом на чужом участке были взаимно ограничены.

Дореволюционное русское законодательство, как будет указано ниже, отрицательно относилось к ограничениям прав землевладельцев в пользу наследственных бессрочных пользователей. До 1912 года русское дореволюционное право не знало права застройки.

Суперфиций устанавливался по договору аренды — locatio-conductio с собственником земельного участка, или же мог оформляться также в виде договора купли-продажи — emptio-venditio. Поэтому в правоотношениях между суперфициарием, т. е. застройщиком, и установителем суперфиция на своем участке возникали также личные иски обязательственного характера, различные, смотря по основаниям возникновения суперфиция, например, иск об арендной плате — actio locati — conducti, actio empti — venditi и т. д.

В основе защиты прав собственника земельного участка и распространения на него права собственности на возведенный застройщиком superficies лежала сугубая охрана господствующим классом его права на основные средства и орудия производства, к которым относилась земля, как предмет частной собственности.

Римское право знало и другие виды институтов гражданского права, предоставлявших застройщику бессрочное, полное, наследственное право пользования зданием, возведенным на чужом земельном участке. Они в законодательстве Юстиниана именуются эмфитевзисом — ager emphyteuticarius. В классическую эпоху римского права различались самостоятельные институты — ager vectigalis, т. е. сдача в аренду на весьма продолжительное время или навсегда — в наследственную аренду земельного участка за арендную плату (vectigal). К таким сделкам часто прибегали италийские города.

Институт эмфитевзиса — ager emphyteuticarius представлял собою «одну из многих попыток римских государственных людей создать среднее крестьянское землевладение» (Ю. Барон). Для этой цели, начиная с III века до нашей эры, часто пустопорожние земли в провинциях, принадлежавшие к коронному и императорскому частному имуществу, отдавались для обработки в наследственную аренду. Эта форма аренды была затем применена к земельным участкам церкви, провинциальных городов, вельмож. Владелец эмфитевзиса возводил на этих участках и необходимые ему жилые и хозяйственные постройки. Поэтому эмфитевзис определялся как вещное, наследственное и отчуждаемое полное право пользования и извлечения плодов, установленное на чужой сельский участок, и на здание, за оп-

[1] Ю. Барон, Система римского гражданского права, вып. II, изд. 3, 1908 г., стр. 128.

ределенную арендную плату и без всяких ограничений, кроме лишь того, чтобы участок не был приведен в худшее против прежнего состояние.

Эмфитевзис, как и superficies, возникал путем договора с собственником земельного участка, путем отказа (легата), а также путем судебного установления. Также спорным является вопрос об установлении эмфитевзиса по давности владения. В источниках прямо указывается, что usucapio (приобретение по давности владения) здесь не допускается [1].

Профессор Н. Боголепов в своем учебнике истории римского права также относит superficies и эмфитевзис к числу распространенных в классический период римского права институтов вещного права.

Аналогичный эмфитевзису римского права институт был очень распространенным явлением в поземельных отношениях средневекового общества. Он известен под названием чиншевого права. Сложился этот институт под большим влиянием римского права. Самое название чиншевого права происходит от искаверканного латинского слова census, немецкого Zins — процент, арендная плата. Проф. Г. Ф. Шершеневич так объясняет происхождение этого института, объектом которого являлась как сельская, так и городская недвижимость.

«Крупная поземельная собственность сосредоточилась в руках немногих фамилий, принадлежавших к высшему классу. Это обстоятельство вызвало, как и всегда, потребность в рабочей силе. Привлечение рабочих возможно было только на условиях наследственного пользования, потому что такой способ эксплоатации земли представлял обоюдные выгоды. Чиншевику обеспечивалась постоянная оседлость, возбуждался интерес к лучшей обработке земли, к созданию сельскохозяйственных строений, так как он знал, что все это достояние перейдет не к чужому, а к собственным детям. Для собственника выгода состояла в том, что земля не истощалась, как это бывает при временном арендном пользовании, а, напротив, удобрялась, лес сберегался, строения не разрушались, а поддерживались» [2].

Чиншевые отношения складываются в Польше и Литве с XIV столетия. Продолжаясь в течение нескольких веков, отношения чиншевого пользования особенно окрепли в конце XVIII столетия. Под именем чиншевого права понимается право наследственного пользования чужою землею под условием взноса платы — чинша — в определенном размере. Оно существенно отличается от права арендного пользования тем, что оно, во-первых, бессрочно и, во-вторых, имеет вещный характер. Объектом чиншевого права является как сельская, так и городская недвижимость. Известно, например, что в Польше целые города застраивались по чиншевому праву на землях крупных земельных магнатов (Любомирских, Потоцких и др.). Ясно, что во всех случаях собственник земельного участка получал от застройщика-чиншевика ренту в виде арендной платы — чинша, застройщик же перелагал ее, в свою очередь, на снимающих жилые помещения трудящихся и получал достаточные проценты на вложенный в строительство капитал. Чиншевые отношения в Польше были сохранены и после распространения на бывшие западные губернии общих законов царской империи [1].

Чиншевые отношения устанавливались по письменным и словесным сделкам. Поэтому доказательствами чиншевого права могли служить не только документы (учредительные акты, расписки в получении чинша, акты о переходе права и проч.), но и свидетельские показания, дознания через окольных людей и т. п. Право чиншевика заключались в пользовании землею или домом, в распоряжении ими на случай смерти и в передаче их по сделке другому лицу, например, на основании договора купли-продажи. Обязанности чиншевика сводились к уплате периодически известной суммы — чинша — собственнику земли. Чинш уплачивался или деньгами, или исполнением натуральных повинностей, или тем и другим вместе. Прекращение чиншевого права наступало в случаях: 1) отказа чиншевика, 2) неплатежа чинша и 3) за отсутствием законных наследников у чиншевика, не оставившего завещания.

Русское дореволюционное право отрицательно относилось к сервитутам и всякого рода ограничениям права частной собственности на землю. Оно запрещало бессрочную аренду земли. Положением от 9 июня 1886 г. преследовалась цель прекращения чиншевых отношений в губерниях западных и белорусских, как спутывающих и обесценивающих поземельную собственность.

В течение трех лет — до 1889 года — чиншевикам и собственникам предоставлялось добровольно согласиться о прекращении чиншевого пользования посредством: а) выкупа собственником земельного участка чиншевого права, или б) приобретения чиншевиком в собственность чиншевого участка, или же в) заменой чиншевого пользования арендою. Как известно, этот закон не устранил в поземельных отношениях вопроса о чиншевом праве. Во-первых, он касался только сельских чиншевиков, в то время как городские чиншевики представляли весьма значительную группу пользователей домов на чужих землях. Во-вторых, чиншевые отношения возникали вновь (например, Новороссийский край). Право застройки как вещно-правовой институт срочного и уменьшенного в объеме права

---

[1] Ю. Барон, Система римского гражданского права, Вещные права, стр. 126.

[2] Г. Ф. Шершеневич, Русское гражданское право, стр. 240—241.

[1] В польских источниках отмечается, что чиншевые отношения не являются характерными для поземельных отношений феодальной эпохи коренных польских земель над Вислой. Так, например, в старопольской энциклопедии С. Глогера в статье «Феодализм в Польше» отмечается, что «след различия двух общественно-экономических устройств — коренного национального над Вислой и варяго-феодального над Днепром — сохранился до настоящего времени особенно заметно в положении мелкопоместного дворянства (шляхты), которое в Конгрессовке владеет 40 000 наследственных имений, а в западных губерниях — равным количеством чиншевых хозяйств».

пользования чужим земельным участком под постройку здания, введено законом от 23 июня 1912 г.[1].

По этому закону право застройки есть вещное право срочного (наследственного) владения чужой землей, как строительной площадью, за вознаграждение, право не свободно обременяемое, но свободно отчуждаемое. Обременение права застройки правами участия частного сервитутами допускалось только в том случае, когда в самом договоре содержалось на это разрешение (ст. 542-3). Но закон не требовал согласия собственника земельного участка ни для залога, ни для отчуждения права застройки (ст. 542-2, ч. 1, т. X Св. зак.).

Возникновение и прекращение права застройки подробно регламентировалось законом в качестве юридической недвижимости. Право застройки по закону от 23 июня 1912 г. возникает единственно на основании договора. Безусловно требовалось, чтобы договор о праве застройки был совершен крепостным порядком, с открытием для каждого права застройки особого листа в реестре крепостных дел, как на отдельное имение. Это означает, что право застройки было приравнено в русском дореволюционном праве к земельной недвижимости.

Для совершения договора требовалась особая правоспособность сторон. Договор мог совершить только собственник земельного участка, с одной стороны, и лицо, имеющее право приобретать недвижимые имущества в данной местности, — с другой (ст. 542-5). Этим дореволюционный закон исключал возможность установления права застройки в пользу лиц, ограниченных в правоспособности по полу, расе, национальности, вероисповеданию. Право застройки не могло возникнуть ни по закону, ни по суду, ни по завещанию, ни тем более по давности владения. Единственным основанием права застройки являлся договор в форме крепостного акта. Право застройки могло устанавливаться на срок не менее 36 лет и не более 99 лет (ст. 542-3). В пределах устанавливаемых сторонами сроков оно переходило по наследству, как по закону, так и по завещанию. Застройщик обязан уплачивать собственнику земельного участка обусловленное договором вознаграждение. Оно могло быть изменяемо, если в договоре было условие об изменении вознаграждения (ст. 542-13).

Закон крепко обеспечивал собственника земли в получении вознаграждения: а) солидарной ответственностью всех владельцев права застройки, б) признанием за собственником права на преимущественное удовлетворение платежей из права застройки и возведенных построек (ст. 542-17), в) признанием за оброком — периодическим вознаграждением — вещного характера. Это означает, что за недоимки по оброку (платежам) в пользу собственника земельного участка отвечает и приобретатель права застройки, а не только контрагент по договору.

[1] В. И. Синайский, Русское гражданское право, вып. 1, § 29, Срочное право отдельного владения, стр. 205.

В праве застройки по указанному закону русская либеральная буржуазия пыталась видеть новую социальную роль законодательства в смысле облегчения экономического положения малоимущих классов. Проф. Синайский пишет: «Такие черты права застройки говорят, с одной стороны, за стремление законодателя сохранить по возможности свободу и содержание частной собственности, сделать ее менее обремененной и голой, чем при бессрочном, вечном владении (сравним эмфитевзис, чиншевое право. — Е. Д.), с другой — достигнуть определенной социальной цели — облегчить жилищную нужду. Это облегчение достигается таким образом, что малообеспеченные люди могут воздвигнуть постройки на чужой земле на продолжительный срок, на праве вещном, обеспечивающем прочность их права владения. Для этой цели могут быть использованы земельные участки казны, городов и т. д., как не подлежащие отчуждению в силу закона, так и земли тех собственников, которые почему-либо не желают продать свои земли. Ясно, что социальная цель закона о праве застройки громадна, так как жилищная нужда, с ростом городов в особенности, становится все более и более острой»[1].

На деле право застройки служило на пользу помещикам и капиталистам. Прежде всего, это достигалось соответствующей организацией ипотечного кредита, доступного только лицам, достаточно обеспеченным. Малоимущие слои населения ипотечного кредита в качестве застройщиков получить не могли. И при проведении в жизнь этого института все выгоды от него получали буржуазия, помещики и капиталисты. Затем, по закону, для заключения договора требовалась особая правоспособность сторон, о чем речь была выше. Наконец, закон был построен так по своему содержанию, что права собственника земли больше принимались во внимание, чем права застройщика.

Собственник освобождался от всех сборов и повинностей, перелагавшихся на застройщика за занимаемый им земельный участок. Собственник земли имел право с окончанием срока права застройки оставить строения за собой по чрезвычайно низкой их оценке как строений на снос. Явное благоволение землевладельцам. Собственник получал ренту в виде вознаграждения, обеспеченного солидарной ответственностью владельцев права застройки и правом преимущественного удовлетворения. Собственнику земли принадлежало также право досрочного прекращения права застройки в случае разработки (разведки) ископаемых и т. д.

Собственник также мог обусловить в договоре прекращение права застройки выселением застройщика за невзнос платы (ст.ст. 542-17 и 542-26). Право собственника земли потребовать от застройщика оставления строений в собственность землевладельца за ничтожное вознаграждение, по самой низкой оценке, на снос, — убивало стимулы к поддержанию строений в надлежащем виде, а это, в свою очередь, отражалось крайне неблагоприятно на условиях ипотечного кредита для застрой-

[1] В. И. Синайский, Русское гражданское право, вып. I, стр. 205—206.

щика. В результате и землевладелец и застройщик-капиталист обирали нанимателей жилищ — трудящихся.

«Социальная роль закона» оказалась призраком, который в розовом свете изображала только либеральная буржуазная профессура. На деле и здесь закон оказался, как всегда, «выражением воли классов, которые одержали победу и держат в своих руках государственную власть» (Ленин).

Облегчения жилищной нужды трудящиеся от этого закона не получили и получить не могли.

II

Коммунистическая программа в отношении разрешения жилищного вопроса, в отношении права собственности на дома и права застройки изложена в гениальных работах основоположников марксизма-ленинизма. В манифесте коммунистической партии Маркса и Энгельса указаны в числе «деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные производственные отношения»... организованного в господствующий класс пролетариата — «экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов». Энгельс в «Жилищном вопросе» указывает, что жилищная нужда, испытываемая рабочими и частью мелкой буржуазии современных больших городов, «представляет собою одно из бесчисленных мелких второстепенных зол, вытекающих из современного капиталистического способа производства»[1]. Это зло «будет уничтожено социальной революцией, устраняющей капиталистический способ производства»[2].

Критикуя прудонистские планы «разрешения» жилищного вопроса рабочего класса в рамках капиталистического общества, Энгельс блестяще доказывает, как эти планы проводятся во всех странах «компаниями спекулянтов, которые таким путем повышая наемную плату, заставляют уплачивать себе двойную и тройную стоимость дома. Г-н Дольфус и другие крупные фабриканты северо-восточной Франции осуществили эту систему не только с целью набить себе карманы, но кроме того еще с задней политической мыслью. Умнейшие вожди господствующих классов свои деньги всегда направляли на то, чтобы увеличить число мелких собственников, чтобы создать себе армию для борьбы против пролетариата»[3]. «Г-н Дольфус с компанией, продавая своим рабочим маленькие домики, путем ежегодных взносов стремился задушить в рабочих всякое проявление революционного духа и в то же время приковать их этой земельной собственностью к фабрике, раз они начали на ней работать; план Прудона, таким образом, не только не облегчает положения рабочего класса, — он как раз направлен прямо против него»[4].

Критикуя немецких прудонистов — Закса, д-ра Мюльбергера и др., Энгельс неоднократно подчеркивает, что «лишь после решения социального вопроса, т. е. после уничтожения капиталистического способа производства, сделается возможным одновременное решение жилищного вопроса». Энгельс указывает, что в начале революции пролетариат разрешает жилищный вопрос путем экспроприации домовладельцев.

«Несомненно только, что уже и теперь в крупных городах достаточно зданий для жилья, чтобы при разумном использовании их тотчас облегчить всякую действительную «жилищную нужду»... Для этого нужно, конечно, экспроприировать нынешних владельцев, иначе сказать — заселить их дома бесприютными или живущими слишком скученно рабочими»[1]...

Энгельс с глубочайшим знанием дела показывает на опыте английских фабрикантов и горнозаводчиков, каким издевательством над рабочими, надувательством их является продажа им в рассрочку маленьких скверных домиков — коттеджей — в собственность, как фабриканты на этих сделках набивают себе карманы за счет рабочих и прибирают их к рукам.

В 1872 году, во время напечатания статей Ф. Энгельса по жилищному вопросу в лейпцигском «Volksstaat», автор указывает, что «в одной восточной части Лондона миллион рабочих живет в ужаснейших жилищных условиях». Выстраиваемые по праву застройки рабочие домики — коттеджи — настолько скверно сделаны, что они нередко разваливаются, причиняя рабочим смерть и увечья. Энгельс пишет: «В Англии строят так дешево, что дома дрожат при проезде повозки, так что ежедневно происходят обвалы. Еще вчера, 25 октября 1872 г., в Манчестере развалились шесть домов, причем шесть рабочих были тяжело ранены»[2]. В этой замечательной работе Энгельс указывает, как фабриканты и капиталисты в силу законов, присущих капиталистическому способу производства, не могут и не желают разрешить жилищный вопрос трудящихся.

Анализируя сделку найма рабочим жилища в буржуазном обществе, Энгельс пишет: «Здесь перед нами совершенно обычная товарная сделка между двумя гражданами, и эта сделка происходит сообразно законам экономики, регулирующим продажу товаров вообще и продажу товара «землевладение» в частности».

«Прежде всего принимаются в расчет издержки постройки и содержание дома или данной его части, затем ценность земли, обусловленная более или менее удобным местоположением дома; наконец, окончательное решение принадлежит соотношению между спросом и предложением в данный момент»[3].

В другом месте работы, анализируя так называемый наемный процент (Miethzins) или наемную цену за жилище, Энгельс показывает, что она слагается из: 1) доли земельной ренты, 2) доли процента на строительный капитал, включая прибыль подрядчика, 3) доли

---

[1] Ф. Энгельс. Жилищный вопрос, изд. 1932 г., стр. 16.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 28 и 47.
[4] Там же.

[1] Ф. Энгельс, Жилищный вопрос, изд. 1932 г., стр. 28 и 47.
[2] Там же, стр. 29.
[3] Там же, стр. 59.

издержек ремонта и страховки и 4) доли на амортизацию строительного капитала, включая и прибыль, годичными частями, по мере того, как дом постепенно приходит в негодность»[1].

Мы привели подробно этот замечательный политико-экономический и юридический анализ сделки — аренды жилого помещения, приведенный в статьях Ф. Энгельса по жилищному вопросу, для того чтобы в дальнейшем легче проследить сущность взаимоотношений сторон при разборе института права застройки по действующему законодательству СССР и изменения этого института в ходе развития нашего права.

Мы видели уже, как Энгельс ставит вопрос об отношении коммунизма к жилищному вопросу, к праву частной собственности на дома и к буржуазной застройке, к устранению жилищной нужды пролетариата: «Прекратить эту жилищную нужду в состоянии лишь одно средство — устранение вообще эксплоатации и угнетения трудящегося класса классом господствующим»[2].

Известно, что уже Парижская Коммуна пошла именно по этому пути.

Среди главнейших декретов и постановлений Коммуны К. Маркс приводит содержание декрета о льготах для квартиронанимателей от 29 марта 1871 г. и декрет о передаче нуждающимся пустующих квартир от 25 апреля 1871 г.[3]. Правда, Парижская коммуна осуществила в направлении разрешения жилищного вопроса пролетариата лишь первые, весьма нерешительные шаги. «Деспотическое вторжение» в буржуазную собственность на дома и право застройки и экспроприация экспроприаторов Коммуной совершены не были.

Наша Великая пролетарская революция в этом вопросе пошла решительно по пути указаний основоположников научного социализма. С первого же дня Октябрьской революции ликвидирована была капиталистическая собственность на дома и буржуазное право застройки.

В декрете Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах» в первых статьях постановлено: «Отменяется право частной собственности на все без исключения участки как застроенные, так и не застроенные, как принадлежащие частным лицам и промышленным предприятиям, так и ведомствам и учреждениям, находящиеся в пределах всех городских поселений» (ст. 1) (С. У. 1918 г. № 62, ст. 674). «В городских поселениях с числом жителей свыше 10 000 отменяется право частной собственности на все строения, которые вместе с находящейся под ними землей имеют стоимость или доходность свыше предела, установленного органами местной власти» (ст. 2). Известно, что постановления местных органов власти о передаче городских недвижимостей в распоряжение местного совета рабочих и крестьянских депутатов нередко шли значительно дальше в деле ликвидации права частной собственности на дома и права застройки.

Бывшие собственники недвижимостей по указанному декрету рабоче-крестьянского правительства «уравниваются во всех отношениях с прочими нанимателями и обязаны на одинаковых с ними основаниях вносить наемную плату за занимаемые ими помещения» (ст. 10 декрета).

В отношении права застройки декрет содержит специальное указание в ст. 6: «В городах с числом жителей свыше 10 000 право застройки принадлежит исключительно органам местной власти. В городах с меньшим числом жителей такое право может быть предоставлено органам местной власти и частным лицам».

Ликвидировав капиталистическое домовладение в городах как в форме права частной собственности, так и права застройки, и заселив буржуазные дома рабочими, пролетарское государство с первых же дней Великой Октябрьской революции начало осуществлять программу жилищного строительства, коммунистическую программу разрешения жилищного вопроса трудящихся.

«Стремясь к разрешению жилищного вопроса, особенно обостренного в период войны, советская власть экспроприировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским советам; произвела массовое вселение рабочих из окраин в буржуазные дома; передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет государства; приступила к обеспечению рабочих семей мебелью и т. п.»[1].

Но экспроприация капиталистических домовладельцев является лишь частью вопроса, началом его разрешения. «Задача РКП состоит в том, чтобы, идя по вышеуказанному пути и отнюдь не задевая интересов некапиталистического домовладения, всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс; к уничтожению скученности и антисанитарности старых кварталов, к уничтожению негодных жилищ; к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к рациональному расселению трудящихся»[2].

Грандиозное жилищное и коммунальное строительство в СССР в годы первой и второй пятилеток блестяще подтверждает выполнение программных задач в области жилищного вопроса, под руководством ВКП(б) и великого вождя народов СССР товарища Сталина.

В беседе с Рой Говардом товарищ Сталин указал: «Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплоатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода».

Мы счастливы, что живем в великой стране, где нет эксплоатации, безработицы, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб.

---

[1] Ф. Энгельс, Жилищный вопрос, изд. 1932 г., стр. 32—33.

[2] Там же, стр. 15.

[3] К. Маркс, Гражданская война во Франции в 1871 г., приложение II.

[1] В. И. Ленин, Программа ВКП(б), собр. соч., т. XVI, изд. 1.

[2] Там же, стр. 491.

Тысячи и тысячи квадратных метров жилищной площади для трудящихся созданы вновь за годы великого строительства в нашей стране.

«Осуществляя жилищную политику в целях неуклонного подъема материально-бытового уровня трудящихся, советское государство из года в год увеличивает вложения государственных средств в новое жилищное строительство. На 1 января 1937 г. построено 54 миллиона квадратных метров жилой площади стоимостью в двенадцать с половиной миллиардов рублей. Весь этот новый жилищный фонд, вместе с домами, конфискованными Октябрьской революцией у капиталистических домовладельцев, является согласно ст. 6 Конституции Союза ССР государственной собственностью, т. е. всенародным достоянием» (из постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 года «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах»).

Построены целые города в районах размещения новых промышленных центров социалистического государства рабочих и крестьян. Построены дворцы труда, культуры, дворцы пролетарской науки и техники, дворцы пионеров и октябрят. Неузнаваемы стали столицы братских союзных республик. С настоящим большевистским упорством совершается на наших глазах грандиозная реконструкция столицы Союза ССР — нашей Москвы. Уже сейчас Москва стала красавицей среди наших пролетарских городов со своим замечательным метро, с каналом Москва—Волга. Почти ежедневно заселяются трудящимися — строителями социализма и коммунизма, стахановцами и стахановками новые прекрасные жилые дома, построенные советской властью, обладающие всеми удобствами для культурного жилья, построенные по последнему слову строительного искусства и техники. Трудящиеся нашей родины ощущают на деле слова великого вождя товарища Сталина: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее». Они забывают уже кошмары прошлого, когда им и их отцам приходилось жить в зловонных капиталистических трущобах. Проклятым кошмаром отдаленного прошлого дореволюционной эпохи проходят картины жилищных условий рабочих, когда читаешь страницы замечательной работы Ф. Энгельса по жилищному вопросу и «Положение рабочего класса в Англии».

Известно сообщение Ф. Энгельса о заметке в газете радикальных манчестерских буржуа «Weekly Times» от 20 июля 1872 г. о наводнении в рабочих кварталах Чальзстрита и Брукстрита.

«Двор Сквайера лежит еще ниже, чем пустые подвалы домов на Брукстрите..., двадцатью футами ниже улицы, и зараженная вода, поднявшаяся из выгребных ям, в субботу достигла до крыш. Мы знали это и были уверены, что или этот двор необитаем, или надеялись застать в нем только служащих санитарного комитета, занятых очисткой вонючих стен и дезинфекцией». В этих кошмарных подвалах жили люди.

«В этой отвратительной дыре жила семья из семи лиц, которые в четверг вечером (день начала наводнения) все спали дома, но, вернее, как пояснила женщина, не спали, так как ее и ее мужа большую часть ночи рвало от вони. В субботу они принуждены были по грудь в воде вынести своих детей. Она тоже того мнения, что дыра эта не годится даже для свиней, но она наняла ее ввиду дешевизны—полтора шиллинга в неделю (около 75 коп. — Е. Д.), так как муж ее по болезни в последнее время часто лишен заработка. Этот двор и погребенные в нем, как в преждевременной могиле, жильцы производят впечатление самой крайней беспомощности» [1].

Не следует думать, что дворы Сквайера уже ликвидированы в капиталистических городах, что это лишь мрачная картина рабочего квартала Манчестера 1872 года. Дворы Сквайера представляют собою привычную картину рабочих окраин капиталистических промышленных центров, являясь повседневным укором и доказательством преступлений буржуазии и капиталистов в отношении рабочего класса.

Капиталистическая собственность на домовладения и буржуазное право застройки в нашей стране ликвидированы навсегда.

Революционной волей рабочих и крестьян в первые дни пролетарской революции частная собственность на землю уничтожена. Преступному эксплоататорскому домовладению буржуазии и капиталистов положен конец.

Право застройки, провозглашенное законами пролетарской диктатуры, как один из институтов социалистического гражданского права, не имеет ничего общего с правом застройки буржуазии и капиталистов. Но и этот институт претерпел ряд изменений в процессе развития нашего права. Обсуждение проблем гражданского права социалистического государства рабочих и крестьян, в связи с большевистской критикой вредительских «теорий» Пашуканиса, показало, что наше гражданское право с первых же дней Октябрьской революции является социалистическим правом диктатуры рабочего класса, принципиально отличным по форме и по содержанию от эксплоататорского права свергнутых классов. Осталось прежнее название института — право застройки. Содержание его и практика применения законов о праве застройки показывают, что оно ничего общего не имеет с эксплоататорским капиталистическим институтом права застройки, с капиталистическим домовладением. В развернутом виде право застройки регламентировано в гражданских кодексах союзных республик. В Гражданском кодексе РСФСР ему посвящены ст.ст. 71—84-г главы II раздела «Вещное право». Наряду с правом собственности и правом залога, право застройки исчерпывает институты вещного права, предусмотренные Гражданским кодексом РСФСР и соответственно гражданскими кодексами других союзных республик. Как видно из дальнейшего изложения, институт застройки существенно изменен постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» («Правда» от 18 октября 1937 г.).

---

[1] Ф. Энгельс, Жилищный вопрос, стр. 66—67.

Договоры о предоставлении городских участков под застройку заключаются коммунальными отделами с юридическими и физическими лицами на сроки: для каменных (кирпичных) и железобетонных строений до 65 лет, для смешанных строений до 60 лет и для деревянных строений до 50 лет.

В случаях, когда земельные участки предоставляются под застройку рабочими жилищами и строения возводятся вновь, договоры о праве застройки должны быть заключаемы на вышеуказанные предельные сроки; в тех случаях, когда по договору о праве застройки производится восстановление, достройка, надстройка, пристройка или перестройка существующих строений под рабочие жилища, договоры о праве застройки не могут быть заключены менее, чем на две трети предельных сроков (т. е. не менее, чем на 43 года, на 40 лет и на 33 года). Правила ст.ст. 71—84 Гражданского кодекса о праве застройки применяются также к договорам, заключаемым на земельные участки во внегородских местностях (ст. 71 ГК РСФСР).

До 1932 года положения Гражданского кодекса о праве застройки применялись также и к организациям и учреждениям социалистического хозяйства, возводившим новые дома на городских и внегородских земельных участках. Законодательной новеллой 1932 г. установлен особый правовой режим для домовладений, выстроенных последними.

Государственным учреждениям, предприятиям и организациям, состоящим как на государственном или местном бюджете, так и на хозяйственном расчете, кооперативным центрам и объединениям, а равно первичным кооперативам, входящим в кооперативную систему, земельные участки для возведения на них строений предоставляются на праве бессрочного пользования на условиях и в порядке, предусмотренных специальным законом (С. У. 1932 г. № 66, ст. 295), а рабочим и общегражданским жилищно-строительным и кооперативным товариществам, по их выбору, либо на срок по договорам о праве застройки, либо в бессрочное пользование (прим. 3 к ст. 71 ГК РСФСР).

На основании постановления Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» («Правда» от 18 октября 1937 г.) существенно меняется правовое положение строений, возведенных жилищно-строительными кооперативами по праву застройки, если соответствующие дома построены в основном за счет государственных средств.

Согласно ст. 3 указанного закона «дома, построенные и строящиеся жилищно-строительной кооперацией в основном за счет государственных средств», подлежат передаче в ведение местных советов, если строительство их финансировалось по прямым кредитам Цекомбанка и местных коммунальных банков за счет спецкапиталов, или в ведение соответствующих организаций, учреждений и предприятий, если строительство финансировалось за счет их средств.

Ясно, что в случае передачи домов жилищно-строительной кооперации, построенных по праву застройки, в ведение местных советов или организаций, учреждений и предприятий, в порядке закона от 17 октября 1937 г., право застройки на соответствующие домовладения заменяется правом бессрочного пользования, о чем делаются соответствующие отметки в реестрах подлежащих коммунальных отделов.

В дальнейшем право застройки на домовладения жилищно-строительной кооперации, получающей земельные участки для строительства на срок по договорам о праве застройки (если участок не отведен в бессрочное пользование), возможно лишь на условиях, предусмотренных законом от 17 октября 1937 г.

Ст. 4 этого закона постановляет: «В изъятие из ст. 3 настоящего постановления, оставить в распоряжении жилищно-строительных кооперативов построенные ими дома, если в течение 6 месяцев с момента издания настоящего постановления эти жилищно-строительные кооперативы полностью погасят полученную от государства ссуду.

Установить, что строительство домов и дач жилищно-строительными кооперативами впредь может осуществляться лишь за счет их собственных средств.

Воспретить государственным учреждениям и предприятиям в какой бы то ни было форме вкладывать финансовые и материальные средства, принадлежащие им, в строительство домов и дач, осуществляемое жилищно-строительными кооперативами».

Только при строжайшем соблюдении требований закона от 17 октября 1937 г. жилищно-строительная кооперация сможет впредь владеть домами по праву застройки, если по ходатайству кооператива участок предоставлен на срок по договору о праве застройки, а не в бессрочное пользование.

Уже начальные положения Гражданского кодекса РСФСР о праве застройки (и соответствующие положения гражданских кодексов других союзных республик) свидетельствуют о том, что государство пролетарской диктатуры, устанавливая этот институт в гражданском праве, преследовало цели и задачи, изложенные в программе ВКП(б) по жилищному вопросу: обеспечение жилищами рабочих и других трудящихся, расширение жилищного фонда. Об этом убедительно говорит предоставление всех льгот и преимуществ в случае возведения строений под рабочие жилища на земле, принадлежащей пролетарскому государству по праву государственной социалистической собственности, исключающей эксплоатацию трудящегося домовладельцем.

Попытки частных капиталистов, торгашей и спекулянтов первого периода нэпа использовать институт застройки для своих эксплоататорских целей были пресечены всей практикой применения нашего закона о праве застройки. Привычные методы хищнических капиталистических домовладельцев, воспроизводившиеся новорожденными «застройщиками» в начале нэпа, встретили ожесточенный отпор в судебно-прокурорской практике по гражданским делам того периода. Закон от 27 августа 1928 г. о предельных сроках действия

договоров застройки на участки, предоставляемые для возведения крупных жилых домов за счет частного капитала (С. У. № 121, ст. 759), получил на практике весьма ограниченное применение. Возведенные крупные дома по праву застройки за счет частного капитала вскоре перешли в собственность городских советов.

Договор о праве застройки под страхом недействительности должен быть совершен в нотариальном порядке. Согласно постановлению ВЦИК и СНК от 10 апреля 1932 г. (С. У. № 35, ст. 165) нотариальное удостоверение договора заменено оформлением его в местном исполнительном комитете или горсовете по линии коммунальных отделов, ведущих реестр всех домовладений. С изданием закона от 10 мая 1936 г. об улучшении работы государственного нотариата и с упразднением нотариальных функций горсоветов и местных исполкомов договоры о праве застройки подлежат удостоверению в нотариальном порядке, как это было до издания закона от 10 апреля 1932 г. Несоблюдение нотариальной формы договора о праве застройки влечет за собой недействительность договора, согласно ст.ст. 29 и 72 ГК РСФСР и соответствующим статьям гражданских кодексов других союзных республик.

Ст. 73 ГК РСФСР подробно перечисляет все реквизиты договора о праве застройки, подлежащие обязательному включению в договор: наименование сторон; срок действия договора; точное определение сдаваемого под застройку участка; размер и срок взноса арендной платы, характер и размер строений, которые застройщик обязуется возвести; срок приступа и окончания постройки; условия содержания строения, страхования и восстановления в случае гибели; неустойка на случай нарушений договора застройщиком и пр. Застройщик обязан соблюдать установленные строительные нормы, санитарные и противопожарные правила, обязан страховать от огня все находящиеся на предоставленном ему земельном участке строения в полной сумме их действительной стоимости (ст.ст. 74 и 75 ГК).

Застройщик вправе пользоваться для возведения и хозяйственного обслуживания строений находящимися на участке строительными материалами в пределах, указанных договором. Он вправе также пользоваться имеющейся на участке водою, устраивать колодцы и обделывать родники и источники (ст.ст. 77—78 ГК).

Право застройки может быть отчуждено и обременено залогом. Удостоверение договоров об отчуждении и залоге права застройки совершается в той же форме, как и удостоверение договора о праве застройки: в нотариальном порядке. Допускается по закону отчуждение права застройки по долям без выдела в натуре, т. е. допускается отчуждение идеальных долей права застройки. В этих случаях первоначальный застройщик и приобретатели долей несут по всем обязательствам, вытекающим из договора о праве застройки, солидарную ответственность (ст. 79 ГК).

Указание закона о недопустимости дробления права застройки в натуре, совершенно правильное с точки зрения коммунальной политики, направленное на борьбу с дроблением земельных участков под владениями и созданием карликовых домохозяйств, нередко ошибочно трактуется в судебной практике в смысле недопустимости установления судебным решением совместного участия нескольких лиц в едином общем праве застройки. Речь идет о том, допустимо ли исправление судебным решением договора о праве застройки, заключенного с одним лицом, признанием по суду права участия в общем праве застройки по долям за несколькими лицами, когда судебными доказательствами бесспорно установлено совместное возведение ими дома вложением общего труда и средств. Такие случаи возникают нередко в судебной практике по спорам между ближайшими родственниками: братьями, сестрами или между супругами, когда договор о праве застройки оформлен на одно лицо, а дом фактически построен ими совместно для общего пользования, что легко удостоверяется проверкой судебных доказательств.

Суд иногда отвергает признание общего участия в известных долях в едином праве застройки, присуждая заинтересованным лицам лишь денежное вознаграждение в части вложенного ими труда и средств в создание застройки. При этом суд ссылается на недопустимость по закону дробления права застройки.

Надзорная практика Прокуратуры Союза строго проводит в подобных делах восстановление законности, заключающейся в том, что закон не воспрещает судебного признания участия нескольких лиц (например, ближайших родственников) в общем, неделимом в натуре, праве застройки, принадлежащем им в определенных долях, в зависимости от представленных суду доказательств. Верховный суд РСФСР по ряду конкретных дел согласился с протестами Прокуратуры Союза, признав принципиально возможным установление судебным решением долевого участия нескольких лиц (например, близких родственников) в общем, неделимом в натуре, праве застройки (см. дело Носковых, Сидорова, Ловкиной и др.). И это безусловно правильно. Принципиальную допустимость признания судебным решением в отдельных случаях совместного права застройки признал и пленум Верховного суда СССР (см. постановление 58 пленума по делу Шитовой-Бобылевой).

Когда застройщик не приступил к застройке или хотя и приступил, но выполнил менее 30% обусловленного договором объема строительства, отчуждение права застройки целиком или в части может производиться лишь с согласия органа, предоставившего застройщику земельный участок под застройку (прим. к ст. 79 ГК).

Следует отметить, что регулирование коммунальными органами допустимости отчуждения права застройки в случае выполнения застройщиком определенной части договорных обязательств (не менее 30% программы строительства) — правильно и целесообразно. Но совершенно недопустимо разрешение продажи

«права застройки», когда застройщик вовсе не приступил к постройке и желает продать по существу отведенный ему по договору земельный участок, в нарушение закона о национализации земли. Судебно-прокурорская практика неуклонно борется против подобных случаев допущения отчуждения «права застройки», встречающихся иногда в практике. Нет сомнения в том, что указание закона на возможность такой сделки, хотя и с разрешения органа, предоставившего застройщику земельный участок под застройку, должно быть отменено.

Право застройки и строения, принадлежащие рабочим жилищно-строительным кооперативным товариществам на праве собственности, могут быть ими отчуждаемы только другим РЖСКТ или государственным органам. Те же правила применяются и в случаях отчуждения с публичных торгов права застройки или строений РЖСКТ (ст. 79-а ГК).

Ясно, что это указание закона направлено на недопущение приобретения частными лицами крупных домовладений и недопущение, таким образом, восстановления капиталистического домовладения. Те же правила строго применяются и в отношении залога строений и права застройки (ст. 89-б ГК). Частными лицами не могут быть обращаемы взыскания по обязательствам рабочих или общегражданских жилищно-строительных кооперативных товариществ ни на строения, ни на право застройки, принадлежащие этим товариществам (ст. 81-а ГК). Все эти указания закона от 27 апреля 1927 г., включенные в Гражданский кодекс в виде литерных статей, были направлены в то время на недопущение перехода в руки частных лиц крупных домовладений под видом «легальных форм» приобретения строений и права застройки. В настоящее время подобное приобретение частными лицами крупных домовладений в свою собственность или по праву застройки исключается всем строем нашей общественно-политической жизни. В нашей судебно-прокурорской практике мы не видим дел, в которых бы участвовали в качестве стороны в процессе владельцы крупных домовладений по праву застройки.

Право застройки прекращается истечением срока договора. Оно может быть также прекращено судебным решением в случае бесхозяйственного содержания застройщиком принадлежащих ему строений, а также в случае отчуждения земельного участка для государственных надобностей, в порядке закона о реквизиции (ст. 69 ГК).

Право застройки может быть ликвидировано также в порядке союзного закона от 21 июля 1936 г. о реконструкции городов Москвы, Ленинграда и Киева. Право застройки может быть конфисковано за преступление, по приговору суда. Право застройки переходит также к коммунальному отделу в случае, когда продажа права застройки с публичных торгов не состоялась (ст. 82 ГК).

При переходе права застройки в порядке ст. 82 ГК, а также в случае прекращения права застройки за истечением срока договора все строения должны быть сданы застройщиком в исправном состоянии коммунальному отделу, который уплачивает застройщику действительную стоимость построек к моменту сдачи их, с зачетом причитающихся коммунальному отделу долгов. Стоимость построек устанавливается оценочной комиссией в составе представителей коммунального отдела. В случае несогласия с оценкой застройщику предоставляется право в общеисковом порядке требовать по суду увеличения оценки строений (ст. 83 ГК). Такое указание закона стимулирует сохранение жилых домов в полной исправности до конца срока договора о праве застройки.

Мы видели выше, что капиталистическая застройка, наоборот, убивает эти стимулы, предоставляя землевладельцу право выкупить строения за ничтожное вознаграждение, по оценке строений «на снос», буквально за гроши.

По договору застройки могут сдаваться городские и внегородские участки со строениями недостроенными — для достройки, разрушенными — для восстановления; допускающими надстройку новых этажей; допускающими пристройку и пр. Для распространения права застройки на перечисленные случаи необходимо, чтобы стоимость обусловленных строительных работ составляла не менее 30% первоначальной стоимости существующих строений (ст.ст. 84, 84-а ГК).

В этих случаях принадлежавшие ранее застройщику права на взимание квартирной платы по соглашению и на выселение нанимателя по окончании срока договора найма распространялись только на лиц, поселившихся на вновь возведенной застройщиком площади (ст. 84-б, прим. 2 к ст. 156 и прим. к ст. 166 ГК). Наниматели же, проживающие в строениях, существовавших до заключения договора застройки (о надстройке, пристройке, перестройке, восстановлении строений и пр.), не лишались прав, предоставленных им ст.ст. 156 и 166 ГК, на автоматическое возобновление договора найма и на внесение квартирной платы в размере установленных законом ставок.

Здесь мы подошли к вопросам, наиболее животрепещущим в нашей судебно-прокурорской практике до издания закона от 17 октября 1937 г. Они возникали в каждом конкретном деле по иску застройщика к трудящемуся нанимателю жилой площади о выселении вследствие окончания срока договора найма.

Как сказано выше, право на автоматическое возобновление договора найма на прежних условиях (ст. 156 ГК) на нанимателей площади в домах застройщиков не распространялось. В случае нежелания наймодателя продлить договор и отказа нанимателя от освобождения помещений, выселение происходило в судебном порядке (прим. 2 к ст. 156 ГК). Таким образом, трудящиеся, проживающие в доме застройщика хотя бы и десять лет и более, формально могли быть выселены по требованию застройщика в судебном порядке. Это положение было тем более тяжелым для нанимателя жилплощади в домах застройщиков,

что они по закону уплачивали застройщику квартирную плату по соглашению, в размерах, значительно превышающих ставки, установленные законом для трудящихся (прим. к ст. 166 ГК). Кроме того, застройщики, как правило, получали с трудящихся при сдаче им в наем жилплощади единовременные платежи (въездные).

Мы имели целый ряд случаев в нашей судебно-прокурорской практике, когда столкновения интересов застройщика и трудящегося нанимателя жилой площади в конкретных спорах о выселении принимали острые формы и ставили во весь рост вопрос об изживших себя на сегодняшний день нормах права застройки. Случаи эти восходили до высших звеньев судебно-прокурорской системы (дело инженера Дорфа с застройщиком Поповым и др.). В этих делах, как в капле воды, отражалось все развитие института застройки за время его существования в нашем социалистическом праве.

Живая практика судебно-прокурорских органов убедительно свидетельствовала о том, что право застройки в том виде, как оно изложено в нормах гражданских кодексов союзных республик, изжило себя, как не созвучное эпохе Сталинской Конституции.

Практика показывает, что частных застройщиков, владельцев крупных домовладений, у нас более не существует. Капиталистов в этой области наша действительность не знает. Но мелкие застройщики, дерущие шкуру с нанимателей жилплощади в их домах, эксплоатирующие трудящихся при всяком удобном случае, еще не выкорчеваны до конца. Они-то и представляли собой нередко истцов в судебных спорах о выселении на основании прим. 2 к ст. 156 ГК.

Ст. 10 Сталинской Конституции закрепляет охрану законом личной собственности граждан на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство и право наследования этой личной собственности. Согласно ст. 12 Сталинской Конституции труд в СССР является обязанностью каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест». В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способностям, каждому — по его труду». Стало быть, для эксплоататорских капиталистических отношений застройщика к нанимателям жилплощади нет и не может быть места в условиях общественного устройства Союза ССР в эпоху Великой Сталинской Конституции. И суд и прокуратура в конкретных случаях не допускали выселения трудящихся по спорам их с застройщиками, в отношении которых доказаны были эксплоататорские действия и побуждения. По прямым указаниям Прокурора Союза тов. А. Я. Вышинского мы научились неплохо применять наши законы о застройке в условиях живой действительности и политических задач сегодняшнего дня, помня о том, что наш советский закон есть выражение политики рабочего класса в лице его авангарда — великой коммунистической партии большевиков.

В нашей повседневной практике мы все более и более убеждались в том, что право застройки в условиях нашей действительности должно быть коренным образом пересмотрено.

Коренное изменение института застройки внесено законом от 17 октября 1937 г.

«Действующие законы о праве застройки — ст.ст. 156 и 166 Гражданского кодекса РСФСР от 31 декабря 1922 года и постановление СНК Союза ССР от 17 апреля 1928 года «О мерах поощрения строительства жилищ за счет частного капитала» — используются владельцами домов на праве застройки, особенно в дачных местностях, в целях взимания не ограниченной законом квартирной платы и для спекуляции жилой площадью» (из постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.).

В целях прекращения спекуляции жилой площадью ст. 35 закона от 17 октября 1937 г. постановляет:

«Отменить льготы и преимущества застройщикам, как-то: право взимания квартирной платы, не ограниченной нормами; право взимания, помимо периодических платежей, также и единовременных при сдаче в наем (въездные); право сдачи жилой площади без ограничения какими-либо нормами и право выселения жильцов по истечении договора о сдаче в наем жилого помещения (ст.ст. 156 и 166 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик и постановление СНК СССР от 17 апреля 1928 г. «О мерах поощрения строительства жилищ за счет частного капитала»).

В отношении норм оплаты жилых помещений закон от 17 октября 1937 г. устанавливает для застройщиков строгий режим, исключающий возможность спекуляции жилой площадью.

Ст. 36 закона постановляет:

«Разрешить в домах, принадлежащих отдельным гражданам на праве застройки и праве личной собственности, или в домах, арендованных ими у местных советов, взимать надбавки к установленным законом ставкам квартирной платы в размере не свыше 20%».

С. ГОЛУНСКИЙ

О прекращении уголовных дел

После речи товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г. требование бережного отношения к человеку при решении вопроса о предании его суду было со всей четкостью поставлено как в директивах центральных органов прокуратуры и суда, так и в выступлениях руководящих работников органов, осуществляющих уголовное правосудие в нашей стране.

«Надо десятки раз подумать, прежде чем привлечь к ответственности, — говорит т. Вышинский, — десять раз добросовестно проверить основания, по которым принимается решение о привлечении к уголовной ответственности»[1].

Резолюция 54 пленума Верховного суда СССР признает стадию предания суду «одной из важнейших стадий процесса, гарантирующей наиболее тщательную проверку и подготовку дела и обеспечивающей обоснованное предание суду». Число таких выдержек можно было бы значительно умножить, но в этом нет надобности. Требование вдумчивого, осторожного подхода к преданию суду хорошо известно всем практическим работникам. Но при обсуждении вопроса о гарантии прав советских граждан в стадии предания суду упор обычно делается только на одну сторону вопроса: на недопустимость неосновательного предания суду. Это вполне понятно. Именно в допущении необоснованного предания суду заключалась главная опасность, именно с этой стороны права гражданина нашего социалистического государства могли потерпеть наибольший ущерб.

Вопрос о прекращении дел ставится у нас обычно только с точки зрения недопустимости оставления безнаказанными враждебных вылазок и дезорганизаторских поступков со стороны врагов народа или разложившихся и недисциплинированных элементов среди самих трудящихся. Эта точка зрения ясна. Необходимость самой беспощадной борьбы с троцкистско-бухаринскими агентами фашистских разведок, с бандитами и хулиганами, с расхитителями общественной собственности очевидна для всех. Существующий у нас порядок прекращения дел, при условии, конечно, правильного осуществления всеми работниками прокуратуры своих обязанностей по надзору за органами расследования, вполне гарантирует от неосновательного прекращения дел, по которым выявлены преступления такого рода. Что такие дела прекращать нельзя, — истина настолько очевидная, что доказывать ее значило бы ломиться в открытую дверь. Прекращение дела, по которому установлено событие преступления и есть возможность выявить лицо, совершившее это преступление, возможно в нашем процессе только в результате бездействия или халатности со стороны того или иного прокурора и работников органов расследования. Известно, например, что при расследовании дела об убийстве делегата VII всесоюзного съезда советов т. Пронина было вскрыто недопустимо халатное отношение к делу со стороны прокуратуры и органов расследования Мелекесского района Куйбышевской области, совершенно неосновательно прекращавших дела об убийствах, об изнасиловании, о злостных случаях хулиганства и т. п.

Для устранения подобных случаев нужны меры дисциплинарного или судебного воздействия на конкретных виновников, с одной стороны, и поднятие идейно-политического уровня и технической подготовленности работников прокуратуры и органов расследования — с другой.

Но могут быть и нередко бывают такие случаи, когда прекращение уголовного дела очень болезненно затрагивает интересы граждан даже тогда, когда должностное лицо, принимающее решение прекратить дело, обладает достаточной подготовкой и субъективно действует вполне добросовестно.

От прекращения дела может пострадать лицо, по заявлению которого было возбуждено дело. Прекращение дела может создать этому лицу репутацию клеветника, может повести к преследованию его со стороны тех, против кого было направлено возбужденное по его заявлению дело.

От прекращения дела может пострадать и лицо, действия которого были предметом расследования по этому делу. Представим себе, например, что возбуждается дело по заявлению о том, что Х. занимался контрреволюционной агитацией, или взял взятку, или растратил вверенные ему ценности и т. д.

Предположим, что начатое по этому заявлению дело будет прекращено «за недостаточностью улик».

Разве после этого гр-н Х. останется тем же безупречным человеком, человеком с безукоризненной репутацией, которым он был раньше?

Разве необходимость писать в анкетах: «Находился под следствием по обвинению в том-то, дело прекращено за недостаточностью улик» — не будет висеть на нем тяжелым грузом неопределенно долгое время?

Конечно, лучше всего можно предотвратить такие последствия путем бережного отношения к человеку не только при предании его суду, но и при возбуждении против него уголовного дела. О необходимости величайшей осторожности при возбуждении уголовных дел у нас тоже достаточно говорилось и писалось. Но есть случаи, когда, при самом осторожном отношении к возбуждению уголовного дела, нельзя не начать следствия и когда, тем не менее, к концу следствия создается положение, при котором дело прекращается «за недостаточностью улик».

[1] Речь товарища Сталина 4 мая и задачи органов юстиции. «Советская юстиция» за 1935 г. № 18, стр. 4.

Наконец, нередко прекращение дела в отношении того лица, против которого расследование было первоначально направлено, должно влечь за собой возбуждение нового дела по ст. 95 УК РСФСР и по соответственным статьям УК других союзных республик против лиц, по заявлению которых было возбуждено прекращенное дело.

Если обвиняемый по ст. 95 УК не признает себя виновным и будет настаивать на том, что его заявления или показания были правильны, суду неизбежно придется проверять это заявление или показание по существу. А такая проверка превратит суд над лжедоносителем или лжесвидетелем в суд над тем лицом, против которого были направлены ложный донос или ложное показание, т. е. над тем лицом, против которого велось первое прекращенное дело. Формально это лицо не будет предано суду в данном процессе и будет фигурировать в нем в качестве свидетеля, но фактически его действия будут обсуждаться и оцениваться судом, и от этой оценки будет зависеть приговор суда.

Создается очень нечеткое процессуальное положение, крайне невыгодное для того человека, в защиту которого было начато дело по ст. 95 УК. Ему фактически придется оправдываться от обвинения, которое ему формально не предъявлено, придется опровергать это обвинение, не имея никаких процессуальных прав, не имея возможности допрашивать свидетелей, заявлять ходатайства, давать объяснения и т. п.

Представим себе, что против какого-нибудь должностного лица кем-нибудь было выдвинуто обвинение во взяточничестве. При расследовании этого дела органы расследования пришли к убеждению, что это обвинение не обосновано, и возбудили против заявителей уголовное преследование по ст. 95 УК.

Совершенно очевидно, что когда это дело будет рассматриваться в суде, основным содержанием процесса будет выяснение вопроса о том, была ли дана взятка или не была. Суд будет меньше интересоваться действиями обвиняемых по делу, чем действиями потерпевшего.

Все эти соображения связаны с тем обстоятельством, что прекращение уголовных дел может быть основано не только на правовых основаниях (ст. 4 УПК РСФСР), но и на фактических основаниях (пункт «б», ст. 204 УПК РСФСР).

Когда дело прекращается по правовым основаниям, например за отсутствием в действиях, приписываемых обвиняемому, состава преступления, вопрос ясен.

Здесь возможны споры только по поводу того или иного толкования закона. Но когда дело прекращается «за недостаточностью улик», положение существенно меняется.

Что такое «недостаточность улик»?

Какие улики могут быть признаны достаточными для предания человека суду?

Где критерий для решения этого вопроса?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос дан в той дискуссии о принципах оценки доказательств в советском уголовном процессе, которая имела место в прошлом году.[1]

Единственным критерием для решения этого вопроса может быть только внутреннее убеждение лица или лиц, принимающих то или иное решение по делу. Но внутреннее убеждение, если не становиться на точку зрения профессора Строговича об «объективизме» при оценке доказательств, всегда субъективно. Оценка доказательств, произведенная по внутреннему убеждению судей, может оказаться иной, чем оценка тех же доказательств по убеждению следователя.

Как видно из приведенных выше соображений, прекращение дела «за недостаточностью улик» даже в тех случаях, когда при этом не проявлено ни халатности, ни вообще какой бы то ни было недобросовестности со стороны лица, прекратившего дело, может очень чувствительно затронуть интересы целого ряда лиц, так или иначе связанных с прекращенным делом.

Таким образом, вопрос можно рассматривать с трех точек зрения.

Во-первых, с точки зрения права обвиняемого на полную реабилитацию, которая не всегда гарантируется постановлением о прекращении дел.

В заключительном слове по докладу о натуральном налоге на X съезде РКП(б) 15 марта 1921 г. Ленин говорил: «Прежде всего, по вопросу о сибирских продовольственниках. Ярославский и Данишевский меня просили сделать следующее сообщение. Если Дрожжин предан суду, то это сделано именно для того, чтобы показать, что он не виновен. Я слышу тут замечания скептические, но во всяком случае надо сказать, что это — точка зрения правильная. Нарекания и сплетни бывают не редко и показать таким путем их лживость — прием вполне правильный».[1]

Совершенно очевидно, что постановление о прекращении уголовного дела, вынесенное в тиши камеры следователя или прокурора и даже в подготовительном заседании суда, при отсутствии гласного судебного процесса, далеко не всегда может показать лживость сплетен и нареканий.

Наоборот, при определенных обстоятельствах прекращение дела таким способом может дать почву для новых сплетен, для шушукания о том, что дело смазано, что обвиняемый и здесь воспользовался всякими темными путями, чтобы выйти сухим из воды, и т. д.

Только гласный судебный процесс может в таких случаях раз и навсегда положить конец подобным сплетням и шушуканиям.

Во-вторых, тот же вопрос можно рассматривать и с точки зрения права потерпевшего добиваться судебного рассмотрения дела. Тогда возможно представить себе такое положение, при котором потерпевший может утверждать:

«Да, по письменным материалам предварительного расследования (особенно, если это расследование проведено плохо), мои слова представляются мало обоснованными. Но я говорю правду, на суде я это докажу, и я не желаю, чтобы за мной оставалась репутация склочника и клеветника даже в том случае, если меня и не привлекут к ответственности по 95 статье УК».

[1] Итоги этой дискуссии освещены в ряде статей, опубликованных в 4 вып. Проблем уголовной политики.

[1] Ленин, т. XXVI, стр. 249.

Наконец, рассматриваемый нами вопрос, как уже было указано выше, представляет интерес и с точки зрения порядка привлечения к ответственности за ложный донос или ложное показание.

Можно ли судить человека за одно из этих преступлений до тех пор, пока приговором суда самый факт ложности его показаний не будет установлен?

Не правильнее ли было бы создать такую процессуальную конструкцию, при которой суд над человеком, обвиняемым по ст. 95 УК РСФСР, должен был бы выяснять не вопрос о том, были ли его показание или заявление ложными по существу, а только вопрос о том, были ли они заведомо ложными.

При такой конструкции устраняется указанное выше неудобство: превращение лица, формально являющегося потерпевшим по делу, по существу — в обвиняемого. Для этого надо было бы признать, что разрешение вступившим в законную силу приговором суда вопроса о ложности заявления или показания по существу является преюдициальным вопросом для возбуждения всякого дела по ст. 95 УК.

Наш уголовный процесс знает такую преюдицию в отношении возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Ст. 375 УПК РСФСР допускает возможность возобновления дела по мотивам наличия преступных злоупотреблений судей или ложности показаний свидетелей или экспертов только тогда, когда эти обстоятельства будут установлены вступившим в законную силу приговором суда.

Такого правила в отношении привлечения к ответственности по ст. 95 УК не существует, но это не устраняет вопроса о том, не должно ли оно существовать.

Процессуальный порядок прекращения уголовных дел должен быть таков, чтобы он обеспечивал наилучшее разрешение этих трех вопросов.

Проанализируем с этой точки зрения порядок прекращения дел в уголовных процессах буржуазных государств и в нашем уголовном процессе.

Во Франции, когда там под непосредственным руководством Наполеона вырабатывалось процессуальное законодательство, первое кодифицированное законодательство буржуазного государства, вопрос о порядке прекращения уголовных дел привлекал к себе очень большое внимание со стороны законодательных учреждений. Прения, которые развертывались в государственном совете по вопросу о предании суду, в очень значительной части касались именно вопроса о порядке прекращения дел. Но эти прения, активное участие в которых принимал сам Наполеон, исходили отнюдь не из изложенных выше соображений о том, в каких случаях и каким образом прекращение дел может затронуть права граждан.

Такой классик буржуазной процессуальной науки, как К. Миттермайер, характеризует те тенденций, которые преобладали при выработке французского процессуального кодекса, как «решительное стремление придать полную энергию публичному обвинению и основать новую сильную власть (прокуратуру), которая зависела бы от правительства и подавляла бы местное влияние... при сем не было и речи о защите против неосновательных обвинений».[1]

Установленные первоначальной редакцией уголовного процессуального кодекса Франции правила о порядке направления уголовных дел по окончании предварительного расследования преследовали, главным образом, цель не допустить прекращения дела, которое не должно быть прекращено.

Закон не доверял даже прокурору.

Для того чтобы дело о серьезном преступлении могло быть прекращено, требовалось не только согласие прокурора на прекращение этого дела, не только вывод самого следователя о том, что дело надо прекратить, но и согласие на прекращение дела со стороны двух судей, входивших вместе со следователем в состав так называемой камеры совета.

Достаточно было одному из этих лиц высказаться против прекращения дела, чтобы все дело было передано на рассмотрение обвинительной камеры апелляционного суда.

Только в 1856 г., когда французская прокуратура вполне доказала, что буржуазия может на нее полагаться как на верную защитницу буржуазных классовых интересов, этот порядок был изменен и для прекращения дела было признано достаточным единогласное мнение по этому поводу следователя и прокурора.

Когда обвинительная камера апелляционного суда — орган предания суду по делам о наиболее серьезных преступлениях — оценивает разбираемый нами вопрос о достаточности собранных по делу доказательств для предания обвиняемого суду, то она исходит отнюдь не из заботы об ограждении обвиняемого от неосновательного предания суду, а, главным образом, из соображений о том, можно ли рассчитывать, что удастся добиться от присяжных обвинительного вердикта. Если на такой вердикт рассчитывать нельзя, то обвинительная камера нередко прибегает к так называемой коррекционализации. Этот юридический фокус заключается в том, что обвинительная камера искусственно изменяет квалификацию преступления таким образом, чтобы изменить подсудность дела и направить его вместо суда присяжных, где нельзя рассчитывать на «благоприятный» исход процесса, в судебно-исправительную полицию, состоящую, как известно, из трех постоянных судей, гораздо более покладистых, чем присяжные заседатели. Этот прием очень часто позволяет обвинительной камере избежать необходимости прекратить дело «за недостаточностью улик». Улики, недостаточные для присяжных, окажутся достаточными для судей трибунала исправительной полиции.

Один из новейших французских процессуалистов Ру пытается объяснить практику коррекционализации чрезмерной строгостью материального уголовного права. Объяснение это, конечно, явно неосновательно. В распоряжении суда присяжных есть достаточно

---

[1] Законодательство и юридическая практика. Перевод В. Бартенева, С. Петербург, 1864 г., стр. 324.

средств для того, чтобы смягчить наказание, если суд найдет это нужным. Действительная причина, вызвавшая широкое развитие этой практики, заключается в другом.

Тот же Ру проговаривается об этой причине в подстрочном примечании, указывая, что применение коррекционализации ведет к избежанию «скандальных оправданий, произносимых присяжными».[1]

Таким образом, во французском уголовном процессе, послужившем, как известно, образцом для большинства буржуазных стран, в частности для царской России, порядок прекращения уголовных дел приспособлен исключительно к тому, чтобы обеспечить наиболее широкое применение репрессий.

Вопросов, поставленных в начале настоящей статьи, этот порядок не разрешает и даже не пытается решить.

Законодательства большинства других буржуазных стран идут по пути французского уголовного процесса, и отдельные частные различия, встречающиеся в том или ином законодательстве, не имеют принципиального значения.

Германское до-фашистское законодательство проявляет некоторую заботу об интересах потерпевшего.

Ст. 170 устава уголовного судопроизводства дает потерпевшему право, в случае прекращения прокуратурой дознания, обжаловать это прекращение сначала вышестоящему прокурору, а затем в верхний земский суд; последний может принудить прокуратуру пересмотреть свое решение и поддерживать обвинение даже вопреки ее убеждению.

На вопросе о гарантии прав обвиняемого, в связи с прекращением дела, особо останавливаются только законодательства государств, не относящихся к числу так называемых «великих держав».

Так, например, испанский кодекс 1882 г. предусматривает вынесение судом особого определения о том, что прекращенное дело «не должно ничем вредить репутации обвиняемого».

Ст. 217 УПК швейцарского кантона Солотурн приравнивает определение о прекращении дел к оправдательному приговору.

Ст. 96 уголовно-процессуального кодекса другого швейцарского кантона Гларус устанавливает, что при совершенной необоснованности возбужденного уголовного преследования, в случае прекращения дела, обвиняемому выдается особое письменное удостоверение о его невиновности.

Подобных правил мы не найдем в процессуальном законодательстве ни одной из так называемых «великих держав».

Само собой разумеется, что нечего даже пытаться искать их в законодательстве стран фашистской диктатуры.

Вопрос о порядке прекращения уголовных дел в советском уголовном процессе первоначально решался различно, в зависимости от того, шла ли речь о прекращении дознания или предварительного следствия.

По УПК РСФСР 1922 г. и по первоначальной редакции УПК 1923 г. прекращение дознания производилось постановлением прокурора (после 1924 г. — следователем), а предварительное следствие могло быть прекращено только по определению распорядительного заседания суда.

Этот порядок был изменен известным законом 29 октября 1929 г., упразднившим распорядительные заседания суда.

В этом законе характерно, что для предания суду устанавливается иной порядок, чем для прекращения дела: прекращение дела допускается по постановлению того самого органа, который это дело расследовал, тогда как на решение вопроса о предании суду правомочен только наблюдающий орган: следователь — в отношении органов дознания и прокурор — в отношении следователя.

Интересно сопоставить этот подход к решению этого вопроса с описанными выше тенденциями французского буржуазного процесса, в котором, наоборот, забота о предотвращении неправильного прекращения дела преобладает над заботой о предотвращении неосновательного предания суду.

Права потерпевшего и обвиняемого по закону 29 октября 1929 г. защищены тем, что каждый из них вправе требовать выдачи ему копии постановления о прекращении дел и может обжаловать это постановление по линии прокуратуры до прокурора Союза ССР включительно.

Порядок предания суду, установившийся в нашем процессе после издания упомянутого выше закона, подвергся, как известно, резкой критике на первом всесоюзном совещании работников юстиции в 1934 г.

Всем известны решения этого совещания об обязательности рассмотрения вопроса о предании суду в подготовительных заседаниях суда, а также те директивы центральных органов юстиции, которые были изданы в развитие этих решений. Порядок и условия прекращения дел, установленные законом 29 октября 1929 г., остались до сих пор без всяких изменений.

Ст. 96 проекта УПК СССР предусматривает сохранение такого же порядка и впредь.

Как уже было указано выше, в большинстве случаев этот порядок, при условии правильной работы органов прокуратуры, вполне гарантирует как от неосновательного прекращения уголовных дел, так и от каких-либо нарушений прав отдельных граждан при прекращении дела. Широкая возможность обжаловать всякое постановление о прекращении уголовного дела в принципе гарантирует права как потерпевшего, так и обвиняемого.

Но могут быть и нередко бывают такие случаи, при которых соблюдение обычного порядка прекращения уголовных дел приводит к неприемлемым результатам.

Возьмем несколько примеров из практики.

Несколько человек, осужденных за конокрадство, подали заявление о том, что ими в несколько приемов была дана взятка следователю Т., расследовавшему их дело. Заявители утверждали, что следователь их обманул, что, принимая взятку, он обещал, что дело о них будет прекращено, а на самом деле предал их суду. При допросе все эти лица

[1] Курс французского уголовного права; второе изд., Париж, 1927 г., т. 2, стр. 362—363, подстрочное примечание 7-е.

подробно рассказали о том, при каких обстоятельствах они давали взятку следователю. Никаких непримиримых противоречий между показаниями различных заявителей не было. Более того, в некоторой части эти показания подтверждались другими доказательствами. Так, например, один из заявителей Н. показал, что передал деньги следователю завернутыми в белый платок и что по выходе из дома следователь ему этот платок вернул. Нашелся свидетель Х., не причастный к делу о конокрадстве, который показал, что он видел, как следователь Т. вместе с Н. выходил из дома и как Т. передал Н. что-то белое, возможно, платок. Однако при дальнейшем расследовании дела был установлен ряд обстоятельств, возбуждавших сильное сомнение в правдивости показаний заявителей: была установлена ложность объяснений некоторых заявителей относительно тех источников, откуда они почерпнули средства для дачи взятки. Между показаниями свидетеля Х. и Н. оказались противоречия относительно того места, где Т. будто бы передал платок Н. Было установлено, что Т. безупречно работает в органах прокуратуры в течение 12 лет.

С другой стороны, было выявлено, что заявители действительно являются профессиональными конокрадами и что они и ранее несколько раз возбуждали неосновательные обвинения против различных должностных лиц. Было также установлено, что свидетель Х., хотя и не имеет отношения к делу о конокрадстве, но был привлечен следователем Т. к ответственности по другому делу.

Проверка действий Т. по расследуемому делу о конокрадстве выявила, что он расследовал это дело в 10-дневный срок и совершенно правильно предал суду по этому делу именно тех лиц, кого и следовало предать.

Более того, после того как суд вынес по этому делу чрезмерно мягкий приговор, Т., заменявший в этот момент районного прокурора, истребовал дело для опротестования этого приговора за мягкостью.

Т. категорически отрицал не только получение им каких бы то ни было взяток, но даже и всякие разговоры на эту тему с кем-либо из заявителей.

Однако, несмотря на все это, все заявители (общим числом 4) продолжали категорически утверждать, что взятка была ими дана, и повторили эти показания на очной ставке с Т. Родственники заявителей также вполне категорически показали, что последние в свое время рассказали им о даче взятки следователю.

Как должна была поступить прокуратура по делу обвинения Т. во взяточничестве?

Бесспорно, что улики против Т. более, чем сомнительны и что формально данный случай вполне подходит под понятие «недостаточности улик», установленное пунктом «б» ст. 204 УПК РСФСР.

Однако, если бы прекратить это дело по этому мотиву, то прежде всего для следователя Т. вряд ли было бы возможно продолжать работать в органах прокуратуры.

Далее, по этому делу неизбежно встает такая альтернатива: либо следователь Т. взял взятку, либо лица, возбудившие это дело по взаимному соглашению между собой и с рядом близких им свидетелей, искусственно создали ложное обвинение против честного работника советской прокуратуры.

Оставлять подобные явления безнаказанными значило бы давать враждебным элементам в руки оружие для того, чтобы безнаказанно шельмовать лучших советских работников.

Следовательно, прекращая дело в отношении Т., необходимо было одновременно возбудить уголовное преследование по части 2 ст. 95 УК РСФСР против заявителей.

Однако в этом случае создалось бы как раз то самое положение, о котором говорилось в начале настоящей статьи. Суд над ними неизбежно превратился бы в суд над Т. Суду пришлось бы заниматься выяснением вопроса о том, взял Т. взятку или не взял, правильны ли показания свидетеля Х. (а следовательно и заявителя Н.) о том, что Т. передал Н. платок, или не правильны и т. д.

Если бы суд вынес по этому делу оправдательный приговор, этот оправдательный приговор имел бы значение обвинительного приговора для Т.

Нет никакого сомнения, что по этому делу, несмотря на то, что улики против Т. были безусловно недостаточны, наиболее правильным решением вопроса является предание Т. суду даже по этим недостаточным уликам.

Оправдательный приговор суда, вынесенный после гласного судебного разбирательства, — единственное средство для того, чтобы обеспечить, с одной стороны, возможность для Т. сохранить свою незапятнанную репутацию, а с другой стороны — для того, чтобы привлечь к уголовной ответственности клеветников, возбудивших против Т. неосновательное обвинение.

В данном случае имеет место положение, вполне аналогичное тому, о котором говорил Ленин в приведенной выше цитате, т. е. такое положение, при котором нельзя рассеять клеветы иначе, как путем предания оклеветанного человека суду.

Однако приведенный выше пример отнюдь нельзя обобщать и делать из него такой вывод, что вообще следует отказаться от прекращения дел «за недостаточностью улик» и предоставить во всех случаях суду решение вопроса о том, являются ли улики достаточными или не достаточными.

Бесспорно, что очень часто бывает и такое стечение обстоятельств, при котором предание суду человека по недостаточным уликам явно недопустимо.

Вот пример случаев такого рода.

Молодой селькор 15 лет отроду вышел однажды пешком из районного центра, направляясь к себе домой, в селение, расположенное от этого центра на расстоянии, примерно, 30 километров. Домой он не вернулся, и его больше никто не видел. Произведенное по заявлению отца исчезнувшего мальчика расследование не привело ни к каким результатам.

Несколько месяцев спустя, уже летом, труп этого селькора был обнаружен в глухом месте, в стороне от той дороги, по которой он должен был итти, на расстоянии, примерно, 15 км от районного центра.

Судебно-медицинская экспертиза дала заключение о том, что хотя далеко зашедшее

разложение трупа и затрудняет точное определение причин смерти, однако, судя по позе, в которой лежал труп, и по ряду других данных, можно предположить с наибольшей вероятностью, что смерть последовала от охлаждения тела; другими словами, это означало, что мальчик по пути домой сбился с дороги, выбился из сил и замерз.

На основании этого заключения экспертов дело было прекращено.

Однако через некоторое время нашелся свидетель К., колхозник того самого колхоза, на территории которого был найден труп, который рассказал, что мальчик был убит и что убийство это происходило на его глазах.

По показаниям К., картина убийства представлялась в следующем виде.

Мальчик будто бы приехал на полевой стан той колхозной бригады, в которой работал К., с обозом этой бригады, возвращавшимся в этот день из районного центра. За ужином он рассказал колхозникам, что он селькор и что на следующее утро он посмотрит, как бригада готовится к посевной кампании. Мальчик лег спать в комнате, где спали К. и ряд других колхозников. Ночью К. проснулся от сильного шума и увидел, как четверо колхозников, во главе с бригадиром, душили мальчика. К. очень подробно описал, как происходило убийство: один из убийц будто бы стоял коленями на груди жертвы и душил его руками за горло, другой навалился мальчику на живот, третий бил его сапогами в бок, и т. д. Мальчик довольно долго хрипел и отбивался, но в конце концов затих. Тогда убийцы вынесли его из дома, положили в сани и куда-то отвезли. К. объяснил, что он до сих пор молчал потому, что боялся мести со стороны убийц. Показания К. подтвердили его жена и сын.

Эта версия убийства с самого начала представлялась мало вероятной.

Прежде всего, колхозники, которых К. обвинял в убийстве мальчика, принадлежали к разным бригадам и были мало знакомы между собой. Убитый мальчик никогда не был в том колхозе, где будто бы произошло убийство, никогда ни одной заметки про этот колхоз не писал и никаких личных счетов ни с одним из предполагаемых убийц не имел. Бригада, о которой шла речь, являлась передовой, к севу подготовилась хорошо, если не считать некоторых второстепенных неполадок, и опасаться каких-либо разоблачений со стороны селькора ни бригадиру, ни, тем более, рядовым работникам бригады не было никаких оснований. Допросом всех колхозников, работавших в бригаде, было установлено, что К. и его семья никогда не спали в той комнате, в которой, по словам К., произошло убийство. Наконец, представлялось совершенно невероятным, чтобы убийцы бросили труп убитого ими человека на участке своей же бригады, на совершенно открытом месте, где рано или поздно его неизбежно должны были найти, и оставили его там в течение нескольких месяцев, тогда как скрыть этот труп в близлежащем овраге не представляло никаких затруднений. В деле имеется еще ряд обстоятельств, вызвавших сомнение в правдивости показаний К. Вследствие этого была произведена повторная судебно-медицинская экспертиза. Эксперту были предъявлены протоколы допроса К. и членов его семьи и протоколы осмотра и судебно-медицинского вскрытия трупа и поставлен вопрос: соответствуют ли те судебно-медицинские признаки, которые были обнаружены при осмотре и при вскрытии трупа, тому способу убийства, который был описан в показаниях К.

Эксперт дал по этому вопросу совершенно категорическое заключение о том, что при таком способе убийства у убитого, в особенности у пятнадцатилетнего мальчика, неизбежно должны были бы быть переломы ребер, повреждения хрящей гортани и ряд других повреждений, которых на трупе не было.

В таком виде было дело, когда надо было решать вопрос о предании суду тех лиц, которых К. изобличал в убийстве мальчика. Между областной прокуратурой, расследовавшей это дело, и органами военной прокуратуры, которые должны были окончательно решать вопрос о предании суду (поскольку обвинение квалифицировалось как террористический акт), возникли разногласия по этому вопросу. Дело было затребовано в прокуратуру Союза ССР, где, на основании изложенных выше соображений, было принято решение о прекращении дела. Нет никакого сомнения, что это решение было правильно, что предавать суду заведомо невиновных людей было бы явно недопустимо.

Где же лежит граница между случаями первого и второго рода? В каких случаях при шаткости и сомнительности доказательственного материала, собранного на предварительном следствии, следует предоставлять оценку этого материала суду, а в каких случаях эту оценку надо производить без судебного рассмотрения, путем вынесения постановления о прекращении дела «за недостаточностью улик»?

Очень соблазнительно попытаться найти для ответа на этот вопрос какой-то объективный, раз навсегда действительный, критерий вроде хотя бы следующего:

В тех случаях, когда обвинение опровергается бесспорными объективными доказательствами (вещественными доказательствами, экспертизой, документальными данными и т. п.), вопрос может быть разрешен путем прекращения дела.

В тех случаях, когда то или иное решение вопроса зависит от оценки субъективных данных, противоречивых свидетельских показаний, объяснений обвиняемых и т. д., такую оценку надо предоставлять суду.

Однако подобное решение вопроса было бы в корне неверно.

Решать вопрос таким образом значило бы контрабандой протаскивать в теорию нашего уголовного процесса теоретически совершенно неверное деление доказательств на объективные и субъективные, вводить в нашу процессуальную теорию элементы феррианства, или формальной системы оценки доказательств. Найти решение указанного вопроса раз и навсегда для всех без исключения случаев нельзя. Такое решение можно найти только в каждом отдельном случае, с учетом всех особенностей данного конкретного дела. Однако

можно установить некоторые руководящие принципы, которыми следует руководствоваться в подобных случаях. Правильное решение этого вопроса упирается в вопрос о соотношении между предварительным и судебным следствием. При смешанной форме процесса это соотношение может быть двояко.

Можно рассматривать судебное рассмотрение дела только как проверку материала предварительного следствия и можно рассматривать его как самостоятельное исследование дела, при котором материалы предварительного следствия играют роль только исходного материала. Если становиться на первую из этих двух точек зрения, то придется признать, что судебное рассмотрение дела никаких новых возможностей не открывает, что все то, что может быть выяснено на суде, может быть выяснено и на предварительном следствии. А из этого неизбежно следует вывод, что если улики, собранные предварительным следствием, при завершении этого следствия представляются недостаточными, то они будут недостаточными и на суде.

Ясно, что сколько ни проверяй недостаточный материал, он все-таки останется недостаточным. Но если смотреть на судебное следствие не только как на проверку материалов предварительного следствия, но как на самостоятельное исследование дела в полном объеме, то получатся совершенно другие выводы.

Дело в том, что суд располагает такими возможностями исследования, которыми не располагает предварительное следствие. Прежде всего на предварительном следствии отдельные следственные действия неизбежно отделены друг от друга более или менее значительными промежутками времени.

Какой бы памятью ни обладал следователь, как бы он ни владел техникой протоколирования показаний, он никогда не сможет отразить в протоколе допроса или сохранить в своей памяти все мельчайшие оттенки показаний допрашиваемого им лица.

Так, например, если следователь допрашивает свидетеля А, допустим, 1 августа, а свидетеля Б, который дает показания по тем же вопросам, 1 сентября, легко может случиться, что целый ряд мелких расхождений и противоречий между показаниями этих свидетелей останется незамеченным. А всякому практическому работнику юстиции хорошо известно, что очень часто именно мелкие противоречия в показаниях являются той исходной точкой, отправляясь от которой можно притти к выяснению основных и важнейших вопросов дела.

На суде все участники процесса допрашиваются непрерывно друг за другом, и всякое, даже мельчайшее расхождение в их показаниях, всякое различие в освещении того или иного факта может быть немедленно замечено и сразу же использовано для уточнения и проверки соответствующих показаний.

На предварительном следствии все участники процесса проходят перед следователем поодиночке. За исключением сравнительно редких случаев очных ставок, различные участники процесса никогда не оказываются лицом к лицу друг с другом.

На суде, наоборот, все лица, так или иначе имеющие отношение к делу, оказываются собранными в одно время и в одном месте.

Это открывает перед судом и сторонами такие возможности исследования дела, которые совершенно недоступны для следователя в обстановке предварительного следствия.

Достаточно вспомнить метод последовательной постановки одного и того же вопроса (или ряда вытекающих один из другого вопросов) нескольким подсудимым, примененный т. Вышинским на процессах объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра и антисоветского троцкистского центра, чтобы понять, какие громадные возможности для выяснения истины дает такое сосредоточение в одно время и в одном месте всех участников процесса. Применить такой метод на предварительном следствии было бы невозможно.

Даже если заменить его проведением ряда последовательных очных ставок, все же не удастся достигнуть того поразительного эффекта, который давало применение этого метода на суде. Между отдельными очными ставками неизбежно проходило бы сравнительно продолжительное время. Вызванные на допрос лица, при желании дать ложные показания, имели бы возможность обдумать эти показания и на каждой последующей очной ставке приспособлять свои показания к тому, что имело место на предыдущей.

Наконец, на суде допрос свидетелей, потерпевших и т. д. впервые происходит в присутствии обвиняемого. Обвиняемый впервые получает возможность ставить всем этим лицам вопросы и сразу же давать объяснения по поводу каждого утверждения допрашиваемых. Это далеко не то же самое, что ознакомление с протоколами допросов на предварительном следствии.

Нечего и говорить о громадном значении гласности судебного рассмотрения дела не только для обеспечения массового политического эффекта процесса, но и для самого исследования дела, для обеспечения полноты и всесторонности этого исследования.

Все эти отличия между условиями исследования дела на суде и на предварительном следствии необходимо принимать во внимание при решении вопроса о прекращении дела.

Если есть основания предполагать, что в силу указанных преимуществ судебного исследования доказательственный материал может представиться на суде в ином виде, чем он представляется на предварительном следствии, дела прекращать нельзя даже в том случае, если собранные на предварительном следствии улики и кажутся не вполне достаточными. Если не собрано никаких улик и обвинение представляется абсолютно голословным или в том случае, когда улики хотя и собраны, но явно недостаточны и нет никаких оснований рассчитывать, что рассмотрение дела на суде может внести что-либо новое в оценку собранного материала, дело должно быть прекращено до суда. Само собой разумеется, что в обоих случаях предполагается, что предварительное расследование исчерпало все пути для

выяснения дела и что возможности доследовать дело не остается.

Таким образом, никакого формального критерия, никакой «объективной» мерки для определения достаточности или недостаточности улик для предания суду быть не может.

Только высокий идейно-политический уровень прокурора и следователя, принимающих решение о направлении дела, хорошее знание ими процессуального права, в частности учения о доказательствах, знание ими тактики и методики расследования — служат гарантией для правильного определения достаточности или недостаточности собранных доказательств в каждом отдельном случае. Совершенно недопустимо игнорировать при этом значение судебного исследования дела, упускать из виду возможность выявления на суде новых обстоятельств.

В тех случаях, когда, с учетом всех этих соображений, органы прокуратуры все же приходят к выводу о необходимости прекращения дела, оформление этого акта должно быть произведено таким образом, чтобы при этом была исключена всякая возможность нарушения прав кого-либо из затронутых данным процессом лиц.

Прежде всего надо признать, что прекращение дела «за недостаточностью улик» недопустимо вовсе в тех случаях, когда обвиняемый требует передачи его дела в суд.

Наша практика уже твердо встала на такую точку зрения в отношении прекращения дел по амнистии. Эта точка зрения получила подтверждение и в ряде законодательных актов об общей амнистии (например об амнистии к 5-й годовщине Октябрьской революции и др.). Нет никаких оснований не распространять того же порядка и на случай прекращения дел «за недостаточностью улик».

Большое значение при прекращении дела имеет также вопрос о том, будет ли в связи с данным делом возбуждено против кого-либо уголовное преследование по ст. 95 УК или не будет.

Так как наш закон не устанавливает обязательного требования преюдициального разрешения вопроса о ложности заявления или показания, нельзя вводить такого требования помимо закона.

Однако нельзя упускать из виду и приведенных выше соображений о том, в каких условиях будет протекать процесс по обвинению лжесвидетелей или лжедоносчиков. Если самый факт ложности заявления или показания не оставляет сомнения (например в случае подтвержденного рядом доказательств признания ложности этого факта самим лицом, подавшим заявление или давшим ложное показание), если перед судом, которому придется разбирать дело по ст. 95 УК РСФСР, будут стоять в основном лишь вопросы о том, были ли эти показания заведомо ложными, и о том, какова степень общественной опасности этих действий, тогда можно возбудить дело по ст. 95 УК и при отсутствии судебного приговора по тому делу, в связи с которым было сделано ложное заявление или даны ложные показания. Если же основное положение о том, являются ли данное заявление или показание ложными, поддается оспариванию, то, по общему правилу, возбуждать уголовное дело по ст. 95 УК не следует до тех пор, пока это основное положение не будет бесспорно установлено приговором суда.

Постановление о прекращении дел даже в том случае, когда мотивом для этого прекращения является недостаточность улик, должно полностью реабилитировать обвиняемого.

Понятие «недостаточность улик» должно толковаться только в том смысле, что приписанное данному лицу преступление не доказано, а не в том смысле, что нехватает формальных оснований для предания его суду.

Нередко приходится встречать такие постановления о прекращении дел по пункту «б» ст. 204 УПК РСФСР и по соответственным статьям УПК других союзных республик, в которых описательная часть постановления более напоминает описательную часть обвинительного заключения, чем мотивировку постановления о прекращении дела.

Нередко встречаются также уклончивые, двусмысленные формулировки постановлений о прекращении дела.

Двусмысленные формулировки в подобного рода случаях совершенно недопустимы.

Постановление о прекращении дел должно быть вполне категоричным и не набрасывать тени подозрений на личность того, кого это постановление касается.

Следовало бы установить также правило о том, что требование сообщать о нахождении под следствием в анкетах и т. п. документах относится только к настоящему, но не к прошедшему времени. Вполне понятно, что лицо, состоящее под следствием, которое еще не кончено, должно указать об этом в своей анкете. У такого лица есть определенные перспективы: либо его дело будет передано в суд и получит там окончательное разрешение, либо оно будет прекращено.

Но предъявлять аналогичное требование к лицам, в отношении которых когда-то велось следствие, которое было впоследствии прекращено, нет никаких оснований. Предъявлять такое требование это значит обрекать данное лицо на роль «пожизненно подследственного». Дело о нем прекращено. Никаких новых перспектив по этому делу нет. Нет даже возможности ходатайствовать «о снятии подследственности» наподобие того, как это делается в отношении снятия судимости.

Вообще нет никакого средства избавиться от неприятной необходимости всю свою жизнь писать в анкетах:

«Находился под следствием по статье такой-то УК. Дело прекращено за недостаточностью улик».

Прекращение дела должно полностью реабилитировать советского гражданина, обвинявшегося по этому делу, и не оставлять за ним никаких «хвостов».

Существующий у нас порядок прекращения уголовных дел вполне гарантирует соблюдение всех указанных выше требований.

Наше процессуальное законодательство дает вполне достаточные гарантии каждому советскому гражданину против всякого нарушения его прав, против всякого необоснованного запятнывания его репутации. Необходимо только

преодолеть взгляд на прекращение дела, как на какой-то второстепенный, не имеющий значения, процессуальный акт, взгляд, который все еще держится среди многих работников прокуратуры и судов. Надо твердо усвоить, что прекращение уголовного дела есть политический акт, имеющий столь же важное значение, как и акт предания суду, и что к выполнению этого акта надо подходить с не меньшей осторожностью, чем к решению вопроса о передаче дела на судебное рассмотрение.

А. ЕЛИСЕЕВ

Пыль и грязь как улика

Работник, производящий расследование, не всегда обладает достаточным опытом и знанием жизни, чтобы правильно объяснить какую-либо специфическую особенность предмета, который употребляется в нашем обиходе при той или иной работе.

При расследовании преступлений работник следствия не всегда может точно выявить влияние какой-либо привычки или навыка, определяющих своеобразие применяемых преступником методов при совершении преступления.

Эти соображения заставляют нас обратить внимание на то, что является чрезвычайно важным для органов расследования: не оставлять без самой тщательной проверки самые обыкновенные предметы, выявляемые в процессе расследования и могущие иметь значение серьезных доказательств по делу. В этом отношении заслуживают внимания пыль, грязь, мелкие частицы в виде волокон и т. п., которые могут быть использованы в различных случаях.

1. Если на подозреваемом лице имеются пыль или грязь, сходные с пылью или грязью места совершения преступления, то по ним иногда можно выявить преступника из числа подозреваемых лиц.

2. Если на месте преступления остались одежда или какие-либо предметы преступника, это дает возможность судить о профессии преступника и тем самым способствует его обнаружению.

3. Исследование обнаруженной на платье или обуви заподозренного лица грязи или пыли иногда может дать ценный материал для проверки его указаний на то, где он был в момент совершения преступления.

4. В отдельных случаях, при убийствах, пыль или грязь на одежде убитого могут указать, где был перед смертью убитый.

5. Нахождение на том или ином инструменте грязи может указать, где и на какой работе он применялся.

Конечно, всех случаев, когда пыль или грязь могут быть использованы для изобличения преступника, заранее предусмотреть нельзя.

Работник расследования должен помнить, что при совершении преступлений путем различного рода взломов стен, несгораемых касс и т. п., высверливания или выпиливания преград, на платье взломщика попадает кирпичная пыль, инфузорная земля, стружки, опилки и проч. На обуви, одежде и на теле преступника может быть обнаружена грязь или пыль с места совершения преступления. Пыль или грязь с места преступления могут быть обнаружены и в тех случаях, когда действия взломов непосредственно не производились, например: если преступление совершено в помещении, где много пыли,—на мельнице, в складе сыпучих товаров, в комнате, в которой производится побелка, и пр., где имеющаяся пыль пристает к обуви преступника и оседает на его одежде. Если на месте совершения преступления грязь чем-либо отличается от обычной уличной грязи, например: болото, торф, угольная пыль и пр., — то нахождение ее на обуви подозреваемого может с некоторой вероятностью доказать его пребывание на месте совершения преступления. Могут быть случаи, когда преступник наступит на какое-либо вещество, находящееся по близости от места совершения преступления, например: на известь, на какую-либо краску, на разлитый керосин или нефть, в этих случаях на его обуви можно это вещество обнаружить. Бывают случаи, когда на одежде преступника остаются пятна, пыль или грязь, т. е. следы от объектов преступления — краски, угля, крупы, сахара, масла, сала, олифы, зерна или мелкие частицы растительных веществ — хмеля, сена и пр. При внимательном осмотре заподозренного лица, его одежды, обуви, рук, ногтей и т. д. следы могут быть обнаружены и получить большое доказательственное значение, в особенности при кражах со взломом и убийствах, а также и прочих преступлениях.

В подтверждение вышеуказанных положений приведем несколько примеров из практики.

В ночь на 16 января 1927 г. в хозяйственной части Рентген-академии в Харькове была взломана несгораемая касса, из которой были похищены деньги в сумме 1100 руб. (как звонкой монетой, так и в бумажных купюрах).

17 января был произведен обыск в квартире подозреваемого гр. Бергмана, у которого было обнаружено свыше 100 руб., из коих в белой тряпке в сенях под лавкой было найдено звонкой монетой на 32 руб. 50 коп. Монеты оказались покрытыми пылью, и среди них были обнаружены кусочки стекла и глины.

В Институт научно-судебной экспертизы были направлены указанные монеты в белой тряпке и образец песка, извлеченного из взломанной кассы.

Микроскопическим исследованием присланных объектов была установлена идентичность песка, находившегося на монетах и взятого из кассы.

Кроме того, в обоих объектах было обнаружено наличие осколков стекла и несколько

кусочков глины, кусочки красной мастики и кусочки черного сплава, а также по одной булавке. Исследованием упомянутых объектов было установлено, что кусочки стекла, красной мастики и черного сплава представляют собою остатки разбитой электрической лампочки, находившейся, как это было установлено впоследствии, в несгораемой кассе, где находилась также коробка с булавками.

Таким образом было доказано, что деньги, обнаруженные у подозреваемого, находились в несгораемой кассе Рентген-академии и были похищены оттуда при взломе кассы.

2. В Западной области при совершении ограбления несгораемой кассы преступники разрушили часть кирпичной стены. Подозрение пало на гр. К., который и был задержан вскоре после совершения преступления. Работник, производивший расследование, обратил внимание на то, что на галошах у К. имеются красно-бурые пятна. Не ограничиваясь этим, он заставил гр. К. высморкаться в носовой платок и направил галоши и платок на исследование вместе с образцами кирпичной пыли с места совершения преступления. Исследованием в научно-техническом отделении уголовного розыска ГУРКМ было установлено, что пыль на носовом платке и грязь на галошах гр. К. тождественны с пылью с места взлома. После предъявления ему результатов исследования гр. К. сознался в совершенном преступлении.

3. В г. Баку из магазина ЦРК была совершена кража мыла посредством пролома стены. По подозрению был задержан гр. Г., у которого при личном обыске на поверхности одежды и в карманах пиджака было обнаружено пылеобразное вещество в общем количестве около 50 г, по цвету напоминающее цемент и состоявшее из разной величины крупинок. Работником расследования пыль эта вместе с образцами пыли, собранной у проломанной стены, была представлена в научно-технический отдел РКМ для экспертизы, на предмет установления тождественности этой пыли с пылью от проломанной стены. Представленные объекты были исследованы под лучами кварцевой лампы и показали полную идентичность флуоресценции, на основании чего было дано заключение об одинаковом химическом составе обоих объектов. После результатов исследования гр. Г. сознался в краже.

4. 17 октября 1927 г. в питомнике Двуреченского лесничества было уничтожено путем покоса 700 тыс. сосновых саженцев.

Подозрение пало на гр. Хоперского, проживавшего на расстоянии одного километра от питомника. При обыске у подозреваемого была обнаружена коса, имевшая на своем лезвии зеленые следы засохшей клейкой жидкости, обычно выделяемой стебельками сосновых саженцев.

По словам Хоперского, эта коса была у него в употреблении приблизительно за месяц до данного происшествия.

В Институт научно-судебной экспертизы были присланы коса и пучок саженцев, взятых на месте происшествия, с просьбой установить, не этой ли косой скошены саженцы.

При микроскопическом исследовании соскоба с косы среди остатков растительных тканей были обнаружены также элементы древесины сосны Pinus Silvestris, весьма характерные для нее так называемыми окаймленными порами, расположенными на радиальных стенках трахеид, причем эти трахеиды в перпендикулярном направлении пересекались сердцевидными лучами с характерными для сосны утолщениями стенок клеточных элементов, входящих в состав этих лучей. Кроме того, на другом препарате было констатировано наличие древесины сосны и присутствие зеленой окраски хлорофила, указывающее на то, что обрывок ткани попал на косу с живого объекта.

На препаратах, изготовленных из стеблей присланных саженцев, была установлена аналогичная картина.

На основании полученных результатов было установлено, что данной косой косились сосновые саженцы (свежие).

Интересны и примеры, известные нам из заграничной практики:

1. Во Франции в г. Лионе молодая женщина была найдена задушенной в своей комнате. Подозрение пало на ее возлюбленного, молодого человека, которого арестовали, но он утверждал о своей непричастности к убийству. Д-р Локар исследовал тело задушенной женщины и обнаружил несколько царапин на шее убитой. Это были следы от ногтей убийцы. При осмотре пальцев рук и, особенно, ногтей подозреваемого убийцы была извлечена из-под ногтей тоненькая, темная крошка грязи. Исследованием этого соскоба из-под ногтей под микроскопом были обнаружены не только микроскопичеекие частицы кожи и запекшейся крови, но и крупинки пудры, которую употребляла задушенная женщина (Локар).

Вальтер Ельзе и Джемс Гарроу приводят в качестве примера следующий случай.

В глухом месте, ночью, на проходившую в роще женщину напал бандит, затащил ее в рощу и пытался задушить, но, услышав приближение двух мужчин, бросил ее и скрылся. Заподозренный утверждал, что он не был в том месте, где было совершено преступление. На его обуви и брюках была замечена грязь. Он объяснил нахождение ее тем, что споткнулся приблизительно в 200 ярдах от места преступления, упал и замазал брюки. Был произведен ряд исследований грязи, взятой с заподозренного, и проб, взятых с места преступления и с того места, где, по словам заподозренного, он упал, а также и из разных мест в окружности радиусом в полмили. Исследования показали:

1. Почва того места, на которое заподозренный указал, как на место своего падения, иная по составу, чем найденная на брюках и на обуви грязь.

2. Совсем иными по составу оказались и пробы почвы, взятые из разных мест указанной выше окружности, на расстоянии в полумиле вокруг места преступления.

3. Грязь на обуви оказалась смешанного состава: одним из элементов ее оказалась почва, совпадающая с пробой, взятой у входа в рощу, а другим — почва на месте преступления.

Грязь на брюках оказалась такого же состава, как и почва места преступления.

Кроме того, на месте преступления были заметны на земле волокна, совпадающие с волокнами ткани на брюках. Все это подтвердило виновность заподозренного.

В г. Тулоне (Франция) у заподозренного в изготовлении фальшивых стофранковых кредиток, которыми оказался наводнен юг Франции, врачом, осматривавшим подозреваемого, был извлечен из уха маленький кусочек ушной серы. Этот кусочек серы был направлен в Лион доктору Эдмонду Локару, который обнаружил микроскопические частицы: типографской краски, типографского камня и характерные кристаллики всевозможных химических составов, которые употребляются при изготовлении многокрасочных клише для кредиток, чем и была доказана причастность подозреваемого к изготовлению фальшивых денег.

Подозреваемый фальшивомонетчик, отрицавший свою виновность во время следствия, не мог предвидеть, что на пальце, которым он почесал у себя в ухе, случайно окажутся эти предательские крупинки. Только на суде он сознался в совершенном преступлении (Локар).

Приведенные примеры со всей очевидностью указывают на то, что случаи, когда на подозреваемом человеке остаются пыль или грязь с места совершения преступления, — довольно значительны. Особенно часто пыль и грязь можно использовать как доказательство при расследовании хищений общественной социалистической собственности, как указано было выше, с мельниц, ссыпных пунктов, складов муки, зерна и угля и других продуктов.

Крупинки пыли, осевшие на каком-либо предмете, дают указания на окружение, в котором находился этот преступник.

При расследовании убийств следует обращать внимание на грязь под ногтями подозреваемых лиц, так как в ней иногда можно обнаружить кровь или грязь с места совершения преступления, хотя кровь под ногтями не всегда может служить доказательством изобличения преступника, так как кровь может оказаться там и по другим случайным причинам, например при расчесах и т. п.

Могут быть случаи, когда преступник на месте совершения им преступления оставил частицы своей одежды или орудия, служившие для совершения преступления, или оружие. В таких случаях исследования пыли или иных частиц, изъятых из этих предметов, могут иногда указать на профессию преступника, так как пыль на одежде и инструментах может состоять из частиц материалов, применяющихся при той или иной работе, как-то: краска у маляра, частицы клея или опилки у столяра, свинцовая пыль у наборщиков, мука у мельников, мелкие частицы бумаги у переплетчиков и т. п. Указание на профессию преступника может помочь обнаружить его при дальнейшем расследовании.

Пыль и грязь преимущественно могут быть на одежде подозреваемого, т. е. на поверхности одежды, в карманах, в швах или в самой материи — ткани, как могут быть также и на вещах и предметах в карманах: в бумажнике, в кошельке, в ноже, в ключах и пр. На обуви грязь чаще всего бывает у каблука, в углублениях каблука и подошвы, на рантах и пр.

Собирание материала для исследования начинается с тщательного осмотра всех предметов как не вооруженным глазом, так и с помощью лупы. Если будут обнаружены крупные частицы, они должны тотчас же сниматься при помощи чистого пинцета, а в протоколе осмотра должно указываться, с какой части одежды они сняты.

В случаях, когда необходимо отправить для исследования всю одежду или хотя бы отдельную вещь, как-то: пиджак, брюки, фуражку и т. п., работник расследования должен сначала тщательно осмотреть одежду, извлечь имеющуюся пыль и грязь из всех карманов и упаковать их должным порядком. Затем следует составить надлежащий протокол осмотра и в случае надобности одежду и обувь отобрать у подозреваемого лица и направить на исследование в Институт научно-судебной экспертизы, для того, чтобы пыль и грязь с одежды или обуви не исчезли или чтобы извне не попала какая-либо посторонняя грязь или пыль. При осмотре и при направлении на исследование надо учесть, что предметы должны быть предохранены от загрязнения и потерь. Изъятые и направленные для исследования предметы должны быть завернуты каждый в отдельности, уложены в пакеты из чистой плотной глянцевой бумаги и упакованы в крепкий плотно закрывающийся ящик. В ящике должны быть сделаны прокладки и предметы плотно прижаты, чтобы устранить трение их друг о друга и о стенки ящика. Ящик и прокладки должны быть совершенно чисты.

Иногда в отдельных случаях пыль может быть на самом преступнике, но обнаружение ее представляется довольно затруднительным. В таких случаях подозреваемому лицу надо запретить мыться, направив его немедленно в институт для обнаружения на нем пыли. Если этого сделать нельзя, работнику расследования самому следует искать пыль. Пыль чаще всего бывает в носу, в волосах, под ногтями и в ушах.

В этих случаях нужно из-под ногтей подозреваемого вычистить грязь на чистый глянцевый лист бумаги или в конверт из глянцевой бумаги; из головы чистой мелкой гребенкой счесать пыль на чистый глянцевый лист бумаги; из носа — заставить подозреваемого высморкаться в совершенно чистый носовой платок или тряпочку, а затем уложить в чистый бумажный пакет, и из ушей извлечь ушную серу.

Собирать пыль и грязь в специальную посуду в виде небольших флакончиков не рекомендуется, так как пыль может пристать к краям и углам дна, откуда ее трудно будет извлечь. Если пыли и грязи будет значительное количество, то в таких случаях их можно уложить в какую-либо посуду небольшого размера, запаять в трубочку, уложить в пробирку или маленький флакончик, причем пробка должна быть плотно закрыта, если возможно — даже запечатана сургучом или залита парафином.

На каждой такой упаковке должна быть наклеена этикетка, на конвертах — сделаны надписи с четким указанием, откуда, т. е. из какой именно вещи или с какого места изъята пыль или грязь.

В случае обнаружения пыли или грязи на орудиях преступления, в различных углублениях, в щелях их, как-то: на топоре, стамеске, сверле и пр., когда возникает необходимость произвести исследование их, то такие орудия для пересылки упаковываются так же, как обувь и одежда подозреваемого лица.

Для сравнительного исследования, когда можно предполагать, что на подозреваемом имеется пыль или грязь с места совершения преступления или с объектов преступления, следует присылать образцы вещества (пыли). Образцы упаковываются в чистые пакеты.

В каждом отдельном случае следователь при собирании и направлении пыли и грязи на исследование должен серьезно подумать о том, какую ценность могут иметь для дела эти доказательства и не могли ли попасть случайно эти частицы пыли. Надо иметь в виду, что доказательственное значение обнаруженная на заподозренном человеке грязь будет иметь только тогда, когда эта грязь чем-либо будет отличаться от прочей грязи или пыли, что зависит от того, насколько разнообразна почва в месте преступления и в прилегающих к нему местах. В некоторых случаях различие почвы близко лежащих друг от друга мест настолько велико, что легко различается даже невооруженным глазом. Почва разнообразных мест отличается прежде всего по количеству содержащихся в ней песка и глины, по их цвету и составу. В различных процентах в почве находится торф, чернозем и пр. Исследование пыли и грязи может дать весьма ценный материал как для уличения обвиняемого, так и для правильной оценки его объяснения при допросе.

Выбивание пыли из одежды для исследования должно производиться экспертом.

Ганс Гросс предлагает помещать выбиваемую одежду в бумажный мешок и в него выбивать. Лучше всего одежду выбивать по частям, для чего части одежды следует натягивать на круглые деревянные рамы 15—20 см в диаметре. Рама помещается над такого же размера хорошо вымытой фарфоровой чашкой (тиглем). Сверху рамы материю закрывают толстой пергаментной бумагой и ударяют по пергаментной бумаге резиновой палкой. Таким путем можно без больших потерь собрать большое количество пыли.

Бутц и Шварцахер для извлечения металлических частиц (железа, никеля и т. п.) предлагают пользоваться небольшим магнитом или еще лучше маленьким электромагнитом, намагничиваемым от батареи карманного фонаря.

Те же авторы, указывая методику исследования пыли, предлагают собранную платяную пыль складывать на листах ровной белой и черной бумаги, причем должно быть устранено движение воздуха, т. е. закрыты окна и двери. Пыль рассматривается как невооруженным глазом, так и при помощи оптических приборов и кварцевой лампы.

Среди пыли платья бывают очень разнообразные частицы, как-то: частицы материала, из которого сделано платье, а также, особенно в карманах, частицы хлеба, табака, большие и мелкие обломки разных предметов, обрывки и волокна бумаги, кусочки дерева и т. п. Среди частиц пыли различаются частицы органического и неорганического происхождения. Частицы растительного происхождения могут попасть на платье различным путем. Для определения, к какому виду растений они принадлежат, необходимо проводить ботаническое исследование. Наряду с исследованием состава частиц бывает необходимо определить их запах. Для лучшего различения запаха рекомендуется исследуемые частицы помещать в стаканчик и осторожно подогревать в песочной ванне. Открывая крышку стаканчика, легко различить запах.

Исследование неорганических частиц, среди которых могут быть металлические частицы, как-то: опилки токарного станка, сверл, напильников, пилы и т. д., те же авторы предлагают производить путем спектрального анализа.

Частицы минерального происхождения можно определить при помощи поляризационного микроскопа, в котором структура делается легко различимой.

Обнаружение частиц пыли иногда дает возможность сделать выводы, что их носитель имел соприкосновение с определенными предметами.

Во всяком случае работники расследования и суда должны знать, что внимание к различного рода мелочам и предметам, заботливое их сохранение, осторожная и правильная упаковка и отсылка на экспертизу могут много дать для правильного освещения расследуемого события.

Б. ДУБИНОВСКИЙ

Нужен ли коренной пересмотр авторского права[1]

В своей статье «К пересмотру законодательства об авторском праве» («Соц. законность» № 9, 1937 г.) Д. Немзер обращает внимание на то, что «проскользнувшие» в последнее время как в общей печати, так и в юридической прессе статьи об авторском праве, отмечая устарелость нашего законодательства об авторском праве, предлагают частично изменить или дополнить действующие законы об авторском праве.

«Мысль о коренном пересмотре всего советского законодательства об авторском праве,— пишет Д. Немзер, — даже не возникает, и создается такое впечатление, будто бы в общем у нас с авторским правом все обстоит благополучно, дефекты имеются лишь в мелочах... Ставится ряд вопросов производных, основной же вопрос о юридической природе советского авторского права и правильности его конструкции не затрагивается».

Выполнение этой ответственной задачи, от правильного разрешения которой зависит развитие социалистической культуры и творческий рост немаловажных двигателей этой культуры — советских авторов, принимает на себя Д. Немзер.

В заключительных строках своей статьи Д. Немзер излагает те основные принципы, на которых, по его мнению, должно быть построено обновленное авторское право. «Теория исключительности авторского права, — пишет Д. Немзер, — должна быть решительно отброшена».

Мы должны создать социалистическое авторское право, построенное на принципе трудовом, а отнюдь не на рентном основании» (разрядка наша — Б. Д.).

Итак, Д. Немзер утверждает:

а) что авторское право будет лучше служить своим целям в социалистическом обществе, если оно будет лишено характера исключительного права, и

б) что действующее в настоящее время советское авторское право не является правом социалистическим, не основано на принципе трудовом, а построено на рентном основании. Исследуем эти положения Д. Немзера.

Свое предложение о ликвидации исключительности авторского права Д. Немзер выводит из того, что текущая практика взаимоотношений авторов с издательствами уже отменила исключительность авторского права.

«В самом деле, — пишет Д. Немзер, — по ст. 7 «Основ авторского права» автору принадлежит исключительное право под своим именем, под условным именем (псевдонимом) или анонимно выпустить в свет свое произведение и в течение установленного в законе срока всеми дозволенными законом способами воспроизводить и распространять его, а равно извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из названного исключительного права».

Однако права промыслового использования автором своего произведения фактически у нас не существует, и автору, который желает извлекать имущественные выгоды из своего права, остается только одна форма извлечения имущественных выгод из своего исключительного права — это передача советскому издательству права воспроизведения и распространения своего труда и получение авторского гонорара.

Таким образом, говорит Д. Немзер, «из всех имущественных выгод, присвоенных автору по закону об авторском праве, автору принадлежит только право на получение авторского гонорара».

Кроме того, указывает Д. Немзер, характеру исключительности авторского права противоречит распространение на авторское право некоторых элементов права трудового.

Так, взыскание авторского гонорара приравнивается к взысканию зарплаты, закон от 20 октября 1928 г. устанавливает минимальные ставки авторского гонорара, что соответствует понятию государственного минимума зарплаты, содержащемуся в Кодексе законов о труде, иски об авторском гонораре освобождены от взыскания пошлин, а решения судов о взыскании авторского гонорара подлежат немедленному исполнению и т. д.

«При таких условиях, — заключает Д. Немзер, — остается непонятным, каким образом наше авторское право трактуется как право исключительное. Ведь нельзя забывать того, что по ст. 20 «Основ авторского права» и ст. 13 закона РСФСР об авторском праве любое произведение науки, искусства и литературы может быть национализировано правительством Союза ССР или правительствами союзных республик. Ряд ограничений авторского права, указанных в ст. 9 «Основ» (в отношении свободы переводов, свободы публичного исполнения отпечатанных произведений и т. п.), право переиздания произведений, выпуск которых запрещен автором, с разрешения Наркомпроса и, наконец, концентрация всего издательского дела в руках обобществленного сектора сводят исключительное право автора в конце концов к предоставлению права на первую репродукцию, постановку или экспозицию произведения».

Это недоумение Д. Немзера может быть разрешено, если мы установим содержание понятия исключительного права автора и освободимся от того смешения понятий, которое привело Д. Немзера к его неправильному положению, являющемуся огромной угрозой тем интересам, ради которых советское государство создало и охраняет авторское право.

Если мы обратимся к анализу действующего законодательства об авторском праве, то мы увидим, что исключительное право автора слагается из следующих элементов:

а) Авторское право распространяется не только на произведение, появившееся в свет на территории СССР, но и находящееся на

[1] В порядке обсуждения.

территории СССР в виде рукописи, эскиза или в иной объективной форме.

Автору принадлежит исключительное право первой публикации своего произведения, т. е. иначе говоря, только автор признается судьей в вопросе о том, созрело ли его произведение для литературного оборота или нет (ст.ст. 1 и 7 «Основ авторского права»).

б) Автору принадлежит исключительное право определять, под чьим именем должно быть выпущено произведение: под своим именем, под условным именем (псевдонимом) или без обозначения имени (анонимно) (ст. 7 «Основ авторского права»).

в) Автору принадлежит исключительное право вносить дополнения, сокращения или вообще изменения как в самое произведение, так и в заглавие и в обозначение на нем имени автора. После смерти автора это право переходит к его наследникам, а по истечении срока действия авторского права указанные изменения могут вноситься с разрешения Наркомпроса РСФСР или подлежащей автономной республики (ст. 18 «Основ авторского права» и ст.ст. 28 и 29 пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. «Об авторском праве»).

г) Автору принадлежит исключительное право на переделку повествовательных произведений в драматические и киносценарии и наоборот, а равно драматических произведений в киносценарии и наоборот (п. «б» ст. 9 «Основ авторского права»).

д) Автору принадлежит исключительное право допускать использование его текста в музыкальных произведениях (п. «3» ст. 9 «Основ авторского права»).

е) Автору принадлежит исключительное право разрешить снабжение его произведений иллюстрациями (ст. 18 «Основ авторского права»).

ж) Автору принадлежит исключительное право запрещать издательству повторное издание его произведения (п. 11 типового издательского договора).

з) Автору принадлежит исключительное право всеми дозволенными законом способами воспроизводить и распространять свое произведение (п. 7 «Основ авторского права»).

и) Автору принадлежит исключительное право извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из своего исключительного права (п. 7 «Основ авторского права»).

Если мы обобщим вышеизложенные правовые нормы, то увидим, что содержание исключительного права автора состоит из следующих трех основных элементов:

1. Исключительное право решать вопрос о годности произведения для литературного оборота (право выпустить произведение в свет и право запрещать повторные издания).

2. Исключительное право вносить в произведение любые изменения (право на неприкосновенность объекта авторского права).

3. Исключительное право извлекать имущественную выгоду из авторского права.

Несомненно, что неустранимыми реквизитами авторского права, составляющими самую сущность его, являются первые два элемента. Вопрос же об исключительном праве на извлечение имущественных выгод не имеет принципиального значения и может быть разрешен без ущерба для природы авторского права в любых модификациях при условии сохранения за автором права на ту или иную форму вознаграждения.

Необходимо отметить, что Д. Немзер настаивает на сохранении в авторском праве первых двух реквизитов и требует только устранения исключительного права на имущественную выгоду. Но тогда его заключение, выраженное в категорической и всеобъемлющей форме («теория исключительности авторского права должна быть решительно отброшена»), далеко выходит за пределы его посылки и, как видим, не соответствует намерениям самого автора. А если это так, то, очевидно, предложение Д. Немзера относится не к коренному пересмотру авторского права, а к изменению одного из его хотя и важных, но не принципиальных элементов.

Но рассматриваемое даже в этих ограниченных пределах предложение Д. Немзера при анализе легко обнаруживает свою ошибочность и неприемлемость.

«Относительно имущественных прав автора,— говорит Д. Немзер,—приходится сказать, что в ходе развития социализма они подверглись весьма существенным изменениям. Издания авторов, не получивших у нас развития, уже с 1931 г. фактически прекратились. Уважающие себя авторы не занимались у нас сбытом своих собственных произведений. Таким образом, право промыслового использования автором своего произведения фактически у нас не существует, и упоминание в законе о праве воспроизводить и распространять свое произведение уже устарело».

Все это рассуждение основано на полном смешении понятий.

1. Д. Немзер, очевидно, полагает, что советский законодатель, издавая в 1928 г. «Основы авторского права», в которых он предоставил автору исключительное право воспроизводить и распространять произведение, исходил из того, что авторы будут сами издавать и распространять свои произведения, т. е. создавал авторское право для авторов-предпринимателей. Совершенно ясно, что такое намерение не имелось в виду законодателем. Организация собственного издательства и книгораспространения требует капиталов, аппарата, коммерческой предприимчивости и т. п., которых у подавляющего большинства авторов не могло быть. Для воспроизведения и распространения своих произведений автор должен обращаться к посредничеству издательского аппарата, которому автор поручает издание своего труда, уступая издательству право воспроизводить и распространять произведение. Закрепляя за автором исключительное право воспроизведения и распространения произведения, законодатель этим имел в виду установить порядок, при котором ни одно издательство не имеет права воспроизводить и распространять произведения без согласия автора.

Эта правовая норма, закрепляющая исключительные права автора, не только не устарела в ходе развития социализма, — она осталась незыблемой основой прав автора и по сей день.

2. Случаи промыслового использования автором своих прав были по сравнению с огромной массой изданий крайне редки и поэтому

эти случаи вообще нельзя обобщать для характеристики правового положения основной массы авторов.

3. Промысловое использование автором своего права является только одним (и при том очень редким) из способов извлечения имущественной выгоды из авторского права. Способы использования своего имущества или права вообще определяются не только законом, но и техническими и экономическими условиями общества. Если в силу экономических условий нашего общества для автора закрыт способ промыслового использования права, то это значит только, что он ограничен в способах использования своего права. Но это не значит, что он автоматически утрачивает исключительное право пользоваться оставшимися (и притом самыми основными) способами извлечения выгод.

Гражданин, имеющий право личной собственности на жилой дом, не имеет права извлекать из него спекулятивную выгоду. Но из этого вовсе не следует, что он лишен своего исключительного права распоряжаться своей личной собственностью в пределах, установленных законом.

Неверно указание Д. Немзера, что из всех имущественных выгод, присвоенных автору по закону об авторском праве, автору принадлежит только право на получение авторского гонорара.

Автор имеет право не только получать авторский гонорар, а получать его в тех размерах, которые он обусловил в своем договоре с издательством. А эта возможность обеспечить выгодные для себя ставки гонорара и есть следствие его исключительного права.

Автор может извлекать выгоду не только путем получения гонорара по издательскому договору, но и отчуждая свое право иным законным способом (ст. 16 «Основ авторского права»).

Автор извлекает выгоду, используя свое право переделки повествовательных произведений в драматические и киносценарии или сам производя переделку или уступая это право другим.

В связи с вышеизложенными соображениями кажутся крайне надуманными и искусственными рассуждения Д. Немзера о том, что предоставление автору права на извлечение имущественных выгод логически приводит к тому, что автор вправе в случае нарушения его прав потребовать уплаты ему не только авторского гонорара, но в соответствии со ст. 117 Гражданского кодекса и уплаты той издательской и книготорговой прибыли, которые он мог бы получить от использования своего исключительного права.

Однако практика, говорит Д. Немзер, не знает таких исков, «а если бы и нашелся такой автор, который предъявил иск о таких убытках, то можно быть заранее уверенным в том, что советский суд размер этих убытков определит в размерах ставок авторского гонорара». Этот прием аргументации поразителен по своей бессодержательности. Сначала создается гипотетический судебный казус, а затем выражается уверенность, что суд разрешит дело так, как это угодно автору гипотезы. В действительности отсутствие в практике подобных исков объясняется не тем, что авторы осознали «устарелость» ст. 19 «Основ авторского права», а тем, что для таких исков нет юридических оснований. Для того чтобы предъявить иск об упущенной издательской и книготорговой прибыли, истцу надо доказать, что у него есть собственное издательство и что ответчик самовольным изданием помешал истцу извлечь коммерческую прибыль. А так как частных издательств в СССР нет, то, очевидно, не может быть и юридических оснований для таких исков, и этим объясняется отсутствие этих исков в практике. Поэтому автору ничего не остается, как только предъявлять иски об авторском гонораре, так как это и есть та реальная упущенная выгода, которая возможна для автора в данных конкретных условиях оборота. А если, пользуясь методом Д. Немзера, и построить гипотезу об авторе-владельце издательства, то можно быть уверенным, что такой автор в случае контрафакции должен будет предъявить иск о прибыли, а суд обязан будет такой иск удовлетворить. И эта наша уверенность основывается не на шатких и беспочвенных обобщениях, а на точном смысле закона, выраженном в ст. 17 Гражданского кодекса. Столь же неубедительны и прочие выводы Д. Немзера против исключительности авторского права.

Этой исключительности совсем не противоречит тот факт, что авторское право может быть выкуплено правительством СССР или правительствами союзных республик. Неужели Д. Немзер полагает, что право автора только тогда будет исключительным, когда автор будет отстранять от вторжения в свою правовую сферу не только третьих лиц, но и само государство, оберегающее интересы общества и охраняющее самое право автора только постольку, поскольку это нужно в интересах народа? Как бы ни было абсолютно право индивида, оно не может не ограничиваться в необходимых случаях общегосударственными интересами. И если даже в буржуазных странах «священная» частная собственность приносится в жертву, когда этого требуют интересы господствующего класса, и подвергается в необходимых случаях реквизиции, то еще более оправдываются случаи национализации права в социалистическом обществе, где личные интересы совпадают с общественными и находят в них свою силу и свое правовое оправдание. Право выкупа не только не устраняет исключительности авторского права, а, наоборот, подтверждает его, показывая, что никто не может лишить автора его права, кроме государства, причем самое лишение права происходит с выплатой эквивалента, что только еще раз подтверждает исключительное имущественное право автора на извлечение выгод из своего права. Кроме того, право выкупа вообще не имеет большого практического значения для разбираемой нами проблемы, так как нам неизвестен ни один случай с момента издания «Основ авторского права», когда бы советское правительство осуществило это право. Точно так же не колеблет принципа исключительности и право издавать запрещенные автором повторные издания со специального разрешения Наркомпроса. Это предоставленное Наркомпросу право установлено не для ограничения исключительных прав автора, а для пресечения попыток злоупотребления автор-

ским правом со стороны автора. В данном случае Наркомпросу присваивается функция арбитра в споре между издателем и автором. Если автор запрещает издателю выпускать в свет повторное издание, он должен представить убедительные мотивы для обоснования этого запрещения, осуществление которого может причинить издательству большие убытки, приостановив реализацию вложенных в издание затрат. И если эти мотивы имеют общественную значимость (труд устарел в научном отношении, вреден в идеологическом отношении и т. п.), то несомненно Наркомпрос станет на сторону автора. В противном случае запрещение автора будет аннулировано авторитетным органом государственной власти.

Вообще из всей аргументации Д. Немзера вытекает, что для него исключительным правом является только то право, которое абсолютно ничем не ограничено. Но такого права история человеческих обществ не знает.

Таким образом, утверждение Д. Немзера о том, что исключительное право автора на извлечение имущественных выгод из своего права отменено самим ходом нашего исторического развития, ничем не доказано.

Исключительное право автора продолжает существовать незыблемо, является пока лучшей и наиболее удобной формой обеспечения автору возможности получать вознаграждение за его труд и оказывается наиболее эффективным средством для отражения соблазнительных попыток плагиаторов и контрафакторов извлекать выгоду из чужого труда. Отмена исключительности авторского права, открывая самую широкую возможность для третьих лиц извлекать выгоду из авторского труда, понизит материальную заинтересованность, которая является немаловажным стимулом авторской деятельности, и создаст необеспеченность литературного труда. В условиях же социалистического общества, в котором господствует принцип «от каждого по его способностям, каждому по его труду», где сочетание личного интереса с общественным является принципом трудовой деятельности, устранение стимула материальной заинтересованности принесет только вред, задерживая рост авторской деятельности и, следовательно, и рост культуры.

Если же Д. Немзер, который признает за автором право на получение гонорара и даже требует его повышения, рекомендует повысить уголовные санкции за плагиат и контрафакции, то это значит, что, устраняя из авторского права термин «исключительное право», он полностью признает эффективную сущность принципа исключительности и сохраняет его, хотя и в скрытом виде, в авторском праве.

Поэтому мы думаем, вопреки Д. Немзеру, что принцип исключительности авторских прав не только не противоречит практике социалистического строительства, а полностью совпадает с задачами социалистического строительства, основными интересами которого являются культурный рост народа, развитие творческой деятельности тружеников социалистического общества и увеличение их материальной обеспеченности и личной зажиточности.

Но совершенно иное освещение получает этот вопрос, когда мы переходим к вопросу об исключительных правах издателя. Здесь мы действительно наталкиваемся на явление, которое находится в резком и очевидном противоречии с практикой социалистического строительства.

Согласно п. 1 типового издательского договора, автор передает издательству и с к л ю ч и т е л ь н о е право на издание и переиздание своего труда.

Согласно п. 15 того же договора, «автор обязуется в течение срока действия сего договора, считая с момента его заключения, ни сам, ни через другое лицо не выпускать в свет своего труда в целом или в части, хотя бы и под измененным названием, без письменного на то согласия со стороны издательства».

Эти правовые нормы, предоставляя издателю исключительное право на воспроизведение и распространение произведения, дают ему основание для преследования всякого самовольного издания, осуществленного как автором, так и всяким другим издательством.

Какую цель преследуют эти правовые нормы и чьи интересы они защищают?

Для этого посмотрим, чьи интересы защищает исключительное право издателя в капиталистических странах.

В капиталистических странах исключительное право издателя, создавая ему монополию, оберегает его от конкуренции и обеспечивает ему возможность получения высокой нормы прибыли. Распространение литературных произведений является не самодовлеющей целью, а только средством для извлечения прибыли, и поэтому регулируется не ростом народной культуры, а интересами сохранения и повышения возможного в данных рыночных условиях уровня прибыли. Прямо противоположные задачи стоят перед советскими издательствами, основной целью которых является максимальное расширение распространения. И если советские издательства не могут полностью насытить культурные запросы населения в литературе, то это объясняется только тем, что бумажные и типографские ресурсы издательств на данном этапе нашего строительства еще ограничены и, несмотря на неуклонное их возрастание, все же не поспевают за бурным культурным ростом стасемидесятимиллионного советского народа. Не является ли при этих условиях предоставление издательству исключительного права на издание прямым противоречием тем интересам, для обеспечения которых создано авторское и издательское право? Опираясь на свое исключительное право, издательство запрещает издание книги другому издательству, которое могло бы издать эту книгу, и в то же время само, ограниченное спущенными ему бумажными фондами, не в состоянии выпустить книгу достаточным для удовлетворения спроса тиражом. Совершенно ясно, что предоставление исключительного права советскому издательству становится в противоречие с интересами советской культуры и задачами советского издательства.

В связи с этим нам думается, что при пересмотре авторского права необходимо будет п. 1 типового издательского договора, согласно которому автор передает исключительное право издательству, изложить не в императивной, а в диспозитивной форме, предоставив разрешение этого вопроса усмотрению сторон.

Может быть поставлен вопрос, не сорвет

ли подобное положение плановое регулирование книжного рынка в том случае, если несколько издательств предпримут издание одной и той же книги и, не имея сведений о тиражах, намеченных к изданию другими издательствами, выпустят ее тиражом, превышающим рыночный спрос?

Несомненно, что при издании некоторых книг такая опасность может возникнуть. Поэтому для того, чтобы обеспечить издательству, заключающему договор с автором, возможность учета других договоров, заключенных автором, необходимо установить правило, согласно которому автор обязан под страхом уголовной ответственности сообщить сведения об издательствах, о числе заключенных им договоров и точное количество уступленных по издательским договорам тиражей.

После всех вышеизложенных соображений мы думаем, что на вопрос, поставленный в заголовке настоящей статьи, нужно ответить отрицательно — советское авторское право не нуждается в коренном пересмотре своих основ, а требует только целого ряда изменений и дополнений, отражающих как рост нашей страны, так и опыт применения авторского права, начиная с 1928 г. Исследование прочих высказываний Д. Немзера, касающихся построения авторского права «на принципе трудовом, а отнюдь не на рентном основании», должно составить предмет отдельной статьи.

Н. ПОЛЯНСКИЙ

„Законность“ в царских военных судах

Для советского юриста не может не быть интересным и поучительным оглянуться в прошлое, чтобы посмотреть, чем была законность при царском режиме. К соблюдению законов призывали, об уважении законов установленного правопорядка неизменно говорили различные правительственные сообщения. Показывали ли органы царской власти пример соблюдения норм царского законодательства, того законодательства, которое в целом служило задаче обеспечения господства ничтожной горсточки людей над миллионным населением страны? Нет, близорукие приспешники царской власти, внедряя законопослушание, сами бесцеремонно обращались с законом. Мы хотим развернуть здесь перед читателем только одну — не самую яркую — страницу беззакония в дореволюционной России — ту, которая относится к деятельности военных судов, направленной на подавление революционного движения 1905—1907 гг.

Революция 1905 г. сопровождалась колоссальным ростом в 1905 г. и в особенности в последующие годы числа обвиняемых по делам, рассматривавшимся военными судами в порядке чрезвычайной подсудности, на основании положений военного и охранного: если число обвиняемых по такого рода делам, по данным отчетов военного министерства, в 1902, 1903 и 1904 гг. было 15, 43 и 18, то в 1905 г. оно увеличилось до 308, в 1906 г. сразу — до 4698, в 1907 г. несколько уменьшилось — до 4335, но зато в следующем, 1908 году поднимается до максимальной цифры 7016.

Последняя цифра отражает не рост революционного движения в 1908 г., а развитие процесса ликвидации революции мерами репрессии в этом году.

Таким образом, военная юстиция стала регулярным орудием подавления революционного движения.

Настоящая статья не ставит себе иной цели, как только дать ряд примеров злоупотребления и бесцеремонного обращения с законом при возбуждении и производстве дел о государственных преступлениях в военных судах. Примеры эти — лишь капля в море того беззакония, которое творили и административные власти, когда создавали дела, поступавшие потом на рассмотрение военных судов, и сами эти суды, и главнокомандующие, от которых зависел пропуск кассационной жалобы и утверждение приговора.

Собранные нами примеры в дальнейшем изложении расположены в порядке процессуальных моментов, из которых слагалось производство, начиная с момента его возбуждения.

«Законные поводы» к начатию дела. Военно-судебному уставу 1869 г., которым должны были руководствоваться военные суды, было известно понятие «законных поводов» к начатию дела. Такими поводами признавались: 1) непосредственное усмотрение военного начальства и донесение подчиненных начальников, 2) сообщение полиции и других должностных лиц, объявления и жалобы частных лиц, 4) явка с повинною.

Раз налицо был один из перечисленных моментов, с формальной точки зрения он был законным поводом. Но повод, формально законный, мог в действительности быть в самом корне своем порочным — тогда, когда в основе его лежали совсем незаконные действия тех самых лиц, которые делали сообщение о преступлении или при содействии которых было раскрыто действительное или мнимое преступление. Провокация могла быть и действительно иногда бывала источником политических процессов в военно-уголовных судах, как и в общеуголовных. Конечно, провокация лежала за пределами судебного производства, и самое юстицию она характеризовала лишь постольку, поскольку прокуратура или суд проявляли то или другое к ней отношение.

Обстановка, нужная для того, чтобы дать законный повод для возбуждения политического процесса, могла быть искусственно создана и без провокации в точном смысле слова, например, путем подкидывания «поличного» или подготовки каким-либо иным способом вещественных доказательств преступления.

Трудно представить себе пример более циничной подготовки картины мнимого преступления, чем та, какая, благодаря неладам среди самих жандармов, была обнаружена в Виленском окружном суде в 1907 г. при рассмотрении дела о Петре и Льве Кудрявцевых и других подсудимых — всего в числе одиннадцати, преданных распоряжением генерал-губернатора военному суду за участие в преступном сообществе, имевшем в своем распоряжении склад оружия и поставившем своею целью насильственное изменение установленного основными законами образа правления.

Весь процесс был делом рук жандармского офицера Пономарева, состоявшего ко времени слушания дела уже помощником начальника охраны Таврического дворца.

На суде было установлено с помощью свидетеля, офицера пограничной стражи Шестакова, что Пономарев вымогал от братьев Кудрявцевых показания угрозой военно-полевого суда и расстрела.

Затем начальник Вержболовского жандармского управления подполковник Мясоедов удостоверил, что, по собранным им точным сведениям, Пономарев, переодевшись в штатское платье, перешел русскую границу и, прибыв в пограничный немецкий город Эйдкунен, купил там в магазине Миллера партию револьверов и патронов к ним, и вошел в соглашение с приказчиком магазина о водворении купленного им оружия контрабандным путем в Россию. Затем, узнав от того же приказчика, что тот уговорил пронести оружие таможенного чиновника Кудрявцева, Пономарев пригласил пограничного офицера и задержал Кудрявцева с поличным. Не довольствуясь этим, Пономарев снова отправился в Эйдкунен в тот же магазин Миллера, заказал еще пятьдесят револьверов и дал задаток, но Миллер, узнав, что Пономарев то самое лицо, которое вовлекло его приказчика в контрабанду, избил Пономарева, разорвав на нем платье. Подполковник Мясоедов свидетельствовал далее, что Пономарев, как он узнал из совершенно достоверного источника, подстрекал одно лицо подложить в автомобиль, на котором он, Мясоедов, часто ездил в Эйдкунен, револьвер и динамит с тем, чтобы, произведя при возвращении его обыск, запутать и его, начальника жандармского управления, в дело о водворении из-за границы оружия для революционных целей.

Бывший защитником по делу присяжный поверенный Грузенберг в воспоминаниях (напечатанных за границею), выдержки из которых перепечатаны в «Красной газете», в номере от 22 июля 1925 г., так передает свой диалог с Мясоедовым в судебном заседании:

— Проходили ли по вашим спискам подсудимые?

— Нет, не проходили, — ответил Мясоедов. — Кое-кто из них в подозрении по контрабанде, но политических среди них — ни одного.

— Вы говорите: ни одного. Однако, нашли же у них тюки с прокламациями, оружие, взрывчатые вещества.

Мясоедов со смешком:

— Нашли. И у меня могли бы найти.

— Ничего не понять. Объясните.

— Игра простая. Кое-кому из подсудимых агенты охраны сдали тюки для тайного провоза, не говоря о содержимом, а другим подбросили оружие и взрывчатые вещества при обыске.

— Кто же это сделал? Ваши люди?

— Мои люди таким делом не занимаются. Здесь работали люди ротмистра Пономарева под его руководством. Он приезжал сюда.

— Вы сказали, что и у вас могли бы найти и взрывчатые вещества и прокламации. Как понять эти слова?

— От скуки мы, вержболовцы, ездим часто в Эйдкунен. Езжу и я. У меня там за многие годы в Вержболове немало знакомых. Раз как-то, возвращаясь поздно вечером из Эйдкунена, я обнаружил в своем автомобиле взрывчатые снаряды и литературу. Это совпало с периодом работы здесь ротмистра Пономарева. Не заметь я во-время, ошельмовали бы и меня.[1]

Показание Мясоедова дало повод защитнику, присяжному поверенному Грузенбергу, сказать, что, если в процессе есть что-либо «политическое», так это деятельность жандармского офицера Пономарева и обвинительный акт военно-прокурорского надзора. Между тем помощник военного прокурора все же настаивал на присуждении всех подсудимых к каторжным работам.

Доказательства махинаций Пономарева, приведших одиннадцать человек на скамью подсудимых, исходили из столь для суда авторитетного источника, что суд должен был оправдать их всех.

Приведем еще случай, в котором «вещественное доказательство» преступления, имевшее полицейское происхождение, дало повод для возбуждения дела, слушавшегося в военно-окружном суде, — случай, выдававшийся из ряда других аналогичных дел тем, что он послужил основанием для запроса в Думе о провокационной деятельности агентов охранного отделения.

На одном из заводов под Екатеринославом 11 июня 1908 г. местными полицейскими чинами произведен был обыск в квартире рабочего Токарева. Были найдены бомбы, завернутые в газетную бумагу, на которой была написана фамилия рабочего Боборыкина. Выяснилось, что бомбы были доставлены на квартиру Токарева рабочим Хорольским, состоявшим в то же время, как обнаружилось только впоследствии, агентом Екатеринославского охранного отделения. К ответственности были привлечены Токарев, Боборыкин и Хорольский. 16 июня 1909 г. дело о хранении бомб слушалось в Екатеринославе в выездной сессии Одесского военно-окружного суда. На скамье подсудимых были только Боборыкин и Хорольский. О Токареве дело, ввиду его болезни, было выделено. Суд Хорольского оправдал, а

[1] Впоследствии, в 1915 г. полковник Мясоедов был осужден и повешен за шпионаж. Был ли он действительно виновен в шпионаже или кому-то в сложной игре бюрократических сил понадобилось принести его в жертву, осталось с полной точностью не выясненным. Последнее предположение отстаивает Элькинд в статье «Почему казнили полковника Мясоедова» в «Суд идет», 1925 г., № 19.

Боборыкина приговорил к шести годам каторги, сочтя достаточным доказательством принадлежности ему бомб надпись его фамилии на газетной бумаге, в которую бомбы были завернуты, хотя нелепо было предположить, что владелец бомб будет выставлять на них свою фамилию. Позднее, 25 ноября 1909 г. было рассмотрено дело по обвинению Токарева в хранении бомб с террористическими целями. На этот раз результат был иной: суд вынес Токареву оправдательный приговор, установив в приговоре, что найденные у Токарева бомбы были принесены в квартиру в день обыска агентом охранного отделения Хорольским, чего Токарев даже не знал; при этом с наивным простодушием суд высказал в приговоре, что цель, с какой были принесены агентом охранного отделения бомбы, следствию установить не удалось. Оправдательный приговор по делу Токарева послужил поводом для постановки защитником Боборыкина вопроса о возобновлении дела о нем. Главный военный суд приговор о Боборыкине отменил и предложил Одесскому военно-окружному суду вновь рассмотреть дело, а о действиях военно-прокурорского надзора Одесского военно-окружного суда, которому не могла быть неизвестна роль в деле агента охранного отделения, главный военный суд постановил довести до сведения главного военного прокурора [1].

Подлинная провокация состояла в подстрекательстве к преступлению, но для того, чтобы лучше обеспечить совершение преступления и от себя отвлечь подозрение со стороны жертв провокации, провокатор с разрешения начальства и сам принимал участие в совершении преступления.

Некий Толпекин, приговоренный 6 марта 1907 г. к смертной казни за участие в ограблении ренскового погреба и снова судившийся 10 июля того же года в Московском окружном суде по обвинению в участии в разбое, просил на суде огласить данное им 14 марта показание товарищу прокурора московского окружного суда в тюрьме после смертного приговора. Показание было оглашено. В нем Толпекин заявлял, что обе экспроприации он совершал в качестве агента охранного отделения. При рассмотрении дела об ограблении ренскового погреба он не заявил суду о своей роли, так как думал, что охранное отделение секретно сообщило об этом суду, чего, однако, не случилось. «Теперь, пока не поздно», Толпекин решил открыть все: Толпекин работал на фабрике Шлихтера; когда на фабрике возникла забастовка, Толпекин принял в ней участие и был представителем от рабочих в качестве выборного; будучи арестован, он, по предложению одного из агентов, поступил на службу в охранное отделение «по выдаче экспроприаторов» за 20 руб. в месяц; после этого Толпекин участвовал в целом ряде экспроприаций, выдавая участников, причем каждый раз докладывал охранному отделению о том, где, кем и когда будет совершена экспроприация; но не застав несколько раз агента, с которым он постоянно имел дело, он решил, что может докладывать и после совершения преступления; партия анархистов-коммунистов, проведав о его связи с охранным отделением, решила его убить, о чем узнала полиция, и для избежания убийства он был арестован; Толпекин думал, что его только охраняют, и был уверен, что если его и будут судить, так «только для видимости». [1]

После оглашения показания Толпекина защитники ходатайствовали перед судом о направлении дела к доследованию, так как у суда нет оснований не доверять объяснениям Толпекина — его «голосу с виселицы». Суд под председательством генерал-майора Левашева, считавшегося либеральным судьей (впоследствии он был отстранен от должности), удовлетворил ходатайство защиты. [2]

Однако определение суда было отменено по протесту военной прокуратуры. Дело вновь слушалось без всякого доследования: Толпекин был приговорен к смертной казни и был повешен.

Самый факт отмены определения суда о направлении дела к доследованию и последовавший затем исход дела [3], конечно, лишь увеличили достоверность показания Толпекина и не могли не быть расцениваемы иначе, как улика против охранного отделения.

Дознание и предварительное следствие. За возбуждением дела следовала стадия собирания и предварительной проверки доказательств в порядке дознания и предварительного следствия. За исключением тех случаев, когда обвиняемыми по делу были только военнослужащие (из этого исключения были также исключения), дознание производилось жандармскими органами, а предварительное следствие, производившееся лишь по исключению, если прокуратура не находила возможным ограничиться только дознанием, возлагалось на следователей по важнейшим и наиболее важным делам. Поскольку работа по производству дознаний и предварительных следствий по делам о государственных преступлениях выполнялась не военно-судебными органами, она, сама по себе, не характеризовала приемов их деятельности, но свой отпеча-

[1] «Право», 1910 г., № 8, стлб. 468—469.

[1] Что Толпекин имел все основания рассчитывать на благополучный для него исход дела, можно заключить хотя бы из того, что сотрудник департамента полиции Преображенский писал о себе в прошении о назначении ему пособия: «В 1907 г., — сообщал Преображенский, — мною была раскрыта преступная шайка соц.-революционеров, покушавшаяся на жизнь бывшего военного министра генерала от инфантерии А. Ф. Редгера, а также на взрыв военного совета. Наравне с этими преступниками, во избежание всяких со стороны их подозрений о том, что я их выдал в руки правосудия, я также был арестован и осужден в каторжные работы, а затем по высочайшему повелению, состоявшемуся в 8 день мая 1909 года, был помилован и, во избежание преследования со стороны революционеров, мне была пожалована фамилия «Преображенский» вместо прежней «Римша-Бересневич». См. «Былое», 1917 г. № 2, стр. 248.

[2] «Право», 1907 г., № 29, стлб. 2008—2010.

[3] О нем нам сообщил участвовавший в деле при первом рассмотрении его в качестве защитника А. А. Белорусов.

ток на военную юстицию она клала, так как от этой работы зависел тот материал, которым затем приходилось оперировать военно-судебным органам. Этот материал часто бывал плодом небрежности и неумелости производивших дознание лиц, а то и просто преступности приемов их розыскной деятельности.

По делу нижних чинов резервного железнодорожного батальона, судившихся в Чите 18 марта 1906 г., дознание производилось в 10 верстах от Читы в местности «Песчанка», где в то время (в конце января 1906 г.) стоял карательный отряд Ренненкампфа. Дознание производил подпоручик того же батальона С.[1] В дни свободы он не только молчаливо наблюдал падение дисциплины и «проявления разнузданности нижних чинов» (как писалось в официальных отчетах), но и сам заявлял себя сторонником новых веяний; поэтому он мог знать многое, чего не знали офицеры, оберегавшие себя от всякого соприкосновения с неблагонадежной средой. С прибытием Ренненкампфа он «раскаялся» и предложил свои услуги для раскрытия настоящих виновников брожения в батальоне. Ему было поручено произвести дознание. Он повел его способом совсем необычным. На основании имевшихся у него наблюдений он составлял показания обвиняемых и затем требовал от них подписи протоколов. Если обвиняемый протестовал, он грозил его высечь, сажал его под арест и предлагал одуматься.

В деле студентов Яновицкого, Шишкова и др., обвинявшихся в 1907 г. в вооруженном сопротивлении, убийстве и поранении членов полиции, околоточным надзирателем было внесено в протокол утверждение, что при Яновицком при его задержании была найдена записная книжка с заметками о том, как надо вести себя в бою и как надо защищаться. Книжка эта была запечатана в конверт и осталась не осмотренной судебным следователем. Утверждение околоточного надзирателя перешло в обвинительный акт. Только на судебном следствии по требованию защиты, конверт был вскрыт, и книжка осмотрена. В ней не обнаружено было ничего относящегося к вопросу, «как надо вести себя в бою».

Но если в приведенном примере можно предположительно отнести не соответствовавшую действительности запись околоточного надзирателя в протоколе на счет его невежества, то, с другой стороны, вовсе не редко бывали случаи, когда лица, ведавшие дело политического сыска или оказывавшие ему услуги, сознательно приносили в жертву своим карьеристским интересам или своей корысти чужую свободу или даже жизнь. Если доказательств, подтверждавших подозрение в отношении того или другого лица, — в особенности, если оно уже было арестовано, — не было в распоряжении органов политического сыска, их (если, конечно, дело было важное, привлекавшее к себе внимание высоко стоявших лиц) надо было создать. Только одним из многих приемов, которыми это достигалось (подлоги, подбрасывание вещественных доказательств и т. п.) было подсаживание к лицу, содержащемуся под стражей, «наседки», т. е. мнимо или действительно заключенного, который должен был войти в доверие к содержавшемуся с ним в одной камере, чтобы добиться от него признания. Можно себе представить, из каких подонков выходили лица, которые соглашались выполнять функции «наседки». Если «наседке» не удавалось «высидеть» нужное признание, то что стоило, чтобы оправдать доверие начальства, его выдумать, как было, например, в деле об убийстве временного полтавского генерал-губернатора Полковникова и писаря Петрова, которое 12—15 декабря 1907 г. слушалось в Киевском военно-окружном суде?

«Первоначально,—говорилось в обвинительном акте по этому делу,—при расследовании дела не было получено указаний относительно личности, совершившей убийство ген. Полковникова и писаря Петрова, но затем был задержан в Кременчуге, Лубнах и Полтаве ряд лиц, о которых добыты были данные, указывающие на прикосновенность их к этому преступлению». Так как в действительности этих данных оказалось совершенно недостаточно для того, чтобы связать задержанных лиц с делом об убийстве ген. Полковникова, киевское жандармское управление прибегло к услугам «наседки». Свои услуги для этого предложил называвший себя в тюрьме болгарским полковником и членом «варшавского анархи-революционного кумитета» Ковалев. О Ковалеве на суде позднее было выяснено, что еще юношей лет 17 он уехал в Румынию, где проживал под девятью различными именами и под каждым из них обвинялся в каком-либо преступлении; через несколько лет, присвоив себе звание болгарского полковника, он вернулся в Россию, где некоторое время проводил операции по торговле «живым товаром»; потом его curriculum vitae обрывалось до того момента, когда он попал в Кременчугскую тюрьму по обвинению в целом ряде вымогательств. Этот-то член «анархи-революционного кумитета», не умевший даже удачно выдумать название той революционной организации, к которой он будто бы принадлежал, и был посажен к арестованному, без указания на какое-либо отношение к убийству Полковникова, гимназисту Василию Яроцкому. Вскоре Ковалев сообщил жандармским властям, будто бы Яроцкий, пораженный его осведомленностью относительно обстоятельств убийства ген. Полковникова, сознался ему в своем участии в убийстве. Прокурор на суде требовал применения к Яроцкому и трем другим лицам смертной казни, но защите нетрудно было показать, что сведения, полученные будто бы Ковалевым от Яроцкого относительно обстановки убийства, решительно противоречили тому, что было в действительности. Военный суд, признав Яроцкого и нескольких других лиц виновными в участии в революционном сообществе, отверг обвинение их в участии в убийстве ген. Полковникова или какой-либо прикосновенности к нему.[1]

---

[1] Фамилия офицера не названа и в статье П. Переверзева, из которой мы заимствуем приводимое в тексте сообщение. См. П. Переверзев, «Карательная экспедиция генерал-лейтенанта П. К. Ренненкампфа в Забайкальской области», «Былое», 1917 г., № 5—6, стр. 209—210.

[1] «Право», 1908 г., №№ 8 и 9.

Но подсаживание в качестве «наседки» заведомого уголовного преступника, способного за деньги предать родного отца, еще уступало в своем бесстыдстве, как прием получения доказательства, тому приему, к которому прибегло охранное отделение в Варшаве для обнаружения лиц, покушавшихся на убийство генерал-губернатора Скалона. Хитрость, к которой прибегли в этом случае варшавские охранники, состояла в следующем: к содержавшейся в тюрьме Софии Овчарек, вместо присяжного поверенного Патека, которого она выбрала своим защитником, был подослан сотрудник охранного отделения, явившийся к ней во фраке, с университетским значком и с портфелем в руках, назвавший себя помощником Патека и сообщивший, что Патек заболел, и что, он пришел, по поручению своего патрона, предложить ей свои услуги защитника, после чего Овчарек вполне доверилась ему и рассказала ему о своем участии в покушении на убийство ген. Скалона.

О том, как Овчарек вовлекли в ловушку, рассказал совершенно, повидимому, не подозревая предосудительности своего образа действий, допрошенный в качестве свидетеля по делу о покушении на убийство ген. Скалона пом. пристава Климов, прикомандированный к варшавскому охранному отделению. Но так как «трюк» с адвокатом был завершением целого ряда «успешных» розыскных действий пом. пристава Климова, то мы приведем целиком заимствованный нами из подлинного дела о покушении на убийство Скалона рассказ Климова об этих действиях во всей его непосредственной откровенности.

«В начале декабря 1907 г.,—показывал Климов,—один из моих сотрудников сообщил мне, что готовится покушение на взрыв ограды у следственной тюрьмы в целях освобождения содержавшихся там троих арестантов из гор. Лодзи, ожидавших суда. Это были Густав Домбровский и два его товарища, впоследствии повешенные.

Ввиду таких сведений, вскоре у следственной тюрьмы удалось действительно задержать девушку, назвавшуюся Галиной Марчевской. Мой сотрудник предупреждал меня, что деятельное участие в покушении этом именно будет принимать названная Марчевская, но что это на самом деле Казимира Островская, член боевой организации Польской социалистической партии, привлеченная уже к следствию по делу об ограблении винных лавок, находившаяся в Творковской лечебнице на испытании и похищенная оттуда.

Задержание Островской состоялось недели за две до арестования Софии Овчарек, последовавшего 28 декабря 1907 г. под гор. Соколовом, где Овчарек участвовала в нападении на почту. Увидев, что по делу о побеге из Творок она уличена и настоящая ее фамилия известна, Островская пошла на откровенность и созналась в том, что она именно была похищена из больницы, что она подготовляла взрыв ограды у следственной тюрьмы, и что она же имела участвовать в предполагавшемся взрыве нашего охранного отделения. Доведя Островскую до решимости давать мне откровенные показания, я вознамерился воспользоваться ею как сотрудницей и при помощи ее вытянуть из арестованной под Соколовом и имевшей прибыть для содержания в X павильоне Софии Овчарек. Мне сообщили в X павильоне, что когда Островская и Овчарек встретились, то чуть ли не бросились одна другой на шею, как старые знакомые. Дня через два после доставления Овчарек в Варшавскую крепость, я отправился на свидание к Островской, причем для Овчарек называлася дядей Островской. Тут мне Островская впервые объявила, что Овчарек принимала участие в покушении на убийство Варшавского генерал-губернатора на Натолинской улице в роли кухарки при Крагельской. Это было первое указание со стороны обвиняемой на указанное дело. Тогда же Островская созналась мне, что и она принимала участие в метании бомб в генерал-губернатора. Мотивом к такому образу действий со стороны Островской послужило стремление спасти себя от петли, так как у меня имелись указания на то, что она доставила бомбы под Соколов, и я обещал ей помилование, если она даст откровенное показание и будет оказывать содействие. Она вручила мне письмо от Овчарек и просила передать таковое присяжному поверенному Патеку. Кроме этого, мною получены были еще два письма Овчарек, одно — инструктору боевой организации Зыху с просьбой доставить адвокату Патеку свидетелей в защиту по делу о покушении на Натолинской улице, а другое начинающееся словами: «Kochana Wokciu». Письмо на имя Зыха я послал по назначению, указав свой фиктивный адрес, но ответа не получил, а задержать Зыха не удалось, так как он скрылся. Должен напомнить, что к Островской я являлся под видом ее дяди; вот почему Овчарек и попалась, передав через меня свои письма. По Соколовскому делу сознался во всем и выдал своих товарищей некий Вольгемут, имевший псевдоним «Кацпер», этим сознанием встревожилась Овчарек, и так как, по словам Вольгемута, она говорила ему о своем участии в деле Натолинской улицы. то, очевидно, решила, что Вольгемут «всыпал» ее по этому делу, результатом чего и были вышеупомянутые ее письма.

Затем уже к Овчарек был послан один из чиновников охранного отделения (фамилию которого я не нахожу возможным назвать) под видом помощника присяжного поверенного Патека. Когда этот чиновник имел свидание с Овчарек, я слушал их разговор из соседнего помещения. Должен оговориться, что лицо, являвшееся под видом помощника Патека, не чиновник охранного отделения, а лишь сотрудник этого отделения. В разговоре с названным сотрудником Овчарек излагала довольно подробно обстоятельства своего участия в деле Натолинской улицы, хотя первоначально выгораживала Островскую, утверждая, что бомбы были брошены в отсутствии последней, ею, Овчарек, и Крагельской. Я объясняю это тем, что, по мнению Овчарек, против Островской ничего не было, почему и не было оснований ее впутывать. Позднее Островская уговорила Овчарек сознаться, и тогда уже они обе стали единогласно показывать, что бросали бомбы в генерал-губернатора. Показания Овчарек, как мне удалось их слышать во время разговора ее с мнимым помощником Патека, сводились к следующему: в квартире на Натолинской улице она была за кухарку под фамилией

Вуйцик; квартиру эту нанимала Ванда Крагельская, под именем Козловской; омеблирована квартира была партией, на что израсходовано 600 рублей; проживали они в квартире в течение недели; после того, как они, Овчарек и Крагельская, бросили бомбы, они вышли на Кошиковскую улицу, уселись на извозчика и поехали на Уяздовскую аллею, где Крагельская высела, а она, Овчарек, поехала на Окоповскую улицу; к тому времени она проживала, будто бы, в доме № 47-а Пенкной ул. с партийной Екатериной Бернатович, к которой и написала записку и вручила своему собеседнику для передачи; эту записку агент прочел громко: «Дорогая Хеля, очень прошу тебя объяснить все тому фацету, который к тебе придет; это — адвокат. Ничего не бойся, расскажи ему все. Твоя Зоха». В записке слово «адвокат» написано плохо и похоже на слово «Адам». В конце, когда Овчарек и Островская решили сознаться, они заявили, что Крагельская бомб не бросила, а в последнюю минуту, струсив, бежала, бомбы же брошены ими обеими.» [1]

История политических процессов в военных судах знает и такие случаи, когда процессы подготовлялись с помощью пыток. Известны истязания, которым подвергались заключенные в рижском застенке. Пытки практиковались и в царстве польском. Когда обвиняемые ссылались на то, что признание от них было получено путем физического принуждения, допрашивались на суде те самые лица, которые производили «допрос с пристрастием». Их, данные под присягой, свидетельские показания принимались за достаточное опровержение жалоб обвиняемых на истязания. В Лодзи то и дело обвиняемые жаловались на насилия, которым они подвергались со стороны жандармского деятеля Зуева, и всякий раз Зуев под присягой свидетельствовал, что обвиняемый пыткам не подвергался и добровольно сознался в своей вине. Суд, конечно, и сам знал цену этого показания, но для него (речь идет о варшавском военно-окружном суде, выезжавшем в Лодзь на временные сессии) важно было только то, что на скамье подсудимых сидел революционер или лицо, принимавшееся им за революционера, процесс же должен был дать достаточные доказательства, чтобы с революционером можно было разделаться. Как деятели варшавского военно-окружного суда расценивали приемы принудительного получения показаний, видно из следующего случая: когда один из подсудимых рассказывал на суде, как его истязали, прокурор Абдулов спросил, много ли ударов ему досталось, и получив ответ, что два раза по 25 ударов, цинично заметил: «Не много» [2].

По делу об убийстве работницы фабрики Познанского Ядвиги Гутковской, обвинявшейся товарищами по фабрике в шпионаже, были привлечены к ответственности братья Вольчаки и Новак. При производстве дознания они признались в том, что судили Гутковскую как шпионку и присутствовали при убийстве. Уже у следователя они от своих показаний, данных на предварительном следствии, бывших в подробностях противоречивыми, отказались, а на суде они нарисовали картину жестоких пыток, которым их подвергали: их держали головами в ведрах с помоями, привязывали к «парашам» с испражнениями, били железными прутьями, вырывали горстями волосы. После нескольких часов таких пыток они признались. На суде Иосиф Колдунский, по оговору которого Вольчаки и Новак были арестованы, признал, что он убил Гутковскую по собственной инициативе и без чьего-либо участия. Тем не менее и Новак и Вольчаки были повешены. [1]

Бывали, правда, и своего рода «показательные» процессы, в которых к ответственности привлекались полицейские чины, виновные в истязаниях, и которые были рассчитаны на то, чтобы показать беспристрастие суда. В одном деле обвиняемый Феофил Ткачук после того, как была доказана проявленная им нечеловеческая жестокость по отношению к арестованному совершенно случайно прохожему, был приговорен к 2-недельному аресту; по другому совершенно такому же делу городовой Пищолка был приговорен к аресту на один месяц [2].

Предание военному суду. Предание военному суду, на основании того или другого исключительного положения (усиленной охраны, чрезвычайной охраны, военного), предполагало, что в то время, когда преступление было совершено, местность уже состояла на исключительном положении, так как в противном случае угроза, на основании исключительного положения, смертной казнью за известный круг преступлений получила бы обратную силу, что противоречило основному началу уголовного законодательства. Однако и это, формально признанное царским законодательством, начало нарушалось...

В 1906 г. Рижский временный военный суд приговорил к смертной казни 8 человек, преданных военному суду министром внутренних дел П. И. Дурново для суждения и с применением наказания по законам военного времени, т. е. так, как если бы в Риге действовало военное положение, за преступление, совершенное в октябре 1905 г., тогда как военное положение было объявлено в Риге только 24 декабря того же года, в октябре же Рига не была даже на положении усиленной охраны. Подсудимые подали кассационную жалобу; генерал-губернатор Саллогуб, воспользовавшись полномочием, предоставленным ему военным положением, но не принадлежавшим ему в отношении дела о преступлении, совершенном до объявления военного положения, не дал кассационной жалобе движения. Тогда защитник осужденных, Н. Д. Соколов, подал в первый департамент сената как учреждение, надзирающее за законностью действий высших должностных лиц, жалобу на незаконные действия министра внутренних дел Дурново и генерал-губернатора Соллогуба. Что министром внутренних дел и генерал-губернатором было учинено беззаконие, в результате которого пет-

---

[1] Дело Гл. воен. судн. упр., 1908 (Ленинградское отд. Центр. истор. арх., связка 38, д. № 4/31, т. VI, л. д. 32—33).

[2] 1905 г. в очерках и воспоминаниях участников, сборник I (1928 г.), стр. 152.

[1] 1905 г. в очерках и воспоминаниях участников, сборник I (1928 г.), стр. 162.

[1] Там же, стр. 175.

ля повисла над 8 человеками, это было ясно и сенаторам; тем не менее в возникших прениях, продолжавшихся около двух часов, большинство сенаторов категорически высказалось за оставление жалобы без рассмотрения, так как незаконное предание военному суду покрыто уже состоявшимся приговором военного суда, а незаконное задержание кассационной жалобы генерал-губернатором относится к его военно-судебным функциям, не подлежащим надзору первого департамента сената, как учреждения чисто административного. Тщетно более совестливые сенаторы (А. А. Нарышкин и Виноградов) указывали, что не должен же блюститель законности, сенат, когда дело идет о жизни людей, остаться безгласным зрителем происшедшего нарушения закона, которое не могло быть исправлено и главным военным судом, так как, по силе военно-судебного устава, ему не предоставлено входить в оценку правильности предания суду.

Понятно, что, если бы сенат признал незаконным действие министра, предавшего обвиняемых военному суду, и генерал-губернатора, не давшего движения кассационной жалобе, то было бы слишком скандальным допустить исполнение смертного приговора, обусловленного незаконным действием одного и оставшегося не проверенным вследствие незаконного действия другого. Поэтому, большинство сенаторов осталось непреклонным; жалоба П. Д. Соколова была оставлена без рассмотрения.[1]

Если жалоба на неправильное предание суду должна была быть оставлена без рассмотрения потому, что уже состоялся приговор суда, подлежавший обжалованию в главный военный суд (бессильный, как признавалось в сенате, отменить приговор по мотиву неправильности распоряжения министра о предании военному суду), то с логической и, казалось бы, непреоборимой необходимостью отсюда вытекало, что незаконное распоряжение министра о передаче дела на рассмотрение военного суда подлежит отмене сенатом, если жалоба подана до рассмотрения дела в военном суде. Казалось бы... Но сенат не боялся (выражаясь словами французского юриста-социолога Тарда о необходимости для власти быть последовательной в применении закона) «попасть под лезвие своего собственного суждения».

5 февраля 1906 г. на станции «Алатырь» Московско-Казанской железной дороги были убиты начальник депо и жандармский унтер офицер. Подозрение в совершении преступления пало на спасского мещанина Мошкина. В то время, когда было совершено преступление, ст. «Алатырь», как и вообще Симбирская губерния, не находились под действием каких-либо исключительных законов. Следовательно, в деле Мошкина не было никаких формальных оснований к отступлению от правил нормальной подсудности. Однако после того, как 7 февраля, т. е. через два дня после совершения преступления и, несомненно, в связи с ним ст. «Алатырь» была объявлена на положении чрезвычайной охраны, дело Мошкина было передано по распоряжению министра внутренних дел в ведение военного суда. Так как никогда раньше не оспаривалось, что действие исключительного положения не распространяется на преступления, совершенные до его введения, то не могло — вернее, не должно было возникнуть сомнение в том, что жалоба Мошкина в первый департамент сената на незаконное распоряжение министра, соединенная с просьбою о восстановлении нормальной подсудности, будет уважена. Однако и эта жалоба была оставлена сенатом без рассмотрения на том основании, что она «касается правонарушений судопроизводственного характера, предусмотренных в военно-судебном уставе и разрешаемых порядком, в нем указанным».[1] Между тем в действительности порядок и условия предания суду лиц гражданского ведомства на основании Положения об усиленной и чрезвычайной охране предусмотрены были в самом Положении, а вовсе не в военно-судебном уставе, да и не мог сенат сомневаться в том, что военный суд был не вправе сам отменить незаконное распоряжение министра внутренних дел. Военный суд, конечно, если бы у судей хватило на это мужества, не должен был бы принимать дело к своему ведению, как переданное ему незаконным распоряжением министра, но и в таком случае аннулирование незаконного распоряжения зависело только от сената, которому считались подчиненными «в гражданском порядке суда, управления и исполнения вообще все места и установления в Империи».

В отношении местностей, не объявленных состоявшими на исключительном положении, действовала ст. 31 Положения о мерах к охранению государственного порядка, согласно которой министру внутренних дел, по соглашению с министром юстиции, предоставлялось передавать на рассмотрение военного суда для суждения по законам военного времени с обязательным присуждением виновных к смертной казни, «дела о государственных преступлениях, а также о вооруженном сопротивлении властям, от правительства установленным, или нападении на чинов войска и полиции и на всех вообще должностных лиц, при исполнении ими обязанностей службы, или же вследствие исполнения сих обязанностей, коль скоро преступления эти сопровождались убийством или покушением на убийство, нанесением ран, увечий, тяжких побоев или поджогом». Не могло быть никакого сомнения в том, что указанное условие передачи, по ст. 31 охранного положения, дела на рассмотрение военного суда с последующим применением смертной казни («коль скоро преступления эти сопровождались убийством» и т. д.) относилось ко всем названным в ст. 31 преступлениям, т. е. что наличность этого условия требовалась для предания военному суду и применения смертной казни не только по делам о сопротивлении властям или нападении на должностных лиц, но также и по делам о государственных преступлениях. Иначе выходило бы, что в местностях, не объявленных в исключительном положении, обвиняемым, преданным суду за государственное преступление, угрожала более тяжкая кара, чем в местностях, состоявших в по-

[1] «Право», 1906 г., № 21, стлб. 1936.

[1] М. А. М. По поводу двух процессов из практики первого департамента правительствующего сената, «Право», 1936 г., № 43, стлб. 3305—3307.

ложении усиленной или чрезвычайной охраны, где смертная казнь за государственные преступления (если они не были осложнены сопротивлением властям или нападением на должностных лиц) могла быть назначена лишь в тех случаях, в отношении которых она была предусмотрена в самом Уголовном уложении.

Однако сенат «умыл руки» и тогда, когда ему предстояло рассмотреть жалобу на нарушение этого, казалось бы, бесспорного вывода, не находившегося к тому же ни в каком противоречии с буквальным текстом закона.

9 декабря 1906 г. в Твери произошло убийство члена государственного сената графа Игнатьева учеником реального училища Сергеем Николаевичем Ильинским. Вместе с Ильинским были привлечены к ответственности студент Александр Цявловский и ученик реального училища Федор Серебренников. Оба они обвинялись только в принадлежности к сообществу, поставившему целью своей деятельности ниспровержение существовавшего тогда общественного строя.

В декабре 1906 г. Тверь не была на исключительном положении. Тем не менее все трое обвиняемых были министром внутренних дел, по соглашению с министром юстиции, преданы суду для суждения по законам военного времени, на основании только что рассмотренной нами ст. 31 Положения о мерах к охранению государственного порядка. Над всеми обвиняемыми нависла угроза смертной казни.

Защитником обвиняемых, присяжным поверенным Андронниковым, была принесена в первый департамент сената жалоба с просьбой отменить определение министров, как не основанное на законе.

Сенат оставил жалобу без рассмотрения.[1]

Сроки процессуальных действий до слушания дела в суде. Главная особенность правил, установленных для производства дел в военном суде в военное время, т. е. для того периода, в котором должны были производиться дела о политических преступлениях, переданные на рассмотрение военных судов, состояла в чрезвычайной краткости сроков, установленных для судебных действий. По получении следствия военный прокурор обязан был препроводить военному начальнику свое заключение не далее, как через сутки. Военный начальник, по получении заключения военно-прокурорского надзора, обязан был дать делу дальнейшее направление в тот же день, а при соглашении на предание суду — немедленно сделать распоряжение о доставлении обвиняемого в предполагаемое для его суждения место; военный прокурор, по получении им дела от военного начальника, предлагал суду обвинительный акт в тот же день. С точки зрения гарантии надлежащей защиты подсудимого, особенно важным и вместе с тем опасным для интересов подсудимого было требование закона, чтобы заявление подсудимого о выборе или назначении защитника, о вызове дополнительных свидетелей и об отводе судей и прокурора было сделано им при самом сообщении ему обвинительного акта, списка свидетелей, которых предположено вызвать, и состава суда. Это требование могло поставить в затруднительное положение опытного юриста, а не только часто вовсе неграмотного подсудимого. При этом, как свидетельствовал о том такой опытный защитник в военных судах, каким был С. П. Ордынский, в то время, как требования закона относительно сроков процессуальных действий суда и прокуратуры игнорировались, закон о том, что заявление подсудимого о выборе защитника и т. д. может быть принято судом лишь тогда, если оно сделано при сообщении обвиняемому обвинительного акта и других сопутствовавших ему документов, соблюдался наистрожайшим образом. На рассмотрении главного военного суда был однажды случай отказа подсудимому в вызове свидетелей за пропуском срока, хотя просьба о том была заявлена до истечения двадцати четырех часов с момента вручения обвинительного акта, и главный военный суд признал такой отказ правильным.

Вручение обвинительного акта подсудимому, заявление подсудимого о назначении ему защитника, о вызове дополнительных свидетелей об отводе судьи или прокурора — все это в совокупности составляет важнейшую процедуру, от которой может зависеть защита справедливых интересов подсудимого. Проводить ее наспех и кое-как нельзя; между тем практика ее соблюдения была еще хуже закона.

Напоминая, что сроки, с соблюдением которых должны были производиться дела о государственных преступлениях, были сроками, установленными для военного времени, С. П. Ордынский следующим картинным образом изображает контраст между темпами, с которыми на практике двигалось дело в суде до вручения обвиняемому копии обвинительного акта, и той стремительностью, которая требовалась от обвиняемого в момент сообщения ему обвинительного акта: «Месяцами, иногда годами тянется предварительное следствие, недели и месяцы лежит дело у прокурора... Не торопится и суд, получив дело от прокурора; над ним не свищут неприятельские снаряды, все спокойно в уютных кабинетах. Но как только появился в канцелярии суда привезенный из каземата обвиняемый, так картина изменяется, словно близко подошел грозный неприятель и надо страшно спешить. Неграмотному обвиняемому помощник секретаря пробарабанит обвинительный акт; грамотные читают сами, нередко стоя и не имея возможности хоть сколько-нибудь сосредоточиться»[1].

Особенно тяжелым было положение подсудимых, содержавшихся вне места нахождения военно-окружного суда, а таких подсудимых было подавляющее большинство. «Их, — говорил присяжный поверенный Грузенберг перед главным военным судом (следовательно, в полном соответствии с тем, что было в действительности), — никогда не доставляют в суд, никогда суд не читает им обвинительных актов, не разъясняет их прав, не принимает от них словесных заявлений. Никогда! Эта важная установленная законом гарантия

[1] «Право», 1907 г. № 15, стлб. 1123—1127, № 25, стлб. 1813—1820.

[1] С. П. Ордынский, Производство в военных судах—в отчете общего собрания русской группы международного союза криминалистов в 1910 году (1911 г.), стр. 252.

существует только на бумаге; в действительности — она отменена. Все эти обязанности перенесены с суда на чинов тюремной администрации, — перенесены вопреки точного смысла закона» [1].

Как мало сами военные суды придавали значения тем ходатайствам, какие могли быть заявлены обвиняемым при сообщении ему обвинительного акта, видно из того, что в некоторых округах на выездных сессиях повестки посылались свидетелям обвинения раньше вручения подсудимому копии обвинительного акта, как если бы срок судебного заседания ни в какой мере не мог зависеть от тех ходатайств, какие могли быть заявлены обвиняемым, копия же обвинительного акта вручалась подсудимому всего за 2—3 дня до слушания дела, так что и времени не оставалось для вызова дополнительных свидетелей [2].

Ознакомление обвиняемых с материалами предварительного производства. Едва ли нужно пояснять значение элементарного требования, чтобы обвиняемый своевременно был ознакомлен с собранными против него уликами и с тем, какое и на каком основании предъявляется к нему обвинение. Между тем даже это элементарное требование далеко не всегда соблюдалось. Так, в рижском процессе «36-и» после того, как обвиняемым было объявлено, что дознание против них закончено, они неоднократно просили начальника тюрьмы отвести их для просмотра актов дознания в канцелярию суда; ввиду повторного отказа в этом со стороны начальника тюрьмы они обратились к председателю временного военного суда с просьбою сделать распоряжение о разрешении им ознакомиться с актами дознания. В ответ на это ходатайство последовало сообщение от имени председателя, что на обязанности суда не лежит забота о том, чтобы подсудимые фактически могли осуществить принадлежащее им право знакомиться с актами дознания.

Этого мало: не все обвиняемые были извещены об окончании дознания; из 26 обвиняемых, которые были потом осуждены, только 12-ти было объявлено об окончании дознания; остальные не знали даже о том, что дознание в отношении их окончено. Наконец, и этого мало: после того, как части обвиняемых было объявлено об окончании дознания, оно фактически еще продолжалось.

Не менее затруднило положение обвиняемых на суде то, что и с обвинительным актом они не были надлежащим образом ознакомлены. Подсудимым были вручены копии обширного обвинительного акта, воспроизведенные настолько неудовлетворительно, что прочесть их целиком представлялось совершенно невозможным. Между тем подсудимые должны были уже в суточный срок по вручении копий обвинительного акта заявить ходатайства о вызове дополнительных свидетелей. Подсудимые просили выдать им удобочитаемые копии обвинительного акта и считать суточный срок с момента выдачи новых копий. Как же отнесся к этому ходатайству суд? Он признал затруднительность прочтения копий, в ходатайстве подсудимых все-таки отказал: они-де, содержась под стражею совместно, могли обмениваться копиями и таким образом восстановить полный текст обвинительного акта. Закон при этом и тем уже достаточно грубо нарушался, что суд игнорировал сокращение и без того короткого суточного срока на вызов свидетелей вычетом из этого срока времени, которое каждый из обвиняемых должен был бы затратить на отыскание и получение такого именно экземпляра обвинительного акта, в котором четко было бы воспроизведено все, что его может касаться, но цинизм отказа суда в ходатайстве подсудимых усугублялся еще и тем, что в деле было ходатайство подсудимых, содержавшихся в одиночном заключении, о переводе их в общую камеру, ввиду вручения им обвинительного акта с резолюцией председательствовавшего во временном военном суде генерала Арбузова о желательности продления одиночного заключения (без перерыва) до самого окончания дела. Некоторые из подсудимых — латыши — не знали русского языка, о чем суду было известно, и тем не менее при вручении им обвинительного акта не присутствовал присяжный переводчик, который помог бы им ознакомиться с содержанием обвинительного акта [1].

Требование предоставления обвиняемым возможности подготовиться к делу было в процессе «36-и» еще более грубо нарушено тем, что уже в самый день судебного заседания им было объявлено о состоявшемся по ходатайству прокурора изменении выводов обвинительного акта, а именно к обвинению в участии в бунтовщическом сообществе теперь было присоединено обвинение не больше, не меньше, как в грабеже, вследствие чего над обвиняемыми, которых в худшем случае ожидала восьмилетняя каторга, нависла угроза смертной казни. Ничего не могло быть более законного, чем ходатайство обвиняемых о предоставлении им суточного срока на подготовку к защите против нового обвинения. Суд отказал.

Состав суда. В составе военного суда, кроме председателя, принимали участие четыре временных члена. Правила о местностях, объявленных на военном положении, требовали, чтобы временные члены военного суда назначались для каждого дела особо. Скрытый смысл этого правила ясен. Законодатель хотел, чтобы для каждого дела назначался наиболее благонадежный состав судей, чтобы судьи, раз не сумевшие справиться с возложенной на них задачей в соответствии с видами правительства, в другой раз не назначались. С точки зрения «видов правительства», правило о назначении нового состава судей для каждого дела особо было, конечно, целесообразно, но до известного предела: пока зараза неблагонадежности не проникла и в офицерскую среду, и пока дел, передаваемых на рассмотрение судов в порядке военного положения, было немного. Но в 1905—1906 гг. обстоятельства были неблагоприятны для последовательного проведения приведенного правила.

[1] «Право», 1910 г. № 51, стлб. 3147.

[2] Ордынский, назв. статья, стр. 253.

[1] «Право», 1906 г., № 25, стлб. 2239—2240.

Иногда было более удобно, раз отобрав вполне надежных офицеров для выполнения судейских обязанностей и на опыте убедившись в правильности сделанного выбора, сохранить на неопределенное время состав судей, оправдавших доверие начальства. Генерал-губернатор Прибалтийского края так и сделал: в январе 1906 г. он назначил временных членов в состав рижского временного военного суда не специально для данного дела, а вообще, и еще в мае в Риге рассматривалось дело (т. н. рижский процесс «36») все в том же составе временных судей за исключением одного» [1]. При этом судьи были назначены, как сказано, генерал-губернатором, т. е. гражданской властью, тогда как, по закону, они должны были быть назначены военным начальством — в данном случае командующим войсками военного округа.

Судебное следствие. От качества доказательств естественно зависит исход процесса. Между тем явление, когда материал судебного следствия в военных судах по политическим делам был явно недоброкачественным, было вовсе не редким. Контингент свидетелей едва ли не в большей своей части состоял из агентов охраны и провокаторов. Не брезговало подчас военное правосудие и показаниями заведомых преступников. По нашумевшему в свое время делу об убийстве пристава VII участка г. Варшавы Ковальского главный свидетель обвинения Зильберштейн начал свое показание на суде словами: «Я был альфонсом, а теперь стою во главе шайки воров». Он показал, что, проходя по улице и высматривая людей, которых можно было бы обокрасть, он стал невольным свидетелем покушения на убийство пристава и в подсудимых узнает его виновников. Он пояснил, что побудительным мотивом, чтобы дать показание, для него в данном случае послужила ненависть к подсудимым, которые как члены социалистической партии, должны были быть смертельными врагами воров и альфонсов. На основании этого показания и показаний других лиц также с репутацией воров и альфонсов четверо обвиняемых — Шпитальник, Познер, Бонковский и Стахович — были приговорены к повешению и были действительно повешены [2].

Как мы видели выше, закон 27 июня 1907 г. предоставил военно-окружным судам прочтение показаний неявившихся свидетелей независимо от причины неявки. Эта новелла была как нельзя более на-руку тем полицейским чиновникам и агентам, которые давали свидетельские показания на предварительном следствии, но не рисковали подвергнуть себя неприятности перекрестного допроса на суде или очной ставки с лицами, на которых они ссылались. Как часто такие свидетели бывали на суде загнаны в тупик непримиримых противоречий, а данные ими показания оказывались, хотя и безнаказанным, но для всех очевидным лжесвидетельством! Куда проще было свидетелю, оказавшему своими недобросовестными показаниями услуги обвинению, не явиться в суд, а обвинителю требовать оглашения его показания. В деле об убийстве генерала Полковникова, о котором мы выше рассказали, свидетель Ковалев, отъявленный мошенник и вымогатель, сочинивший признание обвиняемого Яроцкого, на суд, конечно, не явился, и, хотя защитою было указано место его жительства очень недалеко от суда, суд не подверг его приводу и огласил его показание.

Приговор. Закон [1] возлагал на суд обязанности мотивировать, почему он признал обвиняемого виновным или невиновным в приписанном ему преступлении. Заключение суда о вине или невиновности должно было «прописываться» без указаний его оснований. При этом условии единственной, хотя и недостаточной, гарантией того, что суд вошел в обсуждение обстоятельств дела, оставалось требование, чтобы суд точно обозначил «предметы обвинения», чтобы в случае признания обвиняемого виновным преступление его было описано совершенно конкретными признаками, т. е. не теми более или менее отвлеченными или общими терминами, которыми говорил о преступлении уголовный закон, а путем обозначения совершенно конкретных обстоятельств и действий, из которых слагался состав преступления данного лица в данном случае. Если, например, подсудимый признавался судом виновным в участии в бунтовщическом сообществе, то мало было в приговоре, вторя тексту закона, написать, что он признан судом виновным в участии в сообществе, поставившем себе целью насильственное посягательство на изменение в России установленного основными законами образа правления. Так написать можно было, не только не углубляясь в рассмотрение дела, но даже не ознакомившись с ним, как следует. Поэтому в приведенном примере от суда требовалось, чтобы он указал, в чем, в каких конкретных действиях выразилось участие обвиняемого в сообществе, какими именно средствами оно предполагало действовать. Между тем требование «конкретности» приговора часто не соблюдалось. Как действительно важно было соблюдение этого требования и как суд иногда выдавал явно недостаточное исследование обстоятельств дела именно тем, что предпочитал общие выражения в приговоре конкретным обозначениям, видно на примере дела старшего адъютанта штаба 77 пехотной резервной бригады Мясоедова, который был признан московским военно-окружным судом виновным в том, что состоял членом нижегородского комитета «одной из революционных партий». Уже одно то обстоятельство, что суд, найдя, что Мясоедов был членом партийного комитета, не установил даже того, какую именно местную партийную организацию этот комитет возглавлял, заставляло, по меньшей мере, сомневаться в том, что суд действительно точно установил характер и цели революционной деятельности комитета и Мясоедова как его члена [2].

---

[1] «Право», 1906 г., № 25, стлб. 2139.

[2] «1905 год в очерках и воспоминаниях участников», сб. I (1928 г.), стр. 150.

[1] Ст. 931 военно-суд. устава.

[2] «Право», 1907 г., № 16—17, стлб. 1238—1240.

Примеров, когда суд ограничивался установлением принадлежности подсудимого неизвестно к какой «революционной» партии, можно было бы привести очень много.

Если не всегда председательствовавший судья-юрист мог как следует написать приговор, то это было уже совсем не по силам членам суда из полковых офицеров. Это открывало возможность давления со стороны председателя на двух других членов суда, когда они были с ним не согласны. При слушании одного дела в варшавском военно-окружном суде, судья-юрист Козелкин заявил судьям-офицерам, отказавшимся подписать смертный приговор: «В таком случае напишите сами приговор». «Что же было делать? — рассказывали позже судьи, — мы таких бумаг редактировать не умеем». Они уступили, смертный приговор был подписан [1].

Если суд выносил оправдательный приговор, произносилась классическая фраза: «Такой-то, вы — свободны». Но не всегда эта классическая фраза: «Вы — свободны», сказанная председателем военно-окружного суда, гарантировала от того, что администрация не примет с своей стороны в отношении оправданного своих мер, которые отнимут у него если не всю, то значительную долю свободы.

«Рогожин, вы — свободны», — объявил председатель военно-окружного суда по объявлении приговора по слушавшемуся в 1907 году в Тобольске делу об убийстве начальника тобольской каторжной тюрьмы Богоявленского. Но едва Рогожин вышел из зала суда, как к нему подлетел полицеймейстер с командой городовых и объявил, что распоряжением генерал-губернатора Рогожин высылается в Туринск Тобольской губ. и что он его арестует [2].

Обжалование приговоров. Приговоры военно-окружных судов подлежали кассационному обжалованию. Так как кассационная жалоба есть жалоба на нарушение закона, то она предполагает иногда сложную юридическую аргументацию; между тем для подачи кассационной жалобы был установлен суточный срок.

Поданная кассационная жалоба могла быть не пропущена командующим войсками, если, по его мнению, соображения общественной безопасности требовали немедленного исполнения над подсудимым наказания.

Командующие войсками широко пользовались этим своим правом. Главнокомандующими не только не давалось направления кассационным жалобам, но по распоряжению главнокомандующих самые жалобы сплошь да рядом не принимались. В Либаве по делу матросов, заслушанному 1 августа 1905 г., не была принята кассационная жалоба их защитника Н. Д. Соколова. Матросов расстреляли. Также по делу о беспорядках на броненосце «Георгий Победоносец», слушавшемуся в Одессе, адмиралом Чухниным было запрещено принять от подсудимых кассационные жалобы... Защитником матроса Степанюка, присяжным поверенным Левиссоном, было подано в суд заявление, что главный свидетель обвинения, предъявленного Степанюку, после приговора отказался от данных им показаний. Кассационная жалоба Степанюка все-таки не была принята. Он, правда, был помилован. Остальные были расстреляны [1].

В 1906—1908 гг. были военные округа, в которых кассационные жалобы систематически не пропускались.

Утверждение приговоров. По Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия приговоры по делам, переданным на основании этого Положения в военные суды, утверждались генерал-губернаторами, а в местностях, им не подчиненных, — командующим войсками.

Утвердить или не утвердить приговор — это всецело зависело от генерала, которому была предоставлена власть утверждения. Трудно уловить какие-либо общие мотивы, которыми при этом руководились утверждающие приговоры лица, кроме, пожалуй, одного: предатели обыкновенно пользовались снисхождением, если только на суде они не брали своих предательских показаний обратно [2].

Казалось бы, что при том просторе усмотрения, которым по самому закону пользовались лица, утверждавшие приговоры, уже не было места еще для сверхзаконного произвола. Между тем вот что произошло по делу кандидата естественных наук (как он подписался под своим письмом в редакцию газеты «Право») Тахчогло. 5 сентября 1905 г. за нанесение при задержании его в г. Екатеринославе легких ран полицейскому приставу он был приговорен к смертной казни, причем суд постановил ходатайствовать о замене казни каторгою на 15 лет. 30 сентября приговор был представлен на утверждение временно командующего войсками одесского округа генерала Протопопова. Последний заменил казнь не 15-летнею, а 20-летнею каторгою, о чем и уведомил 5 октября телеграммою военного министра. Так как по амнистии от 21 октября назначенные сроки лишения свободы подлежали сокращению на половину, то Тахчогло должен был быть сослан на каторгу на 10 лет. Но главному военному прокурору генералу Павлову этого показалось мало. Воспользовавшись тем, что тем временем на пост командующего войсками одесского округа был назначен новый генерал Каульбарс, он, скрыв или игнорируя уже состоявшееся утверждение приговора генералом

---

[1] «1905 год в очерках и воспоминаниях участников», сб. I (1928 г.), стр. 148.

[2] С. Анисимов. Из воспоминаний защитника, «Былое», 1917 г., № 5—6, стр. 40. Сообщение полицеймейстера, правда, не огорчило Рогожина, счастливого сознанием, что петля его миновала. С радостной улыбкой, — вспоминает С. Анисимов, — он ответил: «Хоть на край света, г. полицеймейстер». Но таково, конечно, было только первое впечатление.

[1] В. Беренштам, Смертные казни, «Право», 1905 г., № 38, стлб. 3134.

[2] «1905 год в очерках и воспоминаниях участников», сб. II (1928 г.), стр. 160.

Протопоповым, телеграфно («за военного министра») уже 7 ноября, т. е. больше чем через месяц после того, как приговор был утвержден Протопоповым, предложил генералу Каульбарсу утвердить смертный приговор с тем, чтобы казнь, на основании той же амнистии от 21 октября, была заменена судом каторгою на 15 лет. И Каульбарс и суд, разумеется, выполнили беззаконное требование генерала Павлова. Суд, однако, смущенный таким исходом дела, сообщил тому же генералу Павлову, что он уже сам в свое время возбуждал ходатайство о замене казни 15-летней каторгою и потому испрашивал, не последует ли ввиду этого новых указаний со стороны генерала Павлова. Последний сообщил, что амнистия применена правильно.

Таким образом, генерал Протопопов произвольно, хотя и в пределах предоставленной ему законом власти, в отступление от мнения суда, разобравшего дело, назначил Тахчогло не 15, а 20 лет каторги, а затем то наказание, которое по амнистии полагалось Тахчогло после утверждения приговора Протопоповым, по требованию генерала Павлова не только произвольно, но и совершенно противозаконно еще раз было увеличено на 5 лет[1].

Такова была царская военная юстиция. Терроризируя одних, она другим раскрывала глаза на природу царского режима. Вместе с полицейскими зверствами она возбуждала народную ненависть, которая должна была, как писал Ленин, найти и нашла себе «выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу»[2].

А. ГЕРЦЕНЗОН

Социалистическое уголовное законодательство в период до издания первого советского уголовного кодекса

I

В истории социалистического уголовного законодательства исключительно большое значение имеют декреты и постановления советского правительства, посвященные различным вопросам социалистического строительства и содержащие уголовные диспозиции и карательные санкции в своей заключительной части. Эти уголовно-правовые нормы, содержащиеся в декретах, посвященных хозяйственному, административному, культурному строительству периода 1917—1922 гг., являются по существу предтечей будущих «составов преступлений» Особенной части Уголовного кодекса. Разбросанные в различных декретах, эти уголовно-правовые нормы представляют собою некодифицированное уголовное законодательство тех лет, которое с каждым годом роста и укрепления социалистического государства приобретало все более и более законченные формы. Большинство этих законов разрабатывались, редактировались, утверждались при непосредственном участии Ленина—Сталина. Детальное изучение этих законов ясно показывает социалистическое содержание и социалистическую форму нашего уголовного законодательства.

Несмотря на такое исключительное значение изучения, обобщения, систематизации уголовного законодательства и отдельных уголовно-правовых норм периода до издания Уголовного кодекса, в советской литературе нет ни одной работы, посвященной этому вопросу; банда вредителей из кампании Пашуканиса всячески тормозила, срывала подлинно научно-исследовательскую работу в области социалистического уголовного законодательства.

Между тем потребность в такого рода работе исключительно велика не только у научных работников, учащихся и т. д., но и у практических работников: для того, чтобы знать действующие законы, необходимо иметь ясное представление об их историческом развитии, необходимо знать предшествующее Уголовному кодексу законодательство.

Лишь в статье Д. И. Курского Новое уголовное право («Пролетарская революция и право», 1919, № 2—4) мы находим единственную попытку обрисовать новое, советское право, показать, как из отдельных уголовно-правовых норм создается постепенно система социалистического уголовного права. Но работа и попытка Д. И. Курского оказалась забытой, его оригинальное и интересное исследование не было позже развито и дополнено, и криминалисты-теоретики, говоря об истории социалистического уголовного права в период до издания УК ред. 1922 года, обычно ограничивались анализом декретов о суде, инструкций революционных трибуналов и «Руководящими началами по уголовному праву РСФСР»; тем самым искусственно изолировались имеющие громадное значение в истории социалистического уголовного законодательства уголовно-правовые нормы, содержавшиеся в декретах и постановлениях советского правительства в период 1917—1922 гг. (до издания УК ред. 1922 г.).

По нашему подсчету, не могущему претендовать на исчерпывающую полноту, в период с 8 ноября 1917 г. по 1 июня 1922 г. было издано свыше 400 декретов и постановлений правительства и имевших силу декретов постановлений наркоматов, в которых содержались уголовно-правовые нормы будущей «Особенной части».

---

[1] «Право», № 30, стлб. 2472—2474.

[2] Ленин, т. IV, стр. 90.

Так, в 1917 г. было опубликовано в СУ 23 таких документа, в 1918 г. — 100, в 1919 г. — 93, в 1930 г. — 98, в 1921 г. — 88 (до 1/VI 1922 г.).

II

Нужно отметить, что вопрос о кодификации уголовно-правовых норм ставился уже в первый период проведения Великой Социалистической революции, точно также, как уже в 1919—1929 гг. уже был поставлен вопрос об издании Уголовного кодекса. Эти вопросы, как известно, были разрешены в законодательном порядке значительно позднее—в Уголовном кодексе редакции 1922 года. В уголовно-правовой же литературе период первоначального развития социалистического уголовного законодательства так и остался до сих пор не изученным, и сами законодательные документы оказались совершенно незаслуженно преданными забвению.

Составленный нами и приводимый ниже хронологический перечень узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, содержащих уголовно-правовые нормы, охватывает период 8 ноября 1917 г. — 1 июня 1922 г. В него вошли ссылки на те декреты и постановления, в которых содержатся уголовные диспозиции и карательные санкции. Так как большинство этих законов по своему содержанию относится, как уже указывалось, к области хозяйственного, административного, культурного строительства и т. д., то в хронологическом перечне нами дано краткое изложение (в виде заголовка) текста уголовно-правовых норм. Так, например, содержащаяся в декрете «О земле» уголовно-правовая норма озаглавлена «Порча конфискуемого имущества, принадлежащего всему народу» и т. д.

Приводимые ниже материалы являются необходимым дополнением к работе, опубликованной в № 11 «Социалистической законности» за 1937 г. и, как мы полагаем, окажутся полезными всякому, кто изучает историю социалистического уголовного права.

Узаконения и распоряжения Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, содержащие уголовные диспозиции и карательные санкции в период с 8 ноября 1917 по 1 июня 1922 г. (до издания УК РСФСР ред. 1922 г.).

1917 год.

1. Порча конфискуемого имущества, принадлежащего всему народу.
(СУ, № 1, ст. 1).

2. Нарушение декрета о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле.
(СУ, № 1, ст. 9).

3. Нарушение декрета о восьмичасовом рабочем дне.
(СУ, № 1, ст. 10).

4. Нарушение государственной монополии на печатные объявления.
(СУ, № 2, ст. 22).

5. Саботаж дела продовольствия армии и препятствие заключению мира, проявляемые буржуазией и ее агентами.
(СУ, № 3, ст. 29).

6. Саботаж высших почтово-телеграфных чиновников.
(СУ, № 3, ст. 30).

7. Спекуляция.
(СУ, № 3, ст. 33).

8. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 4, ст. 50).

9. Контрреволюционные восстания.
(СУ, № 4, ст. 53).

10. Контрреволюционные восстания.
(СУ, № 4, ст. 64).

11. Должностные преступления, совершаемые членами особого совещания по обороне.
(СУ, № 4, ст. 66).

12. Контрреволюционная деятельность руководителей партии кадетов.
(СУ, № 5, ст. 70).

13. Воинские преступления.
(СУ, № 5, ст. 87).

14. Саботаж чиновников министерства продовольствия.
(СУ, № 5, ст. 88).

15. Лесопорубки.
(СУ, № 6, ст. 93).

16. Саботаж, проявленный при переходе управления флотами в ведение центральных комитетов флотов.
(СУ, № 6, ст. 96).

17. Нарушение положения о страховании на случай безработицы.
(СУ, № 8, ст. 111).

18. Неисполнение договоров контрагентов по военным продовольственным поставкам.
(СУ, № 8, ст. 119).

19. Незаконное совершение сделок с недвижимостью.
(СУ, № 10, ст. 154).

20. Использование печати с контрреволюционными целями.
(СУ, № 10, ст. 156).

21. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 12, ст. 170).

22. Присвоение функций государственной власти с контрреволюционной целью.
(СУ, № 14, ст. 202).

23. Контрабандный провоз предметов роскоши.
(СУ, № 15, ст. 221).

1918 год.

24. Непредставление банковских акций и совершение каких-либо сделок с ними.
(СУ, № 19, ст. 295).

25. Нарушение закона о биржах труда.
(СУ, № 21, ст. 319).

26. Нарушение постановления о комитетах цен.
(СУ, № 23, ст. 326).

27. Отказ от принятия «Займа свободы» как денежного знака.
(СУ, № 24, ст. 331).

28. Невыполнение декрета о централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности.
(СУ, № 30, ст. 395).

29. Самочинный обмен товара на хлеб и неподчинение указаниям Наркомпрода.
(СУ, № 30, ст. 398).

30. Невыполнение постановления о мобилизации землемерных инструментов.
(СУ, № 31, ст. 411).

31. Совершение фиктивных сделок с ценными бумагами.
(СУ, № 32, ст. 420).

32. Нарушение постановления о правовых ограничениях для торговых и промышленных предприятий.
(СУ, № 32, ст. 425).

33. Нарушение декрета о разработке торфа.
(СУ, № 33, ст. 437).

34. Саботаж и иные контрреволюционные выступления реакционной части почтово-телеграфных чиновников.
(СУ, № 33, ст. 439).

35. Уклонение от военного обучения и небрежное выполнение обязанностей по военному обучению.
(СУ, № 33, ст. 443).

36. Самовольное оставление рядов Красной армии.
(СУ, № 33, ст. 445).

37. Нарушение декрета о национализации сахарной промышленности.
(СУ, № 34, ст. 457).

38. Взяточничество.
(СУ, № 35, ст. 467).

39. Несдача излишков хлеба и расточение его на самогонку.
(СУ, № 35, ст. 468).

40. Погромы, взяточничество, подлоги, неправомерное использование советских документов, хулиганство и шпионаж.
(СУ, № 35, ст. 471).

41. Нарушение постановления о лесных заготовках.
(СУ, № 35, ст. 473).

42. Несдача дел фабричными инженерами и горчыми инженерами.
(СУ, № 36, ст. 474).

43. Препятствование ликвидации Всероссийского мусульманского совета.
(СУ, № 36, ст. 484).

44. Нарушение декрета о собирании пошлин и о регулировании деятельности местных таможенных учреждений.
(СУ, № 39, ст. 506).

45. Нарушение постановления о запрещении купли-продажи и передачи хлопковых предприятий и о регистрации акций и паев этих предприятий.
(СУ, № 39, ст. 510).

46. Сообщение заведомо ложных сведений с целью признания лица душевнобольным.
(СУ, № 40, ст. 515).

47. Право убежища иностранцев, преследуемых за политические и религиозные преступления у себя на родине.
(СУ, № 41, ст. 519).

48. Уклонение от призыва на военную службу.
(СУ, № 43, ст. 529).

49. Уклонение от призыва на военную службу рабочих г. Москвы и пригородов, родившихся в 1896 и 1897 гг.
(СУ, № 44, ст. 534).

50. Нарушение постановления об отмене наследования.
(СУ, № 46, ст. 549).

51. Уклонение от призыва на военную службу рабочих Петрограда и пригородов, родившихся в 1896—1897 гг.
(СУ, № 48, ст. 563).

52. Умышленное несообщение сведений о местонахождении имущества низложенного российского императора.
(СУ, № 52, ст. 583).

53. Нарушение декрета об охране библиотек и книгохранилищ.
(СУ, № 52, ст. 592).

54. Уклонение судей-заседателей от явки к исполнению своих обязанностей и воспрепятствование их явке.
(СУ, № 53, ст. 597).

55. Неявки по призыву в тыловое ополчение, явное сопротивление призыву, а равно содействие или склонение к уклонению от ополченских обязанностей и укрывательство уклоняющихся.
(СУ, № 54, ст. 604).

56. Нарушение правил регистрации населения в связи с зачислением в тыловое ополчение.
(СУ, № 54, ст. 604).

57. Спекуляция.
(СУ, № 54, ст. 605).

58. Нарушение постановления об ограничении совместной службы родственников в советских учреждениях.
(СУ, № 56, ст. 615).

59. Нарушение правил продажи и отпуска аптекарских товаров.
(СУ, № 56, ст. 616).

60. Нарушение правил охраны труда.
(СУ, № 56, ст. 620).

61. Уклонение от призыва на военную службу бывших офицеров, медицинских работников и военных чиновников.
(СУ, № 56, ст. 622).

62. Созыв населения набатным звоном и т. п. способами, совершенный с контрреволюционной целью.
(СУ, № 57, ст. 628).

63. Нарушение декрета о привлечении рабочих организаций к заготовке хлеба.
(СУ, № 57, ст. 633).

64. Преступления по должности членов заградительных реквизиционных продовольственных отрядов.
(СУ, № 57, ст. 634).

65. Нарушение декрета об обязательном товарообмене в хлебных сельских местностях.
(СУ, № 58, ст. 638).

66. Уклонение владельцев предприятий от регистрации предприятий.
(СУ, № 59, ст. 651).

67. Нарушение правил ведения торговых книг.
(СУ, № 59, ст. 652).

68. Нарушение правил о совершении сделок.
(СУ, № 61, ст. 666).

69. Нарушение декрета о сообщении сведений о налоге на торговые предприятия по снабжению населения предметами широкого потребления.
(СУ, № 62, ст. 682).

70. Незаконное пользование имуществом, принадлежащим республике, или умышленная порча имущества, в связи с декретом об отделении церкви от государства.
(СУ, № 62, ст. 685).

71. Нарушение правил учета и распределения металлов.
(СУ, № 63, ст. 689).
72. Белогвардейские организации, заговоры, мятежи и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 65, ст. 710).
73. Нарушения порядка открытия кредитных учреждений.
(СУ, № 65, ст. 714).
74. Нарушение правил об учете импортных кож.
(СУ, № 68, ст. 733).
75. Ложное показание при выходе из российского гражданства.
(СУ, № 68, ст. 736).
76. Незаконные кредитные операции, совершенные с учреждениями, находящимися вне РСФСР.
(СУ, № 68, ст. 738).
77. Нарушение правил учета учебных пособий.
(СУ, № 68, ст. 739).
78. Незаконные действия членов рабочих отрядов по картофелезаготовкам.
(СУ, № 69, ст. 743).
79. Незаконный вывоз за границу предметов искусства и старины.
(СУ, № 69, ст. 751).
80. Незаконная перевозка в виде промысла писем, денег и маловесных посылок.
(СУ, № 70, ст. 759).
81. Незаконный провоз продовольственных продуктов и спекуляция этими продуктами.
(СУ, № 71, ст. 775).
82. Сообщение ложных сведений и несоблюдение сроков регистрации акций и паев текстильных предприятий.
(СУ, № 72, ст. 780).
83. Нарушение правил, об операциях с иностранной валютой.
(СУ, № 72, ст. 781).
84. Уклонение от призыва на военную службу бывших офицеров и военных чиновников в возрасте до 40 лет.
(СУ, № 72, ст. 785).
85. Нарушение декрета о введении трудовых книжек.
(СУ, № 73, ст. 792).
86. Нарушение порядка учета и хранения памятников искусства, находящихся у частных лиц. (СУ, № 73, ст. 794).
87. Контрреволюционная деятельность, саботаж, дискредитирование власти, подлог, должностные преступления, хулиганство, спекуляция (Известия ВЦИК, № 217 за 1918 год).
88. Невыполнение постановления о «Центромеди».
(СУ, № 74, ст. 811).
89. Преступления, совершаемые работниками милиции.
(СУ, № 75, ст. 813).
90. Нарушение постановления о мерах к повышению выработки сахара.
(СУ, № 18, ст. 821).
91. Нарушение постановления о переходе в ведение ВСНХ крупнейших национализированных предприятий промышленности.
(СУ, № 78, ст. 825).
92. Нарушение постановления о переходе в ведение ВСНХ некоторых национализированных кожевенных предприятий.
(СУ, № 80, ст. 837).
93. Нарушение декрета о распределении рабочей силы.
(СУ, № 80, ст. 838).
94. Противодействие деятельности ЧК по снабжению Красной Армии или невыполнение ее постановлений.
(СУ, № 81, ст. 860).
95. Нарушение декрета об организации снабжения населения продуктами и предметами личного потребления.
(СУ, № 83, ст. 879).
96. Нарушение постановления о твердых ценах на металлы.
(СУ, № 84, ст. 888).
97. Нарушение Положения о Чрезвычайных военных комиссарах жел. дорог.
(СУ, № 86, ст. 895).
98. Неисполнение распоряжений верховной комиссии телеграфной связи.
(СУ, № 86, ст. 897).
99. Самовольное издание, распространение и публичное исполнение произведений, признанных государственным достоянием.
(СУ, № 86, ст. 900).
100. Нарушение трудового законодательства.
(СУ, № 87—88, ст. 905).
101. Нарушение положения о социальном страховании.
(СУ, № 89, ст. 906).
102. Нарушение постановления о точном соблюдении законов.
(СУ, № 90, ст. 908).
103. Нарушение декрета об охране научных ценностей.
(СУ, № 90, ст. 916).
104. Бюрократизм и волокита.
(СУ, № 90, ст. 929).
105. Нарушение постановления об упорядочении жел.-дор. транспорта.
(СУ, № 93, ст. 930).
106. Невыполнение декрета о сдаче оружия.
(СУ, № 93, ст. 933).
107. Нарушение постановления о складах общего пользования.
(СУ, № 94, ст. 940).
108. Нарушение постановления о твердых ценах на мыло.
(СУ, № 95, ст. 949).
109. Нарушение постановления о государственной монопольной закупке сырья табака.
(СУ, № 95, ст. 954).
110. Нарушение постановления о скидке с твердых цен на махорочные изделия.
(СУ, № 96, ст. 965).
111. Нарушение постановления о скидке с твердых цен на табак.
(СУ, № 96, ст. 972).
112. Нарушение правил о военной цензуре.
(СУ, № 97, ст. 987).
113. Уклонение от всеобщего военного обучения.
(СУ, № 97, ст. 990).
114. Нарушение постановления о национализации предприятий текстильной промышленности.
(СУ, № 98, ст. 998).
115. Нарушение декрета о снабжении армии лошадьми.
(СУ, № 98, ст. 1000).
116. Уклонение от учета технических сил РСФСР.
(СУ, № 98, ст. 1002).

117. Нарушение декрета о запрещении устройства лотерей.
(СУ, № 98, ст. 1003).
118. Нарушение постановления о твердых ценах на цветные металлы.
(СУ, № 99, ст. 1007).
119. Дезертирство.
(СУ, № 99, ст. 1015).
120. Нарушение постановления о мерах усиления заготовки дров.
(СУ, № 99, ст. 1018).
121. Нарушение правил об учете и торговле хирургическими инструментами и предметами медицинского обслуживания.
(СУ, № 99, ст. 1021).
122. Нарушение декрета об отмене основного государственного промыслового налога.
(СУ, № 99, ст. 1022).
123. Уклонение от призыва на военную службу бывших военных чиновников.
(СУ, № 100, ст. 1028).

1919 год.

124. Несдача сельскими хозяевами хлебофуража по разверстке.
(СУ, № 1, ст. 10).
125. Превышение предельных цен.
(СУ, № 1, ст. 16).
126. Нарушение декрета о мероприятиях по сыпному тифу.
(СУ, № 2, ст. 24).
127. Преступления членов железнодорожной милиции.
(СУ, № 5, ст. 48).
128. Нарушение обязательных постановлений о безопасности работ на бумагопрядильных фабриках.
(СУ, № 5, ст. 54).
129. Умышленное повреждение и убой лошадей.
(СУ, № 6, ст. 63).
130. Нарушение постановления о национализации предприятий спичечной промышленности.
(СУ, № 6, ст. 64).
131. Нарушение постановления о национализации основной химической промышленности.
(СУ, № 6, ст. 66).
132. Нарушение постановления о национализации автопромышленности.
(СУ, № 6, ст. 67).
133. Нарушение правил о публикации предприятиями обязательных объявлений.
(СУ, № 6, ст. 69).
134. Нарушение постановления о национализации предприятий полиграфической промышленности.
(СУ, № 7, ст. 72).
135. Нарушение постановления о национализации предприятий текстильной промышленности.
(СУ, № 7, ст. 77).
136. Нарушение правил об учете мельничных машин.
(СУ, № 9, ст. 91).
137. Укрывательство дезертиров и халатность должностных лиц в борьбе с дезертирством.
(СУ, № 9, ст. 94).
138. Подделка государственных знаков 1—3 рублевого достоинства.
(СУ, № 10—11, ст. 102).
139. Несдача в установленный срок льна.
(СУ, № 10—11, ст. 112).
140. Неплатеж чрезвычайного налога и злоупотребления должностных лиц при взыскании чрезвычайного налога.
(СУ, № 12, ст. 121).
141. Побег заключенного из лагерей или с работы.
(СУ, № 12, ст. 124).
142. Халатность должностных лиц при проведении финансовых операций.
(СУ, № 13, ст. 134).
143. Нарушение постановления о мерах содействия кустарной промышленности.
(СУ, № 14, ст. 140).
144. Уклонение от платежа натурального налога.
(СУ, № 14, ст. 142).
145. Нарушение декрета о соблюдении единства кассы.
(СУ, № 14, ст. 152).
146. Нарушение декрета об охране пчеловодства.
(СУ, № 14, ст. 153).
147. Невыполнение законных требований уполномоченных по лесосплаву.
(СУ, № 14, ст. 157).
148. Невыполнение законных распоряжений властей о борьбе с наводнением.
(СУ, № 14, ст. 160).
149. Невыполнение служащими и рабочими угольных предприятий своих обязанностей.
(СУ, № 14, ст. 163).
150. Нарушение постановления о национализации предприятий электротехнической промышленности.
(СУ, № 17, ст. 183).
151. Нарушение постановления о национализации винокуренных заводов.
(СУ, № 17, ст. 189).
152. Нарушение постановления о доставке нефтепродуктов из-за пределов советских владений.
(СУ, № 18, ст. 193).
153. Уклонение от учета сценических и театральных работников.
(СУ, № 18, ст. 198).
154. Уклонение от обязательного оспопрививания.
(СУ, № 18, ст. 199).
155. Нарушение правил о переходе служащих на другую работу.
(СУ, № 18, ст. 204).
156. Преступления членов речной милиции.
(СУ, № 18, ст. 213).
157. Уклонение от призыва в Красную армию лиц, служивших в артиллерийских, инженерных и технических частях.
(СУ, № 19, ст. 218).
158. Нарушение правил инспекции судоустройства.
(СУ, № 19, ст. 225).
159. Должностные преступления почтово-телеграфных служащих.
(СУ, № 19, ст. 227).
160. Уклонение от призыва на военную службу рабочих Донецкого бассейна, родившихся в 1898—1891 гг.
(СУ, № 19, ст. 228).
161. Уклонение от призыва на военную службу возвращающихся из плена солдат старой армии. (СУ, № 19, ст. 229).

162. Преступления военизированных рабочих и служащих флота и судоремонта.
(СУ, № 20, ст. 249).

163. Уклонение от призыва служащих, оставленных на своих должностях.
(СУ, № 26, ст. 255).

164. Нарушение правил об охоте.
(СУ, № 21, ст. 256).

165. Нарушение правил о распределении бумаги и картона.
(СУ, № 21, ст. 257).

166. Незаконный захват имущества при военных заготовках.
(СУ, № 21, ст. 269).

167. Нарушение правил пользования пассажирскими поездами.
(СУ, № 23, ст. 274).

168. Нарушение руководителями учреждений правил о выдаче пособий по временной нетрудоспособности.
(СУ, № 25, ст. 286).

169. Дезертирство.
(СУ, № 25, ст. 287).

170. Нарушение правил уборки и заготовки сена.
(СУ, № 26, ст. 292).

171. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 27, ст. 301).

172. Нарушение правил регистрации бывших офицеров.
(СУ, № 27, ст. 309).

173. Способствование уклонению от призыва на военную службу рабочих и служащих, совершенное руководителями главков, учреждений и предприятий.
(СУ, № 28, ст. 317).

174. Нарушение правил использования топлива.
(СУ, № 30, ст. 320).

175. Незаконное использование товарных знаков РСФСР.
(СУ, № 33, ст. 332).

176. Незаконная реквизиция или переадресовка хлеба, заготовленного крупнейшими рабочими и крестьянскими организациями в порядке самозаготовок.
(СУ, № 34, ст. 336).

177. Нарушение правил проезда по железным дорогам.
(СУ, № 34, ст. 340).

178. Нарушение декрета о национализации телеграфных сообщений.
(СУ, № 35, ст. 344).

179. Преждевременная и самочинная эвакуация.
(СУ, № 35, ст. 352).

180. Нарушение правил о предоставлении отпусков по болезни.
(СУ, № 37, ст. 365).

181. Незаконная выдача разрешений на выезд и въезд в прифронтовой полосе.
(СУ, № 38, ст. 375).

182. Препятствование призыву бывших военных чиновников и писарей. (СУ, № 41, ст. 386).

183. Нарушение декрета о товарообмене и обязательной сдаче населением продуктов сельского хозяйства и промыслов.
(СУ, № 41, ст. 387).

184. Уклонение от призыва на военную службу граждан 1901 г. рождения.
(СУ, № 41, ст. 386).

185. Задержка и неисполнение распоряжений экспедиции заготовления государственных бумаг и замедление в снабжении экспедиции.
(СУ, № 41, ст. 390).

186. Нарушение постановления о национализации предприятий, производящих и продающих музыкальные инструменты.
(СУ, № 42, ст. 415).

187. Незаконная задержка в пути курьеров.
(СУ, № 42, ст. 417).

188. Нарушение права членов ВЦИК свободного входа во все советские учреждения.
(СУ, № 43, ст. 422).

189. Нарушение права еженедельного отдыха работников зрелищных предприятий.
(СУ, № 44, ст. 434).

190. Нарушение инструкции об управлении совхозами и противодействие управлению совхозами.
(СУ, № 45, ст. 441).

191. Нарушение правил о совместительстве должностей.
(СУ, № 46, ст. 449).

192. Уклонение от обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и ответственных чиновников при царском и буржуазном строях.
(СУ, № 47, ст. 458).

193. Самочинный захват нефтепродуктов.
(СУ, № 47, ст. 462).

194. Нарушение правил набора рабочих.
(СУ, № 47, ст. 464).

195. Противозаконное вступление в члены кооперативов, товариществ, обществ и объединений.
(СУ, № 48, ст. 467).

196. Расхищение мериносовых овец из рассадников.
(СУ, № 48, ст. 469).

197. Несдача лицами и учреждениями принадлежащих им аннулированных ценных бумаг.
(СУ, № 50, ст. 487).

198. Злоумышленное разрушение железнодорожных сооружений.
(СУ, № 50, ст. 488).

199. Подделка расчетных знаков достоинством в 15—60 руб. и кредитных билетов в 5—10.000 рублей.
(СУ, № 52, ст. 506).

200. Спекуляция и хищения.
(СУ, № 53, ст. 507).

201. Незаконная передача товарных операций на комиссионных началах.
(СУ, № 53, ст. 509).

202. Нарушение правил направления на работу.
(СУ, № 54, ст. 517).

203. Нарушение правил для продовольственных агентов по борьбе с мешочничеством.
(СУ, № 54, ст. 523).

204. Умышленное самовольное оставление службы в главках лицами, оставленными на месте службы с объявлением их военнослужащими.
(СУ, № 55, ст. 531).

205. Нарушение постановления о мерах упорядочения работы топливных учреждений.
(СУ, № 56, ст. 536).

206. Нарушение правил пользования прямыми железнодорожными проводами.
(СУ, № 56, ст. 538).

207. Злоупотребление властью и халатность при проведении натуральной, трудовой и гужевой повинности.
(СУ, № 57, ст. 543).
208. Уклонение от учета некоторых категорий военных специалистов, а также сокрытие своего бывшего воинского звания.
(СУ, № 57, ст. 546).
209. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления, совершенные военнослужащими.
(СУ, № 58, ст. 549).
210. Уклонение от работ, невыполнение работ и саботаж, проявленный при проведении дровяных заготовок.
(СУ, № 59, ст. 554).
211. Уклонение подрядчиков и поставщиков от регистрации.
(СУ, № 62, ст. 571).
212. Неплатеж чрезвычайного налога.
(СУ, № 62, ст. 572).
213. Самовольный переход лиц командного состава и адм.-хоз. службы в другие части войск или учреждений, а равно способствование этим лицам со стороны начальствующих лиц и комиссаров.
(СУ, № 63, ст. 575).
214. Непредставление в срок необходимых сведений и несвоевременный отпуск товаров главками и складами.
(СУ, № 63, ст. 577).
215. Нарушение правил о ликвидации неграмотности.
(СУ, № 67, ст. 592).
216. Укрывательство дезертиров.
(СУ, № 67, ст. 594).

1920 год.

217. Нарушение закона о запрещении изготовления, продажи и распития спиртных напитков.
(СУ, № 1—2, ст. 2).
218. Уклонение от призыва на военную службу граждан 1901 г. рождения.
(СУ, № 1—2, ст. 3).
219. Уклонение от призыва на военную службу граждан, родившихся в 1886—88 гг.
(СУ, № 1—2, ст. 4).
220. Волокита.
(СУ, № 1—2, ст 7).
221. Нарушение декрета о всеобщей трудовой повинности.
(СУ, № 8, ст. 49).
222. Уклонение от трудовой мобилизации на транспорте.
(СУ, № 8, ст. 52).
223. Укрывательство дезертиров.
(СУ, № 9, ст. 58).
224. Нарушение декрета о сахарной промышленности.
(СУ, № 10, ст. 62).
225. Преступления по должности членов сельских советов.
(СУ, № 11, ст. 68).
226. Вооруженный грабеж и разбой.
(СУ, № 11, ст. 71).
227. Невыполнение обязательных поставок коровьего масла.
(СУ, № 13, ст. 81).
228. Невыполнение обязательной поставки яиц.
(СУ, № 13, ст. 82).
229. Подделка рентных знаков.
(СУ, № 15, ст. 89).
230. Сокрытие своего бывшего офицерского звания.
(СУ, № 15, ст. 90).
231. Нарушение постановления о порядке регистрации и использования рабочих закрывающихся предприятий.
(СУ, № 15, ст. 91).
232. Нарушение должностными лицами порядка регистрации и учета служащих.
(СУ, № 16, ст. 96).
233. Уклонение от явки бывших работников транспорта к месту назначения на работу по транспорту.
(СУ, № 17, ст. 98).
234. Нарушения постановления об учете и распределении геодезических маркшейдерских инструментов.
(СУ, № 17, ст. 99).
235. Нарушение декрета о милитаризации предприятий бумажной и полиграфической промышленности.
(СУ, № 18, ст. 101).
236. Нарушение декрета о сборе пеньки.
(СУ, № 13, ст. 102).
237. Невыполнение поставки скота на мясо.
(СУ, № 19, ст. 106).
238. Преступления, совершаемые работниками жел.-дор. транспорта, и иные преступления, совершаемые в полосе отчуждения.
(СУ, № 21, ст. 112).
239. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 22—23, ст. 115).
240. Дача неправильных сведений с целью уклониться от трудовой повинности.
(СУ, № 24, ст. 116).
241. Воинские преступления.
(СУ, № 26, ст. 126).
242. Укрывательство и несообщение сведений о состоянии на работе мобилизуемых горнорабочих.
(СУ, № 27, ст. 132).
243. Неисполнение декрета о передаче материалов по жел.-дор. строительству Комитету государственных сооружений.
(СУ, № 28, ст. 141).
244. Нарушение правил утверждения строительства промышленных сооружений.
(СУ, № 29, ст. 144).
245. Нарушение положения о государственной монополии на лесные материалы.
(СУ, № 31, ст. 153).
246. Уклонение от дачи сведений или дача заведомо неверных сведений по переписке.
(СУ, № 32, ст. 154).
247. Нарушение декрета о мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний.
(СУ, № 32, ст. 156).
248. Сокрытие прежней службы на водном транспорте и укрывательство лиц, служивших ранее в нем.
(СУ, № 33, ст. 158).
249. Нарушение порядка проезда по водным путям.
(СУ, № 33, ст. 159).
250. Нарушение должностными лицами правил пользования телеграфными сношениями.
(СУ, № 33, ст. 160).

251. Злостное нарушение студентами-медиками трудовой дисциплины при использовании их в качестве вспомогательного медицинского персонала.
(СУ, № 34, ст. 164).
252. Незаконный передел земли.
(СУ, № 35, ст. 170).
253. Неправильная выдача больничных листков и удостоверений.
(СУ, № 36, ст. 172).
254. Спекуляция предметами военного обмундирования.
(СУ, № 39, ст. 179).
255. Неисполнение требований технического инспектора.
(СУ, № 40, 41, ст. 182).
256. Препятствование посевам льна.
(СУ, № 42, ст. 186).
257. Сокрытие запасов книг и иных печатных произведений.
(СУ, № 42, ст. 187).
258. Дезертирство и укрывательство дезертиров.
(СУ, № 43, ст. 193).
259. Контрабанда.
(СУ, № 43, ст. 196).
260. Уход с заседания без уважительных причин.
(СУ, № 44, ст. 197).
261. Нарушение правил о регистрации лиц с высшим юридическим образованием.
(СУ, № 47, ст. 211).
262. Нарушение правил учета статистических сил.
(СУ, № 49, ст. 217).
263. Нарушение правил о санитарно-пропускных пунктах.
(СУ, № 51, ст. 223).
264. Нарушение правил содержания жилищ.
(СУ, № 52, ст. 227).
265. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 54, ст. 236).
266. Уклонение от мобилизации на транспорт бывших железнодорожников.
(СУ, № 55, ст. 237).
267. Нарушение правил о премировании труда.
(СУ, № 5, ст. 239).
268. Неисполнение правил о применении сверхурочных работ.
(СУ, № 56, ст. 242).
269. Нарушение правил в автодвижении в Москве и ее окрестностях.
(СУ, № 57, ст. 251).
270. Невыполнение обязательной поставки домашней птицы.
(СУ, № 59, ст. 271).
271. Невыполнение обязательной поставки меда.
(СУ, № 59, ст. 272).
272. Явное нарушение заградительными постами правил реквизиции.
(СУ, № 63, ст. 281).
273. Трудовое дезертирство.
(СУ, № 65, ст. 285).
274. Незаконное пользование знаками Красного креста.
(СУ, № 65, ст. 287).
275. Уклонение от обязательного учета и сдачи мешков.
(СУ, № 66, ст. 293).
276. Нарушение правил схемы.
(СУ, № 66, ст. 297).
277. Уклонение от обмолота и сдачи хлебных излишков.
(СУ, № 66, ст. 298).
278. Нарушение постановления о мерах к улучшению проезда по жел. дорогам.
(СУ, № 66, ст. 301).
279. Нарушение постановления о призыве бывших военных чиновников и писарей.
(СУ, № 67, ст. 303).
280. Злостное нарушение трудовой дисциплины студентами, назначенными ветеринарными работниками.
(СУ, № 67, ст. 304).
281. Нарушение правил о расчетных операциях.
(СУ, № 67, ст. 305).
282. Преступления, совершаемые несовершеннолетними или взрослыми с их участием.
(СУ, № 68, ст. 308).
283. Нарушение постановления о выдаче, хранении огнестрельного оружия и об обращении с ним.
(СУ, № 69, ст. 314).
284. Незаконная выдача отпускных свидетельств.
(СУ, № 69, ст. 316).
285. Нарушение постановления о запрещении вселения учреждений и лиц в помещения, принадлежащие территории заводов и предприятий.
(СУ, № 69, ст. 315).
286. Неправильная выдача отпускных удостоверений.
(СУ, № 69, ст. 316).
287. Нарушение постановления о борьбе с лесными пожарами.
(СУ, № 69, ст. 230).
288. Нарушение учебной дисциплины.
(СУ, № 70, ст. 325).
289. Нарушение постановления о погрузочно-разгрузочных работах.
(СУ, № 71, ст. 329).
290. Сокрытие прежней службы по рыбной промышленности.
(СУ, № 72, ст. 332).
291. Несоблюдение правил об освобождении от воинской повинности в силу религиозных убеждений.
(СУ, № 73, ст. 335).
292. Уклонение от переосвидетельствования и привлечения к трудовой повинности.
(СУ, № 74, ст. 342).
293. Уклонение от явки в учебные заведения лиц призывных возрастов, откомандированных для выполнения учебной повинности.
(СУ, № 75, ст. 346).
294. Нарушение постановления о трудовой мобилизации некоторых категорий рабочих металлопромышленности.
(СУ, № 75, ст. 347).
295. Нарушение постановления о мобилизации лиц, ранее работавших в шерстеобрабатывающей промышленности.
(СУ, № 75, ст. 350).
296. Порча или утеря грузов и багажа на железных дорогах-агентов.
(СУ, № 77, ст. 362).
297. Нарушение правил проезда по железным дорогам.
(СУ, № 77, ст. 363).

298. Уклонение от призыва на военную службу лиц, родившихся в 1886—1888 гг.
(СУ, № 79, ст. 372).
299. Неявка трудовых дезертиров после истечения объявленной льготной недели.
(СУ, № 81, ст. 387).
300. Уклонение от учета машин для выработки торфа.
(СУ, № 81, ст. 391).
301. Незаконная реквизиция и отчуждение помещений, занятых органами борьбы с чумой рогатого скота.
(СУ, № 81, ст. 392).
302. Нарушение постановления об учете и распределении узкоколейного жел.-дор. имущества.
(СУ, № 82, ст. 401).
303. Уголовные преступления (убийства, телесные повреждения, разбой и т. д.).
(СУ, № 83, ст. 407).
304. Нарушение постановления о медицинских учреждениях и пунктах в районе военных действий.
(СУ, № 85, ст. 425).
305. Незаконное распределение предметов личного пользования и домашнего обихода.
(СУ, № 86, ст. 429).
306. Нарушение постановления о мерах охраны труда и здоровья матерей, кормящих грудью.
(СУ, № 89, ст. 456).
307. Незаконный аборт.
(СУ, № 90, ст. 471).
308. Уклонение от мобилизации ветеринарных работников.
(СУ, № 90, ст. 472).
309. Сокрытие прежней службы по электротехнической службе.
(СУ, № 91, ст. 476).
310. Нарушение правил об охране труда беременных и кормящих грудью женщин.
(СУ, № 91, ст. 477).
311. Подделка расчетных знаков.
(СУ, № 92, ст. 496).
312. Нарушение правил о ввозе и вывозе товаров.
(СУ, № 93, ст. 510).
313. Нарушение правил приема, хранения и отпуска импортных и экспортных товаров.
(СУ, № 94, ст. 513).
314. Нарушение постановления о сверхурочных работах несовершеннолетних.
(СУ, № 98, ст. 517).

1921 год.

315. Незаконные распоряжения о провозе грузов.
(СУ, № 3, ст. 28).
316. Нарушение постановления об учете контрагентского персонала.
(СУ, № 3, ст. 28—примечание).
317. Нарушение правил воздушных передвижений.
(СУ, № 6, ст. 40).
318. Дезертирство.
(СУ, № 9, ст. 61).
319. Незаконная выдача предметов продовольствия и широкого потребления.
(СУ, № 11, ст. 73).
320. Нарушение постановления об откомандировании в партийном порядке лиц, занимающих советские должности
(СУ, № 11, ст. 76).
321. Злоупотребления и бездействия, проявленные жел.-дор. агентами.
(СУ, № 15, ст. 96).
322. Нарушение постановления о ведении списков рабочих и служащих.
(СУ, № 16, ст. 100).
323. Должностные преступления.
(СУ, № 20, ст. 122).
324. Сокрытие прежней работы по межевой топографо-геодезической специальности.
(СУ, № 20, ст. 127).
325. Незаконное издание распоряжений и циркуляров.
(СУ, № 22, ст. 136).
326. Незаконное выселение работников жел.-дор. и водного транспорта.
(СУ, № 22, ст. 137).
327. Хищение, порча и перестановка геодезических знаков.
(СУ, № 22, ст. 140).
328. Проступки.
(СУ, № 23—24, ст. 142).
329. Нарушение правил использования инвентаря в целях трудовой взаимопомощи.
(СУ, № 25, ст. 146).
330. Незаконное применение сверхурочных работ.
(СУ, № 32, ст. 176).
331. Нарушение правил о транспортных операциях на внутренних водных путях.
(СУ, № 32, ст. 178).
332. Незаконный проезд на паровозах и тормозных площадках и способствование этому проезду со стороны работников жел.-дор. транспорта.
(СУ, № 34, ст. 184).
333. Невыполнение натурального налога на молочные продукты.
(СУ, № 37, ст. 197).
334. Нарушение постановления о планомерном распределении рабочих-торфяников.
(СУ, № 37, ст. 202).
335. Невыполнение натурального налога на хлеб, картофель и масличные семена.
(СУ, № 38, ст. 204).
336. Невыполнение натурального налога на яйца.
(СУ, № 38, ст. 205).
337. Контрреволюционные и иные преступления, по которым может быть определено судом ограничение прав.
(СУ, № 39, ст. 209).
338. Нарушение постановления о приписке морских судов к порту и о внесении их в судовой реестр.
(СУ, № 43, ст. 222).
339. Нарушение постановления о мобилизации работников просвещения и социалистической культуры.
(СУ, № 45, ст. 225).
340. Нарушение правил перевозки продовольственных грузов.
(СУ, № 46, ст. 226).
341. Трудовое дезертирство.
(СУ, № 46, ст. 227).
342. Нарушение правил о ведении судовых документов.
(СУ, № 47, ст. 233).

343. Незаконный перевоз легковоспламеняющихся и взрывчатых веществ.
(СУ, № 47, ст. 234).
344. Невыполнение натурального налога на шерсть.
(СУ, № 48, ст. 235).
345. Невыполнение натурального налога на сено.
(СУ, № 48, ст. 239).
346. Злостные и заведомо клеветнические жалобы и заявления.
(СУ, № 49, ст. 254).
347. Нарушение порядка поступления продовольственных и сырьевых налогов.
(СУ, № 49, ст. 256).
348. Нарушение постановления о прекращении беспорядочного движения беженцев.
(СУ, № 49, ст. 258).
349. Нарушение правил об охране рыбных и звериных угодий.
(СУ, № 49, ст. 259).
350. Хищения государственного имущества.
(СУ, № 49, ст. 262).
351. Нарушение государственной соляной монополии.
(СУ, № 49, ст. 263).
352. Невыполнение натурального налога на продукты огородничества и бахчеводства.
(СУ, № 49, ст. 264).
353. Нарушение постановления о мобилизации специалистов полиграфического производства.
(СУ, № 50, ст. 267).
354. Обращение заказного участка на покос и использование его для кормовых трав.
(СУ, № 50, ст. 268).
355. Невыполнение натурального налога на продукты пчеловодства.
(СУ, № 50, ст. 271).
356. Нарушение декрета о морском транспорте.
(СУ, № 50, ст. 272).
357. Невыполнение натурального мясного налога.
(СУ, № 51, ст. 281).
358. Нарушение правил приобретения и распределения заграничной литературы.
(СУ, № 51, ст. 285).
359. Подделка расчетных знаков.
(СУ, № 51, ст. 286).
360. Невыполнение натурального налога на льняные и пеньковые волокна.
(СУ, № 51, ст. 291).
361. Нарушение декрета об отмене ограничений денежного обращения и мерах к развитию вкладной и переводной операций.
(СУ, № 52, ст. 301).
362. Нарушение постановления о мобилизации специалистов по сел.-хоз. строительству.
(СУ, № 52, ст. 309).
363. Нарушение декрета об оплате за перевозки по железным дорогам и водным путям.
(СУ, № 54, ст. 329).
364. Нарушение правил о порядке расчетов за перевозки по железнодорожным и водным путям.
(СУ, № 54, ст. 330).
365. Нарушение декрета о коллективной оплате труда служащих в советских учреждениях.
(СУ, № 55, ст. 336).
366. Нарушение декрета о натуральных налогах и об обмене.
(СУ, № 55, ст. 346).
367. Незаконный размен иностранной валюты.
(СУ, № 55, ст. 347).
368. Сбыт и обмен недоброкачественных продуктов и предметов и их фальсификация.
(СУ, № 57, ст. 356).
369. Нарушение декрета об уплотнении центральных и местных учреждений в г. Москве.
(СУ, № 57, ст. 357).
370. Подделка расчетных знаков крупного достоинства.
(СУ, № 58, ст. 381).
371. Нарушение постановления об учете водолазного имущества и специалистов-водолазов.
(СУ, № 59, ст. 395).
372. Нарушение декрета о предоставлении собственниками немуниципализированных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества.
(СУ, № 60, ст. 410).
373. Невыполнение натурального кожевенно-сырьевого налога.
(СУ, № 60, ст. 415).
374. Нарушение декрета о разрешении бесплатной пересылки почтовых посылок с продовольствием в местности, охваченные неурожаем.
(СУ, № 60, ст. 416).
375. Взяточничество.
(СУ, № 60, ст. 421).
376. Невыполнение натурального налога на пушнину.
(СУ, № 61, ст. 431).
377. Умышленное уклонение судовладельцев от нарядов.
(СУ, № 62, ст. 441).
378. Преступления против соляной монополии.
(СУ, № 62, ст. 444).
379. Хищение грузов во время их перевозок.
(СУ, № 62, ст. 450).
380. Нарушение декрета об обеспечении детских учреждений помещениями.
(СУ, № 64, ст. 470).
381. Преступления и проступки, совершаемые по должности работниками водного транспорта.
(СУ, № 64, ст. 471).
382. Невыполнение поставки домашней птицы в порядке натурального налога.
(СУ, № 64, ст. 478).
383. Подделка срочных беспроцентных обязательств.
(СУ, № 64, ст. 481).
384. Неисполнение приказа о содействии работе Американской администрации помощи.
(СУ, № 66, ст. 500).
385. Нарушение должностными лицами декрета о перевозке пожертвований в местности, охваченные неурожаем.
(СУ, № 66, ст. 510).
386. Нарушение директив по выполнению государственного плана снабжения.
(СУ, № 66, ст. 511).
387. Нарушение декрета о совместительстве.
(СУ, № 67, ст. 515).
388. Нарушение декрета о расчетных операциях.
(СУ, № 68, ст. 530).

389. Нарушение декрета об ответственности за производство, хранение, продажу вин.
(СУ, № 68, ст. 543).
390. Нарушение декрета о государственных подрядах и поставках.
(СУ, № 69, ст. 549).
391. Незаконное расходование ценностей.
(СУ, № 69, ст. 551).
392. Нарушение декретов о натуральных налогах.
(СУ, № 70, ст. 557).
393. Незаконный въезд в РСФСР.
(СУ, № 70, ст. 559).
394. Нарушение декрета о порядке реквизиции и конфискации имущества.
(СУ, № 70, ст. 564).
395. Невыполнение натурального налога на пушнину.
(СУ, № 74, ст. 603).
396. Незаконный сбыт или приобретение золота и платины в сырье или слитках.
(СУ, № 74, ст. 604).
397. Неуплата штрафов, пошлин и иных сборов.
(СУ, № 74, ст. 608).
398. Ложный донос.
(СУ, № 77, ст. 639).
399. Подделка государственных денежных знаков образца 1922 года.
(СУ, № 77, ст. 643).
400. Нарушение должностными лицами декрета об операциях Государственного банка.
(СУ, № 77, ст. 644).
401. Уклонение от выполнения трудгужповинности.
(СУ, № 78, ст. 658).
402. Контрабанда.
(СУ, № 79, ст. 674).
403. Нарушение декрета об операциях с драгоценными металлами и иностранной валютой.
(СУ, № 80, ст. 694).

1922 год.

404. Непредставление руководителями предприятий сведений, требуемых центральными и местными учреждениями.
(СУ, № 1, ст. 4).
405. Нарушение декрета об убое лошадей на мясо.
(СУ, № 1, ст. 6).
406. Нарушение постановления об изъятиях и льготах по трудгужналогу.
(СУ, № 1, ст. 9).
407. Невыполнение трудгужналога.
(СУ, № 5, ст. 53).
408. Должностные преступления, связанные с заготовкой, хранением и использованием семенного материала.
(СУ, № 5, ст. 54).
409. Нарушение положения об управлении государственным виноградарством и виноделием.
(СУ, № 6, ст. 61).
410. Нарушение устава о гербовом сборе.
(СУ, № 9, ст. 89).
411. Контрабандный вывоз лошадей.
(СУ, № 11, ст. 100).
412. Нарушение декрета об ответственности за сохранность помещений.
(СУ, № 11, ст. 101).
413. Нарушение декрета о беспрепятственном передвижении граждан в РСФСР.
(СУ, № 11, ст. 106).
414. Уклонение бывших работников горного надзора от регистрации.
(СУ, № 13, ст. 123).
415. Недача налогов, причитающихся с совхозов.
(СУ, № 14, ст. 137).
416. Нарушение постановления о мерах к обеспечению культурно-просветительных и воспитательных учреждений помещениями.
(СУ, № 16, ст. 158).
417. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 16, ст. 160).
418. Уничтожение или порча геодезических знаков.
(СУ, № 16, ст. 161).
419. Контрабандный вывоз лошадей.
(СУ, № 17, ст. 172).
420. Нарушение порядка найма и увольнения рабочих и служащих.
(СУ, № 17, ст. 179).
421. Присвоение найденных документов.
(СУ, № 19, ст. 223).
422. Нарушение декрета о порядке издания учебных пособий.
(СУ, № 22, ст. 231).
423. Нарушение декрета о порядке найма и увольнения рабочих и служащих.
(СУ, № 22, ст. 236).
424. Невыполнение натурального налога на молочные продукты и яйца.
(СУ, № 22, ст. 240).
425. Обращение фондов заработной платы на другие нужды.
(СУ, № 23, ст. 257).
426. Невыполнение единого натурального налога на сел.-хоз. продукты.
(СУ, № 25, ст. 284).
427. Незаконная продажа и товарообменные операции с топливом.
(СУ, № 25, ст. 291).
428. Нарушение правил открытия кожевенных заведений.
(СУ, № 26, ст. 297).
429. Нарушение декрета об учете специалистов по сельскому хозяйству.
(СУ, № 26, ст. 305).
430. Нарушение правил пользования лесными сенокосами и пахотными угодьями на приисковых землях.
(СУ, № 28, ст. 315).
431. Переадресовка и реквизиция грузов заграничных организаций помощи голодающим.
(СУ, № 29, ст. 342).
432. Подделка срочных беспроцентных обязательств.
(СУ, № 29, ст. 344).
433. Нарушение постановлений об охране труда.
(СУ, № 30, ст. 369).
434. Нарушение положения о взимании налогов и сборов.
(СУ, № 34, ст. 397).

Обмен опытом

Об одном убийстве

Слесарь Конотопского механического завода Иван Васильевич Григорьев имел все основания считать, что он достиг полного благополучия в жизни. Двадцать лет работы на заводе не прошли для него даром. Стахановец Григорьев, высококвалифицированный, спокойный, добросовестный и преданный, был примером на заводе. Особенно хорошо стало в стахановские годы. Высокие нормы Григорьева давали материальные результаты. Григорьев купил себе недалеко от завода домик, утопавший в зелени сада, и уже отложил 3000 рублей на покупку коровы и мебели

Семейная жизнь Ивана Васильевича тоже соответствовала общему подъему. Жена его Анна Алексеевна, друг его рабочей жизни, 10 месяцев назад родила сына и уже три месяца ждала второго ребенка.

Несчастье обрушилось на семью Григорьева неожиданно. 15 июня вечером Анна Алексеевна была убита. Когда рабочие завода узнали об этом убийстве, их возмущению не было границ. Весть об убийстве Анны Алексеевны облетела завод, как молния. У станков, во время перерыва, по дороге домой все только и говорили об этом убийстве.

15 июня 1937 года Иван Васильевич ушел на работу на вторую смену. С ним вместе ушли и его три квартиранта, работавшие на том же заводе. Анна Алексеевна осталась дома одна с грудным ребенком. В квартире все знали, что к вечеру Анна Алексеевна закрывает ставни и двери на запор и открывает, только убедившись, что пришел муж либо один из квартирантов. На незнакомый голос по соображениям «мало ли кто ходит ночью» она не открывала.

Окончив работу, Иван Васильевич пошел домой. По дороге к нему присоединились два его квартиранта, третий квартирант — Костюченко Александр почему-то еще задержался на некоторое время на заводе. Григорьев, как обычно, постучал в окно, а квартиранты тем временем пошли к дверям. Анна Алексеевна не отозвалась на стук в окно. Иван Васильевич еще раз постучал, в третий раз настойчиво постучал, но никто не отзывался. Подходивший в это время Костюченко еще издали стал спрашивать, что случилось, почему не открывают дверей, но в это время те два квартиранта, которые пошли к дверям, крикнули, что двери открыты. С чувством некоторого беспокойства все вошли в квартиру, особенно высказывал свое беспокойство Костюченко.

Ребенок в люльке плакал; на кровати лежала укрытая Анна Алексеевна. Голова тоже была укрыта. Когда Иван Васильевич отвернул одеяло, все ужаснулись: все было в крови, на голове Анны Алексеевны зияли четыре глубоких раны. Она была мертва. Неподалеку от кровати стоял окровавленный топор, которым, очевидно, были нанесены удары Анне Алексеевне. Шкаф был открыт, деньги похищены.

***

Нарследователь г. Конотопа Рыбкин узнал об этом убийстве и через полчаса уже был на месте происшествия. Рыбкин детально осмотрел место происшествия и сделал для себя ряд выводов.

Входные двери не были взломаны и могли быть открыты только изнутри покойной Анной Алексеевной. Топор, которым была убита Анна Алексеевна, всегда прятался в темных сенях за кадкой, и знать о его местонахождении мог только человек, знакомый с обстановкой. Следователь пришел к выводу, что убийство совершил кто-то из живущих в доме.

Подозрение пало на Костюченко. Слишком уж он волновался, сокрушался. Следователь Рыбкин тут же через рабочих завода установил, что Костюченко отлучался с работы между 10 и 12 часами вечера, т. е. как раз в то время, на какое падает убийство Григорьевой. Костюченко на первом допросе отрицал свою причастность к убийству.

Тем временем на сцену выступает новый свидетель. По соседству с домом Григорьевых живет семья Зимовец. Сын его — 10-летний Андрей, притесняемый мачехой, ночевал в ночь убийства в саду, граничащем с садом Григорьевых. Андрей лег спать под деревом, как только стемнело. Ночью (он не знает в котором часу) его разбудил разговор двух человек, которые, как он заключил, выходили из дома Григорьевых. Кто были эти люди и о чем они говорили, он не знает, единственно, что он отчетливо слышал—это то, что один спросил другого: «А як дитина, а як дитина?» Он затем опять уснул и только утром, узнав об убийстве, вспомнил о ночном разговоре двух неизвестных.

Показания этого свидетеля натолкнули следователя Рыбкина на мысль, что в убийстве принимали участие двое. Начались допросы Костюченко. Он категорически отрицал свою причастность к убийству. Он отрицал все, даже и то, что никакого отношения к его изобличению не имело. Опытного Рыбкина это огульное отрицание все более убеждало в том, что Костюченко говорит неправду.

На третьем допросе Костюченко наконец сознался, что он виновен в убийстве Григорьевой. Следователь Рыбкин ему тут же прочитал показания 10-летнего Зимовца и в упор поставил вопрос: кто же был вторым участником убийства? Костюченко задумался. Прокурор г. Конотопа Ястребов, присутствовавший во время допроса, ясно читал в глазах Костюченко борьбу — выдать или не выдать соучастника. Наконец Костюченко начал рассказывать.

Он, оказывается, давно сговорился с рабочим завода Завгородним Петром убить Григорьеву. Как квартирант Григорьевых, он знал, что в шкафу у них хранится около 3000 рублей. И они решили совершить это убийство и забрать деньги. По заранее разработанному плану, Костюченко 15 июня отлучился со второй смены в 10 часов вечера и у дома Григорьевых встретился с Завгородним. Вместе они подошли к дому, причем постучал в двери Костюченко. Ему открыла Анна Алексеевна и сейчас же ушла к себе в комнату. Войдя в сени, Костюченко достал из-за кадки топор и вручил его Завгороднему, затем они вместе направились в комнату, где лежала Григорьева, Завгородний нанес ей два удара топором по голове. Костюченко после этого вышел на улицу, а Завгородний, добив Григорьеву, взял из шкафа деньги и тоже вышел. Из забранных денег Завгородний дал Костюченко только 65 рублей, а остальные забрал себе. Костюченко немедленно после этого вернулся на завод.

После этого признания следователь арестовал Завгороднего.

При обыске у Костюченко было действительно обнаружено 65 рублей, а при осмотре одежды были выявлены пятна, похожие на кровь. На одежде Завгороднего были тоже выявлены подозрительные на кровь пятна. Одежда как первого, так и второго была отправлена для исследования в Институт научно-судебной экспертизы.

На допросе Завгородний категорически отрицал свое участие в убийстве Григорьевой, при этом он сослался на ряд свидетелей, которые должны были удостоверить, что он в момент убийства был вместе с этими свидетелями на своей квартире и никуда из квартиры до утра не выходил. Следователь допросил двух свидетелей, и они действительно подтвердили, что они были в одной комнате с Завгородним с вечера 15 до утра 16 июня. Эти свидетели — родственники и знакомые Завгороднего, и поэтому следователь не поверил их показаниям и привлек по делу в качестве обвиняемых Костюченко и Завгороднего.

Следователь исходил из того, что Костюченко не мог оговорить Завгороднего хотя бы потому, что они односельчане и все время были в близких приятельских отношениях.

Обвинительное заключение по делу утвердил прокурор Ястребов. Виновность Завгороднего и Костюченко в налете и убийстве Григорьевой была так ясна, что Ястребов даже не пожелал ждать результатов исследования одежды обвиняемых.

Дело слушалось в Конотопе выездной сессией Черниговского облсуда. Председательствовал член суда Денисенко. На суде опять возник вопрос об алиби Завгороднего. Суд, однако, не поверил показаниям свидетелей Завгороднего, признал виновными его и Костюченко в убийстве Григорьевой и осудил их обоих.

Насколько убедительно суд обосновал свое недоверие к показаниям свидетелей, которых выставил Завгородний в подтверждение того, что в момент убийства он был в другом месте, свидетельствует следующая запись в приговоре: «ці свідчення не можуть служити як доказом, бо вони один одному противоречивi; в деяких частинах помітно явне кривосвідчення, так, наприклад: Баран Степан стверджує, що вечеряли в 12 годин пампушки, а Завгородний П. додає — ще й молоко; інші свідки, як Завгородній Семен, стверджують, що ели м'ясо, а Баран Олексій твердить, що ели якусь юшку чи борщ».

Защитник Завгороднего ЧКЗ Шульженко ходатайствовал о вызове еще одного свидетеля для подтверждения, что в момент убийства Григорьевой Завгородний был с ним у себя на квартире

Суд отклонил это ходатайство. Больше того, суд совершенно неосновательно узрел в этом ходатайстве желание защитника оттянуть разрешение дела и возбудил против него дисциплинарное преследование.

Дело с кассационными жалобами осужденных было направлено в Верховный суд, а оттуда — на заключение в Прокуратуру республики.

Проверял это дело в порядке надзора прокурор уголовно-судебного отдела Прокуратуры УССР тов. Гориловский. В кабинете у прокурора республики он долго докладывал это дело, высказывая ряд своих сомнений. К обсуждению этого дела были привлечены еще и другие прокуроры. Сомнения группировались вокруг таких вопросов: точка зрения о том, что Костюченко не имел никакой цели и выгоды оговорить Завгороднего, опровергалась тем, что по показаниям Костюченко основным исполнителем убийства является Завгородний, а он выступает как пособник, лицо, так сказать, второстепенное; показания свидетелей, устанавливающих алиби Завгороднего, тоже нельзя было сбросить со счетов только потому, что один из них сказал «пампушки», а другой добавил «ще й молоко». Странным казалось, что Костюченко из ограбленных 2815 рублей получил только 65 рублей. Наконец, закончивший к тому времени исследование пятен на одежде Костюченко и Завгороднего Киевский институт научно-судебной экспертизы недвусмысленно заявил: на одежде Костюченко выявлены следы человеческой крови; на одежде Завгороднего — пятна не кровяного происхождения.

Прокурор республики дал распоряжение тов. Гориловскому выехать в Конотоп и произвести дополнительное расследование.

Сначала пришлось заехать в Чернигов, чтобы побеседовать с находившимися в тюрьме Завгородним и Костюченко. В беседе с арестованными, которые сидели в одной камере с Завгородним и Костюченко, было установлено, что Завгородний не переставая плачет и заявляет, что никакого участия в налете не принимал, и все спрашивает Костюченко, за что он его оговорил. Прокурор Гориловский решил поговорить с Костюченко.

Костюченко не долго запирался. «Раз вы приехали из Киева, я вам расскажу всю правду». И он спокойно и уверенно, как будто освободившись от чего-то тяжелого, рассказал, что убийство совершил он один и что Завгородний к этому убийству совершенно непричастен. На мысль оговорить Завгороднего натолкнул его... следователь Рыбкин, когда он ему прочитал показания 10-летнего Андрея Зимовца, который действительно слышал разговор и вопросы «а як дитина»?, но это было

уже значительно позже, после того как люди сбежались, узнав об убийстве. Оговорил он Завгороднего, считая, что, отводя ему основную роль в этом преступлении, он этим самым значительно облегчит свою участь. Работа на заводе его мало интересовала, выпивать хотелось каждый день, а денег не было. Еще за неделю до убийства он для себя разработал точный план и его выполнил. В 10 часов вечера он ушел с завода. Стараясь, чтобы не заметили его ухода, он прошел не через заводскую будку, а перелез через амбар и направился домой. Двери открыла Анна Алексеевна и сейчас же пошла и улеглась спать. Он пошел в свою комнату и сделал вид, что тоже лег спать. Когда он убедился в том, что Анна Алексеевна спит, он тихо пошел в сени, достал из-за кадки топор и, подкравшись к спавшей Анне Алексеевне, нанес ей четыре удара острием топора, затем он взял деньги из шкафа и вышел на улицу. Из взятых денег он оставил себе 65 рублей, а остальные он сунул под крышу дома Григорьевых.

С этими показаниями прокурор Гориловский спешно выехал в Конотоп. У дома Григорьевых собралась группа рабочих, принесли лестницу, прокурор Гориловский взобрался по лестнице и достал из-под крыши пачку денег — там оказалось 2 750 рублей.

Через два дня по телеграмме прокурора республики Петр Завгородний был освобожден из тюрьмы.

**
*

Какие выводы напрашиваются из этого дела? Как могла случиться такая судебная ошибка, которая чуть не оказалась роковой для ни в чем неповинного человека?

Советский уголовный процесс прямо предостерегает от того, чтобы строить обвинение на одних показаниях обвиняемого. Наш процесс требует всестороннего, вполне объективного и полного анализа всех без исключения обстоятельств, сопровождавших преступление, во всей их совокупности, и только после этого можно делать выводы.

Все лица, которые занимались этим делом, обошли эти основные принципы нашего процесса.

Следователь Рыбкин, создав версию о том, что в убийстве принимало участие двое, шел до конца на поводу у этой версии, бесцеремонно отметая все то, что с этой версией не клеилось. По его же пути пошел прокурор Ястребов. По этому же пути пошел и суд.

Это дело является еще одним подтверждением того, как точно и неуклонно надо выполнять требования нашего уголовного процесса. Оно, с другой стороны, ярко подтверждает и то, что в стране Советов осуждение невиновного исключается.

С. Коган

О недостатках прокурорской работы по делам о спекуляции

Закон от 22 августа 1932 г. сыграл громадную положительную роль в борьбе со спекуляцией. Большую работу в связи с этим законом проделали органы прокуратуры, предварительного расследования и суда. В результате пятилетнего применения закона от 22 августа вскрыто, разоблачено и наказано не мало паразитических элементов, пытавшихся наживаться за счет трудящихся.

Однако, борьба со спекуляцией все еще остается одним из актуальных участков борьбы с преступностью, поскольку и в настоящее время имеются еще паразитические элементы, которые стараются приспособиться к новой обстановке в смысле изобретения новых форм и методов спекуляции.

Для того, чтобы обеспечить наиболее эффективное применение закона от 22 августа 1932 г., необходимо устранить ряд серьезных недостатков, которые продолжают иметь место в практике судебной и прокурорской работы по делам о спекуляции.

Остановимся на некоторых из этих недостатков, которые касаются прокурорской работы и о которых сигнализируют материалы судебных дел.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что по многим районам за весь 1936 г. не возбуждено ни одного дела о спекуляции. Так, например, обстоит в Иссык-кульском, Джеты-бугузовском и многих других районах Киргизской ССР, а также в ряде районов других союзных республик.

Если бы отсутствие дел было результатом полного искоренения спекуляции, то, разумеется, об отсутствии дел ни в какой мере не пришлось бы сожалеть. Но в действительности во многих из этих районов спекулянты орудовали, о них сигнализировала печать, и при таких условиях отсутствие дел свидетельствует лишь о неумении разоблачить спекулянтов.

Обращает на себя внимание и следующее обстоятельство. В числе привлекаемых и осуждаемых за спекуляцию лиц ничтожен процент (а иногда и вовсе отсутствует) пособников спекулянтов из работников товаропроводящей сети, снабжающих спекулянтов товарами. Это опять-таки показатель недостаточного уменья разоблачать и выявлять наиболее опасных, причастных к спекуляции лиц.

Удивляет, что во многих районах прокуроры совершенно не участвуют в подготовительных и судебных заседаниях по делам о спекуляции. Из 27 дел, изученных по народному суду г. Фрунзе, ни по одному не выступил прокурор. Такое самоустранение прокуроров особенно недопустимо потому, что работа судов по делам о спекуляции находится не на высоте и требует пристального внимания прокуроров, их своевременного «вмешательства» в форме протестов и т. д. Вместо этого, прокуроры в ряде районов совершенно оторваны от судебной практики по делам о спекуляции. Они не замечают, например, того, что подготовительные заседания судов в ряде случаев проводятся исключительно формально, не обеспечивая никакого мало-мальски серьезного контроля за правильностью предания суду. В Казахской ССР за 1936 г. только 46,6% дел о спекуляции прошли через подготовительные заседания. По БССР за период июль — октябрь прошлого года мы имели большой процент оправдательных приговоров в результате неудовлетворительной работы как органов предварительного расследования и прокуратуры, так и подготовительных заседаний.

Во многих районах прокуроры буквально прошли мимо серьезнейших извращений кара-

тельной политики, несмотря на то, что извращения имели значительное распространение и совершались тут же, под боком у прокурора. Закон обязывает применять к спекулянтам лишение свободы на срок не ниже 5 лет с применением конфискации имущества. Ряд судов, вопреки закону, применяет наказания, или вовсе не связанные с лишением свободы, или лишение свободы на сроки ниже 5 лет, не давая себе труда даже мотивировать, в силу каких причин или исключительных обстоятельств они назначают наказание ниже низшего предела, установленного законом. А прокуроры, вместо того, чтобы своевременно опротестовать такого рода либеральные приговоры, вместо того, чтобы ставить перед соответствующими органами со всей остротой вопрос о выпрямлении карательной политики, — часто проходят мимо этих фактов и не приносят протестов. Вот несколько конкретных фактов такого рода извращений. Народный суд 1-го района гор. Днепропетровска присуждает гражданина, изобличенного в систематической спекуляции мануфактурой, к одному году исправительно-трудовых работ. Народный суд Наусского р-на прекращает дела о спекуляции по мотивам «нецелесообразности» вызова обвиняемых из Ленинграда.

Народный суд 158 участка Узбекской ССР выносит оправдательный приговор лицу, изобличенному в систематической спекуляции, на том основании, что обвиняемый к физическому и умственному труду не способен.

Народный суд г. Кривой Рог (УССР) оправдывает гр-ку Данилович, изобличенную в систематической спекуляции мануфактурой, по тем мотивам, что она не успела продать мануфактуру. Народный суд 3-го уч. г. Витебска применяет условное наказание по отношению к гражданке, изобличенной в систематической спекуляции.

Что такие извращения носят далеко не единичный характер, свидетельствует высокий процент применения за спекуляцию наказаний, по своей мягкости не соответствующих требованиям закона от 22 августа 1932 г. Так, в БССР за 4-й квартал 1936 г. к таким наказаниям приговорены были 36,2% осужденных за спекуляцию. В УССР за 1936 г. 29,7% осужденных за спекуляцию приговорены были к наказаниям, не связанным с лишением свободы, а 31,2% приговорены были к лишению свободы на сроки до 5 лет и ниже.

При таких условиях совершенно незначительное число прокурорских протестов на приговоры судов по делам о спекуляции, а местами полное отсутствие этих протестов, свидетельствует не о благополучии с карательной политикой судов, — оно свидетельствует о неудовлетворительности в ряде мест прокурорского надзора за правильностью карательной политики.

Наряду с этим мы имеем также факты совершенно неправильного осуждения как спекулянтов людей, в действиях которых нет признаков спекуляции, а иногда даже нет признаков вообще какого-либо преступления. Ответственность за такого рода извращения, за такого рода грубейшие нарушения прав советских граждан несут также и соответствующие прокуроры, которые санкционировали неправильное предание суду людей и утверждали обвинительные заключения.

Так, например, по Таласскому р-ну Киргизской ССР были преданы суду по ст. 107 УК колхозники Акылбеков и Аденов. Суть дела заключается в том, что первый продал за 600 руб. свою лошадь и впоследствии на эти деньги купил себе другую лошадь, а Аденов продал трех своих баранов и купил себе лошадь. И вот за это органы расследования и прокуратуры Таласского р-на нашли возможным предать людей суду по ст. 107 УК! Или вот другое дело по тому же району по обвинению Нуралиева по ст. 107 УК. Вся вина последнего заключалась в том, что у него при задержании обнаружили 3 700 руб. денег. Никаких фактов перепродажи или скупки чего-либо органами следствия не установлено. Тем не менее человека предали суду по ст. 107 УК. Правда, в обоих этих случаях народный суд вынес оправдательные приговоры. Но ведь не секрет, что во многих случаях народные суды проявляют менее критическое отношение к материалам предварительного расследования и прокуратуры и повторяют в своих приговорах те ошибки, которые сделали последние. Так например, народный суд Петро-Марианского р-на Донецкой области приговаривает по ст. 127 УК УССР к 5 годам лишения свободы гр-на Иващенко за продажу последним своей собственной землянки. Раймилиция Красногвардейского р-на г. Днепропетровска привлекает к ответственности лучшего стахановца завода Скачко за то, что он продал на базаре свой поношенный костюм. Народный суд Беловодского р-на (Киргизия) приговорил к 5 годам лишения свободы по ст. 107 УК гр-ку Благовещенскую за то, что она, собрав с своего сада урожай яблок, повезла их продавать.

Эти и подобные им факты сигнализируют о том, что руководство прокуроров по многим делам отсутствует не только в самом процессе расследования, но даже в момент, когда дело поступает прокурору для утверждения обвинительного заключения и когда он обязан самым тщательным образом проверить качество произведенного расследования. Волокиту с расследованием ряда дел о спекуляции также нужно отнести за счет отсутствия действительного контроля за своевременным расследованием этих дел. Так же следует расценивать факты исключительно небрежного безответственного определения органами расследования в ряде случаев социального лица обвиняемого, когда (как это, например, констатирует НКЮ Киргизской ССР) обвиняемые в спекуляции причисляются к той социальной прослойке, которую они сами пожелают избрать для себя, или когда социальное положение определяется такими ничего не говорящими фразами, как «хлебороб» и т. п.

Немедленное устранение этих и других имеющихся недостатков в работе прокуроров по делам о спекуляции явится лучшим ознаменованием 5-й годовщины закона от 22 августа 1932 г., призванного всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытающихся нажиться за счет рабочих и крестьян.

Н. Лаговнер

Заметки прокурора

Тов. Вышинский в своей речи на учебной конференции следователей в декабре 1936 г. правильно указал, что «следователю в работе нужно иметь горячее сердце плюс холодный рассудок».

Нужно помнить, что эффективность в следствии достигается при условии внимательно продуманного плана действий. Чутье и сознание своего долга должны не оставлять следователя в его повседневной работе.

В эпоху Великой Сталинской Конституции работники прокуратуры и следствия должны в своей работе особо помнить, что, работая над конкретным делом, нужно вдумчиво относиться к работе, не допуская брака в работе.

Два примера из следственной практики, которыми я намерен поделиться, характеризуют и положительные и отрицательные стороны в работе нашего следователя.

**
*

В Гуляйпольском районе Днепропетровской области на протяжении мая месяца 1937 г. от «неизвестных» причин скончалась целая семья: мать, мальчик 3 лет и двое грудных детей. Так как врачи, ничего не подозревая, поверили заявлению отца этой семьи Ш.—ответственного работника района, то четыре трупа были погребены.

13 июня 1937 г. в камеру народного следователя явилась родственница умершей семьи Ш. и высказала подозрение по поводу внезапной, скоропостижной смерти ее родственников. После беседы с ней и второй близкой родственницей следователь убедился в основательности высказанных ему подозрений.

Тогда следователь начинает проявлять интерес к личной жизни Ш. и устанавливает его интимную связь с молодой девушкой С. Эта связь в дальнейшем получила подтверждение в изъятой корреспонденции.

Затем следователь устанавливает, что гр-ка С., работая в аптеке, отпустила Ш. без рецепта грамм мышьяка, который был ему якобы нужен для экспериментального протравливания зерна.

Судебно-медицинское вскрытие трупов жены и 3-летнего сына показало наличие отравления.

Акт лабораторного исследования двух жертв показал наличие во внутренностях обоих трупов мышьяка.

Ш. арестован и заключен в тюрьму, но он не признает своей вины, он всячески изворачивается. Однако очная ставка с С. окончательно изобличает его, и бандит в ближайшее время предстанет перед судом.

Второе дело возникло в г. Днепропетровске. Некий гражданин заявил районной прокуратуре, что 15-летний мальчик по имени Виктор в присутствии несовершеннолетнего Коли толкнул с железнодорожного моста в Днепр его 11-летнего сына Леню.

Коля рассказывал, что он, Леня и мальчик Виктор по предложению последнего поехали трамваем на Амурский мост с целью «рвать птичьи гнезда». Прибыв на место, Виктор приказал Лене встать на бак с водой и посмотреть вниз, нет ли птичьих гнезд. Приказание было выполнено, и на бак с водой встал также и Виктор. В то время, когда Леня нагнулся посмотреть, есть ли птичьи гнезда, Виктор коленом толкнул Леню, и он с высоты упал в Днепр и утонул. Увидев это, Коля пустился бежать, но Виктор нагнал его и угрозами и посулами дать деньги получил его обещание молчать.

При этом Виктор якобы объяснил свой поступок местью за то, что Леня рассказал своему отцу о краже Виктором курицы.

Для проверки правдоподобности показаний Коли следователь несколько раз выезжал вместе с ним на мост. В результате следователь пришел к выводу, что Виктор — убийца.

Виктор был арестован, ему было предъявлено тяжелое обвинение в убийстве на почве мести, но Виктор виновным себя не признавал.

Когда дело поступило в областную прокуратуру для получения санкции на предание суду, оказалось, что в деле нет очень серьезного документа — протокола, свидетельствующего об обнаружении трупа Лени. Вот почему областная прокуратура высказала сомнение, имело ли вообще место убийство.

Дело было возвращено следователю с конкретными предложениями разыскать Леню «живого или мертвого» и уточнить еще одну важную деталь: был ли вообще знаком «убийца» Виктор с «очевидцем» Колей.

К выполнению наших указаний следователь приступил немедленно и через некоторое время обнаружил Леню живым. Оказалось, что мальчик Леня, будучи безнадзорным, просто уехал из дому «свет повидать» и в результате попал в детский дом, а показания Коли были просто детской фантазией, которой следователь придал слишком большое значение.

Должные выводы из этой ошибки должен для себя сделать следователь.

Нужно глубоко и внимательно оценивать доказательства, критически относиться к показаниям, а особенно к показаниям несовершеннолетних, быть последовательным в своих действиях, и тогда можно будет обойтись без «роковых» ошибок.

Орловский

К вопросу о судебно-бухгалтерской экспертизе[1]

В № 7 журнала «Социалистическая законность» помещена статья т. Бранецкого «Вопросы судебно-бухгалтерской экспертизы».

В этой статье тов. Бранецкий пишет: «...приходится констатировать, что вопросами бухгалтерской экспертизы наши следователи, как правило, не интересуются.... преподавать «судебную бухгалтерию» или просто основы счетоводства для юристов никто и нигде не собирается».

Совершенно точно установлено, что значительная часть дел о должностных и хозяйственных преступлениях, находящихся в производстве органов следствия и суда, связана с бухгалтерией, и мы не можем согласиться

[1] В порядке обсуждения.

оценке значения овладения (хотя бы элементарного) техникой учета с комментаторами дореволюционного царского устава уголовного судопроизводства, которые по этому вопросу писали, что «обязывать следователя присутствовать при бухгалтерских расчетах и исчислениях нет законного основания, так как при совершении оных они вынуждены были бы играть роль немых зрителей (разрядка моя—В. Л.) выкладок, очень часто совершенно непонятных для наблюдающего со стороны, и, следовательно, непроизводительно теряли бы время»[1].

Такое отношение к бухгалтерии было понятно в дореволюционном суде, где следователь, являясь «немым зрителем» в вопросах бухгалтерии, не мог (даже если бы он и захотел), расследовать достаточно полно преступление, связанное с бухгалтерским учетом, чем облегчалось проведение классовой политики на следствии и суде, где обвиняемыми и подсудимыми по этим делам могли быть преимущественно эксплоататоры (фальсификация и вуалирование балансов, подлоги в счетных записях и т. д.).

Совсем не так обстоит дело в наших условиях. Являясь заинтересованными в максимальном повышении качества расследования, всемерно улучшая вообще качество работы органов юстиции, учреждения, ведающие подготовкой кадров работников юстиции, не упустили из виду необходимость для последних овладения основами бухгалтерского учета, как одного из элементов повышения квалификации.

В № 7 журнала «Социалистическая законность» на стр. 112—113 напечатан циркуляр Прокурора СССР от 21 мая т. г. за № 33/6 о повышении квалификации райпрокуроров, в котором приводится примерный типовой план (программа) учебной конференции райпрокуроров и где в теме 6-й говорится об обязательности лекции о процессуальном значении экспертизы, а далее, уточняя эту 6-ю тему, указывается на крайнюю целесообразность добавить практические занятия по отдельным видам экспертизы, «прежде всего бухгалтерской».

Далее. В методическом письме Института уголовной политики об организации и проведении судебно-бухгалтерской экспертизы, утвержденной Прокурором Союза 10 июня 1935 г., дословно говорится следующее: «Знание следователем, прокурором и судьей основных начал бухгалтерии необходимо для того, чтобы сознательно разбираться в материалах сложных дел и посягательствах на социалистическую собственность и во многих других должностных и хозяйственных преступлениях, для того чтобы иметь возможность оценить выводы судебно-бухгалтерской экспертизы» (Организация и проведение судебно-бухгалтерской экспертизы. стр. 6, «Советское законодательство», Москва, 1935 г.).

Там же особо отмечается, что «...организация специальных семинаров и групповых занятий для прокурорско-следственных и судебных работников по вопросам учета является в данный момент одним из крайне полезных мероприятий для повышения качества расследования и всего судебного процесса вообще».

Странно, что тов. Бранецкий не знает о том, что с 1931 года во всех юридических институтах студенты — будущие юристы — по утвержденному учебному плану проходят как обязательный предмет основы учета и балансирования (60 часов).

Тов. Бранецкий не прав, утверждая, что вопросами бухгалтерской экспертизы у нас юристы не занимаются.

Можно согласиться с тов. Бранецким в другом. Не каждый бухгалтер может и должен быть бухгалтером-экспертом.

Бухгалтеры-эксперты должны проходить специальную судебно-бухгалтерскую подготовку.

Очевидно, что в последнем случае дело за Центральным бюро судебно-бухгалтерской экспертизы, которое разработало и разослало на места еще 23 января этого года программу курсов по методике производства судебно-бухгалтерских экспертиз и бухгалтерских ревизий для бухгалтеров-экспертов и бухгалтеров-ревизоров.

Работа с бухгалтерами-экспертами в большинстве мест не проводится, как это видно из статьи тов. Бранецкого, а между тем качество экспертиз и подготовка бухгалтеров-экспертов заставляют желать много лучшего.

Слишком часто суды и органы следствия в своей работе встречают курьезные, а иногда и совершенно безграмотные заключения бухгалтеров-экспертов. Так, например, в распоряжении пишущего эти строки имеется заключение оренбургского бухгалтера-эксперта Ф., дававшего по наряду бюро СБЭ Оренбургской облпрокуратуры от 27 декабря 1935 г. № 55 заключение о состоянии бухгалтерии Оренбургского горторга, в котором он пишет, что указанная бухгалтерия отстает на 146 лет.

Речь идет о том, что бухгалтерия применяет очень старую форму учета, по мнению эксперта, не пригодную для работы горторга.

В этом заключении много других «шедевров». В разделе «Вопросы, заданные эксперту» буквально записано следующее: «Нарследователем тов. Болотовой предложено эксперту произвести ревизию в кустах №№ 73 и 85 с целью выявить растратчиков».

Ясно, что в данном случае ни эксперт, ни следователь не представляли себе различия между экспертизой и ревизией и нуждались, а быть может, нуждаются и сейчас в разъяснении им этого различия и в ознакомлении вообще с приказом Прокуратуры СССР от 7 октября 1936 г. за № 61/19 о судебно-следственных экспертизах.

В частности, для эксперта-бухгалтера остановка, очевидно, за тем, чтобы программа занятий с экспертами, разработанная ЦБ СБЭ, была претворена в жизнь, чтобы по ней бухгалтеры-эксперты проработали необходимый материал.

Мы считаем уместным и своевременным поставить на очередь и другой вопрос.

Существующие программы по курсу основ учета и балансоведения, по которым эта дисциплина прорабатывается в юридических вузах,

[1] Устав уголовного судопроизводства, систематический комментарий, в. 3, стр. 705, изд. М. Зива, 1914 г.

носит слишком общий характер и не может полностью удовлетворить потребности юридической работы.

При проработке этого курса студенты юридических вузов знакомятся и усваивают только основные счетные понятия, общие принципы бухгалтерии.

Для них остаются совершенно неизвестными специфические черты колхозного счетоводства (а в укреплении последнего и проявлении внимания к нему органы юстиции не могут не принять необходимого участия). При этом надо принять во внимание, что большей части юридических работников, оканчивающих вузы, приходится работать в районе, где они с колхозным счетоводством несомненно встретятся.

Кроме того, совершенно необходимо преобразовать читающийся в настоящее время в юридических вузах курс основ учета и балансоведения в ту «судебную бухгалтерию», о которой говорит тов. Бранецкий в своей статье.

Что должна включать в себя новая дисциплина?

Условно можно разделить ее на две части. В первой, общей части должны быть:

1) основы общей бухгалтерии и анализ балансов,

2) основы колхозного счетоводства и

3) основы бюджетного счетоводства.

Общая часть должна способствовать овладению необходимым минимумом счетных знаний, должна обеспечить общую счетную грамотность и понимание некоторых специфических видов учета (колхозное и бюджетное счетоводство), поскольку для их усвоения недостаточно знания принципов общей бухгалтерии.

Дела, связанные с колхозным учетом и бюджетным счетоводством, встречаются в работе судебных и следственных органов достаточно часто.

Вторая, особенная часть должна включить в себя следующие разделы:

1) счетное законодательство,

2) бухгалтерская экспертиза и ревизия и

3) уголовная техника по делам, связанным с бухгалтерией (способы совершения преступлений с использованием бухгалтерии и методы их раскрытия).

Естественно, что для правильной ориентации работников юстиции в делах, связанных с учетом, недостаточно только знание технических бухгалтерских приемов; они должны отчетливо представлять себе законодательные правила бухгалтерского учета и правила составления баланса, законодательство о списании естественной убыли товаров, права и обязанности счетных работников и т. д. При этом следует иметь в виду, что все эти вопросы в других курсах, читаемых в юридических вузах (гражданское право, трудовое право и проч.), или совершенно не освещаются или освещаются недостаточно.

Овладение специальным счетным законодательством внесет ясность для будущего судьи или следователя во многих случаях, когда ему придется встретиться по делам с вопросами учета.

Имея дело с ревизионными актами, судья и следователь должны знать принципы и технические приемы ревизии. Это обеспечит правильную и своевременную оценку отдельных недостатков по имеющимся у них ревизионным актам и принятие мер к их устранению, а, следовательно, к предотвращению в будущем по этим делам волокиты в расследовании.

Изучение бухгалтерской экспертизы должно предполагать углубленное детализированное ознакомление с особенностями судебно-бухгалтерской экспертизы, поскольку вопросы, связанные с экспертизой, вообще освещаются по курсу уголовного процесса.

К этим особенностям можно отнести: в исторической части своеобразие оценки роли бухгалтеров-экспертов как не научных, а справочных свидетелей, т. е. экспертов «второго сорта», со стороны буржуазных процессуалистов (проф. Владимиров); установление стадии следствия, в которой следует производить судебно-бухгалтерскую экспертизу; подготовку следователя к судебно-бухгалтерской экспертизе; отграничение экспертизы от ревизии; круг лиц, не могущих быть бухгалтерами-экспертами; методы судебно-бухгалтерской экспертизы, проработка конкретных заключений бухгалтеров-экспертов и т. д.

Методы раскрытия преступлений изучаются в юридических вузах по курсу криминалистики, причем ни в одном из пособий по этой дисциплине, да и в самой программе по криминалистике наряду с изучением способов раскрытия самых различных преступлений (кражи, ограбления, убийства и т. д.) совершенно не выделяются способы раскрытия преступлений с использованием бухгалтерии.

Пособия по криминалистике часто приводят методику расследования дел о растратах, но они никогда не указывают специальных счетных приемов, с помощью которых совершенные растраты и хищения могут быть вскрыты. А такие приемы и счетные записи имели место по большому количеству следственных и судебных дел.

В данном случае очень полезно будет для будущего судебного или следственного работника овладение уголовной техникой по делам, связанным с бухгалтерией.

Приведенная схема программы по курсу судебной бухгалтерии не исчерпывает вопроса, но в основном этот курс должен быть таким.

Особенно важно отметить, что при проведении такого курса не потребуется значительного увеличения количества учебных часов, отведенных в юридических вузах на «Основы учета и балансоведения». На проведение курса по указанной схеме должно явиться достаточным примерно 80—100 учебных часов.

Конечно, следует иметь в виду, что основы колхозного учета и бюджетного счетоводства должны быть даны в чрезвычайно сжатом виде: они должны содержать только изложение характерных специфических особенностей, присущих им.

Проведение такого специального курса по учету для судебных и следственных работников будет полностью соответствовать особому значению учета в наших условиях и в связи с этим исключительной значимости судебно-бухгалтерской экспертизы по делам, связанным с учетом

В. Любкин.

О ведомственном „законодательном“ творчестве [1]

Как известно, у нас изданием актов, обязательных для населения, занимается чересчур много организаций и учреждений. Об этом докладывалось на 4-й сессии Центрального исполнительного комитета СССР VII созыва. Теперь с «законодательным» творчеством объявлена борьба. Им занимаются не только местные органы, а также учреждения и организации, от которых нельзя отнять функций разъяснительного порядка. Народные комиссариаты, естественно, издают циркуляры, разъяснения и постановления в развитие действующих законов, которые по сути дела иногда являются теми конкретными законами, которые практически проводятся в жизнь.

Но если это разъяснительное и уточняющее законодательство проводится в увязке с прочим законодательством и удовлетворяет основным требованиям в смысле понятности и простоты, то против этого не приходится возражать — это в значительной степени неизбежно. Плохо то, что иногда это ведомственное законодательство отличается такой поспешностью и неряшливостью, которые создают затруднения на практике и которые просто не должны быть терпимы.

Если отдельные наркоматы издают инструкции, касающиеся их ведомства, то Всесоюзному центральному совету профессиональных союзов предоставлено право издавать постановления и разъяснения, которые касаются основных прав каждого советского гражданина: это право на труд и право на отдых, утвержденные Сталинской Конституцией. Это, несомненно, одни из самых ценных и самых основных прав советского гражданина, и поэтому какая-либо неряшливость в редактировании и составлении этого ведомственного законодательства особенно нетерпима.

Между тем она имеется налицо. Мы сегодня остановимся на одном примере, который является достаточно характерным.

2 февраля 1936 г. секретариат ВЦСПС принял постановление об исчислении среднего заработка для оплаты отпуска и выплаты компенсации за неиспользованный отпуск. Это постановление опубликовано в Бюллетене ВЦСПС № 2 за 1936 год и в № 7 Бюллетеня Финансового и Хозяйственного Законодательства за тот же год. Исчисление среднего заработка для оплаты отпуска имеет ближайшее отношение к конституционному праву на отдых, потому что право на отдых может быть фактически реализовано только в том случае, если заинтересованному лицу выплачивается его действительная заработная плата.

В п. «з» ст. 2 указанного постановления говорится, что при исчислении среднего заработка штатным литературным работникам принимается во внимание весь их литературный гонорар, получаемый от данного нанимателя не по договору. Этим совершенно ясно подчеркивается, что литературный гонорар, получаемый по договору, регулируется законами об авторском праве, а прочий литературный приработок является одним из видов заработной платы литературного работника, работающего в данной редакции.

Этот порядок находится в полном соответствии с общим принципом, с тем, что при исчислении средней заработной платы принимаются во внимание все виды заработка, получаемого сотрудником в данном учреждении или предприятии. Однако «законодатель» — секретариат ВЦСПС испортил весь смысл своего постановления, употребив совершенно неизвестный нашему основному трудовому законодательству (Кодексу законов о труде) термин «штатный». Во взаимоотношения трудящегося с нанимателем секретариат ВЦСПС вносит совершенно новое, не имеющее отношения к существу вопроса, понятие штатности. В самом деле, наше трудовое законодательство знает постоянных и временных работников, сезонных, нанятых на срок, нанятых на неопределенное время и т. д. «Штатных» и «нештатных» наше законодательство о труде никогда не различало.

К чему это лишнее словечко привело на практике? На практике оно привело к тому, что лица, работающие в основном в данной редакции и получающие там, с одной стороны, зарплату за литературные работы редакционного и вообще несамостоятельного характера и одновременно получающие систематический литературный гонорар за выполненные ими авторские работы не по договору, т. е. не защищаемые авторским правом, при исчислении среднего заработка лишены права получить свой средний заработок по авторскому гонорару, если только они не входят в штат.

По условиям работы издательств, на которых здесь останавливаться нет возможности, таких нештатных работников, постоянно работающих в данной редакции, имеется довольно значительное число. Они — работники постоянные и имеют стабильную заработную плату как по линии редакционной, так и по линии авторской работы. Но лишнее слово «штатный» в п. «з» ст. 2 постановления секретариата ВЦСПС от 2 февраля 1936 г. лишает их права — по крайней мере по точному смыслу постановления — на получение действительного среднего заработка.

Входило ли это в намерения законодателя? Не входило и не могло входить. Это ясно из того, что в постановлении упоминается о невключении литературного заработка, получаемого по авторскому договору. Заработок по авторскому договору отличается несколькими особенностями:

1) он предусматривает получение аванса;

2) авторский договор предусматривает повышенную оплату постольку, поскольку на авторе лежит риск неудовлетворения заказчика;

3) зато оплата по авторскому договору должна иметь место независимо от того, будет ли использован договорный материал заказчиком или нет. Для этого нужно только, чтобы материал был принят или не был отвергнут в установленный договором срок. Вообще, авторский договор имеет в виду оплату не самого труда автора, а продукции, чем он существенно отличается от договора найма.

Литературные работы, оплачиваемые не по договору, обладают не всеми этими особенностями; в частности, они не подлежат оплате

[1] В порядке обсуждения.

авансом и оплачиваются вообще лишь после их использования.

Невключение литературного приработка постоянных, хотя бы и нештатных, литературных работников редакции является ничем не оправданным отступлением и от общего духа нашего законодательства и от основного принципа права на отдых. Причем можно быть убежденным в том, что это произошло не вследствие противодействия авторов постановления правильному исчислению среднего заработка литературных работников: произошло это потому, что в каждой редакции имеются случайные, эпизодические авторы, доставляющие материал не по авторскому договору; желанием устранить возможность претензий со стороны таких авторов на получение отпускных или компенсационных и объясняется употребление не свойственного нашему трудовому законодательству выражения «штатные» работники вместо «постоянные» работники.

В результате этой неряшливости и неувязанности постановления хотя бы с общей терминологией нашего трудового законодательства суд не вправе присуждать литературному работнику, не числящемуся в штате данной редакции, компенсацию за отпуск из расчета фактического среднего заработка, несмотря на то, что его литературный заработок по данной редакции является систематическим и в течение длительного промежутка времени держится примерно на одном уровне.

Разумеется, эта неточность может быть легко исправлена, но самое допущение ее является одним из ярких примеров поспешности «ведомственного» законодательства, которое должно вообще быть взято под какой-то единый контроль для увязки со всем законодательством не только в смысле содержания, но и в смысле применяемой терминологии. Терминология не должна создавать никакой двусмысленности и не должна вводить в заблуждение тех работников государственного аппарата, которым приходится пользоваться в повседневной практической деятельности директивным материалом тех или иных ведомственных органов.

А. Кирзнер

Ценный почин

Великая забота о человеке нашла свое отражение и в большом внимании, которое уделяется технике безопасности на наших социалистических предприятиях.

Вопросам охраны труда партия и правительство уделяют очень много внимания. Ни в одной капиталистической, даже самой «демократической» стране нет и не может быть таких условий труда, как у нас, которые в максимальной степени гарантируют интересы трудящегося.

Только в стране социализма, где самым ценным капиталом является человек, право каждого гражданина на отдых, на труд, на социальное обеспечение в случае утраты трудоспособности является конституционным правом.

Враги народа, троцкистско-бухаринские убийцы, шпионы и диверсанты, как это точно было установлено на процессе антисоветского троцкистского центра, «старались бить и били по самым чувствительным и опасным местам пролетарской революции и советского социалистического строительства» [1]. Под видом «несчастных случаев» эти предатели организовывали взрывы на шахтах и на заводах, крушения железнодорожных поездов, отравления рабочих, причем старались действовать так, чтобы их диверсионные акты приводили к возможно бо́льшим количествам человеческих жертв.

Вспомним организованные Пятаковым, Ратайчаком и другими мерзавцами взрывы на азотно-туковом заводе в Горлов́ке, на шахте «Центральная», катастрофы на Прокопьевских рудниках, Кемеровское дело и многие др., которые стоили многих человеческих жертв.

Вредители, троцкистско-бухаринские убийцы старались представить все эти катастрофы, как следствие нарушения правил техники безопасности. Естественно возникает вопрос, почему диверсанты и вредители смогли довольно долгое время прикрывать свои чудовищные преступления под видом нарушений правил техники безопасности?

На этот вопрос дан ответ в обвинительной речи Прокурора СССР тов. А. Я. Вышинского на процессе антисоветского троцкистского центра: «Эти преступления были возможны потому, — говорит тов. Вышинский, — что они совершались под прикрытием тех, кто должен был первым поднять тревогу, дать сигнал и броситься в борьбу не на жизнь, а на смерть против подобных преступлений».

Троцкистско-бухаринские вредители использовали идиотскую беззаботность и благодушие многих хозяйственников, которые считали «мелочью» нарушения техники безопасности, для того, чтобы в дальнейшем под прикрытием этих нарушений совершать свои гнусные диверсионные акты. При этом вредители, шпионы и диверсанты избегали ответственности, пользуясь в ряде случаев неумением наших органов расследования проанализировать до конца причины катастрофы или несчастного случая.

Прокуратура Союза неоднократно указывала на необходимость самого тщательного расследования любого нарушения правил техники безопасности, выяснения действительных причин этих нарушений, особенно, если в результате нарушений правил технической безопасности происходила катастрофа.

Прокуратура Союза неоднократно подчеркивала, что следователь обязан детально, с привлечением авторитетной технической экспертизы, установить, какие имели место нарушения правил технической безопасности, кто являлся действительным виновником этих нарушений, почему нарушались правила технической безопасности: не является ли наруше-

[1] Из обвинительной речи Прокурора СССР А. Я. Вышинского на процессе антисоветского троцкистского центра.

ние этих правил результатом диверсионной деятельности троцкистско-бухаринских фашистских агентов.

Эта задача не легка. Она требует от следователя не только знания техники расследования преступлений этого рода, но и известных технических знаний. Успешная борьба органов прокуратуры с нарушением правил технической безопасности и охраны труда рабочих будет сильно затруднена, если рабочая и инженерно-техническая общественность, в первую очередь стахановцы наших предприятий не окажут нашим органам реальной повседневной помощи в этом деле.

В этом отношении заслуживает внимания почин прокурора г. Магнитогорска т. Сорокина. Тов. Сорокин пытается построить всю свою работу по борьбе с нарушением правил по технике безопасности на основе широкого привлечения рабочей, инженерно-технической общественности, перед которой он отчитывается в своей работе.

Так, в конце августа с. г. т. Сорокин сделал в секции революционной законности горсовета доклад о состоянии техники безопасности на заводах и стройках Магнитогорска и о судебно-прокурорской работе по борьбе с нарушениями этих правил. На заседании секции присутствовало 55 человек, в том числе технические и правовые инспектора, работники профсоюзов, главные инженеры, судебные и прокурорские работники.

В результате обмена мнений секция признала совершенно неудовлетворительным состояние техники безопасности на предприятиях города. Она указала на ряд существенных недочетов и в работе органов прокуратуры и суда г. Магнитогорска и наметила ряд мероприятий, обеспечивающих действительную борьбу органов прокуратуры и суда с нарушением правил по охране труда рабочих и техники безопасности. В частности секция признала необходимым провести инструктивное совещание со следователями по этой категории дел, предварительно изучив все дела, возвращенные судом, проверить с участием секционеров и инспекторов судебные и следственные дела, по которым вынесены оправдательные приговоры, снижена мера наказания. В то же время решено обсудить на рабочих собраниях приговоры по делам о промышленном травматизме, обеспечив освещение печатью судебных процессов по делам о нарушениях техники безопасности. Секция наметила провести общезаводские совещания начальников цехов, инженерно-технических работников, стахановцев, инспектуры с участием судебно-прокурорских работников по вопросу о борьбе с промышленным травматизмом.

Несомненно, что подобный интерес широкой заводской и профсоюзной общественности к работе органов прокуратуры и суда должен дать весьма положительный эффект.

Вот почему магнитогорский почин нужно всячески приветствовать, а нашим прокурорам следует взять себе за правило отчитываться перед широкой общественностью в работе по борьбе с нарушениями техники безопасности и правил по охране труда рабочих, вовлекая тем самым эту общественность в свою работу.

Л. Чернов

Ненужные графики

В работе Свердловской областной прокуратуры имеется ряд крупных недостатков по руководству следствием: отсутствие живого инструктажа следователей по конкретным вопросам и делам, нет обмена опытом работы, отсутствует работа с районными прокурорами по руководству следствием.

Правда, в мае с. г. облпрокуратура послала всем следователям тетради с расчетом на каждый месяц так называемые «ежедневные графики» по следственной работе нарследователя; по этой тетради следователь ежедневно должен учитывать свою работу, отмечая каждый день, что им сделано за день, и в конце месяца эта тетрадь вместе с копиями обвинительных заключений по оконченным за месяц делам должна направляться в облпрокуратуру. Очевидно, облпрокуратура хочет по этим графикам изучить деятельность следователя: не бездействовал ли следователь, не сделал ли он лишнего шага и т. д.?

Мне кажется, что по этим графикам облпрокуратура нужных ей сведений о работе следователей не получит, так как, по-моему, это не есть форма руководства, а бюрократическое извращение этого руководства.

Ежемесячно в область будет поступать более сотни этих тетрадей с приложениями копий обвинительных заключений по оконченным делам. Когда и кто будет эти материалы читать и давать по ним районам нужные выводы?

Своим циркуляром № 4 от 8 января 1937 г. облпрокуратура обязала районных прокуроров представлять в область копии постановлений и обвинительных заключений по делам, по которым обвиняемые содержатся под стражей, и делам, идущим на санкцию облпрокурора, по остальным же делам представления копий этих документов не требовалось. Сейчас же в связи с изданием «графика» требуется представление копий обвинительных заключений по всем делам, что очень затрудняет работу тех прокуратур, где нет пишущих машинок и весь штат состоит из одного секретаря.

Мне кажется, что руководство следствием облпрокуратуре нужно было бы начать не с этого, а прежде всего с живого руководства, с изучения работников не по «графикам», а по их делам, что вполне возможно сделать путем изучения проходящих через облпрокуратуру дел.

Кроме этого, Свердловской облпрокуратуре следовало бы позаботиться о снабжении следователей бланками протоколов допроса и др. следственных действий, а то ведь в каждом районе пишут по-своему, на клочках случайно иногда найденной бумаги.

Казаков

Куйбышевская областная конференция союза работников суда и прокуратуры

С 20 по 24 июля в Куйбышеве проходила областная конференция союза работников суда и прокуратуры.

На конференции присутствовало 79 делегатов от общего числа членов союза 2500 человек.

В развернувшихся прениях по отчетному докладу оргбюро и уполномоченного ЦК союза были вскрыты большие недочеты в работе профорганизаций, оргбюро и уполномоченного ЦК союза по Куйбышевской области.

В прениях особо отмечалось, что уполномоченный ЦК союза в течение почти трех лет работал без плана, не организовал контроля исполнения, не сумел мобилизовать в помощь себе актив, не обеспечил живого руководства низовыми профорганизациями, а ограничился только бумажным руководством, что привело к отрыву руководства от профсоюзной массы.

Резкое недовольство было высказано делегатами по поводу обслуживания членов союза путевками в дома отдыха и санатории.

Оказалось, что большинство путевок в дома отдыха и санатории осели среди работников облсуда и прокуратуры, составляющих лишь 10% к общему числу членов союза. Таким образом члены союза, работающие в более тяжелых условиях района, гораздо реже попадали в дома отдыха и на курорты, чем работники областного центра.

Особо отмечалась слабая организация профруководством стахановского движения и соцсоревнования, недостаточное участие в разрешении производственных вопросов, отсутствие заботы об улучшении условий труда.

Делегат Николаевского района говорил, что у них в канцелярии прокуратуры в одной комнатушке находятся: машинистка, секретарь и тут же живет уборщица с матерью-старушкой и ребенком.

Посетитель, отворив дверь, долго не решается переступить порог, недоумевая, что это за учреждение.

В некоторых народных судах города Куйбышева можно провалиться под пол и сломать ногу, крысы не стесняясь разгуливают по судебным делам.

В районах спецодежда уборщицам и машинисткам не выдается, работа проводится и в выходные дни, сверхурочная работа без оплаты допускается и в отношении работников с нормированным трудом.

В Куйбышевском облсуде и облпрокуратуре существует весьма странное правило: при уходе в очередной отпуск районных судей и прокуроров им выдается зарплата за время отпуска вперед; уходящим же в очередной отпуск техническим работникам зарплата вперед не выдается.

Со стороны отдельных работников суда и прокуратуры приводились факты пренебрежительного, наплевательского отношения к профработе и быту работников. Так, приводился случай, когда прокурор, обязанный провести выборное собрание членов союза, сорвал это собрание и уехал в район. Народный судья сорвал экскурсию членов союза в выходной день, заставив сотрудников суда разбирать архив. Многие судьи и прокуроры считают до сих пор работу профорганизации второстепенной работой. Такая недооценка профработы со стороны отдельных судей и прокуроров была резко осуждена конференцией.

В незавидной роли присутствовал и выступал на конференции представитель ЦК союза суда и прокуратуры т. Бренкул.

Из его выступления на второй день конференции делегаты узнали только, что в 1936 г. был I пленум ЦК союза, а в 1937 г. были II и III пленумы. До этого на местах об этих пленумах никто ничего не знал, ибо на места решения этих пленумов не рассылались.

Так выглядит руководство работой низовых профорганизаций со стороны ЦК союза. И много горьких истин пришлось выслушать представителю ЦК союза от рядовых делегатов.

В общем конференция прошла весьма активно.

Тайным голосованием конференция избрала новый состав областного комитета союза из 13 человек, которому дан подробный наказ по всем вопросам профсоюзной работы.

М. Тимонин

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЗАЩИТЫ

Два собрания

11—17 сентября 1937 г. происходило общее собрание Московской городской коллегии защитников, посвященное отчету о деятельности президиума и ревизионной комиссии и перевыборам последних.

Казалось бы, что собрание столичной адвокатуры — этого передового отряда советской интеллигенции, должно было проходить под знаком тех требований, которые можно предъявить к правовым работникам высокого авторитета и культуры.

К сожалению, собрание удовлетворить эти требования полностью не смогло.

Началось собрание с прямого нарушения советской демократии тов. Александровым при выборах президиума собрания, проведенных им «чохом», без постановки отдельных кандидатур на голосование.

Самый процесс голосования происходил в обстановке беспорядка и шума.

Когда собрание перешло к заслушанию доклада председателя Московской городской коллегии защитников, стало не лучше.

Доклад тов. Александрова оказался по существу докладом не президиума Московской городской коллегии защитников, а докладом самого тов. Александрова о своей деятельности.

Тов. Александров не смог в своем докладе подняться на высоту стоящих перед советской адвокатурой в свете Великой Сталинской Конституции ответственнейших задач и рассказать о том, как эти задачи разрешались в возглавлявшемся тов. Александровым президиуме.

Доклад тов. Александрова не был самокритичным, пошел по пути освещения мелких повседневных вопросов, смазывая наиболее серьезные проблемы в работе московской адвокатуры (состояние кадров, прием и выдвижение молодых кадров, состояние качества работы и борьба за ее улучшение).

Не сумев подняться на необходимую политическую и принципиальную высоту в освещении работы московской адвокатуры, тов. Александров не сумел показать и положительные стороны в работе московской адвокатуры, хотя располагал для этого нужными фактическими материалами.

Доклад тов. Александрова получил суровую, вполне заслуженную, отрицательную оценку на страницах ЦО «Правда».

Надо сказать также, что и самая форма доклада, легкомысленная, носившая характер балагурства, вполне соответствовала содержанию доклада.

Не удивительно поэтому, что выступавшие в прениях отдельные члены президиума (Коммодов, Брауде, Оцеп) поспешили отмежеваться от Александрова, не отказываясь от лежащей на них самих ответственности за работу президиума в целом.

Лишь оказанная на ходу «Правдой» помощь дала возможность прениям по докладу пойти по пути самокритики.

Ряд высказавшихся в прениях товарищей указывал на неправильную политику президиума в вопросе о приеме новых членов и выдвижении молодых кадров (Склярская, Кудрявцев), оторванность президиума от адвокатской массы (Голубовский, Грязнов), отсутствие контроля за проведением своих же решений в жизнь, на недостаточную защиту интересов адвокатуры как части судебной системы, при разрешении имевших место у отдельных адвокатов конфликтов (Левин А. М.).

Наряду с здоровой самокритикой у отдельных выступавших в прениях адвокатов были обывательские и политически близорукие попытки «защитнуть» тов. Александрова и всячески замазать недостатки в работе президиума.

Двое (Ривлин и Огнев) побили в этом отношении «рекорд» полного непонимания своего общественного долга.

С усердием, лишенным всякого разумного содержания, Ривлин и Огнев очень много разглагольствовали о мнимых заслугах Александрова и пытались политически безграмотно полемизировать с изложенными в «Правде» материалами, вместо критики деятельности президиума выдвигали такие пошлые аргументы в его защиту, что один из работников в прежнем президиуме вынужден был от них отмахнуться словами: «за такие похвалы спасибо не скажешь».

Два эти политически безграмотных и вредных выступления не встретили никакого сочувствия у большинства участников собрания, но получили недостаточную отповедь у выступавших впоследствии товарищей.

Нарком юстиции тов. Н. В. Крыленко в своей речи подверг критике деятельность президиума в плоскости выполнения им стоящих перед руководством московской адвокатуры задач и пришел к выводу о том, что работа президиума не была на должной политической и качественной высоте.

К сожалению, ни тов. Крыленко, ни выступивший после него нач. отдела судебной защиты НКЮ СССР тов. Кожевников ничего не ответили по поводу указанных в прениях ошибок и недостатков в работе НКЮ, выявившихся в том, что Московская городская коллегия защитников не была привлечена к работе актива НКЮ после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б), в том, что руководство со стороны отдела судебной защиты сопровождалось бюрократическими извращениями и оторванностью от адвокатской массы.

В такой же мере недостаточным оказалось выступление и пред. МГС тов. Смирнова, который ничего не сказал собранию по поводу ряда случаев неосновательных судебных определений о привлечении к дисциплинарной ответственности членов коллегии защитников и по поводу ряда случаев недопустимого отношения к адвокатам со стороны отдельных судебных работников.

Очень тепло было встречено выступление секретаря Дзержинского райкома ВКП(б) тов. Быкова.

Тов. Быков в порядке самокритики указал на недостатки в работе партийной организации коллегии, выразившиеся в некоторой изолированности партийных товарищей от основной массы адвокатуры, и призвал собрание к тому, чтобы при будущем президиуме была налажена самая тесная связь между партийной большевистской организацией и всем коллективом адвокатуры.

С огромным вниманием и удовлетворением собрание выслушало выступление представителя Прокуратуры Союза ССР тов. М. С. Строговича.

Тов. Строгович подверг весьма обоснованной критике деятельность президиума Московской городской коллегии защитников и Наркомата юстиции, в особенности в области проекта Положения об адвокатуре, который был выработан в отрыве от адвокатских масс и содержит в себе недопустимые ошибки («адвокаты являются помощниками в деле борьбы с преступностью», «Наркомюст выдает патент на право занятия адвокатской деятельностью»).

Тов. Строгович указал на три условия, которыми надо обладать, чтобы руководить адвокатурой: во-первых, понимать и знать это дело, во-вторых, это дело любить и в-третьих — уметь руководить.

То обстоятельство, что в среде московской адвокатуры остались еще люди, которые не понимают политической заостренности наших задач, сказалось в следующем:

Когда тов. Кудрявцев говорил о необходимости проявления адвокатурой революционной бдительности, о возможности того, что в адвокатской среде укрылись шпионы, диверсанты и другие враги народа, речь его была встречена шумом со стороны некоторой части собрания.

Явление это свидетельствует о том, что необходимость всему советскому народу «быть на-чеку» (Сталин) усвоена, к сожалению, далеко не всеми московскими адвокатами.

Тайным голосованием собрание избрало в новый президиум тт. Левашева, Трайнина, Казначеева, Коммодова, Тагера, Оцепа, Воробьева, Самарина, Миловидова, Ключанскую, Винавера, Денике, Динесмана, Васильева и в ревизионную комиссию тт. Хотинского, Таубкина, Пинеса, Меерович.

Собрание приняло с учетом прений развернутый политический и деловой наказ вновь избранному президиуму.

***

Более организованно и на большей политической высоте происходило 16—18 октября 1937 г. общее собрание членов Московской областной коллегии защитников.

Председатель Московской областной коллегии защитников тов. Фейгельсон построил свой доклад под углом политических требований, которые предъявляются к адвокатуре, и наглядно показал, как стоящие перед адвокатурой области задачи были практически разрешены.

Тов. Фейгельсон указал на руководящее всеми гражданами нашей великой социалистической родины чувство воинствующей бдительности и подчеркнул роль адвоката в воспитании нового человека — решающей силы в социалистическом обществе.

Осуществление гражданами при помощи адвокатуры своего конституционного права на защиту является источником того величайшего внимания, которое должно уделяться адвокатурой в организации своей работы.

Адвокат как активный участник социалистического строительства, как работник, помогающий претворить в жизнь программу коммунистической партии, передового авангарда трудящихся, должен обладать высоким качеством работы.

Высокое качество работы зависит от высококачественности личного состава.

Разрешение вопроса о кадрах требовало прежде всего изучения наличных кадров, изучения на месте их работы. Из 32 коллективов были изучены 23. Хотя это является недостаточным, но все же принесло огромную пользу как работникам на местах, так и руководству.

Была налажена общественно-массовая работа и обследовано ее состояние. Областная коллегия установила, что в ряде коллективов прекрасно налажена общественная работа по обслуживанию колхозов и колхозников, но этого нельзя сказать о всех коллективах по области.

Прием и выдвижение молодых кадров проводились планомерно (было принято 36 молодых товарищей, окончивших советские вузы, увеличена партийная и рабочая прослойка). Эти достижения нельзя признать исчерпывающими.

Созывалось за год четыре областных совещания уполномоченных коллективов с активом и заслушивались доклады по коренным вопросам нашей политической жизни и вопросам судебной политики.

Уделялось внимание и культурно-бытовому обслуживанию адвокатов.

Выступавшие в прениях товарищи подвергли деятельность президиума Московской областной коллегии защитников здоровой самокритике, указывая на ряд недостатков в его работе (Коробков, Шнейдер).

Деятельность президиума Московской областной коллегии защитников признана общим собранием удовлетворительной.

Тайным голосованием избран новый президиум в составе: тт. Фейгельсона, Гуськова, Блоха, Михайловского, Заботкина, Силантьева и рев. комиссия в составе тт. Арнштейна, Гинзбурга и Лебединского.

Общее собрание Московской областной коллегии защитников приняло наказ вновь избранному президиуму.

В наказе отмечается необходимость поднять на высокую ступень соцсоревнование и ударничество среди областной адвокатуры, поднять на высокую ступень политическую и профессиональную культуру адвоката, улучшить условия работы адвоката в суде, расширить юридическую помощь колхозам и колхозникам, шире развернуть культурную помощь всему трудящемуся населению, поставить вопрос об издании совместно с Московской городской коллегией защитников журнала «Советский адвокат».

К. Л.

«Достижения» отдела судебной защиты НКЮ СССР

В последнее время журнал «Советская юстиция» почти из номера в номер помещает статьи т. Кожевникова, посвященные советской защите.

Смысл и цель этих статей — показать достижения отдела судебной защиты НКЮ СССР в деле организации и руководства советской адвокатурой в соответствии с тем значением, которое приобрела защита в свете Сталинской Конституции.

В № 14 «Советской юстиции» т. Кожевников сообщает, что НКЮ СССР разработал «с участием некоторых членов Московской коллегии защитников проект положения об адвокатуре».

Излагая далее своими словами некоторые статьи проекта, автор говорит, что «опубликование содержания проекта даст возможность нашей широкой общественности ознакомиться с теми принципами, на которых Наркомюстом Союза построен проект нового положения об адвокатуре, и высказать по нему свое суждение через нашу печать».

Опубликование такого обнадеживающего заявления заставило предполагать, что наконец-то этот таинственный проект, известный до сих пор только «некоторым членам Московской коллегии защитников», станет достоянием нашей широкой общественности, действительно заинтересованной в правильном и разумном построении советской адвокатуры.

Но ровно через месяц от того же т. Кожевникова узнаем, что проект об адвокатуре уже внесен НКЮстом на рассмотрение в законодательные органы (№ 15 «Советской юстиции»).

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Вот уж действительно «хозяева» своему слову сидят в Наркомюсте: 5 августа обещают опубликовать проект и «дать возможность широкой общественности высказать по нем свое суждение», а 5 сентября обещание берется обратно, очевидно, предполагая, что широкая общественность «не должна сметь свое суждение иметь».

В самом деле, к чему там «широкая общественность»! Довольно и «некоторых членов Московской коллегии защитников».

Надо сознаться, что в Наркомюсте понимают демократию весьма своеобразно.

В то время когда действительная демократия проникает во все поры нашей жизни, Наркомюст считает возможным внести в законодательные органы проект об адвокатуре, который не был опубликован даже в специальной печати.

А ведь вопросами адвокатуры занималась не только специальная печать и не один т. Кожевников.

НКЮ Союза должен понимать, что новое Положение об адвокатуре будет существовать много лет.

Ведь «стабильность наших законов нам нужна теперь б о л е е, чем когда бы то ни было», — сказал товарищ Сталин в своем историческом докладе о проекте новой Конституции на Чрезвычайном VIII съезде советов.

И, несмотря на все это, широкая общественность на сегодняшний день знает о проекте только по пересказу т. Кожевникова.

Уж так отдел защиты НКЮ СССР хорошо руководит, так руководит, что «недаром члены коллегии защитников на своих собраниях неоднократно говорят, что лишь теперь, с организацией отделов защиты, окончилась их «безнадзорность» (№ 17 «Советской юстиции»).

Интересно знать, кто именно на этих собраниях пел «осанну» отделу судебной защиты?

Мы опасаемся, что запевалами этого славословия могут оказаться как раз те «прямые враги народа, люди, политически и юридически безграмотные и просто жулики», которые по авторитетному свидетельству т. Кожевникова выявляются среди членов коллегии защитников.

История недавнего прошлого показала, что хор аллилуйщиков обычно состоит из таких именно «солистов».

Казалось бы, что для оздоровления института защиты надо было бы открыть широкий доступ в нее для людей проверенных, дисциплинированных, политически и юридически грамотных.

Оказывается — нет.

По мнению авторов проекта, в советском государстве есть особая группа людей, которая ни в коем случае не может быть допущена в адвокатуру.

Это юрисконсульты.

Пусть они будут дважды проверены и трижды политически и юридически грамотны, но они не будут заниматься адвокатурой «как профессией», и по этой причине доступ им в адвокатуру закрыт.

По мнению Наркомюста, пусть лучше занимаются адвокатурой «как профессией» жулики.

Бедные юрисконсульты!

Наркомюст считает юрисконсультов, которым государство доверяет защиту своих интересов, недостойными защищать интересы частных лиц.

Не может быть в советском государстве людей, которым бы запрещалось заниматься адвокатурой, если они удовлетворяют всем элементарным условиям приема, т. е. имеют специальное образование и являются политически и юридически грамотными.

Такое запрещение может последовать только в результате судебного приговора.

Что значит заниматься адвокатурой «как профессией»?

Позвольте мне самому решить, что меня больше устраивает: отдавать себя на все 24 часа занятию адвокатурой или же уделять ей меньшее время.

Свободный гражданин самого свободного государства в мире не нуждается в такой «надзорности» со стороны отдела судебной защиты.

Разве штатный врач какого-либо учреждения не может работать по своей специальности и в амбулатории или заниматься практикой на дому?

А ведь адвокат тот же врач sui generis, который зачастую лечит заболевания тяжелой формы.

Мероприятия Наркомюста отстают от жизни, не созвучны эпохе.

Сейчас, после введения в жизнь Сталинской Конституции, накануне всеобщих выборов в Верховный Совет, этот проект является анахронизмом.

Надо надеяться, что законодательные органы внесут в этот проект поправки, соответствующие требованиям нашей великой эпохи, и освободят этот проект от всех его печальных ошибок и извращений.

С. Бронштейн

О проекте нового положения об адвокатуре[1]

Наконец-то нам поведали содержание пресловутого проекта нового Положения об адвокатуре. В номере 15 журнала «Советская юстиция» заведующий отделом судебной защиты НКЮ СССР М. Кожевников приоткрыл завесу над этим тайным документом, существующим в природе около полугода, но почему-то тщательно скрывавшимся от юридической общественности.

Правда, содержание проекта положения рассказано автором «своими словами», поэтому, хотя автор и предлагает «высказать по нему свое суждение через нашу печать», данных для этого все-таки недостаточно, поскольку полный текст этого проекта до нас не доведен.

Однако и того, что сообщает т. М. Кожевников, совершенно достаточно, чтобы признать отдельные — и как раз наиболее принципиальные — пункты проекта крайне неудачными. Особую тревогу вызывает ст. 6, в которой, если верить т. Кожевникову, записано, что «адвокаты, являясь помощниками суда в деле борьбы с преступностью и при разрешении гражданских споров, не могут под страхом немедленного отчисления из адвокатуры и привлечения к уголовной ответственности утверждать перед судом заведомо неверные факты, пытаясь тем самым ввести суд в заблуждение».

Стоило ли Наркомюсту так долго держать адвокатуру на задворках судебной системы, как это отмечалось газетой «Правда», для того, чтобы, разрешившись, наконец, от бремени проектом реформы адвокатуры, устанавливать для адвокатов специальный режим и заранее объявлять их людьми не вполне полноценными и нуждающимися в особо строгом просмотре?! И не послужит ли ст. 6 проекта некоим сигналом для некоторых судей попрежнему держать адвокатов «в страхе божьем», подвергая любое высказывание адвоката в суде особому «испытанию на разрыв» и суровой оценке степени его правдивости?!

В конце концов предметом судебного разбирательства далеко не всегда бывают факты очевидные; сплошь и рядом речь идет об оценке улик. В этих условиях совершенно искреннее оспаривание со стороны защитника того или иного не вполне установленного на суде факта, служащего уликой против его подзащитного, легко можно повернуть против защитника, изобразив его выступление как попытку «ввести суд в заблуждение». А ведь последствия этого нового и не предусмотренного Уголовным кодексом преступления для попавшего в беду адвоката, согласно проекту, весьма плачевны: во-первых, ему грозит «немедленное отчисление из адвокатуры» и, во-вторых, «привлечение к уголовной ответственности».

Не вдаваясь в догадки о том, кем же именно и в каком именно порядке будет совершено это «немедленное отчисление», как именно при такой непонятной поспешности можно будет установить наличие со стороны адвоката злостного желания ввести суд в заблуждение, — ограничусь лишь указанием, что попытка проекта изобразить всех советских адвокатов как потенциальных злостных лжецов является явной клеветой. С другой же стороны, попытка проекта поставить советских адвокатов в условия, исключающие возможность нормальной работы, желание выделить их из среды всех остальных советских граждан как категорию лиц, для коих устанавливается специальный правовой режим, является явным нарушением Сталинской Конституции.

За ложные показания перед судом уголовную ответственность, по действующему законодательству, несут лишь эксперты и свидетели, адвокаты же дают перед судом не показания, а лишь оценку судебного материала; эта оценка должна быть совершенно свободна, и над адвокатом не должен висеть дамоклов меч внезапного превращения из защитника в подсудимого.

Из этого, конечно, не следует, что советский защитник может позволить себе заведомо ложные утверждения перед судом и прочие виды попыток понудить суд вынести неверный приговор (кстати сказать, термин проекта — или М. Кожевникова — «неправосудный приговор» неудачен: неправосудным приговором мы называем такой неправильный приговор, который постановлен судьей, действующим злоумышленно, а не по заблуждению). За эти неэтические поступки защитник, допускающий их, несомненно, должен ответить по всей строгости, но эту ответственность он несет перед советской общественностью в целом и перед советом адвокатуры в частности. В отдельных случаях, и в зависимости от тяжести содеянного (а вовсе не автоматически, как этого требует проект, да и притом еще «немедленно»), адвокат может быть подвергнут на время или полному исключению из адвокатуры, но, как правило, здесь нет места для уголовной ответственности.

Не меньшее недоумение вызывает запрещение юрисконсультам состоять в адвокатуре. М. Кожевников аргументирует это запрещение ссылкой на неучастие юрисконсультов в адво-

[1] В порядке обсуждения.

катской работе. Само собой разумеется, что те юрисконсульты — как, впрочем, и все другие лица, состоящие в адвокатуре,—которые не могут или не хотят вести адвокатской работы, не должны и состоять в адвокатуре. Однако совершенно непонятно, почему М. Кожевников заранее считает, что ни один юрисконсульт не может вести профессиональной работы адвоката.

Есть не мало товарищей, которые, будучи весьма опытными советскими юристами, занимают должности юрисконсультов в небольших государственных организациях или предприятиях, где от них требуют 1—2 часов работы в день, да и то не ежедневно. Запрещение такому юрисконсульту занятия адвокатурой, повидимому, повлечет за собой отказ многих и многих юрисконсультов от юрисконсультской работы, что на практике лишит многие хозорганы авторитетных и способных юрисконсультов.

Нельзя забывать, что пока — и в значительной степени по вине Наркомюста, где долгое время орудовали враги народа Пашуканис и другие,—новых правовых кадров у нас немного, и это в одинаковой мере чувствуется как на фронте адвокатуры, так и по линии укомплектования учреждений полноценными юрисконсультами. Не следует поэтому так небрежно обращаться с юрисконсультской частью советских юристов и закрывать им доступ в адвокатуру. Тем более не следует, что, имея часто значительный опыт советской работы, юрисконсульты несомненно принесут в адвокатуре не мало пользы.

Поэтому мы стоим на той точке зрения, что огульное запрещение всем юрисконсультам работать и в адвокатуре является в корне неверным и что вопрос в каждом отдельном случае должен решаться с учетом особенностей работы каждого претендента.

В проекте лимитируется размер отчислений из заработка адвокатов: не менее 70% заработка адвокатов должно поступать в фонд оплаты их труда. Это, конечно, очень хорошо, что Наркомюст наконец-то вспомнил о тех безобразно высоких отчислениях, которые существуют до нынешнего дня в коллективах защитников, достигая сплошь и рядом 50 и больше процентов их заработка. Но плохо другое: плохо то, что Наркомюст стыдливо умалчивает о существующей и, конечно, уже совершенно незаконной практике «сверхотчислений» от заработка членов коллектива в форме отнесения на счет каждого выплат в соцстрах и на декретный отпуск.

На сегодняшний день мы имеем такое положение вещей, когда на свое же собственное соцстрахование защитник платит из собственного же кармана, как равно и на свой месячный отпуск. Неужели М. Кожевников не видит или не хочет видеть в этом последнем грубейшее нарушение ст. 119 Сталинской Конституции, провозглашающей право на отдых?!

Никто из трудящихся в СССР не отдыхает в положенное им по Кодексу о труде время «за собственный счет», никто... кроме адвокатов.

Неужели Наркомюст не находит возможным хотя бы теперь поломать эту возмутительную практику?

А. Шамкович

Из одной крайности в другую

В «Советской юстиции» № 7 за 1937 год помещена статья тов. М. Равича «Советская защита». Анализируя роль и задачи защиты в советском суде, автор правильно ставит вопрос об отличии советской защиты от буржуазной адвокатуры, приводя, как яркие образцы буржуазно-адвокатской мысли, высказывания дореволюционных русских и иностранных процессуалистов. Но, критикуя взгляды буржуазных юристов, ставивших частные интересы клиента выше всего на свете и рекомендовавших (в лице Брума) адвокату итти, ради пользы клиента, на страдания, мучения и гибель других, не останавливаясь даже перед изменой, тов. Равич впадает сам в другую крайность.

Конечно, не может быть ни малейшего сомнения в том, что у советского защитника, как у каждого советского гражданина, долг перед социалистической родиной — высший. В этой части тов. Равич совершенно прав. Но отсюда никак не следует, что защиту можно полностью отожествить с прокуратурой, как это делает тов. Равич. Он говорит: «У нас и прокурор и защитник, оба — представители советского государства, оба действуют от его имени и в его интересах».

Против этой формулировки тов. Равича приходится возразить со всей категоричностью. И в самом деле. Если с известной натяжкой можно назвать представителем государства защитника, назначаемого подсудимому по требованию суда в деле, где участвует прокурор и обвиняемый не избрал сам себе защитника, когда вознаграждение защитника присуждалось до последнего времени с того же осужденного, а не выплачивалось из средств суда, то ни в коем случае нельзя назвать представителями государства тех защитников, которые выступают в подавляющей массе уголовных дел по соглашению с клиентом.

Да и что это вообще за «огосударствление» защиты, проведенное одним росчерком пера тов. Равича? После того, как товарищи, предлагавшие огосударствить защиту, сломали свои копья и сдали их в архив, мы уже в течение нескольких лет твердо уверены в том, что институт советской защиты, по общему мнению, представляет из себя публично-правовые объединения лиц, посвятивших себя адвокатскому труду. Эти объединения — коллегии и коллективы защитников — ни на каком государственном или местном бюджете не состоят. Стало быть, даже в лупу нельзя разглядеть здесь элементов государственной организации, то есть, как раз тех элементов, которые имеются у прокуратуры, являющейся подлинным органом государства.

Тов. Равич следующим образом формулирует свой взгляд на советскую защиту: «Социалистическое государство заинтересовано в борьбе с преступностью, но оно не менее кровно заинтересовано в том, чтобы невинный не был осужден, а виновный не получил свыше того, чего требуют справедливость и целесообразность. И в качестве одной из гарантий

этого своего интереса, государство посылает на суд защитника. Защищая подсудимого, советский защитник ни на минуту не должен забывать, что он — не его представитель...» (подчеркнуто мною — А. Л.). Правилен ли этот взгляд?

Тов. Равич опять-таки прав только в первой части своего положения. Правильно, что советское государство заинтересовано в защите интересов обвиняемого. Но неправильно делать отсюда вывод, что государство посылает защитника. Оно защитника предусматривает в системе суда, но не более. Каждый обвиняемый волен в выборе защитника, даже в том случае, когда защита назначается ему судом. Обвиняемый может и вовсе отказаться от защиты. От прокурора же он не может «отказаться». При слушании дела с участием сторон, прокурор остается и в том случае, когда обвиняемый от защиты отказался. А по тов. Равичу прокурор и защитник — два одинаковых представителя государства.

Ссылается еще тов. Равич и на тов. Вышинского. Но из цитаты, приведенной тов. Равичем, нельзя усмотреть, что тов. Вышинский считает защитника представителем государства. Кстати, тут же тов. Равич, ссылаясь (в скобках) на тов. Вышинского, говорит, что защита у нас — общественное служение. Но общественное служение — отнюдь не представительство государства.

Интересно было бы знать, о каком представительстве государства тов. Равич может говорить в отношении гражданских дел, где адвокат, если так можно выразиться, выступает в чистом виде, как представитель частных интересов отдельного советского гражданина, и нередко предъявляет от его имени требования к органам государства (советским учреждениям и предприятиям)? Представителями ли государства являются два защитника, отстаивающие в одном гражданском деле противоречивые интересы двух частных лиц? Думается, что в этих случаях и тов. Равич не найдет возможным именовать защитников представителями государства.

Наконец, и практические выводы, которые делает тов. Равич из своей концепции, в некоторых случаях противоречивы и неверны. Он говорит, например, что защита должна пользоваться «доверием подсудимого, чтобы он спокойно доверял ей свою тайну, чтобы он не ждал от нее удара в спину». А через один абзац тов. Равич, приводя случай с английским адвокатом Филиппсом, защищавшим лакея-убийцу и, по совету судьи Парке, отстаивавшим своего подзащитного до конца как невиновного, несмотря на то, что он сознался Филиппсу в своей виновности, — говорит: «Советская защита не могла бы согласиться с советом Парке». Значит, советский защитник должен в подобном случае раскрыть суду виновность своего подзащитного. Но что же тогда станется с принципом тов. Равича о сохранении тайны подсудимого, который не должен ждать удара в спину от своей защиты?.. Казалось бы, правильное решение вопроса должно заключаться в отказе от защиты, если защитник не может и не должен держаться на суде одной версии с подсудимым. Но тут мы опять натыкаемся на рогатку тов. Равича, который утверждает: «Буржуазная адвокатура, построенная на частном начале, создала популярную «теорию разборчивости» в отношении принятия дел. Советская защита по уголовным делам не может принять такой теории. Право подсудимого на защиту обеспечено у нас Конституцией. Вопрос для советского защитника сводится не к тому, кого защищать, а к тому, как защищать: политически правильно, честно и правдиво».

Ясное дело, защищать надо политически правильно, честно и правдиво. Но, если мы должны отвергнуть «теорию разборчивости», как детище буржуазной адвокатуры, построенной на частном начале, тогда защитник должен брать любое дело, независимо от того, что он не согласен с обвиняемым, а следовательно, должен выдать суду тайну обвиняемого. Получается заколдованный круг...

К слову сказать, поскольку речь зашла о «частном начале», позволительно будет спросить у тов. Равича, будет ли он настаивать на присвоении звания представителя государства и частно-практикующим защитникам, которых теперь у нас предполагает узаконить проект Положения об адвокатуре?

Формула тов. Равича «защитник — представитель государства» явно неправильна. Но как же определить положение защитника в советском суде? Нам представляется, что правильное определение может быть выработано коллективными усилиями теоретической мысли наших правовых работников. Но в общих чертах защитник является, по нашему мнению, представителем интересов частного лица, но согласующим свою деятельность с интересами советского государства и действующим в таких пределах, чтобы ни в малейшей степени не нарушить интересов дорогого ему социалистического отечества.

А. Либерман

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

ПРАВО Б. ЖЕНЫ НА ПЛОЩАДЬ НЕ ДАЕТ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ВСЕЛЕНИЯ ЕЕ В КОМНАТУ, ЗАНИМАЕМУЮ Б. МУЖЕМ С ДРУГОЙ СЕМЬЕЙ

Народный суд 2-го участка Железнодорожного района г. Москвы вынес решение, которым удовлетворил иск гр. Крыловой В. М. к гр. Жигурову М. А. и постановил вселить Крылову в комнату, полученную Жигуровым в РЖСКТ по Русаковской ул., закрепив за ней 8 кв. м площади.

Гражданская кассационная коллегия Московского городского суда оставила жалобу Жигурова без последствий.

Прокуратура Союза ССР опротестовала решение народного суда и определение кассационной коллегии Московского горсуда по следующим основаниям: Жигуров получил в РЖСКТ комнату размером 23 кв. м. и проживает в ней с женой, с которой зарегистрировал брак в мае 1936 г., и с дочерью. Ранее он состоял в фактическом браке с Крыловой. Взносы в РЖСКТ были сделаны в тот период, когда Жигуров проживал совместно с Крыловой; поэтому народный суд признал за Крыловой право на часть комнаты.

Гр. Крылова проживает в Загорске, в доме фабрики имени Красной армии.

Решение народного суда о том, что Крылова имеет право на часть площади, которую получил Жигуров в РЖСКТ, правильно. Однако оно не может служить основанием к тому, чтобы вселять Крылову в комнату к ее б. мужу, живущему с другой женой.

Такое вселение не может привести ни к чему другому, кроме неприятностей, склоки и, быть может, нового судебного спора.

Народному суду следовало вынести решение не о вселении Крыловой в комнату к Жигурову с семьей, а об обязании Жигурова обменять комнату, полученную в РЖСКТ, на две комнаты, с тем, чтобы Крылова получила одну из них.

При этом следовало поставить вопрос о том, что и ныне занимаемая Крыловой комната в Загорске может стать объектом обмена, так как из дела видно, что дом в Загорске принадлежал тетке Крыловой, а затем был продан фабрике. Крылова жила в доме еще до этой продажи, а потому фабрика не может требовать выселения Крыловой, и последняя вправе обменять площадь в этом доме на другую.

Ввиду этого Прокуратура СССР находила необходимым отменить решение народного суда Железнодорожного района от 22 июня с. г. и определение ГКК от 14 июля и передать дело на новое рассмотрение.

Президиум Московского горсуда отклонил протест Прокуратуры Союза.

Протест был принесен в Гражданскую коллегию Верховного суда РСФСР, которая 23 сентября с. г. определила: решение народного суда 2-го уч. Железнодорожного района г. Москвы, определение Кассационной коллегии Московского горсуда и постановление президиума Московского горсуда по настоящему делу отменить и дело возвратить в народный суд для нового рассмотрения.

ОБЯЗАННОСТЬ КОЛХОЗА ВОЗМЕСТИТЬ ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРИ ЭКСПЛОАТАЦИИ ИМ ЛОШАДИ НЕЧЛЕНА КОЛХОЗА

20 мая 1936 года у гражданки деревни Антифьево Тутовского сельсовета Даниловой в качестве меры воздействия за неплатеж налога сельсоветом временно была взята лошадь и передана для работы первоначально в колхоз «Волгарь» на 4 дня и «Красный Октябрь» на 7 дней. Вследствие невнимательного отношения к лошади у нее образовался намин, и после возврата ее истице лошадь 14 дней не могла работать и находилась под наблюдением ветврача.

Гр. Данилова предъявила иск к колхозам «Волгарь» и «Красный Октябрь» в сумме 590 рублей из расчета возмещения суммы, вырученной колхозами за время работы лошади в колхозе, и суммы упущенной выгоды за время болезни лошади.

19 июля 1936 г. народный суд 3-го участка Тутовского района Ярославской области иск гр. Даниловой удовлетворил в размере 390 рублей.

10 августа 1936 г. Гражданская кассационная коллегия областного суда решение народного суда отменила, отказав гр. Даниловой в иске на том основании, что нельзя искать предполагавшуюся прибыль от эксплоатации лошади.

Прокуратура Союза, считая решение народного суда неправильным, опротестовала определение Кассационной коллегии Ярославского областного суда по следующим основаниям:

Совершенно неправильно Кассационная коллегия областного суда считает доходы от эксплоатации лошади в крестьянском хозяйстве прибылью.

Иск гр. Даниловой вытекает из причинения ущерба, и так как установлено, что колхозы «Волгарь» и «Красный Октябрь» работали на лошади Даниловой и вследствие ненадлежащего ухода лошадь заболела и по возвращении Даниловой не работала, колхозы обязаны возместить причиненный вред на основании ст. 403 Гражданского кодекса.

Ответчики обязаны также уплатить Даниловой и за время пользования лошадью на работах в колхозах.

Размер присужденной народным судом суммы не является преувеличенным.

Президиум Ярославского областного суда 10 июня 1937 г. постановил определение ГКК областного суда от 10 августа 1936 г. отменить, оставив в силе решение народного суда от 19 июля 1936 г.

РАСЧЕТЫ С РАБОТНИКОМ УЧРЕЖДЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ДРУГОЙ ГОРОД

В июле 1935 года, на основании распоряжения Полярного райисполкома Мурманского округа, согласованного с зав. Мурманской окрсберкассой, гр. Петров был переведен из села Полярного в город Мурманск, ввиду перемещения туда районной сберкассы, которой заведывал гр. Петров.

При переезде окрсберкасса гр. Петрову ни подъемных, ни фактических расходов по переезду не оплатила, ссылаясь на то, что вопрос об организации райсберкасс не решен и Полярный рик в Мурманске находится временно, а гр. Петров от окрсберкассы распоряжения о переезде в Мурманск не получал. В августе 1935 г. Петров предъявил иск к сберкассе и Полярному рику о возмещении фактических расходов по переезду и причитающихся ему подъемных.

Народный суд г. Мурманска решением от 21 августа 1935 г. обязал Мурманскую окрсберкассу уплатить гр. Петрову подъемное пособие на себя и на семью в сумме 1878 р. 57 к. По кассационной жалобе областного управления госструдсберкассы и госкредита Гражданская кассационная коллегия Мурманского окружного суда 4 октября 1935 г. определила решение народного суда оставить в силе, а жалобу кассаторов без последствий. В частном определении ГКК указала о сообщении копии данного определения окрпрофсовету для отмены незаконного решения РКК от 10 августа 1935 года об отказе гр. Петрову в выплате подъемных.

Пленум Мурманского окружного суда от 9 октября 1935 года по протесту окружного прокурора постановил определение ГКК окрсуда от 4 октября 1935 года отменить, так как перевод Петрова в Мурманск имел место без разрешения окрсберкассы, а дело дальнейшим производством прекратить за отсутствием у истца права на иск.

По переезде гр. Петрова в Мурманск ему был предоставлен отпуск, при увольнении же с него было удержано за 2 недели отпуска, причем ни выходного, ни единовременного пособия ему выплачено не было.

Прокуратура СССР, считая постановление пленума Мурманского Окружного суда неправильным, опротестовала это постановление по следующим основаниям:

Перемещение райсберкассы из села Полярного в г. Мурманск фактически состоялось. Оговорка зав. Мурманской окрсберкассой Поспелова о несогласии оплаты подъемных никакого значения не имеет, так как согласно ст. 82 КЗоТ подъемные уплачиваются во всех случаях перевода работников на работу в другие местности (кроме перевода по собственной просьбе), но ни в коем случае не по соглашению работника с администрацией:

Переезд гр. Петрова был произведен на основании распоряжения Полярного рика с уведомлением окрсберкассы, которая никаких возражений по поводу перемещения сберкассы не принесла, а следовательно, само перемещение произошло с ее ведома.

Петров имеет право на получение подъемных независимо от того, являлся ли он заведующим районной или приписной сберкассы, ибо законом таких ограничений не установлено; поэтому вопрос о том, была ли в селе Полярном районная сберкасса, не может являться для дела существенным.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, нашла, что пленум окрсуда исходил из того факта, что приказа окркассы о переводе гр. Петрова в Мурманск не было. Однако это обстоятельство не имеет значения, поскольку окрсберкасса была поставлена в известность райисполкомом о переводе райсберкассы, с перенесением районного центра Полярного рика из села Полярного в г. Мурманск, и переезде гр. Петрова в Мурманск, где ему предоставили квартиру. Окрсберкасса не возражала против этого и никаких противоположных приказов в отношении гр. Петрова не издавала. Бездействие окрсберкассы при фактически состоявшемся по требованию рика переводе райсберкассы и переезде зав. райсберкассой гр. Петрова не лишает его права на получение компенсаций (подъемных и расходов по переезду), так как переезд состоялся, окрсберкасса против него не возражала и, наоборот, выразила согласие принять на себя оплату расходов по переезду.

Возражение зав. окрсберкассой против оплаты подъемных не имеет значения, так как вопрос этот решается не соглашением сторон, а ст. 82 КЗоТ.

Несущественным для дела является также и вопрос о том, какая сберкасса была в с. Полярном: районная или приписная, так как закон никаких изъятий для работников приписных касс не устанавливает.

Вследствие изложенного Гражданская коллегия определила отменить постановление пленума Мурманского окрсуда и все состоявшиеся судебные решения по настоящему делу и передать последнее для нового разрешения в нарсуд г. Мурманска.

РАБОТНИК, ПОСЕЛЕННЫЙ НА ЗАБРОНИРОВАННОЙ ПЛОЩАДИ, НЕ ВПРАВЕ ТРЕБОВАТЬ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЭТОЙ ПЛОЩАДИ ЗА СОБОЙ В СЛУЧАЕ УВОЛЬНЕНИЯ, ХОТЯ БЫ И ПО СОКРАЩЕНИЮ ШТАТОВ.

Гр-н Рафиков в 1932 г. выехал на работу за границу по командировке Наркомвнешторга. Квартира его в г. Ленинграде в доме ЖАКТА за ним забронирована сроком до 1 февраля 1933 г. Наркомвнешторг на это время поселил в квартире своего сотрудника Воробьева.

В 1934 г. Наркомвнешторг предъявил иск о выселении Воробьева, потерявшего трудовую связь с НКВТ.

4 мая 1935 г. народный суд отказал НКВторгу в иске на том основании, что броня, выданная Рафикову, не была продлена, а потому ЖАКТ правильно открыл лицевой счет Воробьеву и закрепил за ним квартиру.

Кассколлегия Леноблсуда решение суда отменила и решила Воробьева выселить.

Президиум Ленинградского областного суда 16 августа 1935 г. изменил определение Кассационной коллегии, обязав НКВТ предоставить выселяемому Воробьеву годную для жилья площадь на том основании, что Воробьев уволен был из НКВТорга по сокращению штатов. Решение не было приведено в исполнение.

В 1937 г. Рафиков приехал из Китая и потребовал освобождения площади.

Прокуратура Союза опротестовала решение нарсуда, определение кассколлегии и постановление президиума облсуда по следующим основаниям:

Наркомвнешторг представил в суд 3 охранных свидетельства, выданных им Рафикову сроком до 1 октября 1935 г. Таким образом в момент вынесения решения об отказе в выселении Воробьева на площадь Рафикова имелась броня. Но даже если бы брони и не было, это не лишало бы Рафикова права на сохранение за ним права на площадь на весь период его работы за границей, согласно постановлению СНК РСФСР от 24 марта 1928 г., так как право на сохранение площади создается для отъезжающих в командировку за границу не броней, а законом, охраняющим это право.

ЖАКТ не имел права открывать на эту площадь лицевой счет Воробьеву.

Кассколлегия Леноблсуда правильно решила выселить Воробьева. Президиум Леноблсуда неосновательно обязал НКВТорг предоставить Воробьеву жилплощадь, так как Воробьев получил не площадь в ведомственном доме, а площадь Рафикова, временно свободную и во всяком случае подлежащую освобождению по приезде Рафикова из-за границы. Поэтому никакого значения мотивы увольнения Воробьева (сокращение штатов) не имеют. Это могло бы иметь значение в том случае, если бы Воробьев получил площадь в ведомственном доме в связи с работой. В данном же случае площадь Воробьевым была получена ввиду отъезда Рафикова и лишь на время отсутствия последнего.

Поэтому Президиум Леноблсуда неосновательно обязал НКВТорг предоставить Воробьеву площадь.

Гражданская коллегия Верховного суда СССР 27 сентября с. г. вынесла следующее определение: Воробьев П. Н., сотрудник НКВТ, получил в ЖАКТе площадь, принадлежавшую гр. Рафикову и находившуюся во временном распоряжении истца ввиду отъезда Рафикова за границу. Выселялся Воробьев по причине окончания заграничной командировки Рафикова. Поскольку гр. Воробьев квартиру получил временно и принадлежащую частному лицу, а не нанимателю, — у президиума облсуда не было никаких оснований, предусмотренных законом, обязывать нанимателей предоставить ему другую площадь только потому, что он уволен по сокращению штатов.

Гр. Воробьев, как вселенный на забронированную площадь, считается временным жильцом, и права на площадь не приобретает.

По изложенным основаниям Гражданская кассационная коллегия Верхсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза и руководствуясь ст. 246 Гражданского процессуального кодекса, определила решение нарсуда и постановление президиума облсуда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе.

СУД НЕ ВПРАВЕ ОТКАЗАТЬ В РАЗДЕЛЕ ДОМА МЕЖДУ СУПРУГАМИ ПО СООБРАЖЕНИЯМ «НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ДРОБЛЕНИЯ ПОСТРОЙКИ»

В сентябре 1934 г. гр. Мазохина обратилась в народный суд Вязниковского района Ивановской области с иском к б. мужу о разделе дома и другого имущества, приобретенного во время совместной жизни супругов.

Имущество было оценено в 4600 руб.

Решением от 22 октября 1934 г. народный суд постановил выделить гр. Мазохиной комнату и часть имущества.

По жалобе ответчика Кассационная коллегия Ивановского областного суда определением от 10 ноября 1934 г. отменила решение народного суда и передала дело на новое рассмотрение.

При вторичном рассмотрении дела по существу народный суд 14 декабря 1934 г. постановил выделить истице часть имущества на сумму 965 руб., но отказал в разделе дома.

Определением Кассационной коллегии облсуда от 25 апреля 1935 г. решение народного суда было оставлено в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала решение народного суда от 14 декабря 1934 г. и определение Кассационной коллегии областного суда от 25 апреля 1935 г. по следующим основаниям:

Народный суд совершенно неправильно и без достаточных к тому оснований в этом деле о разделе имущества между супругами произвел зачет сумм, которые Мазохин якобы переплатил своей бывшей жене на содержание.

Необоснованным является отказ суда в разделе дома за невозможностью дробления дома. Речь идет не о дроблении дома, а о признании за гр. Мазохиной права общей собственности (ст. 61 Гражданского кодекса). Следовательно, у суда не было оснований требование гр. Мазохиной о признании права на дом компенсировать деньгами. Мазохина утверждает, что нуждается в жилплощади. Поэтому, если дом является имуществом, нажитым в течение брака, она вправе требовать признания за ней права на часть дома, без выдела ее в натуре, и права пользоваться жилплощадью в этом доме (ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке).

В деле имеется акт дарения дома гр. Душиной ответчику по настоящему делу от 12 июля 1929 г. Это обстоятельство не лишает истицу права требовать признания за ней права на часть дома, поскольку дом этот, хотя бы и подаренный ответчику, является также имуществом, нажитым в течение брака (ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке).

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР 8 октября 1937 г., рассмотрев протест Прокуратуры Союза, руководствуясь ст. 246 Гражданского процессуального кодекса, определяет: решение народного суда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

ПОДСУДНОСТЬ ИСКОВ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ИСКЛЮЧЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРОМЫСЛОВЫХ АРТЕЛЕЙ

Прокуратура Союза ССР направила в Верховный суд РСФСР жалобу гр. Агафонова на отказ народного судьи г. Шахты принять исковые заявления о восстановлении в членах промышленной артели. Прокуратура Союза просила предложить нарсуду рассмотреть дело.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР 3 сентября 1937 г. вынесла следующее определение: суд неправильно отказал гр. Агафонову в приеме от него искового заявления о восстановлении его в членах промартели, так как по разъяснению пленума Верхсуда РСФСР от 16 мая 1930 г. такого рода иски рассматриваются в судебных органах, а потому Гражданская коллегия определяет настоящее дело передать в нарсуд 2 уч. г. Шахты для рассмотрения по существу.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА ОТ 7 АВГУСТА 1932 г.

Приговором Верховного суда Узбекской ССР были осуждены по закону от 7 августа 1932 г. к высшей мере наказания Томилин Алексей Михайлович, Лившиц Лев Абрамович, Коротько Афанасий Степанович к 10 годам лишения свободы и Миноваров Махмуд Мусагирович по ст. 140 ч. 1 и 108 УК УзССР к 8 годам лишения свободы.

Постановлением Президиума Верховного суда УзССР расстрел Томилину был заменен 10 годами лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет.

Томилин, будучи в период 1933—1935 гг. уполномоченным нескольких предприятий г. Свердловска по заготовкам сельхозпродуктов, совершил ряд злоупотреблений.

По договоренности с осужденным Лившицем Томилин незаконно получил банковский кредит в сумме 181 000 руб. и использовал эти деньги не по назначению.

Имея разрешение Узбекского конвенционного бюро на закупку через Узкоопплодоовощь 150 тонн бахчевых овощей и фруктов, Томилин заготовил 485 991 кг у разных организаций, совхозов и колхозов УзССР. Из заготовленной продукции он 5,9% направил свердловским организациям, а остальную часть перепродал различным организациям Урала, Сибири и др. по повышенным ценам, обратив полученную разницу в свою личную пользу.

Производя заготовки в Кибрайском районе, Томилин вовлек в свои злоупотребления зам. зав. Кибрайским заготпунктом Коротько Афанасия и бухгалтера этого пункта Миноварова. Закупая овощи и фрукты у совхозов и колхозов, Томилин заготовил эти продукты через Кибрайский заготпункт, составив при помощи Коротько и Миноварова фиктивные счета с преувеличением стоимости заготовленных продуктов.

В 1935 г. Томилин при помощи кокандских торговцев Файзуллина и других организовал в Новосибирске и Иркутске торговлю овощами под вывеской колхозной торговли. В действительности это предприятие являлось частной торговлей Томилина и других участников.

В 1933 г. Томилин приобрел в районе 128 разъезда дом за 25 000 руб., перепродав его впоследствии за 85 000 руб. Полученную разницу присвоил.

Несмотря на то, что свердловский завод «Металлист» аннулировал выданные Томилину полномочия еще в декабре 1934 г., Томилин от имени этого завода организовал подсобное хозяйство в Пахта-Аральском районе Казахстана, арендовав для этой цели колхозную землю.

Судом было установлено, что в результате злоупотреблений Томилина свердловским организациям причинен ущерб в размере 229 346 руб. 96 коп., из которых присвоенными оказались 166 922 руб. 67 коп.

Лившиц, будучи в 1934—1935 гг. уполномоченным свердловского пищеторга в г. Ташкенте, совместно с Томилиным незаконно получил и использовал 181 000 руб. банковского кредита; присвоил из имевшихся у него подотчетных сумм 18 070 руб.; из имевшихся у него товаров, предназначавшихся для стимулирования заготовок, приобрел в свою пользу на сумму 2072 руб. 93 коп.; не имея разрешения на заготовки в Ташкентской зоне, заготовил в этой зоне яблок на сумму 73 308 руб., оформив эти заготовки фиктивными счетами; присвоил себе звание члена партии, выдавал себя также за делегата XVII партийного съезда, красного партизана, награжденного оружием. Незаконно носил форму НКВД и хранил оружие системы «Браунинг» без соответствующего разрешения.

Коротько и Миноваров, будучи вовлеченными Томилиным в его преступную деятельность, систематически оформляли незаконные заготовки Томилина в Кибрайском районе, составляя для этой цели фиктивные счета с превышением цен.

Коротько и Миноваров по поручению Томилина проводили ряд незаконных заготовок.

В целях облегчения деятельности Томилина, Коротько и Миноваровым была нарушена кредитная реформа—допущено перечисление сумм для Томилина через кассу заготпункта и передано таким порядком Томилину наличными 179 456 руб.

За все эти «услуги» Коротько получил от Томилина 2 000 руб. и Миноваров 1 500 руб.

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Коротько и Миноварова по следующим основаниям: суд неправильно применил к Коротько закон от 7 августа 1932 г., так как по данному делу не установлено участие Коротько в хищениях. Коротько способствовал преступной деятельности Томилина, составлял фиктивные преувеличенные счета для него, производил незаконные заготовки, а также перечислял деньги через заготпункт и предоставил Томилину большую сумму наличными. Эти действия являются злоупотреблением служебным положением в корыстных целях (поскольку Коротько получил от Томилина

2000 руб.) и должны быть квалифицированы по ст. 140 ч. 1 УК УзССР.

Неправильно также применение к Миноварову ст. 148 УК УзССР (растрата), так как по данному делу не установлено ни одного случая присвоения или растраты со стороны Миноварова; он точно так же, как и Коротько, путем злоупотреблений способствовал преступной деятельности Томилина. Поэтому действия Миноварова должны быть квалифицированы только по 1 ч. ст. 140 УК УзССР.

Коротько и Миноваров совершили преступление впервые, будучи вовлечены в него Томилиным.

Учитывая это обстоятельство, а также то, что Коротько и Миноваров в хищениях Томилина участия не принимали, наказание, установленное им судом, по своей суровости, не соответствует совершенному ими преступлению.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила преступление Афанасия Коротько и Махмуда Миноварова переквалифицировать на ст. 140 ч. 1 УК УзССР и определенную им меру наказания снизить до 5 лет лишения свободы каждому.

**
*

Линейный суд Московско-Курской железной дороги 27 февраля 1933 г. в числе других лиц признал виновным заведующего магазином ТПО Дагаева в том, что он вместе с другими служащими магазина (всего 9 человек) допустил ряд злоупотреблений по службе, а именно: продавал один сорт хлеба за другой и присваивал разницу; брал себе и давал знакомым больше хлеба, чем полагалось по норме; позволял продавцам делать то же самое.

Преступлениями всех осужденных был причинен и материальный ущерб государству в сумме 5025 руб. 24 коп., в том числе лично Дагаевым 2565 руб.

За это преступление Дагаев был по закону 7 августа 1932 г. приговорен к 10 годам лишения свободы.

Обвинительное заключение было составлено с квалификацией преступления Дагаева по ст. 109 УК и лишь резолюцией прокурора дороги было переквалифицировано по закону 7 августа 1932 г.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР 21 марта 1933 г. приговор оставила в силе, но Дагаеву без изменения квалификации снизила срок лишения свободы до 5 лет, а остальным до исправительно-трудовых работ на разные сроки.

Дагаев был арестован 26 августа 1932 г. и в мае 1934 г. из лагерей бежал, скрывался и работал в разных местах.

В апреле 1937 г. Дагаев, в связи со статьями в центральной печати о явке с повинной, из Ашхабада приехал в Москву и явился в Московский уголовный розыск с повинной.

Дагаеву был выдан годичный паспорт и его прописали в Царицыно-Дачное. По справке уголовного розыска Дагаев после побега из лагерей преступлений не совершал.

Принимая во внимание вышеизложенное и учитывая, что закон 7 августа 1932 г. был к Дагаеву применен неправильно, так как его преступление предусмотрено ст. 109 УК, Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Дагаева.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила снизить меру наказания, определенную Дагаеву, до 2 лет лишения свободы, считая эту меру наказания условной, с испытательным сроком в 2 года.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА МЯГКОСТЬЮ

Линейный суд Ленинской железной дороги 27 мая 1937 г. приговорил по ст. 59³ п. «в» ч. 1 УК РСФСР Дьяконова И. Т. к 2 годам лишения свободы условно.

11 июня Коллегия по транспортным делам Верхсуда Союза ССР приговор линейного суда утвердила.

Дьяконов был признан виновным в том, что, будучи механиком на сортировочной горке ст. Перово, неоднократно допускал аварии и порчу моторов в машинном отделении механизированной горки.

Так, 19 октября 1936 г. Дьяконов пустил компрессор без достаточного охлаждения; опасность вывода из строя агрегата была предотвращена начальником горки Ефремовым.

29 октября сжег реостат и скрыл это при сдаче дежурства, вследствие чего при пуске мотора произошла вспышка и мотор выбыл из строя.

В ночь с 1 на 2 ноября 1936 г. подлил в компрессор, вместо компрессорного, машинное масло, отчего могла произойти авария.

Допускал неправильную чистку контактов, что вызывало неправильную работу механизированных стрел.

Вывод, который делает в своем приговоре суд, что указанные действия Дьяконова являются результатом его неопытности, противоречат показаниям самого обвиняемого на суде, указывающего, что после окончания учебы он в течение двух лет работал на практической работе.

Кроме того при вынесении приговора суд не учел целого ряда моментов, характеризующих личность обвиняемого с отрицательной стороны.

В дипломе об окончании учебного заведения Дьяконов учинил подлог, сделав не соответствующую действительности приписку, характеризующую его, как ударника по учебе.

Не имея специального разрешения, он изготовил себе ключ, при помощи которого мог проникать в компрессорное отделение, в фидер высокого напряжения и в релейное отделение и, наконец, без разрешения скопировал для себя схему релейного управления.

Принимая во внимание изложенное, в отношении Дьяконова должно быть применено наказание — безусловное лишение свободы. По этим соображениям Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии в части применения условного наказания к Дьяконову.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор линейного суда и определение Транспортной Коллегии Верховного суда СССР по делу Дьяконова отменить и дело вернуть на новое рассмотрение в тот же линейный суд.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОСУЖДЕНИЕ

9—10 июня 1937 г. линейный суд железной дороги им. Кирова приговорил по ст. 59[3в] ч. 1 УК РСФСР Гришину Клавдию Михайловну к 2 годам лишения свободы, Борихину Павлину Семеновну к 4 годам лишения свободы и Попова Александра Александровича к 3 годам лишения свободы.

1 июля 1937 г. Транспортная коллегия Верховного Суда СССР приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии Верховного суда в отношении Гришиной и Борихиной по следующим основаниям.

13 мая 1937 г. в 3 ч. 47 мин. на ст. Волховстрой жел. дороги имени Кирова поезд № 63 был принят на первый путь, занятый поездом № 79. Крушение было предотвращено машинистом поезда № 63 Корниловым.

Выводы линейного суда, что основными виновниками приема поезда № 63 на занятый путь являются старший стрелочник Гришина и младший стрелочник Борихина, находятся в противоречии с фактическими обстоятельствами дела.

Обстановка, предшествовавшая приему поезда № 63 на занятый путь, была такова:

В 3 ч. 27 мин на ст. Волховстрой-2 прибыл поезд № 79, который был принят на первый путь. Дежурный по станции Попов, зная что поезд хвостовой частью остановился на стрелке № 87 и тем самым загородил проход на второй путь, не принял мер для установки поезда в пределах контрольного столбика первого пути и к освобождению прохода на второй путь.

До прибытия на станцию поездов №№ 908 и 63 Попов без особой необходимости дал несколько распоряжений стрелочным постам о приготовлении маршрутов после прибытия поездов №№ 908 и 63.

Таким образом, Попов своими действиями создал путаницу в работе и тем самым дезориентировал работников станции, лишив их возможности четко выполнять полученные ими распоряжения. В частности, в таком положении оказалась Гришина — старший стрелочник.

Перед прибытием поезда № 63, когда семафор был ему уже открыт, Гришина, имея задание от Попова о приготовлении маршрута для другого поезда, дала распоряжение неопытному младшему стрелочнику Борихиной (работает на транспорте с 23 апреля 1937 г.) после прибытия поезда № 63 подготовить маршрут на выход с 5-го пути к поезду, идущему на ст. Волховстрой-2, и передала ей ключи от стрелки №№ 1 и 3, а сама пошла выполнять другие задания: встречать поезд № 908 и пропускать паровоз с контрольного поста на 16-й путь.

Борихина, не дождавшись прибытия поезда № 63, перевела стрелку № 1, вследствие чего поезд № 63 был принят вместо второго пути на первый путь, занятый поездом № 79.

Так как Попов своими неправильными действиями поставил Гришину в чрезвычайно тяжелые условия работы, вследствие чего она не имела возможности правильно выполнить порученное ей задание и руководить работой младшего стрелочника Борихиной, то нет достаточных оснований для признания ее главным виновником приема поезда № 63 на занятый путь.

Что касается Борихиной, то из материалов дела видно, что она назначена на должность младшего стрелочника 23 апреля 1937 г., т. е. за 20 дней до этого случая. При назначении на работу Борихина выдержала испытание по ПТЭ посредственно.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила считать меру наказания, определенную Гришиной и Борихиной, условной, с испытательным сроком 2 года.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ОСУЖДЕНИЕ

Линейный суд Юго-Восточной железной дороги 28 ноября 1936 г. приговорил по ст. 59[3в] Колесникова Василия Васильевича к двум годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верхсуда СССР своим определением от 13 декабря 1936 года приговор этот оставила в силе.

По содержанию приговора виновность Колесникова заключалась в том, что он, следуя в качестве паровозного машиниста с поездом № 951, 31 октября 1936 г. проехал закрытый входной семафор, в результате чего поезд въехал в улавливающий тупик и потерпел крушение.

В результате крушения было разбито 16 и повреждено 8 вагонов. Убит главный кондуктор Панов, а убыток транспорту причинен в сумме 93 900 руб.

Материалами предварительного и судебного следствия было установлено, что крушение произошло в 3 часа 35 мин. в темную ночь, при сильном тумане.

Согласно § 277 ПТЭ, в ночное время, при сильном тумане, дежурный по станции обязан был оградить входной семафор петардами на расстоянии тормозного пути.

В данном случае ДСП Галкин, осужденный по этому же делу, семафор петардами не оградил.

Произведенной проверкой видимости семафора 31 октября 1936 г. в 5 час. 40 мин., т. е. через два часа после крушения, было установлено, что семафор был виден лишь за 160 метров, а расстояние от семафора до конца тупика равнялось 207 метрам. Таким образом машинист Колесников с места видимости закрытого семафора имел тормозной путь всего лишь 367 метров, вместо 800 установленных ПТЭ (§ 343).

Кроме этого материалами дела было установлено также, что и входной семафор поста 301 км имел вместо линзы простое стекло, а вместо 14-линейной — 10-линейную лампу. Такое неправильное оборудование семафора в значительной степени понижало его видимость. Входные же стрелки поста 301 км вопреки

требованиям ПТЭ не были оборудованы желтым стеклом, а имели старое зеленое стекло. В ночное время, при плохой видимости, зеленые огни стрелок могли ввести в заблуждение и паровозную бригаду.

Показания свидетелей Бирюкова (смазчика), Шевелева (пом. машиниста) и Козленко (кочегара) подтверждают, что машинист Колесников принял зеленый огонь стрелки за открытый семафор и что закрытый семафор был виден лишь на расстоянии 15—20 вагонов; что, заметив проезд семафора, Колесников принял все меры к остановке поезда, но ввиду короткого расстояния остановить поезд не смог. Причиной крушения поезда № 951, как это бесспорно установлено материалами дела, послужило неограждение закрытого семафора петардами.

За это грубое нарушение ПТЭ, повлекшее крушение поезда, правильно был осужден ДСП Галкин к 10 годам лишения свободы, а для привлечения к судебной ответственности машиниста Колесникова не было достаточных оснований.

Из документов, приложенных к делу, видно, что Колесников был стахановцем. В 1936 году за хорошую работу был премирован курортной путевкой и домашней обстановкой.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии Верхсуда СССР в отношении машиниста Колесникова как неправильные.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда Юго-Восточной ж. д. от 28 ноября 1936 г. и определение Транспортной коллегии Верховного суда СССР от 13 декабря 1936 г. в отношении Колесникова Василия Васильевича отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

19—20 июня 1937 г. линейный суд Калининской ж. д. приговорил Харитонова Прокофия Павловича по ст. 111 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы.

11 августа 1937 г. Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор линейного суда отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

14 февраля 1937 г. в родильное отделение Ржевской ж.-д. больницы была помещена роженица — стахановка Прасковья Лескова. После родов акушерка Яковлева обнаружила у Лесковой сильные разрывы родовых путей.

Врач-акушер Харитонов (начальник родильного отделения) отнесся к лечению больной бездушно-бюрократически. На пятый день после родов у больной начали обнаруживаться признаки эндометрального сепсиса и экзогенного психоза. Не созвав консилиума врачей и не исследовав больную, Харитонов отдал распоряжение отправить ее в Бурашевскую психическую больницу.

Лескова была отправлена в указанную больницу без документов (история болезни) и в явно антисанитарных условиях. Несмотря на сильный холод, она была отправлена в одной смирительной рубашке, без постельных принадлежностей, в жестком вагоне и без продуктов питания. 1 марта 1937 г. Лескова от эндометрального сепсиса умерла.

Кроме этого случая, следствием установлено, что по вине Харитонова в сентябре 1936 г. несвоевременно была сделана операция гр. Виноградовой, вследствие чего Виноградова умерла.

Транспортная коллегия предложила точно выяснить функции врача Харитонова как администратора и удовлетворить его ходатайство о вызове в судебное заседание эксперта.

Ходатайство Харитонова о вызове в судебное заседание эксперта Лаухина было удовлетворено и эксперт Лаухин был допрошен в суде.

В отношении второго предложения Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР «точно выявить функции врача Харитонова как администратора», то совершенно непонятно, что этим хотела сказать Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР.

Материалами дела в полной мере выявлены функции врача Харитонова и установлена его преступная халатность в лечении больных.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии Верховного суда СССР от 11 августа 1937 г. по делу Харитонова отменить и дело о нем передать на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегию в ином составе.

Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах

Старые и новая „оговорки" в Голландской конституции

Ленин, как известно, писал: «Нет ни одного хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п. «в случаях нарушения порядка», — на деле в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски» [1].

Разумеется, такие оговорки содержатся и в голландской конституции.

В Голландии действует конституция 1887 г. под именем «Основного закона Нидерландского королевства» [2]. В то время как конституция 1848 г., бывшая отголоском пронесшегося по Европе революционного шторма, не содержала в себе никаких постановлений об исключительном положении, конституция 1887 г. имеет статью 189, которая гласит:

«В целях поддержания внешней или внутренней безопасности каждая часть территории королевства может быть объявлена королем или его именем на военном или на осадном положении. Закон определяет форму и случаи этого объявления и регулирует его последствия.

В этих случаях может быть решено, что конституционные правомочия гражданской власти в отношении полицейского порядка и полицейских мер переходят полностью или частично к военной власти и что гражданские власти подчиняются военным властям.

Кроме того могут делаться отступления от статей 7, 9, 159 и 160 конституции.

В случае войны могут также делаться отступления от раздела 1 статьи 157».

Для того, чтобы судить, как широки допускаемые при военном или осадном положении отступления от общих конституционных норм, гарантирующих гражданам их основные права, следует привести и те статьи конституции, на которые сделаны ссылки в ст. 189.

Ст. 7. «Никто не нуждается в каком-либо предварительном разрешении для опубликования путем печати своих мыслей или своих мнений, но каждый ответственен за них по закону».

Ст. 9. «Право объединяться и собираться признается за жителями королевства. Закон определяет и ограничивает пользование этим правом в интересах общественного порядка».

Ст. 159. «Не разрешается проникать в жилище против воли его обитателя иначе, как в предусмотренных законом случаях и в силу особого или общего полномочия со стороны указанной законом власти. Закон определяет порядок осуществления этого права».

Ст. 160. «Тайна писем, доверенных почте или всякой другой пересылочной службе, ненарушима, поскольку нет на то полномочия судьи в случаях, точно указанных законом».

Ст. 157, ч. 1. «Никто не может быть изъят против своей воли из подсудности тому судье, который указан ему законом».

В силу 4 части 189 статьи отступления от нормальной подсудности могут делаться в случае войны. Уже при обсуждении проекта ст. 189 конституции возник вопрос, подходит ли под понятие войны также гражданская война. Правительство в своей мемории дало ответ: «С правовой точки зрения война имеет место тогда, когда противостоящие друг другу вооруженные силы признаны, как ведущие войну стороны».

1 часть ст. 189 требует издания особого закона, который определил бы форму и случаи объявления военного или осадного положения и нормировал бы его последствия. Это было выполнено изданием закона 23 мая 1899 г., который вступил в силу 1 мая 1901 г.

Специфическую особенность голландского закона о военном положении, находящую себе объяснение в местных географических условиях, составляют специальные постановления, направленные к охране водных сооружений, торфяных болот и польдеров [1].

Недавний опыт показал, что оговорка конституции о военном положении используется именно для того, чтобы двинуть войска против рабочих, когда они не хотят вести себя по-рабски.

После того, как было объявлено о снижении пособий по безработице, 4 июля 1934 г. во многих кварталах Амстердама были организованы, под руководством КП Голландии и комитетов безработных, демонстрации протеста. Эти демонстрации, а также организованная в тот же вечер в рабочем квартале, Индише Буурт, антифашистская демонстрация привели к столкновениям с полицией. 5 июля компартия

[1] Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, т. XXIII, стр. 347.

[2] Русский перев. см. в сборн. «Конституции буржуазных стран», т. II, 1935 г., стр. 496—530.

[1] Польдерами в Голландии называются ровные и болотистые по своей природе пространства, в большей своей части лежащие ниже уровня моря, обращенные в сочные пастбища и тучные нивы. Как известно, тот по истине грандиозный труд, который затратили голландцы для того, чтобы отвоевать землю у моря и превратить топи в цветущие пашни, внушил Гете следующие строки в «Фаусте»: «Стоит болото, горы затопляя. И труд оно сгубить готово мой. Я устраню гнилой воды застой, вот мысль моя последняя, святая. Пусть миллионы здесь людей живут и на земле свободный труд да процветает». Трудовой народ Голландии показал, на какие подлинные чудеса он способен, но труд в Голландии не стал свободным.

и революционная профоппозиция призвали рабочих к стачке протеста. 6 июля значительная часть амстердамских грузчиков и строительных рабочих уже бастовала.

На борьбу с движением безработных были мобилизованы не только полиция, но и специальные воинские части (жандармерия и военизированная полиция) и бронированные автомобили. Амстердамский бургомистр отдал приказ стрелять без предупреждения в каждого, кто в неуказанное время покажется на улицах рабочего квартала. 7 июля глава правительства Коллин, прибывший в Амстердам в сопровождении военного министра, взял на себя личное руководство карательными действиями против рабочих.

Демонстрации продолжались вплоть до 9 июля. При этом оказалось шесть рабочих убитых и много рабочих раненых. Множество рабочих было арестовано и приговорено к тяжелым наказаниям. Полиция захватила типографию коммунистического органа «Трибюне», причем были разобраны типографские машины. 19 июля был издан закон, направленный против революционной печати [1].

Закон 19 июля 1934 г. называется законом об охране «общественного порядка». Он обширен, несмотря на то, что речь идет в нем только о распространении, опубликовании и выставлении сочинений или изображений и об устных публичных выступлениях.

Он предусматривает призыв к преступлению или к насильственным действиям против публичных властей, предложение сообщить сведения или предоставить подходящие условия или средства для совершения преступления, выражение оскорбительного мнения о властях или о публичноправовом институте, о той или другой части населения или о группе лиц, принадлежащих к определенной части населения страны.

Закон, кроме того, изменяет редакцию ряда статей уголовного кодекса (повышая их репрессивность) об оскорблении членов королевского дома или лица, представляющего иностранную державу, о выражении мнения, оскорбляющего религиозные чувства. Чрезвычайно детально разработанные постановления закона рассчитаны на то, чтобы никто из лиц, причастных к предусмотренным в нем преступлениям, не ушел от ответственности.

Предусматривая наказание тюремным заключением до двух лет за выражение оскорбительного по форме мнения не только об органах власти, но даже о публичноправовом институте, закон не много оставляет от провозглашенной конституцией свободы слова. Такие, например, выражения, как «проклятое иго капиталистической собственности» или «правительство — раболепный приказчик буржуазии», публично сказанные или нашедшие место в произведении печати, уже заключают в себе состав преступления.

Голландский профессор Помпе совершенно справедливо считает существеннейшим новшеством в законе 1934 г. то, что осведомленность виновного относительно содержания произведения печати этот закон уже не вводит в число необходимых признаков наказуемого распространения произведений печати с преступным содержанием; он удовлетворяется наличностью «серьезных оснований» для подозрений, которые обвиняемый должен был иметь относительно содержания произведений печати [1].

После событий в июле 1934 г. правительство направило курс на подготовку установления фашистской диктатуры. Несмотря на некоторые показные меры против фашистов, правительство пошло навстречу фашистскому движению, возглавляемому Муссертом [2].

Фашистское движение в Голландии поддерживается материально промышленниками, которые связаны экономическими интересами с тяжелой промышленностью Германии. Победа Гитлера в начале 1933 г. вызвала большое торжество среди голландских фашистов. После германских событий 30 июня 1934 г. германские фашисты сочли себя вынужденными изменить ориентацию. Государством, которое нашло путь спасения из обрушившегося на Европу кризиса, была объявлена Италия, но когда война с Абиссинией и приемы, пущенные Италией в ход в этой войне, вызвали негодование в широких слоях голландского населения, фашисты из опасения потерять базу, на которую они могли бы опираться, снова «повернулись лицом» к Гитлеру. Конечно, при этом фашистское движение в Голландии все время характеризовалось как «чисто голландское», хотя вся его программа насквозь проникнута духом Гитлера — Розенберга — Геббельса, с тем отличием, что лозунг: «Германия для немцев» должен был уступить место лозунгу: «Голландия для голландцев», да и это отличие руководители голландской фашистской группировки национал-социалистов (N. S. B.) постарались смягчить открытием, что Голландия в старых хрониках называлась «Dietschland» [3].

Между правительством Коллина и руководимым Муссертом фашистским движением существует расхождение в вопросах о темпах фашизации и внешнеполитической ориентации Голландии. Последнее расхождение объясняется тем, что правительство опирается на те влиятельные группы голландской буржуазии, которые тяготеют к Англии. В вопросе же о направлении внутренней политики между правительством и открытым фашизмом в сущности нет расхождения. Правительство объявило о своем намерении провести конституционную реформу, в основу которой должны быть положены: 1) устранение из парламента «революционных» представителей народа и 2) упразднение свободы печати и введение предварительной цензуры [4].

В результате парламентских выборов, имевших место в мае 1936 г., фашисты потерпели поражение: многие группировки из тех слоев

---

[1] Annuaire de l'Institut international de droit public, 1935, изд. 1936 г., стр. 759—765.

[1] Zeitschr. f. die Strafrechtswiss., 1936, 56 т., стр. 617.

[2] Икс, Уроки движения безработных в Голландии, «Ком. интернационал» 1934 г., № 26—27, стр. 64—66. Об июльских событиях см. также «Barricaden in Amsterdam» в «Rundschau» 1934 г., № 40.

[3] Германия называется «Deutschland».

[4] Neter. Le danger fasciste en Hollande. La correspondance internationale 1935 г., № 116—117.

мелкой буржуазии, которые их раньше поддерживали, напуганные германской агрессией, отказали им в своих голосах. Однако реакция, представленная антиреволюционной партией, клерикальной и римско-католической государственной партией, все же одержала победу благодаря тому, что правые вожди социалдемократии сделали все от них зависящее, чтобы помешать сплочению рабочих[1]. Характерной иллюстрацией к избирательной механике буржуазных стран является то, что после выборов коммунисты потеряли в парламенте одно место, хотя число голосов за коммунистов увеличилось с 118 236 в 1933 г. до 177 070[2].

После выборов правительство приступило к осуществлению своей угрозы провести реформу конституции.

Из «Бюллетеня Международного юридического института» мы узнаем, что уже к июлю 1936 г. генеральными штатами (парламентом) был принят проект изменений в конституции. Одно из этих изменений допускает лишение полномочий тех членов законодательных палат, которые высказывают мнения, клонящиеся к ниспровержению незаконными способами установленного политического порядка. О лишении полномочий члена парламента должна постановлять особая комиссия, состоящая из членов, назначаемых королем[3].

Что остается после этого от парламентского иммунитета, от того, считающегося, неотъемлемой принадлежностью демократического режима, положения, согласно которому контроль над высказываниями членов парламента может принадлежать только самому парламенту? Классовая природа самодержавия когда-то одно из ранних выражений нашла в афоризме «und der König absolut, wenn er unsern Willen thut» — «и король царить свободен, если нам во всем угоден», причем «нам» сначала значило: иезуитам, а потом — крупнопоместному дворянству. Пришедшая к власти буржуазия воле короля противопоставила волю парламента, а теперь та же буржуазия на последнем этапе ее развития (этапе загнивающего капитализма) сама создает такое положение, при котором старый афоризм требует лишь незначительной перефразировки: члены парламента свободны высказывать свои мнения, если они не кажутся опасными королю и его комиссии.

Н. Полянский.

Буржуазное „правосудие" в борьбе с детской преступностью

Колоссальный рост детской преступности в капиталистических странах является настолько очевидным и угрожающим фактом, что его уже не в силах скрывать ни буржуазная пресса, ни официальная буржуазная печать. Этот факт вызывает огромную тревогу в рядах буржуазии, которая через свой аппарат государственного принуждения (полицию, суд, тюрьму) обрушивается всей тяжестью репрессии на юных правонарушителей.

Правда, идеологи буржуазии, говоря о борьбе с детской преступностью, любят обычно много распространяться на тему о гуманности правосудия, о широких воспитательных мероприятиях, осуществляемых реформаториями и другими исправительными учреждениями для несовершеннолетних преступников, о благодетельной роли патроната и т. д.

Но все эти утверждения являются не чем иным, как обычной вуалировкой, за которой скрывается безграничная жестокость репрессии и методов ее применения, сплошь и рядом доходящих до прямого издевательства и попрания человеческого достоинства.

Достаточно сказать, что основными мерами судебного воздействия в отношении несовершеннолетних являются арест и лишение свободы, отбываемые осужденными в условиях жестокой эксплоатации их труда и сурового тюремного режима. Характерными чертами этого режима являются: запрещение прогулок, разговоров, игр и песен, применение за малейшие провинности порки, карцера, лишения пищи и т. д. При этом лишение свободы зачастую назначается на весьма длительные сроки.

Так, например, по данным проф. Сендерс (США) несовершеннолетние правонарушители, осужденные к тюремному заключению на сроки от 5 до 20 лет, составляют 23,2%, то есть почти ¼ часть всех несовершеннолетних, подвергнутых лишению свободы. В отношении же детей негров процент осужденных к указанным срокам доходит до 27,7%.

Далеко не редки случаи, когда несовершеннолетние приговариваются к заключению на 50 лет и выше.

Общеизвестным фактом является осуждение американским судом штата Алабама одного из узников Скоттсборо, негритянского юноши Паттерсона, к 75 годам тюремного заключения.

Такая судебная практика в области борьбы с преступностью несовершеннолетних в США целиком вытекает из общего духа американского уголовного законодательства. Типичную черту последнего при всей его пестроте, текучести и декларировании ряда мероприятий либерального характера (школьно-педагогические, семейно-оздоровительные, психические, гигиенические и т. п. меры), составляет жестокая репрессия в борьбе с детской преступностью.

Та же самая жестокость наказаний, применяемых к несовершеннолетним, является характерной и для английского законодательства.

Новый закон о малолетних и несовершеннолетних, изданный в 1933 году (The Childern Young Persons Act, 1933), признавая абсолютно невменяемыми лишь детей в возрасте до 8 лет, устанавливает для правонарушителей от 14 до 17 лет наказание в виде заключения в месте, какое будет указано министром внутренних дел, «до тех пор, пока королю будет угодно», т. е. на неопределенный срок.

Кроме того, в отношении лиц, достигших 16-летнего возраста, наряду с указанным новым законом, сохраняет до сих пор силу закон о детях, изданный в 1908 году (Childern Act, 1908).

---

[1] К. Скалнер, Итоги парламентских выборов в Голландии, «Комм. интернационал» 1937 г., № 6.

[2] La Correspondance internationale, 1937, № 24.

[3] Bulletin de l'Institut juridique international, 1937, стр. 72.

Для того чтобы наглядно убедиться в жестокости этого закона, достаточно ознакомиться хотя бы со следующими его статьями:

Статья 103. «Приговор о смертной казни не может быть произнесен или подписан в отношении малолетнего или несовершеннолетнего, вместо этого суд должен приговорить малолетнего или несовершеннолетнего к содержанию его в заключении на срок, пока это его величеству угодно будет, и, будучи так приговорен, малолетний или несовершеннолетний должен независимо от каких-либо иных указаний этого закона содержаться в таком месте и на таких условиях, как это будет предписано государственным секретарем, и в течение такого заключения считается содержащимся под стражей».

Ст. 104. «Если малолетний или несовершеннолетний приговорен по обвинительному акту за покушение, за убийство или за смертоубийство или за нанесение тяжких ран и суд приходит к убеждению, что ни одно из наказаний, которое возможно наложить по указаниям этого закона, не будет достаточным, то суд может приговорить преступника к заключению на такой срок, который будет указан в приговоре, и если такой приговор состоится, то малолетний или несовершеннолетний должен, в течение этого срока, независимо от каких-либо иных указаний этого закона, быть содержим в таком месте и на таких условиях, какие предпишет государственный секретарь, и пока так содержится, должен считаться под стражей».

Содержание этих статей показывает, что в отношении несовершеннолетних не только допускается вынесение абсолютно неопределенных приговоров, но что к ним могут быть применены любые меры по усмотрению суда, не считаясь с уголовными санкциями, предусмотренными соответствующими законами. Иными словами, эти законодательные постановления, как и целый ряд других, обрекают несовершеннолетних правонарушителей на произвол судебных и административных властей.

Французское законодательство о борьбе с детской преступностью, в основе которого лежит закон от 22 июля 1922 года (Loi sur les tribunaux pour enfants et adolescents et sur la liberté surveillée), частично дополненный и измененный в 1921 году, устанавливает уголовную ответственность несовершеннолетних, достигших 16 лет и выше, на общих основаниях со взрослыми, допуская лишь некоторые смягчения для детей от 13 до 16-летнего возраста.

Статья 67 указанного выше закона гласит: «Если будет признано, что несовершеннолетний в возрасте от 13 до 16 лет действовал с разумением, то наказания назначаются так: «Если он подлежал бы смертной казни, каторжным работам без срока или ссылке, то он приговаривается к заключению в исправительной колонии на срок от 10 до 12 лет.

Если он подлежал бы каторжным работам на срок, заточению или заключению в исправительном доме, то он приговаривается к заключению в исправительной колонии на срок не менее трети и не более тех сроков, каким он подлежал бы при одном из указанных наказаний.

Во всех случаях ему может быть воспрещено право проживания в местностях, ему объявленных правительством, в течение срока от 5 до 10 лет.

Если он подлежал бы лишению прав состояния и изгнанию, то он подлежит заключению в исправительной колонии на срок от 1 года до 5 лет».

Из содержания этой статьи совершенно ясно, что принципиального, качественного различия в применении репрессии к несовершеннолетним правонарушителям и взрослым преступникам французское законодательство не проводит, особенно если учесть лишенный элементарных условий воспитательного воздействия суровый режим так называемых «исправительных» колоний для несовершеннолетних.

Не менее суровым является режим в существующих во Франции в силу закона 1912 года частных домах для малолетних правонарушителей. Эти дома, официально считающиеся благотворительными, в действительности представляют собою коммерческие предприятия, преследующие цель извлечения прибыли путем жестокой эксплоатации содержащихся в них детей.

Вот как характеризует один из очевидцев режим этих «благотворительных» заведений:

«Единственная разница между этой каторгой для малолетних, где можно встретить, как это случилось со мной, преступников 4½ лет, и домами терпимости — та, что проститутки могут получить свободу, когда им захочется, и в случае опасности, угрожающей их жизни, имеют право позвать на помощь полицию. На частной же каторге, находящейся всегда в пустынной местности за городом, можно кого угодно задушить и изнасиловать, как на большой дороге»[1].

По бельгийскому закону от 15 мая 1912 г. «об охране малолетних» (Loi sur la protection de l'enfance), детским судам подсудны все дела о несовершеннолетних правонарушителях в возрасте до 16 лет, а также дела о лицах до 18-летнего возраста, если они обвиняются в нищенстве, бродяжничестве и по жалобам родителей и опекунов. Во всех иных случаях несовершеннолетние от 16 до 18 лет подсудны так же, как и по французскому законодательству, общим судам.

Что касается мер наказания, то последние применяются в весьма широких пределах.

Так, согласно ст. 22 бельгийского закона от 15 мая 1912 года, несовершеннолетние, совершившие тяжкие преступления, а также признанные судом «морально развращенными» и поэтому не подлежащими помещению в исправительные заведения, передаются в «распоряжение правительства для помещения в государственное дисциплинарное заведение» на срок до 10 лет. В тех же случаях, когда за соответствующее преступление законом предусматривается смертная казнь или каторжные работы, несовершеннолетние подвергаются заключению в этих заведениях на срок до 20 лет, считая со времени наступления совершеннолетия.

Это означает, что осужденный, войдя в тюремные ворота ребенком, может из них выйти пожилым, сорокалетним человеком.

[1] «За рубежом» № 36, 1934 г., стр. 9.

В Германии борьба с преступностью несовершеннолетних официально регулируется законом о судах для юношества, принятым 27 февраля 1923 года.

К ведению этих судов относятся дела о несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. Наряду с применением к несовершеннолетним правонарушителям таких мер, как отдача под попечительный надзор, помещение в закрытые учреждения, наложение специальных обязательств в виде возмещения ущерба, воздержания от алкоголя и т. д. — закон предусматривает широкое применение тюремного заключения и осуждения в крепость.

Согласно § 9 указанного закона, заключение несовершеннолетних в тюрьму и крепость может назначаться на срок до 10 лет. Но если формально закон от 27 февраля 1923 года говорит не только о карательных, но и о предупредительно-воспитательных мерах воздействия в отношении несовершеннолетних, то фактически в условиях фашистской Германии применяются почти исключительно карательные меры.

Общеизвестно, что уголовное право третьей империи представляет собой террористическую систему карательной политики фашистской диктатуры.

Беря из разнообразных направлений уголовноправовой мысли все самое реакционное, широко используя пропаганду шовинизма и расового неравенства в целях социальной демагогии, фашизм осуществляет жестокую расправу над широчайшими массами трудящихся.

Отсюда не случайно то обстоятельство, что в основе так называемого волевого уголовного права германского фашизма лежит заимствованная из арсенала социологической школы реакционнейшая теория опасного состояния личности.

«Секрет» заключается в том, что согласно указанной теории, предлагается определять карательную репрессию, исходя исключительно из «опасности личности» (читай: классовой опасности) правонарушителя, независимо от содержания и характера совершенного преступного действия.

Тем самым открываются широчайшие возможности для беспощадного подавления всякого сопротивления и неповиновения господствующим классам со стороны трудящихся.

Эти характерные черты фашистской уголовной политики находят свое полное выражение и в борьбе с несовершеннолетними правонарушителями.

Исключительное законодательство гитлеровской Германии, как известно, не делает разграничения в отношении уголовной ответственности взрослых и несовершеннолетних, в особенности по политическим делам.

Тем самым на несовершеннолетних обрушиваются со всей жестокостью меры судебной и еще в более сильной степени внесудебной расправы.

Показателем «заботы» о молодежи в Италии может служить прежде всего ряд постановлений, содержащихся в итальянском фашистском уголовном кодексе. В силу статей 571 и 572 этого кодекса, истязания детей, воспитанников или учеников влекут применение наказания только тогда, когда эти меры вызвали опасность телесной или душевной болезни. Но и в этих последних случаях наказания ограничиваются исправительным домом на срок до 6 месяцев. Если в результате истязания малолетних им были причинены телесные повреждения, то обычная санкция за телесные повреждения сокращается на ⅓.

Точно таким же варварским отношением к несовершеннолетним характеризуется и введенный 20 июля 1934 г. специальный закон о судах для несовершеннолетних правонарушителей, полностью закрепляющий практику фашистского террора, широко применяемого как в судебной, так и во внесудебной форме в борьбе с детской преступностью [1].

Это явствует уже из того, что, устанавливая подсудность детским судам лиц в возрасте до 18 лет, закон одновременно допускает два весьма существенных изъятия из этого правила.

Во-первых, прокурору предоставлено право в ряде случаев передавать дела о несовершеннолетних на разрешение претора, то есть единоличного судьи. Во-вторых, когда несовершеннолетние привлекаются к ответственности вместе со взрослыми, они подсудны общим судам, а также специальным трибуналам для защиты государства.

Совершенно очевидно, что изъятия открывают широчайший простор для применения к юным правонарушителям беспощадной репрессии по всем более или менее тяжким преступлениям, и в первую очередь по политическим делам.

Статья 11 закона является выражением социальной демагогии, столь присущей вообще фашистскому законодательству.

Эта статья требует при разрешении дел о несовершеннолетних выяснения личных и семейных обстоятельств «с точки зрения физических, психических, моральных моментов и влияния среды». По всем этим обстоятельствам судьи и прокуроры должны собирать необходимые сведения, «не будучи связаны никакими формальностями».

На деле все эти сведения они черпают, прежде всего, от полиции и фашистских организаций молодежи, чем и определяется классовая, политическая направленность судебных приговоров и определяемых в них мер наказания.

Не менее показательно и то, что в силу требований закона подлежат помещению в исправительный реформаторий и могут там содержаться до достижения 21 года несовершеннолетние, не совершившие никакого преступления, но являющиеся безнадзорными, а также признанные «сбившимися с пути» или «имеющими дурную славу».

Ясно, что под эту рубрику подводятся, в первую очередь, все несовершеннолетние, являющиеся политически неблагонадежными с точки зрения фашистских судебных и полицейских властей.

Но если дело обстоит таким образом в отношении лиц, которым не предъявляется каких-либо конкретных обвинений, то в несравненно более тяжелые условия ставятся несо-

[1] Подробно об этом законе см. «Бюллетень иностранной информации», 1935 г., № 2—3, стр. 21—28.

вершеннолетние, осужденные за те или иные преступления.

Долголетнее тюремное заключение, непосильная работа, казарменная обстановка, атмосфера религиозного дурмана — вот что с неизбежностью ожидает этих несовершеннолетних.

Те же самые черты присущи и японскому закону о судах для несовершеннолетних, изданному 1 января 1923 г.

Эти суды разбирают не только дела о лицах, совершивших преступления, но и о лицах, которые «обнаружили преступные наклонности».

Хотя минимальный возраст подростков, дела которых подлежат ведению детских судов, определен в 14 лет, однако, по особым требованиям эти суды могут принимать к рассмотрению дела о детях, и не достигших 14 лет. Все политические дела, как и вообще дела о преступлениях, за которые уголовными законами предусмотрены меры наказания в виде смертной казни, пожизненных каторжных работ или заключения на 3 года и выше,—из ведения детских судов изъяты и подлежат рассмотрению на общих основаниях.

Таковы на деле «гуманность» и «беспристрастие» капиталистического правосудия.

Из всего сказанного выше с несомненностью вытекает, что в практике капиталистических судебных и исправительных учреждений для несовершеннолетних отсутствуют воспитательные мероприятия. Так называемые воспитательные учреждения для несовершеннолетних действуют на основе палочной дисциплины и являются на деле не чем иным, как тюрьмами.

Все они, как вполне правильно указывает А. Я. Вышинский, в конечном итоге приспособлены к разрешению основной задачи буржуазной пенитенциарной системы — «донять» преступника причинением ему моральных и физических страданий, через которые, по утверждению буржуазных пенитенциаристов, и особенно нынешнего фашистского толка, лежит путь к борьбе с преступностью.

Не случайно XI международный тюремный конгресс (Берлин, 1935 г.) публично провозгласил в своей программе работ этот принцип, заявляя, что сущность наказания заключается в причинении страданий.

Один из авторов следующим образом описывает режим воспитательного учреждения для несовершеннолетних преступников во Франции: «Дух его характеризуется тем, что власти стремятся достичь подчинения малолетних преступников путем внушения им страха перед наказаниями и путем железной дисциплины, перед которой воспитанники должны склоняться беспрекословно; наказания попрежнему рассматриваются как наиболее действительное оружие поддержания порядка и успеха перевоспитания. Благодаря этому духу воспитательные учреждения сохраняют в своем существе характер карательного учреждения»[1].

Как сообщает один из журналистов, во французской детской тюрьме «Бель-Иль» дети подвергаются чудовищным пыткам, порка является обычной формой наказания. Детей сажают за малейшие провинности на продолжительные сроки в тесный карцер, где нельзя ни лечь, ни даже сесть. Их изнуряют голодом и жаждой, заставляют пить собственную мочу, подвергают изощренным истязаниям и т. д.

Подобный режим существует в большинстве детских тюрем Франции.

Насколько далеко идут попытки властей терроризировать несовершеннолетних угрозой тяжких наказаний, может свидетельствовать следующий факт, приведенный «Нью-Йорк Таймс» от 12 мая 1935 г. Совет по борьбе с детской преступностью в Нью-Йорке организовал весной 1935 г. для школьников в возрасте от 12 до 15 лет цикл лекций, в которых пропагандировалась идея о неизбежности раскрытия всех совершаемых преступлений и неизбежности суровой кары за них. Для большей «убедительности» преподносимого слушателям материала советом были организованы своеобразные «практические занятия». На школьников были надеты ручные кандалы и они были отвезены в полицейском фургоне в тюрьму, где их разместили по камерам и продержали несколько часов, после чего отпустили по домам.

Основная задача этого эксперимента заключалась в том, чтобы психически воздействовать на детей, запугивать их тягостной обстановкой тюремного заключения.

Наряду с запугиванием, применяемым, так сказать, в «профилактических целях», буржуазная юстиция прибегает в широких размерах к прямому издевательству в отношении лиц, совершивших те или иные правонарушения.

Характерным в этом отношении является эпизод, сообщенный «Нью-Йорк Таймс» от 28 января 1935 г.: шестнадцатилетний Эдуард Фостер, семья которого состоит из отца, потерявшего работоспособность, матери и пятерых детей, совершил совместно с двумя старшими братьями кражу из продовольственного магазина.

Два брата были направлены в реформаторий, а Эдуарду судья предложил выбор между реформаторием и ежедневной 30 километровой прогулкой в соседний поселок с грузом на спине, весящим столько же, сколько весили украденные им товары, около 9 кг.

Сколько бешеной классовой ненависти и звериной злобы в этом чудовищном по всей бессмысленности приговоре!

Совершенно исключительную картину по своей суровости и дикому глумлению над несовершеннолетними правонарушителями представляет собой режим воспитательных учреждений в фашистских странах.

В Германии юные правонарушители, отданные целиком на произвол своих «воспитателей», подвергаются моральному угнетению и религиозному насилию, их принуждают выполнять совершенно непосильную для них работу, приучают к ханжеству и лицемерию.

В Польше, где отсутствуют специальные места лишения свободы для несовершеннолетних правонарушителей, последние содержатся совместно со взрослыми преступниками, в том числе с преступниками-профессионалами и рецидивистами. О какой-либо воспитательной работе среди несовершеннолетних здесь не может быть и речи.

[1] Сборник по детской преступности в капиталистических странах, стр. 75.

[1] «Правда» от 5 ноября 1934 г.

Вследствие тяжелого тюремного режима и антисанитарных условий заключения, смертность среди юных правонарушителей необычайно высока.

Как указывает д-р Лоос, на 100 исполненных смертных приговоров надо прибавить 60 смертей несовершеннолетних заключенных от болезней дыхательных путей и туберкулеза [1].

Для преобладающего большинства буржуазных государств универсальным средством в борьбе с детской преступностью является применение розог и иных телесных наказаний.

Насколько широко распространены эти виды наказаний, видно из того, что даже кодекс Норвегии, расцениваемый буржуазными учеными как воплощение либеральных идей в законодательстве предусматривает порку в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста.

Следует отметить, что из числа буржуазно-демократических стран особенно значительных размеров достигает применение телесных наказаний в Англии.

Об этом можно судить уже по тому, что за период с 1913 по 1927 гг. по данным уголовной статистики был подвергнут сечению розгами 26 901 юный нарушитель. Показательно, что за тот же период английскими детскими судами было приговорено к помещению в индивидуальные школы открытого типа всего лишь 14 962 несовершеннолетних, то есть почти в два раза меньше [2].

В последующие годы применение телесных наказаний не только не сократилось, но, наоборот, сильно возросло.

По последним официальным данным, до 10% всех лиц, проходящих через специальные детские суды, приговариваются к розгам.

В абсолютном выражении количество осужденных к розгам доходит до 5 000 в год.

Несомненно, усиленное применение телесных наказаний связано с большим ростом преступности среди детей и молодежи. Обеспокоенная этим ростом преступности английская буржуазия не придумала ничего другого, как усилить репрессию и, в частности, значительно расширить применение телесных наказаний.

Весьма характерно, что в 1935 году инспектор английской полиции полковник Аллан выступил публично с требованием более энергичного и широкого назначения розог несовершеннолетним правонарушителям, причем это требование единодушно поддержали английские административные власти [3].

Не нужно доказывать, что в странах фашизма кнут, плеть и розга пользуются особенным почетом.

В целях популяризации этих мер, под них подводятся даже теоретические обоснования. Так, например, польский фашист проф. Кржимуский, ратуя за необходимость широкого применения телесных наказаний к несовершеннолетним правонарушителям, аргументирует это тем, что «судья, наказывая несовершеннолетнего розгой, действует больше в интересах общей превенции, чем наказывая его как взрослого».

Ряд других профессоров от фашизма с ученым видом заявляет: «Только твердое воздействие сильной руки сможет преградить польским детям путь к преступлениям, по которому все увеличивающееся число их катится с ужасающей быстротой» [1].

И мы знаем, что это «воздействие сильной руки» не только в переносном, но и в буквальном смысле слова, находит свое проявление в повседневной кошмарной практике польской политики суда и тюремного застенка.

Та же самая картина имеет место в третьей империи, где телесные наказания, применяемые судом на «законном основании», составляют самое обычное явление.

Более того, германское правосудие всемерно поощряет применение телесных наказаний по отношению к детям, идущее по линии административного воздействия, в частности со стороны учителей по отношению к школьникам.

Яркой иллюстрацией этого может служить следующий пример. В Остероде школьный учитель подверг телесному наказанию 10-летнюю девочку за проступок, совершенный ею вне школы.

Родители пострадавшей передали дело в суд. Считая, что учитель вправе наказывать учеников как в школе, так и вне ее и что телесные наказания, поскольку на теле не осталось ни багровых пятен, ни кровоподтеков, вполне допустимы, — суд оправдал учителя.

Все сказанное выше достаточно ярко характеризует картину дикого глумления и жесточайшего произвола, чинимых в отношении несовершеннолетних правонарушителей в странах капитализма.

Ю. Позан, Т. Мошкович.

Федеральные суды США и жилищное законодательство эпохи Рузвельта

I

Проект реформы Верховного суда, предложенный Рузвельтом, отклонен сенатом. Таким образом, Рузвельт в деле реформы судебного надзора за конституционностью в политическом строе США не оказался счастливее своих предшественников (Джефферсона и др.) [2]. Между тем в политической системе США федеральные органы судебного надзора, особенно Верховный суд, имеют колоссальное значение: в сущности именно этот последний является носителем верховной власти, хотя и осуществляет ее в своеобразной форме, — в

[1] Сборник по детской преступности в капиталистических странах, стр. 100.

[2] Большая советская энциклопедия, т. XXI, стр. 414.

[3] «Правда» от 2 марта 1935 г.

[1] Сборник по детской преступности в капиталистических странах, стр. 93.

[2] Об этих попытках см. Брайс, «Американская республика», русск. перевод 1899 г., т. I, стр. 256. Джефферсон считал, что пожизненное исполнение функций судьи противоречит принципам демократии, и предлагал установить срок работы судьи в 4—5 лет. Важно

форме судебных решений по отдельным конкретным случаям[1]: «Мы подчинены конституции, — говорит член Верховного суда Хьюгс (Hughes). — но конституция есть то, что думают о ней судьи»[2]. Правда, американский госу

отметить, что по Конституции СССР Верховные суды Союза и союзных республик избираются сроком на 5 лет (ст. ст. 105—106). В США фактически члены Верховного суда в среднем остаются в своей должности долгие сроки. Так, со времени основания Верховного суда только 24 судьи служили меньше 10 лет, 16 больше 10 лет и меньше 20, 10 больше 20 лет и меньше 25, 6 больше 25 лет и меньше 30, и наконец 8 больше 30 (United States Law Review, 1936, s. 1); средний возраст члена Верховного суда — 55—58 лет. В современном составе 6 судей из 9 имеют больше 70 лет.

[1] Надзор за конституционностью законов, изданных Конгрессом и законодательными собраниями штатов в США, вверен системе федеральных судов. Из них только высшая инстанция, Верховный суд, непосредственно предусмотрен в конституции. Низшие инстанции — окружные суды — 84 суда на территории США и апелляционные—10 судов (по числу апелляционных округов) созданы специальными законами. Окружные суды состоят по крайней мере из одного судьи (число судей может быть увеличено до 8). Апелляционные суды состоят из 65 судей. Верховный суд из 9 судей. Судьи назначаются президентом и сенатом и являются несменяемыми. Верховный суд заседает ежегодно по сессиям. Решения принимаются большинством голосов, подробно мотивируются и печатаются, как и особые мнения отдельных судей, оставшихся в меньшинстве, в Reports of Supreme Court decisions. Есть и частные сборники, ср. цитируемый ниже сборник Hanchin.

[2] Ламбер, Lambert — Le gouvernemen des Juges et la lutte contre la législation sociale aux Etats Unis, 1921, стр. 8, называет правительство США «правительством судей». Гейн свою книгу посвятил «Американской доктрине верховенства суда» Charles Haine, The American Doctrine of Judicial Suprematie, 1914 г. Гильберт говорит о «судебной олигархии» в США (Gilbert, Our Judicial Oligarchie, 1922. Ср. примечание на стр. 14). Судебные решения играют действительно чрезвычайно важную роль при применении конституции в США. «Конституция содержит около 35 сотен слов. Для того чтобы ее прочитать, нужно 20 минут времени. Но едва ли 2% этой фразеологии имеют реальное значение для применения конституции. В громадном большинстве дел по конституционности законов из основного источника остаются 3—4 положения: статья о процессе, установленном законом (Due Process of Law), статья о торговле (Commerce clause) и статья о свободе договора».

«Движущей силой» при рассмотрении дел являются «спекулятивные размышления о природе и целях конституции и интересы, толкающие к такого рода размышлениям» (Corwin, the Twillight of Supreme Court, N. Y., 1935). Ш. Ламберт в цитированной выше работе основными орудиями толкования, которыми владеет американский суд, считает принципы установленного процесса, запрещение посягательств на свободу, собственность и свободу договора». Исключительно важную роль в толковании играет принцип Due Process of Law. Вскоре после утверждения XIV поправки конституции, установившей, что ни один штат не может лишать кого-либо жизни, свободы или собственности без применения «процесса, установленного законом», суды широко стали пользоваться этой формулой для отмены законов, по их мнению не конституционных (на этом основании было отменено больше законов, чем на каком-либо другом). Особенно выросли полномочия суда с тех пор, как суд стал толковать указанную формулу не только в процессуальном, но и в материальном смысле. Таким образом, было найдено формальное основание для отмены как законов штатов особенно в области регулирования общественной санитарии, общественной морали, жилищного строительства, планировки и других вопросах, объемлемых общим понятием «полиции благосостояния», так и законов Федерации. Среди юристов США до сих пор борются два взгляда на понимание этой формулы. Одни видят в ней указание на необходимость соблюдения установленного судебного процесса, другие до бесконечности расширяют ее смысл, считая, что «всякое нарушение естественного права» будет нарушением требований этой формулы (Charles Grave Haines, The Revival of Natural Law Concept, 1930, стр. 160). Именно неопределенность этого понятия Due Process of Law и привела к тому, что, говоря словами Карпентера, «персональные взгляды, предрассудки и социальные мировоззрения судей получили громадное влияние на решения судов». Для Муррея эта формула (как и формулы о поражении торговли и «требования разумности» решения) представляет собой просто «удобное клише, которое лишено всякого значения и имеет своей задачей отвлечь внимание от реальной проблемы». Еще категоричнее высказываются Ред Поуэль и Корвин. Первый думает, что «должный процесс» это то, что Верховный суд считает таковым». Red Powel, The Supreme Courtand Constitution. Political Science Quarter 14. December. 1920. По мнению Корвина «судебный контроль благодаря развитию судебного усмотрения пожрал своего прародителя — конституционный закон».

[1] Ogg T. and Ray O. — Eventials of American Government № 7. 1936. 2-d Edition.

ны как противоречащие установленному порядку создания законов (Due Process of Law)[1].

По исчислениям проф. Франкфурта за период с 1906 по 1929 гг. суды признали не конституционными законы в 36% дел, переданных на их рассмотрение. К 1924 г. только по этому основанию было отменено 375 законов отдельных штатов[2]. За полтора года (1935—1936) Верховный суд отменил 5 важнейших законов, созданных по инициативе Рузвельта и составляющих костяк «Нового дела», как в Америке называют реформу Рузвельта.

Даже только одно ознакомление с перечнем отмененных законов показывает, что Верховный суд в классовой борьбе становится на сторону владеющих классов. Так он признал не конституционными: законы об ограничении числа часов работы булочников десятью часами в день, закон о минимуме заработной платы, о запрещении детского труда, об ограничении работы женщин, об установлении стандартного веса хлеба (в целях гарантии покупателя от обмана и торговцев от недобросовестной конкуренции) и т. д. и т. д.[3].

Значение постановления суда не ограничивается данным конкретным делом, а распространяется на все аналогичные случаи. Так признание не конституционным закона дистрикта Колумбия о минимуме заработной платы для женщин практически означало признание не конституционности таковых же законов в 18 других штатах и, естественно, воспрепятствовало развитию социального законодательства в этом направлении. Отмена «закона о восстановлении промышленности» в одном частном случае привела к крушению всей организации промышленности, задуманной Рузвельтом, и к отмене в с е х кодексов, регулирующих взаимоотношения предпринимателей и рабочих. Таким образом очевидно, что политическое значение Верховного суда очень велико.

Признание классового характера за отдельными постановлениями Верховного суда и даже за отдельными течениями его деятельности отнюдь не означает принципиального отрицания судебного контроля как элемента политической организации федерального государства (последний как форма координации суверенитета федерации и составляющих ее государств по мнению крупнейших буржуазных государствоведов (Брайс, Дайси) соответствует природе федерального строя). Оно только несовместимо с концепцией судебного контроля как неизбежного логического вывода из теории разделения властей (Брайс), будто бы превратившего американскую демократию из «правительства людей» (Government of men) с их страстями, социальными предрассудками, классовыми интересами в «безличное» правительство законов (Government of Law), согласно известной формуле Локка, воспринятой американской политической доктриной. Борьба Рузвельта с Верховным судом немало содействовала падению этого «великого фетиша» американского публичного права и показала, что Верховный суд — обычное политическое учреждение, коллегия из «9 старых людей», по характерному выражению журнала United States Review (1936, № 1, стр. 1), — глубоко связанное своими корнями с социальной почвой, на которой оно выросло (см. стр. 14), и подчиненное общим законам общественного развития.

В политической системе США судебный контроль хотя бы над деятельностью законодательных собраний штатов является безусловной необходимостью при настоящем уровне политической и общей культуры провинциальных американских законодателей. Отказаться от судебного контроля как гарантии прав граждан нельзя, пока в отдельных штатах могут издаваться такие законы, как законы о принудительном прекращении прений в государственных собраниях или об ограничении свободы печати или свободы слова или законы, направленные против рабочих союзов или запрещающие употребление немецкого языка, или, наконец, законы, направленные против элементарных прав негров (например, исключающие их из списков присяжных заседателей или лишающие их избирательных прав). Особенно тяжелое впечатление производят законы против избирательных прав негров, одновременно пропитанные расовыми предрассудками и классовой ненавистью[1]. «Негры, — говорит Огг в своих «Основах конституционного права в США»,—неграмотны и к тому же бедны. Этими признаками воспользовались законодательные органы южных штатов, чтобы лишить негров гарантированных конституцией прав». Дорогу показал штат Миссисипи, установивший, во-первых, трехгодичный ценз оседлости для получения избирательного права, фактически лишающий избирательных прав многие категории негров, кочующих с одной плантации на другую, и, во-вторых потребовавший как условие занесения в избирательные списки, уменья читать и «разумно» толковать конституцию. Если негр, свидетельствует Огг, даже и грамотный, хоть на иоту уклонится в ответе на вопросы по конституции от истины, как ее понимает контролер — белый чиновник, он теряет избирательное право уже как виновник в лжесвидетельстве (Perjury). Впрочем, практика знает примеры и более сурового поражения прав негров. Например, допущение процессуальным законодательством штатов пытки. В штате Алабама

[1] Русские переводчики и в старом переводе Брайса и в новом переводе («Конституции буржуазных государств», т. I, стр. 37) передают выражение Due Process Law как «надлежащее судопроизводство», «законное судебное разбирательство», но такой перевод вряд ли верно передает основной смысл указанной формулы, которая именно потому, что она носит более общий характер, и дает возможность, как мы видели в предшествующем примечании, для противоречивых толкований.

[2] Mangoldt H. Geschriebene Verfassung in den Vereinigten Staaten von America, 1934, стр. 126.

[3] Charpenter, The President and the Court, U. S. Law Review, 1937, March, стр. 147. См. также цитированную выше работу Ламбера.

[1] О систематическом исключении негров из списков присяжных заседателей см. дело Скоттсборо в Columbia Law Review, 1935 г., стр. 776 Другие примеры заимствованы из цитированной работы Огга. См. также Columbia Law Review, 1935 г., стр. 608.

три негра были приговорены к смертной казни по обвинению в убийстве белого плантатора; единственной уликой против них явилось признание, данное ими, как это официально удостоверено, под пыткой[1].

Даже в той области, которая нас специально интересует, в области жилищного законодательства, имеются примеры отрицания за неграми самого элементарного права — равенства перед законами. Один крупный город принял постановление, запрещающее вселение негров в кварталы, заселенные белыми, и обратно. В этих и аналогичных случаях Верховный суд выступал против законов штатов.

Но нужно, впрочем, оговориться: и в этой области Верховный суд не всегда выдерживал раз принятое направление. Изучая его постановления, нельзя не притти к выводу, что наряду с постановлениями, отменяющими законы штатов, незаконномерно ограничивающие политическую свободу, можно найти решения противоположного характера. Верховным судом были отменены закон штата Минесота, ограничивающий свободу печати[2] и закон о «красном флаге» в штате Калифорния, запрещавший вывешивание красного флага в публичном месте. Обстоятельства дела, давшие повод к отмене этого последнего закона, не лишены принципиального интереса. Гражданка Иетта Штромберг, руководительница детского сада в Калифорнии, обвинялась в том, что ежедневно развертывала красный флаг СССР и коммунистической партии и тем самым нарушила закон штата Калифорнии, объявлявший преступным вывешивание в публичном месте красного флага как «содействие пропаганде бунта и приглашение к анархическим действиям». Верховный суд признал самый закон о «красном флаге» нарушающим свободу, гарантированную 14-й поправкой конституции, не конституционным[3]. В то же самое время Верховный суд отказался рассмотреть, в сущности, совершенно аналогичную жалобу лиц, осужденных калифорнийскими судами за празднование 9-й годовщины Социалистической революции в России в частной квартире к долголетнему тюремному заключению и большим денежным штрафам. Мотив отказа — «отсутствие существенного вопроса федерального права»[4]. Точно так же по формальным основаниям Верховный суд отказался рассматривать дело японца Кенн-Мотзу, приговоренного к высылке за участие в демонстрации с лозунгами «Конференция Гувера — мобилизация империалистической войны», «За семичасовой рабочий день», «Превратите империалистическую войну в гражданскую», «Боритесь против империалистических войн, защищайте СССР»[1].

Последнее время, буквально последние месяцы суд изменил свою позицию и в вопросах социального законодательства. Так решением 29 марта 1937 г. (по делу Westcoast Hotel v. Parrich) Верховный суд признал конституционным закон штата Вашингтон о минимуме заработной платы. В решении 12 апреля 1937 г. он признал, что социальное законодательство входит в компетенцию федеральной власти[2].

Нельзя, разумеется, утверждать, говоря словами Матвея Арнольда, что сейчас происходит «революция путем изменения порядка законодательства» (A. revolution by due cours of Law), но наличие некоторого поворота в деятельности Верховного суда, как будто бы, несомненно. Впрочем и американские юристы не решаются видеть пока в новых решениях Верховного суда признаков отказа от старой политики: основная тенденция громадного большинства решений Верховного суда — отрицательное отношение к социальному законодательству[3].

Для характеристики взаимоотношений между законодательным творчеством руководящих органов США и федеральным судом мы оста-

---

[1] Верховный суд штата Миссисипи признал, что хотя штатам предоставлено установление порядка судопроизводства, но введение пыток противоречит 14-й поправке конституции (см. текст решения в журнале «Columbia Law Review», 1936, стр. 832. Журнал констатирует «сравнительную многочисленность» таких случаев (стр. 833).

[2] Gregory and Charlotte Hankin, Progress of the Law in the U. S. Supreme Court (сборник решений за 1930—1931, стр. 445—452).

[3] Ibidem, стр. 454—455.

[4] Цит. раб., решения за 1929—1930.

[1] Специальные журналы, приветствуя изменение направления в деятельности Верховного суда, ищут логического обоснования этой перемены направления. Но вряд ли нужно сомневаться, что такое объяснение лежит за пределами формальной логики. Его нужно искать в воздействии общественного мнения, оказавшего сильную поддержку социальному законодательству Рузвельта. В этом отношении очень показательна телеграмма ТАСС от 28 мая 1937 г., в которой приводятся данные о поддержке Рузвельта широкими слоями американского населения.

«Рабочий класс, — заявил секретарь Коммунистической партии США Браудер,—фермеры и трудящиеся средние классы, представляющие огромное большинство населения, поддерживают предложение Рузвельта о реформе Верховного суда. Не разделяя иллюзий относительно действительности рузвельтовской политики в деле коренного разрешения политических и экономических проблем США, Коммунистическая партия США, однако, считает, что в этой борьбе силы реакции, фашизма и войны сосредоточиваются все более и более против рузвельтовского предложения, в то время как силы демократии, особенно рабочий класс, поддерживают это предложение. В этой борьбе Компартия будет итти во главе трудящихся». («Известия» от 29 мая 1937 г.).

Характеристику общественных течений в США см. в статье Э. Браудер «Значение борьбы за реформу Верховного суда в США», «Большевик», 1937 г., № 16, стр. 75—76. См. также работу Murray G. Lee. The Supreme Court Coutche up with the Nation, United States Law Review, 1937, стр. 308.

[2] Решения приводятся и анализируются в апрельской книжке журнала United States Law Review.

[3] Низшие инстанции федеральной системы судов, как правило, идут в фарватере Верховного суда.

новимся в нашей работе на специальной области социального законодательства, на жилищном законодательстве, и постараемся выяснить как те новые принципы, которые оно вносит в американское право, так и реакцию на них со стороны американских федеральных судов.

II

Жилищная проблема — сложная проблема, в которой переплетаются нормы гражданского и публичного права, и анализ жилищного законодательства и практики федеральных судов по жилищному вопросу откроет нам возможность остановиться на важнейших принципиальных вопросах современного права США (особенно публичного).

До Рузвельта в жилищной политике США безраздельно господствовал принцип невмешательства. В 1921 г. специальная комиссия сената официально признала государственное регулирование жилищного строительства не соответствующим национальному характеру Америки. Единственный выход из жилищного кризиса она видела только в удешевлении строительства путем его механизации и стандартизации. Таким путем и шла Америка в течение всей своей истории; отдельные попытки организации удешевленного строительства при содействии строительных обществ с ограниченным дивидендом (полукоммерческого-полублаготворительного характера) совершенно не меняют картины.

Единственная сколько-нибудь серьезная попытка организовать удешевленное жилищное строительство на государственный счет относится к эпохе империалистической войны, когда было организовано специальное общество для постройки жилищ для рабочих военно-морского ведомства в целях повышения производительности их труда. Им действительно было построено около 20 000 квартир (что составляет ничтожный процент общего числа жилищ США, равного приблизительно 30 млн. жилищ).

Но не только правительственные сферы относились безучастно к жилищному вопросу. По удостоверению официального издания жилищного департамента управления строительных работ «Urban Housing» (1936), «жилищная проблема была совершенно чужда американскому обществу», а по словам Е. Бауер, несколько уточняющим характеристику общественных отношений в США в этой области, средний американец видел единственный способ решения жилищного вопроса в «превращении в домовладельца».

Под давлением экономического кризиса Рузвельт был вынужден порвать с традицией невмешательства. Он пытался организовать не только косвенное содействие жилстроительству (путем реконструкции и рационализации его финансирования)[1], но даже, правда в малой мере, непосредственное строительство дешевых жилищ государством[1].

В основу американского жилищного законодательства эпохи Рузвельта положены новые для США принципы: 1) вмешательство публичной власти в экономические отношения в области жилищного вопроса; 2) чрезвычайное расширение полномочий главы исполнительной власти — президента, в частности представление ему широких нормативных (по содержанию законодательных) функций. Главнейшие законы по жилищному вопросу 1933—1935 гг. ограничиваются только общими принципиальными указаниями администрации США, только директивами, осуществление которых предоставляется власти президента. В этих законах стереотипно повторяется, что президенту предоставляется создавать административные органы, не считаясь с существующими положениями, распределять между ними функции, уполномочия заемщиков; The Emergency Appropration Act 1935, закон о финансировании мер борьбы с кризисом; Home owners Loan Act 1933, закон об организации льготного кредита домовладениям. имеющий узко групповое значение; the Federal Home Law Bank Act 1932, закон об организации системы ипотечного кредита, объединивший 12 банков.

[1] Основные источники: National Housing Act 1934, национальный жилищный закон, по содержанию гораздо более узкий, чем по названию. Его содержание сводится к обеспечению возврата ссуд под закладные на жилстроительство путем организации взаимного страхова-

[1] Источники: National Industrial Recovery Act 1933, закон о восстановлении промышленности; Tennessee Valley Authority Act 1933, закон о строительстве в долине Теннесси. George Hanley Act — закон Генлея, представляющий собой поправку к закону о восстановлении промышленности. Текст законов см. в американском своде законов The Code of the Laws of the United States of America, of a General and permanent character in for. Jan. 1935. Вспомогательное значение имеют законы отдельных штатов. До 1932 г. только 2 штата (Нью-Йорк и Порторико) имели специальные законы по регулированию жилищного строительства. Начиная с 1932 г. под влиянием федерального центра, обещающего финансовое содействие штатам, пробуждается местная инициатива. В штатах создается 31 закон (некоторые штаты имеют по 2 закона), организующие или собственные государственные органы по жилстроительству или позволяющие создавать таковые местному самоуправлению всецело или по его усмотрению, или только в городах с населением больше определенного минимума, колеблющегося в значительных пределах (от 20 до 500 тысяч). Основной целью этих законов является организация удешевленного строительства, в целях получения субсидии от федерации. Законы штатов собраны в работе M. Schoenfeld. State Housing Legislation an the End of 1936. Monthly Labor Review, February, 1937, 386—396. В 1934 г. частная национальная ассоциация по жилищному строительству — National Association for Housing officials — выпустила типовой закон публичного жилстроительства, руководство по проектированию жилищных законов штатами — State Laws for Public Housing, a Memorandum on the Drafting of Enabling Acts for Public Housing Agencies, Chicago, 1934.

номочивать их на издание обязательных постановлений, нарушение которых карается штрафом до 1000 долларов или заключением в тюрьму до 1 года. Таким образом, президенту предоставляются исключительно важные организационные права; 3) расширение полномочий федеральной власти на область, которая до последнего времени рассматривалась как сфера исключительного ведения штатов.

Во всяком случае нападение на законодательство Рузвельта идет по этим трем направлениям. В частности, постановления судов резко противопоставляют жилищному законодательству принцип неприкосновенности собственности, с которым, по их мнению, несовместимо законодательство Рузвельта о восстановлении промышленности и реконструкции жилищного строительства. В своем стремлении установить пределы ограничения права собственности в публичном интересе суды поставили на очередь основные вопросы публичного права США — вопросы о значении разделения властей как гарантии права собственности, о содержании самого понятия «публичный интерес», о границах национального суверенитета в федеральном государстве (в частности о финансовом суверенитете) и об отношении национального суверенитета к автономии штатов (принцип двойного федерализма). Но центральное положение, объединяющее все эти проблемы публичного права США, все же занимает проблема о взаимоотношении права собственности и публичной власти.

III

Охрана частной собственности составляет основное содержание, основной лейтмотив конституции США. Конституция США была созданием нарождающейся буржуазии, и естественно, что последняя поставила во главу угла государственного порядка неприкосновенное право частной собственности (на землю и на орудия производства). Принцип неприкосновенности частной собственности провозглашен и федеральной конституцией (поправка 5-я конституции) и в более детальной форме — конституциями штатов.

Созданная судами доктрина «приобретенных» прав (vested Right) также в сущности свелась к доктрине неприкосновенности права частной собственности и стала оплотом владеющих классов (а Верховный суд ее верным хранителем). За всю историю США федеральные суды только в сравнительно редких случаях вступались за индивидуальные права граждан, за свободу в политическом понимании этого термина, а решений судов, в которых охраняется право частной собственности, даже в ущерб всей системе субъективных публичных прав американского гражданина, можно насчитать очень много.

Даже основной принцип конституции США, принцип подчинения органов законодательной власти судебному контролю, не может быть понят вне связи американского публичного права с институтом частной собственности. Недавно появившаяся книга Эдварда Корвина (Edward Corwin, The Twilight of the Supreme Court, № 1, 1935) показывает, что этот чисто отвлеченный принцип имеет конкретное социальное содержание — является своеобразным методом охраны права частной собственности. Только с этой точки зрения, — утверждает Эдвард Корвин, — можно понять характеристику конституции США, нередко встречающуюся в литературе, «как реакционного документа». Приводимые цитируемым автором данные действительно дают своеобразное объяснение происхождению принципа судебного контроля. Как он доказывает, основоположники конституции США именно потому и вверили Верховному суду такие исключительные полномочия по надзору за деятельностью всех руководящих органов американской демократии, что видели в малочисленном составе коллегии Верховного суда, вдобавок назначаемой сверху и поэтому удаленной от всякого соприкосновения с народными массами, большую гарантию неприкосновенности прав частной собственности, чем в законодательных собраниях, избираемых и потому в неизмеримо большей степени поддающихся влиянию общественного мнения. Так в недрах американской демократии создался своеобразный класс судебной аристократии, очень консервативно настроенный и очень влиятельный [1].

Опираясь на предоставленные ему полномочия по охране конституции, Верховный суд действительно оправдал возлагаемые на него надежды по охране интересов господствующих классов и, прежде всего, права частной собственности.

В толковании судов право частной собственности является «божественным установлением», предназначенным для улучшения морального и социального состояния человечества и охраняемым естественным правом, общественным договором и республиканским режимом. «Из трех основных принципов, лежащих в основе государственного бытия: охраны жизни, свободы и собственности, — говорится, например, в постановлении колумбийского Верховного суда об отмене закона о минимуме заработной платы, — основной — охрана собственности». Наиболее яркое выражение эта доктрина нашла в работе американского юриста Эльмера Марка: «Для цивилизованного человека право собственности выше, чем право на жизнь» (Dr. Paul Elmer Mark—Rationals Bases of Legals Institutions, № 1, 1923).

---

[1] «Создавая Верховный суд, Учредительное собрание вверило ему полномочия, которые в соединении с тем, что эта судебная коллегия была удалена от заразы соприкосновения с ежедневными заблуждениями общественного мнения, была гениально рассчитана на создание между членами коллегии корпоративного духа и своеобразного инстинкта власти. Коллегия мала, представляет собой сливки (правда, не очень жирные сливки) профессии, в которой бьется сильно политический пульс, с членами несменяемыми и обеспеченными, — пока не обесценена валюта, — комфортабельными условиями жизни. Обсуждение дел она ведет не публично, можно сказать, тайно. Ее постановления, согласно духу XVIII века, когда безраздельно господствовала доктрина естественного права, носят на себе отпечаток велений самой безличной судьбы». Эдвард Корвин, цит. соч., стр. 53—54.

О принципе неприкосновенности права частной собственности разбилось и законодательство Рузвельта, правда, не посягавшее на самый принцип, но все же пытавшееся ограничить произвол собственников и предпринимателей, по крайней мере, в некоторых направлениях, особенно не совместимых с интересами трудящихся классов. Вместе с законодательными актами, составлявшими в общем «Новое дело», погиб и закон «о восстановлении промышленности», являющийся центром, или, как говорит Огг, сердцем всей реформы Рузвельта и, в частности, составляющий основу непосредственного регулирования жилищного строительства федеральной властью.

Постановлением Верховного суда от 25 мая 1935 г. этот последний закон (National Industrial Recovery Act 1933 г.) был признан не конституционным, во-первых, потому что он делегирует главе исполнительной власти — президенту полномочия по существу законодательного характера и, таким образом, нарушает принцип разделения властей, и, во-вторых, потому что он выходит за пределы полномочий федеральной власти в области регулирования экономических отношений («так как пытается распространить ее компетенцию на регулирование заработной платы, рабочего дня и другие вопросы, не имеющие «прямого отношения» к торговле между штатами» [1], подчиненной по самой конституции федеральной власти) (ст. 1, п. 8, абз. 3).

Напрасно, однако, было бы рассматривать мотивы этого постановления в свете формальной логики. Даже правильность утверждения, что закон нарушает принцип разделения властей (точнее, разграничения функций законодательной и исполнительной власти), вызывает сомнение у американских юристов. Даже те из них, кто приветствует политику Верховного суда по ограничению полномочий президента, должны признать, что точное разграничение допустимого расширения полномочий исполнительной власти и недопустимой делегации власти законодательной органам администрации — не осуществимо (Якоби в цит. работе). Действительно, в течение ряда лет Верховный суд систематически расширял нормативные функции президента, непосредственно вытекающие из предоставленного ему конституцией руководства администрацией. В частности, во время войны полномочия президента достигли особенного развития (право регулирования транспорта, распределения питания, фиксации цен, объявления эмбарго и перегруппировки административных служб). В конечном результате конституционная теория дает президенту широкие полномочия, вверяя ему одному всю полноту свободного усмотрения внесудебного характера, какую только разрешает закон или конституция. При таком положении дела протест Верховного суда против традиционного расширения полномочий президента как раз в тот момент, когда эти расширенные полномочия были использованы Рузвельтом в интересах широких трудящихся масс, — не может быть объяснен иначе, как тем, что Верховный суд охраняет интересы эксплоататорских классов.

Точно также с точки зрения формальной логики трудно понять второй мотив отмены закона «о восстановлении промышленности» — нарушение «автономии» штатов в области регулирования экономических отношений («торговля между штатами»). Дело в том, что понятие «торговли» давно уже трактуется расширительно. Уже в 20-х годах прошлого века один из крупнейших юридических авторитетов США Маршалл заявлял, что США во многих и весьма важных отношениях, в том числе и в сфере регулирования торговли, образуют единую нацию. «Во время войны мы действовали как единый народ, во время мира мы единый народ, в торговле мы тоже единый народ». Эта точка зрения нашла свое отражение в ряде решений Верховного суда, постепенно расширившего понятие торговли и содействовавшего таким образом организации народного хозяйства на национальной основе. В частности,

[1] Приводим точную выдержку из цитированного постановления Верховного суда. Закон о восстановлении промышленности нарушает конституцию, делегируя президенту законодательную власть; так, содержание кодексов (которые по этому закону регулируют отношения между рабочим и предпринимателями и утверждаются президентом) точно не определено в № 3 закона; власть президента по утверждению кодексов не определена точными предпосылками. Кроме того, нормы их, относящиеся к минимуму заработной платы, к максимальному числу часов рабочего дня..., не имеют прямого отношения к торговле между штатами (Schechter Paultry Corpet al vers. United States 55 Supp. 1935. Цитировано по Columbia Law Review Decisions 1935, т. 6, стр. 934.

В литературе встречаются указания (см. работу Ira Robbins, The Use of Eminent Domain for Housing Purposes в Housing officials Yearbook, 116—127) на слишком общий характер определений и жилищного законодательства. Так, по мнению противников Рузвельта формулы, даваемые жилищным законодательством, не содержат никаких норм, которые могли бы служить руководством для администрации. Они не указывают точных фактов, которые обусловили бы деятельность администрации, не дают определений основных понятий («очистка трущоб, удешевленное строительство») и, наконец, не устанавливают территории, в которой должны быть применяемы проекты. Вряд ли эта критика, очень характерная для юридического мышления представителей публичного права США, правильна. В публичном праве всего мира определение понятий, устанавливаемых законом в общей форме, сплошь да рядом предоставляется административной и судебно-административной практике. Вообще, говоря словами Якоби, резюмирующими его работы о делегации законодательной власти, «опыт показывает, что аксиома, препятствующая делегации (нормативных полномочий исполнительной власти) или допускающая такую делегацию только в умеренных пределах, систематически теряет свое значение и исчезает из законодательной практики Европы. Несомненно, что позиция европейских судов, отличная в этой области от американской, очень показательна для намечающихся тенденций». Sidney Jacoby. Delegation of Powers and Judicial Review. Columbia Law Review, 1936, Vol. XXXVI, стр. 208.

как указывает комментарий приведенного выше постановления Верховного суда, по господствующей теории достаточно уже того факта, что в течение 24 часов вещи (как это и было в рассматриваемом Верховным судом случае) не поступали в мелочную торговлю, для признания их оборота находящимся в сфере «торговли между штатами» и, следовательно, подчинения их контролю федеральной власти.

Объяснение ограничительному толкованию Верховным судом понятия «регулирования торговли» нужно искать не в законах логики, а в буржуазной идеологии: начиная с 80-х годов XIX века в воззрения членов Верховного суда проникает доктрина экономического либерализма, в принципе враждебная публичной власти, в экономические отношения (теория laisser faire, laisser passer) и получающая в толковании судов характер бесспорного морального метаюридического принципа (см. стр. 151). В свете такой доктрины ярко бросается в глаза классово эксплоататорский характер и последнего мотива признания противным конституции закона «о восстановлении промышленности», — «отсутствие прямой связи» между длиной рабочего дня, минимумом заработной платы и полномочиями федеральной власти на регулирование экономических отношений («торговли между штатами»). Впрочем, в апреле текущего 1937 г. сам Верховный суд опроверг свою прежнюю точку зрения. В решении по делу National Relations Board v. Stall Corp Jones & Lauglin он признал, что, поскольку промышленность организована в национальном масштабе, она не может не прибегать к «торговле между штатами» и поэтому не может не подлежать контролю федеральной власти. Таким образом, победила точка зрения, уже раньше сформулированная в апелляционном суде судьею Леман: «Географические границы между штатами устанавливают пределы суверенитета, но не образуют барьера и могут быть совершенно игнорируемы в делах торговли и промышленности». В марте 1937 г. Верховный суд — тоже в полном противоречии со своим старым постановлением 1926 г. — признал закон о минимуме заработной платы не противоречащим конституции (West Coast Hotel Co v. Passich 29 м. 1937 г.)

Американские юристы (см. статью Murrey G. Lee. The Supreme Court coutche up with the Nation в последней (апрельской) книжке журнала United States Law Review) немало иронизируют по поводу неожиданного изменения логики суда (некоторые судьи одинаково убежденно принимали диаметрально противоположные решения). Но это только еще раз подтверждает, что решения суда диктуются не только законами логического мышления, но и «персональными взглядами, предрассудками (succeptibilities) и социальным мировоззрением судей (Карпентер).

IV

Нормы закона о «восстановлении промышленности» (National Industrial Recovery Act), NIRA, которые служат основой полномочий федеральной власти в деле жилищного строительства, не были непосредственно затронуты вышецитированными постановлениями Верховного суда. Поэтому созданный на их основании федеральный аппарат регулирования жилищного строительства сохранил свое значение и после отмены закона в целом. Но в самом важном пункте его деятельность была парализована постановлениями местных судов, которые в свою очередь в своей сфере и своими методами выступили на защиту индивидуальной собственности на землю.

Местные суды не признали за федеральным управлением права на принудительное отчуждение участков и тем самым поставили публичную власть в беспомощное положение по отношению к землевладельцам. 4 января 1935 г. федеральный окружной суд признал, что жилищное строительство выходит за границы публичного интереса (public use) и на этом основании отказался признать за федеральной властью право на принудительное отчуждение [1].

По американскому законодательству принудительное отчуждение может иметь место только по специальному полномочию закона и при наличии публичного интереса. Этот принцип проведен и федеральной конституцией (5-я поправка) и громадным большинством конституций отдельных штатов. Таким образом, вопрос о содержании понятия «публичный интерес» — проблема чрезвычайно важная в теории права, — приобретает непосредственное практическое значение.

Понятие публичного интереса (в частности, как условия отчуждения) не является выясненным ни в теории американского публичного права, ни в практике судов. Верховный суд избегает дать точное его определение. В судебной практике борются два определения этого понятия: более узкое признает общественным пользованием (общественным интересом) только непосредственное физическое использование территории для общественных целей (например, для устройства улицы, непосредственно для устройства общественных сооружений); более широкое толкование влагает в это понятие и момент моральной ценности, включая в понятие общественного интереса и достижения, выгодные для общества, хотя бы в том или другом конкретном случае принудительное отчуждение не вело к непосредственному физическому использованию терри-

[1] Текст решения см. в Columbia Law Review Decisions, 1935, стр. 284. Хегеман в своей недавно вышедшей книге довольно образно и с большой иронией характеризует противоречия между широкими планами федерального управления в его борьбе с трущобами и политикой американских судов. Так, он цитирует речь «первой леди США мистрисс Рузвельт» 9 марта 1931 г., в которой рисуется гибельное влияние предположенного к сносу трущобного квартала на финансовое и материальное положение города (Детройта) и затем добавляет: «Быть может, в тот же самый момент, когда мистрисс Рузвельт дала платком знак к разрушению первого предназначенного к сносу здания, судья Тетль по жалобе заинтересованных собственников вынес постановление о прекращении работ по сносу антисанитарного квартала». Hegeman, City planning and Housing, № 1, 1936, стр. 127.

тории, и отождествляет, таким образом, понятие public use и понятие general welfare[1].

Однако Верховный суд да и вообще суды штатов склонны придерживаться более узкого толкования, допуская более широкое только в исключительных случаях, вызываемых местными условиями[2]. Впрочем, в интересующем нас случае апелляционный суд в Цинцинати (куда Луисвилльское дело перешло по жалобе федерального управления) отказался признать за этим последним право на отчуждение земли не только в силу узкого толкования общественного интереса, но и по тому соображению, что федеральная власть управомочена применять принудительное отчуждение в пределах штата только для осуществления «правительственных» целей, к которым, по мнению суда, не относится жилищное строительство.

Таким образом, в этом случае апелляционный суд в Цинцинати стал на почву так называемого двойного федерализма, с точки зрения которого вся власть принадлежит штатам, а федерация имеет только те полномочия, которые ей непосредственно предоставлены конституцией. Но и теория двойного федерализма не является бесспорной и также допускает более широкое и более узкое толкование. Наряду с утверждением, что конституция не допускает расширенного толкования полномочий федеральной власти, точно перечисленных в ней, в последние годы все чаще высказывается мысль о необходимости более гибкого ее приспособления ко все расширяющимся и вырастающим потребностям федерального целого. Последняя точка зрения встречает некоторую поддержку в широком толковании финансовой власти федерации: по абзацу первому пункта 8-го статьи 1 конституции, «конгресс может устанавливать пошлины, акцизы и принимать меры для защиты и общего благосостояния США». Из этой статьи бесспорно вытекает право на законодательное творчество конгресса в широкой области «общего блага», но в вопросе о пределах финансовой власти в области внутреннего управления борются две поотивоположные точки зрения. Являются ли эти финансовые полномочия только средством для осуществления прав, уже предоставленных конгрессу конституцией, или они имеют самостоятельное значение и дополняют перечень полномочий конгресса новыми полномочиями (финансового характера), таким образом, открывая возможность расширительно толковать полномочия федерации в области внутреннего управления?

История США, повидимому, оправдывает вторую точку зрения: широкое развитие субвенций открыло для федеральной власти возможность всестороннего регулирования «местного управления» в области народного образования. общественного здравия, дорожного дела; затем в условиях высокоразвитой индустриализации страны финансовая власть сама по себе является мощным фактором внутреннего управления и самостоятельности федеральной власти. Корвин даже думает, что именно прерогативы финансовой власти должны освободить федеральную власть от «пут» судебного контроля. «Что может противопоставить,—говорит он,—судебный контроль, задуманный как средство охраны собственности и определенного типа индустриальной организации, современному национальному правительству, с его правом производить расход на всякую цель без ограничения, с правом оказывать кредит частным предприятиям, и, следовательно, их контролировать, наконец, с правом выпуска денег до безграничных пределов?»

Как конечный вывод расширенного толкования полномочий федеральной власти следует признать, что ей бесспорно принадлежит и право на регулирование жилищных отношений, в частности право на принудительное отчуждение земли для жилищного строительства. В самом деле, в современных условиях нельзя не признать за жилищной проблемой значения национальной проблемы. После работы Энгельса, в которой ясно доказана связь между жилищным вопросом и положением рабочего класса на известной ступени индустриализации страны, после ряда специальных ис-

---

[1] Теория давно склоняется к более широкому толкованию. См. Layer, Principen des Enteignungsrechts, 1902, стр. 259—261.

[2] Суды начали борьбу с применением принудительного отчуждения с момента издания первого закона о принудительном отчуждении (штатом Нью-Йорк в 1812), отмененного Верховным судом штата. Особенной известностью пользуется дело Barkway Case of Pensilvania Mutual Assurance Co versus Philadelfia, которое дало повод к отмене закона штата Пенсильвании об отчуждении при устройстве парков и парковых дорог примыкающей к ним на расстоянии двух футов по обеим сторонам полосы земли «в целях охраны перспективы, красоты, света, воздуха, также и в целях использования участков, бесполезных для застройки». Суд нашел, что расширение права отчуждения на примыкающие к общественным сооружениям участки выходит за пределы общественного интереса. и отменил на этом основании закон. Таким образом, попытки штатов (аналогичные законы были отменены и в других штатах) расширить применение отчуждения на целый комплекс связанных между собой участков, занятых общественными сооружениями и прилегающих к ним частновладельческих участков, не удались, хотя в Западной Европе эта цель достигается более или менее законодательством о принудительном отчуждении, так называемым «отчуждением по поясам». А когда в целях борьбы с судами штатов законодательные собрания 9 штатов по примеру Массачусетса ввели соответственные изменения в свои конституции, то они встретились с новыми преградами, поставленными Верховным судом. Последний отменил обязательное постановление, изданное на основании этого изменения конституции в городе Цинцинати, и, таким образом, использовал весь свой авторитет для того, чтобы ослабить публичную власть в ее борьбе с собственниками. См. сборник решений Progress of the Law in the U. S. Supreme Court, Gregory and Charlotte Hankin, W., 1930. Решения судов по вопросу о применении принудительного отчуждения в городах США собраны в статье Jewels Cass Philipp, Excess Condemnation for City Country Townchip в «The Journal of Land and Public Utility Economies», 1934, March.

следований по жилищному вопросу в США (Е. Бауер, Е. Вуд), которые устанавливают бесспорную связь между жилищной нуждой и вырождением населения, наконец, после недавнего заявления Рузвельта, что здоровое жилище является одним из существенных элементов национального процветания, нельзя отрицать за жилищным вопросом значения национальной проблемы, и, следовательно, нельзя не признать за федеральной властью права на его регулирование. Одновременно надо подчеркнуть, что отрицательное решение и этого вопроса федеральными судами продиктовано не требованиями логики, а социальными (буржуазными) предрассудками, уходящими своими корнями в классовые интересы эксплоататорского меньшинства.

Между тем опыт применения законодательства Рузвельта показывает, что без принудительного отчуждения невозможно самое элементарное оздоровление городов[1].

Разумеется, было бы наивно думать, что признание за федеральной властью права на отчуждение явилось бы решением жилищного вопроса или хотя бы даже приближением к этому решению. Хотя, по мнению даже представителей буржуазной юриспруденции, (Jhering) без принудительного отчуждения институт собственности «не жизнеспособен», «без него собственность вырождается в проклятие», но в капиталистических городах отчуждение в размерах, необходимых для сколько-нибудь радикального решения жилищного вопроса, невозможно как по политическим, так и по экономическим причинам (даже если бы оно и было допустимо формально). Уплата полного вознаграждения собственнику является необходимым конститутивным элементом института отчуждения по буржуазному праву. Между тем опыт показывает, что ни одно государство не может выдержать того финансового напряжения, которое понадобилось бы для возмещения собственникам (даже только трущобных кварталов) земли по ее полной стоимости. Даже в Англии, где от принципа полного вознаграждения сделаны некоторые, правда, не очень существенные отступления отчуждение в целях перепланировки и санирования старых кварталов является скорее премией домовладению, чем основой реконструкции города. А в США, где Верховный суд рассматривает отчуждение без вознаграждения как нарушение конституции (нарушение принципа due Process of Law), необходимость уплаты за отчуждаемую землю вознаграждения по полной (рыночной) стоимости (fair market value, по общепринятому в американской теории и практике выражению), является несомненно непреодолимым препятствием для решения жилищного вопроса. При таких условиях жилищная проблема вырастает в проблему социальную, и неудивительно, что некоторые специалисты по планировке городов и жилищному строительству ищут выхода из тесных рамок, поставленных буржуазным законодательством. Так, известный планировщик Хегеман ставит в своей недавней работе «City planning and Housing» вопрос, не являются ли единственным средством решения жилищной проблемы принудительные методы (forcibles Methodes), рекомендуемые Лениным[1]. Другая специалистка, Е. Бауер, высказывает мнение, что решение жилищного вопроса вне социалистической концепции социальной реформы невозможно (Modern Housing, 1933).

Примирение таких «радикальных» взглядов, которые начинают, как будто бы, завоевывать общественное сочувствие широких масс США, с консервативными принципами решений Верховного суда нужно искать не на путях «формальной логики», а, — как показывает даже наша краткая характеристика эволюции Верховного суда в последние годы, — в воздействии организованного общественного мнения трудящихся (см. прим. на стр. 8).

Нельзя, однако, забывать, что реальное, подлинное решение жилищной проблемы невозможно в условиях капиталистического строя что такое решение возможно лишь в условиях «экспроприации экспроприаторов», лишь в результате победоносной пролетарской революции, установления советского строя и пролетарской диктатуры.

---

[1] Непризнание за федеральным жилищным управлением права на принудительное отчуждение (даже антисанитарных) зданий вынудило его отказаться от перестройки трущобных кварталов (slums) — основной задачи по оздоровлению буржуазного города.

[1] По словам Хегемана, «угрожающая позиция Ленина имеет более американский характер (is more american), чем это думает большинство американцев. Его вера в необходимость принудительной реформы (как в Англии, так и в США) как единственного действительного средства для преодоления эгоизма собственников и для содействия свободному распределению благ, — эта вера ставит Ленина в одну группу с Джеферсоном и Линкольном» (Хегеман, цитированная работа, стр. 106).

М. Загряцков.

Обсуждаем наши учебные пособия[1]

Криминалистика

Спрос на учебник криминалистики удовлетворен. Такой учебник — «Криминалистика. Книга 1. Техника и тактика расследования преступлений» (Огиз, 1935 г., стр. 250) — вышел в свет.

Коллективная разработка учебника в Всесоюзном институте юридических наук и назначение его для слушателей правовых вузов дают право предъявлять к нему особенно высокие требования. Поэтому далеко не лишним будет сразу же обратить внимание на те отдельные упущения, которые имеются в книге и которые должны быть исправлены при втором издании.

Прежде всего о методе подачи материала. Книга делится на три части: 1. Основные принципы криминалистики. 2. Уголовная техника. 3. Уголовная тактика.

Приведенные заголовки не совсем соответствуют помещенному под ними материалу. Так, содержание «Основных принципов криминалистики» (разрядка всюду моя.— П. М.) следующее:

1. Введение.
2. История развития криминалистики:
а) уголовная регистрация,
б) исследование документов,
в) учение о следах,
г) допрос.

Но история регистрации и иных криминалистических институтов никогда не может быть не только основным принципом, но это вообще не вопрос принципа.

Такие же, казалось, основные принципы советской криминалистики, как участие в расследовании широкой общественности, как вопрос открытого следствия, роль печати и т. д.— все это в «Основных принципах» даже не затронуто. Поданы же замечания исторического порядка, но тогда незачем было называть это основными принципами.

Кстати, здесь же надо заметить, что и история грешит большими пропусками и, главным образом, в наиболее интересных и важных для нашего студента моментах: не освещен вопрос, как развивалась криминалистика в дореволюционной России и как она развивается в Советском Союзе. Нет, например, сведений об организации техники расследования в сыскных отделениях дореволюционной России, нет данных о первых научно-технических кабинетах при прокурорах судебных палат Москвы, Петербурга, Киева, Одессы и Варшавы. Обойден молчанием и вопрос о современном развитии научно-технических отделений советской милиции, ни слова нет об институтах научно-судебной экспертизы в Киеве, Одессе, Харькове и Минске, ничего не сказано о сети судебно-химических лабораторий, о судебно-ветеринарной лаборатории Наркомзема на Украине и т. д. История получилась несколько куцая, между тем путь пройден порядочный.

Следующие две части книги это: «Уголовная техника» и «Уголовная тактика».

Здесь авторы отдали дань не совсем правильному, хотя и принятому некоторыми криминалистами принципу деления: уголовная техника — это способы использования естественных наук, уголовная тактика — проведение отдельных следственных действий: допросы, осмотры, выемки и т. д.

Однако и допрос, и осмотр, и выемка могут и должны быть изучаемы как с точки зрения техники их проведения—совокупность технических приемов, так и с точки зрения тактики—выбор тех технических приемов, средств и порядка их проведения, которые наиболее эффективны в условиях обстановки данного преступления, по отношению к данным свидетелям, потерпевшим, обвиняемым.

Поэтому методически более правильным было бы сказать:

1. О технике исследования отдельных видов следов, выделяя здесь непосредственную работу следователя, давая указания о постановке заданий экспертам и знакомя, наконец, следователя с методами работы экспертов над каждым видом следов и научными возможностями для тех или иных выводов.

2. О технике и тактике отдельных следственных действий: обыск, выемка, осмотр, экспертиза, допрос.

Причем к технике осмотра следует отнести общие указания, охватывающие следы в их совокупности, как это и бывает на месте совершения преступления. В разделе же об экспертизе дать общие указания о самом порядке постановки ее и проведении всякой экспертизы вообще.

Принятый же авторами учебника метод группировки материала привел к постоянным скрещиваниям, распыленности и даже неясности. Так, в разделе «Уголовная тактика» мы находим главы не только о «Технических способах оформления осмотра» (§ 13), но и о таких узко технических вопросах, как «Фотографическая съемка» (§ 15), «Съемка плана местности» (§ 16), «Составление и использование карточек» (§ 34) и даже «Составление обвинительного заключения» (§ 35). Увидеть во всем этом хоть что-нибудь тактическое невозможно.

Во введении авторы обещают методику расследования отдельных видов преступлений изложить в следующей книге. Но в главе «Доказательства о пожарах» они почему-то отступают от указанного принципа, и мы находим здесь параграфы: «Техника расследования» (стр. 94) и «Производство экспертизы» (стр. 96). Principium divisionis здесь не выдержан.

В части 2-й — «Техника» — речь идет об исследовании следов одежды, обуви, мелких вещей и т. д., в части 3-й — «Тактика» — мы снова возвращаемся к осмотру одежды, обуви, мелких вещей и т. д., хотя термин тактика по отношению к вещам не применим.

Избранное авторами распределение материала приводит, например, к следующему: определение роста по длине стопы (мои собственные заключения, основанные на исследовании 4000 случаев, эту возможность вообще опровергают, но сейчас я не могу на этом останавливаться) отнесено к технике (стр.

[1] В порядке обсуждения. — Редакция.

64), а определенье размера стопы по следу от обуви к тактике (стр 182). Об оковке обуви говорится и в технике (стр. 65) и в тактике (стр. 183). А о значении формы среза подметки или формы каблука ни слова не сказано.

Параграф об осмотре места совершения преступления мы находим в «Технике» только в главе об огнестрельных повреждениях (стр. 76). «Фиксирование и экспертиза следов взлома» — в «Технике» (стр. 86), а «Осмотр орудий преступления» — в «Тактике» (стр. 179). «Следы одежды» — в «Технике» (стр. 91), а «Осмотр одежды» — в «Тактике» (стр. 179). О волосах речь идет и в § 10 (стр. 62) и в § 11 (стр. 74), хотя и всего-то для них выделена 1 страничка.

Такая разбросанность материала приводит и к противоречиям. В «Технике» длина шага взрослого мужчины среднего роста 70—78 см (стр. 63), в «Тактике» же 75 см — это длина шага мужчины высокого роста (стр. 174), для человека же среднего роста длина шага уменьшается до 67 см или до 70 см (стр. 187), в зависимости от способа перевода шагов в метры. Между тем надо категорически требовать от следователей оставлять в актах размеры в тех единицах, в которых они были произведены на месте, даже в шагах. Это необходимо во избежание вычислительных ошибок.

Вообще при каком-либо целевом задании учащемуся, несмотря на небольшой объем учебника, очень трудно в нем ориентироваться. Так, если учащийся хочет знать, как ему поступить со следами ног, он найдет в «Технике» соответствующий § 11, однако, надо догадаться, что следует прочитать и предыдущий параграф — «Собирание вещественных доказательств». И именно здесь он прочитает, что следы, во избежание порчи, надо покрыть ящиком, корытом, чугуном или, наконец, доской, положенной на кирпичи (стр. 60). Но беда учащемуся, если он ограничится только этим. Нет, он еще должен порыться в «Тактике» (?), чтобы на стр. 174 натолкнуться на указание, что для накрытия следов нельзя пользоваться предметами, издающими резкие запахи (рогожа из-под кожи, ящик из-под мыла и т. д.), так как это мешает в дальнейшем применению служебно-розыскных собак.

Напрасно, однако, вдумчивый студент станет искать что-либо о возможностях использования таких собак. В учебнике об этом больше ни слова.

На аналогичные явления мы наталкиваемся и в других случаях. Если учащийся интересуется вопросом о стертых карандашных надписях, то он должен искать ответ и в параграфе «Бумага» (стр. 103) и в главе «Стертое карандашное письмо» (стр. 109). В сущности же здесь одно и то же продолжающееся исследование: вначале устанавливают признаки стертости, а потом восстанавливают текст.

Указанные повторения, а их довольно много при чрезмерной сжатости учебника (разделу об исследовании вещественных доказательств выделено всего 38 страниц), прямо-таки вредны.

Необходимо также остановиться на ряде общих мест, ничего не дающих ни студенту, ни следователю.

«По следу босой ноги можно в некоторых случаях (в каких же именно, с полным на это правом захочет узнать студент. — П. М.) определить рост шедшего (почему не стоящего? — П. М.) человека» (стр. 64). «Во всех случаях исследований документов применяется тот или иной метод фотографии» (стр. 101), но ведь студент вуза и практик-следователь должны знать точно, какие же это методы и в чем их суть. «Жидкие вещества, подлежащие химическому, химико-микроскопическому, биологическому или бактериологическому исследованию, помещаются в чистых стеклянных банках» (стр. 62). Но напрасно будет студент перелистывать учебник, чтобы найти хоть строчку о сущности этих исследований, когда и в каких случаях к ним надо прибегать, как необходимо отбирать пробу.

«Жидкий светофильтр состоит из раствора медного купороса с добавлением аммиака» (стр. 109). Кому это надо? Для эксперта — слишком обще; для студента — вообще непонятно, так как в учебнике не разъяснено как общее значение светофильтров, так и частные отличия сухих от жидких.

Отдельные советы не всегда обоснованы и часто не одинаковы в различных местах учебника. На стр. 59 на расцветку кровяных пятен влияет «высокая температура», а на стр. 73—уже просто «температура воздуха». На стр. 183 правильно указано, что на коже обуви следы папиляров сохраняются в том случае, если она лакирована, а на стр. 69 рекомендуется искать окровавленные следы папиляров на лице, шее и т. д. жертвы. Практического же случая подобного рода использования следов не приведено.

Отказавшись от изложения судебной медицины (стр. 7), авторы учебника напрасно уделили полстраницы пятнам спермы (стр. 74). Этот параграф изложен так, как будто следователь должен разыскивать эти пятна на теле без судебного медика, о котором в «Уголовной технике» вообще нигде не упоминается. См. также ссылку на семенные пятна на стр. 60.

Вполне понятно, что и раздел о следах крови, не увязанный с разделом о характере повреждений на теле, ни в коем случае не может быть полным и методически правильным. Ведь перед следователем всегда при обнаружении ран или пятен крови, или того и другого должен стоять вопрос о соответствии ран и следов крови по виду, характеру, месту, времени происхождения и т. д. И именно об этом в учебнике ни слова. Только при механистическом подходе к исследованию можно допустить такое раздельное изучение телесных повреждений и следов крови.

На стр. 179 рекомендуется при производстве осмотра места совершения преступления сравнивать орудия взлома с повреждениями на предметах: ломик-фомка со следами на косяке взломанной двери, стреляную гильзу с пулей и т. д. Такое сравнение на месте осмотра, не в лаборатории и не специалистами, недопустимо, оно ничего не дает и приводит часто к уничтожению важнейших деталей на сравниваемых предметах.

Вообще по характеру подачи материала в учебнике невозможно провести линию, отгра-

ничивающую работу следователя от исследований эксперта.

В разделе о выскобленном письме (стр. 109) указано на возможность восстановления текста проведением по документу горячего утюга. Рекомендовать такой прием никак нельзя, так как на этой же странице учебника, но в разделе «Вытравленное письмо» правильно указано: «Нагревание утюгом делает вытравленный текст невосстановимым ни этим, ни другими способами».

В «Основных принципах» читаем, что Бертильон предложил особый, так называемый метрический способ фотографирования (стр. 24). В «Тактике» находим главу—«Фотографическая съемка», где сказано: «Если есть возможность, всегда лучше произвести съемку места преступления специальным фотографическим метрическим аппаратом Бертильона» (стр. 190). Однако техническая сторона метрического фотографирования не описана. Трудности ее весьма значительны, и совсем не лишним было бы привести пример конкретного использования метрической фотографии в практике.

Особо надо остановиться на плане расследования. Характерной особенностью учебника является отсутствие казуистики вообще и в частности из собственной практики авторов.

В книге приведено всего 3—5 примеров. Поэтому, очевидно, план расследования взят не из какого-либо реального дела, а составлен к надуманному примеру (стр. 144—145). Отсюда и все качества. По данным примера вдова убитого и Иванов уже допрошены. В примере дважды сказано: «по показаниям вдовы» и по одному разу: «по мнению вдовы» и «по показаниям Иванова». Через десяток строк авторы плана об этом забывают и предлагают повторить допросы. При такой наблюдательности вообще нельзя браться за расследование.

Сам план составлен так, «чтобы он обеспечивал проверку всех намеченных следователем версий одновременно, параллельно одна за другой» (стр. 144). Это вообще неточность; нельзя — одновременно и одна за другой: или одно или другое.

Указанные в плане следственные действия распределены так, что они ни в коем случае не могут удовлетворить требованиям тактики расследования. (Я уже указывал, что авторы вообще неправильно рассматривают тактику.)

По условиям примера 10 января Сидоров и Мельникова обнаружили труп убитого. По предлагаемому плану намечено произвести ряд допросов 12 января. Допрос же Сидорова и Мельниковой отнесен к 13 января. Это ни в коем случае недопустимо. И Сидоров и Мельникова должны быть допрошены первыми: почему и как попали они на место убийства, как вошли в квартиру (были ли заперты двери и окна — вопрос, на котором несмотря на его простоту спотыкаются следователи), что увидели свидетели в помещении, что они трогали, что изменили и вообще что узнали о преступлении. Ведь это — начало расследования по данному делу. Следовательно ясно, что допрос этих свидетелей должен быть запланирован на 12 января.

Вдова убитого в ночь убийства ночевала не дома, а почему-то уходила к своей матери. В плане технически правильно намечается необходимость выяснить причину ухода вдовы убитого к матери и для этого запланировывается допрос вдовы 12 января и допрос матери 15 января. Тактически это недопустимо. Уголовная тактика требует такой организации и распределения допроса, которые обеспечили бы следователю возможность контролировать показания всех допрашиваемых. Поэтому и вдова и ее мать должны быть допрошены непосредственно одна за другой. Только таким путем следователь может избежать корректирования вдовою после своего допроса показаний матери. Допрашивать вдову 12 января, мать—15 января, а 14 января заниматься изучением записок убитого, с точки зрения уголовной тактики, значит окончательно погубить дело.

Технически неправильно было исключить допрос вдовы по версии террористического акта. Ведь именно родственники убитого в большинстве случаев знают, с кем убитый сталкивался, кто ему угрожал местью и т. д.

Неправильно также ограничивать допрос домработницы только версией убийства с целью грабежа, как это намечено по плану. Показания ее могут быть ценны не только для каждой из четырех намеченных в плане версий, но, как я покажу далее, и для ряда иных возможных предположений.

Грубой технической ошибкой составителей плана является отсутствие указаний на необходимость установления, где же именно и как провел последний день и последние часы жизни убитый, кто его видел, где, в какой обстановке. Непростительным промахом в плане расследования является пропуск допроса соседей убитого, могущих заметить что-либо подозрительное, слышать крики, шум, видеть кого-либо проходящим и т. д.

План не надуманный, а поданный из конкретного дела с рядом замечаний технического и тактического порядка показал бы следователю, как действительно надо планировать работу и вести следствие. Данный надуманный пример далеко не безукоризнен и с технической и, главным образом, с тактической точек зрения. Пользы от него мало: он дает голую схему и не учит правильному криминалистическому подходу к расследованию на основании имеющегося материала.

Может быть, этим объясняется и то обстоятельство, что «планировщики» забыли осмотреть место убийства.

Методически более правильно рекомендовать следователю начинать планирование, а следовательно и работу не с надумывания версий, а с установления необходимого минимума обязательных фактов.

Данные примера настолько общи и недостаточны, что фантазирующий следователь мог к четырем предложенным версиям придумать более многочисленный ряд иных.

Например:

1) председатель убит родственниками, с которыми у него шел спор о наследстве;

2) убит женщиной, с которой он был близок;

3) убит своими сослуживцами, которых он собирался уличить в растрате;

4) покончить самоубийством из-за ревности, так как заметил благосклонность своей жены к соседу, и т. д. и т. д.

Версия — не фантазия, а достаточно правдоподобное, обязательно обоснованное, хотя еще и недоказанное, но возможное по обстоятельствам дела предположение. Таких версий, конечно, может быть и несколько, но с ними никогда не следует спешить в серьезной следственной работе.

Даже по данным приведенного авторами примера деловой план следствия следовало составлять так:

Первоначальный план:

1) осмотр места совершения преступления;
2) допрос лиц, обнаруживших труп;
3) допрос вдовы убитого и ее матери;
4) допрос домработницы;
5) допросы соседей и лиц, находившихся вблизи места совершения преступления;
6) обыск и допрос К., а также лиц, на которых он сошлется (алиби);
7) допрос начальника политотдела и ближайших сослуживцев убитого.

Все указанные следственные действия должны быть произведены в один, максимум два дня при выезде следователя в село, где было совершено убийство. Только после производства этих следственных действий, обязательных при любой из версий, следователь может построить одну или несколько обоснованных версий и наметить дальнейший план с обязательным внесением в него всего того, что может подтверждать или опровергать выставляемые версии, и, наконец, того, что может указать на источник для построения совершенно новых версий.

Что касается полноты научного материала в учебнике, то и здесь не все благополучно. В вопросе, например, метрического фотографирования для авторов последнее слово техники — Бертильон. За границей от Бертильона уже далеко ушли. Это известно, между прочим, и по материалам Всесоюзного института юридических наук («Советская юстиция» № 32 за 1935 г.), а также по работам Украинского института изучения преступности (протокол заседания криминалистической секции № 6 от 26 ноября 1933 г.). О повреждениях стекла от огнестрельного оружия описаны методы, известные еще по Гроссу, но обойдены молчанием более совершенные методы т. Матвеева, описанные в нашей и заграничной литературе. Вообще авторами учебника совершенно не использован большой криминалистический материал Украины и судебно-медицинских организаций Союза ССР.

Приведенные в учебнике ссылки на литературу случайны, не полны и далеко не удовлетворительны. Например, авторы ссылаются на «Словесный портрет» Рейсса издания 1911 г., между тем мы имели в 1924 г. «Справочный подручный альбом словесного портрета» проф. Бокариуса.

Переходя к оценке учебника в целом, необходимо признать, что выпущенная книга полностью не разрешает проблемы создания советского учебника криминалистики.

Необходима более глубокая проработка материала, необходим более правильный метод подачи этого материала, необходимо широко использовать современный казуистический материал (например, в вопросе установления роста по размерам оставленной одежды). Следователя можно и надо учить на практических примерах расследования, а не на надуманных случаях.

П. Момот.

Официальный отдел

О САМООБЛОЖЕНИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

11 сентября 1937 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О самообложении сельского населения» (опубликовано в «Известиях ЦИК СССР» от 12 сентября 1937 г.).

Краевым и областным прокурорам, а также прокурорам республик, не имеющих областного деления, предлагаю дать срочные указания прокурорам районов о систематическом наблюдении за строгим проведением в жизнь указанного выше закона, с немедленным опротестованием постановлений общих собраний граждан, сельсоветов или райисполкомов, нарушающих порядок самообложения, установленный этим законом.

Особенное внимание должно быть обращено на борьбу с незаконным расходованием средств, собранных в порядке самообложения. Виновных в этом должностных лиц следует привлекать к дисциплинарной, а в наиболее серьезных случаях к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик).

О всех случаях грубого нарушения закона или носящих систематический характер сообщайте в Прокуратуру Союза ССР спецдонесениями.

Прокурор Союза ССР — **А. ВЫШИНСКИЙ**

13 сентября 1937 г.

№ 71/24.

О ЦЕНАХ И КОНДИЦИЯХ НА СОРТОВОЕ ЗЕРНО

Ввиду ошибок, допущенных по вине Комитета заготовок и Наркомзема СССР в постановлении СНК СССР от 29 июля с. г. «О ценах и кондициях на сортовое зерно из урожая 1937 г.», Совет народных комиссаров Союза ССР 13 августа с. г. отменил указанное постановление СНК СССР от 29 июля 1937 г. и принял его в новой редакции.

Поскольку в нашем циркуляре от 19 августа с. г. № 62/1 имеются ссылки на постановление СНК СССР от 29 июля с. г., которое в настоящее время отменено, направляю вам для сведения и руководства новую редакцию нашего циркуляра от 19 августа с. г. № 62/1 взамен ранее разосланного.

Прокурор Союза ССР — **А. ВЫШИНСКИЙ**

9 сентября 1937 г.
№ 62/1.

О ПОРЯДКЕ ПРИЕМКИ СОРТОВОГО ЗЕРНА

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 августа с. г. отменен приказ наркома земледелия СССР и председателя Комитета заготовок от 3 июля 1937 г. № 539/1472 «О порядке приемки сортового зерна в кампанию 1937—1938 гг. и порядке складирования сортового зерна на складах «Госсортфонда» в связи с тем, что в этом приказе повторена прошлая вредительская практика обезличивания и смешивания различных сортов семян под видом так называемого «товарно-сортового зерна».

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязали Наркомзем и Комзаг СНК СССР в деле заготовки и хранения сортовых семян точно руководствоваться:

а) постановлением СНК СССР от 29 июня с. г. «О мерах по улучшению семян зерновых культур»;

б) постановлением СНК СССР от 13 августа 1937 г. «О ценах и кондициях на сортовое зерно из урожая 1937 г.» и

в) постановлением СНК СССР от 31 июля с. г. «О порядке организации приемки сортового зерна», приняв все необходимые меры, чтобы не допускать смешения на складах «Заготзерна» и «Госсортфонда» различных сортов зерна, снабженных сортовыми удостоверениями, а также смешения сортового зерна с несортовым.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) также обязали председателей СНК союзных республик, краевых и областных исполкомов, а также секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов проверить ход выполнения органами Комитета заготовок и Наркомзема перечисленных выше постановлений СНК СССР об улучшении семян зерновых культур, сообщив о результатах в СНК СССР и ЦК ВКП(б).

Наконец, указанное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 августа с. г. предусматривает привлечение виновных в смешении сортового зерна к уголовной ответственности с сообщением каждый раз об этом в СНК СССР.

Обращая ваше внимание на исключительное значение постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 7 августа с. г. для дела улучшения семян зерновых культур, предлагаю обеспечить срочное расследование всех сигналов и сообщений о смешивании зерна различных сортов на складах «Заготзерна» и «Госсортфонда». При расследовании этих дел вы должны принимать все меры к тому, чтобы установить, не стоит ли за спиной преступника какая-либо вредительская контрреволюционная группировка, нет ли у преступника связей с враждебными нам элементами, для того, чтобы разоблачить и предать суду не только исполнителей, но также организаторов, вдохновителей и подстрекателей этих преступлений.

О каждом выявленном вами факте смешения сортового зерна немедленно информируйте меня спецдонесением.

Прокурор Союза ССР — **А. ВЫШИНСКИЙ**

О БОРЬБЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ О ЗАПОВЕДНИКАХ

По сообщению Комитета по заповедникам при ВЦИК РСФСР местные органы прокуратуры не проявляют необходимой энергии в борьбе с нарушениями правил о заповедниках, с браконьерством, с самовольными порубками и т. п.

Так, например, нарсуд Абзелинского района Башкирской АССР оставил без рассмотрения в течение полугода дело о вооруженном нападении гр. деревни Хаметьево Габдуллина Хибета на работника охраны заповедника. Переданное вслед за тем тому же нарсуду дело о вторичном браконьерстве того же Габдуллина было прекращено за отсутствием состава преступления. Райпрокурор никак не реагировал на эти явно неправильные действия нарсуда. Несмотря на то, что Комитет по заповедникам еще 14 марта с. г. обратился к прокурору Башкирской АССР с просьбой принять меры к организации действительной борьбы с нарушителями правил о заповедниках, никакой реальной борьбы с этими нарушениями в Башкирской АССР не ведется.

Даже по такому серьезному делу, как убийство наблюдателя охраны Башкирского заповедника Макарова, органы расследования приступили к следствию только на третий день после убийства.

Предлагаю:

1. Всем органам прокуратуры обеспечить срочное расследование дел о нарушениях правил охраны государственных заповедников и установить наблюдение за разрешением этих дел в суде.

2. Прокурору Башкирской АССР представить мне разъяснения о том, какие меры были им приняты в связи с упомянутым выше обращением к нему Комитета по заповедникам и в каком положении находятся в настоящий момент уголовные дела, возбужденные органами охраны Башкирского государственного заповедника.

Прокурор Союза ССР — **А. ВЫШИНСКИЙ**

17 октября 1937 г.
№ 75/4.

ОБ ОБЛАСТНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СВОДКАХ О НАРУШЕНИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ

Харьковская областная прокуратура ввела в практику составление и рассылку районным прокурорам сводок о выявленных органами прокуратуры фактах нарушения революционной законности по области.

Сводки эти составляются по материалам, поступающим в облпрокуратуру (жалобы, протесты районных прокуроров, акты проверки райпрокуратур и пр.), и имеют своей целью обратить внимание районных прокуроров н

наиболее распространенные и злостные виды нарушений социалистической законности для того, чтобы усилить борьбу с ними.

Считая, что это начинание Харьковской областной прокуратуры может принести значительную пользу в работе районных прокуроров по общему надзору, рекомендую провести это мероприятие во всех республиканских, краевых и областных прокуратурах.

Необходимо, однако, учесть, что указанные сводки дадут положительный результат только в том случае, если будет обеспечено высокое качество этих сводок и достигнута оперативность в их составлении и рассылке. В частности, нельзя допускать, чтобы сводки ограничивались одним перечислением нарушений, надо, чтобы из этих нарушений делались обобщенные выводы и давались указания о способах борьбы с ними. В соответствии с этим работа по составлению сводок должна быть поручена только работникам с достаточной деловой квалификацией и политическим опытом.

О ваших мероприятиях по этому вопросу сообщите в Прокуратуру Союза ССР.

Прокурор Союза ССР — **А. ВЫШИНСКИЙ**

20 октября 1937 г.

№ 76/24.

НКЮ союзных и автономных республик
Председателям краевых и областных судов

ПОПРАВКИ К ПОСТАНОВЛЕНИЯМ ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ НКЮ СССР ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

В разосланные постановления Всесоюзного совещания при НКЮ СССР по гражданским делам внести следующие поправки.

1. Пункт 11 постановления о практике применения закона от 27 июня 1936 г. по гражданским алиментным делам изложить:

«При поступлении на одного ответчика нескольких исполнительных листов, превышающих в итоге установленный законом лимит взыскания в 50% зарплаты ответчика, строго соблюдать установленную законом первоочередность удовлетворения алиментных взысканий».

(Предусмотренный пунктом в старой редакции порядок разрешения вопроса о распределении сумм между взыскателями по закону 27 июня 1936 г. будет установлен специальной инструкцией. Впредь до издания инструкции распределение в этих случаях производить применительно к порядку, установленному пунктом «г» ст. 266 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик.)

2. Пункт 11 постановления об исполнении судебных решений изложить:

«Совещание обращает особое внимание всех судов и НКЮ республик на большое политическое и практическое значение вовлечения общественности в работу по исполнению решений путем создания на крупных предприятиях контрольных постов по наблюдению за исполнением решений (удержание алиментов), создания при каждом суде актива из народных заседателей для помощи в деле исполнения решений и т. п.».

Народный Комиссар Юстиции Союза ССР
Н. КРЫЛЕНКО.

9 февраля 1937 г.

№ А-4-22.

СВОДКА ВАЖНЕЙШИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР ЗА АВГУСТ И СЕНТЯБРЬ 1937 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. О разделении Народного комиссариата тяжелой промышленности — пост. ЦИК и СНК СССР от 22/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 239).

2. О выделении из состава Народного комиссариата тяжелой промышленности машиностроительной промышленности и организации Народного комиссариата машиностроения — пост. СНК СССР от 29/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г., № 58, ст. 248).

3. Об изменении постановления ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1935 года «О въезде и проживании в пограничных полосах» — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 59, ст. 251).

4. О преобразовании Комитета резервов в Управление государственных резервов при СНК СССР — пост. СНК СССР от 29/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 59, ст. 255).

5. Об учреждениях и организациях, непосредственно подчиненных Всесоюзному комитету по делам искусств при СНК Союза ССР — пост. СНК СССР от 3/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 59, ст. 256).

6. Об изменении структуры Госплана Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 62, ст. 270).

7. Об организации в Народном комиссариате зерновых и животноводческих совхозов Союза ССР Отдела ветеринарной службы — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 62, ст. 271).

2. Военное и морское дело

8. О дополнении постановления ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 года «О введении персональных военных званий начальствующего состава РККА и об утверждении Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» — пост. ЦИК и СНК СССР от 5/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 51, ст. 219).

9. О дополнении постановлений СНК Союза ССР о форме одежды и знаках различия командного и начальствующего состава сухопутных, воздушных и морских сил РККА — пост. СНК СССР от 5/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 51, ст. 220).

10. Об утверждении Положения о военных комиссарах Рабоче-крестьянской красной армии — пост. ЦИК и СНК СССР от 15/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 55, ст. 233).

11. Об изменении положения о Военном совете округа (флота, армии) Рабоче-крестьянской красной армии — пост. ЦИК и СНК СССР от 14/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 55, ст. 234).

3. Здравоохранение

12. О порядке проведения медицинских операций — пост. СНК СССР от 15/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 62, ст. 274).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

13. О порядке ликвидации имущества и расчетов законченных строительств — пост. СНК СССР от 4/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г., № 50, ст. 213).

14. Об организации Главного управления подсобных предприятий текстильной промышленности Наркомлегпрома СССР — пост. СНК СССР от 11/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 55, ст. 236).

15. О котлонадзоре — пост. СНК СССР от 21/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 56, ст. 238).

16. О реорганизации спиртовой и водочной промышленности — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 59, ст. 252).

17. О порядке утверждения видов топлива для вновь строящихся и реконструируемых предприятий — пост. СНК СССР от 17/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 61, ст. 268).

2. Земля и сельское хозяйство

18. Об изменении ставок натуроплаты за работы МТС в колхозах по льну-кудряшу, сафлору, озимому рапсу и кользе и о снижении ставок натуроплаты по горчице — пост. СНК СССР от 4/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 50, ст. 210).

19. О плане зяблевой пахоты под яровые посевы 1938 года — пост. СНК СССР от 11/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 53, ст. 223).

20. О сельскохозяйственных продуктах совхозов, отпускаемых на общественное питание рабочих и служащих — пост. СНК СССР от 7/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г., № 53, ст. 228).

21. О порядке взыскания с колхозов не сданной в срок натуроплаты работ машинно-тракторных станций — пост. СНК СССР от 14/VIII 1937 г (С. З. 1937 г. № 54, ст. 230).

22. Об освобождении колхозов от возврата государству натурой из урожая 1937 года семян зерновых культур, семян многолетних трав и от обязательных поставок зерна с площадей, переданных колхозам совхозами и другими подсобными хозяйствами, в случае полной гибели посевов на этих площадях — пост. СНК СССР от 14/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г., № 54, ст. 231).

23. О порядке применения пункта «в» ст. 11 примерного устава сельскохозяйственной артели — пост. СНК СССР от 13/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 54, ст. 232).

24. О ценах и кондициях на сортовое зерно из урожая 1937 года — пост. СНК СССР от 13/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 243).

25. О льготах хозяйствам гольдов, тазов и нанайцев, переходящих на оседлость в районах Дальне-Восточного края — пост. СНК СССР от 19/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 245).

26. О порядке отнесения колхозов к той или иной группе по размерам урожайности технических культур для определения ставок натуроплаты работ МТС — пост. СНК СССР от 3/IX 1937 г. (С. З., 1937 г. № 58, ст. 249).

27. О мероприятиях по улучшению племенного дела — пост. СНК СССР от 1/IX 1937 г. (С. З. 1937 г., № 59, ст. 253).

28. Об отмене вредительских стандартов на сортовые и рядовые семена — пост. СНК СССР от 13/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 60, ст. 261).

29. Об инструкции Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР от 25 апреля 1937 г. — пост. СНК СССР от 10/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 60, ст. 265).

30. О порядке материально-технического снабжения трестов пригородных хозяйств — пост. СНК СССР от 15/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 61, ст. 269).

III. ФИНАНСЫ

31. Об изменении постановления СНК Союза ССР от 19 июля 1934 года «Об обязательном окладном страховании в сельских местностях и городах» — пост. СНК СССР от 4/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 50, ст. 211).

32. Об изменении «Положения о сельскохозяйственном налоге» — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 51, ст. 216).

33. О ликвидации фондов помощи лицам, пострадавшим от кулацкого насилия — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 51, ст. 217).

34. Об отмене постановлений об отчислениях из средств колхозов в сельский бюджет — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 241).

35. О порядке финансирования агрозоомероприятий по коневодству — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 242).

36. О затратах по строительству, производимому вне плана капитальных работ — пост. СНК СССР от 26/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 246).

37. О порядке расчетов по внутригородскому товарообороту — пост. СНК СССР от 31/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 58, ст. 247).

38. Об изменении «Положения о подоходном налоге с предприятий обобществленного оборота» — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IX 1937 г. (С. З. 1937 г., № 59, ст. 250).

39. О самообложении сельского населения — пост. ЦИК и СНК СССР от 11/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 60, ст. 258).

40. Об изменении ст. 11 «Положения о взыскании налогов и неналоговых платежей» — пост. ЦИК и СНК СССР от 14/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 60, ст. 259).

41. О размере пени за просрочку платежей хозорганов — пост. СНК СССР от 14/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 60, ст. 260).

42. Об изменении постановления ЦИК и СНК СССР от 17 сентября 1936 года «Об отмене некоторых льгот по налогу с оборота и налогу с нетоварных операций» — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 62, ст. 272).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

43. Положение об инспекторах по обязательным поставкам при районных уполномоченных Комитета заготовок — пост. СНК СССР от 21/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 63, ст. 277).

V. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

44. О взимании с предприятий платы за спуск сточных неочищенных вод — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 53, ст. 222).

45. О распространении на дома, принадлежащие пограничным и внутренним войскам НКВД, постановления ЦИК и СНК СССР от 17 августа 1931 года «О выселении из домов, принадлежащих органам Народного комиссариата по военным и морским делам, лиц, не состоящих в рядах РККА» — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 62, ст. 273).

VI. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

46. Об отпусках для санаторно-курортного лечения — пост. СНК СССР от 9/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 53, ст. 225).

47. О заработной плате председателям сельских потребительских обществ — пост. СНК СССР от 9/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 53, ст. 226).

48. О рабочем дне конструкторов — пост. СНК СССР от 8/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 53, ст. 227).

49. Об утверждении инструкции ВЦСПС и Наркомздрава СССР «О порядке выдачи застрахованным больничных листков» — пост. СНК СССР от 14/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 54, ст. 229).

50. О ставках заработной платы нотариусам районных нотариальных контор и заведующих нотариальными столами в народных судах — пост. СНК СССР от 11/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 55, ст. 235).

51. О повышении нормы оплаты суточных и квартирных при служебных командировках — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 56, ст. 237).

52. О нормах выработки и об оплате шоферов, работающих на вывозке свеклы — пост. СНК СССР от 8/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 59, ст. 254).

VII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

53. О порядке рассмотрения исков об оплате трактористов — пост. СНК СССР от 5/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 50, ст. 214).

54. О порядке взыскания с государственных учреждений, состоящих на государственном и местном бюджете, по исполнительным документам, выданным государственным, кооперативным и общественным организациям, и по заработной плате — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 51, ст. 218).

55. О введении в действие Положения о переводном и простом векселе — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 52, ст. 221).

56. О порядке взыскания с колхозов не сданной в срок натуроплаты работ машинно-тракторных станций — пост. СНК СССР от 14/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 54, ст. 230).

57. Об изменении подсудности имущественных споров колхозов между собой и с государственными и кооперативными организациями — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 240).

58. О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик — пост. ЦИК СССР от 14/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 61, ст. 266).

VIII. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

59. О сокращении перечня форм первичного учета в сельских советах — пост. СНК СССР от 11/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 53, ст. 224).

60. О разделении Азово-Черноморского края на Краснодарский край и Ростовскую область — пост. ЦИК СССР от 13/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 61, ст. 267).

61. О разделении Харьковской области на Харьковскую и Полтавскую, Киевской — на Киевскую и Житомирскую, Винницкой — на Винницкую и Каменец-Подольскую и Одесской — на Одесскую и Николаевскую области — пост. ЦИК СССР от 22/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 63, ст. 275).

62. О разделении Северной области на Вологодскую и Архангельскую области — пост. ЦИК СССР от 23/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 63, ст. 276).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая — 12 декабря 1
К 20-летию Октябрьской революции (доклад В. М. Молотова на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 г.) 4
Открытое письмо окружным избирательным комиссиям 12
И. Крастин — Избирательное право гражданина 13
Меньшагин — Преступные посягательства на избирательную систему социалистического государства 20
С. А. — Социалистическая демократия и советы 26
Б. Борисов — Гражданский процесс за 20 лет революции 30
Е. Домбровский — Право застройки 37
С. Голунский — О прекращении уголовных дел 48
А. Елисеев — Пыль и грязь как улика 56
В. Дубиновский — Нужен ли коренной пересмотр авторского права 60
Н. Полянский — «Законность» в царских военных судах 64
А. Герцензон — Социалистическое уголовное законодательство в период до издания первого советского уголовного кодекса 75

ОБМЕН ОПЫТОМ

Об одном убийстве 86
О недостатках прокурорской работы по делам о спекуляции . . 88
Заметки прокурора 90
К вопросу о судебно-бухгалтерской экспертизе 90
О ведомственном «законодательном» творчестве 93
Ценный почин 94
Ненужные графики 95
Куйбышевская областная конференция союза работников суда и прокуратуры 96

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЗАЩИТЫ

Два собрания 97
«Достижения» отдела судебной защиты НКЮ СССР 99
О проекте нового положения об адвокатуре 100
Из одной крайности в другую 101

СУДЕБНО-НАДЗОРНАЯ ПРАКТИКА ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА 103

ПРАВО, ПРОЦЕСС И СУДОУСТРОЙСТВО В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Старые и новейшая «оговорки» в голландской конституции . . . 110
Буржуазное «правосудие» в борьбе с детской преступностью . . . 112
Федеральные суды США и жилищное законодательство эпохи Рузвельта 116

ОБСУЖДАЕМ НАШИ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ 126
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ 129
СВОДКА ВАЖНЕЙШИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ 131

Поправка к № 11 журнала „Социалистическая законность"

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
16	правая	5—6 снизу	предупредило	предопределило

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Технический редактор Н. Рушковский

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК СССР, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 16/XI 1937 г. Подписано к печати 23/XI 1937 г.
Сдано в производство 16/XI 1937 г. 8½ п. л. 21,78 авт. листа. В одном бум. листе 216 000 зн.
Формат 72×108 Ю—4п.: № 795
Уполном. Главлита Б—31074. Зак. № 1612 Тираж 20500 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Мал. Дмитровка, 18.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1938 ГОД

СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Издается на языках союзных республик. Выходит по мере поступления законодательных материалов с приложением по окончании года алфавитного указателя.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 10 р.
на 6 мес. — 5 р.

СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР

ВТОРОЙ ОТДЕЛ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Опубликовываются международные договоры, конвенции и соглашения, постановления о награждении орденами, уставы юридических лиц, утвержденные правительством Союза ССР, и назначения руководящего состава высших правительственных учреждений Союза ССР. Выходит по мере поступления законодательных материалов с приложением по окончании года алфавитного указателя.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 12 р.
на 6 мес. — 6 р.

СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Выходит по мере поступления законодательных материалов с приложением по окончании года алфавитного указателя.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 8 р.
на 4 мес. — 4 р.

СОКРАЩЕННОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ СОЮЗА ССР и РСФСР ДЛЯ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ

Выходит два раза в месяц — ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 6 р.
на 6 мес. 3 р.

Подписка принимается Торговым отделом Юридического издательства НКЮ СССР, Москва, Красная площадь, здание ЦИК СССР, пом. 28 Расчетный счет № 150304 в Московской городской конторе Госбанка. Подписка также принимается всеми отделениями и райбюро Союзпечати и всюду на почте.

СДАВАЙТЕ ПОДПИСКУ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1938 ГОД

НА ЖУРНАЛЫ:

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ,

орган Прокуратуры Союза ССР

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ — Выходит один раз в месяц

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес.—18 р.
на 6 мес.— 9 р.

СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ,

орган Народного Комиссариата Юстиции Союза ССР, Верховного суда СССР, Народного Комиссариата Юстиции РСФСР, Верховного суда РСФСР

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ — Выходит два раза в месяц

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес.—28 р. 80 к.
на 6 мес.—14 р. 40 к.

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО,

орган Института государственного права Академии наук Союза ССР

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ — Выходит шесть раз в год

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес.—18 р.
на 6 мес.— 9 р.

АРБИТРАЖ,

орган Госарбитража при Совнаркоме СССР

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ — Выходит два раза в месяц

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес.—16 р. 80 к.
на 6 мес.— 8 р. 40 к.

Подписка принимается Торговым отделом Юридического издательства НКЮ СССР, Москва, Красная площадь, здание ЦИК СССР, пом. 28. Расчетный счет № 150304 в Московской городской конторе Госбанка. Подписка также принимается всеми отделениями и райбюро Союзпечати и всюду на почте.

СДАВАЙТЕ ПОДПИСКУ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Из писем и заявлений с мест, полученных Издательством, видно, что некоторые из судов, прокуратур, коллегий защитников, нотариальных контор остались в 1937 г. без журналов и Собраний законов и Узаконений.

Во многих случаях неполучение изданий Юридического издательства произошло по вине самих организаций, своевременно не подписавшихся на эти издания.

Организацию подписки на 1938 г. ведет Торговый отдел Юридического издательства.

В связи с открытием приема подписки на 1938 г., Юридическое издательство НКЮ СССР обращается ко всем судебным учреждениям, прокуратурам, коллегиям защитников, нотариальным конторам, юрисконсультам, юридическим институтам, школам и отдельным работникам с просьбой своевременно сдать подписку на журналы и Собрания законов и Узаконений.

Подписку и деньги следует направлять по адресу: Москва, Красная площ., здание ЦИК СССР, пом. 28, Юридическому издательству НКЮ СССР, или перечислять на его расчетный счет № 150304 в Московской городской конторе Госбанка.

Подписка принимается также уполномоченными издательства, снабженными специальными удостоверениями, всеми отделениями и киосками КОГИЗа, райотделениями Союзпечати и повсеместно на почте.